

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 1

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого

Том 1

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Вступительная статья, предисловие, примечания, указатели
Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Архив Троцкого и проблемы социально-политической

истории в 20-30-х годах XX века

Внимание читателей, интересующихся сложными и драматическими перипетиями истории советского общества, международных отношений и международного рабочего движения, предлагается девятитомное издание документов из Архива Л.Д.Троцкого, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США) (Haughton Library, Harvard University). В издание включены также некоторые документы из Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Пало-Алто, США) (Hoover Institution), архивной коллекции Л.Д.Троцкого - Макса Истмена в Библиотеке Лилли Индианского университета (Блумингтон, США) (Lilly Library, Indiana University), архивной коллекции Чарлза Маламута из Архива Бахметьева (Колумбийский университет, Нью-Йорк) (Bakhtmetiev Archive, Columbia University), Архива Международного института социальной истории в Амстердаме (International Institute of Social History, Amsterdam).

Девятитомник представляет собой продолжение документальной серии "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927 гг." (редактор-составитель Ю. Г. Фельштинский), изданной на русском языке в США, а затем переизданной в Москве. В 1999-2001 гг. издательство "Око" (г. Харьков, Украина) выпустило

подготовленные нами два тома "Архива Троцкого", охватывавшие 1927 - первую половину 1928 г. Издание, однако, было прервано по причинам, не зависящим от составителя и редакторов. В данное издание эти тома включены с существенными уточнениями в примечаниях и указателях.

Вступительная статья ко всему изданию и предисловия к названным томам написаны заново.

Документация Л.Д.Троцкого встречается в ряде архивов. Лишь часть ее сохранилась в России. В Центральном партийном архиве (ныне это Российский государственный архив социально-политической истории) документы Троцкого сосредоточены в его личном фонде, а также встречаются в других фондах (фонд ЦК КПСС, личные фонды других партийных деятелей и т. д.). Эта документация завершается ноябрем 1927 г., когда Троцкий был исключен из партии. Конечно, имя Троцкого встречается во многих документах названного архива и позже, но это не его документация в полном смысле слова, а в основном осуждающие упоминания, острота которых усиливалась с каждым годом. По всей видимости, обширная документация сохраняется в Архиве Президента Российской Федерации (бывшем Архиве Политбюро ЦК КПСС или так называемом "Кремлевском архиве"), сосредоточившем наиболее секретные документы правившей партии, в частности те, которые откладывались в так называемую "особую папку". Лишь в самое последнее время начались рассекречивание этих материалов и их постепенная передача в Архив социально-политической истории. Передана, например, часть личного фонда И.В.Сталина (можно предполагать, что доступной исследователям стала лишь его небольшая доля). Следует полагать, что рассекречивание документации Архива Президента Российской Федерации продлится много лет.

Волею судеб основная часть рукописного литературного наследия Л.Д.Троцкого вместе с его политическим архивом оказалась и, видимо, навсегда, далеко от его родины.

Основным центром хранения документов Троцкого является Хогтонская библиотека Гарвардского университета.

Троцкий передал Гарвардскому университету свою документацию, как вывезенную из СССР, так и возникшую в годы его пребывания в Турции, Франции и Норвегии, в 1940 г. В эту часть вошли материалы, созданные до 31 декабря 1936 г., то есть до его прибытия в Мексику. Каковы были причины передачи? Во-первых, с началом в СССР "большого террора" Троцкий был объявлен "врагом No 1", над его головой сгущались тучи, и он с полным основанием опасался за судьбу своих бумаг. Во-вторых, сам Троцкий и его движение испытывали все больший недостаток средств, и вырученные деньги могли быть использованы как для обеспечения собственных немалых расходов, которые особенно резко выросли в связи с опасностью покушения, так и на нужды организаций его последователей.

Троцкий мог не сомневаться, что в Гарвардском университете будет обеспечено надежное хранение документов на определенных им условиях. Главным условием было секретное хранение всей деловой и личной переписки периода эмиграции в течение 40 лет со времени передачи.

Сразу же после убийства Троцкого в 1940 г. его вдова Н.И.Седова передала Гарвардскому университету документацию 1937-1940 гг. После второй мировой войны Седова в течение нескольких лет собирала со всего мира документацию, связанную с деятельностью ее покойного супруга. Эти материалы в 1953 г. также поступили в Хогтонскую библиотеку. Сама же Седова к концу жизни, следуя примеру своего покойного супруга, не только стала ненавистницей сталинского режима, но даже по радиостанции "Свобода" призвала "рабочих и крестьян" СССР восстать против него, совершенно, видимо, не понимая утопичности и наивности такого призыва.

Под руководством профессора Дугласа Брайанта, президента библиотек и архивов Гарвардского университета, при активном участии профессора логики Жана ван Хейженоорта, в прошлом руководителя секретариата Троцкого в Турции и Мексике, была проделана необходимая работа по так называемому "фондированию" документов (их идентификации, определению дат, составлению описаний и т. д.)

2 января 1980 г. ранее засекреченная часть Архива Троцкого была официально открыта для исследователей. Фактически только с этого времени стал функционировать весь архив.

В Хогтонской библиотеке хранятся ныне свыше 50 тыс. документов Троцкого. В тематико-хронологическом отношении они делятся примерно пополам - до и после эмиграции. В числе этой богатейшей коллекции свыше 8000 личных писем Троцкого.

Значительно меньшая, но существенная часть бумаг Л.Д.Троцкого и его сына Л.Л.Седова находится в коллекции известного русского социал-демократа, а затем историка революционного движения в России Б.И.Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира в г. Пало-Алто (Калифорния, США). Эти материалы были переданы Николаевскому Седовым в Париже в 1937 г. (Николаевский в это время заведовал Парижской секцией Амстердамского Международного института социальной истории). Хотя часть материалов в ночь на 7 ноября 1937 г. была выкрадена агентами советских спецслужб, наиболее важные материалы сохранились, а затем Николаевский перевел их в Гуверовский институт.

Документы Л.Д.Троцкого имеются также в некоторых других фондах Архива Международного института социальной истории (Амстердам), куда Троцкий, в

частности, передал некоторые материалы по истории гражданской войны в России; в Коллекции Макса Истмена в Библиотеке Лилли Индианского университета (Блумингтон, США); в Коллекции Чарлза Маламута в Архиве Бахметьева (Колумбийский университет, Нью-Йорк). Отдельные материалы Троцкого и бумаги, связанные с его деятельностью, хранятся также в Исследовательской библиотеке "Прометей" в Нью-Йорке, но в основном здесь находится документация американских организаций, считающих себя последователями Троцкого, как и аналогичных организаций в других странах.

Главным хранилищем материалов Троцкого, повторяем, является Хогтонская

библиотека Гарвардского университета. Документация, сохраняемая здесь, весьма разнообразна. Она включает рукописи, черновые наброски, варианты работ Троцкого; всевозможные выписки и заметки; корреспонденцию, составляющую многие тысячи полученных им писем от сторонников, противников, издателей и всевозможных других лиц, вплоть до собирателей автографов, и, разумеется, от организаций; копии писем самого Троцкого, которые он исправно оставлял в своих бумагах; документацию его супруги Н.И. Седовой и сына Л.Л. Седова; письма и прочую документацию секретарей; всевозможные деловые бумаги: договоры с издательствами, счета, адресные и телефонные книги; вырезки из газет, журнальные статьи и разнообразные другие материалы.

По своему содержанию Архив Троцкого включает множество ценнейших свидетельств деятельности российских социал-демократических организаций до 1917 г.; революции 1917 г., гражданской войны в России и политики нэпа; внутренних конфликтов в высшем эшелоне советской компартии 20-х годов и деятельности в ней оппозиционных течений; неравной битвы между объединенной оппозицией 1926-1927 гг. и набиравшим уже силу, приближавшимся к единовластию генсеком Сталиным; мощи сталинской бюрократично-административной машины, буквально расплющившей оппозицию в конце 1927 г.; постепенного распада остатков оппозиции в 1928 г., завершившегося депортацией Троцкого из СССР в начале следующего года; его публицистической и организационной деятельности в изгнании (Турция, Франция, Норвегия, Мексика); попыток сплотить своих немногочисленных сторонников в IV Интернационал. Документация архива по времени своего возникновения почти доходит до злодейского удара ледорубом, нанесенным Рамоном Меркадером (удостоенного за этот "подвиг" звания Героя Советского Союза) в августе 1940 г.

Значительная часть архива Троцкого уже опубликована. Кроме названного четырехтомника российские читатели имели возможность познакомиться с его двухтомной биографией Сталина, мемуарными произведениями, сборниками писем, политических статей и очерков. Сравнительно недавно в свет вышли письма Троцкого из

алмаатинской ссылки, документы, связанные с VI конгрессом Коминтерна, публикация документов Х.Г. Раковского, значительную часть которой составляют его письма Троцкому из ссылки в Астрахани в ссылку в Алма-Ату. Документы, включенные в эти сборники, в данном издании не повторяются.

В издание включены только те материалы, которые ранее вообще не публиковались на русском языке. В связи с этим вне его остались не только книги Троцкого, но и большой массив его статей, помещенных в "Бюллетене оппозиции (большевиков- ленинцев)", выходившем после изгнания Троцкого из СССР. Пользование ими облегчается тем, что в 1973 г. в США было осуществлено репринтное издание полного комплекта этого журнала (87 номеров). Часть публикуемых статей, писем и других материалов была издана ранее на английском языке в 13-томнике "Произведения Льва Троцкого" и в 24-томнике

"Трудов" Троцкого на французском языке. Все они публикуются по архивным русскоязычным оригиналам. В издание не вошли книги и брошюры Троцкого, в том числе и опубликованные только на английском, немецком и французском языках.

Только такие жесткие ограничения дают возможность представить документацию Л.Д.Троцкого в сравнительно кратком издании.

Настоящее издание фактически состоит из двух частей. Первая из них охватывает 1927-1928 гг., когда Троцкий еще находился на территории СССР (эта часть составляет четыре тома), вторая посвящена периоду эмиграции (1929-1940 гг.), вплоть до гибели лидера альтернативного коммунистического движения (в нее входят пять томов).

Попытаемся дать читателям представление о каждой из этих двух частей.

*

Настоящее издание, как мы надеемся, прежде всего позволит существенно расширить представление о заключительном этапе открытой коммунистической оппозиционной деятельности в СССР.

В первый его том включены документы 1927 г., по соображениям объема и по другим причинам не включенные в четырехтомник "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927". Второй, третий и четвертый тома данного издания содержат статьи, письма, телеграммы, заявления и другие материалы оппозиционеров за 1928 г., когда волею сталинского партийно-государственного руководства наиболее видные из них оказались в

ссылке, а сотни других за тюремной решеткой. В этих томах публикуются также оказавшиеся у Троцкого иные письменно-печатные памятники - решения (или выдержки из решений) высшей партийной и советской иерархии, отрывки из стенограмм партийных органов (в частности июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г.), секретные сводки о хозяйственном и политическом положении в стране, настроениях коммунистов и рядовых рабочих и крестьян, степени влияния оппозиции и т. п.

Включение этих материалов, казалось бы, не имевших прямого отношения к деятельности оппозиции, в данное издание, вызвано следующим. Во-первых, они расширяют представление о самой оппозиции, высвечивая ее в фокусе представлений разных групп властных структур в их секретных документах не столь лживо, как в предназначенных для печати, информируя об отношении партийного обывателя, рядового рабочего или малограмотного крестьянина к оппозиции в целом, к Троцкому и другим ее деятелям, в частности. Во-вторых, наличие этих в основном строго секретных бумаг (а гриф секретности ставился партийными чиновниками весьма щедро) в Архиве Троцкого показывает, что они каким-то образом были переданы в Алма-Ату или другие места ссылки. Стало быть, в иерархических кругах были тайные сторонники оппозиции или, по крайней мере, лица, готовые к негласному сотрудничеству с ней. Помимо идейных

соображений, могли фигурировать и карьерные, хотя предположения о возможном возвращении Троцкого к активной руководящей политической деятельности постепенно улетучивались. Наконец, эти документы ценны и сами по себе - они являются важным источником изучения тех процессов, которые происходили в советском обществе и в правившей партии в конце 20-х годов.

*

Весной 1926 года оппозиционная деятельность в ВКП(б), направленная в основном против формирования бюрократической системы и сталинского диктата, но в которой важным мотивом было стремление лидеров вернуть себе высшую власть в стране в качестве главных толкователей, продолжателей, преемников Ленина, достигла своей кульминации. Ей предшествовали выступление 46 партийных деятелей осенью 1923 г., а вслед за этим в 1924 г. так называемая "литературная дискуссия" в связи с появлением работы Л.Д.Троцкого "Уроки Октября", деятельность "новой оппозиции" в 1925 г., накануне XIV съезда партии. Эти фазы оппозиционной активности завершились сравнительно мирно. 5 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло компромиссную, антибюрократическую резолюцию, которую, правда, партийная иерархия выполнять не собиралась. И оппозиционеры 1923 г., и Троцкий, и лидеры "новой оппозиции" Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев

не смогли победить в тех политических играх, в которые они недостаточно осторожно вступили. Победа в этих предварительных боях укрепила власть Сталина, который решительно вводил в практику "жестокый нрав игры без правил" (В.Высоцкий). Оппозиционеры лишились части своих постов, хотя и остались на партийно-государственном Олимпе.

Ожесточенные взаимные нападки Л.Д.Троцкого, с одной стороны, Л.Б.Каменева и Г.Е.Зиновьева, с другой, в 1923-1924 гг. весьма затрудняли возможное объединение всех антисталинских сил. Сам же генсек умело играл на чувствах, жизненных устремлениях устравшего, изголодавшегося и обветшавшего населения, которому давно надоели слова о мировой революции и о необходимости во имя оной еще раз и потуже подтянуть пояса.

Сталин в этом смысле очень ловко использовал сотворенную его аппаратом "теорию победы социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения". Основанная на выхваченном из контекста случайном высказывании В.И.Ленина 1915 г., она, эта теория, играла весьма приземленную роль - означала не только продолжение нэпа, но и обещание сытой социалистической жизни не в отдаленном будущем, после победы мировой революции, а в самое близкое время. Она предусматривала более осторожную внешнюю политику взамен вспышkopускательских заявлений Зиновьева в качестве председателя Исполкома Коммунистического Интернационала (Коминтерна).

Объединенная оппозиция, сформировавшаяся весной 1926 г., была более значительной антисталинской группировкой, нежели группы 1923 и 1925 гг. Она

действовала более решительно и наступательно, выдвинув сравнительно цельные, хотя и проникнутые внутренней противоречивостью, программные установки. Троцкий был наиболее сильной личностью в этом объединении, генератором ее идей, в формирование которых вносили вклад также Е.А.Преображенский, Х.Г.Раковский, К.Б.Радек и другие. Что же касается Г.Е. Зиновьева и Л.Б.Каменева, то их влияние было скорее тактическим, прагматическим, ибо они были известны как лица, в прошлом весьма близкие к Ленину. Впрочем, в вопросах, связанных с Китаем, автором многих идей, наряду с Радеком, был Зиновьев.

Человек жесткого нрава, бескомпромиссный и принципиальный, хорошо известный своими кровавыми расправами с недисциплинированными частями Красной армии в годы гражданской войны, хотя, как и другие большевистские политики, не гнушавшийся откровенной демагогией, Л.Д.Троцкий вступил теперь в борьбу против Сталина. Это была борьба не только и не столько политических курсов, сколько борьба личностей. Заявление Троцкого на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 октября 1926 г. о том, что генеральный секретарь выдвигает свою кандидатуру на пост могильщика революции, положило, как считали некоторые современники и полагает ряд исследователей в наши дни, конец любой возможности примирения. Г.Л. Пятаков в тот же день воскликнул: "Зачем он сказал это? Сталин никогда не простит ему! Он будет мстить ему и его детям и внукам до третьего и четвертого поколений!"

При этом роковой ошибкой Троцкого была недооценка способностей и хитрости генсека. Все новые и новые данные свидетельствуют, что Сталин не был "гениальной посредственностью", как презрительно полагал лидер оппозиции, что он был скорее шахматным, нежели карточным игроком, что его расчетливость и умение предвидеть и планировать ходы на перспективу были столь же высоко развиты, как грубость, презрение к окружающим, в том числе к тем, кого он именовал своими друзьями, крайняя подозрительность, человеконенавистничество, самовлюбленность, склонность к предательству.

Оппозиция не была вполне единой. Требования и предложения, выдвигавшиеся

ее участниками, носили подчас различный характер, что читатель увидит не только в материалах второго-четвертого томов, но и в документах первого тома, когда антисталинцы действовали еще более или менее слаженно. Сами участники оппозиции, а за ними и многие историки на Западе определяли ее как атаку левой группы на центристов во главе со Сталиным.

Эта оценка верна лишь отчасти. Действительно, Сталин в 1926-1927 гг. играл в

центризм, проповедуя вместе с А.И.Рыковым и Н.И.Бухариным умеренность по ряду хозяйственных и политических вопросов, кроме, разумеется, тех, от которых зависело сохранение и укрепление его личной власти. Какой кровью обернется этот "центризм" уже в следующие годы, к каким десяткам миллионов жертв многострадальной страны приведет он в 30-40-е годы, хорошо известно.

Действительно, во многих оппозиционных выступлениях, особенно исходивших из группы Зиновьева и Каменева, звучало революционное нетерпение, хотя авторы их и не помышляли о той "революции сверху", которая разразится через два-три года. Позитивная программа оппозиционеров включала требования повышения заработной платы рабочим, увеличения налогов на нэпманов и кулаков, сокращения косвенного налогообложения, поддержки производственных кооперативов на селе, ускорения темпов промышленного развития.

Подчас сравнительно выношенными, но иногда спонтанными были некоторые установки, вызывавшие особенно хорошо сретированную ярость группы, стоявшей у власти. К ним относится прежде всего положение о необходимости "первоначального социалистического накопления" (эксплуатации досоциалистических форм хозяйства) для получения источников промышленного развития. Выдвинутая Е.А.Преображенским, эта концепция, весьма далекая, разумеется, от гуманных принципов, крайне неточно

преподносилась сталинцами как требование "дани", налагаемой на крестьянство, в том числе на его беднейшую часть.

Другая одиозная идея, непонятная населению, но в свою очередь удобно "подставлявшая" оппозиционеров под удары демагогов правившей группы, была высказана Троцким и подхвачена всей оппозицией - ее лидер заявлял, в частности на заседании ЦКК ВКП(б) 24 июня 1927 г., о происходившем в партии термидорианском перерождении. Сравнение проводилось с государственным переворотом 9 термидора (27 июля) 1794 г. во Франции, когда была свергнута якобинская диктатура, залившая страну кровью, и политический курс Французской революции начал возвращаться в русло конституционного развития. Это сравнение было крайне неточным, искусственным, не соответствовало реалиям обеих стран, не выходило за рамки хлесткого лозунга и в то же время требовало усиленных разъяснений, даже для партийных функционеров, лишь понаслышке знавших о французских событиях почти полуторавековой давности. Оно лишь усиливало у не очень образованных большевиков чувство раздражения в отношении "шибко грамотных коминтеллигентов", каковыми им представлялись Троцкий и близкие к нему деятели.

Впрочем, и сам Троцкий, как нам думается, не очень хорошо понимал, что же,

собственно, произошло во Франции летом 1794 г. Он писал: "Что же такое Термидор? Спуск революции на одну ступеньку; сдвигок власти вправо в результате какого-то надлома или надрыва революции. Наверху, у руля, как будто те же самые люди, те же самые речи и те же самые знамена..." На деле же во французском Термидоре имел место не "сдвигок": от власти была отстранена политическая группировка якобинцев, казнены ее лидеры, изменился характер революции. Грозил ли такая опасность СССР со стороны Сталина и его группы? Вполне очевидно, что Троцкий имел в виду совершенно другой ряд явлений советской действительности.

В противовес сталинской теории "победы социализма в одной стране" оппозиционеры, и Троцкий прежде всего, отстаивали мнение, что советскую экономику и политику надо рассматривать в контексте мирового развития. Теоретически это означало, что "полный социализм" может быть построен в СССР только при условии общемировой или, по крайней мере, европейской революции. Но, как видно из главных установок оппозиционеров, они не только не отрицали социалистической перспективы при долговременном сохранении существовавшей мировой расстановки сил, но настаивали на ускорении социалистического развития.

Между тем, в абстрактную установку Троцкого на мировую революцию

(которая, кстати, оставалась азбучной истиной в коммунистической парадигме и приверженность которой провозглашал и сам Сталин) господствовавшая в ВКП(б) группа использовала для подрыва влияния оппозиции. Сделано это было путем нехитрой операции. Троцкому приписали авторство "теории перманентной революции", которую на самом деле первоначально выдвинул не он, а авантюристически настроенный социал-демократ Парвус еще в 1905 г. Кратковременная симпатия Троцкого к этой теории, как она формулировалась в начале века, весьма близкой к ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (правда, при значительно меньшем акцентировании роли крестьянства), была теперь преподнесена как прочно сохранившаяся антиленинская установка, как курс на развязывание мировой революции в близкой перспективе при игнорировании интересов советского народа и особенно крестьянства. Никто из власть имущих, в том числе и признанный тогда главный теоретик партийного большинства Н.И.Бухарин, не мог объяснить, что же собой представляет эта теория применительно к 20-м годам. Сам Троцкий в октябре 1928 г., находясь в ссылке, в статье "Перманентная революция и линия Ленина", вроде бы сохранял свою приверженность к

этому термину, лишившемуся какого бы то ни было реального содержания. В то же время он с достаточным основанием отмечал: "Кампания против старого "троцкизма" была на самом деле кампанией против октябрьских традиций, которые становились новой бюрократии все более стеснительными и невыносимыми. Троцкизмом стали называть все, от чего нужно было оттолкнуться"¹⁸. Но, конечно же, за авансценой теоретических споров по поводу "социализма в одной стране", "гермидора", "первоначального социалистического накопления", "теории перманентной революции" на заднем плане маячили значительно более земные дела. Сами теоретические споры напоминали диспуты средневековых схоластов, ибо большевизм по существу дела был религиозным течением со своими богами (пока еще сохранялось многобожие, но скоро его сменит сталинский монотеизм), святыми, священным писанием, молитвами, клятвами и прочими атрибутами.

*

В политической борьбе на стороне Сталина было одно из решающих преимуществ по сравнению с Троцким: последний страстно верил в искренность своих догм и фанатично

боролся за их осуществление, впрочем, не отказывая себе в жизненных радостях, отнюдь не будучи аскетом. Сталина же теория не волновала ни в малейшей мере - она была для генсека лишь удобным инструментом в борьбе за личную власть и ее укрепление.

Интересное, хотя и не бесспорное сравнение Троцкого со Сталиным с точки зрения их борьбы за лидерство в партии дал Милован Джилас, в свое время один из лидеров югославских коммунистов, встречавшийся со Сталиным, а позже ставший социологом-диссидентом: "Троцкий был превосходным оратором; блестящим, искусным в полемике писателем; он был образован, у него был острый ум; ему нехватало только одного: чувства действительности. Он хотел оставаться революционером и возродить революционную партию в то самое время, когда она превращалась во что-то совершенно иное - в новый класс, не заботившийся о высоких идеалах и интересовавшийся только жизненными благами... Он ясно сознавал отрицательные стороны этого нового явления, происходившего на его глазах, но всего значения этих процессов он не понял... Сталин не оглядывался назад, но и не смотрел далеко вперед. Он стал во главе новой власти, которая зародилась в то время, - власти нового класса, политической бюрократии и бюрократизма и сделался ее вождем и организатором. Он не проповедовал: он принимал решения".

Эту характеристику дополняют другие, более современные авторы. У.Лаккер, например, отмечает, что Троцкий был "блестящим оратором и писателем, но некомпетентным в тактике", что у него не было ни терпения, ни политического инстинкта в отношении создания базы власти; вместо этого он постоянно впутывался в идеологические и политические конфликты с другими лидерами, "будучи скорее дореволюционным лидером, чем послереволюционным государственным деятелем"; что он не имел прагматического инстинкта, не мог понять, "что было возможно и что невозможно в данной ситуации". Лаккер с полным основанием оспорил мнение Д.А.Волкогонова, назвавшего Троцкого "мастером интриги", - если бы это было так, Сталину не так просто было бы расправиться с оппозицией.

Сами понятия "троцкизм", "троцкисты", возникшие в ходе кампании против Троцкого в 1924 г., по наши дни повторяемые некоторыми исследователями, нельзя считать вполне научными. Взгляды самого Троцкого менялись в быстро эволюционировавших условиях, но во всех случаях они находились в одном русле с линией Ленина. Нельзя не учитывать и того, что состав оппозиции был гетерогенным, мотивы поддержки лидера были различными (уверенность в его правоте, отсутствие убедительной альтернативной позиции, тактические соображения, личная приверженность, карьеристские надежды и пр.). Троцкий был прав, говоря на апрельском пленуме ЦК 1926 г.: "Призрак троцкизма

нужен для поддержания аппаратного режима" .

*

В политической борьбе объединенной оппозиции против правившей группы весьма важное место занимали международные дела, к которым обе стороны были весьма чувствительны.

В 1927 г. особое внимание привлекали события в Китае - развертывавшаяся там национальная революция. Большую часть первого тома данного издания занимают документы, связанные с характером, конкретными перипетиями, перспективами китайской революции, места в ней компартии, курса Коминтерна в китайском вопросе. Немало документов о Китае во втором, третьем и четвертом томах. Если оппозиционеры брали курс на углубление китайской революции, далеко не полностью учитывая глубокую национальную специфику, преувеличивая сходство между Китаем и предреволюционной Россией, то сталинская группа занимала более осторожную позицию, стремясь обеспечить советское влияние в этой гигантской стране независимо от "классового характера" происходивших там потрясений.

А калейдоскоп китайских событий менялся с головокружительной быстротой.

В конце ноября 1920 г. в Кантон (Гуанчжоу) прибыл Сунь Ятсен - лидер национальных революционеров и их партии Гоминьдан. 7 апреля 1921 г. он был провозглашен Чрезвычайным президентом Китайской республики. Он пытался опереться на прогрессивные круги западных держав, но вскоре разочаровался в Западе и стал присматриваться к северному соседу, в столице которого в свою очередь внимательно следили за событиями на юге Китая. В конце декабря 1921 г. в Гуйлине, недалеко от Кантона, Сунь Ятсен встретился с представителем Коминтерна Г. Снефлитом (Г. Марингом), обещавший советскую поддержку в создании объединенного сильного и демократического Китая. В январе 1923 г. в Шанхае состоялись переговоры Сунь Ятсена с Иоффе, руководителем прибывшей в Китай в августе 1922 г. дипломатической миссии РСФСР. Было договорено, что коммунистические идеи в Китае проповедовать не следует, что они не соответствуют текущим нуждам страны. После этого Сунь Ятсен направил в Москву группу деятелей Гоминьдана во главе со своим молодым помощником Чан Кайши для получения из первых рук информации о советской военной и политической организации. По поводу одного из главных результатов этой поездки Чан Кайши исследователь пишет: "Его трехмесячные наблюдения в России в 1923 году позволили ему осознать советские методы и сделали подозрительным в отношении методов коммунистов".

Вскоре в Кантон приехали советские политические и военные советники - политическую группу возглавлял М.М.Бородин, имевший опыт нелегальной деятельности за рубежом, военную - первоначально П. А. Павлов, а после его гибели в июле 1924 г., бывший военный министр буферной Дальневосточной республики В.К.Блюхер (он работал в Китае под псевдонимом генерал Гален). Началась перестройка Гоминьдана в соответствии с организационными принципами

большевизма - "демократическим" централизмом.

В 1924 г. было решено принимать в Гоминьдан коммунистов в качестве частных лиц. Но фактически компартия присоединилась к Гоминьдану как организационная сила раньше. Первые коммунисты вступили в Гоминьдан уже в сентябре 1922 г.

После смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г. в Гоминьдане и кантонском правительстве развернулась борьба за власть, которая ярко окрашивалась в политические тона. Левым гоминьдановцам, коммунистам и сочувствовавшим им покровительствовала группа Бородина. Им противостояла правая группировка, настаивавшая на объединении страны и наведении

порядка, исключавшего происки коммунистов. Промежуточная группа Чан Кайши, командовавшего вооруженными силами Гоминьдана, маневрировала и колебалась. 20 марта 1926 г. под нажимом правых Чан Кайши ввел военное положение, посадил некоторых советских советников под домашний арест. Левый деятель Гоминьдана Ван Цзинвэй основной соперник Чан Кайши -- был вынужден выехать за границу. Но левые убедили Чан Кайши, что сведения о готовившемся коммунистическом перевороте ложны. Через две недели появился манифест о том, что альянс Россией сердечен, как и ранее. С ведома Бородина в мае 1926 г. Центральный исполнительный комитет Гоминьдана принял решение о запрещении коммунистам занимать руководящие посты в партии и правительстве.

Летом 1926 г. Национально-революционная армия Китая начала поход на север под командованием Чана. Города и провинции, находившиеся под властью коррумпированных генералов, творивших там суд и расправу и связанных с некоторыми группами западного капитала, легко оказывались в руках патриотических сил. В августе последние достигли реки Янцзы, в октябре заняли г. Ханькоу и соседние города, составлявшие мегаполис Ухань, в марте

г. - Нанкин. За два месяца перед этим революционное правительство перебралось из Кантона в Ханькоу.

Но в руководстве Гоминьдана вновь вызрел конфликт между левой группой, доминировавшей в правительстве, и Чан Кайши. 12 апреля Чан Кайши устроил в Шанхае, только что взятом его войсками, резню коммунистов. ЦИК Гоминьдана, находившийся под контролем левых, отдал приказ об аресте Чана. Последний в свою очередь возложил ответственность за события на компартию, которая создала в Гоминьдане "царство террора", оторвала его от рабочих и крестьянских организаций, привела к созданию единого фронта империалистических держав против национально-патриотических сил. Чан образовал альтернативное правительство в Нанкине.

В этих условиях в конце мая 1927 г. последовало распоряжение Сталина, весьма рассерженного тем, что ему не удалось использовать Чан Кайши, а затем выбросить его, как выжатый лимон (выражение генсека), чтобы компартия начала конфискацию земли и формирование независимой рабоче-крестьянской армии. Секретная инструкция попала в руки левых гоминьдановцев во главе с Ван Цзинвэем. В июле 1927 г. коммунисты были изгнаны из правительства, утвердившегося в Ханькоу, начались их аресты. Бородин и его группа были

отозваны в СССР. Попытка коммунистического путча в Кантоне в декабре 1927 г. и создания совета в этом городе потерпела провал и завершилась новым кровопролитием.

В феврале 1928 г. несколько гоминьдановских групп объединились в новом правительстве, сформированном в Нанкине Чан Кайши. Был предпринят поход на Пекин, который держал в своих руках Чжан Цзолин - руководитель северной и центральной группы милитаристов. Пекин был взят. Началось постепенное примирение Гоминьдана с западными державами.

В конце июня 1927 г. Коминтерн возложил вину за собственные просчеты в китайском вопросе, а точнее за провал сталинского курса, на компартию Китая. Вскоре ее руководство было обвинено в "правом оппортунизме". Генеральный секретарь партии Чэнь Дусю был вынужден уйти со своего поста. Компартии начала создание "советских баз".

В критике курса Сталина и сталинского руководства Коминтерна со стороны Троцкого и других оппозиционеров было немало точных и тонких наблюдений. Соглашаясь на сотрудничество коммунистов с левыми гоминьдановцами, они предсказывали предательство Чана, понимая, что, содействуя превращению Гоминьдана в централизованную партию по советскому образцу в противовес парламентской западной модели, Бородин и его помощники сами куют поражение коммунистов. Троцкий призывал к созданию рабочих и крестьянских советов под коммунистическим руководством в Китае еще тогда, когда продолжался "медовый месяц" в отношениях между компартией и Чан Кайши. Впрочем, в отношении Китая многие полемические материалы напоминали схоластические трактаты - таковыми, в частности, были дискуссии Радека - Бухарина о степени капиталистического развития Китая, сохранении в нем феодальных элементов (эти споры основывались на эмоциях и в лучшем случае логических предположениях, а не на скрупулезном анализе фактов), о том, создавать ли советы в этой стране сразу или брать курс на их организацию при определенных условиях, и т. п. "Доводы Троцкого... были сильнее, когда он высказывался за уменьшение зависимости коммунистов от Гоминьдана, как правого, так и левого, а, следовательно, за усиление их самостоятельности; однако и он впадал в абстракцию, когда в качестве панацеи предлагал создавать и распространять советы".

Провал политики СССР и Коминтерна в Китае был не единственной их неудачей на международной арене. Приближалась к печальному концу история Англо-русского профсоюзного комитета - органа связи между ВЦСПС и Британским конгрессом тред-юнионов, который ставил своей целью преодоление раскола в международном профсоюзном движении. Комитет был порождением тех сил в ВКП(б), которые чуть более по-деловому, хотя бы в тактическом отношении, с позиции момента, относились к проблеме единства действий в рабочем движении, нежели, скажем, Зиновьев, рассматривавший лозунг единого фронта лишь как средство разоблачения реформистов, а рабоче-крестьянское правительство как символ пролетарской диктатуры, или переведенное на язык масс название пролетарской диктатуры. Видимо, наибольшая заслуга в создании комитета принадлежала Бухарину и близкому к нему председателю ВЦСПС М.П.Томскому.

Сталин до поры до времени поддерживал его существование. Троцкий же со своими сторонниками встретил создание комитета профсоюзного единства в штыки. Он не без основания отмечал верхушечный характер соглашения, участие в нем лишь небольшой группы британских профсоюзных лидеров, которые представляли в основном левое Движение меньшинства, тот факт, что левые тредюнионисты не смогли оказать влияния на ход так называемой всеобщей забастовки в Великобритании в начале мая 1926 г. (на самом деле она всеобщей не была), завершившейся поражением рабочих. В то же время со свойственным ему догматизмом Троцкий толковал пороки Англо-русского комитета расширительно, в принципе выступая против каких бы то ни было соглашений с "оппортуристическими" лидерами западноевропейского рабочего движения.

В дискуссиях вспоминались и другие неудачи: провал коммунистических путчей в Германии и Болгарии в 1923 г., в Эстонии в 1924 г. Обе стороны - и оппозиционеры, и правившая группа - искали субъективные причины этих поражений. Оппозиционерам в этом смысле было легче - они обвиняли сталинско-бухаринское руководство Коминтерна (забывая, что в 1923-1924 гг. во главе Коминтерна стоял один из лидеров теперешней оппозиции Зиновьев). Сталинцы-бухаринцы находили виновников в компартиях, особенно в тех группах, которые поддерживали оппозицию в СССР или в какой-то мере сочувствовали ей. Обвинения в "правом оппортунизме", "ликвидаторстве" или же, наоборот, в "ультралевизне" сыпались, как из рога изобилия.

И правившая команда, и борцы против нее в равной мере необоснованно и спекулятивно непрерывно твердили об опасности "империалистического" военного нападения на СССР. Декларирование "военной опасности" стало особенно навязчивым после того, как в мае 1927 г. последовала серия международных инцидентов, из которых наиболее значительными были разрыв Великобританией дипломатических отношений с СССР (это произошло после того как во время обыска в помещении Англо-русского кооперативного общества /АРКОС/ были обнаружены неопровержимые свидетельства советского шпионажа) и убийство советского полпреда в Польше П.Л.Войкова русским белоэмигрантом. Никакого "единого фронта империалистических держав против СССР", готовившего "новую интервенцию", на самом деле не существовало, и в советском истеблишменте это прекрасно сознавали.

Как и прочие рычаги, резкое преувеличение военной угрозы играло на руку Сталину, использовавшего его против оппозиции, более того - заявившего о существовании "единого фронта от Чемберлена до Троцкого". О том, что это было именно так, свидетельствовал нарком иностранных дел Г.В.Чичерин, заявивший в 1929 г. американскому журналисту Луису Фишеру: "В июне 1927 г. я вернулся из Западной Европы. Все в Москве говорили о войне. Я старался разубедить их. 'Никто не планирует нападения на нас'. Я настаивал. Тогда коллега меня просветил. Он сказал: 'Мы это знаем. Но это нам нужно для борьбы с Троцким'". Чичерин и позже решительно отрицал опасность нападения капиталистических стран на СССР, причем во внутренней переписке попросту высмеивал этот пропагандистский трюк. Он писал Сталину 22 марта 1930 г., "В

наших московских выступлениях говорилось, что обострилась опасность войны между капиталистическими государствами, а, следовательно, и нападения на нас. Что за вздор, как можно говорить такие вещи!!"

Остается вновь и вновь поражаться, как такой опытный политик, каковым был Троцкий, оказался на поводу мошеннической игры Сталина. Но ведь, вступим в спор с самими собой, если бы лидер оппозиции пожертвовал своими догмами, начал по тактическим соображениям полемику со Сталиным, отрицая военную опасность, это был бы совершенно другой человек, не тот, чья позиция доминировала в оппозиционной среде. *

Усвоив, что партийный аппарат полностью ее поддерживает, что основная масса рядовых коммунистов одурманена "антитроцкистскими" эскападами, что масса населения весьма чужда спорам в партийных верхах, сталинская клика осенью - зимой 1927 г. завершила организационный разгром объединенной оппозиции. При этом сами оппозиционеры исправно попадали в капканы, которые для них не очень искусно расставлялись. Последовали "раскрытие тайной типографии", которую "помог" оборудовать тайный агент ОГПУ; разгон попыток альтернативных демонстраций 7 ноября 1927 г.; исключение Троцкого и Зиновьева вначале из ЦК, а затем из партии; изгнание из ВКП(б) всех активных оппозиционеров в декабре 1927 г. на XV съезде партии.

Съезд увенчался очередной политической игрой Сталина, когда он на пленуме ЦК 19 декабря, посвященном "избранию" высших партийных боссов, лицемерно попросился в отставку. Сталин, разумеется, был убежден, что его "просьбу" отклонят. Тем более важно было ему зафиксировать в двух продолжавшихся по несколько минут выступлениях, что он стал генсеком по инициативе Ленина, что именно благодаря ему разбита оппозиция, что генсек в партии должен быть только один и что, стало быть, всяких "маленьких генсеков" - в республиках и губерниях - надо немедленно устранить. Этот пленум был, безусловно, одной из главных вех на пути превращения Сталина в единоличного диктатора.

Буквально на следующий день после исключения активных членов оппозиции из ВКП(б) сама оппозиция раскололась. Каменев, Зиновьев и ряд других деятелей полностью капитулировали, заявив об идейном и организационном "разоружении", осуждении взглядов, которые они только что проповедовали, обязались поддерживать и отстаивать все партийные решения. Их письмо появилось в "Правде" 27 декабря 1927 г. "...Мнимые величины выходят из игры, надо думать, выходят навсегда", - написал по этому поводу Троцкий.

К началу 1928 г. приблизительно полторы тысячи оппозиционеров были арестованы и находились в заключении. Но время для прямой физической расправы с диссидентской "головкой", по мнению сталинской клики, еще не наступило. 3 января 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об отправке не капитулировавших лидеров оппозиции в ссылку в отдаленные районы страны. Это решение было задним числом продублировано постановлением Особого совещания ОГПУ от 31 декабря 1927 г.

Выделенная оппозиционерами комиссия в составе Х.Г.Раковского,

К.Б.Радека и В.Д.Каспаровой пыталась дискутировать с председателем ЦКК ВКП(б) Г.К.Орджоникидзе о месте и условиях ссылки. Последовала волна обманов и дезинформации: Орджоникидзе давал неопределенные обещания, в то время как ОГПУ приступило к осуществлению директивы Политбюро, оформив меру наказания пресловутой статьей 58(10) уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшей кары вплоть до расстрела за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Так Л.Д.Троцкий оказался в Алма-Ате, Радек, Смилга, Серебряков, Белобородов, Евдокимов, Сосновский, Раковский и многие другие оппозиционеры - в различных городах и поселках Сибири, Урала, Туркестана и иных дальних мест страны. Зарубежная печать и сами ссылные стали называть эту пока еще бескровную расправу "сухой гильотиной".

*

Документация второго-четвертого томов настоящего издания отражает пребывание оппозиционных деятелей в ссылке, их занятия, их дискуссии, отношение к событиям, происходившим в партии и в стране.

Публикуемые телеграммы свидетельствуют, как происходило установление контактов между оппозиционерами в их новых местах обитания. Затем ссылные стали обмениваться деловыми письмами, носившими подчас характер объемистых политических трактатов, которые свидетельствуют, что ряд лидеров оппозиции (прежде всего Троцкий, Раковский и Сосновский) сохранили приверженность своим взглядам, давая

более или менее адекватную оценку ситуации в партии и в стране, насколько это позволяла оторванность от центра и, главное, марксистско-ленинские догматы, особенности взглядов и характера мышления авторов.

В то же время поразительное впечатление производит наивность оппозиционеров - для некоторых, прежде всего для Троцкого, она, по всей видимости, была показной, но для других, безусловно, более или менее искренней. Они не верили, что "повар, готовящий острые блюда" (приписываемая, а, может быть, действительная оценка Сталина Лениным еще той поры, когда их отношения были деловыми и довольно близкими), полон решимости приготовить из них самое экзотическое восточное варево. Сосланные как контрреволюционеры, они надеялись, что ЦК разрешит им устроить своего рода всесоюзное совещание в Москве, Алма-Ате или другом месте для того, чтобы определить свое отношение к вроде бы намечавшемуся "левому" повороту официальной линии. Более того, в письмах подчас проскальзывает надежда, что партийное руководство пойдет на попятную и чуть ли ни с извинениями позовет оппозиционеров обратно, в свои ряды. Двойственную позицию занимал даже такой трезвый и решительный враг сталинщины, как Раковский. Он писал Троцкому: "Я считаю, конечно, что наше обращение за разрешением (совещания - Ю.Ф. и Г.Ч.) может быть на черной партбирже и использовано против нас, но я считал и считаю также, что две идеи для нас важны и обязательны: защищать свои

взгляды и,

когда случай предоставится, постучать в двери партии".

Предположение, что примирение вполне возможно, стимулировалось, надо сказать, довольно либеральным режимом, на котором, в особенности вначале, находились ссыльные. Троцкий выполнял задания Института Маркса и Энгельса при ЦК ВКП(б), переводил сочинения Маркса, получая за это гонорары. Другим ссыльным поступала литература из этого института.

Оптимистические надежды подпитывались некоторыми трансформациями, которые происходили в руководстве ВКП(б), зревший в Политбюро раскол, признаки которого наблюдались воочию. Вслед за апрельским пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г., материалы которого опубликованы тогда не были, но решения были близки к установкам Бухарина, в печати появились два принципиально отличавшихся друг от друга выступления о его итогах - Сталина в Москве и Бухарина в Ленинграде.

Сталин был бескомпромиссен и груб. Он произнес свои "исторические" слова о том, что, "если критика содержит хотя бы 5-10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать", которые освятили уже открытую дорогу клевете и будущему выявлению новых "врагов". О тех, кто рассчитывал на прекращение борьбы против кулачества, Сталин

заявил, что "им не может быть места в нашей партии", что тот, кто думает понравиться "и богатым, и бедным, тот не марксист, а дурак". Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что имелся в виду Бухарин, вроде бы восторжествовавший на только что завершившемся пленуме. "Не марксист, а дурак" в свою очередь произнес доклад в совершенно ином тоне и впервые высказал открытое беспокойство по поводу тенденции рассматривать чрезвычайные меры как что-то нормальное. Давно ли он считал, что такого рода меры вполне нормальны в борьбе против оппозиции? Опытным политическим наблюдателям должно было стать ясно, что между Сталиным и Бухариным назревала конфронтация.

Противоречия всплыли на поверхность на следующем, июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), оставившем "правых" в меньшинстве. Именно на этом пленуме Сталин выдвинул тезис о том, что "по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться", послуживший обоснованием будущей кровавой бани.

Все эти сдвиги воспринимались оппозиционерами по-разному. С одной стороны, Бухарин попытался установить контакт с бывшими представителями оппозиции. 11 июля он встретился с Каменевым и вел с ним беседу о возможном сотрудничестве в борьбе против

"Чингиз-хана" - Сталина. За пределы взаимного прощупывания контакты "Колечки Балаболкина" (как именовал Бухарина Троцкий) не продвинулись. С другой стороны, Сталин сам стал инспирировать слухи, что он готов пойти на

примирение с бывшими оппозиционерами. Надеждам на их достоверность способствовало появление выступлений с установками, напоминавшими идеи, которые выдвигал Троцкий. "Незаметно Сталин присвоил себе одежду Троцкого", - писал биограф. Аналогичного мнения придерживались наблюдатели из эмигрантского Русского общевоинского союза. "Разбить противника и присвоить себе его программу - традиция Сталина", - писал один из них. Эти наблюдения были крайне неточными уже в то время, а в исторической перспективе - глубоко ошибочными. Верные марксистско-ленинской парадигме, Троцкий и его единомышленники были весьма далеки от назревавшей сталинской "революции сверху". Сам Троцкий весьма скептически относился к происходившим событиям. Он писал Раковскому 13 июля, что Радек и Преображенский неправы, полагая, будто сталинская фракция имеет лишь "правый хвост" и ее надо уговорить избавиться от него. "Обезьяна, освобожденная от хвоста, еще не человек", - комментировал алмаатинский ссыльный.

И все же, объясняя и комментируя "левый" поворот, оппозиционеры, включая Троцкого, никак не могли предположить того, во что он обернется, - насильственной коллективизации сельского хозяйства, депортации и массового террора против крестьян, голода, людоедства, гибели миллионов людей. Авторы писем и заявлений уговаривали себя и своих коллег, что происходит тяга бедняков в колхозы, активность неимущего крестьянства возрастает и т. п. Поразительно, но ссылались они при этом на советскую печать, лживость которой должна была быть им весьма хорошо известна. Ссылные торжествовали по поводу того, что ЦК признал реальность "кулацкой опасности", и даже выражали тревогу в связи с хорошими видами на урожай 1928 г., так как это, мол, усилило бы кулака.

Вообще, чувствуется, что оппозиционеры не верили в возможность быстрого подъема производительных сил страны. Да этим они, пожалуй, не очень и были обеспокоены. По поводу выступления М.И.Калинина на июльском пленуме один из них возмущенно писал,

что "всесоюзный староста" стал на точку зрения поощрения развития производства даже тогда, "когда оно происходит в формах, классово чуждых пролетариату". Это антигуманное, дикарское по своему существу ослепление вроде бы образованных людей (по крайней мере, казалось, что таковые преобладали среди лидеров оппозиции, и мы к этому еще возвратимся), вызванное не просто костылями "классового подхода", а его предельной догматизацией, проявлялось во всем.

Разоблачая бюрократическое перерождение партийной верхушки, ее отрыв от народа и даже (словами Радека) "переход" власти "от одного класса к другому", нарушения внутрипартийной демократии, оппозиционные деятели в некоторых вопросах проявляли единство взглядов с правившей группой, например, относительно неизбежности нападения "империалистических государств" на СССР, по поводу Шахтинского дела 1928 г.

Вспомнив теперь о внутрипартийной демократии, которая их не волновала, скажем, на X партийном съезде в 1921 г., запретившем фракции в партии,

оппозиционеры никоим образом не покушались на восстановление демократии в обществе. И в ссылке они повторяли, что диктатура пролетариата - это власть, опирающаяся не на закон, а на силу. Почему же эти рьяные защитники "пролетарской диктатуры" жаловались на примененное к ним насилие? Насилие видели даже в запрещении охотиться (на Троцкого оно не распространялось; он живописал свои охотничьи подвиги в Туркестане в ряде писем). Н.И.Муралов же возмущался: ведь ограничение права на охоту не предусмотрено 58-й статьей!

Исключенные из партии, официально признанные контрреволюционерами, негодовавшие по поводу арестов своих менее заметных единомышленников, лидеры оппозиции и в ссылке представляли себя не просто убежденными коммунистами, а страстными защитниками марксистско-ленинской идеологической и политической догматики. Те из них, кто был теперь допущен к работе в государственных учреждениях,

отдавали все силы служению советской власти, а И.Я.Врачев даже выполнял поручения местных партийных органов, создавая агитационно-пропагандистские материалы. Оппозиционеры продолжали придерживаться курса на сохранение единства ВКП(б) и других компартий, осуждая, например, тенденцию превращения германского Ленинбунда, созданного их единомышленниками, в альтернативную компартию.

Публикуемая документация отражает некоторые жизненные перипетии ссылных, например, смерть дочери Троцкого Нины. Но, кажется, его, по крайней мере показной, фанатизм был таков, что известия о том, что дочь при смерти, а затем скончалась, волновали его менее, чем разного рода политические коллизии. Впрочем, судить об этом нелегко, ибо вряд ли эпистолярный жанр может отразить всю гамму душевных переживаний.

* Международная тематика во втором-четвертом томах предлагаемой публикации связана в основном с VI конгрессом Коминтерна, который состоялся летом 1928 г., и оценкой принятой на нем программы Интернационала.

В этой группе документов, однако, наибольший интерес представляют не диспуты по поводу программы, политики и тактики, а конкретные данные о кулуарах конгресса, записи разговоров его делегатов, в том числе таких, казалось бы, правоверных

сталинистов, какими были Морис Торез или Пальмиро Тольятти, которые в неофициальной обстановке выражали глубокое разочарование тем, что происходило на мировом форуме коммунистов, сведения о конфликтах между его участниками, "идейном разброде" и "внутреннем кризисе".

Встречаются точные и тонкие наблюдения ситуации в Интернационале, приводятся данные о том, что в последние годы "вожди ВКП произвольно подбирали руководство ИККИ (Исполкома Коминтерна - Ю.Ф. и Г.Ч.) и отдельных партий". В заявлениях, связанных с конгрессом, содержались утверждения об опасности "социал- демократического перерождения" Коминтерна.

Действительно, некоторые положения доклада Бухарина и других выступлений давали основание для мнения, что в кругах Интернационала вызывают более или менее трезвые и умеренные настроения, связанные, по крайней мере, с признанием факта "частичной стабилизации капитализма". Но в то же время в выступлениях была масса левацкой риторики, и Конгресс в целом на деле предвещал дальнейший поворот Коминтерна к сектантской замкнутости, обрыву последних нитей, которые еще связывали компартии с левой социал-демократией, к тому, чтобы под диктовку Сталина заклеить социал-демократию как социал-фашизм.

Издавательски, но весьма точно звучала в одном из публикуемых документов оценка

решения VI конгресса по поводу оппозиции в ВКП(б): "Авансом, в счет будущих бюджетных и внебюджетных поступлений, конгресс санкционировал все действия советских властей по отношению к оппозиции". Помимо всего прочего, это было признание изнутри того факта, что компартии и Коминтерн финансировались из государственного бюджета СССР.

Что же касается программы Коминтерна, то критика ее шла либо по поводу мало связанных с жизнью абстрактных вопросов, например, чем "империализм" отличается от "свободного капитализма", либо касалась мелочей.

Лидеры оппозиции были в основном эрудированными людьми. Они цитировали Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Гете. Раковский в одном из писем Троцкому упоминал имена неких Дарьи Михайловны и Ласунского. Контекст был таков, что, казалось, речь шла о хорошо знакомых обоим корреспондентам лицах, скорее всего об общих знакомых. Готовя к печати письма Раковского, один из авторов этой вступительной статьи потратил немало сил и времени на поиск сведений о названных людях. Каково же было его удивление, когда он узнал, что речь идет о тургеневских героях!

Во втором-четвертом томах данной публикации представлены работы, свидетельствующие об относительно высокой экономической и философской квалификации некоторых авторов. Такова статья Е.А.Преображенского "Левый курс в деревне и

перспективы", где при всей коммунистической догматичности встречаются глубокие суждения по поводу объективных трудностей, противоречий, тупиков, в которых оказывалась советская хозяйственная политика. Такова работа Л.Д.Троцкого "О философских тенденциях бюрократизма", свидетельствующая о силе ума автора, его умении достичь высокого уровня обобщения, знании им не только Маркса и Энгельса, но и многих мыслителей, которых в ту пору клеймили в СССР как "буржуазных философов". Правда, Троцкий, упрекая Сталина и его придворных писак в том, что они подбирают цитаты так же, как "попы всех церквей подбирают тексты применительно обстоятельству", не замечал, что этот упрек может быть в равной мере отнесен к нему самому, причем даже в этой самой статье. Но, надо отдать должное, самостоятельный анализ у Троцкого,

Преображенского, Раковского и некоторых других оппозиционеров, разумеется, в пределах большевистской парадигмы, все же преобладал.

Что же касается других ссыльных, то их письма и статьи отличались, как правило, поверхностными суждениями, обильно сдабриваемыми цитатами из Ленина, по поводу того, против кого следует направить основной удар - против правых, центра в партии или же против буржуазии, кто побеждает и кто капитулирует в правившем блоке, произошел ли уже

"термидор" или он только угрожает советской власти, куда - вправо или влево - поворачивается "центр" и т. п. Все это "движение направо", которое "начинается с левой ноги" (А.Галич), воспринималось оппозиционерами невероятно серьезно. Они штудировали, цитировали и комментировали "священное писание" - все то, что было написано или сказано Лениным, ожесточенно и грубо спорили по поводу смысла того или иного высказывания, не задумываясь не только над тем, что теория в целом была порочна, но и что конкретная мысль могла оказаться ошибочной, мимолетной, высказанной в пылу спора или раздражения, в результате недостаточной информации или плохого знания предмета, в состоянии размышления или же для того, чтобы по тактическим соображениям ввести кого-нибудь в заблуждение. Разумеется, никто из них не обращался к тем ленинским опусам, которые теперь представлялись им ошибочными. Их сознательно игнорировали.

Особенно плодовитым был в ссылке К.Б.Радек. Обладавший хлестким пером, он, помимо массы политических писем, написал в Томске большую работу, посвященную проблемам революции: сущности ее демократического этапа, переходу от лозунга демократической диктатуры к лозунгу диктатуры пролетариата и т. д. Большую часть работы составляли цитаты из Ленина, собственный текст носил подчас лишь характер связок. За многословием и кажущейся убедительностью построений скрывалась, однако, смысловая пустота - читатель обнаруживал, что красивый мыльный пузырь лопнул, не оставив почти

никакого следа.

Недавняя капитуляция Каменева и Зиновьева дала теперь Радеку повод наброситься на их позиции в октябре 1917 г., заявить об их "соглашательской мелкобуржуазной линии". Ссылки же некоторых, что Каменев, мол, защищал ленинские взгляды от самого Ленина, Радек пытался парировать при помощи вездесущей диалектики - "отсутствие диалектического понимания ленинской позиции могло привести к подобным ошибкам". Сам же Радек настолько усвоил ленинскую диалектику, что счел, по всей видимости, похвалой, а не разоблачением своего идола собственное удивительное откровение, что Ленин "сгибает теорию в пользу своей практики, насилует ее"!

Действительно, опыт ссыльных оппозиционеров убедительно подтверждал, что марксистская догматика и особенно диалектика оказалась в руках большевиков, как стоявших у власти, так и враждебных ей, весьма удобным средством считать белым то, что вчера называли черным, и наоборот.

Готовясь к предстоявшей капитуляции (она произойдет в следующем году), Радек уже в июле 1928 г. хитро обосновал свой будущий отказ от оппозиционной деятельности: Сталин и другие центристы - это "наш арьергард, руководимый товарищами, которые поддались влиянию враждебных классовых сил". Не удивительно, что многие ссыльные относились к Радеку с недоверием, а Муралов даже написал Троцкому по поводу одного из его

выступлений: "Выскочило г.. из ополонки" (то есть проруби - по-украински).

Из видных оппозиционных деятелей, находившихся в ссылке в 1928 г., с покаянным заявлением выступил только Г.Л.Пятаков. Но тенденция к примирению с правившей группой становилась все более ощутимой, раскол оппозиции продолжал углубляться. Л.П.Серебряков сообщил своим товарищам в середине июля, что сейчас не время становиться в позу и надо подумать о возвращении в партию. Радек же по существу дела солидаризовался с политическим курсом Сталина, заявив, что от генсека его отделяют только мелкие разногласия.

Приводимые в третьем и четвертом томах документы убеждают, что оппозиционеры все больше теряли ту небольшую поддержку в партийной и рабочей среде, которой они еще недавно обладали. Этому способствовала новая волна арестов осенью 1928 г. в Москве, Ленинграде, Харькове и других городах. В Бутырской тюрьме в Москве оппозиционеров содержали вместе с уголовниками, в камерах, кишасших паразитами, бесцеремонно отправляли в карцеры. Аналогичным было положение и в других городах. Истерическое обращение московских соратников Троцкого с призывом к рабочим требовать его возвращения из ссылки впечатления на "сознательный пролетариат" не произвело. Никаких сведений об откликах на него в Архиве Троцкого нет. Как видно из официальной справки, выступления оппозиционеров во время демонстрации 7 ноября 1928 г. в Москве

ограничились лишь разбрасыванием небольшого количества листовок. Это было, пожалуй, последнее открытое антисталинское выступление при жизни советского диктатора.

К концу 1928 г. относятся и последние статьи Л.Д.Троцкого, написанные в СССР, которые отложились в его архиве. Троцкий писал и в начале 1929 г., вплоть до депортации из СССР. Но уже с конца октября 1928 г. переписка лидера оппозиции с единомышленниками была полностью блокирована властями.

После высылки руководителя распад оппозиции в пределах СССР быстро завершился: в 1929 г. большинство ее деятелей выступили с покаянными заявлениями, были возвращены в столицу, восстановлены в партии. Жить им, как правило, оставалось менее десяти лет - до "большого террора" 1936-1938 гг. *

Вторая часть данного издания - пять томов - посвящена коммунистическому оппозиционному движению после высылки Троцкого из СССР в феврале 1929 г. Она содержит в основном, в отличие от первой части, документы самого Троцкого, как написанные им от своего имени, так и подготовленные в качестве официальных материалов организаций и движений, которыми он фактически

руководил. Лишь в отдельных случаях включены наиболее важные, с нашей точки зрения, документы, подготовленные

другими лицами (сыном Троцкого Л.Л.Седовым, сотрудниками редакции "Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)", в том числе провокатором Этьеном (М. Зборовским), бывшим большевистским деятелем Г.И.Мясниковым и др.

В издание включена лишь сравнительно небольшая часть документации Троцкого периода эмиграции, представляющая, как мы полагаем, наибольшее значение для изучения следующих проблем.

Во-первых, они важны для понимания эволюции того течения в международном левом движении, носившем коммунистический, но оппозиционный официальному коммунизму характер. Это международное движение можно лишь условно, в соответствии с фамилией его лидера, называть троцкистским. Сам Троцкий очень редко употреблял этот термин, большей частью термин им отвергался, ибо Троцкий полагал, что, по существу

дела, его движение являлось ленинским. Недаром выходявший более десяти лет свой журнал он именовал "Бюллетенем оппозиции (большевиков-ленинцев)".

Во-вторых, документы представляют интерес для уяснения политических установок Троцкого и их развития под влиянием международной обстановки,

особенностей рабочего и демократического движения на Западе, развития событий в СССР, ситуации в самом "троцкистском" движении.

В-третьих, материалы архива Троцкого могут быть использованы для анализа взаимоотношений этого движения с другими левыми силами в Европе, Америке, Азии и даже на Африканском континенте, сближений с ними и расколов, взаимной критики и других сходных сюжетов.

В-четвертых, анализируя архив Троцкого, можно несколько углубить представления о тех экономических, социальных и политических процессах, которые происходили в СССР на протяжении более чем десятилетия - от высылки Троцкого за рубеж в 1929 г. до его убийства сталинским агентом в 1940 г.

В-пятых, документы дают известное представление о ситуации в других странах Европы и Азии, прежде всего в Германии, Франции и Испании в связи с установлением нацистской диктатуры, возникновением движения народного фронта, его приходом к власти в Испании и Франции, испанской гражданской войной 1936-1939 гг.

Наконец, архив Троцкого бесспорно важен для более панорамного восприятия облика различных политических деятелей, прежде всего Ленина и Сталина, а также ряда других действующих лиц всемирной драмы 30-х годов XX века, в том числе отдельных деятелей культуры, например, Андре Моруа или Диего Риверы.

Иначе говоря, отбор документов для второй части публикации проводился с точки зрения их значимости для характеристики существенных проблем мировой истории в XX веке. Естественно, в центре документации стоит фигура самого автора подавляющего большинства приводимых источников, повороты и перипетии

его политической деятельности. Небольшое число писем к жене (их вообще мало, так как Лев и Наталья расставались и, с ответственностью, переписывались очень редко) дает возможность взглянуть и на личную жизнь их автора, неразрывно связанную с общественной активностью.

*

В связи с публикуемой документацией предельно кратко остановимся на важнейших моментах деятельности Л.Д.Троцкого после высылки из СССР. Л.Д.Троцкий был депортирован по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в Турцию, куда вместе с женой и сыном Львом был доставлен на пароходе "Ильич" 11 февраля 1929 г. Первоначально казалось, что это решение не являлось окончательным, что Троцкому предоставлена возможность раскаяться и возвратиться в СССР или что, по крайней мере, советские власти надеялись на его молчание за рубежом. Дело в том, что высылка сопровождалась некоторыми странными для выдворения из большевистской тоталитарной державы моментами: официальный мотив, который был выдвинут советским правительством перед турецким президентом Мустафой-пашой для

получения визы, состоял в том, что Троцкий, якобы, нуждался в лечении (в Турции!); ему и близким было сохранено советское гражданство и выданы советские паспорта; в первое время жил он в здании консульства СССР в Стамбуле и получал почту на адрес консульства; когда Троцкий покидал корабль, представитель ОГПУ передал ему 1500 долларов на устройство. "Это была последняя плата от государства, одним из отцов-основателей которого он был", - писал биограф Троцкого Исаак Дойчер. Дойчер продолжал: "Троцкий мог увидеть за этим издевательскую усмешку Сталина, но, будучи без единого пенса, он проглотил оскорбление и принял деньги". Добавим, что та же издевательская усмешка виднелась в названии теплохода "Ильич", на борту которого и была совершена депортация. В течение всех лет пребывания за рубежом Троцкий и его семья жили исключительно скромно, хотя он и получал довольно большие гонорары за свои книги и статьи от западных издательств и редакций журналов. Все эти средства он передавал на выпуск периодических и других изданий своего направления и на поддержку организаций своих

сторонников. Средства на обустройство в Турции и на начало издательской деятельности Троцкий получил в виде займа в сумме 20 тыс. франков от французского социалиста М.Паза, а позже возвратил долг из гонораров. Вначале Троцкий не очень хорошо представлял себе денежную ценность своих публикаций. Послав статью Максиму Истмену в США с просьбой перевести ее и продать какому-либо изданию, Троцкий оценил ее в 200 долларов, но Истмен смог получить от журнала "Либерти" 1500 долларов. Уже вскоре Троцкий получил первые крупные гонорары от американских газет, публиковавших его статьи. Затем американское издательство "Скрибнер и Сыновья" заплатило ему аванс в 7 тыс. долларов за будущую книгу воспоминаний. Еще через некоторое время он

получил из США гонорар в 45 тыс. долларов за "Историю русской революции". Тот факт, что Троцкий весьма нуждался в средствах на протяжении всех лет эмиграции и крайне экономно относился к тратам, виден из многих документов, публикуемых в настоящем издании. Он был весьма озабочен тем, как ему добраться из Стамбула в Осло, когда в начале 1931 г. встал вопрос о его возможной поездке в Норвегию для чтения лекций (поездка не состоялась). Добираться морем, считал он, будет очень дорого. В 1936 г., находясь в больнице в Осло, он сообщал знакомому о своей "финансовой катастрофе": он

должен был платить за лечение по 10 крон в день, а у него всего оставалось 100 крон. После прибытия в Мексику в начале 1937 г. финансовое положение Троцкого улучшилось благодаря помощи художника Диего Риверы, но после разрыва с Риверой в последние полтора года жизни оно вновь стало крайне затруднительным, и Троцкий был вынужден писать, чтобы заработать себе на жизнь. Уже вскоре после высылки в советской печати появились клеветнические материалы, в частности карикатуры, изображавшие "мистера" Троцкого с мешком, наполненным деньгами, полученными, мол, за верную службу "акулам империализма". Эту клевету, правда, с других, в целом антикоммунистических, позиций и соответственно с другим источником "баснословного богатства" повторяют ныне некоторые безответственные российские авторы, в частности небезызвестный Игорь Бунич, утверждающий, например, разумеется, без каких-либо доказательств и ссылок, что еще в 1921 г. Троцкий перевел 11 млн долларов в один из банков США и 90 млн швейцарских франков в Швейцарский банк. Увы, писания этого автора, громоздящего одну нелепую и злобную фантазию на другую, пользуются спросом у доверчивых и мало информированных читателей. Троцкому разрешено было вывезти в Турцию свой огромный архив, включавший не только его личную документацию с начала политической деятельности, но также массу документов оппозиционных течений в ВКП(б) и материалы высших большевистских органов. Все эти материалы он вскоре опубликует или использует в борьбе против Сталина и его сторонников. Вывоз архива - это самый странный факт в истории депортации Троцкого, который иначе как демонстрацией стремления Сталина к примирению в случае отступления главного противника объяснить невозможно. Не исключено в то же время, что в 1929 г. Сталин не был еще достаточно опытным, чтобы верно определить взрывоопасную силу документального материала. Это знание он приобретет со временем. Тотчас после прибытия в Турцию изгнанник начал устанавливать письменную связь с оппозиционными коммунистическими деятелями в различных странах. Уже вскоре стали поступать ответы. Авторы некоторых из них заявляли о своей солидарности с Троцким и готовности вместе с ним и под его руководством вести борьбу за ликвидацию "центристского" (то есть сталинского) курса в ВКП(б) и Коминтерне. Через французов Анри Росмера, бывшего члена Исполкома Коминтерна, и Марселя Паза, видного журналиста, исключенных из компартии за поддержку объединенной оппозиции в ВКП(б), Троцкий установил связь с редакциями ведущих западных газет. Их

корреспонденты стали появляться в консульстве, создавая серьезные трудности советским дипломатам.

Становилось ясно, что изгнанник не собирается складывать оружие. Безусловно, по команде из Москвы через месяц после прибытия Троцкий был изгнан из консульства. Его разрыв с властными кругами СССР стал почти полным, хотя, как полагал сам изгнанник, еще не окончательным. В следующие четыре с лишним года он в основном жил на острове Принкипо (по-турецки Буюк-Ада) - главном острове архипелага Принцевы острова в Мраморном море. В 1931 г. в результате пожара, происшедшем в доме, где он проживал, Троцкий временно переселился в поселок Кодикой на азиатском берегу, недалеко от Стамбула. Его попытки получить визы на въезд (постоянный или хотя бы временный, для лечения) в одну из крупных западноевропейских стран были безрезультатными, ибо правительства этих стран небезосновательно оценивали его как потенциального возмутителя спокойствия. Связь с реальными и возможными сторонниками он осуществлял путем переписки, а также личных контактов с приезжавшими к нему коммунистами-оппозиционерами. Известность Троцкого была всемирной. Но лишь для незначительной части людей его слава окрашивалась в тона политических симпатий и антипатий. Подавляющая масса интересовалась им как яркой и драматической личностью, совсем недавно еще одним из тех, кто привел большевиков к власти и сохранил эту власть, несмотря на военные усилия стран Антанты и внутренних противников большевиков. Троцкий получал массу писем просто от любопытных, в частности от коллекционеров автографов. Поступали письма и достаточно курьезные. Одно из них за подписью Сирилла Клеменса, сына знаменитого американского писателя Марка Твена, содержало предложение Троцкому стать почетным вице-президентом Общества Марка Твена. В качестве дополнительной приманки в нем сообщалось, что одним из вице-президентов уже является глава правительства Италии, лидер Фашистской партии Бенито Муссолини... Другое поразительное письмо пришло от писателя Эптона Синклера, который запрашивал, верно ли, что Троцкий собирается переводить на турецкий язык его романы. Видимо, кто-то подшутил над знаменитым американцем. * Первоначально казалось, что международное движение коммунистов-оппозиционеров, которые считали Троцкого своим естественным лидером, набирает силу. Их группы и объединения возникли в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии, США, Китае и других странах. Американская группа была наиболее значительной, насчитывавшей несколько сот человек. Она была исключена из компартии осенью 1928 г., а в мае 1929 г. состоялась ее национальная конференция, провозгласившая создание Коммунистической лиги Америки и избравшая ее Национальный комитет, который фактически возглавил один из основателей компартии Джеймс Кеннон вместе с более молодыми деятелями Максом Шахтманом,

Мартином Аберном и другими. Эта организация, в следующие годы переживавшая многочисленные расколы, оставалась главной национальной

политической опорой Троцкого до конца его жизни. Значительно хуже обстояло дело в среде французских оппозиционеров, хотя именно Париж рассматривался как своего рода столица оппозиционного коммунистического движения. Во французской организации непрерывно происходили расколы, перегруппировки, объединения и новые расколы, концентрировавшиеся вокруг двух групп лидеров во главе с Раймоном Молинье и Пьером Навиллем. В первые годы эмиграции Троцкий покровительствовал Молинье, несмотря (а, может быть, вследствие) той предприимчивости и дурной репутации, которая сопутствовала в Париже этому коммунисту и в то же время нечистоплотному вымогателю. Молинье был, по-видимому, подобен тем российским социал-демократическим подонкам начала XX века, вроде В.К.Туратуты, которые могли "по поручению партии" жениться на богатой даме, чтобы заполучить в партийные фонды ее состояние. Вместе со своим братом Анри (также последователем Троцкого) Раймон Молинье владел так называемым Французским институтом сборов, занимавшимся скупкой подешевле просроченных счетов и "вышибанием" денег у должников путем угроз и клеветы. Если добавить, что для Р.Молинье были характерны истерические вспышки (однажды во

время дискуссии он опрокинул на Навилля стол, за которым сидели диспутанты), то картина окажется еще более живописной. С французскими оппозиционерами был связан М.Милль (П.Окунь, Обин), русский эмигрант, занимавшийся в Париже делами Интернационального секретариата левой оппозиции. Среди документов читатель найдет немало адресованных ему писем Троцкого, вначале дружеских, затем все более критических и даже гневных. В 1932 г. Милль раскаялся перед советскими властями и возвратился в СССР. Есть предположение, что он с самого начала был агентом ОГПУ. Тайным сторонником Троцкого считался сотрудник полпредства СССР в Париже Харин, предложивший в 1929 г. свое посредничество в связях с СССР и в других делах. Но вскоре оказалось, что Харин передавал оригиналы посланных ему документов сотрудникам ОГПУ. Стало ясным, что он был агентом-провокатором. В числе документов, похищенных Хариним, был оригинал письма Н.К.Крупской, сообщавшей о теплых чувствах Ленина к Троцкому уже в самом конце жизни большевистского вождя. Позже в окружении сына Троцкого Л.Л.Седова в Париже свил себе гнездо Этьен (Марк Зборовский), стремившийся оставаться на вторых ролях как послушный исполнитель воли

Троцкого и его сына, в на самом деле советский шпион, оказавшийся способным путем хитроумных махинаций настолько втереться в доверие, что Троцкий с порога отвергал неоднократные подозрения, выдвигавшиеся по адресу Этьена. Точно так же непрерывные фракционные дрязги и ссоры разъедали германских "левых", причем здесь в свою очередь не обошлось без участия советских спецслужб - братья Рувелис и Абрахам Соболевичусы, известные в Германии под именами Роман Вель и Адольф Сенин, прилагали свои усилия к углублению разногласий и способствовали полной потере влияния сторонников

Троцкого в Германии еще до прихода нацистов к власти в 1933 г. Оба они были раскрыты как советские агенты через много лет в США. Еще хуже обстояло дело в других странах. Китайская группа, например, вначале сравнительно крупная (есть сведения, что она в 1929-1930 гг. насчитывала около 500 человек), была полностью уничтожена в 1932 г. тайной полицией Гоминьдана.

* Особенно важным для лидера оппозиции было создание собственной печатной базы в форме политических журналов и газет на разных языках, прежде всего на русском, которые давали бы оперативную информацию и оценку текущих событий, служили бы "коллективным

организатором" его сторонников в различных странах. В разное время и в различных странах было создано несколько десятков периодических изданий последователей Троцкого, но почти все они существовали очень недолго, закрывались и из-за недостатка средств, и из-за фракционных столкновений, иногда заменялись другими, иногда через некоторое время возобновляли недолгий выход. Наиболее стабильным оказался русскоязычный журнал "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)". "Бюллетень оппозиции" начал выходить в Париже в июле 1929 г. В марте 1931 г. издание журнала было перенесено в Берлин, куда для руководства им приехал из Турции сын Троцкого Лев Седов, проявивший великолепные организаторские качества. В начале 1933 г. в связи с приходом нацистов к власти в Германии издание журнала было опять перенесено в Париж, в 1934-1935 гг. он издавался в Цюрихе, затем снова в Париже. После начала второй мировой войны "Бюллетень" перевели в Нью-Йорк, где в августе 1941 г. вышел его последний номер.

Седов публиковал в "Бюллетене" свои сообщения (обычно под псевдонимом Н. Маркин), подчас предоставлял трибуну сравнительно случайным корреспондентам, печатал письма из СССР. Но подавляющее большинство материалов журнала составляли статьи, тезисы, обращения, письма, заметки самого Л.Д.Троцкого. Фактически "Бюллетень оппозиции" был

персональным органом Троцкого в силу разительного противоречия между интеллектуальной мощью, производительностью, трудолюбием и напором этой весьма динамичной личности и полным отсутствием российской группы последователей. Единственным устойчивым среди них был родной сын Лев. Оказавшаяся в окружении Льва во второй половине 30-х годов Лола (Лилия) Эстрин занималась в основном техническими делами, а еще одно лицо, участвовавшее одновременно с ней в издании журнала, Марк Зборовский (Этьен), особенно прочно втершийся в доверие к Седову, был, как уже отмечалось, агентом советских спецслужб. Он, по-видимому, имел самое прямое отношение к умерщвлению Седова в 1938 г. "Бюллетень оппозиции" был, по существу дела, как определил Д.А.Волкогонов, журналом одного автора. Публикации Троцкого занимали обычно 80-90 % журнальной площади. Некоторые номера "Бюллетеня" были фактически брошюрами главного оппозиционера. Например, No 8 за декабрь

1929 - январь 1930 г. содержал лишь работу Троцкого "'Третий период' ошибок Коминтерна". Печатался Троцкий под собственным именем, писал редакционные материалы без подписи, использовал различные псевдонимы (Г.Гуров, Альфа и др.). Энергичная деятельность позволила Л.Л.Седову добиться, что "Бюллетень оппозиции" установил связь со многими странами, библиотеками, книжными магазинами, книжными

фирмами, политическими организациями различных направлений. Интерес к журналу был довольно значителен, что позволяло регулярно его выпускать, хотя и небольшим тиражом, на протяжении свыше двенадцати лет. В СССР журнал ввозили нелегально лица, возвращавшиеся из зарубежных командировок, а также иностранцы. Однажды его приобрели официальные головотяпы для магазина международной книги в Москве. Туда же попало несколько экземпляров автобиографии Троцкого "Моя жизнь". Но, разумеется, из числа заинтересованной публики и просто тех, кто стремился получить информацию иного происхождения, нежели советский официоз, журнал даже в первые годы издания достигал лишь единиц. А с 1935 г. одно только прикосновение к его обложке в случае раскрытия этого криминала означало долгодлительный концентрационный лагерь или даже расстрел. Троцкий многократно признавал, что с распространением "Бюллетеня оппозиции" в СССР дело обстоит плачевно. Зато высшие коммунистические иерархи знакомы с "Бюллетенем оппозиции" обстоятельно. Журнал закупали для Сталина и его окружения, библиотек ЦК ВКП(б). Даже в отделе специального хранения библиотеки им. В.И.Ленина (ныне Государственная публичная библиотека Российской Федерации) отложился его комплект. Сталин и его подручные несколько раз упоминали "Бюллетень оппозиции" в своих

публичных выступлениях для разоблачения "троцкизма", трактуя его статьи как выражение союза с гитлеровской Германией и призыва к террору в СССР. Сталин цитировал "Бюллетень оппозиции" на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г.. В 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б) Н.И.Ежов широко цитировал журнал на закрытом совещании в ЦК партии, а на пленуме ЦК в июне того же года, утверждал, что террористическая деятельность против советских руководителей проводилась, якобы, под непосредственным руководством Троцкого, причем он привлекал "Бюллетень" в качестве "доказательства". Вот какая, с позволения сказать, "аргументация" здесь фигурировала: "Во многих статьях, касающихся процесса по делу убийства товарища Кирова, статьях, опубликованных в его собственном "Бюллетене" (обратим внимание, что даже на пленуме ЦК Ежов не решился привести полное наименование журнала - Ю.Ф. и Г.Ч.), Троцкий разглагольствует против ареста Зиновьева и Каменева и полностью берет их под свое крыло". Особо отмечалась статья Троцкого "Рабочее государство, термидор и бонапартизм", в которой будто бы предлагалась программа террора против руководителей ВКП(б). Для Сталина и его приближенных "Бюллетень оппозиции" казался

угрожающим, они боялись самого его языка, с которым никакой лексикон в мире не мог быть сопоставлен по силе обличения и негодования, причем с очень знакомых советским главарям большевистско-ленинских позиций. Просматривая "Бюллетень", Сталин, естественно, особое внимание уделял статьям о собственной персоне, каковые публиковались почти в каждом номере. Через свой журнал Троцкий вел почти непрерывную дуэль с советским диктатором. Это было единственное русскоязычное издание в мире, в котором с глубоким знанием дела, мастерски, да еще и на базе марксистско-ленинской догматики разоблачалась диктатура "кремлевского горца".

* Важнейшей своей задачей изгнанник считал анализ советских реалий, той системы, которая сложилась в СССР к концу 20-х - началу 30-х годов. В многочисленных книгах, статьях, письмах, а затем и в незавершенной работе "Сталин" Троцкий определил сталинскую диктатуру 30-х годов как бонапартизм, имея в виду некоторые особенности власти и Наполеона I, и его "маленького племянника" Наполеона III. Марксистское обществоведение, особенно в его ленинском обличье, очень любило щеголять терминами, связанными с революционной историей Франции, транспонируя их на события XX века, особенно в России. Спекуляции по поводу "бонапартизма" совершенно не

соответствовали действительности. Он рассматривался вне всякого исторического контекста как режим, возникающий при некоем равновесии борющихся классовых сил, который прибегает к демагогии, включая обманные плебисциты или референдумы. С последними в попытках Троцкого применить понятие "бонапартизм" к сталинскому режиму было особенно накладно, так как никаких "всенародных голосований" по поставленным вопросам Сталин никогда не устраивал. Единственное же "всенародное обсуждение" - проекта "Сталинской конституции" во второй половине 1935 г. - имело место на гребне "большого террора", между первым и вторым судебными фарсами над реальными и вымышленными бывшими сторонниками Троцкого, другими оппозиционерами, опять-таки бывшими, и попросту пристегнутыми лицами. Это было, по существу дела, вдалбливание в головы населения мошеннического документа, когда вождь был абсолютно уверен, что никто уже не осмелится пикнуть. В виде псевдо-плебисцита, причем только в рамках ВКП(б), Троцкий однажды пытался представить выражение отношения коммунистов к Сталину - кто за него, тот в партии, кто против - вне ее. Но даже и в таком понимании сталинского "бонапартизма" Троцкий не был последователен и настойчив; вроде бы придя к выводу, что таковой уже существует, он тут же заявлял в 1930 г., что предстоявший XVI партийный съезд - это "автоматическая подготовка

бонапартизма". Можно полагать, что при всей остроте оценок, обилии достоверного и разнообразного фактического материала, сущность Сталина и сталинщины Троцкий понять не смог и даже порой, особенно в начале эмиграции,

несколько идеализировал советского диктатора. "Сталин ведет борьбу с правыми под кнутом оппозиции", - писал он в первом номере своего журнала, явно переоценивая место и роль оппозиционной деятельности, с одной стороны, и представляя Сталина как "центриста", которого еще можно исправить, с другой. Хотя детали аргументации Троцкого менялись, сущность ее, выраженная в статьях, письмах, книгах периода эмиграции, а затем и в работе "Сталин", оставалась неизменной. Он видел в Сталине представителя и выражение бюрократии, которой удалось захватить контроль над ходом революции и отвлечь ее от первоначальных, благородных целей. Основной причиной этого был тот комплекс фактов, что революция, происшедшая в социально-экономически отсталой России, не была поддержана на развитом Западе, не превратилась сразу же в "перманентную революцию", а российский пролетариат устал и истощился в борьбе за преодоление разнообразных трудностей. Пролетариат оказался не в состоянии сохранить контроль над бюрократией, последняя смогла установить свое господство, не разрушая социалистических потенций СССР.

Как отмечает исследователь сталинизма Г.Джилл, в стремлении преуменьшить роль

личности в истории Троцкий рисовал Сталина лишь как представителя анонимных бюрократических сил, недооценивал независимую роль Сталина и поддержку его из небюрократических социальных источников. "Сталин - продукт машины", - этот афоризм, написанный осенью 1939 г. (читатель встретит его в последнем томе данного издания), в предельно лаконичной форме выражал понимание Троцким истоков сталинизма. Такая постановка вопроса, отмечает Джилл, не дает возможности понять всю совокупность сталинского террора, ибо он был направлен против самых разнообразных общественных сил, включая бюрократию.

В то же время глубочайшая личная ненависть к хозяину Кремля, несмотря на марксистский догматизм и зашоренность верностью социализму, вступали в противоречие с "социологическим" объяснением сталинизма, заостряли видение конкретных фактов, связанных с личной властью в СССР. Троцкий был первым, кто во всеоружии фактов, последовательно и целеустремленно, приступил к разоблачению политики советского диктатора, не пренебрегая его личными качествами, а учитывая их. Сильной стороной его критики было великолепное личное знакомство со всеми коридорами кремлевской власти и его носителями, с самим главным героем прежде всего.

Трудно быть вполне уверенным в том, что Сталин действительно произнес знаменитую

фразу, которую Троцкий неоднократно повторял: "Самое лучшее в жизни - отомстить врагу: хорошо подготовиться, нанести удар и... пойти спать". Скрытность и расчетливость Сталина могут поставить под сомнение подлинность этого высказывания. Но тот факт, что оно адекватно выражало важнейшую личную черту Сталина - бесспорно, и фиксация Троцким внимания на ней

свидетельствовала, что Сталин был для него отнюдь не только "продуктом машины". С полным основанием американский историк писал, что Сталин "был наделен острым чувством политического времени и шестым чувством по отношению к слабостям своих оппонентов". Многие оценки Троцкого корреспондируют с этим мнением.

Отлично понимая сущность личных качеств Сталина и их влияние на развитие событий в СССР, Троцкий тем не менее вновь и вновь характеризовал его лишь как посредственность, как фигуру, порожденную бюрократической машиной. Видимо, в такой оценке, помимо приверженности теоретическим схемам, содержалось еще стремление унизить своего главного противника и в то же время внушить себе самому чувство утешения, что, мол, не Сталин, а сложившийся ход исторического процесса обыграл его, отрешил его от власти, а затем и отправил в изгнание.

Фактически подготовку работы о Сталине Троцкий начал уже в первый год эмиграции, и свидетельством этого было появление обширных и содержательных статей "К политической

биографии Сталина" и "Сталин как теоретик". В следующие годы Троцкий тщательно собирал фактический материал о разных этапах жизни и деятельности Сталина, особенно до 1922 г., ибо с того времени, как тот стал генсеком, факты имелись в изобилии, и задача состояла в основном в том, чтобы их сгруппировать, изложить и объяснить. Разумеется, особое внимание при сборе фактов Троцкий обращал на те из них, которые тем или иным образом могли скомпрометировать нынешнего "вождя и учителя". Время от времени в "Бюллетене оппозиции" появлялись статьи Троцкого о пути Сталина к власти и в изобилии - о всех нюансах его текущей политики.

С весны 1938 г. Троцкий почти полностью сосредоточился на подготовке книги о Сталине. По его просьбе, единомышленники в разных странах помогали ему в сборе данных. Через посредников были использованы и обширные материалы, собранные известным историком российского революционного движения меньшевиком Б.И. Николаевским. Публикуемые в предлагаемом издании документы дают дополнительную информацию о работе над книгой о Сталине.

Крайне нуждавшийся в средствах и стремившийся донести срочно свою работу до читателей как , автор дал согласие на издание "Сталина" в двух томах с тем, чтобы первый вышел как можно скорее. Первый том был в основном завершен к августу 1939 г., работа над

вторым была прервана в начале 1940 г., и Троцкий к ней уже не возвращался. После гибели Троцкого от руки агента сталинских спецслужб американское издательство "Harper and Brothers" в 1941 г. опубликовало подготовленные главы и скомпонованные переводчиком Ч. Маламутом незаконченные фрагменты на английском языке. Русское издание появилось через много лет.

Небезынтересное сопоставление двух противостоявших фигур (одной - во всей полноте власти в огромной стране и другой - находившейся в изгнании в

почти полной изоляции) приведены в книге К.Эндрю и О.Гордиевского: "Реальные Сталин и Троцкий о битали теперь... в созданном ими самими мире, в котором каждый питался фантазиями другого. Вера Сталина в почти не существовавший российский троцкизм заражала Троцкого, радость которого при открытии этих воображаемых последователей в свою очередь убеждала Сталина, что троцкистская угроза была даже страшнее, чем он предполагал".

*

Как мы уже упоминали, еще в пору открытой деятельности коммунистической оппозиции в СССР, а затем пребывания оппозиционеров в ссылке и в тюремном заключении между ними шли жаркие дебаты по поводу советского "термидора", который то ли уже произошел, то ли только еще угрожает, как некий дамоклов меч, висящий над страной. Если он произошел, значит в СССР уже реставрируется капитализм. Троцкий считал, что "термидор" только угрожает Советскому Союзу, и это мнение он изменил только в середине 30-х годов, да и то с большими сомнениями и оговорками.

Во всех этих дискуссиях как-то забывалось, что изначальные события месяца термидора во Франции никакого отношения к дискутируемым явлениями не имели.

В первые годы эмиграции Троцкий, резко критикуя основы сталинского курса и власть бюрократии, которая, по его мнению, все более утверждалась в СССР, в то же время считал, что "термидор", то есть буржуазное перерождение, является серьезной опасностью, угрожавшей СССР, но еще не свершившимся фактом. Вопрос о российском, советском "термидоре" занимал огромное место в его публицистике, в полемике с разнообразными левыми группами.

По вопросу о том, произошла ли буржуазная контрреволюция в СССР, продолжали дебатироваться различные мнения. Совершенно не обоснованная исторически, ибо сравнение,

как мы уже писали, проводилось с событиями иной эпохи и иного происхождения, носившая лишь хлесткий публицистичнский характер, концепция Троцкого по поводу советского "термидора" была неотделима от сущности его политических взглядов, от самой его судьбы. Если считать, что "термидор" уже произошел, значит надо смириться и психологически, и политически с судьбой вечного эмигранта, оставить надежду на то, чтобы, фигурально выражаясь, въехать в Москву на белом коне после падения Сталина; войти в историю в качестве бывшего политика, а затем острого критика советского режима. И только. До самого конца своей жизни Троцкий мечтал о значительно большем и потому оставлял себе полуоткрытую дверь для возможного триумфального возвращения. Правда, по-видимому, с годами он все более четко понимал иллюзорность таких расчетов.

Тем не менее, признавая, что в Советском Союзе существует антинародная диктатура (постепенно в его политический лексикон входила категория "тоталитарная власть" для обозначения сталинской политической системы),

Троцкий до последних месяцев своей жизни продолжал утверждать, что в СССР сохраняется коллективная собственность на средства производства и что советское государство продолжает в своей основе оставаться

рабочим. Для обоснования этого тезиса он широко применял марксистскую догматику, прежде всего диалектику - весьма удобное оружие в руках ухищренного публициста. * Верность марксистско-ленинской утопии Троцкий пронес через всю оставшуюся ему еще жизнь, несмотря на то, что эта жизнь непрерывно давала все новые и новые доказательства ее нереальности. Порой высказывания Троцкого носили настолько вопиющий характер, что они напоминали эскапады малограмотных коммунистических фанатиков из комсомольско-крестьянской среды. В конце 1932 г. имел место единственный случай, когда Троцкий получил возможность выехать в своего рода заграничную командировку: он оказался в Копенгагене, где по приглашению датских студентов-социалистов прочитал лекцию "Что такое Октябрь?" В этом выступлении, переполненном апологией большевистской власти в первые годы ее существования, встречались совершенно анекдотические пассажи (текст лекции публикуется в данном издании). "Недалек уже час, - говорил Троцкий, - когда наука, играя, разрешит задачу алхимии и станет превращать навоз в золото, а золото в навоз". Разумеется, это произойдет при коммунизме, предвещал лектор. В иных

выступлениях Троцкий был недалек от другого, более реалистического анекдота по поводу великого химика Сталина, который одинаково легко превращал людей в дерьмо, а дерьмо в людей!

Из рассуждений Троцкого вначале вытекал вывод, что Советскому Союзу необходима реформа, а не революция. С середины 30-х годов, однако, Троцкий уже полагал, что только реформой дело не обойдется, хотя желаемая им революция должна носить только политический, но не социальный характер, так как в СССР сохраняется коллективная собственность на средства производства.

| *

В предлагаемом издании содержится много констатирующих и полемических материалов, более или менее реалистически оценивающих внутреннее положение в СССР. Наибольшей заслугой Троцкого в этом анализе было, как нам представляется, понимание места и роли чиновничьей номенклатуры, все более превращавшейся в правящий слой. Мы полагаем, что Троцкий, несмотря на свой марксистский догматизм, а, может быть, как это ни парадоксально звучит, даже благодаря ему, был в таком понимании ближе к истине, нежели некоторые современные обществоведы (М.Восленский, М.Джилас и др.), полагающие, что номенклатура СССР достаточно рано сформировалась в особый эксплуататорский класс 76.

Даже в последние годы жизни, уже находясь в Мексике, Троцкий, отмечая "буржуазный характер бюрократии", ее буржуазный уровень жизни, продолжал придерживаться мнения, что она представляет собой "новый паразитический

слой", связанный общими интересами со сталинской диктатурой (бюрократия, по его мнению, поддерживала Сталина, потому что он надежно защищал ее привилегированное положение), но не новый эксплуататорский класс.

В то же время понимание Троцким промежуточного, межклассового положения номенклатуры, того факта, что она лишь стремится превратиться в господствующий класс, но не является таковым, проистекало не из понимания СССР как тоталитарной системы, где государство вместе с диктатором (коллективным или единоличным) возвышается над обществом, где в принципе не может быть господствующего класса, а существует господствующая клика. Восприятие номенклатуры, верное в принципе само по себе, носило у Троцкого служебный характер, ибо признание наличия господствующего класса означало бы признание завершения буржуазного перерождения.

Троцкий предпочитал писать о "двоевластии" в СССР. Заметим попутно, что большевикам очень нравился термин "двоевластие", позволявший им войти хотя бы в какой-то степени в пределы элементарной логики при характеристике сложных, многогранных социальных процессов, сохраняя в то же время свойсхематизм. Концепция

"двоевластия" в СССР при Сталине нужна была Троцкому для обоснования своего двойственного подхода к внутренним процессам в СССР и к его внешней политике, проводимой диктатором. Существование концепции состояло в том, что в СССР сохраняется, хотя и дегенерирующая, извращенная, но все же диктатура пролетариата, основанная на коллективной собственности, что в правившей партии сохранились "здоровые" элементы, что многие аспекты внутренней и внешней политики руководства соответствовали интересам трудящихся, что сохранялась возможность поворота на "ленинский путь". В то же время возникновение оторванного от масс бюрократического слоя, его приход к власти, воплощенной в Сталине и его группе, ставил социалистическую перспективу СССР под серьезную угрозу буржуазной контрреволюции. Признавая, что "двоевластие" не может сохраняться долго, что оно неизбежно и в скором времени завершится то ли возвращением к ленинзму, то ли восстановлением капитализма, Троцкий до конца жизни, как мы уже отмечали, так и не признал, что в СССР произошел "буржуазный переворот", хотя и широко оперировал понятием "тоталитаризм". В конце 30-х годов для характеристики политической власти в СССР он придумал новый термин "бюрократический абсолютизм".

Марксистско-ленинский догматизм мешал Троцкому увидеть реальную причинно-следственную связь. Он вновь и вновь повторял, что сталинский бюрократизм, тоталитарный

режим являются пережитками отсталости России. Он не понимал и не мог понять, что речь идет не об исключении, а о правиле: сталинский режим возник в качестве формы тоталитаризма, причем зрелой, почти классической формы, именно вследствие утопичности идеи освобождения рабочего класса в ее марксистско-ленинском понимании. Как верно отмечал Макс Истмен, Троцкий и

его окружение видели сущность тоталитарного правления, "но обещали, что в значительно более передовой стране и в том случае, если группа будет иметь хороших лидеров и будет проводить подлинно пролетарскую политику, возникнет, как кролик из шляпы, общество свободных и равных [людей]".

Для публикуемых документов, как и для других работ Троцкого, характерно связанное со сказанным поразительное сочетание глубины и даже прозорливости некоторых конкретных оценок со штампами и схематизмом в общих взглядах на сущность процессов, происходивших в СССР. *

Пожалуй, наибольший морально-политический релятивизм или, грубее говоря, беспринципность, вытекающую из свойственного ему понимания сущности СССР, Троцкий проявил в характеристике советской внешней политики.

Уже в 1929 г. такое отношение четко выявилось в оценке советско-китайского

конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Ряд оппозиционных коммунистических групп на Западе (германский Ленинбунд, французские синдикалисты, группировавшиеся вокруг Пьера Монатта, и др.) заняли позицию осуждения советской империалистической политики в этом конфликте, исходя из элементарного силлогизма: Маньчжурия принадлежит Китаю, Китай имеет право на самостоятельность, следовательно, стремление СССР сохранить собственность на КВЖД есть проявление империалистического насилия. Конечно, оперировать только этим силлогизмом, который, кстати, был остро высмеян Троцким, было не совсем верно - можно было бы вспомнить историю, поставить вопрос о компенсациях и т. д. Но очевидно было, что втягивание в вооруженный конфликт с Китаем на китайской территории за имущество, находившееся там, в корне противоречило советским декларациям по поводу поддержки борьбы Китая за национальное самоопределение. Троцкий же в своих статьях и письмах пустился во все тяжкие, доказывая, что передать дорогу Китаю означало бы помешать китайской революции.

Но особенно рельефно противоречивость и необоснованность его позиции в защите агрессивного внешнеполитического курса СССР, то есть сталинской внешней политики, проявилась в 1939-1940 гг., когда он, с одной стороны, резко критиковал пакт Гитлера- Сталина (который почему-то обычно без каких-либо к тому оснований называют пактом Риббентропа-Молотова), называл Сталина "интендантом Гитлера", а, с другой стороны,

полностью поддержал советское соучастие в нацистской агрессии - захват восточной части Польши, стран Балтии, агрессию против Финляндии.

Особое негодование Троцкого вызывало то, что Сталин продолжал начатый еще при Ленине (это, естественно, Троцкий игнорировал или отрицал) курс на прямое подчинение своей воле зарубежных компартий и Коминтерна. Троцкий показывал, как Сталин использовал эти партии в интересах своих политических ходов на международной арене, добиваясь неукоснительного устранения тех руководителей, которые ему чем-то не угодили, и замены их рабски покорными.

Троцкий писал о такого рода тасовании, как при игре в карты, руководителей компартии США Рутенберга, Ловстона, Фостера. Об обращении с европейскими партиями он высказывался еще в 1929 г.: "'Братскими партиями' Сталин управляет, как старый турецкий паша управлял своей провинцией. Для Тельмана и Семара даже окрика не нужно: достаточно движния пальцем". *

В публикуемых документах, как и в других работах Троцкого, содержится обширная и в основе своей достоверная информация о внутреннем положении СССР, состоянии его экономики, политических поворотах сталинского руководства, все большей бюрократизации советского режима. Приблизительно до конца 1932 г. эти сведения поступали главным

образом от открытых и тайных союзников, которым удавалось посылать "пророку в изгнании" свои документы и письма. Наиболее глубокие из них принадлежали перу Х.Г.Раковского, находившегося в ссылке в Барнауле. Личных встреч, по-видимому, не было, если не считать визита Я.Г.Блюмкина, который был почти тотчас же после возвращения расстрелян за этот "криминальный" поступок. Параллельно с письмами, а после их прекращения фактически единственными источниками информации оставались критически анализируемые материалы советской и зарубежной печати, а также впечатления и материалы иностранцев, возвращавшихся из СССР. Последние охотно снабжали Троцкого самыми разнообразными сведениями, зная его отношение к сталинской власти и весьма острое перо.

Оценивая коллективизацию сельского хозяйства, Троцкий пророчески предрекал значительный подрыв и без того низкой его производительности, хотя вновь и вновь он демонстрировал непонимание насильственных возможностей террористической власти. Отсюда проистекало ошибочное пророчество о неизбежности распада большинства колхозов. Впрочем, в некоторых документах Троцкий ставил сталинскую "революцию сверху" под защиту, например, отстаивая необходимость "раскулачивания", хотя и в несколько более мягких формах.

Троцкий резко критиковал сверхинтерсивные темпы индустриализации,

бюрократические нелепости в планировании. Он подчеркивал, что индустриализация проводится за счет рабочих, уровень жизни которых неуклонно падает. Первый пятилетний план он с полным основанием характеризовал как "экономический авантюризм". Вместе с тем он не видел коренных пороков и противоречий советского планирования, неизбежности диспропорций и дефицитов, вытекавших из имманентно присущей советскому режиму невозможности учесть многомиллионные показатели в государственной экономике, вырванной из естественной регулирующей стихии рынка. Троцкий писал своему недолгому стороннику Виктору Сержу в июне 1936 г., выражая совершенно необоснованный оптимизм и непонимание экономически реалий: "Планирование - это единственный путь, который обеспечит независимость и будущее развитие страны... Ясно, что только этот [советский] режим все еще способен на развитие производительных сил".

Наибольшее негодование, наиболее острые критические стрелы, убийственный сарказм вызывала общая сталинская концепция построения социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения, сформулированная еще в 1924 г. и вскоре ставшая генеральной линией ВКП(б), о чем уже мы упоминали. Эта концепция, действительно замыкавшая социализм в рамки экономически отсталого СССР и противоречившая взглядам дооктябрьского Ленина, в известном смысле была развитием ленинской политики, начиная с

Брестского мира с Германией 1918 г., но Троцкий в эмиграции решительно отказывался это признать, утверждая, что она является коренным отходом от ленинизма в целом. Главное, конечно, состояло в том, что "социализм в одной стране" был прямо противоположен концепции "перманентной революции", которую Троцкий отстаивал на протяжении десятилетий.

Троцкий доказывал, что сталинская теория носит националистический характер. Он даже называл ее национал-социализмом, разумеется, не проводя никакой параллели с нацистами в Германии, для автора созвучие скорее всего было в основном случайным, хотя, рассматривая явления в ретроспекции, можно было бы найти глубинные корни в этом внешнем совпадении понятий, характеризовавших сходные и в то же время весьма отличавшиеся тоталитарные режимы. В определенной мере в своей концепции "национал-социализма" Троцкий следовал, хотя и с прямо противоположных позиций, анализу эмигрантов - сторонников "сменовеховства" (Н.В. Устрялов и др.), которые утверждали, что в СССР происходит становление "национал-большевизма", революция 1917 г. необратима и необходимо возвращение на родину и содействие ее развитию.

Троцкий убеждал читателей его статей и книг в пораженческом характере концепции

"революции в одной стране", ибо она, по его мнению, откладывала революцию в капиталистических и колониальных странах на десятилетия. Социализм в СССР в условиях капиталистического окружения можно строить, утверждал изгнанник, но построить его можно лишь в обществе свободы, равенства, материального и духовного изобилия, то есть после социалистической революции на Западе, которая, как он чрезмерно оптимистически полагал, была намного ближе, нежели социалистическое общество в СССР.

"Социализму в одной стране" Троцкий противопоставлял "перманентную революцию", которая теперь мыслилась как длительный и взаимосвязанный всемирный процесс политической и социальной борьбы, с самого начала содержащей социалистический потенциал, хотя и проходящий через различные этапы. Российская революция оправдана, полагал он, лишь постольку, поскольку она станет катализатором революций в странах зрелого капитализма. Теория "перманентной революции" была близка взглядам Ленина в 1917 г., после победы Февральской революции в России, и отчасти после Октябрьского переворота, но в основном лишь до Брестского мира и уж во всяком случае до введения новой

экономической политики в 1921 г.

Только политическими соображениями можно, видимо, объяснить, почему в голове этого образованного и сравнительно трезвого мыслителя совмещались положения о коллективной собственности, строительстве социализма в СССР с концепцией тоталитаризма

в этой же стране. Почти невозможно представить себе, что это были плоды слепого догматизма, умозрительные писания, не прошедшие через мыслительный процесс, отторгаемый им. Значительно логичнее полагать, что выраженные им допущения носили служебный, инструментальный характер.

Комплексный анализ современного состояния СССР Троцкий дал в книге "Что такое Советский Союз и куда он идет?", изданной на русском языке в Париже в 1936 г., а в следующем году появившейся на английском, французском и испанском языках. Советский режим здесь рассматривался как "рабочее государство", не являющееся социалистическим и управляемое "кастой, чуждой социализму". "Теримидор" в СССР оценивался как уже свершившийся факт, а сталинская диктатура как новый тип бонапартизма, управляющий тоталитарными методами. Только новая пролетарская революция может восстановить развитие СССР по социалистическому пути, делал вывод автор. Весьма своеобразным и неожиданным положением работы было утверждение о необходимости введения в СССР многопартийности.

*

В анализе международной обстановки и ситуации в отдельных странах, военных

конфликтов 30-х годов у Троцкого также было немало точных и тонких наблюдений. В ряде случаев ему были присущи оригинальные, подчас глубокие оценки явлений мировой экономической ситуации, в частности связанных с развитием конъюнктурного цикла под влиянием "великой депрессии" 1929-1933 гг.

Он прозорливо обнаруживал рост влияния США, новые тенденции в англо-американском соперничестве в пользу великой заокеанской державы. Элементы трезвого учета реальных факторов можно встретить при рассмотрении ситуации в Индии, аграрного вопроса в Венгрии и многих других сюжетов.

Но особенно привлекают внимание рассуждения Троцкого в связи с ситуацией в Германии в начале 30-х годов, а затем приходом к власти нацистов и установлением их террористической диктатуры.

Уже с первых месяцев пребывания в эмиграции Троцкий бил тревогу в отношении опасной демагогии, роста политического и организационного влияния Национал-социалистической рабочей партии Германии. В это время в документах Коминтерна, заявлениях советских лидеров и покорно повторявших их "мудрые указания" германских коммунистических вожаков во главе с недалеким и сервильным Эрнстом Тельманом нацистская опасность даже не недооценивалась,

а фактически сводилась на нет, в качестве главного врага называлась социал-демократия, и прежде всего ее левое крыло. Затем, когда избирательные успехи нацистов стали очевидными и их рывок к власти общепризнанным, коммунистические "стратеги" стали тешить себя иллюзией, что приход Гитлера к власти окажется прологом социалистической революции в Германии. В противовес этому казенному оптимизму Троцкий во многих письмах и статьях предупреждал, что опасность нацизма в Германии налицо, что приход Гитлера к власти означает резкий откат назад в развитии не только Германии, но и всей Европы, что власть национал-социалистов чревата опасностью новой мировой войны. В 1931 г. Троцкий дал определение фашизма как "особой специфической диктатуры финансового капитала, которая вовсе не тождественна с империалистической диктатурой как таковой". Через два года такой подход лег в основу новой советско-коминтерновской дефиниции фашизма, хотя, разумеется, ее творцы отнюдь не ссылались на источник, по существу дела пойдя на примитивный плагиат.

Тревожные оценки стали особенно определенными после того, как в январе 1933 г. Гитлер стал во главе правительства и нацисты начали установление своей тоталитарной диктатуры.

В отличие от многих наблюдателей того времени и мнений части историков

впоследствии Троцкий твердо оценил образование правительства Гитлера (он называл его вначале правительством Гитлера-Гугенберга) лишь в качестве начала установления нацистской диктатуры. Точно и образно он писал в феврале 1933 г.: "Государственный переворот [в Германии] проводится в рассрочку".

Буквально пророчески Троцкий оценивал перспективы агрессии Гитлера. Хотя в его высказываниях еще некоторое время продолжали звучать надежды на германскую революцию, он довольно точно прогнозировал не только объекты, но и время агрессии Германии, а также Японии. В 1935 г. он писал: "Сталинизм и фашизм, несмотря на огромные отличия в их социальной базе, - это симметрические явления. Многими своими чертами они демонстрируют убийственное сходство".

Неизменно подчеркивая противоположность социальной базы обоих режимов - монополистический капитал в первом случае и рабочий класс во втором, Троцкий через два года уже не исключает возможности союза Гитлера со Сталиным. После же подписания осенью 1938 г. Мюнхенского соглашения западных держав с Германией о передаче последней Судетской области Чехословакии предположение о предстоявшей сделке двух тоталитарных диктаторов становится оформленным и высказывается мнение, что результатом этого будет новая мировая война и физическое уничтожение восточноевропейских евреев. Именно как предложение начать дипломатический торг Троцкий оценил некоторые пассажи из доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.), и эта оценка в основном совпадала с позицией ряда наиболее дальновидных западных наблюдателей. Когда же предположения стали реальностью, и Сталин превратился в помощника Гитлера

в разделе Восточной Европы, Троцкий стал высказывать мнение о неизбежности разрыва между ними и советско-германской войны.

Документы Троцкого, включая публикуемые в данном издании, убедительно свидетельствуют, что он был одним из очень немногих аналитиков, которые уже в первой половине 30-х годов отчетливо представляли себе, что нацизм - это страшная угроза для европейской цивилизации.

Подобно советским пропагандистам, а также многим западным политологам, Троцкий называл национал-социалистическую власть в Германии фашистской диктатурой, хотя и толковал фашизм не столь расширительно, как большевистско-коминтерновские авторы, заложившие основы восприятия этого термина не как историко-социологической категории, а как грубого политического ругательства.

Троцкий отвергал и высмеивал оценку социал-демократии как социал-фашизма. Задолго до того, как Коминтерн воспринял тактику народного фронта, он считал возможным сотрудничество руководимых им партий, групп и движений с социал-демократами. Впрочем, в его отношении к реформистской социал-демократии прослеживается крайняя

непоследовательность. После всевозможных разоблачений реформизма в первой половине 30-х годов он вдруг в 1935 г. совершил удивительный тактический пируэт - одобрил вступление своих французских сторонников в Социалистическую партию ("французский поворот"), назвал его смелым организационным шагом. Правда, долго сторонники Троцкого в Социалистической партии не удержались.

Анализ международной обстановки и ситуации в отдельных странах неизменно процеживался сквозь фильтр перспективы "мировой революции", которая являлась политическим воплощением теоретико-стратегической концепции "перманентной революции", о которой уже говорилось. Гипотетически Троцкий позволял себе предположить, что, если мир еще десятилетие просуществует без революционных потрясений, то он станет свидетелем непрерывного роста владычества США. Но такое предположение выдвигалось лишь для того, чтобы объяснить его нереальность, несбыточность, фиктивность. С помощью цепи не доказанных и не доказуемых рассуждений Троцкий убеждал в неизбежности революционных потрясений в капиталистическом мире в самом скором времени. В качестве основной программной международной установки он выдвигал лозунг "Соединенных Штатов Европы". Что же касается США, то перспективу революционных потрясений в этой стране он прогнозировал осторожнее, хотя не исключал и ее.

Приход нацистов к власти в Германии был рубежом в тактических подходах Троцкого к

задачам и организации международного движения его сторонников.

В публикуемой документации и многих других, изданных работах Л.Д.Троцкий уделял большое внимание ситуации во Франции и в Испании в 30-е

годы, проблемам, связанным с образованием в этих странах народных фронтов с участием социалистов, коммунистов и других левых партий, образованием правительств народного фронта, испанской гражданской войной 1936-1939 гг. Решительно осуждая компартии за их правительственные комбинации, предпринятые по команде Сталина, он полагал, что выживание как французской, так и испанской демократий возможно только на путях "перманентной революции", то есть непосредственного перехода к социалистическим преобразованиям. Пророчества Троцкого в этом смысле звучали весьма оптимистично. Он полагал, что забастовочная волна во Франции летом 1936 г. является началом социалистической революции ("Французская революция началась", - писал он в июне 1936 г.), что к такому же результату могут привести уличные столкновения в испанском городе Барселоне через год, которые на самом деле были чреватые существенным подрывом сил испанских республиканцев.

Более того, выражалась надежда, почти уверенность, что испанская гражданская война окажется стимулом к революционному подъему в международном масштабе, подобно революции 1917 г. в России. "Советы повсюду" - таков был лозунг Троцкого и его сторонников во время

войны в Испании. Троцкий даже собирался тайно переправиться в Испанию, чтобы лично возглавить революционные силы, но этот план в результате более трезвых размышлений был оставлен.

Иначе говоря, конкретные события текущей европейской, и не только европейской, истории, с их специфическими причинно-следственными связями Троцкий неизменно рассматривал через увеличительное стекло своей концепции "перманентной революции", которая объективно должна была вырваться за пределы как отдельной страны, так и узких рамок демократии. Крах этих надежд Троцкий связывал исключительно с "субъективным фактором" - отсутствием во Франции и Испании, а также в других странах массовых революционных партий. Немало гневных обличительных слов было произнесено по адресу испанских и французских коммунистических лидеров.

В любом случае, каждый раз розовые прогнозы, вообще весьма часто свойственные нашему герою, терпели полное крушение. * Первоначально не только применительно к СССР, но и в международном масштабе группы и течения, враждебные официальному большевистскому и коминтерновскому курсу, рассматривались как своего рода "внутренняя" оппозиция, хотя и оказавшаяся вне компартий,

ибо эти группы были вышиблены из партий, руководимых Москвой.

Троцкий сохранял курс объединенной оппозиции 1926-1927 гг., предусматривавший лишь острую критику политики Сталина и его сторонников в ВКП(б) и Коминтерне, которых именовал "центристами", а также "правых" (Н.И.Бухарина и его последователей в СССР и за его рубежами). Впрочем, от "правых" уже к концу 1929 г. почти ничего не осталось, ибо Бухарин и близкие

к нему А.И.Рыков и М.П.Томский покаялись, будучи снятыми с ответственных постов (Рыков еще год оставался главой правительства, но реальной власти уже не имел и его устранение было предрешенным), а их последователи в зарубежных компартиях либо последовали примеру старших советских товарищей, либо были исключены. Троцкий добивался изменения политического курса ВКП(б) и Коминтерна путем фактического принятия его платформы. Естественно, это могло произойти только путем отстранения Сталина от руководства, что в конце 20-х - начале 30-х годов было уже почти невозможно.

Применительно к организациям своих сторонников вождь оппозиции проявлял четко прослеживаемую по документам двойственность - он отказывался считать их объединения параллельными компартиями и называл эти объединения оппозиционными группами, течениями, лигами и т. п., но в то же время добивался их внутренней структуризации, строгой

дисциплины в них, единой идеологии, то есть фактически они рассматривались если не как партии, то, по крайней мере, в качестве зачатков партий. Было образовано и международное объединение этих групп во главе с подававшими мало признаков жизни Международным бюро и Международным секретариатом, находившимися в Париже.

Планы были весьма обширными. Предполагалось, например, уже в 1929 г. создать крупный международный журнал под условным наименованием "Оппозиция", который сцементировал бы гетерогенные группы в разных странах вокруг единой политической идеологии. Но создать такой журнал так и не удалось. Международный секретариат оказался в состоянии лишь изредка, без какой-либо периодичности, выпускать свой бюллетень.

С самого начала, как это обычно бывает с мелкими отколовшимися политическими единицами, в оппозиционных группах и между ними происходили острые столкновения по вопросам догматики, организации, личного престижа. Последний мотив был немаловажным, ибо вокруг оппозиционных коммунистических групп терлось немало авантюристов, мошенников и тайных агентов советских спецслужб, о чем мы уже упоминали в другой связи. Соперничавшие политики и политиканы стремились привлечь Троцкого в качестве своего защитника и арбитра, и он обычно охотно, хотя и весьма неосторожно ввязывался во

всевозможные конфликты и дразги, хотя подчас и старался соблюсти позицию отца- примирителя. Эта поза, однако, ему редко удавалась, хотя окружавшие и смотрели на него

снизу вверх, а он сам всячески поощрял такую иерархию, сочетая ее с внешним демократизмом. Последний, впрочем, призван был вновь и вновь продемонстрировать величие его носителя.

*

В течение всех лет своей политической деятельности Троцкий держался

особняком и свысока с окружающими. У него почти не было личных друзей. Только двоих из товарищей по партии - Христиана Раковского и Адольфа Иоффе - он именовал этим именем (Иоффе покончил самоубийством в 1927 г., а Раковский с 1928 г. находился в ссылке). Будучи убежденным в своей постоянной теоретической и политической правоте, обладая острым аналитическим умом и жалящим пером, Троцкий в ту пору, когда он был в числе вождей, никогда не снисходил до мещанского, как он полагал, уровня других партийных боссов.

На заседаниях Политбюро, когда обсуждались вопросы, не представлявшие для него интереса, он демонстративно читал французские романы на языке оригинала, что вызывало естественную озлобленность всех этим сталиных и молотовых, калининых и орджоникидзе. В книге воспоминаний, впервые изданной в 1930 г. в Берлине, Троцкий писал о времени своего пребывания в высшем партийной эшелоне: "Если я не участвовал в тех развлечениях, которые все больше входили в нрав нового правящего слоя, то не из моральных принципов, а из

нежелания подвергать себя испытаниям худших видов скуки. Хожение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связываемые с перемыванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, и участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть".

Почти такой же стиль взаимоотношений Троцкий сохранил и в эмиграции. Обычно он был вежлив и приветлив со своими сотрудниками. Хотя временами у него и бывали приступы раздражения и чуть ли ни истерические вспышки, он, как правило, стремился держать себя в руках. Но весь стиль поведения подчеркивал собственное величие и политическую миссию. Секретари и посетители вспоминали, что пиджак Троцкого всегда был застегнут на все пуговицы, галстук затянут, походка прямая, спина ровная.

Будучи требовательным к себе и не допуская, как правило, послаблений, он предъявлял столь же высокие и даже иногда намного бльшие требованиям к окружающим, считая любое проявление жизненных начал "мелкобуржуазной распущенностью", если не изменой.

Сам Троцкий мог позволить себе, хотя и изредка, и, пожалуй, только в качестве

стимула для работы, такие удовольствия, как охота и рыбная ловля, дневной сон. Он не чурался, хотя и в качестве третьестепенного занятия, любовной интриги. Но подобное поведение со стороны окружающих было бы совершенно невыносимым. Жан Хейженоорт, помощник и секретарь Троцкого в эмиграции, писал о взгляде своего шефа - "властном и уверенном в этой власти". Тот же Хейженоорт вспоминал, что, когда в Мексике приехавшая

туда супруга Жана вступила в легкий бытовой спор с женой Троцкого Натальей Седовой, нарушившая этикет дама была немедленно отправлена домой, во Францию.

По документам можно легко проследить, как постепенно Троцкий порывал со своими сторонниками на Западе, которых поначалу было не так уж мало, пока в конце концов ни оказался в почти полном политическом и личностном одиночестве. Старые товарищи и соратники превращались во врагов. Среди них были значительные и способные политики и организаторы. Можно назвать имена французов П.Навилля и Ж.Молинье, испанца А.Нина, немцев К.Ландау и О.Зейпольда, чехов Э.Буриана и Х.Леноровича, американца М.Шахтмана и многих других.

Пожалуй, особенно сложными и противоречивыми были взаимоотношения с американским журналистом Максом Истменом, являвшимся недолгое время в первой

половине 20-х годов коммунистом. Адресованные ему письма Троцкого широко представлены в этом издании. Истмен приехал в Россию в 1922 г. и вскоре стал изучать биографию Троцкого, чему последний явно покровительствовал. В 1924 г. Троцкий пересказал Истмену содержание ленинского "завещания" ("Письма к съезду"), информацию о котором Истмен включил в свою книгу, написанную в том же году после отъезда из СССР и вскоре изданную. Троцкий ответил в свойственной большевикам манере: по требованию своих собратьев по Политбюро он опубликовал заявление в журнале "Большевик", в котором отмежевался от Истмена и заявил, что никакого завещания Ленин, мол, не оставлял. Поведение кумира вызвало у журналиста шок. Тем не менее именно ему в 1926 г. был тайком передан (безусловно, с санкции Троцкого) полный текст пресловутого ленинского письма, который Истмен немедленно опубликовал.

Когда же Троцкий оказался в эмиграции, его отношения с Истменом возобновились - свое прошлое поведение он объяснял тем, что "партия всегда права". Осадок в душе журналиста сохранился, однако, и в следующие годы. Истмен стал переводчиком и литературным агентом Троцкого. В 1932 г. они встречались на Принкипо, причем журналист уже очень скоро понял глубокое безразличие его гостепреимного хозяина к мнению

оппонентов.

В следующие годы между Троцким и Истменом происходили разрывы и новые сближения. Троцкий восхищался мастерством, с которым Истмен перевел его "Историю русской революции" и другие работы, и в то же время злобно бичевал его книги, особенно "Художники в мундирах" (о фанатизме и бюрократизме в руководстве советской художественной литературой). Когда же Истмен присоединился к группе либеральных и социал-демократических деятелей, поставивших вопрос о виновниках кровавого подавления Кронштадтского восстания 1921 г., в частности об ответственности Троцкого за это злодеяние, а затем выпустил книги, доказывавшие неудачу социализма и провал учения

Ленина, произошел окончательный разрыв.

Во взаимоотношениях с Истменом и другими левыми деятелями Троцкий подчас, казалось бы, удерживал себя, стремился не допустить полного отчуждения. Во многих случаях тон критики в документах Троцкого вроде бы даже дружеский, не исключающий возможности сближения, преодоления разногласий, но и в этих, как и во многих других, случаях, когда автор метал в своих оппонентов остро заточенные стрелы, объектам критики давалось понять, насколько глубока интеллектуальная, теоретическая разница между ними и автором.

Убийственный сарказм, чувство негодования, политические клише невозможно было

заслонить вполне приязненными обращениями вроде "дорогой друг", и почти во всех случаях, раньше или позже, следовал неизбежный разрыв. Нередко Троцкий пытался внушить своим сторонникам необходимость спокойного, товарищеского тона полемики, но сам он почти никогда не следовал собственным поучениям. В свою очередь в ответ на стремление некоторых сторонников побудить его шадить самолюбие, самоуважение других групп и деятелей, Троцкий раздражался гневными филиппиками. Примеры такого рода можно встретить в предлагаемом издании в изобилии. Крайность в оценках, высокомерный тон, стремление "резать правду-матку в глаза" - так, как он ее понимал, отталкивали от Троцкого левых интеллектуалов, которые стремились понять и даже разделить его антисталинские настроения. Особенно много таких было в США.

Подчас Троцкий вроде бы пытался примирить своих сторонников, упрекал их в групповщине, но делал это в настолько жалящем полемическом тоне, что это могло привести лишь к обострению фракционных свар. В пятом томе опубликованы, например, письма австрийскому оппозиционному деятелю Иозефу Фрею - Троцкий вроде бы пытался сохранить с ним неплохие отношения, но по существу дела рвал их своим тоном.

Даже такой верный и последовательный ученик Троцкого, каковым был его сын

Л.Седов, в письме Виктору Сержу упрекал отца в отсутствии терпимости, в грубости, в желании унижить оппонента и даже уничтожить его. То, что это было не результатом минутного настроения, а сложившимся мнением, свидетельствуют те же интонации в письме, посланном матери, Н.И.Седовой, 16 апреля 1936 г.: "...Мне кажется, что все папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями - трудными беспримерно, - углубляются. Его нетерпимость, горячность, дерганье, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить - усиливаются. Причем, это не только "личное", но прямо какой-то метод, и вряд ли хороший метод".

Единственным случаем, когда после разрыва было восстановлено личное сотрудничество и даже дружба, было возвращение в число близких друзей Анри

Росмера, видного французского левого деятеля. На догматизм, замкнутость, обидчивость, чувства ревности и зависти, вообще свойственные участникам мелких групп, оказывавшихся не в состоянии получить массовую поддержку, накладывались личные качества самого Троцкого, отмеченные Седовым, к которым следует прибавить непреклонную уверенность "пророка" в собственной правоте, непримиримость к инакомыслию, разящий сарказм.

Документы показывают, какие непрерывные ссоры и склоки происходили между оппозиционными группировками и внутри них, как эти группы понапрасну подрывали и

растрачивали собственные силы в конфликтах, как Троцкий, вместо того, чтобы гасить их, подчас сам разжигал взаимную неприязнь. Недаром в кругу тех, кто хорошо знал нравы этой среды, говорили: "Когда встречаются двое троцкистов, они высказывают три разных мнения". Любопытно, что склоки и свары между "троцкистами" продолжались даже в советских застенках. Известный сторонник Троцкого Борис Эльцин (никакого отношения к будущему президенту Российской Федерации не имевший) признавал: "Нет двух товарищей, которые придерживались бы одного мнения - нас объединяет только ГПУ".

Можно привести сколько угодно примеров, какие хлесткие, оскорбительные эпитеты применял Троцкий по отношению к тем сторонникам (или бывшим сторонникам), которые ему не угодили. П.Навилля он называл "флюгером", готовым на политическую измену. У приверженцев итальянского "левого" коммуниста А.Бордиги была "каша мыслей" - худшей он не встречал. Болезнь "суваринизма" (то есть свойства французского деятеля Б.Суварина) - "болезнь паралича политической воли при гипертрофировании резонерства". М.Истмена Троцкий в 1933 г. обвинил в "страшном грехе" - "мелкобуржуазном ревизионизме". О Г.Брандлере Троцкий писал, что тот "не умеет отличить лицо революции от ее спины".

Троцкий полагал, что обладает монополией на истину. Для него почти равно враждебными были как правоверные коммунисты-сталинисты, так и оппозиционеры, хотя бы в чем-то не согласные с ним. Ведь, по его мнению, "кроме марксистской оппозиции, существует и оппортунистическая", и последняя, мол, "борется против мелкого дьявола, опираясь на сатану".

Троцкий проявлял полное непонимание человеческих слабостей своих бывших соратников, которые довольно легко шли на унижительную капитуляцию перед Сталиным - их еще не избивали, не заставляли выстаивать многие сутки без сна на конвейерных допросах, не запирали зимой полуголых в промерзших камерах-карцерах - все это будет еще впереди. Пока же у бывших оппозиционеров проявлялся инстинкт не выжить любой ценой, а возвратиться к комфортной, или хотя бы приличной жизни, вновь приобщиться к властным структурам, хотя бы на значительно менее выжних ролях. Бывший же лидер коммунистической оппозиции стремился соблюсти хорошую мину. В прямом противоречии со своей еще недавней дружеской перепиской с единомышленниками

он, узнав о покаянном заявлении Е.А. Преображенского, К.Б.Радека и И.Т.Смилги от 10 июля 1929 г., заявил, что они, де, "давно уже представляют собой мертвые души" и что все эти "отходы" "только временно задержат борьбу оппозиции, но не остановят ее".

Причины сохранения такого положения в неустойчивой среде сторонников Л.Д. Троцкого, в его взаимоотношениях с ними были многообразными. В значительной степени оно объяснялось тем, что они во главе со своим вдохновителем и руководителем по существу дела варились в собственном соку, не были в состоянии опереться на сколько-нибудь широкие слои населения, тем более на рабочий класс, выразителями интересов которого они себя объявляли.

В первые годы эмиграции Троцкий был весьма озабочен привлечением в свои организации рабочих, созданием рабочих кружков, обещал посылать в эти кружки свои работы, которые использовались бы для коллективного чтения. Сознавая свой и своих сторонников отрыв от рабочей массы, он находил ему какие-угодно причины, кроме существовавших в действительности - нежелания следовать утопическим схемам "перманентной революции", стремления обеспечить себе и своей семье достойную, по возможности зажиточную, жизнь, не пускаясь на весьма рискованные революционные эксперименты. Подчас Троцкий предлагал чисто бюрократические рецепты преодоления оторванности групп его сторонников от пролетариата, например, создание неких "рабочих комитетов печати", которые, разумеется, ничего не могли изменить.

Троцкий был настроен чрезвычайно оптимистически, и это отчетливо проявлялось в его публицистике и корреспонденции. Он крайне переоценивал влияние своих сторонников не

только на Западе, но и в СССР. В начале 30-х годов, когда он уже потерял почти всех своих приверженцев в СССР, он все еще считал "русскую секцию" Интернациональной левой оппозиции самой крупной. В 1932 г. он оценивал положение русской оппозиции как "подъем". Если такая оценка и имела некоторый смысл, то только в том смысле, что в СССР действительно было несколько тысяч человек, являвшихся то ли бывшими, ныне отрекшимися сторонниками Троцкого, то ли его последователями, пребывавшими в ссылке, концентрационных лагерях и в тюрьмах. В 1930 г. советские спецслужбы разгромили и несколько тайных групп сторонников Троцкого, состоявших из политических эмигрантов и иностранных коммунистов, обучавшихся в учебных заведениях ВКП(б). Анализ разгрома одной из таких групп - китайской - дан недавно в монографии А.В.Панцова.

Но официальный оптимизм у дальновидного и опытного политика не мог срабатывать постоянно. Время от времени он признавал крах своего движения в СССР, неуклонную потерю сторонников и вынужден был довольствоваться лишь весьма слабыми утешениями вроде того, каковое содержалось в письме в СССР от 26 ноября 1929 г.: "Пусть останется в ссылке не 350 верных своему знамени, а 35 человек, даже три человека - останется знамя, останется стратегическая линия, останется будущее". Утешения были более чем зыбкими, и Троцкий не мог

не осознавать этого.

Отсюда проистекал поиск виновников политических провалов, возложение вины на партнеров, которые хотя бы в чем-то не были с ним согласны, превращение мух в слонов, взаимные обиды и подозрительность.

Слабость и разобщенность оппозиционных организаций объяснялись, далее, тем, что к ним в то или иное время примыкали самые разнообразные группы и лица, которых подчас объединяло только одно - недовольство сталинским режимом в СССР и господством ВКП(б), в частности в лице Сталина и его клеветов, в Коминтерне (некоторые отошли от Коминтерна или были исключены из него еще при Ленине, будучи недовольными ленинско-зиновьевскими методами руководства и большевистскими политическими установками). Кроме того, значительную часть среди оппозиционеров составляла молодежь без существенного образования и опыта, но уверенная в полной своей непогрешимости, смотревшая сверху вниз на старшее поколение. Немалую роль играло личное соперничество и другие личные соображения, иногда даже материально-карьерного свойства. Наконец, и это было последним лишь по счету, но не по значению, догматический характер марксистского учения сам по себе, полемическая нетерпимость Маркса углублялись догматизмом и нетерпимостью нескольких поколений его последователей, среди которых Ленин и Троцкий занимали далеко не последние места. Безапелляционность, как мы уже

отмечали, была немаловажной чертой Троцкого на протяжении большей части его политической жизни. Общение с Лениным, безусловно, подкрепило это далеко не лучшее для политического деятеля свойство.

* Уже выдвинув в 1933 г. задачу создания новой компартии в Германии, Троцкий еще на протяжении нескольких месяцев оттягивал свой открытый разрыв не только со сталинской

группой, но и с ВКП(б) и Коминтерном в целом. Лишь с большими оговорками можно согласиться с американским исследователем Дж. Арчем Гетти, полагающим, что за странной медлительностью в эти месяцы скрывалась его последняя попытка возвратиться в кремлевское руководство. Именно этим Арч Гетти объясняет, что между серией публикаций в "Бюллетене оппозиции" в марте с призывом к созданию новой германской компартии и заявлениями о том, что Коминтерн мертв и бюрократический режим в СССР может быть свергнут только силой (июль), прошло долгих четыре месяца. Автор обосновывает это тем, что именно после призыва к созданию новой германской компартии, но до заявления о полном разрыве с ВКП(б) и Коминтерном (точнее фактически одновременно с первым) Троцкий направил Политбюро ЦК ВКП(б) секретное письмо, в котором, имея в виду неизбежную, по его мнению, хозяйственную катастрофу в СССР, обращался к "чувству ответственности" советских

иерархов, призывая их использовать поддержку оппозиции и свое возвращение в партию с обязательством воздерживаться от критики. Не получив ответа, Троцкий 13 мая сделал заявление для прессы и передал журналистам текст письма. По мнению Арча Гетти, предложение Троцкого о возвращении в СССР для конструктивной руководящей работы носило серьезный характер, и он опирался при этом на созданный оппозиционерами различных направлений тайный антисталинский блок в СССР. С Арчем Гетти можно согласиться лишь в том, что четырехмесячный интервал между заявлением о разрыве с компартией Германии и заявлением о разрыве с Коминтерном и ВКП(б) был прямо связан с письмом в ЦК ВКП(б). Но можно ли считать это письмо проявлением искреннего стремления к примирению? Нам думается, что для этого нет никаких оснований. Во-первых, Троцкий отлично сознавал крайнюю слабость, фактическую беспомощность той попытки объединения оппозиционных сил в СССР, которая была предпринята в 1932 г. Во-вторых, он должен был прекрасно понимать, что беспощадное подавление объединенной оппозиции, которое сталинская группа осуществила в предыдущие годы, было предпринято отнюдь не для того, чтобы принять теперь ее лидера в свои распростертые объятия, не говоря уже о явной нереальности обещания Троцкого воздерживаться от критики. Троцкий, разумеется, не знал о той резолюции, которую начертал Сталин на предыдущем

его обращении в ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1931 г. по поводу судебной тяжбы с германским издателем Шуманом. Дело было связано с отказом Троцкого сотрудничать с этим издателем и выполнять подписанный с ним договор, ибо Шуман, как оказалось, напечатал книгу А.Ф. Керенского. В связи с рассмотрением дела в суде изгнанник считал, что московские лидеры должны представить в суд материалы, защищающие честь партии большевиков и ее руководителя Ленина (письмо и другие материалы, связанные с этим делом, публикуются в данном издании). Резолюция Сталина гласила: "Думаю, что господина Троцкого, этого пахана и мейшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове через ИККИ [Исполком Коминтерна]. Пусть знает свое место". Повторяем, Троцкий не знал об этой резолюции, которая стала известна только недавно. Но мог ли он ждать чего-либо иного от кремлевского владыки? Думать так означало бы считать Троцкого не опытным политическим деятелем, а подмастерьем в ремесле политика. Данное соображение следует отнести к 1933 году. Наконец, возвращение в СССР означало бы крах претензий Троцкого на руководящую роль как в самой стране, так и в международном революционном движении, а это для нашего

героя было совершенно немыслимо, равнозначно политической гибели. Зачем же в таком случае было послано злосчастное письмо? Мы убеждены в том, что цель письма состояла только в том, чтобы продемонстрировать свою добрую волю, свою готовность к единству. Но продемонстрировать ее не советским лидерам, а своим сторонникам, а также беспристрастным наблюдателям на

Западе, убедить их, что действительным виновником окончательного политического разрыва является не оппозиционное течение, а официальное руководство ВКП(б). Иначе говоря, письмо было тактическим ходом, заранее рассчитанным на решительный отказ и последующую публикацию этого "секретного" документа. Об этом свидетельствует сопроводительное письмо от 3 мая 1933 г., "рассекречивавшее" обращение к большевистским властям. В нем говорилось: "При сем препровождается несколько копий секретного письма в Политбюро. Так как законный срок прошел, то письмо перестает быть секретным, хотя и не предназначено для опубликования. Лучше рассылать его "избранным", в том числе и дипломатам (не забыть Коллонтай, [Антонова-]Овсиенко и пр. Я считаю возможным предоставить иностранным товарищам [возможность] цитировать это письмо на собраниях, если им это понадобится. Использованное в таком виде, оно произведет большее впечатление,

чем в печатном виде". Думается, что скрытый мотив отправления "секретного" письма в Москву раскрывается здесь достаточно очевидно.

* Так или иначе, первая половина 1933 г. представляла собой важный рубеж в жизни Троцкого. 17 июля 1933 г. он, получив визу правительства Франции, вместе с супругой покинул Турцию на итальянском пароходе и 24 июля прибыл во французский порт Марсель. До конца октября 1933 г. Троцкий проживал в местечке Сан-Пале вблизи г. Руайан в устье реки Жиронда, а с 1 ноября - в небольшом городе Барбизон возле Парижа. Такая ситуация создавала серьезные затруднения для общественной деятельности, но, как показало близкое будущее, была единственно приемлемой как с точки зрения безопасности, так и перспектив пребывания в стране. В середине апреля 1934 г. местные власти сделали пребывание Троцкого в Барбизоне общеизвестным, и развернулась массированная кампания за его депортацию, в которой равно активно участвовали как компартия, так и праворадикальные силы. Правительство Г.Думерга под этим давлением приняло решение об изгнании Троцкого, но не могло вначале его

реализовать, так как ни одно другое государство не соглашалось его принять. Изгнанник вынужден был переезжать с места на место, пока, наконец, не поселился с разрешения властей в альпийской деревне Домен. Здесь он находился около года, с июля 1934 по июнь 1935 г., когда, в конце концов, получил санкцию правительства Норвегии, где у власти стояли социалисты, иммигрировать в эту страну. Пребывание в Норвегии оказалось, однако, кратким и драматическим. Вскоре после убийства С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. советские власти, начавшие массовые аресты, которые являлись прелюдией к "большому террору" 1936-1938 гг., стали обвинять Троцкого вначале в организации этого убийства, а затем в связях с "империалистическими державами", саботаже, подрывной деятельности, шпионаже и пр. Правительству Норвегии недвусмысленно разъяснялось, что дальнейшее пребывание Троцкого на

территории этой страны влечет за собой ответные карательные действия СССР. Норвегии, в частности, угрожали, что будут прекращены закупки сельди у ее фирм, и такой демарш был значительно весомее, нежели

соображения по поводу права политического убежища. В августе 1936 г. банда правых экстремистов совершила нападение на дом, в котором жил Троцкий. Вслед за этим, через два дня после вынесения смертного приговора на первом московском "открытом" судебном фарсе Г.Е.Зиновьеву, Л.Б.Каменеву и другим подсудимым,

за спиной которых, якобы, стоял Троцкий, 26 августа правительство Норвегии потребовало от него подписания заявления о полном отказе от политической деятельности. Требование было отвергнуто, и Троцкий оказался под домашним арестом. В основном неудачей окончились его попытки использовать суд для разоблачения обвинений и разъяснения своей ситуации. Троцкий фактически находился на положении заключенного до января 1937 г., когда ему было предоставлено право почетного политического убежища правительством Мексики во главе с президентом Ласаро Карденасом. Главным содеожанием французского и норвежского изгнания - второго этапа деятельности Троцкого после депортации из СССР - был его переход к созданию самостоятельной международной организации своих сторонников на базе полного разрыва с Коминтерном. В первые годы эмиграции Троцкий, как мы уже отмечали, рассматривал группы последователей его взглядов лишь как "оппозицию большевиков-ленинцев", добивавшихся отстранения "центристов" и "правых" от руководства, осуществления своей программы хозяйственных и политических реформ в СССР, поворота Коминтерна к "подлинно революционному курсу" и, естественно, возвращения оппозиционеров в официальное коммунистическое движение, в руководство СССР. Все эти действия "троцкисты" намеревались осуществить мирным путем, в частности добиваясь привлечения на свою

сторону основной массы активных членов ВКП(б) и других компартий. Естественно, наибольшее внимание Троцкий придавал на первом этапе попыткам продолжить свою агитацию в СССР. Поначалу ему удавалось поддерживать письменную связь со своими тайными и открытыми сторонниками (последние, как правило, находились в заключении и в ссылке). Именно на них в первую очередь был рассчитан "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)", который с большим трудом все же проникал в СССР. Но тончайшая струя, по которой оппозиционный журнал поступал в Советский Союз, причем почти исключительно в Москву, постепенно пересыхала. Основными "реципиентами" устойчиво, до прекращения выхода журнала, оставались только высшие большевистские иерархи. "Бюллетень оппозиции" издавался малым тиражом, не превышавшим 1 тыс. экземпляров. В 1929 г. Троцкий попытался использовать для восстановления связей со своими сторонниками посетившего его на Принкипо бывшего сотрудника его аппарата, а к этому времени работника ОГПУ Я.Г.Блюмкина. Этот бывший левый эсер, работавший в ВЧК и в июле 1918 г. убивший германского посла в

Москве Мирбаха (убийство было совершено вместе с другим работником ВЧК Н.Андреевым), а позже амнистированный, ставший большевиком, был отпетым авантюристом, которому не давали покоя лавры всемирно известных шпионов и

диверсантов вроде Лоуренса Аравийского или Сиднея Рейли. Через Блюмкина в Москву было передано директивное письмо, которое публикуется в пятом томе данного издания. Однако миссия Блюмкина была раскрыта (к этому, видимо, приложил руку К.Б.Радек, о котором Троцкий в своем письме отзывался весьма презрительно, хотя достоверных данных о причастности Радека к расправе с Блюмкиным нет). Блюмкин был арестован и расстрелян. Надежды Троцкого, что его дело станет "судом Сакко и Ванцетти" для левой оппозиции, то есть всколыхнет бурю протеста, оказались втуне. Призывы на этот счет не встретили поддержки западной общественности. В первые годы изгнания Троцкий получал письма из СССР от своих нераскаившихся сторонников, а также рядовых коммунистов. В этих письмах содержалась информация о жизни в СССР, о процессе все большей бюрократизации партийного и государственного аппарата, политических репрессиях, а также о попытках оппозиционных выступлений и их подавлении. Часть писем в препарированном виде была опубликована в "Бюллетене оппозиции". За границу подчас удавалось переправлять и более значительные не только по содержанию, но и по объему произведения оппозиционеров. Среди них наиболее важны были статьи и заявления Х.Г.Раковского, находившегося в ссылке в Барнауле, прежде всего его знаменитое "Письмо тов. В.", содержавшее вдумчивый, хотя и не выходящий за пределы

марксистско-ленинской догматики анализ существа и причин формирования бюрократического слоя в СССР. По-видимому, письма и другие материалы поступали Троцкому по различным каналам. Есть свидетельства, что часть из них он получал непосредственно на Принкипо, скорее всего в результате небрежности местной агентуры ОГПУ. Ведавший ею, а затем переметнувшийся на Запад Г.С.Агабеков писал, что резидентура в Стамбуле организовала просмотр писем, "поступавших на имя Троцкого". "Несколько таких писем при мне было получено из Москвы. Они носили официальный характер. Некоторые издатели и журналисты обращались к Троцкому с вопросами и предложениями. Впоследствии было решено таких писем не задерживать и пропускать их Троцкому". Другим путем было использование своего рода курьеров - тайных симпатизантов, выезжавших за границу и в командировки. Французский писатель П.Навилль, являвшийся некоторое время сторонником Троцкого, свидетельствовал, что он получил в Париже сообщение от того же Раковского на нескольких кусочках картона, которые были вшиты в лацканы пальто (естественно, он не указывает, кто именно был владельцем этого пальто). В архиве Троцкого отложился ряд писем из СССР, написанных в соответствии с достаточно наивными, самодельными правилами конспирации - измененным почерком, печатными буквами и т. п. В то же время надо отметить, что некоторые "письма из СССР",

публиковавшиеся в "Бюллетене оппозиции" в первые годы его существования, сочинялись самим Троцким или же Л.Л.Седовым. В архиве сохранилось, например, "Письмо из Москвы" за 1931 год, написанное Троцким от руки с явными следами его собственного авторства. Связь Троцкого с его сторонниками в СССР почти полностью прекратилась к концу 1932 г. Правда, этот год принес новые ожидания, оказавшиеся, увы, несбыточными. В письмах, полученных из СССР осенью 1932 г., содержались оптимистичские факты, которые, казалось бы, свидетельствовали об усилении в СССР оппозиционных настроений. Один корреспондент сообщал из Москвы об эволюции молодежи в сторону оппозиции и в то же время о ее недовольстве "одними теоретическими рассуждениями" оппозиционеров, о желании организационного оформления. В письме говорилось также о стремлении найти "новый путь", чтобы не повторять ошибок прежней оппозиции, о притоке новых людей, ранее с оппозицией не связанных, и т. п. К такого рода сообщениям и оценкам надо было подходить крайне осторожно. Во-первых, сообщались они сторонниками Троцкого, которые еще не капитулировали, а для них было свойственно приукрашивание реального положения вещей. Во-вторых, из писем было видно, что далее "кухонных разговоров" недовольные идти не собирались. Наконец, ни один из ранее активных и известных оппозиционеров в корреспонденции не упоминался, и было очевидно, что о возобновлении организационной, тем более легальной активной деятельности нечего было и мечтать. Тем не менее Троцкий воспринял полученные сведения как своего рода сигнал. В 1932 г. он направил ряд писем бывшим ведущим оппозиционерам, в том числе К.Б.Радеку, Г.Я.Сокольникову, Е.А.Преображенскому. Содержание этих писем пока не известно, в архиве Троцкого сохранились лишь почтовые квитанции, и это, как справедливо отмечает Арч Гетти, странно, так как Троцкий внимательно следил, чтобы копии писем оставались в его распоряжении. Не исключено, что письма из архива были изъяты позже. Странно и то, что письма отправлялись по почте, хотя Троцкому отлично было известно, что за всеми бывшими оппозиционерами, какие бы высокие посты они потом ни занимали, ведется непрерывное наблюдение со стороны советских спецслужб. Вполне вероятно, что в письмах была предпринята попытка убедить адресатов возобновить оппозиционную деятельность. Вслед за этим необычным актом побывавший в Берлине бывший оппозиционер Е.С. Гольцман передал Троцкому через Л.Л.Седова предложение И.Н.Смирнова и других бывших

соратников о создании тайного оппозиционного блока бывших участников объединенной оппозиции, членов группы В.В.Ломинадзе и других недовольных членов партии. Троцкий одобрил эту идею. Судя по дальнейшей информации, таковой блок был образован. Однако то ли эта информация была слишком поспешной, то ли реально речь шла лишь о взаимном прощупывании, то ли, наконец, блок был создан только формально, но, во всяком случае, никаких признаков жизнедеятельности он так и не подал. Совершенно очевидно при этом, что, если бы даже какие-то попытки активности и были проявлены, они были бы немедленно сокрушены репрессивным аппаратом. В том же 1932 г. И.Н.Смирнов,

Е.А. Преображенский и другие бывшие сторонники Троцкого были заключены в тюрьму, Каменев и Зиновьев сосланы за то, что, зная о существовании антисталинской группы М.Н.Рютина, не сообщили о ней властям. Принимая желаемое за действительное, Л.Л.Седов написал отцу, что аресты охватили лишь верхний слой блока, а низовые кадры сохранились. Восприняв и эту информацию как достоверную, Троцкий попытался через англичанина Г.Викса передать рукописное письмо своим сторонникам в СССР. Но никакой реакции не последовало. Сказанное позволяет поставить под сомнение утверждение Арча Гетти, что оппозиционный блок был действительно сформирован в 1932 г., хотя его величину и силу

определить невозможно. По существу дела, к концу 1932 г. Троцкий потерял какое-либо влияние в ВКП(б), сохранив его лишь среди бывших членов партии, находившихся теперь в заключении и ссылке. Впрочем, и среди этих групп оставались за весьма редкими исключениями (Х.Г.Раковский, Л.С. Сосновский и немногие другие) лишь почти неизвестные деятели, число которых продолжало таять. Это было связано с тем, что получить свободу и даже восстановиться в партии (в 30-е годы применялся чудовищный бюрократический термин "партизоваться") было еще довольно просто - достаточно было энергично покаяться. Недаром в среде заключенных была распространена частушка: "Если есть у вас томление по семье и чайнику, напишите заявленье ГПУ начальнику". Российский ученый Ю.А.Поляков вспоминает, что его родственник А.С.Поляков, молодой историк, арестованный за принадлежность к "оппозиции большевиков-ленинцев", то есть сторонников Троцкого, был приговорен Особым совещанием ОГПУ в январе 1929 г. к ссылке в Сибирь на три года. Несмотря на такой приговор, Поляков, видимо, вначале упорствовавший в своей ереси, несколько месяцев находился в Тобольском политизоляторе (тюрьме). Но уже 26 июня того же года дело было закрыто, а сам он досрочно освобожден и получил разрешение свободно проживать по всей территории СССР "вследствие

подачи декларативного заявления". Понимал ли Троцкий, что его позиции в ВКП(б) почти полностью и безвозвратно утрачены? С одной стороны, как трезвый политик, он не мог не отдавать себе в этом отчета. С другой стороны, вел он себя так, как будто в СССР назревает глубочайший политический кризис и его шансы на возвращение во властные политические структуры растут. По-видимому, ближе к истине первое утверждение. Внешний оптимизм, который он пронесет до конца своих дней, был скорее хорошей миной. Но эта мина была абсолютно необходима для самосохранения в качестве политического деятеля. Еще раньше, в пору существования объединенной оппозиции, дипломатический представитель Чехословакии в СССР Й. Гирса обоснованно писал: "Оппозиция состоит главным образом из интеллектуалов, которые по своему духовному уровню возвышаются над основной массой членов партии, и это вызывает по отношению к ней определенное их недоверие. Сила сталинской позиции состоит в том, что он является представителем количественно преобладающей части

партии, то есть интеллектуально посредственных людей". Этот вывод в еще большей степени относится к следующему периоду, когда интеллектуальные маргиналы, Шариковы со Швондерами, заняли все решающие позиции, а интеллигенты-оппозиционеры под

любыми предложениями отказывались от "заблуждений", чтобы занять хотя бы незначительные позиции поближе к жене и чайнику. Всего этого Троцкий старался не замечать. "Одна, но пламенная страсть", которая владела его умом и сердцем, - это стремление отстранить от власти Сталина и его группу, восстановить "ленинское", как он себе его представлял, руководство.

Очевидно, неверно сводить целиком и полностью все выступления Троцкого против сталинского курса к борьбе за власть, к личному соперничеству, тем более, что эта перспектива становилась все более призрачной. Троцкий искренне критиковал и бичевал сталинский курс - кровавую коллективизацию, провалы первой пятилетки, бюрократическое вырождение, непрерывные крутые колебания курса в мировой политике и в международном революционном движении - от заигрывания с британскими тред-юнионистами и китайским Гоминьданом к политике "третьего периода", чреватого, якобы, мировой революцией, затем назад, к курсу народного фронта, и вновь к совместной с нацистской Германией агрессии в Восточной Европе. Вождь оппозиции тщетно надеялся на некие изменения в советском руководстве, на перестановку сил в правившей группе и какие-то другие чудеса. Они, конечно же, не были полностью исключены, но вероятность их с самого начала была минимальной. А со временем она стала вообще эфемерной.

Реально изменения, не носившие системного характера, но казавшиеся глубокими, начались лишь через много лет после смерти Троцкого, со смертью в 1953 г. его главного антагониста и убийцы. Вскоре после этого псевдо-истина, проповедовавшаяся Троцким, о "хорошем" Ленине и "плохом" Сталине стала проникать в широкое общественное сознание. Писатель О.Жуховицкий говорил о себе в том времени: "...Я верил в мудрость Ильича, замечательное учение которого так хамски извратил подлец Виссарионович". Увы, неволью заимствуя ход мыслей Троцкого, советские власти продолжали шельмовать его всеми доступными средствами. Точно так же ни его идеям, ни ему лично не было бы места в хрущевском, брежневском или горбачевском лагере, если бы он дожил до этой поры. Но так или иначе именно Троцкий был основоположником того мнения в марксистском обществоведении, согласно которому сталинизм был не продолжением, а противоположностью ленинизма, отрицанием всего предыдущего этапа развития Советского Союза, резким шагом назад в общественном развитии. Любому беспристрастному аналитику, думается, должна быть ясна предвзятость и ненаучность такого подхода.

Призывая возвратиться к истинному ленинизму, Лев Давидович видел себя единственным законным вождем, последователем Ленина, вещающим истину относительно развития СССР и мирового революционного процесса, самого понимания марксизма. Хотя эта

формула не произносилась тогда ни одним из главных соперников (Троцкий так и не произнес ее, да и не мог произнести, Сталин же ввел в официальный обиход в 1947 г., вписав в собственную "Краткую биографию"), каждый из них видел себя "Лениным сегодня".

Любопытно отметить, что Сталин, представляя Троцкого как некоего дьявола, главное исчадие ада, основного виновника всех недостатков и трудностей, переживаемых СССР, зловещую тень, маячившую за спиной всех врагов, да и прилагая огромные усилия для подготовки и организации его убийства уже в начале второй мировой войны, тем самым отдавал должное Троцкому, поднимал его по существу дела на собственный уровень. Оба они уподобляли себя древнегреческим богам, казнившим и миловавшим огромные людские массы по собственной прихоти. Имея в виду, что отстранение Сталина и возвращение к "ленинизму" были в представлении Троцкого почти аналогичными задачами, оппозиционный руководитель умело использовал инструментарий диалектики для того, чтобы легко превращать тактические вопросы в программные и наоборот конкретного в зависимости от момента, от понимания целесообразности. Троцкий, например, отнюдь не выступал за "демократию в партии", когда он был у власти, но стал решительным проponentом тайного голосования в коммунистических организациях и органах, когда оказался в оппозиции. О том, что тайное голосование имеет для

него только инструментальный смысл, он говорил достаточно открыто. "Я хочу тайного голосования для рабочих-большевиков в партии против бюрократов, против термидорианцев", - писал он Борису Суварину 29 апреля 1929 г. из Турции. В этом документе он возражал против тайного голосования в Советах, потому что это будет, мол, голосование против коммунистов, и называл такое требование "меньшевицким". Поистине, и в случае нашего героя подтверждалось бессмертное высказывание Д.Оруэлла о том, что на "свиноферме", то есть при власти коммунистов, все животные равны, но некоторые более равны, нежели остальные. И, разумеется, всякую иную позицию Троцкий именовал вздором, буржуазным мышлением, жалким идейным банкротством и прочими уничижительными определениями. Опытному и трезвому политику не могло не быть ясным, что в условиях, когда политическая мафия, в какую все более превращалась компартия, осуществляет бесконтрольную власть в стране, самой этой мафией можно управлять только диктаторскими и преступными методами, и декорум демократии, демократического централизма - это лишь средство сокрытия реального положения вещей, закрепления узды на шею неопытной, малообразованной и попросту глупой и доверчивой членской массы.

В то же время руководящие круги, карьеристы, идеологи и пропагандисты отлично сознавали цену "внутрипартийной демократии", и, разумеется, Троцкий был в числе

первых среди них. Ничем иным, как тактическим приемом в борьбе против

Сталинской власти, не было его требование демократии в партии, в условиях которой, как он тщетно надеялся, оппозиция "нормальными методами завоюет пролетарское ядро партии". В противовес Сталину и в то же время симметрично ему Троцкий всячески оправдывал все то, что делалось при Ленине. Через многие документы вновь и вновь проходит решительное противопоставление того периода, когда во главе советской России и международного коммунистических сил стояли Ленин и он сам, и периода, начавшегося примерно с 1923 года, когда стала нарастать концентрация власти в руках Сталинской группы, а сам Троцкий постепенно, но во все большей степени оказывался на властной периферии. Троцкий многократно пытался снять вину с большевистского руководства первых лет после Октября 1917 г. и прежде всего, естественно, с себя самого, за ужасы и кровопролития периода гражданской войны и непосредственно после нее. Он утверждал, что диктатура пролетариата не обязательно связана с кровавым террором, может носить мягкий характер. Но почти всегда в подобных рассуждениях сразу же оказывалось, что это, мол, относится к развитым нациям, а диктатура пролетариата в России была установлена в слаборазвитой крестьянской стране. Противопоставление ленинского периода Сталинскому - одна из главных тем всех крупных работ Троцкого периода эмиграции, прежде всего его мемуарной книги

"Моя жизнь" и объемистой "Истории русской революции". Прежде всего Троцкий всячески оправдывал большевистский террор того времени, когда сам он находился у власти и был к этому террору причастен, и бичевал Сталинский, то есть тот же большевистский террор, из своего зарубежного далека. Уже в 1933 г. в публицистике Троцкого всплывает болезненный вопрос о кровавом подавлении большевистской властью Кронштадтского восстания 1921 года (или, как предпочитал выражаться Троцкий в полном согласии с писаниями большевистских идеологов внутри СССР, Кронштадтского "контрреволюционного мятежа"). Схема, которая позволяла ему продолжать упорное одобрение беспощадной расправы над оставшейся на советской платформе бывшей "крепостью революции", состояла в том, что в Кронштадте, мол, положением овладела крестьянская, мелкобуржуазная контрреволюция, на смену которой, в случае ее успеха, неизбежно пришла бы "крупнобуржуазная контрреволюция". Позже ряд бывших сторонников Троцкого или же тех, кто только начинал отходить от него (А.Цилига, В. Серж, М.Истмен и др.) открыто поставили вопрос о его вине за зверскую расправу с кронштадтскими матросами и рабочими. Троцкий отрицал свое прямое участие в подавлении восстания, однако полностью брал на себя морально-политическую ответственность за кровавые репрессии. В восхвалении Ленина Троцким и Сталиным были существенные отличия: во-первых,

в ленинское время Троцкий был одним из вождей, а Сталин до 1922 г. не был широко известен, хотя и не находился в тени; во-вторых, Сталин был теперь у власти, а Троцкий в изгнании. Отсюда вытекало, что Сталинское

восхваление Ленина означало представление нынешнего советского курса в качестве прямого продолжения ленинского; оценки Троцкого означали неизменное противопоставление Ленина Сталину. Пожалуй, единственной инициативой Ленина, которую Троцкий даже не то чтобы критиковал, а весьма сдержанно ставил под сомнение, было запрещение фракций в компартии, проведенное в 1921 году на X съезде РКП(б). Сдержанность была вполне объяснимой - тогда Троцкий полностью поддержал эту драконовскую меру Ленина, на которую впоследствии опиралась сталинская группа, превращая ВКП(б) в "орден меченосцев", в священный союз совокупного начальства, послушно следующий любой, пусть самой преступной команде. Теперь же он, осознав, что сам напоролся на то, за что боролся, стал заявлять, что наличие фракций "в известных пределах неизбежно связано с жизнью и развитием партии". Поэтому трудно согласиться с мнением М.Истмена, который писал о Троцком в период эмиграции, что он "становился все более жестким в защите крайних организационных догм большевизма. Казалось, что он... стремится показать свою решимость превзойти Ленина". Нет, организационные взгляды Троцкого оставались стабильными,

причем они были несколько мягче ленинских. Ленина вообще трудно было превзойти в стремлении централизовать партийное руководство. Уже вскоре после прибытия в эмиграцию Троцкий начал работать над биографией Ленина, которую он задумал как фундаментальный труд, противопоставленный официальной советской историографии и биографистике. В Турции заняться этой работой сколько-нибудь скрепно он не смог, погрузившись в основном в создание автобиографической книги, а затем и истории революции 1917 г., хотя в мемуарном плане о Ленине написал немало. Во Франции Троцкий, наконец, приступил к собиранию материала и написанию фрагментов, но вновь отложил рукопись, хотя поначалу работа, казалось бы, пошла быстро. В декабре 1933 г. с американским издательством "Даблдей, Доран и Ко" был заключен договор, и Троцкому был начислен аванс в сумме 10 тыс. долларов. М.Истмен ожидал рукопись для перевода на английский язык. В декабре 1934 г. он писал Троцкому, что хотел бы видеть "Жизнь Ленина" в одном томе, даже если это будет очень объемистая книга, ибо американские читатели предпочитают не покупать многотомных биографий. Но на самом деле Троцкий, обычно быстрый и плодовитый, с этой книгой не спешил. Осуществить свой план он так и не смог. Он откладывал свои наброски, через некоторое время снова возвращался к ним, но в более или менее завершенном виде написал только

первые главы, посвященные лишь раннему Ленину (80-е - 90-е годы XIX века). Эти главы завершают последний том данного издания. Думается, что причины такой удивительной медлительности состояли не только в необходимости возвращаться к текущим политическим делам (подготовка биографии Сталина в последние годы жизни также должна быть отнесена к таковым) - Троцкий умел сочетать политическую публицистику и переписку с занятиями историей, о чем свидетельствует написанная им на Принкипо фундаментальная двухтомная

(причем второй том в двух книгах) "История русской революции". Что-то мешало ему полностью отдаться своему персонажу. По всей видимости, внутренне автора разбедали сложные, противоречивые чувства. С одной стороны, он хотел оставаться чистым перед собой и осветить путь Ленина всесторонне (разумеется, в пределах марксистской парадигмы). С другой стороны, он понимал, что в этом случае далеко не все факты можно будет вписать в собственную схему прямой политической преемственности: Ленин - Троцкий. Над "Историей русской революции" Троцкому было работать значительно проще, ибо, во-первых, это было время его наиболее тесного единения с Лениным, во-вторых, он мог избирать те сюжеты и повороты, которые в наибольшей степени соответствовали его интересам, и, наконец, 1917 год был началом его непродолжительного "звездного времени", и возвращение к нему на бумаге Троцкого особенно

привлекало. Нельзя не отметить и того факта, что сам он, вписавший немало страниц в книгу культа Ленина, испытывал к последнему противоречивые чувства, включавшие не только уважение и почтительность, но и ревность и, возможно, раздражение и зависть. Кроме того, никак нельзя было забыть неоднократных обменов с Лениным злобными репликами в дооктябрьский период, еще со времени II съезда РСДРП в 1903 г. По-видимому, Лев Давидович вспоминал с саркастической усмешкой свою оценку взглядов Ленина по вопросам партийного строительства в то время. Эта оценка поразительно точно подтвердилась при ленинском преемнике Сталине. Троцкий писал тогда: "Партийная организация (то есть партийный аппарат - Ю.Ф. и Г.Ч.) подменяет собой партию, Центральный Комитет заменяет партийную организацию и, наконец, "диктатор" подменяет собою Центральный Комитет..." Самолюбивый Троцкий никак не мог полностью отмести, забыть презрительную кличку "Иудушка", данную ему Ильичем, и интеллектуального воровства со стороны Ленина в названии газеты "Правда" (так называлась газета Троцкого, выходящая в Вене, наименование которой Ленин бессовестно присвоил своей газете, выпуск которой был начат в Петербурге в 1912 г.). Троцкий хорошо помнил и острую полемику с Лениным в конце 1920 - начале 1921 г. в ходе профсоюзной дискуссии, когда Ленину

дважды удалось одолеть Троцкого в ЦК РКП(б) большинством всего лишь в один голос.

Из всего этого вытекало стремление "заземлить" Ленина в публицистике, отрицание его роли в разработке марксистской теории, отвержение понятия "ленинизм" как теории - соображения полностью обоснованные, но никак не соответствовавшие политический целесообразности сплочения большевиков-ленинцев, как Троцкий именовал своих сторонников.

Р.Даниелс с полным основанием пишет: "Его (Троцкого - Ю.Ф. и Г.Ч.) трагедия состояла в том, что он был слишком крупным деятелем, чтобы подчинить себя Ленину или любой другой личности, или партии, или доктрине и в то же время слишком малым деятелем, чтобы действовать без моральных

оправданий, которые верность личности, или партии, или доктрине требовала от него".

*

Между тем, после того как Троцкий объявил о разрыве с ВКП(б) и Коминтерном, призвал к созданию новых компартий и их нового международного объединения, никаких существенных изменений в состоянии "левой" международной коммунистической оппозиции не произошло. Продолжалась постоянная борьба за выживание крохотных

национальных "троцкистских" организаций. Их общая численность составляла, как правило, несколько сотен человек, хотя сам Лев Давидович, сознавая их незначительность, все же на порядки преувеличивал число своих сторонников, утверждая, что их несколько тысяч, а иногда даже настолько увлекался, что говорил о десятках тысяч. Собственно, разница между сотнями и тысячами в масштабах земного шара была совершенно незаметной.

Эмбрион IV Интернационала Троцкий пытался моделировать по образцу III Интернационала, полагая, что это объединение должно основываться на "демократическом централизме" и состоять из идеологически единых и политически монолитных национальных партий, опираться на решения первых четырех конгрессов Коминтерна (1919-1922 гг.). Но шедших за Троцким национальных партий не было или же они существовали только на бумаге. Тем не менее с 1933 г. Троцкий не оставлял идеи образования IV Интернационала. Он не учитывал главного - Коминтерн был более или менее значительной международной организацией прежде всего потому, что он опирался на финансовые вливания большевистского руководства, которое, поначалу щедро оплачивая своих певцов и танцоров (по данным хорошо осведомленного В.Кривицкого, Москва оплачивала 90-95

процентов всех расходов компартий), считало, что имеет все основания заказывать музыку. Троцкий же мог рассчитывать лишь на такие нематериальные понятия, как "идейная выдержанность", "сознательная дисциплина", самоотверженность его сторонников. Сознвая крайнюю шаткость позиций своих приверженцев, их сектантскую замкнутость, Троцкий в прямом противоречии с собственными установками, со своей критикой советского руководства за его союз с британскими тред-юнионами или китайским Гомиьданом, за политику сотрудничества с "реформистами" в форме народного фронта, искал союзников в среде явно не революционных социалистических сил. Он пытался установить связь с Независимой рабочей партией Великобритании, поощрял своих сторонников во Франции, когда они выдвинули идею вступления в Социалистическую партию, способствовал созданию в 1931 г. раскольнической Социалистической рабочей партии Германии, которая после прихода Гитлера к власти примкнула к Интернациональной левой оппозиции, но вскоре, уже в лице своих эмигрантских органов, высказалась за народный фронт и порвала с

Троцким. Все эти опыты полностью провалились - даже внедриться в социалистические партии и организации, а тем более взять их под свой контроль, сторонники Троцкого не смогли. В среде его приверженцев происходили все новые и новые расколы, причем некоторые микроскопические

группы продолжали конкурировать между собой в борьбе за звание "подлинных троцкистов", другие же полностью порвали с "пророком в изгнании" и переходили к острой критике его взглядов с коммунистических, социал-демократических или даже либеральных позиций. Наче говоря, продолжался "процесс фрагментации", как удачно определил А.Каллиникос, сам принадлежавший к одному из течений сторонников Троцкого. Курс на создание IV Интернационала встречал противодействие со стороны части последователей Троцкого и других близких к нему деятелей. Уже после формального провозглашения этой организации в 1938 г. Виктор Серж (Кибальчич), потомок известного русского изобретателя и народника, чудом вырвавшийся из ГУЛАГа благодаря заступничеству Р.Роллана и затем эмигрировавший, писал Троцкому: "Я убежден, что невозможно построить Интернационал, если нет партий. Нельзя играть словами "партия" и "Интернационал". Есть только мелкие группы, которые не могут найти общего языка с рабочим движением. Во всем мире не более 200 сторонников Троцкого. В настоящее время никто в IV Интернационале не думает иначе, как только Вашей головой". Из публикуемых документов видно, что до создания IV Интернационала, как и после его провозглашения, международные органы оппозиции фактически не работали или, в лучшем случае, лишь изредка подавали весьма слабые признаки жизнедеятельности. Разъедаемые внутренними противоречиями и личными склоками, Интернациональное бюро и Интернациональный секретариат как организационное целое фактически не существовали. Достаточно сказать, что сын Троцкого Лев, находившийся в Париже в центре оппозиционной деятельности, там, где располагался Интернациональный секретариат, и его гражданская жена Жанна Молинье (Мартен) - бывшая супруга Раймона Молинье - принадлежали к конкурировавшим фракциям - Жанна к фракции своего предыдущего мужа, а Лев - к сторонникам Пьера Навилля. Причины того, что международная "левая" оппозиция продолжала оставаться численно незначительной, сектантски замкнутой, оторванной от рабочего движения, реально представлявшей собой редкую сеть дискуссионных кружков, в которые входили ищущие, но не находившие решений революционные интеллигенты, состояли не только в их чуждости реальным процессам, происходившим в среде рабочего класса Запада, догматизме, отсутствии средств, но и в том, как обращался сам Троцкий со своими сторонниками и теми, кто присматривался к его взглядам в надежде найти истину. На свои отношения с западными последователями и оппонентами он как был накладывал, точнее продолжал накладывать прежние перипетии внутренней борьбы в ВКП(б) и в любом отступлении от своей линии видел повторение то курса Сталина (иногда Сталина и Бухарина), то Зиновьева. Своим советским оппонентам Троцкий давал краткие, весьма

желчные характеристики, например, "Колечка Балаболкин" (о Бухарине) или "унтер Пришибеев, выступающий под псевдонимом Молотов". Троцкий настаивал на железной дисциплине в революционных организациях, совершенно непонятной для западных деятелей, хотя подчас и отказывался от этого требования, но только лишь по причинам временной тактической целесообразности. Имея в виду особенности публицистики Троцкого, его сравнительно легкие тактические повороты, которые он умел очень ловко "диалектически" объяснить, его беспощадное бичевание подобных поворотов у других, саркастические оценки, огромный апломб, некоторые современники называли Троцкого "самовлюбленным нарциссом". Видимо, оснований для такой оценки не было. Самолюбование и тем более самовлюбленность "пророку" свойственны не были. И самым убедительным доказательством этого являются трагические страницы его жизни, прежде всего потеря четырех детей - все они были то ли убиты сталинскими палачами, то ли оказались косвенными жертвами Кремля. Но внешне многое, казалось бы, подтверждало ту характеристику, что еще более суживало сферу влияния его сторонников. Достаточно отметить, например, что самоуверенность нашего героя распространялась подчас на такие мелочи, на которые другие выдающиеся деятели попросту не обратили бы внимания. В шестом томе читатель встретится с письмом М.Истмену от 13 марта 1932 г., в котором

Троцкий настаивал на правильности двух очевидно неверных дат (эти настояния, разумеется, в соответствующем месте будут прокомментированы). Свойственная Троцкому безапелляционность в дискуссиях на какое-то время как бы околдовывала корреспондентов, собеседников, читателей - конечно, лишь ту часть из них, которые имели склонность поддаться такому влиянию, своего рода гипнотическому внушению. Достаточно было Троцкому когда-то высказать ту или иную мысль, чтобы он потом (за редкими исключениями, когда позже признавалась правда Ленина), несмотря на возражения, употреблял формулу "неопровержимо доказано". Тот же Истмен записал через несколько дней после встречи на Принкипо: "Я чувствую себя уязвленным его полным внутренним безразличием к моим оценкам, интересам, к самому моему существованию. Он не задавал мне вопросов... Поэтому люди... уходят от него, чувствуя себя приниженными". Подчас в переписке и в других документах Троцкого можно увидеть осознание им неудачи его оппозиции, понимание, что его "историческая миссия" - по крайней мере, при его жизни - не увенчалась успехом. Особенно эта тенденция ощущается в последние годы жизни, на ее заключительном, мексиканском этапе.

* Л.Д.Троцкий прибыл в Мексику в январе 1937 г. по приглашению выдающегося художника Диего Риверы, человека бурного темперамента, стремившегося стать одним из революционных вождей не только в искусстве, но и в политике, и в силу этого уверовавшего, правда ненадолго, в величие "перманентной революции" и ее вдохновителя. Иммиграция была лично

санкционирована президентом Мексики Ласаро Карденасом, который с подачи Риверы распорядился оказать Троцкому должное гостепреимство. Но переместившись на Западный континент при условии, что он не будет вмешиваться в дела приютившей его страны (таковы же были условия приема во Франции и в Норвегии, но власти этих стран со временем приходили к выводу, что Троцкий их не соблюдает), изгнанник вел себя теперь политически крайне осторожно. Он многократно выражал благодарность Карденасу за прием, повторяя, что неуклонно придерживается буквы и духа своего обязательства о невмешательстве. Троцкий в значительной мере отгородился от непосредственной политической деятельности. Он, разумеется, не мог поехать в Францию на учредительную конференцию IV Интернационала (сентябрь 1938 г.), но по документам не ощущается и то, что он как-то руководил ее подготовкой, определял предстоявшие решения и т. п. Той страстности, того проникновения в текущую работу во всем ее объеме и во всем многообразии, как это имело место ранее в руководстве Секретариатом Интернациональной левой оппозиции, теперь

уже не было. Собственно, провозглашение IV Интернационала никаких изменений в характер движения "троцкистов" не внесло. Скептицизм многих последователей мексиканского изгнанника в отношении этой акции полностью подтверждался. По существу дела, продолжали существовать численно незначительные, гетерогенные, конкурировавшие и даже враждебные друг другу группы. Ни одно значительное пролетарское движение, ни одна сколько-нибудь влиятельная политическая партия IV Интернационал не поддержала. Таким он остается по наши дни, существуя, правда, под видоизмененным странным наименованием Интернациональная коммунистическая лига (IV Интернациональная), рассылающая своим сторонникам письма со словами перед подписью "с троцкистским приветом". А.Глотцер высказывал обоснованное сомнение, что общая численность "троцкистских" организаций в мире когда-либо превышала одну тысячу человек. Троцкий в Мексике в основном сосредоточился на разоблачении московских судебных фарсов 1936-1938 гг. (правда, последний шоу-процесс в марте 1938 г. над Бухариным,

Рыковым, Раковским, Ягодой и другими он оставил почти без внимания) и подготовке книги о Сталине. Раскрытие подлогов, клеветы и всякого рода других мошенничеств сталинских

спецслужб, дирижером которых был лично диктатор, анализ причин "большого террора", поразительного единодушия подсудимых и обвинителей в признании "преступлений", за которыми стоял, якобы, "агент гестапо", "международный террорист и шпион" Троцкий - это, пожалуй, главная заслуга мексиканского изгнанника. Он самым тщательным образом следил за модификациями советского террора, начиная с убийства С.М.Кирова 1 декабря 1934 г., через три недели после которого в причастности к убийству были обвинены сторонники Г.Е. Зиновьева, которых сразу же стали именовать "зиновьевцами-троцкистами". В предлагаемом издании публикуется масса статей,

заметок, писем, связанных с "большим террором" и, в частности, с московскими процессами. Среди них выделяются материалы, посвященные своего рода контрпроцессу, который происходил в Койоакане - пригороде Мехико, в доме, в котором жил Троцкий. Это было заседание подкомиссии международной комиссии по расследованию обвинений против Троцкого, прозвучавших на московских процессах. Заседание происходило 10-17 апреля 1937 г. На слушаниях, полностью соответствовавших судебным процедурам Соединенных Штатов, председательствовал выдающийся американский ученый, философ и психолог Джон Дьюи. Стенограмма заседаний была опубликована тогда же, а вскоре появился и том,

который содержал материалы, резюмировавшие работу следственной комиссии. Троцкий тщательно готовился к заседаниям подкомиссии, собирал документальный материал, доказывавший, что все обвинения не только против него самого, но и против тех, кто имел несчастье оказаться на скамье подсудимых, были сфабрикованы, причем нередко ленивыми и бездарными сталинскими подручными. Еще находясь в Норвегии, Троцкий обратился к кремлевскому хозяину с гласным предложением потребовать от правительства этой страны его выдачи, что, согласно существовавшим правилам, привело бы к рассмотрению его дела в норвежском суде, который Троцкий намеревался использовать в качестве трибуны. Правительство Норвегии под дипломатическим и кономическим давлением Кремля ответило отказом, а затем выслало Троцкого. В Мексике он выдвинул новое требование - сформировать международную следственную комиссию в составе незаинтересованных общественных деятелей, юристов, журналистов, представителей

политических партий различных направлений, которая рассмотрела бы обвинения, предъявленные на московских процессах ему и его сыну Л.Л.Седову. В феврале 1937 г. Троцкий объявил, что, если такая комиссия признает его виновным, он добровольно и немедленно передаст себя в руки официальных советских властей. Троцкий полагал, совершенно не имея к тому оснований, что фальшивые обвинения, особенно те из них, лживость которых могла быть доказана элементарно, смогут привести к ликвидации сталинского господства. Он говорил об этом Ж.Хейженоорту сразу же после второго судебного фарса в связи с фиктивными показаниями Г.Л.Пятакова о том, что тот, якобы, летал на тайное свидание к Троцкому в Норвегию, тогда как, согласно официальному сообщению соответствующих норвежских служб, аэропорт был в это время закрыт из-за плохой погоды: "Подобно ворону, который может обрушить лавину, история с самолетом Пятакова может стать началом падения Сталина". И через два дня вновь тот же мотив: "Это будет дорого стоить Сталину". Можно ли оценить это высказывание иначе, нежели как своего рода маниловщину? Вряд ли. Что могло вызвать падение Сталина в данном случае? Вмешательство извне? Но оно было совершенно нереальным, особенно в условиях, когда западные державы играли с советским диктатором в политику коллективной безопасности. Внутренний взрыв?

Но к 1937 г. недовольство населения было уже запрятано так глубоко,

что нужны были десятилетия, чтобы пробудить хотя бы минимальную социальную активность. Подобно утопающему, хватающемуся за соломинку, Троцкий уходил все дальше в дебри утопии о возможности революционного свержения советского диктатора. Комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых на первом и втором московских процессах, в составе 11 человек - ученых, журналистов, политиков из США, Германии, Франции, Мексики с филиалами во Франции, Великобритании, Чехословакии, образованная в феврале 1937 г., собрала огромный документальный и фактический материал, который вплоть до настоящего времени очень мало используется исследователями истории политических явлений и событий в СССР 20-30-х годов. Как пишет в предисловии к изданию материалов комиссии, выпущенных повторно в 1968 г., американец Джордж Новак, являвшийся в 1937 г. секретарем Национального комитета защиты Л.Троцкого, на заседаниях "Троцкий был подвергнут детальному допросу юристами и перекрестному допросу членами комиссии. Он не только доказал фальшь московских обвинений. Он должен был упоминать важнейшие события своей жизни, раскрыть свои убеждения, описать и разъяснить головокружительные изменения в Советском Союзе от Ленина до Сталина. Он должен был проанализировать проблемы фракционных дискуссий в российском и мировом коммунизме, охарактеризовать ведущие личности, участвовавшие в борьбе, и коснуться всех фаз

ожесточенной конкуренции между Сталиным и им самим, которая и привела к [судебным] процессам". Мы надеемся, что опубликованные и неопубликованные материалы комиссии, включая связанную с ее работой документацию данного издания, станут предметом вдумчивого исследовательского внимания. Судя по имеющимся материалам, Троцкий в Мексике, действительно, следовал, по крайней мере, в основном, своему заявлению от 3 марта 1937 г. о намерении целиком отдаться литературной работе, тем более что его материальное положение было весьма скромным и он просто должен был зарабатывать себе и жене, а также своему техническому аппарату на достойную и безопасную жизнь (как вскоре оказалось, безопасность была эфемерной). Полемические материалы, связанные с деятельностью мексиканских политических сил он во многих случаях не подписывал или же подписывал псевдонимами. Иногда даже ставилась фамилия Диего Риверы. Впрочем, политическое сотрудничество и дружба с Риверой прекратились в 1939 г., что было связано не только с необоснованными претензиями художника на политическое лидерство, но и, правда, видимо лишь в незначительной степени, со страстным, хотя и кратковременным, окончившимся ранее, романом между 60-летним Троцким и 28-летней

супругой Риверы художницей Фридой Кало. Под своим именем Троцкий в Мексике нападал на местных сталинистов - председателя профсоюзного объединения Ломбардо Толедано, руководителей компартии. В последнем томе

предлагаемого издания опубликован фрагмент документации, связанной с передачей архива Л.Д.Троцкого Гарвардскому университету. Последние публикуемые документы - письмо директору мексиканской газет "Эль Насиональ" и заметка о речи В.М.Молотова, датированные 3 августа 1940 г., были написаны менее чем за три недели до убийства Троцкого. После них следуют и завершают издание написанные в разное время фрагменты для книги "Ленин".

* Не многие персонажи всемирной истории были предметом столь пристального внимания политиков, политологов, историков, деятелей культуры, как Лев Давидович Троцкий. Яркая образность, полемическая хлесткость привлекали в его публицистике интерес не только сторонников, но и значительно более широких общественных кругов. В 30-е годы Троцкий продолжал оставаться знаменитостью, такой же, какой он был в годы гражданской войны в России и непосредственно после нее. Интеллигентные читатели обращали внимание

на мастерское использование им художественных приемов - сравнения, метафоры, гиперболы, риторического вопроса и т. д. Еще в 20-е годы известный английский скульптор Клер Шеридан создала бюст Троцкого и оставила весьма лестные о нем воспоминания, отмечая его блестящий ум и яркое остроумие. В 1923 г. портрет Троцкого работы Ю.Анненкова был воспринят публикой настолько благоприятно, что он стал одним из важнейших экспонатов на выставке в Венеции 1924 г. Позже появились высказывания видных писателей, ученых, политиков. Н.А.Бердяев называл Троцкого деятелем того же типа, что и Ленин, "но менее злобным политически". Мемуары "Моя жизнь" были высоко оценены французским писателем Ф.Мориаком, а "История русской революции" получила великолепные отклики в большой западной прессе. Американское издание "The Saturday Review of Literature" опубликовало большую статью профессора ньюйоркского университета Сиднея Хука "Эпос революции", посвященную этой работе. Статья заканчивалась словами: "Лавры доверенного лица Ленина, заслуженные Троцким в революции и гражданской войне, навсегда останутся зелеными". Блестящие рецензии были опубликованы в "The New York Herald Tribune", "The Baltimore Sun" и

других авторитетных газетах США. Во Франции Троцкого посещал известный уже в молодые годы писатель Андре Мальро, книги которого Троцкий рекомендовал для издания в США, хотя и отмечал индивидуализм и пессимизм автора. Об этих встречах Мальро вскоре написал яркие воспоминания. В свою очередь Дж. Бернад Шоу, как уже было отмечено (см. примеч. 138), называл перо Троцкого "великолепным оружием". Известный американский издатель и редактор журнала "The American Mercury" Х.Менкен, узнав о пожаре в доме Троцкого на Принкипо, дружески предложил ему книги из своей библиотеки, однако этот жест был отвергнут. Деятельности Л.Д.Троцкого посвящена огромная публицистическая, мемуарная, научная литература, которая может стать

объектом фундаментального историографического исследования, необходимость которого, по нашему мнению, созрела. Тем не менее многие аспекты его бурной жизни, особенно в годы оппозиционной деятельности и последней эмиграции, остаются все еще слабо выясненными и затуманенными партийно-политическими пристрастиями. Обширную информацию содержат, например, второй и особенно третий, специально посвященный периоду изгнания, тома биографии Троцкого, созданной Исааком Дойчером.

Но принадлежность автора к одному из многочисленных оттенков в стане приверженцев Троцкого, его своего рода "снисходительность" к сталинскому режиму и в то же время несколько облегченный характер изложения, допускающий не всегда обоснованные предположения и не вполне мотивируемые рассуждения, понижают ценность его работы. В биографии Троцкого, как и в других книгах, Дойчер пытается обосновать некий общий социологический закон перехода революции от стадии "народной мобилизации" к стадии диктатуры меньшинства, которая террористическими методами сохраняет завоевания революции. Этим автор обосновывает, причем весьма неубедительно, судьбу Троцкого, его отстранение от властных структур в СССР и последующее изгнание. Работа Дойчера содержит массу фактических ошибок, беллетристических подробностей, придуманных автором, неточности в именах, датах и т. п. Ближе к истине впечатление Ж.Хейженоорта, что этот автор "работал в архивах торопливо, подобно репортеру хватаясь за любую информацию, а не как историк, сортирующий документы". Хейженоорт прав, что "ни один серьезный исследователь не должен пользоваться цитатой или информацией в его рассказе, предварительно не проверив их". Само собой разумеется, что работа Дойчера, написанная "троцкистом", носит в значительной степени апологетический характер. Немало и других, еще более апологетических работ, среди которых выделяется сравнительно недавняя книга Э. Манделя, который и в середине 90-х годов продолжает придерживаться мнения, что взгляды Троцкого по всем вопросам, которых он только бы ни касался, были позитивной альтернативой остальным коммунистическим и социалистическим концепциям. Первая и пока единственная современная биография Л.Д.Троцкого на русском языке написана Д.А.Волкогоновым. Эта работа очень полезна для российского читателя, прежде всего новыми фактическими деталями, извлеченными из ранее строго секретных архивных фондов (некоторые из них закрыты для "рядовых" исследователей по сей день, и Волкогонов смог привлечь их лишь в силу своего высокого служебного положения в администрации президента Б.Н.Ельцина). Но наиболее документированной и взвешенной, как нам представляется, является объемистая (свыше 1000 страниц) биография Л.Д.Троцкого, принадлежащая перу Пьера Бруэ, профессора политических исследований Гренобльского университета (Франция) и редактора

единственного в мире исторического журнала, специального посвященного Троцкому, его соратникам, его идеологии и политической практике. Несмотря на

свои левые симпатии (Бруэ долгое время был членом французской Интернациональной коммунистической партии - одной из групп последователей Троцкого), автор стремится к научной сбалансированности и объективности. С полным основанием он уделил значительное внимание оппозиционной деятельности и годам изгнания (им посвящено более половины книги). Годы эмиграции он делит на два этапа (до 1933 г. и начиная с этого времени), что также в целом соответствует историческим реалиям (думается, что следовало бы выделить и третий, мексиканский этап). Вместе с тем частично прав рецензент Д.Доже, который в своей в общем враждебной, предвзятой и грубо политизированной критике огромного объема уловил важный оттенок работы Бруэ - его стремление сгладить некоторые аспекты взглядов и политики Троцкого, сделать его более приемлемым для еврокоммунистических течений и горбачевских "перестройщиков". Хотелось бы попутно отметить, что политические взгляды Бруэ второй половины 80-х годов представляются скорее позитивной, а не отрицательной стороной для авторской интерпретации Троцкого, хотя они, эти взгляды, и вели

к известной идеализации героя произведения, отрицанию его догматизма, внутренних противоречий в его публицистике, непоследовательности оценок и т. д. Вместе с тем, широко используя документацию фонда Л.Д.Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, П.Бруэ вынужден был самим соотношением частей своей работы лишь фрагментарно осветить взаимоотношения и связи Троцкого с его сторонниками в СССР, с группами последователей в странах Европы, Азии и в США, его усилия по созданию интернациональной организации его сторонников. Есть немало работ, посвященных "троцкизму", как некоторые авторы весьма неточно продолжают именовать систему теоретических, политических взглядов и политико-стратегических установок Л.Д.Троцкого. Более или менее углубленный анализ его концепций показывает, что идеи Троцкого эволюционировали, подчас превращались в противоположные, хотя и сохранялась их некая внутренняя первооснова, прежде всего теория "перманентной революции". Впрочем, и эта теория не являлась вполне самостоятельной - даже сам Троцкий, весьма ревниво относившийся к собственному авторству и приоритету, отмечал ее близость к взглядам В.И.Ленина, отчасти в период революции 1905-1907 гг., но особенно в 1917-1918 гг. Среди работ, посвященных идеологии Троцкого, выделяется исследование израильского ученого Б.Кней-Паза. Кней-Паз рассматривает в

основном взгляды Троцкого на революцию, посвящая три части своей работы теории "перманентной революции" ("Теория перманентной революции", "От теории к практике" и "Преданная перманентная революция"), завершая свой анализ краткими замечаниями по другим вопросам. Выполненная не в историческом, а в политологическо-социологическом плане, эта работа основана главным образом на опубликованных материалах. Автор использовал Архив Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, но, как он сам отмечает, наиболее полезными здесь были для него рукописи произведений Троцкого. Сопоставление

взглядов Троцкого и Сталина на проблемы социализма, советской системы, места компартий является предметом исследования Р.Даниелса, причем смысл сопоставления автор концентрирует на положении, сформулированном в начале работы: "Троцкий [был] виртуозом в вопросах теории; ...Сталин [был] мастером политической интриги". Другой автор А.Каллиникос посвятил свою небольшую книгу, изданную в серии "Концепции социалистической мысли", эволюции системы взглядов последователей Троцкого. Практической революционной деятельности Троцкого и причинам, по которым не он, а Сталин мог овладеть всей полнотой власти в СССР после смерти Ленина, посвящена работа Р. Вистрича. Движения сторонников Троцкого в отдельных странах и в международном масштабе со времени их зарождения в середине 20-х годов до 79-80-х годов рассматриваются, в основном в справочном, фактологическом плане, в двух работах сотрудника Гуверовского Института войны, революции и мира (США) Р. Дж. Александра. Эти работы базируются в основном на национальных источниках и литературе, документация Архива Троцкого привлечена Александром в сравнительно небольшой степени. Масса работ посвящена конкретным сюжетам - от позиции Троцкого в еврейском вопросе до подготовки и организации его убийства агентом советских спецслужб Р.Меркадером. Еще большее число книг и статей касается деятельности Троцкого на том или ином этапе, в одной или другой области. Далеко не во всех из них использован Гарвардский архив и тем более другие архивные фонды, связанные с Троцким, хотя сюжеты многих работ этого и требовали. Имея в виду современный историографический уровень, можно полагать целесообразным постановку и реализацию задачи создания комплексного труда, посвященного одному из крупнейших политиков XX века Л.Д.Троцкому, труда, лишенного партийно- политических пристрастий и основанного на строгой базе достоверных источников. Хотелось бы надеяться, что для дальнейших исследований жизни и деятельности Л.Д.Троцкого в годы оппозиции и последнего изгнания, его политических установок, его связей с различными левыми кругами Европы, Америки, Азии предлагаемое издание будет полезным.

* Настоящее издание состоит из девяти томов. Построено оно по строго хронологическому принципу. Том 1 включает материалы 1927 г., тт. 2-4 - 1928 г., т. 5 - 1929-1930 гг., т. 6 - 1931- 1932 гг., т. 7 - 1933-1934 гг., т. 8 - 1935-1937 гг., т. 9 - 1938-1940 гг. Подавляющая часть документов публикуется впервые, абсолютно все - впервые на русском языке. В тех случаях, когда известен месяц, но не известна точная дата создания документа, он помещен после документов данного месяца с известными датами. Тот же метод применен в отношении документов, в отношении которых известен лишь год создания - они публикуются после документов, относящихся к данному году с более точной датировкой. Фрагменты книги "Ленин" помещены в конце издания в связи с тем, что датировать каждый из них в отдельности не представляется возможным. В тех случаях, когда дата документа установлена по его содержанию или же по другим документам, она сообщается в квадратных скобках.

Даты, приведенные в тексте, сохранены на месте оригинала в той форме, в какой они обозначены авторами. В тексте документов авторские скобки переданы в виде круглых скобок, фрагменты, зачеркнутые авторами, взяты в квадратные скобки, восполненные фрагменты - в прямые скобки. Подавляющее большинство документов извлечено из фонда Л.Д.Троцкого (bMs Russ 13T), хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Архивные номера документов этого фонда в издании не указываются. Документы из других архивов публикуются со ссылкой на соответствующие коллекции. Все разъяснения событий, имен, печатных органов, терминов и т. д. даны в примечаниях, публикуемых в конце каждого тома. Туда же отнесены авторские примечания к документам, которые нами оговорены. Тексты документов публикуются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. Фамилии, насколько это возможно, даны в общепринятой ныне русской транскрипции (особенно это касается китайских имен, написание которых ныне существенно расходится с практиковавшимся 70-80 лет назад). Стилистические архаизмы, стилистические неточности и прочие особенности авторского текста сохранены полностью. Документы подобраны для публикации доктором исторических наук Ю.Г.

Фельштинским, подготовлены к печати Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. Ими же написаны вступительная статья, предисловия к отдельным томам, подготовлены примечания и указатели имен и географических названий. В подготовке издания, в частности тех его частей, которые связаны с китайскими событиями, оказал большую помощь доктор исторических наук А.В.Панцов, написавший также ряд примечаний. В составлении некоторых примечаний участвовал профессор С.А.Пиналов. В подготовке 1-4 томов принимал участие доктор исторических наук М.Г.Станчев. Все документы публикуются с любезного разрешения администраций архивных учреждений, где они хранятся. Мы выражаем этим учреждениям нашу сердечную благодарность за помощь.

Предисловие к первому тому

Имея в виду, что читатель только что завершил знакомство со вступительной статьей ко всему изданию, мы ограничимся лишь самыми краткими замечаниями.

Первый том настоящего издания содержит документы 1927 г., то есть того

периода, когда Л.Д.Троцкий еще оставался членом ВКП(б) (до исключения из партии осенью этого года) и был лидером объединенной антисталинской оппозиции. Своим характером эта документация тяготеет к четырехтомнику "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927"¹, но по разным причинам не была в него включена.

Основная проблематика вошедших в том документов - это анализ международного положения, мирового революционного движения, событий в отдельных странах и в первую очередь событий, происходивших в Китае.

Л.Д.Троцкий и другие оппозиционеры уделяли большое внимание подготовке VI конгресса Коминтерна, которому предстояло принять программу Интернационала. В том не включены важнейшие материалы по этой проблематике, которые опубликованы троцкистской Спартаковской лигой (США) без соответствующей научной подготовки и с явно политизированным, весьма пристрастным предисловием². Тем не менее сам текст документов передан в этом издании аутентично, что освобождает нас от необходимости их публиковать, тем более, что важнейшим принципом данного издания является публикация только тех материалов, которые ранее на русском языке изданы не были.

Во включенных в этот том материалах, связанных с подготовкой VI конгресса, содержатся самые различные уточнения позиций оппозиционеров по международным вопросам. К числу таковых относится, например, дополнительная аргументация к усиленно пропагандированному Троцким еще с 1920 г. лозунгу "государственных синдикатов", то есть профсоюзов, являющихся частью государственного аппарата. Этому лозунгу Троцкий стремился теперь придать международные масштабы. Выдвигая его, лидер оппозиции был несравненно более прямолинеен, нежели Сталин и его группа, которые фактически провели "огосударствление" профсоюзов, но на словах с пеной у рта отрицали этот факт.

Другим лозунгом, который также сохранял, энергично отстаивал и обосновывал Троцкий в это время, было утопическое требование Соединенных Штатов рабоче-

крестьянских республик Европы. В то время как сталинистское руководство СССР предпочитало хитро фиксировать внимание на "построении социализма в одной стране", Троцкий продолжал рваться в бой за "рабоче-крестьянскую Европу", прекрасная перспектива которой становилась не только все более туманной, но по существу дела фиктивной.

Высказываясь против прямого вмешательства руководства Коминтерна в конкретные дела отдельных коммунистических партий, Троцкий отнюдь не отвергал централизованного, по существу дела бюрократического руководства компартиями из Москвы, хотя словесно весьма энергично критиковал коминтерновский бюрократизм. Такая его установка была прежде всего обусловлена стремлением создать более благоприятные позиции для деятельности оппозиционных групп в компартиях стран Европы, которые критиковали руководство своих партий, в частности за послушное следование московским

директивам. Троцкий в это время надеялся, что при опоре на названные группы он сможет облегчить себе и своим сторонникам более основательные позиции в руководящих органах Коминтерна, которые во все большей степени оказывались в руках сталинистов. Надежды Троцкого, как правило, терпели провал. После периода сотрудничества с ним, обычно кратковременного, оппозиционные группы в зарубежных компартиях по различным причинам с ним порывали. Несколько дольше продолжались контакты с группой Р.Фишер, А.Маслова и

Г.Урбанса в Германии. В некоторых документах, публикуемых в этом томе, Троцкий берет этих деятелей под защиту. Но позже и они попали в число тех, кто оказался под жестким огнем его критики.

Почти вся документация тома в большей или меньшей степени, как уже отмечалось, посвящена событиям в Китае, анализу революции в этой стране, курсу Коминтерна по отношению к тому, что происходило в ней. Публикуемые материалы подтверждают и в некоторой степени дополняют исследование позиций объединенной оппозиции и отдельных ее представителей по китайскому вопросу, проведенное А.В.Панцовым³.

Статьи, записки, выступления, заметки и другие материалы Троцкого, Радека, Зиновьева дают возможность судить об эволюции взглядов объединенной оппозиции в целом по китайскому вопросу, о разногласиях в ее среде, порой существенных, о характере их острых споров со сталинистами (особенно с А.С.Мартыновым). Документы свидетельствуют, что сталинскому лозунгу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, опоры на "блок четырех классов" Троцкий, вначале с оговорками, а затем все более решительно, противопоставлял требование установления диктатуры пролетариата. Совершенно другой вопрос - насколько реалистичным было это требование, носившее умозрительный,

оторванный от реалий характер.

Среди публикаций документов особое значение имеет последняя глава "Проекта платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)". Она не была включена в издание "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927", где помещена основная часть платформы⁴, так как отсутствовала в архивном фонде Л.Д.Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Обнаружение машинописной копии главы в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира дало возможность включить ее в это издание. Глава является итоговой, обобщающей. Она характеризует позицию группы Сталина как оппортунистическую, опирающуюся на бюрократический аппарат, и пытается выявить причины "оппортунистической опасности" в ВКП(б), обнаруживая их в буржуазном международном окружении, нэпе, мелкобуржуазной стихии внутри страны и даже в монопольном положении самой партии. Как видим, то, что являлось для Троцкого незыблемой аксиомой, когда он был при власти, стало пороком, когда он от таковой был отстранен. В то же время в главе сохраняется требование единства партии, отвергается курс на создание второй,

оппозиционной партии. "Против оппортунизма! Против распада! За единство ленинской партии!" - такими лозунгами завершается глава. Лишь через много лет Троцкий призвет своих сторонников встать на путь раскола коммунистического движения.

Из других материалов тома обращает на себя внимание документ "Настоящий

`подарок' к празднику", дающий представление о том, как, используя партийную толпу, сталинистское руководство приступило накануне 10-летия Октябрьского переворота 1917 г. к прямой расправе с оппозиционерами. Впрочем, как и во многих других документах, мы здесь сталкиваемся с характерным для коммунистов (и официальных, и оппозиционных) казенным оптимизмом. "Свистуны-аппаратчики были отвергнуты массой", - так комментируется встреча Троцкого с рабочими одной из московских фабрик. Как явствует из множества других материалов (в частности опубликованных в 4-томнике "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927"), троцкистов поддерживали не пролетарские массы, а незначительные группы сторонников, почти исключительно из среды интеллигенции.

В конце 1927 г., после XV съезда партии, Троцкий написал статью "На новом этапе", которой завершается первый том. В этой статье, посвященной кризису в партии, был поставлен вопрос об угрозе "термидора", который автор определял как передачу власти "в руки левого крыла новых имущих классов". Рассуждения по поводу "термидора" будут приобретать все новые и новые очертания в следующие годы, в документах, с которыми читатель сможет ознакомиться в следующих томах.

СХЕМА БУДУЩЕЙ СХЕМЫ1

Коммунистический Интернационал2 как мировая партия пролетариата, возникшая в новую историческую эпоху.

Подготовка новой эпохи.

Краткое изображение этапов развития капитализма (сокращенное изложение старой программы в соответственной ее части).

Империализм.

Противопоставление новой эпохи и старой, довоенной: в технике, в экономике, в политике.

Социал-демократия как переродившееся отражение старой эпохи (национальный реформизм).

Коммунизм как выражение новой эпохи (международная революция).

Ни одна национальная секция пролетарской партии не может более строить свою политику, исходя из условий и тенденций национального развития.

Время национальных программ прошло.

Интернациональная партия пролетариата выдвигает свою интернациональную программу.

Интернациональная коммунистическая программа не есть сумма национальных программ или сумма их общих черт.

Интернациональная программа исходит непосредственно из анализа условий и тенденций мирового хозяйственного и политического развития, взятого в целом.

В нынешнюю эпоху в неизмеримо большей степени, чем в прошлую, национальная ориентировка пролетариата вытекает из мировой ориентировки, а не наоборот.

Картина мирового хозяйства как целого.

Европа и Америка.

Мировая роль Соединенных Штатов.

Старые капиталистические страны и молодые. Колониальные и полуколониальные народы; разные стадии их развития.

Мировое хозяйство, связывающее страны и континенты, стоящие на разных ступенях развития, системой взаимозависимостей и противоречий.

Мировое хозяйство есть могущественная реальность, господствующая над хозяйством стран и континентов.

Этот основной факт придает высшую реальность мировой коммунистической программе.

СССР как антагонист капиталистического хозяйства и в то же время как составная часть мирового хозяйства.

Вытекающие отсюда непримиримые противоречия и их динамическое разрешение.

Революционная эпоха и стабилизация.

Соотношение экономики и политики в революционную эпоху.

Внутренняя и внешняя политика империализма Роль и характер современного капиталистического государства.

Демократия на основах империализма

Социал-демократия и фашизм.

Роль пролетарской партии (Коминтерн) в революционную эпоху.

Крутые переломы обстановки в рамках революционной эпохи.

Борьба за массы и борьба за власть.

Необходимость этапных боевых лозунгов, вытекающих из условий переходной эпохи. Невозможность устойчивой "минимальной" программы, которая по смыслу своему рассчитана на длительную эпоху органического развития.

Этапные боевые требования имеют своей целью классовое самосохранение пролетариата в условиях империализма и мобилизацию сил пролетариата для борьбы за власть.

В колониальных странах переходные лозунги служат борьбе против иностранного империализма и внутренних сил, служащих империализму -- в тесной связи с борьбой мирового пролетариата.

Задачи и лозунги переходного периода.

жащих империализму - в тесной связи с борьбой мирового пролетариата.
Задачи и лозунги переходного периода.
.Мировое картелирование и борьба за централизацию и интернационализацию профессиональных союзов.
Борьба за влияние на крестьян.
Борьба против упадочного парламентаризма, дополняемого фашизмом, под лозунгом рабочего (или рабоче-крестьянского) правительства.
Борьба против европейских национально-государственных антагонизмов, чересполосицы, таможенных перегородок, тяжести милитаризма и опасности войн -- под лозунгом Соединенных Рабоче-Крестьянских Штатов Европы.
И пр.
Борьба за власть.
Диктатура пролетариата.
Советская система.
Роль партии в диктатуре пролетариата.
Нэп как система переходного периода.
Международные черты нэпа и ее национальные особенности.
Неразрывная связь перспектив нэпа с перспективами мировой революции.
Социализм как система хозяйства, общественных отношений и культуры.
Коммунизм как увенчание социализма.
Л. Троцкий
26 января 1927 г.

ВОПРОСЫ КОМИНТЕРНА

Что дальше?

Коминтерну нужна программа³. Необходимость создания ее созрела в такой мере, что дальнейшее промедление в выработке ее грозит сделать Коминтерн безоружным перед лицом предстоящих запросов борьбы. Перед Четвертым конгрессом⁴ ЦК партии под руководством Ленина⁸ поставил задачу выработки программы. Т. Бухарин⁶ написал проект вводной части. Но уже на Четвертом Конгрессе выявились разногласия в самом существенном вопросе, а именно, должна ли программа отвечать только на общие вопросы эпохи (характеристика империалистской эпохи, необходимость создания диктатуры пролетариата в форме советской власти и пр.), или же она должна дать и ответ на вопрос о тех путях, на которых коммунистическая партия может собрать в эту эпоху рабочемассы для борьбы за диктатуру. На вопрос о переходных лозунгах в эпоху между двумя революциями или эпоху предреволюционную (первое положение -- в Германии, второе, скажем, в Англии) Бухарин ответил отрицательно,

отсылая к программе-максимум, не меняющейся в зависимости от ситуации. Эта точка зрения была отклонена в Политбюро, и, по настоянию Ленина, т. Бухарин был обязан сделать соответствующее заявление на пленуме Конгресса. [Четвертый Конгресс не был в состоянии выполнить стоявшие перед ним задачи.

Они были отложены до Пятого конгресса⁷. Пятый конгресс не только не взялся за выполнение этих задач, но не был в состоянии взяться за них при том общем политическом курсе, который нашел свое выражение в его

решениях.] Дискуссия о программных вопросах, постановленная особым решением Четвертого конгресса, не состоялась и не могла состояться в обстановке, сложившейся после Пятого конгресса. Выработку программы надо начать немедленно, если Шестой конгресс⁸ должен решать вопрос о ней.

Предметом дискуссии не являются вопросы, касающиеся характера мировой революции, диктатуры пролетариата, советской власти. Здесь нет необходимости каких-либо изменений к тому, что дано на этот счет в сочинениях основоположников коммунизма, Маркса⁹, Энгельса¹⁰ и Ленина. Нужно, однако, заранее определить характер программы в целом. Коминтерн является организацией пролетарских партий не только тех стран, которые движутся к социалистической революции -- стран старого капитализма, но и стран, в которых предстоят национально-буржуазные революции или в которых пролетариат борется за примитивнейшие политические права. Причем революционная борьба во всех этих странах взаимно связана и взаимно обусловлена. Необходима не голая схема развития -- от товарного хозяйства к коммунистической революции -- как ее дает Бухарин, а картина тенденций мирового развития в целом, картина всего международного переплета сил, сквозь который прокладывает себе путь мировая революция, взаимно связана и взаимно обусловлена. Необходима не голая схема развития - от товарного хозяйства к коммунистической революции - как ее дает Бухарин, а картина тенденций мирового развития в целом, картина всего международного переплета сил, сквозь который прокладывает себе путь мировая революция.

Второй вопрос -- его мы считаем одним из важнейших -- есть вопрос об отличиях путей революции в России и на Запа-

де, о причинах, которые делают путь коммунистических партий стран старого капитализма более длинным и более трудным. Длина этого пути предreshает то, что в целом ряде стран коммунистические партии должны занять позицию по отношению к ряду явлений империалистического мира, которые возникли уже перед войной, но которые теперь получают обостренное значение. Это вопросы: а) монополистической организации капиталистического хозяйства, б) вопросы власти, как они ставятся еще на почве парламентского государства

и в) вопросы межгосударственных отношений.

Без ясного отношения к процессу трестирования и картелирования промышленности невозможна теперь ни правильная борьба профсоюзов, ни правильная политика в отношении мелкой буржуазии. Идущий после войны во всем мире процесс трестирования, процесс сокращения тяжелой промышленности при одновременной ее концентрации и рационализации, растущая на этой почве безработица, коренным образом отличающаяся от "нормальной" капиталистической безработицы при циклическом характере экономического развития, требуют активного к себе отношения в данных, т. е. переходных условиях, что предполагает переходные лозунги для периода мобилизации масс, предшествующего непосредственной борьбе за власть. Лозунг государственных синдикатов с контролем над промышленностью со стороны фабзавкомов и профсоюзов, встречавший ранее отпор, ныне формально установлен германской коммунистической партией. Но этого совершенно не достаточно. Лозунг этот, как и весь вопрос, должен быть продуман и проработан Коминтерном в свете международного опыта, иначе он останется мертвой буквой или может даже привести к оппортунистическим ошибкам. [Ленин высказывался за этот лозунг по двум соображениям. В странах, которые находятся непосредственно в периоде перед боями за власть, этот лозунг представляет собою непосредственный переход к дальнейшему лозунгу социализации. Но и в странах, в которых предстоит еще известный процесс капиталистического развития, всякий шаг на пути огосударствления синдикатов ухудшит материальные условия после социализации. Мы считаем эту аргументацию верной, но вопрос надо продумать во всех его последствиях.] Лозунг государственных синдикатов требует увязки с требованиями профсоюзов в области заработной платы и рабочего дня, а также выработки программы рабочего контроля (отношения фабзавкомов и профсоюзов), метода организации фабзавкомов и их взаимной связи в общегосударственном масштабе. Только решение этих вопросов позволит связать нашу политику борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня с политикой защиты интересов пролетаризированной мелкой буржуазии города и деревни, ибо только лозунг государственных синдикатов и рабочего контроля, параллельно понижающих цены и повышающих заработную плату по мере рационализации производства, сможет смягчить противоречия между рабочим классом, с одной стороны, крестьянством и мелкой буржуазией, с другой стороны, видящих в высокой заработной плате причину роста цен. [Но этот лозунг ставит вопрос о государственных формах в эту переходную эпоху. Волна фашизма, волна опасностей капиталистической реставрации принуждает нас во многих странах выдвигать лозунги защиты демократии против монархических, реставрационных и фашистских тенденций. Но эти лозунги есть лозунги, пассивно отвечающие раздробленному состоянию пролетариата. Они вызывают недоверие в массах, которым только что привили недоверие к буржуазной демократии.] Вопросы переходной организации хозяйства еще на базе капитализма выдвигают вопрос о том, какую пользу будет иметь пролетариат от государственных синдикатов,

пока у власти остается буржуазия? Возможно ли само осуществление этого лозунга при господстве буржуазии? Мы отвечаем на этот вопрос лозунгом рабоче-крестьянского правительства, который в таких странах, как Англия, где отсутствует широкий слой крестьянства¹¹, заменяется лозунгом попросту рабочего правительства. Необходимо более конкретное уяснение смысла и реальных возможностей этого переходного политического лозунга, в частности в свете британского опыта и британской перспективы. [Этот лозунг поднимает вопрос о том, возможно ли правительство, на деле служащее интересам пролетариата, без предварительной революции. Пятый конгресс отклонил эту возможность, выдвигая идею, что лозунг рабоче-крестьянского правительства есть только агитационный лозунг, что рабочее правительство может быть только псевдонимом или синонимом диктатуры пролетариата, которая, понятно, невозможна без предварительной революции, ибо только революция научит пролетариат беспощадно и без всякой оглядки проводить политику диктатуры. Эта постановка не учитывает факта существования в странах старого капиталистического развития громадного слоя пролетариата, идущего за социал-демократией, пропитанного традициями демократии, который будет освобожден от этих традиций не нашей пропагандой, каким бы большим не было ее влияние, а уроками невозможности решительной защиты интересов рабочего класса, вместо того, чтобы разбить рамки демократии. Несостоятельность этого лозунга выявилась очень ярко в связи с забастовкой английских углекопов¹². В Англии пролетариат может демократическим путем завоевать большинство. Поэтому когда мы говорим о рабочем правительстве в Англии, то это является для широчайших масс не агитационным только лозунгом, а чтобы предостеречь массы против рабочего правительства соглашателей, которое, даже имея большинство в парламенте, боялось бы тронуть основные интересы буржуазии. Мы говорили о необходимости не маргаринового рабочего правительства. Это означало для масс рабочее правительство не Макдональда¹³ -- Томаса¹⁴, а рабочее правительство Кука¹⁸ -- Персея¹⁶ и др. левых вождей. Возможно ли было такое рабочее правительство без революции? Если бы забастовка углекопов не была сорвана, если бы правительство Болдуина¹⁷ принуждено было уступить, если бы рабочая партия завоевала большинство в парламенте, при устранении социальных конфликтов в процессе борьбы при полевении масс левое рабочее правительство не исключено. Было ли бы оно синонимом диктатуры пролетариата? Ибо диктатура пролетариата возможна лишь на основе уже разрушенного старого аппарата власти. Но на такую победу пролетариата, которой явилось бы левое рабочее правительство, буржуазия ответила бы, после короткой попытки разложения его изнутри, саботажем и гражданской войной. Правительство либо капитулировало бы, либо представляло бы собою переход от демократии к диктатуре -- позицию для организации борьбы за диктатуру. Лозунг такого рабочего правительства является дополнением к лозунгу национализации (государственные синдикаты с рабочим контролем) основных отраслей промышленности.]

Третий вопрос, на который программа должна дать ответ -- это вопрос об организации междугосударственных отношений, прежде всего для Европы. [Существование Лиги Наций¹⁸ является доказательством того, что капиталистический мир может уже обойтись без междугосударственных организаций.] Лига Наций, расчетная палата для выравнивания платежей по мелким государственным конфликтам, является одновременно организацией для защиты европейского капитализма против СССР и -- возможно, что эта тенденция будет расти -- для согласования политики европейских держав против Соединенных Штатов Америки. Значительные рабочие массы видят в Лиге Наций средство избежания международных войн, каковым она ни в коем случае не является. Против этой иллюзии недостаточно, однако, одной пропаганды. Надо выдвинуть лозунг, противопоставленный Лиге Наций, лозунг преодоления балканизации Европы¹⁹ и американской опасности, лозунг новой связи с борющимися колониальными народами [и лозунг, прикрывающий тыл будущему рабоче-крестьянскому правительству в Европе.] Таков лозунг Соединенных Штатов рабоче-крестьянских республик Европы при условии объединения раздробленного пока европейского материка и как залог полного освобождения колониальных народов. Эти три лозунга -- рабочего контроля, рабоче-крестьянского правительства и Соединенных Штатов -- должны представлять стержень нашей боевой программы на ближайший период. Эта программа должна определять собою рамки для переходных программ всех национальных партий Коминтерна. [От ВКП, осуществляющей диктатуру пролетариата, до японской партии, которая находится в периоде борьбы за примитивнейшие политические права пролетариата.]

Ясная и отчетливая постановка программно-тактических вопросов [на основе тенденции исторического развития] позволит Коминтерну собрать и проанализировать весь проделанный им опыт побед и поражений. Коминтерн чрезвычайно недостаточно изучал собственные ошибки и совершенно не исчерпал науку великих боев, начиная с боев русского пролетариата и кончая сражениями английского рабочего класса. Отсутствие изучения русской гражданской войны, великих битв немецкого пролетариата²⁰, уроков итальянских событий

1920 года²¹, "черной пятницы" 1921 года в Англии²², восстаний в Болгарии²³ и Эстонии²⁴ не позволяет партиям Коминтерна в необходимой степени овладеть собственным опытом и избежать ошибок, однажды уже совершенных. Практика резкой смены руководящих групп, особенно тех, что стояли во главе партий во время поражений, не дает возможности сложиться опытному руководству, научившемуся многому на своих ошибках.

История десяти лет, лежащих позади нас, охватывающих и первые шаги рабочих в колониальных и полуколониальных странах, их отношение к национальной борьбе, их попытки создания первых самостоятельных пролетарских организаций, и опыт коммунистических партий в странах со старым социал-демократическим движением, но не знающих еще революционных потрясений, и в странах, где существо социал-демократии проверялось в огне гражданской войны, и опыт гражданской войны в странах капитализма, и опыт гражданской войны после победы пролетариата, -- история этого десятилетия дает возможность создания действительно всеобъемлющего учения о стратегии и тактике пролетариата в эпоху мировой революции. Резолюции пяти конгрессов Коминтерна, постановления национальных конгрессов²⁵, тщательно изученные, развернут перед глазами коммунистических масс важнейшие типические положения, через которые уже проходил рабочий класс и его авангард, и позволят партиям ориентироваться в новых сложных положениях, которые, не будучи никогда простым повторением старых ситуаций, все-таки не будут застигать врасплох партии, помнящие свое прошлое. [Последние годы не давали партиям возможности изучить свои большие ошибки и поражения. Они взваливали ответственность за эти поражения на ту или другую группу, не исчерпывая того богатого опыта, который дала история пролетариату на полях сражений.] Изучение всего этого материала и систематизация его будет иметь громадное практическое значение. Они покажут прежде всего, что коммунистическая программа и коммунистическая тактика были и остаются в основе своей неизменными. Изучение истории Коминтерна повысит теоретический интерес в рядах коммунистических партий и заставит каждую из них относиться вдумчивее к своим задачам. Оно создаст ту непрерывную тактическую традицию, без которой немыслим и Коминтерн. Оно создаст базу для фактического взаимодействия партий друг на друга [друг с другом?] и не только поможет компартиям Запада учиться на опыте ВКП, но обогатит пониманием политики иностранных партий и членов ВКП, поставит отношение их к проблемам Коминтерна на твердую базу.

Вся эта работа над выработкой твердой, ясной, уверенной идеологии и тактики коминтерновских партий требует соответственного изменения организационной политики Коминтерна. В период 1919--20 гг., в период самого острого послевоенного кризиса, бурного революционного прилива и создания коммунистических партий, Коминтерн, считаясь с возможностью решающих революционных боев в ближайшее [же?] время, вынужден был вести такую организационную политику, которая во многих случаях далеко опережала действительный организационный рост, неизбежно отстававший от роста влияния коммунистических идей на массы пролетариата. Создавалась большая пресса, независимо от ресурсов коммунистических партий, строился большой аппарат, являвшийся не столько костяком молодой партии, насчитывавшей [в лучшем случае] несколько десятков тысяч членов, сколько системой воздействия на значительно более широкие массы, взбудораженные войной и революцией. Это создало громадный партийный бюрократический аппарат, в условиях временного

отлива не соответствующий силам организованных коммунистических партий и в значительной мере независимый от них. Одновременно возможность скорых решающих боев за власть принуждала, при неопытности руководства партий, посылать на место представителей Исполкома Коминтерна, которые должны были опытом и авторитетом русской революции помочь партиям решать неотложные вопросы [, неверное решение которых могло привести к большим поражениям] . Система комиссаров Исполкома Коминтерна полностью потеряла ныне свое значение и из средства помощи партиям сделалась средством, задерживающим развитие партий. [Замедление хода революционного движения позволяет партиям исправлять сделанные ошибки без большого ущерба для дела.] Комиссарская система мешает воспитанию и отбору руководства, снимая нередко с Центр/альных/ Комитетов ответственность за их решения. Фракционная борьба последних

•(•4S

лет уменьшила в значительной мере кадр квалифицированных представителей, которыми располагал Исполком, и создала положение, при котором политику партий решали нередко товарищи, недостаточно квалифицированные для такой ответственной работы. Между тем, нынешнее фракционное руководство²⁶, /.../ несмотря на резолюцию Четырнадцатого съезда ВКП²⁷, доводит комиссарскую систему до крайнего, хотя слегка и замаскированного выражения. Равным образом отжила свой век политика создания руководства партией не путем внутрипартийного отбора, а путем непрерывного вмешательства Исполкома. Партии должны учиться на своих ошибках и сами создавать свое руководство. Это ни в коем случае не означает политики "невмешательства" со стороны Коминтерна. Коминтерн обязан высказывать свое мнение об ошибочных шагах руководства и доводить его до сведения членов партии. Этим последним должно быть, однако, предоставлено, за исключением крайних случаев, право организационных выводов после зрелого обсуждения политики партии. Как показывает, однако, свежий опыт Германии, Польши и других стран, /.../ фракционный метод руководства означает фактическое назначение Центральных Комитетов сверху. [Финансовая поддержка коммунистических партий была безусловной необходимостью в момент, когда они создавались, оставляя в руках социал-демократических организаций все материальные ресурсы, накопленные долголетней борьбой. Эта финансовая поддержка необходима и впредь для нелегальных партий. Она необходима и для легальных в специальных случаях больших боев, кампаний и для других целей, где дело идет о вложении значительных средств, которые не скоро могут дать массовый эффект (издание серьезной пропагандистской литературы). Но

финансирование массовых легальных партий становится с каждым годом средством коррумпирования их. Разбухший аппарат, черпающий свои силы не из партии, а из средств Исполкома, боящийся за свое существование, является послушным орудием всякого, кто держит в руках финансы Коминтерна. Те же самые организаторы переходят с одной точки зрения на другую в зависимости от решений Москвы (хотя бы эти решения упали им так же неожиданно на голову, как открытое письмо к германской компартии²⁸).] Материальная поддержка отдельных пар-

тий со стороны Коминтерна должна быть введена в рамки строгой необходимости и отделена от идейно-политического руководства. Нужно решительно покончить с таким положением, когда партийный аппарат перестает отражать развитие партийной массы и становится средством навязывания ей решений, которых она не продумала, или -- еще хуже -- становится вспомогательным средством фракционной борьбы внутри ВКП и механически поворачивает партию против каждого, на которого указано из Москвы. Радикальная реформа всей этой системы невозможна, пока партийный аппарат не будет зависеть от массы членов партии, т. е. пока провозглашение партийной демократии в Коминтерне остается простой фразой.

Организационная реформа Коминтерна требует учета изменившейся политической обстановки. Не в назначении руководств коммунистических партий и не в намечении только общей тактической линии является задача Исполкома Коминтерна. Центр тяжести работы переходит к идейной помощи в области ориентации партии по ряду центральных экономических и политических вопросов, поставленных развитием перед пролетариатом. Ни одна партия не имеет аграрной программы. Ни одна партия не имеет выработанного отношения к таможенной политике. Ни одна партия не имеет выработанного отношения к милитаризму, развивающемуся в разных странах по-разному. Создание научной комиссии из лучших сил Коминтерна, их научная работа над подготовкой решений партий по этим конкретным вопросам, политическое руководство этой работой -- вот новая задача, стоящая перед Коминтерном, не менее важная, чем общее политическое и тактическое руководство.

[Только возникновение новой революционной ситуации передвинет снова центр внимания к непосредственному руководству коминтерновских партий Исполкомом Коминтерна. Но сам Исполком Коминтерна должен быть коренным образом изменен. ВКП не может больше одна руководить Коминтерном. С каждым днем становится все более необходимым собрать в Исполкоме Коминтерна наиболее опытных и самостоятельных представителей коммунистических партий. Разбухший Исполком ничем не руководит. Он является на деле чистой декорацией. Президиум Коминтерна чересчур много-

численен, работает в присутствии большого количества агентов и чиновников Коминтерна, никого не представляющих, которые своим настроением давят на членов Президиума. Необходим Президиум в составе из нескольких лиц. Исполком должен собираться для действительной работы три-четыре раза в году. Заседания Исполкома должны быть предварительно тщательно подготовлены. Его работа должна быть сжата несколькими днями. Заседания, продолжающиеся недели, являются местом фракционных торгов, которые коренным образом изменяют положение в партии, независимо от рабочей массы членов партии, и ставят партию перед свершившимся фактом.]

Особого внимания заслуживает вопрос о поднятии теоретического уровня кадров коммунистических партий. [В течении двух лет после смерти Ленина не изданы даже избранные его сочинения на других языках, кроме немецкого. И на немецком языке имеется один скудный том, изданный без комментария, позволяющего рабочему уяснить развитие ленинской мысли. Частная группа японских коммунистов взялась за издание сочинений Ленина и уже опубликовала два тома. Коминтерн, располагающий громадными средствами, не смог этого сделать, несмотря на весь крик о большевизации.] Издание серьезной марксистской литературы, посвященной и общим вопросам теории и конкретным вопросам жизни отдельных стран, требует особой заботы Коминтерна. Создание научной комиссии при Исполкоме, разрабатывающей главные вопросы экономики и политики, трудно разрешимо без того, чтобы ВКП не поставила себе задачей [Института Красной Профессуры²⁹] подготовку специального кадра русских работников-международников, что явилось бы одновременно и средством против роста национальной ограниченности ВКП, являющейся результатом не только ухода нашей партии в экономическое строительство, но и иссяканием того международного знания, которое было истрачено передовыми рядами большевистской эмиграции.

Исполком Коминтерна, работающий в Москве, не может действовать в обстановке недостаточной информации о делах коммунистических партий в русской партийной печати -- не говоря уже о язве дезинформации, крайне обострившейся за последний период. Без создания широкого обмена мыслей

вокруг дел Коминтерна общественное мнение ВКП является глухонемым зрителем развития важнейших процессов мирового рабочего движения. Скрывание поражений Коминтерна, скрывание или искажение идейной борьбы, происходящей в рядах Коминтерна, создают почву для растущего недоверия к силам Коминтерна в рядах самой ВКП. Борьба против этих язв является частью борьбы за внутрипартийную демократию в ВКП и частью той помощи, которую ВКП должна оказывать братским партиям [на основе массовой борьбы, которую пролетариат принужден вести даже против всех тягостей, взваливаемых на его плечи стабилизацией капитализма]. Развитие массовых коммунистических партий вполне возможно, даже если бы ближайшие, скажем, два-три года не принесли решающих революционных боев. Обостряющаяся классовая борьба во всех странах ведется ныне на почве, неизмеримо более интернациональной, чем это было перед

войной. Международное картелирование, международные сделки капиталистов против рабочего класса, существование Лиги Наций, международные приготовления против СССР, опасность войн из-за развития колониальных революций -- все это окончательно выбивает почву из-под национальной замкнутости рабочего движения. Налицо все условия, чтобы Коминтерн рос и креп. И он будет расти и крепнуть, если удастся провести в жизнь намеченные выше меры, необходимость которых ощущается теперь все более многочисленными кадрами коммунистических партий, независимо от фракционной ориентировки в прошлом. [Но если ВКП, если коммунистические партии Запада не найдут в себе достаточно сил, чтобы порвать с организационной политикой, которая проводится теперь более, чем когда-либо, чтобы найти решение программных вопросов, чтобы сделать ясной и недвусмысленной тактику Коминтерна, то совсем не исключено, что, вопреки объективным условиям, возьмут верх тенденции разочарования, тенденции спасения каждой партии особо, одним словом, тенденции распада Коминтерна.] На ВКП, основательнице Коминтерна, лежит в данный момент величайшая историческая ответственность за [излечение] дальнейшие судьбы Коминтерна [от ран, нанесенных ему в последние годы].

Л. Троцкий /Январь 1927 г./

КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ³⁰

В № 11 "Коммунистического Интернационала"³¹ (18 марта 1927 года) напечатана в качестве передовой статья о V съезде Коммунистической партии Китая^{31а} и Гоминьдана³², представляющая собою совершенно исключительное издевательство над основными элементами марксистской теории и большевистской политики. Статью эту нельзя охарактеризовать иначе как словами: худшее выражение правого меньшевизма в вопросах революции.

Статья исходит из того, что "проблемой проблем китайской революции в настоящий момент является положение Гоминьдана, дальнейшее развитие Гоминьдана как партии, возглавляющей южнокитайское государство" (стр. 4). Проблемой проблем является, таким образом, не пробуждение и объединение миллионов рабочих под руководством профессиональных союзов и коммунистической партии, не вовлечение в русло движения крестьянской и ремесленной бедноты; не углубление борьбы компартии за пролетариат, борьбы пролетариата за влияние на миллионные массы обездоленных -- нет, "проблемой проблем" (!) является положение Гоминьдана, т. е. партийной организации, которая, по официальной статистике, охватывает 300 000 человек студентов, интеллигентов вообще, либеральных купцов, отчасти рабочих и крестьян. 300 000 членов, -- говорит статья, -- это "довольно значительное количество для

политической партии". Жалкая парламентская оценка! Если бы эти 300 000 вышли из опыта предшествовавшей классовой борьбы, из опыта руководства пролетарскими стачками и крестьянскими движениями, тогда, разумеется, и меньшее число членов могло бы с успехом руководить революцией на новом ее, более массовом, этапе. Но эти 300 000 представляют собою в большинстве результат индивидуального, верхушечного рекрутирования. Мы имеем здесь объединение национал-либералов, или кадетов³⁴, с правыми эсерами³⁵, с примесью молодых коммунистов, обреченных в период своей политической учебы подчиняться дисциплине и даже идеологии буржуазно-национальной организации.

"Развитие Гоминьдана, -- продолжает статья, -- обнаруживает тревожные (!) симптомы с точки зрения интересов китайской революции" (стр. 4). В чем же состоят эти "тревожные"

симптомы? В том, оказывается, что власть принадлежит центру Гоминьдана, а "центр последнее время в большинстве случаев тяготеет определенно вправо". Надо сказать, что все политические определения статьи имеют формальный, парламентарный, этикетный характер, совершенно опустошенный от классового содержания. Что это значит -- тяготеет вправо? Что это за "центр" Гоминьдана? Это верхи мелкобуржуазной интеллигенции, среднее чиновничество и пр. Как всякая мелкая буржуазия этот центр не способен к самостоятельной политике, особенно в эпоху, когда на сцену выступили миллионы рабочих и крестьян. Этот мелкобуржуазный центр может выделить из себя союзника пролетариату при условии, если пролетариат ведет самостоятельную политику. Но о такой политике в Китае не может быть и речи за отсутствием там самостоятельной классовой партии.

Коммунисты не просто "входят" в Гоминьдан, но подчиняются его дисциплине и даже обязуются не подвергать критике суньятценизм³⁶. В этих условиях мелкобуржуазный интеллигентский "центр" может идти только за национально-либеральной буржуазией, которая незаметными переходами связана с компрадорской, т. е. явно империалистской буржуазией и, по мере обострения борьбы масс, будет открыто переходить на ее сторону. Гоминьдан является, таким образом, партийным аппаратом, приспособленным для политического подчинения движения масс через верхушечный интеллигентский центр почвенно-правому т. е. определенно буржуазному руководству, которое при этих условиях неизбежно подчиняет себе и будет себе подчинять национальное правительство. Статья ссылается на то, что и на конференциях, и на съездах, и в Исполкоме Гоминьдана преобладают "левые", но что это утешительное обстоятельство "не отражается на составе и политике национального правительства". Удивительное дело! Но ведь левые мелкие буржуа для того и существуют, чтобы проявлять свою левизну в статейках, на конференциях и банкетах, а власть передавать средним и крупным буржуа.

Таким образом, "тревожные" симптомы в Гоминьдане состоят в том, что Гоминьдан не воплощает чистую идею национально-освободительной революции, высосанную из пальца автором статьи, но отражает классовую механику

китайской революции. "Тревожным" является для автора тот факт,

что история китайского народа разворачивается в форме классовой борьбы, не составляя в этом исключения из истории всего человечества. Статья сообщает далее, что "Гоминьдан и национальное правительство серьезно озабочены (замечательное словечко! Л. Т.) ростом рабочего движения". Что это значит? Это значит лишь то, что интеллигентские мелкие буржуа испугались испуга буржуазии перед пробуждением народных масс. По мере того, как революция раздвигает и углубляет свою базу, радикализирует свои методы, заостряет свои лозунги, сверху от нее неизбежно откальваются группы и прослойки имущих и связанного с ними интеллигентского мещанства. Национальное правительство, в одной своей части кровно связанное с буржуазией, в другой своей части боящееся разрыва с ней, "озабочено" ростом рабочего движения и стремится его обуздать. Этим деликатным словом "озабочены", как ранее словами "тревожные симптомы", статья говорит об обострении классовых взаимоотношений и о стремлении национально-либеральной буржуазии, пользующейся Гоминьданом как орудием и командующей через него национальным правительством, надеть намордник на пролетариат. Где и когда у нас классовые отношения оценивались так, как делает передовая статья "Коммунистического Интернационала"? Откуда идут эти идеи? Из какого источника?

Какие же методы предлагает статья для преодоления "тревожных симптомов"? Статья полемизирует по этим вопросам с прошлогодним июньским Пленумом ЦК китайской компартии, который признал необходимым для коммунистической партии в качестве самостоятельной организации заключить с Гоминьданом блок. Эту мысль статья отвергает. Она отвергает также и предложение организовать в Гоминьдане левую фракцию как союзника коммунистической партии. Нет, поучает она, задача состоит в том, чтобы "обеспечить всему Гоминьдану твердое левое направление". Вопрос разрешается просто. Нужно на новой стадии развития, когда рабочие ведут стачки против капиталистов, крестьяне, при противодействии национального правительства, пытаются изгонять помещиков -- нужно на этой новой стадии обеспечить "твердое левое направление" Гоминьдану, который представляет собою объединение части буржуазии, страдающей от стачек, части помещичьей интеллигенции, страдающей от аграрного движения,

мелкобуржуазной городской интеллигенции, боящейся оттолкнуть буржуазию на сторону реакции, и, наконец, связанной по рукам и по ногам коммунистической партии.

Вот этому Гоминьдану надо усвоить "твердое левое направление". Какую

классовую линию должно выражать это "твердое левое направление" -- никому неизвестно. И как его достигнуть? Очень просто: нужно "насытить его (Гоминьдан) революционными рабочими и крестьянскими элементами" (стр. 6). Насытить Гоминьдан рабочими и крестьянами? Но вся беда в том, что рабочие и крестьяне, не знакомые с чистой идеей национальной революции, пытаются воспользоваться революцией, чтобы немного насытиться самим, прежде чем насыщать собою Гоминьдан. С этой целью они устраивают стачки и аграрные восстания. А эти неприятные явления классовой механики мешают Гоминьдану усвоить "твердое левое направление".

Звать рабочего стачечника в Гоминьдан значит натолкнуться на возражение: зачем я пойду в партию, которая через поставленное ею правительство подавляет стачки? Хитроумный автор статьи, вероятно, ответит ему: войдя в общую с буржуазией партию, ты будешь подталкивать ее влево, будешь устранять "тревожные симптомы" и будешь разгонять тучи ее "озабоченности". В ответ на это шанхайский стачечник скажет, что давление свое на государственную власть и даже изменение государственной власти рабочий может осуществить не через индивидуальное воздействие на буржуев в рамках общей партии, а через самостоятельную классовую партию. Может быть, впрочем, шанхайский стачечник, обнаруживший уже довольно большую зрелость, вообще не станет дальше разговаривать, а безнадежно махнет на собеседника рукой.

Статья цитирует дальше одного из руководящих коммунистов, который сказал на партийной конференции в декабре 1926 года, что Гоминьдан умер и загнил и что коммунистам незачем держать в руках гнилой труп. По этому поводу статья говорит: "Этот товарищ, очевидно (!), имел в виду, что в последнее время национальное правительство и в особенности провинциальные органы власти сделали ряд выступлений, направленных против развертывания революционной борьбы рабочего класса и крестьянства" (стр. 7).

Догадливость автора статьи прямо-таки поразительна. Когда китайский коммунист говорит, что буржуазно-национальные верхи умерли для революции, то он, "очевидно", имеет в виду то, что национальное правительство понемножку расстреливает рабочих-стачечников. "Очевидно"! Конечно, "тревожные симптомы" имеются, "но эту опасность можно предотвратить, если не смотреть на Гоминьдан как на гнилой труп" (стр. 7). Все дело, оказывается, состоит в том, как смотреть на Гоминьдан. Классы и их партии зависят от того, как мы на них глядим. Гоминьдан не труп, он только болен. Чем? Недостатком революционной рабоче-крестьянской крови. Нужно, чтобы коммунистическая партия оказала "содействие притоку этой крови" и т. д. Словом, нужно

произвести очень популярную за последнее время операцию переливания крови, но уже не в индивидуальном, а в классовом масштабе.

Но суть ведь в том, что буржуазия начала уже переливать кровь на свой манер, расстреливая или помогая расстреливать³⁷, или терпя расстрелы стачечников и революционных крестьян³⁸. Словом, в выполнении великолепного рецепта мы наталкиваемся все на то же затруднение, т. е. на классовую борьбу. Вся суть статьи в том, что она хочет направить китайскую революцию в обход классовой борьбы, экономным, разумным, целесообразным путем. Словом, по методу меньшевиков, притом в периоды их наибольшего упадка. И эта статья печатается в теоретическом органе Коммунистического Интернационала, который был создан путем непримиримого разрыва со Вторым Интернационалом³⁹.

Статья укоряет китайских коммунистов в том, что они не участвуют в национальном правительстве и его органах на местах. Они могли бы там изнутри толкать правительство влево, ограждать его от ошибочных действий по отношению к массам и пр. и пр. Весь прошлый опыт и прежде всего опыт российской революции идет на смарку. Авторитет руководства революцией целиком идет Гоминьдану, ответственность за насилия над рабочими должна лечь на коммунистов. Связанные по рукам и по ногам внутри Гоминьдана коммунисты бессильны предъявить многомиллионным массам самостоятельную линию в области внутренней и внешней политики. Но рабочие вправе предъявить коммунистам, особенно в случае их участия в национальном правительстве, обвинение

в соучастии во всех противопролетарских и противонародных действиях национальной буржуазии. Весь опыт нашей революции идет на смарку.

Если коммунисты, несмотря на массовое рабочее движение, на мощно развивающиеся профессиональные союзы, на аграрно-революционное движение деревни, должны составлять по-прежнему подчиненную часть буржуазной партии и в качестве бессильного придатка входить в создаваемое этой буржуазной партией национальное правительство, тогда надо бы прямо сказать: для коммунистической партии в Китае время еще не настало. Ибо лучше совсем не создавать коммунистической партии, чем компрометировать ее в эпоху революции, т. е. тогда именно, когда кровью закрепляются связи партии с рабочими массами и когда создаются великие традиции, действующие в течение десятилетий.

Развив блистательную программу в духе правого меньшевизма периода его упадка, статья подновляет ее в самоновейшем духе, утешая Китай тем, что у него есть объективные предпосылки для того, чтобы "перешагнуть через капиталистическую стадию развития". При этом ни словом не говорится о том, что антикапиталистическая перспектива развития Китая находится в безусловной и непосредственной зависимости от общего хода мировой пролетарской революции. Лишь пролетариат наиболее передовых капиталистических стран -- при организующем содействии китайского пролетариата -- мог бы взять на буксир четырехсотмиллионную глыбу распыленного, пауперизированного, отсталого крестьянского хозяйства и через ряд промежуточных ступеней

привести его к социализму на основах широко поставленного мирового товарообмена и прямой технико-организаторской помощи извне. Думать, что без победы пролетариата наиболее передовых капиталистических стран и до этой победы Китай способен собственными силами "перешагнуть через капиталистическую стадию развития", значило бы попирать ногами азбуку марксизма. Нашего автора это не касается. Он просто обещает Китаю некапиталистический путь -- очевидно, в воздаяние за переносимые им обиды, а также за несамостоятельный характер пролетарского движения и, в особенности, за униженное, бесправное положение китайской компартии.

Как же на деле может и должен быть поставлен вопрос о капиталистических и социалистических путях развития Китая?

Прежде всего нужно разъяснить авангарду китайского пролетариата, что экономически Китай не имеет никаких предпосылок для самостоятельного перехода к социализму; что ныне развивающаяся под руководством Гоминьдана революция есть революция национально-буржуазная; что последствием ее, даже в случае полной победы, может быть только дальнейшее развитие производительных сил на основах капитализма.

Но нужно с не меньшей силой развернуть перед китайским пролетариатом и другую сторону вопроса: запоздалая национально-буржуазная революция развивается в Китае в условиях империалистского загнивания капитализма. Как показал уже русский опыт -- по сравнению, скажем, с английским -- политика вовсе не развивается равномерно с экономикой. Дальнейшее развитие Китая надо брать в международной перспективе. Несмотря на отсталость китайской экономики, а отчасти именно вследствие этой отсталости, китайская революция вполне может привести к политическому господству союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата. Этот режим станет политической связью Китая с мировой революцией. В течение переходной эпохи китайская революция будет иметь подлинно демократический, рабоче-крестьянский характер. В ее экономике будут неизбежно преобладать товарно-капиталистические отношения. Политический режим будет направлен прежде всего на то, чтобы обеспечить массам возможно более высокую долю участия в плодах развития производительных сил и одновременно в политическом и культурном использовании ресурсов государства.

Дальнейшее развитие этой перспективы -- возможность перерастания демократической революции в социалистическую -- целиком и полностью зависит от хода мировой революции и от хозяйственно-политических успехов Советского Союза, как составной части этой мировой революции. Если бы китайская революция победила под нынешним своим национально-буржуазным руководством,

она очень быстро поправела бы, доказала бы свою благонадежность капиталистическим странам, скоро добилась бы признания себя с их стороны, предоставила бы концессии на новых основах, доби-

лась бы займов, словом, вошла бы в систему капиталистических государств менее униженной, менее колониальной, но все же глубоко зависимой величиной. При этом Китайская республика заняла бы по отношению к Советскому Союзу в лучшем случае такую же позицию, как нынешняя Турецкая республика⁴⁰.

Другой путь развития может открыться только через руководящую роль пролетариата в национально-демократической революции. Но первой, элементарнейшей предпосылкой этого является полная самостоятельность коммунистической партии и ее открытая борьба под развернутыми знаменами за руководство рабочим классом и за гегемонию в революции. Без этого разговоры о некапиталистических путях развития являются прикрыванием правой меньшевистской политики левоэсеровской дореволюционной фразеологией -- а это есть наиболее отвратительная комбинация из всех, какие только можно себе представить.

Программа содействия "приливу рабоче-крестьянской крови к Гоминьдану" (что за пошлая фразеология!) ничего не дает и ничего не означает. Рабоче-крестьянская кровь тоже бывает разная. Та кровь, которую проливают рабочие Китая, не есть кровь, проливаемая за осознанные классовые задачи. Рабочие, входящие в Гоминьдан, будут становиться гоминьда-новцами, т. е. пролетарское сырье будет перерабатываться в мелкобуржуазном, суньятсеновском духе. Для того чтобы это было не так, рабочие должны воспитываться коммунистической партией. А для этого коммунистическая партия при сохранении необходимого сотрудничества с Гоминьданом до тех пор, пока Гоминьдан не заменен другими организациями, более отвечающими нынешней стадии революции, должна иметь полную, ничем внешним не ограниченную, возможность руководства рабочими в их борьбе и противопоставлении ленинизма суньятсенизму.

Может быть, однако, автору статьи рисуется следующая перспектива в древнем, истинно мартыновском стиле⁴¹: сперва национальная буржуазия через посредство Гоминьдана, который с помощью китайских меньшевиков насыщается рабоче-крестьянской кровью, доводит национально-буржуазную революцию до конца. После этой, так сказать, меньшевистской стадии национальной революции наступает очередь

для большевистской: коммунистическая партия выходит из Гоминьдана, пролетариат отделяется от буржуазии, отвоевывает у нее крестьянство и

приводит страну к "демократической диктатуре рабочих и крестьян".

Очень возможно, что автором руководила концепция, состоящая из двух непереверенных наслоений -- меньшевистского и большевистского -- эпохи 1905 года. Такая перспектива должна быть, однако, объявлена педантским вздором. Нельзя совершить национально-демократическую революцию дважды: один раз в буржуазном, а затем в пролетарском духе. Разумеется, если бы мы помешали пролетарскому авангарду отделиться от буржуазии своевременно и использовать революционную обстановку, чтобы на неповторяющихся событиях величайшей борьбы показать массам свою энергию и беззаветную преданность делу трудящихся; если бы мы достигли этой цели при помощи дальнейшего закабаления коммунистической партии Гоминьдану, то наступил бы все же, раньше или позже, момент, когда пролетарский авангард с запозданием и, по всей вероятности, не под знаменем коммунизма стал бы отделяться от буржуазии, а может быть, отречься и от политики вообще. Прошлое европейского рабочего движения доставило бы революционным пролетариям Китая соответствующую идеологию, в виде синдикализма, анархизма и пр. В этих условиях китайское национально-демократическое государство очень легко пришло бы к методам фашизма и полуфашизма. Мы это видели на примере Польши. Давно ли Пилсудский⁴² был одним из вождей мелкобуржуазной революционной организации ППС⁴³? Давно ли он сидел в Петропавловской крепости? Все его прошлое давало ему вес и авторитет в мелкобуржуазных кругах и в армии, а этот авторитет он использовал для фашистского переворота, целиком направленного против пролетариата. Хочет ли кто-либо сказать, что в составе Гоминьдана не найдется своих Пилсудских? Найдется. Кандидатов можно наметить уже сейчас. Если польскому Пилсудскому для завершения его эволюции понадобилось три десятка лет, то китайский Пилсудский потребует для перехода от национальной революции к национальному фашизму гораздо более короткий срок.

Мы живем в империалистскую эпоху, когда темп всего развития крайне ускорен, потрясения следуют за потрясениями,

и одна страна учится на опыте другой. Политика несамостоятельной коммунистической партии, являющейся поставщицей рабочих для Гоминьдана, есть подготовка условий для наиболее успешного и победоносного установления фашистской диктатуры в Китае к тому не столь отдаленному моменту, когда пролетариат, несмотря на все, вынужден будет отшатнуться от Гоминьдана.

Меньшевизм, даже в пору своего революционного "цветения", хотел быть не классовой партией пролетариата, поднимающегося до общенациональных, а затем и мировых задач (большевизм), а инспекцией над национальным развитием, в котором партии пролетариата заранее отводилось подчиненное место (содействовать, подталкивать, переливать кровь и пр.). Но претензия на такое лжемарксистское инспектирование истории всегда на деле оказывалось педантской глупостью. Меньшевики обнаружили это полностью уже в 1905 году⁴⁴, Каутский⁴⁵ несколько позже, но не менее основательно.

Национальная революция, в смысле борьбы с национальной зависимостью, совершается при помощи механики классов. Китайские милитаристы представляют собой классовую организацию. Компрадорская буржуазия представляет собою наиболее "зрелый" отряд китайской буржуазии, не желающей китайского февраля, чтобы не прийти к китайскому октябрю или хотя бы к полуоктябрю. Та часть китайской буржуазии, которая еще входит в Гоминьдан, образуя в нем внутренний тормоз и являясь вспомогательным отрядом компрадорской буржуазии и иностранных империалистов, завтра же захочет опереться на разгром Нанкина⁴⁶, чтобы нажать на революционные низы и прежде всего надеть узду на пролетариат. А это невозможно до тех пор, пока коммунистическая партия подчинена Гоминьдану, во главе которого стоит вспомогательный отряд компрадорской буржуазии и иностранных империалистов. Поистине совестно разъяснять это в 1927 году, вдвойне совестно направлять эти мысли против передовой статьи органа Коминтерна!

Географическое расширение китайской революции идет одновременно с ее социальным углублением. Шанхай и Ханькоу -- два важнейшие промышленные центра, насчитывающие совместно около трех четвертей миллиона рабочих -- находятся в руках национального правительства. Нанкин

подвергся артиллерийскому разгрому со стороны империалистов. Борьба сразу перешла в более высокую стадию. Овладев Ханькоу и Шанхаем, революция ввела тем самым в свой состав наиболее развитые классовые противоречия в Китае. Уже нельзя будет равнять политику по ремесленно-торгово-крестьянскому югу. Необходимо ориентироваться либо на пролетариат, либо на буржуазию. Пролетариату необходимо ориентироваться на многомиллионные низы -- в борьбе с буржуазией. Это -- с одной стороны, а с другой -- империалисты показывают своим нанкинским палачеством, что шутить не собираются. Надеются ли они таким путем устрашить китайских рабочих или остановить аграрное движение? Вряд ли. Во всяком случае, не в этом их непосредственная цель. Они хотят, прежде всего, заставить буржуазные верхи национального движения понять, что пришла пора рвать с низами, если не хочешь попасть под пушки мирового империализма. Разгром Нанкина есть пропаганда идей компрадорства, т. е. спасительности связи с мировым капиталом, который могуч, который объединен, который вооружен, который может дать не только барыши, но и военную помощь против собственных рабочих и крестьян.

Было бы легкомыслием утверждать, что разгром Нанкина сплотит весь китайский народ как один человек и пр. и пр. Такая декламация к лицу мещанским демократам. Революция поднялась на новую ступень, и более глубокая дифференциация национального лагеря, его разделение на революционный и

реформистски-компрадорский, вытекает из всей обстановки с железной необходимостью. Британские пушки после первой волны "всеобщего" возмущения только ускорят этот процесс. Гнать после этого рабочих и крестьян в политический лагерь буржуазии и сохранять компартию в качестве заложницы в составе Гоминьдана значило бы вести политику, которая по объективному своему смыслу равносильна измене.

Должны ли представители компартии входить в национальное правительство? В такое правительство, которое отвечало бы новой фазе революции, в революционное рабоче-крестьянское правительство они безусловно должны войти; в нынешнее национальное правительство -- ни в каком случае. Но, прежде чем ставить вопрос о представительстве коммунистов в революционной власти, нужно поставить вопрос о са-

мой коммунистической партии. [Она могла входить в состав Гоминьдана, пока не было налицо массового рабочего движения, пока дело шло о подготовке элементов будущей рабочей партии в составе неоформленной национально-революционной организации. За последние два года положение в корне изменилось.]⁴⁷ Старые политические отношения становятся уже абсолютно невыносимыми после того, как революция овладела Шанхаем. Нужно признать безусловно правильным то постановление июньского пленума ЦК китайской компартии, которое требует выхода партии из Гоминьдана и заключения ею блока с этой организацией через ее левое крыло.

Отрицать необходимость организации в Гоминьдане левой фракции и рекомендовать вместо этого придать левый курс Гоминьдану в целом, как делает передовая статья "Коммунистического Интернационала", значит просто заниматься болтовней. Как же можно придать левый курс политической организации, если не собрать внутри ее сторонников этого курса и не противопоставить их противникам? Гоминьдан будет, разумеется, против этого. Весьма возможно, что он станет ссылаться на резолюцию X съезда нашей партии против фракций⁴⁸. Такого рода маскировку мы видели уже в вопросе о единой партии: на безусловную необходимость ее указывают архиправые гоминьдановцы, ссылаясь на пример ВКП. Точно так же они будут указывать, что единая партия, осуществляющая революционную диктатуру, не может терпеть фракций в своей среде. Но это значит лишь, что правое крыло национального лагеря, пришедшее к власти через посредство Гоминьдана, хочет таким образом запретить самостоятельную партию рабочего класса и не дать возможности радикальным элементам мелкой буржуазии получить внутри партии настоящее влияние на ее руководство.

Автор разобранной нами выше статьи идет в этих вопросах, как и во всех других, целиком навстречу буржуазному крылу Гоминьдана. Нужно ясно понять, что китайская буржуазия пока что пытается прикрыться авторитетом русской революции и, в частности, обкрадывает будущие формы диктатуры китайского пролетариата для укрепления своей диктатуры против пролетариата. Вот почему сейчас в высшей степени важно не допускать никакой путаницы в определении этого этапа, через который проходит китайская революция. Дело

идет не о социалистической революции, а о буржуазно-демократической. И внутри этой последней дело идет о борьбе между двумя методами: буржуазно-соглашательским и рабоче-крестьянским.

Как и при каких условиях национально-демократическая революция может подняться до социалистической, с перерывом или без перерыва, с долгим перерывом или с коротким -- на этот счет сейчас возможны только предположения. Дальнейший ход вещей внесет необходимую ясность. Но смазывать общими соображениями о некапиталистическом развитии вопрос о буржуазном характере данной революции значит сбивать с толку коммунистическую партию и разоружать пролетариат. [То, против чего Ленин боролся в теории перманентной революции⁴⁹, это недостаточная ясность в разграничении ее этапов или, вернее, двух революций, разных по своему классовому содержанию: буржуазно-демократической и пролетарской. Но эта ошибка помножается на сто, если не на тысячу, теми, которые, разглагольствуя о переходе к некапиталистическим путям развития, в то же время закабаляют пролетарский авангард Гоминьдану, запрещая строить в нем даже фракции.]⁵⁰ Как бы мы еще не дожили до того, что международная ЦКК привлечет к ответственности китайских коммунистов за попытки строительства левой фракции в Гоминьдане.

С точки зрения классовых интересов пролетариата -- а они являются нашим критерием -- задача буржуазной революции состоит в том, чтобы обеспечить максимальную свободу борьбы рабочих против буржуазии. С этой точки зрения философия руководителей Гоминьдана о единой централизованной партии, не допускающей ни других партий, ни фракций внутри себя, есть враждебная пролетариату контрреволюционная философия, которая залагает идейные основы для завтрашнего китайского фашизма. Вздор, будто выход китайской компартии из Гоминьдана означает разрыв сотрудничества: это -- прекращение прислужничества, а не сотрудничества. Политическое сотрудничество предполагает равноправие сторон и соглашение между ними. Этого в Китае нет. Пролетариат не заключает соглашения с мелкой буржуазией, а в замаскированном виде подчиняется ее руководству, закрепленному организационным путем. Гоминьдан в нынешнем своем

виде есть воплощенный "неравноправный договор" буржуазии с пролетариатом. Если китайская революция в целом требует упразднения неравноправных договоров с империалистскими державами, то китайский пролетариат должен ликвидировать неравноправный договор со своей собственной буржуазией.

Надо призвать китайских рабочих к созданию Советов. Пролетариат

Гонконга во время всеобщей стачки⁵¹ создал организацию, очень близкую по строению и функциям к первоначальному типу рабочего Совета. Опираясь на этот опыт, надо идти дальше. Шанхайский пролетариат владеет уже неоценимым опытом борьбы и вполне способен создать Совет рабочих депутатов, который станет образцом для всего Китая и, тем самым, центром притяжения всех подлинно революционных организаций.

Л. Троцкий /3 апреля 1927 г./

НАБРОСКИ К СТАТЬЕ О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

5 апреля 1927 г.

Обосновать нынешнюю официальную тактическую линию в отношении китайской революции можно, только обходя классовую постановку вопроса, т. е. по существу, отказавшись от марксизма. Мы это видели на примере подробно нами разобранный передовой статьи "Коммунистического Интернационала". Ошибочно было бы думать, что эта статья представляет исключение. К несчастью, это не так. Чем больше революция приходит в противоречие с официально проводимой линией, тем более чудовищные натяжки приходится делать для ее оправдания.

В речи на собрании рабочих трамвайного парка тов. Рудзутак так заявил, "что революционное правительство имеет за собой все классы Китая" (Правда⁵³, 9 марта 1927 г.). До сих пор мы считали, что правительство классового общества является аппаратом угнетения, что внеклассового, надклассового, бесклассового правительства нет и быть не может. Маркс некогда это твердо установил. Ленин посвятил этому вопросу одну из наиболее выдающихся своих работ ("Государство и револю-

ция"), в которой, как, впрочем, и в бесчисленном ряде статей и речей, разъясняет, повторяет, что самое революционное правительство самой демократической республики является орудием грабежа, насилия, эксплуатации имущих по отношению к трудящимся. Теперь оказывается, что этот основной закон классового общества нашел первое в истории исключение: революционное правительство Китая имеет за собой все классы. Может быть, речь тов. Рудзутака передана неправильно? Но почему же не обратили на это внимания ни редакция, ни сам автор?

Тов. Рудзутак, однако, не один. За три дня до него тов. Калинин⁵⁴ говорил рабочим фабрики Госзнак: "Все классы Китая, начиная с пролетариата и кончая буржуазией, ненавидят китайских милитаристов как ставленников иностранного капитала; все классы Китая одинаково считают кантонское правительство национальным правительством Китая"

(Известия⁵⁵, 6 марта 1927 г., курсив мой). Мы видим, таким образом, что московским рабочим преподносятся самые вульгарные демократические иллюзии. Подумать только, "все (!) классы Китая одинаково (!) считают кантонское правительство своим".

Прежде всего это неверно в отношении Чжан Цзолина⁵⁶, У Пэйфу⁵⁷ и других милитаристов. Может быть, они не представляют классов? Но разве компрадорская буржуазия не класс? Разве это не самая сильная и влиятельная часть китайской буржуазии? Разве помещики, которым угрожает крестьянское движение, не поддерживают больших и малых милитаристов? Разве они не организуют, вместе с деревенскими кулаками и ростовщиками, контрреволюционные банды, подвергающие разгрому крестьянские союзы? Эти классы играют не малую роль в экономике и политике Китая, и они, во всяком случае, не считают кантонское правительство своим, так как находятся с ним в состоянии гражданской войны. Абстрактного национального гнета, который "одинаково" давит все классы населения, не существует. Гнет иностранного капитализма теснейшим образом сочетается с классовыми отношениями самого китайского народа. Борьба против национального гнета принимает форму гражданской войны.

Но, может быть, все остальные классы, за вычетом такой мелочи как компрадорская буржуазия, помещики, верхи бюрократии и деревенские кулаки -- действительно считают кан-

тонское правительство своим? Это утверждение правильно примерно в такой же мере, в какой после Февральской революции⁵⁸ можно было бы сказать, что все классы России считают Временное правительство⁵⁹ своим. Поскольку рабочие считали Керенского⁶⁰ своим, это объяснялось их отсталостью, политической неразвитостью, слабостью партии большевиков, а отнюдь не тем, что правительство Керенского выражало классовые интересы рабочих. Поскольку рабочие Шанхая считают национальное правительство своим -- это объясняется не тем, что китайские национал-либералы выражают интересы всех классов, а тем, что китайский пролетариат в массе своей еще не уяснил себе своих основных классовых интересов революции. Отсюда вытекает лишь, что нужно коммунистическую партию как можно скорее освободить из гоминьдановского плена и помочь ей наверстать упущенное драгоценнейшее время.

Но, может быть, самым поразительным документом отречения от марксизма является передовая статья в "Правде" от 16 марта "Революция в Китае и Гоминьдан". Статья эта набрасывается на "критиков", "ликвидаторов", которые утверждают, что правые господствуют над революцией, что революция "переродилась" (!!), что компартии нужно выходить из Гоминьдана и пр. Приводим основное место целиком:

"Раз правые господствуют, раз революция переродилась, ей надо петь отходную, китайским коммунистам уйти "в себя", отказаться от "больших дел" и больших планов -- такова слезливая и нехитрая логика тех, кто подпекает буржуазии о правом "засилье" в китайской революции. Предлагают компартии

выйти из Гоминьдана, тем самым пособничая правым гоминьдановцам. Не понимают, что вне сотрудничества компартии с Гоминьданом невозможна руководящая роль пролетариата в революции, и тем самым обречена на провал китайская революция. Ликвидаторы наших дней не "замечают", что их проповедь выхода из Гоминьдана есть проповедь ликвидации китайской революции."

На то, чтобы распутать клубок путаницы, заключающийся в пятнадцати газетных строках, понадобилась бы целая газетная статья, если бы предшествующий разбор передовицы "Коммунистического Интернационала" не облегчил нашу задачу. Мы слышим, прежде всего, что те, которые говорят

о правом засилье в китайской революции, подпевают буржуазии. Хочет ли "Правда" сказать, что национальное правительство находится в руках левых, или она отрицает засилье национального правительства в революции? Но если бы мы даже ничего не знали о Китае, кроме того, что сказано в передовой статье "Коммунистического Интернационала", мы и тогда не могли бы отрицать, что "в национальном правительстве власть принадлежит уже центру, а центр последнее время в большинстве случаев тяготеет определенно вправо" (стр. 4). Это сказано очень мягко и слащаво. Хочет ли "Правда" сказать, что даже и злополучный передовик "Коммунистического Интернационала" подпевает буржуазии? Для защиты ложной политики "Правда" вынуждена уже грубо подкрашивать состав и политическую линию национального правительства.

Далее мы слышим: "Раз правые господствуют, раз революция переродилась, ей надо петь отходную". Почему господство правых обозначает, что революция переродилась? В первый период нашей Февральской революции господствовали князь Львов⁶¹, Миллюков⁶² и Гучков⁶³.

Означало ли это, что революция переродилась? Нет, это означало лишь, что она еще не развернулась. Раз правые господствуют -- рассуждает "Правда" -- китайским коммунистам остается лишь "уйти в себя, отказаться от больших дел и от больших планов". Что сей сон значит? Так как буржуазия еще господствует в революции, так как рабочие массы, несмотря на свой героизм, еще не заняли в революции должного места, то коммунистам нужно... отказаться от больших дел. Такова убийственная логика тех, которые думают, что коммунисты могут делать "большие дела", только оставаясь внутри Гоминьдана, подчиняясь его дисциплине и отрекаясь от критики суньятсенизма. Мы же думаем, что только самостоятельная партия может задаваться большими планами. Но те, кто предлагают коммунистам выйти из Гоминьдана, "тем самым пособничают правым гоминьдановцам".

И это не ново. Мартыновы и Даны⁶⁴ всегда обвиняли

большевиков в том, что, ведя самостоятельную классовую линию, они тем самым пособничают реакции. На этом мотиве построено три четверти полемики между меньшевиками и большевиками⁶⁵ за время с 1904 года (земская кампания Аксельро-дабб) до 1917 года. Статья "Правды" тут ничего нового

не выдумала. "Не понимают, -- продолжает она, -- что вне сотрудничества компартии с Гоминьданом невозможна руководящая роль пролетариата в революции". Здесь вхождение в Гоминьдан незаметно подменено сотрудничеством. Хочет ли редакция сказать, что сотрудничество компартии с Гоминьданом мыслимо только в форме подчинения компартии Гоминьдану? Такова точка зрения Чан Кайши⁶⁷, который заявил, что признает коммунистов лишь как дисциплинированных членов Гоминьдана.

Софистически отождествляя сотрудничество с подчинением, "Правда" кует оружие для правых гоминьдановцев против коммунистов, руководящий центр которых высказался, как мы знаем, 15 июня прошлого года за необходимость выхода из Гоминьдана. И до какой же степени нужно выхолостить все основные понятия большевизма, чтобы заявлять, будто "руководящая роль пролетариата в революции" невозможна без подчинения пролетарской партии дисциплине партии буржуазной. В чем же тогда различие между ролью руководителя и ролью руководимого?

Но и насчет сотрудничества как такового "Правда" грубо хватилась через край. Выходит так, что китайская революция клином сошлась на нынешнем Гоминьдане. На самом деле, руководящая роль пролетариата невозможна вне сотрудничества его с трудящимися и эксплуатируемыми низами городского и деревенского населения. С того момента, как Гоминьдан мешает пролетариату развернуть такого рода сотрудничество, преступлением является оставаться в Гоминьдане. Наиболее надежной, правильной, глубокой, исчерпывающей формой сотрудничества пролетарского авангарда с угнетенными массами могут быть и должны быть Советы. Сотрудничество с Гоминьданом нужно переносить на почву Советов, т. е. организации миллионов. В агитации за Советы, в разъяснении их смысла, в создании первых образцовых Советов в промышленных центрах Китая компартия должна занять руководящее положение. Нужно заставить Гоминьдан равняться по Советам. Нужно помочь тем элементам, которые хотят этого, открыто перебраться в лагерь реакции. "Правда" считает это пособничеством правым. На самом деле это есть борьба за революцию. Мы станем десятикратно и стократно сильнее в массах, когда выкинем вспомогательный отряд империали-

стов из руководящих организаций революции. Неужели же мы разучились и это понимать? Вздор, жалкий, пошлый вздор, будто выход из Гоминьдана есть ликвидация революции! Вздор, будто революция клином сошлась на Гоминьдане, в котором правые командуют, а коммунисты ходят с кляпом во рту.

Вся статья "Правды" построена на этих мотивах. По основной своей

тенденции она целиком совпадает со статьей "Коммунистического Интернационала" и с поистине программными заявлениями Калинина и Рудзутака. На этом пути сказано почти все. С этого пути давно пора свернуть.

5 апреля 1927 г.

Одними рабочими ограничиться, разумеется, нельзя. Национальная армия играет сейчас гигантскую роль в развитии революции. Эта армия не однородна. Внутренней гарантии ее революционности совершенно недостаточно. Бонапартистские⁶⁸ и фашистские тенденции внутри армии неизбежно будут развиваться по мере обострения классовой борьбы, и темп этого процесса может оказаться чрезвычайно быстрым. Где же искать гарантии революционности? Ответ ясен: в низах, в китайских массах, в их политической организованности, в их действительном сотрудничестве с рабочими. Как это сотрудничество организовать? Историческая форма уже подсказана нашей революцией: в форме солдатских Советов, связанных с рабочими Советами. Начинать надо с гарнизонов крупнейших промышленных центров. Солдаты должны мыслить и чувствовать заодно с рабочими Шанхая, Ханькоу и пр. Совет рабочих и солдатских депутатов Шанхая должен получить, по крайней мере, такое же значение в развитии жизни страны, какое Петербургский совет рабочих депутатов 1905 года.

Но и армией нельзя ограничиваться. Нужно, по возможности, вовлечь в советскую систему полупролетарские низы городского населения, преодолев, по возможности, их распыленность.

Одновременно с этим нужно переносить Советы на деревню, пользуясь для этого наличными крестьянскими организациями, углубляя и обостряя их борьбу с помещичье-кулацкими вооруженными отрядами.

Но в каком же отношении будут эти Советы к национальному правительству? Ведь Советы представляют собою органы борьбы за власть, или органы власти. Между тем, в Китае существует власть, назначенная Гоминьданом. Не выйдет ли из этого двоевластия⁶⁹? Не окажется ли это двоевластие "пособничеством реакции"?

Тот, кто рассуждает так, не понимает, что китайская революция неизбежно должна пройти через период двоевластия, т. е. через такой период, когда пробуждающиеся и организующиеся под руководством пролетарского авангарда массы будут оспаривать власть у нынешнего правительства. Двоевластие есть неизбежный этап и по отношению к нынешнему состоянию прогрессивного этапа революции.

Но ведь большевики были против двоевластия. Да, большевики тянули революцию от двоевластия на более высокую стадию -- к единовластию Совета. Сейчас в Китае задача так еще не стоит. Прежде всего нужно создать Советы, т. е. организовать массу для революционного действия, и дать сотрудничество пролетариата с крестьянством не верхушечной -- и сейчас уже глубоко реакционной -- формой вхождения в Гоминьдан, а на широком поприще Советов. Было бы нелепо выдвигать лозунг "вся власть Советам", когда в Китае нет Советов и подавляющее большинство трудящихся не знает Советов. Надо начинать

с создания Советов, которые в данных условиях откроют эпоху двоевластия. Только на основах этого двоевластия можно будет -- и должно будет -- повести работу под лозунгом "вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов".

6 апреля 1927 г.

Ленин очень резко противопоставлял страны отсталые и угнетенные передовым и угнетательским капиталистическим странам. Но это вовсе не означало, что для первых отменяются законы классовой борьбы. Для отсталых и угнетенных стран, как Китай, их демократическая революция сливается с национально-освободительной войной. В этой войне пролетариат выступает не пораженцем, а защитником отечества, хотя это еще и не социалистическое отечество. Почему? По той же самой причине, по которой пролетариат выступает за демократическую революцию, несмотря на ее буржуазное содержание. Если не делать этого противопоставления,

то неизбежно идти к плоско пацифистскому нейтралитету по отношению к обеим воюющим сторонам -- и к Кантону, и к Англии. Такова, по-существу, позиция Второго Интернационала.

Но воевать за национальную независимость можно по-разному. Война есть одна из форм классовой политики. Буржуазия, даже если она в той или другой своей части втягивается в революцию или в революционную войну, стремится вести ее за счет трудящихся масс и как можно скорее прийти к соглашению с силами контрреволюции, в данном случае -- иностранного империализма, опять-таки за счет собственных трудящихся масс. К национально-освободительной войне применимы поэтому все основные правила революционной стратегии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Есть два пути национально-демократического объединения Китая, как и два метода революционной войны: один под гегемонией буржуазии, другой под гегемонией пролетариата.

В своем докладе по колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна⁷⁰ Ленин не только резко противопоставлял освободительно-колониальные войны грабительски-империалистским, требуя поддержки первых и борьбы против вторых, но и с не меньшей настойчивостью напоминал, что национально-освободительное движение колоний есть буржуазно-демократическое движение. В резолюции ни словом не говорится об обязанности пролетариата вступать в борьбу под политическим руководством буржуазии, а тем более об обязанности компартии входить в руководящую буржуазную организацию. Наоборот, резолюция требует противопоставления пролетариата руководящей национальной буржуазии⁷¹.

12 апреля 1927 г.

В последней статье в "Правде" (10 апреля) Мартынов обосновывает нынешнюю политику в Китае "особенностями китайской революции". Состоят эти неведомые нам особенности в том, что над Китаем нависает гнет иностранного империализма, задерживающего развитие производительных сил Китая, а, следовательно, и развитие китайской буржуазии. Вот почему она, хоть и против воли, идет в общем фрон-

те с другими революционными классами, вот почему клеветают те, которые говорят, что национальное правительство есть буржуазное правительство. Нет, это "правительство блока четырех классов". Кто не понимает всего этого, тот неизбежно приходит "и теоретически и практически к совершенно ложным выводам".

Первая "особенность", на которую мы хотели бы обратить внимание, такова: Мартынов здесь слово в слово, буква в букву защищает по отношению к Китаю ту самую политику, которую он в эпоху 1905 года и после него защищал по отношению к России. Там только речь шла не об иностранном империализме, а о самодержавно-крепостнической реакции, которая задерживает рост производительных сил, мешает развитию буржуазии и тем самым вынуждает ее, "вопреки ее воле", идти в общем революционном фронте и т. д. Отсюда вытекала тогда необходимость мудро подталкивать буржуазию влево, а не отбрасывать ее в лагерь реакции. Теперь, спустя 10 с лишним лет, понадобились все особенности китайской революции для того, чтобы оживить мартыновскую теорию, "особенности" которой, казалось бы, не нуждаются в рекомендации.

Однако мы клеветем на Мартынова. В его построениях есть и новое слово. Сохранив в силе все свое старое построение и заменив только самодержавно-крепостническую реакцию иностранным империализмом, Мартынов увенчал дело в полном соответствии с духом эпохи: он признал, что если китайцы будут следовать его старым рецептам, то "завершение буржуазно-демократической революции, поскольку оно связано будет с национализацией иностранных предприятий, означало бы уже начало перехода на социалистические рельсы".

В этом своем виде мартыновская теория получает высшую убедительность. Буржуазия вместе с крестьянством, мелкой буржуазией и пролетариатом образуют "блок четырех классов". Они создают правительство -- не буржуазное, а правительство четырех классов. Буржуазия удерживается в блоке тем обстоятельством, что империализм препятствует развитию национального капитализма в Китае. С другой стороны, Мартынов великодушно разъясняет китайской буржуазии, что блок четырех классов непосредственно ведет к началу социалистической революции, каковая перспектива должна еще более скрепить национально-революционный блок:

кто же не знает, что буржуазия предпочитает быть обезглавленной собственным пролетариатом, чем сотрудничать с иностранными хищниками.

Мы видим, что вся эта теория представляет собою просто скверный анекдот. Мартынов пользуется несомненными и всем нам хорошо известными особенностями китайского развития для того, чтобы импортировать в Китай давно уже созданную и давно всем ходом развития раздавленную теорию и политику. При этом он сразу же становится, по примеру прошлого, на путь самой вульгарной буржуазной апологетики. Китайское национальное правительство оказывается у него лишенным классового характера: это правительство блока. Замечательное социальное определение! Поразительная марксистская глубина! Да каждое правительство в мире является правительством блока классов. Даже во время гражданской войны борется не класс против класса, а блок против блока. Но это не исключает, а предполагает, что в каждом блоке есть ведущий и ведомые, эксплуатирующий и эксплуатируемые. Для кого служит китайский блок четырех классов опорой? Для национально-либеральной буржуазии. Кого он поддерживает у власти? Буржуазию. Вся статья Мартынова направлена к замазыванию и подкрашиванию этого факта. Она насквозь проникнута буржуазной апологетикой.

Но ведь китайская буржуазия участвует в революционной войне против иностранных империалистов. Да, она еще участвует; мы уже знаем как: в качестве внутреннего тормоза. Она еще участвует не благодаря тому, что китайская компартия проводит мудрую мартыновскую политику, а вследствие того, что политика компартии еще вообще не чувствуется.

Гоминьдан связывает классовую борьбу, подчиняет себе компартию, ограждает буржуазия от двоевластия и этим дает ей возможность возглавлять освободительное движение в его военно-государственной форме. Мы знаем, что в национально-освободительной борьбе такую роль играли не только буржуазные классы, но и феодальные, и династии. Каждый из этих классов по-своему и для своих целей нуждался в объединенном отечестве, свободном от внешнего гнета. Китайская буржуазия великодушно усыновила армию и великодушно приняла из рук революции власть. Гоминьдан помогает ей в революционном хаосе орудовать этими немаловажными ин-

струментами. Но то, что составляет сущность революционного движения: пробуждение рабочих, их стачки, их объединение в союзы, пробуждение крестьян, аграрные восстания -- все это совершается не только не под руководством буржуазии, а в непосредственной борьбе с нею и с аппаратом ее власти. В низах, в толщах народных масс, в городах и деревнях никакого блока четырех классов нет, а есть жестокая классовая борьба, переходящая в гражданскую войну, с расстрелами рабочих, убийствами штрейкбрехеров, разгромом крестьянских организаций, поджогом помещиков и пр. Но эта борьба миллионов масс не имеет обобщенной программы и руководящей организации.

У китайского пролетариата нет самостоятельной партии. Коммунистическая

секция Гоминьдана есть только один из его вербовочных аппаратов. В этих условиях китайская буржуазия питает надежды довести объединение республики до конца под своим руководством. Ни о какой конфискации иностранных концессий при этом, разумеется, не могло бы быть и речи. Буржуазия пришла бы к соглашению с иностранными владельцами, т. е. с большими барышами для себя учла бы кровь гонконгских, шанхайских и нанкинских пролетариев. Такова ее перспектива. И эта перспектива куда реальнее мартыновской.

Л. Троцкий

О ЛОЗУНГЕ СОВЕТОВ В КИТАЕ

Сов. секретно

Уважаемые товарищи!

Вчера, во время обсуждения китайского вопроса, в ответ на критику т. Зиновьева⁷² и мою основных ошибок нашей политики в вопросах китайской революции, одним из главных возражений т. Сталина⁷³ было повторение слов: "Почему Зиновьев не сказал...", "Почему Троцкий⁷⁴ не написал...". Я не стану здесь возвращаться к тому, что мы по этому вопросу говорили и писали. Не сомневаюсь, что, если бы к нашим советам и предложениям отнеслись в свое время менее предвзято, менее враждебно, более внимательно, то мы избежали бы важнейших ошибок. Не буду останавливаться на том,

что за последнее время основные вопросы решаются на закрытых заседаниях Политбюро, куда не допускаются члены ЦК. Задача этого письма состоит не в том, чтобы вспоминать о вчерашнем дне, а поставить основной вопрос сегодняшнего и завтрашнего дня: это вопрос о Советах в Китае. Тов. Сталин сейчас высказался против призыва рабочих и вообще угнетенных масс Китая к созданию Советов. Между тем, этот вопрос имеет решающее значение для дальнейшего развития китайской революции. Без Советов вся революция пойдет на службу верхам китайской буржуазии и через нее -- империалистам.

Пленум по этому основному вопросу не высказался. Между тем, вопрос стоит крайне остро, дальше оттягивать его нельзя, с вопросом о создании Советов связана вся судьба китайской революции. Вот почему я ставлю этот вопрос в настоящих строках.

Рассуждение т. Сталина таково: Советы суть органы борьбы за власть; призывать к Советам -- значит фактически вести к диктатуре пролетариата, к китайскому октябрю. Но почему же у нас были Советы в 1905 году? Мы боролись с царизмом -- отвечает Сталин. В Китае этой борьбы с царизмом нет. Раз мы не идем непосредственно к Октябрю, нельзя призывать к созданию Советов.

Все это рассуждение представляет такое вопиющее искажение смысла всего нашего революционного опыта, теоретически освещенного Лениным, что я никогда не мог бы поверить, что серьезный и ответственный революционер говорит такие вещи, если бы не слышал их собственными ушами.

Попробуем кратко разобрать вопрос.

1) Против царя можно было создавать Советы, не ведя еще борьбы за диктатуру пролетариата. Почему же нельзя при помощи Советов вести борьбу против блока китайских милитаристов, компрадоров, крепостников и иностранных империалистов, не ставя непосредственной задачей диктатуру пролетариата? Почему?

Если считать, как считал (а теперь?) Сталин, что объединение Китая должна была довести буржуазная головка Гоминьдана, которая через Гоминьдан подчиняла себе коммунистическую партию, лишала ее элементарной независимости (даже газеты!) и управляла завоеванными территориями через реакционную бюрократию, -- если так представлять себе нацио-

нальную революцию, тогда Советам, разумеется, не может быть места. Если же понимать, что буржуазная головка Гоминьдана, не только правая, но и центрально-левая, не способна довести национально-демократическую революцию до конца и даже до середины; что она непременно придет к сделке с империалистами; если понимать это, тогда нужно было своевременно и тем более нужно теперь готовить смену этому руководству.

Смена не означает просто-напросто поставить вместо Чан Кайши Ван Цзинвэя⁷⁵: это может оказаться -- тех же щей, да пожиже влей. Лицами вопрос не решается. Смена означает подготовку революционного правительства, находящегося не в словесной, а в фактической, реальной зависимости от рабочих, мелкой буржуазии, крестьян и солдатской массы армии. Достигнуть этого можно, только давши этим массам ту организацию, которая отвечает условиям революции, пробуждению масс, их тяге к самостоятельности, к переделке условий жизни вокруг них и проч. Это и есть Советы.

2) Сталину представляется, что сперва буржуазия, опираясь на революционно не организованные массы (организованные не стали бы служить для нее опорой), должна довести борьбу с империализмом до конца, а потом мы начнем подготовку Советов. В корне ложное представление! Весь вопрос том и состоит, как будет вестись борьба с империализмом китайской реакцией и кто в этой борьбе будет играть руководящую роль. Идти к демократической рабоче-крестьянской диктатуре можно только на основе развертывающейся борьбы с империализмом, которая будет длительной и затяжной; только на основе борьбы с национально-либеральной буржуазией за влияние на рабочих и крестьян; только на почве массовой организации рабочих и крестьян не только против империализма, но и против китайской буржуазии. Единственной формой этой организации могут быть Советы.

3) "Нельзя устраивать Советы в тылу армии", -- говорит Сталин. Это точка зрения генералитета, но не наша. Генералитет считает, что и

профессиональных союзов нельзя устраивать в тылу. Мы же знаем, что и Советы, и профсоюзы в тылу великолепно помогают революционной армии. "Но ведь Советы -- это органы восстания, -- возражает Сталин, -- значит,

вы предлагаете в тылу армии устраивать восстания и захватывать власть".
Ложная и карикатурная постановка вопроса!

Верно, что Советы -- органы борьбы за власть. Но они вовсе не рождаются таковыми, они развиваются в эту сторону. Они только путем опыта борьбы могут дорасти до роли органов диктатуры (в данном случае -- демократической). Если мы серьезно имеем в виду курс на демократическую рабоче-крестьянскую диктатуру, то надо, чтобы Советы имели необходимое время для своего формирования, для своего вмешательства в развитие событий, в том числе и военных, чтобы они, Советы, могли окрепнуть, набраться опыта и затем уже протянуть руку к власти.

"Но ведь командование Советов не допустит". Эта точка зрения не имеет ничего общего с нашей. Допустит или не допустит -- это зависит от соотношения сил. Это соотношение нужно передвигать в сторону пролетариата. Пока возбужденные, но неорганизованные массы идут за верхушечной политической организацией Гоминьдана, они необходимо дают могущественный перевес верхам буржуазии и генералитета над пролетариатом. Рассуждать так, что в Китае еще не октябрь, и на этом основании удерживать массы в распыленном состоянии, значит фактически собственными руками ослаблять пролетариат -- укрепляя буржуазию и ее командование -- и потом ссылаться на то, что это командование не допустит в тылу армии Советов.

4) Но почему же рабочим не входить попросту в Гоминьдан? Разве это не достаточная организация? Чтобы так ставить вопрос, надо забыть решительно все, что мы проделали, чему научились. Гоминьдан есть партийная организация, крайне верхушечная, несмотря на популярность знамени. Разве можно себе представить, что сотни тысяч и миллионы рабочих и крестьян войдут во время революции в партийную организацию? Где и когда это бывало? Ведь в том и состоит значение Совета, что он тут же, на месте, втягивает в себя такие массы, которые ни в коем случае не доросли и через ряд лет не дорастут еще до партии. Заявлять, что Гоминьдан является заменой Советов -- значит заниматься недопустимой софистикой. В Гоминьдане считается 300 тысяч членов. Сейчас эти 300 тысяч (если число не преувеличено) распылены. Теперь говорят еще только о необходимости выборности Гоминьдана, т. е. вы-

борности руководящих органов членами партии. Но, разумеется, не о выборности членов Гоминьдана многомиллионными массами. Уже один тот факт, что приходится пускаться на такие софизмы, как приравнение Гоминьдана к

Советам, показывает, что Советы стучатся в дверь и что доктринерскими схемками насчет Октября и не-октября от них нельзя отбиться.

Что же будут делать Советы, "устраивать преждевременные восстания"? Преждевременные восстания вспыхивают легче и чаще всего там, где масса лишена авторитетной организации, в которой для нее воплощается воля революции. Именно отсутствие Советов в важнейших революционных центрах будет вести к хаотическим, преждевременным и не-целесообразным вспышкам, вытекающим из неорганизованной классовой борьбы, лишенной правильного политическо-го руководства. Так всегда было: об этом говорит опыт всех революций.

Что будут делать Советы? Первое и самое неотложное -- они дадут организацию рабочим и помогут их организованно-му братанию с солдатами. Совет рабочих депутатов данного промышленного города или района должен первым делом втянуть в свой состав солдатских депутатов, представителей гарнизона. Это есть вернейший путь, точнее сказать, единственный путь к созданию серьезных гарантий против бонапартистских, фашистских покушений верхушечной гоминьдановской и всякой иной сволочи. Не создавать Советов рабочих солдатских депутатов -- значит превращать солдат в пушечное мясо для Чан Кайши и готовить кровавые расправы над рабочими, вроде той, которая произошла в Шанхае.

Одними рабочими в городах ограничиваться, разумеется, нельзя. Необходимо в Советы притянуть мелких ремесленников, мелких торговцев, вообще угнетенные городские низы. Это облегчит рабочим революционное обволакивание армии. А без этого судьба Шанхая, а значит, и революции будет зависеть от какого-нибудь поганого бонапартенка.

Нельзя ни в каком случае ограничиваться городами. Надо как можно скорее раскинуть сеть Советов из важнейших промышленных центров на деревню, опираясь на существующие крестьянские союзы, раздвигая их рамки, расширяя их программу, связывая их с рабочими и солдатами.

9) Что же будут делать Советы? Они будут бороться с местной реакционной бюрократией, учась и уча массы понимать связь между властью на местах и властью в стране. Они будут в деревнях бороться с той же бюрократией, с милитаристскими бандами, с помещиками и пр. Они станут, таким образом, органами аграрной революции, которую нельзя откладывать до объединения Китая (до "Учредительного собрания").

Комиссары при реакционных генералах являются бес-сильными фигурами, нередко прямо-таки лакеями, назначенными теми же генералами. Комиссар может в такую эпоху иметь значение лишь в том случае, если он опирается на крепкие

местные органы масс, а не только на политическую партию, да еще лишенную серьезной организации, как Гоминьданили как связанная по рукам и по ногам коммунистическая партия, лишенная даже ежедневной газеты. Образование рабочих, крестьянских, солдатских Советов создаст почву для действительно революционной демократизации народно-революционной армии, которая без этого неизбежно будет орудием до-морощенного китайского бонапартизма.

Через Советы произойдет действительная, реальная, а не доктринерски-надуманная перегруппировка сил. В Советы войдут все те классы, слои и прослойки, которые действительно втянуты или будут втягиваться в реальную, настоящую борьбу с чужестранной и своей реакцией. Уговаривание отдельных гоминьдановских "лидеров", комбинаторство, противопоставление лица лицу, сочетание их -- вся эта закулисная механика, недостаточность и бессилие которой обнаружены сейчас вполне, будет заменена другим, куда более серьезным, настоящим революционно-классовым отбором. Группировка сил пойдет по линии: за Советы или против Советов, т. е. за подготовку к переходу революции в более высокую стадию или же за сделку китайской буржуазии с империализмом. Без такой постановки вопроса все перспективы демократической рабоче-крестьянской диктатуры и проч., не говоря уже о некапиталистических путях развития, остаются простой болтовней, которой должны утешать нас в том, что китайские народные массы остаются пушечным мясом революции, руководимой продажными национал-либералами.

Кто против создания Советов, тот должен говорить: вся власть Гоминьдану. А Гоминьдан поэтому говорит коммуни-

стам: "Подчиняйтесь мне", -- запрещает им критиковать сунь-ятсенизм и не дает им даже газеты, ссылаясь на то, что и в России -- диктатура одной партии. Но диктатура одной партии в России является выражением диктатуры пролетариата в социалистической революции, Гоминьдан же является буржуазной партией в буржуазной революции. Диктатура Гоминьдана -- без Советов -- в данных конкретных условиях означает обезоруживание рабочих, зажимание рта коммунистам, дезорганизованное состояние масс, перевороты Чан Кайши.

Значит, война с Гоминьданом? Вздор! Вздор! Вздор! Вопрос идет о том, чтобы построить сотрудничество с Гоминьданом на необозримо более широких и глубоких основах -- на основах многомиллионных рабочих, солдатских, крестьянских и прочих Советов депутатов. Разумеется, это сотрудничество предполагает полную и безусловную свободу критики со стороны компартии по отношению к Гоминьдану. Эта свобода критики предполагает свободу коммунистической печати и коммунистической организации.

Без раскола Гоминьдана по всей линии, без очистки его от чанкайшистских элементов вообще не может быть совместной с ним революционной работы. На вопросе о Советах дифференциация Гоминьдана, его чистка, его закаливание пройдут лучше и вернее всего. Мы будем работать рука об руку с той частью старого Гоминьдана, которая будет за Советы, которая будет втягиваться в Советы, т. е. по-настоящему связываться с настоящими массами. Разумеется, работая рука об руку с революционным Гоминьданом, мы будем очень

зорконаблюдать за этим союзником и открыто критиковать его по-ловинчатость, отступления, ошибки, не говоря уже о возможных предательских действиях. Таким путем, на основе теснейшего сотрудничества с Гомиьнданом мы будем бороться за дальнейшее расширение влияния компартии на Советы через Советы.

Но ведь Советы означали бы на неопределенный период режим двоевластия? С одной стороны -- национально-революционное правительство (если оно, перестроившись в корне, удержится и поднимется), а с другой стороны -- Советы. Да, это означает двоевластие или элементы двоевластия. Но ведь мы же были против двоевластия? Мы были против двоевластия, поскольку стремились сами захватить власть

как партия пролетариата. Мы были за двоевластие, т. е. за систему Советов при Временном правительстве, поскольку Советы ограничивали претензии буржуазии на диктатуру. Режим двоевластия во время февральской революции был прогрессивным режимом, поскольку заключал в себе новые революционные возможности. Но прогрессивность эта была временной. Из противоречия выход шел в сторону пролетарской диктатуры. Режим двоевластия длился в наших условиях только восемь месяцев⁷⁶. В Китае этот переходный режим может -- при известных условиях -- затянуться на значительно более длительный срок, и при том в разных частях страны по-разному. Призвать к созданию, приступить к созданию Советов -- значит приступить и в Китае к введению элементов двоевластия. Это необходимо, это спасительно. Только это и откроет дальнейшие перспективы в сторону революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Без этого все разговоры об этой диктатуре являются простой болтовней, о которой китайские народные массы и не узнают.

Что касается вопроса о будущих возможностях и путях будущего перерастания будущей рабоче-крестьянской диктатуры в диктатуру пролетариата и в непосредственно социалистическую революцию, то я этот крайне важный вопрос здесь подвергаю рассмотрению, так как не он сейчас стоит в порядке дня. Что такая перспектива существует, что она имеет все шансы стать реальностью -- при соответственном темпе развития пролетарской революции на Западе, -- это совершенно бесспорно для каждого марксиста. Об этом можно должно говорить. Но не надо эту перспективу превращать в платоническое воздаяние за нынешнее положение, когда по-прежнему владеют вооруженные буржуазные предатели. Основная жизненная задача состоит сейчас в том, чтобы подготовить ближайший этап, из которого только и могут вырасти все дальнейшие перспективы и возможности.

Что китайская революция на данной стадии является демократической, т. е.

буржуазной, это азбука для нас всех. Наша политика выводится, однако, не из голого названия ре-волюции, как буржуазной, а из реального развития классовых отношений внутри этой революции. Тов. Мартынов наиболее ясно и отчетливо исходит из старой меньшевистской концеп-ции: так как революция буржуазная, но антиимпериа-

листская, то китайская буржуазия, заинтересованная в низвержении империализма, не может отойти от этой революции. Чан Кайши ответил на это Мартынову сделкой с империалистами и разгромом шанхайского пролетариата. Т. Сталин сбивается на эту же точку зрения, поскольку из общего определения революции (непролетарская, буржуазная) делает вывод: поэтому не надо Советов. Реальный ход классовой борьбы он хочет заменить маршрутами для классов. А эти маршруты выводит из формального определения революции как буржуазной. Это в корне неверная позиция, противоречащая всему, чему учил Ленин.

Л. Троцкий 16 апреля 1927 г.

ПОЛОЖЕНИЕ В КИТАЕ

ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА ЧАН КАЙШИ

И ПЕРСПЕКТИВЫ

Попытка изобразить переворот Чан Кайши как эпизоды привлечь для сравнения измену Муравьева⁷⁷ в 1918 году представляет собою продолжение все той же ложной, поверх-ностной, вульгарной оценки китайского революционного развития, которая привела уже к ряду величайших, отчасти непоправимых ошибок. Измена Муравьева была личной кружковой авантюрой, направленной против власти проле-тариата и приведшей к гибели авантюристов. Государствен-ный переворот Чан Кайши означает классовый сдвиг всей револю-ции, полное отстранение низов от "соучастия" во власти, закрепление военно-буржуазного господства над революци-ей, над страной, восстановление более широкого сотрудниче-ства более широких слоев китайской буржуазии с иностран-ным империализмом.

Переворот Чан Кайши закончился на данной стадии столь крупным для буржуазии успехом вследствие целого ряда наших предшествовавших ошибок, вытекавших из ошибоч-ной оценки революции в целом. Основными ошибками были: во-первых, подчинение компартии Гомиьдану; во-вторых, от-каз от организации Советов; в-третьих, отказ от вооружения рабочих. Эти три роковые ошибки вытекают из меньшевист-ского понимания буржуазного характера революции и из доб-

ровольной передачи руководства революцией в руки верхов буржуазии через Гоминьдан.

Пролетариат оказался разгромлен теми, которые руководили им. Для обороны у застигнутого врасплох пролетариате оказалось ни правильной ориентировки, ни надлежащей организации (Советов), ни оружия. Хуже всего то, что пролетариату придется теперь идейно перевооружаться под ударами врага. Чан Кайши теперь учит китайских рабочих тому, чему мы их не научили, чему своевременно запрещалось ихучить.

Отсюда может произойти серьезная задержка в развитии революции и даже временный ее отлив. Аграрное движение как более распыленное менее доступно непосредственному воздействию палача Чан Кайши. Не исключена возможность того, что дальнейший рост аграрного движения даст возможность пролетариату, уже в сравнительно близком будущем, выпрямить спину и снова перейти в наступление. Точные предсказания на этот счет, разумеется, невозможны, тем более издали. Китайской компартии придется внимательно следить за реальным развитием событий и классовых группировок, чтобы уловить момент новой наступательной волны.

Строить Советы в процессе отступления, под ударами врага, гораздо труднее, чем в процессе побед и движения вперед. В этом смысле потерянному не наверстаешь. Но было бы ошибкой, вернее преступлением, отказаться от Советов сейчас. Если бы оказалось, что разгром надолго отбросил рабочих назад, тогда Советы в данный момент, разумеется, не вышли бы. Но для занятия такой позиции сейчас нет еще данных. Наоборот, все позволяет думать, что, несмотря на жестокое кровопускание, китайский пролетариат -- именно вследствие ужасающих условий его повседневного существования -- способен будет снова подняться в ближайшее время. Создание Советов будет в этих условиях означать то же, что создание укрепленных позиций на пути отступления -- с перспективой перехода в наступление при первом благоприятном повороте обстановки.

Возможности нового наступления будут зависеть -- помимо международных условий -- не только от развития аграрного движения, о чем сказано выше, но и от того, в какую сторону склонятся в ближайший период широкие мелкобуржуазные массы городов. Переворот Чан Кайши означает не только (может быть, даже не столько) укрепление власти китайской буржуазии, но и восстановление и укрепление позиций иностранного капитала в Китае со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсюда неизбежность -- притом в довольно близком будущем -- поворота мелкобуржуазных масс против Чан Кайши. Только меньшевик может думать, будто китайская буржуазия до полного низвержения господства иностранных империалистов будет "впрягаться в колесницу революции" (Мартынов): в награду за такую верность национальному знамени буржуазии обещан нашими теоретиками "некапиталистический путь развития", который и должен, очевидно, окончательно укрепить ее смычку с пролетариатом. Вся эта смехотворная перспектива разбита вдребезги. Но мелкая буржуазия, жестоко

страдающая не только от иностранного капитала, но и от союза с иностранным капиталом национальной китайской буржуазии, неизбежно повернется против Чан Кайши. В этом и состоит одно из важнейших для нас проявлений классовой механики в национально-демократической (буржуазной) революции.

Аграрное движение пойдет тем быстрее, мелкая буржуазия повернется против Чан Кайши тем раньше, чем решительнее будет наша собственная политика, чем меньше мы будем гоняться за теми "двумя правыми", которых еще можно "использовать" (Сталин), чем яснее и отчетливее мы поставим перед авангардом пролетариата задачу борьбы с буржуазией за влияние на многомиллионные трудящиеся массы города и деревни.

Правительство Ханькоу⁷⁸ объявило Чан Кайши изменником. Разумеется, это лучше, чем переход на сторону Чан Кайши, т. е. на роль его лакеев. Но было бы слишком неосторожно строить на этом объявлении преувеличенные надежды. В истории было не раз, что правительство или парламент, лишённые власти путем военного переворота, в самой торжественной форме объявляли захватчика изменником и ставили его "вне закона". Сплошь да рядом они на этом и успокаивались, считая, что народ "сам" обязан вернуть им их подлинные права. Совершенно очевидно, во всяком случае, что для действительной войны с Чан Кайши нужны методы иного рода, чем те, какие применялись национальным прави-

тельством до сих пор. Война против Чан Кайши может закончиться победоносно лишь как подлинно революционная война.

9. Думать, что эта борьба разовьется между двумя половинами разорвавшегося Гоминьдана и что эта победа народных масс будет означать передачу власти в руки Ван Цзинвэя, могут только те вульгарные, мещанские "идеалисты", которые считают, что переворот Чан Кайши есть простой "эпизод", вроде измены Муравьева. На самом же деле государственный переворот Чан Кайши означает классовую передвижку государственной власти". Победить Чан Кайши можно путем соответственной классовой же передвижки во всем руководстве революции, в ее программе, в ее тактике, в ее организации. Для того чтобы масса поднялась против Чан Кайши, т. е. против блока китайской буржуазии с иностранными империалистами, нужно, чтобы масса поверила и поняла, что ее нынешние руководители не имеют ничего общего с Чан Кайши, а являются плотью от ее собственной партии. Для этого нужна соответственная рабочая и крестьянская программа действия. Нужно осудить и отбросить совершенно чудовищные директивы насчет "минимального" вооружения рабочих. Нужно, наконец, дать массам такие формы организации, которые --

хоть и с жестоким запозданием -- соответствовали бы нынешнему фазису китайской революции, т. е. борьбе масс, под руководством пролетариата, против буржуазии за доведение национально-демократической революции до конца. Надо создать Советы.

10. Отношения компартии с Гоминьданом на новой стадии развития должны радикально измениться, как радикально переродиться должен и самый Гоминьдан. Не может быть и речи о сохранении того постыдного положения, когда компартия подчинена мелкобуржуазной организации, руководимой крупной буржуазией. Лозунг о "равноправных договорах" китайский пролетариат должен перенести и на политику революционных блоков между классами. Если компартия будет гоняться за Гоминьданом, она не приобретет влияния на массы, облегчит Гоминьдану новый сдвиг вправо и вынуждена будет бороться с ним в наихудших условиях. Если же компартия самостоятельно повернется лицом к массам, она вынудит революционные элементы Гоминьдана искать опоры не наверху, а внизу, не у буржуазии, а у городских и деревенских масс. Если компартия поставит ребром вопрос о создании Советов,

революционный Гоминьдан вынужден будет также стать на почву Советов. Отношения компартии и Гоминьдана примут тогда наиболее естественную, гибкую и вместе прочную форму блока двух советских партий, руководящих революцией.

Успех создания Советов будет теснейшим образом связан с активностью компартий, со способностью пролетариата преодолеть последствия поражения, с размахом аграрной борьбы, с политическим поворотом мелкой буржуазии и пр. Мы слишком хорошо знаем из всего прошлого, что направление и исход борьбы не решаются одной лишь организационной формой Советов. Но только Советы могут дать новому напору масс такую организационную форму, которая способна обеспечить победу народных масс -- не для буржуазии, а для себя.

Установление демократической диктатуры трудящихся масс города и деревни под руководством пролетариата является неизбежным этапом дальнейшего развития революции. Но этот неизбежный этап, по самому существу своему, не может быть последним этапом. От демократической диктатуры пролетариата и крестьянства возможны два пути: назад -- в сторону парламентской или бонапартистской буржуазной республики, или вперед -- в сторону переходных этапов к социалистической революции. Каким из этих путей пойдет китайская революция в дальнейшем, будет зависеть в решающей степени от международной обстановки, т. е. от развития пролетарской революции в передовых капиталистических странах. Нынешнее состояние мирового капитализма, бешеный рост его противоречий, наступивший к концу его восстановительного периода, свидетельствуют, что перерастание китайской демократической революции в социалистическую -- при условии правильного руководства -- может стать и станет вполне реальной перспективой.

Наоборот, попытки прикрывать абстрактными "некапиталистическими" перспективами реальное усиление буржуазии в Гоминьдане, правительстве и армии, грубую политическую зависимость компартии от буржуазии через Гоминьдан, отсутствие подлинно массовых революционных организаций,

отсутствие подлинно революционной программы массовой борьбы -- такие попытки не только не приблизят нас к "нека-

питалистической" стадии революции, но способны погубить и ее демократическую стадию.

Л. Троцкий 19-20 апреля 1927 г.

К. РАДЕК. ПОРАЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ^{78а}

1. "Измена" китайской крупной буржуазии национальному движению

12 апреля 1927 г. войдет в историю китайской революции как день, знаменующий собой крупнейший перелом в ее судьбах. В этот день те части китайской крупной буржуазии, которые шли до этого вместе с национально-освободительным движением, повернули против пролетариата и крестьян, повернули против национальной революции и перешли на путь сделки с мировым империализмом. 12 апреля произошло не случайно; события этого дня являются результатом глубоких сдвигов, происшедших в соотношении классов в китайской революции. В этот день крупнобуржуазная часть национального движения, стоя перед выбором борьбы с империализмом или с рабочим классом и крестьянством, выбрала последнее. Сотни рабочих облили своей кровью мостовые Шанхая. Этой крови суждено принести плоды рабочему классу только в том случае, если китайский и международный пролетариат даст себе ясный и недвусмысленный отчет в том, что случилось. В первую очередь надо ознакомиться с фактами, которые подготавливали переворот Чан Кайши.

Репетиция переворота

Шанхайские события 1925 года⁷⁹ и гонконгская забастовка, обнаружившие перед всем миром революционную энергию и революционную силу китайского пролетариата, вызвали переполох в среде китайской буржуазии. До этого времени разные фракции буржуазии господствовали в национальном движении; с 1919 г. роль гегемона занимала по существу промышленная буржуазия. В 1925 г. на исторической сцене появился новый претендент на руководителя революции. Свое участие в революции буржуазия ограничила тем, что организовала студенческие демонстрации, бойкот английских товаров. Пролетариат же схватил за горло английскую буржу-

азию в Шанхае и Гонконге. Он потянул за собой мелкую буржуазию, студентов, лавочников, ремесленников. Он создал мощное движение, которое временно подчинило ему буржуазию.

Но борьба пролетариата была направлена не только против иностранной буржуазии, но и против китайской. Пролетариат заставил и туземную буржуазию

повысить заработную плату и сократить рабочий день. Буржуазия поняла, что надо принять меры против растущего влияния рабочего класса в национальном движении. Не только явное правое крыло Гоминьдана, организовавшееся после смерти Сунь Ятсена на западных холмах около Пекина и требующее разрыва с коммунистами, готовилось к боям. Готовились к бою и центристские элементы, которые в тот момент не решались еще открыто требовать изгнания коммунистов.

К первым принадлежал теперешний министр национального правительства, сын Сунь Ятсена, Сунь Фо⁸⁰, ко вторым -- Ху Хуаньмин⁸¹, которого левые гоминьдановцы подозревали в соучастии в убийстве вождя левого Гоминьдана Ляо Чжункая. К ним же принадлежал Чан Кайши, который 20 марта 1926 г. арестовал работающих в кантонской армии коммунистов, сместил с поста руководителя правительства, вождя левого Гоминьдана, Ван Цзинвэя, и взял курс направо. Однако, встретив сопротивление со стороны низовых партийных организаций, Чан Кайши был, правда, принужден приостановить открытое наступление на левых, но все-таки добился того, что коммунисты входили в правительственный и партийный аппараты Гоминьдана только в таком количестве, которое не противоречило бы руководящей роли буржуазии. Одновременно Чан Кайши потребовал, чтобы коммунисты отказались от критики суньятсенизма.

Чан Кайши великолепно удалось замаскировать характер своего переворота. После арестов коммунистов он прогнал несколько крайне правых, вроде С. С. У., английского агента, бывшего до событий 20 марта членом кантонского правительства.

Чан Кайши пытался присягать на верность Советской России и требовал, чтобы Гоминьдан одновременно как единственный руководитель китайской революции, был принят в Коминтерн. Понятно, что вся идейная и организационная маскировка, которую предпринял Чан Кайши, не могла

скрыть существа его политики. Крестьянский отдел ЦК Гоминьдана в своем докладе декабрьскому съезду Гоминьдана Гу-андунской провинции писал следующее о последствиях 20 марта 1926 года:

"20 марта 1926 г. привело к трениям между разными личностями в кантонском правительстве. Они нашли отклик в деревне и привели к походу против организованных крестьян. Уездные чиновники изменили свои отношения к крестьянским союзам и распространяли слухи, что правительство предпримет меры против рабочего и крестьянского движения. Во многих округах запретили крестьянские собрания и начали называть крестьянских вождей бандитами. Борьба против крестьян обострилась на основе внутренних партийных споров на

Исполкоме Гоминьдана от 15 мая. Шли разговоры о роспуске крестьянских союзов и о том, что Гоминьдан поворачивает от рабочих и крестьян".

Это показывает, что попытка переворота на верхушке, сдвиг направо на верхушке сразу отразились внизу -- в деревне, как контрреволюционный нажим на крестьян.

Северный поход

Эта политика Чан Кайши вызвала беспокойство в низах Гоминьдана и привела к значительному урону его авторитета. За это время произошло продвижение У Пэйфу на юг для ликвидации генерала Тан Шэнчжи⁸², который пытался освободиться от руководства У Пэйфу. Тан Шэнчжи, хотя обыкновенный милитарист, обратился за помощью в Кантон. Чан Кайши использовал тревогу, вызванную в Кантоне этим продвижением, в целях поднятия своего авторитета и решил оказать ему помощь.

Два мотива руководили Чан Кайши. Во-первых, материальный мотив. Созданная кантонским правительством армия в 100 000 чел. требовала все растущих расходов. Крестьянство, тяжело эксплуатируемое помещиками и ростовщическим купеческим капиталом, не могло давать правительству значительных средств; чтобы сделать его платежеспособным, нужна была аграрная реформа, по крайней мере, уменьшающая дань, уплачиваемую крестьянином помещику. Но Чан Кайши боялся борьбы с помещиками, составляющими часть буржуазии. Поэтому для сохранения армии ему пришлось прибегнуть к расширению территорий, подчиненных кантонскому правительству.

Второй причиной, почему кантонское правительство под руководством Чан Кайши решилось на Северный поход, была надежда военными лаврами укрепить свой политический престиж, пошатнувшийся в глазах масс в результате переворота 20 марта⁸³. Все это было настолько ясно, что один из участников этого похода, коммунист Си Няньи, в статье от 7 августа 1926 г. писал:

"Северная экспедиция при той ее политической характеристике, которая имеется сейчас, лишь в силу объективных условий может считаться льющей воду не на мельницу милитаризма, но на колеса буржуазной революции".

Тов. Чэнь Дусю⁸⁴, секретарь ЦК киткомпартии, в статье от 2 июля 1926 г. рассказывает об аргументах, которые выдвигали, хотя и очень осторожно, коммунисты против Северного похода:

"По этому вопросу я расхожусь во мнениях с некоторыми товарищами. Они, конечно, также не против наступления на Север. Их точка зрения на этот вопрос состоит в том, что они считают, что Кантону, прежде чем наступать на Север, нужно собрать силы для этого похода, что нельзя сломя голову кидаться, не учитывая опасностей, которые могут встретиться на их пути".

Многие китайские коммунисты понимали, что Чан Кайши собирается в поход не из революционных, а из контрреволюционных побуждений; они считали, что необходима предварительная внутренняя борьба в самом Кантоне, которая

создала бы Кантон действительно революционной базой и тем предопределила революционный характер похода. На той точке зрения стояло большинство русских товарищей, занимающихся китайскими делами. (Аргументы китайских коммунистов доказывают глубину понимания классового переплета, проявленного тов. Бухариным. Он порицал меня за то, что я требовал предварительного развертывания борьбы за освобождение крестьян в Гуандуне, прежде чем пускаться в военный Северный поход, оставлявший в тылу власть в руках контрреволюции.)

Следующие объективные условия сделали поход, порожденный страхом борьбы с помещиком и поисками военной си-

лы, революционным фактом: поход обнаружил полную гниль милитаристского режима У Пэйфу и в продолжение нескольких месяцев привел к развалу его армии; поход обнаружил громадную силу национальной идеи; наконец, Северная экспедиция повсеместно подняла на ноги рабочих и крестьян. Те же объективные условия заставили Чан Кайши использовать коммунистов, которых он еще вчера арестовывал: половина силы национальной армии состояла не в ее штыках, а в агитации, которую Чан Кайши не мог развернуть без левых гоминьдановцев и коммунистов.

Сила национальной армии состояла в той поддержке, которую ей оказывало крестьянство во время похода. Надеясь на помощь со стороны национальной армии в борьбе с помещиками, крестьянство снабжало армию продовольствием, разведчиками, нападало на более слабые отряды войск милитаристов -- одним словом, оказывало национальной армии полное содействие.

Организация власти

Чан Кайши понимал опасности, которые таились в победах кантонской армии. Поэтому он, овладев правительством, Центральным комитетом и военным командованием, сосредоточил всю власть в своих руках. Главная задача Чан Кайши, вокруг которого на громадной территории с 200 миллионами населения начали теперь группироваться помещики и капиталисты, состояла в том, чтобы не допустить до развала старого аппарата, т. е. спасти старый аппарат угнетения рабочих и крестьян помещиками и буржуазией. Всякая революция начинается с разрушения старого правительственного аппарата.

Кантонское правительство у себя в Гуандунской провинции оставило неприкосновенной на местах старую власть помещиков и купцов. Утверждение резолюции VI расширенного пленума⁸⁵, что "созданное партией Гоминьдан в Кантоне революционное правительство успело уже связаться с самыми широкими массами рабочих, крестьян и городской демократии и, опираясь

на них, разбило поддерживаемые империалистами контрреволюционные банды и проводит работу по радикальной демократизации всей политической жизни Гуандунской провинции" (см. протоколы VI пленума, стр. 71), оказалось сплошной выдумкой. Поэтому вымыслом также надо считать и дальнейшее заявление, что, "являясь, таким обра-

зом, авангардом в борьбе китайского народа за независимость, кантонское правительство служит образцом для будущего революционного демократического строительства в стране".

Эта полная дезинформация, прикрашивание действительности в коминтерновских докладах, явилась источником моей ошибочной оценки классового характера кантонского правительства. Опираясь на доклады восточных/ работников Коминтерна, подкрепленные воззваниями Гоминьдана, я думал, что кантонское правительство есть на деле "образец действительного революционно-демократического строительства", т. е. рабоче-крестьянское правительство. Если "Правда" (от 29 апреля) по этому поводу нападает на меня, то она смеется над самой собой. Ибо убедившись в ошибочном освещении Коминтерном положения в Кантоне, я сказал правду о нем, а "Правда" 1 апреля 1927 г., за 12 дней перед расстрелом шанхайских рабочих, громила тов. Альского⁸⁶ за то, что он в своей книге, на основе изучения фактов на месте, характеризовал кантонское правительство как "либерально-буржуазное правительство". Они обрушились на Альского, упрекая его в расхождении с решениями VII расширенного пленума⁸⁷ по китайскому вопросу: "VII пленум ИККИ дал директиву китайской компартии вступать в национальное правительство. Очевидно, было бы правым уклоном, оппортунизмом самой чистой воды, предлагать китайской компартии принимать участие в национальном правительстве, если бы это правительство было действительно правительством "либерально-купеческим", лишь "в известной степени демократическим", которое проводит "политику в интересах лишь одной местной торгово-промышленной буржуазии". VII пленум ИККИ рассматривал национальное правительство как временное революционно-демократическое правительство блока рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и антиимпериалистической части буржуазии".

Таким образом, "Правда" 1 апреля 1927 г. настаивала и защищала мнение, что кантонское правительство представляет собой демократическую диктатуру, т. е. является рабоче-крестьянским правительством. Если после этого "Правда" имела мужество выставить против меня рьяного молодого человека, спрятавшегося за инициалами Н. Д. ("набитый дурак" -- так что ли надо расшифровать?), для того, чтобы раз-

носить меня за определение мною кантонского правительства весной с. г.

как рабоче-крестьянского, определение, за которое она так энергично ратует 1 апреля 1927 г., то это доказывает только, что для некоторых лицеистов с Остоженки, делающих теперь ветер и погоду в общественном мнении партии, не существует пределов, за которые они не в состоянии перейти. Эти молодые люди способны, видно, ко всему, но больше ни к чему. Они принесут еще большую пользу, неизвестно только кому.

Как этот образец выглядел в действительности, это показал тов. Тарханов в своем "Очерке социально-экономической структуры провинции Гуаньси", помещенном в десятом номере журнала "Кантон".

"Описание положения крестьянства (в Гуаньси) будет неполным, если мы не осветим политического положения в деревне, -- пишет Тарханов. -- В этом отношении между восточными и западными районами нет большой разницы. В обоих районах деревни представляют собой царство глубокого произвола местных чиновников и минтуаней⁸⁸ и абсолютного политического бесправия крестьянской массы. Ни постепенное разрушение натурального хозяйства, ни рост городов, ни победы нац/иональной/ армии не изменили ни на йоту порядков в деревне... Начальники уездов назначаются провинциальным правительством. Почти все начальники уездов назначены уже новым революционным правительством. Однако все они -- это бывшие начальники уездов или занимавшие другие чиновничьи места до переворота. Правительство стремится обычно в каждом уезде назначить начальником уроженца этого уезда, что ведет на практике к тому, что начальники оказываются связанными с местными помещиками и джентри узлами родства и землячества. Судебный аппарат также сплошь старочиновничий. Судят, конечно, по старым законам, из которых некоторые имеют более чем тысячелетнюю давность, ибо других законов не существует. Там, где стоят правительственные войска, гражданские власти целиком зависят от них, но так как командный состав этих войск представляет собой более реакционную массу, чем старые чиновники, то в сущности, если это изменяет картину, то лишь в худшую для крестьян сторону. Во время классовых конфликтов в деревне правительственные войска во всех без исключения случаях занимают сторону врагов крестьянства и поддерживают их всеми силами и средствами" (журнал "Кантон", № 10, стр. 112-114).

В каждой новой захваченной с бою кантонской армией провинции нацармия смещала лишь старую административную головку, заменяя ее новой, из военных и правых гоминьдановцев, прикрывающихся именем центристов. Там же, где провинции переходили на сторону кантонского правительства без боя, даже головка не сменялась. Низовые аппараты власти, которые служили раньше для выколачивания податей и арендной платы из крестьян, остались нетронутыми. Повсюду возникали крестьянские организации, которые пытались прогнать наиболее ненавистных чиновников-угнетателей.

Именем национального правительства Чан Кайши преследовал это вмешательство крестьянских организаций в дела управления. Крестьянский отдел Гоминьдана создавал крестьянские организации, помогал им часто деньгами, посылал инструкторов, добывал помещения. Но при первом же столкновении

крестьянских организаций с помещичьими организациями или с властью, крестьянские организации объявлялись бандитскими и начинался их разгром. Уже в сентябре 1925 г. орган компартии "Гайд Уикли" писал: "О положении гуандунского крестьянства во время похода можно сказать, что оно окружено врагами со всех четырех сторон". Статья рассказывает, что "сейчас крестьянские организации, -- при этом все они точно сговорились между собой, -- требуют исключения из программы этих организаций всякой политики... Похоже на то, что эти уездные начальники для своего руководства получили некий тайный приказ". Статья кончается словами: "Из вышеописанного положения видно, что реакционная партия сейчас сильна и в связи с мерами административного характера, принимаемыми для ограничения крестьянских организаций, приведет к еще большим опасностям". В городе правительство Чан Кайши выступало точно так же самым энергичным образом против всякой попытки рабочих вмешаться в так называемые административные вопросы. На деле, при отсутствии каких бы то ни было органов революционного самоуправления, это означало сохранение всей власти в руках буржуазно-помещичьей администрации.

Армия

Армия -- главный орган власти, выступила в Северный поход в количестве 60--70 тысяч штыков. Что представляла собой кантонская армия/?/ Формально она являлась наемной армией, состоящей из деклассированных крестьянских элементов. Создана она была путем централизации кантонским правительством из партизанских отрядов разных гуандунских генералов. Генералы эти, происходившие из кругов буржуазии, помещиков и буржуазной интеллигенции, причиняли уже раньше Сунь Ятсену много хлопот. В речи своей, произнесенной после смерти Сунь Ятсена в Сватоу, Ван Цзинвэй рассказывал о том, как Сунь Ятсен относился к этим своим генералам. Он собрал их в 1923 г. и сказал: "Вы пригласили меня в Кантон, для того чтобы бороться за мои идеи. Вы одели мою шапку и позорите мой дом. Поэтому я от вас уйду".

Все эти борющиеся между собой за власть генералы неохотно подчинялись Чан Кайши; но Чан Кайши был представителем Гоминьдана, а политическая работа Гоминьдана в Гуандун-ской провинции создала положение, при котором генералам нельзя было уже кормиться по-старому, без всякого идейного прикрытия. Они должны были подчиниться создавшемуся положению, но "революционерами" они стали поневоле. Только школа Вампу⁸⁹ начала поставлять командиров, идущих в армию во имя революционных целей, причем эти командиры принадлежали как к правому, так и к левому крылу Гоминьдана.

Таким образом, кантонская армия представляла собой наемную крестьянскую

армию, лишь недавно подвергнушуюся влиянию революционной агитации. Ее командный состав вербовался в большинстве своем из представителей офицерства старого закала, в меньшинстве -- из лиц, причастных к школе Вампу, которая выпустила за 22 месяца (от апреля 1924 г.) 1700 офицеров, прошедших уже известную политическую революционную подготовку. В эту армию влились армии разбитых или добровольно перешедших на сторону победителей милитаристов. Солдаты взятых в плен армий милитаристов сначала использовались в качестве кули для транспортирования снаряжения армии, продовольствия, всякой тяжелой работы. Ища спасения от каторжного труда, они при первом же предложении национального правительства с удовольствием переходили в ряды национальной армии, что отнюдь не означало,

что они стали революционерами. Еще хуже дело обстояло там, где переходили на сторону национального правительства целые армии со своими контрреволюционными офицерами. Солдаты получали трехцветный галстук и объявлялись солдатами национально-революционной армии. Во главе их оставались их старые контрреволюционные военные начальники.

В армии велась известная политическая работа. Но само собой понятно, что при непрерывном продвижении в тяжелых боях политическое воспитание не могло быть ни достаточно широким, ни достаточно глубоким. На армию больше действовала обстановка в крупных городах: политические митинги, демонстрации. Китайская буржуазия смотрела в оба, чтобы в армию не проникли коммунистические командиры и коммунистическая пропаганда. Еще более она боялась создания полков из рабочих и революционных крестьян. Поэтому Чан Кайши именем национального правительства запретил всякие вооруженные демонстрации, всякое вооружение рабочих. Согласно приказу, изданному в феврале 1927 г., профессиональные союзы под угрозой быть распущенными должны были сдать имевшееся у них оружие и амунизию. На основании этого приказа кантонские рабочие были разоружены ставленником Чан Кайши, генералом Ли Цзишэном, ханькоуские рабочие не получили вообще оружия, и рабочие дружины выступали с палками в руках. Шанхайские рабочие завладели оружием, разоружив полицию еще до прихода регулярной кантонской армии.

Этот прирост действительно революционных бойцов национальной армии Чан Кайши считал главной опасностью для революции. Разоружив шанхайских рабочих, он мог сослаться на то, что он действовал в качестве главы правительства на основе декрета, изданного им в феврале без протеста этого правительства.

Отношение к рабочим

Какую политику вело правительство Чан Кайши по отношению к рабочим/?/ Когда национальная армия появилась в Ханькоу -- в сердце центрального промышленного района -- буржуазия вынудила Чан Кайши занять ясную позицию. В своей речи от 28 июня 1946 г. он заявил, что в Китае нет капиталистов, а есть только деловые люди, и от сотрудничества рабочих, буржуазии и крестьян зависит победа над империалиста-

ми. Он требовал от капиталистов признания необходимости улучшить положение рабочих, от рабочих же требовал подчинения своих интересов общенациональным. Во время войны не должно быть забастовок и поэтому правительство возьмет на себя регулирование рабочего вопроса.

Правительство издало закон о принудительных арбитражных судах, распространяемых не только на военные предприятия, но и на все предприятия общественного значения. А так как под это понятие можно было подвести всякое предприятие, то местная администрация, находящаяся в руках помещиков и капиталистов, обращалась к военной силе всякий раз, как возникала любая забастовка. Конфликты же, передаваемые в арбитражные суды, затягивались месяцами.

Отношение правительства к рабочему вопросу вызвало перемену в тактике буржуазии по отношению к национальному правительству. Перед приходом национальных войск в Ханькоу буржуазия бежала в Шанхай, увозя деньги и помещая все ценности в английские банки. С момента, когда политика Чан Кайши определилась, мы видим полную перемену. Орган компартии "Гайд Уикли" пишет в статье от 6 января 1927 г., что сначала "в средней части Китая и в районе реки Янцзы капиталисты и крупные коммерсанты хулили национальное правительство, говоря, что оно сделалось "красным"". Но позже "капиталисты спохватились и стали поспешно нагонять потерянное. Желая сохранить свои выгоды во время революции, они начали проникать в ее ряды, чтобы сохранить при ней свое положение". Рабочие организации в Ханькоу сразу же раскусили политику буржуазии, руководящей национальным правительством. Профсоюзы в Ханькоу заявили еще в своем воззвании от 2 октября 1926 г., что они будут поддерживать национальное правительство, если последнее будет помогать им в борьбе за свободу и права рабочего класса. "Если национальное правительство, -- заявили профсоюзы, -- не будет помогать рабочим, то профсоюзам безразлично, как оно называется".

Борьба рабочих против попытки связать их по рукам и по ногам и выдать их беззащитными буржуазии начала развертываться по всей линии. Не полагаясь на помощь военных властей, буржуазия под видом профсоюзов начала создавать хулиганские организации из люмпенпролетарских слоев го-

родской мелкой буржуазии, из самых несознательных частей рабочего класса. Эти организации вступали в бой с рабочими профсоюзами, устраивали погромы их помещений. В борьбе с этими хулиганскими организациями в одном Кантоне погибли десятки рабочих. Где недостаточны были силы буржуазии, там вмешивалась местная администрация, опирающаяся на военную силу. В китайский Новый год в Кантоне произошла вооруженная борьба между полицией и рабочими, которые осаждали полицейские участки и здания правительства. В этой борьбе оказалось много убитых и раненых.

В Учжоу в провинции Гуанси, во время забастовки грузчиков было

арестовано трое рабочих и, несмотря на протест рабочих организаций, они были расстреляны командиром 4-й бригады. Предлогом для конфликта послужила неуплата заработной платы в 30 коп.90 на душу. "Когда их вели на расстрел, они громко и жалобно кричали, что их расстреливают из-за 30 коп.", -- сообщила гоминьдановская газета "Мингожибао". Чан Кайши пытался свалить вину за эти события на недисциплинированных генералов в отдельных провинциях, но правительство и не думало сменить этих генералов. А Ли Цзишэн, командующий гуандунскими войсками, разогнал кантонский комитет Гоминьдана, назначил на его место другой, потрудившись привлечь для прикрытия даже члена компартии Ян Па-оана.

Но вооруженные расправы над рабочим движением не ограничивались южными провинциями. Расстрелы имели место в Хубэйской провинции, центром которой является Ханькоу, т. е. под носом самого правительства. В декабре 1926 г. происходит первое столкновение рабочих пикетов с солдатами 15-й народной армии. При попытке ликвидации этого первого столкновения был ранен руководитель рабочих дружин Чи Куэ. В ноябре 1926 г. с целью сломить вспыхнувшую забастовку войска окружили хлопчатобумажную фабрику в Ханькоу и в продолжение дня не выпускали рабочих и не впускали к ним жен с пищей. Даже представитель профсоюзов не был допущен на фабрику. Понятно, что громадное большинство подобных проявлений "революционной деятельности" Чан Кайши нам не известно и по сегодняшний день, ибо коммунистическая партия Китая не имеет ни одной ежедневной газеты, а гоминьдановская пресса печатала подобные сообщения только под напором рабочих организаций.

Отношение к крестьянству

Политика Чан Кайши по отношению к крестьянству была не менее враждебной, чем по отношению к рабочему классу. И это понятно. Всякий купец и всякий промышленник помещает часть своих денег в землю и закабалает крестьян через ростовщические займы, через ломбарды, через скупщиков сельскохозяйственных продуктов и на основе этих кабальных сделок присваивает их землю. Поэтому крупная и средняя национальная буржуазия боится крестьянского движения. Правительство издало декрет о понижении арендной платы, которая местами доходит до 80 % стоимости урожая, на 25 %. Даже это незначительное понижение арендной платы не было проведено в жизнь по той простой причине, что местная администрация, находящаяся в руках капиталистов и помещиков, и не думала даже проводить его. Тем энергичнее она взялась за разгром крестьянских организаций, которые на всем Юге Китая выростали как грибы. В Гуандунской провинции она заставила самостоятельные крестьянские вооруженные дружины объединиться с кулацко-помещичьими дружинами и подчинила их полиции, т. е. на деле уничтожила самостоятельные крестьянские вооруженные отряды.

Борьба крестьянства за улучшение своего положения объявлялась чиновниками бандитским движением. Дело дошло до того, что резолюция гоминьдановского конгресса в Кантоне, принятая по крестьянскому вопросу в декабре 1926 г., должна была признать следующее:

"В течение этих трех лет крестьянского движения члены партии совершали крупные ошибки. Если эти ошибки будут продолжаться, они создадут опасность не только для крестьян, но и для национальной революции. Эти ошибки заключаются в том, что партия и правительственные чиновники рассматривают крестьянское движение как нечто чуждое, иногда даже враждебное революции".

Борьба против крестьянской организации и крестьянского движения происходит не только на Юге. Из Хубэйской провинции, где находится правительство, мы имеем следующие сведения: "В ноябре 1926 г. солдаты 15-й революционной армии напали на крестьянский союз в Жионг Цахо, разгромили его, ограбили и арестовали членов комитета союза. В Инчинг разгромлена войсками крестьянская организация, секретарь ее был повешен. Чиновники оправдали виновных; водная полиция атаковала рабоче-крестьянскую демонстрацию и ранила более десяти человек. В Кеньяне местная администрация разгромила крестьянский рабочий союз. В Ханяне солдаты 8-й армии, подстрекаемые местными чиновниками, разоружили крестьянский союз. В Чи Чиго разрушен крестьянский союз". Сведений о подобных случаях имеется в нашем распоряжении огромное множество.

Тов. Тань Пиншань⁹¹ знал, что говорил, когда в своем докладе Коминтерну писал: "когда между крупными помещиками и крестьянской беднотой вспыхивали конфликты, правительство всегда становилось на сторону первых" (стр. 34). Это писалось в ноябре. К сожалению, брошюра появилась в печати только в апреле.

Массы против Чан Кайши

Политика национального правительства -- а до конференции пленума ЦК Гоминьдана, происходившей в марте 1927 г., из шести членов правительства, как это сообщает резолюция ИККИ в декабре 1926 г., пять принадлежало к правому крылу -- вызвала широкую волну массовых протестов. Возмущение политикой правительства выразилось в уходе значительных рабочих и крестьянских масс из Гоминьдана и в волне митингов и рабочих демонстраций, возглавляемых профсоюзами, коммунистами, отчасти левыми гоминьдановцами с Сюй Цянем⁹² во главе. Состоявшийся 13 марта 1927 г. стотысячный митинг в Чанта требовал ухода Чан Кайши, называя его неомилитаристом и обвиняя его в сделке с Чжан Цзолином и Японией. В Ханькоу в течение всего января, февраля и марта мы наблюдаем кампанию демонстраций и митингов, направленных против Чан Кайши. Его обвиняют в том, что он нажился в революцию, что он ведет тайные переговоры с японцами, в том, что он стремится к диктатуре.

Это движение заставило секретаря киткомпартии тов. Чэнь Дусю, защищавшего до сих пор единый фронт с крупной буржуазией с рвением, заслуживающим лучшего объекта, напечатать 12 марта в "Гайд Уикли" статью под характерным заглавием: "Печаль по поводу второй годовщины смерти Сунь Ятсена". Не решаясь назвать по имени Чан Кайши, он обвиня-

ет "партию твердых" в стремлении разорвать союз с рабочим классом, крестьянством и СССР. Он обвиняет их в стремлении к союзу с Чжан Цзолином. Из всех этих обвинений он не дает никаких практических выводов; сопровождает их только стереотипными выкриками: "Разве это не печально". Эти слезы и стоны секретаря киткомпартии являлись характерным симптомом той нерешительности, которая царила в руководящих кругах партии. Эта нерешительность не позволила хотя бы в последний момент принять меры защиты против готовящегося контрреволюционного переворота.

Мартовский пленум Центрального комитета ликвидирует диктаторские права Чан Кайши, оставляя ему реальную власть над армией. Чан Кайши на словах подчиняется решению. Он приветствует даже Ван Цзинвэя как своего "учителя", но на деле готовится к перевороту. Правое крыло Гоминьдана, представляющее крупную буржуазию, вступив в столкновение с растущим рабочим и крестьянским движением, решает на раскол Гоминьдана, на раскол национального правительства, т. е. открывает фронт империалистическому врагу.

Предательство крупной буржуазии

Руководящие "революционные" элементы Гоминьдана боялись ослабления антиимпериалистического фронта. Они надеялись, что удастся совместно с крупной буржуазией объединить Китай и что только находясь в Пекине можно будет идти на риск откола крупной буржуазии. Но крупная буржуазия с самого начала не думала о борьбе с империализмом до конца. Она стремится к капиталистическому развитию Китая -- поэтому она добивается сделки с империализмом; только компромисс с империализмом может ей дать нужные ей займы. Победить империализм нельзя, не конфискуя и не национализируя крупную капиталистическую промышленность и банков, находящихся в большинстве в руках иностранных империалистов. Но такая национализация отдала бы командные экономические высоты страны в руки демократической диктатуры рабочих и крестьян и затруднила бы условия развития частной капиталистической промышленности. Крупная буржуазия точно так же не могла быть антиимпериалистической до конца, как европейская буржуазия не могла быть борцом против феодализма до конца. Империализм снимает сливки

с капиталистической эксплуатации Китая и поэтому он выступает конкурентом китайской национальной буржуазии, но рабочий класс стремится не только к ограничению эксплуатации, но и к социализму. Поэтому китайская буржуазия больше боится китайского пролетариата, чем империализма.

Крестьянин стремится к уничтожению кабальной аренды, приносящей буржуазии сотни и сотни миллионов.

Поэтому для крупной буржуазии открытие фронта империализма меньшее зло,

чем допущение перехода власти в руки демократической диктатуры рабочих и крестьян.

Громя рабочие и крестьянские организации, крупная буржуазия под руководством Чан Кайши создавала почву для компромисса с мировым империализмом. "Дейли Телеграф", ор-

ган английского министерства иностранных дел⁹³, говорил Чан Кайши: "Пока не восстановишь порядка в Шанхае, не получишь ни копейки из таможенных доходов". "Таймс"⁹⁴ от 23 марта, объясняя переход от политики переговоров с го-миньдановским правительством к политике обстрела Нанкина, заявил, что пока не победят правые гоминьдановцы, нельзя сговариваться. Чан Кайши, громя рабочие и крестьянские организации, разоружая рабочих, тем самым заявляет империализму: "Зачем вам, господа, держать свои войска в Китае: я сумею стать на страже ваших интересов, если вы сделаете мне уступки, если пойдете на сделку с китайской буржуазией". Предательство Чан Кайши -- это предательство налицо, это не предательство военщины, это предательство той части крупной буржуазии, которая шла до этого времени с национальным движением. Национальное движение победит как движение рабочих и крестьян или оно погибнет.

2. Гоминьдан и компартия в китайской революции

Обязательно ли пролетариату быть схваченным врасплох

Предательство Чан Кайши и расстрелы китайских рабочих не представляют для марксиста ничего "неожиданного" -- говорили люди, вчера еще кричавшие о панике в ответ на наши предостережения. Да, предательство Чан Кайши "естественно". Подобно тому как китайская революция представляет собою национально-освободительный вид буржуазно-демократической революции, точно так же расстрелы китайских

рабочих, измена китайской буржуазии национальному движению представляют собой явления, имеющие место во всех буржуазных революциях.

В английской революции XVII столетия народные массы были преданы сначала пресвитерианской буржуазией, позже индипендентской; и наконец, когда движение масс было раздавлено, буржуазия провозгласила диктатуру Кромвеля⁹⁵. В Великой Французской революции жиронидсты, представляющие торговую буржуазию Юга, предали революцию, и только перешагнув через их труп, революция могла идти дальше⁹⁶. Уже на заре капиталистического развития Европы в борьбе буржуазных Нидерландов против феодальной Испании бельгийская буржуазия, запуганная революционной борьбой ремесленного пролетариата в промышленно наиболее развитой Бельгии,

подняла во Фландрии и Брабанте восстание против мелких ремесленников, мелкого купечества и мелкого ремесленного пролетариата, захватившего под руководством Рихо-ва и Гембиза власть. Она объединилась с феодальными помещиками и, скинув революционно-демократическую власть, заключила 17 мая 1579 г. мир с Филиппом Вторым, по которому она порывала с Северными Нидерландами и подчинялась полностью испанскому абсолютизму. Филипп Второй не был марксистом, но все-таки понял очень хорошо причины этого отхода национальной буржуазии от национально-освободительного движения. Ратифицируя мир с помещиками и капиталистами Бельгии, он сказал, что причиной их возврата под крылышко абсолютизма является не только их любовь к старой католической церкви, на которую они ссылались, но "стремление избежать грозящих их имуществу опасностей, вызванных попыткой установить демократическую тиранию над духовенством, дворянством и почтенным бюргерством"⁹⁷. Новый герой китайской буржуазии -- Чан Кайши -- может сослаться на этот пример и оспаривать старое утверждение Струве⁹⁸, что чем дальше на восток, тем подлее буржуазия.

Крупная китайская буржуазия, перешедшая на сторону контрреволюции, изменила не себе, а изменила делу национальной революции. Ее классовые интересы -- это прибыль. Под крылышком империализма она, плохо ли, хорошо ли, развивалась до сего времени. Развивающееся рабоче-крестьянское движение угрожает лишить буржуазию этой прибыли. С империализмом она надеется договориться. Измена революции, даже буржуазной революции, со стороны буржуазии дело понятное; это и надо было своевременно предвидеть и учесть. Но является ли также "понятным" тот факт, что Чан Кайши захватил врасплох рабочих и крестьян Китая?// Во всех прошлых буржуазных революциях крупная буржуазия предавала, но не всегда предательство ее захватывало врасплох революционные массы. Робеспьер⁹⁹ предупредил предательство жирондистов¹⁰⁰, казня их заблаговременно.

Французская мелкая буржуазия под руководством якобинцев¹⁰¹ сумела оградиться от предательства. В 1848 г. рабочие массы были схвачены врасплох Кавеньяком¹⁰². Неподготовленность французского пролетариата объяснялась тем, что молодое рабочее движение не отделилось еще окончательно идейно от буржуазии, что оно не имело своей собственной крепкой партии, вооруженной методами марксизма, ориентирующейся в окружающей обстановке, понимающей все пружины движения противника.

Маркс сделал из этого опыта все выводы. В обращении Союза коммунистов в марте 1850 г.¹⁰³ он гениально обрисовал тактику крупной и мелкой буржуазии в революции. Он дал картину отхода крупной либеральной буржуазии и предсказал предательскую роль демократической мелкой буржуазии, на нескольких страничках дал пролетариату исчерпывающие указания на то, как защищаться против этого предательства. Эти несколько страничек дают не только общую постановку вопроса о тактике пролетариата в буржуазной революции, но также набрасывают практическую конкретную программу действия. Маркс указал пролетариату, как, поддерживая мелкую буржуазию, пока она

революционна, пролетариат должен защищать обеими руками свою самостоятельную партию, свою самостоятельную политику; как он должен создавать массовые организации для отпора грядущему предательству мелкой буржуазии, вооружаться для борьбы, когда она повернет против него. Все историческое развитие после смерти Маркса полностью доказало правильность его предостережений, полностью обнаружило гниль либерализма и мелкобуржуазной демократии в капиталистических странах Запада. Будет ли на Востоке роль крупной буржуазии та же самая,

что и на Западе -- этот вопрос стал перед застрельщиками пролетарской борьбы с самого начала развития революции на Востоке.

Коминтерн предупреждал, киткомпартия знала опасности

Ленин в резолюциях II конгресса Коминтерна приспособил учение Маркса, применяя учение Маркса к новой обстановке, созданной империализмом и эпохой мировой революции. Подчеркивал:

"Коммунистический Интернационал должен поддерживать буржуазно-демократическое движение в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистической не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации. Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной форме".

Этот свой тезис он дополнил, указывая, что "между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, пожалуй, даже в большинстве случаев, буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с ней, борется против всех революционных движений всех революционных классов. Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазно-освободительное движение в колониальных странах, когда это движение действительно революционное, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых" (Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 275).

Весною 1922 г. Коммунистический Интернационал решил, что для поддержки национально-освободительного движения в Китае молодая киткомпартия должна войти в Гоминьдан, дабы, борясь на передовых постах национальной революции,

завоевать себе доверие широких масс и взять в дальнейшем ходе борьбы руководство революцией в свои собственные руки. IV конгресс Коминтерна в резолюции по восточному во-

просу указал, что "отказ коммунистов колонии принимать участие в борьбе против империалистского насилия под предлогом защиты самостоятельных классовых интересов представляет собою оппортунизм худшего сорта, который может пролетарскую революцию на Востоке только скомпрометировать. Но не менее вредной была бы попытка борьбу за ежедневные и наиболее неотложные интересы рабочего класса откладывать в пользу "национального единения" для "гражданского мира" с буржуазной демократией".

Резолюция IV съезда Коминтерна указывала: "Существует опасность соглашения между буржуазным национализмом и одной из империалистических держав или многими из них, находящимися в борьбе за полуколониальные страны (Китай, Персия)". И делала вывод: "Революционное движение в отсталых странах Востока не может быть победоносным, без того чтобы оно не опиралось на движение широких масс крестьянства. Поэтому революционные партии восточных стран должны выработать новую революционную программу. Необходимо, чтобы они заставили буржуазно-национальные партии принять эту программу полностью".

На V съезде Коминтерна в 1924 г. тов. Мануильский¹⁰⁴ в докладе о национальном и колониальном вопросе говорил: "Перед нашими секциями встает двойная опасность: либо опасность нигилистического игнорирования такого рода новых явлений, революционизирующих Восток, либо опасность сбивания с пролетарской ноги на путь вульгарного сотрудничества с мелкой буржуазией и утеря своей самостоятельной классовой физиономии". Еще на VI расширенном пленуме Исполкома Коминтерна, состоявшемся между 17 февраля и 15 марта 1926 г., т. е. за несколько дней до государственного переворота Чан Кайши, в резолюции, принятой по китайскому вопросу, говорилось:

"Китайская компартия сможет выполнить стоящие перед ней исторические задачи руководителя трудящихся масс Китая в их борьбе против империалистов только в том случае, если на всем протяжении борьбы будет постоянно укреплять свою организацию и свое влияние как классовой партии китайского пролетариата и секции Коммунистического Интернационала. Процесс самоопределения китайской коммунистической партии за последний год значительно подвинулся

вперед в результате широких экономических и политических забастовок, прошедших под руководством партии, но тем не менее организованное оформление партии далеко еще не завершено. Политическое самоопределение китайских

коммунистов будет развиваться в борьбе против двух одинаково вредных уклонов: против правого ликвидаторства, игнорирующего самостоятельные классовые задачи китайского пролетариата и ведущего к бесформенному слиянию с общим демократическим и национальным движением, и против крайних левых настроений, стремящихся перескочить через революционно-демократический этап движения непосредственно к задачам пролетарской диктатуры и советской власти, забывая о крестьянстве, этом основном решающем факторе китайского национально-освободительного движения. Тактические проблемы китайского национально-революционного движения при всей особенности обстановки очень близко подходят к проблемам, стоявшим перед русским пролетариатом в период русской первой революции 1905 г. Усвоение китайской компартией уроков этой революции, как они сформулированы ленинизмом, и политическое и организационное укрепление партии значительно помогут и изживанию и предупреждению указанных здесь уклонов от правильной тактической линии".

В той же самой резолюции сказано:

"Основной задачей китайских коммунистов в Гоминьдане является --разъяснить массе крестьянства во всем Китае, что только образование независимой революционно-демократической власти на основе союза рабочего класса и крестьянства может радикально улучшить материальное и политическое положение крестьянства, вовлечь массу крестьянства в активную борьбу под боевыми лозунгами, объединяющими понятные и близкие ему политические и экономические требования общими политическими задачами борьбы против империалистов и милитаристов".

Коммунистическая партия Китая дала себя уговорить вступить в Гоминьдан только после очень упорной борьбы. Все ее руководители были вначале против вступления в Гоминьдан. В этом выражались не цеховые интересы китайского пролетариата -- партия была вообще еще очень мало связана с рабочими массами, а недоверие к Гоминьдану, вызванное рядом актов

кантонского правительства, направленных против рабочего класса: подавление забастовок и т. д. Только авторитет Коммунистического Интернационала заставил конференцию кит-компартии в Кантоне летом 1922 г. подчиниться и войти в Гоминьдан.

На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. представитель китайской компартии тов. Лю Жэньцин¹⁰⁵ говорил: "Гоминьдан -- национально-революционная партия в Китае -- носился в продолжение последних трех лет с планами военной революции. Он не вел массовой пропаганды в стране, он не организовал масс. Он пытался только военными средствами прийти к цели. Раньше, чем еще была завоевана Гуандун-ская провинция, Гоминьдан организовал правительство. Он хотел использовать все средства этой провинции для экспедиции против Севера, против правительства феодальных милитаристов и агентов мирового империализма. План этот казался сначала исполнимым, ибо все члены партии были с ним внешне согласны. Но когда завоевали Гуандунскую провинцию, то военный губернатор, член Гоминьдана, отказался от всех этих планов, становясь с каждым днем более консервативным и склоняясь к тому,

чтобы довольствоваться провинцией и не обращать внимания на то, что делается вне ее. В Гоминьдане много таких членов. Пока не завоюют власть -- они революционеры. После становятся консерваторами. Этот генерал, который покинул кантонское правительство -- это один из многих элементов этого рода, принадлежащих к Гоминьдану. Большинство Гоминьдана состоит из людей, по существу реакционных".

Дав такую характеристику Гоминьдана, представитель кит-компартии заявил, что "наша партия за единый фронт с Гоминьданом. Форма этого единого фронта состоит в том, что мы, как отдельные лица, под нашей фамилией вступаем в Гоминьдан. Этим мы можем добиться двух целей: во-первых, хотим вести агитацию среди рабочих, принадлежащих к Гоминьдану, дабы завоевать их; во-вторых, мы можем бороться с империализмом, только объединяя силы пролетариата и мелкой буржуазии. Мы хотим конкурировать с этой партией в организации и пропагандистском охвате масс. Если не вступим в эту партию и останемся изолированными, то будем пропагандировать коммунизм, но массы за нами не пойдут. Массы

пойдут за мелкобуржуазной партией, которая их использует для своих целей. Если же мы вступим в партию, то мы докажем массам, что и мы за революционную демократию, но она для нас только средство к цели. Мы будем иметь возможность указать массам, что выдвигая дальше идущие цели, мы не забываем ежедневных потребностей массы. Так мы объединим массы и расколем Гоминьдан".

На V конгрессе Коминтерна в 1924 г. представитель китком-партии тов. Циньхуа заявил:

"В согласии с инструкциями Исполкома Коминтерна члены нашей партии и члены комсомола вступили индивидуально в Гоминьдан с целью реорганизовать его, изменить программу и поставить дело так, чтобы она могла вступить в тесную связь с массами. Сунь Ятсен и левое крыло Гоминьдана решили реорганизовать партию на основе наших предложений. В заключение хочу сказать, что главная цель нашей работы среди Гоминьдана -- пробудить революционный дух масс и направить его против международных империалистов и внутренних милитаристов. Внутри Гоминьдана мы перетягиваем на нашу сторону левое крыло и таким образом ускоряем нарастание революционной волны".

Вошедши в Гоминьдан, наша партия самостоятельно руководила, начиная с забастовки на Ханькоу--Пекинской железной дороге¹⁰⁶, движением пролетариата, выступая под собственным знаменем или профсоюзов. В Кантоне коммунисты, вошедшие в Гоминьдан, вели работу в духе коммунизма, внедряясь в аппарат Гоминьдана и через него пытаясь организовать для борьбы крестьян и

мелкую буржуазию. Это усиление коммунистов на основе роста рабочего движения и использования Гоминьдана привело именно к организации сознательно буржуазного правого крыла Гоминьдана, общества изучения суньятсенизма и других организаций, ставящих себе целью оттеснить коммунистов, если возможно, выбросить их из Гоминьдана. Как известно, из этих стремлений родилась попытка государственного переворота Чан Кайши 20 марта 1926 г.

Наступление гоминьдановской буржуазии на компартию

Целью этого переворота было положить предел использованию Гоминьдана коммунистами и повернуть фронт против рабочих и крестьян. Чан Кайши, встретив сопротивление ни-

зов партии, некоторых ее руководителей и части школы Вампу, удовольствовался, как известно, частичным достижением своей цели. Вот что говорит резолюция пленума Гоминьдана от 15 мая 1926 г.:

"1. Другая политическая партия (компартия) должна приказать своим членам, входящим в Гоминьдан, чтобы они поняли, что основой Гоминьдана являются три принципа, поэтому не допускать критиковать его и Сунь Ятсена, как основателя трех принципов.

Другая партия должна передавать список своих членов, входящих в Гоминьдан, председателю ЦК Гоминьдана.

Членами исполкома и разных высших организаций Го-миньдана могут быть члены другой партии, входящие в Го-миньдан, но количество таких членов не может быть выше од-ной трети всего состава данного исполкома.

Члены, входящие из другой партии, не могут быть пред-седателями отдела при ЦК Гоминьдана.

Все, принадлежащие к Гоминьдану, не имеют права со-звать партийное собрание без разрешения парторгана.

Всем гоминьдановцам без разрешения высшего органаме разрешается организовать какую-либо организацию и раз-вивать ее деятельность.

Все циркулярные распоряжения другой партии своимчленам, входящим в Гоминьдан, должны быть переданы на со-гласование объединенного Комитета. В случае несвоевремен-ного согласования циркуляр должен передаваться на утвер-ждение (признание -- дословный перевод)".

В обоснование этих решений, в речи, произнесенной 25 мая 1926 г. перед закрытием пленума ЦК Гоминьдана, Чан Кайши заявил:

"Нужно знать, что китайская революция есть часть мировой революции. Мировая революция должна быть объединена, и китайская революция также должна быть объединена. Мировая революция имеет единое руководство Третьего Интернационала. Китайская национальная революция имеет руководство Гоминьдана. Во время этого руководства национальной революцией, с одной стороны, нужно сконцентрировать революционные элементы, нужно объединиться; с другой стороны, вследствие того, что китайская революция является частью мировой революции -- нужно соединиться с Третьим Ин-

тернационалом; вместе с тем нужно признать, что Третий Интернационал занимает руководящее положение. Однако нужно понять, что сказанное о едином руководстве отнюдь не означает вмешательства в военные и политические дела; нужно принять руководство Третьего Интернационала только в общих целях -- свержения империализма, в тактике. В этом нельзя не иметь единого плана. Но это отнюдь не будет такой помощью, какую оказывают Англия и Япония У Пэйфу и

Чжан Цзолину Однако мы должны быть очень бдительны, чтобы не вступить незаметно на ту дорогу, ведущую к гибели по примеру У Пэйфу, империализма и милитаризма.

Еще нужно знать, что коммунистическая партия является партией, представляющей пролетариат, партией, которая не может не существовать. Если бы даже коммунистическая партия погибла, то пролетариат не может погибнуть. И поскольку имеется такой класс, он должен иметь свою политическую партию, которая будет его представлять. Что касается мнения коммунистов о классовой борьбе, Гомиьндан не должен идти против этого. Раз имеются классы, то неизбежна борьба. Однако буржуазия -- это класс, который противостоит пролетариату, а нельзя сказать, что в Китае нет пролетариата. Раз есть пролетариат, то, конечно, есть и буржуазия. Только в настоящее время классовая борьба должна быть ограниченной. В общем же классовая борьба не есть преграда для национальной революции. Зачем объединять рабочее и крестьянское движение? Какими методами объединять его? И вместе с тем в рамках единого революционного руководства как сделать так, чтобы рабочее и крестьянское движение получило действительную пользу и не разрушило единый фронт? Все это очень важно. В общем, поскольку пленум уже утвердил решения и отбросил неправильные методы, сейчас остается только, чтобы наша партия действительно смогла окрепнуть и развиваться".

Чан Кайши на словах соглашался, таким образом, подчинить Гомиьндан Коминтерну, предупреждая только, чтобы Гомиьндан не попал в такую зависимость от международной пролетарской организации, как Чжан Цзолин от Японии и У Пэйфу от Англии. Одновременно он признавал неизбежность существования коммунистической партии и классовой борьбы, но требовал, чтобы классовая борьба не разрушила

единого национального фронта. Но, как известно, аппетит растет во время еды. Заметив полную растерянность коммунистов (не только китайских), 7 июня Чан Кайши произносит речь в школе Вампу, в которой, повторив, что национальная китайская революция представляет собою часть мировой революции, что Коминтерн является руководителем международной революции, которому должен подчиниться Гомиьндан, требует подчинения коммунистической партии:

"Русская революция потому смогла прийти так быстро к победе, что социал-демократическая партия вырвала власть из рук правительства Керенского, захватила столицу, сделалась основным центром революции, давала приказы всему государству. Все революции исходили из одной партии, и такая вот революция есть революция, которую можно назвать действительно успешной. Мы, китайцы -- желая революции, признавая необходимым концентрацию всех своих сил, должны учиться на способах русской революции. Революция без диктатуры одной партии не пройдет. Если революция не имеет диктатуры одной партии, такая революция обречена на поражение".

Какая же партия должна руководить китайской революцией?

"Гомиьндан насчитывает уже тридцать с лишним лет своей деятельности, в то время как китайская коммунистическая партия не имеет еще и десятилетней

истории. Нужно было более тридцати лет напряжения и усилий, чтобы призвать современное китайское общество под руководством трех принципов. Это сделано и сейчас. Гоминьдан уже не сможет погибнуть. Нет никого другого, кто смог бы его заменить, и поэтому, желая добиться единства наших революционных сил, нужно выполнить на деле мною выставленную точку зрения. А именно: внутри партии нужно объединить наши революционные силы, создать единый революционный дух".

Поэтому Чан Кайши выдвигает требование: "Нужно, чтобы члены нашей партии были только членами Гоминьдана. Только избегая всей вражды и всех сомнений, интеллектуальные силы смогут соединиться и силы партии смогут разбить наших врагов, а если мы не сможем сделать этого -- и внутри одной партии будут элементы двух групп -- мы не только не разобьем наших внешних врагов, а даже внутри у себя не избежим взаимных столкновений и взаимной гибели. Поэтому я сейчас

стою на той точке зрения, что товарищи коммунисты, находящиеся в Гоминьдане, должны временно выйти из коммунистической партии и сделаться простыми членами Гоминьдана. Этим мы избежим той болезни сомнений и вражды, которая наблюдается сейчас среди членов Гоминьдана".

Утешая коммунистов, Чан Кайши обращает их внимание на то, что "нам нужно понять, зачем же в конце концов члены компартии вошли в Гоминьдан. Для того чтобы добиваться успешного завершения китайской национальной революции, для того чтобы концентрировать революционные силы... нам нужно помочь Гоминьдану окрепнуть, а поэтому наши мелкие партии должны временно пожертвовать собой, чтобы добиться успешного завершения наших целей, не говоря уже о других делах".

Программа Чан Кайши была недвусмысленна. Он требовал подчинения китайской компартии Гоминьдану на деле, т. е. подчинения на деле китайского пролетариата китайской буржуазии.

Коммунисты вошли в Гоминьдан для того, чтобы завоевать гегемонию в национальном движении. Но буржуазия в лице Чан Кайши ответила им: подчинитесь мне и признайте мою гегемонию. Что ответили на это коммунисты?

Подчинение киткомпартии Гоминьдану

Пришел момент, когда надо было принять решения: оставаться ли киткомпартии в Гоминьдане, подчиняясь представителям крупной буржуазии, которые требуют от нее отказа от самостоятельной политики и стремятся превратить ее в орудие своей буржуазной политики -- или уходить из гоминь-дановской организации и пытаться защитой интересов не только рабочих, но и интересов крестьянства, городской мелкой буржуазии завоевать ее доверие, вырвать ее из-под влияния крупной буржуазии; в этом случае расколоть Гоминьдан и заключить блок с его левым крылом -- блок двух самостоятельных партий для достижения совместных целей. На основе решения

Коминтерна киткомпартия подчинилась требованиям Чан Кайши, хотя она давала себе полностью отчет в том, что означает переворот Чан Кайши, какие классовые тенденции он собой представляет.

В резолюции, принятой пленумом Центрального Комитета киткомпартии, говорится совершенно открыто, что "события 20 марта в Кантоне, пленум Гоминьдана 15 мая, предложе-

ния Чан Кайши от 7 июня о коммунистах в школе Вампу -- представляют одну последовательную цель наступлений против коммунистов со стороны военной группы центристов Гоминьдана, захвативших власть в партии, а также со стороны правых во всей стране".

В докладе о крестьянском движении, представленном ЦК компартии Коминтерну, мы читаем:

"В резолюции Гоминьдана сказано: "Китайская национальная революция по характеру является крестьянской революцией. Наша партия для укрепления базиса нацреволюции должна прежде всего освободить крестьянство. Всякое политическое или экономическое движение должно ставить своей основой крестьянское движение. Политика партии прежде всего должна смотреть на интересы самого крестьянства, поведение пролетариата также должно базироваться на интересах крестьянства и его освобождении".

Однако сможет ли Гоминьдан выполнить это? Гоминьдан является партией, охватившей все классы и по существу своему не может базироваться на крестьянстве. Кроме того, начиная с 30 мая прошлого года (с шанхайских событий) объективная обстановка Китая такова, что размежевание классов становится все более ясным. Такое же великое размежевание началось в организации Гоминьдана. Гоминьдан с каждым днем приближается к капиталистам. Этот уклон становится яснее с каждым шагом. Сейчас в Гоминьдане еще сохранилась часть компрадорства и крупных помещиков. Поэтому Гоминьдан и национальное правительство, конечно, не могут решительно противиться компрадорству и крупным помещикам. Наоборот, для них есть возможность в союзе с крупными помещиками нажать на крестьянство. Таков, например, инцидент, связанный с нападением гуандунских минтуаней на крестьянские союзы. На все это войска и правительство часто смотрят сквозь пальцы и не прибегают к решительным средствам, чтобы защитить крестьянство. Съезд ЦК от 15 мая кроме того вынес резолюцию и об ограничении рабоче-крестьянского движения: среди крестьян Дунцзяна уже возникли сомнения в связи с поведением Гоминьдана и нацправительства. Поэтому мы совершенно твердо говорим, что Гоминьдан уже не может руководить борьбой крестьянства. В будущем антагонизм классов станет еще /более/ ясным, когда станет еще более яс-

ным и этот уклон. Однако сейчас мы еще не полагаем, что крестьянство должно порвать с Гоминьданом, но только нужно, чтобы крестьянство вошло в Гоминьдан монолитной группой, а не поодиночке. Иначе говоря, надо создать в Гоминьдане крестьянскую партию, которая могла бы соединиться или отходить от

объединенного фронта разных классов.

"Беспорядки в Гоминьдане, происшедшие 20 марта и 15 мая в действительности являлись столкновением классов, а именно: представитель буржуазной идеологии, Чан Кайши, с одной стороны, хотел подчинить себе мелкую буржуазию и эксплуатировать пролетариат, а, с другой, был недоволен компрадорством, а потому атаковал их одновременно. Резолюция по упорядочению партийных дел направлена против левых. Если мы сейчас будем активно бороться с Чаном /Кайши/, то этим заставим его непременно прийти к соглашению с компрадорами и крупными помещиками и усилить эксплуатацию. Поэтому сейчас мы должны сделать уступку Чану, т. е. объединиться с буржуазией, чтобы разбить компрадор-ство и крупных помещиков. Только это и может отозваться на нашем крестьянском движении".

Киткомпартия дает себе отчет о победе крупных буржуазных элементов в Гоминьдане. Дает себе отчет в том, что Гоминьдан по классовой своей структуре не в состоянии руководить крестьянским движением. Но став на путь подчинения Гоминьдану во имя избежания разрыва с ним, она начинает выдумывать оправдания этой своей политике, оправдания, сводящиеся к тому, что надо не отпугивать крупную буржуазию, дабы не толкнуть ее на объединение с более реакционными помещиками. Киткомпартия теряет понимание того основного факта, который нигде не был так ясен, как именно в Гуандунской провинции, где помещик и буржуазия или представляют собой один класс, или связаны между собой тысячью нитей. Решившись с согласия Коминтерна на подчинение Гоминьдану, ЦК киткомпартии начинает говорить с пролетариатом пошлым языком меньшевизма. В воззвании пленума ЦК киткомпартии, выпущенном с ведома Дальневосточного бюро Коминтерна, мы читаем пошлые, вульгарные не достойные коммунизма слова:

"Облегчение всех этих страданий является насущным требованием китайского народа. Это -- не большевизм. Пожалуй,

можно сказать, что это большевизм во имя нашего народа, но не большевизм во имя коммунизма. Они (буржуазия) не понимают, что такой минимум классовой борьбы, как проявляющийся в организации рабочих и стачках, отнюдь не уменьшает боеспособности антиимпериалистических и антимилитаристических сил. Кроме того, они не понимают, что благосостояние китайской буржуазии зависит от успеха ее совместной с пролетариатом войны против империалистов и милитаристов, отнюдь не от продолжения классовой борьбы пролетариата".

Что же это -- случайные фразы запуганных и запутавшихся людей? Нет. Основатель партии, секретарь ее ЦК тов. Чэнь Дусю обращается 4 июля 1926 г. с открытым письмом к Чан Кайши, которое представляет собой принципиальную капитуляцию руководителей киткомпартии перед Гоминьданом:

"Я отнюдь не против мнения Дай Цзитао¹⁰⁷ о том, что партия должна иметь "общую веру". Сань Мин Чжу И¹⁰⁸ именно и является такой общей верой Гоминьдана. Однако ведь Гоминьдан является в конце концов партией сотрудничества всех классов, а не есть партия одного класса. Поэтому кроме "общей веры" нужно признать, что имеются другие "веры", веры каждого

класса. Именно также, кроме общих принципов, создаваемых общими интересами всех классов, также существуют особые принципы, которые создаются особыми интересами каждого класса в отдельности. Например, рабочему, вошедшему в Гомиьдан, кроме того, что он верит в Сань Мин Чжу И, нельзя запретить попутно верить в коммунизм; промышленникам, торговцам, вошедшим в Гомиьдан, кроме веры в Сань Мин Чжу И, точно так же нельзя запретить верить в капитализм. От всякого члена Гомиьдана нужно требовать только того, чтобы он верил в Сань Мин Чжу И, чтобы он выполнял Сань Мин Чжу И, и этого достаточно. И, конечно, если ему запретить иметь другую веру, другие принципы, если запретить ему, кроме основной веры, иметь особую веру, если внутри единой организации не разрешать иметь два принципа, то это почти невозможно, да и притом и не обязательно.

Что касается того, что вы говорите "под вывеской Сань Мин Чжу И в Гомиьдане тайно ведется коммунистическая работа" -- это есть слова правого крыла -- один из их выпадов

против коммунистических элементов внутри Гомиьдана, которые мы уже слышали достаточно ясно".

Тов. Чэнь Дусю заявляет во всеулышание, что киткомпар-тия стоит на почве мелкобуржуазных идей Сунь Ятсена -- идей, которые могут быть шагом вперед для забитой мелкой буржуазии, но которые для китайских рабочих, бастовавших месяцы в Шанхае, проводивших 16-месячный бойкот Гонконга, являются позорным шагом назад. Он просит только, чтобы будущему гегемону революции в Китае дозволено было сохранить в уголке своего сердца свою "особую веру" в коммунизм. Чэнь Дусю -- вождь партии, стоящей под знаменем Маркса и Ленина, заявляет в дальнейшем:

"Коммунистическая партия не знает другого вождя, кроме Сунь Ятсена. Пусть и в будущем появится славный вождь, который сможет руководить работой, но теоретическим вождем, вождем духовным по-прежнему останется Сунь Ятсен, и в этом нисколько нельзя сомневаться. Это -- бесспорно, и я не понимаю, зачем понадобилось вам, тов. Чан Кайши, поднимать этот вопрос. Я не верю, что в Гомиьдане нашелся человек (и, конечно, в коммунистической партии), который бы признавал второго вождя, подобного Сунь Ятсену. Если сказать, что коммунистические элементы в Гомиьдане оскорбляют Сунь Ятсена как человека и затушевывают его значение как исторической личности, то этот вопрос очень легко разрешить. Нужно проверить их как членов Гомиьдана. Коммунистические элементы не являются теми, кто не подвергается взысканиям и осуждениям".

Тов. Чэнь Дусю идет дальше. Признав в Сунь Ятсене единственного вождя китайского пролетариата и преклонив голову перед принципами, склоняет ее перед Чан Кайши, перед человеком, только что попытавшимся произвести переворот в интересах буржуазии и требовавшим уничтожения коммунистической партии. Он ему вручает от имени ЦК киткомпар-тии, от имени китайского пролетариата свидетельство революционной благодарности.

"Конечно, создание рабоче-крестьянского правительства -- это совсем не плохое дело. Однако выполнение этого на практике сейчас явилось бы большой ошибкой, -- пишет Чэнь Дусю. -- Чтобы отвергнуть Чан Кайши, несомненно нужно иметь ту предпосылку, чтобы он совершил какие-нибудь действи-

тельно контрреволюционные поступки. Однако с момента учреждения школы Вампу и до события 20 марта не сыщешь ни одного контрреволюционного действия со стороны Чан Кайши. Таким образом, /нельзя/ говорить о свержении Чан Кайши, да еще в то время, когда контрреволюционные силы Англии и Японии, Чжан Цзолина и У Пэйфу, соединившись, нападают на Северные народные армии и к тому же, когда в Кантоне заговор, ставящий себе целью свержение Чан Кайши. Это ведь было помощью контрреволюционным силам. Тов. Чан Кайши, если китайская компартия есть партия контрреволюционная, то нужно уничтожить ее, чтобы мировая революция потеряла одну контрреволюционную организацию. Если есть такой член коммунистической партии, который замешан в контрреволюционном заговоре, ты должен расстрелять его, в таких делах не может быть ни малейшего сомнения".

Многие товарищи, читая это заявление, успокаивались, что это только тактические маневры. Ведь входя в Гоминьдан, мы тоже признали три принципа. Но даже на основе этого скудного материала, который находится в моих руках, ясно, что это не были маневры и что руководство партии сломало себе хребет. Партия в практической работе начала искажать революционную линию и свертывать революционное знамя. В докладе, который мы уже выше цитировали, докладе, дающем картину крестьянского движения и объясняющем тактику киткомпартии в деревне, мы находим следующее ошеломляющее место:

"Сычуаньские товарищи выставили лозунг "долой помещиков" и этим заставили могущих работать с нами нотаблей помещиков и лучших из джентри109 опасаться и избегать нас. Все это является признаком неопытности в нашей работе. Лозунг "Долой помещиков" легко может повлечь за собой недоразумения. В иностранной литературе "помещиком" называется не тот, кто имеет землю, а тот, кто имеет, кроме того, политические права. В китайской литературе "помещиком" может быть назван всякий, кто кормится арендной платой. Если они увидят лозунг "долой помещиков", то, конечно, все будут испуганы до смерти и будут противиться нам. Поэтому мы непременно должны использовать все возможности, чтобы изменить эти лозунги, которые легко могут распылить наличные

революционные силы и выставить лишь лозунг "долой нотаблей" и др."

Лозунг "долой помещиков" оказывается левокоммунистическим лозунгом, ибо есть и помещики революционные. Кто они, эти революционные помещики, которых должна шадить киткомпартия? Это, видно, помещики, принадлежащие к Гоминьдану. Эти помещики вступают не только в Гоминьдан, они вступают даже в крестьянские организации, дабы разложить изнутри и разгромить их. Выступая против лозунга "долой помещиков", киткомпартия практически не только

ослабляет весь размах крестьянского движения, но выдает его в руки помещиков.

Как обкорнали нашу работу среди пролетариата, видно из того, что партия подчинялась декрету правительства, запрещающему во время Северного похода забастовки даже за 1000 верст до фронта. Принудительным арбитражным судам подчинены были не только забастовки на оружейных заводах, но вообще все имеющие общественное значение. На основе этого запрета местная администрация начала разгром рабочих организаций во многих местностях. Рабочие боролись против этого всеми силами, но партия как организованное целое подчинялась.

Во избежание конфликтов с руководителями Гоминьдана партия не выдвигает лозунга вооружения рабочих и революционных крестьян и не принимает мер для этого вооружения. Кантонская армия пошла в Северный поход в числе 70000 штыков. Она разбухла во время этого похода до 250000 штыков. Она разбухла так за счет пленных армий У Пэйфу, Сунь Чуаньфана¹¹⁰, разбитых ею в бою, и за счет армий Тан Шэнчжи, военного губернатора Хунани, перешедшего на сторону Кантона. Наемный солдат, который не слышал никогда революционного слова, который вчера мог и грабил крестьян, получил трехцветный галстук и винтовку в руки. Так создавались под руководством старых контрреволюционных командиров новые "революционные армии". Пролетарии, вынесшие на своей спине всю тяжесть революционной массовой борьбы, потрясшие основы империализма в Китае, революционный крестьянин, который в буквальном смысле этого слова тащил на своей спине пушки и снаряжение от Кантона до Шанхая -- они не удостоились чести быть призванными

под оружие. Национальная буржуазия с Чан Кайши по главе смотрела на пролетариат и на революционное крестьянство как на дикого зверя, который может сорваться с цепи. Национальная буржуазия боялась пролетариата и революционного крестьянства, руководители киткомпартии боялись "дразнить" буржуазию. Китайский пролетариат и крестьянство рвались к оружию. Кантонские рабочие собирали гроши, чтобы купить у национального правительства оружие. Ханькоус-кие рабочие создали рабочие пикеты, одели на шапки красную звезду, но в руках у них была палка. Только шанхайские рабочие вырвали у сунчуанфановской полиции 2000 винтовок. Эти 2000 винтовок против 300000 винтовок национальной армии -- таков баланс курса киткомпартии за время с 20 марта 1926 г.

3. Коминтерн и капитуляция киткомпартии

Все документы, которые мы здесь приводили, появились в печати на китайском языке или же были присланы Коминтерну перед ноябрьско-декабрьским УП расширенным пленумом Исполкома. Все они сигнализировали громадную опасность, что киткомпартия сломит себе шею. Спасти могло ее только одно -- решительный курс, крутой, открытый поворот Коминтерна. Этот поворот не мог быть сделан за кулисами. Он не мог состоять в принятии резолюции о новой общей линии без публичной острой критики и решительного нападения на виновников подобного ликвидаторства -- кто бы эти виновники ни были, где бы

они ни находились. Этот поворот не мог быть сделан без ясной практической конкретной программы.

Мы не знаем, что происходило за кулисами Коминтерна. Резолюция, принятая расширенным исполкомом, является доказательством того, что никакого решительного поворота Исполком Коминтерна не предпринял. Ибо если даже принять, что не все решения Коминтерна опубликованы, то общий характер опубликованной резолюции исключает всякое предположение, что неопубликованные решения содержат исправление сделанных ошибок. Она устанавливает, что после того как на первом этапе революции "одной из движущих сил была национальная буржуазия, искавшая опоры в рядах

пролетариата и мелкой буржуазии", на втором этапе "на арене Китая в качестве первоклассного политического фактора появляется рабочий класс", который "образует блок с крестьянством, активно выступающим на борьбу за свои интересы, с мелкой городской буржуазией и частью капиталистической буржуазии". Это сочетание нашло свое выражение в Гоминьдане и китайском правительстве. "Теперь, -- говорит резолюция, -- движение находится на пороге третьей стадии накануне новой перегруппировки классов".

На этой стадии развития основной силой движения является блок еще более революционного характера, блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии при устранении большей части крупной капиталистической буржуазии. Этот блок создает правительство демократической диктатуры пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов. Выдвигая эту правильную перспективу, резолюция обламывает ее острие, заявляя, что "это не означает, что вся буржуазия как класс устранилась с арены национально-освободительной борьбы". Помимо мелкой /и/ средней буржуазии, даже некоторые силы крупной буржуазии могут еще известное время идти вместе с революцией. В этот переходный момент, когда исторически неизбежен постепенный отход от революции крупной буржуазии, пролетариат должен, разумеется, широко использовать все те слои буржуазии, которые в данный момент еще на деле ведут революционную борьбу против империализма и милитаризма¹¹¹.

Демократическая диктатура рабочих и крестьян в стране, в которой до этого времени господствовал империализм через милитаристские клики китайских помещиков и капиталистов, представляет собой такой социальный и политический сдвиг, что, выставляя эту перспективу не как перспективу далекого будущего, а как предстоящую актуальную перспективу, Коминтерн обязан был перенести центр тяжести резолюции на подготовку к этому перевороту. Если бы даже действительно известные слои крупной буржуазии оставались в рядах национального движения, то и в этом случае центральная задача состояла не в том, чтобы приучить пролетариат использовать эти слои, которые могут "еще известное время" не предать, а в политической и организационной подготовке завоевания власти. Ведь, если буржуазия уходит, то она не посылает

по почте прощального письма, а посылает снаряды из пушек, а прощается

из пулеметов. Вся власть в Гоминьдане и национальном правительстве находилась в руках буржуазной военной группы, державшей в своих руках армию, государственный аппарат. Уход основных частей буржуазии должен был как-то отразиться на этих военных кругах.

Допустим, что руководители Коминтерна имели столько оснований доверять Чан Кайши, сколько при минимальной предусмотрительности должны были иметь причины ему не доверять. Но ведь на Чан Кайши мир клином не сошелся. В нацармии существует десяток более правых генералов, чем Чан Кайши, и ясно было, что отход буржуазии от революции означал неминуемую попытку восстания части армии, руководимой этими генералами. Где пресса, созданная Коминтерном для агитации среди солдат, где солдатские комитеты в этой армии? Где агитация и подготовка вооружения рабочих и крестьян? Ничего этого не было.

Каким образом могла быть создана демократическая диктатура? Путем победы большинства голосов в Центральном комитете Гоминьдана -- этой организации, похожей, по словам тов. Бухарина, на Советы, а по словам тов. Сталина, на революционный парламент. Советы -- это массовые низовые организации. Таких именно в Гоминьдане совсем нет. Ни профсоюзы, ни крестьянские организации не представляли собой базы Гоминьдана. Во многих местах "Гоминьдан", т. е. его армия, органы власти боролись с этой "базой". Гоминьдан так похож на Советы, как кулак на нос. Если бы даже принять сталинское сравнение Гоминьдана с революционным парламентом, то еще ни в одном революционном парламенте не были приняты решающие революционные перемены без давления масс, без низовых организаций, давящих на парламент, без существования вооруженных революционных масс. Конвент¹¹² послал жирондистов на гильотину под давлением вооруженных парижских секций. Говорить о приближающемся этапе демократической диктатуры и не сказать ни одного слова о создании низовых центров движения -- поистине забыть все уроки всех революций. Только при наличии массовых организаций пролетариата, крестьянства и городской бедноты, связанных между собой, можно было добиться создания демократической диктатуры без полного разрыва армии, без боль-

ших потерь. Только эти организации могли подготовить через период двоевластия уничтожение власти помещиков и купцов, существующей по сегодняшний день на местах по всей территории национального правительства. Без уничтожения этой местной власти всякая демократическая диктатура рабочих и крестьян является пустой фразой. Коминтерн не выдвинул лозунга создания таких низовых массовых организаций, которые по своему типу представляли бы, понятно, китайскую форму Советов.

Вся эта организационная подготовка была мыслима только при наличии широчайших политических кампаний, направленных против политики крупного буржуазного крыла национальных движений, против политики группы, державшей в своих руках нацправительство. Их полный отказ от проведения даже аграрных

реформ, их политика гонения на рабочие и крестьянские организации -- все это должно было быть предметом широких разоблачительных политических кампаний. Ничего подобного не было. Маленькие еженедельнички, издаваемые киткомпартией, хныкали по углам по поводу преследований. Выливали всю печаль в органе киткомпартии по поводу подготовлений Чан Кайши к перевороту, не имея мужества не только сказать рабочим, как защищаться (см. статью тов. Чэнь Дусю в "Гуайд Уикли" от 12 марта 1927 г., которую мы цитировали в первой главе этой брошюры), не имели мужества сказать рабочим, против кого надо защищаться. Плакали в жилетку нацправительству. Поскольку мы знаем, только ханкоуские профсоюзы вели революционно-разоблачительные кампании к большому неудовольствию ответственных лиц, обвиняющих их -- о ужас -- в троцкизме. Вероятно, делали это некоторые профсоюзы и в других местностях.

Проверку того, как относился Коминтерн к китайским событиям, мы имеем здесь налицо в Москве. Проверкой этой является центральная пресса ВКП и выступления руководителей Коминтерна. Пресса ВКП скрывала систематически все действия национального правительства, направленные против рабочего и крестьянского движения. Или редакции наших органов ничего об этих событиях не знали, тогда вся китайская действительность была скрыта от них Коминтерном, или же они знали эти факты и имели инструкцию замалчивать перед советской общественностью¹¹³.

Когда я решил прорвать заговор молчания и выступил в годовщину смерти Сунь Ятсена 17 марта 1927 г. в китайском университете с докладом, а на следующий день 18 марта, в Коммунистической академии¹¹⁴, против меня были мобилизованы буквально все, начиная от руководителя Востсекретариата ИККИ тов. Петрова и кончая экономическим референтом ОГПУ тов. Петровым. Рафес¹¹⁵, один из редакторов журнала "Коминтерн", Мартынов, Шумяцкий¹¹⁶, редактор КУТВа¹¹⁷, Иоффе -- секретарь нарковоена Ворошилова по внешнеполитическим делам -- все они выступали одним фронтом: "Никакого кризиса нету, все обстоит благополучно. Кто говорит иначе, сеет панику, тот ультралевый, не верит в силы китайского пролетариата"¹¹⁸. Тов. Бухарин успокаивал московский партактив в апреле тем, что расстрелы рабочих и крестьян объясняются огромными пространствами Китая, затрудняющими правительству контроль над властями на местах и отсутствием дисциплины в Гоминьдане.

Расстрелы, рождающиеся из географии, отсутствие дисциплины, которая предопределяет, в каком направлении падают пули, -- все это было результатом страусовой политики спрятать голову в песок, не видеть действительности. Эта попытка выступила самым ярчайшим образом в речи тов. Сталина. За семь дней перед мятежом генерала Чан Кайши этот товарищ, славящийся реализмом, заявил перед 3000 членов партии: тов. Радек¹¹⁹ не прав: не надо рвать с буржуазией -- министры-капиталисты нас слушают. Они помогают нам разлагать тыл противника. Никакой крестьянин не откажется от кобылки, хотя бы она была плоха. Мы их выжмем как лимон. А после, если не будут нас слушаться, выбросим.

Защищая замалчивание в печати важнейших сведений о происшествиях в Китае, тов. Сталин заявил, что "Бородин120 не спит", что дело в верных руках. Насчет Чан Кайши он заявил, что Чан Кайши на десять голов выше Церетели121 и Керенского, ибо Чан Кайши борется с империализмом, в то время как Керенский вел империалистскую войну. Далее, тов. Сталин заявил, что Чан Кайши может еще пригодиться для борьбы с империализмом. Все предостережения, опирающиеся на факты из китайской действительности, на грандиозное обострение классовых противоречий, тов. Сталин квалифицировал как "революционность"122.

Речь тов. Сталина, произведшая на всех слушателей ошеломляющее впечатление своей определенностью, тем, что она не оставляла никаких сомнений насчет его уверенности, твердости положения, является ярчайшим примером банкротства политической ориентации. Никогда за всю историю Коминтерна ни один из руководителей его не ошибался в такой мере в оценке положения, как это сделал тов. Сталин. Всего этого могло не быть, если бы не на словах, а на деле Исполком Коминтерна взял установку на приближающийся в Китае переход от власти буржуазии к демократической диктатуре рабочих и крестьян. Но ИККИ такой установки не брал. Это признает открыто тов. Мартынов в своей статье от 10 апреля в "Правде" за два дня перед переворотом Чан Кайши, напечатанной без примечания, что статья дискуссионная, не отвечающая взглядам редакции. Тов. Мартынов писал так:

"Само собой понятно, что если принять предпосылку тов. Радека, что нынешнее национальное правительство в Китае есть "правительство капиталистической буржуазии" (а не правительство блока четырех классов), то ответ на этот вопрос ясен. В таком правительстве коммунисту делать нечего. Мало того, против такого правительства коммунисты сейчас же должны начать борьбу, и он действительно готов сейчас выдвинуть против китайского национального правительства, ведущего революционно-антиимпериалистскую войну, лозунг -- "долой десять министров-капиталистов", который большевики выдвигали в 1917 г. против Керенского, ведущего империалистскую войну. То, что для плenumа ИККИ должно было явиться лишь в перспективе, как результат завоевания пролетариатом гегемонии в революции (отпадение промышленной буржуазии), то для тов. Радека является исходной точкой -- низвержение капиталистического правительства".

Я не буду здесь касаться уже не меньшевистского, а прямо кадетского взгляда Мартынова на надклассовое национальное правительство как правительство четырех классов, который "Правда", орган, основанный Лениным, напечатала, не краснея. Я только устанавливаю, что тов. Мартынов свидетельствует установку на демократическую диктатуру, как на перспективу, не имеющую ничего общего с данным моментом. Я повторяю -- это напечатано в "Правде" за два дня до переворота Чан Кайши.

Только благодаря тому, что эта перспектива, "уход буржуазии", была для

руководителей Коминтерна чем-то очень далеким, а задачей стало "использование буржуазии", руководители Коминтерна не поставили в качестве актуальной задачи ускорение политической и организационной подготовки масс к приближающемуся отходу буржуазии. Никакие ссылки на ту или другую директиву о развертывании движения, о вооружении рабочих не меняют дела. Говорю определенно: в природе не существует донесений представителей Коминтерна, которые свидетельствовали бы о подготовке к моменту ухода буржуазии; такие донесения не могут быть представлены по той простой причине, что никакой такой подготовки не велось. Всякая, мы повторяем, всякая попытка свалить ответственность на "плохих исполнителей" не может быть ничем иным обоснована, кроме стремления избежать признания своих собственных ошибок. Многие исполнители -- действительно никудышны, но поражение китайской революции является результатом не плохого проведения линии Коминтерна представителями его, а в основе неправильной линии Коминтерна.

Еще более нелепым, чем сваливание вины на плохих представителей Коминтерна, является шельмование киткомпар-тии, сваливание всей вины на нее. Мы приводили уже во второй главе документы, свидетельствующие, как руководство киткомпартии не только не подготовило партию к ее настоящей роли, но как оно с 20 марта 1926 г., капитулировав перед Гоминьданом, связало партию по рукам и по ногам, готовило ее банкротство. Но само руководство киткомпартии является больше жертвой, чем виновником. Нельзя требовать от руководства молодой партии, имеющей за собой всего шесть лет от роду, партии, только что вышедшей из студенческих кружков, чтобы она была на высоте; нельзя возлагать ответственность за совершенные ошибки на ЦК партии, значительная часть которого состоит из бывших анархистов и привыкшее смотреть на Коминтерн как на непогрешимый руководящий орган. Руководство киткомпартии может доказать документально, что целый ряд капитулянтских документов, изданных за его подписью, составлен при ближайшем участии представителя Коминтерна. Оно может сослаться на то, что политика сдерживания размаха рабочего движения

была начата с одобрения представителей Коминтерна. Оно может сослаться на то, что оно не получило никаких указаний на неправильность в основной этой своей линии.

Что же касается массы рабочих членов партии, что же касается масс, идущих за киткомпартией, то они оказались на высоте, недоступной для официальных вождей Коминтерна. Китайская рабочая масса -- китайские рабочие-коммунисты оказались бойцами революции, полными недоверия к буржуазии, ожидающими ее предательства, активными, стремящимися к вооружению, полными самоотвержения. Вожди Коминтерна, которые теперь говорят, что китайская партия оказалась "троцкистской", что она хотела перескочить этап, идти преждевременно на бой за власть, повторяют только

старые песни Череванина¹²³, который доказывал, что тактика меньшевиков прекрасна, правильна, а только масса была плоха, не могла этой тактики понять.

Руководители Коминтерна выработали великолепный план перехода к третьему этапу революции. Буржуазия должна была отходить медленно и по частям: известные ее слои должны были помогать нам некоторое время в мирном переустройстве чиновничьего аппарата буржуазии и помещиков в аппарат власти рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне должны мирно, спокойно разворачивать свои силы, организоваться, не говорить о том, что происходит, дабы не пугать буржуазию.

План был великолепен, обоснован научно Мартыновым и Бухариным. Несчастье состоит только в том, что ни китайская буржуазия, ни китайские рабочие и крестьяне не сыграли той роли, которую им предписывали авторы гениального военного плана, и не разворачивали своих позиций в том темпе, который был им предписан свыше. Эта смехотворная теория доказывает, что нет такой глупости, которой бы не повторяли даже умные люди, когда защищают неправильную линию, обанкротившуюся линию, когда не хотят или не могут признать своих ошибок. Тов. Бухарин, повторяющий через 20 лет Череванина, Бухарин в объятиях автора "двух диктатур" -- кто бы мог ожидать такого зрелища?/ Но это зрелище Бухарина, печатающего статьи Мартынова о докапиталистическом характере Китая с гегемонией пролетариата, и Мартынова, восхваляющего тактику Бухарина как реалистическую здоровую, -- не случайность.

Поражение китайской революции имеет своей основой именно эту идейную помесь из Бухарина с Мартыновым, большевистской политики на словах с меньшевистской на деле.

Кто этого не понимает, для этого бесплодно погибли шанхайские рабочие, тот из уроков шанхайских событий не научился ничему. Поэтому этот доклад не был бы закончен без главы, посвященной философии истории Мартынова и Бухарина.

4. Меншевистская теория китайской революции

Теорию китайской революции дал Коминтерну, понятно, тов. Бухарин. Бухарин развивал свою теорию первый раз на XV конференции ВКП124, второй раз -- на расширенном пленуме /Исполкома/ Коминтерна, в третий -- в январском докладе в КУТВе, в четвертый -- на Московском активе 4 апреля.

Теория китайской революции, развитая Бухариным на нашей конференции в октябре, в докладе на пленуме Коминтерна и в январе в КУТВе отличается в основном от теории, развитой на Московском активе 4 апреля и данной в новом (тоже очень переработанном) виде в форме брошюры "Проблемы китайской революции", переработанной после того как вся его теория успела блестяще обанкротиться на сто процентов. Я позволю себе сначала показать, в чем отличие бухаринских взглядов в эпоху ноября--января от бухаринских взглядов в апреле месяце, чтобы позже показать, что, несмотря на эти различия,

бухаринская теория в обоих фазисах не имеет ничего общего с большевизмом, а является воспроизведением меньшевистских взглядов 1905 г., воспроизведением, в котором, как всегда бывает при таких переходах, много прослоек старых большевистских взглядов, выраженных в форме всяких "с одной стороны", "с другой стороны".

Две теории китайской революции, с феодализмом и без него

"С точки зрения внутреннего сочетания классовых сил в Китае положение представляется таким образом: слабая буржуазия, колоссальное крестьянство, большой слой ремесленников, мелких торговцев, рабочий класс, численно не особенно значительный, но уже представляющий собой довольно сплоченную силу и играющий в высшей степени значитель-

ную политическую роль. Антагонизм по отношению к иностранному капиталу настолько крупный, что значительная часть буржуазии идет пока в едином блоке с широкими массами, что находит свое оригинальное политическое выражение в руководящей роли Гоминьдана".

Читаешь и глазам не веришь. Куда девался феодализм? Феодализм, который в докладе Бухарина от 4 апреля играет решающую роль для определения характера китайской революции.

"Из различных черт, составляющих в совокупности своеобразное лицо китайской революции, необходимо остановиться несколько более подробно на соотношении между империализмом, феодализмом и революцией в Китае", -- говорит Бухарин на Московском партактиве 4 апреля. И добавляет, что "основной смысл всякой буржуазной революции, ведется ли она под гегемонией рабочего класса или революционно-мелкой буржуазии, состоит в уничтожении тех или иных остатков феодализма. По тов. Радеку, феодализма в Китае нет. Как же может происходить тогда буржуазная революция? Против кого внутри страны она направлена? Он представляет борьбу Кантона против У Пэйфу, Суп Чуаньфана и Чжан Цзо-лина как борьбу буржуазной демократии против феодализма. Так называемые милитаристы, сидящие в своих провинциях, суть не что иное, как остатки феодальных княжеств... Если мы так поставим вопрос, то получим следующую картину. Война на внутреннем фронте идет против северных милитаристов. Буржуазная революция направила свое острие против этих феодальных разбойников, против феодалов-помещиков, часть которых имеет землю юридически, а некоторые юридически земли не имеют, но имеют практически, распоряжаясь огромным процентом дохода от земли. Именно потому, что спор идет между так называемыми милитаристами, которые представляют феодальные пути, оковы исторического развития, против которых может выступать и

выступает до поры до времени национальная буржуазия. В этом заключается основное содержание буржуазной революции в Китае, поскольку речь идет о внутренних классовых силах" (Бухарин. Проблемы китайской революции, с. 23--24).

На протяжении трех месяцев тов. Бухарин нашел, таким образом, основное содержание китайской революции, которого

не было в докладе тов. Бухарина на пленуме /Исполкома/ Коминтерна, в обосновании резолюции, которой должны руководиться китайские коммунисты в революционной борьбе. С расширенного пленума /Исполкома/ Коминтерна они были посланы тов. Бухариным на революционные бои без знания того, за что они там должны бороться. Понятно, и в резолюции, и в докладе Бухарина упоминается слово "феодализм", говорится, что феодальный режим обречен на слом, но никакой теории, представляющей борьбу между национальной революцией и милитаристами как борьбу буржуазии с феодализмом не было и быть не могло. И вот по какой причине. На партконференции и на пленуме Коминтерна Бухарин рассказал факт, ярчайшим образом опрокидывающий всю его теорию о борьбе буржуазного Юга против феодального Севера. Он в своем докладе сказал следующее:

"Нужно подчеркнуть, что как раз в провинции Гуандун крупное земледелие развито больше, чем в других провинциях Китая, 85 % всей земли на долинах реки Северной, Западной и Восточной Дан принадлежит крупным землевладельцам" (Бухарин. Капиталистическая стабилизация, с. 147).

Таким образом, Бухарин указывал в своей речи и на партконференции, и на пленуме Коминтерна, что кантонское правительство не ликвидировало крупного землевладения, эксплуатирующего беспощадно гуандунское правительство и что поэтому, отправляясь в Северный поход, оно не могло этого делать для борьбы с феодализмом. Только вычеркнув это из своей памяти, Бухарин мог в апреле месяце вдруг выскочить со своей теорией феодализма. Мало того, он дал на XV партконференции прямо противоположную теорию. Мы позволим себе процитировать все место из доклада Бухарина на партконференции, относящегося к связи аграрного вопроса с национальной революцией. Оно не только вскрывает всю легкомысленность теоретических построений Бухарина, но и показывает кое-что более важное.

"Теперь, товарищи, в чем состоят основные трудности и проблемы китайской революции на данной стадии ее развития?/ Эти трудности состоят вот в чем: с одной стороны, совершенно ясно, что китайскому народу, Гоминьдану, китайской компартии нужно сейчас главный удар, центральный удар сосредоточить на борьбе с иностранными империалиста-

ми. Это -- центральная задача, -- борьба за самостоятельное существование Китая, за его национальное освобождение. Для решения этой задачи необходимо держать единый национально-революционный фронт. Этот фронт сейчас состоит не только из крестьян, не только из рабочих, не только из

ремесленников, не только из демократической и радикальной интеллигенции, но и из купцов и промышленников, не всех, конечно, но тех из них, которые не связаны непосредственно с иностранным капиталом и не могут быть зачислены в компрадоры, как их называют, т. е. посредники между иностранным капиталом и Китаем. Но та торгово-промышленная буржуазия, которая играет сейчас объективно революционную роль и блок с которой на данной стадии развития революционного движения необходим для того, чтобы максимальное количество сил направить против иностранных империалистов -- эта буржуазия связана через правительство с теми полудворянскими и кулацкими элементами, которые сидят в деревне.

Должен вам сказать, что в Китае страшно еще развита система субаренды, при которой какое-нибудь крупное акционерное общество арендует землю, чтобы потом эту землю сдать в аренду: новые арендаторы опять сдают землю в аренду, и так дальше идет цепочка... Троньте ее, начните латать эту земельную собственность -- и у вас сейчас побежит отсюда волна к торгово-промышленным кругам. Характерно отметить, что в провинции Гуандун, этой основной базе кантонского правительства, значительное количество земли находится в руках крупных земельных собственников, связанных с торгово-промышленной буржуазией, которая поддерживает кантонское правительство. Троньте вы их -- и начнется колебание. В этом сейчас состоит одна из крупнейших трудностей всей китайской революции. Самое соотношение сил внутри Гоминьдана таково, что в Гоминьдане есть три крыла: правое, центр и левое. Правое крыло Гоминьдана как раз выражает собой классовые интересы той самой буржуазии, даже в ее наиболее правых ориентациях. С другой стороны, развитие революции неизбежно наталкивается на потребность втягивания крестьянства. Нельзя править сейчас против крестьянства, нельзя организовать силы революции, не подводя крестьянского базиса под эту революцию. Нельзя этого делать. В этом

и состоит основная трудность теперешнего положения вещей в Китае. В этом и состоит основная проблема китайской революции, как она мне представляется теперь. Ситуация сейчас такова, что китайской компартии необходимо решительнее приступить к борьбе за проведение аграрной реформы. Несмотря на то, что центральной задачей остается задача изгнания иностранных империалистов, несмотря на огромную важность сохранения единого национального революционного фронта, -- все же нужно приступить к проведению аграрных реформ и организации крестьянства. Выведения на сцену вот этого громадного резерва требуют насущные интересы китайской революции, которая только начинает входить в фазу более глубокой дифференциации современной классовой борьбы. Само собой разумеется, что это будет связано с некоторыми более неприятными вещами, в смысле дальнейшего колебания правой части Гоминьдана. Само собой разумеется, что эта постановка вопроса может быть связана с опасностью известной левизны, против чего нужно бороться, т. е. с тенденциями преждевременно перескочить на другого конька и преждевременно разорвать общенациональное дело. Против этого нужно бороться. Тут положение чрезвычайно сложное, и сформулировать его можно таким образом: стоя на почве

борьбы единым национально-революционным фронтом против иностранного империализма, необходимо в то же самое время проводить аграрную реформу, подводя, таким образом, широкий крестьянский базис под китайскую революцию".

Что говорит Бухарин в этой длинной цитате? Во-первых: помещик связан ближайшим образом с торгово-промышленными кругами, т. е. никакого противопоставления феодального помещика буржуазии у Бухарина в декабре не было. Никакого деления на буржуазный Юг и феодальный Север, сражающихся друг против друга, в этой цитате нет, пропала вся философия национальной революции. Неизвестно, для чего обе стороны сражаются друг против друга, а ведь как красива была апрельская концепция Бухарина.

Во-вторых: увязка помощников буржуазии происходит и в экономике, и в кантонском правительстве. В-третьих: удар по помещику вызовет колебания правого Гоминьдана и "некоторые неприятные вещи". Наконец, несмотря на необходи-

мость единого антиимпериалистского фронта, Бухарин решается на прыжок головой вниз... Он решается требовать... реформ, т. е. он оставляет помещиков, а только уменьшает арендную плату, иначе он бы не говорил о реформах, а говорил бы о революции. Это все он делает из-за того, "что развитие революции натывается на потребность втягивания крестьянства". Не революция развивается потому, что крестьянство восстает против помещиков, а революция наталкивается на потребность в мужиках, как пушечном мясе против империализма, и потому великий борец против феодализма Н. И. Бухарин, он же большевик, предоставляет в награду крестьянам -- реформы. Так направлял Бухарин китайских коммунистов, боящихся выдвинуть лозунг "долой помещиков" в революционной войне, которую он в апреле месяце определил как войну за уничтожение в Китае феодализма.

Резолюция Коминтерна и бухаринская теория

Для того чтобы читатель не думал, что мы здесь имеем дело только с индивидуальным творчеством Бухарина, стоит вспомнить, что и резолюция, принятая VII расширенным пленумом Исполкома Коминтерна, в вопросе об отношении между аграрным строем и революцией в основной своей концепции стоит на почве Бухарина времени ноября--декабря, а не на почве Бухарина от месяца апреля. Она гласит:

"Организационной особенностью текущего положения является его переходный характер, когда пролетариат должен выбирать между перспективой блока со значительными слоями буржуазии и перспективой дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством". Что это означает? Почему при антифеодальном в основе характере революции, о которой Бухарин начал говорить в апреле, укрепление союза с крестьянством должно вызвать непременно разрыв со значительными слоями буржуазии? Это означает, что хотя в резолюции повторяются слова "феодальный, полуфеодальный, остатки

феодализма", то, по существу, резолюция не рассматривает борьбу Юга с Севером как борьбу буржуазии с феодализмом, смутно понимает, что, несмотря на остатки феодализма в Китае, аграрный вопрос в основе находится в Китае в совершенно другом фазисе.

Мало того, резолюция не рассматривает милитаристов как представителей феодализма. Она говорит о них: "Особен-

ностью китайского милитаризма является то, что он, будучи военной организацией, в то же время представляет из себя один из основных каналов капиталистического накопления в Китае, опирающегося на целую систему государственных органов полуфеодалного характера". При всей теоретической путанице, характерной для этой резолюции от начала до конца, просвечивает сквозь строки следующая мысль, что хотя в Китае сохранилось много остатков феодальных форм, однако, по существу, помещик принадлежит к буржуазии, милитаристы являются в основном каналом капиталистического накопления и что поэтому удар по помещику есть удар по буржуазии. Но характерно, что и тогда, на партийной конференции и на пленуме Исполкома, когда Бухарин был ближе к истине в оценке аграрного вопроса, чем в своем апрельском выступлении, и теперь, когда, испугавшись развивающейся китайской революции и ее перерастания в плебейскую революцию, он выдумал китайский феодализм как господствующую форму в Китае -- и в этом и в другом случае он подходит к аграрному вопросу не как большевик, а как меньшевик или кадет. Он говорит только о реформах, а не об аграрной революции. Эта точка зрения накладывает отпечаток на резолюции Коминтерна. Эта резолюция говорит только о "максимальном снижении арендной платы", т. е. она арендную плату оставляет.

Ключ к позиции Бухарина

В выступлении Бухарина на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна мы находим следующее место, дающее ключ к пониманию всей его политики:

"Главной и первейшей задачей является победа над иностранным империализмом, победа, гарантией которой в свою очередь служит единый национально-революционный фронт. Этот фронт сейчас состоит не только из крестьян, не только из рабочих, не только из ремесленников, не только из радикальной и демократической интеллигенции, но и из торгово-промышленной буржуазии, и купцов и промышленников, не всех, конечно, но тех из них, которые не связаны непосредственно с иностранным капиталом и не могут быть зачислены в компрадоры, как их называют, т. е. в посредники между иностранным капиталом и Китаем" (Бухарин. Капиталистическая стабилизация, с. 156)125.

Это положение требует самого тщательного разбора, ибо оно есть сердцевина неверной бухаринской позиции. От него идут все качества политики Коминтерна в Китае. Чтобы взять быка за рога, надо сказать, что нет и не было в истории человечества революции, направленной только против внешнего

врага. Внешний враг, занимая продолжительное время данную территорию, господствует всегда, находясь в связи с одним или другим туземным классом, угнетающим население. Народная масса не может подняться на борьбу с иностранными угнетателями, не борясь одновременно с теми, которые угнетают ее ежедневно, которых она ежедневно видит у себя в деревне, в городишке. Гарантией победы китайской революции является единый фронт угнетаемых, т. е. рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии. Но для того чтобы крестьянин поднялся на высоту национальной борьбы, он должен бороться с помещиком, рабочий должен бороться с капиталистом, мелкий буржуа города должен бороться с капиталистом, -- все они должны бороться с помещичье-капиталистическим строем. Условием создания единого фронта угнетенных классов является, таким образом, распад современного единого фронта этих классов с буржуазией и помещиками. Почему же мы вошли в Гоминьдан, несмотря на то, что мы знали, что в нем находится и купец, и помещик, и фабрикант, и ростовщик, и откупщик налогов/?/ Мы вошли туда, чтобы оторвать от них мелкую буржуазию и крестьянина, плетущихся еще в хвосте этих слоев. Это понимал великолепно представитель киткомпартии, который на IV конгрессе Коминтерна сказал, что идем в Гоминьдан, чтобы расколоть его. Этого не понял или это забыл Бухарин и поэтому скатился в болото меньшевизма, где его подхватил и облобызал Мартынов, Иоанн Креститель 126 меньшевизма.

Приняв меньшевистский взгляд, что гарантией победы революции является сохранение единого блока с буржуазией, Бухарин пришел в трепетание перед лицом крестьянского движения и обратился к лозунгу аграрной реформы, т. е. к отказу от лозунга "долгой помещиков": все это заставило его уменьшать и притуплять классовые противоречия в Китае и, наконец, привело его к вздорной теории китайского феодализма. Какая связь между этой теорией и основными взглядами Бухарина, основной его политической установкой? Очень

простая. Она станет вполне ясной, если продумать мартыновскую статью "Проблема китайской революции", появившуюся в "Правде" ровно за два дня перед переворотом Чан Кай-ши. В этой статье, в которой Мартынов торжествовал по поводу того, что Чан Кайши приветствовал крестьянскую конфедерацию в Нанкине и что он подчинился ханькоускому правительству и что шанхайские рабочие "удержали в своих руках оружие и после вступления национальных войск" (это писалось за два дня перед разоружением шанхайских рабочих), Мартынов не развивает никакой теории феодализма. Но он, прицепившись к одному слову у Ленина, доказывает, что в Китае господствуют докапиталистические отношения. Понимая бессмысленность подобного утверждения о стране с четырьмя миллионами промышленных рабочих, Мартынов поправляется и говорит, что "преобладают отношения докапиталистические, точнее говоря, отношения, предшествовавшие эпохе промышленного капитализма".

Что это означает? С точки зрения фактической -- это чепуха. В экономике страны преобладает тот фактор, который на нее производит самое сильное влияние. Экономика Китая характеризуется тем, что фабричный товар собственного и иностранного производства разрушает кустарный промысел

крестьянина и ремесло, что империализм, нарушивший финансовую систему Китая и приведший к его территориальному распаду, господству милитаризма, разоряет деревню высокими налогами и непрерывной междоусобицей милитаристов, являющихся проводниками его влияния. В сельской экономике Китая преобладает тот факт, что ростовщики и торговый капитал, разрушив феодализм, разрушают теперь крестьянское хозяйство. Назвать докапиталистическим этот пестрый уклад, в котором переплетается период торгового капитала с периодом промышленного капитализма и империализма, является полной теоретической бессмыслицей, ибо строй страны определяется ведущим экономическим началом этой страны.

Зачем эта чепуха понадобилась Мартынову? Она понадобилась ему, чтобы сказать пролетариату: во имя всех святых не разрывай с буржуазией. Как же тебе в докапиталистической стране думать серьезно о действительном руководстве революцией? Противоречия концепции о докапиталистиче-

ском характере Китая и гегемонии пролетариата объясняются просто: гегемония пролетариата -- это поклон перед большевистской иконой, которую себе Мартынов повесил в комнате в 1922 году, а докапиталистический характер Китая это аргумент -- отказ от гегемонии, аргумент за то, чтобы плестись в хвосте буржуазии, в хвосте Гоминьдана, как плелся Мартынов всю жизнь в хвосте кадетов.

Та же самая потребность, которая породила у несчастного Мартынова, ставшего большевиком на 55-м году жизни, концепцию докапиталистического Китая, породила у Бухарина, сбившегося после леворадикальной молодости, на пороге возраста государственного чиновника, на оппортунизм, теорию антифеодального характера китайской революции. Испуганный развертывающейся классовой борьбой, грозящей разрушить единый фронт с буржуазией, грозящей вызвать громадное потрясение в той международной постановке, от которой Бухарин хотел "отвлечься", чтобы уверовать в постройку социализма в одной стране, он искал нового средства скрепления распадающегося единого фронта революции в Китае. И поэтому этот человек, знающий великолепно, что Маркс, разбирая влияние ростовщического капитала на сельские отношения, указывал на то, что "ростовщичество разрушает античные феодальные богатства и античную феодальную собственность" (Капитал, т. 3, ч. 2, с. 133), что Маркс говорил, что "ростовщик играет революционную роль лишь постольку, поскольку он разрушает и уничтожает (феодальные) формы собственности", выдумал феодализм как господствующую теперь форму хозяйства в Китае.

Весь этот труд и весь пот пролит неизвестно для чего, ибо даже если бы содержанием борьбы в Китае была борьба с феодализмом, то из этого еще не следует, что эта борьба должна происходить в единении с крупной буржуазией. Нигде в мире крупная буржуазия не была гегемоном в борьбе за ликвидацию феодализма. Везде она шла на сделку с плебейскими массами города. Но Бухарин забыл азбуку ленинизма. Вся острота китайского аграрного кризиса состоит

именно в том, что ростовщичество "не изменяет способа производства, но присасывается к нему, как паразит, истощает его до полного упадка. Оно высасывает его соки, обескровливает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких

условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам" (Маркс), вот где центр аграрного вопроса в Китае, а не в феодализме, хотя существуют еще его остатки и хотя формы аренды, благодаря полному развалу денежной системы в Китае, носят во многих местах натуральный характер.

Господство ростовщического и аграрного торгового капитала в деревне, т. е. самой влиятельной фракции китайской буржуазии, будет иметь последствием аграрную революцию, направленную против буржуазии, что даст китайской революции громадный размах. Боясь "некоторых неприятных вещей" в Гоминьдане, Бухарин своей теорией феодализма напустил туману и из-за тумана спрашивает меня: "Если там нет феодализма, то чем же революция буржуазна на данной стадии/?/ Неужели же борьба крестьянства за свою частную собственность, разоряемую ростовщиком, была борьбою за буржуазную частную собственность/?/ Неужели борьба за единство Китая не есть борьба за условия и капиталистического развития Китая?"

Я в другом месте постараюсь дать на основе существующего литературного материала картину аграрных отношений, в которой постараюсь детально развить сказанное здесь. Но и сказанного достаточно, чтобы ясно было, что все бухаринские теории с феодализмом и без феодализма служили только одной цели: доказать необходимость сохранения во что бы то ни стало единого фронта с буржуазией. Это желание стоило китайской революции крупного поражения и сломило хребет теперешнему руководству киткомпартии. Радикальный разрыв с этой смесью большевистских воспоминаний и меньшевистской политики является условием правильного руководства китайской революцией. Отказ от бухаринской теории китайской революции является насущной практической задачей всякого, кто хочет помочь китайскому пролетариату оправиться от ударов, нанесенных ему китайской буржуазией.

"Вообще, нужно заметить, что перед Коминтерном стоит задача мировой популяризации китайского движения, ознакомления с ним рабочих масс Западной Европы, задача тщательного изучения оригинальных экономических и политических условий в восточных странах. Без этого изучения нельзя определить политику в обстановке чрезвычайно сложной, где своеобразие хозяйственных и политических отношений

внутри страны сочетаются с величайшим разнообразием перекрещивающихся, часто друг другу противоречащих влияний самых различных империалистических группировок со всей их дипломатической игрой", -- говорит Бухарин в своем докладе на пленуме Коминтерна (Н. И. Бухарин. Капиталистическая стабилизация, с. 140).

Но после этого вступления, напоминающего лучшие времена Коминтерна,

когда мы совместно, под руководством Ленина, с величайшей осторожностью и тщательностью изучали всякий вопрос, раньше, чем давали ответственные советы международному пролетариату, Бухарин, оставленный в качестве единственного идейного руководителя Коминтерна, состряпал, на основе обрывков фактов ряд теорий, связанных между собой только одним желанием -- не видеть великой и грозной действительности, дабы не быть принужденным делать революционных выводов¹⁹⁷.

5. Уроки поражения

Смысл поражения

Китайская революция потерпела крупное поражение. Она упустила пока что из своих рук большинство территорий, захваченных ею во время Северного похода. Армия, на которую она опиралась, разбита на два лагеря. Значительная часть командного состава революции перешла в лагерь контрреволюции. Главный пролетарский центр в Китае пока что потеряян. Рабочий класс разгромлен на значительных пространствах, принадлежавших до этого времени национальному управительству. Разгромлены профессиональные организации Чжэцзяне, в Фуцзяне, Гуандуне, Гуанси. Значительная часть организаторов рабочего класса погибла или находится в тюрьме. Борьба происходит теперь в первую очередь за сохранение Хубэйской и Хэнаньской провинций как базы для дальнейшей организации революции при помощи революционного государства, откуда должно происходить дальнейшее наступление революции, на базе более высокого опыта, приобретенного такой дорогой ценой.

Поражение китайской революции вызвано переходом на сторону контрреволюции той части крупной буржуазии, которая до этого времени шла более или менее с национальным движением (туземная промышленная буржуазия, торго-

вая буржуазия, связанная в первую очередь с внутренним рынком). Этот переход означает, что она идет на сделку с мировым империализмом и милитаристами, являющимися его оружием. Этого уже никто не смеет отрицать. Китайская крупная буржуазия стала окончательно во всех своих решающих боях контрреволюционной.

3) Китайская буржуазия не сможет в дальнейшем сыграть роль руководителя милитаристских клик, действующих от ее имени. Она не сможет объединить Китай даже на капиталистической базе. Орудие такого объединения -- милитаристы -- будут и впредь вести борьбу между собой за преобладающее влияние. К этому толкает их не только жажда наживы, но и стремление буржуазии разных частей Китая подчинить себе остальные части. Без серьезной экономической помощи со стороны империализма, без значительных уступок с его стороны китайская буржуазия не может стабилизировать своего положения, не может создать твердого буржуазного режима в Китае. Только предоставление работы для значительных масс деревни, потерявших землю и не находящих нигде убежища, уменьшило бы остроту аграрного вопроса, только рост китайской промышленности

сумел бы создать социальную обстановку для временного разрядки революционного кризиса в деревне. Но очень неправдоподобно, чтобы империализм пошел на серьезные уступки китайской буржуазии и чтобы в том состоянии развала, в каком находится теперь Китай, империализм решился вложить значительные материальные средства в экономическое развитие Китая. Точно так же невероятно, чтобы империалистические державы совместно действовали с целью создания единого буржуазного правительства. Имея противоречивые интересы, они будут, несомненно, и в дальнейшем ставить ставку на разных милитаристов, разжигать их борьбу между собой и, допуская временные соглашения, в дальнейшем стремиться к ослаблению и раздроблению Китая. Таким образом, надо считать, что социальное положение в Китае будет обостряться и в дальнейшем, что основные силы революции, понесшие теперь поражение, будут расти и крепнуть. Китайская революция, понесшая жестокое поражение как блок пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии, от крупной буржуазии, как блока, руководимого этой последней, воспрянет и победит как революци-

онный блок рабочих, крестьян и городской бедноты под руководством пролетариата.

4) Именно ввиду этой перспективы дальнейшего развития китайской революции изучение ошибок, совершенных кит-компартией и Коминтерном, имеет громадное практическое значение. Не отдавая себе отчета о существовании этих ошибок, нельзя вести правильную политику в новой обстановке, созданной поражением.

Источник поражения

1) Основная ошибка Коминтерна состоит в недооценке степени развития классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией в Китае и в недооценке противоречий, существующих между империализмом и китайской буржуазией. Выдумывая, что в Китае борьба происходит в первую очередь между феодализмом и буржуазией, когда в действительности деревня Китая эксплуатируется уже городом, т. е. буржуазией, а китайский помещичий класс или совпадает с китайской средней и крупной буржуазией или связан с ней тесными узами; не видя господствующей роли торгового капитала в китайской деревне и остроты противоречий между буржуазией -- с одной стороны, и пролетариатом и крестьянством -- с другой, только исходя из этих неправильных предпосылок Коминтерн мог думать о немедленном частичном отходе разных слоев буржуазии от национальной революции и надеяться на продление периода ее участия в национальном движении, вплоть, быть может, до объединения всего Китая.

Только не понимая того, что даже промышленная буржуазия, принимающая участие в национальном движении (не говоря уже о компрадорской буржуазии), не в состоянии бороться до конца с империализмом, Коминтерн мог надеяться,

ввиду антиимпериалистического характера национально-освободительного движения, на продолжительное участие в нем буржуазии. Промышленная буржуазия боролась только за вполне достижимые уступки со стороны империализма, как, например, за покровительственный тариф, которого добилась в значительной мере английская колония Индия. Полное увлечение теорией единого национального движения против империализма не позволило Коминтерну учесть того простого факта, что даже в агитации Гомиьндана лозунг национализации иностранных рудников, копей и банков, без кото-

рой невозможна окончательная победа над империализмом, не играл никакой роли.

Преувеличивая длительность участия буржуазии в национальном движении и вследствие этого силы единого антиимпериалистского фронта, закрывая глаза на антикрестьянскую политику кантонского правительства, являющуюся последствием ближайшей связи помещиков и буржуазии, закрывая глаза на растущую враждебность национального правительства к разрастающемуся рабочему и крестьянскому движению, закрывая глаза на растущие доказательства отхода китайской буржуазии от революции, Коминтерн ставил в центре своей тактики избегание раскола в Гомиьдане. Поэтому в 1926 г. Коминтерн приказал киткомпартии оставаться в Гомиьдане, несмотря на то, что Гомиьдан поставил ей условия, несоместимые с ее самостоятельной политической линией. Поэтому Коминтерн не реагировал на то, что ЦК киткомпартии не разворачивал в достаточной силе ни рабочего, ни крестьянского движения, что ЦК киткомпартии, чтобы найти общий язык с Гомиьданом, начал говорить на языке национал-большевизма. Вся политика Коминтерна в китайском вопросе с весны 1926 г. означает ликвидацию самостоятельной китайской компартии и сведение ее к роли придатка Гомиьдана.

Самым ярким выражением политики подчинения киткомпартии, китайских рабочих и крестьянских масс китайской буржуазии является полный отказ Коминтерна от подготовки компартии к боям, неизбежным при отходе буржуазии от национального движения. Коминтерн не помог киткомпартии создать организации, без которых невозможно воспитание масс в революционном духе. Без ежедневной прессы, разоблачающей ежедневно политику китайской буржуазии, мобилизующей против правого Гомиьдана народные массы, разговоры о приближающемся новом этапе демократической диктатуры рабочих и крестьян являлись простыми фразами. Гомиьдановская буржуазия оставляла везде местную власть в руках помещиков и купцов. Коминтерн не выдвинул лозунга создания Советов рабочих, крестьян, солдат, городской бедноты. Этим он оставлял рабочее и крестьянское движение в состоянии полного распыления, отказываясь от исполнения первой задачи революции -- разрушения старого аппарата эксплуатации и угнетения. Армия находилась полно-

стью в руках командиров, являющихся в громадном большинстве контрреволюционными. Партия не создавала ни тайных, ни легальных

революционных организаций в армии, не добивалась института комиссаров при военных командирах, т. е. позволяла буржуазии держать в своих руках армию как оружие контрреволюции. Партия допустила, чтобы все оружие сосредоточилось в руках деклассированной армии, вчера еще служившей контрреволюции, и чтобы рабочий класс оставался без всякого оружия и даже не призывала на военную службу. Пролетариат, гегемон национального движения, был на деле исключен из армии, которая должна была довести до победного конца национальную войну.

Даже тогда, когда рабочие массы в Ханькоу, Чанша и т. д. самостоятельно вступили в бой с правым крылом Гоминьдана, на бой против Чан Кайши и принудили этим руководителей коммунистической партии и левого Гоминьдана начать на верхах борьбу, руководители Коминтерна выступают против "форсировки событий", довольствуются обманчивыми объяснениями и обещаниями Чан Кайши, усыпляя бдительность масс, вызывая их надежды на компромисс. Резолюция УП расширенного /плenums/ Исполкома Коминтерна, говорящая о предстоящем уходе буржуазии, была представлена как перспективная резолюция, в то время как центр внимания был сосредоточен на том, что буржуазия будет уходить частями, что оставшиеся части надо использовать. Не вооруженная идейно рабочая масса дала захватить себя врасплох и разрушить даже там, где в Шанхае она, ценой больших жертв, захватила незначительное количество оружия.

Апрельское поражение киткомпартии является, таким образом, результатом в корне неправильной политики Коминтерна за весь последний год, политики, которая вместо использования Гоминьдана, дала себя использовать Гоминьдану, которая вместо сознательного стремления к гегемонии пролетариата в национальном движении на деле подчинилась гегемонии буржуазии.

Вопреки учению Ленина об отношении пролетариата к демократической революции, вопреки тезисам II конгресса Коминтерна, вопреки решениям IV конгресса, вопреки решениям VI расширенного пленума ИККИ от марта 1926 г., Коминтерн вел на деле в Китае меньшевистскую политику,

и поэтому не случайно, что проводниками этой политики сделались старые меньшевики Рафес и Мартынов, ничему не научившиеся и ничего не позабывшие. Это могло иметь место только потому, что наша собственная линия начала сбиваться на меньшевистскую.

Что делать

Положение сводится в данный момент к тому, что нацправительство в значительной мере зависит от правого генерал-помещика Тан Шэнчжи, войска которого занимают провинции Хунань и Хубэй. Если окажется, что часть кантонских войск, находящихся на фронте, станет на сторону нацправительства, то нацправительство будет иметь возможность противопоставить на известное время генералу Тан Шэнчжи другую военную силу, хотя бы и не представляющую вполне надежной опоры. Это даст нацправительству возможность взяться за вооружение рабочих и крестьян.

Та часть правительства, которая осталась в Ханькоу, содержит еще в своих рядах крупнобуржуазные элементы вроде спекулянта Сунь Фо¹²⁸, охарактеризованного в докладов. Тань Пиншаня как крайне правого представителя помещиков и компраторов и министра финансов Суна¹²⁹. Старая местная власть помещиков и купцов не разрушена. Таким образом, правительство состоит еще из представителей рабочих, мелкой и крупной буржуазии. Утверждение тов. Бухарина, что оно является теперь "правительством левого блока" (Проблемы китайской революции, с. 59), представляет собой простой самообман. Даже если бы ханькоуское правительство уже исключило из своих рядов представителей крупной буржуазии, оно не было бы еще правительством демократической диктатуры рабочих и крестьян, ибо ни о какой диктатуре не может быть речи, если правительство висит в воздухе, если на местах существует старая власть, если правительство не может опереться на вооружение тех социальных сил, которых оно хочет выразить. Без понимания этого факта ханькоуское правительство обанкротится окончательно.

Первой задачей киткомпартии и левых гоминьдановцев является вооружение всеми доступными средствами рабочих Хубэй и Хунани и немедленное разоружение старой местной власти. Ей надо противопоставить власть рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии, органы революционного са-

моуправления, из которых будет исключен помещик, крупная и средняя буржуазия, старые чиновники. Такими органами самоуправления могут быть только местные Советы рабочих и крестьян, солдат, мелких торговцев, ремесленников. Противопоставление лозунга Советов лозунгу стачечных комитетов, профсоюзов, крестьянских комитетов -- это означает полное распыление масс, в то время когда надо их собрать в ударный боевой кулак. Мало того: насколько не разрушена старая власть, стачечные крестьянские комитеты, профсоюзы находятся под постоянной угрозой разгрома местной помещичье-капиталистической властью.

Утверждение тов. Сталина, что создание Советов означает "дать лозунг борьбы против существующей власти в этом районе", бьет мимо цели. В Уханьском районе существует в ханькоуских дворцах правительство, хотя оно еще не является действительно левым правительством. Его не приходится сбрасывать, от него надо только отрезать правые элементы. Но это правительство висит пока что, как мы сказали выше, в воздухе. На местах существует буржуазно-помещичья власть. Не только надо издать лозунг свержения этой последней, но надо ее свергнуть при помощи Советов. Только свергнув эту местную власть, можно будет говорить, что в Уханьском районе существует левое правительство. Тов. Сталин противопоставляет лозунг Советов лозунг "вся власть революционному Гоминьдану". Тов. Сталин сравнивает Гоминьдан с революционным парламентом. Таким образом, он противопоставляет лозунг власти народных низов, рабочих и крестьян и

городской бедноты лозунг власти парламента.

Оппортунистический характер сталинской постановки вопроса прет прямо из этой формулировки. Боязнь тов. Сталина, что лозунг Советов даст оружие в руки тех, которые говорят о "московской советизации", означает иллюзию, что степень враждебности китайской буржуазии и империализма зависит не от того, что делает китайская революция, а от того, как она называет свое учреждение. Если она назовет свою власть парламентской властью, то это будет действовать на помещика, у которого должна быть отнята земля, как кокаин действует при вырывании зуба. Если додумать этот аргумент до конца, то первый вывод, который тов. Сталин должен сделать, тот, что русские коммунисты, отправившиеся в каче-

стве добровольцев в Китай, должны отказаться помогать китайской революции, ибо они являются в глазах китайской и мировой буржуазии уже давно доказательством московской "советизации".

Отказ от лозунга Советов в Китае есть отказ от позиции Ленина, который на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. говорил:

"Вполне понятно, что крестьяне находятся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществление ее на деле. Ясно также, что угнетенные массы, эксплуатируемые не только купеческим капиталом, но феодалами и государством на феодальной основе, могут применить это оружие, этот вид организации и в своих условиях. Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям. Наш опыт в этой области пока еще не очень велик, но дебаты в комиссии, в которых принимало участие несколько представителей колониальных стран, доказали нам с полной неопровержимостью, что в тезисах Коммунистического Интернационала необходимо указать на то, что крестьянские Советы, Советы эксплуатируемых являются средством, пригодным не только для капиталистических стран, но и для стран с докапиталистическими отношениями и что безусловным долгом коммунистических партий и всех элементов, которые примыкают к ним, является пропаганда идеи крестьянских Советов, Советов трудящихся всюду и везде и в отсталых странах и в колониях; и там они должны стараться, насколько позволяют условия, создавать Советы трудящегося народа." (Ленин, Собр. соч., т. XVII).

Так говорил Ленин по отношению к странам, в которых "почти нет промышленного пролетариата". Какое же может быть сомнение о долге коммунистов в стране, как Китай, где имеются миллионы промышленных рабочих?/

4) Ханькоуское правительство должно немедленно взяться за проведение в жизнь ряда социальных реформ, касающихся рабочего класса, городской мелкой буржуазии и крестьянства. Запрет уплаты аренды помещикам, купцам должен быть немедленно декретирован, и всякие попытки выколачивания ее должны преследоваться силой демократической диктатуры. Восьмичасовой рабочий день, повышение заработной

платы, проведение охраны труда должны быть немедленно проведены в жизнь. Должны быть приняты меры для создания кредитного фонда для мелких торговцев и ремесленников. Эти последние должны быть организованы для поставок на армию. Простой факт, что Чан Кайши может иметь надежду ослабить остроту своих отношений с шанхайскими рабочими путем обещания социальных реформ показывает, что в этой области до сего времени ханькоуским правительством не было ничего сделано и что надо спешить.

5) Уханьский район может быть как район в качестве плацдарма нацреволюции только при условии сохранения блока коммунистов и левого Гоминьдана. Сохранение этого блока возможно только при изгнании правых гоминьдановцев из всего Гоминьдана сверху до низу. Единственной серьезной проверкой, кто правый и кто левый гоминьдановец, могут быть только лозунги: "уничтожение арендной платы, введение 8-часового рабочего дня, вооружение рабочих и крестьян, создание Советов". Кто против этих лозунгов -- тому не должно быть места в Гоминьдане. Эта позиция известна тов. Сталину. Если он, называя меня, говорит, что я выдвигаю лозунг ухода из Гоминьдана теперь, то он знает, что говорит сознательно неправду".

Он читал мои доклады в Комакадемии, присутствовал на моем выступлении в Московском активе, где я точно и ясно говорил, что не требую на этом этапе развития революции выхода из Гоминьдана, если Гоминьдан исключит представителей правой буржуазии. Товарищи, защищающие ту же самую точку, что и я, не выдвигали ни в тезисах тов. Зиновьева, ни в резолюции шести цекистов, ни в выступлениях тт. Зиновьева и Троцкого на пленуме ЦК лозунга выхода из левого Гоминьдана. Выдумывая несуществующие требования, тов. Сталин скрывает действительный предмет спора. Предметом спора является самостоятельность политики коммунистической партии Китая.

Тов. Сталин не говорит ни одного слова о том, нужно ли хотя бы теперь, с опозданием, которое привело к громадным поражениям революции, создать ежедневную коммунистическую прессу. Нужно ли коммунистам выступать открыто под знаменем коммунизма, нужно ли им для укрепления блока с левым Гоминьданом критиковать всякие колебания его мел-

кобуржуазных вождей. На этот вопрос надо дать ответ. Тов. Сталин его не дает. Если за этим скрывается сохранение старой политики подчинения Гоминьдану, то китайский пролетариат будет точно так же предан Ван Цзинвэем и Сюй Цянем как был предан Чан Кайши.

Международное положение и китайская революция

Переход Чан Кайши в лагерь контрреволюции и расколнациональной армии -- все это неслыханно увеличило опасности, угрожающие китайской революции. Международный империализм не преминет использовать положение. Быть может, он возьмет на себя роль палача по отношению к ханькоускому правительству, чтобы не скомпрометировать до конца Чан Кайши. Перемена правительства в Японии не сулит ничего хорошего¹³⁰. Положение исключительно

тяжелое, но ясно, что это именно требует большевистской решимости и смелости. Центр тяжести в данном положении состоит в энергичнейшем проведении мер по обороне Учанского рай-она и подрыве тыла противника путем поднятия рабочих и крестьян.

Поражение китайской революции обостряет наше международное положение, делает угрозу войны более серьезной, чем это было еще зимой. Но было бы детской наивностью думать, что мы можем избежать войны свертыванием нашей китайской политики. Наоборот, только помогая всеми доступными нам силами -- к ним, к сожалению, не принадлежит вооруженная помощь -- китайской революции. Защитив себя, сохранив Уханьский район, мы внушим противнику убеждение о нашей решительности и сможем сохранить китайскую революцию как союзника.

Первым условием помощи китайской революции является учет уроков поражения, ознакомление международного пролетариата с классовой борьбой, происходящей в Китае, приближение к его пониманию китайской революции не только как национально-освободительного движения, но как классовой борьбы рабочих и крестьян. Поэтому надо окончательно порвать с политикой скрывания в угоду меньшевистской теории китайской революции фактов классовой борьбы, скрывания поражений. Только зная, что происходит в Китае, за что борются китайские рабочие и крестьяне, рабочие Европы будут помогать защите китайской революции. По-

сле смятения, вызванного в международном пролетариате предательством Чан Кайши, вчера еще провозглашаемого всей коммунистической прессой в качестве героя освободительной борьбы, только полная гласность в тактических вопросах китайской революции создаст почву для мобилизации сил мирового пролетариата на защиту китайской революции.

К. Радек /Конец апреля -- начало мая 1927 г./

КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕЗИСЫ ТОВ. СТАЛИНА

Тезисы тов. Сталина под названием "Вопросы китайской революции" были опубликованы в "Правде" 21 апреля, через несколько дней после закрытия пленума ЦК, которому эти тезисы не были предложены и которым они не обсуждались (хотя все члены пленума оставались еще в Москве)¹³¹.

Между тем, тезисы тов. Сталина до такой степени ошибочны, до такой степени опрокидывают вещи на голову, до такой степени проникнуты духом хвостизма, до такой степени способны увековечить уже совершенные ошибки, что молчать по поводу них было бы настоящим преступлением.

Необходимость извлечь уроки из китайских событий

1. Недопущение открытого обсуждения теоретических и тактических вопросов китайской революции мотивировалось за последнее время тем, что такое обсуждение оказалось бы на руку врагам СССР. Само собою разумеется,

что было бы совершенно недопустимо предавать гласности такого рода факты, за которые могут хватиться враги, не останавливающиеся, впрочем, перед прямым измышлением "фактов" и "документов". Но в такого рода дискуссии нет решительно никакой надобности. Дело идет об определении движущих сил китайской революции и об оценке основной линии ее политического руководства. Другими словами, дело идет об обсуждении тех самых вопросов, которым посвящены тезисы тов. Сталина. Если эти тезисы могли быть опубликованы, то почему не может быть опубликована их критика?

Неслыханной ошибкой является утверждение, будто обсуждение вопросов китайской революции может повредить нашим государственным интересам. Если бы это было так, то от обсуждения должна была бы отказаться не только ВКП, но и каждая партия Коммунистического Интернационала, в том числе и китайская. Между тем, интересы китайской революции, как и интересы воспитания всех коммунистических партий мира, требуют открытого, решительного, исчерпывающего обсуждения всех вопросов китайской революции и, в первую голову, ее спорных вопросов. Неправда, будто интересы Коминтерна вступают в противоречие с государственными интересами СССР. Отказ от обсуждения ошибок диктуется не интересами рабочего государства, а неправильным, "аппаратным", бюрократическим подходом как к китайской революции, так и к интересам СССР.

2. Апрельское поражение китайской революции есть не только поражение оппортунистической линии, но и поражение "аппаратных" методов руководства, при которых партия ставится перед каждым решением как перед свершившимся фактом; решение объявляется не подлежащим критике, до того как факты обнаружат его несостоятельность, после чего оно столь же автоматически, т. е. за спиной партии, заменяется новым решением, нередко еще более ошибочным -- как нынешние тезисы Сталина. Такой метод, несовместимый вообще с развитием революционной партии, становится особенно грозной помехой для молодых партий, которые могут и должны самостоятельно учиться на опыте поражений и ошибок.

Тезисы тов. Сталина опубликованы. По крайней мере, в рамках этих тезисов вопросы китайской революции могут и должны быть обсуждены открыто и всесторонне.

Гнет империализма и классовая борьба

3. Своеобразие китайской революции -- по сравнению, например, с нашей революцией 1905 года -- коренится прежде всего в полуколониальном положении Китая. Политика, которая игнорировала бы могущественное давление империализма на внутреннюю жизнь Китая, была бы в корне ложной политикой. Но не менее ложной была бы политика, исходящая из абстрактного представления о национальном гнете, без его классового преломления. Основным источником ошибочности тезисов тов. Сталина, как и всей вообще руководящей линии, является неправильное понимание роли империализма и его влияния на классовые взаимоотношения Китая.

Гнет империализма должен служить оправданием политики "блока четырех классов". Гнет империализма приводит будто бы к тому, что "все (!) классы Китая одинаково (!) считают кантонское правительство национальным правительством всего Китая" (речь тов. Калинина, "Известия", 6 марта). По существу дела, это есть позиция правогоминьдановца Дай Цзитао, который доказывает, что ввиду империалистского гнета законы классовой борьбы не существуют для Китая.

Китай есть угнетенная, полукOLONиальная страна. Развитие производительных сил Китая, происходящее в капиталистических формах, нуждается в низвержении империалистского гнета. Война Китая за национальную независимость является прогрессивной войной, как потому, что вытекает из потребностей экономического и культурного развития самого Китая, так и потому, что облегчает развитие революции английского и мирового пролетариата.

Но это вовсе не значит, что империалистский гнет есть механический гнет, который извне "одинаково" давит на "все" классы Китая. Могущественная роль иностранного капитала в жизни Китая привела к тому, что очень сильные слои китайской буржуазии, бюрократии и военщины связали свою судьбу с судьбой империализма. Без этой связи немыслима была бы гигантская роль так называемых "милитаристов" в жизни Китая последнего периода.

Было бы, далее, грубой наивностью думать, будто между так называемой компрадорской буржуазией, т. е. экономической и политической агентурой иностранного капитала в Китае, и между так называемой "национальной" буржуазией существует пропасть. Нет, эти два слоя несравненно ближе друг другу, чем буржуазия и рабоче-крестьянские массы. Буржуазия участвовала в лагере национальной войны как внутренний тормоз, с постоянной враждебной оглядкой на рабочие и крестьянские массы, с постоянной готовностью заключить компромисс с империализмом.

Находясь в Гоминьдане и руководя им, национальная буржуазия являлась, по существу дела, вспомогательным орудием компрадоров и империалистов. Национальная буржуазия могла оставаться в лагере национальной войны лишь при условии слабости движения рабочих и крестьянских масс, неразвитости классовой борьбы, несамостоятельности китайской

коммунистической партии и покорности Гоминьдана как орудия в руках буржуазии.

Грубейшей ошибкой является мысль, будто империализм механически, извне сплачивает все классы Китая. Это позиция китайского кадета Дай Цзитао, а никак не наша. Революционная борьба против империализма не ослабляет, а усиливает политическую дифференциацию классов. Империализм представляет собою могущественнейшую силу во внутренних отношениях Китая. Основным источником этой силы являются не военные корабли в водах Янцзы -- это лишь вспомогательные орудия, -- а экономическая и политическая связь иностранного

капитала с китайской буржуазией. Борьба против империализма, именно в силу его экономического и военного могущества, требует гигантского напряжения сил всей толщи китайского народа. Поднять против империализма по-настоящему рабочих и крестьян можно только, связав самые основные и глубокие их жизненные интересы с интересами освобождения страны. Рабочая стачка, малая и большая, аграрный мятеж, восстание угнетенного городского и деревенского люда против ростовщиков, против бюрократии, против местных военных сатрапов -- все, что пробуждает низы, сплачивает их, воспитывает, закаляет -- является действительным шагом вперед на пути революционного и социального освобождения китайского народа. Без этого военные успехи и неудачи правых, полуправых, полуплевых генералов останутся пеной на поверхности океана. Но все, что поднимает угнетенные и придавленные массы трудящихся, неминуемо толкает китайскую национальную буржуазию на открытый военный блок с империализмом. Классовая борьба между буржуазией и рабоче-крестьянскими массами не ослабляется империалистским гнетом, а, наоборот, обостряется им при каждом серьезном конфликте до степени кровавой гражданской войны. Китайская буржуазия всегда имеет за своей спиной крепкий тыл в лице империализма, который против китайских рабочих и крестьян всегда ей поможет деньгами, товарами, гранатами.

Думать, что можно достигнуть национального освобождения Китая путем умиротворения классовой борьбы, путем торможения стачек, аграрных восстаний, путем отказа от вооружения масс и пр. могут только жалкие филистеры и сико-

фанты, которые в душе надеются получить для Китая свободу в порядке империалистской подачи за хорошее поведение масс. Когда тов. Мартынов предлагает заменить стачки и аграрную борьбу арбитражным правительственным разрешением вопросов, то он ничем не отличается от Дай Цзитао, философского обоснователя политики Чан Кайши.

Демократическая или социалистическая революция?

4. Оппозиции приписывается бессмысленное утверждение, будто Китай стоит непосредственно перед социалистической диктатурой пролетариата. В этой "критике" нет ничего оригинального. Накануне 1905 года и после него меньшевики неоднократно провозглашали, что тактика Ленина была бы законна, если бы Россия стояла непосредственно перед социалистической революцией. Ленин же разъяснял им, что его тактика есть единственный путь к радикальной победе демократической революции, которая при благоприятных условиях начнет перерастать в социалистическую.

Самый вопрос о "некапиталистических" путях развития Китая был в условной форме поднят Лениным, для которого, как и для нас, было и останется азбучной истиной, что предоставленная собственным силам, т. е. без прямой поддержки победоносного пролетариата СССР и без поддержки рабочего класса всех передовых стран, китайская революция может закончиться лишь отвоеванием

для страны более широких возможностей капиталистического развития с более благоприятными условиями для рабочего движения.

5. В корне неверно, однако, будто вопрос о том, нужна ли китайскому пролетариату самостоятельная партия; нужен ли этой партии блок с Гоминьданом или подчинение ему; нужны ли Советы и пр., разрешается в зависимости от того, как мы представляем себе ход и темп всех дальнейших этапов китайской революции. Вполне возможно, что Китаю придется проходить через сравнительно длительную стадию парламентаризма, начиная с Учредительного собрания. Этот последний лозунг стоит на знамени китайской компартии. Если буржуазно-демократическая революция не перерастет в близком будущем в социалистическую, то Советы рабочих и крестьянских депутатов на известной стадии сойдут, по всей вероятности, со сцены, уступив место буржуазному режиму, который затем,

в связи с ходом мировой революции, уже на новой исторической стадии уступит место диктатуре пролетариата.

Но, во-первых, совершенно не доказана неизбежность капиталистического пути; а, во-вторых -- и этот довод для нас сейчас неизмеримо актуальнее, -- разрешить буржуазные задачи можно по-разному. Самый лозунг Учредительного собрания становится пустой абстракцией, нередко простым шарлатанством, если не сказать, кто, как и на какой программе его созывает. Чан Кайши завтра же может выдвинуть лозунг Учредительного собрания против нас, как он сегодня выдвинул свою рабочую и крестьянскую "программу". Мы хотим созвать Учредительное собрание не через Чан Кайши, а через Исполнительный комитет рабочих и крестьянских Советов. Этот путь серьезней и верней.

В корне несостоятельна попытка тов. Бухарина оправдать оппортунистически-соглашательскую линию ссылающегося на преобладающую будто бы роль в китайской экономике "остатков феодализма". Если бы даже оценка тов. Бухариным китайского хозяйства была основана на экономическом анализе, а не на схоластических определениях, "остатки феодализма" все равно не могли бы оправдать ту политику, которая столь явно облегчила апрельский переворот.

Китайская революция имеет национально-буржуазный характер по той основной причине, что развитие производительных сил китайского капитализма уперлось в государственную-таможенную зависимость Китая от стран империализма. Задержка развития китайской промышленности и зажим внутреннего рынка означают сохранение и возрождение наиболее отсталых форм производства в сельском хозяйстве, наиболее паразитических форм эксплуатации, наиболее варварских форм гнета и насилия, рост избыточного населения, сохранение и обострение пауперизма и всяческой кабалы.

Каков бы ни был удельный вес специфически "феодалных" элементов китайского хозяйства, смести их можно только революционным путем, следовательно, не в союзе с буржуазией, а в прямой борьбе с нею.

Чем сложнее и болезненнее переплет крепостнических и капиталистических отношений, тем меньше аграрный вопрос может быть разрешен мерами верхушечного законодательства, тем необходимее революционная

самодеятельность

крестьянских масс, тесно связанных с рабочими и беднотой городов; тем ошибочнее политика, судорожно цепляющаяся за союз с буржуа и помещиком и подчиняющая этому союзу свою работу в массах. Политика блока четырех классов не только подготовляла блок буржуазии с империализмом, но и означала дальнейшее сохранение всех пережитков варварства в администрации и экономике.

Ссылаться, в частности, против Советов на буржуазный характер китайской революции значит просто отречься от опыта наших буржуазных революций 1905 г. и 1917 г. (февраль). В этих революциях основной и ближайшей задачей было низвержение самодержавно-крепостнических порядков. Эта цель не исключала, а требовала вооружения рабочих и создания Советов.

Вот какими словами Ленин писал об этом после Февральской революции:

"Для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев либерализма, не рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно "поддержать" рабочих! Ибо единственная гарантия свободы и разрушения царизма до конца есть вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих и солдатских депутатов. Все остальное фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря. Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу -- и свобода в России будет непобедима, монархия невозстановима, республика обеспечена. Иначе народ будет обманут. Обещания дешевы. Обещания ничего не стоят. Обещаниями "кормили" народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во всех буржуазных революциях. Наша революция буржуазная, -- поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию, -- говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция буржуазная, -- говорим мы, марксисты, -- поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение" (Ленин, том XIV, ч. 1, стр. 10--11, "Правда", 21 марта 1927 г.).

Тот китайский революционер, который, выкинув из своей головы хитроумные резолюции и комментарии насчет блока четырех классов, крепко впитает в себя смысл этих простых ленинских слов, наверняка не ошибется и придет к цели.

Школа Мартынова в китайском вопросе

8. Официальное руководство китайской революцией направлялось все время по линии "единого общенационального фронта" или "блока четырех классов" (см. доклады Бухарина, передовую статью в "Коммунистическом Интернационале" №11, неопубликованную речь Сталина на Московском активе 5 апреля 1927 г., статью Мартынова в "Правде" 10 апреля, передовицу "Правды" 16 марта, речь тов. Калинина -- "Известия", 6 марта 1927 г., речь тов. Рудзутака -- "Правда", 9

марта 1927 г. и пр., и пр., и пр.). Дело на этом пути зашло так далеко, что накануне переворота Чан Кайши "Правда", обличая оппозицию, возвещала, что революционным Китаем правит не буржуазная власть, а "правительство блока четырех классов".

Философия Мартынова, имеющего печальное мужество доводить все ошибки Сталина--Бухарина в вопросах китайской политики до их логического конца, не встречает и тени отпора. Между тем, она представляет собою попрание основных принципов марксизма и воспроизводит наиболее грубые черты русского и международного меньшевизма в применении к условиям китайской революции. Недаром нынешний вождь меньшевиков Дан в последнем номере "Социалистического вестника"¹³² пишет:

"В принципе" большевики тоже стояли за сохранение "единого фронта" в китайской революции до завершения национально-освободительной задачи. Еще 10 апреля Мартынов в "Правде" весьма вразумительно и, несмотря на обязательные ругательства по адресу социал-демократии, совсем "по-меньшевистски" доказывал "левому" оппозиционеру Раде-ку правильность официальной позиции, настаивающей на необходимости сохранять "блок четырех классов", не спешить с разрушением коалиционного правительства, в котором рабочие заседают совместно с крупной буржуазией, не навязывать ему преждевременно "социалистических" задач." (№ 8, 23 апреля 1927 г., стр. 4).

Всякий, кто знает историю борьбы большевизма с меньшевизмом, в особенности в вопросе об отношении к либераль-

ной буржуазии, не может не признать, что одобрение Даном "разумных принципов" школы Мартынова является не случайным, а вполне закономерным. Противоестественным является лишь то, что эта школа безнаказанно поднимает свой голос в рядах Коминтерна.

Старую меньшевистскую тактику 1905--1917 гг., растоптанную ходом событий, школа Мартынова ныне переносит на Китай, подобно тому, как капиталистическая торговля самые недоброкачественные товары, не находящие сбыта на родине, сплавляет в колонии. При этом экспорте товар даже не освежен. Доводы остались теми же самыми, буква в букву, что и 20 лет тому назад. Только там, где стояло самодержавие, теперь вставляют в текст империализм. Разумеется, британский империализм отличается от самодержавия, но меньшевистские ссылки на него ничуть не отличаются от ссылок на самодержавие. Борьба против иностранного империализма, как и борьба против самодержавия, есть классовая борьба. Что ее нельзя заморозить идеей единого национального фронта, об этом слишком красноречиво свидетельствуют кровавые апрельские события, выросшие непосредственно из политики блока четырех

классов.

Как "линия" выглядела на деле

9. По отношению к прошлому периоду, закончившемуся апрельским переворотом, тезисы тов. Сталина гласят: "Принятая линия была единственно правильная линия".

Как же она выражалась на практике? Об этом красноречиво говорил Тань Пиншань, коммунистический министр земледелия, в своем докладе на VII расширенном пленуме ИККИ, в декабре 1926 года¹³³:

"Со времени установления в июле прошлого года в Кантоне национального правительства, являющегося номинально правительством левого крыла, власть фактически находится в руках правого крыла... Движение рабочих и крестьян не может развертываться во всей своей широте в силу различных препятствий. После мартовского выступления установлена военная диктатура центра (т. е. Чан Кайши), между тем как политическая власть по-прежнему остается в руках правого крыла. Вся политическая власть, которая, по существу говоря, должна была бы (!) принадлежать левому крылу, окончательно утрачена".

Итак: левые "должны были бы" владеть властью, но они ее окончательно утратили; государственная власть принадлежала правым; военная власть, неизмеримо более могущественная, оказалась целиком в руках чанкайшистского "центра", который и стал центром заговора. При таких условиях не трудно понять, почему "движение рабочих и крестьян" не могло как следует развертываться.

Тань Пиншань дает еще более точную характеристику того, как "единственно правильная линия" выглядела на деле:

"...Мы практически пожертвовали интересами рабочих и крестьян... После длительных переговоров с нами правительство не выпустило даже закона о профсоюзах... Правительство не приняло требований крестьянства, выдвинутых нами от имени различных общественных организаций. Когда между крупными помещиками и крестьянской беднотой вспыхивали конфликты, правительство всегда становилось на сторону первых".

Как же это могло случиться? Тань Пиншань осторожно указывает две причины:

а) "Левые лидеры не способны упрочивать и расширять свое влияние посредством политической власти";

б) Правое крыло, "отчасти вследствие нашей неправильной тактики, получает возможность действовать".

Таковы те политические отношения, которые получили пышное название "блока четырех классов". Такими "блока-ми" полна как революционная, так и парламентская история буржуазных стран: крупная буржуазия ведет за собой в поводе мелкобуржуазных демократов, фразеров единого националь-ного фронта, а эти последние, сбивая с толку рабочих, тащут их в хвосте буржуазии. Когда пролетарский "хвост", вопреки усилиям мелкобуржуазных фразеров, начинает слишком силь-но напирать, буржуазия приказывает своим генералам рубить по

"хвосту". Тогда соглашатели глубокомысленно констатируют, что буржуазия "изменила" национальному делу.

Но ведь китайская буржуазия "все же" боролась с империализмом? И этот аргумент есть бессодержательное общеемство. Соглашатели всех стран всегда уверяли в соответственных случаях рабочих, что либеральная буржуазия борется против реакции. Китайская буржуазия использовала помощь мелкобуржуазной демократии в борьбе с империализмом

только для того, чтобы заключить с этим империализмом союз против рабочих. В результате Северного похода буржуазия стала сильнее, рабочие слабее. Линия, подготовляющая такой результат, есть ложная линия. "Мы практически пожертвовали интересом рабочих и крестьян", -- говорит Тань Пиншань. Для чего? Для поддержания блока четырех классов. А результат? Крупнейший успех буржуазной контрреволюции, упрочение пошатнувшегося империализма, ослабление СССР. Такая политика преступна. Не осудив ее беспощадно, нельзя шагу сделать вперед.

Тезисы оправдывают линию, которой нет оправдания

12. Тезисы пытаются и теперь еще оправдать ту политику, которая связала партию пролетариата с крупной буржуазией в рамках одной и той же организации, Гоминьдана, причем все руководство оказалось в руках буржуазии. Тезисы гласят: "Это была линия... на использование правых, их связи и их опыта, поскольку они подчиняются (!) дисциплине (!) Гоминь-дана". Теперь-то мы уж, казалось, хорошо знаем, как буржуазия подчинялась "дисциплине" и как пролетариат использовал правых, т. е. крупных и средних буржуа, их "связи" (с империалистами) и их "опыт" (удушения и расстрела рабочих). Казалось бы, повесть об этом "использовании" записана кровавыми письменами в книгу китайской революции. Между тем, тезисы говорят: "Последующие события целиком подтвердили правильность этой линии". Дальше идти некуда!

Из грандиозного контрреволюционного переворота тезисы Сталина делают тот поистине жалкий вывод, что политика "изоляции правых" внутри единого Гоминьдана должна быть "заменена" политикой "решительной борьбы" с правыми. Это после того, как правые "товарищи" по партии заговорили языком пулеметов.

13. Тезисы ссылаются, правда, на прежние "предсказания" неизбежности отхода буржуазии от революции. Но разве та-кие предсказания сами по себе достаточны для политики большевизма? "Предсказание" отхода буржуазии есть пустое общее место, если оно не связано с определенными политическими выводами. В цитированной уже статье, одобряющей официальную линию Мартынова, Дан пишет:

"В движении, объемлющем столь антагонистичные классы, вечным единый фронт, разумеется, быть не может" ("Социалистический вестник", 22 апреля 1927 г., стр. 3).

Значит, и Дан признает "неизбежность отхода буржуазии". Фактическая же

политика меньшевизма в революции состоит в расчете на сохранение единого фронта во что бы то ни стало, как можно дольше, ценою приспособления своей политики к политике буржуазии, ценою урезки лозунгов и активности масс и даже -- как в Китае -- ценою организационного подчинения рабочей партии политическому аппарату буржуазии. Большевистский же путь состоит в безусловном политическом и организационном отмежевании от буржуазии, в беспощадном разоблачении буржуазии с первых шагов революции, в разрушении всяких мелкобуржуазных иллюзий насчет единства фронта с буржуазией, в неустанной борьбе с буржуазией за руководство массами, в беспощадном изгнании из компартии всех, кто сеет надежды на буржуазию или прикрашивает ее.

Два пути и ошибки прошлого

14. Тезисы тов. Сталина пытаются, правда, противопоставить друг другу два пути развития китайской революции: один -- под руководством буржуазии, значит, при подавлении пролетариата и при неизбежности ее союза с иностран-ным империализмом; другой -- под руководством пролетариата -- против буржуазии.

Но для того, чтобы перспектива этого второго пути буржуазно-демократической революции не была пустым словом, надо открыто и прямо сказать, что все руководство китайской революцией находилось до сих пор в непримиримом противоречии с этим путем. Оппозиция подвергалась и подвергается ожесточенной критике именно потому, что оппозиция с самого начала выдвинула ленинскую постановку, т. е. путь борьбы пролетариата с буржуазией за руководство угнетенными массами города и деревни в рамках и на основе национально-демократической революции.

15. Из тезисов Сталина вытекает, будто пролетариат может отделиться от буржуазии лишь после того, как она сама отшвырнет его, разоружит, обезглавит и растопчет. Но ведь как раз по такому пути развернулась революция-выкидыш 1848 года¹³⁴, когда пролетариат не имел самостоятельного зна-

чения, шел за мелкобуржуазной демократией, которая, в свою очередь, плелась за либеральной буржуазией и подвела рабочих под нож Кавеньяка. Как ни велики действительные своеобразия китайской обстановки, но то основное, что характеризует революционный путь 1848 года, повторилось в китайской революции с такой убийственной точностью, как если бы на свете не было ни уроков 1848, 1871¹³⁵, 1905, 1917 годов, ни ВКП, ни Коминтерна.

Что Чан Кайши выполнил работу либерально-республиканского генерала Кавеньяка -- это теперь уже стало общим местом. Эту аналогию повторяют, вслед за оппозицией, и тезисы Сталина. Но эту аналогию необходимо дополнить. Кавеньяк был бы невозможен без Лендрю-Ролленов¹³⁶, Луи-Бланов¹³⁷ и других фразеров общенационального фронта. Кто же

играл эту роль в Китае? Не только Ван Цзинвэй, но и руководители китайской компартии и, главное, их вдохновители из ИККИ. Если этого открыто не сказать, не разъяснить, не втолковать, то философия двух путей послужит только маскировкой для лублановщины и мартыновщины, т. е. подготовит повторение апрельской трагедии на новом этапе китайской революции.

Положение китайской компартии

16. Чтобы иметь право говорить о борьбе за большевистский путь демократической революции, надо иметь основное орудие пролетарской политики: самостоятельную пролетарскую партию, борющуюся под собственным знаменем и ни на минуту не допускающую растворения своей политики и организации в политике и организации других классов. Без обеспечения полной теоретической, политической и организационной самостоятельности компартии всякие разговоры о "двух путях" представляют собой прямое издевательство над большевизмом. Между тем, китайская компартия на деле находилась все время не в союзе с революционной мелкобуржуазной частью Гоминьдана, но в подчинении всему Гоминьдану, которым на деле руководила крупная буржуазия, сосредоточившая в своих руках армию и власть. Компартия подчинялась политической дисциплине Чан Кайши. Компартия подписывала обязательство не критиковать суньятсенизма, т. е. мелкобуржуазной теории, направленной не только против империализма, но и против классовой борьбы. Компартия лишена была своих

органов печати, т. е. основного орудия самостоятельной партии. Говорить в таких условиях о борьбе пролетариата за гегемонию -- значит обманывать себя и других.

17. Чем объясняется подчиненное, обезличенное, политически недостойное положение компартии в чанкайшистском Гоминьдане? Установкой на единство национального фронта под фактическим руководством буржуазии, которая будто бы "не может" оторваться от революции (школа Мартынова), т. е. фактически отрицанием второго, большевистского, пути, о котором тезисы Сталина задним числом говорят только для маскировки.

Оправдывать такую политику необходимостью союза рабочих с крестьянами значит и самый этот союз превращать в фразу, в маскировку для командной политической роли буржуазии. Зависимое положение компартии как неизбежный результат "блока четырех классов" было главным препятствием на пути рабочего и крестьянского движения, а, значит, и настоящего союза пролетариата с крестьянством, без чего и думать нельзя о победе китайской революции.

18. Как же должно обстоять с компартией в будущем?

В тезисах есть на этот счет одна единственная фраза, но такая, которая способна посеять величайшую путаницу и причинить непоправимый вред. "...Борясь в одних рядах с революционными гоминьдановцами, -- говорят тезисы Сталина, -- компартия должна более чем когда-либо сохранить свою самостоятельность". Сохранить? Но ведь до сих пор компартия этой самостоятельности не имела. Ведь именно несамостоятельность ее есть узел всех зол и всех ошибок. Тезисы предлагают в этом коренном вопросе не

покончить раз навсегда с практикой вчерашнего дня, а, наоборот, сохранить ее "более, чем когда-либо". Но ведь это и значит сохранить идеологическую, политическую и организационную зависимость партии пролетариата от мелкобуржуазной партии, которая тем самым будет неизбежно превращаться в орудие крупной буржуазии.

Для того чтобы оправдать ложную политику, приходится зависимость называть независимостью и требовать сохранения того, что должно быть раз навсегда похоронено.

19. Китайский большевизм может вырасти только из беспощадной самокритики со стороны лучших элементов нынеш-

ней компартии. Помочь им в этом -- наша прямая обязанность. Попытка замазать ошибки прошлого, искусственно затормозив их обсуждение, причинит величайшие беды в первую голову китайской коммунистической партии. Если мы не поможем ей в кратчайший срок очиститься от меньшевизма и меньшевиков, она войдет в полосу затяжного кризиса с расколами, выходами из партии и ожесточенной борьбой отдельных групп. Жестокие поражения оппортунизма могут, сверх того, проложить дорогу анархо-синдикалистским влияниям¹³⁸.

Если коммунистическая партия, несмотря на массовое рабочее движение, на мощно развивающиеся профессиональные союзы, на аграрно-революционное движение деревни, должна составлять по-прежнему подчиненную часть буржуазной партии и в качестве бессильного придатка входить в создаваемое этой буржуазной партией национальное правительство, тогда надо бы прямо сказать: для коммунистической партии в Китае время еще не настало. Ибо лучше совсем не создавать коммунистической партии, чем так жестоко компрометировать ее в эпоху революции, т. е. тогда именно, когда кровью закрепляются связи с рабочими массами и создаются великие традиции, действующие в течение десятилетий.

Кто ошибся насчет темпа?

В тезисах тов. Сталина есть, разумеется, целый раздел, посвященный "ошибкам оппозиции". Вместо того чтобы уда-рить направо, т. е. по ошибкам самого Сталина, тезисы пытаются бить налево, усугубляют тем самым ошибки, накапливают путаницу, затрудняют выход и сталкивают линию руководств в трясины соглашательства.

Главное обвинение: оппозиция "не понимает, что революция в Китае не может развиваться быстрым темпом". Тезисы припутывают здесь к чему-то темп Октябрьской революции. Если ставить вопрос о темпе, то его надо измерять не внешним аршином Октябрьской революции, а выводить из внутренних классовых отношений самой китайской революции. Китайская буржуазия, как известно, не посчиталась предписанием насчет медленного темпа. Она сочла в апреле 1927 года вполне своевременным скинуть столь хорошо по-служившую ей маску единого фронта, чтобы изо всех сил уда-рить по революции. Компартия, пролетариат, а

за ними и ле-

вые гоминьдановцы оказались к этому удару совершенно неподготовленными. Почему? Потому что руководство рассчитывало на более медленный темп, безнадежно отставало, имело хвостистский характер.

23 апреля, т. е. после переворота Чан Кайши, ЦК Гоминьдана вместе с уханьским "левым" правительством опубликовал манифест, в котором говорится:

"...Теперь мы можем только сожалеть (!) о том, что не действовали, пока не было поздно. В этом мы приносим свои искренние извинения (!)" (Правда, 23 апреля).

В этих жалких и плаксивых словах заключено, помимо воли авторов, беспощадное опровержение сталинской философии насчет "темпа" китайской революции.

22. Мы продолжали поддерживать блок с буржуазией, в то время как рабочие массы рвались на самостоятельную борьбу. Мы пытались использовать опыт "правых" и оказались орудием в их руках. Мы проводили политику страуса, замалчивая в печати и скрывая от собственной партии первый переворот Чан Кайши в марте 1926 г., расстрелы рабочих и крестьян и все вообще факты, характеризовавшие контрреволюционный характер гоминьдановского руководства. Мы забыли позаботиться о самостоятельности собственной партии. Мы не создали для нее газеты. "Мы практически пожертвовали интересами рабочих и крестьян" (Тань Пиншань). Мы не сделали ни одного серьезного шага, чтобы овладеть солдатскими массами. Мы позволили банде Чан Кайши установить "военную диктатуру центра", т. е. буржуазной контрреволюции. Еще накануне переворота мы рекламировали Чан Кайши. Мы утверждали, что он "подчинился дисциплине" и что нам удалось "умелым тактическим маневром предупредить угрожавший китайской революции резкий поворот направо" (предисловие Раскольников к брошюре Тань Пиншаня). Мы отставали от событий по всей линии. На каждом шагу мы теряли темп в пользу буржуазии. Мы подготовили таким путем наиболее благоприятные условия для буржуазной контрреволюции. Левый Гоминьдан приносит по этому поводу, по крайней мере, свои "искренние извинения". А тезисы Сталина из всей этой цепи поистине беспримерных хвостистских ошибок делают тот замечательный вывод, что оппозиция требует... слишком быстрого темпа.

23. Все чаще слышатся на наших партийных собраниях обвинения против "ультралевых" шанхайцев и вообще противкитайских рабочих, которые своими "эксцессами" провоцировали Чан Кайши. Никаких данных на этот счет никтоне приводит. Да и что они могли бы доказать? Без так называемых "эксцессов" не обходится ни одна действительно народная революция, вовлекающая в свой водоворот миллионы. Политика, которая хочет предписать впервые пробужденным массам маршрут, не нарушающий буржуазного "порядка", есть политика безнадежной филистерской тупости. Она все-гда расшибала себе лоб об логику гражданской войны и, посылая запоздалые проклятия Кавеньякам и

Корниловым¹³⁹, обличала в то же время "эксцессы" слева.

"Вина" китайских рабочих в том, что критический момент революции застал их неподготовленными, неорганизованными, невооруженными. Но это не вина, а беда их. Ответственность за нее целиком ложится на неправильное руководство, безнадежно упускавшее темп.

Существует ли уже новый центр революции или его еще нужно создать?

24. О нынешнем состоянии китайской революции тезисы сообщают: "Переворот Чан Кайши означает, что в Южном Китае отныне будут два лагеря, два правительства, две армии, два центра, центр революции в Ухани и центр контрреволюции в Нанкине". Неверная, поверхностная, вульгарная характеристика положения! Дело не просто в двух половинках Гоминьдана, а в новой группировке классовых сил. Думать, что правительство в Ухани есть уже готовый центр и что оно будет попросту продолжать революцию с того места, на котором ее задержал и опрокинул Чан Кайши, значит рассматривать контрреволюционный переворот в апреле как личную "перебежку", как "эпизод", т. е. ничего не понимать.

Рабочих не просто разгромили. Их разгромили те, которые их вели. Можно ли думать, что массы пойдут теперь за левым Гоминьданом с таким же доверием, с каким они шли вчера за Гоминьданом в целом? Между тем, вести борьбу приходится отныне не только против прежних милитаристов, связанных с империализмом, но и против "национальной" буржуазии, которая, благодаря в корне неправильной политике с нашей

стороны, овладела военным аппаратом и значительной частью армии.

Для борьбы на новой, более высокой стадии революции нужно прежде всего вдохнуть доверие к себе обманутым массам и пробудить массы, еще не пробудившиеся. Для этого надо, первым делом, показать, что от той постыдной политики, которая "жертвовала интересами рабочих и крестьян" (см. Тань Пиншаня) во имя поддержания блока четырех классов, не осталось и следа. Всякий, кто будет тянуть в эту сторону, должен беспощадно изгоняться из китайской компартии.

Надо отшвырнуть поверхностную, верхушечную, жалкую идейку насчет того, будто теперь, после кровавых испытаний, можно поднять и повести миллионы рабочих и крестьян, помахавши в воздухе "флагом" Гоминьдана. (Мы не отдадим никому синего знамени Гоминьдана! -- восклицает Бухарин.) Нет, массам нужна революционная программа и боевая организация, вырастающая из их собственных рядов и заключающая в себе внутреннюю гарантию связи с массами и верности им. Одной уханьской верхушки для этого недостаточно, нужны Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Советы трудящихся.

Советы и вооружение рабочих и крестьян

25. Отвергая жизненно необходимый лозунг Советов, тезисы тов. Сталина несколько неожиданно заявляют, что главным "противоядием (?) против контрреволюции является вооружение рабочих и крестьян". Вооружение рабочих и

крестьян бесспорно необходимейшая вещь. На этот счет у нас разногласий не будет. Но чем же объяснить, что для блага революции считалось до сих пор необходимым вооружать рабочих "минимально"? Что представители Коминтерна фактически противодействовали вооружению рабочих? (см. Письмо четырех товарищей в делегацию ВКП в К/оммунистиче-ском/ И/нтернационале/). Что, несмотря на полную возможность вооружения, рабочие оказались к моменту переворота безоружными? Все это объясняется стремлением не рвать с Чан Кайши, не огорчать Чан Кайши, не толкать его вправо. Огнестрельного "противоядия" не оказалось как раз тогда, когда оно было более всего необходимо. Теперь рабочие в массе своей не вооружаются и в Ухани -- чтобы "не оттолкнуть" Ван Цзинвэя.

Вооружение рабочих и крестьян -- превосходнейшая вещь. Но надо связать концы с концами. В Южном Китае уже имеются вооруженные крестьяне: это так называемые нацио-нальные армии. Между тем, они оказались не "противоядием против революции", а ее орудием. Почему? Потому что политическое руководство вместо того, чтобы захватить самую толщу армии через Советы солдатских депутатов, ограничи-валось чисто внешним копированием наших политотделов комиссаров, которые без самостоятельной революционной партии и без солдатских Советов превращались в пустую мас-кировку буржуазного милитаризма.

Тезисы Сталина отвергают лозунг Советов на том осно-вании, что это есть будто бы "лозунг борьбы против власти ре-волюционного Гоминьдана". Но что означают тогда слова: "главным противоядием против контрреволюции является вооружение рабочих и крестьян"? Против кого будут воору-жаться рабочие и крестьяне? Не против власти ли революци-онного Гоминьдана?

Лозунг вооружения рабочих и крестьян -- если это не фраза, не отписка, не маскировка, а призыв к действию -- имеет не менее острый характер, чем лозунг рабоче-крестьянских Советов. Неужели вооруженные массы будут терпеть рядом с собой или над собой власть чуждой и враждебной им бюрократии? Действительное вооружение рабочих и крестьян в данной обстановке неизбежно означает создание Советов.

28. Далее: кто будет вооружать массы? Кто будет руководить вооруженными?

Пока национальные армии двигались вперед, а Северные войска сдавали оружие, вооружение рабочих могло бы происходить сравнительно легко. Своевременная организация Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов означала бы действительное "противоядие" против контрреволюции. К несчастью, прошлого не поправишь. Сейчас обстановка резко изменилась к худшему. То ничтожное количество оружия, какое было самостоятельно захвачено рабочими (не в этом ли состоят их "эксцессы"?), выбито из их рук. Продвижение на север приостановлено. В этих условиях вооружение рабочих и крестьян есть большая и трудная задача. Заявлять, что для Советов время еще

не пришло, и выдвигать в то же время лозунг вооружения рабочих значит сеять пута-

ницу. Только Советы могут стать при дальнейшем развитии революции органами, которые проводят на деле вооружение масс и руководят вооруженными массами.

Почему нельзя строить Советы?

29. Тезисы на это отвечают: "Во-первых, их нельзя создать в любой момент -- они создаются лишь в период особого подъема революционных волн". Если эти слова имеют какой-либо смысл, так только тот, что мы упустили темп, не призвав к созданию Советов в начале последнего периода могущественного революционного движения масс. Еще раз: прошлого не по-правишь. Если считать, что китайская революция задержана на долгий срок, тогда лозунг Советов, разумеется, не найдет отклика масс. Но тем более беспочвенным явится тогда лозунг вооружения рабочих и крестьян. Мы не думаем, однако, что последствия ложной политики так тяжки и глубоки. Есть много данных, говорящих за возможность и вероятность нового революционного подъема в недалеком будущем. Об этом говорит, между прочим, и то, что Чан Кайши вынужден заигрывать с массами, сулить рабочим восьмичасовой рабочий день, крестьянам льготы и т. п. В случае дальнейшего развития аграрного движения и поворота городских мелкобуржуазных масс против Чан Кайши как прямого агента империализма могут создаться в близком будущем более благоприятные условия, в которых ныне разгромленный пролетарский авангард соберет ряды трудящихся для нового наступления. Наступит ли оно месяцем раньше или позже, мы все равно должны готовить его теперь же в смысле программы, лозунгов и организационных форм. Другими словами: лозунг Советов будет отныне сопутствовать всему дальнейшему ходу китайской революции, отражая ее судьбу.

30. "Во-вторых, -- говорят тезисы, -- Советы создаются не для болтовни -- они создаются прежде всего как орган борьбы против существующей власти, как орган борьбы за власть". Что Советы создаются не для болтовни это, пожалуй, единственно правильное место в тезисах. Но революционер вооружение рабочих и крестьян также предлагает не для болтовни. Кто говорит: на данном этапе из Советов выйдет болтовня, а из вооружения рабочих и крестьян -- серьезное дело, тот издевается либо над собою, либо над другими.

31. Третий аргумент: так как в Ухани сидит сейчас ряд верхушечных левых гоминьдановских организаций, которые в торжественном манифесте от 23 апреля извиняются в том, что проморгали чанкайшистский переворот, то отсюда тезисы делают вывод: создание Советов означало бы восстание против левого Гоминьдана, "ибо никакой другой власти, кроме власти революционного Гоминьдана, нет теперь в этом районе".

Аппаратно-бюрократическое отношение к революционной власти так и сочится из этих слов. Власть берется не как выражение и закрепление развертывающейся борьбы классов, а как самодовлеющее волеизъявление Гоминьдана. Классы приходят и уходят, но непрерывность гоминьдановской власти остается. Недостаточно, однако, провозгласить Ухань центром революции, чтобы он им стал на деле. Чанкайшистский Гоминьдан имел на местах старую реакционную, продажную бюрократию. Что имеет левый Гоминьдан? Пока еще ничего или почти ничего. Лозунг Советов означает призыв к созданию действительных органов новой власти -- через переходный режим двоевластия.

А каково будет отношение Советов к "правительству ре-волюционного Гоминьдана", "единственной" будто бы власти "в этом районе"? Поистине классический вопрос! Отношение Советов к революционному Гоминьдану будет соответствовать отношению революционного Гоминьдана к Советам. Другими словами, по мере того, как Советы будут создаваться, во-оружаться, упрочиваться, они будут терпеть над собой только такое правительство, которое захочет опираться на вооруженных рабочих и крестьян. Советская система тем и ценна, особенно в непосредственно революционную эпоху, что она наилучшим образом обеспечивает соответствие между властью в центре и властью на местах.

Тов. Сталин еще в 1925 г. называл Гоминьдан "рабоче-крестьянской партией (!?)" (см. Вопросы ленинизма, стр. 264). Это определение не имеет ничего общего с марксизмом. Но ясно, что своей неправильной формулировкой тов. Сталин хотел выразить ту мысль, что базой Гоминьдана является антибуржуазный блок рабочих и крестьян. Это было абсолютно неправильно для того периода, когда было сказано: за Гоминьданом, правда, шли рабочие и крестьяне, но вела

их буржуазия, и мы знаем, куда она их привела. Такие партии называются буржуазными, а не рабоче-крестьянскими. Теперь, после "отхода" буржуазии (т. е. после разгрома ею невооруженного и неподготовленного пролетариата), революция переходит, по Сталину, в новую стадию, где ею должен руководить левый Гоминьдан, т. е. такой, который, надо полагать, осуществит, наконец, сталинскую мысль насчет "рабоче-крестьянской партии". Спрашивается: почему же создание Советов рабочих и крестьянских депутатов будет означать войну против власти рабоче-крестьянского Гоминьдана?

34. Еще один аргумент: призвать к созданию Советов "значит дать врагам китайского народа новое оружие в руки для борьбы с революцией, для создания новых легенд о том, что в Китае происходит не национальная революция, а искусственное пересаживание "московской советизации".

Этот поразительный довод означает, что если мы будем развивать, расширять, углублять революционное движение масс, то враги китайского народа будут усугублять свои усилия в деле клеветы. Другого смысла этот довод не имеет. Стало быть, он не имеет никакого смысла.

Может быть, тезисы имеют в виду не врагов китайского народа, а страх самих народных масс перед московской советизацией? На чем, однако, такое

соображение основано? Известно, что все разновидности "национальной" буржуазии -- и правые, и центр, и левые -- во всей своей политической работе усердно перекрашиваются под защитный московский цвет: они создают комиссаров, пуры¹⁴⁰, политотделы, пленумы ЦК, контрольные комиссии и пр. Китайская буржуазия отнюдь не боится перенесения московских форм, усердно подделывая их для своих классовых целей. Почему же она прибегает к ним? Не из любви к Москве, а потому, что они популярны в среде народных масс. Китайский крестьянин знает, что Советы дали русским крестьянам землю, а который не знает, должен узнать. Китайские рабочие знают, что Советы обеспечили победу русскому пролетариату. Из опыта чанкай-шистской контрреволюции передовые рабочие должны были понять, что без самостоятельной организации, которая охватывает весь пролетариат и обеспечивает его сотрудничество с угнетенными массами города и деревни, революция не победит. Создание Советов вытекает для китайских масс из их соб-

ственного опыта, а вовсе не является "перенесением московской советизации". Политика, которая боится называть вещи своими именами, есть ложная политика. Равняться надо по революционным массам и по объективным потребностям революции, а не по тому, что скажут враги.

Говорят: но правительство в Ханькоу есть все же факт. Фэн Юйсян¹⁴¹ -- есть факт, Тан Шэнчжи -- есть факт, в их ру-ках имеются вооруженные силы; ни уханьское (ханькоуское) правительство, ни Фэн Юйсян, ни Тан Шэнчжи не хотят Со-ветов. Строить Советы значило бы рвать с этими союзника-ми. Этот довод, хотя в тезисах прямо и не формулирован, является для многих решающим. Про ханькоуское правительство мы уже слышали от Сталина: "центр револю-ции", "единственная власть". Одновременно с этим идетна наших партийных собраниях рекламирование Фэн Юйся-на: "бывший рабочий", "надежный революционер", "верный человек" и пр. Все это есть повторение ошибок прошлого пе-риода в обстановке, когда эти ошибки могут стать еще более гибельными. Ханькоуское правительство и военное командо-вание могут быть против Советов только потому, что не реша-ются на радикальную аграрную программу, на действитель-ный разрыв с помещиками и буржуазией и втайне лелеютмысль о компромиссах направо. Но тем важнее строить Сове-ты. Только таким путем можно революционные элементы Ханькоу толкнуть влево, а контрреволюционные заставитьубраться восвояси.

Но если Советы и не будут воевать с "единственным" правительством Ханькоу, то они внесут все же элементы двое-властия? Безусловно. Кто держит курс на рабоче-крестьян-скую власть не на словах, а на деле, тот не может не понимать, что курс этот ведет через период двоевластия. Как долго по-следнее будет длиться, в какие конкретные взаимоотношения выльется, будет зависеть от того, как себя обнаружит на деле "единственное" правительство в Ханькоу, насколько самосто-ятельна и инициативна будет компартия, как быстро

пойдет развитие Советов и пр. Наша задача будет, во всяком случае, состоять в том, чтобы усиливать рабоче-крестьянский элемент двоевластия, подготовляя тем самым советскую рабоче-крестьянскую власть с развернутой до конца демократической программой.

37. Но в водах Янцзы стоят десятки иностранных военных судов, которые могут снести Шанхай, Ханькоу и пр. Не будем ли в этих условиях создавать Советы? Этот довод опять-таки не формулирован в тезисах Сталина, но широко гуляет по партийным собраниям (Мартынов, Ярославский¹⁴² и др.). Мартыновская школа пытается идею Советов убить страхом перед британской морской артиллерией. Этот прием нов. В 1917 году эсеры и меньшевики пугали тем, что захват власти Советами будет означать захват Кронштадта и Петрограда союзниками. Мы отвечали: только углубление революции может спасти ее. Иностранная империя примирится только с такой "революцией", которая ценою некоторых уступок в пользу китайской буржуазии, упрочит его собственные позиции в Китае. Всякая подлинно народная революция, подрывающая колониальную основу империализма, неизбежно вызовет бешеный отпор с его стороны. Мы ведь пробовали остановиться на половине дороги, но ведь эта "единственно правильная линия" не оградила Нанкин от пушек империализма, ни китайских рабочих -- от пулеметов Чан Кайши. Только переход китайской революции в подлинно массовую фазу, только создание рабочих, крестьянских и солдатских Советов, только углубление социальной программы революции способны, как свидетельствует наш собственный опыт, внести смятение в ряды иностранных воинских частей, пробуждая их сочувствие к Советам и тем по-настоящему ограждая революцию от удара извне.

Что предлагают тезисы Сталина вместо Советов?

38. Создание "революционных крестьянских комитетов, профсоюзов рабочих и других массовых революционных организаций как подготовительных элементов Советов будущего". Каковы же должны быть пути этих организаций? На этот счет мы в тезисах не находим и слова. Фраза о том, что это только "подготовительные элементы Советов будущего", есть только фраза и больше ничего. Что эти организации будут делать сейчас? Они должны будут руководить стачками, бойкотом, ломать позвоночник бюрократическому аппарату, уничтожать контрреволюционные военные банды, изгонять помещиков, разоружать отряды ростовщиков и кулаков, вооружать рабочих и крестьян, т. е. разрешать на деле все очередные задачи аграрно-демократической революции, продви-

гаясь тем самым к положению органов власти на местах. Но это и есть Советы, только плохо приспособленные для своих задач. Тезисы предлагают, следовательно -- если брать вообще это положение всерьез -- вместо Советов создавать суррогаты Советов.

39. Во время всех предшествовавших массовых движений профсоюзы по

необходимости выполняли функции, близкие к функциям Советов (Гонконг, Шанхай и пр.). Но именно для этих задач профсоюзы оказывались совершенно недостаточными. Они охватывают слишком малое число рабочих. Они совершенно не охватывают мелкобуржуазных низов города, тяготеющих к пролетариату. Между тем, такие задачи, как проведение стачек с наименьшим ущербом для городских низов, распределение продовольствия, участие в налоговой политике, участие в формировании вооруженных сил, не говоря уже о проведении аграрной революции на местах, могут осуществляться с надлежащим размахом лишь в том случае, если руководящая организация не только охватывает все слои пролетариата, но и тесно связывает их в повседневной работе с городской и деревенской беднотой. Наконец, военный переворот Чан Кайши должен, казалось бы, вколотить в сознание всякого революционера, что отделенные от армии профсоюзы -- это одно, а объединенные Советы рабочих и солдатских депутатов -- совсем другое. Революционные профсоюзы и крестьянские комитеты не менее Советов способны вызывать ненависть врагов. Но они гораздо менее, чем Советы, способны отражать вражеские удары.

Если мы серьезно говорим о союзе пролетариата с угнетенными массами города и деревни -- не о верхушечном, наполовину поддельном "союзе" через сомнительных представителей, а о реальном боевом союзе, складывающемся и закаляющемся в массовой борьбе с врагами -- то никакой другой организационной формы, кроме формы Советов, этот союз найти не может. Отрицать это может только тот, кто больше надеется на соглашательские верхи, чем на революционные низы.

Разрыв с левым Гоминьданом?

Из всего предшествующего ясно, насколько основательны запугивания насчет разрыва компартии с Гоминьданом. "Это значит, -- говорят тезисы, -- покинуть поле битвы и бросить своих союзников в Гоминьдане на радость врагам револю-

ции". Эти патетические строки совсем не на месте. Дело идет не о разрыве, а о подготовке блока -- не на началах подчинения, а на началах фактического равноправия. Революционный Гоминьдан еще только должен сложиться. Мы за то, чтобы коммунисты работали и внутри Гоминьдана, терпеливо отвоевывая на нашу сторону рабочих и крестьян. Но воспитать себе революционного мелкобуржуазного союзника компартия может, не простираясь ниц перед Гоминьданом на каждом этапе его колебаний, но открыто и непосредственно, от собственного имени, под собственным знаменем, обращаясь к рабочим, организуя их вокруг себя, показывая Гоминьдану примером и на деле, что значит массовая партия, поддерживая каждый шаг Гоминьдана вперед, беспощадно разоблачая каждое его колебание и каждый шаг назад и создавая для блока с Гоминьданом настоящую революционную основу в виде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

40. Вздором является утверждение, будто оппозиция стоит за политическую "изоляцию" коммунистической партии. В этом утверждении столько же правды,

сколько в утверждении, будто оппозиция стояла за выход из английских тред-юнионов. И то и другое обвинение понадобилось исключительно для маскировки блока с правым Гоминьданом и с предательским Генсоветом. Оппозиция всемерно стоит за укрепление и развитие блока с революционными элементами Гоминьдана, за теснейший боевой союз рабочих с беднотой городов и деревень, за курс на революционную диктатуру рабочих, крестьян и мелкой буржуазии городов.

При этом необходимо:

а) признать гибельными такие формы блока, когда компартия жертвует интересами рабочих и крестьян с утопической целью удержать буржуазию в лагере национальной революции;

б) начисто отвергнуть такие формы блока, которые прямоили косвенно стесняют самостоятельность собственной партии, подчиняя ее контролю других классов;

в) категорически отказаться от таких форм блока, при которых компартия свертывает свое знамя и жертвует ростом собственного влияния и авторитета в интересах своего союзника;

г) основывать блок на ясно сформулированной общности задач, а не на недомолвках, дипломатничаньи, вилянии и фальши;

д) устанавливать условия и границы блока с полной точностью и во всеобщее сведение;

е) сохранять за компартией полную свободу критики своего союзника, следя за ним с такой же бдительностью, как и за врагом, ни на минуту не забывая, что союзник, опирающийся на другие классы или зависящий от других классов, есть лишь попутчик и может, силой обстоятельств, превратиться в противника и врага;

ж) связь с мелкобуржуазными массами ставить выше связи их партийной верхушкой;

з) в последнем счете полагаться только на себя -- на свою организованность, вооружение и силу.

Только при соблюдении этих условий станет возможен не вершущий, колеблющийся, подверженный случайностям, а настоящий революционный блок компартии с Гоминьданом, опирающийся на союз всех угнетенных масс города и деревни под политической гегемонией пролетарского авангарда.

Вопросы китайской революции и Англо-русский комитет¹⁴³

В руководстве китайской революцией мы имеем не тактические ошибки, а неправильную в корне линию. Это ясно из всего изложенного. Это становится еще яснее, если сопоставить политику в Китае с политикой в отношении Англо-русского комитета. В этом последнем случае несостоятельность оппортунистической линии обнаружилась не так трагически как в Китае, но не менее полно и убедительно.

В Англии, как и в Китае, линия была направлена на сближение с "солидными" верхами, на личные связи, на дипломатическое комбинаторство ценою фактического отказа от углубления пропасти между революционными или левыми массами и предательскими вождями. В погоне за Чан Кайши мы толкали китайских коммунистов на принятие диктаторских условий, которые Чан Кайши ставил коммунистической партии. В погоне за Перселем, Хиксом, Ситриным¹⁴⁴ и К||-представители ВЦСПС принципиально стали на позицию нейтральности профессионального движения, признали Генсовет¹⁴⁵ единственным представителем английского рабочего движения и обязались невмешательством в дела английского рабочего движения.

Решения берлинского совещания Англо-русского комитета означают наш отказ поддерживать в будущем стачечников против воли клейменных штрейкбрехеров. Они означают суждение и выдачу с головой профсоюзного меньшинства, ибо работа его направлена против тех предателей, которых мы признали единственными представителями английского рабочего класса. Наконец, торжественное провозглашение "невмешательства" означает нашу принципиальную капитуляцию перед национальной ограниченностью рабочего движения в ее самых худших и консервативных формах.

Чан Кайши обвиняет нас во вмешательстве во внутренние дела Китая, как Ситрин обвинял нас во вмешательстве во внутренние дела тред-юнионов. И то и другое обвинение есть пересказ обвинений мирового империализма против рабочего государства, смеющегося интересоваться судьбами угнетенных масс всего мира. В этом случае, как и в других, и Чан Кайши, и Ситрин, в разных условиях и на разных постах, остаются агентами империализма, несмотря на временные столкновения с ним. Гонимая за сотрудничество с такими "вождями", мы вынуждены все больше сужать, ограничивать и урезать наши методы революционной мобилизации масс.

Нашей ложной политикой мы не только помогли Генсовету удержать свои пошатнувшиеся позиции после предательства стачки, но и вооружили его всем необходимым, для того чтобы он мог нам ставить наглые требования, которые мы покорно принимали. Под звон разговоров о "гегемонии" мы вели себя в вопросах китайской революции и английского рабочего движения как идейно побежденные и тем подготовляли свое материальное поражение. Оппортунистический сдвиг политики всегда сопровождается упадком веры в свою линию.

Дельцы Генсовета, получив от ВЦСПС вексель на невмешательство, доказывают несомненно Чемберлену¹⁴⁶, что их способ борьбы с большевистской пропагандой гораздо более действителен, чем метод ультиматумов и угроз. Чемберлен, однако, предпочитает комбинированные действия, включая дипломатию Генсовета в систему британского империализма.

47. Ссылаться против оппозиции на то, что Болдуин или Чемберлен "тоже" хотят разрыва Англо-русского комитета, значит ничего не понимать в

политической механике бур-жуазии. Болдуин законно боялся и боится вредного влияния

советских профсоюзов на левеющее рабочее движение Англии. Свое давление на Генсовет английская буржуазия противопоставила давлению ВЦСПС на предательскую верхушку тред-юнионов, и буржуазия оказалась в этой области победительницей по всей линии. Генсовет отказался принять деньги советских профсоюзов и обсуждать вместе с ними вопрос о помощи горнякам. Давя на Генсовет, английская буржуазия через него давила на ВЦСПС и добилась на берлинском совещании от представителей последнего неслыханной капитуляции по основным вопросам классовой борьбы. Такой Англо-русский комитет выгоден английской буржуазии (см. заявления "Таймса"). Это не мешает ей и впредь не только нажимать на Генсовет, но и требовать разрыва его с ВЦСПС, ибо путем такой политики нажима и шантажа британская буржуазия выигрывает все то, что мы так бессмысленно и беспринципно теряем.

48. Такую же цену имеют инсинуации, будто Чан Кайши "солидарен" с оппозицией, на том основании, что он хочет изгнать коммунистов из Гоминьдана. На этот счет пускается в оборот ссылка на слова Чан Кайши, сказанные или будто бы сказанные другому генералу, о согласии его, Чан Кайши, в этом вопросе с оппозицией ВКП. В тексте того документа, из которого вырывается эта "цитата", слова Чан Кайши приводятся не как выражение его взглядов, а как проявление его готовности и способности обмануть, солгать, даже перекраситься на несколько дней "левым коммунистом", чтобы тем вернее нанести удар в спину. Более того, документ, приводящий слова Чан Кайши, представляет собою сплошной обвинительный акт против линии и работы представителей Коминтерна в Китае. Вместо того чтобы выдергивать из документа цитаты, придавая им смысл, противоположный тому, какой они имеют в тексте, следовало бы самый документ довести до сведения Коминтерна.

Если, однако, оставить в стороне злоупотребления мнимыми "цитатами", то остается то "совпадение", что Чан Кайши был все время против блока с коммунистами, а мы -- против блока с Чан Кайши. Школа Мартынова делает отсюда тот вывод, что политика оппозиции "вообще" служит реакции. И это обвинение не ново. Все развитие большевизма в России шло под аккомпанемент меньшевистских обвинений в том,

что большевики служат реакции, что они помогают монархии против кадетов, кадетам -- против эсеров и меньшевиков и так далее, без конца. Ренодель¹⁴⁷ обвиняет французских коммунистов в том, что, стремясь разорвать блок радикалов и социалистов, они содействуют Пуанкаре¹⁴⁸. Немецкая социал-демократия не раз заявляла, что наше

невхождение в Лигу Наций есть работа на пользу крайних империалистов. И т. д. и т. п.

Тот факт, что крупной буржуазии, представляемой Чан Кайши, нужен политический разрыв с пролетариатом, а революционному пролетариату нужен политический разрыв с буржуазией, свидетельствует не об их солидарности, а о факте непримиримой классовой вражды между ними. Беспомощные соглашатели стоят между буржуазией и пролетариатом и обвиняют оба "крайних" фланга в разрыве национального фронта и в содействии реакции. Обвинение против оппозиции в том, что ее политика идет навстречу Чемберлену, Томасу или Чан Кайши, есть плод соглашательского недомыслия и тем самым -- невольное признание пролетарско-революционного характера нашей политической линии.

49. Берлинское совещание Англо-русского комитета, совпавшее с началом английской интервенции в Китае, не осмелилось хотя бы прикоснуться к вопросу о действительных мерах противодействия палаческой работе британского империализма на Дальнем Востоке. Разве можно найти более яркое доказательство тому, что Англо-русский комитет не способен пальцем об палец ударить для действительного предотвращения войны?

Но это не значит, что он только бесполезен. Он причиняет неимоверный вред революционному движению как всякая иллюзия и фальшь. Генсовет, ссылаясь на свое сотрудничество с ВЦСПС в деле "борьбы за мир", будет тем самым успокаивать и усыплять встревоженное военной опасностью сознание английского пролетариата. ВЦСПС выступает ныне как бы поручителем перед английским и мировым рабочим классом за международную политику изменников Генсовета. Этим самым ослабляется и притупляется критика против Генсовета со стороны революционных элементов Англии. Через Перселя, Хикса и Ко Макдональд и Томас получают возможность довести рабочие массы в усыпленном состоянии до са-

мого порога войны, чтобы затем призвать их к защите демократического отечества. Критикуя в своем последнем интервью Томаса, Хаввлока, Вильсона и других наемников биржи, тов. Томский ("Правда", 8 мая) ни словом не упоминает о вкрадчивой, разлагающей, усыпляющей и потому гораздо более вредной работе Перселей, Хиксов и Ко. Эти "союзники" вообще не называются в интервью по имени, как будто их и не существует. Тогда зачем блок с ними? Но они существуют. Без них политически не существует Томас. Без Томаса не существует Болдуин, т. е. капиталистический режим Англии. Вопреки лучшим нашим намерениям, поддержка нами блока с Переедем есть фактическая поддержка всего британского режима и облегчение его работы в Китае. После всего, что произошло, этого не может не понять каждый революционер, прошедший школу Ленина. Так наше сотрудничество с Чан Кайши притупляло классовую бдительность китайского пролетариата и тем облегчило апрельский переворот.

Теория стадии и теория социализма в одной стране

50. Принципиальным обоснованием оппортунистического сдвига явилась хвостистская теория "стадий" или "ступеней", неоднократно провозглашавшаяся за последнее время тов. Сталиным. Требовать полной организационной и политической самостоятельности китайской компартии значит перепрыгивать через ступени. Требовать советской организации для вовлеченных в гражданскую войну рабочих и крестьянских масс значит перепрыгивать через "стадии". Требовать разрыва политического блока с предателями Генсовета, совершающими ныне наиболее гнусную и предательскую работу, значит перескакивать через ступени. Консервативное национально-буржуазное правительство Гоминьдана, военное командование Чан Кайши, Генсовет, всякое учреждение, созданное давлением имущих и господствующих классов и превращающееся в преграду революционному движению масс, становится, с этой точки зрения, великой исторической ступенью, к которой надо приспособлять свою политику до тех пор, пока "сами массы" этой ступени не низвергнут. Став на этот путь наша политика из революционного фактора неизбежно должна превратиться в консервативный. Ход китайской революции и судьба Англо-русского комитета являются на этот счет грозным предостережением.

51. Такие факты, как поражения великих стачек английского пролетариата в прошлом году 1920, китайская революция -- в нынешнем, не могут пройти бесследно для международного рабочего движения, как не прошло бесследно поражение немецкого пролетариата осенью 1923 года 1923. Неизбежное временное ослабление революционных позиций есть само по себе большое зло. Оно может стать надолго непоправимым при неправильной ориентировке, при ложной стратегической линии. Именно теперь, в период временного революционного отлива, необходима более чем когда бы то ни было борьба против всех проявлений оппортунизма и национальной ограниченности -- за линию революционного интернационализма.

Признание принципа невмешательства, независимо, разумеется, от намерения нашей делегации, идет навстречу наиболее упадочным и консервативным тенденциям в рабочем классе. Нет ничего необъяснимого в том, что более отсталые и утомленные слои рабочих СССР считают вмешательство в английскую стачечную борьбу или в китайскую революцию ошибкой. Они все чаще рассуждают так: "Ведь нас учат, что мы можем построить социализм в нашей стране, даже без победы революции в других странах, если только не будет интервенции. Значит, нужно вести такую политику, которая бы не вызывала интервенции. Наше вмешательство в английские и китайские дела ошибочно, ибо, не давая положительных результатов, толкает мировую буржуазию на путь военных интервенций и тем угрожает строительству социализма в нашей стране".

Нет и не может быть сомнения в том, что сейчас, после новых поражений международного революционного движения, теория социализма в одной стране, независимо от воли ее создателей, явится оправданием, обоснованием и освящением всех тенденций, направленных к ограничению революционных задач, к принижению размаха борьбы, к национально-консервативной ограниченности.

Между тем, малейшее отступление в сторону "невмешательства", прикрытое

или не прикрытое теорией социализма в одной стране, только увеличивает опасность со стороны империализма, а не уменьшает ее.

В отношении китайской революции совершенно ясно и бесспорно, что только более глубокий массовый захват, больший социальный радикализм программы, отчетливое знамя рабоче-крестьянских Советов могут серьезно оградить революцию от военного разгрома извне. Только такая революция, на знамени которой трудящиеся и угнетенные отчетливо пишут свои собственные требования, способна захватывать за живое не только международный пролетариат, но и солдат капитализма. Мы это достаточно хорошо знаем по собственному опыту. Мы это испытали и проверили в годы гражданской войны под Архангельском, Одессой и в других местах. Соглашательски предательское руководство не оградило Нанкин от разгрома и открыло доступ в Янцзы неприятельским кораблям. Революционное руководство при мощном социальном размахе движения может привести к тому, что воды Янцзы окажутся слишком горячими для кораблей Георга 153, Чемберлена и Макдональда. Во всяком случае, только на этом пути революция может искать себе защиты и найти ее.

Расширение фронта Советов есть вместе с тем лучшая оборона СССР. Бессмыслицей звучат в нынешней обстановке речи о том, что наше международное положение ухудшилось или может ухудшиться вследствие каких-то "левых" ошибок. Наше положение ухудшилось вследствие поражения китайской революции. Поражение это есть международно-исторический факт, даже независимо от того, вмешиваемся ли мы или не вмешиваемся в события. Если бы мы не вмешивались, при вмешательстве империализма мы только облегчили бы его работу -- против Китая и против нас самих. Но вмешательство вмешательству рознь. Наиболее ложным и опасным видом вмешательства являются попытки остановить развитие революции на половине дороги. Борьба за мир есть центральная задача нашей международной политики. Но даже крайний представитель мартиновской школы не посмеет сказать, что наша борьба за мир противоречит развертыванию китайской революции или, наоборот, что развертывание ее может противоречить нашей борьбе за мир. Одно дополняет другое. Лучшей защитой СССР явится преодоление чанкайшистской контрреволюции и перевод движения на более высокую стадию. Кто отвергает в этих условиях Советы для Китая, тот разоружает китайскую революцию. Кто провозглашает принцип

невмешательства в отношении европейского пролетариата, тот ослабляет его революционный авангард. И то и другое ослабляет положение СССР, основной крепости международного пролетариата.

Мы видим, таким образом, как одни ошибки накладываются на другие и в сочетании дают линию, угрожающую все большим отходом от линии большевизма. Голоса критики и предостережения рассматриваются как помеха. Сдвиг официальной линии направо дополняется ударами налево. Дальнейшее движение по этому пути принесло бы величайшие опасности как советскому государству, так и Коминтерну. Молчать об этих опасностях перед лицом международного

пролетарского авангарда было бы изменой знамени коммунизма.

Мы ни на минуту не сомневаемся, что ошибки можно исправить, уклонения преодолеть, линию выпрямить без острых кризисов и потрясений. Голос фактов слишком красноречив, указания опыта слишком ясны. Нужно только, чтобы наша партия, всесоюзная и международная¹⁵⁴, получила полную возможность свободно и спокойно оценить факты и сделать из них надлежащие выводы. Мы твердо верим, что она с делает их в духе революционного единства.

7 мая 1927 г.

РЕЧЬ ТОВ. ЧЭНЬ ДУСЮ О ЗАДАЧАХ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Послесловие к статье "Китайская революция и тезисы тов. Сталина")

1. Для чего служит марксизм в политике? Для того чтобы понять, что есть, и предвидеть, что будет. Предвидение должно ложиться в основу действия. Мы знаем уже, как обстояло дело с предвидениями тов. Сталина: за неделю до переворота Чан Кайши он его защищал и рекламировал, призывая использовать правых, их опыт, их связи (речь на Московском активе 5 апреля). В разобранных нами тезисах Сталин дает другой образец предвидения, тоже уже проверенный жизнью. Центральный вопрос нашей критики сталинских тезисов формулирован нами выше так: "существует ли уже новый

центр революции или же его нужно создать". Сталин утверждал, что в Китае после переворота Чан Кайши "два правительства, две армии, два центра: центр революции в Ухани и центр контрреволюции в Нанкине". Сталин утверждал, что нельзя строить Советы, ибо это означало бы восстание против уханьского центра, "единственного правительства" в Южном Китае. Мы назвали эту характеристику положения "неверной, поверхностной, вульгарной". Так называемое уханьское правительство мы называли "уханьской верхушкой", доказывая, что в Южном Китае, после крутого сдвига гражданской войны на другую классовую линию, еще нет правительства -- его еще нужно только создать.

В "Правде" от 15 мая напечатана речь тов. Чэнь Дусю на съезде китайской компартии (29 апреля). Ни тов. Сталин, ни мы не имели этой речи, когда Сталин писал свои тезисы, а мы -- их критику. Чэнь Дусю характеризует положение не на основании общего анализа обстановки, а на основании непосредственных наблюдений. Что же говорит Чэнь Дусю о новой революционной власти? Он прямо заявляет, что "было бы ошибкой" считать уханьское правительство органом революционно-демократической диктатуры: "оно не является еще правительством рабоче-крестьянских масс, а лишь блоком верхушки". Но ведь это же слово в слово то, что мы говорили против Сталина.

Сталин писал: "Никакой другой власти, кроме власти революционного Гоминьдана, нет теперь в этом районе". Мы ему на это отвечали:

"Аппаратно-бюрократическое отношение к революционной власти так и сочтется из этих слов... Классы приходят и уходят, но непрерывность гоминьдановской власти (будто бы) остается. Недостаточно, однако, провозгласить Ухань центром революции, чтобы он им стал на деле" (см. выше). Таким образом, вместо того, чтобы разьяснять китайским революционерам, в первую голову коммунистам, что уханьское правительство расшибет себе голову, если возомнит себя уже сейчас единственным правительством на юге Китая; вместо того, чтобы беспощадно обрушиться на декоративную фальшь мелкобуржуазных революционеров, уже погубивших столько революций; вместо того, чтобы прокричать в самое ухо неуверенному, колеблющемуся, шатающемуся уханьскому центру: не обольщайтесь видимостью, не оглушай-

тесь треском ваших собственных наименований и манифестов, идите на черную работу, поднимайте массы, стройте Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стройте революционную власть -- вместо всего этого Сталин обрушивается на лозунг Советов и поддерживает худшие кружково-бюрократические предрассудки и суеверия тех горе-революционеров, которые боятся народных Советов и верят в священную кляксу чернил на бланке Гоминьдана.

2. Тов. Чэнь Дусю на основании собственных наблюдений характеризует обстановку теми же точно словами, какими мы ее характеризовали на основании теоретических соображений: не революционное правительство, а лишь верхушечный блок. Но это отнюдь не значит, что сам тов. Чэнь Дусю делает правильные выводы из правильно характеризуемой им обстановки. Связанный по рукам и по ногам ложной директивой, Чэнь Дусю делает выводы, в корне противоречащие его собственному анализу. Он говорит: "Перед нами стоит задача -- начать строить действительно революционно-демократическую власть, как только изменится положение на территории национального правительства и исчезнет угроза иностранной интервенции и наступления милитаристов".

Мы должны тут прямо и открыто сказать: принять такую постановку вопроса значило бы принять наиболее верный и короткий путь к гибели. Создание настоящей революционной власти, опирающейся на народные массы, откладывается до того момента, когда исчезнут опасности. Но ведь центральная опасность в том и состоит, что вместо революционной власти на юге Китая имеется пока что лишь верхушечный блок. От этой основной беды удесятерятся и все остальные опасности, в том числе и военная. Чтобы в наивысшей мере, какая только возможна, оградить себя от иностранной и "своей" военщины, надо укрепнуть, усилиться, организовать, вооружиться. Других путей нет. Головы в песок не спрячешь. Никакие фокусы тут не помогут. Надо пробудить энтузиазм масс, их готовность бороться и умирать за свое дело. Для этого надо как можно глубже захватить массы, и политически, и организационно. Надо немедленно же, не теряя ни одного часу, дать им революционную программу действий и организационную форму Советов. Никаких других путей нет. Откладывать создание революционной власти до тех пор, пока кто-то

и как-то устранил военные опасности, -- значило бы идти вернейшим и кратчайшим путем к гибели.

В отношении аграрного движения тов. Чэнь Дусю честнопризнает полную недостаточность аграрной программы пар-тии (снижение вредной платы). "Крестьянское движение, --говорит он, -- превращается в борьбу за землю. Крестьянствостихийно поднимается и хочет само разрешить земельный во-прос". И далее Чэнь Дусю открыто заявляет: "Мы вели слиш-ком мирную политику. Сейчас необходимо конфисковать крупную земельную собственность..." Эти слова, если развер-нуть по-марксистски их содержание, означают жесточайшее осуждение всей предшествовавшей линии киткомпартии, а, значит, и Коминтерна в аграрном вопросе китайской рево-люции. Вместо того чтобы предвосхищать ход аграрного дви-жения, заранее заготовлять лозунги и проводить их в кресть-янскую толщу через рабочих, через революционных солдаты крестьян-передовиков, китайская компартия чудовищно от-стала от стихийного аграрного движения. Разве может быть более жестокое проявление хвостизма? "Мы вели слишком мирную политику". Но что же означает мирная политика ре-волюционной партии в эпоху стихийной аграрной револу-ции? Она означает наиболее тяжкую историческую ошибку, какую вообще может сделать партия пролетариата. Мирная политика (снижение арендной платы), когда мужик уже стихийно борется за землю, это не меньшевистски-соглашатель-ская, а либерально-соглашательская политика, вместо больше-вистской. Не понять этого может только испорченный мной государственной мудростью филистер, а никак не ре-волюционер.

Однако из своей правильной и потому убийственной ха-рактеристики отношения партии к аграрному движению тов. Чэнь Дусю делает не только ложные, но прямо-таки ги-бельные выводы. "Сейчас необходимо, -- говорит он, -- кон-фисковать крупную земельную собственность, но одновре-менно пойти на уступки мелким землевладельцам, с которыми необходимо считаться". В принципе такой постановки вопро-са отрицать нельзя. Надо лишь ясно определить, кто и в какой части Китая считается мелким землевладельцем, как и в каких пределах с ним необходимо считаться. Но вот что говорит Чэнь Дусю дальше:

"Однако и для конфискации крупной земельной собственности также необходимо выждать дальнейшего развития военных действий. Единственно правильным решением в настоящий момент является принцип углубления революции лишь после ее расширения".

Этот путь есть самый надежный, самый верный, самый близкий путь к гибели. Крестьянин уже восстал лишь для того чтобы захватить помещичью землю. Наша партия в чудовищном противоречии со своей программой и со своим именем ведет либерально-мирную политику. Чэнь Дусю сам заявляет, что "сейчас (?) необходимо конфисковать крупную земельную собственность". Но тут же вспомнив, что "нельзя впадать в левую крайность" (собственные слова Чэнь Дусю), он прибавляет, что для конфискации помещичьей земли надо "выждать дальнейшего развития военных действий", -- сначала расширить революцию, а затем уже ее углублять.

Но ведь это же слепое повторение старой, давно известной и захватанной формулы национал-либерального обмана масс: сперва победа, потом реформа. Сперва будем "расширять" землю -- для кого: для помещиков? -- а затем -- после победы -- займемся на досуге "углублением". На это каждый умный и толковый китайский мужик ответит тов. Чэнь Дусю: "Если сегодня, когда уханьское правительство находится в кольце врагов и смертельно нуждается в нашей мужицкой поддержке, оно не решается или не хочет отдать нам земли помещиков, то после того как оно вырвется из кольца, после того как оно с нашей помощью победит врагов, оно нам даст ровно столько земли, сколько Чан Кайши дал шанхайским рабочим".

Надо сказать со всей отчетливостью: аграрная формула тов. Чэнь Дусю, связанного по рукам и по ногам ложным руководством представителей Коминтерна, есть объективно не что иное, как формула отречения киткомпартии от того реального аграрного движения, которое сейчас происходит в Китае и которое несет на себе новую волну китайской революции.

Чтобы усилить и углубить эту волну, нужны крестьянские Советы с развернутым знаменем аграрной революции -- не после победы, а сейчас же, чтоб обеспечить победу.

Чтобы не дать крестьянской волне разбиться и расплыться, надо крестьянские Советы объединить через рабочие Со-

веты в городах и промышленных центрах, приобщив к рабочим депутатов городской торгово-ремесленной бедноты.

Чтобы не дать буржуазии вогнать клин между революционными массами и армией, надо включить в революционную цепь Советы солдатских депутатов.

Надо как можно скорее, смелее, решительнее углублять революцию, не после победы, а сейчас, иначе не будет победы.

Углубление аграрной революции, немедленный захват помещичьей земли крестьянами сейчас же ослабит Чан Кайши, внесет смуту в ряды его солдат и поднимет на дыбы его крестьянский тыл. Другого пути к победе нет и быть не может.

Неужели же мы совершили три революции за два десятилетия для того, чтобы забыть азбуку первой из них?! Кто ведет мирную политику в аграрной революции, тот погиб. Кто откладывает, колеблется, выжидает, упускает время -- тот погиб. Формула Чэнь Дусю есть вернейший и надежнейший путь к гибели революции.

Найдутся клеветники, которые скажут, что наши слова продиктованы враждой к китайской компартии и к ее руководителям. Ведь говорили же в свое время, что наша позиция в вопросе об Англо-русском комитете означала враждебное отношение к британской компартии. События подтвердили, что именно мы действовали в отношении британских коммунистов как верные революционные друзья, а не как бюрократические покровители. События подтвердят -- они уже подтверждают это каждый день, что наша критика китайских коммунистов

продиктована более серьезным, более марксистским, более революционным отношением к китайской революции, чем отношение бюрократических благожелателей, которые задним числом оправдывают все, чтобы не предвидеть ничего в дальнейшем.

Тот факт, что речь тов. Чэнь Дусю напечатана в "Правде" без единого слова комментария, что этой речи не посвящена статья, беспощадно вскрывающая ее гибельный курс, -- этот факт сам по себе должен каждому революционеру внушить жесточайшую тревогу. Ибо дело ведь идет о центральном органе ленинской партии!

Пусть нам не говорят успокоители и усыпители о "неизбежных ошибках молодой киткомпартии". Дело идет не об отдельных ошибках. Дело идет об ошибке ошибок. Дело идет о ложной основной линии, законченным выражением которой являются тезисы тов. Сталина.

Необходимый заключительный аккорд

В номере "Социалистического вестника" от 9 мая в передовой статье по поводу тезисов тов. Сталина говорится:

"Отвлекаясь от обязательной для оберкоммуниста словесной шелухи, вряд ли можно многое возразить против существа "линии", намеченной в тезисах. По возможности не уходить из Гоминьдана и цепляться до последней крайности за его левое крыло и уханьское правительство; "избегать решительного боя в невыгодных условиях"; не выдвигать лозунга "вся власть Советам", дабы не "дать врагам китайского народа нового оружия в руки для борьбы с революцией, для создания новых легенд о том, что в Китае происходит не национальная революция, а искусственное пересаживание московской советизации" -- что может быть в самом деле разумнее для большевиков теперь, после того как "единый фронт", по-видимому, разрушен бесповоротно, и вообще разбито столько посуды в самых "невыгодных условиях"?" (Социалистический вестник, No 9 (151), стр. 1).

Таким образом, после того как "Социалистический вестник" в номере от 23 апреля признал, что Мартынов в "Правде" "весьма вразумительно" и "совсем по-меньшевистски" анализирует задачи китайской революции, в последнем номере передовая центрального органа меньшевиков заявляет, что "вряд ли можно многое возразить против существа "линии", намеченной в тезисах" (тов. Сталина). Вряд ли это совпадение политических линий нуждается в особых пояснениях.

Мало того, та же статья "Социалистического вестника" в издевательском тоне говорит дальше -- цитируем буквально -- о "линии Радека, позволяющей, под прикрытием крайне "левых" лозунгов (уход из Гоминьдана, пропаганда "советской системы" и пр.), на деле просто "выйти из игры", отойти в сторону..." (Социалистический вестник, No 9 (151), стр. 2).

Линия Радека здесь характеризуется словами передовиц и фельетонов "Правды". Иначе, впрочем, и быть не может: ведь Радек о своей линии открыто сказать в печати не может, иначе партия узнает, что линия Радека

подтверждается всем ходом развития.

Однако редакция "Социалистического вестника" не только излагает линию Радека словами "Правды", но и оценивает ее в полном единомыслии со статьями "Правды": линия оппозиции дает, по Дану, возможность "под прикрытием крайне "левых" лозунгов на деле просто выйти из игры, отойти в сторону".

Мы уже читали в передовицах "Правды", что если принять линию оппозиции, то китайской революции надо "петь отходную", китайским коммунистам уйти "в себя", отказаться от "больших дел" и "больших планов" и что это есть "проповедь ликвидации китайской революции". Так дословно говорилось, например, в передовой статье "Правды" от 16 марта 1927 г. Это, как видим, -- слово в слово -- то самое, что говорит Дан, или, вернее, Дан слово в слово говорит об оппозиции то, что говорила "Правда" в ряде своих статей. Дан одобряет тезисы Сталина и издевается над "ликвидатором" Радеком, прикрывающим свое ликвидаторство крайне левыми фразами. Теперь все ясно: ликвидаторство Радека есть то самое ликвидаторство, которое почитается за таковое известным революционером Даном. Вот чему учит передовая статья "Социалистического вестника" тех, которые способны чему-нибудь учиться.

Поистине знаменательно, что цитируемый номер "Социалистического вестника" получен в Москве накануне открытия заседания Исполкома Коминтерна¹⁵⁵, которому предстоит обсуждать в полном объеме проблему китайской революции.

Л. Троцкий 17 мая 1927 г.

ВЕРНЫЙ ПУТЬ¹⁵⁶

Шанхайский корреспондент "Дейли экспресс" сообщает: "Крестьяне провинции Хэнань захватывают землю и казнят наиболее упорно сопротивляющихся помещиков. Всюду контроль находится в руках коммунистов. На местах создаются Советы рабочих, которым принадлежит административная власть" (Правда, 11 мая 1927 г.). Мы не знаем, насколько верна телеграмма, рисующая обстановку в столь отчетливых чертах. У нас нет никаких других сведений, кроме этой телеграммы. Каковы действительные размеры движения? Не преувеличено ли оно сознательно, с целью воздействия на воображение

м-ра Макдональда, Томаса, Персея и Хикса, с намерением сделать их более податливыми по отношению к политике Чемберлена? Мы этого не знаем. Но это не имеет в данном случае решающего значения.

Крестьяне захватывают землю и истребляют наиболее контрреволюционных помещиков. На местах создаются Советы рабочих, которым принадлежит административная власть. Вот что сообщает корреспондент реакционной газеты. Редакция "Правды" сочла это сообщение достаточно важным, чтобы включить его в заглавный перечень важнейших мировых сообщений дня. И мы думаем, что это правильно.

Было бы, конечно, преждевременно утверждать, что китайская революция

уже вступила, после апрельского переворота буржуазной контрреволюции, в новую, более высокую стадию. После большого поражения нередко бывает, что часть наступающей массы, не подвергшаяся непосредственным ударам, перехлестывает в следующую стадию движения, временно обгоняя головные отряды, наиболее жестоко пострадавшие от поражения. Если бы мы имели перед собою явление такого порядка, хэнаньские Советы сошли бы скоро на нет, временно снесенные общим революционным отливом.

Но нет решительно никаких оснований утверждать, что мы имеем перед собою лишь острые арьергардные стычки революции, отступающей на долгий период. Несмотря на то, что апрельское поражение было не частичным "эпизодом", а весьма значительным этапом в развитии контрреволюции; несмотря на жестокое кровопускание, учиненное передовым отрядам рабочего класса, нет решительно никакого основания утверждать, что китайская революция отбита на годы. Аграрное движение, как более распыленное, менее доступно непосредственному воздействию палачей контрреволюции. Не исключена возможность того, что дальнейший рост аграрного движения даст возможность пролетариату, уже в сравнительно близком будущем, выпрямить спину и снова перейти в наступление. Точные предсказания на этот счет, разумеется, невозможны, тем более издалека. Китайской компартии придется внимательно следить за реальным развитием событий и классовых группировок, чтобы уловить момент новой наступательной волны.

Возможность нового наступления будет зависеть, однако, не только от развития аграрного движения, но и от того, в какую сторону склонятся в ближайший период широкие мелкобуржуазные массы городов. Переворот Чан Кайши означает не только (может быть даже не столько) укрепление власти китайской буржуазии, но и восстановление и укрепление позиции иностранного капитала в Китае, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсюда вероятность, скорее даже неизбежность -- при том в довольно близком будущем -- поворота мелкобуржуазных масс против Чан Кайши. Мелкая буржуазия, жестоко страдающая не только от иностранного капитала, но и от союза с ним национально-китайской буржуазии, не может -- после тех или других колебаний -- не повернуться против буржуазной контрреволюции. В этом состоит одно из важнейших для нас проявлений классовой механики в национально-демократической революции.

Наконец, молодой китайский пролетариат всеми условиями своего существования до такой степени привык к лишениям, жертвам, в такой мере "приучен" вместе со всем вообще угнетенным китайским людом смотреть смерти в глаза, что от китайских рабочих, по-настоящему пробужденных революцией, можно ожидать совершенно исключительного самоотвержения в борьбе.

Все это дает право рассчитывать на то, что новая волна китайской революции будет отделена от той волны, которая закончилась апрельским разгромом пролетариата, не долгими годами, а короткими месяцами. Сроков и на

этот раз никому, разумеется, знать не дано. Но мы были бы никуда не годными революционерами, если бы не держали курса на новый подъем, вырабатывая для него программу действия, политический путь и организационные формы.

Апрельское поражение не было "эпизодом". Это было тяжелое классовое поражение, от анализа причин которого мы здесь отказываемся. Мы хотим в этой статье говорить о завтрашнем дне, а не о вчерашнем. Тяжесть апрельского поражения не в том только, что пролетарским центрам был нанесен кровавый удар. Тяжесть поражения в том, что рабочих громили те, которые их до того момента возглавляли. Такой резкий поворот не может не вызвать, наряду с физическим расстройством, и политического замешательства в рядах пролетариата. Преодолеть это замешательство, более опасное для революции, чем самый разгром, можно только ясной, отчетливой революционной линией на завтрашний день.

В этом смысле телеграмма китайского корреспондента реакционной английской газеты имеет исключительное значение. В ней показано, по каким путям может пойти в Китае революция, если ей дано будет в ближайший период подняться на более высокую ступень.

Мы сказали выше, что мужицкая расправа над хэнаньскими помещиками, как и создание рабочих Советов, могут, рассуждая издалека, оказаться и заключительным взлетом последней волны и началом новой. Само это противопоставление двух волн может потерять значение, если промежуток между ними окажется длиной в несколько недель или даже в несколько месяцев. Но как бы ни обстояло дело на этот счет (а тут возможны только гадания, особенно издалека), симптоматическое значение хэнаньских событий совершенно ясно и неоспоримо -- независимо от их объема и размаха. Хэнаньские крестьяне и рабочие показывают, по какому пути может пойти их движение после того, как разорвались тяжелые цепи блока их с буржуазией и помещиками. Было бы презренным филистерством думать, что аграрный или рабочий вопрос могут разрешаться в процессе этой гигантской по своим задачам и вовлекаемым массам революции путем верхушечных декретов и арбитражных комиссий. Рабочий хочет сам ломать позвоночник реакционной бюрократии и приучать фабриканта уважать пролетария, его личность и права. Крестьянин хочет сам разрубать узлы кабально-ростовщической зависимости. Империализм, насильственно задерживающий экономическое развитие Китая своей таможенной, финансовой и военной политикой, обрекает рабочих на нищету, крестьян -- на жесточайшую кабалу. Борьба с помещиком, борьба с ростовщиком, борьба с капиталистом за лучшие условия труда тем самым поднимается до борьбы за национальную независимость Китая, за освобождение его производительных сил от пут и цепей иностранного империализма. Это главный и могущественный враг. Он могуществен не столько своими военными кораблями, сколько прямой и неразрывной связью с ним банковских, ростовщических, бюрократических и военных верхов китайской буржуазии и более косвенной, но не ме-

нее глубокой связью с ним крупной торгово-промышленной буржуазии. Все факты свидетельствуют, что гнет империализма ни в каком случае не является внешним механическим гнетом, спланивающим все классы воедино. Нет, это глубочайший фактор внутреннего действия, обостряющий классовую борьбу. Торгово-промышленная китайская буржуазия, при всякой серьезной стычке с пролетариатом, чувствует за своей спиной дополнительную силу иностранного капитала и иностранных штыков. Хозяева этих капиталов и штыков играют роль опытных, умелых подстрекателей, которые включают в свои расчеты кровь китайских рабочих так же, как сырой каучук и опиум. Чтобы вытеснить иностранный империализм, чтобы победить этого врага, нужно сделать для него невозможной "мирную", "нормальную" палачески-грабительскую работу в Китае. Этого, конечно, нельзя достигнуть путем компромисса буржуазии с иностранным империализмом. Такой компромисс может увеличить на несколько процентов долю китайской буржуазии в продуктах труда китайских рабочих и крестьян. Но он будет означать дальнейшее, более глубокое проникновение иностранного империализма в экономическую и политическую жизнь Китая, дальнейшее, более глубокое закабаление китайских рабочих и крестьян. Победа над иностранным империализмом может быть одержана лишь таким путем, что этот последний будет извергнут из Китая трудящимися города и деревни. Для этого должны по-настоящему подняться многомиллионные массы. Они могут подняться не под голым лозунгом национального освобождения [или трех принципов Сунь Ятсена (национализм, демократизм, социализм)], а в непосредственной борьбе с помещиком, военным сатрапом, ростовщиком, капиталистическим хищником. В этой борьбе уже поднимаются, закаляются, вооружаются массы. Другого пути революционного воспитания нет. Крупно-буржуазное руководство Гоминьдана (шайка Чан Кайши) всеми мерами и средствами противодействовало этому пути -- сперва изнутри, путем декретов и запретов, а когда "дисциплины" Гоминьдана оказалось недостаточно -- при помощи пулеметов. Мелкобуржуазное руководство Гоминьдана колеблется, опасаясь слишком бурного развития массового движения. Всем прошлым своим мелкобуржуазные радикалы привыкли больше смотреть вверх, на комбинации разных "на-

циональных" групп, чем вниз, на подлинную борьбу миллионов. Но если колебания и нерешительность во всех делах опасны, то в революции они губительны. Хэнаньские рабочие и крестьяне указывают выход из колебаний и тем самым -- путь спасения революции.

Незачем разьяснять, что только этот путь, т. е. массовый захват, большой социальный радикализм программы, отчетливое знамя рабоче-крестьянских Советов могут серьезно оградить революцию от военного разгрома извне. Мы это знаем по собственному опыту. Только такая революция, на знамени которой трудящиеся и угнетенные отчетливо пишут свои собственные требования, способна захватывать за живое солдат капитализма. Мы это испытали и проверили в водах Архангельска, Одессы и в других местах. Соглашательски предательское руководство не оградило Нанкин от разгрома и открыло доступ в Янцзы неприятельским кораблям. Революционное руководство

при мощном социальном размахе движения может привести к тому, что воды Янцзы окажутся слишком горячими для кораблей Георга, Чемберлена и Макдональда. Во всяком случае только на этом пути революция может искать себе защиты и найти ее.

Мы дважды повторяли и выше, что аграрное движение и создание Советов могут означать завершение вчерашнего дня и начало завтрашнего. Но это зависит не только от объективных условий. Огромное, может быть, решающее значение имеет в данных условиях субъективный фактор: правильная постановка задач, твердое и отчетливое руководство. Если движение, подобное тому, что началось в Хэнани, окажется предоставленным самому себе, оно будет неизбежно раздавлено. Уверенность поднимающихся масс удесятерится, как только они почувствуют твердое руководство и связь между собой. Ясное, политически обобщающее, организационно связующее руководство одно только и способно в большей или меньшей степени предотвратить движение от неосторожных и преждевременных скачков в сторону и от так называемых "эксцессов", без которых, однако, как учит опыт истории, не обходится никакое подлинно революционное движение миллионов. Задача состоит в том, чтобы дать аграрному движению и рабочим Советам ясную программу практических действий, внутреннюю связь и обобщающую политическую

цель. Только на этой основе может сложиться и развернуться действительно революционное сотрудничество пролетариата с мелкой буржуазией, действительно боевая связь коммунистической партии с левым Гоминьданом. Кадровые элементы последнего по-настоящему только и могут складываться и закаляться в такой связи с революционной борьбой крестьянской и городской бедноты. Аграрное движение, руководимое крестьянскими и рабочими Советами, ставит левых гоминьда-новцев перед необходимостью окончательно сделать выбор между чанкайшистским лагерем буржуазии и лагерем рабочих и крестьян. Поставить основные вопросы ребром -- это в настоящих условиях единственное средство положить предел колебаниям мелкобуржуазных радикалов и заставить их встать на путь, который один только ведет к победе. Сделать это может только наша китайская партия при поддержке всего Коммунистического Интернационала.

Л. Троцкий 11 мая 1927 г.

РЕЧЬ О КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹⁵⁷

По вопросу о китайской революции вам были розданы тезисы т. Зиновьева, оставшиеся неизвестными русской партии. Зиновьева вы лишили возможности защищать эти тезисы здесь, хотя он имеет для этого все политические и формальные права. Я защищаю эти тезисы здесь, как наши общие.

Первое правило политического воспитания массовой партии: она должна знать не только то, что ЦК принимает, но и то, что он отвергает, ибо только из сопоставлений одного и другого полно и отчетливо вырисовывается линия руководства. В прошлом так было всегда. Отказ показать партии тезисы т.

Зиновьева и мои означает идейную слабость, неуверенность в себе, боязнь того, что тезисы оппозиции покажутся партии более убедительными, чем тезисы большинства. Никаких других мотивов сокрытия нет и быть не может.

Мои попытки опубликовать критику тезисов Сталина в партийной печати разбились о прямое запрещение со стороны Центрального Комитета, против которого моя критика направлялась. Точно так же ЦК запретил опубликование других статей о китайской революции Зиновьева и моих.

Вчера раздали постановление редакционной комиссии, подписанное т. Курелла¹⁵⁸. Оно касается информации о наших работах. Куда оно целит, еще не ясно. Тем временем наш пленум заседает в условиях странного молчания печати. Пленуму была посвящена только одна статья в "Правде", которая заключала в себе фразу исключительной наглости: "Преступник тот, кто задумал бы теперь расшатывать единство коминтер-новских рядов..." и пр., и пр. Всякий знает, что это означает на языке "Правды". Прежде, чем были объявлены проекты резолюций, "Правда" объявляла преступником всякого, кто с ними будет не согласен. Можете себе представить, как "Правда" будет информировать партию о том, что здесь происходит. Тем временем здесь, в Москве, каждое выражение мнения в духе оппозиции, устно или письменно, об основных вопросах китайской революции считается партийным преступлением. В корне ложные тезисы Сталина объявлены фактически неприкосновенными. Более того, даже теперь, в дни заседаний Исполкома, исключаются попросту из партии или ставятся под угрозу исключения те товарищи, которые протестуют на заседаниях своих ячеек по поводу травли против Зиновьева. В этой атмосфере, товарищи, вы заседаете и решаете. Выход один. Исполком должен обязать все партии, в том числе и ВКП, полностью и добросовестно опубликовать протоколы работ Исполкома с приложением всех рассматривавшихся Исполкомом документов. Нельзя вопросы китайской революции загнать в бутылку и запечатать. Этого не выдержит никакая бутылка.

Товарищи! Самая опасная из всех опасностей -- это все обостряющийся партийный режим. Каждая ошибка руководства "исправляется" при помощи мероприятий против оппозиции. В первый же день, когда в Москве была получена телеграмма о государственном перевороте Чан Кайши, мы говорили друг другу: оппозиции придется за это тяжело заплатить -- особенно за то, что с ее стороны за последнее время не было недостатка в предупреждениях.

Всегда имеется в руководящей группе возможность построить новое "дело" -- Зиновьева, Каменева¹⁵⁹, Троцкого, Пятакова¹⁶⁰, Смилги¹⁶¹ и т. д. без конца, и таким путем отвлечь внимание партии от наиболее жгучих вопросов. Я перечислил вам часть оппозиционных дипломатов поневоле. Если хотят всерьез

вести дипломатию через посредство профессиональных союзов (объяснение Бухарина), то можно было бы для этого из одних оппозиционных дипломатов построить целый профессиональный союз. Высылки оппозиционеров, несмотря на приближение партийного съезда -- или, вернее, как раз вследствие его -- все более учащаются. Эти же методы во всех слоях партии -- на каждой фабрике, в каждом районе, в каждом городе. А при этом неизбежно всплывают наверх те элементы, которые всегда готовы заранее принимать все, что идет сверху, ибо у них самих нет ничего за душой.

Убаюкивают себя надеждой на то, что после того, как "справятся" с Троцким или Зиновьевым, все придет в норму. Ни в коем случае -- ибо этот режим имеет свою внутреннюю логику -- ряд только открыт, а не закончен. На этом пути возможны лишь новые затруднения и новые потрясения. Этот режим тяготеет также и над Интернационалом. Никто не смеет сказать ни слова критики, -- под тем ложным предлогом, чтобы не причинить какого-нибудь вреда Советскому Союзу. Но именно таким образом причиняют нам наибольший вред. Наша внутренняя политика требует постоянной революционной международной критики, ибо фальшивые тенденции политики, проявившиеся во всех вопросах, являются только продолжением неправильных тенденций во внутренней политике.

Я обращаюсь теперь к проекту резолюции т. Бухарина. Сперва несколько слов о вопросе, касающемся уже обсужденного пункта. Послушайте, товарищи, что говорит резолюция:

"Коминтерн полагает, что партия и другие организации, называющие себя рабочими и не ведущие самой решительной борьбы против интервенции в Китае, усыпляющие бдительность рабочего класса, пропагандирующие пассивность в этом вопросе, объективно (а иногда и субъективно) помогают империалистам... в его подготовке войны против СССР и подготовке мировых войн вообще".

Это звучит, как честные слова. Но честными они станут лишь в том случае, если их применить к Англо-русскому комитету. Ибо: разве он ведет "самую решительную борьбу против интервенции в Китае"? Нет. Не усыпляет ли он "бдительность рабочего класса"? Да. Не пропагандирует ли он пассивную политику в этом вопросе? Без сомнения. Не помогает ли он этим

объективно (а в своей английской части и субъективно) империалистам Англии в их работе по подготовке войны? Само собою разумеется и без всякого сомнения. Сравните же с этим то, что здесь говорил об Англо-русском комитете вчера Куусинен¹⁶², который декламировал перед нами на языке куусинизи-рованного перселизма. Откуда же это двуязычие? Философия таможенной бандероли была бы куда более прилична в провинциальной таможене пограничного городка, чем на трибуне Коммунистического Интернационала. С веником в руках надо, как можно скорее, вымести эту фальшивую и недостойную философию.

Послушаем резолюцию Бухарина дальше: ИККИ устанавливает -- это стало ритуалом -- что события "подтвердили" предвидение:

"ИККИ особенно констатирует, что ход событий полностью подтвердил прогноз Седьмого расширенного пленума относительно неизбежности отхода

буржуазии от национально-революционного единого фронта и ее перехода на сторону контрреволюции".

Шанхайские и ханькоуские рабочие будут, вероятно, очень удивлены, когда прочитают, что апрельские события совершились в соответствии с тем историческим маршрутом, какой Бухарин намечал для китайской революции. Можно ли вообще придумать более злую карикатуру на марксизм и более смехотворное педанство? Авангард китайского пролетариата разгромлен теми элементами национальной буржуазии, которые входили в общую с ним партию Гоминьдан, которые руководили Гоминьданом, подчиняя себе во всех основных вопросах коммунистическую партию. После контрреволюционного переворота, который для китайских рабочих и подавляющего большинства рабочих всего мира явился, как удар грома из ясного неба, резолюция заявляет: все сие произошло по самым лучшим правилам бухаринского предвидения. Это звучит поистине, как неуместный анекдот!

Что здесь понимается под предвидением? Голая фраза насчет того, что буржуазия на известном этапе буржуазной революции должна отойти от народных масс. Патетически называть эту банальность предвидением значит опознать марксизм. Это общее место не отделяет большевизм от меньшевизма, а, наоборот, соединяет их. Спросите Каутского, Отто Бауэ-

ра163 и даже Дана, и они скажут вам: блок пролетариата с буржуазией в национальной революции не может быть вечным. Дан рассказывал это недавно в своем пошлом журнальчике.

Но вся суть в следующем: сказать, что буржуазия неизбежно должна отойти от национальной революции, -- это одно; а сказать, что буржуазия неизбежно должна овладеть руководством пролетариата, обмануть пролетариат и затем разоружить, разгромить и обескровить его, -- это совсем другое. Вся философия буржуазной революции основана на отождествлении этих двух прогнозов. Но это и значит признавать, что большевистский и меньшевистский прогнозы в отношении буржуазной революции тождественны.

Послушаем, что на эту тему говорил Ленин:

"Обещаниями "кормили" народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во всех буржуазных революциях. Наша революция буржуазная -- поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию, -- говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция буржуазная, -- говорим мы, марксисты, -- поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение" (том XIV, ч. 1, стр. 11).

Большевистская политика -- не фаталистическая, а действенная -- в предвидении неизбежности отхода буржуазии, стремится как можно раньше создать самостоятельную организацию пролетариата, как можно глубже пропитывать пролетариат недоверием к буржуазии, как можно шире развертывать

стачечную борьбу против буржуазии, как можно раньше и шире организовывать и вооружать рабочих, как можно смелее поднимать крестьянские массы.

Меньшевицкая политика -- в предвидении неизбежного отхода буржуазии -- старается как можно больше отдалить этот момент, поступаясь самостоятельностью политики и организации пролетариата, стараясь изо всех сил внушить рабочим доверие к прогрессивной роли буржуазии и пониманию необходимости приспособлять свою политику к ее интересам. Чтобы поддержать союз с Перселем, великим штрейкбрехером, надо обелять Перселя, надо разглагольствовать о сердечных отношениях и политическом единодушии с ним.

Чтобы поддерживать так называемый блок с китайской буржуазией, нужно снова и снова обелять буржуазию и таким путем облегчать буржуазным политикам обман масс.

Момент отхода буржуазии благодаря этому может быть отдален. Этой отсрочкой пользуется, однако, именно буржуазия против пролетариата: она -- благодаря своим великим социальным преимуществам -- овладевает руководством движения, она создает свои вооруженные отряды, она препятствует вооружению пролетариата, как политическому, так и военному, и, получив перевес с помощью соглашателей, она при первом серьезном движении пролетариата подвергает его кровавому разгрому. Это совсем не одно и то же, товарищи, отброшена буржуазия в сторону или же, наоборот, ей удается отбросить в сторону пролетарский авангард. Это и есть два пути революции. По какому из этих путей шла революция до переворота? По классическому пути всех прежних буржуазных революций, о которых Ленин сказал: "Обещаниями буржуазные политики во всех прошлых буржуазных революциях кормили и обманывали народ".

Какому же из этих двух путей помогала политика китком-партии под руководством Коминтерна? Только так и можно ставить вопрос. И ответ, который мы, оппозиция, даем, гласит: политика Коминтерна, в силу ложной установки, содействовала тому, что неизбежный отход буржуазии от революции произошел при условиях, ослабивших пролетариат и укрепивших буржуазию.

Ложная установка руководства затруднила или облегчила китайской буржуазии этот классический путь буржуазных революций? Облегчила, и притом в высшей степени. Для того, чтобы отход буржуазии не превратился в разгром пролетариата, необходимо было с самого начала отвергнуть презренную теорию блока четырех классов как подлинное теоретическое и политическое предательство китайской революции. Сделано ли было это? Нет, наоборот.

У меня не хватает времени, чтобы дать историческое изображение развития революции и развития разногласий. Бухарин имел для этого полную возможность и он дал изображение столь же обширное, сколь и фальшивое. В теоретическом журнале партии или Интернационала я полностью готов предпринять эту ретроспективную оценку. К сожалению, Бу-

харин ставит такого рода вопросы лишь там и тогда, где и когда его

противник не имеет никакой возможности ответить ему как следует быть, с фактами и цифрами в руках.

Если у меня будет еще время, то я прочитаю вот это письмо т. Радека Центральному Комитету. Будучи повторением его письма, написанного в июле 1926 года, это письмо, написанное в сентябре прошлого года, посвящено разделяющим нас ныне важнейшим вопросам китайской революции.

На сегодняшний день с нас достаточно следующего:

16 марта, немногим меньше месяца до переворота ЧанКайши, в "Правде" была напечатана передовая статья, обвинявшая оппозицию в том, что, по мнению оппозиции, во главе Гоминьдана и национального правительства стоит буржуазия, подготавливающая предательство. Вместо того, чтобы разъяснять эту истину китайским рабочим, "Правда" утверждала, что Чан Кайши подчинился дисциплине Гоминьдана. Как будто противоречи/я/ класс/ов/, особенно при лихорадочном темпе революции, можно подчинить надклассовой политической дисциплине! В скобках заметим: если оппозиция действительно ничего не возражала против официальной линии, то почему же все речи и статьи Бухарина и других в течение последнего года были полны обвинений против оппозиции, как раз по самым жгучим вопросам китайской революции?

5 апреля, т. е. за неделю до переворота Чан Кайши, Ста-лин на московском активе с негодованием отвергал преду-преждения Радека, заявляя, что Чан Кайши подчиняется дисциплине, что места для опасений не может быть, ибо Бородин бодрствует, что мы используем китайскую буржу-азию и затем выбросим ее, как выжатый лимон. Вся речь Ста-лина означала успокоение, угашение тревоги, усыпление на-шей партии и китайской. Тысячи товарищей слышали эту речь. Это было 5 апреля. Поистине, с прогнозом дело обстоит так великолепно, как это хотел бы изобразить т. Бухарин. Стенограмма этой речи Сталина тщательно спрятана от пар-тии, ибо через несколько дней "выжатый лимон" овладел вла-стью и армией. Как член Центрального Комитета, я имел пол-ное право получить эту стенограмму. Несмотря на все свои усилия и требования, я ее не получил. Попробуйте получить ее вы, товарищи. Может быть, вы будете счастливее. Я, одна-ко, в этом весьма сомневаюсь. Эта скрытая стенограмма одна,

без всяких других доказательств, способна вскрыть всю ошибочность руководящей линии и всю неуместность утверждений первых строк резолюции о том, что события в Шанхае и Кантоне подтвердили ту линию, которую Сталин за неделю перед тем защищал в Москве.

3) 17 марта получилось из Китая письмо трех членов нашей партии (Назонов, Фокин, Альбрехт), которые были посланы в Китай Центральным Комитетом для проведения его линии. Этот документ дает фактическое изображение того, как линия Коминтерна выглядит на деле. Бородин, по словам документа, действовал то как правый гоминьдановец, то как левый, но никогда -- как коммунист. Точно так же действовали и другие представители Коминтерна. Они препятствовали самостоятельной политике пролетариата, его самостоятельной организации и особенно -- его вооружению. Они считали своей

священной обязанностью сводить вооружение к минимальному минимуму -- не то, упаси, боже! -- с оружием в руках пролетариат может испугать призрак реюющей над всеми классами национальной революции. Потребуйте этот документ, прочитайте его, изучите его -- иначе вы будете голосовать вслепую.

Я могу привести вам еще дюжину статей, речей и документов такого же рода, за период последних полутора -- двух лет. Я готов в любой момент сделать это письменно, с полной точностью, с указанием чисел и страниц. Но и сказанного уже совершенно достаточно для того, чтобы доказать, до какой степени фальшиво утверждение, будто события подтвердили старый прогноз.

Прочитаем резолюцию далее: "ИККИ того мнения, что тактика блока с национальной буржуазией была для уже истекшего периода революции совершенно правильна".

Более того. Бухарин утверждает и сегодня, что знаменитая формула Мартынова о том, что национальное правительство является правительством блока четырех классов, имеет в себе только тот недостаток, что Мартынов забыл упомянуть, что во главе этого блока стоит буржуазия. Совершеннейший пустячок! К сожалению, произведение мартыновского искусства имеет еще кое-какие и другие недостаточки. Ведь Мартынов заявил в своей статье в "Правде" совершенно открыто и отчетливо, что национальное чанкайшистское правительство было не буржуазным правительством (не буржуазным!),

но (но!) правительством блока четырех классов. Так значится в его священном писании.

(Возглас: А Радек?)

Радек писал в 1925 году на основании ложных и оптимистических официальных сведений.

(Возглас: В 1927 году!)

В 1927? Сомневаюсь. Он писал о крестьянском и рабочем правительстве на основании сведений, которые были совершенно фальшивы и оптимистичны. (Смех.) Да, товарищи, если вы думаете, что можно было отсюда сразу определить характер кантонского правительства... (Петров: говорит по-русски.) Товарищ спрашивает, на основании каких докладов я теперь говорю. Да вот, например, помимо прочего, на основании доклада трех товарищей, которых я назвал (На-зонова, Фокина и Альбрехта). Раздайте-ка здесь этот документ. Вручите его всем членам Исполкома. Ведь документ имеется у вас... Но сегодня Бухарин подтверждает правильность утверждения Мартынова, что национальное правительство являлось не буржуазным, а правительством блока четырех классов. Тут дело идет уже не об информации из Китая, а о самых основах марксизма. Бухарин прямо признает, что понятие правительства блока четырех классов правильно. Нужно было только прибавить, что во главе блока стоит буржуазия. А ведь Мартынов прямо-таки противопоставлял друг другу эти два понятия: буржуазное правительство и правительство блока четырех классов. Несомненно, что старая оценка Радеком кантонского правительства, как

правительства рабочих и крестьян, оказалась совершенно неверной.

(Бухарин: Разве это мелочь?)

Нет, это ни в каком случае не мелочь. Но на первых порах, при недостатке сведений, можно было в Москве ошибиться относительно того, что происходит в Китае. Совсем иное дело -- подтверждать антимарксистское, вульгарно-демократическое или либеральное понимание надклассового правительства.

(Бухарин: А зиновьевское всенациональное объединение?)

Я вполне готов везде, где я смогу вам отвечать, поднять любой вопрос и любой спор с вами. Вы же сильны только тогда, когда можете заткнуть противнику глотку.

(Бухарин: Вы можете целые часы говорить здесь ваши бесстыдные речи.)

Но я знаю очень хорошо, что стыдливый Бухарин не дает мне в "Правде" возможности опровергнуть его грубые искажения и извращения.

(Бухарин: Наш ЦК не дает вам возможности, а во время разрыва отношений с Англией 164 ваши речи действовали бы преступно.)

(Одобрение.)

Если Бухарин думает, что разрыв отношений с Англией, представляющий, разумеется, опасность и, как я думаю, вызывающий у всех одинаковое стремление к отпору, что этот разрыв может покрыть грубейший антимарксистский, антибольшевистский уклон "Правды", то он ошибается. Рукой Чемберлена вы этих ошибок не прикроете.

(Возглас Гейнца Неймана 165: Но вашей рукой Чемберлен будет пользоваться.)

Я надеюсь, когда дело дойдет до подлинной борьбы, те, которые здесь громче всего кричат против оппозиции, будут также решительнее всего сражаться.

Но вернемся к законченной формуле Мартынова. Что это значит вообще -- блок четырех классов? Встречали ли вы вообще ранее это выражение в марксистской литературе? Я -- никогда. Когда буржуазия под своим буржуазным знаменем ведет угнетенные народные массы и при их помощи овладевает государственной властью, то ведь это не блок, а политическая эксплуатация угнетенных классов буржуазией. Но ведь национальная революция прогрессивна? -- скажете вы. Бесспорно. Капиталистическое развитие в отсталых странах также прогрессивно. Однако его прогрессивный характер определяется не экономической кооперацией классов, а экономической эксплуатацией пролетариата и крестьянства буржуазией. Кто говорит не о классовой борьбе, а о классовой кооперации для того, чтобы подчеркнуть прогрессивный характер капитализма, тот не марксист, а пророк социальной гармонии. Кто говорит о блоке четырех классов, чтобы подчеркнуть "прогрессивный" характер политической эксплуатации пролетариата и крестьянства буржуазией, тот не имеет ничего общего с марксизмом. Ибо в такого рода идеалистическом

приукрашивании и состоит политическая функция оппортунистов, соглашателей, провозвестников классовой гармонии.

Вопрос о Гоминьдане стоит с этим в теснейшей связи. Что Бухарин по этому поводу наговорил, это поистине политическое знахарство. Гоминьдан, видите ли, есть нечто столь своеобразное, нечто небывалое, нечто такое, что характеризуется только голубым флагом и голубым туманом. Не мудрено, если простой смертный не понимает этого своеобразия, ибо оно, по Бухарину, слишком своеобразно для понимания. Что, однако, сам Бухарин понимает под этим, этого из его слов, во всяком случае, никак не поймешь. Гоминьдан есть партия, и может быть понят как партия революционной эпохи. Эта партия воплощала в последний период не блок четырех классов, а руководящую роль буржуазии над мелкобуржуазными массами и над пролетариатом, в том числе и над коммунистической партией.

Недопустимо так злоупотреблять словом "блок", особенно в настоящем случае, где это полностью идет на пользу буржуазии. Политически говоря, блок есть выражение союза "равноправных" сторон, которые улаиваются относительно тех или других совместных действий. В Китае, однако, об этом до сих пор не было и речи. Коммунистическая партия была подчиненной составной частью другой партии, во главе которой стояла национальная либеральная буржуазия. В мае прошлого года компартия обязалась не критиковать учения Сунь Ятсена, т. е. мелкобуржуазной доктрины, которая направляется не только против империализма, но также и против пролетарской классовой борьбы.

Этот "своеобразный" Гоминьдан усвоил себе учение об единственности партии, проводящей диктатуру, и из этого делает вывод по отношению коммунистов: "заткните глотку" -- ибо-де в России также существует только одна партия во главе революции.

У нас диктатура в партии (теоретически совершенно ложно оспариваемая Сталиным) есть выражение социалистической диктатуры пролетариата. В Китае же мы имеем буржуазную революцию, и диктатура Гоминьдана направляется не только против империалистов и милитаристов, но и против пролетарской классовой борьбы. Таким путем буржуазия при поддержке мелкобуржуазных радикалов тормозит движение про-

летариата и восстание крестьянства, усиливается за счет народных масс и за счет революции. Мы терпели это, мы облегчали ей такой образ действий. Мы хотим его и сейчас санкционировать, ибо мы разглагольствуем о "своеобразности" Гоминьдана, вместо того, чтобы показать пролетариату, какие враждебные классовые маневры скрывались и скрываются за этим "своеобразием".

Диктатура партии характеризует нашу социалистическую революцию. В буржуазных революциях пролетариат должен себе прежде всего обеспечить независимость своей собственной партии -- любой ценой и во что бы то ни стало. Компартия Китая была в истекший период связанной партией. У нее не было даже собственной газеты. Вы можете понять, что это значит, особенно во время революции. Почему же она не имела и не имеет еще сегодня своей собственной газеты? Потому что этого не хочет Гоминьдан. Можем ли мы терпеть

что-либо подобное? Это значит политически разоружать пролетариат.

-- Значит, выход из Гоминьдана? -- кричит Бухарин. -- Почему? Значит, вы хотите этим сказать, что компартия как партия не может существовать внутри "революционного" Гоминьдана?

Я могу согласиться на пребывание внутри революционного Гоминьдана только при условии полной политической и организационной самостоятельности компартии -- с обеспеченным общим полем действий Гоминьдана и компартии. Политические условия такого рода сотрудничества сформулированы в тезисах Зиновьева, а также в моих тезисах (пар. 39) с полной точностью в пунктах "а", "б", "в", "г", "д", "е", "ж", "з" 166. Это условия пребывания в левом Гоминьдане. Если Бухарин стоит за безусловное пребывание в нем, при всяких обстоятельствах и всякой ценой -- то нам с ним не по пути.

(Возглас Реммеле 167: Что сказано на этот счет в резолюции?)

Сохранение определенной формы блока во что бы то ни стало приводит к необходимости становиться перед партнером на колени. На этот счет нам дает достаточный урок берлинская конференция Англо-русского комитета.

Компартия должна прежде всего любой ценой создать свою собственную независимую ежедневную печать. Таким путем она только начнет по-настоящему жить и действовать в качестве политической партии.

Прочитаем дальше.

"Коренной ошибкой считает ИККИ ликвидаторский (вот, вот!) взгляд, будто кризис китайской революции означает длительное поражение".

На этот счет мы в наших тезисах высказались с полной ясностью. Что поражение велико, я считаю само собою разумеющимся. Стремиться уменьшить поражение значило бы тормозить воспитание китайской партии. Будет ли поражение действовать долго или нет, на этот счет дать точное предсказание сегодня никто не в состоянии. В наших тезисах мы исходим во всяком случае из возможно быстрого преодоления поражения пролетариата. Но предпосылкой для этого является правильная политика с нашей стороны. Та политика, которую т. Чэнь Дусю (вождь партии) формулировал в своей речи на последнем партийном съезде китайской компартии (речь эта недавно была напечатана в "Правде"), в корне ложна в двух, наиболее важных вопросах: о революционном правительстве и об аграрной революции. Если мы не исправим в этих двух решающих вопросах политику киткомпартии (и нашей собственной) со всей энергией, то поражение неизбежно углубится и будет долго тяготеть над рабочими массами Китая. Самое необходимое на этот счет сказано в приложении к моим тезисам по поводу речи т. Чэнь Дусю. Я должен очень ограничиваться и отсылаю поэтому к тезисам и остальным документам. Я не могу, естественно, опровергать здесь легкомысленные, или, вернее, бессмысленные утверждения насчет того, что я хотел отдавать железную дорогу 168, ибо Бухарин, как и я, не имеем по этому поводу никаких документов, так как вопрос бегло обсуждался на одном из заседаний Политбюро.

(Бухарин: Это бесстыдно отрицать.)

Если мне дадут три минуты, то я опровергну стыдливого Бухарина, потому что его утверждение есть ложь. Единственное предложение, которое я сделал после слов т. Рудзутака, который сказал, что железная дорога нам в тягость, что она становится временами орудием империализма -- после чего Бухарин на него напал -- единственное предложение, которое я сделал, состояло в том, чтобы возвестить с нашей стороны снова в самой решительной и торжественной форме, что мы, в полном соответствии с пекинскими решениями, передадим

эту дорогу китайскому народу на самых благоприятных условиях, как только в Китае образуется единое демократическое правительство. В Политбюро тогда сказали: нет, в настоящий момент такое заявление будет понято, как признак нашей слабости; мы сделаем такое заявление месяцем позже. Я не поднял против этого протеста. Это было мимолетное обсуждение, которое лишь позже и самым позорным образом было переделано в специальную форму, было пущено в печать, было распространено путем намеков, -- словом, было проделано все то, что за последнее время стало у нас приемом, обычаем, модой и режимом.

(Председатель: Тов. Троцкий, я должен обратить ваше внимание на то, что вам остается еще только 8 минут времени. Президиум дал Вам 45 минут, и я должен был бы просить пленум решить вопрос. РЕММЕЛЕ: Кроме того, я должен просить Президиум опротестовать известные искажения и выражения. Говорить о бесстыдном Бухарине -- это самое возмутительное, что мне до сих пор приходилось слышать).

Когда мне здесь бросают слово "бесстыдство", а я говорю о стыдливости, то протест раздается против меня. Я говорю лишь о стыдливом Бухарине, который меня обвиняет в бесстыдстве. О бесстыдстве ведь говорите вы, я говорю исключительно о стыдливости.

(Председатель: Я прошу вас настоятельно избегать таких выражений. Не думайте, что вы можете здесь выступать как вам нравится).

Склоняюсь перед объективностью председателя и беру всякие подозрения насчет стыдливости обратно.

Я не могу здесь прочитать все письмо Радека. Может быть, это удастся сделать, когда я запишусь вторично. Письмо Радека, написанное в полном согласии со мною и Зиновьевым Центральному Комитету, касается всех жгучих вопросов китайской революции, о которых мы сегодня спорили. Оно осталось со стороны Политбюро без всякого ответа.

Мне остается только обратиться к общим политическим выводам, которые вытекают из очень значительного поражения китайской революции.

Тов. Бухарин сделал попытку сослаться на то, что Чемберлен оборвал дипломатические отношения. Мы были -- об этом я уже упоминал -- в очень тяжелой обстановке, в окру-

жении врагов, когда Бухарин и другие товарищи участвовали в очень

большой партийной дискуссии, целью которой было найти выход из тяжелого положения. Революционная партия в тяжелом положении еще меньше, чем в благоприятном, может отказаться от своего права анализа обстановки, чтобы сделать для себя необходимые политические выводы. Ибо, повторяю это снова, если ложная политика в благоприятной обстановке может не быть опасной, то в тяжелой обстановке ложная линия может стать смертельной.

Велики ли наши разногласия? Очень велики, очень значительны, очень важны. Неоспоримо, кроме того, что в течение последнего года они углубились. Никто не мог бы еще год тому назад предвидеть берлинские постановления Англо-русского комитета. Никто не мог бы за год верить в возможность того, что в "Правде" будет излагаться философия блока четырех классов, что Сталин преподнесет нам накануне государственного переворота Чан Кайши свой "выжатый лимон" или что Куусинен будет с трибуны Коминтерна излагать теорию таможенной бандероли. Почему это быстрое развитие стало вообще возможно? Потому что ложная линия оказалась проверенной двумя величайшими событиями последнего года: великими стачками в Англии и китайской революцией. Революция -- хороший локомотив. В так называемое нормальное время ошибки накапливаются медленно, тогда как в столкновениях революции ложная линия терпит быстрое крушение. Но в этом покоится также и целительная сила быстрого революционного развития по отношению к ложным воззрениям, даже если эти ложные воззрения являются, на известный период, воззрениями нашей высшей инстанции между двумя мировыми конгрессами, т. е. Исполкома Коминтерна.

Здесь выступали товарищи -- подобного рода голоса мы услышим, несомненно, и в дальнейшем -- которые говорили: так как противоречия углубились, значит, этот путь необходимо ведет к двум партиям. Это я отрицаю. Мы живем в такое время, когда противоречия не окостеневают, потому что великие события учат. Большой и опасный сдвиг направо во всей линии Коминтерна несомненен. Но мы имеем, однако, достаточно доверия к силе большевистской идеи и к мощи великих событий, чтобы со всей решительностью отбросить всякое пророчество насчет раскола. У одного такие речи -- пустое пророчество, а у другого -- злобная угроза. Эту последнюю мы также отмечаем, как и первое.

Не хотят ли нас заставить думать, что вообще невозможно и недопустимо исправлять то, что ныне диктуется сверху? Нет, это не пройдет. Те, которые всерьез думают, что мировые события происходят только для того, чтобы подкреплять их фальшивые тезисы, вынуждены будут сделать поправки к своим тезисам в соответствии с фактами.

Тезисы т. Бухарина ложны самым опасным образом. Они затушевывают важнейшие пункты вопроса. Они таят в себе ту опасность, что мы не только не нагоним потерянного, но упустим снова время.

Вместо того, чтобы снова и снова поднимать вопли по поводу выхода из Гоминьдана (чего ведь не предлагают), необходимо поставить вопрос о политической самостоятельности коммунистической партии над всеми другими соображениями, в том числе и над пребыванием внутри Гоминьдана.

Собственная ежедневная печать и беспощадная критика также и по отношению к левому Гоминьдану!

Отсрочка аграрной революции до военного обеспечения территории (идея Чэнь Дусю) должна быть формально осуждена, ибо эта программа является смертельной опасностью для революции.

Отсрочка перестройки правительства до военных побед -- вторая идея Чэнь Дусю -- точно так же должна быть охарактеризована как губительная для революции. Верхушечный блок еще ни в каком случае не является революционным правительством. Делать какие бы то ни было иллюзии на этот счет значило бы обрекать революцию на гибель. Базой для революционного правительства могут стать только Советы рабочих, крестьянских, мелкобуржуазных и солдатских депутатов. Само собою разумеется, что ханькоускому правительству придется так или иначе "приспособиться" к Советам или исчезнуть.

Союз между компартией и действительно революционным Гоминьданом должен быть не только сохранен, но расширен и углублен -- на основе массовых Советов.

Кто говорит о вооружении рабочих, не разрешая в то же время рабочим строить Советы, тот говорит о вооружении не всерьез. Если революция будет дальше развиваться -- а мы

имеем все основания надеяться на это -- то тяга рабочих к образованию Советов будет становиться все сильнее. Мы должны это движение готовить, усиливать, расширять, отнюдь не задерживать и тормозить, как предлагает резолюция.

б) Нельзя вести китайскую революцию вперед, поддерживая худшие правые уклоны и позволяя под таможенной бандеролью большевизма распространять меньшевистскую контрабанду -- то, что вчера т. Куусинен делал здесь в течение целого часа, а с другой стороны -- механически подавлять подлинно революционное предупреждение.

Резолюция Бухарина ложна и опасна. Она ведет атаку налево. Китайская компартия, которая в огне революции может стать подлинно большевистской партией, не может принять эти тезисы. Наша партия и весь Коминтерн не могут признать эту резолюцию своей. Всемирно-историческая проблема должна быть открыто и честно рассмотрена всем Интернационалом. Обсуждение, которое политически может быть как угодно остро, не должно вестись в тоне ядовитой личной травли и клеветы. Все документы, речи и статьи должны быть сделаны доступными всем членам Интернационала.

Китайскую революцию никому не удастся загнать в бутылку и закрепить печатью сверху.

Л. Троцкий

Вечернее заседание Исполком Коминтерна

24 мая 1927 г.

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПО КИТАЙСКОМУ ВОПРОСУ 169

Все мы признаем, что китайская революция живет и будет жить. Значит, главный вопрос не в том, предупреждала ли оппозиция, как и когда (я утверждаю, что предупреждала и берусь это доказать); вопрос не в том, хотели Троцкий подарить Маслову Китайско-Восточную железную дорогу¹⁷⁰, -- вопрос в том, что делать дальше, чтобы вывести революцию на дорогу из той трясины, куда ее завела неправильная политика. Я хочу в нескольких словах выделить самое существо вопроса, непримиримо отделяющее нашу позицию от позиции Сталина.

Сталин здесь еще раз высказывался против рабочих и крестьянских Советов на том основании, что Гоминьдан и уханьское

правительство являются достаточным орудием для аграрной революции. Этим самым Сталин берет на себя и хочет возложить на Интернационал ответственность за политику Гоминьдана и уханьского правительства, как он брал на себя неоднократно ответственность за политику старого чанкайшистского "национального правительства" (в частности, в своей речи от 5 апреля, стенограмма которой так и осталась скрытой от Интернационала).

С этой политикой мы не имеем ничего общего. Ни тени ответственности за политику уханьского правительства и руководства Гоминьдана мы на себя не берем и решительно советуем Коминтерну эту ответственность отвергнуть. Мы прямо говорим китайским крестьянам: руководители левого Гоминьдана, вроде Ван Цзинвэя и Ко, вас неизбежно обманут, если вы будете идти за уханьской верхушкой, вместо того чтобы создавать собственные Советы. Аграрная революция -- дело серьезное. Политики вроде Ван Цзинвэя в трудных условиях десять раз объединятся с Чан Кайши против рабочих и крестьян. В этих условиях два коммуниста в буржуазном правительстве будут бессильными заложниками, если не прямой маскировкой при подготовке нового удара по трудящимся массам. Мы говорим рабочим Китая: "Крестьяне не доведут аграрной революции до конца, если ими будут руководить мелкобуржуазные радикалы, а не вы, революционные пролетарии. Поэтому стройте свои рабочие Советы, соединяйте их с Советами крестьян, вооружайтесь через Советы, привлекайте в Советы представителей солдат, расстреливайте генералов, которые не признают Советов, расстреливайте бюрократов и либеральных буржуа, которые будут организовывать восстания против Советов. Только через крестьянские и солдатские Советы вы перетянете на свою сторону большинство солдат Чан Кайши. Вы, передовые китайские пролетарии, будете изменниками вашего класса в вашей исторической миссии, если поверите, что верхушечная, мелкобуржуазная, соглашательская по духу руководства организация, насчитывающая не более 35 тысяч членов (см. доклад Тань Пиншаня) способна заменить собою многомиллионные Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Китайская буржуазно-демократическая революция пойдет вперед и победит в советской форме или не победит вовсе".

Китайским коммунистам мы скажем: программа тов. Чэнь Дусю -- отложить "реорганизацию" ханькоуского правительства и конфискацию помещичьих земель до устранения военных опасностей -- есть вернейший и кратчайший путь к гибели. Военные опасности суть классовые опасности. Справиться с ними можно только громя помещиков, громя бюрократический аппарат, уничтожая агентов империализма и Чан Кай-ши, строя Советы. В этом и состоит аграрная, народная, рабоче-крестьянская -- т. е. подлинно национальная революция (в ленинском, а не в мартиновском смысле).

Теперь по внутренним вопросам ВКП.

В такие критические моменты, как переживаемый ныне, главное правило революционной политики -- продумать вопрос до конца и до конца же высказаться, с полной ясностью, без всякой фальши, без умолчания. Вопрос идет об оппозиции ВКП и о том, что будет дальше, в связи с международными затруднениями и перспективой войны.

Было бы, конечно, нелепо думать, что оппозиция может просто отказаться от своих взглядов. Такие вопросы решаются проверкой через события. Проверка последнего полугодия, после Седьмого расширенного пленума, показала и доказала, на наш взгляд, что линия оппозиции выдержала испытание величайших событий китайской революции и дала возможность правильно предвидеть и предсказывать все этапы в вопросе об Англо-русском комитете, т. е. по существу дела в вопросе об Амстердаме, а затем и о Втором Интернационале.

Возможна ли совместная работа? Я вам перечислил наших дипломатов, назвав только виднейших. Я мог бы перечислить сотни и тысячи оппозиционных работников внутри на разных постах. Посмеет ли кто-либо сказать, что, скажем, такие оппозиционеры, как Народный комиссар почты и телеграфа, Иван Никитич Смирнов¹⁷¹, или руководитель Военно-морской рабоче-крестьянской инспекции Муралов¹⁷², Народный комиссар внутренних дел Белобородов¹⁷³ и пр. хуже выполняют свой долг, чем другие? Но вся суть в том, что партийный аппарат систематически снимает оппозиционеров с работы, начиная с квалифицированных рабочих на заводах. Их преследуют, перебрасывают, изгоняют, совершенно независимо от качества выполняемой ими работы, только и исключительно-

но за оппозиционные взгляды, отстаиваемые ими партийными средствами. Члена Центрального Комитета т. Смилгу, одного из старейших большевиков, одного из героев Октябрьской революции и гражданской войны, одного из наиболее выдающихся наших хозяйственных работников, пытаются теперь, ввиду приближающегося съезда, отправить на Дальний Восток, в Хабаровск, для плановой работы, т. е. попросту для политической изоляции. Таким же образом пытаются сейчас отделаться от т. Сафарова¹⁷⁴, у которого за плечами свыше 20 лет непрерывной партийной работы, предлагая ему уехать как можно скорее, либо в Соединенные Штаты, либо в Турцию, либо на Огненную Землю, либо на Марс, все равно, только бы уехать. Одного из старейших членов партии, коренного пролетария, Куклина¹⁷⁸, бывшего члена ЦК (из ЦК

удален за принадлежность к оппозиции) хотели во что бы то ни стало выбросить в Англию, где он будет себя чувствовать, примерно, как рыба на берегу. Все это безупречные революционеры, борцы Октябрьской революции и гражданской войны. Число примеров можно бы увеличить без конца. Этот метод пагубен. Он дезорганизует партию. Дружная практическая работа вполне возможна. Это доказано всем опытом. Обеспечить такую дружную работу в интересах рабочего государства целиком и полностью зависит от ЦК, который, однако, берет прямо противоположный курс.

Повторяю: добросовестная совместная работа возможна, несмотря на то, что разногласия за последний год углубились. На международных вопросах это обнаружилось ярче, потому что там прошли грандиозные события. Сейчас, однако, и во внутренних делах развитие вступает в новую фазу. Не только война, но и самая опасность войны ставит все вопросы ребром. Каждый класс проверяет неизбежно перед войною основные вопросы политики. Кулак, чиновник, нэпман поднимают голову и спрашивают: какая это будет война, что она мне даст, какими методами будет вестись? С другой стороны, и рабочий, и батрак, и деревенский бедняк перед угрозой войны будут строже проверять завоевания революции, плюсы и минусы советского режима и будут спрашивать: в какую сторону война изменит соотношение сил? Увеличит ли она роль верхов или низов? Выровняет ли она классовую пролетарскую линию партии или под видом "национальной

воины" -- в сталинском толковании -- увеличит сдвиг в сторону верхов?

Буржуазные элементы у нас сильно выросли, борьба двух тенденций заложена в классах, и, так как у нас в стране одна партия, то эта борьба будет проходить через нашу партию.

С наибольшей легкостью, вернее, с наиболее преступным легкомыслием здесь говорили о разгроме оппозиции, об отколе оппозиции те ораторы, которые по всему своему прошлому имеют на это наименьшее право. Но я на них останавливаться не буду. Такие люди приносятся и уносятся волной.

Устрялов¹⁷⁶ -- наиболее проницательный враг большевизма -- требует высылку оппозиционеров и откола оппозиции давно. Устрялов -- представитель новой буржуазии, вырастающей из нэпа, и наиболее жизненной старой буржуазии, которая хочет опереться на новую. Устрялов не хочет "перепрыгивать через ступени". Устрялов открыто поддерживает политику Сталина, требуя только от Сталина большей решимости в расправе с оппозицией. Вдумайтесь в этот факт.

С другой стороны, Макдональд, возражая против интервенции, требует, чтобы не мешали трезвым "практическим политикам" покончить с "пропагандистами III Интернационала" -- это подлинные слова Макдональда, -- т. е. не мешали бы Сталину разгромить оппозицию. Чемберлен своими разбойничьими мероприятиями хочет ускорить тот же самый процесс. Разные методы направлены к одной цели: разгромить пролетарскую линию, разгромить

международные связи Советского Союза, вынудить русский пролетариат отказаться от вмешательства в дела международного пролетариата. Можно не сомневаться, что Макдональд не станет возражать против того, что вы не допустили т. Зиновьева на заседание Коминтерна. Макдональд будет хвалиться своей прозорливостью, если вы поведете против оппозиции политику разгрома и раскола. Макдональд скажет: практические политики рвут с пропагандистами III Интернационала.

Попытка изобразить оппозицию как верхушечную группу -- есть грубый самообман или грубый обман. Оппозиция выражает классовую линию. Организационная слабость оппозиции совершенно не соответствует ее удельному весу в партии и рабочем классе. Вина нынешнего партийного режима состоит, между прочим, в том, что он искусственными мерами изме-

няет в партии соотношение сил. Нынешний тяжелый бюрократический режим в партии отражает давление других классов на пролетариат. Вчера 80 старых членов партии, закаленных большевиков, подали Центральному Комитету заявление, в котором целиком и полностью поддерживают ту точку зрения, которую мы развиваем здесь¹⁷⁷. Это все товарищи, у которых за спиной 10--15--20 и более лет непрерывной работы в большевистской партии. Говорить, ввиду этого факта, о каком-то троцкизме -- значит смешно и жалко фальсифицировать вопрос. Ревизионисты называли бланкизмом¹⁷⁸ революционную сущность марксизма, чтобы тем легче бороться против этого последнего. Товарищи, сползающие с большевистской линии, называют теперь троцкизмом революционную сущность ленинизма, чтобы тем легче бороться против нее. Классический пример мы видели в речи т. Куусинена, устами которого говорил провинциальный немецкий социал-демократ.

За последний период партийного развития удары наносились только налево. Основная причина этого -- ряд поражений пролетариата в международном масштабе и вытекающее отсюда усиление правого курса у нас в партии. Вся история рабочего движения свидетельствует, что великие поражения вызывают после себя временное торжество оппортунистической линии. После поражения великих стачек в Англии и китайской революции хотят нанести новый удар оппозиции, т. е. левой революционной линии внутри ВКП и Коминтерна. Не случайно, наиболее принципиальную, наиболее законченную речь произнес здесь новый вожь нового курса Мартынов, глашатай блока четырех классов. Что это знаменует? Еще большее усиление сдвига направо. Это знаменует угрозу торжества устряловщины. Устряловы не хотят перепрыгивать через ступеньки или стадии, поэтому устряловы сейчас открыто за Сталина. Но они не собираются, конечно, на нем останавливаться. Он для них лишь ступенька. Для них дело идет о разгрома левого барьера внутри ВКП, об ослаблении пролетарской линии, о превращении советской системы в орудие мелкой буржуазии, чтобы прямым путем привести затем к восстановлению капитализма, вернее всего, под бонапартистской формой.

Опасность войны ставит все вопросы ребром. Линия Сталина есть линия половинчатости, шатания между левой и правой тенденциями при фактической поддержке правого курса. Усиление военной опасности заставит Сталина выбирать. Он нам здесь старался доказать, что выбор уже сделан. После разгрома буржуазией китайских рабочих, после капитуляции Политбюро перед Перселем, после речи Чэнь Дусю в "Правде" Сталин видит врагов только слева и против них направляет огонь. Несколько десятков старых и закаленных партийцев-большевиков, находящихся, главным образом, в Москве и Ленинграде, предостерегают своим коллективным письмом партию против грозных внутренних опасностей. Мы не сомневаемся, что к ним присоединятся тысячи партийных борцов, которые не испугаются угроз и травли и сумеют, несмотря на все механические преграды, добраться до общественного мнения партии и через партию, партийными средствами, выправить революционную линию большевизма.

Братание с Перселем и травля Зиновьева, прикрашивание и возвеличивание буржуазных руководителей левого Гоминьдана и травля левой оппозиции в ВКП и в других странах. Одно тесно связано с другим. Это определенный курс. И против этого курса мы будем бороться до конца. Сталин сказал, что оппозиция стоит в общем фронте с Чемберленом, Муссолини¹⁷⁹ и Чжан Цзолином.

На это я отвечаю: ничто так не облегчило работу Чемберлена и других, как ложная политика Сталина, особенно в Китае. Нельзя делать революцию наполовину. Лондонский удар -- расплата за мартыновский курс в Китае. На этом пути можно только накапливать поражения.

Сталин хочет видимо сделать попытку изобразить оппозицию чуть ли не как помощницу Чемберлена. Это вполне в духе его методов. Вчера Михаил Романов¹⁸⁰, сегодня Чемберлен. Но он на этом просчитается еще больше, чем просчитался в своих надеждах на Чан Кайши и на Перселя. Против Чемберлена надо бороться по-настоящему, а для этого надо поднять и объединить рабочие массы внутри страны и во всем мире. Массы можно поднять, сплотить, укрепить только правильной классовой линией. Борясь за правильную революционную линию против линии Сталина, мы тем самым подготовляем наилучшие условия борьбы против Чемберлена. Помогаем Чемберлену не мы -- помогает ему ложная линия политики.

Ни один честный пролетарий не поверит дикой гнусности об едином фронте Чемберлена и Троцкого. Но реакционная часть мелкой буржуазии, но растущее черносотенное кулачество могут поверить этому или могут притвориться, что верят, чтобы провести разгром революционной пролетарской линии и ее представителей до конца. Дать черту шовинизма палец -- значит погибнуть. Своими отравленными инсинуациями Сталин этот палец протягивает. Мы это говорим здесь и скажем открыто пред лицом международного пролетариата.

Л. Троцкий

24 мая 1927 г.

НЕУЖЕЛИ ЖЕ НЕ ПОРА ПОНЯТЬ?

Сегодня в бюллетене "ТАССа" не для печати (№ 116) содержится несколько

телеграмм исключительной политической важности. Телеграммы эти скрываются от общественного мнения не потому, что они могут причинить ущерб советскому государству или китайской революции, а потому, что они доказывают ложность официального курса и правоту оппозиции. Мы приводим только две телеграммы, наиболее яркие.

ШАНХАЙ. 24 мая. ТАСС. Центральное политическое совещание в Панкине решило включить Фэн Юйсяна в члены совещания.

О том, что Чан Кайши включил Фэн Юйсяна в члены совещания (может быть, пока что без согласия осторожного Фэн Юйсяна), знает теперь весь мир. Это должно, однако, остаться секретом для советских рабочих. Почему? Потому что у нас до последнего времени изображали Фэн Юйсяна как подлинного "рабочего" (или "крестьянина"), как надежного революционера и пр., т. е. проделывали по отношению к Фэн Юйся-ну все те ошибки, какие проделали раньше по отношению к Чан Кайши. Сейчас мы скрываем, уже в течение последних недель, все телеграммы о более чем двусмысленном поведении Фэн Юйсяна. Почему? Для чего? Очевидно, выжидая с затаенной надеждой: авось не изменит. Если же изменит, мы скажем: это вполне соответствует нашим предвидениям об отходе буржуазии от национальной революции. Ну а сейчас? Вместо того, чтобы предостеречь китайских рабочих и партию, вместо того, чтобы толкнуть сами массы рабочих,

крестьян, солдат на принятие настоящих революционных мер против измены генералов, мы замалчиваем, скрываем, прячем в карман телеграммы. Не поможет. Классовую логику революции нельзя спрятать в карман!

Вторая телеграмма: ПОЛОЖЕНИЕ В ХАНЬКОУ.

ХАНЬКОУ. 23 мая. ТАСС. ЦК коммунистической партии предложил хубэйскому "союзу для усиления революционного фронта" наладить отношения между рабочими и мелкой буржуазией. ЦК отметил необходимость повышения дисциплины среди рабочих и уважения к декретам национального правительства, разъяснив, что профсоюзы не имеют права ареста и должны обращаться к властям всякий раз, когда они считают необходимым произвести арест того или иного лица.

Эта телеграмма еще важнее первой. Для каждого серьезного революционера она, как молнией, освещает всю обстановку и доказывает безусловную ошибочность официальной линии, прямую гибельность этой линии и безусловную правильность линии оппозиции.

Вдумайтесь только. Профсоюзы на территории ханькоуско-го правительства арестуют врагов революции. Это значит, что профсоюзы всей логикой положения вынуждены брать на себя задачи революционных Советов. Что же делает ЦК компартии? Рекомендует профсоюзам воздержаться от незаконных действий, подчиняться "декретам" уханьской верхушки и, в случае надобности арестовать или расстрелять контрреволюционера, изменника, заговорщика -- почтительно обращаться к начальству (которое с этим заговорщиком окажется, вероятно, в родстве или в свойстве). Разве это не глумление над революцией, над ее потребностями и элементарнейшими задачами? Вместо того, чтобы прямо призвать

массы расправляться с врагами на месте, уханьское правительство запрещает это. Мало того, запрещает оно не от собственного имени, а через коммунистическую партию. ЦК компартии играет в этом случае роль политического приказчика трусливых буржуазных радикалов и лже-радикалов, которые боятся революционных масс и думают, вместе с Мартыновым, что революцию можно совершить путем арбитражных комиссий, а не путем расправы массы над ее врагами. Не чудовищно ли это? Не глумление ли это над революцией? Куда мы идем, товарищи?!

Наряду с этим замечательно, что хубэйскому "союзу для усиления революционного фронта" дается специальное поручение "наладить отношения между рабочими и мелкой буржуазией". Наладить эти отношения можно не через особый союз и не по особому заказу, а путем правильной политики. Советы депутатов от рабочих и полупролетарской бедноты в городах должны явиться широкими органами такой повседневной политики революции. Когда профсоюзы вынуждены брать на себя функции Советов, то они почти неизбежно будут в известных случаях игнорировать или нарушать законные интересы мелкобуржуазных низов города. Отсутствие Советов бьет, таким образом, и по мелкой буржуазии, подрывая ее союз с пролетариатом.

Такова обстановка. Толкаемые массой, профсоюзы пытаются исправить ошибки китайского и московского руководства и приступают к непосредственной расправе над врагами. А ЦК компартии, который должен быть вдохновителем и руководителем этой суровой расправы, цыкает на рабочих, приказывает им повысить свою "дисциплину" (перед буржуазией) и молча склоняться перед потачками со стороны ханькоуских Керенских и Церетели по отношению к агентам империализма, буржуазии и Чан Кайши. Вот она мартыновщина -- не на словах, а на деле!

Целый ряд телеграмм, особенно из Токио, говорит о "развале" ханькоуского правительства, о его близкой гибели и проч. Разумеется, к таким телеграммам надо относиться с величайшей осторожностью. Это телеграммы врага, который ждет гибели революции, надеется на нее, подстерегает, выдумывает и лжет. Но две приведенные выше телеграммы, как и многие другие телеграммы такого же рода, поступающие почти каждый день, заставляют признать, что положение ханькоуского правительства может оказаться безнадежным. Если оно будет мешать рабочим и крестьянам расправляться с контрреволюционерами, оно погибнет. Своей ложной политикой ЦК компартии поможет его гибели. Если бы ханькоус-кое правительство погибло под натиском рабочих, крестьянских и солдатских Советов, мы, конечно, об этом не пожалели бы. Но оно погибнет, потому что противодействует созданию Советов. Поддерживая в этой гибельной политике ханькоус-кое правительство, удерживая китайских рабочих и крестьян

от непосредственной расправы над врагами и от создания Советов, киткомпартия помогает ханькоускому правительству погибнуть в кратчайший срок

и при том бесславной смертью -- не от руки рабоче-крестьянских масс, а от руки буржуазной реакции. Впрочем, при такой политике ханькоуское правительство, прежде чем "погибнуть", вероятнее всего объединится с Чан Кайши -- против рабочих и крестьян. Неужели это не пора понять?!

Л. Троцкий 26 мая 1927 г.

ХАНЬКОУ И МОСКВА

Что происходит сейчас в Ханькоу -- об этом мы можем судить по тем осколкам телеграмм, которые ТАСС не пропускает в печать.

Левый Гоминьдан продолжает жевать теорию солидарности рабочих, крестьян и буржуазии в "национальной революции" и призывает поэтому рабочих и крестьян соблюдать дисциплину -- по отношению к буржуазии.

ЦК компартии (или ЦК Гоминьдана?) уговаривает профсоюзы заниматься "своим делом", предоставив борьбу с контрреволюцией гоминьдановским властям.

Вождь компартии Чэнь Дусю уговаривает крестьян подождать насчет земли до победы над внешним врагом.

Из Москвы предупреждают против "преждевременного" построения Советов.

Тем временем империализм нажимает на Чан Кайши, а Чан Кайши, через ханькоускую буржуазию, на левый Гоминьдан. Левый Гоминьдан требует дисциплины и терпения от рабочих и крестьян.

Такова общая картина. Смысл ее совершенно ясен.

Что делает в эти дни московское руководство? Мы этого не знаем. Но можно не сомневаться, что под влиянием последних архитревожных телеграмм из Ханькоу туда идут из Москвы советы приблизительно такого содержания: "как можно больше аграрной революции", "как можно больше масс в Гоминьдан" и пр. Министры-коммунисты передают эти советы правительству и ЦИК Гоминьдана.

Работа коммунистической партии, таким образом, раздваивается: вслух она уговаривает рабочих и крестьян подождать, а потихоньку, на ухо она уговаривает буржуазное правительство поспешить". Но революция потому и есть революция, что массы не хотят ждать. А буржуазные "радикалы" потому и суть буржуазные радикалы, что они боятся спешить. Коммунистическая же партия вместо того чтобы поднимать массы, захватывать земли, строить Советы, теряет время на бесплодное уговаривание обеих сторон, по священному мартьяновскому рецепту о блоке четырех классов и о замене революции арбитражными комиссиями.

Крушение этой политики абсолютно неизбежно. Если мы круто, резко и смело не исправим ее, крушение обнаружится уже в самом близком будущем. Тогда нам станут показывать задним числом бумажки с московскими советами: "как можно больше аграрной революции, как можно больше масс в Гоминьдан". Но мы и тогда повторим то же, что говорим и сейчас: такого рода советы являются празднословием. Нельзя ставить ход развития революции в зависимость от того, примет или не примет мещански-трусливое руководство Гоминьдана наши благие советы. Оно их не может принять. Аграрная революция может совершаться не с согласия Ван Цзинвэя, а невзирая на него и в борьбе с ним.

Поэтому первая задача -- развязать себе руки, министрам-коммунистам выйти из национального правительства, призвать массы захватывать земли немедленно и строить Советы.

А для этого нужна подлинно самостоятельная коммунистическая партия, которая не уговаривает верхи, а смело ведет за собою низы.

Другого пути нет и быть не может.

Л. Троцкий 28 мая 1927 г.

КОМПАРТИЯ И ГОМИНЬДАН

Думаю, что новая обстановка требует пересмотра вопроса о взаимоотношении компартии и Гоминьдана. Почему мы должны оставаться в левом Гоминьдане?

1. На этот счет повторяется нередко такая мотивировка: "Поскольку за левым Гоминьданом идут рабочие и крестьяне,

мы должны оставаться в Гоминьдане, чтобы привлечь их на сторону компартии". Вряд ли такая мотивировка возможна. За социал-демократией и за Амстердамом¹⁸¹ рабочие идут в гораздо большем количестве, чем за Гоминьданом. Эту же мотивировку можно целиком применить и к Англо-русскому комитету.

По общему правилу, когда мы хотим оторвать рабочих и привлечь на свою сторону, мы не входим в какую-либо организацию, а выходим из нее.

Другой довод: "Сейчас, когда громят и нас, и левых го-миньдановцев, выход недопустим". Я думаю, что в тот период, когда нас бьют, еще опаснее смешивать организации, чем в тот период, когда мы бьем. Об этом красноречиво свидетельствует опыт Бела Куна¹⁸² в Венгрии. В таких трудных условиях революционная стойкость познается вернее всего. Оставаясь в одной организации с Ван Цзинвэями, мы принимаем на себя долю ответственности за их шатания и измены. Отпор врагу -- вместе, а политическая ответственность -- врозь.

Из первого довода вытекает, что мы должны оставаться в левом Гоминьдане до тех пор, пока не оттянем от него всех рабочих и крестьян. Но тогда мы никогда не выйдем из Го-миньдана: во-первых, потому что национально-демократическое знамя Китая будет еще долгое время вести за собой не только крестьян, но и рабочих. Во-вторых, оставаясь в Го-миньдане, мы не ставим рабочих перед необходимостью выбирать между компартией и Гоминьданом.

Что касается крестьян, то Гоминьдан, как наши эсеры, может еще до диктатуры пролетариата оставаться для них своей партией. Отсюда вытекает необходимость блока.

Второй довод говорит, что мы должны оставаться в Гоминьдане до конца нашего отступления (разгрома). Но на смену отступлению может прийти наступление, и тогда скажут: нельзя расстраивать наступление выходом из

Гоминьдана.

4. Аналогия со вхождением британской компартии в рабочую партию¹⁸³ отпадает сама собой. Британская рабочая партия является пролетарской по своему составу. Политическая дифференциация идет сравнительно медленно. Гоминьдан является "партией" разных классов. Политическая дифференциация между ними вследствие революции идет с чрезвычай-

ной быстротой. Китайская компартия все время отстает от этой дифференциации.

После чанкайшистского переворота вопрос еще более обостряется. Как оказывается, наиболее гнусные предложения против компартии и рабочего класса вносил на последнем пленуме Гоминьдана Ван Цзинвэй. Это было накануне переворота. Сейчас ханькоуское правительство по всем данным продолжает эту линию, а компартия остается левой оппозицией в Гоминьдане. Из Москвы можно говорить: "оставаться в Гоминьдане -- при полной (?) политической и организационной (!) самостоятельности". Но что это значит практически? Ведь в Ханькоу все эти вопросы стоят на острие ножа. ЦК китайской компартии ни в каком случае не сможет понять, что, собственно, мы предлагаем. А неопределенность в такие острые моменты хуже всего.

Выдвигался и такой довод: выйти из Гоминьдана необходимо, но нужно компартии дать известный срок на подготовку. Такую постановку вопроса легче всего принять. Но тогда нужно об этом открыто сказать китайской компартии. Подготовка должна, очевидно, состоять в том, чтобы выход из Гоминьдана сменился блоком с ним и сотрудничеством по всей линии -- однако с разделением политической ответственности. К сожалению, эта чисто деловая постановка вопроса сейчас отодвинута и заменяется доводами общего характера, кратко рассмотренными выше.

Между тем, можно не сомневаться, что пребывание компартии в левом Гоминьдане будет и впредь подчинять политику компартии факту ее организационной зависимости, что -- при молодости и неопытности компартии -- неизбежно приведет ее к повторению всех ошибок истекшего периода.

/10 мая 1927 г./

В письме тов. Радека от 3 марта необходимость оставаться еще в течение некоторого времени в составе Гоминьдана мотивировалась следующим образом:

"Все действия Гоминьдана, точнее говоря, его правого крыла и части военных, направленные против интересов масс, в защиту интересов помещиков и капиталистов, как и луйблановская политика ЦК Гоминьдана, еще не создали в массах сдвига против Гоминьдана, не создали понимания необходи-

мости особой классовой партии пролетариата и беднейшего крестьянства".

В свое время я возражал против этой мотивировки, в силу которой создание самостоятельной рабочей партии откладывается до того момента, когда массы поймут необходимость такой партии. Но сейчас я оставляю в стороне принципиальную постановку вопроса. Смысл приведенных слов тов. Радека ясен:

надо ждать таких действий со стороны правого крыла и части военных, чтобы массы поняли необходимость собственной партии. Являются ли "апрельские действия" достаточными для этого? Казалось бы, что так.

Но теперь вырастают новые затруднения: "апрельские действия", которые, по письму 3 марта, должны были послужить сигналом к самостоятельности компартии, ныне объявляются главным препятствием для этой самостоятельности. Мы сами для себя создаем организационную ловушку, из которой никак не можем выбраться, подбирая все новые и новые политические аргументы.

Я очень хорошо понимаю, что расхождение по этому вопросу у нас, здесь, не имеет в себе ничего принципиального, но преломление этого организационного вопроса в нынешних китайских условиях имеет огромное значение. Те же самые китайские коммунисты, которые были левым привеском при Чан Кайши, останутся -- в порядке преемственности -- в течение года--двух левым привеском при Ван Цзинвэе.

8 июня 1927 г.

P. S. Предшествующие строки написаны около месяца тому назад. Все, что с того времени произошло, подтверждает необходимость ясности в краеугольном вопросе о самостоятельности китайской компартии. Изображать Гоминьдан как ни к чему не обязывающую бесформенную организацию значит исказить самое существо вопроса. Как ни бесформен Гоминьдан на периферии, его центральный аппарат держит крепко в руках революционную диктатуру. Кантонский Гоминьдан подражал в этом отношении ВКП. Ханькоуский Гоминьдан подражает кантонскому (или нанкинскому). Для ЦК компартии в Ханькоу предложение -- входить в Гоминьдан, сохраняя полную политическую и организационную самостоятельность -- означает неразрешимую загадку и только. Мы знаем,

что даже нынешний ЦК нынешней киткомпартии высказался в прошлом году за блок извне вместо блока изнутри, т. е. за выход из Гоминьдана. Теперь же китайскому ЦК несомненно повторяют: "Глядите, даже оппозиция ВКП против выхода из Гоминьдана". Этим аргументом в Китае пользуются и будут пользоваться несомненно столь же широко, как у нас -- тем аргументом, что оппозиция стоит за выход из Гоминьдана.

Речь Тань Пиншаня при вступлении в министерские обязанности слишком ярко показывает, что пребывание компартии в Гоминьдане -- не "вообще", а в данных конкретных условиях времени и места -- позволяет вождям компартии заявлять о том, что они будут выполнять программу Гоминьдана, а не программу собственной партии и, что еще хуже, позволяет партии терпеть таких вождей, смазывая границы партии. С этим нужно покончить во что бы то ни стало. На этом вопросе должна в самой компартии произойти настоящая дифференциация на большевиков и меньшевиков.

Что необходимо сейчас? Необходимо дать формулировку тех причин, по которым мы до сегодняшнего дня оставались в Гоминьдане. Наряду с этим -- и это важнее всего -- нужно дать столь же ясную и точную формулировку причин, в силу которых мы завтра должны выйти из Гоминьдана. Поводы для выхода имеются каждый день -- достаточно только посмотреть телеграммы "не для

печати". Затягивание этого вопроса может только ухудшить положение.

9 июня 1927 г.

Л. Троцкий

В ПРЕЗИДИУМ ИККИ184

Последние известия из Китая показывают, что ставка на уханьское правительство как на "организующий центр революции" потерпела полное крушение. На территории ухань-ского правительства свободно организовалась контрреволюция и одновременно подавлялось рабочее и крестьянское движение. Положение крайне серьезно и для китайской революции и для СССР, ибо поражение китайской революции удесятерит военную опасность.

Ввиду этого мы считаем сугубо необходимым созвать немедленно президиум ИККИ вместе с присутствующими в Москве

членами и кандидатами Исполкома для обсуждения положения и исправления неверной линии, проводимой Коминтерном в Китае и одобренной последним пленумом ИККИ.

Вуйович185, Зиновьев, Троцкий

/Июль 1927 г./

В ЦКК ВКП (Б), В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б)186

На территории уханьского правительства контрреволюция постепенно устанавливает режим Чан Кайши. В Ханькоу рабочие пикеты разоружаются, корпуса рабочей гвардии распускаются, профессиональные союзы разгромляются уханьскими властями, действующими согласно приказа контрреволюционного генерала, "главкома" Фэн Юйсяна. Рабочих и их организации поставили на колени, чтобы затем, по шанхайскому рецепту, -- поставить их к стенке. Откровенная генеральско-помещичья и буржуазная контрреволюция при поддержке уханьских "революционных" властей и верхушки "левого" Гоминьдана, укрепившись в Хунани, завоевывает Хубэй и уже хозяйничает в Ханькоу. Палачи Фэн Юйсяна, Чан Кайши и других генералов Ухани и Нанкина готовят новые расстрелы китайских рабочих и крестьян. И в этот момент редакция "Правды" совершенно спокойно и, видимо, вполне сознательно старается в союзе со "странными" корреспондентами ТАСС затушевывать, замазывать и скрывать разгул контрреволюции в Ухани от рабочих и крестьян СССР. В № 148 от 3 июля, на второй странице, на задворках, под общим названием "Конфликт между населением и муниципальными властями Шанхая", под заголовком "Положение в Ханькоу" "Правда" без слова критики помещает ряд телеграмм ТАССа с возмутительно издевательскими комментариями. Вот несколько образцов того, как контрреволюционные расправы реакционных генералов преподносятся ТАССом рабочим читателям наших газет и как эти же позорно преступные телеграммы комментируются центральным органом большевистской партии -- "Правдой".

1. "Братание солдат с рабочими. -- Необоснованная шумиха империалистической печати" -- под этим заголовком помещаются следующие сообщения ТАСС из Шанхая:

"...В результате переговоров между представителями профсоюзов и военными властями рабочие пикеты всекитайской федерации труда и совета профсоюзов добровольно сдали имевшееся у них оружие".

"Первоначальное занятие войсками помещений рабочих организаций явилось недоразумением".

2. "Заявление Хубэйского Совета профсоюзов" -- эта оценкаредакцией "Правды" дана следующему сообщению ТАСС:

"...Совет профессиональных союзов провинции Хубэй опубликовал заявление, в котором указывается, что решение о роспуске корпуса рабочей гвардии принято Советом "добровольно".

"К инструкциям военного совета" -- так комментирует "Правда" и так определяет смысл и политическое значение телеграммы ТАСС, гласящей, что "причины, побудившие военный совет издать инструкцию о защите рабочих союзов, заключаются, по-видимому, в том, что солдаты частично разграбили помещение совета профессиональных союзов".

"Распоряжение военного совета" -- вот что понимает как объясняет "Правда" классовую сущность и значение нижеприведенного сообщения советского телеграфного агентства из Ханькоу:

"...Совет профессиональных союзов провинции Хубэй сам отдал приказ о роспуске пикетов, чтобы сохранить единый фронт и устранить поводы для злостных слухов".

И т. д., и т. п.

И так каждый день.

Когда рабочие пикеты обезоруживаются контрреволюционными властями Ухани, то ТАСС это изображает как добровольную сдачу рабочими оружия палачам, а "Правда" -- как "братание солдат с рабочими"!

Когда войска занимают помещения рабочих организаций, разгромяют их, когда они разгоняют корпуса рабочей гвардии и т. д., и т. п., советское телеграфное агентство изображает такой разгул контрреволюции, как "недоразумение", как "добровольное согласие профсоюзов обезоруживать пролетариат", как стремление контрреволюции "защищать рабочие союзы". А "Правда"? "Правда" все это называет "необоснованной шумихой империалистической печати" или скрывает, преступно замазывает разгул уханьской контрреволюции ни-

чего не говорящими комментариями вроде: "Распоряжение военного совета", "К инструкции военного совета" и т. п.

История нашей большевистской печати не знает такого позора. Где передовая, где большевистское разоблачение контрреволюции, где призыв к рабочим нашей страны и всего мира прийти на помощь китайскому пролетариату,

именно сейчас,

когда его разоружают, чтобы потом расстреливать;

когда корпуса рабочей гвардии разгоняют;

когда профессиональные союзы и рабочие организации разгромляются.

Этого -- нет. "Правда" -- молчит или успокаивает умы!

Тассовская телеграмма об этих событиях составлена в таких выражениях, что не может быть никакого сомнения, что ее писал прямой враг рабочих.

Мы вносим предложение: Центральная контрольная комиссия должна принять меры против подобного неслыханного издевательства над большевизмом, против подобного невиданного злоупотребления авторитетом центрального органа ленинской партии.

Мы настаиваем перед ЦКК:

на привлечении к партийному суду редакции "Правды" и авторов телеграммы из Шанхая и Ханькоу;

на немедленном устранении всех виновников в напечатании этих либердановских 187 телеграмм и этих подзаголовков.

Мы надеемся, что ЦКК разъяснит членам партии, что подобное выступление не есть корректорский недосмотр, а антипартийное преступление, граничащее с прямой помощью врагу.

Мы надеемся, что ЦКК на этот раз обеспечит партию от подобных "неожиданностей", изменив соответствующим образом состав редакции "Правды".

Мы надеемся, что никакие фракционные преграды не помешают примерному наказанию людей, зарвавшихся вплоть до чудовищного издевательства над китайской революцией, задыхающейся в объятиях "братающихся" с ней Чан Кайши, Фэн Юйсянов и Тан Шэн

Е. Евдокимов¹⁸⁸, Г. Зиновьев, Л. Троцкий

4 июля 1927 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б), В ПРЕЗИДИУМ ЦКК ВКП(Б)¹⁸⁹

Последние известия печати о событиях в Китае, несмотря на обычную за последнее время для нашей партийной прессы неполноту и неясность освещения происходящего в Китае, говорят о том, что ставка на уханьское правительство как "организующий революционный центр" потерпела катастрофическое для китайской революции крушение. В уханьское правительство, очевидно по требованию Фэна и Тан Шэнчжи, вводятся, или уже введены, правые гоминьдановцы. Контрреволюция берет в железно уханьских рабочих и крестьян. Рабочие разоружаются. Борьба против аграрной революции, проводившаяся до этого времени уханьским правительством в замаскированном виде, теперь принимает открытый характер. Положение и без того катастрофическое в громадной степени осложняется еще тем, что из передовицы "Правды" (единственное официальное сообщение, позволяющее составить хотя сколько-нибудь приблизительное представление о позиции киткомпартии) явствует, что киткомпартия в этот ответственный момент, в лучшем случае, не дает должного отпора контрреволюционному перевороту. А сведения другого

порядка (телеграмма тов. Хитарова, представителя КИМ, содержание которой мы знаем только приблизительно) говорят о гораздо худшем. Если то, что дошло до нашего сведения относительно содержания этой телеграммы, соответствует действительности, то это означает уже, что Политбюро ЦК киткомпартии санкционировало контрреволюционный переворот. Оценивать это иначе как пагубнейший шаг к самоликвидации киткомпартии, конечно, нельзя.

Если даже сведения о телеграмме тов. Хитарова, которые дошли до нас, не совсем соответствуют действительности, все же остается несомненным, что последние события в Ханькоу означают переход ханькоуского правительства на сторону Чан Кайши, а через него к сделке с японским и английским империализмом. Круг завершен. Тактика, применявшаяся нашим партруководством в Китае, есть "классический" опыт проведения меньшевистской тактики в буржуазно-демократической революции. Результаты не замедлили сказаться. Дело идет о крупнейшем поражении китайского рабочего класса.

Что будет дальше?

Правота нашей точки зрения -- точки зрения оппозиции -- теперь доказана перед всем миром целиком и полностью. Банкротство той линии, которую провели в Коминтерне тт. Сталин и Бухарин, засвидетельствовано перед всем миром.

Что делать?

Есть два пути.

Первый. Продолжать белое объявлять черным и черное белым. Продолжать разоружение рабочих называть "братанием с солдатами", жить и дальше самообманом. Продолжать подыскивать новых "революционных" генералов и выдвигать эти "новые" кандидатуры для "спасения" китайской революции. Словом, продолжать слепо и упрямо губить китайскую революцию, губить Коммунистический Интернационал, собственными руками приближать опасность войны против СССР.

Второй путь. Серьезно, честно и до конца продумать совершенные ошибки и принять меры к исправлению их, хотя бы с громадным опозданием.

Когда мы заблаговременно указывали на преступные ошибки, совершенные в Китае и заблаговременно предупреждали против новых ошибок, нас обвиняли в том, что мы "спекулируем на трудностях", что мы "пораженцы", что мы не верим в силы китайской революции и т. д. Отдельные наглечы доходили даже до того, что смели называть нас "помощниками Чемберлена".

В настоящую трудную минуту мы считаем своим долгом еще раз сделать попытку наиболее безболезненно для партии общими силами исправить допущенные в руководстве китайской революцией губительные ошибки. Обострение наших внутривнутрипартийных разногласий не должно помешать нам в критическую для китайской революции минуту сделать попытку совместно спасти положение. Мы предлагаем немедленно собрать закрытое заседание Политбюро, Президиума ЦКК и наличных в Москве членов Центрального комитета для совместного обсуждения тех шагов, которые нужно предпринять сейчас в китайском вопросе. До пленума

ЦК остается еще почти две недели. Откладывать на две недели решение этих вопросов невозможно.

Дело идет не только о судьбе китайской революции, но и о судьбах СССР, ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что опасности войны в связи с событиями в Ханькоу приближаются и обостряются в чрезвычайной мере.

До сих пор бывало так, что при каждом политическом поражении линии Сталина--Бухарина поднималась новая кампания травли против оппозиции, а действительные политические ошибки не исправлялись. Если и на этот раз будет поступлено так же, китайская революция и СССР заплатят за это слишком дорогой ценой. Интересы мирового рабочего движения, интересы большевизма требуют сойти с этого губительного пути. Коминтерн и ЦК нашей партии будут скомпрометированы в величайшей степени, если мы сейчас же не предпримем необходимых шагов для исправления неслыханных чудовищных ошибок, подобных которым не знает еще история нашей партии. Дело идет о судьбе Коминтерна, о судьбе СССР. Вот почему мы со своей стороны готовы сделать абсолютно все возможное, чтобы ликвидировать сделанные ошибки с минимальными издержками для нашей партии, для ее ЦК, для киткомпартии, для руководства Коминтерна. Путь, который мы предлагаем, есть единственно правильный путь.

Г. Евдокимов, Г. Зиновьев, Л. Троцкий
7 июля 1927 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КИТАЕ

и их отражение в нашей прессе, докладах и пр.

Составлено К. Радеком

- 15 марта Захват английской концессии в Ханькоу.
- 21--22 марта Захват восставшими рабочими власти в Шанхае и вступление национальных войск в Шанхай.
- 24 марта Бомбардировка Нанкина англо-американской эскадрой.
- 4 апреля Возвращение Ван Цзинвэя в Китай.
- 4 апреля Заявление Чан Кайши об объединении Гоминьдана под руководством Ван Цзинвэя и о разграничении функций между Ван Цзин-веем и Чан Кайши.

5 апреля Выступления гг. Радека, Сталина и Бухарина по поводу событий в Китае на собрании московского партактива.

5 апреля Заявление Ван Цзинвэя о сохранении единства Гоминьдана.

5 апреля Совместное воззвание, подписанное Ван Цзин-веем и секретарем китайской компартии о союзе Гоминьдана с компартией.

6 апреля Отстранение тов. Радека от должности ректо-

ра Университета имени Сунь Ятсена (протокол Оргбюро No 104, 9/IV-- опросом от б/ГУ).

6 апреля Налет на советское посольство в Пекине.

6 апреля Полицейская осада здания советского консульства в Шанхае.

8 апреля Налет на советские учреждения в Тяньцзине.

11--12 апреля Переворот Чан Кайши.

14 апреля Посылка тов. Зиновьевым своих тезисов в Политбюро.

19--20 апреля Разрыв национального (уханьского) правительства с Чан Кайши.

20 апреля Письмо Троцкого и Зиновьева в ЦК об опасностях войны.

21 апреля Тезисы тов. Сталина по китайскому вопросу, утвержденные Политбюро.

22 апреля Собрание ячейки /Института/ красных профессоров. "Троцкий был в 1923 г. против Советов в Германии".

23 апреля Статья Л. Д. /Троцкого/ "Не надо мусора" (направленная в ЦК, в ячейку красной профессуры).

1 мая Открытие III съезда киткомпартии в Ханькоу -- по сообщению "Вечерней газеты" 190 это был первый легальный съезд компартии.

10 мая Телеграмма "Дейли Экспресс" о крестьянском движении и об образовании Советов в Хэнани (Правда, 11 мая).

10 мая Статья Л. Д. /Троцкого/ "Китайская революция и тезисы тов. Сталина".

11 мая Речь Бухарина на Президиуме ИККИ.

12 мая Постановление Политбюро о нецелесообразности печатания в прессе статей Зиновьева и Троцкого по китвопросу.

12 мая Ответ Политбюро на тезисы Зиновьева по китвопросу (протокол Политбюро No 101).

12 мая Ответ Политбюро и ЦКК на письмо Зиновьева и Троцкого от 20 апреля (опросом от 9/V).

12 мая В редакции московских газет послана статья Л. Д. /Троцкого/ "Верный путь".

17 мая Послана в Секретариат ЦК статья "Речь Чен Дусю" и "Необходимый заключительный аккорд".

18 мая Пленум ИККИ.

мая Заявление 83-х.

мая Статья Л. Д. /Троцкого/ "Неужели же не пора понять" /послана в/ ЦК, ЦКК, "Правду", "Известия", "Рабочую газету"ш, "Бедноту"192, "Труд"193.

мая Закрытие пленума ИККИ.

мая Опубликование в "Правде" резолюции плену-

ма ИККИ по китвопросу.

4 июня Передовая "Правды" "На фронте китайской революции".

4 июня Тезисы "Новый этап китайской революции" /в/ ЦК, ЦКК и ИККИ.

5 июня Постановление пленума МК о выводе Троцкого и Зиновьева из ЦК.

7 июня Конференция Гоминьдана в Чанчжоу ("Правда" от 16 июня).

8 июня Заявление Тан Шэнчжи о том, что национальная революция должна развиваться под общим руководством ГМД194 и компартии ("Правда" от 10 июня).

10 июня Закрытие конференции в Чанчжоу.

10 июня Семенов. Революция в Китае и растущая размежевка социальных сил.

15 июня Письмо киткомпартии Гоминьдану о событиях в Хунани ("Правда" от 16 июня).

16 июня Опубликовано в "Правде" о перевороте 21 мая в Чанше ("Правда" от 16 июня).

18 июня Решение Политбюро ГМД о посылке Тан Шэнчжи в Хунань с особой инструкцией ("Правда").

20 июня Открытие IV Всекитайского съезда профсоюзов в Ханькоу ("Правда" от 22 июня).

23 июня Передовая "Революционный процесс и сила колебания" ("Правда" от 23 июня).

23 июня Объединение Фень Юйсяна с Чан Кайши -- их совместная декларация ("Правда" от 29 июня).

23 июня Воззвание IV Всекитайского съезда профсоюзов с характеристикой текущего этапа китайской революции ("Правда" от 26 июня).

28 июня Айхенвальд198. "Измены попутчиков и задачи коммунистов в Китае" ("Правда" от 28 июня).

29 июня "Тяжелый этап" (передовая).

29 июня Воззвание IV Всекитайского съезда профсоюзов к рабочим всех стран ("Правда" от 5 июля).

30 июня "Текущий момент китайской революции" -- Бухарин.

30 июня Статья (корреспонденция) Ивина "На повороте", 26 июня.

30 июня Образование национального правительства в Хунани во главе Тан Шэнчжи.

30 июня Совет профсоюзов Хубея опубликовал заявле-

ние о своем добровольном решении распустить корпус рабочей гвардии ("Правда" от 3 июля).

30 июня Военный совет опубликовал инструкцию о "защите профсоюзов против провокационных выступлений бандитских элементов" ("Правда" от 3 июля).

1 июля Телеграмма ТАСС из Ханькоу о причине издания военной инструкции ("Правда" от 3 июля).

4 июля Закрытие IV Всекитайского съезда профсоюзов ("Правда" от 5 июля).

4 июля Телеграмма Тан Шэнчжи из Чанши о невозможности строгого наказания офицеров, виновных в Хунаньских событиях ("Правда" от 5 июля).

4 июля Исполком Гоминьдана назначил Чин Юнао и Пан Чуню членами уханьского правительства ("Правда" от 5 июля)

4 июля Приказ Фэн Юйсяна о прекращении деятельности всех городских и окружных организаций Гоминьдана провинции Хэнань ("Правда" от 5 июля).

4 июля Уход Тань Пиншаня ("Правда" от 6 июля).

4 июля Выступление представителя ИК ГМД У Юйчжана о необдуманных выступлениях в рабоче-крестьянском движении ("Правда" от 6 июля).

4 июля Сообщение о расстреле нескольких членов провинциальных комитетов комсомола ("Правда" от 10 июля).

5 июля Сообщение о предложениях Тан Шэнчжи и Фэн Юйсяна о уханьском правительстве ("Правда" от 6 июля).

6 июля Передовая "На опасном переломе".

6 июля Ультиматум Фэн Юйсяна и Тан Шэнчжи с требованием роспуска уханьского правительства ("Правда" от 7 июля).

6 июля Воззвание IV Всекитайского съезда профсоюзов к рабочим Китая о борьбе с контрреволюцией ("Правда" от 8 июля).

6 июля Сообщения о казнях коммунистов в Хунани ("Правда" от 10 июля).

8 июля Генеральская контрреволюция в Ухани. Сообщение спецкора тов. Ивина ("Правда" от 10 июля).

9 июля Статья Ван Цзинвэя в "Чайна Пресс" о взаимоотношениях между Гоминьданом и массовым движением ("Правда" от 12 июля).

9 июля Опубликование инструкции ЦК Гоминьдана по вопросу о рабоче-крестьянском движении ("Правда" от 12 июля).

10 июля Приказ Тан Шэнчжи о приостановке деятельности комитетов Гоминьдана ("Правда" от 16 июля).

10 июля "На крутом перевале китайской революции" -- передовая Бухарина.

- 11 июля Подготовка к перевороту в Ухани ("Правда" от 16 июля).
- 13 июля Опубликование статей Ван Цзинвэя и Гу Мзньюя о принципах политики Гоминьдана ("Правда" от 16 июля).
- 13 июля Бегство начальника Политуправления армии, Дэн Яньда ("Правда" от 16 июля).
- 14 июля Опубликование постановления ИККИ о текущем моменте китайской революции.
- 15 июля Кризис в Ухани приближается к развязке. Тань Пиншань и Сюй Цянь подали в отставку ("Правда" от 17 июля).
- 16 июля Статья Т. Мандалаяна в "Правде" "Почему обанкротилось руководство китайской компартии".
- 17 июля Переворот в Ухани ("Правда" от 20 июля).
- 18 июля Опубликование декларации вдовы Сунь Ятсена 196 ("Правда" от 21 июля).
- 19 июля Разрыв Гоминьдана с компартией ("Правда" от 24 июля).
- 21 июля Статья З. Гольденберга в "Правде" "Левая фраза и социал-демократические иллюзии".
- 21 июля Опубликование письма Ден Инда ("Правда" от 23 июля)
- 26 июля Передовая "Правды" "Кризис левого Гоминьдана" .

К РЕЗОЛЮЦИИ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 197

Поправка No 1

К пункту 12 добавить 198:

Буржуазия и вожди социал-демократии будут всячески стараться обмануть народ насчет истинного характера той войны, которую империализм готовит против СССР. Наша задача заключается в том, чтобы уже сейчас разъяснить широчайшим массам народов всего мира, что это будет война империалистов и рабовладельцев против первого государства пролетарской диктатуры, война капитализма против социализма. В этой войне империалистская буржуазия будет -- по существу

дела -- бороться за интересы сохранения всей системы капиталистического наемного рабства, СССР -- за интересы международного пролетариата всех колониальных, полуколониальных и поработанных стран, за дело международной революции и социализма.

Уже сейчас вся наша работа должна вестись под лозунгами: 1) Долой войну империалистов против государства пролетарской диктатуры. 2) Превращение империалистской войны в гражданскую во всех государствах, воюющих против СССР. 3) Поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР -- каждый

честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения "своего" правительства. 4) Переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать рабовладельцам "своей" страны -- СССР есть отечество всех трудящихся. 5) Лозунг "защиты отечества" будет фальшивым прикрытием интересов империализма во всех буржуазных странах, кроме колониальных и полуколониальных стран, ведущих национально-революционную войну против империализма. В СССР лозунг защиты отечества будет правдой, ибо мы защищаем социалистическое отечество и базу мирового рабочего движения. 6) Мы -- оборонцы с 25 октября 1917 года. Наша "отечественная" война "не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции" (Ленин). Наша защита отечества есть защита диктатуры пролетариата. Нашу войну ведет рабочий и батрак с опорой -- бедняком, с союзником -- середняком и против "своего" кулака, "нового" буржуа, бюрократа, устряловского спеца, белого эмигранта. Наша война действительно справедливая война. Кто не оборонец по отношению к СССР, тот безусловный изменник по отношению к международному пролетариату.

Поправка No 2

Вместо раздела III ("Проблема китайской революции") поставить:

Поражение китайской революции изменяет -- конечно, лишь временно -- реальное соотношение сил в пользу империализма. Переход уханьского правительства на открыто контрреволюционные рельсы, соглашения китайских генералов между собой и мировым империализмом есть шаг к созданию "проч-

ного" буржуазно-кулацкого режима внутри -- под опекой мирового империализма вовне. По всему сочетанию обстоятельств это означало бы на деле соглашение против СССР. Однако установление подобного режима в Китае на сколько-нибудь длительный срок по соотношению классов и по всему международному положению невозможно. Новые революционные бои, новая революция в Китае неизбежны.

Все условия для победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Китае были налицо. [Молодой и сильный пролетариат, полный самоотвержения. Огромные многомиллионные массы крестьянства, поднимающегося на прямое восстание. Отсутствие социал-демократической партии и социал-демократических традиций, всюду и везде мешающих революции. Неограниченный авторитет в трудящихся массах Китая большевизма. И все-таки в результате -- тяжкое поражение рабочего класса. А киткомпартию -- которая должна была в великих революционных битвах получить настоящий большевистский закал -- "Правда" вынуждена объявить меньшевистской.

[Чем объяснить весь этот неслыханный итог?]

Но победы не могла дать неправильная меньшевистская политика Сталина--Бухарина, навязанная ими китайской компартии (через ИККИ).

Сваливать теперь вину на китайских коммунистов -- и поверхностно, и недостойно.

Все решения II и IV Всемирных конгрессов Коминтерна о Советах на Востоке, о полной самостоятельности рабочих коммунистических партий в странах национально-революционного движения, о союзе рабочего класса с крестьянством против "своей" буржуазии и чужого империализма -- все это было забыто.

[Поддержка "блока четырех классов" -- под фактическим руководством буржуазно-помещичьих генералов, подчинение компартии Чан Кайши, а затем Фэн Юйсяну, Тан Шэнчжи и Ван Цзинвэю -- все это было несовместимо с задачей добиться руководящей роли рабочего класса и развязывания крестьянской революции.]

Ленинская "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" была подменена мартыновской "общенациональной оппозицией", блоком "четырех" классов, который на деле оказался блоком против рабочих и крестьян.

Вместо союза пролетариата с крестьянством под руководством первого на деле осуществился союз с буржуазией под руководством последней. Не мы использовали буржуазию, а буржуазия использовала нас. [Китайский рабочий класс под неправильным руководством таскал каштаны из огня для буржуазии. В результате, он до сих пор сыграл ту же роль, какую рабочий класс играл в буржуазных революциях 1848 г. Тактика Сталина--Бухарина--Мартынова привела к тому, что] киткомпартия, пропитавшись под неправильным руководством меньшевистскими уклонами, в решающие моменты революции фактически играла роль придатка к буржуазному Гоминьдану. [При таком руководстве неизбежно было не только поражение революции, но и] Идеино-политический крах руководящих кругов киткомпартии при этих условиях стал неизбежен. Дальнейшее пребывание в Гоминьдане обрекло бы компартию Китая на полное разложение. [Однако китайская буржуазия на свой лад дает уроки коммунистам. Неумолимый ход классовой борьбы учит и научит китайских коммунистов не повторять тех губительных ошибок, которые навязало им "руководство" Сталина--Бухарина.]

В стране с развитыми классовыми противоречиями (как современный Китай) империализм не только не смягчает классовые противоречия, не только на сколько-нибудь длительный срок не может объединить "всю нацию", но наоборот. При первых же широких народных движениях, затрагивающих сколько-нибудь значительные интересы командующих классов, китайская буржуазия неминуемо выступает против "своих" рабочих и крестьян в союзе с империалистами, толкающими ее на особенно беспощадные расправы.

Своеобразие китайской революции в нынешней международной обстановке заключается отнюдь не в наличии в Китае якобы "революционной" либеральной буржуазии, а в следующем:

Китайская революция в нынешнюю эпоху империалист-ских войн и пролетарских революций могла и должна была пройти ближе к типу советской революции.

Китайское крестьянство, более задавленное, чем русское при царизме, стонущее под игом не только своих, но и чужеземных угнетателей, могло подняться и поднялось сильнее, чем русское крестьянство перед 1905 г.

3. Лозунг Советов (выдвинутый Лениным для Китая еще в 1920 г.) имел безусловную почву в китайских условиях 1926--1927 гг. Советы в Китае в 1927 г. могли стать формой сплочения сил крестьянства под руководством пролетариата, действительным центром революции, организацией отпора буржуазному Гоминьдану и вышедшим из его недр китайским Кавеньякам и действительными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Учение Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция может быть доведена до конца лишь союзом рабочего класса и крестьянства (под руководством первого) против буржуазии -- не только применимо для Китая и аналогичных колониальных стран, но именно и представляет единственный путь к победе в этих странах.

Вне этого пути остается лишь меньшевистский путь союза с либеральной буржуазией (более умеренных и более радикальных оттенков), неминуемо ведущий к поражению рабочего класса -- что и произошло в 1927 г. в Китае.

Поправка No 3

Вместо пунктов 2, 3 и 4 поставить:

Одно из основных положений большевизма гласит, что начатая мировой войной и нашей революцией эпоха есть эпоха социалистической революции. Коммунистический Интернационал был создан как "партия мировой революции".

Признание

этого входило в состав "21 условия" 1919 и прежде всего по этой линии размежевывались коммунисты с социал-демократами, "независимыми", меньшевиками всех сортов и видов.

Признание того, что война и Октябрь открыли собою эпоху мировой революции, разумеется, вовсе не означает, что в каждый данный момент имеется налицо непосредственно революционная ситуация. В известные периоды в отдельных странах и в отдельных отраслях производства "умирающий капитализм" (Ленин) способен частично восстанавливать хозяйство и даже развивать производительные силы. Эпоха мировой революции знает свои периоды подъема и упадка. Громадную роль в этом отношении играет боеспособность рабочего класса и его партии, степень влияния контрреволюционной социал-демократии, правильное руководство Коминтерна. Но приливы и отливы не меняют основной ленинской оценки нынешней исторической эпохи, взятой в целом.

Только эта оценка может лежать в основе революционной стратегии Коминтерна.

Между тем, в результате ряда поражений международного революционного движения и выросших отсюда упадочных настроений группировка Сталина

незаметно для себя самой пришла к совершенно новой по-существу оценке нынешней эпохи. Вся "теория" социализма в одной стране исходит в основе своей из допущения того, что "стабилизация" капитализма может длиться ряд десятилетий.

В резолюции XIV съезда, принятой по докладу тов. Сталина, неправильно говорится: "В области международных отношений налицо закрепление и расширение "передышки", превратившейся в целый период" (Протоколы XIV съезда, с. 957).

На VII расширенном пленуме ИККИ Сталин (в докладе 7 декабря 1926 г.) построил всю политику Коминтерна на той же оценке мирового положения (Стенографический отчет, т. II, с. 12). Эта оценка (в основном совпадающая с оценками Отто Бауэра, Рудольфа Гильфердинга²⁰⁰ и других вождей социал-демократии) уже оказалась явно неправильной.

Со времени XIV съезда прошло полтора года с небольшим. За это время произошли -- если брать только важнейшие события -- всеобщая стачка в Англии, гигантские события китайской революции, рабочее восстание в Вене²⁰¹. Все эти события с неотвратимой силой заложены в условиях нынешней "стабилизации". Все они бьют в лоб "теорию" социализма в одной стране.

Оборотной стороной стабилизации являются 20 000 000 безработного населения, колоссальная недогрузка производственного аппарата, бешеный рост вооружений, крайняя неустойчивость мировых хозяйственных связей. Ничто в такой мере не обнажает шаткость надежд на длительный мирный период и беспочвенность "теории" социализма в одной стране, как нависшая над Европой новая опасность войны. О стабилизации "на десятилетия" фантазирует мелкий буржуа, ослепленный "победами" капитализма над рабочими, ослепленный техническими, экономическими и политическими успехами капитализма. Между тем, действительность развивается в сторону войны, т. е. взрыва всякой "стабилизации". А рабочий класс и угнетенные массы Востока раз за разом пытаются силой взорвать эту "стабилизацию" -- то в Англии,

то в Китае, то в Вене. Всеобщая стачка в Англии -- и всего пять тысяч членов английской компартии! Восстание рабочих в Вене с таким количеством жертв, которых хватило бы на целую революцию, и всего шесть тысяч членов австрийской компартии! Великий подъем рабоче-крестьянских масс в Китае -- а ЦК кит-компартии оказывается придатком к буржуазной верхушке Гоминьдана. Вот самое кричащее противоречие нынешней мировой обстановки. Вот что поддерживает и затягивает "стабилизацию" капитализма.

Величайшая задача состоит в том, чтобы помочь коммунистическим партиям подняться до уровня тех гигантских требований, которые предъявляет к ним нынешняя эпоха. Это предполагает правильное понимание характера мировой обстановки со стороны самого Коминтерна.

Наша международная коммунистическая партия (Коминтерн) должна поставить

себе задачей сплотить международный рабочий класс для борьбы за предотвращение войны, для защиты СССР, для превращения империалистской войны в войну за социализм. С этой целью рабочий-коммунист прежде всего должен завоевывать революционно настроенного рабочего некоммуниста -- беспартийного, социал-демократа, синдикалиста, анархиста, тред-юниониста или рабочего, входящего в буржуазную организацию. "Под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма -- стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п. В романских странах число таких рабочих еще значительно". Так постановил IV Конгресс Коминтерна при Ленине. Это постановление сохраняет все свое значение и сейчас.

Поправка No 4

Прибавить к резолюции следующие практические выводы:

1. Необходимо прежде всего целиком и полностью подтвердить и укрепить курс на международную революцию и дать решительный отпор всем "стабилизационным" "мнимогосударственным" настроениям, сводящимся к тому, что вообще не надо-де было "лезть в Китай", что надо "поскорей уйти из Китая", что если мы будем вести себя "разумно", то "нас оставят в покое" и т. д. "Теория" социализма в одной стране теперь играет уже прямо разлагающую роль и явно мешает сплочению сил международного пролетариата вокруг СССР -- ибо убаюкивает рабочих других стран, притупляя у них сознание опасности.

Некоторые товарищи, мнящие себя "реальными политиками" и мудрыми "государственными деятелями", напуганные англо-русским разрывом и внутренними трудностями, вынашивают такой "план": 1. признать долги; 2. более или менее ликвидировать монополию внешней торговли; 3. "уйти из Китая", т. е. отказаться от поддержки китайской революции и вообще национально-революционных движений; 4. внутри страны -- правый "маневр", т. е. еще некоторое расширение нэпа. Этой ценой надеются уничтожить опасность войны, улучшить международное положение СССР и устранить (или ослабить) внутренние трудности. Все это строится на той же оценке, будто стабилизация капитализма обеспечена на десятки лет.

На деле это означало бы не "маневр", а при нынешней обстановке полную капитуляцию советской власти, возврат через "политический нэп", "неонэп" к капитализму.

Империалисты приняли бы все уступки и тем скорее перешли бы к новому натиску, вплоть до войны. Кулак, нэпман и бюрократ, приняв к сведению сделанные уступки, тем настойчивее стали бы организовывать все антисоветские силы против нашей партии. Такая "тактика" с нашей стороны дала бы теснейшую смычку нашей новой буржуазии с буржуазией иностранной. Экономическое развитие СССР попало бы под полный контроль международного капитала: займов на грош, а кабалы на целковый. А рабочий класс и основная масса крестьянства стали бы утрачивать веру в мощь советской власти, веру в то, что соввласть

знает, куда она ведет народ.

Попытаться "откупиться" от войны, если это будет возможно, мы обязаны. Но именно для этого мы должны быть сильны, едины, неизбежно отстаивать тактику мировой революции, укреплять Коминтерн. Только тогда есть серьезные шансы добиться возможно длительной отсрочки войны такой ценой, которая не губит советской власти, а в случае неизбежности войны получить поддержку международного пролетариата и победить.

Ленин допускал известные экономические уступки империалистам, в целях откупиться от войны или привлечь на приемлемых условиях иностранный капитал. Но ни при каких условиях, ни даже в самые тяжелые моменты Ленин не допускал

и мысли об отмене монополии внешней торговли, о предоставлении политических прав буржуазии, об ослаблении поддержки мировой революции, об ослаблении тактики мировой революции вообще.

Столь же важное значение имеет задача -- сплотить ряды нашей партии, положить конец прямой спекуляции империалистской буржуазии и вождей социал-демократии на раскол, откол, "отсечение" и т. п. Это имеет самое прямое отношение к вопросу о войне, ибо теперь "прощупывание" нас империалистами идет более всего по этой морально-политической линии. Все органы международной буржуазии и социал-демократии проявляют ныне необыкновенный интерес к нашим внутрипартийным спорам и открыто толкают и поощряют ныне-нешнее большинство ЦК на исключение оппозиции из руководящих органов партии, а если можно, то и из партии, а если можно, то и на прямую расправу. Начиная с богатейшей буржуазной газеты "Нью-Йорк Таймс" и кончая наиболее изворотливой газетой II Интернационала "Венской рабочей газетой" 202 (Отто Бауэр) -- все органы буржуазии и социал-демократии приветствуют "правительство Сталина" за борьбу против оппозиции и призывают еще раз доказать свой "государственный разум" решительным отсечением оппозиционных "пропагандистов международной революции". При прочих равных условиях война наступит тем позднее, чем меньше мы оправдаем надежды врага на откол, отсечение и т. п. И "откупиться" от войны (если возможно), и победить в войне (если воевать придется) можно только, если мы сохраним полное единство, если прежде всего обманем надежды империалистов на раскол, откол, отсечение. Этот последний путь нужен только капиталистам.

Необходимо выправить нашу классовую линию в международном рабочем движении, прекратить борьбу против левокрыла Коминтерна, вернуть в Коминтерн тех исключенных, которые признают решения пяти конгрессов Коминтерна (например, группа Урбанса) 203 -- и раз навсегда положить конец политике "сердечных соглашений" с предательскими вождями английского Генсовета. Разрыв блока с Генсоветом в нынешней обстановке имеет такое же значение как в 1914 г. разрыв с Международным социалистическим бюро 204. Этого разрыва Ленин требовал тогда ультимативно от

каждого рево-

люционеру. Не разорвав с предателями, нельзя по-настоящему организовать для революционной борьбы. Генсовет предал английскую всеобщую забастовку, затем стачку горняков; Генсовет предал СССР в феврале 1927 г. (первая нота Чемберлена)²⁰⁵; Генсовет предал китайскую революцию, когда английские империалисты начали против нее прямую войну; Генсовет предал английских рабочих, когда английское правительство проводило реакционный закон против профсоюзов²⁰⁶; Генсовет предал СССР, когда Чемберлен порвал дипломатические отношения с нами²⁰⁷; Генсовет увенчал свою деятельность тем, что вынес протест против расстрела нами 20 белогвардейцев и английских шпионов в ответ на убийство тов. Войкова²⁰⁸; Генсовет выступает, таким образом, вернейшим агентом английских империалистов, прямым пособником убийц Войкова. Оставаться в блоке с таким Генсоветом означает помогать контрреволюционным вождям II Интернационала.

Необходимо решительно выправить нашу линию в национально-революционном движении -- прежде всего в Китае, но также и в ряде других стран, ликвидировать линию Мартынова--Сталина--Бухарина -- вернуться к линии Ленина, к постановлениям II и IV Всемирных конгрессов Коминтерна. Иначе мы из двигателя станем тормозом национально-революционных движений и неизбежно потеряем симпатии рабочих и крестьян на Востоке.

Необходимо последовательно, систематически, упорно вести борьбу за мир. Предотвратить войну, отсрочить войну, "откупиться" от войны -- все, что возможно и допустимо (см. п. 1), необходимо сделать для этого. В то же время -- готовиться, не покладая рук, к войне, уже сейчас и первым делом положить конец идейно-политическому разнобою и разброду в вопросе о том, существует ли близкая опасность войны.

Решительно выправить классовую линию нашей внутренней политики. Если война неизбежна, то победить может только строго большевистская линия: рабочий и батрак с опорой - бедняком, в союзе с маломощным середняком - против кулака, нэпмана, бюрократа.

7. Всемирная подготовка всего хозяйства, бюджета и пр. на случай войны.

Г. Зиновьев

/Август 1927 г./

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)²⁰⁹

Сов. Секретно

30 августа 1927

№ 98/с

Копии: всем членам и кандидатам ЦК, ЦКК, Президиуму ИККИ

На ваше письмо от 23 августа мы отвечаем с некоторым запозданием, так как заключающиеся в вашем письме цитаты из органа группы Урбанса оказались

нам с самого начала сомнительными, что вызвало необходимость собирания и просмотра всего комплекта издания этой группы. Результаты этой проверки немаловажны: они свидетельствуют, что те цитаты, которые показались нам сомнительными, являются на деле фальшивыми цитатами. Факт этот может показаться невероятным, но это тем не менее факт. В целях обвинения оппозиции, в целях сближения ее взглядов с действительно пораженческими взглядами авторы письма, подписанного высшим учреждением нашей партии, не остановились перед ссылкой на фальшивые цитаты.

Письмо Политбюро гласит:

"Какова "точка зрения" группы Маслова210--Рут Фишер211--Урбанса, это видно хотя бы из следующих всем известных заявлений этих господ на страницах их органов:

"С того момента, как в России создан новый экономический базис, с того момента, как находящаяся у власти партия ввела капитализм для того, чтобы удержать монополию власти, русский пролетариат должен относиться к этой властитак же, как к любому капиталистическому государству" ("Митт-лайлунгсблатт"212 No 28).

"Фактически большевики это -- управляющие, это -- исполнители имущих классов, которые благодаря введению капитализма, бескровным путем пришли к власти" (там же).

Только эти две цитаты и имеют значение для характеристики действительно пораженческих, действительно контрреволюционных, действительно ренегатских взглядов авторов приведенных строк.

Две следующие за этим цитаты, даже в том искусственно урезанном виде, в каком их приводит письмо Политбюро, ни в каком случае не являются доказательством контрреволюционных взглядов их авторов: в третьей и четвертой цитатах

дана резкая оппозиционная критика нынешнего руководства ВКП. В третьей и четвертой цитатах Сталин и Бухарин обвиняются в том, что благодаря их ложной политике контрреволюция завоевывает легальные позиции, ослабляется СССР, облегчается работа Чемберлена и пр. В этих цитатах, при всей их резкости, объясняющейся, конечно, и тем, что группу Урбанса недобросовестно травят в нашей печати как "ренегатов", "агентов Чемберлена" и т. п., никак нельзя найти враждебного отношения к ВКП и к СССР, если не смешивать критику по адресу Сталина и Бухарина с враждебным отношением к ВКП и СССР. Наоборот, если взять в целом те статьи, из которых выдернуты и искусно усечены третья и четвертая цитаты, то окажется, что резкая критика политики Сталина--Бухарина исходит из признания того, что СССР является рабочим государством, достоянием международного пролетариата и что защита его является первейшим долгом каждого честного революционера.

Таким образом, между третьей и четвертой цитатами и между первыми двумя нет ничего общего ни по содержанию, ни по духу. Третья и четвертая цитаты получают подозрительный оттенок только потому, что следуют непосредственно после первой и второй, действительно враждебных нашей партии и нашему

государству. Таким образом, четыре приведенные в письме Политбюро от 23 августа 1927 г. цитаты расположены так, как будто политику Сталина--Бухарина объявляют негодной те самые лица, которые объявляют СССР капиталистическим государством. Именно это искусное расположение цитат и вызвало наше подозрение и побудило нас собрать наличные в Москве издания группы Урбанса, чтобы убедиться, что в этих изданиях, приписанных Урбансу, Маслову, Рут Фишер, цитат нет и в помине.

Одновременно мы обратились в Секретариат ЦК с просьбой прислать нам цитируемые издания. Мы получили No 13 и No 14 издания группы Урбанса "Ди Фане дес Коммуниз-мус"213 и No 28 издания "Миттейлунгсблатт" от 2 октября 1926 г. Третья и четвертая цитаты, направленные против политики Сталина--Бухарина, действительно заимствованы -- хотя и с очень своеобразными усечениями -- из органа Урбанса. Что же касается двух первых цитат, объявляющих наше государство капиталистическим и нашу партию -- буржуазной,

то обе эти цитаты заимствованы из органа Ивана Каца214, который ничего не имеет общего с группой Урбанса--Маслова. Это может показаться совершенно невероятным -- тем не менее это факт!

Каким образом могла быть произведена такого рода подмена?

Правда, орган группы Урбанса до мая этого года тоже назывался "Миттейлунгсблатт", что означает "информационный листок". Под этим именем выходят в Германии многочисленные издания, которые отличаются друг от друга названием группы и именем издателя. На всех информационных листках группы Урбанса напечатано в заголовке крупными буквами: "левая оппозиция КПГ. Издатель: Гуго Урбанс, Берлин". Что же касается информационного листка группы Каца, то местом его издания показан Ганновер, а в конце 4-й страницы имеется подпись: "ответственный издатель и редактор Иван Кац, Ганновер".

Каким образом могло получиться такое "смещение"? Ведь Политбюро было причастно к исключению группы Урбанса--Маслова из партии. Группа эта возбудила потом вопрос об ее обратном приеме в партию. Политбюро выражает об этой группе вполне категорические суждения, называя ее ренегатской и контрреволюционной. Эти суждения Политбюро может основывать, очевидно, только на знакомстве с деятельностью группы Урбанса--Маслова. Главная деятельность ее выражается именно в издании сперва информационного листка, затем -- еженедельного журнала. Выходит, в лучшем случае, что ни один из членов Политбюро не отличает издания действительного ренегата Ивана Каца от издания группы Урбанса. Но какое же значение, какой вес могут иметь суждения Политбюро о группе Урбанса--Маслова, если эти суждения основаны на смешении двух разных органов, двух разных групп, находящихся в самой резкой борьбе друг с другом?

Во время расширенного пленума Исполкома в поправках, внесенных тт. Троцким и Вуйовичем к резолюции о борьбе против войны, сказано:

"Отсечение таких элементов, как Кац, Корш²¹⁶, Шварц²¹⁶ является очищением рядов Коминтерна. Но в корне неправильно смешивать и отождествлять с ними группу Урбанса".

Этот наш взгляд сложился не вчера. Всякий, кто действительно следит за жизнью немецкой партии и немецкого рабо-

чего класса, а не просто полагается на доклады безыдейных и безответственных чиновников, знает, что смешивать воедино ганноверский информационный листок Ивана Каца с берлинским информационным листком Урбанса можно либо по полному незнакомству с вопросом, либо по злой воле. Когда-то социал-демократический вождь Эберт²¹⁷ никак не мог различить "листочков", издававшихся за границей большевиками и меньшевиками. Для него все это были одинаковые "групки", между которыми почти нет разницы. Но мы не можем идти по этому пути.

В тех же поправках Троцкого и Вуйовича (от 21 мая) говорится:

"Важнейшим критерием действительной революционности отдельных рабочих организаций и группировок является их отношение к СССР, их готовность и способность дать отпор капиталистической и социал-демократической клевете и травле, а затем и военному наступлению".

Мы не дождались, таким образом, клеветы насчет нашего "условного оборончества" или "пораженчества", чтобы выдвинуть в международном масштабе важнейший критерий, который -- при правильном и честном применении -- действительно может помочь определить, по какую сторону баррикады стоит та или другая группа в рабочем движении. Цитаты, приведенные Политбюро из органа Каца (выданного за орган Урбанса) показывают, что эта группа действительно стоит по другую сторону баррикады. Мы в этом нисколько не сомневались. Именно поэтому мы говорили на УШ пленуме ИККИ: "Отсечение таких элементов, как Кац, Корш, Шварц является очищением рядов Коминтерна". Но мы тут же предупреждали о том, что в корне неправильно смешивать с Кацем и Ко группу Урбанса. Между тем, все письмо Политбюро построено на этом смешении. Если бы хоть один из членов Политбюро следил за этим изданием или вообще имел сколько-нибудь отчетливое представление о политической физиономии обеих групп, он не допустил бы этой скандальной истории с фальшивыми цитатами в письме высшего органа партии. Мы снова повторяем: какой же вес имеют обвинения Политбюро о нашем единомыслии с якобы контрреволюционной и якобы ренегатской группой, если Политбюро -- как теперь доказано

с полной бесспорностью -- не имеет об этой группе никакого понятия?

Да, группа Урбанса жестоко критикует линию Сталина--Бухарина как ложную, не ленинскую, не дающую должного отпора термидорианским силам в стране и своими ошибками ослабляющую СССР по отношению к иностранному империализму. Если отождествлять Сталина с ВКП, СССР и Коминтерном, тогда

критика группы Урбанса--Маслова является "ликвидаторской", "ренегатской" и пр. Но группа Урбанса такого отождествления не делает. И в этом она совершенно права. Каково же ее отношение к защите СССР? Об этом говорится хотя бы на первой странице того же самого № 13 "Знамени коммунизма", откуда Политбюро приводит свою четвертую цитату. В передовице, посвященной убийству Войкова, говорится:

"Руки прочь от Советской России -- это легко сказать. Этот клич обязывает к тяжелой и лихорадочной международной пропагандистской и организационной работе, которая даже и не начата, несмотря на то, что уже давно было ясно, как будут обостряться конфликты.

Мы, левые коммунисты, повторяем в эти ответственные часы те предложения и те требования, которые мы делали 1 марта по поводу ноты Чемберлена: немедленно восстановить единство Коминтерна... Немедленное международное сплочение рабочих транспорта, военных и химических заводов под лозунгами: ни одного судна, ни одного поезда с солдатами, оружием или амуницией против Советской России; ни одного солдата, ни пушки, ни газа, ни самолета -- против Советской России; немедленная революционная пропаганда, проникнутая ленинским наступательным духом против империализма, против войны, при беспощадном вскрывании того, что есть, т. е. бездеятельности всех левых реформистских "друзей" Советской России, и путем организации революционного отпора. Руки прочь от Советской России".

Такие статьи, заявления, призывы имеются буквально в каждом номере изданий группы Урбанса. В этом может убедиться каждый. Мы не приводим здесь дальнейших цитат, чтобы не загромождать письма. Такие заявления составляют линию группы Урбанса. Утверждение, будто эта группа ведет ренегатскую борьбу против Советского Союза, объявляя его буржуаз-

ным государством, является просто ложью -- которой в Германии не верит ни один сознательный рабочий. В своем заявлении XI съезду германской компартии группа Урбанса писала (как раз в момент, когда ее несправедливо, под нажимом Сталина и Бухарина, исключали из партии):

"Мы-то уж, наверно, будем стоять за Советскую Россию всеми нашими силами -- совсем по-иному, чем "друзья" из лагеря реформистов".

В открытом письме к последнему съезду германской компартии группа Урбанса--Маслова--Рут Фишер писала:

"Точно так же мы отклоняем ложные, некоммунистические воззрения, развиваемые в русском вопросе, например, Кацем, Коршем или Шварцем.

Мы видим в Советской России первое пролетарское государство мира и отвергаем всяческие разговоры о "буржуазном" характере русской революции (Корш) или о подготовке "настоящей пролетарской революции" в России (Шварц) как ликвидаторские. Поддержку пролетарской России против всякого империалистского нападения и против клеветнической кампании меньшевиков мы считаем, как и всегда, само собой разумеющейся обязанностью каждого коммуниста".

Таким образом, открытое письмо Урбанса--Маслова от 1 марта 1927 г. (№

5--6 информационного листка) заключает в себе ясное и категорическое отмежевание от "ложных некоммунистических воззрений, развиваемых в русском вопросе Кацем, Коршем или Шварцем". Отмежевание это делалось представителями группы Урбанса--Маслова и с трибуны парламента, и на ряде открытых рабочих собраний, где доходило до самой ожесточенной борьбы между группой Урбанса и сторонниками Каца, Корша или Шварца, именно из-за вопроса об отношении к СССР. Каждый, кто имеет хоть какое-нибудь представление о группировках в немецком рабочем движении, знает, что как раз в вопросе об отношении к СССР прошла основная линия водораздела между группой Урбанса и группой Каца. Группа Урбанса объявила группу Каца некоммунистической. Группа Урбанса еще полтора года тому назад порвала и с Розенбергом²¹⁸, прежним "ультралевым", предсказав, что он перейдет к социал-демократам. Еще во время VI расширенного пленума ИККИ Сталин и Бухарин с большим трудом "отвоевали" на свою сторону этого Розенберга, который за-

тем через несколько месяцев действительно перекочевал к социал-демократам.

Мы, в свою очередь, объявили отсечение группы Каца, Корша, Шварца необходимым очищением Коминтерна. Теперь Политбюро для доказательства того, что группа Урбанса--Ма-слова -- "ренегатская" группа, приводит писания Ивана Каца, выдавая их за писания Гуго Урбанса! Трудно себе представить более возмутительную неосведомленность и политическую неряшливость. А между тем в руках нашего Политбюро фактически судьба многих групп Коминтерна.

Письмо Политбюро от 23 августа осыпает руководителей группы Урбанса и личной бранью вроде "пройдохи" и пр.

Ввиду этого приходится напомнить следующее:

Урбанс является старым революционером, руководителем Гамбургского восстания²¹⁹. Он, по общему признанию, героически держался на суде и получил каторгу. Не раз при Лени-не участвовал на конгрессах Коминтерна, где пользовался полным уважением, избирался на ответственные посты и т. д.

Про Маслова распространились после 1921 г. неблагоприятные слухи. Эти слухи (как и всю биографию Маслова)разбирала тогда же специальная комиссия из представителей семи партий. От ВКП входили Сталин, Уншлихт²²⁰, Пятницкий²²¹. Сталин был председателем этой комиссии. Комиссия после вызова ряда свидетелей, тщательнейшей проверки всех слухов и т. п. оправдала Маслова и отправила его в Германию как признанного вождя КПГ на самую ответственную руководящую работу. Тельман²²² и его группа были самыми горячими защитниками Маслова. В 1925 году Сталин писал Маслову очень лестные для последнего письма. Травля против Маслова началась лишь тогда, когда он солидаризировался с оппозицией.

Рут Фишер была выбрана на V Конгрессе единогласно Исполкомом КПГ. Никаких личных обвинений ей не предъявлялось. Преданность ее рабочему движению вне всяких сомнений. Когда она была в Москве, Сталин, Бухарин, Мануильский всеми

силами старались завербовать ее на свою сторону про-тив оппозиции.

Действительными "пройдохами" и просто авантюристами являются типы вроде Гейнца Неймана, подслуживавшиеся

и к Брандлеру²²³ и к Рут Фишер, предававшие и правых и левых, типы, у которых ничего нет за душой, которым в Германии не верит ни один рабочий, но которые в "Правде" выдаются за "представителей" германского пролетариата.

Другая часть письма Политбюро, посвященная опубликованию группой Урбанса документов оппозиции ВКП, является столь же неосновательной и нелепой, хотя и в другом отношении. Группа Урбанса опубликовала часть тех документов по китайскому вопросу, которые раздавались во время последнего УШ пленума Исполкома в десятках экземпляров на трех языках. Факт этот был уже известен до последнего Объединенного пленума ЦК и ЦКК²²⁴. Ряд документов, до их появления в виде сборника, был напечатан на страницах еженедельника Урбанса "Знамя коммунизма". Объявление о предстоящем выпуске сборника предшествовало Объединенному пленуму и комментировалось на нем. Таким образом, выход заранее объявленного сборника в свет не прибавляет ни одного нового факта к тому, что было известно Объединенному пленуму. Вопрос о нашем отношении к группе Урбанса играл крупнейшую роль при обсуждении четвертого пункта порядка дня. Пленум поставил нам в отношении группы Урбанса определенный вопрос. Мы на этот вопрос дали определенный ответ в своем заявлении от 8 августа. Что же прибавилось с того времени? Почему и для каких целей вопрос поднимается заново?

На пленуме давалась о группе Урбанса заведомо ложная информация, которую мы не могли тут же на месте проверить и опровергнуть. Мы дожидались выхода в свет стенографического отчета о пленуме, чтобы в той или другой форме доказать членам ЦК и ЦКК и всей вообще партии, что "Правда" дает заведомо ложную информацию о группе Урбанса. Ложные цитаты в письме Политбюро обнаруживают теперь это полностью и целиком. Мы отказались на Объединенном пленуме признать группу Урбанса--Маслова -- на основании ложных цитат и ложной информации -- контрреволюционной и ренегатской группой. Наоборот, мы считаем, что эта группа включает в свой состав сотни и тысячи прекрасных пролетарских элементов. Симпатии к этой группе внутри КПГ быстро растут, мы об этом заявили на пленуме. Разумеется, поскольку группа Урбанса исключена -- к великому вреду для германской компартии и Коминтерна, -- мы вынуждены с этим считаться

и, подчиняясь дисциплине, вынуждены воздерживаться от организационной связи с нею. Политбюро поступает, однако, в корне неправильно, когда вскоре после пленума, не приводя ни одного нового факта или обстоятельства -- ибо фальшивые цитаты не могут быть признаны новым фактом -- требуют от нас такого заявления, какого мы не дали и не могли дать на Объединенном пленуме, ибо оно противоречило бы фактам и нашим взглядам. Для каких целей все это

делается?

Столь же неправильным является обращенное к нам требование "протестовать против публикации не подлежащих опубликованию" наших статей и речей и "не допускать впредь печатания" их. Факт их опубликования был известен пленуму. Опубликованы именно те документы и только те документы, которые раздавались на пленуме как нами, так и аппаратом Коминтерна. Так, стенограммы наших речей, произносившихся на Коминтерне, не попали в сборник. Уже одно это указывает на те пути, по каким материал мог дойти до группы Урбанса. Сама группа заявила в печати, что она получила эти материалы на французском языке от одного из лиц, бывших на VIII пленуме ИККИ. "Не допускать" публикации наших заявлений, документов и пр. означало бы в данной обстановке отказываться от раздачи этих документов на пленумах ЦК, на пленумах Исполкома Коминтерна и пр. Мы не собираемся отказаться от этого своего неотъемлемого права ни в малейшей степени. Разумеется, глубоко ненормально, что документы, не опубликованные в нашей партийной печати, публикуются группой Урбанса. Но сколько-нибудь серьезное знакомство с этими документами говорит, что ответственность за этот ненормальный факт лежит полностью и целиком на политике Политбюро ЦК. После небывалого банкротства линии Сталина--Бухарина в китайской революции и в Англо-русском комитете все мыслящие, все революционные, все честные элементы нашей партии и Коминтерна ждут и требуют марксистского анализа событий и совершенных ошибок вместо той гнилой трухи, которая преподносится миру в "Правде" и в изданиях Коминтерна, в писаниях Мартынова, Слепкова²²⁵, Гольденберга²²⁶, Пеппера, Д. Петровского²²⁷, Мануильского и др. Односторонняя дискуссия по вопросам, от которых зависит судьба мирового пролетариата и национально-революционного движения идет полным хо-

дом. Меньшевицкие тупицы, вроде Мартынова, изрыгают прокисшую мудрость, осужденную опытом трех революций. От оппозиции же требуется абсолютное молчание под тем насквозь лживым предлогом, будто дело идет о великих государственных тайнах. Эта ссылка позорна и недостойна вдвойне: во-первых, при налете на наши учреждения в Китае захвачено много секретных документов, не говоря уже о том, что секреты эти известны нашим "друзьям" Чан Кайши, Фэн Юйсяну и Ван Цзинвэю, ибо все связи шли через них; во-вторых, потому, что мы, оппозиционеры, ни единым словом, ни единым звуком не затрагивали и не собираемся затрагивать те секреты, которые, как сказано, и без того уже известны всему свету. Во всех наших документах и речах дело идет исключительно о вопросах политической линии. Дело идет о защите большевизма от мартыновщины, дело идет о критике линии Сталина--Бухарина, которую в основных вопросах китайской революции целиком поддерживает Дан. Ложной политикой китайская революция была обречена на поражение. Но нет и не может быть таких средств, которые помешали бы пролетарскому авангарду понять, обсудить и оценить причины поражения, чтобы подготовить себя к победам. ВКП, китайская компартия, Коминтерн в целом должны узнать правду, и они ее узнают. Резюмируем:

Свою характеристику группы Урбанса письмо Политбюро основывает на ложных цитатах.

Требование, обращенное к нам, опирается, с одной стороны, на эти именно ложные цитаты, с другой стороны -- на факты и обстоятельства, по которым мы давали ответ перед Объединенным пленумом в своем заявлении от 8 августа 228.

Вместо того, чтобы требовать от нас отмежевания от буд-то бы "ренегатской" и "контрреволюционной" группы Урбан-са, Политбюро должно было бы изменить свою характеристику этой группы, основанную на неосведомленности и подсуну-тых кем-то фальшивых цитат.

Вместо того, чтобы требовать от нас приостановки рас-пространения наших взглядов на пленумах ЦК, конференци-ях, расширенных Исполкомах Коминтерна и пр.. Политбюро должно само опубликовать к сведению всей партии и дать воз-можность опубликовать всем другим партиям наши основные

документы по вопросам китайской революции, Англо-русского комитета, внутреннего положения СССР, словом, по всем тем вопросам, по которым группа Сталина потрясает партию и Коминтерн за последние годы непрерывной дискуссией, главными элементами которой является ложная информация, травля и зажимание рта.

Г. Зиновьев, Л. Троцкий

На правах рукописи, только для членов ВКП (больше.)

ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ

БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ (ОППОЗИЦИИ) 229 К XV СЪЕЗДУ ВКП(Б)

(Кризис партии и пути его преодоления)

13 членов ЦК и ЦКК вносят в Политбюро ЦК ВКП(б) нижеследующий проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП (б).

Они оставляют за собой право уточнения ее накануне съезда -- после обмена мнений в печати и на партсобраниях.

Муралов, Евдокимов, Раковский²³⁰, Пятаков, Смилга, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Петерсон²³¹, Бакаев²³², Соловьев²³³, Лиздин²³⁴, Авдеев.

/.../

XII. Против оппортунизма -- за единство паритии

Мы изложили открыто наши взгляды на тяжелые ошибки, совершенные большинством ЦК во всех основных областях внутренней и внешней политики. Мы показали, как ослаблен этими ошибками большинства ЦК основной рычаг революции -- наша партия. Мы показали вместе с тем, что, несмотря на все это, политику партии можно исправить изнутри. Но для того, чтобы ее

исправить, надо ясно и открыто поставить перед собой вопрос о характере ошибок, совершаемых партийным руководством.

Эти ошибки суть ошибки оппортунистические. Оппортунизм в развернутом виде -- это, по классическому определению Ленина, блок верхушки рабочего класса с буржуазией, направленный против большинства рабочего класса. В условиях, в которых находится СССР, доведенным до конца оппортуниз-

мом явилось бы стремление верхушки рабочего класса к соглашению с возрождающейся новой буржуазией (кулаком) и нэпманом и мировым капитализмом за счет интересов широких масс рабочего класса и деревенской бедноты.

Когда мы отмечаем наличие в некоторых кругах нашей партии таких тенденций в их первом проявлении и в их развитии, то нелепо по этому поводу поднимать вопрос о клевете на партию, ибо именно к партии мы апеллируем против тех тенденций, которые ей угрожают. Столь же нелепо ставить вопрос о том, будто мы обвиняем ту или другую часть партии или ЦК в измене революции, в предательстве интересов пролетариата. Ложная политическая линия может диктоваться самыми искренними заботами об интересах рабочего класса. Даже наиболее крайние представители правого крыла нашей партии убеждены, что соглашение с буржуазными элементами, на которые они готовы идти, нужно в интересах рабочих и крестьян, что оно представляет собою один из таких маневров, какие вполне допустимыми считал Ленин. Даже правая группа, представляющая открытую тенденцию к сползанию, не хочет термидора²³⁵. Тем более это относится к "центру", который ведет типичную политику иллюзий, самоутешения и самообмана.

Сталин и его ближайшие сторонники убеждены, что, опираясь на свой мощный аппарат, они перехитрят все силы буржуазии, вместо того чтобы их преодолеть в борьбе. Сталинцы несомненно искренне думали, что они "играют", до поры до времени, китайскими генералами, которых отбросят, как выжатый лимон, после того как используют их в интересах революции. Сталин и сталинцы несомненно искренне думали, что они "играют" Персеями, а не наоборот. Сталин и сталинцы искренне думают, что они "свободно" могут делать уступки "своей" буржуазии, а затем брать эти уступки назад без всяких последствий.

В своем бюрократическом самомнении сталинцы "облегчают" себе маневры, устраняя по существу от участия в политических решениях партию, дабы избежать ее сопротивления. Сталинская верхушка решает и действует, а партии предоставляет эти решения "прорабатывать". Но этим ослабляется, если не парализуется, та сила, которая могла бы использовать правильный политический маневр, если он необходим и уме-

стен, или же ослабить и устранить последствия тех маневров руководства, которые явно ошибочны. Таким образом, накапливаются результаты соглашательских тенденций правого крыла ЦК партии и маневров его центристской группы, результаты, которые в совокупности своей означают: ослабление международного

положения СССР; ослабление положения пролетариата по отношению к другим классам СССР; относительное ухудшение его материального положения; ослабление его связи с деревенской беднотой, угрожающее союзу с середняком; ослабление его роли в государственном аппарате; замедление темпа индустриализации. Эти последствия политики большинства ЦК, а не его намерений, имела в виду оппозиция, ставя вопрос об опасности термидорианства, т. е. сползания с рельс пролетарской политики на рельсы политики мелкобуржуазной.

Огромные отличия истории и характера нашей партии по сравнению с партиями II Интернационала ясны всем. ВКП прошла через огненный закал трех революций, завоевала власть против мира врагов, организовала III Интернационал. Ее судьба есть судьба первой победоносной пролетарской революции. Революцией же определяется и темп ее внутренней жизни. Все идейные процессы в ней, совершающиеся под высоким классовым давлением, имеют тенденцию быстрого развития и созревания. Именно в нашей партии особенно необходима поэтому своевременная и решительная борьба против всяких сдвигов с ленинской линии.

Оппортунистические опасности в ВКП имеют в нынешних условиях глубокие объективные источники. 1) Международное буржуазное окружение, временная частичная стабилизация капитализма порождают "стабилизационные" настроения. 2) Нэп безусловно необходимый, как путь к социализму, возрождая частично капитализм, оживляет тем самым и враждебные социализму силы. 3) Мелкобуржуазная стихия в стране с громадным большинством крестьянства не может не перехлестывать не только в Советы, но и в партию. 4) Монопольное положение самой партии, безусловно необходимое для революции, создает, опять-таки, ряд особых опасностей. Уже XI съезд²³⁶ при Ленине указал прямо и открыто, что в нашей партии имеются теперь большие группы людей (из зажиточных крестьян, верхушки служащих, из интеллигенции), которые были бы в партиях эсеров и меньшевиков, если бы

эти партии были легальны. 5) Госаппарат, которым руководит партия, в свою очередь приносит в партию много буржуазного и мелкобуржуазного, заражая ее оппортунизмом. 6) Через спецов, высшие категории служащих и интеллигенции, которые необходимы для нашего строительства, вливаются в наши аппараты -- государственные, хозяйственные и партийные -- непролетарские влияния.

Вот почему оппозиционное ленинское крыло партии с такой настойчивостью бьет тревогу по поводу явного и все более угрожающего сползания сталинской группы. Преступным легкомыслием являются утверждения, будто великое прошлое партии, ее старые кадры при всех условиях и на все времена заключают в себе гарантию против опасностей оппортунистического перерождения. Такой взгляд не имеет ничего общего с марксизмом. Не этому учил Ленин. На XI съезде партии он говорил: "История знает превращения всяких сортов -- полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества, это вещь в политике совсем не серьезная..." (т. XVIII, ч. 2, стр. 42).

Рабочие, составлявшие громадное большинство в социалистических партиях Запада до империалистической войны, безусловно были противниками оппортунистического сползания. Но они не сумели вовремя преодолеть тогда еще незначительные оппортунистические ошибки. Они недооценили их значение. Они не поняли, что первые же серьезные исторические потрясения после длительной полосы мирного развития, взрастившей сильную рабочую бюрократию и рабочую аристократию, заставят не только оппортунистов, но и центристов капитулировать перед буржуазией, а масса может в этот момент оказаться безоружной. Если революционных марксистов, представителей левого крыла во II Интернационале, перед войной можно в чем-либо упрекнуть, то не в том, что они преувеличивали опасности оппортунизма, когда называли его национал-либеральной рабочей политикой, а в том, что, полагаясь на рабочий состав тогдашней социалистической партии, на революционный инстинкт пролетариата, на обострение классовых противоречий, они на деле недооценивали опасность и недостаточно энергично мобилизовали против нее революционные низы. Мы этой ошибки не повторим. Ставя своей задачей своевременное выправление линии

руководства, мы тем самым отмечаем упреки в стремлении к расколу нашей партии и к созданию новой партии. Диктатура пролетариата требует повелительно одной и единой пролетарской партии как руководителя рабочих масс и бедноты. Единство этой партии, и притом не ослабляемое борьбой фракций, безусловно необходимо пролетариату для выполнения его исторической миссии. Оно может быть осуществлено только на основе учения Маркса и Ленина, учения, не разбавленного отсебятиной, не искаженного ревизионизмом.

Борясь за определенный темп индустриализации как за предпосылку социалистического переустройства страны, борясь против роста кулака, стремящегося к господству в деревне; борясь за своевременное повышение жизненного уровня рабочих, за демократию в партии, профсоюзах, Советах, -- оппозиция борется не за такие идеи, которые могут привести к разобщению рабочего класса и его партии, а, наоборот, за упрочение основ действительного единства ВКП. Вне исправления оппортунистических ошибок возможно лишь показное единство, которое ослабит партию перед напором растущей буржуазии, а в случае войны заставит партию перестраиваться на ходу, уже под огнем неприятеля. Ознакомившись с нашими взглядами и предложениями, пролетарское ядро нашей партии -- мы не сомневаемся в этом -- примет их и будет бороться за них, не как за фракционные лозунги, а именно как за знамя единства партии.

Наша партия до сих пор недостаточно ясно сознавала и поэтому не исправляла ошибки своего руководства. Чрезвычайно быстрый темп роста нашего хозяйства в течение восстановительного периода явился одной из основных причин оппортунистических иллюзий, которые большинство ЦК систематически сеяло в партии и в рабочем классе. Сопровождавшее восстановительный процесс

быстрое, на первых порах, улучшение положения рабочих по сравнению с годами гражданской войны, порождало и в широких кругах рабочих надежды на скорое и безболезненное преодоление противоречий нэпа и мешало партии своевременно увидеть опасности оппортунистических сдвигов.

Рост ленинской оппозиции в партии заставляет худшие элементы партийной бюрократии переходить к методам, невиданным в практике большевизма. Не будучи в состоянии дер-

жать и дальше под запретом обсуждение политических вопросов на ячейках, часть партийной бюрократии теперь, перед XV съездом, прибегает к созданию групп, ставящих себе целью срыв обсуждения партийных вопросов криками, свистом, тушением света и пр.

Эта попытка ввести в нашу партию методы прямого физического насилия вызовет возмущение всех честных пролетарских элементов и повернется неизбежно против своих организаторов. Никакие махинации худшей части партийного аппарата не смогут отделить партийную массу от оппозиции, за которой стоят ленинские традиции нашей партии, опыт всего мирового рабочего движения, современная постановка вопросов международной политики и хозяйственного строительства под углом зрения международного пролетариата. Неизбежно обостряющиеся после восстановительного периода классовые противоречия будут все больше подтверждать наши взгляды на выход из современного кризиса и спланировать авангард пролетариата в борьбе за ленинизм.

Растущая опасность войны уже сейчас побуждает рабочих партийцев глубже задуматься над основными вопросами революции и тем самым неизбежно заставит их активнее взяться за исправление оппортунистических ошибок.

Рабочая часть нашей партии, в значительной мере отодвинутая за последние годы от руководства партией, подвергнутая опустошающему влиянию "проработок", имеющих целью доказать, что левые есть правые, а правые есть левые, воспрянет, разберется во всем, что происходит, и возьмет в свои руки судьбы партии. Помочь в этом передовым рабочим -- задача оппозиции, задача этой платформы.

Самым важным, самым боевым, самым волнующим всех членов нашей партии вопросом является вопрос о партийном единстве. И действительно, это тот вопрос, от которого непосредственное всего зависят дальнейшие судьбы пролетарской революции. Многочисленные классовые враги пролетариата напряженно прислушиваются к нашим внутрипартийным спорам и с нескрываемым злорадством и нетерпением ждут раскола в наших рядах. Раскол нашей партии, образование двух партий означали бы величайшую опасность для нашей революции.

Мы, оппозиция, решительно осуждаем какие бы то ни было попытки создания второй партии²³⁷. Лозунг двух партий есть лозунг группы Сталина, желающей вытеснить из ВКП ленинскую оппозицию. Наша задача состоит не в том,

чтобы строить какую-то новую партию, а в том, чтобы добиться исправления линии ВКП. Пролетарская революция в СССР может победить до конца только при единой большевистской партии. Мы боремся внутри ВКП за свои взгляды и решительно осуждаем лозунг "двух партий" как лозунг авантюристский. Лозунг "двух партий" отражает, с одной стороны, стремление раскольников из партаппарата, с другой -- настроения отчаяния и непонимания того, что задача ленинцев состоит в том, чтобы добиться победы идей ленинизма внутри ВКП, несмотря на все трудности. Тот, кто искренно отстаивает линию Ленина, не может быть заинтересован в "двух партиях" и не может играть идеей раскола. На путь раскола, на путь "двух партий" может толкать лишь тот, кто хочет линию Ленина заменить какой-то другой.

Всеми силами мы будем бороться против двух партий, ибо диктатура пролетариата требует как своего стержня единой пролетарской партии. Она требует единой партии, она требует пролетарской партии, т. е. партии, политику которой определяют интересы пролетариата и проводит пролетарское ядро. Исправление линии нашей партии, улучшение ее социального состава -- это не путь двух партий, а усиление, обеспечение ее единства как революционной партии пролетариата.

К десятой годовщине Октябрьской революции мы высказываем наше глубокое убеждение в том, что не для того рабочий класс принес бесчисленные жертвы, низверг капитализм, чтобы не быть теперь в состоянии исправить ошибки своего руководства, сильною рукою повести вперед пролетарскую революцию и отстоять СССР, этот центр мировой революции.

Против оппортунизма! Против распада! За единство ленинской партии!

ЗАПИСКА

Л. Д. просил выяснить, какую роль играл Енукидзе²³⁸ в тогдашнем ВЦИКе, участвовал ли он на заседаниях большеви-

ков во фракции, выступал ли от имени большевиков, в особенности в июльские дни, бывал ли в редакции "Правды"; в частности, нужно навести справку через Федорова²³⁹ относительно Залуцкого²⁴⁰, о чем он просил Зиновьева.

Просмотреть протоколы тогдашнего ВЦИКа²⁴¹.

12 сентября 1927 г.

И. Познанский²⁴²

ЗАПИСКА ЛИФШИЦ

Дорогой товарищ,

Я получил Ваши два письма -- второе в минуту своего отъезда. Отвечаю Вам уже с юга. Оба письма очень интересны, и я надеюсь, у нас с Вами по отношению к нынешней стадии китайской революции разногласий нет. Думаю, что их и вообще в нашей среде не будет.

Одновременно с этим я посылаю в Москву свои заметки по поводу задач китайской революции на новом этапе.

Л. Троцкий
13 сентября 1927 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(Б)

По распоряжению тов. Зиновьева посылаю письменное дополнение к выступлениям тт. Зиновьева и Троцкого на объединенном заседании Политбюро и президиума ЦКК от 8 сентября 1927 г. с просьбой разослать его отдельно всем членам и кандидатам ЦК и приложить его к стенограмме заседания от 8 сентября.

14 сентября 1927 г.
В. Гринберг²⁴³

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б), В ПРЕЗИДИУМ ЦКК, В ИККИ²⁴⁴

На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК от 8 сентября 1927 г. нам не было предоставлено достаточно времени, чтобы мы могли высказаться полно по затронутым на этом заседании вопросам. После речи тов. Сталина,

как это уже стало традицией, прения были закрыты -- дабы мы не могли ответить на "обвинения", выдвинутые Сталиным.

Мы вынуждены поэтому отправить в П/олит/б/юро/ нижеследующие наши письменные объяснения. Мы просим приложить их к стенограмме заседания от 8 сентября и выражаем надежду, что эта стенограмма действительно скоро увидит свет (в практике последнего времени, к сожалению, бывало и так, что если стенограмма невыгодна для тов. Сталина, то она просто не выпускается).

Если будет сделана попытка заявить, что мы уже опоздали с присылкой настоящих объяснений (прецеденты тоже бывали), то мы заранее просим настоящее наше заявление разослать, по крайней мере, членам и кандидатам ЦК и ЦКК и ИККИ.

I. К вопросу о международном положении

Чтобы подкрепить как-нибудь попытку сокрытия от партии нашей платформы, тов. Сталин сослался на то ее место, которое говорит, что "в кругах руководящего большинства... ныне вынашивается такой примерно "план": 1) признать долги, 2) более или менее ликвидировать монополию внешней торговли, 3) уйти из Китая... 4) внутри страны -- правый маневр", т. е. еще некоторое расширение нэпа.

Сталин делает из этого такой вывод: если капиталисты это прочитают, они начнут вдвойне нажимать на правительство СССР. Остановимся на этом вопросе.

1. Когда Сталин говорит, что оппозиции "плевать" на интересы СССР или что установился общий фронт "от Чемберлена до Троцкого", или что оппозиция состоит из "пораженцев", то этим он, видите ли, не ослабляет СССР! Буржуазия всего мира в одно прекрасное утро узнает из газет, что в СССР пораженцами или "союзниками Чемберлена" являются: Каменев, Зиновьев, Раковский, Троцкий,

Радек, Лашевич²⁴⁵, И. Н. Смирнов, Серебряков²⁴⁶,
Муралов, Белобородов, Евдокимов, Бакаев, Сафаров и т. д. и т. д. Члены
Центрального комитета, товарищи, занимающие сегодня или занимавшие вчера
виднейшие советские посты, почти все представители СССР за границей --
Каменев, Глебов-Авилов²⁴⁷, Раковский, Пятаков,
Крестинский²⁴⁸, Антонов-Овсеенко²⁴⁹,
Копп²⁵⁰, Аус-сем²⁵¹, Мдивани²⁵²,
Канатчиков²⁵³ и с ними вместе тысячи рабочих-большевиков (ныне
оппозиционеров) -- все являются пораженцами или "условными оборонцами"!!
Разве же не яс-

но, что именно эти преступные утверждения наносят величайший ущерб
нашему государству, ослабляя международное положение СССР?

Наша платформа с начала и до конца проникнута мыслью об укреплении
диктатуры пролетариата и его государства вну-три и извне. Всякий враг,
который прочитает нашу платформу, убедится, что Сталин наше "пораженчество"
выдумал. Вы-званные этой выдумкой фальшивые надежды врагов рассеют-ся как
дым. Следовательно, наша платформа одним этим уже будет способствовать
укреплению СССР.

Речь тов. Чичерина²⁵⁴ на последнем Объединенном пленуме
была с начала до конца мелкобуржуазной, капитулянт-ской речью. Между тем,
тов. Чичерин одновременно и нарко-миндел и член ЦК. Свой доклад он делал по
поручению Политбюро. Политбюро не опровергло его. Первый докладчик
Политбюро, Бухарин, ограничился лишь "оговорками". Пленум не осудил Чичерина.
По речи тов. Чичерина враги мо-гут и будут делать выводы о готовности
правительства СССР идти на всякие уступки. Эта речь не печатается в
газетах, но из НКВД всегда просачивались за границу подлинные на-строения
Чичерина.

Сам Сталин на Объединенном пленуме²⁵⁵ говорил: "В са-мом
деле, почему бы мы не могли пойти на некоторые уступки французам, заплатить,
скажем, больше денег, чем предпола-га-ли мы до сего времени? Почему бы мы не
могли пойти на не-которые уступки американским капиталистам или даже
поль-ским капиталистам? Чего могут стоить нам эти уступки в целом? Они могут
стоить каких-нибудь 60--80 млн. рублей за год" (Стенографический отчет,
выпуск 1, с. 123). На плену-ме называлась гораздо большая цифра. В докладах
после плену-ма сторонники Сталина стали уже прямо зондировать поч-ву в
ячейках насчет того, как отнесутся рабочие к признанию долгов.

Разве все это не факты? Разве все это остается тайной для врагов?

Тов. Сталин подробно доказывает, что с точки зрения хозрасчета
"выгоднее" заплатить столько-то миллионов в год, чем воевать. И находятся
члены ЦК, которые усиленно поддакивают Сталину, доказывая, что для
Чемберлена и КО дело именно в "монете". Это -- обывательская постановка
вопроса.

"Хозрасчет" тут так же мало поможет, как в китайской революции "орграспред". Только обыватель может сводить классовую борьбу, всю борьбу мирового империализма против СССР "к монете". Чемберлен, конечно, любит "монету". Но Чемберлены готовят теперь войну с гораздо большей программой: уничтожения советской власти. Вот на какую опасность должны мы ориентировать рабочие массы.

Ленин не отвергал частичных уступок капитализму, когда этого требовалось для проведения какого-либо большого маневра, направленного против капитализма. Но это ленинское маневрирование имело всегда своей предпосылкой два обязательных условия:

1) Твердый пролетарский тыл. Ленин, давая вовремя верную оценку общего мирового положения, не скрывал перед рабочими ни всех трудностей положения, ни, в частности, опасностей самого маневра. Пролетариат понимал и смысл и цель ленинской внешней политики и обеспечивал ЦК сознательную поддержку. 2) Уступки капитализму допускались, поскольку они были нужны для осуществления одного общего большого плана внешней политики партии и совласти, и без такого плана, рассчитанного на ряд лет, на целый этап, теряют весь свой смысл в системе обороны пролетарской диктатуры.

Ни того, ни другого условия нет налицо во внешней политике теперешнего Политбюро. Сталинская внешняя политика не имеет за собой никакой единой объединяющей идеи, вернее сказать, у нас за последнее время нет вообще никакой продуманной внешней политики, никакого большого политического плана оттяжки войны. При таких условиях уступки капитализму наверняка обеспечивают нам все связанные с ними невыгоды и жертвы, не гарантируя тех выгод, которые могли бы их оправдать. Следуя принципам ленинской внешней политики, оппозиция не против известных уступок капитализму для оттяжки войны, но назревающие в части партийных кругов настроения за уступки вообще, без гарантий, необходимых для ленинского маневрирования, могут привести к непоправимым ошибкам. Надо изменить внутреннюю политику, чтобы уступки во внешней политике, если они окажутся неизбежными, себя оправдали и были понятны каждому рабочему, каждому бедняку и середняку нашей страны.

Чтобы оттянуть, отсрочить войну, нужна не готовность к капитуляции, а -- прежде всего -- сплочение наших собственных сил, укрепление себя правильной классовой политикой внутри, сплочением и усилением Коминтерна, правильной политикой в международном рабочем и национально-революционном движении. Другими словами, нужно прежде всего положить конец политике раскола и "мартыновщине". Тогда и только тогда есть шансы на время откупиться от войны такой ценой, какую допускал Ленин. Это и изложено в нашей платформе.

Тов. Сталин настойчиво пускает в оборот зловещую и глупую выдумку насчет того, будто оппозиция "хочет войны", "жаждет войны" (см. Стенографический отчет пленума, выпуск 1). Всякий умный враг (а враги не сплошь состоят из дураков) неизбежно спрашивает себя: зачем Сталину понадобилось перед лицом всего мира утверждать, будто сторонники оппозиции

(в том числе, повторяем, почти все полпреды)"жаждут войны"? Это утверждение настолько неправдоподобно и нелепо, что должен быть, очевидно, у Сталина какой-то особый умысел, для прикрытия которого нужны такие утверждения. Очевидно -- так будет рассуждать сколько-ни-будь проницательный враг -- Сталин собирается принять любые условия буржуазии, но боясь критики слева и возмущения рабочих, заранее опорочивает оппозицию травлей, будто она "жаждет войны".

Тов. Сталин заявлял на заседании 8 сентября, что если нашу платформу напечатать, то будто бы вообще станет невозможной борьба за отсрочку войны. Он делал вид, будто открытая критика правых уклонов (капитулянтства) в международной политике у нас вообще никогда не допускалась.

А между тем вот что сказано в брошюре того же Сталина "Вопросы и ответы" (9 июня 1925 года). Говоря об опасности стабилизационных настроений (тогда Сталин это еще понимал), Сталин предостерегает против "пути национализма и перерождения". Сталин пишет:

"Поддержать освободительное движение Китая. А зачем? Не опасно ли будет? Не рассорит ли это нас с другими странами? Не лучше ли будет установить нам "сферы влияния" в Китае совместно с другими "передовыми" державами и оттянуть кое-что от Китая в свою пользу? Оно и полезно и безопасно...

Поддержать освободительное движение в Германии? Стоит ли рисковать? Не лучше ли согласиться с Антантой насчет Версальского договора²⁵⁶ и кое-что выторговать себе в виде компенсации?.. Сохранить дружбу с Персией, Турцией, Афганистаном? Стоит ли игра свеч? Не лучше ли восстановить "сферы влияния" кое с кем из великих держав? и т. д. и т. п.

Таково националистическое "умонастроение" нового типа, пытающееся ликвидировать внешнюю политику Октябрьской революции и культивирующее элемент перерождения...

...Едва ли можно сомневаться в том, что давление капиталистических государств на наше государство громадное, что работникам нашей внешней политики не всегда удается устоять против этого давления, что опасность осложнения создает нередко соблазн вступить на путь наименьшего сопротивления, на путь национализма" (И. Сталин, "Вопросы и ответы", 1925, сс. 13-14).

Итак, летом 1925 года Сталин еще понимал эти опасности и прямо говорил о том, что в наркоминделе они гнездятся, понимал, что это есть "ликвидация внешней политики Октябрьской революции".

В проекте платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) мы говорим примерно то же. Мы утверждаем, что теперь не только "работники внешней политики", но и сам Сталин поддается этой капитулянтской идеологии.

7. Основная неправильность всей нынешней позиции сталинской группы в этом вопросе сводится к следующему. По Сталину выходит так, что нельзя

вообще критиковать политику Сталина, нельзя вообще говорить вслух о неустойчивости Сталина в борьбе с буржуазией, потому-де, что буржуазия узнает об этом и усилит свое давление на СССР. В чем суть этой позиции? В отождествлении группы Сталина с партией и с СССР. Выходит так, что никто не смеет в партии предупредить партию об излишней податливости Сталина по отношению к домогательствам буржуазии, ибо каждый голос критики, направленный против ошибок Сталина, будто бы ослабляет СССР. Ну, а ошибки Сталина не ослабляют СССР? Или надо заранее решить, что Сталин не делает ошибок и что он может бесконтрольно вершить судьбы партии и страны, не созывая два года съезда и не давая перед съездом критиковать свою по-

литику под тем предлогом, что критика грубейших ошибок Сталина ослабляет СССР!

Когда захолустный крестьянин, прослышав о концессиях, написал Ленину письмо в том смысле, что советское правительство опять как будто начинает возрождать власть капиталистов, Ленин подробно разъяснил, что это не так, но тут же прибавил, что самый факт тревоги и критики со стороны крестьянина есть настоящая гарантия того, что капиталисты помещики не вернуться в СССР. Гарантию против уступок эксплуататорам и силу для отпора мы всегда видели внизу, в трудящихся массах, в пролетариате, и, прежде всего, в массах нашей собственной партии. От своих прав контроля, проверки, исправления и направления политики всех своих органов партия не отказывалась. За два года неограниченного руководства группа Сталина наделала таких ошибок, которых история нашей партии не знала вообще и которые нанесли ряд ударов и международной революции и международному положению СССР. Пытаться теперь зажать рот критике этих ошибок значит забыть, что источником нашей силы в борьбе с мировой буржуазией является не сталинская верхушка, а партия.

Ярче всего и грубее всего уродливость нынешнего положения проявилась на вопросе о китайской революции. Коминтерн не сделает шагу вперед, если не изучит опыт китайской революции до конца и со всех сторон. Изучить опыт китайской революции значит изучить прежде всего цепь убийственных ошибок Сталина--Бухарина--Мартынова. Отказываться от этой работы или препятствовать ей значит преграждать коммунистическим партиям пути действительной большевизации, т. е. действительной подготовки к прямой борьбе за власть. Между тем, дискуссия по основным вопросам китайской революции запрещена под тем не только ложным, но совершенно реакционным предлогом, будто обсуждение вопросов китайской революции может повредить интересам СССР. Выходит так, будто интересы СССР противоречат внутренним и неотразимым потребностям мирового пролетарского авангарда в уяснении себе своих собственных путей. Сталин говорит: "Не смейте обсуждать причин тяжчайших поражений китайской революции, т. е. не касайтесь моих ошибок, потому что вас слушает мировая буржуазия". Ссыл-

кой на мировую буржуазию Сталин пытается зажать рот Коминтерну в

вопросах, от которых зависит судьба Коминтерна. Чистейшей ложью являются утверждения, будто дело идет о каких-либо дипломатических или военных секретах. Прежде всего не надо забывать, что это -- секреты между СССР, с одной стороны, Чан Кайши, Фэн Юйсяном, Ван Цзинвэем -- с другой. Все эти секреты давно известны мировому империализму. Но главное-то в том, что оппозиция ни в малейшей мере не собиралась и не собирается подвергать публичному осуждению какие бы то ни было военно-дипломатические секреты. Речь идет о политической линии, о революционной стратегии, об основных лозунгах за время китайской революции. И -- только об этом.

10. Никто не обвиняет Сталина в том, что он готов сегодня принять безоговорочно все и всякие требования буржуазии. Но вся его политическая позиция, т. е. его систематическое сползание на мелкобуржуазные рельсы, неизбежно делает его все более непримиримым против противников слева и все более податливым по отношению к домогательствам справа.

Оппортунистическое сползание неразрывно связано с недооценкой революционных сил и с переоценкой сил, качеств и способностей буржуазии и ее агентов и пособников. Именно этими чертами характеризуется вся политика тов. Сталина. В Китае он ставил ставку на Чан Кайши, на Фэн Юйсяна, поддерживая полное закабаление компартии буржуазному Гоминьдану. Он требовал доверия к жалкой, дряблой, мелкобуржуазной Ухани, сея недоверие к идее создания рабоче-крестьянских Советов в Китае. В Англии он надеялся на Перселя и Хикса, поучая рабочих, что эти лакеи буржуазии могут помочь оградить СССР от опасностей войны. А внутри страны? Знаменитый лозунг -- "Огонь налево", и в то же время заявление, что нельзя говорить о кулацкой опасности, иначе у нас этого бедного, незащищенного кулака немедленно "разденут". Что это как не капитуляция перед растущей буржуазией?

11. А ведь во всех перечисленных выше случаях дело еще не шло о "настоящей" мировой буржуазии. Китайская буржуазия сильна только по отношению к своим собственным безоружным рабочим массам (безоружным по вине ложного руководства). Персель есть только лакей буржуазии, служащий ей для определенных поручений. Русский кулак есть лишь неокреп-

ший буржуа в стадии "первоначального накопления". Если Сталин склонен теоретически и политически капитулировать перед ними во все критические моменты, как непрекаемо свидетельствует опыт, то почему, собственно, партия должна слепо верить, что Сталин никогда и ни в каком случае не капитулирует перед могущественной буржуазией, когда эта последняя нажмет по-настоящему? На каком основании Сталин, отягощенный ошибками и поражениями, осмеливается требовать от партии слепого доверия, которого никогда не требовал Ленин и которое по самому существу своему несовместимо с характером пролетарской партии?

II. О коминтерновской левой

На собрании ПБ и Президиума ЦКК от 8 сентября, далее, поднят был большой шум по поводу наших слов относительно коминтерновской левой,

которая, по нашему мнению, даст отпор Шмералю²⁸⁷, Мартыновым и Ко. По этому поводу заговорили об образовании нами "фракции в международном масштабе" и т. д.

Чтобы создать большую ясность также по этому вопросу, мы видим себя вынужденными указать на следующее (ограничиваемся пока некоторыми, наиболее характерными фактами, оставляя за собой право вскоре вернуться к более обстоятельной оценке положения в отдельных секциях Коминтерна).

Германия. Игра Сталина--Бухарина привела уже к тому, что руководство германской компартией попало целиком в руки архиправой группы Эрнста Мейера²⁸⁸. Мейер является заведомым оппортунистом -- представителем подлинного "социал-демократического уклона". Никакой серьезной связи с рабочими массами у Мейера никогда не было. Это -- типично верхушечный бюрократ, которых в Германии много. Мейер в Циммервальде шел с Мартовым и Аксельродом против Ленина. Мейера сняли с германского ЦК еще при Ленине. Мейер интриговал в 1922 году против партии вместе с "известным" Фрисландом²⁸⁹, перебежавшим затем открыто на сторону социал-демократов. Мейер в 1922 году плелся в хвосте социал-демократии в вопросе о кампании по поводу убийства Ратенау²⁶⁰. К Мейеру полны недоверия рабочие-коммунисты. Мейер в 1926 году во время VI расширенного ИККИ в Москве вызывающе заявил: "Не я иду к ЦК, а ЦК идет ко мне".

И вот этому Мейеру Сталин и Бухарин отдали руководство германской компартией! Он сейчас фактически секретарь Политбюро. Группа Тельмана играет только "декоративную" роль.

В письме в Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1927 г. сказано, что переписка его с нами по вопросу о германских левых есть переписка "по важнейшему вопросу о судьбе германской компартии". Что правда, то правда! В этих нечаянно оброненных словах действительно содержится правильное определение сути дела. Вопрос идет не о тех или других хороших или плохих качествах двух-трех человек, которых несправедливо пытаются обвинять в "ренегатстве" и т. п., вопрос идет о судьбе германской компартии -- и, стало быть, в значительной степени, о судьбе Коминтерна, ибо германская компартия после ВКП есть важнейшая партия Коминтерна.

Вот уже скоро два года, как политику Исполкома Коминтерна, а через него и политику ЦК германской компартии, определяют Сталин и Бухарин. Каковы же результаты этих двух лет? Каково положение германской компартии теперь?

Влияние германской компартии в профсоюзах в течение последнего времени падало.

Германская компартия при нынешнем ее руководстве оказалась совершенно неспособной выполнить свой долг по отношению к движению безработных. Она все больше отрывалась от массы безработных. Она сбивалась в вопросе о безработице на социал-демократическую точку зрения.

Парламентская тактика германской компартии при нынешнем ее руководстве

становится все более и более оппортунистической. Выступления коммунистических депутатов в местных муниципалитетах, в ландтагах и в рейхстаге все меньше отличаются от выступлений социал-демократов. В речах и предложениях коммунистических депутатов ныне нет и следа революционного парламентаризма.

Влияние партии на парламентских выборах -- местных и общереспубликанских -- в ряде случаев уменьшилось.

И все это несмотря на то, что объективная обстановка была чрезвычайно благоприятной для коммунистической партии. Германская компартия при нынешнем ее руководстве не только не сумела успешно противостоять социал-демократии, не только не сумела разоблачить перед массами все рас-

тущую контрреволюционность социал-демократических вождей, но в ряде случаев прямо отдала массы социал-демократам. Группа Урбанса--Рут Фишер--Маслова имеет не менее 12 000 сочувствующих внутри германской компартии. Основным ядром ее являются старые рабочие-большевики, исключенные из КПГ, составляющие по всей стране многие сотни человек. Кроме этой оппозиции, существуют еще довольно многочисленные оппозиционные группы в Берлине, в Лейпциге и в других крупных центрах рабочего движения. Еще на днях ЦК КПГ ни за что, ни про что исключил из партии виднейшего лейпцигского деятеля тов. Фохта, близко стоявшего к Веддингской оппозиции²⁶¹.

Нет никакого сомнения в том, что по крайней мере половина членов партии настроена в той или другой степени оппозиционно. Выборность внутри партии фактически отменена. Нынешний мейеровский ЦК держится исключительно поддержкой "сверху", т. е. поддержкой ЦК ВКП.

Что же удивляться, если все это привело к громадному падению престижа германской компартии в рабочих массах? Что же удивляться, если такая политика приводит к расколу партии, к образованию второй коммунистической фракции в рейхстаге (12 исключенных депутатов; сюда, конечно, не относятся господа Корш, Кац и КО, с которыми ни в парламенте, ни вне его группа Урбанса ничего общего не имеет)? Что же удивляться, если на местах образуются параллельные организации?

Способна ли германская компартия в ее нынешнем виде, ослабленная и расколота, попавшая в руки отъявленного оппортуниста Мейера, не пользующегося никаким доверием германских революционных рабочих, выполнить свою историческую миссию в случае возникновения войны? Как это ни печально, на этот вопрос приходится ответить категорическим "нет".

Германской компартии нужно вернуть подлинное единство, нужно помочь ей устранить от руководства опаснейших оппортунистов вроде Мейера, которые способны привести ее прямо к катастрофе того же типа, какую германское рабочее движение пережило 4 августа 1914 г.²⁶² Нужно сделать это, пока не поздно. Прямым безумием является выталкивание из германской компартии сотен и сотен старых кадров рабо-

чих-большевиков. Это и есть тот путь, по которому повел было германскую компартию в Гейдельберге Пауль Леви²⁶³, когда он был еще коммунистом. И Ленин, и все мы тогда считали, что это -- верный путь к тому, чтобы погубить германскую компартию. Теперь германскую компартию ведут быстрыми шагами именно по этому пути. Выталкивание старых кадров рабочих-большевиков из партии ведет кратчайшим путем к превращению германской компартии в партию "независимых"²⁶⁴, "левых" социал-демократов.

Такова действительная горькая правда "о судьбе германской компартии".

Германские левые обратились, как это известно из газет, в ИККИ с просьбой о приеме их назад в Коминтерн -- на условиях подчинения всем решениям Коминтерна, закрытия их фракционного журнала и т. д. Германские левые заявили, что они поддерживают те пожелания и условия, которые мы выдвинули в нашем заявлении от 8 августа 1927 г. Надо пойти им навстречу, это будет спасением для КПГ.

А Сталин и Бухарин просто замалчивают это заявление, скрывая его от нашей партии! Мы протестуем против этого.

Во Франции объективные условия для успеха коммунизма очень благоприятны. Но большевистского руководства нет. Руководство все больше попадает в руки правых, в руки оппортунистов.

В Политбюро уже попали такие "борцы", как Марион²⁶⁵, недавно пришедший к нам от социал-демократов молодой "деятель" типа Фросара²⁶⁶. В "Юманите"²⁶⁷ никаким большевизмом и не пахнет. Достаточно познакомиться с тем, как писала эта большевистская газета о венском восстании, как подбострастно она оценивала успех австрийских социал-демократов на выборах и т. п. Некоторые успехи, которые партия имела, одержаны не благодаря, а вопреки "руководству".

Во французской компартии и официальное большинство, и оппозиционное меньшинство распылены и лишены идейной оформленности. Все оттенки оппозиции очень многочисленные, отражают необходимость отпора неправильному политическому курсу ИККИ и ЦК ФКП, но не все оппозиционные группы выражают этот отпор правильно. Так, например, Суварин²⁶⁸, несмотря на крайне резкий характер своей полемики против Сталина, переходящий нередко допусти-

мые пределы, по ряду важнейших вопросов колеблется по-су-ществу между линией оппозиции и линией Сталина: например, по вопросу о разрыве Англо-русского комитета, по военной опасности и проч. Абсолютно не нашими, глубоко неправильными являются взгляды Суварина на роль террора против контрреволюционеров в СССР. Но сами эти и подобные ошибки и уклоны являются в значительной мере результатом неправильного курса большинства ЦК ФКП и ИККИ.

Но оппозиционные (ленинские) силы во французской компартии растут и постепенно спланиваются. Рабочие все больше убеждаются, что нынешние правые

вожди губят дело революции. Не прошло во Франции незамеченным то обстоятельство, что ЦК ФКП при вступлении Чан Кайши в Шанхай весной 1927 года послал приветствие этому палачу как "вождю китайской коммуны". Китайского Галифэ269 ЦК КП Франции принял за китайского коммунара!

Положение внутри КП Франции вопиет о том, что нужно скорее выправлять линию ИККИ, вернуться к Ленину.

В Чехословакии руководство полностью перешло в руки правых, как Шмераль, Хайс270 и Ко. Эти махровые оппортунисты прямо "положили ноги на стол". Они уже неприкрыто ведут партию на путь социал-демократии. Вся чехословацкая печать считает это чем-то само собой разумеющимся. Но эти махровые оппортунисты уже вызывают возмущение лучшей части рабочих-коммунистов.

В Англии часть цекистов открыто критикует справа даже половинчатые резолюции УП пленума ИККИ. А ИККИ молчит. У него существует только "огонь налево".

Тов. Поллит271 на съезде в Эдинбурге вносил резолюцию протеста против Чемберлена за то, что этот последний разорвал с СССР. Но как мотивировал Подлит этот протест? Он мотивировал его тем, что Чемберлен причиняет вред "нашей" (т. е. английских империалистов) внешней торговле! А ИККИ, конечно, молчит. У него существует только "огонь налево".

В Польше руководство отдано Барскому272, Прухняку273, т. е. правым из правых. Поднявшееся в партии недовольство подавлено. Даже центристская группа, протестующая против выдачи партии с головой правым, объявлена на осадном положении.

В Америке ЦК передан в руки Ловстона274 (американский Гейнц Нейман). Выбран в ЦК и Пеппер.

Этих примеров достаточно.

При таком положении вещей коминтерновская левая организуется неизбежно. Уже в ряде партий это сплочение сил ленинцев началось, было бы печально, если бы этого не было.

Недавние замечания тов. Нина275 (заместитель Лозовского276) и члена ЦК французской компартии Трэна277 (к которому примкнули еще два члена ЦК) в духе оппозиции в этом отношении тоже симптоматичны.

Коминтерновская левая сплотится и будет бороться против правых. Она исправит линию руководства. Оставить Коминтерн в руках Мейеров, Марионов, Шмералей, Ловстонов, Пепперов, Мартыновых, Рафесов -- значило бы поставить крест на ленинском Коминтерне. Этого не будет.

III. О группе "пятнадцати"278

Нас обвиняют в том, что мы якобы не определили своего отношения к группе "пятнадцати". Это ложь. На последнем Объединенном пленуме ЦК и ЦКК Каменев от нашего общего имени сказал: "Мы заявляем по этому поводу, что группа "пятнадцати" есть особая самостоятельная группа, за которую мы не несем ответственности, как и она не несет ответственности за нас".

В чем наши взгляды отличаются по существу от взглядов группы "пятнадцати" -- это видно из сопоставления наших двух отдельных платформ. Нужно только оба этих документа напечатать, чтобы дать возможность партии судить о них.

Статьи тов. Дашковского²⁷⁹ партия не знает. Кричат против "дашковщины". Но мы врагом партии считаем "слепковщи-ну". Исключение из партии тов. Дашковского считаем, во всяком случае, столь недопустимым, как и исключение ряда оппозиционных товарищей в Питере и по всему СССР. Мы видим в этом только терроризирование партии накануне партийного съезда.

IV. О передовице "Правды" от 11 сентября

Партия ко всему привыкла в последнее время, но все же она несомненно надеялась на то, что партийный съезд, собираемый после почти двухлетнего перерыва²⁸⁰, в очень сложной

и трудной обстановке, при наличии внутри партии серьезных разногласий по крупнейшим вопросам, будет подготовлен так, как подготовлялись всегда в нашей партии съезды в аналогичных условиях. Она надеялась, что все разногласия будут выявлены, сформулированы, отданы своевременно на суд каждого партийца и каждой парторганизации, что выборы в связи со съездом, начиная с низовых звеньев партии, состоятся после того, как каждому члену партии из дискуссии в партийной печати и на собраниях будет ясна картина всех разногласий. Возмутительная передовица "Правды" от 11 сентября кладет конец этим естественным надеждам широких масс партии. Передовица проводит совершенно неслыханное ограничение прав членов партии на сознательное участие в партсъезде.

Эта передовица никого не обманет из тех, кто знает историю нашей партии, и историю всех важнейших партийных дискуссий. Из трех самых крупных дискуссий в партии первая, по вопросу о Брестском мире²⁸¹, велась с конца декабря до половины марта. Ленин приветствовал точную формулировку разногласий в тезисах тогдашних "левых" коммунистов и не боялся обсуждения вопросов сверху до низу всей партией, начиная от центров и кончая самыми отдаленными парторганизациями в стране. Дискуссия о профсоюзах²⁸² велась более трех месяцев. Когда стало ясно, что предотвратить ее нельзя, Ленин добивался опроса всех членов партии, и ленинский ЦК добросовестно посылал на все конференции представителей спорящих сторон, лояльно выполняя свой долг перед партией. Партдискуссия 1923 г.²⁸³ продолжалась три с половиной месяца -- в печати и на собраниях. Теперь разногласия серьезней, чем были при Ленине. Мы не требуем трех месяцев дискуссии. Но мы требуем своевременного опубликования документов. Вместо продолжения традиций

нашей партии в деле добросовестной апелляции ко всем членам партии, с предоставлением каждой организации необходимого времени и всех материалов спора, партии предлагается теперь втиснуть "дискуссию" в срок одного месяца (на деле, вероятно, пару недель), с рядом других неслыханных и издевательских ограничений.

1. В нашем письме от 6 сентября 284 мы доказали, что дискуссию срывают репрессиями и календарными фокусами. На это письмо мы не получили никакого ответа. Да и ответить нече-

го. Фактически при наших расстояниях и всяких опаздываниях начало обещанной "дискуссии" произойдет после выборов на конференции, а в ряде районов после созыва самих конференций.

Ограничение дискуссии внесением "контртезисов" нарушает право каждого члена партии предложить свой порядок дня, изменяющий или дополняющий тот, который намечен Центральным комитетом. Член партии, вносящий новые пункты в порядок дня, не сможет технически довести до сведения съезда свои предложения по этим новым пунктам, если одновременно не получит возможность изложить печатно устно, что предлагает по этим пунктам и почему.

Если даже стать на путь бюрократического крючкотворчества передовицы ЦО 285, то и тогда всем очевидно, что обсуждение политотчета ЦК почти за два года его работы есть самым обсуждением всей его политики за это время, по совокупности. В партийном уставе нет и быть не может никаких ограничений, как именно члены партии находят более удобным для себя и для дела обсуждать деятельность ЦК.

В политотчете ЦК за два года неизбежно будут затронуты вопросы: о стабилизации капитализма, о социализме в одной стране, о китайской революции, об Англо-русском комитете, о линии Коминтерна, об опасности войны, о положении рабочего класса, о дифференциации в деревне, о роли частного капитала, о бюрократизме, о внутрипартийном положении. Именно этим вопросам, естественно, и посвящена наша платформа (которую можно назвать и "контртезисами"). Вот почему вся "аргументация" передовицы "Правды" шита белыми нитками.

Ссылка на то, что в истории нашей партии не было случая, чтобы какая-либо группа членов партии вносила перед съездом партии платформу по всем вопросам, является абсолютно неправильной. Ленинское руководство гарантировало партию от ошибок в общей линии руководства, и никому не приходило в голову писать бесполезные платформы по всем вопросам. В истории нашей партии до сих пор не было прецедента, чтобы ЦК, освободив себя на два года от контроля партии, наделал бы ошибок по всем основным вопросам общей политики нашей партии.

Попытки передовицы ЦО предписать членам партии, по каким вопросам они могут критиковать свой ЦК, а по каким нет, также не имеет прецедентов в истории нашей пар-

тии. Каждый член партии, который возьмет на себя труд сравнить трусливую и крючкотворскую передовицу от 11 сентября со статьями ЦО перед съездом в ленинский период ее истории, увидит воочию, как жалко, беспомощно и смешно выглядит теперь сталинская группа перед лицом миллионной партии и перед рабочим классом, когда ей приходится отвечать за свои ошибки и неудачи. Фраза насчет "делового обсуждения" вместо разбора принципиальных ошибок есть старый, давно всем известный прием всех оппортунистов, старающихся увильнуть от принципиальной критики своей ложной общей линии. Ленин тоже умел ценить деловую работу -- но на основе правильной политической линии. В большевистской партии самый "деловой" способ обсуждения ошибок оппортунистов всегда заключался в том, чтобы уяснить рабочему классу внутреннюю связь данных ошибок и безжалостно вскрыть их социальные корни.

6. Оппозиции нет надобности дожидаться тезисов ЦК, чтобы подвергнуть критике ошибочную политику ЦК между двумя съездами. Мы знаем наперед, что будет преподнесено партии в этих тезисах. Они будут заключать в себе попытку прикрыть оппортунистические дела левыми или полулевыми словами. Весьма вероятно, что эти тезисы широко "используют" ряд мыслей и предложений из нашей платформы с тем, чтобы отделаться только их фразой. Это не помешает авторам тезисов возводить на нас обвинения, прямо противоречащие тому, что мы говорим в платформе. Самый же документ, из которого будут сделаны позаимствования и из которого будут приводиться цитаты в "грубой и нелояльной" полемике против нас, попытаются скрыть от партии.

Передовица показывает, что группа Сталина решила никакой дискуссии не допустить и XV съезд составить из одних секретарей. Мы не теряем надежды, что партия этого не допустит. За доведение до сведения всех членов партии наших подлинных взглядов, изложенных в нашем проекте платформы, мы будем бороться всеми доступными нам партийными средствами.

-Г. Зиновьев, Л. Троцкий

12 сентября 1927 г.

Верно: В. Гринберг (подпись)

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И НОВЫЕ ОШИБКИ

Главная забота Сталина--Бухарина состоит сейчас в том, чтобы доказать, что оппозиция по вопросам Китая была всегда до самого последнего времени совершенно солидарна с большинством Политбюро. На эту тему приказано трубить во всех секциях Коминтерна. Этот неожиданный поворот только характеризует всю глубину банкротства сталинской группы: вчера еще доказывали, что

оппозиция по всем вопросам занимает, в отличие от Сталина--Бухарина, социал-демократическую, полуменьшевистскую позицию. А сейчас хвалятся тем, что Сталин и Бухарин делали и говорили точь-в-точь то же самое, что и оппозиция. Но так как все вчерашние писания еще не сожжены, то опровергнуть эту жалкую попытку прикрытия своих ошибок можно без труда.

Июльский Пленум 1926 года принял нижеследующую резолюцию:

"Пленум ЦК, одобряя деятельность ПБ и делегации ВКП в китайском вопросе, констатирует явно оппортунистические и отчасти прямо капитулянтские предложения оппозиции (Зиновьев, Троцкий) в этой области: отзыв тов. Карахана²⁸⁶, отказ от КВЖД²⁸⁷, выход из Гоминьдана. ЦК полагает, что такая позиция имела бы смысл лишь при полной ликвидации национально-революционного движения в Китае..." и пр.

Если "китайская" политика оппозиции уже до июля 1926 г. была "оппортунистической и отчасти прямо капитулянтской", как же можно теперь говорить, что политика в китайском вопросе проводилась единодушно? Вряд ли стоит останавливаться на вопросах об отозвании тов. Карахана и о мнимом отказе от КВЖД. Гвоздь вопроса -- отношение к Гоминьдану. Резолюция обвиняла оппозицию в стремлении порвать с Гоминьданом. Оппозиция заявляла, что она готова к блоку с Гоминьданом, к соглашению с его низами, при условии полной и подлинной самостоятельности компартии, ибо эта самостоятельность есть вообще первая буква в азбуке большевизма. Борьба по этой линии шла с 1925 г. Эта борьба отмечена в бесчисленных резолюциях, шпаргалках и статьях большинства, где точка зрения оппозиции называется капитулянтской

именно на том основании, что оппозиция требовала самостоятельности компартии как предпосылки всей революционной политики.

Оппозиция разоблачала ложную политику по отношению к Чан Кайши. Если не всем известны соответственные выступления в Политбюро или в ЦК, то широко известно выступление тов. Радека в Колонном зале 5 апреля. Наиболее законченным выражением оппортунистической слепоты была на этом собрании речь тов. Сталина, стенограмма которой скрыта от партии до сего дня. Достаточно напечатать эти две стенограммы -- Радека и Сталина, чтобы пропала всякая возможность говорить о том, будто оппозиция не возражала против чанкайшистской линии Сталина.

После переворота Чан Кайши в мае 1927 г. оппозиция внесла на Пленум Исполкома Коминтерна следующее предложение:

"Пленум поступил бы правильно, поставив крест на резолюцию Бухарина и заменив ее резолюцией из нескольких строк:

Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминьдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами. Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов. Земли у помещиков отбирать немедленно. Реакционную буржуазию искоренять немедленно. С изменяющими генералами и вообще контрреволюционерами расправляться на месте. Общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских

депутатов."

Это предложение лишь кратко резюмировало целый ряд предшествовавших документов, вносившихся оппозицией в Политбюро. Много времени было упущено. Если бы, однако, Исполком Коминтерна в мае 1927 г. принял предложение оппозиции, чтобы проводить его на деле, мы не имели бы второй уханьской главы, которая по позору превосходит первую чанкайшистскую. Мы были бы сегодня неизмеримо сильнее.

Наконец сейчас, в сентябре 1927 г., мы вносим настоящие наши предложения, соответствующие новому этапу в развитии китайских событий.

Необходимо снова ребром поставить вопросы китайской ре-волюции. Необходима снова общая ориентировка, так как офици-альное руководство, пытающееся внешним образом про-явить инициативу действия (слова Бухарина на последнемОбъединенном заседании Политбюро и президиума ЦКК от-носительно отрядов Хэ Луна²⁸⁸ и Е Тина²⁸⁹), барахтается на де-ле без руля и без ветрил. При таком образе действий новыепоражения неизбежны. Эти поражения будут компромети-вать киткомпартию и Коминтерн уже непосредственно, т. е. не через средостение Гоминьдана, как было до сих пор.

Что знаменует собою движение новых, по-видимому, дей-ствительно революционных отрядов Хэ Луна и Е Тина? Есть лиэто нередкий после больших исторических поражений крат-ковременный эпилог с выступлением на сцене крайнего лево-го крыла, которое не сумело или не смогло выступить своевре-менно и потому обречено на поражение? Или же этонепосредственное начало новой большой главы китайской ре-волюции? Это коренной вопрос для нашей "стратегической"ориентировки и для определения вытекающих отсюда такти-ческих шагов.

Если этот вопрос уточнить в смысле классовых взаимоотно-шений, то его придется формулировать примерно так. По-сле того как буржуазия и соглашательские мелкобуржуазныеверхи целиком перешли в лагерь контрреволюции, использо-вав движение рабочих и крестьян, использовав поддержкуМосквы, авторитет большевизма и Коминтерна, превративвсе это в орудие политической эксплуатации и обмана рабо-чих и крестьян, -- можно ли ждать, что в антибуржуазном, ан-тисоглашательском лагере найдутся достаточные политиче-ские и организационные силы, которые окажутся способнывнушить обманутым и, в значительной своей части, разбитыми обескровленным массам доверие к себе и к собственному ру-ководству, чем только и может быть обеспечена новая подъемная волна китайской революции?

4. Ответить на этот вопрос с полной категоричностьюнельзя -- тем более со стороны и издалека. Вряд ли, однако, и в самом Китае -- в этой необъятной, распыленной стране --кто-либо способен сейчас уже сказать, суждено ли Китаюпройти через более или менее длительный упадок револю-ции, прежде чем движение возродится на новой, более высокой классовой

основе; или же можно надеяться на то, что, благодаря наличию гигантских масс, поставленных в ужасающие условия; благодаря исключительной готовности этих масс к самопожертвованию; благодаря наличию молодого широко разветвленного по стране пролетариата; благодаря навыкам гражданской войны; благодаря наличию СССР и возможной помощи с его стороны, -- новая полоса восстаний -- разумеется, при условии правильного руководства -- может непосредственно привести к победоносной борьбе пролетариата и крестьянских масс за власть. Не исключены и одна, и другая возможности. Какая из этих возможностей возьмет верх, зависит не только от так называемых объективных условий, которые к тому же не поддаются какому-либо законченному априорному учету, но и от нашей собственной политики, от ее правильности, активности и т. д.

Месяца два тому назад "Правда" неожиданно для всех (по-видимому, и для самой себя) выдвинула лозунг Советов в Ки-тае. До того Сталин разъяснял, что Советы уместны только при переходе от буржуазной революции к социалистической. Это разъяснение находилось в вопиющем противоречии со всем опытом трех наших революций, со всеми традициями нашей партии и с теоретическим учением Ленина о революциях на Востоке. Тем не менее новое учение Сталина стало официальным учением партии, т. е. ее аппарата. [NB. С партийной массой новые "откровения" и "учения", противоречащие друг другу и, главное, фактам, сползают быстро, как ли-нючая краска; это не значит, что они безвредны: смешиваясь, ли-нючие краски все окрашивают в грязновато-серый цвет.]

Выдвижение лозунга Советов в июле (?), т. е. после тяжких поражений революции, должно было, очевидно, означать, что китайская революция непосредственно подошла к периоду перерастания ее в социалистическую. Но тогда остается спросить, почему этот лозунг, выдвинутый в одной единственной передовой статье, был после того так основательно забыт и почему об этом лозунге "Правда" ничего не говорит теперь, когда движение революционных отрядов делает известные успехи при содействии рабочих и крестьянских масс? Или лозунг Советов, послуживший в известный момент

для прикрытия отступления (Сталина--Бухарина), оказывается непригоден для нового наступления революции?

Как видно из некоторых комментариев "Правды", официальное руководство относится к новому революционному движению, связанному с отрядами Хэ Луна и Е Тина, сдержанно и осторожно, т. е., по существу дела, не рискует брать на себя открыто ту ответственность за подлинно рабоче-крестьянское революционное движение, какую оно брало на себя за армии Чан Кайши, Фэн Юйсяна и Ван Цзинвэя.

Дело идет совсем не о том, чтобы "ручаться" за успех. Дело идет о том, чтобы политически отождествить развитие революции в ближайший период с судьбой этого движения, вооружить это движение правильной перспективой,

правильными лозунгами -- без чего победа немыслима. Движение немногочисленных и, разумеется, слабо вооруженных революционных армий может иметь успех только при условии активного вмешательства в события рабочих и низов деревни, в частности только при условии создания рабочих и крестьянских Со-ветов как органов власти. Между тем, этот лозунг сейчас "Правде" снова спрятан. Почему? Потому, очевидно, что она опасается более или менее быстрого разгрома движения. Конечно, разгром движения возможен, но при отсутствии правильных лозунгов он неизбежен. Из опасения разгрома воздерживаться "пока что" от выдвигания основных, жизненно необходимых лозунгов значит из страха перед поражением готовить его.

Отождествлять революцию с армиями Чан Кайши было не только величайшей "неосторожностью", но и величайшей исторической ошибкой и величайшим преступлением. Братья несут ответственность за Ухань как за центр аграрной революции, было второй, не меньшей "неосторожностью" и вторым, не меньшим, преступлением. Кто обжегся на молоке -- дует на воду. Выжидательная осторожность по отношению к самостоятельному движению рабочих и крестьян, нежелание до поры до времени вооружить это движение необходимыми лозунгами, т. е. открыто на весь мир сказать китайским рабочим и крестьянам: "это движение ваше" -- такая "осторожность" грозит стать третьей по счету неосторожностью, худшей из всех.

Речь идет не о сочувствии начавшемуся военно-революционному движению и даже не об организационно-материальной помощи ему. На этот счет вообще не стоит тратить слов. Бахвалиться помощью революционным армиям или, например, английским углекопам, способен не революционер, а раздувшийся чиновник. Всякая помощь со стороны необходима, но эта помощь не решает. Решают взаимоотношения между компартией, революционными войсками, рабочими и крестьянской беднотой. А эти взаимоотношения определяются в огромной степени политикой как системой лозунгов и действий. Можно оказывать какую угодно материальную помощь оставшим армиям, но если не поставить ребром вопрос власти, не выдвинуть лозунга Советов, не выдвинуть законченной системы экономических мероприятий, связанных с установлением советской власти, то материальная помощь армиям со стороны не даст необходимых результатов, как не дала необходимых результатов наша помощь английским углекопам, сопровождавшаяся политическим блоком нашим с Генеральным советом. Решает в последнем счете не материальная помощь, а правильная политическая линия.

Сейчас, в пути, я читаю в украинском органе "Вісці" 290 от 13 вересня (сентября) телеграмму из Шанхая о том, что ввиду приближения революционных войск Хэ Луна и Е Тина к Сватоу, гоминьдановские власти и гарнизон покинули город. Телеграмма озаглавлена редакцией так: "Гомінданівці тікають із Сватоу". Мы вот в течение долгого ряда месяцев жили под обвинением в "недоценке" -- сперва Гоминьдана в целом, потом левого Гоминьдана, которому Сталин поручил быть центром революции. Бухарин клялся, что не отдаст си-него знамени Гоминьдана, а между тем оказывается, что

го-миньдановские власти с синим знаменем в руках "тікають" из Сватоу, ибо, как хорошо говорят в таких случаях англичане, нельзя в одно и то же время удирать с лисицами и догонять их борзыми собаками. Сочетание красного с синим -- блок че-тырех классов -- у Мартынова не вышел. Бухарин поклялся со-хранить синее знамя для блока трех классов. Но вот, оказыва-ется, что между синим и красным знаменами -- гражданская война. И нужно быть последним тупицей, чтобы не понять, что только эта гражданская война -- против помещиков, бур-жуазии и соглашателей -- способна создать действительный

блок рабочих и бедноты, деревенской и городской. Изолировали до сих пор коммунистическую партию от рабочих, от преобладающей в Китае деревенской бедноты именно те, которые, гонясь за синим знаменем Гоминьдана, компрометировали красное знамя пролетариата.

Но из того обстоятельства, что между революционными войсками и Гоминьданом установились отношения граждан-ской войны, вытекает тот факт, что революционное движение мо-жет победить только под руководством компартии, только в фор-ме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Это предполагает со стороны компартии готовность взять на себя руководство такого рода движением. А это, в свою оче-редь, требует законченной программы -- в период борьбы за власть, в период завоевания власти и после установления нового режима.

Предшествующая политика была убийственной для во-спитания компартии. Самым тяжким последствием ложной линии предшествующего периода являются, пожалуй, не столько материальные поражения и жертвы, сколько утра-та единственных в своем роде исторических условий для во-спитания революционных кадров, для закала пролетарского авангарда, для укрепления в нем чувства самостоятельности веры в свои силы и в свое руководство. Сейчас, на пороговой полосе революций, компартия неизмеримо слабее, чем она должна бы и могла бы быть. Но факты приходится брать такими, какими они сложились -- в результате всего со-четания условий, в том числе и преступно ошибочной линии руководства. Только компартия может сейчас взять на себя ру-ководство революционным движением. Синим знаменем Го-миньдана можно теперь овладеть не в порядке новых блоков, а в порядке гражданской войны, т. е. вырвав его как трофей из рук побежденного врага. Надо поэтому покончить с по-стыдными реакционными фикциями: надо объявить открыто разрыве компартии с Гоминьданом, надо открыто объявить Гоминьдан орудием буржуазной реакции, надо с позором из-гнать Гоминьдан из состава Коминтерна. Не сделать этого -- значит осудить новое движение на шатания, путаницу и пора-жение.

Это не значит непременно, что компартия явится в бли-жайший период единственной революционной политиче-

ской организацией. На основе крестьянских союзов и "красных пик" 291 в прямой борьбе с гоминьдановскими властями и войсками, может -- рядом с компартией -- сложиться более или менее независимая от нее

политическая организация, опирающаяся на часть деревенской бедноты. Гадать о том, как это произойдет, бесплодно -- по крайней мере отсюда, где слишком плохо видны организационные и личные элементы движения. Но ясно одно: компартия должна отдать себе ясный отчет в том, что революция может победить только через нее и только под ее руководством, что крестьянские организации могут бороться с успехом только бок о бок с ней, только под ее лозунгами, только под ее непосредственным политическим и организационным влиянием. А это возможно только при ясной, отчетливой постановке всех политических и экономических задач революции самой компартией.

15. Для того чтобы оправдать сотрудничество с буржуазией в революции (т. е. меньшевистскую политику), Сталин--Бухарин выдвигали последовательно два фактора. Во-первых, иностранный империализм, будто бы сплавивающий воедино классы Китая. Скоро оказалось, однако, что буржуазия, в союзе с иностранным империализмом, громит рабочих и крестьян. Тогда был выдвинут второй фактор -- китайский феодализм, который будто бы побуждает другую, более "левую", часть той же буржуазии, настоящего революционного союзника, верного Ван Цзинвэя, бороться вместе с рабочими и крестьянами против феодализма. Но оказалось, что буржуазия не выдвинула ни одной политической группы, которая согласилась бы участвовать в революционной борьбе против бухаринского феодализма. И не случайно. Помещичье сословие, противостоящее буржуазии, в Китае нет. Землевладелец по общему правилу -- городской буржуа. Мелкий землевладелец, кулак, джентри тесно связан с ростовщиком и городским буржуа. Если не играть словами, то феодализма в Китае нет. В китайской деревне есть кабально-крепостнические отношения, которые, однако, увенчаются не феодальными, а буржуазными формами собственности и буржуазным общественно-государственным строем. Такого рода кабально-крепостнические отношения, вырастающие из аграрного перенаселения при общей задержке капиталистического развития, можно встретить -- конечно, в неизмеримо более "мягких" формах -- и в некото-

рых балканских странах, которые не знали ни феодализма, ни дворянского сословия со времени освобождения от турецкого ига. Конечно, в Китае нищета и кабала имеют такие бесчеловечные формы, какие вряд ли часто встречались и в века феодализма. Тем не менее попытка создать в Китае феодализм, да еще преобладающий, опирается не на факты, а на голое стремление оправдать сотрудничество с буржуазией. Факты за себя отомстили. В Китае не нашлось такой буржуазии или такой части буржуазии, которая согласилась бы вести революционную борьбу с феодализмом, т. е. с самой собою. Вот почему при приближении революционных войск к Сва-тоу Гомиьдан удирает, унося синее знамя под мышкой и билет Коминтерна в кармане.

Борьба за аграрную революцию есть борьба против буржуазии, значит, против Гомиьдана. Ни одна часть буржуазии не поддержала и не поддержит этой борьбы. В деревне главным по своей многочисленности врагом будет джентри,

ку-лак, мелкий земельный собственник. Отказ от экспроприации мелких эксплуататоров, кулаков, означал бы в Китае отказ от аграрной революции. Аграрная революция в Китае -- не по Бухарину, а на деле -- есть антибуржуазная революция. Поэтому -- и только поэтому -- провалилась схема Маргитыно-ва--Бухарина. Но это и значит, что аграрную революцию завершит пролетариат, ведущий за собою бедняцкие массы китайской деревни, т. е. 80, 90 и более процентов крестьянства -- в прямой и непосредственной борьбе против буржуа, против землевладельца, против кулака и против их политической фирмы, Гоминьдана.

Этим определяется постановка вопроса о революционной власти.

Опыт с Чан Кайши означал провал идеи блока всей "буржуазной нации" в борьбе против империализма и феодализма.

Опыт с Ван Цзинвэем означал провал блока "революционной демократии" в духе Керенского--Церетели.

Сейчас дело идет для пролетариата о том, чтобы отвоевать у "революционной демократии" бедняцкие низы города и деревни и повести их за собою для завоевания власти, земли, независимости страны и лучших материальных условий жизни для трудящихся масс. Другими словами, дело идет о диктатуре пролетариата.

18. Лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, если бы он был выдвинут, скажем, в начале Северного похода, в связи с лозунгом Советов и вооружения рабочих и крестьян, сыграл бы гигантскую роль в развитии китайской революции, обеспечил бы совершенно другой ход ее, изолировал бы буржуазию, а затем соглашателей и привел бы к постановке вопроса о диктатуре пролетариата в условиях, неизмеримо более благоприятных, чем нынешние. Но историю назад не повернешь. Буржуазия отошла от революции по собственной инициативе -- в обстоятельствах, выбранных ею наиболее благоприятных для нее. Точно так же и соглашатели. Так как мы боялись своевременно изолировать их, то они с успехом изолировали нас. Это всегда так бывает -- и притом не только в Шанхае, но и в Эдинбурге, как показывает последний конгресс трэд-юнионов. Но, так или иначе, отход от революции буржуазии, крупной, средней и верхов мелкой в городе и деревне, включая интеллигенцию, есть свершившийся факт. В этих условиях лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства -- при новом революционном подъеме -- окажется слишком неопределенным и бесформенным. А всякий неопределенный и бесформенный лозунг в революции становится опасным для революционной партии угнетенных масс. Можно почти не сомневаться, что под лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, придав ему соглашательский характер, встанет завтра Сталин. Было бы неправильно думать, что Сталин и Бухарин поняли свои ошибки. Ход событий в Китае толкает их влево, но сами они упираются и тянут вправо. Они будут и впредь стремиться притупить задачи и прикрыть "изолированность" пролетариата блоком с двумя последними праведниками Гоминьдана -- с женой Сунь Ятсена или с его племянником. Такого рода верхушечные, сейчас уже чисто маскарадные,

блоки будут, однако, требовать со стороны партии пролетариата вполне реальных жертв в смысле отказа от решительных лозунгов и решительных методов борьбы. Жена Сунь Ятсена может обойтись китайской революции немногим дешевле, чем Чан Кайши и Ван Цзинвэй.

19. Если революционное движение разрастется, дальнейший успех войск Хэ Луна и Е Тина неизбежно толкнет часть левых соглашателей на путь "блока" с революционными сила-

ми с целью овладения движением и нейтрализации его. Соглашатели смогут прийти к этой цели именно под лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства -- для того чтобы тем вернее снова, на более высоком этапе, подчинить себе пролетариат, сузить размах движения и подготовить новое, третье по счету, крушение.

Своевременно не примененный ленинский лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства не может быть механически перенесен на третий этап, слагающийся на новом соотношении сил. Надо ясно понять, что после опыта с Гоминьданом вообще и с левым Гоминьданом в отдельности, исторически запоздалый лозунг станет орудием сил, действующих против революции. Для нас же дело идет уже не о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, а о диктатуре пролетариата, опирающегося на неисчерпаемые бедняцкие массы деревни и города -- о диктатуре, которая ставит себе целью разрешение наиболее неотложных и жизненных задач страны и ее трудящихся масс и которая при этом неизбежно переходит на путь социалистических вторжений в отношения собственности.

Задача компартии состоит прежде всего в создании революционной армии". Надо строить регулярную красную армию на основе фактически развертывающегося движения рабочих и крестьян. Принцип наемничества надо заменить принципом правильного классового набора. Органами этого набора должны быть профессиональные союзы и крестьянские союзы под руководством Советов и компартии. Надо умело и настойчиво включать партизанские отряды крестьян (красные пики и пр.) в регулярные ряды. Надо правильно решить вопрос о командном составе на основе всего опыта как русской, так и китайской революций. Из армии должны беспощадно изгоняться эксплуататорские и контрреволюционные элементы.

Задача прокормления армий и городов ставит вопрос о продовольственной политике. Разрешение этого вопроса в условиях гражданской войны и блокады немислимо без мер железной продовольственной дисциплины, без овладения продовольственными запасами крупных землевладельцев, кулаков и спекулянтов и без нормирования потребления в том или другом виде.

Гражданская война на данной стадии немислива в Китае без раскулачивания кулака.

Важнейшей частью практической программы Советов революционных армий

остаются те самые задачи, которые оппозиция формулировала не раз, в частности, на майском пленуме Исполкома Коминтерна²⁹².

Земли у помещиков -- крупных и мелких -- отбирать немедленно, по мере продвижения армий или успеха местных восстаний. Реакционную бюрократию искоренять немедленно. С изменниками, контрреволюционерами, агентами Чан Кай-ши и Ван Цзинвэя расправляться на месте.

24. Вопросы промышленности и транспорта встанут перед ре-волюционной властью ребром. В одной из своих бесчислен-ных речей о Китае Бухарин плаксиво жаловался на саботажи буржуазии, которая вывозит капиталы, не оставляет оборот-ных средств и тем создает великие трудности, с которыми не хочет-де считаться оппозиция. Никаких способов для пре-одоления этих трудностей Бухарин не предлагал. Общая жессылка на трудности для оправдания своей дряблости является обычным приемом оппортунизма. Совершенно очевидно, что в условиях гражданской войны помешать буржуазии сабо-тировать хозяйство, прежде всего промышленность и транс-порт, можно не увещаниями, а мерами диктатуры. Организо-ванный пролетарский контроль над промышленностью в тех случаях, когда он осуществим, взятие рабочими предприятий во всех тех случаях, когда иначе нельзя обеспечить непрерыв-ности производства. То же в отношении железнодорожного и водного транспорта. Словом, общая установка должна быть на переход важнейших, т. е. наиболее для этого подготовлен-ных предприятий промышленности и транспорта, в руки со-ветского государства. Необходимые этапы, необходимые под-готовительные организационные меры должны быть рассчитаны в соответствии со всей обстановкой -- в зависимо-сти от общего хода развития революции, силы пролетарских организаций, силы сопротивления врага и пр.

Разумеется, все это в первую голову относится к иностранным концессиям.

25. Найдутся филистеры, которые станут кричать о нашем утопизме, о нашей ультралевизне и пр. и пр.

На это прежде всего ответим, что мы и по отношению к Китаю не собираемся строить социализм в отдельной стране. Китайская революция не есть самостоятельное, изолированное событие, которое должно в рамках Китая найти разрешение всех поставленных революцией задач. Китайская революция есть звено той цепи, в которую другими звеньями входят: Советский Союз, предстоящие империалистские войны, предстоящие пролетарские восстания и пр., словом, цепи войн и революций, составляющих содержание нынешней империалистской эпохи. Именно эпоха империализма довела до такой остроты классовые отношения в Китае, что сделала невозможным разрешение важнейших задач революции не только под руководством буржуазии, но и в виде демократической диктатуры мелкой буржуазии и пролетариата и тем самым поставила в порядок дня задачу диктатуры пролетариата, опирающегося на деревенскую и городскую бедноту. Диктатура пролетариата означает социалистическое вторжение в отношения собственности и переход к

производству за государственный счет, т. е. переход на рельсы социалистической революции. Успех на этом пути даст гигантский толчок революции европейского пролетариата, укрепит СССР и тем самым откроет перед китайской революцией новые возможности.

26. Но достаточны ли силы китайского пролетариата для того, чтобы повести за собой сотни миллионов китайской бедноты, овладеть властью, наладить армию и государственный аппарат, продержаться под блокадой и саботажем, обеспечить важнейшие хозяйственные функции страны и пр. и пр.? Этот вопрос по существу равносителен другому вопросу: есть ли у китайской революции шансы на дальнейшее развитие и победу -- ибо других путей, других методов, кроме тех, которые намечены выше, нет. Разумеется, никто не скажет с уверенностью, что китайскому пролетариату удастся прийти к власти в ближайшее время. Проверку может дать только действительная борьба. Победу может дать только правильное руководство. Революционным "лимитом", как говорят у нас, т. е. той величиной, которая ограничивает все другие, является в настоящее время вовсе не китайский пролетариат, а китайская компартия, которую неправильная теория, неправильная линия, неправильное руководство ослабили до последней степени. По своей численности, по своей производственной роли,

по своему распределению в стране китайский пролетариат представляет огромную силу и может стать руководящей и правящей в стране силой при условии быстрого роста и закала китайской компартии. Может ли она наверстать потерянное и упущенное? Может. Если революционные события пойдут на подъем, партия может быстро подняться до уровня событий. Но для этого она должна иметь перед собою ясную перспективу. Никакой половинчатости или недоговоренности, никакого маскарада с женой Сунь Ятсена. Задача диктатуры пролетариата в стране крестьянской бедноты должна быть поставлена ясно, отчетливо и во весь рост.

Без этого поддержка войск Хэ Луна и Е Тина явилась бы чистейшим авантюризмом, который мог бы иметь единственным своим результатом новый разгром движения, новое чудовищное кровопускание, новое укрепление сил реакции.

Китайская революция на новом ее этапе может победить только как диктатура пролетариата или не победит вовсе.

Л. Троцкий /Сентябрь 1927 г./

СТАРЫЕ ОШИБКИ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Если бы нынешнее революционное, т. е. рабочее и крестьянское, движение в Китае оказалось даже подавлено реакцией, основные черты его неизбежно возродятся вместе с возрождением революционного подъема -- через полгода, через год или хотя бы через несколько лет. Изучение и критическое освещение разворачивающихся событий имеют поэтому гигантское практическое значение. Официальные "теоретики" китайской революции только и твердят о чрезвычайном своеобразии китайских условий. Именно поэтому они же запрещают обсуждение

вопросов китайской революции. Выходит так, что чем своеобразнее условия, т. е. чем они необычнее и сложнее, тем меньше нужно коллективной работы мысли для того, чтобы разобраться в них и найти дорогу.

Со времени движения войск Е Тина и Хэ Луна злополучные официальные "теоретики" китайской революции замолчали. Телеграммы и заметки нашей печати изо дня в день говорят о том, что революционное движение в Китае разрастается, крестьяне восстают, рабоче-крестьянские войска продвигают-

ся вперед, стачки увеличиваются и пр. и пр. Никакой попытки выяснить действительные размеры движения, хотя бы показать читателю его действительную территорию, не делается. Читателя забрасывают пустопорожней трескотней кричащих заголовков, чтобы затем -- в случае наступления похмелья -- найти нового "предателя", не оправдавшего чьих-то надежд.

Ввиду молчания официальных теоретиков с объяснением нового этапа китайской революции выступил теоретик полуофициальный -- тов. Лозовский. "Своеобразие" тов. Лозовского в том, что он всегда берет чуточку левее официальной линии. Если прибавить к Мартынову процентов пять "левизны", то получится Лозовский. Именно поэтому его последняя статья заслуживает рассмотрения.

1. Тов. Лозовский разъясняет: "Раскол между Нанкином и Уханью не был расколом между пролетариатом и крестьян-ством, с одной стороны, и буржуазией, с другой. Кто так пред-ставлял себе смысл раскола, тот, несомненно, ошибался".

Что верно -- то верно. Не сказано только, кто ошибался, не упомянуто, что Сталин объявлял Советы ненужными именно ввиду того, что в Ухани власть принадлежит левому Гомиьдану, призванному вождю аграрной революции. Что кое-кто "несомненно ошибался" -- в этом Лозовский прав. Следовало бы только сказать, кто именно.

Лозовский признает теперь (в сентябре 1927 г.), что левогомиьдановская буржуазия испугалась рабочего и крестьянского движения не менее, чем правомиьдановская. Жаль, что он этого не понял хотя бы в апреле--мае 1927 г. и не предупредил Исполком Коминтерна против позиции Сталина, который, как мы уже знаем, как раз в этом решаю-щем пункте "несомненно ошибался".

Для прикрытия своего испуга левогомиьдановская бур-жуазия создавала, как мы узнаем теперь у Лозовского, особые теории: "Сперва победа, а потом реформы -- такова была офи-циальная философия левого Гомиьдана".

Только ли левого Гомиьдана? Вся речь Чэнь Дусю, вождя китайской компартии, на последнем ее съезде проникнута той же самой философией: "сперва победа -- потом реформы". Речь Чэнь Дусю напечатана была в "Правде".

Редакция "Правды" ни словом не отметила антиреволюционного ха-

рактера этой речи. Наши указания на гибельный курс Чэнь Дусю назывались тогда возмутительной клеветой на китайскую компартию. Об этом тов. Лозовский

позабыл.

4. По поводу объединения Ухани с Нанкином тов. Лозовский пишет: "Что означает восстановление единства Гоминь-дана? Оно означает создание единого фронта всей буржуазии против рабоче-крестьянского движения".

Что правда -- то правда. Но ведь нас учили, что Гоминьдан есть своеобразная организация, свойственная своеобразным условиям Китая, в своеобразной мировой обстановке. Бухарин еще где-то на Голландских островах нашел некоторое подобие гоминьдановского своеобразия. Но официальные теоретики не замечали главного, т. е. того, что Гоминьдан есть партия китайской буржуазии в эпоху революции; что Гоминьдан -- и в этом его главное своеобразие -- эксплуатирует угнетенное положение Китая для более полного обмана рабочих и крестьян. А наши официальные теоретики помогали в этом Гоминьдану всеми силами, прикрывая его работу знаменем Коминтерна и обязывая китайскую компартию подчиняться чанкайшистской дисциплине.

Таким образом, поскольку Лозовский касается вчерашнего дня, ему приходится -- волей-неволей -- признать, что линия официального руководства никуда не годится. Сам Лозовский считает, по-видимому, себя не ответственным за эту линию, ввиду того что он на несколько градусов левее Марты-нова. Но несамостоятельность позиции самого Лозовского обнаруживается прямо-таки убийственно, как только он переходит к анализу нынешнего революционного движения к попыткам наметить для него перспективу.

Лозовский пишет: "Особенностью нынешнего положения Китая является исключительно быстрая смена периодов, этапов и буквально кинематографическая смена событий".

Эта же мысль повторяется почти дословно и дальше. Встречалась она не раз и раньше в писаниях официальных "теоретиков" китайской революции. Когда иностранных сторонников официальной линии (напр., Крейбиха²⁹³) припирали к стене, указывая на безвыходные противоречия писаний Бухарина, они в ответ лепетали, что противоречий, собственно, нет, а есть кинематографическая смена событий.

Кинематографическая смена -- это смена произвольная, такая, которую нельзя предвидеть и которая поэтому застигает врасплох. Что официальные теоретики китайской революции застигаются каждой сменой событий врасплох -- это бесспорно. Но ход событий китайской революции в основе своей вполне закономерен, обуславливается движением многомиллионных масс и взаимоотношением классов и именно поэтому не может быть "кинематографическим". Так, шанхайский переворот Чан Кайши был вполне закономерен, его можно было предвидеть. Оппозиция его предвидела и предсказывала. Не кто иной, как Сталин, за несколько дней до переворота ручался за Чан Кайши и ручался за свою способность использовать Чан Кайши -- для того шанхайский переворот должен был явиться кинематографическим событием. Кто, как Сталин, провозглашал левый Гоминьдан призванным вождем

аграрной революции, тот должен был для объяснения контрреволюционной роли левого Гоминьдана ссылаться не на исторический материализм, а на кинематографию.

7. Руководство все время шло вразрез с действительным ходом классовой борьбы, игнорировало реальные силы и хваталось за фикции. Если бы это означало только компрометацию московских "теоретиков", беда была бы еще не столь велика. Но ошибки злополучных "теоретиков" означали прямое политическое разоружение китайской компартии, т. е. пролетарского авангарда. Надо прямо сказать: без вмешательства Сталина--Бухарина ход китайской революции, рост самостоятельности и сил китайского пролетариата шли бы несравненно более планомерно и успешно. Китайская компартия никогда не могла бы забрать так далеко вправо, если бы она была предоставлена собственным силам. Нужно было сосредоточить в руках Сталина--Бухарина весь авторитет Коминтерна, Октябрьской революции, большевистской партии, чтобы добиться такого невероятного сдвига молодой революционной партии на путь меньшевизма. Подлинно революционное, т. е. рабочее и крестьянское движение шло, по существу, без руководства, а в наиболее критические моменты -- против руководства. Совершенно закономерное в своих классовых основах движение насильственно лишалось сверху правильного политического выражения. Вместо накопления сил и укреп-

ления позиции пролетарского авангарда, получались на деле зигзаги, шатания, "неожиданные" поражения после побед -- словом, то, что Лозовский называет "кинематографической сменой событий".

8. На вопрос о перспективе движения Е Тина и Хэ Луна Лозовский разводит руками и опять отвечает ссылкой на кинематографию. Нельзя говорить о китайском 1905 или 1906-м, или 1907-м, или 1917-м годе: "этапы между приливами и отливами китайской революции очень короткие". Как мы, однако, видели и сейчас увидим, беда совсем не в коротких этапах, а в короткой памяти. Не успеет еще пройти "этап", как люди забывают ошибки вчерашнего дня -- значит, память короче этапов.

Чтобы не попасть ненароком в пессимисты или в малoverы, Лозовский в заключительной части статьи божится изо всех сил, что китайская революция победит, непременно победит, ибо "никакие в мире силы не смогут теперь увековечить старые отношения, никакие силы в мире не смогут приостановить или отодвинуть новый подъем..." и т. д. и т. п. В оптимистической водичке и на сей раз недостатка нет.

Но каковы все-таки перспективы восстания Е Тина и Хэ Луна? Должны ли китайские рабочие и крестьяне поддерживать это движение? Как? Под каким лозунгом? На этот счет Лозовский молчит. Каковы задачи китайской компартии в связи с новым этапом китайской революции? Как ставится для китайской компартии вопрос о власти? И на этот счет не слышим ни слова.

Нужно ли строить рабочие и крестьянские Советы? Нужно ли ставить себе задачей низвержение власти правого и левого Гоминьдана? Нужно ли выдвинуть лозунг "вся власть Советам"? Обо всем этом Лозовский молчит. Эти вопросы для

него не существуют. Он, слава богу, не пессимист, он верит в китайскую революцию и поэтому не обязан размышлять об условиях ее действительной победы.

9. Правда, в связи с движением Хэ Луна и Е Тина к Кантону Лозовский пишет: "Если возникнет новое государственное образование уже другого типа, чем раньше, если в Кантоне возникнет рабоче-крестьянское правительство, то это, конечно, явится угрозой бытию уханьско-нанкинской контрреволюции". Однако эти слова не столько выясняют вопрос, сколько

затемняют его. Что это за "государственное образование другого типа"? Не власть ли Советов? Почему же такое преднамеренное косноязычие? Неужели формула советской власти в Китае как оппозиционная изъята из обращения? И каким образом возникнет "новое государственное образование", если мы не поставим себе задачей его создать? Что скрывается под этим выжидательным объективизмом? Ничего, кроме "исторической потребности" запутавшихся людей схоронить концы в воду. Если "возникнет" -- усыновим; а если "не возникнет" -- пройдем мимо. При такой политике могут, однако, "возникнуть" только новые поражения.

10. В кинематографической смене событий Лозовский заметил, к счастью, две устойчивые точки опоры: вдове Сунь Ят-сена и "левого" гоминьдановца Тань Янькая²⁹⁴. Их "заявления" преисполняют Лозовского новой бодрости. Он так и пишет: "Заявления вдовы Сунь Ятсена и Тань Янькая отмечают не только личные переживания (!) этих двух видных членов левого Гоминьдана, но и историческую потребность (!!) для китайской революции в якобинской мелкобуржуазной партии".

Почему-то здесь обойден Евгений Чен²⁹⁵, который прибыл с дочерьми в Москву и критикует в наших газетах руководство правого и левого Гоминьдана. Его "заявления" тоже, очевидно, отражают "историческую потребность" известной части китайской буржуазии -- попытаться снова встать во главе рабочих и крестьян для того, чтобы снова разгромить их. Наши газеты печатают откровения Евгения Чена без слова критики. А Лозовский на вдове Сунь Ятсена строит целую историческую философию. "Своеобразие" китайской революции -- неразменный рубль наших горе-теоретиков -- требует, видите ли, якобинской мелкобуржуазной партии. Почему такое? От Ленина мы когда-то слышали, что якобинец, связавший себя с рабочим движением, и есть социал-демократ, или по-нынешнему, коммунист. Эта передвижечка обусловлена падением исторической роли мелкой буржуазии и гигантским ростом исторического значения пролетариата. Роль якобинцев в нашей партии, как может быть слышал Лозовский, выполняли и выполняют большевики. Не думает ли Лозовский, что слова о якобинцах следовало бы применить к китайской компартии, а не к почтенной вдове Сунь Ятсена и к левому Тань Янькаю?

11. Первый манифест нашей партии (1898 г.)²⁹⁶ говорит о том, что чем дальше на Восток, тем подлее становится буржуазия. Опроверг ли

Китай это положение? Нет, не опроверг. Китайская буржуазия эксплуатирует угнетенное положение Китая для наиболее изощренного, наиболее подлого закабаления рабочих и крестьян. Китайская буржуазия обворовывает внешнюю механику большевизма (ЦК, ЦКК, Политбюро и пр.), для того чтобы -- одновременно -- тем циничнее пользоваться деньгами, опытом и оружием иностранного империализма против своих рабочих и крестьян. По той же самой причине китайская керенщина (ванцинвеевщина) оказалась еще более растленной, чем наша.

Но отсюда же вытекает, что на плечи китайской компартии ложатся задачи еще более гигантские, чем те, разрешить которые оказалась призвана наша партия. Китайская компартия должна понять стоящие перед нею задачи в духе большевистского якобинизма. Она должна понять, что революционному движению в Китае нет другого пути, кроме перехода власти к Советам рабочих и крестьян. Руководить же этим переходом, а, следовательно, и взять власть в свои руки может только китайская компартия. Обо всем этом ни слова в статье Лозовского.

Мы слышали от него, что восстановление единства Го-миньдана означает создание единого фронта всей буржуазии против рабоче-крестьянского движения. Это правда, это бесспорно. Теперь это видно и слепцу. Никакого рабоче-крестьянского Го-миньдана нет. Всякое подлинно революционное движение заранее объявляется теперь в Китае большевизмом или коммунизмом -- и друзьями и врагами. В этих условиях Лозовский не испытывает никакой другой "исторической потребности" как превращать вдову Сунь Ятсена в родоначальницу якобинской партии. В этом -- ей-же-ей -- нет никакого своеобразия. Когда-то Мартынов -- пуще всего боявшийся завоевания власти (к уже завоеванной власти Мартынов получил вкус) -- ловил за ноги народных учителей, земский третий элемент и пр., чтобы превратить их в якобинскую партию, за которой могла бы тянуться социал-демократия. Ничего у Мартынова не вышло. Ничего не выйдет и у Лозовского.

Лозовский и сам признает, что никакого революционного Го-миньдана нет. "Значит ли это, -- возражает он, однако, --

что мы должны были бы высказаться против оформления (?) революционного Го-миньдана и на основании опыта последнего времени отказаться от всякой поддержки этого (?) нового Го-миньдана. Ни в коем случае". Здесь ключ к позиции. Лозовский за то, чтобы вдова Сунь Ятсена, левый Тань Янькай и оказавшийся в левых Евгений Чэнь "оформили" революционный Го-миньдан с благословения Москвы и Коминтерна и при их поддержке. Лозовский обещает не

отказываться от поддержки "этого" революционного Гоминьдана. Во всем этом гениальном историческом построении реально только одно -- неукротимая "историческая потребность" самого Лозовского держаться за хвост буржуазной тетеньки.

На этом пути тов. Лозовский, чего доброго, доберется до демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Коммунистическая партия получит указание войти в новый Гоминьдан, возглавляемый вдовой Сунь Ятсена и другими "видными" деятелями, которые именно для этого понадобились Лозовскому до зареза. Компартии будет приказано не пугать вдову Сунь Ятсена чрезмерной "левизной". Сделано это будет в достаточно двусмысленных выражениях, чтобы Бухарин мог от собственной директивы в любой момент отречься. Словом, будет снова сделано все, чтобы спутать китайских коммунистов окончательно.

После произведенной Лозовским рекогносцировки лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства выдвинет -- надо полагать -- и Сталин. Он не склонен, как известно, перепрыгивать через ступени, что свойственно оппозиции. Сталин -- реалист. А реализм, как известно, состоит в том, чтобы не видеть дальше своего носа. Вот когда Чан Кайши прибрал, при нашей помощи, к рукам своим всю власть и разгромил рабочих, тогда и для Сталина стало ясно: Чан Кайши -- контрреволюционер. А кто об этом говорил раньше, за месяцы или хотя бы только за пять дней до переворота, тот перепрыгивал через ступени. То же и с Фэн Юйсяном. То же и с Уханью. То же, в частности, с Ван Цзинвэем. Теперь Сталин может еще раз повторить старый опыт -- под обновленным лозунгом "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", строго, однако, наказав китайской компартии не перепрыгивать через новую ступень в виде вдовы Сунь Ятсена. И все это будет делаться именем боль-

шевизма -- при содействии Лозовского в качестве теоретического советника по вопросам революции.

То, что нужно сейчас в Китае, это прививать народным массам не глупенькие надежды на якобинский Гоминьдан, а жгучую ненависть к действительному реально существующему Гоминьдану в лице его правых и левых палачей и непримиримое недоверие ко всяким новым соглашательским кандидатурам -- сперва в вожди, затем в палачи. Нужно выяснять китайским народным массам и, прежде всего, самим китайским коммунистам, что выполнить великую революционную миссию может только китайский пролетариат в теснейшем союзе с крестьянской беднотой, под руководством китайской компартии. Вот где общественная база, вот где политическая рамка действительного китайского якобинизма.

Левые эсеры 297 были в нашей революции только эпизодом. Этот эпизод появился на свет не потому, что мы рекламировали левых эсеров, а потому, что беспощадно боролись с правыми. Левые эсеры не погубили революцию только потому, что наша партия вела неутомимую борьбу за упрочение своих позиций, не смешивала своих организаций с организациями эсеровской партии и

открыто ставила перед собою проблему завоевания и удержания в своих руках власти.

Могут ли в Китае появиться эпизодические образования, вроде левых эсеров? Могут. Но они не погубят революцию лишь в том случае, если соотношение политических сил еще более передвинется в сторону китайских коммунистов, чем это было в нашей революции.

Вся задача теперь в том, чтобы китайская компартия самостоятельно, как призванная руководительница, встала на почву реально развивающегося движения рабочих и крестьян. Она может это сделать только в форме рабочих и крестьянских Советов, берущих с бою власть и разрешающих задачи революции. Компартия, разумеется, использует каждого политического союзника. Но единственной реальной основой политических соглашений должны стать отныне только рабочие, крестьянские и солдатские Советы.

18. В июле этого года "Правда" в порядке кинематографической внезапности выдвинула лозунг Советов для Китая. По чьей инициативе был он выдвинут? Санкционирован ли он Центральным Комитетом, Коминтерном? Что случилось

с этим лозунгом? Почему молчат о нем сейчас? Отменен ли он? Кем: Центральным Комитетом, Коминтерном? "Своеобразие" обстановки состоит в том, что все совершается за кулисами и простому смертному ничего не видать и ничего не понять.

Если мы считаем, что лозунг Советов несвоевременен, что компартия должна не бороться за власть, а ждать появления истинно революционного Гоминьдана -- тогда движение Хэ Луна и Е Тина является авантюрой, которая дорого обойдется рабочим и крестьянам. Тогда надо как можно круче осадить назад.

Если же -- как можно судить на основании газетных сведений, которыми мы только и располагаем -- в лице армий Хэ Луна и Е Тина революция по военной линии вырвалась, наконец, из-под опеки буржуазии на путь самостоятельного движения угнетенных масс, на путь открытой гражданской войны с буржуазией; если мы считаем это новым, колоссальным по значению этапом революции и связываем с этим дальнейшее ее развитие -- а такова наша позиция -- тогда надо выровнять политический фронт по всей линии. Надо правильно поставить вопрос о революционной власти. Надо правильно поставить вопрос о революционной армии. Надо связывать стачечное движение рабочих с созданием Советов. Надо на деле учить эти Советы руководству движением масс. Надо строить крестьянские Советы как органы расправы с помещиком, реакционным чиновником, ростовщиком. Надо, чтобы компартия сознала себя руководительницей всего движения. Надо понять ее самосознание, ее чувство ответственности, ее готовность и способность к действию большого исторического масштаба. Только такой путь может обеспечить победу.

* * *

События в Китае идут, новые опасности надвигаются, а наша партия и Коминтерн лишены даже возможности обсуждать их. Официальная мотивировка запрещения дискуссии состоит в том, что это может ухудшить международное положение СССР. Вопиющая фальшь! Фактически дискуссия по вопросам китайской революции происходит непрерывно, но это дискуссия односторонняя. Все, что могла бы мировая буржуазия узнать из двусторонней дискуссии, она знает и так. Насквозь лживая, насквозь лицемерная мотивировка запре-

щения является в то же время насквозь филистерской и капитулянтской. Нельзя, видите ли, обсуждать основные проблемы китайской революции -- потому что рассердится мировая буржуазия. Но она ведь вообще недовольна обсуждением проблем революции, т. е. прежде всего, существованием Коминтерна. Можем ли мы в этом вопросе идти на уступки буржуазии? Можем ли мы становиться на ту точку зрения, будто интересы СССР требуют принесения ей в жертву интересов китайской революции? Ведь это значило бы установить противоречие между интересами СССР и интересами Коминтерна, развитие которого немыслимо в настоящее время без свободного и всестороннего обсуждения проблем китайской революции.

По существу дела, дискуссия запрещена лишь с той целью, чтобы не дать вскрыть ошибки руководства. Но повод, за который ухватился Сталин, еще хуже -- если возможно -- этого действительного мотива. Теория социализма в отдельной стране и здесь дает свои плоды. Люди договариваются до того, что считают возможным мотивировать запрещение дискуссии о судьбах китайской революции ссылкой на интересы рабочего государства -- как будто судьбы нашего государства не связаны неразрывно с судьбами китайской революции и как будто китайская революция может прийти к победе без обсуждения и осуждения нынешнего ложного курса.

Чем упорнее сталинский курс будет себя отстаивать, тем катастрофичнее станет его неизбежное крушение!

Л. Троцкий

20 сентября 1927 г.

ЧЕГО ЖДАЛИ И ЧТО ПОЛУЧИЛИ?

(Баланс Англо-Русского комитета)

В своем докладе активу московских железнодорожников Андреев²⁹⁸, один из секретарей ЦК, сделал [первую, пока единственную] попытку связать концы с концами в вопросе об Англо-русском комитете. Связать концы с концами Андрееву не удалось, но зато он -- вопреки своим намерениям -- оказал серьезное содействие в разъяснении того, чем сталинская политика отличается от большевистской.

1. Андреев сперва очень жалобно рассказывает, что англи-чане порвали АРК как раз в тот момент, когда ему следовало бы жить да жить. Империализм

перешел в наступление, душит Китай, готовит войну против СССР: "Сейчас поэтому существование и деятельность АРК и подобных АРК организаций были бы наиболее необходимы". [И дальше: "Именно сейчас, в момент этого наступления капитала на рабочий класс, необходимость существования АРК особенно ясна". И так далее, в том же духе.]

Рядом с этим Андреев рассказывает, какие принимались меры для того, чтобы сохранить АРК (при перечне этих мер он, однако, очень тщательно обходит постыдное берлинское совещание АРК в апреле 1927 года). Но из всех этих усилий ничего не вышло: АРК оказался взорван английскими членами именно тогда, когда в нем была наиболее острая надобность для... советских членов.

В сущности, одно это изложение заключает в себе беспощадное осуждение той самой политики, которую защищает Андреев. Можно при самой правильной политике потерпеть поражение от врага, потому что враг сильнее. Но ковать в течение многих месяцев оружие против врага и потом жаловаться, что это оружие рассыпалось в руках накануне боя, -- значит осуждать себя: либо кузнец плох, либо ковал из негодного материала.

2. После срыва Генсоветом всеобщей стачки в мае 1926 г. защитники официальной линии нам говорили: да разве же мы не знали, что Генсовет состоит из реформистов-предателей? Допустим, что вы знали. Но предвидели ли вы, что Генсовет решится именно тогда, когда в нем будет особенная нужда? Очевидно, не предвидели. Ибо ни один, даже самый плохой кузнец не станет ковать оружия, зная заранее, что оно рассыплется накануне боя.

Между тем, именно вокруг этого вопроса вращался спор оппозиции с большинством. Оппозиция говорила: члены Генсовета -- либеральные рабочие политики разных оттенков. Первая, еще бесформенная волна революции сдвинула их влево, как это всегда бывает с либералами. Всеобщая стачка, поставившая вопрос ребром, сразу отбросила их вправо. Никакой самостоятельной позиции у них быть не может. Отброшенные вправо, они превращаются в активную агентуру буржуа-

зии. [Их роль будет контрреволюционной.] Если они предали всеобщую стачку своих собственных рабочих и стачку своих углекопов, то только жалкий филистер может надеяться на то, что эти люди могут оградить китайскую революцию или Советский Союз от ударов британского империализма. Наоборот, в критический момент они всегда помогут империализму против революции. Таков был в этом вопросе наш прогноз. А бедный Андреев после срыва АРК англичанами выступает по поручению Сталина перед рабочими с жалобными причитаниями: АРК приказал долго жить в тот момент, когда деятельность его была "наиболее необходима". Вот это и называется в политике банкротством!

3. Мы сказали выше: допустим, что представители сталинской линии действительно знали, с кем имеют дело -- тем больше в таком случае их ответственность. На самом деле они клеветают на себя задним числом. Они ложно оценивали Генсовет, не понимали внутренних противоречий в английском рабочем классе и сеяли иллюзии потому, что сами их разделяли.

а) О периоде до генеральной стачки нечего и говорить: Персель, Хикс и

др. изображались в этот период как наши надежнейшие друзья, почти как единомышленники. Доказательств можно бы привести тьму. Ограничимся одним. В своей брошюре "Вопросы практики профессионального движения", изданной в 1925 г., на странице 48 руководитель советских профсоюзов Томский²⁹⁹ говорил:

"Подписавшие с нами соглашение тред-юнионисты держатся стойко и против буржуазной лжи и клеветы, и против бывших (?) руководителей английского движения: Томаса, Клайн-са³⁰⁰ и Макдональда. Вожди британских тред-юнионов, их более левая часть, можно сказать с уверенностью -- большинство, действует с нами согласованно. Это дает уверенность и возможность надеяться, что англичане, которые не любят быстро соглашаться, которые долго думают, взвешивают, обсуждают, мнутя, прежде чем принять то или другое решение, выполняют соглашение до конца и что не придется ставить перед собою вопрос: что даст русскому рабочему единство мирового профдвижения?"

Томский выражал чаяния Сталина и Бухарина. Сравните: что ждали и что получили?

б) Не лучше, по существу дела, обстояло и после срыва Ген-советом генеральной стачки. Уже после того, как оппозиция со всей решительностью потребовала разрыва Англо-русского комитета как насквозь гнилого и фальшивого учреждения, ко-торое существованием своим только обманывает рабочих, Московский Комитет нашей партии в особых тезисах, выпущенных против оппозиции, следующим образом поучал пар-тию:

"Англо-русский комитет несомненно играет громадную роль в борьбе со всякими интервенциями, направленными против СССР. Он станет организующим центром международных сил пролетариата в борьбе со всякими попытками международной буржуазии затеять новую войну". [Материалы к проработке итогов июльского пленума ЦК ВКП. Агитпроп МК].

[Вот как оценивал МК нашей партии роль Англо-русского комитета.]

В сущности, во всей массовой, т. е. единственно серьезной агитации, основной, главный, хватавший за живое довод против оппозиции: нам, дескать грозит военная опасность, Генсо-вет нам поможет от нее отбиться, а оппозиция, преследуя свои "фракционные цели", призывает нас порвать с Генсове-том. [Отсюда уже зародилось глупое и гнусное обвинение в полуоборончестве, в пораженчестве и пр.]

Оппозиция же говорила: Генсовет будет тянуть канитель дружелюбия до тех пор, пока это не будет ничем серьезным угрожать его хозяину, т. е. британской буржуазии, а затем порвет с ним в тот момент, когда это будет наиболее выгодно для буржуазии, т. е. наиболее опасно для нас.

Андреев выступает теперь и жалобно причитает: Генсовет порвал-де с нами тогда, когда деятельность АРК "особенно необходима". Необходима кому -- нам или английской буржуазии? Ведь Генеральный совет есть агентура английской

буржуазии в рабочем движении. Ясно, что он порвал блок с нами тогда, когда этот разрыв оказался "особенно необходим" Чем-берлену. Вот это в политике и называется банкротством!

в) А знаменитый довод Сталина--Рыкова³⁰¹ насчет того, что разрыва АРК требует Болдуин и что, следовательно, оппозиция помогает Болдуину -- разве этот довод не вытекал цели-

ком из ложной оценки Генерального совета, из непонимания его классово-природы и его общественной роли?

Генеральный совет есть агентура английской буржуазии. Но за агентурой хороший хозяин должен следить в оба. У агентов есть свои интересы. Агент в своей работе может зайти дальше, чем это выгодно хозяину. Болдуин зорко следит за своей агентурой, нажимает на нее, пугает ее, предъявляет требования с запросом. Забота Болдуина состояла в том, чтобы Генсовет не пообещал чего лишнего и сумел порвать с нами вовремя. Поскольку надвинулись большие вопросы, разрыв становился неизбежен. Этого не понимали у нас те, кто ложно оценивал Генсовет, кто подкрашивал его, кто делал себе на этот счет иллюзии, кто надеялся, что АРК может в большом и серьезном вопросе повести политику против Чембер-лена. Оппозиция исходила из того, что разрыв неизбежен и что нужно этот разрыв провести на таких вопросах, которые наиболее ясны и понятны английской рабочей массе.

[4. Между тем, Сталин и Томский продолжали подкрашивать Генсовет. Они с возмущением отвергали указание на то, что АРК стал реакционной помехой на пути рабочего движения. Они утверждали, что АРК играет и может сыграть прогрессивную роль, даже в случае войны. Правда, в апреле 1927 г. он/и/ выражались на этот счет осторожнее: 99 % за то, что Генсовет предаст нас в случае войны, но 1 % за то, что может и не предать. Можем ли мы, -- спрашивал Томский, -- отказываться хотя бы от одного шанса против девятнадцати в таком большом деле? Рассуждать таким образом значило превращать политику в лотерею. Но обеспечивать оборону СССР методами лотереи есть жалкая политика, тем более, что все сто процентов были за проигрыш. А когда проигрыш обнаружился, Андреев жалобно рассказывает рабочим, как хорошо было бы, если бы тред-юнионисты оказались не такими, каковы они есть на деле, а такими, какими воображал их себе Сталин.

[Вот это и называется оппортунистической политикой иллюзий!]

4. В июле 1926 года Сталин самодовольно поучал нас³⁰²:

"Задача этого блока (АРК) состоит в организации широкого движения рабочего класса против новых империалистических войн, вообще против интервенций в нашу страну со сто-

роны (особенно) наиболее могучей из империалистических держав Европы, со стороны Англии в частности" (Стенограф. отчет, выпуск 1, стр. 71).

Поучая нас, оппозиционеров, насчет того, что нужно "иметь заботу о защите первой в мире рабочей республики от интервенций" (мы этого не знали),

Сталин присовокуплял:

"Если профсоюзы нашей страны встречают в этом деле поддержку со стороны английских профсоюзов, хотя бы и реформистских, то это надо приветствовать..."

Голоса: правильно! (стр. 71).

Можно не сомневаться, что среди голосов "правильно" был и голос Андреева. А между тем, это были голоса слепцов, которые подводили защиту СССР под неожиданный удар. Мало иметь "заботу о защите СССР" -- надо иметь заботу о правильной линии политики, надо знать основные силы мировой борьбы, надо понимать классовые отношения и механику партий, надо быть марксистом [ленинцем], а не филистером.

[Сталин развивает свою мысль далее с самодовольством уездного мудреца. Он нумерует свои пошлости: во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых. Во-первых, надежда на Чан Кайши, во-вторых -- надежда на Ван Цзинвэя, в-третьих, надежда на Персея, в-четвертых -- надежда на Хикса. Нынешняя надежда на французских радикалов³⁰³, которые-де дадут отпор французским империалистам, это уже в-пятых.

Сталин в той же речи поучает:

"Ежели реакционные профсоюзы Англии готовы с революционными союзами нашей страны иметь блок против контрреволюционных империалистов своей страны -- почему бы этот блок не приветствовать?" (стр. 71.)

Сталин не понимает, что, если бы "реакционные" профсоюзы способны были вести борьбу против своих империалистов, то они не были бы реакционными профсоюзами. [Сбившись на мешанское верхоглядство,] Сталин утратил водораздел между понятиями реакционный и революционный. Он по старой памяти называет профсоюзы Англии (т. е., очевидно, их руководство) реакционными, а на деле питает на их счет [совершенно меньшевистские] иллюзии, в духе блаженной памяти Керенского или Церетели.

Сталин резюмирует свою философию в следующих словах: "Итак, АРК есть блок наших профсоюзов с реакционными профсоюзами Англии... на предмет борьбы против империалистических войн вообще, против интервенции -- в частности" (стр. 71).

Вот именно: мелкобуржуазная ограниченность вообще и -- в частности [(тема для "красных" профессоров сталинской школы)].

[С самодовольством уездного мудреца] Сталин заканчивает свои поучения попыткой иронии:

Пусть запомнят это хорошенько Троцкий и Зиновьев (стр. 72).

Вот именно! Мы все очень твердо запомнили. Мы запомнили, что нашу критику сталинских надежд на Персея как на ангела хранителя рабочего государства Сталин называл отходом "от ленинизма к троцкизму".

Ворошилов: Правильно!

Голос: Ворошилов печать приложил.

Троцкий: К счастью, все это будет в стенограмме (стр. 71).

Да, все это будет в стенограмме того самого июльского пленума, который

[выводил т. Зиновьева из Политбюро,] громил "троцкизм" и брал под защиту АРК [шпаргалку Угланова304 -- Мандельштама305].

Мы предлагаем опубликовать теперь к Пятнадцатому съезду речи Сталина по вопросу об АРК вместе с нашими речами. Это будет хорошей проверкой того, чьи взгляды выдерживают проверку событий и времени: взгляды Сталина или взгляды оппозиции?

[6. Не будем останавливаться на схоластических построениях Бухарина. У него в этом вопросе было семь теоретических пятниц на неделе. [Критиковать их бесплодная трата времени.] Тут и софизм насчет того, что АРК есть профсоюзная организация, а не политический блок. Тут и софизм насчет того, что АРК есть не союз вождей, а союз масс. Тут и защита апрельской капитуляции в Берлине доводами государственно-дипломатического характера. И многое, многое другое. Все эти теории были нами в свое время оценены по достоинству. Распутывать сейчас задним числом заячьих петлей Бухарина было бы бесплоднейшей тратой времени. Ходом событий противоречивая схоластика Бухарина сметена, как мусор, из которого отчетливо выступает только один факт: идейно-политическое банкротство. И подумать только,

что все это вместе преподносится под видом генеральной линии Коминтерна!]

5. "С момента срыва всеобщей стачки, -- рассказывает Андреев, --начинается подготовка плана, каким бы образом поудобнее сорвать АРК или свести АРК окончательно к нулю, к такому положению, когда он не будет мешать Генсовету... К этому сводился план нынешних руководителей Генсовета. И то, что произошло на последнем конгрессе, является завершением этого плана".

Это вполне правильно сказано [совсем как у оппозиции 1 1/2 года тому назад]. У Генсовета был свой план, и этот план проводился им систематически. "Разрыв есть завершение продуманного плана, который Генсовет подготовлял и осуществил на последнем конгрессе". Это безусловно правильно. Генсовет знал, чего хочет. Вернее сказать: хозяева Генсовета знали, куда его вести. А вот знал ли Андреев, куда он идет? Не знал. Ибо Сталин не только не помешал, но помог Генсовету выполнить его вероломный план с наибольшей выгодой для Генсовета и для его действительных политических доверителей, т. е. для английской буржуазии.

Если у Генсовета был план, и он этот план мог систематически проводить, то нельзя ли было этот план понять, разгадать, предвидеть? Оппозиция предвидела. Еще 2 июня 1926 года, т. е. через две недели после срыва всеобщей стачки, мы писали в Политбюро:

"А не возьмет ли на себя инициативу разрыва Генеральный совет? Это более чем вероятно. Он заявит, что ВЦСПС стремится не к единству мирового пролетариата, а к разжиганию раздоров внутри тред-юнионов и что ему, Генеральному совету, с ВЦСПС не по пути. Тогда вдогонку им мы бросим еще раз: предатели! -- в чем и выразится еще раз весь реализм политики, состоящей в поддержке гнилых фикций" (Стенограмма Политбюро 3 июня 1926 г.,

стр. 71).

[Необходимо нанести удар буржуазному господству, диктатуре буржуазии с этой стороны, и эта задача может осуществиться только разрушением Амстердама (Объединенный пленум ЦК и ЦИК ВКП (б) 14-23 июня 1926 г. Речь т. Рыкова, стр. 58)].

Разве же это не подтвердилось слово в слово, буква в букву? Вы не порвали с Генсоветом, когда он предал всеобщую стачку

и вызвал против себя величайшее ожесточение миллионов английских рабочих. Вы не порвали уже в менее для нас благоприятных условиях, когда он, вместе с церковниками и буржуазией, сорвал стачку углекопов. Вы не порвали в еще менее благоприятных условиях -- на вопросе об английской интервенции в Китае. А теперь англичане порвали с вами на вопросе о вашем вмешательстве в их внутренние дела, на вашем стремлении "командовать" английским рабочим классом или превратить английские тред-юнионы в орудие вашей государственной политики. Они порвали на вопросах, наиболее для них выгодных, наиболее способных обмануть английских рабочих. Это самое мы и предсказывали вам. Какая же политика является правильной, трезвой, революционной? Та ли, которая понимает махинации врага и предвидит завтрашний день, или та политика, которая слепо помогает врагу довести до конца его вероломный план?

7. Во время июльского пленума 1926 г. получена была от Ген-совета телеграмма о его милостивом согласии собраться с представителями ВЦСПС (чтоб надуть их). Эта телеграмма была разыграна тогда как победа -- не над Генсоветом, а над оппозицией. С каким эффектом бедняга Лозовский поднес тогда эту телеграмму!

Что вы будете делать, -- спрашивал он оппозицию, -- если он (Генсовет) согласится, более того, что будете делать, если он уже согласился? Об этом есть телеграмма сегодня.

ТРОЦКИЙ. Он согласился на временную поддержку его вашим авторитетом теперь, когда он готовит новую измену (шум, смех), (стр. 53.)

Все это запечатлено в стенограмме! Тогда наши предвидения были предметом для издевательств, для шума и для смеха. Как торжествовал Томский по поводу полученной телеграммы!

ТОМСКИЙ. Покойничек смотрит одним глазом... (громкий смех) (стр. 58.)

Да, громкий смех. Над кем вы тогда смеялись? Над собой смеялись! Как издевался Лозовский по поводу того, что ожидания оппозиции не оправдались!

Почему вы думаете, -- вопрошал он, -- что второе ваше предположение осуществится? Погодите... (стр. 53).

Что мы на это отвечали:

ТРОЦКИЙ. Значит, победили там в данный момент более умные, более хитрые, поэтому пока и не разорвали (шум). (Стр. 53.)

Опять "шум". Совершенно ясно было для Сталина, для Лозовского и других, что оппозиция руководствовалась "грубо фракционными соображениями", а не

заботой о том, как нам правильно отличать друзей от врагов, союзников от изменников. Отсюда-то и смех, и шум, в производстве которых Андреев занимал не последнее место. "Почему вы думаете, что второе ваше предложение осуществится? -- спрашивал Лозовский. -- Погодите..." Большинство было с Андреевым и с Лозовским, т. е. со Сталиным. Пришлось погодить. Годи́ли больше года. И оказалось, что Англо-русский комитет, который должен был, по Рыкову, крушить буржуазные твердыни, помог своей буржуазии нанести нам удар и потом прикрыл удар Чемберлена против нее своим дополнительным ударом.

За политику оппортунистических иллюзий всегда приходится тяжело расплачиваться, когда наступает час больших событий.

8. Мы уже упоминали, что Андреев совершенно обходит в своем докладе берлинское совещание АРК в апреле 1927 г., как если бы его вовсе не было. Между тем, это совещание является наиболее важным этапом в истории АРК после срыва генеральной стачки. На берлинском совещании делегация ВЦСПС обновила свое доверие Генсовету. Делегация держала себя так, как если бы не было ни предательства генеральной стачки, ни предательства стачки углекопов, ни предательства китайской революции, ни предательства СССР. Все векселя были переписаны заново, и Томский хвалился, что это было сделано в духе полного "взаимного понимания" и "сердечных отношений". Оказать большую помощь изменникам нельзя было. Что вы за это получили? Разрыв АРК через 4 месяца, когда наше международное положение ухудшилось. Во имя чего мы капитулировали в Берлине? Попробуйте ответить! [Вот на этот вопрос т. Андреев не сказал активу железнодорожников ни слова.]

Между тем, берлинская капитуляция не была случайностью. Она полностью вытекала из политики "бережения" АРК во что бы то ни стало. Оппозиция с конца мая 1926 г. доказывала, что нельзя состоять в блоке с людьми, которых

на- зываешь предателями. Или иначе: нельзя называть предателями людей, с которыми состоишь в блоке. Надо рвать с предателями в момент их величайшего предательства, перед лицом преданных и возмущенных масс, помогая массам придать своему возмущению более ясное политическое и организационное выражение. Вот чего требовала оппозиция. И она же предупреждала: если не порвете блока, то вынуждены будете вашу критику Генсовета приспособлять к блоку, т. е. сводить ее на нет. Это предвидение также оправдалось целиком. Воззвание ВЦСПС от 8 июля 1926 г. заключало в себе достаточно резкую, хотя и недостаточную критику Генсовета. Дальнейшие воззвания и резолюции становились все бледнее и рас-плывчатее. [А 1 апреля 1927 г. делегация ВЦСПС полностью капитулировала перед Генсоветом.]

Никогда положение вождей британского тред-юнионизма не было так тяжело, как в мае -- июне -- июле 1926 г. [Никто не говорит, что разрыв на основе предательства всеобщей стачки опрокинул бы Генсовет одним ударом. Такую чепуху приписывают нам те, кто не понимает внутренних процессов в английском рабочем движении или разучились вообще по-большевистски подходить к вопросам.] Щель между вождями и революционным авангардом пролетариата

вскрылась в тот период, как никогда. Перед нами были две возможности: углубить эту щель или помочь Генсовету ее заделать. Благодаря щедрой помощи наших профсоюзов английским стачечникам авторитет наш стоял очень высоко. Разрыв наш с Генсоветом был бы крепким дополнительным ударом по его авторитету и по его положению. Наоборот, сохранение политического и организационного блока помогло Генсовету с наименьшими потерями перевалить через наиболее для него опасный рубеж. "Благодарю, -- сказал он тем, которые помогли ему удержаться в стремнах, -- дальше я поеду сам". Впрочем, он даже и не поблагодарил -- он просто оттолкнул ВЦСПС ногою.

[В одном Андреев прав: этот разрыв есть завершение продуманного плана.]

9. Но был ли план у самого Андреева? Мы уже сказали: никакого! Андреев, пожалуй, больше всего обличает себя тем, что замалчивает апрельское берлинское совещание 1927 года. Между тем, в защиту этого совещания Андреев очень реши-

тельно выступал на апрельском пленуме ЦК. Вот что он там говорил:

"Что мы ставили себе задачей? Мы ставили себе задачей на этом Англо-русском комитете в Берлине добиться того, чтобы англичане нам прямо и ясно (!) ответили, как они смотрят на перспективы дальнейшего существования Англо-русского комитета. И я думаю, что мы этого добились (?!). Они вместе с нами сказали, что они за дальнейшее существование Англо-русского комитета, за его активизацию и т. д. Нам нужно было добиться на этом Англо-русском комитете определенного решения по вопросу о единстве и в известной степени осуждения Амстердамского Интернационала за то, что он уклоняется от предложений по единству... [не принял предложений Англо-русского комитета и Генсовета о созыве конференции.] Мы этого решения добились (?!). [Добились резолюции по вопросу об этом.] Нам нужно было добиться от них ответа по вопросу относительно опасности войны и мобилизации империализма. Я думаю, что из этой части мы добились, конечно, не на 100 % большевистского решения (?!), но того решения, которого максимально мыслимо добиться при данных условиях" (стр. 32).

Вот каких побед Андреев добился на берлинском совещании: англичане высказались "прямо и ясно" за дальнейшее существование АРК; мало того, за его "активизацию". Шутка сказать! Андреев добился от англичан ясного ответа по вопросу о единстве профдвижения и, наконец, -- слушайте, слушайте! -- по вопросу относительно [опасности] войны. [Мы добились -- правда, не на 100 % -- большевистского решения, но, очевидно, процентов на 75 %.] Не мудрено, если в той же своей речи Андреев -- вот бедняга! -- говорил о том, что оппозиция "безнадежно увязла в трясине своих ошибок".

[Как же теперь быть? В апреле "мы добились от Генерального совета ясных и прямых ответов [по основным вопросам совместной борьбы". Этого успеха не понимала только оппозиция, погрязшая в трясине своих ошибок]. А в сентябре подготовленный Генеральным советом Конгресс тред-юнионов взорвал

Англо-русский комитет. Откуда же это противоречие между апрелем и сентябрем? А ведь теперь Андреев признает, что срыв АРК есть завершение плана, задуманного еще в момент всеобщей стачки, т. е. в мае 1926 года. Что же означали

"ясные и прямые" ответы англичан в апреле 1927 года? Выходит, что ответы эти не были ни ясными, ни прямыми, а мошенническими. Задача Генерального Совета состояла в том, чтобы надуть, выиграть время, затянуть канитель, подготовить конгресс и прикрыться им.

И на этот счет оппозиция предупреждала. Раскройте протоколы апрельского пленума 1926 года на 31-й странице. Там мы вам говорили: "Особенная опасность миру всего мира содержится в политике империалистов в Китае". Это они подписывают! Почему у них язык не повернулся, или почему мы не потянули их за язык, чтобы назвать, каких именно империалистов? Недаром все сие было подписано в день 1 апреля, это число символическое... (смех).

[КАГАНОВИЧ306. Значит, мы их обманули?]

[Как видите, т. Каганович попал в самую точку.] Кто кого обманул -- теперь стало совершенно ясно. Недаром же Андреев плачется, что после всех его побед в апреле 1927 г. англичане ликвидировали АРК в тот именно момент, когда он был наиболее необходим. Вот это и называется безнадежно увязнуть в трясине!

Мало того, Андреев на апрельском пленуме выражался об оппозиции еще круче:

"Наша оппозиция выходит и требует разрыва с английскими союзами. Эта позиция есть позиция на изоляцию нас в труднейший момент мобилизации сил империализма против нас. Вы развертываете свою якобы революционную позицию, а объективно помогаете Чемберленам, потому что Чемберлены хотят, чтобы не было никакой связи между нашим профдвижением и английским профдвижением и чтобы им не мешали никакие Англо-русские комитеты" (стр. 33).

Оппозиция предлагала не хвататься за гнилую веревку, когда проходишь над обрывом. А вот политика Сталина [, защищаемая т. Андреевым,] именно привела к "изоляции нас в труднейший момент мобилизации сил империализма против нас". Эту задачу точка в точку выполнила официальная политика. Тем, что мы поддерживали Генсовет, мы ослабили движение меньшинства³⁰⁷. В самом меньшинстве мы нашей соглашательской линией поддерживали правые элементы за счет левых. Мы тормозили этой политикой революционное воспитание пролетарского авангарда, в том числе и бри-

танской коммунистической партии. Мы помогли Генсовету удержаться без потерь, подготовить реакционный конгресс профессиональных бюрократов в

Эдинбурге и порвать с нами при сопротивлении лишь небольшого меньшинства. Мы помогли Генеральному совету изолировать нас в труднейший момент и тем осуществить план, задуманный Генсоветом [-- в этом Андреев прав --] еще с момента генеральной стачки. Вот это и значит объективно помогать Чемберленам!

11. А теперь, защищая политику сталинских банкротств[на беспартийном активе, т.] Андреев говорит:

"Некоторые горячие головы из оппозиции в нашей коммунистической партии [эту тактику] все время предлагали нам: разорвите с английскими предателями, разорвите с Генсоветом".

Эта насквозь пошлая, филистерская фраза насчет "горячих голов" взята из словаря реформистского мещанства, оппортунистической обывательщины, которые не способны к политике дальнего прицела, т. е. к политике марксистского предвидения, большевистской решимости. Андреев считал в апреле 1927 г., что добился от англичан серьезных обязательств. Мы ему на это отвечали:

"Политические мошенники, составляющие амстердамскую агентуру капитала, дюжинами рассыпают такого рода пацифистскую дешевку, чтобы усыплять рабочих и сохранять, таким образом, свои руки свободными для предательства в критический момент" (стр. 38).

Кто же оказался прав? Политика проверяется на фактах. Мы видели выше, чего Сталин ждал в апреле этого года и что он получил в сентябре. Жалкое крохоборчество, постыдная близорукость. [Вот как именуется ваша политика, т. Андреев!]

12. Единственное утешение остается Андрееву: "Ответ-ственность за срыв этой организации (АРК) падает целиком полностью (!!) на руководителей английского профдвижения". Эта фраза показывает, что Андреев ничему не научился. "Ответственность за срыв АРК!" Подумаешь, что это самоэстрашное из всех преступлений перед рабочим классом. Ген-совет сорвал всеобщую стачку, помог угольным баронам закабалить углекопов, прикрыл разгром Нанкина, поддерживал политику Чемберлена против Советского государства и будет несомненно поддерживать Чемберлена в случае войны.

И вот этих людей Андреев пугает "ответственностью" за срыв АРК. Что видели английские рабочие от АРК, особенно со времени всеобщей стачки: банкеты, пустопорожные резолюции, лицемерно-дипломатические речи.

А, с другой стороны, с какого это времени мы стали бояться брать на себя ответственность за разрыв с изменниками и предателями? Что это за жалкенькая, дрябленькая, дрянненькая, либеральненькая постановка вопроса! [За то, чтобы продлить жизнь АРК на 4 месяца, мы заплатили позорнейшей берлинской капитуляцией. Но зато мы избавили себя, видите ли, от ужасающей "ответственности" -- от ответственности за разрыв с предателями рабочих.] Да ведь вся история большевизма сильна решимостью брать на себя такого рода ответственность! Андреев тоже принадлежит к тем, которые болтают насчет троцкизма, а самого главного в большевизме не понял до сих пор.

13. Запутавшийся докладчик говорит:

Теперь каждый пролетарий должен дать себе ясный отчет, взвесить по документам и сравнить нашу и их политику. (Доклад Андреева на собрании московских железнодорожников).

Это, конечно, похвальная постановка вопроса. Каждый пролетарий должен составить себе действительное представление о политике на основании документов. Верить на слово не годится. На этот счет еще Ленин говорил: "Кто верит в политике на слово, тот безнадежный идиот". Этот ленинский афоризм годится для всех стран, в том числе и для советской. Надо, чтобы наши рабочие составили себе ясное понятие о политике Сталина в вопросе об Англо-русском комитете. Для этого надо опубликовать все документы оппозиции и сделать их доступными каждому рабочему.

Надеемся, что Андреев поддержит это наше предложение. Иначе у него выйдет так: что англичанину здорово, то русскому смерть. Но это точка зрения шовинистов, а не интернациональных революционеров.

[15. Что же теперь, после того, как гнилая декорация развалилась окончательно? Андреев отвечает:

"Вожди не хотят соглашения с нами -- мы будем эту тактику единого фронта вести через головы вождей и против их желания, будем вести ее снизу, при помощи связи с массами, с их низовыми организациями и т. д."

Хорошо. Но ведь год с лишним назад, на июльском пленуме Мануильский говорил: "Тов. Зиновьев приходит и утешает нас, что, разорвав с Англо-русским комитетом -- мы должны создать новые мосты к рабочему движению. Но я спрашиваю -- видели вы эти мосты? Наметил ли т. Зиновьев новые пути для осуществления идеи профсоюзного единства?"

И эта безвыходность (!!!) -- самое худшее во всей позиции тт. Зиновьева и Троцкого" (стр. 24).

Таким образом, год тому назад провозглашалось, что ликвидация Англо-русского комитета должна создать безвыходность: других мостов не видать. Настоящим революционным оптимистом считался тот, кто верил в перселевский мост. [За вычетом этого -- пессимизм и маловерие.] А теперь этот мост рухнул. Нельзя ли прийти к выводу, что именно позиция Мануильского есть позиция безнадежности и тупика? Могут возразить: кто же берет Мануильского всерьез? Правильно. Но разве все остальные защитники официальной линии не объявляли, что АРК есть "воплощение" братского союза русского и британского пролетариата, мост к массам, орудие обороны СССР и пр., и пр.?!

Для оппозиции -- так возражали представители официальной линии -- Англо-русский комитет есть блок вождей, а для нас это блок рабочих масс, воплощение их союза. Теперь позвольте спросить: а разрыв АРК есть разрыв союза рабочих масс? Тов. Андреев как будто говорит -- нет. Но ведь это самое и показывает, что АРК не представлял союза рабочих масс, ибо нельзя заключать со стачечниками союз через штрейкбрехеров.

17. Бесспорно, что мы должны искать путей помимо Генсо-вета. Более того, после того, как это реакционное средостение устранено, мы только и получаем возможность искать подлинных связей с подлинными массами. Первым условием успеха на этом пути является беспощадное осуждение официальной линии в отношении Англо-русского комитета за весь последний период, т. е. начиная со всеобщей стачки.]

14. Андреев указывает на приезжающие к нам рабочие делегации как на один из путей связи с английскими массами. Разумеется, и рабочие делегации, правильно построенные и правильно информированные, могут принести пользу делу сближения рабочих. Но было бы в корне неправильно выдвигать это средство на первый план. Значение рабочих делегаций чисто вспомогательное. Основная наша связь с английским рабочим классом -- через компартию. Найти дорогу к рабочим массам, организованным в тред-юнионы, можно не комбинаторством, не фальшивыми сделками верхов, а правильной революционной политикой британской компартии, Коминтерна, Профинтерна, ВЦСПС. Завоевать массы может лишь выдержанная революционная линия. После крушения АРК это снова обнаруживается со всей бесспорностью. В сущности, исходным моментом ошибочной линии в вопросе об АРК было стремление заменить

рост влияния компартии умелой дипломатией по отношению к вождям тред-юнионов. Если кто пытался перепрыгнуть через действительно необходимые и неизбежные ступени, так это Сталин и Бухарин. Им казалось, что они могут хитроумным маневрированием, комбинаторством перевести британский пролетариат в старший класс помимо компартии или, точнее, при ее некотором содействии. В этом же была исходная ошибка Томского. В этой ошибке опять-таки нет ничего оригинального. Оппортунизм всегда начинается с этого. Развитие класса кажется ему слишком медленным, и он стремится жать то, чего не посеял или что еще не созрело. [Таков был, например, источник оппортунистических ошибок Фердинанда Лассалья³⁰⁸.] Но после того, как методы дипломатии и комбинаторства опишут полный круг, оппортунизм возвращается к разбитому корыту. [Оппортунистическое перескакивание через ступени не ускоряет, а задерживает революционное развитие пролетариата.] Если бы мы с самого начала правильно понимали, что АРК есть кратковременный блок с качнувшимися влево реформистами, который может держаться только до первого их сдвига направо; если бы мы вообще понимали, что единство фронта с "вождями" может иметь лишь временное, эпизодическое, подчиненное значение; если бы мы, в соответствии с этим разорвали Англо-русский комитет в тот день, когда он отказался принять помощь русских рабочих английским стачечникам -- весь этот тактический опыт был бы оправдан. Мы бы дали толчок движению левого меньшинства, а британская компартия получила бы урок правильного применения тактики единого фронта.

Вместо этого вы передвинули тактическую ось в сторону блока с реформистскими верхами. Кратковременное соглаше-

ние вы попытались превратить в постоянное учреждение. Это учреждение

объявлялось вами стержнем борьбы за единство мирового пролетариата, центром революционной борьбы против войны и пр., и пр. Вы создавали, таким образом, политические фикции и проповедовали рабочим веру в эти фикции, т. е. совершали уже глубоко вредную, враждебную революции работу. По мере того, как обнаруживался предательский характер ваших союзников, на который вы старались как можно дольше закрывать глаза, вы объявили, что дело не в них, не в Генсовете, что АРК не есть блок вождей, а союз масс, что АРК есть только "воплощение", только "символ" и пр., и пр. Это было уже прямой политикой лжи, фальши, гнилого маскарада. Большие события опрокинули эту фальшь. Вместо того, чтобы лепетать: "Ответственность за это не ложится на нас"; надо сказать: "К стыду нашему -- заслуга в этом не принадлежит нам".

[Андреев говорит, что нужно всю правду рассказать каждому английскому рабочему. Конечно, нужно сделать все, что возможно. Но это совсем не так легко.] Когда Андреев говорит: "Теперь уже никто не поверит генсоветчикам", то это просто дешевая фраза. Как показывает Эдинбургский конгресс, ваша политика укрепила Генсовет. Одно берлинское совещание -- помимо всего прочего -- не прошло бесследно. Придется не только отмывать, но отскабливать нанесенную вами идейную путаницу. Это в первую очередь относится к британской компартии, которую вы сбили с пути. [И во вторую -- к движению левого меньшинства.]

Уже во время всеобщей стачки, как и стачки углекопов, руководство британской компартии далеко не всегда обнаруживало необходимую инициативу и решительность. Нельзя забывать, что ЦК британской компартии долго не соглашался печатать воззвание ВЦСПС от 8 июля, как слишком резкое в отношении Генсовета. Кто умеет судить по симптомам, для того этот эпизод должен был представиться крайне тревожным. Молодая компартия, вся сила которой в критике и непримиримости, обнаруживает в решительный момент избыток качеств противоположного порядка. Виной в этом -- ложное понимание и ложное применение политики единого фронта. Английскую компартию изо дня в день учили, что союз с Перселем и Хиксом поможет делу обороны СССР

и что русская оппозиция, которая этому не верит, виновна в пораженьстве. Все было опрокинуто на голову. Бесследно для сознания британской компартии это пройти не могло и не прошло. Правые тенденции чрезвычайно усилились в руководящих кругах британской компартии: достаточно напомнить о недовольстве ряда членов британского ЦК тезисами Коминтерна о войне как слишком "левыми"; достаточно напомнить о выступлении Поллита в Эдинбурге, о речах и статьях Мэрфи и пр. Все эти симптомы говорят об одном и том же: для молодой партии, еще лишенной настоящего большевистского закала, политика Англо-русского комитета неизбежно означала оппортунистический вывих всей ее линии. [В еще большей степени это относится к движению меньшинства. Причиненное здесь зло исправить не так просто. Оно чревато партийным кризисом в дальнейшем.] Конечно, эти слова дадут жалким чиновникам говорить о нашей враждебности по отношению к британской компартии и пр. Мы уже видели это в прошлом не раз, в частности, на примере Китая. До последней минуты

китайская компартия объявлялась образцом большевистской политики, а после крушения -- исчадием меньшевизма. Эту отвратительную политическую двойственность мы знаем. Она уже причинила величайший вред и нашей партии и Коминтерну. [Но это не остановит нас на пути выполнения нашего революционного долга.

Доклад Андреева имеет своей целью смазать один из величайших тактических уроков последнего времени. В этом серьезнейший вред доклада и других подобных ему речей и документов. Продвинуться вперед можно только на основе беспощадной оценки банкротства Англо-русского комитета. Для этого нужно сделать доступным всем коммунистам все основные документы, освещающие этот вопрос.] Для того, чтобы продвинуться вперед, надо сказать правду [, всю правду и только правду] и русским и английским рабочим. Это и делает оппозиция.

[18. Могушественные движения английского пролетариата не прошли, разумеется, бесследно. Коммунистическая партия усилилась -- и численно, и по влиянию -- в результате того участия, которое она приняла в массовых боях. Процессы дифференциации в миллионных массах продолжаются. Как всегда после больших поражений, известные и довольно

широкие круги рабочего класса переживают временное снижение активности. Реакционная бюрократия сплачивается, преодолевая внутренние оттенки. На левом полюсе происходит более быстрый, чем до стачки, отбор революционных элементов и усиление коммунистической партии. Все эти явления с железной необходимостью вытекают из гигантской революционной волны, которая разбила о сопротивление не только буржуазии, но и своего официального руководства. На этой основе можно и должно строить дальше. Однако в корне ложная политика до крайности ослабила размах наступления и уменьшила его революционные последствия. При правильной политике компартия могла бы пожать несравненно более обильные революционные плоды. При продолжении неправильной политики она рискует утратить то, что приобрела.]

Л. Троцкий Москва, 25 сентября 1927 г.

РЕЧЬ НА ПРЕЗИДИУМЕ ИККИ

27-28 сентября 1927 г.

Вы обвиняете меня в нарушении дисциплины. Не сомне-ваюсь, что у вас готов уже и приговор. Сейчас ни одна органи-зация не обсуждает и не решает, а только выполняет. Да-же Президиум Коминтерна не составляет исключения.

Что вы называете фракционной работой? Все то, что не раз-решает Секретариат ВКП, а Секретариат ВКП попираетустав, потрясает самые основы партийной дисциплины и ста-вит под запрет то, что составляет неотъемлемое право и пер-вейшую обязанность каждого партийца.

Китайская революция

3. Вот вам живой и яркий образец. Сегодняшние газеты со-общают о том, что революционная армия взяла Сватоу. Ужenesколько недель как совершается продвижение армий Хэ Лу-на и Е Тина. "Правда" называет эти армии революционными армиями. На этот раз это, во всяком случае, гораздо ближек действительности, чем в отношении к армиям Чан Кайши, Фэн Юйсяна или Тан Шэнчжи.

Но я спрашиваю вас: какие перспективы открывает перед китайской революцией движение революционной армии, захватившей Сватоу? Каковы лозунги движения? Какова его программа? Каковы должны быть его организационные формы? Куда девался лозунг китайских Советов, внезапно -- на один день -- выдвинутый "Правдой" в июле? На этот счет мы не слышим в печати ни слова, если не считать в корне ложной статьи тов. Лозовского.

Почему молчит печать ВКП? Почему молчит печать Коминтерна? Ведь до сих пор остается еще в силе резолюция последнего Пленума Исполкома, принятая по докладу тов. Бухарина. Эта резолюция ложна насквозь. Она помогла уханьскому правительству доделать то, чего не доделал Чан Кайши.

Оппортунистические тезисы и резолюции Сталина--Бухарина, дважды приведшие китайскую революцию к тягчайшим поражениям, печатаются безвозбранно. Марксистская критика и марксистская постановка вопросов находится под запретом. Кто распространяет наши тезисы, того обвиняют в нарушении дисциплины и исключают из партии. А мы говорим: каждый честный партиец обязан требовать напечатания всех документов по китайскому вопросу и обязан всеми силами и средствами распространять нашу критику оппортунистической линии Сталина--Бухарина. Вопрос о судьбе китайской революции неизмеримо выше бюрократических приказов и запретов Секретариата ЦК, выдаваемых за революционную пролетарскую дисциплину.

4. Я сказал, что органы Коминтерна молчат по поводу третьего этапа китайской революции, который может стать началом ее подъема, но может -- при неправильной политике -- подготовить третье поражение, наиболее тяжкое, наиболее сокрушительное -- и тем обессилить ее на ряд лет.

При полном молчании всей печати и молчании Коминтерна втихомолку подготавливается тем временем новая оппортунистическая комбинация в духе всей китайской политики Сталина--Бухарина. В Москве формируется новый и самоновейший Гоминьдан вокруг вдовы Сунь Ятсена и чанкайшист-ского соратника Евгения Чена. Первая ступень: Чан Кайши; вторая ступень: Ван Цзинвэй; третья ступень: Евгений Чэнь и Ко. Две первые ступени заканчиваются разгромом и расстрелом рабочих и крестьян. Третья ступень ведет к тому же. Вме-

сто того, чтобы обеспечить полную самостоятельность кит-компартии, поднять ее самочувствие, расширить ее горизонт, поставить перед ней задачи советской диктатуры, объединяющей пролетариат и многомиллионную бедноту Китая, -- Сталин--Бухарин готовят новую инспекцию над киткомпартией, новый мелкобуржуазный соглашательский контроль над нею, т. е. новые колодки для

рук и ног пролетарского авангарда. Мы вам говорим: это закончится третьей катастрофой. И неужели вы думаете, что мы станем молчать?

С 1925 года мы ведем борьбу за самостоятельность кит-компартии, за освобождение ее из-под дисциплины Чан Кай-ши. Этот жизненный и основной лозунг большевизма называется троцкизмом. В Китае агенты Коминтерна называли троцкистами тех подлинных пролетарских революционеров, которые отстаивали основную предпосылку большевистской политики: независимость пролетарской партии. Против них поддерживали Чэнь Дусю, который политику Мартынова пере-вел на китайский язык. В чем виновата оппозиция? Тольков том, что слишком считалась с гибельными для революции запретами сталинского Секретариата и не поставила сразу от-крыто перед всем Коминтерном со всей твердостью и реши-тельностью лозунг полной независимости китайской компар-тии.

В мае этого года во время Пленума Исполкома мы проти-вопоставили насквозь оппортунистической резолюции Буха-рина краткое предложение. Оно гласило: "Пленум поступил бы правильно, поставив крест на резолюции Бухарина и заме-нив ее резолюцией из нескольких строк:

"Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминьдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами. Советам вооружать рабочих и передовых крестьян. Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов. Земли у помещиков отбирать немедленно. Реакционную бюрократию искоренять немедленно. С изменяющими генералами и вообще с контрреволюционерами расправляться на месте. Общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов"".

Эти десять строк -- голос настоящего большевизма, временно задушенный бюрократическим аппаратом на службе оп-портунистической политики. И вы думаете, что мы не доведем эти строки до сведения китайского и мирового пролетариата? Кто так думает, тот не революционер.

7. До сих пор еще не отменена китайская резолюция последнего Исполкома Коминтерна. До сих пор еще не осуждена позиция Сталина, который сперва призывал довериться Чан Кайши, а затем объявил уханское правительство руково-дящим центром аграрной революции.

Разве не прав тов. Трэн, когда он говорит, что политика Сталина--Бухарина -- при организованном молчании всего Коминтерна -- ввела в заблуждение авангард международного пролетариата? Разве "Юманите" не посылало приветственные телеграммы палачу Чан Кайши как герою шанхайской коммуны? Разве политика, которая утрачивает водораздел между пролетарским коммунаром и генералом Галифе, не есть преступная политика, которую нужно не только осудить, но заклеить?

Более того, Гоминьдан до сих пор еще входит в состав Ко-минтерна. Какой из них? Гоминьдан Чан Кайши? Или Гоминь-дан Ван Цзинвэя? Но теперь они объединились. Значит, в Ко-минтерн входит объединенный Гоминьдан Чан Кайши и

Ван Цзинвэя. Вы торопитесь исключить нас с Вуйовичем. Но вы позабыли исключить соратников Чан Кайши и Ван Цзинвэя. Может быть, вы и этот вопрос согласитесь поставить сегодня в порядок дня.

Борьбу за самостоятельность компартии, борьбу пролетариата за крестьянство против буржуазии, борьбу за Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов оппортунисты называли троцкизмом. Для чего? Для того, чтобы тем вернее бороться против ленинизма. Троцкизм -- это словечко, которым прикрываются банкроты, когда им нечего сказать. Молчание Коминтерна по поводу нового этапа китайской революции, развертывающегося на наших глазах, является фактом неслыханной растерянности. Надо ясно указать цели и пути. Молчать нельзя. Мы молчать не будем, потому что мы революционеры, а не чиновники.

Борьба против войны

10. Или, может быть, лучше обстоит со вторым вопросом последнего Пленума ИККИ -- с вопросом о борьбе против войны? Мы с тов. Вуйовичем в центре дискуссии о войне

поставили вопрос об Англо-русском комитете. Нельзя решать частные тактические вопросы без основной стратегической установки. Нам возражали, что Англо-русский комитет есть путь связи с массами. Как будто штрейкбрехер может быть путем связи со стачечником. Нам возражали, что Англо-русский комитет может улучшить международное положение СССР. Как будто агенты империализма могут охранить революцию от империализма. Это была политика гнилых иллюзий. Гейнц-Нейманы, Шмерали, Мартыновы и Куусинены говорили, что нам, оппозиции, не дорога оборона СССР. Сталин, грубый и нелояльный, как всегда, говорил об одном фронте от Чемберлена до Троцкого.

На последнем Пленуме ИККИ мы говорили во внесенных нами тезисах следующее: "Чем острее будет становиться международная обстановка, тем в большей мере Англо-русский комитет будет превращаться в орудие британского и международного империализма. Не понять этого после всего, что произошло, может лишь тот, кто не хочет понять. Мы уже упустили слишком много времени. Было бы преступлением упускать хотя бы один еще лишний день".

Прошло немного месяцев -- и проверка налицо. Не мы порвали с штрейкбрехерами и изменщиками на глазах масс, чтобы уже этим внести ясность и помочь всеобщей стачке, помочь стачке углекопов, помочь китайской революции, а штрейкбрехеры Генсовета порвали с нами, чтобы тем лучше помочь Чемберлену против нас. Мы прикрыли Генсовет своим блоком в самые для него критические месяцы после мая 1926 года. Своей в корне ложной политикой мы помогли Томасу и Перселю удержать все свои позиции и собрать последний Эдинбургский съезд тред-юнионов.

Вся официальная политика в отношении Англо-русского комитета была грубым вызовом оппортунизма по адресу большевизма. На этом примере

международный пролетариат получил гигантский урок. Нужно, чтобы он усвоил его. Для этого он должен узнать его. Вот почему мы не можем молчать. Дело идет об основных интересах международного пролетариата. Это повыше и посильнее приказов Секретариата, позорно сбившегося с пути и ставящего все новые и новые помехи развитию международного пролетарского авангарда.

Вопросы дисциплины и устава

11. Дисциплина есть важнейшее орудие революции. Но не единственное. Дисциплина не может заменить правительственной линии и ее коллективной выработки. Попытка поддерживать дисциплину одними лишь механическими средствами -- безнадежна и реакционна. Чем ошибочнее линия, тем больше требуется репрессий для поддержания формальной дисциплины. Бюрократическая дисциплина на основоположной политической линии является не орудием сплочения, а орудием дезорганизации и разрушения партии. Этими словами характеризуется сталинский режим, целиком перенесенный ныне на Коминтерн.

В последнем письме ЦК нашей партии, как и в ряде других документов, содержится утверждение, будто в нашем заявлении от 8 августа мы "сознались в ряде своих ошибок" и дали обязательство не вести фракционной работы. На самом деле о каких наших ошибках в нашем заявлении нет и речи. Когда мы заявляли 8 августа, что мы за безусловную защиту СССР, против раскола, против курса на две партии, против режима фракционности, то мы говорили не о своих ошибках, а лишь отметили ту клевету, которая систематически на нас возводилась и возводится. Фракционность мы объясняли, в полном соответствии с резолюцией 5 декабря 1923 года, бюрократическим режимом. Борьба против фракционности можно только путем борьбы против бюрократического режима. Эту борьбу мы ведем и будем вести.

Вы пытаетесь вопрос об оппозиции поставить в плоскость голой дисциплины. Но для того, чтобы требовать дисциплины, надо все же и самим соблюдать элементарные нормы устава и партийной демократии. Между тем, эти нормы попираются все грубее и грубее.

Начнем с простейших примеров. Стенограмма того заседания прошлого Пленума, на котором осуждалась оппозиция, была выпущена с исключительной быстротой. Из стенограммы была удалена моя речь с указанием на то, будто я не выправил стенограммы. Между тем, стенограмма была доставлена мне только в момент выпуска всего отчета из печати. Я жаловался на это вам. Что вы предприняли против такого возмутительного попрания элементарных прав и фактического обмана партии? Ничего решительно.

Тов. Вуйович -- член Исполкома Коминтерна, выбранный конгрессом. Оргбюро ЦК ВКП постановило направить тов. Вуйовича в провинцию, чтобы лишить его возможности выполнять те функции, какие ему поручены мировым конгрессом. Что это, как не вопиющий подрыв устава и дисциплины? Вступились вы за права

члена Исполкома? Ни в малейшей степени. Сегодня вы хотите устранить Вуйовича из Исполкома, чтобы задним числом прикрыть противоуставное постановление Оргбюро ЦК ВКП.

Вскоре после последнего Пленума ИККИ ЦКК ВКП привлекла меня к

ответственности за мое поведение на Исполкоме Коминтерна. Это было вопиющим нарушением устава и организационной дисциплины. Это все равно как если бы ГубКК судила меня за мое поведение на Пленуме ЦК. ИККИ сам вынес суждение по этому вопросу. Несмотря на абсолютную ясность вопроса, ЦКК ВКП сочла возможным судить меня за мои выступления на Пленуме Исполкома.

Кто борется против сталинского курса внутри европейских компартий, тот исключается. Все больше исключается в европейских партиях, как и в ВКП, большевиков только за то, что они разделяют точку зрения оппозиции ВКП. Исключенных объявляют ренегатами, после чего нас обвиняют в солидарности с ренегатами. Слово "ренегат" стало дешевым словом.

Чан Кайши объявлялся до вчерашнего дня союзником; Ван Цзинвэй -- надежным революционером; Персель -- другом. По этой самой логике революционеры, исключаемые за защиту ленинизма, объявляются ренегатами. Эта брань компрометирует обвинителей, а не обвиняемых.

17. Президиум Исполкома, как и Исполком, получает свои полномочия от конгресса. По уставу конгрессы Коминтерна должны созываться ежегодно. Значит, полномочия Исполкому и его Президиуму даются только на год. Самовольное продление этих полномочий есть нарушение устава. Разумеется, если бы война, блокада и пр. помешали созыву конгресса, то было бы нелепо становиться на формальную точку зрения. Но как раз во время войн и блокад международные конгрессы собирались сравнительно правильно. Теперь же, когда решительно ничто не мешает созвать правильно организованный конгресс, вы собираетесь созвать его через 4 года после V кон-

гресса, т. е. вы присвоили себе на три лишние года права, которые вам не принадлежат.

На каком основании? Одна китайская революция оправдала бы созыв в течение последнего года двух чрезвычайных конгрессов. За это время собирались конгрессы II Интернационала, конгрессы Амстердама. Только III Интернационал в эпоху величайших мировых потрясений и нарастающей опасности войны в течение четырех лет не собирается на съезд. Да и соберется ли в будущем году -- совершенно неизвестно. Разве это не вопиющее попрание устава, дисциплины? Разве это не прямая узурпация?

18. А съезд ВКП? Он не созывался уже два года. Что мешало нормальному созыву съезда? Ничего, кроме намерения сталинской фракции справиться с оппозицией за спиной партии, до съезда и без съезда. Та же причина повела к новому отложению VI конгресса. Над всеми вопросами стоит вопрос об организационном самосохранении группы Сталина. Нельзя говорить о китайской революции, об Англо-русском комитете, о нашей политике в Персии, в Монголии, в Афганистане, о расслоении деревни, об индустриализации, о политике цен,

даже о Днепрострое -- потому что во всех этих вопросах в активе Сталина имеются только ошибки, шатания, оппортунистические блуждания и поражения. Сейчас нельзя говорить о вопросах международной политики, в частности о переговорах с Францией по поводу признания долгов³¹⁰. В этих вопросах наделано ошибок не меньше, чем в других. И эти вопросы решались за спиной партии и обрушивались на ее голову в готовом виде. Партия знала меньше, чем мировая буржуазия. Неспособность руководства ориентироваться в международной обстановке, правильно оценить отношения между классами и между государствами вела и ведет к политике невпопад. А это нам обойдется и обходится дорого. За ошибки и промедления мы сейчас явно собираемся заплатить гораздо больше, чем можно было бы, в обмен за весьма сомнительные результаты. Особенно же нельзя говорить о внутривнутрипартийном режиме, в котором все остальные ошибки, все политическое сползание находят свое наиболее яркое выражение. Партии приказано молчать, потому что политика Сталина есть политика банкротства. Но именно поэтому партия должна говорить. Именно поэтому оппозиция будет говорить.

19. Подготовка XV съезда есть цепь издевательств над партией. ЦК, ведущий в корне ложную линию по всем основным вопросам, запрещает перед съездом критиковать себя. Членам партии дается милостивое разрешение представить свои контртезисы после того, как Сталин и Бухарин напишут свои тезисы. Как будто дело идет в самом деле о тезисах Сталина. Дело идет обо всей его политике за два года. Эта политика ведет в тупик. Эта политика дала ряд поражений и готовит еще большие поражения впереди. Но нет. Никто не смеет говорить об этой реальной, фактической, действительной политике за два года. Платформа оппозиции дает этой политике всестороннюю оценку. Именно поэтому платформа объявляется незаконным документом. Членов партии подвергают обыскам, исключению и всяким материальным репрессиям за распространение платформы, критикующей ЦК за два месяца до съезда.

Самовольная отсрочка съезда на год, запрещение дискуссий, давление на членов партии государственными средствами, лишение куса хлеба ленинцев, нежелающих стать сталинцами, -- все это не нарушение дисциплины, все это в порядке вещей. А протест против этого, борьба против этих гнусностей есть нарушение дисциплины и продолжение фракционной работы. Нет, жалкими бюрократическими угрозами нас не запугаешь.

20. Партийный режим -- самая опасная из всех опасностей. Потому что он парализует главную силу сопротивления врагу -- авангард пролетариата.

Если у солдата связаны руки, то главная опасность -- не враг, а веревка, которая связывает руки солдата. Нынешний режим связывает инициативу и самостоятельность партии. Это самая непосредственная, самая острая опасность, ибо она ослабляет партию перед лицом врагов.

21. Членам партии великодушно разрешается представить свои контртезисы. После этого они будут напечатаны в дискуссионном листке. Это будет в лучшем

случае за 3--4 недели до съезда. Потом дискуссионный листок будет послан туда, куда Секретариату заблагорассудится его послать. Тем временем идет подготовка партийных конференций, которые должны определить состав съезда. Так называемая "дискуссия" будет объявлена тогда, когда съезд будет уже фактически избран --

в составе назначенных Сталиным секретарей. Трудно представить себе более возмутительную игру с партией! Вся эта механика насквозь проникнута духом узурпаторства. Кто против нее не борется, тот не достоин звания большевика. Мы будем бороться до конца.

Вчера исключены за переписывание и распространение платформы оппозиции тт. Охотников, Гутман, Дворес, Кап-линская, Карин, Максимов, Владимиров, Рабинович, Гердовский, Воробьев. Это все превосходные партийцы, в большинстве закаленные в боях, несмотря на молодые годы, преданные революционеры, не шкурники, не карьеристы, а подлинные большевики. Исключаемые оппозиционеры в большинстве своем выше тех, которые исключают. Между тем, их не только исключили из партии, но и попытались гнусно оклеветать, припутавши -- через ГПУ -- к этому делу какого-то никому не ведомого, безыменного "врангельского офицера"³¹¹. К этому необходимо прибавить. Сегодня, после того как Зиновьев, Смилга и Петерсон написали протест, который я не подписал только потому, что был в отсутствии, после этого Менжинский³¹² заявляет, что этот так называемый врангелевский офицер, этот будто бы контрреволюционер есть на деле агент ГПУ, помогающий в раскрытии заговоров. Не знаю, сталкивались ли наши товарищи с ним или нет, но если столкнулись, то, значит, с агентом ГПУ, а не с врангелевским офицером.

Кто знает историю, тому ведомо, что каждый шаг на пути узурпаторства всегда сопровождался такого рода обвинительными подлогами. Тт. Серебряков, Преображенский³¹³ и Шаров³¹⁴ письмом в ЦК заявили, что они являются организаторами перепечатки платформы. Письмо Политбюро называет заявление этих трех товарищей "ренегатским". Авторы этой брани позорят лишь себя. Серебряков, Преображенский и Шаров по своему политическому и нравственному уровню двумя головами выше тех, которые свои преступления прикрывают руганью. Жалки, трижды жалки те политические банкроты, которые от платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) вынуждены прятаться за спину врангельского офицера. Это не поможет. Ни угрозы, ни репрессии, ни термидорианская клевета, ни бонапартийские подлоги не поме-

шают нам вести работу по охранению революционных традиций партии и обеспечению ее революционного будущего.

Где же выход?

Сталин вам подсказывает выход: исключить Троцкого и Вуйовича из Исполкома Коминтерна. Я думаю, что вы это выполните. Но что от этого

изменится? Ничего. Или почти ничего. Основные вопросы все равно решаются вне Исполкома и вне Президиума. Вы это знаете не хуже меня. Как всякая мера, которой злоупотребляют, исключения потеряли свою остроту. Только на днях Сталин--Бухарин потребовали от французского ЦК, чтобы он исключил из своей среды Трэн только потому, что Трэн сказал несколько горьких слов правды о китайской политике Сталина--Бухарина. А тов. Нин, один из лучших работников международного пролетарского авангарда, основной работник Профинтерна -- что вы с ним собираетесь делать? Он тоже открыто заявил о своей полной солидарности с оппозицией. Какую часть вы ему готовите? Какие меры вы собираетесь принять в отношении его? В германской партии тов. Тельман в качестве вождя по назначению держится -- при всей своей ужасающей политической беспомощности -- только потому, что всякий критикующий его отзывается из Германии или исключается. Фактически за спиной Тельмана стоит оппортунист Э. Мейер. Революционные вожди по назначению аппарата не создаются. Люди, которые заранее со всем согласны, никогда не станут настоящими революционерами, тем более революционными вождями. Я ничего не хочу говорить лично обидного для Шмерля, Пеппера, Куусинена и других. Но это не те товарищи, которые могут взять на себя инициативу в борьбе пролетариата за власть. А большевиками именуются не те люди, которые подчиняются каждому приказу Секретариата ВКП, а те, которые умеют бороться за диктатуру пролетариата.

Исключения не помогут. Их слишком много. Их становится все больше. Режим Сталина потрясает партию одностронними дискуссиями, исключениями и всякими вообще репрессиями. Партия не выходит из состояния дискуссионной лихорадки, прививаемой сверху: аппарат начинает каждый месяц новую дискуссию, аппарат дает ей тему, питает ее ложными материалами, подводит ей итоги, совершает суд и расправу, откладывает съезд на год, теперь готовится съезд

из своих собственных аппаратных работников, заранее назначенных, которые должны уполномочить верхушку вести эту же работу и дальше. Режим Сталина все дороже обходится партии и международной революции.

24. Вы скажете: значит, разрыв, раскол? На это отвечаю: вся политика Сталина направлена на раскол, вернее, на ряд последовательных отколов, которые должны все учащаться и углубляться. Помешать этим последствиям может только партия, вернувшая себе свои права. Для этого она должна понять грозящие ей опасности. Наша платформа целиком подчинена этой цели. Всякий, кто распространяет нашу платформу, служит единству партии на революционной основе ленинизма. Выход один: честный съезд. То же и для Коминтерна. Сперва опубликование всех документов. Затем обсуждение. Затем -- международный конгресс.

25. Вы скажете: значит, оппозиция добивается разрыва со Сталиным и Бухариным? Нет. У нас дело идет о линии партии, а не лично о Сталине, Бухарине и других.

Личное несчастье Сталина, которое все больше становится несчастьем

партии, состоит в грандиозном несоответствии между идейными ресурсами Сталина и тем могуществом, которое сосредоточил в его руках партийно-государственный аппарат. В так называемом "Завещании"³¹⁸, в котором Ленин, взвешивая каждое слово, давая оценку руководящим элементам партии, он особенно тщательно предупредил партию насчет Сталина, его грубостей и нелояльностей, его злоупотребления властью и насчет Бухарина -- его схоластичности, его неспособности овладеть марксизмом. Эту оценку Ленин давал в то время, когда писал другие свои гениальные советы партии. Незачем говорить, что в отзывах Ленина не было ни капли пристрастия, недоброжелательства и пр. Он руководился в этом документе более чем всегда, партийно-политическими соображениями -- и только. Своим очень мягким по форме, но очень жестким по содержанию отзывом о Сталине и Бухарине Ленин вовсе не хотел заклеить или изолировать их. Он хотел лишь предупредить партию насчет того места, которое они могут занимать в коллективном руководстве. Все письмо Ленина проникнуто той мыслью, что при наличных силах и условиях руководство партией может быть только коллективным. Бюрократический режим неотвратимо ведет

к единоличию. Коллективное руководство мыслимо только на основах партийной демократии. Мы думаем, что и в отношении руководства еще не поздно вернуться к советам, которые Ленин преподал в своем завещании. Но как ни важен этот вопрос, над ним стоит другой вопрос, более важный: нужно вернуть партию на рельсы ленинской политики и ленинского режима. На эти же рельсы нужно вернуть и Коминтерн.

Этой задаче посвящены все наши силы. Мы изложили свои взгляды в платформе, в выработке которой принимали полное или частичное участие не менее 200 старых партийцев-большевиков. Не менее тысячи партийцев уже присоединили свои подписи к этой платформе, которую все они вместе с нами поставили своей задачей поставить на открытое обсуждение партии и Коминтерна. Мы этого добьемся во что бы то ни стало.

Л. Троцкий

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ТОВ. ЯНСОНУ316

Ввиду отсутствия из Москвы отвечаю на Ваш запрос по поводу тов. Енукидзе с запозданием.

Речь у меня шла о линии тов. Енукидзе с Февральской революции, точнее с мая, когда я прибыл из канадского плена, до Октябрьской.

Енукидзе утверждает, что он и в это время был большевиком. Я ему напомнил, что он занимал колеблющуюся выжидательную позицию -- вроде Элиавы³¹⁷ или Сурица³¹⁸ -- и что я два раза говорил ему: "Идите к нам". На это Енукидзе несколько раз возражал: "Никогда я с вами не разговаривал". И далее: "Я с ним знаком лично никогда не был и никогда не говорил с ним".

Уже эти категорические утверждения вызывают недоумение. В тот период (апрель--август) большевики в составе руководящих советских органов: в ЦИК, в головке рабочей и солдатской секций Петроградского совета были наперечет. Со всеми ими я связался в течение первых же недель по приезде из Америки. Каким же это образом вышло, что Енукидзе со мной ни разу не разговаривал и не был знаком? Бывал ли он на заседаниях большевистской фракции? Да или нет?

Кто принадлежал к большевикам и кто не принадлежал -- обнаружилось особенно ярко в июльские дни. Президиум ЦИК созвал пленум ЦИК. Большевистская фракция обсуждала--в отсутствие Ленина, Зиновьева и Каменева -- вопрос, какую линию вести на пленуме. Был ли Енукидзе в это время членом ЦИК, присутствовал ли он на заседании большевистской фракции?

Когда громили большевиков, выступал ли Енукидзе в их защиту? Где был Енукидзе, когда вызванный Керенским с фронта полк вступил в Таврический дворец, когда нас травили как изменников, агентов Гогенцоллерна³¹⁹, революционных пораженцев и контрреволюционеров? Где был тогда Енукидзе? Участвовал ли он на совещаниях небольшой большевистской группы депутатов, выступал ли в защиту большевиков? Солидаризовался ли где-нибудь и как-нибудь с Лениным, когда его травили как агента Гогенцоллерна?

Когда Ленин и Зиновьев скрывались, когда Каменев был арестован, какие шаги предпринимал Енукидзе для опровержения низкопробной клеветы на них? Выступал ли по этому поводу в ЦИК? Или на страницах официальных "Известий"? Пусть разыщет и укажет стенограммы своих речей или свои статьи, или свои заявления.

Приходил ли Енукидзе в большевистский штаб, в редакцию "Правды"? Сотрудничал ли в "Правде" и в других наших изданиях в критический период (май--август)?

Выступал ли на собраниях и митингах с большевистскими речами?

От какой организации прошел Енукидзе в состав ЦИК? По чьему списку? Перед кем отчитывался? Этот вопрос можно и должно проверить по протоколам Первого съезда Советов и ЦИКа.

Кроме того, я оставляю за собой право назвать ряд свидетелей того, что в наиболее критический период (май--август) никто тов. Енукидзе в большевистской среде не видал.

Л. Троцкий

3 октября 1927 г.

к вопросу

О НЫНЕШНЕМ ПОЛОЖЕНИИ В КИТАЕ

На августовском (1927 г.) Объединенном пленуме ЦК и ЦКК мы дали следующий обдуманый и согласованный ответ от нашего общего имени на вопрос о том, что происходит сейчас в Китае:

"...Что происходит в Китае сейчас? Какая там полоса революции сейчас? Вы знаете, что тов. Сталин в своей последней статье сравнивает нынешнее положение в Китае с положением в России после июльских дней 1917 г. Это неправильно. Вы знаете, что после июльских дней мы шли непосредственно к Октябрю. Сталин проводит эту аналогию, и -- совершенно неправильно". Я спрашиваю Сталина: что же вы снимаете теперь лозунг буржуазно-демократической революции в Китае? Тогда вы делаете истерический (а не исторический) поворот на 180 градусов! Ставите вы теперь на очередь непосредственно пролетарскую диктатуру в Китае? Вот это будет "ультралевизна". Это не по Ленину. Опять и опять неправда, что Ленин так учил -- так "учат" только Сталин и Бухарин.

Я думаю, что поражение в Китае ныне больше походит на поражение нашей революции 1905 г., а не июльских дней 1917 г. Недаром Ленин говорил прямо о китайском 1905 годе. Само собою понятно, что между 1917 г. и будущим новым подъемом в Китае не пройдет 12 лет, пройдет гораздо меньше, пройдет, может быть, полтора--два года. Ибо теперь все идет гораздо быстрее уже по международной обстановке. Верно то, что столыпинский путь³²⁰ или "кемалистский" путь³²¹ в Китае не может удался. Это абсолютно верно. Но что там будет делаться и делается шаг по пути к кемализму- это есть факт.

Я думаю, что сейчас коммунистическая партия Китая должна: суметь строить разветвленную на весь Китай нелегальную базу и прежде всего суметь учесть, обдумать, "переварить" уроки поражения. Она должна суметь создать всюду и везде нелегальные ячейки и в профсоюзах, и в крестьянском движении, и во всех армиях. Она должна входить нелегально и в чан-кайшистские профсоюзы. По-моему, она должна, разумеется, порвать окончательно с контрреволюционным Гоминьданом. Она должна исключить из своих рядов тех, кто не хочет теперь порвать с Гоминьданом. Основной лозунг киткомпартии -- это вторая революция. "Три кита" этой второй револю-

ции следующие: первый кит -- это революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, т. е. доведение до конца аграрной революции. Второй "кит" -- союз с СССР. Вот те лозунги, которые необходимо выдвинуть сейчас".

Это сказано было всего полтора месяца тому назад от нашего общего имени. Спрашивается, есть ли какие-либо основания менять эту оценку теперь?

В нашей платформе, внесенной в ЦК 3 сентября 1927 г., говорится следующее. Перечисляя действительные черты своеобразия китайской революции, мы говорим: "Советы в Китае могли стать формой сплочения сил крестьянства под руководством пролетариата, действительными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". И далее: "Учение Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция может быть доведена до конца лишь союзом рабочего класса и крестьянства (под руководством первого) против буржуазии -- не только применимо к Китаю и к аналогичным колониальным и полуколониальным странам, но именно и указывает

единственный путь к победе в этих странах". И далее: "Из всего этого следует, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, вылившись в форму Советов в Китае, в нынешнюю эпоху империалистских войн и пролетарских революций, при наличии СССР, имела бы все шансы сравнительно быстрого перерастания в социалистическую революцию".

В платформе цитируется далее проект резолюции, внесенной Троцким и Вуйовичем на Восьмой расширенный пленум ИККИ (май 1927 г.). Этот проект краткой резолюции, начинающийся словами: "крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминьдана", кончается следующими словами: "общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов".

В нашей платформе мы далее читаем: "Глумясь над учением Ленина, Сталин доказывал, будто дать лозунг Советов в Китае "это значит дать лозунг о немедленном переходе к диктатуре пролетариата" -- между тем как на самом деле Ленин выдвигал уже в революцию 1905 г. лозунг Советов как органов демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" (курсив платформы).

Возражая Сталину и Бухарину, наша платформа приводит цитату из Ленина (т. XIV, ч. 1, с. 11): "Наша революция буржуазная, -- говорим мы, марксисты, -- поэтому рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов" и т. д.

Так ставила вопрос о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в Китае наша платформа, поданная в ЦК всего 2--3 недели тому назад. Можем ли мы менять теперь нашу точку зрения на этот счет?

Что произошло нового с тех пор? Некоторые, сравнительно еще очень небольшие, успехи Е Тина и Хэ Луна. Что представляет собою движение этих последних -- мы еще хорошенько не знаем. Товарищи, недавно приехавшие из Китая, сообщают: 1) большую роль в походе Е Тина и Хэ Луна играет то обстоятельство, что солдаты этих отрядов -- гуандунские крестьяне, которые стремятся к себе домой; 2) рабочих в этих отрядах совсем немного; 3) некоторое количество коммунистов в этих отрядах укрывается и развивает в них довольно активную работу; 4) Хэ Лун -- недавний бандит, который сам еще может выкинуть любую штуку; 5) Е Тин и Хэ Лун еще недавно обсуждали какую-то новую "комбинацию" насчет союза с го-миньдановскими генералами.

Рядом с этими сведениями есть и другие сведения (преимущественно из нашей прессы), говорящие, что крестьянское движение возрождается, что перед наступающими отрядами Е Тина и Хэ Луна бегут го-миньдановские власти и го-миньда-новские войска и т. п. Есть все основания тщательно следить за движением Е Тина и Хэ Луна, собирать все необходимые сведения и поставить с полной ясностью вопрос об отношении к этим отрядам. Но нет никаких оснований менять нашу основную оценку положения в Китае. Оценка, данная нами в августе 1927 г., остается верной.

Кемалистский путь не может выйти и не выходит в Китае. Политика

империалистов (Англии, Японии, Америки), видимо, на данной стадии сводится к тому, чтобы продолжить междуусобицу между различными генералами. Отчасти это объясняется общими интересами империализма, как их понимают политики буржуазии в данный момент. Отчасти же это вытекает из особых, сепаратных, так сказать, "цеховых" интересов каждой группы империалистов в отдельности, ставящей

ставку на "своего" генерала, на "свою" провинцию и т. д. Во всяком случае, до сих пор не видно сколько-нибудь серьезных попыток со стороны империалистских держав добиться известного согласования действий генералов и создать какую-либо политическую стабилизацию в Китае.

Генералы контрреволюционного лагеря (включая всех го-миньдановских генералов) дерутся друг с другом, как пауки в банке. В общем и целом побеждает все более черная реакция. От "левых" кадетов и трудовиков к Милюкову, от Милюкова к Гучкову, от Гучкова к Столыпину -- таков, примерно, путь контрреволюции в России после поражения революции 1905 года. Таков же в общих чертах (разумеется, с соблюдением всяких пропорций и всей разницы в обстановке) и путь контрреволюции в Китае. Белый террор разрастается. Международные войска стоят повсюду наготове. Не успели еще Е Тин и Хэ Лун взять Сватоу как туда уже вошли и японские, и английские канонерки. Империалистские войска находятся в Китае в достаточном количестве. А главное, сделана вся политическая подготовка: у империалистов развязаны на данной стадии руки, и они в любой момент могут начать стрелять. Этот последний аргумент против революционного движения в Китае на ближайшее время будет действовать безусловно.

Гоминьдан, с одной стороны, недавно раскололся на два Гоминьдана (Нанкин и Ухань), с другой стороны, однако, сумел скоро воссоединиться. Это не мешает тому, что, с третьей стороны, сегодня генерал Тан Шэнчжи ставит ультиматум Нанкину и готов двинуть войска против него. Главный итог заключается в том, что Гоминьдан во всех своих оттенках целиком скатился в лагерь контрреволюции. Из его среды выходят теперь не только китайские Гучковы, но и китайские Дубасовы³²².

Что касается революционного движения масс, то в настоящий момент можно сказать только следующее: а) рабочее движение, потерпевшее страшнейший разгром и обессиленное меньшевистской тактикой Сталина--Мартынова--Чэнь Дусю, начинает проявлять первые признаки нового возрождения (довольно значительные экономические стачки и т. п.); б) крестьянское движение обнаруживает, по крайней мере в некоторых районах, значительное упорство и имеет тенденцию расширяться.

Что из всего этого выкристаллизуется в конце концов -- это ясно: задачи революции не разрешены и не могут быть разрешены никакими Чан Кайши и Тан Шэнчжи, новая революция в Китае неизбежна и притом не в столь далеком времени. Но что из всего этого выкристаллизуется в ближайшем времени -- это

еще не ясно.

Можем ли мы сейчас выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата в Китае? Должны ли мы сейчас снять лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Нет, ни в коем случае.

Ни в коем случае не пристало нам сбиваться на то, что если Сталин и Бухарин говорят "а", то мы непременно скажем "минус а", если Сталин и Бухарин будут повторять лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, то мы непременно снимем этот лозунг. Это было бы совершенно неправильно.

Сейчас Сталин и Бухарин нехотя, цедя сквозь зубы, еще повторяют лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но вполне возможно, что через сравнительно короткое время именно они будут выдвигать лозунг диктатуры пролетариата вместо демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. При этом у них будет та же философия, которая была у Потресова³²³, Дана, Мартынова примерно в 1908--09 гг.: дескать, демократическая диктатура закончена, второй революции в скором времени ждать нечего, но, конечно, социалистическая революция когда-либо придет, наша "конечная цель" -- это социализм, и в этом смысле мы выставляем лозунг диктатуры пролетариата.

По моему мнению, мы должны остаться на той оценке, какую мы дали в августе 1927 года: характер революции в Китае на данной стадии остается буржуазно-демократическим, в этом отношении поход Е Тина решительно ничего не мог изменить -- даже если бы он был гораздо более успешным.

Когда Ленин объявил лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства исчерпанным, устаревшим? После февраля 1917 года, после того, как во всей России существовали уже Советы. И как мотивировал Ленин свой тогдашний отказ от лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Он указывал на то, что этот лозунг исчерпал себя -- ибо тогдашние Советы уже осуществили

демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства -- хотя и в очень своеобразной форме, при наличии "двоевластия" и т. п.

Ничего этого нет и в помине в современном Китае. Лозунг диктатуры пролетариата для Китая на данной стадии был бы преждевременным. Сотни миллионов крестьян, только еще начинающих как следует подниматься, нельзя повести сейчас под лозунгом диктатуры пролетариата. Это было бы настоящим "перепрыгиванием" через крестьянство.

Наш лозунг теперь должен быть: долой Гомиьдан (правый и левый), долой какие бы то ни было фикции (вроде ставок на жен Сунь Ятсена, "левого" Евгения Чена и т. п.), да здравствуют Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Кто должен организовать эти Советы?

Киткомпартия плюс профсоюзы плюс крестьянские союзы -- причем, разумеется, руководящую роль мы должны стараться завоевать для киткомпартии, которая прежде всего должна опираться на профсоюзы.

Социальное содержание этого лозунга: диктатура пролетариата и крестьянства.

Конечно, когда это будет осуществлено, перерастание в Китае пойдет быстро. За это ручаются все предыдущие перипетии борьбы в Китае и все международное положение. Тогда мы должны будем выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата.

Сталина и Бухарина мы должны обвинить теперь за то, что они совсем еще недавно (12 и 17 сентября 1927 г.) продолжали давать "лозунг" ориентации на левый Гоминьдан. Мы должны напасть на них за то, что они вновь ставят ставку на фикции вроде жены Сунь Ятсена и опять заигрывают с господами вроде Евгения Чена, которые ничем существенным не отличаются от Чан Кайши и Ван Цзинвэя. Мы должны напасть на них за то, что до сих пор, как передают, наши советники сидят еще в армиях Фэн Юйсяна. Мы должны разоблачить их за то, что до сих пор Коминтерн не создал полной ясности в вопросе о том, принадлежит ли Гоминьдан к Коминтерну или нет. Но главное наше обвинение: куда девался лозунг Советов, выдвинутый Сталиным и Бухариным на пару дней и затем основательно забытый?

Если Е Тин и Хэ Лун действительно связаны с нами и действительно слушаются наших советов, то почему им не пред-

ложили сейчас же приступить к организации Советов там, где власть принадлежит отрядам Е Тина и Хэ Луна?

Последняя передовица "Правды" защищает ту мысль, что к организации Советов следует приступить лишь тогда, когда войска Е Тина и Хэ Луна очутятся в рабочем районе. Другими словами, организация Советов вновь откладывается "на потом".

Когда рабочие Шанхая владели Шанхаем (весною 1927 г.), т. е. владели китайским Петроградом, тогда Сталин и Бухарин запретили шанхайским пролетариям приступать к организации Советов и предложили им сдать без боя Шанхай "нашему" генералу Чан Кайши. А теперь гениальные стратеги Сталин и Бухарин высказываются за организацию Советов тогда, когда в наших руках находится только маленький центр Сва-тоу, но откладывают осуществление этого дела "на потом", когда мы будем в Шанхае. Им и невдомек, что мы никогда не будем вновь в Шанхае, если не приступим, наконец, к организации Советов не на словах, а на деле.

Мы должны напасть на Сталина и Бухарина за то, что ничего не делается для действительного спасения киткомпартии, как большевистской организации, что ее вновь продолжают сбивать на блоки с "левым" Гоминьданом, что ей не помогают вернуть себе базу в рабочих центрах, где только и может возродиться коммунистическая партия после такого тяжелого разгрома.

Мы, оппозиционеры, находимся в таком положении, когда не можем точно знать, что представляют собою в действительности отряды Е Тина и Хэ Луна. Но официальные учреждения ВКП и Коминтерна могут это знать и обязаны это знать.

От них мы должны потребовать точного и ясного ответа на этот счет. Нельзя позволить им придерживаться трусливой политики полуподдержки Е Тина и Хэ Луна. Обжегшись на молоке, они дуют на воду. Обжегшись на Чан Кайши и Фэн Юйсяне, они не говорят теперь прямо китайским рабочим (да и рабочим других стран), являются ли отряды Е Тина и Хэ Луна нашими или не нашими, заслуживают ли они поддержки рабочих и крестьян или нет. На все эти вопросы мы должны требовать ясного и категорического ответа.

Но ни в коем случае нельзя нам сейчас выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата в Китае.

Г. Зиновьев

6 октября 1927 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

(для всех членов и кандидатов ЦК и ЦКК)

ПЕРЕГОВОРЫ С ФРАНЦИЕЙ И ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ ДОЛГОВ

1. Платформа большевиков-ленинцев (оппозиции) гласит: "В кругах руководящего большинства, под влиянием англо-русского разрыва и других трудностей, международных и внутренних, ныне вынашивается такой примерно план: 1) признать долги; 2) более или менее ликвидировать монополию внешней торговли; 3) уйти из Китая... 4) внутри страны правый "маневр", т. е. еще некоторое расширение нэпа. Этой ценой надеются уничтожить опасность войны, улучшить международное положение СССР и устранить (или ослабить) внутренние трудности" (ее. 68--69).

Платформа не говорит, что этот план сознательно усвоен и последовательно проводится Центральным комитетом. Если бы дело обстояло так, то это означало бы, что оппозиция упустила момент для своевременного предупреждения партии об угрожающей опасности. На самом деле этого еще нет. Капитулянтские тенденции по отношению к мировой буржуазии лишь вынашиваются в известных кругах руководящего большинства. Примером может служить, например, недавняя речь Чичерина на августовском Объединенном пленуме. Как всегда в таких случаях бывает, центристские элементы до поры до времени сопротивляются нажиму справа, чтобы затем -- в той или другой мере -- капитулировать перед ним. Эта опасность грозит и сейчас. Она проявляется и в политике Политбюро по отношению к Франции.

2. Попытка Сталина отмахнуться и в этом вопросе ссылкамина то, что критика со стороны оппозиции "помогает" будто бы французской буржуазии, представляет собою по существу наи-более яркое выражение капитулянтских настроений. "Не смейте критиковать мою склонность к излишним уступкам, иначе услышит буржуазия и начнет нажимать на меня еще более". "Не смейте критиковать мою политику в Китае, иначе английская буржуазия услышит и рассердится". Сталин прячется здесь за спину буржуазии, чтобы заткнуть рот пар-

тии. Но вопрос о сопротивлении домогательствам буржуазии, в том числе французской, совсем не разрешается для нас устойчивостью или неустойчивостью Сталина в переговорах. Дело идет о силе сопротивления партии и трудящихся масс. Вот почему не молчать надо о колебаниях верхушки, которая хочет подменить собою партию и государство, а открыто предупреждать об этих колебаниях и надвигающихся новых ошибках.

Вопрос о признании долгов царской России относится к числу важнейших вопросов тактики пролетарской диктатуры. Надо различать при этом вопрос о формальном или фактическом признании всех старых долгов, т. е. об открыто или замаскированном отказе от декрета 28 января 1918 г. (аннулирование долгов царского и Временного правительства) и отдельные соглашения по поводу долгов чисто делового характера, т. е. предусматривающие взаимную выгоду.

Не может быть и речи о принципиальном признании долгов царской монархии. Аннулирование этих долгов было одним из важнейших завоеваний Октябрьской революции. Это аннулирование дало возможность на основе внутренних средств достигнуть нынешнего уровня хозяйственного развития. Признание долгов явилось бы сокрушительным ударом для социалистического строительства и пролетарской диктатуры, так как неизбежно повело бы к резкому ухудшению материального положения рабочих и трудящихся вообще, к еще большей задержке и без того медленной индустриализации, к угрожающему росту силы иностранного капитала в хозяйстве нашей страны. Все это означало бы, при наличии прочих трудностей, удушение социалистической революции в близком будущем и закабаление нашей страны иностранным капиталом. Экономическое поражение рабочего государства стало бы одним из важнейших факторов капиталистической стабилизации.

Допустимы, однако, отдельные практические соглашения по поводу долгов, основанные на взаимной выгоде. Оставаясь целиком на почве декрета от 28 января 1918 года, можно признать известную строго ограниченную часть старых долгов при условии предоставления нам взамен этого соответствующих выгод, экономических и политических, в виде

новых кредитов или отказа от участия в военном блоке против нас и пр. и т. п.

При громадной, однако, важности и ответственности таких частных соглашений необходимо с полной ясностью разобрать обстановку и условия каждого такого соглашения.

Весной и летом прошлого (1926) года велись переговоры о частичном признании с нашей стороны долгов в обмен за предоставление нам Францией новых кредитов. Положение наше в этих переговорах было достаточно благоприятное. Франция не оправилась еще от последствий инфляции. Англия была парализована стачкой горняков. В Китае начался Северный поход. В ожидании хорошего урожая Советский Союз повышал темп хозяйственного

строительства. Теснимое своими противоречиями с Англией и обострившимися сербско-итальянскими конфликтами из-за Албании, французское правительство хотело соглашения и торопило нас. Поскольку Политбюро ставило ставку на французскую карту, оно могло в этот момент достигнуть соглашения на наиболее для нас выгодных условиях.

Момент был не только упущен, но было сделано все, чтобы оказаться в нынешнем, исключительно трудном положении. Наша международная политика была за этот период типичной мелкобуржуазной политикой, т. е. цепью колебаний между избытком самоуверенности, когда обстановка складывалась более благоприятно, и между готовностью к недопустимым уступкам, когда нажим буржуазии усиливался.

6. Первая половина 1926 года была временем особого расцвета мелкобуржуазной теории социализма в одной стране.

Эта теория, представлявшая собою искривленное отражение восстановительного периода в сознании Сталина--Бухарина, сыграла роковую роль не только в хозяйственных перспективах и планах, но и в наших переговорах с Францией. Забвение мировых хозяйственных связей и зависимости нашего хозяйства от мирового рынка; бухаринская теория черепашьего темпа; заверение, что мы на 9/10 уже построили социализм; травля по поводу "пессимизма и маловерия" оппозиции -- все это сочеталось в типичную мелкобуржуазную самоуверенность, насквозь проникнутую провинциальной ограниченностью; "мировой рынок, мол, не в счет; кредитов нам не нужно, обойдемся сами" и пр. и т. п. В самом деле,

если основной опасностью являлись "забегание промышленности вперед" и "сверхиндустриализм оппозиции", то к чему искать соглашений, кредитов, притока мировой техники? Исходя из этой в корне ложной установки, в основе которой лежит мелкобуржуазная национальная ограниченность, сталинское руководство фактически прервало переговоры с Францией в момент наиболее благоприятный для достижения соглашения.

7. С помощью предателей Генсовета английские консерваторы громят всеобщую стачку и забастовку горняков. Прикрываясь меньшевистской, по существу, "теорией стадий", переименованной в "теорию ступеней", Сталин и его единомышленники отстаивают пользу политического блока с предателями проле- тариата.

Мощное революционное движение в Китае терпит неслыханные поражения вследствие ложного в корне, по существу меньшевистского, руководства.

Вместо исправления правых ошибок в Коминтерне и ВКП ведется бесшабашный огонь налево. Позиции революционного пролетарского авангарда ослабляются в международном масштабе. Наша политика в Шанхае и в Лондоне (поддержка Генсовета) играла в это время объективно на руку английским консерваторам. Тот же характер имела и внутренняя политика. Сталинское руководство по всей линии международного фронта укрепляло позиции врагов, ослабляя СССР.

8. Поражение революции в Китае, ослабление Коминтерна, банкротство Англо-русского комитета, разрыв с Англией, непосредственная угроза войны -- вот обстановка 1927 года, в которой Политбюро приняло свои архиспешные, чрезвычайные меры для возобновления переговоров с Францией. В таких условиях наша торопливая готовность идти на уступки явилась в глазах французской буржуазии лишь выражением шаткости, близорукости и слабости нашего руководства. Положение нашей делегации в переговорах должно было, в соответствии с этим, резко ухудшиться. По существу дела Франция теперь требует от нас признания весьма значительной части царских долгов за одно лишь сохранение с нами дипломатических отношений. Французское правительство разделяет вопросы долгов и кредитов. Соотношение между нашими долговыми обязательствами и возможными кредитами вырисовывается сейчас как неизмеримо менее благоприятное, чем оно могло бы быть в 1926 году. Такая постановка для нас неприемлема. Мы должны поэтому сказать ясно: мы -- против данного соглашения.

9. На Президиуме Коминтерна Сталин уже сделал попытку спрятаться за спину Раковского, который-де предлагал большие уступки, чем те, на какие пошло Политбюро. В печати имя тов. Раковского треплется в том же, примерно, смысле. Близорукая политика есть в то же время и трусливая политика: руководители этой политики вместо того, чтобы нести за нее ответственность перед партией и рабочим классом, все-гда стремятся спрятаться за чью-нибудь спину. Раковский, как и каждый из нас, выполняет на советском посту лишь директивы партии, в данном случае Политбюро. Это вынужден был признать в своем интервью Чичерин, заявивший французскому журналисту:

"Посол является ответственным проводником политики своего правительства. Полпред Раковский в своей работе в Париже вполне правильно и верно проводит политику советского правительства".

Наиболее благоприятный момент для соглашения, указывавшийся Раковским, был упущен. Раковскому приходится вести политику в той обстановке, которую создает Политбюро. Те или другие практические предложения тов. Раковского являлись и являются ответом на требование Политбюро добиться соглашения с Францией в архинеблагоприятных условиях.

Свою собственную политическую линию тов. Раковский выразил в своих речах на августовском пленуме, где он решительно критиковал Политбюро, и в платформе большевиков-ленинцев (оппозиции), в выработке которой Раковский принимал участие и которую он подписал.

10. При условии правильной международной ориентировки, правильной оценки борющихся сил, правильного использования внутренних противоречий среди империалистов, то или другое практическое соглашение в вопросе о долгах, хотя бы и связанное с известными материальными жертвами, может оказаться вполне целесообразным и приемлемым. Но величайшей утопией является попытка откупиться крупной денежной подачкой от последствий ложной в корне международной политики при условии дальнейшего продолже-

ния этой политики -- в дипломатической области, в Коминтерне, в хозяйственной политике и внутри партии.

11. Платформа большевиков-ленинцев (оппозиции) гласит: "Правильная ленинская политика включает также и маневрирование. В борьбе против сил капитализма Ленин неоднократно применял и способ частичных уступок, чтобы обойти врага, временных отступлений для того, чтобы затем вернее двинуться вперед. Маневрирование необходимо и теперь. Но лавируя и маневрируя с врагом, когда его нельзя было опрокинуть прямой атакой, Ленин неизменно оставался на линии пролетарской революции. При нем партия всегда знала причины маневра, смысл его, пределы его, ту черту, дальше которой нельзя отступать... Благодаря этому маневрировавшая пролетарская армия всегда сохраняла свою сплоченность, боевой дух, ясное сознание своей цели.

За последний период произошел решительный сдвиг партийного руководства с этих ленинских путей. Группа Сталина ведет партию вслепую. Скрывая силы врага, создавая везде и во всем казенную видимость благополучия, она не дает пролетариату никакой перспективы или, еще хуже, дает неправильную перспективу, движется зигзагами... Ссылками на ленинское маневрирование она прикрывает беспринципные метания из стороны в сторону, неожиданные для партии, непонятные ей, разлагающие ее".

В важнейших вопросах международной и внутренней политики -- так говорит наша платформа -- "партия и рабочий класс узнавали правду или часть правды лишь после того, как на их голову сваливались тяжкие последствия ложного в корне курса".

Все это полностью подтвердилось и на французской политике Политбюро. Переговоры велись полностью за спиной партии. Ссылка на военную тайну в переговорах с врагом является лживой отпиской. Никто не требует преждевременного оглашения секретных деталей. Но дело в том, что тов. Раковский по поручению Политбюро давал информационное интервью во французской печати, а наша печать одновременно лишена была права перепечатывать эту информацию. Таким образом, французские лавочники гораздо раньше и гораздо полнее узнавали о намерениях нашей дипломатии, чем члены ВКП.

12. В случае необходимости идти на то или другое соглашение, которое возлагает на советскую страну новые жертвы, огромное значение имеет вопрос о том, кто будет платить, т. е. вопрос о нашей политике зарплаты, о налоговой политике, об общем курсе в отношении бедняка и кулака. Маневренные уступки мировой буржуазии требуют не только правильной мировой политики, но и революционно-классовой политики внутри.

Возможность правильного маневрирования предполагает активную и сплоченную партию, контролирующую все свои органы. Нельзя одновременно откупиться миллионами от буржуазии и отравлять собственную партию клеветой насчет связей левого крыла с врангелевским офицером и военным заговором.

Такая политика может давать только поражения. Это снова подтвердилось на судьбе переговоров с Францией. Отклоняя несвоевременные уступки, которые привели бы только к усилению нажима на нас, мы вместе с тем отклоняем и осуждаем ту политику, которая привела нас к новым международным поражениям.

Г. Зиновьев

Л. Троцкий

И. Смилга

Г. Евдокимов

12 октября 1927 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОМУ ПЛЕНУМУ ЦК И ЦКК325

Товарищи. Исключение гг. Зиновьева и Троцкого из ЦК326 за месяц до партийного съезда представляет собою исключительное звено той гибельной для революции политики и того разрушительного для партии режима, который за последние два года проводился руководящей группой ЦК.

Оно увеличивает длинный ряд грубейших нарушений партийного устава и прямых насилий над волей партии, при помощи которых Секретариат ЦК и его ПБ пытались навязать партии свою политику.

Именно потому, что эта политика глубоко враждебна интересам пролетарской революции и всем традициям нашей партии, для ее проведения надо было создать в партии режим

террора, заткания рта, запрещения всякой критики, шельмования товарищей и механичного послушания. Два года тому назад на XIV съезде оппозиция открыто объявила решительную борьбу этой политической линии и этим методам ее проведения. Оппозиция заявила, что основная установка этой политики -- огонь налево -- представляет не что иное, как формулу систематического отступления перед капиталистическими элементами, ослабление пролетарских позиций, открытую дверь для продвижения вперед враждебных для диктатуры пролетариата сил. Оппозиция предупреждала, что эта линия грозит пролетарской революции величайшими опасностями, что она представляет глубочайшие извращения ленинизма.

Два года, протекшие с XIV съезда, целиком подтвердили наше предсказание. Полное банкротство политической линии руководящей группы вскрыто событиями до конца. Ход китайской революции, судьба АРК, ослабление международного положения СССР, внутренние экономические затруднения, рост экономического и политического влияния кулака и нэпмана, изменение социального состава партии -- показали воочию, что линия руководящей группы направлялась все более и более вразрез с политическими интересами

революционной классовой политики пролетариата.

Тот факт, что накануне съезда руководящая группа принуждена внезапно провозгласить -- по крайней мере на словах -- левые лозунги: семичасовой рабочий день, освобождение 35 % крестьянства от налога, форсированное наступление на кулака и вообще на капиталистические элементы, лишь подтверждает полное крушение политической линии, проводившейся в течение двух лет группой Сталина--Бухарина--Рыкова, подчеркивает ее полную беспринципность, выявляет целиком политическую и идейную несостоятельность всей ее борьбы с оппозицией. У партии не может быть никакого основания доверять проведение семичасового рабочего дня, поднятия политического и экономического положения бедняков, "форсированного наступления" на кулака и нэпмана той группе, которая в течение двух лет проводила прямо противоположную политику и вела неслыхано разнузданную борьбу с оппозицией за ее требование -- улучшение материального положения бедняцких дворов, т. е. 40--50 % крестьянства, ре-

шительного ограничения эксплуататорских стремлений кулаков и роли частного капитала. Если теперь понадобилось "форсирование", т. е. усиленное наступление на капиталистические элементы, то только потому, что политика последних двух лет предоставила этим капиталистическим элементам слишком широкое поле для роста.

Однако чем более резко расходилась политическая линия ПБ с действительными потребностями руководства пролетарской революцией, тем нетерпимее становилась она к малейшему проявлению внутрипартийной критики, тем необходимее становилось для нее скрывать от партии документы, речи, статьи.

Были пущены в ход все без исключения средства для создания этой отравленной атмосферы в партии. А теперь, накануне съезда, перед которым эта группа должна нести ответ за свои величайшие политические ошибки и партийные преступления, она принимает все меры, чтобы спастись от этой ответственности. Запрещение оппозиционной платформы, исключения пачками из партии лучших и беззаветно преданных партии товарищей, аресты коммунистов, наконец, исключение тт. Зиновьева и Троцкого -- все это делается для того, чтобы избежать суда партии и пролетариата.

Товарищей Троцкого и Зиновьева исключают из ЦК, как исключили из партии сотни наших единомышленников -- лишь за то, что они честно исполняли долг пролетарских революционеров, отстаивали ленинизм против сталинизма. Их исключают для того, чтобы не дать им возможности выполнить этот долг до конца в предсъездовской дискуссии и на съезде.

Эта политика -- есть политика раскола партии. Это есть прямая попытка поставить XV съезд перед фактом раскола.

Партия не может не сознавать, что все последние меры -- от обысков коммунистов до исключения Зиновьева и Троцкого -- сознательно направлены к тому, чтобы "вышибить" из партии подлинных ленинцев, чтобы загнать их на положение "второй партии", а затем расправиться с ними методами

государственного насилия и освободить себе путь для правой политики.

Эта политика раскола полезна только нашим классовым врагам. Исключение тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК, как и исключение тт. Преображенского, Саркиса³²⁷, Серебрякова,

Шарова, Мрачковского³²⁸, Вуйовича и сотен других преданных борцов пролетарской революции -- подарок мировой буржуазии. Уже с того момента, как был провозглашен лозунг -- огонь налево, буржуазия мировая и русская ждала этих исключений и подталкивала к ним. Вы слышите аплодисменты буржуазии -- в этом нельзя сомневаться. Но она этим не удовлетворится. Она будет ждать и подталкивать к еще более крутой расправе. Неужели и это ее сокровенное желание будет выполнено? Неужели не найдется сил, которые остановят руку раскольников?

Найдутся. И партия, и рабочий класс -- живы, здоровы, сильны.

В рабочем классе зреет презрение и отвращение к этой политике. Кто еще этого не понял, тот мог убедиться в этом на демонстрации ленинградских пролетариев -- 17 октября 1927 г.³²⁹

Факты говорят за себя. Правду нельзя скрыть. Пролетариат Ленинграда, совершивший три революции, демонстрировал свое сочувствие оппозиции.

Исключение тт. Троцкого и Зиновьева, увеличивающее целую серию преступлений против партии, есть попытка избавиться от критики оппозиции накануне съезда. Но от нее нынешнему ПБ не удастся избавиться ничем -- ни исключениями, ни арестами, ни клеветой, ни ложью, ни зажиманием рта. От нее нельзя избавиться в партии революции, в эпоху революции, в стране революции, ибо оппозиция защищает взгляды Ленина и будет их защищать всегда, везде, при всяких условиях.

Мы, члены ЦК и ЦКК, заявляем, что целиком и полностью солидарны со всеми действиями и заявлениями тт. Троцкого и Зиновьева и др. наших исключенных тт., что все их шаги делались и с нашего полного согласия, что мы несем целиком и полностью и до конца ответственность за каждый их шаг и за каждое их заявление, в частности -- за печатание и распространение платформы большевиков-ленинцев (оппозиции). Мы заявляем, что в какое бы положение нас /ни ставила/ зарвавшаяся и потерявшая голову группа раскольников-сталинцев, мы будем вместе с тт. Троцким, Зиновьевым, Серебряковым, Преображенским, Шаровым, Саркисом и тысячами пролетариев-ленинцев, вместе с основными кадрами нашей

партии отстаивать дело ленинской партии, ленинской революции, Октября 1917 г., ленинского Коминтерна -- против оппортунистов, против раскольников, против могильщиков революции.

Подписи (наличные в Москве члены ЦК и ЦКК): Авдеев, Бакаев, Евдокимов, Каменев, Лиздин, Муралов, Петерсон, Раковский и Смилга

28 октября 1927 г.

НАСТОЯЩИЙ "ПОДАРОК" К ПРАЗДНИКУ330 Материалы к дискуссии

Только для членов ВКП(б)

Москва, 6 ноября 1927 г.

Массовое двухтысячное собрание большевиков-ленинцев в помещении МВТУ, прошедшее с давно невиданным подъемом, привело в исступление весь аппарат. Собрание было лучшим ответом на подвиги свистунов. Оппозиция стала уже массовым движением лучших рабочих партийцев, добивающихся оздоровления партии. Этого нельзя никак отвергнуть. Собралось две тысячи товарищей, но могло собраться и пять и шесть тысяч, если было бы подходящее помещение. Надо было ожидать, что единственным ответом большинства ЦК будет новая волна репрессий. Так оно и вышло. С быстротой, вызывающей удивление, было на другой же день организовано сразу два судилища. Одно в ЦКК, куда вызвали тт. Троцкого и Каменева. Другое, в порядке выездной сессии МКК, орудовало тут же, "на месте преступления" -- в здании МВТУ331.

Последнее было организовано наподобие военно-полевого суда. Судили скорострельно. Всех исключали из партии. Некоторых даже заочно. К чему улики, разбирательства, документы! Ты оппозиционер? Ты не согласен воспевать мудрость сталинской политики и сталинского режима? Давай партбилет! Ты хочешь объяснить, в чем и почему не согласен? Нам некогда. У нас много дела.

Действительно у МКК332 много дела. На место одного исключенного встают десятки новых партийцев. Там, где не было никогда оппозиционеров, теперь появляются стойкие группы, готовые мужественно бороться с продовольственными безобразиями, когда все члены МКК, высунув язык, бегают по пятам оппозиционных вождей, выслеживая их встречи с партийцами и пытаясь (без успеха) срывать товарищеские беседы. Итак, партийная мясорубка работает бешеным темпом. Исключаемые товарищи держатся твердо, запугиваниям не поддаются. Их поведение на судилищах (в присутствии нескольких сотен студентов-активистов) вызывает к ним уважение. В то же время в ЦКК экстренно судят товарищей Троцкого и Каменева. Наши товарищи достойно отчитывают "судей". Начинаются "прения". Выступает Сахаров и бросает по адресу Троцкого фразу: "Молчи, шпана!" Наши товарищи поднимаются и оставляют судилище. Судьи смущены. Посылают Енукидзе товарищей пригласить вернуться. Выносят двусмысленную резолюцию, в которой мягко порицают выходку Сахарова. Наши товарищи отказываются вернуться. ЦКК остается вынести резолюцию о том, что она внесет на партсъезд предложение исключить Троцкого, Зиновьева, Каменева и еще четырех товарищей из партии. Какая новость! Как будто оппозиция еще полтора года не раскрыла "ступенчатый" план Сталина: сначала из Политбюро, потом из ЦК, затем из партии. Все это давно известно. Последний пленум поставил ведь в порядок дня съезда вопрос о пребывании оппозиции в партии. Теперь Ярославские разыгрывают роль потерявших терпение ангелов. Но почему же в юбилейном номере "Правды" нет ни одного звука о

новом и настоящем "подарке" пролетариату -- о решении ЦКК насчет исключения ее вождей из партии? Почему? Зачем скрывать решение высшего судилища от пролетариата? Боялись испортить праздник. Боялись показаться на Красную площадь с Октябрьским подарочком. Учили урок демонстрации 17 октября в Ленинграде, когда сотни тысяч пролетариев через головы сталинского аппарата дружески приветствовали оклеветанных, травимых вождей оппозиции.

В молчании ЦКК, в боязни выйти на Красную площадь с неверным решением лучшее доказательство политического и морального банкротства сталинцев. Судилище было разо-

гнано с быстротой изумительной. А опубликование приговора трусливо отложили до тех дней, когда московский пролетариат уйдет с площади и улиц.

Наилучшим ответом сталинскому судилищу была встреча тов. Троцкого с беспартийной массой на фабрике "Красная оборона". Прямо с заседания ЦКК, где его пытались изобразить врагом коммунизма, товарищ Троцкий поехал на фабрику. На Ильинке 21333 люди строчили заказанную им Сталиным резолюцию об исключении Троцкого из партии. А на фабрике пролетарские массы с громадным подъемом чествовали одного из организаторов и вождей Октября. Свистуны-аппаратчики были отодвинуты массой. Рабочий класс презирает свистунов, готовящих раскол партии. Рабочий класс не пройдет мимо решающих событий в партии. Последнее слово будет принадлежать во всяком случае не Ярославским и Сахаровым.

ПИСЬМО Н. И. БУХАРИНУ

Тов. Бухарин!

Обратиться с этим письмом меня заставляет дело тов. Фишелева Михаила. Вы знаете тов. Фишелева лет двенадцать. Но я его знаю 18 лет. Я знаю, что он, будучи еще совсем юнцом, состоял в РСДРП, был в 1906 г. арестован, просидел два года в одиночном заключении, получил вечную ссылку на поселение в Сибирь, бежал оттуда. Приехав в Соединенные Штаты Сев. Америки, он вместе с нашим общим покойным другом и товарищем С. Восковым³³⁴ был одним из основателей газеты "Новый мир". Когда Вы, тов. Бухарин, приехали в Нью-Йорк и вошли в редакционную коллегию "Нового мира" -- газета была уже на ногах. Она была ежедневной. Но, ведь, Вы хорошо знаете, как трудно было в американских капиталистических условиях ставить эту газету на ноги. Ведь Вы знаете, что в начале нашей работы, той небольшой группе пролетариев, которая издавала "Новый мир", приходилось самим отчислять от своего скудного заработка средства на издание, приходилось самим писать и редактировать, приходилось самим, после дневной работы, по ночам упаковывать ее, приходилось самим продавать ее и собирать подписчиков. Словом, Вы знаете, что хоть это и было в Америке, но труд был не машинно-американский, а настоящий русский мускуль-

ный. Ну, так вот, и Фишелев, как Вам известно, был в первых рядах

борцов за новый мир, в буквальном смысле этого слова.

Тов. Бухарин! Кто из нас не ошибался? Пролетарий Фишелев тоже ошибался. В 1917 г., вернувшись из эмиграции, он, работая в Харьковской типографии, примкнул к меньшевикам интернационалистам. Будучи вскоре избран секретарем Харьковского союза работников печатного дела, он был организатором общей забастовки печатников при немецкой оккупации. Был за это арестован петлюровскими войсками и, вероятно, был бы расстрелян, если бы не рабочие, которые единодушно отказались приступить к работе, пока его не освободят. С 1919 г. он снова числится в нашей партии. Работает у станка, работает секретарем Московского губотдела Союза печатников, работает красным директором и везде работает по-пролетарски честно и хорошо. Теперь он арестован и исключен из партии. За что?

Тов. Бухарин, я Вас спрашиваю, как члена Политбюро: за что Вы арестовываете таких пролетариев, как Фишелев? Как редактора "Правды", я Вас спрашиваю: за что Вы клеветаете и обливаете грязью таких пролетариев, как Фишелев?

Ведь Вы, Бухарин, не постеснялись напечатать у себя в газете от 16 октября гнусный фельетон Б. Николаева, в котором, между прочими пакостями, сказано, что тов. Фишелев виноват также и в том, что в Нью-Йорке выпускал газету Троцкого "Новый мир" -- причем последние пять слов набраны жирным шрифтом. Ну, а мы с Вами, состоя в редколлегии "Нового мира", тоже выпускали газету тов. Троцкого? Зачем Вы лжете? Зачем Вы лжете даже на себя, произведя себя, как главного редактора "Нового мира", в троцкисты? Все это потому, что на таких тт., как Фишелев, Вы особенно злы. Вы им мстите. Если бы Фишелев крал деньги, как какой-нибудь Бройдо, но хорошо печатал Ваши антиленинские статьи, Вы бы дело замазали. Но Фишелев денег не крал, а хорошо напечатал платформу оппозиции, платформу, в которой правильно и целиком отражены чаяния и нужды пролетариев и крестьянской бедноты, поэтому тов. Фишелев сидит во внутренней тюрьме ГПУ, а семья его голодает.

Тов. Бухарин, такой порядок вещей очень опасен для строительства социализма. Социализм вообще немислим с такими атрибутами, как тюрьма для лучших пролетариев-коммуни-

стов. Как можно совмещать обязанности председателя Коминтерна и быть в то же время тюремщиком лучших коммунистов?

Я, конечно, понимаю, что кроме моментов политической расправы и мелкой мести тут есть еще и момент устрашения: чтобы другим неповадно было. Тут и борьба за политическое самосохранение. Все это так. Но нашего брата не утратить этим.

Вместо одного тов. Фишелева к нам приходят сотни и тысячи. Четверть миллиона ленинградских пролетариев, демонстрировавших 17 октября 1927 г., показали явно, что они с презрением отворачиваются от Вашей лжи и клеветы, выражая свое сочувствие оппозиционерам. Но Вы, конечно, постараетесь это замолчать. А политическое сохранение при помощи таких средств... До какой степени идейного падения надо дойти, чтобы политическую борьбу в рядах нашей

партии, борьбу предсъездовскую, когда обоим спорящим сторонам необходимо наибольшее хладнокровие, когда в интересах партии спокойное деловое обсуждение спорных вопросов, -- Вы эту борьбу ведете физическими средствами насилия над оппозицией.

"Сухая" гильотина у Вас действует всюду. Ведь, исключая сотни преданнейших членов партии. Вы стремитесь политически их умертвить. Теперь у Вас начинает работать "мокрая" гильотина. Ведь Вам придется с каждым днем все больше арестовывать большевиков-ленинцев, ведь Вам придется все больше гноить их в тюрьме. Вы их будете физически убивать. Во имя чего? Во имя того, чтобы Вам и Вашей группе по началу было легче подобрать делегатов на XV съезд партии, а потом уже окончательно расправиться с ленинцами. Но съезд, собранный при таких условиях, разве будет в состоянии авторитетно разрешить спорные вопросы. А дальше что? Задаете Вы себе этот вопрос?

Вспомните, как Вы, находясь в оппозиции к Ленину, приезжали перед Кронштадтским восстанием³³⁵ в Ленинград³³⁶. Мы, Ваши противники, устраивали Вам партийные собрания, мы -- Ваши противники, сами печатали Вашу платформу, мы -- Ваши противники -- пропорционально выбирали на съезд делегатов по платформам.

Так было при Ленине, когда Сталин и Вы не имели всей полноты власти. А теперь? Теперь на квартиру к тов. Фишелеву приходят вооруженные люди с обыском. Они роются в его книгах. Они откладывают в сторону книги, авторами которых являетесь Вы и Ваши идейные друзья, трактующие об оппозиции. Они ищут пометки на полях, т. е. их интересует то, что вызывает сомнения тов. Фишелева в Ваших произведениях против оппозиции. Наконец, они находят книжицу с резолюциями XIV партсъезда. Там есть какие-то пометки. В качестве трофея они эту книгу уносят с собой, прихватив заодно и живого тов. Фишелева. Потом арестованного доставляют в ЦКК -- в это предтюремное чистилище. Карманный обыск у него производят в ГПУ, здесь же у него обыскивают его мозги и чувства.

Откуда Вы взяли платформу оппозиции? Кто Вам подал мысль ее напечатать? А Вам, тов. Бухарин, кто подавал мысль делать все то, что Фишелев делает теперь, когда Вы были в оппозиции при Ленине/?/ Если бы тогда применялись такие методы внутрипартийной борьбы, разве мы из той дискуссии вышли бы более сильными, спаянными и сознательными? Задавали ли Вы себе вопрос -- какой выйдет теперь наша партия из борьбы?

Тов. Агранов³³⁷, может быть, и хорош для борьбы с антисоветскими партиями, но вести и решать дело тов. Фишелева и др. арестованных оппозиционеров, большевиков-ленинцев, он не компетентен. Осторожнее, тов. Бухарин. Вы частенько спорили в нашей партии. Вам, вероятно, придется еще не раз поспорить. Как бы Вам Ваши нынешние тт. тоже когда-нибудь не дали в качестве арбитра тов. Агранова. Примеры бывают заразительны³³⁸.

Но пока что Фишелев и др. тт. сидят в тюрьме. Им не разрешают передач, им не разрешают свиданий. Их семьи голодают. Для Вас это, по-видимому, странно. Вы думаете, что оппозиция получит во время голосования на несколько голосов меньше. От меня как члена партии и оппозиционера этот факт требует определенных действий. Или немедленно освободите арестованных тт. по нашей общей борьбе за ленинизм. Освободите пролетария, с которым мы вместе голодали, му-чались и боролись, или я это письмо всеми доступными мне средствами буду печатать и раздавать членам нашей партии

с тем, чтобы и меня арестовали. Только помните: из тюрьмы наш голос к партии будет еще громче раздаваться. На этот раз без привета

С. Зорг

/Конец 1927 г./

НА НОВОМ ЭТАПЕ³⁴⁰

Кризис партии переломляется кризисом самой революции. Этот последний вызван сдвигом классовых отношений. В том, что оппозиция представляет меньшинство партии и находится под непрерывными ударами, выражается натиск мировой и внутренней буржуазии на госаппарат, госаппарата -- на партаппарат, партаппарата -- на левое, пролетарское крыло партии. Оппозиция является сейчас тем пунктом, в котором сосредоточиваются могущественнейшие мировые давления против революции.

I. Опасность термидора

Пролетарская диктатура или термидор. У Бухарина выходит так: если пролетарская диктатура, то безоговорочно поддерживать все, что этим именем называется; а если термидор, тогда столь же безоговорочная борьба. На самом деле, элементы термидора -- в связи со всей международной обстановкой -- растут за последние годы в стране быстрее элементов диктатуры. Защищать диктатуру -- значит бороться с элементами термидора -- не только в стране вообще, но и в государственном аппарате, и во влиятельных прослойках самой партии.

Но ведь в процессе сползания должен наступить критический момент, когда количество переходит в качество, т. е. когда государственная власть меняет свою классовую природу, становится буржуазной. Не наступил ли уже такой момент? Отдельно взятый рабочий, исходя из своего житейского опыта, может прийти к выводу, что власть уже не в руках рабочего класса: на заводе господствует "треугольник"³⁴¹. Критика под запретом, в партии всесилен аппарат, за спиной советских организаций командует чиновник и проч. Но достаточно подойти к вопросу под углом зрения буржуазных классов города и деревни, чтобы стало совершенно ясно, что власть не у них в руках. То, что происходит -- это сосредоточение власти в ру-

ках бюрократических органов, опирающихся на рабочий класс, но все более

сдвигающихся в сторону мелкобуржуазных кругов и деревни и частично переплетающихся с ними.

Борьба против опасности термидора есть классовая борьба. Революционной является борьба, направленная на то, чтобы вырвать власть из рук другого класса. Реформистской является борьба за изменения (иногда решающего характера), но при господстве того же класса. Власть еще не вырвана врагами из рук пролетариата. Выровнять курс, устранить элементы двоевластия, укрепить диктатуру еще можно мерами реформистского характера.

Господство в партии, а значит, в стране -- в руках фракции Сталина, которая имеет все черты центризма, притом -- центризма в период сползания, а не подъема. Это значит: короткие зигзаги влево, глубокие -- вправо. Можно не сомневаться, что последний поворот влево (юбилейный манифест)³⁴² вызовет необходимость успокоить правый фланг и его реальную опору в стране -- притом успокоить не словами, а делами.

Зигзаги влево выражаются не только в скороспелых юбилейных манифестах. Кантонский переворот является несомненным авантюристическим зигзагом Коминтерна влево после того, как обнаружилось полностью губительные последствия меньшевистской политики в Китае. Кантонский эпизод представляет собой ухудшенное, более злокачественное повторение эстонского путча 1924 г.³⁴³ после того, как была упущена революционная ситуация в Германии в 1923 г. Меньшевизм, дополненный демократическим авантюризмом, нанес двойной удар китайской революции. Можно ли сомневаться, что расплатой за Кантон будет новый, более глубокий зигзаг вправо в области международной и, в частности -- китайской политики.

Объективная задача термидорианского режима состояла бы в том, чтобы передать важнейшие политические командные высоты в руки левого крыла новых имущих классов, все более оттирая пролетариат на задворки и приучая его к голому подчинению.

Первым (но не единственным) условием победы термидора является такой разгром оппозиции, при котором не было бы нужды "бояться" ее. В партийном и государственном аппарате "чистые дельцы", успевшие переплестись всеми узами с но-

вым буржуазным обществом, получили бы перевес над чистыми политиками, центристами, сталинскими аппаратчиками, которые пугают дельцов оппозицией и этим удерживают свою временную "самостоятельность". Что стало бы в этом случае с центристами сталинского типа -- вопрос второстепенный. Одни из них отшатнулись бы, может быть, влево. Другие, более многочисленные, просто вышли бы из игры. Третьи отказались бы от нынешней мнимой "самостоятельности" (центризма) и вошли бы в новую, чисто термидорианскую комбинацию. Таков был бы первый этап на пути приобщения буржуазии к власти.

Чем вызывается "сползание"? Давление пролетарских классовых сил на советское государство могло встречать организованное сопротивление лишь со стороны старых кадров партии и рабочей части государственного аппарата и партии. Между тем, рабочая часть госаппарата, раньше резко отделявшаяся от

кадров старой буржуазной интеллигенции и не доверявшая ей, в последние годы все больше и больше отрывается от рабочего класса, сближается по условиям жизни и быта с буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией и делается более податливой враждебным классовым влияниям. С другой стороны, основная масса пролетариата, отдавшая в бюрократический аппарат государства свой авангард, после страшного напряжения первых лет революции в обстановке быстрого улучшения ее материального положения за восстановительный период, обнаруживала большую политическую пассивность. Немало влияния в том же направлении оказал ряд поражений международной революции за последние годы. К этому нужно прибавить действия партийного режима. Пролетариат несет в себе самом еще большое наследие капиталистического прошлого. Первые годы революции подняли наверх все наиболее активные, революционные, большевистские элементы класса. Сейчас идет отбор служилых и покорных. "Беспокойные" элементы оттираются и преследуются. Это ослабляет партию и класс в целом, разбронировывает его перед лицом врага. Таким образом, возрастающее давление буржуазных сил на рабочее государство проходило до последнего времени без активного сопротивления основной массы пролетариата.

Такое положение не может длиться вечно. Есть основания думать, что значительный интерес, проявленный беспартийной рабочей массой к партийной дискуссии перед XV съездом, как и явления, связанные с колдоговорной кампанией³⁴⁴, означают начало пробуждения в них тревоги за судьбы пролетарской диктатуры. По мере дальнейшего роста активности пролетариата будет расти и спрос на оппозицию в рабочей среде. За годы своей борьбы против сползания внутри партии (1923 -- 1927) оппозиция могла лишь тормозить этот процесс. Seriously задержать этот процесс может лишь развертывание классовой борьбы пролетариата, направленной против новой буржуазии, против непролетарского влияния на его государство, против мирового империализма. Пролетариат привык воспринимать опасности и реагировать на них через свою партию. Монопольное положение партии после 1917 года еще более закрепило эту ее роль. Вся острота положения состоит в том, что партийный режим тормозит и парализует активность пролетариата, одновременно с тем как официальная партийная теория успокаивает и усыпляет его. Тем большая ответственность ложится при этих условиях на оппозицию.

II. Устряловщина или меньшевизм

Точку зрения оппозиции Бухарин сближает с устряловской. В чем гвоздь этого политического шарлатанства? Устрялов открыто говорит о неизбежности термидора как спасительного этапа в национальном развитии русской революции. Оппозиция говорит об опасности термидора и указывает пути борьбы с опасностью. Сползающий вправо центризм вынужден, закрывая глаза на опасность, теоретически отрицать самую ее возможность. Нельзя оказать большей услуги термидору, как отрицать реальность термидорианской опасности.

Таким же шарлатанством является попытка сблизить взгляды оппозиции на термидор с меньшевистскими взглядами. Большевики считают, что основным источником бонапартистских опасностей является режим пролетарской диктатуры; что главной ошибкой является расчет на международную революцию; что правильная политика требует отказа от экономических и политических ограничений буржуазии; что спасение от термидора и бонапартизма в демократии, т. е. в буржуазном парламентарном режиме.

Оппозиция же отнюдь не отрицает термидорианских опасностей, наоборот, стремясь сосредоточить на них внимание пролетарского авангарда, считает, что важнейшим политическим источником этих опасностей является недостаточно твердая /линия/ проведения пролетарской диктатуры; недостаточно глубокая связь с международной революцией; чрезмерная уступчивость по отношению к внутренней и внешней буржуазии. Парламентская демократия для нас только одна из форм господства капитала.

Меньшевизм является термидорианским насквозь. Устрялов в своем термидорианстве реалистичен -- меньшевизм насквозь утопичен. В самом деле: вероятна ли -- в случае поражения диктатуры -- смена ее буржуазной демократией? Нет, это наименее вероятный из всех вариантов. Революционная диктатура еще никогда не сменялась в истории демократией. Термидор, по самому существу своему, есть переходный режим, своего рода керенщина наизнанку. Керенщина 1917 года прикрывала двоевластие, барахталась в нем против своей воли, помогала пролетариату вырвать власть у буржуазии. Термидорианский режим означал бы новое узаконение двоевластия -- с перевесом буржуазии -- и, опять таки против собственного желания, помог бы буржуазии вырвать власть из рук пролетариата. Термидорианский режим по самому своему существу был бы недолговечен. Его объективная роль состояла в том, чтобы прикрыть привычными для трудящихся советскими формами приобщение буржуазии к власти. Но отпор пролетариата, его попытки отстоять или вернуть утерянные позиции стали бы неизбежными. Чтобы отбить такие попытки и укрепиться по-настоящему, буржуазии понадобился бы уже не переходный термидорианский режим, а более серьезный, крепкий, решительный -- вероятнее всего -- бонапартистский или, по-современному, фашизм³⁴⁵.

Как левое крыло буржуазного общества, большевики боролись при бонапартизме за легальность. Они являлись бы при этом предохранительным клапаном буржуазного режима. Большевики-ленинцы боролись бы за завоевание власти в форме диктатуры пролетариата.

III. Вопрос "о сроках"

Общий вопрос об опасности термидора вызывает более конкретные вопросы: как близка эта опасность, не начался ли

уже термидорианский переворот, какие реальные признаки его совершения.

Вопрос о темпе происходящих сдвигов имеет для тактики огромное

значение. Темп политических перегруппировок внутри классов и между классами определить гораздо труднее, чем темп экономических процессов в стране. Во всяком случае, круто могут ошибиться те, которые рассчитывают, что процесс сползания будет длиться нынешним темпом еще ряд лет. Это наименее вероятная из всех перспектив. В процессе сползания могут быть очень крутые сдвиги под действием внешних или внутренних сил буржуазии. Срока их предсказать нельзя. Он может, однако, оказаться гораздо короче, чем мы думаем. Кто с этим не хочет считаться, кто отодвигает от себя эту мысль, тот будет неизбежно застигнут врасплох. Незачем напоминать, что капитуляция Зиновьева--Каменева³⁴⁶ привела их на первых же шагах к необходимости прикрашивать положение, приуменьшать опасность и убаюкивать левое крыло партии.

Некоторые товарищи связывали вопрос о сроках термидора с вопросом о составе ЦК как верховной власти революции. До тех пор, пока ЦК терпел в своем составе оппозиционеров, эти последние являлись внутренним тормозом для сползающих: политика ЦК, по словам т. Томского, была "ни то, ни се", т. е. сползание к термидору встречало внутренние помехи. Устранение оппозиционеров из ЦК -- так рассуждали указанные товарищи -- будет означать, что сползающим уже невозможно сотрудничество с представителями последовательно пролетарской международной линии. Это будет означать как бы официальное открытие термидора. Такая постановка вопроса по меньшей мере неполна и поэтому может вести к неправильным выводам.

Сила оппозиции состоит в том, что она, вооруженная марксистским методом, предвидит ход развития и предупреждает о нем. "Сила" сталинской фракции состоит в отказе от марксистской ориентировки. Сталинская фракция выполняет сегодня такую историческую роль, которую можно выполнить только в шорах, не оглядываясь по сторонам и не предвидя завтрашних последствий. Марксистские предсказания оппозицией сталинская фракция воспринимает как личную обиду, как клевету и проч., проявляя при этом типичные черты мелкобуржуазной ограниченности. Она громит поэтому оппозицию с удвоенной силой. Означают ли однако исключения оппозиционеров и даже формальное отсечение оппозиции в целом термидорианский переворот как совершившийся факт? Нет, пока что это лишь его подготовка партийными путями. Опрокидывая левый пролетарский барьер, сталинская фракция, независимо от собственного желания, облегчает продвижение буржуазии к власти. Но самый процесс этого продвижения еще только должен совершиться -- в политике, в хозяйстве, в быту и культуре. Чтобы на деле обеспечить победу термидора, нужно первым делом отменить (или ограничить) монополию внешней торговли, пересмотреть избирательные инструкции и проч., и т. п.

В рамках партии и в ближайшем слое вокруг партии мы переживаем сейчас в крайне острой форме отражение и предвосхищение более глубоких классовых процессов, которые назревают и которые еще только должны прорваться наружу. Партии и ее группировкам предстоит в этих процессах гигантская роль. Но решаться вопрос будет классом. По мере того как реальная борьба классов за

власть будет обостряться, самые группировки внутри партии будут изменяться. К выгоде оппозиции или к невыгоде. Это зависит как от объективных условий, в том числе и международных, так и от работы самой оппозиции, опять-таки не только в национальном, но и в международном масштабе.

Сила термидорианского натиска, как и сила пролетарского отпора, еще только должны обнаружиться в процессе действительной борьбы классов. Поэтому рассматривать исключение оппозиции из партии как уже совершившийся термидор неправильно. Вернее сказать, такая оценка могла бы оказаться правильной, если бы дальнейший ход событий показал, что изнутри партии нет более прилива рабочих элементов к оппозиции, что в рабочем классе нет более сил для отпора наступающей буржуазии и что, следовательно, выступления немногочисленной оппозиции были последним историческим всплеском октябрьской волны. Но для такой оценки нет основания. Думать, что пролетариат, несмотря на наблюдавшиеся в нем за последний период явления пассивности и выжидательности, не способен отстаивать октябрьские завоевания от внешней и внутренней буржуазии, -- значило бы

капитулировать до боя и без боя. Не может быть никакого сомнения в том, что дальнейший отпор справа усилит приток к оппозиции пролетарских элементов партии и влияние ее идей на рабочий класс в целом. Вопрос о сроках термидора и шансах его успеха или неуспеха вообще не является и не может явиться вопросом голого теоретического анализа или прогноза. Дело идет о борьбе живых сил. Результат должен определиться в самом действии. Внутрипартийная борьба, несмотря на всю свою остроту, есть только вступление к эпохе классовых боев. Вся задача еще целиком впереди.

Ясно, что при более быстром и благоприятном ходе революционного движения на Западе и Востоке оппозиция будет гораздо легче выполнять свою историческую задачу. Но и при замедленном движении мировой революции дело совсем не является безнадежным. Конечно, оппозиция не беретя построить социализм в отдельной стране. Если исходить из того, что в течение ряда десятилетий империализм останется победоносным на Западе и на Востоке, тогда чистейшим ребячеством было бы думать, что пролетариат в СССР мог бы удержать власть и построить социализм -- против победоносного мирового империализма. Но такого рода пессимистическая международная перспектива ни на чем не основана. Противоречия мирового хозяйства не смягчаются, а обостряются. В величайших потрясениях недостатка не будет. Весь вопрос в том, чтобы их использовать в интересах победы пролетариата. Именно этому учит оппозиция на примере китайских событий. Англо-русского комитета и пр. Успех на этом пути возможен лишь при условии, если будет обеспечена преемственность и активность подлинного большевизма, хотя пока что -- в качестве небольшого меньшинства.

Но если бы даже весь ход борьбы в ближайший период оказался в корне неблагоприятным для диктатуры пролетариата в СССР и привел бы к ее падению,

то в этом случае работа оппозиции сохранила бы все свое значение. Завершение термидора неизбежно означало бы раскол партии. Оппозиция перевела бы революционные кадры большевизма на почву борьбы против буржуазного государства. Наш левый фланг образовал бы при этом не "вторую" партию, а явился бы продолжением исторической партии большевиков. Вторая партия слагалась бы из переплета бюрократических и собственнических эле-

ментов, уже ныне имеющих свои опорные пункты на правом фланге. Эта вторая их партия явилась бы только ступенькой для настоящей, т. е. империалистской буржуазии, внутренней и иностранной. Задача большевистской партии -- после буржуазного переворота -- состояла бы в том, чтобы готовить вторую пролетарскую революцию. Сейчас дело идет, однако, о том, чтобы предупредить такой ход развития -- через пролетарское ядро ВКП и рабочий класс в целом.

IV. Перспективы

После формального отсечения оппозиции непролетарские классы будут себя чувствовать несравненно увереннее. Нажим еще более усилится. Формы и методы этого нажима будут становиться все более разнообразными и всеохватывающими: от нажима мастера в цехе и до нажима европейской и американской буржуазии по вопросу о монополии внешней торговли.

Но если исходить даже из того предположения, что напор внутренней и международной буржуазии должен закончиться победой ее (а это ни в каком случае не предрешено), то и тогда нельзя себе представить, что процесс будет происходить гладко, путем ускоренного сползания, без помех, без сопротивления снизу, без попыток пролетарского контрнажима слева. Именно возрастающее наступление непролетарских классов должно будет толкать все большие слои пролетариата на путь активной обороны. Для того, чтобы политически возглавить эту оборону, рабочему ядру партии, как и пролетариату в целом, понадобится оппозиция -- даже и при самом неблагоприятном ходе развития событий. Незачем пояснять, что пролетарское ядро партии и рабочий класс будут лишь при этом условии предъявлять все более широкий спрос на оппозицию, если сама оппозиция сумеет на всех вопросах жизни и борьбы масс показать действительное соответствие своих взглядов подлинным интересам пролетариата. Это предполагает активность самой оппозиции, ее постоянное вмешательство во все процессы экономической, политической и культурной жизни рабочего класса.

Сталинская фракция стоит перед угрозой не только возрастающих нажимов справа, но и неизбежного отпора слева. Сталинцы громят оппозицию, надеясь, что им самим удастся овладеть неизбежным отпором слева против надвигающихся справа сил.

Элементы правого крыла партии, как и устряловские элементы госаппарата, "понимают" необходимость определенного маневра влево, но опасаются, что этот

маневр может пойти слишком далеко. Элементы правого фланга, как состоящие в партии, так и непартийные, но участвующие в разрешении всех партийных вопросов, характеризуются своей органической связью с новыми собственниками. Они могут идти лишь на такие маневры, которые, означая известную "жертву" в пользу пролетариата, в то же время не понижают материального благосостояния эксплуататорских классов и не осуждают их растущей политической роли. Именно под этим углом зрения стоит для них вопрос о семичасовом рабочем дне, о заработной плате, о помощи бедноте и пр. Левые маневры не спасут сталинской политики: хвост ударит по голове.

Рост правого крыла выражается непосредственно всего в возрастающем перевесе госаппарата над партаппаратом. Этот процесс можно ярко проследить на промежутке двух лет между XIV и XV съездами. XVI съезд был апогеем партаппарата и вместе с тем Сталина. XV съезд обнаружил уже серьезную передвижку сил вправо. Горделивые заявления центристских аппаратчиков насчет того, что мимоходом разгромят и правое крыло, не получили осуществления. Политбюро осталось таким же зыбким, каким было до XII съезда. В состав новых ЦК и ЦИК вошел ряд новых фигур исключительно "по должности". XV съезд довольно явно обнаружил снижение удельного веса партаппарата в общей системе советского режима. Борьба Сталина -- Рыкова отражает в значительной мере борьбу двух аппаратов. Борьба этих двух аппаратов преломляет, в свою очередь, классовую борьбу. Нажим непролетарских классов гораздо шире и непосредственнее проявляется через госаппарат. Это, однако, вовсе не означает, что борьба Сталина, Рыкова и др. вошла в какие-либо отчетливые классовые рамки. Нет: в дальнейшем, когда политика топтания на месте, отсрочек и выжидания станет окончательно невозможной, Сталин может с успехом пересечь на правого конька и ликвидировать Рыкова, попросту заменив его. Но и этот персональный вопрос не может быть разрешен без новых глубоких передвижек и потрясений в партии.

Хозяйственные затруднения надвигаются с неумолимой силой. Оппозиция оказалась права как в понимании экономического положения страны, так и в предвидении дальнейшего хода событий. Резкий неуспех хлебозаготовок в течение первого полугодия говорит о серьезном нарушении равновесия во всем хозяйстве СССР. Уже нанесен серьезный ущерб плану экспорта, следовательно, и импорта. Недостаток продовольственных продуктов уже выдвинул такой важнейший пролетарский центр, как Ленинград, перейти фактически на карточки. Специфической для 1927/28 г. причиной хозяйственных затруднений является денежная инфляция. Именно она чрезвычайно обострила те трудности, которые имеются в нашем хозяйстве в результате отставания промышленности, диспропорции и т. д. Денежная инфляция явилась выражением того, что, во-первых, реальные расходы государственного хозяйства оказались больше его реальных доходов и, во-вторых, что такое положение в нашей стране ведет неизбежно к нарушению смычки города с деревней.

Реальные средства для более быстрой индустриализации страны могут быть получены только в результате серьезного перераспределения народного дохода в

пользу социалистических элементов нашего хозяйства. При отсутствии этого даже проводимый ныне план капитальных затрат привел к перенапряжению эмиссионных возможностей. Проводимая ныне борьба с хозяйственными затруднениями (усиленное снабжение деревни промтоварами при оголении городских рынков) может привести к частичному успеху на отдельном участке за счет создания новых трудностей в других местах. Вся хозяйственная обстановка обнаруживает несостоятельность теперешней политики, сводящейся к решениям от случая к случаю при неправильной общей линии.

План оппозиции оказался отвергнутым; группа Сталина не имеет никакого плана; правые пока боятся сказать вслух о своих действительных намерениях -- таково состояние хозяйственного руководства в данный момент. Наиболее вероятным является, что в случае дальнейшего обострения экономического положения восторжествует линия правых, совершенно правильно предвиденная в платформе оппозиции.

В основе своей нынешние остро кризисные явления коренятся в диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Выровнять эту диспропорцию можно двояко: либо методами планового регулирования через соответствен-

ную политику налогов, цен, кредитов и пр., либо стихийными средствами рынка, не только внутренними, который для этого совершенно недостаточен, но и мирового. Первый путь есть путь более правильного распределения народного дохода. Второй путь есть путь отмены монополии внешней торговли. Ключом к положению является вопрос о монополии внешней торговли. Не может быть никакого сомнения в том, что отмена монополии внешней торговли или ее существенное ограничение привели бы на первых порах к значительному повышению производительных сил. Товары стали бы дешевле. Зароботная плата повысилась бы. Покупательная способность мужицкого рубля возросла бы. Но все это в совокупности означало бы ускоренный сдвиг народного хозяйства на капиталистические рельсы и возрастающее экономическое и политическое подчинение Советского Союза мировому капиталу. Диктатура пролетариата могла держаться при этом лишь очень короткий срок, исчисляемый не годами, а месяцами. Восстановление капиталистической кабалы означало бы прямое или косвенное разделение России на сферы влияния, вовлечение ее в империалистическую и мировую политику, военные потрясения -- с перспективой разложения и упадка по китайскому образцу. Но на первый период отмена монополии внешней торговли дала бы несомненный толчок развитию производительных сил и временному повышению благосостояния трудящихся масс. Именно в эту сторону давит кулак, который придерживает хлеб, как и американский капиталист, который придерживает кредит. Не нужно думать, будто справа будет сразу выдвинут лозунг отмены монополии внешней торговли. Есть немало частичных и обходных путей -- как показала история избирательной инструкции³⁴⁷. Давление пойдет на первых порах по этим обходным

путям. Но требование отмены монополии внешней торговли может все же довольно скоро выдвинуться в своем обобщенном виде. Рабочим скажут: "Конечно, Ленин был за монополию. Но все зависит от условия времени и места. Наше учение не догма. Изменилась ситуация. Развитие производительных сил требует, и пр.". Не может быть никакого сомнения в том, что при продолжении внешней политики, которая есть политика тупика, лозунг отмены монополии внешней торговли может потянуть за собой и некоторую часть рабочего класса.

Нажим справа пойдет одновременно и по другим линиям. Пересмотр избирательной инструкции снова встанет в порядок дня. Вопросы налоговой политики, прав администрации на заводах и фабриках, кредитной политики, особенно в деревне, и пр., и пр. -- встанут по-новому под давлением справа. Сталинский аппарат завтра же столкнется с этим давлением и обнаружит свое бессилие перед ним. Можно снимать рыковцев и готовить смещение самого Рыкова. Эти бюрократические штуки не решат вопроса. Давление справа преломляется не только через рыковскую группировку. Само это давление гораздо глубже рыковской фракции. Источником его являются новые собственники и связанные с ними бюрократы. Надо либо опираться на этих новых собственников против рабочих, либо -- опираться на рабочих против притязаний новых собственников.

Все это вместе означает, что фракционное формирование пойдет усиленным темпом на правом крыле как внутри партии, так и за ее пределами. Аппаратный обруч не справится с классовым давлением. Логика положения такова, что XV съезд, по всем данным, положит начало усиленному фракционному дроблению партии -- справа. Роль левого крыла станет в этих условиях решающей для судьбы партии и диктатуры пролетариата. Критика оппортунизма, правильная классовая ориентировка, правильные лозунги, воспитание лучших элементов партии -- эта работа нужна и обязательна при всех и всяких условиях. Основная задача оппозиции состоит в том, чтобы обеспечить преемственность и непрерывность подлинно большевистской партии. Для данного периода это означает: плыть против течения.

V. Оппозиция и Коминтерн

Резолюция XV съезда по отчету ЦК гласит: "К настоящему моменту в Европе кратковременный отлив революционной волны (после поражения германской революции 1923 г.) вновь сменяется ее приливом, повышением боевой активности пролетариата" и пр.

Мы имеем, таким образом, первое официальное открытое признание того, что после поражения германской революции в 1923 г. в европейском рабочем движении наступил отлив, длившийся -- по крайней мере на континенте Европы -- около четырех лет. Наступление этого отлива можно и должно было

предвидеть уже в ноябре--декабре 1923 г. Именно в тот период оппозиция предсказывала неизбежность наступления известной "нормализации", известного

"умиротворения" капиталистических отношений, неизбежность возрастающего вторжения Америки в хозяйство и политику Европы и, вместе с тем, неизбежность временного усиления социал-демократии за счет коммунизма. Тогда этот марксистский прогноз был назван ликвидаторством. Пятый международный Конгресс, собравшийся в 1924 году, был проведен целиком под углом зрения продолжающегося будто бы революционного прилива и вытекающей отсюда задачи: непосредственной "организации" революции. Эстонское восстание явилось одним из наиболее ярких плодов этой ложной установки. Так называемая "большевизация" партий Коминтерна, провозглашенная Пятым Конгрессом, наряду с тенденцией устранения действительно негодных и гнилых элементов, заключала в себе борьбу против правильного марксистского уклона отдельных фазисов империалистской эпохи, ее приливов и отливов -- без чего вообще невозможна революционная стратегия большевизма. Неправильная установка Пятого Конгресса неизбежно питала ошибки и тенденции ультралевизны. Когда наступивший отлив обнаружил всю свою глубину, новое руководство Коминтерна, крепкое задним умом, ударило с размаху по левым элементам коммунистических партий. Система дежурных вождей в Коминтерне за последние два года еще более укрепились.

Важнейшей задачей Шестого Конгресса³⁴⁸ является правильная оценка основной ошибки в установке Пятого Конгресса и решительное осуждение того руководства, которое свою беспомощность и свой хвостизм при каждом крутом повороте событий вымещает на спине Центральных Комитетов национальных секций, дезорганизуя их таким образом и не давая сформироваться кадру руководителей, способных правильно ориентироваться в смене периодов прилива и отлива в рабочем движении.

В европейском рабочем классе наблюдается несомненный сдвиг влево. Он выражается в усилении стачечной борьбы и росте коммунистических голосов. Но это лишь первый этап сдвига. Число социал-демократических избирателей растет параллельно числу коммунистических избирателей, отчасти

даже обгоняя это последнее. Если этот процесс развернется и углубится, то он вступит в следующую стадию, когда начинается сдвиг от социал-демократии к коммунизму. Одновременно с этим должны будут укрепиться организации коммунистических партий, чего сейчас еще нельзя, по-видимому, констатировать. Одним из важнейших препятствий роста и укрепления компартии является политический курс Коминтерна и его внутренний режим. Продолжающийся поход против левого крыла подготавливает новые ножницы между правым курсом партии и сдвигающимся влево рабочим классом. Революционная ситуация может на один из ближайших этапов вскрыться в странах Европы с такой же силой и резкостью, с какой она вскрылась в Вене. Весь вопрос -- в силе партий Коминтерна, в их политической линии, в их руководстве. Недавние события в Кантоне -- авантюристическое дополнение меньшевистской политики -- показывают, что было бы величайшим преступлением строить себе какие бы то ни было иллюзии насчет нынешней линии руководства в международных вопросах.

Только оппозиция при систематической, упорной, настойчивой, непрерывной работе способна помочь коммунистическим партиям Запада и Востока стать на

большевистский путь и оказаться на высоте тех революционных ситуаций, в которых не будет недостатка в ближайшие годы. Оппозиция в СССР может выполнить свою задачу только как международный фактор. Тем более недопустимый характер имеет отмежевание Зиновьева--Каменева от левой Коминтерна.

VI. Вопрос о двух партиях

Официальная борьба против оппозиции ведется под двумя основными лозунгами: против двух партий и против "троцкизма". Сталинская мнимая борьба против двух партий прикрывает формирование двоевластия в стране и формирование буржуазной партии на правом фланге ВКП и под прикрытием ее знамени. В целом ряде ведомств и в кабинетах секретарей происходят секретные совещания аппаратчиков-партийцев со спецами, устряловскими профессорами, для выработки методов и лозунгов борьбы с оппозицией. Это есть подлинное формирование второй партии, которая всеми путями стремится подчинить себе и частично подчиняет пролетарское ядро нашей партии и громит ее левое крыло. Прикрывая фор-

мирование этой второй партии, аппарат обвиняет оппозицию в стремлении создать вторую партию -- именно потому, что оппозиция стремится вырвать из-под возрастающего буржуазного давления и влияния пролетарское ядро партии, без чего вообще нельзя спасти единство большевистской партии. Чистейшей иллюзией является мысль, будто диктатуру пролетариата можно сохранить одними словесными заклинаниями насчет единой партии. Вопрос об одной или двух партиях -- в материальном, классовом, а не словесно-агитаторском смысле -- решается именно тем, удастся ли и в какой мере пробудить и мобилизовать силы сопротивления внутри партии и внутри пролетариата. Оппозиция может этого достигнуть только в том случае, если сама она проникнута пониманием всей глубины развертывающихся классовых процессов, если она не дает себя запугивать и застрашивать пугалом двух партий и шарлатанством насчет "троцкизма".

В тезисах т. Зиновьева "Итоги июльского пленума" говорится насчет двух партий следующее:

"Но ведь Сталин исключает оппозиционеров пачками из партии, ведь он может завтра перейти к еще более массовым исключениям нас из рядов ВКП. Да, это так. И тем не менее отсюда ни в коем случае не вытекает "лозунг" двух партий. Дело сложилось так, что бороться за взгляды Ленина при сталинском режиме нельзя иначе, как рискуя быть исключенным из ВКП. Это бесспорно. Кто не решил для себя этого вопроса, кто говорит себе: "Все, что угодно, только не исключение из партии", -- тот не может быть при нынешних условиях истинным борцом за ленинизм, т. е. не может быть стойким оппозиционером. Очень может быть, что значительные группы оппозиционеров (в том числе и все руководящие элементы оппозиции) на некоторое время будут поставлены вне

партии. Их задачей будет, однако, продолжать все дело и не будучи формально членом партии, ни на йоту не отступая от учения Ленина. Их задачей будет и в этот труднейший период держать курс не на образование двух партий, а на возвращение в ВКП и на исправление ее линии. Слов нет -- крайне трудно ленинцам, остающимся внутри партии. Но это безусловно необходимо с точки зрения наших основных целей".

И далее:

"Как свидетельствует весь опыт борьбы, оппозиция единодушна в том, что борьба за единство партии на ленинских основах ни в коем случае не должна превращаться в подлаживание к аппарату, в преуменьшение разногласий, в снижение политического тона. Когда попутчики оппозиции откалываются от нее справа, они в качестве причины своего отхода указывают не на свое собственное сползание к взглядам Сталина по основным международным и внутренним вопросам, а обвиняют оппозицию в том, что она будто бы ведет линию на вторую партию, другими словами, они только повторяют сталинские обвинения для прикрытия собственного отступления".

Сейчас, правда, не июль, а ноябрь³⁴⁹, но сказанное в этих строчках сохраняет свою силу и сегодня.

Еще раз: если бы правое партийное и околопартийное крыло сплотилось и подчинило себе в течение ближайшего периода значительную часть пролетарского ядра партии -- тогда две партии стали бы исторически неизбежны, что означало бы гибель диктатуры и последовательные разгромы поднимающих голову рабочих. Это и есть политический путь победоносной устряловщины. Противоположный путь мыслим только в виде изоляции правого крыла путем борьбы оппозиции против правого центризма за влияние на пролетарское ядро партии. Диктатура пролетариата не может долго держаться на новых и новых разгромах левого, пролетарского крыла, наоборот, диктатура не только совместима с изоляцией и политической ликвидацией правого крыла, но и властно требует такой ликвидации. Капитуляция перед аппаратным центризмом во имя будто бы единства партии означала бы поэтому прямую и верную работу на две партии, т. е. на крушение пролетарской диктатуры.

VII. О капитулянтстве Зиновьева--Каменева

Если бы оппозиция единодушно сделала съезду лояльное и твердое заявление -- одно, а не полдюжины -- не кривя душой ни в одном политическом вопросе, в частности, в вопросе о причинах фракционности, наше положение было бы несравненно более благоприятным. Колебания в рядах оппозиции шли не снизу, а сверху. Поведение тт. Зиновьева и Каменева представляет собой факт, совершенно небывалый в истории революционного движения, пожалуй, в истории

политической борьбы вообще. Формально Зиновьев и Каменев исходят из единства партии как высшего критерия. При этом своим поведением они говорят, что достижение этого единства мыслимо не на путях борьбы за свои взгляды, а на путях идейного отступничества. Но это есть самое беспощадное осуждение партии, какое только можно себе представить. На самом деле такого рода поведение содействует не сохранению единства партии, а ее деморализации. Все элементы двурушничества, карьеризма, шкурничества как бы получают идеологическое оправдание. Отказаться от защиты взглядов значит, в частности, оправдать тот широкий слой развращенной партийной обывательщины, которая сочувствует оппозиции, а голосует с большинством.

Отступничество Зиновьева и Каменева питалось насквозь ложной верой в то, что из всякого исторического положения можно выскочить при помощи хитренного маневра взамен принципиальной политической линии. Это злейшая карикатура на ленинизм. Характеризуя маневренную политику Ленина, наша платформа говорит:

"При нем (при Ленине) партия всегда знала причины маневра, смысл его, ту черту, дальше которой нельзя отступать, и те позиции, с которых вновь начнется пролетарское наступление... Благодаря этому маневривавшая армия всегда сохраняла свою сплоченность, боевой дух, ясное сознание своей цели".

Все эти условия ленинского маневра попораны Зиновьевым--Каменевым самым беспринципным образом.

Жалким самообманом являются надежды на то, что через несколько месяцев капитулянтский документ будет "перекроют" новыми событиями и новой борьбой. Индифферентная часть партии рабочего класса пройдет, конечно, мимо документа, но кадры сталинской фракции, как и оппозиции, не забудут его и на новом повороте напомнят о нем рабочему классу.

Политически отступничество Зиновьева и Каменева знаменует собою попытку перейти с революционной позиции на лево-центристскую -- в противовес право-центристской позиции Сталина. Центризм может долго держаться в эпоху медленного развития (каутскианство до войны). В условиях нынешней эпохи центризм быстро сдает свои позиции -- левым или правым. Во время подъема левый центризм является не-

редко мостом к революционной позиции. Во время сползания, как ныне, левый центризм есть только мостик от оппозиции к Сталину. Никакой самостоятельной роли группа Зиновьева--Каменева играть не будет. Ее отступничество есть верхушечная передвижка сил под громадным внутренним и международным давлением на революционное крыло ВКП и Коминтерна. События "перекроют" капитулянтское заявление от 18 декабря лишь в том смысле, что перешагнут через Зиновьева и Каменева.

VIII. О троцкизме

Зиновьев и Каменев, принимавшие в создании легенды о "троцкизме" руководящее участие в течение 1924--25 гг., заявили в июльской декларации

1926 года: "Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима".

Совершенно ясно, что если оппозиция 1923 г. на два с лишним года раньше правильно предупреждала об основных опасностях, угрожающих партии и диктатуре пролетариата, то обвинения этой оппозиции в так называемом "троцкизме" могли быть основаны только на величайшей ошибке в понимании оппозиции 1923 г. Зиновьев и Каменев выработывали основные документы оппозиции, в том числе важнейший из них, платформу. Ясно, что обвинения в мелкобуржуазном уклоне, в "троцкизме" и пр. распались при этом в прах.

Запоздалая попытка возобновить борьбу против "отрывков троцкизма" представляет собою не что иное, как плачевную отрывку собственных отрывков Зиновьева и Каменева в 1926 г. -- ошибок, которые помогли роковому сдвигу партийного режима с ленинского пути на путь сползания в болото центризма и оппортунизма.

IX. Баланс блока

Капитуляция Зиновьева--Каменева снова ставит вопрос о том, не был ли блок в целом ошибкой. Те отдельные товарищи, которые склонны к такому заключению, берут не историю блока в целом, а лишь заключительное звено этой истории. Оппозиция 1923 года родилась в Москве. Оппозиция

1925 и 1926 гг. -- в Ленинграде. Правое крыло имеет своей опорной базой Северный Кавказ, где борьба между сталинцами и рыковцами разыгралась в наиболее яркой и отчетливой форме. Это размещение политических группировок не случайно, и оно одно объясняет блок Москвы и Ленинграда, т. е. двух важнейших пролетарских центров Союза. Несмотря на те или другие шатания верхушек, блок вызван глубокими классовыми тенденциями. В этих условиях говорить о "бес-принципности" блока -- значит заниматься пошлым судачением. И в идейном отношении ленинградская оппозиция -- именно благодаря своей высококвалифицированной пролетарской основе -- внесла в блок очень ценный вклад. Сближение и блок питерских рабочих-передовиков на основе платформы продолжится и в дальнейшем, несмотря на отступничество руководящих элементов ленинградской оппозиции.

То же самое приходится сказать об оппозиции в Коминтерне. Наиболее революционные элементы, после колебаний и шатаний, вызванных в значительной мере известными мероприятиями Пятого Конгресса, все больше находят друг друга. Лучшие элементы оппозиции 1923 и 1925--26 г. объединяются в

международном масштабе. Отход Зиновьева--Каменева не задержит этого процесса.

Х. Оценка тактики оппозиции

В истории оппозиционного блока можно установить три периода: а) с апреля 1926 г. до 16 октября 1927 г., б) с 16 октября

1926 г. до 8 августа 1927 г. и в) с 8 августа до XV съезда. Каждый из этих периодов характеризуется нарастанием оппозиционной активности, которая достигает некоторой критической точки, после чего следует большее или меньшее свертывание, сопровождающееся заявлением об отказе от фракционной деятельности. Эта своеобразная "цикличность" в тактике оппозиции наводит на мысль о наличии здесь некоторых общих причин. Искать их следует, с одной стороны, -- в общих условиях пролетарской диктатуры в крестьянской стране, а, с другой, -- в особых условиях революционного отлива и политического сползания. В борьбе своей против левого крыла аппарат вооружен всеми методами и средствами диктатуры. Орудием оппозиции является пропаганда. И передача речей, и индивидуальная "обработка", и "смычки", и МВТУ, и вынесение плакатов на улицу 7 ноября 1927 г., -- все это означало раз-

личные формы пропаганды. Аппарат стремился эти формы пропаганды превратить в зачаточные формы -- сперва фракции, затем партии, дальше -- гражданской войны. Оппозиция не хочет следовать по этому пути. Она каждый раз доходит до той черты, где аппарат ставит ее перед необходимостью отказаться от известных приемов и методов пропаганды. Все три заявления оппозиции -- 26 октября, 8 августа и ноября--декабря -- имели своей целью снова и снова показать партийной массе, что оппозиция имеет своей задачей не вторую партию и гражданскую войну, а выправление линии партии и государства методами глубокой реформы.

Критики оппозиционной тактики, со стороны указывающие на ее зигзагообразный характер, рассуждают чаще всего так, как если бы оппозиция свободно определяла свою тактику, как если бы не было условий бешеного нажима враждебных классов, аппаратного всемогущества, политического сползания руководства, относительной пассивности рабочих масс и пр. Тактику оппозиции, с ее неизбежными внутренними противоречиями, можно понять только в том случае, если ни на минуту не забывать, что оппозиция плывет против течения, борясь против небывалых в истории трудностей и препятствий.

В тех случаях, когда критика не ограничивается отдельными частичными указаниями, иногда справедливыми, иногда несправедливыми, а пытается противопоставить нашей тактике, вырастающей из реальных условий, какую-то другую тактику, они обычно просто кончают призывом к капитуляции.

Что касается подлинных капитулянтов, то они пытаются охарактеризовать нынешнюю тактику оппозиции словами "ни мир, ни война". Миром они называют капитуляцию, войной -- две партии. Но тезисы самого Зиновьева об итогах июльского пленума 1927 г. насквозь проникнуты мыслью: ни капитуляции, ни двух партий. Такова была вся линия оппозиции. Отступникам всегда приходится

оплевывать свой собственный вчерашний день.

Ни в одном учебнике не сказано, на каких путях можно выровнять пролетарскую диктатуру, находящуюся под ударами термидора. Путей и методов надо искать, исходя из реальной обстановки. Эти пути найдутся, если верна основная установка.

XI. Некоторые выводы

Теоретическое самовоспитание является в данный момент важнейшей задачей каждого оппозиционера, единственным серьезным залогом его устойчивости. Изучение протоколов XV съезда в свете контррезисов оппозиции и новых фактов хозяйственной и политической жизни должно составлять главнейшее содержание работы каждого оппозиционера в отдельности после распускания фракции.

Оппозиционер, независимо от того, остается ли он в партии или оказывается вне ее, должен поставить своей задачей активное участие во всех пролетарских и вообще советских организациях (партия, профсоюзы, Советы, клубы и пр.). Оппозиционер не может при этом ни в каком случае ограничиться ролью критика. Он должен выполнять положительную работу лучше и добросовестнее, чем наемный чиновник. Только на этой основе принципиальная критика найдет доступ к сознанию масс.

Необходимо апеллировать к Коминтерну, чтобы добиться постановки вопроса об оппозиции на VI Конгрессе в полном объеме.

Л. Троцкий /После 18 декабря 1927 г./

ПРИМЕЧАНИЯ

Документ представляет собой краткий план программы Коминтерна, как ее представлял себе Л. Д. Троцкий.

Коммунистический Интернационал (Коминтерн, III Интернационал) -- международное объединение компартий, образовавшееся в результате раскола коммунистами социалистического движения. Существовал в 1919--1943 гг. На всем протяжении своего существования был фактическим проводником линии советского руководства в международном коммунистическом движении. Рассматривался как всемирная коммунистическая партия, основанная на принципе "демократического" централизма, причем отдельные компартии выступали в качестве "секций". Председателем Коминтерна в 1919--1926 гг. был Г. Е. Зиновьев, в 1926--1928 гг. им фактически руководил Н. И. Бухарин. В 1928 г. на VI конгрессе пост председателя был устранен. На VII конгрессе в 1935 г. был введен пост генерального секретаря, который до ликвидации Коминтерна в 1943 г. занимал болгарский коммунист Г. Димитров. Коминтерн был распущен в мае 1943 г. под формальным предлогом, что он выполнил свои задачи, и условия войны требуют новых форм объединения компартий. В большей степени это решение должно было продемонстрировать лидерам западных держав отказ И. В. Сталина от

вмешательства во внутренние дела зарубежных стран. Попытки восстановить Коминтерн в завуалированной форме, предпринятые после второй мировой войны, не увенчались успехом.

Программа Коминтерна была принята после длительной подготовки VI конгрессом Коминтерна в 1928 г. В этом обширном догматическом документе определялись три типа революций: в развитых странах капитала (непосредственный переход к социалистической революции), в странах среднего уровня развития капитализма (буржуазно-демократическая революция, быстро перерастающая в социалистическую), в колониальных и зависимых странах (национально-освободительная революция, в конечном итоге перерастающая в социалистическую). Автором начального варианта программы был Н. И. Бухарин.

IV конгресс Коминтерна состоялся в Москве 5 ноября -- 5 декабря 1922 г. В. И. Ленин выступил с докладом "Пять лет российской революции и перспективы мировой революции", который по существу выдвигал требование полного подчинения компартий руководству Москвы. Конгресс подтвердил выработанную до него тактику "единого фронта" и дал согласие на образование коалиционных "рабочих" правительств. Но уже в следующие годы, формально сохраняя эту тактику, компартии фактически от нее отказались. Последовательно тактика единого фронта вообще не применялась. На IV конгрессе рассматривались также аграрный вопрос, вопрос о работе профсоюзов, вопросы, связанные с отдельными компартиями.

Ленин Владимир Ильич (настоящая фамилия Ульянов) (1870--1924) -- лидер большевиков, экстремистского течения Российской социал-демократической рабочей партии, а затем самостоятельной партии. В российском и международном социал-демократическом движении постоянно придерживался курса непримиримой борьбы против всех тех, кто не был с ним согласен, используя все доступные ему средства, включая клевету. Во время первой мировой войны, в том числе в период после Февральской революции 1917 г., использовал крупные суммы денег, предоставленные большевикам для подрывной работы германскими властями. Возглавив большевистское правительство после Октябрьского переворота 1917 г., был на грани лишения власти во время дискуссии по поводу подписания Брестского мира с Германией, однако путем хитрых маневров сумел сохранить власть в своих руках. В последние годы жизни тяжело болел и был фактически отстранен не только от власти, но и от возможности получать партийную информацию. После кровоизлияния в мозг в марте 1923 г. полностью утратил возможность сознательной деятельности.

Бухарин Николай Иванович (1888--1938) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1906 г., большевик. В 1924--1929 гг. член политбюро ЦК ВКП(б). Много лет был редактором "Правды" --

центрального органа большевистской партии. До 1928 г. был одним из ближайших соратников Сталина в проведении политики нэпа. Рассматривал нэп как долговременный курс, ведущий к построению социализма, играл активную роль в борьбе против объединенной оппозиции в 1926--1927 гг. В 1926--1928 гг. фактически руководил Коминтерном. В 1928--1929 гг. совместно с А. И. Рыковыми М. П. Томским выступил против отказа от нэпа и насильственной коллективизации (так называемый "правый уклон"). После снятия ответственных постов в апреле и ноябре 1929 г. за "клевету на партию и демагогию" заявил об отказе от своих взглядов. В 1930--1934 гг. работал в Наркомате тяжелой промышленности, в 1934--1936 гг. был ответственным редактором газеты "Известия" (формально до середины января 1937 г., хотя он уже был отстранен от этой работы). Имея в виду противоречивость и непоследовательность взглядов Бухарина,

его многословие, Троцкий называл его "Колечкой Балаболкиным". Троцкий полагал, что Бухарин сделан "из мягкого воска, из которого каждый может лепить все, что ему заблагорассудится" (Троцкий Л. Портреты революционеров. М., Московский рабочий, 1991, с. 174). На судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока" в марте 1938 г. Бухарин, арестованный в феврале 1937 г., был приговорен к смертной казни и расстрелян.

V конгресс Коминтерна состоялся в Москве 17 июня -- 8 июля 1924 г. Конгресс выдвинул лозунг "большевизации компартий" который, несмотря на то, что оговаривалась необходимость "творческого применения ленинского учения и опыта РКП(б)", по существу означало требование, чтобы компартии рабски копировали советских большевиков и послушно выполняли волю Москвы. На конгрессе рассматривались вопросы о мировом экономическом положении, о разработке программы Коминтерна, о положении в СССР и дискуссии в ВКП(б) и др.

VI конгресс Коминтерна состоялся в Москве 17 июля -- 1 сентября 1928 г. Конгресс утвердил программу Коминтерна, фактически одобрил тактику непримиримой классовой борьбы (вскоре она стала называться тактикой "класс против класса"), отменив тем самым тактику "единого фронта". Усилия концентрировались на борьбе против левого крыла социал-демократических партий. Социал-демократия получила кличку "социал-фашизма". На конгрессе и после него происходила травля "троцкистов", которые исключались из компартий. Конгресс одобрил исключение Л. Д. Троцкого и других оппозиционеров из ВКП(б).

Маркс Карл (1818--1883) -- германский экономист и философ, критик капиталистического общества второй половины XIX в., основоположник политико-экономической и философской системы, которая по его имени получила название марксизм. Для теории Маркса характерно сочетание тонкого анализа современной ему действительности с крайней категоричностью и догматичностью выводов, связанных с его безуспешной попыткой "превратить коммунизм из утопии в науку". Несмотря на псевдонаучную атрибутику коммунистических концепций Маркса, его система сохранила характер утопии. Попытки реализации этой утопии в России и в ряде других стран обернулись созданием тоталитарных

режимов, причинившихтягчайшие страдания многим народам.

10. Энгельс Фридрих (1820--1895) -- германский экономист и фило-соф, критик капитализма второй половины XIX в. Вместе с К. Марк-сом, ближайшим учеником и соратником которого он был на протяже-нии почти 40 лет, участвовал в разработке философской и политико-экономической доктрины, которая должна была стать на-учной основой реализации коммунистического идеала. Попытки при-дать научный базис коммунизму были изначально обречены на про-вал. В последние годы жизни Энгельс энергично занимался созданием

социал-демократических партий в странах Западной Европы и фактически руководил II Интернационалом, основанным в 1889 г.

Л. Д. Троцкий не точен. В Великобритании не "отсутствовалширокий слой крестьянства", а крестьянство как категория мелкихземельных собственников исчезло вообще к концу XVIII в. Социаль-ная структура населения, имевшего отношение к сельскому хозяй-ству, предстала в виде иерархии земельных собственников, ферме-ров и наемных рабочих.

Забастовка английских углекопов происходила в мае--ноябре1926 г. в связи с решением шахтовладельцев понизить заработнуюплату. Была поддержана кратковременной всеобщей забастовкойв мае 1926 г. Завершилась поражением рабочих.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866--1937) -- один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929--1931 гг. премьер-министр лейбористских правительств. В 1931 г., вый-дя из лейбористской партии и образовав группу национал-лейборис-тов, возглавил "национальное" (коалиционное) правительство.

Томас Джеймс Генри (1874--1949) -- британский профсоюзный и политический деятель, инженер. Генеральный секретарь тред-юнионажелезнодорожников в 1918--1931 гг., министр труда в 1929--1930 гг., министр по делам доминионов в 1930--1935 гг.

Кук Артур Джеймс (1885--1931) -- британский профсоюзный деятель, секретарь федерации шахтеров с 1924 г., один из инициато-ров забастовки шахтеров и всеобщей забастовки в 1935 г.

Персель Алберт (1872--1936) -- британский профсоюзный и по-литический деятель, председатель генерального совета тред-юнио-нов во время всеобщей забастовки 1926 г. Был членом парламента.

Болдуин Стенли (1867--1947) -- британский политический де-ятель, консерватор. Премьер-министр в 1923--1924, 1924--1929, 1935-1937 гг.

Лига Наций -- международная организация, созданная в 1919 г.с целью развития сотрудничества между странами и народами и со-хранения мира и безопасности. В 1934 г. в Лигу Наций вступил СССР, который был исключен в декабре 1939 г. в связи с его агрессией про-тив Финляндии. Лига Наций сыграла позитивную роль в развитии международных отношений, но не смогла предотвратить агрессию Германии или дать ей отпор. Формально была распущена в

1946 г., по-сле создания Организации Объединенных Наций.

19. Под балканизацией Европы подразумевается раздробление континента на группы враждующих между собою государств, предъ-являющих невыполнимые претензии друг другу, что влечет за собой неизбежность войны. Термин связан с тем, что после освобождения балканских стран против турецкого угнетения в XIX в. границы между государствами были проведены искусственно, часть славянских земель (Македония, Фракия) остались в составе Османской империи. Балканы стали "пороховым погребом" Европы. Балканские войны 1912--1913 гг. явились прелюдией первой мировой войны. Предлогом к первой мировой войне также стало событие на полуострове -- Сараевское убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Под "великими битвами немецкого пролетариата" имеются в виду Ноябрьская революция 1918--1919 г. и цикл последующих событий вплоть до Гамбургского восстания 1923 г.

Итальянские события 1920 г. -- движение за захват промышленных предприятий в Северной Италии. В августе 1920 г. рабочие-металлисты выдвинули требование повышения заработной платы. Предприниматели ответили локаутом, который и дал толчок к занятию заводов и фабрик. Центрами событий были Милан и Турин. Движение охватило также некоторые города Центральной и Южной Италии. Продолжалось оно 3--4 недели. В течение этого времени предприятия находились под управлением органов, избранных рабочими. Акция была поддержана местной организацией социалистической партии в Турине, являвшейся одним из зачатков компартии. В сентябре движение пошло на убыль и окончилось подписанием местных соглашений об улучшении условий труда.

Под "черной пятницей" имеются в виду следующие события. 15 апреля 1921 г. (пятница) руководство британских тред-юнионов отказалось назначить стачку солидарности с бастовавшими шахтерами. День был назван "черной пятницей" в кругах левых деятелей рабочего движения, где в качестве контраста обозначили "красной пятницей" 31 июля 1925 г., когда тред-юнион горняков добился отмены локаута, первоначально назначенного на 1 августа с целью понижения заработной платы шахтеров.

Речь идет о так называемом Сентябрьском восстании 1923 г., спровоцированном Коминтерном в качестве ответа на государственный переворот, осуществленный правыми силами Болгарии 9 июля 1923 г. Основной зоной восстания была северо-западная Болгария - районы, граничившие с Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославией), что дало возможность руководителям выступления В. Коларову и Г. Димитрову вместе с остатками повстанческих отрядов уйти за рубеж после разгрома восстания правительственными войсками.

Речь идет о так называемом Перводекабрьском восстании в Таллинне 1924 г. -- вооруженном выступлении, организованном по указанию Коминтерна коммунистами во главе с членами ЦК компартии Эстонии Яном Анвельгом, Вальтером Клейном и др. Восстание должно было охватить всю страну с целью установления советской власти и присоединения страны к СССР. Удалось

овладеть несколькими правительственными зданиями, но попытка захватить военное министерство и казармы сорвалась. Восстание носило авантюристический характер и было легко подавлено.

Имеются в виду съезды компартий отдельных стран.

Имеется в виду группа Сталина, которая в 1927 г. обеспечила себе фактическое единовластие не только в ВКП(б), но и в Коминтерне.

XIV съезд ВКП(б) состоялся 18-31 декабря 1925 г. в Москве. Съезд переименовал РКП(б) в ВКП(б). Группа Сталина, опиравшаяся на партийный аппарат, добилась победы над оппозицией во главе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым. Позже сталинская историография произвольно определила XIV съезд как "съезд индустриализации". С докладом о хозяйственном строительстве на съезде должен был выступать Каменев, но его доклад не состоялся, в результате чего съезд по существу дела не обсуждал проблем социально-экономического развития страны и не дал каких-либо конкретных указаний относительно источников накопления, темпов роста промышленности, соотношения отраслей и т. д. В резолюции по отчету делегации РКП(б) в Коминтерне съезд считал целесообразным отказаться от посылки представителей Коминтерна в отдельные компартии, что вслед за этим было продублировано органами самого Коминтерна.

Открытое письмо Исполкома Коминтерна всем организациям членам компартии Германии от 1 сентября 1925 г. содержало призыв к борьбе против "западной ориентации" Германии и к интенсификации классовой борьбы. В то же время в письме были подвергнуты резкой критике руководители КПГ Р. Фишер и А. Маслов, допустившие, по словам резолюции, грубые нарушения директив Коминтерна и придерживавшиеся "авантюристического курса".

Институт красной профессуры был создан в 1921 г. в Москве для подготовки ученых-марксистов в области общественных наук. Основные отделения -- экономики, философии, истории, позже -- права и истории ВКП(б). В начале 30-х годов был создан ряд новых отделений. Вслед за этим единый Институт красной профессуры был разделен на ряд отраслевых институтов красной профессуры. Все они были ликвидированы в 1937 г. и затем заменены системой партийных школ, которым вменено было вдалбливать слушателям "Краткий курс истории ВКП(б)".

3 апр. 1927, т. е. до переворота Чан Кайши. Если бы это было своевременно напечатано... [Рукописная приписка Троцкого вверху первой страницы машинописного текста статьи. Зачеркнуто. Далее написано рукою Троцкого: "Эта статья была написана 3 апреля 1927 года за неделю до шанхайского переворота Чан Кайши. Напечатана она, разумеется, не была".]

"Коммунистический Интернационал" -- журнал, официальный орган Исполкома Коминтерна. Выходил в 1919--1943 гг. на русском, английском, немецком, французском, испанском и китайском языках. Фактически являлся рупором

политики советского руководства, дававшего через него директивы международному коммунистическому движению в тех пределах, в каких они не считались секретными.

31а Коммунистическая партия Китая (КПК) была образована в июле 1921 г. Ко время своего V съезда (апрель 1927 г.) она насчитывала более 54 тыс. членов. 32. Гоминьдан (Национальная партия) -- политическая партия в Китае, основанная в 1912 г. Сунь Ятсеном. В 1927--1949 гг. Гоминь-дан стоял у власти. После прихода к власти коммунистов в КНР был образован марионеточный Гоминьдан, а прежняя партия сохранилась на Тайване, где стала правящей партией Китайской республики.

Меньшевизм -- течение в Российской социал-демократической рабочей партии, возникшее в 1903 г. Меньшевики выступали за творческое применение марксизма к условиям России, учитывая те изменения, которые происходили в развитии общества после смерти Маркса и Энгельса. В 1917 г. меньшевики образовали самостоятельную социал-демократическую партию, которая сохраняла полулегальное положение в первые годы советской власти. Решительно осудив Октябрьский переворот 1917 г., партия меньшевиков после ряда расколов и реорганизаций продолжала свою деятельность за границей, издавая газеты и журналы и участвуя в работе Социалистического рабочего интернационала. Постепенно прекратила свою деятельность после второй мировой войны.

Кадеты -- сокращенное наименование конституционно-демократической партии, известной также под названием партии народной свободы. Образовалась в 1905 г. Выступала за либеральное преобразование России путем создания конституционной монархии, введения демократических свобод, улучшения социально-экономического положения крестьян и рабочих законодательным путем. Лидерами партии были П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, В. Д. Набоков и др. Партия участвовала во Временном правительстве 1917 г. Непосредственно после Октябрьского переворота того же года партия кадетов, решительно осудившая насильственные действия большевистского правительства, была запрещена. Многие ее деятели погибли в результате большевистского террора. Части удалось эмигрировать. В эмиграции П. Н. Милюков и другие бывшие лидеры партии вели публицистическую и научную работу, но организационная структура партии за границей воссоздана не была.

Эсеры -- сокращенное наименование партии социал-революционеров. Партия была создана в 1901 г. на базе существовавших ранее народнических организаций. До 1917 г. находилась на нелегальном положении. Основные политические требования заключались в создании демократической республики, введении рабочего законодательства, социализации земли. Эсеры вели пропагандистскую работу, в основном в крестьянской среде, применяли тактику индивидуального террора. Основными руководителями партии были В. М. Чернов, А. Р. Гоц, Н. Д. Авксентьев и др. Непосредственно после Февральской революции 1917 г. составляли вместе с меньшевиками большинство в советах, входили во Временное правительство. Летом 1917 г. от партии откололось течение левых эсеров, образовавших затем свою партию. Эсеры осудили

Октябрьский переворот

1917 г., разоблачали диктатуру партии большевиков и ее террористическую политику, входили в состав антисоветских правительств, возникавших в годы гражданской войны. После гражданской войны партия эсеров была запрещена в советской России. Ряд руководителей партии эмигрировал. В эмиграции партия социалистов-революционеров продолжала попытки сохранить свои структуры и выпускать периодические издания.

Термин суньятсенизм происходит от имени Сунь Ятсена (1866--1925) -- лидера китайского национально-революционного движения. В 1895--1911 гг. он путешествовал по странам Европы, жил в Японии, стремясь привлечь финансовую и политическую помощь борцам про-тив Маньчжурской династии. Был руководителем революции 1911--1913 гг., временным президентом Китайской республики (1912). В 1912 г. основал партию Гоминьдан. В 1913 г. эмигрировал в Японию. В 1921 г. возвратился в Китай и был провозглашен президентом в Кан-тоне. В 1923 г. выступил за союз с компартией и опору на СССР. Выдвинул три принципа, которые в упрощенной форме можно сформулировать как национализм, демократия и социализм.

Речь идет о путче, организованном Чан Кайши, чтобы разрушить коммунистическую и профсоюзную организации в Шанхае, проведенном в сотрудничестве с мафиями (Зеленой и Красной бан-дами). Путч означал конец сотрудничества Чан Кайши с коммуниста-ми. После этого компартия предприняла ряд безуспешных бунтов в Нанчане, Кантоне и других местах, а затем сосредоточилась на деятельности в крестьянских районах.

Писалось до шанхайских расстрелов. [Прим. Л. Троцкого.]

II Интернационал -- международное объединение социалистических партий, основанное в 1889 г. В конце XIX -- начале XX в. в Интернационале сложились различные течения. На экстремистских позициях, осужденных не только реформистским, но и левым крылом, стояли большевики во главе с В. И. Лениным. II Интернационал фактически прекратил свою деятельность с началом первой мировой войны, был восстановлен в 1919 г., а в 1923 г. слился с Международным объединением социалистических партий, образовав Социалистический рабочий интернационал, существовавший до 1940 г.

Речь идет о республиканском режиме, провозглашенном в Турции в 1923 г. в результате национально-освободительной революции 1918--1923 гг. под руководством М. Кемаля (Ататюрка), ставшего первым президентом Турецкой республики.

Речь идет о Мартынове (настоящая фамилия Пиккер) Александре Самойловиче (1865--1935) -- участнике российского социал-демократического движения. С 1884 г. был народником, в середине 90-х годов стал социал-демократом. Один из идеологов так называемого "экономизма" с 1900 г., один из идеологов меньшевизма с 1903 г. В 1923 г. был принят в ВКП(б) и с тех пор верно служил Сталину,

главным образом публицистическими выступлениями по политической

тематике, как внутренней, так и международной. В последние годы жизни работал в Исполкоме Коминтерна, был членом редколлегии журнала "Коммунистический Интернационал".

Пилсудский Юзеф (1867--1935) -- польский политический деятель, фактический диктатор после военного переворота в мае 1926 г., маршал. Деятель Польской социалистической партии (ППС). С 1906 г. руководитель ППС -- Революционной фракции. В 1919--1922 гг. -- "начальник государства", в 1926--1928 и 1930 г. -- премьер-министр.

Польская социалистическая партия (ППС) была основана в 1893 г. В 1906 г. раскололась на ППС -- Революционную фракцию ППС -- левицу. В 1919 г. была воссоздана единая ППС, находившаяся в оппозиции к правым режимам, существовавшим в стране и стоявшая на позициях демократического реформирования общества и постепенного улучшения условий труда. ППС была поглощена Польской рабочей партией (компартией) в 1948 г., в результате чего возникла Польская объединенная рабочая партия.

Речь идет о реформистском характере меньшевизма, обнаруженном во время революции 1905--1907 гг. в России. Во время этой революции, носившей демократический характер, меньшевистское течение Российской социал-демократической рабочей партии стояло на более или менее реалистических позициях, признавая, что основной движущей силой революции является буржуазия и призывая рабочих к реализации текущих, назревших задач, отвергая возможность непосредственного перехода к социалистической революции, на котором настаивали большевики. В своих брошюрах и статьях Ленин резко и грубо, совершенно безапелляционно бичевал "реформизм" меньшевиков.

Каутский Карл (1854--1938) -- один из лидеров германской социал-демократии, экономист, философ, публицист. Был соратником К. Маркса и Ф. Энгельса. Отнесся враждебно к большевистскому перевороту в России, за что получил кличку "ренегата" со стороны В. И. Ленина. В 20-х годах был одним из лидеров Социалистического рабочего интернационала, объединявшего социалистические и социал-демократические партии многих стран.

Под "разгромом Нанкина" имеются в виду следующие события. В марте 1927 г. войска Гоминьдана подошли к Нанкину. Во время волнений в городе было убито несколько иностранцев. Город был занят национальной армией, но после этого он был обстрелян английскими военными судами. 11 апреля 1927 г. Великобритания, США, Франция, Япония и Италия выступили с нотой, в которой требовали наказать виновных за нападение на иностранцев в Нанкине. 12 апреля Чан Кайши начал разоружение рабочих отрядов в Шанхае. 18 апреля в Нанкине было сформировано новое правительство Гоминьдана, в которое не входили коммунисты.

Речь идет о резолюции X съезда РКП(б) (март 1921 г.) о единстве партии, запретившей образование фракций под угрозой исключения из РКП(б).

Теория "перманентной революции" -- в значительной мере фальшивое клише, приписанное Л. Д. Троцкому сталинистами. Для обозначения этой теории был использован лозунг 1905 г., придуманный Парвусом (А. Л. Гельфандом). Клише было изобретено для того, чтобы противопоставить "троцкизму" "теорию построения социализма в одной стране", выдвинутую Сталиным и его группой, и скомпрометировать Троцкого, озабоченного, якобы, не задачами построения социализма в СССР и повышения благосостояния советского народа, а умозрительными планами мировой революции.

На полях написано рукою Троцкого: "Уступка 3[иновье]ву".

51. Имеется в виду Сянган-Гуанчжоуская всеобщая забастовка 1925--1926 гг. -- забастовка, организованная китайскими коммунистами (19 июня 1925 г. -- 10 октября 1926 г.) Принимали участие около 250 тыс. рабочих Сянгана (Гонконга) и Гуанчжоу (Кантона). Поводом был расстрел демонстрации в Шанхае 30 мая 1925 г., учиненный иностранной полицией.

52. Рудзутак Ян Эрнестович (1887--1938) -- советский партийный государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г., большевик. В 1920--1923 гг. генеральный секретарь Всероссийского (затем Всесоюзного) центрального совета профсоюзов. В 1923--1924 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1924-1930 гг. нарком путей сообщения, в 1926-1937 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1931--1934 гг. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции. В 1926--1936 гг. был членом политбюро ЦК ВКП(б). Несмотря на то, что Рудзутак верно проводил сталинский курс, в 1937 г. он был арестован и вскоре расстрелян.

53. "Правда" -- ежедневная газета, созданная большевиками в 1912 г. Название повторяло заголовок газеты Л. Д. Троцкого, вышедшей в это время в Вене. В связи с запретами в 1912--1914 гг. название "Правды" несколько раз изменялось. В 1914 г. она была окончательно запрещена. Выход возобновился после Февральской революции 1917 г. В течение всего периода коммунистической власти являлась главным печатным органом, проводившим официальный курс советского руководства, и вследствие этого играла чрезвычайно важную роль в советской тоталитарной системе. В связи с тем, что "Правда" поддержала попытку государственного переворота в августе 1991 г., она была закрыта, но вскоре возобновила выход как орган компартии Российской Федерации.

54. Калинин Михаил Иванович (1875--1946) -- советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1919 г. председатель ВЦИК, с 1922 г. председатель ЦИК СССР, с 1938 г. пред-

седатель Президиума Верховного Совета СССР. Член политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г. После недолгих колебаний в середине 20-х годов стал одним из ближайших сообщников Сталина в укреплении и функционировании тоталитарной системы в СССР. Впрочем, Л. Д. Троцкий с полным основанием писал в 1938 г., что "правлящий слой долго не брал Калинина всерьез, не берет, в сущности, и

сейчас" (Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 235).

"Известия" -- ежедневная газета, основанная 28 февраля(3 марта) 1917 г. в Петрограде. С 12 марта 1918 г. выходила в Москве. Полное название изменялось в зависимости от изменений названия органов власти. В 1925--1928 гг. редактором газеты был И. И. Скворцов-Степанов. После распада СССР газета продолжает выходить как независимый орган.

Чжан Цзолин (1876--1928) -- китайский генерал, политический деятель. Руководитель Фынтяньской группы генералов и политиков. В молодости был главарем бандитской организации. До прихода Гоминьдана к власти на большей части территории Китая возглавлял провинциальную власть в Пекине, затем стал военным диктатором Маньчжурии. Был убит японцами.

У Пэйфу (1874--1939) -- китайский генерал, политический деятель. Глава чжилийской группы милитаристов, господствовавшей в Северном и Центральном Китае в середине 20-х годов. Во время Северного похода армий Гоминьдана в 1926 г. заключил временный союз с Чан Кайши.

Февральская революция 1917 г. в России -- демократическая революция, свергнувшая царизм. Началась демонстрациями рабочих Петрограда против скудного продовольственного снабжения, которые переросли в стачки и вооруженные столкновения. Основные события в Петрограде произошли 23--27 февраля (8--12 марта). В течение марта революция победила по всей стране и привела к созданию двоевластия (см. примеч. 69).

Временное правительство -- центральный орган власти в России в промежутке между Февральской революцией и Октябрьским переворотом 1917 г. Придерживалось курса проведения демократических реформ, ставя одной из своих главных задач созыв Учредительного собрания. Сохранило союзнические обязательства перед странами Антанты в продолжении войны против Германии и ее союзников. Главами правительства были Г. Е. Львов (март--август) и А. Ф. Керенский (август--октябрь).

Керенский Александр Федорович (1881--1970) -- российский политический деятель, адвокат. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 г. эсер, министр юстиции, военный и морской министр, затем министр-председатель Временного правительства. С конца августа -- верховный главнокомандующий. По-

сле Октябрьского переворота 1917 г. жил в эмиграции. В последние годы жизни был профессором Стэнфордского университета (США).

Львов Георгий Евгеньевич (1861--1925) -- князь, российский политический деятель. Председатель Всероссийского земского союза. Депутат I Государственной думы. Был первым министром-председателем Временного правительства. После большевистского переворота эмигрировал.

Милюков Павел Николаевич (1859--1943) -- российский историк, публицист и политический деятель. Один из основателей конституционно-демократической

партии (кадеты). В 1917 г. министр иностран-ных дел Временного правительства (до мая). После большевистскогопереворота находился в эмиграции. Автор многочисленных трудовпо истории России XVIII--XIX вв., революции 1917 г., большевистскойдиктатуры. Редактировал в Париже газету "Последние новости".

Гучков Александр Иванович (1862--1936) -- российский пред-приниматель и политический деятель, лидер партии "Союз 17 октя-бря" (октябристы), существовавшей в 1905--1917 гг. Депутат III Госу-дарственной думы, ее председатель с 1910 г. В 1915--1917 гг. былпредседателем Центрального военно-промышленного комитета.В марте--мае 1917 г. военный и морской министр Временного прави-тельства. После Октябрьского переворота эмигрировал. Жил в Бер-лине, затем в Париже. Принимал участие в ряде антисоветских поли-тических выступлений российских эмигрантов.

Дан (настоящая фамилия Гурвич) Федор Ильич (1871--1947) --деятель российского социалистического движения с конца XIX в.Один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. член Исполкома Петроград-ского совета, член ВЦИК. После Октябрьского переворота неодно-кратно подвергался арестам. В 1922 г. был выслан из России. В эми-грации вел активную политическую, научную и издательскуюдеятельность, издавал журнал "Социалистический вестник".В 1940 г. основал свой журнал "Новый мир" (позже "Новый путь").Автор книги "Происхождение большевизма" (1946).

Большевики -- политическая партия. Зародилась в качестве тече-ния в Российской социал-демократической рабочей партии в 1903 г.и стала официально именоваться большевистской в 1917 г. Термин вхо-дил в название партии до 1952 г. С 1917 г. основным наименованиемпартии стало "коммунистическая". Созданная под руководствомВ. И. Ленина, большевистская партия являлась главным носителем со-ветского тоталитаризма. После запрещения в августе 1991 г. распаласьна ряд конкурирующих между собой мелких партий под разными назва-ниями, в некоторых из которых сохранился термин "большевистская".

Аксельрод Павел Борисович (1850--1928) -- участник российско-го социалистического движения. В 70-е годы -- народник. С 1883 г. членсоциал-демократической группы "Освобождение труда", с 1900 г. --член редакции газеты "Искра". В 1903 г. стал одним из лидеров меньше-вистского направления в Российской социал-демократической рабочей партии. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал.

Чан Кайши (Цзян Цзешу) (1887--1975) -- китайский политиче-ский деятель, один из соратников Сунь Ятсена. Получил военное об-разование в Японии и СССР. После смерти Сунь Ятсена -- командую-щий армией Гоминьдана. Глава правительства с 1927 г. В 1928 г.образовал национальное правительство, объединившее большуючасть Китая. Руководил войной Китая против Японии в 1937--1945 гг.,приняв титул генералиссимуса. После победы китайских коммуни-стов в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики бежална о. Тайвань, где до конца жизни продолжал оставаться президен-том Китайской республики.

Бонапартистские тенденции -- тенденции установления лич-ной власти,

опирающейся на вооруженные силы и осуществляемой популярным военным лидером. В марксистско-ленинской догматике бонапартизм рассматривался как консервативная диктатура крупной буржуазии, не только опирающейся на армию, но и лавирующей в условиях неустойчивого равновесия классовых сил. Термин про-изошел от Наполеона Бонапарта (Наполеона I) и Луи Бонапарта (Наполеона III).

Двоевластие в России -- переплетение двух властей в России в промежутке между победой Февральской революции 1917 г. и попыткой большевистского мятежа в начале июля того же года. Двоевластие состояло в наличии, с одной стороны, Временного правительства и его органов в центре и на местах и, с другой, системы советов.

II конгресс Коминтерна состоялся в Москве 19 июля -- 17 августа 1920 г. Конгресс завершил процесс оформления Коминтерна как централизованной политической организации, находившейся фактически под полным господством РКП(б). Этой цели служили основные документы, принятые конгрессом: устав, 21 условие приема в Коминтерн, тезисы по национально-колониальному вопросу, тезисы по аграрно-крестьянскому вопросу. В основу решений конгресса была положена появившаяся незадолго до него брошюра В. И. Ленина "Детская болезнь "левизны" в коммунизме".

На полях написано: "Все это писалось из дня в день, но не печаталось, так как советская печать была для меня уже закрыта. Л. Тр." Приписка сделана после высылки Троцкого из СССР.

Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящая фамилия Апфельбаум, в молодости носил также фамилию Радомысльский) (1883--1936) -- советский партийный и государственный деятель, один из ближайших сотрудников Ленина в дооктябрьский период. С 1919 г. был председателем Исполкома Коминтерна. Являлся также председателем Петроградского совета. В 1923--1925 гг. вместе с Л. Б. Каменевым поддерживал Сталина. Многие авторы не вполне точно полагают, что они составляли "триумвират", реально стоявший у власти.

В 1925 г. совместно с Каменевым возглавил "новую оппозицию", осужденную на XIV съезде ВКП(б). В 1926--1927 гг. был одним из руководителей объединенной антисталинской оппозиции. В ноябре 1927 г. исключен из ВКП(б). После раскаяния в конце того же года был восстановлен в партии, а затем издевательски назначен на работу в Центросоюз СССР. Л. Д. Троцкий писал в 1928 г.: "Смазыванием разногласий и вкрадчивостью тона можно проникнуть в Центросоюз, но не в Коминтерн" (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. М., изд-во гуманитарной литературы, 1995, с. 131). Через несколько лет Троцкий писал, что Зиновьев боролся "против сталинизма в тех пределах, в которых разрешит Сталин" (Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 209). В 1932 году опять исключен и в следующем году восстановлен. В 1935 г. Зиновьев был арестован и осужден на 10 лет заключения по клеветническому обвинению в соучастии в убийстве С. М. Кирова. В августе 1936 г. приговорен к смертной

казни на первом "открытом" судебном процессе в Москве по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" и расстрелян. 73. Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879--1953) -- участник социал-демократического движения в России с начала XX в., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. нарком по делам национальностей, в 1919--1922 гг. был также наркомом государственного контроля. С 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б). С середины 20-х годов постепенно формировалась единоличная власть Сталина, использовавшего временные союзы вначале с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, а затем с Н. И. Бухариным. Оттеснив (а позже физически уничтожив) своих временных попутчиков, Сталин к концу 20-х годов стал диктатором. Он был главным организатором насильственной коллективизации сельского хозяйства, главным виновником голода 1932--1933 гг. и расправы с крестьянством, "большого террора" 1936--1938 гг., который продолжался в несколько более скромных масштабах до конца его жизни с тенденцией нового резкого усиления в конце 40-х -- начале 50-х годов. С 1934 г. не носил титула генерального секретаря, который был отменен, что не мешало ему сохранять и укреплять свою террористическую власть. С мая 1941 г. занимал пост председателя Совнаркома СССР (после второй мировой войны Совета министров СССР). В 1941 г. стал председателем Государственного комитета обороны СССР. После второй мировой войны осуществлял фактическую власть не только над СССР, но и над странами Восточной Европы, попавшими в сферу советского господства, где по его приказу также происходили "чистки". Причины смерти Сталина, у которого в последние годы жизни сильно развились симптомы душевного заболевания, наблюдавшегося уже с 20-х годов (обострение маниакально-агрессивного психоза, отягощенного высоким кровяным давлением и тяжелым артериосклерозом головного мозга), не ясны. Возможно,

он был убит заговорщиками из числа ближайших к нему партийно-государственных иерархов, опасавшихся, в частности, за свою судьбу.

А. Авторханов приводит убедительные, хотя и не исчерпывающие доказательства, что Сталин был убит или доведен до смерти Л. П. Берией, которому страна обязана избавлением от второй "великой чистки" (Авторханов А. Загадка смерти Сталина. (Заговор Берия). Frankfurt / Main, 1986. С. 317).

74. Троцкий Лев Давидович (настоящая фамилия Бронштейн)(1879--1940) -- российский политический деятель, социал-демократ конца 90-х годов XIX в. В 1905--1907 гг. был председателем Петер-бургского совета рабочих депутатов. Находясь затем в эмиграции не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам, издавал в Венегазету "Правда", пропагандировавшую восстановление единства социал-демократической партии. Возвратившись в Россию в мае 1917 г. стал большевиком и тотчас же выдвинулся в число виднейших руководителей партии. Являясь осенью 1917 г. председателем Петро-градского совета, руководил Октябрьским переворотом. После при-хода большевиков к власти был вначале наркомом иностранных дел, а затем наркомом по военным и морским делам, председателем Рево-люционнного военного совета (до 1925 г.). Вместе с Лениным

и другими руководителями партии несли главную политическую ответственность за большевистский террор. С 1923 г. выступал против Сталина, которого обвинял в насаждении бюрократизма и отказе от "ленинизма". В 1926 г. стал руководителем объединенной оппозиции в ВКП(б). Политическая непримиримость, нежелание идти на компромиссы, недооценка хитрости и расчетливости Сталина, которого он считал "гениальной посредственностью", во многом способствовали поражению объединенной оппозиции. В ноябре 1927 г. Троцкий был исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату, в феврале 1929 г. выслан из СССР, в 1932 г. был лишен советского гражданства. Находясь в эмиграции (Турция, Франция, Норвегия, Мексика), продолжал активно отстаивать свои взгляды, издавал журнал "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)", был идейным вдохновителем создания IV Интернационала (сложился в середине 30-х годов и был официально провозглашен в 1938 г.), написал ряд публицистических и мемуарных книг. Был убит в августе 1940 г. агентами НКВД Р. Меркадером по прямому заданию Сталина как раз то время, когда Троцкий работал над большой книгой, посвященной анализу жизни и деятельности советского диктатора. Талантливый публицист, эрудированный человек и фанатик революции, Троцкий был виднейшим среди немногих большевистских деятелей, которые сознательно отдали свои силы и жизни утверждению анти-народного тоталитарного режима у себя на родине.

75. Ван Цзинвэй (1884--1944) -- китайский политический деятель, член Гоминьдана, один из лидеров его левого крыла, последователь

и соперник Сунь Ятсена. После смерти Сунь Ятсена в 1925 г. стал основным соперником Чан Кайши в руководстве Гоминьданом. В марте 1926 г. Чан добился смещения Ван Цзинвэя с руководящих постов, обеспечив себе решающие позиции в правительстве и армии. Ван был сослан. В следующем году он был освобожден и попытался вернуть себе решающие позиции. С этой целью он вступил в контакт с генералом Фен Юйчаном. Но в 1928 г. Ван был вновь арестован и сослан. В этом же году он смог выехать во Францию, затем побывал в Москве. Возвратившись в Китай, он вступил в связь с лидерами компартии, совместно с которыми издал воззвание с призывом к единству левых сил. В 1930 г. примкнул к Чан Кайши, став в 1932 г. формальным президентом при фактической власти Чана. Во время японско-китайской войны 1937--1945 гг., изменив своим прежним взглядам, стал коллаборационистом, в 1939 г. образовал марионеточное правительство в Нанкине, которое возглавлял до смерти.

Мнение, что режим двоевластия длился в России восемь месяцев, не точно. Двоевластие фактически завершилось после большевистского мятежа в начале июля 1917 г., то есть продолжалось приблизительно четыре месяца, после чего реальная власть сосредоточилась в руках Временного правительства.

Муравьев Михаил Артемьевич (1880--1918) -- подполковник российской царской армии, ставший в 1917 г. левым эсером. Пошел на службу советской власти. Начальник обороны Петрограда во время наступления на город частями

генерала Краснова непосредственно после большевистского переворота. Командовал различными соединениями Красной армии. Отличался крайней жестокостью. В июле 1918 г., будучи командующим Восточного фронта, изменил Советской власти, подняв мятеж в Симбирске. Убит при попытке ареста.

Во время революции 1925--1927 гг. в Ханькоу образовалось национальное революционное правительство, враждебное Чан Кай-ши. Оно состояло в основном из левых деятелей Гоминьдана. В правительстве участвовали также коммунисты. В настоящее время Ханькоу -- часть города Ухань, куда он вошел вместе с городами Ханьян и Учан (с 1956 г.). В связи с тем, что и ранее названные три города объединялись общим понятием Ухань, иногда ханькоуское правительство именовали, в том числе в публикуемых документах, уханьским правительством.

78а. В РГАСПИ эта работа Радека хранится под названием "Измена крупной китайской буржуазии национальному движению".

В марте 1925 г. на текстильных фабриках Шанхая, принадлежавших японским предпринимателям, началась забастовка с экономическими требованиями. В апреле она была поддержана рабочими других городов. 9 мая забастовка окончилась победой рабочих. Однако по решению предпринимателей соглашение было аннулировано. 29 мая по рабочим г. Циндао, выразившим недовольство, был открыт огонь. 30 мая состоялась демонстрация протеста в Шанхае, которая в свою очередь была обстреляна полицией.

Сунь Фо -- деятель Гоминьдана, сын Сунь Ятсена. Входил в революционные правительства в Кантоне и Ханькоу, настаивал на решительных действиях против западных держав. В 1927 г. порвал с Чан Кайши, участвовал в деятельности альтернативного правительства. В начале 1932 г. вошел в коалиционное правительство, включавшее представителей ранее враждовавших течений Гоминьдана, но уже в следующем году в связи с разногласиями с Чан Кайши вышел из него. В конце 30-х -- начале 40-х годов активно пропагандировал национальное единство (совместно с вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин). Дальнейшая судьба неизвестна.

Ху Хуаньмин (1879--1936) -- деятель Гоминьдана, один из его основателей. Член Постоянного комитета Центрального исполнительного комитета Гоминьдана в середине 20-х годов, один из политических соперников Чан Кайши. В 1927--1931 гг. председатель гоминьдановского Центрального правительства в Нанкине. Входил в коалиционное правительство, образованное Чан Кайши в начале 1932 г., но вскоре порвал с ним.

Тан Шэнчжи -- китайский генерал, в середине 20-х годов член чжилийской милитаристской группы, господствовавшей в Северном Центральном Китае. Отколовшись от нее и образовав так называемую "студенческую армию", присоединился к национальной армии Гоминьдана. Командовал армией ханькоуского правительства Ван Цзинвэя в 1927 г., был членом правительства. В июне 1927 г. порвал с Ван Цзинвэем, образовал свое правительство и начал кровавую расправу с крестьянскими отрядами, руководимыми коммунистами.

20 марта 1926 г. по приказу Чан Кайши, ошибочно полагавшего, что левое

крыло Гоминьдана готовит совместно с коммунистами заговор с целью похитить его и отправить в СССР, была арестована группа коммунистов и сторонников Ван Цзинвэя. Сам Ван бежал за границу. Главный советский политический советник Гоминьдана М. М. Бородин также тайно покинул Китай. Несколько советских политических советников были посажены под домашний арест, коммунист ЧжоуЭньлай был смещен с поста начальника политического отдела национальной армии. Но в результате переговоров между эмиссарами Коминтерна и Чан Кайши был достигнут компромисс. Бородин возвратился в Китай с инструкцией поддерживать Северный поход национальной армии, в то же время сдерживая коммунистов от разжигания крестьянских выступлений, не подчиненных Гоминьдану.

Чэнь Дусю (1879--1942) -- деятель компартии Китая, ученый-филолог. Получил образование в Токио и Париже. Преподавал историю литературы в Пекинском университете, был деканом факультета. В 1915 г. основал журнал "Новая юность", выступавший за демократическую перестройку Китая. Один из основателей компартии и ее

генеральный секретарь в 1921--1927 гг. В 1927 г. по требованию Коминтерна снят с руководящих постов в компартии за оппортунистические ошибки, выразившиеся, в частности, в курсе на союз с Гоминьданом и подчинение ему. После этого организовал группу, солидаризовавшуюся с Троцким и его сторонниками. В 1930 г. был исключен из компартии. В 1932--1937 гг. находился в заключении. После освобождения отказался от политической деятельности. Занимался научной работой.

Речь идет о VI расширенном пленуме Исполкома Коминтерна (февраль--март 1926 г.), рассмотревшем, в частности, вопрос о национально-освободительном движении в Китае и одобрившем поддержку Гоминьдана компартией и Коминтерном.

Альский (псевдоним Мальский) Аркадий Осипович (настоящие фамилия, имя и отчество Штейн Виктор Морицевич) (1890--1964) -- участник российского социал-демократического движения с 1908 г., член большевистской партии с 1917 г. Был на административной работе в Воронеже, Минске и других городах. Работал заведующим учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б). В 1921--1926 гг. являлся заместителем наркома финансов. В 1926-1927 гг. находился в Китае в качестве советника кантонского правительства Гоминьдана по финансовым вопросам. В 1926--1927 гг. был участником объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б), а затем сослан в Нарым, позже в Барнаул. После раскаяния был восстановлен в партии в 1930 г. В 1933 г. вновь исключен и вскоре арестован. В 1935 г. освобожден. Работал научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. 87. VII расширенный пленум Исполкома Коминтерна состоялся в Москве 22 ноября -- 16 декабря 1926 г. Заслушав доклад Сталина о положении в ВКП(б), направленный против объединенной оппозиции, пленум осудил оппозицию и призвал компартию к

борьбе против "троцкизма". Рассматривались также вопросы о международном положении и задачах Коминтерна (состояние капиталистического общества было определено как период "частичной стабилизации"), о стачечной борьбе в Великобритании (осуждено было "капитулянтство" реформистских лидеров). Рассмотрев китайский вопрос, пленум оценил китайскую революцию как антиимпериалистическую, буржуазно-демократическую, высказался за сохранение широкого "антиимпериалистического блока". Пленум упразднил должность председателя Исполкома Коминтерна, сняв, таким образом, Г. Е. Зиновьева с поста руководителя Интернационала, и отстранил его от всякой работы в Коминтерне.

88. Миньтуани (точнее -- миньчуани) -- отряды местной самообороны в Китае.

89. Школа Вампу (точнее школа Хуанпу) -- школа подготовки революционных офицеров Китая, созданная в 1924 г. по инициативе Сунь Ятсена при помощи советских военных специалистов на остро-

ве Хуанпу, близ Кантона. Первоначально школой руководил соратник Сунь Ятсена Чан Кайши.

Разумеется, выражение "30 копеек" иносказательное, так как советской валюты в Китае не было. Соответственно повторение этого выражения ниже в цитате из китайской газеты -- весьма вольный перевод.

Тань Пишань (1887--1956) -- деятель национально-освободительного движения Китая. В 1918--1919 гг. был членом национально-патриотических организаций Философское общество и Общество журналистов. Позже стал членом компартии. Был руководителем Рабочего отдела ЦИК Гоминьдана, министром правительства в Хань-коу. В 30-е годы порвал с коммунистическим движением и стал членом Третьей партии. Позже вновь стал сотрудничать с Гоминьданом. После образования Китайской народной республики стал членом Революционного комитета Гоминьдана и занимал ряд постов в неправительственных сферах нового режима.

Сюй Цянь (1872--1940) -- Член Военного совета и министр юстиции уханьского правительства в 1927 г.

93 "Дейли Телеграф" -- британская ежедневная газета консервативного направления, основанная в 1855 г. Выходит по настоящее время. Органом министерства иностранных дел Великобритании никогда не являлась.

94. "Таймс" -- британская ежедневная газета, основанная в 1785 г. Выходит по настоящее время. Четкой политической ориентации не имеет, но тяготеет к консерваторам.

95. Речь идет о фактах Английской революции XVII в. Пресвитериане (от слова пресвитер -- руководитель религиозной общины в протестантизме) -- религиозно-политическое течение, выражавшее интересы богатого купечества и банкиров Лондона, а также части нового дворянства, ведшего хозяйство капиталистическими методами. В 1640--1648 гг. пресвитериане стояли у власти. Индепенденты (независимые) -- религиозно-политическое течение, выражавшее интересы радикального крыла буржуазии, основной части нового дворянства,

пошедшего по капиталистическому пути, и значительной части формировавшегося фермерства. Стояли у власти в 1648--1660 гг. Руководителем индипендент-ского течения был Оливер Кромвель (1599--1658). Кромвель был организатором парламентской армии, одержавшей победы над королевской армией в гражданских войнах 1642--1646 и 1648 гг. С 1650 г. он являлся лордом-генералом (главнокомандующим), с 1653 г. лордом-протектором (единоличным диктатором)

96. Французская революция 1789--1799 гг. (единственная из буржуазных революций, которой в марксистско-ленинском лексиконе было присвоено качество "великой") решительно покончила с феодально-абсолютистским строем, расчистив почву для прогрессивного развития Франции. В ходе революции шла острая борьба политических

течений фельянов (правых), жирондистов (умеренных), якобинцев (левых радикалов). Умеренное течение жирондистов было названо по департаменту Жиронда, откуда были родом руководители группы Ж. П. Бриссо и П. В. Верньо. Они стояли у власти в августе 1792 -- мае 1793 гг., когда были свергнуты и уступили власть якобинцам. После свержения тиранической, кровавой диктатуры якобинцев в июле 1794 г. вновь возобладали умеренные течения. Революция завершилась переворотом Наполеона Бонапарта в ноябре 1799 г.

Речь идет о Нидерландской революции 1566--1609 гг., сочетавшей антифеодальное движение с национально-освободительной войной против Испании, господство которой сковывало прогрессивное развитие страны. Война и революция завершились освобождением от испанского господства северных провинций (современные Нидерланды) и образованием Республики Соединенных Провинций. Филипп II был королем Испании (1556--1598).

Струве Петр Бернгардович (1870--1944) -- российский философ, экономист, историк. В начале своей деятельности был одним из теоретиков так называемого "легального марксизма", позже стал одним из лидеров партии кадетов, редактировал ряд ее журналов. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. За границей продолжал активную научную и публицистическую деятельность.

Робеспьер Максимилиан (1758--1794) -- деятель Французской революции 1789--1799 гг., лидер якобинцев. В 1793--1794 гг. был председателем Комитета общественного спасения (фактического правительства). Инициатор кровавого террора, жертвами которого пали тысячи политических противников Робеспьера справа и слева, а также ставших случайными жертвами доносов и подозрения. Казнен во время государственного переворота в июле 1794 г.

100. Жирондисты -- политическая группировка периода Великой французской революции. После свержения монархии 10 августа года стали у власти. Свергнуты восстанием 31 мая -- 2 июня года. В октябре 1793 года часть руководителей партии жирондистов была

казнена якобинцами.

101. Якобинцы -- политическая группировка во время Французской революции конца XVIII в. Называлась по месту заседаний в Париже в помещении монастыря доминиканцев (во Франции их именовали якобинцами). Политическая группировка оформилась после изгнания в 1792 г. из якобинского клуба жирондистов. Якобинцы опирались на различные социальные круги (среднюю и мелкую буржуазию, крестьян, рабочих). В отличие от жирондистов выступали за решительные меры против контрреволюции и введение "всеобщего максимума" (твердых цен и фиксированной заработной платы). Установив свою власть в результате государственного переворота 31 мая -- 2 июня 1793 г., якобинцы во главе с М. Робеспьером развяза-

ли кровавый террор. Власть якобинцев была свергнута новым переворотом в конце июля 1794 г. (термидорианский переворот).

Кавеньяк Луи Эжен (1802--1857) -- французский генерал. В 1848 г., будучи главой исполнительной власти и военным министром, руководил подавлением бунта парижских рабочих 23--26 июня, вспыхнувшего после решения властей закрыть "национальные мастерские" (общественные работы).

Обращение ЦК Союза коммунистов в марте 1850 г. -- документ, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом от имени руководящего органа созданной ими германской коммунистической организации. В обращении содержалась попытка подвести итоги европейских революций 1848--1849 гг., сняв с Союза коммунистов ответственность за то, что провозглашенные им задачи революционные были реализованы.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883--1959) -- советский партийный и государственный деятель. Член социал-демократической партии с 1903 г. В 1928--1943 гг. был секретарем Исполкома Коминтерна и одним из главных проводников сталинской линии в международном коммунистическом движении. В 1944--1950 гг. являлся заместителем председателя Совнаркома (Совета министров) Украинской ССР и наркомом (министром) иностранных дел этой республики. С 1950 г. его имя в качестве члена правительства Украины исчезает. Был автором ряда догматических работ о международном коммунистическом и социалистическом движении. Л. Д. Троцкий же-стоко издевался над легкомыслием и словесной путаницей Мануильского, отмечавшимися многими наблюдателями. О докладе Мануильского на VI конгрессе Коминтерна (1928) он писал: "Здесь борьба против оппозиции переведена на язык сборника анекдотов из национального и иного быта" (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 149).

Лю Жэньцзин -- один из основателей компартии Китая. В конце 20-х годов стал последователем Троцкого.

1 февраля 1923 г. У Пэйфу -- глава чилийской группы милитаристов (Северный и Центральный Китай) запретил проведение учредительного съезда профсоюза железнодорожников Пекин-Хань-коуской железной дороги. 4 февраля в знак протеста вспыхнула забастовка на этой линии с выдвижением экономических и политических требований. 7 февраля по приказу У Пэйфу

войска напали на забастовщиков. 40 человек было убито, много ранено.

Дай Цзитао (1891--1949) -- один из лидеров и теоретиков правого крыла Гоминьдана. Обосновывал концепцию освобождения страны путем примирения интересов всех классов. Настаивал на устранении коммунистов из политической жизни Китая.

Сань Мин Чжу И (три принципа Сунь Ятсена) -- теоретический базис политической линии Сунь Ятсена, выдвинутый в конце XIX в. Весьма приблизительно эти принципы можно определить,

как национализм, демократия, народное благосостояние. Принципы подразумевали контроль над капиталом и перераспределение земли. Предполагалось ввести парламентскую систему. Национализм трактовался как освобождение Китая от господства западного империализма. В Китайской Народной Республике компартия рассматривала себя как преемница трех принципов.

109. Обычно под джентри подразумевается среднее и мелкое дворянство Англии XVI--XVII вв., приспособившееся к развитию капитализма. В данном случае речь идет о встречающемся в литературе обозначении китайского сословия шеньши (буквально -- ученые мужи, носящие широкий пояс), состоявшего из лиц, выдержавших соответствующий экзамен и получивших вследствие этого право занимать государственные и общинные должности. В данном случае термин применен неточно: советские авторы путали между собой оба понятия.

110. Сунь Чуаньфан (1884--1929) -- китайский генерал, один из местных милитаристов начала 20-х годов. Контролировал ряд провинций по течению реки Янцзы. Его войска были разгромлены армией Гоминьдана в 1926 г.

О резолюции (Седьмого) расширенного пленума (Исполкома) Коминтерна, предсказывающей "отход буржуазии", но не делающей из этого предсказания никаких выводов, надо повторить то, что сказал Ленин о резолюции конференции меньшевиков 1905 г., посвященной вопросу о Временном революционном правительстве, что она выражает психологию "пассивного зрительства", "истекает в многоречивых описаниях". Это отсутствие выводов из "предсказания", эти ссылки на "процессы", возмущают Ленина, и он говорит: "Это не язык политических деятелей, это язык каких-то архивных за-седателей" (Ленин "Две тактики". Собр. соч., т. VI, с. 22). Когда Ленин обрушился таким образом в 1905 г. на Мартыновых, могло ли ему прийти в голову, что тот же самый Мартынов будет принимать участие встряпне новых "описаний", новых "процессов" уже под флагом Коминтерна и по поручению центральных органов ВКП, в самые острые моменты революционной борьбы. [Прим. К. Радека].

Конвент (точнее Национальный конвент) -- высший орган власти во Франции во время революции 1789--1799 гг. (с сентября 1792 по октябрь 1795 г.) Депутаты делились на три группы: жирондисты (умеренные политики,

центристы), якобинцы (радикальная группировка) и "болото" (занимавшие промежуточные позиции или же не имевшие устойчивых взглядов). Вначале наибольшим влиянием пользовались жирондисты. После насильственного изгнания их из Конвента (31 мая -- 2 июня 1793 г.) власть захватили якобинцы. Фактическая власть была передана Комитету общественного спасения. После государственного переворота в конце июля 1794 г. (термидорианский переворот) и казни лидеров якобинцев власть в Кон-

венте возвратилась к умеренным. Конвент прекратил существование после принятия конституции 1795 г., которая ввела режим Директории.

113. Часть этих фактов стала мне известна в тот момент, когда вернулся из Китая представитель университета (имени) Сунь Ятсена тов. Далин. За несколько недель перед его возвращением я как руководитель университета, пославший его в Китай, получил формальный выговор Политбюро ЦК ВКП за посылку его, хотя она была согласована соответствующими учреждениями. Было ясно, что кто-то в Китае недоволен присутствием там тов. Далина, на которого смотрели как на моего "личного агента". После возвращения тов. Далина я узнал, что письма, посылаемые им на мой адрес, не только вскрывались, но одно было конфисковано агентом Коминтерна Ра-фесом. Что скрывалось за этими махинациями бывшего ярого меньшевика, стало ясно немедленно после того, как тов. Далин сделал доклад о положении в Китае в Восточном отделе Коминтерна и на собрании преподавателей-коммунистов Суньятсеновского университета. Для всякого марксиста, для всякого ленинца на основе привезенных тов. Далиным материалов стало ясно, что мы стоим перед подготовкой контрреволюционного переворота Чан Кайши, что киткомпартия как организационное целое, ведущее за собой массы, не существует, несмотря на громадную активность революционных крестьянских и рабочих масс. Оказалось, что избежание всяких конфликтов в Гоминьдане она считает высшим законом революции. Восточный отдел Коминтерна не пропустил статью тов. Далина, бьющую тревогу. Чтоб предать гласности хоть что-нибудь из фактов, которые глубоко должны были взволновать всякого революционера, тов. Далину пришлось прибегнуть к форме фельетонов, где среди бытовых картин удалось контрабандой публиковать кой-какой материал. Доклад тов. Геллера, референта Профинтерна по дальневосточным вопросам, сделанный им Исполкому Профинтерна, не мог появиться в "Правде". Руководитель Востсекретариата ИККИ считал все эти предупреждения паникой. [Прим. К. Радека].

Университет им. Сунь Ятсена -- коммунистическое учебное заведение в Москве, руководимое Коминтерном. До 1927 г. ректором университета был К. Б. Радек. В 1926--1927 гг. часть китайских студентов учебного заведения поддержала оппозицию. Все они в 1927 г. были исключены из университета, в след за этим из компартии Китая (некоторые из ВКП (б)).

Далин Сергей -- работник российского комсомола и Коммунистического Интернационала молодежи в начале 20-х годов. В 1922 г. был направлен в Китай в качестве эксперта по Китаю и Дальнему Востоку. В 1923--1924 гг. был членом Центральной контрольной комиссии РКСМ. Опубликовал несколько книг о рабочем

движении в Китае и Корее. Участвовал в объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Дальнейшая судьба неизвестна.

Коммунистическая Академия -- учебное и научное заведение РКП(б) (ВКП(б)), существовавшее в 1918-1936 гг. До 1919 г. называлась Социалистической академией общественных наук, в 1919--1924 гг. -- Социалистической академией. Имела ряд институтов, которые, наряду с подготовкой кадров исследователей и пропагандистов через аспирантуру, вели научную работу (институты философии, истории, мирового хозяйства и мировой политики и др.) В 1936 г. Коммунистическая академия была влита в Академию наук СССР.

Рафес Моисей Григорьевич (псевдоним Г. Долин) (1883--1942) --участник социал-демократического движения в России с 1899 г. Был деятелем еврейской социал-демократической организации Бунд, членом его ЦК в 1912--1919 гг., председателем временного Главногоукраинского комитета Бунда в 1918г. После Октябрьского переворота 1917 г. вел политическую борьбу против советской власти. В 1919 г. перешел в РКП(б). Служил в Красной Армии. С 1920 г. работал в аппарате Коминтерна. В 1926--1927 гг. был представителем Коминтерна в Китае. В 1927 г. опубликовал книгу "Решающий момент китайской революции". В начале 30-х годов был снят с ответственных постов, работал на мелких должностях в кинопромышленности. Был арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Шумяцкий (псевдоним Андрей Червонный) Борис Захарович (1886--1938, по другим сведениям 1943) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. В 1919--1920 гг. был заместителем председателя Сибирского революционного комитета, затем председателем Совнаркома буферной Дальневосточной республики. Впоследствии занимал ряд руководящих постов в Москве, в частности в 1926--1928 гг. руководил Коммунистическим университетом трудящихся Востока. Одно время был руководителем Совкино. Расстрелян во время "большого террора".

Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) -- учебное заведение в Москве, существовавшее в 1921--1938 гг. В основном КУТВ готовил кадры партийно-советской бюрократии для советских восточных республик и областей. Обучались также кадровые работники зарубежных (восточных) компартий. КУТВ имел отделения в Ташкенте, Баку, Иркутске. Руководители университета принадлежали к высшей советской иерархии.

Это не шутка: предостережение пролетариата, что буржуазия готовит против него удар, призывать к защите объявлялось новоиспеченным стратегом революции Мартыновым в "Правде" от 10 апреля (да, в "Правде", читатель) ликвидаторством. "Что скрывается за этой левой линией наших оппозиционеров... (?) Очевидно ликвидаторское настроение, неверие в то, что китайский пролетариат способен завоевать гегемонию" и т. д. Мартыновы всегда из веры пролетариат разоружают его идейно перед лицом врага, подготовляющего его

физическое разоружение. Грустно только то, что доста-

точно было обзавестись партбилетом, чтобы эту гнусную работу проделывать на страницах нашей печати. [Прим. К. Радека].

119. Радек (настоящая фамилия Собельсон, имел множество псевдонимов) Карл Бернгардович (1885--1939?) -- германский, а затем советский общественный деятель, журналист. В 1917 г. сопровождал Ленина при его возвращении в Россию, но прервал поездку в Швеции, где задержался для организации поддержки большевиков. После Октябрьского переворота проживал в России, став членом большевистской партии. Работал в Исполкоме Коминтерна и выступал с многочисленными статьями в центральной советской печати. В 1926--1927 гг. -- активный участник объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б), а в январе 1927 г. сослан в Тобольск, а затем в Томск. В 1929 г. выступил с покаянным заявлением, был вновь принят в партию и возвращен в Москву. Л. Д. Троцкий писал позже: "С 1929 г. имя Радека становится в рядах оппозиции символом унижительных форм капитуляции и вероломных ударов в спину вчерашних друзей" (Троцкий Л. Д. Преступления Сталина. М., изд-во гуманитарной литературы, 1994, с. 156). В 1934 г. Радек выпустил книгу о Сталине, переполненную рабскими восхвалениями последнего. Радек вел международный отдел газеты "Известия", был членом комиссии по выработке новой конституции СССР. По многим свидетельствам, этот талантливый беспринципный журналист был автором массы политических и бытовых анекдотов, циркулировавших, разумеется, анонимно, по всей стране. В 1936 г. он был арестован и давал "признательные" показания по всем пунктам обвинения, в том числе в шпионаже в пользу Германии и Японии. Эти признания он подтвердил на суде по делу "параллельного троцкистского центра" в январе 1937 г., на котором активно сотрудничал с обвинением в "разоблачении" остальных подсудимых. Был приговорен к десяти годам тюремного заключения. По непроверенным сведениям, убит в камере уголовниками.

Бородин (настоящая фамилия Грузенберг, псевдоним Бан-кир) Михаил Маркович (1884--1951) -- советский партийный деятель, член социал-демократической партии с 1903 г. В 1905--1918 гг. был в эмиграции, в том числе в США. После Октябрьского переворота 1917 г. выполнял многочисленные советские задания секретного характера в Западной Европе и США. В связи с этим имел множество недолговечных псевдонимов. В 1923--1927 гг. был главным политическим советником при ЦИК Гоминьдана. Позже работал главным редактором газеты "Москау ньюз". Во время антисемитской кампании в СССР Бородин был в 1949 г. арестован, обвинен в "предательстве" китайской революции, шпионаже в пользу США и Великобритании. Умер в концлагере.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881--1959) -- грузинский социал-демократ, один из лидеров российских меньшевиков. Депутат II Государственной думы. В 1917 г. был министром почт и телеграфа

Временного правительства. В 1918 г. входил в правительство независимой Грузии. С 1921 г. эмигрант во Франции. Был представителем грузинских социал-демократов в Социалистическом рабочем интернационале. С 1929 г. в политической деятельности не участвовал. В 1948-1959 гг. жил в Нью-Йорке.

По моей записи. Стенограммы не мог получить. [Прим. К. Ра-дека] .

Череванин Н. (настоящая фамилия Липкин) (1869--1934?) --деятель российского социал-демократического движения, меньше-вик с 1904 г. Являлся одним из видных меньшевистских публицистов.Большевики считали его одним из идеологов "ликвидаторства". Про-пагандировал идею "европеизации" российского социал-демократи-ческого движения. Во время первой мировой войны стоял на оборон-ческих позициях. Выступал против Октябрьского переворота 1917 г.и политики большевистского правительства. В 1922 г. был арестован,заключен в Верхнеудинскую тюрьму, где пытался вести научную рабо-ту в области экономики. Последние сведения о Череванине относят-ся к 1934 г. Вероятно, вскоре после этого он скончался в заключении.

XV конференция ВКП(б) состоялась в Москве 26 октября --3 ноября 1926 г. Сталину и его группе удалось повести за собой абсо-лютное большинство делегатов, поддержавших его курс на "постро-ение социализма в одной стране в условиях капиталистическогооокружения". Объединенная оппозиция, подвергавшая критике этоткурс и утверждавшая, что полное социалистическое общество можетбыть в СССР построено только в случае успешного развития миро-вой революции, потерпела поражение. На "троцкистско-зиновьев-ский блок", как его квалифицировало сталинистское большинство,был навешен ярлык "меньшевистского уклона".

Почти дословное повторение отрывка из речи Н. И. Бухари-на, ранее уже цитированной.

Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча) -- в христианской ми-фологии предвозвестник прихода Мессии. Прозвище Крестительсвязано с введением им обряда крещения в реке Иордан.

Эта брошюра уже была написана, когда я получил первомай-ский номер "Правды", в котором рядом со статьей генерала Свечи-на, бывшего теоретического светила армии, я нашел статьютов. Джона Пепера, публицистического светила австрийской ставкивоенного времени, который доказывает, что в Китае преобладаетеще родовой и клановый строй, что имеется еще много пережитковпервобытного коммунизма и т. д. и т. д. Я с ужасом ждал, что тов. Пе-пер затребует от китайских коммунистов ликвидировать совместнос прогрессивными феодальными остатками первобытного комму-низма, и с глубочайшей тревогой ждал, кого он откомандирует в фео-далы, а кого в главарей первобытных кланов. Мне большую тревогудоставила мысль, будет ли тов. Бухарин как руководитель Коминтер-

на назначен в вожди феодальных родов, геройски погибающих в борьбе за старый быт. Оказалось, что в Китае "отсутствует крупное землевладение и крепостное право", оказывается дальше, что уже до прихода Пепера анализ восточных стран, сделанный Марксом и Энгельсом, показал (вот какие хорошие

предтечи пеперизма), что основная особенность способа производства заключается именно в том, что в них не развивается "феодалное землевладение". Я с облегчением вздохнул, значит, "сим отпущается", значит, я не повинен в грехе отрицания остатков феодализма, т. к. его совсем не было. Я читал с радостью дальше и узнал, что система ликина и дзюдзо-нов -- не остатки, а зачатки феодализма, новые феодальные образования. Пусть все это фантазии из дома сумасшедших, но я не виновен перед остатками феодализма. Но радовался я зря и, когда еще раз стал перечитывать статью, чтобы впитать дух учения, я нашел, увы, в самом начале, что "утверждение тов. Радека и других о том, что в Китае уже нет больше существенных пережитков феодализма, самым резким образом противоречит фактам". Я складываю оружие. Я обязываюсь признать, что моя ошибка состоит в том, что я думал, что в Китае существуют люди, разделенные на классы, а не обезьяны, ибо я предчувствую, что через несколько недель последнее будет доказано одним из очередных марксистов из "Правды". Обязуюсь во имя партийной дисциплины подчиниться этому новому применению марксизма, который в нашу эпоху абсолютной свободы измышлений должен называться "пеперизмом". Если ехать, так ехать, говорил попугай, когда кошка тащила его за хвост. Маркс говорил о родстве проституции и института буржуазных профессоров, теперь для подобного сроднения не нужен уже титул, добываемый тяжелым физическим трудом, нужна только воля к профессии. [Прим. К. Радека].

Свечин Александр Андреевич (1878--1938) -- российский, а затем советский военный деятель. Во время первой мировой войны был начальником штаба армии, генерал-майором. В Красной армии служил с 1918 г. начальником Главного штаба, профессором Военной академии им. Фрунзе и Академии генштаба. Автор трудов по военной истории, стратегии и тактике. В 1930 г. был арестован органами ОГПУ, но вскоре освобожден. Вновь арестован во время "большого террора" и умер в заключении.

Ликин -- налоговая система, введенная в Китае в середине XIX в. с целью обеспечения средств для подавления повстанческого движения. Составлял от 2 до 10 % цен продаваемых товаров. Привел к взвинчиванию цен. Ликин сохранялся до 1931 г., когда был заменен другими налогами. Дзюдоны -- разновидность ликина.

128. Речь идет о сыне Сунь Ятсена, который коммерческой деятельностью не занимался.

Сун Цзывэнь (1894-1971). Министр финансов кантонского и уханьского правительств в 1925-1927 гг.

Весной 1927 г. в Японии произошел тяжелый финансовый кризис, приведший в апреле этого года к отставке умеренного правительства Вакасуки Реиджиро и образованию консервативного кабинета лидера партии Сэюйкай Гиити Танака, который также стал министром иностранных дел и министром колоний.

Правительство Танака предприняло аресты коммунистов и деятелей других левых организаций, распространив закон об обеспечении мира 1925 г., предусматривавший смертную казнь, на подозреваемых в подрывной деятельности. Правительство Танака ушло в отставку в июле 1929 г.

Тезисы тов. Сталина изданы от имени ЦК. Это не меняет того факта, что тезисы пленумом ЦК не обсуждались. Политбюро предоставило трем своим членам -- гг. Сталину, Бухарину и Молотову -- рассмотреть тезисы тов. Сталина и, в случае единогласия, опубликовать их от имени ЦК партии. Разумеется, речь тут идет не о формальной стороне вопроса, который никто из нас оспаривать не станет. Но совершенно ясно, что такой "упрощенный" способ разрешения вопросов мирового значения после сделанных ошибок и жестоких поражений ни в какой мере не отвечает интересам партии и китайской революции. [Прим. Л. Троцкого].

Молотов (настоящая фамилия Скрябин, неофициальные клички "молоток", "каменная задница") Вячеслав Михайлович (1890--1986) -- советский государственный и партийный деятель, один из ближайших сподвижников Сталина. Социал-демократ с 1906 г. В первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. занимал партийные и государственные посты на периферии. В 1921--1930 гг. секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б)), в 1930-1941 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1941--1957 гг. первый заместитель председателя Совнаркома (Совета министров) СССР. Одновременно в 1939-1949 и 1953-1956 гг. был наркомом (министром) иностранных дел СССР. В 1957 г. был выведен из ЦК КПСС, а в 1962 г. исключен из партии за участие в "антипартийной группе" -- группе наиболее консервативных партийных иерархов, выступивших против Н. С. Хрущева. С 1962 г. находился на пенсии. В 1984 г. восстановлен в КПСС. По словам У. Черчилля, Молотов "отлично воплощал современное представление о работе".

132. "Социалистический вестник" -- двухнедельный журнал, издававшийся за границей российскими меньшевиками. Первый номер вышел 1 февраля 1921 г. До 1933 г. печатался в Берлине, а затем в Париже, в 1940--1942 гг. -- в Нью-Йорке. После длительного перерыва возобновил выход в 1946 г. и выходил до 1963 г. ежемесячно. После смерти видного историка Б. И. Николаевского (1966) журнал перестал выходить.

133. Доклад этот вышел отдельной брошюрой под названием "Пути развития китайской революции" с предисловием Ф. Раскольникова. Брошюра замечательна тем, что дает добросовестное и потому убийственное для "линии" изложение фактов. Выводы самоготов. Тань Пиншаня сбивчивы и противоречивы, отражая, с одной стороны, давление классовой борьбы в Китае, а с другой -- "единственно правильную линию", находящуюся в вопиющем противоречии с этими фактами. Предисловие тов. Раскольникова замечательно только полным своим непониманием того, что произошло, что есть, и того, что предстоит. [Прим. Троцкого].

Раскольников (настоящая фамилия Ильин) Федор Федорович (1892--1939) -- участник российского социал-демократического движения с 1910 г., большевик. Был секретарем редакции газеты "Правда" (1912). После Октябрьского

переворота 1917 г. занимал ответственные посты в Красной армии и флоте. В 1921--1923 гг. являлся полпредом в Афганистане. Затем занимался литературной работой. В 1924--1927 гг. работал в Коминтерне. С 1930 г. -- вновь на дипломатической работе (полпред в Эстонии, Дании, Болгарии). В 1938 г. бежал во Францию, где опубликовал открытое письмо Сталину с обвинениями его в предательстве дела коммунизма. Умер в больнице при подозрительных обстоятельствах. По всей видимости, был убит тайной советской агентурой.

Революция 1848 г. (точнее революция 1848--1849 гг.) -- циклевропейских революций. В данном случае имеется в виду революция во Франции, носившая демократический характер. В начале революции была провозглашена республика (Вторая республика). На выборах в Учредительное собрание (апрель 1848 г.) победили республиканцы. В декабре 1848 г. президентом был избран Луи Бонапарт, организовавший в декабре 1851 г. государственный переворот и установивший личную диктатуру. Через год Луи Бонапарт провозгласил себя императором, образовав Вторую империю.

Речь идет о Парижской Коммуне -- захвате власти в Париже во время франко-прусской войны 1870--1871 гг. политическими группами, стоявшими на социалистических и радикально-демократических позициях. Парижская Коммуна фактически возникла 18 марта 1871 г. и была официально провозглашена 28 марта после выборов Совета Коммуны. В Совете шла острая борьба между большинством (бланкисты и неоякобинцы) и меньшинством (в основном прудонисты). 28 мая Парижская Коммуна была разгромлена армией, сохранившей верность правительству А. Тьера, находившемуся в Версале. Попытки последовать примеру Коммуны, предпринятые в провинциальных городах, были незначительными и легко разбиты.

Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807--1874) -- французский политический деятель, демократ. В начале революции 1848--1849 гг. был министром внутренних дел Временного правительства.

В 1849 г. -- один из руководителей Новой Горы -- блока демократов и социалистов, выступавших против единоличной власти президента Луи Бонапарта. В 1871 г. депутат Национального собрания, выступал против Парижской Коммуны.

Блан Луи (1811--1882) -- французский социалист. Выступал за мирный переход к социализму путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права. Член Временного правительства на начальном этапе революции 1848--1849 гг., возглавлял комиссию по рабочему вопросу (Люксембургская комиссия), заседавшую в марте--мае 1848 г.

Анархо-синдикализм -- течение в рабочем и социалистическом движении. Сторонники этого течения считали высшей и в ряде случаев достаточной формой организации рабочего движения профессиональные союзы. Наибольшее распространение анархо-синдикализм получил в начале XX в. Термин употреблялся в ВКП(б) и Коминтерне в качестве ярлыка, который навешивался

на те группы, которые выступали против бюрократизации партаппарата, за введение "рабочей демократии" в управлении государством и производством. В анархо-синдикализме обвиняли, в частности, "рабочую оппозицию" в РКП(б).

Корнилов Лавр Георгиевич (1870--1918) -- российский генерал от инфантерии. В июле--августе 1917 г. был верховным главнокомандующим. В конце августа попытался выступить за установление твердой государственной власти в России, но не получил поддержки политических сил. После Октябрьского переворота пытался оказывать сопротивление большевикам. Бежал на Дон и стал одним из организаторов Добровольческой армии, ставившей целью свержение советской власти. Был убит в бою в районе Екатеринодара.

Образованное в апреле 1918 г. Всероссийское бюро военных комиссаров через год было преобразовано в Политический отдел Реввоенсовета республики, а еще через месяц (май 1919 г.) стало носить название Политуправления Реввоенсовета (ПУР). С 1921 г. орган назывался Политуправлением Красной армии (ПУРКА). Руководил идеологической обработкой вооруженных сил. Действовал на правах отдела ЦК ВКП(б).

Фэн Юйсян (1882--1948) -- китайский генерал, один из милитаристов, в середине 20-х годов контролировал ряд провинций. В 1926 г. вступил в контакт с армией Чан Кайши, но оставался ненадежным союзником, неоднократно вступая в конфликты с Чаном.

Ярославский Емельян Михайлович (настоящие фамилия, имя отчество Губельман Миней Израилевич) (1878--1943) -- участник российского социал-демократического движения с 1898 г., с 1905 г. большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал ряд постов в партийных органах. В 1923--1927 гг. член президиума и секретарь Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Автор много-

численных работ по истории социал-демократического движения и партии большевиков, носивших грубо фальсификаторский характер. Один из важнейших проводников культа Сталина.

Англо-русский профсоюзный комитет существовал в 1925--1927 гг. Он был образован ВЦСПС и Британским конгрессом тред-юнионов для координации поддержки профсоюзного движения, сотрудничества профсоюзов обеих стран и развития мирных отношений между ними. Согласие советских властей на его создание было связано с нэ-пом и политикой единого фронта, проводимой Коминтерном. Комитет был распущен в сентябре 1927 г. в результате ухудшения англо-советских отношений после "письма Зиновьева" английским коммунистам с требованиями подготовки социалистической революции (письмо оказалось фальшивкой) и разрыва дипломатических отношений между обеими странами.

Ситрин Уолтер Макленнан (1887--?) -- британский профсоюзный деятель. Член Генерального совета тред-юнионов с 1914 г., генеральный секретарь Конгресса тред-юнионов с 1926 г., президент Международной федерации профсоюзов с 1928 г. Член правительственного экономического наблюдательного совета в 1930--1933 гг. Автор ряда книг о современном ему британском и международном профсоюзном движении.

Речь идет о выборном исполнительном органе Британского конгресса тред-юнионов -- основного профсоюзного объединения Великобритании, возглавлявшего выступления за установление бо-лее выгодных для рабочих условий труда и проведение демократиче-ских реформ.

Чемберлен Остин (1863--1937) -- политический деятель Велико-британии, консерватор. Неоднократно был министром. В 1924--1929 гг. министр иностранных дел.

Рендель Пьер (1871--1935) -- французский политический де-ятель, социалист, директор газеты "Юманите" в 1915--1918 гг.

Пуанкаре Раймон (1860--1934) -- французский политический деятель. Стоял на консервативных позициях. Был президентом Фран-ции в 1912-1913, 1922-1924, 1926-1929 гг. В 20-е годы был руководи-телем Национального блока -- группы правых и центристских партий.

Теорией построения социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения советская пропагандистская машина стала именовать с середины 20-х годов блок идеологических устано-вок Сталина, ставивших целью доказать, что он -- наилучший теоре-тик-ленинец. Эта "теория" противопоставлялась "теории перма-нентной революции", приписываемой Троцкому, которая, якобы, являлась отказом от ленинизма. Идеологические установки Сталина были сформулированы на базе высказываний Ленина, случайных, произвольно подобранных и искусственно выдернутых из контек-ста, и изложены в серии лекций Сталина, прочитанных в апреле

1924 г. в Коммунистическом университете им. Свердлова в Москве. Вслед за этим они были изданы под заголовком "Об основах ленинизма". В марте 1925 г. XIV конференция РКП(б) провозгласила сталинскую "теорию" единственно правильной политической линией, что свидетельствовало о переходе компартии от выдвижения на первый план утопических интернационалистических целей к национально-коммунистической ориентации (этот переход зародился еще в 1918 г. подписанием Брестского мирного договора с Германией). "Теория построения социализма в одной стране" служила идеологическим прикрытием борьбы Сталина за закрепление единоличной власти.

Речь идет о всеобщей забастовке и забастовке шахтеров Вели-кобритании 1926 г.

Речь идет о разгроме попытки коммунистического вооруженно-го выступления в Гамбурге в октябре 1923 г., после которого компартия Германии была временно запрещена. Разгром "гамбургского восстания" означал крах курса на советизацию Германии. В ноябре 1923 г. из Герма-нии были отозваны советские агенты, стремившиеся реализовать курс советизации (см.: Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 171). С конца 1923 -- начала 1924 г. политическое напряжение в Германии ста-ло уменьшаться, а затем началось и хозяйственное

оживление.

Речь идет о делегации ВКП(б) в Коминтерне, через которую непосредственно, как и через руководителей зарубежных компартий в чуть более завуалированной форме, руководство ВКП(б) осуществляло диктат над международным коммунистическим движением.

Речь идет о Георге V (1865--1936), британском короле с 1910 г.

Имеется в виду Коминтерн, который рассматривался в соответствии с уставом, принятым в 1920 г. на II конгрессе, как всемирная компартия. Отдельные национальные компартии считались лишь "секциями" всемирной монолитной организации.

VIII расширенный пленум Исполкома Коминтерна состоялся в Москве 18--30 мая 1927 г. Рассмотрев китайский вопрос, он взял курс на поддержку компартией правительства левых гоминьдановцев в Ханькоу. Рассматривались также вопросы о борьбе против войны, об оппозиции в ВКП(б) и др. Используя "налет британской полиции на АРКОС" (см. примеч. 164), убийство Войкова (см. примеч. 208) и некоторые другие факты, пленум содействовал разжиганию "военной тревоги", призывая компартии защищать СССР от нападения "империи-листоческих держав". Пленум осудил "фракционную деятельность" Троцкого и других деятелей объединенной оппозиции в ВКП(б). Он "поручил" Президиуму Исполкома Коминтерна исключить Троцкого из его состава, если фракционная борьба не будет прекращена. 27 сентября 1927 г. Троцкий был исключен из Исполкома Коминтерна.

156. Статья для "Правды". Не напечатана. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

Речь была произнесена на VIII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 24 мая 1927 г.

Курелла Альфред (1895--1975) -- германский коммунистический деятель. Член компартии с 1919 г. Член Исполкома Коммунистического Интернационала молодежи (1920--1924). В 1934--1954 гг. жил в СССР. Участвовал в провокациях, связанных с "большим террором", которые были направлены против его товарищей -- немецких политэмигрантов. По возвращении в Германию (ГДР) был секретарем ЦК Социалистической единой партии (1958--1963). Автор апологетических художественных произведений о германских коммунистах. Переводил на немецкий язык сочинения русских и советских писателей.

Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883--1936) -- советский партийный и государственный деятель. Социалист-демократ с 1901 г. Член политбюро ЦК РКП(б) в 1919--1925 гг. В октябре и ноябре 1917 г. дважды выходил из ЦК в связи с политическими разногласиями с Лениным. В 1918--1926 гг. -- председатель Московского городского совета. С 1922 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР (СССР). В январе--августе 1926 г. нарком внутренней и внешней торговли СССР, затем недолгое время полпред СССР в Италии. В 1923--1924 гг. совместно с Зиновьевым поддерживал Сталина в борьбе за власть с Троцким (этот союз некоторые авторы неточно называют "триумvirатом"). В 1925 г. вместе с Зиновьевым образовал "новую оппозицию"

против Сталина. В 1926 г. вошел в состав объединенной оппозиции. На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии, но сразу раскаялся, вскоре был восстановлен в ВКП(б). В 1929--1934 гг. занимал ряд второстепенных административных должностей. В декабре 1934 г. вновь исключен из партии, арестован, обвинен в соучастии в убийстве С. М. Кирова и приговорен к тюремному заключению. На судебном фарсе по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" (август 1936 г.) был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Пятаков (псевдоним П. Киевский) Георгий (Юрий) Леонидович (1890--1937) -- советский партийный и государственный деятель. Участвовал в анархистских кружках, с 1910 г. социал-демократ, большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал ответственные государственные посты. В конце 1918 -- начале 1919 г. был главой Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. В 1923--1927 гг. заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства СССР. Участвовал в оппозиции 1923 г., в объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из партии в 1927 г., но в 1928 г. после покаянного заявления был восстановлен. Покаяние Пятакова было особенно уничижительным. Л. Д. Троцкий часто использовал его как свидетельство беспринципности. Он писал в 1928 г., как "гноснапятаковщина и всякая вообще политическая смердяковщина" (Троцкий Л. Д. Письма из ссылки, с. 115). После покаяния Пятаков был

торгпредом СССР во Франции, а позже заместителем наркома тяжелой промышленности. В 1936 г. был вновь исключен из партии и арестован. Был одним из главных подсудимых на втором "открытом" судебном процессе в Москве в январе 1937 г. (дело "параллельного антисоветского троцкистского центра").

Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Смилга Ивар Тенисович (1892--1938) -- советский партийный и государственный деятель, социал-демократ с 1907 г., большевик. Работал заместителем председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), заместителем председателя Госплана СССР. В 1925--1927 гг. ректор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из партии в декабре 1927 г. и сослан. В 1930 г. после раскаяния восстановлен в партии. Работал заместителем начальника Мобилизационного управления ВСНХ СССР. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Куусинен Отто Вильгельм (Вильгельмович) (1881--1964) -- деятель финского социалистического и коммунистического движения, с 1940 г. советский деятель. В 1911--1917 гг. был председателем Ис-полкома Социал-демократической партии Финляндии. Один из организаторов компартии Финляндии. Входил в состав финляндского революционного правительства в 1918 г. В 1921--1939 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. В конце 1939 г. глава

правительства и министр иностранных дел фиктивной "Финляндской демократической республики", провозглашение которой было призвано придать легитимности советской агрессии против Финляндии. В связи с этим фактическим актом государственной измены Куусинену был пожизненно запрещен въезд в Финляндию. В 1940--1956 гг. он был председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. С 1957 г. секретарь ЦК КПСС, курировал идеологическую работу и международное коммунистическое движение. В ряде книг по вопросам международного коммунистического движения и стратегии компартий проявил догматизм и крайнюю узость политических представлений. Л. Д. Троцкий писал, что Куусинен "зарезал" финляндскую революцию 1918 г. и ничему на ее опыте не научился (Троцкий Л. Письма из ссылки, с. 180), что он чиновник "с тупой мыслью и гибкой спиной" (Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 159).

Бауэр Отто (1882--1938) -- один из руководителей австрийской социал-демократии и II Интернационала. В 1918--1919 был министром иностранных дел Австрии. Один из инициаторов образования Международного объединения социал-демократических партий (II 1/2 Интернационала) (1921--1923) и Социалистического рабоче-го интернационала (1923--1940). С 1934 г. находился в эмиграции.

21 мая 1927 г. британская полиция произвела обыск в помещениях советско-британской торговой компании АРКОС. Были конфискованы материалы, свидетельствующие, что чиновники компа-

нии участвовали в шпионаже и подрывных действиях, направленных против Великобритании. В числе прочих документов были обнаружены записи секретных переговоров между британским и французским генеральными штабами, добытые советскими агентами. 27 мая Лондон порвал дипломатические отношения с Москвой. Советские и коминтерновские лидеры объявили это "первым шагом к международному империалистическому крестовому походу" против "первой в мире пролетарской диктатуры", использовав разрыв отношений для раздувания военной тревоги.

Нейман Гейнц (1902--1937) -- деятель германского социал-демократического движения, член компартии Германии с 1921 г. С 1925 г. представитель партии в Исполкоме Коминтерна. С 1927 г. член политбюро компартии Германии. Ставленник Сталина. Был представителем Коминтерна в Китае, участвовал в попытке коммунистического мятежа в Кантоне в декабре 1927 г. В 1932 г. был подвергнут критике за ошибки в борьбе против нацизма. Выполнял ряд поручений Коминтерна в Европе. С 1935 г. жил в СССР. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Речь идет о документе "Китайская революция и тезисы тов. Сталина". Троцкий ошибся: пункты а--з имеются не в 39, а в 40 тезисе.

Реммеле Герман (1886--1939) -- деятель германского социал-демократического движения. Член социал-демократической партии середины первого десятилетия века. В 1917 г. присоединился к Независимой социал-демократической партии, в 1920 г. стал членом компартии. С 1921 г. член ЦК, в 1924--1925 гг. председатель компартии. В 1924--1933 гг. был

членом Президиума Исполкома Коминтерна. В 1932 г. был подвергнут нападкам со стороны Э. Тельмана и вскоре снят с руководящих постов в партии и Интернационале. В 1933 г. эмигрировал в СССР. В 1937 г. арестован и через два года расстрелян.

Речь идет о предполагавшейся передаче Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Китаю.

Как и предыдущая, эта речь была произнесена на VIII пленуме Исполкома Коминтерна.

Речь вновь идет о проблеме передачи КВЖД Китаю. Смыслов: "...хотел ли Троцкий подарить Маслову Китайско-Восточную железную дорогу" -- установить не удалось.

Смирнов Иван Никитич (1881--1936) -- советский партийный и государственный деятель. Участник социал-демократического движения с начала XX в., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал ряд ответственных постов. Был наркомом почты и телеграфа СССР. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. был исключен из партии и сослан в Сухуми, затем в Ново-Баязет. После раскаяния в 1929 г. был восстановлен в партии. В 1933 г. был опять исключен из партии и арестован. На судеб-

ном фарсе по делу "объединенного троцкистско-зиновьевского центра" приговорен к смертной казни и расстрелян.

Муралов Николай Иванович (1877--1937) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. В 1918 г. стал командующим Московского военного округа. В следующие годы занимал другие ответственные посты в Красной армии. В 1925--1927 гг. начальник военно-морской инспекции СССР. Участник объединенной оппозиции. Исключен из партии на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., а в начале 1928 г. сослан в Тару. Позже раскаялся и занимал ряд мелких административных постов на периферии (в частности, в Новосибирске). Был одним из обвиняемых на судебном фарсе по делу "параллельного антисоветского троцкистского центра" (январь 1937 г.), приговорен к смертной казни и расстрелян.

Белобородов Александр Георгиевич (1891--1938) -- советский государственный деятель. Большевик с 1907 г. Будучи в 1918 г. председателем Исполкома Уральского областного совета, на основании приказа из Москвы подписал фиктивно самостоятельное решение о расстреле бывшего царя Николая II и его семьи. С 1919 г. был заместителем начальника Политуправления Красной армии. В 1923--1927 гг. являлся наркомом внутренних дел РСФСР. Участвовал в объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. на XV съезде партии был исключен из нее, а в январе 1928 г. сослан в Усть-Вымь. После раскаяния в 1930 г. был восстановлен в ВКП(б). Работал в Ростове-на-Дону. Во время "большого террора" был арестован и расстрелян.

Сафаров Г. И. (1891--1942) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1908 г. Находился в тюрьмах и эмиграции. В 1917 г. возвратился в Россию совместно с В. И. Лениным. Занимал ответственные посты в советском аппарате. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. Участвовал в "новой оппозиции" 1925 г., но почти сразу раскаялся и в 1928 г. восстановлен в ВКП(б). Раскаяние носило особенно уродливый характер. К Сафарову Л. Д. Троцкий относил слова Салтыкова-Щедрина "игрушечного дела людишки" (Троцкий Л. Письма из ссылки, с. 78). В 1929--1930 гг. вновь работал в Коминтерне, занимался делами Дальнего Востока и Китая. В 1934 г. арестован по обвинению в соучастии в убийстве Кирова. Умер в заключении.

Куклин А. С. -- советский деятель. Член социал-демократической партии с 1903 г. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Был исключен из партии в декабре 1927 г. Позже, после раскаяния, восстановлен в ВКП(б). В декабре 1934 г. арестован по обвинению в соучастии в убийстве Кирова. Расстрелян во время "большого террора".

Устрялов Николай Васильевич (1890--1938) -- российский политический деятель, с 1917 г. кадет, по профессии юрист. Активно занимался публицистической деятельностью. Во время гражданской войны воевал в белой армии. В 1920 г. эмигрировал в Китай (Хар-

бин). Один из идеологов "сменовеховства" -- течения, которое получило название по сборнику "Смена вех" (Прага, 1921). "Сменовеховцы" призывали к фактическому признанию советской власти в надежде на ее перерождение. Еще ранее, в 1920 г., Устрялов выпустил в Харбине книгу с подробным изложением этой идеологии. Он признал пролетарские задачи революции в принципе совместимыми со своими идеалами "просвещенного абсолютизма". В статье "Редиска" он полагал, что, подобно названному овощу, советская власть извне красная, а внутри белая. В 1935 г. Устрялов возвратился в СССР. Был профессором Московского института инженеров транспорта. Во время "большого террора" арестован и расстрелян.

Речь идет о документе, вошедшем в историю как "Заявление 83-х" от 25 мая 1927 г., которое было первоначально подписано 84, а не 83 оппозиционерами. К первоначально подписавшим присоединилось большое число других сторонников оппозиции. Текст документа см.: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923--1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications 1988, т. 3, с. 60-72.

Бланкизм -- политическое течение, связанное с именем Луи Огюста Бланки (1805--1881) -- французского социалиста, участника революций 1830 и 1848--1849 гг. Успех революции Бланки связывал с заговором тайной организации небольшой группы, которую, по его мнению, в решающий момент поддержали бы массы. Несколько незначительных выступлений бланкистов в Париже и других французских городах были легко разгромлены. Бланкисты были одной из основных политических сил в Парижской Коммуне 1871 г.

Муссолини Бенито (1883--1945) -- итальянский политический деятель. Начал свои выступления как социалист. В 1914 г. был исключен из социалистической партии за пропаганду шовинизма. В 1919 г. основал Национальную фашистскую

партию. В октябре 1922 г. организовал государственный переворот и захватил власть. Постепенно, к 1925--1926 гг. в Италии была установлена тоталитарная фашистская диктатура, носителем которой являлся Муссолини. Во второй половине 30-х годов вступил в союз с гитлеровской Германией, участвовал в развязывании агрессии и во второй мировой войне на стороне Германии. В 1943 г. в результате государственного переворота был лишён власти, арестован, но освобождён немецкими диверсантами, вывезен в Германию, а затем перевезён в северную Италию, где основал марионеточную так называемую Республику Сало. Был захвачен партизанами и казнён в апреле 1945 г.

180. Романов Михаил Александрович (1878--1918) -- великий князь, родной брат последнего русского царя Николая II. Отрёкшись от престола 2 (15) марта 1917 г., Николай II передал престол Михаилу, который отказался его принять. В результате в России был установлен республиканский режим. После Октябрьского переворота 1917 г. М. А. Романов был сослан и вскоре убит большевиками.

Речь идёт о Международной федерации профсоюзов (Амстердамском Интернационале), созданном в 1919 г. на конгрессе в Амстердаме (Нидерланды). Федерация объединяла национальные профсоюзные объединения, стоявшие на позициях конструктивной защиты интересов трудящихся путём реформ и уступок предпринимателей и властей. Была распущена в 1945 г. в связи с попыткой создания универсального мирового профобъединения -- Всемирной федерации профсоюзов, которая в 1947 г. раскололась.

Кун Бела (1886--1939) -- деятель венгерского социалистического, а затем коммунистического движения. Социал-демократ с 1902 г. Служил в австро-венгерской армии во время первой мировой войны. Попал в русский плен, где присоединился к большевикам. После мировой войны возвратился в Венгрию. Был членом правительства Венгерской Советской республики 1919 г. Затем находился в эмиграции в СССР. Участвовал в деятельности Коминтерна, был членом Президиума Исполкома Коминтерна. Нелегально находился на родине, где в 1928 г. был арестован, но освобождён и возвратился в СССР. Пал жертвой "большого террора". Был арестован в 1937 г. По одним данным расстрелян, по другим умер в заключении.

Речь идёт о Лейбористской партии Великобритании, основанной в 1900 г. под названием Комитет рабочего представительства и с 1906 г. носящей современное название. Наряду с индивидуальным, в партии существует коллективное членство (профсоюзы, кооперативы и др.), что обеспечивает ей массовость. В 1924 г. лейбористы впервые пришли к власти (правительство Р. Макдональда) и с этого времени являются одной из двух (наряду с консерваторами) основных политических партий Великобритании.

184. Должно быть исходит от Зиновьева. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

Вуйович Войя (Воислав) (1897--1936) -- сербский коммунист, генеральный секретарь Коммунистического Интернационала молодежи в 1921--1926 гг., член Президиума Исполкома Коминтерна. Поддержал объединенную оппозицию в ВКП(б) в 1926 г. и проводил активную агитацию в ее пользу. В 1926 г. снят с руководящих постов, а в сентябре 1927 г. исключен из Коминтерна и КИМа. В 1928 г. сослан в Верхнеуральск, но после раскаяния восстановлен в партии. Работал в Балканском секретариате Коминтерна. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

По-видимому, автор -- Зиновьев. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

187. Имеются в виду лидеры российских меньшевиков Либери Дан. Либери Михаил Исаакович (настоящая фамилия Гольдман) (1880--1937) -- один из лидеров Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (Бунда) и меньшевистского течения в российском социал-демократическом движении, участником которого был с 1898 г. Член ЦК РСДРП в 1907-1912 гг. В 1917 г. член

Исполкома Петроградского совета и ВЦИК. Октябрьский переворот встретил враждебно. От политической деятельности отошел, но был расстрелян во время "большого террора". О Дане см. примеч. 61.

188. Евдокимов Григорий Еремеевич (1884--1936) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал руководящие посты в Петрограде. Был единственным выступающим на похоронах Ленина на Красной площади 27 января 1924 г., как полагают, благодаря своему привычному голосу. В 1925 г. являлся секретарем Петроградского комитета РКП(б). Участвовал в объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан. После раскаяния восстановлен в партии и возвращен из ссылки. В декабре 1934 г. арестован по обвинению в соучастии в убийстве Кирова. Был подсудимым на судебном фарсе по делу "троцкистско-зиновьевского центра" в 1936 г., приговорен к смертной казни и расстрелян.

Видимо, автор -- Зиновьев. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

"Вечерняя газета" -- имеется в виду "Вечерняя Москва", ежедневная газета, основанная в декабре 1923 г. в качестве органа Московского горкома большевистской партии и Моссовета.

"Рабочая газета" -- ежедневная газета, орган ЦК РКП(б) (ВКП(б)). Выходила в 1922--1932 гг. В первые месяцы своего существования издавалась под названием "Рабочий" (март--июнь 1922 г.).

"Беднота" -- ежедневная газета, выходившая в Москве в 1918-1931 гг. Орган ЦК РКП(б) (ВКП(б)). Газета была предназначена в основном для крестьян. С 1 февраля 1931 г. вошла в газету "Социалистическое земледелие".

"Труд" -- ежедневная газета, центральный орган ВЦСПС. Выходит с 1921 г. в Москве. После распада СССР продолжает выходить в качестве общероссийской

профсоюзной газеты.

Речь идет о Гоминьдане.

Айхенвальд -- советский "красный профессор". Член так называемой "бухаринской школы". После снятия Бухарина с ответственных постов был отправлен на работу в провинцию. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Речь идет о Сун Цинлин (1890--1981) -- китайской общественной деятельнице, второй жене Сунь Ятсена. После смерти мужа занимала посты в правительстве Гоминьдана. Когда Чан Кайши порвал с коммунистами, эмигрировала в Москву. В 1937 г. возвратилась в Китай. Присоединилась к компартии. Использовалась коммунистическими руководителями для того, чтобы продемонстрировать преемственность с деятельностью и политическими установками Сунь Ятсена. В 1954--1959 и с 1975 г. была заместителем председателя Все-китайского собрания народных представителей, в 1959--1975 гг. -- заместителем председателя Китайской Народной Республики.

197. Зиновьев. Поправки к резолюции одного из пленумов ЦК 1927 г. Более точную дату можно установить по резолюциям пленумов. [Прим. Л. Троцкого]. Сокращения и поправки в тексте Зиновьева, сделанные Троцким, взяты в квадратные скобки.

Речь идет об объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля -- 9 августа 1927 г. С докладом о нарушениях партийной дисциплины Троцким и Зиновьевым выступил Г. К. Орджоникидзе. Пленум потребовал отказа оппозиции от ее взглядов, роспуска фракции. Оппозиционерам был поставлен ряд вопросов, от ответов на которые зависели решения пленума, в частности связанные с инспирированными предложениями об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. 8 августа пленуму было передано заявление 13 деятелей оппозиции, носившее примирительный характер. Пленум принял решение о созыве XV съезда ВКП(б). После пленума массированная кампания против оппозиции вступила в завершающий этап.

21 условие приема в Коминтерн -- документ, написанный Г. Е. Зиновьевым и позже приписанный В. И. Ленину (последний действительно редактировал и дополнял текст). "Условия" были утверждены II конгрессом Коминтерна в качестве барьера, преграждавшего допуск в Интернационал партиям, не желавшим беспрекословно выполнять указания большевистского руководства. В числе "условий" были требования разрыва компартий с реформизмом и центризмом, безоговорочной поддержки советской России, введения "демократического" централизма как организационной основы, установления жесткой дисциплины. Коминтерн рассматривался как всемирная компартия. Каждая партия должна была принять название: коммунистическая партия (такой-то страны), секция Коммунистического Интернационала.

Гильфердинг Рудольф (1877--1941) -- деятель германской

со-циал-демократии и международного социалистического движения, экономист. Автор книги "Финансовый капитал" (1910), в которой со-держался анализ новой стадии развития капитализма.

В июле 1927 г. в венском уголовном суде состоялся процесс по делу членов правой военно-политической организации Хаймвер, обвиняемых в нападении на рабочую демонстрацию и убийстве двух ее участников. Подсудимые были оправданы. В ответ 15 июля в Вене состоялась массовая демонстрация. Попытка полиции применить оружие вызвала уличные столкновения, которые только при боль-шом воображении можно было бы назвать "рабочим восстанием". Имелось некоторое количество жертв с обеих сторон, которое ком-мунисты резко преувеличивали. Всеобщая забастовка, к которой призвала социал-демократическая партия, ограничивалась одним сутками. По существу, 15 июля имели место рабочие волнения.

"Нью-Йорк Таймс" -- ежедневная газета США, основанная в 1851 г. Выходит по настоящее время. "Арбайтерцайтунг" -- еже-дневная газета социал-демократической партии Австрии.

Урбанс Гуго (1890--1946) --участник социал-демократическо-го и коммунистического движения в Германии. В 1917--1920 гг. был членом Независимой социал-демократической партии, с 1920 г. ком-мунист. Один из руководителей коммунистического восстания в Гам-бурге в октябре 1923 г. В 1925 г. подверг резкой критике руководство компартии. В марте 1926 г. был исключен из партии. Через два года совместно с Р. Фишер и А. Масловым основал организацию Ленин-бунд, вначале поддерживавшую оппозицию в ВКП(б). В 1929 г. по-рвал с Троцким. В 1933 г. эмигрировал. Умер в Швеции.

Речь идет о прекращении контактов большевиков во главе с Ле-ниным с Международным социалистическим бюро -- информационно-координационным органом II Интернационала после того, как боль-шинство партий Интернационала высказалось за поддержку своих правительств в мировой войне. Ленин объявил эти партии "социал-шо-винистскими", предательскими, а II Интернационал распавшимся.

Речь идет о "ноте предупреждения", направленной прави-тельству СССР 23 февраля 1927 г. Нота содержала обвинения в анти-британской пропаганде и угрозы разрыва дипломатических отноше-ний и расторжения торгового соглашения.

Закон о конфликтах в промышленности и о профсоюзах был принят парламентом Великобритании в 1927 г. Закон запрещал всеоб-щие стачки, забастовки с целью оказания давления на правительство, забастовки служащих правительственных учреждений, пикетирова-ние. Профсоюзам запрещался сбор средств на политические цели.

Речь идет о разрыве дипломатических отношений, последо-вавшем 27 мая 1927 г.

Войков Петр Лазаревич (настоящие имя и фамилия Пинкус Вайнер)

(1888--1927) --деятель российского социал-демократическо-го движения с 1903 г., меньшевик. В 1917 г. вступил в большевистскую партию. В 1918 г. был комиссаром по снабжению Уральского округа в Екатеринбурге и непосредственно участвовал в организации убийства бывшего царя Николая II и его семьи. С 1924 г. полпред СССР в Польше. Был убит белоэмигрантом в Варшаве.

Написано, видимо, Зиновьевым и мною. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

210. Маслов (настоящая фамилия Череминский) Аркадий (1891--1941) -- деятель германского коммунистического движения русского происхождения. Участник Ноябрьской революции 1918 г. Член компартии с 1919 г. В 1921 г. стал одним из руководителей ле-вой оппозиции в партии совместно с Р. Фишер и Э. Тельманом. В 1924 г. был избран в ЦК и политбюро. В 1926 г. был исключен из партии по требованию Исполкома Коминтерна за поддержку

взглядов Троцкого и других оппозиционеров в ВКП(б). В 1928 г. участвовал в основании Ленинбунда. В 1933 г. эмигрировал во Францию. В 1940-1941 гг. жил на Кубе.

Фишер Рут (урожденная Элфрид Эйслер) (1895--1961) -- деятельница германского коммунистического движения. В ноябре 1918 г. участвовала в организации компартии Австрии. В 1919 г. переехала в Германию и стала членом германской компартии. В 1923 г. стала членом ее ЦК, а в 1924 г. фактически возглавила партию. В сентябре 1925 г. была подвергнута критике вместе с А. Масловым со стороны Коминтерна за "левый уклон". В августе 1926 г. была исключена из компартии. Вместе с Масловым и Урбансом в 1928 г. основала левую коммунистическую организацию Ленинбунд. В 1933 г. эмигрировала во Францию. В 1935 г. присоединилась к Международному секретариату коммунистической лиги, поддерживавшему Троцкого, но через год покинула его. В 1941 г. эмигрировала в США. Опубликовала здесь книгу "Сталин и германский коммунизм" (1948). Вскоре после этого возвратилась в Европу. Жила во Франции и ФРГ. Написала несколько критических книг о СССР и Китае.

"Митгайлунгсблатт" -- выходивший в 1926 г. без определенной периодичности лист, а затем журнал группы Р. Фишер, А. Маслова и Г. Урбанса. Издавался в Берлине до мая 1927 г. Подвергал острой критике руководство компартии Германии. Издателем был Г. Урбанс. Преемником стала газета "Ди Фане дес Коммунизмус".

"Ди Фане дес Коммунизмус" -- еженедельная газета, выпускавшаяся в Берлине группой Р. Фишер, А. Маслова и Г. Урбанса. Издавалась Урбансом с июня 1927 по январь 1933 г. Была запрещена после прихода к власти нацистов.

Кац Иван -- германский политический деятель. В начале 20-х годов коммунист. Затем порвал с компартией. Занимал антикоммунистические и антисоветские позиции. Дальнейшая судьба неизвестна.

Корш Карл (1886--1961) -- германский политический деятель. Член Независимой социал-демократической партии в 1919 г., с 1920 г. коммунист. Министр образования коалиционного правительства в Тюрингии осенью 1923 г. Выступил против рабского следования компартии директивам Москвы. В 1925 г. порвал с коммунистическим движением. В 1926 г. в качестве депутата рейхстага выступил про-тив советско-германского торгового договора. После 1928 г. отошел от политической деятельности. В 1933 г. эмигрировал. С 1936 г. жил в США. Был профессором философии ряда университетов.

Шварц -- германский политический деятель. В начале 20-х годов коммунист. Затем порвал с компартией. Выступал с резкой критикой коммунистического движения, внутренней и внешней политики СССР. Дальнейшая судьба неизвестна.

Эберт Фридрих (1871--1925) -- германский политический деятель, социал-демократ. В 1918--1919 гг. сопредседатель, затем глава правительства (Совета народных уполномоченных), с 1919 г. президент Германии.

Розенберг Артур (1889--1943) -- германский политический деятель, историк и археолог. В 1919 г. вступил в компартию. Один из теоретиков левого крыла партии. С 1924 г. член ЦК, с 1925 г. член Ис-полкома Коминтерна. В 1927 г. порвал с коммунистическим движением. Написал ряд трудов по истории большевизма и Веймарской республики. В 1933 г. эмигрировал в США.

Гамбургское восстание -- вооруженное выступление 23--25 октября 1923 г. под руководством Г. Урбанса и Э. Тельмана. Выступление должно было стать составной частью общегерманского восстания, намеченного коммунистами. Однако руководители компартии Брандлер и Тальгеймер в последний момент отменили восстание. Гамбург оказался в изоляции и выступление было легко подавлено.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879--1938) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1900 г. В 1919 г. был наркомом по военным делам Литовско-Белорусской советской республики. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК, затем ГПУ. С 1923 г. член, в 1925--1930 гг. заместитель председателя Реввоенсовета СССР и одновременно заместитель наркома по военным и морским делам. В 1933--1935 гг. начальник Главного управления Гражданского воздушного флота СССР. С 1935 г. секретарь Союзного совета ЦИК СССР. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Пятницкий (настоящая фамилия Таршис) Иосиф Аронович (1882--1939) -- советский партийный деятель. Социал-демократ с 1901 г. Участвовал в революционных событиях 1905 г. в Одессе. Член Боевого центра большевиков в Москве в октябре 1917 г. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна, в 1923--1928 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. В 1935--1936 гг. был заведующим политико-административным отделом ЦК ВКП(б). На пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1937 г. выступил против массового террора, про-тив чрезвычайных полномочий, предоставленных НКВД. Вслед за этим был арестован по обвинению в

"предательстве и шпионаже". Во время следствия вел себя мужественно, отказался дать "призна-тельные" показания. Умер в тюрьме.

Тельман Эрнст (1886--1944) -- германский коммунистический деятель. В 1903--1917 гг. член социал-демократической партии, в 1917--1920 гг. -- Независимой социал-демократической партии, с 1920 г. коммунист. Один из организаторов попытки коммунистического восстания в Гамбурге в октябре 1923 г. В 1924--1943 гг. канди-дат, затем член Исполкома Коминтерна, член его Президиума. С 1925 г. председатель компартии Германии. Один из виднейших ставленников Сталина в европейском коммунистическом движении. Л. Д. Троцкий писал в 1929 г., что для Тельмана "даже окрика не нужно: достаточно движения пальцем" (см.: Фельштинский Ю. Г. Разговоры

с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., изд-во гуманитарной литературы, 1993, с. 42). В 1933 г. Тельман был арестован гитлеровцами. В августе 1944 г. убит в концлагере Бухенвальд.

Брандлер Генрих (1881--1967) -- деятель германского социал-демократического и коммунистического движения, член социал-де-мократической партии с 1901 г. Был близок с К. Либкнехтом. Во время первой мировой войны присоединился к группе "Спартак". В 1916 г. был исключен из социал-демократической партии. Участво-вал в Циммервальдской конференции 1915 г. Присоединился к ком-партии в момент ее основания на рубеже 1918--1919 гг. С 1919 г. член ЦК. В 1921 г. стал председателем компартии. С 1922 г. был членом Президиума Исполкома Коминтерна. В 1923 г. возглавил подготовку коммунистического вооруженного выступления в общегерманском масштабе. Был министром коалиционного правительства в Саксо-нии. После провала коммунистического путча был по требованию Коминтерна снят с руководящих постов, но в апреле 1924 г. вновь из-бран в ЦК. В марте 1925 г. опять был лишен постов в партии. Уехал в Москву, где работал в центральном аппарате Коминтерна. В марте 1927 г. возвратился в Германию, где вместе с Тальгеймером организо-вал оппозиционную фракцию в компартии. В начале 1929 г. исклю-чен из партии. Руководил группой исключенных коммунистов. В 1933 г. эмигрировал во Францию, в 1940 г. на Кубу. В 1948 г. возвратился в Западную Германию. Жил в Гамбурге.

Имеется в виду июльско-августовский пленум ЦК ВКП(б).

225. Слепков Александр Николаевич (1899--1937) -- участник так называемой "бухаринской школы", публицист и историк. В 1921--1924 гг. был студентом исторического отделения Института красной профессуры. В 1924--1928 гг. член редколлегии журнала "Больше-вик", затем член редколлегии газеты "Правда". Работал также в аппа-рате Коминтерна. В 1932 г. вместе с М. Н. Рютиным и другими партий-ными деятелями организовал подпольную антисталинскую группу. Был арестован и сослан. Расстрелян во время "большого

террора".

Гольденберг З. -- член так называемой "бухаринской школы".

Петровский Д. (настоящие имя и фамилия Макс Гольдфарб, имел также псевдоним А. Д. Веннет) -- деятель российского социал-демократического и коммунистического движения. Был членом Бунда и меньшевистских организаций. Перед первой мировой войной эмигрировал в США, издавал социалистическую газету "Дейли Форвард". В 1917 г. прибыл в Стокгольм в качестве американского представителя на международную социалистическую конференцию. В конце 1917 г. возвратился в Россию, вступил в РКП(б), участвовал в гражданской войне. В начале 20-х годов работал в Коминтерне, где специализировался по британским проблемам. Работал представителем Коминтерна при компартии Великобритании. В 1924 г. воз-

вратился в СССР. Продолжал работать в аппарате Коминтерна. Был арестован и расстрелян во время "большого террора".

Заявление тринадцати деятелей оппозиции было внесено на июльско-августовский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1927 г. в ответ на три вопроса, поставленных пленумом оппозиции: о "защите социалистического отечества", положении в германском коммунистическом движении и создании "второй партии". По форме заявление было примирительным, но сохраняло основные элементы оппозиционной политической концепции. Текст документа см.: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications, 1988, т. 4, с. 68-69.

Публикуется последняя, двенадцатая глава "Проекта платформы большевиков-ленинцев (оппозиции)". Предыдущие главы были опубликованы в издании "Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 109-174. Эта глава не была включена в издание, так как в экземпляре обгоревшей рукописи, хранящейся в Архиве Троцкого (Хогтонская библиотека Гарвардского университета) отсутствовала. Настоящий текст публикуется по машинописной копии, хранящейся в коллекции Б. И. Николаевского в Гуверовском институте (Стенфорд, США).

Раковский (настоящая фамилия Станчев) Крыстю (Христиан Георгиевич) (1873--1941) -- болгарский и румынский политический деятель, социалист, советский партийный и государственный деятель. Участвовал в европейском социалистическом движении с 1900 г. С 1903 г. жил в Румынии, был одним из руководителей социал-демократической партии. С 1917 г. жил в России. В 1918 г. вел дипломатические переговоры с Румынией и Украиной по поручению правительства Ленина. В 1919--1923 гг. был председателем Совнаркома Украинской ССР. В 1923--1927 гг. заместитель наркома иностранных дел и полпред СССР в Великобритании, а затем во Франции. В 1927 г. активно включился в деятельность объединенной оппозиции в ВКП(б). Был исключен из партии в декабре 1927 г. на XV съезде, в январе 1928 г. сослан в Астрахань, затем в Саратов и, наконец, в Барнаул. Являлся наиболее стойким оппозиционером. Лишь в 1934 г. выступил с покаянным заявлением,

возвращен в Москву вновь принят в ВКП(б). Работал начальником управления научных учреждений Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. В 1937 г. арестован и на судебном фарсе по делу "правотроцкистско-го блока" приговорен к 20 годам заключения. В сентябре 1941 г. расстрелян в Орловской тюрьме.

Петерсон Альберт Давидович (1895--1941) --участник социал-демократического движения в России. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал командные посты в Красной армии. В середине 20-х годов был членом ЦКК ВКП(б). Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии, а затем со-

слан. После покаянного заявления был восстановлен в ВКП(б). В 1932--1935 гг. работал в советском полпредстве в Германии, в 1936--1937 гг. -- в наркомате химической промышленности. В 1937 г. арестован. Умер в заключении.

Бакаев Иван Петрович (1887--1936) -- участник социал-демократического движения в России с 1905 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в советском аппарате. В начале 20-х годов был председателем Чрезвычайной комиссии в Петрограде. Участвовал в "новой оппозиции" 1925 г. и объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из партии в декабре 1927 г. В начале 1928 г. сослан. После покаяния был восстановлен в партии. В декабре 1934 г. был арестован по обвинению в участии в подготовке убийства Кирова. Был в числе подсудимых на судебном фарсе по делу "троцкистско-зиновьевского центра" в августе 1936 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Соловьев Василий Иванович (1890--1939) -- участник социал-демократического движения в России с 1913 г., большевик. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные партийные посты в Москве. Участвовал в объединенной оппозиции. Был исключен из ВКП(б) и сослан, но почти сразу раскаялся и был возвращен в Москву. Работал директором Государственной книжной палаты. Арестован во время "большого террора". Умер в тюрьме.

Лиздин -- участник социал-демократического движения в России с 1892 г., позже большевик. В середине 20-х годов был членом ЦКК ВКП(б). Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Дальнейшая судьба неизвестна.

Термин "термидорианство" происходит от термидорианского переворота (9 термидора Второго года республики, или 27 июля 1794 г.), свергнувшего якобинскую диктатуру во Франции. Термин применялся Л. Д. Троцким и другими лидерами объединенной оппозиции в качестве хлесткого определения перерождения сталинского руководства ВКП(б). Это сравнение было исторически и политически некорректным, не соответствовало реалиям ни Франции, ни СССР. Сам Троцкий, ощущая неточность определения, разъяснял, что никто не говорит "о тождественности процесса" (Российский государственный архив

социально-политической истории, ф. 325, оп. 1, ед. хр. 372, л. 3).

XI съезд РКП(б) состоялся в Москве 27 марта -- 2 апреля 1922 г. На съезде рассматривались вопросы, связанные с нэпом, при чем Ленин выдвигал требование наступления на капиталистические элементы. Из партии были исключены лидеры "рабочей оппозиции" А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай, С. П. Медведев и др., выступавшие против бюрократических методов управления, за расширение роли профсоюзов и демократизацию управления экономикой. Позже они были восстановлены в партии.

237. Сталин и его подголоски выдвигали в качестве одного из основных обвинений по адресу лидеров объединенной оппозиции их попытку создания второй, естественно нелегальной, партии в СССР. Эти обвинения Троцкий и другие оппозиционные лидеры решительно отвергали, и они, эти обвинения, по всей видимости, были мифом. В борьбе против сталинщины оппозиционеры, не выходявшие за рамки большевистской партийности, в отличие от Сталина, остановились на пол-пути, что было одной из причин краха оппозиции.

Енукидзе Амель Сафронович (псевдонимы: Золотая рыбка, Абдул) (1877--1937) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК, в 1922-1935 гг. секретарь Президиума ЦИК СССР. С 1924 г. член ЦКК, с 1934 г. член ЦК ВКП(б). Был личным другом семьи Сталина, крестным отцом его второй жены Надежды Аллилуевой. Попав в немилость в середине 30-х годов за помощь, которую он оказывал политзаключенным и ссыльным, был обвинен в связях с "врагами народа" и бытовом разложении. Был расстрелян во время "большого террора".

Федоров Г. Ф. -- участник социал-демократического движения в России с 1907 г. Был членом объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. После покаянного заявления восстановлен в партии. Был арестован в декабре 1934 г. по обвинению в участии в организации убийства Кирова. Расстрелян во время "большого террора".

Залуцкий Петр Антонович (1887--1937) -- участник революционного движения в России, в 1904--1905 гг. эсер, с 1907 г. социал-демократ, с 1911 г. большевик. Во время гражданской войны занимал командные посты в Красной армии на различных фронтах, затем был на хозяйственной работе. Участвовал в "новой оппозиции" 1925 г., а затем в объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Был исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г., а затем сослан. После покаянного заявления был возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В декабре 1934 г. был арестован по обвинению в участии в подготовке убийства Кирова. Умер в концлагере.

В этот же день, 12 сентября 1927 г., Л. Д. Троцкий написал записку участнику оппозиции Б. В. Эльцину с аналогичной просьбой -- выяснить действительную роль А. С. Енукидзе в событиях 1917 г. (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 176-177).

242. Мой секретарь. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого]. Познанский И. М.

(1898--1938) -- секретарь Л. Д. Троцкого. Один

из организаторов кавалерийских частей Красной армии в годы гражданской войны. Был исключен из ВКП(б) в конце 1927 г. После высылки Троцкого в Алма-Ату в январе 1928 г. выехал вслед за ним. В Алма-Ате был арестован, возвращен в Москву и отправлен в ссылку в Котлас. Просьба Троцкого о разрешении Познанскому выехать вместе с ним в эмиграцию была отклонена. Расстрелян во время "большого террора" в Воркуте.

Секретарь Зиновьева. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

Написано главным образом Зиновьевым; отдельные части, видимо, мною. Л. Тр. [Приписка Л. Троцкого].

Лашевич Михаил Михайлович (1884--1928) -- советский пар-тийный и военный деятель. Участник социал-демократического дви-жения с 1901 г. С 1918 г. на руководящей работе в Красной армии. В 1925--1926 гг. заместитель наркома по военным и морским делам, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, затем заместитель начальника Китайско-Восточной железной дороги. Был участником объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Выступил с докладом на не-легальном собрании, организованном в лесу под Москвой членами оппозиции, что послужило поводом массированной травли в прессе. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. В мае 1927 г. попал в автомо-бильную катастрофу в Маньчжурии, после неудачной операции умер в Харбине.

Серебряков Леонид Петрович (1890--1937) -- участник соци-ал-демократического движения в России. Неоднократно подвергался арестам. В 1918--1919 гг. член президиума Московского совета, се-кретарь партийного комитета Московской области. В 1920--1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1922 г. заместитель наркома путей сообще-ния. Позже занимал ряд других постов в хозяйственной администра-ции. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В августе 1927 г. исключен из ВКП(б) по обвинению в организации нелегаль-ной типографии, в январе 1928 г. сослан. После покаянного заявле-ния был восстановлен в партии в 1930 г. С 1931 г. начальник цент-рального управления шоссейных дорог и автотранспорта СССР. Арестован в 1936 г. по обвинению в связи с "троцкистским центром", был подсудимым на процессе по делу "параллельного троцкистского центра" в январе 1937 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Глебов-Авилов Николай Павлович (псевдонимы Глеб, Н. Гле-бов) (1887--1942) -- советский государственный деятель. Социал-де-мократ с 1904 г. Неоднократно подвергался арестам. Был наркомом почты и телеграфа непосредственно после Октябрьского переворо-та 1917 г., в 1918 г. комиссаром Черноморского флота. С 1923 г. пред-седатель Петроградского совета профсоюзов. Участвовал в "новой оппозиции" 1925 г. С 1928 г. начальник строительства, а затем дирек-тор завода "Ростсельмаш". Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Крестинский Николай Николаевич (1883--1938) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. В 1918-1921 гг. нарком финансов РСФСР. В 1919-1921 гг. член полит-бюро и секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. на дипломатической работе. Был полпредом в Германии. В 1930--1937 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. В 20-е годы был близок с Троцким, но в оппозиционном движении не участвовал. Один из обвиняемых на провокационном судебном процессе по делу "правотроцкистского блока" в 1938 г. Был единственным из подсудимых, попытавшихся опровергнуть нелепые обвинения. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883--1938) -- советский политический деятель. Член большевистской партии с 1917 г. Секретарь Петроградского военно-революционного комитета во время Октябрьского переворота. Один из руководителей Красной армии во время гражданской войны. С 1924 г. на дипломатической работе (полпред в Чехословакии, Литве, Польше). В 1934-1936 гг. прокурор РСФСР. В 1936-1937 гг. генеральный кон-сул СССР в Барселоне (Испания). В 1937 г. нарком юстиции СССР. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Копп Виктор Леонтьевич (1880--1930) -- участник социал-демократического движения в России с 1901 г. Выступал за примирение большевиков и меньшевиков, сотрудничал с Троцким, был редактором его газеты "Правда", выходившей в Вене. В 1918 г. работал в советском полпредстве в Берлине, в 1919--1920 гг. находился в Германии с официальными поручениями Наркоминдела РСФСР, затем работал в штате НКВД. В 1925--1927 гг. был полпредом в Японии, затем в Швеции.

Аусеем Владимир Христианович (1879--1937) -- участник социал-демократического движения на Украине, меньшевик. Член большевистской партии с 1917 г. Был наркомом финансов Народно-го секретариата -- первого советского правительства Украины. Позже находился на дипломатической работе, в 1921--1925 гг. полномочный представитель Украинской ССР в Германии. В 1925--1927 гг. председатель Высшего совета народного хозяйства Украины. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и сослан. Позже освобожден, но продолжал подвергаться репрессиям. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Мдивани Поликарп Гургенович (1877--1937) -- участник социал-демократического движения в России с начала XX в. Вел революционную пропаганду в Закавказье. Многократно подвергался заключению. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в Красной армии. В 1921 г. председатель грузинского революционного комитета, затем председатель Совнаркома Грузии (до 1923 г.). Выступал против сталинского плана включения советских республик в состав СССР. Участвовал в оппозиции 1923 г. В 1923--1928 гг. торговый представитель СССР во Франции. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии и сослан. В 1931 г. после покаянного заявления восстановлен в ВКП(б). Занимал государственные посты в Грузинской ССР. В 1936 г. арестован, обвинен

в подготовке убийства Сталина. Расстрелян в июле 1937 г. Сохранилось свидетельство, что когда его вели

на расстрел, он воскликнул: "Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном наступила очередь Робеспьера".

Сведений об участнике объединенной оппозиции Канатчикове, находившемся в 1927 г. на дипломатической работе в Праге, обнаружить не удалось.

Чичерин Георгий Васильевич (1872--1936) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г., меньшевик, один из лидеров меньшевистского течения. С 1918 г. в большевистской партии. В 1918--1930 гг. нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР.

255. Речь идет об июльско-августовском пленуме ЦК и ЦККВКП(б) 1927 г.

Версальский мирный договор был подписан 28 июня 1919 г. на Парижской мирной конференции между державами, победившими в первой мировой войне (Великобритания, Франция, Италия, США, Япония и др.) и побежденной Германией. По договору Франция, Бельгия и Польша получили территории, принадлежавшие Германии; по течению реки Рейн создавалась демилитаризованная зона; германские колонии объявлялись подмандатными территориями Лиги Наций; сухопутная армия Германии, ограниченная 100 тыс. человек, могла быть только добровольной; Германию обязали заплатить репарации, сумма которых в договоре определена не была (они были установлены позже). Версальский договор фактически прекратил действие после прихода к власти в Германии нацистов в 1933 г.

Шмераль Богумир (1880--1941) -- деятель социалистического коммунистического движения Чехословакии. В 1914--1917 гг. председатель Чехословацкой социал-демократической партии. В 1921--1929 гг. и с 1936 г. член ЦК компартии Чехословакии. В 1922--1935 гг. член Исполкома Коминтерна и его Президиума. С 1938 г. проживал в Москве, входил в состав эмигрантского руководства компартии Чехословакии.

Мейер Эрнст (1887--1930) -- деятель социал-демократического и коммунистического движения Германии, экономист и философ. Работал в редакции центральной социал-демократической газеты "Форвертс", с 1913 г. был ее политическим редактором. Во время первой мировой войны участвовал в создании группы "Спартак", в Циммервальдской и Кинтальной международных конференциях социалистов. В 1918 г. работал в советском полпредстве в Берлине. Член ЦК компартии Германии в 1919-1923, 1927-1928 гг. Был членом политбюро ЦК. В 1928 г. выступил против Тельмана. В 1929 г. был снят со всех партийных постов.

Фрисланд -- в начале 20-х годов деятель германского коммунистического движения. Позже перешел в социал-демократическую партию. Других сведений обнаружить не удалось.

Ратенау Вальтер (1867--1922) -- германский промышленник, финансист и политический деятель. С 1915 г. председатель Всеобщей компании электричества. В 1922 г. министр иностранных дел. Убит членом террористической правошовинистической организации "Консул".

Имеется в виду группа Р. Фишер, А. Маслова и Г. Урбанса.

Под катастрофой германского рабочего движения имелось в виду поведение социал-демократической партии Германии в начале первой мировой войны. 4 августа 1914 г. социал-демократическая фракция германского рейхстага голосовала за предоставление правительству средств на ведение войны. Одновременно руководство партии выступило с призывом к гражданскому миру на период войны. Большевики во главе с Лениным и другие левые социал-демократы квалифицировали эти акции как "предательство дела рабочего класса" и "социал-шовинизм".

Леви Пауль (1883--1930) -- деятель германского социал-демократического и коммунистического движения, адвокат. Во время первой мировой войны стал членом группы "Спартак". Один из основателей компартии Германии (рубеж 1918--1919 гг.) После убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта в январе, а затем Л. Тышков в марте 1919 г. возглавил компартию. В феврале 1921 г. в связи с разногласиями с Москвой покинул свой пост, а в апреле того же года был исключен из партии. Основал диссидентскую коммунистическую группу, но вскоре присоединился к Независимой социал-демократической партии, а с 1923 г. вновь был социал-демократом. Редактировал левый социал-демократический журнал "Дер Классенкамф". Покончил самоубийством во время лечения в больнице.

Партия независимых, точнее, Независимая социал-демократическая партия Германии была образована в апреле 1917 г. на базисе левого крыла социал-демократической партии. В декабре 1920 г. произошло ее слияние с компартией. Часть деятелей "независимой" партии во главе с Г. Гаазе и К. Каутским в 1922 г. возвратилась в социал-демократическую партию, после чего "независимая" партия перестала существовать.

Сведений о деятеле компартии Франции Марионе обнаружить не удалось.

Фросар Луи-Оскар (1889--1946) -- деятель французского социалистического и коммунистического движения. Член социалистической партии с 1905 г. Во время первой мировой войны стоял на центристско-пацифистских позициях. В 1920 г. поддержал коммунистическое крыло и после образования компартии стал ее генеральным секретарем (до 1923 г.) В 1921 г. подверг критике позицию Коминтерна, в частности по вопросу о тактике единого фронта. В январе 1923 г. вышел из компартии. Пытался сформировать альтернативную коммунистическую организацию, но вскоре отказался от этого и возвра-

тился в социалистическую партию. Избирался депутатом парламента. С середины 30-х годов занимал министерские посты. После оккупации Франции

Германией занимался журналистской деятельностью. Когда Франция была освобождена, был привлечен к суду как коллаборационист, но оправдан. Опубликовал книги "От Жореса до Ленина" (1930) и "Под сенью Жореса" (1943).

"Юманите" -- французская ежедневная газета, основанная в 1904 г. До 1920 г. была органом социалистической партии, затем органом компартии. Выходит по настоящее время.

Суварин (псевдоним Варин) Борис (1895--1984) -- деятель французского социалистического и коммунистического движения русского происхождения. Родился в Киеве, в детском возрасте вместе с родителями выехал во Францию. С 1916 г. социалистический журналист. В декабре 1920 г., находясь в заключении, присоединился к компартии и был избран членом ее руководства. В 1921 г., после освобождения, стал членом Президиума, а затем секретарем Исполкома Коминтерна. Однако в связи с тем, что он поддержал Троцкого, на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. был снят со всех постов, а затем исключен из партии. В 1925 г. образовал оппозиционную коммунистическую группу. Издавал журналы, в которых подвергал критике французскую компартию и Коминтерн. В 1929 г. порвал с Троцкими отказавшись от политической деятельности. В 1935 г. опубликовал книгу с критикой Сталина. В 1940 г. эмигрировал в США. В 1947 г. возвратился во Францию. Возобновил журналистскую деятельность. В своих журналах стремился самостоятельно анализировать ситуацию в международном социалистическом и коммунистическом движении. В 1968 г. прекратил журналистскую деятельность.

Галифе Гастон (1830--1909) -- французский генерал, один из командиров правительственной армии, разгромившей Парижскую коммуну 1871 г. В 1899--1900 гг. был военным министром.

Хайс Йозеф -- деятель компартии Чехословакии. Член ЦК партии в 1924--1929 гг., в эти же годы член политбюро. После того как V съезд компартии (февраль 1929 г.) осудил "уклоны" в ней, в состав ЦК не был избран. Дальнейшая судьба неизвестна.

Поллит Гарри (1890--1960) -- деятель британского коммунистического движения. В 1929--1956 гг. генеральный секретарь, с 1956 г. председатель компартии Великобритании. В 1922--1943 гг. член Исполкома Коминтерна. Один из наиболее верных проводников сталинской линии в международном коммунистическом движении.

272. Варский (настоящая фамилия Варшавский) Адольф (1868--1937) -- деятель польского социалистического и коммунистического движения. Один из основателей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (1893) и компартии Польши (1918). Был одним из руководителей компартии до 1929 г. После этого жил в СССР, работал в Институте Маркса-Энгельса-Ленина, написал и из-

дал ряд трудов по истории польского социалистического и коммунистического движения. Арестован во время "большого террора". По одним сведениям расстрелян, по другим умер в заключении.

Прухняк Эдвард (1888--1937) -- деятель польского социалистического и

коммунистического движения, член Социал-демократии Королевства Польского и Литвы с 1903 г. С 1918 г. член компартии Польши. В 1920 г. был членом Польского революционного комитета в Белостоке, ставившего целью советизировать Польшу после предполагаемой советской оккупации во время польско-советской войны. С 1921 г. член Исполкома Коминтерна. В 1926--1935 гг. член Президиума этого органа. Арестован и расстрелян в СССР во время "большого террора".

Ловстон Джей (1898--1974) (настоящие имя и фамилия Якоб Либштейн) -- деятель американского коммунистического движения. Родился в России (Литва), эмигрировал в США вместе с родителями в возрасте девяти лет. С 1917 г. участвовал в социалистическом движении. Был в числе основателей Коммунистической партии Америки в 1919 г. Работал редактором газеты "Комьюнист". С 1922 г. национальный секретарь компартии. В конце 20-х годов солидаризировался с Н. И. Бухариным и другими "правыми уклонистами" в ВКП(б). В 1929 г. был снят с постов, затем исключен из компартии в результате фракционной борьбы. Сформировал альтернативную компартию (с 1933 г. Независимая рабочая лига Америки, распущенная в 1940 г.). Затем, отказавшись от коммунистических взглядов, работал в руководстве Американской федерации труда, являлся советником руководителя АФТ Дж. Минни по иностранным делам.

Нин Андрес (1892--1937) -- деятель испанского и международного социалистического и коммунистического движения. Член социалистической партии с 1911 г. В 1920--1921 гг. был генеральным секретарем Национальной конфедерации труда Испании. С 1921 г. член Исполнительного бюро Профинтерна. Работал в Москве. С 1923 г. был членом РКП(б). В 1926 г. присоединился к объединенной оппозиции. В 1927 г. был исключен из партии. В 1930 г. эмигрировал из СССР. По возвращении в Испанию был заключен в тюрьму. После освобождения основал коммунистическую группу, тяготевшую к Троцкому, но позже вступил в конфликт с ним. В 1935 г. основал Рабочую партию марксистского объединения (ПОУМ) -- крайне левое крыло рабочего движения Испании, стоявшую на позициях решительной борьбы против сталинизма. Во время гражданской войны в Испании 1936--1939 гг. ПОУМ участвовала в народном фронте, но резко критиковала компартию и советских советников. В мае 1937 г. Нин был похищен агентами НКВД и убит.

Лозовский А. (настоящие фамилия, имя и отчество Дрицко Соломон Абрамович) (1878--1952) -- советский государственный и партийный деятель, активный участник международного коммуни-

стического движения. Социал-демократ с 1901 г., большевик. Позже отошел от большевиков, сотрудничал с Троцким. В 1917 г. опять стал большевиком. В 1921--1937 гг. генеральный секретарь Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна). После этого недолгое время был директором Госиздата. В

1939--1946 гг. заместитель наркома, затем министра иностранных дел СССР, возглавлял Советское информационное бюро. В 1947 г. смещен с государственных постов, некоторое время заведовал кафедрой истории международных отношений и внешней политики Высшей партийной школы и был ответственным редактором "Дипломатической энциклопедии". В январе 1949 г. был ложно обвинен в еврейском национализме, арестован, а затем на судебном фарсе по делу Еврейского антифашистского комитета (1952) приговорен к смертной казни вместе с рядом деятелей науки и культуры и расстрелян.

Трэн Альберт (псевдоним Бертрейнт) (1889--1971) -- деятель французского социалистического и коммунистического движения. Член социалистической партии с 1912 г. С 1920 г. член компартии. Был членом ее ЦК и политбюро ЦК. В 1926 г. заявил о поддержке оп-позиции в ВКП(б). В 1928 г. исключен из партии. В 30-е годы участвовал в группах, поддерживавших Л. Д. Троцкого. В 1932 г. порвалс Троцким, вступил в социалистическую партию. В конце 30-х годов отошел от политической деятельности. Работал учителем.

Речь идет о группе демократического централизма (децис-тах), существовавшей в РКП(б) в 1919--1921 гг. и вновь давшей о себе знать в составе объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Возглавляемые Т. В. Сапроновым, В. М. Смирновым, Н. Осинским (В. В. Оболенским), децисты выступали против бюрократических методов руководства партией, государством и экономикой, требовали децентрализации управления промышленностью, ослабления режима коммунистической диктатуры.

Дашковский И. К. -- участник социал-демократического движения в России, член большевистской партии с 1917 г. Участник группы демократического централизма в 1920--1921 гг. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Дальнейшая судьба неизвестна.

Речь идет о XV съезде ВКП(б), состоявшемся 2--19 декабря 1927 г. Съезд утвердил директивы по пятилетнему плану, принял резолюцию о работе в деревне. На съезде из партии были исключены активные деятели объединенной оппозиции. Съезд объявил принадлежность к "троцкизму" несовместимой с пребыванием в ВКП(б). Утверждения, сделанные задним числом сталинскими ставленниками о том, что это был "съезд коллективизации", не соответствуют истине. Поворот к насильственной коллективизации произошел позже, в 1928--1929 гг. Непосредственно после съезда, на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин выступил с фиктивной просьбой об отставке, которая, как и намечалось, была отвергнута. В результате был сделан но-

вый важный шаг к установлению единоличной террористической власти генсека.

281. Дискуссия о Брестском мире происходила в конце 1917 -- начале 1918 г. Сущность ее состояла в том, следует ли подписывать сепаратный мирный договор с Германией, переговоры по поводу которого велись с перерывами в г. Брест-Литовск (декабрь 1917 -- начало марта 1918 г.). Ленин и небольшая группа его сторонников, озабоченные более всего сохранением и укреплением своей власти, настаивали на подписании мира. Группа "левых

коммунистов" во главе с Бухариным, основательно полагая, что мир означает крах надежды на революцию в Европе, выступала против его подписания, за революционную войну. Осторожную позицию затягивания переговоров занимал Троцкий. На эту позицию в конце концов встал и Ленин. Троцкому "было очевидно, что советская власть не в состоянии вести революционную войну. В этом у него с Лениным не было разногласий. Он, однако, считал, что немцы не смогут наступать. В этом он с немцами расходился". Позиция Троцкого имела то преимущество, что большевики оставались "чисты перед рабочим классом всех стран" (Наше отечество: Опыт политической истории. М., Терра, 1991, т. 2, с. 20--21). Путем ряда тактических комбинаций Ленину удалось провести в ЦК, а затем на VII съезде партии и IV чрезвычайном съезде советов свои решения. Брестский мир был подписан 3 марта 1918 г., ратифицирован IV съездом советов 15 марта и денонсирован сначала Германией 5 октября, а после начала Ноябрьской революции в Германии 1918 г. и подписания Компьенского перемирия между Германией, с одной стороны, и западными державами, с другой, и Россией (13 ноября). "По иронии судьбы оказалось, что для победы революции в России нужно было принести в жертву возможную революцию в Германии, а для успеха революции в Германии, может быть, пожертвовать советской властью в России" (Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 - ноябрь 1918. М., Терра, 1992, с. 12). При этом, разумеется, имеется в виду революция в Германии советского, "социалистического" типа.

282. Дискуссия о профсоюзах происходила в РКП(б) в конце 1920 -- начале 1921 г. В ходе дискуссии выявились "рабочая оппозиция", группа демократического централизма (децисты), "буферная группа". Л. Д. Троцкий выступил с лозунгом "огосударствления" профсоюзов, который без должных оснований связывали с его предыдущими заявлениями о необходимости "завинчивания гаек военного коммунизма". Ленин занял внешне промежуточную позицию, но по существу был близок к взглядам Троцкого. Подготовка к X съезду РКП(б) велась на базе различных платформ. Рабочая оппозиция была единственной группой, предлагавшей немедленные меры по повышению жизненного уровня рабочих, хотя ее предложения

практически не были реализуемы. "Платформа десяти", написанная Я. Э. Рудзутаком и доработанная Лениным, была близка к позиции Троцкого, ибо предусматривала постепенное сращивание профсоюзов с государственным аппаратом. Ленин использовал дискуссию для того, чтобы на X съезде РКП(б) (март 1921 г.) провести резолюцию о единстве партии, запретившую образование фракций и предусматривавшую (в секретном пункте) кары в отношении тех руководителей, которые нарушают этот запрет. Резолюция ускорила окончательное превращение РКП(б) в носителя тоталитарной власти. По оценке Б. И. Николаевского, дискуссия была псевдонимом конца "большой борьбы

коммунистов-профсоюзников против планов Ленина и Троцкого превратить профсоюзы в органы диктатуры для наблюдения за рабочими" (Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., изд-во гуманитарной литературы, 1995, с. 116).

283. Дискуссия 1923 г. происходила в связи с тем, что 15 октября этого года 46 известных партийных деятелей (Е. А. Преображенский, Н. Н. Оболенский, Г. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков и др.), выступили с заявлением, в котором критиковали бюрократизацию партийного аппарата, его отрыв от рабочих масс и т. п. Выступления Л. Д. Троцкого, обратившегося с тремя письмами в ЦК РКП(б) в том же октябре 1923 г., где были поставлены вопросы о необходимости изменения партийного режима, омоложения партийных кадров, позволило высшему партийному аппарату, который постепенно брал под свой контроль Сталин, окрестить несогласных с официальной линией "троцкистами", хотя авторы заявления непосредственно с Троцким связаны не были. На пленуме ЦК РКП(б) 25--27 октября 1923 г. оппозиционеры были осуждены. В связи с тем, что влияние группы Сталина, которого в это время поддерживали Зиновьев и Каменев, не было всеобщим (многие партячейки в Красной армии, в вузах, а также ЦК комсомола поддержали заявление 46-ти), дискуссия окончилась компромиссом -- 5 декабря 1923 г. политбюро ЦК РКП(б) и президиум ЦКК утвердили резолюцию "О партстроительстве" с критикой бюрократических извращений партийной линии и призвали к развертыванию внутрипартийной демократии. Проект резолюции был отредактирован Троцким. Однако эта резолюция осталась только на бумаге. Дискуссия завершилась в январе 1924 г. на XII партконференции, на которой оппозиционеры потерпели поражение. Правда, резолюция от 5 декабря была подтверждена, но текст ее был существенно смягчен и по существу дела выхолощен. На XIII съезде партии в мае 1924 г. бывшие оппозиционеры выступили с покаянными речами. Вне дискуссии в начале 1924 г. развернулась мощная пропагандистская кампания против Л. Д. Троцкого в связи с появлением его работы "Уроки Октября", в которой, якобы, превозносилась его собственная роль в событиях 1917 г. и содержались намеки на "оппортунизм" Зиновьева, Каменева и Сталина.

Письмо в политбюро ЦК ВКП(б), президиум ЦКК ВКП(б) и Исполком Коминтерна за подписью Зиновьева, Петерсона, Мура-лова и Троцкого от 6 сентября 1927 г. по поводу подготовки XV съезда ВКП(б) см.: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 99-108.

Имеется в виду газета "Правда" -- центральный печатный орган ВКП(б).

Карахан (правильная фамилия Караханян) Лев Михайлович (1889--1937) -- советский государственный деятель. Социал-демократ 1904 г. Секретарь советской делегации на переговорах о мире с Германией в 1918 г. В 1918--1920, 1927--1934 гг. заместитель наркоминионостранных дел СССР. Был полномочным представителем СССР в Польше, Китае, Турции. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) -- железно-дорожная магистраль в Северо-Восточном Китае. Построена Россией в 1897--1903 гг. После

русско-японской войны 1904--1905 гг. южная часть дороги отошла Японии под названием Южно-Маньчжурской железной дороги. С 1924 г. КВЖД находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1935 г. СССР продал свою часть собственности властям Маньчжоу-Го. В августе 1945 г. КВЖД и Южно-Маньчжурская железная дорога были объединены под названием Китайская Чанчуньская железная дорога, которая находилась в совместном управлении СССР и Китая. В 1952 г. СССР передал все права КЧЖД Китаю.

Хэ Лун (1896--1969) -- один из лидеров компартии Китая. В молодости был главарем отряда бандитов, переросшим в крестьянский повстанческий отряд. В 1920 г. присоединился к Гоминьдану, в 1926 г. вступил в компартию. Участвовал в Северном походе ЧанКайши. После "шанхайской резни" сформировал Вторую национально-революционную армию. В следующие годы руководил организациями компартии в провинциях, участвовал в попытках создания советских районов. Стал генералом китайской Красной армии. С 1955 г. маршал. Министр физкультуры, заместитель премьера Китайской Народной Республики. В 1967 г. лишен всех постов во время "культурной революции".

Е Тин (1897--1946) -- деятель компартии Китая. В 20-е годы участвовал в деятельности Гоминьдана. Командовал соединениями правительства в Ханькоу. Летом 1927 г. руководил попыткой бунта войсках Гоминьдана. После подавления бунта Е Тин руководил партизанскими частями компартии. Впоследствии занимал руководящие посты в китайской Красной армии. В 1937 г. стал командующим так называемой 4 Новой армией в Центральном Китае, созданной для борьбы против японской агрессии. Помимо боев с японской армией, армия Е Тина оказалась вовлеченной в ряд столкновений

с правительственными войсками Китая. В 1940 г. контакты с правительством были прерваны. Правительственные войска атаковали штаб-квартиру Е Тина и он был арестован.

"Вісти" ("Вісті") -- украинская газета. Выходила с марта 1919 г. в Киеве. С 1920 г. издавалась в Харькове, с 1934 г. вновь в Киеве. Являлась органом Всеукраинского центрального исполнительного комитета. С 1938 г. выходила под названием "Вісті Рад депутатів трудящих УРСР". Прекратила издание в мае 1941 г.

"Красные пики" (Хунчзянхой) -- возникшая в середине 20-х годов XX в. в Северном и Центральном Китае организация крестьянской самообороны от грабежа и произвола генералов и войск, не подчинявшаяся центральному правительству. Руководили "Красными пиками", как правило, помещики. В январе 1926 г. отряды "Красных пик" в западной части провинции Хэнань организовали нападения на 2 и 3 национальные армии, оказав таким образом, помощь У Пэйфу -- лидеру одной из групп милитаристов.

Речь идет о VIII пленуме Исполкома Коминтерна (май 1927 г.).

Крейбих Карел (1883--1966) -- деятель чехословацкого коммунистического движения. Один из организаторов компартии Чехословакии (1921). В 1923-1927

гг. член ее ЦК. В 30-е годы не входил в руководящие партийные органы. В 1935--1938 гг. сенатор. В 1938 г. эмигрировал в Великобританию, участвовал в деятельности чехосло-вацкой политэмиграции. После второй мировой войны возвратился в Чехословакию. В 1950--1952 гг. был послом в СССР. Во время судебного процесса над бывшим генеральным секретарем ЦК компартии Р. Сланским (1952) был отправлен на пенсию.

Тань Янькай (1879--1930) -- деятель Гоминьдана. В январе 1926 г. на втором национальном съезде Гоминьдана был избран в состав постоянного комитета его Центрального исполнительного комитета. После разрыва Чан Кайши с коммунистами некоторое время возглавлял альтернативное правительство в Ханькоу.

Чень Евгений (Чэнь Южэнь) -- деятель Гоминьдана. Родился в Тринидаде. Получил образование в США. Не владел китайским языком, но был министром иностранных дел кантонского правительства. Возглавлял также министерство иностранных дел в коалиционном правительстве, образованном Чан Кайши в 1932 г. Настаивал на решительном вооруженном сопротивлении японской агрессии в связи с захватом Японией Маньчжурии в 1931 г. В 1933 г. ушел в отставку в связи с разногласиями с Чан Кайши.

Речь идет о манифесте Российской социал-демократической рабочей партии, провозгласившем ее образование. Был принят I съездом РСДРП, состоявшемся в Минске 1--3 марта 1898 г.

Партия левых социалистов-революционеров (левых эсеров) образовалась в результате раскола партии эсеров в 1917 г. и окончательно сформировалась непосредственно после Октябрьского пере-

ворота. Издавала газету "Земля и воля". Левые эсеры вошли в коалицию с большевиками. Представители партии вступили в правительство Ленина и другие органы советской власти, заняв второстепенные посты. Лидерами партии были М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков, М. А. Натансон, П. П. Прошьян. Левые эсеры выступили против Брестского мира. В начале июля 1918 г. в результате провокаций властей и убийства 6 июля германского посла Мирбаха партия левых эсеров была обвинена в организации мятежа, которого на самом деле не было. Это послужило поводом для ареста лидеров и фактического запрещения партии, установления не только фактического, но и формального большевистского единовластия. "Можно только дивиться находчивости и решительности Ленина: услышав об убийстве германского посла, обвинить левых эсеров в восстании против советской власти..." (Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир, с. 454). Разрозненные группы бывших левых эсеров в 1918 и 1920 гг. присоединились к большевистской партии.

Андреев Андрей Андреевич (1895--1971) -- советский партийный деятель. Член большевистской организации с 1914 г. В 1920--1927 гг. секретарь Всероссийского (затем Всесоюзного) центрального совета профсоюзов, с 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком рабоче-крестьянской инспекции. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно занимал различные посты в правительстве. Член политбюро ЦК в 1932--1952 гг. Один из близких сподвижников Сталина в

укреплении тоталитарного строя и в "большом терроре".

Томский (настоящая фамилия Ефремов) Михаил Петрович (1880--1936) -- советский партийный и общественный деятель. Участник социал-демократического движения с 1904 г. Рабочий-плотник (единственный "рабочий от станка" в высшем эшелоне советской элиты). После Октябрьского переворота 1917 г. возглавлял профсоюзную организацию в Москве, с 1919 г. председатель Всероссийского (затем Всесоюзного) центрального совета профсоюзов. В 1921 г. недолго находился в опале и был направлен на работу в Туркестан за слабую попытку придать профсоюзам функции защиты интересов трудящихся в экономической области и добиться меньшей зависимости профсоюзов от компартии. С 1922 г. член политбюро ЦК РКП(б). Участвовал в руководящей деятельности Коминтерна и Профинтерна. В 1928 г. был фактически отстранен от руководства ВЦСПС, а в 1929 г. снят со всех высших должностей за участие вместе с Бухариным и Рыковым в "правоуклонистской группе". В следующие годы занимал второстепенные посты, являясь, в частности, некоторое время директором Госиздата, что было прямым издевательством и над издательским делом, и над самим Томским, не имевшим никакого систематического образования. В связи с кампанией травли, развернутой против него во время судебного фарса над Зиновьевым и Каменевым, покончил жизнь самоубийством.

Клайнс Джон Роберт (1869--1949) -- британский профсоюзный и политический деятель. Член парламента в 1906--1931 гг. Председатель парламентской группы лейбористской партии в 1921--1922 гг. Член первого лейбористского правительства (Лорд Хранитель Печати) в 1924 г. Министр внутренних дел в 1929--1931 гг.

Рыков Алексей Иванович (1881--1938) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. В первые дни после Октябрьского переворота 1917 г. нарком внутренних дел, но вышел из правительства вследствие разногласий с Лениным. С 1921 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР (СССР). В 1924-1930 гг. председатель Совнаркома СССР, в 1931--1936 гг. нарком связи СССР. До 1928 г. полностью поддерживал и активно проводил курс Сталина. В 1928--1929 гг. совместно с Н. И. Бухариным и М. П. Томским возглавил группу партийных деятелей, выступивших против отказа от нэпа и насильственной коллективизации сельского хозяйства ("правый уклон"). В 1929 г. отказался от этих взглядов. В 1930 г. был снят с поста председателя Совнаркома. Занимал ряд второстепенных постов. Был руководителем издательства "Academia". Был обвиняемым на судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока". Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Речь идет о выступлении Сталина на объединенном июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г.

Речь идет о Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов -- центристской партии, возникшей как течение в 1869 г. и оформившейся в 1901 г. Деятели партии (Э. Эррио, Э. Даладьей др.) неоднократно возглавляли правительства Франции в 20--30-е годы.

Угланов Николай Александрович (1886--1937, по другим данным, погиб в 1940) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1907 г. В 1921--1922 гг. был секретарем Пет-роградского губкома партии. В 1922--1924 гг. -- секретарь Нижегородского губкома. В 1924--1928 гг. секретарь Московского областного и городского комитетов ВКП(б). Снят с этих постов в ноябре 1928 г. за "примиренчество в отношении правого уклона". В 1928-1930 гг. нарком труда СССР. С 1930 г. находился в фактической ссылке в Астрахани в связи с поддержкой "правого уклона" Бу-харина и Рыкова. После раскаяния возвращен в Москву. Работал наркомом тяжелого машиностроения СССР. В 1932 г. исключен из партии за связь с группой Рютина. В 1934 г. восстановлен в ВКП(б) и через два года вновь исключен. Арестован и расстрелян (по другим данным, умер в заключении) во время "большого террора".

Мандельштам Николай Николаевич (1879--1928) -- советский партийный деятель. Участник социал-демократического движения с 1902 г. После Октябрьского переворота был меньшевиком-интернационалистом. В 1919 г. вступил в РКП(б). Занимал партийные посты

в Туркестане. В 1926--1928 гг. был заведующим отделом агитации и пропаганды Московского горкома ВКП(б).

Каганович Лазарь Моисеевич (1893--1991) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1911 г. В 1920 г. участвовал в установлении советской власти в Туркестане, затем занимал ответственные посты в партийных органах ряда городов. С 1922 г. работал в аппарате ЦК РКП(б). Был неизменным соратником Сталина, активным проводником его террористического курса. В 1930-1952 гг. член политбюро ЦК ВКП(б). Был секретарем ЦККП(б) Украины, Московского комитета партии. Возглавлял ряд хозяйственных наркоматов. В 1957 г. исключен из ЦК, а затем из партии за участие в так называемой "антипартийной группе", выступившей против Н. С. Хрущева. Был отправлен в Свердловск, где являлся директором цементного завода. После ухода на пенсию возвратился в Москву.

Движение меньшинства в британских тред-юнионах возникло в 1924 г. Выступало против политики "классового сотрудничества". Не порывая связи с Генеральным советом тред-юнионов, примыкало к Красному Интернационалу профсоюзов, руководимому Коминтерном. Стремилось к активизации стачечной борьбы. Прекратило существование после издания закона о конфликтах в промышленности и о профсоюзах 1927 г. (см. примеч. 206).

Лассаль Фердинанд (1825--1864) -- германский социолог, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863--1875). Считал основными средствами борьбы за социализм введение всеобщего избирательного права и создание с помощью государства рабочих производственных ассоциаций. Последователи Лассалья играли видную роль в Международном товариществе

рабо-чих (I Интернационале), где боролись против установок К. Маркса.

Речь идет о резолюции политбюро ЦК РКП(б) от 5 декабря 1923 г.

Переговоры с Францией по поводу признания долгов (на переговорах обсуждалась также проблема французских кредитов СССР) происходили с перерывами в феврале 1926 -- сентябре 1927 г. в Париже. Советскую делегацию возглавлял полпред СССР во Франции Х. Г. Раковский, французскую -- министр общественных работ А. де Монзи. Переговоры были сорваны по инициативе правящих кругов СССР, причем немаловажную роль сыграли махинации вокруг имени Раковского, ставшего активным оппозиционером, и его отзыв с дипломатического поста в октябре 1927 г.

В связи с нелегальной публикацией платформы оппозиции в 1927 г. официальная пропаганда развернула кампанию по поводу того, что оппозиционеры были, якобы, связаны с контрреволюционным подпольем. Судя по воспоминаниям бывшего сотрудника ОГПУ А. Орлова, агент ГПУ провокатор Строилов (он общался с оппозици-

онерами под фамилией Щербаков) обещал приверженцам Троцкого достать бумагу для издания нелегальных материалов. По личному указанию Сталина агент был "повышен в чине" и превращен во "врангелевского офицера", чтобы легче было обвинить оппозиционеров в сотрудничестве с белогвардейцами и политически их дискредитировать (Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. - Огонек, 1989, No 51, с. 22).

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874--1934) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1902 г. Юрист. Выступал также как поэт и художник, но каких-либо способностей не проявил. В 1917--1919 гг. нарком финансов РСФСР. С 1919 г. служил ВЧК. С 1923 г. заместитель председателя, с 1926 г. председатель Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), пришедшего на смену ВЧК в качестве органа политического сыска и террора. В связи с состоянием здоровья, а также в результате полного его равнодушия к делам (он проводил дни, лежа на диване и читая книги на многих языках, а также сочиняя стихи), Троцкий писал, что Менжинский "не человек, а тень человека" (Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 253). Фактическим руководителем ведомства был Г. Г. Ягода.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886--1937) -- советский государственный и партийный деятель. Участник социал-демократического движения в России с 1903 г., большевик. В 1920--1921 гг. секретарь ЦК РКП(б). Высказывался за демократизацию партии, в связи с чем вступил в конфликт с Г. Е. Зиновьевым. С 1921 г. на хозяйственной работе. Экономист и социолог, член главной редакции Большой советской энциклопедии. Выдвинул теорию "первоначального социалистического накопления", согласно которой социалистическая индустриализация должна была проводиться за счет взятия "дани" с зажиточной части крестьянства. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В августе 1927 г. исключен из ВКП(б) по обвинению в

организации нелегальной типографии, а в январе 1928 г. сослан в Уральск. В 1929 г. после покаянного заявления восстановлен в партии. Позже опять исключался и восстанавливался. Арестован после судебного фарса по делу "троцкистско-зиновьевского центра" в 1936 г. Отказался дать "признательные" показания. Расстрелян во время "большого террора".

Шаров Я. В. -- участник социал-демократического движения в России с 1904 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал посты в партийном и государственном аппарате. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В августе 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации нелегальной типографии. В декабре 1934 г. арестован по обвинению в соучастии в организации убийства Кирова. Расстрелян во время "большого террора".

315. Имеется в виду "Письмо к съезду", написанное В. И. Лениным 25 декабря 1922 г. и дополненное 4 января 1923 г. Письмо свидетельствовало о растерянности тяжело больного вождя большевиков, который дал двойственные характеристики ряду своих соратников (Троцкому, Сталину, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Пятакову), фактически отрицательно высказавшись по поводу эвентуального выдвижения каждого из них на высшие партийно-государственные посты. Ленин предложил снять Сталина с поста генерального секретаря ЦК РКП(б) (это было единственное кадровое предложение в "завещании"). Много позже Н. И. Бухарин вспоминал, что во время болезни Ленина особенно волновала "лидерология", то есть проблема преемственности власти (см.: Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., из-во гуманитарной литературы, 1993, с. 62). Н. К. Крупская передала письмо в секретариат ЦК после смерти Ленина. По свидетельству очевидцев, ознакомившись с письмом, Сталин разразился грубой бранью. При демонстративном отказе Троцкого от вмешательства в обсуждение этого вопроса политбюро решило оставить Сталина на его посту, по существу дела дезавуировав ленинский документ и отказавшись поставить его на обсуждение съезда партии. Устное заявление Сталина об отставке было единодушно отвергнуто. "Завещание Ленина" было официально оглашено на заседании Совета старейшин (руководителей делегаций) XIII съезда РКП(б) 22 мая 1924 г. и по предложению подставного лица, выступившего фактически от имени политбюро, зачитано на собраниях делегаций, став после этого секретным документом. Ссылаться на документ на съезде делегатам было запрещено. По наущению Сталина, Зиновьева и Каменева старейшины делегаций "проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в таком смысле, что письмо написано тяжелобольным, под влиянием происков и интриг" (Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 272). Письмо было в 1926 г. тайно вывезено на Запад Х. Г. Раковским и передано американскому журналисту М. Истмену который опубликовал его 18 октября 1926 г. в газете "Нью-Йорк Тайме". В СССР "Письмо к съезду" оставалось под покровом глубокой тайны до XX съезда КПСС (1956) и даже упоминание о нем было чревато расстрелом или длительным заключением в концлагерь. В сокрытие истины внес вклад Троцкий, который по требованию

политбюро подписал заявление в связи с публикацией "завещания Ленина" на Западе. В заявлении говорилось, что разговоры о "завещании Ленина" -- злобный вымысел, направленный против действительной воли Ленина и интересов партии. Этот лицемерный документ сильно затруднил дальнейшие выступления оппозиционеров против сталинского единовластия,

особенно те из них, в которых содержались ссылки на "письмо к съезду".

Янсон Николай Михайлович (настоящие имя и фамилия ЯнЯнсонс) (1882--1938) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г., большевик. В 20-х -- первой половине 30-х годов занимал ряд постов вначале в провинции, а затем в Москве, в Совнаркоме СССР. Был заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции и в этом качестве в 1928 г. совместно с бывшим миллионером Нафтали Френкелем, находившимся в заключении в советском концлагере, внес Сталину предложение о массовом использовании рабского труда заключенных. В 1928--1930 гг. был наркомом юстиции СССР, в 1930--1931 гг. заместителем председателя Совнаркома РСФСР. Затем занимал менее видные административные посты. Арестован во время "большого террора". Умер в тюрьме.

Элиава Шалва Зурабович (1883--1937) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1904 г., большевик. С 1923 г. председатель Совнаркома Грузинской ССР, в 1927--1931 гг. председатель Совнаркома Закавказской федерации. В 1931--1935 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. В 1935--1937 гг. заместитель наркома легкой промышленности. Арестован во время "большого террора". Умер в тюрьме.

Суриц Яков Захарович (1882--1952) -- советский государственный деятель. Участник социал-демократического движения в России. Член Бунда в 1902--1903 гг., затем меньшевик. После Октябрьского переворота 1917 г. стал большевиком. Работал на советской дипломатической службе. Был полпредом в Дании, Афганистане, Норвегии, Турции, Германии, Франции. Во время второй мировой войны -- консультант Наркоминдела. В 1946--1947 гг. посол СССР в Бразилии.

Гогенцоллерны -- династия бранденбургских курфюрстов в 1415--1701 гг., прусских королей в 1871--1918 гг. Последний представитель династии Вильгельм II (1859--1941) был свергнут Ноябрьской революцией 1918 г.

Речь идет о реформах в России, проведенных под руководством главы правительства Петра Аркадьевича Столыпина (1862--1911). Главной среди них была аграрная реформа, означавшая поворот аграрно-политического курса российских царских властей к поощрению интенсивного товарно-рыночного развития сельского хозяйства. Реформа способствовала постепенному преодолению крестьянского малоземелья при сохранении помещичьего землевладения.

Термин связан с именем Мустафы Кемала (1881--1938) по прозвищу Ататюрк

(отец турок), руководитель национальной революции в Турции 1918--1923 гг. и ее первого президента (1923--1938). В результате революции Турция стала республикой, были отменены

режим капитуляций, международный финансовый контроль и привилегии зарубежных концессионеров.

322. Дубасов Федор Васильевич (1845--1912) -- российский адмирал (1906). В 1897--1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой. В 1905 г. руководил подавлением крестьянского движения в нескольких губерниях. Будучи московским генерал-губернатором, возглавил подавление вооруженного выступления большевиков в декабре 1905 г.

323. Потресов Александр Николаевич (1869--1934) -- участник российского социал-демократического движения. В 1896 г. член Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". С 1900 г. член редакции "Искры". С 1903 г. один из лидеров меньшевистского течения в социал-демократической партии. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. Выдвинул концепцию превращения большевизма в новый эксплуататорский класс и призвал к борьбе за свержение советской власти. Принимал участие в изданиях А. Ф. Керенского. Автор многочисленных трудов о российской интеллигенции и русских общественных деятелях.

О роли Х. Г. Раковского в советско-французских переговорах 1926--1927 гг. см.: Головкин В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И. Между Москвой и Западом. Дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков, Око, 1994, с. 297-319, 347-378.

Речь идет об объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в конце октября 1927 г.

Троцкий и Зиновьев были исключены из ЦК ВКП(б) на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в конце октября 1927 г. Формальным предлогом была "фракционная работа" лидеров оппозиции. Заявление членов ЦК и ЦКК ВКП(б), принадлежавших к оппозиции, по этому поводу см.: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т. 4, с. 225-227.

Саркис (правильная фамилия Саркисов) Саркис Артемович (1898--1938) -- советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. Работал в Баку, а затем в Ленинграде в партийных органах. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из ВКП(б), затем работал в ЦИК УССР. Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Мрачковский Сергей Викторович (1888--1936) -- участник социал-демократического движения в России с 1905 г., большевик. Занимал высокие командные посты в Красной армии во время гражданской войны. В 1920--1925 гг. командующий Приуральским, а затем Западносибирским военными округами. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В августе 1927 г. исключен из партии по обвинению в организации нелегальной типографии, а в январе 1928 г. сослан в Воронеж. В 1929 г. после покаяния возвращен из ссылки, был начальником строительства Байкало-Амурской железной дороги. В 1933 г. вновь арестован и приговорен к пяти годам

заключения. Был подсудимым на судебном фарсе по делу "троцкистско-зиновьевского центра" в августе 1936 г. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

Речь идет о демонстрации в связи с юбилейной сессией ЦИКСССР в Ленинграде в связи с 10-летием Октябрьского переворота 1917 г. 17 октября 1927 г. Часть демонстрантов действительно под-держала оппозицию. Но масштабы этой поддержки были резко пре-увеличены оппозиционными лидерами. Троцкий назвал это выступ-ление "яркой демонстрацией" (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т. 4, с. 233). В свою очередь это незначительное по масштабам событие использовано в числе прочих как повод для исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК ВКП(б).

Архив Гуверовского института, кол. Б. И. Николаевского, ящик 628, папка 18. В верхнем правом углу рукописная приписка: "На ротаторе. Листок "большой оппозиции", Троцкий, Зиновьев и др."

По оценке Б. И. Николаевского, митинг в Московском выс-шем техническом училище в конце октября 1927 г., на котором пред-седательствовал Л. Б. Каменев, а главным оратором был Л. Д. Троц-кий, являлся "главным митингом оппозиционеров". Расправойс оппозиционерами в МВТУ руководила группа сталинистов во главе с Г. М. Маленковым, являвшимся секретарем вузовской ячейки ВКП(б), который подобрал среди своих соучеников "надежных и способных помощников", среди которых были В. А. Малышев, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, позже занявшие весьма видные позиции в партийном и государственном аппарате (Николаевский Б. И. Тайные страницы истории, с. 129--130).

Речь идет о контрольной комиссии московского горкома ВКП(б).

Ильинка 21 -- здания ЦК ВКП(б), другим фасадом выходив-шие на Старую площадь. В 20--30-е годы "Ильинка 21" так же симво-лизировала всевластие партийного аппарата, как после второй ми-ровой войны термин "Старая площадь".

Восков Семен (Самуил) Петрович (1889--1920) -- участник российского социал-демократического движения с 1905 г. Эмигрант в США, журналист. Один из основателей американской рабочей газе-ты на русском языке "Новый мир" (1917). Возвратился в Россию в 1917 г. и вступил в большевистскую партию. Был членом ВЦИК.

Речь идет о выступлении моряков крепости Кронштадт 28 фе-вряля -- 18 марта 1921 г., явившемся продолжением волнений рабо-чих Петрограда в конце зимы. Выступление было проявлением мас-сового недовольства населения, в частности военных моряков, всевластием компартии, которая, по их убеждению, изменила свои обещания и установила антинародную диктатуру. Были выдвинуты лозунги "Советы без коммунистов" и "Власть советам, а не партиям". Выдвигались требования отмены продразверстки и свободной тор-говли. 1 марта 1921 г. кронштадцы приняли резолюцию с требовани-

ями перевыборов советов тайным голосованием, свободы слова и прессы для рабочих и крестьян, свободы рабочих профсоюзов и крестьянских организаций, освобождения заключенных деятелей социалистических партий, предоставления крестьянам возможности свободно распоряжаться своей землей и т. д. Стихия недовольства коммунистической диктатурой была в Кронштадте настолько всеобщей, что выступление поддержала часть большевистской организации крепости. Первая попытка захватить Кронштадт атакой с материка провалилась. В конечном счете выступление было жестоко подавлено Красной армией при участии делегатов X съезда РКП(б) под руководством М. Н. Тухачевского. Руководитель выступления С. М. Петриченко бежал за границу, многие его участники были расстреляны. О событиях в крепости и вокруг них см.: Avrich P. Kronstadt 1921. Princeton, Princeton University Press 1970, 271 p.

Имеется в виду Петроград.

Агранов Яков (Ян) Саулович (1893--1938) -- советский деятель. Участник революционного движения в России, в 1912--1914 гг. эсер, с 1915 г. большевик. В 1919--1920 гг. был секретарем Совнарком РСФСР. С 1919 г. одновременно был особоуполномоченным ВЧК. Непосредственно руководил следствием по ряду провокационных дел, в том числе по Шахтинскому делу (1928), делу "трудовой крестьянской партии" (1930). В 1934 г. стал заместителем наркома внутренних дел по вопросам государственной безопасности. В этом качестве руководил фиктивным следствием по делу об убийстве Кирова. Еще ранее Л. Д. Троцкий характеризовал его как одного из "развращенных безнаказанностью прощелыг" (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 82). Был правой рукой Ежова при подготовке публичных судебных фарсов 1936--1937 гг. Агранов пользовался доверием Сталина, называвшего его уменьшительным именем "Яша". В марте 1937 г. был переведен в Саратов на должность начальника местного управления НКВД, где, пытаясь сохранить свою жизнь, "раскрыл" новый "заговор" с участием Н. К. Крупской и Г. М. Маленкова, однако сам был арестован и расстрелян в августе 1938 г.

Зорин ошибся лишь несколькими месяцами. Агранов вел следствие по делам "троцкистско-зиновьевского центра" и "параллельного троцкистского центра". Но следствие по делу "объединенного право-троцкистского блока", по которому проходил Бухарин, он уже вести не успел, так как его самого сожрала та самая машина, в создание которой он внес столь действенный вклад.

Зорин С. -- большевик с 1917 г. Работал секретарем Ивано-Вознесенского губкома РКП(б). Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Дальнейшая судьба неизвестна.

Написано мною после XV съезда. Л. Троцкий. [Приписка Л. Троцкого].

В состав "треугольника" входили руководитель предприятия (учреждения, организации), секретарь партийной организации и председатель профкома (месткома) профсоюза.

Речь идет о манифесте, принятом юбилейной сессией ЦИК СССР в Ленинграде

в честь 10-летия "Великой Октябрьской социалистической революции".

Речь идет о Перводекабрьском восстании 1924 г. в Таллинне.

Речь идет о ежегодном заключении коллективных договоров -- соглашений между официальными профсоюзами, являвшихся "приводными ремнями" партии--государства и формально выступавшими от имени коллектива рабочих и служащих, с администрацией предприятия, учреждения, организации. Регламентация коллективных договоров и их юридическая сила были определены декретом Совнаркома РСФСР от 1 июля 1918 г. "Взаимные обязательства сторон" способствовали закреплению всевластия компартии в низовых производственных ячейках общества и в то же время демагогически фиктивно представляли трудящихся в качестве вершителя делна производстве.

Фашизм (итал. *fascismo*, от *fascio* -- пучок, объединение) -- правое политическое течение, возникшее в Италии после первой мировой войны под руководством Б. Муссолини. Итальянские фашисты пришли к власти в 1922 г. и лишились ее в результате государственного переворота в 1943 г. Итальянский фашизм у власти представлял собой один из вариантов правототалитарного режима (другим вариантом был германский национал-шовинизм), имевшего черты сходства и отличия по сравнению с левототалитарными режимами, классическим примером которых может служить советская власть (коммунистическая диктатура) в России (СССР). Расширительное толкование фашизма, попытки представить его в качестве разветвленного международного фактора (в частности, определения национал-социалистической диктатуры в Германии в качестве фашистской) характерны для коммунистической пропаганды. В этом смысле любопытно крайне субъективное, не основанное на исторических реалиях положение Троцкого о фашизме как современном бонапартизме. Расширительное толкование фашизма характерно также и для многих исследований западных авторов (см. Чернявский Г.И. Фашизм: Научная категория или политическое ругательство? - В кн: Чернявский Г.И. Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, Око, 2003, с. 158-165).

На следующий день после решения XV съезда ВКП(б) об исключении из партии 75 оппозиционеров (18 декабря 1927 г.) было оглашено датированное предыдущим числом заявление 23 оппозиционных деятелей, включая Зиновьева и Каменева, о полном идейном и организационном "разоружении", осуждении своих предыдущих взглядов и действий. Авторы обязались защищать все партийные решения и просили вернуть их в партию (XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.-Л., Госиздат, 1928, с. 1266--1267). Троцкий назвал этот поступок "чудовищным вероломством"

(Троцкий Л. Портреты революционеров, с. 145). Курс Зиновьева и Каменева с этого времени Троцкий определял следующим образом: "... Борьба против сталинизма в тех пределах, которые разрешит Сталин" (там же, с. 146).

347. Речь идет о внесении в положение о выборах в советы в 1925--1926 гг. некоторых изменений, которые смягчили положение о "лишенцах", то есть лицах, лишенных избирательного права, предоставив право голоса части крестьян, которые ранее рассматривались в качестве "эксплуататорских

элементов".

VI конгресс Коминтерна проходил в Москве 17 июля -- 1 сентября 1928 г. Конгресс рассмотрел вопросы об опасности империалистической войны, о революционном движении в колониях и полу-колониях, утвердил программу Коминтерна, закрепившую курс "большевизации", то есть перестройки компартий по образцу ВКП(б) и их функционирования в качестве прямой агентуры СССР. Конгресс одобрил исключение Л. Д. Троцкого и других оппозиционеров из ВКП(б). Он закрепил разгром оппозиционных течений в коммунистическом движении, связанных с объединенной оппозицией в ВКП(б). В то же время на самом конгрессе и особенно посленего Коминтерн отказался от остатков тактики "единого фронта", заменив ее тактикой "класс против класса", определив социал-демократию как "умеренное крыло фашизма" и заявив, что наибольшую опасность представляют левые социал-демократические группировки. Робкая попытка преодолеть этот сектантский курс была предпринята на VII конгрессе (1935). Но она оказалась нежизнеспособной и вскоре под диктовку Сталина Коминтерн от нее отказался, правда, сохранив народнофронтовский камуфляж.

Здесь допущена описка. Имеется в виду декабрь, ибо заявление Каменева и Зиновьева датировано 18 декабря.

О заявлении оппозиционеров на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 16 октября 1926 г. относительно отказа от фракционной деятельности см.: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications, 1988, т. 2, с. 108-111.

Речь идет о попытке контрдемонстрации в Москве одновременно с официальной демонстрацией, организованной властями в честь 10-летия "Октябрьской революции". Немногочисленные участники контрдемонстрации несли плакаты с лозунгами "Выполним завещание Ленина", "Назад, к Ленину", "За подлинную рабочую демократию", "Да здравствуют вожди мировой революции Троцкий и Зиновьев" и т. п. Демонстрация была разогнана милицией с арестами и избиениями участников. Отмечались антисемитские выпады, возгласы "Бей жидов-оппозиционеров". См. документы оппозиции по этому вопросу: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т. 4, с. 250-261.

Содержание

Предисловие

Л. Троцкий. Схема будущей схемы

Л. Троцкий. Вопросы Коминтерна (Что дальше?)

Л. Троцкий. Классовые отношения
китайской революции

Л. Троцкий. Наброски к статье
о китайской революции

Л. Троцкий. О лозунге Советов в Китае

Л. Троцкий. Положение в Китае

после переворота Чан Кайши и перспективы

К. Родек. Поражение китайской революции
Л. Троцкий. Китайская революция
и тезисы тов. Сталина
Речь тов. Чэнь Дусю. О задачах
китайской революции
Л. Троцкий. Верный путь
Л. Троцкий. Речь о китайской революции
Л. Троцкий. Вторая речь по китайскому вопросу
Л. Троцкий. Неужели не пора понять?
Л. Троцкий. Ханькоу и Москва
Л. Троцкий. Компартия и Гоминьдан
В президиум ИККИ
В ЦКК ВКП (б), в Политбюро ЦК ВКП(б)
В Политбюро ЦК ВКП(б),
в президиум ЦКК ВКП(б)
Перечень важнейших событий в Китае
и их отражение в прессе, докладах и пр
Г. Зиновьев. К резолюции
о международном положении
Г. Зиновьев, Л. Троцкий. В Политбюро ЦК ВКП(б)
Проект платформы большевиков-ленинцев
(оппозиции) к XV съезду ВКП(б)
И. Познанский. Записка
Л. Троцкий. Записка Лифшиц
В. Гринберг. В секретариат ЦК ВКП(б)
Г. Зиновьев, Л. Троцкий. В Политбюро ЦК ВКП (б),
в президиум ЦКК, в ИККИ
Л. Троцкий. Новые возможности китайской революции, новые возможности
новые ошибки
Л. Троцкий. Старые ошибки на новом этапе
Л. Троцкий. Чего ждали и что получили?(Баланс англо-русского комитета)
Л. Троцкий. Речь на президиуме ИККИ
Л. Троцкий. В Секретариат ЦК тов. Янсону
Г. Зиновьев. К вопросу о нынешнем положении в Китае
В Политбюро ЦК ВКП(б)
Переговоры с Францией и вопросу признания долгов
Заявление объединенному пленуму ЦК и ЦКК
Настоящий подарок к празднику
С. Зорин. Письмо Н. И. Бухарину
Л. Троцкий. На новом этапе
Примечания
Указатель имен
Указатель географических названий

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. Benson, Vermont, 1988, тт. 1-4; Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. М., 1990, тт. 1-4.

Архив Троцкого. Харьков, 1999, 2001, тт. 1-2. 2аНовое русское слово, 1956, 10 июля. Heijenoort Jean van. The History of Trotsky's Papers. - Harvard Library Bulletin, July 1980, p. 291-298. Имеется детальное описание бумаг Л.Д.Троцкого - Л.Л.Седова, хранимых в Гуверовском институте, составленное сотрудницей и вдовой Николаевского А.С.Бургиной и М.Якобсоном: Guide to the Boris I. Nikolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Compiled by Anna M. Bourgina and Michael Jakobson. Hoover Institution, Stanford University, 1989, p. 224-350.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский. М., 1995.

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений. М., [1993].

Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Фарс на крови: Х.Г.Раковский. Документальные узлы. Харьков, 1997.

Бюллетень оппозиции. Под редакцией Л.Троцкого. New York, 1973. Vol 1-4. Writings of Leon Trotsky. New York, 1975-1979. Тома этого издания не пронумерованы.

Trotsky L. Oewres. Paris, 1978-1987.

Наиболее полная библиография работ Л.Д.Троцкого, опубликованных до 1987 г., объемом 1350 страниц, создана американским исследователем Луисом Синклером: Sinclair L. Trotsky: A Bibliography. Brookfield, Vermont, 1989.

См., например: Dzierzannowski M.K. A History of Soviet Russia. Englewood Cliffs, 1989, p. 171.

Payne R. The Life and Death of Trotsky. New York, 1977, p. 284.

См., например: Преображенский Е. Новая экономика. М., Госиздат, 1926, с. 101-102.

Правда, 1927, 26 июня.

Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ), ф.325, оп. 1, ед.хр. 372, л. 1.

В этом смысле недалек от истины М. К. Дзевановский, который пишет о теории перманентной революции Троцкого-Ленина (Dziewanovski M.K. Op. Cit., p. 167).

18 РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, ед. хр. 362, л. 2.

Джилас М. Новый класс: Анализ коммунистической системы. New York, 1958, p. 69.

Laqueur W. Stalin: The Glasnost' Revelations. New York, 1990, p. 10, 46, 47.

Правда, 1988, 9 сентября.

Laqueur W. Op. Cit., p. 53.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 1, с. 211.

Fairbank J.K. China. A New History. Cambridge, Mass., 1992, p. 283.

Боффа Д. История Советского Союза. М., Международные отношения, 1994, т. 1, с. 290. Детальный анализ позиций как сталинистов, так и сторонников Троцкого по отношению к событиям в Китае см.: Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевизм и китайская революция (1919-1927). М., 2001.

См.: Tucker R.G. The Emergency of Stalin's Foreign Policy. - Slavic Review, 1977, Vol. 36, # 4, p. 567.

Советское руководство: Переписка 1928-1941. М., 1991, с. 69.

Чернявский Г.И. Самоотвод: Как Сталин сам себя с генсека снимал. - Родина, 1994, No 1, с. 67-69.

Троцкий Л. Дневники и письма. М., 1994, с. 25.

Социалистический вестник, 1928, No 1, с. 3.

Harvard University. Naughton Library, bMs, Russ 13T, T-1765, л. 1

Правда, 1928, 18 апреля; Бухарин Н. Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. М., 1928.

См, анализ в кн.: Коен С. Бухарин: Политическая биография 1888-1938. М., 1988, с. 343-344.

Сталин И. Сочинения. М., 1949, т. 11, с. 171. Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А.М.Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., 1993, с.30-37.

Deutscher I. The Prophet Unarmed: Trotsky 1921-1929. London, 1959, p. 454.

Центральный государственный архив Российской Федерации, ф. 5826, оп. 1, ед.хр, 172, д. 121.

Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991, с. 56.

Его знаменитое "Письмо тов. В" в данное издание не включено, так как оно опубликовано неоднократно (см. научную публикацию В.П.Данилова в журнале "Вопросы истории", 1989, No 12, с. 83). Анализ письма дан в кн.: Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г.Раковский в 1927-1941 гг. Харьков, 1993, с. 172-183.

РГАСПИ, ф.326, оп. 1, ед.хр. 111, лл.11-12.

Троцкий Л. Дневники и письма, с. 39.

Обширное письмо Мясникова, публикуемое в пятом томе, отличается от остальной документации. Оно любопытно скорее не своим политическим содержанием, а смесью авантюризма, гипертрофированной, маниакальной подозрительности, сумеречного душевного состояния и огромного самомнения этого бывшего безграмотного большевистского фанатика, убийцы великого князя Михаила Романова, к которому московское руководство относилось весьма серьезно и даже полемизировало с ним в журнале "Большевик".

По причуде Сталина, а, может быть, для того, чтобы дать Троцкому возможность уйти в частную жизнь (впрочем, утопичность этого была почти ясна с самого начала) или на первых порах сохранить выдворение

в секрете (хотя тайна стала ясной уже в первые дни), Троцкому был выдан заграничный паспорт на фамилию жены - "Седов Лев Давидович". На эту же фамилию был выписан вид на жительство от 30 мая 1931 г., выданный консульством СССР в Стамбуле взамен сгоревшего паспорта (Hoover Institution. Boris I. Nikolaevsky Collection - далее: HI.NC, box 304).

Deutscher I. The Prophet Outcast: Trotsky 1929-1940. London, 1963, p.3.

Ibid.

Швецов В.В. Лев Троцкий и Макс Истмен: История одной политической дружбы. - Новая и новейшая история, 1990, No 6, с. 157.

Кармайкл Д. Троцкий. Иерусалим, 1980, с. 237.

Deutscher I. Op. Cit., p. 444-445.

Бунич И. Пятисотлетняя война в России. Киев, СПб, 1997, с. 185.

Glotzer A. Trotsky: Memoirs & Critique. Buffalo, 1989, p. 41-42.

См.: Drucker P. Max Shachtman and His Life: A Socialist Odyssey Through the American Century. New Jersey, 1994.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 56.

Glotzer A. Op. Cit., p. 29.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 96.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 6, с. 20.

Панцов А.В. Указ. соч., с. 300.

Волкогинов Д, Троцкий: Политический портрет М., 1992, т.2, с. 136.

Об этом свидетельствуют переписка, адресные книги, финансовые документы и другие сохранившиеся материалы (HI.NC, box 372).

The Serge - Trotsky Papers. Edited and Published by D.J. Cotterill. London, 1994, p.73.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января - 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934, с.32.

Троцкий Л. Рабочее государство, термидор и бонапартизм (историко-теоретическая справка). - Бюллетень оппозиции, 1935, No 41, с. 2-13.

Arch Getty J., Naumov O.V. The Road to Terror: Stalin and

Self-Destruction of the Bolsheviks, 1931-1939. New York, 1999, p. 164-165.

Бюллетень оппозиции, 1930, No 12-13, с. 3.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 1-2, с. 29.

Gill G. Stalinism. New York, 1998, p. 59.

Kort M. The Soviet Collossosus: A History of the USSR. New York, 1995, p. 156.

Бюллетень оппозиции, 1930, No 14, с. 6-12, 24-37.

Подробнее о подготовке работы о Сталине см.: Фельштинский Ю. Троцкий и "Сталин". - Новый журнал, 1984, No 155, с. 219-234.

Trotsky L. Stalin. New York, 1941.

Троцкий Л. Сталин. Benson, Vermont, 1985, тт. 1-2; то же. М., 1996, тт. 1-2 (редактор-составитель Ю.Г. Фельштинский).

Andrew C, Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York, 1990, p. 134.

Если сопоставлять события в России с тем, что произошло во Франции во время революции 1789-1799 гг., то значительно правильнее было бы считать советским квази-термидором переход к НЭПу в 1921 г., что отмечали западные социал-демократы, например, Карл Каутский, и эмигранты-меньшевики, в частности Ю.Мартов (см.: Daniels R.V. Stalin and Socialism. Boulder, 1991, p. 16-17). Троцкий, однако, решительно отвергал такую оценку.

Термин "тоталитаризм" был, насколько нам известно, впервые использован итальянским левым журналистом и политиком Джованни Амендолой в 1924 г. для характеристики системы, создававшейся диктатором Италии, лидером Фашистской партии Бенито Муссолини. Вскоре этот термин был подхвачен самим диктатором и использован им для восхваления этой системы. "Ничего против государства, ничего без государства, ничего вне государства", - таково было определение тоталитаризма, данное Муссолини (Laqueur W. The Dream That Failed: Reflection on the Soviet Union. New York, 1994, p. 14; Чернявский Г. Тень Люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ. Харьков, с. 17-20).

После смерти Троцкого его сторонники выпустили сборник статей и писем своего учителя за 1939-1940 гг. под названием "В защиту марксизма" (Trotsky L. Defanse of Marxism. New York, 1942; позже книга многократно переиздавалась на разных языках), в которых он прибегал именно к диалектическим спекуляциям в попытке доказать, что, и находясь в союзе с нацистской Германией, участвуя вместе с ней в разделе Восточной Европы, СССР продолжает оставаться "рабочим государством".

76 Восленский М. Номенклатура. М., 1991; Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. New York, 1967; Ibid. Fall of the New Class: A History of Communism's Self-Destruction. New York, 1988.

Eastman M. Stalin's Russia and the Crisis in Socialism. New York, 1940, p. 155.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 1-2, с. 17.

См.: Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г.Раковский в 1929-1941 гг. Харьков, 1991, с. 172-206.

См. ниже, с. 99.

The Serge - Trotsky Papers, p. 68.

См., например: "В Сталина нужно стрелять": Переписка Н.В.Устрялова и Н.А.Цурикова 1926-1927 гг. - Вопросы истории, 2000, No 2, с.136-143.

В западных изданиях основным заголовком стала "Преданная революция", а название книги в его русском варианте стало подзаголовком. превратилось в подзаголовок.

Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1936, с.229.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 88.

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск, 1991, с. 479-480.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 4.

Ibid., p. 116-117.

Eastman M. Since Lenin Died. London, 1924, p. 28-30.

Большевик, 1925, No 16, с. 68-70.

New York Times, 1926, October 18th.

Подробнее см.: Швецов В.В. Лев Троцкий и Макс Истмен: История одной политической дружбы. - Новая и новейшая история, 1990, No 6, с. 141-163. The Serge - Trotsky Papers, p. 155. HI. NC, box 366. Mahoney H.T., Mahoney M.L. The Sage of Leon Trotsky: His Clandestine Operations and His Association. San Francisco, 1998, p. 461. Deutscher I. Op. Cit., p. 328.

Бюллетень оппозиции, 1929 No 1-2, с. 27.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 3-4, с. 5.

О том, что собой в действительности представлял этот "подъем" см. ниже, с. 130-131.

Панцов А. В. Указ. соч., с. 225-292.

Harvard University. Haughton Library, mBs Russ, 13T - 3522.

Writings of Leon Trotsky, 1932-33. New York, 1972, p. 141-143, 343.

Arch Getty J. Trotsky in Exile: Founding of the Fourth International. - Soviet Studies, 1986, # 1, p. 24-35.

Волкогонов Д. Указ. соч., т. 2, с. 297.

HI.NC, box 350.

Немало материала, представляющегося в основном достоверным, об этой стороне жизни Блюмкина, в частности о том, как он под видом буддийского монаха пробрался в Тибет в 1925-1926 гг., можно найти в книге: Шишкин О. Битва за Гималаи. НКВД: Магия и шпионаж. М., 1999. Необходимо предостеречь читателей, что по другим вопросам в этой книге содержится масса непроверенных и ошибочных данных.

По-видимому, "Письмо тов. В.", датированное августом 1928 г., было послано Троцкому еще в Алма-Ату (Бюллетень оппозиции, 1929, No 6, с. 14-20). Остальные же работы Раковского могли быть только переправлены им за рубеж, ибо созданы они были уже после депортации Троцкого (Бюллетень оппозиции, 1929, No 4, с. 3-4; No 6, с. 3-7; 1930, No 17-18, с.14-20; No 1931, No

25-26, с. 9-32). Анализ этих работ см., Чернявский Г.И., Станчев М.Г. Указ. соч., с. 172-206).

Агабеков Г.С. Г.П.У. (Записки чекиста). Берлин, 1930, с. 229.

Navill P. Trotski vivant. Paris, 1962, p. 25.

НІ.НС, box 306.

НІ.НС, box 344.

НІ.НС, box 374.

Arch Getty J. Trotsky in Ezile... - Soviet Studies, 1986, # 1, p. 27-28, 34.

Brou P. Trotsky at le bloc des oppositions de 1932. - Cahier Leon Trotsky, 1980, # 5, p. 5-37; Arch Getty J. Trotsky

in Exile... - Soviet Studies, 1986, # 1, p. 28-29.

HU.HL, bMs Russ, T-4782.

Ibid., T-8114; Arch Getty J. Trotsky in Exile... - Soviet Studies, 1986, # 1, p. 29.

Arch Getty J. Trotsky in Exile... - Soviet Studies, 1986, # 1, p. 29.

Иоффе Н.А. Время назад: Моя жизнь, моя судьба, моя эпоха. М., 1992, с.79.

Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. М., 1999, с. 432.

См.: Шишкин В.А.Россия в годы "великого перелома". Спб, 1999, с. 79.

Писатели России: Автобиографии современников. М., 1998, с.199.

122 См. об этом: Mawdsey E. The Stalin Leads: The Soviet Union 1929-1953. Manchester, 1998, p. 1 а.о.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 1-2, с. 24.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 6, с. 1.

Бюллетень оппозиции, 1929, No 3-4, с. 7.

Eastman M. Stalin's Russia..., p. 121.

НІ.НС, box 354.

НІ.НС, box 305.

Троцкий Л. История русской революции. М., 1997, тт.1-2. Общий объем этого издания 1180 страниц.

Троцкий Н. Наши политичские задачи: Тактические и организационные вопросы. Женева, 1904, с. 54.

Daniels R.V. Op. Cit., p. 62.

Численность наиболее значительной организации сторонников Троцкого - Коммунистичнской лиги США - достигла максимума около 200 членов в 1932-1933 гг., а затем стала сокращаться (Drucker P. Op. Cit., p. 56).

Кривицкий В. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М., 1996, с. 58.

Callinicos A. Trotskyism. Minneapolis, 1990, p. 38.

The Serge - Trotsky Papers, p. 109.

Eastman M. Einstien, Trotsky, Hamingway, Freud, and Others. Great

Companions: Critical Memoirs of Some Famous Friends. New York, 1992, p. 112, 115.

Официально новая организация называлась IV Интернационал (Всемирная партия социалистической революции).

Glotzer A. Op. Cit., p. 310.

Жуков Ю.Н. Следствие и судебные процессы по делу об убийстве С.М.Кирова. - Вопросы истории, 2000, No 2, с. 43, 45.

Другой крупнейший американский ученый историк Чарлз Берд отказался войти в комиссию, но лишь потому, что фиктивность обвинений была для него совершенно ясна и не нуждалась в дополнительных свидетельствах. Берд полагал, что Троцкий не обязан доказывать свою невиновность. "Это - обязанность обвинителей, - писал он в ньюйоркский комитет защиты Троцкого, - предъявить нечто большее, чем признания, именно: подкрепляющие их доказательства специфических и явных актов" (НІ.НС, box 354). Выдающийся английский писатель Дж. Бернард Шоу, отказавшись присоединиться к следственной комиссии, обосновал это так: "Я надеюсь, что Троцкий не позволит заставить себя предстать перед судом, более ограниченным, чем его читающая публика, где он сам творит суд над своими обвинителями. Эта его позиция дает ему все преимущества; если ему удобно в Мексике (довольно приятное место), я ничего не буду предпринимать, чтобы изменить это положение. Его перо - это великолепное оружие" (НІ.НС, box 370).

The Case of Leon Trotsky: Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. New York, 1937. В 1968 г. этот том объемом свыше 600 страниц был переиздан в Нью-Йорке как репринтное издание.

Not Guilty! Report of the Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials. New York, 1938.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 105.

The Case of Leon Trotsky, p. XII.

Sheridan C. Mayfair in Moscow. New York, [1921], p. 152; *ibid.* Naked Truth. New York, 1928, p. 192-202.

Index (USA), 1999, # 6, p. 75.

Новый град (Париж), 1931, No 1, с. 93-94.

Mauriac F. Memoires. Paris, 1959, p. 128-132.

The Saturday Review of Literature, 1932, February 27th.

НІ.НС, box 351.

Malraux A. Leon Trotsky. - The Modern Monthly, 1935, # 9, p. 37-41.

Glozer A. Op. Cit., p. 40-41.

В каталоге Библиотеки Конгресса США значится 216 различных книг о Троцком.

Deutscher I. The Prophet Unarmed: Trotsky 1921-1929. London, 1959;

Deutscher I. The Prophet Outcast: Trotsky 1929-1940. London, 1963; Дойчер И.

Троцкий в изгнании. М., 1991.

Heijenoort van J. Op. Cit., p. 153-154.

Mandel E. Trotsky as Alternative. London, 1995.

Невозможно сколько-нибудь серьезно рассматривать книгу Н.Васецкого "Троцкий: Опыт политической биографии" (М., 1992), в которой поражает сочетание грубых фактических ошибок, внутренней ненависти к герою, плохо скрываемого сталинистского духа и псевдонаучной напыщенности. Это издание - прямое продолжение прежних работ Васецкого, выдержанных в духе замшелого коммунистического догматизма. См., например: Васецкий Н. В конфликте с эпохой: Троцкизм против реального социализма. М., 1985. Ничуть не выше книга Н.Н.Яковлева "Сталин: Путь наверх" (М., 2000). Хотя она и посвящена антиподу Троцкого, автор постоянно возвращается к книге Троцкого "Сталин", злобно комментируя ее положения, хотя и не полемизируя по существу. Тщеславие, мелочность, шовинизм, антисемитизм, отсутствие первоисточников, убогий материал, казенный стиль - таковы черты этого произведения, которое можно считать достойным продолжением пресловуто известной книги Яковлева "ЦРУ против СССР", в свое время написанной по явному заказу КГБ.

Волкогонов Д, Троцкий: Политический портрет. М., 1992, тт. 1-2.

Brou P. Trotsky. Paris, 1988; Cahiers Leon Trotsky: Revue d'itee par l'institute Leon Trotsky. В 1979-2003 гг. вышло 82 выпуска этого журнала.

Доже Д. (Dauget Daniel). "Троцкий" Пьера Бруэ: По заказу перестройки. - Spartacist: Бюллетень спартаковцев, 1991-1992, No 2, с. 44-61.

Knei-Paz B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978.

Daniels K.V. Trotsky, Stalin and Socialism. Boulder, 1991, p. VII.

Callinicos A. Trotskyism. Minneapolis, 1990.

Wistrich R. Trotsky: Fate of a Revolutionary. New Haven, 1957.

Alexander R.J. Trotskyism in Latin America. Stanford, California, 1973; ibid. International Trotskyism. 1929-1985: A Documented Analysis of the Movement. Durham, 1991.

Nevada J. Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.

Mahoney H.T., Mahoney M.L. The Saga of Leon Trotsky: His Clandestine Operations and His Assassination. San Francisco, 1998.

1 Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. Benson, Vermont, 1988, тт. 1-4.; то же. М., 1990, тт. 1-4.

2 Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений. М., [1993].

3 Панцов А. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1917-1927). М., 2001, с. 149-224. 4 Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927., т. 4, с. 109-174.

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 2

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 2

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания,

указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Документы, публикуемые во втором томе девятитомного издания "Архива Троцкого", охватывают период с конца января 1928 г., когда Л.Д.Троцкий, его жена и старший сын Лев были доставлены в ссылку в Алма-Ату, до начала августа того же года (второй хронологической рамкой является завершение Июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и непосредственные отклики на него).

Том открывается материалами, прямо связанными со ссылкой Троцкого и его семьи, а также других оппозиционеров. Эти материалы освещают устройство членов разбитой, но все еще до конца не сломленной оппозиции на новых местах обитания в Казахстане, Сибири, на Урале и в других местах. Многие документы свидетельствуют, как устанавливалась, а затем поддерживалась связь между ссылными.

Из публикуемых документов явствует, что возобладовавшая в руководстве партии и страны сталинская группа (Бухарин и близкие к нему Рыков, Томский, Угланов и некоторые другие продолжали еще занимать ответственные партийные и государственные посты, но фактически все более оттеснялись на второй план) проводила довольно четкое различие между исключенными из партии и сосланными лидерами оппозиции (Троцкий, Радек, Преображенский, Смилга и некоторые другие) и бывшими рядовыми оппозиционерами. К первым пока еще относились с определенным пиететом - их брали на государственное содержание, весьма, впрочем, скудное, не препятствовали их публицистическим выступлениям и переписке, прежде всего обмену письмами, телеграммами, политическими заявлениями в собственном кругу, и даже давали возможность обращаться в

международные коммунистические инстанции, в частности к VI конгрессу Коминтерна. Вторая же группа - оппозиционеры низшего и среднего звена - подвергалась жестоким преследованиям и травле. В ряде случаев рядовых оппозиционеров сажали в тюрьму, где они подвергались издевательствам не только со стороны охраны, но и уголовников, находившихся в тех же камерах.

Проводя этот курс, власти ставили несколько задач: оторвать верхушку оппозиции от рядовой массы, возбудить чувства недовольства и раздражения в среде последней, оставить для лидеров объединенной оппозиции полуоткрытую дверь для возвращения в партию, продемонстрировать зарубежной левой общественности и прежде всего коммунистам своего рода "либерализм" руководства ВКП(б), готового вновь принять заблудших в свои ряды, разумеется, в случае их полного раскаяния.

Документы свидетельствуют, что эти расчеты отнюдь не были построены на песке. Отлично сознавая уровень нравственных и политических ценностей значительной части оппозиционеров, которые, как и он сам, хорошо усвоили ленинский моральный релятивизм, Сталин действовал почти наверняка. Стойкой оставалась лишь небольшая группа оппозиционных лидеров (Троцкий, Раковский, Сосновский и некоторые другие). Письма Х.Г.Раковского Л.Д.Троцкому из Астрахани в Алма-Ату свидетельствуют, что между ними в основном сохранялось единство в оценке советских реалий данного периода¹. Биограф Троцкого И.Дойчер с полным основанием писал: "Их старая и тесная дружба теперь приобрела новую глубину взаимной привязанности, интимности и интеллектуального согласия"².

Но в целом в стане оппозиционеров фактически сразу же после их изгнания из партии начался раскол. Вначале Каменев и Зиновьев, вслед за ними Пятаков и многие другие оппозиционеры капитулировали перед сталинской кликой. При этом, как видно из многих публикуемых ниже документов, те самые деятели, которые вначале клеймили отступников, употребляя самые грубые выражения по их адресу, которые они могли только отыскать в русском лексиконе, вскоре вступали на их путь.

Естественно, для капитуляции они пытались найти наиболее благовидные предложения. Главным из них оказался так называемый "новый курс", или "левый поворот", который совершала, по мнению многих оппозиционеров, сталинская группа.

В среде ссыльных шли, впрочем, оживленные дискуссии, что же, собственно говоря, имело место - подлинно новый курс или только "левый зигзаг". И.Т.Смилга в письме Троцкому от 4 апреля 1928 г. высказывал мнение, что "нет ничего более ошибочного, как представление о 'левом' зигзаге как о последовательном левом курсе", что "левый зигзаг уже находится на ущербе", что речь идет даже о "левой конвульсии". Но обосновывал он свою точку зрения не характером социально-экономических мероприятий властей, а тем, что "нынешние руководители ВКП проводят бешеный террор против большевиков-ленинцев" (то есть оппозиции). В отличие от Смилги Раковский в своем "Циркулярном письме" оппозиционерам (также апрель 1928 г.) полагал,

что имел место "левый поворот" (хотя и сам чуть ниже употреблял термин "зигзаг"). Раковский считал не исключенным поворот партруководства к подлинно "левому курсу". Только при условии такового возможно возвращение в партию, полагал он. "...Вернуться сейчас в партию возможно только на основании капитуляции", - утверждал он.

Лишь в некоторых документах, публикуемых в этом томе, содержались попытки отойти от общих диспутов на тему, что же происходит, - поворот или зигзаг, и попытаться разобраться, естественно, в жестких шорах большевистской парадигмы, в реальной ситуации, в которой находился СССР к 1928 г. В этом смысле наиболее интересны письма и заявления Е.А.Преображенского, Л.С.Сосновского, И.К.Дашковского. Мы не упоминаем здесь хорошо известное "Письмо тов. В." (Г.Б.Валентинову) Х.Г.Раковского, которое в том не включено, так как оно многократно публиковалось, в том числе на русском языке³.

Сосновский, например, на основании анализа местной прессы и других публикаций пытался разобраться в ситуации на селе, в причинах той политики усиленного нажима на кулака, которая была характерна для сталинского курса в первой половине 1928 г. Впрочем, он продолжал полагать, что это нажим - лишь проявление тактического, вынужденного отхода Сталина от "центристского" курса, связанного с хлебными затруднениями.

Более широкая социально-экономическая перспектива была представлена Е.А.Преображенским в статье "Левый курс в деревне и перспективы". Автор исходил из того, что кризис в СССР, имевший место в 1928 г., был "кризисом длительным и кризисом социальным". В основе его Преображенский обнаруживал два основных явления: отставание с индустриализацией страны и противоречие между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, которое автор связывал в основном с процессами, происходившими в деревне. Из этого более или менее достоверного анализа делались выводы, что вопрос о том, какой курс возобладает в партийном руководстве, еще не решен, что возможно "возвращение к ленинской политике, опирающейся на подъем бедняцко-средняцкой деревни и на борьбу с ее капиталистическими тенденциями". На том, что в СССР имеет место социальный кризис, Преображенский настаивал и позже, в частности в документе "В борьбе за ленинскую линию" (май 1928 г.).

Со своей стороны, И.К.Дашковский тонко проанализировал хозяйственные конъюнктурные сводки за начало 1928 г., в свою очередь придя к выводу, что причины затруднений "кроются не столько в перебоях бюрократической машины, сколько в углубленной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством".

Много внимания в выступлениях оппозиционеров уделялось лозунгу так называемой "самокритики", который стал модным после доклада Сталина на собрании актива Московской организации ВКП(б) об итогах Апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. Сталин демагогически разглагольствовал здесь о необходимости самокритики "незвизрая на лица", добавив, что тот, кто думает

понравиться "и богатым, и бедным, тот не марксист, а дурак"⁴. Через некоторое время, в начале июня 1928 г., ЦК ВКП(б) опубликовал обращение "Ко всем членам партии, ко всем рабочим"⁵, специально посвященное развертыванию "самокритики". Это требование, однако, было сформулировано так, что ставило под огонь критики (самокритика здесь вообще была не при чем) лишь неугодные руководству звенья аппарата. Лозунг "самокритики" способствовал укреплению личной власти Сталина. В основном так понимали эту кампанию оппозиционеры.

В тесной связи со спектаклями "самокритики" оппозиционеры обращали внимание на еще одну кампанию, развязанную властями - на раскрытие ряда случаев взяточничества и других форм коррупции, на придание им широкой гласности в прессе, на сообщения, что в наиболее широко распубликованном "Смоленском деле" и во многих других подобных делах были замешаны руководящие советские и хозяйственные работники (партийные работники пока в основном изображались в качестве святых агнцев)⁶.

Все констатации оппозиционеров основывались на объективных фактах. Беда, однако, состояла в том, что выход оппозиционеры видели не в сохранении и углублении нэпа, что не исключало бы в конечном итоге становление нормальных рыночных отношений, а в свертывании рынка, в "перераспределении" национального дохода, в нажиме на "капиталистические элементы".

По существу дела, на этот же путь вступила сталинская группа, которая, однако, готовилась, в отличие от оппозиционеров, к новой насильственной и кровавой переделке страны под лозунгами "революции сверху". Оппозиционеры отнюдь не предвидели такого поворота событий. Дашковский, например, писал: "Тот бюрократический `нажим', который Сталин теперь проводит аппаратными методами, без активности пролетарских и организованных бедняцких масс, нельзя назвать левым, т. е. пролетарским курсом. Нажим направо, сопровождающийся полицейским режимом в партии, арестами и ссылками оппозиционеров, предвидевших и предупреждавших о растущих опасностях, есть только бюрократическое извращение левой, т. е. пролетарской линии".

Действительно, в своей платформе и в других документах объединенная оппозиция называла целый ряд "опасностей", которые возникали для СССР и ВКП(б) в результате политики Сталина и его группы. Но они отнюдь не предвидели того, что Сталин, которого именовали "термидорианцем" и чуть ли ни ренегатом, столь круто повернет влево, используя и до крайности заострив лозунги, украденные у оппозиции, продолжая и усиливая в то же время преследование той части оппозиционеров, которые не стали перед ним на колени. А таковых становилось все меньше и меньше. Для оправдания капитуляции перед Сталиным деятели оппозиции продолжали использовать словесную эквилибристику, связанную в основном с жонглированием категориями диалектики, позволявшей менять оценочные знаки с плюса на минус и наоборот.

В числе публикуемых документов, сохранившихся в архиве Троцкого за первую половину 1928 г., не только материалы самой оппозиции. Среди них немало и тех, которые возникли в кругах господствовавшей группы, в партийном, государственном, военном аппарате, в центре и на местах.

Невозможно конкретно определить, каким образом эти документы, в том числе и фигурировавшие под грифом "Секретно", оказались у Троцкого в Алма-Ате. По всей видимости, передавали ему эти документы разными путями скрытые симпатизанты, которые маскировались приверженностью "генеральной линии".

Такова, например, относившаяся к апрелю 1928 г. секретная резолюция совещания высшего политического состава Белорусского военного округа Красной Армии, в которой констатировались многочисленные недостатки партийно-политической работы в войсках, в том числе очковтирательство, карьеризм, прислужничество и т. п. Вместе с тем в этой резолюции отмечалось, что в Красной Армии распространяются "чуждые" взгляды и настроения, содержались жалобы, что в военной литературе проводятся антимарксистские положения и в связи с этим назывались имена служивших в Красной Армии бывших царских генералов и офицеров В.Н.Левичева, А.И.Верховского, М.М.Загю и других. До расправы с высшими военными деятелями в 1937 г. было еще далеко, но предгрозовые вспышки молнии уже возникали, о чем, в частности, свидетельствовала названная резолюция.

Другим характерным и важным документом, происходившим из неопозиционной среды (по крайней мере, из среды, не связанной с объединенной оппозицией) следует считать также секретное письмо М.И.Фрумкина членам и кандидатам в члены Политбюро и "лично" И.В.Сталину от 15 июня 1928 г. Фрумкин, являвшийся заместителем наркома финансов, обращался к Сталину дважды. Шире известно его второе письмо (ноябрь 1928 г.), содержавшее доказательства неизбежности деградации сельского хозяйства при сохранении существовавшей политики в деревне⁷. Публикуемое в этом томе письмо было своего рода подготовкой второго, более решительного выступления. Еще не столь определенно, но достаточно ясно Фрумкин отмечал, что по существу дела лишь по инерции продолжают говорить о союзе с середняком, на деле отталкивая его от себя. Предлагалось восстановить законность на селе, ослабить нажим на частника, прекратить "доколачивать" хозяйство зажиточных крестьян, не вести расширение совхозов "в ударном порядке", дать возможность единоличным хозяйствам приобретать машины и т. д.

Довольно большое место среди публикуемых документов занимает частичная стенограмма Июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г., особенно важная в связи с тем, что официальная стенограмма этого пленума опубликована не была. Большое место на пленуме заняли проблемы сельского хозяйства, рассматривавшегося в контексте хлебозаготовок и организации новых зерновых совхозов.

Этот пленум, как подтверждают публикуемые фрагменты стенограммы, создавал впечатление чуть ли ни капитуляции антинэповских сил, резкого усиления позиций "правой" группы Бухарина и Рыкова. Особенно четко это прослеживается в высказываниях подголоска Сталина В.М.Молотова по поводу значения индивидуального крестьянского хозяйства, необходимости уступок середняку и т. п., то есть всего того, что оппозиционеры клеймили как "центризм". Это - "ленинская политика", заявил Молотов. Сталин подыграл

ему, произнося: "Большевистская политика".

О том же свидетельствовали решения пленума о повышении государственных заготовительных цен на хлеб и ликвидации нарушений законности на селе. Как констатирует М.Рейман, уступки сталинцев были лишь кажущимися. В своей речи Сталин предрекал обострение классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Каждая сторона сохранила свои позиции, о чем свидетельствовал противоположный смысл докладов об итогах пленума, с которыми выступили Рыков в Москве и Сталин в Ленинграде⁸.

Еще одной важной темой, фигурирующей в данном томе, является международное коммунистическое движение, прослеживаемое как сквозь призму официальной сталинистской политики компартий, так и деятельности оппозиционных групп. Хотя, в отличие от первого тома, материалов по этому комплексу вопросов сравнительно немного, они дают возможность расширить сферу научного поиска в названной области.

Представляет, например, интерес анализ М.Альским истории китайской революции и последних событий в Китае, данный в письме Троцкому от 3 апреля 1928 г. Альский предостерегал в этом письме против переоценки революционного значения стихийных бунтов, время от времени вспыхивавших в разных районах Китая, освещение которых в советской прессе представляло собой, как он полагал, "удивительное коммунистическое вранье". Альский не без основания выражал скептицизм по поводу ближайших перспектив революции в Китае.

В некоторых документах можно встретить факты и оценки, связанные с положением в европейских странах, позицией компартий и оппозиционных групп в этих странах, в частности в Германии. Из этих материалов можно составить представление о крайней слабости и разрозненности оппозиционных коммунистических групп, порвавших с официальными компартиями, по существу дела о их нежизнеспособности.

Но особый интерес в этой группе документов представляет написанный Н.И.Бухариным проект тезисов "О международном положении и задачах Коммунистического Интернационала", подготовленный к VI конгрессу Коминтерна. Тезисы были утверждены конгрессом лишь после того, как по настоянию Сталина делегация ВКП(б) внесла в них почти два десятка поправок, исправно утвержденных конгрессом. Сопоставление бухаринского текста с окончательным, принятым конгрессом, показывает, что цель поправок состояла не только в том, чтобы скомпрометировать Бухарина, который рассматривался в это время в качестве лидера Интернационала (должность председателя Исполкома была, однако, вакантной после смещения с нее Зиновьева), но и в том, чтобы ужесточить нападки на социал-демократию, особенно левую, подчеркнуть необходимость "железной дисциплины" в компартиях.

Публикуемые в томе обращения оппозиционеров к VI конгрессу Коминтерна, в частности обширное письмо К.Б.Радека и И.Т.Смилги, лишь походя касаются вопросов международного коммунистического движения, в основном повторяя установки оппозиции касательно внутреннего развития СССР.

Второй том "Архива Троцкого" построен в соответствии с теми

археографическими принципами и методами, которые были сформулированы во вступительной статье к первому тому с теми только исключениями, что вместо прямых скобок использованы квадратные, а места, зачеркнутые авторами и оставленные в тексте, оговариваются особо. Во избежание повторений примечания, в том числе биографические справки, данные в первом томе, не повторяются во втором.

В отличие от первого тома, где авторство большинства документов принадлежит Троцкому, во втором томе представлен широкий круг авторов. В ряде случаев авторство документов установить не удалось. В документах сохранены ссылки на первое издание сочинений В.И.Ленина. Цитаты из Ленина и других авторов, а также из опубликованных документов проверялись только в тех случаях, когда их смысл вызывал сомнения.

Материалы публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (США), где в фонде bMs Russ 13-T хранится архив Троцкого.

В качестве приложений в том включены документ 1927 года (обращение в ЦК партии), по техническим причинам не вошедший в первый том издания; документы, касающиеся травли Троцкого в СССР и его высылки; сводный список оппозиционеров, составленный Троцким; очерк Э.Дуне о демократическом централизме, хранящийся в Архиве Международного института социальных исследований в Амстердаме и публикуемый с любезного разрешения администрации института. К текстам приложений примечания и указатели не составлялись.

В работе над томом участвовали доктор исторических наук А.В.Панцов (Колумбус, США), профессор С.А.Пиналов (Киев, Украина) и доктор исторических наук М.Г.Станчев (Харьков, Украина).

С. СЕДОВ1 -Л. СЕДОВУ2

26 января Срочная. Алма-Ата, почта, до востребования
Седову, из Москвы
Получили две телеграммы. Дорожных нет3. Высылаем вещи. Здоровы,
целуем. Сергей

А. СЕДОВА4 --Л. СЕДОВУ

27 января
Алма-Ата. До востребования
Седову, из Москвы
Безмерно обрадована благополучным прибытием [в] Алма-Ату. Приехав домой,

застала гостей⁵. Наши домашние здоровы. Сильно заболел Давид [с] ребятами⁶. Александра⁷ переехала. Живем дружно. [В] понедельник был врач. Делали дезинфекцию⁸. Все хорошо, не беспокойтесь. Настроение у меня бодрое, получила твою, мамину телеграмму. Вещи днями вышлем. Целую тебя, маму⁹, папу¹⁰. Анюта

ТРОЦКИЙ - В. КАСПАРОВОЙ¹¹

[Начало февраля] Курган, Урал, Советская 109, Каспаровой.

Очень обрадовались телеграмме. Здоровы. Адрес: Алма-Ата, Троцкому. Крепко обнимаем. Лев, Наталья, Лева

ТРОЦКИЕ - МУРАЛОВУ

[Начало февраля]

Тара, Сибирь, Муралову.

Как живете? Мы здоровы. Привет. Лев, Наталья, Лева. Ответ уплачен.

ТРОЦКИЕ -- И. СМИРНОВУ

[Начало февраля] Новобаязет, Армения,

Ивану Никитичу Смирнову

Получили открытку, обрадовались. Писал вам [в] Зангезуры¹².

Обнимаем. Лев, Наталья, Лева

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

4 февраля Алма-Ата. До востребования. Седову, из Москвы

Здоровы. Письмо отправила спешной 29 [января]. Телеграмму от 31 получила только сейчас. Бумажник [с] деньгами нашла. Как устроились? [Во] вторник вышлю посылку. Пиши. Отсутствие писем беспокоит. Целуем всех. Аня

МУРАЛОВ - ТРОЦКОМУ

8 февраля Город Алма-Ата Троцкому, из Тары

Здоров, работаю [в] окружной плановой комиссии. 3 февраля послал вам письмо.

Привет.

А. и С. СЕДОВЫ -- Л. СЕДОВУ

11 февраля Алма-Ата, [до] востребования, Седову, из Москвы

Домашние здоровы. Отправили четыре спешных письма. Отсутствие регулярных сведений изводит. Приготовила [к] отправлению лекарства, прочее. Сообщи телеграфно нужное еще. Давид, ребята продолжают болеть. [В] остальном без изменений [и] перемен. Как устроились [с] квартирой? Какие условия? Безумно соскучилась. Целуем крепко тебя, старших. Аня, Сергей

А. СЕДОВА - ТРОЦКОМУ

17 февраля Алма-Ата, Троцкому, из Москвы

Телеграфируйте немедленно, сколько почто-мест [с] вами доехало. Кишкин отрицает пропажу лекарств, чемодана [с] книгами, бельем, прочее¹³. Получается дурацкое положение. Как здоровье папы, [как] квартира? Целую. Аня

СЕРМУКС¹⁴ -- ТРОЦКОМУ

17 февраля Алма-Ата, Троцкому, из Великого Устюга
Как здоровье? Курочкинская одиннадцать. Сергей

А. СЕДОВА - ТРОЦКИМ

20 февраля Алма-Ата, Троцкому, из Москвы
ГПУ предлагает выписать заграничные вещи. Не ручаюсь [за] срок. Или оцените пропавшее. Выплатят деньгами¹⁵. Жду указаний. Аня

БЕЛОБОРОДОЕ и ВАЛЕНТИНОВ¹⁶ - ТРОЦКОМУ

21 февраля Алма-Ата, Казахстан,
Льву Давидовичу Троцкому, из Усть-Кулома
Шлем сердечный привет [из] Усть-Кулома.
Белобородое, Валентинов

БОГДАСАРОВ¹⁷ - ТРОЦКОМУ

23 февраля Верный, Троцкому, из Баку
Выписан Вам "Бакинский рабочий". Адрес ответа: Кооперативная 4, Богдасаров

ТРОЦКИЙ -- БОГДАСАРОВУ

[23 февраля] Баку, Кооперативная 4, Богдасарову
Спасибо [за] выписку газет. Сердечный привет. Верный называется Алма-Ата.
Троцкий

БЕЛОБОРОДОВА¹⁸ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы
24 февраля
Привет от Егорыча¹⁹ из Усть-Кулома, целую крепко всех. Франя

ОТКРЫТКА ТРОЦКОМУ ИЗ КИЕВА

Тов. Троцкий! Поздравляю Вас с 10-летием Красной армии. С ком[мунистическим] приветом, [подпись неразборчива].
25 февраля 1928 г.

С. СЕДОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы. Срочная
29 февраля

Срочно телеграфируйте [о] здоровье. Сережа

МУРАЛОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Тары

29 февраля

Сообщите состояние здоровья, привет. Муралов

И. Кузнецов

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЗИНОВЬЕВУ И КАМЕНЕВУ

В письме в партийные органы вы заявили о своем отказе от платформы большевиков-ленинцев²⁰. Завершая начатое "Заявлением 23-х"²¹ ренегатство, вы хотите оправдать его рядом соображений "сугубо принципиального" характера. Посмотрим, каковы ваши аргументы.

Вы пишете: "Мы разошлись с группой Л. Д. Троцкого непосредственно по вопросу о полном и действительном подчинении XV съезду. Или подчинение всем требованиям XV съезда и твердое решение сработаться с большинством партии, или путь второй партии -- вопрос стоял и стоит только так".

Вы утверждаете при этом, что настоящая точка зрения не нова, что уже в августе 1927 г. вы в письме Л. Д. Троцкому высказывали ее. Так ли это? Я утверждаю, что нынешнее объяснение причин разрыва с Л. Д. Троцким придумано лишь сейчас, что в тот момент, когда вы не имели нужды лгать и притворяться, когда не хотели замечать следов, ваше отношение к вопросу о пребывании оппозиции вне рядов ВКП(б) было иным.

В одном из важнейших документов оппозиции, написанном лично Зиновьевым в августе 1927 г. ("Итоги августовского пленума")²², мы читаем:

"Дело сложилось так, что бороться за взгляды Ленина при сталинском режиме нельзя иначе, как рискуя быть исключенным из ВКП(б). Это бесспорно. Кто не решил для себя этого вопроса, кто говорит себе: "Все, что угодно, только не исключение из партии", -- тот не может быть при нынешних условиях истинным борцом за ленинизм, т. е. не может быть стойким оппозиционером. Очень может быть, что значительные группы оппозиционеров (в том числе и все руководящие элементы оппозиции) на некоторое время будут поставлены вне партии. Их задачей будет, однако, продолжать свое дело и, не будучи формально членами партии, ни на йоту не отступать от учения Ленина. Их задачей будет и в этот труднейший период держать курс не на образование второй партии, а на возвращение в ВКП(б) и исправление ее линии. Слов нет -- очень трудно ленинцам, исключенным из партии, координировать свою работу с ленинцами, остающимися внутри партии. Но это, безусловно, необходимо с точки зрения наших основных целей".

И далее: "Как свидетельствует весь опыт борьбы, оппозиция единодушна в том, что борьба за единство партии на ленинских основах ни в коем случае не

должна превращаться в подлаживание к аппарату, в преуменьшение разногласий, в снижение политического тона. Когда попутчики оппозиции откальваются от нее справа, они в качестве причины своего отхода указывают не на свое собственное сползание ко взглядам Сталина по основным внутренним и международным вопросам, а обвиняют оппозицию в том, что она будто бы ведет линию на вторую партию, другими словами, они только повторяют сталинские обвинения для прикрытия собственного отступления".

Вот уж подлинно: не в бровь, а в глаз. Логика ренегатства беспощадна: то, что выразительно писал Зиновьев о Залуцких и Сокольниковых²³, сейчас характеризует его самого. Но даже тогда, когда вы уже доказали необходимость отступить и подчиниться XV съезду, вами решительно отверглась мысль о сдаче идейных позиций. Вы писали ("Резюме положения и наши ближайшие задачи"): 1) Наша политическая правота доказана: мы единственные вовремя дали правильную классовую оценку. 2) При этих взглядах мы остаемся, даже если XV съезд признает их несовместимыми". И заканчиваете вы этот документ следующими словами: "После этого нашего заявления пусть Сталин делает все то, что ему угодно. Мы же остаемся на избранном нами пути".

Сопоставляя все то, что вы пишете сейчас, с тем, что вы говорили и писали так недавно по этому же вопросу, трудно подавить в себе чувство презрения. В этом каждый большевик, воспитанный на примере ленинского отношения к принципиальным политическим заявлениям, не может не согласиться с нами. Как же, однако, в действительности оппозиция разрешает вопрос о двух партиях? Она по-прежнему стоит безоговорочно на той точке зрения, что лозунг двух партий при диктатуре пролетариата -- лозунг антиленинский и авантюристский. Мы по-прежнему считаем, что основной задачей оппозиции является борьба за исправление линии партии, борьба за обратный прием в партию исключенной оппозиции. Лучшим и убедительнейшим доказательством искренности нашей позиции являются те документы, которые якобы послужили поводом для вашего письма. В самом деле, в этих не предназначенных для печати документах, где не имелось оснований скры

вать действительных намерений, оппозиция писала: "Мы против второй партии и IV Коминтерна²⁴ самым непримиримым образом, причем мы исходим из интересов международного большевизма". Таковы подлинные взгляды оппозиции в этом вопросе.

II

Чувствуя всю шаткость и недостаточность аргументации, вы не останавливаетесь перед применением обычного сталинского приема: придумыванием несуществующих разногласий. Приводя цитату из опубликованных в "Правде" документов оппозиции²⁵, где рекомендуется коммунистам капиталистических стран всегда подчеркивать, "что даже при оппортунистическом руководстве советское государство дает рабочим и крестьянам неизмеримо больше, чем дало бы буржуазное государство при том же уровне производительных сил", вы имеете наглость сравнивать своих вчерашних товарищей по оппозиции с дюжинными "левыми" тред-юнионистами²⁶. Вы притворяетесь, будто бы не понимаете, что этот пункт направлен именно против международной социал-демократии, которая обвиняет СССР в том, что после десяти лет революции нашим рабочим живется хуже, чем рабочим капиталистических стран. Но значит ли это, что оппозиция "замалчивает основное принципиальное различие между советским и буржуазным государством", как пишете вы. Если бы даже в опубликованных документах об этом не было сказано ни слова, то и это не давало бы вам право делать подобного рода утверждения. Однако даже в критикуемых вами документах мы читаем: "Надо отдать себе ясный отчет в конкретных противоречивых особенностях нынешнего переходного состояния, не принимая совершающегося за уже совершенное. Исходить из того, что термидор совершился в СССР -- неправильно. Это значит облегчить его совершение. Классовые силы еще не сказали своего решающего слова. Политика международной оппозиции должна быть направлена на то, чтобы вместе с оппозицией ВКП(б) помешать дальнейшему развитию термидора и вернуть утерянные пролетариатом позиции". И далее: "СССР и при данном мелкобуржуазном руководстве играет революционную роль в международном масштабе... надо бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себя СССР".

Поставив себе задачей оправдать свой предательский отход от оппозиции, вы встали на путь извращения действительных ее взглядов. Вы решили вопреки

точному смыслу приведенной мной выше цитаты утверждать, будто оппозиция не учитывает революционной роли СССР в международном масштабе, будто она считает термидор совершившимся. Говоря, что у нас "классовые силы не сказали еще решающего слова", оппозиция тем самым утверждает, что советское государство своей классовой сущности не изменило, а следовательно, что различие между советским и буржуазным государствами сохранило свою силу. Ничего не меняет в этом утверждении и тот факт, что авторы документов называют нынешнее парт[ийное] руководство "мелкобуржуазным". Вы заявляете, что это и есть полная форма законченного термидора. Как будто вы не знаете, что для Ленина оппортунизм и есть в переводе на классовый язык мелкобуржуазная политика. Как будто вы не называли в период нашей совместной борьбы Сталина и Рыкова мелкобуржуазными политиками. Как будто вы не знаете, что Парижская коммуна -- первая пролетарская диктатура -- в основном возглавлялась мелкобуржуазными политиками. Как будто вы не знаете, что история дала нам примеры рабочих партий, возглавляемых мелкобуржуазными политиками. Не знать этого вы не можете. Очевидно, вы рассчитываете, что партия и рабочий класс, всей системой воспитания за последние годы приучаемые покорно выслушивать чудовищную клевету сталиных и бухариных об оппозиции, примут на веру и ваши лживые "свидетельства". Что ж, старайтесь, ваша услужливость будет должным образом оценена.

III

Но что сказать о вашей попытке возродить жупел "троцкизма"? Вы теперь заявляете, что вы "не считали мнимыми ошибки Л. Д. Троцкого и что даже в моменты самого близкого сотрудничества вы не считали возможным разоружение против ошибок троцкизма". Этим самым вы хотите сказать, что идейная борьба внутри оппозиции имела своей основой ошибки "троцкизма".

Но что вы говорили во время вашего блока с тов. Троцким. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г. Зиновьев сказал:

"У меня было много ошибок. Самыми главными своими ошибками считаю две: первая моя ошибка 1917 г. всем вам хорошо известна... вторую ошибку считаю более опасной, потому что ошибка 1917 г., сделанная при Ленине, была Лениным исправлена, а также и нами при его помощи через несколько дней, а ошибка моя в 1923 г. заключалась в том...

Орджоникидзе: Что же вы морочили всей партии голову!

Зиновьев: Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей ныне партии, правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима... Да, в вопросе о сползании и в вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против вас" (см. Стенографический отчет, 4-й выпуск, с. 33).

Таким образом, вы признали свою ошибку 1923 г. (борьбу против тов. Троцкого)

даже более опасной, чем ваша ошибка 1917 г. Но мало этого, ведь ваша ошибка 1923 г. состояла не только в том, что вы не поняли правоты предупреждения тов. Троцкого об опасностях "сдвига с пролетарской линии", об "угрожающем росте ап-паратно-бюрократического режима". Ваше крупнейшее преступление перед партией заключалось в том, что вы вытащили старые, имеющие лишь чисто исторический интерес споры между Лениным и Троцким и совершенно искусственно связали их с величайшей важности актуальными вопросами об особых трудностях социалистического строительства теперь в нашей отсталой стране, окруженной капиталистическими странами. Тов. Троцкий неоднократно заявлял о том, что признает свою неправоту в прежних спорах с Лениным. Оппозиция, имеющая в своем составе целый ряд старых деятелей большевизма, не раз подчеркивала, что сплотилась она не на основе старых взглядов тов. Троцкого, а на основе отстаивания в нашей совершенно своеобразной обстановке революционно-пролетарской, т. е. ленинской линии против тенденции сползания на другие классовые рельсы. Когда вы пошли на блок с тов. Троцким, вы признали это утверждение верным. Тогда созданный вами жупел "троцкизма" был обращен и против вас самих. Вы были зачислены в число "троцкистов". Как вы на это реагировали тогда? Говорили ли вы тогда, что "троцкизм" все же существует, несмотря на ваш блок с Троцким? Ничего подобного. Разве Зиновьев не повторял, что как в эпоху II Интернационала под видом борьбы с бланкизмом выхолащивалось революционное содержание марксизма, так и сейчас под видом борьбы с "троцкизмом" идет ревизия ленинизма? Разве Каменев не собирался на пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г. выступить вторично по вопросу об оппозиции и взять, как он говорил, быка за рога, сказав прямо, как и по каким причинам была изобретена "троцкистская опасность"? К сожалению, список ораторов был закрыт, и он во второй раз слова не получил. Но ведь вам известны также совершенно откровенные объяснения, данные Зиновьевым и Лашевичем во время беседы, происходившей незадолго до 16 октября 1926 г. на квартире Каменева с ленинградскими товарищами, выразившими свое опасение насчет этого самого злосчастного "троцкизма", тов. Лашевич накинулся на ленинградцев со словами: "Да чего вы валите с больной головы на здоровую. Ведь вы же сами выдумали этот "троцкизм" во время борьбы против Троцкого. Как же этого вы не хотите понять и только помогаете Сталину".

А Зиновьев, в свою очередь, разъяснил своим товарищам суть дела примерно в следующих словах:

Ведь надо же понять то, что было. А была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для того и был выдвинут "троцкизм".

Вот как была создана, по вашим же словам, легенда о "троцкизме", который вы противопоставляли ленинизму и большевизму. Вы тогда в течение двух лет подряд отравляли сознание партии. Вы готовили почву для прихода сталинского оппортунизма. Не успев загладить революционной работой своего этого преступления, вы теперь снова, как и в 1917 году, срейфили перед опасностями и трудностями борьбы за революционную линию и для прикрытия

своего дезертирства, ничтоже сумняшеся, снова воскрешаете вами же так недавно разоблаченную легенду о "троцкизме".

Не знаешь, чему больше удивляться, степени ли вашей наивности, позволяющей вам надеяться на то, что кто-нибудь вам теперь поверит, или степени вашей гнусности, дающей вам возможность с такой легкостью играть крупнейшими вопросами жизни нашей партии и пролетарской революции. Реставрируя свои прежние идеологические фальсификации для нужд жалкого закулисного политиканства, вы подтачиваете идеологические основы партийной жизни, разрушаете идейные связи, деморализуете партийные кадры.

Мало того, выступая теперь снова против так называемого "троцкизма", вы фактически одобряете все те меры репрессий, которые сталинско-рыковские молодчики применяют в отношении оставшихся верными знамени ленинской оппозиции. Вы сознательно умалчиваете в своем письме о том, что этих ваших вчерашних товарищей по борьбе томят теперь в карцерах ГПУ²⁹, несмотря на кровохаркание у них, засылают специально в сплошь зараженные сифилисом места, угоняют в Березов³⁰ и Туруханский край³¹, места, куда и царское правительство не всегда решалось посылать революционеров. Умалчивая обо всем этом, вы тем самым берете на себя перед партией и Коминтерном такую же ответственность за эти преступления, как и Сталин с Рыковым. Клеймо ренегатов и злостных предателей останется за вашими именами.

IV

Такая же картина получается и при переоценке вами ваших взглядов в вопросах Коминтерна. И в этой области вам явно нужны какие-нибудь жупелы, чтобы терроризировать рядовых оппозиционеров. Используя особенности информации нашей партийной печати, дающей совершенно неверное освещение деятельности различных течений Коминтерна, вы считаете возможным с такой же легкостью, как и в вопросе о "троцкизме", менять свое отношение к соратникам нашей борьбы в Коминтерне. Напустив достаточно много тумана, вы ставите следующий демонический вопрос: "Капитулировать перед ВКП или перед Пазом и Сувариным?" Авторы документов, по вашему мнению, выбирают последнее. Иначе говоря,

вы изображаете дело таким образом, будто бы ленинская оппозиция капитулировала перед Сувариним. Вы аргументируете при этом тем, что в то время как Зиновьев в своей статье "21 условие ленинского Коминтерна" заявлял, что оппозиция не несет никакой ответственности за взгляды и журналы Суварина, оппозиция ныне "усиленно обеляет" Суварина. Я вынужден вновь поэтому обратиться к документам. Для наглядности приведу рядом две цитаты о Суварине: одну из последних документов оппозиции, а другую из цитированной вами же статьи Зиновьева "21 условие ленинского Коминтерна". Из статьи Зиновьева:

"Ни "ренегатом", ни "контрреволюционером" Суварин не является. К

социал-демократам он не ушел, как ушел Розенберг, которого в 1926 г. Сталин "завоевал" на свою сторону. Только исправление Сувариным своих ошибок могло вернуть его в ряды французской компартии".

Из документов оппозиции: "Мы не видели последних изданий [...]32

с нами, если судить по первым номерам бюллетеня. В ряде вопросов (особенно Англо-русский комитет) Суварин занял в корне неправильную позицию. Подход Суварина к английскому рабочему движению нередко ошибочен. Суварин склонен заменять классовый анализ политики психологизмом. Но это даровитый историк и революционер. Мы не теряем надежды на то, что его путь сойдется с нами к большей выгоде для французского рабочего движения".

В чем же выражается "капитуляция" оппозиции перед Сувариным? Чем она его "обеляет"? Тем ли, что она признает его талантливым историком и революционером? Но ведь Зиновьев его контрреволюционером не считал, иначе говоря, считал его революционером. Может быть, тем, что оппозиция не теряет надежды, что путь Суварина сойдется с оппозицией, но ведь и Зиновьев считал возможным возвращение Суварина в компартию и исправление своих ошибок.

О серьезности этих ошибок говорят и последние документы оппозиции. Вы решили, кроме того, использовать против оппозиции ВКП(б) и отдельные неправильные заявления, имеющиеся в журнале "Против течения" (группа Паза, Лорио33 и др.). Но ведь именно эта самая статья, цитату из которой вы с такой радостью подхватили как предлог своего отмежевания от этих товарищей, подверглась критике и в опубликованных документах оппозиции. Ведь именно в связи с этой статьей автору документов сочли необходимым напомнить, что у нас, оппозиционеров, особый угол "зрения", под которым "мы подходим к внутреннему положению СССР".

Следовательно, нашу оппозицию ВКП(б) нельзя упрекать в том, что она будто бы солидаризуется или проходит мимо таких неправильных заявлений, как приведенное вами. Мало того, и вся группа "Против течения" не ответственна за эту статью, ибо редакция предупредила, что она отвечает только за передовые статьи, что, между прочим, также подверглось осуждению со стороны оппозиции ВКП в этих же документах.

Такова серьезность ваших обвинений. Но еще хуже ваше отношение к группе, которая все время поддерживала вас в Коминтерне, группе Рут Фишер -- Маслов. Вы теперь свели все дело к личным тайным замыслам Маслова и Рут Фишер о второй партии. Но ведь в Заявлении 23-х вы уже отмежевались и осудили всю эту группу в целом. Что же вы теперь хотите смягчить этот ваш шаг, надеетесь на возможность раскола этой группы? Это, конечно, вполне в вашем духе, но ведь вам ничего не стоит из-за политических соображений разрушить дело, на которое большевики (в данном случае вместе с вами) положили столько труда. Оставшуюся верной большевистскому знамени оппозицию это не смутит. Она и в дальнейшем будет продолжать бороться против искажения линии большевизма в рядах международной оппозиции Коминтерна. И из опубликованных последних документов оппозиции ясно, что она "против второй партии и против IV

Коминтерна самым непримиримым образом" и что она считает ошибочным создание "союза левых коммунистов" в Германии, ибо этот "союз" может стать "псевдонимом второй партии". Что она против выставления самостоятельных кандидатур на выборах. Что вся ее установка сводится к завоеванию компартии и Коминтерна.

V

Вы пытаетесь, наконец, оправдать свой полный отказ от защиты ленинских взглядов некоторыми "важнейшими фактами партийной политики". В числе этих фактов у вас значится и решение XV съезда о мерах борьбы с кулачеством³⁴. Но ведь решения XV съезда были в основном известны еще из тезисов ЦК, опубликованных за месяц до съезда. Как же вы проморгали действительный смысл предсъездовской линии большинства и сочли необходимым противопоставить ей от имени оппозиции свои контртезисы³⁵?

Неужели вам потребовалось целых три месяца для того, чтобы уразуметь сущность этих фактов партийной политики. Почему оппозиция отнеслась отрицательно к предсъездовским тезисам ЦК? Потому что ряд "левых" (на словах) благожеланий [и] тезисов сочетались с категорическим отказом реально повысить³⁶ кулака и нэпмана, принять предложение оппозиции о принудительном хлебном займе, о подготовке организации союза деревенской бедноты и провести ряд других мер определенно классового характера. Град репрессий против оппозиции ярко дополнял картину. Сам Зиновьев все в тех же тезисах "Резюме положения и наши ближайшие задачи", написанных непосредственно перед XV съездом, дал весьма верный критерий для характеристики XV съезда партии. Он писал: "Действительная физиономия XV съезда определится не столько тезисами, сколько реальным отношением к оппозиции". Отношение XV съезда к оппозиции хорошо вам известно. Изменилось ли что-либо с тех пор? Изменилось, но к худшему: удары за ударами сыплются на голову оппозиционеров, оказавшихся

более стойкими в защите ленинских взглядов, чем вы. Съезд, который освятил ссылку и аресты лучших ее представителей, не может быть иначе расценен как новый этап на пути сползания партии с пролетарской линии.

Но вам не удастся никакими ухищрениями доказать противное. Вы хотите обосновать свой переход на сторону Сталина ссылкой также и на такие мероприятия, как пересмотр земельного кодекса, сокращение сроков земельной аренды, прием в партию новых 100 тыс. рабочих и т. д.

Но разве все эти решения, являющиеся новым левым зигзагом, не приняты именно под давлением оппозиции? Ведь, как и вы неоднократно утверждали,

исторический смысл существования оппозиции и заключается в задержке процессов сползания с пролетарской позиции. Можно ли, исходя из перечисленных вами решений XV съезда, считать эту миссию оппозиции законченной? Можно ли считать линию партии выпрямленной?

Правда, ведь теперь задним числом заявляете, что оппозиция ошибочно приняла элементы правого маневра в партийной политике "за прямой переход на другие классовые рельсы".

Что же, маневром была поддержка Чан Кайши и Гоминьдана, дезорганизовавшая кит[айскую] компартию, нанеся колоссальный ущерб делу китайской революции, или маневром был блок с предателями всеобщей стачки горняков в Англии? Нет, это не были маневры. Это была вполне определенная оппортунистическая линия. А история с избирательной инструкцией?³⁷ А речь Калинина в Твери?³⁸ Разве все это и еще многое другое не были элементами сползания на другие классовые рельсы. Все это понятно каждому сознательному оппозиционеру. Но что вам до всего этого. Вы, по-видимому, решились полностью оправдать оценку, данную вам Сталиным в словах: "Не впервые им приходится отказываться от своих взглядов -- почему бы им не отказаться от них еще разочек".

Но ваш отказ от платформы был [бы], конечно, оправдан, если бы основные положения были опровергнуты и дискредитированы объективными фактами. Что же, опровергнута ли ходом событий содержащаяся в платформе оценка классового расслоения в деревне и размеров кулацкой опасности? Опровергнута ли наша характеристика хозяйственного положения, в частности оценка диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, товарного голода и т. п.? Нисколько. Наоборот: ход хлебозаготовительной кампании, являющийся осью нынешней хозяйственной обстановки, полностью подтвердил предсказание платформы и контртезисов.

В результате того, что меры, рекомендованные оппозицией, не были приняты, кулак опять нас "регульнул" (по Вашему же выражению, тов. Каменев). Накопленные запасы хлеба он не желает продавать государству; хлебный экспорт приостановился, импортный план в связи с этим должен быть пересмотрен, что подорвет

снабжение нашей промышленности оборудованием, а следовательно, и курс на индустриализацию; недостаток иностранной валюты лишает нас возможности платить, и мы вынуждены сейчас добиваться моратория от немцев, и те его, понятно, даром не дадут. Все это, несомненно, ослабляет наше международное положение. Удары по нашей экономике в последнее время оказались настолько сильными, что проникли в сознание даже некоторых представителей руководящего большинства: и Угланов на последнем пленуме МК, и Микоян³⁹ в статье "Правды" в один голос требуют повышения сельскохозяйственного налога. Чтобы поправить дело, впопыхах вводят "добровольное" сельскохозяйственное обложение, объявляют новый крестьянский заем. Принятые слишком поздно, эти мероприятия не могут существенно смягчить хозяйственный кризис.

И по другим разделам платформы у нас нет оснований делать ревизию. Последняя

колдоговорная кампания повсюду сопровождалась нажимом на рабочего, предельным повышением интенсивности труда; ряд забастовок и волынок свидетельствуют о глухом недовольстве пролетариата. Пока положение в Коминтерне отличается от того, про которое Зиновьев писал свою статью "21 условие ленинского Коминтерна", только в смысле еще большего ухудшения его. Очевидность усиления правых уклонов во всех секциях так велика, что даже многие сталинцы (Шацкий⁴⁰ и Ломинадзе)⁴¹ вынуждены были об этом заявить на съезде.

Драка между Сталиным и Рыковым, предсказанная нашей платформой, уже "теперь" (через полтора месяца после съезда) стала очевидным фактом⁴², о котором говорят все.

Сам по себе отрядный и значительный факт приема в партию новых ста тысяч рабочих не может ни оправдать прошлые ошибки ЦК, ни предотвратить новые: приходящие в партию рабочие могут получить большевистскую закалку только на почве правильной классовой политики. Вы своим письмом этому не только не содействуете, но, напротив, становитесь соучастниками в преступной работе по разложению пролетарского ядра.

Но наша революционная эпоха не может благоприятствовать длительному подчинению пролетариата такому разлагающему влиянию. В тот момент, когда правая опасность примет совершенно осязательные формы, пролетарское ядро нашей партии пойдет не за теми, кто верит в силу и искренность сталинских методов "борьбы" с правыми при помощи закулисных аппаратных комбинаций. Рабочие пойдут за теми, кто стоит за ленинские методы борьбы с проводниками кулацкой линии, за своевременную мобилизацию партии и рабочего класса против них, за открытую революционную борьбу с ними.

Руководителями этой борьбы [за] возвращение к ленинской линии, вопреки вашим ожиданиям, будет вся основная масса бывшей оппозиции, в том числе ленинградская ее часть, внесшая так мно-

го идейно ценного в платформу оппозиции и покинутая в критическую минуту своими бывшими вождями...

Большевик-ленинец,
член ВКП(б) с 1908 г.,
исключенный из партии за отказ
осудить взгляды оппозиции

Иван Кузнецов

[Февраль 1928 г.]

ТРОЦКИЙ - МУРАЛОВУ

1 марта Тара, Муралову

Здоровье удовлетворительно. Работаю. Послал вчера открытку, завтра письмо.

Троцкий

ТРОЦКИЙ - РАДЕКУ

[Начало марта]

Телеграфировали [в] Ишим, разумеется, безрезультатно. Как устроились, [как]

здоровье? Мы благополучны. Привет [от] Натальи Ивановны, Левы. Троцкий

ТРОЦКИЙ - РАДЕКУ

[Начало марта] Ишим, Урал, Радеку

Как живете? Мы здоровы. Привет. Троцкий

С. СЕДОВ - ТРОЦКОМУ

Молния, Алма-Ата, Троцкому, из Москвы.

1 марта

Немедленно молнией телеграфируйте здоровье. Сергей.

ВИРАП43 - ТРОЦКОМУ

Алта-Ата, Троцкому, из Тифлиса.

1 марта

Узнал, что Верный называется Алма-Ата. Подписался на "Заря Востока"⁴⁴ для вас. Пламенный привет из Грузии. Вирап, Грибоедовская 13.

ТРОЦКИЕ - ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Уральск, Евгению Алексеевичу Преображенскому.

2 марта

Послал письмо, две открытки. Телеграфируйте, как живете. Привет, Лее, Наталья, Лева

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Уральска.

2 марта

Получил открытку, ответил заказным [письмом], привет, Евгений

Л. СЕДОВ - ВИРАПУ

Тифлис, Грибоедовская 13, Вирап.

3 марта

Спасибо [за] выписку газеты. Буду [с] интересом следить [за] жизнью Закавказья. Братский привет, Лева

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Новосибирска

4 марта

Шлем горячий привет. Назначение Мариинск, Минусинск. Бронштейн, Козловский, Воровская⁴⁵

ЛАЗЬКО⁴⁶ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Оренбурга

4 марта

Едем из Бутырок в Казахстан, шлем коммунистический привет. Лазько

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Л. Седову, из Москвы

4 марта

Есть сведения [о] серьезной болезни папы. Твои телеграммы подозрительны. Немедленно сообщи подробно состояние. Целую, Аня

ЕЩЕ ОДИН⁴⁷

"Личные отходы от оппозиции неминуемы в той труднейшей обстановке, в которой оппозиции приходится бороться за дело Ленина",-- так писали большевики-ленинцы в своей платформе накануне XV съезда.

После ренегатства Зиновьева и Каменева на этот же путь измены вступил и Пятаков. В "Правде" появилось его покаянное заявление. Свое покаяние Пятаков начинает с трафаретного (и лицемерного) признания всех ренегатов, пишущих под диктовку Сталина, будто фракционная работа была продуктом злой воли оппозиции. "Фракционная организация и фракционная борьба привели к такого рода выступлениям,

. фрак-

которые явно ослабляли партию как носительницу диктатуры пролетариата. Такие методы борьбы я никоим образом правильными признать не могу". Но ведь Пятакову лучше, чем кому-либо, известна готовность большевиков-ленинцев прекратить фрак-

ционную деятельность, если им будет дана возможность защиты ленинской пролетарской линии внутри партии. Что же оставалось делать действительным большевикам, когда официальное руководство партии предпочитало блок с Чан Кайши лозунгу Советов в Китае, блок с Хиксом⁴⁸ и Перселем борьбе с оппортунизмом, когда требование борьбы с растущей кулацкой опасностью объявляли перед всей страной желанием ограбить крестьянство, когда указание на необходимость более внимательного отношения к материальным нуждам рабочего класса клеймили как демагогию, когда призыв к борьбе с бюрократией выдавался за критику основ пролетарской диктатуры. Ошибки ЦК усугублялись, увеличивался и зажим внутри партии... Как же обо всем этом "забыл" Пятаков? Фракционные выступления ослабляли партию. Вместо этой бухаринско-сталинской формулировки не мешало бы диалектически поразмыслить -- не была бы ослаблена партия еще больше, если бы оппозиция не вела такого наступления, не развернула такой ожесточенной критики линии нынешнего партруководства. Разве это не привело бы к тому, что партия еще более уклонилась от ленинского революционного пути? Все это было ясно Пятакову еще совсем недавно... После XV съезда он ведь подписал заявление четырех (Муралова, Раковского, Радека и Смилги)⁴⁹.

Что случилось нового за эти два с половиной месяца, что заставило Пятакова пересмотреть свою прежнюю "установку"? В противоположность Зиновьеву и Каменеву он никаких новых "важнейших фактов партийной политики" не приводит в свое оправдание. Он выдвигает два момента. Первое: для него недопустим разрыв с ВКП. Второе: его "сомнения в том, что политика союза рабочих и крестьян превратится в политику игнорирования классовых различий в деревне (кулак -- середняк -- бедняк)", оказались ошибочными сомнениями.

Пятаков считает, что перед оппозиционером имеется три пути: 1) вне партии вести политическую борьбу; 2) вне партии прекратить вести политическую борьбу; 3) и вернуться в партию. Второй путь он справедливо отвергает, ибо "такой ответ есть уклонение от ответа и отказ от участия в политической борьбе рабочего класса". Пятаков избирает третий путь. Но от него требуют стать на сталинско-бухаринскую позицию, целиком принять бухаринское схоластическое рассуждение: термидор у нас или диктатура пролетариата. И вот Пятакову сразу стала непонятна оценка, которая неоднократно делалась оппозицией: да, у нас диктатура пролетариата, но она находится под сильным давлением враждебных классовых сил: наряду с революционными мероприятиями проводится и целый ряд мероприятий, идущих вразрез интересам пролетариата; наряду с сохранением мировой революционной роли СССР в политике нынешнего партруководства имеется многое, тормозящее победоносное развитие мировой революции (политика в Китае, в Англо-русском комитете, преследование левых в Коминтерне и т. п.); именно для защиты диктатуры пролетариата, для ее сохранения необходимо активное воздействие оппозиции на партию. Пятаков уже успел забыть, как и он вместе с другими оппозиционерами доказывал, что именно в результате активности оппозиции задерживается сползание нынешнего партруководства с пролетарской позиции; что благодаря оппозиции имеют место короткие левые зигзаги в нашей политике; что левые зигзаги сменяются правым курсом, если не мобилизовать пролетариат на защиту его завоеваний, если не противопоставить дружный пролетарский отпор нажиму термидорианцев на власть и партию.

Конечно, лучше всего этого можно было бы достигнуть внутри партии. И каждый оппозиционер скажет вместе с Пятаковым: "Да, я за то, чтобы вернуться в ряды ВКП в целях участия в общей борьбе и общей работе партии". Но достигается ли эта цель тем, что оппозиционер шельмует свой вчерашний день? Можно ли участвовать нормальным образом "в общей борьбе и общей работе партии", если предварительно признать, что взгляды, правильность которых подтверждается ежедневной жизнью, являются меньшевистскими и контрреволюционными? Нет, нельзя. Нельзя вести правильной линии, фальсифицируя ленинизм, скрывая прошлые ошибки, борясь с оправдавшими себя взглядами оппозиции как с "меньшевистскими" и "контрреволюционными", содержа в тюрьме и ссылке честных пролетариев-оппозиционеров, героев Октября, организаторов советской власти, Красной армии, большевиков-ленинцев. А ведь даже младенцу ясно, что теперь Пятаков делается прямым соучастником сталинско-рыковской расправы с коммунистами. Он сейчас не меньше, чем Сталин и Рыков, отвечает за то, что сотни и сотни оппозиционеров направляются в отдаленнейшие места царской ссылки.

Не присоединяясь прямо к гнусной, лживой легенде о "троцкизме" (ведь он письменно подтвердил, что слышал от Зиновьева и Каменева, как и для чего они ее выдумали), Пятаков все же пишет: "Признание основным законом развития на данном этапе принципа союза рабочих и крестьян есть точно такое же обязательное условие принадлежности к ВКП(б)". Это открытие имеет лишь один

смысл: стыдливо признать, что прежняя позиция Пятакова противоречила этому принципу, иначе говоря, что клевета о недооценке Троцким крестьянства правильна. Одним росчерком пера Пятаков пытается вычеркнуть пять лет защиты оппозицией того бесспорного взгляда Ленина, что именно для сохранения союза рабочего класса с крестьянством необходим курс, не допускающий отставания темпа развития промышленности от темпа развития сельского хозяйства. Рост товарного голода в стране и затруднения с хлебозаготовками блестяще доказали правильность экономических предвидений оппозиции. Свои сомнения насчет того, что "политика ЦК превратится в политику игнорирования классовых различий в деревне", Пятаков считает сейчас ошибкой, т. е. другими словами, он считает, что политика ЦК была правильной

во всех ее установках (промышленность, не забегай вперед; огонь налево; борьба с оппозицией), а виноват был -- он, сомневающийся в непогрешимости сталинского ЦК. И говорится это в тот момент, когда ЦК фактически сам признался, что он своей политикой воспитал в партии элементы, "не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди "всех слоев" деревни" ("Правда" от 15 февраля 1928 г.).

Нужны ли лучшие доказательства правоты оппозиции? Нужны ли лучшие доказательства фарисейской измены Пятакова?

Каждый большевик понимает, что изменение партийной линии не может быть произведено всерьез без признания прежних ошибок, без изменения отношения к оппозиции.

Проводить левую линию при одновременном преследовании тех, кто эту левую линию отстаивал и продолжает отстаивать перед партией, невозможно. Лозунг физического истребления большевиков-ленинцев есть термидорианский лозунг.

Аресты и ссылки находятся в непримиримом противоречии с объявленным будто бы теперь левым курсом. Термидорианцы остаются в партии и около власти, а большевики-ленинцы -- в тюрьмах и в отдаленных ссылках. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы вскрыть всю фальшь сталинской "левизны" и пятаковской веры в эту "левизну". Сталин хочет подменить подлинную борьбу масс рабочего класса и партии административно-бюрократическим "всесилием".

Пятаков переходит в лагерь тех, кто верит в это всесилие. Так сбывается еще одна оценка Ленина. В своем "Завещании" он сказал, что Пятаков "слишком увлекающийся административной стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе". Заявление Пятакова есть результат длительных переговоров, сговоров, торга. Что дает это заявление Пятакову, Сталину и его аппаратам (ЦК, ЦКК и ГПУ)? Какая выгода им в нем? Не отрицая того, что такое заявление имеет персональное значение, надо признать еще одно громаднейшее значение его: на этом заявлении можно "спекулировать".

Его уже предъявляют во всех учреждениях (ЦК, ГПУ и во всех их местных

органах), предлагают подписаться под ним, угрожая в противном случае всеми партийными и гепеускими карами. Таким образом, Пятаков делается знаменем ренегатства, орудием развращения и деморализации партийцев, рискует обратиться в символ, в "пятаковщину". Пятакова, как школьника, разыгрывают в игре внутрипартийной дипломатии такие опытные интриганских дел мастера, как Сталин, Зиновьев, Рыков. Что общего имеет дипломатничество, интриганство, политиканство с правильной классовой политикой?

После отхода Пятакова оппозиция по-прежнему будет оставаться тем лицом партии, которое обращено к пролетарским низам, в противоположность Пятакову, который вместе с другими аппаратчиками является тем лицом, которое обращено к верхам.

Для каждого последовательного оппозиционера на данной стадии развития между его политической активностью вне партии и необходимостью вернуться в партию⁵⁰. Оставаясь пока вне партии, он борется за нашу ленинскую партию, за ВКП(б), за наше возвращение в нее, но не при помощи фарисейской лжи и фальсификации и самооплевывания, а при помощи пропаганды большевизма. Тот, кто хочет оправдать свое ренегатство, будет изображать эту позицию "межеумочной" и "промежуточной". Никого это не смутит: пока классовые силы не сказали еще своего решающего слова, до тех пор каждый оппозиционер будет бороться, где бы он ни был, за выпрямление линии ВКП(б). Победа пролетариата над термидорианскими элементами в партии вернет нас в нашу ленинскую ВКП(б).
Большевик-ленинец

ЛИСТОВКА "ТОВАРИЩИ"

Мы получили копии этих двух писем, рисующих картину диких расправ над большевиками-ленинцами за их оппозиционные убеждения. Публикуя их, мы хотим обратить внимание русского и международного пролетариата на совершенно неслыханные приемы борьбы, которые применяет фракция большинства против старых большевиков и организаторов пролетарской диктатуры в СССР.

От заключенных в Бутырской тюрьме оппозиционеров

в Политбюро ЦК ВКП(б), в Президиум ЦКК ВКП(б)

и в ИККИ

Расправа с большевиками-ленинцами приняла чудовищные формы. По нашему глубокому убеждению, эта расправа находится в противоречии с интересами пролетариата и ослабляет его диктатуру. В этом мы лишним раз убеждаемся в Бутырской тюрьме, где, находясь в заключении совместно со всей антисоветской сволочью, мы испытываем ежеминутно их злорадство по поводу нашего ареста. В этом они усматривают подрыв диктатуры пролетариата. [Такова] "классовая правда" "классового врага".

Репрессии и издевательства поистине перешли все границы. Следственные органы ОГПУ ведут себя в высшей степени цинично. ОГПУ выступает судьей наших

внутрипартийных споров, что находится в полном противоречии с уставом и традициями нашей партии. Держа оппозиционеров в тюрьме совершенно изолированными от общественной жизни, следователи ОГПУ имеют наглость предлагать отказаться от оппозиционных взглядов, намекая на освобождение и обратный прием в партию в этом случае. Мы неделями сидели во внутренней тюрьме⁵¹ без допросов. Нам отказывали в бумаге для заявления. Допросы свидетельствовали

лишь о политической безграмотности следователей и отсутствии материалов для обвинения нас.

Возможно, что отдельные товарищи под влиянием удручающей обстановки внутренней тюрьмы и угроз следователей отступят от своих взглядов. Тех же из революционеров, которые не идут на эту циничную сделку, сажают в Бутырскую тюрьму вместе с контрреволюционерами, спекулянтами и т. д.

В таком положении, в каком находимся мы, никогда не находились политические заключенные даже при царе. В том же коридоре, где находится наша камера, заключены грузинские меньшевики (14 коридор, 63 камера), пользующиеся отдельным клозетом, улучшенной пищей, газетами и прочими привилегиями.

Поистине зрелище, вызывающее радость только в контрреволюционерах. Культурная революция -- лозунг нашего времени. А не угодно ли вам пожаловать в Бутырскую тюрьму и убедиться, в сколь культурных условиях находятся арестованные оппозиционеры?

В камере, рассчитанной на 25 человек, находится 52 человека. Они лежат на сплошных нарах. В камере, наряду с нами, пятью заключенными оппозиционерами, сидят контрреволюционеры, спекулянты, валютчики, контрабандисты, убийцы, шпионы, фальшивомонетчики, взяточники, бандиты, крупные и малые воры, оккультисты, растратчики.

В такие камеры ОГПУ бросает по 2 -- 3 оппозиционера.

Естественно, что вся эта сволочь относится к нам враждебно, направляет на нас уголовщину. Всю свою злобу за советскую власть и компанию эта публика срыгает на нас.

ОГПУ несомненно знает, куда нас посадили. Такое поведение мы не можем иначе назвать, как издевательством. Воздух в нашей камере отвратительный. В камере воняет, как в уборной, мы лежим на грязных нарах в отчаянной тесноте и покрываемся паразитами. В уборной неимоверная грязь. 4 стульчака на 52 человека. Оправиться не дают, так как нужно освободить место другой камере, в случае расстройства желудка приходится оправляться в парашу, так как по личному требованию в уборную не пускают.

Один из товарищей, заболев во внутренней тюрьме расстройством желудка, попросился в уборную. Ему было отказано, и он вынужден был оправиться в парашу. За требование к смотрителю вынести парашу в уборную требовавший был посажен в одиночку.

Пища ниже всякой критики. Деньги и вещи, отобранные при заключении во

внутреннюю тюрьму ОГПУ, нам не возвращаются.

Во внутренней тюрьме мало того, что даются книжки идиотского содержания (толстовские сказки "Погашенное солнце"), но эти книжки получает ОГПУ от меньшевистского Красного Креста⁵².

На наши протесты против дачи этих книг начальник тюрьмы изволили раз заявить: "Нам не интересно, кто вы".

Газет и серьезных книг не дают. То же и в Бутырской тюрьме. Между тем меньшевики получают газеты и журналы. Тогда как подследственные спекулянты имеют свидания, мы их лишены.

Письма нам разрешают писать два раза в неделю, причем они путешествуют из Бутырской тюрьмы до какой-нибудь из московских улиц две недели. Прибыв в тюрьму, мы были лишены возможности покупать продукты в лавочке, так как камера еще до нашего прихода была лишена в виде наказания права лавочных покупок. Мы добились его для себя лишь после скандала.

В таких "культурных" условиях находимся мы, заключенные по обвинению в оппозиции. Доводя до вашего сведения о всех творящихся над нами безобразиях, мы категорически протестуем против нашего заключения, так как считаем, что наша деятельность подлежит суду партийных инстанций.

Мы во всяком случае не остановимся перед любыми формами протеста в целях радикального изменения тюремного режима.

Письмо товарищам на волю

Шесть недель тому назад нас арестовали за принадлежность к оппозиции. Сначала нас держали без предъявления каких бы то ни было обвинений во внутренней тюрьме ГПУ. Мы сидели в камерах вместе с уголовными, валютчиками, нэпачами. Женщин-оппозиционерок сажали с проститутками и воровками. Нам не давали ни книг, ни газет. Неделями нас держали без допросов, не предъявляя никаких обвинений. Обыски, произведенные у нас дома, вопросы, которые задавали на следствии, показывают, что у нас искали материалы и арестовывали нас за наше участие во внутрипартийной борьбе перед XV съездом партии.

Мы отказывались давать показания в тюрьме о нашей партдеятельности на том основании, что отчет об этом мы дали в свое время партии. Но ГПУ, чтобы вынудить их у нас, прибегало к мерам насилия и несколько дней держало нас в карцере. После такого "следствия" мы продолжаем оставаться в невыносимо тяжелых условиях. Из внутренней тюрьмы ГПУ нас перевели в Бутырскую тюрьму. Здесь в камерах, рассчитанных на 20 -- 30 человек, держат по 40 -- 60.

Старый цементный пол весь в ямах. Грязные, не прилаженные друг к другу доски-клоповники вместо нар. Небеленые стены, нет никакой возможности поддерживать чистоту в условиях необычайной скученности. Как и в ГПУ, мы сидим в камерах вместе с уголовными. Не выдают белья и не дают возможности самим его стирать. Вши нас заедают. Ввиду скученности нет места для сна.

Нэпманско-уголовное население камер занимает лучшие места. Вновь прибывающий спекулянт за 10 руб. покупает себе место у уголовного, не получающего передач. Мы же по ночам ютимся у параша на цементном полу. Днем мы

подвергаемся прямым издевательствам как со стороны администрации тюрьмы, так и со стороны антисоветских элементов тюремного населения. На нас сосредоточивается вся классовая ненависть врагов пролетариата.

Нас не только изолируют от внешнего мира, над нами издеваются, стараясь нас унижить и лишениями добиться наших покаяний.

Мы требуем прекратить эти издевательства над большевиками -- строителями рабочего государства. Мы требуем отдельных камер для оппозиционеров.

Мы требуем свиданий с родными. Мы требуем окончания следствия в установленные советскими законами сроки.

Требования наши направлены в ЦК и ЦКК ВКП(б). Ответ ждем к 12 часам 2 марта.

В случае неполучения ответа в этот срок прекращаем прием пищи.

* * *

Ночью 2-го и 3-го товарищи, написавшие это письмо, были высланы в глухие места Сибири.

Л. СЕДОВ - А. СЕДОВОЙ, С. СЕДОВУ

Москва, Грановского 3/101, Седовой

5 марта

Не дурите [с] телеграммами. Папа здоров. Лев. Отправитель: Седов, Алма-Ата

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Верный, Троцкому, из Перми

5 марта Едем [в] Сибирь, пламенный привет. Васюта, Оганесов, Киевленко, Шенкман, Мартынов, Козлов, Ивановская, Бухарцева, Зацепин, Воскресенский, Кириллов, Максимов, Патриарка

С. СЕДОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы

6 марта

Срочно сообщите, какие русские журналы выписать. Сергей

О. СОСНОВСКАЯ - Н. И. СЕДОВОЙ

Алма-Ата, Троцкой, из Москвы

6 марта

Горячий привет. Всегда помним. Беспокоюсь [о] здоровьи. Ольга Барнаульская53

Д. МАЙЗЕЛЬ54 - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову, из Вологды

7 марта

Выслан [в] Кадников, Вологодской [губернии]. Подробности письмом, привет всем. Давид

Л. СЕДОВ -А. СЕДОВОЙ

Москва, Грановского 3, квартира 101, Седовой, из Алма-Аты [После 10 марта]

Крайне удивлен отсутствием ответа [на] мою телеграмму от 10 марта.

Немедленно телеграфируй здоровье, положение Жоржика55. Если деньги на покупку вещей не отправлены, ждите инструкций письмом. [У] мамы возобно вилась малярия. [В] Алма-Ате крайний недостаток хинина. Вышлите немедленно сто доз хинина [по] три десятых грамма, непременно [в] облатках.

Получил седьмое [и] восьмое письмо. Шестого нет. Напоминаю [о] привоз[е] летних вещей Сережей. Мечтаю [о] свидании. Крепко вас целуем, Лев

А. ГУРЕВИЧ56 -- Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову, из Краснококшайска

11 марта

Настроение бодрое, горячий привет Льву Давыдовичу [от] меня и Заварьяна5'. Жду письма. Саша

С. и А. СЕДОВЫ - ТРОЦКИМ

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы

14 марта

Здоровы. Дела [в] порядке. Сергей [в] апреле выезжает. Аня [-- в] июне.

Целуем всех крепко. Дети

ЮШКИН и ЭВЕЛЬСОН58 - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Андижана 16 марта

Пламенный большевистский ленинский привет из ссылки. Андижан, гостиница "Москва". Юшкин, Эвельсон

А. и С. СЕДОВЫ -- ТРОЦКИМ

Алма-Ата, Седову, из Москвы

17 марта

Регулярно сообщайте здоровье мамы. Хинин выслан. Жорж Вязниковцев, Игорь Мартыныч отдыхают59. Сообщите [о] получении денег. Целуем, Аня, Сергей

ТРОЦКИЙ -- ЮШКИНУ

Андижан, гостиница "Москва", Юшкину

18 марта.

. 18 марта

Ждем подробных писем. Живем, благополучно работаем. Сердечный привет вам [и]
Эвельсону от Натальи Ивановны [и] Лёвы. Ваш Троцкий

ТРОЦКИЙ - АЛЬСКОМУ

Ачинск, Альскому. Троцкий, Алма-Ата

18 марта Как здоровье? Привет, Троцкий

ЮШКИН и ЭВЕЛЬСОН - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Андижана

19 марта Телеграммы получили, шлем письмо. Большевистский привет вам,
Наталье Ивановне, Лёве. Ваши Юшкин, Эвельсон

3. БРОНШТЕЙН60 - ТРОЦКИМ

[20 марта]

Адрес Манаб1: Село Самарское, Тобольского округа. Ссылному М.
Невельсону

ВРАЧЕВ62 - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Вологды

21 марта

Сердечный привет вам, Наталье Ивановне, Леве. Сообщите [о] здоровья, адрес.
Отвечайте Советский проспект 96. Врачев

Н. Н. КРЕСТИНСКИЙ - ПИСЬМО ЯРОСЛАВСКОМУ

Сов[ершенно]секретно.

Лично

| тов. Ярославскому

Уважаемый товарищ,

Вы пишете, что тов. Переверзев⁶³ рассказал Вам о попытке неизвестного ему лица конспиративно передать ему какие-то документы оппозиции из Москвы, в частности, документ, который при беглом ознакомлении тов. Переверзева с ним произвел на него впечатление предназначенного для распространения полемического ответа Л. Д. Троцкого на какое-то мое письмо ему об оппозиции.

Основываясь на этом сообщении тов. Переверзева, Вы просите меня информировать партию об этой моей переписке с Л. Д. Троцким путем посылки в ЦКК имеющихся у меня материалов.

Переписка моя с Л. Д. Троцким об оппозиции носит односторонний характер, ибо состоит только из моих писем, остававшихся без ответа, если не считать того ответа, о котором говорит предположительно тов. Переверзев и который до сих пор остается мне неизвестным.

Письма мои представляют интерес разве лишь потому, что отражают мое критическое отношение к тактике оппозиции в различные моменты внутрипартийной борьбы, приведшее, в конце концов, к моему идейному разрыву с оппозицией, несмотря на то, что с большинством руководителей ее я был связан давнишними и тесными личными отношениями. (Я говорю об идейном, а не организационном разрыве, потому что организационной связи с оппозицией у меня не было.)

Пересылая, согласно желания ЦК, копии этих моих писем, считаю нелишним добавить, что опубликование их было бы неудобно по той же самой причине, по которой я не выявлял никогда, даже в своей ячейке, своих разногласий с ЦК, именно ввиду моей работы за границей и притом на дипломатическом посту.

С тов. приветом

Н. Крестинский

22 марта 1928 г.

РАДЕК - ТРОЦКОМУ

22 марта

Письмо получил, заграничные газеты позабочусь, крепко обнимаю. Родек

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Колпашево

25 марта

Шлем привет и лучшие пожелания, просим часто писать, получение подтвердите телеграфно. Смилга, Альский, Нечаев⁶⁴, Ежов, Бухарцева, Эмануэль, Карамоненко, Шенкман⁶⁵

Л. СОСНОВСКИЙ - ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

В первом письме я писал вам на основании материалов сибирской печати, насколько ощутительно здесь влияние кулака в хозяйстве. Сибирские газеты с разрешения Сталина на 2 -- 3 недели раньше начали живописать кулака, чем центральная печать. Дошло дело до того, что Сырцов⁶⁶ встревожился. У него кулак легализован и доступен обозрению, а в других районах не слышно. Как бы не обвинили в недостатке распорядительности: развел излишек кулаков. Он запросил Москву, почему нигде нет кулаков. Ему ответили, что будут приняты меры. Вскоре воспоследовала знаменитая передовица "Правды" от 15 февраля, приписываемая перу Сталина⁶⁷. В духе этой статьи разосланы на места директивы.

Итак, теперь не нужно доказывать, что кулак -- если и не центральная, то, во всяком случае, достаточно приметная фигура в деревенской действительности.

Курьезными кажутся теперь шпаголотательские упражнения Яковлева⁶⁸ и К|| по части гомеопатического исчисления численности кулака в деревне. Я приведу вам совершенно разительный пример из барнаульской действительности. В книге "Барнаульский округ" есть данные за 1926 год такие.

В округе почти поголовно молотят хлеб молотилками. Но своими молотилками молотят только 8% дворов, а 88% -- наемными. Значит, почти весь округ зависит от 8% кулаков, ибо во всем арсенале эксплуататорских ресурсов кулака -- молотилка самое ядовитое. Сроки уборки по климатическим условиям здесь короткие. Бедноте нельзя ждать ни одного лишнего дня. И она в руках кулака.

Из прилагаемой вырезки⁶⁹ вы увидите, что кулаку выгодно бывает даже оставить свой хлеб не убранным, зарабатывая в это время на эксплуатации машинами. Теперь выяснилось, что кулак великолепно оценил

сельскохозяйственный инвентарь как орудие господства. Мы-то всаживали в инвентарь валюту, мы-то платили за границу наличными и притом золотом, а машины продавали в кредит. Мы-то ввели на инвентарь довоенный прейскурант. Конечно, это хорошо, поскольку речь идет о бедняках и середняках. Но затрачивать валюту для снабжения кулака орудиями закабаления, отрывая при этом средства от индустриализации -- это неслыханный просчет.

Насколько мог, я внимательно следил за газетными сообщениями о судебных процессах над кулаками по 107-й ст[атье]70. Меня интересовало вот что. На суде обычно приводились яркие и обильные доказательства кулацкого естества обвиняемого. И самый его хлебный запас бледнел перед нехлебным его богатством. Когда перечислялось, сколько у него инвентаря и скота, какими способами он держит в руках бедноту, то думалось: а если бы он дал в этом году хлеб? Сколько еще времени позволяли бы ему беспрепятственно обогащаться? Из всех фактов приведу один. Это был герой первого по времени процесса после приезда сюда Сталина71. Кулак Кабардин. Оказалось, что сей муж, вооружившись надлежащими документами сельсовета о своей "трудоной" природе, отправился в Зиновьевск на завод в качестве представителя сибирских хлеборобов. Там с ним "смычковали", митинговали, и он -- вопреки всем порядкам синдицированного сбыта -- приобрел пять молотилок (вспомните сказанное выше о поразительной концентрации молотилок в кулацких руках). Он привез молотилки сюда, раздал 4 штуки приятелям. Потом -- использовав в сезон свою -- продал и пятую, а взамен выписал себе из Зиновьевска шестую. Ведь 6 молотилок в деревне не иголка. Но никто не обратил внимания. И только когда высшее начальство приказало устраивать суды над кулаками, всплыла на суде и эта кулацкая проделка. Читал здесь в газетах такие перечни инвентаря у обвиняемых кулаков, что диву давался. Не кулак, а госсельсклад72 какой-то. Местные люди откровенно говорят, что если бы не затруднения с хлебом, то резолюция XV съезда о "форсированном нажиме на кулака" преспокойно лежала бы в шкафах комитетов. Теперь же встряска партийно-советского механизма по этой линии бесспорно произошла. Я, было, недоверчиво относился к разговорам о повороте курса на бедноту. Должен сказать на основании наблюдений и газетных материалов, что, может быть, впервые после комбедовского73 периода о бедноте начинают думать более серьезно.

Конечно, это пока относится только к области ведомственных мероприятий. Например, распределение кредитов, машин. И то только начинается. В организационном же отношении сдвиг в работе с беднотой еще мало ощутителен. И потому нажим на кулака (ниже я скажу, как нажимают на середняка) дает хлеб и отчасти деньги, но не дает политического эффекта, какой можно и должно было получить. Я думаю, что не преувеличиваю: в большинстве случаев беднота остается после проведения нажима на кулака в смятении, в испуге. Была в г. Камне74 окружная конференция групп бедноты. Настроение было таково, что местный партийный вождь решил было: это не бедняки, а кулаки. И начал в подтверждение своего тезиса искать их окладные листы по налогу. Кое-как ему удалось втолковать, что это настоящие бедняки, но головы их находятся в

распоряжении кулаков, поскольку партия еще не удосужилась заняться ими. Это конференция окружного масштаба, уже подобранная. В более же мелком масштабе беднота постоянно издает жалостные звуки: к кому же мы теперь пойдем за хлебом, раз у кулака не будет хлеба. Надо сказать, что тревога эта не лишена оснований. Нажим произвели, хлеб пошел. А о снабжении хлебом бедноты не позаботились. Приходит бедняк в ЕПО75, хочет купить несколько пудов хлеба. Ему не дают: должны вывозить весь хлеб на станцию. Где же я куплю хлеба? -- Где хочешь. А до нового хлеба еще далеко. Идет к кулаку. Тот злобно направляет его в то же ЕПО: теперь мой хлеб там, пусть они тебя кормят. Даже те 25% конфискованного хлеба, которые предназначались для снабжения бедноты, усердные заготовители ухитрились смешать с заготовленным хлебом и вывезти из района. Таких случаев много. Только впоследствии бедняцкая тревога дошла до города, и появились распоряжения о частичном удовлетворении бедноты (речь идет о продаже за деньги).

Нельзя отрицать, что в некоторых случаях -- я утверждаю, что это были именно случаи -- нажим проводился при участии бедноты. Приезжали в село, проводили собрания бедноты, выясняли с ними местных кулаков и их хлебные запасы, вовлекали их в дальнейшую работу. В таких местах, бесспорно, беднота подняла голову, а политический авторитет кулака низведен до нуля. Беднота впервые чувствует себя предметом забот. Тут и середняк более дружелюбно настроен. Но таких случаев, думаю, не много.

Мне известно, что "пятаковые политики" поспешили поверить, будто подобная политика стала здесь правилом. Каменев и Зиновьев, находящиеся в почетном (?!) плену в Калуге, где отбывал плен горный орел Шамиль76, пекут "кулацкое тесто" сладких успокоительных уверений: новый курс начался, "ныне отпускаешь". Отрицать поворота я не могу. Разговоры совсем другие и не только разговоры. Когда распределяются фонды денежного и машинного кредитования, бесспорно, теперь больше внимания и интереса к тому, чтобы фонды не попали кулаку. Бесспорно, больше интере-

са и внимания стали проявлять к задачам коллективизации бедноты. Скажем, если получается кредит в 100 000 руб. на теплые скотные дворы, то 80% сразу выделяется на коллективные скотные дворы, а 20% на единоличные. Тут даже замечается некий перегиб, вернее, проявление коллективизаторского "административного восторга". В порядке разверстки каждому району предписывается к такому-то числу создать столько-то коммун, машинных товариществ и прочих коллективов. Пример: в Барнаульском округе 30 коммун. Из них 16 официально признаны больными. Прироста коммун не было все последние годы. Наоборот, из сотен коммун осталось 30, да и те наполовину больные. И вот предписывается к весне создать 14 новых коммун. Там, конечно, создадут и трижды 14. Но ни финансовые ресурсы, ни организационные не позволят этого сделать как следует. Зато в окружную, а затем в краевую и далее сводки попадет бешеный рост коллективизации. Это и есть бюрократизация всякого живого дела.

Тут мы подходим к вопросу, достаточно ли пригоден нынешний низовой аппарат к проведению нового курса в деревне. Я лично думаю, что мало пригоден. Из передовой статьи "Правды" от 15 февраля мы узнали, что у нас "целый ряд" организаций не видит в деревне классов. Количественное определение этого факта наивно затемняется словечками: нередко... зачастую... кое-где... сплошь и рядом... иногда... Иди доказывай, какой процент партии не видит классов в деревне, хочет жить в мире со всеми, в том числе и с кулаком. Одно можно сказать -- большой процент.

Сейчас в сибирской печати совершенно откровенно начали выяснять, много ли в партии кулаков. Не кулацких подголосков, а форменных кулаков, богачей, скрывающих хлеб сотнями и тысячами пудов, имеющих сложный сельскохозяйственный инвентарь, пользующихся наемным трудом и потому активно выступающих против всякого изменения прежней, благоприятной кулакам политики в деревне. Что такой сорт коммунистов в деревне имеется -- никто не сомневается. Но что среди них имеются и секретари ячеек, и члены райкомов, и инструктора райкомов -- признаться, и я не предполагал. А между тем, когда начальство разрешило об этом говорить, в "Советской Сибири"⁷⁷ появилась удивительная портретная галерея кулаков-коммунистов с указанием их фамилий, адресов, должностей. Сообщалось, что они (например, один инструктор райкома) выступали на крестьянском сходе против "грабиловской" политики партии. Указывалось, что такие коммунисты укрывают от сдачи по 1000 пудов хлеба и тайком продают его городским спекулянтам (в упомянутой передовице "Правды" как раз говорилось о смычке кулака со спекулянтом, но не говорилось, что есть такие члены партии). Ком[мунистов]-кулаков начинают исключать из партии. Особенно энергично, судя по газетам, делают это в Рубцовском округе. И что же? Как только исключили из партии первых 20 -- 30 кулаков, сразу обозначился приток в партию батраков и бедняков, даже в самые застойные ячейки.

В газетах прямо говорится, что кулаки не пускали бедноту и батраков в партию.

Можно ли удивляться, что находились не только ячейки, но даже райкомы и даже чуть ли не окружкомы, которые утверждали, что во вверенном им районе кулаков не обнаружено. Можно ли удивляться, что "целый ряд" организаций не видел в деревне классов. Ведь еще "Коммунистическим манифестом"⁷⁸ установлено, кажется, что именно имущие классы заинтересованы в замазывании самого факта существования разделения общества на классы.

Я приведу вам две интересных цитаты из краевого партийного органа "На ленинском пути". Статья М. Гусева в № 3 журнала за 1928 год называется "О хлебозаготовках, деревенских настроениях и "точке зрения"" (о Канском округе). В ней говорится:

"В результате что-то не слышно, чтобы где-нибудь в округе коммунисты первые показали пример сдачи излишков хлеба. Наоборот, известен ряд случаев, когда коммунисты плетутся в хвосте худших настроений. "Другие держат хлеб. Чем я хуже". "Я волен распорядиться своими излишками и повыгоднее продать, кому и

когда захочу". Прямо поддерживают враждебную кулацкую агитацию: "Партия нас угнетает, хочет взять хлеб по твердой цене в интересах только рабочих. Нам надо организовать свою крестьянскую партию. Пусть сначала сбавят в городе высокие ставки, а потом и нас заставят сдавать хлеб". Есть коммунисты, имеющие по 300 -- 500 и более пудов излишков, не сдававшихся до последнего времени и -- среди них председатели правлений кооперативов и сельсоветов. А сельские ячейки об этом ни звука... Такие настроения и факты, мне кажется, не являются присущими одному округу. В большей или меньшей степени они, очевидно, имеют место и в других округах".

Статья М. Гусева помещена без всяких примечаний. Да она мало чем отличается от ряда других сообщений последнего времени. Итак, утверждение о том, что нижние этажи здания затопляются кулацкими элементами, подтверждается не только в отношении советского и кооперативного зданий, но частично даже в отношении партийного, о чем мы еще не решались говорить утвердительно, не зная всей правды. Если таковы партийные председатели кооперативов и сельсоветов, то каковы же беспартийные.

Совершенно очевидно, что таковой аппарат еще кое-как под страшнейшим нажимом сверху проводил предписанные ему мероприятия. Но классовой политики он провести не в состоянии и сейчас. Мне рассказывали о методах одного из самых блестящих ударников, посылаемых из центра для проведения заготовок, займа, самообложения. Где он появится, там сводки дают скачущие вверх цифры.

Приведу рассказ так, как я сам слышал:

"Приезжает Х. в сельсовет.

-- Вы председатель?

- Да, я.

А кто ваш заместитель, пошлите за ним, а сам приготовьте дела к сдаче ему.

Печати и все прочее.

Почему?

Да потому -- поедете со мной в город.

Зачем?

Очень просто зачем -- в тюрьму. Заготовки не выполнены, за-ем тоже, самообложение тоже. Я с вами шутить не буду: в тюрьму. Впрочем, оставайтесь здесь до завтра. Я проеду пока дальше, а завтра вернусь. Если не соберете полностью, соберитесь в тюрьму".

И что же. Приедет завтра, а все собрано. Уж какими средствами это сделано -- другой вопрос. Но сделано, и в округ летят сводки с цифрами.

Яркий свет на эти методы бросает другая статья в том же журнале, принадлежащая перу И. Нусинова⁷⁹ (На ленинском пути, No 4, с. 19). Два слова о Нусинове. Это -- Яковлев в сибирском масштабе, главный спец по статистическим аргументам о ничтожности кулака. Тем интереснее его замечание:

"Чрезвычайно характерным является то, что чем слабее партийная организация, чем меньшим влиянием она пользуется среди бедноты и середняков, чем меньше были ее возможности по линии мобилизации общественного мнения села в борьбе с кулаком, тем охотнее она переходила к голому административному нажиму, злоупотребляя "дозами", теряя чувство меры. Нужно прямо сказать: чем сильнее сопротивлялась ячейка нашему нажиму на кулака в начале кампании, чем охотнее она разглагольствовала о том, что "все бедняки -- лодыри", тем легче она под градом репрессий в разгар кампании переходила к оголтелому администраторству..."

Из этого отрывка вы видите, что речь идет о таком нажиме, когда потеряно чувство меры, когда начинается оголтелое администраторство. Терминология, напоминающая мне период 1919, когда я ездил от ЦК и ВЦИК развинчивать гайки комбедовского режима в Тверской губернии.

Но с другой стороны, ясно, что речь идет не о кулаке, как жертве этого "оголтелого администраторства". Едва ли даже Нусинов стал бы нынче печаловаться за обиженного кулака. Нет, речь идет о "размолвке с середняком" (кажется, такую фразу приписывали Никитичу⁸⁰). По всем впечатлениям моим от газет и встреч нажим на середняка за редкими исключениями был поистине оголтелым, с потерей чувства меры. На него налетели с небывалым после 1918 -- 19 годов шумом, проводя сразу 15 кампаний, и все кампании формулировались одним словом: даешь...

Даешь хлеб, налог (до срока), страховку, ссуды, паевые, заем, самообложение, сем[енной] фонд -- кажется, еще не все.

Если бы даже все эти кампании проводились максимально тактично, выдержанно, мудро, с преобладанием убеждения, то и тогда это сгущение во времени целой серии экономических мероприятий должно было встревожить и насторожить середняка. Но разговаривать с ним было некогда и некому. А главное -- некому. Время

бы нашлось, да некому. Партийно-советский и кооперативный аппарат меньше всего приспособлен был к проведению классово-линейными методами убеждения. Он либо глухо или громко подпевал кулакам, либо очертя голову кидался, как пес, спущенный с цепи. Оживление Советов и секций выразилось в описанном мною выше наезде окружного ударника: сдавай печать, собирайся в тюрьму.

Нусинов констатирует факт, не объясняя его. Почему же наиболее благосклонные к кулакам ячейки оказывались наиболее оголтелыми в нахрапе? По-моему, это объясняется очень просто. Оборонительная тактика кулака при всей ее гибкости и разнообразии сводится к одному. Он стремится занесенный над ним удар отвести на более широкую мишень, распределить более уравнилельно на всю деревню. Вообще, принцип уравнилельности в налогах и прочих тяготах находит в кулаках истинных апологетов. А политически кулак хочет, чтобы против партии была раздражена вся деревня, а не он один. И, проявляя оголтелое администраторство, подкулачники, в сущности, выполняют кулацкую директиву. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этот азарт совмещается с объявлением бедноты лодырями.

Ошибка Сталина (прежняя и нынешняя, поскольку он в Сибири снова повторил эти слова), что он не понимает классового смысла нынешнего рецидива "раскулачивательных" тенденций. Он говорил на XIV съезде и позже, что партия наиболее готова именно к раскулачиванию. Ничего подобного. Партия (говоря о деревне) оказала сопротивление первой попытке нажать только на кулака. Тут не только сельские коммунисты, но даже судьи и прокуроры в первые моменты отказывались проводить процессы по 107-й ст[атье] против кулаков. Первые процессы были полугласными. Когда же эти подкулачники убедились, что партия хлеб возьмет во что бы то ни стало, они поспешили распределить силу удара по кулаку на середняцкие (частью даже на бедняцкие) спины. В этом прямой и ясный классовый смысл. В этом правильная (с кулацкой точки зрения) тактика. Вот почему так легко от саботажа заготовок часть аппарата перешла к безудержной продрозверсточной методике вплоть до сажания в холодную тех, кто не купил облигаций.

-- Я ведь его только один день продержал,-- оправдывался здесь один уполномоченный округа по проведению всех кампаний.

Здесь в печати опубликованы факты, когда партийцы созывали собрание бедноты, и каждый пункт повестки гласил: "Давай". И давай в первую очередь, чтобы доказать кулаку, какой он мерзавец и какие молодцы бедняки: первыми отдают последние гроши на облигации, первыми несут последний мешок зерна, чтобы устыдить подлого кулака.

И это не только в Сибири. Я получил письмо от одного старого партийца (не оппозиционера), работающего по заготовкам на Украине. Он -- старый наркомпродчик⁸¹, всю революцию провед-

ший на заготовках, утверждает, что происходящее на Украине невозможно назвать словом заготовки. Есть хождение по амбарам, по чердакам, но заготовок, по его словам, нет. Он очень тревожится за настроения середняков.

Говорит, что они засыпают армию жалобными письмами. Кое-что по этой части мы знаем и в Сибири.

Так вот, не имея возможности определить количественно степень "размолвки со середняком", я полагаю, что размолвка эта все же получилась. Исключения составляют районы и села, где велась кое-какая работа с беднотой. Там и середняк спокоен, и кулак прижат, и беднота выпрямилась. Но много ли у нас мест, где работа с беднотой велась всерьез, и приспособлен ли нынешний партийно-советский аппарат к такой работе? Нынешняя зима показала даже слепым, каковы жильцы нижних этажей нашего здания. С этой точки зрения "Правда" права: произошел экзамен.

К сожалению, я ничего не могу сказать о том, как переживают городские рабочие (партийные и беспартийные) всю эту деревенскую встряску. Об этом следовало бы порасспросить москвичей. А несомненно, что середняцкие настроения должны до фабрик и заводов докатиться.

Ну, вот вам и все важнейшие сибирские новости. В каком они отношении ко

всему пережитому за прошлый год -- судите сами. Если вы находите, что я не прав в выводах или в освещении фактов -- напишите. В сущности, конечно, трудновато в нашем нынешнем положении уследить за фактами, особенно за деревенскими фактами. Но я старался выудить из печати все, что можно. Теперь более пристально стал приглядываться к материалам коллективизации деревни. Если попадется что-нибудь интересное -- напишу. Будьте здоровы, дорогой друг. Пишите. Крепко жму руку.

Только для членов ВКП(б) Секретно

РЕЗОЛЮЦИЯ

Совещания Высшего политического состава

Белорусского военного округа

по докладу тов. Ланда "Итоги зимней работы и задачи на летний период"

(Принята единогласно)

1. Хозяйственные затруднения, нарастание классовых противоречий, развертывание пролетарской демократии, культурная революция -- все основные моменты, определяющие политическую обстановку в стране, как и всегда, находят свое отражение в жизни армии. Рост политической активности всех специальных групп красноармейцев, политическое расслоение красноармейской массы как результат обострения классовой борьбы в деревне, усиление крестьянских настроений, повышение культурной требовательности красноармейцев, более чуткое и острое реагирование на все недостатки работы армейского аппарата -- таковы моменты, характеризующие общее политическое состояние частей округа.

Необходимо отметить необычайную чуткость, с которой масса красноармейцев воспринимает настроение деревни, в частности ее верхушечной части. Настроения эти в истекшем периоде приобрели особенно массовый характер и явно влияли на учебу, политическое состояние и боеспособность частей. Развитию этих настроений способствовало наличие в частях классово враждебных нам нетрудовых элементов, пытавшихся в период обострения крестьянских настроений повести явную контрреволюционную агитацию в казарме.

Сейчас, в результате проведенной в частях политической работы красноармеец-середняк в основном понял значение последних мероприятий партии и разделяет их, несколько повысилась активность бедняков, но в то же время не изжито еще кулацкое влияние на зажиточную часть красноармейцев и младшего комсостава.

Политические процессы, происходящие в стране, трудности социалистического строительства в связи с ростом активности враждебных нам классов и групп, а также болезненные явления, отмеченные в резолюции апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)82, находят своеобразное отражение в жизни армии в виде недооценки роли и значения парторганизации и политаппарата в Красной армии, стремления части начсостава освободиться от партийного влияния и руководства в практических вопросах военного строительства, грубых дисциплинарных

извращений, развития очковтирательства, карьеризма и прислужничества, замазывания недочетов и болезненных явлений, роста пьянства, идеологических извращений в литературных работах и т. д.

2. Состояние партийной организации, несмотря на все трудности, стоявшие перед ней в течение зимнего периода (дискуссия, хлебозаготовительная кампания), продолжает оставаться здоровым.

Несмотря на неподготовленность и некоторые запоздания в хлебозаготовительной кампании, парторганизация округа в общем успешно справилась с волной крестьянских настроений, нахлынувших в казарму, и ее влияние на основную массу красноармейцев стоит на должной высоте.

Требуют, однако, пристального внимания, усиленной воспитательной работы и решительной борьбы такие явления, как: а) пьянство, б) факты отрыва партначсостава от рядовой партийной массы и от красноармейцев, в) явления политического хвостизма, особенно ярко сказавшегося в период хлебозаготовительной кампании, г) случаи очковтирательства и дисциплинарных извращений со стороны партийных командиров.

Все эти явления обнаруживают тенденцию к росту.

Отмечая значительные достижения в регулировании роста парторганизации округа, Собрание считает главной задачей в этой

области не допустить в дальнейшем снижения удельного веса рабочего состава в числе принимаемых в партию.

3. На общем фоне устойчивого политико-морального состояния частей округа особенно резко выделяются в настоящий момент наиболее опасные антиморальные явления, не только не идущие на убыль, но и обнаруживающие явную тенденцию к росту. К числу этих явлений относятся коллективные нарушения дисциплины, самоубийства, самовольные отлучки и пьянство.

Анализ этих антиморальных явлений показывает, что в основе их лежит, в подавляющем большинстве случаев, отрыв начсостава от красноармейцев, недостаточная заботливость о нуждах красноармейцев, факты казенного отношения начсостава к своим обязанностям, а иногда прямая его грубость и незаконные действия в отношении красноармейцев.

Огромное влияние на политико-моральное состояние частей оказывают все более распространяющиеся случаи безобразных дисциплинарных извращений, совершенно несовместимых с духом и уставами РККА⁸³, и безответственное отношение некоторых командиров к налагаемым ими дисциплинарным взысканиям.

В числе недопустимых явлений, получающих распространение в последнее время, должно быть особенно подчеркнуто очковтирательство, имеющее несомненную связь с другими большими явлениями в жизни Красной армии (бюрократизм и казенщина, карьеризм, факты отрыва начсостава от масс, тенденция "фельд-фебельщины" и т. п.).

4. В свете этих антиморальных явлений заслуживают особого внимания факты, сигнализирующие о проникновении чуждой и враждебной нам идеологии в среду беспартийного командного состава: ряд случаев сочувствия беспартийных

командиров оппозиционно время дискуссии, пассивности в крупнейших политических кампаниях, наличие в некоторых случаях нездорового отношения к нашим затруднениям в хлебозаготовках, "принципиальное" оправдание отрыва красноармейцев и т. д.

Вместе с тем со всей силой должна быть подчеркнута крайняя опасность таких явлений, как элементы нарождающейся кастовости, упадочнические настроения, бытовые ненормальности (кутежи, пьянство), связи с мелкобуржуазной средой, тем более, что явления эти в некоторых случаях граничат с явным разложением отдельных элементов начсостава (64-я сапрота, 6-й артдивизион).

Наряду с этим должно быть отмечено и идейное оформление и обоснование чуждых Красной армии взглядов и настроений в военной литературе (работы Левичева⁸⁴, Верховского⁸⁵, Свечина, Короля, Загю⁸⁶, Морозова⁸⁷, Серсона и др.), не всегда получающие должный и своевременный отпор, на что указывала VII Окружная партийная конференция. В связи с этим Совещание считает особенно своевременным и правильным решение Второго Всероссийского совещания секретарей ячеек об усилении внимания ПУРа к изданию военной литературы и марксистской критики ее.

5. Распространению многих из антиморальных явлений способствуют недостатки партийно-политической работы в частях. Главнейшие из этих недостатков заключаются в следующем:

- а) недостаточный охват партийной организацией и политаппаратом всех сторон жизни частей, недостаточный охват партийным влиянием начсостава, недостаточное влияние на хозаппараты;
- б) недостаточно решительная борьба с явлениями отрыва начсостава от красноармейцев, с фактами невнимательного и нечуткого отношения к красноармейцам, с бюрократизмом, с явлениями "фельдфебельщины", с пьянством;
- в) наличие формализма и казенщины также и в самой политической работе, наличие частых случаев искажения классовой линии содержания военно-политического воспитания (политзанятия, внешкольная работа), недостаточная непосредственная связь и работа руководящих политработников в массах, все еще невысокое качество политической работы;
- г) недостаточное умение политорганов и парторганизаций своевременно и полностью увязывать работу с конкретными задачами партии, обстановкой в стране и настроениями красноармейских масс (пример: неподготовленность и запоздание в хлебозаготовительной кампании);
- д) совершенно недостаточная политическая и общевоспитательная работа с начсоставом, отсутствие систематического изучения настроений, недостаточное внимание к его политико-моральному состоянию;
- е) все еще недостаточное участие начсостава в политической работе и недостаточное понимание им своей ответственности за воспитание частей и политико-моральное состояние. Этот недостаток, порождая ряд антиморальных явлений в повседневной жизни частей, особенно остро сказывается в наиболее

ответственные по-литические моменты (хлебозаготовительная кампания).

б. Отмеченные недочеты имеют свои корни также в том, что линия руководства по основным вопросам строительства армии является недостаточно единой.

Наряду с правильной партийно-политической линией в вопросах воспитания, дисциплины, взаимоотношений командира и красноармейца, роли партии и политорганов в армии, отношения к очковтирательству и т. п., усвоенной и проводимой политорганами, мы имеем другую линию, противостоящую первой и идущую по линии индивидуального инструктажа командиров, в частности в нашем округе, директивных указаний по линии штабов и ГУ РККА88, часто не встречающую достаточно решительного противодействия со стороны руководящих политорганов Красной армии. Эта вторая линия выражается в ограничении прав политорганов, вопреки действующим положениям, в насаждении "фельдфебельщины" и очковтирательства, выхолащивании классовой сознательно-

сти в деятельности начсостава и красноармейцев (внешняя муштра, запугивание "желтым" волчьим билетом).

Забвение роли партполитаппарата проявляется также в том, что совершенно правильная майская директива о единоначалии на практике искажается назначением единоначальниками лиц, не понимающих линии партии, не могущих руководить партийной организацией, пытающихся административно ею управлять. Единство управления (командира-единоначальника и политчасти) является поэтому зачастую внешним и достигается путем "прими-речества" и "соглашательства", а не на основе принципиально выдержанной партийной линии. Необходимо в самое ближайшее время издать положение о военкомках по политчасти и единоначальниках -- полностью гарантирующее правильное партийное руководство, связь и руководство политорганов и политаппарата по вертикали и кладущее конец всем искривлениям89.

Основные недочеты нашей работы, наряду с перечисленными выше отрицательными явлениями в жизни армии, совершенно ясно говорят о недостаточном партийном влиянии на жизнь частей РККА.

В соответствии с этим выводом Совещание целиком и полностью одобряет решение Второго Всеармейского совещания секретарей ячеек, указавшего практические пути укрепления партийного руководства в армии. Совещание считает необходимым скорейшее опубликование и проведение в жизнь этих решений.

Вместе с тем совещание констатирует также, что решения XV партийного съезда не нашли еще преломления в жизни партии. Между тем, такие факты, как наличие в рядах партии социально чуждых элементов, пытавшихся в хлебозаготовительной кампании противопоставить свое влияние партийным организациям, явления бюрократизма, замазывания недочетов, явного карьеризма и извращений в армейском аппарате -- настойчиво требуют усиления внимания партии к этим больным сторонам военного строительства.

Совещание считает совершенно необходимым, чтобы уроки, извлеченные партией из крупнейших политических событий истекшего периода: решения XV съезда

ВКП(б), апрельского пленума ЦК ВКП(б) действительно нашли полное и своевременное отражение во всем военном строительстве и в политической работе в армии.

9. Совещание считает особенно необходимым повести решительную борьбу с "казенным благополучием" и казенным оптимизмом во всех областях армейской жизни.

Причины этих явлений совещание видит в недостаточной самокритике, карьеризме, в редких и поверхностных обследованиях действительного положения в частях, в своеобразии требований высших начальников, соединенном иногда с навязчивым желанием увидеть подобное "благополучие". В результате руководящие органы армии получают нередко искаженный материал, дающий основание для опасно успокоительной оценки обстановки. Это же приводит к усилению рутины и бюрократизма в армейском аппарате и лишает высшие органы возможности своевременно откликаться на нужды низших инстанций и частей. Попытки же отдельных работников разоблачить это казенное благополучие нередко наталкиваются на обвинения в "пессимизме" и в "панике".

10. Решительная борьба с недостатками армейской жизни предполагает развертывание в парторганизациях армии широкой самокритики. Самокритика, оставаясь в рамках, определяющих особенность строительства парторганизаций в армии (циркуляр № 32), должна стать мощным орудием повышения боеспособности Красной армии, укрепления дисциплины в частях и повышения авторитета начальствующего состава. Это орудие со всей силой должно быть направлено сейчас против вопиющих недостатков в работе всего армейского аппарата: элементы упадничества, бюрократизм на различных ступенях армейского аппарата и в различных областях армейской жизни, казенщина, очковтирательство и замазывание недочетов, извращения дисциплинарного устава и т. п.

Совещание отмечает совершенно ненормальное положение, когда вокруг решений крупной парторганизации, закрывающих целый ряд болезненных явлений Красной армии (резолюции парт-коллектива ВПА90, совещания секретарей ячеек и комиссаров Ленинградского гарнизона), не содержащих в себе ни одного отступления от определенной партийными съездами линии, создается обстановка, в которой они становятся "запретными" документами (УВО91, ЛВО92).

11. Развертывание самокритики должно быть закреплено действительным охватом политорганами и политорганизациями всех сторон жизни частей и усилением их практического участия во всем военном строительстве.

Необходимо добиться живого реагирования со стороны нашего армейского аппарата и поддержки партийных организаций в их деловой критике.

Необходимо, борясь с недостатками партийно-политической работы, повысить ответственность политорганов, политсостава и парторганизаций за полное осуществление в армии партийной линии и потребовать от них действительного и полного использования всех своих прав.

Необходимо дать жестокий отпор все еще имеющим место попыткам свести роль

политорганов к функциям политико-просветительного характера, подчеркивая значение их как партийных органов прежде всего.

Огульное обвинение политорганов РККА в неумении брать на себя ответственность совещание считает безосновательным.

Вместе с тем совещание находит, что политорганам не обеспечена возможность брать на себя ответственность за все стороны жизни и быта частей самой системой руководства и недостатками в деле подбора основного кадра политаппарата.

Совещание не может обойти первостепенного вопроса о подборе руководящих кадров политического аппарата Красной армии, так как только соответствующий подбор их может обеспечить действительное повышение роли политорганов как руководящих партийных органов в армии.

Совещание считает совершенно ненормальным такое положение, когда во главе политорганов, имеющих крупнейшее значение, оказывались лица, явно не могущие справиться с задачами партийно-политического руководства (УВО, ЛВО). Еще более ненормальным следует признать положение, когда личный авторитет этих лиц, ведших линию на ослабление влияния политорганов, в течение продолжительного времени искусственно поддерживался путем специальных перебросок и демобилизаций политработников и т. п. чрезвычайных мер (УВО).

Совещание вынуждено констатировать, что подбор ответственных руководителей политаппарата не всегда исходит из необходимости укрепления партийного руководства в Красной армии, а на деле приводит иногда к его умалению. Всякая же действительная и настойчивая борьба за укрепление партийного руководства нередко объявляется "склочничеством", неспособностью сработаться и т. д.

Необходимо всем попыткам извращения правильной партийно-политической линии в воспитании красноармейцев и нач-состава во всем быту и жизни частей, откуда бы они ни исходили (штабы, командование ГУ РККА), категорически положить конец. С другой стороны, необходимо добиться внутреннего сплочения партполитаппарата снизу доверху, а также более решительного и последовательного вовлечения со стороны политорганов парт-комсостава в партийную жизнь частей, добиваясь полного усвоения ими (особенно единоначальниками) правильной партийно-политической линии и совместного проведения ее в жизнь.

Основной задачей политаппарата и парторганизаций на текущий период является непрерывная действенная борьба за качество содержания политработы с точки зрения его идеологически-классовой выдержанности, его подлинно воспитательной значимости. Борьба за качество должна вестись по линии решительного устранения казенщины, формализма и упрощенчества из всей системы политвоспитания. Всемерного повышения контроля над содержанием и ответственности политруков, групповодов и других звеньев политаппарата за выдержанное классовое воспитание. Установление повседневного конкретного,

подлинно большевистского руководства политвоспитанием со стороны парторганизаций. Повышение требовательности ко всему начальствующему составу и его ответственности за политическое состояние части за обеспечение проводящейся в нем партработы. Одно из важнейших мест в системе политработы должно занять культурное воспитание красноармейцев. В этой области нашей работы необходимо перейти от общих формулировок отвлеченных рассуждений о культурной революции к постановке отдельных конкретных задач, разрешение которых вело бы к накоплению культурных навыков у красноармейцев, которые, в свою очередь, служили бы базой для более развернутой культурной работы. С этой точки зрения слабое руководство работой по ликбезу⁹³ и плохое состояние этой работы служит ярким показателем того, что мы практически разрешение задач культурной революции проводим крайне неумело и пассивно.

14. Основными недостатками комсомольской организации до сих пор остаются: а) элементы хвостизма и даже в отдельных случаях возглавление нездоровых настроений и недопустимых в Красной армии методов выражения недовольства красноармейцами, б) пьянство комсомольцев (относительно даже выше, чем беспартийных) и в) отсутствие до сих пор примерности со стороны комсомольцев к воинской дисциплинированности⁹⁴.

В области руководства комсомолом со стороны парторганизаций и политаппарата коренным недостатком является слабое знание действительных настроений, запросов комсомольцев и влияния их на беспартийных красноармейцев и отсутствие повседневного изучения состояния комсомола в частях.

Твердое и решительное проведение в жизнь решений Второго Всеармейского совещания секретарей ячеек в отношении руководства КСМ и Первой окружной комсомольской конференции является неотложной задачей парторганизации и комсомола в округе.

15. Для обеспечения успеха в области боевой подготовки всего состава округа со стороны политаппарата и парторганизации необходимо:

а) Всей системой работы сосредоточить в летний период внимание красноармейцев на вопросах боевой подготовки, обратить особое внимание на красноармейцев 1904 года [рождения], у которых возможно ослабление внимания к учебе в связи с предстоящим увольнением.

б) Необходимо добиться у всего командного состава чувства полной ответственности не только за бесперебойный ход боевой подготовки, но и за ее качество, т. е. за подготовку самого состава к каждому занятию. Помогая всей строевой учебе, необходимо повести самую решительную борьбу с перегибами в сторону "муштры".

в) Весь политсостав обязан теоретические познания, полученные им путем самоподготовки по военным предметам в зимний период, закрепить практическим участием в обучении частей летом, как путем присутствия на занятиях, так и самостоятельного проведения занятий в отдельных подразделениях. Эту работу политсоставу необходимо учитывать при проверке по военным предметам осенью 1928 года.

г) Через всю летнюю работу четко проходит подготовка к мане-врам, усиливаясь из месяца в месяц. Так, занятия, учения и сборы занимают огромное место в лагерной учебе. Организация политра-боты на них должна привлечь серьезнейшее внимание политорганов и парторганизаций.

д) Со стороны политорганов необходимо особо серьезное внимание уделить сборам начсостава запаса в смысле: 1) внимания материальному обслуживанию; 2) организации партийной и политической работы среди них; 3) подбора хороших руководителей; 4) большего здорового сближения начсостава запаса с кадровым начсоставом и красноармейцами.

е) Перед политаппаратом и партийной организацией территориальных частей⁹⁵ стоит задача: в первые же дни прибытия переменного состава, во-первых, подчинить настроения, принесенные красноармейцами из деревни и фабрик, интересам военного обучения, во-вторых, сплотить коммунистов и комсомольцев-переменников и хорошо проинструктировать их о предстоящих задачах в области боевой подготовки.

Исключительное внимание обращает на себя состояние рабочей нагрузки начсостава, резко отрицательно отражающееся на качестве всей работы. Это настоятельно требует срочных практических мероприятий по облегчению положения начсостава путем рационализации его работы и непосредственной нагрузки.

16. Разрешение основных вопросов, направленных к изжитию имеющихся в РККА недостатков, устранение серьезнейших недочетов партийно-политической работы, установление единства взглядов начсостава на основные вопросы военного строительства, привлечение более пристального внимания всей партии к вопросам жизни и строительства армии -- вызывает необходимость созыва в ближайшее время широкого всеармейского совещания партийного начсостава.

СЕРМУКС -- Л. СЕДОВУ

2 апреля Водворен в Усть-Выме у Виктора⁹⁶. Сердечный привет.

Сермукс

ТРОЦКИЕ -- СЕРМУКСУ

3 апреля

Очень обрадовались телеграмме. Ждем подробных писем. Горячий привет. Лев, Наталья, Лева⁹¹

М. АЛЬСКИЙ -- ПИСЬМО К. РАДЕКУ

За два с половиной месяца своей ссылки я успел уже, проездом, побывать и в Новосибирске, и в Томске и доехать даже до самого северного районного центра Наркрая⁹⁸ -- с. Каргоска -- и ныне переехать в обратном направлении на 200 верст южнее -- в с. Колпашево, где и проживаю вместе с Ив [аром] Тен[исовичем] [Смилгой] в д[еревне] Тогур. Мало того -- за это время

я успел уже три раза хворать -- перенести амебийную дизентерию, из коих одна даже грозила мне крайней неприятностью -- смертью. Однако как видите, на этот раз обошлось. Таким образом, известное Вам учреждение лишилось ежемесячной 30-рублевой экономии за счет естественного "сокращения" лишнего сверхиндустриалиста которые, судя по газетам, могли бы в иных условиях быть использованы в целях индустриализации страны. Но как бы там ни было, я пока еще жив и хочу опять заняться Китаем. Я стараюсь дописывать начатую еще в Москве работу о финансах этой страны. Однако условия литературно-научной работы здесь архитрудные. Во-первых, здесь все приходится писать и переписывать с руки, а это страшно неблагоприятная работа, и, во-вторых, кроме нашей официальной болтовни и литературы, предназначенной для общего пользования, я ничего не получаю о Китае. В таких-то условиях я волей-неволей вынужден разыскивать в навозной куче нашей периодической и непериодической печати жемчужные зерна, т. е. должен тщательно просматривать все статьи, речи, заметки и телеграммы, которые в той или иной мере "освещают" или затрагивают развертывающиеся ныне события в Китае. Правда, трудно представить себе более убогую информацию, более убогое непонимание того, что происходит в этой стране, чем то, что нам преподносится ежедневно всей нашей прессой, но ничего не попишешь.

В самом деле, чего стоят, например, печатаемые ежедневно телеграммы о восстаниях, перманентно вспыхивающих то тут, то там повсеместно в Китае, или о "коммунистических армиях", как Феникс из пепла⁹⁹, возникающих в разных пунктах Центрального и Южного Китая, и т. д., и т. п.?

Люди, должно быть, потеряли голову и не знают или, во всяком случае, не хотят уяснить себе, что в Китае вот уже в течение 12 -- 13 лет почти ежедневно происходят где-нибудь выступления всякого рода туфеев, хунхузов¹⁰⁰, "мечей", "пик", "ножей" и других подобных групп, организаций и шаек, которых туземная и империалистическая пресса величала раньше по имени, а теперь окрестила именем коммунизма, чтобы скомпрометировать рабоче-крестьянское движение в стране вообще и чтобы, само собой разумеется, "пугать" им китайскую мелкую буржуазию в частности. И вот, перепечатывая ежедневно и преподнося нам без проверки всю эту белиберду, крича о р-е-в-о-л-ю-ц-и-о-н-н-о-с-т-и на этот раз маленьких и малюсеньких Фэн Юйсянов, Го Сунлинов¹⁰¹, Ио Вейцзюнов и Чан Кайши (это имена, конечно, нарицательные), все эти люди, видимо, совсем не понимают, что они, в сущности говоря, опять и опять плетутся в хвосте чужих представлений и оценок китайской действительности, что они опять затрубили в старую, уже достаточно потрепанную "дуду" нную "дуду", что они опять что они опять затрубили в старую, уж достаточно потрепанную "дуду", что они опять обманывают себя и других, извращая действительное положение вещей в Китае, что они тем самым разоружают себя и вооружают других, что готовят новые разочарования в среде нашего и мирового пролетариата, привыкшего прислушиваться к тому, о чем говорят и пишут у нас в СССР. Люди забыли, что всякая иллюзия - ложь и обман и что в пролетарской политике всегда нужна

суровая правда, как бы тяжела она ни была. Ведь не нашему же классу, закаленному в боях,

самому молодому и мужественному из всех существовавших до сих пор классов, бояться жестокой правды, как бы неприятна она для него ни была в то или иное время! Я не знаю, зачем нужна нам такого рода информация, кому она на пользу. Не знаете ли Вы этого?

Вот и другой пример. В "Большевике"¹⁰² (см. № 3--4 за тек [ущий] год) открылся совершенно новый, долгожданный, дискуссионный отдел, в котором поместили две статьи о Китайской революции, одна -- Ломинадзе и другая -- П. Мифа¹⁰³. Редакция сопроводила их весьма харак[тер]ным предисловием, что этими статьями ограничивается дискуссия по этому вопросу. Вы, должно быть, это заметили. Так вот, я с большим вниманием прочел обе эти статьи. И вот, не говоря уже о массе недоговоренностей и о "каше", которую они оба наворотили в обеих своих дискуссионных статьях, меня крайне поразила следующая доказательная фраза в статье П. Мифа: "Наконец тот факт, что революционная коммунистическая (!! А.) армия во время своего похода из Нанчана в Сватоу, проделав тысячеверстный путь, во всех деревнях находила лишь заброшенные дома и больных стариков и старух, тот факт, что реакционным элементам удалось представить китайскому крестьянству коммунистическую (!! А.) армию как некое чудовище, от которого китайские крестьяне в ужасе разбежались"... и т. д.

Что же это такое?

О том, что это вовсе не были революционные, а тем более "коммунистические" армии, ему, бедняжке, видимо, вовсе даже не приходит в голову. Не говоря уже о том, что я, грешный человек, до сих пор не допускал и мысли (каюсь, в этом я действительно повинен), что в наше время могут существовать "коммунистические" армии, не говоря уже о том, что я был всегда глубоко убежден, что коммунистических армий вообще никогда не будет, ибо в эпоху коммунизма не будет ни классов, ни государств, а следовательно, и поводов для войн -- развитие же производительных сил и эксплуатация природных богатств будут идти другим порядком, нежели теперь, в век капитализма. Каюсь, я так всегда думал и думаю. "Каясь в том, каюсь в этом...", помните известное стихотворение? Однако о чем говорит вся эта политическая неряшливость, вся странная терминология и все эти определения? Они говорят все о том же -- об удивительном ком[мунистическом] вранье.

Но не будучи все же Мифом, т. е. не получая в настоящее время почти никаких сведений о китайских событиях и находясь, кроме того, в ссылке, я все же знаю, что и Хэ Лун, и Е Тин, о которых шла выше речь, никогда не возглавляли не только никаких "коммунистических армий", что один из них был обыкновенным

бандитским китайским милитаристическим выскочкой, а другой -- без году неделю членом Киткомпартии. Кроме того, я знаю еще, что немедленно после их выступления в Нанчане они тотчас же подрались "за шкуру еще не убитого ими медведя" -- за Кантон, который всегда представлял для всех милитаристов лакомый кусок как мощный источник извлечения доходов, что они разбили обе свои дивизии, вернее свои семь полков, на два отряда и разными путями пошли наперегонки -- кто раньше добежит до Кантона. В результате, как известно, оба их отряда были разбиты. О том, как Кит-компартия относилась к этой армии, что-то ничего не слышно. Об этом что-то упорно у нас молчат. Таким образом, описываемые Мифом отношения населения к этим армиям являются, по-моему, лишь ярким дополнительным штрихом, который характеризует их "коммунистическую" сущность. Однако наша пресса без всяких оговорок поднимает их, как в свое время Фэн Юйсяна, на коммунистический щит и тем самым вторит империалистической печати, на все лады кричащей о коммунистическом характере всякого бандитского выступления в Китае. Скажите на милость, кому это нужно, кому это на пользу?

Но если это, так сказать, "погрешности" против действительности и правды, если это, так сказать, только "маленькие" недостатки нашей агитации, пропаганды и информации, то зато из полемики Вашего, К[арл] Б[ернгардович], выдвиженца П. Мифа с Ломинадзе (см. ту же статью "Спорные вопросы Китайской революции", "Большевик" No 3 -- 4, с. 108 -- 122), можно усмотреть еще и грубейшие программные ошибки в определении весьма высоким и почтенным учреждением возможных путей развития Китайской революции.

В самом деле, Ломинадзе и Миф спорят о том, по какому пути -- революционному или компромиссному -- может развернуться новейшая страница истории Китая. Коротко формулируя точку зрения Ломинадзе, Миф пишет: "Тов. Ломинадзе, отрицая возможность компромиссного пути, мотивирует это двумя соображениями: во-первых, что перед Китаем перспектива либо полного превращения в колониальную добычу, либо решительной победы революции. Но ведь превращение Китая в колонию, или укрепление империалистической тенденции, именно и означает единственно компромиссный путь (подчеркнуто мной, А.). Во-вторых, Ломинадзе отрицает компромиссный путь ссылкой на Ленина. Ленин "о возможности победы компромиссного пути ставил вопрос лишь тогда, когда этот путь обозначился уже в действительности", но ведь никто не утверждает возможности победы компромиссного пути в Китае, кроме того, нельзя полагать, что этот путь совершенно не обозначился в действительности (подчеркнуто мной, А.). Первые шаги американской империалистической тенденции мы уже наблюдаем (?? А.). Этих шагов достаточно (!! А.), чтобы этот путь не исключить. Поэтому мы целиком присоединяемся к мнению т. Бухарина, высказанному на китайском совещании, что нельзя считать компромиссный путь развития исключенным для Китая (подчеркнуто мной, А.). Это неправильная, неленинская постановка вопроса. Надо ставить вопрос так: какой путь победит -- компромиссный или революционный -- решит лишь борьба.. Победу

революционного пути нужно считать наибо-

лее вероятной (Вот как! "Наиболее вероятной" -- формула-то какая! А.), но это не значит, что компромиссный путь совершенно исключен" (Так, так... А.). Так пишет Миф. Между тем Ломинадзе писал: "Анализ китайской действительности подтверждает полностью наше положение о том, что из настоящего кризиса Китай может выйти лишь по двум путям: или по пути окончательного и полного превращения в колонию иностранного капитала, или по пути победоносной рабоче-крестьянской революции. Первый путь есть, конечно, путь капиталистического развития Китая, но "развитие" это может быть куплено лишь ценой полного порабощения и разорения китайского народа и ценой дальнейшего упадка страны" (см. "Большевик", No 3 -- 4, с. 104).

А в общем, присоединяясь по очереди к точке зрения безгрешного московского "папы" Бухарина и не договаривая вещей до конца, каждый из них извивается, как вьюн, и никто из них ни слова не говорит о том, что в нынешней обстановке путь компромисса есть путь контрреволюции. Но и ссылка на Ленина у них не верна. Говоря о "компромиссном пути", Ленин всегда имел в виду бисмарковский опыт объединения Германии¹⁰⁴ и в своих работах неоднократно противопоставлял ему революционный путь объединения САСШ Америки¹⁰⁵. О каком, однако, компромиссном пути развития Китая может идти речь теперь, в свете этих аналогий? Оба уважаемых оппонента, как достойные своего "великого" учителя схоластики, подходят к этому вопросу вне времени и пространства. Одно из двух, или они не знают, или они не хотят знать, что объединение Америки и Германии происходило и формально и по существу разными путями, но в разрезе одной и той же эпохи -- эпохи буржуазной революции, когда буржуазия шла в гору, была в полном расцвете своих классовых сил, но в первом случае -- в Америке -- объединение было произведено в начальный период штурма и натиска буржуазной революции на позиции отжившего свой век феодализма, и потому оно и могло быть завершено только революционным путем, а во втором -- в Германии -- в период реализации, т. е. "мирного переваривания" ею своих революционных завоеваний в разных странах (Франция, Америка) и утверждения ею своей гегемонии во всем мире -- поэтому объединение этой страны уже могло произойти компромиссным путем. Но как бы там ни было, допустимо ли в переживаемую нами эпоху пролетарской революции ставить вопрос об объединении Китая в плоскости Мифовской аналогии? Вообще говоря, конечно, допустимо, но при соблюдении одного неперемennого условия -- глядеть вперед, а не назад, -- в противном случае надо исходить из того, что Китайская революция потерпела поражение всерьез и надолго и что контрреволюция в этой стране, наоборот, окончательно победила в настоящее время. С другой стороны, надо исходить из того, что нынешняя стабилизация капитализма открывает во всем мире новую полосу развития последнего. Это, правда, противоречило бы никем еще не опровергнутой до сих пор ленинской оценке переживаемой нами эпохи как эпохи мировой социальной революции, но что ж поделать. Ведь давно известно, что не

всякий, кто клянется именем Ленина, является в действительности ленинцем. К тому и факты: длинная цепь революций на Западе и Востоке, победа нашей революции в Октябре, мощные революционные выступления рабочего класса и крестьянства в самые последние годы 106 -- ведь тоже указывают, что, несмотря даже на временные спады революционной войны и тяжкие поражения революции в ряде стран, мы все же в эпоху мировой пролетарской революции, когда красный призрак бродит по миру, когда мировая буржуазия теряет почву под ногами, когда решается еще вопрос: "Кто кого?" и уж во всяком случае не в период, когда буржуазия еще могла бы спокойно реализовать свои победы, ну, хотя бы даже в виде объединения тех или иных колониальных или полуколониальных стран. Раз так, то и вопрос об объединении Китая может быть решен или при помощи огня и железа китайской революции, во главе которой должен и будет стоять китайский рабочий класс, или путем компромисса, но лишь после победы социальной революции в нескольких странах, когда рабочий класс "мирным" путем начнет реализовывать во всем мире плоды героических побед своего авангарда в этих странах. Никакого иного компромиссного пути, т. е. буржуазного компромиссного пути объединения Китая нет и, по-моему, даже и быть не может в переживаемую нами эпоху мировой социальной революции. Исходя из этой точки зрения, мне кажется, что даже победа буржуазной революции в Китае как победа буржуазии в нашу эпоху совершенно исключается. Это, мне кажется, уж должны понимать даже и пионеры, не в возрасте, конечно, почетного пионера Ф. Кона 107, а вот у нас этого никак не хотят или не могут понять. Установочка П. Мифа, если бы она была кем-либо принята всерьез, и была бы, по-моему, насквозь пораженческой установкой, сколько бы ни клялись при этом в верности учению Ленина и в преданности мировой революции. Однако каково же действительное положение вещей в Китае? Удалось ли тамошней контрреволюции укрепить и хоть как-нибудь разрешить хоть одну сколь-нибудь серьезную социально-политическую и экономическую проблему в этой стране? Ведь нет же, Китайская республика до сих пор еще разодрана на части и не может быть объединена в условиях, когда туземная буржуазия уже стала, с одной стороны, агентурой иностранного капитала в собственной стране, против которого она и не может, и не смеет поднять своего меча из боязни, что пролетариат в союзе с другими угнетенными классами страны может вырвать и слопать не только ее добычу, но и ее самое, вместе с ее потрохами, и, с другой, когда империалисты, в борьбе за рынки и сферы влияния своего финансового капитала беспрестанно осуществляют в Китае интервенции при помощи штыков собственных и туземных армий подручных им генералов и маршалов, которые тоже кров-

но заинтересованы в сохранении существующего в стране порядка вещей. В третьих, внутренняя мощь и взаимная конкуренция всех этих империалистических хищников ведь тоже сказывается на политике последних в Китае. И действительно, Старая Англия, как известно, раньше всегда играла первую

скрипку в этой стране, а теперь, после великой империалистической кровавой бойни 1914 -- 1918 г., британский империализм сильно одряхлел на Востоке. В самые последние годы уже резко выявился и общий внутренний упадок промышленного развития этой страны. А это тоже кое-что значит. В то же время ее американские и германские конкуренты в последние годы, наоборот, значительно опять опередили ее в этом и ряде других отношений. В этих условиях Англия волей-неволей вынуждена всячески цепляться за все свои привилегии в Китае, иначе она может оказаться и совсем выброшенной из "игры" в этой стране, а это имело бы колоссальное значение для развязки борьбы на Востоке: и в Китае, и в Индии, и в Персии, и в Египте, и в ряде других стран. Наряду с этим богатеющая изо дня в день Америка, развившая в последние десятилетия колоссальной мощности производственный аппарат, который может, что называется, печь товары, как блины, -- была до сих пор непосредственно мало заинтересована в Китае, который она до последнего времени всегда рассматривала лишь с точки зрения своего потенциального рынка, -- теперь, когда у нее назревает очередной экономический кризис, она, вообще говоря, быть может, и желала объединить в единый, национальный, громадной емкости рынок, но на ее пути стоят на севере этой страны -- интересы Японии, а в центральной и южной части Китая -- интересы Англии. Таким образом, намечающееся повсеместное обострение англо-американских противоречий могло бы прорваться наружу и в Китае. А это значит, что в случае попытки Америки объединить эту страну под своей гегемонией, она может натолкнуться в Китае на противодействие Англии, и что вместо того, чтобы потянуть за собой Китай, как баржу, по коммунистическому, или, по выражению Мифа, по компромиссному пути развития, она создала бы новую, невиданную доселе революционную обстановку в этой стране, которая неминуемо отразилась бы во всем мире. Чтобы добиться в этих условиях своей цели в Китае, Америке пришлось бы, во-первых, потопить китайских рабочих и крестьян в их собственной крови, ибо без этого она не возродила бы даже веры в себя у китайской буржуазии и, во-вторых, вооруженной рукой усмирить Англию, которая добровольно не в состоянии потесниться в пользу Америки и отказаться от своих притязаний в Китае, ибо, помимо непосредственного ущерба, это опять-таки обозначало бы для нее "потерю лица" на Востоке и полный развал ее лоскутной империи. Все это вместе взятое и в особенности последнее опять и опять-таки накаляло бы революционную обстановку во всем мире. Может ли империализм пойти в наши дни на такой риск в Китае? Сомнительно. Нельзя же, в самом деле, допустить, чтобы после опыта нашего Великого Октября рабочий класс во всем мире оказался безмолвным зрителем всех этих мировых событий. Если же допустить, что развитие Китая может пойти по мифическому пути компромисса, то это как раз и обозначало бы, что Англия может быть спокойненько отброшена Америкой на Востоке, что рабочий класс останется безмолвным зрителем всех этих событий, что он не воспользуется новой революционной ситуацией в своих собственных интересах, что Америка легко может создать себе за счет Англии колоссальной мощности рынок на

Востоке, что на этой базе она сможет развиваться в качестве особой, сверхимпериалистической, державы, что капитализм имеет еще пороки в своих пороховницах, что Каутский, говоря об эпохе сверхимпериализма¹⁰⁸, был прав, а Ленин вместе с нами неправ в оценке нашей эпохи как эпохи мировой социальной революции -- одним словом, это и было бы стопроцентной, как теперь принято говорить, ревизией ленинизма плюс неверие в силы мировой пролетарской революции, т. е. настоящее и ничем не прикрытое поражение.

Буду очень рад, если Вы напишете и о себе. Адрес мой...

Крепкий привет

М. Ал[ьский]

3 апреля 1928 г.

с. Тогур, в Наркрае

П. С. Как Вам должно быть хорошо известно, я в течение нескольких лет имел и имею счастье и честь состоять в ленинской оппозиции в партии. Кроме того, Вам должно быть также хорошо известно, что с некоторых пор я близко интересовался и до сих пор интересуюсь специально проблемой революции в Китае. В силу этого я все время, как я писал выше, слежу за нашей прессой по этому вопросу. И вот на днях я как-то прочел в "Правде" (в резолюции ИККИ по Китвопросу)¹⁰⁹, что "троцкисты", якобы, утверждают, что Китайская революция ликвидирована. Я не знаю, может быть, я что-нибудь прозевал или ничего не понимаю в этом вопросе, но каюсь, я до сих пор не знал, что оппозиция делала когда-либо и где-нибудь такого рода заявления. Бухарин, видимо, думает, "он все может", т. е. может даже врать на нас, как на мертвых, но ведь мы еще живем!..

А[льский]

Н. МУРАЛОВ -- ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Тара, 4 апреля 1928 г.

Дорогой Лев Давидович!

Ваше письмо от 3 марта получил, оно шло без малого месяц. Возмущен издевательствами -- даже в охотничьи развлечения вмешиваются и ставят ограничения. Ведь в 58-й¹¹⁰ статье не сказано, что утки охраняются всеми законными способами от тлетворного влияния

"троцкизма", и даже Сольц¹¹¹ и Ярославский ничего об этом не писали. Конечно, Китай и его революция ограждены Китайской стеной с замурованной в ней грамотой за семью печатями от взоров и умов великих мудрецов и политиков, которые с самого начала запутались сами и запутали других по вопросу о характере Китайской революции и уж совсем "сбились в ночи" по вопросам тактическим. Еще бы! Как могло быть иначе, ежели вдруг мастерами революции в "мировом масштабе", как говорит матрос Швандя¹¹², сделались такие опытные, выдержанные революционеры, как Рафес, Мартынов, Мандельштам и Рютин¹¹³ (пишет длинные

фельетоны в "Правде"). Сии "мастера" наговорили целую кучу пошлостей, плоскостей, изрекли тысячу филистерских мыслей и поучений. От этих влияний, конечно, не застрахован и автор той статьи, о которой вы пишете. Несомненно одно, что отлив революционной войны, несмотря на жесточайшие репрессии временного характера, и новый подъем имеет большую связь с рабочим подъемом в культурных странах и прежде всего, мне кажется, с английским рабочим движением. Китайским революционерам сейчас необходимо заняться накоплением сил, подбором кадров и широкой сетью подпольных организаций среди пролетариата и крестьян. Страхи перед остатками феодализма есть страхи оппортунистов, как черт литании¹¹⁴. В Октябре, да и поныне у нас были и есть натурально-патриархальные отношения в деревне. У нас и сейчас в деревне много скрытых ростовщиков. Но в Октябре 1917 года мы рискнули дерзнуть и дерзнули недурно.

Вероятно, следите за съездом Профинтерна¹¹⁵ и заметили в речи Лозовского то верное повторение верного анализа и предвидения, о котором вы писали четыре года назад, что приводило в бешенство кое-кого и в бездоказательное опровержение слабым аргументом "это неверно". Таким черепашьям шагом ползет тугая мысль руководителей.

Что касается предвидения, то тут, кроме хороших фраз, не видно ни зги...

Читали ли вы Борхардта "Накопление капитала"¹¹⁶? Книга интересная, но очень оппортунистическая, несмотря на то, что автор считает себя коммунистом. Сей коммунист думает, что можно допустить, "и это вполне вероятно", что капиталисты действуют "честно", когда снижают зарплату рабочих, эгоизм их не руководит ими, а... сознание ответственности за состояние народного хозяйства! Неизвестный Гебраидзе редактировал перевод, а небезызвестный Бройдо издавал без всякого введения, критики, примечаний и т. п.

Эту книгу, вместе с другими (частью дребеденью, а больше хороших), прислали мне из ин[ститу]та Маркса и Энгельса¹¹⁷. Посылают вам? Или не посылают "по соображениям идеологического характера"? Это классическое выражение напомнило мне отдаленную эпоху, когда Л. Толстого¹¹⁸ и М. Горького¹¹⁹ изгнали из Академии наук по соображениям тоже идеологического характера...

Вам пока завидовать моей охотничьей обстановке не приходится -- тут еще товарищ Иртыш держит себя солидно, сурово, мрачно и не устает ломать своих толстых одежд -- льдов. Впрочем, пока дойдет сие писание до вас, пройдет около месяца, и всепобеждающее Солнце разорвет зимние одежды Иртыша, и пробудит все к жизни, и приведет все в движение, в том числе и пернатых. Привет Наталье Ивановне, Леве.

Ваш [Н.Муралов]

Пишите

Ваш [Н. Муралов] Пишите

И. СМЛГА - ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

точку зрения в следующем письме, которое отправлю Вам еще до распутицы.
Мы послали Вам в конце

И.Смилга - письмо Троцкому

Тогур, 4 апреля 1928 г.

Дорогой Лев Давидович, получил 5 дней тому назад Ваше китай

И.Смилга - Троцкому

Тогур, 4 апреля 1928 г.

Дорогой Лев Давидович, получил 5 дней тому назад Ваше китайское письмо¹²⁰. Показал его друзьям. Я сформулирую свою точку зрения в следующем письме, которое отправлю Вам еще до распутицы. Мы послали Вас в конце марта телеграмму, но ответа не получили. Получили Вы ее? Равным образом не знаю, дошло ли до Вас мое первое письмо). У нас в Сибири идут весьма оживленные разговоры насчет существа нынешнего внутреннего "левого" курса. Могу поделиться с вами несколькими соображениями на этот предмет. По-моему, нет ничего более ошибочного, как представление о "левом" зигзаге как о последовательном левом курсе. Основное противоречие этого зигзага состоит в том, что, провозглашая (запоздало) некоторые положения оппозиции, нынешние руководители ВКП проводят бешеный террор против большевиков-ленинцев. Такая политика не может привести к серьезным результатам в смысле выпрямления линии партии. Глубоко ошибаются все те, кто подобно Пятакову и другим спешат путем предательства хоронить свое прошлое. Наша политическая правда может быть усвоена широкими массами только в том случае, если мы будем беспощадно разоблачать непоследовательность этого зигзага и вскрывать его противоречия. Хлебные заготовки подтвердили ряд положений оппозиции. Наспех и неоправданно проведенная ударная кампания не могла не задеть интересы широких масс середняков. За административный восторг мы ответственности нести не можем. Нынешняя политика не имеет ничего общего с пролетарской политикой. Левый зигзаг уже находится на ущербе. Внутри консолидируется правое крыло, которому будут сделаны в ближайшее же время серьезные уступки. Только при сохранении самостоятельности по отношению к обеим борющимся группам большинства мы выиграем тех, кто добросовестно заблуждается насчет истинного лица "левой" конвульсии. Яровой клин, трудности с денежным обращением, ухудшение настроений крестьянства и рабочих, дезорганизация городских рынков, с одной стороны, история с Юрой [Пятаковым] в Америке¹²¹, разрыв

германо-советских переговоров¹²², усиление экономической блокады, с другой, -- все это создает такой экзамен, который под силу только последовательной пролетарской, ленинской политике.

Не лучше, по-моему, обстоят дела и Коминтерне. Левая словесность плюс террор против наших друзей. Здесь также задача состоит в организации большевиков-ленинцев, а не стремление в центристское болото. Наши друзья, критикуя руководство ВКП, должны признавать громадное объективное значение СССР и Октябрьской революции для дела коммунистического пролетариата. Чистка парткомов и факты экономической контрреволюции¹²³ дают богатый материал для характеристики эпохи. Серьезного значения, без изменения всего курса партийного руководства, начатая кампания иметь не может.

Я довольно внимательно слежу за печатью и событиями. Поводов для уныния не вижу. Однако не тешу себя и иллюзиями.

7 апреля мы прозевали почту. Письмо уносят только сегодня. Резолюция ИККИ по китайскому вопросу противоречива и прямо глупа. "Пролетарские центры разбиты... Зато крестьянство идет вперед... Из отрядов со временем создается Китайская красная армия"... Прямо чудовищно.

Я не китаевед, и мне трудно формулировать алгебраически свою точку зрения.

Приходится ограничиться фрагментами.

Опыт нашей революции доказал, что диктатура пролетариата и крестьянства предполагает известное двоевластие. В пределах капиталистической системы классы имеют свои организации. Такую картину я не считаю исключенной для Китая. Тот же опыт говорит, что Октябрь мог быть совершен только под лозунгом диктатуры пролетариата. Удача же Октября зависела в огромной степени от войны между империалистами.

Является ли сегодня окончательной базой диктатура пролет [ариата] и кр[естьянства] или базами являются буржуазия, генералы и Гоминьдан? Не кроется ли в крестьянских союзах и организациях новая мощная революционная энергия? Не надо ли подробнее осветить политическое лицо этой силы? Если бы Гоминьдан и наши горе-водители обанкротились бы на восходящей революционной кривой, я, не колеблясь, согласился бы с Вами. Это же я сделал бы, если революция находится перед новым подъемом. Если же дело идет о сравнительно длительной реакции, тогда лозунг социалистической революции может привести к изоляции пролетариата на таком этапе революции, когда это может оказаться для него роковым.

Во всяком случае для меня ясно одно: диктатура пролетариата и крестьянства может быть только кратковременным состоянием. Либо буржуазия, либо пролетариат. Как такой этап она (д[иктатура] п[ролетариата] и кр[естьянства]) мыслится мне и для Китая (как возможность).

Мы все с огромным интересом будем ждать Вашего ответа.

Что Вы думаете насчет Конгресса К[оминтер]на¹²⁴? Надо что-нибудь предпринять.

Хорош гусь Юрий¹²⁵, а? Тоже собрал хвостик. Большого вреда все же

этот отход не принес. Жаль хорошего парня. Думаю ему написать.
Посылаем последние письма. Через неделю будем отрезаны от мира. Ваш ответ как раз прибудет с первым пароходом. Баян Мальцев в Мариинске. Нечаев в Колпашево. Мне можно телеграфировать Колпашево-Тогур.
Живем дружно. Все очень кланяются и просят писать. В Тогуре М. Альский и Эмануэль, в Колпашево Нечаев, Караманенко, Ежов и Шенкман, Хеворкьян в Парабели, Хоречко126 и Бухарцева в Ильино.
Обнимаю Вас. Ваш И. Смилга
Горячий привет вашим.
От Радека не получаю ничего. Из трех писем Муралова получил всего одну открытку. Погода стоит холодная, ветры задувают вовсю. Еще неделю продержится дорога. И то хлеб.
Еще раз, будьте здоровы и благополучны. Не болейте не только проказой, но даже гриппом.
Альский шлет привет. Он бодр, хотя амеба в его кишечнике прогрессирует. Узжать ему надо лечиться.
Жму руку! Ваш И. Смилга
Мы Вас часто и хорошо вспоминаем. Очень ждем Ваших писем. Нарымчане -- народ хороший и крепкий.
Ходят слухи, что Саркис хочет идти по стопам Пятакова.

СЕРМУКС - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата. Седову, из Великого Устюга

5 апреля

Телеграмму получил. Письмо выслал. Сермуks

СЕРМУКС - ТРОЦКИМ

Алма-Ата, Троцкому, из Великого Устюга

5 апреля

Как здоровье? Жду письма. Целую вас, Сермуks

Л. СОСНОВСКИЙ - ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

6 апреля 1928 г.

Дорогой Л. Д.! Сегодня получил открытку Н. И. [Седовой] и одновременно ваше письмецо с копиями писем к А. Г. [Белобородову] и И. Н. [Смирнову]. Всегда бываю чрезвычайно рад редким весточкам от вас. Несколько раньше получил ваше письмо о статье "Пр [авды]" от 15 февраля127.

Должен сказать, что, по моим сведениям, второе и третье "поколение" новоселов сибирских очень активно интересуются вопросом о "левом курсе" и пытаются в переписке уяснить друг другу, в чем тут дело. Оттенки мнений такие. Одни находят, что "левый курс" налицо (передовая статья, нажим на кулаков, активизация бедноты, резолюции ИККИ по Англ[ии]128 и др.). Некоторые замечают (единицы из молодежи): "К статье "Пр[авды]"

прибавить ничего не могу".

Другие -- таких гораздо больше -- констатируют просто судорожный акт самообороны против кулака, пытающегося утвердить свой "крест[ьянский] план" и не видят никакого левого курса. Считают, что таковой должен бы проявиться и в организационной политике, если бы он был.

Много наивных разговоров о перспективах, комментариев к слухам о тяжбе правых с центром и т. п.

Два приятеля¹²⁹ пытались по кривым заготовкам за три года отметить классовые передвижки в СССР. Довольно любопытно. Если бы я знал, что до вас этот опус не дошел уже, я бы вам послал.

Вы как-то спрашивали о настроении моих восточных соседей. Разное оно. Один кавказец откуда-то узнал ваше мнение о статье "Пр[авды]" и вполне одобряет его, горько издеваясь над "покойным Евсеичем"¹³⁰. Это -- В[аганян]. Другой кавказец вырабатывает какое-то "заявление". Это -- С[аякян]¹³¹. Его намерения не одобряет В[аганян]. Вот все, что знаю.

Все прочие ребята бодры, размышляют о пережитом, пытаются осмыслить. Молодежь производит довольно недурное впечатление. В некоторых городах уже образовались маленькие колонии. Вот наиболее "густые" колонии:

Барнаул: Сосновский; Саякян (Плех[ановский] инст[итут]); Кириллов (ф[абрика] "Кр[асный] Октябрь"); Зацепин (фабр[ика] "Музпред"); Кондюхов (1-й МГУ).

Красноярск: Белбей; Гугель; Енукидзе; Булатов.

Камень: В. Бухарцева (ехала в Турух[анск], в дороге получила перемену маршрута); Грачевский; Столовский; Фрейденберг; Рез-никовский.

Ачинск: Сафаров; Голодец; Марзак; Мелнайс (1-й МГУ).

Енисейск: Оганесов (1-й МГУ); Оборин (д[емократический] ц[ен-тралист]); Мартынов; Ивановские -- супруги; Розенгауз (из Харькова); Патриарка.

Минусинск: Саркис; Козловский (НКФ); Иоселевич (НКТорг); Иванов.

Канск: Ищенко¹³²; Ефретов; Киевленко; Сухачев; Соломин;

Бер-кович.

Из других -- знаю след[ующие] адреса:

К. Грюнштейн¹³³ -- в Чердыни, Виленский-Сибиряков¹³⁴

-- Усолье, Штыкгольт (Горн[ая] акад[емия]) -- Вологда.

Впрочем, если вы о остальных не знаете--я вам сообщу в другой раз.

Из новостей мог бы рассказать много интересного о деревенских делах. По Сибири происходят окружные конференции бедноты (им предшествуют районные). Была таковая и в Барнауле. Я имел возможность присутствовать. Чрезвычайно интересно. Кон[фе-рен]ция прошла очень активно. Народу не мешали высказываться и говорили свободно. Картина получилась яркая. Я кое-чему тут поучился. Не хочу комкать впечатлений и потому отложу рассказ до ближ[айших] дней, когда напишу вам подробно. Во всяком случае, в деревне -- что-то новое. Пахнет резкой постановкой классовых вопросов, беднота подлинно взбудоражена. Забегая вперед, могу сказать одно: судя по 40 -- 60 речам бедняков, центральной фигурой до сих пор был... кулак. Это слово склонялось на все лады. С[е]ред-няк еле упоминался; это не означает, что он

исчез. Но не он верховодит деревней. Насчет "затопления нижних этажей" -- свидетельство массовое, неопровержимое, яркое.

Надеюсь по свежей памяти написать вам об этом.

Тяга к коллективам -- громадная. Отчасти это вызвано изменением порядка кредитования и снабжения. Сделан большой сдвиг (не сдвиг) в сторону преимуществ коллективов. С другой стороны, взбудораженная беднота ищет выхода.

Ну-с, об этом пока довольно.

Внимательные читатели обращают мое внимание на речь Рыкова¹³⁶ ("Пр[авда]" от 11 марта), к[ото]рая будто бы является возражением известной передовице от 15 февраля. Не прочел так пристально. А слухи о такой полемике доходят до нас.

Дорогой Л. Д., не сердитесь, я хочу знать, каковы ваши бюджетные дела. Неужто на госстипендии в 30 р.? Я тогда Ротшильд¹³⁷ в сравнении с вами. Я тоже с ГИЗ¹³⁸ получил долг в 117 р. 17 к. Каково? Пожалуйста, черкните.

Искренне сочувствую бедной Н[аталии] И[вановне]. И все-таки думаю, что я должен открыть ваш текущий счет. Все же от дом[аш-них] хоз[яйственных] дел можно немного откупиться.

Посылаю вам вырезку из харьковской газеты. Затонский¹³⁹ совершенно прав. Это -- потрясающей силы документ. Он говорит больше, чем в нем написано. Роспуск Шахтинского, Артемовского, Сталинского окружкомов, полная прострация профсоюзов в этих и других округах, констатированная свыше, -- все это создало предпосылки для вопля этого рабочего. Думаю, что я не ошибаюсь в оценке письма. Жду вашего ответа. Во всяком случае подтвердите получение. Жаль, что у меня один экз[емпляр] харьк[овской] газеты. Хотелось бы послать др[угим] товарищам.

С любовью, ваш Л. Сосновский

О том, что Богусл[авский]¹⁴⁰ по сель[ским] делам выехал на Пасх[аль-ные] дни в Москву, вы еще не знаете? Возможно, что с ним приедет и О. Д.¹⁴¹ с детьми. Мой Лева конспиративно спрашивает в письме: можно ли писать в Алма-Ату, пропускаются ли туда письма. Уже научен трезвому пониманию обстановки.

Привет Н. И. и Леве.

[Л. Сосновский]

СОСНОВСКИЙ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому,

Барнаул, 7 апреля

Вполне здоров, работаю [в] окрпране. Готовлюсь [к] приезду семьи. Ждите письма. Как вы устроились? Горячий привет.

Сосновский

А. КОНТОРОВИЧ -- Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову, из Акмолинска

14 апреля

Здоров, жду писем, привет Ледаву¹⁴². Крепко жму [руку]. Арналед

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ¹⁴³

Германия. В письме Ф[ишер] и М[аслова] от 14 апреля (попавшем, к сожалению, слишком поздно ко мне и до этого проявленным неопытным человеком, испортившим часть письма так, что начало прочитать нельзя) говорится следующее:

"...(без начала) после информации об образовании Ленинбунда¹⁴⁴.

Организация Ленинбунда выгодна в данный момент для КРД (компартия Германии). На закрытой конференции, предшествовавшей учредительной конференции, мы всеми способами боролись против организации Ленинбунда, но мы считали после этого раскол в Ленинбунде в данный момент губительным и поэтому мы старались избежать раскола. Левые (?) (неразборчиво) хотели выступить с собственными списками на выборах, но мы считаем, что это глупые иллюзии. Их аргументация прямо смешна. В руководящей головке газеты мы имеем соотношение (голосов) 4:7. Мы постараемся здесь принять решение, которое сведет на нет решения конференции, но нам удастся это осуществить только после выборов. Мы вынесем постановление и по возможности сделаем его известным широкой публике, отрезывающее им всякие пути ко второй партии. Мы просим поэтому не критиковать все эти ошибки в резкой и враждебной форме. За международное развитие оппозиции у нас имеются серьезные опасения. Главную задачу мы видим в данный момент в приближении к партии, а не отдалении от нее".

Телеграмма Карла [Радека] прибыла на имя жены (письма вышеупомянутого еще не было). В центре согласились с этой телеграммой (против посылки ее в "Правду" была только я). Еще до отсылки ее я сообщила нашим о полученной информации:

1) "Правде" известно (очевидно, через ГПУ), что он Вам телеграфировал и 2) что они ее напечатают. Наши были уверены, что "Правда" утаит эту телеграмму.

По сообщению нашего¹⁴⁵ из К[оммунистического] И[нтернационала] выходит, что там считают, что поведение Ф[ишер] и М[аслова] в последние дни является хитрым маневром. Коминтерн

в своем знаменитом письме по поводу Гамбургских выборов¹⁴⁶ обратился к рабочим покинуть ряды оппозиции, выступавшей с собственными кандидатскими списками. А теперь Ф. и М. взяли аванс: сами выступают против этого и показывают всем, что рабочие сами проводят такую тактику и не слушают их советов. Зато в глазах рабочих КПГ Ф. и М. себя реабилитировали и вызвали симпатию. Но подробных сведений, более достоверных, пока нет.

Франция. Как и надо было ожидать, Сюз[ан]¹⁴⁷, подобно своему вождю, предала.

Прикарманила деньги, данные ей и Тр[эн], и присвоила себе орган. В своем журнале она и Кальзан пишут примерно следующее:

"В ВКП произошел поворот налево. Надо поддержать полностью эту политику и признать свои ошибки. Сделать все, чтобы снова очутиться в партии. Тр[эн] висит в воздухе, очутился без группы, средств и органа. Мы сообщили туда, чтобы группа Паза по возможности объединилась с ним и его сторонниками (результат неизвестен). К сожалению, журнал группы Паза изъят у нас, и я его не видела. Из журнала группы Clart148 (которая теперь издает уже другой журнал "La lutte des classes"149, так как партия наложила лапу на их журнал), где был отзыв о журналах оппозиционных групп, видно, что в журнале Паза были статьи, направленные против Юрия150. Странно, что в журнале групп Паза печаталась платформа Сапр[онова]151. Теперь журнал "La lutte des classes" ведется в духе симпатии нам. К сожалению, оттуда нет вестей, хотя там и сидит Х.152 Но теперь, надеюсь, будет лучше.

Туда поехал Мауран -- испанец, выпущенный из крепости. Он вызван был сюда по доносу, будто неправильно освобожденный из крепости. Здесь К[онт-рольная] К[омиссия] реабилитировала его. Лозовс[кий] дал ему работенку в Париже. Он будет нам полезен. Хотя он и родственник теперь Сув[арина], но не во всем соглашается с ним. Политически он целиком наш. Он считает, что во Франции объединять оппозиционные группы надо было вокруг Росм[ера]153, как самого авторитетного и старого революционера. Он будет во всяком случае работать над объединением оппозиционных групп.

В Коминтерне считают, что в коммунистических партиях на Западе идет процесс гниения и распада, но что и силы оппозиции страшно распылены, и в этом спасение компартий.

Тезисы Тр[эна], как и тезисы Ф. и М. и сводку журналов я Вам послала с одной оказией уже месяц тому назад и, надеюсь, Вы получили.

Частный вопрос. С Маур[аном] договорилась, что они издадут за границей какой-нибудь том Ваших сочинений. Считаю, что самое лучшее было бы "Силуэты" (портреты деятелей рабочего движения), поскольку что-либо новое Вы не напишете специально для Европы.

Бельгия. События последнего времени таковы. Национальная конференция состоялась 11 -- 12 марта 1928 г. Было подано 777 го-

лосов (74 делегата) за официальную линию Коминтерна и 331 голос (34 делегата) за Ван Оверстратена154. За официальную линию голосовали преимущественно все иностранные коммунисты-эмигранты (итальянские рабочие, польские и др.). За Ван Оверстратена весь рабочий партактив. Перевес на стороне официальной линии совершенно не отвечает действительному положению вещей. Перевес этот получился главным образом благодаря энергичному вмешательству десятка представителей Коминтерна и тем чисто организационным махинациям, которые проделали они и на которые поддался Ван Оверстратен, как, например, предоставление отдельных мандатов эмигрантам (как таковым), молодежи и т. д. Теперешнее руководство партии неоднобразно и не единодушно. Жак-мотт155 оппортунист, как Вы знаете, и валонский

националист, ярый антифламандец¹⁵⁶. Ляо¹⁵⁷ -- оппортунист, путаник и чрезвычайно скомпрометированный среди рыцарей труда. Сильнее их Куунен. Дебух, из молодежи, когда-то наш. Теперь мотается. В себе не уверен и ждет чудес для своей партии от помощи в Коминтерне. Уже создан конфликт между Кууненом и Жакмоттом, оставшиеся в партии сторонники Ван Оверстратена систематически бойкотируют официальную линию. В обсуждениях и решениях не принимают участия. Однако нынешнее руководство боится принять по отношению к ним дисциплинарные меры, и есть уже несколько случаев, когда на устроенных партией открытых собраниях выступали сторонники Ван Оверстратена и увлекали за собой большинство. Здесь поговаривают, что Коминтерн не намеревался исключить Ван Оверстратена и др., ввиду того, что он имеет огромное влияние на рабочих, но Ван Оверстратен, как я уже сказала, дал себя спровоцировать. По всему видно, что Ван Оверстратен поддерживает свои связи с Либерсом (из рыцарей труда) и Герцом. Влияние Ван Оверстратена сильно, особенно среди фламандцев. Самый упорный и воздержанный среди бельгийской оппозиции -- это ...¹⁵⁸ -- под его влиянием находится и Ван Оверстратен. Их газеты и дискуссионный номер посылаю Вам.

Италия. Только на последнем расширенном пленуме ИККИ выяснилась отчасти внутренняя жизнь итальянской К[ом]п[артии]. Прежде всего там крупные разногласия между комсомолом и ЦК итальянской партии (причем на комсомол влияет молодежь борди-гиански настроенная)¹⁵⁹. Поводом к разногласиям послужил лозунг, включенный также в резолюцию Коминтерна: "Республиканская ассамблея на основе рабоче-крестьянских комитетов". Вопрос касается оценки перспектив, а также и тактики по отношению к недовольным фашистским режимом массам. Партия толкует вышеупомянутый лозунг следующим образом: так как интересы фашизма идентифицируются с интересами буржуазии, то свержение фашизма немислимо без гражданской войны и свержения буржуазии. Однако в этой борьбе предвидится этап общенародной революции, не означающей еще установления диктатуры пролетариата.

На этом первом этапе партия рассчитывает на возможность участия широких мелкобуржуазных и части демократических масс.

В интерпретации итальянских товарищей получается довольно путаная теория этапов. Итальянский комсомол утверждает, что вышеуказанный лозунг -- абстрактный, книжный, не ясный и что массы его не смогут понять. Комсомол спрашивает, что значит "на основе", и доказывает, что этот лозунг склеен из рабоче-крестьянского правительства и учредилки¹⁶⁰. Комсомол считает, что этот лозунг и вреден, и опасен, потому что он не отбрасывает, а сеет демократические иллюзии. Они ссылаются при этом на работу и опыт на местах, где не только масса, но и пропагандисты не поняли смысла этого лозунга и, пожалуй, нигде его не выставляли. Сейчас разногласия усиливаются и углубляются. Ставится вопрос о возможности "демократического периода", о "двух перспективах", причем партия защищает двухперспективную позицию, а комсомол -- одноперспективную. В партии имеются товарищи, которые серьезно верят в возможность наступления переходного периода, нечто вроде

керенщины¹⁶¹. Они думают, что сама буржуазия, в целях задержки взрыва пролетарской революции, согласится на создание нормального демократического режима. Много и таких, которые видят выход в применении индивидуального террора. Комсомол считает, что партия и в практической своей агитации насчет экономических требований пролетариата проявляет уклоны в сторону экономизма и боится выставлять общеполитические классовые требования. На состоявшейся несколько месяцев тому назад партийной итальянской конференции¹⁶² происходила большая дискуссия по всем этим вопросам. Вынесено было решение, одобренное и Коминтерном, о перенесении дискуссии в теоретические органы партии [...]163 понятно, в рамках партийной дисциплины и под контролем Политбюро. До сих пор не появилась, однако, ни одна статья.

На последнем расширенном пленуме (девятом) ИККИ¹⁶⁴ делегация итальянской партии в своих выступлениях по русскому вопросу особенно подчеркивала следующее: итальянские рабочие и партийные товарищи на местах сравнительно мало интересуются тем, что говорят Троцкий, Зиновьев и др., но зато они очень интересуются и постоянно спрашивают: "Куда идет русская революция, каково действительное положение рабочего класса и нет ли в самом деле серьезной опасности для существования и развития социалистического государства?"

РАДЕК - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Тобольска 15 апреля

Здоров. Поневоле грызу гранит науки. Письмо [в] дороге. Привет всем, Родек

ГИНЗБУРГ и АНДРЕЙЧИН¹⁶⁵ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Акмолинска

15 апреля

Привет Льву Давидовичу. Гинзбург, Андрейчин

С. СЕДОВ - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову, из Москвы

17 апреля

Телеграфируйте необходимость смирновской воды, крайнее желание пойнтера¹⁶⁶. Привоз страшно затрудняет¹⁶⁷. Сергей

ТРОЦКИЙ -- С. СЕДОВУ

17 апреля

Первое, привоз смирновской желателен. Второе, пойнтера не бери.

РАДЕК -- ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Тобольска

18 апреля

Предлагаю послать [за] вашей, Преображенского [и] моей подписью "Правде" [и] "Роте Фане"¹⁶⁸ следующее: "Считаю выдвижение особых кандидатур Ленинбунда шагом [к] созданию новой компартии¹⁶⁹. Шаг этот решительно осуждаем. Поддержка КПГ как представительницы революционного германского пролетариата обязательна независимо от ее отношения [к] Ленинбунду. Сохраняя право критики ошибок партруководства, всякий коммунист обязан оказать КПГ полную поддержку [в] борьбе [с] германской буржуазией и социал-демократией". Не имея адреса Преображенского, прошу вас снести и телеграфировать ваше мнение. Привет, Родек

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову, из Москвы 20 апреля 1928 г.

Самочувствие лучше. Додержусь [до] начала июня. Отсрочка получена до 1934 года, выдадут [в] сентябре¹⁷⁰. [О] дне выезда Сергея [сообщу] дополнительно. Крепко целую всех, Анюта.

ТРОЦКИЙ - РАКОВСКОМУ

Астрахань, Раковскому

21 апреля

Мы благополучны. Тебе необходимо перевестись из Астрахани. Обнимаем вас крепко.

ТРОЦКИЙ - РАДЕКУ

Наш взгляд [о] недопустимости параллельных кандидатур опубликован "Правдой" 15 января¹⁷¹. Повторение излишне. Привет, Троцкий

Тобольск, Радеку. 22 апреля.

ТРОЦКИЙ -- СОСНОВСКОМУ

22й

Смилге.

23 апреля. апреля.

Послал пять писем. Сколько Минусинск. Поеду [в] мае. Откликнись. Смилга получили? Троцки И. СМЛГА - ТРОЦКОМУ
Алма-Ата, Троцкому, из Колпашева.

ТРОЦКИЙ -- И.

Толцкий - Сосновскому

22 апреля

Беспокоимся [в связи с] неполучением писем. Сообщите здоровье. Послал пять писем. Сколько получили? Троцкий

И.Смилга - Троцкому

Алма-Ата, Троцкому, из Колпашева

22 апреля

Переведен [в] Минусинск. Поеду [в] мае. Откликнись. Смилга

Троцкий - Смилге

Нарым, Колпашево, Смилге

23 апреля

Послал четыре письма, телеграмму. От вас ничего. Посылаю [в] Минусинск [до] востребования письмо. Привет друзьям, Троцкий

ТРОЦКИЙ - КАСПАРОВОЙ

26 апреля

Курган, Советская 109, Каспаровой

Обеспокоен неполучением вестей. Троцкий

ТРОЦКИЙ -- СОСНОВСКОМУ

26 апреля

Барнаул, гостиница "Комхоз", Сосновскому

Крайне обеспокоен неполучением вестей. Троцкий

ПОЗНАНСКИЙ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Котласа.

27 апреля

Уфимцев [в Великом] Устюге. Все письма получены. Привет, Познанский

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Красина 75, Седову, из Москвы

27 апреля Сережа выехал сегодня почтовым. Аня

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, товарищу Троцкому, из Енисейска

Ход поврежден

27 апреля

Из далекой енисейской ссылки первомайский большевистский привет. Да здравствует непоколебимое мужество в борьбе за диктатуру пролетариата во всем мире. Ивановская, Левин, Мартынов, Оганесов, Розенгауз

ТЕЛЕГРАММА Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Красина 75, Седову Ход поврежден

28 апреля

Телеграмма получена. Послано заказное [письмо]. Бодры, тверды, неизменны.

Горячий привет Льву Давидовичу. Тер-Оганесов, Курневский

ТРОЦКИЙ - КИСЕЛЕВУ

[Конец апреля]

Фрунзе, Автогараж, Киселеву

Выехавший [из] Москвы 27-го почтовым Сергей Седов направляется [в]

Ал[ма]-Ат[у]. Прошу посадить [в] первую [же] машину.

Содействовать отправке вещей, если возможно автомобилем, если груза много -- лошадьми.

КОНЕВА и МЮЛЛЕР - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Джамбейта

30 апреля

Шлем тебе, дорогой Лев Давыдович, пламенный привет первого мая. Конева, Мюллер

БЕЛОБОРОДОВ и ВАЛЕНТИНОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Усть-Кулома

30 апреля

Первомайский привет. Белобородое, Валентинов

ТЕР-ВАГАНЯН - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Бийска

30 апреля

Пламенный первомайский привет, Ваганян

ШВЕЙНИК -- ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Л [ьву] Давидовичу, из Москвы

30 апреля

Поздравляем с праздником 1 мая. Гр. Швейник

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ - ТРОЦКОМУ

ский привет. Нарымцев

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, улица Красина, ТроцкоПознанскийАлма-Ата, Троцкому, из Уральска. 30

апреля. Первомайский привет. Преображенский

НАРЫМЦЕВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, му, из Котласа.

30 апреля.

Пламенный первомайский привет. Симашко, Уфи

Преображенский - Троцкому

Алма-Ата, Троцкому, из Уральска

30 апреля

Первомайский привет. Преображенский

Нарымцев - Троцкому

Алма-Ата, Троцкому, из Колпашева

30 апреля

Первомайский привет. Нарымцев

Телеграмма Троцкому

Алма-Ата, улица Красина, Троцкому, из Котласа

30 апреля

Пламенный первомайский привет. Симашко, Уфимцев,
Познанский

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Настоящее удостоверение дано Анастасии Семеновне Урберг в том, что она действительно состоит моей сотрудницей с "...""2 1928 года и получает в месяц 60 (шестьдесят) рублей.

г. Алма-Ата

[Л. Троцкий]

[Конец апреля 1928 г.]

Е. А. Преображенский

ЛЕВЫЙ КУРС В ДЕРЕВНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

I. Современный хозяйственный кризис в СССР не является ни кризисом конъюнктурным, ни кризисом только экономическим: это кризис длительный и кризис социальный. В основе его лежат два коренные факта: отставание промышленности от сельского хозяйства, т. е. отставание с индустриализацией страны, во-первых, и обострение имманентно присущего нашей системе противоречия между государственным хозяйством и капиталистическим развитием, что до сих пор прежде всего выражалось в растущем сосредоточении сырьевых и хлебных ресурсов деревни в руках кулачества, во-вторых. До известного предела рост государственных сырьевых и хлебных заготовок при данных ценах на промтовары (т. е. при восстановительно-реконструктивных ценах) мог опираться и на рост кулаческого предложения и на рост товарности

среднякакого хозяйства, и на укрепление маломощных хозяйств. На этом, собственно, и держалась центристская аграрная политика ЦК последних лет. Но с тех пор, как кулачество закончило свой "восстановительный" процесс, оно вступило в непримиримое противоречие со всей системой государственного хозяйства, поскольку последнее вынуждено развиваться при данных индексах цен. На известном уровне своего

развития кулацкое хозяйство начинает бойкотировать государственное хозяйство, бойкотировать государственные заготовки, накапливать натуральные запасы, начинает вести хозяйственно-изолированное существование, и тем самым захваченная зажиточно-кулацкими элементами часть государственной земли с ее продукцией превращается в орудие срыва государственной политики цен. Это наступление кулачества на государственное хозяйство, намечавшееся лишь в 1925 г., вполне отчетливо выявилось в 1926 г. Оппозиция своевременно предупреждала партию о надвигающейся опасности, в частности о недостаточном обложении верхних слоев деревни. Ее предупреждения не были приняты во внимание.

II. В 1927 г. и в начале 1928 г. кулачество развивает дальше свое наступление. Этот напор на советскую власть основной контрреволюционной силы в стране застаёт государство врасплох: с отсутствием хлебных резервов, с недостаточным фондом промышленных товаров, предназначенных для деревни, с валютой, находящейся в состоянии скрытой инфляции, с ограниченными кредитными ресурсами и без хлебных резервов. Бойкот хлебозаготовок зажиточно-кулацкими слоями не только срывает план хлебного экспорта, тормозит заготовки некоторых видов сырья (лен), но и непосредственно ставит под угрозу срыва всю систему государственного снабжения городов, семенами -- бедноты, хлебом -- сырьевые районы страны. Из создавшегося положения вообще не было никакого другого выхода кроме того пути, на который пришлось стать ЦК, т. е. пути насилия над стачечниками хлебного рынка, насилия над свободой товарооборота между городом и атакующей советскую власть экономически частью деревни. Я не знаю, что предлагали в связи с кризисом снабжения правые группировки в партии, но по общему положению ясно одно: ничего членораздельного, ничего дающего немедленный выход из положения они вообще предложить не могли. Этот переход партии к государственно организованной борьбе с капиталистическими элементами деревни есть новый факт огромного значения, чреватый большими последствиями. Это новый факт во всей экономической и общей политике всех последних лет, а тем самым, и новый факт во взаимоотношениях оппозиции с большинством партии, беря эти взаимоотношения в разрезе нескольких последних лет.

III. Нажим на кулака в течение последних месяцев дал возможность принудительно включить кулацкий хлеб в сумму ресурсов государства, но дальше встает вопрос, кто, какие слои деревни и из каких источников будут покрывать в дальнейшем ежегодно растущий спрос государства на сырье и хлеб.

Для партии и государства возможны теперь лишь два вида политики: а) политика постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе борьбы с кулачеством и на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты, т. е. развитие взятого в январе-феврале курса; б) политика решительного и громогласного отказа на будущее время от всего содеянного в январе-марте и от левого курса вообще, попытка опираться в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность, без затрат на это государственных ресурсов. Каждый из этих двух путей имеет свою логику развития, имеет свои перспективы и свои ахиллесовы пяты.

IV. Перспектива левого курса в деревне основана на том, чтобы заместить рост кулацкого предложения хлеба и сырья среднячко-бедняцким, одновременно поднимая производство маломощных, производственно кооперируя бедноту и взявшись наконец всерьез за совхозы. Наметившееся уже теперь изменение как раз в этом направлении общей политики Наркомзема есть не левая декламация, а первейшая и настоятельнейшая необходимость при движении по первому пути. Этот поворот объективно окажется левой жестикующей лишь в том случае, если вообще будет сорван весь новый курс, что, конечно, вполне возможно при неблагоприятном соотношении сил и при грубых ошибках и непоследовательности руководства. Ахиллесовой пятой этого первого пути является тот неблагоприятный факт, что рост производства маломощных, бедноты и отчасти середняков, пойдет в большей своей части на увеличение норм натурального потребления этих слоев и "первоначальное" натурально-хозяйственное накопление и лишь в меньшей части увеличит рыночное предложение хлеба и сырья. Грубый пример: кулацкий недосев в миллион десятин, покрытый расширением на миллион десятин посевов бедноты и середняков, будет означать не восстановление старых размеров товарных излишков, а их значительное сокращение. При таком положении не только при пониженном урожае, но и при среднем для восстановления равновесия в снабжении города сырьем и продовольствием может не раз и не два потребоваться возвращение к январско-мартовским мероприятиям, что заставит хозяйственно "заскучать" крепкого середняка и может вызвать более опасный недосев со стороны слоя, с которым особенно опасно ссориться именно на первом году проведения нового курса в деревне. Это вторая возможная ахиллесова пята.

V. Перспективы правого курса аграрной политики таковы: немедленный искусственный аборт левого курса; примирение со стачечниками хлебного рынка на основе уступок им; увеличение хлебных цен; отмена к запросам тех слоев, которые способны бороться за свои интересы хлеб-но-сырьевой стачкой; при недостатке собственного товарного фонда -- ввоз товаров для деревни из-за границы, увеличение хлебных цен; отмена всяких ограничений в области аренды бедняцких земель; приспособление хлебных цен; отмена всяких ограничений в области аренды бедняцких земель; приспособление товарного снабжения деревни к запросам тех слоев, которые способны бороться за свои интересы хлеб-но-сырьевой стачкой; при недостатке собственного товарного фонда - ввоз

товаров для деревни из-за границы, вероятно, с ды-рой для монополии внешней торговли.

Эта политика неизбежно потребовала бы увеличения нажима на рабочий класс в городе (рост хлебных цен, увеличение норм вы-

работки и т. д.), а в деревне была бы связана с ростом аграрного перенаселения, а также с замедлением темпа индустриализации страны. Естественным завершением этого курса явилась бы реабилитация кулака и признание его полезным работником в системе советского хозяйства. Ахиллесовой пятой этой правой политики является то обстоятельство, что январско-мартовские мероприятия уже являются фактом, они уже терроризировали кулачество, и успокоить его и внушить ему доверие будет делом не легким. За это сразу пришлось бы заплатить какой-то неслыханной ценой, ценой настолько резкого поворота вправо, что даже самые правые из наших правых, привыкшие потихоньку сползать на позиции правонэпа, на это не решатся. А полумерами здесь сразу ничего не добьешься. А кроме того бывают такие положения, когда аборт вообще невозможен без опасности для жизни.

VI. Какой из этих путей будет окончательно взят?

Сейчас на этот вопрос еще нельзя ответить категорически, но ясно одно: других путей нет и оттягивать долго с выбором не дано. Уже на протяжении этого года, более того, на протяжении ближайших месяцев (весенний и осенний сев) этот вопрос будет решен. В случае победы правого курса, который после январско-мартовских мероприятий может быть лишь решительно правым курсом, мы будем иметь такую общую схему всей политики партии за 10 лет:

С 1917 г. по 1923 г.-- пролетарская ленинская аграрная политика.

С 1923 г. по 1928 г., т. е. после поражения оппозиции 1923 г., --центристская политика, опирающаяся на подъем всех товаро-производящих слоев деревни (кроме части бедноты).

С 1928 г. и дальше -- правая политика, опирающаяся чем дальше, тем больше, на подъем прежде всего кулацко-зажиточных слоев деревни.

В случае же победы левого курса мы будем иметь другую схему, где первые два звена те же, что и в предыдущей, а с 1928 г. начинается возвращение к ленинской аграрной политике, опирающейся на подъем бедняцко-средняцкой деревни и на борьбу с ее капиталистическими тенденциями. Социально-экономической основой поворота окажется тогда рост классовых противоречий в стране, экономическое наступление кулака, оттачивающее начинавшее ржаветь орудие пролетарской диктатуры и насильственно обрывающее процесс сползания. Внешняя причина -- рост классовых противоречий в капиталистических странах и рост предвоенных противоречий между этими странами.

VII. Для прочной победы левого курса нужно следующее:

1. Замещение кулацкого сырья и хлеба средняцко-бедняцким делает особенно настоятельным ускорение темпа индустриализации, потому что хлеб у

этих слоев можно брать только экономическими средствами, только товарообменом, добиваясь экономическими путями также и уменьшения потребления сельскохозяйственных про-

дуктов в деревне за счет увеличения спроса на предметы потребления индустриального производства. А это требует определенного темпа возрастания всего промышленного производства, под страхом срыва всех обязательных пропорций обмена между городом и деревней. Для центристского отношения с прохладцем к проблемам индустриализации также пришел конец.

Антикулацкая политика советской власти, сопровождаемая нажимом на нэпманов, не может не обострять наших отношений со всем мировым капитализмом, уменьшая и без того ничтожные шансы на получение иностранных кредитов для индустриализации. (Исключение может представлять лишь Америка в том случае, если в результате растущего кризиса сбыта и при поисках выхода она предпочтет финансированию европейской войны против нас соглашение с СССР об инвестировании к нам своих капиталов.) Отношения между нами и мировым капитализмом делаются более натянутыми также и вследствие обострения борьбы империалистических стран на мировом рынке и усиления классово-вой борьбы рабочих с объединенным капиталом. При таких условиях левая политика внутри СССР неизбежно и органически должна сочетаться с левой политикой в Коминтерне, кроме всего прочего гарантирующей большую обороноспособность СССР в случае войны.

Нельзя ссориться с одной частью деревни, не усиливая одновременно своих позиций в городе. Сейчас настроение среднего рабочего, под влиянием почти полного прекращения роста заработной платы, вздорожания жизни, хвостов¹⁷³, увеличения норм выработки и всеобщего бюрократического зажима, -- неважное. Пока левый курс в деревне не дает рабочему никаких улучшений, потому что до сих пор он только спасал рабочих от неизбежного при старом курсе резкого ухудшения их продовольственного положения. Экстраординарными мерами против кулака удалось лишь сохранить кое-как старый уровень снабжения городов, достигавшийся раньше товарообменом без применения 107-й статьи. А известно ведь, что за такие вещи массы благодарить не умеют. Пока средний рабочий не будет реально ощущать выгоды от левого курса в деревне, последний всегда может быть сорван перегруппировкой сил среди его противников и сторонников внутри руководящих кадров партии. Кроме посильных для государства экономических улучшений в положении рабочего класса необходимо и в гораздо большей степени достижимо немедленное улучшение правового положения рабочих, особенно внизу, на фабрике, т. е. проведение режима рабочей демократии, с принесением в жертву настоящей низовой рабочей критике худших элементов аппарата и худших приемов управления и профсоюзного руководства.

Нечего говорить, что логическое проведение левого курса делается бессмысленными всякие репрессии против оппозиции, которые могут быть связаны лишь с движением по первому из выше-

описанных, т. е. по правому варианту. Хотя не надо забывать, что люди, проводящие сейчас новый курс, проводят не свою политику, а потому последовательности от них, особенно в этом вопросе, ожидать нельзя.

VIII. Что должна делать оппозиция после перехода партии к левому курсу в деревне и в политике Коминтерна? Если в случае неблагоприятного исхода весенней посевной кампании большинство ЦК не откажется от взятой им линии, я считаю абсолютно необходимым и назревшим коллективное выступление оппозиции навстречу большинству партии, совершенно независимо от тех глупостей и гнусностей, которые делаются и будут делаться по отношению к нам. Выступление должно содержать анализ новой ситуации, создающейся вследствие обострения классовых противоречий внутри страны и за границей, оценку поворота в политике ЦК, заявление, что мы берем ответственность за левый курс в деревне и Коминтерне в целях его логического завершения, будем содействовать его укреплению. В документе, мне кажется, не должно быть ни просьбы о приеме нас обратно в партию, ни упоминаний о ликвидации репрессий. Зиновьев и Каменев отказались от защиты своих взглядов, прикидываясь, что произошло какое-то новое обстоятельство, когда произошло лишь осуждение нас съездом, т. е. произошло изменение к худшему. Мы сделали бы теперь обратную ошибку, если бы исходили из того, что никакого изменения к лучшему не произошло, когда очень важное изменение (могущее стать решающим) действительно произошло в результате обострения классовой борьбы в стране, возможность чего мы же сами не раз предсказывали. Это обострение затрудняет подспудное, "термидорианского" типа изменение соотношения сил в стране в пользу капиталистических элементов. Руководители оппозиции вели борьбу за возвращение большинства партии к ленинской политике. Они обязаны теперь сделать все от них зависящее для облегчения возвращения в партию сторонников оппозиции, когда вырисовывается возможность постепенного исправления линии партии иным путем. Если это будет сорвано, пусть в этом не будет ни капли вины с нашей стороны.

Практически я предлагаю товарищам, подписавшим последнее заявление XV съезду и оглашенное тов. Смилгой, при наличии вышеупомянутого условия, обратиться в ЦК с просьбой разрешить им съехаться для выработки заявления предлагаемого мною типа (если, конечно, на этот счет будет у нас согласие) и опубликовать его. Обратиться в ЦК удобнее всего политически Льву Давидовичу, географически -- тов. Раковскому или мне.

Настоящее мое предложение я посылаю на обсуждение товарищей, подписавших последнее наше обращение съезду, и прошу их сообщить свое мнение или письменно, или телеграммой.

[Апрель 1928 г.]

В. КАСПАРОВА - ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Гор. Курган, Урал, Советская ул., 109 Дорогой Лев Давыдович!

Получила письмо-предложение Евгения Алексеевича [Преображенского] по поводу

"Левого курса в деревне и перспективах"174. Я ему сообщила свое мнение письменно. Ответ мой был таков:

В основном я согласна с ответом-оценкой Старика175. Тактически считаю правильным и назревшим предложение обратиться в ЦК за разрешением съехаться товарищам, подписавшим последнее заявление XV съезду, оглашенное товарищем Смильгой. Надо добиться от ЦК согласия на такое разрешение съехаться этим товарищам для того, чтобы обсудить и дать "анализ новой ситуации, создающейся вследствие обострения классовых противоречий внутри страны и за границей", чтобы дать оценку важному изменению (могущему стать решающим при обязательном наличии условия: "после перехода партии к левому курсу в деревне и в политике Коминтерна" при условии, чтобы субъектом наступления был бы пролетариат и его партия, чтобы определилось улучшение в рабочей политике и в партийной, чтобы перестали прятать под вывеской "левого курса" продолжающееся разоружение партии и пролетариата) и, наконец, дать соответствующую оценку повороту в политике ЦК и Коминтерна за послесъездовский период.

В результате такого всестороннего анализа "нового" и "важного" во внутренней и международной обстановке в межд[ународном] революц[ионном] движении, оценки характера и перспектив "нового курса", анализа спорных вопросов ВКП(б) и Коминтерна в свете новых событий руководители и сторонники оппозиции русской и международной сумеют дать правильную большевистскую оценку эпохе в целом, каждому ее очередному этапу в отдельности и вытекающей отсюда установке и доведут до сведения ЦК, лучшей части партии и Коминтерна, рабочего класса у нас и за рубежом наше твердое, непоколебимое стремление, невзирая на продолжающиеся репрессии -- тюрьму, ссылку и высылку, поддерживать всякий действительный сдвиг влево, наше действительное отношение к характеру, перспективам левого курса в деревне, в Коминтерне, наконец, дополнительные предложения по рабочей политике и партийной, в целях помощи с нашей стороны логическому, большевистскому завершению "нового курса". Вы совершенно правильно учли возросшую потребность общения с партией исключенных сторонников оппозиции, находящихся в условиях ссылки, разбросанных, изолированных друг от друга громадным расстоянием. Ваше предложение коллективного выступления оппозиции (при известных вышеупомянутых условиях) навстречу большинству партии, я думаю, должно быть встречено сочувственно лучшей частью партии, желающей оценить факты и события со всей полнотой и быстротой, желающей повернуть руль влево.

Я за коллективность, против "аристократического индивидуализма", проявляемого в таких делах, хотя бы и руководителями оппозиции. Надо помнить о десятках, сотнях, тысячах сторонников оппозиции. Их придушенная политическая активность прорывается наружу.

Надо сделать все зависящее, чтобы дать не личный, индивидуальный, а организованный, политический выход всей оппозиции в целом у нас и за

рубежом. Необходимо подготовить при вырисовывающихся возможностях постепенного исправления линии партии и Коминтерна (глубокими реформами) возвращение в партию сторонников оппозиции. Вы правы, "если это будет сорвано, пусть в этом не будет ни капли вины с нашей стороны"... Действительно, мы с гордостью можем отвечать за нашу платформу. "История самая близкая рассудит нас". Малодушие, торопливость у части товарищей не разделяю.

Не страшно быть в меньшинстве революционеру-большевику, когда имеешь глубокое убеждение в правильности линии.

Вот, Лев Давыдович, почти доподлинный текст моего ответа на предложение Евг[ения] Алексеевича. Я написала то, что мне диктовала моя революционная совесть. Очень хотела бы иметь текст Вашего ответа. Пишите. А я в Кургане, меня никто и не думает двигать. Горячо целую Наталью Ивановну. Сердечный привет Леве, Сереже.

Крепко, крепко жму Ваши руки. До скорого ли свиданья...

Остаюсь Ваша В. Каспарова

Как здоровье Ваше, Нат [альи] Ив [ановны], ребят? Пишите. Жду ответа. Варя [Апрель 1928 г.]

Х. РАКОВСКИЙ. ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Дорогие друзья!

Наше отношение к "лев[ому] курсу" вам известно. Я постараюсь сейчас сообщить вам о наших задачах, как мы их себе рисуем. Сама формулировка принадлежит мне, но выражаемые мысли коллективны. Каковы же задачи оппозиции?

Борьба оппозиции была немаловажным фактором нынешнего поворота. В настоящее время, опираясь на левый зигзаг и на активность масс, мы должны добиться превращения зигзага в подлинный левый курс. Формы этого превращения различны: возможен приход оппозиции к руководству, возможно создание "левой концентрации", возможно постепенное выпрямление линии нын[ешнего] руководства на основан[ии] проведения платформы оп[позиц]ии, а значит и сближения с ней.

Борясь за укрепление л[евого] к[урса], к[оммунистическая] оп[позиц]ия должна иметь в виду и второй, не менее вероятный вариант, т. е. возможность резкого сдвига вправо. О[позиция] должна учитывать обе перспективы.

Вернуться в партию ценой смазывания основных разногласий (хотя бы в прошлом) значит не столько получить возможность "поддержать новый курс", сколько лишить себя возможности оказать ему деист[вительную] поддержку. Это значило бы превратить оппозицию в аппаратную группировку, бессильную опереться на массы и организовать их активность.

К[а]к и до с[их] п[ор], оп[позиция] может поддерживать левые мероприятия, только энергично разоблачая оппортунизм правых, половинчатость и колебания центристов. И она обязана это сделать, даже если ей придется [остаться] еще некоторое время вне партии.

Сближение с центром, достигнутое [на] осн[овании] смягчения старой критики и

отказа от критики, -- усиливает позиции "правых".

Подлинное выпрямление линии вне классовых сдвигов невозможно. Именно поэтому надо заострить, сделать выпуклым все основные вопросы, а не смазывать их.

Нам незачем только сейчас повторять о том, что мы хотим единства р[ядов] партии и отказываемся от фракционной работы. Об этом мы говорили в заявлении четырех. Е. А. [Преображенский] думает, что этого достаточно, и не понимает, что вернуться сейчас в партию можно только на основании капитуляции.

Тут дело в том, что партия может принять нас только под давлением снизу. В таких условия наше заявление должно преследовать только одну цель: изложить перед массаами, чего мы хотим, за что боремся и как мы оцениваем происходящее. Ничего не смягчать. Попутно должна быть осторожность формулировок и сдержанность, в особенн[ости] орг[анизационного] порядка. Но идеологическая постановка должна быть четкой, ясной, чеканной.

На основании такого заявления мы могли бы развернуть в партии борьбу за наше возвращение. Это более реальный путь, чем заигрывание с аппаратными группами.

Кроме принципиальных] разногласий в заявлен[ии] д[олжны] б[ыть] отражены мнимые ("легенды о троцкизме", "клемансисти- ские тезисы"176 и т.д.). Нужно заклеить методы проработки, тактику расколов и отколов, безобразия XV съезда, требования отказа от взглядов, метода ГПУ и т. д. и т. д. Все это можно изложить не в горячем, а в объективном тоне.

Очень хорошо было бы, если бы этот объективный тон к[а]к бы сам собой исходил из объективной оценки переживаемого периода, из оценки классовых взаимоотношений, из перспектив класс[овых] боев, из оценки компартий и Коминтерна, из оценки борьбы оппозиции и борьбы с оп[озиц]ией.

Из таких объективных оценок само собой вытекла бы тактика раб[очего] класса и его авангарда, т. е. "троц[кистской]" оппозиции.

Я письмо, собственно говоря, кончил, хотел бы еще пару слов сказать, к[а]к мы представляем себе перспективы нового курса. При всей половинчатости, неполности левый зигзаг является огромным достижением по сравнению с тем неприкрытым поворотом вправо, который угрожал партии в 1927 г.

Возможен ли сейчас поворот вправо? Вполне реальная опасность, если хоз[яйственные] трудности этого года толкали на путь левой политики, то хоз[яйственные] трудности предстоящего года будут скорей толкать в противоположную сторону. Эти трудности: кризис хлебный, пром[ышленного] сырья, платежи по кредитам, расчетн[ый] баланс по внешн[ей] торговле и т. д.

Проведение левой политики потребует настойчивости и четкости линии. А это будет лишь в том случае, если массы будут активны, будут ясно сознавать характер переживаемых затруднений, их причины и пр[очее]. Все это затрудняет нынешняя политика замазывания разногласий с правыми, идейных компромиссов с ними, отсутствие ясной и прямой линии (массы все это прекрасно чувствуют). Нынешнее руководство не способно организовать, сплотить массы, но оно может

толкнуть их на самостоятельность. Оно не решится своевременно повернуть очень направо. Если оно это и сделает, то чересчур поздно для себя.

Отсюда две возможности: либо центр капитулирует перед правыми и сам начинает вести правую политику (это возможно и при органическом поражении правых), либо правые приобретают решающее руководство. Но есть и третий исход: рост активности снизу, давление масс на центральное руководство, выпрямление его линии. Процесс этого создания длителен. Что делать в это время оппозиции, я уже писал.

Так мы представляем себе положение вещей. Интересен Ваш ответ по всем затронутым вопросам. Шлем горячий привет, дружеские пожелания бодрости.

С комм[унистическим] приветом.

[Апрель 1928 г.]

ПИЛИПЕНКО И АБРАМОВИЧ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Коканда

1 мая

. Привет первого мая. Пилипенко, Абрамович

МУРАЛОВА - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы

1 мая

Поздравляем [с] первым маем. Муралова

САПРОНОВ и ОКЛЯНСКИЙ -- ТРОЦКОМУ

Верный, Троцкому, из Шенкурска

1 мая [С] боевым пролетарским праздником. Сапронов, Оклянский

С. СЕДОВ - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Красина 75, Седову, из Казалинска

1 мая

Четвертого прибываю [во] Фрунзе Сергей

О.Сосновская - Троцкому

Алма-Ата, Троцкому, из Москвы

1 мая

Поздравляю друзей [с] первым мая. Ольга Сосновская

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата

Троцкому, из Йошкар-Олы

2 мая

.
О. СОСНОВСКАЯ - ТРОЦКОМУ

.
Алма-Ата, Троцкому, из Йошкар-Олы.

2 мая.[С] первым маем горячий привет. Мураховский, Усевич, Гуревич,
Антонова, Заваян, Соловьев

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата,

Льву Давидовичу Троцкому, из Москвы

2 мая

.
Пламенный первомайский привет. Водоканалъев, Петька Максимов, Грюнман,
Ванька Цветков, Василий Иоффе

ТРОЦКИЙ -- САПРОНОВУ

Шенкурск, Сапронову

2 мая

Горячий привет. Жду письма. Пишу. Троцкий

СОСНОВСКИЙ -- ТРОЦКОМУ

Ответ 190. Алма-Ата,

Троцкому, из Барнаула

2 мая

Обеспокоен слухами [о] вашей болезни, идущими отовсюду, [а] также длительным
отсутствием вестей. Новобарнаульцы горячо приветствуют [с] первым мая.
Сосновский

ТРОЦКИЙ -- СОСНОВСКОМУ

Барнаул, гостиница "Комхоз",

Льву Семеновичу Сосновскому

2 мая

На последние письма ответа Вашего не получал, дважды Вам безрезультатно
телеграфировал, крайне обрадован телеграммой. Привет, ваш Троцкий

МИНЦ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Красного Яра

2 мая

Шлю большевистский майский привет. Минц

Л. СЕДОВ - С. СЕДОВУ

Москва, Грановского 3, квар[тира] 101

[Начало мая]

Седову. Передай: папа очень огорчен, что не достали Ходекина. Надо приложить все усилия. Сообщи, есть ли надежда. Лев

ТРОЦКИЕ - Р. РАДЕК177

Москва, Остоженка 1/9, кварт. 13

[Начало мая]

Опасаясь[, что] письмо Вас не застанет [в] Москве, поэтому телеграфирую. [Из] Берлина начал получать еженедельник "Манчестер Гардиан"178. Выписка книг Прейсса179 отсюда удобнее всего, но как пересылать деньги? [Из] института Маркса получил первый том для литературного редактирования180. Карла [Радека] необходимо на юг. Полине сердечная благодарность [за] книги, посылки, заботы. От всех друзей бодрые письма. Большое спасибо, Роза Маврикиевна, обнимаем. Лев, Наталья

ТРОЦКИЕ - МУРАЛОВУ

Тара, [ул.]Луначарского, Муралову

[Начало мая]

Здоровье удовлетворительно. Крепко всех обнимаем. Лев, Наталья, Лева, Аня

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Баку

5 мая

Пламенный привет. Едем [на] новое местожительство [в] Бахчисарай. Слышали [о] вашей болезни. Телеграфируйте здоровье [в] Новороссийск, [до] востребования. Коте181, Ладо, Васо, Ксения

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Термеза.

5 мая

Первомайский привет. Шумская, Радзевич, Микина
Послана копия письма Мрачковскому182.

ТРОЦКИЙ - К. ЦИНЦАДЗЕ

Новороссийск, [до] востребования

5 мая

Здоровье лучше, работаю, пишу сегодня [до] востребования [в] Бахчисарай. Жду письма. Привет, Троцкий

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Красина 75,

Седову, из Москвы

5 мая

Сокращена [на] службе. [В] понедельник начинаю мытарства, обжалования.

Отпуск сорван. Настроение скверное. Купе [для] проезда няни [и] мне имею. На руках инструкции нет. Аня

МУРАЛОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, ответ 85

Троцкому, из Тары

5 мая

Сообщите состояние здоровья. Муралов

, [до] востребования, Коте Цинцадзе.

Алма-Ата, ответ 85, Троцкому, из Тары.

5 мая. Сообщите

[После 5 мая.] Бахчисарай, Коте Цинцадзе состояние здоровья. Муралов

ТРОЦКИЙ - ЦИНЦАДЗЕ.

Письмо послал. Здоровье удовлетворит

Троцкий - Цинцадзе

[После 5 мая]

Бахчисарай, Коте Цинцадзе

Письмо послал. Здоровье удовлетворительно. Привет. Лев

ТРОЦКИЙ - А. ЧЕЧЕЛАШВИЛИ

Тифлис, Паскевича б, Алия Чечелашвили

6 мая Спасибо [за] карточку, сердечный привет друзьям. Лев

ТРОЦКИЙ - ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ

Уральск, Некрасовская 18, Преображенскому

6 мая.

Получил

ТРОЦКИЙ - МУРАЛОВУ

Тара, Фурье 3, Муралову

6 мая

Не считая приступов малярии, здоров, работаю, получил ваше письмо. Привет, Троцкий

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ¹⁸³

Дорогой товарищ!

Пользуюсь случаем подать весточку. Товарищ, который привезет письмо, расскажет подробно о положении здесь, что Вам, вероятно, будет передано. Ограничусь самым главным. На днях выходит брошюра, содержащая "Платформу", "Письмо в испарт"¹⁸⁴, Вашу речь на последнем пленуме¹⁸⁵, обращение в ИККИ¹⁸⁶ и некоторые мелкие документы. Я написал предисловие к платформе и примечание к письму. Все выходит от имени Истмена¹⁸⁷. Из органов к нашим услугам орган Л.¹⁸⁸ и газета венгерских товарищей, о которой ниже. Теперь, когда я ближе познакомился с Истменом. и Л., могу подробнее сообщить о них. Истмен, конечно, не коммунист; это радикальный интеллигент, который занимался бы поверхностным восхвалением СССР, как десятки других, если бы случайно не связался бы с нами. Его связь с нами тоже поверхностна. Если бы мы победили, его связь с нами укрепилась бы. При нынешних условиях он будет отдаляться от нас. Он заявил, что ничего, кроме литературных поручений, он выполнять не будет, хотя и это он делает не совсем охотно. На него действуют, помимо прочего, следующие два обстоятельства. Он фактически лишен из-за нас средств к существованию. Радикальные элементы ("Нейшен"¹⁸⁹ и пр.) не желают из-за него терять связь с коммунистами и порвали с ним, не печатают его, и он страшно изолирован. Во-вторых, он боится повторения того, что Вы с ним сделали¹⁹⁰, и неоднократно говорил об этом. Поднять немного его дух можно было бы, если бы Вы могли как-нибудь задним числом реабилитировать его (скажем, в форме письма к кому-нибудь, помеченного задним числом) или хотя бы подать ему весточку (через меня, чтобы у него осталось). Лучше последнее.

Что касается Л., то это человек без политического хребта. Но именно поэтому его можно тащить, и я считаю, что в свое время Вы сделали ошибку, не закрепив его за нами. Еще за несколько дней до нашего знакомства он в связи с высылкой написал статью, в которой говорил, что хотя он считает, что Ст[алин] прав против нас, но не может согласиться с такими методами борьбы. На мой вопрос, что это означает, он ответил, что он не имел никакой связи -- документов -- и был дезориентирован. По существу же, дело в том, что, помимо его бесхребетности, он вынужден сильно лавировать, чтобы не потерять положение. Газета принадлежит немецкому коллективу, который состоит из бывших людей. Это все допотопные старички, которые в молодости принадлежали

в Германии к рабочему движению. Здесь они давно уже стали хозяевами всяких булочных и колбасных, но по старой традиции считают себя социалистами. Л. вынужден к ним применяться. Поэтому он до сих пор в редакционных статьях (а по американскому обычаю редакция отвечает только за эти статьи) ни разу не солидаризировался с нами политически, а все больше аргументирует от человечности и пр. Зато в других статьях можно найти все, что угодно: от откровенно социал-демократических рассуждений до уль-тракторшистских¹⁹¹.

Я пишу частенько, хотя не особенно приятно видеть наши статьи в таком соседстве; приходится писать потому, что другого места нет. В частных разговорах Л. весьма радикален и уверяет постоянно в готовности сделать все, что Вы от него потребуете, хотя на практике он далеко не реализует даже то небольшое, что я просил у него. Так как в его позиции большую роль играет его личное отношение к Вам, это нужно использовать, и Вы должны написать ему, наметить перспективы и дать инструкции. Это будет иметь значение и потому, что и он, как и И[стмен], боится, что Вы снова отречетесь от него.

Пока что польза, которую удалось извлечь из него, заключается в том, что через него удалось получить некоторые связи. Через него я связался с венграми. Это -- группа прекрасных преданных рабочих (около 60 -- 70 чел.), настоящих коммунистов. Их руководители исключены недавно за поддержку нас. Не имея никаких связей, документов, они еще до нашего знакомства начали издавать еженедельник ("Пролетар"), в котором заняли совершенно правильную линию, полностью совпавшую с нашей. Насколько я могу судить по их короткому изложению содержания статей, они больших промахов не делают. Я заметил только один -- когда они без всяких комментариев перепечатали чисто корш[истскую] статью. Я посылаю комплект; постарайтесь найти человека, знающего язык, и ознакомиться. Так как это -- безусловно наши люди, Вы должны написать им, подбодрить их, указать на промахи, подчеркнуть линию и пр. Во всех письмах надо будет, между прочим, подчеркнуть, что я действую по Вашим директивам. Это поможет мне в решительные моменты, если нужен будет какой-нибудь нажим.

Теперь нащупал еще связь с одной еврейской группой и на днях повидаяюсь с ними. Помните, что при оторванности продолжать работу можно будет лишь, если Вы не забудете присылать документы и информацию. Хорошо также, если бы удалось наладить пересылку статей. Они могли бы публиковаться одновременно и здесь, и в Европе. Пока приходится ориентироваться по "Пролетару" и еврейским материалам, которые доходят. Этого мало.

Наконец, последнее. Я приступил к организации комитета помощи арестованным и сосланным. Я не решался делать этого сам и полагал приступить к сбору неофициально. Но недавно я получил от наших из Берлина письмо, в котором они предлагают развернуть широкую кампанию. Я написал обращение, которое, кроме И[стмена], Л. и венгров, подпишет ряд людей леворадикального типа. Надеемся привлечь Синклера¹⁹². Ему написали, но от него пока нет. Подбор подписей производим очень осторожно. Кстати, И[стмен] и Л. идут на это не

совсем охотно, хотя отказать не могут. Но дело от этого затягивается. Материаль-

но это может дать много, но сам не совсем хорошо представляю себе политический эффект этого дела. Если почему-либо директива об этом дана без Вашего ведома, подумайте и, если Вы против, телеграфируйте немедленно. Теперь о прочих делах. Позицию, занятую Вами по отношению к организационным мероприятиям немцев, считаю абсолютно неправильной. Мы обожглись на Альт[оне]193 и перегибаем палку в другую сторону. Постановка вопроса в директивах и в письмах к конгрессу Л [енин]б[унда] (я исхожу из того, что они писаны Вами) совершенно правильна, поскольку дело идет о второй партии. Но толковать эту постановку распространительно и выдвигать ее против всяких организационных оформлений значит толкать то, что есть, на распад. Я хорошо видел, как они таяли, потому что они были неоформлены. Фракция тоже, как Вам известно, мало выигрывает от недостаточного внимания к организационным вопросам. На такой же путь, как и немцы, стал, как Вам, вероятно, известно, и Тр[эн], который организовал комитет по восстановлению. Другое дело -- тактика. Против выставленных списков надо возражать категорически: это воспроизводит в расширенном виде альт[онскую] ошибку и может привести к очень вредным последствиям. Я думаю, что если бы мы заняли правильную позицию, и одобрили организационные шаги, нам легко удалось бы добиться их отказа от выстав[ленных] списков или, вернее, разговоров об этом. Я думаю, что в конечном счете они списков не выставят, а лишь оскандалят себя угрозами.

Что, кстати, означает выступление Радека194? Если это -- шаг к отходу от нас, то это -- вредная анархическая выходка. Несмотря на мое отношение к немцам, которое Вам известно, я не думаю, чтобы было умно рвать с ними теперь. Как бы то ни было, немцы представляют собой единственную заграничную группу, которая в членораздельной и политически грамотной форме продолжает отстаивать наши основные политические взгляды и дает в основном правильную оценку происходящего в СССР. Они ругали нас, Заявление 121-го195. Я не знаю, что они тогда писали (я не имею этих номеров), но по существу они ругали поделом: теперь мне кажется бесспорным, что этого заявления подавать не надо было.

Единственно, что нас отделяет от них по существу теперь, это -- их пассивная поддержка шарлатанства насчет троцкизма, но это видно только для весьма искушенных людей. Я имел по этому поводу переписку с М[асловым] и поставил перед ним вопрос довольно резко. Он ответил примерно следующее: он считает Вашу дореволюционную позицию меньшевистской; считает, что мы в 1923 г. были правы только частично в одном вопросе -- во внешней характеристике партрежима, хотя не поняли его социального смысла; но он не видит, какое это имеет касательство к современным отношениям. Он считает, что наша тактика была неправильная (в этом

он не столь уж неправ), но политических разногласий у него нет. Ему я ответил письмом, в котором пытался доказать, что "троцкизм" будет элементом разложения всех оппозиционных групп, которые не выступят решительно против этого шарлатанства (кстати, свежий пример мы уже, кажется, имеем на группе Сюзанны)¹⁹⁶; но мы должны помнить, что среди того моря клеветы и вражды, которое создано вокруг нас, нам не следует швыряться людьми, которые нас поддерживают, хотя бы они не на все 100% были нашими.

То же относится и к Трэнну. Возможно, что теперь дела немного сдвинутся во Франции. Опираясь на [группу] "Прот[ив] теч[ения]", надо привлечь и Тр[эна] и Сув[арина] -- последний все-таки наш. Он пал жертвой нашей слишком большой лояльности по отношению к нашим дорогим союзникам. Теперь надо эту ошибку исправить: при всех своих ошибках он, как революционер, все еще на десять голов выше и Сюз[анн] и тех проходимцев и болтунов, которые стоят во главе к[ом]п[артии]. В его ошибках больше виноваты мы, которые бросили его, чем он. При том влиянии, которое Вы имеете на него, его можно вернуть в наше русло, и он нам еще нужен будет: он будет из тех, которые останутся с нами и тогда, когда еще многие из наших, которых мы считаем очень близкими, уйдут от нас, -- а дело как будто идет к этому.

В связи с этим -- несколько слов про домо суа¹⁹⁷. Несмотря на то, что мы разбиты, мы идейно победили. Но эта наша победа при современных условиях превращается в источник разложения в наших рядах. Повторяется то, что уже было раз, примерно зимой 1924 -- 1925 гг., когда многим казалось, что разногласия по существу изжиты и что оставаться в оппозиции теряет смысл, что нельзя оставаться "против партии" по личным связям, симпатиям или из упрямства. Многие уходят потому, что искренне убеждены в этом; многие -- потому, что это дает им видимость самооправдания или просто приличный идейный повод для возвращения своего положения. А этот развал в нашей среде может иметь весьма печальные последствия. Возможны, очевидно, два положения: либо в момент обострения положения (а это, вероятно, будет осенью) Ст[алин] капитулирует перед правыми и резко заберет вправо. Тогда часть вернется к нам; другая часть будет продолжать катиться и растворится в общей массе.

Я, однако, считаю более вероятным другое -- что Ст[алин] захочет покончить с правыми и вынужден будет продолжать левую линию, тем более, что теперь уже для всякого слепого ясно, что по нашему пути лежит выход. Но в этих условиях Ст[алин] вынужден будет искать поддержки слева. Если мы сохранимся к тому времени как политическая группировка, мы можем еще сыграть свою роль и политически ожить. Если же к тому времени наши основные кадры капитулируют, то Ст[алин] предпочтет опереться на них в проведении левого курса. Эти люди, которые все-таки проходили школу оппозиции (некоторые даже и в качест-

ве учителей), будут поставлять идеологию, Ст[алин] будет иметь лавры, а Вы с небольшой кучкой верных людей будете окончательно уничтожены.

Если мы хотим обеспечить левый курс и не отрезать себе окончательно пути для

возвращения на политическую арену, нам нужно во что бы то ни стало задержать развал. Надо дать людям перспективу; если ее пока нет, надо ее выдумать, чтобы хотя бы до осени удержать кадры. Этот развал в малом масштабе я наблюдаю и здесь. Нас здесь было четверо: один капитулировал сразу после съезда, второй -- на днях, остались мы вдвоем с нашим общим другом П-м; в последнее время и он не выдержал; он отказался вести какую бы то ни было работу потому, что не хочет вести борьбу против партии и в такой момент, когда она проводит нашу линию. Он еще не капитулировал, но уже ведет какую-то двойную игру.

Это связано с нашим партийным положением. После съезда нам предложили подать заявление. Я исходил из того, что нам нужно удержаться в партии, и мы написали общее заявление в духе заявления 121 (нам это позволительно). Мы расписали, что у нас нет программных разногласий и осудили фракционную работу, но оговорили, что мы считаем неправильным исключение оппозиции из партии. Так как наше парт[ийное] начальство состоит из обывателей, которые хотят, чтобы в их хозяйстве все было без скандалов, удовлетворились. Но когда дело дошло до Москвы, они получили нагоняй. Сам Яр[ославский] написал письмо и предложил потребовать от нас -- в качестве минимального условия -- снятия пункта о несогласии с исключением и осуждения так называемых директив. Особенно настаивали на втором. Я заявил, что по первому пункту я продолжаю оставаться на своей точке зрения, а по второму, что -- хотя против фракционной работы, но так как директивы являются прямым следствием определенных методов борьбы с оппозицией, то, осудив директивы, я тем самым косвенно одобрил бы не только исключение из партии, но и ссылки и аресты. Позиция, конечно, весьма слабая, и нас бюро исключило. Насколько я понимаю, некоторые идут на подачу таких заявлений, какое требовалось от нас. Я не знаю конкретной обстановки на месте и не могу судить о том, насколько это правильно, но для себя я считаю это неприемлемым. На заседание ячейки я явился и был исключен. П. не пришел тогда и теперь его почему-то пока не трогают. Не знаю -- давал ли он какие-нибудь авансы или нет. Ближайшие дни покажут это. Мне он заявил, что требуемого заявления не подаст пока, но он сделает это, если убедится, что левый курс взят серьезно. Так как пока дело ограничивается тем, что он только отказался работать, хотя он и раньше делал это неохотно, то распространяться о нем пока не нужно. Я убедил его написать Вам письмо с изложением своей точки зрения. Прочитаете -- решите.

Еще несколько слов обо мне. Возможно, что в связи с исключением мне скоро будет предложено поехать домой. Здесь снова встает вопрос о предложении, которое мне было сделано от Вашего имени. Обдумайте снова этот вопрос. Если даже решить, что мне нужно пожертвовать для дела собой, то нужно ли это на нынешней стадии для дела? Так как мы с Вами являемся теперь полными антиподами -- в географическом смысле этого слова, -- то я при лучших условиях смогу получить ответ лишь месяца через два. Поэтому прошу Вас постараться ответить сейчас же по получении. Жму руку. Желая бодрости и здоровья. Я, как никогда, бодр и уверен в нашей правоте.

Ваш С.

Я прочитал письмо и нашел, что я не совсем полно формулировал свое отношение к тому, что сейчас делается на родине и могу быть неправильно понят. Постараюсь коротко формулировать. Нынешний левый курс, рабски и неуклюже копирующий платформу, несомненно является результатом реакции со стороны рабочего класса, которую Вы правильно предсказали. Но произошла эта реакция не так, как мы ожидали: наша деятельность была сама формой проявления этой реакции, но мы были разбиты, когда попытались политически организованно оформить эту реакцию, причем были разбиты при пассивности пролетариата. А затем, после нашего поражения, рабочий начал реагировать тем единственным способом, который у него остался после того, как пролетарское крыло партии потеряло возможность отражать его интересы, -- стачкой.

С другой стороны, два основных явления последнего времени с исключительной резкостью и рельефностью сигнализировали крах сталинской политики. Провал заготовок показал, куда ведет крестьянская политика; а Шахтинское дело наглядно показало, как бюрократический режим раскрывает дверь контрреволюции. Все это вместе и вызвало поворот. Но говорить о левом курсе еще рано. Война только объявлена, но борьба, еще на началась. Антипролетарские элементы еще не дали ответа. Как пойдет дело, когда этот ответ последует, -- вот вопрос, который позволит судить о том, каков курс. Какова наша роль? Реакция со стороны рабочего класса протекает в стихийных, а поэтому в наиболее опасных и вредных формах. Если мы не можем ее возглавить, она либо будет раздавлена, либо может пойти дальше, чем мы хотим, и будет возглавлена другими.

Мы должны сделать все, что от нас зависит, чтобы оформить и организовать начавшуюся активность пролетариата. Поэтому именно теперь при "левом" курсе надо работать не меньше, а больше, чем при откровенно правом. Ближайшее время будет решительным для революции в целом. При резко обострившихся противоречиях в стране политика зигзагов становится все более невозможной (я говорю не о тактическом и стратегическом маневрировании, а о болтании между классами). Либо, наконец, будет взят правильный курс, либо революция гигантскими шагами пойдет под уклон. В первом случае мы должны организованно восста-

новить свое положение в партии и тем обеспечить этот курс, во втором -- мы должны будем разделаться с иллюзиями и организованно продолжать борьбу. И в том и в другом случае мы должны быть максимально активны и организованны. Вы, конечно, понимаете, как трудно при здешней оторванности наметить себе перспективу, и понимаете, с каким нетерпением я буду ждать ответа. Адрес, по которому мне можно писать, имеется у московских товарищей и в Париже.

Дорогие товарищи!

Пользуюсь случаем. Предъявитель сего передаст вам подробно все о местных делах. Учтите все и наладьте пересылку информации и материалов. Хорошо, если

бы удалось наладить и пересылку статей. Считаю необходимым сообщить кратко свою позицию по основным вопросам. Я считаю абсолютно неправильной вашу установку по отношению к органам немцев. Возражать против организационного оформления группы -- значит толкать ее на распад. Мы должны были бы на собственном опыте понять, что значит невнимание к организационным вопросам. Другое дело -- выставление списков. Это означало бы повторять в расширенном масштабе альтонскую ошибку. Я полагаю, что если бы мы заняли правильную позицию к организационному оформлению, нам легко удалось бы убедить их отказаться от списков, тем более, что, я думаю, они ограничатся лишь угрозами и не будут скандалиться. Во всяком случае, реагировать, как Радек, вредно. Если его заявление не есть шаг к отходу, то это -- анархическая вредная выходка. Как бы мы ни относились к немцам и каковы бы ни были наши разногласия, они все-таки единственная группа, которая политически грамотно и в основном правильно освещает положение в СССР. При той обстановке, которую мы имеем сейчас, швыряться ими не стоит. То же относится и к Тр[эну], который в организационных вопросах согласен с нами. С Сюзан, по-моему, надо кончать, если мы с ней имеем какие-нибудь дела. Она вместе с Саф[аровым], за которым она идет, является источником разложения и все равно уйдет.

Несколько слов о моей позиции по нашим внутренним делам. Мы одержали идейную победу, хотя мы разбиты, как никогда. Реакция со стороны рабочего класса, которую мы ожидали, пришла, но в форме, которую мы предвидеть не могли. Когда мы пытались оформить эту реакцию политически, пролетариат нас не поддержал и дал нас разбить. А затем он стал реагировать единственным способом, который остался у него, -- забастовкой. С другой стороны, основные два явления последнего времени сигнализировали исключительно ярко крах ст[алинской] политики: провал хлебозаготовок и Шахтинское дело. Самое опасное с нашей стороны - успокоиться и прекратить борьбу на том основании, что партия, мол, повела нашу линию. Многие отойдут от нас на этой почве -- одни искренне, другие -- потому, что они найдут в этой концепции повод, которого они ждали для приличного "идейного" отхода. Вывод надо делать как раз обратный: больше, чем когда бы то ни было, усилить активность. Левого курса еще нет; есть только декларации. Посмотрим, что будет, когда кулак даст свой ответ.

Если мы действительно хотим обеспечить левый курс и восстановить свое положение в партии, мы должны сделать все, что можно при нынешних условиях для того, чтобы возглавить начавшуюся реакцию рабочего класса. Если мы этого не сможем сделать, то либо рабочий класс будет снова и надолго разбит, либо движение перельет через наши головы и его возглавит кто-либо другой. Это -- та линия, которую я провожу здесь теперь. Вы понимаете, как мне важно знать ваше мнение по всем этим вопросам при здешней оторванности. Снова прошу сделать все, чтобы наладить связь. О моем личном положении вам расскажет податель.

Всего доброго. Жму руку.

Ваш Ю.

8 мая 1928 г.

Прилагаемое письмецо прошу передать, по возможности скорее, Старику.

БОГУСЛАВСКИЙ - ТРОЦКОМУ

Ответ 155

Алма-Ата, Троцкому, из Новосибирска

8 мая

Беспокоюсь [в связи с] отсутствием ответа [на] мои два письма. Телеграфируйте Кузнецкая 8 [о] здоровье [и] быте. Привет, Богуславский

БОГДАСАРОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Баку.

8 мая

Почему не отвечаете [на] посланную мою телеграмму. Сообщите [о] здоровье. Сердечный привет. Богдасаров

ТРОЦКИЙ -- БОГДАСАРОВУ

[9 мая.]

Спасибо, аптечку получил, заболел малярией, форма не тяжелая. Троцкий

Ф. ЮДИН. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

11-12 мая 1928 г.

Здравствуйте, уважаемый Лев Давидович!

Вот уже несколько дней, как я приехал к месту ссылки в Ачинск. Оппозиционная колония, а нас тут шесть человек, производит печальное впечатление. Нет спайки, нет элементарных товарищеских отношений.

Такое состояние колонии -- не случайно. Тон соответствующий, вернее, не соответствующий, дал С[афаров].

Я был у него на днях, и мы беседовали около четырех часов. Если отбросить чисто внешнюю часть вежливого приема и прочую мишуру, то создается впечатление, что ты сидел на активе Ленинград[ской] орг[анизации] времен 1923 --1924 гг., с той только разницей, что на активе вряд ли подавали бесплатно кофе. Слово "троцкизм" (ну и далось им это словечко) не сходит у него с уст.

Прежде всего, я прочел два заявления С[афарова], одно -- Четвертому пленуму ИККИ198, другое -- последнему пленуму ЦКК.

Когда читаешь заявление в ЦКК, чувствуется, что С[афаров] сделал шаг "вперед". Правда, он еще поругивает З[иновьева] и К[аме-нева] за их беспринципность и пр., но тон заявления, дух его уже не тот.

Указывая ЦКК на ряд опасностей в стране, идущих справа и с которыми, по его

мнению, нужно бороться, С[афаров] вместе с тем считает, и в этом сказывается его движение "вперед", не меньшей опасностью идущее слева "заигрывание в двух документах, опубликованных в "Правде" 15 января с полуменьшевицкими, авантюристическими попутчиками типа Суварина". Он далее считает губительным для дела Ленинской оппозиции блок с Греком, "этим прямым предателем революции". Не менее вредной Сафаров считает политику Рут [Фишер]-Маслова-Урбанса и, конечно, вполне солидарен с телеграммой Р[адека]. "Гвоздь" заявления заключается в том, что считает нужным бороться и с теми представителями из группы 1923 г., которые ныне добиваются пересмотра решений Пятого Конгресса К[оммунистического] И[нтернационала], которые он, С[афаров], считает абсолютно правильными и которые (в заявлении сказано, "некоторые из них") мечтают о второй партии, а это и есть рецидив троцкизма 1923 года. Совершенно понятно, что вначале беседа носила "рекогносцировочный" характер, поскольку С[афаров] старался выяснить наши (я был еще с одним товарищем) настроения и взгляды.

Философия его нынешней политической позиции проста: все разногласия, всю неправильную политическую линию ЦК он сводит к вопросу о руководстве, но под "особым" углом зрения. Эту проблему, как увидите ниже, он разрешает весьма "удачно".

Начинает он свои рассуждения, как полагается "большому вождю", с оценки международного положения.

Относительная стабилизация капитализма трещит по всешвам. На первых порах в отношении к СССР это скажется в эко-номической блокаде, а затем -- в прямой интервенции против Со-ветского Союза.

Перед лицом подобной опасности, точнее -- катастрофы, нельзя ставить вопрос о руководстве ВКП так, как его ставила оп-позиция до XV съезда. Хочет или не хочет нынешнее руководст-во, оно вынуждено будет вести революционную войну за СССР, за сохранение диктатуры пролетариата. О гражданском мире внутри СССР в случае войны не может быть и речи. Залог именно такой политики партии, по мнению С[афарова], кроется в Революционности Российского Рабочего Класса, в большевистских традициях партии и т. д. Революционный подъем рабочего класса будет таким же, каким мы его наблюдали в 1919 -- 1921 гг.

Короче. Революционность рабочего класса ставит предел сползанию вправо. (Бухаринская трактовка роста кулака при диктатуре пролетариата.) В таком случае, рассуждает он далее, каждый оппозиционер обязан будет отказаться от своих взглядов, "начихать на них", отказаться от критики политической линии ЦК и взять винтовку для защиты СССР.

А так как опасность войны сегодня более реальна, чем когда-либо, значит -- нужно немедленно подавать соответствующие заявления ЦК, от взглядов (пока) не отказываясь.

Это, по мнению С[афарова], одна политическая линия для оппозиционера, другая же заключается в том, чтобы строить вторую партию, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второй путь он отмечает как явно авантюристический. Подумаешь, какая добродетель. Как будто бы кто-то хочет строить или даже уже

строит вторую партию, а он, С[афаров], чуть ли не в единственном числе, защищает дело Ленина.

3. Вопрос о второй партии им выпячивается якобы потому, что основная группа оппозиции 1923 г. в свете документа "На новом этапе" "резко порвала с платформой 13 чл[енов] ЦК и ЦКК", которую только он, С[афаров], и его немногочисленные сторонники защищают и ныне. "Кто стоит на позициях "Нового этапа", -- изрекает Сафаров, -- тот не может защищать платформы".

"Троцкисты" же, поскольку они связывают наступление полного Термидора с прекращением прилива рабочих в партию, тем самым ставят в порядок дня вопрос об организации второй партии. Ибо может быть такое положение, когда приток рабочей части партии в оппозицию прекратится совсем (тут и неправильная оппозиционная тактика, давление партаппарата, надвигающаяся опасность войны и пр.), а Термидора все же не будет.

Особенно резко нападает он на фразу из "Нового этапа" о последнем историческом всплеске октябрьской волны, которую он трактует как фундамент к созданию второй партии. Его трактовка этой фразы ничем не отличается от пресловутых комментариев Слепко-ва во втором номере "Большевика". Методы проработки оппозиции в 1923 г. в Ленинграде сказались в этой беседе на 300%.

4. Вопрос о смене партруководства или о частичной замене его не может быть поставлен в повестку дня, т. к. не на кого менять, ибо "разногласия 1923 года с тогдашней оппозицией не только не изжиты, но наоборот -- возведены в некоторую более высокую степень". "Я не знаю, заявляет С[афаров], было бы лучше, если бы П[олитбюро] был Л. Д." [Троцкий].

"То, что вы (группа 1923 г.) ныне делаете, -- изрекает С[афаров] далее, -- есть проявление троцкизма в самом худшем его виде -- в издании 1914 года".

Допущение З[иновьева] и К[аменева] к партруководству он также считает невозможным и, следовательно, остается только то, что есть -- фракция Сталина, перед которой, конечно (?!), капитулирует группа Рыкова.

Вот какими путями С[афаров] прокладывает себе дорогу к сталинскому руководству.

И он заверяет ЦКК, что будет бороться не покладая рук не только с оппозицией справа, но и с опасностью слева, т. е. троцкизмом.

А когда мы спросили, с какой программой он идет сегодня в партию, мы услышали весьма напыщенный ответ: "С платформой 13-ти, которую я буду защищать".

Он далее считает грубой, непростительной ошибкой блок с группой Л. Д. [Троцкого], ибо троцкизм не может не давать рецидивов".

-- Ну а ежели войны не будет, ни в этом, ни в будущем году, ведь в таком случае рухнет вся ваша "платформа"? -- спрашивали мы.

"Это ничего не значит, -- заявляет С[афаров], -- моя нынешняя политическая позиция имеет в виду не только войну с капит [алистическим] Западом как катастрофу, но и кризисы, затруднения внутреннего порядка, т. е. то, что мы

имеем фактически на сегодняшний день".

Вот и вся его позиция.

Когда я рассказал ссыльным товарищам эту беседу, мы решили порвать с С[афаровым] самым резким образом. Но поскольку он, к великому сожалению, в некоторой степени б[ывший] лидер, мы решили написать Вам, дабы Вы посоветовали, как нам лучше поступить. Вместе с тем нам бы очень хотелось получить от Вас некоторые замечания и по существу высказанных С[афаровым] взглядов.

С коммунистич[еским] приветом

Ф. Юдин

Ачинск, ул. Л. Толстого, No 16

Р. С. Когда была получена газета, в которой опубликована телеграмма т. Радека в "Правду", мы послали ему телеграмму в Тобольск следующего содержания: "Возмущаемся, но пока еще надеемся". Через некоторое время был получен ответ: "Чем вы возмущены? Привет. Радек".

Что значит ответить по существу!

Ф. Юдин

Н. ДУДЕЛЬ -- ТРОЦКИМ

Алма-Ата, улица Красина 75

Троцким, из Москвы

12 мая.

Возобновила посылку газет 8 мая. Письма еще не получила. Целуем, Надежда

А. СЕДОВА - Л. СЕДОВУ

Алма-Ата, Красина 75,

Седову, из Москвы

12 мая

Восстановлена. Отпуск 25[-го], полтора [месяца] без содержания, возможно, получу контрольный. Сообщи вольт[аж] лампы, размер кепки. Целую всех, Аня

Р. РАДЕК - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата,

Троцкому из Москвы

14 мая

Выехала 12 мая [в] Тюмень, далее [в] Томск. Деньги лежат [у] Прейсса. Большое спасибо [за] телеграмму. [С] Троцкому, из Москвы. 14 дороги напишу.

Роза

ТРОЦКИЕ - РАКОВСКОМУ

Раковскому

16 мая

Как здоровье? Беспокоимся отсутствием вестей. Обнимаем. Лев, Наталья

Л. СЕДОВ - ВИРАПУ

[16 мая].

Вирапу

Лекарства получены. Большое спасибо. Письмом подробно.

Лев

Ф. ЮДИН - ТРОЦКОМУ

Уважаемый Лев Давидович!

Посылаю Вам статью Пекаря-Орлова, опубликованную в газете "Советская Сибирь" 15 мая, так как полагаю, что она представляет для Вас некоторый интерес. С ком[мунистическим] приветом. Ф.Юдин
мая.

Раковскому. 16 мая.

Уважаемый Лев Давидович!

Ачинск, 16 мая

некоторый интерес. С ком[мунистическим] приветом, Ф. Юдин

А

Посылаю Вам осыла

Ачинск, 16 мая 1928 г. ул. Л. Толстого № 16

ТЕР-ВАГАНЯН - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Бийска

7 мая

Получили [ли] два моих письма? Ваганян

ОГАНЕСЯН - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Троцкому, из Андижана

19 мая

Вместо Баку ленинский привет из Андижана. Сообщите Ваше здоровье [до] востребования. Оганесян

ТРОЦКИЙ - ОГАНЕСЯНУ

[19 мая]

Здоровье удовлетворительно, несмотря на благоприобретенную малярию. Пишите.

Привет. Троцкий

ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОМУ

Срочно, Алма-Ата, Троцкому, из Колпашево

[19 мая]

Замедлено повреждением

Предложения, оценку Евгения [Преображенского] решительно отвергаем. Ответьте немедленно. Смилга, Альский, Нечаев

ОТВЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА ТРОЦКОГО

[Алма-Ата -- Колпашево] [19 мая]

Предложения отвергаю. Написал Вам ...,199 мая. Привет, Троцкий

Г. ВАЛЕНТИНОВ - ТРОЦКОМУ

Алма-Ата, Льву Давыдовичу Троцкому,

из Усть-Кулома

19 мая

Отправил письма 1-го, 26-го марта, 11-го, 14-го, 19-го апреля. Получили ли?

Сердечный привет. Валентинов

ТРОЦКИЙ - Г. ВАЛЕНТИНОВУ

[Алма-Ата -- Усть-Кулома]

[19 мая]

Получил.

Л. СОСНОВСКИЙ. ПИСЬМО ВАРДИНУ²⁰⁰

Товарищ Вардин,

Получил вашу переписку с Саркисом и заявление ваше с Сафа-ровым в ЦКК.

Впечатление такое, что документы эти никак не могут принадлежать одному и тому же человеку в одно и то же время. В письмах к Саркису вы в общем правильно замечаете, что Саркис просто-напросто ищет подходящей версии для отречения. И потому весь использованный им арсенал аргументов за отречение вы без труда забраковали. В том числе и его ссылку на "новый курс". Вы правильно указали, что лучшей поддержкой всех здоровых мероприятий будет с нашей стороны (помимо практической деловой поддержки и выполнения) критика непоследовательности в политике, разоблачение ее двойственности. Вы спрашивали Саркиса: где бы была партия, если бы не было отчаянной борьбы оппозиции за ленинскую линию против бухаринского вранья кулака в социализм. А я вас теперь спрашиваю: где будет партия, если все подадут такие заявления, как вы с Сафаровым. Весь ваш порох против Саркиса оказался испорченным зря, ибо вы встретились с ним "на ефтом самом месте". В вашем заявлении нет прямого и открытого отречения от платформы большевиков-ленинцев. Но в этом ваш минус по сравнению с Саркисом. Он прямо отрекается от платформы и говорит: ошибся. А вы...

Гвоздем вашего заявления является указание на то, что вы считаете недопустимыми "попытки использования трудностей внутрипартийного положения в целях воскрешения колебаний старого троцкизма".

Неужели это и есть платформа оппозиции (большевиков-ленинцев)? Извините меня, это есть слепковско-мартыновско-марецкая²⁰¹ "проработка" оппозиции. Недаром же все наши документы в дискуссионных листках назывались "троцкистскими". "Проработчи-ки" знали, на что бьют. И вот -- клюнуло. Вардин и другие клюнули на слепковскую удочку. Чисто ярославским стилем пишут, что кто-то пытается использовать трудности внутрипартийного положения "в целях воскрешения колебаний старого троцкизма".

Кто же это пытается и когда именно "воскрешать колебания" (стиль-то каков у двух отличных стилистов-журналистов). О каких трудностях внутрипартийного положения говорит Вардин? О том, что Вардин -- в Бийске, Смилга -- в Нарыме, Радек -- в Тобольске, а Рафаил -- в Туруханске. О том, что есть рабочие ячейки, в которых уже 5% партийцев арестовано и выслано, не считая просто выгнанных за ворота. Кто же эти трудности создал и кто их использо-вывает? Вы похожи на Митрофанушку²⁰², который жалеет матушку, утомившуюся, колотя батюшку. Далее у вас есть отмежевание от тех, кто утверждает, что термидор -- почти совершившийся факт. Уж, казалось, после наших публичных заявлений съезду о термидоре даже казенно-штатные "проработчики" перестали спекулировать "термидором". А тут Вардин и Сафаров пишут конкурсное сочинение на соискание звания "проработчиков" троцкизма.

Суть вашего заявления сводится именно в том²⁰³, что вы предлагаете услуги по изничтожению троцкизма и просите за это дать вам партбилет без заполнения анкеты отреченца. То есть вы возвращаетесь на позицию, которую вы занимали до XV съезда, когда громили оппозицию. Только вы еще немножко манерничаете, хотите соблюсти видимость "достоинства", хотите выглядеть немножко независимее Саркиса. Вы-де не стали на колени. Вы не только стали на колени, но даже место для коленопреклонения плохо выбрали: прямо в кучу... плюхнули на колени.

Ваше заявление, несмотря на это, пока не публикуется. (Датировано оно 31 марта, а сейчас уже 20 мая.) Ходят слухи, что вас приглашают на переговоры в Москву. Думаю, что сговоритесь. Раз насчет "проработки троцкизма" вы уже готовы -- об остальном сговоритесь. Поскольку, даже не выезжая из ссылки, вы уже занялись "проработкой", могу себе представить, какими трудами пора-

дуете вы нас, когда вам разрешат вернуться, если не в Москву, то хотя бы в Калугу²⁰⁴.

Ну что же. Путь добрый. Освобождайте место. В Бутырьках много пролетариев ждут вакансии в Сибирь или на границу с Афганистаном (новые пункты колонизации для большевиков-ленинцев). Кланяйтесь там Слепкову и Мартынову. Кланяйтесь Зиновьеву с Каменевым (о которых вы мне писали, что это -- отработанный пар истории). Кланяйтесь тому же Саркису, которому вы правильно

писали, что с подобными взглядами можно искать службу, а не революционную работу.

Вы с возмущением писали Саркису: зачем он мучил вас цитатами из Данте²⁰⁵, Спинозы²⁰⁶, апостола Петра²⁰⁷ и пр., когда речь шла просто об отречении. Я спрашиваю вас (без возмущения): стоило ли вам мучить Саркиса цитатами из Маркса, Ленина, Энгельса, Адлера²⁰⁸, когда речь идет просто о готовности "прорабатывать" троцкизм.

К чему тут Суварин? Я не берусь защищать от вас Суварина, т. к. мало о нем знаю. Но допустим, что он -- плохой коммунист. Но разве он создал теорию вращающегося кулака в социализм? А если бы и создал, он ведь не член Политбюро и не вождь К[ом]и [нтерна]. Разве Суварин сказал, что формула Ленина (опираться только на бедняка и т. д.) сейчас абсолютно неприменима, что оппозиция поступает нечестно, требуя применения этой формулы к нынешней обстановке, что это издевательство над Лениным? А если бы Суварин сказал, так ведь он не секретарь ЦК, не докладчик на XV съезде о работе в деревне. Он просто Суварин. Разве Суварин сказал, что требование освободить 40 -- 50% бедноты от налога есть антикрестьянское предложение, которое посорит нас с деревней? А если бы Суварин сказал такую глупость, так ведь он не генсек, не "мастер" революции, а просто Суварин. Разве Суварин сказал, что из бедняков хорошей армии не создашь, потому что они слабогруды и малосильны? А если бы и сказал. Так ведь Суварин -- не всесоюзный староста²⁰⁹ и не член П[олит]б[юро].

В том, что вы Суварина берете как жучка на палочку, я вижу только одно: криком о Суварине и "воскрешении колебаний старого троцкизма" вы хотите заплатить за вход. Стоило для этого ехать в Бийск? Каменев и Зиновьев, не сходя с места, до этого додумались. Имели ли вы основание называть их отработанным паром? Если он пар, то кто же вы, едущие в Калугу с опозданием на полгода? Если Саркис, по остроумному выражению Сафарова -- Саркис, то кто же вы?

Что касается нас, то нам, признаться, почти безразлично, кто нас будет "прорабатывать" по социальному заказу Ярославского и К|||. Будет ли это вами разоблаченный кадетский подкидыш Слепков, петлюровец Рафес, апостол меньшевизма Мартынов, прокисший Саркис, отработанный пар Зиновьев или... прозревшие в Сибири новообращенные "проработчики" троцкизма Сафаров, Вардин и др. Впрочем, не совсем новообращенные. Ведь "проработкой" троцкизма все вы занимались до грехопадения на XIV съезде. Потом Зиновьев говорил, что величайшей своей ошибкой он считает борьбу с оппозицией 1923 года, которая (оппозиция) тогда была права. Но теперь он с удовольствием скажет обратное.

Если бы мы думали, что последнее слово принадлежит "проработчикам" всех призывов, то не стоило бы и жить на свете. Но "проработчики" приходят и уходят, а большевики-ленинцы останутся и победят.

Как-то вы мне посмотрите тогда в глаза? Впрочем, ведь вам и Слепкову

придется смотреть в глаза. Человек ко всему привыкает.

[Сосновский] [20 мая 1928 г.]

ВИРАП -- ТРОЦКОМУ

Алма-Ата

Троцкому, из Ташкента

20 мая

Ответ уплачен. Уведомление [о] получении [шлите] телеграфом. Привезли пока [в] Ташкент, 2-я "Коммунальная гостиница", комната 47. Телеграфьте здоровье. Пламенный привет. Вирап

ТРОЦКИЙ -- ВИРАПУ

[20 мая]

Аптечку получил. Телеграфировал [в] Баку. Здоровье удовлетворительно, несмотря на приобретенную малярию. Пишите. Привет. Троцкий

Л. СЕДОВ - ГЕТЬЕ210

[21 мая]

Москва, Октябрьское поле, Больница Боткина211, Гетье Получил телеграмму [о] почти безнадежном положении Нины, сестры. Лев Давидович [в] отъезде. Очень прошу сделать все возможное.Седое
[Отправитель:] Л. Седое, Алма-Ата, Красина 75

Л. СЕДОВ -- З. БРОНШТЕЙН

[21 мая]

Москва, Бронштейн. Срочно

Мясницкая 24, кварт [ира] 110

Папа неделю [в] отъезде. Я телеграфировал Гетье. Каковы условия ухода [и] медицинской помощи? Сообщите, что необходимо предпринять.

[Отправитель:] Л. Седое, Алма-Ата, Красина 75

ТРОЦКИЙ - С. СЕДОВУ

Алма-Ата, Седову [21 мая]

Телеграфируй Зине следующее: "Удручен, что не могу быть [с] Нинушкой, помочь ей. Сообщай ее состояние. Целую вас обеих. Папа".

ТРОЦКИЙ -- ТЕР-ВАГАНЯНУ

[21 мая.

Бийск, Ваганяну

Ваших писем нет ни одного. [До] востребования послал [в] марте.

БЕЛОБОРОДОЕ -- ТРОЦКОМУ

21 мая Алма-Ата, Троцкому, из Усть-Кулома

Отправлено три письма. Предложения Евгения [Преображенского] считаю неправильными. Белобородое

РАДЗЕВИЧ - ТРОЦКОМУ

22 мая Алма-Ата, Троцкому, из Термеза

Письмо получил, горячо приветствуем, пишем. Радзевич

И. ПОЗНАНСКИЙ -- ТРОЦКОМУ

25 мая Алма-Ата, Троцкому, из Котласа

Все получено, кроме письма Уфимцеву. Познанский

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ -- ТРОЦКОМУ

26 мая Алма-Ата, Троцкому, из Уральска

Получил. [В] основном согласен [в] оценке ошибок Коминтерна. [Необходимо] тщательно учесть объективные трудности [в] оценке нашей роли. Больше скромности. Китайские сомнения, прочие письмом. Мое предложение отпадает.

Л. СОСНОВСКИЙ. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Дорогой Л. Д.,

За все время я получил письма, датированные вами: 5 марта (с характеристикой передовицы "Правды" от 15 февраля), 17 марта (с приложением копий писем к Ищенко и И. Н. Смирнову) и, наконец, сегодняшнее от 5 мая (с приложением переписки с Преображенским по китайскому вопросу). Телеграмм было всего две. Первая ваша по приезду в Алма-Ату и вторая от 2 мая, ответная на мою первомайскую. Телеграмму же с уведомлением не получал. Наведу на телеграфе справки. Получаю радующие меня собственноручные расписки ваши и Н. И. [Троцкой] на карточках об уведомлении. Они хоть скоро совершают свой путь: 12 дней. Впрочем, последнее ваше письмо от 5 мая (ваша дата) имеет штемпель алма-атинский от 7 мая и мне вручено 24 мая, что все же скорее, чем месяц и 6 дней. Вообще, я замечаю на некоторых получаемых мною письмах разницу в дате самого отправителя и почтового штемпеля, что наводит на размышления о двойной работе ведомств (при отправке и получении). Рационализация не повредила бы и здесь: ведь все дороги ведут в одно здание...212

Жаль, что письма идут так медленно. Всю нашу братию волнует теперь вопрос об отношении к германским делам. Телеграмма Карла [Радека] (особенно с примечанием редакции) вызвала горячий обмен мнениями, многочисленные запросы ребят: является ли это выступление Карла изолированным или за ним последуют дальнейшие его выступления. Я получил от него в мае письмо, но он ничего не пишет о германских делах. В письме его есть одна фраза, требующая ответа, который я и попытался ему дать. Он пишет: в отношении своего пролетарского состава наше большинство оказалось несколько лучшим, чем мы о нем думали. Во-первых, не ясно, что он подразумевает под словами "пролетарский состав".

Во-вторых, я ему указал, что, когда Карл думал о составе большинства хуже, оно все же не арестовывало и не ссылало рабочих-большевиков сотнями. Лучше же стал о его пролетарском составе думать Карл именно тогда, когда аресты и ссылки большевиков-рабочих приняли массовый характер.

Что касается собственно германских дел, то приблизительно общее мнение нашей публики (судя по письмам) таково. Выступления на выборах никто не одобряет. Организация Ленинбунда почти ни у кого не встречает полностью одобрительного отношения, хотя оговариваются, что при наличии только слеп-ковской информации судить трудно. Лично я такого же мнения. Отвечали ли вы Карлу, и дошла ли до вас его телеграмма до ее опубликования?

Теперь о письме-тезисах Преображенского. Вероятно, до вас они дошли. Я сначала ответил ему телеграммой: "Поменьше торопливости, поменьше преувеличений иллюзий, вспомните 5 декабря 1923"²¹³. Затем послал коротенькое письмецо, копию которого приложу в конце.

Вообще, публика гадает и спорит: есть ли новый курс (левый) и если есть, то как к нему отнестись. Молодежь (ссылная) ведет очень горячую дискуссию (письменную). Я тоже страстный почитатель Щедрина. Под рукой у меня сейчас его сочинений нет, но я на память могу приблизительно процитировать страничку из "Убежища Монрепо"²¹⁴. Помните, герой решает заняться "международными" делами. Он слышал, что царское российское правительство, освободив любезных "братушек" болгар, задумало ос-

частливать их конституцией. Он запрашивает одного болгарского деятеля: "Правда ли, что у вас будет конституция?" Тот отвечает: "Действительно, будет конституция, сиречь, Устав о пресечении".

Рубцовская газета "Степной пахарь" (Рубцовск -- это новый окружной город между Барнаулом и Семипалатинском) напечатала речь Сталина на московском активе²¹⁵ в несколько выправленной редакции. В "Правде" было напечатано: "Мы должны, товарищи, держать открытым клапан самокритики". В рубцовской же газете напечатано: "Мы должны, товарищи, держать открытым капкан самокритики".

Которая редакция точнее? И что у нас будет: самокритика или 58-я статья, конституция или устав о пресечении? По-моему, очень преждевременно ставить диагноз. Факт таков, что именно после апрельского пленума ЦК, то есть после решений о самокритике, последовали массовые аресты и высылки из Москвы, преимущественно рабочих. Очень показателен случай с Блесковым. В тех вырезках, что я вам посылал, было письмо слесаря екатеринославского завода им. Петровского Блескова к Затонскому. Письмо не предназначалось для печати, но Затонский направил письмо в редакцию, снабдив лестным, почти восторженным примечанием. Если бы такое примечание (предисловие) дал оппозиционер, ну, тогда понятно: известные пессимисты, малoverы, нытики, паникеры, не видящие светлых сторон, и прочее. Но Затонский, председатель ЦКК КП У[краины], успешно расправляющийся с оппозицией, собственноручно выдал Блескову

аттестат, оценив его письмо как замечательное и подлинное выражение воли и мыслей пролетариата, как крик "изболевшей души" рабочего.

В письме Блескова есть одно место, которое, если его выхватить из письма и комментировать злостно, сближает его формулировку с меньшевистской. Он жалуется, что рабочим не дают выбирать в завком, кого они хотят. При 18 000 рабочих не находят достойного кандидата в пред[седатели] завкома и присылают человека извне (в порядке "продразверстки", выражается Блесков). Из этого сделали меньшевистскую "свободу выборов", кронштадтские "Советы без коммунистов"²¹⁶ и т. п. "Рабочая газета" в самых резких выражениях обрушилась и на Блескова, и на Затонского. Целая страница газеты была озаглавлена "Против паникерства и нытья". Что нападение это было испирировано из ЦК, я вам тогда же писал. Мое предположение подтвердилось документально. На днях передовица "Правды", разъясняя лозунг самокритики, тоже указывала на письмо Блескова как на образец критики нездоровой, враждебной. Между тем Блесков -- старый рабкор, известный редакциям. Письмо его проникнуто действительно пролетарской болью за творящееся вокруг него. Разве меньшевик стал бы целые страницы заполнять критическими указаниями на разные непорядки и вносить практические предложения? И с чего бы стал он писать лично Затонскому? Наконец, свитетельство Затонского тоже чего-нибудь да стоит. Неужто он разучился отличать злостное меньшевистское нытье от здоровой рабочей критики.

И еще одно. Сразу после помещения письма Блескова о "бумажном бандитизме", который захватывает заводы, ВСНХ Украины созвал совещание -- для выяснения, есть ли на заводах указываемый Блесковым "бумажный бандитизм". Совещание признало, что, в общем, указываемое им явление есть в наличности.

А Петровский²¹⁷, выступая в Харькове на конференции рабкоров²¹⁸, заявил, что в письме Блескова он не усматривает ничего, кроме... цинизма и хвастовства. Так и сказал. Вот вам образчик монолитности украинского руководства. Затонский признает выражением подлинной воли и мыслей пролетариата. Петровский объявляет цинизмом и хвастовством. А все это читает пролетариат Украины. Читает и размышляет: самокритика или 58-я статья, конституция или устав о пресечении. Я надеялся, что вы не пропустите присланных вырезок с письмом Блескова и ответом "Рабочей газеты". По-моему, это факт огромного политического значения. Не меньшего, чем Смоленское дело. В качестве старой газетной крысы я читаю чуть не все столичные газеты и кое-какие провинциальные. Если Лева по случаю выросших усов не бросил читать "Комсомольскую правду", он бы извлек оттуда ряд интересных деталей о Смоленском деле. Попросите его просматривать эту газету и рассказывать вам наиболее интересные сообщения.

Что самое важное в Смоленском, как и Артемовском, Сталинском (прошу не смешивать город с "мастером"²¹⁹) и пр. делах? Не то, что уже сама

ЦКК пустила в оборот термин "перерожденчество", хотя и это характерно. Самое важное в том, что нынешняя система руководства и администрирования абсолютно бессильна не только предотвратить, сделать невозможными подобные "случаи",

но даже узнавать о них сколько-нибудь своевременно. Едва ли не с Дымовки²²⁰ мы начинали узнавать о "дымовках", только благодаря разным случайностям. Убийство, самоубийство, изнасилование и т. п. -- вот казусы, благодаря которым узнают, что в организации не все благополучно. Подумать только: такой густо пролетарский округ, как Артемовский, с 180 000 рабочих и соответственной численности партийной организацией, оказывается неспособным не только устранить перерожденцев, прохвостов, уголовников и пр., но хотя бы поднять перед центром этот вопрос.

На харьковской фабрике "Канатка" обнаружен был факт диктаторства нескольких прохвостов (терминология харьковских газет). Прохвостов сняли, а затем газета объявила, что ячейка фабрики "в общем и целом" здоровая, оппозиции давала единодушный отпор, неукоснительно идет по ленинскому пути.

По поводу признания ячейки здоровой скептически высказался в "Правде" небезызвестный Ф. Ксенофонтов²²¹ (тот, что установил кроме эпох Маркса и Ленина еще эпоху Сталина -- помните исто-

рию с его статьей для "Большевика"). Ксенофонтов резонно спрашивает: как же можно признать ячейку здоровой, если она "непротивленчески" относится к диктаторству кучки прохвостов. Разве ленинизм мирится с непротивленчеством? Притворяющийся наивным или насквозь глупый Ксенофонтов не понимает, что он ходит около самого опасного вопроса. Ярославский в Артемовске тоже заявлял, что организация здорова, только руководили ею отборные прохвосты. Сейчас Яковлев в Смоленске декламирует такие же пошлости.

Кстати, знаете ли вы, кто был секретарем О[кругного] к[оми-тета] в знаменитом г. Сталине? Тот самый Моисеенко, который приобрел печальную известность "перманентными" выкриками с места на XIV съезде партии. Он орал так много, что Зиновьев сказал ему: "Если сложить все ваши "реплики", то получится самая длинная речь". Я помню отвратительную рожу этого субъекта: тип из чайной "Союза русского народа", подрядившийся изъяснять гнев доброго русского народа. Вот этот гусь и руководил Юзовкой, ныне Сталино. ЦК опубликовал ему выговор, запрещение занимать ответственные должности за пьянство, воровство, разврат. После Сталино он секретарствовал еще в Полтаве. Там его и застигло постановление ЦК о сталинской организации (бюро окружка распущено -- я вам посылал маленькую вырезку). Один сосланный из Полтавы товарищ (ныне находится в Таре с Мураловым) рассказывал, как сей Моисеенко во время дискуссии высоко держал знамя двухсотпроцентного ленинизма. Наши оппозиционеры оказались шляпами. Имея в руках материалы о преступлениях этого вождя, они постеснялись открыть рабочим глаза на порядок, при котором такие типы могут назначаться в руководители партии. Зачем, дескать, припутывать к принципиальной политике такие грязные дела. Чудаки. Затем интересно, что Сталинское дело, то есть дело Моисеенко, уже разбиралось, а Моисеенко управлял Полтавой. Газета с резолюцией ЦК прибыла в Полтаву во время пленума ОК, на котором председательствовал Моисеенко.

Делегаты молчком передавали газету друг другу, а стопроцентник продолжал сидеть на председательском месте. Я вас уверяю, дорогой Л. Д., что ни у одного члена пленума не хватило бы революционного мужества сказать сему прохвосту: "Пошел вон, негодяй, тебя ЦК изгоняет с ответственных постов!" Нет, они смиренно сидели с "Правдой" в руках и ждали, что будет. Когда, наконец, газета попала и ему на глаза, он, не говоря ни слова, "смылся" с заседания и смылся из Полтавы.

Вот это зрелище, как целый комитет сидит с резолюцией ЦК в руках и слушает разглагольствования уже снятого клейменого негодяя, не смея поднять голоса -- может ли быть что-нибудь убийственнее. Какой Гоголь²²², какой Щедрин изобразит это сконцентрированное стопроцентное молчалинство²²³. И чего же требовать от рядовых членов этой здоровой сталинской (в кавычках и без оных) организации, когда комитетчики, даже с резолюцией в руках сидят, как загипнотизированные кролики перед удавом. ЦК, мол, далеко, а Моисеенко близко.

Говорить о здоровье организации в таких условиях -- не значит ли уподобиться наивному пациенту, который заявляет доктору: я-то вообще здоров, только нос почему-то провалился?

Ведь в Артемовске, Сталине, Смоленске мы видели форменный паралич многочисленной организации. А Шахтинский процесс. Я с глубоким вниманием читал весь обвинительный акт по делу. Впечатление такое, точно дело происходило в какой-то пустыне. Ни партии, ни профсоюзов, ни Советов, ни РКИ, ни органов ВСНХ -- никаких препятствий. Ведь это жутко. Вспоминается ленинская брошюра "Удержат ли большевики власть"²²⁴. Сколько там ставки на каждого рабочего, каждого солдата, каждую работницу в деле строительства советской власти. А тут на одиннадцатом году -- и такая пустыня в Донбассе.

Возвращаюсь к моим размышлениям о системе. Дорогой Л. Д., об этом надо подумать и с точки зрения будущего. Помимо режима сталинизации остается также вопрос о том, насколько государственно-профсоюзно-кооперативно-торгово-партийно-комсомольская система обеспечивает возможность видеть что-нибудь сверху.

Вот Смоленск. Во главе всей губернии стояла форменная банда. Снизу ни один рот не открывался для того, чтобы разоблачить банду перед ЦК и ЦКК. Целые тысячи молчаливых укрывателей с партбилетами (злобные обыватели называют в применении к таким деятелям партбилет "хлебной карточкой"). А сверху целые тучи инструкторов и прочих деятелей ездят обследовать, ревизовать, инструктировать Смоленскую губернию -- каждый по своей линии (ВКП, КСМ, ВЦСПС, наркоматы, коопцентры всех видов). Мне кажется, по какой бы линии я ни приехал в город, где управляет спешащая и спившаяся банда, о проделках которой вопиют даже камни, я бы учуял, что в губернии -- неблагополучно. Если таков губком и ГКК, чего же ждать от хозяйственников, торговых и кооперативных деятелей, соприкасающихся с нэпом. И еще одна печальная

странность: во всех этих делах (Артемовск, Сталино, Смоленск, за исключением Шахтинского) никакой роли не сыграло ГПУ. Об этом стоило бы поговорить особо. Итак, инструктирующая, обследующая, ревизирующая саранча ничего не видит и ставит подписи под благополучными "в общем и целом" актами. Другая саранча сидит в центре над отчетами, сводками, таблицами из смоленско-артемовско-сталинских трущоб и сводит все это во всесоюзные благополучные отчеты, подготовляемые к съездам, на которых произносят теперь шестичасовые речи. Какой-нибудь Рухимович²²⁵ даже на съезде комсомола выступает с необозримыми диаграммами о промышленности. Если вспомнить, что у Ломова²²⁶ в Донугле Управлением нового строительства целиком овладели нынешние подсудимые, то цена этой статистике о новом строительстве все-таки пониженная. А ведь сколько денег стоит вся эта фиктив-

ная и полуфиктивная отчетность о смоленско-артемовском-сталинском хозяйстве. Я, конечно, не проповедую упразднение цифири, но думаю, что на этом пути лежат большие миллионы, потребные на индустриализацию, жилища, культуру. А взамен этой обманной информации надо искать путей к живому и более правильному осведомлению о действительности. До чего доходит бессмыслица... Я видел как-то в ВСНХ, как легко устроено движение бумаг из отдела в отдел. А вот что происходит дальше. В ВСНХ есть маленький человечек, который только и делает, что наклеивает марки на исходящие из ВСНХ пакеты и сдает их на почту. Этаким советский Акакий Акакиевич²²⁷. И вот Акакий Акакиевич стал деньги, отпускаемые на марки, пропивать, а пакеты сваливать в большой шкаф. Длилось это около трех месяцев. Около половины всех исходящих из ВСНХ пакетов лежали в шкафу. Вскрылось дело, когда пьяницу прогнали и когда кто-то заглянул в его шкаф. Пакеты преспокойно лежат. И механизм работы таков, что самопроверка исключена. Попробуйте при сборке автомобиля не навинтить одной гайки -- это вскрыется еще до выпуска машины из цеха. А тут посылали срочные, весьма срочные пакеты (например, о подготовке к сплавной кампании), и лежащие в шкафу пакеты ни капельки не потревожили ни сверху, ни внизу ни одного винтика в механизме ВСНХ. Идут ли пакеты, лежат ли пакеты, "а дон Померанце все пишет и пишет..."

Нужно ли его писание? На Старой площади²²⁸ у Сталина аппарат вырос как-то до 1200 человек. А что делается в Херсоне, знал в Москве один я. То же и об Одессе, то же о Владимире (дело знаменитого Асаткина, заматое его покровителями, не худшее, чем Смоленское: там обнаружился двухмиллионный фонд в распоряжении секретаря губкома для подкупа аппарата, чтобы был послушен секретарю). То же о многих городах.

Нет, помимо внутривластной демократии, надо еще свежими глазами посмотреть, как "функцирует" всяческий наш аппарат. С этой точки зрения не худо вспомнить даже наш оппозиционный механизм в период дискуссии. Одна комната, одна девица, один телефон. И против нас весь Левиафан²²⁹ Угланова с

районами и некоторыми "подсобными" учреждениями, что находятся неподалеку от начала Мясницкой улицы. И все же сражались.

Однако об этом можно оставить пока разговор.

Прочел ваши сообщения о хлебных делах в Алма-Ате. Не удивите, дорогой друг.

У нас в Барнауле и в Семипалатинске хлебные хвосты уже вошли в обиход. Хлеб выдают только по книжкам и по норме (10 кг на едока в месяц). Масла нет уже два месяца в этой колыбели маслоделия. Уже я был свидетелем неприятного громкого разговора в здании исполкома между кучей гражданок, выражавших некоторое недоумение по поводу трудностей в приобретении хлеба и муки. В одном из магазинов ЦРК230 пострадали окна, хотя ЦРК не повинен ни в чем. Райкомы отмечают, что ячейки в нарушение отличных календарных планов агитпропработы

предъявляют спрос на докладчиков преимущественно по хлебному и мучному вопросу. Покуда семьи у меня еще здесь [нет] (задержала скарлатина малыша), мне самому нужно в день одну только французскую булку в 200 грамм весом. Увы, иногда ее тоже не могу достать. Местный "Таймс"231 недавно с триумфом извещал о резком усилении подвоза муки: за день было отмечено четыре воза. Между тем, год был среднеурожайный, и заготовки дали свыше 6 млн пудов, да еще миллион хотят собрать сейчас.

Прочел сегодня армавирскую газету. Там тоже сообщают публике, что "функционируют слухи", будто хлеба нет, и граждане почему-то формируют длинные хвосты у лавок.

В Кызыл-Орде, по сообщению "Советской степи", ужасный мясной кризис: в городе нет мяса, и никто не может твердо сказать, когда будет и почему нет.

А до нового урожая еще далече, по крайней мере в Сибири.

Хотел бы рассказать вам об ужимках Сафарова и др., подавших заявление в ЦКК о возврате в партию. Прямого раскаяния там нет, почему и маринуется оно с 31 марта. Но зато есть готовность бороться с теми, кто делает попытку "использовать трудности внутривнутрипартийного положения в целях воскрешения колебаний старого троцкизма..." (Стиль, как видите, совершенно ярославский232). Там же есть пошлая ужимка насчет тех, кто объявляет термидор почти свершившимся фактом.

По этому случаю вручаю Вардину, как одному из подписателей сего документа, некролог о нем самом. Хотя я и принадлежу к богом избранному племени, но только сегодня из остроумного письма ко мне нового аборигена Рубцовска тов.

Н. Блискавицкого узнал следующую интересную деталь из обряда еврейских похорон. Перед тем как покойника понесут на кладбище, синагогальный служака наклоняется к его уху, громко называет его по имени и возвещает: знай, что ты умер. Это -- во избежание недоразумений. Так вот, прежде чем охладевший труп бывшего оппозиционера внесут в слепковский крематорий, надо известить его: знай, что ты умер.

На этом и кончу. Только что получил свежий номер новосибирской газеты. И там на первой странице, на первом месте бодрый заголовок о том, что хлеб есть, хлеб будет и неизвестно, почему граждане стоят днями в хвостах. В

Семипалатинске было хуже с безработными.

Привет.

[26 мая 1928 г.]

Л. СОСНОВСКИЙ. ПИСЬМО ВАРДИНУ

Тов. Вардин,

Возвращая вам письмо ваше к Саркису от 18 апреля, еще и еще раз спросил себя, справедливо ли я напал на вас в предыдущем своем письме, пересланном через Ваганяна. Да, вполне справедливо. Но прежде всего, к чему вы столько возились с "мертвым трупом

утоплого человека"? Вы хоронили его с таким церемониалом, вместо того чтобы оттащить падаль на свалку и только.

Сколько увесистых аргументов потратили вы на Саркиса. И для чего? Чтобы самому вступить на оный путь?

Оппортунисты и центристы орут на весь мир: "Троцкизм -- вот враг". С 1923 года в этом малопочтенном хоре орали также и вы под дирижерством Сталина -- Зиновьева. После XIV съезда вы уже перестали орать о троцкизме, а устами Зиновьева смущенно покаялись, что в борьбе 1923 года был прав Троцкий, а не вы, сталинские подголоски. Выработывая платформу, этот документ международного и исторического значения, спасавший знамя большевизма, никто из вас не попытался сказать об "историческом троцкизме" как опасности. После того писались контртезисы. Там тоже ни звука о "колебаниях старого троцкизма". После того до самого съезда выходили при нашем с вами участии бюллетени оппозиции. Опять -- ни слова о колебаниях старого троцкизма.

И только попав в Сибирь в качестве виновных по 58-й статье, по той самой, которая предъявляется шахтинским белогвардейцам, вы с Сафаровым вспомнили, что есть на свете опасность "старого троцкизма", есть тезис Троцкого о термидоре и что на всем этом можно кое-что подработать у Сталина. Вы были правы, когда писали Саркису, что он не попадет в рай, если скажет Сталину и Микояну, что они обанкротились. Поэтому Саркис и написал попросту, что обанкротился он, Саркис, и просит простить его согрешения. Всю свою душеспасительную переписку с ближними этот пройдоха выбросил в клозет. Все разговоры, что оппозиция победила политически, хотя и разгромлена организационно -- это были фокусы достойного ученика зиновьевской мошеннической политшколы. Всю эту волюнку тянул Саркис единственно для того, чтобы поднести Сталину на блюде не одно свое заявление, а групповое. Таковые все же котируются на рынке выше, чем единоличные покаяния и отрешения ренегатов.

Но теперь выступаете вы, тоже зиновьевские ученики. Вы тоже чувствуете, что прийти к Сталину с рассуждениями о банкротстве -- значит, не достигнуть желаемого результата. А прийти вам прямо брюхом хочется, нутро требует. Отсюда -- старый троцкизм, который вы поднимаете как знамя. Попросту

сказать, вы предлагаете свои услуги на должности не только "проработчиков" троцкизма (должность, вами занимавшаяся до XIV съезда) под руководством Слепкова -- Мартынова -- Рафеса и К||. Нет, время проработки -- это пройденная ступень. Теперь вы должны занять пост тюремщиков при камерах троцкистов, авторов платформы, контртезисов. Попробуйте доказать, что нас есть за что держать в камерах после XV съезда. Оправдайте 58-ю статью. Вот что будет вам предложено как экзаменационная работа на звание раскаявшегося участника "троцкистской оппозиции".

По выдержкам из писем Саркиса видно, что он не сразу, а довольно плавно скатывался на заднице на путь философии "применительно к подлости". Ваши письма к Саркису как будто говорили, что вы против сей философии. Вы правы, что с такой философией можно искать службу (да и то скорее прислужничество), чем революционную работу.

Но, по совести говоря, ваше с Сафаровым заявление о готовности искоренять троцкизм при попытках сохранить на лице некоторую тень невинности производит еще более отталкивающее впечатление. То-то посмеется Слепков. Стоило ли вам с Воздвиженки на Старую площадь двигаться через Бийск и 58-ю статью. Ведь это курам на смех.

Чего это стоит политически -- вы сами понимаете. А по человечеству -- зрелище отвратительное. Я просил Ваганяна рассказать вам об одной детали еврейского похоронного обряда. Когда покойника собираются уже выносить из синагоги на кладбище, служка наклоняется к покойнику, окликает по имени и объявляет: "Знай, что ты умер". Хороший обычай.

Л. Сосновский

30 мая, Барнаул. Сосновский 30 мая, Барнаул.

Е. А. Преображенский 233 В БОРЬБЕ ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИНИЮ. А. Преображенский

В борьбе за ленинскую линию

На правах рукописи, только для членов ВКП(б)

1. Борясь за определенный темп индустриализации как за предпосылку социалистического переустройства страны, борясь против роста кулака, стремящегося к господству в деревне, борясь за своевременное повышение отпускного уровня рабочих, борясь за демократию в партии, в профсоюзах, в Советах, борясь за исправление оппортунистических ошибок руководства ВКП(б), оппозиция предвидела, что "неизбежно обостряющиеся после восстановительного периода классовые противоречия будут все больше подтверждать наши взгляды на выход из создавшегося кризиса" (по "Платформе"). До сих пор история не давала еще примеров такого бы-строого подтверждения правильности предвидения на основе марксистско-ленинского анализа, как это случилось на сей раз.

Не успели отзвучать в воздухе все обвинения, выставленные сталинским большинством против оппозиции, еще слышны раскаты это[го] из Коминтерна, как пришлось этому большинству повернуть руль на 90|| и повторить -- правда, слабо, нерешительно, блудливо и трусливо -- некоторые основные положения

оппозиции по крестьянскому вопросу.

2. На чем держалась центристская аграрная политика ЦК за последние четыре года? На росте кулацкого продвижения, на росте товарности середняцкого хозяйства, на укреплении маломощных хозяйств. Соответственно этому, в извращенной Сталиным и Бухариным теории ленинизма появилось признание кулака полезным работником в системе советского хозяйства и идеологическое ан-

тимарксистское приукрашивание роли его. Таким образом, был взят курс на "врастание кулацких кооперативных гнезд в нашу систему" (Бухарин) и была создана усыпляющая теория, что "кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры" (Бухарин). Недооценив капиталистические элементы развития нынешней деревни, затушевывая расслоение деревни, игнорируя, а порой и отрицая мелкобуржуазный характер крестьянской собственности и крестьянского хозяйства, ЦК торжественно, с гимном, криком и анафемой по адресу оппозиции, специально придумав троцкизм как идеологию, рвущую союз рабочих и крестьян, стал отходить от позиций марксизма и ленинизма к теориям своеобразного ком[мунистического] народничества. Потворство в сельском хозяйстве "крепкому крестьянству" (т. е., по существу, кулаку) привело к недооценке батрачества и деревенской бедноты как социальной базы диктатуры пролетариата и к непониманию того, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма.

3. Идя таким путем, постепенно, шаг за шагом, клеветая на оппозицию, извращая все ее мысли, предложения, игнорируя ее предсказания, не скупясь на хлесткие словечки [о] "паникерах", "не верящих в социализм", и т. п., четыре года обрабатывая партию в смысле "большевизации" ее именно по линии крестьянского вопроса, пугая троцкизмом как недооценкой роста крестьян, ЦК развил в верхушке партии элементы, "не видящие классов в деревне и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди всех слоев деревни" (Правда, 15 февраля).

Власть и партия жили в мире с кулаком, и кулак решил до поры до времени быть в мире с партией. Но как только кулачество закончило свой "восстановительный" процесс, оно вступило в непримиримое противоречие со всей системой государственного хозяйства, поскольку последнее вынуждено развиваться при данных индексах цен. На известном уровне своего развития кулацкое хозяйство начинает бойкотировать государственное хозяйство, бойкотировать госзаготовки, накапливать натуральные запасы, т. е. начинает вести хозяйственно изолированное существование и тем самым захваченная ...234-- кулацкими элементами часть государственной земли с ее продукцией превращается в орудие срыва государственной политики цен. Это наступление кулачества на государственное хозяйство, лишь намечавшееся в

1925 г., вполне отчетливо выявилось в 1926 г. Предупреждения оппозиции о надвигающейся опасности не только не были приняты во внимание, но послужили стимулом к еще более ожесточенной "проработке" ее с обвинениями в...235 "социал-демократическом (?) уклоне". Элементы партии, отражающие влияние мелкой буржуазии и кулацких слоев страны, в этих ожесточенных нападках заняли одно из первых мест.

В 1927 и в начале 1928 г. кулачество развивает дальше свое наступление. Этот напор на сов[етскую] власть основной крестьянской силы в стране заставит государство врасплох -- с отсутствием хлебных резервов, с недостаточным фондом промтоваров, с валютой, находящейся в состоянии скрытой инфляции, с ограниченными кредитными ресурсами. Бойкот хлебозаготовок зажиточными-кулацкими слоями не только срывает план хлебного экспорта, тормозит заготовки некоторого вида сырья (лен), но и непосредственно ставит под угрозу срыва всю систему госснабжения городов, семенами бедноту, хлебом сырьевые районы. Хвост ударил по голове с угрозой поставить ей свои крепкие условия. Из со-здавшегося положения ЦК вышел путем насилия над стачечниками-ми хлебного рынка, над свободой товарооборота между городами атакующей экономически сов[етскую] власть зажиточной частью деревни. Этот переход партии к государственно организованной борьбе с кулацкими элементами в деревне нашел свое идеологическое выражение в передовице "Правды" от 15 февраля, являющейся, по существу, циркулярным письмом. ЦК не считая нужным отказаться от прежних своих ошибок и неправильности своей линии, не считая нужным хотя бы сводить концы с концами, прежнюю линию и теперешнюю линию, он просто объявил во всем виноватым "стрелочника", того самого советского и партийного аппаратчика, который до сих пор (да и теперь) так аккуратно и подобострастно выполняет все веления советской и партийной власти.

5. Объяснения ЦК до чрезвычайности упрощены и вульгаризированы. Случился кризис не то конъюнктурный, не то экономический, но никак не социальный. В основе его лежит следующее явление: "выросла и разбогатела деревня, вырос и разбогател прежде всего кулак. Три года урожая не прошли даром". Невольно при этом припоминается один факт из недавнего прошлого. Когда Троцкий на одном из пленумов ЦК сказал, что урожай усилит дифференциацию и может создать для нас -- при неправильной политике ЦК -- большие затруднения, сколько "мудрецов", умудренных опытом и испытанных в применении ленинского анализа, выступили тогда с выводом: Троцкий против урожая, Троцкий против крестьянства. А теперь оказывается: "Три года урожая не прошли даром". Фраза аляповатая. Так и кажется, что автор хочет сказать: "Три года эпидемии урожая", сравнивая урожай не то с чумой, не то с холерой. Понятно, вопрос не в урожае, урожай -- вещь хорошая, весь вопрос в правильности экономической политики, которую вел ЦК в течение этих трех лет урожая, а вот на этот вопрос ЦК не желает отвечать, от постановки его уклоняется. Признание

яется хозяйственным делом в деревне, у него смычка с городским

спекулянтом, дающим за хлеб дороже, и он(кулак) имеет возможность вести за собой середняка. Почему кулак стал авторитетом, почему кулака заставило ЦК признать положение, выдвигавшееся оппозицией: кулак являлся кулаком кулака заставило ЦК признать положение, выдвигавшееся оппозицией: кулак является хозяйственным авторитетом в деревне, у него смычка с городским спекулянтом, дающим за хлеб дороже, и он (кулак) имеет возможность вести за собой середняка. Почему кулак стал авторитетом, почему у него смычка со спекулянтом? Откуда

все это? Ведь нам не так давно проповедовали, что кулаку деваться некуда, ибо общие рамки развития заранее даны строем диктатуры пролетариата, что кулак волей-неволей будет вращаться в социализм. Может быть, и здесь виноват стрелочник, чиновник, который допустил такую смычку, а теории ЦК и общая экономическая политика не при чем?

6. Если кулак имеет возможность вести за собой середняка, а в партии народились элементы, пуще всего желающие быть в мире с кулаком, то в случае больших событий и осложнений, еще больших, чем в деле с заготовками, это обстоятельство даст очень больно и сильно знать себя. Не только может, но и должно. Если ЦК стал на эту точку зрения, он должен был понять всю опасность, идущую справа от этих чуждых партии и рабочему классу элементов, т. е. опасность термидорианских элементов в стране. А если ЦК это понял, то он должен повернуть огонь уж не "налево", как было до сих пор, а "направо". Так поступил бы всякий политик, умеющий продумать положение вещей. Но последовательность не свойственна центристам. Их отличительная черта -- неспособность предусмотреть что бы то ни было, несоответственность мыслей, планов, мероприятий, крохоборчество, отставание, "хвостизм" руководства. Центристы менее всего отражают массовые настроения, но зато они пытаются всегда и часто не без успеха подменить собой партию. Эта подмена совершается аппаратным путем. Слой служащих в партийных, советских, профессиональных и кооперативных органах у нас насчитывает сотни тысяч людей. Власть этого слоя громадна. Этот слой управленцев требует "покоя", "деловой работы", боится социальных кризисов, все надменно рассматривает сверху: и партию, и сов[етскую] власть, и профсоюзы, и кооперативы. Этот слой видит главного врага в революционных ленинцах, вечно анализирующих, смущающих дух покоя, "мечтающих" о мировой революции, когда можно ограничиться "полным построением социализма в одной стране". Вражда к оппозиции бешеная, почти зоологическая ненависть к идеологам ее, особенно к Л. Д. Троцкому, сближает людей центра с правой группой, которая в своем оппортунизме и [...]236 в значительной мере отражает интересы "хозяйственно мощного" крестьянства. Вот почему вместо того, чтобы повернуть огонь направо, группа центра одновременно с государственной борьбой против кулачества еще более усиливает преступную, ничем не оправдываемую расправу с большевиками-ленинцами арестами и ссылками. Под влиянием этих расправ, под

воздействием целой кампании, предпринятой ЦК, отдельные колеблющиеся единицы отошли от оппозиции, но последних гораздо меньше, чем арестованных, высланных, сосланных. Эти отходы, понятно, не меняют дела в основном, они знаменуют только некоторые личные перегруппировки в трех основных течениях, намеченных в платформе большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП²³⁷.

В данное время классовые противоречия в стране углубились. Выражением их служит новая вынужденная хвостисто-отсталая позиция центра в аграрной политике. Есть ли это левый курс или ле-вый зигзаг? Левый курс вынужденным никак не бывает. Вынужденный левый курс этим самым говорит о временности зигзагов политике. Данный зигзаг отличается предательской замысловатостью: он взял -- правда, неопратно, грубо, неряшливо -- некоторые положения оппозиции, но сделал это по-воровски, крадучись, ни словом не обмолвившись о своих ошибках и не пытаясь связать эти новые положения со старыми своими утверждениями и не пере-сматривая своих отношений к оппозиции. Перед нами не только ле-вый зигзаг, но и причудливое, уродливое отражение его в кривом зеркале. Вносит ли этот зигзаг новое во взаимоотношение центра к оппозиции? Да, вносит: репрессии усилились. Это характерно, по-казательно, ибо в этом сущность центризма. Отношение к оппозиции это оселок, о который точится левизна, это лакмусовая бумажка, по которой можно узнать правизну или левизну курса. Кулак, выросший и осмелевший благодаря оппортунистическому руководству ВКП, хочет сыграть в нынешней социальной революции ту жероль, какую во времена Керенского хотел сыграть Корнилов, тоже выросший и осмелевший благодаря политике Керенского. Керенский возвел его к Советам и, казалось, повернул руль. Надолго ли? Керенским тоже как бы был взят тогда "левый курс". А большевики тогда противопоставляли этому курсу Керенского -- его отношение к большевикам и к основным вопросам революции, формулированным большевиками. Теперь наши коммунистические "керенские" как будто поворачивают руль в крестьянском вопросе. Вполне естественно и законно спросить: а каково их отношение к большевикам-ленинцам (оппозиции) и к коренным вопросам, формулированным оппозицией в знаменитой платформе? И что же? Платформы не признают, с большевиками-ленинцами дико расправляются. Почему? Да потому, что эти коммунистические "керенские" есть, были и будут оппортунистами, колеблющимися центристами с хвостистой колеблющейся политикой.

Можем ли мы менять свое отношение к оппортунистам? Нет, мы должны всегда критиковать, разоблачать, указывать на их не-последовательность, политическую трусливость по отношению к правым. Понятно, государственно организованная борьба с кулаком есть новый факт огромного значения, но сама борьба, вынужденная, проводится непоследовательно, трусливо, с оговорками, бюрократически, без перспектив, без ясной цели. Маркс в "Гражданской войне"²³⁸ говорит, что прудонисты и бланкисты оказались вынужденными делать во время Коммуны²³⁹ противоположное тому, чему они учились до наступления Коммуны. Так и Сталин, и Бухарин, и

вся центристская верхушка вынуждена теперь делать про-тивоположное тому, что она проповедовала в крестьянском вопросе все эти четыре года. Свое вынужденное дело они и будут делать, но своими обычными методами клеветы на оппозицию

и извращения ленинизма. В течение долгих лет они обманывали и обманывают партию насчет опасности и истинных вождей пролетариата. Они и теперь не говорят всей правды, не дают новой картины переживаемого нами социального кризиса, умалчивают о перспективах их курса, ибо последнее (перспективы) отсутствует, ибо у них бег на месте с вынужденным подталкиванием.

9. Прежде всего необходимо было бы установить социальную связь между всеми явлениями...²⁴⁰ и партийной оппозицией, так выпукло, остро и тревожно проявившими себя; между срывом ку-лаком хлебозаготовок, Шахтинским делом²⁴¹, Смоленскими и прочими нарывами и... расправой с оппозицией. Все эти явления не только взаимосвязаны, но и родственны между собой. Ни одна власть не отказывается от ответственности, не удастся и нашей правящей группе центра отказываться от ответственности за все эти дела в совокупности их и думать, что и в этом положении она сможет, кивая на стрелочников и опираясь на свой мощный аппарат, всех и вся перехитрить и...²⁴² правых течениях. Правые течения имеют широкую базу в стране и в партии -- интересы многомиллионного крестьянства. В сравнении с этой базой база центра -- несколько сотен тысяч служащих, да к тому же подверженных мелкобуржуазному влиянию -- представляет величину до смешного малую.

В данное время в партии имеется два вида экономической политики: а) политика центра -- постепенного, на ряд лет рассчитанного выхода из кризиса на основе борьбы с кулачеством, на основе поднятия товарности хозяйства середняков и бедноты, т. е. развития взятого в январе-феврале курса и б) политика правых -- решительного и громогласного отказа на будущее время от всего содеянного в январе-марте, политика опоры в развитии сырьевой базы и экспортных ресурсов на все более окулачивающиеся слои деревни, развивающие товарность без затрат на это государственных ресурсов. Борьба этих двух опытов решения экономических вопросов долго продолжаться не может. Уже на протяжении ближайших месяцев (весенний и осенний посев) этот вопрос будет решен.

В случае победы правого курса произойдет дальнейшее экономическое наступление кулака, которому придется уступить, подняв цены на хлеб, отменив ограничения в области аренды бедняцких земель, приспособив товарное снабжение деревни его запросам, быть может, с частичной брешью в монополию внешней торговли. Эта политика неизбежно потребует нажима на рабочий класс в городе, усилит аграрное перенаселение, замедлит темп индустриализации. Все эти мероприятия должны быстро последовать одно за другим, т. к. прежде всего нужно будет успокоить терроризированного кулака и внушить ему доверие.

Таким образом, медленное сползание с пролетарских рельс, давно начавшееся у правой части партии, должно быстро смениться под давлением собственной политики и обстоятельств

жизни переходом на позицию, враждебную пролетариату и деревенской бедноте.

Победить правое течение может только левый курс во всем объеме, т. е. в той форме разрешения коренных вопросов нашей действительности, которая дана в платформе большевиков-ленинцев. Для этого нужно прежде всего мобилизовать рабочий класс, осуществить демократию в партии, в Советах, профсоюзах, вернуть оппозицию, сурово осудить все теоретические искажения и практические ошибки, допущенные партруководством. Таково необходимое условие действительной борьбы против правых течений. Борьба с этими течениями, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся заменить ее усилиями одного аппарата, не дает и не может дать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению правых течений и притуплению профессионального классового сознания.

Идут ли по этому пути сталинцы? Они и теперь пытаются вместо ясных лозунгов борьбы стереть, притупить, затушевать опасность справа, они и теперь подменяют ясный лозунг демократии в партии, Советах и профсоюзах каким-то насквозь лицемерным, фальшиво лживым лозунгом самокритики, заранее отказываясь от обвинений и требуя "конкретности" самокритики. Сталинцы сейчас убеждены, что они перехитрят все силы буржуазии аппаратным путем, преодолеют их "дворцовым переворотом". Сталинцы сейчас думают, что они "свободно" могут делать уступки "своим" правым течениям, а затем брать эти уступки назад без всяких последствий. У сталинцев все -- маневры, они устраняют, по существу, от участия в политических спорах и решениях партию, ибо они не верят в нее, боятся ее, желают избежать ее сопротивления. Партия представляется только право "прорабатывать" решения центра, это право постепенно делается ее обязанностью. Партия рассматривается сверху. Таким образом, сталинцы не признают ленинской партии, партии рабочих масс. Вот почему изгнана оппозиция, ибо она есть то лицо партии, которое обращено к массам. Сталинцы до сих пор старались парализовать ту силу, которая могла бы ослабить или устранить последствия тех маневров руководства, которые явно были ошибочны. Как же теперь они могут воспользоваться ею для подкрепления правильности политических маневров в борьбе с правыми? Эта сила парализована, ее сначала надо вылечить, внушить ей доверие к ее же правам и способностям, иначе кто же рискнет после расправы с оппозицией даже на конкретную необобщающую самокритику. Разве только "Правда" двараза в неделю в листке РКИ243. В этой карете далеко не уедешь.

Можно ли поддержать такой, с позволения сказать, "левый курс" в теперешней его форме? Можно ли брать на себя ответственность за него? Только беспощадно разоблачая противоречие этого зигзага, предательскую замысловатость его, оппозиция докажет свою политическую правоту, которая скоро станет достоянием широких пролетарских слоев. Вынужденное, по ступенькам,

враскоряку, полупризнание наших отдельных положений должно приводить нас не к капитуляции, а к еще более решительному разоблачению половинчатости, лживости, лицемерия. В совершенно самостоятельной по отношению к борющимся фракциям политике, в сохранении своей политической физиономии большевики-ленинцы выиграют больше всего.

Уже сейчас капитулянты всех мастей вынуждены петь по официальному камертону. Как же они запоют, когда сталинцы, неспособные к сколько-нибудь деятельной и последовательной политике, вдруг пересядут на рыковского коня и опять запоют, ну хотя бы о ставке на "крепкое" крестьянство или об общих рамках развития, заранее данных строем пролетарской диктатуры? А ведь эта возможность не исключена.

14. Левый зигзаг уже находится на ущербе. Он держит экзамен как внутри страны (яровой клин, дезорганизация рынка, затруднения с денежным обращением, ухудшение положения рабочих и крестьянства), так и во вне страны (история с золотом, разрыв германо-советских переговоров, политика экономической блокады и т. д.). Победить эти трудности может только последовательная политика, предсказанная пролетарскими революционерами большевиками-ленинцами. Всякая иная политика потерпит скорое и позорное крушение. Самостоятельная, не стремящаяся в центристское болото позиция оппозиции обеспечит удесятерение наших рядов в ближайшее будущее. Не для того рабочий класс СССР принес бесчисленные жертвы, низверг капитализм, чтобы не быть в состоянии сейчас при запутавшихся спорах двух оппортунистических фракций -- правой и центра -- повести сильной рукой вперед пролетарскую революцию в СССР, этом центре мировой революции. Это должны прежде всего понять рабочие -- члены ВКП(б), ибо они должны всегда критиковать ошибки той части партии, "которая зазналась" (Ленин), они, а не аппарат, должны очистить партию от появившихся и переродившихся "чуждых элементов", должны вернуть оппозицию в ряды ВКП(б), они, осуществляя диктатуру ВКП(б), этого основного рычага пролетарской революции, должны первые понять, какую всемирную историческую ответственность они несут. У нас образовался...244 хвост, он попробовал свои силенки на изгнании оппозиции, затем на хлебозаготовках, он доберется до вопроса о власти в полном объеме. Пока этот хвост легонько ударил по голове. В случае войны или еще более крупных осложнений он попытается заменить голову. Оппортунистический, хвостистский центризм от этой опасности не спасет, как не мог и предотвратить ее. Спасет только правильная классово-пролетарская линия большевиков-ленинцев (оппозиции). Против оппортунизма. Против "правого" и "левого" центризма. За ленинскую оппозицию. Большевики-ленинцы (оппозиция). Май 1928 года

Дашковский И. К.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОНЬЮНКТУРА И "ЛЕВЫЙ" КУРС

1. Кто предупреждал о затруднениях

Уже в начале текущего хозяйственного года конъюнктурная сводка отметила явление, свидетельствовавшее о крупном сдвиге в хозяйственном организме страны. Товарный голод на промышленные изделия, временно "смягченный" стараниями Наркоминторга, совершенно неожиданно для руководителей партии и хозяйства сменился продовольственными затруднениями в городах. Падение хлебозаготовок, сокращение хлебного экспорта и огромные хвосты в городах у продовольственных лавок -- все это сопровождалось явными признаками новой инфляции. Создавалась совершенно реальная угроза материальному положению рабочего класса, смычке города с деревней и устойчивости всего хозяйственного организма в целом. Об этой растущей опасности настойчиво предупреждал уже на Октябрьском пленуме²⁴⁵ тов. Смилга. В контррезисах по пятилетнему плану большевики-ленинцы заявили: "Падение общей массы заготавливаемых продуктов, с одной стороны, является прямым свидетельством глубокого расстройств в отношениях между городом и деревней, а с другой стороны,-- источником новых угрожающих нам затруднений". Однако все эти предупреждения остались без должного внимания. Официальная партийная печать объявила их "спекуляциями оппозиции на трудностях сезонного характера". Микоян усыплял партийное сознание разговорами об овладении Наркомторгом стихией рынка, экономическая печать вместе с Рыковым не переставала повторять о действии "предвоенного фактора", а Бухарин на XVI московской губпартконференции говорил: "Мы за последнее время не можем констатировать особого обострения товарного голода, как это утверждает оппозиция. Хлебные хвосты нельзя брать в качестве решающих показателей нашей экономики: это чисто конъюнктурное явление, которое уже теперь изживается и по всей вероятности скоро будет изжито". Итак, на "Шипке все спокойно"²⁴⁶: в своем бюрократическом ослеплении, стремясь ускорить свою расправу с оппозицией, руководители партии даже не задумываются и не понимают того, что делается основными проблемами нашего хозяйства в рабочих кварталах столиц и в провинции. Только декабрьская конъюнктура, полный срыв экспорта хлеба и давно не бывавшая напряженность на рынке заставила кое-кого призадуматься.

2. Хозяйственная конъюнктура в январе

К 1 января 1928 г. хозяйственная обстановка характеризовалась следующими основными данными. Хлебные заготовки уменьшились по сравнению с данными прошлого года на 128 млн пудов, или примерно на 30% (см. передовую "Правды" от 15 февраля). По другим данным, хлебозаготовки пали на 161 млн пудов, или на 35% (см. "Хлебный рынок", No 21 -- 22 за 1927 г.). Сырьевые заготовки, несмотря на то что урожай сельскохозяйственного сырья выше

прошлого года на 27%, после октябрьского повышения в ноябре начинают понижаться и в декабре дают картину общего снижения по сравнению с декабрем прошлого года: по масличным -- 19%, лен-волокно -- 14%, махорка -- 30%, коровье масло -- 32%, яйца -- 46%, шерсть -- 48% (см. конъюнктурную сводку Госплана в "Экономической жизни"²⁴⁷ от 2 февраля). В то же время денежные остатки в деревне увеличиваются с 290 млн руб. в апреле-мае до 450 млн на 1 декабря (см. статью Первушина в "Экономической жизни" от 4 февраля), способствуя оседанию сельскохозяйственного сырья. В отдельных случаях, как, например, по льну, годовое оседание достигает 50% всего сбора против довоенного в 10%. Общий рост покупательного фонда города и деревни превышает продукцию предметов широкого потребления за первый квартал на 353 млн руб. (см. статью Громана²⁴⁸ в "Экономической жизни" от 3 февраля). На этой почве весь первый квартал проходит под знаком роста розничных цен как на частном рынке, так и в обобществленной торговле. Наши розничные индексы, которые и по свидетельству Первушина "в ослабленной" степени отражают действительное повышение цен, показывают повышение в октябре -- 1,0%; в ноябре -- 1,6% и декабре -- 0,9%. Одновременно растет и розничная наценка на промтовары: IX - 21,2%; X - 21,6%; XI - 22,1%; XII - 22,4% (см. "Экономическую жизнь" от 4 февраля). В полном соответствии с этим движением цен находится рост стоимости бюджетного набора. По Украине эта стоимость за первый квартал возросла на 5,7% ("Экономическая жизнь" от 7 февраля). По Москве бюджетный индекс в январе повысился на 2,3% ("Торгово-промышленная газета"²⁴⁹ от 8 февраля). Повышение цен происходит главным образом в сельскохозяйственной группе товаров. В области промышленности продукция первого квартала возросла по сравнению с первым кварталом прошлого года на 10,2% против намеченного контрольными цифрами годового прироста в 17,6%. Несмотря на то, что в прошлом году продукция первого квартала дала прирост в 27%, ВСНХовский²⁵⁰ обзор конъюнктуры считает, что прирост производства первого квартала текущего года "находится на довольно высоком уровне, так как текущие хозяйственные затруднения (недостаточный ход хлебозаготовок и заготовок сырья) еще не успели резко отразиться на промышленности" (см. "Экономическая жизнь" от 4 февраля).

3. Хлебофуражный баланс

Значение всех приведенных показателей станет совершенно ясно после небольшого анализа хлебофуражного баланса. Исходя из расчета, что минимальное месячное потребление городов равняется 50 млн пудов, хлебозаготовки этого года были запроектированы в размере 600 млн пудов для

внутреннего потребления и 100 млн пудов для экспорта, т. е. всего 700 млн пудов. В 1925/26 г. плановые заготовки хлеба составляли 584 млн пудов, а в 1926/27 г.-- 686 млн пудов (см. "Хлебный рынок", No 21 -- 22 за 1927 г.). Условия урожая этого года должны были благоприятствовать реализации намеченного плана. Сбор зерновых культур за последние три года определялся следующими цифрами: 1925 г. -- 4420 млн пудов; 1928 г.-- 4653 млн пудов; 1927 г.-- 4593 млн пудов (см. статью Киселева в "Экономическом строительстве" 251, No 12 за 1927 г., с. 17). Тем не менее за первую половину сельскохозяйственного года с 1 июля по 1 января было заготовлено только 65 -- 70% прошлогодних заготовок того же периода, т. е. 300 млн пудов. Эта цифра полностью совпадает с общим количеством полугодового потребления города. Но если принять во внимание, что декабрьские заготовки, естественно, еще не могли быть подвезены к потребителю, что часть хлеба всегда находится на колесах и в амбарах, то ясно станет, что не будь прошлогодних запасов (размером около 120 млн пудов), хлебный дефицит уже в это первое полугодие принял бы угрожающий характер.

Хлебный экспорт прекратился, едва достигнув 35 млн пудов за все первое полугодие. Несмотря на использование прошлогодних запасов, на прекращение экспорта и на наличие в деревне огромных скоплений хлеба после третьего урожая, угроза продовольственного голода становилась все более и более реальной. Для серьезных опасений было тем более оснований, что по опыту прошлых двух лет 85 -- 90% всех плановых заготовок приходится на первые три квартала, а если прозевать январь и февраль месяцы, то выполнение заготовок будет сорвано природными условиями окончательно и бесповоротно. Чтобы заготовить 90% необходимого для внутреннего потребления хлеба, т. е. 540 млн пудов, необходимо было заготовить в третьем квартале 240 млн пудов. Но и этим вопрос об обеспечении города хлебом еще не решается. Кроме недостающих для годового баланса городского потребления, необходимо также образовать трехмесячный запас, ибо в июле и августе потребляются запасы прошлого года, а 50 млн пудов требуются для завоза в потребляющие районы и для других нужд (семена и проч.). Таким образом, общая сумма требующихся заготовок составляет примерно 450 млн пудов. Если вычесть запасы прошлого года, оставшиеся после экспорта (около 80 млн пудов) и допустить наиболее благоприятный исход заготовок, т. е. полное проведение плана, то и в этом случае дефицит хлеба составит примерно 50 -- 70 млн пудов. Предупредить этот дефицит можно только исключительными мерами: либо ввозом хлеба из-за границы, либо немедленным изъятием части натуральных запасов в порядке займа или дополнительного обложения зажиточных и кулацких слоев деревни. Таким образом, хлебные затруднения оказываются отнюдь не конъюнктурными явлениями. Они свидетельствуют о глубоком расстройстве в хозяйственном организме, о серьезной закупорке товарооборота между городом и деревней.

4. Причины продовольственных затруднений

Где причины затруднений? В течение всего января и половины февраля руководящие статьи "Правды" разоблачали виновников срыва заготовок. То виновным оказывался хлебозаготовительный

аппарат, он надеялся, что заготовки пойдут самотеком. То -- кооперативная сеть, потому что она не позаботилась о ввозе промтоваров в деревню. То виноват низовой партийный аппарат, потому что он не подстегивал первых двух. Виновата, наконец, оппозиция, она отвлекала внимание партаппарата. Одним словом, вместо экономического анализа -- бюрократические отписки, поиски виноватого стрелочника и, наконец, сваливание всех бед на оппозицию, а это -- наилучшее прикрытие для безыдейности и безответственности. Действительные причины затруднений кроются не столько в перебоях бюрократической машины, сколько в углубляющейся диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Нарастание этой количественной диспропорции приводит к новым качественным явлениям. Арифметическое противопоставление спроса и предложения города и деревни или простой арифметический подсчет натурального и денежного накопления в деревне становится теперь недостаточным. Решающее значение для диспропорции приобретает вопрос о распределении реального накопления среди различных слоев крестьянства. Рост хозяйственной мощности и накоплений в кулацком хозяйстве означает рост зависимости государственного хозяйства от кулацко-капиталистических элементов в области сырья, экспорта и продовольственных запасов. В этом состоит тот новый сдвиг, то новое качественное изменение, которым характеризуется наше хозяйство в нынешнем году. Кулак "регульнул" наш экспорт и тем самым ударил по импорту, по промышленности и, следовательно, по рабочему классу. Срывом хлебозаготовок срываются заготовки сырья, и это -- еще один удар по промышленности и по рабочему классу. Сила кулака -- в росте его натуральных и денежных накоплений, слабость пролетариата состоит в том, что темп развития промышленности недостаточен для втягивания натурального накопления крестьянского, кулацкого и зажиточного хозяйства в товарооборот. Отсюда продовольственные затруднения, срыв экспортно-импортной программы и дальнейшее укрепление экономических позиций кулака-капиталиста, все более настойчиво навязывающего свою волю государственному хозяйству. Поэтому вопрос о диспропорции, как и о хлебозаготовках и о сырье становится вопросом обостренной классовой борьбы. Именно здесь решается историческая схватка "кто кого".

5. Сила кулака

Как велика экономическая мощь кулака? По материалам "Совещания по хлебофуражному балансу", размер натуральных запасов к концу текущего года составит 1040 млн пудов. Но эта цифра явно преуменьшена, так как здесь не учтено влияние повышенного урожая технических культур на увеличение прироста накопления запасов. К концу 1927/28 г. общая сумма натуральных запасов

составит по меньшей мере 1100 млн пудов. Как же распределяются эти запасы среди различных слоев деревни? Если исходить из устаревшей схемы П. Попова (у богатых -- 29,1% запасов, у зажиточных -- 29,4%, у середняков -- 36,3% и у бедноты -- 4,9%, см. "Статистический обзор" No 2, 1927 г.), то распределение натурального накопления будет следующим: у богатых -- 320 млн пудов; у зажиточных -- 323 млн пудов; у середняков -- 401 млн пудов и у бедняков -- 54 млн пудов. Таким образом, у высших слоев деревни находится 643 млн пудов [...] 252 нет 500 млн пудов. Но приведенная схема Попова устарела, она относится к положению, имевшему место два с лишним года назад, за это время пропорции между разными слоями в деревне изменились в сторону усиления и укрупнения кулака. Следовательно, действительное накопление высших слоев деревни значительно больше, оно, по меньшей мере, достигает 600. Итак, натуральные запасы сосредоточены у кулацко-капиталистических элементов деревни в таком размере, что эта молодая деревенская буржуазия имеет возможность оказать реальное сопротивление хозяйственным планам советской власти. Результаты этого сопротивления мы уже чувствуем: это -- возросшие затруднения на командных высотах нашего хозяйства, это -- продовольственные затруднения в городах. Вывод: перераспределение натуральных накоплений становится вопросом жизни и смерти для пролетарской диктатуры. Вот почему оппозиция, пролетарское и подлинно большевистское крыло нашей партии, требовала в контртезисах перераспределения национального дохода и принудительного займа в размере 150 -- 200 млн пудов хлеба. Нужно быть безнадежно тупым бюрократам, чтобы подобно Молотову заявить: "...тот, кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, принудительного изъятия 150 -- 200 млн пудов хлеба... тот враг союза рабочих и крестьян, тот ведет линию на разоружение советского государства" (из доклада Молотова на XV съезде). Вот где беспросветное невежество и безнадежная тупость высшего партийного бюрократа выступает дополнительным оружием в руках враждебного пролетариату класса, молодой деревенской буржуазии.

6. "Левый" курс XV съезда

Под давлением напряженнейшей борьбы оппозиции, выражающей волю пролетарского авангарда к защите диктатуры рабочего класса против растущих враждебных сил, XV съезд партии признал необходимым форсированное наступление на кулака. Этот левый курс, если бы он действительно осуществлялся, оппозиция могла бы одобрить. Но какое содержание вкладывается в этот лозунг? Молотов разъяснил его на съезде так:

"Когда теперь говорят о форсированном наступлении на кулака, на капиталистические элементы деревни и т. п., то мне кажется, что этой формулой ничего нового не говорят. Нет более решительного, более форсированного наступления на капиталистические элементы, чем рост строительства социализма в городе и в деревне. А мы занимаемся тем, что усиливаем и развиваем социалистические элементы против остатков капитализма.

Форсированное наступление на кулака, форсированное наступление на капиталистические

экономические элементы в деревне -- это и есть все то, что именуется строительством социализма в одной стране. Все это -- развитие кооперации, развитие коллективных форм в нашем сельском хозяйстве, вся наша экономическая, культурная и другая работа и далеко не с нынешнего года -- есть наступление на капиталистические элементы в деревне. Вопрос не в том, нужно ли форсированное наступление на кулака. Оно есть, об этом нечего спорить".

Нельзя себе представить большего разжижения революционного лозунга, большей дезориентации рабочего класса, его обезволивания и усыпления его бдительности, чем эти "приятные" разговорчики, рассчитанные на то, чтобы угодить "и нашим и вашим", чтобы "сохранить популярность среди всех слоев населения".

Результатом XV съезда явился двойной удар по рабочему классу. Наиболее передовой авангард его, в лице подлинных большевиков-ленинцев оппозиционеров, подвергнут исключению из партии, ссылке и тюремному заключению. В то же время деревенский кулак, почувствовавший себя прочнее в связи с этой расправой с оппозицией, ударил срывом заготовок хлеба и сырья.

7. Положение после XV съезда

В конце декабря угроза продовольственного голода уже вырисовывалась с большой рельефностью. Тогда большие и малые партийные чиновники засуетились и панически стали менять свою хозяйственную политику.

Еще на XV съезде Рыков говорил, что у нас никакого кризиса товарооборота между городом и деревней нет, что есть только частичные затруднения, что они уже изжиты, изживаются или будут [изжиты] в ближайшее время. Сталин заявил, что товарный голод это минус в балансе народного хозяйства и что аппарат еще не научился преодолевать эту трудность. В то же время хлебозаготовки продолжали падать. Наркомторг начал перебрасывать, оголяя городской рынок, предметы широкого потребления в деревню. Однако непосредственный эффект этих перебросок получился небольшой. Во-первых, потому что часть промтоваров застряла на промежуточных звеньях. Во-вторых, широкий потребитель, середняк и бедняк, не имел уже хлеба для реализации и для покупки промтоваров, а зажиточный и кулак потребовали повышения хлебных цен. Если для зажиточного середняка стимулом для продажи хлеба могла еще служить возможность покупки промизделий широкого потребления, то для кулака экономических стимулов не было. Более или менее удовлетворительными предметами широкого

потребления²⁵³. Он сразу предъявил спрос на металлические изделия и строительные материалы, т. е. на те предметы, которые могут послужить кулаку его производственному накоплению. В тех же случаях, когда кулак покупал предметы широкого потребления, мануфактуру например, то с целью перепродажи ее с большим барышом в городе или в деревне. Этим и объясняется тот факт, что мануфактура не нашла и не находит себе в деревне достаточного сбыта. Конъюнктурные обзоры сообщают, что она оттуда выталкивается, что в спросе только металлические изделия и стройматериалы, что кулак прибегает к различным ухищрениям для задержки своих запасов.

8. Банкротство партийного руководства

Чтобы смягчить возросшие продовольственные затруднения и сделать кое-какие запасы на весенние месяцы, руководство партии вынуждено было уже в январе встать на путь репрессивных мер по отношению к тем, кто задерживает реализацию своих запасов. В соответствии с этим административным нажимом -- наспех произведено и некоторое идейное перевооружение. 15 февраля в "Правде" появилась передовая, являющаяся программой действий в хозяйственной политике на ближайшее время. В этой передовой говорится:

"Из ряда причин, определивших затруднения в хлебозаготовках, следует отметить следующие. Выросла и разбогатела деревня. Вырос и разбогател прежде всего кулак. Три года урожая не прошли даром. Увеличение доходов крестьянства от незерновых сельскохозяйственных культур, животноводства и отхожих промыслов при относительном отставании предложения промтоваров дало возможность крестьянству вообще, кулаку в особенности, удержать у себя хлебные продукты для того, чтобы поднять на них цены".

Далее:

"Что касается борьбы с кулачеством и кулацкой опасностью, то в этой области нашими парторганизациями далеко еще не сделано все то, что они должны сделать. Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что в наших организациях -- как в партийных, так и иных -- народились в последнее время известные чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди "всех слоев" деревни".

И затем:

"Все это, соединенное с такими ошибками в нашей работе, как запоздалый подвоз промтоваров в деревню, недостаточность сельхозналога, неумение извлечь денежные излишки из деревни и т. п.-- создало условия, приведшие к затруднениям в хлебозаготовках".

Итак, руководство партии подписалось в собственном банкротстве. Не обмолвившись ни словом о том, что именно оппозиция предупреждала о нынешних трудностях, о недостаточном развертывании промышленности, об огромном укреплении экономической мощи кулака, о росте термидорианских элементов и в

стране, и в государственном, и в партийном аппарате, Ц[ентральный] о[рган] партии признает, что именно этих важнейших явлений партийный аппарат не заметил, не обратил на них внимания. Партаппарат не заметил, хотя оппозиция открыто и настойчиво об этом заявляла. Кто же должен отвечать? Кто несет ответственность перед

рабочим классом, перед партией за совершенные ошибки? Расправой с оппозицией можно скрыть свою бездарность и неспособность к руководству государством и хозяйством, но нельзя этим снять с себя ответственность за ошибки, ведущие к ослаблению диктатуры рабочего класса, тем более, когда часть партии, своевременно предупреждавшая и указывавшая на ошибки, исключена, сослана и сидит в тюрьме. Ответственность всецело падает на руководство партии. Это понемножку начинают понимать. Скоро это станет ясно всему рабочему классу, всей партии за исключением ее зарвавшихся элементов.

9. "Левый" курс на практике

"Чтобы ликвидировать затруднения, -- говорится в этой программной передовой "Правды",-- надо покончить с искривлением партлинии в практической работе в деревне, сделав ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью и обязав наши парторганизации развивать дальше наступление на кулачество". Прежде всего необходимо отметить это трусливое сваливание вины на низовые парторганизации. В действительности мы имеем не "искривления партлинии", а подтверждение неправильности самой этой линии. Для каждого сознательного партийца ясно, что, как и в китайском вопросе, в отношении к кулаку господствующие партбюрократы, боясь сознаться в своей ответственности за совершенные ошибки, сваливают все на "искривление" якобы правильных директив, которые ими даются. Эти постоянные ссылки на "искривления", повторяющиеся каждый раз, когда обнаруживается банкротство политической линии, являются лучшим доказательством оппортунистической природы самого руководства. Уже поэтому вновь объявленный "левый" поворот может вызвать вполне законное недоверие.

Действительно, программная передовая не дает никаких определенных указаний относительно тех конкретных средств и путей, которыми предполагается выйти из сложившихся трудностей. В статье говорится о необходимости нажима на кулака, о повышении самообложения деревни и т. д. Надо, однако, заявить, что административный нажим, применявшийся в последние месяцы в деревне, отличается прежде всего отсутствием классовой дифференцированности. Когда каждой деревне назначают, сколько она должна вывезти, а в деревне раскладка производится по дворам, то это мало похоже на нажим на кулака. Когда сдатчик

хлеба снабжается особыми квитанциями и получает исключительное право покупки промтоваров или же устанавливается непосредственный товарообмен -- то это мера, крайне пагубная для денежного обращения, тоже не означает нажима на кулака. Применение 107-й статьи, не устанавливающей допустимых размеров для крестьянских запасов, может только послужить для процветания административного произвола в деревне, так как эти размеры (активного участия) будут в каждом отдельном случае устанавливаться без массовой бедняцкой организации, а местным чиновником, зачастую связанным с кулаком. Накопление промышленных изделий, мануфактуры и др. в руках кулака явится только дополнительным средством для закабаления бедноты и для спекуляции в городе.

Не менее бесформенным являются и другие виды "нажима": крестьянский заем и самообложение. Мы уже выше говорили, что назрела острейшая необходимость перебросить часть средств из кулацко-капиталистического хозяйства в промышленность. Но ни крестьянский заем, ни средства по самообложению для этой цели не предназначены. Не говоря уже о том, что при созданных условиях эти меры добровольно проведены быть не могут, но если даже реализовать их в порядке "нажима", то, поскольку эти средства предназначены для местного строительства и сельскохозяйственных нужд, то можно предвидеть увеличение спроса на строительные и другие материалы, а не смягчение товарного голода. Вот почему все намеченные "левые" мероприятия, проводимые вдобавок в порядке паники и аппаратно-бюро-кратического нажима, без активности рабочего класса и бедноты, могут, скорее, привести к дискредитации левого курса, а не к положительным результатам. Левый курс заключается не в том, чтобы в порядке паники беспорядочно нажимать на кулаков, конфисковать их имущество и сажать их в тюрьму. Левый курс заключается в том, чтобы, применяя жестокие меры диктатуры, добиться укрепления экономических позиций пролетариата и бедноты, усиления командных высот пролетарской диктатуры. Сталин же своим аппаратно-бюрократическим "левым" зигзагом старается спасти шкуру бюрократа, оставляя экономические позиции пролетариата столь же ослабленными, как и раньше.

10. Ближайшие перспективы

Мы вступаем в полосу еще больших затруднений, которые могут привести к еще более серьезным последствиям. Угроза голода в городах не устранена, она только несколько отведена, отсрочена. В апреле-мае, когда заготовки хлеба резко снизятся, а запасы начнут истощаться, продовольственные затруднения в городах могут принять более угрожающий характер. Товарный голод на пром[ыш-ленные] изделия также значительно обострится. Если в первом квартале, когда с городского потребительского рынка снято 200 млн руб. займом индустриализации²⁵⁴, дефицит промышленных изделий достиг 353 млн руб., то во втором квартале и третьем квартале, когда влияния займа не будет, когда номинальная заработная плата, возможно, даст некоторое повышение, -- дефицит промизделий будет значительно больше. Проектирующееся

срезание городского спроса путем повышения квартирной платы на 20% на первые месяцы не отразится. Удовлетворить рост покупательного фонда будет тем более трудно, что в решающие месяцы хозяйственного года продукция промышленности даст резкое снижение по сравнению с ростом, намеченным контрольными цифрами и Промфинпланом. Промфинплан наметил годовое увеличе-

ние продукции на 21%, контрольные цифры -- на 17,6%, а первый квартал дал прирост в 10,3%, январь дал около 12%.

Когда же может быть выполнен годовой план? Четвертый квартал дает обычное снижение продукции вследствие летних отпусков, ремонта и т. д., а заметное увеличение производства в ближайшие месяцы затрудняется срывом сырьевых заготовок и финансовыми затруднениями промышленности. Сокращение финансирования капитальных затрат на 175 млн руб. и краткосрочного кредитования на 60 млн руб., проводимые ныне в целях недопущения бумажно-денежной инфляции, ударит по промышленности, замедлит темп индустриализации и еще острее отзовется на диспропорции между спросом и предложением. Финансовые затруднения через короткий срок опять обострятся ввиду наступления сроков платежа по германским кредитам и срыва хлебэкспортной кампании. Что же касается рыночной диспропорции, то отставание предложения от спроса примет в ближайшие месяцы такой размер (дефицит может перешагнуть далеко за полмиллиарда), что возможно значительное повышение розничных цен и заметное падение покупательной способности червонного рубля. Предлагаемое ныне некоторыми экономистами (Громаном, например) повышение отпускных цен может несколько успокоить рыночное напряжение, приводя к некоторому перераспределению средств в народном хозяйстве. Но нужно не забывать, что цены являются стихийным фактором в распределении национального дохода. Они бьют раньше всего широкого потребителя. Задача же партии заключается в том, чтобы укрепить государственное хозяйство за счет средств, накопленных у кулацко-капиталистических элементов города и деревни. Выполнение этой задачи и будет означать подлинно левый курс, ибо результатом его явится укрепление промышленности, государственного хозяйства, т. е. командных высот диктатуры рабочего класса.

Тот бюрократический "нажим", который Сталин теперь проводит аппаратными методами, без активности широких пролетарских и организованных бедняцких масс, нельзя назвать левым, т. е. пролетарским курсом. "Нажим направо", сопровождающийся полицейским режимом в партии, арестами и ссылками оппозиционеров, предвидевших и предупреждавших о растущих опасностях, есть только бюрократическое извращение левой, т. е. пролетарской линии.

11. Где же выход

Положение тяжелое, в ближайшем будущем оно может стать еще тяжелее. Из этих небывалых трудностей мыслимы только два классово противоположных пути.

Пролетарский путь лежит через перераспределение национального дохода, через мобилизацию активности пролетарских масс и организации деревенской бедноты, через действительный нажим на все термидорианские элементы в стране и в партии, через немедленное возвращение в партию всех арестованных, ссыльных и исключенных оппозиционеров,

ибо только они способны вывести рабочий класс из современных трудностей, не отступая с командных высот пролетарской диктатуры. Антипролетарский путь из нынешних трудностей лежит через расправу с оппозицией, через дискредитацию "левого", т. е. пролетарского курса, через ввоз заграничного хлеба, частичные уступки мировой буржуазии и дальше по ниточке к отмене монополии внешней торговли.

Рабочий класс и пролетарская часть партии должны быть начеку.

О САМОКРИТИКЕ²⁵⁵

I

Как грибы после дождя растут "дела", одно скандальнее другого. Каждый день все новые и новые "нарывы", говорящие о массовом глубоком разложении партийного, советского и профессионального аппаратов, о далеко зашедшем перерождении партии. Смоленское, Шахтинское, Артемовское, Сочинское и бесчисленный ряд других дел оказались полной неожиданностью для партийного руководства.

Гром среди ясного неба! Все было спокойно и благополучно. Шли вперед к социализму "плавно, как на рельсах" (Сталин. Правда, 17 мая). Отсутствие всяких опасностей. Стопроцентное единство XV съезда, на котором голосами героев Смоленского и иных дел была отсечена ленинская оппозиция.

И вдруг -- десятки раскрытых и сотни нераскрытых гнойников.

Смоленское "дело" -- одно из наиболее поучительных. Что оно показало? "Под внешним казенным благополучием,-- пишет Зайцев в "Правде" (16 мая),-- фактически скрывались подлинные элементы гниения и перерождения -- перерождения разных степеней и разной глубины". Это гниение охватило не только всю верхушку губкома, но и значительную часть всего партийного и советского аппаратов и в городе, и в деревне.

Смоленских "героев", больших и маленьких, в губернском, уездном, волостном масштабах "засосала тина вонючей обывательщины", они "утеряли всякое классовое чутье". В течение нескольких лет они спокойно перерождались, оторвавшись от рабочего класса, срачиваясь с кулацкими элементами деревни, находясь "в сфере недосыгаемости для пролетарской критики, в атмосфере зажима, отсутствия внутрипартийной и рабочей демократии".

Отсутствие внутрипартийной и рабочей демократии -- вот основная причина всех этих болезненных явлений. Только в обстановке жесточайшего зажима, только при величайшей пассивности и запуганности масс руководство целыми губерниями и округами может переходить в руки заведомых прохвостов, бандитов и казнокрадов.

II

Пьянство, растраты, изнасилования -- все это наиболее омерзительные, но не самые опасные признаки перерождения; порой с ними можно бороться, опираясь и на судебный аппарат. Гораздо опаснее искривление классовой линии, проводимое без растрат и пьянства, проводимое "честными" руками. С искривлением можно бороться, только опираясь на активность масс снизу и на правильную политическую линию сверху.

Расследовавший положение в Смоленской организации член ЦКК и замнарком РКИ Яковлев выдвигает следующие моменты (см. "Правду" от 16 мая): отрыв советского аппарата от партийного, полное извращение классовой линии как в городе, так и в деревне, неудовлетворительность партийного руководства в губернии, в уездах, в волостях, слабость центрального руководства Наркомзе-ма. Здесь Яковлев явно недоговаривает. Почему один Наркомзем виноват? Если у Наркомзема была своя особая линия, за которую не отвечает весь Совнарком и ЦК партии, то об этом надо сказать открыто. А так как этого на деле не было, нужно прямо указать, что в извращении классовой линии повинен не Наркомзем, а все руководство в целом.

Это извращение классовой линии не ограничилось одним Смоленском.

За последние недели ЦК заслушал отчет двух организаций -- Казахской и Северо-Кавказской (по национальным областям) ("Правда" от 22 и 23 мая) и приступил к обследованию Днепропетровской.

И что же? В Казахстане "ошибки в разрешении вопроса о землеустройстве", на Северном Кавказе "неудовлетворительность руководства в работе с беднотой" и недостаточное использование "средств и возможностей для быстрого подъема маломощных слоев". В Днепропетровщине ("Правда" от 31 мая) -- отсутствие подъема бедняцких хозяйств, уменьшение бедноты в сельскохозяйственной кооперации, кредитование зажиточно-кулацкой части села сельскохозяйственными машинами и т. п. Можно не сомневаться в том, что эти указания на искривление классовой линии придется сделать всем без исключения организациям, которые будут отчитываться перед ЦК.

Результаты извращения ленинской линии в крестьянском вопросе сказались в Смоленске, сказались в Казахстане, на Северном Кавказе, на Украине, должны будут сказаться по всему СССР. И отвечает за это не Наркомзем, а Политбюро и ЦК партии.

На пленумах губкома и Г[убернской] контрольной к[омиссии] смоленские помпадуры²⁵⁶, растратчики и дезорганизаторы заявляли, что они, собственно, ни в чем не виноваты, что они проводили партийную линию и являются "жертвами нового курса ЦК" (см. "Правду" от 20 мая).

III

То, что данное руководство партии не в состоянии бороться с растущим разложением, наглядно показало то же Смоленское дело.

Президиум ЦКК, разобравший Смоленское дело, установил: "разложение сельского

и волостного партийного и советского аппаратов, его смычку с кулаком", "извращение классовой линии в деревне", "систематическое пьянство, растраты, насилия, окулачивание и связь с бандитами" и пр., и пр., и пр.

Постановлено: руководителей организации снять с занимаемых должностей, объявить строгий выговор, послать на работу по специальности.

Как! Даже не исключить из партии?! Да, оставить их в партии, пусть они поработают на пользу советской власти.

Только под напором и давлением партийной и рабочей массы, требовавшей вопреки решениям, мягким к казнокрадам и насильникам, исключения руководителей Смоленской организации,-- ЦКК исключила их наконец из партии.

Нужно ли после этого удивляться безрезультатности проводимых мероприятий, нужно ли удивляться, что почти через четыре месяца после раскрытия другого (Шахтинского) дела -- комсомольские делегации Аремовского, Шахтинского и Луганского округов вынуждены обратиться в ЦКК с заявлением (см. "Комсомольскую правду" от 11 мая), что все осталось по-прежнему, "спячка хозяйственных и профсоюзных органов не взорвана", причем это заявление замалчивается "Правдой", а на "Комсомольскую правду" начинаются нападки за ее обличительный уклон (речь Калинина на съезде ВЛКСМ)257.

Наказать, и притом мягко, несколько помпадуров, еще не значит вести борьбу с искривлением классовой линии.

IV

"Чем объясняются,-- говорит Сталин ("Правда" 17 мая),-- эти позорные дела разложения и развала нравов в некоторых звеньях наших партийных организаций? Тем, что монополию партии довели до абсурда, заглушили голос низов, уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм"258.

Итак, оказывается, зажим в партии есть, бюрократизм насаждается. А ведь не так давно, еще на XV съезде, тот же Сталин заявлял и делал ударение на то, что "только слепые не видят, что действительная внутрипартийная демократия у нас растет и развивается", а вся партийная печать, все проработчики всех рангов, в том числе смоленские, артемовские, прямо декламировали и изощрялись в арифметических расчетах об "огромном росте демократии".

Перед лицом жесточайших провалов Сталин и его сподвижники выступают в роли демократов, критикуя тот самый режим, который они насаждали годами. Обращаясь к пленуму Смоленского губкома, упоминавшийся уже Яковлев ("Правда" 22 мая) восклицает: "Если вы зажимаете организацию, если вы нарушаете элемен-

тарные основы внутрипартийной демократии, если, более того, рабочие-коммунисты не могут выступить открыто, то как вы это назовете". Яковлев не дает ответа, но мы за него ответим: все это называется сталинско-бухаринско-рыковским режимом в партии.

V

Разговоры сталинцев о демократии не новы для нашей партии. Еще в борьбе с оппозицией 1923 года Политбюро приняло знаменитую резолюцию от 5 декабря, в которой четко и ясно формулировало значение и необходимость партийной демократии. Эта резолюция, принятая под напором усиливающейся оппозиции, так и осталась "манифестом", положенным под сукно, а теперь считается чуть ли не запретным фракционным документом.

Перед XV съездом, начиная борьбу с Ленинградской оппозицией, ЦК выпустил специальное обращение с призывом "решительно разворачивать внутрипартийную демократию". Однако единственным проявлением этой демократии был разгром Ленинградской организации.

Разговоры о внутрипартийной демократии продолжаются пятый год. А за это время, по выражению Сталина, "уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм".

Однако в последнее время лозунг внутрипартийной демократии подменен лицемерными разглагольствованиями о "самокритике".

Партийная демократия означает право массы решать все основные вопросы, стоящие перед партией. Самокритика же сохраняет за массами только право на критику. Решать, исправлять, оценивать эту критику будет, очевидно, всесильный аппарат.

Самокритика -- это шаг назад от партийной демократии. Это ублюдочно-бюрократический лозунг, внешняя "уступка массам" взамен подлинного привлечения масс к руководству партией.

Однако и эта "самокритика" кажется чрезмерной роскошью бюрократам от партбилета. Передовая "Правды" (16 мая) спешит разъяснить, что самокритика требуется конкретная, без всяких обобщений.

Что значит "конкретная критика без обобщений"? Если, например, сказать, что из 16 волостей Смоленского уезда в одиннадцати аппарат совершенно переродился -- это будет критика конкретная. А вот сделать отсюда вывод, что плох уком или даже (!) губком -- это уже пахнет обобщением. Не против таких ли обобщений выступает "Правда"?

Или, может быть, разрешается обобщать, но только в масштабе одного уезда или одной губернии -- неизвестно. Точнее известно, что вопрос о допустимости того или иного обобщения будет передаваться на усмотрение критикуемых и обобщаемых бюрократов.

Кроме того, известно, что бюрократы и оппортунисты из ЦК партии будут ссылать и сажать в тюрьмы всех, кто попытается "обобщать" бесчисленные "дела" последних лет и месяцев и поискать виновных повыше секретаря губкома.

Но такой "самокритикой" без обобщения нельзя поднимать активность масс, нельзя воспитывать партию.

VI

В платформе большевиков-ленинцев задолго до раскрытия нынешних "дел" указывалось:

"...Официальная борьба с бюрократизмом, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся заменить ее усилиями самого аппарата, не

дает и не может дать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению бюрократизма.

Машина идет не туда, куда требуют интересы рабочих и крестьян".

Орджоникидзе²⁵⁹ счел своим долгом заступиться за бюрократическую машину.

"Соваппарат в наших руках,-- заявил он на XV съезде,-- он служит нашему социалистическому отечеству, он наш аппарат".

Орджоникидзе прав. Это тот аппарат, который насаждал из года в год ЦК, это тот аппарат, который вырос под крылом ЦКК, исключаящий за оппозицию тысячи рабочих-большевиков и объявляющий выговора героям смоленских дел, это тот аппарат, который вырос под прикрытием молотовской теории насчет того, что нельзя [...] ²⁶⁰ приближения рабочих к государству и государства к рабочим, т. к. наше государство уже само по себе рабочее.

Партия призовет к ответу не только стрелочников.

Партия научится обобщающей критике, вопреки Сталину, Мо-лотову и Орджоникидзе, и тогда им придется самим отвечать за тот аппарат, который они насаждали, который они "держали в своих руках", за тот неслыханный режим в партии, при котором возможно длительное существование такого аппарата.

2 июня 1928 г.

М. Фрумкин²⁶¹

ПИСЬМО

Секретно.

Всем членам и кандидатам Политбюро, тов. Бауману²⁶² и тов. И. В.

Сталину

Переживаемые нами трудности кризисного характера резко уже сказались и нарастают как во внутреннем, так и внешнем нашем положении. Нет никаких сомнений в том, что резкое ухудшение нашего положения, менее всего связанного с деятельностью Коминтерна, усилившееся обвинением нас "в пропаганде", является лишь благодатным материалом для западноевропейской буржуазии. Основным и решающим фактором наступления капиталистического мира на СССР является политическое и экономическое ослабление наших сил. Ухудшение нашего внутреннего положения связано прежде всего с деревней, с положением сельского хозяйства. Мы не должны закрывать глаза на то, что деревня, за исключе-

ним небольшой части бедноты, настроена против нас, что эти настроения

начинают уже переливаться в рабочие городские центры. Выступающим на рабочих и красноармейских собраниях хорошо известно, как недовольство деревни сильно отражается на настроениях и выступлениях рабочих и красноармейцев. Дальнейшее нарастание недовольства в деревне угрожает нам через безработных, через рабочих, связанных с деревней, через красноармейцев осложнениями и в городе. Придавая исключительное значение роли деревни в переживаемых кризисных процессах, я считаю своим долгом обратить внимание Политбюро на те моменты, которые заострены во внимании сотен и тысяч членов партии, о которых говорят при каждой встрече. Едва ли есть необходимость доказывать, что переживаемые нами трудности вытекают не только и не столько из наших ошибок в планировании хозяйства. Верно и то, что эти трудности в значительной мере определяются революционной структурой сельского хозяйства, но несомненно то, что ухудшение нашего экономического положения заострилось благодаря новой ноте XV съезда, политической установке по отношению к деревне, установке, мало связанной с решением съезда.

XV съезд дал директиву поставить в центре внимания коллективизацию сельского хозяйства и вести "дальнейшее наступление на кулака". Весь дух доклада т. Молотова и резолюция съезда далеки от раскулачивания, от сведения на нет зажиточных хозяйств как производственных единиц. Основная мысль резолюции съезда та, что "наступление должно в дальнейшем осуществиться на основе новой экономической политики, путем увеличения налогового обложения кулака, ограничения его эксплуататорских стремлений, путем кооперирования и коллективизации бедноты и середняцких хозяйств" ("Правда" No 89 и резолюция ленинградского] актива по докладу тов. Бухарина). Во всяком случае, не возникало никаких сомнений в том, что союз со средним крестьянством составляет основу ленинской политики вообще и в деревне в особенности. Отрицание этой политики привело, по верному замечанию тт. Сталина и Молотова, оппозицию к гибели. Остановка, взятая после съезда по отношению к деревне, расходится с приведенным выше пониманием постановлений съезда. На съезде т. Молотов говорил:

"Идеология оппозиции, враждебная середняку, враждебная союзу со средним крестьянством, именно эта идеология приводит ее к предложениям о принудительном крестьянском займе. Между тем, это предложение о займе -- прямой срыв всей политики партии, всей политики нэпа, потому тот, кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, принудительного изъятия 150 -- 200 млн пудов хлеба хотя бы у 10% крестьянских хозяйств, т. е. не только у кулаков, но и у части середняцкого слоя деревни, тот, каким бы добрым желанием не было это предложение проникнуто, тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян (Сталин: правильно), тот ведет линию на разрушение советского государства".

"Кто сам допускает разъединение середняка и бедняка -- тот превращается в настоящего врага рабочих и крестьян, тот враг октябрьской революции, враг пролетарской революции вообще".

Через 10 дней после съезда автор этих энергичных слов проявил максимальную

инициативу не в направлении развитой им линии. Был проведен принудительный займ, было проведено принудительное изъятие хлеба и по отношению к середняку. Можно спорить об оценке проведенной кампании в деревне в январе-марте, но при положительной оценке следует установить, что в процессе проведения кампании сложилась новая идеология, расходящаяся со всей нашей политикой в деревне.

На заседании Уральского обкома, в присутствии 30 -- 40 товарищей, т. Молотов формулировал отношение к деревне так: "Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк". Эта фраза не была случайной. В своем отчетном докладе по поездкам на хлебозаготовки он всех несогласных с этой линией обвиняет в потворстве кулакам. Из речи тов. Кучмина на пленуме Облкрай-кома мы узнаем про характерную директиву последнего, данную в циркулярном письме:

"Мы связывали со 107 ст. свой план много меньше, чем это было указано в директиве краевого комитета партии, где говорится: "107 ст. рассчитана только на кулаков -- это неправильно и этим смазывается смысл 107 ст. -- на шкуре кулака дать показательный урок середняку". Я спрашиваю, связывает ли эта формулировка 107 ст. с заготовительным планом Сибири или нет (т. Сырцов: отчасти, да), может быть, несколько больше даже, чем другие организации связывали свой план со 107 ст. Помимо всего, эта формулировка скользкая. Если ее не развивать дальше, то она смазывает нашу разъяснительную работу, где мы говорим, делаем упор, что 107 ст. середняка не коснется (тов. Сырцов: такой упор неправильный). Показательный урок дал определенный результат -- "союзник" середняк повернулся к нам спиной. На пленуме Сибкрайкома тов. Нусинов подводит под эту идеологию "теоретическую базу". Тов. Кучмин исходит из того положения, что середняцкое хозяйство не является эксплуататорским. Совершенно верно -- в процессе производства середняк действительно не является эксплуататором. Однако при известной рыночной ситуации некоторые середняки могут проявить "эксплуататорские" черты в сфере обращения, задерживая большие массы товарного хлеба и пытаясь спекулировать на повышении цен. Это теоретически. А практически, не приносит ли вред нам такой середняк, который хочет дезорганизовать рынок и повысить цены? Конечно, приносит вред, так как срывает хлебозаготовительную кампанию. И смысл применения 107 ст. заключается как раз в том, чтобы ударить по кулаку и на кулацкой спине показать основному держателю хлеба -- середняку, что срывать свои

хозяйственные планы, сопротивляться нашему регулированию пролетарское

государство и партия позволить не могут".

По Нусинову выходит, что середняк обязан жертвовать своими интересами во имя признания и одобрения всех регулирующих мероприятий Наркомторга, с восторгом принимать установленные хлебные цены. На заседании комиссии по финансированию сельского хозяйства (в начале марта) тов. Молотов говорил след[ующее]:

"Питание кредитами середняка может привести к перерастанию его в кулака".

На сессии ЦИКа тов. Кубяк²⁶³ выдвинул след[ующую] программу: перед нами сейчас стоит серьезная проблема, которую мы должны разрешить, -- это организация своих государственных зерновых больших фабрик, и к этому мы, Наркомзем, с помощью правительства приступаем и думаем, что мы несомненно с этой задачей, при общей поддержке, справимся. Без разрешения этой проблемы строительство новых советских крупных товарных зерновых хозяйств [невозможно]. Конечно, мы будем часто попадать в такое тяжелое положение, когда хлеб будет лежать в амбарах, его будут поедать мыши (как я это видел в Казахстане: скирды, съеденные мышами), и мы будем стоять перед перспективой ввоза хлеба из-за границы.

Программа строительства совхозов в интерпретации Кубяка имеет только один смысл. Безнадёжно думать, что нам удастся установить такие взаимоотношения с крестьянством, при которых мы могли бы рассчитывать на получение от него хлеба. В момент решения вопроса в начале января трудно было выбирать и решать, какие пути гарантируют безусловное получение хлеба, без которого мы имели бы еще худшие последствия. Пришлось пойти на крайние меры, признавая неизбежность в тот момент этих мер. Не следует теперь отказываться от анализа достигнутых материальных результатов. Заготовки четырех необходимых культур: пшеницы, ржи, ячменя и овса -- шли за последние три года в следующих количествах:

в миллионах пудов

1 кв. 2 кв. 3 кв.

1925-26 г. 137,9 120,2 117,7

1926-27 г. 142,9 255,6 136,0

1927-28 г. 153,2 117,6 227,6

В сравнении с 1926 -- 27 гг. заготовлено в 3-м квартале (январь-- март), по официальным данным, на 91 м[иллион] пудов больше в сравнении с предыдущим годом. Фактически последнюю цифру следует снизить на 15 -- 20 м[лн] пудов, так как записывались на приход такие заготовки, которые никогда не шли по линии основных заготовителей, которые раньше кормились за счет своих заготовок и в этом году заготовленный хлеб съели, что отразилось на реальности запасов Наркомторга. При нажиме, лишь в порядке экономических мероприятий, вполне законных, мы заготовили бы 150 -- 160 м[лн] п[удов], на 50 -- 60 м[лн] п[уд]. меньше. Зато мы не имели бы на иждивении все мелкие города и местные потребности производственных районов, которые съели не меньше этих 50 -- 60 м[лн] пудов.

От этой точки зрения веет совершенно определенным троцкизмом.

По всей партии взята новая линия по отношению к середняку. По инерции продолжают говорить о союзе с середняком, а на деле мы отбрасываем середняка от себя. Беда превратилась в добродетель, сложилась новая оценка наших взаимоотношений с крестьянством. Апрельск[ий] плен[ум] ЦК предостерегает от таких мероприятий, которые "грозят ослаблением союза рабочего класса и основных масс сред[него] крестьянства".

Слова определенные и обязывающие, но благодаря половинчатости и двойственности всей резолюции пленума по хлебозаготовкам перелома в настроении партийной периферии не наступило. Вместе с уменьшившимся количеством хлеба уменьшились и искривления (только уменьшились), которые клеймились пленумом как антипартийные, но установка, идеология осталась. Партийная периферия уделяет свое внимание и заботы только бедноте, которой выдавались во время заготовок векселя: необходимость "прочного союза с середняком" отошла на задний план. Мы не видим в деревне никаких мер, которые бы [не] вели к продлению если не враждебных, то, во всяком случае, не благоприятных по отношению к партии и власти настроений середнячества. Установка, взятая в последнее время, привела основные массы середнячества к беспросветности и бесперспективности. Всякий стимул улучшения хозяйства, увеличения жив[ого] и мертв[ого] инвентаря, продуктивного скота парализует быть зачисленным в кулаки. В деревне стоит подавленность, которая не может не отразиться на развитии хозяйства. Недаром мы наблюдаем небывалое затишье в реализации с[ельско]х[озияственных] машин. Гос-подствующие настроения в деревне, помимо их непосредственного политического значения, ведут к деградации крестьянского хозяйства и систематическим нехваткам хлеба вне деревни. Мы должны это сказать. Для выхода из создавшегося критического положения необходим крутой перелом не только в настроениях крестьянства, необходимо прежде всего дать другую политическую ориентировку своим собственным партийным рядам. Основное: дать вернуться к XIV и XV съездам. Последний уточняет постановление XIV съезда лишь в заострении внимания коллективизации. Мы слишком поторопились отойти от позиции XIV съезда. Эти позиции еще нуждались в закреплении.

Что сделать в ближайшее время:

1) Установить революционную законность. Объявление кулака вне закона привело к незаконному отношению ко всему крестьянству. Недопустимо на 11-м году сов[етской] власти, чтобы власти издавали такие постановления, которые формально являются законами, а по существу являются издевательством над законностью

(например, штраф в 100 -- 200 руб. за долгоносик, за содержание собак не на привязи).

2) Роль товарности, рост продукции с[ельского] х[озияства] должны сохранить все свое значение, которое мы им придавали во время XIV съезда и XV

конференц[ии]. Вся партийная перифе-рия должна дать себе ясный отчет, что каждый мил[лион] пуд[ов] хлеба, от какой группы он не поступал бы, укрепляет диктатуру про-летариата, индустриализацию. Каждый потерянный мил[лион]пуд[ов] хлеба ослабляет нас.

Отсюда мы должны бороться с кулаком путем снижения его на-коплений, путем увеличения налогов, путем высвобождения из-под его экономического влияния (отсюда и политического) середнякови бедноты. Мы не должны поддерживать его нашими скудными кре-дитами, но не должны "раскулачивать", доколачивать его хозяйст-ва, его производства, в течение ряда лет еще нужного нам. Отсюда: внимание и помощь в первую очередь, а не в третью, единолич-ным хозяйствам и в следующем году.

Максимальная помощь бедноте, которая идет в коллективычерез укрепление этих коллективов, втянуть в действительное (ане лже) общественное х[озьяй]ство.

Не вести расширение совхозов в ударном порядке и сверхудар-ном. Этот ударный порядок работы дорого обойдется. Наши скуд-ные средства дадут лучшие результаты при затрате их на проведе-ние пока первичных форм коллективизации и на укреплениебедняцких и середняцких хозяйств.

Восстановить, вернее, открыть хлебный рынок, что связано с изменением всей политики Наркомторга.

Повысить цены на хлеб на 15 -- 20 коп., одновременно снижаяцены на другие продукты с [ельского] х [озьяйства] в таких размерах, чтобы удержать общий с[ельско]хозяйственный индекс на нынешнем уровне. Вести линию на снижение расценок по лесозаго-товкам, извозу и т. п.

8) Усилить борьбу с самогоноварением, на которое тратится большое количество хлеба.

9) Поставить в центре внимания Наркомземов развитие поле-водства и в особенности зернового хозяйства, на что до сих пор обращалось мало внимания.

10) Дать возможность приобретать машины и единоличным хо-зяйствам, а не только коллективным (как ведется в некоторых ок-ругах Сев[ерного] Кавказа).

15 июня 1928 г.

В VII ленинском сборнике помещена работа Варги 265,

читанная Вл[адимиром] Ил[ьичем]. Приведем след[ующую] цитату из книги Варги:

"После тяжелых опытов с крестьянами в первые 2 года существования диктатуры в России тоже пришли к мысли перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продуктами продовольствия на вновь образованные крупные имения госу-дарствен-

ных и сельских коммун", -- подчеркнуто Вл[адимиром] Ил[ьичем] и написано им на поле: "Вздор".

Я отдаю себе ясный отчет в том, что проведение этих мероприятий потребует ослабления нажима на частника, на мелкую промышленность в деревне. Я об этом не говорю, ибо я хотел остановиться на центральном вопросе. Я просил бы учесть, что основные мысли, весьма схематически изложенные в письме, присуци не только мне. О них говорят сотни и тыс[ячи] товарищей, которые не были в оппозиции, но которые не причислялись до сих пор к правым, которые полностью

разделяют линию партии, но считают взятый темп осуществления гибельным.

Т. В. САПРОНОВ. ПИСЬМО ПИЛИПЕНКО²⁶⁶

Дорогой друг!

Ты прав, обстановка теперь такая, что нам необходимо было бы теперь подать заявление Конгрессу Коминтерна. Оно, конечно, должно было быть коллективным от группы "15-ти"²⁶⁷. Но не наша вина, а наша беда в том, что мы лишены физической возможности это сделать. В. М. [Смирнов]²⁶⁸, Миньков²⁶⁹ вот уже два месяца отрезаны от всего мира, лишены почтовой связи. Хоречко два месяца лежал в тифу без медпомощи и тоже отрезан. Где он теперь и что с ним, неизвестно. Емельянов²⁷⁰ в Туруханске за 1500 верст от [жел[езной] дороги и т.д. При таких условиях самый минимальный стговор невозможен. Индивидуальные выступления в таких случаях недопустимы, значит, твое предложение невыполнимо.

В связи с тенденцией наших ближайших друзей справа вступать снова на путь 16 октября²⁷¹ я пишу тебе свои соображения, познакомь, конечно, с ними товарищей.

По моим сведениям, тезисы Преображенского в рядах его единомышленников встретили дружный отпор. Они же мне сообщали, что Л. Д. [Троцкий] решительно тоже против. Когда я писал возражение Преображенскому, я был уверен, что полемизирую только с ним персонально. Но, увы! Я получил копии двух писем Л. Д., которые показывают, что информация в отношении его у меня была неправильная. Он согласен с Преображенским, что заявление Конгрессу подать надо. И говорит, что в нем "мы должны сказать правду, только правду, всю правду". "Никакой фальши, дипломатии, лжи в духе Зиновьева и т. д."

Как видишь, очень даже приятно читать: "никакая внутренняя политика не поможет без правильного курса, международной пролетарской революции". И дальше он перечисляет все ошибки ЦК с 1923 года в политике Коминтерна (Гоминьдан, Болгария, Китай и пр.). Веско, убедительно, не ново, но правильно. Он своевременно предупреждает о том, что в Индии может повториться гоминь-дановщина. Правильно.

А то, что делается внутри СССР, то "представляет собой непоследовательный, противоречивый, но все же несомненный шаг в нашу

сторону, т. е. на правильный путь". В чем заключается правильность и "непоследовательность" -- противоречивость и правда. Ни четверти правды в письме не видно. Но зато есть утверждение, что это "на данной стадии серьезный шаг влево", который мы должны поддерживать "безусловно (!) всеми силами и средствами". Заметьте, "безусловно". Даже ни слова не говорится о тюрьмах, ссылках. Ну, а о прекращении наступления на рабочий класс? Куда уж там, не до него! Какая наивность, как будто можно серьезно сделать шаг "влево" при одновременном наступлении на рабочий класс. Не выйдет!

Так как "сдвиг" налицо, то встает законный вопрос, "где искать возникновение

объективной потребности в этом повороте, кто ее сделал? Разумеется, не мы с вами". Под "мы с вами" понимаются троцкисты (почему не вся оппозиция, увидим ниже). "Мы с вами", по-моему, это слишком примитивное объяснение. Сами "мы"-то -- продукт класса и не всегда оказываемся на высоте положения. Обходя как-то бочком вокруг класса, получается, что весь вопрос в "правильном руководстве и воспитании таких кадров, которые способны опрокинуть мировую буржуазию". Вместо революционной сознательности класса, его авангарда -- партии, их боевой готовности не только опрокидывать буржуазию, но и в любой момент сбрасывать "руководство", прежде чем оно успеет изменить своему классу, выдвигается теория идеального руководства с идеальным воспитанием. Я, грешный человек, думаю, что любое архиидеальное руководство, если оно вырывается из-под контроля и ответственности класса, непременно ему изменит. По-моему, рабочий класс за вождями, за руководством всегда должен смотреть в оба. Авторитетность, фетишизм -- враги рабочего класса.

Дальше в письме идет божба единством партии и говорится: "В том наша правота против тенденции второй партии". Откуда шла такая тенденция, видно из второго письма Л. Д. к тов. Брове-ру²⁷². В нем говорится: "Разве же события с абсолютной бесспорностью не подтверждают, что мы были правы (тактика заявлений, значит, правильна. -- Т. С.) и остаемся правы не только против шатунов Зиновьева, Каменева и Антонова-Овсеенко и ему подобных Смердя-ковых²⁷³, но и против дорогих друзей "слева" из Д[емократических] Ц[ентралистов], поскольку они склонны были увертюру принимать за оперу, т. е. считать, что все основные процессы в партии и государстве завершились". Группа "15" никогда о завершении "всех процессов" не говорила. Она анализировала факты, делала правильные выводы и не боялась называть вещи своими именами. Что такое означает слово "завершилось"? Когда эбертистов²⁷⁴ вели на гильотину, тогда еще процессы Великой французской революции не завершились, но участь голов Дантона²⁷⁵ и Робеспьера была предрешена. Даже 9 термидора всех процессов не завершил, но коронацию Наполеона²⁷⁶ обеспечил, которая и завершила все процессы.

Подавлением оппозиции 1923 г., конечно, процессы не были завершены, они лишь только-только во весь рост встали, но ссылки и тюрьмы для большевиков были готовы. Нашей ссылкой процес-сы в смысле торжества черной реакции не завершились, но ожесточенное наступление кулака и мировой буржуазии, как то утверждала в своем заявлении группа "15" к XV съезду, впоследствии произошло.

"Новый курс" или "сдвиг влево" есть защита от этого наступления, но нечестными средствами, с одновременным наступлением на рабочий класс. Для марксиста ясно -- борьба одновременно направо и налево не может быть ни "левым курсом", ни "серьезным сдвигом", ни "победоносной". И. Н. Смирнов полагает, что этот "левый курс" есть "последний всплеск", вслед за которым может быть повернут курс резко направо. Многие его единомышленники расценивают положение так же. Так ли это -- я не берусь пророчить (о

последнем всплеске), но одно ясно, что пролетариат из этой схватки если и выйдет победителем, то не ожиданием, когда "хвост²⁷⁷ ударит по голове" и не "без конвульсии", а ожесточеннейшей борьбой.

Поэтому мне кажется, что камешек в огород "15" требовался не для "увертюры" и "оперы", а для трагедии типа 16 октября. Заявление XV съезду рассматривалось подписавшими его как маневр для спасения Зиновьева и Каменева от полной капитуляции. Теперь оказывается, что "мы говорим искренне и добросовестно о нашей готовности отказаться от фракционных методов". Оказывается, они были уверены, что "устряловский хвост ударит по центристской голове" и даст возможность защищать правильную линию без фракционных "конвульсий".

Почему же такая уверенность явилась на XV съезде и ее не было во время смычек "7 ноября"? Почему теперь, когда Сталин заявил, что у нас есть, которые защищают на словах кулацкие хозяйства, а на деле помещичьи -- я бы сказал, капиталистические -- можно обойтись "без конвульсий"? Но ведь мы не дети, знаем, что речь идет не об отдельных лицах, а о целых группах, фракциях и звеньях партийного, советского и профсоюзного аппаратов. Их представители есть в ЦК, а кто знает, может быть, и в Политбюро. Мне кажется, что такой хвост не похож на пушистый хвост сибирской кошки или бурой лисицы, а поувесистей. А голова-то со Смоленской, Артемовской, Донбасской язвами -- от одного прикосновения такого хвоста может развалиться.

Неужели мы выберем роль собирать осколки этой головы, но зато "без конвульсии". Если в партии есть "перебежчики" к буржуазии, защищающие кулака, помещика, значит, единой классовой партии нет. В ней представлены кулаки и капиталисты, отсюда неизбежна внутривнутрипартийная классовая борьба, неизбежны фракции и группировки. Оппозиция в ссылке, а в Москве и в других центрах организованы фракции, по рукам ходят шпаргалки, платформы левые и правые. Слепкова в Ленинграде с фракционной работой (которого хотели по партлинии выслать, но не удалось)²⁷⁸. Ярославский стал его на губкоме "бичевать", а ему в ответ голос с места: "Да ты сам в это время был на другом фракционном собрании". Ну, вот вам и "без конвульсий". И вот в этих-то условиях Л. Д. [Троцкий] предлагает подать заявление с "авансом" отказа от фракционной

работы и подчиниться всем решениям (по-видимому, в том числе, и ссылке) и "дисциплине".

В теперешних условиях отказ революционера от фракционной работы невозможен без перехода к мирному обывательскому житью. Или же тут есть вредная для рабочего класса "фальшь, дипломатия", чего Л. Д. в начале письма обещал тоже не делать. Авансов тоже обещал не давать. В момент, когда в партии появились новые группы, фракции "перебежчиков", в стране легально организуются буржуазные партии (с последними Бухарин ведет "идейную борьбу" -- см. речь

на съезде комсомола) под видом сектантов, церковников и пр. с легальными печатными органами, тираж которых переваливает за четыре миллиона -- отказаться от организации рабочего класса просто преступно. Это безотносительно к кому бы то ни было.

Сделаем Емельяну (Ярославскому) удовольствие, согласимся на минуту с ним, что оппозиция "разбита вдребезги". Наша фракционная работа прекратилась, но появились на сцену Слепков, "перебежчики" и пр., создали фракции "устряловцев". Если при этом для отпора центристы не создадут своей фракции, с целью защиты интересов рабочего класса, значит, они тогда окончательно предадут пролетариат. Если же они организуют отпор, то мы им предложим честный союз на базе защиты пролетарской революции. Итог борьбы в конечном итоге будет решен не верхушечными комбинациями, а соотношением классовых сил в стране и в капиталистических странах. На экономической классовой оценке "левого курса" Л. Д. Т[роц-кий] не останавливается, а в основном согласен с Преображенским, следовательно, моя критика Евг[ения] Алекс[еевича] Преображенского перестает быть персональной критикой. Ты спросишь, чего бы я хотел от наших друзей, отвечаю: чтобы они написали "правду, всю правду" без идейных тактических конвульсий.

До свидания, жму руку, очень хочу знать твое мнение на сей счет. Телеграфируй получение. Твой Тимофей. Адрес: Шенкурск -- мне.

18 июня 1928 г.

И. Я. ВРАЧЕВ. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Вологда, 19 июня 1928 г. (отправлено будет 20-го)

Дорогой и глубокоуважаемый Лев Давыдович! Вновь подтверждаю получение Вашего письма от 3 июня. Почта определенно прогрессирует: письмо дошло до меня на 13-й день. Зачем только Вы так обильно смазываете клеєм конверты? Жалею, что не дошли до Вас два первых письма. Еще до Вашего совета я подал соответствующее заявление на почту как об этих, так и о других моих пропавших письмах.

Я несколько нарушил данное в открытке (от 16 июня) обещание и отправлю письмо не на другой день, как собирался, а только на третий, но зато мне на этот раз удалось исправить свой очень скверный почерк.

С развитыми в Вашем письме взглядами на положение вещей я целиком согласен, как и тов. Беляев. А тов. Штыкгольд согласен со всем, кроме части, посвященной германским делам; он вносит в эту часть кое-какие поправки (относительно раскола Ленинбун-да), а впрочем, он сам Вам написал об этом.

Вы своим письмом очень помогли разобраться в немецких делах. Теперь мне еще более ясно, что та неправильная политики, против которой мы боролись, ослабляет революционную сплоченность рабочего класса, дезорганизует его авангард и порождает враждебное коммунизму (в ленинском его понимании) движение (действительная ультралевизна, анархо-синдикалистские тенденции).

Ежели в такой стране, как Германия, где мы -- мировая компартия -- наиболее сильны, уже имеются такие результаты, то что же можно получить при

продолжении прежних ошибок руководства и сползания к оппортунизму в других странах, и в том числе и в первую очередь, в нашей собственной стране? Вы ведь не раз и совершенно правильно подчеркивали, что при искусственной изоляции нас -- оппозиции -- от активного участия в политической жизни, недовольство рабочего класса нашей страны может пойти по антисоветским каналам (меньшевизм, анархизм). К сожалению, такая опасность не учитывается теми, кто теперь провозглашает "левый курс". На этом можно было бы в данном письме и не останавливаться, поскольку я уже уведомил Вас, что солидарен с Вашим письмом от 9 мая²⁷⁹, а Вы ведь в этом письме уделили вопросу о так называемом левом курсе достаточное внимание. Мне только хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что левый курс -- действительный, подлинный, проводимый не ради дани очередному зигзагу (на этот раз влево) и не под влиянием и не в порядке конъюнктурных явлений, а "всерьез и надолго" -- не может реально проводиться без возвращения в партию оппозиции, без открытого, прямого, большевистски честного -- по-ленински -- осуждения прежних (и нынешних) ошибок руководства, без серьезнейшей дезинфекции партии от разлагающих ее организм бацилл и микробов аппаратного режима последних лет и без введения в партию подлинных начал рабочей демократии. Поэтому мне представляются весьма своевременными взгляды по данному вопросу, развитые Христианом Георгиевичем [Раковским], -- взгляды, о которых Вы сообщаете в своем письме. (Я очень жалею, что не имею возможности ознакомиться с интересным письмом тов. Ра-ковского²⁸⁰.)

Поэтому же мне показалось в высшей степени странной та "скромность" Евгения Алексеевича [Преображенского], которую он проявил в своем известном (майском) письме, когда предлагал обратиться в ЦК с заявлением и ничего не говорить в нем о репрессиях против оппозиции и не просить восстановления нас в правах членов партии.

Мне в переписке с тов. Сосновским пришлось не раз касаться этой же темы. Лев Семенович в свойственной ему острой и сатирической форме писал мне недавно: "Вы пишете, что Вам не очень нравится лозунг самокритики и Вы бы вместо него выдвинули кое-какие дру-

гие. А еще нашего друга укоряете²⁸¹. По мне, так никакие лозунги теперь не имеют цены и смысла, даже сочиненные Вами.

Ответь мне, дорогой друг,-- продолжает тов. Сосновский,-- помните ли Вы некую резолюцию от 5 декабря 1923 года?

"Вы были молоды тогда"²⁸²... как поет няня в Онегине. Имеете ли

Вы что-нибудь прибавить к упомянутой резолюции? Добавлений нет? "Принято".

Да ведь она и не отменена? Почему же Вы тогда в Вологде, дорогой друг? Ну, а если бы Вы прочли завтра в "Правде" не километровую стенограмму²⁸³, а воспроизведение той самой декабрьской резолюции, стало бы Вам от этого теплее? Мне -- нет. Теперь понимаешь, почему назавтра после принятия этой единогласной резолюции один из голосовавших за нее с

какой-то оторопью поспешил разослать вдогонку документ с предостережением, что бумага-де все терпит. И стерпела, как видите. А Вы размышляете, какие бы лозунги лучше пустить. Никаких. У вещей есть своя логика".

Я целиком стою на почве "логики вещей" нашего друга Соснов-ского. Поэтому, например, во время беседы с секретарем губкома (вскоре после приезда) я заявил: "Знаете, что? Если бы я даже пришел к тому выводу, что оппозиция во всех основных вопросах была не права, что она оказалась битой идейно, то и тогда бы до тех пор, пока десятки старых кадровых большевиков, ближайших помощников Ленина в деле руководства партией и государством пролетарской диктатуры, и сотни (а теперь надо было бы сказать -- тысячи) коммунистов-пролетариев подвергаются позорнейшим репрессиям и находятся в ссылке,-- я не подал бы заявления о восстановлении меня в правах члена партии".

В дальнейшем, когда меня пытались здесь "прощупать" и намекали, что, мол, подай заявленице, если не с отказом от взглядов, то хотя бы с осуждением фракционной работы, и мы тебя восстановим, я заявлял то же самое, что и секретарю Г[уб]к[ома].

Ваше указание на "решающее значение для всей нашей международной ориентировки" китайского вопроса -- вопроса об уроках китайской революции -- я считаю совершенно правильным. А между тем по этому вопросу в среде наших друзей мнения различны. Вслед за Карлом Бернгардовичем [Радеком] некоторые товарищи стали заявлять, что "и по китайскому вопросу произведен сдвиг в нашу сторону". Прежде всего, как Вы верно указываете, в китайском вопросе и сдвига-то нет, а затем, если бы даже была намечена на будущее время правильная линия, то без признания и осуждения прежних ошибок проведение этой правильной линии страшно затруднялось бы и, боюсь, было бы даже невозможным. Ведь недаром Ильич придавал такое исключительное значение вопросу об уроках ошибок вообще, а тем более ошибок в вопросах руководства революцией в отдельных странах. Если бы каждый из товарищей, спешащих солидаризироваться с последней резолюцией ИККИ по китайскому вопросу, спросил себя: "А что бы сказал Ильич об уроках второй китайской революции?", то он сразу же обнаружил бы ложность своей позиции...

Совсем забыл. До Вас-то ведь письмо Радека, в котором он признает правильность резолюции ИККИ по китайскому вопросу, не дошло. Вы высказывали предположение о недоразумении. К сожалению, сообщивший Вам об этом факте тов. Абрамский прав. В своем письме (я своевременно получил его и написал в ответ критическое письмо, которое, несмотря на то, что было отправлено заказным, пропало) Карл Бернгардович, говоря о решениях пленума ИККИ, пишет: "Китайская линия правильная (подчеркнуто мною), правильна в ней оценка, что демократический этап не изжит (?), правилен курс на подготовку восстания путем массовой работы в противовес вспышкопускательству"...

Письмо это вообще замечательно. Приходится пожалеть, что до Вас письмо не дошло до сих пор. Вчера тов. Штыкгольд отправил Вам это письмо.

Касаясь лично тов. Радека, должен добавить, что 1) по сообщению, полученному

мною из нескольких источников и в том числе от Розы Маврикиевны [Радек], при встрече с тов. Смилгой Карл Бернгардович нашел с ним общий язык, и 2) в недавнем письме к тов. Каспаровой Радек сообщил, что согласен с Вашим письмом от 9 мая. Как видите, Карл Бернгардович стал большим импрессионистом.

Следите ли Вы за начавшейся дискуссией вокруг вопросов программы Коминтерна? Прочитавши статью Варги в "Правде" от 14 июня, в которой он выдвигает в противовес проекту программы положение о том, что "во всех новых случаях пролетарской диктатуры, возникающих изолированно от СССР, военный коммунизм будет правилом, а нэп -- исключением", я невольно подумал: "А какой шум был бы поднят, если бы с таким заявлением выступил Лев Давыдович".

Интересно, как Вы относитесь к выдвигаемому Варгой теоретическому положению? Также интересно было бы узнать Ваше мнение об опубликованном проекте программы К[ом]и[нтерна].

Как вообще оцениваете Вы конгрессный период? Между прочим, некоторые товарищи (например, тов. Фрейденберг, приславший мне на днях письмо из Сибири) и по этому поводу питают себя иллюзиями. Упомянутый товарищ о конгрессе пишет так, будто конгресс может чуть ли не осудить руководство ВКП и Коминтерна и немедленно вернуть всех нас в партию...

Пора, однако, подумать и об окончании нашей беседы, это необходимо еще и потому, что при всей моей неопытности мне трудно писать на время исправленным почерком.

О себе лично сказать почти нечего. Помните, Щедрин писал когда-то:

"Положение мое, как русского фрондера, имеет ту выгоду, что оно оставляет мне много досужего времени. Никто от меня ничего не ждет, никто на меня не возлагает ни надежд, ни упований. Я не со-

стою членом ни единого благотворительно-просветительного общества, ни одной издающей сто один том трудов комиссии. Я не обязан распространять ни грамотность, ни многограмотность, ни даже безграмотность, ни полезных сведений, ни бесполезных. Никто не требует от меня ни проектов, ни рефератов, ни даже присутствия при праздновании годовщин, пятилетий, десятилетий и т. д. Я просто скромный обыватель, пользующийся своим свободным временем, чтобы посещать знакомых и беседовать с ними, и совершенно довольный тем, что начальство не видит в этом занятии ничего предосудительного" (Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи. К Читателю).

Это в известной степени применимо и ко мне. Нужно только прежде всего сделать поправку на письма, которые я получаю и пишу во все большем и большем количестве.

Служебная работа моя носит все тот [же] скучный и неприятный канцелярский характер. Изредка на этом темном фоне бывают проблески. Так, в мае мне пришлось выступать на одном ответственном кооперативном собрании с докладом на тему "Кооперирование и обслуживание бедноты". Тезисы доклада никаких

возражений со стороны собрания не встретили и были приняты в качестве резолюции собрания. Но это на собрании и после того, как вводную часть заменили выпиской из резолюции XV партсъезда по докладу Молотова, а до собрания я был обвинен в том, что еще (!) не отрешился от взглядов оппозиции и пытаюсь (!) использовать свое служебное положение (!) для пропаганды взглядов оппозиции. По этому поводу произошла даже с моим начальством довольно резкая (разумеется, не по моей инициативе) "дискуссия". В результате этой "дискуссии"-ругни произошло вот это.

Редакция пункта первого тезисов

В моем проекте:

"1. Растущая классовая дифференциация деревни на фоне общего развития производительных сил сельского хозяйства и поставленные коммунистической партией и советской властью задачи всемерной помощи бедноте, укрепления союза бедноты с середняками и организованной борьбы с кулачеством налагают на молочную кооперацию, обслуживающую относительно более зажиточные и крепкие крестьянские хозяйства, серьезные социально-политические обязанности. Работа с беднотой -- ее кооперирование, оказание производственной помощи -- должна быть в центре всей нашей деятельности".

В редакции моего начальства:

"1. Достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяют партии пролетариата, пользуясь всей мощью хозяйственных органов и по-прежнему опираясь на бедняцко-средняцкие массы крестьянства, развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму.

Исходя из этой установки, данной XV партсъездом, вопрос о работе с беднотой, поднятии ее активности, поголовной кооперированности и оказании производственной помощи должен быть в центре всей нашей деятельности".

А на днях мне пришлось писать тезисы к Международному дню кооперации²⁸⁴ по заданию... Агитпропотдела губкома. Задание было дано через третьих лиц (не скрывших, что задание это исходит от АПО), а в дальнейшем мне пришлось уже иметь дело непосредственно с Агитпропотделом. Между прочим, произошел спор о формулировке одного из абзацев тезисов. У меня было написано:

"XV съезд ВКП, провозгласив лозунг форсированного наступления на капиталистические элементы, возложил на кооперацию -- и в первую очередь кооперацию сельскохозяйственную -- огромной важности задачу".

XV съезд не провозглашал лозунга форсированного наступления на кулачество, -- заявили мне, -- такого места в резолюциях съезда нет.

Так я и не привожу свой текст как цитату из резолюции съезда. Разве текст этот не отвечает духу резолюции съезда по работам в деревне? Почему вы против этих слов Бухарина? -- возражаю я.

Потому что так говорил Бухарин, а не партсъезд, -- отвечали мне.

Напрасно вас смущает этот текст,-- продолжаю я,-- ведь у Сталина в последнее время были формулировки и порезче.

Мне отвечали:

-- Формулировки Сталина для нас не закон. Губком может выпускать от своего имени документы только в таких формулировках, которые отвечают решениям съездов и ЦК...

Живу я здесь, как уже сообщал, кажется, раньше, один, семья в Москве. Погода у нас очень плохая, совсем нет теплых дней. Тем не менее я завтра переезжаю на дачу. Сообщаться придется по образу пешего хождения. Но это меня не смущает, тем более, что и расстояние небольшое -- три с половиной -- четыре версты.

Восхищен Вашими головокружительными успехами по части рыбной ловли. Где же это пудами ловится рыба, в каких местах?

А были ли Вы на озере Иссык-Куль? Я очень рекомендую Вам посетить это чудное озеро, причем я стоял бы за такой маршрут, посредством которого можно сразу убить двух, даже трех зайцев.

Я имею в виду экспедицию на Иссык-Куль горными тропами через Кескеленский перевал и перевал Дюре (см. карту 10-верстного масштаба).

Такая экспедиция дает возможность:

испытать большое удовольствие от поездки горными тропами по красивейшим местам;

поохотиться на диких коз;

поохотиться на кабанов;

подняться на две снежных вершины;

полюбоваться чарующим видом с перевала Дюре на Иссык-Куль.

Как видите, зайцев уже не три, а пять.

Для осуществления экспедиции требуется:

сговориться с туземными казахскими охотниками;

отправляться обязательно на казахских лошадях (а не "европейских");

запастись теплой одеждой;

запастись продовольствием.

Разумеется, речь идет не о таких запасах, какие имел Нобиле²⁸⁵, а несравненно более скромных, потому что четырех дней для экспедиции будет вполне достаточно.

Маршрут экспедиции следующий (карты этого района у меня под руками нет, и я буду указывать маршрут, полагаясь на свою память): в горы нужно свернуть у первого (от Алма-Аты) селения по шоссе Алма-Ата -- Ташкент и идти вдоль русла р. Алма-Атинки. Если выступить из города вскоре, как только спадет жара, то еще засветло можно перевалить за первые предгория и расположиться на первую ночевку в хорошем хвойном лесу. (Между прочим, спать летом в лесах Семиречья одно удовольствие, а так как с Вами будут теплые вещи, то никакой

опасности в смысле простуды такая ночевка не представляет. Поскольку Вы даже в марте предпочитали спать под открытым небом, нежели в кибитке или даже в помещении "Мясoproдукта", я уверен, что эта сторона экспедиции смущать Вас нисколько не будет.)

Дальнейшее продвижение и ночевка будут зависеть от охоты. Если охоту рассматривать как не основную цель экспедиции, то можно ограничиться двумя ночевками в лесу. После перевала Дюре можно спуститься на шоссе Фрунзе -- Каракол и возвратиться в Алма-Ату автомобилем. При желании можно было бы устроить и так, чтобы ко дню Вашего спуска к озеру Наталия Ивановна была бы уже там. Тогда следовало бы еще до возвращения в Алма-Ату прокатиться по озеру (теперь там, кажется, есть моторные суда и во всяком случае лодка моторная найдется всегда).

Итак, да здравствует экспедиция имени тов. Врачева?

Примите наилучшие пожелания, горячий привет Наталии Ивановне, Леве, Анне Самойловне [Седовой]... ой, сколько вас там -- всем.

Ваш, Вам преданный И. Врачев.

Большой, горячий привет Вам от тов. Беляева. Тов. Штыкгольд написал Вам отдельно и отправил свои письма 15 июня и 17 июня (заказным).

О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ (посвящается рабочим-большевикам, арестованным в ночь на 19 июня)

I

"Отрицательные явления последних месяцев как в жизни рабочего класса в целом, так и внутри партии, делают обязательным тот вывод, что интересы партии требуют серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии"...

Знакомые слова,-- скажет по поводу этой цитаты каждый член партии. Ведь это, как будто, выдержки из обращения ЦК ВКП(б) "Ко всем членам партии, ко всем рабочим", опубликованного в "Правде" от 3 июня 1928 г.

Между тем, эти выдержки взяты из Постановления Политбюро от 5 декабря 1923 г., т. е. из постановления, принятого почти 5 лет тому назад.

Нынешнее партийное руководство после пяти лет зажима и репрессий теперь слово в слово повторяет старое постановление, принятое в разгар дискуссии 1923 года под напором оппозиции. Обращение "Ко всем членам партии" -- это только бледное изложение урезанной и скомканной резолюции Политбюро от 5 декабря 1923 г.

II

На Краснопресненском партийном активе в декабре 1923 г. (см. "Правда" от 9 декабря 1923 г.) Сталин заявил, что теперь спорить не о чем, надо, "засучив рукава", приняться за проведение внутрипартийной демократии. Теперь Сталин сам подвел итоги этого почти пятилетнего "построения демократии". "Уничтожили демократию -- насадили бюрократизм",-- вот что сообщил он

делегатам VIII комсомольского съезда²⁸⁶.

Да и без пояснений Сталина каждый член партии знает, какова была обстановка внутри партии, каков был тот неслыханный зажим, при котором разлагались целые слои партийного и советского аппарата, а рабоче-крестьянские массы воспитывались в духе пассивной покорности. "Правда" пытается смазать, замолчать, преуменьшить процессы гниения. Последние дни ряд новых "гнойников", о которых кричит провинциальная печать, либо вовсе не попадают на страницы "Правды", либо упоминаются как-то мельком.

Кое-где печать пытается даже представить вскрытие этих гнояников как своего рода заслугу нынешнего руководства. Трудно придумать что-либо более нелепое. Ведь все эти "дела" создавались именно в течение последних лет, когда Сталин, "засучив рукава", насаждал демократию. Только благодаря сталинскому режиму, только благодаря тому, что резолюция Политбюро, принятая 5 декабря 1923 г., была положена под сукно 6-го числа того [же] месяца и пролежала под сукном четыре с половиной года -- только благодаря всему этому и стало возможным загнивание и перерождение значительной части партии. Сейчас разложение зашло настолько далеко, что оно выпирает из всех пор советского и партийного аппарата, и не заметить его нельзя. Смешно и политически наивно видеть заслугу ЦК в том, что и он наконец заметил эти процессы. При этом

заметил позже всех, на своевременные предупреждения оппозиции внимания не обратил, правильно оценить и объяснить того, что случилось, не сумел.

III

Мы уже писали о Смоленском деле. Остановимся еще на Шахтинском, которое до сих пор не сходит со страниц "Правды". Этому делу ежедневно посвящается целая страница "Правды", заполненная показаниями всяких Колодубов, письмами Двор-жанчиков²⁸⁷, недоразумениями между обвиняемыми и их защитниками и пр., и пр. Значительно меньше места "Правда" уделяет объяснению этого дела, и здесь она явно не договаривает. По "Правде" единственными виновниками этой разрушительной работы являются эмигрировавшие за границу хозяйчики и преданные этим хозяевам буржуазные спецы. Изредка и очень осторожно (дипломатическое давление немецкой буржуазии чувствуется не только в советской, но и в партийной прессе) упоминается о роли кое-каких немецких фирм. И только.

Между тем гвоздь Шахтинского дела совсем не в этом. Вряд ли во всем СССР найдется такой отсталый рабочий, который не понимал бы, что бывшие капиталисты -- наши враги, что они будут создавать нам всякие затруднения и что часть буржуазных спецов будет им в этом помогать. Все это было ясно и без Шахтинского дела. Зато Шахтинское дело ставит перед рабочим классом СССР другой вопрос -- партийный.

Какие порядки в организациях рабочего класса, какой режим сделал возможным пятилетнее безмятежное существование и деятельность буржуазной контрреволюционной организации в "промышленности" последовательно

социалистического типа". Несет ли кто-нибудь из коммунистов, хозяйственных, профессиональных и партийных руководителей ответственность за то хозяйственное вредительство и издевательство над рабочими, которые проделывались донецкими саботажниками.

Если бы ЦК хоть немного заинтересовался этим вопросом и если бы "Правда" хоть четверть того места, которое уделяется всяким Колодубам, посвятила бы сообщениям о том, каков был внутривнутрипартийный режим в Донбассе, то перед глазами всей партии встала бы картина таких деяний "внутренних" врагов (т. е. внутриклассовых и внутривнутрипартийных), по сравнению с которыми даже дела саботажников, сидящих ныне на скамье подсудимых, показались бы мелким вредительством. В течение ряда лет Моисеенки, Радченки и иже с ними применяли снятие с работы, исключение из партии за малейшую критику. Они первые применили высылку из Донбасса и снятие с работы оппозиционеров и просто рядовых партийцев за критику местных органов. Донбассовские руководители это делали в полном соответствии с линией ЦК, который снимал с работы, исключал из партии, ссылал и ссылает до сих пор всякого критикующего его деятельность. Вот почему главным виновников вскрывшихся шахтинских безобразий мы считаем господствовавший в партии режим. Вот почему прав был тов. Троцкий, когда говорил о том, что главной опасностью является внутривнутрипартийный режим, потому что под прикрытием этого режима работают и крепнут враги рабочего класса.

IV

Факты, ежедневно разоблачающие ошибки ЦК, вскрывающие гниль и разложение партийного аппарата, рост контрреволюционных сил и пр., кричат о себе со всех концов СССР. Мимо этих фактов не смогло пройти даже нынешнее близорукое, оппортунистическое руководство. Появились статьи и речи о самокритике, затем был поднят вопрос и о внутривнутрипартийной рабочей демократии. Этому вопросу посвящено специальное обращение ЦК "Ко всем членам партии, ко всем рабочим", опубликованное 3 июня. В этом обращении, свалившемся партии как снег на голову, говорится и о "злейшем бюрократизме государственного аппарата" и о его "поржавевших и сгнивших частях" и том, что "с таким аппаратом невозможно вести успешную борьбу против сопротивления внутреннего врага".

Аппаратчики признали наконец (на словах -- по крайней мере) ту истину, что их современный аппарат является злейшим врагом на пути к успешному строительству, препятствует успешной борьбе рабочего класса, подрывая пролетарскую диктатуру.

Далее обращение ЦК предлагает меры, которые должны "очистить партийный, советский и кооперативный аппарат".

Это оздоровление должна дать "последовательно проведенная внутривнутрипартийная и профсоюзная демократия -- подлинная выборность... свобода внутривнутрипартийной критики и пр."

Нельзя сказать, чтобы эти меры были очень новы. Мы уже говорили, что все они содержатся в резолюции Политбюро от 5 декабря 1923 г.

Это те меры, о которых уже пять лет твердит оппозиция, которые изложены в ее платформе, за требование которых она исключена из партии, подвергалась и подвергается жестоким гонениям, арестам, тюрьмам и ссылкам.

Можно ли после этого удивляться тому, что партия не особенно склонна доверять призывам к демократии и, в лучшем случае, ограничивается критикой мелких недочетов, критикой "не выше секретаря ячейки". Правда, и такая критика представляет собою шаг вперед, но она совершенно недостаточна для действительного оздоровления партии и страны.

Для того чтобы сломить лед недоверия, нужно, чтобы поступки ЦК соответствовали его словам и чтобы призывы к критике не сопровождались арестами и ссылками критикующих.

V

Однако и урезанная словесная "демократия" многим не дает покоя. Злостные аппаратчики (не знаем, составляют ли они большин-

ство или меньшинство в аппарате) пытаются срочно "разъяснить", "истолковать" и "урегулировать" эту демократию.

Замечательна в этом отношении передовая No 10 "Большевика"²⁸⁸, вышедшего одновременно с обращением ЦК. В этой передовой редакция озабочена не тем, как поднять активность масс, вызвать самокритику и пр. Редакция "Большевика" считает, что необходимо "прежде всего установить, какая самокритика нам не нужна и вредна".

Итак -- самокритики еще нет, массы в значительной части пассивны (об этом говорит обращение ЦК), а редакция "Большевика" уже стремится ограничить, сжать, урезать еще не развернувшуюся самокритику.

В той же передовой объясняется, какая самокритика считается вредной. Днепропетровский рабкор тов. Блесков -- будем говорить словами "Большевика" -- "указал на ряд недостатков и конкретных упущений, а затем обобщил эти недостатки, пришел фактически к выводу, что между партией и рабочими массами существует разрыв, производственные совещания умирают, кругом господствует зажим и пр."

Вот эти-то обобщения "Большевик" считает небольшевистскими, непролетарскими и пр.

Теперь можно не сомневаться в том, что многие смоленские, шахтинские и пр. рабкоры писали в "Правду" и в "Большевик" и об отрыве партии от масс, и о зажиме и пр. Но, по всей вероятности, эти письма, как содержащие "небольшевистские обобщения", просто бросались в корзину.

VI

Е. Ярославский ополчился на самокритику с другого конца. В "Правде" он предупредительно сообщает о том, какая судьба ожидает непокорных обобщающих критиков²⁸⁹.

Статья Ярославского написана в связи с заявлением группы бывших оппозиционеров (Сафаров и др.), которые признают правильной нынешнюю линию

ЦК, но не хотят прямо признать ошибочными платформу оппозиции и ее прежние выступления.

Этим полуоппозиционерам и четвертьоппозиционерам Ярославский объяснет, что для возвращения в партию необходимо не только признание правильности нынешней линии ЦК, но и осуждение прежней критики ошибок руководства, признание правильности линии ЦК за все последние годы, признание ошибочными всех утверждений оппозиции, очевидно и тех, в правильности которых за последние месяцы убедилась вся партия.

Итак, в эпоху самокритики возврат в партию возможен только в случае отказа от критики, даже от критики старых ошибок.

Если ЦК всерьез принимает то, что написано в его обращении о необходимости "обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как уклон", то единственным выводом отсюда является, наоборот, немедленное возвращение в партию, без требования всяких отказов и покаяний, всей ленинской оппозиции, которой "пришили", и довольно неудачно, мнимый "социал-демократический уклон" за ее правильную и последовательную критику.

Иначе призыв к демократии будет дискредитирован в самом начале, демократия останется такой же бумажной, как она была в 1923 - 1928 гг.

Порукой этому все Ярославские нашей партии.

VII

Уроки последних месяцев достаточно серьезны. Не только партийная масса, но и часть партийного аппарата могла многому научиться.

Насаждать демократию сверху и по приказу нельзя. Для того, чтобы создать здоровую внутрипартийную жизнь, мало одного обращения ЦК. Необходимо провести ряд мероприятий в развитие этого обращения.

Прежде всего, нельзя проводить демократию руками того аппарата, который зажимал партию, давил и истреблял всякое проявление демократизма. Нужно основательно встряхнуть аппарат, выбросить из него не только пьяниц и взяточников (до сих пор огонь критики направляется только в их сторону), но и всех чиновников, оппортунистов и пр. и отобрать подлинно большевистские элементы этого аппарата.

Далее необходимо восстановить в партии ленинскую оппозицию, которая исключена именно за деловую критику и требование внутрипартийной демократии, необходимо немедленно прекратить всякие репрессии, ссылки, аресты и пр.

Необходимо, как указывалось в платформе большевиков-ленинцев, отменить как все ухудшения устава, проведенные между XIV и XV съездами (пп. 25, 33, 37, 42, 50 и т. д.), так и дальнейшие ухудшения, внесенные на XV партсъезде (созыв партсъезда раз в два года вместо ежегодного, уничтожение обязательной предсъездовской дискуссии, установленной X съездом и пр.)²⁹⁰.

Если ЦК серьезно намерен вступить на путь внутрипартийной демократии, то указанные мероприятия должны быть немедленно проведены в жизнь. Без них обращение ЦК останется обманом, политиканским маневром, ничего не стоящей бумажкой, дискредитирующей партию.

Условия для действительной внутрипартийной демократии должны быть во что бы то ни стало созданы. Каждый член партии должен требовать их скорейшего осуществления. Время не терпит. Процессы разложения зашли довольно далеко. Саботаж бюрократов и чиновников партаппарата должен быть сломлен. Сопrotивление ЦК необходимо преодолеть всеми мерами вплоть до созыва чрезвычайного съезда партии.

Оздоровление партии, а значит и спасение первой социалистической революции, зависит сейчас от активности рядовых партийцев.

Ленинская оппозиция призывает всех коммунистов, опираясь на обращение ЦК, начать борьбу за подлинную внутрипартийную демократию, за ленинизм.
20 июня 1928 г.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ No 2 (Харьковская группа троцкистов) СОДЕРЖАНИЕ

Левый курс в рабочем вопросе.

Хлебозаготовительный кризис и мелкобуржуазная политика партии.

Сталинская самокритика и ленинская внутрипартийная и рабочая демократия.

О правовом положении рабочих.

Промфинплан на 1927/28год. 6.Письмо Сапронова.

Рабочая жизнь

7. Почему.

8. Паровозные мастерские.

9. Красная Нить.

10. Кроватный завод.

11. Кутузовка.

12. Канатка.Отговсюду

13. По вузам.

14. На Полтавщине.

15. Опровержение.

16. Протест из ссылки.

17. Отчет Красного Креста. "Левый курс" в рабочем вопросе

Начавшийся после XV съезда новый курс должен был, казалось бы, захватить и рабочий вопрос. Если бы мы имели действительно выправление классово-линейной линии, это бы отразилось в первую очередь улучшением материального положения рабочего и ростом его политического удельного веса. В действительности же параллельно с нажимом на крестьянство идет такой же нажим на рабочую силу, приводящий к падению фонда зарплаты, т. е. к уменьшению доли рабочего в

общественном продукте, в увеличении нормы эксплуатации. В последний операционный год рост производительности труда перегнал рост зарплаты сильнее даже, чем это намечалось хозяйственным планом. В то время как выработка с 1926/27 г. по 1927/28 г. выросла в среднем по всей промышленности на 17,6%, рост зарплаты выражается, согласно данным официальных экономистов, в 7,2%. По отдельным же отраслям промышленности имеется соотношение еще менее благоприятное для рабочих. Так, например, в химической промышленности продукция на одного рабочего выросла на 26%, а зарплата лишь на 4,7%, в бумажной промышленности продукция выросла на 23,4%, зарплата на 5%. В фарфоро-фаянсовом производстве выработка выросла на 13%, а зарплата на 1%! И по поводу таких соотношений К. Розенталь пишет в органе ЦК ВКП "Большевик" с нескрываемым торжеством: "Улучшения в деле использования рабочей силы несомненны. Доля зарплаты в единице продукции уменьшается". (Издержки на рабсилу на единицу продукта составляли в прошлом году 23,3 коп., а в нынешнем 24,3.)

Эту радость коммуниста по поводу уменьшения доли рабочего в товарной единице можно было бы еще понять, если бы "лучшее использование рабочей силы" вызывалось исключительно прогрессом техники. И в этом случае компартия и профсоюзы должны были бы стараться, чтобы и рабочий выиграл от усовершенствования производства. Но известно, насколько еще незначительна роль рационализации и техники в росте нашей продукции. Тут всю заслугу по уплотнению рабочего дня следует отнести за счет более интенсивной траты трудовой энергии. Ставят ставку на физическое истощение рабочего и называют это левым курсом, курсом на укрепление пролетарской диктатуры! С полным удовлетворением тот же популяризатор экономической политики ЦК констатирует: "По отдельным отраслям промышленности при общем росте продукции количество рабочих уменьшается"! Неужели и количественное ослабление рабочего класса и рост безработицы можесчитаться положительным явлением с точки зрения наших своеобразных строителей социализма? Такой подход к развитию промышленности ничем не отличается от капиталистического подхода, который базируется на стремлении к максимальной эксплуатации раб[очей] силы с целью извлечения наибольшей прибавочной ценности. Капиталистический уклон вождей компартии проявился особенно отчетливо в докладе и прениях по промфинплану на последнем пленуме ЦК КП(б)У. Докладчик Сухомлин упрекал хозяйственников, которые не пересмотрели в колдоговорах норм выработки, говоря, что они идут по линии наименьшего сопротивления. Он указывал, что эффект от пересмотра норм не только в снижении расценок, но и в создании стимула к повышению производительности труда. Ту же мысль со свойственным ему простецким прямотушием высказал и Г.И. Петровский: "Наши нормы должны повлиять на улучшение необходимых приспособлений в производстве и на развитие изобретательности". И напомнил доброе старое время, "когда капиталист стегал рабочего рублем", а рабочий изобретал, чтобы преодолеть голодные расценки. В заключение он предложил периодическим снижением расценок побуждать рабочего к увеличениюинтенсивноститруда. Кнутom голода наметил гнать носителя

диктатуры -- российский пролетариат -- к развитию производительности труда в "социалистич

рабочего к увеличению производительности труда. Кнутом голода наметил гнать носителя диктатуры - российский пролетариат - к развитию производительности труда в "социалистической промышленности". Мы знаем, что новые колдоговоры усиленно проводят в жизнь эти директивы вождей и радетелей рабочего класса. Недаром докладчик от фабкома начинает свое сообщение о колдоговоре словами:

"Я не пришел сказать вам ничего хорошего, я пришел сказать о коллективном договоре". (Это искреннее признание с возмущением цитировали на пленуме ЦК КП(б)У[Украины].) В результате пересмотра норм выработки зарплата всюду снижена -- стимул для повышения производительности труда со стороны рабочих дан достаточно энергичный. В среднем на Украине, по словам секретаря ВУСПС Кузьменко, зарплата за первое только полугодие упала на 6%, а реальная плата еще больше понизилась, так как индекс с 1 октября 1927 года по 1 января 1928 года повысился с 200 до 217,3. И в то время, как все члены ЦК единодушно беспокоятся о том, как бы повысить нормы выработки, представитель профорганов выражает по должности беспокойство о том, сможем ли мы обеспечить плановые предположения по повышению зарплат. В настоящее время вследствие исключительного подъема в последний месяц цен на сельхозпродукты индекс вырос еще больше. На пересмотре расценок промышленность может произвести большую экономию. Куда пойдут эти суммы, снятые с зарплат? Частично на повышение заработка низших категорий, в гораздо большей мере -- на снижение себестоимости. Итак, боевая задача, поставленная перед хозяйственниками партруководством, осуществляется довольно легким и простым способом. Все могут быть довольны... кроме рабочих. "Снижение себестоимости повышает реальную зарплату",-- говорят экономисты. Но чтобы снизить себестоимость, они предварительно понижают и номинальную зарплату. Не Тришкин ли это кафтан получается -- конечно для рабочего, кое-кто иной может на этом переливании из "пустого в порожнее" заработать если не денежный, то во всяком случае политический капитал? Последний раз ударив рабочего по зарплатке, ничем не возместили этого удара хотя бы путем улучшения условий труда и быта. Статистические данные за последние годы показывают сильный "неуклонный рост количества несчастных случаев", пишет "Вестник труда" (№ 3 -- 4 за 1928 год). "Уровень травматизма в нашей промышленности очень высок". В среднем на тысячу рабочих приходится 172 несчастных случая, причем на тяжелую индустрию выпадает особенно много увечий (в горной промышленности 296 на 1000 рабочих, в металлургической -- 240). Уплотнение рабочего дня,

проводимое в связи с введением семичасового раб[очего] дня и повышением норм, -- неизбежно вызовет еще более резкий рост травматизма. И можно ли рассчитывать на борьбу с этим злом наркомтрудовых и профессиональных органов, если в прошлом году половина суммы, ассигнованной на охрану труда, осталась неизрасходованной (по Украине)? В квартирных условиях рабочего тоже идет процесс ухудшения. Ассигновки на жилищное строительство в этом году меньше прошлогодних. А рабочие Донбасса занимают лишь половину нормальной жилплощади, а то и меньше. Нет ни одного мероприятия несмотря на "левый курс", которое вело бы к улучшению положения рабочих. Правда, кое-где сократили до семи часов рабочий день, но рабочие это благодеяние почувствовали прежде всего

на падении зарплаты. Хотя манифест ЦИК СССР обещал сохранение зарплаты при сокращении числа рабочих часов, но сохранение это требует уплотнения рабочего дня. От таких "социалистических" мероприятий не откажется, пожалуй, и капиталистическая Европа. Если от экономического положения рабочего мы перейдем к его правовому положению, то картина получится еще более красноречивая. Рабочий класс советской России, являющийся по конституции хозяином в промышленности, на деле совершенно бесправен. У себя на фабрике [он] выступает распыленными единицами перед единым фронтом хозяйственников, партячеек и фабкомов. Характеристика, данная профсоюзам платформой "15-ти", подтверждается шахтинским, смоленским, сталинским, артемовским и прочими делами, заставившими ЦК и ЦКК признать, что "в ряде случаев" профорганы от низовых до губернских (до центральных еще не добрались) являются пассивным орудием не только в руках разложившихся хозяйственников, но и контрреволюционных спецов, обслуживающих буржуазную эмиграцию и польскую контрразведку. Парторганизации, возглавляемые ожиревшими чиновниками с партбилетами, покровительствуют взяточничеству и негодям, берущим мзду с рабочих, насилующим работниц, ворами -- обворовывающим рабочих; сами принимают участие в расхищении государственных средств, в разбазаривании советской индустрии. Одуревшие от власти помпадурсы распоряжаются на "своих" фабриках, в своих округах, губерниях, как крепостники-помещики в родовых имениях -- вплоть до восстановления "права первой ночи".

Гниение верхушки в первую очередь бьет по рабочему, унижает его, пожирает его профессиональные права. Борьба в легальных формах невозможна, ибо из "треугольника" выхода нет. Лицемерная и трусливая самокритика, проводимая ныне, ничего не может дать для прекращения процесса распада. Критика масс лишь тогда имеет цену, когда рабочие могут реагировать не только словом, но и делом. Почему не поставили смоленских, сочинских, артемовских держателей партбилетов на суд партийно-рабочей массы? Почему их дела разбирались келейно, а не на предприятиях, почему негодяи, плодившие и прикрывавшие самые возмутительные преступления против рабочих, опозорившие сов[етскую] власть и коммунизм, не только не изъяты из советского общества, но даже не исключены из партии?

Могут ли рабочие смотреть на партию и союзы, сохранившие в своих рядах

заведомых насильников и растратчиков, как на свои органы, обратятся ли туда за защитой от других подобных же "хозяев"? Конечно, нет. Рабочие останутся и после разоблачительной кампании в руках классово чуждых, враждебных делу революции элементов. И эту крикливую кампанию они оценят по достоинству как один из маневров запутавшегося в противоречиях беспочвенного и беспринципного руководства, пытающегося спасти остатки своего гибнущего авторитета и революционной репутации в рабо-

чих массах. Политика центральных органов по рабочему вопросу разоблачает левый курс. Никакие меры не могут дать эффекта, если сам рабочий класс остается под прессом материального и правового зажима. Первым шагом левого курса должно быть улучшение материального положения рабочего, увеличение его доли в национальном доходе, количественное укрепление рабочего класса, уменьшение безработицы. Левый курс невозможен без решающего повышения удельного веса рабочего в партии и в государстве, без обеспечения за ним хозяйских прав на предприятии, без утверждения за рабочей массой действительной власти над ее выборными органами (а не только права критики после того, как выборное начальство проворовалось и созрело для прокуратуры). Эти меры настоящей рабочей демократии не могут быть проведены нынешним партийно-профессиональным аппаратом, враждебным массам, страстающимся с буржуазией. Эти меры не могут быть проведены при сохранении нынешнего лишенного классовой основы, беспринципного руководства, укрепившегося на борьбе с революционным авангардом пролетариата, на разгроме пролетарской части партии, построившего свое могущество на фактической ликвидации партии как органа рабочего класса. Поэтому никакого доверия революционным возгласам сталинских молодцов, никаких иллюзий насчет выправления классовой линии руками "могильщиков революции"!

Мелкобуржуазная политика партии и хлебозаготовительный кризис

Политика партии сейчас в основном выражает интересы мелкой буржуазии, на которую давит международный и внутренний капитал,-- оппозиция в своей политике целиком исходит из интересов пролетариата.

С особенной яркостью мелкобуржуазная сущность политики ВКП проявилась в хлебозаготовительной кампании текущего года. Еще задолго до XV съезда оппозиция сигнализировала опасность со стороны растущей мощи кулака и примыкающей к нему зажиточной части середнячества. Важнейшим показателем такого роста являлась все большая концентрация хлебных излишков в руках верхушечных слоев деревни. Уже летом 1926 г. 10% крестьянства владело 41,3% хлебных излишков, в то время как 23% бедноты не имели никаких излишков (журнал "Статистическое обозрение", орган ЦСУ СССР, 1927 год, No 2). Третий урожайный (1927) год только увеличил массу этих запасов и удельный вес в них кулака. Вот что говорил по этому поводу на августовском пленуме Пятаков: "Т[овари]щ Рыков забыл упомянуть об одном очень грозном явлении, которое мы

имеем в этом году. Началось это в прошлом году, но в этом году продолжается. Я говорю о накоплении натуральных запасов хлеба в руках зажиточной части деревни. Если память мне не изменяет, эти натуральные запасы для этого года исчислялись в 600 -- 700 миллионов пудов, а сейчас они уже исчисляются цифрой в 870 млн пудов. Вы думаете, что беднота накопила этот хлеб?

Пустое, конечно, этот хлеб скопляется прежде всего в руках кулацкой верхушки и в верхнем слое середняка, который уже граничит с кулаком".

На том же августовском пленуме и тоже по вопросу о хлебных излишках т[овари]щ Смилга, между прочим, сказал: "Можно искать доступ к этим запасам, представляя в распоряжение зажиточных слоев деревни дорогие машины, трактора, жатки и т. д. Вместе с тем снабжать их усиленно потребительскими товарами и с помощью этого вовлечь эти запасы в товарооборот. Такой подход означал бы ничто иное, как экономическую победу кулака над государственным хозяйством. Мне кажется, что хозяйственная обстановка текущего года диктует другой подход к этому вопросу. В течение этого года нужно будет из этих натуральных запасов путем ли налога или путем займа это вопрос конкретный, решение которого будет зависеть от конкретной обстановки -- взять 150 -- 200 милл[ионов] пудов".

Из приведенных выше цитат видно, что оппозиция еще летом прошлого года предвидела надвигающийся хлебозаготовительный кризис, как результат растущей мощи деревенской верхушки.

Рыков ответил Пятакову и Смилге, как истый представитель мелкобуржуазного руководства. По его мнению, хлебные запасы -- это только "страховочный фонд на случай неурожая... Беднота стремится по мере сил сделать запас на случай повторения 1921 года..." Рыков даже заявил: "Если бы я был крестьянином Саратовской или Царицынской губ[ернии], то что бы ни говорил Смилга, я обязательно бы запасся хлебом, будь я в бедняцкой, середняцкой или кулацкой группе".

Благославив таким образом процесс кулацкого накопления, Рыков добавляет: "Смотреть на факт образования крестьянских хлебных запасов как на попытку кулака бороться со строительством социализма -- совершенно неправильно".

Увы, такова логика мелкобуржуазных вождей. Мог ли Рыков в августе 1927 года предвидеть, что в апреле 1928 года Сталину придется сказать нечто прямо противоположное его (Рыковским) словам: "Вы видите, что заготовительный кризис выражает собой первое в условиях нэпа, серьезное выступление капиталистических элементов села против советской власти по одному из важнейших вопросов нашего строительства по вопросу о хлебозаготовках" (доклад Сталина на Московском партактиве "Об итогах апрельского пленума ЦК").

То, о чем оппозиция предупреждала почти год тому назад, то Сталины и Рыковы уразумели только после жесточайшего поражения, нанесенного им кулаком. Теперь пора нам перейти к картине этого поражения, т. е. к картине хлебозаготовительной кампании текущего года. Не успел еще закончиться XV съезд, так лихо расправившийся с оппозицией, но не сумевший увидеть

опасность справа, как заготовительный кризис стал грозным фактом. До октября ход хлебозаготовок протекал нормально, самотеком. Это обстоятельство

только укрепляло самоуверенность партийной верхушки. Но скоро спокойствие последней сменилось паническим страхом. Кулак и близкая к нему зажиточная группа крестьянства противопоставили свой "план" плану государственному. За кулаком скоро последовало и середнячество -- заготовки резко сократились. Так, за время от 1 октября по 1 января 1927/1928 г. было недобрано по сравнению с тем же периодом прошлого года 138 млн пудов хлеба, и это несмотря на третий урожай и наличие значительных запасов в деревне. Катастрофа, о которой предупреждала оппозиция, становилась реальностью -- экспорт был сорван, и пролетарским центрам грозил голод. Партийно-советский аппарат начал нервничать; следует одна чрезвычайная мера за другой. Помимо чрезвычайности эти меры отличаются полнейшим отсутствием классовой пролетарской линии: 1) город оголяется от промтоваров, 80% которых бросаются на село, дабы умиловить кулака, соблазнить его товарным изобилием (вспомнить приведенные выше слова т[овари]ща Смилги); 2) проводится самообложение, обязательное для всех слоев деревни и, конечно, ложащееся более тяжким бременем на маломощных ее членов; 3) крестьянский заем фактически распространяется в принудительном порядке и, главное, опять-таки среди всех слоев села; 4) во многих местах практикуется простой товарообмен, когда кооперация отпускает товары только имеющим квитанцию ссыпункта о проданном хлебе. В результате указанных мероприятий в феврале на фронте хлебозаготовок был достигнут перелом; опасность голода для городов и армии была временно ликвидирована, но план заготовок 1927/28 года остался далеко не выполненным, и экспорт был окончательно сорван (смотреть "Экономическую жизнь" от 30 апреля, конъюктуру за март и "Харьковский пролетариат" от 13 мая, речь Постышева²⁹¹ на пленуме ОКП).

Необходимо также отметить, что отсутствие классовой линии в мероприятиях, проведенных партией для усиления заготовок, нанесло чувствительный удар смычке города и села (речь идет, конечно, о бедняцких и середняцких его слоях)... Апрельский пленум ЦК не мог пройти мимо вопроса о хлебозаготовительной кампании текущего года. Пленум констатировал факт кризиса во втором сельскохозяйственном квартале и попытался найти причины этого явления. Но что же получилось из этой робкой попытки? В основном виновной оказалась оппозиция, "которая, мол, отвлекала партию от деловой работы, навязывая ей дискуссию". Поистине, мудро!

Оппозиция все время предостерегала об опасности кулацкого накопления и хозяйственного кризиса, в то время как Рыков покровительственно хлопал по плечу запасавшегося кулака, а теперь виновата оппозиция! Этим мудрость пленума отнюдь не исчерпалась: он одобрил все мероприятия Политбюро по усилению заготовок и особенно подчеркнул целесообразность переброски всей массы промтоваров из города в деревню. Чтобы избежать повторения кризисов в

будущем, пленум считает необходимым обратить особое внимание на производство предметов широкого потребления и своевременного завоза их в деревню. Далее следует ряд "левых" фраз о наступлении на кулака, о колхозном строительстве и т. п. Насколько непрочным оказался успех, достигнутый партийно-советским аппаратом на фронте хлебозаготовок в феврале текущего года, доказал последующий ход их развития. За апрель было недобрано 60 -- 70 млн пудов хлеба, иначе говоря выполнено только 25 -- 30% плана ("Экономическая жизнь", 29 апреля), первая пятидневка мая дала дальнейшее снижение. Объяснять рецидив кризиса сезонными причинами не берется даже официальная печать. Для нас такое явление не представляется неожиданностью. Опасность хлебозаготовительного и всякого другого кризиса в СССР может быть ликвидирована только при выдержанной пролетарской линии, на основе подлинной диктатуры рабочего класса. Нельзя проводить "левый курс", срывая даже тот куцый план индустриализации, который намечен был на текущий год, а план этот уже сорван -- партия капитулировала перед деревенской верхушкой, усилив темп развития легкой индустрии за счет тяжелой (см. промышленный план на 1927/28 год). Нельзя, наконец, осуществлять "левый курс", подвергая всевозможным репрессиям оппозицию, выражающую интересы пролетариата,-- в таких условиях "левый курс" превращается во вредную фикцию, в прикрытие действительного процесса, выражающегося в постепенной сдаче остатков октябрьских завоеваний мелкобуржуазным партийно-советским аппаратом международному и внутреннему капиталу.

Сталинская самокритика и ленинская внутрипартийная и рабочая демократия
Грянул гром с ясного неба резолюций о том, что в партийных организациях в общем и целом удовлетворительно, "состояние организации здоровое, оппозиции дан решительный ленинский отпор", "доверие рабочих к партии растет" и т. д. и т. п., резолюций, набивших оскомину всем честным и революционным рабочим, пошли "дела" шахтинское, артемовское, сталинское, смоленское, кушвинское, витебское, харьковское (Канатка²⁹² и др) и целый ряд им подобных -- мужик стал креститься. В результате перед "восторженной" партийной и рабочей [массой] ЦК выступил с лозунгом самокритики. 3 июня был опубликован соответствующий манифест "ко всем членам ВКП, ко всем рабочим". Манифест гласил: "Лозунг самокритики, невзирая на лица, критики сверху донизу, снизу доверху -- есть один из центральных лозунгов дня". Далее, перечисляя все казусы и неполадки, которые произошли за последнее время, документ находит, что "только последовательно проведенная внутрипартийная и профсоюзная демократия, подлинная выборность партийных и профсоюзных органов, полная возможность смещения любого секретаря, любого бюро, комитета и т. д. создаст постоянный контроль масс, сможет снять бюрократические наросты с нашего аппарата и уничтожить возможные проявления бюрократического зажима, компанейской "круговой поруки", чиновни-

чьей угодливости, самодурства, забвения интересов масс и мещанской успокоенности". Далее считается необходимым в партии "обеспечить свободу внутрипартийной критики". А в профсоюзах борьба (даже жесточайшая! -- Ред.) (речь идет о редакции данного документа, а не о редакторах издания; то же относится и к термину "ред." ниже - Ю.Ф. и Г.Ч.) против нарушений профсоюзной демократии".

Такова "соль" этого основного документа о самокритике. Лидеры ЦК в своих выступлениях в связи с Шахтинским делом заявляют, что если бы было "больше действительной демократии внутри партии, то такие прохвосты не гнездились бы так долго" (речь Бухарина об итогах апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Еще резче выступление Сталина на VIII съезде ВЛКСМ ("Правда" от 17 мая 1928 года), на вопрос о том, чем объясняются "эти подозрительные дела разложения и развала нравов" в ряде организаций, он отвечает: "Тем, что монополию партии довели до абсурда, заглушили голос низов, уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм". И в качестве единственного выхода рекомендует организацию и "контроль партийных масс снизу" и "насаждение (и слово-то какое -- "насаждение" (!), типично сталинское -- Ред.) внутрипартийной демократии".

Оказывается: "проявление бюрократического зажима" "забвение интересов масс".

Оказывается: что свободу внутрипартийной демократии нужно еще только "обеспечить", а против нарушений профсоюзной демократии требуется "жесточайшая борьба", как это изволит заметить обращение ЦК!

Оказывается, что до сих пор внутрипартийная демократия была довольно липовой, ибо, как справедливо замечает Бухарин, необходимо "больше действительной демократии!.."

Оказывается, "заглушили голос низов", "уничтожили (не как-нибудь, а уничтожили! -- Ред) внутрипартийную демократию", как заявляет генсек партии Сталин. Откуда это?! Не виновата ли, грешным делом, оппозиция, которая уже наделала столько бед ЦК по пути такого "победоносного" шествия "социализма в одной стране", какое наблюдали мы за последние 3 -- 4 года?

Должно быть, нет, ибо, как заявил в своей речи о культурной революции Бухарин, оппозиция "передвинута на более северные зоны". Ведь только 2 сентября 1927 года на президиуме ИККИ тот же Сталин провозгласил: "Я заявляю, что нынешний режим в партии есть точное выражение того самого режима, который был установлен в партии при Ленине, во время X293 и XI съездов нашей партии".

Когда же вы ввали, дорогой тов. генсек?? В сентябре, когда вы заявляли, что в партии "ленинский режим", либо в мае, когда при "ленинском режиме" было возможным в крупнейших организациях (Артемовск, Сталине, Смоленск и пр.) "уничтожение внутрипартийной демократии".

Лицо самокритики

Однако, может быть, "кто старое помянет, тому глаз вон", может быть, ЦК, учтя опыт всех этих дел, решил действительно ввести в партии ленинский

режим? К сожалению, внимательный разбор лозунга самокритики разочаровывает в этом всех легковых .

Раз самокритика означает проведение в жизнь подлинной внутрипартийной и профсоюзной демократии, как об этом извещает ширококвещательный анонс ЦК, необходимо выяснить, что же является этой самой внутрипартийной и профсоюзной демократией.

На сей счет имеются недвусмысленные резолюции X и XI съездов нашей партии, которые гласят:

"П. 18.-- под внутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии и обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, разрешении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве".

И далее в "п. 19. -- методами работы являются прежде всего, методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссии по ним с полной свободой внутрипартийной критики: методы кол- лективной выработки общепартийных решений" (по этим вопросам не принято общеобязательных партийных решений: резолюция X съезда РКП, партийное строительство)²⁹⁴. "В профессиональных союзах прежде всего необходимо осуществить широкую выборность всех органов профдвижения и устранить методы назначенче-ства; профессиональная организация должна быть построена на принципе демократического централизма" (X съезд о роли и задачах профсоюзов).

Из этого ясно видно, что основным гвоздем внутрипартийной демократии должно являться "широкое обсуждение всех важнейших вопросов -- коллективная выработка общепартийных решений".

Означает ли это самое самокритика?

На такой вопрос дает ответ передовица "Правды" от 16 мая 1928 года. "Критика должна быть конкретной (в этом спора нет. -- Ред.), не в новых и фальшивых "философиях" мы нуждаемся", "совершенно вредной является далее... критика отдельных лиц, "которая старается протащить обобщения" полумениневитского характера".

Еще более ясно эту мысль расшифровывает комсомольский чиновничек Косарев²⁹⁵ на страницах "Комсомольской правды" от 26 мая 1928 года.

"Самокритика не вообще, а критика отдельных конкретных носителей зла и отдельных лиц -- вот установка нашей критики".

Иначе говоря, против отдельного бюрократа, против отдельного чинуши выступай, но против системы, порождающей каждодневно сто новых бюрократов и чинуш, не моги! Это, ения внутрипартийной демократии" порождены все эти нашумевшие гнойники. Какой же результат даст снятие одного секретаря губко-

шумевшие гнойники. Какой же результат даст снятие Лчевидно, дел ЦК.

Ведь признает же Сталин, что вследствие "уничтожения внутрипартийной демократии" порождены все эти на очевидно, дело ЦК. Ведь признает же Сталин, что вследствие "уничтожения внутрипартийной демократии" порождены все эти нашумевшие гнойники. Какой же результат даст снятие одного сектераря губко-

ма и посадка другого, когда разрыв между партией и рабочим классом не уменьшится? "Конкретного носителя зла" сымут, а на его место станет другой, а то и два других. Получается не самокритика, а борьба с ветряными мельницами. Вместо ленинской "коллективной выработки общепартийных решений" -- сталинский [лозунг] "уничтожай отдельного бюрократа, но обобщать не моги! Плыви на поверхности явлений, вылавливай отдельных лиц, но не смотри в корень вещей!"

Преступление и наказание

Первые результаты самокритики целиком подтверждают нашу оценку. Отдельных чиновников снимают, отдельные безобразия уничтожают. Система остается та же, растут новые безобразия и новые преступники. В Москве на скамье подсудимых сидят виновники Шахтинского дела, профсоюзные организации в Шахтах снизу доверху "переизбраны". Казалось бы, жить да радоваться. Ну, если не радоваться, то во всяком случае быть гарантированным от хотя бы вопиющих безобразий. "Комсомольская правда" от 11 мая сообщает нам такие факты: "В Енакиево построен так называемый дом подростка. В нем поселили 190 человек служащих и только 10 шахтеров, несмотря на то, что здесь же около 3500 человек молодежи живут в безобразных условиях". "На Гошковском руднике работники рудкома больше сидят по кабинетам, редко бывают на шахтах и редко беседуют с рабочими по казармам, не знают их нужд. Кумовство, собутыльничество в цехах идет вовсю". Ввиду невыедачи резиновых галош на Чистяковской шахте № 6 током убито двое рабочих. "В конце апреля по той же причине" убит комсомолец Глазов. На его похоронах секретарь ячейки выступил и сказал: "Это очередная необходимая жертва электрификации!" "Производственные совещания по-прежнему собираются редко".

"Комсомольская правда" от 14 июня 1928 г. подробно освещает артемовщину после снятия преступной головки. Оказывается положение ничуть не изменилось.

"В организации царила и царит мертвечина" (Петровский районный К[оммунистический] с[оюз] м[олодежи]). "Рост рабочих в партии у нас не заметен, наоборот, есть выходы". "Коммунистов считают карьеристами и шкурниками" (Гродовский рудник, шахты № 5 -- 6).

Таких примеров можно было бы привести уйму, они говорят нам об одном, что вся самокритика скользит по поверхности, не затрагивая корня. Еще более характерны наказания преступникам всех "дел". Артемовские деятели ограничились выговорами, сняты с работы и посланы на... курорт. Прокопов, Твердохлебов (исключенный), Чаплыгин, Нар-занов на курорте, а бывшему директору Константиновских заводов Химуг-ля Бондаренку трест дает 500 руб. на поправку расшатанного здоровья ("Комсомольская правда" от 14 июня).

Смоленские "деятели" лишь в результате сильного нажима снизу были ЦКК исключены после первичного решения: оставить в партии с выговорами. "В Кушве, сообщает "Правда" от 23 мая 1928 года, группа парт[ийных] и сов[ет-ских] работников подверглась разложению, систематически пьянствуя и посещая притоны разврата". В итоге они сняты с работы, а бюро Кушвинского райкома (секретарь которого Кусков был главарем группы) объявлен... выговор. Это в то время, когда лишь за чтение завещания Ленина революционные рабочие изгонялись из партии.

Директор Харьковского паров[озостроительного] завода, творивший ряд безобразий, снят с завода и направлен... директором электрической станции.

Таких примеров можно также привести уйму.

Чувство партийности выкорчевывается, ибо ни одна организация не отвечает за свое руководство. После раскрытия любого партийного гнойника сообщается, что "организация в общем и целом здорова, ленински выдержана", т. е. члены партии, подчас в течение ряда лет не подымавшие голоса протеста против производимых на их глазах безобразий, единогласно (казенно) избиравшие чуждых рабочему классу людей на руководящие посты (и тут же единогласно осуждающие оппозицию), объявляются "ленински выдержанными". Недорого стоит их ленинизм! Таково подлинное лицо самокритики, скрывающееся за маской красивых фраз.

Выводы:

а) Партия по-прежнему остается жить в два этажа, наверху ре-шают, внизу покорно принимают готовые решения; подлинной, ленинской внутрипартийной демократии нет и в помине.

б) Лозунг самокритики в понимании его творца Сталина сводится к праву советских людей критиковать своих вождей, этакритика не должна быть обобщающей, ибо тогда она неизбежно (по-человечески!! -- Ред.) становится антисоветской и злой. Но где же граница, разделяющая критику советскую от контрреволюционную?? Вопрос упирается в то, кто критикует. Но что значит "советский человек"? Если это гражданин СССР, то в нем имеются граждане различных классов. "Советский человек" и спец, и кулак, и даже непман. Та-ким образом, определение Сталина оказывается лишенным всякого классового содержания.

в) Поскольку основные вопросы системы, порождающей бюро-кратизм (вынесение решений без предварительного обсуждения в низах, назначенчество, ответственность выборных лиц лишь перед начальством свыше, а не перед своими избирателями и т. п. и т. д.), не входят в круг вопросов самокритики, рабочие безмолв-ствуют. Говорят за всех репортеры!

г) Аппарат, который с завидной решительностью чинил распра-ву над старыми большевиками-оппозиционерами, обнаруживает исключительную деликатность в обращении с "жертвами" самокри-тики, ибо они плоть от плоти, кость от кости самого аппарата.

д) При отсутствии поддержки со стороны рабочих низов самокри-тика

превращается в положение, когда один бюрократ критикует другого бюрократа. Когда же советские чиновники друг друга "кри-тикуют", то самокритика превращается в орудие групповой борьбы личной склоки.

е) Самокритика -- это сезон (вроде борьбы с автомобилями в 1924 -- 1925 годах). На некоторое время бюрократы приутихнут, будут действовать осторожнее, не попадаться на глаза, пройдет се-зон, они наверстают упущенное.

з) После непроведения в жизнь резолюций X и XI съездов партии о внутрипартийной и рабочей демократии, резолюции от 5 декабря 1923 г. о том же, "зверского" режима экономии, оживления работы Советов -- никакого доверия красивым фразам с некрасивыми фактами и толкованиями проведения в жизнь²⁹⁶.

ж) Задача пролетарских оппозиционеров заключается, с одной стороны, в использовании лозунга для частичных улучшений рабочего положения (ибо коренного улучшения при этом руководстве быть не может), и с другой стороны, для решительного разоблачения неленинского содержания этого лозунга.

К вопросу о правовом положении рабочего класса в СССР

Для всякого сознательного рабочего уже стало очевидно, что давление на него со стороны государственной власти приводит к все большей сдаче им своих классовых позиций.

Сползание с классовых рельс особенно чувствительно ощущается рабочими в вопросе трудовых отношений -- причем здесь мы наблюдаем не столько практические отклонения от правильной, в целом верной линии, а что, наоборот,-- линия в целом не выражает пролетарских интересов. Обратимся к основе трудовых положений -- к взаимоотношению Трудового кодекса с коллективными и трудовыми договорами. Трудовой кодекс устанавливает, что "все договоры и соглашения о труде, ухудшающие условия труда сравнительно с постановлениями настоящего кодекса, недействительны". Положение совершенно неоспоримое и целесообразное с точки зрения революционной законности. Трудовой кодекс должен являться основой -- на которой строятся все практические трудовые отношения между администрацией и рабочими, заключая коллективные и трудовые договора.

Вместе с тем следует обратиться к содержанию самого Трудового кодекса, чтобы уяснить себе, в какой степени он обеспечивает благоприятные условия труда рабочего.

В главе о нормах выработки мы читаем: "Нормы выработки устанавливаются по соглашению между администрацией предприятия и профсоюзами" (ст. 56). Это положение фактически означает, что каждый новый кол[лективный] договор по соглашению между администрацией и профсоюзами сможет ухудшать материальное положение рабочего. Что это так, видно по результатам последней колдоговорной кампании.

Вместо категорических положений о том, что нормы выработки могут повышаться только в тех случаях, когда заработная плата предварительно повысилась, обеспечив таким образом твердо материальное положение рабочего,-- мы имеем свободное соглашение сторон. В результате: вместо повышения материального благосостояния рабочих масс мы имеем наряду с ростом народного хозяйства тенденцию зарплаты к понижению. По вопросу о нормах выработки следует еще остановиться на положении несовершеннолетних рабочих. Трудовой кодекс устанавливает для несовершеннолетних, работающих неполный рабочий день, те же нормы, что и для взрослых рабочих (ст. 57). Здесь налицо прежде всего преступное отношение к здоровью молодежи, так как ясно, что подросток на грузку взрослого рабочего, хотя и уменьшенного рабочего дня, может выполнить лишь с ущербом для себя. Если еще вспомнить, что 57-я статья предусматривает в случаях систематической невыработки нормы рабочим увольнение его, а из этого правила исключение для несовершеннолетних не делается, это, понятно, вызывает нарушение наиболее слабого участка рабочего класса²⁹⁷. Следующим существенным моментом, определяющим материальный уровень рабочего класса, является система вознаграждения за труд. По этому вопросу трудовое законодательство гласит: "Размер вознаграждения нанявшемуся за его труд определяется коллективными и трудовыми договорами", и здесь нет никаких ограничений администраторского произвола, нет никаких указаний в Трудовом кодексе, каково должно быть содержание нового кол-договора по основным вопросам. Должна ли зарплата повышаться, понижаться или оставаться на том же уровне, какое мнение законодательства, а значит, и высших органов власти по этим вопросам? В Трудовом Кодексе ответа найти нельзя. А это и значит передать рабочий вопрос на разрешение кого угодно, не указывая общего пути развития.

Оплата труда за праздничные дни, дни отдыха и льготные часы устанавливается Трудовым Кодексом только для рабочих, получающих почасную плату за труд. При всех остальных способах оплаты вопрос передается на разрешение администрации и профсоюза. При заключении ими колдоговоров вся фальшь подобного разрешения вопроса очевидна, так как повременная оплата труда допускается лишь в отношении работ, не поддающихся нормированию. Следовательно, огромное большинство рабочего труда, который поддается нормированию, остается вне сферы влияния Трудового кодекса. Зато практика не знает такого случая, чтобы коллективные договоры обязывали к оплате праздничных дней при сдельной работе. Из этого правила, пожалуй, нет исключения. Зато спецовский аппаратный и вообще всякий служилый элемент, труд которого не нормируется, оплачивается за дни отдыха, праздничные дни и т. д. Таким образом, указание на то, что коллективные и трудовые договоры не могут ухудшать положение рабочего относительно Трудового кодекса, сводится к форме без содержания, ибо основные моменты, определяющие материальное благосостояние рабочих масс, законодательством не регулируются, оставляя свободу действия сторонам (администрации и профсоюзам), и условия применения наемного труда при отсутствии "особого нажима со стороны" диктуются фактически администрацией,

проводя за его счет "режим экономии", "рационализацию" и т. п. кампании. Любо-

пытнейшим примером, доказывающим бюрократичность верхушки аппарата, является постановление н[ар]к[омата] труда по вопросу о порядке увольнения рабочих и служащих. "При сокращении штатов,-- гласит это постановление,-- администрация вправе по своему усмотрению производить выбор тех работников, которых она находит нужным оставить на работе". И дальше: "Сокращение штатов производится администрацией без участия РКК"299 ("Вопросы труда" No 12, 1926). При существующем кумовстве, взяточничестве и протекционизме такие постановления только содействуют самоуправству бюрократии. Если еще остановиться на таких мелочах как циркуляры н[ар]к[омата] труда, предлагающие следить, чтобы при вербовке рабочей силы не взвинчивались цены на рабочие руки, что при существенной безработице является фактически задачей снижать зарплату, приравнивание инженерно-технического персонала к производственным рабочим при посылке на курорты, санатории и т. д. (циркуляр ВЦСПС от 16 июля 1926 года) при тех спецставках, которые у нас существуют -- все вместе, малое и большое, представляет единое целое. Таким образом, надо признать, что мы имеем не только частные ошибки, не только извращения низовыми организациями правильной линии центра при практическом применении законодательства. Исправление, изменение законодательных норм в целом, начиная с законов, издаваемых высшими органами власти,-- такова задача рабочего класса.

Промфинплан на 1927/28 год

Недавно опубликованный производственно-финансовый план промышленности на 1927/28 год дает окончательную картину предполагаемого развития промышленности в текущем году и этим самым дает возможность проверить степень и темп индустриализации нашей страны. При рассмотрении этих вопросов следует исходить из следующего понимания индустриализации и задач экономической политики в СССР. 1. "Так называемая "тяжелая индустрия" есть основная база социализма" (Ленин, том XVIII, ч. 2, с. 76). 2. Необходимо "держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства" (XIV съезд). 3. Что под индустриализацией следует понимать: а) Увеличение удельного веса промышленности в общей продукции страны; б) Увеличение удельного веса индустриального населения в общей массе населения и в) Увеличение удельного веса тяжелой индустрии в промышленности в целом. Как видно, понятие индустриализации включает в себя два момента: материальный, заключающийся в увеличении доли продукции промышленности, социальный, заключающийся в изменении классовых соотношений в стране в сторону увеличения удельного веса пролетариата. В условиях СССР, где пролетарская прослойка чрезвычайно тонка, последний -- социальный -- момент играет значительную роль.

Легкая и тяжелая индустрия

Общепризнанным стал факт товарного голода. Теория "сезонности" этого явления уже почти не появляется на страницах печати. Все замалчивают "славные" страницы микояновского "творчества" по поводу определения размеров товарного голода т. Смилгой в 500 млн. Ведь, по официальным данным, дефицитность изделий тяжелой индустрии ориентировочно равна: по ме-таллотоварам -- 20 -- 25%; по сортовому железу -- 18%; по катанке -- 30%; по кровельному железу -- 40%; по оцинкованному -- 30%; гвоздям -- 14%; по цементу -- 16%; по кирпичу -- 15-20% (см. "Экономическая жизнь" от 18 мая 1928 года, статья Сокольников и "Большевик" No 5, статья Розенталя). Дефицитность значительна и по легкой индустрии -- текстиль, кожевенное производство. В этих условиях -- общего товарного голода -- вопрос о темпе и соотношении развития тяжелой и легкой индустрии является барометром правильности проводимой промышленной политики. Напор мелкобуржуазной стихии идет по линии увеличения удельного веса и форсирования темпа развития легкой индустрии; ей (мелкой буржуазии) нужна в первую очередь "ситцевая" индустриализация. Интересы пролетариата прямо противоположны и заключаются в том, чтобы создать такое соотношение в развитии легкой и тяжелой индустрии, при котором тяжелая индустрия будет обгонять в своем темпе развитие легкой, так как "так называемая тяжелая индустрия есть основная база социализма" (Ленин, том XVIII, ч. 2, с. 76).

Какова же действительность по данным производ[ственно-] финансового плана промышленности на 1927/28 год? Данные весьма красноречивы: при общем подъеме валовой продукции промышленности на 25,2% и легкой на 27,0%, тяжелая индустрия повышает свою продукцию всего на 22,7%, т. е. на 4,3% меньше легкой. Тяжелая индустрия дает, таким образом, понижающуюся кривую роста в 1927/28 г. в сравнении с прошлым годом, когда прирост был равен 26,3%. Легкая индустрия обгоняет в своем темпе развитие тяжелой и повышает свой удельный вес в валовой промышленной продукции с 59,5% в 1926/27 г. до 60,4% в 1927/28 г. Наоборот, удельный вес тяжелой падает с 40,5% до 39,6%. Таким образом, промплан на 1927/28 год дает линию, явно противоречащую взглядам Ленина, постановлениям XIV съезда и отбрасывает нас назад даже в сравнении с 1926/27 годом. Здесь мы видим отступление и от той проектировки, которая давалась в контрольных цифрах на 1927/28 год, которые составлялись под действием оппозиционного кнута. Замедленный темп роста тяжелой индустрии ставит под угрозу выполнение даже того минимального плана капитальных работ, который намечен был промпланом. На рынке строительных материалов чувствуется чрезвычайно острый дефицит, особенно в металлоизделиях. Поэтому, как значится в конъюнктурном обзоре Совета съездов промышленности и торговли, "рост требования на металл со стороны широкого рынка, строительных организаций... вынудил ре-

гулирующие организации актуально подойти к вопросу о мерах покрытия

обозначающего дефицита, в связи с чем поставлен вопрос о пересмотре намеченных импортных контингентов по металлу" ("Экономическая жизнь" от 18 апреля 1928 года, упом[яну-тая] статья). Таким образом, замедленный темп развития тяжелой индустрии уже сказался на своевременности начала строительных работ, ставит под угрозу их выполнение и требует изменения импортного плана в сторону усиления металла или увеличения и до того значительного отрицательного сальдо по внешнеторговому балансу. Таковы дела нынешнего руководства. Слова и дела у них -- вещи разные. Это следует помнить. В резолюции 15-го съезда по вопросам промышленности мы читаем: "В соответствии с политикой индустриализации страны должно быть усилено производство средств производства" (Стенографический отчет XV съезда, с. 1295). В докладе Рыкова на съезде мы читаем: "Более быстрый темп развития тяжелой индустрии на протяжении ближайших лет является совершенно неизбежным. Индустриализация всей страны упирается в настоящее время в развитие тяжелой индустрии" (Стенографический отчет XV съезда, с. 774). Действительно, не только с точки зрения исторических задач коммунизма, но и проблемы смягчения товарного голода требуется более усиленный темп развития в целом, тяжелой индустрии в первую очередь. Произв[одственно]-финансовые планы на 1927/28 год показывают: 1) что ЦК своей пром[ышленной] политикой задерживает процесс индустриализации; 2) что мелкобуржуазное давление значительно усилилось (даже в сравнении с 1926/27 годом). Усилилось до той степени, при которой нынешнее руководство совершенно забыло об индустриализации страны. Некоторые представители большинства пытаются доказать, что вышеуказанное изменение в соотношении темпов развития тяжелой и легкой индустрии не противоречит линии на индустриализацию страны. Здесь, мол, не виновата политика ЦК; "значительную, если не решающую роль здесь сыграл имевшийся в этом году урожай по отдельным видам сырья, а также добавочная переработка хлопка и шерсти сверх плана" (в связи с увеличением сменности по ряду предприятий) ("Большевик", No 5, статья Розенталя, с. 43). Оказывается, что в задержке темпа индустриализации виновата... природа. Но это ведь курам на смех! На каких читателей "Большевика" рассчитана эта "экономическая" мудрость? Всем ведь известно, что мы еще до сих пор и в ближайшие 5 и больше лет будем пользоваться ввозным хлопком, что ввозной хлопок в этом году составляет 50% всего перерабатываемого и что введение трех смен именно в текстильной, т. е. легкой индустрии, а не в металлургии зависит не от урожая внутреннего хлопка, а от политики ЦК. Политика развития легкой индустрии, в первую очередь текстильной, есть неотъемлемая составная часть общей кулацкой политики. Пасуя перед кулаком при заготовке хлеба, не желая повести принудительный хлебный заем (пред[ложение] оппозиции), ЦК пошел по линии ситцевой индустриализации, дабы в обмен на ее продукцию получить кулацкий хлеб. Таким образом, промышленная политика ЦК прямо определяется интересами чуждого пролетариату класса.

Кулак, как мы говорили, "регульнул".

Зрелому плоду с кадетской смоковницы Слепкову

Хотя Вы и чужой человек в ВКП(б) и в рабочем классе, это, надеюсь, не помешает Вам быть немножко разумным и не взыскивать с меня за то, что так поздно отвечаю. Благодаря большой дозе попавших (не будем разбирать, почему они попали) меньшевиков, с[оциалистов]-революционеров], кадетов, благодаря тому, что количество перешло в качество, сотни, а теперь уже и тысячи лучших большевиков находятся в тюрьмах и ссылках. Не их вина, а их беда в том, что они не могут не только своевременно, но и вообще реагировать на выдумки, облакающиеся в кадетскую одежду меньшевистско-кадетской псарни. Я один из ссыльных большевиков, нахожусь без работы на паях ГПУ, не имею возможности выписывать литературу и потому "Большевик" № 4 получил от товарищей с большим опозданием. Как видите, большая причина моего опоздания Вам не мог своевременно ответить³⁰⁰.

Ваше раздражение и слюна, которой Вы брызгаетесь в своей статейке, вызвана тем, что Вы приписываете мне честь разоблачения того, что Вы принадлежали к милюковской партии. Смею Вас уверить, что эта честь мне не принадлежит. Впервые Вас разоблачили в дискуссии 1923 года, не помню, кто-то из красных профессоров. Я и многие большевики воспользовался этим материалом и выполнил долг пролетарского революционера -- довел до сведения партии о том, что какой-то волчонок Слепков в ягнячьей овчине. Тогда Вы еще не набрались храбрости отрицать правду и привлечь кого-либо к партийной ответственности.

С тех пор считается доказанным Ваше милюковское прошлое. В конце 1925 года или в начале 1926 года товарищ Вардин, еще раз с документами в руках доказал, что Вы кадет. Он опубликовал Ваше собственноручное контрреволюционное письмо. В так называемой дискуссии 1927 года я на собрании рабочих Рязано-Уральской жел[езной] д[ороги] начал оглашать эти документы, но Замоскворецкий райком, присутствовавший на этом собрании во главе с секретарем, в полном составе устроил обструкцию -- потушил в зале свет и пустил ход кулаки. Конечно, кулаки -- аргументы, вещь увесистая, но не убедительная. После этого меня судили за фракционную работу, но за клевету на казенного писаря и дьячка церкви Бухарина никто меня не привлекал, а лишь в частной беседе начальство меня журило: "зачем вспоминать грехи молодости Слепкова, ведь он их искупил". На что я ответил: "у Слепкова одна заслуга,-- это по части травли оппозиции, но эта заслуга не перед рабочим классом, а перед буржуазией". Итак, после вторичного разоблачения Вашего кадетского происхождения прошло два года пребывания оппозиции в партии.

Увдетск ого происхождения прошло

Два года ушаты грязи выливались на голову оппозиции. Ни одному ослу начальство не возбраняло, наоборот, поощряло, лягать оппозицию своими копытами. Скольким ослам за это время вышло в люди. Даже Моисеенко, воспитавший донецкую контрреволюцию, был "человеком". Эх, какое времячко Вы прозевали! А что же Вам стоило объявить разоблачителей клеветниками, запастись удостоверением от Ленина (ведь Ленина в то время не было, он бы не стал протестовать) о Ваших заслугах, о том, что Вы никогда кадетом не были, что Вы контрреволюционных писем не писали и пр. ... с Вашими "способностями" можно было бы доказать, что кадетов вообще никогда на свете не существовало, а потому Вы не могли к ним принадлежать. Вам легко было это сделать, но только тогда, а не теперь. И теперь аппарат и ячейка на Вашей стороне, но на сидящего в тюрьме валить все равно, что на мертвого. Всякий мало-мальски критически мыслящий рабочий знает то, что опровергнуть Вашу ложь мы лишены возможности и потому он Вашей лжи не поверит. Да и Вы сами теперь как господин положения неуверенно отрекаетесь от своего прошлого, утверждая то, что якобы Вы никогда не принадлежали к кадетам. Вы не смеете скрывать того, что "высказывал в ученических кругах сомнение по поводу совместительства социализма и свободы личности"³⁰¹. Вы меня называете "незрелым политиком", допустим. Но, позвольте же, "зрелый плод с милюковской смоковницы" -- Слепков, задать вопрос -- что же это за школьные кружки, в которых Вы высказывали "сомнение"? В школах существовали кружки социалистические и черносотенные, кадетские. По Вашим же показаниям, Вы не были не только большевиком, но даже у меньшевиков и социалистов-революционеров. Позвольте же в таком случае спросить, в каком же Вы из двух кружков были? В кадетском или черносотенном? Ах, да, Вам ведь всего тогда было 17 лет, но, позвольте, во-первых, Вам в зубы не смотрели, когда Вы вышли из этих кружков, а, во-вторых, самое главное, пули 16 -- 17-летних гимназистов также простреливали груди рабочих, как и пули 20-ти и 25-ти летних юнкеров. Итак, Ваше милюковское прошлое доказано, и Вы не рыпайтесь. Ну, а теперь давайте поговорим о Вашей пошленькой статейке. На самом деле, возьмем хотя бы критику Троцкого. Я, конечно, ни в какой мере не уверен в правильности Ваших цитат, чтобы читать Вашу пошлятину, архибезграмотную. Невольно вспоминается поговорка: "Москья лает на слона". А к Вам скорее подходит: "Кадетская болонка лает на льва". По существу я с Вами спорить не собираюсь. Ведь, если из Вашей статейки отбросить ругань и подделанный Вами же документ, то Вам останется одна липкая слизь, грязь. Гигиены ради слизь выбрасывается в помойку. Вы называете меня неграмотным. С этим я частично согласен. Как видите, и это письмо написано с грубыми грамматическими ошибками. Сознаю свою вину в том, что я учился у дьячка, за меру картошки. Теперь, будучи в долгосрочной, слепковско-мартыновской ссылке, постараюсь заполнить некоторые пробелы. А вот в смысле большевизма, тут я себя безграмотным не считаю, так как я учился не у дьячка бухаринской церкви. Моя карьера -- с 8 лет пастухом, затем -- чернорабочим, грузчиком, маляром. Моя

практическая школа: рабочий подвал, постройка, фабрика, завод. Теоретическая -- Маркс, Ленин. Большевизм я познал не по молитвенникам вашей церкви, а в московском рабочем движении, на баррикадах. Зрелый плод Слепков, свалившийся с кадетской смоковницы прямо в Институт красной профессуры, не нюхавший рабочего подвала. И не случайно то, что он не воспринял учения Маркса и Ленина, а прилепился к школе, учителя которой Ленин в своем завещании характеризовал: "хороший теоретик, но не марксист, не диалектик", а мелкобуржуазный "схоласт". Поэтому-то Вы и выбрали карьеру фальшивомонетчика, то бишь поддельвателя документов. Неграмотность мою Вы выводите из "Рабочего пути к власти"³⁰², к которому ни я, ни мои товарищи никакого отношения не имеют,-- это Вам известно. Если мы предположим, что "Рабочий путь к власти" выпустила какая-нибудь группа большевиков, то достаточно сравнить этот документ с платформой "15-ти", и разница даже для дьячка Вашей церкви станет очевидна. Если Вы даже после этого припишете этот документ нам, то я утверждаю, что это Вы с Мартыновым его сфабриковали. Лавры Ваших бывших коллег по партии за границей Вам не дают спать. Как это красиво. В английском парламенте запрос "о письме Зиновьева"³⁰³, а Вы сфабриковали "письмо Сапронова". Но Вы оказались в лучшем условии, чем Болдуин. Сапронов и его товарищи в ссылке, лишены возможности вносить запросы. А как хорошо идет роль христианнейшего Макдональда, вечно кающейся Магдалины³⁰⁴ и снова грешащей Магдалины, вечно,-- а по речи на Ленинградском активе видно -- и ныне и во веки веков. Буферному Бухарину. Аминь. Слепков и Мартынов, пописывая, улыбаются, как улыбался барский дворник, метя двор и рассуждая: "И так хорошо, и этак хорошо".-- "Барин с женой живет, деньги дает, я с барыней живу -- деньги беру". Мартынов и Слепков фабрикуют документы, если гонорар не получают, в "люди выходят". Критикуют сфабрикованные самими же документы, и в "люди выходят", и деньги получают. Я вижу притворный гнев Слепкова. "Как. Да в документе меня же, Слепкова, ругают". Но что Вы от этого теряете, ведь партия уже знает, что Вы кадет: а что приобретаете -- получили повод опровергнуть правду. Вы не только группу "15-ти", но и Ленина подделываете. Вы ни к селу, ни к городу надергали из Ленина цитат, в контексте передернули их смысл и обратили против группы "15-ти", зная, что передавали не позицию "15", а сфабрикованный Вами же документ. "Правда" недавно сообщила, что сектанты подбирают цитаты из Ленина против большевиков, в защиту христианства. Ленин в Ваших устах против большевиков-оппозиционеров выглядит так же, как в устах евангелистов -- против коммунистов. После этого Вы называете меня "ренегатом", т. е. изменником. Изменить я Слепкову не мог, так как никогда "милюковцем" не был. Рабочему же классу я никогда не изменял и не изменю, хотя

бы пришлось умереть на сухой или мокрой гильотине. За дело рабочего класса -- всегда готов. А вот Слепковых, Мартыновых и компанию, их изменниками

нельзя назвать. Рабочему классу они изменить не могут, потому что они никогда ему не служили, а буржуазии Вы не изменяете и сейчас. Стоя во главе "Большевика", "Правды" и Коминтерна, вредительствуя на идеологическом фронте, Вы делаете верное буржуазное дело. За это они Вас не назовут предателями и изменниками, а в случае чего буржуазия Вас представит к ордену "святого Станислава". Виноват. Еще одно замечание. Вы утверждаете, что оппозиция вообще, а группа "15-ти", в частности, -- ничтожная кучка... Во время недавно прошедших выборов в Франции буржуазия вопила, что коммунистов -- ничтожная кучка. На эту клевету "Правда", возражая, вопрошает -- "зачем же Вы в таком случае коммунистов преследуете и сажаете в тюрьмы?" Когда Вы, как Пуанкаре, утверждаете, что нас кучка, так позвольте спросить, как "Правда" спрашивала французскую буржуазию: "Зачем же Вы вот уже 5 месяцев вылавливаете оппозицию, бросая их в тюрьму и в ссылку?" Накануне 1 мая и приезда монарха Афганистана Вы пачками высылали оппозиционеров по знойным пустыням Туркестана и по дебрям Сибири. Зачем? Ведь их "ничтожная кучка"! Остаюсь в ожидании гнева за непочтительное отношение, а, следовательно, за оскорбления "его величества", кадетского человека в ВКП(б), подделывателя документов и зрелого плода с ми-люковской смоковницы -- Слепкова. Бывший пастух, он же грузчик, он же маляр, ныне ссыльный большевик за дело Ленина, за дело рабочего класса Тимофей Сапронов. Шенкурск, 18 мая 1928 г.

Рабочая жизнь

Почему

"Брось свои иносказания и гипотезы пустые, на проклятые вопросы дай ответы мне прямые".

Гейне305

Вкусив 7-часовой рабочий рай (7-часовую ночь для беременных и кормящих женщин), текстили не обнаружили ни малейшего восторга. У них много недоуменного и они спрашивают у своих профсоюзных вождей разъяснений. На конференции Сосновской объединенной мануфактуры 4 марта в Иваново-Вознесенске рабочие спрашивали Мельничанского306: 1)

Почему союз не защищает рабочих, которых посылают работать на три и четыре станка... На бывшей Дербеевской фабрике ежедневно работниц выносят на носилках с четырех станков. Буржуа и те не заставляли работать на трех и четырех станках и мануфактура стоила 8 коп., теперь же она стоит по 40 коп., работаем на четырех станках... 2) Почему взимают подходящий налог с рабочего... Доклад ЦК чересчур заучен, а главного

не сказано. Работницы вынуждены из-за материальных условий переходить на четыре станка. Через 10 лет эти товарищи будут инвалидами. Повысился процент несчастных случаев среди них. По всей линии идет наступление на рабочий класс. Надо выбрать на съезд 307 товарищей, могущих защищать интересы наши. Соглашение по кол-договору на нашей фабрике прошло кабинетным порядком, а почему его не проработали на рабочих собраниях? 3) Наш лозунг -- диктатура

пролетариата. Значит, судьбы должен решать сам рабочий, а у нас что народ постановляет, то неприемлемо. Почему это? Все проводится в жизнь без нас, мы приходим на собрания только для мебели. 4) Почему у нас нет мануфактуры. За лоскутом простаиваем по 8 часов... 5) Почему не верят беспартийным, если говорим правду, а партийный хотя и вор -- верят ему. Того же Мельничанского на Середской фабрике Иваново-Вознесенской губернии 10 июля рабочие спрашивали по отчету ЦК текстилей: 1) Для чего собственно парторганизация занимает место на фабриках, заводах и в хо-зорганах -- для защиты рабочих или чтобы помогать хозяйственникам, чтобы те заседали больше на рабочих. 2) Для чего нам ходить на собрания... Вы говорите, мало рабочих ходит на собрания. Это верно -- потому что решают без нас. Если на собраниях то или иное решение не удастся провести, то они проводят самостоятельно, примерно переход на четыре станка. Работницы не соглашались, но наш защитник Ф[аб]з[ав]к[ом] провел это. А если не хочешь -- пойдешь на биржу. (На Зарядьевской фабрике Иваново-Вознесенской губернии в начале марта 1928 года по отчету ЦК выборы на съезд не состоялись, так как к концу доклада не оказалось кворума.) На Тепковской фабрике Иваново-Вознесенской губернии спрашивали: 1) Почему у нас недостает продуктов питания и первой необходимости, как мыла и мануфактуры, а два-три года тому назад всего было достаточно. Нет у нас никакой муки, ни ржаной, ни белой. 2) Почему ЦК ничего не делает по повышению технической грамотности и борьбе с пьянством. 3) Почему ночная смена также работает семь часов. 4) Почему у нас нет ни чайной, ни столовой на 18 тысяч текстилей. 5) Почему в магазине ЦРК нет сукна, почему оно есть у частного. 6) Почему на работу последнее время берут богатых крестьян, а городской пролетариат мотается. 7) Почему хлеборобы без хлеба не сидят, а мы, производители мануфактуры, ходим раздетыми. 8) Почему работниц эксплуатируют. Мне 50 лет и меня ставят на четыре станка, а детей кормить ведь надо. На Глуховской мануфактуре рабочие спрашивали другого члена своего ЦК Брагинского: "Знают ли союзы, что с переходом на три-четыре станка упала заработная плата?" А на фабрике "Солидарность" Владимирской губернии его же спросили: Долго ли рабочие будут нуждаться в хлебе и стоять за ним в очередях? На Рудниковской мануфактуре (фабрика "Большевик") Мельничанскому был задан вопрос: Почему это вы, профессиональные органы, довели рабочих до небывалой эксплуатации? Вы воротились к тому, что было 40 лет тому назад и ввели ночной труд для женщин, чего нет

в капиталистических странах. 3 марта конференция текстилей в Павловском Посаде Московской губернии (Ленинская фабрика) грубо отменила пункт из резолюции, принятой рабочими фабрики на торжественном собрании, посвященном 10-летию Красной Армии, допустив следующую кощунственную мотивировку: "Конференция отменяет пункт резолюции, как антисоветский, предложенный т. Парфеньевым (приветствие Троцкому и вождям оппозиции) и ошибочно принятый большинством голосов на торжественном собрании незначительной частью рабочих

фабрики 23 марта 1928 года, посвященном 10-летию Красной Армии". На той же конференции рабочие требовали у докладчика ответа: 1) Верит ли партия в правоту своего руководства? 2) Куда выслали Троцкого? 3) Почему оппозицию везде как будто похоронили, а у нас она живет и показывает свое лицо? 4) Почему не написали в газетах, за что Троцкого выслали из Москвы, а ведь когда исключали из партии, нас спрашивали? 5) Почему ЦК не напечатал полностью требование оппозиции от ЦК? 308 6) Почему также не опубликованы все предложения оппозиции, чтобы их могли широко обсудить пролетариат и крестьянство? "Я требую ответа,-- заявил оратор. -- Если вы не ответите прямо на мой вопрос, то я считаю, что вы скрываете правду от рабочих". Что ж, уважаемые профворотилы, пожалуйста к ответу, расскажите -- почему...

Паровозные мастерские

После 5-ти месяцев ожидания рабочие были проинформированы о тех решениях, которые приняты в связи с тарифной реформой. Изменяется тарифная сетка и значительно сокращается размер приработка. Кроме того, снижаются разряды соответственно новой тарифной сетке. По словам докладчика, заработная плата упадет по всему предприятию на 8% и, если производительность труда повысится на 10%, то нынешний уровень зарплаты будет сохранен (?). Производительность труда предполагается повысить не за счет улучшения оборудования, а главным образом, путем организационных улучшений и уплотнения рабочего дня. При большой ветхости оборудования, сомнительно, чтобы организационными мерами повысили производительность, ибо даже во время войны, когда предприятие работало с максимальной нагрузкой (12-часовой рабочий день), производительность была намного ниже нынешней. Оборудование с тех пор не улучшалось (масса станков 1879 года) и, очевидно, производительность будет поднята (если удастся) главным образом за счет возможно большего использования рабочей силы. Есть основания предполагать, что зарплата падет больше чем на 8%, ибо она снижается не только по линии расценок, но и по линии снижения в разрядах, а это дает широкую возможность дальнейшему срезанию заработка. Рабочие, из доклада неясно понявшие перспективы в связи с реформой, после ознакомления с расценками побригадно начали проявлять все более усиливающееся недовольство. Были дни, когда в некоторых цехах не работали по три-четыре часа и группы рабочих обсуждали вопрос о расценках и разрядах, а также о тех не радужных перспективах, которые открывались в связи с реформой. В цехах настроение нервное, почти паническое. То и дело раздаются возгласы "завоевали", "довоевались" и т. п. О конечных результатах реформы можно будет судить после одного-двух месяцев работы. Но и сейчас уже нет основания питать какие-либо надежды на сохранение прежнего заработка, и потому тревога рабочих вполне понятна.

На "Красной нити" 309

Одним из волнующих за последний месяц вопросов является вопрос о тарифном

справочнике. Рабочим до сих пор не удается узнать, как относятся профорганы к указанному вопросу. Чтобы провести линию хозяйственников, с одной стороны, а с другой, сохранить видимость "демократии", Окружной отдел союза дает "распоряжение" решать такие вопросы не на общих собраниях рабочих, а по сменам. Членам партии и комсомола предлагается явиться на такие собрания в обязательном порядке, и таким образом создается искусственное большинство. Будучи уверены в том, что бюрократы все равно проведут свою линию, рабочие (беспартийные) или уходят с собрания, или не голосуют. Как союз думает о новом тарифном справочнике, рабочие узнали случайно. Захотелось как-то союзу делать отчет о своей работе, и вот тут один из рабочих -- совсем не случайно -- спросил об отношении профорганов к новому тарифному справочнику, а также об уменьшении фонда заработной платы. Представитель союза ответил: "Мы не лучше московских текстилей". Ясное дело, что этот ответ не может удовлетворить рабочих... А вот еще пример так называемой "рабочей демократии". За два часа перед окончанием работы вывешивается объявление о собрании цеха для выборов делегатов на окружную конференцию союза. За такой короткий срок рабочий даже не имеет времени думать о кандидатах, да зачем думать, если цех[овой] орг[анизатор] до объявления собрания подходил к каждому партийцу и комсомольцу и сообщал список, за который нужно голосовать. При таких условиях понятно, что рабочие никакого желания присутствовать на собраниях или выборах не имеют.

Активность и самостоятельность рабочих возможна лишь при подлинном соблюдении рабочей демократии, в частности на нашей фабрике рабочие должны добиваться общего собрания и широкого обсуждения тарифной реформы.

На 1-м Гос[ударственном] Кроватном заводе им. Чубаря310

Кампания по перезаключению колдоговора началась приблизительно в январе-феврале этого года. Выступавшие на общем собрании рабочих оппозиционеры указывали на ненормальность того, что зарплата понижается. Вскоре после собрания провели так называемую "нивелировку", благодаря которой заработок рабочих снизился приблизительно на 30 -- 40%. По цехам были проведены беседы, на которых директор завода обращался к "товарищам рабочим с призывом к жертвам во имя победы социализма". В то же время на нашем заводе, как и повсюду, конторские служащие нивелиров-

ке не подлежали. В результате нивелировки была снижена оплата за следующие работы: В сборном цеху

за какую работу платили до нивелировки платят теперь

гнутые табличек 1 р. 82 коп. за сотню 82 коп. за сотню

клепка табличек 82 коп. за сотню 42 коп. за сотню

к палочкам

приклепка к

табличкам 80 коп. за сотню 40 коп. за сотню

приготовление
завитков 5 коп. за штуку 3,3 коп. за штуку
одевание завитков
к спинкам 10,1 коп. за штуку 4 коп. за штуку
пассовка кроватей 12 коп. за штуку 9 коп. за штуку
приклепка вилок к
спинкам 75 коп. за сотню 65 коп. за сотню

Правда, повысили оплату за натяжк сеток -- раньше платили по 4 коп. теперь по 5 коп. В других цехах положение такое же. Ремонтные рабочие потеряли по сравнению с декабрем прошлого года 30% своего заработка, а общий приработорок рабочих в среднем упал с 213 % в декабре прошлого года до 114% в феврале т. г. Ученики в результате введения учебной сетки потеряли 20% заработка. Вскоре после перевыборов в завком поступило заявление рабочих с просьбой изменить сроки выплаты зарплаты и не снижать расценки. Вопрос был передан на обсуждение пленума завкома. Возмущенные рабочие спрашивали: "Неужели нужно бастовать для того, чтобы заставить вас удовлетворить наши справедливые требования". Выступивший комсомолец сказал, обращаясь к председателю завкома: "С вами нужно бороться организованно, мы не можем так работать, если так будет дальше, то вам придется после работы нас вывозить, ибо мы останемся без сил".

Завком указывал на то, что это решение райкома металлистов, что поэтому ничего нельзя изменить. Подавленное настроение рабочих несколько оживила статья в газете "Харьковский пролетарий"³¹¹ о нашем заводе, но для расследования была создана комиссия, куда вошли: директор завода, заместитель председателя треста, инженер завода и только один рабочий. Ясно, что будет послано в газету опровержение и все опять будет по-старому.

На Кутузовке (чулочно-суконная фабрика)

За несколько дней до появления в "Харьковском пролетарии" постановления окрпарткома о снятии с работы председателя окр [ужного] союза текстилей Зеленского за злоупотребления и неправильную линию на "Канатке", у нас, на "Кутузовке", был созван фабричный профессиональный актив. Стоял специальный вопрос: отчет правления окрсоюза текстилей. Отчет был казенный и благополучный. Приняли резолюцию, одобряющую работу правления союза. Профессиональный актив, подобранный из своих людей, усиленно хвалил и умеренно критиковал по методу "самокритики". Когда уже появилось газетное разоблачение, то фабком не счел нужным созвать общее собрание рабочих и разъяснить создавшееся положение. Не совсем демократично поступил фабком при выборах делегатов на экстренный окрсъезд текстилей. Рабочих первой смены о выборах делегатов известили перед самым шашашом. Вторая смена выбирала за полчаса до начала работы и за два часа до начала заседания съезда. Спрашивается, как фабком и партколлектив проводил "активное участие" рабочих

в выявлении общественного рабочего мнения по делу союза??? Где же тут были "самокритика" и рабочая демократия? Выборы без назначенного списка? А кто же посмел возразить, если список предложил "сам" секретарь фабкома. В списке был почти весь фабком и два-три верных человека из своих от цехов. Голосовали, лишь бы уйти скорее домой, так как иначе не пускали. Когда задали вопрос, почему нет докладчика о деле союза, то ответили: "можно сделать информацию, конечно, но мы лучше сделаем ее по красным уголкам, а те, кто особенно интересуются, пусть прочтут в "Харьковском пролетарии". Проф- чиновники мнение рабочих о деле союза не спросили, да и как было спрашивать, если даже своих людей, то есть профактив и тот надували, говоря, что все хорошо. Комиссия окрпаркома до нашего профактива уже почти два месяца как все разбирала дело союза и "Канатки". Прошло уже две недели после съезда, а отчеты с рабочего съезда еще не сделаны.

На Канатной фабрике

Настроение рабочих нашей фабрики очень тревожное, особенно после опубликования тех безобразий, которые творились на фабрике, о которых знали и говорили рабочие в течение двух лет. Лучшим примером взаимоотношений рабочих с администрацией и завкомом служит (30 апреля 1928 года) забастовка, которая возникла как будто бы по ничтожному поводу. Дело было так: рабочим сообщили, что воскресный день они будут работать вместо понедельника, чтобы соединить первомайские дни. Рабочие предлагали обсудить этот вопрос по цехам для урегулирования вопроса о сменах. Пятница и суббота были для рабочих бурными днями. Отправились бесчисленные делегации к фабкому, администрации с требованием обсудить вопрос на цеховых собраниях. Рабочие говорили, что если смены на воскресный день остаются те же, несмотря на то, что этим днем фактически начинается новая

о объявление, что рабочие в воскресенье остаются работать на старых сменах. Рабочие решили не допустить ".: "Как скажем, так и будет. Зачем еще разговаривать". Затем было вывешен .

оскресенье выйти на работу утром, неделя, то они хотят знать целесообразность

неделя, то они хотят знать целесообразность и выгодность такого мероприятия.

Но упорство было никак [не] сломать вновь выдвинутой кампанией "самокритики". Директор заявил: "Как скажем, так и будет. Зачем еще разговаривать". Затем было вывешено объявление, что рабочие в воскресенье остаются работать на старых сменах. Рабочие решили не допустить издевательства над собой. Без фабкома было устроено собрание на котором единогласно решили в воскресенье выйти на работу утром, т.е. считать этот день как начало новой недели, так как работали вместо понедельника. В воскресенье явились две смены: одна по распоряжению начальства, другая по постановлению самих рабочих. Директор фабрики, охраняемый милиционерами,

стал у ворот и не пускал рабочих второй смены. В ответ на напор рабочих директор распорядился "обливать их водой" (старые методы борьбы с рабочими), а когда и это не помогло, он грозно крикнул, что прикажет стрелять. Озлобление рабочих дошло до высшего предела, в лице директора и фабкома рабочие чувствовали своих классовых врагов, их речи не слушались. Они буквально сгонялись рабочими с трибуны. Характерна роль коммунистов в этой волынке: узнав еще в субботу, что предстоят неприятности, одни совсем не явились, другие попрятались по углам. "Авангард, где ты?" -- с иронией спрашивали рабочие. Явилось начальство из союза и треста, выслушав "беспристрастно" обе стороны, они, конечно, предложили рабочим второй смены разойтись по домам и выйти на работу по распоряжению администрации. Сам факт забастовки по такому поводу показывает, что терпение рабочих долго испытывалось и что следовало бы давно поставить на свое место зарвавшихся бюрократов. А после этого "Харьковский пролетарий" помещает заметку под заглавием "Позор канатцам", в которой пишут, что рабочие поддались "влиянию кучки демагогов" и т. д. Кроме того, в заметке даются лживые сведения, будто рабочие остались работать на второй смене. Довольно лжи. Рабочие имеют право знать истинное положение вещей.

ОТОВСЮДУ

По вузам

После XV съезда партии исключили из вузов почти всех учащихся оппозиционеров: из Инхоза 312 -- 27 исключено человек, из ИНО 313 -- 6 человек, из Сельскохозяйственного института -- 5 человек. Исключенные студенты Инхоза прежде всего обратились к ректору с просьбой сообщить им причину исключения и в ответ получили: "Исключили и все, мы не обязаны указывать основания, а, впрочем, вы, вероятно, сами догадываетесь!.."

Да, догадались. Тем более, что некоторые официальные лица договаривали, что необходимо очистить вузы от "разлагающего влияния оппозиционеров". Но тогда непонятно, почему же исключили тех товарищей, которым осталось только получить свидетельство об окончании. Где смысл исключения таких товарищей с точки зрения изоляции вузов от "контрреволюционеров". Совершенно ясно, что исключение носит характер материального ущемления оппозиционеров. Не дать кончить, чтобы не дать возможности работать, выдать волчий билет -- таково истинное содержание исключения. Студенты Инхоза обратились затем к председателю ЦКК Затонскому с просьбой сообщить, является ли исключение оппозиционеров из вузов директивой центральных органов партии или результатом творчества мест. Ответ сводится к категорическому протесту против подобных мероприятий с обещаниями немедленно отменить постановление, откуда бы оно не исходило. Результаты этих обещаний уже известны -- исключенные студенты до сих пор шатаются из одного учреждения в другое и остаются по-прежнему выброшенными из вузов.

Вскоре после посещения ЦКК исключенным предложено было подавать, каждому отдельно, заявление в ОКК для пересмотра вопроса. Из прошедших комиссию 13-ти человек 9 восстановили. Казалось бы, что результаты достигнуты, на следующий день уже висел приказ по институту о восстановлении этих девяти человек. Но вслед за тем приказ снимается, ректор извиняется за досадную ошибку. "К[онтрольная] к[омиссия] не имела права восстанавливать вас, беспартийных. Вопрос о вас должен быть пересмотрен по советской линии". Совершенно ясно, что обращение в Наркомпрос по советской линии не постигла лучшая участь. "Мы вас не исключали, мы вас не будем восстанавливать",-- таков первый ответ этой инстанции, а потом: "Приходите в понедельник, вторник, среду и т. д.". А воз и ныне там.

Ценою подачи заявления об отказе от взглядов оппозиции (на что неоднократно делались намеки) никто восстановиться не желал.

Вопрос сводится к требованию восстановить, так как большинство исключенных рабочие, которые принимали активное участие в созидании и строительстве СССР.

Исключили из вузов оппозиционеров, в то время как там свили себе крепкие гнезда выходцы из мелкобуржуазной среды, дети спецов и прочая безыдейная публика, из которых выйдут герои шахтинских и других дел.

О настроениях рабочих Полтавского ж[елезно]д[орожного] узла
Обсуждение проекта реформы зарплаты и нового колдоговора вызвало общее недовольство им у рабочих железнодорожников. Основная причина этого недовольства кроется в том, что как реформа зарплаты, так и колдоговор вносят значительное ухудшение в положение рабочих: 1) реформа зарплаты в общем дает 10% снижения заработка, для некоторых же категорий рабочих зарплата снижается сразу на три-четыре разряда; 2) новый колдоговор отнимает двухнедельный добавочный отдых у стариков, уменьшает норму выдачи угля, повышая в то же время его отпускную цену, уменьшает количество проездных билетов и т. д. Обсуждение этих проектов проводилось на общих собраниях. На общем узловом собрании, на которое прибыла из Харькова вся высшая железнодорожная и профсоюзная бюрократия, выступавшие рабочие категорически высказывались против этих проектов. Настроение рабочих достаточно характеризует тот факт, что они не дали высказаться "защитников" аппарата грозила участь быть избитым, и только бегство с собрания спасло его от этого. В вагонном отделе некоторым аппаратчикам (председателю ОСПС314 и другим). На общем собрании рабочих паровозных мастерских одному из выступивших

некоторым аппаратчикам (председателю ОСПС314 и другим). На общем собрании рабочих паровозных мастерских одному из выступивших "защитников" аппарата грозила участь быть избитым, и только бегство с собрания спасло его от этого. В вагонном отделе выступавший на собрании рабочий заявил: "Я желаю тому, кто составил эту реформу, на деньги, полученные в результате этой экономии, купить веревку и повеситься". Выступавших здесь оппозиционеров

слушали очень внимательно. В результате проект реформы был рабочими провален. Та же участь постигла проект на общем собрании партийцев узла, на собрании рабочих вагонного отдела, на цеховых и общих собраниях паровозных мастерских.

Перевыборы профсоюзных органов "на основе демократии и самокритики" фактически прошли под знаком зажима, в результате чего рабочие отнеслись к этим выборам чрезвычайно пассивно. Перевыборному собранию паровозных мастерских предшествовало объединенное общее собрание коллективов КП(б)У и ЛКСМУ, на котором секретарь коллектива КП(б)У в порядке партийной дисциплины рекомендовал при голосовании ориентироваться на его руку.

Во время выборов отводы во внимание не принимались и не производилось голосование "против". В результате из 1300 присутствовавших (всего в мастерских около 2000 человек) в голосовании участвовали человек 550 -- 600.

Если принять во внимание, что партийцев и комсомольцев в мастерских насчитывается до 500 человек, то станет совершенно ясно, что на основе "самокритики и профсоюзной демократии" голосовали всего несколько десятков беспартийных рабочих.

Интересно отметить, что выделенные члены рабочей части КРК315 (беспартийные) в заседаниях КРК не хотят участвовать, считая, что это напрасная трата времени, поскольку с их мнением все равно не считаются.

ЦК ВКП(б)

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ СТАЛИНУ (с ознакомлением членов Политбюро и президиума ЦКК)

За время с XV съезда огромное количество большевиков-оппозиционеров направлено в сибирскую, среднеазиатскую и североуральскую ссылки. При этом значительное количество ссылаемых, сплошь серьезно больных, направляется органами ОГПУ в такие "гиблые места" Сибири, Урала и Средней Азии, как Туруханск, Березов, Нарым и т. п. В частности, с открытием навигации в Туруханск направляется из города Енисейска тт. Б. В. Емельянов (Калин) и Л.

И. Левин. Большеvistский стаж всех этих товарищей исчисляется в общей сложности многими сотнями лет. Упомянутые края резко отличаются к худшему от всех других районов ссылки оппозиционеров. В системе мер политической изоляции ссылка в эти места представляет собой ни что иное, как обречение большевиков-оппозиционеров на медленную смерть, климатические условия этих районов, обуславливающие вырождение даже туземного населения, невозможность там иметь нормальное питание и жилище, отсутствие квалифицированной медпомощи и элементарных условий культурного существования, дороговизна жизни и невозможность иметь какую-либо работу, составляют в совокупности угрозу жизни для ссылаемых в эти края - оппозиционеров. Здоровье почти всех из них надорвано многолетней и тяжелой борьбой с царизмом за диктатуру

пролетариата, на фронтах гражданской войны, в романовских тюрьмах-казематах и в белогвардейских застенках, теперь же снова по тюрьмам и по тем же "гиблым местам" в борьбе за рабочее дело. Даже деятели антисоветских партий назначаются ОГПУ в ссылку в эти районы только в порядке исключения из правила и в совершенно исключительных случаях. Выделение ряда товарищей из общей массы ссылаемых оппозиционеров в особую группу не может быть ничем обосновано. Неизбежно возникает вопрос -- не являются ли эти меры борьбы с оппозицией курсом ЦК на физическое уничтожение деятелей оппозиционного движения или на моральную пытку для них? Подчеркивая, что ссылка большевиков-оппозиционеров является бесспорно антипролетарским актом, и понимая, что только давление пролетарского ядра партии и рабочего класса в целом на аоппортунистическое руководство ВКП(б) может вернуть партию на ленинские позиции и тем самым прекратить исключение из партии и ссылку подлинных большевиков-ленинцев, мы категорически настаиваем на немедленной даче директивы ОГПУ об отмене всех назначений оппозиционерам-большевикам (в частности т. Емельянову и Левину) отбывать ссылку в упомянутых "гиблых местах", а также о немедленном возвращении уже находящихся там в более здоровые районы. Ответственность за последствия в результате неудовлетворения нашего требования, разумеется, падает на возглавляемое Вами руководство ВКП. Настоящее наше протестующее требование именно к Вам обуславливается тем, что, как известно, вопрос о ссылке оппозиционеров-большевиков решается руководящим ЦК, а не так называемыми "надлежащими ведомственными органами".

Ссылаемые оппозиционеры-большевики в городе Енисейске. Емельянов (Калин) Б. В., Явановская О. П., Левин Л. И., Мартынов Д. И., Оборин В. П., Оганесов С. С., Патриарка В. А., Розенгауз И. С.

Енисейск, 1 мая 1928 года

К письму присоединилась Ходженская большевистская ссылка, послав следующую телеграмму:

мая, требуем отмены Туруханска Емельянову, Левину, возврата из аналогичных мест уже сосланных.

Ходженская большевистская ссылка:

Остроумов, в "гиблые места" продолжается. Курс на физиче

МОСКВА, ЦК ВКП, СТАЛИНУ

Чаусовская,

Москва, ЦК Москва ЦК ВКП, Сталину

Ссылка оппозиционеров в "гиблые места" продолжantся. Курс на физическое уничтожение, моральные пытки большевиков становятся фактом. Присоединяясь к заявлению ссыльных Енисейска от первого мая, требуем отмены Туруханска Емельянову, Левину, возврата из аналогичных мест уже сосланных.

Ходженская большевистская ссылка:
Остроумов, Чаусовская, Рогальский, Устимчик

Н. И. Бухарин

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ И ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(Проект тезисов VI Конгресса Коммунистического Интернационала)316

Введение

1. После первой всемирной империалистической войны между-народное рабочее движение пережило целый ряд исторических фазисов развития, выражающих различные фазисы общего кризиса капиталистической системы.

Первый период, высшей точкой которого является 1921 год, закончился целым рядом тяжелых поражений пролетариата. Заключительным звеном этого периода является поражение германского пролетариата в 1923 году. Это поражение служит исходным пунктом второго периода, периода постепенно складывающейся частичной стабилизации капиталистической системы, "восстановительного" процесса капиталистической экономики, повсеместного наступления капитала, оборонительных боев ослабленной тяжелыми поражениями пролетарской армии. Наконец, третий период -- это период быстрого роста техники, ускоренной экономической реорганизации капитализма (усиленная трестификация, тенденция к государственному капитализму и т. д.) -- и в то же время период мощного развития противоречий мирового хозяйства, движущегося в формах, определяемых всем предыдущим ходом общего кризиса капитализма (СССР, колонии, рост внутренних противоречий империализма). Этот третий период делает неизбежной новую полосу империалистических войн, войн против СССР, гигантских классовых битв. Этот период есть в то же время период укрепления и роста СССР, полевения широких масс пролетариата капиталистических стран, период развертывания крупнейших колониальных движений (китайская революция, брожение в Индии).

I. Техника и экономика мирового хозяйства

2. Не подлежит никакому сомнению значительный подъем техни-ки капиталистических стран, в некоторых из них (Соединенные Штаты, Германия) принимающий характер технического переворо-та. Гигантский рост двигателей внутреннего сгорания, электрифи-кация, химизация, новые методы

синтетического добывания топли-ва и сырья (бензин, искусственный шелк и т. д.), применение легких металлов, широкое развитие автотранспорта--с одной стороны; но-вые формы организации труда, связанные с необыкновенно быст-рым ростом конвейерной системы,-- с другой, подняли вновь произ-водительные силы капитализма. На этой основе растут обороты внешней торговли и чрезвычайно поднимается экспорт капитала, причем удельный вес этой формы экономической связи между стра-нами значительно повысился по сравнению с довоенным временем.

3. В области экономики наблюдается исключительно быстрый рост картелей, трестов, банковских консорциумов.

Наряду с картелированием и трестированием капитала в "национальных" рамках идет вперед и процесс роста международных финансово-капиталистических объединений. Одновременно наблюдается также рост государственно-капиталистических тенденций как в формах государственного капитализма в собственном смысле слова (государственные электростанции, муниципальные промышленные и транспортные предприятия), так и в формах все большего сращивания предпринимательских организаций с органами государственной власти.

Вместе с тем общий кризис капитализма принимает новые формы и развивает особые специфические противоречия на осно-ве коренных структурных изменений всей мировой экономичес-кой системы. Перемещение хозяйственного центра капитализма из Европы в Америку и усиливающееся стремление трестифициро-ванной и окрепшей Европы освободиться от экономического гос-подства Соединенных Штатов; громадная диспропорция между темпом нарастания хозяйственной и военной мощи разных страни величиной их колониальных владений; опасность, угрожающая позициям империалистов в колониях и прежде всего в Китае; раз-витие СССР, как инородного тела внутри мирового капиталисти-ческого хозяйства,-- все эти противоречия не могут [не] приведя в конечном счете к новому их взрыву.

Взросшие производительные силы капитализма все более и более приходят в столкновение с ограниченными рамками внут-ренних рынков, суженных послевоенным разорением в ряде импе-риалистических стран, и растущей пауперизацией колоний, а также с послевоенным строением мирового хозяйства, диспропорции ко-торого выросли и чрезвычайно осложнились новым принципиаль-ным антагонизмом между СССР и странами капитализма. Наруше-ние равновесия между Америкой и Европой находит свое наиболее яркое выражение в так называемой "германской проблеме". Герма-ния, поднявшая быстро уровень своего развития -- в значительной мере благодаря американским кредитам -- и вынужденная платить репарации и проценты по долгам, не находит достаточных рын-ков для экспорта своих товаров, и вся система отношений поддер-живается за счет новых и новых американских кредитов, увеличи-вающих, в свою очередь, конкурентоспособность Германиина мировом рынке, прежде всего против Соединенных Штатов.

Попытки смягчить эти затруднения путем образования европейских и

международных картелей воспроизводят на расширенной основе и в новых формах конкурентную борьбу (определение квот, борьба с некартелированными предприятиями и т. д.) между Англией и государствами европейского континента и на самом европейском континенте с его политическим и хозяйственным дроблением и многочисленными таможенными перегородками.

В таких условиях проблема рынков и сфер вложения капиталов становится чрезвычайно острой. Отсюда -- назревание новой полосы громадных военных столкновений, интервенционной войны против СССР, отсюда идущая на всех парах интервенция в Китай. Развитие противоречий капиталистической стабилизации неизбежно приводит, таким образом, в конечном счете к перерастанию текущего "стабилизационного" периода в период громадных катастроф.

II. Межгосударственные отношения и проблемы так называемой "внешней политики"

Отношения между капиталистическими государствами и СССР; отношение империализма к Китаю; отношения между Европой и Со-единенными Штатами составляют основу международных отношений текущего периода вообще. Рост Германии и связанные с этим перегруппировки держав являются главным фактором изменений в европейских межгосударственных отношениях.

Важнейшим фактором современного развития капитализма вообще необходимо признать перенесение хозяйственного центра тяжести в Соединенные Штаты Америки и рост -- на этой базе -- их империалистической агрессивности.

Являясь в качестве постоянного кредитора Европы рычагом центрально-европейского подъема, Соединенные Штаты одновременно укрепляют свою позицию почти во всех частях земного шара: Южная Америка постепенно становится в результате вытеснения британского капитала огромной "сферой влияния" Соединенных Штатов, которая на американском континенте кровью и железом подавляет все сопротивление (Никарагуа³¹⁷ и т. д.);

Канада и даже Австралия все более тяготеют к ним по линии так называемого "экономического сотрудничества", где гегемония Соединенных Штатов заранее обеспечена; в Африке Соединенные Штаты развивают широкие планы, направленные на подрыв хлопкового могущества Велико-британии; в Китае, сталкиваясь с Японией и Англией, они имеют наиболее прочную позицию, прикрываясь пока принципом "открытых дверей", фактически принимая участие в разделе Китая. Таким образом, североамериканский империализм все больше переходит от политики так называемого "мирного проникновения" к политике непосредственной военно-колониальной оккупации.

Эта быстрая экспансия Соединенных Штатов неизбежно сталкивает их интересы с интересами загнивающего, но все еще крайне могущественного британского империализма. Противоречие между республикой доллара, с ее быстрым темпом развития, присравнительно малых колониальных владениях и падающей

коло-ниальной империей британского короля, с ее гигантской колониальной монополией, является осью международных отношений текущего периода, и именно здесь заложен узел грядущей борьбы за новый передел колониального (и не только колониального) мира. Англо-американское "сотрудничество" перешло в яростное англо-американское соперничество, развертывающее перспективу громадного столкновения сил.

9. Влияние американского капитала в Европе сильнее всего сказалось на хозяйственном подъеме Германии. Из державы, лежавшей на самом дне хозяйственного разорения, Германия снова поднялась на большую высоту при помощи систематического кредитирования со стороны Соединенных Штатов. В связи с этим стоит и поднимающаяся политическая роль Германии. Рост монополистического капитализма в Германии вызывает, с одной стороны, распад Версаля³¹⁸, с другой -- все более определенную "западную" (т. е.

империалистскую и антисоветскую) ориентацию Германии. Если в дни ее хозяйственного, политического и национального унижения Германия искала союза с пролетарским государством, единственным государством, бывшим против империалистического порабощения Германии, то выросшие тенденции германского неоимпериализма все более толкают Германию к антисоветской позиции.

10. Этот факт должен неизбежно изменять, в свою очередь, и группировки европейских держав. Наличие целого ряда внутри-европейских противоречий (прежде всего, итальянско-французское и на Балканах, и в Северной Африке) на фоне неустойчивости отношений приводит к постоянной перегруппировке держав. Однако сквозь всю пестроту этих меняющихся группировок прокладывает себе путь основная тенденция, тенденция к борьбе с Советским Союзом. Бесчисленные договоры и соглашения между рядом мелких и крупных государств (Польша, Румыния, Италия, Венгрия, Чехословакия, "Ranstaaten"³¹⁹ и т.

д.)... направленные против СССР и заключаемые по директивам из Лондона и Парижа, выражают эту тенденцию со все большей и большей ясностью. Изменение позиции Германии в известной мере завершает определенную стадию этого процесса, процесса подготовки войны со стороны контрреволюционного блока империалистов против СССР.

11. Борьба за рынки и сферы приложения капитала не только чревата войнами против СССР и империалистов между собой, но уже привела к большой интервенционной войне за раздел огромного китайского рынка. Там, где перед империалистами имеется налицо и объект эксплуатации, и в то же время революционное движение, подрывающее господство капиталистических принципов, образование общих империалистских блоков наиболее вероятно. Поэтому наряду с блоком империалистских держав против СССР имеется общая контрреволюционная и палаческая военная интервенция против сил китайской революции. Но в то же самое время эта совместная борьба против китайской революции развивает глубочайшие противоречия интересов внутри империалистического блока, в первую очередь противоречия между хищническим и открыто оккупантским империализмом Японии и громадной мощью американского империализма, на данной стадии развития драпирующегося в фальшивую тогу пацифизма. Таким образом,

фактическая война империалистов против китайского народа может развязать грандиозный конфликт между империалистами.

III. Государственная власть буржуазии и перегруппировка классовых сил

В огромном большинстве капиталистических стран политика буржуазии определяется в настоящее время двумя главнейшими задачами: во-первых, дальнейшим повышением "конкурентно-способности", т. е. дальнейшим развитием капиталистической рационализации, во-вторых, подготовкой к войне. С точки зрения социально-классовой эта политика буржуазии приводит, с одной стороны, к повышению нажима на рабочий класс и повышению нормы эксплуатации; с другой -- к "компенсирующим" методам экономической и политической коррупции, сознательным носителем которой все более и более становится социал-демократия.

Централизация капитала и втягивание через банковскую систему крупного землевладения в общую финансово-капиталистическую организацию все более консолидируют силы объединенных крупных эксплуататоров, организации которых непосредственно срастаются с органами государственной власти. Если система так называемого военного государственного капитализма в значительной мере являлась системой осадной экономики, которая была "отменена" после окончания войны, то рост государственно-капиталистических тенденций, в настоящее время покоящийся на базисе роста производительных сил и быстрой централизации хозяйства, в свою очередь, объективно является предпосылкой военно-хозяйственной мобилизации для грядущих столкновений. Передвижка в распределении производительных сил в сторону химической промышленности, играющей первостепенную роль в современной войне, еще более подчеркивает все значение этого факта.

Эта эволюция отношений государственной власти к предпринимательским организациям противопоставляет рабочий класс объединенным силам капитала с необычайной резкостью. Каждая сколько бы то ни было крупная экономическая стачка сталкивает рабочих с трестированными капиталистическими гигантами, сросшимися с государственной властью империалистов. Каждая такая стачка приобретает поэтому политический, т. е. общеклассовый характер. Развитие каждой такой стачки приводит, таким образом, к "антигосударственному" ее характеру. Именно такое положение вещей заставляет буржуазию и ее государственную власть прибегать к сложным формам экономической и политической коррупции определенных частей самого рабочего класса и его политических и профессиональных организаций. Сращивание верхушки реформистских профсоюзов и "рабочих" партий с предпринимательскими организациями и буржуазным государством, государственные чиновники и чиновники предпринимательских организаций из рабочих, теория и практика "промышленного мира" и т. д. -- все это является превентивными средствами против развития классовой борьбы.

Одновременно с этим империалистские государства развивают все более и более орудия и методы репрессии против революционных отрядов пролетариата, в особенности против коммунистических партий. Эти мероприятия точно так же непосредственно связаны с военной подготовкой империалистских государств. Сюда относятся: билль о профсоюзах в Англии, военный закон Поля Бон-кура³²⁰ и репрессии против коммунистов во Франции, разгром профессиональных союзов и террор против коммунистов в Италии³²¹, террор в Японии, террор в Польше, попытки роспуска Союза красных фронтовиков в Германии³²² и т. д. и т. п. В ряде стран правящая буржуазия при помощи социал-демократии будет стремиться загнать компартию в нелегальное положение, и боевая подготовка как этим повторным атакам становится в порядок дня.

Одновременно с этим возрастает в очень разнообразных формах сопротивление рабочего класса, уже оправившегося от тяжелых поражений предыдущего периода. Развитие противоречий капиталистической стабилизации, рационализация, рост безработицы, возрастающий нажим на рабочий класс, разорение мелкой буржуазии и т. д. неизбежно обостряют классовую борьбу и расширяют ее базу. Продвигается дальше процесс "полевения рабочего класса", ослабляется влияние чисто буржуазных партий на массу рабочих, причем часть рабочих переходит от них к социал-демократии, часть -- к коммунистам; происходит рост влияния коммунистических партий. Если начало стабилизационного периода и повсеместное наступление капитала вызвало к жизни громадные оборонительные битвы, то новая полоса точно так же ознаменовалась крупнейшими проявлениями массовой борьбы: сюда относятся прежде всего волна стачек в ряде стран (Германия, Франция, Чехословакия и т. д.), восстание венского пролетариата, демонстрация по поводу казни Сакко и Ванцетти³²³, движение в пользу СССР и т. д. Таким образом, воспроизводство противоречий капиталистической стабилизации, возрастающее обострение классовой борьбы приводят, несмотря на контрмеры со стороны буржуазии и социал-демократии, к идеологической дифференциации среди рабочего класса и дальнейшему укреплению позиций коммунизма в международном рабочем движении.

IV. Классовая борьба, социал-демократия и фашизм

17. Несмотря на обострение классовой борьбы, реформизм в европейско-американском рабочем движении обнаруживает признаки своей живучести и политической цепкости. Наиболее глубокой социально-экономической основой этого факта являются: монопольное положение Соединенных Штатов как мирового эксплуататора, кредитора и ростовщика (процветание -- "просперити" Соединенных Штатов); колониальная монополия Англии, которая лишь постепенно теряет свои позиции на мировом рынке; зависимость Германии от Соединенных Штатов и подъем германского хозяйства на основе этой зависимости и т. д.; в связи с этим первичным процессом стоит вторичный процесс

сращивания государ-

ственных аппаратов и предпринимательских организаций с верхушками рабочих организаций, руководимых социал-демократией, образование нового чиновничества из рабочих бюрократов (государственные, муниципальные чиновники, чиновники предпринимательских организаций, функционеры, обслуживающие "общие" организации рабочих и капиталистов, так называемые "представители пролетариата" в почтовых учреждениях, в железнодорожных советах, в банковских организациях, где они выступают от имени профсоюзов, кооперации и т. д. и т. п.).

Этот процесс обуржуазивания верхов рабочей бюрократии сознательно поддерживается и форсируется социал-демократией. Социал-демократия теоретически перешла от стыдливой защиты капитализма к его активному строительству, от умеренной классово-вой борьбы к проповеди "промышленного мира", от "защиты отечества" к подготовке военных операций против СССР (Каутский), от мелкобуржуазного пацифизма к обожевлению империалистской Лиги Наций, от лжемарксистского ревизионизма к либерализму английской рабочей партии.

Этой идейной установке целиком соответствует и практическая деятельность социал-демократии и реформистских профсоюзных вождей, в первую очередь их кампания по повсеместному насаждению "американских" методов коррупции и развращения рабочего класса (конференции представителей Генсовета и рабочей партии с А. Мондом³²⁴ в Англии, Национальный экономический совет во Франции³²⁵, "Labour Party" в Германии³²⁶, законы о принудительном арбитраже в ряде скандинавских стран, создание общего органа "Торговой палатой" и "рабочей камерой" в Австрии³²⁷ и т. д.). Предательская роль социал-демократии и реформистских профсоюзных вождей во время стачек и политических кризисов (английская стачка, венское восстание, забастовка металлистов в Германии)³²⁸ дополняется в настоящее время ожесточенными атаками коммунистов (политика исключений из общих организаций, в особенности из профсоюзов, в Англии и проч.).

В области внешней политики социал-демократические верхи и верхи реформистских профсоюзов в империалистских странах являются последовательными выразителями интересов буржуазного государства. Поддержка этого государства, его вооруженных сил, его полиции, его экспансионных стремлений, его принципиальной враждебности против СССР; поддержка грабительских договоров и соглашений, колониальной политики, оккупации, аннексий, протекторатов и мандатов; поддержка Лиги Наций и злостной кампании империалистических держав против СССР; участие социал-демократии в "пацифистском" обмане масс, в подготовке войны против пролетарских республик -- в реформистском обмане колониальных рабочих (Персель в Индии, резолюция Второго Интернационала по колониальному вопросу) -- такова в своих основных чертах фактическая линия поведения социал-демократии в области внешней политики.

21. Социал-демократия выступала за весь истекший период в роли последнего резерва буржуазии, как буржуазная "рабочая" партия. Буржуазия обеспечивала себе руками социал-демократии подступы к стабилизации капитализма (серия коалиционных кабинетов в Европе). Укрепление капитализма сделало в известной мере излишней функцию социал-демократии как правящей партии. Вытеснение ее из коалиции и образование так называемых "чистобуржуазных" правительств сменило собою так называемую эру "демократического пацифизма". Социал-демократия, играя, с одной стороны, роль оппозиции, с другой -- роль агитатора и пропагандиста политики так называемого "реалистического пацифизма" и "промышленного мира", удержала под своим влиянием значительные слои рабочих масс, приобрела часть рабочих, отошедших от буржуазных партий, приобрела влияние среди левеющей части мелкой буржуазии (выборы во Франции, выборы в Германии)³²⁹ и в центре Европы вновь вошла в состав правительства. Нужно, однако, иметь в виду, что эти случаи новых коалиционных правительств с непосредственным участием социал-демократии не могут быть и не будут простым повторением прежних комбинаций. В особенности это касается вопросов внешней политики вообще и военной политики в частности. Социал-демократическое руководство будет играть здесь роль неизмеримо более предательскую, чем на всех предыдущих этапах развития.

Наряду с привлечением социал-демократии, буржуазия в критические моменты выдвигает при определенных условиях (особенно в индустриально слабо развитых странах) фашистскую форму режима. Классический образец ее -- итальянский фашизм -- за последние годы преодолевал свои внутренние кризисы, главным образом с помощью американских кредитов и систематической коррупции части мелкой буржуазии, служащих и бывших реформистских верхушек, превращаемых в чиновников фашистского государственного, профсоюзного и партийного аппарата. Фашистские правительства Италии и Польши (Пилсудский)³³⁰ в области внешней политики развивают все более агрессивные черты, становясь выражением самого бесшабашного военного авантюризма. Применяя методы открытого насилия как систему управления, уничтожая все "конституционные" свободы, фашизм становится своеобразной формой капиталистического цезаризма со своей преторианской гвардией солдат и чиновников. Шумиха о "корпоративном государстве"³³³ и попытки объединить предпринимателей и рабочих целиком разоблачены действительностью и ходом реальной классовой борьбы. Чем более ярким становится капиталистический характер фашистской диктатуры и чем быстрее идет процесс замещения мелкобуржуазных кадров открыто капиталистическим руководством, тем сильнее развиваются внутренние противоречия режима. Будучи террористической формой диктатуры крупного капитала, главным образом в отсталых

странах, фашизм, со своей стороны, является добавочным фактором военно-империалистического насилия и военных угроз.

фашизм, со своей стороны, является добавочным фактором

военно-империалистического насилия и военных утроз.

странах, фашизм, со своей стороны, является добавочным фактором военно-империалистического насилия и военных угроз.

V. Колониальные страны и китайская революция

Общий кризис мировой капиталистической системы находит в настоящее время свое яркое выражение в колониальных и полуколониальных восстаниях и революциях. Сопротивление империалистической политике Соединенных Штатов (Мексика, Никарагуа), движение против Соединенных Штатов в Южной Америке, колониальные восстания в Сирии³³⁴ и Марокко³³⁵, постоянное брожение в Египте, в Коре, восстание в Индонезии³³⁶, набухание революционного кризиса в Индии -- наконец, великая революция в Китае -- все эти события и факты указывают на гигантскую роль колоний и полукolonий в революционной борьбе против империализма.

Важнейшим из этих фактов, событием всемирно-исторического значения, является великая китайская революция. Она вовлекает в свою орбиту непосредственно -- десятки миллионов, а косвенно -- сотни миллионов людей, исполинскую человеческую массу, впервые с такой силой выходящую на борьбу с империализмом. Ближайшая связь Китая с Индокитаем и Индией, в свою очередь, в огромной степени повышает значение китайской революции. Наконец, самый ход этой революции, ее демократический характер, ее неизбежное перерастание в пролетарскую революцию должны выявить перед всем международным пролетариатом весь рост международной роли китайской революции.

25. Китайская революция, будучи антиимпериалистической и национально-освободительной революцией, является в то же время на данной стадии революцией буржуазно-демократической, перерастающей в пролетарскую. В ходе ее развития, по мере действительного развития аграрной революции, по-плебейски расправляющейся с помещиками, джентри, "тухао"³³⁷, национальная (гоминьдановская) буржуазия в ряде переворотов окончательно перешла в лагерь контрреволюции, союза с феодалами, соглашения с империалистическими насильниками. Полное национальное освобождение Китая может быть достигнуто только в борьбе против китайской буржуазии, так же как и аграрная революция, конфискация помещичьих земель, освобождение от неслыханно огромных налогов на крестьянство.

Эти задачи могут быть решены лишь при условии победоносного восстания широчайших крестьянских масс, идущих под руководством и гегемонии китайского пролетариата.

26. Текущий момент китайской революции характеризуется следующими чертами: блок империалистов, феодалов и буржуазии нанес тяжелые поражения пролетариату и крестьянству и истребил физически значительную часть кадрового состава коммунистической партии. Рабочее движение еще не оправилось целиком от поражений. Крестьянские движения в ряде областей продолжают развиваться. Налицо имеется несколько районов

крестьянским самоуправлением, организованным как советская власть. В общем и целом, учитывая всю неоднородность развития в разных частях гигантской территории Китая, текущий момент необходимо охарактеризовать как полосу подготовки массовых сил к новому подъему революции.

В Индии начался подъем новой волны национальной революции, характеризуемой самостоятельным наступлением пролетариата (забастовки текстилей в Бомбее и железнодорожников в Калькутте³³⁸; первая майская демонстрация и т. д.). Этот новый подъем имеет глубочайшие корни во всем положении страны. Политика английского империализма тормозит промышленное развитие Индии, вызывает застой и регресс в сельском хозяйстве, обезземелье и пауперизацию крестьянства. Хищническая эксплуатация рабочих, сохраняющая местами полурабскую форму, сочетается с крайним усилением интенсификации труда. В борьбе против этой варварской эксплуатации пролетариат высвобождается из-под влияния буржуазии и реформизма, несмотря на то, что профсоюзный аппарат еще остается в руках реформистов. Крестьянское движение, дезорганизованное в 1922 году предательством Ганди³³⁹ и подвергаемое жесточайшим репрессиям со стороны феодальной реакции, лишь медленно идет к неизбежному новому подъему. Буржуазия, вновь вынуждаемая неуступчивостью английского империализма к возобновлению своей более или менее лояльной оппозиции по отношению к нему, несмотря на все свои антибританские выступления, по существу дела ищет соглашения с империализмом за счет трудящихся масс. Только под руководством пролетариата блок окажется в состоянии разбить блок империалистов, помещиков и соглашательской буржуазии, развязать аграрную революцию и прорвать империалистический фронт в Индии. Объединение разрозненных коммунистических группок в крепкую дисциплинированную коммунистическую партию является неотложной задачей национальной революционной борьбы. Новый подъем китайской революции и неизбежное обострение революционной ситуации в Индии могут создать совершенно новую общемировую политическую обстановку и опрокинуть относительную стабилизацию капиталистического порядка. Развитие конфликтов между империалистическими державами, их блокировка против СССР и глубочайшее обострение борьбы между империализмом и колониальным миром еще и еще раз подтверждают общую характеристику эпохи как "эпохи войн и революций".

VI. Тактическая установка и основные задачи Коммунистического Интернационала

29. Проблема борьбы с надвигающейся империалистической войной, защита СССР, борьба с интервенцией в Китае и его разделом, защита китайской революции -- это главные международные задачи коммунистического движения в настоящий момент, задачи, решение которых должно быть увязано с повседневной борьбой

решение которых должно быть увязано с повседневной борьбой рабочего класса

против наступления капитала.

Победа империалистов в их борьбе против СССР означала бы не только поражение пролетариата в СССР, но и самое тяжкое поражение международного пролетариата за все время его существования. Рабочее движение было бы отброшено на десятки лет назад. По всей Европе воцарилась бы самая свирепая реакция. Если под влиянием Октябрьской революции и в результате ряда революций в Германии, Австрии и других странах рабочий класс сделал ряд крупнейших завоеваний, то поражение пролетариата СССР открыло бы новую историческую страницу совершенно исключительного и зверски контрреволюционного террора. Борьба за защиту СССР не может, таким образом, не стоять в центре внимания. Поэтому тревога за судьбу СССР, против которого сплачиваются военные силы империалистов, должна вызвать систематическую работу по подготовке превращения войны против СССР в гражданскую войну против империалистских правительств, войну в защиту СССР.

Борьба с империалистской войной, борьба за защиту китайской революции и СССР требует повышения боевой международной на высоте этих международных задач. Еще VII расширенный пленум констатировал, что "почти все партии К[ом]И[нтерна] развили недостаточную энергию в борьбе за поддержку английской стачки и китайской революции". Дальнейший опыт подтвердил недостаточность понимания именно международных задач движения. В ряде случаев -- в особенности по отношению к борьбе с интервенцией в Китае -- не было проявлено достаточной мобилизационной способности со стороны секций Коммунистического Интернационала. Конгресс обращает внимание всех компартий на необходимость самого решительного исправления этих недостатков, на необходимость систематической работы по этим вопросам (широкое освещение в печати, пропагандистская и агитационная литература и т. д.), на необходимость гораздо более энергичного международного и боевого самовоспитания и воспитания широких пролетарских масс.

Борьба с угрозой империалистских войн между капиталистическими государствами и империалистской войны против СССР должна вестись систематически изо дня в день. Постоянное разоблачение на фактах работы Лиги Наций, постоянная поддержка предложения СССР о разоружении³⁴⁰ и разоблачение на этом "своих" правительств (с запросами в парламенте, массовой поддержкой их на улице и т. д.), непрерывное освещение вопроса о фактических вооружениях империалистских государств, о химической индустрии, о военных бюджетах, о тайных и явных договорах и заговорах империализма, о роли империалистов в Китае; разоблачения лжи социал-демократических "реалистических пацифистов" об ультраимпериализме и роли Лиги Наций; постоянное освещение "результатов" первой мировой войны, ее тайной подготовки -- военной и дипломатической; борьба с пацифизмом всех видов и проповедь коммунистических лозунгов -- в первую очередь, лозунга поражения "своего" империалистского отечества и превращения

империалистской войны в войну гражданскую; работа среди матросов, создание нелегальных ячеек -- таковы должны быть основные задачи компартий в этой области.

Поддержка колониального движения, в особенности со стороны компартий, угнетающих империалистических стран, является одной из важнейших задач текущего момента. Борьба с интервенцией в Китае, борьба с подавлением освободительных движений во всех колониях, работа среди армии и флота, решительная поддержка восстающих колониальных народов, переброска специальных групп то-варищей для борьбы против империализма в колониях, в частности переброска значительного количества американских и английских товарищей в Китай и Индию -- таковы должны быть мероприятия самого ближайшего времени. Конгресс вменяет в то же время в обязанность Исполкому обратить гораздо более серьезное внимание на колониальные движения и соответственно реорганизовать и усилить отделы, ведающие этой работой. Конгресс вменяет Исполкому в обязанность помочь Лиге по борьбе с империализмом³⁴¹ в деле упорочения и расширения борьбы Лиги.

В "передовых" капиталистических странах, в которых будут разыгрываться решающие битвы за пролетарскую диктатуру и социализм, общая тактическая ориентировка коммунистических партий должна быть направлена против всякого "врастания" рабочих организаций в капиталистические, частные или государственные организации, против "сращивания" профсоюзов с трестами, против "промышленного мира", принудительного арбитража, против государственной власти буржуазии, против трестов. Коммунистические партии должны неустанно разъяснять рабочим массам ближайшую связь проповеди "промышленного мира" и арбитража с репрессиями против революционного авангарда пролетарского движения и подготовкой империалистической войны.

В связи с усиленной трестификацией индустрии и тенденциями в сторону государственного капитализма, сращиванием организаций государства и трестов с верхами реформистских союзов, в связи с новой, насквозь буржуазной и активно империалистской идеологией социал-демократии должна быть обострена борьба с этой "буржуазной рабочей партией". Обострение этой борьбы вытекает из изменившегося сочетания сил и изменившейся позиции социал-демократии, вступившей в более "зрелый" -- с точки зрения империализма -- период своего развития. Конгресс одобряет поэтому целиком тактику, намеченную на IX пленуме ИККИ. Проверка этой тактики на опыте французских выборов, проверка ее на опыте английского движения полностью и целиком подтвердили ее безусловную правильность.

Эта тактика, изменяющая форму, отнюдь не отменяет главного содержания тактики единого фронта. Обострение борьбы против социал-демократии переносит решительно центр тяжести на единый фронт и снизу, но оно не снимает, а, наоборот, усиливает

ее обязанность коммунистов делать различие между "добросовестным

социал-демократизмом" масс и социал-демократическим прислуживанием империализму со стороны коррумпированных верхов социал-демократии и реформистской профсоюзной бюрократии. Равным образом лозунг борьбы за массы (в том числе и идущие еще за буржуазными партиями, и идущие за социал-демократией) не только не снимается с порядка дня, но еще более становится в центре всей работы Коммунистического Интернационала.

В области профсоюзного движения Конгресс самым решительным образом призывает все партии к максимальному усилению работы именно на этом участке фронта. Борьба за влияние коммунистов в профсоюзах должна в настоящее время вестись тем более энергично, что в ряде стран реформисты форсируют исключение коммунистов (и левых вообще) из профсоюзных организаций. Не закрыв за собой надлежащих позиций, коммунисты могут быть изолированы от всей массы профессионально организованных пролетариев. Поэтому коммунисты должны завоевать себе профсоюзный авторитет в глазах масс, авторитет опытных и умелых организаторов, борцов не только за пролетарскую диктатуру, но и за любое очередное частичное требование рабочей массы, авторитет руководящих хорошо проводимой стачечной борьбы. Не поддаваясь провокации со стороны реформистов, направленной к исключению коммунистов и расколу профдвижения, и не допуская нападения врасплох, в то же время необходимо всячески бороться с тактикой капитуляции (отказ от защиты исключенных товарищей и т. д.). Организация неорганизованных, завоевание реформистских профсоюзов, организация исключенных, при надлежащих условиях (в странах с расколотым профдвижением), вывод "своих" завоеванных локальных организаций и присоединение их к революционному профсоюзному объединению -- эти задачи стоят на очереди дня. Наконец, коммунисты ни в коем случае не должны выпускать инициативы в борьбе за единство (национальное и интернациональное) профсоюзного движения, для чего необходимо всемерно усиливать работу Профинтерна.

Необходимо обратить внимание на усиление работы среди женщин и среди молодежи. Конгресс поручает КИМу342 разработать вопрос о тактике и методах работы КИМа, исходя из признания целесообразности более широкого охвата рабочей молодежи, большего разнообразия методов ее вербовки, более живого и активного отклика на теоретические и общекультурные ее запросы, сохраняя в то же время боевую политическую физиономию комсомола.

В особенности имея в виду опасность войны, следует улучшить работу всевозможных сочувствующих рабочему классу и СССР добровольных обществ, лиг, кружков и организаций вообще ("Группа единства", "Лига по борьбе с империализмом", "Друзья СССР", "МОПР"343, "ІАН"344 и т.

д.). В связи с этим и опираясь на данные о результатах выборов во Франции и Германии, Конгресс постановляет усилить работу среди сельскохозяйственных рабочих, мелких

крестьян и городской бедноты. Конгресс обращает особое внимание на необходимость усиления работы среди крестьянства, отмечая, что эта работа запущена у большинства коммунистических партий. Конгресс поручает ИККИ

принять все меры к оживлению работы среди крестьянства, в особенности в аграрных странах (Румыния, Балканы, Польша и т. д.). Конгресс поручает ИККИ принять срочные меры к оживлению работы Крестинтерна³⁴⁵ и требует от всех секций поддержки этой работы.

40. Рост репрессий и дальнейшее обострение классовой борьбы, в особенности в связи с перспективой возможной войны, ставят перед компартиями задачу своевременной постановки и разработку вопроса о нелегальном аппарате, который обеспечил бы руководство грядущими боями, единство коммунистической линии и единство коммунистического действия.

VII. Итоги работы, достижения, ошибки и задачи отдельных секций

41. Конгресс констатирует ряд крупнейших достижений в работе Коминтерна. К числу этих достижений относятся: рост влияния коммунизма, влияния, впервые распространяющегося на страны Южной Америки, Африки, Австралию и ряд азиатских стран (укрепление позиций коммунизма в Японии, его распространение в Китае); расширение и углубление влияния Коминтерна в странах империализма, несмотря на частичную стабилизацию капитализма и относительную крепость социал-демократии (Германия, Франция, Чехословакия, Великобритания); рост нелегальных партий, идущих вперед под ударами неслыханного полицейского и фашистского террора (Италия, Польша -- с одной стороны, Китай, Япония -- с другой), причем террор в Китае носит характер неслыханной массовой резни; наконец, возросшая большевизация партий³⁴⁶, накопление опыта, внутренняя консолидация, преодоление внутренней борьбы, изживание последнего "оппозиционного" кризиса в Коминтерне.

Вместе с тем необходимо отметить ряд общих недостатков в секциях Коминтерна; слабое еще развитие боевой международной: известный провинциализм, проявляющийся в недооценке значения вопросов особо крупного масштаба; слабость работы в профсоюзах; неумение организационно закрепить рост политического влияния и стабильность числа членов партий; некоторая бюрократизация партийных аппаратов и методов работы (недостаточная связь с массами, слабая инициатива в деле вербовки членов партии, недостаточно живая работа низовых ячеек и перенос центра тяжести на работу партийных функционеров); относительно низкий политико-теоретический уровень партийных кадров, слабая иногда связь с крупными предприятиями при далеко еще не законченной реорганизации партий на основе производственных ячеек и т. д.

42. Английская коммунистическая партия, прошедшая деятельность которой была оценена VII расширенным пленумом, стоит перед новыми задачами. Резкий поворот вправо вождей Генсовета

и рабочей партии, "мондизм", процесс превращения рабочей партии в социал-либеральную партию континентального социал-демократического образца (введение политической дисциплины, уничтожение федерализма и т. д.),

ожесточенное выбрасывание коммунистов из профсоюзов -- с одной стороны, нарастание левых настроений в рабочих низах -- с другой, все это ставило перед компартией задачи гораздо большей классовой самостоятельности и решительной борьбы против рабочей партии. Английская компартия, обнаруживающая умелый подход к профсоюзам и умело ведущая работу в ряде узких областей, не сразу поняла новую обстановку и на последнем съезде сделала крупную ошибку, выставив центральный лозунг рабочего правительства, контролируемого исполкомом рабочей партии. IX пленум ИККИ принял в связи с новой ситуацией в Англии тактическую резолюцию, означавшую определенный поворот всей работы партии. Опыт показал, что эта тактическая линия соответствует особой новой ситуации в Англии и английском рабочем движении. Полная классовая самостоятельность компартии, беспощадная борьба против рабочей партии, энергичное разоблачение "промышленного мира" с фашистским промышленным королем Мондом, расширение и организационное укрепление движения меньшинства, руководство стачечной борьбой, активная борьба с внешней политикой правительства рабочей партии, борьба против интервенции в Китае и подготовки войны против СССР; поддержка индийской революции -- таковы основные задачи компартии в настоящий момент. В то же время партия должна принять все меры к повышению числа своих членов, к развитию работы на предприятиях и укреплению партаппаратов, к большей связи с массами на фабриках и заводах, к уничтожению известной узости в своей идейно-политической установке и т. д.

43. Французская компартия получила точно так же правильную оценку своей работы на VII расширенном пленуме ИККИ и на IX пленуме, вынесшем специальную резолюцию о тактическом повороте в связи с парламентскими выборами. Этот тактический поворот, однако, предполагает другое отношение к социалистической партии и конец остаткам старых парламентских и даже "левоблокистских" традиций в коммунистическом движении Франции. Опыт избирательной борьбы и здесь оправдал тактику партии, выработанную на IX пленуме.

Однако результаты избирательной кампании вскрыли целый ряд ошибок, в первую очередь недостаточное внимание партии к работе среди батраков и крестьян. Наиболее важными задачами, связанными с имеющимися недостатками партийной работы, являются следующие задачи: усиление работы самой партии среди масс, усиление ее вербовочной работы; коренное улучшение профсоюзной работы (внимательное отношение к стачечным конфликтам и руководство ими; организация неорганизованных и энергичная их профсоюзная вербовка; большая демократичность руководства внутри Унитарной конфедерации труда³⁴⁷; более правильное отношение между коммунистами и беспартийными в профсоюзах и т. д.). Партия в своей внутренней жизни должна давать решительный отпор правым тенденциям, оказывавшим более или менее упорное сопротивление тактической линии партии, разоблачая и преодолевая в то же время некоторые ультралевые уклоны (непосредственное выпячивание партии в профсоюзах с простым "командованием"

со стороны коммунистов, отрицание тактики единого фронта и т. д.). Необходимо в то же время принять меры к созданию и укреплению партийных ячеек на крупных предприятиях, расширить состав партии, обеспечить более интенсивную жизнь низовых партийных ячеек.

Итальянская компартия, несмотря на совершенно исключительный террор и репрессии со стороны фашистского правительства, сохранила в основном свой (нелегальный) аппарат, проникла в рабочие и крестьянские массы, завоевала под свое влияние антифашистские (теперь нелегальные) профессиональные союзы, укрепила как единственная боевая партия, открыто и последовательно противопоставляющая себя фашистскому режиму и пропагандирующая его свержение. Партия, все время находясь под ударами белого террора, преодолела мерами товарищеского убеждения внутренние конфликты, почти полностью -- и без практики исключений -- ликвидировала бордиганство в своей среде. Борясь против некоторых правых уклонов (хвостистская теория о представлении борьбы против фашизма фрондирующей буржуазии, чтобы потом обрушиться на нее), партия должна всемерно укрепить свой расшатанный аппарат, охраняя его от провокаций и в то же время мобилизуя широчайшие массы пролетариев и деревенской бедноты против вырождающегося фашизма. Конгресс, констатируя невыполнение местными партийными организациями директивы о работе в реакционных фашистских союзах, вменяет в обязанность всем итальянским товарищам использование этих легальных возможностей для коммунистической работы.

Три с четвертью миллионов голосов, полученных коммунистической партией Германии на последних выборах, указывают, с одной стороны, на крупный рост коммунистического влияния на рабочие массы, с другой -- на сильнейшее противоречие между политическим влиянием партии и ее организационным охватом (стабильное число членов партии; три с четвертью миллиона избирателей на 112 тысяч членов партии). Известные успехи в области профсоюзного движения совершенно не соответствуют размерам задач, которые стоят перед партией в этой области. Крупное достижение представляет собою Союз красных фронтовиков, [который] развивается на массовой базе. Полное преодоление ультралевых уклонов, распад так называемого Ленинбунда, саморазоблачение его социал-демократического ядра точно так же составляет большую победу германской коммунистической партии. Будучи одним из лучших отрядов международной пролетарско-революционной

армии, германская компартия имеет в то же время против себя наилучше организованную социал-демократию, имеющую еще чрезвычайно крепкие корни в стране. Преодоление правых уклонов (лозунг производственного контроля, оппозиция решениям IV Конгресса Профинтерна и т. д.) является поэтому в настоящее время очередной партийной задачей. Сюда же относится: поднятие активности среднего члена партии, т. е. партийной массы, повышение культурно-политического и теоретического уровня кадров партии, улучшение

прессы и увеличение ее тиража, улучшение профсоюзной работы и руководство стачечной борьбой.

Компартия Чехословакии продолжает идти вперед по пути превращения в действительно массовую партию пролетариата. Однако она страдает крупными недостатками: известной пассивностью и недостаточной способностью к быстрой мобилизации масс (например, протест против запрещения Спартакиады³⁴⁸) и массовому отпору, чрезмерно легалистской установкой в своей практической работе, недостаточным вниманием к крестьянскому вопросу и чрезвычайно медленным темпом преодоления недостатков профсоюзной работы (отсутствие достаточно ярко выраженной коммунистической линии, замкнутость красных союзов, слабая работа в реформистских союзах со случаями идеологического пленения коммунистов и т. д.). Вместе с тем следует с особой настойчивостью подчеркнуть наряду с необходимостью решительной обороны против правительства и защиты легальных позиций партии и необходимость подготовки к нелегальным условиям работы и борьбы.

Польская коммунистическая партия (нелегальная) в условиях фашистского террора не только сохранила свои позиции, но выросла по числу своих членов, еще более выросла по своему политическому влиянию и превращается в первоклассный политический фактор в стране, особенно в промышленных центрах. Совершенно выправив грубейшие ошибки, сделанные во время переворота Пилсудского³⁴⁹, партия имеет правильную политическую линию. Однако величайшую опасность представляет внутренняя борьба, не оправдываемая никакими сколько бы то ни было действительно крупными и действительно политическими разногласиями. Ввиду особой важности польской партии и сугубой ответственности, лежащей на нее в случае нападения на СССР, Конгресс требует решительного прекращения фракционной борьбы и дает ИККИ специальное поручение от имени Конгресса принимать все соответствующие меры.

Американская рабочая партия³⁵⁰ (коммунистическая) оживила свою деятельность, используя некоторый кризис американской промышленности, рост безработицы (связанный с чрезвычайно быстрым ростом органического состава капитала и повышением технико-производства). Ряд упорных и ожесточенных классовых битв (прежде всего, стачка горняков) встретил в коммунистической партии стойкого руководителя. Кампания по поводу казни

Сакко и Ванцетти велась точно так же под руководством партии, внутри которой замечается ослабление долголетней фракционной борьбы. Наряду с этими успехами следует, однако, отметить недостаточно энергичную работу по организации неорганизованных, по организации движения среди негров и то, что она не ведет достаточно яркой борьбы против разбойничьей политики Соединенных Штатов в Латинской Америке.

По вопросу об образовании рабочей партии Конгресс постановляет перенести центр тяжести на работу среди профсоюзов, на организацию в профсоюзы неорганизованных и т. д., подводя таким образом базис под реальное осуществление лозунга широкой рабочей партии, организуемой снизу.

Японская компартия с ее нелегальным аппаратом впервые вышла на арену избирательной борьбы; несмотря на террор, она ведет свою массовую агитационную работу, имеет нелегальный орган, проводит массовые кампании (например, кампанию протеста против роспуска трех массовых организаций: Родо-Номинто³⁵¹, объединения левых профсоюзов -- Хиогикай³⁵² -- и организации молодежи). Основная задача, стоящая перед партией, преодолевая внутренние идеологические шатания, состоит в том, чтобы идти по пути превращения компартии в массовую партию. Для этого необходима упорная работа среди пролетарских и крестьянских масс, работа в профсоюзах и борьба за единство этих последних. Несмотря на чрезвычайную трудность партийной работы (закон о смертной казни за "вредные мысли") и малочисленность партии, она обязана приложить все усилия для защиты китайской революции и для борьбы с хищнической политикой японского империализма.

Китайская компартия потерпела ряд жесточайших поражений, связанных в прошлом с рядом тяжелых оппортунистических ошибок: отсутствием самостоятельности и свободы критики по отношению к Гоминьдану, непониманием перехода одного этапа революции в другой и необходимости своевременно готовиться к отпору; наконец, торможение аграрной революции. Под ударами поражений эта героическая партия исправила свои ошибки, объявив беспощадную войну оппортунизму, но ее руководство впало в другую крайность, не давая достаточного отпора явно путчистским, авантюристским настроениям, что привело к неудачным восстаниям в Хунани, Хубее и т. д. Кантонское восстание³⁵³, бывший героический арьергардный бой китайского пролетариата в истекший период китайской революции, несмотря на грубые ошибки руководства, останется знаменем советской революции. Главной задачей партии является теперь, в периоде между двумя волнами революционного подъема, укрепление самой партии, массовая работа среди рабочих и крестьян, восстановление их организаций, использование всякого недовольства против помещиков, буржуа, генералов, иностранных империалистов в целях развития борьбы. Лозунг массового восстания превращается в пропаган-

дистский лозунг, и лишь в мере действительной массовой подготовки и назревания нового революционного подъема он станет вновь лозунгом непосредственной практики на высшей основе под флагом советской революции пролетариата и крестьянства.

51. В странах Латинской Америки главная задача коммунистов состоит в организации и укреплении коммунистических партий. В ряде стран (Аргентина, Уругвай, Бразилия, Мексика) рабочий класс впервые захватывается коммунистическим движением, и речь идет об укреплении имеющихся компартий. В ряде других стран нет еще самостоятельных и организованных на основе производственных ячеек компартий (в Чили компартия сливается с профсоюзами, в Эквадоре, наряду с сектантской "коммунистической партией", имеется налицо

широкая "социалистическая партия", готовая при-мкнуть к Коминтерну; в Колумбии профсоюзы и коммунисты образуют широкую социалистически-революционную партию и т. д.). Конгресс поручает ИККИ обратить большое внимание на страны Латинской Америки вообще, на выработку "программы действия" этих партий (в числе прочих вопросов особенно важный вопрос -- аграрно-крестьянский и вопрос о борьбе с империализмом Соединенных Штатов), на организационное оформление этих партий, на правильные отношения между ними и беспартийными организациями (профсоюзы, крестьянские союзы), на их работу среди масс, на упрочение и расширение профсоюзов, их объединение и централизацию и т. д.

VIII. Борьба за ленинскую линию и единство Коминтерна

На фоне крупных затруднений стабилизационного периода в странах капитализма и трудностей реконструктивного периода в СССР и внутри Коммунистического Интернационала обозначились оппозиционные группы, пытавшиеся организовать и в международном масштабе. Их различные крылья и оттенки (от крайнего правого до крайнего "левого") находили свое более полное выражение в критике диктатуры в СССР, в критике, клеветнически приписываемой более или менее мелкобуржуазный характер этой диктатуре и подрывающей мобилизационную способность международного пролетариата. В национальных секциях эти взгляды связывались и с крайними правыми (группа Суварина во Франции), и с крайними "левыми" взглядами (Корш, Маслов в Германии). Получив поддержку троцкизма в СССР, все эти течения пытались образовать единый блок, который, однако, стал быстро распадаться после поражения оппозиции в ВКП(б). При этом основное ядро блока в Западной Европе, так называемый "...354", организовавшийся в самостоятельную партию, разоблачил себя как социал-демократическую агентуру, причем значительная часть его перешла непосредственно к социал-демократии, этому открытому и злостному врагу теории и практики диктатуры пролетариата.

Внутри коммунистических партий в настоящее время -- на базе частичной стабилизации капитализма и в непосредственной связи с влиянием социал-демократии -- главная линия уклонов идет вправо от правильной политической позиции. Это проявляется в остатках "легализма" и излишней законопослушности, в "хвостизме" по отношению к стачечному движению, в неправильном отношении к социал-демократии (сравни), например, известное сопротивление решениям IX пленума ИККИ во Франции), в недостаточном реагировании на международные события и т. д. Однако наряду с этим есть и "левые" уклоны, которые находят свое выражение в известной тенденции к отрицанию тактики единого фронта, в непонимании всего огромного значения профсоюзной работы, в политике революционной фразы и -- в Китае -- в путчистских тенденциях.

Конгресс вменяет всем партиям в обязанность борьбу с этими отклонениями и, прежде всего, борьбу путем убеждения. Конгресс констатирует, что решения VII расширенного пленума о повышении теоретического уровня кадров, о

выдвижении новых работников и т. д. в ряде важнейших стран не выполнены. Конгресс полагает, что при крайней сложности всей международной обстановки, при возможности крутых исторических переломов, необходимо принять все меры к повышению теоретического уровня компартий вообще и их кадрового состава в частности. Ввиду необходимости укрепления центрального руководства Коминтерна и обеспечения наиболее тесной связи с партиями, Конгресс постановляет дать авторитетных представителей важнейших партий в качестве постоянных работников руководства Коммунистического Интернационала. Конгресс вменяет в обязанность ИККИ всеми мерами охранять и впредь единство Коминтерна и его секций. Только при условии дружной работы, изживания разногласий на нормальной партийной основе, методами внутрипартийной демократии прежде всего, возможно преодолеть громадные трудности настоящего и решать великие задачи ближайшего будущего.

Е. А. Преображенский

ЧТО НАДО СКАЗАТЬ КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА

Общее положение после мировой войны. Коминтерн действует в обстановке, создавшейся в результате упущенной европейским пролетариатом возможности свалить буржуазию непосредственно после мировой войны. Упущена возможность дать бой за диктатуру в Германии в 1923 г. Ошибки с Эстонией, Болгарией³⁵⁵. Грубейшие ошибки в Китае. Переоценка длительности передышки, которую дает для СССР капитализм. Медленная подготовка боевых кадров, несмотря на парламентские успехи, медленный рост членов партий, страшная слабость собственного руководства компартий, слабость в профессиональном движении, вреднейшие последствия перенесения бюрократических методов руководства из ВКП на Коминтерн, вредные последствия оппортунистической политики (Англо-русский комитет и т. д.), проводившейся до недавнего поворота влево. Перспективы: приближение момента взрыва противоречий

между СССР и капитализмом. Обязанности секций Коминтерна быть готовыми не только к поддержке СССР, но и к вооруженному восстанию и захвату власти в собственных странах. Обязанность рабочих-коммунистов других стран помочь в борьбе с оппортунистическими тенденциями в нашей партии.

Мы вели длительную и упорную борьбу с ЦК и большинством партии, доходившую до крайней степени ожесточения. Мы были вынуждены к этой борьбе серьезностью наших разногласий с большинством и невозможностью отстаивать их нормальным уставным путем. Наши разногласия сводились к пяти основным пунктам³⁵⁶.

I. Политика Коминтерна. О содержании разногласий сказано выше. В настоящий

момент многие из этих разногласий ликвидированы в результате поворота в политике Коминтерна после последнего пленума ИККИ.

II. Политика в деревне. Суть разногласий: недооценка со стороны ЦК роста кулачества, роста зависимости государственного хозяйства от кулацкого сырья и хлеба, оппортунистические и неленинские надежды на мирное сожителство с кулацким хозяйством, попытки теоретического оправдания этих утопических надежд, игнорирование процесса окулачивания некоторых групп коммунистов и опасности утери связи с беднотой, недостаточное налоговое обложение кулачества, уступки ему в земельном законодательстве, отказ от создания союза деревенской бедноты, невнимание к развертыванию совхозов и т. д. Наступление кулака, кризис с хлебозаготовками и другие факты заставили ЦК круто изменить политику в деревне в смысле возвращения на ленинский путь. Мы приветствуем такой поворот и готовы всемерно поддержать его (что, однако, трудно выполнимо, пока мы вне партии, а сотни наших сторонников в ссылке).

III. Внутрипартийный режим. Наша критика внутрипартийного режима и наши настойчивые требования подлинной внутрипартийной демократии полностью оправданы всеми официально констатированными фактами разложения ряда организаций. Мы придаем серьезнейшее значение воззванию ЦК, опубликованному в "Правде" от 3 июня 1937. Так как с этим опоздали на несколько лет, мы очень опасаемся, что попытки ЦК вернуться к внутрипартийному режиму, существовавшему при Ленине, при боязни его допустить критику его ошибок прошлых и настоящих в области общей политики и продолжение репрессий против оппозиции, не дадут серьезных результатов. Его готовность бороться со злом не пропорциональна болезни.

IV. Разногласия наши с ЦК по рабочему вопросу и по вопросу об индустриализации были изложены в нашей платформе и контр тезисах. Мы признаем, что наши опасения насчет отступления от монополии внешней торговли при общем повороте вправо всей экономической политики не оправдались. Но никакого серьезного улучшения в области рабочей политики и усиления темпа индустриализации мы не можем констатировать, поскольку, в частности, изменения в профсоюзной практике, провозглашенные в воззвании ЦК, еще не проведены в жизнь.

Итоги и перспективы. В период наибольшего обострения нашей борьбы с большинством, т. е. начиная с обострения разногласий по китайским делам в апреле прошлого года, мы исходили из опасения развития событий по самому худшему варианту, т. е. ожидали дальнейшего поворота политики вправо и роста термидорианских сил и опасностей. Переход большинства партии к активной

борьбе с кулаком, пока эта борьба ведется, устраняет эту опасность. В этом состоит важнейшее из происшедших изменений в общем политическом положении. Мы констатируем уменьшение наших разногласий с ЦК по ряду актуальных вопросов международной и внутренней политики. Обострение классовых противоречий внутри и вне исключает возможность продолжения старой политики ЦК, для нее нет теперь ни экономических, ни социальных предпосылок. Сейчас возможна лишь либо последовательно левая, либо решительно правая политика. Нечего говорить, что на основе правой внутренней политики партия не может победить ни в борьбе с капиталистическими силами внутри, ни в неизбежной и скорой внешней войне. Мы готовы приложить все наши усилия к поддержке всякого шага ЦК по пути ленинской политики, мы хотим помириться с большинством партии на основах проведения нового курса, мы просим Конгресс вернуть нас в партию, в рядах которой мы лояльно и искренне осуществим наше обязательство не прибегать к фракционной деятельности. Прочитывать наше последнее обращение съезду.

М. Невельсон

ПРОТИВ КОГО НАПРАВИТЬ ОГОНЬ?

Письмо И. Н. Смирнову Дорогой Иван Никитич!

Если оппозиция ведет борьбу за действительное овладение рабочими массами, и в первую очередь партийными, ради исправления линии партии, то первейшим условием такой борьбы является своевременное бросание в массы революционных лозунгов -- лозунгов четких, классово заостренных, раньше всего указывающих массам их главного врага, цели борьбы, затем ее форму и методы. Если задачи борьбы широки, то и лозунги должны соответствовать этим задачам и, главное, ни в коем случае не затушевывать основного врага и основных целей борьбы. Наоборот, главный враг должен быть всячески освещен, и по этой основной позиции должен быть сосредоточен основной огонь оппозиции. ых, частичное полевение рабочих масс на Западе. Не будь усыпляющего, изолирующего российский рабочий класс сталинского аппарата -- даже слабое оживление рабоче-

Одно небольшое предварительное замечание.

Основными причинами проявления "левого курса" являются, по нашему мнению, во-первых, частичное полевение рабочих масс на Западе. Не будь усыпляющего, изолирующего российский рабочий класс сталинского аппарата - даже слабое оживление рабочего движения в Европе начала 1928 г. вызвало бы в России значительную волну подъема. Но европейская волна, переведенная через шлюзы сталинской аппаратчины, обессиленная и разбитая -- на российской почве превращается в "левый курс". "Левый курс", таким образом, является отражением в кривом сталинском зеркале европейской подъемной волны рабочего движения.

Второе. Из тупика, в который бесхребетный центризм загнал к XV съезду

экономические взаимоотношения между городом и деревней, нужен был выход. Но найденный центристами "выход" усилил этот конфликт, сделав его не только экономическим, но и политическим. Борьба против кулака, объявленная передовицей "Правды" от 16 февраля³⁵⁸, была на деле превращена в борьбу против середняка и даже бедняка. В итоге, "смычка" рабочего класса с крестьянством в значительной степени сорвана, а план заготовки не выполнен. Намеченные июльским пленумом экономические и политические уступки кулаку, помноженные на рост враждебной активности части середняков и бедняков, руководимых кулаками, при усилении активности остальных враждебных пролетариату классов, создав новое, еще менее выгодное для пролетариата соотношение классовых сил в стране, кризиса не разрешили, а только отложили до... предстоящей новой хлебозаготовительной кампании.

В-третьих -- "самокритика". Ею центристы хотели убить двух зайцев: а) показать, что после ликвидации оппозиции возможно стало открыть некоторые клапаны "демократии", и б) повести борьбу с бюрократизмом.

Отрубив от партии левое ленинское крыло, центристы выполнили социальный заказ классового врага и никакими куцыми "самокритиками" они не получают одобрения рабочего класса и партии этого преступления.

А борьбу с бюрократизмом объявляет аппарат, построенный ар-хибюрократически, и само существование которого зависит от этой именно системы. И авторы "левого курса" думают, что этого не понимают московские, питерские и другие пролетарии.

Так вот, при наличии сталинского "левого курса", против кого же должен быть направлен основной огонь оппозиции? В своем письме от 6 июня один товарищ так отвечает на этот вопрос: "Бо-

роться с правыми и критиковать непоследовательность³⁵⁹ центристов".

Следовательно, основной огонь оппозиции должен быть направлен против правых.

Правильно ли это? Попытаемся для начала проанализировать, что означает при более конкретном рассмотрении его формула, каков ее смысл с точки зрения нашей сегодняшней внутрипартийной борьбы. Раньше всего констатируем, что, как всем известно, правые и центристы являются членами одной и той же господствующей партии, с господствующей верхушкой которой оппозиция боролась методами беспощадной критики и разоблачения.

Как этот товарищ представляет себе реально сегодня эту борьбу с правыми (к слову сказать, беспощадно разгромленной оппозиции)? Сталина, говорит он, необходимо за непоследовательность критиковать, а с рыковцами нужна "беспощадная борьба". Что это значит? Вывозить их на тачке? Саботировать их?

Что означает в наших условиях реально противопоставленная "критике" "борьба" с членами ВКП(б)? Каковы формы, методы этой борьбы?

Все это фразеология. "Борьба" с правым крылом ВКП(б) может означать только разоблачение и критику -- критику крепкую - "зубодробительную", разъясняющую массам классовое содержание их (правых) политики. Но если наша "борьба" с правыми превращается на данном этапе революции в их беспощадную критику, то что же означает тогда вторая часть формулы товарища -- "критика

непоследовательности центристов"? Очевидно, речь здесь идет о дружеской товарищеской критике неудачливых авторов недоношенного "левого курса". А чем это отличается от лозунга "поддержки" "левого курса"? По существу -- ничем. А формально только тем, что лозунг этот дополнен предложением "борьба с правыми".

По существу, лозунг этого товарища ничем почти не отличается от лозунга поддержки левого курса. А по форме он хуже, т. к. с виду кажется более радикальным и этим объективно вводит в заблуждение рабочих, создавая видимость более левой оппозиции.

Разве авторы формулы "поддержки" левого курса сопровождали эту поддержку одновременным отказом от критики центристов и правых? Конечно, нет. Поэтому, что означает в наших условиях при нашем отношении к ВКП(б) лозунг "борьба" с правыми, противопоставленный лозунгу "критики"? Это означает сосредоточение огня оппозиции против правых, при лояльной критике и осторожной, быть может, поддержке авторов "левого курса" -- центристов. Вот что означает этот лозунг на деле. Мы видим, таким образом, что товарищ, фактически поддерживая в осторожной, несколько замаскированной форме политику "левого курса", в то же самое время предлагает концентрировать борьбу оппозиции, т. е. ее критическую и разоблачительную работу -- против правых. Правилен ли такой тактический лозунг сегодня?

Некоторые товарищи, стоящие на той же точке зрения, рассуждают таким образом: "Вы говорите, что необходимо сосредоточить огонь против центристов, но ведь главная опасность заключается сегодня в победе "правых над центристами", поэтому не будет ли правильной главный огонь направить направо, против рыковцев?"

Это рассуждение неправильно. Главный враг - это, в конце концов, не правые внутри ВКП, а буржуазия. Но путь к сдаче буржуазии власти лежит через правых. Но ведь, в свою очередь, путь к правым . огонь направить направо, против рыковцев?" Это рассуждение неправильно. Главный враг -- это, в конце концов не правые внутри ВКП буржуазия. Но путь к сдаче буржуазии власти лежит через правых. путь к правым проходит через лагерь центристов -- поэтому сегодня решающей фигурой является центрист. В сегодня путь к правым проходит через лагерь центристов - поэтому сегодня решающей фигурой является центрист. В сегодняшней ситуации фигура центриста -- главная фигура -- именно здесь лежит политический узел сегодняшнего дня. В этом именно центр вопроса. Поэтому основной огонь оппозиции нужно направить именно на этот участок.

* * *

Внутрипартийная борьба разгорается.

Принятие центристами боя с правыми на центристских межумочных позициях обрекает их на поражение. Поражение центристов явится крупнейшим поражением

партии и революции. Это нужно разъяснить партии и рабочему классу. Борьба развертывается, опасность грозна. Поэтому наше напряжение должно быть велико, поэтому нужно разоблачать идейную сущность центризма, объяснять, что он ведет партию к гибели, нужно его беспощадно разоблачать, клеймить, критиковать. Поэтому нужно мобилизовать массы для напора на центристов. Поэтому нужна борьба с его вреднейшей фразеологией.

Партия находилась и находится в плену у сталинских, а не ры-ковских идей (робко прикрывающихся центризмом) -- поэтому и с этой точки зрения главная борьба сегодня заключается в разоблачении сталинской практической и теоретической половинчатости, т. е. его оппортунизма, т. е. его основных идей. Центристы пока скрывают от партии свою борьбу с правыми. Их левая трескучая фразеология является фактическим прикрытием срамных мест правых. Поэтому самые дальнобойные орудия оппозиции должны сосредоточить огонь против прикрытия правых, против центристов. В них, как в свое время в левых генсоветчиках³⁶⁰, сосредоточена бльшая опасность для рабочих, чем в правых.

Сталинские левые фокусы и не остановят, и не замедлят грозного исторического процесса, но одному из активнейших участников этого процесса -- пролетариату -- засыпают глаза оппортунистическим песком, убаюкивают, усыпляют его, делают его пассивным, небоеспособым. Поэтому главный огонь оппозиции должен быть сосредоточен против центристов.

Поражение центристов -- крупнейший удар по партии. Но смешно, исходя из этого, думать, будто поддержка оппозицией центризма или ослабление борьбы с ним, вне зависимости от его политических позиций, могла бы его спасти.

Обреченность центризма -- в отсутствии у него четких классовых позиций, но поддержка его при таких условиях потянула бы на дно и лучшую подлинно пролетарскую часть партии -- оппозицию.

На бессмысленное самоубийство оппозиция пойти не может, ее задача не поддержка под видом левого курса центристов, а вскрытие оппортунистической сущности центризма путем сосредоточения на нем огня критики, мобилизации пролетарских масс для борьбы с ним. Все это, чтобы двинуть центристов влево, на подлинные пролетарские позиции.

Само собой разумеется, что в развертывающейся внутрипартийной борьбе оппозиция ни при каких условиях не может и не будет поддерживать правых -- в этом не усомнится ни один член партии и ни один рабочий.

Занимая самостоятельную позицию (платформа), давая самостоятельную оценку борющимся классам и внутрипартийным силам, оппозиция должна бешено толкать центристов влево, из всех сил, в первую очередь, вскрывая и обнажая их колебания, борясь с ними и преодолевая их.

Основное "звено", которое необходимо потянуть влево, чтобы решить вопрос о спасении партии, -- это центристы. Но не прикрытием их оппортунизма, не частичной их поддержкой, не беззубой критикой можно повернуть их влево. Нет. Беспощадное разоблачение, громкая критика, нещадная видимая массами стрельба по их соглашательству, половинчатости, колебаниям, шатаниям, уступчивости

правым -- это единственное, что может сделать оппозиция, чтобы исправить линию центристов, двинув их влево.

* * *

Центризм после исключения оппозиции из партии потерял один из двух устоев, без которых невозможно балансировать даже физическим жонглерам, а политическим и подавно. Не опираясь на значительные слои пролетариата, центристы в борьбе с правыми не имеют широкой и твердой классовой базы, у правых же как раз наоборот; хотя крестьянство и не способно формировать собственную государственную власть, но растущая активность кулаков, получившая могучий импульс к борьбе после отказа правительства от применения 107-й статьи и ряда других мероприятий, усиленная враждебной активностью середняка и бедняка, а также враждебных пролетариату прочих классов при грозной для революции пассивности пролетариата -- создает совершенно реальные предпосылки для бесславного крушения центризма, если он своевременно не изменит на 180° направления своего политического курса.

Может ли оппозиция в это решающее время помочь партии? Безусловно, но для того, чтобы помощь была действительной и достигла цели, ей необходимо быть не в снегах и песках Сибири и Туркестана, не в ссылке, а для этого оппозиции необходимо "включиться" в общий фронт внутривластной борьбы. Но весь вопрос заключается в способе этого "включения". До сих пор от оппозиции требовался отказ от платформы и других документов, признание правильности сегодняшней и вчерашней линии господствующей партийной верхушки, проще говоря, требовалось "полное идейное и организационное разоружение". Ясно, что принятие таких требований -- для включения в борьбу -- было бы для оппозиции равносильно самоубийству.

Но, может быть, "левый курс" осуществил хоть частично требования оппозиции и этим самым дал ей возможность выбросить за борт кое-что из своих взглядов? И этого нет. Следовательно, включиться в партийный фронт за счет идейных уступок оппозиция не может. Но нельзя включиться и за счет признания хоть частичной правильности центристского курса. Таким образом, этот путь оппозиции "заказан". Но есть второй возможный путь. Обычно в процессе борьбы меняются силы участников, происходят непрерывные перегруппировки сил, меняются старые и выбрасываются новые лозунги.

Возможно ли полевение центристов в процессе этой борьбы? Вполне возможно (вспомним пример печальной памяти ленинградской оппозиции)³⁶¹.

Ведь борьба имеет свою логику; центристы в борьбе с правыми будут все ярвственнее ощущать отсутствие под собой твердой классовой почвы. В борьбе может победить лишь тот, кто опирается целиком на силы и активность определенного класса. Возможные поиски классовой базы могут заставить центристов полеветь, идейно перевооружиться в процессе борьбы, хватая оружие из классового арсенала пролетариата. Этот момент может явиться решающим для

включения оппозиции в общие шеренги борющихся. Тогда может создаваться обстановка для прочного сотрудничества с центристами на базе сегодняшних и завтрашних политических задач партии и рабочего класса. Они -- эти задачи -- могут стать едиными, общими. А тогда со вчерашними разногласиями будет поступлено по-ленински; они будут сданы в архив на изучение историкам. Но и в этом случае процесс полевения центристов пойдет сильнее под горячим и непрерывным обстрелом оппозиции.

Правильная классово-выдержанная позиция "центристов", отбросив их на левые классовые позиции, заставила бы всех нас (отнюдь не забывая вчерашнего дня) оказать полную и безоговорочную поддержку сталинцам в их борьбе с правыми. Пока нет даже намека на такую ситуацию, поэтому нет оснований для поддержки лозунгов, о которых говорилось выше. Нельзя же в самом деле бессильное пустозвонное фразерство принимать за пролетарскую линию. Сталинские потуги, жалкая профанация некоторых предложений оппозиции, и не говорят пока о начавшемся идейном перевооружении центристов. Значит, пока огонь по всему сталинскому фронту.

Возможен и третий путь борьбы. Отступление центристов (сдача позиции о кулаке, молотовская "теоретическая" трактовка самокритики³⁶², сокращение брони подростков и т. д.) под жестокими ударами справа усилится и, превращаясь постепенно в бегство, может заставить прийти в движение центристские низы, а за ними и почувявшие настоящую классовую опасность широкие партийные и рабочие массы.

Процесс может и должен пойти именно по этому пути. Активность масс, всколыхнувшихся, почувствовавших свою активность и силу, может смести, как соринку, сталинскую куцую самокритику, некоторые постановления его центрально-чекистских органов, мобилизовать все для борьбы с правыми, включить в борьбу все, что есть революционного, большевистского, ленинского в партии, т. е. "включить" оппозицию в общий фронт борьбы, сделав ее реальной силой в этой борьбе, реальным ее участником, одновременно (возможно) двинув влево некоторых центристских вождей.

Этот путь требует колоссальной предварительной работы оппозиции и, главным почти образом, по линии уничтожения влияния центристов на партийные и рабочие массы. Если борьба между

центристами и правыми будет протекать, как до сих пор, без участия широких партийных и рабочих масс, то предположение о "включении" борющимися или кем-либо из них в борьбу оппозиции -- является предположением маловероятным.

Только включение в борьбу партийных пролетарских масс может дать твердую надежду оппозиции стать опять активным участником партийных дел и боев.

Массы будут подняты для борьбы не куцей сталинско-молотовской "самокритикой", а жестокими ударами справа, наносимыми открытым или замаскированным классовым врагом.

* * *

Центристы служат левым прикрытием для Рыковых -- Смирновых³⁶³ -- Кондратьевых³⁶⁴. Огонь против центристов!

Центристы скрывают опасность, нависшую над пролетарской диктатурой -- огонь против центристов!

Центристы не мобилизуют масс против правой опасности -- огонь против центристов!

Центристы левым пустозвонным фразерством убаюкивают рабочих, лишая их боеспособности -- огонь против центристов!

Центристы под шум левых фраз сдают правым, а фактически классовому врагу позиции пролетариата -- огонь против центристов!

Центристы предпочитают поражение ВКП(б) победе, полученной при участии ленинской оппозиции -- огонь против центристов!

Москва, 10 июля 1928 г. Больница

К. РАДЕК. ПИСЬМО МУСИНУ

Дорогой тов. Мусин!

Ваше письмо о спорных вопросах китайского движения требует очень обширного ответа. Ответ этот будет касаться и теоретических вопросов, которых Вы касаетесь, и оценки положения в Китае. Что касается первого: вопроса о соотношении демократической и социалистической диктатур, то на нем, благодаря истории последних лет, нагромодились целые слои фальсификаций и недоразумений. Задача состоит в том, чтобы разобраться в действительных, а не выдуманных разногласиях, насколько они были историческим фактом. Что касается второй части ответа, то я должен заметить, что так как высылаемые мне дальневосточные газеты и журналы перехватываются каким-то "любителем" изучения дальневосточного вопроса, то я могу опираться только на тот материал, который нахожу в нашей печати и журналах плюс "Таймс" до апреля и "Манчестер Гардиан".

I. Исторический смысл лозунга революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян

Защищая применение этого лозунга в Китае на данной стадии, Вы спрашиваете: была ли когда-либо в истории осуществлена та-

кая демократическая диктатура рабочих и крестьян, была ли ею диктатура якобинцев? Когда мы начинали борьбу против политики Коминтерна в Китае и я в речи своей в Университете Сунь Ят-сена выдвинул этот лозунг, один очень образованный и вдумчивый товарищ спросил меня: как Вы себе вообще воображаете совместную диктатуру с мелкой буржуазией? Такой диктатуры вообще в истории не было и не будет. Он указывал на те же самые места из XIV тома [сочинений Ленина], на которые указываете Вы, и высказывал предположение, что Ленин хитрил, говоря о том, что в Февральской революции революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян уже осуществилась в известной форме и до известной степени. На деле же ничего подобного не

было, Ленин при первой проверке историей должен был отказаться от лозунга и, "переворужаясь", немножко схитрил.

Ленин был очень хитер -- это не подлежит ни малейшему сомнению. Но с марксизмом и теоретическим сознанием партии Ленин никогда не хитрил. Если не продумать всей линии развития ленинских идей, во всей их конкретности, то часто кажется при очень тонких изгибах истории, которым соответствуют очень тонкие формулировки Ленина, что он сгибает теорию в пользу своей практики, насилует ее.

Раньше, когда я не продумывал всех сочинений Ленина в их совокупности, не имел времени продумать всю историю борьбы с разными "измами", я это предположение тоже не раз высказывал. Я в дальнейшем покажу Вам, что у Ленина в постановке вопроса 1917 г. нет никакой хитрости и никаких прикрашиваний. Но раньше отвечу на общий вопрос: существовала ли в истории революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян? Этот вопрос ставили в другой форме меньшевики и Плеханов³⁶⁵, указывая Ленину, что Маркс в революции 1848 года³⁶⁶ нигде не выдвигает лозунга участия пролетариата в правительстве.

И действительно, если Вы в брошюре Маркса о Кельнском процессе³⁶⁷ прочтете циркуляры, в которых он рисует схему развития политики пролетариата при новой волне революции, то он указывает, что должен делать пролетариат, находящийся в оппозиции сперва к либеральному, а потом к демократическому революционному правительству, и что он должен делать, чтобы завоевать власть для себя, т. е. установить социалистическую диктатуру, а не демократическую.

На эти вопросы отвечал Ленин (т. VI, с. 172 -- 174) указанием, что, во-первых, Маркс считал, что Германия стоит непосредственно перед социалистической революцией, а потому не мог ставить вопрос о демократической диктатуре; во-вторых, партия пролетариата была неорганизована, существовала только в самых зачатках, и надо было форсировать создание самостоятельной рабочей партии, чтоб было кому брать власть при быстром переходе демократической революции в социалистическую.

Этот ответ Ленина надо дополнить указанием на то, что Маркс не мог бы ставить вопроса о демократической диктатуре, даже если бы не верил в близость социалистической революции, ибо для этой демократической диктатуры не было тогда на Западе контрагента. Французская революция освободила крестьянство от пут феодализма. Крестьянин не имел основных причин бороться совместно с пролетариатом за демократическую революцию. Даже в Германии реформы Штейна и Гарденберга³⁶⁸ -- побочный результат Французской революции -- настолько расслоили крестьянство, что оно перестало быть в своей массе антифеодальным фактором.

Вопрос о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства встал, когда революция приблизилась к России, где одновременно существовал молодой мощно развивающийся пролетариат и громадная крестьянская масса, борющаяся за помещичьи земли. Вопрос этот станет во всех странах, где экономические условия не созрели для социализма, но вырос уже пролетариат раньше, чем

похоронили полуфеодальный гнет.

Как представлял себе Ленин эту демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства? Какие цели преследовал он, выдвигая этот лозунг? Думал ли он о коалиционном правительстве рабочей и крестьянских партий, созданном после уничтожения старой власти победоносным восстанием? Не в партиях было для него дело. Он знал великолепно, что крестьянство во многих странах вообще не в состоянии будет выкристаллизовать мощных массовых партий, что в других странах партии эти будут эфемерные, переходные. Что во многих странах они окажутся связанными с крупной буржуазией и поэтому не будут нашими союзниками. Для него дело шло о союзе рабочего класса, представленного социал-демократией, с крестьянством. Будет ли это крестьянство представлено крестьянскими комитетами или Советами -- это был для него вопрос десятого разряда.

Какую же социальную программу должно осуществлять правительство демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Оно должно, во-первых, осуществить демократию, во-вторых, провести в жизнь программу-минимум социал-демократов, в-третьих, дать мужику землю. Но сможет ли удержаться партия пролетариата в рамках этой программы, спрашивал тогда тов. Троцкий. Аргументацию тов. Троцкого, развитую более полно в его брошюре "Итоги и перспективы", перепечатанной в 1918 г., Вы можете найти, коротко изложенную, в его статье "Наши разногласия", включенной в сборник "1905 год" (с. 283 -- 85, цитирую по второму изданию 1922 г.).

Он указывает на то, что на проведение нашей программы-минимума буржуазия ответит волной локаутов и революционному правительству придется взять ее за горло, т. е. национализировать фабрики. Если наши крестьянские союзники окажут этому сопротивление, то правительство разлетится и пролетариат должен будет или отступить, или сам брать власть в свои руки, т. е. устанавливать социалистическую диктатуру; если же крестьянские союзники пойдут с нами до конца против капиталистов, то тоже будем иметь социалистическую диктатуру. В обоих случаях не может быть речи о демократической диктатуре.

Тов. Троцкий боялся, предполагал, что нет надежды на то, чтобы крестьянство с нами пошло до социалистической революции, и боялся, что партия большевиков захочет для проведения демократической революции совместно с крестьянством ограничивать классовую борьбу пролетариата, и в связи с этим он упрекал Ленина "в идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата". Эту идею он называет "безнадежно идеалистической", ибо пролетариат не даст путем пропаганды окантать своих классовых стремлений. В чем же тогда будет выход? Перед революционной властью будут стоять объективные социалистические задачи, но разрешение их на известном этапе столкнется с хозяйственной отсталостью страны. В рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет. Перед рабочим правительством с самого начала станет задача соединить свои силы с социалистическими силами пролетариата Западной Европы.

Обоснованы ли были эти опасения и упреки Ленину тов. Троцкого? Ответ на это дает не только цитированное Вами место в "Прошлом и будущем демократической диктатуры", но, в первую очередь, напечатанный в Ленинском сборнике, т. V, с. 451 -- 452, замечательный документ "Этапы, направления и перспективы революции", написанный Лениным в конце 1905 года³⁶⁹. В этом документе Ленин со всем своим мастерством подводит итоги пройденному пути и перед решительной борьбой за демократическую диктатуру -- документ писался приблизительно во время Московского восстания³⁷⁰ -- спрашивает себя, что же будет после завоевания демократической диктатуры. Вот его ответ:

"5. Либеральная буржуазия выжидательная в третьем периоде, пассивная в четвертом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже "умнеет", успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

6. На почве отношений, сложившихся в период пятый, растет и разгорается новый кризис и новая борьба за сохранение демократических завоеваний, ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежной для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849 -- 1850 гг.³⁷¹ и как поражение французского пролетариата в 1871 г., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат.

Итак, в этой стадии либеральная буржуазия и зажиточное (отчасти среднее) крестьянство организует контрреволюцию. Российский пролетариат плюс европейский организуют революцию.

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет социалистическим переворотом в Европе.

Европейские рабочие покажут нам, "как это делается", и тогда мы вместе с ними сделаем социалистический переворот".

Вот Вам ленинское "самоограничение пролетариата". Но оно показывает не только неправильность упреков тов. Троцкого в 1905 г., не только отличия между его позицией и позицией Ленина -- я еще вернусь к анализу этих отличий -- но и показывает, в чем они сходились. Ленин ни на один момент не думал, что может ограничить классовую борьбу пролетариата, пришедшего к демократической диктатуре, наоборот, ставит задачу развертывания этой борьбы до второй социалистической революции. Ленин ни на один момент не имеет никаких иллюзий не только насчет либеральной буржуазии, но и насчет контрреволюционности всей зажиточной части крестьянства и изрядной части среднего крестьянства. Ленин не думает пытаться разрешить противоречия в национальных рамках, а ставит ставку на помощь европейского социалистического пролетариата.

Во всех этих вопросах Ленин и Троцкий полностью сходятся. В чем же различия?

В том, что до социалистической диктатуры Ленин проходит через этап

демократической диктатуры. Социалистическая диктатура вырастает из демократической, демократическая переходит в социалистическую. Что это -- педантизм исторический? Что же, Ленин думал, что демократическая диктатура есть неминуемый этап, на котором должны быть решены демократические задачи, чтобы после исчерпания этих задач приступить к решению социалистических задач? Вы достаточно хорошо знаете Ленина, чтобы отбросить такую гипотезу. Нигде нет следа у него утверждения об обязательности завершения демократической диктатуры раньше, чем перейти к социалистической диктатуре. Он нигде не разбирает вопроса о том, как долго первый этап будет продолжаться. Этому вопросу история вообще не может ставить. Ленин выдвигает лозунг демократической диктатуры не в качестве историка, пытающегося писать историю вперед, а в качестве политика, ставившего политические задачи пролетариату и его партии. Смысл этого лозунга тот: в странах, в которых существует нерешенный крестьянский вопрос, где пролетариат поэтому имеет союзника, надо сделать все, чтобы этого союзника мобилизовать для решения совместных задач. Только в борьбе за эти совместные интересы мы в крестьянской массе и среди связанных с ней элементов найдем социальные слои, родственные пролетариату, с которыми пролетариат рука об руку будет решать дальнейшие задачи, свои собственные исторические задачи, по мере того, как они станут перед ним не в форме агитации, а как результат растущей и развивающейся борьбы. Лозунг демократической диктатуры означал: пусть предвидение второго этапа усилит решительность в работе среди крестьянских масс, вместо того чтобы предвидение будущих расхождений с крестьянством помешало мобилизовать его силы для решения совместных с ним задач.

Таким образом, разница между позициями тов. Троцкого и Ленина в 1905 г. сводилась исключительно к тому, что тов. Троцкий не концентрировался с достаточной силой на решении ближайшей задачи -- мобилизации крестьянских масс или, точнее говоря, не давал этому стремлению к этой мобилизации выражения в особом политическом лозунге, приковывающем внимание партии, пролетариата и крестьянства к этой задаче.

Миновало 10 лет, капиталистическое развитие России сделало громадный шаг вперед, дифференциация крестьянства, благодаря столыпинской реформе, сделала значительный шаг вперед, война связала судьбы русской революции в еще большей мере с мировой революцией. И, несмотря на это, Ленин, продумывая задачи, стоящие перед русским пролетариатом, не выдвигал социалистическую диктатуру пролетариата как ближайший лозунг. Наоборот, в статье от 13 октября 1915 г. (т. XIII, с. 208) он писал:

"Социальным содержанием ближайшей революции в России может быть только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников, а свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Задача пролетариата -- довести до конца буржуазно-демократическую революцию в

России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России и т. д. и т. д."

На этой точке зрения Ленин стоял вплоть до Февральской революции, которая оправдала эту точку зрения, ибо она была буржуазно-демократической революцией. И только ее развитие, т. е. громадное обострение противоречий на основе Февральской революции, позволило Ленину поставить вопрос о социалистической диктатуре пролетариата.

И тут мы подходим к вопросу, который вызывает Ваше недоумение и недоумение многих товарищей. Верно, что Февральская революция была буржуазно-демократической революцией. Но что означает утверждение Ленина, что она осуществила "в известной форме и до известной степени" лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Вы указываете на место, в котором Ленин говорит, что в этой революции переплетались диктатура буржуазии и революционно-демократическая диктатура. Как же две диктатуры сразу? Не является ли это известным избытком?

Ваш испуг исчезнет, если не будете заниматься формально логическим анализом, а подойдете к вопросу с точки зрения диалектики, т. е. науки о развитии в противоречиях и через противоречия. Диктатура -- это власть, опирающаяся не на закон, а на силу. В одной стране может быть только одна власть, а тем более, если дело идет о власти, опирающейся на силу. Но что поделаешь с русской историей, которая пошла так, что в Смольном был центр власти большинства рабочих и крестьян в шинелях, в руках этого центра было распоряжение физической силой. Он представлял диктатуру рабочих и крестьян, восставших против царя. Но это большинство не порвало еще с буржуазией, не имело достаточно доверия к своим силам, чтобы взяться за разрушение кровавого клубка военных противоречий, чтобы взяться за разрешение крестьянского вопроса. Опираясь на наличие доверия Смольного и отсутствие у этого Смольного веры в собственные силы, буржуазия смогла создать собственный центр. Она опиралась при этом еще на экономическую силу русского капитализма, поддержку мирового капитализма и на вооруженные силы интеллигенции (юнкерские школы и т. д.). Но до июля она не могла пустить в ход против народных масс силу, Советы могли ее смести.

Противоречие, которое Вы видите в формулировках Ленина, или "двусмысленность", которую Вы в них замечаете, отражают противоречие и двусмысленность жизни. Развитая до конца демократическая диктатура несовместима ни с какой другой властью, но все существо вопроса состояло в том, что демократическая диктатура пролетариата и крестьянства была осуществлена "до известной степени", т. е. в той степени, что крестьянские и рабочие массы создали свой союз в виде Советов и слушались только Советов, но не в той степени, чтобы решиться порвать с буржуазией. В цитированной мною статье Ленина от 1915 г. он предугадывает, что органом этой революционно-демократической диктатуры будут Советы. И они возникли, но в

известной ограниченной форме Советов с контактной миссией. Все противоречия оказываются, таким образом, элементом, толкающим вперед. Ленин проанализировал их гениально, ничего не упрощая, и на основе этого анализа указал, как повести революцию вперед.

Во-первых, какое значение для него имело установление, что Февральская революция в "известной мере" осуществила лозунг революционно-демократической диктатуры? Установление этого имело громадное значение для большевистской тактики в Февральской революции. Оно говорило: так как Временное правительство существует с согласия демократической диктатуры большинства крестьянства и пролетариата, то нельзя пытаться скинуть его вопреки воле большинства Советов -- значит путь, ведущий вперед, ведет через завоевание этого большинства. Задача, которую он ставит себе на этом этапе, состоит в завершении буржуазно-демократической диктатуры. Он знает, что этого будет недостаточно, что разрубить узел войны можно будет только, делая шаги к социализму, ибо разрубить этот узел можно будет только, разрывая с антантовским капиталом³⁷², принимая меры против разрухи военной, выходящие из рамок буржуазного строя.

Но этот второй шаг к социалистической диктатуре пролетариата Ленин не делает таким образом, что противопоставляет лозунг пролетарской диктатуры лозунгу демократической диктатуры, а пытается заставить большинство Советов взять власть в свои руки, хотя это большинство состоит из мелких буржуа и социал-пат-

риотов. Он хочет это большинство, взявшее власть в свои руки, поставить перед задачей необходимости перехода к социалистическим мерам, чтобы дать ему обанкротиться в глазах народных масс и таким образом завоевать большинство в Советах для большевиков. Только в момент, когда буржуазия, используя бессилие и разложение мелкобуржуазного большинства Советов, переходит к актам насилия против рабочего класса, он ставит вопрос о ревизии лозунга перехода власти к Советам (т. XIV, ч. 2, с. 14 -- 18) и заявляет, что власть, действующую насильем против рабочего класса, надо свергнуть, ибо Советы уже не живут. Пролетариат должен взять самостоятельно власть, тогда он найдет поддержку беднейшего крестьянства и восстановит Советы, но уже как органы социалистической диктатуры. Но достаточно было корниловщины, оживления Советов, ослабления буржуазии, чтобы Ленин 3 сентября в статье "О компромиссах" предложил эсерам и меньшевикам рвать с буржуазией, завершить демократическую диктатуру, становясь единственной властью, а мы вас силой не будем скидывать. Только после того как большевики завоевали большинство в рабочих центрах и когда ясным стал приближающийся переход большинства солдат, т. е. крестьян, на сторону большевиков, Ленин считает, что кризис назрел, ставит вопрос о социалистической диктатуре пролетариата.

Я нарочно ответил Вам не силлогизмами о том, что есть демократическая диктатура и чем она отличается от социалистической, а попытался набросать

картину параллельного развития вопроса в действительной жизни и в теории Ленина. Только таким образом можно понять этот вопрос, понять не только отличия обоих лозунгов, но и их перерастание.

Вы спрашиваете: когда же начинается социалистическая диктатура? Социалистическая диктатура начинается там, где пришедший к власти пролетариат берется за решение специфических исторических задач пролетариата, т. е. постройки социалистического общества путем разрушения государственного строя буржуазии и национализации промышленности. Не всякий шаг в этом направлении есть начало социалистической революции, а система шагов. Пролетариат может быть принужден врываться в область частной собственности и в демократической революции. К этому может быть принуждена и буржуазия в войне и без революции. Тайпинги³⁷³, как Вам известно, делали целый ряд шагов, очень похожих на меры нашего военного коммунизма, не будучи социалистической властью. Но уже даже начав социалистическую революцию под руководством социалистической диктатуры, пролетариат решает попутно демократические задачи, не решенные демократической революцией.

Это ответ на Ваш вопрос, не была ли Октябрьская революция революционно-демократической революцией, когда мы были в союзе с левыми эсерами. На этот вопрос дает ответ Ленин в статье "К четырехлетней годовщине Октябрьской революции", указывая, сколько работы пришлось проводить в первые годы социалистической революции, чтобы завершить демократическую революцию. Одна от другой не отделены китайской стеной. Мы еще теперь завершаем демократическую революцию, с трудом борясь за ликвидацию безграмотности. Везде на Западе буржуазная демократия справлялась с этой задачей.

Самое важное для теоретического понимания вопроса о демократической и социалистической диктатуре -- это видеть не только грани между ними, их различия, как понимать, как одна переходит в другую. Тактически же самое важное -- находить в практике, в деятельности партии переходы от одной задачи к другой. Если бы Ленин в 1917 г. не понял, что задачи, стоящие перед русским пролетариатом в войне, могут быть решены только социалистической диктатурой, то он погубил бы революцию. Но точно так же, а быть может, в еще большей степени, он погубил бы ее, если бы, приехав в Петроград, дал лозунг:

"Скидывай Временное правительство!"

Я говорю, в еще большей степени может быть погубил, ибо в августе обострение классовых противоречий народило стихийно-массовую тенденцию к пролетарской диктатуре; в апреле мы были так слабы, что ошибка, тогда сделанная, непонимание своеобразия положения, необходимости переходов могли бы обескровить нас на годы. Ошибка Розы Люксембург³⁷⁴ и Либкнехта³⁷⁵ в январе 1919 г.³⁷⁶ не была единственной причиной, почему мы в Германии не только не взяли власти, но даже не могли серьезно попытаться это сделать -- тут сыграли свою роль объективные факторы, в первую очередь факт, что революция началась только после войны -- но тот факт, что, не понимая путей перерастания, руководство Союза Спартака дало себя спровоцировать на

вооруженную борьбу в то время, когда в Берлинском совете не было еще даже комфракции, очень облегчило победу германской социал-демократии и буржуазии. Коротко говоря: важно понимать не только, куда идет революция, но и как она идет, не только, куда вести партию, но и как ее вести.

Я установил, таким образом, точку зрения, с которой подхожу к вопросам китайской революции. Фейербах³⁷⁷ говорит, что точка зрения отличает человека от зверя. Имея уже исходную точку зрения, мы легче разберемся в разногласиях, касающихся перспектив дальнейшего развития китайской революции.

II. Перспективы китайской революции

Вы, может быть, помните, дорогой тов. Мусин, мои статьи в третью годовщину смерти Сунь Ятсена в "Известиях" в марте 1927 г. Основная их мысль была та, что не только международный переплет китайского вопроса (врагом является международный империализм), но и своеобразие аграрного вопроса в Китае (полное слияние помещика и торгового капитала) будут иметь последствием союз рабочего класса и бедного крестьянства более крепкий, чем в России, и что даже в начальном демократическом периоде удары этих классов будут направлены не против двух врагов (с од-

ной стороны, помещика, с другой -- капиталиста), а против одного. Из этого я делал вывод, что в Китае обеспечено перерастание плебейской мелкобуржуазной революции в социалистическую.

Не знаю, говорил ли я в этой статье (у меня ее нет под рукой), но, наверное, говорил это в своей речи в Комакадемии, что перерастание китайской революции в социалистическую я даже не делаю зависимым от помощи европейского пролетариата. Без помощи европейского пролетариата китайская революция как социалистическая победить не может. Она как изолированная социалистическая революция будет разбита китайской буржуазией и международным империализмом. Но начнется социалистическая революция на основе внутренних законов, ее движущих. При помощи европейского пролетариата Китай преодолет свою отсталость на социалистических рельсах. Без помощи европейского пролетариата китайская революция пронесется как цикл ураганов по стране, сметет купца-ростовщика и будет побеждена мировым империализмом, который начнет строить на очищенной бурей равнине современный китайский капитализм.

Считаясь с глубокими следами, оставленными революцией, международный капитализм будет принужден изменить свою форму господства, переходя от открытой самостоятельной эксплуатации Китая к прикрытой форме кооперации с китайской буржуазией. (Вы знаете, что такая программа имеет многих приверженцев в Японии, как и в Америке.) Эта вторая перспектива для меня более невероятна. Ибо она предполагает продолжительную стабилизацию капитализма в мире. Первая перспектива, о которой я говорил, -- это перспектива перерастания китайской революции из демократической в

социалистическую; перспектива ее смычки с новой волной международной революции и ее победы как революции социалистической.

Исходя из этой точки зрения, я считаю, что надо киткомпартию воспитывать в перспективе китайского Октября не как какого-то отдаленного маяка, а как политической цели³⁷⁸, к которой китайская революция неизбежно идет и дойдет в таком отрезке времени, что сегодня действующий китайский коммунист должен рассматривать всю свою деятельность как подготовку этой величайшей задачи. С этой точки зрения меня не могла привести в смятение ноябрьская резолюция ЦК ККП, в которой говорится:

"Все это заставляет пленум ЦК ККП признать в настоящее время во всем Китае непосредственно революционную ситуацию. ЦК не делает из этого утверждения иллюзий насчет неизбежности полной победы революции в самое ближайшее время. Объективная обстановка в Китае такова, что продолжительность непосредственно революционной ситуации измеряется и будет измеряться не неделями и месяцами, а долгими годами. Китайская революция носит хотя и длительный, но зато непрерывный характер. По всему своему характеру она является тем, что Маркс называл "перманентной революцией".

Китайская революция является перманентной по своему характеру благодаря тому, что китайская буржуазия не в состоянии совершить демократическую революцию, революцию, которая бы свергнула господство феодалов-милитаристов, китайская революция в своем процессе не может стабилизироваться в ее демократической стадии (подобно тому, как говорит так называемая "теория двух революций"); китайская революция, начиная с разрешения демократических задач, неизбежно приступает к социалистическим задачам. Китайская революция является перманентной и по темпу своего развития. Несмотря на ряд поражений, китайская революция все же продолжает развиваться, т. к. внутри господствующих классов существуют неразрешимые, все время обостряющиеся противоречия, и их реакция не может стабилизироваться. Одновременно революционная борьба народных масс, особенно крестьянские восстания, всюду непрерывно вспыхивают и имеют тенденцию к слиянию в одно русло, во всеобщее рабоче-крестьянское восстание для свержения господства джентри, помещиков и буржуазии; эти непрерывные революционные выступления воочию свидетельствуют о перманентном характере китайской революции. Одним словом, китайская революция, хотя еще не разрешила ни одной из своих демократических задач, продолжает быть демократической в данный период по своему основному содержанию, но массовая революционная борьба уже не может не перешагнуть демократические рамки и при новых успехах развиваться дальше; китайская революция должна радикальным образом разрешить свои демократические задачи и по пути своего дальнейшего быстрого развития перейти на социалистический путь".

В этой резолюции много ошибок, чересчур поспешные утверждения, но характеристика революции как перманентной может пугать только мальчиков, которые считают, что немец изобрел обезьяну, а тов. Троцкий перманентную революцию. Понятие перманентной революции, выдвинутое Марксом, означает не

какой-то всеобщий закон революции, а его убеждение в том, что социальные условия Германии не позволят стабилизироваться господству мелкой буржуазии; что мелкобуржуазная революция в Германии неизбежно перерастет в социалистическую. Маркс ошибся в оценке социальной зрелости Германии. Никакой мелкобуржуазной революции в Германии не случилось. Германия пошла по пути капиталистического развития под руководством буржуазии. Но я надеюсь, что против посылки Маркса в Китай для руководства коммунистическим движением гг. Мануильский и Пеппер³⁷⁹ не привели бы аргументов "от перманентки" и должны были бы, вероятно, сослаться на недостающую у него дисциплину. Отсутствие дальнейшей перспективы есть большой недостаток в политике, и резолюция IX пленума ИККИ, которую я считаю правильной, поскольку она намечает ближайшие задачи партии, страдает таким отсутствием. Китайские коммунисты не получают критической оценки прошлого и перспективы будущего и должны

выйти из этого крохоборства. Приветствуя тот факт, что Коминтерн взял курс на создание самостоятельной партии пролетариата (наконец-то!), на развертывание крестьянского движения, мы должны добиваться, чтобы эта работа собирания сил (Коминтерн прав, что высказывается против распыления их в повстанческих авантюрах) получила перспективу, ибо никто не знает, как быстро будут развертываться китайские события. Революционный подъем в Китае может прийти раньше, чем там окрепнет наша партия. Она тем позже окрепнет, чем дольше мы ее будем оставлять без перспектив.

Я уже сказал, что перспектива эта -- это путь к Октябрю, но этим еще не сказано, через какие страны этот путь ведет. А вопрос пути, как это уже говорил Лассаль в "Сикингене", не менее важен, чем вопрос о цели. Чтобы установить путь, надо сначала установить, откуда мы отправляемся, иначе говоря, надо поставить вопрос о результатах революционного движения 1925 -- 1927 гг.

Движение 1925 -- 1927 гг. представляло собой пробуждение китайских рабочих и крестьянских масс, руководимых китайской крупной буржуазией. Маркс говорил в "18 брюмера"³⁸⁰, что не всякий застрельщик мелкобуржуазной революции есть лавочник. Но всякий застрельщик мелкобуржуазной политики в состоянии представить себе социально-политические отношения только с точки зрения интересов лавочника. Не всякий застрельщик крупнобуржуазной политики есть банкир или крупный заводчик (хотя Сунь Фо, С. С. У сами крупные капиталисты), но дело в том, что мировой капитализм настолько уже господствует над идеологией вождей городской мелкой буржуазии в Китае, помещиков, торговых капиталистов, что все эти Чан Кайши и Ван Цзинвэй считали полной чепухой уравнилельные реформаторские тенденции СуньЯтсена³⁸¹, являвшегося выразителем деревенской мелкой буржуазии Китая, и они-то не могли себе мыслить китайского будущего иначе как в форме господства современного капитализма. Кто из них был в этом

направлении менее догадлив, того толкала мысль о необходимости получения займов от иностранного капитализма.

Когда я вспоминаю очень интересный разговор с Ху Ханьми-нем, он пришел перед отъездом прощаться, поговорить, чтоб ничего не сказать (а он все время своего пребывания в Москве проклинал Каутского и говорил вообще о мировой революции), он начал со мной церемониальный разговор о системе воспитания молодежи. Я отбросил законы китайской вежливости и сказал ему, что ввиду того, что уже французские энциклопедисты³⁸² великолепно понимали связь методов воспитания молодежи с социальным строем, то мне бы было более интересно узнать, как он себе представляет дальнейшее развитие Китая.

Разговор довольно туго подвигался вперед, но прижатый к стене наш тогдашний друг перешел к контратаке. С изысканной вежливостью спросил меня, считаю ли я возможным, что капитализм в Америке, Японии, Англии продержится еще лет 10 -- 15. Я по со-

вести должен был ответить, что исключенным этого не считаю. "Хо,-- ответил мне Ху Ханьминь,-- считаете ли Вы возможным, что СССР сможет Китаю дать в ближайшие годы от 0,5 до 1 миллиарда рублей займов?" Я ответил, что ничего невозможного в таком предположении не вижу, хотя насчет сроков и точных сумм ручательства принять не могу. Он ответил мне, что, зная, что СССР есть оплот колониальных народов против мирового капитализма, он в самом благожелательном ответе с моей стороны не сомневался, но что, как я, быть может, знаю, в вопросе о займах решает именно срок и сумма и что поэтому он надеется, что советские друзья Китая поймут при широте их умственного кругозора, что китайские революционеры не могут не считаться с подлым, кровожадным, но имеющим золото империализмом.

Но я отошел немного от темы, отвлеченный воспоминаниями. Значит, китайская революция 1925 -- 1927 гг. была движением народных масс, но руководимых крупной буржуазией. Когда народные массы повернули против крупной буржуазии, они были ею раздавлены. Это показывает, с какой осторожностью надо принимать утверждение, например, тов. Ломинадзе, о слабости китайской крупной буржуазии. Она исторический выкидыш, и сама по себе слаба, но за ней стоят не только потребности мирового капитализма, но и простого товарного хозяйства Китая, не знающего пока что другого направления развития, как развитие на путях капитализма.

Гоминьдан был заурядной капиталистической партией. Все его "особенности", на которые указывали тов. Бухарин и Сталин, сводились к тому, что эти товарищи забыли, как выглядели все буржуазные партии во время всех буржуазных революций. Прочтите брошюру Ленина "Победа кадетов" (т. VII, ч. 1, с. 95 -- 102), главу "Что такое представляет собой партия народной свободы" и Вы увидите, как отступают особенности Гоминьдана и выступает то, что его объединяет со всеми крупными партиями буржуазных революций.

А что представлял собой левый Гоминьдан? Это были народные массы, выходящие из-под влияния крупной буржуазии, и несколько говорунов, вроде Чэнь Южэня³⁸³ или благочестивого джентельме-на Юга Ван Цзинвэя,

которые, повторяя старые радикальные го-миньдановские фразы, ничего так не боялись, как остаться с глазу на глаз с рабоче-крестьянскими массами.

Самое комичное -- это было сравнивать этих людей хотя бы с эсерами и надеяться, что они повернут на мужика. Я два часа толковал с Ю Юженем об истории тайпинского восстания, что было очень трудно, ибо, как Вам известно, Чэнь Южень так любит сам говорить, что даже ночью просыпается от разговоров с собой. Когда наконец мне удалось преодолеть его сопротивление и заставить его слушать, он, выслушав все, сказал мне: "Да, это были бандиты".

Левый Гоминьдан не имел никакой интеллигенции, связанной с крестьянством, он никогда не интересовался крестьянским вопросом, в то время как народничество выросло на крестьянском

вопросе и, по крайней мере, хотело быть крестьянской партией. Банкротство левого Гоминьдана не является банкротством демократической мелкой буржуазии, ибо левый Гоминьдан никогда этой демократии не представлял. Нельзя поэтому делать из банкротства левого Гоминьдана вывода, что революционно-демократический период китайской революции уже кончился. Я думаю, что он только начинается.

Означает ли это, что китайское крестьянство непременно выкристаллизует свою особую партию, которая будет нашим союзником в революции и участником в правительстве революционно-демократической диктатуры? Очень может быть, что развитие крестьянского движения пойдет под руководством компартии и под ее флагом. Но что изменится в соотношении классов, если представители крестьянства в руководстве движением или в революционном правительстве будут называться коммунистами или даже будут думать, что они коммунисты? От этого они не перестанут быть представителями крестьянства. Классов, на которые опираешься, нельзя перескочить при помощи шеста и силлогизмов.

Я не утверждаю, что история китайской революции будет разделена на две главы, из которых одна -- революционно-демократическая -- будет посвящена решению крестьянского вопроса, а другая -- социалистическая -- построению социализма. Можно даже с уверенностью сказать, что своеобразие китайского аграрного вопроса (первый том книги Волина³⁸⁴, несмотря на его теоретическую робость, подтвердил это полностью) предопределяет, что аграрный вопрос в Китае может быть решен только при помощи социалистических мер. Торговый капитал разложил феодальное хозяйство Китая в такой мере, как это не имело места ни в одной стране.

Самая опасная болезнь -- это устаревшая болезнь. Разгадка китайского аграрного вопроса дана Марксом не в учении об азиатском способе производства (такого общего способа производства не было, как можно убедиться, прочитавши у Маркса и Энгельса их беглые заметки и статьи то о Китае, то об Индии, то об Японии и Турции, в которых они описывают совершенно различные способы производства). Ключ к пониманию китайских аграрных отношений Маркс дает в третьем томе "Капитала" в главах "Из истории торгового капитала" и

"Поземельная рента". Но при применении этого учения надо не забывать, что отношения, которые Маркс теоретически исследует, в Китае загнили. Революция может в своем демократическом фазисе растоптать пивки, сосущие тело китайского крестьянина. Это улучшит его положение, но он работает такими устарелыми орудиями, он настолько плотно живет в Южном и Центральном Китае, что для того, чтобы вывести его из неопикуемой нужды, необходимы меры коллективизации хозяйства и колонизации, которые упираются или в международный социализм, или в какой-то 10-миллиардный заем у капиталистов. В рамках мелкобуржуазной демократической революции выхода нет.

Но подход к выходу, т. е. мобилизация 100-миллионной массы на крупнейшей территории, которая займет не один год, которая не будет решена одним ударом, а многократно будет проходить пройденные уже этапы -- это есть именно грядущий революционно-демократический период. Основная ошибка тех, которые это отрицают, которые уже теперь хотят выдвинуть лозунг социалистической диктатуры, состоит в том, что они из-за неверных исторических сравнений не видят этого социального содержания ближайшей полосы движения. Когда они спрашивают, где же китайская революционная мелкая буржуазия, то они ищут глазами в Шанхае, Ханькоу клуб якобинцев, а не ищут в китайских Заплато-ве, Дырявине, Разутове, Горелове, Неелове и Неурожайке-тож³⁸⁵ сельской сходимки.

Политическая ошибка состоит в том, что, думая о том, что придется делать коммунистам, захватившим власть, они забывают, что путь к власти идет через мобилизацию мужичьих масс, что без этой мобилизации коммунисты будут биты не только в Кантоне, где промышленных рабочих столько, что кот наплакал, но и в Ханькоу и в Шанхае.

Но ведь весь вопрос, говорят, не в том, что надо мобилизовать крестьян, а что, во-первых, мобилизовывать их будет рабочая партия, а не Гомиьдан нового созыва, а во-вторых, что победить они могут только под руководством рабочей диктатуры. Но для того, чтобы рабочая партия их мобилизовала, необходимо выпячивать крестьянский вопрос. Формула выпячивания этого вопроса -- это именно лозунг демократической диктатуры. Его обязательное содержание -- это именно то выпячивание и ничего больше.

Осуществится ли эта диктатура в тех или других формах, как долго она будет продолжаться, это вопросы, на которые теория вообще не может ответить. Точно так же неправильным является взгляд на демократическую диктатуру как необходимую форму революции на известном ее этапе, как неправильным является утверждение о невозможности такого этапа. Политическая ошибка состоит в том, что из-за погони представить себе, как реально будет выглядеть рабочая власть, забывают представить себе, что реально представляет собой киткомпартия, которая должна завоевать власть.

Я не имел возможности наблюдать непосредственно над деятельностью китайской коммунистической партии, но я имел возможность в продолжение полутора лет наблюдать над пятью сотнями китайских коммунистов. Только самый минимальный процент из них имел какое-то отношение к крестьянскому движению. Их надо еще

повернуть лицом к деревенской бедноте, им надо еще вколотить в головы, что китайский рабочий класс и китайская революция будут разбиты наголову, если повторится то, что было во всех революционных движениях Китая, а именно, город пойдет особо, а деревня особо. Роль лозунга революционно-демократической диктатуры для исполнения этой задачи громадная.

А как выглядит дело с привлечением крестьянских масс? Они в Китае переполнены недоверием к городу, который всегда их эксплуатировал, ничего им не давая. Диктатура пролетариата -- это чисто городская власть. Как же можно с этим не считаться в формулировке лозунгов, хотя бы до момента, пока рядом побед, одержанных под руководством рабочих, крестьянство научится доверять рабочим?

Я великолепно понимаю, что источник возражений против лозунга революционно-демократической диктатуры -- это здоровое недоверие к шатанию мелкой буржуазии, это боязнь неозсеровщины с ее идеями рабоче-крестьянских партий, которую я вполне разделяю, но боязнь одних ошибок не оправдывает других. Ильич никогда не страдал ни новой, ни старой эсеровщиной, всегда требовал самостоятельной классовой организации пролетариата, "обязательно сначала огородить себя от всех, выделить один только единственно, исключительно пролетариат, а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, приглашает",-- писал он в своей полемике с Плехановым. Но это не мешало ему выдвигать лозунг демократической диктатуры.

С ком. приветом

Томск, 8-12 июля 1928 г.

К. РАДЕК. ИЗ ПИСЬМА СОСНОВСКОМУ

Дорогой Л [ев] С[еменович]!

Хорошо хотя бы и то, что мое письмо рассеяло Ваши опасения, не является ли моя телеграмма от 4 мая в "Правду" шагом к индивидуальному решению вопроса об оппозиции. При более вдумчивом отношении Вы могли бы и без него угадать, что если бы я пришел к убеждению, что оппозиция должна сдавать свои позиции, то раньше, чем выступать в "Правде" с этим открытием, я бы обратился к близким товарищам с изложением взгляда и предложением сделать коллективный шаг. Что же касается подготовки такого шага "поступками" -- то так делают люди, замазывающие следы, а не политики, чувствующие ответственность не только за себя.

Ну, говорю, хорошо, что теперь поняли хоть личную сторону дела. Общей не поняли. Вот Вы доказываете сначала вред личных и пользу общих выступлений и предостерегаете перед личными, указывая на нашу ответственность перед и за тысячи товарищей. Об этой ответственности -- в дальнейшем. Теперь укажу Вам только, что Ваше мышление отстает от бытия. Выступления эти -- не только телеграммы, но и письма, ибо все наши письма перлюстрируются и могут быть каждый момент напечатаны. Что с ними? Или надо всем товарищам не

высказываться о новых явлениях, ибо в их взглядах могут оказаться новые элементы. Это означало бы отказ даже от тех возможностей столкнуться, которые дает нам Ст[алин].

Дело явно невозможное. Или изобрести средство, гарантирующее одинаковую оценку явлений. Оно не изобретено. Или примириться с тем, что Ст[алин] может использовать наши переходные разногласия, и зато получить возможность их устранить или свести до минимума путем переписки. На этот путь мы стали. Я сначала хотел его избегнуть. Так, не отвечал три месяца на письма о китайских делах. Мог это сделать, ибо считал, что вопросы диктатуры в Китае подождут и, может, удастся нам встретиться раньше, чем придется их решать. Что касается немецких дел, то молчание было невозможно, ибо близость выборов требовала, чтобы мы высказались.

Высказаться позже после выборов (т. е. после раскола в Ленин-бунде и поражения, которое легко можно было предвидеть), это означало дать возможность сказать: оппозиция хотела посмотреть, и когда виноград оказался зеленым, высказывается против. (Указание на наше письмо от 15 января неубедительно -- чего я, когда письмо писалось, недосмотрел -- что не стоит ломать линию для проблематичных мандатов. Что же, если бы Урбанс считал, что они неproblemатичные?)

Ну, если надо было высказаться, то как? Я предложил коллективный путь: подписи Л. Д. [Троцкого], Преображенского и мою. Преображенскому этого не было сообщено. Он -- как оказалось после -- подписал. Что же было бы, если бы Преображенский и я были бы за, а Л. Д. против? Устроить конференцию? Или подчиниться неубедительным соображениям Л. Д.? Если бы дело шло о второстепенных вопросах, надо было бы отказаться от выступления во имя единства. Но так как шло об основном вопросе (а вопрос о двух партиях -- основной вопрос), то общеполитические соображения должны были взять верх.

Тут я прихожу к вопросу об ответственности. Мы политически и морально ответственны за тысячи ссыльных товарищей. В чем же состоит эта ответственность? В том, что мы должны помочь им найти правильную ориентировку в новых вопросах как основу правильных решений. Это требует избегать ошибок в важных вопросах. Такой ошибкой было молчание о нашем отношении к новому факту кандидатур Ленинбунда. Но с этой ответственностью связана другая покрупнее. Мы ответственны перед сотнями тысяч русских и иностранных рабочих за линию ленинской оппозиции. Если мы имеем возможность (хотя бы самую проблематическую) рассеять ложь и недоразумения насчет основной линии, то мы должны попытаться использовать ее. Этим мы исполняем долг и по отношению к "тысячам" и к "сотням тысяч". Вот как я понимаю ответственность и потому не могу никому обещать молчание в основных вопросах и не требую, чтобы о моих молчали.

Теперь вопрос о центре. Письмо мое к Ваганяну, которое прилагаю, покажет Вам, быть может, что и этот вопрос не исчерпывается доказыванием, что Сталин, Молотов -- не члены ленинской оппозиции, а даже наоборот. В общей форме это вопрос, что такое центр: представитель враждебных нам классовых

сил или наш арьергард. Я отвечаю: это наш арьергард, руководимый товарищами, которые поддались -- пассивно или активно -- влиянию враждебных классов-

вых сил. Борьба с центром необходима, во-первых, для того, чтобы арьергард сблизить к авангарду, во-вторых, чтобы из руководства центра освободились из-под влияния враждебных классовых сил те, которые способны это сделать. Если бы я считал, что весь центр кончен, то я бы поставил крест над ним и над революцией.

Я этого не считаю, потому что не могу поверить, что работа Ленина и революции оставили в России пять тысяч коммунистов, а все прочие кончены. Было время, когда мы считали хорошим революционером Ст[алина], а Зин[ovieва] обреченным. Потом пошло наоборот. Я не считаю, что развитие кончилось. Но говорю, дело не в Ст[алине], а в целом партийном слое. Именно опыт борьбы с центром (а я на нем вырос) предупреждает меня перед еврейским делением мира животных на "трефные" раз навсегда и "кошерные" раз навсегда. Моя ошибка состояла в том, что, видя проблему, я ее не сразу ставил, а разными изречениями толкал товарищей, чтобы они ее ставили сами. Впредь не буду этой ошибки повторять и [буду] писать всю правду, целую правду и только правду, хотя бы и с риском а) быть обозванным штрейкбрехером со стороны дураков, б) вызвать боль у друзей, в) дать повод Ярославским ехидничать (между прочим, не читал статьи Ярос[лавского] и не знаю, о чем пишете).

Томск, 14 июля 1928 г.

Р. М. РАДЕК. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Дорогой Лев Давидович, т. к. хочу, чтобы письмо пошло сегодня же, то не переписываю его на машинке, Юра очень жалеет Ваших глаз. Уверяю Вас, что стараюсь писать возможно ясно. Не выходит. У нас, наконец, после затяжного дождя и грязи появилось солнце и несметное количество пыли. К[арл] выглядит не плохо и теперь временно не жалуется на почки. Пожалуйста, пишите, как Вы себя чувствуете, как Н. И. [Седова].

Получили телеграмму Х. Г. [Раковского]. Не разрешают ведь встретиться, а так хотелось бы повидать своими глазами кого-нибудь, кто Вас там видел и с Вами говорил.

Всего, всего Вам желаю хорошего. Очень буду радоваться, если получу от Вас несколько слов.

Пожелайте от меня всего доброго Н. И., Лева, Сереже и Ане.

Сердечно всех обнимаю. Ваша Р[оза]

К. РАДЕК. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Дорогой Лев Давидович, еще не получил Ваших громов и молний в ответ на письмо от 25-го [июня], и уже шлю целый пакет писем, с тем чтобы получить от Вас обширный ответ.

Первое -- про проект Смилги и мой. Он, думаю, не вызовет между нами

никаких споров. Практическая его цель дать Вам точные формулировки нашей точки зрения, и в случае неполучения заблаговременно Ваших предложений для VI конгресса мы намерены послать местное сибирское обращение к конгрессу. Китайские разногласия *müssen ausgetragen werden*¹⁵⁹, раз они начаты. Наиболее меня беспокоят два вопроса: ревизия нашей точки зрения Виктором³⁸⁸, которая обобщает только то, что по кусочкам имеется в целом ряде писем, в очередь краснопроф[ессорской] и вузовской молодежи. Я собираюсь ему отвечать. Но будет очень хорошо, если Вы это сделаете. Другой вопрос -- это вопрос о нашем отношении к центру. Он не есть еще вопрос сегодняшнего дня, но может встать завтра. Нет другого способа его поставить, как в письмах. Я очень жажду Ваших замечаний по этому поводу. Через несколько дней, вероятно, вышлю несколько соображений о различии в постановке этого вопроса в международном рабочем движении и в СССР. Сегодня прочел сведения об отходе Примакова³⁸⁹. Жалко, хороший парень, хотя никогда на меня не производил впечатления политика. Формы полемики между Слепковым и Молотовым *lassen tief blicken*³⁹⁰, но видно, что, несмотря на большое взаимное раздражение, центристы боятся драки. Сталина статья "об опошлении лозунга самокритики"³⁹¹ бьет на отбой. Письмо т. С.³⁹² чистая защита против упреков правых, что Ст[алин] под влиянием оппозиции (*nebich*³⁹³, как говорят французы из Минска). Еще два слова о Вашей критике программы Коминтерна. Проект этот есть *theoretischen Zusammenbruch*³⁹⁴, но не левосоциал-демократического типа, как Вы утверждаете. С теоретической стороны его *Zusammenbruch* вообще не имеет направления. Можно сказать, программа Мануильского, в части же практической, касающейся ответа на вопрос, что делать -- это левокоммунистический *Sprung*³⁹⁵ в небеса диктатуры. Вот и все. Сердечный привет Вам, Наталии Ивановне, Л. Л. [Седову], Сереже.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА ОБ ИТОГАХ ОБСУЖДЕНИЯ РЕШЕНИЙ И
ЮЛЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК НА
СОБРАНИЯХ РАЙОННОГО ПАРТАКТИВА Г. МОСКВЫ

Орграспред, Информационный подотдел МК ВКП (б)

Тов

гор

Ваш. Томск 14 июля 1928 г.

. Москва 21 июля 1928г

.

Секретно

щ.....

Тов.....

гор. Москва

21 июля 1928 г.

С 16 по 18 июля по всем районам города Москвы прошли собрания партактива по обсуждению решений июльского пленума ЦК. Собрания везде прошли с большим единодушием, резолюции

по докладу приняты единогласно. Исключение составляет один За-москворецкий район, где имело место одно выступление оппозиционного характера. Член партии тов 396 из ячейки Кредит-бюро в своем выступлении настаивал на том, что "в партии имеется правая опасность", и на этом основании для противодействия прав-вой опасности он требовал "возвращения из ссылки исключенных из партии оппозиционеров". Он же голосовал против резолюции партактива. Выступление его было встречено с большим возмущением партийной массой.

Собрание актива Московской комсомольской организации прошло также очень активно. Резолюция по докладу принята единогласно.

Приложением к справке даем сводку вопросов, заданных на собраниях партактива (см. приложение); как в выступлениях, так и в вопросах основное внимание было уделено вопросу о хлебозаготовках.

Орграспред. МК ВКП(б) Информ[ационный] подотдел
Секретно. Приложение к справке

Сводка записок,

поданных на собраниях районных активов по докладу об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) 16 -- 18 июля 1928 г.

Хлебозаготовки

О причинах хлебных затруднений

Не являлась ли причиной слабого хода заготовок слабо поставленная работа культурно-просветительных учреждений?

Насколько основательна ссылка на увеличение потребления хлеба? Многим эта ссылка не ясна, так как ели же хлеб все до этого года.

Если в этом году было заготовлено хлеба больше, чем в прошлом, а за границу почти не вывезли, то почему же в этом году имеем хлебный кризис, а в прошлом году не имели? (Ряд записок.)

Почему приписывают недостаток хлеба понижению товарности сельского именно на одиннадцатом году революции? А, может быть, есть еще серьезные причины. Если главная причина -- малая товарность, то кто прохлопал?

Вы сказали, что продали хлеб за границу, а теперь пришлось покупать самим.

Почем продавали хлеб и сколько мы платили за хлеб из-за границы? Почему не

предусмотрели? (Ряд записок.)

Как понять тезисы пленума ЦК, где говорится о том, что хлеба поступает на рынки теперь меньше, ибо крестьянское хозяйство расплыено?

Зерновая политика одна из основных нашего хозяйства. Если бы она перед партией во всей широте стала раньше, можно было бы избежать кризис этого года. Почему зерновая проблема не была поставлена вовремя?

Не отразились ли на хлебозаготовках в связи с рядом проводимых вопросов среди крестьян, как-то: денежные сборы, заем, самообложение, продналог?

XV съезд был недавно, почему вы эти трудности не предвидели? Значит, вы настолько близоруки, что дальше своего носа не видите. А как подошли все трудности, то вы и давай кричать: тут ошиблись, там просчитались, выходит, как на ловлю ехать, так собак кормить. Это куда не годится.

Почему мы каждый год видим, что у нас грубейшие ошибки повторяются? По-моему, виноваты наши хлебозаготовительные организации. Если вы поедете в деревню, крестьяне говорят: "Довольно, нас 10 лет обманывали, вам верить нельзя".

О недостатке хлеба

Куда девался хлеб, если заготовили в 1927 г. 791 млн пудов, а в 1928 г.-- 750 млн пудов, но вывезли в 1927 г. 140 млн пудов, а в 1928 г.-- 25 млн пудов. Должно быть, как будто хлеба больше, чем в прошлом году, а у нас очень большой недостаток. (Несколько записок.)

Обеспечена ли продуктами до нового урожая Москва и промышленные районы? Нет ли недостатка хлеба у крестьян-бедняков, которые выполняют честно свои обязанности, вывезли хлеб в период хлебозаготовок, а сейчас не хватает самим? Не идут ли эти бедняки в кабалу к кулакам?

В каких губерниях в настоящее время есть сильная голодовка из-за неумелого подхода к хлебозаготовкам на местах?

Известно ли ЦК, что в Москву приезжают за печеным хлебом из деревень за 350 верст? Чем это можно объяснить -- плохой работой местной кооперации или же хлебным кризисом?

Не создаст ли снятие с государственного снабжения некоторых районов рынок для частного? Это даст ему возможность повысить цены и тем повлиять на ход хлебозаготовок.

Где может взять бедняк для себя хлеба, когда на рынке в кооперативе в деревне нет хлеба?

Вы говорите, что хлеба у нас не хватит. Можем ли мы при этих условиях продолжать развертывать промышленность?

Какие меры принимаются правительством по снабжению хлебом голодающих губерний? (Ряд записок.)

Вы сказали, что мы не могли дать хлеба бедняку, в связи с чем он в некоторых местах был вынужден идти просить хлеба к середняцкой верхушке. Не считаете ли вы это упущением, пожалуй, что нужно было даже взять за счет некоторых

запасов рабочих, и бедняка не оставить без внимания и вынудить его бросаться в объятия середняка.

О чрезвычайных мерах

Плохо центральная власть следит за правильным проведением советской хозяйственной политики в деревне. Когда в первый период хлебозаготовок -- январь-март -- наделали порядком всяких безобразий на местах, тогда только Рыков -- председатель СНК -- публикует письмо в "Правде", как не надо проводить хлебозаготовки, размещать заем и т. д. Начался второй период (апрель-июль), здесь ошибок еще больше, и за пять дней Микоян издает приказ против извращений в хлебозаготовках. Не надо в хвосте событий плестись.

В перегибах при применении чрезвычайных мер виноваты места или центр, или же те и другие вместе? Если центр сказал, что применять чрезвычайные меры нужно только по отношению к кулаку и зажиточному слою крестьянства и ни в коем случае не к бедноте, то места строго проводили бы директиву. А то вы местам сказали, что нужно достать, не указав, откуда. Места растерялись и пошли громить.

Почему высшие органы не согласовывают того или другого вопроса? Центральный комитет решил ввести военный коммунизм, а не собрали партсобрание и не согласовали вопроса. Когда вы сделали ошибку, тогда собрание стали собирать.

Можем ли мы навсегда отказаться от чрезвычайных мер, если опять станем перед хлебным кризисом? Ведь потребление будет увеличиваться, а наряду с коллективизмом еще быстрее будет происходить дробление сельского хозяйства. (Ряд записок.)

Чрезвычайные меры ЦК в отношении хлебозаготовок были. Можно ли говорить, что это были перегибы и они нисколько не нарушают нэп, между тем как заградительные отряды, закрытие базаров, продразверстка -- показатель военного коммунизма?

Не может ли получиться размычки рабочих с крестьянами, если будем проводить дальше военный коммунизм?

Скажите, применение статьи 107-й нужно рассматривать нашей силой, или слабостью, или ошибкой?

Стало быть, мы своими административными мерами обирали середняка и, наконец, бедняка. Этот же держатель хлеба остался -- от него мы ждем хлеба в предстоящей заготовке. Как же это: брали с милиционером, а теперь вдруг он сам дает? Значит, милиционер нужен. Не лучше ли было раньше кричать о хлебных фабриках?

Чем объясняются различные оценки чрезвычайных мер тов. Сталиным и Рыковым (см. вечерние газеты)? Сталин, осуждая их, валит всю ответственность на низы. Тов. Рыков, признавая их неизбежность, ответственность за них принимает на ЦК.

Вы говорите, что если, несмотря на ряд мероприятий в отношении деревни, вес

же не дадут хлеба, то придется принять ряд репрессивных мер. Значит, на пленуме был вопрос и об этом. Если да, то осветите, в какой форме он стоял на пленуме. (Ряд записок.)

О хлебных ценах

Цена заготавливаемого государством хлеба по постановлению ЦК должна быть увеличена. Следовательно, часть средств из нашего бюджета должна будет перейти к крестьянству, и какая-либо другая часть бюджета (капитальное строительство, зарплата и другое) должна быть в будущем уменьшена. Скажите, за счет уменьшения какой части бюджета и насколько произведено увеличение хлебных цен? (Несколько записок.)

Вы говорите, что теперь подумывают о поднятии хлебных цен, но так, чтобы это не отражалось на зарплате. Значит, можно так повышать цены на хлеб, чтобы зарплата не понизилась? Но ведь троцкисты тоже настаивали на поднятии хлебных цен, а ЦК поднял крик. В чем же дело? Странные вещи происходят, непонятные. Объясните, а то ничего не поймешь.

Увеличение цен на сельскохозяйственные продукты еще больше усложнит заготовки хлеба, потому что у крестьян будут деньги и не будет ему необходимости сдать хлеб вовремя, когда он необходим нам.

По газетам сообщается, что в этом году предполагается повышение цен на хлеб, а это значит, что у крестьянина будет больше денег, на которые он потребует промтовары. Готовы ли мы удовлетворить его продуктами городской промышленности?

С увеличением цен на зерновые культуры должна ли реально понизиться зарплата рабочего? (Таких записок много.)

Повышение цен на хлеб есть мираж. Партия давно уже отказалась от этой меры, предлагавшейся ни один раз оппозицией. Зачем же обманывать себя и принимать эту меру? Неужели размычка настолько уж остра?

Скажите, решение пленума о повышении хлебных цен, не есть ли это уступка кулаку? Если это уступка, то кулак потребует еще более крупную.

Повышение цен на хлеб не отразится ли на твердости червонца? О пути развития сельского хозяйства

Мне пришлось говорить часто с крестьянами, которые говорят так: "Урожай понизился, потому что крестьянство, благодаря земельному законоположению, перестало вывозить навоз, боится, что его земля при переделе может попасть к другому". Насколько участились случаи выходов на отруб? Я считаю, доводы крестьян заслуживают внимания, и надо будет вопрос земельного пользования пересмотреть и установить так, чтобы хотя [бы] в течение пяти лет разделов земли не производилось.

Одно время форсировали развитие технических культур в сельском хозяйстве. Теперь пленум ЦК постановил форсировать зерновое хозяйство. Качели двигаются с одного края на другой. Не от того

ли все беды и хлебный кризис в том числе? Выход из положения -- совхозы, когда мелкие хозяйства работают по старинке.

Товарность сельского хозяйства упала на 50%. Откуда же выросла платежеспособность крестьянства? Почему рыночное равновесие в этом году более обострилось? Мы же имеем прирост промышленной продукции?

Чем объяснить упадок льноводства вообще и льноэкспорта в частности, не объясняется ли это недостаточно чутким отношением местных госорганов и кооперации, чем отбили у крестьян охоту заниматься этой отраслью сельского хозяйства? По крайней мере, такие факты имелись в Московской губернии.

Сельхозналог не дает крестьянству развивать ту или другую отрасль продукции.

Не лучше ли совсем не брать продналога и тем самым создать богатство страны и избежать всяких кризисов?

А что придется предпринимать нам, если после всех тех отношений, какие мы проявили к кулаку, если он откажется организованным путем от посева озимого клина?

О совхозах

Известно ли тов. Рютину, что установка партии на коллективизацию сельского хозяйства считается в некоторых кругах вполне сознательных членов партии "модным увлечением партии", т. е. создается неверие самих членов партии в коллективизацию сельского крестьянства?

Каким образом будет проводиться укрупнение совхозов? Не получится ли это так, что для укрупнения совхозов придется, может быть, отнять часть куска земли от крестьян? (Несколько записок.)

Если крестьянин хорошо будет жить в индивидуальном хозяйстве, в связи с нашими задачами, как это совместить с развитием колхозов и совхозов?

Вместо колхозов мы имеем постоянно увеличивающееся дробление с уменьшением товарности индивидуальных сельских хозяйств. Как это увязать с задачами XV съезда о коллективизации сельского хозяйства?

Как реагирует ЦК на предложения крестьян Самарской губернии по вопросу о создании крестьянских совхозов?

Укажите, какие имеются перспективы в отношении вложения в дело совхозов капиталов в пятилетний период и какие результаты предполагаются?

Как центр смотрит на колхозы, чтобы их перевести на поденную оплату, как заводы и фабрики оплачивают своих рабочих?

О хлебном фонде

Верно ли, что все наличие хлеба сгруппировано в военные запасы? Не зная этого, мы останемся в дураках перед беспартийными, и почему печать умалчивает?

Неужели у нас не было запаса хлеба хотя бы на один год? Если не было, то чего дожидалось наше правительство? Ну, если бы не было один год урожая, значит, подыхай с голоду?

Какие предполагается принять меры для обеспечения страны и промышленности на

случай войны хлебом, и как предполагается создать для этой цели запасы и есть ли зернохранилища? (Несколько записок.)

Что сделано для выполнения давнишнего решения об организации стомиллионного запаса для всяких случайностей, что так необходимо для нас?

Скажите, действительно ли было серьезное положение на фронте хлебозаготовок? Ведутся упорные слухи относительно раскрытия госфонда.

Не права ли оппозиция?

Что вы все ссылаетесь на предложения оппозиции? Оппозиции нет, она похоронена, лежачего не бьют, нет смысла на нее ссылаться. Или приходится проводить ее положения и в то же время выдавать их за свои, а оппозицию ругать.

Тов. Сталин на партактиве в Ленинграде сказал: в связи с затруднениями хлебозаготовок пришлось пойти по дворам с обыском и отбирать хлеб. Ведь такую линию предлагал Троцкий.

Скоро сбудется три года, когда поднялся шум вокруг хлебозаготовок. Каменев тогда с цифрами в руках доказывал, что затруднения происходят потому, что хлеб находится большей частью у кулаков.

Признает ли ЦК свою ошибку по отношению к оппозиции, которая ясно говорила, что ЦК жестоко ошибается? Теперь мы видим, ЦК принял обратно в партию всех оппозиционеров. Выводы -- ЦК признает свою ошибку.

Тов. Рыков в своем докладе на Московском активе сказал, что он в период XV съезда недооценивал ту сумму затруднений, которые в то время уже существовали на хлебном фронте. Параллельно с этим троцкистской оппозицией в своих контррезисах к съезду предлагалось проведение принудительного хлебного займа (изъятие 200 млн пудов хлеба). Так скажите о внутренней связи между этими двумя положениями в свете дальнейшей политики партии в области хлебозаготовок в январе 1928 года (изменение статьи 107-й) и чрезвычайные меры в апреле-мае-июне.

Решение пленума есть возврат к старой правильной ленинской линии.

II. Внутрипартийное положение О разногласиях в ЦК

Известно ли вам, что Слепков распространяет нелегальное письмо -- ответ Молотову. Это письмо якобы не хотели поместить в "Правду". Среди нас, рядовиков, опять пошли слухи о двух лагерях в ЦК и Политбюро. Что же, опять надо ждать дискуссию?

Вы все время говорите о прошлой дискуссии, нам это уже надоело. Расскажите нам о настоящей дискуссии. Это интересно. Расскажите не о той дискуссии, которая ведется в "Правде", а в ненапечатанных документах между членами Политбюро.

В чем разница в оценке мелкого крестьянина между тов. Рыковым и тов. Сталиным? (Таких записок много.)

Чем объяснить, что тов. Бухарин нигде не выступал с отчетным докладом

последнего пленума ЦК? Какова позиция тов. Сталина, тов. Бухарина и тов. Рыкова по каждому вопросу, в отдельности стоявшему на пленуме?

Называют по имени людей, зовущих к XIV съезду,-- это ведь Фрумкин, а за ним стоит вся правая в нашей партии, ее поддерживает и Рыков. Вы своим выступлением сегодня открываете новую дискуссию, вас за это не поглядят по головке.

Говорят, что Стецкий³⁹⁷ ездил создавать группу против Сталина в Ленинград. Что сделано, чтобы отучить этих "умников"? Довольно наигрались в группочках. Кто руководит группой, которая предлагает отступить от решений XV съезда, т. е. наступления на кулака, и были ли члены ЦК такие на пленуме, которые выступали за это?

Кто это т. С., которому отвечал тов. Сталин в "Правде", и кто возглавляет эту группу, которая считает нужным опереться только на индивидуала-крестьянина?

Тов. Сталин и вы тоже ставите в первую очередь совхозы и колхозы, а потом мелкое и среднее крестьянское хозяйство. А тов. Рыков заявляет совершенно наоборот: мелкое хозяйство, а потом совхозы. Резолюция, принятая единогласно, несколько расходится с резолюцией апрельской³⁹⁸. Обе приняты единогласно и обе ленинские. В чем дело? (Таких записок много.)

О росте партии

Почему говорим о медленном росте ячеек, ведь в райкомах по четыре месяца, а то и больше, маринуют и не вызывают на комиссии? Ведь партактив большой в районе, создай вдвое, втрое больше комиссий, пусть работают каждый день. А то бывает, что 8 месяцев лежат дела без движения в райкоме. Конечно, после этого роста не будет.

О самокритике

Как должен вести себя выступающий с критикой, чтобы не быть заподозренным ни в принадлежности к оппозиции, ни в пораженчестве, ни в паникерстве?

Можно ли критиковать ЦК партии, и какие его действия можно критиковать?

Как понимать слова тов. Сталина: "Если ты чувствуешь, что можешь выявить хоть крупицу истины, то выступай"?

Ваша куцая самокритика не может дать положительных результатов. Ясно слепому, что она вызвана маневром под ударом левого кнута. Если критиковать, то надо начинать с ЦК. "Рыба воняет с головы".

Если самокритику некоторые люди используют для подрыва работы, как тогда быть?

О программе Коминтерна

Почему ВКП(б) -- легальная партия, наиболее политически грамотная, не прорабатывала программу Коминтерна в ячейках? Это имело бы положительное значение.

Почему программа Коминтерна не была заранее опубликована, чтобы каждый

коммунист мог внести свою здоровую мысль и обсудить ее? А теперь получается, что программа преподносится уже готовой; кем разработанной -- неизвестно. (Ряд записок.)

Разные партийные вопросы

Работа июльского пленума интересует не только партийную массу, но и беспартийных рабочих. А нам сегодня предложили обсуждать итоги пленума на закрытых собраниях. Правильная ли установка? Мне кажется, что ничего нет страшного, если обсуждать на открытых собраниях, а не закрываться по этим вопросам от беспартийных масс.

Почему перевели тов. Кагановича из Украины, а Косиора³⁹⁹ туда послали? (Таких записок много.)

О бывших оппозиционерах

Как мог Троцкий внести предложение конгрессу Коминтерна, когда он исключен из партии?

Какова линия Троцкого из присланного материала на 100 стр. к уставу и программе Коминтерна? Не изменил ли он своего взгляда, или так же все стоит на одной точке зрения? (Несколько записок.)

Какое письмо прислал тов. Троцкий на пленум Центрального комитета? И обсуждалось ли оно на пленуме? (Ряд записок.)

Верно ли, что Троцкий и иже с ним подали заявление о своем согласии с линией партии?

Может быть, вы скажете, что нового решил пленум по части борьбы с оппозицией и долго ли вы будете сажать их в ГПУ?

Скажите, что делают все те товарищи: Зиновьев, Каменев и др., которые приняты в партию? (Несколько записок.)

Имея в виду разложение верхушки некоторых организаций, считает ли ЦК возможным использовать на более ответственной работе бывших оппозиционеров, признавших свои ошибки, и как до сих пор используют троцкистов?

III. Вопросы вузов

О передаче в вузов

Самообманом является передача в вузов в ВСНХ. Положение не улучшится с подготовкой специалистов без материального улучшения и их подбора. Это мероприятие -- просто увлечение новизной. Разве Наркомпрос не справился бы с подготовкой технических сил, если бы материальная база не благоприятствовала развитию молодых специалистов?

Скажите, ВСНХ подготовлен ли к приему таких громадных учебных заведений и не хуже ли будет тут с методической и академической стороны? Затем, не будет ли раскола в студенческой массе благодаря более привилегированному положению

части вузов? (Ряд записок.)

В деле руководства высших технических школ Наркомпрос оказался банкротом. На днях в газете "Правда" была заметка о чуть ли не катастрофическом положении школ второй ступени. Кому же их теперь передавать? Не пора ли поставить вопрос о смене руководства Наркомпроса?

О техникумах

Единственный в Москве химтехникум им. Карпова закрыт и слит с текстильным техникумом, таким образом столица СССР осталась без учебного заведения, подготавливающего техника-химика. В Москве до безобразия много открылось различных хореографических, балетных, театрально-художественных школ, готовящих людей на Биржу Рабиса400. Что-то нужно сделать.

Одним из решений пленума по вопросу о подготовке специалистов было увеличение приема на вечерние рабфаки. Почему же сокращается сеть вечерних индустриальных техникумов, как, например, вечерний Московский электротехникум? Ведь наиболее ценные пролетарские кадры учатся на вечернем техникуме, а не на дневном?

О специалистах

Вы в своем докладе коснулись специалистов, что они застревают в аппарате и не идут на производство? Правильно, они не пойдут на производство. Почему? Да потому, что считают позорным, чтобы с грязным рабочим иметь повседневное прикасательство. Да еще найдется такой рабочий, который укажет новому спецу, что он не так ведет работу. А это им не по шерсти. Да не только специалистам, а и многим нам правильное указание не понравится. А притом в аппарате похлебней живется.

Тов. Сталин в разделе о создании кадров по промышленному строительству говорит: "Но дело в том, что таких людей, готовых идти рука об руку с советской властью, становится все меньше и меньше". Как это понять? Это опечатка или переоценка ценности? Думаю, что первое.

Об улучшении материального положения студенчества

Скажите, какое было постановление Бюро ЦК ВКП(б), одобренное и принятое пленумом, по вопросу улучшения материального положения студенчества? Т. е. в каком размере можно ожидать стипендию с нового бюджетного года? (Ряд записок.)

О социальном составе рабфаков и техникумов

Вместе с поставленными задачами подготовки пролетарских специалистов нужно изменить всю тактику приема во вузы. Наша вторая ступень не подготавливает во вузы. Конкурсные приемные экзамены дают все козыри в руки "сынкам", в лучшем случае интеллигенции, а то и новой буржуазии, конкурсный отбор дал им за последние годы возможность пройти во вузы. Затем громадная нагрузка в вузах пролетарского студенчества также тормозит дело учебы. Надо все

изменить, развязав пути нашему студенчеству, и поставить преграды непролетарскому элементу.

Нужно принять меры к урегулированию состава рабфаков⁴⁰¹. В последнее время допустили некоторую расхлябанность, в рабфаки проникли не рабочие от станков, а дворяне. Рабочие не кончают рабфаки, ибо постановка учебы никуда не годится.

Рабочих учебная часть хочет сравнить с теми, которые примазались с рабочими и имеют подготовку классической гимназии, а районный комитет партии не принимает меры. Рабочие не успевают. Учебная часть хлопочет о чистоте нашей и об анекдотах. Мы имеем сейчас на рабфаке Рог[ожско]-Сим[оновского района] студентов, которые еще на парте являются чиновниками, а иногда -- ярые контрреволюционеры. Нужно взять курс на рабочих, а не на чиновников.

Резолюция ЦК по вопросу о специалистах предусматривает командировки в вузы 1000 членов партии. Насколько реальны эти цифры? Если члена партии пошлют в вузы, будут предъявлены конкурсные требования?

Ты сказал, что в резолюции пленума сказано: добиться 65% во втузах рабочих и крестьян. Поясни, как это сделать при наличии жесткого конкурсного экзамена во втузах и слабости подготовки пролетарского состава. (Ряд записок.)

О заграничных командировках

Отсутствие лабораторий и других учебных оборудований требует от нас более частых командировок за границу, а туда посылаются старые спецы, а не наши молодые силы. Это ненормально, надо изжить.

IV. Общие вопросы хозяйственного строительства Об улучшении аппарата

Вы говорите, что необходимо исправить ошибки. Кто их будет исправлять? Те работники, которые их делали, или же РКК и РКИ будет это делать? Если РКИ будет исправлять, так от таких исправлений чуть-чуть будет пользы. У нас на заводе выстроили биологи-

ческую станцию. Стенгазета на ведение постройки канализации трубила, что ведется халатно работа, что и вызвало переделку канализации. Что стоит переделка -- 4200 руб. только рабочая сила. Сама же биологическая станция обошлась (по непроверенным сведениям, так как отчета всей стоимости не было) -- 200 тыс. руб. Рабочие указывают на это. Выстроили ее, и халатно относились к ведению работ. И сейчас станция стоимостью в 200 тыс. рублей нагружена своей работой 10% в сутки. Вопрос о постройке ее и халатности ставился на обсуждение ячейки. Райком об этом знает. Но РКИ не интересуется этим вопросом. Проверить и привлечь к ответственности кого-нибудь необходимо. (Руководство Стекольного завода им. Уханова).

ЦК говорит о недостатках аппарата, вся печать об этом говорит, а взяться всерьез за чистку его и выдвижение рабочих не берется. Пора всерьез приняться за чистку.

Почему так яростно выступают против Осинского, Сокольникова и вообще партийцев, спотыкающихся на наших недостатках. А почему вы ни слова не вымолвите, да ничего не предпринимаете против Полуянов402, развезжающих в международных со свитой на воды. Против Ивановых403, покупающих обстановки, наряды на сотни тысяч? Ведь корень зла в них, они порождают причины, на которых спотыкаются исключаемые и преследуемые. По-моему, это неправильно. Хотя немного надо было пугнуть полуяновскую и ивановскую сволочь.

Об иностранных специалистах

Можно ли надеяться, что приглашенные из-за границы инженеры будут работать честно и не делать вредительства нашему строительству? Ведь их контролировать при нашей технической отсталости некому.

О ввозе промтоваров

Неужели так и нельзя допустить хотя бы частично ввоз из-за границы промышленных товаров? Ведь нельзя только копить стерлинги и доллары, но нужно думать также и о том, что у нас до сего времени не хватает товаров, когда крестьянину нужно продать пять пудов хлеба, для того чтобы купить бумажные москошвеевские штаны.

Об экспорте сельскохозяйственных продуктов

В будущем году откажемся ли мы от вывоза хлеба, масла и яиц за границу в целях составления резерва и насыщения внутреннего рынка?

Как обстоит дело с второстепенным экспортом и дал ли он что-нибудь?

V. Политические настроения Все плохо

Как же быть рабочему? Хлеб дорожает, квартира тоже, червонец пал на 50%.

Братишка, за что же мы боролись, за что кровь проливали? Значит, дела у нас плохи. Мы не сможем больше вовлекать рабочих в партию. У нас уже начинают выходить, благодаря таким ошибкам.

Вы в своем докладе нарисовали наше внутреннее положение настолько благополучным, что можно вам поверить. Но поверить этому равносильно преступлению. В чем же тут дело, а дело вот тут в чем. Мы стали слишком много говорить о себе, что у нас все благополучно, а где-то слишком плохо.

Вот эта хвала самих себя, она слишком вредна стала для нас. В действительности же дело обстоит не так, даже в рабочих районах. В чем же тут дело? А дело тут вот в чем, что верхушки наши партийные слишком от рабочих низов оторвались и с ними связь иметь стали только через работников, которые зачастую надувают партийную массу, что у них называется: дела обстоят всегда хорошо и настроение рабочих тоже. Как пример приведу, что в провинции на одиннадцатом году существования СССР стали получать хлеб по карточкам.

Другой пример: шахтеры работают по 8 часов в шахтах и зарабатывают по 60 --

70 руб. при наличии семьи в 5 -- 8 человек. Какой же вывод отсюда? Я предлагаю членам ЦК партии и Политбюро почаще ездить в рабочие районы самим и делать там доклады, слушать ответы рабочих, которые действительно дадут правильные ответы, и не доверять особенно работникам провинции, которые говорят, что у них там все хорошо. Лучше было бы вам говорить, что у нас плохо и искать выход из этого положения при широком участии партийной массы. Для этого одно нужно будет пожелать, чтобы районный комитет созывал собрания не раз в году, чтобы слушать одни доклады о пленуме и съезде. Это недостаточно, а именно так и бывает у районного комитета. Он слишком редко созывает собрания и не ставит на них вопросов, жизненных для партии.

Уравнительность

ЦК ВКП(б) много уделяет внимания укреплению союза рабочих и крестьян и совсем не замечает того, что одна половина рабочего класса -- квалифицированные рабочие -- все легче и яснее обособливается от других чернорабочих. Квалифицированные рабочие по своему образу жизни, костюмом, пищей, обстановкой жилищной, широким кутежом все больше и больше напоминают буржуазию. Чернорабочие и малоквалифицированные рабочие, благодаря низкой зарплате и от частой продолжительной безработицы живущие в нищете, на это смотрят с завистью и затаенным острым недовольством, которое при серьезном внешнем осложнении может принять острую форму.

Настроения крестьян

Вы говорите, что в общем у нас все благополучно, но вы нам объясните, почему были крестьянские восстания в Сибири, о которых говорил тов. Рыков на Московском активе.

Какое там письмо прислали рабочие Севастопольского судостроительного завода, и в каких местах в связи с хлебом были вспышки?

Что происходило в Семипалатинске и Николаеве?

Правда ли, что говорят, как будто бы в Кабарде было форменное восстание на почве хозяйственных затруднений? Расскажите о причинах и местных условиях.

(Несколько записок.)

Знаете ли вы о том, что распространяются по деревням такие слухи, что урожай будет с каждым годом все хуже и хуже ввиду распространения радио. Контрреволюция всячески поднимает голову.

Разное

Чем объясняется такой легкий приговор по Шахтинскому делу? Даже явных контрреволюционеров и шпионов, как Матов, не расстреляли. (Много записок.)

Если можно будет, то объясните про покушение на ОГПУ и далее о том, что ходят слухи, что в округности Москвы стоят засады. Будто, что это была большая шайка. Ликвидирована ли она сейчас?

Орграспред. Информационный подотдел МК ВКП(б)

К. РАДЕК. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Томск, Гоголевская 33, 24 июля

Дорогой Лев Давидович!

Наконец с приходом жены мне удалось набросать оценку положения, которую Вам и ряду товарищей посылаю, для того чтоб столкнуться насчет совместного обращения в Коминтерн. Сегодня получил набросок Смилги, который у Вас, наверно, уже имеется. Преображенскому я ответил немедленно после получения его наброска. Прилагаю его копию. Есть ли какие противоречия между оценкой положения нас всех четырех? Думаю, что нет. Ни один из нас не принимает левого курса за полное исправление линии партии, все считаем, что это только начало тяжелой борьбы пролетарских элементов против сползания. Есть ли разница в выводах? Никто не предлагает отхода от наших взглядов. Такой отход был бы тем более смешным, что проверка истории доказала блестяще их правильность. Остается еще предложение Евгения [Преображенского] о том, что мы принимаем ответственность за новый курс. Я полагаю, что он на нем не настаивает и что оно вообще не имело у него органического значения. Остаются разногласия в суждениях о частичных вопросах и некоторые оттенки в подходе. В вопросе о китайских лозунгах я с Вами коренным образом не согласен для данной стадии и настаиваю на том, чтобы ввиду такого же самого отношения к вопросу Ивара [Смилги] и Евгения [Преображенского] этот вопрос был нами элиминирован из совместного заявления. Я коротко мотивировал свою точку зрения в приложении к замечаниям, Вам теперь посланным. Надеюсь, в ближайшее время после разработки китайского материала, мною полученного, дать еще анализ фактического положения в Китае, в котором есть очень много нового. Другой лозунг, на который хочу обратить внимание, это вопрос о соотношении борьбы с кулаком и индустриализации. Не подлежит сомнению, что выход из кризиса -- это ускорение индустриализации, но то звено, за которое теперь надо ухватиться -- это борьба с кулаком, ибо, во-первых, здесь опасность наиболее непосредственная, во-вторых, эта борьба ставит властно на очередь дня вопрос о создании союза бедноты, в-третьих, она ставит вопрос о борьбе с бюрократизмом, о чистке партии, т. е. о предпосылках индустриализации. Когда читаю о всех этих панамеях нашего капитального строительства, то прямо встает передо мной вопрос, имеет ли смысл требовать усиления капитального строительства раньше, чем удастся избавиться хотя бы от главной нечисти, в руки которой попадают деньги. Вижу тоже известный оттенок в моем тоне. Он, может, был в некоторых из моих писем по отношению к центристам чересчур добрый. Причина тут проста. Ожидая поворота партии налево, я никоим образом не ожидал, что инициативу поворота может взять на себя Сталин. Ивар [Смилга] впадает в другую крайность, не в содержании его точки зрения, а в тоне. Не можем мы говорить о центре теперь, как говорили во время врангеливщины⁴⁰⁴.

Я не ручаюсь за дальнейшее развитие центра. На основе своего жизненного

опыта, который складывался именно в борьбе с центром, я ожидаю еще с его стороны разных поворотов. Но давит десь злоба его.

Теперь вопрос об технике нашего заявления. Надо добиваться разрешения встретиться, надо добиваться, чтобы нас вызвали для объяснений Коминтерну в Москву, но одновременно надо добиваться, чтобы мы письменно столковались на одном тексте. Если же откажут во встрече и будут нарочно затягивать нашу переписку известными Вам методами (Ваше письмо идет месяц; пропадают, как я убедился, даже заказные письма), то каждый из нас должен послать от себя заявление.

Что касается коминтерновских дел, то по вопросу о программе еще следующее. Я, вероятно, успею еще написать подробную оценку этого документа. Он более публицистический, чем программный. Кроме основного политического порока, о котором писал в своих замечаниях, кроме победы социализма в одной стране, он содержит множество неряшливостей, халатных формулировок, вся восточная часть слабее слабого (не учитывает, например, специфической роли городской мелкой буржуазии на Востоке). Что касается немецких дел, то ошибочность Вашего отказа повторить наше заявление против кандидатур Ленинбунда несомненна. Моисей устанавливал свои заповеди на каменных скрижалях⁴⁰⁵, но если который из его последователей согрешил, не чтит отца и матери или прелюбодействовал, то ему указывали перстом на оные скрижали, не довольствуясь тем, что проповедник должен сии заповеди знать. Наше отношение к двойным кандидатурам не было вырезано в камне, а только напечатано в "Правде" и то без нашей подписи и нашего поручения. Занять позицию в момент, когда наши не-

мецкие тогдашние единомышленники собирались делать ошибку, которая, как оказалось позже, стоила им головы -- было необходимо и по отношению к немцам, и по отношению к нашей позиции. О немцах и партии не буду больше распространяться. Что касается наших собственных единомышленников, то из одного из сибирских городов я получил письмо за девятью подписями, в котором они принципиально защищают двойные кандидатуры, заявляя, что их выставление не имеет ничего общего со второй партией. Мне было, понятно, очень неприятно исчеркать заявление в одиночку, даже не зная отношения к нему Евгения, от которого только Post factum⁴⁰⁶ получил согласие. Но в таких вопросах надо выбирать меньшее зло.

Вот все, что касается политики. Что касается личных дел, то исследования здешние устанавливают наличие почечных камней, лечить этого здесь так же невозможно, как и в Тобольске. Лечение возможно только в Железноводске или Вильдунгене. Но выслать в Железноводск Москва не разрешает. Работаю все время над Лениным. Весь год уйдет на вступительную часть, в которой дам русский фон и наследствие, на которое опирался Ленин. Проработал, кроме большой исторической литературы, всего Ленина. Теперь сижу на Плеханове. Читаю много по истории общественной мысли в России, начиная с Терпена⁴⁰⁷.

Одновременно по утрам два часика философии проработаю. В первую очередь Фейербаха и Гегеля⁴⁰⁸. Томская библиотека довоенных изданий очень хорошая. Послал Вам английский либеральный доклад о будущем английской промышленности. Вышла двухтомная сборная работа немцев, под редакцией проф. Хармса⁴⁰⁹, посвященная повоенному германскому хозяйству, больше 1000 стр. Я Вам ее пришлю, когда получу и прочту. По Востоку большое количество английских книг, из немецких указываю на две: Stehrader und Furtwangler. Das werktatige Indien -- большой том изд. Allgemeiner Gewerkschaftsbund⁴¹⁰. Кроме того, книга Н. Kohn. Geschichte der nationalen Bewegung in Orient, изд. Vohwinkel⁴¹¹. Книги очень дорогие -- купить их не могу, пытаюсь раздобыть и, если удастся, пришлю немедленно, не читая.

Ничего не знаю о Вашем здоровье, Наталии Ивановны, что делает и как учится Лева. Моего мальчика прислали сюда -- в ссылке грызет гранит науки. Если нас Коба⁴¹² скоро не помилует -- то для него это будет учеба куда лучше Красной профессуры. Роза Маврикиевна обещает заставить меня теперь чаще писать. Если это не будет исполнено, пеняйте на нее. Я известен как враг письменности. В мою защиту могу только сказать, что с молодежью переписывался. Наибольшей свиньей оказался перед Христианом [Раковским], которому еще не писал, но теперь это делаю. Горячие приветы Наталии Ивановне и Лева.

Вас сердечно обнимаю. К. Радек

Два приложения: 9 стр. Несколько замечаний.

4 стр. копии письма к Преображенскому⁴¹³.

Р.М.Радек. Письмо Троцкому

Дорогой Лев Давидович, как видите, судьба моя самой себе копать могилу. Приемы чисто белогвардейские. Будем защищаться. Еще раз Вам большое спасибо за Вашу телеграмму, которую получила в Москве перед отъездом и на которую ответила. Тут не писала, т. к. совершенно зашилась в хозяйственных делах, которые целиком на мне. Остальные минуты урывала для машинки. Но теперь имею помощницу, и дело наладится. Ивар [Смилга] утверждает, что Томск прекрасный город, хочу верить ему на слово. Сама в том еще не убедилась. Может быть, главным образом, потому что тем же главным образом постоянно здесь мокнем. И куда только спряталось солнце. Я его, кажется, год уже не видела. Карл меня терзает писать дальше письма, поэтому только эти несколько слов. Мои самые горячие приветы Вам, Наталии Ивановне, Лева, Сереже, Ане, если она уже у Вас. Всего вам хорошего. Ваша Р[оза]

[24 июля 1928 г.]

Л. СОСНОВСКИЙ. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Дорогой Л. Д.!

Я не писал вам около месяца. Будучи заняты проектом программы, вы, пожалуй,

и не заметили этого. А события стремительно развиваются. То, о чем думал писать вчера, сегодня уже бледнеет, кажется устаревшим. Даже у нас в заключительной части разбора программы кое-что уже устарело, пока написанное шло до меня. Вы там справедливо говорите о нашей готовности поддерживать всякий хотя бы и слабый маленький шажок центристов влево. Увы, кажется, и поддерживать-то после пленума ЦК ничего не остается. В ближайшее время воспоследует "расшифровка" резолюций, перевод их на язык декретов, циркуляров, ассигнований. Тогда все станет яснее.

Дело в том, что слово "левый курс" принадлежит не самим сталинцам, а оппозиционерам. Центристы делают вид, что ничего нового не случилось и что они плавно и неуклонно развивают без толчков и скачков свою всегда правильную (ну еще бы!) линию. А кое-кто старается их уговорить, что они ужасно полевели. И нас хотят убедить в том же. Впору Сталину хоть с опровержением выступать против возводимого на него поклепа. Частичное опровержение он сделал в ответе некоему (не мифическому ли?) С. Но лучше всего опроверг обвинения в левизне закончившийся пленум.

хлеб низковаты. Теперь ЦК нашел восемь способов устранить всякую необходимость применения чрезвычайных мер.

Итак, . ш амнистирован Не он, оказывается, главный Итак,

Итак, весь антикулацкий курс - временная неприятная вспышка, которую стараются забыть. Кулак более чем наполовину амнистирован. Не он, оказывается, главный виновник заготовительного кризиса, а объективная бесхлебица: мало у нас товарного хлеба и шабаш. А тут еще цены на хлеб низковаты. Теперь ЦК нашел восемь способов устранить всякую необходимость применения чрезвычайных мер.

не видят классов, ни к тем, которые,

Представьте себе, что кулак Юдин с этим не согласен. Кулак Юдин, о котором я прочел в № 148 "Челябинского рабочего", смотрит в корень. Он не принадлежит ни к тем людям, которые не видят классов, ни к тем, которые, по словам Сталина, мыслят себе советский строй опирающимся на рабочих и одновременно на кулаков. Когда к кулаку Юдину пришли за хлебом, он запер ворота на запор и никого не пускал. Пришлось проникнуть к нему обходным путем через забор. У Юдина оказался спрятанным хлеб.

"Свидетель Власов рассказывает:

Когда хлеб у Юдина был обнаружен, я его спросил, как он те-перь, обманувши советскую власть, будет смотреть ей в глаза, Юдинс иронией ответил:

Меня учить нечего. Я прекрасно знаю, что делаю. На то и клас-совая борьба".

В подтверждение этого свидетель Власов показывает, что кроме 500 пудов спрятанного под домом хлеба у Юдина там же была припрятана винтовка. Юдин лучше многих других понимает, что такое классовая борьба. Пусть теоретики мирного вращивания кулака в социализм поучатся классовой идеологии у

челябинского кулака Юдина, у которого спрятанный хлеб прекрасно дополняется спрятанной винтовкой.

Успокоят ли Юдина восемь пунктов июльского пленума ЦК, откажется ли он от своей классовой программы (выражением ее служит винтовка в подвале) -- покажет будущее.

Прячут ли везде винтовки с хлебом -- не знаю, но что хлеб прячут в ямы -- это факт. Весь май и июнь сибирские газеты пестрили заметками о ямах, в которых кулаки (и не они одни) прячут хлеб. В местной барнаульской газете я насчитал таких заметок десятки, и относятся они равномерно ко всем районам округа. Спрятать в деревне сотни пудов хлеба, чтобы не узнали соседи, -- немыслимо. Отсюда мой вывод, что прятание хлеба в ямах пользовалось известным покровительством со стороны большинства. Прилагаю при сем для вашего архива заметку из минусинской газеты (передовая от июня), где разоблачается середняк Кочерга, спрятавший в лесу пять пудов хлеба. Кочерге напоминают о 107-й статье Уголовного кодекса. Укрывательство пяти пудов в богатом минусинском пшеничном округе -- о чем говорит этот факт политически? Он говорит, что охрипшие от криков о середняке цекисты сумели в кратчайший срок восстановить против партии середняка и бросить его в объятия кулаку. Ибо хлебная яма -- предвестник восстания. Какого еще вотума недоверия надо Сталину? В некоторых заметках имеется характернейшее указание, что использованы ямы, сделанные еще в 1920 году (дата для Сибири зловещая).

И эти люди так усердно травили Ивана Никитича Смирнова за его замечание, что в крайнем случае можно пойти на временную размолвку с середняком, лишь бы не дать советской власти погибнуть. Я не знаю, какие именно слова сказал там И.

Н. [Смирнов]. Но всякому ясно, что мы прежде всего обеспечили бы себе полную поддержку бедноты, чего нынешнее руководство абсолютно не может, а его аппарат абсолютно не хочет. При этом условии возможность поссориться с середняком была бы сведена к минимуму. Во-вторых, ведь наши предложения делались еще в прошлом году, не в порядке паники, а в порядке предвидения, и должны были целиком обеспечить более плавное поступление хлеба. Карикатурная история с займом денежным вместо предлагавшегося займа натурального -- свидетельство о бедности. Рассовывали этот заем по рабочим, по учителям, по бедноте. С триумфом печатали в газетах, что беднячка такая-то отдала на облигации последнюю трешницу не в пример кулакам, которые не берут таких облигаций. Или наоборот, в нашей барнаульской газете на первой странице помещен был портрет бородатого мужичка, который -- вот истинный сын отечества! -- сразу взял на 300 рублей облигаций. (Средний валовой доход по нашему округу не превышает 300 рублей в год, следовательно, это кулак.)

Не помню, писал ли вам, как барнаульские и иные кулаки, помимо спрятанных винтовок, решили использовать винтовки, находящиеся в казармах. Армия была залита потоком писем, воззваний, телеграмм из деревни. Тон всех этих обращений был весьма высокий. Политотделам пришлось повозиться не мало. Оказалось, что и в казарме нашлось не мало сторонников жизни "в мире со всеми классами". Мне сообщали, что в некоторых городах пришлось потом изъять

из армии до 5% состава как явно кулацких элементов. Там были не только рядовые красноармейцы. Если вы вспомните, в какую цифру определяли разные Яковлевы процент кулаков в деревне, и сопоставите с этим процент коммунистов в армии, могущий противостоять кулакам в шинелях, то картина получается ясная. Да и все ли коммунисты надежны по части желания жить "в мире со всеми классами"? По отдельным отрывочным данным я знаю, что в некоторых районах уже пришлось исключить до 25% коммунистов из партии (в деревне). Я не уверен, что и самиисключатели нынешние вполне благонадежны по этой части. Как пойдут заготовки этого года? Во всяком случае, сразу после ям к покойному рыночному режиму перейти трудновато. Даже и при повышенных ценах. У нас виды на урожай пока хорошие, лучше прошлого года. Теперь о самокритике с Заметили ли вы в "Правде" на этих днях целую сводку о том, как воспринимается циркуляр ЦК от 3 июня на предприятиях Москвы и других городов. Картина безотрадная. В то время как Сафаров и К|| кричат "осанна"⁴¹⁴, на местах даже не заметили этой "новой эры". Так себе, еще новый циркуляр за No 0000. Новая кампания. Секретари ячеек так и заявляли: сначала выполним календарный план (проработка резолюций райкома, губкома и т. п.), а потом проработаем и этот циркуляр. Встаньте очередь, сталинская хартия вольностей! Еще не все резолюции райкома проработаны. Это ли не шедевр? Недаром даже Угланов однаж-

ды публично жаловался по поводу неудачного двукратного визита Кости Уханова⁴¹⁵ на Прохоровку⁴¹⁶: планировать-то мы научились, а огонька большевистского у нас нету. Святая простота! Откуда огоньку взяться? Слава тебе господи, поработали брендмейстеры за пять лет. Организует самокритику небезызвестный Киров⁴¹⁷, которому ведь самокритика "нужна, как воздух". Дело Зорича⁴¹⁸ все знают. Политбюро должно было заткнуть рот Зоричу, чтобы удовлетворить "жаждущего самокритики" Кирова с его двумя собачками. Теперь Киров приглашает желающих "самокритиковаться". Прения по его докладу на областком очень поучительны (сужу по "Красной газете"). Вот вкратце самое существенное из речей ораторов. "Средние звенья аппарата -- райкомы, областком остаются незатронутыми. Подвергаются критике только цех, ячейки да коллективы". "Элементы, достаточно обюрократившиеся, в первую очередь прикинутся сторонниками самокритики и выхолостят таким образом ее содержание". "Необходимо побороть боязнь со стороны рабочих, которые опасаются репрессий". Характерен заголовок ответной статьи секретаря райкома Аменицкого в "Ленинградской правде": "Стоит ли беспокоиться за линию райкома?" Аменицкий, конечно, прав. Не стоит. Разве может быть плохая линия у районного, а тем более губернского, областного и -- прошу встать! --у Центрального комитета. На них почиет благодать божия. Что касается боязни рабочих критиковать, я приведу вам только один,

взволновавший даже меня, факт ленинградской действительности, опубликованный "Трудом" (от 3 июля). На табачной фабрике им. Клары Цеткин⁴¹⁹ работница Фадеева (жена коммуниста) выступила с критикой проводимой рационализации. Директор заявил, что так могут выступать только "люди не из рабочего лагеря", чуть ли не контрреволюционеры. Фадеева протестует. Ее отец и мать всю жизнь были рабочими, муж коммунист, сестра и муж сестры -- коммунисты, брат -- комсомолец. Это она-то не из рабочего лагеря? Разве она не имеет права высказаться на собрании в защиту неправильно выгоняемых на биржу труда?

Директор заявляет: ваши слова уже зафиксированы в протоколе. Фадеева начинает беспокоиться. Она, очевидно, знает всю меру произвола, который распустился под крылом у Кирова пышным цветом. Она просит дать ей на просмотр протокол с ее речью. Шабаш! Что написано услужливым пером секретаря, то свято. Фадеева в величайшем нервном возбуждении. Она так усердно готовилась к выступлению. Читала речи Сталина и Орджоникидзе, делала из них вырезки и вот попала в контрреволюционерки. За что? Почему? (далее цитирую по "Труду":)

"-- Больше не буду выступать,-- говорила она и непрерывно плакала. Каждый звонок заставлял ее вздрагивать: не за ней ли пришли, не арест ли. И в ночь на 1 мая она умерла. Работницы, ее подруги, узнали об этом, собравшись на первомайскую демонстрацию. Не знающее границ возбуждение. Фадеева погибла за нас, за правду!"

Дальше описывается, как хоронили умершую от страха работницу. Как работницы требовали, чтобы ее тело привезли на фабрику, а ячейка отказывала. Как настояли рабочие, какие речи произносились над ее гробом.

"-- Не будем больше выступать,-- говорили и говорят делегаты,-- не будем больше ходить на собрания... Не будем больше писать в стенгазету. Какой смысл? Все равно делают по-своему,-- говорят рабочие рабкорам, которые у них просят заметок".

Такова атмосферочка на крупной фабрике в красном Ленинграде. Я забыл добавить, что Фадеева выступала на цеховом производственном совещании в связи с рационализацией и предстоящим сокращением. Если от страха умирает, во всяком случае ждет ареста за речь даже потомственная пролетарка, член коммунистической семьи, можно себе представить, какой террор испытывают новые пришельцы на фабрику.

Мудрено ли, что циркуляр № 0000 от 3 июня не производит ни малейшего впечатления на массы. Это и констатирует масса заметок в "Правде" и других газетах.

Киров в докладе констатировал факт оживления работы оппозиции в Ленинграде и др. местах:

"Правда, здесь не только самокритика помогла, но и хлебозаготовки и затруднения с колдоговорами, а самокритика дала легальный паспорт".

Киров призывает давать нежелательным критикам "буквально по затылку". Этот карьерист будто бы не понимает, что вся разложившаяся аппаратная банда

смоленского типа и без того усердно ударяет по затылку всех рабочих. Что достаточно простой работнице выступить на производственном совещании против директора, чтобы попасть в контрреволюционерки. Мудрено ли, что "за линию райкома (Кировского) стоит ли беспокоиться?" Конечно, не стоит.

Было бы с моей стороны несправедливым, если бы я не отметил более интересных симптомов в жизни сибирской организации. Из всех читаемых мною газет я ни в одной не заметил тона, какой иногда звучит здесь. Вот заголовки над одной статьей, открывшей кампанию против Кузнецкого окружкома:

"Кузнецкий окружком партии признает критику только "сверху вниз"".

Тем, кто осмеливается критиковать снизу вверх, предлагают получить расчет. В результате налицо огромные недочеты в работе окружкома и районных комитетов партии.

"Партийная организация Кузнецка должна заставить окружком изменить свою линию или переизбрать самый окружком".

Статья довольно интересная. Она рисует заурядные порядки в аппарате. Верхи, вполне свободные от ответственности перед низами, пьянствуют, дебоширят, разлагаются. Низы в зажиме. За кри-

тику -- расчет. Окончательно пропившегося переводят в другой район. "Принцип передвижек". В округе двенадцать райкомов. Число двенадцать, говорит автор, вполне достаточно для бесконечного числа комбинаций с передвижками. Таким образом райкомы "обновляются" (это для отчетов об оживлении), а люди все те же. Автор (их, впрочем, два) констатирует ужасающе низкий уровень политического развития партийной массы и приводит очень интересное соображение:

Политическая неграмотность членов партии мешает их критическому отношению к работе парторганов. Это несомненно. Но несомненно также и то, что зажим, строгое соблюдение принципа критики только сверху вниз препятствуют политическому развитию членов партии. Если партийной массе не дают критиковать партор-ганы, если ее воспитывают в духе безгрешности членов окружкома и даже райкомщиков, то нет стимула к учебе, нет желания вникнуть в работу, отмирает стремление принять участие в коллективной работе организации. Вот где корень политической неграмотности Кузнецкой организации (Советская Сибирь, 6 июня).

Боюсь повредить авторам статьи (по-видимому, молодым пропагандистам из центра), но, по-моему, Л. Д. Троцкий не мог бы короче и выразительнее охарактеризовать крах системы политучебы при Сталине. Только вместо слов "Кузнецкая организация" надо поставить -- "международная", а вместо "безгрешных окружкомов-цев и райкомщиков" -- "безгрешных цекистов и цекакистов". Все остальное останется. Попытка вместо выработки миросозерцания органическим участием в партийной жизни и борьбе дать зубрежку и муштровку приносит на одном полюсе слепковщину, а на другом -- ужасающую политическую неграмотность, соединенную с отвращением к

навязываемой насильно политграмоте.

Самый факт признания этого низовыми пропагандистами знаменателен. Вы показали своим разбором программы Коминтерна то же самое, только в международном масштабе. Тоже политнеграмотность, только вождей компартий.

Уровень дискуссии по проекту программы -- безнадежный.

Но вернемся к Кузнецкому окружкому. После напечатания статьи с приведенным заголовком вожди окружкома -- безгрешные -- поступили так:

"Это не самокритика, а потуги к развалу нашей славной организации".

Секретарь ОКК420 сказал еще лучше:

"Критика это, брат, тонкая штука. Ты представляешь, что у нас сейчас может получиться? Что скажет рядовой коммунист?"

Наконец, корреспондента "Советской Сибири" вызвали на квартиру секретаря окружкома Новикова и в присутствии секретарей и заворгов райкомов сказали ему так:

"Не за свое ты дело взялся. Источник всей шумихи -- оппозиция. Такая критика направлена к подрыву всей организации. Кое-кому свернут за это голову и отберут партбилет. И с тебя попросим партбилет. Лучше перестань, пока не поздно, заниматься критикой. Имей в виду, что критикующих мы выявим через ГПУ".

(Все это я привожу из газетного сообщения, комментарии излишни.) Когда же секретарь ОК Новиков увидел, что кампания против ОК явно санкционирована крайкомом, он в подходящей форме "признал свою ошибку". Он правильно учел, что нынче большой спрос на "признающих ошибку". Если осужденным по 58-й статье возвращают партбилет за "признание", то уж ему-то портфель оставят наверняка. Он еще даже в гору может пойти как человек, "способный исправляться". Но оказалось, что кое-что доходит до массы. Когда массе дали немножечко поговорить об окружкомовских делах, секретарю оставаться было невозможно и его переизбрали. Вообще здесь сейчас пытаются не снимать сверху, а подвести под переизбрание. Иногда комбинируют то и другое, как было в Иркутске, где "переизбрали" все бюро ОК, а секретаря ОК Зимина сняли с санкции ЦК.

Кстати, об этом иркутском деле. Что там было по существу -- нам судить трудненько. ОК сопротивлялся проведению "тарифной реформы" на ж. д. Затем ОК вел какую-то политику на образование отдельной от Сибкрая новой области. По-видимому, тут-таки есть вредный душок областничества.

Но перлом иркутских дел является обращение в ОК (в лице председателя ОИК421 Кучмина) к местному купечеству с предложением помочь местной власти в трудном хозяйственном положении. Местное купечество с разрешения власти устроило собрание для выработки своей платформы и предъявило таковую в ОК. В скобках сказать, это только нам нельзя собраться для выработки обращения в партийную инстанцию, а купечеству -- сколько угодно. Платформу купечества огласил в одной речи Сырцов, и я разослал этот номер "Советской Сибири" друзьям как редкий документ. Послал и вам заказной бандеролью. Суть платформы проста. Отменить советскую конституцию, а, если

можно, то и советскую власть. В крайнем случае, они согласны примириться с советской властью на основе другой конституции. Они требуют не только избирательных прав, но и вообще уравнивания частника решительно во всем с "остальными гражданами". Мало этого, они требуют, чтобы государственные и кооперативные предприятия не пользовались никакими преимуществами перед частными в области кредита, сырья, поставок государству. Требуют изменения налоговой политики. Требуют изменения общественной атмосферы вокруг частников. "Вот и все". Основным принципом хозяйственного порядка, по мнению частников, должен быть принцип "свободной конкуренции" -- вплоть до найма рабочих и служащих, почему они требуют для себя свободного от биржи труда выбора рабочих и служащих. В случае выполнения их "пожеланий" купечество согласно "под-могнуть" советской власти всеми силами. Из речи Сырцова не видно, сослали ли авторов документа по 58-й статье. Между тем именно здесь все элементы 58-й статьи: попытка подорвать и ослабить

советскую власть. Ибо что останется от сов[етской] власти после осуществления этой купеческой "хартии вольностей"? Купечеству даже не пришлось прибегать к захвату МВТУ422, чтобы выработать свою платформу: им и помещение дали.

Письмо мое затянулось, но я поступлю, как толстые журналы летом: выпущу его двойной нумерацией. Накопилось много всяких фактов.

Острейшая схватка между комсомолом и ВЦСПС по поводу брони выражалась внешне в полемике между "Трудом" и "Комсомольской правдой". Люди сведующие сообщали, что кампания комсомола инспирируется или негласно санкционируется "мастером" революции. Борьба умолкла так же неожиданно, как возникла. Но кое-где в провинции ее приняли всерьез, и потому вот как выразилось это понимание всерьез в Твери в комсомольской газете "Смена" от 19 июня. Через всю первую страницу громадные заголовки:

"Тысячи подростков на улице!!"

"За что голосовал Президиум ВЦСПС?"

"Тверской губпрофсовет не имеет твердого мнения".

"Требуем немедленного пересмотра решения ВЦСПС".

Далее идет рисунок-карикатура. Нарисован за письменным столом бюрократ, поглядывающий на жизнь сквозь знак "%". А далее здание Биржи труда, и у ее дверей необозримая толпа безработной молодежи. И под этим надпись:

"Что будет, если ВЦСПС не пересмотрит своего решения".

Согласитесь, что это немножко рискованно. Но при отсутствии нормальных форм партийной, профсоюзной и комсомольской общественности у нас скачки от низкопоклонства к необузданной демагогии вполне возможны. При всей правоте "Комсомольской правды" в данном споре и у нее вырывались заголовочки "Узколобое делячество" (о ВЦСПС). На что "Труд" отвечал заголовком "Узколобое рвачество" и вопрошал: кто это дал комсомолу право на монопольное представительство рабочей молодежи! Кажется, у Щедрина это сформулировано

так: "Или в морду, или "ручку пожалуйста!"

Хотелось бы обратить ваше внимание на следующий факт. За последний месяц разогнано несколько местных правлений союза коммунальных работников, и посажены руководители соответствующих комхозов. Пьянка, злоупотребления, взятки и т. п. А в результате в этих городах комхозы, оказывается, успели за несколько последних лет сплавить массу домов капиталистам. А это отразилось на положении рабочих. Особенно отличилась, как водится, Украина, эта "передовая" в смысле классового перерождения и всяческого разложения страна. Газета "Харьковский пролетарий" сообщает такие данные. В 800 обследованных харьковских жилкоопках из 40 310 рабочих и членов их семейств 38% живут в подвалах.

Из речи секретаря Харьковского ОК Постышева⁴²³:

"Почему это в Харькове, в пролетарском центре 72% жилой (кооперативной) площади падает не на рабочих?"

Подзаголовок к дальнейшей части его речи:

"Квартирный закон закупорил рабочих в подвалах".

Еще подзаголовок:

"Нет закона, запрещающего рабочему жить в хорошей квартире".

Наивный Постышев думает, что в капиталистических странах такие законы есть. Воспрещается, мол, рабочему жить в хорошей квартире. Есть законы капитализма, которые загоняют рабочих в подвалы, хотя юридически рабочему разрешается жить даже во дворцах. Эти же законы капитализма стали загонять в подвалы харьковских рабочих. А советские суды ускорили переселение рабочих в подвалы.

Из речи того же Постышева:

"Здесь очень многие товарищи говорили о том, что если надо выселить рабочего, то суд, мол, сделает это в два счета, а если, мол, надо выкинуть нэпмана, то суд его никак выкинуть не может. (С места: "Правильно!") Товарищи, я этого никак не могу понять. Ведь у нас в судах сидят рабочие. Вот вы скоро будете выбирать новых народных заседателей. (С места: "Давайте нам юристов и защитников-рабочих, а не тех защитников, которые поддерживают нэпманов".) И это верно. Но, товарищи, судья-то ведь рабочий, заседатели тоже рабочие".

Очевидно, в результате прорвавшегося возмущения рабочих сейчас в Харькове декретировано выселение нетрудового элемента из национализированных домов. Проходит это с великим трудом, ибо сила маскировки буржуйчиков очень велика. В Тифлисе заново происходит национализация домов у владельцев, к которым дома успели вернуться за эти годы "мирного востания". Ежедневно публикуется список домов, отбираемых по решению суда за бесхозяйственное якобы содержание их.

Итак, только 28% национализированной жилой площади в Харькове досталось рабочим, да и та наполовину подвальная площадь. К этому надо прибавить повышение квартирной платы (вместе с общим повышением цен).

Обращают на себя внимание также довольно многочисленные заметки о "гнойниках" в фин[ансовых] органах. В Ленинграде, в Ростове-на-Дону и других городах произведены аресты целыми сотнями финработников (в том числе верхушки). Помимо пьянки, служебных злоупотреблений всюду обнаруживается подкуп аппарата частниками в целях уменьшения налогового обложения. Вот картинка нравов в Азербайджанском наркомфине:

"Начиная с декабря 1926 г. по март 1928 г. налоговыми инспекторами и агентами было приведено описей имущества недоимщиков 6 649 на сумму 970 000 руб. Из этой суммы реализовано имущества всего на 57 000 руб. Остальная часть описанного имущества --

свыше 900 000 руб.-- остается подарком наркомфинских заправил частникам в ущерб государственному бюджету.

Выясняется недообложение значительных сумм оборотов, составившее по одной только торговле персидскими товарами во втором участке свыше 2 800 000 руб.

Обложение доходов зачастую снижалось. Подоходный налог с известных в Баку подрядчиков Резиновых с 55 000 руб. был уменьшен до 21 700 руб. Таких случаев имеется много. Администрация второго участка (налогового) состояла из контрреволюционных элементов. Возглавляет этот участок Кен-герлюдинский -- нахичеванский бек, высланный в свое время из На-хичеванской [А]ССР как социально опасный элемент. Он был связан со спекулянтами и богачами, которым он скашивал налоги.

В Наркомфине господствовал лозунг: "Тюрок-спекулянт нам ближе, чем коммунист другой нации". Этот лозунг строго проводился в жизнь. Много партийцев, прошедших царские тюрьмы и каторги, вынуждены были уходить из Наркомфина -- такая там была обстановка работы".

Люди из Азербайджанского наркомфина хотят, очевидно, жить в мире со всеми классами, кроме пролетариата. Чтобы бакинские вожди не знали людей из НКФ -- не представляю себе. Конечно, знали. Но раз ставка поставлена на стопроцентника -- хороши и эти господа.

Из области аппаратных дел два слова еще о "черном конверте". В кассе одного ВИКА Воронежской губернии сформировалось секретно отделение -- "черный конверт". Всякими темными путями там аккумулировались средства для темных дел волостных дельцов. Может быть, теперь дойдет очередь и до "черного конверта" в губернском масштабе -- город Владимир. Я, кажется, говорил вам во время дискуссии, что в мои руки попал убийственный материал о деятельности владимирских вождей во главе с Асаткиным -- в то время членом ревизионной комиссии ВКП. Этот всесоюзный ревизор партии завел у себя для подкупа аппаратчиков нелегальный фонд путем обложения хозорганов. Фонд этот в общем достиг 2.000.000 рублей. Покорные секретарю аппаратчики получали из фонда восполнение по личному усмотрению Асаткина. Материал этот известен и ЦКК, и ЦК. Когда в ЦКК разматывали кусочек владимирского клубка, Серго [Орджоникидзе] воскликнул: да ведь это -- прямой подкуп! Увы, "черный

конверт", действительно, напоминал что-то из романов Золя (Ругон-Маккары)⁴²⁴. Две картинки нравов Владимира. Жена Асаткина ворочает губздравом. Не понравился ей врач. Она приказала милиции отправить врача в сумасшедший дом. Когда прокурор Налбандов по телеграмме из "Правды" потребовал у милиции освобождения врача, нач[альник] милиции только усмехнулся: пойти против жены Асаткина? Полноте шутить. Другой факт. Председатель Контрольной к[омиссии] (он же случайно оказался в тот момент и председателем Г [уб] и [спол] к [ома]), находясь в Москве на съезде Советов, посылает во Владимир своей жене чуть ли не шифровку, чтобы она спрятала его личный архив. От кого? От секретаря губкома Асаткина. Даже председатель К[онтрольной] к[омиссии] не гарантирован от выемки у него бумаг, компрометирующих Асаткина. А узнал я об этом лишь потому, что эти светлые личности подрались на глазах у всего всесоюзного съезда из-за циковского значка на френче. Таковы нравы. Я много знаю о Владимире и считаю это место ничуть не менее махровым, чем Смоленск. ЦКК имеет все материалы, но потихоньку сняла Асаткина. А сейчас в розницу отдельными ассенизационными бочками разгребают владимирскую свалку. Разогнали союз текстильщиков, отдельные уездные органы, губздрав, Гусь-Хрустальный⁴²⁵ и т. п.

"Труд" сообщал о "неудачной вылазке оппозиции" на собрании общегородского актива. Мой знакомый из Одессы подтверждает: действительно неудачная вылазка. Всего 8 выступлений в духе оппозиции или вроде того из 30 ораторов говоривших. Были вылазки и на комсомольском активе Одессы, и на заводе б[ывшем] Гена, и на Джутовой [фабрике].

Что именно было в Красноярске у железнодорожников -- не могу сказать в точности. Громовые статьи местной газеты сообщают о раскрытии чего-то вроде "оппозиционного гнойника". Исключены 4 рабочих из партии. Из них один был раньше заведующим Организационным отделом Сибирского крайкома ВЛКСМ и направлен к станку. Вот его-то и обвиняют в троцкизме, хвостизме и т. п.

Факт таков, что на железной дороге проводили сначала "тарифную реформу", а потом "корректировку" зарплаты. На собрании рабочих было предложено две резолюции, обе коммунистами, но не прошли обе. Тогда этот товарищ предложил третью, и она прошла. Кроме того, он подал в К[онтрольную] к[омиссию] заявление за двадцатью двумя подписями против исключения одного партийца, где резко критиковал райкомщиков. После того как его исключили, в газете появились два письма партийцев-рабочих против исключения. Они между прочим пишут, что всюду говорят: вот теперь и критикуй. Из обвинительных статей видно, что речи исключенного ныне тов. Выжукал встречались аплодисментами как на рабочих, так и на партийных собраниях, в то время как представителям "здоровой линии" не давали говорить. Что там было в действительности -- судить трудно, но троцкизм склоняется во всех падежах.

Еще два слова информации. Я запросил, верно ли, что на Украине внеплановые заготовители платят "вольные" цены. Мне подтверждают, что покупки идут по 2.50 -- 3.50 за пуд зерна. На рынке пуд муки в Одессе дошел до 10 руб.

В заключение я бы хотел просить вас написать в редакцию "Правды" письмо по поводу речи Рыкова, вернее, той части речи, в которой он приписывает нам, оппозиции, одобрение так называемым "экстраординарным" мерам. Рыков изображает дело так, что мы ужасно обеспокоены, как бы не прекратились безобразия рыко-во-сталинского аппарата в деревне. В действительности же, я вам писал еще в марте, куда ведет эта паническая политика. Я упоминал

вкратце о бедняцкой окружной конференции, проходившей в Барнауле. Все выступления бедняков разоблачали антисередняцкую и даже антибедняцкую политику аппарата в связи с заготовками, облигациями и пр. Я цитировал вам статью главного троцкистове-да здешнего Нусинова (ныне орготдел в Барнауле), который справедливо подметил, что именно те ячейки азартно вводили уравнительную продразверсточную систему, которые до того сильнее всего сопротивлялись нажиму на кулака, доказывали, что кулаков у них нет -- "все хресьяне", все в "музолях". Только Нусинов не объяснял, почему так выходит, что именно кулачествующие коммунисты азартно проводят разверстку со всеми атрибутами вплоть до нагана, запирания в холодную и пр. А это и была форма классовой самозащиты кулака: разложить удар на спину всей деревни, обеспечить себе сочувствие всей деревни. Когда я читал речь Рыкова, я видел довольные лица этих деревенских коммунистов, уверяющих, что здесь "все хресьяне, все трудятся".

На кого возложить ответственность за перегибы? Сталин с величайшей, почти мистической таинственностью посетил 2 -- 3 города, в величайшей тайне провел собрание в Барнауле, где присутствовало человек 40 из 4 округов -- самая верхушка аппарата⁴²⁶. Эта верхушка столь же таинственно намагничивала следующий слой аппарата. Все друг другу подмигивали. Все смотрели сквозь пальцы на безобразия появившихся "ударников" по заготовкам и облигациям.

Нам ясно было, что без настоящей организации бедноты одним аппаратом, да еще таким окулаченным, как в Сибири, кулака не прощураешь. Именно здесь я увидел, как правильно наше требование организации союза бедноты. На днях я прочел в "Заре Востока" статью об Армении (номер от 8 июля), где приводятся слова бедняка, обозленного нашей политикой:

"По этому поводу отдельные бедняки говорят: "Нас зовут только тогда, когда мы нужны, раз в три месяца, а когда вы нам нужны -- вас и с фонарем не сыщешь"". Один из наиболее обозленных сказал: "У вас политика такая: митинг -- бедняку, хозяйство -- кулаку".

Формула этого обозленного сталинской политикой бедняка поистине замечательна. Митинг -- бедняку, хозяйство -- кулаку. Ведь это и есть "обогащайтесь!" При такой празднично-митинговой политике ничего, кроме безобразия, и не могло получиться. В результате трудно сказать, какой слой деревни не обозлен сейчас нашей цекистской политикой.

Так глупые обвинения против нас в антикрестьянском уклоне, якобы имеющемся у

нас, рассеялись, а нынешнее руководство доказало всему миру, что оно не в состоянии провести серьезных мероприятий, чтобы не восстановить против партии всю деревню, в том числе даже и бедноту. Закрытие рынка, поголовный обход дворов, введение в употребление термина "излишки", запрещение молотья крестьянам зерно выше скудной потребительской нормы, принудительное распределение (с наганом) облигаций займа, нарушение всех сроков взимания налога, самообложение как дополнительный внезапный налог на середняка (кулака окулаченный аппарат не очень беспокоил) -- где в нашей платформе или контррезисах что-нибудь подобное? Упразднение нэпа в деревне -- кому из нас могло это прийти в голову даже в горячке дискуссии? А ЦК все это осуществил. Пусть не играют комедий с обвинениями мест в перегибе. Достаточно официальных документов имеется, чтобы изобличить руководство в отмене на практике нэпа. Вы думаете только в области хлеба? А как закрыли разом всю кожевенную кустарную промышленность в деревне? Конечно, лучше бы всю кожу перерабатывать на заводах и снабжать деревню. Но в каком отношении к нэпу и к официальной политике стоит административное единовременное закрытие всей крестьянской кустарной промышленности, обслуживающей деревню? Таких фактов много.

От "обогащайтесь!" до уничтожения деревенской кустарной промышленности -- такова монолитная политика.

Я вспоминал на днях и профсоюзную дискуссию, и пресловутое сращивание профсоюзов с хозорганами. Да, прав был Ленин, а не мы. Поскольку дело шло к нэпу, поскольку мы мало-мало забыли, что государство у нас не совсем рабочее, немыслимо было разоружать пролетариат, лишать его защиты от органов государства, способных подпадать под влияние буржуазных классов.

А нынешнее руководство ухитрилось в расцвете нэпа довести профсоюзы до такого сращивания, что в сращенном организме уже не заметно никаких следов собственно профсоюза. Вчера я вырезал из "Труда" корреспонденцию из Донбасса (именно, из Шахтинского округа) под названием "Кто мы?" Некий профсоюзник в горестном недоумении спрашивает себя: кто мы? Профсоюзники или хозяйственники? Мы потеряли наше лицо. И это в Донбассе, где оказалось налицо влияние Парижа, Варшавы, Берлина на весь ход жизни, где негодные карьеристы типа Ломова были жалким орудием в чужих руках. Вот вам и сращивание! Вот оно когда осуществилось-то!

То же и с антикрестьянским уклоном. В то время как мы в дискуссии резко очертили свою позицию ленинским лозунгом, Молотов его объявил "прошлогодним снегом". И это сошло. Наше предложение провести натуральный принудительный заем у верхушки -- заплевали, уверяя, что это поссорит нас с деревней. А теперь фактически поссорились именно со всей деревней. И будут платить большую дань за "мировую". Этим повышением цен дело не ограничится.

Вот почему я думаю, что следовало бы ясно ответить на речь Рыкова по поводу нашего отношения к "чрезвычайным" мероприятиям минувшей зимы. Нечего нам подкидывать своих ублодков.

Ну, вот я и кончаю, наконец, это небывало длинное письмо, бессистемное и

сбивчивое. Это всегда бывает, когда долго откладываешь письмо и потом не можешь справиться с массой материала. Уж вы не журите. Считайте, что сразу получили три письма.

Сердечный привет Н. И. [Седовой] и Леве от всех нас.

Барнаул,

Никитинская 110 25 июля 1928 г.

Нет, не могу. Надо поделиться с вами этим перлом поэзии. В "Комсомольской правде" напечатан отрывок из "превосходного" стихотворения:

Пускай напишет вереницы Стальных узоров на стене
И синевой зальет страницы "Социализм в одной стране"...

Каково?

Л. С.

О. Д. [Сосновская] просит сообщить, получили ли вы посланные ею из Москвы два номера "Прожектора" 427, где были очерки Арсен-тева (П. Коваленко) и в предисловии Ярославского -- комплимент Карлу [Радеку].

ИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ СПРАВКИ

О ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ИТОГОВ ПЛЕНУМА ЦК ВКП

ПО ЯЧЕЙКАМ г. МОСКВЫ

25 июля 1928 г.

Из 37 ячеек с 12 925 членами присутствовало 65%, выступало 8,5%. Число вопросов 688. "Мемза" Краснопресненского района. Выступление оппозиционера: "Если бы лучших людей не загоняли в Туруханский край и т. д.... Повышение хлебных цен -- уступка кулаку за счет рабочего класса. Самокритика -- затуманивание и отвлечение внимания рабочих от основных вопросов, которые имеются в проведении линии партии. В данном случае считаю, что мы можем критиковать только заводские организации, а не ЦК партии".

Из нашей информации о Коминтерне

"Ленинский Коминтерн пособникам социал-демократии не отдадим!"

В № 37 журнала "Знамя коммунизма" (орган Ленинбунда) опубликовано обращение Ленинбунда к VI конгрессу. Стремление Ленин-бунда восстановить единство, перечисление оппортунистических ошибок руководства Коминтерна (Англо-русский комитет, китайская революция, политика ВКП и проч.), согласие с решениями пяти первых конгрессов.

Часть документов оппозиции переведена ИККИ на немецкий, французский и английский языки (по 7 -- 8 штук на каждый), дана Президиуму и руководителям отдельных делегаций под расписку с обязательством возврата. Подавляющему большинству делегатов остались неизвестны.

Письмо большевиков-ленинцев (оппозиции) города Москвы (солидарность с

заявлением Троцкого, подчеркивание неслыханного режима арестов и ссылок оппозиции и т. п.). Разослано рядовым членам по почте.

Германия. Две группы оппозиции: Веддингская и Ленинбунд. Первая против избирательной тактики второй. Но сейчас значительно сблизились. Веддингская превратилась в общегерманскую. Имеет фактическое большинство в двух районах Берлина (Веддинг и Вайсемасс) и в Пфальцской области. Комитеты были оппозиционные, но сняты ЦК и исключены из партии. Всего Веддингская оппозиция имеет несколько тысяч членов, все, за исключением руководителей, не исключены из партии. Руководителями являются Вебер, Рифе, Веттер, Баумгарнер -- все рабочие. Осудили Зиновьева, Сафарова, солидарны с нами.

Франция. Группа Трэна сообщает, что она не ликвидировалась, а объединилась в "Комитет борьбы за коммунистическое восстановление партии и Коминтерна". Другая группа (ПАФА), "Против течения", предлагает созыв всефранцузского совещания всех оппозиционных групп для объединения.

Бельгия. Ван Оверстратен руководит журналом "Коммунист" на французском и фламандском языках. Выпустили брошюру "Чего хочет русская оппозиция". Тираж "Коммуниста" превышает тираж органа ЦК.

Италия. Бордига солидарен с нами. Он и ряд товарищей в фашистской тюрьме.

Чехословакия. Михалец428, связанный с Зиновьевым и Сафаро-вым, отказался следовать за капитулянтами. На сторону оппозиции перешло несколько местных организаций.

ИЮЛЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК429

Речь Калинина по совхозам на июльском пленуме является ярким доказательством того, насколько поверхностный характер носит провозглашенный с такой помпой левый курс. Калинин открыто проповедует так называемую производственно-техническую точку зрения, совершенно отрывая ее от политических тенденций и забывая о том, что такая абстракция от классовых отношений может привести к опаснейшим последствиям. Да он и не боится этих последствий. Наоборот, он с удовольствием идет навстречу этим последствиям. Он заявляет: прежде чем уничтожить кулака, найдите те элементы в деревне, которые могли бы его заменить. Калинин, таким образом, становится на точку зрения, что подъем производительных сил мы должны поощрять даже тогда, когда он происходит в формах, классово чуждых пролетариату. Подъем сельского хозяйства является для нас вовсе не абстрактной задачей, а живой проблемой высоко политического порядка. Наша экономика должна ставить своей задачей подъем социалистического сектора нашего хозяйства, преобразование индивидуального хозяйства в коллективистическое. Такое понятие сельского хозяйства, которое содействовало бы росту кулацких элементов, нам

не нужно. Не для этого существует пролетарская власть. Такие функции с успехом могла бы выполнять и буржуазия.

Вот образцы "высказываний" Калинина:

"...Вы, руководители на местах, вы говорите, что нет хлеба. А практически, когда вы разоряете кулацкое хозяйство, вы перво-наперво должны подумать, а как нам эту производственную ячейку кулацкую, кулацкое гнездо, заменить. А вот если бы каждый предисполком, когда он кулака выселяет, разоряет, предварительно создал бы комиссию в три человека с таким примерно заданием: до тех пор я этого кулака не выселю, пока вы не утилизируете на все 100% его производственную часть; если мне не даст гарантию каждый из вас, что ту производственную часть, которую выполняет кулак, вы не сохраните и не восполните, я скажу вам: я решительно против этого" (Стенографический отчет июльского пленума ЦК, с. 7).

"...Если бы Косиор вас тянул каждый год, спрашивал бы вас, что вы знаете об урожае, почему нет льна, если бы вас нынешний год подтянули, в будущем году подтянули -- тогда ваш предгубисполком-ма не пришел бы к выселению кулака. Он бы "берег" каждого кулака, он бы сказал: "Черт возьми, его надо было бы выселить, но он дает двадцать пудов льна, поэтому его надо пока оставить"".

"...Мы поддерживаем не кулака, а мы хотим, чтобы производственная часть была лучше сохранена... У меня одна идея, весь вопрос в производстве сельского хозяйства. Крупное кулацкое хозяйство рушится, а замена не идет, упряжь не предохраняется, распылять мы молодцы все, а производители слабые" (там же, с. 8).

Хотя Калинин берет слово "берег" в иронические кавычки, он это делает совершенно напрасно. Калинин с похвальной откровенностью раскрывает свою душу, и "откровение" Калинина так чудовищно, что даже Ярославский вынужден дать ему отповедь:

"Он (Калинин) заявил, что он "за поддержку" кулацких хозяйств,-- конечно, в определенном смысле. Но напрасно он ссылается при этом на Ленина -- Ленин никогда не говорил, что он за поддержку кулацких хозяйств; он говорил о борьбе с кулацкими хозяйствами, о подавлении этих кулацких хозяйств, об ограничении их, но, во всяком случае, не о поддержке кулацких хозяйств. Отсюда, из этой неправильной установки у товарища Калинина, у него были неправильные рассуждения и о том, в чем разница нашего отношения к кулаку и отношения к кулаку со стороны оппозиции. Я думаю, что то противопоставление, которое он сделал, будет просто-напросто подарком оппозиции, который нам сделать не следует -- будто бы мы принципиально не против кулака (подчеркнуто Ярославским). Отсюда же и неправильна его ссылка, мне кажется, на дело о смоленских помещиках. Там речь шла о том, что выселению подлежало 470 человек. Губернская земельная комиссия, которая тщательно рассмотрела все представленные виками и уиками⁴³⁰ материалы по выселению, из 758 признала подлежащими выселению 470 человек, в том числе 172 из бывших помещиков недворян. Для характеристики предназначенных к выселению лиц последней категории надо указать, что в то время как выселяемые бывшие дворяне в среднем имели (конечно, до революции) 150 -- 170 десятин земли, выселяемые других категорий имели 250 -- 260 десятин земли, а в числе

недворян есть бывшие владельцы 1 и 2 тысяч десятин и т. д. Все мы знаем, что перед революцией много разоренных дворянских хозяйств переходили в руки кулаков, в руки купцов -- они от этого не перестали быть помещиками -- ведь мы говорим о борьбе с классом, а не о сословии. Вот почему, я думаю, что ссылка тов. Калинина на это дело неправильна, что она искусственно была привязана к вопросу о совхозах.

Я взял слово для того, чтобы обратить внимание партии на то, что у нас десятки тысяч десятин земли, нужных и годных на организацию совхозов и колхозов, в настоящее время находятся в руках реакционных организаций в прямом смысле слова. У нас больше 500 церковных [и] монастырских колхозов, распоряжающихся сейчас, на одиннадцатом году пролетарской революции, в нашем советском государстве десятками тысяч [десятин] земли,-- они на этой земле организуют хозяйства так, как им надо. Вот я вам приведу один из колхозов одной из передовых наших областей -- Ленинградской. Там имеется Чуриковский колхоз "Бич", владеющий 725 гектарами земли. Вот вам пункты устава: "Все декреты, издаваемые правительством РСФСР, подлежат безусловному выполнению, за исключением того, что противно заповеди Божьей. Все постановления коммуны являются окончательными и обжалованию перед советским судом не подлежат".

Анцелович⁴³¹ останавливается на вопросах организации совхозов и подчеркивает необходимость механизации новых совхозов. Он указывает, что уже имеются бюрократические замашки в этом деле: кое-где закупают волов вместо машин, а там, где закупают трактора, их присылают по дорогой цене и разных марок.

Осинский⁴³² доказывает, что при теперешней постановке вопроса о совхозах в них будет вестись хищническое экстенсивное хозяйство, так как оно будет построено только на зерновых культурах, а не на плодосмене. Он указывает, что он отстаивал совхозы еще тогда, когда весь Наркомзем был против них.

Иванов⁴³³ ставит вопрос о том, что низовые совхозы нужны для выкачивания хлеба. Таким образом, налицо хищническое стремление использовать землю "до отказа", не заботясь о будущем.

Молотов. Кажется ясно, что XV съезд точно и правильно сказал как о значении индивидуального хозяйства, так и о значении колхозного строительства в деревне. XV съезд указал, что задача строительства крупных колхозов должна быть поставлена в числе основных задач партии.

Рыков. Основная.

Молотов. Да, основная, но это не значит, что единственная. Тем более, что перед этим ясно говорится о роли индивидуального хозяйства в деревне. Мне кажется, недоразумения в этом пункте должны отпасть... Но товарищ Астров⁴³⁴ не исправил той части своей передовой статьи, где он говорил о причинах теперешних хозяйственных затруднений. В этом отношении автор статьи "К текущему моменту" свел дело во всяком случае, главным

образом, если не целиком, к просчетам и ошибкам в планировании. После сказанного ясно, что тов. Астров допустил здесь ошибку против марксизма. Жаль, что "Правда" не исправила этой ошибки тов. Астрова.

Стецкий. При чем тут антимарксизм и троцкизм?

Молотов. Тов. Стецкий, дайте мне договорить до конца и прямо указать на этом заседании на отдельные ошибки, мимо которых партия не может пойти равнодушно. Вам же, тов. Стецкий, следовало бы подумать по поводу неловкости вашей фальшивой ноты насчет Кабарды и "аплодисментов". Этой неловкой фразе здесь никто не может сочувствовать. Что же касается тов. Астрова, то при всем том, что он очень ценный работник и хороший товарищ, нельзя проходить мимо его ошибок, особенно когда они допускаются в нашем центральном органе. Так же точно, как мы обязаны факты называть фактами, так мы должны и ошибки называть ошибками. Тов. Астров сделает лучше, если исправит свои ошибки.

Стецкий. Зачем бросаться антимарксизмом и троцкизмом?

Молотов. Никто здесь ничем не бросается, но, несмотря на то, что вы в данном случае недовольны, придется ошибку назвать ошибкой. В "Правде" появилась и моя речь на пленуме МК, в которой я решительно полемизировал с указанными местами в статье Астрова, хотя из нежелания обострять дело мне пришлось воздержаться от названия статьи и фамилии автора. Но невозможно не отметить неловкость, создавшуюся для центрального органа партии, печатающего статьи с противоположной оценкой крупных политических фактов. Получается, что "Правда" представляет своему читателю на выбор объяснение причин хозяйственных затруднений: или по статье Астрова, или по речи Молотова. Между тем вопрос имеет серьезное политическое значение. Поэтому гораздо лучше было бы решительно и поскорее исправить допущенную тов. Астровым ошибку. Тов. Астров написал немало великолепных статей, но было бы неправильно обходить допущенные им ошибки, могущие получить распространение через центральный орган партии. Помимо всего прочего, это будет полезно и тов. Астрову, хотя тов. Стецкий так несочувственно к этому относится.

Стецкий. Я только возражаю против того, чтобы бросаться зря антимарксизмом и троцкизмом.

Молотов. Итак, мы не можем допускать каких-либо принципиальных уступок в линии, уступок в теории. Там, где дело касается защиты марксистских позиций, надо быть особенно стойким. Следует учесть, что в настоящее время вопросы теории приобретают особо крупное значение и всем нам придется этими вопросами больше заниматься, чем это было в последние годы. Наши практические уступки в отношении мелкого и середняцкого крестьянства должны быть соединены с неуступчивостью в отношении ошибочной политической линии. Не говоря уже о троцкизме, это следует сказать и в отношении линии тов. Сокольникова. На настоящем пленуме у нас нет и не может быть представителей троцкистской линии, тем более необходимо дать отпор ошибочной линии тов. Сокольникова, которая хотя бы и с другого конца, но так же сворачивает с партийного пути. Наша линия -- против оппозиции, за прочный союз с середняком. Без союза с

средняком нет диктатуры пролетариата. Наша линия также против линии тов. Сокольников, сводящейся к недооценке значения руководящей роли пролетариата в этом союзе.

Молотов. ...Перед нами стоит задача -- повысить заготовительные цены на зерновые культуры, но по возможности не допускать повышения цен на хлеб для потребителя. Мы должны этого добиваться, хотя, быть может, это будет связано с тем, что придется кушать не белый хлеб, а серый хлеб. Об этом мы прямо должны сказать рабочим, и рабочие нас поймут.

Ворошилов⁴³⁵. Совершенно верно.

Молотов. Рабочие нас поймут, если в целях недопущения повышения хлебных цен мы должны будем заменить белый хлеб серым. Нам, может быть, придется для сохранения индекса цен на сельскохозяйственные продукты в Москве продавать здесь не свежее, а мороженое мясо. Надо и с этим считаться...

Молотов. ...В 1923 году Ленин говорил о том, что мы продвигаемся вперед на крестьянской лошадке. Это было абсолютно правильным, но для настоящего времени надо учесть, что по сравнению с 1923 годом доля рабочего класса в развитии хозяйства советского государства возросла и продолжает возрастать. Рабочий класс делает это, повышая производительность и усиливая интенсивность своей работы. Без этого не может укрепляться дело строительства социализма. Это дело выносит на своих плечах рабочий класс и крестьянство.

Рыков. Интенсивность -- да, а производительность -- нет.

Молотов. У нас идет процесс повышения производительности труда, что связано с повышением напряжения труда рабочих.

Молотов. ...Мы должны в определенных случаях идти на практические уступки средняку, поскольку это вытекает из его насущных экономических интересов и поскольку это совместимо с проводимым пролетарским государством курсом на строительство социализма. В связи с этим для нас особенно важен вопрос о размерах уступок, вопрос о сильном для пролетарского государства характере их. В этом, в сущности, и заключается осуществление политики союза с средняком. Под руководством рабочего класса.

Если по этому случаю кто-нибудь скажет, что это политика "золотой середины", что это -- политика "центризма", то мы совершенно спокойно ответим на это, как отвечали не раз троцкистской оп-

позиции: что бы нам ни говорили господа троцкисты, а это есть настоящая ленинская политика. Указанные мною две основные ошибки можно условно назвать: первую -- ошибкой левого типа, вторую -- ошибкой правого типа.

Борьба против обеих этих ошибок нередко изображалась Троцким как борьба "центризма" против "левых" и "правых". При этом Троцкий, причисляя себя к "левым", явно исходил -- даже тогда, когда еще находился в рядах ВКП(б) -- из невысказанного предположения, что он находится в социал-демократической партии, что он имеет перед собой не коммунистов-большевиков, а социал-демократов (среди которых он пока, конечно, был бы "левым"). Понятно,

что в ВКП эта "левизна" давно уже была разоблачена как подлинная социал-демократическая правизна, прикрываемая "левыми" фразами и "красивыми" позами (все это "лево" и "красиво" только с мещанской точки зрения). Это лишь доказывает, что, даже находясь почти 10 лет в большевистской партии, Троцкий остался верен своим социал-демократическим представлениям о партии и даже ВКП Троцкий пытался, еще и теперь безнадежно пытается, изобразить ничем иным, как центристским течением, за ее борьбу против всяких извращений ленинской линии и особенно против ошибок так называемого "левого" типа, на деле представляющих из себя цветистое прикрытие социал-демократических тенденций. Нет нужды доказывать теперь, что "левизна" Троцкого есть на деле прикрытый левыми фразами социал-демократический оппортунизм, пытавшийся найти себе место в рядах нашей партии. Попытка же приравнять ленинскую политику ВКП к "центризму" в социал-демократическом смысле слова есть типичный выверт обанкротившихся политиков, стремящихся прикрыть свой крах бессильными выпадами против ВКП, так как на деле "центризм" ВКП, т. е. борьба против "левых" пораженцев и против "правых" ликвидаторов, как раз и есть то, что представлял и представляет собою большевизм и что всегда должна представлять из себя настоящая ленинская политика.

Сталин. Большевистская политика.

Молотов. Это и есть большевистская политика, которая борется против извращений "слева" и "справа", на деле представляющих собой не что иное, как мелкобуржуазные извращения большевистской политики.

...Нечего говорить о том, что конец 1923 года был важнейшим моментом с точки зрения взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в нашей стране. К этому периоду относятся те существенные практические уступки, которые советская власть сделала, идя навстречу союзнику -- мелкобуржуазной середняцкой массе деревни.

Калинин. Не дурно сказано.

Яковлев. Я думаю, что поступлю правильно, если изложу здесь соображения, с которыми мне пришлось на днях столкнуться в разговоре с несколькими московскими рабочими. Меня спрашивали примерно следующее: не происходит ли сейчас поворот направо. Я, дивясь этому, стал спрашивать, откуда вы это берете.

Угланов. Ты только оговорись, что это московские работники, а не работники Московского комитета.

Яковлев. Это не нуждается в оговорке.

* * *

Осинский. В опровержение данных Молотова о росте посевных площадей, в 1925 году посевная площадь зернового хлеба по сравнению с 1924 годом увеличилась на 5,6%, в 1926 году по сравнению с предыдущим годом увеличилась на 7,8%, в прошлом году уже увеличилась только на 2,7%... Вывод: мы имеем нисходящую кривую движения посевных площадей, а в нынешнем году мы имеем [тенденцию] к сокращению посевной площади. Что мы имеем и отчего мы имеем? То, что мы имеем сейчас, начинают называть кризисом. Когда в декабре 1927

года А.И.Р[ыков] делал доклад на съезде партии, он говорил, что мы [не] имеем кризиса, а мы имеем перебой в хлебозаготовках. Я, между прочим, и тогда говорил, что мы имеем кризис. А. И. Рыков это, вероятно, подтвердит. В настоящий момент мы имеем кризис зернового хозяйства, как выражается Рыков. И сейчас мы имеем тенденции сузить определение размеров кризиса. Между тем то, что мы переживаем, это размычка. Основные причины: цены и кулак, в данном случае фактор приводящий, он лишь оформляет, подталкивает середняка, но середняк сам сделал выбор. Крестьянин делал революцию, чтобы жить лучше, а мы давали крестьянам все, что угодно, но не заботились о том, чтобы эта примитивная штука -- сапоги -- им были даны.

Я предлагаю совершенно конкретно в дополнение к тем планам (ВСНХ) вложить в течение 1 -- 2 лет 200 -- 300 миллионов в те отрасли промышленности, которые обслуживают потребности деревни. Теперь лишь спрашивают, а как же индустриализация. Это прямо замечательная постановка вопроса. Я понимаю, когда Сокольников говорит о том, что сперва развивать сельское хозяйство возможно шире, чтобы можно было экспортировать, это было против индустриализации. Это вполне понятно. Но когда я говорил, что нужно обеспечить то, чтобы смежные отрасли промышленности были приведены в порядок, то думать об этом надо с такой же степенью интереса, как о постройке Днепростроя⁴³⁶, то есть это не индустриализация. И один из способов разрешения это реальное сокращение госбюджета. Наш бюджет -- бюджет страны, которая живет не по средствам. Взять одну частную вещь: мы все ездим на курорты и живем там шикарно. А это стоит миллионы рублей. Скептики, здесь присутствующие, могут смеяться сколько угодно. Я сегодня это говорю для того, чтобы вспомнить это через 6 месяцев, если не сделаете данные выводы сегодня.

Андреев. Отношение с крестьянством резко ухудшилось в мае и июне. Причины не перегибы, как говорит Микоян, а то, что мы затронули середняцкие страховые запасы, которые середняк не хотел отдавать, особенно имея в виду поражение озимого клина. Кулака мы обозлили до чертиков. Кулак, если бы он имел возможность,

пошел бы с нами в открытую войну, перегрыз нам шею, потому что кое в чем мы его все-таки ударили очень крепко. Конечно, не раскулачили. До этого еще очень далеко, он прошел через огонь, воду и медные трубы периодов настоящего раскулачивания комбедов и остался кулаком, и теперь мы его не раскулачиваем, но ограничили мы его все-таки значительно. Что касается середняка, то наша оценка такова, что середняк, оставаясь советски настроенным, основательно встревожен тем концентрическим нажимом, который был проведен в деле хлебозаготовок, и насторожен, а что будет дальше? Что касается бедноты, то в общем и целом беднота настроена советски и работает с нами. Говорить о том, что середняк отвернулся от нас, то если бы это было так, то в условиях Северного Кавказа это означало бы восстания и гражданскую войну. Отчасти,

правда, отдельным кулацким прослойкам, духовенству и т. д., наконец, удавалось и теперь кое-где делать попытки восстаний, это было в Кабарде в связи с хлебозаготовками, где воспользовались трудностями хлебозаготовок, обактивились старые группы мулл и остатки дворянства, выставили целый ряд политических требований в этом движении. Сейчас острое настроение спадает, потому что мы ослабили нажим, но если бы мы повторили, продолжили бы эти хлебозаготовки на нынешний год, то тогда уже наверняка середняк повернул бы к нам спокойно спиной. Мы, однако, к этому прибегать не будем.

Нас ждут еще большие трудности, основная причина -- отставание товарности сельского хозяйства.

Упор сейчас должен быть сделан на освобождение нас от обязанностей широкого снабжения хлебом.

В резолюции недостаточно подчеркнут вопрос о кооперации. Нашей важнейшей задачей является повышение товарности сельского хозяйства, а повышать товарность через одни совхозы, через колхозы мы не можем. Вопрос усиления товарности сельского хозяйства будет решать не индивидуальное хозяйство, а повышать товарность индивидуального сельского хозяйства мы можем лишь через кооперацию.

И наконец, последний вопрос, который я хотел затронуть, это относительно бедноты. Беднота имеет громадное значение в смысле скорого проведения всяких наших решений в деревне, а вместе с тем проведение хлебозаготовок показало, что с беднотой дело обстоит очень плохо, что беднота занимается только по сезонам, только в связи с какой-нибудь кампанией, только в связи с тем, что припрет, а как только кампания прошла, сезон прошел, из деревни уходят, бедноту оставляют, кулак ее подбирает и зачастую направляет против нас.

Стецкий. Товарищ Микоян слишком делает упор на объективные условия в определении причин кризиса. Он не учитывает, что и объективные условия в значительной мере результат нашей политики. А именно сокращение площади под зерновые культуры -- и объективная причина, и результат нашей политики. Площади сократились в результате неправильного соотношения цен на зерновые и технические культуры. Далее, товарность зависит и от нашей политики цен, от предложения промтоваров, от функции товарного рынка. И мы знаем, что в этом году, когда мы имели неблагоприятное соотношение цен на зерновые культуры с ценами других продуктов, можно наблюдать такой ряд фактов, когда зерновые культуры скармливают в крестьянском хозяйстве, вместо того чтобы идти на рынок. Необходимо обратить серьезное внимание на нашу политику цен. Однако вопрос о заготовках не есть лишь вопрос хозяйственно экономический, он всегда являлся вопросом политическим, и сейчас, в этот период, он приобретает острый политический характер. Мы не можем обойти те настроения в деревне, которые мы там имеем. И сейчас редакции наших газет получают ежедневно сотни крестьянских писем, сейчас приходят отпускники-рабочие из деревень, которые приносят нам деревенские настроения. И эти письма, и то, что говорят рабочие отпускники о крестьянских настроениях, очень тревожно. Они все говорят о том, что если мы на апрельском пленуме отметили, что в

верхушечной части середняка имеется недовольство нашими мерами, то теперь приходится сказать больше, эти настроения - недовольства нашими мерами распространились гораздо шире, они охватили не только середняка, но и известную часть бедноты, которая выражает свое недовольство тем, что, сдав хлеб государству по заготовительным ценам, она сейчас этот хлеб не может получить ни от кооперативных органов, ни от кулака. В деревне идут разговоры, что вернулся 1919 -- 1920 год, что сов[етская] власть взяла курс против крестьянства и т. д.

Голос. А кто говорит?

Стецкий Это говорят крестьяне (Шум, волнение в зале.) Еще на прошлом пленуме мы слушали речь Иванова с Северного Кавказа, который рассказывал, как прекрасно обстоит в деревне на Северном Кавказе, как крестьяне чуть не аплодисментами встречают нашу хлебозаготовительную политику. И что получилось, товарищ Иванов, потом? Оказалось, что за аплодисментами...

Иванов. Тогда не было всего этого, и дело было не плохо. Вы забыли, что с того времени прошло три месяца дальнейшего нажима. (Шум, крики.)

Стецкий. Иы в нашей практике погрестили против указания Владимира Ильича. И не только в практике. Кое-где создалась своеобразная психология.

...В связи с хлебозаготовительной кампанией высказывались соображения, что мы можем припугнуть крестьянство и, таким

, что за аплодисменты вы приняли выступления в Кабарде.

Иванов. Это демагогия, очень деловая, ничего не стоящая.

Стецкий. Мы в нашей практике погрестили против указания Владимира Ильича. И не только в практике. Кое-где создалась своеобразная психол путем применения 107-й статьи, путем применения решительных мер против кулака воздействовать принуждающим образом, провести нашу хлебозаготовительную кампанию

образом, провести нашу хлебозаготовительную кампанию, что мы можем путем применения 107-й статьи, путем применения решительных мер против кулака воздействовать принуждающим образом

и на этого среднего крестьянина, для того чтобы провести хлебозаготовки. Мне кажется, что эта психология чрезвычайно опасна, с ней мы должны бороться и что на этих методах, на методах принуждения мы смычку с средним крестьянством строить не можем. Мне представляется также чрезвычайно тревожным то, что нам в резолюции июльского пленума снова приходится повторять о том, что у нас были перегибы и извращения в нашей политике по отношению к среднему крестьянству и что эти извращения и перегибы, которые были, несмотря на решительные указания апрельского пленума ЦК, что эти перегибы должны быть исправлены. Этот вопрос имеет огромное значение особенно в связи с тем, что мы сейчас видели политику наступления против кулака. Когда мы боролись с оппозицией, в частности в вопросе о кулаке, мы говорили, что кулак для нас опасен не только сам по себе, но, главное,

опасен и потому, что может в известной мере опереться и на среднее крестьянство.

Сталин. Мы это не говорили. Либо опасен. Либо не опасен.

Стецкий. Мы говорили, что сам по себе кулак опасен. Но становится гораздо опаснее именно потому, что он может повести за собой среднее крестьянство. Я думаю, это совершенно ясно, что главная опасность кулака заключается именно в этом. Именно когда теперь, когда мы ведем наступление против кулака, нам нужно избегать всякого рода мер, которые могут задеть среднего крестьянина. И в связи с этим, это нужно со всей силой подчеркнуть в нашей резолюции, нам нужно настроить наши организации на то, чтобы не только избегать всякого рода извращения, но и употребить все усилия, чтобы загладить те ошибки, которые были сделаны и изменить настроение среднего крестьянства в лучшую для нас сторону. В связи с этим, то заявление, которое сделал тов. Андреев, заслуживает самого серьезного внимания -- он сказал, что при повторении применения экстраординарных мер мы можем потерять середняка. Я думаю, что это заявление брошено не на ветер, что нам это заявление нужно самым тщательным образом учесть и в нашей резолюции, и в нашей практике.

Хатаевич437. Речь Стецкого на меня произвела впечатление, что он будто бы своей объективно-критической позицией хочет научить политэкономии. Он отделяет доклад Микояна от тезисов Политбюро, пытается создать мнение, что в партии и даже в руководстве есть люди, которые желают продолжать политику перегибов по отношению к середняку, которые хотят экстраординарные временные меры превратить в постоянные. Я не знаю, но до сих пор я думал, что у нас таких в партии нет... Стецкий как бы представлял отсутствующего здесь Фрумкина, письмо которого мы читали. Тот ставит вопрос более четко: назад к XIV съезду или назад к кулаку. (Шум, смех.) Позвольте, я хотел сейчас же пояснить. Фрум-кин, который требует отказа от данной XIV партсъездом линии решительного наступления на кулака (Шум.) Так мыслит тов. Фрумкин. (Смех.) Товарищи, нечего смеяться, я не такой уж гладкий, лакированный оратор и прошу не ловить меня на обмолвках. Я имел в виду сказать, что так мыслит тов. Фрумкин и те, которые разделяют его точку зрения. Они считают, что мы раньше проводили политику, которая была более приемлема для кулака, и предлагают вернуться к этой самой политике. С кем вы полемизируете, кого вы убеждаете, что не нужно нажимать на середняка, кого вы убеждаете, что не нужно прикрашивать положение в деревне? Кто прикрашивает? Не зря вы это говорите. Вы-то прикрашиваете в другую сторону, вы освещаете положение в деревне в слишком мрачном свете. Вы говорите, что вся деревня сплошь толкует о том, что у нас возвращена продрозверстка, что вся она пропитана недовольством, то же в письме Фрумкина.

Это не верно... В деревне мы имеем в целом устойчивое положение (ссылается на проведенные в Поволжье терсборы438, давшие хорошие результаты), хотя сейчас оно хуже, чем было в марте. В марте в результате проведения мер по усилению хлебозаготовок мы имели очень хорошее политическое положение в деревне. Мы имели решительный рост активности

бедняцких масс и благоприятное положение среди основных середняцких масс. Сейчас положение ухудшилось, но не надо впадать в панику. Я не имею в виду заниматься спорами на общеполитические темы. Я хотел использовать свои десять минут исключительно для того, чтобы сделать некоторые чисто практические замечания, и к ним я перейду сейчас.

По Поволжью кулак и крепкий середняк хлеб дадут -- уже есть предложения Хлебопродукту купить хлеб на корню.

Посевная площадь Поволжья возросла по сравнению с 1926 го-дом на 5,5% -- 6%, а с 27 годом -- на 16%.

Виды на урожай благоприятные.

Угланов. Хотя Хатаевич и рекомендовал не заниматься политикой, он заявил, что приехал на пленум ЦК, чтобы не заниматься политикой. Я думаю, что все-таки это маловато для секретаря обкома. Я считаю, что если для Хатаевича вопрос о середняке ясен, азбучная истина, то этот вопрос вообще, как крупно политические вопросы нашей партии, является очень ясным. Но в этой общей ясности вопроса, наряду с теоретической ясностью, есть конкретная обстановка, которая меняется. Кое-какие изменения во взаимоотношении рабочего класса и среднего крестьянства произошли за этот год, и мы уклониться от обсуждения этого вопроса, как это нам рекомендовал Хатаевич, не можем.

Наряду с тем, что говорил Микоян о колебаниях в середняцкой и бедняцкой части крестьянства, завотделом по работе в деревне ЦК Бауман после поездки в Башкирию и Татарию высказал свои соображения, что крестьяне осенью не повезут хлеба, он высказывал предположение, не придется ли приступить к обложению натур[альным] налогом верхних слоев крестьянства. А Хатаевич говорит, что все ясно... Нужно внести ясность. Нужно принять исчерпывающие мероприятия, которые в кратчайший срок помогут преодолеть колебания в известной части крестьянства. Я ду-

маю, что нужно будет решение ЦК, которое будет принято в советском порядке, так сформулировать, так его опубликовать, чтобы действительно крестьянская масса, основная середняцкая масса ясно поняла, что говорит им это решение советского правительства, чтобы это решение было не обычным решением, а политически крупным решением, которое сразу начало ломать ту психологию, которая есть в известной части крестьянства, что якобы мы идем к военному коммунизму.

Мы крестьянский вопрос не можем поставить изолированно от рабочего класса. Как-никак, во мне будет говорить потребительская точка зрения, но мы такой потребитель, который представляет миллионные армии пролетариата города Москвы, мы знаем, что у нас сейчас в большом количестве городов или карточки, или суррогат карточек, или какие-то ограничительные регулирующие мероприятия. Вот в чем суть. Давайте добросовестно ответим на вопрос: такое положение на одиннадцатом году революции разве не вызывает сомнения и

тревоги в рабочем классе? Я вам прямо говорю, товарищи,-- это очень настораживает рабочие массы. Это нужно сейчас видеть по каждой фабрике, заводу.

Само собою разумеется, если бы у нас сейчас это дело затянулось, всякого рода перебои в снабжении и недостаток продовольствия, суррогатные мероприятия нашего регулирования и т. д.-- они рабочим классом одобрены быть не могут, это ясно, и это долго продолжаться не может. Я ни в какой степени не стесняюсь это сказать, я считаю своим долгом это сказать, нисколько не боясь, что кто-нибудь из товарищей, не желающих заниматься политикой, пожелает мне пришить уклон в панике.

Другая сторона вопроса -- это работа, связанная с деревней. Ведь природу-то русского пролетариата мы прекрасно все знаем, он в очень большом проценте связан с деревней, и размер происходящих в деревне колебаний переносится на рабочий класс. И сейчас эти деревенские настроения в некоторой степени усилились, когда сейчас создалось положение, что из Москвы рабочие отправляют в Калугу, Рязань, Смоленск, Тулу, Ярославль и другие северные губернии посылки своим семьям. Это несомненное изменение вносит, и надо на пленуме ЦК об этом сказать отчетливо и надо сказать, что такие явления в кратчайший срок должны быть преодолены.

Как это сделать? Я считаю, что о наших мероприятиях по поднятию крестьянского хозяйства в последнее время стали больше говорить в печати, о том, что записано в резолюции Политбюро, об этих мероприятиях надо сказать еще с большей отчетливостью, а после резолюции сказать о них в решениях советского правительства, подчеркивать это в выступлениях советского государства, чтобы путаницы не было. А путаница есть и на рабочих собраниях, и на партсобраниях. Мне самому пришлось с ней столкнуться, когда я сказал, что задачу поднятия индивидуального хозяйства мы не снимаем, мне сказали, что же вы выступаете против решения

XV съезда. XV съездом постановлено, что ставка должна быть на колхозы. Есть такая путаница.

Сталин. Есть, есть...

Угланов. Надо это сказать отчетливо... Нужно заниматься разъяснением решений XV съезда, иначе будет путаница...

Мероприятия:

Отказаться от ряда функций, взваленных на плечи государст-ва и оказавшихся ему не по силам,-- необходимо сократить план за-готовок и как вывод отсюда -- в известных размерах предоставить местным органам, а также и частнику производить заготовки.

Отказаться от излишней централизации в области регулирова-ния. По вопросу о борьбе с частником, о наступлении на капитали-стический элемент надо исходить из того, что решение съезда при-нято, но нужно учить, как проводить эти решения в жизнь.

В области планирования были сделаны ошибки, и об этом нуж-но прямо сказать.

Осинский не прав, когда он предлагает развивать лишь текс-тильную

промышленность. Для обеспечения связи города с деревней необходимо развивать и тяжелую промышленность -- крестьянству нужны и машины.

Каганович. Трудности в связи с хлебозаготовками велики. Недовольство на их основе и в городе, и в деревне. Нужно не только фотографировать, но и анализировать и делать выводы. Это и дано в резолюции. Ее ценность в том, что она из фактов хозяйственных затруднений делает общие выводы и дает партии общую перспективу, оценку. Она ставит и принципиально разрешает зерновую проблему, проблему увеличения товарного хлеба, причем ставит и разрешает эту проблему по-классовому, т. е. она сочетает развитие индивидуального крестьянского хозяйства с развитием социалистических форм сельского хозяйства -- совхозов и колхозов. В этом [суть] резолюции. Ведь в хлебозаготовительных затруднениях огромную, я бы сказал, решающую роль сыграли не только те ошибки, которые мы имели, -- ошибки налоговые, в снабжении товарами, и не только то, что у нас нехватка товарного хлеба, но также и то, что значительная часть этого товарного хлеба, не большая, а значительная находится в руках кулаков.

Чем же в самом деле объяснить тот факт, что на Украине мы до декабря месяца заготовили 55% хлеба по нашему плану. Хлеб этот мы заготавливали самотеком, сравнительно легко, а в декабре месяце, когда мы подошли к остальным 45%, мы столкнулись с жесточайшим сопротивлением. В чем тут было дело? Мне кажется, что 55% заготовок, которые мы провели до декабря, были заготовками хлеба по преимуществу запасов середняка и той части бедноты, которая его продавала. Они продавали хлеб самотеком. Везли добровольно. Средняк, правда, не весь хлеб продал, но значительную часть товарного хлеба. И как только мы подошли к запасам кулака, мы столкнулись с затруднениями. Кулак объявил, по существу, хлебную забастовку, пошел в наступление на нас. Я не говорю,

что все 45% были в руках у кулака, но во всяком случае к концу кампании кулак был главным держателем оставшегося хлеба и организатором задержки хлеба, оставшегося у середняка. Вот решающий вопрос. И экстраординарные меры, которые мы вынуждены были применять, были обороной советского государства против наступающего кулака. Вот этого часто не понимают те товарищи, которые выступают в качестве "объективных людей", осуждающих принятые партией экстраординарные мероприятия.

Конечно, были ошибки, были перегибы, мы их осудили у себя на пленуме ЦК КПУ [Украины], признали, что в будущем нужно избегать экстраординарных мер вообще, но вместе с тем решительно высказались против того, чтобы вместе с ошибками, которые у нас были, замазывалось то ценное, что мы получили в результате хлебозаготовительной кампании. Мы мобилизовали всю партию, партия показала свою боеспособность, и забывать этого ни в коем случае сейчас нельзя... Экстраординарные меры, облегчившие нам выход из кризиса, в который мы были поставлены в декабре, коснулись и середняка. В этих экстраординарных мероприятиях, которые мы предприняли, бесконечно много отрицательных сторон.

Нельзя их вводить в систему. Абсолютно правильно, что нельзя экстраординарное вводить в систему, тем более нужно объявить решительную борьбу идеологии, которая хочет извращения узаконить.

...Я должен сказать, что сейчас мы слышим тона немного покаянные, тона, осуждающие вообще принятие экстраординарных мероприятий и слишком жестко критикующие ту работу, которая проделана за эти месяцы. (Голоса: Правильно!)

Я думаю, что это неправильно. Мы должны осудить извращения, которые были, мы должны в будущем не прибегать к таким экстраординарным мероприятиям, но мы не должны поддаваться этому тону осуждения той работы, которую вся партия проделала.

Некоторые товарищи неправильно хотят ввести экстраординарные мероприятия в систему, но другие впадают в недопустимую крайность и рассуждают так: "Долой административные меры воздействия, да здравствуют чисто экономические методы воздействия на хлебном рынке". (Примечание: Сокольников говорил об эквивалентном товарообмене, об эквивалентных ценах... но это есть отражение мелкобуржуазного наступления против индустриализации.) Закон стоимости хотя и действует еще в нашем народном хозяйстве, но далеко не так свободно, как в капиталистическом хозяйстве. Постепенно нашим планированием и всей нашей экономикой мы ограничиваем его действие. Цена у нас не является продуктом игры стихии вольного рынка. На службу экономической политике пролетариата становятся не только командные хозяйственные высоты, но в случае крайней нужды и политико-административные меры, и даже 107-я статья.

В условиях советского государства я считаю, что общая постановка вопроса о противопоставлении политики и администрирования "чистой экономике" совершенно неправильна. Одним из отличий советского государства от буржуазного является, между прочим, то, что в буржуазном государстве хозяйство принадлежит частным капиталистам, но государство, будучи приказчиком буржуазного класса в отношении подавления пролетариата, не имеет функции регулирования, а тем более непосредственного административного вмешательства в буржуазную экономику. У нас же промышленность, финансы, хозяйство принадлежат непосредственно советскому государству, которое, допустив нэп, должно регулировать и направлять частное хозяйство. В этом смысле у нас экономическая власть неотделима от политической власти. У нас хозяйствующий субъект входит непосредственно составной частью госаппарата.

Нажим, который мы произвели, отразился на настроении середняков. Но есть ли разрыв с основной массой середняков? Некоторые товарищи дело готовы изобразить так: раньше середняк был таким идеальным, таким прекрасным, что аплодировал целиком всем мероприятиям советской власти, а теперь стал резко против власти. Это не верно. У середняка, как у колеблющейся группы, с которой мы осуществляем союз, известное недовольство было всегда, ибо союз обозначает, что известные противоречия между крестьянством и пролетариатом есть, и эти противоречия мы преодолеем в процессе строительства... Недовольство середняков бывало, но градусы были не высокие. Сейчас мы должны

констатировать, что градусы поднялись. Настроения, конечно, серьезно ухудшились, но нужно со всей ответственностью сказать, что мы не имеем таких градусов у середняка, которые толкнули бы его на авантюру против сов[етской] власти вместе с кулаком, нами не задеты настолько его социально-классовые интересы, чтобы он решился сейчас на это.

Посевная площадь (Украины) ярового клина вместе с пересевом погибших превысила площадь яровых прошлого года на 22%, а общая посевная площадь, несмотря на гибель 4,5 миллионов десятин, уменьшилась всего на 3%. Это наиболее яркий показатель отношения к нам со стороны деревни, в том числе и со стороны середняков. Вот почему не прав Сталин. Он приводит цитату из Ленина и хочет доказать, что кто-то истину о середняке забывает. Позвольте сказать, что выдернуть одну цитату из Ленина, но в то же время не брать того, что Ленин говорит о кулаке и бедняке, -- это не по-ленински. Как же вы думаете провести союз с середняком без связи с вопросом о борьбе с кулаком и об опоре на бедноту. Тов. Стецкий почти ничего не говорил о борьбе с кулаком и классовой борьбе, а это решающий вопрос. Борясь с извращениями, безобразиями, которые у нас были, мы должны сейчас вопрос о борьбе с кулаком, о дальнейшей организации бедноты, об объединении политических сил на селе поставить во всей широте. Кто осуждает извращения, кто осуждает безобразия, которые были, не заостряя тут же вопрос о борьбе с кулаком, готовящимся сейчас с нами вступить

в борьбу в предстоящую хлебозаготовительную кампанию, тот, по-моему, делает величайшую политическую ошибку, чреватую большими последствиями...

У некоторых товарищей складывается такое впечатление, что мы примем резолюцию, запретим всякие извращения, начнется хлебозаготовительная кампания, и все будет гладко. Такой оптимизм был бы вреден, потому что этим мы могли бы демобилизовать всю партию. Нужно объявить решительную борьбу с извращениями и отменить чрезвычайные меры. Но мы должны сказать партии, что кулак сейчас обострился против нас... Средняк воспримет повышение цен, которое мы даем на 15 -- 20%, хорошо. Он хлеб повезет. Но нельзя думать, что кулак [будет] хлопать в ладоши и повезет хлеб с энтузиазмом. Мы 20 коп. прибавили, а он скажет: прибавьте 50; прибавите 50, а он скажет: прибавьте рубль. Борьба кулака с нами будет жестокая. Вот почему, я думаю, надо к этому подготовиться... Нужно сократить сроки хлебозаготовительной кампании -- нужно поставить дело так, чтобы в декабре-январе мы подходили к завершению заготовок основных масс хлеба.

Сталин. Тут не только от нас, но и от мужика кое-что зависит.

Рыков. Политическое положение ухудшилось, отношения с деревней натянулись. Одни задаются вопросом о том, имеется ли у нас начало разрыва с середняком, другие говорят -- отшатнулся середняк, третьи добавляют, что и бедняк местами против нас...

Косиор. И это даже на рабочих перекинулось...

Рыков. Даже на рабочих, говорят, перекинулось известное недовольство. Ст. Косиор сделал восклицание с явным намеком на то, что есть-де такие паникеры, которые так утверждают. Если такой смысл хочет вложить в эти слова Станислав, то я должен совершенно определенно себя причислить к этим "паникерам" и ничего плохого в этом обстоятельстве не вижу. Мы -- правящая рабочая партия -- должны иметь непосредственное общение с рабочими и крестьянами, должны изучать их настроения. И ничего плохого в том, что товарищи изучают крестьянские или рабочие письма, внимательно прислушиваются к тому, что говорят на фабриках, заводах, в деревнях, нет и быть не может.

Я не знаю, многие ли из вас бывали на фабрично-заводских собраниях в последнее время и разговаривали там о хлебных делах и отношениях с крестьянством. Я имел удовольствие разговаривать по этому поводу с рабочими и вовсе не могу сказать, чтобы они находили, что у нас все обстоит благополучно по всей территории СССР. Никакого сраму для нас нет в том, что мы будем -- по письмам ли, разговором, или другими путями -- это самое недовольство рабочих выявлять и учитывать. Мы на одиннадцатом году революции в первый раз за все время нэпа произвели в большом масштабе административный нажим на крестьянина -- производителя хлеба. Поэтому можно и нужно анализировать этот опыт, производить итоги, находить положительные и отрицательные черты его, но отнюдь не сводить дело к беспредметной взаимной ругани, к то-

му, что, если один скажет: вот то-то и то-то было плохо, другой "возразит":

ты паникер, ты не смел... Что плюсы чрезвычайных мер превышают минусы -- это несомненно, но это не значит, что нельзя говорить об этих минусах. И когда Каганович выводил здесь административные меры из закона стоимости (!) и ограниченного действия его в условиях советской экономики, подведя сомнительные "теоретические" обоснования под практику применения чрезвычайных мер, то из его речи вытекала сплошь апологетика (вместо анализа) этих чрезвычайных мер. Для нас же вопрос применения чрезвычайных мер стал как выбор меньшего из зол, и эти меры мы считали наименьшим злом. Но если бы, допустим, меня спросили, предвидели ли мы ввиду этих мер в январе все те результаты и отрицательные последствия их, которые мы теперь имеем в действительности, то я откровенно сказал бы, что нет, и не думаю, чтобы в такой откровенности было бы что-нибудь плохое. Причем, под чрезвычайными мерами я разумею не только те директивы, которые мы давали из центра, но и всю совокупность директив центра и мест и весь тот режим в деревне, который был создан проведением их.

Если бы мне был задан вопрос: "Скажите, какое количество хлеба мы получили в результате директив и какое в результате "извращений"?" -- то я не взялся бы на него ответить, ибо очень многое из того, что мы называем извращениями, вошло в систему этих мер. Больше того, никто из нас не может снять с себя ответственность за то, что мы называем "извращениями". Мы же ЦК и отвечаем за свои местные организации... (Сталин: Правильно.) Я не смогу, например, на митинге развить, что обход крестьянских дворов был нарушением директив ЦК. Я

принужден буду на любом собрании крестьян защищать эти обходы, потому что мы за них отвечаем. И если мы говорим о чрезвычайных мерах, то было бы ошибкой отделять их от "извращений".

Под извращения подводят иногда уголовные и полууголовные преступления, совершенные отдельными лицами в процессе хлебозаготовок. Но это совершенно неправильно. Преступление есть преступление. Целый ряд "извращений" является органической частью всей системы хлебозаготовок, применявшейся с января. Может быть, не право было Политбюро, что давало такие директивы, которые без ряда добавочных мер нельзя было провести. Но ясно дело, если еще раз придется -- не дай господи -- проводить аналогичные меры, то это мы обязаны учесть, и директивы должны быть соответственно [...]439. А тов.

Каганович смешал здесь апрельский пленум с нынешним. Везде и всюду он говорит об извращениях, а не о чрезвычайных мерах в целом... Весь смысл речи Кагановича сводился к защите чрезвычайных мер как таковых во все времена и при всяких обстоятельствах.

Каганович. Это не верно, вы процитируйте там, где я говорил, что экстраординарные меры нельзя вводить в систему.

Рыков. Для того чтобы дать, если можно так выразиться, глубокую постановку вопроса о чрезвычайных мерах, Каганович неожиданно пускается в рассуждения о законе стоимости и выводит из него 107-ю статью У[головного] к[одекса].

* * *

Сокольников. Проект резолюции, которая предложена по вопросу о хлебозаготовках, касается в первой части некоторых общих вопросов нашей хозяйственной политики, непосредственно примыкающих к проблеме хлебозаготовок.

Я хочу прежде всего высказаться по вопросу об этой первой части резолюции об общей хозяйственной политике в ее связи с хлебозаготовительным кризисом. Положения, которые сформулированы в этой вводной части, делают очень большой шаг вперед. Когда в проекте резолюции подчеркивается значение сельского хозяйства, этой базы хозяйственного развития, когда проект резолюции подчеркивает значение восстановления сельскохозяйственного экспорта для индустриализации, когда в проекте подчеркивается значение сельского хозяйства для образования валютного резерва, когда возвращается таким образом сельскому хозяйству то место в нашей хозяйственной системе, которое оно должно занимать, этим делается основной сдвиг в сторону предупреждения борьбы против обострения и повторения зернового кризиса, хлебозаготовительного кризиса, ибо, я думаю, основными причинами, которые создали нынешние затруднения, подготовили их, сделали неизбежными, является то, что в нашей хозяйственной политике последних лет мы получили такой крен в отношении сельского хозяйства, который не дал возможности решить задачу гармонического подъема сельского хозяйства и промышленности. Между тем только в условиях такого гармонического развития сельского хозяйства и

промышленности заложена гарантия против наступления подобных кризисов. Меня очень часто обвиняли в аграрном уклоне и очень часто выставляли противником промышленной индустриализации и т. д. Я не буду сейчас входить в детали этого вопроса. Предположим, что я ошибался. Несомненно, что при постановке этого вопроса я и не мог кое-в чем не ошибаться. Но важно, что в нашей хозяйственной практике получился в отношении сельского хозяйства и особенно зернового хозяйства перегиб за последние годы в такой мере, которая, может быть, и не была предусмотрена при формулировании нашей партийной и советской линии. Этот перегиб получился, и мы не подготовили укрепленной и расширенной аграрной базы для нашего сельскохозяйственного подъема.

Мы столкнулись пару лет тому назад и не могли не столкнуться прежде всего с кризисом по линии технических культур. Но неизбежно мы должны были прийти и пришли к тому, что мы столкнулись с тем, что не только технические культуры ограничивают развитие нашей промышленности, но что точно так же недостаточное

с нашей стороны поднятие зернового хозяйства в нашей земледельческой стране при слабости нашей промышленности, что при отсталости сельского хозяйства обязательно приведет к более острому кризису, чем тот, с которым мы столкнулись по линии недостаточного развития технических культур.

Я оспаривал и продолжаю оспаривать теорию "диспропорции". Как [и] у них, она у нас была очень широко распространена. Утверждали, что основное бедствие заключается в том, что мы имеем диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью, выражающуюся в перепроизводстве сельскохозяйственной продукции и в недопроизводстве промышленной продукции, и что поэтому дело заключается в том, чтобы дать возможность нашей промышленности догнать сельское хозяйство. Я считаю, что эта формула и эта теория совершенно неправильно представляют действительное соотношение не в том смысле, что можно отрицать или сомневаться в недостаточном развитии нашей промышленности или сомневаться в том, что мы не можем ни на минуту забывать задачу поднятия этой промышленности и, конечно, прежде всего поднятия промышленности, производящей средства производства, но эта теория нас потому сбивала с толку, что искажала действительные основы диспропорции в нашей стране, диспропорции между чрезвычайно отсталым, варварским полуазиатским характером нашего сельского хозяйства, необычайной примитивностью сельскохозяйственных культур, необычайно низким уровнем сельскохозяйственной техники, необычайно низким уровнем производительности земледельческого труда, с одной стороны, словом, между величайшей слабостью аграрной базы, которая не гарантировала нашу страну и наше хозяйство от голодовок, не гарантировала, что первый неурожай и колебания его не нанесут удар по всему хозяйству, по всему делу строительства, и, с другой стороны, между высоким уровнем развития техники нашей промышленности, которая строится по образцу наиболее передовой техники капиталистических стран.

Между этими различными силами и возможностями, заложенными в сельском

хозяйстве и промышленности, между возможностью движения промышленности вперед и между величайшим консерватизмом и неподвижностью сельского хозяйства существует основная диспропорция, и она должна быть нам известна. Эта задача ни на минуту не может нами забываться, эта задача, которую подчеркивал Владимир Ильич, и я думаю, что он правильно подчеркивал ее. Какие бы успехи мы ни делали в нынешнее время в промышленности, хотя мы подошли к довоенному уровню и даже превзошли его, все-таки формулировка Ильича, которая дана нам в последних его статьях, остается в силе и теперь. Мы еще вынуждены ехать на деревенском коняге, хотя ни на минуту не перестаем стремиться, чтобы пересест с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалою на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации и т. д. Это проклятие наше, но мы

недостаточно сильны для того, чтобы [в] данный момент мы могли слезть с этого деревенского коняги и полагать, что достигли такой степени общего хозяйственного подъема и мощи, что, исходя из достигнутой мощи крупной индустрии, можем непосредственно руководить крестьянским хозяйством, и так как мы экономически не можем еще подчинить раздробленное крестьянское хозяйство и, наоборот, находимся в зависимости от него, то пускаются в ход другие методы, методы административного воздействия, методы административного подчинения и т. д. Но, товарищи, достаточно же взглянуть на некоторые элементарные цифры, и теперь эти цифры получают все большее и большее признание. Чтобы увидеть, в чем у нас действительная основа диспропорции, отвлекаясь от различных рыночных трудностей, сезонных трудностей, конъюнктурных трудностей. Если валовой сбор составляет 95% -- это выходит по цифрам тов. Сталина, которые он приводил в своем докладе, хотя он сказал, что достигли довоенного сбора.

Микоян. 95% не по сбору, по посеву.

Сокольников. Ну, по посеву, это не изменяет дела, потому что тогда сбор будет несколько меньше. Вообще, цифры нашего ЦСУ440 и наши данные довольно спорны. По одним данным получается, что у нас 92 -- 94% довоенных посевных площадей. Но если вы возьмете не общую посевную площадь, а площадь посева хлеба ту, с которой мы столкнулись, то ведь там дело еще хуже обстоит, там эта цифра еще меньше. А население? То, что противопоставлял тов. Сталин, население для прошлого года -- 107% по сравнению с довоенным, а для теперешнего года приблизительно 110%, мы имеем ежегодно рост населения в два с лишним процента. Таким образом, на 110% населения, которые хотят есть лучше, чем шло при царе, приходится кругло 95% довоенного валового сбора хлеба. Вот, что мы имеем в качестве продовольственной базы.

А с другой стороны, по промышленности. По промышленности мы обогнали довоенный уровень. Мы вышли из него. Посмотрите продукцию угля, продукцию по целому ряду других отраслей. Как же при условии, когда мы по промышленности вышли за довоенный уровень, а по сельскому хозяйству значительно отстаем от

довоенного уровня -- за счет чего мы можем сводить концы с концами? Спросите любого экономиста-политикана. Он вам скажет: при таком положении мы должны начать с того, чтобы ликвидировать экспорт.

В дореволюционной России при ее соотношении сельского хозяйства с промышленностью был хлебный экспорт. Этот хлебный экспорт подрывается теперь со стороны расширения питания, что совершенно неизбежно, ибо рабочий хочет есть сытно и крестьянин хочет есть сытно. Он понимает, что если он сверг помещика -- он сверг человека, который вырвал кусок хлеба у него изо рта. Но при условии роста населения, роста городов и при условии невозможности восстановления довоенного сельского хозяйства, в особенности зерновой продукции, при этих условиях вы пройдете вот какие стадии: сначала вы встретитесь с затруднениями по линии падения экспорта, а потом по линии прокормления рабочих центров, городских центров. Так должно было обстоять это дело, так оно и пошло, так мы имеем это в действительности. Почему?

Я здесь говорю об этом не для того, чтобы спорить по поводу нашей старой формулы, но говорю, исходя из опыта сегодняшнего дня. Мы не повели хозяйство так, как нужно было бы вести большой социалистический организованный комбинат. В большом социалистически организованном хозяйственном комбинате совершенно очевидно, что если ты увеличиваешь количество рабочих, которые работают в металлургии, то одновременно должен позаботиться о расширении количества хлебной продукции для прокормления этих рабочих, должен расширить сырьевую базу, которая даст возможность снабдить их переработанной кожей, переработанным хлопком и т. д.

Но если мы не сумели, конечно, эта задача грандиозная, и встретили тут величайшие затруднения, если мы не сумели эту задачу решить, то это происходит отчасти потому, что мы имеем денежное хозяйство и поставленную как бы под занавес этой денежной системы, которая скрывала от наших глаз реальное соотношение элементов хозяйства. Выходило так, что если можно оплатить деньгами зарплату рабочим металлургии или в капитальном строительстве f...]441 не получилось, потому что автоматически без нашего организованного воздействия, без того, чтобы мы держали подъем сельского хозяйства в должной степени в фокусе нашего внимания, принося для этого необходимые жертвы, этого произойти не могло. Вот это мне кажется основной причиной.

Кризис нарастал из года в год, обострялся, и мы подошли к такому положению, когда развертывая, с одной стороны, и пустив полным ходом нашу хозяйственную машину, мы уперлись в то, что у нас нет продовольственного материала, для того чтобы обеспечить дальнейший нормальный ход ее, и тогда мы перешли в своей хлебозаготовительной практике в мероприятия. (Звонок председателя.) Я прошу продлить мне время, мне нужно минут десять.

Председатель. Голосую. Кто за то, чтобы продлить время тов. Сокольникову? Принято.

Сокольников. Резолюция, которая предложена пленуму ЦК, мне кажется, признает

в значительной степени ряд положений, которые способны выправить ситуацию. Но это в вводной части. Но в практическом заключении из этого не сделаны должные выводы. Между тем это является основным. Мне часто говорят: вы враг промышленности, вы не хотите ее развития, противник индустриализации... Но давайте после уроков нынешних последних месяцев поставим задачу о том, как нам нашу промышленность развивать более быстрым темпом, нашу индустриализацию, которая, ясно, нужна нам, как свет и как воздух, поставить на твердую почву, на реальные рельсы. Я думаю, что это можно сделать только в том случае, если в ближайший хозяйственный год и в наших даль-

нейших планах правильно решить задачу сочетания промышленного подъема и сельскохозяйственного подъема. На словах это просто, а на деле -- трудно. Вы знаете, что у нас был вариант пятилетки, которая предлагала сократить механизацию в сельском хозяйстве, которая предлагала остановить темп применения сельскохозяйственного машиностроения.

Сталин. Когда это было?

Сокольников. Это план Струмилина⁴⁴². Я по этому поводу выступал на съезде Госплана⁴⁴³. Там была прямая формула, которая гласила: мы страдаем от сельскохозяйственного перенаселения, нет работы для людей. Если машины применять будем, это приведет к еще большей безработице. Мы должны ставить ставку на интенсификацию ручного труда, а механизация -- это наша гибель. Между тем очевидно, что не можем мы принять такой постановки вопроса. Я ни раньше, ни теперь не мыслил возможности подъема сельского хозяйства иначе, как при очень значительной роли поднятия нашего государственного хозяйства и земледелия, чтобы поднимали сельское хозяйство и государственное хозяйство.

Если иногда говорят о том, что только крупная промышленность является базой социализма, то это, конечно, была неправильная формула. Крупное хозяйство является базой социализма. И я считаю, что совхозы, организованные при пролетарской диктатуре зерновые фабрики являются такой базой социализма, как текстильные фабрики. У нас иногда противопоставляют промышленности сельское хозяйство. Думают, что мы имеем рост социалистических форм только в промышленности, а сельское хозяйство несет в себе неизбежный рост мелкого товарного индивидуального, частного, перерастающего в капиталистическое, хозяйства. Это неверная постановка с самого начала.

Сталин. Абсолютно неверная буржуазная постановка.

Сокольников. Гибельная та, которую нам, помните, и целый ряд товарищей помнит, подсовывали на XIII съезде партии⁴⁴⁴.

Сталин. Правильно.

Сокольников. Вот как было в действительности. В эту сторону ни одного шага.

Скажут: это вопросы академические и чего о них горячиться. Нет, оказывается, что мы тут немножко блуждаем. В сельском хозяйстве, если мы ему уделим внимание, жертвуя пролетарскими государственными ресурсами, мы имеем

возможность вести социалистическое строительство не в худшей мере, чем в промышленности, и мы не можем решать задачу однобоко, мы не можем развивать социализм в промышленности и предоставить сельское хозяйство самому себе.

Сталин. Правильно.

Сокольников. Это означало бы торжество капиталистических форм в сельском хозяйстве.

Сталин. Это разрыв города с деревней.

Сокольников. Да, это есть разрыв города с деревней, это есть разрыв промышленности и сельского хозяйства, это есть нарушение основного марксистского понимания, которое не противопоставляет промышленности сельское хозяйство, которое рассматривает сельское хозяйство как известный род производства, где в основе лежат химические процессы, которое связывает сельскохозяйственное производство с промышленностью через ряд стадий переработки этого самого сельскохозяйственного продукта. Вот такое понимание нам нужно: оно позволит нам укреплять социалистические формы в сельском хозяйстве. И я думаю, что мы ничего не потеряли бы, если бы пошли на большие материальные жертвы, на более ускоренное развертывание совхозов, если бы больше внимания партия и советская власть уделила этому вопросу. Тогда мы будем получать гармоническое сочетание хозяйственного подъема в промышленности и в сельском хозяйстве. Мы не будем наталкиваться на сырьевой кризис, на продовольственный кризис и т. д., и вместе с тем [...] это есть [...]445 и вместе с тем, конечно.

Милютин446. Это есть проблема крупного хозяйства.

Сокольников. Совершенно верно. Но эта проблема крупного хозяйства не есть только проблема совхозов. В чем состоит кооперативный план Ильича, примененный к сельскому хозяйству? Он состоит в том, что правильно поставленная поддержка мелкого середняцкого хозяйства, подготовляющая процессы производственного кооперирования, что она ведет нас к тому же самому крупному хозяйству. Нельзя этого оспаривать. Поэтому мне и кажется, что было бы неправильно, если бы сейчас противопоставили, столкнули бы лбами две формы поддержки сельского хозяйства, одна поддержка через совхозы и колхозы, а другая -- поддержка мелкого хозяйства. Это совершенно неверно. Мы не можем не поддерживать, не развивать мелкое хозяйство, оно для нынешнего дня господствует, оно определяет товарную массу, которая выносится на рынок. Но, поддерживая, укрепляя это мелкое середняцкое хозяйство, разве делаем мы этим самую работу, которая обязательно ставит его в противоречие с нашим социалистическим хозяйством? Допускать это, мне кажется, значит в известной мере сомневаться в основной теореме Ильича.

Калинин. Вот этим надо проникнуться. Позвольте. (Шум. Разговоры.) В этом очень много колебаний всегда, очень многие в этом колебались... (Шум. Разговоры.)

Сокольников. Мне кажется, что если мы поддерживаем мелкое середняцкое хозяйство, то мы этим ни в какой степени не подрываем почву для его кооперирования и коллективизации, ни в какой степени. Наоборот, поддерживая

его, толкая его к большей культурности, уча его хозяйственности, мы в то же время обеспечиваем возможность

Мелкое хозяйство не превратится в поддержку капиталистической тенденции. Это может быть достигнуто только в том случае, если

его, толкая его к большей культурности, уча его хозяйственности, мы в то же время обеспечиваем возможность его кооперирования на более высокой культурной базе. Но и здесь есть одно совершенно решительное "но". Это может быть достигнуто только в том случае, если поддержка мелкого хозяйства не превратится в поддержку капиталистической тенденции развития мелкого хозяйства, только в том случае, если мы одновременно будем вести решительную борьбу против эксплуататорских тенденций кулака.

Голос. Это серьезная поправка.

Сокольников. Совершенно очевидно, что мы должны поддерживать мелкое хозяйство сегодня, потому что сегодня мы не имеем возможности его кооперировать. Мы можем его сегодня учить поднимать производительность труда, но мы не можем сегодня дать ему трактор. Однако мы его учим скорее поднимать производительность труда, для того чтобы завтра объединить его вокруг трактора. Но если мы одновременно не ограничили рост капиталистических элементов деревни, если мы не будем бить по капиталистическим тенденциям в деревне, для того чтобы не дать балансу искривиться против нас, то тем самым будет обостряться вопрос: кто кого? Нас смогут разыграть. Нашу вынужденную неизбежную поддержку индивидуального мелкого хозяйства капиталистическая реставрационная тенденция может повернуть против нас. Это есть наше поле битвы. Можно ли было не пойти на это? Конечно, нельзя. Никто не оспаривает того, что коллективные советские хозяйства дадут хлеб в большом количестве только через три-четыре года...

Сталин. Даже и позже.

Калинин. Лет через восемь.

Сокольников. Что мы должны делать сейчас? Есть у нас другая ставка, кроме того, чтобы эти 20 миллионов дворов, которые товарную продукцию имеют, связать с нашим социалистическим хозяйством на почве повышения их продукции.

Конечно, другого выхода нет. Это мы должны сделать. Поставить мелкого товарного производителя на службу социалистическому хозяйству, умея сохранить его в подчиненном положении, это задача, которую мы должны поставить перед собой. (Звонок председателя.) Можно мне еще 5 минут? (Голоса: Дать.)

Ворошилов. Дать 10 минут. Хорошо говорит пока.

Председатель. Это единственное ведомство, в котором резервы есть. Поэтому он и предлагает 10 минут. Возражений нет. Принято.

Сокольников. Позвольте мне в дальнейшей части говорить короче и по необходимости не совсем связно.

Какие пункты я хотел затронуть еще? Прежде всего то, о чем говорил здесь тов. Микоян. Вопрос о нашем резерве. Прежде всего наши валютные резервы. С чем это связано? Тов. Микоян назвал цифры состояния наших валютных запасов и правильно связал ее [валюту] с объемом нашего экспорта и с той ролью, которую играл в этой части зерновой экспорт. В 1924 -- 25 году наш золотой запас составлял ... руб. Был неурожайный год. Мы ввозили хлеб на ... руб. Но так как по другой линии был прирост, то золотой запас сократился всего на...447 руб. А если из него исключить гарантийные письма Наркомфина на будущее золото и на могущие448 ро-диться золотые килограммы, то его имеется сейчас вкругле ... руб. То есть мы имеем за последнее время сокращение золотого запаса вдвое.

Но параллельно с этим, что мы получили, мы за это время увеличили в 10 раз свою заграничную задолженность, которая является краткосрочной задолженностью. Заграничная задолженность составляет ...449 руб. сейчас. Мы с этой стороны попадаем в самое тяжелое положение, чтобы не говорить сильнее. Мы рискуем попасть при таком положении в некоторую зависимость от наших кредиторов. Мы попадаем в положение, когда они могут нам подложить величайшую свинью. Наконец мы подходим к тому, что наша промышленность в своем подъеме ограничивается реальными размерами экспорта, который является очень ограниченным. Мы не имеем возможности больше тратить валютные резервы, и мы были бы близоруки, если бы дальше залезали в краткосрочный кредит. Дальше идти по линии использования такого иностранного кредита -- это означало бы попадать в петлю кредитора, который держит нас за ниточку краткосрочного. Тов. Микоян говорил об этом и в основном совершенно правильно.

Что же нужно сделать для того, чтобы это исправить? Что же дальше? Нельзя продолжать больше таким образом ни одного года. Мы тут дошли до последней черты. Нельзя, чтобы дело у нас шло дальше в порядке инерции по наклонной плоскости. Все с этим согласны. Найдется ли в этом зале человек, который не понимал бы, что нельзя дальше тратить валютные резервы? Это азбука. Год тому назад мы то же самое знали. Ясно, что решение этого вопроса для нас не может заключаться в развитии промышленного экспорта.

Я принимал активное участие в выработке мероприятий по усилению промышленного экспорта, считая, что это должно сыграть свою роль, что промышленный экспорт может дать больше, чем в довоенное время. Но это не выход, т. к. когда не хватает промышленной продукции для внутреннего рынка, когда не хватает средств для развития целого ряда отраслей промышленности, мы не можем развернуть экспорт одних отраслей промышленности в ущерб другим. Мы должны пересмотреть положение сельского хозяйства. Мы должны направить на него гораздо больше внимания, мы должны

поднятия цен. Это вопрос конкретный. Но позвольте мне в порядке совершенно откровенных разговоров сказать: я думаю, что это повышение цен на 12%, предлагаемое тов. Микояном, является недостаточным. Я думаю, что мы на нем

не удержимся. Это дело не выйдет. Мы платим крестьянству абсолютно недостаточную цену за хлеб. Если грубо формулировать и сравнивать индексы хлебный и товарный, то мы покупаем у крестьян, скажем, 600 млн. пудов, а платим, в лучшем случае, за 200 -- 400 млн. пудов, мы просто берем даром при нынешнем соотноше-

поставить это в центр своей работы так, как мы умеем это делать.

И последний вопрос: о ценах. Тов. Микоян здесь уже говорил о необходимости поднятия цен. Это вопрос конкретный. Но позвольте мне в порядке совершенно конкретных разговоров сказать: я думаю, что это повышение цен на 12%, предлагаемое тов. Микояном, является недостаточным. Я думаю, что мы на нем не удержимся. Это дело не выйдет. Мы платим крестьянству абсолютно недостаточную цену за хлеб. Если грубо формулировать и сравнивать индексы хлебный и товарный, то мы покупаем у крестьян, скажем, 600 млн пудов, а платим, в лучшем случае, за 200-400 млн пудов, мы просто берем даром при нынешнем соотноше-

нии цен. (Голос: Без доказательства.) Мы дольше выдерживать такое соотношение промышленных цен и цен на зерно [не можем]. Нельзя.

В чем смысл нынешнего хлебозаготовительного кризиса? В том, что мы имеем предупреждение не только со стороны кулака, кулак, конечно, хотел бы на этом пожить, но и со стороны середняцких масс крестьянства. Больше это соотношение цен, когда зерновой индекс составляет 110 (принимая довоенный уровень за 100), а животноводческий -- 180, при розничном индексе промтоваров свыше 200, выдерживать нельзя, нужно его менять. Мы должны поставить выравнивание индексов в пользу зерна неотложной задачей своей политики. Хотя начните с 12%, попробуйте. Но для себя, не публикуя, не объявляя, мы должны поставить вопрос о том, чтобы соотношение цен радикально пересмотреть. Сроки кончились. Мы должны тут действовать. Необходимо подготовиться к перспективе более существенного повышения зернового индекса.

Позвольте мне, не входя в обсуждение этого вопроса, сказать одно в объяснение. Вопросы цен -- это есть сейчас вопросы нормальных цен. Ведь все это упирается в ту финансовую организацию, которую мы создали в 1924 г. Что осталось от ленинской реформы и т. д. Не все 100%, тут кое-что должно быть изменено. И я думаю, что мы можем правильной хозяйственной политикой выправить дело. Но кроме этого есть еще одно условие. Тов. Андреев здесь сказал и при всей осторожности сказал правильно, это есть некоторая трещина в наших отношениях с средним крестьянством. Эту трещину мы должны замазать и исправить. Мы должны вернуть себе доверие среднего крестьянства, не останавливая своей борьбы с кулаком. Доверие среднего крестьянства мы должны суметь себе вернуть. Если мы его вернем, это и будет гарантия того, что в будущую осень мы сможем провести нормально хлебозаготовительную кампанию и нам не придется опять слушать доклад о перегибах, об извращениях, об

экстраординарных мерах и т. д. Если мы доверия не вернем, если не сумеем создать необходимого впечатления в крестьянстве, то опять придется принимать чрезвычайные меры, относительно отрицательных результатов которых мы все согласны.

* * *

Сталин. Прежде всего я коснусь вопроса о главных источниках развития нашей промышленности. Осинский и Сокольников, сами того не сознавая, задели этот вопрос, это первостепенной важности вопрос. Я думаю, что главных источников, питающих нашу промышленность, у нас имеется два: первый источник -- рабочий класс, второй -- крестьянство. Наша страна тем отличается от капиталистической, что она не должна заниматься ограблением колоний и не имеет займов извне. Средства, которые являются источниками для Европы и Америки. Что же у нас остается? Развивать промышленность, индустриализировать страну за счет внутреннего накопления. При буржуазном порядке промышленность развивалась у нас за счет займов. У нас иначе. Мы строим Турксиб, Днепрострой и другие, требующие сотен миллионов рублей. Все, что мы строим, за счет внутреннего накопления. Но где же главный источник накопления?

С крестьянством у нас обстоит так -- оно платит налоги, переплачивает на товарах и недополучает по ценам на сельскохозяйственную продукцию. Это добавочный налог на крестьянство в интересах индустриализации. Это нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать для поднятия уровня нашей промышленности.

Дело это, что и говорить, неприятное, но без этого добавочного налога на крестьянство, промышленность и наша страна пока, к сожалению, обойтись не могут. Я об этом говорю, потому что Сокольников и Осинский не понимают этого. Они построили свои речи на том, что крестьянство переплачивает на товарах и недополучает на ценах на сельскохозяйственную продукцию, что абсолютно верно.

Чего же требуют Осинский и Сокольников? Они требуют восстановительных цен на хлеб, дабы ножницы были теперь же уничтожены. Но что значит уничтожить ножницы в этом или будущем году? Это значит затормозить индустриализацию страны, в том числе и индустриализацию сельского хозяйства, это значит подорвать неокрепшую промышленность и ударить по всему народному хозяйству. Можем ли мы пойти на это? Нет. Нужно ли уничтожить все эти переплаты и недоплаты деревни? Да. Можем ли мы уничтожить их теперь, не ослабляя наше народное хозяйство? Нет. В чем же должна состоять наша политика? Она должна состоять в том, чтобы постепенно ослаблять эти ножницы, снижая цены на промтовары и подымая технику земледелия (что не может не удешевить хлеб), с тем чтобы через несколько лет уничтожить вовсе добавочный налог на крестьянство.

Может ли крестьянство выдержать эту тяжесть? Может. Во-первых, потому что она будет ослабляться из года в год, во-вторых, потому что взимание этого добавочного налога происходит в условиях советских порядков, где

эксплуатация крестьянства исключена [...]451 советского государства и где выплата налогов сопровождается улучшением материального положения крестьянства.

Осинский спрашивает, чем отличается линия ЦК от линии оппозиции. Пропасьт лежит между линией ЦК и оппозицией. А в том, что касается линии Осинского, то она ничем не отличается от линии оппозиции. Не следует забывать, что требование о немедленном введении восстановительных цен на хлеб является требованием оппозиции. Это факт несомненный. Могут спросить, как можно совместить сверхиндустриальные глупости оппозиции с требованием восстановительных цен на хлеб. Да, верно, их нельзя совместить логически. Однако они совмещены в платформе оппозиции. Дело в том, что у оппозиции есть две души: одна крикливая, левореволюционная в кавычках, пытающаяся обличить ЦК в нежелании поддержать индустриализацию, другая

становительные цены и поплыть по течению. Первая душа апеллирует к так называемым "левым" элементам и имеет целью собрать их вокруг оппозиции--демагогическая, практически оппортунистическая, имеющая целью пощекотать крестьян насчет необходимости ввести - демагогическая, практически оппортунистическая, имеющая целью пощекотать крестьян насчет необходимости ввести восстановительные цены и поплыть по течению. Вторая душа апеллирует к так называемым "левым" элементам и имеет целью собрать их вокруг оппозиции. Вторая апеллирует к правым элементам и хочет их собрать вокруг оппозиции. Именно поэтому и говорится в резолюции, что оппозиция представляет сброд самых разношерстных элементов от крайне "левых" до крайне "правых". Странно, что Осинский не заметил эту вторую душу оппозиции. Тогда бы он знал, что здесь он повторял требования крайне правых элементов оппозиции.

Вот один из элементов оппозиции, демонстрирующий у них наличие второй, крайне правой души, заявление на заседании фракции съезда Советов 1927 года. Заявление Муралова было отклонено, как в корне расходящееся с линией нашей партии. Вот в какой просак попал здесь Осинский, а с ним и Сокольников. Так обстоит дело с вопросом об основных источниках развития индустриализации в нашей стране в данный момент.

Второй вопрос о смычке с середняком, о целях и средствах этой смычки. Я опять должен коснуться выступления Осинского. У него смычка проходит исключительно по линии текстильной, по линии удовлетворения личных потребностей крестьянства. Это совершенно не верно. Конечно, удовлетворение крестьянства по линии личного удовлетворения его имеет громадное значение. Но говорить на этом основании, что смычка по линии текстильной является исчерпывающей, это значит впасть в серьезную ошибку. На самом деле смычка проходит не только по линии текстильной, но и по линии удовлетворения хозяйственных потребностей крестьянства как производителя сельскохозяйственной продукции.

Мы даем крестьянству не только ситец, мы даем машины, семена, плуги. Они

имеют серьезное значение в деле поднятия и преобразования крестьянского хозяйства на социалистических началах.

Смычка имеет своей основой не только текстиль, но и металл. Без этого смычка была бы неправильной, об этом забыл тов. Осинский. Чем отличается смычка по текстилю от смычки по металлу? Тем, что смычка по текстилю касается производства предметов всего личного потребления крестьянства, сравнительно мало задевая производственную сторону крестьянского хозяйства. А смычка по металлу касается, главным образом, производственной стороны крестьянского хозяйства, поднимая его рентабельность и подготавливая почву для объединения разрозненных крестьянских хозяйств в крупное общественное хозяйство.

Ошибочно было бы думать, что цель смычки состоит в сохранении классов, в частности в сохранении класса крестьян. Цель ее состоит в сближении крестьян с рабочим классом, как руководителем всего нашего хозяйственного развития. В постепенной переделке психологии крестьянина, в переделке его производства в духе коллективизма и подготовке таким образом условий для уничтожения классов.

Цель смычки в уничтожении классов. Как вообще можно переделать психологию и производство крестьянства в духе социалистических принципов? Для этого требуется широчайшая агитация в крестьянских массах в духе коллективизма. Во-вторых, насаждение кооперативной общественности и охват крестьянских хозяйств нашими снабженческими сбытовыми организациями. Не может быть никаких сомнений в том, что без кооперативного развития, который мы наблюдаем в настоящее время⁴⁵². Но этого недостаточно для переделки крестьянства. Основной силой [является] новая техника, коллективизация труда, электрификация.

Осинский ссылался здесь на Ленина. Но брать Ленина в одной части, изображать его как крестьянского философа -- значит исказить Ленина. Ленин понимал, что смычка с крестьянством по линии мануфактурных товаров вещь важная, наряду с этим он настаивал, чтобы смычку с крестьянством проводить по линии металла, электрификации, т. е. по той линии, которая переделает крестьянство в духе коллективизма и социализма (цитирует Ленина: "Дело переработки... переделало бы мелкое земледелие". Т. VIII, с. 139).

Союз рабочего класса и крестьянства не может быть прочным и длительным, если смычка текстильная не будет дополнена смычкой металлической. Вот как понимал смычку Ленин, и это потому, что он был пролетарским революционером, а не крестьянским философом, как пытаются его изобразить некоторые, с позволения сказать, ленинцы.

Третий вопрос касается нэпа и классовой борьбы в условиях нэпа. Необходимо установить, что основы нэпа были даны нашей партией не после военного коммунизма, как это некоторые утверждают, а до него. В начале 1918 года я мог бы сослаться на брошюру Ленина "О наших задачах"⁴⁵³. Эта политика, провозглашенная в 1918 году, была прервана интервенцией. Мы получили возможность проводить ее только после интервенции, после военного коммунизма, в сравнении с которым нэп был действительно новой экономической

политикой.

Бухарин. Позабыв ее тогда на известное время.

Сталин. В подтверждение этого я считаю нужным сослаться на резолюцию, принятую IX съездом Советов⁴⁵⁴, где было сказано, что основы нэпа были изложены еще до военного коммунизма.

ие.

Осинский. Я даже сам это говорил.

Осинский. Я против этого не возражаю.

Сталин. Возможно, что вы не возражаете, но возражают другие.

Осинский. Я даже сам это говорил.

Сталин. Вы, может быть, разрешите мне привести цитату из этой резолюции, она принята в конце 1921 года, спустя почти год после объявления нэпа.

Ворошилов. Это был в начале 1920 года.

Сталин. Это было в конце 1921 года, в декабре, на IX съезде Советов.

Ворошилов. Правильно, правильно.

Сталин. В этой резолюции сказано: "...так называемая новая экономическая политика... стала возможной лишь после военного коммунизма". Вы видите, таким образом, как неправы товарищи, утверждающие, что партия осознала необходимость строительства социализма в условиях допущения рынка будто бы лишь после военного коммунизма. Из этого следует, что нельзя рассматривать нэп только лишь как отступление. Нэп предполагает победоносное социалистическое наступление на капиталистические элементы нашего хозяйства. Оппозиция в лице Троцкого говорила, что ежели введен нэп, то нам остается лишь отступать шаг за шагом, как мы отступали в начале нэпа, расширяя нэп и сдавая позиции.

Бухарин. Пока не настанет "международная революция".

Сталин. Совершенно правильно, пока не наступит международная революция, которая избавит нас от дальнейшего отступления. На этом неправильном понимании нэпа и базируется утверждение Троцкого о том, что партия расширяет нэп и отступает будто бы от позиций Ленина, вводя в деревне аренду земли и наемный труд.

Не угодно ли послушать слова Троцкого: "...а что такое последние меры советской власти в деревне? Разрешение арендовать землю, нанимать рабочую силу и все, что мы называем расширением нэпа в деревне... Но можно ли было не расширить нэпа в деревне? Нет. Потому что тогда захирело бы крестьянское хозяйство, усилился бы рынок, затормозилась бы промышленность" (см. Троцкий. 8 лет, с. 16 -- 17). Вот до чего можно договориться, если забыть⁴⁵⁵ себе неправильную мысль о том, что нэп есть отступление и только отступление. Можно ли утверждать, что партия, введя в деревне наемный труд и аренду земли, "расширила" нэп, "отступила" от Ленина и т. д.?

Конечно, нельзя. Люди утверждают, что подобная глупость не имеет ничего

общего с Лениным и ленинизмом. Я мог бы здесь сослаться на известное письмо Ленина Осинскому от 1 апреля 1922 года, где он говорит о необходимости применять наемный труд и аренду земли в деревне. Это было в конце XI съезда. Вот цитата: "По вопросу об условиях в указанном отношении..." (Ленинский сборник, с. 396). Вы видите, до чего глупо и бессознательно все, что они говорят об отступлении и т. д.

Я говорю об этом потому, что люди болтают о расширении нэпа, а ищут себе оправдания в этой болтовне для отступления перед капиталистическими элементами в деревне. Я об этом говорю потому, что у нас внутри и около партии народились элементы, видящие в расширении нэпа "спасание смычки рабочих и крестьян", требующие развязывания капиталистических элементов в деревне в интересах смычки. Я об этом говорю потому, что против таких [ан]типпролетарских настроений необходимо застраховать партию всеми силами, всеми средствами. Чтобы не идти далеко, я сошлюсь на записку сотрудника "Бедноты" С. Чернова, где он требовал целого ряда облегчений для кулачества, означавших ничто иное, как действительное и непревращенное расширение нэпа. Я не знаю, коммунист ли он или беспартийный. Бухарин. Теперь, кажется, коммунист.

Сталин. Кажется, он еще беспартийный, но в смысле преданности делу советской власти ему мог бы позавидовать любой коммунист. И вот этот товарищ до того запутался, что стало его трудно отличить от идеолога деревенской буржуазии.

"Необходимо,-- пишет он,-- первым делом отменить систему прогрессивно-подоходного налога так, как она есть теперь, и обложить слегка рабочий скот и крупные сельскохозяйственные орудия. Вторая мера -- пересмотреть инструкции по выборам. Грубее сделать признаки, откуда начинается эксплуатация крестьян кулацкого хозяйства".

Вот оно, расширение нэпа. Как видите, семя, брошенное Троцким, не пропало даром. Неправильное понимание нэпа создает разговор о расширении его, и это создает записки с требованием льгот кулаку.

Я хочу еще отметить заявление Петровского о том, что классовая борьба во время нэпа в связи с хлебозаготовками имеет будто бы третьестепенное значение. С этим я никак не соглашусь. У нас нет и не может быть ни одного сколько-нибудь серьезного политического и исторического фактора, который не отражал бы в условиях диктатуры пролетариата наличие классовой борьбы в городе или в деревне.

Разве нэп отменил диктатуру пролетариата? Нет. Нэп есть своеобразное выражение и орудие диктатуры пролетариата. А разве диктатура пролетариата не есть продолжение классовой борьбы? Классовая борьба играет третьестепенную роль в таком факторе, как выступление кулаков против советской политики во время хлебозаготовок и контрмеры советской власти против кулаков и спекулянтов в связи с хлебозаготовками. Разве это не факт, что во время хлебозаготовок мы имели первое за время нэпа серьезное выступление капиталистических элементов деревни против советской политики? Разве в деревне нет больше классовой борьбы, разве это не верно, что лозунг Ленина

об опоре на бедняка в союзе с середняком и борьбе с кулаком является основным лозунгом нашей работы в деревне? А что такое этот лозунг как не выражение классовой борьбы в деревне? Конечно, наша политика не есть политика разжигания классовой борьбы. Почему? Потому что, коль скоро мы стоим у власти, коль скоро командные высоты сосредоточены в руках рабочего

класса, мы заинтересованы в том, чтобы классовая борьба не принимала формы гражданской войны и чтобы мы имели возможность продолжать спокойно нашу строительную работу. Но это еще не значит, что отменяется классовая борьба., что она не будет обостряться. Это тем более не значит, что классовая борьба не есть решающая сила в нашем продвижении вперед.

Мы говорим, что развитие социалистического развития в области торговли, промышленности, деревни идет. Что это значит? Это значит, что мы тесним часть торговцев, кулаков, мелких собственников. Можно ли предполагать, что эти капиталистические элементы не попытаются организовать против линии, что они будут сидеть молча? Конечно, нельзя. Таким образом, каждый наш успех в области социалистического строительства является выражением и результатом классовой борьбы. По мере развития социалистического строительства сопротивление будет расти, а советская власть будет изолировать эти элементы, разлагать врагов рабочего класса, подавлять сопротивление эксплуататоров, создавать базу для дальнейшего продвижения вперед рабочего класса и основной массы крестьянства. Нельзя представить себе дело так, что без боев все -- и рабочие, и капиталисты -- окажутся в [л]оне социализма.

Таких сказок не бывает, чтобы отживающие классы сдавали добровольно свои позиции без сопротивления. Продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов, а это сопротивление не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы. Вот почему рабочий класс нельзя усыплять разговорами о второстепенной роли классовой борьбы.

Теперь вопрос относительно проблемы чрезвычайных мер. Нельзя их рассматривать как нечто абсолютное и навсегда данное. Они необходимы при известных условиях, когда нет у нас в наличии других мер. Чрезвычайные меры вредны при других условиях, когда есть другие гибкие для маневра меры. Неправы те, которые думают, что чрезвычайные меры всегда необходимы и целесообразны. С такими людьми необходима решительная борьба.

Было ли ошибкой применение чрезвычайных мер? Все признают, что не было ошибкой, что чрезвычайные меры спасли страну от общего кризиса. Что заставило нас применить эти меры? Дефицит в 120 млн [рублей] к январю. Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии достаточных валютных резервов для того, чтобы ввести хлеб из-за границы? Ясно, не могли. Если бы мы не восполнили этот дефицит, у нас был бы теперь кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии. Если бы у нас был хлебный резерв миллионов в сто, чтобы обождать и взять потом измором кулака, интервенируя рынок.

Ворошилов. На будущее время обязательно нужно иметь резерв.

Сталин. Мы, конечно, не пошли бы на чрезвычайные меры. Если бы у нас был валютный резерв в сто пятьдесят миллионов руб., чтобы ввести хлеб из-за границы, мы, пожалуй, не пошли бы на чрезвычайные меры.

Я должен заявить, что не считаю позорным импорт хлеба при известных условиях нашей внешней торговли. Я могу вполне представить такое обстоятельство, при котором мы один сорт хлеба ввозим из-за границы, а другой вывозим за границу и в балансе остаемся в выигрыше.

Но у нас не было этих резервов, поэтому мы применили чрезвычайные меры. Значит ли это, что мы и впредь должны оставаться без резервов и прибегать вновь к чрезвычайным мерам? Нет. Мы должны принять все меры, чтобы накопить резервы. Люди думают, что чрезвычайные меры превратятся в постоянный или длительный курс нашей партии. Это опасные люди, ибо они играют с огнем и создают угрозу для смычки. Не вытекает ли из этого, что мы должны раз навсегда отречься от применения чрезвычайных мер? Нет, мы не имеем оснований утверждать, что не могут когда-либо повториться чрезвычайные условия, требующие применения чрезвычайных мер. Ленин, обосновывая нэп, не считал возможным зарекаться в условиях нэпа даже от комбедовских методов при известных условиях в известной обстановке. Тем более мы не можем зарекаться раз навсегда от чрезвычайных мер, которые не могут быть поставлены на одну доску с такой острой мерой, как комбеды. Может быть, не лишнее будет восстановить в памяти один эпизод с Преображенским на XI съезде нашей партии, имеющий прямое отношение к этому делу. Известно, что Преображенский в своих тезисах о работе в деревне на XI съезде попытался отклонить раз навсегда политику комбедов как метод борьбы с кулачеством в условиях нэпа. Преображенский писал в своих тезисах: политика неприятия этого (кулаком и зажиточным крестьянством) способа борьбы и грубого внеэкономического подавления его ком-бедовскими способами 1918 года была бы вреднейшей ошибкой.

Известно, что на это Ленин ответил следующим образом: (вторая фраза второго параграфа) "...против комбедовских способов вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбе-довским способам..."

Ясно, что чрезвычайные меры нужно рассматривать диалектически, ибо все зависит от условий, времени и места.

Теперь перейду непосредственно к вопросу хлебозаготовительной политики. Я думаю, что ряд товарищей, в том числе Осинский, Стецкий, Крицман⁴⁵⁶ в своей статье допустили погрешности в том отношении, что свалили в одну кучу наши затруднения на хлебозаготовительном фронте, смешивая причины временные и конъюнктурные с причинами длительными и основными. Основной смысл и основное значение наших затруднений на хлебозаготовительном фронте состоят в том, что они ставят перед нами во весь рост проблему хлеба, хлебного производства, проблему сельского хозяйства вообще, проблему зернового производства в особенности. Зерновая проблема -- актуальный вопрос. Только слепой может сомневаться в

этом. Мы не можем жить, как цыгане, без хлебных резервов на случай неурожая. На случай маневра, на случай войны,

наконец, для экспорта. Даже мелкий крестьянин не обходится без резерва. Допустим, что не было бы у нас гибели озимых посевов на Украине и мы кончили бы хлебный год "так на так". Было бы это для нас достаточно? Нет, мы не можем жить так на так. Во-первых, мы не гарантированы от военного нападения. Нельзя оборонять страну без хлебных резервов. Мужик, как говорил Рыков, не тот, он уже не боится помещика, не боится потерять землю, он требует новых хороших условий. И с ним нельзя воевать в тылу ради хлеба для армии, когда на фронте идет уже война. Мы должны иметь запасы, хотя бы на первые шесть месяцев войны, чтобы за эти шесть месяцев крестьянину дать очухаться, освоиться с опасностями войны и подтянуться ради общего дела обороны страны. Нам нужны резервы.

Ворошилов. Слушай, Микоян.

Микоян. Я знаю это без тебя.

Сталин. Во-вторых, мы не гарантированы от осложнений на хлебном рынке. Нам нужны резервы для интервенции дел на рынке. Для проведения нашей политики цен. В-третьих, мы не гарантированы от неурожая. Наконец, нам необходимы резервы для экспорта. Нам нужно ввозить оборудование для индустрии и сельскохозяйственные орудия.

В довоенное время вывозили от 500 до 600 млн пудов ежегодно. В довоенное время товарного хлеба было у нас вдвое больше, чем теперь. Хлеб теперь выпадает у нас из экспорта, а это означает потерю того источника, при помощи которого ввозится оборудование для промышленности и сельского хозяйства. У нас нет не только хлебных резервов по этим четырем линиям, у нас не хватает известного минимума запасов для того, чтобы безболезненно перейти от одного хлебозаготовительного года к другому и снабжать бесперебойно города в трудные месяцы.

В связи с хлебными затруднениями у нас возникают затруднения политического характера. Недовольна часть крестьянства, известная часть бедняков и середняков, а это создает угрозу смычке. Неправильно говорить, что у нас уже размычка, как это делает Осин-ский или Фрумкин в известной записке. Это неверно. Размычка -- это начало гражданской войны, если не сама гражданская война. Не надо пугать страшными словами. Это недостойно большевиков. Размычка -- это разрыв крестьянства с советской властью, являющейся основным заготовителем крестьянского хлеба, оно уже не будет расширять посевов ни в коем случае. Между тем яровой клин расширился во всех без исключения хлебных районах. Какая же это размычка? Разве можно назвать бесперспективность крестьянского хозяйства, как говорил Фрумкин.

Основа наших хлебозаготовительных затруднений состоит в прогрессирующем распылении и раздроблении сельского хозяйства. Оно мельчает, особенно зерновое. Если до революции мы имели 15 -- 16 миллионов крестьянских дворов,

то теперь имеем 24 -- 25 миллионов, и процесс дробления все усиливается. Мы имеем те-

перь посева, немногим уступающие посевам довоенного времени, всего каких-нибудь на 5%, а производство хлеба меньше довоенного производства вдвое, т. е. процентов на 50. Это оттого, что мелкое хозяйство менее устойчиво, менее рентабельно, чем крупное.

Где выход из положения? Выходов три. Об этом говорит резолюция Политбюро. Первый -- поднять производительность мелкого и среднего крестьянского хозяйства, заменив соху плугом и т. д. Неправ тов. Карпинский⁴⁵⁷, утверждая, что мелкое крестьянское хозяйство исчерпало возможности дальнейшего развития и что не стоит ему дальше помогать. Неправа также "Крестьянская газета"⁴⁵⁸, утверждая, как сообщил тов. Бухарин, что план кооперирования индивидуального хозяйства по линии сбыта и снабжения не оправдал себя. Это не верно. Наоборот, план тот целиком себя оправдал, создав реальную базу для перелома среди крестьянства в сторону колхозного движения. Без развития снабженческо-сбытовой кооперации мы не имели бы этого перелома.

Второе. Выход далее состоит в том, чтобы помочь бедняку и середняку объединить свои разрозненные хозяйства на базе новой техники и коллективного труда. Неправ тов. Милютин, когда он, ратуя за колхозы, обвиняет товарищей в реабилитации мелкого крестьянского хозяйства. Они, очевидно, думают, что отношение коллектива к индивидуальному хозяйству должно быть отношением борьбы и изничтожения, а не отношением помощи и подтягивания к себе. Это неверно. Крестьянское хозяйство не нуждается в реабилитации. Оно мало рентабельно, но это еще не значит, что оно совершенно невыгодно. Мы разрушили бы смычку, если бы стали на путь борьбы и изничтожения индивидуального крестьянского хозяйства, сойдя с ленинской позиции повседневной помощи и поддержки со стороны колхозов индивидуальных крестьянских хозяйств.

Еще более неправ Сокольников, когда он, восхваляя колхозы, объявляет индивидуальные хозяйства нашим проклятием. Это пахнет уже прямой войной с крестьянским хозяйством. Откуда это явилось у тов. Сокольникова? Если крестьянское хозяйство является проклятием, то как объяснить союз рабочего класса с проклятием. Разве бывают на свете такие несообразности? Тов. Сокольников взял слова Ленина о том, что нам нужно пересесть с телеги крестьянской на стального коня промышленности. Но разве так пересаживаются? Объявить крестьянское хозяйство проклятием, не создав широкой и мощной базы в виде разветвленной сети коллективов, не значит ли это остаться без всякой базы.

Голоса. Правильно, правильно.

Сталин. Ошибка Сокольникова состоит в том, что он противопоставляет коллективы индивидуальным хозяйствам. Ну, а мы хотим, чтобы эти две формы хозяйства не противопоставлялись, а смыкались. Мы хотим, чтобы на колхозы крестьянство смотрело не как на врага, а как на друга, который помогает ему

освободиться от нищеты.

Милютин. Верно.

Сталин. Если это верно, тогда не надо говорить о реабилитации крестьянского хозяйства или о том, что крестьянское хозяйство является для нас проклятием.

Не так смотрел Ленин на мелкое крестьянское хозяйство нашей страны (цитирует Ленина, т. XVIII, ч. 1, с. 189; т. XVI, с. 160 и с. 391 - 392).

Вот как высоко ценил Ленин значение колхозного движения в деле социалистического преобразования нашей страны. Крайне странно, что Осинский и Стецкий в своих больших речах сосредоточили свое внимание на вопросе об индивидуальных крестьянских хозяйствах, не сказав ни одного слова о задаче поднятия колхозов, как актуальной задаче нашей партии.

Третье. Выход состоит в том, чтобы укрепить старые совхозы и поднять новые как наиболее рентабельные и товарные хозяйственные единицы. Таковы три задачи. Особенность текущего момента состоит в том, чтобы пополнить первую задачу остальными. У нас имеется документ, указывающий, что предполагаемая резолюция Политбюро целиком совпадает с тем практическим планом по развитию сельского хозяйства, который набросал Ленин. Я имею в виду его "Наказ СТО".

Он издан в мае 1921 года. Ленин в нем разбирает три группы практических вопросов. Первый касается вопросов товарооборота и промышленности. Второй -- подъема сельского хозяйства. Третий -- экосо459, областных совещаний по регулированию хозяйства (цитирует "Наказ", т. XVIII, ч. 1, с. 247; ч. 2, с. 77-79).

Вот с какой радостью Ленин ловил малейшую весточку о развитии колхозов. Пусть послужит это уроком для тех, которые хотят превратить Ленина в крестьянского философа.

Теперь о вопросе о временных конъюнктурных затруднениях, превративших наши хлебные трудности в хлебозаготовительный кризис. В резолюции сказано о причинах этого, и я останавливаться на этом не буду. Я хочу несколько слов сказать по поводу замечания Петровского. Петровский не хочет признать правильность первого пункта резолюции насчет наращивания рыночного равновесия. Он говорит: как же так, с одной стороны, сказано, что деревня подняла доходность, а с другой -- что крестьянское хозяйство наиболее отсталое. Я думаю, что здесь нет противоречия. Дело в том, что доходы этого года сравнительно с доходом предыдущих годов выше. Несомненно, деревня поднялась ввиду хотя бы трех лет урожая. Если бы это было неправильно, тогда нечего было бы увеличивать сельскохозяйственный налог, нечего было бы пороть горячку насчет самообложения и т. д. Что же касается другого пункта, то там говорится о чрезмерном отставании сельского хозяйства в смысле темпа его развития в сравнении с промышленностью, что опять-таки верно. Так что тут нет противоречия. Я думаю, что к числу временных причин, вызвавших затруднения на хлебном фронте, надо добавить перерасход хлеба, неправильное расходование хлеба органами нашего снаб-

жения. И пусть не кивают здесь на Наркомторг, не один он виноват, а все мы. Ворошилов. Но в первую голову виноват Наркомторг, так как он сидел на этом деле.

Сталин. Поэтому нужно внести в резолюцию пункт о перерасходе хлеба. О том, что нужно принять меры, исключая применение чрезвычайных мер, я уже говорил и распространяться об этом не стоит. Я хочу отметить другое. Во время хлебозаготовок наши партийные организации слишком выдвинулись вперед, оттеснив советские и кооперативные организации, а иногда и заменив их собой.

Голос. Ничего нельзя было иначе сделать.

Сталин. Я это понимаю и говорю не с целью обвинять кого-нибудь. Директива была действительно грозная, так как наши партийные организации тоже медленно раскачивались. Как бы то ни было, надо иметь в виду, что парторганизации не должны впредь заменять собою кооперативные и советские организации. Надо раз навсегда запомнить, что руководство со стороны нашей организации это одно, а оттирание на задний план советских и кооперативных органов -- это другое. Первое абсолютно необходимо. Второе недопустимо и вредно. Первое не должно превратиться во второе ни в коем случае, ни при каких условиях. В противном случае мы можем загубить дело нашего строительства.

Во-вторых, вопрос о гарнцевом сборе⁴⁶⁰. Куда деваются эти 50 млн пудов хлеба, собранные за помол на кооперативных государственных мельницах? 50 млн пудов -- это фонд для резерва. В-третьих, об общественных магазинах. В высшей степени целесообразно завести их.

Я думаю, что хлебозаготовительные затруднения не пройдут для нас даром. Они закалят наши ряды и заставят их разрешить хлебную проблему. Это будет означать снятие главного затруднения с нашего пути.

* * *

Бухарин. Товарищи, я хотел бы в своей речи затронуть не только вопросы, непосредственно связанные с хлебозаготовками, но и некоторые общие вопросы нашей хозяйственной политики. Мне кажется, что обсуждая вопросы, связанные с хлебозаготовками, мы, по сути дела, быть может, не вполне это сознавая, подводим известный баланс нашей работе за определенный, качественно новый период времени. Мы живем, как уже давно всем известно, в реконструктивный период, и вопрос о хлебозаготовках, по сути дела, разрешается в вопрос о том, хорошо ли мы оказались приспособленными к решению задач реконструктивного периода.

Подводя итоги нашей работе за время с конца восстановительного периода, следовательно, за первые шаги периода реконструктивизма (в скобках замечу, что я хорошо понимаю условность этих границ), мы можем констатировать громадные завоевания, кото-

рые сделало советское государство. Эти огромные достижения идут по целому ряду самых различных направлений. Не подлежит никакому сомнению, что мы в

области технической реорганизации, несмотря на все пробелы и ошибки, сделали все же большое продвижение вперед. Не подлежит никакому сомнению, далее, что с точки зрения подведения социалистической базы под сельское хозяйство мы вошли в полосу (которую никак нельзя недооценивать) гораздо более быстрого развития общественных и коллективных норм в нашем сельском хозяйстве. Наконец, точно так же не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что и в смысле подготовки кадрового состава нашего людского аппарата мы точно так же имеем что сказать в свое оправдание перед всемирной историей.

Но, товарищи, наряду с этим (и мне кажется, это-то и составляет специфическую особенность момента), наряду с несомненным продвижением вперед и с огромным положительным балансом, который мы можем зачислить в свой исторический счет, опыт реконструктивного периода, вернее, того отрезка реконструктивного периода, который мы уже имеем за своей спиной, обнаруживает такие огромные зияющие дыры, такие провалы, которые ставят перед нами целый ряд серьезных проблем общехозяйственной политики. Когда мы вступили в реконструктивный период, партия написала в своих решениях, на своем знамени, партия это подчеркнула -- пароль: "хозяйство с резервами". Если вы посмотрите на решения наших съездов и пленумов ЦК в связи с внешней обстановкой, вы увидите, что мы все время ставили своей задачей хозяйствовать с резервами: валютными, товарными, хлебными и золотыми. Мы этой основной директивы не выполнили, и мы в этом отношении находимся в крайне тяжелом положении...

Голоса. Верно.

Бухарин. Недооценивать этого мы никак не можем, в особенности, если мы будем иметь перед собой большую вероятность крупных внешних осложнений. Это, мне кажется, товарищи, тема, на которой не нужно останавливаться, чтобы ее популяризировать. Она настолько бьет в нос, что пара каких-нибудь цифр нашей задолженности и нашего уменьшения золотых запасов плюс сравнение с колоссально быстрым накоплением золотых запасов западноевропейских стран, в первую очередь Германии, вполне достаточно для общей оценки положения на этом фронте. Затруднения, связанные с невыполнением директив насчет резервов, сокращение хлебного экспорта, крупные провалы в нашем капитальном строительстве, которые всем нам хорошо известны и за которые все мы несем ответственность, сплачивание контрреволюционных сил на этой базе против нас и крупнейшие провалы в деле хлебозаготовок, что составляет предмет, политическое ядро обсуждения хозяйственных вопросов на данном пленуме -- все это сигнализирует нам какие-то общие задачи, касающиеся нашей хозяйственной политики.

Я хочу поставить со всей откровенностью и честностью перед самим собою такого рода проблему: не вытекает ли огромное колебание и трудности такого масштаба из самой сути, из самой природы реконструктивного периода, не являются ли эти трудности общим законом нашего развития в реконструктивный период, не навязано ли это самим ходом вещей, от чего мы ни при каких условиях не можем избавиться? Я лично даю отрицательный ответ. Эти трудности

вовсе не вытекают непосредственно из общих условий реконструктивного периода. Если мы хотим догнать Западную Европу -- а мы этого хотим, если мы хотим усилить темп накопления социалистической промышленности -- а мы этого хотим, если мы примем во внимание общую нашу хозяйственную отсталость, нашу нищету, то совершенно понятно, что из всего этого вытекают огромные трудности для нашего строительства.

Мы хотим сразу решить ряд больших задач: максимальное накопление в социалистической индустрии, максимальный подъем в сельском хозяйстве, максимум потребления рабочего класса и трудящихся масс вообще, максимум их подъема и т. д. Эти задачи одновременно неразрешимы. Мы их решаем частично, делая крен то в одну, то в другую сторону, противореча себе. Мы двигаемся все время в противоречиях. Само собою разумеется, что такого рода трудности действительно лежат в природе нашего реконструктивного периода. Я обращаю ваше внимание, например, на такой любопытный факт, что мы жалуемся на хозяйственную диспропорцию то с одного конца, то с другого.

Ворошилов. Давай твою панацею.

Бухарин. Панацей давать я не хочу, а ты меня, пожалуйста, не дразни.

Я хочу сказать, что реконструктивный период совершенно естественно вызывает ряд осложнений и трудностей, но вместе с тем для меня не представляет никакого сомнения, что трудности трудностям рознь; что трудности такого порядка, которые бы влекли за собою обязательно, говоря формулировкой тов. Сталина во вчерашней речи, угрозу смычке с крестьянством, что такого рода трудности не вытекают обязательно из характера реконструктивного периода. И мне кажется, что когда Ленин оставлял нам свое политическое завещание⁴⁶¹ (он, конечно, отлично понимал, что мы вступим когда-нибудь в реконструктивный период), то он совершенно точно формулировал границы тех трудностей, которые допустимы для нас и которые могут иметь место в ходе нашего исторического развития. Ильич писал: "Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол неизбежен, но в нашем социалистическом строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы следить за обстоятельствами, из которых вытечет раскол, и предупреждать их".

Когда, беря формулировку тов. Сталина, мы говорим теперь: "у нас есть угроза смычке" -- подходит ли это под категорию обстоятельств, из которых может вытечь раскол? Конечно, подходит. Угроза смычке есть обстоятельство, из которого может вытечь раскол. Но Ленин писал, что главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, заключается в том, чтобы не допустить возрастания этих разногласий до степени серьезных классовых разногласий, т. е. до таких разногласий, которые могут вызвать угрозу смычке. И если мы сейчас говорим, что есть известная угроза смычке, то совершенно естественно, что и здесь классовые разногласия начинают перерастать количественно в такие

классовые разногласия, из которых может проистечь раскол. Задача нашей партии, согласно политического завещания Ленина, заключается в том, чтобы следить за этим и предупреждать это.

Если бы мы оценивали дело иначе, то есть, если бы мы считали, что сама природа реконструктивного периода ведет с неизбежностью к такого рода социально-политическим потрясениям, которые вызывают угрозу смычке, мы неизбежно пришли бы к такой теории, которую формулировал когда-то Троцкий, а именно, что в ходе развития неизбежны столкновения между пролетариатом и крестьянством, и погибла бы пролетарская диктатура, если не будет государственной помощи западноевропейского пролетариата, следовательно, на вопрос относительно того, вступили ли мы в период больших осложнений и больших трудностей, можно ответить: вступили. Вступили ли мы в период больших осложнений и больших трудностей, которые могут вызвать, в особенности в условиях разнообразных наших просчетов, ошибок и пр., известные колебания (а в известной мере наши просчеты и пр. тоже неизбежны, потому что мы не всеведущи, и наши ошибки это есть накладной расход нашего собственного обучения). Такие колебания не исключены.

Ворошилов. Когда обучитесь, тоже будете ошибаться.

Бухарин. Но, с другой стороны, такого рода трудности, которые приводят к постоянному воспроизводству угрозы смычке, не лежат объективно и неизбежно в природе реконструктивного периода.

Я, товарищи, обращаю ваше внимание еще на другое положение Ленина, которое целый ряд товарищей выдвигали на последних наших партийных собраниях, и, если не ошибаюсь, на XV съезде об этом говорил ряд ораторов, а именно, положения, что нам недостает культуры и умения управлять.

Ворошилов. Вот это правильно.

Бухарин. Недавно один выдающийся немецкий профессор поместил огромную статью относительно Советского Союза. Он писал про нас, большевиков: "Замечательнейшие первоклассные политики, прекрасные политические стратеги, великолепные агитаторы, прекрасные учителя того, как нужно политически переделывать людей; но у них нет хозяйственной тренировки, нет хозяйственной культуры. Несмотря на то, что десять-двадцать тысяч большевиков, стоящих на хозяйственном фронте, прямо-таки погибают и изнывают в работе, они не имеют еще достаточного хозяйственного и культурного тренажа".

Эта характеристика не так далека от истины. И вот, я считаю, что если мы с этой точки зрения подойдем к итоговому балансу нашей хозяйственной политики, то вряд ли сейчас правильно и тактически и политически развивать целую кампанию против так называемой "теории просчетов". На прошлом пленуме тов. Микоян в своем докладе говорил: "Я считаю во всяком случае возможным прямо утверждать, что две трети причин этих затруднений могли быть устранены нами, если бы своевременно по линии экономического руководства и по линии организационной нами были приняты все меры".

Микоян. Говоря о специфической причине затруднений текущего года -- правильно.

Бухарин. В решениях апрельского пленума, которые никем еще не отменены, говорится, что причины этих затруднений связаны с трудностями быстрой подготовки страны, индустриализации страны и с ошибками планового хозяйственного руководства и т. д. Это абсолютно верно.

Я целиком разделяю такого рода постановку вопроса, что хлебозаготовительные затруднения раскрыли перед нами во всей остроте двоякого рода затруднения и поставили двоякого рода задачи.

Во-первых, затруднения общего характера, которым соответствуют общие перспективные задачи, требующие от нас твердой генеральной установки на ряд лет.

Во-вторых, затруднения специфические, при этом как раз острого характера, которые характеризуют существо так называемого текущего момента, которые требуют от нас специфических ответов (отмена чрезвычайных мер и т. д.). Разумеется, эти проблемы непосредственно связаны с вопросами классовой борьбы.

Но когда мы анализируем специфические причины нашего кризиса, то делается ясным, что из общей причины мы не можем объяснить резкого и судорожного потрясения, которое испытала наша хозяйственная система в текущем году. В прошлом году мы вывезли хлеба на 277 млн и всех накормили; в этом году мы не только ничего не вывезли, но испытываем жесточайшие признаки недопотребления в целом ряде районов. Ясное дело, что за один год кулак не мог вырасти в такую силу, за один год не мог совершиться такой процесс дробления, чтобы вызвать такое быстрое кризисное потрясение всей нашей экономики. Именно поэтому резолюция и ставит вопрос о специфических причинах, которые превратили возможные затруднения, основанные на общих наших недостатках, на общей нашей отсталости и дробности, в реальность. Из возможного кулацкого наступления эти причины сделались реальностью, и кулак мог повести за собою другие слои крестьянства именно в силу этих особых, добавочных, специфических причин.

В прошлом году в среднем, если учесть хлебозаготовки, когда частник платил цены выше наших, в общем цена хлеба для мужика была выше, чем в этом году. В прошлом году налог не мог быть заплачен техническими культурами, а в этом году был заплачен техническими культурами. В прошлом году не было такой суммы добавочных денег на благоустройство, как в этом году. Теперь зерно было поставлено в совершенно исключительное, чрезвычайно неблагоприятное положение на хлебном рынке.

Именно поэтому стимул для продажи хлеба был крайне понижен, именно поэтому как раз в данном году кулак смог повести за собою на вопросе о ценах (не на каком-нибудь вопросе, а на вопросе о ценах на хлеб) известные слои деревни.

Именно поэтому в этом году на зерне мы испытали потрясение нашего хозяйственного организма. Следовательно, главнейшим вопросом, который здесь играет роль, является вопрос о ценах. Неправильно преуменьшать значение именно этого фактора.

Не совсем правильно как раз для данного случая рассуждать таким образом, что цены вообще играют ограниченную роль, что у нас не капиталистическое хозяйство, что у нас пролетарская диктатура. Вообще цены в значительной мере не играют роли регулятора производства и не имеют такого решающего значения. Это так и не так. Конечно, внутри нашего государственного круга цена или форма стоимости является известной фикцией, если хотите. Это есть наш счетный метод, а не выражение анархического хозяйства. Это все верно, но соотношение между нами и мелким крестьянским кругом, когда рыночные отношения являются решающими (мы все здесь единым фронтом сражались против тов. Осинского и отчасти против тов. Варги и других), там категория цен является решающей, там не может быть, чтобы цена не являлась регулятором производства.

Неправильно также думать, что будто в условиях совершенно планового хозяйства, где формы цены вообще нет, можно было "назначить" какие угодно пропорции между различными отраслями производства. Это тоже неправильно. Если какая-нибудь отрасль производства, будь то сельское хозяйство, промышленность или отдельная ветвь этих крупных подразделений, систематически отдавала бы много больше труда, чем она получала бы, если бы она не покрывала бы своих трудовых издержек, то эта отрасль производства вынуждена была бы сжаться. В том обществе не будет никакого рынка, не будет никакой цены.

Но из этого вообще не следует, что плановое руководство коммунистического общества может как угодно относиться к данной отрасли производства. Если бы ее "обидеть", она перестанет развиваться. Закон цен умирает, но остается закон пропорциональных трудовых затрат. Если эта какая-нибудь отрасль производства не получает достаточного питания от совокупного хозяйственного организма, она хиреет. Из этого закона выскочить никак нельзя. И поэтому, оставя в стороне весьма ученый спор о соотношении между ценой и ценностью, о перерастании цены во что-то другое и т. д., все-таки нужно сказать: если какая-нибудь отрасль производства "обижена" с точки зрения распределения резервов, она неизбежно идет назад.

У нас распределение совокупных наших сил идет, главным образом, по двум каналам: через политику цен и через политику налогов, как всем нам хорошо известно. Несмотря на то, что правильная статистика -- элементарная предпосылка для правильной хозяйственной политики, достать нужные цифры очень трудно. Руководство хозяйственной политикой опиралось на совершенно странные показания наших статистических ведомств. Я навел справки по вопросу о ценах на зерно. О некоторых цифрах, которые я получил из Госплана СССР, из ЦСУ и т. д., можно сказать, что они говорят о каком-то сумасшедшем доме. Одна только надежда, что они не совсем правильны. Речь идет именно о ценах. Я пошел очень простым путем. У нас один из самых благополучных районов по хлебу -- это Северный Кавказ. Я просмотрел цифры по Кавказу с точки зрения того, что будет, если мы вычислим доход, т. е. деньги, выручаемые крестьянином не только с пуда пшеницы, но и с десятины. Если верно то, что я

получил (ответственности за цифры я не беру), тогда нужно удивляться, каким образом те затруднения, которые мы имеем сейчас, не произошли раньше. Цифры, которые я получил по Северному Кавказу, гласят следующее.

Валовой сбор пшеницы с десятины в 1925 -- 26 г. составлял 69,9 пудов. В 1926 - 27 г.- 37,9. В 1927 - 28 г. - 29,8.

Шум, голоса. Не может быть!

Бухарин. Да, да.

Голос. Цифры правильны, там три года был неурожай.

Бухарин. Я взял для проверки другие цифры справочника ЦСУ. Цифры за маленькими отклонениями сходятся. Так вот, товарищи, если посмотреть, как реагировали мы на такое положение, то оказывается, что реагировали таким образом, что при сборе с десятины 69,9 пудов крестьянин получал за пуд 115 копеек, а при сборе в 37,9 пудов цена пала чуть ли не на целый гривенник -- 1 рубль 2 коп. Если мы посмотрим и поставим вопрос, как снизилась выручка крестьянина за эти годы, если перемножить эти цифры выручки и вычесть то, что он затратил на семена, то окажется, что в 1925 году он выручал с десятины 72 рубля, в 1926 г. -- 32 рубля, а в 1927 -- 28 г.-- 24 рубля.

Голос. По льну тоже так.

Осинский. С американским фермером так всегда бывает.

Бухарин. Не совсем всегда так бывает, я не знаю, всегда ли так бывает.

Ворошилов. А ты должен знать, ты докладчик.

Бухарин. Я очень хорошо знаю, что если вы повышаете цены в каком-нибудь одном районе, то это имеет последствия для других районов. Поэтому было бы совершенной дикостью исходить из указаний одного района, по одному району выравнивать цены. Но мы исходим из того, что мы все же по районам варьировать должны. И товарищ Микоян говорил в своем докладе, что, если мы будем повы-

шать цены, мы должны варьировать по районам в связи с конкретным положением вещей, которое в данном районе имеется. Мы этого не делали. Поэтому абсолютна правильна настойчивость, с которой теперешний пленум выдвигает проблему зерна, настойчивость, с которой товарищи говорят о ценах. Естественно, при таком положении зерна, когда мы взяли на себя почти с самого начала чересчур много объектов снабжения со стороны государственного аппарата, естественно, мы вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам. Сейчас не должно быть вопроса о каком бы то ни было покаянном тоне по отношению к чрезвычайным мерам. Застигнутые врасплох, мы должны были к ним прибегнуть. Мы стояли перед проблемой: или остановить фабрики, или хлеб брать (в значительной степени, именно не покупать, а брать).

Голоса. Неверно.

Бухарин. А по-моему, это верно. У нас не было никакого другого выхода, и задним числом сейчас давать отбой, это ни к чему не приведет. Мы могли прибегнуть к другим рецептам, если бы подумали гораздо раньше об этом, на

несколько месяцев раньше. Но после XV съезда, когда было упущено время для всякого другого маневра, у нас не было никакого выхода.

Голоса. Правильно.

Бухарин. Это нужно сказать полным голосом, никакой здесь ревизии не может быть допущено. Но мне кажется вообще, что напрасно переносить в эту плоскость центр нашей дискуссии. Не в этом центр вопроса сейчас, не в нашем прошлом, а в нашем настоящем. И тут мы должны спросить у себя: что является тем политическим звеном, за которое пленум должен ухватиться сейчас? Политический смысл -- снятие чрезвычайных мер. Поэтому совершенно понятно, что, когда люди приходят и предлагают такую резолюцию, которую предлагает Политбюро, они в первую очередь должны мотивировать снятие чрезвычайных мер. Мы сейчас говорим: снять чрезвычайные меры, которые исторически оправданы, к которым мы совершенно правильно прибегли. Мы должны снять эти чрезвычайные меры, потому что они переросли сами себя, потому что они изжили себя исторически, они хозяйственно нам больше почти что ничего не дают, они хозяйственно, если и имеют какой-нибудь результат, то результат этот состоит в усилении тех тенденций, еще не очень больших, но растущих, которые ведут в сторону военного коммунизма (переход на карточки, исчезновение продуктов первой необходимости и целый ряд других автоматически развивающихся явлений). С другой стороны, политически они дают чрезвычайно резкий, большой, но, к сожалению, отрицательный эффект, ссоря нас с более широкими кругами крестьянства.

Я абсолютно согласен с тем, что вопрос о хлебных ценах должен быть поставлен со всей остротой. Этот вопрос в первую очередь сводится к проблеме наших отношений со средним крестьянством. Когда Ильич писал свое Завещание о необходимости беречь наш союз с крестьянством и при этом не упоминал о кулаке, то, ясное дело,

что это он делал вовсе не потому, что "не видел" кулацкой опасности, а потому, что он считал, что важнейшей проблемой является вопрос о середняке, который в значительной мере разрешает вопрос о победоносной или непобедоносной борьбе с кулачеством. И когда мы сейчас говорим: нам нужно проанализировать классы, классовое соотношение, мы, конечно, прежде всего должны поставить вопрос о том, что случилось за это время между пролетарской властью и середняцким крестьянством. Я должен здесь, в первую очередь, реабилитировать письма, против которых здесь выступали некоторые товарищи.

Косиор. Нельзя только на основании писем судить о положении.

Бухарин. Это, конечно, верно, но преуменьшать значение писем совсем негоже. Возьмем любого "руководящего работника", которому редко приходится бывать на местах, а к числу таких принадлежит огромное большинство. Как мы можем узнать положение вещей иначе, как через сведения, которые нам передаются через этих самых рабкоров, селькоров и военкоров⁴⁶², которые действуют в самой гуще массы. Если мы заткнем ухо по отношению к тому, что доходит к нам из глубины масс, мы обнаружим бюрократический дефект. И так мы затрепаны до чертиков работой, не видим живого человека, видимся только друг

с другом и то не всегда. Мы очень сильно оторвались физически от масс, и для того чтобы нам больше от них не отрываться, нам нужны какие-то многочисленные провода, которые бы доносили до наших ушей то, что делается в глубине масс.

Товарищи, которые собрались со всех концов нашего Союза, чрезвычайно мало говорили о фактах. Факты нужно приводить.

Варейкис⁴⁶³. Мы их знаем.

Бухарин. Ты знаешь, что у тебя под носом, но не знаешь, что есть в других местах всего Союза.

Постышев. Пишут же вам о настроениях.

Бухарин. Мы должны ответить на вопрос о том, что происходит, на основании известных фактов. Мы, безусловно, имели перед собою волну массового недовольства. Около 150 выступлений в ряде мест нашего Союза, на Украине, на Северном Кавказе, в Сибири, Казахстане и т. д.

Ворошилов. На одной шестой части земной поверхности.

Бухарин. Мы знаем целый ряд, несколько десятков различных террористических актов. Да вот товарищ Эйхе⁴⁶⁴ заявил, что улучшение положения он видит в том, чтобы меньше стреляли в наших товарищей. Мы имеем мятеж или бунт в Семипалатинске, мы имели погромчики на ленинградской и московской биржах, мы имели восстание в Кабарде и целом ряде других мест.

Скрътник⁴⁶⁵. Все это было и в прошлом году, только теперь острее.

Бухарин. Не совсем так было в прошлом году. Потому что в прошлом году не было того, что было сказано на пленуме ЦК Украины. Позвольте мне привести выдержку из некоторых выступлений.

Например, Бадаев⁴⁶⁶ говорил: "Мы имеем большущее политическое осложнение среди крестьянства, нам приходится встречать единый фронт села против нас. Это не шутка для нас. Это надо учитывать. Если нам после всех этих ошибок придется полезть на чердаки, то нас с чердака спустят".

Разве хоть один товарищ говорил в прошлом году что-нибудь подобное? Товарищ Сапов:

"Мы имели, примерно, массовых выступлений до 50-ти в своем округе, имели крестьянскую демонстрацию в городе. Везде и всюду на основании самых точных, самых объективных и проверенных документов мы установили, что руководство везде и всюду принадлежало кулаку".

Были ли в прошлом году крестьянские демонстрации в городе?

Голос. Первого мая.

Бухарин. Товарищ Чернявский⁴⁶⁷:

"Мы имеем такое положение, когда беднота в своих демонстрациях в городе идет не к представителям советской власти, а идет к рабочим -- своим шефам на предприятиях".

Тут же Чернявский говорит:

"Мы имеем выступление старых партизанов-революционеров, когда они приходят к

советской власти, к военкому и заявляют: "Что, дадите нам хлеба? Мы советскую власть завоевали, мы можем ее и отвоевать". Это, товарищи, не один факт. В Одесском округе это массовое явление".

Каганович. Там и другие речи были. Надо и те речи цитировать.

Бухарин. Там были и другие речи, но я не считаю, что это есть правильная оценка положения. Но если на пленуме ЦК одной из братских партий, входящих в состав нашей партии, раздаются такие речи, то это все-таки кое-что симптоматизирует.

Стецкий. А генеральный секретарь тов. Каганович приезжает сюда и ничего об этом не говорит.

Каганович. Дайте мне два часа, как тов. Бухарину, и я вам все расскажу и речи процитирую.

Косиор. Стецкому из Ленинграда дальше всех видно.

Бухарин. Я говорю, что все-таки нельзя сказать, что в прошлом году были такие речи. Владимир Ильич никогда не требовал, чтобы замалчивались факты. Факты нужно знать наперед, и каждый такой факт регулировать.

Ворошилов. Кем это отрицается, кого ты убеждаешь?

Бухарин. Я не знаю, кем это отрицается, но знаю, что сам я узнал об этом только вчера.

Ворошилов. А я от тебя знал это полтора месяца тому назад. Ты же меня информировал.

Бухарин. Я тебя информировал по части того, что узнал. Специально для этого дела потребовалось, чтобы я два дня в ГПУ просидел.

Ворошилов. Я об этом знал по долгу службы.

Косиор. За что вы его посадили в ГПУ? (Смех.)

Менжинский. За паникерство. (Смех.)

Бухарин. Так вот, если мы поставим перед собою вопрос относительно нашего теперешнего положения, можно ли оценивать наше теперешнее положение таким образом, что мы имеем перед собой два звонка, а третий на очереди...

Косиор. Третьего звонка у нас вообще не бывает.

Голос. Третий звонок отменен на железной дороге.

Бухарин. Мне кажется, что такая оценка неправильна, но можно ли было бы сказать, что у нас реальная угроза смычке между рабочим классом и крестьянством. Можно, и мы должны исходить из констатирования этого факта.

Молотов. При продолжении чрезвычайных мер.

Бухарин. При дальнейшем продолжении чрезвычайных мер, это верно. Т. е. угроза сейчас есть, и если бы мы продолжали сейчас чрезвычайные меры, то угроза росла бы. Поэтому мы чрезвычайные меры сейчас снимаем.

Голос. Иногда не снимаем. (Шум.)

Бухарин. Погодите, я вам отвечу на все.

Ворошилов. Ты часа на три зарядил, как видно, недаром перенесли твое слово.

Бухарин. Нужно исходить из того, что, когда мы в период прежнего времени применяли чрезвычайные меры, мы имели действительно процесс известного перерастания чрезвычайных мер в то, что можно назвать "тенденцией в сторону

военного коммунизма". Этого отрицать нельзя. Мы только что во время программной дискуссии определили военный коммунизм как систему, которая ставит своей целью рациональное потребление при урезке индивидуалистического стимула мелкого производителя, при реквизициях, конфискациих и пр. Не стоит говорить, что такие элементы в нашей теперешней системе есть, что мы не могли бы развиваться при продолжении системы чрезвычайных мер. Это было бы системой военного коммунизма, но, во-первых, без войны, во-вторых, когда "земельный" аргумент для мужика исчез. Когда мы прибегали к военно-коммунистическим предприятиям в прошлом году, у нас было, до известной степени, равенство в нищете, т. е. кадровый состав наших работников точно так же сидел на пайке, а когда сейчас вводится карточная система, то бытовые, потребительские и всякие иные условия различны, т. к. те, которые вводят карточную систему, сами на пайке не сидят.

Голос. Можно посадить.

Бухарин. Я говорю сейчас о том, что есть. Эта история чревата очень крупными социальными опасностями, и это нужно иметь в виду. А результат какой? Подытоживая то, что у нас есть, мы говорим: чрезвычайные меры изжили себя. Их действие превращается в собственную противоположность. Но перед нами сейчас уже стоит вопрос насчет перспектив, и этот вопрос потруднее. И вот, первым предложением, которое выражено в известном письме Фрум-кина и которое подкреплено целым рядом других документов...

Рудзутак. Подкреплено, но не подтверждено.

Бухарин. Сталин читал один документ и мог бы прочитать целый ряд других, например письмо Яковенко, оно выражает собою целую большую систему взглядов. Это чревата большими опасностями с точки зрения расположения классовых сил в нашей стране. Оно чревата большими опасностями не потому, что существует целый ряд товарищей, дающих такие-то и такие-то формулировки, а потому, что сила инерции, хвост, который в этом направлении развивается, это не наши классовые резервы. Дать какой-нибудь малейший повод в стране, скажем, к отмене нашей избирательной инструкции -- это значит мобилизовать в еще большей степени кулацкую стихию против нас, мелкую буржуазию целого ряда городов, среднюю буржуазию, мелкобуржуазные прослойки и т. п. Резервы этих сил постоянно очень велики, и малейшее колебание по этому вопросу в рядах нашей партии имеет непропорционально огромное политическое значение. Стоит сделать намек насчет политических прав кулака и пр., как сейчас внутри партии могут вздыбиться огромные силы и абсолютно правильно сомкнутым строем бороться против этой опасности. Вопрос относительно возврата к XTV съезду -- это не есть такой большой вопрос. Лозунг возврата к XIV съезду -- это вовсе не реабилитация или возрождение решений XIV съезда. Его политический смысл -- отмена решений XV съезда.

Голос. Правильно.

Бухарин. Поэтому, когда выдвигается этот лозунг, то, по сути дела, это есть

лозунг "долой XV съезд и его решения". Я должен сказать, что, если бы мы увидели, что решения XV съезда неправильны, партия решила бы на пленуме ЦК предложить созвать съезд и пересмотреть эти решения.

Голос. Чрезвычайный съезд.

Бухарин. Но никакого фетишизма у нас абсолютно нет. Совершенно объективно мы говорим: решения XV съезда подлежат не пересмотру, а усиленному проведению в жизнь.

Должны ли мы сейчас положение, получившееся в результате хлебозаготовок, исправлять тем, чтобы идти на уступки в отношении кулака, снять лозунг усиленного наступления на кулачество? Абсолютно нет. Проблема в настоящее время заключается в том, чтобы нам снять ту угрозу размычки с середняком, которая у нас есть. Мы снимаем чрезвычайные меры, и ни в коем случае мы не отождествляем чрезвычайных мер с решением XV съезда. Это нужно, мне кажется, заколотить железными гвоздями во все головы членов нашей партии.

Решения XV съезда нашей партии дают генеральную установку на меры конъюнктурного характера, а чрезвычайные меры стоят особом, это реакция на конъюнктуру в узком смысле слова. Реакция на длительные причины -- это подъем нашего сельского хозяйства, это подъем индивидуального хозяйства, усиленный курс на индустриализацию и дальнейшее наступление на кулака.

В связи с этим я должен сказать, что Микоян правильно сделал, когда он, наряду с ударами против правой тенденции, ударил и против другой стороны (я не считаю ее левой, против троцкистской тенденции). Эта опасность точно так же существует, об этой опасности точно так же ни в коем случае не стоит забывать.

Против такой теории, которая здесь развита, относительно пределов развития индивидуального хозяйства, нужно заявить, нужно возражать изо всех сил. Если вчера тов. Сталин говорил относительно того, что необходимо изо всех сил драться против такого предрассудка, что индивидуальное хозяйство у нас уже заперто, и экономически это аргументировал, то я должен сказать, что есть еще политическая сторона этого дела. Если мы скажем нашему крестьянину, что тебе, как индивидуальному производителю, при советских условиях каюк, ты дальше не можешь сделать ни шагу вперед, он скажет: "Спасибо за такие условия, покорно благодарю советскую власть". Мы можем таким образом отбить это самое среднее крестьянство, отогнать его, черт знает, на сколько километров от нас. Именно поэтому Владимир Ильич давал иногда чрезвычайно острые формулировки, предупреждающие на целый ряд лет, чтобы мы не наделали каких-нибудь глупостей по отношению к нашему среднему крестьянству (цитирует т. XVI, с. 160).

Здесь со всей силой ленинского убеждения дана такая формулировка, что кое у кого волосы могут дыбом стать.

Косиор. Смотря у кого.

Бухарин. У меня не могут, и у тебя также. (Смех.)

Голос. Тогда нам не опасно, пусть Микоян боится, у него вон сколько.

Бухарин. Когда мы подчеркиваем важность развития индивидуального хозяйства,

мы должны иметь в виду, что мы это индивидуальное хозяйство [должны] зацеплять за личный стимул его развития, и тут ничего зазорного нет. Владимир Ильич ставит этот вопрос так (речь на съезде Политпросветов⁴⁶⁸, т. XVI, ч. 1). Это остается правильным и до сего времени. Но неправильно, когда эти методы зацепки за личный индивидуалистический стимул крестьянина понимаются таким образом, что они не имеют никакого отношения к переводу от индивидуального к общественному. Когда это считается так, тогда это на самом деле неправильно. Неправильно поэтому противопоставление задачи подъема индивидуального хозяйства и строительства коллективов. Нужно ставить проблему так, что коллективизация сама строится на подъеме индивидуального хозяйства. Наша политика по отношению к индивидуальному хозяйству заключается в том, что, с одной стороны, его надо поднимать и строить на нем, а, с другой стороны, не забывать об обобществлении этого крестьянского индивидуального хозяйства, коллективизировать не на упадке, а не росте производительных сил. Ленин прямо возражал против такой оценки, что чем беднее индивидуальное хозяйство, тем легче оно пойдет к коллективизации (речь на съезде Политпросветов). Поэтому абсолютно неправы те товарищи, в частности тов. Милютин, которые говорили,

что закрыта возможность роста индивидуального сельского хозяйства. Это абсолютная чепуха. Этот закон базируется на законе убывающего плодородия почвы⁴⁶⁹, чуждом капитализму (?)⁴⁷⁰. Нужно всячески бороться против скептического отношения к колхозному и совхозному строительству, против того, что оно будто бы только для разговоров, пустяк и все прочее.

Это не пустяк, а одна из важнейших наших политических задач.

Теперь о классах и классовой борьбе в связи с нашими перспективами. Что касается перспектив, то я настроен не так радужно, как говорившие здесь товарищи.

Возьмем известные сейчас наудачу цифры, которые у нас будут. Урожай выше среднего, больше среднего чуть ли не на полмиллиарда пудов.

Менжинский. Это пустяки.

Бухарин. Менжинский говорит, что это пустяки, хотя Менжинский не экономист.

Мы должны посмотреть, из чего складываются эти 474 миллиона. По данным ЦСУ они дают увеличение по всему хлебофуражному балансу. А если вы возьмете рожь и пшеницу, то вы получите по сравнению с прошлым годом дефицит в 36 миллионов пудов, 315 миллионов пудов ржи меньше прошлого года, по пшенице 279 млн пудов больше прошлого года; в общем, баланс на 36 млн пудов меньше прошлогоднего. Но это данные по самой предварительной оценке. Фактически урожайность исчислена в процентах на 15 июня и обычно оказывается ниже. В 1924 году она составляла 92% предполагавшейся, в 1925 году -- исключение -- 104%, в 1926 году - 94%, в 1927 - 96%.

Следовательно, если фактически урожай отклонится от июньской расценки на 5%,

то вместо превышения валового сбора всех хлебов на 474 млн пудов мы будем иметь превышение на 224 млн пудов, а в случае отклонения на 2% -- только на 325 млн пудов. А если возьмете продовольственные культуры, то при первом варианте мы будем иметь пшеницы и всякого зерна меньше, чем в прошлом году на 180 млн пудов, а по второму варианту -- на 100 млн пудов. Следовательно, мы примерно должны считаться с тем, что на будущий год получим на 100 млн пудов меньше, чем в этом году. Это есть добавочная очень крупная трудность.

Этот вопрос поднимает перед нами вопрос о перспективах. Можем ли мы иметь такие же трудности в этом году, как имели в прошлом? Можем. Как мы будем на это реагировать? Будем ориентироваться на применение чрезвычайных мер, если встретятся в будущем году такие трудности, а если мы их будем применять, то в том же примерно объеме или не в таком? Мне кажется, это самый мучительный и самый главный вопрос, который стоит перед нами. Я предварительно хотел бы привести соображения или аналогию, которая с первого взгляда покажется дикой или шуточной.

Представьте себе, что у вас есть пролетарская власть в мелкобуржуазной стране, но что она насильно вгоняет мужика в коммуны.

Ворошилов. Как в 1918 и 1919 году, скажи.

Бухарин. Тогда вы получите восстание мужика, которого берет на цугундер кулак; кулак его организует и им руководит.

Мелкобуржуазная стихия восстает против пролетариата, бьет его по голове, и в результате, ожесточенная классовая борьба, пролетарская диктатура исчезает.

Что вы тут получаете?

Сталин. Страшен сон, да милостив бог. (Смех.)

Бухарин. Могут найтись умники, которые скажут: "Что здесь было? Была здесь классовая борьба?" Да, была. Мелкий собственник скинул рабочий класс? Да, мелкий собственник скинул рабочий класс. Руководил мелким собственником кулак? Да, мелким собственником руководил кулак. В результате классовой борьбы мелкий собственник под руководством кулака скинул рабочий класс, пролетариат, скинул пролетарскую диктатуру. Все, таким образом, было результатом классовой борьбы. Но если вот этот "пролетарский руководитель" посмотрел бы в зеркало, то он увидел бы не только пролетария, но и пролетарского балбеса. Именно поэтому Владимир Ильич предупреждал из всех сил пролетарскую власть: давайте двигаться вместе с основной массой крестьянства. И вот, когда я подхожу таким образом к вопросу, когда прислушиваюсь к некоторым речам здесь, скажем, к речи тов. Андреева или к общей формулировке тов. Сталина (тов. Андреев заявил, что положение довольно грозно, тов. Сталин заявил, что мы имеем угрозу смычке), то я продумываю вопрос в целом: ну хорошо, если мы через несколько месяцев очутимся снова перед такими затруднениями и если мы в той же мере примем экстраординарные меры, как по-вашему, они должны быть более крутыми? Они будут неизбежно более крутыми.

Ярославский. Зависит от крестьянства.

Голос. Зависит от конъюнктуры.

Ворошилов. Это гадание на кофейной гуще.

Бухарин. Нет, не гадание на кофейной гуще. Мы ни в коем случае не должны ориентироваться на допущение расширенного воспроизводства экстраординарных мер.

Косиор. Это верно.

Лозовский. Это сейчас не от нас зависит.

Бухарин. От нас еще, к счастью, зависит многое. Поэтому центр нашей политики -- это следующее: мы ни в коем случае не должны допускать до угрозы смычке.

Иначе мы не выполним основного завета Ильича.

Ворошилов. Форсированное наступление на кулака.

Бухарин. Это, между прочим, абсолютно правильно в общем.

Ворошилов. Тогда смычка будет абсолютно прочной.

Бухарин. Я отличаю смычку с середняком от делаемой тобою смычки с кулаком.

Ворошилов. Да, я "жажду", конечно, этой смычки.

Бухарин. Противоречие нашего положения: рост производительных сил, тянущий за собою рост кулака, а между тем мы без роста производительных сил обойтись не можем. Это коллективное противоречие может быть устранено такими мерами, которые не бу-

дут бить середняка. У нас есть, например, такой рычаг, как налоговая политика, которая нам дает возможность почти что экспроприировать кулака, не задевая середняка. Но мы чрезвычайно мало думаем над тем, по какому расчету и как этот рычаг пустить в ход, чтобы постоянно снимать пенки с накопления кулака и обращать их на дело социалистического строительства и в то же время не обижать середняка. Поэтому мне кажется, совершенно нет никакого безвыходного положения. И поэтому нашей главной решающей задачей является вопрос о том, как вести наступление на кулака так, чтобы от этого середняк не пострадал.

Молотов. Но налог все-таки середняк должен платить, а это составляет не менее, чем три четверти всего налога, что немного его "задевает".

Бухарин. А кто же против этого спорит, что приходится задеть? Но повышение ставки, Вячеслав Михайлович, для середняка одно, а повышение ставки для кулака -- другое. Если хочешь, я тебе скажу, у нас критерий должен быть очень простой. Если мы считаем, что крестьянское хозяйство, даже индивидуальное, должно развиваться, если мы хотим -- правильная мысль, которую тов. Сталин вчера развивал, -- если мы хотим установить смычку не на песке, а на хозяйственном удобрении и металле, то имейте в виду, что крестьянин-середняк должен это самое удобрение и эти самые машины и прочее покупать. Если он должен их покупать, он должен иметь у себя лично, чтобы не только прошлое восстанавливать, но чтобы дать ему возможность действительного реального накопления, потому что покупка машин или удобрения -- накопление в крестьянском хозяйстве.

Значит, ты должен вести по отношению к крестьянству такую политику, чтобы

крестьянин мог подниматься. Этим дается граница цен, граница обложения.

Голос. И для самообложения.

Бухарин. Это совершенно другая тема. Этим дается граница, потому что, несмотря на то, что неправильно сейчас исходить из теории эквивалентов, неправильно также исходить из "закона первоначального социалистического накопления" Преображенского. Лозунги Троцкого -- взять все, что "технически достигаемо" с мужика и не давать ему возможности развития производительных сил -- в конце концов ударяют по промышленности (через хлеб, через сырье, через рынок).

Нам нужно иметь в виду, что накопление социалистической промышленности -- функция, зависящая от накопления в сельском хозяйстве. А кулака мы можем держать в границе так, чтобы оставлять ему немного, а все изымать.

Голос. И он доволен.

Бухарин. Если хочешь подойти к этому концу, я должен сказать, что кулак очень недоволен будет, и все больше и больше артачится против нас, но его сила сопротивления реально будет зависеть от того, какие резервы он приводит за собою. Если масса середняка за ним не пойдет, он нам не страшен, он может поднимать какие угодно разговоры, мы сможем расстреливать его из пулеметов, но он не может потрясти нашей страны.

Сейчас у нас положение таково: экономика у нас стала дыбом, когда лошади едят печеный хлеб, а люди в некоторых местах едят мякину, когда крестьянство вынуждено покупать хлеб в близлежащих городах, когда аграрная страна ввозит хлеб, а вывозит продукты промышленности. Эта стоящая дыбом экономика может поставить дыбом и разногласия. Ее необходимо исправить.

Здесь я должен сказать то, с чего начал и чем кончил: когда мы говорим, выдержали ли мы экзамен реконструктивного периода, мы должны ответить, что очень плохо выдержали. Нам недостает культуры для решения задач этого периода. В Западной Европе происходит прямо технический переворот. Мы не должны обольщаться себя иллюзиями на этот счет. При этом нужно сказать, что если, например, прибавляется в качестве накопления в Германии миллион и у нас миллион, то это не одно и то же. Там этот миллион имеет совершенно другое значение, потому что там другие улучшения в виде громадных машин, гораздо более совершенных. Когда мы читаем о таких улучшениях, мы видим, насколько мы еще провинциальны. Мы должны сейчас поставить вопрос о методах хозяйственного руководства и методах хозяйственного управления. Мне кажется, наши центральные органы и ЦК партии берут на себя слишком большую обузу -- и мелкое, и среднее, и большое руководство, вместо того чтобы ограничиться руководством целого ряда хорошо продуманных и разработанных основных хозяйственных проблем. Мы маленькие фабрички, маленькие концессии десятками решаем, но просчитались на зерне. Мы просчитались на зерне, о чем тов. Сталин говорил, хотя для Микояна есть целый ряд извиняющих факторов; в экспорте мы просчитались и т. д. По отношению к нашим хозяйственным органам мы все виды инициативы заменили одним видом инициативы со стороны государства и исключительно сверху. Мы низовую кооперативную инициативу,

местную и всякую прочую инициативу придушили. Получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат и такая ответственность наверху, что она превратилась в свою собственную противоположность.

В недавно вышедших записках Черчилля⁴⁷¹ написано, что, когда он был призван к власти во время войны, у него в кабинете получилась такая гигантская концентрация ответственности и власти, что он первым делом уничтожил три четверти этих вещей, децентрализовал оперативную часть механизма.

Я не знаю, нужно ли нам децентрализовать в такой пропорции, но я считаю это серьезнейшей проблемой.

Проблема хлебных заготовок -- часть хлебной проблемы в нашем государственном аппарате и в борьбе с бюрократизмом этого аппарата. Если мы правильно разрешим эту проблему с хлебом, мы должны поставить рано или поздно вопрос в еще более широком порядке и точно так же эту проблему разрешить.

ШЕСТОМУ КОНГРЕКОММУНИСШШШШестШестому конгрессу КШестому конгрессу

Коммунистического Интернационала

Товарищи члены Конгресса.

Мы, большевики-ленинцы г. Москвы, исключенные из ВКП за оппозиционные взгляды, вынуждены обратиться к вам непосредственно, так как возможность обращаться к Конгрессу через нашу партию для нас в настоящее время закрыта.

Вполне присоединяясь к заявлению Конгрессу тов. Троцкого⁴⁷², в котором с достаточной полнотой изложены действительные нефальсифицированные взгляды оппозиции, мы обращаемся к вам с целью поставить вас в известность о том положении, в каком после XV съезда ВКП очутилась оппозиция, и добиться от вас авторитетного вмешательства в дела ВКП, которое способствовало бы восстановлению ее единства и нормальной жизни.

Преследования оппозиции, массовые обыски, аресты, заключение в тюрьмы и ссылки в самые глухие места Сибири и Средней Азии не прекращаются. В тюрьмах и ссылках в настоящее время находятся многие сотни коммунистов-оппозиционеров, прошедших через царские ссылки, белогвардейские застенки и брошенных на окраины Туркестана и в далекие пункты сибирской тайги.

Многие из них поставлены в исключительно тяжелые условия. Тов. Троцкий содержится в Алма-Ате, очаге малярийных заболеваний, и уже заболел малярией.

Раковскому и Радеку отказано в климатическом лечении, причем Радек содержится в Сибири, а Раков-ский в Астрахани, губельной для его здоровья.

Тяжело больной Вуйович сослан на Крайний Север и лишен необходимой медицинской помощи. Многие ссыльные содержатся в Туруханском и Нарым-ском крае, куда даже царское правительство ссылало в исключительных случаях.

Ссыльные имеются даже в Обдорске, находящемся за Полярным кругом.

Ссылки по 58-й статье (контрреволюция), которые ТАСС⁴⁷³ ложно и лицемерно называет "посылкой на работу", уже не удовлетворяют бюрократа, доходящего до вершин чиновничьего самодурства. Один из организаторов Октябрьского

восстания в Москве -- содержащийся в Березове, где он большую часть года отрезан от всего мира, В. М. Смирнов -- присужден к заключению в тюрьму за пятиминутное опоздание на регистрацию в ГПУ. За такое же опоздание и за "непочтительный" отзыв о ГПУ четверо товарищей, сосланных в Уральскую область, приговорены к двум годам тюрьмы. Арестованные коммунисты содержатся вместе с конокрадами, спекулянтами и контрреволюционерами. Лишь накануне VI Конгресса, после месячного пребывания в тюрьме, выслана в Сибирь новая группа наших товарищей (арестованных 19 июня). Эти методы борьбы с оппозицией вошли в систему и говорят о проведении нынешним руководством ВКП твердого курса на физическое истребление коммунистов-оппозиционеров, виновных лишь в том, что они мужественно защищали в партии свои ленинские взгляды и не отказались от них, несмотря на всю жестокость репрессий. Между тем вся обстановка в СССР и в Коминтерне после XV съезда ВКП целиком и полностью подтвердила правильность этих взглядов и полное политическое банкротство нынешнего руководства ВКП, беспринципно мечущегося справа налево в поисках выхода из того положения, в каком оказалась страна в значительной степени по вине руководства.

Ленинская оппозиция своевременно сигнализировала о действительных опасностях, стоящих перед партией и рабочим классом, указывала на постепенное сползание партийного руководства с правильной классовой линии, на неправильное распределение национального дохода, на экономический и политический рост кулака, на явное перерождение и загнивание известных звеньев партийного и советского аппарата под напором враждебных сил, в обстановке бюрократического зажима и отсутствия внутривнутрипартийной и рабочей демократии.

Отвергнув взгляды оппозиции, партия проглядела эти опасности и не сумела с ними справиться, дать им своевременный и надлежащий отпор.

Под влиянием острых экономических затруднений, связанных с провалом хлебозаготовок, и перед явной опасностью термидорианского перерождения основных звеньев партийного и советского аппарата, о чем говорят Шахтинское, Смоленское, Артемовское, Рязанское, Сочинское и бесчисленное множество других вскрытых и невскрытых "гнойников" и "нарывов", руководящие органы ВКП делают попытку выровнять линию партии и предпринимают ряд "левых" мероприятий. Начинается полоса "левых" зигзагов, проводимая непоследовательно и состоящая в том, что сегодня отвергается то, что утверждалось вчера, для того чтобы завтра отказаться от этого. Ярким примером этой зигзагообразной политики служат решения пленумов ЦК после XV съезда. "Левые" речи и декларации и продолжение упорной, жестокой, беспощадной и бессмысленной борьбы с оппозицией, принимающей формы неслыханного издевательства. "Левая" политика и борьба налево. Признание правой опасности на словах, беспринципное метание на деле, отсутствие всякой твердой линии на практике, кроме линии борьбы с оппозицией, борьбы и без того уже дорого обошедшейся партии, рабочему классу и всему Коминтерну.

В объявленную сверху свободу рабочие не верят. Можно привести немало

случаев, когда рабочих, выступивших с критикой, исключают из профсоюза, снимают с работы, подвергают всяческим гонениям. Тысячи рабочих-оппозиционеров сняты с работы. Свобода критики и тюрьмы для критикующих и инакомыслящих -- несовместимые вещи. На фабрике, где арестован или сослан хотя бы один оппозиционер, трудно убедить рабочих, что они могут свободно предаваться критике и самокритике.

Первейшим условием развития жизненно необходимой стране пролетарской критики и установления режима подлинной рабочей и внутрипартийной демократии является прекращение борь-

бы с оппозицией, освобождение арестованных большевиков из тюрем, возвращение сосланных из ссылки, восстановление исключенных из партии. Без этого издевательством звучат слова Бухарина (его заключительная речь на Конгрессе) о необходимости оживления идейной жизни партии, партийных дискуссий⁴⁷⁴ и пр. Товарищи. В советских тюрьмах сидят коммунисты. В тюрьмах и ссылках находятся сотни борцов за Октябрьскую революцию, участников и героев гражданской войны, активных строителей партии и советской власти.

Товарищи. Обсудите со всей объективностью вопрос о положении в ВКП, требуйте немедленного прекращения расправ с оппозицией, которые дезорганизуют и ослабляют рабочий класс, физически истребляют наиболее стойкую часть его партийного актива, способствуют усилению реакционных сил.

ГПУ не может быть судьей внутрипартийных споров. Мы твердо верим, что если не сейчас, то в ближайшем будущем коммунистический пролетариат всего мира, не взирая на ложь и клевету официального аппарата, убедится в нашей правоте и откроет нам дорогу в партию и Коминтерн, активными и преданными участниками которых мы были и будем.

Да здравствует единство коммунистической партии!

Да здравствует Коминтерн!

Да здравствует мировая революция!

Большевики-леницы

(оппозиция фабрик и заводов гор. Москвы) [Июль 1928 г.]

Л. Сосновский

ПИСЬМО В МИНУСИНСК

Уважаемые минусинцы! 475

В чем вы абсолютно правы, так это в том, что тезисную волну пора свести к минимуму. В тезисах этих был тот серьезный смысл, что все товарищи, разбросанные по местам ссылки, произвели переключку после съезда и проверили свои ряды. Оказалось, что даже в этих труднейших условиях у нас оказалось единомыслия больше, чем можно было ожидать на таком крутом и несколько неожиданном повороте. Тов. Смилга прав, называя быстроту развития настоящего этапа бурной, почти катастрофической. И в этих условиях даже самые молодые

из нас не потеряли головы, не поддавшись ни бесплодному ожесточению, ни наивным иллюзиям. Теперь переключку можно считать почти законченной. Едва ли следует заниматься тезисосложением по поводу каждой сталинской речи и статьи.

У меня есть опасение, что многие товарищи по ссылке чересчур мало внимания уделяют переписке с покинутыми местами. Нельзя дать правильной оценки даже речам и статьям (не говоря о серьезной политике), если не знать, что за этим и под этим кроется. Несомненно, что за разговорами о самокритике кроется

какая-то серия фактов, которая неизвестна нам в разных Минусах⁴⁷⁶ и Барна-улах, но хорошо известна Сталину по сводкам разных ведомств и организаций. Что же делается там на заводах? Что делается в деревне? Мы кое-что знаем о сибирской и среднеазиатской действительности (по месту нашего нахождения). Но решает-то дело не барнаульский пимокат, а московский, ленинградский металлист, ивановский текстиль, донецкий шахтер. Все наши тезисных дел мастера сделали бы лучше, если бы теперь сделали все возможное для получения живой, надежной информации. Газеты до сих пор остаются кривым и даже совсем кривым зеркалом. Я читаю множество газет и полагаю, что умею их читать. Но даже мне трудно судить по газетам о действительности. И в самом хвосте находится "Правда". Она по-прежнему трусливее всех уездных газет. По-прежнему там охотятся только на дохлую дичь, т. е. извергают гром на лица, которые уже носят на туше клеймо ЦКК⁴⁷⁷.

Между тем кое-кто из товарищей получает преинтересные письма с родины. Одно такое письмо с описанием какого-нибудь собрания на одном только предприятии, в одной только ячейке дает гораздо больше материала для тех же тезисов, чем сотни газетных и журнальных статей и речей. Правда, у многих из нас осталось дома не так много корреспондентов, да и те постепенно тают, превращаясь в ссыльных. Но всех же не вышлют... Наконец, мне известны случаи переписки ссыльных товарищей с партийцами, не принадлежащими к оппозиции. По их суждениям, описанию текущих событий на данной фабрике можно кое о чем судить. Одним словом, даже половины той энергии, которая затрачивается на составление и переписку тезисов, вполне достаточно, чтобы поддерживать регулярную, очень плодотворную связь с местами. С другой стороны, нет никакого сомнения, там интересуются и нашим мнением. Интересуются не только сочувствующие и единомышленники, но и сторонники официального курса. Надо и им рассказать, что мы думаем о происходящем. До последнего времени руководящая группа держит партию в тумане. Возьмем, например, два последних выступления "вождей" -- письмо Сталина к некоему С.⁴⁷⁸ и речь Моло-това⁴⁷⁹. Сталин укоряет какого-то С., что тот попал в оппозиционный капкан с ленинским лозунгом. При чем тут С.?

Возьмите стенограмму доклада Молотова на XV съезде о работе в деревне⁴⁸⁰ (издана ГИЗом отдельной брошюрой -- см. с. 104 -- 105). Там Молотов от имени ЦК рассказывает партии и Коминтерну, что главное в вопросе об оппозиции по крестьянскому вопросу заключается в попытке

оппозиции опереться на устарелый ленинский лозунг: "Уметь достигать соглашения с середняком, прочно опираться только на бедноту и ни на минуту не прекращать борьбы с кулаком". Молотов доказывал, что со стороны оппозиции является просто издевательством предлагать давнишний лозунг к нынешним обстоятельствам. Он привел хронологическую справку (ныне опровергнутую Сталиным) и объявил, что бесчестно предлагать теперь такую устарелую директиву.

Вот теперь и надо посоветовать всем товарищам сопоставить а) платформу оппозиции, которая всю крестьянскую политику предлагала строить именно на этом ленинском отнюдь не устаревшем лозунге; б) официальный доклад ЦК партии на съезде, сделанный Молотовым, где ленинский лозунг объявляется устаревшим, а защита Ленина оппозицией объявляется издевательством и в) письмо Сталина какому-то таинственному С. Сей загадочный С. совершенно по-молотовски трактует ленинскую директиву как устаревшую, а вместе с тем как явно оппозиционную. Пусть члены партии попробуют разобраться и решат, какое же толкование Ленина правильное: официальное молотовское, сделанное на съезде, или неофициальное сталинское, сделанное в частном письме к неизвестному С. спустя полгода после съезда. И что для них обязательнее: доклад на съезде или частное письмо? Если они выскажутся в пользу Сталина против Молотова, то пусть запросят Сталина, как же он промолчал на съезде, когда Молотов сдавал Ленина (и программу партии заодно) в архив. При чем тут С.? Речь идет о докладчике ЦК на съезде по основному вопросу. А с другой стороны, каков же уровень съезда, который не моргнув скушал такое обращение с Лениным и с программой со стороны Молотова?

Я помню, что тов. Радек как-то говорил в Москве, что ему не нравятся личные нападки Л. Д. [Троцкого] на Молотова (фраза об идейном убожестве при аппаратном всемогуществе). Тогда и я склонен был согласиться с Радеком, что убогим Молотова не следует называть. Теперь весь мир видит, что Л. Д. был прав. Большого убожества и придумать нельзя. А уж до какой степени поглупения доведена партия, если из 1000 делегатов съезда не находится ни одного человека, способного защитить ленинизм от расправы с ним Молотова, способного защитить программу партии от молотовских извращений. В этом отношении мы можем гордиться, что мы не напрасно себя называем большевиками-ленинцами.

Ведь дело не в формальности, что отменили ту или иную строчку из сочинений Ленина. Мы не буквоеды. Ведь речь-то шла о чем? Расчлените ленинскую формулу по частям и спросите себя, что же нашел Молотов устаревшего в ней:

Уметь достигать соглашения с середняком. Разве это устарело?

Прочно опираться на бедноту. Пусть посмеет Молотов сказать вслух, что это уже устарело. Правда, Сталин сказал в беседе со слушателями Института красной профессуры, что у нас "есть люди", которые хотят держать курс на соглашение с кулаком и даже с помещиком. Неужели это о Молотове?

Ни на минуту не прекращать борьбы с кулаком. Что тут устаревшего? С нашей точки зрения (на том и вся платформа наша построена), борьбу с кулаком надо стократно усилить. А люди, проектировавшие вращение кулака в социализм, должны были, естественно, прекратить эту борьбу. Естественно, а не случайно, вырывается лозунг "Обогащайтесь!" Естественно, ленинизм (и программа партии) не имеет ничего общего с такой теорией. Естественно, что, сдав Ленина в архив, люди должны были нас, ленинцев, разогнать по гиблым местам и выгнать из партии. Прошло всего восемь месяцев, и Ленин за себя постоял. Слишком уж скоро, слишком уж самонадеянно аппаратчики похоронили идейное наследство Ленина. Повторяется старая история, вызвавшая карикатуру Лепешинского-го⁴⁸¹ "Как мыши кота хоронили", где котом был нарисован Ленин, а мышами -- меньшевики. Увы, теперь расстановка похоронщиков за себя постоит и в других вопросах, расколовших партию на большинство и меньшинство. Последнее слово свое история отнюдь не передала Ярославскому и Дерибасу⁴⁸² из ГПУ. Поучительнее всего то, что Молотов-таки прекратил борьбу с кулаком, а кулак не ответил ему взаимностью. Я прочел в "Челябинском рабочем" от 8 июня такой заголовок на всю страницу: "На то и классовая борьба" -- так ответил кулак Юдин, когда у него спросили, зачем он спрятал хлеб. Вот тебе и вращение в социализм. Кое-кому ответ кулака Юдина из поселка Сургояк Челябинского округа был необходим, чтобы вспомнить азбуку классовой борьбы. Когда наступит настоящая самокритика, а не чесание бюрократических пяток, все эти дела будут вновь серьезно обсуждены. Мне кажется, что даже нынешние сторонники ЦК призадумаются, если разъяснить им наглядный пример с ленинским лозунгом, взятым нами под защиту от Молотова и др. Конечно, из Минусинска не разговоришься, но славословить Молотова мы не обязывались никогда. И не будем. На то мы и большевики-ленинцы.

Теперь я хотел бы вам ответить на ваш вопрос об одном месте письма Л. Д. [Троцкого] от 9 мая, где он говорит о нашей готовности поддержать намечающийся официальный сдвиг партии. Почему вы нашли в этом выражении готовности нечто для себя странное? По-моему, каждый из нас должен сказать то же самое. Если вас смущает то обстоятельство, что поддерживать приходится из Туруханска и Барнаула, то это чистейшее недоразумение. Разумеется, речь может идти не о поддержке со стороны личностей, отмеченных 58 статьей и сосланных в Сибирь, а со стороны членов партии, которые отчаянно боролись за удержание партии от сползания на кулацкий путь и которые, оказавшись снова в партии, так же энергично принимают укреплять и развивать наметившийся сдвиг, оставляя за собой право критиковать и разоблачать всякую непоследовательность, половинчатость, всякую уступку кулацкой ориентации. Разумеется, в рамках устава партии, как мы то и обещали уже съезду в своем заявлении. Критика непоследовательности есть прямая и нужнейшая поддержка, в тысячу раз более ценная, чем голосование "монолитчиков" смоленско-артемовско-владимирского типа. Помимо критики и разоблачения, разумеется, остается конкретная работа над проведением наиболее отвечающих

интересам партии и пролетарской революции мероприятий. С этой точки зрения абсолютно неприемлемо было и потому отвергнуто было всеми предложение тов. Преобра-

женского заявить уже теперь, находясь в ссылке, что мы принимаем на себя ответственность за так называемый "левый курс". Ничего общего с этим не имеет выражение Л. Д. о нашей готовности поддержать действительные сдвиги. А взять ответственность? За что? За курс. За какой? В чем он выражается? Разве не показательно, что даже редакция "Большевика" не уловила, чего же хочет ЦК. Напечатана в № 10 журнала передовая статья о самокритике. Статья очень напомнила мне одно место из Бомарше⁴⁸³ ("Свадьба Фигаро"), где разъясняется, что печатать можно обо всем. Обо всем, кроме... А дальше идет такой внушительный перечень "кроме", что едва ли можно писать даже о погоде. Так и в "Большевике" вышло с самокритикой. А уж не редакции ли "Большевика" полагается знать, чего хочет ЦК от самокритики. В составе редакции -- Молотов, Бухарин, Ярославский, не говоря уже о вождах Слепкове и Астрове. И то Молотову пришлось извиняться за свою редакцию, закричавшую вместо "ура" -- "караул", самокритика идет! Впрочем, пока настоящее письмо дойдет до вас, вероятно, вы получите уже текст обращения нашего к VI Конгрессу Коминтерна. Я слышал, что Л. Д. усердно над ним работает. Об основных пунктах обращения у всех нас единодушие. Есть разногласия по отдельным вопросам. Но и эти разногласия могли бы быть гораздо меньше, если бы мы имели возможность более нормально обмениваться мнениями. Часть из наших писем вовсе пропадает, а другая движется на волах. При этих условиях трудно диспутировать. Ну, на этом и простимся. Нового лично у меня почти ничего нет. Примите привет мой и нашей маленькой барнаульской колонии. Что пишут вам из Москвы и из прочих подобных "отдаленных" мест?

Ваш Л. Сосновский. Барнаул, Никитинская 110, Л. Сосновскому
[Июль 1928 г.]

К. Радек, И. Смилга

VI КОНГРЕССУ КОМИНТЕРНА

Уважаемые товарищи!

XV съезд ВКП(б) исключил нас из партии. Немедленно после съезда мы были через ГПУ сосланы в отдаленные районы Союза (Сибирь, Среднюю Азию, север Европейской России).

Вслед за ссылкой нас начались аресты и ссылки наших единомышленников, которые продолжаются до настоящего времени. Ссылают нас по 58-му параграфу Уголовного кодекса за действия, ставящие своей целью низвержение и подрыв сов[етской] власти.

Отправляясь в ссылку, мы обратились в ИККИ⁴⁸⁴ с протестом против этих решений и с требованием их отменить. Расширенный пленум

Коминтерна⁴⁸⁵ одобрил репрессии против оппозиции, да-
же не выслушав нас. Мы обращаемся к VI конгрессу Коминтерна с просьбой
вызвать нас в Москву для дачи подробных объяснений. Настоящее письмо может
дать картину наших разногласий только в самых общих чертах. Любое из наших
утверждений мы можем подтвердить перед конгрессом или его комиссией
фактическим материалом из партийных и советских изданий.

Наши разногласия

Основными документами, выражающими взгляды оппозиции, являются
платформа⁴⁸⁶ и наши контртезисы XV съезду партии. Напечатаны были
в партийной печати только наши контртезисы. Наша платформа же была объявлена
антипартийной, и за ее распространение наши единомышленники исключались из
партии. Таким образом мы были лишены фактической возможности бороться за
свои взгляды в пределах устава партии. Однако только беспристрастный разбор
может восстановить действительную картину наших разногласий с большинством
партии и наметить пути к восстановлению единства партии.

В чем нас обвиняли

Резолюция XV съезда обвиняет нас в неверии в социалистический характер
Октябрьской революции и в возможность социалистического строительства в
СССР⁴⁸⁷. Это обвинение мы отвергаем со всей решительностью. Существо наших
разногласий в этом вопросе состоит в том, что мы отвергаем как
немарксистскую и ленинскую теорию полного построения полного
социалистического строя в одной стране, без победы пролетарских революций в
нескольких решающих капиталистических странах. Мы убеждены, что при
правильной ленинской политике пролетариат СССР будет развивать достигнутые
уже успехи в деле социалистического строительства и вместе с мировым
пролетариатом сокрушит капиталистический строй и построит коммунистическое
общество.

Далее резолюция обвиняет нас в отрицании необходимости союза рабочего класса
с крестьянством. Это обвинение мы также категорически отвергаем.
Действительные разногласия состояли в том, что мы указывали на рост
кулачества в деревне, на необходимость организации для этой борьбы союза
бедноты и усиления позиции сельскохозяйственного пролетариата. Только борясь
с кулаком и опираясь на бедноту, можно сохранить союз со средним
крестьянством.

Нас обвиняют в отрицании существования пролетарской диктатуры в СССР. Это
обвинение смехотворно. Мы говорили о росте термидорианских элементов в
стране, о влиянии этих элементов на некоторые звенья нашей партии. Мы
подчеркивали вытекающие отсюда опасности для диктатуры пролетариата
промышленности. Это неверно. Мы считаем нашу государственную промышленность
предприятиями после-

и предлагали ряд мер для борьбы с этими опасностями.

Нам приписывается отрицание социалистического характера нашей государственной

и предлагали ряд мер для борьбы с этими опасностями.

4. Нам приписывается отрицание социалистического характера нашей государственной промышленности. Это неверно. Мы считаем нашу государственную промышленность предприятиями последовательно социалистического типа, основной командной высотой социалистического строительства.

Резолюция обвиняет нас в связи с мелкобуржуазными слоями, связанными, в свою очередь, с контрреволюционерами. Со времени этого обвинения прошло более полугодия, но никто не слышал в судебном процессе, на котором предстали бы перед судом большевики-ленинцы, мелкие буржуа и контрреволюционеры.

Наконец, нас обвиняют во фракционной работе и пользовании средствами борьбы, выходящими за рамки советской легальности. Мы признаем, что в борьбе за наши взгляды мы стали путем фракционности и нарушали дисциплину партии. В то же время мы должны сказать, что внутрипартийный режим не оставлял для нас другого пути. Мы стояли перед альтернативой -- или молчать, что при глубине наших разногласий было бы невозможным для большевиков-ленинцев, или нарушить дисциплину партии, несмотря на то, что мы отдавали себе полный отчет в опасностях, таящихся во фракционности. Нормальный партийный режим исключает фракционность. Это основное положение, как и другие, нами разделяются полностью. Мы с негодованием отмечаем, как совершенно недопустимый прием борьбы, обвинение нас в анти-советских выступлениях.

После XV съезда

Шесть месяцев миновало с момента нашего исключения из партии. События развивались с чрезвычайной быстротой как внутри партии, так и в СССР. Такой быстрый темп событий объясняется как нарастанием хозяйственных затруднений внутри СССР, так и подготовкой империалистами военного выступления против страны пролетарской диктатуры. Развитие классовой борьбы в этих условиях дает ясные ответы по всем основным вопросам наших разногласий.

1. Одним из основных разногласий является вопрос о темпе индустриализации нашей страны. Оппозиция утверждает, что недостаточный темп развития нашей промышленности является основной причиной наших хозяйственных затруднений. Факт отставания промышленности от запросов, предъявляемых к ней со стороны народного хозяйства в целом, лежит в основе нашей безработицы, диспропорции между спросом и предложением на товарном рынке и слабости позиции обобщественного хозяйства в деревне. Мы настаивали на такой политике распределения народного дохода, которая в наибольшей степени обеспечивала бы социалистические элементы нашего хозяйства, в первую очередь, промышленности. Нас за это упрекали в сверхиндустриализме. Хлебные заготовки этого года полностью подтвердили наши указания на затруднения, связанные с недостатком промышленных товаров. Для того чтобы добиться даже тех скромных результатов на хлебном рынке, какие мы имеем в этом году, при

третьем вполне удовлетворительном урожае, пришлось оголить городские рынки, что означает ухудшение положения пролетариата. Увеличение единого сельскохозяйственного налога, проведение самообложения в деревне, признание недостаточности обложения городской буржуазии -- все это говорит за то, что перераспределение народного дохода в духе наших требований было вполне возможно. Это признают теперь сами руководители большинства. Индустриализация страны, связанная с широким капитальным строительством, вообще связана с большими трудностями. Но эти трудности во много раз увеличиваются при отсутствии правильной политики распределения народного дохода и при наличии ряда строительных панам.

2. Хлебозаготовки этого года дают яркий ответ на вопрос о том, что собой представляет наша деревня и какой должна быть политика пролетарского государства по отношению к ней. Первое. Росла ли за последние годы экономическая и социальная мощь кулачества, или кулаки и бедняки постепенно превращались в середняков -- так стоял вопрос в предсъездовской дискуссии. Первого взгляда держалась оппозиция, вторая точка зрения нашла свое официальное подтверждение в резолюции XV съезда. Ц[ентральный] о[рган] партии "Правда" от 15 февраля принужден был признать угрожающий рост кулака и, что более важно, признать: "что касается борьбы с кулачеством и кулацкой опасностью, то в этой области нашими парторганизациями сделано было далеко не все то, что они должны были сделать. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что в наших организациях, как партийных, так и иных, народились в последнее время известные чуждые партии элементы, не видящие классов в деревне, не понимающие основ нашей классовой политики и пытающиеся вести работу таким образом, чтобы никого не обидеть в деревне, жить в мире с кулаком и вообще сохранить популярность среди всех слоев деревни". Это обвинение ЦО повторяет со всей силой генсек партии тов. Сталин в речи своей, напечатанной в "Правде" от 2 июня 1928, в которой он говорит: "Есть люди, которые рассматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства. Эти люди не решаются говорить о возврате к помещичьему хозяйству, понимая, видно, что опасно болтать о таких вещах в наше время, но они тем охотнее говорят о развитии кулацкого хозяйства в интересах... сов[етской] власти. Эти люди полагают, что сов[етская] власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса: на класс кулаков, хозяйственным принципом которых является эксплуатация, и на класс рабочих, хозяйственным принципом которых является уничтожение всякой эксплуатации". Кто эти люди? Не спецы ли это, защищающие в наших государственных учреждениях интересы кулака под видом забот об интересах сов[етской] власти? Нет, тов. Сталин обвиняет в таких взглядах членов нашей партии, ибо он говорит дальше: "Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать, что удельный вес кулачества в деревне стократ выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности,

капиталистов в городской промышленности, это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врага рабочего класса". Порвать с ленинизмом могут, конечно, только члены партии, так как беспартийные специалисты отнюдь не являются ленинцами. Значит, тов. Сталин говорит о какой-то прослойке в нашей собственной партии. Говоря это, он не выдумывает врага, а указывает на существующую опасность. Как известно, во время хлебозаготовительной кампании пришлось не только снимать сотни, если не тысячи, низовых ответственных работников за поддержку кулацких интересов, но и отдавать их под суд. В земледельческих районах СССР оказались члены партии, которые сам прятали хлеб от советских органов.

Наша правота в этом вопросе теперь видна каждому члену партии.

Второе. Борьба с кулачеством невозможна без организации бедноты. Поэтому мы требовали основания Союза бедноты. Это было отклонено. Во время хлебозаготовительной кампании не оказалось сколько-нибудь серьезных бедняцких организаций, на которые партия и сов[етская] власть могли бы прочно опереться в борьбе против кулака. Наоборот -- кулак мог потянуть за собой не только значительную часть середняков, но и бедноты, убеждая ее, что отдавая свой хлеб сов[етской] власти, она останется без хлеба. Мы не только не имели готовых бедняцких организаций, на которые могли бы опереться, но в ряде мест встречали прямое недоверие со стороны бедноты, т. к. часть нашей деревенской администрации оказалась на стороне кулаков и часть средств, отпущенных на развитие сельского хозяйства, попала в руки зажиточных слоев. Знала ли партия это раньше? Нет, не знала. Оппозиции говорить об этом запрещалось. Факты эти отрицались. Достаточно это установить, чтобы дать ответ на утверждение тт. Сталина и Бухарина, что оппозиция, выдвигая раньше вопрос о кулаке с такой остротой, была неправа, ибо раньше нельзя было начать борьбы против кулака, ибо раньше мы не имели за собой середняцких и бедняцких масс, которые приобрели теперь. Мы уже выше указывали, что и теперь мы еще не могли завоевать поддержки бедняцких и середняцких масс, что ссылка на эту поддержку является образчиком замазывания совершенных ошибок. Организация Союза бедноты, требование, выдвинутое нашей платформой, становится необходимейшим условием для успешной борьбы с кулачеством.

Третье. Партия опоздала с принятием необходимых мер для успеха хлебозаготовок. Опоздание привело к тому, что борьба за хлеб велась в порядке ударной кампании, преимущественно административными методами. Такой характер борьбы не мог не задеть интересы и значительных середняцких масс.

Четвертое. Партия провозгласила курс на успешное строительство коллективных и советских хозяйств. Эту политику мы поддерживаем, так же как борьбу с кулаком. В нашей платформе и в контртезисах по работе в деревне это требование занимает центральное место. Наиболее успешным это строительство окажется в том случае, если оно будет происходить при содействии и под контролем организации бедноты и батрачества. В противном случае значительная доля государственных средств

может пропасть от неумелого администрирования бюрократического аппарата.

3. Серьезные разногласия имели место в партии по вопросу о положении рабочего класса. Нам бросали упрек в демагогии, когда мы говорили о том, что подъем благосостояния рабочего класса, начавшийся после проведения денежной реформы⁴⁸⁹, уступил место застою. Во время партийного съезда проходила кампания по перезаключению колдоговоров. До сегодняшнего дня не опубликованы ее результаты. Но по сотням сведений, всплывшим теперь в печати, видно, что новые колдоговора пришлось навязывать рабочим при помощи сильного нажима хозяйственников, что роль профсоюзов во многих местах сведена на нет, что местами рабочие защищались против новых колдоговоров при помощи забастовок. Если бы эти колдоговора не ухудшали положения рабочих, то не пришлось бы применять нажим, который в некоторых местах доходил до введения милиции на фабричные собрания (см. события в Гусь-Хрустальном, сообщенные в "Труде", органе ВЦСПС⁴⁹⁰).

Рост безработицы не подлежит сомнению. Попытка смягчить значение этого вопроса указанием на тот факт, что безработица растет в первую очередь за счет деревни, представляет собой чиновничью отписку. Столкновения, происшедшие в Москве в начале июля сего года с безработными строительными рабочими⁴⁹¹, не становятся менее важными от того, что эти строительные рабочие пришли из деревни. Этот факт указывает, во-первых, на жгучесть вопроса об улучшении положения деревенского пролетариата и бедноты. Если мы не сделаем все, что только возможно, для улучшения этого положения, тогда эти слои перенесут свою борьбу за существование в город, усиливая в нем социальное брожение. Вместо того чтобы быть опорой сов[етской] власти, они могут стать опорой контрреволюционной демагогии; во-вторых, нелепо думать, что существование растущей резервной армии труда может остаться без влияния на положение промышленных рабочих, что эта резервная армия труда не будет давить на заработную плату занятых в промышленности.

Борьба, происходящая между ВЦСПС и хозяйственниками, с одной стороны, и комсомолом⁴⁹² -- с другой, по вопросу о броне подростков⁴⁹³, уже является выражением этого давления резервной армии на рабочий рынок. Хозяйственники, имея перед глазами большой резервуар чернорабочих, которых можно приспособить в короткое время методами рационализации и простым производственным процессом, считают роскошью готовить для промышленности квалифицированную рабочую силу из пролетарских подростков.

Главным аргументом против нашего утверждения об ухудшении положения рабочего класса являлось указание на семичасовой рабочий день, который был декретирован в десятую годовщину Октябрьской революции⁴⁹⁴. Что же оказалось в действительности? Проводится семичасовой рабочий день почти исключительно в текстильной промышленности, что объясняется просто необходимостью перейти на три смены для увеличения количества требуемой

мануфактуры (см. статью наркомтруда РСФСР тов. Бахутова в "Известиях" от 1 июня). Во многих местах переход на семичасовой рабочий день происходит в условиях ухудшения положения рабочих и в особенности работниц.

Что касается перехода на семичасовой рабочий день в других отраслях промышленности, то ВЦСПС принужден был установить в резолюции, напечатанной в "Труде" от 23 июня, что "ВСНХ фактически сорвал срок, назначенный правительством для разработки плана перевода промышленности на семичасовой раб[очий] день на 1928/29 г.". ВСНХ не только сам не разрабатывает этих планов, но саботирует работу трестов и ВЦСПС, направленную на переход на семичасовой рабочий день. Как установил председатель [профсоюза] металлистов тов. Лепсе495, в металлургической промышленности "ВСНХ пока что предусматривает переход второстепенных подсобных отраслей промышленности (арматура, ламповые заводы). Ни одного завода по машиностроению, основной отрасли металлопромышленности".

Представитель ЦК союза горняков установил: "Ни Донуголь, ни Азнефть не подошли даже к вопросу о переходе на семичасовой рабочий день, не установили каких бы то ни было принципов разрешения этой задачи. Можно ли вводить семичасовой рабочий день в новых заводах, оборудованных по последнему слову техники, они не знают до сих пор. ЦК горняков не может договориться с ВСНХ о том, чтобы на подземных работах установить не семи-, а шестичасовой рабочий день".

Даже что касается текстильной промышленности, то и там ЦК текстильщиков, как заявил тов. Мельничанский, уперся в тупик. "ВСНХ не дает, например, ответа на перевод на семичасовой рабочий день камвольной шерстяной промышленности и тех фабрик, где ввиду заминки снабжения хлопком нельзя еще вводить третьей смены". По сообщению в "Труде" по линии НКПС переводятся на семичасовой рабочий день две мастерские численностью в 8000 рабочих. Эти факты не нуждаются ни в каких комментариях.

Для оценки материального положения рабочего класса надо еще принять во внимание, что в этом году ему пришлось, благодаря ошибкам в нашей налоговой политике в деревне, благодаря не замеченному вовремя росту кулака, расплатиться ухудшением своего снабжения. Пришлось перебросить значительное количество промтоваров, в первую очередь дефицитных, из города в деревню, оголить городской рынок от мануфактуры, кожаных изделий, металлических изделий, сахара, чая и т. д. Другого выбора, благодаря сделанным раньше ошибкам, не было. Но нельзя закрывать глаз на тот факт, что ухудшение снабжения города есть ухудшение положения рабочего класса.

Вопрос об улучшении положения рабочего класса является центральным вопросом сдвига партийной политики влево. Только серьезные усилия для улучшения положения рабочего класса внушат ему веру в левый курс и заставят взяться серьезно за его проведение.

4. Вопрос о внутрипартийной и рабочей демократии поставлен перед партией как вопрос о самокритике. В обращении ЦК от 3 июня сказано, что "задачи реконструктивного периода не могут быть разрешены без самого смелого, самого

решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата и его очищения от негодных элементов".

Не только задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самостоятельности миллионных масс и их контроля над всеми действиями и всем аппаратом диктатуры пролетариата. Без самостоятельности и контроля масс нельзя было выиграть гражданскую войну, нельзя было восстановить старой промышленности. Во время гражданской войны с ее неслыханно жесткой партдисциплиной, с массовыми мобилизациями на фронт членов партии и профсоюзов партия дискутировала свободно все возникающие разногласия, что давало возможность после самых острых споров меньшинству беспрекословно подчиняться большинству. Вопросы борьбы с бюрократией выносились на суждение рабочих беспартийных конференций.

Владимир Ильич неоднократно указывал на бюрократизм, как на основную опасность на пути социалистического строительства. Во время его болезни бюрократизация наших аппаратов пошла в усиленном темпе. В этих условиях борьба за нормальный режим в партии принимала характер внутривнутрипартийной оппозиции. Имея перед собой такой факт, как оппозиционное настроение половины Московской организации, ЦК партии решением от 5 декабря 1923 г. провозгласил проведение в жизнь внутривнутрипартийной демократии, выдвигая целую программу конкретных реформ. Почему декларация от 5 декабря 1923 г. осталась неосуществимой? Ответ на этот вопрос дает платформа большевиков-ленинцев.

Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть следующие моменты. В период после XIII съезда страна переживала бурный восстановительный процесс. Росла промышленность, росло сель[ское] хозяйство. Но вместе с тем росли классовые противоречия в деревне и усилилась роль бюрократии как в городе, так и в деревне. В деревне росла экономическая сила зажиточной верхушки. Оппортунистические теории замазывали этот факт и преуменьшали его значение.

Кулак "вращался" в социализм. В промышленности этот процесс затухания классового характера социалистического строительства опирался на растущую роль государственной и хозяйст-

венной бюрократии. Располагая значительными средствами, вкладываемыми в промышленность, и используя свои преимущества в области знаний и административного опыта, бюрократия мало-помалу подчинила своему влиянию широкие кадры хозяйственников, выдвинутых партией.

И здесь партийная политика пошла по линии наименьшего сопротивления. Рост производительных сил, а все остальное приложится -- вот господствовавшее настроение того периода. Что социализм есть не только обобществление средств производства в интересах общества, но и растущее участие рабочего класса в руководстве производством -- это на практике упускалось из вида. Непонимание этого различия капиталистического и социалистического развития делало

бюрократами даже хороших пролетарских хозяйственников.

Процессы, происходящие в гос[ударственном] аппарате, должны были найти свое отражение в партийном аппарате. Парт[ийный] аппарат должен был вступить с ними в бой или подчиниться им и стать на их сторону. Но нельзя было в деревне брать курс на кулака, а в городе курс на рабочего. То же самое желание идти по линии наименьшего сопротивления, которое приводило к отказу от организации бедноты, поощрению развития "хозяйственного мужичка", как более легкого пути, приводило в городе к ставке на спеца, на директора фабрики, на администратора. Этот путь к поднятию хозяйства казался более легким, чем политика развертывания инициативы самой массы, поднятия ее уровня и влияния на руководство производством. Таким образом создавался на фабрике "треугольник".

Во имя поднятия производства ограничивались права фабзавкома, основной профессиональной ячейки. Профсоюзы перестали в значительной мере защищать интересы организованных рабочих, начали хиреть, терять авторитет. Секретарь ячейки принужден был во имя ложно понимаемых экономических задач покрывать антидемократическую политику хозяйственников и профсоюзов, что, со своей стороны, вело к замиранию жизни в ячейках -- основных организациях партии. Курс этот привлек в партию служащих -- кандидатов в чиновники. Для многих из них партбилет был только мостиком к чину и должности. Эти элементы охотно отказывались от всякой критики, от всякой самостоятельности и провозглашали послушание как высшую добродетель коммуниста.

Почему мы повторяем эти положения нашей платформы? Мы это делаем для того, чтобы сказать: "Без решительного изменения политики нет изменения режима в партии, в профсоюзах и на фабрике". Внутрипартийная демократия не может существовать и развиваться, если политика партии не отвечает полностью интересам рабочего класса и бедноты, если в ней проявляются тенденции сползания с классовых рельс.

Начав исправлять партийную политику, начав борьбу с кулаком, ЦК партии выдвинул лозунг самокритики, как средство очищения партии от последствий бюрократического загнивания и путь к внутрипартийной демократии. Какие результаты дал этот призыв? "Кампания по перевыборам низовых профессиональных и партийных органов пока показывает, что [мы] имеем несомненное усиление активности партийной и рабочей массы. Но это усиление активности остается еще далеко недостаточным: до сих пор в дело самокритики в должной мере еще не втянуты широкие рабочие массы. До сих пор наша критика в значительной степени критика "сверху". Пока мы идем еще по линии устранения наиболее бьющих в глаза уродливостей", -- пишет "Правда" от 27 июня.

Почему рабочая масса не принимает еще достаточно энергичного участия в самокритике? На этот сугубо важный вопрос "Правда" отвечает в цитированной статье: "Рабочие еще не "раскачались", среди них зачастую еще проявляется боязнь критиковать. Критикуют в личных разговорах, но выносить свое мнение на общественное суждение еще избегают".

В сотнях и тысячах статей и заметок нашей печати признается тот факт, что рабочие боятся увольнения с работы, притеснений за самокритику. Это отвечает действительности. Причины слабого развития самокритики состоят, во-первых, в том, что рабочая масса после опыта 1923 года не верит, что дело идет не о мимоходной ударной кампании, вызванной артемовским, смоленским и шах-тинским скандалами, а о коренном изменении внутривластной и внутрисоюзного режима. Рабочая масса боится, что после нескольких месяцев критики придется за нее в будущем расплачиваться. Рабочие на фабриках знают поименно тех передовых пролетариев, которые за критику были сняты с производства, задвинуты в бюрократические задворки, выброшены на улицу или сосланы в ссылку. Рабочие знают имена тех тысяч хозяйственников, которые за безхозяйственность, за бюрократическое отношение к рабочим потребностям, за злоупотребление властью не только не были сняты со своих постов, но иногда получали повышение. Рабочая масса поверит в серьезность поворота, когда увидит, что виновники злоупотреблений будут подвергнуты наказанию, "незвизрая на лица", когда они увидят, что виновные в прикрывании злоупотреблений, в попустительстве будут наказаны или что хоть их вина будет публично установлена. Рабочая масса видит, что в то время, когда ЦК в официальном воззвании призывает к критике, "не звизрая на лица", он сам и его органы "звизрают на лица".

В самом деле, приглядываясь к шахтинскому, смоленскому, артемовскому и другим, до бесконечности, делам, мы видим только непосредственных участников преступлений. Но куда же девалось высшее руководство, хозяйственное, партийное, советское и профсоюзное? Рабочих Донбасса гнут в три погибели администраторы, вредители срывают добычу угля; в Смоленской губернии ведут столыпинскую земельную политику; печать полна строительными паннами⁴⁹⁷. Ни партийное руководство на Украине, ни администрация Донугля⁴⁹⁸, ни ЦК горнорабочих, ни Наркомзем не видят творящихся безобразий. Невольно возникает вопрос у каждого думающего рабочего: всерьез

ли партия намерена бороться со злом, против которого она вопит? Рабочая масса видит, как против самокритики начинают ополчаться все корыстные элементы, бюрократия, правая часть партии. Одновременно она видит, что ЦК, вместо того чтобы дать решительный отпор тенденциям к свертыванию самокритики, зажимает рот "Комсомольской правде"⁴⁹⁹ за ее борьбу против хозяйственников и профбюрократов, как он в статье тов. Сталина "Об опошлении лозунга самокритики"⁵⁰⁰ выступает против "травли хозяйственников", хотя еще ни один из руководителей трестов не снят за те злоупотребления, которые вскрыты печатью.

Лозунг самокритики переживает критические дни. Или вперед по пути к партийной и рабочей демократии и тогда расширение фронта самокритики, поднятие ее до политики. Тогда восстановление режима, каким он был при Ленине. Тогда обобщающая критика и критика ошибок руководства будет правом

каждого члена партии или критика будет бороться только против симптомов болезни, а [не] против самой болезни, когда она выродится в нездоровую сенсацию и скоро уступит место молчанию, от шумных скандальных событий к бюрократическому казенному благополучию. Бюрократ снова будет жить сам по себе, рабочий также. Исход этого кризиса целиком будет зависеть от энергии и инициативы партийных рабочих масс. Партийная рабочая демократия должна быть завоевана.

Вопросы международного коммунистического движения

ВКП(б) самая сильная партия Коминтерна и руководит им. Всякий сдвиг в ВКП(б) сопровождается сдвигами в Коминтерне. И это не может быть иначе. Так же как мы пытались разобраться в основных вопросах так называемого левого курса в ВКП(б), мы коротко подвергнем обсуждению самые актуальные вопросы политики Коминтерна и его нац[иональных] секций.

В период после V конгресса Коминтерна был совершен ряд политических и организационных ошибок, которые болезненно отразились на состоянии международного коммунистического движения. Стабилизация, подготавливая новые революционные взрывы на базе выросших и обострившихся противоречий, в первый период означала ликвидацию непосредственной революционной ситуации. Не поняв этого, Коминтерн не воспротивился безнадежным попыткам захвата власти в Болгарии (осень 1923 г.) и Эстонии⁵⁰¹, не дал отпора установке германской компартии после поражения 1923 г.⁵⁰² на непосредственную организацию революции.

Эти решения, оставаясь на бумаге, отвлекали тем не менее партию от реальной задачи завоевания масс в их повседневной борьбе против последствий капиталистической стабилизации и связывания этой борьбы с коммунистической агитацией и пропагандой будущей борьбы за диктатуру пролетариата. Под влиянием усиливающейся капиталистической стабилизации и растерявшись перед ее лицом, новое руководство Коминтерна выкристаллизовывает эмпирически, стихийно новый тактический или даже стратегический план. Стержнем его является отношение к английским центристским вождям тред-юнионов.

Развал английского хозяйства, керзоновские угрозы против СССР⁵⁰³ вызывают рост симпатий к стране Советов и стремление английских рабочих к сближению с советским пролетариатом. Под давлением этого движения центристы из среды вождей английских профсоюзов идут на сближение с ВЦСПС. Но руководство Коминтерна, преувеличивая значение этого сближения, видит в нем надежную защиту против нападения на Советский Союз и возможность разбить Амстердамский Интернационал профсоюзов, Второй Интернационал⁵⁰⁴ и создать при помощи английских центристских тред-юнионистов параллельные движения центристских течений в Европе. Оно не замечает, что стабилизация вырвала почву из-под ног массовых центристских движений на континенте, привела к подчинению Криспинов⁵⁰⁵, Бауэров, Лонге⁵⁰⁶ и Модильяни⁵⁰⁷ -- Элленбогенам⁵⁰⁸, Зейцам⁵⁰⁹,

Турати⁵¹⁰, Д'Арагонам⁵¹¹, Мюллерам⁵¹², Блюмам⁵¹³ и Реноделям⁵¹⁴, т. е. правым соцде-мократам.

Оно не замечает, что центристские вожди английских тред-юнионов лелеют надежду подчинить совет профсоюзов Амстердаму или, даже замечая это, сами увлекаются реформой Амстердама изнутри при помощи английских тред-юнионов. Весь этот близорукий план кончается крахом, предательством английской забастовки Перселями, Хиксами, Ситриними. Но, не имея мужества признать свою ошибку, вожди ВЦСПС и Коминтерна не разрывают связи с английскими предателями, затрудняя этим использование этого предательства, хотя бы для усиления компартии. Эта политика деморализует слабую английскую компартию в такой мере, что она сопротивляется печатанию воззвания ВЦСПС, направленного против английских предателей, когда наконец ВЦСПС был принужден переменить фронт. На континенте эта политика внесла смуту в ряды коммунистов и затруднила им понять, что в период стабилизации первым условием усиления компартии являются лобовые атаки против социал-демократии.

Еще более пагубными были ошибки, совершенные в этот период в Китае. Сущность их состояла в том, что из вхождения китком-партии в Гоминьдан с целью сближения с широкими рабоче-крестьянскими массами и отрыва их от буржуазии выросла тактика подчинения киткомпартии и пробужденного пролетариата Китая буржуазно-помещичье-чиновничьему руководству Гоминьдана. Такая тактика была навязана киткомпартии руководством Коминтерна вопреки сопротивлению китайских товарищей. Между тем допустимость блока с революционно-националистической буржуазией отсталых стран признавалась Лениным лишь при обязательном условии самостоятельности и независимости молодой и слабой компартии. Благодаря этому, киткомпартия не была в состоянии создать массовые самостоятельные организации пролетариата, не была в состоянии дать надлежащий отпор измене национальной буржуазии, переходу ее в лагерь реакции, не была

в состоянии выкристаллизовать традиции самостоятельной борьбы пролетариата и крестьянства.

Мы не беремся разрешать неразрешимый вообще вопрос о том, возможна ли была победа пролетариата и крестьянства на данной стадии развития и при правильной политике. Но при правильной политике пролетариат вышел бы из боя со сложившимся крепким сознанием того, как надо бороться за победу. При неправильной политике Коминтерна и его агентов (всякие попытки сбросить ответственность на одну киткомпартию разбиваются о неопровержимые документы самых авторитетных учреждений Коминтерна) получился "1905 год⁵¹⁵ наоборот", урок, как не надо делать революции.

Под влиянием обострения классовой борьбы в Европе и в СССР и под влиянием начавшегося сдвига в политике ВКП(б) наметился на IX пленуме ИККИ сдвиг и в политике Коминтерна. Решение IX пленума о тактике английской, французской и германской компартий при выборах базируется на необходимости самой

решительной, беспощадной борьбы с социал-демократией, как основы будущей борьбы пролетариата за свою диктатуру. Мы приветствуем этот сдвиг, составляющий одно из основных требований нашей платформы. Но для того, чтобы этот сдвиг мог перерасти в последовательную ленинскую политику, он должен осознан быть широкими массами членов нац[иональных] секций Коминтерна⁵¹⁶. Это сознание тем более будет прочным, чем решительнее будут осуждены те оппортунистические идеи, на которых основывалась политика Англорусского комитета и, в первую очередь, теория стадий⁵¹⁷.

В Китае Коминтерн повернул фронт, и решение IX пленума ставит и перед киткомпартией программу действий, имеющих целью создание действительно самостоятельной партии пролетариата. Но поворот этот в политике произошел без выяснения причин прошлых тягчайших поражений и без установления всех их уроков. Документы большевиков-ленинцев, предсказавших это поражение, указавших уроки его -- скрыты перед китайскими коммунистами. Не начата даже борьба против целого ряда неленинских учений, выдвинутых в период правых ошибок Коминтерна -- теория двух-составных рабоче-крестьянских партий. Организация таких партий в некоторых странах Востока может привести к новому подчинению новых отрядов восточного пролетариата буржуазным политикам, перекусавшимся в крестьянский цвет. С этой эсеровщиной надо покончить.

Идея, что Советы могут быть создаваемы только при переходе от демократической революции к социалистической, выдвинутая весной 1927 г., не похоронена и может в дальнейшем лишит восточный пролетариат могучих форм массовых организаций, без которых невозможна победа и в демократической революции. Все эти пережитки старого правого курса могут исчезнуть только при ликвидации того режима, который установился в Коминтерне после V конгресса. Режим этот состоял в проведении политической линии Коминтерна и его нац[иональных] секций без действительно-го участия партийных масс. Существующие в них противоречивые тенденции не могли выявляться под угрозой опасности исключения их носителей.

Вредные правые и левые уклоны, порождаемые жизнью, сложностью обстановки, в которой действовали компартии, не изживались в идейной борьбе; партийная масса получала сверху готовое учение, которое должна была только "перерабатывать". Это привело к окаменению направлений, к их фракционному оформлению и нелегальному существованию. Изменение руководств целых компартий производилось на деле Коминтерном, без действительного участия партийных масс. Подобная политика настолько обостряла внутренние конфликты, что приводила, с одной стороны, к исключению из партий элементов, доказавших всей своей деятельностью свою кровную связь с коммунистическим движением, с другой стороны, лишала возможности наиболее преданных и активных работников не только принимать участие в руководстве партии, но и вообще в ее работах.

Создавался постоянный перерыв преемственности в руководстве партии, в развитии партии, невозможность создания руководящих кадров, на опыте своих ошибок подготавливающих к самостоятельному руководству. Этому всему надо

положить конец, ибо в случае серьезных революционных событий даже лучшее руководство Коминтерна обанкротится, не имея в каждой стране кадров самостоятельных руководителей, органически связанных со страной, с партией и олицетворяющих ее опыт.

Проект программы Коминтерна

Коминтерн не может дальше развиваться без программы. Предложенный проект носит на себе все характерные черты оторванности ИККИ от действительной практической жизни компартий. Уже перед VI конгрессом Коминтерна работала программная комиссия. Проект, выработанный ею, был после предварительной дискуссии на конгрессе передан на обсуждение нац[иональных] секций. Никакого действительного обсуждения этого проекта в продолжение шести лет не последовало, несмотря на существование многих теоретических органов Коминтерна, на существование Ко-макадемии в СССР. Программная комиссия возобновила работу только в самое последнее время. Она представила за несколько недель до конгресса свой проект.

Мы не можем здесь давать подробной оценки страницы за страницей этого более публицистического, чем программногo, документа. Мы остановимся только на его главных недостатках. Всякая коммунистическая программа должна базироваться на анализе тенденций экономического развития. Позади нас десять лет послевоенного развития капитализма. Дает ли программа хотя бы самый сжатый очерк тенденций этого развития? Она посвящает вопросу капиталистической стабилизации двадцать строк. Она не дает никакого анализа новых отношений стран, новой возросшей роли трестов, новых сдвигов в технике, новых организационных

методов капитализма (процессов рационализации). Видоизменения в развитии аграрного хозяйства даже не упоминаются.

Вся картина развития мира за десять лет дает только повод к повторению нескольких агитационных формулировок. Картина противоречий между капиталистическими государствами, ведущих к новой империалистической войне, новые тенденции в вооружении, которые могут создаться при грядущей войне, положение масс, отличное от положения во время последней империалистической войны (центр тяжести переходит от восстаний в армиях к восстаниям амуниционных рабочих), новые явления в колониальной политике (попытка экономической кооперации) не существуют для проекта программы.

Программа должна выражать положительно и отрицательно опыт той революционной борьбы, которую ведет пролетариат в капиталистических странах. Проект программы отражает только опыт русской революции. Чреватый последствиями опыт венгерской революции⁵¹⁸ (нигилистическое отношение венгерских коммунистов к аграрному вопросу, не преодоленное ни в одной западной стране), опыт венгерской, финляндской⁵¹⁹, германской⁵²⁰ революций (отношение к левым социал-демократам).

Новые явления в реформизме (американские компанейские союзы, рабочие банки, отказ от забастовок). Все это не находит ни малейшего отражения в проекте программы, который посвящает целую страницу гильдейскому⁵²¹ и конструктивному⁵²² социализму, не имеющему почти никакого практического массового значения.

Вопрос о причинах поражения первой волны революции в Европе решен указанием на силу социал-демократии и нашу слабость, как будто бы это были самопроизвольные явления. Опыт китайской революции, за который мы уплатили морем крови, стыдливо обойден кивком по направлению к старым решениям II конгресса Коминтерна, хотя эти старые правильные решения были забыты в 1926 --1927 году. Проект программы неудовлетворительно формулирует вопрос о построении социализма в одной стране, не связывая этот вопрос в достаточной мере с развитием мировой революции.

В продолжение десяти лет существования Коминтерна все партии, начиная с Союза "Спартак"⁵²³, были принуждены выступать с сотнями документов программного характера. В период первой волны международной революции все эти документы относились преимущественно к вопросам непосредственной борьбы за власть. С 1921 года, когда схлынула первая волна революции, компартиям всех стран приходилось занимать программную позицию по отношению к борьбе за улучшение быта рабочих против постоянной угрозы его ухудшения, против свертывания одного за другим прав рабочей массы. Приходилось занимать позицию по отношению к вопросам налоговым, трестов, аграрному, таможенной политики, охраны труда, организации армии и т. д. и т. д. Эти программные заявления партий шли ощупью, путано, полные то правых, то левых ошибок.

Все компартии нуждаются в ответе на вопрос: как должна быть построена программа частичных и переходных требований? Необходимость ответа на эти вопросы признал IV конгресс Коминтерна, приняв формулировку, продиктованную Лениным против Бухарина:

"В общей программе должно быть дано обоснование всех переходных и частичных требований. При этом конгресс так же решительно осуждает тенденцию, усматривающую оппортунизм в требовании включения переходных требований в программу, как и все попытки затушевать или заменить основные революционные задачи частичными требованиями. В общей программе должны быть выяснены основные исторические типы переходных требований нац[иональных] секций, причем это должно быть сделано в соответствии с основными различиями политической и экономической структуры отдельных стран, например, с одной стороны, Англия, с другой -- Индия".

Это решение сегодня еще более актуально, чем было в 1922 г., когда принималось, ибо стабилизация капитализма не позволяет компартиям сделать ни одного решительного шага без программного ответа на целый ряд вопросов. Проект программы хоронит резолюцию IV конгресса, не дает никакого ответа на поставленные им задачи, если таким ответом не считать, что "надо обострять соответствующие лозунги". А это значит, что если бы проект программы

Коминтерна имел во всех прочих частях те преимущества, которые у него отсутствуют, то он бы за отсутствием ответа на самые спорные вопросы был непригодным для тех целей, для которых вообще пишется программа. Коминтерн очень нуждается в программе, но принятие этого проекта не удовлетворяет этой потребности и поэтому вместо того, чтобы, принимая его, создавать фикцию, лучше отложить еще раз, как это ни прискорбно; открыть действительную, свободную дискуссию над опубликованным проектом, привлечь к работе над новой программой все научные силы коммунистического движения и выработать документ, отвечающий не только на вопрос о том, какая должна быть политика коммунистов после взятия власти, но и на вопрос о том, как ее завоевать. Слабость проекта программы отражает состояние, в котором находится Коминтерн, механизацию его умственной жизни, отрыв его от практики нац[иональных] секций, распыление его идеологических сил.

Ближайшие перспективы

Мы отчетливо видим, какие трудности придется преодолевать левому курсу, если он будет развиваться дальше по ленинскому пути. Новый курс есть попытка выпрямить классовую линию партии. Он не может не встретить сопротивления тех хозяйственников, бюрократов, которые начали сползать с классовой пролетарской линии и того широкого слоя партии, "лакированных коммунистов", которые никогда в действительности на классовой линии пролетариата не стояли. В самом начале нового курса влиятельные правые круги партии заняли по отношению к нему враждебную по-

зицию. Не выдвигая своей программы изживания трудностей, эти элементы стремятся путем отдельных решений протискивать свои взгляды, срывая на деле провозглашенный ЦК сдвиг влево.

В то же время партруководство продолжает жестоко преследовать сторонников оппозиции, большевиков-ленинцев, используя аппарат ГПУ для борьбы с ростом наших взглядов в партии и в рабочем классе. Вынужденное бороться при проведении нового курса за те же цели, которые на своих знаменах написала оппозиция, партруководство с яростью преследует нас и наших сторонников.

Противоречия нового курса справа и слева бросаются в глаза. Без устранения этих противоречий новый курс не будет ни прочным, ни длительным. В этом ни у кого не может быть сомнений. Мы подчеркиваем это наше мнение, т. к. преодолеть растущие трудности и закрепить позиции социализма может только последовательно ленинская, пролетарская политика, объединившая все пролетарские силы партии против правых тенденций.

Наши затруднения имеют социально-экономические корни. Они сводятся к трудностям социалистического строительства в одной технически и экономически отсталой стране, окруженной мощными капиталистическими государствами. Героический рабочий класс СССР под руководством Ленина взял власть и закрепил основные завоевания социалистической революции. Пролетарское

государство выиграло войну, восстановило хозяйство, приступило к новому капитальному строительству производительных сил. В то же время усилились позиции наших врагов: кулака, нэпмана, бюрократа. Объективные трудности социалистического строительства усугубились рядом грубейших ошибок со стороны политического и хозяйственного руководства.

Новый курс должен в ближайшем будущем выйти за пределы вскрывания гнойников (как это ассенизационное дело ни необходимо), подняться до правильной ленинской политики, проводимой рабочим классом и беднотой. Только в этом случае он явится торжеством ленинизма. При попятном же движении на деле победят элементы, стремящиеся к неонэпу, что будет означать нарастание еще больших трудностей в дальнейшем.

Наши разногласия, единство ВКП(б) и Коминтерн

Мы изложили перед вами открыто наши взгляды на положение в СССР, в ВКП и в Коминтерне и наши разногласия с руководством ВКП. Мы отклоняем политику прикрашивания положения, скрывания разногласий, неискренних покаяний. Делаем это не из гордости или самолюбия, а в интересах партии, всего рабочего класса и международной организации борющегося пролетариата. Мы должны сказать только правду. Мы не прикрашиваем разногласий, потому что только их действительное преодоление является незыблемой основой единства партии. Изложив наши взгляды, мы спрашиваем прежде всего себя: увеличились ли наши разногласия с ВКП и Коминтерном после нашего исключения и ссылки,-- и отвечаем на этот вопрос ясно и недвусмысленно: политика ЦК ВКП после съезда спо-

собствовала уменьшению разногласий, политика Коминтерна действовала в том же направлении. ЦК начал борьбу с главной силой буржуазного развития в СССР -- с кулаком, мы это приветствуем и поддерживаем. ЦК начал борьбу с бюрократизмом и его последствиями, за внутривнутрипартийную демократию -- этот рычаг борьбы с перерожденческими тенденциями, со сползанием с рельс пролетарской диктатуры. Мы эту борьбу поддерживаем и намечаем развитие этой борьбы. Коминтерн исправляет правый уклон, наметившийся в 1925 -- 1927 гг. Мы это исправление поддерживаем. Мы считаем, что это уменьшение разногласий достаточно для того, чтобы сделать возможным совместную работу на основах нашего подчинения всякому решению ЦК ВКП и Коминтерна.

Мы не скрываем в этом документе и тех разногласий, которые еще существуют. Борьба с кулаком требует усиления индустриализации, организации союза бедноты, энергичных мер к улучшению положения рабочего класса. Мы считаем, что борьба с бюрократизмом требует чистки партии не только от корыстных и прогнивших элементов, но и от элементов мещанских, что она требует действительно решительной критики, "невзирая на лица", и критики прошлых ошибок руководства. Мы считаем, что интересы Коминтерна требуют режима внутривнутрипартийной демократии во всех компартиях. Но эта борьба в партии, поставившей своей целью проведение внутривнутрипартийной демократии, не требует никакой фракционной организации, никакой фракционной обособленности, с

полным и искренним подчинением парт[ийной] дисциплине.

Сползание с классовых рельс, выразившееся в ряде политических решений прошлых лет, вызвало фракционную борьбу в партии, опасную в условиях диктатуры, вызвала акты нарушения партдисциплины. Правильная классовая политика породит единство, дружную работу, подчинение меньшинства большинству. Мы просим VI конгресс Коминтерна отменить резолюцию XV съезда об оппозиции и вернуть нас в партию. Мы просим об этом не во имя наших личных интересов. Многие из нас бывали в ссылке и в тюрьме, и никто из нас этого не боится. Но мы считаем преступным и бессмысленным держать нас в ссылке в обстановке обостряющегося международного и внутреннего положения СССР. Опыт классовой борьбы товарищей, исключенных из партии, будет представлять немалую величину в борьбе за дело пролетариата. Нельзя говорить о решительном сдвиге, пока коммунисты, борющиеся против бюрократического режима, против уклонов от классовой политики, против оппортунистических ошибок, за эту свою борьбу подвергаются преследованиям. Только прекращение этих преследований развяжет все массовые пролетарские силы, присматривающиеся пока с оглядкой к так называемому левому курсу.

VI конгресс Коминтерна может помочь восстановить полное единство ВКП и этим открыть путь в ряде других нац[иональных] секций тем товарищам, которые из-за тревоги за судьбы русской революции пошли на путь самой острой борьбы.

VI конгресс Комин-

терна может помочь преодолению партийного кризиса последних лет, и он обязан это сделать.

Да здравствует единство Коминтерна, международной организации борющегося пролетариата!

Да здравствует ВКП, руководительница первого пролетарского государства!

Да здравствует мировая революция!

Разбросанные в разных частях Сибири, Туркестана и севера России, лишенные возможности съехаться, мы сумели собрать подписи только незначительной части наших единомышленников. Но мы убеждены, что мы говорим от имени всех большевиков-ленинцев, исключенных из ВКП и находящихся в ссылке.

Подписи: [Июль 1927 г.]

И. Я. ВРАЧЕВ. ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА524

...Только что (час с небольшим тому назад) закончилась моя беседа с...

Вардиным. После снятия 58-й статьи он успел уже побывать в Москве и теперь совершает турне в целях, о которых очень легко догадаться. Вы, кажется, знаете, что в Вологде есть один из так называемых безвожденцев525, это некто Довидович или Полифен, бывший одно время членом ЦК комсомола. Но Вардин встретился не только с Полифеном, а и с Вуйовичем, который по ходатайству того же Вардина получил разрешение ГПУ из

Москвы на поездку из Архангельска в Вологду сроком на три дня.

О Бардине как таковом распространяться не приходится. Скажу только, что он был у Ярославского, договорился с ним (и заявляет, кстати, что Ярославский теперь стал совсем другой, т. е. лучшим человеком), что он одобряет уже повышение цен на хлеб и в оправдание своего поступка заявляет, что, мол, в июле можно снять шапку на улице, а в январе нельзя -- это по поводу моего вопроса, какая же разница между ними и Зиновьевым -- Каменевым. Кое-что, однако, мне удалось узнать от Вардина, о чем я и хочу с Вами поделиться.

О последнем пленуме он сообщает следующее. Драчка была порядочная, но не в форме столкновения двух лагерей, нет. В Москве существует такая философия: всякий, кто будет теперь в меньшинстве в партии, будет бит. Поэтому никакая из сторон не хочет попасть на положение оппозиции и стремится во что бы то ни стало сохранить за собой руководство аппаратом и право выступать от имени партии. В силу таких причин, по-видимому, на пленуме выступал против Сталина с архиправой и очень резкой речью Бухарин, поддерживаемый также Томским. Атмосфера во многом как будто напоминала прошлогодние пленумы. Прения вертелись вокруг такой оси вопроса: "есть ли у нас с крестьянином смычка, размычка или полуразмычка".

Принятая резолюция -- компромисс. Вардин утверждает, что этот компромисс с перевесом в сторону Сталина, я же, как и Вуйович, считаем, что перевес-то в сторону Рыкова. Любопытно, когда Сталин в своей речи о пленуме в Ленинграде⁵²⁶ говорит о крестьянской философии и крестьянских философах, то имеет в виду Бухарина. Вот и все, что можно было выгнать из Вардина по части пленума.

Далее из его рассказов заслуживает внимания следующее. Существуют так называемые левые центристы во главе с Ломинадзе, Шац-киным и др. Они считают, что нужно дать решительный бой правым, и рвутся в этот бой. Сталин же, занимающий выжидательную позицию, считает, что они могут испортить ему всю симфонию. Статья Сталина "Ответ т. С." -- ответ не Слепкову а неизвестно кому. Существует, однако, как я Вам уже раньше сообщал, очень резкая статья Сталина против Слепкова "не для печати", как имеется статья того же автора и из такой же серии против Фрумкина. В Коминтерн поступили критические замечания к проекту программы Коминтерна Л. Д. Троцкого на 140 стр.⁵²⁷ Интерес к ним очень большой. Кстати, по мнению Вуйовича, работа Л. Д. [Троцкого] официально напечатана не будет, но неофициально если не всем делегатам, то по делегациям роздана будет. Вардин же заявляет, что критическая часть очень хороша и он ее приемлет, а со всем остальным, "где Троцкий вытаскивает свою перманентщину", он, конечно, решительно не согласен.

Любопытная вещь: докладчиками на конгрессе об СССР будут Варга -- об экономическом положении и Мануильский -- о внутрипартийном положении. Вуйович по этому поводу сказал, что более скандальное положение даже трудно представить и еще -- "воображаю, как распоясается теперь Мануильский насчет троцкизма". Он же сообщает, что конгресс по отношению к оппозиции примет

небывало резкую резолюцию.

Теперь о Вуйовиче. Он пока держится на своих старых позициях и решительно осуждает Вардина, Сафарова. Мне он определенно заявил, что Вардин приехал зря. Вуйовича я до этого не знал. Как человек он полная противоположность Вардину и оставляет о себе прекрасное впечатление.

Вардин послал тов. Радеку письмо с объяснением своего поступка и с надеждой, что Радек присоединится к ним. Карл [Радек] ответил ему большим письмом (от 3 июля). Вардин не без гордости дал мне это письмо, и я должен сознаться, что мне было крайне неприятно читать это письмо.

Ужасно нехороший тон письма, не говоря уже о форме (многоуважаемый, лучшие пожелания, с ком[мунистическим] приветом и пр.). Есть там и такое место, где Радек заявляет, что до 1924 года он, как когда-то и Роза Люксембург, был согласен с оценкой революции 1905 г. Троцкого, а теперь, проработав хорошо Ленина, он пришел к выводу, что прав был Ленин, а не Троцкий и что он, Радек, ошибался. Вы поймете мое чувство горести, когда я это прочитал. Ведь мы с Вами тоже считаем, что в оценке движущих сил револю-

ции в прошлом был прав Ленин и дело, конечно, не в сути заявления, а в форме, кому и когда Радек пишет об этом! Зачем он это делает!...

[Июль 1928 г.]

И. Смилга

К ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

В дискуссионном порядке

Левый зигзаг не опирался на возросшую активность бедноты рабочего класса и еще в меньшей степени был следствием этой активности. Левый зигзаг был реакцией центристского руководства на чрезмерную хозяйственную активность кулацкой верхушки, угрожавшей хлебной стачкой и выдвинувшей требование высоких хлебных цен, на что нынешнее руководство в то время не могло согласиться. Именно поэтому левый зигзаг, выросший на фоне активности кулака и пассивности рабочего класса, превратился в административно-бюрократический наскок, опирающийся прежде всего на мощь государственного аппарата. Основные кадры пролетариата и его партии остались глубоко пассивными.

Двукратное применение "чрезвычайных мер" терроризировало не только зажиточное, но и среднее крестьянство. Средняк сблизился в результате этих мероприятий с кулаком. Создавалась опасность кулацко-средняцкого блока, кооперирующего городской, а через нее и с иностранной буржуазией. Перед угрозой такого блока и под напором правых центр капитулировал. Открытие базаров, некоторое повышение цен и обещание "впредь не прибегать к подобным мероприятиям" не столько успокоило зажиточные слои крестьянства, сколько разожгло их классовые аппетиты. Кулак будет бороться за более высокие цены,

чему будет способствовать понижение товарности сельского хозяйства, не-достаточность промтоваров и пр. Поднятие хлебных цен на промышленное сырье, общее удорожание жизни, дальнейшее обесценивание рубля. Поддержанные ростом активности кулака, правые элементы партии и страны будут развивать дальнейшее успешное наступление, и при пассивности рабочего класса их успех обеспечен.

Административный нажим на кулака, ударивший и по середняку и принявший форму "чрезвычайных мероприятий", отнюдь не есть политика оппозиции, которая предлагала целую систему экономических мероприятий, опирающихся на активность пролетариата и его партии. Административный нажим не только не сопровождался сочувствием рабочего класса, но последний кое-где был на стороне "обижаемого" крестьянства. В общем же, экономически прижатый, терроризированный пролетариат все это время оставался пассивным. В массе своей молчал и партия, привыкшая козырять дежурному вождю и "прорабатывать" и исповедывать дежурные лозунги. Ни самокритика, ни лицемерный лозунг рабочей демократии не внесли никакого оживления и показали воочию всю степень деморализации, спячки, а главное -- недоверия и запуганности партии и рабочего класса.

4. Дезорганизованный, деморализованный рабочий класс в ближайшее же время предстанет перед сложным переплетом условий жизни и классовых взаимоотношений, что потребует от него максимума напряжения мысли, воли, энергии. Иначе в рабочем классе возобладают слепая стихия, неорганизованность, упадочничество -- как награда за оппортунистическое руководство и бюрократический зажим в партии и профсоюзах. При таких условиях партия должна поставить себе задачей активизацию рабочего класса, развитие в нем классового сознания, выдвижение определенных массово-организующих классовых лозунгов.

Основная, решающая проблема, стоящая теперь перед партией, -- рост активности пролетариата. Здесь лежит ключ к выпрямлению линии, очищению ее от оппортунистических ошибок и приближению партии к рабочему классу.

5. Можно ли рассчитывать на выступления "слева" центристской группы и на возможность выпрямления линии таким путем? Разумеется, нет. Почему центристы капитулировали на июльском пленуме? Потому что они не имели за собой активности пролетариата и потому что они оказались не в состоянии вызвать эту активность.

Если даже логика фракционной борьбы и приведет к выступлениям центристской группы под левыми лозунгами, она обречена на поражение, ибо масса не пойдет в борьбу ни за сталинскую самокритику, ни за оказавшийся принудительным (только не у кулака, а у середняка) крестьянский заем, ни за ленинские лозунги, провозглашаемые сегодня теми, кто шесть месяцев тому назад считал эти лозунги "издевательством над Лениным".

Единственной внутрипартийной группировкой, которая может возглавить активность масс и направить ее на защиту и укрепление основ диктатуры и советской власти, является ленинская оппозиция. От того, насколько она

справится с этой задачей, зависит не только будущее оппозиции, но в значительной степени и судьба революции. Оппозиция сможет выполнить свою задачу, только став выразителем и организатором пролетарских масс.

6. Надо иметь в виду, что, не решаясь на окончательную сдачу ку-лаку основных позиций (монополия внешней торговли), нынешнее руководство попытается удовлетворить его за счет рабочего класса, а именно за счет увеличения выработки и снижения заработной платы (с целью дать более дешевые промтовары и в большем количестве) и за счет сокращения рабочего снабжения и переброски всей массы промтоваров в деревню.

Все это может вызвать известный отпор в рабочем классе, а следовательно, и известный рост его активности. Однако активность, если она не будет надлежащим образом направлена, грозит принять антисоветский характер и сыграть на руку только меньшевикам.

Предпосылки для роста активности пролетариата имеются. Надо эту активность возглавить, организовать и направить в партийное русло, дать ей четкую политическую установку. В противном случае она перехлестнет через грани рабочей диктатуры и может стать оружием меньшевистской контрреволюции.

7. Катастрофическое положение требует героических мер. По-луме́рами, а тем паче лицемерными словесными лозунгами дела непоправишь. Выбрасываемые лозунги должны отвечать как общими интересам рабочего класса, так и назревшим потребностям текущего момента. Они должны сплотить вокруг себя все слои рабочего класса, от его авангарда (партия) до самых отсталых слоев.

Рекомендуя те или другие меры, мы не только субъективно, но и объективно делаемся руководителями этих мероприятий. Так мы, большевики, выставляя в 1917 году лозунг "Вся власть Советам", когда последние были в руках меньшевиков и эсеров, прекрасно знали, что только мы и можем быть единственными проводниками этих лозунгов. И теперь, давая лозунги роста активности рабочего класса, мы знаем, что эти лозунги не перехлестнут за барьер большевизма к советской власти. Мы их даем, мы их выражаем, мы и объективно и субъективно единственные, кто может претворить их в жизнь.

8. Преступно-легкомысленное отношение к материальному положению рабочего класса, характеризующее партийную политику последних лет, должно быть окончательно изжито. Основной лозунг партии, данный в решениях съездов, а именно "рост зарплат в соответствии с ростом производительности труда и ростом цен", должен быть продвинут в массы. Оппозиция должна организовать борьбу за этот партийный лозунг, против его теперешнего искажения партийными бюрократами.

Наряду с этим стоит борьба за улучшение бытовых условий пролетариата, борьба против водки, против мелких урезок и ограничений, за технику безопасности, за охрану и улучшение условий труда.

9. В основу политической активности рабочего класса должно быть положено повышение в нем сознания хозяина страны и прежде всего сознания

коллективного собственника предприятий. Социализм -- не только обобществление производства в интересах общества, но и все более растущее участие рабочих в руководстве производством. Таково различие капиталистического и социалистического развития. Непонимание этого делает бюрократом даже хорошего хозяйственника.

Необходимо добиваться расширения прав рабочей массы и рабочих организаций в деле контроля над хозяйственниками (предоставление фабзавкомам и ревизионным комиссиям, выбранным рабочими, права проверять и ревизовать дела заводоуправления, треста и т. д.), точно так же необходимо обеспечить рабочие выборы от давления бюрократии и хозяйственников путем введения тайного голосования при выборах рабочих организаций. В первые годы нэпа такие мероприятия были невозможны ввиду распыленности и разбросанности пролетариата, его деклассированности, наличия в его рядах меньшевиков и "зажигалочников"⁵²⁸. Однако с количественным и качественным ростом пролетариата, укреплением и консолидацией его кадров, участие рабочих в управлении промышленностью должно возрастать (см. Программу партии)⁵²⁹. В настоящее время, когда важнейшей задачей является преодоление пассивности пролетариата перед лицом отрыва компартии от рабочих масс (констатированного руководством) и роста технических и т. п. дел -- особенно необходимо выдвижение лозунга: "Участие рабочих масс в выборах администрации и в контроле над деятельностью хозорганов".

Одним из опаснейших явлений, подрывающих диктатуру пролетариата, является растущая безработица. Недовольство безработных связывает недовольство деревни с недовольством города. Безработные, как отряд пролетариата, должны быть одной из основ пролетарской революции. Бюрократические методы помощи безработным озлобляют их, отделяют их от основной рабочей массы превращают их в орудие, которое легко может предоставить себя в распоряжение "третьей силы". Необходимо показать безработным, что их интересы есть интересы пролетарского государства. Для этого путь один: организация советов (комитетов) безработных с предоставлением им всех соответствующих государственных прав с привлечением их к организации бирж труда, общественных работ, коллективов, материальной помощи безработным и пр.

Борьба с кулаком требует четкой классовой линии в деревне. Она немыслима без самостоятельной организации союзов бедноты, требования, выдвинутого платформой.

Активизация масс есть путь борьбы за партию. Это гораздо более партийный путь, чем пассивное консервирование накопленной за истекший год массы чиновников с партбилетами и конспиративное укрывание основных проблем революции от пролетариата. Необходимо приблизить партию к массам, заставить ее жить жизнью массы, а массу -- жизнью партии.

Необходимо смелое и открытое выступление на всех рабочих и партийных собраниях по всем вопросам, выдвигаемым жизнью, с ясными, четкими лозунгами.

В новой обстановке и при надвигающихся событиях естественно должны

измениться методы работы ленинской оппозиции, и наряду с пропагандой необходимо выдвинуть агитацию как основной вид воздействия на массы.

[Июль 1928 г.]

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА О ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ИТОГОВ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б) НА ЯЧЕЙКАХ г. МОСКВЫ

25 ИЮЛЯ 1928 г.

Обсуждение итогов пленума ЦК на собрании ячеек началось 25 июля. В большинстве случаев собрания прошли организованно и деловито. В отдельных ячейках отмечены организационные недочеты: запаздывания и вялость сборов (бойня в ячейках завода

подъемных сооружений, на собрание явилось 49 из 125) и пассивность присутствующих. Так, на собрании ячейки института Маркса и Энгельса из 50 присутствующих по докладу никто не выступал и вопросов было задано всего три.

На отдельных собраниях у членов партии проявилась нетерпеливость: тормозили докладчика, требовали прекращения прений (завод Русскабель, 1-й МГУ и др.).

В ячейке Госплана доклада не было, обсуждение итогов пленума прошло в не совсем обычном порядке, в виде вопросов и ответов. Было задано до 15 вопросов, и докладчик тов. Квиринг530 на них отвечал. Такая форма обсуждения вызвала удовлетворение членов ячейки, и ячейка признает ее удачной.

На большинстве собраний как докладчики, так и выступавшие в прениях основное внимание уделяли вопросам хлебозаготовок и о подготовке новых кадров специалистов.

При обсуждении вопросов хлебозаготовок главное внимание заострилось на моментах выявления кризиса хлебозаготовок, на необходимости плановости в хлебозаготовках в дальнейшем; на опасностях разрыва взаимоотношений рабочего класса с крестьянством и т. д.

По вопросу подготовки новых кадров специалистов основное внимание уделялось материальному положению и социальному составу учащихся; на методах комплектования втузов, связи их с производством и т. д.

В Краснопресненском районе имели место два оппозиционных выступления. Выступавший на заводе Мемза говорил, что "XV парт-съезд не занимался обсуждением хозяйственных вопросов и, в частности, хлебозаготовок, а исключительно занимался вопросом об оппозиции; благодаря тому взят был левый [курс] партии. Он не только лег на кулака, но прямо лег плашмя на всю деревню. Если бы лучших людей не загоняли в Туруханский край, дело в местных аппаратах, а также и в ЦК партии получило бы правильное направление. Повышение хлебных цен есть уступка кулаку за счет рабочего класса. ЦК

отлично знал, что без тех товарищей, которые высланы в Сибирь, несомненно разразится хозяйственный кризис в стране. Что касается самокритики, то это является затуманиванием и отвлечением внимания рабочих от основных вопросов, которые имеются в проведении линии партии. В данном случае я считаю, что мы можем критиковать только заводские организации, а не ЦК партии".

А на заводе имени Дзержинского оппозиционер показывал, что "мероприятия партии по вопросу о чрезвычайных мерах были неправильны. Эти мероприятия отозвались на бедняке, а не кулаке. Курс партии после XV съезда есть курс оппозиции. Линия оппозиции вполне себя оправдала".

В 1-м МГУ в связи с пленумом ЦК оживилась деятельность бывших оппозиционеров, исключенных из партии. Ведутся такого рода разговоры: "У вас раскол. Без оппозиции вам с трудностями не справиться. Придется нас просить назад".

В Краснопресненском районе на заводе Машиностроитель, в мастерских малого ремонта "1905 г.", МББ ж[елезной] д[ороги] и на других предприятиях среди оставленных в партии раскаявшихся оппозиционеров отмечается замкнутость и некоторые элементы группировок. Они держатся все вместе на собраниях. В принятых единогласно резолюциях решения пленумов одобрены. Ячейки отмечают четкость и правильность анализа пленума ЦК по решенным вопросам.

1 августа 1928 г. Подпись

СВОДКА ВЫСТУПЛЕНИЙ И ЗАПИСОК,

ПОДАННЫХ НА СОБРАНИЯХ ЯЧЕЕК 25 ИЮЛЯ

И РАЙОННЫХ СОБРАНИЯХ АКТИВА ПО ИТОГАМ

ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б)

1. О хлебозаготовках

О наших ошибках и затруднениях

Ошибки повторяются. Плохо учитывают урожай. Много бюрократизма (Москва, 2-я Курская, 10-й завком металлистов).

По-моему, мы допустили большую ошибку в том, что вывезли за границу 25 млн пудов хлеба. Необходимо было предвидеть, что урожай 1927 года на 200 млн пудов меньше урожая 1926 года, поэтому с вывозом надо было подождать, пока окончательно не определятся виды на успешность хлебозаготовительной кампании (Мехзавод Мосстроя -- Сокольники).

Ошибка партии, что она переоценила середняка, думала, что середняк выпустит достаточно хлеба (депо пассажирской Казанской железной дороги).

Ошибки, допущенные в хлебозаготовках, нам очень дорого обошлись, так как мы оттолкнули от себя не только середняка, но и бедняка (Московский почтамт, Бауманский район).

У нас не было гибкости в наших хлебозаготовительных аппаратах. ЦК партии

отлично знал, что цены на хлеб дешевле по отношению к промышленным товарам, поэтому надо было понизить цены и на производственные товары. На места из центра посылают тех партработников, которые для московской организации считаются слабыми, а надо делать наоборот (Красная Пресня).

Не является ли причиной срыва хлебозаготовок паника о войне? (10-й завком металлистов.)

Трудности у нас в хлебозаготовках создались по вине ЦК. Проведению хлебозаготовок помогла беднота, отдавая часть своего хлеба государству, и помогла выявить зажиточные слои деревни. Но бедняк оказался обманутым. Ему обещали хлеб в кооперации, но не дают, и теперь он в руках кулака, покупает у него хлеб по 7 -- 9 руб. за пуд. Таким образом, мы по вине ЦК потеряли середняка и бедняка (Красный Октябрь -- Замоскворечье).

Заготовительные аппараты бюрократически относились к своей работе. Были случаи, когда крестьяне увозили обратно хлеб, привозимый на ссыпной пункт.

Мало отпускалось промышленного товара крестьянам (Красная Пресня).

Обеспечены ли мы промтоварами для предстоящих хлебозаготовок? (Дома ВЦСПС).

Таких вопросов много.

Об извращении линии партии на местах

Побыв отпуск в деревне в Рязанской губернии, я наблюдал, что местные власти извращают линию советской власти по хлебозаготовкам, отбирают последний хлеб у бедняков, потакают владельцам мельниц и т. д. Надо на это обратить внимание (Красный поставщик -- Замоскворецкий район).

В хлебозаготовительной кампании на местах дело дошло до того, что, ударив по кулаку, захватили большие массы середняков и бедняков. Такие явления у нас наблюдаются частенько, что может привести к размычке с крестьянством (6-й завком металлистов -- Сокольники).

Во время моего отпуска в деревне получился такой курьез: один уполномоченный шел по деревне и увидел у меня собаку, и за это меня вызвали и стали требовать штраф. У соседа нашли колодезь не в порядке, его заставили купить облигации. Вот таким образом распространяются у нас облигации. Далее, когда поехал, не получил жалование. И мне его переслали почтой. Когда я пришел получать на почту, то мне говорят: "Нужно вам взять две облигации. У нас,-- говорят,-- есть положение". (2-й участок ГЖД).

О чрезвычайных мерах

Чрезвычайные меры были необходимы, так как они спасли нашу промышленность, иначе у нас получилась бы размычка рабочих и крестьян (Красная Пресня).

Недостаток хлебозаготовок заставил прийти к чрезвычайным мерам. Промышленный центр оставить без хлеба нельзя было, чрезвычайные меры были необходимы, благодаря чему мы вышли из затруднения, и хлеб был собран полностью. В данный момент чрезвычайные меры отменены правильно, а также правильно

решение повысить цены на хлеб (Красная Пресня).

Чрезвычайные меры были приняты правильно, и сам крестьянин в глубине души сознает это. Но дальше нельзя применять эти меры (депо Москва пассажирской Казанской железной дороги).

Неверны были методы хлебозаготовительной кампании, которые подходили к периоду военного коммунизма (6-я типография).

Повышая цену на хлеб и тем сочетая интересы рабочего класса и крестьянства, мы все же не сумеем целиком ликвидировать все противоречия между этими классами. Так что не придется ли нам, вопреки заявлениям тов. Рыкова, все же применять эти чрезвычайные меры? (Собрание курсов по переподготовке актива при Свердловском университете⁵³¹).

Чрезвычайные меры на хлеб еще более усилили паническое настроение крестьян и дают большой козырь кулаку вести агитацию среди середняцкого и бедняцкого населения. Необходимо в будущем это учесть и чрезвычайных мер избежать (Красная Пресня).

Не лучше ли было бы соответствующее количество хлеба импортировать из-за границы, чем принимать экстраординарные меры для более усиленного хода хлебозаготовок? Эти меры вызвали целый ряд искривлений политики партии, создав угрозу разрыва смычки рабочего с крестьянством, а импорт таких бы последствий не имел (школа "Выстрел")⁵³².

Почему до сих пор нам говорили, что чрезвычайные меры по хлебозаготовкам (насильственный отбор хлеба, оцепление и разгон базаров) применялись самовольно местами и во всем этом обвиняли места за ошибки и искажение линии партии, а теперь мы видим, что чрезвычайные меры были как директива партии и правительства. Зачем же тогда обвинять в этом низы, когда это была политика партии, а не ошибка мест? (Записка на собрании Военно-политических курсов.)

О смычке рабочего класса с крестьянством

Извозчики кормят лошадей дешевым хлебом, а бедняк платит 10 -- 12 руб. за пуд. Какая тут может быть смычка? (10-й завком металлистов, завод подъемных сооружений).

Сами ответственные работники говорят о размычке с крестьянством (бойня).

Смычка с крестьянством -- это очень большой вопрос. Для укрепления ее необходимо уравнивать цены промышленных товаров с хлебными ценами (Новая заря).

Наши неувязки -- большой ущерб смычке. Не советская власть, а грабилька -- говорят крестьяне (Красный путь).

О повышении цен на хлеб

Увеличение цен на хлеб всем ясно: оно является необходимым, если идет снижение продуктов -- это и есть увеличение цен на хлеб (Красная Пресня).

Вынесли постановление о повышении хлебных цен. Давно бы это надо сделать (из выступления на собрании Русаковского трам[вайно-го] парка).

Мы повысили очень поздно цены, их можно было и раньше повысить. Если боялись ударить по бедняку, то теперь уже ударили по нему (из выступления на собрании ячейки Отдела [службы] пути и материальной службы Московско-Казанской железной дороги).

Чем вызвано сейчас повышение цен на хлеб и не есть ли это уступка кулаку, так как большинство хлеба находится у зажиточной верхушки деревни? (Из записок группового собрания парка культуры).

За какой счет идет повышение цен на хлебопродукты? Не за счет ли рабочих? (1-я Образцовая типография).

Не может ли повышение цен на хлеб отразиться на денежной системе и ценах на промышленные товары? (Много записок).

Скажите, не может ли отразиться на рабочем классе повышение цен на зерновые культуры, т. е. на зарплате рабочих? (Много таких записок).

Как отразится повышение хлебных цен на темпе роста легкой индустрии, ибо повышение хлебных цен увеличивает покупательную способность деревни, предложения же продукции легкой индустрии у нас дефектно (ИНХ)533.

Увеличение цен на хлеб не есть ли оппозиционный курс, и какие из предложений оппозиции мы проводим в жизнь? (Военно-политические курсы).

Очень большой разрыв между отпускными и заготовительными ценами (служба пути и материальная служба Октябрьской железной дороги).

О неясности определения кулака, середняка и бедняка

Приедешь в деревню, тебя спрашивают, есть ли такой закон у советской власти, чтобы определить середняка, бедняка и кулака. В разных местах по-разному подходят, из-за этого много ошибок (Рус[таковский] трам[вайный] парк).

Необходимо дать ясную директиву на места, чтобы в отношении крестьян, интенсивно повышающих производительность своего индивидуального хозяйства, не применяли метода зачисления в кулаки (Мех[анический] завод Мосстроя).

О деревенских рабочих и о связи с местами

За что мы не взялись, везде у нас ошибки да ошибки без конца. Корень зла заключается в том, что наши члены партии привыкли засиживаться в самых безопасных и не требующих напряжения местах. И тогда, когда их посылают на работу в деревню, они от этого отказываются. А потом, подводя итоги, каждый раз приходится говорить о том, что на местах слабые работники и т. п. Необходимо это учесть, проверить состав работников на местах и укрепить самые серьезные пункты лучшими работниками партии. Тогда у нас будет меньше ошибок (Мехзавод Мосстроя).

Большой недостаток -- разрыв центральных органов с местами, мало уделяют центральные органы, в том числе и ЦК партии, внимания живой связи с низами.

Все члены ЦК должны иметь больше живой связи с местами, и тогда не будут

повторяться такие недочеты. Надо, чтобы члены ЦК смотрели, как на местах выполняются директивы и распоряжения ЦК (из выступления на активе Рог[ожско]-Сим[оновского] района).

Кризис в основном объясняется слабостью местных организаций (Рускабель).

О бюрократизме

Затруднения с хлебозаготовками отчасти объясняются бюрократическим подходом к мужику со стороны местной власти (служба пути и материальная служба Октябрьской железной дороги).

Приезжает уполномоченный из центра и дает директивы местам: заготовить хлеба столько-то. А как практически подойти к этому вопросу, не указывает. Поэтому вместо добровольной сдачи хлеба приходится выкачивать принудительно (8-й завком металлистов).

Не права ли оппозиция?

Оппозиция права относительно кулака, самокритики и по другим вопросам. Партия сейчас перешла на рельсы оппозиции. Нужно было это сделать раньше, тогда бы рабочим жилось лучше (из выступления на ячейке фабрики "Красная оборона").

Почему не прислушались к оппозиции? Она сигнализировала вовремя по хлебозаготовкам (собрание в Свердловском университете студентов летних курсов).

Скажите [, каково] основное отличие методов, предложенных оппозицией по изъятию излишков хлеба 100 -- 150 млн. пудов. Превзошли ли мы предлагаемую оппозицией цифру изъятия излишков (собрание в университете Свердлова курсантов летних курсов).

Была ли права оппозиция, предлагая сделать принудительный налог на кулака?

Оппозиция говорила за то, что если этот налог не будет сделан, то придется брать с середняка и бедняка (ячейка фабрики Свердлова).

Правильно ли было исключение 1000 честных заслуженных товарищей из нашей партии, так как мы видим в целом ряде основных вопросов, они были правы (ИНХ).

О путях развития сельского хозяйства

Единственный выход из положения хлебного затруднения -- организация крупных совхозов, но мы имеем слабые организаторские силы. Необходимо крестьянское хозяйство перевести на многополье (Красная Пресня).

Затруднения с хлебом объясняются распыленностью нашего хозяйства (служба движения и связи Октябрьской железной дороги).

Нужно заострить внимание перед деревенскими организациями о необходимости доказать крестьянству вредность дробления своего хозяйства (из выступления на активе Рог[ожско]-Сим[оновско-го] района).

Мало обращают внимания на коллективизацию, надо больше разъяснять (Москошвей 8, 10-й завком металлистов).

На Урале коммунисты-крестьяне на призыв к коллективизации отказываются из-за

боязни, ссылаясь на пример распавшихся колхозов (ВЦСПС).

Крестьяне смотрят на совхозы и колхозы плохо, полагая, что их организация связана с сокращением земельной площади. Коллективизация означает рост безработицы -- вытеснение крестьян машиной, этих безработных мы не можем удовлетворить и в будущем, несмотря на индустриализацию ("Красный путь").

Успех коллективизации зависит от подбора работников ("8 Марта").

Наша задача -- обратить внимание на расширение колхозов и совхозов, снабжение их соответствующим инвентарем и руководством (Красная Пресня).

Для поднятия крестьянского хозяйства необходимо обеспечить крестьян сельскохозяйственными орудиями, и тогда мы будем иметь возможность большей производительности (Красная Пресня).

Об индивидуальном хозяйстве

Пленум правильно отметил поднятие индивидуальных хозяйств, но в то же время с каждой овцы взимается налог, от чего крестьяне боятся завести лишнюю скотину (Красная Пресня).

Развитие индивидуальных хозяйств, как постановил пленум, не явится ли тормозом кооперирования и коллективизации? Ведь большинство крестьян старается создать только свое хозяйство (из записок в Замоскворечье).

Почему в резолюции пленума на первое место поставлена задача поднятия индивидуального крестьянского хозяйства, а не развитие колхозов и государственных зерновых хозяйств? (На собрании курсов по переподготовке Свердловского университета).

Выдвинутый тезис тов. Калинин о развитии в первую очередь индивидуального хозяйства не противоречит ли с решениями XV съезда? По вашему докладу о том, что первоочередная задача в настоящий момент является развитие колхозов, кооперирование и т. д. (Свердловский университет).

Правильна политика партии по укреплению индивидуального хозяйства, но плохо то, что товарного хлеба не будет. Необходимо обратить внимание на имеющиеся совхозы (Московский почтамт).

Об организации и поддержке совхозов

Совхозы растут, но плохо, они еще не являются зеркалом, в которое можно было бы глядеть. Нужно провести постановление ЦК о расширении сети.

Для объединения крестьян в колхозы нужна государственная помощь, которую в достаточной степени крестьянство не получает (8-й завком металлистов).

II. О втузах и специалистах

О специалистах

Вопросы о специалистах ЦК правильно решил. Нам нужно это всячески проводить в жизнь. В частности, у нас на фабрике необходимо вокруг наших практикантов поднять общественное мнение. Практикантам

на нашей фабрике плохо, им не дают возможности чему-нибудь научиться. Почти сплошь они используются на физической (простой) работе. Такому отношению к будущим молодым специалистам надо положить конец ("Новая заря", тов. Жемчужина).

Тов. докладчик, мы недовольны тем, что за 5 -- 6 лет у нас получаются плохие инженера и в то же время срок обучения во втузах сокращается до 3 -- 4 лет. Сможем ли мы таким путем улучшить качество специалистов? (Записка на фабрике им. Бабаева).

Гром не грянет, мужик не перекрестится. Только на одиннадцатом году революции и только в связи с Шахтинским делом вспомнили, что социалистическому производству нужны будут свои специалисты (41-я милиция).

Почему Коминтерн не может привлечь заграничных товарищей, коммунистов-специалистов, инженеров, техников для изжития остроты кризиса в специалистах в СССР? (Школа "Выстрел").

У нас частенько хозяйственники неправильно используют наших молодых специалистов. Ставят на такую работу, где он не должен быть использован (много записок).

Чтобы создать кадр специалистов из пролетариата, необходимо создать для студентов-рабочих соответствующие условия, материально их обеспечив (Красная Пресня).

О передаче втузов наркоматам

Вопрос о втузах серьезный. Я бы хотел сказать несколько слов о нашей профессуре во втузах. Эта профессура на 60% не наша. Поэтому и наши молодые инженеры получают неподходящее воспитание. Прикрепление втузов к наркоматам, это даст возможность регулировать квалификацию и специальность инженеров (1-я Образцовая типография).

Меры, принятые по увеличению кадров своих специалистов и мобилизации 1000 коммунистов в вузы, считаем правильными. Также считаем необходимым указать, что вновь окончившие специалисты попадают в условия, не способствующие тесной связи с рабочими, доказательством чего служат инженерно-технические секции. Нуждающихся рабочих, поступающих в вуз, необходимо поставить в более лучшие материальные условия, нежели это до сих пор было, а специалистов приблизить к условиям рабочих (из резолюции Соф.534 отдела фабрики "Красный Октябрь").

Собрание с удовлетворением отмечает решения пленума по вопросу вузов, считая, что они окажут решающее значение на дело подготовки инженеров-коммунистов и общественников. Собрание поручает бюро ИНХ и фракции правления немедленно приступить к реализации решений пленума ЦК, добившись практических результатов в наступающем учебном году (из резолюции ИНХ).

Вузы оторваны от жизни (Москошвей 8).

Неправильно передали втузы в ВСНХ, это приведет к ломке системы и расколу

вузовцев (Москошвей 8, бойня, ВЦСПС).

Надо подтянуть всю систему, а не одни вузы (Москошвей 8).

Тов. Молотов, все-таки непонятно: партия не первый год отмечает, бичует консерватизм, рутинерство Накомпроса, и что же, никакого сдвига? Если субъективные причины самого аппарата Нарком-проса ведут к тухлости руководства последнего, то надо сделать отсюда все оргвыводы. Если объективные причины, в частности, отсутствие достаточной материальной базы (о чем Луначарский⁵³⁵ не раз заявлял), то необходимо изменить систему отношения к Комиссариату просвещения в сторону большего отпуска средств и т. п. (На собрании курсов по переподготовке актива при Свердловском университете).

О социальном составе вузов

В вузах нужна социальная чистка (завод подъемных сооружений "Красный путь").

Конкурсные экзамены -- китайская стена для рабочих, желающих попасть в вузы (Москва 2-я)⁵³⁶.

Необходимо, чтобы прием в учебные заведения производился больше из числа рабочих от станка, а не интеллигентов, и, кроме того, студент не должен отрываться от производства и во время учебы имел бы с ним тесную связь (Красная Пресня).

Мы еще в вузах не имеем достаточно рабочей прослойки. Нам надо обеспечить вуз рабочими, и тогда будут у нас наши рабочие техники и инженеры. Рабфак начал всасывать в себя среднюю прослойку мелкой интеллигенции, а рабочий работает на предприятии и не может справиться с программой рабфака (Красная Пресня).

В 1-й МГУ поступает ежедневно до 200 заявлений. Рабочих принимают 3%, остальные -- сынки попов, нэпманов. На это ЦК нужно обратить внимание (служба движения и связи Октябрьской железной дороги; Нарпит; служба пути и материальная служба Октябрьской железной дороги).

Докладчик коснулся о бедняцкой среде, но не сказал ничего о вербовке крестьян в вузы. Правда, в провинциях есть школы семи- и девятилетки, но, кончив их, бедняк не может пойти учиться дальше, так как у него нет средств, а государство мало обеспечивает учащихся. Кто же у нас учится в вузах? Да разные сыны попов и инженеров и пр. Потом еще наши крестьянские слои мало подготовлены для поступления в вуз. Я предлагаю побольше открыть курсов по подготовке в вуз ("Красный Октябрь", тов. Пресняков).

О материальном обеспечении студентов

В массе выносятся целый ряд решений о подготовке специалистов, что нужно выдвигать рабочих на рабочие факультеты и дальше в вузы. А возьмите наших квалифицированных рабочих, и лю- бой из них обременен семьей. Учеба дается не легко в таких условиях. Получишь туберкулез. Надо их больше обеспечить (из выступления на активе Рог[ожско]-Сим[оновского] района).

Студенты материально плохо обеспечены. 7% выпуска вузов объясняется тем, что рабочие и крестьяне, менее обеспеченные, бросают учебу (много вопросов). Говоря о талантливых и гениях, вы забыли одну мелочь -- на 25 руб. при слабо оборудованных лабораториях и непомерных ценах на технические издания попробуй быть гением (из записок ИНХ).

О нагрузке студентов

Нужно совсем освободить партийцев от нагрузки, которая очень много отнимает времени, в связи с чем наши партийцы долго засиживаются в вузах (1-й МГУ, тов. Эсин).

Ячейки неравномерно нагружают красных специалистов. У таковых не остается времени для пополнения своих технических знаний. РК нужно обратить внимание на это и не так сильно нагружать общественной работой (13-й группком строителей, тов. Володин).

Очень много записок, спрашивающих, как попасть во вуз в числе 1000 коммунистов.

III. Внутривнутрипартийные вопросы О разногласиях в ЦК

Скажите, какие имеются разногласия в Политбюро и как они отражаются на решениях сложных вопросов в политике партии? Что пишет о ваших разногласиях буржуазная пресса?

В чем вызваны разногласия в Политбюро и в самом ЦК по ряду принципиальных вопросов (хлебозаготовки, самокритика и т. д.)?

Скажи, как серьезно на пленуме был спор между Сталиным и Бухариным и из-за чего он произошел?

Тов. Молотов, у нас в Свердловке идут вопросы о несогласии Уланова с Политбюро ЦК. Есть ли они, и в чем выражаются эти разногласия? (Записки на собрании курсов по переподготовке партактива Свердловского университета.)

Кому из руководящих товарищей принадлежит уклон за сокращение темпа индустриализации? (Служба движения.)

Какой из уклонов: Рыкова (индивидуальные хозяйства) или Сталина (коллективные хозяйства) опаснее? (Москошвей 4, ВЦСПС.)

Остановитесь на разных точках зрения Сталина и Рыкова в вопросе хлебозаготовок (таких записок много).

Есть ли существенная разница в постановке вопроса об отношении к середняку у Молотова и Сталина? (ВЦСПС.)

Скажите смысл письма Фрумкина, выступление Сокольников, Осинского и др. (Бухаринский трам[вайный] парк.)

Почему мы сейчас в печати не поставим четко вопрос о правой опасности, как это ставили о левой? Ведь рядовой член партии, не читающий газет, не знает об этой опасности, а ведь косвенно этого никто не отрицает (база 1-го МГУ).

IV. Разные

О своевременном снабжении

У нас слабое внимание уделяется вопросам своевременного снабжения потребителя, так, например, сезон прошел, крестьянство топчется у магазинов, ждет кос, а их нет в госорганах. Приходится ему ходить к частнику и т. д. (Московский почтамт).

О выполнении манифеста ВЦИК

В деревне не выполнен манифест ЦИК об освобождении 35% бедняков от сельхозналога в 1926 -- 27 году, в 1927 -- 28 году наметили 41%. Освобождение бедняков от налога 20% (Московский почтамт).

О борьбе с самогонварением

Выпускаемая 40 || водка, предназначенная для борьбы с самогоном, себя не оправдала, ибо мы не смогли конкурировать. Самогон дешевле, и поэтому его гонят. Нам нужно конкурировать, ибо другими мерами мы не сократим самогона (Московский почтамт).

О приговоре шахтинцев

Почему легко так осудили шахтинских спецов? Гром не грянет, мужик не перекрестится. Так и у нас, Шахтинское дело. Сперва в деревне набурдили, теперь впопыхну, где же наша классовая чуткость? (Много записок).

О настроении крестьян

Судя по настроению крестьян настоящего периода, видно, что советской властью недовольны не только кулаки, а и середняки, ибо хлебозаготовки и их коснулись. Тов. Сталин пишет, что и бедняки уже стали дальше стоять от советской власти. Как же быть? Озлобление крестьян одним росчерком или постановлением не изживешь. Как дальше? (Школа "Выстрел").

О настроениях в Красной армии

Чрезвычайные меры хлебозаготовительной кампании отразились на политическом состоянии Красной армии. Учитывает ли эти трудности ЦК партии? (Школа "Выстрел").

Орграспред МК ВКП(б).

Информационный отдел.

1 августа 1928 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ

По поводу книги т. Троцкого "1917" ("Правда", No 251, 2 ноября 1924 г.)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого "1917", посвященная "урокам Октября",

быстро делается "модной" книгой. Это не мудрено, ибо она бьет на внутривнутрипартийную сенсацию.

После того как итоги истекшего года доказали всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того, как факты доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже "иными средствами". Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее "гвоздь") написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование "критической ясности") необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле "изучения Октября", грозит превратиться в спутника "всякой настоящей и будущей дискуссии". Она ведь берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, причем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя -- это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для "информации" зарубежных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их "большевизации", когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором "разбольшевичивания" иностранных компартий -- настолько односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа. Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из "уроков Октября", не хочет сделать никаких выводов из более близко к нам лежащей "эпохи" прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только не привела страну "на край гибели", как это предвещала прошлогод-

няя оппозиция, пророчившая этой "стране" все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие независимые ни от какой "платформы" явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач, в новой обстановке; трудностей, связанных с процессом роста. Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на "платформе", этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было бы поднимать, хотя бы и в иной форме,

старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допустить, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такой дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те "уроки", которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

I. Вопрос об исторической проверке

Осью рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу, у него дело обстоит так: весь период партийного развития до Октября -- это нечто совершенно второстепенное; только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

"Теперь заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. -- значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,-- совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду".

"Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей..."

В этих положениях -- только половина правды, и поэтому из них можно сделать (а тов. Троцкий это и делает) совсем уже неправильные выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить: нельзя обходить Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но именно для того, чтобы понять условия октябрьской победы, нужно обязательно выйти за пределы непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя отрывать одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, который тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре "о системах плавания". Конечно, в "критический период", когда речь

идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее характерные, внутренние, им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время подъема революции объясняется правильностью их "точки зрения".

"Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась",-- так формулирует эту сторону дела тов. Ленин (Сочинения, т. XVII, с. 183).

В другом месте:

"Революционер не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции" (Ленин. Сочинения, т. XII, ч. 2, с. 151). Это не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки над *i*. Чем определялась позиция партии большевиков в октябре? Она определялась всей предыдущей историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (напр., "августовский блок"). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпавшая с большевистской) в октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. Если бы случилось в свое время историческое чудо, и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской "кружковщины" и "сектантства", меньшевистская политическая платформа, во время войны -- борьба, против циммервальдовской левой и т. д.), то тогда не было бы и октябрьской победы. Между тем тов. Троцкий всячески избегает касаться именно этого периода, хотя его-то обязанностью было бы поделиться с партией как раз этим "уроком".

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах бок о бок с нами мужественно сражались и многие левые эсеры. В решительный момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз навсегда "проверены" Октябрем? Увы, отнюдь нет, что и показал послеоктябрьский опыт, который подтвердил в значительной мере дооктябрьскую оценку этих мелкобуржуазных революционеров. Итак, одного Октября, изолированного, для "проверки" отнюдь не хватает. Скорее перевешивает другой мотив, тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что "большевизация" компартий состоит в таком воспитании их и в таком подборе "руководящего персонала", "чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября", это положение делается правильным, поскольку в него включается усвоение опыта "подготовительного периода". Ибо даже непосредственный опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, если не усвоить как следует уроков этого подготовительного периода.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что по сути у него партия

большевиков начинает существовать "по-настоящему" лишь с октябрьских дней, не видит преемственности партийной линии вплоть до "текущего момента".

И точно так же он поэтому не видит, что после взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом не кончилась и история нашей партии, история, которая тоже есть "проверка линии", ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке зрения, но и опыт практической политики.

"Дрейфить" нельзя было в Октябре. Но "дрейфить" нельзя было и во время Бреста (где дело, по признанию тов. Троцкого, шло о "голове", т. е. о жизни или смерти советской власти). "Дрейфить" нельзя было и в дискуссии 1921 г., ибо без ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. "Дрейфить" не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д., мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих "критических" пунктах тов. Троцкий "дрейфил", причем "дрейфил"-то он по тому же типу, что и в дофевральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма.

"Традиция революционной партии,-- пишет тов. Троцкий,-- создается не из недомолвок, а из критической ясности". Очень хорошо. Но требование "критической ясности" должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему, и к последующему периоду развития. Только так можно дать "действительную проверку", ибо партия пролетариата постоянно действует, и "критический" период у нее не один.

II. Уроки революции 1917 г. и борьба внутри партии

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог -- февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы или недобросовестно, или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и открытыми возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября "не повезло", ибо тут был какой-то умысел (неверная "полусознательная оценка"). Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что "еще недопустимее... было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение" (XII).

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, тов. Троцкий замалчивает, что означенные "персоны" неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей "Истории РКП" и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил тов. Зиновьев, который не раз и перед партией, и перед Коминтерном заявлял о том же; об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и нигде не ставил этой ошибки в связь с текущей послеоктябрьской

работой ошибавшихся в Октябре товарищей*.

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и "исправлять" всю партийную историю. В этом гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, "раздиравшие" партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям тов. Ленина, имевшего смелость идти против ЦК и поддержанного тов. Троцким, "предвосхитившим" основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроения не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный Цека. Отсутствует целиком петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография тов. Троцкого скользит исключительно по "верхнему верху" партийного здания. Что же касается всего партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: "Где партия?", нарисованную искусной кистью товарища Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это карикатура на марксизм. Писать историю Октября и проглядеть партию -- это значит обеими ногами

*Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах. Несмотря на разногласия, Каменев был по предложению Ленина выбран на апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II съезде советов в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расходился с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии выступал во ВЦИК с докладом за разгон учредилки; на VII съезде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против Троцкого и "левых". Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьской ошибки названных товарищей иначе, как преходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственные роли, несмотря на то, что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения "героев и толпы". На ней воспитывать членов партии нельзя.

Но и с точки зрения анализа только руководящей верхушки летопись тов. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она искажает действительность. Посмотрите, как изображает тов. Троцкий ход событий:

"Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции -- в дни Октября" (XXXI).

После июльских дней:

"Мобилизация правых элементов партии усилилась: критика их стала решительнее" (XXXII).

Наконец -- перед Октябрем:

"Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции предпарламента" (XXXVI).

Все это крайне... "неточно". Ибо уже ко времени VI съезда партии произошла полная идейная консолидация партии. Выбранный на VI съезде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе восстания. Колоссальное влияние Ленина на Цек имел место, ибо сам Ленин был руководящим цекистом, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство Цека было чуть ли не против восстания, -- это значит не знать ни партии, ни ее тогдашнего Цека, это значит грешить против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством Цека? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется отодрать Ленина от Цека, противопоставить их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась. Исказить историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы верно было то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) каким образом конфликт (выход из Цека нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован буквально в несколько дней возвращением этих товарищей на свои посты.

А это "чудо" (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось и притом без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных "победителей не судят".

Однако не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь начало борьбы, начало громаднейших трудностей, что понимал решительно всякий член партии. Так что эти соображения несколько не помогут объяснить то, что подлежит объяснению. А между тем все это становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает тов. Троцкий. Тогда получилась бы примерно такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К октябрю они становятся минимальными; партия целиком, сомкнутым строем, идет в бой; наверху остается всего несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что партия (это очень немало, тов. Троцкий!) была едина, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были "проверены" гораздо более основательно, чем одними днями Октября...

III. Война, революция и позиция тов. Троцкого

Но "летопись" тов. Троцкого, равно как и примечания к ней, изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку "большевизации" самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, только политическая позиция).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, напр., что "статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком "предвосхитили" (!) политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых "Письмах издалека".

Мы узнаем, что "в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения "Нашего слова" и Лениным".

Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках "Правды", ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же были разногласия, которые "все уменьшались"; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий "предвосхитил", как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний тов. Ленцнер, ленинскую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он "совершает плагиат").

Между тем вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

1. "Мир" или "гражданская война". Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как раз и видно, кто и как "предвосхищал" и события, и "тактику революционной социал-демократии". Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевиками ЦК еще в самом начале войны, был специфическим лозунгом большевизма, лозунгом, который проводил грань

между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, "гуманитарного", ищущего сближения с центристскими элементами, толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадры таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий. Тов. Троцкий был самым решительным образом против этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли "предвосхищение" ленинской позиции?

Пораженчество и борьба с ним. Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали "коммунисты") должны в империалистской войне желать

поражения, прежде всего, своему правительству. Тов. Троцкий определял эту позицию как национализм навыворот или национализм с отрицательным знаком. Однако теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленин-ской позиции, корнями своими уходящий к основным истокам большевистской мысли. Именно к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, напр., на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по поводу проекта программы РСДРП (Ленинский сборник, No 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В.И. упрекает плехановский проект в том, что это учебник, а не объявление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна война против русского капитализма -- таков смысл этой полемики со стороны В.И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому-му, что он был борцом, а не декламатором. Лозунг поражения своего правительства был объявлением войны всякому, хотя бы и скрытому под тюфяками благородных фраз, пацифизму, всякой, хотя бы искрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв на деле всякой связи со "своим" буржуазным государством. И именно такой позицией обуславливалась на деле, на живом примере, интернационалистская позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

3. Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе. Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв, который был необходимой предпосылкой правильной политики. Недаром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов. Троцкий еще в мае 1917 г. не понимал своих прежних ошибок. Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем: "7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция объединенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил (курсив наш. Ред.), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание" и т. д. (стр. 380)*. Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только не проклинал своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д., но эту свою громадную ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для объединения с большевиками, на этот раз, к счастью, соглашаясь вложить в "формулу" "революционное содержание".

К сожалению, та же недооценка всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит даже теперь. Тов. Троцкий оправдывается от упреков "какого-нибудь из глубокомысленных дьячков вроде тов. Сорина", упреков в борьбе против большевистской "кружковщины", методом более чем странным: "Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование". Итак, уже призывая к объединению с большевиками, тов.

Троцкий порицал большевистскую кружковщину, как злое наследие злого прошлого. Но "отказываемся ли мы от наследства"? Ни капли. Ибо эта так называемая кружковщина была на самом деле методом создания нашей партии, т. е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 65 стр. своего "Предисловия" пишет, что он признал "свои большие организационные ошибки", а на стр. 66 оправдывает обвинение дореволюционного большевизма в "кружковщине", то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уроков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее объединения с межрайонкой или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

4. Борьба с циммервальдской левой. Наконец, следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в "мировом масштабе". Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже "кружковщиной" и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к "заграничным условиям". Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленцнера, тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот "раскол" с "центристами от Циммервальда" тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы "Семнадцатого года" отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д.

Речь идет о так называемых "межрайонцах", которые существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с "левыми" меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д.

*Речь идет о так называемых "межрайонцах", которые существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с "левыми" меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.

Ибо речь шла ни больше ни меньше, как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалом.

5. Концепция "перманентной революции". Тов. Троцкий, оказывается, не только "предвосхитил" ленинскую позицию, но и оказался прав по одному из существеннейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о "перманентной революции". Тов. Троцкий пишет по этому поводу следующее: "Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической

диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство" (XVII). Что сей сон означает? В 1905 году была борьба между большевиками, выставившими лозунг: "Диктатура пролетариата и крестьянства" -- с одной стороны, группой Троцкого -- Парвуса, выставившей лозунг: "Долой царя, а правительство -- рабочее!" -- с другой, и поляками во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу: "Пролетариат, опирающийся на крестьянство" -- с третьей. Кто же оказался прав? Тов. Троцкий уклоняется от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но косвенно он "утверждает" именно свою правоту: ленинская формула могла быть "лишь" (!) этапом к формуле Троцкого. Но вот это-то и неверно, что тов. Троцкий оказался правым. Он оказался именно неправ, и именно "дальнейшее развитие" доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как раз в том и заключалась, что он хотел перескочить через такой "этап", через который перескочить было нельзя (забывал "мелочь": крестьянство). "Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще,-- писал тов. Ленин,-- надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену" (Сочинения, т. XV, с. 223). Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он "перемахивал" через то "особое звено", за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому практически изолировался и от рабочих: "Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,-- почвы под ними нет,-- вот суть революционной фразы" (Ленин. Сочинения, т. XV, с. 100). И из того, что через много лет и после того, как мы перешагнули через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма, всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели, с суровой трезвенностью отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь тов. Троцкий оказался неправ. И здесь его книга совершенно неверно ориентирует читателя. Мы уже не говорим о том, что тов. Троцкий умалчивает, как его "перманентная" и ультралевая фраза сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

IV. "Уроки Октября" и Коминтерн

Одним из практических стержней, на которых построено "Предисловие" тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, "оспорить" политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и в Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших товарищей в 1917 г. предопределили неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г. Схема рассуждений,

если ее освободить от облакающих словесных одежд вуалеобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибаются в Октябре русском. X, Y, Z руководят теперь Коминтерном. Коминтерн проиграл сражения а, б, с. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом *der langen Rede kurzer Sinn* (короткий смысл длинной речи). Рамка этого совершенно смехотворного силлогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рухнет и вся затейливая постройка тов. Троцкого.

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет: "Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-фаталистического (наш курсив. Ред.) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июльского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок" (XII). Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм ("без подготовки" etc.). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, "смычка" с русским Октябрем и теперешним коминтерновским руководством дана полностью и целиком. Однако присмотримся поближе к фактам. Первое поражение было в результате того, что болгарская партия совершенно неправильно подходила к крестьянству, не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого Союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: "Долой короля, а правитель-

ство -- рабочее". В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь ни при чем. Таковы были "соображения" болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уж должны, казалось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать корниловские дни (Керенский = Стамбулийский, Корнилов = Цанков). Но здесь, если судить даже по изложению самого же тов. Троцкого, слишком заступались за Керенского, не понимая "границ" между борьбой против Корнилова и защитой Керенского. В Болгарии же была сделана противоположная ошибка.

В чем же тут "уроки Октября"?

К тому же, товарищи, сидящие в ИККИ, в корниловские дни занимали совершенно правильную позицию, а весь ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии -- факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но, скажите на милость, тов. Троцкий, что же вы

поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен его меньшевистского упадка: "Не надо было братья за оружие"?

Надо или не надо было болгарским коммунистам братья за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, братья за оружие было надо, так как только такой ценой можно было удержать связи со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот действительная картина событий. "Уроки" тов. Троцкого здесь ни при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском

поражении германского пролетариата:

"Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую (наш курсив. Ред.) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения" (XII).

Итак, по тов. Троцкому, ошибка состояла в том, что был упущен "классический" момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: там тянули -- и здесь тянули; там под давлением Ленина решились, выступили и победили; здесь -- без давления Ленина -- не решились и упустили момент, а теперь -- под влиянием русско-октябрьских традиций -- расписывают, что силы были недостаточны для решающего боя. Такова схема "германских событий" у тов. Троцкого.

Однако и здесь перед нами налицо "царство схематизации" и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает, как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало, и враг был ужасно страшен и т. д.

Все это лишь внешне убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.

Неверно именно то, что момент был "классическим". Ибо гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал-демократия. Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Гер-мании не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянско-го движения; не было такой партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти конкретные факты нужно было опровергнуть. Во время решающих событий ИККИ стоял именно за октябрьскую линию. Когда она провалилась в силу объективных условий и когда она провалилась "более чем следует", в силу правого руководства, тогда тов. Троцкий, на деле поддерживавший именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно боровшийся против левых*, подводит "глубокий" теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. Так извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого "Октября".

И совсем уж не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и по сей час настаивает тов. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскочка масс. Между тем эта работа очень отставала. В Гамбурге, напр., во время восстания не было ни стачек, ни советов. По всей Германии советы отсутствовали, ибо, по мнению тов. Троцкого, так и следовало делать -- их "заменяли" фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить советов, ибо не сплачивали всей массы, вплоть до самых отсталых и индифферентных, так, как это делают Советы в критические и острые моменты классовой борьбы.

* * *

Книга тов. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга тов. Троцкого, вернее, ее предисловие, претендует на роль спутника в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: этой роли она выполнить не может. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью из-

* Здесь -- такой же "метод" политики, как и в дореволюционное время: "левая позиция на словах, правая -- в делах".

ложения проглядыт полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. Это -- не зеркало партии. Это -- ее кривое зеркало.

Но появление этого "кривого зеркала" отнюдь не случайно. После всего вышесказанного нетрудно видеть, куда, как выражался Ленин, "растут" намеченные тов. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело тов. Троцкий, в октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь "единственная" проверка -- это октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверки не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии, и в Германии? Не нужно ли "изучать Октябрь" так, чтобы прощупать именно эти вопросы?

Вот комплекс тех "проблем", к которым исподволь подводит читателя тов. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года. Но тов. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет вовремя оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

Л. Троцкий

К ВОПРОСУ О СТАБИЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Речь по докладу тов. Варги 25 мая 1925 г.

Тт.! Очень трудно высказываться по такому сложному вопросу, будучи связанным рамками чужого доклада, а доклад к тому же довольно абстрактно построен и еще более абстрактно изложен. Так что здесь будет с моей стороны неизбежна некоторая импровизация в рамках чужой схемы, да еще не очень хорошо мной усвоенной. Это все очень усложняет изложение.

Мне кажется, главным дефектом доклада т. Варги является именно абстрактность не только изложения, но и самого существа. Он ставил такой вопрос: развиваются ли капиталистические производительные силы или нет? и взвешивал мировую продукцию для 1900 года, 1913 года и для 1924 года, причем он суммировал Америку, Европу, Азию и Австралию,-- это для решения вопроса о стабилизации капитализма не годится. Революционную ситуацию таким путем измерить нельзя,-- можно измерить мировую продукцию, но не революционную ситуацию, потому что революционная ситуация в Европе, в данных исторических условиях, определяется в очень значительной мере антагонизмом американской и европейской продукции, а внутри Европы -- взаимоотношением германской продукции и английской продукции, конкуренцией между Францией и Англией и проч. Эти антагонизмы и определяют ближайшим образом революционную ситуацию, по крайней мере в ее экономической основе. Что производительные силы в Америке возросли за последнее десятилетие -- в этом нельзя сомневаться; что производительные силы в Японии выросли за время войны и растут сейчас -- сомнения нет; в Индии тоже росли и растут. А в Европе? В Европе в общем и целом не растут.

Поэтому основной вопрос решается не суммированием продукции, а анализом экономического антагонизма: суть в том, что Америка, а отчасти Япония, загоняет Европу в тупой переулочек, не дают выхода ее производительным силам, частично выросшим за время войны. Я не знаю, обратили ли вы внимание на недавнюю речь одного из виднейших американских экспортёров Юлиуса Барнеса, который имеет близкое отношение к американскому министерству торговли. Барнес говорил, кажется, на съезде американских торговых палат и предлагал на Брюсе, конференции американским представителям такую программу развития: "Мы хотим Европу умиротворить, но в то же время мы хотим отдельным странам Европы отвести определенные участки на мировом рынке, чтобы они не сталкивались с американской продукцией". Это его почти буквальные слова.

Чтобы Германия не сталкивалась на рынках с американской продукцией, с американскими товарами, мы, американцы, укажем Германии -- Советскую Россию и т. д. Это не пустые слова, потому что Европа в чрезвычайной степени зависит от Америки. Конечно, не может быть и речи о том, чтобы Америке удалось организовать хаос мирового рынка и таким образом обеспечить устойчивость капитализма на долгие годы, если не навсегда. Наоборот, оттесняя европейские страны на все более и более узкие участки, Америка подготавливает новое, еще небывалое обострение международных отношений, и американо-европейских и внутриевропейских. Но в данной стадии развития Америка осуществляет целый ряд своих империалистических целей "мирным", почти "филантропическим путем".

Возьмем вопрос о стабилизации валюты, что является наиболее яркой чертой так называемой стабилизации капитализма. Богатейшая страна Европы -- Англия -- стабилизировала ныне свой фунт стерлингов, но как она его стабилизировала? Она получила для этого в Нью-Йорке заем, кажется, в 300 млн долл., так что если бы английский фунт стерлингов пошатнулся, то спасти его должен американский капитал, а это значит, что английский фунт стерл. становится сейчас игрушкой в руках американской биржи, которая может в любой момент потрясти его. То, что было официально применено по отношению к Германии, то, что назрело по отношению к Франции,-- система Дауэса,-- сейчас, по крайней мере частично, намечается и по отношению к Англии. Это, конечно, вовсе не значит, что Америке удастся довести до конца и стабилизировать "дауэсизацию" Европы. Об этом не может быть и речи. Наоборот, дауэсизация, дающая сегодня перевес "пацифистским" тенденциям, обостряет безвыходность Европы и подготавливает величайшие взрывы.

Равным образом и т. Айзенштадт не права, когда она берет за общие скобки развитие производительных сил Америки и Европы. Полуразрушенный Реймский собор отличается от построенного в Нью-Йорке небоскреба? А там построен небоскреб, потому что разрушение в Европе произведено было при помощи американского динамита. Прилив золота в Америку вовсе не означал соответственного развития производительных сил Европы. Эти два параллельных явления: обескровление Европы и обогащение Америки -- нельзя механически суммировать, нельзя складывать разрушенные ценности Европы с ценностями, накопленными в Америке, и хотя т. Айзенштадт возражала в той части т. Варге, но, в сущности, она только увенчала его ошибку. Он ведь тоже складывает ценности Европы и Америки, тогда как они сейчас экономически и политически противостоят друг другу -- этим и определяется в огромной степени безвыходность Европы.

Еще раз повторяю: если я привожу программу Ю. Барнеса насчет того, чтобы отвести Европе строго определенные участки мирового рынка, т. е. давать европейским странам подкармливаться в таких пределах, чтобы они уплачивали проценты по долгам и самые долги, не нарушая американского сбыта, то из этого никак не вытекает того, будто бы этим самым Европа закрепляется на определенном уровне, надолго консервируется. Ничего подобного. Никакого сколько-нибудь длительного закрепления ни международных, ни внутренних отношений империалистского капитализма быть не может. На этот счет ни у кого из нас, разумеется, сомнений нет. Система Дауэса, восстановление валюты, торговые договоры, эти "пацифистские" и восстановительные мероприятия совершаются при "поддержке" Америки и под ее контролем.

Этим и характеризуется нынешняя полоса в развитии Европы. Но, восстанавливая свои элементарнейшие экономические функции, европейские страны восстанавливают все свои антагонизмы, наталкиваясь друг на друга. Поскольку могущество Америки заранее втискивает восстановительный процесс Европы в

узкие рамки, постольку антагонизмы, непосредственно приведшие к империалистской войне, могут возродиться раньше, чем будет восстановлен хотя бы довоенный уровень производства и торгового оборота. Это означает, что под финансово-"пацифистским" контролем Америки, несмотря на сегодняшнюю "видимость", происходит не смягчение, а обострение международных противоречий. Не в меньшей мере это относится и ко внутренним, т. е. классовым отношениям. Уже Второй конгресс Коминтерна выдвинул то чрезвычайно важное соображение, что послевоенный упадок в развитии производительных сил Европы означает не задержку и даже не замедление, а, наоборот, крайнее ускорение и обострение процесса общественной дифференциации: разорение мелких и средних классов, концентрацию капиталов (без национального накопления), пролетаризацию и еще более пауперизацию все новых народных слоев.

Все дальнейшие конгрессы подтверждали этот факт. В этом смысле т. Варга совершенно прав, когда говорит, что в Европе происходит дальнейшая поляризация социальных отношений, которая не знает и не может знать никакой стабилизации. Общая масса ценностей в Европе не возрастает или почти не возрастает, но она скопляется во все меньшем и меньшем числе рук, притом более быстрым темпом, чем до войны. Пролетариат одним своим крылом превращается в люмпен-пролетариат -- это то, что мы имеем в Англии. Мы видим там явление нового порядка, а именно: постоянную армию безработных, которая за все послевоенное время не снижалась ниже 1 млн с четвертью, а сейчас равна 1,5 млн. Но стабилизация безработицы совсем не то, что стабилизация капитализма. В одной из последних статей Каутский говорит, что социалистическая революция все равно-де в свое время произойдет (лет через сто и притом безболезненно), потому что пролетариат растет, его значение в обществе увеличивается и т. д., т. е. повторяет нам в опошленном виде старые утверждения Эрфуртской программы. Но ведь для сегодняшнего дня это неправда. Если пролетариат растет, то он растет в Англии, в самой богатой стране Европы, как люмпен-пролетариат. И не в одной Англии. Тут можно повторить Марксовы слова, что Англия только указывает другим странам образ их будущего.

Перед Францией стоит повелительная задача стабилизации франка. Что это значит? Это значит, что в более или менее близком будущем мы будем иметь и во Франции хроническую безработицу. Если весь французский пролетариат занят сейчас в промышленности, то это потому, что французская промышленность живет не по средствам, при помощи фальшивых денег, при помощи инфляции. Америка требует от Франции, как она уже добилась от Англии, стабилизации валюты. Это означает потребность в притоке золота во Францию. Но за американское золото нужно платить высокий процент, что ляжет большим накладным расходом на французскую промышленность. Накладной расход на французскую промышленность означает ухудшение сбыта, и этот сбыт, который Франция имеет за счет разрушения своей валюты, за счет подкопа под свое финансовое хозяйство, прекратится, и во Франции неизбежно будет постоянная резервная армия, как и

в Англии. Если Франция и не захочет, то Америка ее заставит перейти к твердой валюте со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наиболее явный характер имеет восстановительный процесс в Германии, где капиталистическая кривая падала до самой низшей точки. Но и в Германии восстановительный процесс идет пока что в рамках борьбы за довоенный уровень, и на пути к этому уровню Германия еще столкнется со многими экономическими и политическими препятствиями. А тем временем на базе сокращенного национального достояния мы имеем все большее и большее объективное обострение социальных противоречий.

Эта часть доклада выражена т. Варгой очень абстрактно, но она правильна,-- я имею в виду ту часть, где т. Варга говорил о такой деформации общества, которой нельзя повернуть обратно. Для того, чтобы упразднить безработицу в Англии, нужно бы завоевывать рынок, тогда как Англия теряет, а не завоевывает его. Для стабилизации английского капитализма нужно -- ни много ни мало -- оттеснить Америку. Но это есть фантастика и утопия.

Все "сотрудничество" Америки и Англии состоит в том, что Америка в рамках мирового "пацифистского" сотрудничества -- все больше и больше оттесняет Англию, пользуясь ею, как проводником, как посредником, маклером в дипломатической и коммерческой области... Мировой удельный вес английской и всей вообще европейской экономики падает,-- между тем экономическая структура Англии и Центрально-Западной Европы выросла из мировой гегемонии Европы и на эту гегемонию рассчитана. Это противоречие, неустранимое, неотвратимое, все углубляющееся, и есть основная экономическая предпосылка революционной ситуации в Европе. Таким образом, охарактеризовать революционную ситуацию вне антагонизма Соединенных Штатов и Европы, мне кажется, абсолютно невозможно, и это -- основная ошибка т. Варги.

Но здесь был поставлен вопрос о том, откуда взялось самое понятие стабилизации, почему говорят о стабилизации? Я думаю, что на этот вопрос в рамках одних только экономических категорий ответить нельзя; без политического момента тут никак не обойтись. Если мы возьмем европейскую экономическую ситуацию, какой она была на другой день после войны и какой она является сегодня, то откроем ли какие-нибудь изменения? Конечно, изменения есть и очень серьезные.

Во Франции починили разрушенные вокзалы, северные департаменты восстановлены в довольно широких размерах; в Германии ездят на резиновых шинах, а не на соломенных, много восстановлено, залечено, улучшено. Если подойти с такой ограниченной точки зрения, то окажется, что за время послевоенной передышки многое сделано: это, как впавший в крайнюю бедность, даже нищету, человек, который, имея 2 -- 3 часа свободных, на живую нитку пришил пуговицы, наставил заплат, почистился и проч. Но если мы возьмем все положение Европы в составе мирового хозяйства, то изменилось ли оно или нет, лучше оно стало или нет за эти годы? Нет, оно не стало лучше.

Положение Европы в мировом масштабе лучше не стало,-- это основной момент. Но почему все же мы говорим о стабилизации? Прежде всего потому, что, не выходя из условий своего общего упадочного положения, Европа успела все же внести в свое хозяйство известные элементы упорядочения. Этого никак игнорировать нельзя. Это отнюдь не безразлично для судьбы и борьбы европейского рабочего класса и для сегодняшней тактики коммунистических партий. Но общая судьба европейского капитализма этим совершенно не решается. Золотая стабилизация фунта стерлингов есть несомненный элемент "упорядочения", но в то же время стабилизация валюты лишь ярче, точнее обнаруживает общий упадок Англии и ее вассальную зависимость от Соединенных Штатов.

Что же все-таки означает упорядочение европейского капитализма, восстановление элементарнейших его функций и пр.? И не есть ли это внутреннее упорядочение лишь необходимое предварительное условие и вместе с тем признак грядущей прочной и длительной стабилизации? Нет никаких данных в пользу такого предположения.

Чтобы понять, как и почему европейской буржуазии удалось "упорядочить" свое хозяйство, нужно привлечь к делу политические моменты в их взаимодействии с экономикой. В 1918 -- 1919 гг., на экономической основе, еще несшей на себе непосредственные последствия войны, мы имели в Европе могущественный стихийный революционный напор рабочих масс. Это придавало полную неустойчивость буржуазному государству, крайнюю неуверенность буржуазии, как правящему классу,-- у нее не было даже решимости штопать свой европейский кафтан. Мысль о восстановлении стабильной валюты стояла для нее где-то на 3 -- 4 плане, если вообще стояла в тот период, когда непосредственный натиск пролетариата угрожал ее господству. Тогда инфляция была мерой непосредственной классовой самообороны буржуазии, как у нас -- мерой классовой самообороны пролетариата у власти -- военный коммунизм. Правильно напоминает т. Варга: на 1 и 2 конгрессе мы считались с захватом власти пролетариатом Европы, как с ближайшей возможностью. В чем была наша ошибка? В какой области мы оказались неподготовлены? Была ли подготовлена экономика для социальной революции? Да, была. В каком смысле она была готова? В сугубом, если хотите, смысле.

Уже и до войны, состояние техники и экономики делало переход к социализму объективно выгодным. В чем же перемена во время войны и после нее? В том, что производительные силы Европы перестали развиваться, если брать это развитие как планомерный общий процесс. До войны они развивались очень бурно и в рамках капитализма. Их развитие уперлось в тупик и привело к войне. После войны они перестали развиваться в Европе. Мы имеем стагнацию (застой, задержку) с острыми, неправильными колебаниями вверх и вниз, которые не дают возможности даже уловить конъюнктуру. Если конъюнктура, вообще говоря, есть пульсация экономического развития, то наличность конъюнктурных колебаний свидетельствует, что капитализм живет. Мы когда-то доказывали на 3-м съезде Коминтерна, что конъюнктурные изменения будут неизбежны в дальнейшем, будут,

значит, и улучшения конъюнктуры.

Но есть разница между биением сердца здорового и больного человека. Капитализм не околел, он живет,-- говорили мы в 1921 г. -- поэтому сердце его будет биться и конъюнктурные изменения будут; но когда живое существо попадает в невыносимые условия, то его пульс бывает неправильным, трудно уловить необходимый ритм

и т. д. Это мы и имели за все это время в Европе. Если бы циклические изменения снова стали в Европе правильными и полнокровными (я говорю очень условно со всеми оговорками), это до известной степени указывало бы на то, что в смысле упрочения экономических отношений буржуазией сделан какой-то принципиальный шаг вперед. Об этом пока еще нет и речи. Неправильность, нецикличность, непериодичность этих конъюнктурных колебаний указывает на то, что европейскому и прежде всего британскому капитализму невыносимо тесно в тех рамках, в какие он попал после войны. Капитализм живет и ищет выхода. Производительные силы, толкаясь вперед, ударяются в грани суженного для них мирового рынка. Отсюда -- экономическое дергание, спазмы, резкие и острые колебания при отсутствии правильной периодизации экономической конъюнктуры. Но возвращаюсь к вопросу: чего мы не учитывали в 1918 -- 1919 гг., когда ждали, что власть будет завоевана европейским пролетариатом в ближайшие месяцы? Чего не хватало для осуществления этих ожиданий? Не хватало не экономических предпосылок, не классовой дифференциации,-- объективные условия были достаточно подготовлены. Революционное движение пролетариата также было налицо. После войны пролетариат был в таком настроении, что его можно было повести на решительный бой. Но некому было повести и некому было организовать этот бой,-- не было того, что называется партией. В игнорировании этого и состояла ошибка нашего прогноза. Поскольку партии не было, не могло быть и победы. А с другой стороны, нельзя было консервировать (сохранить) революционное настроение пролетариата, пока создастся партия. Коммунистическая партия начала строиться. Тем временем рабочий класс, не найдя своевременно боевого руководства, оказался вынужден приспособляться к той обстановке, которая сложилась после войны. Отсюда явилась возможность для старых оппортунистических партий снова в большей или меньшей степени укрепиться. Но и капитализм тоже жил тем временем. Именно потому, что не оказалось в критический момент революционной партии и пролетариат не мог взять власть в свои руки, что получил капитализм? -- передышку, т. е. возможность более спокойно ориентироваться в создавшейся обстановке: восстановить валюту, заменить соломенные шины резиновыми, заключить торговые договоры и т. д. и т. п.

В общем в состоянии европейского капитализма произошли серьезные изменения, которых нельзя недооценивать, но все они укладываются все же в рамках мирового соотношения экономических, финансовых и военных сил, которое было подготовлено до войны, окончательно определилось во время войны и которое не

изменилось в пользу Европы в послевоенный период. Не потому и не в том смысле сейчас в Европе нет революционной ситуации, что капитализму удалось воссоздать для себя условия дальнейшего развития производительных сил; этого нет; нет даже серьезных симптомов в этом направлении. Отсутствие революционной ситуации непосредственно выражается в перемене настроения в рабочем классе, прежде всего в немецком, в отлив от революции к социал-демократии. Отлив этот явился вследствие того, что послевоенный революционный прилив, а затем и послерурский остался безрезультатным.

И уже в результате этого отлива буржуазия получила возможность наладить наиболее разлаженные части своего государственного и хозяйственного аппарата. Но дальнейшая ее борьба за восстановление хотя бы только довоенного экономического уровня таит в себе неизбежно новые и новые противоречия, конфликты, потрясения, "эпизоды" вроде рурского и пр. Настроение рабочего класса, как показал нам снова 1923 г. в Германии, есть фактор несравненно, неизмеримо более подвижный, чем экономическая ситуация страны. Вот почему именно борьба буржуазии европейских стран за "стабилизацию" капитализма может на каждом дальнейшем своем этапе поставить коммунистические партии Европы перед новой революционной ситуацией.

Тов. Варга упомянул здесь важный момент, а именно, что буржуазия не может подкармливать верхи рабочего класса. В Англии сейчас консервативное правительство Болдуина, которое очень хочет мира с рабочими. Если проследить за речами Болдуина за последний период, то они все наполнены величайшей тревогой. Им была сказана недавно в парламенте классическая фраза: "мы, консерваторы, не хотим стрелять первыми".

Когда крайняя правая его собственной партии внесла проект билля с тем, чтобы запретить профсоюзам взимать политические взносы, чему и либералы вполне сочувствовали, потому что разбившая их рабочая партия на эти средства существует, то Болдуин сказал: взимание политических взносов есть, разумеется, насилие, это -- нарушение британских традиций и проч., но -- "мы не хотим стрелять первыми". Это его буквальное выражение, которое является не только ораторским образом.

Если следить за английской экономикой, политикой, печатью, за настроениями в Англии, то получается впечатление, что там революционная ситуация надвигается хоть и медленно, но с поразительной планомерностью. Безвыходность британского капитализма нашла свое выражение в крушении либерализма, в росте рабочей партии, в появлении новых настроений в массах рабочего класса и т. д. Вся политика Болдуина построена на желании "примирения" с рабочими. Между тем профсоюзы Англии, которые мы знали как носителей консервативного соглашательства (трэд-юнионизм был для нас выражением чего? -- выражением законченного цехового оппортунизма), эти профсоюзы становятся постепенно величайшим революционным фактором европейской истории.

Коммунизм сможет выполнить свою миссию в Англии, только сочетая свою работу

с тем могущественным процессом, который происходит в профсоюзах Англии. А чем этот процесс непосредст-

венно определяется? Именно тем, что та страна, которая больше всего подкармливала широкие слои рабочего класса, делать этого больше не может, и столь соглашательски настроенный Болдуин должен отказываться в принятии всех тех скромнейших законопроектов, которые вносятся депутатами рабочей фракции, напр., о минимальной плате углекопам. Вчера было телеграфное сообщение о каком-то скромном законопроекте со стороны рабочей фракции, который консерваторы отвергли (о 10 млн ф. ст. на общественные работы). Отсюда вытекает, что укрепление оппортунизма, которое, несомненно, есть факт в Германии, а также и во Франции, не может быть ни глубоким, ни длительным. Ни Франция, ни Германия не смогут создать привилегированного положения для верхних слоев пролетариата; наоборот, и там и здесь предстоит период серьезного нажима на рабочий класс.

А в Англии? Не может ли там упрочиться на долгие годы и десятилетия оппортунизм нынешних вождей рабочей партии? Если в двух словах на этом моменте остановиться, то это лучше всего уяснит общую оценку ситуации. Мы имели в Англии социал-демократию и Независимую рабочую партию,-- две организации, которые существовали в течение десятилетий, как две небольшие конкурирующие организации. У каждой было 15 -- 20 -- 25 тысяч членов. За послевоенные годы мы видим в Англии поразительное явление: вчерашняя пропагандистская секта, Независимая рабочая партия, пришла к власти. Правда, она опиралась на либералов, но на последних выборах уже после падения Макдональда она собрала 4,5 млн голосов.

Я говорю о Независимой рабочей партии, потому что она является правящей фракцией рабочей партии. Без Независимой рабочей партии не существует рабочей партии. Чем же объясняется столь необыкновенная карьера независимовцев и насколько она прочна? Мы имеем в Англии буржуазию, которая лучше, последовательнее, умнее, чем какая-либо другая, подчиняла себе пролетариат, экономически подкармливая верхи рабочего класса и политически их деморализуя. Такой второй школы в истории не было, нет и, вероятно, не будет. Американская буржуазия едва ли будет иметь возможность так длительно развращать и принижать свой рабочий класс. К чему привело в Англии изменение мирового и внутреннего экономического положения? К напору массы тред-юнионов на верхи, а напор этот привел к созданию рабочей партии.

Если взять среднего английского рабочего сейчас, то вряд ли он сознательно отказался от тех предрассудков, которые у него были, когда он голосовал за либералов. Но он разочаровался в либералах, потому что либеральные депутаты, в силу изменившегося положения Англии на мировом рынке, не способны выступать за него в парламенте в тех пределах, в которых они могли это делать раньше. Отсюда явилась необходимость для достижения тех же задач создать свою партию. Что такое рабочая партия? Это есть политотдел при тред-юнионах. Рабочему тред-юнионисту нужен казначей, кассир, секретарь и

депутат в парламенте. Под напором обострившейся классовой борьбы, ликвидировавшей либерализм, тред-юнионы пришли к необходимости создания своей собственной рабочей партии. Но бюрократия тред-юнионов была неспособна создать ее собственными силами в 24 часа.

Обстановка же в Англии изменилась так, что партию нужно было создать почти в 24 часа. И вот происходит поразительная "смычка" между Независимой рабочей партией, которая в течение долгих лет существовала, как секта, и между бюрократией тред-юнионов. "Вам нужен политотдел при тред-юнионах? Мы к вашим услугам". Таким образом складывается рабочая партия. Оппортунизм независимцев получает гигантскую политическую базу. Надолго ли? Все говорит за то, что нет. Нынешняя рабочая партия есть результат временного пересечения путей Независимой рабочей партии и могущественного революционного подъема рабочего класса: независимцы отвечают только короткому этапу этого подъема. Мы имели уже одно правительство Макдональда, это эпизодический эксперимент, не доведенный до конца, потому что первое правительство независимцев не имело большинства.

Каков путь дальнейшего развития? Есть ли основание думать, что нынешнее консервативное министерство непосредственно упрется в революционную ситуацию? Гадать трудно, но вряд ли все же -- без особого исторического толчка -- можно ждать в ближайшее время революционной борьбы между рабочим классом и буржуазией за власть. Если не будет войны или иных событий, вроде рурской оккупации, то надо полагать, что консервативное правительство в Англии годом раньше или позже сменится рабочим правительством. А что означает рабочее правительство в этих условиях? Чрезвычайный нажим и напор рабочего класса на государство. При безвыходном мировом положении Англии что это означает? Это означает, что английский рабочий класс может предъявить спрос на идеи коммунизма с такой же массовой энергией и быстротой, с какой он на предшествующей стадии предъявил спрос на руководство Независимой рабочей партии. Представлять себе дело так, что число коммунистов в течение десятилетий будет постепенно увеличиваться в Англии, -- в корне неправильно. Как раз судьба Независимой рабочей партии лучше всего показывает, что тут события пойдут другим путем и другим темпом. Англия была владычицей мирового рынка -- отсюда консерватизм тред-юнионов; теперь она оттеснена, положение ее ухудшается, положение рабочего класса Англии радикально изменилось, вся орбита его движения стала иной. На известном этапе эта орбита (линия движения) пересекается с путем Независимой рабочей партии. Это создает иллюзию мощи Независимой рабочей партии. Но это не так, макдональд-довщина -- это только одна веха, одна зарубка на пути английского рабочего класса. В процессах, происходящих ныне в английском рабочем классе, ярче всего, пожалуй, выражается глубоко критический, т. е. революционный, характер всей нашей эпохи.

Революционная ситуация в собственном смысле слова есть очень конкретная

ситуация. Она вытекает из пересечения целого ряда условий: критического экономического положения, обострения отношений классов, наступательного настроения рабочего класса, состояния растерянности правящего класса, революционного настроения мелкой буржуазии, благоприятного для революции международного положения и пр. и пр. Такая ситуация по самому своему существу может и должна заостряться и держаться только до известного момента. Она не может быть длительной.

Если она стратегически не использована, то должна начать распадаться. Откуда? Сверхушки, т. е. с коммунистической партии, которая не сумела или не смогла использовать революционную ситуацию. В ней неизбежно открываются внутренние трения. Столь же неизбежно партия теряет известную, иногда очень значительную, долю своего влияния. В рабочем классе начинается отлив революционного настроения, попытка приспособиться к тому порядку, который существует. В то же время у буржуазии появляется известный прилив уверенности, который выражается и в ее хозяйственной работе. Эти процессы по существу и являются тем, что заставляет нас говорить о стабилизации, а вовсе не какие-либо коренные изменения капиталистической базы в Европе, т. е. прежде всего ее положения на мировом рынке.

Нам надо в наших оценках выйти из европейского провинциализма. До войны мы мыслили Европу как вершительницу судеб мира и вопрос революции мы мыслили национально и европейски провинциально по Эрфуртской программе. Но война показала, обнаружила, вскрыла и закрепила самую нераздельную связь всех частей мирового хозяйства. Это есть основной факт, и мыслить о судьбе Европы вне связей и противоречий мирового хозяйства нельзя. А то, что в последнее время происходит каждый день и каждый час, -- показывает на мировом рынке рост американского могущества и рост европейской зависимости от Америки. Нынешнее положение Соединенных Штатов напоминает в некоторых отношениях положение Германии до войны. Это тоже выскочка, который пришел тогда, когда весь мир уже поделен, но Америка отличается от Германии тем, что она неизмеримо могущественнее Германии, она может реализовать многое и многое, не извлекая непосредственно меча, не применяя оружия. Америка заставила Англию порвать Японо-Английский договор. Как это она сделала? Без извлечения меча. Америка заставила Англию признать равенство ее флота с американским, тогда как все традиции Англии покоились на неоспоримом первенстве британского флота. Чем она этого достигла? Давлением своего экономического могущества. Она навязала Германии режим Дауэса. Она заставила Англию уплатить ей долги. Она толкает Францию к уплате долгов, а для этого заставляет ее ускорить возвращение к твердой валюте. Что все это означает? -- Новый колоссальный налог на Европу в пользу Америки. Передвижка сил от Европы к Америке продолжается. Хотя вопрос сбыта -- не первичный вопрос, но Англия упирается в вопрос сбыта, как в вопрос жизни и смерти, и разрешить его она не может. Безработица есть та язва, которая подтачивает организм Англии. Все буржуазно-экономическое и политическое влияние Англии насквозь пропитано пессимизмом.

Резюмирую. Я согласен с общим выводом тов. Варги, что об экономической стабилизации Европы на какой-либо длительный период говорить нет основания. Хозяйственная ситуация Европы остается глубоко критической при всех своих изменениях к лучшему. Ее противоречия будут уже принимать в ближайшие годы крайне острый характер. Поэтому в отношении, скажем, Англии вопрос революции состоит прежде всего в том, успеет ли тут коммунистическая партия сложиться, подготовиться, тесно связаться с рабочим классом, к тому моменту, когда революционная ситуация так заострится, что потребует решительного наступления, как это было в Германии в 1923 г. То же самое относится, по-моему, ко всей Европе. "Опасность" не в том, что в Европе устанавливается такая стабилизация, такое возрождение экономических сил капитала, при котором революция отодвинется в туманное будущее, нет, не в этом опасность, а скорее уже в том, что революционная ситуация может сложиться настолько скоро и остро, что к этому времени не успеет еще сложиться достаточно закаленная коммунистическая партия. В эту сторону и должно быть направлено все наше внимание. Так мне представляется в общем и целом европейская обстановка.

ОТСТАВКА ТРОЦКОГО. ЗАСЕДАНИЕ ЦК

17 января 1925 г. Письмо Троцкого в ЦК Коммунистической партии

Уважаемые товарищи!

Первым пунктом повестки предстоящего пленума ЦК стоит вопрос о резолюциях местных организаций по поводу "выступления" Троцкого. Не имея возможности, ввиду моей болезни, участвовать в работах пленума, я полагаю, что облегчу рассмотрение этого вопроса, если дам здесь нижеследующие краткие объяснения.

1. Я считал и считаю, что мог бы привести в дискуссии достаточно веские принципиальные и фактические возражения против выдвинутого обвинения меня в том, будто я преследую цели "ревизии ленинизма" и "умаления" (!) роли Ленина. Я отказался, однако, от объяснения на данной почве не только по болезни, но и потому, что в условиях нынешней дискуссии всякое мое выступление на эти темы, независимо от содержания, характера и тона, послужило бы только толчком к углублению полемики, к превращению ее в двухстороннюю из односторонней, к приданию ей еще более острого характера. И сейчас оценивая весь ход дискуссии, я, несмотря на то, что в течение ее против меня было выдвинуто множество неверных и пря-

мо чудовищных обвинений, думаю, что мое молчание было правильно с точки зрения общих интересов партии.

Я никоим образом не могу, однако, принять обвинения в про-ведении мной особой линии ("троцкизма") и в стремлении реви-зовать ленинизм. Приписываемое мне убеждение, будто не я при-шел к большевизму, а большевизм -- ко мне, представляется мне просто чудовищным. В своем предисловии "Уроки Октября" я прямоговорю (стр. 62), что большевизм подготовился к своей роли в

революции непримиримой борьбой не только с народничеством и меньшевизмом, но и с "примиренчеством", т. е. с тем течением, к которому я принадлежал. Мне никогда за эти последние восемь лет не приходило и в голову рассматривать какой-либо вопрос под углом зрения так называемого "троцкизма", который я считал и считаю политически давно ликвидированным. Бывал ли я прав или ошибался в том или другом вопросе, встававшем перед нашей партией, я исходил при решении его из общего теоретического и практического опыта нашей партии. Ни разу за все эти годы никто не говорил мне, что те или другие мои мысли или предложения знаменуют собой особое течение "троцкизма". Совершенно неожиданно для меня самое слово это всплыло лишь во время дискуссии по поводу моей книги о 1917 г.

Наибольшее политическое значение в этой связи имеет вопрос об оценке крестьянства. Я решительно отрицаю, будто формула "перманентной революции", целиком относящаяся к прошлому, определяла для меня в какой бы то ни было степени невнимательное отношение к крестьянству в условиях советской революции. Если мне вообще случалось после Октября возвращаться по частным поводам к формуле "перманентной революции", то только в порядке исторического, т. е. обращения к прошлому, а не в порядке выяснения нынешних политических задач. Стремление строить на этом вопросе непримиримые противоречия не имеет, на мой взгляд, оправдания ни в восьмилетнем опыте революции, проделанном нами совместно, ни в задачах будущего.

Равным образом я отвергаю указания и ссылки на мое будто бы "пессимистическое" отношение к судьбе нашего социалистического строительства при замедленном ходе революции на Западе. Несмотря на все трудности, вытекающие из капиталистического окружения, экономические и политические ресурсы советской диктатуры очень велики. Я неоднократно развивал и обосновывал эту мысль по поручению партии, в частности на международных конгрессах, и считаю, что мысль эта сохраняет всю свою силу и для нынешнего периода исторического развития.

4. По спорным вопросам, разрешенным XIII съездом партии, я не выступал ни разу ни в ЦК, ни в ЦТО, ни тем более вне руководящих партийных и советских учреждений с какими бы то ни было предложениями, которые бы прямо или косвенно поднимали уже разрешенные вопросы. После XIII съезда выросли или ярче определились новые задачи хозяйственного, советского и международного характера. Разрешение их представляет исключительные трудности. Мне было безусловно чуждо стремление противопоставить какую-либо "платформу" работе ЦК партии в деле разрешения этих вопросов. Для всех товарищей, присутствовавших на заседаниях Политбюро пленума ЦК, ЦТО или РВС СССР, это утверждение не требует никаких доказательств. Спорные вопросы, разрешенные XIII съездом, были снова подняты в последней дискуссии не только вне связи с моей работой, но и, насколько я могу в данный момент судить, вне связи с практическими вопросами политики партии.

Поскольку формальным поводом для последней дискуссии явилось предисловие к моей книге "1917", я считаю необходимым прежде всего отвести обвинение, будто

я печатаю свою книгу какбы за спиной ЦК. На самом деле книга печаталась (во время моего лечения на Кавказе) на тех же совершенно основаниях, что и все другие книги, мои или других членов ЦК, или вообще членов партии. Разумеется, дело ЦК установить те или другие формы контроля над партийными изданиями; но я ни с какой стороны и ни в малейшей степени не нарушал тех форм контроля, которые были установлены до сих пор, и не имел, разумеется, никакого повода к такому нарушению.

Предисловие "Уроки Октября" представляет собой дальнейшее развитие мыслей, неоднократно высказывавшихся мной ранее, особенно, за последний год. Я здесь называю лишь следующие доклады и статьи: "На путях европейской революции" (Тифлис, 11 апреля 1924 г.), "Перспективы и задачи на Востоке" (21 апреля), "Первое мая на Западе и Востоке" (29 апреля), "На новом переломе" (предисловие к книге "5 лет Коминтерна"), "Через какой этап мы проходим" (21 июня), "Основные вопросы гражданской войны".

Все перечисленные доклады, вызванные поражением немецкой революции осенью 1923 г., печатались в "Правде", "Известиях" и др. изданиях. Ни один из членов ЦК, а тем более Политбюро в целом, ни разу не указывали мне на неправильность этих работ. Равным образом, и редакция "Правды" не только не снабжала мои доклады примечаниями, но ни разу не сделала ни малейшей попытки указать мне, что она с ними не согласна в том или другом пункте.

Само собой разумеется, что свой анализ Октября, в связи с немецкими событиями, я не только не рассматривал как "платформу", но не допускал и мысли, что эта работа кем бы то ни было могла быть понята в смысле "платформы", которой она не была и быть не могла.

7. Поскольку сейчас в круг обвинения вовлечены и некоторые другие мои книги, в том числе и такие, которые выдержали ряд изданий, я считаю необходимым установить, что не только Политбюро в целом, но и ни один из членов ЦК не указывали мне ни разу, что та или другая статья или книга моя может быть истолкована как "ревизия" ленинизма. В частности, это относится к книге "1905", которая вышла при Владимире Ильиче, выдержала ряд изданий, го-

рячо рекомендовалась партийной печатью, была переведена Коминтерном на иностранные языки, а ныне является главным материалом по обвинению в ревизии ленинизма.

8. Изложенными соображениями я преследую, как уже сказано вначале, единственную цель: облегчить пленуму разрешение вопроса, стоящего первым пунктом порядка дня.

Что же касается повторявшихся в дискуссии заявлений о том, будто я посягаю на "особое положение" в партии, не подчиняюсь дисциплине, отказываюсь от той или другой работы, поручаемой мне ЦК, и пр., и пр., то я, не вдаваясь в оценку этих утверждений, со всей категоричностью заявляю: я готов выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста и, само собой разумеется, в условиях любого партийного контроля.

Незачем, в частности, доказывать, что после последней дискуссии интересы дела требуют скорейшего освобождения меня от обязанностей председателя Революционного военного совета.

В заключение считаю нужным прибавить, что я не выезжал из Москвы до пленума, чтобы в случае, если понадобится, иметь возможность ответить на те или другие вопросы или дать необходимые объяснения.

Л. Троцкий

15 января 1925 г.

Кремль

ЗАСЕДАНИЕ ЦК

17 января 1925 г.

Основной предпосылкой всех успехов большевистской партии всегда были стальное единство и железная дисциплина, подлинное единство взглядов на почве ленинизма. Непрекращающиеся выступления тов. Троцкого против большевизма ставят теперь партию перед необходимостью: или отказаться от этой основной предпосылки, или прекратить раз и навсегда такие выступления.

В международном масштабе выступления тов. Троцкого против партии буржуазии и социал-демократией расцениваются, как предвестник раскола РКП и, значит, распада пролетарской диктатуры вообще. Отсюда международный империализм делает сейчас частично и свои практические выводы в отношении к СССР -- несмотря на то, что объективно положение СССР теперь прочнее, чем когда бы то ни было до сих пор.

Внутри страны оппозиционные выступления тов. Троцкого всеми антисоветскими и колеблющимися элементами понимаются как сигнал -- сплачиваться против политики партии с целью разложить режим пролетарской диктатуры в сторону уступок буржуазной демократии.

Антипролетарские элементы госаппарата, добивающиеся "эмансипации" от партруководства, видят в борьбе тов. Троцкого против ЦК партии свою надежду.

Диктатуре пролетариата и, в частности,

одному из важнейших заветов тов. Ленина о необходимости переделки всего госаппарата в духе рабоче-крестьянской власти наносится громадный ущерб.

В партии и около партии оппозиционные выступления тов. Троцкого сделали его имя знаменем для всего небольшевистского, для всех некоммунистических и антипролетарских уклонов и группировок.

В самой общей форме совокупность выступлений тов. Троцкого против партии можно охарактеризовать теперь, как стремление превратить идеологию РКП в какой-то "модернизированный" тов. Троцким "большевизм" без ленинизма. Это -- не большевизм. Это -- ревизия большевизма. Это -- попытка подменить ленинизм троцкизмом, т. е. попытка подменить ленинскую теорию и тактику международной пролетарской революции той разновидностью меньшевизма, какую представлял собой ныне возрождаемый "новый" троцкизм. По существу дела современный троцкизм есть фальсификация коммунизма в духе приближения к "европейским" образцам псевдомарксизма, т. е. в конце концов в духе "европейской"

социал-демократии.

* * *

В течение нескольких лет пребывания тов. Троцкого в РКП нашей партии пришлось вести с тов. Троцким четыре всероссийских дискуссии -- не говоря о менее крупных спорах по крайне важным вопросам.

Первая дискуссия -- о Брестском мире. Тов. Троцкий не понял, что крестьянство не хочет и не может воевать, и он вел политику, которая чуть было не стоила головы революции. Понадобилась угроза тов. Ленину выйти из правительства, понадобилась напряженная борьба на VII съезде партии, чтобы выправить ошибку и получить -- хотя и на худших условиях -- брестскую "передышку".

Вторая дискуссия -- о профсоюзах. На деле -- об отношении к крестьянству, подымавшемуся против военного коммунизма, об отношении к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе в полосу, когда гражданская война уже кончалась. Понадобилась острая всероссийская дискуссия, понадобилась напряженная кампания всего ядра партии во главе с тов. Лениным против "лихорадящих верхов" троцкизма, чтобы спасти партию от ошибки, которая могла бы поставить под вопрос все завоевания революции.

Третья дискуссия -- о "партаппарате", о "плане", о мнимом "крестьянском уклоне" ЦК, о "борьбе поколений" и т. д. На деле -- вновь о хозяйственном союзе пролетариата с крестьянством, о политике цен, о денежной реформе, о необходимости ориентировать политику партии по рабочему ядру, о сохранении руководящей роли партии в хозяйстве и госорганах, о борьбе против "свободы" фракций и группировок, о сохранении руководящей роли большевистских кадров партии в период нэпа. Тов. Троцкий в эту дискуссию стал уже совершенно явственно рупором мелкобуржуазного уклона. Он вновь

толкал партию на политику, которая могла погубить революцию, ибо эта политика подрезывала хозяйственные успехи партии в самом их зародыше. Мелкобуржуазная оппозиция, возглавляемая тов. Троцким, сама загнала себя в такое положение, что при нежелании признать свои коренные ошибки ей приходится рассуждать по формуле "чем хуже -- тем лучше", т. е. ставить ставку на неудачи партии и советской власти.

Понадобилась напряженная борьба, чтобы отбить этот мелкобуржуазный натиск на твердыни большевизма. Теперь уже всем ясно, что толки троцкистов о "гибели страны" осенью 1923 г. были лишь выражением мелкобуржуазного испуга, неверия в силы нашей экономики. Денежная реформа, которой тов. Троцкий противопоставлял "план" и которой пророчил неуспех, оздоровила хозяйственное положение и явилась крупнейшим шагом по пути хозяйственного возрождения страны. Промышленность поднимается, несмотря на неурожай 1924 г. Материальное положение рабочих улучшается.

Партия вышла окрепшей из испытания. Ленинский призыв укрепил партию новыми пролетарскими силами. Но если бы большевистская партия не дала столь резкого

и единодушного отпора полуменьшевистскому рецидиву Троцкого, подлинные опасности для страны, для рабочего класса и для нашей партии были бы неисчислимы.

Все выступления тов. Троцкого против общепартийной линии с 1918 по 1924 гг. в конечном счете имели своим источником полуменьшевистское непонимание роли пролетариата по отношению к непролетарским и полупролетарским слоям трудящихся, принижение роли партии в революции и социалистическом строительстве, непонимание того, что большевистская партия может выполнить свое историческое назначение лишь при действительном идейном единстве и монолитности.

Четвертая, ныне происходящая, дискуссия обнаружила еще более серьезные, всеобъемлющие разногласия между тов. Троцким и большевистской партией. Дело уже теперь явно идет о двух противостоящих друг другу во всем основном системах политики и тактики. В нынешней дискуссии тов. Троцкий открыл уже прямой поход против основ большевистского мировоззрения. Тов. Троцкий 1) полностью отрицает все то учение о движущих силах русской революции, которое давал ленинизм, начиная с 1904 г., и на котором основана вся тактика большевизма в трех русских революциях; 2) выдвигает против большевистской оценки движущих сил русской революции и против ленинского учения о мировой пролетарской революции свою старую "теорию" перманентной революции -- теорию, которая полностью обанкротилась в трех русских революциях (а также в Польше и Германии) и которую тов. Ленин не раз характеризовал, как эклектическую (путаную) попытку соединить мелкобуржуазный, меньшевистский оппортунизм с "левой" фразой и как стремление перескочить через крестьянство; 3) пытается убедить партию, что большевизму, раньше, чем стать на путь диктатуры пролетариата, пришлось "идейно перевооружиться", т. е. якобы пришлось отказаться от ленинизма и стать на путь троцкизма; 4) проповедует теорию "рассечения" большевизма на две части: а) большевизм до Октябрьской революции 1917 г., имеющий якобы второстепенное значение, и б) большевизм с октября 1917 года, которому (большевизму) якобы пришлось перерасти в троцкизм, дабы выполнить свою историческую миссию; 5) самую историю Октября излагает так, что исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого тов. Троцкого по формуле "герои и толпа", причем версия о "мирном восстании", происшедшем будто бы еще 10 октября 1917 г., ничего общего с большевистскими взглядами на вооруженное восстание не имеет; б) роль тов. Ленина в Октябрьской революции рисует крайне двусмысленно; дело изображено так, будто тов. Ленин проповедовал взятие власти заговорщическим путем, за спиной Советов, и будто практические предложения тов. Ленина вытекали из непонимания тов. Лениным обстановки; 7) взаимоотношения тов. Ленина с ЦК партии искажает в корне, изображая их как непрерывную войну двух "держав"; тов. Троцкий пытается заставить читателя поверить в эту "версию" путем опубликования (без разрешения ЦК) отрывков отдельных документов, преподносимых в ложном освещении, и в искажающей

правду форме рисует роль всего ЦК партии, руководившего восстанием в таком свете, чтобы посеять глубочайшее недоверие к основному ядру партийного штаба теперь; 8) искажает важнейшие эпизоды революции с февраля по октябрь 1917 г. (апрельская и июньская демонстрация, июльские дни, предпарламент и т. п.); 9) искажает тактику Исполкома Коминтерна, пытаясь возложить ответственность на ядро его за неудачи в Германии, Болгарии и т. п.,-- сея тем недоверие и к ЦК РКП и ИККИ.

Размеры расхождения тов. Троцкого с большевистской партией, таким образом, из года в год, а в последнее время из месяца в месяц, возрастают. Разногласия касаются не только вопросов прошлого; само прошлое "ревизуется" для того, чтобы "подготовить" платформу нынешних актуально-политических разногласий. В частности, ретроспективное обнаружение "правого крыла" в старом большевизме нужно тов. Троцкому для того, чтобы под этим прикрытием отвоевать себе право на образование подлинно правого крыла в РКП теперь -- в эпоху нэпа и замедления мировой революции, когда мелкобуржуазные опасности, благоприятные для образования правого крыла в РКП и Коминтерне, налицо.

А "ревизия" ленинизма в вопросе о движущих силах революции (т. е. прежде всего в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства) является "обоснованием" небольшевистских взглядов на нынешнюю политику партии в вопросе о крестьянстве. Неправильная антиленинская оценка роли крестьянства в революции тов. Троцким -- к этому вновь и вновь возвращают нас все дискуссии партии с тов. Троцким. Ошибки в этом вопросе становятся особен-

но опасными именно теперь, когда партия, проводя лозунг "лицом к деревне", усиленно работает над укреплением смычки между городской промышленностью и крестьянским хозяйством, вовлечением широких масс крестьянства в советское строительство, оживлением Советов и т. д., и когда дальнейшие успехи или неуспехи революции определяются именно правильностью или неправильностью во взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством.

В основных вопросах международной политики (роль фашизма и социал-демократии, роль Америки в Европе, длительность и характер "демократически пацифической эры", в оценке которых тов. Троцкий во многом совпал с с.-д. "центром" и т. п.) тов. Троцкий занял другую позицию, чем РКП и весь Коминтерн, не попытавшись даже предварительно изложить свою точку зрения ни перед ЦК, ни перед ИККИ. Делегация РКП на V конгрессе Коминтерна с полного согласия ЦК РКП предложила тов. Троцкому изложить перед конгрессом Интернационала свои особые взгляды на международные вопросы. Тов. Троцкий отказался это сделать на конгрессе, но счел целесообразным сделать это через самое короткое время на собрании работников ветеринарного дела -- через голову Коминтерна и РКП. Ни в одном крупном вопросе тов. Троцкий за последнее время не выступал вместе с партией, а все чаще против взглядов партии.

Партия стоит перед важнейшей очередной политической задачей: решительно

взять курс на преодоление элементов разобщения города и деревни, т. е. поставить во весь рост вопрос о дальнейшем снижении цен на предметы городской продукции, создать условия действительного подъема сельского хозяйства (землеустройство, землепользование), обратить самое пристальное внимание на действительное оживление в первую очередь сельскохозяйственной кооперации (подлинное добровольчество, выборность, кредит), поставить и решить вопрос об ослаблении налоговых тягот для крестьянства и реформе налоговой политики, а также напряжением всех сил партии разрешить вопрос об улучшении политической обстановки в деревне (более правильная выборность, привлечение беспартийных крестьян и т. п.).

Эта политика, во всем основном намеченная тов. Лениным, одна только и ведет к действительному укреплению государственной промышленности, обеспечению ее дальнейшего подъема, росту, концентрации и увеличению социальной мощи промышленного пролетариата, т. е. не на словах, а на деле закрепляет диктатуру пролетариата в условиях нэпа.

Первейшим условием для проведения всей этой политики является абсолютное сохранение руководящей роли нашей партии в государственных и хозяйственных органах, подлинное единство партии на почве ленинизма.

Этого решающего в нынешней обстановке соотношения между партией, рабочим классом и крестьянством тов. Троцкий именно и не понимает.

Такое положение с неизбежностью привело к тому, что все меньшевистское и антибольшевистское в стране и за пределами ее стало вкладывать в позицию тов. Троцкого свое содержание, цenia и поддерживая тов. Троцкого как раз за то, за что его осуждает РКП и Коминтерн. Партия, руководящая диктатурой пролетариата в обстановке лишения "свободы" всех антипролетарских партий и групп, неизбежно должна иметь врагов. Все эти враги, в особенности мелкая буржуазия, хотят видеть в теперешнем тов. Троцком ту фигуру, которая потрясет железную диктатуру пролетариата, расколует партию, переведет советскую власть на другие рельсы и т. п.

Все вожди II Интернационала, наиболее опасные слуги буржуазии, пытаются использовать идейное восстание тов. Троцкого против основ ленинизма для того, чтобы скомпрометировать ленинизм, русскую революцию и Коминтерн в глазах рабочих масс Европы и тем прочнее привязать с.-д. рабочих к колеснице буржуазии. Ренегат П. Леви издал книгу тов. Троцкого "Уроки Октября" на немецком языке со своим предисловием, а германская с.-д. взяла на себя распространение этой книги, которую она широчайше рекламирует как книгу, направленную против коммунизма. Исключенный из Коминтерна Суварин пытается вызвать раскол во французской компартии, распространяя контрреволюционные небылицы о РКП. Балабанова, Хеглунд и другие ренегаты коммунизма поступают примерно так же. Итальянские социал-фашисты из "Аванти", наемники германской буржуазии из "Форвертс"а, Ренодели и Грумбахи из "Котидьен"а и т. д., и т.

д.,-- все эти элементы пытаются солидаризироваться с тов. Троцким за его борьбу против ЦК РКП и ИККИ.

Беспартийные рабочие, которые должны видеть в крупном работнике партии

образец солидарности со своей партией, на деле видят, как тов. Троцкий в течение нескольких лет безнаказанно потрясает партийное единство. Такое положение подрывает элементарную дисциплину класса, без которой победоносная диктатура пролетариата невозможна.

Крестьянство, которое должно видеть, что в вопросе о союзе рабочего класса и крестьянства в РКП нет ни малейших колебаний, что партия в этом вопросе более едина, чем в каком-либо другом, на примере тов. Троцкого убеждается в обратном и становится доступным в этом важнейшем вопросе для всяческих легенд. Это является величайшей угрозой для рабоче-крестьянского блока. Нашей партии приходится руководить диктатурой пролетариата в крестьянской стране. Осуществлять эту диктатуру при таком дергании крестьянства тов. Троцким невозможно.

Молодежь, которая ранее видела в тов. Троцком одного из крупнейших руководителей партии, убеждается в том, что этот руководитель тянет молодежь на "борьбу поколений", на антиленинский путь.

Красная армия и Красный флот, которые должны видеть в руководстве армии образец партдисциплины и образец правильного по-

нимания взаимоотношения пролетариата и крестьянства (армия у нас в большинстве крестьянская по составу), вынуждены теперь видеть в тов. Троцком прямо противоположное. Такое положение чревато громадными опасностями для внутреннего состояния армии.

Вся партия убеждается, что при таком положении вещей не может быть и речи о сохранении подлинной большевистской монолитности РКП, и приходит к выводу, что нашей партии угрожали бы громадные идейные и организационные опасности, если бы она допустила и дальше такую борьбу тов. Троцкого против большевистской партии. Ленинский призыв, который искренне стремится впитать в себя подлинный ленинизм, убеждается, что тов. Троцкий пытается проводить троцкизм вместо ленинизма, и требует, чтобы партия внесла полную ясность в положение.

Весь Коминтерн видит, как один из виднейших членов РКП препятствует большевизации секций Коминтерна и на деле оказывает идейно-политическую поддержку врагам большевизма из лагеря II Интернационала.

При таком положении вещей соединенные пленумы ЦК и ЦКК находят, что оставить дело в прежнем положении, когда партия постановляет, а тов. Троцкий продолжает выступать против партии, означало бы положить начало разбольшевичеванию партии и даже прямо ее распаду. В связи с отпором троцкизму решается вопрос о том, что же такое представляет собой РКП в 1925 г. -- большевистскую партию, вылитую из одного куска и стоящую на незыблемом фундаменте ленинизма, или партию, в которой полуменьшевистские взгляды могут стать "законным оттенком"?

Ознакомившись с заявлением тов. Троцкого в ЦК от 15 января 1925 г., пленумы ЦК и ЦКК принимают к сведению готовность тов. Троцкого выполнять под контролем партии ту работу, которая будет ему поручена, и устанавливают, что

в этом заявлении тов. Троцкий ни словом не признает своих ошибок и на деле пытается настаивать на своей антибольшевистской платформе, ограничиваясь лишь формальной лояльностью.

* * *

Исходя из всего вышеизложенного, особенно же из того факта, что тов. Троцкий, несмотря на известные решения XIII съезда, вновь поднимает вопрос о коренном изменении руководства партией и пропагандирует взгляды, категорически осужденные этим съездом, пленумы ЦК и ЦКК постановляют: Сделать тов. Троцкому самое категорическое предупреждение в том смысле, что принадлежность к большевистской партии требует действительного, а не словесного только подчинения парт-дисциплине и полного безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма.

Ввиду того что руководство армией немыслимо без полной поддержки этого руководства авторитетом всей партии; что без та-кой поддержки создается опасность подрыва железной дисциплины в армии; что конференция политработников, с одной стороны, и фракция РВС СССР -- с другой, уже высказались за снятие тов. Троцкого с военной работы; ввиду того, наконец, что сам тов. Троцкий в своем заявлении ЦК от 15 января 1925 г. признал, что "интересы дела требуют скорейшего освобождения" тов. Троцкого "от обязанностей предреввоенсовета" -- признать невозможным дальнейшую работу тов. Троцкого в РВС СССР.

Вопрос о дальнейшей работе тов. Троцкого в ЦК отложить до очередного партийного съезда с предупреждением, что в случае новой попытки со стороны тов. Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание тов. Троцкого в составе политбюро и поставить вопрос перед объединенным заседанием ЦК и ЦКК о его устранении от работы в ЦК.

Дискуссию признать законченной.

Продолжить и развить работу партии по разъяснению снизу доверху антибольшевистского характера троцкизма, начиная с 1903 года и до "Уроков Октября", и поручить политбюро преподать всем органам пропаганды (партшколам и проч.) надлежащее разъяснение на этот счет; ввести в программы политпреподавания разъяснение мелкобуржуазного характера троцкизма и т. д.

б) Рядом с разъяснительной пропагандой внутри партии, в РЛКСМ и т. д.-- необходимо широкое популярное разъяснение беспартийным массам рабочих и крестьян уклонов троцкизма и его неверных путей, ведущих к разрыву союза между рабочими и крестьянством.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКШ(б)

Товарищи!

Серьезные ошибки, допущенные в деле руководства китайской революцией, способствовали тяжкому поражению, из которого можно выйти, только вернувшись на путь Ленина. Крайне ненормальная обстановка, в которой происходит обсуждение вопросов, связанных с китайской революцией, создает чрезвычайно

напряженное положение в партии. Односторонняя "дискуссия", ведущаяся на страницах "Правды" и "Большевика", и нарочитое искажение взглядов оппозиции (например, приписываемое ей требование выхода из Гоминьдана) свидетельствуют о желании руководящей группы Центрального Комитета прикрыть свои ошибки травлей оппозиции. Все это направляет внимание партии по ложному пути. В связи с этим, а также в связи с неправильной линией ЦК в основных вопросах партийной политики, мы считаем своим долгом большевиков-ленинцев обратиться к Центральному Комитету с настоящим заявлением.

1. Дело не только в том, что мы потерпели в Китае громадное поражение -- дело в том, как и почему мы потерпели его.

Несмотря на то, что мы имеем в Китае уже могучий рабочий класс, что шанхайские пролетарии в труднейшей обстановке сумели восстать и захватить город; несмотря на то, что китайский пролетариат имеет в Китае могучую поддержку в лице восстающего крестьянства; несмотря на то, одним словом, что были все предпосылки для победы "китайского 1905 года" (Ленин) -- на деле вышло так, что китайские рабочие таскали каштаны из огня для буржуазии, сыграв до сих пор на деле такую же роль, на какую рабочие были обречены в революциях 1848 года.

Все предпосылки для того, чтобы вооружить китайских рабочих (в первую голову, шанхайских и ханькоуских) были налицо. И тем не менее героические пролетарии Шанхая оказались безоружными, а рабочие Ханькоу в массе своей не вооружены и сейчас, несмотря на то, что в Ханькоу господствуют "левые" гоминьдановцы.

"Руководство" в Китае на деле сводилось к тому, что нельзя вооружать рабочих, нельзя организовывать революционных стачек, нельзя поднимать до конца крестьян против помещиков, нельзя выпускать ежедневную коммунистическую газету, нельзя критиковать господ буржуа из правого Гоминьдана и мелких буржуа из "левого" Гоминьдана, нельзя организовывать коммунистические ячейки в армиях Чан Кайши, нельзя давать лозунг Советов -- чтобы "не оттолкнуть" буржуазию, чтобы "не запугать" мелкую буржуазию, чтобы не поколебать правительство "блока четырех классов". В ответ на это, в благодарность за это, как и следовало ожидать, китайская "национальная" буржуазия, выждав удобный момент, беспощадно расстреливает китайских рабочих, приглашая на помощь сегодня японских, завтра американских, а послезавтра английских империалистов.

В коммунистических партиях всего мира (в том числе в широких кругах ВКП) в связи с китайским поражением господствует величайшая растерянность. Еще вчера доказывали всем, что национальные армии в Китае суть красные, революционные армии, что Чан Кайши -- их революционный вождь, что Китай не сегодня-завтра пойдет по "некапиталистическому" пути развития. А сегодня, в борьбе против подлинно ленинской линии большевизма, появляются беспомощные статьи и речи о том, что в Китае-де совсем нет промышленности, нет железных

дорог, что Китай переживает еще чуть ли ни начало феодального периода, что китайцы неграмотны и т. д., что в Китае рано выдвигать программу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и создавать Советы. Вместо исправления ошибок происходит их усугубление.

Китайское поражение может самым непосредственным образом отразиться на судьбе СССР в ближайшее же время. Если империалистам удастся на длительное время "усмирить" Китай -- они двинутся затем на нас, на СССР. Поражение китайской революции

может чрезвычайно приблизить войну против СССР. Между тем партия лишена возможности обсудить китайский вопрос, который является сейчас для нее, как первой партии Коминтерна, важнейшим вопросом. Принципиальное обсуждение вопросов китайской революции запрещено. И в то же время на деле неистовая дискуссия уже ведется, только односторонняя, т. е. в виде травли оппозиции с целью прикрытия неправильной линии руководящего ядра ЦК.

2. Прошлогодня всеобщая стачка в Англии, преданная и проданная Генсоветом, потерпела поражение. Поражением закончилась и стачка углекопов. Несмотря на гигантский сдвиг миллионов масс влево; несмотря на то, что вряд ли когда-либо вероломство и гнусность реформизма обнаруживались с такой полнотой, как во время великих английских стачек, организованное революционное крыло в английском рабочем движении выиграло крайне мало. Главная причина этого -- в нерешительном, непоследовательном, половинчатом руководстве с нашей стороны. Денежная поддержка, оказанная рабочими СССР английским углекопам, была превосходна. А вот тактика ЦК в вопросе об Англо-Русском комитете была совершенно неверна. Мы поддерживали авторитет изменников Генсовета в самые критические для них недели и месяцы во время всеобщей стачки и забастовки горняков. Мы помогли им удержаться на ногах. Мы кончили тем, что капитулировали перед ними на последнем берлинском совещании, признав Генсовет единственным представителем английского пролетариата (и даже единственным представителем его взглядов) и подписавшись под "принципом" невмешательства во внутренние дела рабочего движения Англии.

На фоне китайских событий особенно зловещее значение при-бредают решения последней конференции Англо-Русского комитета. Во всей международной прессе т. Томский и другие преставители ВЦСПС объявили, что совещание в Берлине носило "сердечный характер", что все решения приняты "единодушно", что эти решения являются будто бы победой международного пролетариата и т. п.

Эта фальшь и ложь могут привести мировое рабочее движение лишь к новым поражениям.

Берлинское совещание Англо-Русского комитета ни слова не сказало о разбойничьей роли английских империалистов в Китае, оно не выдвинуло даже требования отзыва империалистских войск из Китая. В момент, когда в Китае открывалась прямая война империалистов против китайской революции, Англо-Русский комитет преступно молчал, т. е. сделал как раз то, что нужно английской буржуазии.

Можно ли сомневаться, что те, кто сейчас на глазах у всего мира открыто предают интересы английского пролетариата даже в таком вопросе, как вопрос о свободе профсоюзов в Англии, завтра, в случае войны против СССР, будут играть такую же подло предательскую роль, какую эти господа играли в 1914 году.

Между неправильной линией в китайском вопросе и неправильной линией в вопросе об Англо-Русском комитете есть теснейшая внутренняя связь. Та же линия проходит ныне по всей политике

Коминтерна. В Германии исключаются из партии сотни левых пролетариев-передовиков только за то, что они солидарны с русской оппозицией. Правые элементы во всех партиях получают все больший перевес. Грубейшие правые ошибки (в Германии, Польше, Франции и пр.) остаются безнаказанными. Малейший голос критики слева влечет к отсечению. Авторитет ВКП и Октябрьской революции используется, таким образом, для сдвига коммунистических партий вправо от ленинской линии. Все это вместе взятое лишает Коминтерн возможности по-ленински подготовить и провести борьбу против войны.

3. Для каждого марксиста неоспоримо, что неправильная линия в Китае и в вопросе об Англо-Русском комитете не случайна. Она продолжает и дополняет неправильную линию во внутренней политике.

Хозяйство Советского Союза закончилось, в общем и целом, восстановительный период. В течение этого периода в хозяйственном строительстве достигнуты серьезные успехи. В промышленности, сельском хозяйстве и в других отраслях народного хозяйства Союза Советских Социалистических Республик мы либо подходим, либо уже перешагнули за довоенный уровень. В области кооперации также достигнуты успехи. Эти успехи являются лучшим доказательством правильности новой экономической политики, провозглашенной Лениным, и лучшим ответом врагам Октябрьской революции. Страна пролетарской диктатуры оказалась вполне способной к социалистическому строительству, показала в этой области первые успехи, готовя тем самым вместе с пролетариатом других стран окончательную победу социализма во всем мире.

Но одновременно с этими серьезными достижениями в итоге восстановительного периода наметились большие трудности. Эти трудности, вырастающие из недостаточного развития производительных сил, из нашей хозяйственной отсталости, усугубляются скрыванием их от широких партийных масс. Вместо марксистского анализа действительного положения пролетарской диктатуры в СССР, партии предподносится неверная, мелкобуржуазная "теория социализма в одной стране", не имеющая ничего общего с марксизмом, с ленинизмом. Это грубое отступление от марксизма приводит к тому, что партии труднее видеть классовое содержание происходящих экономических процессов. Между тем именно в неблагоприятных для пролетариата классовых сдвигах и в тяжелом положении широких народных масс заключаются отрицательные явления переживаемой нами

полосы революции.

Вопросы заработной платы и безработицы принимают все более острый характер. Неправильная политика ускоряет рост враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа. Это ведет к невозможности использовать в должной мере и должным образом имеющиеся в стране материальные ресурсы для промышленности и всего государственного хозяйства. Отставание крупной промышленнос-

ти от требований, предъявляемых к ней со стороны народного хозяйства (товарный голод, высокие цены, безработица) и со стороны советской системы в целом (оборона страны), приводит к усилению капиталистических элементов в хозяйстве Советского Союза -- особенно в деревне. Рост заработной платы приостановился с тенденцией к снижению для отдельных групп рабочих. Взамен проводившегося до последнего времени повышения заработной платы по мере роста производительности труда теперь устанавливается, как правило, что заработная плата может повышаться лишь за счет повышения интенсивности труда (см. параграф 2 постановления съезда Советов по докладу т. Куйбышева). Т. е. рабочий в СССР может отныне улучшить свое материальное положение не в соответствии с ростом хозяйства и улучшением техники, а лишь в результате большей затраты труда, мускульной силы. Такая постановка вопроса дается впервые -- между тем как интенсивность труда в настоящее время в общем и целом достигла довоенного уровня и местами даже выше его. Такая политика нарушает интересы рабочего класса.

Безработица растет не только за счет выходцев из деревни, но и за счет кадрового промышленного пролетариата. Фактическая безработица выше регистрируемой. Увеличение армии безработных ухудшает экономическое положение рабочего класса в целом.

Жилищные условия рабочих в ряде мест продолжают ухудшаться как в смысле жилищной площади, так и в смысле условий пользования квартирой.

Уменьшение брони рабочих подростков и введение бесплатного ученичества резко ухудшают положение рабочей молодежи.

Вырастающие из всего этого опасности ясны, ибо отношения между рабочим классом и нашей партией являются решающими для судьбы рабочего государства.

Снижение цен на промтовары удастся лишь в крайне небольшой степени. Несмотря на голосование оппозиции на февральском пленуме ЦК за резолюцию о снижении цен, вся официальная агитация направлена на обвинение оппозиции в том, будто она не хочет снижения цен. Такая агитация вводит партию в заблуждение и отвлекает ее внимание от коренных вопросов нашей хозяйственной политики. Вопрос о снижении цен этим ни на шаг не продвигается вперед. Между тем недовольство и нетерпение городского и деревенского потребителя растут.

Дифференциация крестьянства идет все возрастающим темпом. От лозунга "обогащайтесь", от призыва к кулаку "врастать" в социализм руководящее ядро ЦК пришло к замалчиванию расслоения крестьянства, к преуменьшению этого расслоения, с одной стороны, и к практической ставке на крепкого крестьянина -- с другой. Мы имеем к десятилетию Октябрьской революции такое положение,

когда три с лишним миллиона сельских батраков играют лишь крайне малую роль в Советах, в кооперации, в партячейках, когда бедноте все еще уделяется недостаточно внимания и помощи. Ре-

золюция последнего съезда Советов о сельском хозяйстве совершенно не говорит о дифференциации деревни, т. е. об основном вопросе ее экономического и политического развития. Все это ослабляет нашу опору в деревне и затрудняет союз рабочего класса и крестьянской бедноты с середняком. Этот союз может развиваться и укрепляться только в систематической борьбе против эксплуататорских стремлений кулачества, рост и значение которого у нас преуменьшается. Такая политика представляет опасность, которая, накапливаясь постепенно, может неожиданно прорваться. Между тем весь официальный аппарат, и партийный и советский, бьет налево и тем открывает настежь двери подлинной, т. е. классовой опасности справа.

Предложение освободить от сельхозналога 50% крестьянских дворов, т. е. бедноту и маломощных, подвергается травле. Между тем предложение это все больше оправдывается хозяйственной и политической обстановкой деревни. Несколько десятков миллионов рублей, с точки зрения 5-миллиардного бюджета, имеют очень скромное значение. Между тем взимание этой суммы с маломощных дворов является одним из обстоятельств, ускоряющих процесс дифференциации и ослабляющих позиции пролетарской диктатуры в деревне. "Уметь достигать соглашения со средним крестьянством, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту" (Ленин) -- вот какой должна быть основная линия нашей политики в деревне.

В сентябре прошлого года мы читали воззвание, подписанное тремя товарищами, занимающими ответственные посты (т.т. Рыков, Сталин, Куйбышев), о том, будто оппозиция, т. е. часть нашей собственной партии и часть ее Центрального Комитета, хочет "огрбить" крестьянство. Взамен этого воззвание обещало путем режима экономии сократить непроизводительные расходы на 300 -- 400 миллионов рублей в год. На деле бюрократически искаженная борьба за режим экономии привела к новому дерганию рабочих и не дала сколько-нибудь ощутимых положительных результатов.

Рационализация промышленности носит случайный несогласованный, непродуманный характер, приводит к выталкиванию все новых и новых групп рабочих в ряды безработных, не давая в то же время снижения себестоимости.

Необходимо отменить все решения последних двух годов, ухудшающие положение рабочих, и твердо установить, что без систематического и планомерного улучшения -- хотя бы вначале и медленного -- положения рабочего класса, этой "основной производительной силы" (Маркс) в нынешней обстановке невозможно ни поднятие хозяйства, ни социалистическое строительство.

Основным условием для разрешения вопросов, стоящих в настоящее время перед партией в области хозяйственного строительства, при сложнейшем классовом переплете внутри и нарастании враждебной атаки против СССР вовне, в

обстановке затяжки

международной пролетарской революции, являются вопросы оживления внутрипартийной демократии и усиления живой действенной связи партии с рабочим классом.

Нам необходима железная партийная дисциплина -- как при Ленине. Но нам необходима и внутрипартийная демократия -- как при Ленине.

Вся партия сверху донизу должна являться по-большевистски идейно и организационно крепко спаянным коллективом, принимающим во всей массе своей действительное, а не официально-показное участие в разрешении всех вопросов, стоящих перед партией, рабочим классом и всей страной.

Установившийся же за последнее время внутрипартийный режим приводит к громадному понижению активности партии, этой руководящей силы пролетарской революции. Возможности для сознательного участия в решении важнейших вопросов пролетарской революции для широких, низовых партийных масс до крайней степени сужены, умалены.

Это не могло не сказаться и сказывается самым отрицательным образом и на отношении рабочего класса к партии, и на активности рабочего класса в целом.

Режим, установившийся в партии, переносится в полной мере на профсоюзы. Русский рабочий класс, имеющий за своей спиной опыт трех революций, проведенных им под руководством большевистской партии Ленина, кровью лучших сынов своих спаявший фундамент Советского государства, проявивший чудеса героизма и организованности, имеет все предпосылки широчайшим образом развернуть свои творческие, организующие силы. Но установившийся режим теперь мешает рабочим развернуть всю свою активность, мешает им в должной мере приложить свои руки к социалистическому строительству.

Пролетарская диктатура ослабляется в самой ее классовой основе.

На XI съезде Владимир Ильич говорил партии, что важнейшей задачей хозяйственной работы является правильный отбор людей. Между тем нынешний курс является прямым отрицанием этих указаний. На деле происходит в ряде мест систематическое выталкивание с заводов наиболее самостоятельных квалифицированных партийных рабочих, инициативных хозяйственников и замена их сплошь и рядом такими элементами, которые не служат социализму, а прислуживаются ближайшему начальству. Вопиющие неправильности партийного режима отражаются, таким образом, на самых жизненных интересах многомиллионных масс.

4. Международное положение становится все более напряженным. Опасность войны увеличивается. Центральная задача ВКП и всего авангарда международного пролетариата заключается сейчас в том, чтобы предотвратить (или хотя бы только оттянуть на возможно больший срок) войну, чтобы поддержать и отстоять во что бы то ни стало политику мира, которую провести до конца способна только наша партия и советская власть.

Дело СССР есть дело международного пролетариата. Отвратить нависающую над

головой СССР опасность новой войны -- важнейшая задача международного пролетариата. Но это нельзя сделать на путях блока с предателями из Генсовета. Никакая серьезная борьба за предотвращение войны невозможна в союзе с Персеями и Ситриными. Подойти ближе к социал-демократическим и беспартийным рабочим, увлечь и их в борьбу против войны можно только через голову этих предательских вождей и в борьбе с ними.

Мы настаиваем на том, чтобы наш ЦК помог предстоящему пленарному заседанию ИККИ подробно, серьезно и беспристрастно расследовать по документам последние события в Китае (с привлечением к этой работе товарищей, защищавших нашу точку зрения), чтобы ИККИ поставил китайский и англо-русский вопросы в полном объеме, чтобы в прессе нашей партии и в международной коммунистической печати была дана возможность обсудить эти коренные вопросы всесторонне и подробно (разумеется, с соблюдением необходимой конспирации).

Международное укрепление СССР требует укрепления революционно-пролетарской линии внутри СССР. Нас ослабляют поражения английских рабочих и китайской революции. Нас ослабляет неправильный внутривластьный режим.

Вся наша партийная политика страдает от курса направо. Если подготовляемый теперь новый удар налево, по оппозиции, будет нанесен, это окончательно развяжет руки правым непролетарским и антипролетарским элементам, отчасти в нашей собственной партии, а главным образом, за ее пределами. Удар по левым будет иметь своим неизбежным последствием торжество устряловщины. Такого удара по оппозиции давно требует Устрялов во имя неонэпа. Устрялов является наиболее последовательным, наиболее принципиальным и непримиримым врагом большевизма. Самодовольные администраторы, равняющиеся по началству чиновники, мелкие буржуа, дорвавшиеся до командных постов и высокомерно глядящие на массу, все тверже чувствуют почву под ногами и все выше поднимают голову. Это все элементы неонэпа. За ними стоит устряловец-спец, а в следующем ряду нэпман и кулак под фирмой крепкого мужика. Вот откуда надвигается подлинная опасность.

Во внутренних вопросах сдвиги обнаруживаются не так заметно, как во внешних, потому что внутренние процессы развиваются гораздо медленнее, чем генеральная стачка в Англии или революция в Китае. Но основные тенденции политики одинаковы и там и здесь, и чем медленнее они нарастают внутри, тем более серьезно могут проявиться.

Ленин определял советское государство как рабочее в стране с большинством крестьянского населения и с бюрократическим извращением. Это было сказано в начале 1921 года. Ленинское определение сейчас живо более, чем когда-либо.

За годы нэпа буржуазия в городе и деревне выросла в серьезную силу. В такой обстановке

нанесение удара по оппозиции означает ничто иное, как попытку, под лицемерные крики о защите единства ("инициаторы всякого раскола кричат больше всего об объединении",-- говорил Энгельс) дискредитировать и разгромить левое пролетарское, ленинское крыло нашей партии. Такой разгром означал бы неизбежное и быстрое усиление правого крыла ВКП и столь же

неизбежную перспективу подчинения интересов пролетариата интересам других классов.

5. Единство партии нам нужно всегда, особенно в нынешних условиях. В школе Ленина все мы учились, что большевик должен добиваться единства на основе революционно-пролетарской политической линии. В самых трудных исторических условиях -- в годы подполья, затем в 1917 году, когда мы в кольце войны боролись за власть, в 1918 году, когда в беспрецедентно тяжелых условиях решался вопрос о Брест-Литовском мире, и в последующие годы при Ленине партия открыто обсуждала спорные вопросы и находила правильный путь к действительному, а не показному единству. Это спасало нас в условиях неизмеримо более трудных, чем нынешние.

Главная опасность заключается в том, что действительное содержание разногласий скрывается от партии и рабочего класса. Всякая попытка поставить спорные вопросы перед партией объявляется покушением на единство партии. Неправильная линия закрепляется сверху механическим путем. Создается показное единство и официальное благополучие. На деле же это приводит к ослаблению позиции партии в рабочем классе и позиции рабочего класса в его борьбе с классовыми врагами. Такое положение, создавая огромные препятствия для политического роста партии и правильного ленинского руководства партией, должно неизбежно привести к серьезнейшим опасностям для нашей партии при первом крутом повороте, при первом серьезном ударе, внутреннем или международном.

Мы эту опасность ясно видим, и мы считаем своим долгом предупредить о ней Центральный Комитет -- именно ради сплочения партийных рядов на основе ленинской политики, как международной, так и внутренней.

* * *

Как изжить разногласия, как выправить классовую линию и ни в малейшей мере не повредить при этом делу единства партии? Так, как это делалось всегда при Ленине. Мы предлагаем, чтобы ЦК решил следующее:

Не позже, чем за 3 месяца до XV съезда созывается специальный пленум ЦК -- для предварительного обсуждения всех вопросов XV съезда.

Этот пленум должен поставить себе задачу сделать все возможное для выработки единодушных решений, что лучше всего обеспечило бы максимальное единство и действительную ликвидацию внутрипартийной борьбы.

Этот же пленум должен поручить представительству ВКП в Коминтерне взять на себя инициативу провести в ИККИ ряд мер для возвращения в партию тех из исключенных товарищей, которые просят об этом Коминтерн и стоят на почве Коминтерна, и для создания полного единства в братских партиях. (Речь идет, разумеется, не об элементах, вроде Каца и Корша.)

Если все же внутри этого специального пленума ЦК обнаружатся специальные разногласия -- они должны быть заблаговременно сформулированы и опубликованы.

Каждый товарищ должен получить возможность защищать свою точку зрения перед партией -- в прессе и на собраниях, как это бывало всегда при Ленине.

Полемика должна вестись в строго товарищеских, деловых рамках, без обострения и преувеличений.

Проекты тезисов, как ЦК, местных организаций, отдельных членов партии и групп членов партии, должны опубликовываться в "Правде" (или приложением к "Правде"), а также в местных парт-газетах -- начиная примерно за 2 -- 3 месяца до XV съезда.

Партиздательства должны также обеспечить своевременное издание брошюр, книг, сборников и т. д. и тех членов партии, которые пожелают изложить перед партией взгляды, до сих пор не имевшие большинства в партии.

Главным лозунгом всей подготовки XV съезда должен быть лозунг единства, подлинного ленинского единства ВКП.

* * *

П. С. Наше заявление, естественно, задержавшееся из-за сбора подписей, нам приходится вручать в момент, когда сверху поднята кампания против т. Зиновьева под предлогом его выступления на беспартийном будто бы собрании 9 мая. Те из нас, которые слышали речь т. Зиновьева или имели возможность ознакомиться со стенограммой ее, ни минуты не колеблясь, дали бы свою подпись под этим выступлением, которое в сдержанной и безупречной партийной форме выражало тревогу широких кругов партии против засилья мартиновского курса в "Правде". Выступление т. Зиновьева явилось, разумеется, лишь внешним поводом для поднятой против него травли. Как явствует из всего нашего заявления, непосредственная подготовка к кампании против оппозиции началась вместе с первыми известиями о поражении китайской революции.

Насколько можно догадаться, непосредственной целью кампании против т. Зиновьева является попытка устранить его до съезда и без съезда партии из ЦК -- дабы освободиться от одного из критиков неправильной линии во время подготовки XV съезда и на самом XV съезде. То же завтра может быть проделано и с другими оппозиционными членами ЦК. Ничего, кроме вреда для партии, от таких приемов не получается.

Недопущение по настоянию Политбюро т. Зиновьева -- одного из основателей и первого председателя Коммунистического Интернационала, избранного по предложению Ленина, -- на Исполком Коминтерна является фактом, беспримерным в истории коммунистического движения. Недопущение т. Зиновьева, остающегося членом ИККИ, при обсуждении важнейших вопросов мирового рабочего движения мы можем объяснить только отсутствием политического мужества у тех, кто предпочитает заменять идейную борьбу административным распоряжением. Этот факт, помимо его политического значения, является грубым нарушением формальных прав т. Зиновьева, являющегося членом Исполкома Коминтерна, единогласно избранным на V конгрессе Коминтерна. Путь отстранений и шельмования ленинцев -- не есть путь единства для Коммунистического Интернационала.

Вполне вероятно, что настоящее наше заявление даст повод обвинять нас во

фракционном выступлении. Особенно усердствовать будут на все готовые чиновники и "литераторы" из "новой" школы "молодых". Но и против них, между прочим, направлено наше письмо. Иные из них первыми покинут дело пролетариата в минуту опасности. Подавая это заявление, мы выполняем долг революционеров и партийцев, как он всегда понимался в рядах большевиков-ленинцев.

* * *

Под настоящим заявлением в краткий срок собрано несколько десятков подписей старых большевиков. Мы не сомневаемся, что и ряд других старых большевиков, находящихся сейчас в ряде мест СССР и за границей, присоединили бы свою подпись к заявлению, если бы они успели узнать о нем.

Мы не сомневаемся, что изложенная в этом документе точка зрения разделяется большей частью нашей партии, в особенности -- ее рабочей частью. Кто знаком с подлинными настроениями рабочих, членов нашей партии, тот знает, что это так.

Александров А. Н.- чл. ВКП(б) с 1917 г.

Абрамсон А. Б.- чл. ВКП(б) с 1914 г.

Альский А. С.- чл. ВКП (б) с 1917 г.

Аршавский З.-- чл. ВКП(б) с 1915 г.

Белобородов А. Г.- чл. ВКП (б) с 1907 г.

Беляис Ян Янович - чл. ВКП(б) с 1912 г.

Будзинская Р. Л- чл. ВКП(б) с 1914 г.

Бабахай Н. - чл. ВКП(б) с 1917 г.

Висневская - чл. ВКП(б) с 1905 г.

Воробьев В.- чл. ВКП(б) с 1914 г.

Валентинов Г.- чл. ВКП(б) с 1915 г.

Виленский (Сибиряков) -- чл. ВКП(б) с 1903 г.

Вуйович -- чл. Исполкома Коминтерна, чл. Югославской компартии с 1912 г.

Врачев И. Як.- чл. ВКП(б) с 1917 г.

Васильев Ив- чл. ВКП(б) с 1904 г.

Вардин Ил.- чл. ВКП(б) с 1907 г.

Гертик Артем - чл. ВКП(б) с 1902 г.

Герцберг -- чл. ВКП(б) с марта 1917 г.

Гессен С. М.-- член Исполкома Коминтерна, избран пятым конгрессом, чл. ВКП(б) с 1916 г.

Гуральский.

Гордон Ник. - чл. ВКП(б) с 1903 г.

Емельянов Н. А. - чл. ВКП(б) с 1899 г.

Елькович Н. А.- чл. ВКП(б) с 1917 г.

Евдокимов Г. Ер.- чл. ВКП(б) с 1903 г., член ЦК ВКП(б) Ежов П. С- чл. ВКП(б) с марта 1917 г.

Жук Алекс. Вас. - чл. ВКП(б) с 1904 г.

Зиновьев Г. Е.
Зорин С. - чл. ВКП(б) с мая 1917 г.
Закс-Гладнев - чл. ВКП(б) с 1906 г.
Иванов В. И. - чл. ВКП(б) с 1915 г. Косперский И.-- чл. ВКП(б) с марта 1917 г.
Катта М.- чл. ВКП(б) с 1917 г.
Куклин - чл. ВКП(б) с 1903 г.
Канатчикова -- чл. ВКП(б) с 1914 г. Кострицкий И.
Коваленко П.- чл. ВКП(б) с 1911 г.
Королев А- чл. ВКП(б) с 1916 г.
Кавтарадзе - чл. ВКП(б) с 1903 г.
Козлова-Пассек -- чл. ВКП(б) с сентября 1917 г.
Лелевич А. Г.- чл. ВКП(б) с 1917 г.
Лобашев Г.- чл. ВКП(б) с 1917 г. Лифшиц В.- чл. ВКП(б) с 1915 г.
Лазько М. - чл ВКП(б) с 1905 г.
Лиздин - чл. ВКП(б) с 1893 г., член ЦКК ВКП(б).
Муралов Н. И.- чл. ВКП(б) с 1903 г., член ЦКК ВКП(б). Миничев - чл. ВКП(б) с 1911 г.
Малюта В.- чл. ВКП(б) с 1916 г. Мальцев Б.- чл. ВКП(б) с 1917 г.
Матей Г. - чл. ВКП(б) с мая 1917 г.
Наумов И. К.- чл. ВКП(б) с 1913 г.
Назимов А. Е.-- чл. ВКП(б) с июля 1917 г.
Островская Н.- чл. ВКП(б) с 1905 г.
Петерсон А.- чл. ВКП(б) с 1917 г., член ЦКК ВКП(б). Поздеева - чл. ВКП(б) с 1917 г.
Примаков В.- чл. ВКП(б) с 1914 г.
Пятаков Ю. Л.- чл. ВКП(б) с 1910 г., член ЦК ВКП(б). Псалмопевцев -- чл. ВКП(б) с 1916 г.
Равич О. Н. - чл. ВКП(б) с 1903 г.
Радек К., в партии с 1902 г.
Рем М. С.
Серебряков Л. П.- чл. ВКП(б) с 1905 г. Смирнов Ив.Ник. - чл. ВКП(б) с 1899 г.
Сергеев А. Н- чл. ВКП(б) с 1914 г. Соколов А. А.- чл. ВКП(б) с 1914 г.
Сафаров Г.- чл. ВКП(б) с 1908 г.
Смилга И. Т.- чл. ВКП(б) с 1907 г., член ЦК ВКП(б).
Самсонов М. - чл. ВКП(б) с 1903 г.
Сосновский Л. - чл. ВКП(б) с 1983 г.
Саркис - чл. ВКП(б) с 1917 г.
Садовская -- чл. ВКП(б) с сентября 1917 г.
Тер-Ваганян - чл. ВКП(б) с 1912 г.
Туманов -- чл. ВКП(б) с апреля 1917 г.
Троцкий Л. Д.
Федоров Тр. - чл. ВКП(б) с 1907 г.
Фонберштейн -- чл. ВКП(б) с 1917 г.

Фошкин Ф. Р. - чл. ВКП(б) с сент. 1917 г.
Харитонов М. М. - чл. ВКП(б) с 1905 г.
Шатуров А. А.
Шаров Я. - чл. ВКП(б) с 1904 г.
Шурыгин А. С. - чл. ВКП(б) с 1914 г.
Шепшелева М. И.
Шустер А.- чл. ВКП(б) с 1912 г.
Цибульский З. С. - чл. ВКП(б) с 1904 г.
Эльцин В. - чл. ВКП(б) с 1898 г.

Эдуард Дуне (Иванов) ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ⁵³⁷

Конец гражданской войны, начало нэпа не случайно по времени совпали с возникновением оппозиции разных наименований внутри ВКП(б): "Рабочая правда", "Рабочая оппозиция", "Демократический централизм", "Военная оппозиция". Общее у всех было одно -- дайте свободу. Это была реакция на ущемление демократических начал во время военного коммунизма. Все эти оппозиции подверглись жестокой критике, но тем не менее Десятому съезду ВКП(б) пришлось декретировать ряд требований оппозиции. Съезд разъехался, а Политбюро осталось. Но организационная структура партии была такова, что власть "аппаратчиков" усиливалась и росла. Советы и профсоюзы становились какими-то придатками, отделами партийной организации. Внутрипартийное брожение, недовольство "аппаратчиками" тоже росло.

"Заявление 48-ми" в 1923 году шло не дальше требований тех же демократических начал, принятых постановлением Десятого съезда. Мне думается, что Ленин имел больше смелости, чем нарастающая оппозиция, когда ставил вопрос о необходимости создания какого-то надпартийного контроля в лице ЦКК и РКИ для советского аппарата для борьбы с "бюрократическим перерождением". По этому проекту ЦКК и РКИ имели бы более широкие права, чем ЦК

ВКП(б) и ЦИК СССР. На практике их деятельность ограничилась рамками контроля "маленьких недостатков большого механизма". ЦКК осталась мертворожденной: не ЦКК контролировала или смещала членов Политбюро, а Политбюро командовало.

* * *

На второй день заседания Второго съезда Советов СССР пришло известие о смерти Ленина⁵³⁸. Крупская на трибуне съезда оплакивала потерю родного и любимого всеми человека. В том же духе говорили все выступавшие. Троцкий как никогда блеснул талантом трибуна и красноречием, сквозь те же затаенные слезы. Все оплакивали умершего друга и учителя. Было мучительно тяжело смотреть, как у сотни взрослых людей в руках мелькают носовые платки, чтоб утереть капающие слезы. Весь съезд плакал молча.

В этот момент лишь один человек -- Сталин -- сохранил хладнокровие, выступая с программной речью -- что делать без Ленина. Его речь была не плодом

импульса, как у Троцкого, а речь заранее приготовленная. В то время мало кто думал о фигуре Сталина. Если бы кто-нибудь назвал Сталина наследником Ленина, его приняли бы за идиота. Настолько фигура Сталина была никчемна и сера среди таких людей, как Троцкий, Каменев, Преображенский, Пятаков, Бухарин, Рязанов, Степанов-Скворцов и др. Да и сам Сталин принял бы это за насмешку. Сталин учился у иезуитов, потом у Маркса, а потом и теперь учится у Маккиавели. Он учел, что как у секретаря ВКП(б), в его руках все нити управления и команды. Общеизвестного наследника Ленин не оставил. Поэтому в своей речи он призывал к коллективному руководству наследием Ленина. Коллективное руководство при наличии такого серого никчемного рулевого, как Сталин, могло многих примирить. На этой формуле можно было и организовать борьбу против тех, кто претендует на наследство Ленина. "Старая гвардия" еще долгие годы после смерти Ленина считала Сталина центристской фигурой, простой пешкой на шахматной доске. Троцкий и при Ленине был не пешкой, а фигурой, с которой труднее бороться, в его фигуре видели кандидата на пост русского Бонапарта.

После смерти Ленина, ко всем прочим вопросам внутрипартийных разногласий прибавился вопрос о разделе ленинского наследства. Если Сталин так жестоко разделался с Троцким, Каменевым, Бухариным и др., то не потому, что они были наиболее "контрреволюционными" в оценке роли ВКП(б) на пути строительства бесклассового общества, а потому, что они претендовали на руководство партией на смену фигуре Сталина.

* * *

В разгоревшейся борьбе после смерти Ленина троцкисты, зи-новьевцы, рыковцы, бухаринцы признавали, что партия находится на пути термидора, необходимы срочные реформы -- иначе партия рабочего класса бессловесно погибнет. В противовес им, малочисленная и малоавторитетная "группа 15-ти" -- "децисты" заявляла: борьба за диктатуру пролетариата в 1917 году оправдывалась тем, что ожидалась международная социалистическая революция. Диктатура пролетариата -- это первый шаг, первый этап на пути социалистической революции. Между тем за истекшие 10 лет стало виднее, что сроки мировой революции перенесены на неизвестное будущее. Отсюда: построение социализма в одной стране равносильно построению социализма в одном уезде. Очутившись у власти на изолированном кусочке земли, партия большевиков тем самым стоит на пути перерождения из партии рабочего класса в партию чиновников, бюрократии. Борьба за внутрипартийную реформу не сможет дать ничего существенного, будет ли у власти Сталин или Троцкий. ВКП(б) уже в настоящее время (1926 г.) не является партией рабочего класса и не выражает интересы рабочего класса. Пролетарская революция потерпела поражение, и ВКП(б) теперь и по классовому составу непролетарская партия. Она впитала в себя все активные элементы, враждебные интересам рабочего класса. Процесс этот будет усиливаться и расти. Пропасть между интересами рабочего класса и многочисленной элиты будет расти и расширяться. Термидор, какую бы он форму ни принял, неизбежен. Борьба за внутрипартийную

демократию не является самоцелью, а лишь средством активизации и мобилизации пролетарских масс. Насущной задачей организации является не борьба за смену Сталина Троцким или др. лицом, а кропотливая, длительная работа активистов для организации настоящей пролетарской партии в противовес ВКП(б). Раскол партии ВКП(б) не является пугалом, а благом. Эта крайняя точка зрения и малопопулярная концепция многих пугала. Такая четкая картина внесла "раскол" в группу 15-ти, и некоторые перешли в организацию троцкистов (например, Дробнис и др.). Другие находили более компромиссные формулировки и не переставали продолжать работу в группе. Морально мучительно рвать со всем своим прошлым, признать, что десятки лет своей сознательной жизни нужно списать со счета как ошибочные. Это уж не из области фактов, а психологии, но тем не менее она (наша психология) не всегда разрешала видеть реальную картину.

Вопрос о "термидоре" ВКП(б) был камнем, на котором спотыкались все оппозиции. Как до своего ареста, так и в ссылке, а затем в политизоляторах и в лагере, т. е. больше 10 лет, он непрерывно дискутировался. Группа "децистов" в расширение этого пункта так, как он был сформулирован в "платформе 15-ти", находясь уже в ссылке, внесла поправки: термидор надо считать завершенным фактом; диктатура пролетариата превратилась в диктатуру мелкой буржуазии, экономической базой которой является государственный капитализм СССР. В 1936 году к этой точке зрения склонялось и большинство троцкистов.

Отсюда естественный вывод: необходимость организации самостоятельной рабочей партии в противовес ВКП(б). "Группа 15-ти" так ставила вопрос еще до своего ареста, но тем самым она изолировала себя не только от ВКП(б), но и от прочих внутривнутрипартийных оппозиций.

Сталин пугал свою партию опасностью раскола и гибели диктатуры пролетариата -- советской власти. Тем же пугали троцкисты, но они не заметили, что раскол нужен был Сталину, что советская власть ликвидирована при Сталине. Но теперь? Теперь, как и раньше, бывшая внутривнутрипартийная оппозиция разрознена и не в силах создать единую организацию среди единомышленников, сидящих по политизоляторам. Так же как не в силах создать единую рабочую партию.

Логичнее было бы не организовывать новую рабочую партию, а перейти в существующую РСДРП, но этот вопрос для обсуждения не ставился. Почему? Мне кажется потому, что слово "меньшевик" стало ругательной кличкой, что таким образом организация могла потерять и так малочисленные кадры, а пополнить новых нечего было и думать (до 1927 года).

Организация "децистов" не имела у себя громких имен, популярных в широких партийных кругах или в стране. У нас не было ни своего Ленина, ни Плеханова, ни Троцкого. Зато была уверенность, что время поможет их найти, время же поможет проверить правильность прогноза о ВКП(б). За время 1924 -- 27 гг. организация набрала около 2000 человек⁵³⁹.

Наши низовые организации (ячейки) насчитывали не более 5 человек, при наличии большего количества -- новая ячейка в том же предприятии. Представители ячеек выбирали представителей в центры. Такие центры я знал: на Украине (Харьков), Донбассе (Луганск), Урале (Свердловск) и Москве. В Москве помимо местного центра существовал свой "Литературный центр". В Ленинграде такого центра не существовало, так как было очень мало наших сторонников (знаю, так как отвозил туда чемодан с литературой).

Члены организации обязаны были соблюдать правила конспирации и не выступать от имени "группы 15-ти". От имени группы могли говорить, выступать на собраниях лишь те, которые себя расшифровали. В неизбежных случаях во внутрипартийных спорах могли говорить от имени троцкистов. Такая конспирация не могла удовлетворять молодую горячую кровь. Она стремилась к активному выступлению. Молодежь бурлила, кипела. Для Троцкого молодежь была барометром партии. Действительно, троцкисты впитали в себя прекрасные кадры из молодежи, среди которых в процессе борьбы выростали талантливые фигуры, к

словам которых прислушивалась старая гвардия и зачастую шла на поводу у этой молодежи⁵⁴⁰. Сторонники троцкистов все стали известны и все были сосланы. Сторонники децистов пострадали меньше. В ссылке не было никого ни из Свердловска, ни из Луганска⁵⁴¹. По-видимому, и низовые ячейки сохранились, если только не "самораспустились" после 30-х годов. Достоверных сведений, что наша организация продолжала работу "на воле", я не имею, зато достоверно известно, что некоторые члены оставались живы до 1941 г., не будучи ни разу арестованными⁵⁴².

В группу "децистов" принимались как члены ВКП(б), так и беспартийные. Программа организации до 1927 г. -- "платформа 15-ти". Программа организации после 1927 г. не имеет письменного оформления.

Да какая может быть программа, когда сидишь по тюрьмам и политизоляторам. Переписка разрешена по одному адресу ближайшему родственнику, а потом эти ближайшие родственники получают 8 -- 10 лет лагеря как ЧСВН (член семьи врага народа).

Техника и средства организации были столь же бедны, как кадры. Особенно трудно было с "техникой". Например, еще во время блока с троцкистами был куплен за границей ротатор, но когда он прибыл по старой явке, блок был нарушен, и троцкисты не выдавали его нам, хотя он был куплен на личные взносы децистов. Заполучить его удалось больше под влиянием кулаков (буквально) Сапронова, чем по другим соображениям. (Для троцкистов после выхода из блока после четкой формулировки нашей концепции мы стали контрреволюционной группой). Кроме ротатора имелись стеклогграф, шапирограф и несколько пишущих машинок. О настоящем типографском шрифте мы и не мечтали -- и организация и средства ее были слишком скромны. Да и массовая работа была лишь в далекой перспективе. После разгрома организации ни ротатор, ни стеклогграф, ни работники техники не были ГПУ обнаружены. Они лежат спрятанными в одном совхозе под Москвой.

После годовщины революции в ноябре 1927 г., когда троцкисты стали апеллировать к беспартийным (самостоятельные, не утвержденные ЦК, но безвинные лозунги во время демонстрации: назад к Ленину), раскрытие и арест типографии троцкистов [были неизбежны]. Стала назревать опасность арестов. Пришлось поставить вопрос о переходе на нелегальное положение нескольких руководя-

щих лиц нашей группы -- понадобилось заранее заготовить "липы". Но было слишком поздно. Большую пачку удостоверений личностей, профсоюзные карточки (тогда еще не была введена всеобщая паспортная система), а также один заграничный паспорт мне удалось спрятать в одном научном институте, но они не могли быть использованы, так как об этом знали лишь я да Сапронов. Аресты же произошли быстрее, чем мы ожидали. Об этих "липах" ГПУ ничего не было известно -- пишу об этом для полноты картины организации нашей группы⁵⁴³.

"Красный крест" для организации материальной помощи семьям арестованных состоял из трех лиц, в организации нашей группы не входящих. Они сумели кое-что сделать, но в очень мизерных количествах. Организация прекратила работу в связи с общей дезориентацией после разгрома группы.

Из этих трех человек "Красного креста" лишь двое были арестованы, но не по делу "Красного креста". Один арестован и расстрелян ГПУ в 1937 году, другой Гестапо в 1941 году.

Организаторы и вдохновители

Группа "демократического централизма" выступала еще во время Ленина. Последний называл их "громче всех крикунов". После смерти Ленина она была одно время в блоке [с] троцкистами-зиновьевцами. Потом нарушала блок в силу неприемлемых для [всех] прочих формулировок по вопросу об оценке контрреволюционной роли ВКП(б).

После этого децисты выступили как "группа 15-ти". Не все деци-сты подписали платформу этой группы по конспиративным соображениям, но подписи В. М. Смирнова и Т. В. Сапронова имеются и под этой платформой, и они же цементировали эту группу.

Т. В. Сапронов в прошлом строительный рабочий-маляр. Вступил в РСДРП во время революции 1905 года. Был арестован и сослан как организатор союза строительных рабочих в Москве. Во время войны 1914 -- 16 гг. находился на нелегальном положении под фамилией Александрова, работал на заводе "Проводник", Тушино, под Москвой. До февраля 1917 г. организовал на заводе группу РСДРП(б) и профсоюзную организацию под видом больничной кассы. Человек без образования, но со светлым трезвым умом и с сильной волей. Из небольшой группы в феврале эта ячейка выросла до 1500 человек в октябре 1917 года (на заводе было около 5000 рабочих, эвакуированных из Прибалтики). В октябре 1917 года на улицах Москвы воевало около 300 человек Красной гвардии

из рабочих "Проводника".

После февраля 1917 г. сфера его работы расширилась, охватывая почти все уезды Московской губернии. Стал председателем Московского губернского совета, председателем концессионного комитета, председателем Малого Совнаркома и секретарем ВЦИКа после организации ЦИК СССР. На этом кончилась его "карьера советчика", как некоторые любят выражаться.

Все свои свободные дни он по-старому проводил на знакомых заводах и фабриках. О судьбе революции он не переставал думать и став у власти. Был ли он хорошим оратором? Когда читаешь стенограммы его речей, они кажутся сумбурными, малоубедительными. Но стоило ему выступить перед рабочей аудиторией, как речь его становилась неузнаваемой, красочной. Аудитория слушала его, затаив дыхание. Так было до октября, так было после октября. Но впоследствии, для того чтобы защищать миф о диктатуре пролетариата, не находил не только слов, но и желания. Он был достаточно мужественный, чтоб отказаться от той партии, которой он посвятил десятки лет своей жизни, убедившись, что она ведет рабочий класс не к лучшему, а к худшему будущему.

В. М. Смирнов был прямым контрастом Сапронову. Человек, владеющий пером, по образованию экономист, имеющий большой запас слов в узком кругу, он терялся перед большой, незнакомой аудиторией. Если Сапронов был организатор-массовик, то В. М. Смирнов был "кабинетным ученым". Он был и в общественной, и в личной жизни болезненно скромнен. Большая начитанность, эрудиция и личная деликатность, скромность в сношениях с другими привлекали к нему людей, успевших его близко узнать. В нем было многое от идеального нигилиста и народовольца.

[1947]

Д. Троцкого и Н. И. Седовой, инженер. Преподавал в Высшем техническом учи-лице в Москве, автор ряда научных исследований. В политической деятельности не участвовал, однако в 1935

ПРИМЕЧАНИЯ

Се дов

Примечания

1. Седов Сергей Львович (1908--1937) -- сын Л.Д.Троцкого и Н.И.Седовой, инженер. Преподавал в Высшем техническом училище в Москве, автор ряда научных исследований. В политической деятельности не участвовал, однако в 1935 г. был арестован по так называемому "кремлевскому делу", сослан в Красноярск. В начале 1937 г. был вновь арестован, отправлен в концентрационный лагерь в Воркуту, а в октябре того же года расстрелян.

Седов Лев Львович (1906-1938) - сын Л. Д. Троцкого и Н.И. Седовой, деятель объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. Помощник и секретарь Троцкого в ссылке и эмиграции. Руководитель издания "Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)" в Берлине, а затем в Париже. Умер в больнице во Франции после легкой операции при странных обстоятельствах. Вероятно, был убит агентами советских спецслужб.

Речь идет о телеграммах, посланных Л. Д. Троцким по дорогов ссылке.

Седова Анна Семеновна -- первая жена Л. Л. Седова. Когда Л. Л. Седов выехал в 1929 г. вместе с отцом, высланным из СССР, за границу, осталась в Москве. В 1932 г. была арестована. Дальнейшая судьба неизвестна. По всей видимости, была расстреляна во время "большого террора".

Речь, очевидно, идет о вторжении представителей ОГПУ в квартиру А. Седовой.

Речь, очевидно, идет об аресте Д. Майзеля и членов его семьи или, возможно, близких к нему лиц.

7. Речь идет о Раковской Александрине Георгиевне (1875?--1946?) -- супруге Х. Г. Раковского, до 1917 г. учительнице математики в Бухаресте и румынской журналистке, выступавшей в социалистической печати. С 1917 г. жила вместе с мужем в России (СССР). Участвовала в объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. Находилась вместе с Раковским в ссылке в Астрахани, Саратове и Барнауле в 1928 --1934 гг. В 1943 г. была арестована в Ташкенте и приговорена к пятилетнему заключению. Скончалась в концлагере.

Речь идет об обыске в квартире А. Седовой.

Имеется в виду Седова Наталия Ивановна (1882--1962) -- супруга Л. Д. Троцкого, мать его сыновей Льва и Сергея. На протяжении всей совместной жизни до убийства Троцкого агентом советских спецслужб в августе 1940 г. была ближайшим помощником во всей политической и литературной его деятельности. Автор воспоминаний о Троцком.

Имеется в виду Л. Д. Троцкий.

Каспарова Варсаника Давидовна (1888--1941) -- советская партийная деятельница. После Октябрьского переворота 1917 г. велела большевистскую пропагандистскую работу. Являлась сотрудницей аппарата Исполкома Коминтерна. В 1926 -- 1927 гг. участвовала в объединенной оппозиции. В декабре 1927 г. была исключена из ВКП(б), а затем сослана в г. Курган Уральской области. Через несколько лет,

после заявления о разрыве с оппозицией, была освобождена из ссылки и восстановлена в партии. Работала в сельскохозяйственном институте в Алма-Ате. В 1936 г. арестована, приговорена к десяти годам заключения. В

сентябре 1941 г. расстреляна в Орловской тюрьме.

Зангезур -- историческая область на юго-востоке Армении. Тоже название носит поселок, куда, как предполагалось вначале, был сослан И. Н. Смирнов.

Речь идет о начальнике конвойной команды Кишкине, подкомандованием которого осуществлялась депортация Л. Д. Троцкого и членов его семьи в ссылку в Алма-Ату. На участке Фрунзе -- Алма-Ата два чемодана с книгами и бельем были потеряны или украдены. Конвойная команда пыталась подменить их чемоданами других пассажиров. После протестов команда, взяв список утерянных вещей, обязалась их возместить, что сделано не было. Ящик с лекарствами был обнаружен (Троцкий Л. Дневники и письма. М., изд-во гуманитарных наук, 1994, с. 18 -- 19).

Сермукс Сергей -- секретарь Л. Д. Троцкого во время его пребывания на должности наркома по военным и морским делам. Остался личным секретарем Троцкого после отстранения его от руководящей партийной и государственной службы. В 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан в Великий Устюг. Дальнейшая судьба неизвестна. По всей видимости, был расстрелян во время "большого террора".

Речь идет о вещах семьи Троцких, пропавших по дороге в ссылку.

Валентинов Григорий Борисович (1896 -- ?) -- в середине 20-х годов сотрудник редакции газеты "Труд". Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан в Усть-Кулом (Коми АССР). Имя Валентинова стало известно в политических кругах СССР и за рубежом после опубликования в "Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)" адресованного ему письма Х. Г. Раковского ("Письмо тов. В.") с критикой политики руководства ВКП(б) и перерождения советской власти (1929, No 6, с. 14 -- 20).

Анализ письма см.: Чернявский Г. И., Станчев И. Г. В борьбе против самовластия: Х. Г. Раковский в 1927--1941 гг. Харьков, 1993, с. 172 -- 183.

После покаяния Валентинов был освобожден из ссылки, но в 1933 г. арестован, приговорен к заключению на три года, в 1936 г. вновь приговорен к заключению на пять лет, после истечения срока освобожден не был. В 1948 г. приговорен к заключению на 25 лет. Дальнейшая судьба неизвестна. По всей видимости, умер в концлагере.

Богдасаров -- советский партийный работник, участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В 1928 г. был исключен из ВКП(б) и затем сослан в Чимкент. Дальнейшая судьба неизвестна.

Белобородова Франя Викторовна -- жена А. Г. Белобородова. Судьба неизвестна.

Речь идет о А. Г. Белобородове.

20. Имеется в виду большое покаянное заявление Зиновьева и Каменева, опубликованное в "Правде" 27 января 1928 г. В письме говорилось, что авторы "капитулировали перед ВКП(б)", порвали с группой Троцкого, подчинились всем решениям XV съезда партии. Они заявили, что еще в 1926--1927 гг. внутри оппозиционного блока шла внутренняя борьба и что, участвуя в блоке, они "не

считали возможным разоружение против ошибок троцкизма". Речь идет также о документе "Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)". Основная часть текста документа опубликована в издании: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-- 1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications, т. 4, с. 109 -- 174. Последняя, 12 глава, опубликована в т. 1 настоящего издания.

21. О "Заявлении 23-х" см. т. 1, примеч. 346.

22. Написанный Зиновьевым в августе 1927 года документ назывался "Итоги июльского пленума". В архиве Троцкого обнаружить этот документ не удалось. Вероятно, И. Кузнецов цитирует этот документ по работе Троцкого "На новом этапе", опубликованной в первом томе настоящего издания. Кузнецов цитирует те же два отрывка из статьи Зиновьева, что и Троцкий. При этом текст у Кузнецова не абсолютно совпадает с текстом у Троцкого.

23. Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888--1939) -- советский государственный деятель. Большевик с 1905 г. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. был генеральным комиссаром банков. Являлся председателем советской делегации при подписании Брестского мира с Германией 3 марта 1918 г. Во время гражданской войны командовал соединениями Красной Армии. В 1921 -- 1926 гг. был наркомом финансов, в 1929 -- 1934 гг. полномочным представителем СССР в Великобритании, с 1934 г. заместитель наркома иностранных дел. Участвовал в "новой оппозиции" Зиновьева и Каменева в 1925 г. На XIV съезде ВКП(б) (1925) предлагал сместить Сталина с поста генерального секретаря ЦК. Арестован в 1936 г. На втором "открытом" судебном процессе в Москве по делу "антисоветского троцкистского центра" (январь 1937 г.) приговорен к заключению. Умер в тюрьме.

24. Речь идет об отвергнутой в то время оппозицией возможности создания отдельных, параллельных политических организаций ("вторых партий") в масштабах стран и их объединении в особый, Четвертый Интернационал. Курс на политическое отделение от компартий и Коминтерна вызревал у Л. Д. Троцкого и его сторонников постепенно. В 1930 г. в Париже состоялась их первая международная конференция. В ней участвовало восемь партий и групп, которые объявили, что остаются в составе Коминтерна, но создают свой координационный орган -- Международный секретариат левой оппозиции. В 1938 г. сторонники Л. Д. Троцкого в разных странах на конгрессе в Париже провозгласили создание IV Интернационала, численность которого оставалась незначительной и который после второй мировой войны раскололся на несколько соперничающих групп. IV Интернационал, как и в целом "троцкистское" движение на Западе, не мог "грозить Коминтерну возникновением альтернативной политической силы", как это утверждает идеализирующий Троцкого российский автор (Роговин В. Сталинский неонэп. М., 1994, с. 39).

Речь идет о двух директивных письмах, посланных в начале января 1928 г. руководящими деятелями оппозиции своим сторонникам за границу. Документы были перехвачены советскими спецслужбами и 15 января 1928 г. опубликованы в

"Правде" под заголовком "Подрывная работа троцкистов против Коминтерна" в качестве "разоблачительного материала" с соответствующими комментариями. В первом из писем говорилось: "Мы против второй партии и против IV Коминтерна -- самым непримиримым образом, причем исходим из интересов международного большевизма". Во втором письме, возражая против создания "союза левых коммунистов" в Германии, авторы указывали: "Имя "союз" ничего не прибавит, но может стать псевдонимом второй партии". Публикация писем стала поводом для новой ожесточенной кампании против "троцкистов", в частности в журнале "Коммунистический Интернационал", где они трактовались как выражение курса лишь противоткрытого образования второй компартии в каждой стране, за разложение Коминтерна и его секций изнутри (Коммунистический Интернационал, 1928, No 4, с. 5). Сомнения в том, не были ли эти документы подделкой, устраняются письмом К. Б. Радека Е. А. Преображенскому от 10 мая 1928 г., в котором говорится: "...Так как мы уже высказались против в "письме к Петру", напечатанном в "Правде" от 15 января..." (Разгром левой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков (1928). Публикация Ю. Фельдтинского. -- Минувшее. Исторический альманах. М., Феникс, 1992, т. 7, с. 275), а также другими документами оппозиционеров.

Тред-юнионисты -- деятели Британского конгресса тред-юнионов.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 14 - 23 июля 1926 г., на котором обсуждался ряд хозяйственных вопросов и ито-ги перевыборов в советы, произошло первое крупное столкновение оформлявшейся объединенной оппозиции со сталинской группой. Ряд оппозиционных деятелей (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Муралов и др.) выступили с заявлением, в котором подверглась критике бюрократизация партийного аппарата, вносились предложения о повышении заработной платы рабочим, ускорении темпа развития промышленности, усилении налогового нажима на капиталистические элементы, о более активной поддержке между-народного революционного движения. Сталин и его группа обвинялись во фракционности. Вновь всплыло на поверхность "завещание" В. И. Ленина, причем Сталин извратил его смысл: тогда как в документе рекомендовалось обдумать путь устранения Сталина с поста генерального секретаря, он заявил, что Ленин, будто бы, рекомендовал обсудить вопрос, целесообразно ли устранение. Излагая письмо, Сталин назвал только одно из отрицательных качеств, которыми его наделил Ленин, -- грубость, умолчав о нетерпимости, капризности и др. (Buranov Ju. Lenin's Will: Falsified and Forbidden.

New York, Prometheus Books, 1994, p. 180 -- 185). На пленуме рассматривался вопрос о "деле Лашевича и др." (устройство нелегального оппозиционного собрания в лесу). Пленум исключил Зиновьева из политбюро ЦК ВКП(б). Лашевич был исключен из числа кандидатов в члены ЦК, остальные оппозиционеры предупреждены, что, если они не прекратят фракционной деятельности, к ним будут применены строгие организационные меры.

Речь идет о позиции, занятой Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым в 1917 г., когда они на конспиративных заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 (23) и 16 (29) октября выступили против немедленного проведения вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства и захвата власти, считая, что политическая ситуация для этого еще не созрела, что большевики не смогут управлять бездругих политических сил. Затем они дали понять о своей позиции печати, опубликовав соответствующее заявление в газете А. М. Горького "Новая жизнь". Ленин назвал Каменева и Зиновьева "штрейкбрехерами", "дезертирами", что не помешало ему сохранить обоих деятелей на высших партийных и государственных постах. В "Письме к съезду" ("завещании") Ленин, однако, вспомнил о поведении Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г., заявив, что оно не было случайным. Непосредственно после Октябрьского переворота Каменев и Зиновьев вместе с рядом других деятелей большевистской партии выступили за создание многопартийного социалистического правительства с участием меньшевиков и эсеров.

Государственное политическое управление (ГПУ), созданное в 1922 г. на базе Всероссийской чрезвычайной комиссии формально при Наркомате внутренних дел РСФСР, а фактически самостоятельно и преобразованное в 1923 г. в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), существовало до 1934 г. Оно являлось основным органом политического сыска и террора, основанных на грубейшем попрании человеческих прав, беззаконии, ставившими своей главной целью обеспечить атмосферу страха и послушного исполнения всем населением воли тоталитарной верхушки. В союзных республиках действовали соответствующие ГПУ, находившиеся под руководством ОГПУ. В 1934 г. ведомство было включено в наркомат внутренних дел СССР и переименовано в Главное управление государственной безопасности.

Правильно -- Березово. В рассматриваемый период поселок, ныне город Иркутской области.

Туруханск -- в рассматриваемый период поселок, ныне город на севере Красноярского края, недалеко от Игарки.

В документе пропуск. Речь идет об издании "Bulletin Communiste. Contre le Courant" ("Коммунистический бюллетень. Против течения"), который выпускали в Париже Ф. Лорио, исключенный из компартии за поддержку Троцкого, и другие коммунистические диссиденты. Журнал выходил в 1926 г., выражая в основном взгляды тех деятелей, которых руководство партии обвиняло в "правых" взглядах.

Лорио Фердинанд (1870--1932) -- французский политический деятель, социалист с 1901 г. В начале XX в. один из лидеров левого крыла Социалистической партии. Член компартии с момента ее образования в декабре 1920 г. В 1924 г. выступил против курса "большевизации" компартий, выдвинутого Коминтерном, в 1926 г. порвал с коммунизмом и основал независимую политическую группу "Против течения", издававшую свой бюллетень.

Речь идет о резолюции XV съезда ВКП(б) по докладу В. М. Молотова о работе в деревне. Она намечала усиление мер ограничения кулачества, но не его

ликвидацию, как это было сделано через два-три года под флагом решений XV съезда.

Оппозиция подготовила контртезисы к XV съезду ВКП(б) пятилетнему плану и по работе в деревне. Лишь первый документ был опубликован в центральной печати (Дискуссионный листок № 5.--Правда, 1927,17 ноября). Второй же не был доведен до ведома комму-нистов до съезда, несмотря на объявленную дискуссию. 2 ноября 1927 г. руководство оппозиции обратилось в редакцию "Правды" с требованием опубликовать тезисы то ли в дискуссионном листке, то ли на одной из основных страниц "Правды" (Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 150. л. 1). Ответа авторы не получили. И те, и другие тезисы вошли в сборники дискуссионных материалов, опубликованные в 1928 г., которые были построены так, что за каждым материалом оппозиции следовали выступления, обвинявшие оппозиционеров в преступлениях перед партией. Оппозиция полагала, что путем правильного использования бюджета, кредита, цен, связей с мировой экономикой можно получить средства для решения задач индустриализации и подъема культуры масс. Вносились предложения о повышении заработной платы рабочим в соответствии с повышением производительности труда, пресечении "бюрократических безобразий", создании Союза деревенской бедноты с пролетарским влиянием, постепенном подведении деревни к переходу на крупное машинное коллективное хозяйство. Основной огонь сосредоточивался на усиливавшейся концентрации власти в руках Сталина (Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б): Сборник дискуссионных материалов. М.-Л., Госиздат, 1928, вып. 2, с. 32 - 68; вып. 3, с. 24 - 61).

Так в тексте. Смысл не ясен. Возможна описка.

Речь идет об инструкции о выборах в местные советы (1926) несколько расширявшей предоставление избирательных прав крестьянам-собственникам.

Речь идет об одном из выступлений Калинина, в котором про-пагандировался общепринятый в середине 20-х годов курс на под-держку развития индивидуального крестьянского хозяйства.

Микоян Анастас Иванович (1895 -- 1978) -- советский партий-ный и государственный деятель. Большевик с 1915 г. Участвовал в гражданской войне в Закавказье. В 1920 -- 1926 гг. секретарь регио-нальных партийных органов. В 1926 -- 1946 гг. нарком внешней и вну-

тренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности, нарком внешней торговли. Одновременно с 1937 г. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1946 -- 1955 гг. занимал министерские посты и был заместителем председателя, с 1955 г. первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1964 --1965 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. До 1976 г. был членом ЦК КПСС. На протяжении долгой политической жизни проявил уникальную способность приспосабливаться ко всем советским лидерам от Сталина до Брежнева. Автор апологетических воспоминаний.

Шацкий Лазарь Абрамович (1902 -- 1937) -- советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1919 -- 1922 гг. секретарь ЦК Российского комсомола, в 1921 -- 1925 гг. секретарь Коммунистического Интернационала молодежи. Затем находился на учебе в Институте красной профессуры. В 1929 г. смещен с ответственных постов по обвинению в правом уклоне и направлен на "низовую" работу. Работал в Саратове, затем возвратился в Москву и был со-трудником Центросоюза. В 1935 г. исключен из партии и арестован. Расстрелян во время "большого террора".

Ломинадзе Виссарион (Бесо) (1898--1935) -- советский партийный деятель. Родственник Сталина. В начале 20-х годов был одним из руководителей Коммунистического Интернационала молодежи. Затем занимал различные посты в партийных органах Закавказья. В 1927--1928 гг. являлся представителем Коминтерна в Китае. Вместе с Г. Нейманом спровоцировал авантюристическое Кантонское восстание в январе 1928 г. В 1930 г., будучи первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), возглавил группу партийных и советских работников, выступивших против насильственной коллективизации, излишних капиталовложений, усиления бюрократии. Группой критиковал Сталина и намеревалась поставить вопрос об отмене поста генерального секретаря ЦК ВКП(б). Ломинадзе поддерживал связь с аналогичной группой С. И. Сырцова в Москве. Группа Ломинадзе была раскрыта в октябре 1930 г., после получения Сталиным двух доносов секретаря партийной ячейки отделения литературы Института красной профессуры Б. Г. Резникова, в которых в основном речь шла о "фракционной работе" группы Сырцова, но упоминался и Ломинадзе. Большинство участников группы Ломинадзе было исключено из партии и арестовано. Сам Ломинадзе был переведен на работу в РСФСР. Являлся парторгом Московского авиационного завода, а затем секретарем Магнитогорского горкома ВКП(б). На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. выступил с покаянной речью. В связи с арестами в 1935 г. бывших членов "группы Сырцова-Ломинадзе" покончил самоубийством.

Речь идет о доходивших до ссыльных оппозиционеров слухах о столкновениях между Сталиным, с одной стороны, и членами группы Бухарина, в частности председателем Совнаркома СССР А. И. Рыковым, с другой, в основном по вопросу о политике в деревне, о сохранении или отмене чрезвычайных мер, об изъятии хлебных ресурсов и др.

Вирав -- тифлисский большевик, участник объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. В апреле 1928 г. после исключения из партии был сослан в Ирбит. Дальнейшая судьба неизвестна.

"Заря Востока" -- газета на русском языке, орган ЦК компартии Грузии. Основана в 1922 г. Выходила до 1991 г.

45. Бронштейн, Козловский, Воровская -- исключенные из ВКП(б) и сосланные оппозиционеры.

Лазыко -- партийный работник в Москве, участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б) и сослан в поселок

Тургай на севере Казахстана. Дальнейшая судьба неизвестна.

Автор статьи не установлен.

Хикс Джордж (1879 -- ?) -- деятель британского рабочего движения, член Генерального совета тред-юнионов во время забастовок 1926 г., председатель федерации рабочих-строителей.

Речь идет о заявлении Х. Г. Раковского, И. Т. Смилги, Н. И. Муралова и К.

Б. Радека, оглашенном Смилгой 18 декабря 1927 г. на XV съезде ВКП(б), в котором содержался протест против исключения оппозиционных деятелей из партии, и излагались основные установки оппозиции. (XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Госиздат, 1928, с. 1248 -- 1250).

Так в документе.

Внутренняя тюрьма ОГПУ -- тюрьма, расположенная в комплексе зданий ОГПУ на площади Дзержинского (Лубянке). Использовалась в основном для содержания заключенных, подвергавшихся интенсивным допросам высшими чиновниками этого карательного ведомства.

Имеется в виду Политический Красный Крест, являвшийся преемником Общества помощи политическим ссыльным и заключенным, существовавшего до 1917 г. Политический Красный Крест оказывал эпизодическую и небольшую помощь советским политическим заключенным. Руководила им первая жена М. Горького Е. П. Пешкова. Политический Красный Крест был распущен советскими властями в середине 30-х годов.

Сосновская Ольга Давидовна -- супруга Сосновского Льва Семеновича (1886--1937) -- советского партийного публициста и общественного деятеля.

После Октябрьского переворота 1917 г. Сосновский находился в основном на журналистской работе. С 1918 г. постоянный сотрудник "Правды". Участник объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б), а затем сослан в Барнаул. Позже находился в других местах ссылки. Продолжал придерживаться своих взглядов до 1934 г. В 1934 г. выступил с покаянным заявлением о разрыве с "троцкизмом", возвращен из ссылки и в 1935 г. вновь принят в ВКП(б), но в следующем году опять исключен и арестован. Расстрелян без суда. Телеграмма Сосновской подписана вымышленной фамилией "Барнаульская", чтобы известить семью Троцких о месте ссылки ее мужа.

Майзель Давид -- сотрудник Л. Д. Троцкого, участвовал в подготовке к печати собрания его сочинений. Присоединился к объеди-

ненной оппозиции 1926--1927 гг., в связи с чем был исключен из ВКП(б) и в начале 1928 г. сослан в Вологду. Дальнейшая судьба неизвестна.

Видимо, речь идет о Вязниковцеве Георгии -- советском партийном работнике, участнике объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. Вязниковцев был исключен из ВКП(б), а затем сослан в Тобольск. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гуревич Александр -- советский партийный работник, участник объединенной

оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б), а затем сослан в Краснококшайск (Йошкар-Олу). Дальнейшая судьба неизвестна.

Сведений об оппозиционере Заварьяне, находившемся в ссылке в Краснококшайске (Йошкар-Оле), обнаружить не удалось.

Сведений об оппозиционерах Юшкине и Эвельсоне, сосланных в Андижан (Узбекистан), обнаружить не удалось.

Видимо, речь идет об аресте названных лиц.

Волкова (девичья фамилия Бронштейн) Зинаида Львовна(1903--1933) -- дочь Л. Д. Троцкого от первого брака. В начале 30-х годов по разрешению советских властей лечилась в Германии, где находилась вместе с сыном Всеволодом (в СССР в ссылке остались ее муж Платон и сын Лев). Страдая депрессией, покончила самоубийством после лишения ее в 1932 г. советского гражданства. Муж З. Л. Волковой Платон Волков был выслан в Омск, где был рабочим на заводе. Арестован и расстрелян в 1936 г.

Невельсон Марк (псевдоним Ман) -- советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. Экономист. С 1923 г. находился на хозяйственной работе. Зять Л. Д.

Троцкого (муж Н. Л. Бронштейн). Участник объединенной оппозиции 1926 --1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б), а затем сослан в село Самарово, Тобольского округа. Позже находился в ссылке в г. Чебоксары. В первой половине 30-х годов несколько раз подвергался арестам. В 1935 г. в последний раз арестован. Расстрелян во время "большого террора".

Врачев Иван Яковлевич (1898--?) -- советский общественный деятель. Большевик с 1917 г. Участвовал в гражданской войне в качестве комиссара дивизии Красной Армии, в 1921 г. был начальником политуправления Туркестанского фронта, затем начальником политуправления Отдельной Кавказской армии. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б), а затем сослан в Вологду. В 1930 г. после заявления о разрыве с оппозицией освобожден из ссылки и восстановлен в партии. В 1936 г. вновь исключен и сослан. Участвовал в советско-германской войне в качестве рядового солдата. В 1949 г. арестован и приговорен к заключению на 25 лет. Освобожден в 1956 г. Автор воспоминаний о гражданской войне. В первой половине 90-х годов жил в Москве.

Переверзев Валериан Федорович (1882--1968) -- литературный историк, член ВКП(б) с 1921 г. Профессор Московского университета. Работы Переверзева о классиках русской литературы отличались вульгарной социологизированностью. В 1938 -- 1956 гг. находился в заключении.

Нечаев Н. В. - большевик с 1915 года, стенограф и член секретариата Л. Д. Троцкого в период, когда он был наркомом по военным и морским делам. В 1925--1926 гг. инструктор Курского губкома партии, в 1926--1927 гг. секретарь Белгородского горкома партии. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в с. Колпашево Томской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна. По всей видимости, был расстрелян во время "большого террора".

Ежов, Бухарцева, Эмануэль, Карамоненко, Шенкман -- участ-ники оппозиции, сосланные в с. Колпашево Томской губернии.

Сырцов Сергей Иванович (1893--1937) -- советский государ-ственный и партийный деятель. Большевик с 1913 г. В 1917--1929 гг. занимал различные посты в партийном аппарате разных районов страны. В конце 20-х годов был первым секретарем Западносибир-ского крайкома ВКП(б). Выступал за относительно умеренный курс в аграрном вопросе, за что подвергся ожесточенным нападкам Сталина во время его поездки в Сибирь в январе 1928 г. В 1929--1930 гг. председатель Совнаркома РСФСР и кандидат в члены по-литбюро ЦК ВКП(б). Под руководством Сырцова образовалась груп-па партийных и советских работников, выступавших против насильственной коллективизации, неоправданно высоких темпов капитального строительства, усиления бюрократизма. Группа Сыр-цова поддерживала связь с другой группой, возникшей вокруг секре-таря Закавказского крайкома ВКП(б) В. Ломинадзе. Обе группы выска-зывались за ликвидацию поста генерального секретаря ЦК ВКП(б). В октябре 1930 г. группа Сырцова была раскрыта после получения Сталиным двух доносов секретаря партячейки отделения литературы Института красной профессуры Б. Г. Резникова, на основании которых Сталин сделал вывод о том, что Сырцов и Ломинадзе пытались органи-зовать заговор. Большинство членов группы Сырцова было исключено из партии, некоторые арестованы. Сам Сырцов был обвинен в орга-низации "право-левицкого блока" и исключен из ЦК ВКП(б). В следу-ющие годы подвергался арестам. В 1937 г. расстрелян без суда.

Речь идет о передовой статье "Первые итоги заготовитель-ной кампании и задачи партии", опубликованной в "Правде" 15 фе-вралья 1928 г. Статья рассматривалась рядом оппозиционеров как свидетельство некоторого поворота "центра" (группы Сталина) влево, в сторону усиления борьбы против кулачества.

Яковлев (настоящая фамилия Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896--1938) -- советский государственный деятель. Большевик с 1913 г. В первые годы советской власти занимал различные по-сты на Украине. В 1923-1924 гг. работал в ЦК РКП(б). С 1926 г. был заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1929--1934 гг. нарком земледелия СССР. С 1934 г. заведовал сельско-хозяйственным отделом ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян без су-да во время "большого террора".

Вырезка в архивном деле отсутствует.

70. 107-я статья уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала суровые наказания -- лишение свободы с полной или частичной конфискацией имущества -- за спекуляцию, под которой понималась перепродажа товаров, купленных, как правило, в государственной торговой сети, за более высокую цену. В то же время формула о "злостном повышении цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых" давала возможность весьма широкой трактовки. Начиная с поездки И. В. Сталина в Сибирь в январе 1928 г. статья 107 стала применяться в отношении сельского населения -- Сталин потребовал рассматривать крестьян,

отказывавшихся сдавать хлеб государству, в качестве спекулянтов и применять к ним во всей строгости уголовное законодательство, вплоть до расстрела. Вслед за этим статья 107 была распространена на городских нэпманов -- многие проявления частного предпринимательства стали рассматриваться как спекуляция. По требованию Сталина, вначале Западносибирский крайком ВКП(б), а затем другие партийные органы приняли решения о расследовании дел по этой статье в течение 24 часов и рассмотрении их без участия защиты. Судам запрещалось выносить оправдательные или условные приговоры.

71. Поездка И. В. Сталина в Сибирь 15 января -- 6 февраля 1928 г. формально была предпринята в связи с "неудовлетворительным ходом хлебозаготовок". Сталин выступал на собраниях партийных активов Новосибирской, Барнаульской, Бийской, Рубцовской и Омской окружных организаций. Эти выступления коренным образом отличались от его же доклада на XV съезде ВКП(б) за месяц до этого провозглашением нового курса на проведение сплошной кол-лективизации сельского хозяйства в ближайшие годы. От местных властей Сталин требовал чрезвычайных мер против кулаков, обыска амбаров, блокировки дорог, чтобы не дать возможности кулакам вывезти зерно на свободную продажу, конфискации у них хлеба, продажи 25% конфискованного хлеба малоимущим по низкой цене. В то же время некоторые другие партийные деятели (Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и др.) пытались обнаружить экономические причины хлебных трудностей и соответствующие пути их преодоления. Одновременно со Сталиным в районы страны выехали другие партийные деятели, некоторые из которых (М. И. Фрумкин на Южном Урале, Н. А. Угланов на Нижней Волге и др.) осуждали применение "военно-коммунистических методов" заготовки хлеба. Январские воюжи положили начало открытой внутрипартийной борьбе между группой Сталина и умеренными во главе с Бухариным и Рыковым, которая продолжалась свыше года и завершилась полной победой Сталина, осуждением "правого уклона" и развертыванием насильственной коллективизации сельского хозяйства.

72. Госсельсклад -- государственный склад сельскохозяйственных машин и инвентаря.

73. Комитеты бедноты (комбеды) были созданы в селах европейской России и Белоруссии декретом Совнаркома РСФСР от 11 июня 1918 г. Вместе с декретом от 13 мая о чрезвычайных полномочиях народного комиссариата по продовольствию и постановлением об организации вооруженных рабочих продотрядов он означал объявление войны зажиточной части крестьянства. Во многих местах комбеды осуществляли функции реальной государственной власти, что являлось шагом к фактическому упразднению советской власти на местах. Комбеды небезуспешно пытались приобщить малоимущих и неимущих крестьян к коммунистической политике в деревне -- конфискации земли, сельскохозяйственных орудий, хлеба и других видов продовольствия и фуража у зажиточных крестьян (незначительная часть конфискованного передавалась бедноте, в основном самим членам комбедов), проводили насильственный набор в Красную Армию. В конце 1918 г. комбеды были слиты с сельскими советами. На Украине подобные организации -- Комитеты

незачисленных (неимущих) крестьян (комнезамы) существовали в 1920--1933 гг. Город Камень-на-Оби с 1932 г. назывался Ойрот-Тура, с 1948 г. носит название Горно-Алтайск.

ЕПО -- Единое потребительское общество.

Шамиль (1799 - 1871) - имам Дагестана и Чечни (1834 -1859), руководитель борьбы кавказских горских народов противроссийской колонизации. Кавказская война продолжалась с 1817 по 1864 г. В ходе войны Шамиль основал имамат (религиозно-политическую единоличную власть). В 1869 г. он был взят в плен русскими войсками и сослан в Калугу. В 1871 г. получал разрешение на паломничество в Мекку и умер на пути в Медину (Аравия).

77. "Советская Сибирь" -- газета, орган Западносибирского крайкома ВКП(б) и краевого исполкома (позже Новосибирского крайкома, обкома партии и соответствующих исполкомов). Выходила в 1926 - 1991 гг.

"Коммунистический манифест" (правильно "Манифест Коммунистической партии") -- документ, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в начале 1848 г. в качестве программы Союза коммунистов -- формально международной, а по существу немецкой коммунистической организации, существовавшей в 1847--1852 гг. В документе обосновывалось утверждение о неизбежности гибели капитализма и пролетариата в его ликвидации, излагались отношения к другим коммунистическим и социалистическим доктринам, определялась тактика коммунистов по отношению к иным оппозиционным политическим партиям и т. д. Нусинов И. О. -- советский партийный деятель. Во второй половине 20-х годов был секретарем Западносибирского крайкома ВКП(б). Участник группы С. И. Сырцова в 1930 г. Был (вместе с В. А. Каврайским) автором проекта письма в ЦК ВКП(б) с критикой бюрократизма, насильственных мер коллективизации, неоправданно высоких темпов индустриализации и т. д. В октябре 1930 г. исключен из ВКП(б) и арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

Речь идет о И. Н. Смирнове.

Имеется в виду сотрудник народного комиссариата продовольствия.

Решения объединенного пленума ЦК ВКП(б) и Центральной контрольной комиссии 6--11 апреля 1928 г., который обсуждал во-

просы о хлебозаготовках, о шахтинском деле и др., были выдержаны в основном в духе умеренных установок Н. И. Бухарина. Сам Бухарин, а также Рыков, заместитель наркома финансов Фрумкин и другие выступали против чрезвычайных мер в деревне. Пленум потребовал исправления "перегибов", к которым были отнесены "все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы подразверстки" (КПСС в резолюциях. М., Политиздат, 1984, т. 9, с. 319). Но сразу после пленума, материалы которого опубликованы не были (в печати появилось лишь краткое информационное сообщение), появились принципиально отличавшиеся одно от другого выступления о его итогах -- доклады Сталина на собрании актива Московской и Бухарина на собрании актива Ленинградских организаций ВКП(б). В

докладе Бухарина высказывалось беспокойство по поводу применения административных мер и вообще "чрезвычайщины". Сталин был бескомпромиссен и груб, демагогически разглагольствовал о самокритике, призывал к усилению борьбы против кулачества и по существу дела намекнул на Бухарина словами о том, что тот, кто думает понравиться "и богатым, и бедным, тот не марксист, а дурак" (Сталин И. Сочинения. М., Госполитиздат, 1949, т. 11, с. 48).

Рабоче-крестьянская Красная Армия (РККА) -- официальнонаименование советских сухопутных войск и военно-воздушных сил в 1918 -- 1946 г. Совместно с Военно-морским флотом РККАсоставляла Вооруженные силы СССР.

Левичев Василий Николаевич (1891--1937) -- советский военный деятель. Штабс-капитан во время первой мировой войны. С 1919 г. слу-жил в Красной Армии. В 1923 г. окончил курсы старших командиров Военной академии РККА. В 1924--1927 гг. заместитель начальника, а затем начальник Главного административного управления Крас-ной Армии. Был редактором журнала "Военный вестник". В 1931--1933 и 1934--1937 гг. -- заместитель начальника Штаба Красной Ар-мии. В 1933--1934 гг. краткое время был военным атташе в Германии. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Верховский Александр Иванович (1886 --1938) -- советский во-енный историк. До Октябрьского переворота 1917 г. был генерал-майором, в августе-октябре 1917 г. -- военный министр Временного правительства. С 1919 г. служил в Красной Армии. С 1921 г. на преподавательской работе. В 1936 г. Верховскому было присвоено званиекомбрига. Был арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Загю М. М. -- российский военный деятель, генерал. Командо-вал соединениями во время первой мировой войны. Одно времябыл начальником штаба верховного главнокомандующего. Признавсоветскую власть, в 20-е годы преподавал в военных учебных заведе-ниях. Дальнейшая судьба неизвестна.

87. Морозов В. И. -- советский военный теоретик и историк, в начале второй мировой войны генерал-лейтенант.

ГУ РККА -- главное (отраслевое) управление штаба РККА.

В марте 1925 г. политкомиссарский состав Красной Армиибыл освобожден от обязанностей повседневного контроля строе-вой, административной и хозяйственной деятельности командногосостава. В ведении комиссаров осталось лишь партийно-политичес-кое руководство. Таким образом был совершен переход к единоначалию, что вызвало серьезное недовольство значительной части ар-мейских коммунистов, находившихся на политической работе.

ВПА -- Военно-политическая академия, созданная в Петро-граде в 1919 г. С 1938 г. функционировала в Москве. Готовила пар-тийно-политических работников и военных педагогов.

УВО -- Украинский военный округ.

ЛВО -- Ленинградский военный округ.

93. Под "ликбезом" на советском "новоязе" подразумеваласьликвидация неграмотности (безграмотности). Она проводилась в качестве выполнения

важнейшей партийной и государственной задачи в 1919 -- 1939 гг. на основании соответствующих декретов и законов. По официальным данным, грамотные составляли в 1926 г. 56,6%, в 1939 г. -- 87,4%. Хотя, судя по этим данным, перед второй мировой войной неграмотные в целом составляли свыше 1/8 части населения (в деревне -- одну четвертую часть), было объявлено, что ленинский декрет "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР" (1919) выполнен. Данная резолюция изобилует стилистическими "перлами", но последняя фраза даже на их фоне представляется выдающейся, особенно указанием на "отсутствие... примерности со стороны комсомольцев к воинской дисциплинированности".

Территориальные части Красной Армии, существовали в 1925 -- 1938 гг. Они были созданы в соответствии с военной реформой, начатой под руководством М. В. Фрунзе. Кадровые войска сильно сокращались (до 560 тыс.), вводился закон об обязательной воинской службе, устанавливалось единоначалие. В территориальных войсках постоянные кадры рядового и командного состава не превышали 20% штатов военного времени, остальные проходили военную службу без отрыва от основных занятий. Территориальные части являлись формой всеобщего военного обучения и поддерживали население в состоянии "боевой готовности".

Имеется в виду активный деятель объединенной оппозиции В. Б. Эльцин.

На копии телеграммы приписка Л. Д. Троцкого: "3 апреля. "Конец Сермуксиады". Сермуксу".

Нарымский край (Наркрай) -- название в Российской империи, а затем в годы советской власти северной части Томского уезда. Лесисто-болотистый район с суровым климатом был местом политической ссылки. Ее здесь отбывали декабристы, участники польских национально-освободительных восстаний, народники, социал-демократы. Опыт царских властей с успехом использовали и приумножили советские спецслужбы.

99. Феникс -- сказочная птица, которая, по представлениям древних, в старости сжигала себя и возрождалась из пепла обновленной молодой. Служила символом вечного возрождения жизни и молодости.

100. Хунхузы -- участники вооруженных банд в Маньчжурии с середины XIX до середины XX в. Остальные термины обозначают сходные военно-партизанские формирования, действовавшие в различных районах Китая в 20-е годы ("большие ножи", "желтые мечи", "подтянутые животы" и т. д.).

101. Го Сунлин -- деятель компартии Китая в 20-е годы, руководитель провинциального комитета партии с центром в Шанхае. Был убит гоминдановцами в 1927 г.

"Большевик" - журнал ЦК ВКП(б). Выходил с 1924 г. С 1952 г. до прекращения выхода в 1991 г. назывался "Коммунист" и был органом ЦК КПСС.

Миф Павел (настоящие фамилия, имя и отчество Фортус Михаил Александрович) (1901 -- 1938) -- советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1920 -- 1922 гг. учился в коммунистических университетах. В 1922 -- 1925 гг. занимал партийные посты на Украине. Затем работал заместителем ректора

Коммунистическо-го университета им. Сунь Ятсена в Москве и в центральном аппарате Коминтерна. В 1927 г. был в Китае, являясь руководителем агитационно-пропагандистского отдела ЦК компартии. В 1928 г. заменил К. Б. Радека в качестве ректора университета им. Сунь Ятсена. До 1935 г. несколько раз посещал Китай с миссиями Коминтерна. С 1935 г. являлся помощником генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова, занимаясь в основном китайскими делами. Был арестован во время "большого террора". Умер в заключении. В № 3 -- 4 журнала "Большевик" за 1928 г. были помещены статьи Б. Ломинадзе "Новый этап китайской революции и задачи китайских коммунистов" (с. 86 -- 107) и П. Мифа "Спорные вопросы китайской революции" (с. 108 -- 122). Статье Ломинадзе, носившей "левый" характер, было предпослано замечание "От редакции": "Отмечая, что защищаемые тов. Ломинадзе взгляды противоречат решениям Исполкома Коминтерна, редакция считает дискуссию по кругу затронутых вопросов, после помещения ответной статьи тов. Мифа, законченной" (с. 86). Статья Мифа носила умеренный характер.

Речь идет о Бисмарке Отто фон Шенхаузене (1815--1898) -- главе правительства Пруссии, а затем первом рейхсканцлере Германской империи (1871 -- 1890). Под руководством Бисмарка в результате войн с Австрией (1867) и Францией (1870--1871) "огнем и кровью" было осуществлено объединение Германии по "малому варианту", предусматривавшему, что Австрийская империя остается вне ее состава. Объединение произошло на основе прусского милитаризма. Прусский король из династии Гогенцоллернов становился одновременно императором Германии (Вильгельм I, а затем Вильгельм II). В объединенной Германии Бисмарк был инициатором создания юнкерско-буржуазного блока, вел борьбу против клерикальной оппозиции, провел некоторые социальные реформы, ввел исключительный закон против социалистов. Бисмарк проводил осторожную внешнюю политику, считая необходимым примирение с Россией.

По всей видимости, имеется в виду не первая американская революция (XVIII в.), приведшая к образованию США, а гражданская война 1861 -- 1865 гг. между свободным Севером и рабовладельческим Югом. Началась в результате мятежа, поднятого рабовладельческими штатами с целью сохранения рабства и распространения его на всю страну. На втором этапе войны (с 1862 г.) правительство президента Авраама Линкольна применило решительные меры (освобождение рабов, бесплатная раздача в собственность небольших участков земли и пр.), придавшие войне характер демократической революции. Война привела к фактическому объединению страны, созданию единого рынка, освоению западных земель, торжеству свободного предпринимательства во всех сферах экономики. Следует отметить, что чуть ниже в комментируемом документе допускается смешение обеих американских революций. Высказывается не-лепое суждение, что эти революции были направлены, мол, "против отжившего свой век феодализма".

Утверждение о мощных выступлениях рабочего класса и крестьянства в последние годы было неверным. С середины 20-х годов острота социальных

выступлений в капиталистических странах значительно уменьшилась. Крупных выступлений, за исключением всеобщей забастовки в Великобритании в начале мая 1926 г., не было вообще. Эта ситуация была признана Коминтерном, определившим ее как один из признаков частичной стабилизации капитализма.

Кон Феликс Яковлевич (1864 -- 1941) -- деятель польского революционного движения с 1882 г. С 1906 г. один из руководителей Польской социалистической партии -- левизы. С 1918 г. был членом РКП(б). В 1921 г. секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1922 -1923 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. В 1927--1935 гг. заместитель председателя Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. В 1931-- 1933 гг. был председателем Всесоюзного радиокomiteта. Автор ряда работ по истории польского и международного рабочего движения. Выпустил мемуарный труд "За пятьдесят лет" (т. 1 -- 3, 1932--1934). С 1927 г. один из редакторов журнала "Каторга и ссылка".

108. Теория сверхимпериализма (ультраимпериализма) была выдвинута в 1914 г. К. Каутским, предполагавшим, что реальной тенденцией развития капиталистических государств будет их совместная "ультраимпериалистическая политика" эксплуатации мира объединенным финансовым капиталом. Это, по мнению Каутского, могло смягчить или даже устранить противоречия между капиталистическими странами и опасность мировых войн. Позже при нападениях советских и коминтерновских деятелей на те или иные выступления с анализом состояния и тенденций мировой экономики и политики им часто приписывалось следование "тео-

рии ультраимпериализма". Такого рода упреки выдвигались неоднократно, например по адресу трудов акад. Е. С. Варги.

109. Речь идет о резолюции IX пленума Исполкома Коминтерна "Китайский вопрос", в которой текущий период китайской революции оценивался как буржуазно-демократический и содержались предупреждения против "перепрыгивания" через этот этап революции. Основные задачи концентрировались на укреплении компартии и ее борьбе против уклонов.

110. 58 статья уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривала в многочисленных пунктах кары за "антисоветскую деятельность". В числе "составов преступления" были измена Родине (п. 1), организация вооруженного восстания, вторжения на советскую территорию, захват власти (п. 2), подрыв государственной экономики (п. 7), совершение террористических актов (п. 8), разрушение или повреждение с контрреволюционной целью железнодорожных и иных путей, средств сообщения, связи и т. д. (п. 9), участие в организации, образованной для совершения государственных преступлений (п. 11) и т. д. По всем пунктам предусматривались расстрел или, "при смягчающих обстоятельствах", заключение сроком от пяти до десяти лет.

Сольц Арон Александрович (1872--1945) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. В 1917 г. был членом редколлегии газет "Социал-демократ" и "Правда". С 1921 г. член Верховного

суда РСФСР, затем СССР. Член ЦКК боль-шевистской партии в 1920--1934 гг. (с 1923 г. член ее президиума). Был членом Интернациональной контрольной комиссии Комин-терна. В кругу фанатиков-большевиков Сольца часто называли "со-вестью партии". Фактически же он очень ловко приспособивался ко всем политическим ситуациям, что позволило ему не только избежать репрессий, но и постоянно быть близким к партийной и советской верхушке.

Матрос Швандя -- персонаж драмы "Любовь Яровая" (1926) К. А. Тренева. Швандя -- мудрец и храбрец из простого народа, в образе которого, наряду с другими персонажами, идеализировалось участие советской стороны в гражданской войне в России после Октябрьского переворота 1917 г.

Рютин Мартемьян Никитич (1890 -- 1937) -- советский партийный деятель. Большевик с 1914 года. В 1920-е годы занимал различные посты в партийном аппарате. Был секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве, являлся организатором вооруженных партийных отрядов для разгона оппозиционной демонстрации 7 ноября 1927 года. В. Серж называет Рютина "человеком, искренним в своей слепоте" (Serge V. From Lenin to Stalin. New York, Monad Press, 1973, p. 52). В 1928 году Рютин был снят с должности секретаря райкома за "примиренческое отношение к правому уклону". Был заместителем главного редактора газеты "Красная звезда". В 1930 г. участвовал в группе С.

И. Сырцова. Был исключен из партии и снят с ответственных постов по обвинению в участии в "право-левацком блоке". В марте 1930 г. был уволен из редакции "Красной звезды". Краткий срок был председателем управления фотокинопромышленности. В ноябре 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде, но вскоре освобожден. В начале 30-х годов стал организатором подпольного антисталинского "Союза марксистов-ленинцев" и основным автором нелегального манифеста "Ко всем членам партии". Написал (возможно, совместно с другими участниками его нелегальной группы) большую работу "Сталин и кризис пролетарской диктатуры". В этих документах утверждалось, что Сталин и его окружение порвали с ленинизмом и привели партию и страну к опасному кризису, что оздоровление партии и государства невозможно без устранения Сталина. В сентябре 1932 г. Рютин был вновь арестован. Сталин требовал его расстрела, но он был приговорен к 10-летнему заключению. Расстрелян в январе 1937 г. без суда.

Литания (от греч. litaneia) -- моление, просьба, вид молитвы в католицизме, которая читается или поется во время торжественных процессий.

Имеется в виду IV конгресс Красного Интернационала проф-союзов (Профинтерна) (17 марта -- 3 апреля 1928 г.). Профинтерн был объединением национальных профсоюзных организаций, руководимых компартиями. Существовал в 1921 -- 1937 гг. и фактически действовал в полном соответствии с линией Коминтерна и советско-го руководства. Был распущен в соответствии с новой линией советского руководства и Коминтерна, взявшего на VII конгрессе (1935) курс на восстановление единства профсоюзов в национальном и международном масштабах с перспективой их подчинения коммунистическому движению. IV конгресс Профинтерна обсудил вопросы обитогах и очередных задачах

профсоюзного движения, о рабочей молодежи, о мерах борьбы с фашизмом и "желтыми" профсоюзами и др. В решениях переоценивался новый революционный подъем, подвергались резким нападкам реформистские профсоюзы.

Борхардт Юлиан (1868 -- 1932) -- немецкий социал-демократ, экономист и публицист. Был редактором социалистических газет и журналов. Во время первой мировой войны примыкал к Циммервальдской левой группе. После войны вновь перешел на социал-демократические позиции, а затем отошел от политической деятельности.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921--1931) был образован при Социалистической академии, с 1922 г. функционировал при Всероссийском центральном исполнительном комитете. Собирает документальное наследие Маркса и Энгельса и документацию, связанную с революциями и революционными движениями XVII -- XIX вв. Был слит с Институтом В. И. Ленина в Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

Толстой Лев Николаевич (1828--1910) -- русский писатель, философ, автор многочисленных романов, повестей и рассказов, пьес, сказок, художественно воплотивших главные проблемы развития России в XIX в. и оказавших огромное влияние на русскую и мировую литературу. Философская концепция Толстого и его последо-

вателей заключалась в постижении внутренней сущности личности и на этой основе намечала пути ее нравственного совершенствования.

119. Горький Максим (настоящие фамилия, имя и отчество Пешков Алексей Максимович) (1868--1936) -- русский писатель и общественный деятель. Автор многочисленных романов, пьес, рассказов, стихотворений в прозе, автобиографической трилогии. В романе "Жизнь Клима Самгина" (1925-- 1936) запечатлена панорама общественной жизни России начала XX в. После Октябрьского переворота 1917 г. Горький резко критиковал политику советской власти (очерки "Несвоевременные мысли"). До 1928 г. жил за границей. После возвращения на родину был объявлен классиком, удостоен всевозможных почестей, пользовался дружеским расположением И. В. Сталина, многократно его навещавшим. Сталин использовал Горького для осуществления унификации литературы под лозунгом "социалистического реализма". В последние годы жизни Горький фактически находился под домашним арестом. Обстоятельства его смерти не ясны. Не исключено, что он был убит агентами советских спецслужб.

Неясно, о каком именно письме идет речь. Об этом же письме Троцкий упоминает в письме Мрачковскому от 8 мая 1928 года: "Я Вам посылал свои соображения по поводу кантонских событий. Это письмо было послано 12 марта. Надеюсь, что Вы его получили" (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. М., Изд. гуманитарной литературы, 1995, с. 41).

Речь идет о предполагавшемся назначении Г. Л. Пятакова на дипломатическую работу в США. Он отказался от этой должности, утверждая, что в США непременно будет убит белоэмигрантами, мстящими за красный террор на Украине.

Германо-советские переговоры, происходившие в Берлине с февраля 1928 г., были не разорваны, а прерваны 15 марта германской стороной. Переговоры возобновились в ноябре 1928 г. в Москве и завершились подписанием двух документов -- Протокола (21 декабря 1928 г.), дополнившего Договор 1925 г. и прилагавшиеся к нему экономическое, железнодорожное и другие соглашения, и Конвенции о согласительной процедуре (25 января 1929 г.), определявшей пути решения спорных вопросов. Причина, по которой правительство Германии прервало переговоры, состояла в аресте ряда германских инженеров и техников, работавших на импортном оборудовании в Донбассе, в связи с подготовкой провокационного Шахтинского дела. На Шахтинском процессе в Москве фигурировали уже всего три германских специалиста, которые были освобождены от ответственности.

На протяжении всей первой половины 1928 г. центральная советская печать публиковала сообщения о судебных процессах по делам о взяточничестве и других фактах коррупции, в которых были замешаны руководящие советские и хозяйственные работники (Правда, 1928, 27 января, 11, 21, 22, 24 февраля, 14, 18, 21 марта, 6, 18 апреля, 29 мая, 29 июня и др.). Наиболее значительными фактами

разложения бюрократии были "чубаровский скандал" в Ленинграде, "смоленское дело", выразившееся во взяточничестве, вымогательстве, пьянстве, насилиях и т. п. (Афанасьев В. Г. "Смоленское дело" 1928 г.: Подготовка "великого перелома". -- Вестник МГУ, 1991, № 3; Павлова И. В. Сталинизм: Становление механизма власти. Новосибирск, Сибирский хронограф, 1993, с. 69 -- 70). Надо отметить, что, направляя гнев на конкретные объекты, сталинское руководство не только находило "козлов отпущения", но и преследовало цель перетряхивания местного аппарата. Однако никаких посягательств на систему в целом не допускалось. Некоторые дела были сознательно спровоцированы. О коррупции партийных работников, как правило, ничего не сообщалось, хотя факты такого рода имелись в изобилии.

VI конгресс Коминтерна, состоявшийся 17 июля -- 1 сентября 1928 г., рассмотрел вопросы об опасности империалистической войны, о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, о положении в СССР и в ВКП(б), об уставе Коминтерна. Конгресс утвердил программу Коминтерна, текст которой был написан в основном Н. И. Бухариным. Бухарин руководил работой программной комиссии, несколько раз выступал по программному вопросу. В то же время на конгрессе четко проявились разногласия между Сталиным и Бухариным. По требованию Сталина делегация ВКП(б) внесла поправки к тезисам, представленным Бухариным. Поправки усиливали левацкий курс, свойственный решениям конгресса. В их числе были указания на особую опасность левой социал-демократии, необходимость "железной дисциплины" в партиях. Предложения Л. Д. Троцкого и других деятелей оппозиции по программным вопросам были полностью проигнорированы. Рассматривались также апелляции, "дело Троцкого, Сапронова и других, исключенных из ВКП(б)". Конгресс утвердил их исключение и полностью солидаризовался с группой, правившей в СССР, усугубив положение

Коминтерна как фактического внешнеполитического ответвления ЦК ВКП(б). На основании решений конгресса была утверждена тактика "класс против класса", закрепившая сектантский курс коммунистов в международном рабочем движении.

Имеется в виду Г. Л. Пятаков.

Хоречко Тарас -- советский партийный деятель, участник группы демократического централизма. Участник оппозиции 1923 г. и объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. на XV съезде исключен из партии и затем сослан в Нарымский край. Дальнейшая судьба неизвестна.

Письмо "о статье "Правды" от 15 февраля" от 5 марта 1928 г. см.: Троцкий Л.

Письма из ссылки. 1928, с. 13 -- 17. Второе письмо Троцкого Сосновскому (полученное 6 апреля) обнаружить не удалось. Упоминаемые в документе письма Белобородову и Смирнову см. там же, с. 17 - 19, 22 - 24.

Речь идет о резолюции IX пленума Исполкома Коминтерна "Английский вопрос", в которой содержались утверждения о полевении масс и выдвигались требования, чтобы британские коммунисты вели борьбу как против консерваторов, так и против блока ли-

бералов, верхушки лейбористской партии и тред-юнионов. Исходя из этой посылки, определялись конкретные задачи партии, в частности связанные с самостоятельными выступлениями на выборах.

Имеются в виду Зиновьев и Каменев.

Речь идет о Зиновьеве.

По-видимому, имеются в виду Ваганян (Тер-Ваганян) и Саякян (бывший сотрудник московского Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова).

Тер-Ваганян Вагаршак Арутюнович (1893--1936) -- участник революционного движения в России. После Октябрьского переворота 1917 г. был идеологическим работником большевистской партии. В 1922--1923 гг. ответственный редактор журнала "Под знаменем марксизма", затем заведующий агитационно-пропагандистским отделом Закавказского крайкома ВКП(б).

Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б) и затем сослан в Казань. После заявления об отходе от оппозиционной деятельности в 1929 г. был возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1933 г. вновь исключен и сослан в Армению. В 1934 г. возвращен в Москву. В 1936 г. опять арестован и расстрелян по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. Биографических сведений об оппозиционере Саякяне, сосланном в Барнаул, обнаружить не удалось.

Ищенко Александр Григорьевич (1895 -- 1937)--участник революционного движения в России. После Октябрьского переворота 1917 г. профсоюзный работник. В середине 20-х годов являлся председателем профсоюза работников водного транспорта. Был членом Центрального Исполнительного Комитета СССР. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и сослан в Канск. Позже, после покаянного заявления, был возвращен из

ссылки и восстановлен в партии. В 1935 г. вновь исключен из ВКП(б) и арестован. Расстрелян без суда.

Грюнштейн Карл Янович (Иванович) (1886--1936) --участник революционного движения в России. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал ответственные посты в Красной Армии. В первой половине 20-х годов был генеральным секретарем Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Участвовал в объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б) и затем сослан в Чердынь (по другим сведениям, в поселок Верхокамье Уральской области). В 1930 г. после покаянного заявления был возвращен в Москву и восстановлен в партии. Работал заместителем директора завода им. Менжинского. В 1932 г. вновь арестован и сослан. Позже освобожден. В 1936 г. опять арестован. Расстрелян без суда.

134. Сибиряков Владимир Дмитриевич (псевдоним Виленский) -- советский партийный деятель. Был редактором журнала "Каторга и ссылка". Занимался исследованием проблем Дальнего Востока. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в Пермь. После покаянного заявления был возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Имеется в виду существовавшее, по мнению автора, господство кулака в местных органах советской власти в деревне.

Имеется в виду речь А. И. Рыкова на пленуме Московского совета 8 марта 1928 г., посвященная, в основном, хозяйственным вопросам, а также "контрреволюционному заговору в Шахтинском районе Донбасса" (Правда, 1928, 11 марта).

Ротшильды -- финансовая группа в Западной Европе, основанная во Франции в XVIII в. В XX в. основными ветвями являлись английская (центр -- лондонский банк "Н. М. Ротшильд энд санз") и французская (центр -- "Банк Ротшильда").

Государственное издательство РСФСР (Госиздат, ГИЗ) было образовано в мае 1919 г. при Наркомпросе РСФСР с целью создания монополии на печатное слово. В Госиздат вошли ряд существовавших государственных и кооперативных издательств. Директорами были В. В. Боровский (1919 - 1921), О. Ю. Шмидт (1921-1924), А. Б. Халатов (1927 -- 1930). В 1930 г. на базе Госиздата было образовано Объединение государственных издательств РСФСР (ОГИЗ).

Затонский Владимир Петрович (1888--1938) -- советский государственный и партийный деятель, большевик с 1917 г. В 1918 г. был председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, с 1925 г. секретарь ЦК, с 1927 г. председатель ЦКК КП(б) Украины и нарком рабоче-крестьянской инспекции УССР. Позже был наркомом просвещения УССР. Являлся председателем счетной комиссии на XVII съезде ВКП(б) (1934), на котором при выборах ЦК против Сталина было подано около 300 голосов. По распоряжению Кагановича, Затонский и другие члены комиссии фальсифицировали результаты голосования. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Богуславский Михаил Соломонович (1886--1937) --участник революционного

движения в России, член еврейских социалистических организаций с 1905 г., член РСДРП с 1917 г. После Октябрьско-го переворота 1917 г. занимал различные посты в партийном и государственном аппарате Украины. С 1924 г. председатель Малого Совнаркома СССР. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии, а затем сослан в Новосибирск. После покаяния в 1930 г. восстановлен в ВКП(б). Работал начальником строительства завода горного оборудования в Новосибирске. В 1936 г. арестован, на суде по делу "параллельного троцкистского центра" (январь 1937 г.) приговорен к смертной казни и расстрелян.

Речь идет о супруге Сосновского О. Д. Сосновской.

Имеется в виду Л. Д. Троцкий.

Автор не установлен.

Ленинбунд (Ленинский союз) -- организация, созданная в апреле 1928 г. группой бывших немецких коммунистов, исключенных из компартии Германии за поддержку платформы объединенной оппозиции в ВКП(б). Ленинбунд возглавили Рут Фишер и Аркадий Маслов, однако они вскоре его покинули. Организация существовала до прихода нацистов к власти в Германии.

Так в документе.

Речь идет о письме Исполкома Коминтерна германским коммунистам, направленном в связи с предстоящими выборами в рейхстаг (20 мая 1928 г.).

В письме выражалась серьезная тревога по поводу того, что коммунисты-оппозиционеры, особенно сильные в рабочем пригороде Гамбурга Альтоне, выдвинули собственных кандидатов. В письме содержались нападки на оппозиционеров, которые объявлялись раскольниками и агентами капитала.

Речь идет о Жиро Сюзанн (настоящая фамилия Десполье) (1882--1973) -- французской коммунистической деятельнице. В начале XX в. Жиро работала в России в качестве учительницы французского языка в богатых семьях. В 1919 г. вошла во французскую коммунистическую группу в Киеве, стала ее секретарем.

В начале 20-х годов возвратилась во Францию. В 1923 г. была введена в состав политбюро ЦК компартии. Поддержала объединенную оппозицию в ВКП(б). В начале 1928 г. была исключена из партии. Вскоре образовала группу "Ленинское единство". Позже была восстановлена в компартии. После второй мировой войны была избрана в Совет республики (верхнюю палату парламента) от ФКП.

Группа "Clart" ("Ясность") -- мелкая коммунистически настроенная группа во Франции, поддерживавшая объединенную оппозицию в ВКП(б). Существовала недолгое время.

Журнал "La lutte des classes" ("Классовая борьба") -- оппозиционный коммунистический журнал, выпускавшийся во второй половине 20-х годов А. Трэнном.

Имеется в виду Г. Л. Пятаков.

Сапронов Тимофей Владимирович (1887--1939) -- советский партийный деятель. В 1917--1919 гг. был председателем Московско-го губисполкома, затем работал на Украине. В 1920 г. был одним из руководителей группы "демократического централизма". Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. в начале ее существования. В декабре 1927 г. был исключен из ВКП(б) и затем сослан в Шен-курск. В первой половине 30-х годов несколько раз подвергался арестам и освобождался. В 1936 г. арестован в последний раз. Расстрелян без суда.

Инициал "Х." расшифровать не удалось.

Росмер Альфред (1877--1964) -- французский политический деятель. Участвовал в деятельности Социалистической партии. Был одним из основателей компартии, из которой исключен в 1924 г. по обвинению в ультралевом уклоне. Совместно с П. Монаттом издавал во второй половине 20-х годов журнал "La Revolution Proletarienne" ("Пролетарская революция"), в котором пропагандировал взгляды объединенной оппозиции в ВКП(б). VII пленум Исполкома Коминтерна (конец 1926 г.) объявил журнал контрреволюционным и запретил коммунистам сотрудничать в нем. Считая Росмера раскольником, Троцкий в 1929 г. порвал с ним отношения, но в середине 30-х годов политические контакты между ними возобновились. Росмер участвовал в создании IV Интернационала. На его квартире проходила учредительная конференция Интернационала. Во время второй мировой войны находился в США. После войны возвратился во Францию. Автор мемуаров "Москва после Ленина" (1953).

Ван Оверстратен (точнее Оверштратен) Ван Эдуар (1891-1981) -- бельгийский политический деятель, один из основателей компартии. В 1928 г. был исключен из партии за поддержку объединенной оппозиции в ВКП(б). В 1928--1930 гг. возглавлял оппозиционную коммунистическую организацию. В 1930 г. порвал с Троцким и отошел от политической деятельности.

Жакмотт. Жозеф (1883--1936) -- деятель бельгийского социалистического и коммунистического движения. Один из основателей компартии в 1921 г., ее генеральный секретарь в 1934--1936 гг. Избирался депутатом парламента.

Валлоны (свыше 40%) и фламандцы (свыше 50%) -- основные этнические группы Бельгии, говорящие соответственно на валлонском диалекте французского и фламандском диалекте нидерландского языков. Между обеими группами со времени образования самостоятельного Бельгийского государства (1830) сохраняется напряженность, временами превращающаяся в открытые конфликты.

Ляо Жюльен (1884--1950) -- деятель бельгийского коммунистического движения, член политбюро ЦК партии с 1924 г. В 1941--1945 гг. находился в немецких концлагерях. Убит сторонником правых сил.

Фамилия пропущена.

Имеются в виду молодые приверженцы политического курса Амадео Бордиги (1889--1970). Бордига -- деятель итальянского социалистического и коммунистического движения. В 1919--1920 гг. был лидером абстенционистов (бойкотистов), призывавших к отказу социалистов от использования парламентских форм деятельности. В 1921 г. при основании компартии стал ее

генеральным секретарем фактически продолжал абстенционистский курс. В 1923 г. был отстранен Коминтерном от руководства партией, а в 1930 г. исключен из компартии.

Намек на Учредительное собрание в России -- парламентское учреждение, избранное на основе демократических принципов 12 (25) ноября 1917 г. За большевиков голосовало 24% избирателей, за эсеров -- 59%, за кадетов и партии, стоявшие правее их, -- 17%. Учредительное собрание открылось 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде. Оно протестовало против большевистского террора и отказалось утвердить декреты советской власти. В ночь на 6 (19) января оно было разогнано. Через сутки Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Демонстрации в Петрограде и Москве в его поддержку были разогнаны и расстреляны большевистскими вооруженными формированиями. 18 (31) января декретом Совнаркома из всех ранее изданных советских законов были устранены ссылки на Учредительное собрание, что можно рассматривать в качестве начального этапа советского уничтожения неугодной истории.

Имеется в виду политика А. Ф. Керенского (см. т. 1, прим. 59) в качестве министра-председателя Временного правительства России в 1917 г.

Вторая конференция компартии Италии состоялась нелегально в январе 1928 г. Противоречивые решения конференции предусматривали, с одной стороны, борьбу против Демократической концентрации (объединения подпольных антифашистских партий) и, с другой стороны, борьбу против террористического уклона, усиление массовой работы. Было принято обращение к рабочим и крестьянам с призывом выступать единым фронтом против фашизма и капитализма. Конференция одобрила расправу с оппозицией в ВКП(б).

Несколько слов пропущено.

IX пленум Исполкома Коминтерна состоялся 9 -- 25 февраля 1928 г. Он был подготовительным к VI конгрессу Коминтерна. Рассматривались вопросы об оппозиции в ВКП(б) (была подтверждена правильность решения XV съезда партии об исключении "троцкистов"), о задачах коммунистов в профессиональном движении, о китайской революции, о подготовке VI конгресса, вопросы отдельных партий.

Андрейчин Георгий (1894--1952) -- деятель болгарского и международного рабочего движения. В 1913 г. эмигрировал в США, был редактором профсоюзной газеты "Solidarity" ("Солидарность"). С 1920 г. жил в России (СССР). Работал в Госплане, Наркомате торговли СССР. Был сотрудником советского полномочного представительства в Лондоне в середине 20-х годов. Участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и затем сослан. После покаянного заявления освобожден, но в середине 30-х годов вновь арестован и находился в концлагере. В 1945 г. по просьбе болгарского коммунистического лидера Г. Димитрова ему была предоставлена

возможность возвратиться на родину. Андрейчин занимал ряд ответственных постов, в частности в министерстве иностранных дел Болгарии. В 1949 г. был арестован и передан советским спецслужбам по обвинению в "македонизме", "национализме" и со-трудничестве с И. Броз Тито. Расстрелян в СССР.

Пойнтер -- порода легавых собак, используемых для охоты.

Так в тексте.

168. "Die Rote Fanne" ("Красное знамя") -- немецкая газета(1918-- 1939), орган компартии Германии. После прихода к власти нацистов издавалась за пределами Германии.

Речь идет о выдвижении кандидатур Ленинбунда на выборах в германский рейхстаг, назначенных на 20 мая 1928 г.

Смысл установить не удалось.

Речь идет о публикации в "Правде" перехваченных писем оппозиционеров.

Дата в тексте не указана.

Имеются в виду очереди за товарами повседневного спроса, возникшие в связи с перебоями в снабжении населения в конце 1927 -- начале 1928 г. Результатом трудностей стало введение карточек ("заборных книжек"). В Москве и некоторых других городах имели место волнения рабочих и кратковременные забастовки.

См. предыдущий документ.

Речь идет о Л. Д. Троцком.

Речь идет о Клемансо Жорже (1841--1929) -- французском политическом деятеле, премьер-министре в 1906--1909 и 1917--1920 гг. Занимал также другие министерские посты. Клемансо был председателем Парижской мирной конференции 1919--1920 гг. Что же касается "тезиса Троцкого о Клемансо", или "клемансистских тезисов", то они не принадлежали Троцкому, а были ему приписаны борзописцами из сталинской группы. Например, Агитпроп ЦК ВКП(б) в изданных в 1927 г. пропагандистских материалах утверждал, будто оппозиция считает неизбежной смену руководства ВКП(б) "по примеру переворота Клемансо во Франции в 1914 г.". Троцкий тогда же разоблачил не только политическую неосновательность этого утверждения, но и фактическую неграмотность его авторов: "В этом утверждении верно... только то, что Клемансо действовал во Франции. Никакого переворота Клемансо не совершал. Если же под "переворотом" понимать пришествие группы Клемансо к власти, то это произошло не в 1914, а в 1917 г." (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 180).

Радек Роза Маврикиевна (1885?-1938?) - супруга К. Б. Радека, врач и экономист. Деятельно помогала Радеку в его общественной деятельности. Летом 1928 г. приезжала к нему в ссылку в Томск, где провела несколько месяцев. В 1937 г. была арестована и вскоре умерла в концлагере.

178. "Manchester Guardian" -- британская газета, основанная в 1821 г. Вначале выходила еженедельно, с 1855 г. ежедневно. С 1955 г. выходит под названием "The Guardian". Является одной из наиболее влиятельных британских информационных газет. Традиционно придерживается либеральных взглядов.

По-видимому, речь идет о Гуго Преиссе (1860--1925) -- германском ученом, социологе и юристе, в 1919 г. министре внутренних дел Германии, сыгравшем ведущую роль в создании Веймарской конституции Германии (1919). Преисс -- автор ряда трудов: "Города государство" (1909), "Государство, право и свободы" (1926) и др.

В ссылке Л. Д. Троцкий выполнял задания Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Он переводил на русский язык памфлет К. Маркса "Господин Фогт" и редактировал первый том собрания сочинений Маркса и Энгельса на русском языке. О том, насколько тщательно проводилась эта работа, свидетельствует переписка Троцкого с директором института Д. Б. Рязановым (Троцкий Л. Дневники и письма. М., Изд-во гуманитарн. л-ры, 1994, с. 31 -- 34).

Цинцадзе Коте (1887 -- 1930) -- советский партийный деятель. Занимал различные посты в партийных органах Закавказья. Участвовал в оппозиции 1923 г., в объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. Был исключен из партии в конце 1927 г. и затем сослан в Бахчисарай. Умер в ссылке.

Последняя строка -- приписка Л. Д. Троцкого.

"Написано из Берлина одним русским оппозиционером, фамилию которого я забыл Л. Тр." -- Примеч. Л. Д. Троцкого. Из текста письма следует, что оно было передано из США. Письмо было подписано инициалом "С.", что позволяет предположить, что оно было написано Б. Е. Сквирским, являвшимся неофициальным представителем СССР в США. Сквирский Борис Евсеевич (1887--1941) -- советский дипломат. В 1920 г. работал в МИДе Дальневосточной Республики. В 1921-1922 гг. был членом делегации ДВР в США. В 1922- 1933 гг. дипломатический агент СССР в США В 1933--1936 гг. советник полномочного представительства СССР в США. В 1936--1937 гг. посол в Афганистане. Арестован в 1937 г. Умер в заключении.

"Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б)" Л. Д. Троцкого, известно также под названием "О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии", было направлено 21 октября 1927 г. в ответ на анкету об участии Л. Д. Троцкого в Октябрьском перевороте. В этом обширном документе (Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., Наука, 1990, с. 13-- 100) содержалась документированная полемика с официальной партийной историографией по вопросу о роли Троцкого в Октябрьском перевороте, позиции Сталина и других партийных деятелей в 1917 г., дискуссиях 1918 и 1920 гг., истории Коминтерна, позиции Ленина по основным общенационально-политическим вопросам в последние месяцы его сознательной жизни, оппозициях 1923 и 1926 -- 1927 гг. и другим вопросам. Речь идет о выступлении Л. Д. Троцкого на объединенном пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) 22 - 23 октября 1927 г. (Троцкий выступал 23 октября) "по вопросу об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б). (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т. 4, с. 218 -- 224). Это была последняя публичная речь

Троцкистов СССР, направленная против Сталина, приверженцы которого, особенно Бабушкин, Скворцов-Степанов, Скрыпник, прерывали, оскорбляли оратора, не давали ему говорить.

По-видимому речь идет об обращении "В Президиум Исполкома Коминтерна. Комитетам всех национальных партий, объединяемых Коминтерном", написанном в начале января 1928 г. и подписанном, помимо Троцкого, еще 19 оппозиционерами. В обращении содержалась апелляция на исключение из партии, давалась оценка положения в партии и в стране и содержались основные положения платформы оппозиции (Разгром левой оппозиции в СССР. Письма ссыльных большевиков (1928). Публикация Ю. Фельштинского.--Минувшее. Исторический альманах. М., Открытое общество "Феникс", 1992, т. 7, с. 258 - 265).

Истмен Макс (1883--1969) -- американский журналист, писатель, издатель, позже профессор Колумбийского университета. В 20-е годы поддерживал связь с Л. Д. Троцким и его сторонниками. Через Х. Раковского и Истмена на Запад были переданы документы В. И. Ленина, известные как его "завещание" (прежде всего "Письмо к съезду"). Полный текст последнего документа был опубликован Истменом в газете "Нью-Йорк Таймс" 18 октября 1926 г.

В 40-е годы Истмен перешел на консервативные позиции и подверг резкой критике социалистический эксперимент в СССР.

188. Инициал "Л." расшифровать не удалось.

189. "Nation" ("Нация", "Народ") -- леворадикальный еженедельник, выходивший в США с 1865 г. (Нью-Йорк).

190. Речь идет о заявлении Троцкого, что никакого "завещания" Ленина не существовало. Это заявление было сделано им по постановлению Политбюро в ответ на публикацию изложения "Письма к съезду" в книге М. Истмена "Since Lenin Died" (London, Labour Publishing, 1925). Аналогичное заявление тогда же сделала Крупская (подробнее об этом см. в кн. Н. В. Валентинов. Наследники Ленина. Изд. Терра, М., 1991, с. 6 -- 7). Ю. Буранов в книге "Завещание Ленина -- сфальсифицированное и запрещенное" справедливо задается вопросом о том, кто впервые использовал термин "Завещание Ленина" (Yuri Buranov. Lenin's Will: Falsified and Forbidden. Amherst, New York, Prometheus Books, 1994, p. 75 -- 76). Один из ранних текстов этого документа, а правильное сказать -- серии документов, вошедших в историю под названием "Завещание Ленина", -- на Западе находился в архиве Троцкого. Записи Ленина от 25 декабря 1922 г. и 4 января 1923 г., чаще всего называемые "завещанием", в архивной копии документа носят название ""Завещание" Ленина". Однако самим Троцким здесь была сделана описка: "В оригинале рукопись не носит никакого заглавия" (Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923--1927, т. 1. Изд. Терра, М., 1990, с. 73). При публикации в этом же издании "Сводки замечаний членов Политбюро и Президиума ЦК к предложению тов. Зиновьева" редактором-составителем этого сборника Ю. Фельштинским был дан подзаголовок "О публикации "Завещания Ленина"" (там же, с. 56), т. е. всего цикла ленинских документов конца декабря 1922 года. Такой подзаголовок, данный без разъяснений редактора-составителя, следует считать неточным. Ю.

Буранов считает, что "Сводка замечаний" относится не к "Завещанию" вообще, а только к запискам о Госплане, составленным Лениным 27 -- 29 декабря 1922 года. Косвенно это подтверждается тем, что в архиве Троцкого документы идут именно в той последовательности, в какой они были опубликованы в издании (Архив Троцкого, т. 1, с. 56 -- 59), под идущими подряд архивными номерами 797 и 798 (архивные номера указаны в оглавлении к тому). В то же время из высказывания Зиновьева следует, что речь шла не только о записках о Госплане, а первая запись -- "О придании законодательных функций Госплану" -- носит порядковый номер IV. Это заставляет предполагать, что "Сводка замечаний" относилась по крайней мере еще к трем документам (с порядковыми номерами I, II и III), а может быть, все-таки, и ко всему циклу документов. Документ с порядковым номером IV имеет подзаголовок: "Не подлежит опубликованию". Реплика Сталина в "Сводке замечаний": "Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется". Понятно, что Сталин не мог иметь в виду записку о Госплане с грифом "Не подлежит

опубликованию", т. е. с очевидной санкцией "Ильича" на печатание. Реплика Троцкого: "Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому". Можно ли считать формальной причиной гриф Ленина: "Не подлежит опубликованию"? Очевидно, что можно. Реплика Зиновьева: "О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать". Но зачем же задавать вопрос, если гриф Ленина "Не подлежит опубликованию". Таким образом, вопрос о том, к каким именно документам относилась "Сводка замечаний" следует считать открытым.

Имеются в виду взгляды К. Корша.

Синклер Эптон Билл (1878--1968) -- американский писатель, автор многочисленных романов о социальном статусе рабочих США и "большом бизнесе". В 40 -- 50-е годы написал серию романов (11 томов) о Лэнни Бэдде, в которых художественно воплотил проблемы социально-политического развития американского общества в 20 -- 80-е годы XX в.

Альтона -- рабочий пригород Гамбурга, политически находившийся под контролем коммунистов. Очевидно, речь идет о не-удачной попытке создания в Альтоне коммунистической организации, оппозиционной официальному руководству компартии Германии, и о выдвижении этой группой своих кандидатов на выборах в рейхстаг.

Речь идет о телеграмме К. Б. Радека, посланной в "Правду" 29 апреля 1928 г. с просьбой напечатать ее не только в "Правде", но и в германской коммунистической газете "Роте Фане". В "Правде" документ появился под заголовком "Радек против избирательной тактики германских ультралевых" (1928, 4 мая). В газете также сообщалось, что, по имеющимся у редакции сведениям, телеграмма была первоначально послана Троцкому для получения его подписи, но

тот отказался подписать. В телеграмме содержалась критика группы Р. Фишер -- А. Маслова, которую по существу разделяли другие оппозиционеры. Но сепаратное выступление Радека трактовалось как шаг к капитуляции. Л. С. Сосновский писал ему 7 июля 1928 г.: "Я лично и другие любящие Вас друзья переживали Ваше выступление очень болезненно и тяжело" (Разгром левой оппозиции в СССР. - Минувшее, т. 7, с. 284).

Заявление 121 оппозиционера, оглашенное на XV съезде ВКП(б) 3 декабря 1927 г., ставило целью разъяснить их позицию. В заявлении указывалось, что, не отказываясь от своих взглядов, участники оппозиции в целях сохранения единства партии прекращают оппозиционную борьбу, категорически отвергают путь создания второй партии и настаивают на возвращении в ВКП(б) исключенных и освобождении арестованных за оппозиционную деятельность (XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), с. 1333-1335).

Речь идет о Сюзанне Жиро.

Pro domo suo (лат.) -- о нашем доме, то есть о том, что происходит в нашей среде.

IV расширенный пленум Исполкома Коминтерна состоялся 12 -- 13 июля 1924 г. после закрытия V конгресса Коминтерна для принятия по его поручению ряда решений (программа действий компартии Италии, польский вопрос, вопрос о фашизме и др.)

Дата пропущена. Многоточие в тексте.

Вардин И. В. (настоящая фамилия Мгеладзе) (1890--1943) -- советский партийный работник. Большевик с 1907 г. В 1918 г. член бюро петроградской организации большевиков. Позже занимал различные посты в Красной Армии, ВЧК и партийных органах. Участник "новой оппозиции" 1925 г., объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в г. Бийск. После покаяния был возвращен из ссылки. В декабре 1934 г. арестован вместе с Зиновьевым и Каменевым, приговорен к ссылке. Вновь арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Марецкий Дмитрий Петрович (1901-1937?) -- в 20-е годы слушатель, а затем преподаватель Института красной профессуры, специалист по истории мирового хозяйства. Стронник Бухарина. В 1927 г. выступил с рядом статей, направленных против объединенной оппозиции, в частности против "клеветнических обвинений" в терми-дорианском перерождении партии. Член редколлегии "Правды". В 1928 г. был выведен из состава редколлегии, в 1929 г. переведен на низовую работу на периферию, некоторое время был ученым секретарем плановой комиссии и руководителем Экономического кабинета АН СССР в Ленинграде. В 1930 г. исключен из ВКП(б). В конце 1932 или начале 1933 г. арестован. Расстрелян без суда во время "большого террора".

Митрофанушка -- образ из комедии "Недоросль" Д. И. Фон-визина (1782) -- невежественный недоросль, имя которого стало нарицательным.

Так в тексте.

Намек на то, что в Калуге находились выступившие с пока-янными заявлениями

Зиновьев и Каменев.

Данте Алигьери (1265--1321) -- итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка, автор поэмы "Божественная комедия" -- поэтической энциклопедии средних веков. Данте оказал огромное влияние на развитие европейской и мировой литературы.

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632--1677) -- нидерландский философ. Создатель пантеистической системы единой и бесконечной субстанции -- природы-бога, включающей человека и его разум. Главные труды -- "Богословско-политический трактат" (1670) и "Этика" (1677).

207. Петр -- один из апостолов (ближайших последователей) Иисуса, который, согласно Новому Завету, провозгласил Иисуса мессией. Церковное предание называет Петра первым римским епископом.

208. Адлер Фридрих (1879--1960), один из лидеров Социал-демократической партии Австрии, идеолог австромарксизма -- умеренного центристского социалистического течения. В 1911--1916 гг.

Адлер был секретарем партии. В 1916 г. убил министра-президента страны К. Штюргка в качестве политической демонстрации -- протеста против отказа восстановить права рейхсрата (парламента), распущенного в 1914 г. Был арестован и приговорен к заключению. Амнистирован в 1918 г. Являлся одним из организаторов и лидеров "Второго с половиной" (1921--1923) и Социалистического рабочего (1923--1940) Интернационалов.

Намек на М. И. Калинина -- председателя ЦИК СССР, которого в партийной агитации часто называли "всесоюзным старостой".

Гетье Федор Александрович (1863--1938) -- русский врач, терапевт. Главный врач Басманной, а затем Боткинской больниц. Один из специалистов лечебно-санитарного управления Кремля. Был врачом В. И. Ленина и его семьи, врачом Л. Д. Троцкого и его семьи.

Больница была названа именем Боткина Сергея Петровича (1832--1889) -- русского терапевта, основоположника русской клинической школы. В 1860 -- 1861 гг. Боткин организовал клинико-экспериментальную лабораторию, которая стала предшественницей будущей больницы, названной его именем.

Намек на перлюстрацию писем службами ОГПУ.

Имеется в виду резолюция политбюро ЦК и президиума ЦКК РКП(б) о партийном строительстве от 5 декабря 1923 г.

Салтыков-Щедрин (настоящая фамилия Салтыков, псевдоним Н. Щедрин) (1826--1889) -- русский писатель-сатирик, публицист. Автор многочисленных очерков, рассказов, сказок. В "Истории одного города" (1869--1870) содержится сатирическое изображение галереи самодуров-градона начальников, сатирико-психологический роман "Господа Головлевы" (1875 -- 1880) изображает надлом и кризис дворянского сословия России. "Убежище Монрепо" (1878--1879) -- остро сатирическая повесть, высмеивавшая бюрократические порядки российской провинции.

Речь идет о докладе И. В. Сталина 13 апреля 1928 г. на собрании актива Московской организации ВКП(б) об итогах апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. В противоречии со сравнительно умеренными решениями пленума, выдержанными в основном в духе установок Н. И. Бухарина, Сталин призывал к борьбе против внутренних врагов, к усилению борьбы против кулачества, к развертыванию "самокритики", даже такой, в которой лишь 5--10 процентов правды, что открывало широкую дорогу клевете и выявлению новых "врагов" (Сталин И. Соч., т. 11, с. 26 -- 27). По существу дела, это был подготовительный шаг к травле группы Бухарина.

Речь идет об одном из лозунгов, выдвинутых во время выступления моряков крепости Кронштадт в марте 1921 г.

Петровский Григорий Иванович (1878--1958) -- советский государственный деятель, в 1919--1938 гг. председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б) в 1926--1939 гг. В связи с арестом и расстрелом сына Петровский был отстранен от всех постов. В последние годы жизни работал заместителем директора Музея революции СССР.

Рабкоры (рабочие корреспонденты) -- участники так называемого "рабселькоровского движения" -- движения рабочих и крестьянских корреспондентов советской печати и радио (после второй мировой войны также и телевидения), созданного компартией с целью "развития общественной активности советских людей" в коммунистическом духе, их приобщения к официальному политическому курсу, в какой-то мере выявления реального положения на местах. Рабселькоровское движение широко использовалось карательными органами и спецслужбами для политического сыска и насаждения системы террора и страха.

Под "мастером" имеется в виду Сталин.

Дымовка -- село Николаевского округа Одесской губернии, где в 1923 г. возник конфликт между крестьянами и коррумпированными партийными и советскими работниками. Дело началось с того, что крестьянин Г. И. Малиновский, член РКП(б), стал выступать с разоблачительными речами на сельских сходах. В ответ он был обвинен в том, что участвовал в белых бандах, был исключен из партии и обложен непосильным налогом. В ответ на его корреспонденции в газету "Красный Николаев" Малиновский 28 марта 1924 г. был убит. Сенсационные разоблачения "дымовского дела", инициатором которых стал журналист "Правды" Л. С. Сосновский, в том числе факты расправы, стали предметом специального постановления ЦК и ЦКК ВКП(б) в феврале 1925 г., где эти факты получили соответствующую трактовку и были использованы для нагнетания "классовой борьбы" на селе и раздувания антикулацкой истерии.

Ксенофонтов Ф. А. -- помощник И. В. Сталина в первые годы его работы в качестве генерального секретаря ЦК РКП(б), историк и социолог, автор работы о ленинизме, многие положения которой были заимствованы Сталиным в лекциях "Об основах ленинизма", прочитанных весной 1924 г. в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Ксенофонтов также

подбирал цитаты и фактический материал для сталинских лекций. Книга Ксенофонта была изъята, он сам отстранен от ответственной работы. Во время "большого террора" был арестован и расстрелян без суда.

Гоголь Николай Васильевич (1809--1852) -- русский писатель, автор многочисленных повестей, пьес, сборников рассказов, поэмы-романа "Мертвые души". Гоголь был главой "натуральной школы" в русской литературе, оказал огромное воздействие на развитие реалистической литературной традиции.

Молчалинство -- игра слов, от "молчание" и фамилии Молчалина -- персонажа комедии в стихах "Горе от ума" Александра Сергеевича Грибоедова, написанной в 1822--1824 гг. Многие образы комедии, в том числе образ Молчалина, послушного, льстивого чиновника, стремящегося угодить "всем людям без изъятия" стали нарицательными. "Горе от ума" сыграла выдающуюся роль в становлении русской классической литературы и русского театра.

Статья В. И. Ленина "Удержат ли большевики государственную власть?" была написана в Выборге в конце сентября -- начале октября 1917 г. Была опубликована в журнале "Просвещение" (1917, № 1 -- 2), издававшемся большевиками (Ленин В. И. Соч., изд. 5, т. 34, с. 287-339).

Рухимович Моисей Львович (1889 -- 1938) -- советский государственный деятель. Большевик с 1913 г. В 1925 г. был председателем Высшего совета народного хозяйства УССР. С 1926 г. заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1930 -- 1931 гг. нарком путей сообщения СССР, с 1936 г. нарком оборонной промышленности СССР. Арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

Ломов (настоящая фамилия Оппоков) Георгий Ипполитович (1888--1938) -- советский государственный деятель. Большевик с 1903 г. Нарком юстиции в первом советском правительстве. В 1918--1931 гг. занимал различные партийные и государственные посты. В 1931--1933 гг. заместитель председателя Госплана СССР. Был арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

Акакий Акакиевич -- литературный герой повести Н. В. Гоголя "Шинель" (1842), основным содержанием которой и, соответственно, образа Акакия Акакиевича, является приниженность "маленького человека".

Имеется в виду комплекс зданий ЦК ВКП(б) на Старой площади в Москве.

Левиафан -- в библейской мифологии огромное морское чудовище. Слово употребляется в смысле чего-то страшного и очень большого по размерам.

ЦРК -- Центральный рабочий кооператив.

Так иронически названа местная газета, выходившая в г. Барнауле.

Сосновский сравнивает стиль Сафарова со стилем Е. М. Яро-славского.

Автор документа не указан. Но совпадение ряда фраз в нем в работе Преображенского "Левый курс в деревне и перспективы" позволяет установить авторство.

Так в документе.

Так в тексте документа.

В документе пропуск.

Три основные течения в партии согласно платформе оппозиции представляли собой открыто правый уклон, аппаратно-центристское течение ("теперешнее фактическое политбюро") и самоопозицию ("ленинское крыло партии"). Наличие этих течений согласно платформе было одной из основных причин кризиса в партии (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923 -- 1927, т. 4, с. 150-151).

238. "Гражданская война во Франции" К. Маркса -- брошюра (1871), содержащая несколько документов, написанных Марксом от имени Генерального совета Международного товарищества рабочих (I Интернационала) в связи с событиями во Франции весной

1871 г. и созданием Парижской Коммуны. В среде революционной социал-демократии и особенно в большевистской традиции особенно подчеркивались мало обоснованные утверждения Маркса, что Парижская Коммуна была первым государством рабочего класса, прообразом диктатуры пролетариата.

Имеется в виду Парижская Коммуна 1871 г.

Так в тексте. Пропущен фрагмент.

Шахтинское дело -- провокационный судебный процесс в Москве в мае-июле 1928 г. над мнимыми участниками "контрреволюционной вредительской организации" -- инженерами и техниками, работавшими в Шахтинском и других районах Донбасса. Пятеро обвиняемых были приговорены к смертной казни, остальные -- к разным срокам заключения. Привлеченные к суду три немецких специалиста были освобождены от ответственности. Есть непроверенные данные, что осужденные на казнь были не расстреляны, а, как опытные специалисты, отправлены на мучительную медленную смерть в лагерь рабского труда на угольные шахты Ка-раганды (Треппер Л. Большая игра. М., Политиздат, 1990, с.

45). Цель Шахтинского дела состояла в том, чтобы запугать интеллигенцию и другие слои общества, дать фактическое обоснование сталинской концепции обострения классовой борьбы при построении социализма накануне ликвидации нэпа и возвращения к "военно-коммунистическим" методам управления.

Так в тексте. В оригинале пропущен фрагмент.

"Листок Рабоче-крестьянской инспекции" печатался в виде приложения в "Правде" с 15 марта 1928 по 28 ноября 1933 г. Его появление было связано с выдвижением Сталиным лозунга "самокритики". Публикация "Листка" ставила целью "вовлечение широких масс трудящихся в борьбу против бюрократизма". По существу же дела, он способствовал нагнетанию истерической обстановки в партии и в стране, которая использовалась для упрочения личной диктатуры Сталина.

Так в документе. В оригинале пропущен фрагмент, видимо, одно слово.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 - 23 октября 1927 г. был последним, на котором происходила открытая схватка между Троцким и Сталиным, как и вообще последний пленум ЦК, на котором имели место прямые антисталинские выступления. Троцкий выступил с обширной речью, в которой разоблачался курс расправы с оппозицией как "голос термидора" (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 218 - 224). Троцкий и Зиновьев были на пленуме

исключены из состава ЦК ВКП(б).

Выражение "На Шипке все спокойно" применялось для обозначения внешне спокойной ситуации при опасном или даже катастрофическом положении по существу. Пошло от названия картины художника В. В. Верещагина по сюжету русско-турецкой войны 1877- 1878 гг.

"Экономическая жизнь" -- газета, основанная в 1919 г. Вначале была органом Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), нар-

комата финансов и наркомата труда, с 1921 г. -- орган Совета труда и обороны. Издатели менялись и позже. Выходила до 1937 г.

Громан Владимир Густавович (1874--1931?) -- российский социал-демократический деятель, меньшевик. В 20-е годы заявил о признании советской власти и работал в качестве беспартийного специалиста. В конце 20-х -- начале 30-х годов был членом президиума Госплана СССР. Автор ряда исследований по экономическим вопросам. Арестован в 1931 г. Был одним из подсудимых на провокационном процессе по делу вымышленного "Союзного бюро меньшевиков" в том же году. Признан себя виновным и полностью сотрудничал с судьями. Был приговорен к заключению. После процесса исчез. Судьба неизвестна. Видимо, был расстрелян. "Торгово-промышленная газета" выходила в Москве в 1922 --1941 гг. В 1930 -- 1937 гг. являлась органом наркомата черной металлургии.

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) -- центральный орган управления народным хозяйством, главным образом промышленностью, в Советской России (СССР) в 1917--1932 гг. После образования СССР ВСНХ стал союзным наркоматом, руководившим промышленными предприятиями союзного значения (остальными руководили наркоматы союзных республик). Был реорганизован в наркоматы тяжелой, легкой и лесной промышленности.

"Экономическое строительство" -- ежемесячный журнал Московского губернского экономического совещания. Выходил в 1922 --1930 гг.

Несколько слов в документе утрачено.

Так в документе.

В 1922 -- 1928 гг. в СССР был выпущен ряд государственных займов, облигации которых приобретались в основном государственными и кооперативными организациями. В 1928--1929 гг. был выпущен "Заем индустриализации", подписка на который проводилась среди населения на добровольно-принудительной основе с предоставлением рассрочки платежей. В ходе реализации займа около 80% рабочих и служащих отдали государству свою месячную заработную плату. Облигации не выдавались на руки, а "принимались на коллективное хранение", то есть фактически изымались у владельцев, что вызывало недовольство и протесты. По существу дела, подписка на займы стала средством изъятия средств населения на государственные нужды.

Автора документа установить не удалось.

Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон (1721--1764) -- французская маркиза, фаворитка короля Людовика XV, оказывавшая влияние на государственные дела.

М. И. Калинин выступал на VIII съезде ВЛКСМ, заседавшем совместно с Обществом "Долой неграмотность" и коллегией наркомата просвещения РСФСР, 13 мая 1928 г. Речь была посвящена во-просам "культурной революции" и объявленного съездом комсомольского "культурного похода" против неграмотности (Правда, 1928, 20 мая).

Имеется в виду речь И. В. Сталина на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г.

Орджоникидзе Григорий Константинович (1886--1937) -- советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1903 г. После Октябрьского переворота 1917 г. возглавлял большевистские организации Закавказья. С 1920 г. председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б). С 1926 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком ра-боче-крестьянской инспекции СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР. "Скоростная смерть" Орджоникидзе, последовавшая в разгар "большого террора", после его столкновения со Сталиным, была фикцией. Он толи покончил самоубийством, то ли был убит агентами спецслужб.

Два слова прочитать не удалось.

Фрумкин Моисей Ильич (1878--1938) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. был на государственной и партийной работе в Сибири. В 1918--1922 гг. член коллегии наркомата продовольствия, затем заместитель наркома. В 1922--1929 гг. заместитель наркома внешней торговли, затем заместитель наркома финансов. В 1928--1930 гг. совместно с Бухариным и Рыковым выступал за умеренную политику в деревне, против "раскулачивания". Фрумкин обратился с двумя письмами в ЦК ВКП(б) (первое письмо публикуется в настоящем томе, с. 237 -- 242). Второе письмо (ноябрь 1928 г.) содержало доказательства неизбежной деградации сельского хозяйства при сохранении существовавшей политики в деревне. Фрумкин писал, что основная часть деревни настроена против большевиков, что не следует интенсивно расширять совхозы, что партия не должна мешать производству в кулацких хозяйствах, хотя и должна одновременно бороться против кабальной эксплуатации кулаками бедных крестьян. Фрумкин был обвинен в правом уклоне, но сохранил ответственные посты. В 1932--1934 гг. являлся заместителем наркома внешней торговли. Затем некоторое время занимал низовые хозяйственные должности. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Бауман Карл Янович (1892--1937) -- советский партийный деятель. Социал-демократ с 1907 г. В 1920--1923 гг. секретарь Курского губкома РКП(б). В 1928--1929 гг. заведующий отделом ЦК ВКП(б) по работе в деревне. В 1929--1931 гг. первый секретарь Московского горкома ВКП(б). С 1931 г. первый секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). В 1934 г. стал заведующим отделом науки, открытий и изобретений ЦК ВКП(б). Арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

Кубяк Николай Афанасьевич (1881--1937) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. В 1918--1920 гг.

председатель Петроградского губкома РКП(б). В 1922--1927гг. секретарь Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), затем ВКП(б). В 1928-1931 гг. нарком земледелия РСФСР. Был арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

264. "Ленинские сборники" издавались с 1924 г. Они содержали неопубликованные документы Ленина, подготовительные материалы, а также исследования соответствующей проблематики. Седьмой "Ленинский сборник" вышел в 1928 г. Он включал материалы, связанные с расколом в РСДРП в 1903--1904 гг. и ранее неопубликованные документы Ленина, относившиеся, главным образом, к советскому периоду.

Варга Иштван (Евгений Самуилович) (1879--1964) - деятель венгерского социалистического и коммунистического движения, деятель Коминтерна, ученый-экономист. С 1920 г. жил в России (СССР), был членом большевистской партии. В 1927--1947 гг. ди-ректор Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии, затем Академии наук СССР. С 1939 г. академик. Автор трудов в области политической экономии капитализма. В марте 1938 г. Варга обратился с письмом к Сталину, в котором протестовал против арестов иностранных коммунистов и роста национализма в СССР. После второй мировой войны подвергался нападкам со стороны председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, однако арест и расстрел Вознесенского спасли Варгу от расправы. В пределах марксистско-ленинской парадигмы Варга пытался относительно трезво анализировать основные явления социально-экономического развития современного мира. В начале 60-х годов он написал работу, не предназначенную для печати, в которой попытался осмыслить явления советской действительности, в основном связанные с формированием бюрократии в особый правящий слой и моральным разложением общества (Полис, 1991, No 2, с. 177 -- 183).

Пилипенко -- советский партийный работник, участник объединенной оппозиции 1926--1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из ВКП(б) и затем сослан. Дальнейшая судьба неизвестна.

Речь идет о группе демократического централизма.

Смирнов Владимир Михайлович (1887--1937) -- советский партийный деятель. Один из лидеров группы демократического централизма (децистов). В 1926 г. участвовал в объединенной оппозиции в ВКП(б), но в октябре того же года порвал с ней из-за тактических разногласий. Высказывался за организацию в СССР второй партии. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и затем сослан в Тобольский округ. В ссылке был арестован за пятиминутное опоздание на регистрацию, но вскоре освобожден. Позже подвергался новым арестам и ссылке. В последний раз арестован в 1935 г. на месте ссылки. Расстрелян без суда.

Миньков М. И. (1895--1938) -- советский партийный деятель. Был в эмиграции в США в 1911--1917 гг. В 1912 г. вступил в Социал-демократическую партию США. В 1917 г. возвратился в Россию. Занимал ряд постов в Красной Армии.

Был участником группы демократического централизма. В декабре 1927 г. исключен из партии и затем сослан в Обдорск. В 1931 г. после покаяния возвращен из ссылки и восстановлен в партии. В 1935 г. вновь исключен и арестован. Расстрелян без суда.

Емельянов Б. В. (псевдоним Калин) -- советский партийный деятель. Участник группы демократического централизма. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и затем сослан в Енисейск. Дальнейшая судьба неизвестна.

Имеется в виду разрыв между децистами и оппозиционерами, группировавшимися вокруг Троцкого в 1923 г. Весной 1926 г. децисты примкнули к объединенной оппозиции, но летом 1927 г., выступили с платформой 15-ти, в которой критиковалась объединенная оппозиция за примиренчество по отношению к ЦК ВКП(б), содержались утверждения, что термидор в СССР уже победил, власти советов и подлинной компартии более не существует, выдвигались требования создания новой рабочей партии.

Бровер -- советский партийный работник, участник объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из партии и затем сослан в Ирбит. Дальнейшая судьба неизвестна. Письмо Троцкого Броверу от 26 мая 1928 г. см. Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 68 - 70.

Павел Федорович Смердяков -- один из героев романа Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы" (1879 -- 1880). Смердяков трактовался левой интеллигенцией как образ мещанина, мечтающего о "красивой жизни", и часто использовался в большевистской пропаганде. Не раз повторялось его высказывание, что "надо было не побеждать Наполеона, и теперь мы бы жили, как французы".

Эбертисты -- крайне левая политическая группа периода Французской революции 1789--1794 гг. выделившаяся из среды якобинцев в конце 1793 г. и получившая название по имени одного из руководителей Жака Эбера (1757--1794). Эбертисты требовали усиления революционного террора, соблюдения режима твердых цен ("максимума"). Они были обвинены лидерами якобинцев в измене. Руководители группы, включая Эбера, были приговорены Революционным трибуналом к смертной казни и гильотинированы.

Дантон Жорж Жак (1759--1794) -- деятель Французской революции конца XVIII в. Один из руководителей якобинцев. В 1793--1794 гг. занимал умеренную позицию, выступал за примирение с жирондистами, полемизировал с Робеспьером. По требованию последнего был приговорен Революционным трибуналом к смертной казни и гильотинирован.

Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769--1821) -- французский государственный деятель. Участник революции 1789--1794 гг. в качестве офицера, а затем генерала республиканской армии. В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот (18 брюме-ра по революционному календарю), в результате которого сосредоточил в своих руках государственную власть в качестве первого консула. В 1804 г. провозгласил себя императором. Вел ряд успешных войн. В результате поражения в России в 1812 г. начался распад империи Наполеона. В результате вступления армий антифранцузской коалиции в Париж

весной 1814 г. Наполеон отрекся от престо-

ла и был сослан на о. Эльба в Средиземном море. В марте 1815 г. вновь захватил власть во Франции ("100 дней"), но после поражения при Ватерлоо в июне того же года вновь отрекся от престола и был сослан на остров Св. Елены в Атлантическом океане, где провел последние годы жизни.

Суждение об "устряловском хвосте" имеет в виду связь идеологии "сменовеховства" с политикой "центристского руководства" ВКП(б).

Так в тексте.

Речь идет о циркулярном письме Л. Д. Троцкого от 9 мая 1928 г. ссыльным единомышленникам о характере предстоящего обращения к VI конгрессу Коминтерна и отношении оппозиции к повороту, намечавшемуся, по его мнению, в руководстве ВКП(б). См.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 42 -- 47.

Речь идет о письме Х. Г. Раковского Л. Д. Троцкому от 18 мая 1928 г. (см.: Станчев М. Г., Чернявский Г. И. Фарс на крови. Харьков, Око, 1997, с. 110-114).

Имеется в виду Карл Бернгардович (Радек). -- Прим, автора.

Между прочим, по поводу этой пушкинской фразы у нас Львом Семеновичем (Сосновским) произошел некоторый товарищеский спор, основанный, как впоследствии выяснилось, на недо-разумении. "Вы были молоды тогда", -- разъясняет мне в дальней-шем Л. С. (Сосновский). -- Это правильнее было бы сказать: "Мы были молоды тогда. Как все мы были наивны и неопытны тогда". --Прим. И. Я. Врачева.

283. Имеется в виду стенограмма доклада Сталина. -- Прим. И. Я. Врачева.

Международный день кооперации отмечался в СССР и в ряде других стран в первую субботу июля.

Нобиле Умберто (1885 -- 1978) -- итальянский дирижаблес-троитель и путешественник, генерал. Был командиром дирижабля "Норвегия" в экспедиции Р. Амундсена к Северному полюсу, руководил итальянской экспедицией к Северному Полюсу на дирижаб-ле "Италия" (1928). В 1932 - 1936 гг. работал в СССР.

Сталин выступал с речью на VIII съезде ВЛКСМ в заключительный день его работы (16 мая 1928 г.). Раздел речи он посвятил борьбе против бюрократизма, причем демагогически фиксировал внимание на "самом опасном типе бюрократа" -- коммунисте-бюро-крате, что он объяснял тем, что "монополию партии довели до аб-сурда, заглушили голос низов, уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм", и призвал к "насаждению внутрипартийной демократии" (Сталин И. Соч., т. 11, с. 66 -- 77).

Инженер Андрей Колодуб, один из обвиняемых на Шах-тинском процессе, упорно отрицал свою вину и был приговорен к восьми годам заключения. Брат Андрея, Емельян Колодуб, находился в эмиграции и, согласно сфабрикованному обвинению, был одним из руководителей зарубежного центра антисоветских диверсий. Фамилия Дворжанчика фигурирует в материалах Шах-тинского "шоу-процесса" в качестве руководителя "Польского

объединения бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе", связанного с правительствами и разведками капиталистических стран. Это объединение, наряду с "Объединением бывших горнопромышленников Юга России" во главе с Б. Н. Соколовым (Париж), якобы возглавляло враждебную деятельность в Донбассе.

Передовая статья журнала "Большевик" No 10 за 1928 г. "О лозунге самокритики" комментировала демагогическое требование Сталина о развертывании самокритики, которое использовалось для упрочения его личной власти.

Статья Е. М. Ярославского была опубликована 6 июня 1928 г.

Имеется в виду фактическое изменение устава ВКП(б) резолюцией XV съезда партии "По отдельным организационным вопросам", которая по существу дела отменяла партийные дискуссии. Это изменение было воспроизведено в уставе ВКП(б), утвержденном ее XVII съездом (февраль 1934 г.).

Постышев Павел Петрович (1887--1939) -- советский партийный деятель. Большевик с 1904 г. В 1917 г. член Иркутского военно-революционного комитета. В 1926 и 1933--1937 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. Был также секретарем Харьковского обкома партии. В 1937 г. секретарь Куйбышевского обкома партии. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Имеется в виду Канатная фабрика в Харькове.

X съезд РКП(б) состоялся 8 -- 16 марта 1921 г. Он принял решение "о замене разверстки натуральным налогом", которое положило начало введению нэпа. В резолюциях о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне съезд по инициативе В. И. Ленина запретил образование фракций, пригрозив жестокими карами всем, кто попытается нарушить это решение, в том числе членам ЦК.

Так в тексте.

Косарев Александр Васильевич (1903--1939) -- советский политический деятель, большевик с 1919 г. В 1926--1927 гг. был секретарем Московского комитета ВЛКСМ. С 1927 г. секретарь, в 1929--1938 гг. генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Так в тексте.

Так в тексте.

Имеется в виду за счет рабочего.

299. РКК -- расценочно-конфликтная комиссия. РКК создавались на предприятиях согласно коллективным договорам коллектива рабочих и служащих с администрацией. В них входили представители администрации и профсоюзов. Как правило, принимались решения, продиктованные совместно администрацией и секретарями партийных организаций.

Так в тексте.

Так в тексте.

"Рабочий путь к власти" -- нелегальная политическая брошюра, выпущенная в конце 1927 или начале 1928 г. группой оппозиционеров, близких по взглядам к демократическим централистам.

303. "Письмо Зиновьева" -- документ, во-видимому фальшивый, датированный 15 сентября 1924 г., в котором председатель ИККИГ Е. Зиновьев якобы требовал от руководства компартии Велико-британии, чтобы оно, в частности, создавало нелегальные пар-тийные ячейки в армии и в военной промышленности с целью подготовки вооруженного восстания и свержения правительства. Хотя имеются довольно убедительные свидетельства подлога, со-держание письма весьма схоже с подлинными письмами Зиновье-ва, которые направлялись руководящим органам компартий. "Письмо Зиновьева" широко и с негодованием обсуждалось анг-лийской общественностью, вызвало значительную дипломатичес-кую переписку между Великобританией и СССР и сыграло немалую роль в провале лейбористов и победе консерваторов на парламент-ских выборах 27 октября 1924 г. (см. Головки В. А., Станчев М. Г., Чер-нявский Г. И. Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятель-ность Х. Г. Раковского. Харьков, Око, 1994, с. 219 - 227).

Магдалина (Мария-Магдалина) -- согласно библейскому преданию, блудница, уверовавшая во Христа, покаявшаяся и став-шая праведницей.

Гейне Генрих (1797--1856) -- немецкий поэт и публицист. В стихах и поэмах Гейне содержалась сатира на феодально-монар-хические порядки и мещанство германских государств. Особенно в этом смысле характерна поэма "Германия. Зимняя сказка" (1844). В конце жизни в творчестве Гейне появились пессимистически мотивы.

Мельничанский Григорий Натанович (1886--1937) -- совет-ский общественный деятель. Социал-демократ с 1902 г. В 1910--1917 гг. находился в эмиграции в США. С 1918 г. член президиума ВЦСПС. С 1929 г. работал в ВСНХ, Госплане СССР и других органи-зациях. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Имеется в виду предстоявший съезд профсоюзов.

Так в тексте.

"Красная нить" -- текстильное предприятие в Харькове.

Чубарь Влас Яковлевич (1891--1939) -- советский государст-венный деятель. Большевик с 1907 г. В 1918--1923 гг. член президи-ума ВСНХ и одновременно с 1920 г. председатель президиума ВСНХ Украинской ССР. В 1923--1934 гг. председатель Совнаркома УССР. В 1934 -- 1937 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР. В 1937--1938 гг. нарком финансов СССР. Арестован во время "большо-го террора" и расстрелян без суда.

Газета "Харьковский пролетарий" -- орган Харьковского ок-ружкома КП(б) Украины, окрисполкома, окружного совета профсо-юзов и городского совета. Выходила в 1926--1929 гг. Затем была пе-реименована в "Соціалістичну Харівщину" (на украинском языке).

Инхоз -- Харьковский институт народного хозяйства.

ИНО -- Харьковский институт народного образования.

ОСПС -- окружной совет профсоюзов.

КРК -- контрольно-расценочная комиссия, то же самое, что РКК.

По настоянию Сталина делегация ВКП(б) на VI конгрессе Коминтерна внесла около 20 поправок в тезисы, предложенные Н. И. Бухариным. Это было весьма необычно и выглядело открытой политической демонстрацией недоверия (делегация партии вносила поправки в документ, разработанный членом ее политбюро). Цель состояла в том, чтобы скомпрометировать Бухарина перед международным коммунистическим движением. Важнейшие поправки состояли в указании на "особую опасность" левой социал-демократии и необходимость "железной дисциплины" в компартиях.

Имеется в виду оккупация территории Никарагуа вооруженными силами США, начавшаяся в 1912 г. С 1926 г. в Никарагуа развернулась вооруженная национально-освободительная борьба во главе с Аугусто Сандино (1895 -- 1934), успешно завершившаяся в 1933 г. По распоряжению президента США Франклина Рузвельта американские войска были выведены с территории страны.

Имеется в виду система международных отношений, созданная Версальским мирным договором.

Ranstaaten -- буферные государства (нем.).

Поль-Бонкур Жозеф (1873 -- 1972.) -- французский политический деятель, социалист. Занимал различные министерские посты (иностранных дел, труда, военный министр). Был постоянным представителем Франции в Лиге наций. Автор ряда социально-политических книг и воспоминаний. В данном случае идет речь о законе, увеличившем срок обязательной военной службы.

Речь идет о второй фазе фашистской диктатуры в Италии (начиная с 1925 -- 1926 гг.), когда она стала приобретать черты тоталитарного государства. Был издан ряд законов, запретивших коммунистическую, социалистическую, а затем и другие партии, кроме фашистской, распустивших профсоюзы с созданием вместо них корпораций, находившихся в прямом подчинении государства, и т. д. Лидеры коммунистов и социалистов, которым не удалось эмигрировать, были приговорены к длительным срокам заключения. В мае -- июне 1928 г. были арестованы члены внутреннего центра компартии (Ли Каузи, Амореццо, Донофрио и др.).

Союз красных фронтовиков -- военизированная организация, созданная компартией Германии в 1924 г. Во главе стоял председатель компартии Э. Тельман. Во второй половине 20-х годов происходили многочисленные кровавые столкновения организаций союза с военизированными организациями нацистов. В 1928 г. власти поставили вопрос о запрещении военизированных организаций политических партий. После кровавых стычек на улицах Берлина между отрядами союза и полицией 1 мая (было убито свыше 30 и ранено около 250 человек) Союз красных фронтовиков был запрещен в Пруссии, а затем в других землях Германии, но продолжал нелегально существовать до прихода к власти нацистов в 1933 г.

Сакко Никколо (1891 -1927) и Ванцетти Бартоломее (1888 -1927) -- американские рабочие-анархисты, по происхождению итальянцы.

В 1920 г. они были обвинены в убийстве. Полагая обвинение

недоказанным, международная общественность протестовала против вынесения им смертного приговора. Коминтерн и отдельные компартии использовали приговор для организации демонстраций и митингов с обвинениями по адресу "буржуазного правосудия" и американской "лжедемократии". Оба приговоренных были казнены на электрическом стуле. Коммунистическое движение использовало их имена в пропагандистских целях. В СССР имена Сакко и Ван-цетти присваивались промышленным предприятиям, колхозам и т.д.

Речь идет о ряде встреч представителей Генсовета тред-юни-онов с группой предпринимателей во главе с Альфредом Мондом в 1928 г., в результате которых была выработана система социального партнерства, оформленная соответствующим соглашением. В качестве компенсации за удовлетворение умеренных требований профсоюзов предпринимателям гарантировалось процветание фирм, что в конечном счете должно было обеспечить благополучие рабочих. Элементы "мондизма", просуществовавшего до 1930 г., легли в основу стратегии реформистских партий и связанных с ними профсоюзов ряда западноевропейских стран.

Национальный экономический совет во Франции был образован правительством национального единения во главе с Раймоном Пуанкаре (1926 -- 1929). Совет, в состав которого входили представители правительства и частного капитала, способствовал реконструкции производственной базы промышленности.

Термин "Labour Party" (британская Лейбористская партия) применительно к Германии носит, видимо, иронический характер, имея в виду усиление сотрудничества Социал-демократической партии Германии с предпринимателями. Сотрудничество "Торговой палаты" и "Рабочей камеры" в Австрии являлось элементом курса правительственной коалиции Христианско-социальной партии, пангерманских организаций и Ланд-бунда (Сельскохозяйственного союза) на оздоровление бюджета, техническую реконструкцию и рационализацию промышленности. Этот курс проводился правительством лидера Христианско-социальной партии Игнаца Зейпеля (1926 -- 1929 гг.).

Речь идет о забастовке металлистов в Германии в январе -- феврале 1928 г. (в апреле -- начале мая повторно бастовали металлурги Саксонии). Забастовки окончились частичным успехом рабочих.

Выборы во французский парламент в конце апреля 1928 г. принесли победу правым партиям, но увеличили число голосов, поданных за социалистов (1,7 млн). Увеличилось также число голосов, поданных за коммунистов (свыше 1 млн). Но они в соответствии с новым избирательным законом получили вдвое меньше мест, чем в предыдущем составе. Тяжелое поражение понесли радикал-социалисты, которые затем вышли из коалиционного правительства Р. Пуанкаре. Пуанкаре сохранил пост премьер-министра. Выборы в германский рейхстаг 20 мая 1928 г. значительно увеличили число голосов, поданных за социал-демократов (около 30%). Увеличилось также число голосов, поданных за компартию (10,6%). Существенно уменьшилось число голосов, поданных за правые партии (около 23%). Нацистская партия собрала всего 2,6% голосов. Лидер социал-демократов Герман Мюллер

возглавил коалиционное правительство (1928 -- 1930), которое потребовало пересмотра репарационного вопроса и значительного сокращения репараций с Германии. Проблема была решена планом Юнга (1930), предусматривавшим снижение репарационных платежей и прекращение всех форм контроля над Германией со стороны государств -- победителей в первой мировой войне.

Отметим, что военный переворот 12 -- 13 мая 1926 г. в Польше, приведший Пилсудского к власти, нельзя считать фашистским не только по причинам терминологической чистоты (Пилсудский отрицал влияние на него итальянских фашистских идей), но и по характеру политических акций, осуществленных после переворота, сохранивших ограниченный политический плюрализм.

Имеется в виду эволюция политических взглядов и деятельности Гая Юлия Цезаря (102 или 100 -- 44 до н. э.) -- древнеримского полководца и правителя. Цезарь начал свою деятельность как сторонник демократии. Был консулом, наместником Галлии. В 58 -- 51 гг. подчинил Риму заальпийскую Галлию. В 49 г. начал борьбу за единовластие. Смог сосредоточить в своих руках ряд высших государственных должностей и стал фактическим монархом. Провел реформу календаря (ввел так называемый Юлианский календарь). Автор "Записок о Галльской войне" и "Записок о гражданских войнах". Был убит в результате заговора республиканцев.

Преторианская гвардия -- в Древнем Риме название вначале охраны полководцев, а затем императоров. Преторианская гвардия активно участвовала в дворцовых переворотах. В переносном смысле -- наемные войска, служащие опорой власти, которая основана на силе.

Корпоративное государство -- форма авторитарного политического режима, характерная для правототалитарной общественной системы, но существовавшая также в некоторых государствах, которые нельзя считать тоталитарными (например, Испания при власти Франсиско Франко). Идея корпоративного государства была выдвинута в Италии после прихода к власти фашистов в 1922 г. и частично воплощена в жизнь в конце 20-х годов. Корпоративное государство рассматривалось как совокупность публичных служб (корпораций), выполнявших определенные социальные функции, в которых участвуют, в частности, представители работодателей, наемного персонала и государственных органов. Сторонники корпоративного государства утверждали, что оно обеспечит единство нации, преодолет классовую борьбу, позволит достичь гармонии хозяйственных сил, которые либерализм и коммунизм предоставляют взаимному уничтожению.

В 1920 -- 1943 гг. Сирия находилась под французским мандатом, предоставленным Лигой наций. Отдельные национально-освободительные выступления, возникшие в начале 20-х годов, пере-

росли в 1925 г. в национальное восстание, охватившее всю Сирию. В восстании участвовали национальная буржуазия, ремесленники, феллахи (крестьяне), рабочие, часть феодалов. Возглавлял его Султан аль-Атраш. Подавив восстание в 1927 г., французские власти пошли на компромисс -- в 1928 г. состоялись

выборы в Учредительное собрание, в 1930 г. была объявлена республика (при сохранении французского мандата).

В конце 1921 г. рифские племена в испанской зоне Марокко под руководством национального лидера Абд аль-Карима начали восстание, разбили испанскую армию и изгнали ее, образовав не-зависимую Рифскую республику. В 1924 г. в войну вступила Франция. Совместными действиями французские и испанские войска разгромили Рифскую республику в 1926 г., но военные действия против национально-освободительного движения продолжались до 1934 г.

Восстание в Индонезии против нидерландского колониального господства происходило в 1923 -- 1927 гг. на островах Ява и Суматра. В 1927 г. образовалась Национальная партия, активно выступившая за государственную независимость и возглавившая восстание. Активное участие в нем принимала также компартия, образованная в 1920 г. Восстание было подавлено.

Тухао -- помещики в Китае, связанные с компрадорской (зависимой от иностранного капитала) буржуазией.

Забастовки текстильщиков в Бомбее и железнодорожников в Калькутте в 1928 г. были проявлением подъема антиколониального движения в Индии. В организации забастовок участвовали Индийский национальный конгресс и созданная в 1925 г. компартия.

Ганди Мохандас Карамчанд (1869 -- 1948) -- индийский политический деятель, один из лидеров и идеолог национально-освободительного движения, юрист. После завоевания независимости и разделения Индии на Индийский союз и Пакистан (1947) выступал против вооруженных конфликтов между индуистской и мусульманской общинами. Был убит членом индуистской националистической организации.

Первое демагогическое предложение СССР о всеобщем и полном разоружении было внесено в конце 1927 г. на заседании подготовительной комиссии всемирной конференции по разоружению главой советской делегации заместителем наркома иностранных дел М. И. Литвиновым. Это предложение было рассчитано не на деловое обсуждение государствами, а на оказание пропагандистского воздействия на общественность стран Запада.

Лига борьбы против империализма, против колониального угнетения и за национальную независимость (Антиимпериалистическая лига) была образована на международном конгрессе против колониального гнета и империализма, состоявшемся в Брюсселе в феврале 1927 г. Формально Лига рассматривалась как организация единого фронта рабочего класса, прогрессивной интеллигенции капиталистических стран и представителей народов колониальных зависимых стран, но по существу находилась под руководством

Коминтерна и выполняла его директивы. Лига прекратила деятельность во второй половине 30-х годов.

Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ) -- международная юношеская коммунистическая организация, подчиненная Коминтерну и являвшаяся его секцией. КИМ существовал в 1919 -- 1943 гг., послушно выполняя волю руководства Коминтерна, а через него -- советских лидеров. Был распущен

одновременнос Коминтерном.

Международная организация помощи борцам революции(МОПР) -- созданная в 1922 г. формально беспартийная, а фактиче-ски полностью подчиненная компартиям, Коминтерну и через не-го советскому руководству международная организация. В междуна-родном масштабе МОПР действовала до второй мировой войны, но формально была распущен лишь в 1947 г. МОПР оказывала помощь политическим заключенным капиталистических стран, политическим эмигрантам, проводила пропагандистские кампании против "белого террора". Широко использовалась для выполнения разведовательных и других "особых" зарубежных заданий советского руководства, для финансирования компартий и других подрывных организаций в зарубежных странах.

Internationale Arbeiterhilfe (IAH) (Международная рабочаяпомощь, Межрабпом) -- организация, носившая формально беспартийный характер, но находившаяся фактически под руководством компартий, Коминтерна и через него подчиненная советскому ру-ководству. Межрабпом была основана в 1921 г. первоначально для оказания помощи голодающему населению Советской России. С 1923 г. финансировала стачечные выступления в капиталистических странах, оказывала помощь жертвам стихийных бедствий, однако исключительно в тех случаях, когда это способствовало коммунистической пропаганде. Межрабпом прекратила деятельность в 1935 г.

Международный крестьянский совет (Крестьянский Интер-национал, Крестинтерн) -- официально беспартийная, а фактически подведомственная Коминтерну международная организация, созданная в 1923 г. и прекратившая существование в 1933 г. К Креститерну примыкали незначительные по численности и влиянию аграрные организации и группы в отдельных странах. Попытки привлечь в него более крупные национальные крестьянские организации путем отрыва их от так называемого Зеленого Интернационала (международного объединения аграрных партий и союзов) оказались безрезультатными.

Большевизация компартий -- лозунг, выдвинутый V конгрес-сом Коминтерна (1924), который предусматривал, что все компар-тии должны овладеть ленинизмом, опытом партии большевикова применять их в конкретных условиях классово-политическойборьбы своих стран. Большевизация компартий способствоваладальнейшей догматизации их программно-стратегических устано-вок, тактической линии и усугублению их подчинения целям внеш-ней политики руководства СССР.

Унитарная всеобщая конфедерация труда (УВКТ) Франции --объединение левых профсоюзов, существовавшее в 1922 -- 1936 гг.Была образована профсоюзами, исключенными из Всеобщейконфедерации труда за раскольническую деятельность. В 1923 г. при-мкнула к Профинтерну. В первые годы в УВКТ преобладали тенденции автономии, которые коммунистическое движение клеймило как анархо-синдикализм. К середине 20-х годов объединение полностью подпало под

коммунистическое руководство. Прекратило существование в результате слияния с Всеобщей конфедерацией труда.

Спартакиады -- массовые спортивные состязания, названные в честь вождя восставших рабов в Древнем Риме Спартака. Стали проводиться в начале 20-х годов в СССР в качестве средств всеобщего военного обучения молодежи и инструмента коммунистического воздействия. Вскоре стали проводиться также компартиями других стран.

Речь идет о военном перевороте в Польше 12 -- 13 мая 1926 г., произведенном под руководством Ю. Пилсудского. Переворот привел к созданию авторитарного государственного управления, но не носил фашистского характера, как утверждала в то время коммунистическая пропаганда, а затем пыталась доказать советская историография и марксистско-ленинская историография Польской Народной Республики.

В начале сентября 1919 г. почти одновременно были образованы Коммунистическая партия Америки и Коммунистическая рабочая партия Америки.

В начале 1920 г. обе они были запрещены и перешли на нелегальное положение.

В мае 1921 г. обе партии слились в Объединенную коммунистическую партию Америки. В декабре 1921 г. была образована легальная Рабочая партия Америки, которая стала фактическим прикрытием для компартии. На рубеже 1923 -- 1924 гг. она приняла название Рабочей (коммунистической) партии Америки, а в 1930 г. была переименована в Коммунистическую партию Соединенных Штатов.

351. Родо-Номинто (Рабоче-фермерская партия) -- политическая партия Японии. Образовалась в марте 1926 г. Провозглашенными целями были повышение жизненного уровня трудящихся классов методами парламентской борьбы и демократическая перестройка жизни общества. В конце 1926 г. в результате проникновения в партию коммунистов и левых социалистов произошла реорганизация под руководством Ойама Икуо. Партия заняла позицию "непримиримой борьбы", призвала к свержению существующего правительства и к формированию рабоче-крестьянского правительства. Была запрещена в апреле 1928 г.

Хиогикай (Японский совет профсоюзов) -- объединение левых профсоюзов. Распущено в 1928 г.

Кантонское (Гуанчжоуское) восстание произошло 11 -- 13 декабря 1927 г. Было организовано под непосредственным руководством эмиссаров Коминтерна Гейнца Неймана и Виссариона (Бесо) Ломинадзе. Ответственность за восстание взяла на себя компартия. Направленное против власти Гоминьдана, восстание носило авантюристический характер и было легко подавлено.

В документе пропуск. Видимо, имеется в виду Ленинбунд.

Имеются в виду так называемое Перводекабрьское восстание в Таллинне 1924 г. и Сентябрьское восстание в Болгарии 1923 г.

Ниже перечислены четыре пункта. Пункт пятый отсутствует.

Имеется в виду обращение ЦК ВКП(б) "Ко всем членам партии, ко всем рабочим" (Правда, 1928, 3 июня), содержащее призыв к развертыванию "самокритики".

Лозунг "самокритики, невзирая на лица", был, как уже отмечалось, выдвинут Сталиным на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. Сформулирован этот лозунг был та-ким образом, что ставил под огонь критики (самокритика в общем была здесь не при чем) лишь неугодные руководству низшие и средние звенья аппарата. Критерии "правдивости" и "честности" критики были весьма расплывчатыми. Тем самым Сталин направлял недовольство, все более распространявшееся не только среди масс населения, но и среди членов партии, в безопасное для высших властей русло, создавал иллюзию своей причастности к нуждам народа и укреплял свою личную власть. Наряду с другими средствами, "самокритика" позволяла в течение длительного времени сохранять стабильность системы.

Речь идет о передовой статье "Правды" от 15 февраля 1928 г. (а не 16 февраля).

Только "непоследовательность" ?!!! Ох, и словечко! -- Прим. М. Невельсона.

360. Имеются в виду члены Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов.

Речь идет об оппозиционных выступлениях не только в Ленинграде, партийная организация которого была главной опорой оппозиции, но также в Москве и других городах перед XIV съездом ВКП(б) (декабрь 1925 г.). Во главе этой так называемой "новой оппозиции" стояли Зиновьев и Каменев, недавние союзники Сталина в борьбе против влияния Троцкого. К оппозиции примкнула вдова Ленина Н. К. Крупская. Оппозиционные выступления возникли во второй половине 1925 г., но достигли наибольшей остроты на XIV съезде. Основной удар критики оппозиционеры обратили на лозунг построения социализма в одной стране. Оппозиционеры осуждали хозяйственную политику партийного руководства, обрушиваясь в основном на Бухарина и Сталина в связи с "либеральной", по их мнению, прокулацкой политикой в области сельского хозяйства, отмечали зажим критики в партии, бюрократические методы руководства и сосредоточение власти в руках Сталина. Троцкий занимал нейтральную позицию. На XIV съезде с содокладом от имени оппозиции выступил Зиновьев. Каменев резко критиковал Сталина, участник оппозиции Сокольников предложил сместить его с поста генерального секретаря ЦК. Полную победу одержало сталинское руководство. Съезд осудил "новую оппозицию". Руководст-

во партийной организации Ленинграда было полностью заменено, ее возглавил верный сталинист С. М. Киров. В 1926 г. бывшие участники "новой оппозиции" совместно со сторонниками Л. Д. Троцкого и другими группами партийных деятелей, выступавшими против курса Сталина-Бухарина, образовали объединенную оппозицию.

См. "Правду" от 4 июля, с. 2, 7-й столбец, последний абзац. -- Прим. М. Невельсона.

Смирнов Александр Петрович (1877 -- 1938) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1896 г. С 1923 до 1930 г. был

наркомом земледелия СССР, а затем замести-телем председателя Совнаркома РСФСР. Являлся секретарем Крестьянского Интернационала. Был смещен с ответственных постов в 1933 г. в связи с критикой им экономической и социальной политики сталинского руководства. В 1934 г. исключен из ВКП(б).

Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892 -- ?) -- советский экономист. В 1917 -- 1919 гг. эсер. В 1920 -- 1928 гг. директор Конъюнктурного института наркомата финансов СССР. Был профессором сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Читал лекции в Коммунистической академии. Написал ряд аналитических записок и докладов для Госплана СССР. Участвовал в разработке первого пятилетнего плана. Выступал против быстрой индустриализации, в пользу сохранения частного крестьянского хозяйства. Ряд работ посвятил проблемам мировой экономики, аграрному вопросу, взаимоотношениям между промышленностью и сельским хозяйством, экономическим циклам. Арестован в 1930 г. и обвинен в принадлежности к вымышленной Трудовой крестьянской партии. Место и время гибели неизвестны.

Плеханов Георгий Валентинович (1856 -- 1918) -- деятель российского и международного социал-демократического движения, философ. В 1875 -- 1880 гг. был одним из руководителей народнических организаций. В 1880 г. эмигрировал. В 1883 г. создал в Швейцарии российскую социал-демократическую группу "Освобождение труда". Был одним из основателей РСДРП и ее газеты "Искра". С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. Во время первой мировой войны занимал оборонческую позицию. После Февральской революции 1917 г. возвратился в Россию. Поддержал Временное правительство. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно.

Революция 1848 -- 1849 гг. в Германии -- демократическая революция, основной целью которой было создание единого национального государства и ликвидация абсолютизма и остатков феодализма. Революция началась восстанием в Берлине 18 марта 1848 г., в конце марта было сформировано либеральное правительство. В мае 1848 г. в г. Франкфурте-на-Майне открылось общегерманское Национальное собрание, принявшее в марте 1849 г. общегерманскую конституцию. В ее поддержку произошли вооруженные выступления в мае -- июне 1849 г. в Саксонии, Бадене, Пфальце и других землях. Но еще до этого в ноябре-декабре 1848 г. в Пруссии имел место контрреволюционный переворот, а подавление восстаний в поддержку конституции привело к торжеству контрреволюции по всей Германии. Воссоединения страны не произошло. Конституция в действие не вступила.

Речь идет о брошюре К. Маркса "Разоблачение о Кельнском процессе коммунистов" (1852), посвященной судебному процессу по делу членов Союза коммунистов, обвиненных в заговоре против прусского государства. Процесс происходил в г. Кельне 4 октября -- 12 ноября 1852 г. Часть обвиняемых была приговорена к тюремному заключению.

Речь идет о реформах, проведенных в Пруссии в 1807 -- 1814 гг. правительствами в главе с Генрихом Штейном (1757 -- 1831) и Карлом

Гарденбергом (1750 -- 1822), которые являлись государст-венными канцлерами, соответственно в 1807 -- 1808 и 1810 -- 1822 гг. Основные из этих реформ: провозглашение личной свободы крестьян, выкуп крестьянами повинностей за часть их наделов (от 1/3 до 1/2), фактическое введение всеобщей воинской повинности.

Набросок В. И. Ленина "Этапы, направления и перспективы революции" (соч., изд. 5, т. 12, с. 154 -- 157) был написан в самом конце 1905 г. или начале 1906 г. и содержал попытку наметить периодизацию революции в России и ее тенденций.

Московское вооруженное восстание происходило 9 -- 18 декабря 1905 г. Волнения начались с массовой забастовки 7 -- 9 декабря, которая переросла в баррикадные бои. Восстанием руководили большевики. Было подавлено правительственными войсками. Вслед за событиями в Москве произошли выступления рабочих в ряде других городов России.

Имеется в виду революция 1848 -- 1849 гг. в Германии. Указанная в документе вторая хронологическая рамка -- 1850 г. -- неточна.

Речь идет о капитале лишь двух западноевропейских стран -- Франции и Великобритании, образовавших в 1904 -- 1907 гг. вместе с Россией военно-политический союз, который именовался "Сердечным согласием" (Entente cordial), или Антантой. После выхода советской России из первой мировой войны в марте 1918 г. Антанта сохранилась как союз Великобритании и Франции, который фактически прекратил существование в начале 20-х годов. Однако и после этого названные государства часто продолжали по традиции именовать странами Антанты.

Тайпинги (правильнее тайпины) -- участники крестьянско-го восстания в Китае в 1850 -- 1864 гг. Руководители восстания Хун Сюцюань, Ян Сюцин и др., выступившие против династии Цини помещиков, создали в долине реки Янцзы "Небесное государство великого благоденствия" ("Тай -- пин тяньго"), название которого перешло на название самого восстания и его участников. Восстание было подавлено объединенными силами монархии и западных держав (Великобритании, Франции, США)

Люксембург Роза (1871 -- 1919) -- деятельница польского, германского и международного социал-демократического движе-

ния. Была одним из руководителей леворадикального течения в германской социал-демократии и во II Интернационале в начале XX в. Совместно с К. Либкнехтом образовала группу "Спартак" (1916), а затем "Союз Спартака" (1918). Выступала против первой мировой войны. Была одним из организаторов компартии Германии на рубеже 1918--1919 гг. В январе 1919 г. была убита правыми офицерами.

Либкнехт Карл (1871 -- 1919) -- деятель германского социал-демократического движения, один из основателей компартии на рубеже 1918 -- 1919 гг. Вместе с Р. Люксембург был руководителем леворадикального течения в германской

социал-демократии в на-чале XX в. В 1912 -- 1916 г. депутат рейхстага. Выступал против пер-вой мировой войны. Был одним из организаторов группы "Спартак" и "Союза Спартака". Убит в январе 1919 г. правыми офицерами. Речь идет об авантюристическом выступлении только что созданной компартии Германии против власти Совета народных уполномоченных (правительства). По призыву коммунистов на-чались захваты административных зданий, железнодорожных вокзалов и редакций газет в Берлине. Выступление было разгромлено правыми военными формированиями, компартия запрещена, Люксембург и Либкнехт убиты.

Фейербах Людвиг (1804 -- 1872) -- германский философ, последователь Гегеля. В 1839 г. подверг критике гегелевскую философию и разработал антропологическое учение, ставившее в центр философии человека как биологическое существо. Толковал религию как отчуждение человеческого духа, усматривал основу неравенства в стремлении человека к счастью.

Так в тексте.

Пепер (правильно Пеппер) Джон (настоящие фамилия и имя Погани Джозеф (1886 -- 1937) -- венгерский социалистический, а затем коммунистический деятель, председатель Совета солдатских депутатов в Будапеште в 1919 г. Бежал в Советскую Россию после подавления советской республики в Венгрии. В начале 20-х годов являлся представителем Коминтерна при компартии США. По его инициативе в 1923 г. коммунисты приняли участие в съезде Федеральной фермерско-рабочей партии, где получили большинство. Съезд поддержал выдвижение республиканца Роберта Ла Фоллетана пост президента. ИККИ объявил эти действия оппортунизмом. Компартия отказалась от поддержки Ла Фоллета. Позже Пеппер возвратился в Москву, работал в ИККИ.

380. "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта" -- памфлет К. Маркса (1852), содержащий описание и оценку развития франко-цусской революции 1848 -- 1849 гг. и ее последствий, завершившихся государственным переворотом, который был организован президентом Луи Бонапартом в декабре 1851 г. Название содержит намек на то, что это событие было карикатурой на переворот Наполеона Бонапарта 9 ноября (18 брюмера) 1799 г. Маркс ввел понятие бонапартизма как контрреволюционной диктатуры крупной буржуазии, опирающейся на военных и контрреволюционно настроенное крестьянство, лавирующей между борющимися классами в условиях неустойчивого равновесия классовых сил. Маркс утверждал, что пролетариат, придя к власти, должен сломать старую государственную машину.

"Уравнительные реформаторские тенденции" Сунь Ятсена возникли под прямым влиянием советских эмиссаров, направленных к нему в начале 20-х годов.

Французские энциклопедисты -- группа просветителей во главе с Дени Дидро (1713 -- 1784), участвовавшие в создании "Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел" (35 тт., 1751 -- 1780). Во многих статьях "Энциклопедии" -- первого в мире универсального справочника -- проводились прогрессивные идеи преодоления феодальных отношений, установления просвещенной монархии и т. д.

Чэнь Южень (1879 -- 1964) -- китайский политический деятель, член Гоминьдана. Был членом Центрального исполнительного комитета Гоминьдана с 1924 г. Занимал ряд постов в правительствах Чан Кайши, в том числе в Китайской республике на Тайване (с 1949 г.). Автор ряда поэтических произведений.

Волин (настоящая фамилия Фрадкин) Борис Михайлович (1886 -- 1957), советский государственный деятель. Большевик с 1904 г. Был председателем ряда губисполкомов. В 1931 -- 1935 гг. начальник Главлита СССР (цензуры), в 1936 -- 1938 гг. первый заместитель наркома просвещения РСФСР. Автор догматических трудов по истории КПСС.

385. Заплатово, Дырявино, Разутово, Горелово, Неурожайкатож -- оборот из поэмы Н. А. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" (1866-1876).

Телеграмма Радека была послана 29 апреля и опубликована 4 мая 1928 г.

Должны быть доведены до конца (нем.).

Эльцин Виктор Борисович -- деятель объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг., сын одного из близких соратников Л. Д. Троцкого Б. М. Эльцина. В. Б. Эльцин был в 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в Усть Вымь (Коми АССР). Дальнейшая судьба неизвестна. По всей видимости, был расстрелян во время "большого террора".

Примаков Виталий Маркович (1897 -- 1937) -- советский военный деятель. Большевик с 1914 г. Во время гражданской войны командовал различными соединениями Красной Армии, а затем корпусов Червоного казачества. Командовал различными соединениями Красной Армии в 20 -- 30-е годы. Принимал участие в объединенной оппозиции 1926 -- 1927 гг., но вскоре от нее отошел. С 1935 г. командующий корпуса. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Наводит на размышления (нем.).

Речь идет о статье И. В. Сталина "Против опошления лозунга самокритики", опубликованной в "Правде" 26 июня 1928 г. (соч., т. 11, с. 127 -- 138).

Демагогический пафос статьи состоял в том, что

особо актуальное значение лозунг самокритики имеет в настоящее время в связи с обострением классово-борьбы внутри страны и на международной арене. Сталин подчеркнул, что нужна не всякая самокритика, а только большевистская, что против иной самокритики партия должна бороться всеми средствами.

Речь идет о статье Сталина "Ответ т. С".

Не совсем понятно, что именно имел в виду К. Б. Радек. В немецком и французском языках слова "nebich" нет. Написание его в рукописи достаточно четко и исключает возможность двойного трактования. Во французском языке есть слово "biche", означающее "сука" или "проститутка". В таком же значении и написании это французское слово используется в немецком. Не исключено, что Радек имел в виду какой-то известный Троцкому эпизод с "французами из Минска". Если же, однако, судить по контексту документа, Радек должен был иметь в виду

слово "сcurвился".

Теоретическая катастрофа (нем.).

Прыжок (нем.).

Фамилия в документе опущена.

Стецкий Александр Иванович (1896 -- 1938) -- советский партийный деятель.

Большевик с 1915 г. Во время гражданской войны командовал различными частями Красной Армии. Занимал разные посты в центральном партийном аппарате в 20-е годы. В 1924 г. окончил Институт красной профессуры. Был учеником Н. И. Бухарина, входил в "бухаринскую школу". Весной 1929 г. в условиях развернувшейся травли "правых уклонистов" перебежал на сторону Сталина и стал выступать с разоблачительными статьями о своем учителе (первая из них была опубликована в "Правде" 17 марта 1929 г.). С 1930 г. заведовал культурно-просветительным отделом, затем агитационно-пропагандистским отделом и отделом печати ЦК ВКП(б). С 1934 г. главный редактор журнала "Большевик". Сыграл значительную роль в пропаганде культа личности Сталина. Был арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Имеется в виду резолюция апрельского пленума ЦК ВКП(б) 1928 г. о хлебозаготовках.

Косиор Станислав Викентьевич (1889 -- 1939) -- советский партийный деятель.

Большевик с 1907 г. В 1919 -- 1920 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1922 -- 1926 гг. секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б), в 1926 - 1928 гг. секретарь ЦК ВКП(б). В 1928 - 1938 гг. являлся генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины и в этом качестве нес личную ответственность за насильственную кол-лективизацию, голод и массовую смертность сельского населения республики во время нее, за развертывание "большого террора" на Украине. В 1938 г. был недолгое время заместителем председателя Совнаркома СССР, затем арестован и расстрелян без суда.

Рабис (Союз работников искусств) -- профессиональная организация деятелей искусства СССР, существовавшая в 20-х -- начале 30-х годов. В 1932 г. взамен него были образованы союзы художников, композиторов, архитекторов, позже кинематографистов.

Рабфак (рабочий факультет) -- в 1919 -- 1940 гг. общеобразовательное учебное заведение для подготовки молодежи, не имевшей среднего образования, к поступлению в вузы. Обычно рабфак создавались при вузах со сроком обучения 3 -- 4 года. Они были важным средством подготовки специалистов из среды рабочих и крестьян, сознававших, что они обязаны своими успехами советской власти, и становившихся ее социальной опорой.

Имеется в виду один из братьев Полуян: Дмитрий Васильевич (1886 - 1937) или Ян Васильевич (1891 - 1937). Оба они участвовали в установлении советской власти на Северном Кавказе. Д. В. Полуян с 1923 г. работал в наркомате путей сообщения СССР. Я. В. Полуян в 1922 -- 1925 гг. был председателем Тверского губи-сполкома, в 1929 -- 1930 гг. -- Дальневосточного крайисполкома. Оба были арестованы во время "большого террора" и расстреляны без суда.

Речь идет об Иванове Владимире Ивановиче. См. прим. 433.

Речь идет о деле "врангелевского офицера", 1927 год.

Скрижали - каменные доски, на которые, согласно библейской мифологии, были занесены 10 Заповедей пророка Моисея, врученные ему богом Яхве на горе Синай в то время, когда он вывёл израильтян из фараоновского рабства в Египте.

Они стали символом того, что хранит памятные события, даты, имена и т. п.

Post factum -- задним числом (лат.).

Герцен (фамилия вымышленная, он был внебрачным сыном помещика И. А. Яковлева) Александр Иванович (псевдоним Искандер) (1812--1870) -- российский писатель и политический деятель. В 1834--1840 гг. находился в ссылке. С 1842 г. жил в Москве, был лидером левого крыла общественного течения западников. Критиковал крепостнический строй в романе "Кто виноват?" (1841--1846) и повестях. С 1847 г. находился в эмиграции. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию, издавал газету "Колокол", в которой обличал российское самодержавие и требовал освобождения крестьян с землей. Написал автобиографический труд "Былое и думы" (1852--1868) -- важный источник истории общественной мысли в России.

408. Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 -- 1831) -- немецкий философ, автор теории развития (диалектики) мирового духа (абсолюта), превращающегося в конкретные категории бытия, качества, количества, сущности, идеи и т. д. и вновь превращающегося в абсолютную идею. Гегель представлял себе развитие как преодоление противоречия в виде триады абстрактного, конкретного и вновь абстрактного. Основные труды: "Феноменология духа" (1807), "Наука логики" (1812 -- 1816), "Основы философии права" (1821). Учениками Гегеля были многие немецкие философы, в том числе вначале К. Маркс и Ф. Энгельс, которые затем заимствовали некоторые из его положений в своих философских построениях.

409. Хармс (Гармс) Бернгард (1876 -- 1939) -- немецкий экономист, издатель "Архива мирового хозяйства", автор большой работы "Народное и мировое хозяйство" (1912). С 1908 г. был профессором

Кильского университета. Основатель и директор Института мировой экономики и морских сообщений в Киле.

Allgemeiner Gewerkschaftsbund -- объединение профсоюзов (нем.) -- профсоюзное объединение Германии, связанное с социал-демократической партией.

Х. Кон. История национального движения на Востоке. Изд-во Вовинкель (нем.).

Коба - И. В. Сталин.

Приложения в архиве отсутствуют.

Осанна -- восторженное славословие (из Библии).

Уханов Константин Васильевич (1891--1937) -- советский государственный деятель. Большевик с 1907 г. В 1926--1929 гг. председатель Московского городского, в 1929--1934 гг. Московского областного исполкома. В 1934--1937

г. нарком местной, а затем легкой промышленности РСФСР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Прохоровка (Прохоровская мануфактура, Трехгорная ману-фактура) -- хлопчатобумажное предприятие, основанное русским капиталистом В. И. Прохоровым в 1799 г. в Москве. В 1873 г. было образовано "Товарищество Прохоровской трехгорной мануфакту-ры". Предприятие было национализировано в 1918 г. Позже называлось Московским хлопчатобумажным комбинатом "Трехгорная мануфактура" им. Ф. Э. Дзержинского.

Киров (настоящая фамилия Костриков) Сергей Миронович (1886--1934) -- советский партийный деятель. Большевик с 1904 г. В 1921-1925 гг. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. С 1926 г. секретарь Ленинградского губкома (затем обкома) ВКП(б). Одновременно с февраля 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б). Один из ближайших приспешников Сталина в установлении его личной власти в конце 20-х -- начале 30-х годов. Очевидный соперник Сталина на XVII съезде партии, на котором некоторые делегаты предлагали выдвинуть его кандидатуру на пост генерального секретаря ЦК ВКП(б). Убит 1 декабря 1934 г. в результате заговора, организованного, по-видимому, под непосредственным руководством Сталина. Убийство Кирова послужило предлогом к началу массовых репрессий, ставших прологом "большого террора".

Речь идет об исключении из партии ленинградского комму-ниста Зорича, наивно поверившего провозглашению "самокритики" и выступившего с критикой обкома партии и его первого секретаря Кирова.

Цеткин Клара (1857--1933) -- деятельница германского и междуна-родного социалистического и коммунистического движения. В 1881--1918 гг. участвовала в деятельности левого крыла социал-де-мократической партии Германии. Была одной из учредительниц II Интернационала в 1889 г. Член компартии Германии с 1919 г. С 1920 г. депутат рейхстага. В неофициальной переписке 20-х годов подвергала резкой критике деятельность руководства Комин-терна и ВКП(б), но публично поддерживала официальный больше-вистский курс.

ОКК -- Окружная контрольная комиссия.

ОИК -- Окружной исполнительный комитет.

Намек на "чистку" в Московском высшем техниче-ском училище после проведения там оппозиционного митинга в конце ок-тября 1927 г.

П. П. Постышев, будучи секретарем ЦК КП(б) Украины, посовместительству являлся секретарем Харьковского окружкома партии.

Золя Эмиль (1840--1902) -- французский писатель, автор 20-томной серии романов "Ругон-Маккары" -- истории одной семьи. Сторонник представлений о воспроизведении биологических зако-нов в законах развития общества. В связи с делом Дрейфуса -- офи-цера-еврея, провокационно обвиненного в шпионаже в пользу Гер-мании, выступил со знаменитым памфлетом "Я обвиняю" (1898), разоблачавшим судебную-следственную фабрикацию и ее цели.

Гусь-Хрустальный -- поселок, с 1931 г. город, недалеко от г. Вла-димира.

Центр стекольной промышленности. Имеется в виду "раз-гон" партийных и (или)

советских органов в этом поселке.

Имеется в виду поездка Сталина в Сибирь в январе 1928 г.

"Прожектор" -- иллюстрированный еженедельный лите-ратурно-художественный и политический журнал, выходивший в 1923 -- 1935 гг. До 1929 г. редактором был Н. И. Бухарин.

Михалец -- один из руководителей (наряду с Нейратом доктором Лоллаком) левой оппозиции в компартии Чехослова-кии. В 1927 г. был исключен из партии, после чего вступил в блок с группой правых во главе с Гулой и Герлихом.

Документ, автор которого неизвестен, содержит выдержки из стенограммы июльского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 г. На объединенном июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 4--12 июля 1928 г. рассматривались вопросы о программе Коминтерна, о политике хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением, об организации новых зерновых совхозов, об улучшении подготовки новых специалистов. В резолюции о политике хлебо-заготовок осуждались чрезвычайные меры и возвращение к про-дрозверстке. Это, казалось бы, свидетельствовало об укреплении положения группы Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова и ослаблении позиций группы И. В. Сталина. Пленум принял решения о повышении государственных заготовительных цен на хлеб, о ликвидации нарушений законности на селе. Перед пленумом в "Правде" появились статьи участников так называемой "школы Бухарина" Д. Ма-рецкого и В. Астрова с критикой сторонников чрезвычайных мер, в частности В. А. Карпинского (Правда, 1928, 30 июня, 2 июля). Впечатление капитуляции антиэповцев создавала и статья Ста-лина "Ленин и вопрос о союзе с середняком", настаивавшая на необходимости "прочного союза" (Правда, 1928, 3 июля). В то же время Астров выступил против попыток оппозиционеров возвратиться в партию под тем предлогом, что она, якобы, начала борьбу под "троцкистско-зиновьевским знаком". Накануне завершения пленума, 9 июля, состоялась встреча Бухарина с Каменевым, во время кото-

рой Бухарин заявил, что линия Сталина "губительная для всей революции", что на пленуме Сталин "уступил, чтобы нас задушить", и маневрирует, чтобы "нас выставить раскольниками". Бухарин "производил впечатление человека, знающего, что он обречен". Дальнейшего развития контакты не получили (Фелынтинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., изд-во гуманит. л-ры, 1993, с. 30 -- 34). Сталин в речи на пленуме вновь предрекал обострение классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Тем не менее 14 июля "Правда" объявила об отмене чрезвычайных мер, повышении заготовительных цен на зерно, фураж и т. д. В августе 1928 г. на основании решений пленума постановлением Центрального исполнительного комитета СССР была объявлена амнистия в отношении всех, кто был осужден по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР в связи с введением "чрезвычайщины" (репрессиями против крестьян по обвинению в "спекуляции"). Внешне пленум завершился победой "правого" курса.

Но уступки сталинистов были только кажущимися. Каждая сторона сохранила свои позиции, о чем свидетельствовал противоположный смысл докладов Рыкова в Москве и Сталина в Ленинграде об итогах пленума (Reiman M. The Birth of Stalinism: The USSR on the Eve of the Second Revolution. Bloomington, Indiana University Press, 1979, p. 74). Фактически сталинский партийный аппарат продолжал политику "чрезвычайщины". На Нижней Волге хлебозаготовки осенью 1928 г. по сравнению с предыдущим годом были увеличены на 195%, в Сибири - на 107%, в Казахстане - на 252%.

430. ВИК -- волостной исполнительный комитет; УИК -- уездный исполнительный комитет.

Анцелович Наум Маркович (1888-- 1952) --советский государ-ственный деятель. Большевик с 1905 г. В первые полтора десятилетия советской власти занимал различные государственные и воен-ные посты. В 1931 -- 1934 г. был заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1934 -- 1938 гг. заместитель предсе-дателя Комитета советского контроля СССР. В 1938 -- 1940 гг. былнаркомом лесной промышленности, после второй мировой войнызаместителем министра торговли.

Осинский Н. (правильные фамилия, имя и отчество Оболе-ский Валериан Валерианович) (1887 -- 1938) -- советский государст-венный деятель. Социал-демократ с 1907 г. В 1917 -- 1918 гг. былпредседателем Высшего совета народного хозяйства, в 1921 --1923 гг.заместителем наркома земледелия. Был одним из руководителейгруппы децистов в 1920 -- 1921 гг. Участвовал в оппозиции 1923 г.В 1923 - 1924 гг. был полпредом СССР в Швеции. С 1926 г. управля-ющий Центрального статистического управления СССР. С 1929 г. за-меститель председателя ВСНХ. Академик АН СССР с 1932 г. аресто-ван во время "большого террора" и расстрелян без суда.

433. Иванов Владимир Иванович (1893 -- 1938) -- советский партийный деятель. Большевик с 1915 г. В 1920 -- 1924 гг. секре-тарь Ярославского губкома РКП(б), в 1924 -- 1927 гг. секретарь ЦК

КП(б) Узбекистана, с 1927 г. секретарь Северокавказского крайкома ВКП(б). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Астров Валентин Николаевич (1898 - ?) -- слушатель, а затем преподаватель Института красной профессуры, член редколлегии "Правды", историк. Ученик Н. И. Бухарина. В 1928 г. был выведен из состава редколлегии. В 1929 г. уволен из Института красной профессуры и отправлен на низовую работу на периферию. В начале 1933 г. арестован вместе с другими участниками "бухаринской школы". Во время следствия давал нелепые и клеветнические показания о своем учителе. Клеветнические свидетельства он повторял и в 1937 г. после ареста Бухарина, в том числе во время очной ставки в присутствии Сталина, за что, по-видимому, ему была сохране-на жизнь. В 1937 г. Астров был освобожден по личному распоряже-нию Сталина. В 1949 г. вновь арестован. Освобожден в 1956 г. Жилв Москве. Опубликовал несколько художественных произведений, в том числе роман "Круча" о борьбе с "троцкизмом" в 20-е годы.Статья В. Н. Астрова "К текущему моменту" была опубликована в "Правде" 2 июля 1928 г. В статье

критиковались стремления спровоцировать партию на столкновение с крестьянством, отказаться от развития индивидуального крестьянского хозяйства, продолжать чрезвычайные меры. Астров критиковал не названных по имени деятелей, которые "стали сбиваться на карикатурный лозунг: "На 107 статье к социализму".

Ворошилов Климент Ефремович (1881 -- 1969) -- советский государственный деятель. Большевик в 1903 г. С 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР. В 1934 -- 1940 гг. нарком обороны СССР. Член Государственного комитета обороны в 1941 -- 1945 гг. Один из ближайших приспешников Сталина в установлении его тоталитарной власти и в "большом терроре". В 1953 -- 1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Днепрострой -- строительство Днепроградской гидроэлектростанции в г. Запорожье. Первая очередь была построена в 1927--1932 гг. мощностью 650 МВт. Первое предложение о строительстве Днепроградской ГЭС было внесено Л. Д. Троцким после поездки в Запорожье в начале 1926 г. Тогда же Троцкий возглавил комиссию по строительству электростанции и стал страстным защитником проекта. Вскоре, однако, предложение было отвергнуто политбюро ЦК ВКП(б) по настоянию Сталина, заявившего, что эта электростанция нужна не более, чем граммофон мужику, не имеющему даже королю. В том же году Сталин круто изменил свою позицию и высказался за строительство ГЭС в рамках индустриализации СССР. На XVI партконференции в октябре 1926 г. строительство Днепрогэс было представлено как приоритетная задача. 25 ноября 1926 г. политбюро приняло решение, придавшее строительству всесоюзное значение. К этому времени Троцкий был уже отстранен от ответственной государственной и партийной работы и его имя не ассоциировалось с Днепрогэсом.

Хатаевич Мендель Маркович (1893--1937) -- советский партийный деятель. Большевик с 1913 г. В 1918 г. был председателем Самарского губкома РКП(б). С 1921 г. секретарь ряда губкомов и крайкомов партии. В 1932-1933 и в 1937 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Речь идет о периодических учебных сборах территориальных частей Красной Армии.

В документе пропуск.

440. Центральное статистическое управление (ЦСУ) РСФСР (затем СССР) было образовано в 1918 г. в качестве органа централизованного руководства учета и статистики. После образования СССР Центральные статистические бюро были образованы в республиках. ЦСУ СССР руководило их работой. Многие статистические показатели, опубликованные ЦСУ СССР, были фальсифицированы в угоду политическим пристрастиям советского руководства.

В документе утрачена одна строка текста.

Струмили́н (правильная фамилия Струмилло-Петрашке-вич) Станислав Густавович (1877--1974) -- советский ученый-экономист, академик АН СССР с 1931 г. Участвовал в социал-демократическом движении с 1897 г. Автор трудов в области экономики, статистики, управления народным хозяйством, экономической истории и т. д. Струмили́н разработал систему материальных балансов, высоко оцененную и используемую мировой экономической наукой.

Государственный плановый комитет (Госплан) РСФСР, затем СССР -- центральный орган, предназначенный для разработки перспективных и текущих планов развития экономики и контроля за их исполнением. Был образован в феврале 1921 г.

Имеется в виду курс на развитие промышленности за счет сокращения и ликвидации "ножниц" цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, дополнительного налогового обложения и других мер, направленных против зажиточного крестьянства, которые содержались в выступлениях Л. Д. Троцкого и других делегатов XIII съезда РКП(б). Наиболее ярко этот курс проявился в концепции "первоначального социалистического накопления" Е. А. Преображенского.

В обоих местах утрачено по несколько слов.

Миллю́тин Влади́мир Петро́вич (1884--1937) -- советский государственный деятель. Большевик с 1910 г. Непосредственно после Октябрьского переворота 1917 г. нарком земледелия. В 1918--1921 гг. заместитель председателя ВСНХ. В следующие годы работал в Коминтерне, выполнял многочисленные тайные зарубежные задания советского руководства. С 1928 г. управляющий Центрального статистического управления СССР и заместитель председателя Госплана. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

447. По соображениям государственной тайны во всех трех случаях цифры в стенограмме выступления были опущены.

В документе "имеющие".

По соображениям государственной тайны в обоих случаях цифры в стенограмме выступления опущены.

Туркестано-Сибирская железная дорога (Турксиб) была построена на началах "всемирной стройки" с широким использованием принудительного труда заключенных в 1927--1931 гг. Проходит от Семипалатинска через Алма-Ату до станции Луговая. Длина около 1500 километров.

В документе пропуск.

Так в документе.

Имеется в виду статья В. И. Ленина "Очередные задачи Советской власти" (1918), в которой намечались пути построения социализма в России. По существу дела, создавалась схема командно-административного управления экономикой в общегосударственном масштабе с первоочередным вниманием на организацию государственного учета и контроля над производством и распределением продукции. Наряду с таким полицейско-бухгалтерским подходом, в статье допускались уступки рыночной экономике (сохранение мелкотоварного

производства, материальная заинтересованность работников), которые были сведены на нет восторжествовавшей вскоре системой военного коммунизма.

IX Всероссийский съезд советов состоялся 23 -- 28 декабря 1921 г. в Москве.

Съезд одобрил введение нэпа, утвердил декрет Совнаркома РСФСР "Об электрификации".

Так в тексте. По смыслу "внушить".

Крицман Лев Натанович (1890--1938) -- советский государственный деятель. Большевик с 1905 г. В 1910 --1917 гг. меньшевик. С 1918 г. вновь в большевистской партии. В 1920--1921 гг. был председателем комиссии использования материальных ресурсов. С 1921 г. член президиума Госплана. С 1923 г. работал в редакции "Правды". С 1927 г. член коллегии и с 1928 г. заместитель управляющего Центрального статистического управления СССР. Был редактором "Экономической энциклопедии" и журналов "Проблемы экономики" и "На аграрном фронте". С 1932 г. занимался только научной работой. Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Карпинский Вячеслав Александрович (1880--1965) -- советский партийный деятель. Социал-демократ с 1898 г. В советское время был редактором газет "Красная звезда", "Беднота", членом ред-коллегии "Правды". Автор ряда апологетических работ по истории партии. Доктор экономических наук.

"Крестьянская газета" -- газета, выпускавшаяся ЦК РКП(б), затем ЦК ВКП(б) в 1923--1939 гг. Являлась одним из главных средств коммунистической печатной пропаганды в среде крестьянства.

Экосо (экономические совещания) -- органы, созданные в губерниях в 1921 г. для объединения хозяйственной деятельности. В состав их входили председатель губисполкома, председатель совнархоза, продовольственный комиссар, заведующие отделом

труда, земельным отделом, финансовым отделом и председателем совета профсоюзов. Существовали до 1937 г.

Гарнцевый сбор -- сбор хлеба за помол на государственных и кооперативных мельницах.

Бухарин имел в виду политическое завещание Ленина в широком смысле слова, то есть цикл его последних статей и заметок, в частности заметку "Как нам реорганизовать Рабкрин".

Те же функции, что рабкоры и селькоры, исполняли военные корреспонденты (военкоры).

463. Варейкис Иосиф Михайлович (1894--1939) -- советский партийный деятель. Большевик с 1913 г. С 1918 г. секретарь различных краевых и областных комитетов партии. Арестован во время "большого террора". Расстрелян без суда.

Эйхе Роберт Индрикович (1890--1940) -- советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1905 г. В 1925--1929 гг. был председателем Сибирского крайисполкома, в 1929--1937 гг. первый секретарь

Западносибирского крайкома ВКП(б). В 1937--1938 гг. нарком земледелия СССР.

Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Скрышник Николай Александрович (1872--1933) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1897 г. В 1918--начале 1919 г. исполнял обязанности председателя Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, затем руководил рядом наркоматов на Украине. В 1933 г. заместитель председателя Совнаркома Украины. Обвиненный в "украинском буржуазном национализме", покончил самоубийством.

Бадаев Алексей Егорович (1883--1951) -- советский партийный деятель. Большевик с 1904 г. Депутат IV Государственной Думы. Член ЦК ВКП(б) с 1925 г. С 1930 г. работал в системе потребительской кооперации. В 1938--1943 гг. был председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

467. Чернявский Владимир Ильич (1893--1939) -- советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1919 г. был секретарем Киевского комитета большевистской партии. В 1920--1923 гг. служил в Красной Армии. В 1924--1926 гг. являлся губернским прокурором в Одесской губернии. В 1927--1930 гг. секретарь Киевского, а затем Одесского губкомов партии. В 1930--1932 гг. секретарь ЦККП(б) Украины. В 1932--1937 гг. первый секретарь Винницкого обкома КП(б)У. Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Второй всероссийский съезд политпросветов состоялся в Москве 17 -- 22 октября 1921 г. Политпросветы -- подразделения наркомата просвещения -- рассматривались как органы "государственной пропаганды коммунизма". Ленин выступил с докладом "Новая экономическая политика и задачи политпросветов" 17 октября, выдвинув задачи борьбы против "коммунистического чванства", безграмотности и взятки, и заявил, что "результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства" (соч., изд. 5, т. 44, с. 155-175).

Закон убывающего плодородия почвы -- концепция ряда экономистов, согласно которой эффективность затрат труда и капитала в сельском хозяйстве постепенно падает в результате вовлечения в оборот худших земель. В наше время большинство экономистов полагает, что естественное убывание плодородия почвы компенсируется благодаря развитию агрономии, других научных отраслей и технического прогрессу сельского хозяйства.

Вопросительный знак в тексте. Он принадлежит составителю документа и вполне естественен, так как закон убывающего плодородия почвы в марксистской догматике считался "буржуазным" и псевдонаучным.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874--1965) -- британский политический деятель, до 1904 г. консерватор, затем либерал, с начала 20-х годов вновь консерватор и один из лидеров этой партии. С 1908 г. занимал различные министерские посты. Премьер-министр в 1940--1945 и 1951--1955 гг. Автор многих книг историко-мемуарного жанра, важнейшая из которых "Вторая мировая война" (6 тт., 1948--1953), за которую Черчилль получил Нобелевскую премию в

области литературы.

Заявление Л. Д. Троцкого VI конгрессу Коминтерна от 12 июля 1928 г. с анализом политики ВКП(б) и Коминтерна и требованием о восстановлении оппозиционеров в партии "на основе ясного и точного изложения наших взглядов". См.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 90 - 105.

Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) -- центральный информационный орган СССР. Предшественником было Петроградское телеграфное агентство, созданное в 1917 г. и преобразованное в 1918 г. в Российское телеграфное агентство (РОСТА). ТАСС было образовано в 1925 г. с целью собирания внутренней и международной информации и распространения ее для органов печати, а позже -- также для радиовещания и телевидения. В союзных республиках были образованы свои телеграфные агентства, подчиненные ТАСС, что обеспечивало унификацию информации, ее соответствие курсу высшего советского руководства и его текущим политическим установкам.

Имеется в виду речь Бухарина на VI конгрессе Коминтерна.

В Минусинске в это время находились Смилга, Саркис, Козловский, Иоселевич и некоторые другие сосланные оппозиционеры. Вероятно, письмо было адресовано Смилге.

Имеется в виду г. Минусинск.

Центральная контрольная комиссия ВКП(б) (ЦКК ВКП(б)) -- высший контрольный орган советской компартии, существовавший в 1920 -- 1934 гг. ЦКК избиралась съездом. Формально задачи ЦКК заключались в предупреждении появления фракций и группировок, очищении партии от "недостойных", улучшении работы партийного и государственного аппарата, борьбе с бюрократизмом и взяточничеством. Фактически ЦКК ВКП(б) стала одним из главных инструментов укрепления и функционирования большевистской диктатуры, борьбы с инакомыслящими в составе партии, тер-

рора против тех, кто выражал несогласие с курсом правящей группы. Во второй половине 20-х годов обычно проводились объединенные пленумы ЦК и ЦКК ВКП(б). На местах действовали контрольные комиссии, выполнявшие те же функции. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) ЦКК была заменена Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б), что усилило власть ЦК еще более.

Имеется в виду статья "Ленин и вопрос о союзе с середняком. Ответ тов. С."

-- Сталин И. Соч., т. 11, с. 101 -- 115. В статье содержались спекуляции по поводу политики ВКП(б) в отношении середняка. В то же время Сталин пытался создать представление, что он выступает за прочный союз с середняком, следуя ленинской линии. Одновременно Сталин откровенно от обвинений в компромиссе с оппозицией по вопросу о середняке. С. -- по всей видимости, мифический персонаж.

В. М. Молотов выступал на пленуме Московского комитета ВКП(б) 30 июня 1928 г. (Правда, 1928, 4 июля.)

Доклад В. М. Молотова о работе в деревне на XV съезде ВКП(б) в самой общей

постановке выдвигал задачи перехода к крупному коллективному земледелию, но в то же время подчеркивал, что этот переход -- дело ряда лет и что в ближайшие годы сельское хозяйство будет развиваться как комплекс мелких крестьянских хозяйств. На этом Молотов особенно акцентировал внимание в заключительном слове. Данная задним числом дефиниция XV съезда как съезда коллективизации не соответствовала действительности. Она была изобретена для оправдания последовавшего в 1928--1929 гг. крутого политического поворота группы Сталина к "революции сверху".

Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868--1944) -- деятель российского революционного движения, советский общественный деятель. Социал-демократ с 1898 г. Один из организаторов и руководителей Комиссии по истории Октябрьской революции РКП(б) (Истпарта) в 1920-1921 гг. С 1925 г. был председателем ЦК МОПР СССР. С 1927 г. директор Исторического музея в Москве, а затем Музея революции СССР. Автор апологетических работ по истории партии. Доктор исторических наук.

Дерибас Терентий Дмитриевич (1883--1939) -- сотрудник советских спецслужб. Большевик с 1903 г. С 1920 г. работал в ВЧК, затем в ОГПУ. С 1931 г. был членом коллегии ОГПУ. В 1929 г. был направлен на Дальний Восток как уполномоченный ОГПУ, затем НКВД. Один из проводников политики сталинского террора, Дерибас сам стал его жертвой. Во время "большого террора" он был арестован и расстрелян без суда.

Бомарше Пьер Огюстен (1739--1799) -- французский драматург, автор комедий "Севильский цирюльник" (1775) и "Женитьба Фигаро" (1784), изобразивших в образе энергичного и умного слуги конфликт между третьим сословием и дворянством.

484. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (Исполком Коминтерна, ИККИ) -- руководящий орган Коминтерна, избиравшийся конгрессами на период между ними.

Существовал в течение всего периода деятельности Коминтерна (1919--1943). ИККИ проводил "расширенные пленумы" (13 пленумов, последний в 1933 г.), которые, по существу дела, являлись всемирными коммунистическими съездами, утверждавшими решения исполнительных органов, продиктованных советским руководством. Дискуссионные выступления и попытки критики объявлялись "уклонами", за которые виновные исключались из компартий или, в крайнем случае, снимались навсегда или временно с ответственных постов. ИККИ в свою очередь избирал президиум и секретариат, состав которых соответствовал требованиям высшего советского руководства.

Речь идет о IX пленуме Исполкома Коминтерна.

"Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления)" был подготовлен от имени тринадцати участников оппозиции, включая Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Раковского, Смилгу, Муралова, в начале сентября 1927 г. и в связи с отказом партийного руководства издать его опубликован нелегально. Основную часть текста документа см.: Коммунистическая оппозиция в СССР 1923--1927, т. 4,

с. 109 -- 174. Последняя, 12 глава опубликована в т. 1 настоящего издания.

Резолюция XV съезда ВКП(б) об оппозиции была утверждена 18 декабря 1927 г.

Она предусматривала исключение из партии 75 активных деятелей объединенной оппозиции и 23 участников "группы Сапронова" (то есть группы демократического централизма) и "очищение партии от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции". Принятием этой резолюции в основном завершился разгром объединенной оппозиции в ВКП(б).

Имеется в виду не речь, а статья Сталина "Ленин и вопрос о союзе с середняком. Ответ тов. С."

Денежная реформа 20-х годов была проведена в 1922--1924 гг. В ее ходе была создана единая денежная система, выпущена твердая конвертируемая валюта -- червонец (1 червонец -- 10 рублей), а также казначейские билеты (рубли), серебряная и медная монета. Реформа способствовала финансовой стабилизации, укреплению валюты СССР, расширению международных экономических связей на базе нэпа. Она была проведена под руководством Г. Я. Сокольникова, являвшегося наркомом финансов.

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) -- руководящий орган профсоюзов СССР в промежутках между их съездами. Избирался съездами на четыре года. В свою очередь ВЦСПС избирал президиум и секретариат, руководившие профсоюзами между пленумами ВЦСПС. На протяжении всей своей истории ВЦСПС выполнял указания и требования высшего руководства компартии.

Председатели ВЦСПС и другие высшие профсоюзные чиновники входили в состав ЦК партии.

491. Речь идет о волнениях рабочих-строителей, как работающих, так и безработных, в Москве летом 1928 г. в связи с низкой зарплатой, высоким производственным травматизмом и плохим про-

довольственным снабжением. О рабочих этой отрасли Л. Д. Троцкий через два года писал: "Сказать рабочим-строителям, которые карабкаются по лесам с кирпичами и цементом, часто полуголодные и нередко срывающиеся вниз, что они уже могут обосноваться в здании -- "вступили в социализм!" -- значит издеваться над строителями и над социализмом" (Бюллетень оппозиции, 1930, No 17 -- 18, с. 5 -- 6). Большая группа рабочих была арестована и осуждена по обвинению в контрреволюционном выступлении.

Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ) был создан в качестве молодежной политической организации, подчиненной компартии и полностью выполняющей ее волю, на первом всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи 29 октября 1918 г. В 1924 г. союзу было присвоено имя Ленина, с 1926 г. он назывался Всесоюзным ленинским коммунистическим союзом молодежи (ВЛКСМ). Прекратил существование вместе с КПСС в августе 1991 г.

Речь идет о доле, устанавливавшейся на промышленных предприятиях для трудового использования подростков в возрасте 14 -- 18 лет, учившихся в

школах фабрично-заводского ученичества, с целью ограничения их безработицы. Запрещалось также увольнять работавших подростков. В 1928 г. постановлением ЦИКи СНК СССР были введены новые, сокращенные нормы, определявшие

обязательную минимальную долю подростков в общем количестве работавших в 4,5% вместо 7%, что было ударом по рабочей молодежи.

Введение семичасового рабочего дня рабочих и служащих было объявлено юбилейным манифестом ЦИК СССР 15 октября 1927 г. "без уменьшения вознаграждения за труд", но "на протяжении ближайших лет".

Авантюристический и демагогический характер обещания ввести семичасовой рабочий день, которое реально так и не было произведено, раскрывался в ряде документов оппозиции (см., например: Троцкий Л. Семичасовой рабочий день.

-- Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927, т. 4, с. 205 - 208).

Семичасовой рабочий день и другие меры улучшения материального положения рабочих и бедных крестьян носили чисто декларативный характер. Реально же со второй половины 1927 г. в условиях экономического кризиса материальные условия жизни трудящихся становились все более тяжелыми. В феврале 1928 г. ряд предприятий оказался под угрозой закрытия. 3 ноября 1927 г. выпуск промышленной продукции был на 18% ниже, чем предусматривалось планом, в декабре -- на 21%. Усиливалась инфляция. Рос внутренний долг. Снабжение товарами первой необходимости в декабре 1927--январе 1928 г. упало на 15,5%.

К концу января стала очевидной необходимость введения системы распределения основных продуктов. Главными статьями дефицита были мука, крупы, молоко, яйца, жиры, а вслед за этим стала ощущаться нехватка хлеба, мяса, текстильных изделий и т. д. Возникли забастовки в Мытищах и Люберцах под Москвой, на Путиловском заводе в Ленинграде, Енакиевском металлургическом заводе в Донбассе и т. д. Как бы издеваясь над введением семичасового рабочего дня, многие администраторы предприятий увеличивали сверхурочное рабочее время, вплоть до 12 часов. Нормы потребления по "заборным книжкам" (карточкам), введенным в начале 1928 г., постепенно сокращались.

Лепсе Иван Иванович (1809--1929) -- советский общественный деятель.

Большевик с 1904 г. С 1921 г. председатель ЦК проф-союза металлистов, с 1924

г. член президиума ВЦСПС. Был членом Исполнительного бюро Профинтерна.

XIII съезд РКП(б) состоялся 23 - 31 мая 1924 г. в Москве. На съезде, помимо отчетов ЦК, ЦКК и представительства РКП(б) в Коминтерне, рассматривались вопросы о внутренней торговле кооперации, о работе в деревне, среди молодежи и др. На собраниях делегаций было зачитано "Письмо к съезду" ("завещание") В. И. Ленина, содержавшее характеристики отдельных партийных лидеров и предложение снять Сталина с поста генерального секретаря. Делегатам было запрещено цитировать этот документ. Фиктивное предложение Сталина о собственной отставке было отклонено. Съезд осудил "троцкизм" как мелкобуржуазный уклон, открыв путь к установлению единоличной власти Сталина.

"Панама" -- обычное условное наименование жульнической аферы правления французской акционерной компании, созданной в 1879 г. для строительства Панамского канала на перешейке того же названия в его наиболее узкой части на территории Колумбии. Хищения и злоупотребления привели к тяжелому финансовому положению компании. Она пыталась преодолеть его с помощью подкупа министров, парламентариев, редакторов газет. В 1888 г. компания потерпела крах, разорив десятки тысяч держателей акций. Начавшееся строительство канала было прервано. Возобновлено оно было лишь в 1901 г. Соединенными Штатами. В переносном смысле "панамой" называют любое крупное политическое или финансовое мошенничество.

Донуголь -- хозяйственный трест, возглавлявший угольные шахты и смежные промышленные предприятия Донбасса в 20 --30-е годы. Находился в Харькове.

"Комсомольская правда" -- ежедневная газета ЦК ВЛКСМ, выходила с 1925 г. Являлась основным печатным органом коммунистической пропаганды среди молодежи. С августа 1991 г. является изданием журналистского коллектива газеты. Сохранив прежнее наименование, "Комсомольская правда" стала беспартийной информационной ежедневной газетой.

Статья Сталина "Против опошления лозунга самокритики" (Соч., т. 11, с. 127 -- 138) была опубликована в "Правде" 26 июня 1928 г. Сталин демагогически призывал к развитию "самокритики", но в то же время требовал проводить различие между "чуждой" и "нашей" самокритикой, одобрял критику, правдивую лишь на 5 -- 10%, то есть призывал к клевете и доносу.

Имеется в виду Перводекабрьское восстание в Таллинне в 1924 г.

Имеется в виду экономический и политический кризис в Германии, начало которому положила оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в январе 1923 г. с целью вынудить Германию исправно вносить репарационные платежи. Правительство Германии призвало население к "пассивному сопротивлению". Последовавший затяжной экономический кризис сопровождался катастрофической инфляцией. Компартия пыталась воспользоваться массовым недовольством населения и организовать вооруженное выступление с целью захвата власти. Поведение высших органов Коминтерна было противоречивым -- в его директивах содержались взаимоисключающие требования. Однако основной тенденцией было стимулирование насильственных действий. ЦК РКП(б) не скупился на финансовые субсидии. Пленум ЦК 25 -- 27 сентября 1923 г. заявил о поддержке наступающей германской революции. В конечном итоге, дав указание местным организациям начать восстание в октябре 1923 г., ЦК компартии Германии тут же отменил собственное решение. Восстание в Гамбурге, начавшееся, несмотря на отмену, было подавлено. Вслед за этим, в конце октября части рейхсвера вторглись в Саксонию и Тюрингию и разогнали существовавшие здесь "рабочие правительства" (с участием социал-демократов и коммунистов). 8 -- 9 ноября в Мюнхене произошел "пивной

путч" нацистов во главе с А. Гит-лером, легко подавленный властями.

Речь идет об ультиматуме, направленном правительством Великобритании в мае 1923 г. правительству СССР, с требованием отзывать советских представителей из Ирана и Афганистана, компенсации за репрессии против арестованных подданных Велико-британии и т. д. Ультиматум был составлен Джорджем Натаниэлем Керзоном (1859--1925) -- министром иностранных дел, деятелем консервативной партии. Меморандум был отвергнут правительством СССР.

Имеется в виду не II Интернационал, а Социалистический Рабочий Интернационал (СРИ) -- международное объединение социал-демократических, социалистических и других сходных партий социалистической ориентации (например, британской Лейбористской партии), основанное в мае 1923 г. на объединительном конгрессе II и II/2 Интернационалов в Гамбурге. СРИ стоял на позициях реформизма, в его решениях и в работах его руководителей зарождалась концепция демократического социализма, которая позже была обоснована в программных документах Социалистического Интернационала, основанного в 1951 г. СРИ прекратил существование после начала второй мировой войны.

Криспин Артур (1875--1938) -- деятель германского социал-демократического движения. Один из руководителей Независимой социал-демократической партии Германии в 1919--1923 гг. Выступал за присоединение к Коминтерну. Участвовал во II конгрессе Коминтерна в 1920 г. После возвращения в Германию в связи с разногласиями с большевистским руководством изменил позицию.

В 1921 г. возглавил присоединение своей партии к III/2 Интернационалу.

Лонге Жан (1876--1938) -- деятель французского социалистического движения, внук К. Маркса. Во время первой мировой войны занимал пацифистскую позицию. В 30-е годы был сторонником сближения с коммунистами.

Модильяни Витторио Эмануэле (1872--1947) -- деятель итальянского социалистического движения, адвокат. В 1913--1926 гг. член палаты депутатов.

В годы первой мировой войны стоял на центристских позициях. В 1926 г. эмигрировал во Францию, редактировал периодические издания итальянских социалистов. Возвратился на родину в 1943 г.

Элленбоген Вильгельм -- австрийский социал-демократ, реформист, участник ряда международных социалистических съездов 20-х годов.

Зейц (точнее Зайц) Карл (1869--1950) -- австрийский социал-демократ, в 1918--1919 гг. член временного правительства Австрии. В 1919--1920 гг. был председателем Учредительного собрания. В 1920--1934 гг. председатель Социал-демократической партии. В 1923--1934 гг. бургомистр Вены. Во время второй мировой войны находился в концлагере Маутхаузен. После войны продолжал участвовать в деятельности Социал-демократической партии.

Турати Филиппе (1857--1932) -- один из основателей Итальянской социалистической партии в 1892 г. и лидер ее реформистского крыла. В 1926 г. эмигрировал и проводил активную антифашистскую деятельность.

Дарагона Лудовико (1876--1961) -- итальянский социалист. В начале XX в. был одним из руководителей профсоюзного объединения, руководимого социалистами. В 1918 -- 1925 гг. генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Италии.

В 20 -- 40-е годы находился в эмиграции. В 1946--1951 гг. входил в коалиционное правительство.

Мюллер Герман (1876--1931) -- деятель Социал-демократической партии Германии. С 1906 г. член правления партии. В 1918--1919 гг. член Совета народных уполномоченных (правительства). В 1919-1920 гг. министр иностранных дел. В 1920 и 1928-1930 гг. был рейхсканцлером (главой правительства).

Блюм Леон (1872--1950) -- французский социалистический деятель. В 1936--1938 гг. возглавлял правительство Народного фронта. После оккупации Франции Германией (1940) был арестован и находился в концлагере. В конце 1946 -- начале 1947 г. возглавлял правительство Франции. Был одним из авторов доктрины гуманистического социализма, которая стремилась приспособить марксистское учение к реалиям середины XX в.

Рендель Пьер (1871--1935) -- французский социалистический деятель, в 1915--1918 гг. директор газеты "Юманите" -- центрального органа Социалистической партии.

Речь идет о революции 1905--1907 гг. в России, носившей демократический характер и прошедшей стадии подъема вплоть до вооруженных выступлений в декабре 1905 г. и спада (1906 -- первая половина 1907 г.).

Имеются в виду отдельные компартии.

Под теорией стадий Англо-русского комитета имеется в виду проходящее в его решениях намерение добиваться постепенного осуществления поставленных целей: единства международного профсоюзного движения, недопущения новых войн, развития борьбы против наступления капитала на рабочий класс.

Речь идет о создании Венгерской советской республики, существовавшей с 21 марта по 1 августа 1919 г. Правительство, в которое входили коммунисты и левые социал-демократы, в ходе событий образовавшие единую партию, создало Красную Армию и провел ряд социальных преобразований. Советская власть была разгромлена объединенными силами Антанты и соседних держав при поддержке правых и центристских партий Венгрии.

519. Финляндская революция 1918 г. ("рабочая революция") происходила в январе -- мае 1918 г. под прямым влиянием событий в России. Образованное левыми социал-демократами (преобразовавшими свою партию в коммунистическую) правительство -- Совет народных уполномоченных -- попыталось осуществить социальные преобразования при прямой военной помощи со стороны советской России. После подписания Россией Брестского мирного договора с Германией (март 1918 г.) революция была подавлена совместными усилиями Германии и правых партий Финляндии.

Речь идет о так называемой Ноябрьской революции -- демократической революции, начавшейся в ноябре 1918 г. в Германии, которая привела к свержению монархии и установлению демократического республиканского режима. Совет народных уполномоченных (правительство), образованный в первые дни

ре-волюции, подписал перемирие со странами Антанты, что означало окончание первой мировой войны, объявил амнистию политзаключенных, ввел восьмичасовой рабочий день. Попытки установить советскую власть в Баварии и некоторых других районах страны потерпели провал. 31 июля 1919 г. Национальное собрание (Учредительное собрание) утвердило конституцию (Веймарскую конституцию), что можно считать завершением Ноябрьской революции.

Гильдейский социализм -- политическое и философское течение в Великобритании в начале XX в. Идеологи течения, в частности Джордж Коул -- историк, экономист и социолог, -- выдвинули идею перехода к социализму путем национализации предприятий и передачи их в управление "национальных гильдий" -- объединений трудящихся по отраслям.

Конструктивным социализмом проект программы Коминтерна (а затем и программа) называл систему взглядов и политику этого течения в социал-демократии, которое подразумевало под социализмом систему постепенного совершенствования общества на основе принципов социальной справедливости, улучшения экономического, социально-политического и духовно-нравственного положения масс населения, положительно относилось к буржуазному строю, продолжая либерально-филантропические тенденции Фабианского общества XIX в. В качестве крупнейшего представителя конструктивного социализма проект программы, а затем сама программа называли Р. Макдональда.

Союз "Спартак" -- организация германских левых социал-демократов. Была образована в ноябре 1918 г. путем преобразования группы "Спартак", созданной в 1916 г. Руководители К. Либкнехт, Р. Люксембург. До конца 1918 г. Союз "Спартак" оставался в составе Независимой социал-демократической партии Германии, добиваясь превращения демократической революции в социалистическую. На рубеже 1918--1919 гг. был преобразован в Коммунистическую партию Германии (Союз "Спартак").

В архиве документ хранится под названием "Выдержка из письма тов. Врачева".

Безвожденцами называли часть сторонников "новой оппозиции", возглавлявшейся Зиновьевым и Каменевым, которые особенно энергично отвергали необходимость иметь в партии "вождя" и выступали за коллективный характер руководства.

526. Доклад И. В. Сталина ленинградскому активу ВКП(б) об итогах Июльского пленума ЦК ВКП(б) состоялся 13 июля 1928 г. (Соч., т. 11, с. 197 -- 218). Кратко рассмотрев работу VI конгресса Коминтерна, Сталин уделил основное внимание хлебозаготовкам, созданию кадров для промышленного строительства. В докладе звучали относительно умеренные ноты по поводу необходимости поднимать мелкое и среднее крестьянское хозяйство и об их добровольном объединении. Сталин заявил о необходимости немедленного прекращения незаконных обысков, рецидивов подрыва, о предстоящем повышении заготовительных цен на хлеб, организации регулярного завоза товаров в хлебопроизводительные районы и т. д.

Речь идет о документе Л. Д. Троцкого "Критика программы Коммунистического Интернационала", направленном из Алма-Аты VI конгрессу Коминтерна в июле

1928 г. (документ датирован архивном экземпляре 28 июня) (Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений. М., Принтима, б. г., с. 64 -- 233).

"Зажигалочниками" автор именует рабочих, которые во время гражданской войны пытались прокормить свои семьи мелким ремесленным промыслом, например изготовлением и продажей зажигалок.

Речь идет о программе РКП(б), принятой на ее X съезде в 1919 г.

Квиринг Эммануил Ионович (1888--193?) -- советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1912 г. В 1920--1922 гг. секретарь Екатеринославского, а затем Донецкого губкомпартии, в 1923-1925 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1925 г. был

заместителем председателя ВСНХ СССР, затем Госплана СССР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москве в 1919--1932 гг. готовил партийные и советские кадры. Был реорганизован в Высший коммунистический сельскохозяйственный институт им. Я. М. Свердлова.

Школа "Выстрел" была создана в г. Солнечногорске под Москвой в 1918 г. для подготовки командного состава Красной Армии. С середины 20-х годов осуществляла переподготовку командного и политического состава сухопутных войск на уровнях от батальона до полка.

Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (ИНХ) был создан в 1919 г. на базе Московского коммерческого института, основанного в 1907 г. В настоящее время университет им. Г. В. Плеханова. На протяжении всех лет существования являлся одним из основных вузов, готовивших кадры советских экономистов, а также научных работников в различных экономических областях.

Так в документе. Название отдела не ясно.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875--1933) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1895 г. В 1917--1929 гг. нарком просвещения РСФСР. В 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании, но к исполнению обязанностей не приступил в связи с состоянием здоровья. Был автором многочисленных работ по истории революционной общественной мысли, а также догматических и крайне слабых по своим художественным достоинствам пьес.

Москва 2-я -- железнодорожная станция.

МИСИ, фонд Двинова. Папка 2. Э. М. Дуне (Дунэ), член оппозиционной группы "демократический централизм". За свою оппозиционную деятельность был арестован, много лет провел в Воркуте. Эмигрировал во время второй мировой войны. Справку составил в 1947 г. для меньшевистского эмигрантского органа

"Социалистический вестник". Умер в 1953 г.

538 Второй съезд советов СССР происходил в Москве 26 января 2 февраля 1924 г.

539 Член "группы 15-ти" Марк Миньков дал во время ареста откровенные показания, насчитав только 200 человек, но он по самой структуре нашей организации не мог все знать, так как был лишь членом московского центра. -

Примеч. автора.

540 Например, Солнцев - погиб в изоляторе от гнойного воспаления среднего уха, или К.Мелнайс (псевдоним), расстрелянный в Воркуте в марте 1937 как "идейный руководитель голодовки". - Примеч. автора.

541 В ссылке 1927 - 30 гг. шла оживленная переписка: пересылались проекты платформа, списки сосланных и их адреса, обмен мнений путем писем к "дорогому другу" и т.д. - Примеч. автора.

542 Проф. М., член нашего "Литературного центра", и теперь не арестован, работает в институте философии (Институт красной профессуры). Другой работник техники Д. работает теперь в 1947 г. в институте мирового хозяйства в Москве.

- Примеч. автора.

543 После моего ареста эта пачка "лип" была сожжена в печке для сжигания погибших подопытных животных. Характерно, что сжигание производил мой друг, член ВКП(б), научный сотрудник института, ярый сталинец, всегда выступавший против оппозиции, совместно с беспартийным профессором, который теперь является членом ВКП(б). Значит, не все члены ВКП(б) столь безнадежны, как кажется. Правда, это случилось двадцать лет тому назад. - Примеч. автора.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Анцелович Н. М. 251, 455

Арсентьев см. Коваленко П.

Аршавский А. С. 387

Асаткин 98, 274

Астров В. Н. 252, 308, 454, 455,

456 Абрамович 72, 395

Указатель имен

Абрамович 72, 395
Абрамская 399
Абрамский 135, 395
Абрамсон 387
Адлер Ф. 90
Александров А. Н. 387
Аль-Атраш С. 442

Указатель имен

Абрамович
Абрамская
Абрамский
Абрамсон
Адлер
Александров А.Н.
Аль-Атраш С.
Аль-Карим А.
Альский А.О.
Амегицкий
Аморетто
Амундсен Р.
Андреев А.А.
Андрейчин Г.
Антокольчский Я,
Антонов-Овсеенко В.А.
Антонова
Анцлович Н.М.
Арсентьев см. Коваленко П.
Аршавский
Асаткин
Астров В.Г.
Афанасьев В. Г.
Бабаев
Бабахай Н.
Бабушкин И. В
Бадаев А. Е.
Бауман К. Я.
Баумгартнер
Бауэр О.
Бахутов Б.В.
Белбей

Белобородов А. Г.
Белобородова Ф. В.
Беляев
Беляис Я. Я.
Беркович
Бисмарк О.
Блесков
Блискивицкий Н.
Блюм Л.
Богдасаров
Богуславский М. С.
Болдуин С.
Бомарше П. О.
Бонапарт Л. Н.
Бонапарт Н.
Бондаренко
Бордига А.
Борхардт Ю.
Боткин С. П.
Брагинский
Брежнев Л. И.
Бровер
Бройдо
Броз Тито И.
Бронштейн З. Л. см. Волкова З. Л.
Бронштейн Н. Л. см. Невельсон Н.Л.
Бронштейн
Будзинская Р. Л.
Булатов
Бухарин Н. И.
Бухарина А. М. см Ларина А. М.
Бухарцева В.
Валентинов Г. Б.
Ван Оверстратен Е. см. Ван Овер-
штратен Е.
Ван Оверштратен Е.
Ванцетти Б.
Ван Цзинвэй
Варга Е.
Вардин И. В.
Варейкис И. М.
Васильев И.

Васо

Васюта
Вебер
Верещагин В. В.
Верховский А. И.
Веттер
Виленский В. Д. см. Сибиряков В. Д.
Вильгельм I Гогенцоллерн
Вильгельм II Гогенцоллерн
Винокуров А.
Вирап
Висневская
Власов
Водоканальцев
Вознесенский Н. А.
Волин Б. М.
Волков В.
Волков Л.
Волков П.
Волкова З. Л.
Володин
Воробьев В.
Воровская
Боровский
Ворошилов К. Е.
Воскресенская К.
Воскресенский Г.
Врачев И. Я.
Вуйович В.
Выжукал
Вязниковцев Г.
Ганди М.
Гарденберг К.
Гебраидзе
Геворкьян
Гегель Г. В. Ф.
Гейне Г.
Герлих
Гертик А.
Герц
Герцберг
Герцен А. И.
Гессен С. М.
ГетьеФ. А.
Гинзбург

Гитлер А.
Глазов
Гоголь Н. В.
Головко В.А.
Голодец
Гордон Н.
Горький М.
Го Сунлин
Грачевский
Грек
Грибоедов А. С.
Громан В. Г.
Грюнман
Грюнштейн К. Я.
Гугель
Гула
Гуральский
ГуревичА.
Гусев М.
Давидович
Данте А.
Дантон Ж. Ж.
Дарагона Л.
Дашковский И. К.
Дворжанчик
Дебух
Дерибас Т. Д.
Дзержинский Ф. Э.
Дидро Д.
Димитров Г.
Дингельнштедт
Донофрио
Достоевский Ф. М.
Дрейфус А.
Дубинбаум
Дудель Н.
Евдокимов Г. Е.
Ежов П. С.
Елькович Н. А.
Емельянов Б. В.
Емельянов Н. А.
Енукидзе А. С.
Е Тин
Ефретов

Жакмот Ж.
Жемчужина
Жиро С.
Жук А. В.
Заванян
Заварьян
ЗагюМ. М.
Зайцев
Закс-Гладнев
Залуцкий П. А.
Затонский В. П.
Зацепин
Зейпель И.
Зейц К.
Зеленский
Зимин
Зиновьев Г. Е.
Золя Э.
Зорин С.
Зорич
Иванов В. И., функционер ВКП(б)
Иванов В. И., участник оппозиции
Иванов Н.
Ивановская
Ивановские
Иисус
Икуо Ояама
Ио Вейцзюн
Иоселевич
Иоффе
Истмен
Ищенко А. Г.
Кабардин
Каврайский В. А.
Кальзан
Кавтарадзе С. И.
Каганович Л. М.
    Калинин М. И.
Каменев Л. Б.
Канатчикова
Карамоненко
Карпинский В. А.
Карпов
Каспарова В. Д.

Кац И. 386

Каутский К.

Квиринг Э. О.

Кенгерлюдинский

Керенский А. Ф.

Керзон Д. Н.

Кетта М.

Киевленко

Кириллов

Киров С. М.

Киселев, советский чиновник

Киселев, автор статьи

Кишкин

Клемансо Ж.

Коба см. Сталин И. В.

Коваленко П.

Козлов

Козлова-Пассек

Козловский

Колодуб А.

Колодуб Е.

Кон Ф.

Кон Х.

Кондратьев Н. Д.

Кондюхов

Конева

Конторович А.

Корнилов Л. Г.

Король

Королев А.

Корш К.

Косарев А. В.

Косиор С. В.

Косперский И.

Кострицкий И.

Коул Д.

Кочерга

Крестинский Н. Н.

Криспин А.

Крицман Л. Н.

Крупская Н. К.

Ксения
Ксенофонов Ф. А.
Кубяк Н. А.
Кузнецов И.
Куйбышев В. В.
Куклин
Кузьменко
Куреневский
Кусков
Куунен
Кучмин
Л.
Ладо
Лазько
Ланда
Ларина А. М.
Лассаль Ф.
Ла Фоллет Р.
Лашевич М. М.
Левин Л. И.
Левичев В. Н.
Ленин В. И.
Лелевич А. Г.
Лепешинский П. Н.
ЛепсеИ. И.
Либере
Либкнехт К.
Лиздин
Ли Каузи
Линкольн А.
Литвинов М. М.
Лифшиц В.
Лобашев Г.
Лозовский А.
Ломинадзе В. В.
Ломов Г. И.
Лонге Ж.
Лорио Ф.
Луначарский А. В.
Людовик XV
Люксембург Р.
Ляо Ж.
Магдалина
Майзель Д

Макдональд Р.
Максимов П.
Малиновский Г. И.
Мальцев Б.
Малюта В.
Ман см. Невельсон М.
Мандельштам Н. Н.
Мануильский Д.
Марецкий Д. П.
Марзак
Маркс К.
Мартынов А. С.
Мартынов Д. И.
Мартынов
Маслов А.
Матей Г.
Магов
Мауран
Мелнайс
Мельничанский Г. Н.
Менжинский В. Р.
Микина
Микоян А. И.
Милютин В. П.
Миничев
Минц С.
Миньков М. И.
Миф П.
Михалевич Г.
Михалец
Михеенко
Модильяни В. Э.
Моисей
Моисеенко
Молотов В.М.
Монатт П.
Монд А.
Морозов В. И.
Мрачковский С. В.
Муралов Н. И.
Муралова
Мураховский
Мусин
Мюллер Г.

Назаретян
Назимов А. Е.
Налбандов
Наполеон I см. Бонапарт Н.
Нарзанов
Нарымцев
Наумов И. К.
Невельсон М.
Невельсон Н. Л.
Нейман Г.
Нейрат
Некрасов Н. А.
Нечаев
Нобиле У. 1
Новиков
Нусинов И. С.
Оборин В. П.
Оганесов С. С.
Оганесян
Оклянский
Орджоникидзе Г. К.
Осинский Н.
Островская Н. Остроумов
    П. 80
Павлова И. В.
Паз
Панцов А.В.
Парфентьев
Патриарка В. А.
Пекарь-Орлов
Пеппер Д.
Первушин
Переверзев В. Ф
Персель А.
Петерсон А.
Петр, адресат письма оппозиционеров
Петр, апостол
Петровский Г. И.
Пешкова Е. П.
    Пилипенко
Пилсудский Ю.
Пиналов С. А
Плеханов Г. В.
Поздеева 388

Познанский И. М.
Полифен
    Поллак
Полуян Д. В.
Полуян Я. В.
Поль Бонкур Ж.
Помпадур Ж. А. П.
Попов П.
Постышев П. П.
Прейсс Г.
Преображенский Е. А.
Пресняков
Примаков В. М.
Прокопов

Прохоров В. И.
Псалмопевцев
Пуанкаре Р.
Пятаков Г. Л.
Равич О. Н.
Радек К. Б.
Радек Р. М.
Радзевич
Радченко
Раковская А. Г.
Раковский К.
Раковский Х. Г. см. Раковский К.
РафесМ. Г.
Резниковский
Рем М. С.
Ренодель П.
Рифе
Робеспьер М.
Рогальский
Роговин В.
РозенбергА.
Розенгауз И. С.
РозентальК.
Розиновы
Росмер А.
Ротшильды
Рудзутак Я. Э.
Рузвельт Ф. Д.

Рухимович М. Л.
Рыков А. И.
Рютин М. Н.
Рязанов Д. Б.
С.
Саакян
Садовская
СаккоН.
Салтыков-Щедрин М. Е.
Самсонов М.
Сандино А.
Сапов
Сапронов Т. В.
Саркис С. А.
Сафаров Г. И.
Свердлов Я. М.
Свечин А. А.
Седов Л. Л.
Седов С. Л.
Седова А. С.
Седова-Троцкая Н. И.
Сергеев А. Н.
Серж В.
Серебряков Л. П.
Сермукс С.
Серсон
Сибиряков В. Д.
Сидоров В.
Сидорова Г.
Симашко
Синклер Э.
Си Сиву см. С.С.У
Ситрин У.
Сквирский Б. Е.
Скворцов-Степанов И. И.
Скрыпник Н. А.
Слепков А. Н.
Смилга И. Т.
    Смирнов А. П.
    Смирнов В. М.
Смирнов И. Н.
Советкина-Дингелынтедт
Соколов А. А.
Соколов Б. Н.

Сокольников Г. Я.
Соловьев
Соломин
Сольц А. А.
Сосновская О. Д.
Сосновский Л. С.

Спартак
Спиноза Б.
С.С.У
Сталин И. В.

Станчев М. Г.
Стецкий А. И.

Столовский
Струмилин С. Г.
Суварин Б. И.
Сунь Фо
Сунь Ятсен
Сухачев
Сухомлин
Сырцов С. И.
Твердохлебов
Тельман Э.
Тер-Ваганян В. А.
Тер-Оганесов
Тимирязев К. А.
Толстой Л. Н.
Томский М. П.
Тренев К. А.
Треппер Л.
Троцкий Л. Д.
Трэн А.
Туманов
Турати Ф.
Угланов Н. А.
Урбанс Г.
Урберг А. С.
Усевич
Устимчик
Устрялов Н. В.
Уфимцев

Уханов К. В.
Фадеева
Фарбман Р. Б.
Федоров Г
Фейербах Л.
Фелынтинский Ю. Г.
    Фишер Р.
Фонберштейн
Фошкин Ф. Р.
Фонвизин Д. И.
Франко Ф.
Фрейденберг

Фрумкин М. И.
Фрунзе М. В.
Фэн Юйсян
Халатов А. Б.
Харитонов М. М.
Хармс Б.
Хатаевич М. М.
Хикс Д.
Хоречко Т.
Ху Ханьминь
Хун Сюцюань
Хэ Лун
Цветков И.
Цезарь Г. Ю.
Цеткин К.
Цибульский
Цин, династия
Цинцадзе К.
Чан Кайши
Чаплыгин
Чаусовская
Чернов С.
Чернявский В. И.
Чернявский Г. И.
Черчилль У. Л. С.
Чечелашвили А.
Чубарь В. Я.
Чэнь Южень
Шамиль
Шаров Я.

Шатуров А. А.
Шацкин Л. А.
Швейник Г.
Шенкман
Шепшелевич М. И.
Шмидт О. Ю.
Штейн Г.
Штыкгольд
Штюрк К.
Шумская
Шурыгин А. С.
Шустер А.
Эбер Ж.
Эвельсон
Эйхе Р. Г.
Элленбоген В.
Эльцин Б. М.
Эльцин В. Б.

Эсин
Ю.
Юдин Ф.
Юдин
Юнг О.
Юра
Юшкин
Явановская
Яковлев И. А.
Яковлев Я. А.
Яковенко
Ян Сюцин
Ярославский Е. М.
Яхве
Yurapov Iu.
Deutcher I.
Iastman M. см. Истмен М.
Kohn H. см. Кон Х.
Reiman M. 455
Serge V. см. Серж В.

Указатель географических названий

Австралия

Австрия

    Азербайджан

    Акмолинск

Алма-Ата

Алма-Атинка

Альтона

Америка Латинская

Америка Южная см. Америка Латинская

Амстердам

Англия

Андижан

Аравия

Аргентина

Армения

,

Артемовск

    Артемовский округ Архангельск

    Астрахань

Атлантический океан Афганистан

Африка

Африка Северная

    Ачинск

Бавария

    Баден

Баку

Балканы

Барнаул

Барнаульский округ

Бахчисарай

Башкирия
Бельгия
Березов см. Березово БерезовойИ,

Берлин
Бийск
Болгария
Бомбей
Бразилия
Брюссель
Бухарест
Варшава
Ватерлоо
Великий Устюг 5
Великобритания см. Англия
Вена
Венгрия
Верный см. Алма-Ата
Версаль
Верхокамье
Вильдунген
Владимир
Владимирская губерния
Волга
Вологда
Вологодская губерния
Воркута
Воронежская губерния
Выборг
Галлия
Гамбург
Германия
Горно-Алтайск см. Камень-на-Оби
Грузия
Гусь-Хрустальный

478

Дагестан Калуга
Дальневосточная республика Калькутта
Дальний Восток Камень-на-Оби

Джамбейт Канада
Днепропетровская губерния Канск
Дымовка Канский округ
Дюре Кантон
Европа Караганда
    Каракол , Каргоска Кельн
Европа Западная Кескеленский перевал
Египет
Енакиево Кзыл-Орда
Киев
Енисейск Киль
Железноводск Китай
Закавказье
Зангезур
Запорожье
Зиновьевск Коканд
Иваново-Вознесенск Колпашево
Иваново-вознесенская губерния
Игарка Колумбия
Ильино Коми АССР
Индия , Корея
    Котлас ,
Индонезия Краснококшайск
Иран см. Персия Красноярск
Ирбит Красноярский край Иркутск Красный Яр
Иркутская область Кронштадт
Иртыш Кузнецк Испания Курган
Иссык-Куль Кушва
Италия Ленинград
Ишим Ленинградская область
Йошкар-Ола см. Краснококшайск Лондон
Кабарда Луганский округ
Кавказ , Луговая
    Люберцы
Кадников Манчжурия
Казалинск Мариинск
Казань Марокко
Казахстан Маутхаузен
    Медина
Мекка Поволжье
Мексика Полтава
Минск Польша
Минусинск
    Пруссия

Москва Пфальц
Пфальцская область
Рим Древний
Рифская республика
Россия см. СССР
Ростов-на-Дону
РСФСР см. СССР
Рубцовск
Рубцовский округ
Румыния
Рурская область
Московская губерния Рязань
Мытищи Рязанская губерния
Мюнхен Саксония
Нанчан Самарово
Нарым Самарская губерния
Нарымский край Саратов
Нахичеванская АССР Саратовская губерния
Никарагуа Северный Полюс
Николаев Святоу
Николаевский округ Святой Елены остров
Новобаязет Семипалатинск
Новороссийск
Новосибирск Семиречье
Нью-Йорк Сибирь
Обдорск
Одесса
Одесская губерния
Одесский округ Синай
Ойрот-Тура см. Камень-на-Оби Сирия
Омск Смоленск
Оренбург Смоленская губерния
Павловский Посад Смоленский уезд
Пакистан Солнечногорск
Панамский канал Средиземное море
Парабель Средняя Азия
Париж Сталине
Сургояк
Пермь Суматра
Персия Тайвань
Петроград см. Ленинград Таллинн

Татария
Ташкент
Тверская губерния
Тверь
Термез
Тифлис
Тобольск
Тобольский округ
Тогур
Томск
    Томская губерния
Томский уезд
Тула
Тургай
Туркестан
Туруханск
Туруханский край
Турция
Тюрингия
Тюмень
Узбекистан
Украина

Урал
Уральск
Уральская область
Уругвай
Усолье
Усть-Вымь
Усть-Кулом
Финляндия
Франкфурт-на-Майне
Франция
Фрунзе
Ханькоу
Харьков
Херсон
Хубэй
Хунань
Царицынская губерния
Чебоксары
Чердынь
Челябинский округ
Чехословакия

Чечня
Чили
Чимкент
Шанхай
Шахтинский округ
Шахтинский район
Шахты
Швеция
Швейцария
Шенкурск 1
Шипка
Эквадор
Эльба, остров
Эстония
Юзовка см. Сталине
Ява
Янцзы
Япония
Ярославль
Benson
New York
Vermont

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

С. Седов. Телеграмма Л. Седову. 26 января 4
А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 27 января 4
Троцкие. Телеграмма Каспаровой. [Февраль] 4
Троцкие. Телеграмма Муралову. [Февраль] 4
Л. Троцкий.

Содержание

Предисловие

С.Седов. Телеграмма Л.Седову. 26 января
Троцкий. Телеграмма Каспаровой. Февраль.
Л.Троцкий. Телеграмма И.
Н. Смирнову. [Февраль] 4
А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 4 февраля 4
Н. Муралов. Телеграмма Троцкому. 8 февраля 5
А. и С. Седовы. Телеграмма Л. Седову. 11 февраля 5
А. Седова. Телеграмма Троцкому. 17 февраля 5

Н. Сермуks. Телеграмма Троцкому. 17 февраля 5
А. Седова. Телеграмма Троцким. 20 февраля 5
Белобородое, Валентинов. Телеграмма Троцкому. 21 февраля. . . .5
Богдасаров. Телеграмма Троцкому. 23 февраля 6
Л. Троцкий. Телеграмма Богдасарову. 23 февраля 6
Белобородова. Телеграмма Троцкому. 24 февраля 6
Открытка Троцкому из Киева. 25 февраля 6
С. Седов. Телеграмма Троцкому. 29 февраля 6
Н. Муралов. Телеграмма Троцкому. 29 февраля 6
И. Кузнецов. Открытое письмо Зиновьеву
и Каменеву. [Февраль] 6 -- 16
Л. Троцкий. Телеграмма Муралову. 1 марта 16
Л. Троцкий. Телеграмма Радеку. [Начало марта] 16
Л. Троцкий. Телеграмма Радеку. [Начало марта] 16
С. Седов. Телеграмма Троцкому. 1 марта 16
Вируп. Телеграмма Троцкому. 1 марта 16
Троцкие. Телеграмма Преображенскому. 2 марта 16
Е. Преображенский. Телеграмма Троцкому. 2 марта 17
Л. Седое. Телеграмма Вирупу. 3 марта 17
Телеграмма Троцкому. 4 марта 17
Лазько. Телеграмма Троцкому. 4 марта 17
А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 4 марта 17
Статья "Еще один". [Начало марта] 17 -- 21
Листовка "Товарищи". [Не ранее 4 марта] 21--24
Л. Седов. Телеграмма А. и С. Седовым. 5 марта 24
Телеграмма Троцкому. 5 марта 24
С. Седов. Телеграмма Троцкому. 6 марта 24
О. Сосновская. Телеграмма Н. И. Седовой. 6 марта 24
Д. Майзель. Телеграмма Л. Седову. 7 марта 24
Л. Седов. Телеграмма А. Седовой. [После 10 марта] 25
А. Гуревич. Телеграмма Л. Седову. 11 марта 25
С. и А. Седовы. Телеграмма Троцким. 14 марта 25
Юшкин и Эвельсон. Телеграмма Троцкому. 16 марта 25
А. и С. Седовы. Телеграмма Троцким. 17 марта 25
Л. Троцкий. Телеграмма Юшкину. 18 марта 25
Л. Троцкий. Телеграмма Альскому. 18 марта 26
Юшкин и Эвельсон. Телеграмма Троцкому. 19 марта 26

3. Бронштейн. Телеграмма Троцким. [20 марта]
И. Я. Врачев. Телеграмма Троцкому. 21 марта
Н. Крестинский. Письмо Ярославскому. 22 марта
К. Родек. Телеграмма Троцкому. 22 марта
Телеграмма Троцкому. 25 марта
Л. Сосновский. Письмо Троцкому. [Март]

Резолюция совещания Высшего политического состава Белорусского военного округа. [Весна]

Н. Сермукс. Телеграмма Л. Седову. 2 апреля

Троцкие. Телеграмма Сермуксу. 3 апреля

М. Альский. Письмо Радеку. 3 апреля

Н. Муроме. Письмо Троцкому. 4 апреля

И. Смилга. Письмо Троцкому. 4 апреля

Н. Сермукс. Телеграмма Л. Седову. 5 апреля

Н. Сермукс. Телеграмма Троцким. 5 апреля

Л. Сосновский. Письмо Троцкому. 6 апреля

Л. Сосновский. Телеграмма Троцкому. 7 апреля

А. Канторович. Телеграмма Л. Седову. 14 апреля

Письмо Троцкому. [После 14 апреля]

К. Родек. Телеграмма Троцкому. 15 апреля

Гинзбург, Андрейчин. Телеграмма Троцкому. 15 апреля

С. Седов. Телеграмма Л. Седову. 17 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма С. Седову. 17 апреля

К. Родек. Телеграмма Троцкому. 18 апреля

А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 20 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Раковскому. 21 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Радеку. 22 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Сосновскому. 22 апреля

И. Смилга. Телеграмма Троцкому. 22 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма И. Смилге. 23 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Каспаровой. 26 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Сосновскому. 26 апреля

И. Познанский. Телеграмма Троцкому. 27 апреля

А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 27 апреля

Телеграмма Троцкому. 27 апреля

Телеграмма Л. Седову. 28 апреля

Л. Троцкий. Телеграмма Киселеву. [После 27 апреля]

Конева, Мюллер. Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Белобородое и Валентинов. Телеграмма Троцкому. 30 апреля. . . 62

Тер-Ваганян. Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Швейник. Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Е. Преображенский. Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Нарымцев. Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Телеграмма Троцкому. 30 апреля

Удостоверение. [Конец апреля]

Е. А. Преображенский. Левый курс в деревне и перспективы. [Апрель]

В. Каспарова. Письмо Троцкому. [Апрель]

Х. Раковский. Циркулярное письмо. [Апрель] -- 72

Пилипенко и Абрамович. Телеграмма Троцкому. 1 мая

Муралова. Телеграмма Троцкому. 1 мая

Сапронов и Оклянский. Телеграмма Троцкому. 1 мая
С. Седов. Телеграмма Л. Седову. 1 мая
О. Сосновская. Телеграмма Троцкому. 1 мая
Телеграмма Троцкому. 2 мая
Телеграмма Троцкому. 2 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Сапронову. 2 мая
Л. Сосновский. Телеграмма Троцкому. 2 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Сосновскому. 2 мая
Минц. Телеграмма Троцкому. 2 мая
Л. Седов. Телеграмма С. Седову. [Начало мая]
Троцкие. Телеграмма Р. Радек. [Начало мая]
Троцкие. Телеграмма Н. Муралову. [Начало мая]
Телеграмма Троцкому. 5 мая
Телеграмма Троцкому. 5 мая
Л. Троцкий. Телеграмма К. Цинцадзе. 5 мая
А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 5 мая
Н. Муралов. Телеграмма Троцкому. 5 мая
Л. Троцкий. Телеграмма К. Цинцадзе. [Начало мая]
Л. Троцкий. Телеграмма А. Чечелашвили. 6 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Е. Преображенскому. 6 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Муралову. 6 мая
Письмо Троцкому. 8 мая
Богуславский. Телеграмма Троцкому. 8 мая
Богдасаров. Телеграмма Троцкому. 8 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Богдасарову. [9 мая]
Ф. Юдин. Письмо Троцкому. 11-12 мая
Н. Дудель. Телеграмма Троцким. 12 мая
А. Седова. Телеграмма Л. Седову. 12 мая
Р. Радек. Телеграмма Троцкому. 14 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Раковскому. 16 мая
Л. Седов. Телеграмма Вирапу. [16 мая]
Ф. Юдин. Телеграмма Троцкому. 16 мая
Тер-Ваганян. Телеграмма Троцкому. 17 мая
Оганесян. Телеграмма Троцкому. 19 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Оганесяну. [19 мая]
Телеграмма Троцкому. [19 мая]
Л. Троцкий. Телеграмма. [19 мая]
Валентинов. Телеграмма Троцкому. 19 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Валентинову. [19 мая]
Л. Сосновский. Письмо Бардину. [20 мая]
Вирап. Телеграмма Троцкому. 20 мая
Л. Троцкий. Телеграмма Вирапу. [20 мая]
Л. Седое. Телеграмма Гетье. [21 мая]
Л. Седое. Телеграмма З. Бронштейн. [21 мая]

Л. Троцкий. Телеграмма С. Седову. [21 мая]

Л. Троцкий. Телеграмма Тер-Ваганяну. [21 мая]
Белобородое. Телеграмма Троцкому. 21 мая
Радзевич. Телеграмма Троцкому. 22 мая
И. Познанский. Телеграмма Троцкому. 25 мая
Е. Преображенский. Телеграмма Троцкому. 26 мая
Л. Сосновский. Письмо Троцкому. [26 мая]
Л. Сосновский. Письмо Вардину. 30 мая
-Б. А. Преображенский. В борьбе
за ленинскую линию. [Май]
Дашковский. Хозяйственная конъюнктура
и "левый" курс. [Май]
Статья "О самокритике". 2 июня
М. Фрумкин. Всем членам и кандидатам Политбюро, Бауману
и Сталину. 15 июня
Т. Сапронов. Письмо Пилипенко. 18 июня
И. Я. Врачев. Письмо Троцкому. 19 июня
Статья "О внутрипартийной демократии". 20 июня. . .
Информационный бюллетень No 2. [Май-июнь]
Н. И. Бухарин. О международном положении и задачах коммунистического
Интернационала. [Июнь]
Е. А. Преображенский. Что надо сказать
конгрессу Коминтерна. [Июнь]
М. Невельсон. Против кого направить огонь? Письмо И. Н. Смирнову 10 июля
К. Родек. Письмо Мусину. 8 -- 12 июля
К. Родек. Из письма Л. С. Сосновскому. 14 июля
Р. Родек. Письмо Троцкому. 14 июля
К. Родек. Письмо Троцкому. 14 июля 219
Информационная справка об итогах обсуждения решений июльского пленума ЦК на
собраниях районного партактива г. Москвы. 21 июля
К. Родек. Письмо Троцкому. 24 июля
Р. Родек. Письмо Троцкому. 24 июля
Л. Сосновский. Письмо Троцкому. 25 июля
Из информационной справки о ходе обсуждения итогов пленума ЦК ВКП по ячейкам
г. Москвы. 25 июля
Июльский пленум ЦК. [Июль]
Шестому конгрессу коммунистического
интернационала. [Июль]
Л. Сосновский. Письмо в Минусинск. [Июль]
К. Родек, И. Смилга. Шестому конгрессу Коминтерна. [Июль]. . .
И. Я. Врачев. Выдержка из письма. [Июль] 308 -- 326
И. Смилга. К текущему моменту. [Июль] 328 -- 331
Информационная справка о ходе обсуждения итогов пленума

ЦК ВКП(б) на ячейках гор. Москвы

25 июля 1928 г. 1 августа 331 -- 333

Сводка выступлений и записок, поданных на собраниях ячеек 25 июля и районных собраниях актива по итогам пленума

ЦК ВКП(б)

Приложения:

Как не нужно писать историю Октября

Л. Троцкий. К вопросу о стабилизации европейского капитализма

Отставка Троцкого

Заседание ЦК 17 января 1925 года

В Центральный комитет ВКП(б). [Апрель 1927 г.] .

9. Дуне (Иванов). Демократический централизм

Сводный список оппозиционеров. [Февраль 1928 г.]

Х. Раковский. Перечень лиц на фотографии [Февраль]

Примечания

Указатель имен

Указатель географических названий

1 Станчев М.Г., Чернявский Г.И. Фарс на крови. Харьков, Око, 1997, с. 83-158.

2 Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., Политиздат, 1991, с. 44.

3 Научную публикацию осуществил В.Р.Данилов (Вопросы истории, 1989, No 12, с. 68-83). Анализ документа см.: Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г.Раковский в 1927-1941 гг. Харьков, 1993, с. 172-183.

4 Сталин И. Сочинения. М., Госполитиздат, 1949, т. 11, с. 48.

5 Правда, 1928, 3 июня.

6 См., Афанасьев В.Г. "Смоленское дело" 1928 г.: Подготовка "великого перелома". - Вестник Московск. ун-та, история, 1991, No 3.

7 См. примеч. 261 в данном томе.

8 Reiman M. The Birth of Stalinism: The USSR on the Eve of the Second Revolution. Bloomington, Indiana University Press, 1979, p. 74.

2

2

537

538

539

540

541

542

543

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 3

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 3

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

В третий том девятитомника "Архив Л.Д.Троцкого" включены документы, охватывающий весьма краткий период - август-сентябрь 1928 г.

Это было время, когда находившиеся в ссылке оппозиционеры, как и в следующие несколько месяцев, особенно активно обсуждали положение в СССР и в ВКП(б), курс Сталина и его группы, становившиеся все более очевидными разногласия между "центристами", как продолжали именовать оппозиционеры Сталина и близких к нему партийных и советских бюрократов, и группой Рыкова-Бухарина, стоявшей на "правых позициях".

Возможные результаты этой борьбы оппозиционерам пока еще не были ясны. Приближавшийся к достижению единоличной власти генсек Сталин продолжал балансировать - то он делал вид, что перенимает многие из тех мер, которых требовала оппозиция, то вроде бы приближался по своим установкам к позициям "правых".

После Июльского пленума ЦК создавалось впечатление, что позиции Бухарина и Рыкова существенно усилились. Это, в свою очередь, вело к тому, что многие оппозиционеры (среди них в первую очередь следует назвать К.Б.Радека) активнее, чем ранее, стали выступать за фактическую поддержку "центра". Радек в одном из писем, публикуемых в этом томе, весьма четко заявил, что оппозиция должна "говорить центру, что, ни на один момент не отказываясь от критики его, мы будем поддерживать всякий его шаг против правых". Очевидно, в этой позиции можно обнаружить как усиление идейно-политической близости, так и надежды поскорее освободиться из ссылки и возвратиться в высшие круги советско-коммунистической номенклатуры, поближе "к жене и чайнику".

Характерно в этом смысле резкое и местами просто грубое письмо Троцкому от ссыльного В.Чернышова, в котором были выражены позиции тех, кто к началу

осени 1928 г. пришли к выводу о необходимости возвращения в партию, "использовав тактический маневр", но по существу дела пойдя на капитуляцию перед сталинской группой.

Огонь критики, весьма энергичной и беспощадной, оппозиционеры в основном сосредоточивали на "правых" и прежде всего на высказываниях Н.И.Бухарина. Особое внимание в этом смысле обращалось на доклад и другие высказывания, с которыми Бухарин выступил на VI конгрессе Коминтерна.

Впрочем, такой линии придерживались далеко не все ссыльные оппозиционеры. Пытаясь разобраться в том, что же собой на деле представлял "левый курс" центристов, некоторые из них, например, Г.Прозоровская, приходили к выводу, что сталинского "левого курса" вообще не было, или что, по крайней мере, от его "левых начинаний" ничего не осталось. Следуя марксистско-ленинской фразеологии, Прозоровская утверждала: "...Мероприятия центристского руководства, стоящие в противоречии со всей генеральной его линией, могут... означать сдвиги от буржуазии, от кулака, к мелкой буржуазии, к середняку и бедняку, но никак не сдвиги в сторону пролетариата".

В такого рода заявлениях проявлялась главная слабость оппозиции - надежда значительной части ее членов на то, что партийное руководство всего лишь "ошибается", отходит от "ленинизма" (естественно, в таком формате этого последнего явления, какой был присущ Троцкому и главным его сторонникам при всех внутренних несогласиях между ними), а не проводит совершенно иной курс - на закрепление своей групповой, мафиозной власти преступной группировки и прежде всего единоличной власти генсека Сталина. Иначе говоря, значительная часть ссыльных оппозиционеров продолжала оставаться фанатиками большевизма, тогда как сталинцы почти откровенно преследовали совершенно другие цели - обеспечение собственной неограниченной власти не только над населением страны, но и в рамках правившей партии.

Публикуемые в томе документы дают достаточно отчетливое представление о том, что Сталину в основном удавалось "навести тень на плетень" - скрыть свои реальные намерения, внести замешательство в ряды в основном разбитой уже, но еще созранявшей определенное влияние во многих партийных организациях и в некоторых социальных кругах (студенчество, армия) оппозиции.

А тот факт, что влияние оппозиционеров в середине 1928 г. еще продолжало ощущаться, может быть подтвержден, в частности, несколькими листовками, которые удавалось напечатать и распространить оппозиционерам. Они были посвящены различным внутренним и международным вопросам и свидетельствуют не только о том, что в организациях ВКП(б) сохранялись остатки оппозиционных, левацких настроений.

Эти листовки дают представление и о некоторых важных социально-политических явлениях в жизни страны. Весьма интересна в этом смысле, например, листовка "Семь или шестнадцать?" (цифры означали, что

рабочие в СССР трудятся не семь часов в день, как было предусмотрено по закону, а иногда и шестнадцать часов), в которой, в частности, приводились многочисленные факты эксплуатации рабочих на заводах и фабриках СССР, грубейших нарушений введенного незадолго перед этим семичасового рабочего дня.

Во многих документах можно встретить рассуждения о том, что представляет собой выдвинутый Сталиным и его окружением лозунг самокритики. Как правило, справедливо отмечается его поверхностность, демагогичность. К.Б.Радек счел этот лозунг суррогатом партийной демократии, забыв, наверное, что и ранее, во время пребывания деятелей оппозиции в руководстве, так называемая "внутрипартийная демократия" распространялась только на горстку избранных, которые лишь иногда могли высказать свое мнение, противоречившее, скажем, мнению Ленина, причем, часто ставя под удар свою служебную карьеру.

Для характеристики не только взглядов оппозиционеров, но и их ментальности, склонности к "расщеплению волоса" в догматических, порой не имевших не только практического, ни и какого бы то ни было теоретического значения спорах, представляют интерес обширная рукопись К.Б.Радека "Развитие и значение лозунга пролетарской диктатуры" и некоторые другие его документы. Стремясь привлечь в союзники Ленина, обильно цитируя к месту и не к месту его высказывания (порой цитаты составляют целые страницы), Радек пытался проследить, как происходила эволюция в понимании лозунга диктатуры пролетариата в большевистской партии от революции 1905-1907 гг. до второй половины 20-х годов. Возможно, не столько исследователи истории большевистской партии и объединенной оппозиции, а скорее психологи и психоаналитики смогут найти поучительными некоторые аспекты радековской рукописи. Нам же она представляется до предела примитивной и догматической.

Точно так же во многих других публикуемых здесь рукописях и письмах оппозиционеры до предела догматично обращались к высказываниям Ленина как к своего рода Евангелию, клеймя сталинцев и бухаринцев за отступления от ленинизма - точно так же как последние разоблачали Троцкого и его последователей в качестве противников Ленина и в теории, и в политике.

Некоторые документы оппозиционеров, в частности того же Радека, свидетельствуют о гетерогенности оппозиции, о серьезных разногласиях в ее среде, постепенном усилении этих разногласий, особенно по вопросам оценки международного положения и мирового коммунистического движения. Документы дают представление о том, что в ряде случаев теоретические выкладки являлись не более чем средством для того, чтобы найти благовидный предлог или предлоги к капитуляции перед всевластным генсеком, пытаясь соблюсти при этом более или менее хорошую мину.

Весьма живописно отход ряда ссыльных оппозиционеров от коллективной критики сталинской политики, их возвращение в официальное большинство характеризуется в ряде писем и заявлений Л.С.Сосновского - талантливого журналиста, склонного к саркастическому строю мышления, и одного из наиболее стойких противников Сталина (он "покаялся" только в 1934 г., почти

одновременно с Х.Г.Раковским).

В то же время в этом томе читатель найдет несколько важных документальных свидетельств того, как партийная верхушка с использованием ОГПУ неуклонно подвергала преследованиям тех, кто выражал несогласие с ее курсом, подвергал этот курс критике. Им угрожали, их исключали из партии, выгоняли с работы, подвергали арестам и т. д.

Как и в предыдущих томах, в данном томе публикуется ряд документов официального руководства ВКП(б), включая информационные материалы о позициях и настроениях коммунистов, об обсуждении проекта закона о землеустройстве, о волостных совещаниях групп бедноты и т. п.

Среди этих материалов представляют особый интерес два документа, связанных с проблемой так называемого партийного максимума, то есть той максимальной денежной суммы, которую имели право получать коммунисты в виде заработной платы и других видов дохода. Протокол заседания комиссии по партмаксимуму, состоявшегося 27 августа 1928 г., свидетельствует, что коммунистическая верхушка, стремившаяся упрочить свое положение путем привлечения на свою сторону возможно более широкий круг чиновничества и партбюрократии, предлагала ввести значительные послабления в материальное положение своих клеветов, в частности путем расширения вознаграждения их путем раздачи бесплатных квартир, выдачи щедрых пособий "на лечение" и пр.

Предложения комиссии были в основном, хотя и не полностью, одобрены, и в значительной своей части превращены в реальность постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1928 г., которое предусматривало значительное повышение (на 20%) сумм, не облагаемых партмаксимумом.

Многие документы, как исходившие из оппозиционной среды, так и из круга стоявших у власти, дают представление о том, как постепенно, но во все большей степени нагнетались противоречия между сталинской группой и теми, кто выступал за чуть более осторожный курс в отношении крестьянства и кого окрестили "правыми".

Высшие партийные боссы в это время, правда, еще пытались скрыть наличие разногласий. В этом смысле интересен конспект доклада секретаря московского партийного комитета Н.А.Угланова, с которым тот выступил 25 сентября 1928 г. на совещании секретарей ячеек Московской парторганизации (в документ вошли и элементы прений по докладу). "Разногласия в ЦК - это ложь, клевета, - заявил Угланов. - Споры по большим вопросам бывают - как им не быть?" Однако в выступлениях говорилось, что разногласия действительно имеют место, и руководителям нечего их скрывать от партийных работников.

Как и в предыдущих томах, значительная часть документации связана с международным положением, международным рабочим и коммунистическим движением, ситуацией в тех зарубежных организациях и группах, которые полностью или частично поддерживали оппозиционные течения в ВКП(б).

В ряде документов предпринимаются попытки анализа положения в зарубежных компартиях. По всей видимости, в этих материалах имеются большие или меньшие преувеличения, но тем не менее они свидетельствуют о серьезных

внутренних разногласиях в партиях, о наличии в них самых разнообразных, конкурирующих между собой групп и течений.

Представляет интерес и информационный материал о различных оппозиционных коммунистических организациях и движениях на Западе (в Германии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Италии), из которого можно составить некоторое представление не только о позициях той или иной группы, но и о характере ее связей с оппозицией в СССР, об оценке политической ситуации в соответствующих странах и т. д.

Среди этих материалов особое внимание привлекают своего рода справки, написанные, очевидно, членами ВКП(б), являвшимися тайными сторонниками оппозиции, которым удалось принять участие в VI конгрессе Коминтерна и общаться с его зарубежными участниками. Судя по их информации, поддержка, которую получил Сталин на конгрессе, не была столь уж безусловной.

Из сообщений видно, что в кулуарах конгресса не раз высказывалось довольно резкое недовольство с различных позиций тем политическим курсом, который проводило руководство большевистской партии, причем критика варьировалась от почти открытой защиты сохранения капиталистических отношений в СССР на базе не только консервации, но и расширения нэпа до призывов к полной ликвидации частного капитала и оказания более значительной помощи зарубежным компартиям в различных формах. Как видно из поступавшей информации, зарубежные участники конгресса жаловались в кулуарах, что их не знакомят с положением в СССР, в ВКП(б), с деятельностью объединенной оппозиции.

Особый интерес представляют сведения, что такие вроде бы верные сталинисты, каковыми являлись или, по крайней мере, считались, лидеры итальянских и французских коммунистов Пальмиро Тольятти и Морис Торез почти открыто высказывали серьезное недовольство тем, что происходило в СССР, в ВКП(б), в других компартиях и в Интернационале в целом.

Более интересны высказывания Тольятти (он фигурировал в Интернационале под псевдонимом Эрколи). Судя по имеющейся информации, Тольятти жаловался собеседнику на низкий уровень конгресса, на парадные заверения в верности Интернационалу, которые на нем произносятся. "Русские товарищи", полагал Тольятти, потеряли интерес к конгрессу, считают Коминтерн бременем, от которого они не могут освободиться. Высказывалось недовольство докладом Бухарина. Тольятти даже заявил об отсутствии перспектив - "прямо взять да повеситься!" Ему был поручен содоклад по колониальному вопросу, но он даже не смог добиться встречи с основным докладчиком - Куусиненом и не имел понятия, о чем будет говорить.

Можно полагать, что собеседник Тольятти преувеличил его недовольство, заострил оценки, но скорее всего в основе его информации действительно лежало серьезное недовольство итальянского коммунистического лидера, который и позже будет подчас выражать не вполне ортодоксальные суждения, впрочем лишь в пределах международной коммунистической дисциплины и марксистско-ленинской догматики, то есть того, что было в большей или

меньшей степени дозволено московским руководством.

Что же касается Тореза, то, судя по информации, ему не нравились примиренческие, "правые" тенденции в бухаринском докладе. Этот французский делегат выражал недовольство, что в докладе ничего или почти ничего не было сказано об усилении противоречий в капиталистических странах. Он выражал несогласие с оценкой СССР как бастиона мировой революции, ибо центр революционного движения переместился в капиталистические страны. Торез будто бы соглашался с критикой Троцким теории построения социализма в одной стране, выражал недовольство разного рода пацифистскими конгрессами и организациями, снисходительным отношением к социал-демократии и т. п.

Любопытно в то же время лицемерие Тореза, которое, добавим, свойственно было и Тольятти, и другим коммунистическим лидерам. Собеседник так передавал слова руководителя французских коммунистов: "Конечно, обо всех этих вещах только между нами. Очень деликатно и даже опасно о таких вещах распространяться..., тем более что оппозиционеры бы это использовали в своих фракционных целях".

В то же время в одном из публикуемых ниже документов совершенно справедливо отмечалась двойная бухгалтерия на VI конгрессе Коминтерна - "недовольство в частных разговорах и раболепно-единогласное принятие делегатами конгресса всего, что им навязывается для подписи русским руководством".

Об отношении в Москве к Коминтерну и его деятелям, о том, что эта организация все более теряла вес в глазах большевистских лидеров как авторитетное международное объединение, способное на принятие ответственных решений, свидетельствуют данные о том, что делегатов VI конгресса в Москве всячески развлекали, водили на футбольные состязания и т. п.

Настоящий том построен в соответствии с теми же археографическими принципами и методами, что и предыдущий, второй том. В частности, как и во втором томе сохранены приводимые авторами сноски на третье издание сочинений В.И.Ленина.

В подготовке данного тома, наряду с докторами исторических наук Ю.Г.Фельштинским и Г.И.Чернявским, проводшими основную археографическую работу, участвовали также доктора исторических наук А.В.Панцов (Коламбус, США) и М.Г.Станчев (Харьков, Украина).

Документы публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета, где в фонде bMs Russ 13-T (фонд Л.Д.Троцкого) хранится включенный в этот том материал.

Составители выражают сердечную благодарность руководству Хогтонской библиотеки за оказанную им помощь.

Ф. ДИНГЕЛЬШТЕДТ1. ПИСЬМО РАДЕКУ

Дорогой товарищ Карл Бернгардович!

С большим интересом прочли мы здесь Ваше письмо к тов. Мусину. В нем мы нашли весьма остроумный и пространный анализ перспектив китайской революции под углом зрения нашего октябрьского опыта.

Должен, однако, сказать, что не все Ваши доводы в пользу Вашего понимания проблемы кажутся мне достаточно убедительными.

Вы указываете, что "своеобразие китайского аграрного вопроса предопределяет, что он может быть решен только при помощи социалистических мер" (это вполне очевидно и для Индии) . В рамках мелкобуржуазной демократической революции, говорите Вы, выхода нет. Но "подход к выходу", по Вашему мнению, могущий занять не один год, должен проходить будто бы под лозунгом демократической диктатуры, так как требуется некоторый период для "выпячивания крестьянского вопроса" и мобилизации мужицких масс.

Здесь, мне кажется, Вы совершаете ту же ошибку, которую некогда в полемике с Лениным в апреле 1917 г. сделал Каменев. Исходя из тезиса о незавершенности буржуазно-демократической революции, он в столь же абсолютной форме выдвигал тогда Вами защищаемую "необходимость переходов". Вы, кажется, сами склонны признавать, что китайская обстановка настолько своеобразна, что старые схемы могут для нее оказаться непригодными. В большей еще степени, чем в России, здесь можно будет ожидать совпадения во времени разрешения задач и демократической, и социалистической революции. Ибо, применяя метод грубых аналогий, мы должны признать, что в Китае мы имеем не революцию 1905 г. и даже не Февральскую, а уже Октябрьскую, только не завершённую, благодаря ошибкам руководства (конечно, подобное сравнение возможно лишь в самом общем плане). Вернее, я бы сказал, здесь были уже наготове все элементы начальной стадии Октября. Конечно, поражение китайской революции отбросило ее назад, но вовсе не настолько, чтобы в будущем заставить ее снова проделывать многолетнюю предоктябрьскую стадию.

Ильич вовсе не выдвигал "необходимости переходов" как абсолюта. Бывают моменты, когда есть возможность перепрыгнуть целые эпохи общественного развития. Бывают моменты, когда интересы революции требуют игнорирования всяких переходов, хотя в периоды более "органического" развития революционного процесса использование их является обязательным (критическая фаза предоктябрьского периода в июльские

дни², как Вы сами указываете, заставила Ленина отказаться от лозунга передачи власти Советам и выдвинуть лозунг самостоятельного взятия власти пролетариатом, но "достаточно было корниловщины", чтобы Ленин снова согласился на компромисс, на "переход"). Быстрота эволюции Февраля и Октября объясняются как раз тем, что Февральская революция не разрешила ни одной задачи буржуазно-демократической революции. Выход из кризиса на секторе пролетариата требовал осуществления социалистической диктатуры, и только эта последняя сумела выполнить задачи буржуазно-демократической революции -- удовлетворение требований крестьянства. "Перехода" в смысле революционно-демократической диктатуры не потребовалось. Имел место "переход", только совсем другого порядка -- без нового социально-экономического содержания, представлявший лишь иную политическую форму буржуазной диктатуры (под дамокловым мечом³ растущего сознания масс).

Обязателен ли был этот "переход"? Мимоходом коснусь и этого вопроса. Вполне верно, что в один из периодов Февральской революции мы имели налицо "в известной мере" потенциально осуществленную демократическую диктатуру. Но это был только один из ее периодов, хотя и тянувшийся довольно долго. Суть его заключалась в добровольной сдаче власти Советами буржуазной диктатуре. В один из начальных моментов этого периода приехал Ильич, восстановивший лозунг Советов, похороненный перед этим нашим ЦК во главе с Каменевым⁴. Но приходилось считаться с изменившейся по сравнению с первыми днями Февраля обстановкой -- налицо уже было буржуазное Временное правительство, которому Совет успел переуступить власть. В этих условиях, Вы правы, если бы он дал лозунг немедленного захвата власти Советом -- он погубил бы революцию. Вся беда была в том, что Ильич опоздал приехать больше, чем на месяц, и поэтому принужден был занять пассивно пропагандистскую линию. Был ли этот "переход", весьма рискованный и грозивший дискредитировать революцию вместе с Временным правительством, неизбежным и необходимым? Мне кажется -- нет, и сам Ильич в речи, посвященной годовщине Февральской революции, допускал возможность иного, более "перманентного" исхода событий, который дал бы нам скорейшее заключение мира и прочее.

Разве обязательна была соглашательская линия Петроградского совета? Не будь наша питерская организация разгромлена в предфевральские дни, не окажись импотентным наше "руководство" -- бюро ЦК (Молотов, Шляпников⁵, Сталин), будь налицо Ленин и Троцкий, -- мы бы никогда не уступили инициативы в деле организации Советов меньшевикам, никогда бы не

позволили им фальсифицировать им пролетарское правительство (см. об этом воспоминания Шляпникова, Залежского и др[угих] в "Пролетарской революции")⁶.

Я помню настроение массы в первые дни Февральской революции. Я помню резолюции, выносившиеся митингами, приветствовавшими рабоче-солдатскую власть в лице Совета и требовавшими ликвидации царской Думы. На низах мы были сильны; низовые работники -- агитаторы нашей партии -- были проникнуты идеей советской власти, ни о какой другой и не думали, ибо массы не доверяли буржуазии. Я помню, как в одной своей статье, помещенной в каком-то из первых номеров "Правды" под заглавием "Организуйтесь", я писал, что сейчас не может быть недоверия к сознанию массы. Такое настроение было тогда общим для всех низовых работников. Помню, какое разочарование постигло меня, когда, изредка посещая заседания П[етроградского] К[омитета] партии, я вынужден был выслушивать речи его "вождя" -- Авилова⁷, распространявшегося насчет "постольку-поскольку" и прочее и грозно прикрикивавшего на "максималистов" типа Подвойского⁸ и нас -- "малых сих". Недаром Выборгский район стал в оппозицию к "руководству", за что порядочно потерпел (его листовка с призывом к диктатуре пролетариата и к игнорированию Думы⁹ была запрещена особым постановлением

П[етроградского] К[омитета]).

Увы, и тогда правый курс торжествовал свою победу над объективными интересами революции. Но, может быть, не все массы были готовы возложить на себя бремя власти. Может быть, это был только авангард авангарда? И может быть, П[етроградский] К[омитет] был прав, ориентируясь на основные пласты рабочих и крестьян, еще не затронутых процессом роста сознания? (Я помню, как тогда некоторые товарищи пытались доказать, что масса не доросла еще даже до конституционной монархии!) Здесь важно лишь одно -- потенциально, поскольку об этом можно было судить по участвовавшим на митингах рабочим и солдатам (а ведь они-то и совершили Февральскую революцию!), масса была на стороне самых крайних лозунгов. А что значило одно лишь настроение 15 тысяч пулеметчиков, а также броневиков, которым принадлежала гегемония в гарнизоне? Хватило бы тогда у кого-нибудь смелости восстать против рабоче-крестьянского правительства Советов? Недаром оборонцы так спешили заключить соглашение с Исполнительным комитетом Государственной думы, который никакой популярностью у населения не пользовался.

Но, может быть, нельзя было обойтись без этого "перехода", так как получался скачок, "перепрыгивание" через крестьянство? Кого против себя имел бы большевистский Совет как орган власти, воплощающий в своем лице Временное правительство революции? Кроме всем опостывшей и смешной Думы -- одних только меньшевиков и эсеров, оторванных от масс и в первую очередь от ее революционного актива (не забудем классического исследования Ильича, относящегося к 1914 году и показавшего, насколько мы сильнее связаны с массами) -- сомневаться приходится, чтобы эсеры были больше связаны с крестьянством, чем мы (через солдат, конечно). Какова была бы политика этого

Совета, добровольно буржуазии власть не сдавшего? В первую очередь, декретирование конфискации земли помещиков -- уже это сделало бы авторитет новой власти непререкаемым. А далее, после непродолжительной агитации -- заключение мира. Не "прыжок" через крестьянство, а великолепный боевой союз с ним! Не обошлось бы без саботажа чиновников, без маленьких вспышек гражданской войны. Но всякий, знавший состояние фронта в предфевральские дни, сумел бы подтвердить, что ни одного корпуса не удалось бы двинуть против Питерского совета ни генералу Иванову¹⁰, ни кому-либо иному.

Конечно, в тысячу раз хуже стало, когда весь авторитет революционной власти стабилизировался на признанном Советом фундаменте Временного правительства Львова -- Милюкова -- Керенского. Уже с 3 -- 4 марта начиная, было бы поздно говорить о немедленном осуществлении власти Советов против уже сложившихся органов революционного (хотя бы для нас и в кавычках) двоевластия. И все это потому, что в момент организации власти наше руководство в лице Сталина (вернее, Молотова, ибо Сталина, помнится, еще не было в Питере, и Шляпникова, а тем более Авилова и ему подобных) сдрейфило так же, как позднее, в момент Октября, пытались сдрейфить Рыковы и Зиновьевы.

Причины этой антиленинской пассивности в решающие моменты истории лежат в том отмеченном многими мемуарами факте, что никто из наших вождей всерьез не готовился к перевороту, тем более в социалистической форме. Лишь один Ленин сумел достаточно быстро ориентироваться в обстановке и уловить действительную картину состояния сознания масс. Некоторые "старые большевики" каются за себя и других в этой неподготовленности, выражавшейся, собственно, прежде всего в отрыве от масс (см. например, воспоминания Ольминского¹¹ "Из эпохи "Звезды"¹² и "Правды"¹³ и Лепешинского в "Пролетарской революции"). Я, обладая тоже некоторым дореволюционным опытом, взял на себя смелость в моих воспоминаниях поддержать этот тезис о некоторой исторической незрелости верхушки партии в момент Февраля и за это получил от редакции "Красной летописи"^{13а} упрек в троцкизме (а воспоминания мои были помещены в наполовину сокращенном виде). Конечно, в этом упреке нет ничего страшного с тех пор, как все истинно ленинское стало окрещиваться троцкистским. Ведь теперь всякая попытка придерживаться прямой ленинской линии в китайском вопросе будет несомненно называться не иначе.

Чем являлась бы диктатура такого нашего Совета, существующего с первых дней после свержения самодержавия? Ленин сразу понял, что в условиях того периода, в условиях ожесточенной борьбы с империализмом истинно революционная власть может являться только социалистической диктатурой. Это и Вы отмечаете в письме к Мусину. Это и было бы на деле, если бы наша партия в момент переворота не была лишена настоящих вождей. Совет осуществлял бы пролетарскую диктатуру, проводящую ряд мероприятий и социалистического (против буржуазии), и буржуазно-демократического (против помещиков)

характера. Из вышесказанного вполне ясно становится моя точка зрения на перспективы китайской революции. Если бы не ошибки руководства, мы, наверное, имели бы уже в Китае социалистическую диктатуру, -- не только во имя интересов рабочего класса, но и во имя разрешения аграрного вопроса и во имя совместной борьбы рабочих и крестьян с империализмом (т.е. во имя разрешения национальных задач). Социалистическая диктатура, необходимая для борьбы с империалистической буржуазией, обеспечила бы и наилучшим образом задачу "мобилизации мужицких масс". Обязательное содержание демократической диктатуры, по Вашему мнению, заключается только в выполнении этой задачи "и ничего больше" (и это "не на один год!"). Ясно, что такого рода диктатура, как ее ни называть, не может быть осуществлена в Китае, так как откладывает решение всех остальных задач, выдвинутых революцией, в дальний ящик. Только настоящая полнокровная диктатура пролетариата может выполнить крестьянскую мобилизацию. Что же касается оторванности китайских коммунистов, "еще не повернувшихся лицом к деревенской бедноте", то задача их исправления вряд ли может быть разрешена урезыванием лозунгов революции. Существуют и для этого более действительные пути -- насыщение ее рабоче-крестьянским активом, прошедшим через огонь гражданской войны, воспитание ее в ленинском духе, ликвидация маргитовско-бухаринского "руководства", которое еще не один раз сможет проморгать не одну аграрную революцию.

Китайские революционные массы имеют теперь опыт едва ли не покрупнее нашего. У них есть и нам кое-чему поучиться. Из этого не следует, что мы их ничему не можем научить. Но плохую мы им помощь окажем, если, делая обычную ошибку оппортунистов и недооценивая зрелость китайского пролетариата, будем им подсовывать обкорнанные, убудочные лозунги, вредящие делу их революции.

Переходя теперь к Вашему совместному с товарищами Смилгой и Преображенским заявлению конгрессу Коминтерна, я могу сказать только одно -- все разделы заявления по своему содержанию не вызывают крупных возражений. Особенно следует подчеркнуть один из выводов Вашего заявления: "без решительного изменения политики не может быть изменения режима в партии, в профсоюзах и на фабриках". В связи с этим стоит и констатированный Вами факт, что лозунг самокритики, не поднятый еще до уровня политики, переживает свои критические дни. Столь же ярко оттеняете Вы грубые ошибки в области экономики "левого курса", фактически сводящие его на нет. Еще лучше освещены у Вас ошибки Коминтерна, которые, что важнее всего, не признаны руководством.

К сожалению, заключительный раздел документа совсем разочаровывает всякого серьезно вчитавшегося в его основную часть. Он прежде всего логически не связан с критическим анализом, данным Вами всей политике "нового" курса руководства. В чем Вы видите "уменьшение разногласий"? В неправильных методах борьбы с кулаком, в неправильном лицемерном выдвижении самокритики? Ведь все же это -- Вами признано -- больше вреда, чем пользы приносит!

От имени всей нашей колонии я должен Вам заявить, что Ваши слова о

возможности совместной Вашей работы (как это понимать?) на основах подчинения всякому решению ЦК и Коминтерна нами могут быть поняты лишь как готовность капитулировать на любых условиях. А ведь с этого Вы могли и начинать.

С комприветом

1 августа

Федор Дингельштедт

К. РАДЕК. ПИСЬМО ВРАЧЕВУ

Томск, 2 августа 1928 г.

Дорогой Врачев, все, что Вы писали, приблизительно я знал, но пишете всегда, если что-нибудь узнаете, т. к. информация случайна, из Москвы почти ничего не получается, так что получить два раза то же сведение лучше, чем совсем не получить.

Ужасно мне смешно, когда друзья поминают свои письма с благодарностью богу за то, что я не попал еще в руки дьявола. Ссылка -- горький хлеб, люди не только становятся мнительны, но облевающие, реагируют нервами, не разумом. Мы все разбросаны, разногласия, которые в нормальных условиях исчерпываются несколькими разговорами, живут месяцы. Надо иметь крепкие нервы, и когда проявляются разницы в оценке, не попадать в истерию. Положение так сложно, что надо бы стадо баранов, чтоб у них не было разногласий. У большинства больше разногласий -- а у них они социально фундированы. Но и у нас они есть, и об этом хочу Вам написать. Но раньше несколько слов об оценке положения.

1. Оценка положения в ВКП

Основное в положении то, что рабочие массы очень мало, слабо откликнулись на лозунг о самокритике. Понятно, этот факт объясняется отчасти тем, что не верят в безнаказанность критики. Но что это означает? Это означает, что потребность борьбы за реформы в них слабее, чем боязнь расходов, неизбежных в борьбе за реформы. Зажиточные слои деревни активны, рабочий неактивен. Это окрылило правых в партии, которые перешли в наступление. Если чинушка Фрумкин, не имеющий за собою никакой связи с рабочими, посмел выступить с документом, который сталинец Стэн¹⁴ называет манифестом кулацкой партии, то это говорит только о динамике положения. Центр не посмел дать отпора, ибо это требовало апелляции к массам и развертывания конкретной критики до размеров общей. В результате, получился сдвиг вправо. Центр этого сдвига состоит не в повышении цен -- эта мера паллиативна с точки зрения выхода из положения, ибо а) недостаточна, чтоб расшевелить инициативу зажиточных слоев, а достаточна, чтоб нарушить все рыночные и производственные отношения. Но главная опасность ее состоит в том, что она механически притупляет начатую борьбу с кулаком. Поведена же она так, что вскрывает всю недостаточность лозунга самокритики. Как же это: самокритика и самокритика, а ЦК не потрудился даже известить партию о том,

что намерен повысить цены, не потрудился даже поставить этот вопрос на обсуждение московской, ленинградской, харьковской, бакинской рабочих организаций. Этим сказано, что самокритика не есть партийная демократия, а ее суррогат. И партия это слушала, и партактивы снова "одобряют", как "одобряли" и зажим, и разжим -- вот что грустно. Кулак действует массой, а в партии все еще верхушечные комбинации. Весь левый сдвиг находится под ударом, и Смилга со мною, когда мы говорили в своем заявлении, что самокритика переживает критические дни, и Лев [Троцкий] своим сравнением о телеге оказались правы. Смогут ли правые восстановить положение, которое было в 1927 г.? Нет, не смогут. Нельзя два раза вступать в ту же самую реку. Правые не могут уже удержаться на положении 1927 года -- они должны идти дальше -- и идут дальше. Я не говорю даже о Сокольникове. Речь Рыкова содержит программу сокращения индустриализации, хотя он на словах высказывается против сокращения. Ибо он упрекает, что чересчур мало вкладывали в сельское хозяйство -- этим он говорит, что чересчур много вкладывали в промышленность. Но и на левом фланге большинства вещи не останутся без изменения. Как мало ни двинулась рабочая масса, десятки тысяч рабочих, призванных к критике, не замолкнут. Если им попытаются заткнуть рот -- будут бороться. Симптомы эти заметны по сведениям из печати. Есть кой-какие симптомы кристаллизации левых сталинцев. Результаты этих семи месяцев будут состоять в дальнейшей дифференциации внизу и наверху. Это уже шаг вперед. И это показывает, как неправы были те из наших молодых, которые при первых шагах левого курса не поняли того нового, что оно означает и, закрывая глаза и уши, кричали: все обман.

2. Перспективы и задачи

Ближайшие месяцы принесут решительный сдвиг направо и налево. И кое-что в этих решениях зависит от нас. И тут я прихожу к разногласиям, которые есть в нашей среде. Я не думаю, что эти разногласия с Л. Д. [Троцким], но из переписки знаю, что они есть с целым рядом наших молодых товарищей. Из их писем слышна следующая нотка: ну, вот вам левый курс и его герои. Центр снова показал, что он представляет собою. Вот хорошо, мы оказались единственными, которые... и т. д. Наше усиление надо приветствовать, само собою, понятно во всяком случае. Если бы победил термидор, то мы бы оказались не второй партией, а единственной партией пролетариата, а после периода полного идейного развала в массе -- выросли бы в массовую силу. Но разве это есть та перспектива, на которую мы ставили ставку? Ставка наша на реформу партии и на спасение завоеваний Октября. Из этого следует, что мы не только должны стараться собирать свои силы, но и занять позиции, позволяющие нам действовать на тех, которые еще с нами не пойдут. А это означает говорить центру, ни на один момент не отказываясь от критики его, мы будем поддерживать всякий его шаг против правых. Л. Д. [Троцкий] прав, говоря, что дело идет не о соглашениях, он прав, хотя бы уже потому, что о каком соглашении может идти речь между тюремщиком и его жертвой. Дело идет о том,

чтобы именно теперь, в момент, когда центр без борьбы уступает место правым -- нашей позицией и нашей дифференцированной борьбой усиливать в массах центровиков убеждение, что с нами можно идти совместно. Дело идет не о блоке со Сталиным, где будет то или другое лицо, нельзя вперед сказать. Дело идет о том пласте партийном, который не борется еще решительно с правыми, но хочет бороться (Рыков был принят на своем выступлении на Московском активе очень холодно). Я не знаю, что будет в дальнейшем с центром. Может, он окажется неспособным вести борьбу, тогда предрешен термидор или катастрофа в партии, которые при данном международном положении поставят под знак вопроса существование Советской республики. Тот факт, что всякий из нас должен дрожать при мысли об этой возможности, этой возможности не исключает. Но ясно, что мы должны сделать все для ее избежания. Мы немного можем сделать, будучи в ссылке, оторванные от наших единомышленников, а что это так, в этом историческое преступление Сталина. Но что можем, сделать должны (как увидите из сравнения заявления, посланного мною, с окончанием заявления Льва [Троцкого], у нас по этому вопросу сказано приблизительно то же самое). Но это не должно остаться эпизодом. Это должно быть линией поведения. Наши молодые вытаскивают цитаты из Ленина о центре. Они не соображают при этом двух вещей. Во-первых, что весь критицизм Ленина по отношению к центру не помешал ему в начале развертывания борьбы против войны пойти на Циммервальдский блок¹⁵, а во-вторых, что наша партия, в отличие от западноевропейского периода начала войны, социально разношерстная и что наша правая опирается на элементы, прямо нам враждебные: кулацкие и мешанские, в то время как социальная база центра та же, что и у нас, из чего следует, что хотя мы с центром боремся и должны бороться за влияние рабочих, но блок с ними возможен.

3. Наши разногласия

По русским делам в руководящем слое оппозиции вряд ли найдутся существенные разногласия. Они существуют между нами, с одной стороны, и всей нашей молодежью -- с другой. Часть из них договорилась до того, что термидор уже совершился и что возможен только путь катастроф. Другие, не договаривая этого, находятся в такой степени под влиянием ссылки, что не умеют правых и центра различить, хотя это на данной стадии политически необходимо. Этим настроениям в нашей среде надо дать бой, а не удовлетворяться тем, что они, в противоречие со своими взглядами, подмахнут всякое заявление Л. Д. [Троцкого]. В международных вопросах у нас оказались разногласия -- самое существенное по китайскому вопросу. Я не намерен и его преуменьшать, ибо, во-первых, китайская революция не фунт изюма, 2) история партии тоже не фунт изюма. Но нельзя этих разногласий переоценивать: а) в том, что теперь надо делать в Китае, у нас есть единомышленники, б) на практике проверка одной и другой точки зрения в будущем, и то не близком, в) центр нашей политики теперь не в вопросе о Китае, а в вопросе о спасении русской революции -- в этом мы единомышленны. (Я не могу молчать, когда Л. Д. [Троцкий], по моему

глубокому убеждению, проповедует неверные взгляды, но кто надеется, что для меня это предлог для чего-то другого, тот ошибается. Так же как ошибались те, которые спекулировали на разногласиях по поводу выборов в Германии.) Но одно должны наши люди понимать: нельзя бороться против мертвечины сталинского режима и падать в обморок, когда у нас обнаруживаются разногласия. Нельзя кричать о самостоятельных выступлениях, когда мы оторваны друг от друга, не всегда можем согласовать наши действия и часто принуждены действовать самостоятельно. Не соглашаясь с критикой Л. Д. [Троцким] программы К[оммунистического] И[нтернационала] в ее китайской части, я не делаю ему формального упрека, ибо, будучи убежден в важности вопроса и своей правоте, он не мог иначе поступить. Но я беру себе те же самые права и признаю их за всяким оппозиционером. Я понимаю чувства наших товарищей, дрожащих за единство -- этот важный рычаг исправления неправильного курса партии. Но это единство требует идейной борьбы в наших рядах, когда возникают разногласия, а не послушания.

4. Актуальные дела

Не получая заявления Льва [Троцкого] конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала], послал совместно со Смилгой наше заявление. После получил окончание заявления Льва. Но ждал десять дней начала, ибо считал неудобным подписывать документы, которые в целости не читал. Начала этого не получил. Но боюсь опоздать и сегодня отправлю конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала] телеграмму, в которой солидаризируюсь с выводами Льва и прошу поставить мою подпись под его заявлением. Но делаю это, исходя из того решающего политического соображения, что если даже окажется несогласие с тем или другим его выводом, то в политике решает солидарность в выводах, касающихся действий. Убежден, что Лев послал и начало, но что оно задержано "кем-то". Вообще только дураки не понимают, что наши тактич[еские] противники, чтобы не говорить о наших врагах, стараются влезть во всякую щель и раздуть наши разногласия. Им не надо помогать и надо давать бой паникерам.

К. Р[адек]. 2 август

Д. ЛАПИН. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Дорогой товарищ Троцкий, посылаю Вам привезенную мною в Москву и посланную в журнал "Коммунистический Интернационал" и программную комиссию VI конгресса [Коминтерна] критику проекта программы, написанную мною. Я не посылал этой критики с места жительства, так как хотел сначала побывать в Москве и ознакомиться с тем, что написали Вы и тов. Радек к VI конгрессу. В Москве мне удалось ознакомиться с двумя главами Вашей критики (СССР и Китай), заявлением VI конгрессу и довольно большим набором Ваших писем¹⁶. После этого я решил (разумеется, посоветовавшись с товарищами), что написанная мною работа бесполезна, особенно принимая во

внимание, что тов. Радек ушел в работу над Лениным и, по-видимому, по этой причине ничего не написал к VI конгрессу по наиболее близким ему международным вопросам, затрагиваемым в моей статье. Сейчас я посылаю Вам и тов. Радеку эту статью и решил Вам написать в дополнение к ней, хотя у меня и мало надежды получить от Вас ответ по причинам, не зависящим от Вас и от меня.

1) Я нахожу -- и хочу обратить на это Ваше внимание -- что Вы чересчур "удалились на Восток". Я имею в виду, разумеется, не Ваше физическое удаление, в котором Вы сравнительно мало повинны, а Ваше духовное удаление от европейских [дел] в область проблем Востока. Даже к вопросу об Америке Вы за последнее время подходите большею частью с тихоокеанского конца. Мне вполне понятно, что а)при отсутствии у нас "внутри партии" хотя бы одного человека, способного охватить все мировое развитие в целом, именно Вы должны сосредоточить свое внимание на вопросах мировой политики и б) существуют достаточно веские соображения, чтобы Вы сосредоточили свое внимание на тех революциях, которые стоят на грани демократических и социалистических -- Китай, Россия. Все же европейский капитализм и европейское революционное движение имеют настолько еще большее значение, там происходит достаточно много нового, что необходимо, чтобы Вы и этой "старушке" уделите немного внимания (повторяю: особенно при бездействии тов. Радека в этой области).

"Колечка Балаболкин"¹⁷ считает своим долгом (по крайней мере, с тех пор как он стал "генвождем") изображать на каждой "Fugung"¹⁸ (конференциях, съездах, конгрессах) какое-нибудь новое теоретико-политическое откровение. Заботы о достаточной фактической обоснованности его открытий он обычно проявляет очень мало: ведь ему ничего не стоит на следующей Fugung отказаться от самой последней идеи и выдвинуть на место нее новую. По мнению Д. Марецкого (см. его статью о Бухарине в БСЭ19, т. VIII), это даже свидетельствует о большом "идейном росте" учителя. Хуже только становится "учителю" от того, что его фантазия явно начинает истощаться. Но и тут при своей печатной монополии Бухарин нашел выход: он вытаскивает свой старый, залежавшийся идейный товар, отвергнутый Лениным, опровергнутый жизнью и забытый современниками. По последней причине он может сойти за новый.

По моему мнению, именно этого сорта откровение последнего времени: госкапитализм Бухарина. Последний неспособен дать оценку всем новейшим явлениям последнего времени -- рационализации, новым слабым проявлениям классового сотрудничества при господстве реакции (коалиционное правительство в Германии)²⁰, росту социал-демократии, диспропорции между идейным влиянием коммунистов и их организационным охватом -- на выручку явилось "слово": госкапитализм. Совсем по Гете²¹: где понятия не хватает, там слово помогает, из слов системы создаются, словами диспуты ведутся и т. д. "Слово" госкапитализм легло, правда, в основу целой теоретической фантазии, изобретенной Бухариным еще во время войны; но это не мешает этому "слову" сходить теперь за "новое". Госкапитализм стал на

теперешнем конгрессе подлинным "убежищем от невежества". Вы не знаете, чем характеризуется "третий период" послевоенной истории? Очень просто -- ростом производительных сил и сращиванием хозяйства и государства, т. е. госкапиталистическими тенденциями. Что такое рационализация? Технические успехи и госкапиталистические тенденции. Отчего растет социал-демократия? Оттого, что она сращивается с государством, что является одним из проявлений госкапиталистических тенденций (по теории Бухарина 1916 г. госкапитализм означает не только подчинение хозяйства государству, но и "всасывание" в себя последним "всех" общественных организаций, всех классов буржуазного общества -- см. его статью "Об империалистическом государстве") и т.д.

Радикально раскритиковать эту теорию означает противопоставить ей наш на фактах основанный анализ основных явлений и форм хозяйства и политики послевоенного времени (вопрос о госкапитализме есть в первую очередь вопрос о формах взаимоотношений между хозяйством и государством). Этого я не смог сделать по ряду причин, и я ограничился анализом бухаринской постановки вопроса, его насквозь противоречивой теории, для обоснования которой он стаскивает аргументы с бору и с сосенки, а также дал историческую справку о происхождении и злоключениях этой теории. Очень хотел бы знать Ваш взгляд на постановку этого вопроса в общей форме.

2) Важен ли этот вопрос политически? Я думаю, что очень важен. И не только потому, что эта теория сразу же закрепляется Бухариным программно: она может стать в настоящей обстановке обобщенной формулировкой оппортунизма, служащей западноевропейским дополнением к построению социализма в "одной стране". Ведь суть "госкапиталистических тенденций" еще по "экономике переходного периода"²² сводится к "национализации", к самоорганизации капитализма в национальных рамках, или "внутри страны", как повторял несколько раз Бухарин в своем докладе на XV съезде. Я думаю далее, что недаром не зря из проекта программы выпущено хотя бы малейшее указание на международные картели и тресты и на их борьбу за экономический раздел мира и все противоречия борьбы сводятся к борьбе государств за территориальный раздел мира. Далее того же порядка формулировка в заключительной резюмирующей характеристике империализма, что его противоречия, порождая войны, "приводят к распаду единого мирового хозяйства".

Я думаю, что можно без преувеличения свести суть бухаринской теории госкапитализма к притуплению экономических -- и как логический вывод -- классовых противоречий внутри отдельных стран и вынесению этих противоречий на мировую арену в форме войн между государствами. Недаром же он говорит в своем докладе о внутренних противоречиях и их обострении в самых общих декларативных, кратких и бессодержательных словах. Недаром же задача подготовки борьбы за революцию подменяется теперь борьбой с опасностью войны как чуть ли ни единственной задачей коммунистов на весь предстоящий период.

3) Обратили ли Вы внимание на то, что все правые элементы различных национальных секций охотнее всего распространяются о внешнеполитических противоречиях, опасности войны и необходимости защиты СССР в китайской

революции? При теперешней пассивной установке почти всех руководств национальных секций К[оммунистического] И[нтернационала] (NB: эта пассивность руководства признается во всех почти очерках о национальных секциях, очерках, напечатанных в "Обзоре деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами"²³, см. особенно очерк о французской коммунистической партии) лозунг борьбы с опасностью пока еще все же неблизкой войны может стать лозунгом выжидания войны для совершения революции после нее, вместо того чтобы готовить-лять партию к совершению революции еще до войны и без нее.

Наконец, Вы хорошо отметили в своей записке об Англии, что у центристов особенно велика бывает "любовь к дальнему": ведь легче ратовать за защиту СССР и китайской революции и избличать "пораженцев" обороны СССР в своей среде, чем вырабатывать революционную линию борьбы с буржуазией и социал-демократией своей страны и вырабатывать подходящие лозунги.

4) В отношении последних Бухарин договорился до чудовищной нелепости с точки зрения революционной логики и не менее чудовищного оппортунизма с точки зрения революционной политики. Он считает оппортунизмом и изо всех сил избличает как таковой лозунги национализации промышленности, рабочего контроля, но готов допустить борьбу за рабоче-крестьянское правительство и крохоборческие требования (налоги, зарплата и пр.), а также против опасности войны при капитализме, как центральные лозунги действия компартии в ближайшие нереволуционные годы. Оппозиция должна, по моему мнению, обязательно сказать свое мнение о лозунгах борьбы в ближайшие годы до революционной ситуации. Смущаться тем, что оппозицию обвинят в правом уклоне и брандлеризме не приходится (в чем уже нас ни обвиняли?). Тем более, что Брандлер, во-первых, выдвинул лозунг "Produktionskontrolle"²⁴ вместо рабочего контроля, т. е. смазал классовый характер лозунга, что действительно может явиться источником оппортунизма, во-вторых, совершенно не связал его с вопросом о национализации и конфискации.

Русская оппозиция, в особенности Вы, должна заняться этим вопросом не только потому, что это нужно в интересах борьбы компартии в ближайшие годы, но и для создания ясности в головах самих оппозиционеров. Отсутствием ясности в отношении лозунгов при нереволуционной обстановке объяснялось бесплодие платформы немецких товарищей по внутренним вопросам и невероятная путаница у французов. Замечательно уже то, что по этому вопросу существует трогательное согласие от Бухарина до Урбанса. Разница только та, что бухаринские лозунги сбиваются на экономизм, а урбансовские на синдикализм.

В самый последний день моего пребывания в Москве мне довелось видеть номер урбансовской "Фольксвилле"²⁵ No 117 от 31 мая с воззванием об итогах выборов 20 мая. Я списал оттуда лозунги, которые Урбанс выдвигает. Вот они все:

"За выборы стачкомов, ответственных только перед избирателями. За объединение революционных фабзавкомов.

За расширение прав фабзавкомов.

За восстановление свободы стачек в борьбе за повышение зарплаты и сокращение рабочего времени".

И это все. Ни единого политико-экономического лозунга. Ни единого лозунга, выходящего за пределы предприятия и затрагивающего частную собственность. Это, разумеется, путь синдикализма. Но и "программа действий" Маслова (к конгрессу Ленинбунда), если Вы ее видели, не была богаче идеями и лозунгами для классовой борьбы внутри страны. Вряд ли веддингцы²⁶ более дальновидны. Наконец, сравнение с бухаринской программой действия показывает, что в ней только прибавляется несколько специфических социал-демократических требований к буржуазному государству в духе старой программы-минимум.

5) Нежелательность и вред Вашего ухода от европейских дел особенно видны на примере Англии. Из стачек 1926 г. мы никаких выводов не сделали для самого английского рабочего движения и тактики английской коммунистической партии. (Англо-русский комитет -- это, главным образом, вопрос тактики ВКП). А между тем в Англии произошел крутой переворот в рабочем движении -- не менее крутой, чем в Германии во время войны. А выводов никто не сделал. Решение об изменении избирательной тактики, принятое IX пленумом ИККИ, вопроса не исчерпывает. Не только на выборах, но и в повседневной борьбе надо определить отношение коммунистов к рабочей партии²⁷. Мы не голосуем и не призываем голосовать за Макдональдов. Ну, а как быть, например, с политическими взносами профсоюзов, которые идут в избирательный фонд тех же Макдональдов? Уплачиваем мы их, призываем уплачивать и содействуем сбору? У английских коммунистов сейчас, собственно, отношения с А[нглийской] р[абочей] п[артией] аналогичны отношениям китайских коммунистов к Гоминьдану: они оттуда "не вышли", но их там нет. Только в Англии положение более двусмысленное. Декларация о выходе коммунистов из А[нглийской] р[абочей] п[артии] сама по себе не решила бы вопроса, ибо, во-первых, вряд ли там еще остались коммунисты, которым пришлось бы "выходить"; во-вторых, остается вопрос о коммунистических сторонниках, членах профсоюзов и местных организаций А[нглийской] р[абочей] п[артии], которые, выйдя из последней, не могут вступить на правах индивидуального членства в английскую компартию и которые, будучи исключенными из А[нглийской] р[абочей] п[артии], либо расплятятся, либо капитулируют рано или поздно.

Вывод? Надо вспомнить о той мысли, которую Вы вскользь бросили в Вашей книжке об Англии, что такие великие движения, как стачка 1926 г., приводят к созданию новых организаций. За эту мысль на Вас рассердились все филистеры, и крепко ругает Вас Балаболкин. Сейчас пора об ней напомнить: надо объединить все левые элементы английской лейбористской партии как исключенные из нее, так и не исключенные из нее, в новую Рабочую партию на основах коллективного членства под коммунистическим руководством. Надо звать профсоюзы и местные организации Лейбористской партии к переходу в Рабочую партию; надо поднять в низовых организациях и профсоюзах кампанию за то,

чтобы политические взносы уплачивались не предательской Лейбористской партии, а классовой, революционной Рабочей партии. Такой вывод надо было сделать еще в 1926 г. и не предоставлять Макдональдам инициативы и выбора момента для раскола Лейбористской партии. Но и теперь это единственный путь для а[нглийской] к[ом]п[артии].

Такое предложение сделал накануне IX пленума ИККИ тов. Мерфи²⁸. Но его совершенно "затюкали". Беннет обвинил его в комиссии пленума в пессимизме и неверии в а[нглийскую] к[ом]п[артию]. Вряд ли нужно давать оценку этому знакомому доводу. Пейдж Арнот²⁹ выдвинул довод об излишнем "средостении". Но тот же Арнот не возражает против средостения в виде Left Wing³⁰, крайне неоформленной и неопределенной организации, являющейся в настоящих условиях суррогатным объединением для исключенных из Labour Party³¹ левых элементов, как будто исключение последних только временное! И как будто "левое крыло" (чего?) имеет шансы прогнать Гендерсонов³² от руководства Labour Party!

Вот дополнительные замечания, которые я хотел Вам сделать к своей статье и по которым хотелось бы знать Ваше мнение. К сожалению только, я по личным бытовым условиям не имею еще постоянного адреса. Когда будет -- сообщу. Пока хорошо было бы получить Ваш и тов. Радека отклик на эти вопросы кому-либо -- авось дойдет и до меня.

О других вопросах я уже сейчас не буду писать. Не сердитесь за длину письма.

Крепко жму руку. Желаю здоровья и сил. Все остальное "приложится".

Ваш Дм. Лапин

5 августа 1928 г.

Получили ли Вы мои книжки о Баварской советской республике³³ и пригодились ли они Вам?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. Лапин

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛ "КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ"

(копия членам программной комиссии VI конгресса К[оммунистического] И[нтернационала])

Критика проекта программы Коминтерна

В программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа будет непререкаема (Ленин на VIII съезде РКП/б/)³⁴.

Новый проект программы К[оммунистического] И[нтернационала] радикально

отличается как по идейному содержанию и трактовке ряда (в том числе старых) вопросов, так и по размерам и стилю от прежних проектов. В этом его виде он является куда более спорным, чем принятый V конгрессом К[оммунистического] И[нтернационала], в основу для дискуссии. Поэтому я позволю себе подвергнуть обстоятельной и внимательной критике те пункты нового проекта, которые имеют наибольшее принципиально-политическое значение.

1. Неравномерность капиталистического развития

По своему общему построению новый проект делает попытку соединить абстрактно-теоретический анализ капитализма (в первой главе) с материально-исторической его характеристикой (во второй главе). Но в абстрактно-теоретическом анализе мы с самого начала встречаем в новом проекте "новшество" по сравнению с обоими предыдущими (бухаринским 1922 г. и V конгресса 1924 г.), которое возвращает нас назад, к старым программным спорам, происходившим в нашей партии в 1917-1919 гг. при выработке программы РКП.

В отличие от предыдущих проектов, начинавшихся с анализа ранних стадий капитализма, новый проект начинается с характеристики империализма³⁵. В первой главе о "мировой системе капитализма и т. д." дается характеристика промышленного капитализма исключительно в выражениях, относящихся к историческому прошлому. В то время как проект V конгресса говорил о процессах зарождения и развития капитализма из мелкого производства как о поныне совершающихся в новом проекте читаем:

"В погоне за прибылью буржуазия была вынуждена развивать производственные силы... развитие капитализма постоянно воспроизводило... противоречие между общественным характе-

ром труда и частным характером присвоения... Господство частной собственности, анархически-стихийный ход этого производства приводили к нарушению экономического равновесия... что влекло за собою периодически повторяющиеся кризисы. Господство частной собственности находило свое выражение в конкуренции... Тактические и экономические преимущества крупного производства приводили к разрушению в конкурентной борьбе докапиталистических хозяйственных форм... В области сельского хозяйства он (закон концентрации и централизации) находил свое выражение в дифференциации крестьянства...

Период промышленного капитализма был в основном периодом "свободной конкуренции"... этот период сменился к началу XX столетия периодом империализма, когда свободная конкуренция уступила место монополии.

Свободная конкуренция промышленного капитализма, ставшая на место феодальной монополии и монополии торгового капитала, сама превратилась в монополию финансового капитала. (Отдельное издание Проекта программы, ГИЗ, 1928, с. 11 -- 14.)"

Еще четыре года тому назад проект V конгресса так формулировал последнее положение: "Свободная конкуренция, ставшая на место феодальной

монополии, сама превращается в монополию финансового капитала". По нынешнему проекту этот процесс превращения конкуренции в монополию уже закончился.

Получается, что раньше происходило так, а теперь "все иначе", и ни в одном месте программы нет оговорки, что монополии не уничтожают анархии производства и конкуренции на внутреннем рынке. Мало того, есть целый ряд двусмысленных формулировок о том, что и на мировом рынке конкуренция начинает исчезать и заменяется в большой степени методами силового давления (термин заимствованный из "Экономики переходного периода" тов. Бухарина).

Вопрос о том, давать ли в программе анализ промышленного капитализма в терминах прошедшего или настоящего времени, не есть вопрос грамматики, а сугубо принципиальный и политический. Таковым его считал и Ленин. При выработке программы РКП он отстаивал и отстаивал ту идею, что в программе надо ясно сказать, что процессы зарождения раннего капитализма с конкуренцией, анархией производства, классовой дифференциацией крестьянства и других мелкобуржуазных слоев происходят и поныне, ибо в то время как на одном конце общества происходит загнивание капитализма, достигшего монополистической ступени, на другом конце происходит возрождение "свеженького" капитализма ранней стадии, хотя и в другой пропорции, другого удельного веса и пр.

Ленин отвечал на это, что относиться реально к перспективам социалистической революции и значит видеть то, что есть. А есть то, что наряду с национализацией промышленности и самым передовым в мире политическим строем на базе мелкого производства при промышленном разорении и бедности происходит возрождение капитализма в целом ряде областей (уже тогда в разгар военного коммунизма и гражданской войны, задолго до нэпа).

Чистый империализм,-- отвечал Ленин Бухарину на VIII съезде,-- никогда не существовал нигде, не существует и никогда существовать не будет. Это есть, наверно, обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, артелях, трестах, финансовом капитализме, когда изображали финансовый капитализм так, как будто никаких основ старого капитализма под ним нет.

Это не верно, особенно это будет не верно для эпохи после империалистической войны... Мы в России сейчас переживаем последствия империалистической войны и начало диктатуры пролетариата. В то же время в целом ряде областей России, которые были более отрезаны друг от друга, чем прежде, мы переживаем возрождение капитализма, развитие его первой стадии. Из этого не выскочить. Если написать программу так, как хотел тов. Бухарин,-- эта программа будет неверна... Из этой разнокалиберности, из

этого построения из разного материала, как это ни неприятно, мы не выскочим в течение очень долгого периода. Когда выскочим, создадим другую программу. Но тогда мы будем жить в социалистическом обществе (т. XVI, с. 112 -- 113).

Имеются ли в экономическом развитии социалистических республик и всего мира за годы 1919 -- 1924 или 1924 -- 1928 такие явления, которые оправдывали бы пересмотр этих категорических предсказаний Ильича на будущее, а также формулировки проекта V конгресса? Безусловно, нет. Наоборот: несмотря на происшедшую за послевоенные годы колоссальную концентрацию хозяйства империализма, они сейчас много дальше, чем в годы войны и инфляции (1914-1924) от натурального хозяйства, планомерности, организованности, безраздельного господства монополий и чистого империализма³⁸.

Общеизвестно далее, что именно за послевоенные и особенно последние годы в колониальных странах вследствие развития промышленного и сельскохозяйственного капитализма на национальной базе мелкого производства и свободы торговли, наряду с предприятиями иностранных капиталистов, выросла и окрепла туземная промышленность и буржуазия (Индия, Китай и др[угие]). Это в основном и является той базой, которая порождает могучее по размаху, имеющее колоссальное значение для борьбы с империализмом национальное движение.

Наконец, в стране пролетарской диктатуры сектор частного капитала в промышленности, торговле и особенно в сельском хозяйстве сейчас в абсолютных числах бесспорно больше, чем в конце гражданской войны или даже во время VIII съезда РКП, когда раскулачивание и осереднячение деревни у нас уже было в основном закончено. Наибольшие успехи наиболее массовидного у нас капитализма -- сельскохозяйственного, кулацкого -- приходятся как раз на время после стабилизации валюты, совпадающее со временем, протекшим после составления проекта V конгресса. Официально признанным фактом ведь является теперь, что несколько лет нэпа превратили одну десятую крестьян в кулаков и одну пятую -- в близких к ним зажиточных середняков, столкнув на другом полюсе одну треть крестьянства в бедноту. Поэтому сейчас составлять проект программы К[оммунистического] И[нтернационала], в котором развитие раннего капитализма написано в плюскваперфектум³⁹ и отнесено к прошлой, доимпериалистической стадии развития -- значит повторять в более опасном месте и в более тяжелой форме ошибку того геростратовски⁴⁰ знаменитого, злосчастного автора, который писал три года тому назад в "Большевике", что "кулак это жупел, остаток старого мира... отдельные умирающие единицы".

Отрицать или замалчивать в программе К[оммунистического] И[нтернационала] продолжающееся частичное рождение и развитие раннего капитализма -- значит заодно замазывать важнейшее экономическое противоречие империализма и противоречия нашего собственного развития. Это значит изображать положение империализма лучше, чем оно есть на самом деле, и закрывать глаза на наши собственные важнейшие и главнейшие трудности.

Пытаясь дать "цельную картину" развития современного капитализма,

авторы проекта программы впали в противоречие с самими собою и с Лениным в вопросе о неравномерном развитии. В самом деле: в конце первой главы приводятся знакомые слова Ленина, что "неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Эта неравномерность еще более усиливается и обостряется в эпоху империализма".

Дальше говорится, какие выводы "отсюда следуют"; но нигде не говорится, откуда следует и из чего вытекает самый этот закон неравномерности развития капитализма. И действительно: из данного в проекте анализа капитализма, как сплошь монополистического, с тенденцией к госкапитализму и "единому мировому тресту", неравномерность не вытекает и с ним не связана. В проект эти слова Ленина вклиниваются, как чужеродное тело, вместо того чтобы резюмировать необходимое изображение разных сторон капиталистического развития.

Можно ли не говорить совсем о развитии при империализме ранних стадий капитализма и в то же время говорить о неравномерности империализма в ленинском смысле? Нельзя, ибо Ленин имел в виду не количественную неравномерность достигнутых уровней развития (в одной стране добывается больше угля, в другой меньше и т.п.), а качественное разнообразие общественных форм, экономических укладов разных отраслей хозяйства и связанную с этим неравномерность темпа, так же как и неравномерность экономического и политического развития. Как известно, Ленин выводил из закона неравномерности одновременность победы пролетарских революций в различных странах (в рамках одной и той же эпохи социальной революции), во-первых, одновременную возможность пролетарских революций и национальных войн, во-вторых, сочетание империалистических, гражданских, национальных и колониальных восстаний, в-третьих. Все это можно вывести из закона неравномерности только в том случае, если его понимать в том смысле, что одновременно с высшей развиваются и низшие стадии капитализма; что в одном месте последний начинает гнить или его господство уничтожается пролетарской революцией, тогда как в другом он в то же время сызнова нарождается.

Если же понимать неравномерность в смысле количественном, т. е. что в одной стране производится больше металла, угля и др[угих] товаров, то это неверно и из этого даже нельзя вывести одних только империалистических войн: последние могут иметь место как раз тогда, когда у соперников начинают выравниваться уровни производства и тем самым увеличиваются шансы на победу. Германия только тогда стала помышлять о борьбе с Англией, когда в начале XX века уровень производства у нее стал приближаться к английскому; Англия теперь только потому уступает Америке, что уровень развития последней много превосходит уровень Англии самой или даже вместе с ее возможной союзницей, континентальной Европой. Война между ними станет возможной только тогда, когда их производственные и военные уровни более или менее выровняются. В этом отношении империализм как раз действует нивелирующе, выравнивающе, так как все империалистические страны стремятся догнать уровень своего соперника, выровняться с ним, а то и обогнать его.

Можно сказать, что при стремлении и возможности обогнать своего соперника происходит восстановление неравномерности на новой основе: более развитая прежде страна теперь отстает в развитии. Такую увертку для спасения количественного понимания закона неравномерности придумал Э. Гольденберг⁴¹. Но это совершенно очевидная и притом схоластическая увертка, так как отставшая от более молодой страны, но все же находящаяся на достаточно высоком уровне капиталистическая страна (например, Англия) не прекращает своей борьбы за то, чтобы не отстать, а при возможности опередить своего молодого обогнавшего ее соперника (например, Америку или Германию), что обозначает дальнейшую тенденцию к нивелировке. Но в процессе этой нивелировки империализм втягивает в мировой рынок все новые страны и континенты с самыми разнообразными экономическими и политическими условиями, развивает все новые отрасли хозяйства, открывает новые источники сырья и способы их использования, разрушает докапиталистические уклады, будучи, однако, не в состоянии подчинить их прямо себе. Это создает источник величайшей неравномерности капитализма; на этой почве порождаются всевозможного рода конфликты, войны, революции. Это делает из империализма начало эры социальной революции, но и создает для нее ряд первостепенных трудностей, делая возможным в отдельных случаях разгром революционных сил по частям. Это же делает возможным и победу социалистической революции в отдельных странах, но делает невозможным в них одних изолированно взятых завершение социалистического строя (уничтожение товарного хозяйства и классового деления общества).

Проект оставляет все эти процессы вне своего поля зрения, но в то же время много раз повторяет слова о неравномерности капиталистического развития. Однако эти слова от простого их повторения не становятся ни более ясными, ни более обоснованными, а, наоборот, повисают в воздухе и ведут к неправильным выводам. Мы в этом сейчас же убедимся при рассмотрении другого новшества проекта, в котором нам такая же бухаринская старина слышится. Именно: в вопросах о госкапитализме и ультраимпериализме.

2. Финансовый и государственный капитализм

а) Тенденция развития к "национализации" и к "госкапитализму"

В первоначальном проекте тов. Бухарина, предложенном IV конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала] (в 1922 г.), говорилось: "Процесс централизации капитала в его мировом масштабе привел, таким образом, в тому, что в рамках мирового хозяйства создались могучие государственно-капиталистические тресты" (Бухарин, "Атака", сборник статей, 1924, с. 289).

При переработке проекта комиссией конгресса это было вычеркнуто. Во всем проекте V конгресса отсутствует указание на госкапитализм как на порождение или тенденцию финансового капитализма. Самый термин "госкапиталистический трест" в проекте V конгресса отсутствует. Зато в новом проекте мы находим уже два специальных абзаца (с. 15 и 18), в которых

говорится и о госкапитализме и даже о "едином всемирно-государственном капиталистическом тресте" как тенденции развития финансового капитализма. Эта фантазия не признается еще, правда, осуществившимся фактом, как следовало из бухаринского проекта 1922 г., но все же трактуется как тенденция политико-экономического развития финансового капитализма. На странице 15-й проекта мы узнаем, что госкапитализм -- это такая же обнаруживающаяся тенденция империализма, как милитаризм. После указания на неизбежность войн проект устанавливает, что "финансовый капитализм обнаруживает поэтому тенденцию к развитию государственно-капиталистических форм, облегчающих борьбу на внешнем рынке и военную мобилизацию хозяйства, с одной стороны, и к исключительно чудовищному росту милитаризма... с другой" (с. 15).

В то же время в проекте совершенно не упоминаются международные тресты и картели-союзы капиталистов разных стран и их борьба за экономический разлад мира. Это явление Ленин считал настолько важным фактом, что включал его в один из пяти главных признаков империализма. В нынешней экономике и политике империализма эти союзы капиталистов разных государств играют колоссальную роль, наполняя шумом своей борьбы весь капиталистический мир: достаточно указать на всемирно известные нефтяные тресты Стандарт-Ойл⁴² и Роял-Датч-Шелл⁴³, электротехнические тресты, которые еще Ленин приводил в своей работе как классический пример этого рода объединений, европейский стальной синдикат и борьбу вокруг его создания и т. п.

Совершенно непостижимо и необъяснимо, как это программная комиссия ИККИ не заметила "слона" международных союзов капиталистов разных стран и в то же время уделила столько внимания "козявке" госкапитализма, превратив ее в тенденцию мирового развития. Это можно объяснить только тем, что программная комиссия сознательно стала на точку зрения оспаривавшихся Лениным взглядов тов. Бухарина на эти вопросы. Тов. Бухарин на основе одностороннего обобщения опыта мировой войны создал теорию (развитую им в работах времени империалистической и гражданской войн "Империализм и мировое хозяйство"⁴⁴ и "Экономика переходного периода"), по которой у финансового капитализма имеется тенденция к "национализации", т. е. к самоорганизации в национальных рамках в единый, охватывающий все национальное хозяйство "государственно-капиталистический трест", противопоставляющий себя на мировой арене другим таким же государственно-капиталистическим трестам, борющимся между собою за господство над миром и за организацию последнего в "единый мировой трест". После смерти Ленина тов. Бухарин пытается превратить эту свою теорию в официальное учение партии. В 1925 г. он подарил партии ряд сомнительных по своей ценности теоретических открытий и политических лозунгов, связанных с понятием государственного капитализма. Такова теория двух стратегических планов ("Большевик", No 4 за 1925 г.) Ленина, один -- 1917-1921 гг.; другой -- 1922 г., из которых второй ("набросанный на смертном одре", как говорил

однажды Бухарин) отменял первый. Таково и заявление, сделанное на литературном совещании в ЦК и напечатанное в статье тов. Бухарина в журнале "Красная новь"⁴⁵ (книга 4-я, май 1925 г., с. 265): "по двум вопросам из всех тех, по которым я спорил с В. И. [Лениным], я не согласен до сих пор: это по вопросу о пролетарской культуре и государственном капитализме". И дальше Бухарин высказывал тот взгляд, что не то Ленин позже изменил свою точку зрения на госкапитализм, не то с самого начала защищал ее не по теоретическому убеждению, а из "практических и педагогических соображений".

Взятый под обстрел возникавшей тогда Ленинградской оппозицией за ревизию ленинизма тов. Бухарин хотя и не взял обратно этих своих заявлений, но временно прекратил дальнейшую пропаганду своей теории госкапитализма. Этому благополучному отступлению Бухарина помогло еще то обстоятельство, что тов. Зиновьев, взявшийся за теоретическое обоснование платформы оппозиции 1925 г., сумел при своей полной неспособности к обобщающему мышлению поставить вопрос так, что Бухарину очень легко удалось на XIV съезде превратить весь спор в схоластическое препирательство о том, "как назвать" нашу госпромышленность. На XV партсъезде, когда оппозиция оказалась организационно разбитой, тов. Бухарин счел момент удобным снова выдвинуть свою теорию, на этот раз уже в применении к мировому развитию финансового капитала. Теперь уже против теории Бухарина выступил один тов. Шацкий (тов. Лозовский возражал только против практических выводов этой теории), за что Бухарин обрушился на Шацкина с самыми резкими нападками, обвинив его, наконец, в "колебаниях в сторону оппозиции". Тов. Шацкину пришлось оставить спор по большому вопросу о госкапитализме и начать защищаться от страшного обвинения в "малюсеньких колебаниях" в сторону оппозиции. После этой победы над Шацкиным на XV партсъезде тов. Бухарин сделал теперь попытку обезопасить себя от дальнейших нападков превращением своей теории в официальный символ веры всего Коминтерна.

В своем докладе на XV партсъезде тов. Бухарин впервые после вынужденного перерыва возобновил эти попытки и защищал свою теорию в применении к современному империализму в выражениях, почти совпадающих с формулировкой нового проекта программы:

"Мы имеем, с одной стороны, -- говорил тов. Бухарин на XV партсъезде, -- рост противоречий между различными капиталистическими государствами, с другой стороны, мы имеем процесс организации капиталистических сил внутри страны, что выражается в тенденциях в сторону государственного капитализма".

И дальше:

"Я бы это формулировал таким образом, что, если, с одной стороны, между государственными капиталистическими организмами мы наблюдаем сейчас рост конфликтов и пр., то, с другой стороны, этот рост конфликтов заставляет буржуазию внутри страны по возможности быстрее закручивать гайку концентрации и централизации капитала. Или по другому формулируя, мы имеем в настоящее время обострение тенденций развития в сторону к госкапитализму при

буржуазной диктатуре" (с. 568).

По Бухарину, следовательно, устанавливаемый им закон развития "в сторону к госкапитализму" есть только другая формулировка марксова закона концентрации и централизации капитала. Чтобы дать сразу ясное и полное представление о том, что это за "другая формулировка" того же якобы закона и какая теория кроется за "новыми" формулировками нового проекта программы, я вынужден буду, к сожалению, привести одну длинную выдержку из статьи тов. Бухарина, впервые напечатанной им в 1925 году⁴⁶, хотя и написанной в 1916 году, но не напечатанной тогда, потому что Ленин отказался ее напечатать в сборнике "Социал-демократа"⁴⁷, органе ЦК нашей партии, для которого она была специально написана:

"Организационный процесс, -- читаем мы в этой статье тов. Бухарина,-- привел к превращению каждой национальной системы капитализма в "государственно-капиталистический трест"... Прежде основной категорией экономической жизни была частнохозяйственная ячейка, отдельное предприятие, которое встречается как конкурент со всяким другим. Эпоха финансового капитала кладет конец такому положению вещей. Исчезает прежде всего основа капиталистического индивидуума: отдельное частное предприятие как клетка экономического организма. Более того, в значительной степени исчезает и противоречие между различными подгруппами господствующих классов. Так создается система коллективного капитализма, которая до известной степени противоположная по своей структуре капитализму в его прежних формулировках. Отдельный капиталист исчезает... он уже не конкурирует со своими "земляками"; он кооперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает...

Государственная власть всасывает, таким образом, почти все отрасли производства; она не только охраняет общие условия эксплуатационного процесса; государство все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством как "коллективный собирательный капиталист"..."

Итак, -- резюмирует тов. Бухарин эту главу, -- государственный капитализм есть законченная формулировка государственно-капиталистического треста. Процесс организации устраняет постепенно анархию отдельных частей "народно-хозяйственного механизма, ставя всю экономическую жизнь под железную пяту империалистического государства".

Эта цитата дает нам в "химически" чистом виде ту теорию, которая в завуалированной форме дана в формулировках нового проекта, якобы представляющих только, по словам Бухарина, другую формулировку прежнего, т. е. марксова закона концентрации капитала. Вместе с тем эта цитата проливает дополнительный свет на то, какой смысл содержится в изложении законов конкуренции и анархии производства в прошедшем времени.

Статью свою тов. Бухарин сопроводил примечанием, в котором утверждает:

1) что Ленин в свое время не напечатал статьи только потому, что полагал, что здесь развиваются неверные взгляды на государство, во-вторых, что в этом

вопросе ошибка была на стороне Ильича, ибо "он тогда неправильно относился к положению о "взрыве" государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата... Занимаясь вопросом, Ильич пришел к тем же выводам относительно диктатуры, а затем развил учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении".

Оставим в стороне некрасивую проделку тов. Бухарина, исправившего задним числом свою статью, для того чтобы доказать, что это он подсказал Ильичу центральную идею пролетарской революции -- положение о взрыве буржуазного государства -- и изобразить себя учителем Ильича в этом вопросе. Ограничимся только следующим замечанием: если бы даже Ленин нашел правильным то, что писал тов. Бухарин по вопросу о взрыве государства, то он никак не мог бы согласиться с развиваемой в этой статье теорией госкапитализма. А в этом именно главное содержание и главная идея статьи. Но об этом тов. Бухарин совершенно умалчивает в своем примечании, имеющем целью сказать читателю, что автор статьи и ныне считает ее правильной и не противоречащей взглядам Ленина.

Между тем, если бы внутри отдельных стран конкуренция все больше замирала, если бы эта "новая формулировка" старого закона оказалась верной, т. е. если бы конкуренция внутри отдельных стран все больше замирала, если бы капитализм, хотя бы в национальном масштабе, становился "организованным" и "коллективным" капитализмом⁴⁸, то всю марксову теорию капитализма, представляющую собой обобщение от капитализма, основанного на частной собственности и товарном производстве с конкуренцией, анархией производства, классовой дифференциацией -- надо было бы сдать в архив, как еще при жизни капитализма потерявшую значение попытку его осмысливания. Не даром же в те времена, когда тов. Бухарин бесхитростно и открыто пропагандировал свою теорию, он вполне последовательно заявил, что "старые испытанные орудия марксистской мысли, отчеканенные Марксом на основе весьма реального существования соответствующих производственных отношений, начинают давать осечку. А в обиходе практической жизни, -- бросает Бухарин с пренебрежением, -- они продолжают некритически рассматриваться как средство действительного понимания явлений хозяйственной жизни" ("Экономика переходного периода", ГИЗ, 1920, с. 125).

б) Теория "единого мирового госкапиталистического треста"

Эта ошибочная и немарксистская теория, которой придерживаются авторы проекта, приводит к тому, что последняя не дает (и при занятой позиции не может дать) никакой экономической критики социал-демократической теории ультраимпериализма, ограничиваясь только политической критикой ее. Формулировка проекта по этому вопросу такова:

"Империализм пытается разрешить это противоречие (между уровнем производительных сил и ограниченными рамками империалистических государств), огнем и мечом прокладывая дорогу единому всемирному государственно-капиталистическому тресту, организующему все мировое

хозяйство. Но эта воспеваемая социал-демократическими идеологами ультраимпериа-диетическая утопия встречает на своем пути непреодолимые объективные препятствия такого масштаба, что капитализм неизбежно должен пасть под тяжестью своих собственных противоречий. Ряд империалистических войн, вырастающих в мировые войны, путем которых закон централизации капитала стремится дойти до своего всемирного предела единого мирового треста, сопровождается такими разрушениями, взваливает такие тяжести на плечи рабочего класса и миллионов колониальных пролетариев и крестьян, что капитализм неизбежно должен погибнуть под ударами пролетарской революции (с. 18)".

Итак, "непреодолимые объективные препятствия", встречаемые ультраимпериалистической тенденцией, исключительно военно-политического порядка: войны, разрушения и вызываемая ими пролетарская революция. Экономических препятствий для осуществления социал-демократической утопии "единого всемирного госкапиталистического треста" проект программы Коммунистического [И[нтернационала] не находит. Проект утверждает, что финансовый капитализм именно в этом направлении и развивается, но что пролетарская революция, вырастающая из войны, не даст этому осуществиться⁴⁹. Проект тем самым апеллирует к политике против экономики, выкидывая вон тот экономический аргумент, который Ленин неоднократно называл "существенным", "коренным", "важнейшим", "главнейшим" во всей марксистской критике империализма. Подтвердить это можно было бы десятком цитат из разных работ Ленина об империализме. Приведу только одну единственную, направленную против Каутского, как раз в связи с критикой теории ультраимпериализма:

"Теоретическая критика империализма у Каутского поэтому и не имеет ничего общего с марксизмом, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречия между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими "операциями"... финансового капитала и "частной" торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д." (том. XIII, с.328).

Но, может быть, у Бухарина имеются новые, неопровержимые, конкретные данные, которые делают необходимым такое исправление проекта V конгресса, хотя бы в разрез с теорией Ленина? В этом случае мы, разумеется, не стояли бы на догматической точке зрения. На XV партсъезде Бухарин представил такие "данные". К сожалению, они очень далеки не только от неопровержимости, но даже от самой простой убедительности. Это просто жалкие доказательства. Их четыре. Вот они:

1. В Германии стальной и химический тресты сосредоточивают в своих руках до 80% каждой отрасли. Такая же часть про-изводства электроэнергии сосредоточена в руках государства и муниципалитетов страны.

2. В Италии Муссолини переделал конституцию на корпоративный лад⁵⁰.

3. Япония эволюционировала к капитализму при большей сравнительно роли

самодержавного государства в экономической жизни страны, чем в других странах.

4. В Вене муниципалитет, руководимый социал-демократами, ведет большое жилищное строительство и держит в своих руках ряд крупных предприятий.

Вот и все доказательства. Из крупнейших могущественнейших стран финансового капитала -- Америки, Англии, Франции, Германии, на которых только и можно изучать тенденцию развития современного империализма, названа одна Германия. Остальные просто забыты. В отношении же последней в качестве примера госкапитализма приведены две крупнейших частнокапиталистических монополии. Следующий пример более хитроумен, но не более убедителен: всем известно, что электроснабжение, газовые заводы, почта, телеграф и во многих местах железные дороги в самые либеральные времена находились в наибольшей своей части в руках государства, муниципалитетов, кооперативов и др[угих] тому подобных организаций и учреждений⁵¹. Это вовсе не случилось только после V конгресса. Вообще же указывать на процент производимой государственным предприятиями электроэнергии для доказательства роста госкапитализма и не указывать удельного веса этих предприятий во всем народном хозяйстве можно только при большой нужде в аргументах для подкрепления своей теории.

По той же причине, по-видимому, Бухарин пользуется итальянской конституцией как доказательством... госкапитализма. Организация государственной власти на основах представительства разных слоев, профессий и организаций буржуазии способствует концентрации государственного аппарата в руках фашистской партии, но отнюдь не ведет обязательно к концентрации хозяйства в руках государства, к отмене частной собственности и к созданию "коллективного капитализма", а тем более "умерщвлению" конкуренции, анархии и пр. Наконец, японский и венский аргументы настолько серьезны в качестве доказательства мировых тенденций⁵² к "единому" госкапиталистическому тресту, что просто не заслуживают того, чтобы их опровергать.

Отношения между империалистическим государством и финансовым капиталом гораздо лучше характеризуются термином "трестификация государства", чем устанавливаемой Бухариным тенденцией к госкапитализму. Последняя означает подчинение капиталистического хозяйства государству, первая же обозначает превращение государства и его политики в явное голое орудие трестов, союзов капиталистов и магнатов капитала. В реальной действительности послевоенного времени сращение между государственным аппаратом и капиталистическими организациями происходит в такой форме, что есть основания говорить о трестификации государства, как противоположной госкапитализму тенденции, т. е. о подчинении буржуазного государства хозяевам промышленности и банков.

Для спасения своей точки зрения Бухарин, столь любящий в других случаях строго формальную точность в терминологии и классификации, в данном случае нарочно игнорирует важнейшее в процессе сращения государства с капиталистами различие: происходит ли это сращение в форме подчинения государственного

аппарата хозяйственным организациям буржуазии или, наоборот, в форме подчинения последней регулирующей, контролирующей и хозяйственно-управляющей функции государства. Только в последнем случае может идти речь о госкапитализме. В первом же случае "сращение" обозначает только освобождение от прежних прикрытий и промежуточных инстанций, непосредственное подчинение государства -- его аппарата -- империалистической буржуазии.

При исследовании этого вопроса форма, в которой происходит это сращение, и вопрос о том, какая из сторон получает при этом преобладание -- имеют самое важное значение. А Бухарин, взявшийся за исследование новых хозяйственных форм империализма, сознательно игнорирует формы сращения хозяйства и государственного капитализма.

Вся теория Бухарина родилась как одностороннее и раздутое до размеров универсальной теории обобщение частичного опыта по регулированию хозяйства в нескольких странах, -- главным образом, в Германии и во время мировой войны. Но за годы послевоенного развития буржуазия отменяла и уничтожала одно за другим осуществленные во время войны госкапиталистические мероприятия. Термин "военный социализм", которым эти мероприятия обозначались, приобрел у буржуазии оттенок пренебрежения и ненависти. Буржуазия идет дальше и борется за "разгосударствление" искони государственных предприятий. Такова была борьба стиннесовской группы⁵³ промышленников за изъятие из рук государства железных дорог⁵⁴, что частично осуществлено при помощи "плана Дауэса"⁵⁵; такова широко ведущаяся теперь в Германии и Америке авторитетными капиталистическими организациями пропаганда против государственного хозяйства, причем госкапитализм "добродушно смешивается с социализмом и даже большевизмом, хозяйственное банкротство которого приводится обязательно как классический аргумент против всякой непосредственно хозяйственной деятельности государства" (Лапинский). Такое же бешеное сопротивление оказывают в Англии угольные бароны идее национализации горной промышленности даже с выкупом. О Франции говорить нечего: там никто не думает об огосударствлении и никто не боится его. По теории же Бухарина выходит, что "прежнее сопротивление идеям "государственного социализма" (т.е. государственного капитализма) должно исчезнуть. Передача управления государственно-капиталистического треста формально независимому государству (мы говорим об экономическом регулировании с обеспечиванием твердого дохода) по существу не меняет дела. Зато она сулит и некоторые преимущества. Оппозиция "огосударствлению" идет сейчас лишь из рядов торгового капитализма, отраслей, значение которых убывает и посреднические функции которых становятся при непосредственном контроле государства излишними"⁵⁶.

По Бухарину, следовательно, финансовый капитал "должен" добровольно передавать государству управление хозяйством. Но финансовые магнаты на это не согласны, и в действительности частные монополии ведут ожесточенную борьбу против государственных и конкурируют с ними. Тем самым возникновение отдельных государственно-капиталистических предприятий не уменьшает анархии

и конкуренции, а, наоборот, увеличивает ее. К прежним противоречиям прибавляется новое противоречие и новый вид конкуренции: между частной монополией и государственной.

Если воспользоваться терминами, которые применяет проект программы в отношении "военного коммунизма" и "нэпа", то с большим основанием, чем о последних, можно сказать: военный социализм или, точнее, государственный капитализм как система не есть "нормальная" экономическая политика финансового капитала и еще меньше его хозяйственная форма. Известные под этими названиями попытки регулирования и планирования хозяйства при власти буржуазии в изолированной от мирового рынка Германии 1914-1918 гг. были вызваны условиями войны, носили временный характер -- не в смысле переходном, а в смысле эпизодическом -- и при исчезновении этих исключительных условий, созданных войной, уступили место "свободной хозяйственной деятельности" капиталистов, т.е. их неограниченному распоряжению благоприобретенной собственностью. Буржуазное государство не может отнять у буржуазии ее собственность или вести политику, систематически ограничивающую пользование ее. Существенные и длительные ограничения, а тем более уничтожение частной собственности, кладущее начало новому строю имущественных отношений, могут быть не результатом самопроизвольной экономической политики финансового капитала, а следствием классовой борьбы пролетариата. Вот почему Ленин считал возможным и необходимым выставлять государственно-капиталистические лозунги (принудительное синдицирование и рабочий контроль) на знамени борющегося за власть пролетариата.

Руководствуясь своей неправильной теорией, тов. Бухарин с самого 1917 г. и поныне восстает против переходных требований, неизбежно идущих в наше время по линии госкапитализма. Результатом этого, по-видимому, и является эклектическая и путаная формулировка в проекте программы К[оммунистического] И[нтернационала] вопроса о частичных лозунгах.

3. Тактика единого фронта и переходные лозунги коммунистов

а) Как решался этот вопрос Лениным и прежними конгрессами Коминтерна

В этом пункте я должен буду подвергнуть критике как формулировки нового проекта, так и формулировки проекта V конгресса. Но так как редакция "Правды"⁵⁷ заявила однажды⁵⁸, что проект, принятый V конгрессом в основу для дискуссии, был одобрен Лениным⁵⁹, тем самым ставя его вне дискуссии среди ленинцев, я должен начать с исторической справки, доказывающей неверность этого утверждения.

Программная комиссия была впервые образована на расширенном пленуме ИККИ в июне 1922 г. В работах этой комиссии вплоть до IV конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] тяжело больной Ленин участвовать не мог. Представленный тов. Бухариным проект программы не был одобрен ни программной комиссией, ни русской делегацией, ни IV конгрессом, и фигурировал как его "собственный" (см. его речь на IV конгрессе Коммунистического И[нтернационала]), в то время как другие проекты были

представлены национальными секциями. При рассмотрении его в комиссии возникли острые разногласия по вопросу о том, включать ли в программу тактику единого фронта и конкретизирующие его частичные лозунги: рабочее правительство, рабочий контроль и частичную конфискацию капиталистической собственности. Главными спорщиками были, с одной стороны, тов. Бухарин (против включения), с другой -- товарищи Радек и Варга (за включение). Тов. Бухарин вынес этот спор на пленум IV конгресса К[оммунистического]

И[нтернационала] (на котором впервые после долгой болезни присутствовал тов. Ленин), поставив вопрос в очень резкой форме:

"Некоторые товарищи утверждают, -- говорил Бухарин в своем докладе, -- что тактические вопросы, как, например, изъятие реальных ценностей в Германии, тактика единого фронта или вопрос о рабочем правительстве также должны быть разрешены в программе... Но я утверждаю, что стремление раз навсегда установить эти вопросы является ничем, как выражением оппортунистических наклонностей некоторых товарищей (смех)... Я буду бороться против этого всеми мерами. Мы никогда не позволим вносить такие пункты в программу. (Возглас Радека: кто это мы?) Мы, т.е. все лучшие элементы Коммунистического Интернационала (смех, аплодисменты)". (Стенографический отчет IV конгресса, с. 421 немецкого издания).

Не знаю, сводились ли "все лучшие элементы" IV конгресса к одной итальянской делегации, но кроме нее никто не поддержал Бухарина. Однако эта делегация дала своей поддержке такую мотивировку, что Бухарин счел нужным от нее отгородиться... Итальянцы, которые были тогда против тактики единого фронта, заявили, что вопрос о ее применении или неприменении есть дело национальных секций, и потому незачем включать эти вопросы в общую программу К[оммунистического] И[нтернационала].

Выступление тов. Бухарина создало такое положение, что русская делегация, обсудив вопрос, сочла необходимым огласить специальное заявление, подписанное товарищами Лениным, Троцким, Зиновьевым и Бухариным⁶⁰. В этом заявлении говорилось, что русская делегация на конгрессе "устанавливает единодушно, что выдвигание переходных требований в программах национальных секций, так же как их общая формулировка и теоретическое обоснование их в общей части программы, не может рассматриваться как оппортунизм" (там же, с. 542).

После этого конгресс принял резолюцию, предложенную тов. Зиновьевым от имени русской и ряда других делегаций, в которой говорилось:

"П. 3. В программах национальных секций должна быть ясно и энергично обоснована необходимость борьбы за переходные требования с соответствующими оговорками касательно зависимости этих требований от конкретных условий времени и места.

П. 4. Теоретическая основа для всех переходных и частичных требований должна быть дана в общей программе, причем IV конгресс решительно осуждает как попытки рисовать в виде оппортунизма введение переходных требований в программу, так

и попытки затушевывания коренных революционных задач и замены их частичными требованиями.

П. 5. В общей программе должны быть ясно очерчены основные исторические типы переходных требований тех или иных национальных секций, сообразно коренным различиям политической и экономической структуры различных стран, например, Англии, с одной стороны, Индии -- с другой и т. д."

После IV конгресса в сентябре 1923 года Коминтерн выдвинул лозунг Социалистических соединенных штатов Европы⁶¹ как необходимый внешнеполитический лозунг, который был затем включен в манифест V конгресса и утвержден последним. Но ни этот лозунг, ни выдвинутые раньше внутренние политические лозунги в проект программы не вошли.

Постановление IV конгресса не было выполнено при выработке проекта V конгресса. Туда были вставлены четыре строки, в которых говорилось, что "отказ от выдвигания частичных требований и переходных лозунгов несовместим с принципами коммунизма" и что "тактика единого фронта и лозунг рабоче-крестьянского правительства входит важнейшей составной частью в тактику компартии на весь предреволюционный период". Но во всем проекте нет и намек на попытку "ясного и энергичного" теоретического обоснования, конкретизации этих лозунгов и разбивки их по историческим типам стран, чего требовал IV конгресс. Внесенные сначала в бухаринский проект поправки в этом смысле были оттуда вычеркнуты при окончательном редактировании. Докладывая на V конгрессе об изменениях, внесенных в проект программной комиссией, Бухарин коротко заявил, как будто бы речь шла о чем-то второстепенном или бесспорном:

"Следующее более важное изменение сводится к известному сокращению тактико-стратегической части. Мы дали обоснование нашей стратегии: роль партии, общие основания, а также определение нашей тактической линии. Дальнейшее развитие тактики единого фронта и лозунга рабоче-крестьянского правительства мы вычеркнули" (Протоколы, с. 971).

Такое формальное и по существу пренебрежительное отношение к решениям IV конгресса стало возможным, во-первых, вследствие господствовавшего на V конгрессе скептицизма по отношению к тактике единого фронта в результате германских событий 1923 г., во-вторых, потому что Ленина уже не было в живых, а исход внутривнутрипартийной борьбы того времени лишил влияния на решения V конгресса инициаторов решения IV конгресса -- товарищей Радека, Троцкого, Тальгеймера и "до молчания" перепугал тов. Варгу.

Но об отношении Ленина к вопросу о частичных или переходных требованиях коммунистов до завоевания власти мы знаем не только по решениям IV конгресса и русской делегации на нем, но и по спору, который происходил по этому вопросу между Лениным и Бухариным в 1917 г. в связи с выработкой программы РКП. Ленин предложил проект коренных изменений программы-минимум, которые шли в направлении большей демократизации государства и включения в программу

государственно-капиталистических требований (контроль над производством, национализация банков, синдикатов и т.п.), Бухарин выступил против этого с "кажущимся радикальным", по словам Ленина, предложением: удалить вовсе программу-минимум, еще до свержения власти буржуазии.

Возражая Бухарину, Ленин писал, что "смешно выкидывать программу-минимум, которая необходима, пока мы еще живем в рамках буржуазного строя, пока мы еще этих рамок не разрушили, основного для перехода к социализму не осуществили, врага (буржуазию) не разбили и, разбив, не уничтожили" (т. XIV, 22, с. 465-66).

Спор был решен тем, что русский пролетариат завоевал власть, благодаря чему стало необходимым составление программы государственных мероприятий для перехода к социализму вместо программы переходных лозунгов в борьбе за власть и конечную цель. Бухарин, однако, считал это за победу своей точки зрения над ленинской и отмечал на Седьмом съезде РКП, что вот-де Ленин оказался вынужденным согласиться с его предложением и уничтожить деление программы на максимум и минимум. Этим, по-видимому, и объясняется то, что из двух вопросов (об анализе ранних стадий капитализма и про-грамме-минимум), по которым он спорил против Ленина при выработке программы РКП, он не решился при выработке программы К[оммунистического] И[нтернационала] поднять снова вопрос о развитии раннего капитализма в наше время (подняв его в теперешнем проекте) и в то же время с очень большой (сначала) решительностью выдвинул вопрос о программе-минимум или, по позднейшей терминологии, программе частичных требований.

б) "Программа действий" нового проекта и вопрос о содержании нашей работы в профсоюзах

Как решает новый проект эти жизненной важности вопросы нашей эпохи между двумя революциями? Какие лозунги борьбы выдвигает он перед компартиями Запада на весь предреволюционный период, который и при благоприятных условиях будет длиться ряд лет? Посвященная этому вопросу последняя глава нового проекта ("Путь к диктатуре") разрослась в три-четыре раза против прежнего. Она получила громкое заглавие "Стратегия и тактика К[оммунистического] И[нтернационала]". Тем самым вопросы тактики как будто получают законное место в программе, в то время как на IV конгрессе тов. Бухарин не хотел их пускать в это "святилище". Но что мы находим на тех четырнадцати страницах, которые следуют за этим заголовком?

Первая треть посвящена (в плохое подражание Коммунистическому манифесту Маркса-Энгельса) абсолютно бесполезным для определения нашей тактики характеристикам анархизма⁰⁴, синдикализма⁶³, конструктивного и гильдейского социализма, суньятсенизма, гандизма и социал-демократии. Свободной характеристики последней и нашей тактики в отношении ее нет. Зато не забыты и заботливо перечислены давно уже почившие старички (политически умершие еще при жизни) Кропоткин⁶⁴, Жан Грав⁶⁵, Корнелисен⁶⁶ и плодящие много литературы, но абсолютно лишённые влияния в рабочем классе Пенти⁶⁷,

Оранжев⁶⁸, Гобсон⁶⁹, Коул⁷⁰ и т. п. Вторая треть главы занята общими местами вроде того, что в тактике надо учитывать внутреннюю и внешнюю обстановку и т. п. Наконец, добираемся до одной единственной 82-й странички, на которой речь идет о лозунгах для компартии на ближайшие годы, и там читаем:

"При отсутствии революционного подъема коммунистические партии должны, исходя из повседневных нужд трудящихся, выставлять частичные требования и лозунги, развивая их и увязывая их с коренными задачами К[оммунистического] И[нтернационала]. Отказ от частичных требований и переходных лозунгов не совместим с тактическими принципами коммунизма, ибо он на деле обрекает партию на пассивность и отрывает ее от масс. При этом тактика единого фронта входит важнейшей составной частью в тактику компартий на весь предреволюционный период.

К числу частичных требований и лозунгов относятся: в области рабочего вопроса в узком смысле слова -- вопросы экономической борьбы (борьбы против наступления трестифицированного капитала, вопросы заработной платы, рабочего дня, принудительных третейских судов, безработицы), переходящие в вопросы общеполитической борьбы (крупные промышленные конфликты, право союзов и стачек, политические права профсоюзов).

Далее следуют уже вопросы, имеющие непосредственно политический характер (налоги, дороговизна, фашизм, преследование революционных партий, белый террор, вопросы текущей политики правительства вообще)".

Затем идет такая же номенклатура самых разнообразных вещей под видом частичных лозунгов в области мировой политики и крестьянского вопроса. Среди первых отсутствует выдвинутый в сентябре 1923 года и подтвержденный V конгрессом лозунг Социалистических соединенных штатов Европы. В связи со вторым вопросом упоминается лозунг рабоче-крестьянского правительства, как будто это есть специфически крестьянское требование. Но и тут этот лозунг только упоминается без малейшей попытки теоретического обоснования, конкретизации его содержания, указания на условия его осуществления в разных по типу странах, что считал столь необходимым IV конгресс К[оммунистического] И[нтернационала]. Нет и попытки определить сущность всей тактики единого фронта и форм ее применения в разных странах. Все это предоставляется предусмотрению "практиков", т.е. эмпирики, и ни единой попытки теоретического обобщения практического опыта, который накопился за семь лет применения тактики единого фронта, нет во всем этом выросшем до громадных размеров проекте программы. А между тем именно на правильной программе действий будет испытываться в течение ближайших лет жизнь и дееспособность всех компартий капиталистических стран.

"Программа действий", которая дана в проекте программы К[оммунистического] И[нтернационала], есть что угодно, только не программа: во-первых, там нет совсем лозунгов, а есть перечисление вопросов, по которым надлежит выдвигать лозунги; во-вторых, перечисленные вопросы подобраны так, что среди них нет ни единого принципиально затрагивающего капиталистическую

частную собственность и прямо или косвенно затрагивающего господство финансового капитала в современном буржуазном государстве; тем самым, в-третьих, эта "программа действий" К[оммунистического] И[нтернационала] не выходит за рамки старой социал-демократической программы-минимум и отличается от последней только полной неопределенностью и расплывчатостью формулировок. Ибо в старой социал-демократической программе-минимум ясно и точно говорилось: требовать замены косвенных налогов прямым, отмены налогов на зарплату, восьмичасового рабочего дня, установления государственного минимума зарплаты и т. д. А в только что цитированной "программе действий" говорится вообще, что "к числу частичных требований и лозунгов относятся... борьба против капитала... вопросы заработной платы... рабочего дня... безработицы... право союзов и стачек... политические права профсоюзов, налоги, дороговизна, фашизм... белый террор... вопросы текущей политики..." Нет даже никакой попытки провести грань между нашими переходными требованиями и реформистскими требованиями современной социал-демократии⁷¹. А мы ведь отличаемся от последней "не только лозунгом диктатуры и советской власти, но и нашими переходными требованиями. В то время как требования всех социал-демократических партий рассчитаны на осуществление не только на почве капитализма, но именно путем его преобразования, наши переходные требования служат борьбе за завоевание власти пролетариатом, за сокрушение капитализма. Это должно найти выражение в нашей переходной программе" (К. Радек. Пять лет К[оммунистическому] И[нтернационалу], часть II, с. 175).

Почему стала возможной такая вещь? Потому что автор проекта программы как огня боится госкапиталистических лозунгов рабочего контроля и огосударствления трестов или отдельных отраслей промышленности. Потому что тов. Бухарин, руководясь своей теорией госкапитализма, как и в 1917-1918 гг., считает госкапитализм при всех условиях "злом" для пролетариата и "благом" для финансового капитала и служащей ему социал-демократии. В уже цитированной речи на XV партсъезде тов. Бухарин говорил, возражая тов. Лозовскому, защищавшему лозунг национализации отдельных отраслей промышленности:

Ни национализация для капиталистических стран, ни передача от частных капиталистов в руки государства, ни лозунг рабочего контроля, ни весь этот комплекс государственно-капиталистических лозунгов не- приемлемы с точки зрения Коминтерна.

На указание тов. Лозовского, что фактически английская компартия в течение ряда лет ведет борьбу под лозунгом национализации горной и др[угих отраслей] промышленности на условиях конфискации, противопоставляя этот лозунг агитации рабочей партии за национализацию с выкупом, тов. Бухарин отвечает с присущим ему пренебрежением к практическому опыту: "Второй аргумент⁷² тов. Лозовского заключался просто в ссылке на практику... Для Англии было сделано известное исключение, именно потому, что это был лозунг, который имел сильные традиции и на котором фактически уже

шла борьба".

Но едва через месяц после XV съезда французская комфракция Палаты депутатов выдвинула (на основании решений партийной конференции 1928 г.) требование конфискации трестов во Франции, и это требование стало одним из лозунгов предвыборной борьбы французской коммунистической партии. Надо думать, что, так как за это требование уже шла борьба и начала складываться традиция, тов. Бухарин согласится сделать исключение для Франции. Затем, если немецкие товарищи сумеют сделать то же у себя, исключение будет допущено и для Германии. Но где же будет "сфера действия" этой эклектической и беспринципной теории, если практика будет отвоевывать у нее, под видом исключений, одну за другой страны развитого капитализма?

Вопрос о лозунгах в предреволюционный период упирается в вопрос о содержании работы коммунистов в реакционных профсоюзах. На XV партсъезде тов. Бухарин правильно признал, что "у нас в ряде коммунистических партий есть не только недостаток, что мы все еще плохо работаем в профсоюзах, но очень часто есть и тот недостаток, что неизвестно, в чем должна состоять коммунистическая работа в профсоюзах, неизвестно, что здесь нужно выдвинуть на первый план, что взять осью для этой работы в реакционных профсоюзах".

Какую же ось "дает этой работе" цитированная программа действий? Комментарием к ней могут служить слова тов. Бухарина в той же речи на XV партсъезде. Мы должны бороться в профсоюзах, говорил он, "за наиболее острую постановку вопроса о зарплате, за наиболее острую постановку вопроса о рабочем дне, за обострение стачечной борьбы против всяких тенденций промышленного мира..."

Этот комментарий Бухарина низводит нашу агитацию в профсоюзах до уровня того анекдотического диалога двух рабочих, который передавали в Германии по поводу той роли, которую играла компартия Германии в забастовочной волне начала этого года:

"Вопрос: Чем отличаются коммунисты от социал-демократов?"

Ответ: Пятью пфеннигами; они всегда требуют на пять пфеннигов больше, чем социал-демократы, в качестве прибавки к часовой зарплате".

Или, иными словами: прибавьте к каждому социал-демократическому требованию слова "наиболее острую постановку" и вы получите бухаринскую программу действий, изложенную в проекте программы К[оммунистического] И[нтернационала]. И тов. Бухарин, по-видимому, совершенно искренне думает, во всяком случае, всерьез доказывает, что эта его "программа действий" -- коммунистическая, а лозунг огосударствления трестов на основе конфискации, при рабочем контроле и развертывании борьбы в массах за рабоче-крестьянское правительство и международный лозунг Социалистических соединенных штатов Европы -- это оппортунистические и социал-демократические требования. Вот до какой слепоты можно прийти, отстаивая теорию, ложность которой доказана и в партийных дискуссиях, и фактическим историческим развитием.

4. Переход к революционной тактике борьбы за власть

а) Опасности тактики и лозунгов единого фронта

Тов. Бухарин обычно не вспоминает об отношении Ленина к вопросу о пропаганде этих лозунгов при нереволуционной обстановке. Умалчивает он и о том факте, что Ленин именно такие требования включил в 1917 г. в программу-минимум, которую он составлял на случай, "если мы не победим или будем отброшены назад", как писал Ленин в полемике против Бухарина. Но тов. Бухарин нашел в решениях III конгресса⁷³ одну цитату, которую он привел в защиту своего взгляда. Речь идет о том месте резолюции, принятой III конгрессом по докладу тов. Радека, где говорится:

"Выставляемое центристскими партиями требование социализации или национализации важнейших отраслей промышленности без победы над буржуазией является обманом народных масс".

Но то же самое приходится сказать и о всяком другом коренном требовании -- лозунге "рабоче-крестьянское правительство", в первую очередь: без подчеркивания необходимости победы над буржуазией этот лозунг стал бы контрреволюционным обманом масс и псевдонимом коалиционного правительства с буржуазией. Но отсюда вытекает для коммунистов не отказ от этого лозунга, а подчеркивание в нашей агитации того положения, что условием его осуществления является победоносная, внепарламентская борьба масс против буржуазии.

Вообще же искать в резолюциях III конгресса ответ на вопрос о том, как конкретизировать тактику единого фронта, значит деградировать на семь лет, подвергнуть ревизии решения последующих конгрессов -- прежде всего IV -- и снова опуститься на тот уровень, на котором находились тов. Бухарин и все ультралевое большинство III конгресса в отношении понимания вопросов массовой борьбы.

Тов. Бухарин говорит о III конгрессе, что его "можно обвинить в чем угодно, только не в излишнем радикализме". Этими словами Бухарин, занимавший на конгрессе ура-левую позицию, намеком говорит то, что многие делегаты тогда открыто высказывали: Ленин и Троцкий идут вправо и навязывают конгрессу правые резолюции (см., например, речь Микалека⁷⁴, польского делегата, в протоколах конгресса, с. 522, немецкое издание) и речь Роланд-Голст⁷⁵ (с. 347). На самом же деле, на конгрессе преобладали именно "лево-радикальные" настроения; делегаты были в большинстве сторонниками "теории непрерывного наступления" пролетариата, что не могло не отразиться на резолюциях, несмотря на всю решительность, с которой Ленин и Троцкий боролись против этого.

В дискуссии по докладу и тезисам тов. Радека, на которые ссылается тов. Бухарин, прения велись еще в плоскости вопроса о том, нужно ли компартиям до перехода к борьбе за власть завоевать на свою сторону большинство рабочего класса... Поправки в этом смысле, ослабляющие тезисы Радека, были внесены от имени трех делегаций (немецкой, итальянской и австрийской), по требованию которых тов. Террачини⁷⁶ получил час времени для обоснования. Эти поправки были поддержаны еще четырьмя делегациями (венгерской, польской,

немецкой, частью чехословацкой и делегацией интернациональной молодежи)⁷⁷, несмотря на исключительно резкие выступления товарищей Ленина и Троцкого против этих поправок. Из значительных европейских партий поправки не были поддержаны только чешской и английской делегациями, которые считались на конгрессе заведомо оппортунистическими. Тов. Ленин считался в начале конгресса с возможностью остаться в меньшинстве и вынужден был поэтому делать некоторые уступки настроениям большинства. Начиная свою речь (являющуюся самой острополемиической из всех речей, какие Ленин когда-либо произносил на конгрессах К[оммунистического] И[нтернационала]), он прямо заявил, что тезисы являются результатом компромисса, что он поэтому связан дисциплиной и вынужден, "к сожалению", ограничиться защитой тезисов, вместо того чтобы перейти от обороны к наступлению. То же самое указание находим и в речи Троцкого (см. Протоколы III конгресса К[оммунистического] И[нтернационала]; Ленин, т. XVI; Троцкий. 5 лет Коминтерна).

На III конгрессе в июне (1921 г.) еще только проводился поворот к тактике борьбы "за массы". самого термина и лозунга "единый фронт" еще не было. Последний был дан только декабрьским (1921 г.) расширенным пленумом ИККИ⁷⁸. Тем не менее мы находим уже в тезисах, принятых по докладу Радека о тактике, лозунг рабочего контроля. И, вопреки толкованию Бухарина, лозунг этот давался не на будущие времена, когда снова наступит революционная ситуация, а на время, ей предшествующее и ее подготовляющее. Это был первый камень в построении тактики единого фронта.

Возражение, которое приводит Бухарин специально против этого лозунга, что в период, предшествующий революционной ситуации, этот классовый по существу лозунг может стать прикрытием для классового сотрудничества, верно только в том случае, если его оторвать от лозунгов борьбы за власть и за овладение производством (рабоче-крестьянское правительство и огосударствление трестов), а эти последние от массовой борьбы. В соединении же с ними он является составной частью переходной программы действий, увязывающей нашу агитацию на почве мелких нужд рабочих с пропагандой идеи пролетарской диктатуры на примерах повседневной и каждодневной борьбы во весь предшествующий революции период. Ибо на Западе понадобится больше времени для внедрения идеи социализма в развращенное реформистами сознание рабочих масс, чем это потребовалось у нас в 1917 г. в условиях безвыходной нужды, созданной для рабочих военным разорением.

Может быть, еще один "классический" довод против этих лозунгов, приводившийся по многим другим случаям (лозунга разоружения, самоопределения наций и пр.): ведь эти требования до пролетарской диктатуры не осуществимы, а при ней -- недостаточны. Зачем же они нужны? На это можно ответить словами Ленина в письме к А. М. Коллонтай⁷⁹ (Ленинский сборник, т. II, с. 233) в связи с лозунгом "вооружения народа": "Осуществимо ли? Критерий такой не верен. Без революции вся почти программа-минимум неосуществима. Осуществимость в такой обстановке собьется на мещанство". Важно не то,

осуществим ли лозунг при капитализме или нет, а лежит ли он по линии исторической борьбы пролетариата и мобилизует ли он массы на борьбу против капитализма. Или, как писал Ленин по другому поводу:

"Требование немедленного освобождения колоний, выдвигаемое всеми революционными социал-демократами, тоже неосуществимо при капитализме без ряда революций. Но из этого вытекает отнюдь не отказ от немедленной и решительной борьбы за все эти требования, такой отказ был бы лишь на руку буржуазии и реакции, а как раз наоборот, необходимость формулировать и проводить все эти требования не реформистски, а революционно, не ограничиваясь рамками буржуазной легальности, а ломая их..." (Ленин, т. XIX, с. 170).

Суть дела вовсе не в том, чтобы бояться пропагандировать в неревolutionной обстановке революционные лозунги, а в том, чтобы правильно оценить и не пропустить момента перехода одних "мирных" средств борьбы за эти лозунги к другим, революционным, от тактики накопления сил к тактике восстания.

Исторический опыт русского пролетариата, позднейший -- английского и новейший -- французского доказывают, что лозунги рабоче-крестьянского правительства, огосударствления трестов и рабочего контроля способны мобилизовать массы на борьбу против финансового капитала. Все больше надвигающаяся при стабилизации опасность войны, так же как и дискредитирование и развал Лиги Наций, делает необходимым еще более, чем в 1923 -- 1924 гг., противопоставить ей лозунг Социалистических соединенных штатов Европы. Теоретический анализ показывает, что эти требования лежат по линии исторической борьбы пролетариата за его конечную цель. Но в проекте программы для всех этих лозунгов не нашлось места. Причиной этого, помимо ложной теории о тенденции к национализации хозяйств, самоорганизации в национальных рамках империализма и, как увидим дальше, и социализма (в другой форме) является полное игнорирование исторического опыта и практики борьбы коммунистических партий за последние годы. Отсюда и бессодержательная, по существу крохоборческая, программа действий для западных компартий, предоставляющая эмпиризму решать от случая к случаю самые важные вопросы тактики в предреволюционный период. А между тем у нас есть уже достаточный опыт не только по части того, как и когда применять единый фронт, но и как и когда не следует его применять (сохранение Англо-русского комитета после всеобщей стачки и предательства Генсовета⁸⁰, так же как и опыт единого фронта в Германии в 1923 году).

б) Немецкий и английский опыт единого фронта при революционной обстановке

Это игнорирование опыта авторами проекта относится не только к "мелкому опыту" тактики единого фронта в неревolutionной обстановке, но и к "крупным" немногим, но исключительно важным случаям практической борьбы компартий в условиях революционной ситуации. За последние пять лет мы имели ряд

крупнейших всемирно исторического значения событий, в которых коммунистические партии оказались не на высоте выпавших на них исторических задач; в соответствующих резолюциях Коминтерна было признано, что в Болгарии⁸¹ и Германии (1923) руководители коммунистического движения упустили революционные ситуации; в Англии (в 1926) и в Китае (в 1927 г.) коммунистические руководства действовали объективно против логики революционного развития и стали сначала орудием, а потом жертвой буржуазных палачей (Чан Кайши, Ван Цзиньвэй) и агентов империализма (Томаса, Персея), исключавших теперь коммунистов и их сторонников из профсоюзов; в Эстонии (в 1924) и в Кантоне (в конце 1927 г.) компартии, как бы стремясь наверстать упущенное ранее, подымали восстания без надлежащей политической и организационной подготовки, без наличия необходимого революционного брожения, без Советов, как органа восстания, действуя тем самым в разрез с объективным ходом развития, и снова терпели поражения. В свое время (о Китае, в частности Кантоне, совсем недавно) обо всем этом собирался материал, организовывались конференции для подведения итогов и учета опыта. В проекте программы нет и следа всего этого. А ведь здесь именно и должен быть тщательно обобщен и учтен опыт нашей борьбы за власть, при каких бы обстоятельствах эта борьба ни возникла и чем бы ни вызывались наши поражения.

Какие же уроки дали указанные поражения? В Германии коммунисты не учли заблаговременно (с оккупацией Рура⁸² в январе 1923 г.) сложившейся революционной ситуации, благоприятной для перехода от тактики накопления сил к тактике борьбы за власть. Но урок событий в Германии в 1923 г. сверх того сводится к тому, что тактика единого фронта годится при подготовке борьбы за власть, но не при самой этой борьбе. Несвоевременная оценка сложившейся в Германии революционной ситуации с начала 1923 г. усугубилась тем, что даже тогда, когда (с августа месяца) революционное массовое движение развернулось, компартия продолжала цепляться за единый фронт с социал-демократами, задача которых заключается в такие моменты в торможении массового движения. Компартия не поняла, что нужно выбирать момент, когда станет необходимым порвать с тактикой единого фронта и самой, одной взять на себя руководство массовым движением. В основном этот же урок -- о необходимости уловить момент, когда коммунисты должны решительно и быстро порвать единый фронт с социал-демократами -- история повторила в 1926 г. в вопросе об Англо-русском комитете. Потому что первый немецкий урок нам, по-видимому, не пошел в прок, АРК был активизирующим массы средством до тех пор, пока не было широкого массового движения. Как только в мае 1926 г. последнее мощно развернулось, шедшие до тех пор налево центристы из Генсовета неминуемо должны были пойти вправо, на попятную, сдавая и предавая позиции пролетариата. И столь же неминуемым стал разрыв Англо-русского комитета, так же как и раскол и борьба оппортунистического и революционного крыла внутри английского рабочего движения. Вместо этого коммунистами была выдвинута теория, что они ни в каком случае не должны рвать с

оппортунистами, а всегда предоставлять последним инициативу разрыва. Это, мол, их разоблачит перед массами...

Генсоветчики великолепно использовали эту якобы коммунистическую тактику, сохранили АРК до тех пор, пока им нужно было за его спиной скрыться перед массами, ослабили тем временем левое крыло внутри английского рабочего движения и, наконец, выбрали наиболее удобный для себя момент, чтобы порвать с АРК по совершенно издевательскому поводу (расстрел 20 белогвардейцев). Этих двух событий -- германского 1923 г. и английского 1924 г.-- достаточно, чтобы программа К[оммуни-стического] И[нтернационала] не ограничивалась простым упоминанием тактики единого фронта, а ясно и категорически определила ее, и указать ее пределы, т. е. что, как только разворачивается революционное массовое движение, необходимо рвать единый фронт с социал-демократами, поворачивать фронт против них и вырывать у них руководство движением. Все искусство коммунистов в применении этой тактики сводится, следовательно, к тому, чтобы при разворачивании массового движения выбрать момент для того, чтобы по своей инициативе порвать с оппортунистами и отшить от руководства движением. Если этот урок не будет программно закреплён, то тактика единого фронта явится для нас источником новых поражений как раз в решающие моменты революционной борьбы.

Помимо этого общего урока, который только подтвердили великие английские стачки 1926 г., из последних надо сделать еще один вывод специально для английского рабочего движения и для английской компартии -- вывод, на который толкает опыт английской компартии, но который до сих пор сознательно не сделан: английские стачки мая 1926 г. сыграли для английской рабочей партии ту же роль, что начало империалистической войны для германской социал-демократии. Они сделали неизбежным ее раскол на революционное и оппортунистическое крыло. Но тогда как во время войны Ленин требовал, чтобы левое крыло брало на себя инициативу раскола социал-демократических партий, в Англии коммунисты предоставили инициативу раскола оппортунистам, поставив себе целью избежать неизбежного. Это привело к жалким попыткам коммунистов крадучись остаться в английской рабочей партии, когда их беспощадно изгоняли оттуда и когда (как писал тов. Мерфи в своей статье в No 2 "Большевика" за 1928 г.) никто из коммунистов не надеется при каких бы то ни было условиях отвоевать руководство [в] А[нглийской] р[абочей] п[артии]83.

IX пленум ИККИ в своей резолюции по английскому вопросу высказался против выхода английской компартии из АРК по тем соображениям, что последняя еще не стала целиком похожей по своей организационной структуре на социал-демократическую партию континента. Если бы всерьез придерживаться этого довода, то компартия могла бы навеки остаться на задворках А[нглийской] р[абочей] п[артии] и никогда не выходить из нее. Ибо, исключая коммунистов и их сторонников из своей среды, А[нглийская] р[абочая] п[артия] вовсе не уничтожает принципа коллективного членства и вовсе, следовательно, не приближается в основном по своей организационной структуре к

социал-демократической партии континента. Макдональдам и Томасам это и не требуется. Исторический опыт показал, что "коллективное членство" является наилучшим средством политического одурачивания масс и бесконтрольного хозяйничанья Макдональдсе и Гендерсонов. Что же касается свободы течений, то Макдональды охотно будут терпеть внутри А[нглийской] р[абочей] п[артии] либералов и даже консерваторов, беспощадно изгоняя оттуда революционных рабочих.

Однако простой выход коммунистов из А[нглийской] р[абочей] п[артии] вопроса не решает. Во-первых, потому что они все равно уже исключены из нее и потому их "выход" был бы простой декларацией. Во-вторых, и это самое важное: Макдональды исключат из А[нглийской] р[абочей] п[артии] не одних только коммунистов, но и поддерживающих их революционных рабочих, целые местные организации рабочей партии, находящиеся в оппозиции к ее руководству. Куда деваться этим многочисленным элементам, которые, по английским условиям, не войдут на основе индивидуального членства в а[нглийскую] к[ом]п[артию]? Чтобы они не были вынуждены капитулировать перед руководством А[нглийской] р[абочей] п[артии] или организованно расплыться, необходимо для них создать на основе того же коллективного членства особую организацию с коммунистическим руководством. Тов. Мерфи делал такое предложение в своих выступлениях в Англии (см., между прочим, его статью в теоретическом органе английской компартии "Коммунист" No 3). На него немедленно обрушились как на представителя опасного уклона. В комиссии IX пленума ИККИ84 (см. сборник "Новая тактика английской компартии") Беннет (под этим благозвучным английским именем, как известно, выступает русский коммунист, бывший бундовец) обвинил Мерфи в пессимизме и неверии в английскую компартию. Опровергать этот штампованный довод всех безыдейных пошляков, разумеется, невозможно.

Тов. Пейдж Арнот возражал Мерфи, выдвигал то соображение, что это будет новым средостением между компартией и рабочими массами. На самом же деле при организации, руководимой коммунистами, речь может идти не о новом средостении, а о новом "приводном ремне", обусловленном историческими условиями развития английского рабочего класса. Создание такой организации на основе коллективного членства под коммунистическим руководством решило бы самым лучшим образом трудный вопрос об оплате профсоюзами политических взносов. Коммунисты должны были бы развернуть в массах широкую кампанию за уплату этих взносов новой организации, которая могла бы называться Рабочая партия и противопоставлять себя по всей линии старой Лейбористской партии, борясь с ней за влияние на массы. До тех пор пока левые элементы оставались внутри Лейбористской партии, достаточной организационной формой для них было объединение "левого крыла", которое было, по существу дела, фракцией, боровшейся внутри Лейбористской партии за руководство ею. Но после исключения, после того как стачки 1926 г. создали обстановку, при которой все признают безнадежным отвоение левым крылом руководства Лейбористской партии у Макдональда и Гендерсонов, эта фракционная организация стала

недостаточной. Необходимо превращение этой исключенной фракции в самостоятельную партийную организацию, противопоставляющую себя по всем вопросам Лейбористской партии. Если нельзя бороться за отвоение руководства изнутри последней, надо бороться извне за отвоение у нее масс.

в) Борьба пролетариата за власть в колониальных странах. Роль буржуазии

Тактика коммунистов в колониальных странах характеризуется проектом программы в менее определенных выражениях и более туманными алгебраическими формулами, чем это было сделано в резолюции II конгресса Коммунистического [Интернационала] в 1920 г., когда еще не было опыта борьбы в Турции, Египте, Индии, Китае, одинаково демонстрировавших, как мало революционна туземная буржуазия, якобы призванная бороться против империализма. По развиваемой с прошлого года теории товарищей Бухарина и Мартынова, колониальная буржуазия должна быть более революционной, чем то была русская либеральная буржуазия: последняя, мол, сама была империалистической, в то время как в колониях буржуазия страдала от империализма. На этой формально логической конструкции основывались все доказательства недопустимости аналогии китайской и русской революции. В действительности же роль колониальной буржуазии в борьбе с империализмом была совершенно аналогичной роли русской буржуазии в борьбе с самодержавием, только что игра в революцию у колониальной буржуазии была более кратковременной, чем у русской буржуазии. Факт этот легко объясним: у империализма было больше политических и экономических средств для подкупа и приручения туземной буржуазии, чем было в распоряжении самодержавия для русской буржуазии; в то же время колониальная буржуазия, экономически более отстала, политически слабее, ее страх перед пролетарскими и полупролетарскими массами сильнее, чем он был у русской буржуазии. Отсюда и ее большая готовность идти на мировую с "угнетающим ее империализмом".

Учитывая это обстоятельство, резолюция II конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] была составлена в духе недоверия к революционному движению буржуазии и как в части тезисов, написанных Лениным, так и в "дополнительных тезисах", написанных Роем85, содержала специальные пункты, указывавшие категорически на стоящие перед пролетариатом "задачи борьбы с буржуазно-демократическими движениями их наций" (п. 11д). В пункте 7 "дополнительных тезисов" говорилось:

"Можно отметить существование двух движений, удаляющихся друг от друга с каждым днем. Одним из них является буржуазно-демократическое националистическое движение, которое преследует программу политической независимости при капиталистическом строе; другое -- борьба бедных и темных крестьян за свое освобождение от какой бы то ни было эксплуатации. Первое движение пытается "контролировать" второе, причем часто с успехом; но Коммунистический Интернационал должен бороться против подобного контроля и способствовать развитию классового сознания в рабочих массах колоний. Таким образом, первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма. Но самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации рабочих и крестьян, для того чтобы

можно было их вести с собою к революции и основанию советской республики".

Вместо этой более или менее ясной характеристики колониальной буржуазии, как все более удаляющейся от революции и стремящейся наложить узду на революционное движение, а также вытекающих отсюда для пролетариата задач борьбы за власть, новый проект программы дает такую туманную алгебраическую формулу (с. 83):

"В колониях и полуколониях, где рабочий класс играет более или менее значительную роль и где буржуазия либо уже перешла в лагерь открытой контрреволюции, либо переходит туда ввиду развертывания массового крестьянского движения, коммунистические партии должны держать курс на гегемонию пролетариата, на диктатуру пролетариата и крестьянства, которая перерастает в диктатуру рабочего класса".

Расслоение революционной мелкой буржуазии

Помимо уклонения от точного указания на очень ограниченную революционность колониальной буржуазии, приведенная цитата игнорирует самое важное. Основное в том, что дал опыт китайской (и русской) революции в отношении определения роли мелкой буржуазии на разных этапах революции. Не только буржуазия отходит от революции с обострением борьбы и расширением массового движения, но и в лагере мелкой буржуазии наступает расслоение, и часть ее под давлением империализма и из боязни перед пролетариатом отходит от революции. Так было в России после Февральской революции, когда раньше революционная партия эсеров завершила свой начавшийся с войною переход на сторону буржуазии. К этому же сводится главное содержание китайских событий 1927 г. Ибо поворот крупной буржуазии от революции начался еще в 1925 г. после шанхайских событий и нашел свое выражение в перевороте, произведенном Чан Кайши внутри Гоминьдана в марте 1926 г. (удаление Ван Цзиньвэя и ограничение свободы коммунистов). Основное же содержание событий лета 1927 г. сводится к отходу от революции значительной части ранее революционного крыла мелкой буржуазии, проявившемся в крахе левого Гоминьдана. Во всем проекте программы нет и малейшего упоминания этого основного факта и следующих из него выводов для нашей тактики.

Смена демократического лозунга социалистическим

Игнорируя процесс расслоения революционной мелкой буржуазии в ходе революции, авторы проекта программы вынуждены точно так же обойти молчанием важнейший вопрос о том, какой момент надо признать решающим для смены лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на лозунг диктатуры рабочего класса, опирающегося на крестьянство. Как известно, этот вопрос вызвал горячие споры в 1917 г. среди большевиков и является в настоящее время предметом споров среди китайских коммунистов. Но авторы проекта программы остаются верными себе, заполняют проект публицистикой худшего сорта, тщательно обходя поставленные жизнью трудные принципиальные вопросы и избегая даже указания на то, в зависимости от каких

лозунгов решается этот вопрос о перерастании революции и смене лозунгов.

На примере Китая мы видим, что при большей экономической отсталости колоний переход революционных партий мелкой буржуазии в лагерь контрреволюции наступает еще до победы национально-демократической революции. Соответственно этому, продолжение и завершение этой последней возможно только при соответственном возрастании руководящей роли и значения революционной партии пролетариата в деле подготовки революции, проведения восстания и осуществления революционных мероприятий, не ограничивающихся строго буржуазно-демократическими рамками. Выражением этого нового этапа революции является лозунг диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство.

Начало нового этапа в отличие от русской революции наступило в Китае сейчас же после поражения революции на первом этапе. Как в русской революции, так и в колониальных движениях наступление нового этапа не означает, что отпала задача вовлечения крестьянства в революцию, организации его для восстания, а также быстрого и решительного проведения его требований в день победы революции. Наоборот, если на первом этапе революции сотрудничество обоих классов достигается путем блока партии революционного пролетариата с революционной партией мелкой буржуазии, то на новом этапе с отходом эсеров или левого Гоминьдана от революции революционный пролетариат в лице своего авангарда -- компартии -- должен сам организовать революционное крестьянство, непосредственно на него опираться и руководить экспроприацией помещичьей собственности, не отказываясь также от необходимых в условиях борьбы социалистических мер. Этот лозунг означает: компартия, не надейся больше на другие партии, сама организуй крестьянство, веди его на борьбу, просвещай его, указывай ему путь. Это есть не забвение крестьянства и перепрыгивание через него, а теснейшая непосредственная связь с ним.

Гегемония и диктатура пролетариата, меньшевизм и большевизм

В отношении цели, к которой компартия должна стремиться, в проекте программы сказано:

"Пропагандировать самостоятельность пролетариата, как класса, его принципиальную враждебность буржуазии, причем эта враждебность отнюдь не уничтожается возможностью временных соглашений с ней; всемерно развивать и прививать массам идею гегемонии рабочего класса, выставляя и в настоящий момент проводя в жизнь лозунг организации Советов рабочих и крестьянских депутатов" (с. 84).

Итак, идею гегемонии рабочего класса -- вот какую конечную цель должна пропагандировать коммунистическая партия. И на протяжении всей программы не указана необходимость хотя бы пропагандировать идею пролетарской диктатуры, если уж не делать ее боевым лозунгом агитации. Но надо сказать, что и в повседневной агитации, в Китае например, идея гегемонии уже недостаточна в настоящей стадии революции.

На первом этапе революции, когда партия мелкой буржуазии выполняет еще

революционную роль, идея гегемонии пролетариата в демократической революции, противопоставляемая идее буржуазно-либерального руководства силами революции, служит для проведения разграничительной черты между большевизмом и меньшевизмом. С переходом революции новый этап гегемонии перестает выполнять эту роль. В России с 1917 г. меньшевики не отрицали пролетарской гегемонии в революционной борьбе, требуя только, чтобы пролетариат не претендовал на завоевание власти и руководства ею. В 1918 г. меньшевик Мартынов писал в ц[ентральном] о[ргане] меньшевиков "Рабочий Интернационал" (№ 3 -- 4 за 1918 г.), что автором идеи пролетарской гегемонии был патриарх меньшевизма Аксельрод, который развивал ее еще в 90-х годах, когда он предполагал, что от революции нас отделяет еще долгий промежуток времени:

"Этим обстоятельством, полагал он (Аксельрод), русская социал-демократия может и должна воспользоваться, для того чтобы постепенно возвысить пролетариат до роли гегемона в нашей буржуазной революции, т. е. сделать его способным, избегая изоляции от союзников, которая накануне буржуазной революции преждевременна и опасна, сознательно поддерживать борьбу одних союзников, прямо ведя за собою других (наиболее демократических)..."

Это толкование гегемонии как сознательной поддержки "других" классов (т. е. буржуазии) Мартынов, уже будучи членом ВКП, повторил в своей знаменитой статье о китайской революции, напечатанной в прошлом году в "Правде". Опираясь на постановление VII пленума ИККИ, Мартынов писал, что пролетариат не должен завоевывать "гегемонии" в борьбе за власть против либеральной буржуазии, а в союзе с нею: "То, что для пленума ИККИ должно было явиться лишь в перспективе, как результат завоевания пролетариатом гегемонии в революции (отпадение промышленной буржуазии), то для тов. Радека является исходной точкой (низвержение капиталистического производства)".

Смысл этого меньшевистского понимания гегемонии такой: "Пролетариат, борись больше всех, но не претендуй на власть, поддерживай власть "революционной" промышленной буржуазии".

Чтобы отграничить большевистское понимание пролетарской гегемонии от меньшевистского, нужно ясно сказать, что речь идет о борьбе пролетариата за власть и руководящее положение в революционном правительстве. Это выражается лозунгом диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство.

Советы

В "дополнительных тезисах", принятых II конгрессом К[ом-мунистического] И[нтернационала], говорилось (п. 9):

"В первой стадии своего развития революция в колониях должна проводиться по программе с чисто буржуазными реформистскими пунктами, как-то раздел земли и т. д. Но из этого не следует, чтобы руководство революцией в колониях находилось в руках буржуазных демократов, напротив, пролетарские партии должны вести усиленную пропаганду коммунистических идей и учредить при первой возможности крестьянские и рабочие Советы. Эти Советы будут работать наравне с советскими республиками прогрессивных капиталистических

стран для окончательного свержения капиталистического строя всего мира".

В противоположность этому, проект программы отделяется от вопроса о Советах бессодержательным указанием "в надлежащий момент" проводить в жизнь лозунг организации Советов рабочих и крестьянских депутатов. Вместо Советов рабочих и крестьянских депутатов -- органов, борющихся за власть, -- проект программы рекомендует коммунистическим партиям "сосредоточить свое главное внимание на создании широких массовых организаций пролетариата (профсоюзов) и революционных крестьянских союзов, на выработку требований и лозунгов, касающихся непосредственно рабочего класса".

Это есть увековечение роковой прошлогодней тактики с оттягиванием организации Советов, с подменой их всякого рода организациями, по самому существу своему не могущими стать органами власти.

Самостоятельность партии пролетариата

Марксистские партии везде воспитывались и выростали, главным образом, на почве резкой и решительной идейной борьбы с мелкобуржуазными демократами и с их перекрашиванием в розовый цвет социализма, перекрашиванием, имеющим целью обмануть бдительность пролетарского авангарда и подчинить его себе. В Китае это жульническое перекрашивание демократов в коммунистический цвет достигло грандиозных размеров: Гомиьдан вступил сочувствующей партией в К[оммунистический] И[нтернационал]; Чан Кайши готов был себя объявить левым коммунистом, троцкистом и т. д., только бы не выпустить из-под своего влияния кит[айскую] компартию. Предвидя такую возможность, II конгресс К[оммунистического] И[нтернационала] в написанных Лениным тезисах ставил компартиям две задачи: бороться против перекрашивания демократов в коммунистические цвета и во что бы то ни стало охранять политическую и организационную самостоятельность коммунистических партий. В п. 9 тезисов говорилось:

"Необходима решительная борьба с перекрашиванием не истинно коммунистических революционных освободительных движений в отсталых странах в цвет коммунизма;

Коммунистический] И[нтернационал] обязан поддержать революционные движения в колониях и отсталых странах лишь с той целью, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистические не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации. К[оммунистический] И[нтернационал] должен вступать во временные соглашения, даже в союзы с буржуазной демократией колоний отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой замечательной его форме".

Вместо этого после прошлогодних событий новый проект программы К[оммунистического] И[нтернационала] преподносит нам такую "эластичную" формулировку:

"Необходимо... организовывать рабочих и крестьян в самостоятельные

организации и освободить их из-под влияния национальной буржуазии, временные соглашения с которой допустимы лишь постольку, поскольку она не препятствует революционной организации рабочих и крестьян и ведет действительную борьбу против империализма" (ст. 85).

Ясного и точного требования при всех условиях обеспечить политическую и организационную самостоятельность компартии, так же как и требования организовывать Советы с первых же шагов массового движения -- в проекте программы нет, что, между прочим, отмечалось уже и другими в дискуссионных статьях. Это означает программное закрепление на будущие времена прошлогодних роковых ошибок китайских коммунистов. И это может привести к новым поражениям и ошибкам не когда-либо, а в самом ближайшем будущем и притом в новых странах Востока. Ибо в "рабоче-крестьянских" партиях Японии и Индии зреют гнойные нарывы, чреватые новой гоминьдановщиной.

Эти "двуединные", "двухсоставные", точнее, "двухклассовые" партии, "блестящим" образчиком которых был китайский Гоминьдан, вошли в моду с 1924 г., когда была сделана в Америке попытка организовать рабоче-фермерскую партию⁸⁶. На китайском образчике этой партии показали, какие опасности для партии пролетариата они кроют в себе и каким тормозом революционного движения они способны стать при революционной ситуации. На деле это есть подчинение пролетарского авангарда крестьянству, мелкобуржуазным, вообще не пролетарским слоям и группам. Это есть окрестьянивание или даже обуржуазивание коммунистических партий и большевизма. Давая вышеприведенную расплывчатую формулировку о соглашениях с буржуазией, умалчивая об опыте с Гоминьданом, который был даже принят в качестве сочувствующей партии в Коминтерн, не запрещая организации двухклассовых партий, не указывая на противоречия интересов между пролетариатом и крестьянством (наряду с совпадением этих интересов в ряде пунктов), проект программы ставит под угрозу самое существование на Востоке самостоятельных революционных партий пролетариата и тем самым превращает в пустой звук слова о необходимости для коммунистов бороться за пролетарскую гегемонию и за перерастание буржуазных революций в социалистические.

Мало того что пролетарские революции из проекта программы вообще исчезают. "Двуединство" революции превращается в мировой закон и из России и из стран Востока переносится на все страны, в том числе западные страны развитого капитализма, где положение и позиции крестьянства совсем иные. В главе IV, посвященной абстрактно теоретической характеристике диктатуры пролетариата и переходного периода от капитализма к социализму, читаем (с. 39):

"В борьбе за диктатуру пролетариата и за последующее преобразование строя против блока помещиков и капиталистов организуется блок рабочих и крестьян под идейной и политической гегемонией первых, блок, являющийся основой диктатуры пролетариата".

Это верно для России, переживавшей переход от буржуазно-демократической к пролетарской революции, и для ряда других сходных с Россией по структуре

стран (Польша, Балкан, колоний). Но это неверно как общепрограммное утверждение для всех стран. В 1918 -- 1919 гг. в Германии происходила борьба за диктатуру пролетариата, но не было никаких признаков блока рабочих и крестьян. Нет пока никаких оснований ожидать этого в будущем. В Англии борьба за диктатуру пролетариата будет происходить, а блока рабочих и крестьян не будет, потому что там нет крестьян, а что будет с колониями никто не знает: не "отложатся" ли они еще до пролетарской революции. Последнее является наиболее вероятной перспективой. Принимая во внимание наличие в ряде других стран слоев (служащих, мелкой городской буржуазии и др[угих]), которые при известных условиях могут заменить отсутствующее крестьянство ("середняков") в качестве союзника пролетариата в борьбе за диктатуру, лучше было бы воспользоваться старой марксистской формулой: пролетариат совершает свою революцию в союзе со всеми трудящимися, угнетенными и эксплуатируемыми и в их интересах. Конкретизацию этой формулы надо оставить национальным секциям в соответствии с классовой структурой их страны.

По тем же причинам не правилен и не допустим огульный отказ от осуществления пролетарской революцией национализации земли. К правильным аргументам тов. Карпинского и тов. Бендеровского (см. № 1 "Дискуссионного листка" и журнал "Коммунистический Интернационал") надо еще только добавить, что национализация земли необходима как раз в интересах мелких крестьян, земля которых останется по-прежнему в их пользовании. Во всех капиталистических странах с давней собственностью на землю она опутана множеством юридических наслоений (купчих, перепродаж, закладных, ипотек и пр.). Распутать весь этот узел в интересах мелких собственников можно только, разрубив его, путем объявления земли государственной собственностью, при которой у мелкого крестьянина будет только одно обязательство -- перед пролетарским государством. Если бы в отдельных случаях потребовались отступления от национализации, то в зависимости от конкретных условий такие отступления всегда возможны. Общий же огульный отказ от национализации земли в пролетарской революции есть оппортунизм. Отказ от пропаганды до революции лозунга национализации промышленности проект программы дополняет прямым отказом от осуществления национализации земли сейчас же после революции. Одно дополняет другое и вместе дают вреднейшую оппортунистическую ошибку.

5. Переход к социализму и развитие СССР

а) Экономика и политика в буржуазной и пролетарской революциях

В вопросах переходного периода и развития СССР (как и в вопросе о китайской революции), более часто обсуждающемся в партии, мы можем ограничиться короткими замечаниями.

При характеристике развития в переходный период от капитализма к социализму следует особенно помнить сделанные нами эпиграфом к статье слова Ленина: "в программе следует писать с абсолютной точностью то, что есть". В наших взглядах о переходном периоде наряду с бесспорным и непрерываемым так

много еще непрочно сложившегося временного и переходного, что легко принять желательное за сущее, кажущееся за действительное. Поэтому в программу, которая должна отражать общие взгляды всех коммунистов и быть обязательной для них, следует вписывать только самое необходимое, проверенное опытом, точно установленное, записанное в историю и не обобщать того, что имеет только ограниченную значимость для одних стран, на все прочие. К сожалению, авторы меньше всего считали это для себя обязательным при составлении 4-й и 5-й глав проекта.

К чему, например, было вписывать противопоставление пролетарской революции буржуазной в отношении темпа развития? Кто докажет и поручится за то, что пролетарская решит свою задачу в более быстрый срок, чем это требовалось для революции буржуазной? Неверно утверждение, что капиталистический строй производственных отношений уже господствовал экономически до буржуазной революции и что последняя не производила вторжения в область имущественных отношений прежнего общества. О таких вопросах можно спорить в книжках и статьях, и коммунистам можно быть об этом разного мнения. Непонятно, почему нужно превращать в символ веры всех коммунистов бухаринский взгляд на этот исторический вопрос. (Взгляд, из которого, кстати сказать, тов. Бухарин сделал совсем неверный вывод, что все задачи переходного периода сводятся к подготовке управляющих кадров, т. е. бюрократии.) Ведь не должна же быть программа кратким изложением всех сочинений ее автора.

Но главным и основным недостатком всей главы о переходном периоде является отсутствие указания на роль и задачи пролетарского государства в социалистическом переустройстве хозяйства переходного периода.

б) Задачи пролетарского государства

В проекте содержится декларация о том, что "победоносный пролетариат пользуется завоеванной властью как рычагом экономического переворота, т. е. революционного преобразования имущественных отношений капитализма в отношении социалистического способа производства".

Это совершенно правильно. Но одной общей декларацией в программе ограничиться нельзя. Необходимо указать, какими принципами должно руководствоваться пролетарское государство в своей политике для осуществления перехода к социализму. А в проекте программы мы находим только перечень экспроприаторских мер, которые надлежит осуществить "на второй день" после революции, и ни слова о том, какие экономические задачи падают на государство в последующие дни и годы. Ни к одним же охранительно-политическим мероприятиям сводятся задачи пролетарской диктатуры после проведения экспроприации.

Этот недостаток проекта связан с тем, что автор не признает возможности дальнейшего зарождения и развития капитализма на базе мелкого производства и частной собственности (которая по проекту сохраняется даже на землю) после проведения революционной экспроприации. Если же принять во внимание этот момент, тогда нужно было бы примерно определить экономические задачи

диктатуры так:

"Экспроприацией прежде накопленных и созданных капитализмом богатств экономические задачи пролетарской диктатуры не исчерпываются. После экспроприации на пролетарское государство ложится тяжелая и трудная задача вести такую политику ежегодного дохода и такое использование частнокапиталистического хозяйства и его накоплений, при котором ежегодное накопление и расширение производства происходило бы с всевозрастающим перевесом в социалистическом секторе над частнособственным. С этой целью пролетарское государство должно заранее наметить и проводить в жизнь такой рассчитанный на долгий ряд лет план развертывания хозяйства на основе индустриализации, при котором происходила бы систематическая концентрация хозяйства в руках пролетариата при относительном сужении частного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и ограничение в распределительной сфере роли стихийного, рыночного начала. В то же время увеличилась бы материальная база социалистического производства (как в непосредственно государственной части, так и в производственно-кооперативной), расширялась бы роль планового начала, непрерывно подымался, выравнивался бы материальный и культурный уровень рабочего класса. Этой задаче государство подчиняет всю свою деятельность. Для осуществления этой цели оно пользуется как рыночными методами, так и планомерным применением экономической силы государственного аппарата (при помощи налогов и пр.), для того чтобы, не подрывая общего развития производственных сил, ежегодно перемещать из частнособственного сектора хозяйства часть накапливаемых в нем средств в социалистический. Только такой политикой можно в течение долгого периода времени добиться полного уничтожения частной собственности на орудия и средства производства, уничтожить классовое давление общества и заменить его бесклассовым, безрыночным, социалистическим".

в) План и стихия

Вместо такого динамического определения экономических задач диктатуры пролетариата, которая должна производить перемещения в материальном базисе хозяйства, проект преподносит нам (на с. 49) такую неподвижную, чисто формальную и бессодержательную тавтологию о соотношении между плановым и рыночным началами:

"Чем больше удельный вес раздробленного мелкокрестьянского труда... тем больше объем рыночных отношений, тем меньше планового руководства... Наоборот, чем меньше удельный вес мелкого хозяйства... чем могущественнее концентрированные и социализированные массы средств производства, тем меньше объем рыночных отношений, тем больше значение плана..."

Кроме этой тавтологии, можно найти по этому вопросу еще такое весьма "ценное указание": преимущества крупного производства, мощь госаппарата в целом приводят "при правильной политике" к систематическому вытеснению частного капитала. Вопрос же о том, какова должна быть эта политика, чтобы считаться "правильной", -- даже не поставлен.

Из дальнейшего абстрактно недиалектического противопоставления "военного коммунизма" "нэпу" видно, что под правильной политикой проект понимает пользование одними только рыночными методами, без использования силы государственного аппарата в экономической борьбе. "Нэп" проект расшифровывает (в отличие от проекта V конгресса и обычно исторически сложившегося словоупотребления) не как новую экономическую политику, а как "нормальную" экономическую политику, тем самым превращая "нэп" из исторического явления в абстрактную универсальную категорию.

"Правильной", "нормальной" объявляется, следовательно, такая политика по строительству социализма, которая пользуется одними рыночными методами и только ими, как будто и этими методами государство не может пользоваться весьма различно.

"Рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры при правильной политике (?) со стороны советского государства несут в своем развитии собственную гибель", уверяет проект. Но при низком техническом уровне социализированной промышленности, при ее небольшом сравнительно удельном весе в общем народном хозяйстве страны, переходящей к социализму, при огромном превосходстве и давлении мирового капитализма "свободная игра сил на рынке" не включает в себе гарантии усиления социалистического сектора над частным. Как бы велика ни была "норма эксплуатации" (пользуясь старым научным термином) пролетариата, составляющего небольшой процент трудоспособного населения страны, его прибавочного продукта не может быть достаточно для обеспечения нужной быстроты в темпе накопления социалистического сектора и обеспечения расширенного госпроизводства на социалистической основе во всех отраслях хозяйства (промышленности, транспорте, сельском хозяйстве). Пролетарскому государству не обойтись при этих условиях без внерыночных, внеэкономических мер систематической или эпизодической перекачки средств из частного сектора в социалистический. Допустимо ли это?

По точному смыслу проекта на этот вопрос надо дать отрицательный ответ, ибо это было бы "ненормальной", т.е. военно-коммунистической политикой, которую проект допускает только во время войны, да и то лишь в виде исключения. То, что проект выдает за "нормальную" экономическую политику пролетарской диктатуры, это какое-то своеобразное социалистически-либеральное "[...] "87. Свободная игра сил на рынке при пролетарской диктатуре должна обеспечить победу социализма -- такую мудрость провозглашает проект и возводит в закон развития всех стран к социализму.

г) Военный коммунизм и нэп

В противоположность этакой "нормальной" экономической политике, -- военный коммунизм определяется то как "система конфискаций и реквизиций" ("сплошной грабеж"), то как "организация рационального потребления". На

самом деле не верно ни то, ни другое. Военный коммунизм не был системой конфискации и реквизиций, а был системой государственного регулирования всего производства и распределения (а не одного только потребления) под углом зрения расширения социалистического сектора хозяйства и общего развития производительных сил страны. Рыночные методы и отношения не исчезают целиком и при военном коммунизме: достаточно вспомнить, что зарплата служащим и рабочим продолжала выплачиваться в денежной форме и тогда, когда она составляла уже ничтожный процент по сравнению с натуральной выдачей; точно так же долгое время уплачивалась ничтожная сумма наличными за хлеб, отбираемый по разверстке. С другой стороны, и при нэпе государство не может целиком отказаться от вмешательства в хозяйственную жизнь. "Регулирование" остается и при одной и при другой системе политики, так же как и рыночные методы, но в разных пропорциях и под разным углом зрения. В этом вся разница.

Нэп и военный коммунизм -- это не противоположные сущности, между собой не связанные, а две системы регулирования хозяйственной жизни: одна из них считается только с интересами обороны, не боясь впасть в противоречие с интересами развития производительных сил, в том числе и социалистического хозяйства. Отсюда и большая доля непосредственного администрирования государства и меньшая доля хозяйственных и рыночных методов; другая считается в первую голову с интересами социалистического хозяйства и общего развития производительных сил страны, отсюда и обратное отношение между методами голого администрирования и хозяйственной целесообразности в осуществлении всяких огосударствлений.

д) Кооперация производственная и торгово-кредитная

В проекте совершенно не проведено различия между двумя принципиально различными с точки зрения близости к социализму видами кооперации: производственной и торгово-кредитной. Только первая (коммуны, колхозы) является принципиально социалистической; вторая же является одним из видов госкапитализма, ибо, как правило, она обслуживает также и капиталистические элементы деревни, а при некоторых условиях даже способствует их росту. Подведение обоих видов под один или простое перечисление их без разбору, как разные виды одной и той же сельскохозяйственной кооперации, теоретически не верно, политически вредно.

е) Мировой и внутренний капитализм

Ошибки пятого раздела определяются всем предыдущим. В основном их две: 1) отрыв внутреннего развития страны от внешнего и 2) все изложение ведется так, как будто бы ленинский вопрос "кто кого опередит" в своем развитии (мы ли капитализм или наоборот) уже решен "внутри страны". Автор этой главы ясно поставил себе целью доказать, что внутри страны социализм уже закреплен и обеспечен, опасность идет только извне от "тенденции империалистических держав к окружению СССР и к контрреволюционной войне против него с целью его душения и создания всемирного буржуазно-террористического режима" (с. 71).

Ни разу не указывается на скрытую экономическую и возможную

политическую смычку между мировым капитализмом и внутренним. Это тем более странно, что проект не стоит на той точке зрения, которая до недавнего времени находила у нас защитников, что обеспечение нашей экономической самостоятельности требует национальной замкнутости хозяйства и возможно большего сокращения торговых связей с мировым рынком, добывания и производства у себя внутри страны решительно всего, что требуется для экономически развитой страны. Наоборот, в проекте мы находим ту совершенно правильную мысль, что "главной и основной линией здесь должна быть линия возможно более широких связей с заграницей, но в пределах выгоды их для СССР" (там же).

Но совершенно неизбежные "возможно более широкие связи" нашего внутреннего хозяйства с мировым кроют в себе и очень большие опасности увеличения возможностей для смычки внутреннего капитализма с мировым. За последние годы этот факт обнаруживается с чисто стихийной силой. С приближением к концу стабилизационного (восстановительного) периода в нашем хозяйстве и с переходом в реконструктивную фазу усилились атаки и участились выработки планов блокады и интервенции со стороны мирового империализма, и в то же время участился бойкот государственных планов, срыв экспортно-импортных балансов, выросших за годы нэпа, экономически мощным слоем сельскохозяйственной буржуазии. Эти две стихийно и одновременно складывающиеся и совпадающие тенденции являются главным фактом в нашем экономическом развитии последних лет.

О развитии кулачества, представляющего у нас, благодаря своей массовидности и глубоким корням, огромный контрреволюционный фактор внутри страны, проект говорит в извиняющихся тонах и изображает его развитие редким исключением из правила. А между тем, как уже было сказано, несколько лет нэпа превратили больше одной десятой части крестьян в кулаков, столкнув одну треть в бедноту, что находится в полном соответствии с тем, что Ленин не раз твердил партии, что в условиях промышленно-технической отсталости, нашей бедности капиталами, при огромном перевесе мелкого производства на его базе "ежедневно и ежечасно рождается капитализм в массовом масштабе" и что этот внутренний капитализм -- главным образом, кулачество -- есть опаснейший контрреволюционный фактор. Последний и проявил себя таковым пока что только в области экономики, но он неизбежно проявит себя и в политике.

ж) Давление капитализма на партию

Что этот класс имеет свое политическое представительство и внутри нашей партии -- это теперь официально удостоверенный факт, с тех пор как в известной резолюции Политбюро было констатировано (в связи с хлебозаготовительными трудностями этого года), что за годы нэпа у нас народился слой партийцев, которые не видят классов в деревне, не желают ссориться с кулаками и хотят жить в мире со всеми слоями деревни ("Правда" от 15 февраля 1928 г.). Последовавшие позже разоблачения случаев сплошного загнивания, перерождения и вырождения целых верхушек, целых партийных организаций губерний, уездов и районов на почве смычки с буржуазией города и

деревни полностью подтвердили эту оценку Политбюро. Как же решились авторы проекта программы в полном противоречии с этой резолюцией написать в дни смоленских, сочинских, артемовских, крымско-ибраимовских и всяких иных разоблачений (которые, надо думать, не являются единственными, а только прорвавшимися наружу случаями перерождения) написать следующее:

"Непрерывное вовлечение масс в процесс социалистического строительства, постоянное освежение всего... аппарата новыми и новыми работниками из пролетариев, систематическая выработка из рабочих... и рабочей молодежи... в вузах, на специальных курсах и т. д. новых социалистических кадров... является одной из главных гарантий против бюрократического окостенения или социального перерождения непосредственно управляющего кадрового слоя пролетариата" (с. 69).

Зная из газет об указанных случаях перерождения наших кадров, несмотря на наличие всех этих мер, и прочитав в программе о "гарантии" против перерождения, западноевропейский пролетарий-коммунист не поверит многому из того, что есть верного в этой главе. Западноевропейский передовой революционный рабочий должен знать не только о наших успехах и достижениях, но и о грозящих нам опасностях. Тов. Ксенофонтов уже напомнил по этому поводу слова Ленина об опасности впасть в хвостовство, разрисовывая перед иностранными товарищами наше положение. "Форвертсу"⁸⁸ легко будет на основании таких отдельных оптимистических и прикрашивающих положение мест подорвать доверие у рабочих ко всей нашей программе.

з) СССР и мировая революция

На самом же деле гарантией против перерождения может быть только развитие социализма в политике и хозяйстве, т. е. развитие рабочей демократии и уничтожение товарно-денежных капиталистических отношений, что связано с победой международной революции. А между тем проект крайне односторонне характеризует связь между развитием СССР и международной революцией. Все время говорится, что строительство социализма в СССР является важным фактором международной революции. Это верно, но верно и обратное: успехи революционного движения в других странах являются важнейшим фактором для продвижения вперед, расширения дела строительства социализма в СССР. Об этом проект программы умалчивает. Такое освещение объективной взаимозависимости и взаимообусловленности судеб пролетарской диктатуры в СССР с судьбами мировой революции проект заменяет двусторонней "договорной формулировкой", составленной вполне по старому коммерческому правилу -- даю тебе для того, чтобы ты мне дал:

"Систематические попытки империализма к политическому окружению СССР не помешают ВКП выполнять свои интернациональные обязанности и оказывать поддержку всем угнетенным... Со своей стороны международный пролетариат обязан способствовать успехам социалистического строительства СССР и всеми мерами защищать его от нападений со стороны капиталистических держав" (с. 72).

В проекте имеются только вызывающие недоумение формулировки по вопросу,

игравшему исключительно огромную роль в идейной жизни партии и К[оммунистического] И[нтернационала] за последние 2 -- 3 года: при каких международных отношениях может завершиться построение полного социалистического общества? Может ли это быть в капиталистическом окружении или необходимым условием для этого является победа социалистических революций в ряде стран? Да или нет? В настоящем проекте нет ответа на этот вопрос.

В одном из придаточных предложений в 5-й главе говорится, что рабочие советских республик обладают "необходимыми и достаточными материальными предпосылками в стране не только для свержения помещиков и буржуазии, но и для построения полного социализма" (с. 64).

Какие материальные предпосылки проект имеет в виду говоря, что в стране их достаточно для построения "полного социализма"? Запасы сырья, ископаемых, почва, растительность? Но ведь никогда ни один марксист не считал наличие многих запасов сырья и ископаемых достаточной предпосылкой социализма без отношения к техническим возможностям их использования. Когда говорят о материальных предпосылках социализма, имеют в виду в первую очередь экономическую и техническую зрелость. Так неужели же авторы проекта берутся утверждать, что наш теперешний технический уровень достаточен для построения полного социализма? Неужели же у нас уже осуществлена электрификация или в ней уже нет надобности для построения полного социализма? Что ее может заменить? Ведь Ленин учил в статье "О кооперации", что у нас есть все "необходимые и достаточные" общественно-политические предпосылки (да и то только внутренние), но что нам как раз не хватает культуры, техники, над выработкой которой нам нужно еще только долго и упорно работать.

и) При каких внешнеполитических условиях возможна победа социалистического строя в СССР?

Возникает поэтому вопрос: сумеем ли мы создать себе эти технико-материальные предпосылки ("культуру" в широком смысле этого слова) еще до победы мировой революции и при теперешних внешнеполитических условиях изоляции, неизбежно замедляющих наш рост. Ни в 4-й, ни в 5-й главе нет ответа на этот вопрос, играющий такую большую роль в наших спорах за последние годы.

Правда, в первой главе ("О мировой системе капитализма" и т. д.) мы встречаем в слегка перефразированном виде легко узнаваемые слова Ленина из известной предреволюционной его статьи 1916 г. о том, "что возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране"⁸⁹ (с. 20).

Но весь спор по вопросу о "построении социализма в одной стране" по существу дела сводился к тому, как толковать слова Ленина о "победе социализма": в смысле ли социалистической революции или социалистического строя? Оппозиция и тов. Сталин до 1924 г. защищали то положение, что слова Ленина следует понимать в том смысле, что победа социалистической революции возможна и в "одной отдельно взятой" стране, но что для победы

социалистического строя (т. е. уничтожения товарного производства и классового строения общества) необходима победа революции в ряде стран. Противники этого взгляда расширенно толковали слова Ленина о "победе социализма", т. е. и в смысле возможности победы социалистической революции и социалистического строя (построения полного социалистического общества) в "одной отдельно взятой стране". Точное повторение слов Ленина о "победе социализма" в проекте программы есть, поэтому, не ответ на вопрос, а дипломатическая увертка, уклонение от ответа на возбуждающий столько споров вопрос. После принятия такой "программной формулировки" спор мог бы начаться снова при наличии объективных предпосылок с той только разницей, что вместо толкования слов Ленина из статьи 1916 г. пришлось бы спорить о толковании слов программы 1928 г. Судя по тому, что эти слова включены в первую главу, где речь идет о революции, а не в четвертую или пятую, где речь идет о строительстве социализма, я полагаю, что автор хотел придать словам "победа социализма" оппозиционное толкование в смысле социалистической революции, но все же не уверен, что правильно толкую мысль автора. Такое сознательное пользование в программе недомолвками совершенно недопустимо и противоречит всем традициям большевизма.

Вместо таких недомолвок я считал бы необходимым, чтобы в программе было ясно сказано, что "расширение и укрепление социалистического строительства в СССР усиливает в конечном счете позиции международного пролетариата; но и обратно -- для завершения и победы полного социализма в СССР (уничтожения товарного хозяйства и классовой структуры общества) необходимым предварительным условием является победа социалистической революции в ряде других стран передового капитализма, а затем и во всем мире, ибо только такая победа социалистической революции во всем цивилизованном мире окончательно закрепит победу социалистического строя и не даст отживающим, но не отжившим и частично возрождающимся силам старого мира отнять у нас обратно то, что мы завоевали и сделали для социализма".

Выводы

а) Новый проект делает шаг вперед по сравнению с прежним в том отношении, что он пытается к абстрактно-теоретическому анализу, в духе которого был написан прежний проект, добавить конкретную материально-историческую характеристику мирового развития и борющихся в нем сил. Это приближает новый проект к типу манифеста, удаляя его от более узкого типа программы, образом которого была Эрфуртская программа⁹⁰. К сожалению, это только привело к разбуханию и удлинению проекта. Новый проект втрое больше предыдущего. Это, во-первых, затруднит для рабочего прочтение программы до конца; во-вторых, принципиальные формулировки совершенно теряются в массе описательного материала и простых повторений. Особенно это относится к "Введению" и ко 2-й главе ("Общий кризис капитализма"), где имеется обратная пропорциональность между количеством слов и идейным содержанием в виде принципиальных

формулировок. Введение говорит вкратце о всех вопросах, о которых в следующих главах говорится подробнее. Отсюда совершенно ненужные повторения. О социал-демократии, например, говорится в десятке мест, но сводной четкой характеристики ее, так же как и мелкой буржуазии, нет нигде. Гораздо лучше было бы краткое введение к проекту V конгресса, которое по образцу введения к Коммунистическому Манифесту Маркса и Энгельса объясняло, почему коммунисты находят нужным изложить в программе свои взгляды. Неизвестно, зачем дан во второй главе такой описательный материал, как хроника революционных событий 1917 г. Таким вещам место в комментарии, а не в программе, все это выкинуть надо, сжав и сократив за этот счет общее изложение. Следует помнить слова Энгельса по поводу проекта программы 1891 г.:

"По-моему, программа должна быть возможно краткой и точной. Если придется употребить иностранное слово или в первую минуту неясное во всем его объеме предложение, то в этом нет никакого вреда. Устное изложение во время обсуждения, а также пояснение в печати, довершает остальное, краткое же четкое предложение раз понятно, уже запечатлевается в памяти, делается лозунгом, чего никогда не бывает с толкованием многословным".

б) Проект чересчур бухаринский. Это значит, во-первых, что во всех вопросах, когда-то спорных между Лениным и Бухариным, принята точка зрения Бухарина. Это я уже показал в вопросах о раннем капитализме, госкапитализме и программе переходных лозунгов. До чего тов. Бухарин постарался "воплотить" в этом проекте все свои программные идеи, какие только когда-либо приходили ему в голову, видно из следующего, не столь уж важного вопроса. На VII съезде РКП Бухарин предложил после анализа капитализма дать в программе описание коммунистического и социалистического общества. Ленин высмеял это предложение, указав, что можно только указать самые общие принципы будущего строя. Бухарин дважды выступал в защиту своего предложения -- Ленин дважды против. Съезд отверг предложение Бухарина. На VIII съезде последний уже не стал предлагать это. Но вот в новом проекте в специальной главе на пяти страницах дано описание коммунизма и социализма, как будто автор за время с 1919 г. успел совершить экскурсию в эти края и досконально там все осмотреть.

Во-вторых, проект чересчур "бухаринский" в том смысле, что в нем слишком много того, что нам всем желательно и что удалено от нас годами, и немножко мало того, что есть теперь и что надо делать в ближайшие годы. До чего у авторов проекта велика была "любовь к дальнему" можно показать на следующем: как мы уже знаем, в резолюции IV конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] предлагалось дать в программе разбивку стран по основным типам в отношении разного метода применения единого фронта в них и различий в переходных лозунгах борьбы за власть, сообразно социальной структуре этих стран. В новом проекте этого нет, зато в 4-й главе сделана на трех страницах (59 -- 61) попытка разбить страны на разные типы с точки зрения того, надлежит ли им более быстрым или более медленным темпом переходить к социализму после завоевания власти пролетариатом...

в) Попробуем теперь свести воедино все указанные недостатки отдельных глав проекта.

Введение совершенно зря пытается предвосхитить вседальнейшее изложение. Оно должно ограничиться кратким указанием цели программы коммунизма.

Первая глава отстает от более правильного анализа капитализма и империализма предыдущего проекта. Первую главу предыдущего проекта, содержащую, так же как и первая глава нового проекта абстрактно-теоретический анализ капитализма, следует во всех отношениях предпочесть теперешним формулировкам.

Вторая глава о кризисе капитализма добавлена сызнова. Это следовало бы приветствовать как попытку дать картину послевоенного мирового развития в общих штрихах. К сожалению, эта задача выполнена из рук вон плохо. Это самая бессодержательная в принципиальном отношении глава. Вместо картины мира с ее противоречиями и борьбой сил получился исторический очерк, а местами просто хронология и даже хроника. Нет никакого серьезного анализа революционных годов с 1918 по 1927 г. Не выделен с достаточной резкостью могущественный фактор современного мирового развития -- американско-европейское противоречие. Стабилизации посвящено 20 стр. О рационализации ни слова.

Третья глава, трагующая о том, чего не ведают никто -- об основных чертах будущего общества -- вообще должна была бы быть выпущена. Она разрывает программу на две части, вклиниваясь в середину. Из этой главы надо только сохранить содержание последних сорока строк о двух ступенях развития коммунизма, низшей и высшей фазе, что следует включить в начало следующей главы о диктатуре. Все остальное имеет только агитационно-публицистическое, но никак не принципиальное значение.

Четвертая глава (о диктатуре и переходном периоде) должна быть дополнена: а) указанием на экономические задачи пролетарского государства в деле уничтожения товарного хозяйства и классов, б) изменением формулировки о военном коммунизме и нэпе, в) требованием национализации земли и г) изменением формулировки блока рабочих и крестьян в борьбе за диктатуру.

Пятая глава (о развитии СССР) должна быть переработана под углом зрения а) указания на борьбу в экономике и политике СССР двух начал -- капиталистического и социалистического -- за то, "кто кого" обгонит в темпе развития, б) гарантией против перерождения должно быть указано развитие рабочей демократии у нас и международная революция, в) необходимо указать на связь между бойкотом со стороны внутреннего капитализма планов социалистического хозяйства и одновременным наступлением на нас международного капитализма и г) судьбы социализма в СССР зависят от судьбы мировой революции.

Шестая глава (о стратегии и тактике Коммунистического Интернационала) нуждается в радикальной переработке. Из нее должно быть удалено все схоластическое, включенное туда стройности ради. Там нужно дать характеристику основных действующих при капитализме классов (мелкой буржуазии

в особенности) и партий (социал-демократии в особенности). Нужно указать, что в империалистических странах главным вопросом коммунистической тактики является отношение к социал-демократии, в других странах -- к мелкой буржуазии и ее политическим организациям. Надо дать четкую и ясную характеристику обоснование тактики единого фронта, обобщить имеющийся опыт, конкретизировать лозунги единого фронта на весь предреволюционный период, наметить "программу действий" на ближайшие годы для компартий по разным типам стран. А самое главное, оговорить и обставить возможно более строгими целесообразными роутками тактику блоков и соглашений с другими партиями, чтобы ни при каких условиях компартии не становились привесками социал-демократии в одних странах, к мелкой буржуазии -- в других. Программа Коминтерна должна во что бы то ни стало создать гарантию политической самостоятельности и организационной независимости всех компартий во всем мире.

Общий вывод: VI конгресс Коммунистического Интернационала должен выбрать комиссию и поручить ей: переработать проект. Торопиться с его принятием через один месяц после опубликования нельзя. Правильным является решение ЦК коммунистической партии Украины, совпадающее с предложением ряда товарищей (тов. Клары Цеткин⁹¹, в том числе), что VI конгресс не должен окончательно утверждать программы, а передать проект для дискуссии в секции Коммунистического Интернационала, поручив окончательное утверждение следующему конгрессу или, в крайнем случае, расширенному пленуму ИККИ, который соберется через некоторое время после VI конгресса.

К. РАДЕК. ПИСЬМО ДИНГЕЛЬШТЕДТУ

Многоуважаемый тов. Дингельштедт, я с большим вниманием прочел Ваше письмо. Оно заслуживает внимания всех оппозиционеров, ибо сигнализирует глубокие идейные кризисы, которые переживает часть оппозиции. Я недавно получил письмо тов. Виктора Эльцина. Оно посвящено оценке положения. И в полностью⁹² совпадает с оценкой тов. В. М. Смирнова. "Термидор уже совершился... только через катастрофы может идти путь". Вы пишете о китайских делах, но уже договорились до вещей, которые являются катастрофой не только Вашего ленинизма, но и Вашего марксизма вообще. Тяжелейшие исторические события потрясли так наших друзей, видно, что они теряют душевное равновесие и идейный багаж. Это неудивительно у молодежи, но поражает у товарищей с предвоенным стажем, выдавшем виды. Большевик после поражения 1905 г. породил отзовизм⁹³. Если ему суждено будет пройти через полосу тяжелых поражений, то он выкристаллизует, с одной стороны, кулако-большевизм типа Слепкова, с другой -- какой-то максимализм чисто волюнтаристического типа. Понятно, я не хочу сказать, что у Вас этот процесс завершен. Но если вместо того, чтобы взяться за серьезное продумание ошибок, нашедших выражение в Вашем письме, Вы будете в них упорствовать, то ничто Вас не удержит на этом пути. Надеюсь, что Л. Д. [Троцкий], которому я посылаю Ваше письмо вместе с моим ответом, со своей стороны напишет Вам свое

мнение, тем более, что Вы, кажется, думаете, что защищаете его взгляды.

Я, понятно, не могу так подробно разобрать Ваше письмо, как оно этого заслуживает. Остановлюсь только на основных пунктах. Марксизм и ленинизм никогда не доказывали, что де-

мократическая диктатура обязательно во всякой стране должна победить и что только после ее победы возможна победа социализма. Эта точка зрения есть точка зрения марксизма, скатившегося до социал-демократии. Но марксизм и ленинизм всегда доказывали, что без борьбы за демократию нет борьбы за социализм. История может так сложиться, что совсем не доходит до победы демократической революции и что социалистической революции -- диктатуре пролетариата приходится решать задачи, нерешенные бурж[уазной] революцией. Поэтому Ленин никогда не утверждал, что демократическая диктатура обязательна как исторический этап, но доказывал, что на известной стадии развития обязательна борьба за демократическую революцию и за ее завершение в форме демократической диктатуры.

Оставаясь на почве ленинизма, Вы могли бы доказывать, что Китай уже перерос этот период демократической революции, что совокупность обстановки, в которой совершается китайская революция, предопределяет социалистический характер ближайшего этапа. Я с этим в корне не согласен, считаю Ваше утверждение, что Китай пережил уже не только 1905 г.94 и Февраль95, но и начало Октября, ничем не доказанным. Китайские события 1927 г. я считаю незавершенной не Октябрьской, а Февральской революцией. Не намерен в этом письме обширно разбирать это разногласие, потому что между нами, т. е. мною и Вами, не тут центр расхождений. Центр расхождений между нами это все то, что Вы говорите о русской Февральской революции. Марксистский историк анализирует то, что было; Вы анализируете то, чего не было, но что, по Вашему мнению, могло бы быть. Это занятие вообще праздное, но оно у Вас дало совершенно неожиданные результаты. Вы пришли к тому выводу, что "Февральская революция не была ни необходимой, ни неизбежной... вся беда в том, что Ильич опоздал приезжать больше, чем на месяц". Сталин и Каменев были оппортунистами, партийные организации ослаблены арестами. Они позволили буржуазии захватить власть, и Ильич "потому был вынужден занять пассивно-пропагандистскую линию". Вы забываете в этой Вашей историографии маленькую вещь: Ильич перед Февральской революцией выдвигал лозунг демократической диктатуры. Если Вы считаете, что только недостаточной подготовке верхушки надо приписать факт, что мы в феврале не взяли власти, то незачем Вам в этой верхушке перечислять только Сталина и Каменева. Тогда скажите, что благодаря неправильной теории Ленина, большевизма, выдвигавшего лозунг демократической диктатуры, верхушка большевистской партии была неподготовлена и погубила или отодвинула на восемь месяцев революцию.

Не пытайтесь отговориться указанием на разногласия между Лениным, с одной, и Сталиным и Каменевым, с другой стороны. Против такой попытки достаточно указать на письмо Ленина "К швейцарским рабочим" и на ленинские

"Письма из далека". Эти статьи писал Ленин в самом начале Февральской революции, ничего не зная об ошибках Сталина и Каменева. Для всякого, кто знает Ленина, не подлежит сомнению, что если бы он считал, что они в первые дни Февральской революции сделали ошибку, состоящую в том, что упустили момент для взятия власти, то он сказал бы это во всеуслышание и сделал бы из этого все выводы. Спор он с ними вел в совершенно другой области, а именно: что надо делать в положении, которое создала Февральская революция? Но зачем нам мудрствовать: в письме "К швейцарским товарищам" 8 апреля 1917 г. Ленин пишет:

"Крестьянский характер страны при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции, ступеньку к ней" (т. XIV, ч. 2, с. 407).

А в третьем "Письме из далека", датированном от 11/24 марта 1917 г., развертывая уже программу государства-коммуны, Ленин пишет об этой программе: "Такие меры еще не социализм, они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства. Они не были бы еще "диктатурой пролетариата", а только "революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства"" (т. XX, ч. 2, с. 75).

Таким образом, Вы не можете прятаться за погрешности Сталина и Каменева. Вы обвиняете Ленина в том, что он не понял в феврале 1917 года, что можно установить диктатуру пролетариата. Из Вашего письма видно, что Вы очень мужественный человек, и я не удивлюсь, если Вы доскажете до конца то, что Вы сказали, и заявите, что большевистская партия и Ленин до 1917 года недостаточно подготавливали идейно пролетариат для пролетарской диктатуры. Если Вы не решитесь сказать это, ибо тогда пришлось бы Вам отказаться от названия большевика-ленинца, то объясните мне, пожалуйста, как это случилось, что, хотя большевики были подготовлены всей своей предыдущей историей к тому, чтобы понять свой час, то все-таки все они, включая Ленина, оказались неспособны понять, когда пробил этот час диктатуры пролетариата.

О теоретической нелепости утверждения, что если бы Ленин прибыл на месяц раньше, то Февральская революция была бы не Февральская, а Октябрьская, -- вообще не приходится говорить. Вы, видно, с таким размахом вылетели из партии, что по пути растеряли свой марксистский багаж. И только это объясняет все прочее, что Вы говорите о Февральской революции. Сводится все это утверждение к тому, что в самом начале Февральской революции за нами было не только большинство рабочих, но и крестьян и солдат, что за меньшевиками и эсерами никто не стоял. Я считаю ненужным указывать Вам на соотношение сил в Советах, на крестьянских и армейских съездах, на все то, что писал Ленин. Я скажу только коротко: кто думает, что в крестьянской стране раньше, чем крестьянская масса получила на деле возможность мелкобуржуазную партию эсеров, она может идти сразу рабочим массам, тот потерял возможность марксистского мышления⁹⁶. Вы поймете, что

после этого меня не очень огорчила идентификация моей позиции с позицией Каменева.

Наконец, несколько слов о Вашей оценке Смилги, Преображенского и моего заявления. Будучи в основном согласен с этим заявлением, Вы считаете, что выводы его доказывают готовность капитулировать на всяких условиях. Когда Вы отправлялись в ссылку, Вы прислали мне свою книгу с лестной надписью: "Дорогому руководителю и вождю". Вы, видно, очень легкомысленно выбираете себе дорогих учителей и вождей. Вожди могут ошибиться, но тогда они обязаны, в первую очередь, сказать тем, кем они руководили, о своей ошибке, призвать их совместно искать выхода из положения. Если бы Преображенский, Смилга и я пришли к убеждению об ошибке в основах политики оппозиции, то мы бы в первую очередь известили об этом сосланных вместе с нами за общее дело товарищей. Если мы этого не делаем, то потому, что убеждены в правоте платформы. Разногласия, которые существуют в рядах оппозиции в русских вопросах, чисто тактического характера, и потому и Смилга, и я, послав свое заявление, ибо текста заявления Л. Д. [Троцкого] не имели, подписали заявление Л. Д. [Троцкого]. Тов. Преображенский хотел сделать то же самое. Рассылка писем о капитуляции есть легкомыслие, сеяние паники, недостойное старого революционера. Только благодаря тому, что вижу, что Вы и некоторые другие переживаете идейный кризис, и что считаю своей обязанностью помочь выйти из него, отвечаю на письмо с подобными упреками. Когда подумаете и нервы Ваши придут в равновесие (а нам крепкие нервы необходимы, ибо эта ссылка чепуха по сравнению с тем, что еще придется увидеть впереди), то Вам, старому члену партии, стыдно станет так терять голову.

С комприветом. Томск,

8 августа 1928 г.

К. РАДЕК. ПИСЬМО С. МРАЧКОВСКОМУ97

Дорогой Сергей, посылаю тебе письма Врачеву, Ищенко, Дингельштедту, -- кажется, все написанное мной за последнее время. А теперь что касается твоего письма.

Основное в нем -- твое короткое замечание, что левого курса не было. Так зачем же ты подписывал заявление Л. Д. [Троцкого], что оппозиция левый курс будет поддерживать? Нет для революционера крупнее опасности, как не видеть действительности. Ты пишешь мне, что в общем согласен с моим проектом. В проекте этом я, не увлекаясь левым курсом, не принимая никаких ручательств, что он не будет скомкан и не уступит место даже открытому правому курсу, показал, что я понимаю под левым курсом. А понимаю я под ним попытку партии дать отпор наступлению кулака и очиститься от одолевающей ее грязи, которая по существу является результатом неправильной политики. Что дала эта попытка? Она дала полугодичную агитацию против кулацкой опасности: то, что до этого времени объявлялось выдумкой оппозиции, пошло в массы в сотнях миллионов экземпляров как взгляд партии. Лозунг самокритики -- это

лозунг обкорнанной внутрипартийной демократии, но на живых примерах рабочие в сотнях городов вслух заговорили о том, что что-то гнило в царстве датском⁹⁸. Большинство, которое до этого времени все наши утверждения о внутрипартийном положении называло клеветой, должно было признать, что рабочие в нашей партии, из боязни подвергнуться преследованию, молчали. И эта агитация против кулака и агитация против внутрипартийного разложения находится снова под ударом и будет, быть может, снова зажата. Но ведь было бы полной слепотой не видеть, что сотни тысяч членов партии в первый раз после 1923 года, а некоторые вообще в первый раз, заговорили. Думать, что все это прошло бесследно, это означает впасть в полное отчаяние, прикрытое молодецким наплювизмом. Если это так, то на что же мы надеемся в будущем? Я повторю, ничто не является таким опасным для революционера, как слепота. Но есть слепота и слепота. Человек, который не видит, может завтра увидеть. А вот тот, кто не хочет видеть, тот никогда не увидит. Слепота целого ряда наших товарищей есть не что другое как функция децистских настроений. Они были очень сильны среди нашей молодежи перед исключением из партии. Наша молодежь, слыша, что мы против двух партий, думала, что мы хитрим. Теперь эти настроения нас заливают; выражаются они разным образом. Виктор [Эльцин] пишет, что термидор уже совершился. Дингелыптедт пишет Смилге, что нас ничто не отделяет теперь от децистов. Это в тот момент, когда Вл. Мих. [Смирнов] пишет черным по белому, что ВКП труп. Может, то, что пишут децисты, окажется в будущем тяжелейшей действительностью, -- тогда не революционер будет тот, кто этого не признает и будет прятать голову в песок. Но тогда надо будет объявить нашу платформу пройденным этапом и выдвинуть лозунг второй партии, второй революции. Не делать этого, заявлять себя защитником платформы, подписывать заявления Л. Д. [Троцкого], выдвигающие лозунг: реформу данной партии (реформировать можно только живое, мертвое -- можно только хоронить) -- это политически недопустимо.

Я не утверждаю, что товарищи, заявляющиеся защитниками платформы и одновременно делающие децистские заявления, -- лицемеры. Людей захлестывает настроение ссылки, горечи. Но мы-то -- и ты -- руководители оппозиции, мы-то обязаны сохранить холодную голову и бить по таким настроениям. В тот день, в который приду к убеждению, что ВКП труп -- протяну открытую руку Владимиру [Смирнову] и скажу об этом открыто в политическом акте. Но пока считаю, что хоронят дорогого больного, могущего еще побороть болезнь, то буду бороться против таких единомышленников. Плохо капитулировать перед устряловцами, и никто не дожидется такой капитуляции от меня, но не лучше капитулировать перед идеями, объявляющими отказ от борьбы за оздоровление партии высшим словом революционной политики. Сергей, милый, не понимай, что тебя я в этом обвиняю. Письмо твое не дает материала для оценки твоих взглядов, и зная твой темперамент, я фразу о том, что не было левого курса, предпочитаю считать настроением, чем взглядом. Но ты знаешь, как тебя любит наша молодежь и мы все, поэтому ты обязан не бросать слов, сеющих недоразумения,

а точно изложить свои взгляды.

Теперь, что касается моего письма к Вардину, то я держался за живот, читая твои вопросы и недоуменья. С Вардиным я вообще не переписывался. Вдруг получил от него письмо, в котором он, ссылаясь на мои письма к Теру, выражает надежду, что и я пойду следом Сафарова и его. Одновременно я узнал от Сосновского, что и ему намекал на какие-то письма к Теру. Чтобы положить конец этому, я написал приложенное здесь письмо. Для всякого умственно не больного человека это есть самый решительный отказ. То, что это не руготня, а аргументация, от этого письмо только выиграло. Пусть Вардин его только распространяет, я ему буду только благодарен. Что касается упоминания в письме, что я полностью признаю, что Лев был не прав против Ленина в 1905 г., то разве этого Лев сам не признал? Но скажешь, зачем писать об этом в письме к Вардину. Я на свою переписку с Вардиным смотрю не как на свою любовную переписку, а как на политический акт. Почему Л. Д. [Троцкий] мог признать это в публичных заявлениях, направленных, между прочим, к сталинцам, а нельзя этого сказать левым зиновьевцам -- это для меня тайна, я не пытаюсь ее разгадать. Считаю более полезным попытаться разъяснить тебе, какое значение имеет для меня вопрос вообще о так называемом троцкизме. Теперешние наши разногласия по китайским делам требуют и в этом вопросе четкости и товарищеской откровенности. Система мыслей, которой придерживался Л. Д. [Троцкий] до 1917 года, а с ним в основном Роза Люксембург и др[угие], и я в том числе до 1914 года, не была меньшевистской, как пытаются выводить официальные "историки" большинства.

Но она в ряде существенных вопросов отличалась от ленинских взглядов. Не только это признано Л. Д. [Троцким], но и признано, что поскольку в существенных вопросах взгляды Л. Д. [Троцкого] отличались от ленинских -- прав был Ленин. Так называемая "литературная дискуссия 1924 года"⁹⁹ преследовала цель перекрыть новые разногласия, в которых Л. Д. [Троцкий] защищал интересы партии, а поэтому в окончательном счете -- ленинизм, старыми спорами. Солидаризируясь с Л. Д. [Троцким] в этой борьбе, я не только не считал, что большинство старые споры выдумало, но, наоборот, в 1924 г. в первый раз этот старый спор пережил во всем объеме и, если задать себе труд прочесть в "Портретах и памфлетах" мою статью о Парвусе¹⁰⁰, то найдешь в ней выраженное мое отрицательное отношение к тому специфическому, что было в старых формулировках о перманентке Л. Д. [Троцкого]. Льву Давыдовичу [Троцкому] не пришло в голову по этому поводу спорить. Когда Л. Д. [Троцкий] выдвинул летом прошлого года насчет Китая подобные формулировки, то и Преображенский и я сказали ему, что считаем их неправильными. Когда он в этом году в важнейшем документе выступает со взглядами, по моему глубочайшему мнению, неверными по существу, очень осложняющими наше тактическое положение, то что же, Преображенский и я должны молчать? Это бы означало делать из политического течения кружок друзей, отказываться от исполнения простейшей политической обязанности. Кто дискуссию по этим вопросам в нашей среде назовет "проработкой" Троцкого, тот

не большевик. Нельзя подчинять вопросы китайской революции и вопросы истории нашей партии -- вопросам второстепенным, как бы важны они ни были. Я убежден, что Л. Д. [Троцкий], который точку зрения Преображенского и мою сравнивал с точкой зрения Зиновьева и Каменева в 1917 г., не будет говорить о проработке, когда мы его точку зрения в китайском вопросе будем сравнивать с его точкой зрения в русских делах 1905 года. Когда это делает Сталин, то делает он это с той целью, чтобы, во-первых, прикрыть свой отход от целого ряда положений Ленина и прикрыть, что Троцкий и оппозиция правы против большинства партии во всех вопросах русской политики. Когда Сафаров выпячивает разногласия с Троцким, то он это делает для ухода от оппозиции к Сталину. Мы же боремся против ревизии платформы во имя сегодняшней оппозиции и тех тысячей товарищей, которым точка зрения Л. Д. [Троцкого] в китайском вопросе затруднит приход к оппозиции. Не мы вопрос вынесли на публичное [об]суждение. Вынес его Л. Д. [Троцкий], зная, что мы против его точки зрения, зная, что за нас все формулировки, принятые сообща всеми оппозиционерами и закрепленные в платформе. Задача теперь не в охании и ахании, которые только ухудшат положение, а в сохранении единства оппозиции, несмотря на разногласия.

Попытки проклятиями заставить Преображенского и меня молчать по вопросам первоклассного теоретического и политического значения смешны и недостойны. Несмотря на эти разногласия, мы подписали заявление Л. Д. [Троцкого], хотя мы не имели его полного текста. Это большее, чем надо, доказательство нашей воли к единству. Ваша задача бороться со всякими попытками обострить дискуссию.

Ваша задача самим добросовестно разобраться в вопросах.

Вот, дорогой Сережа, вышло громадное письмо. Я, наверно, вскоре получу с какого-то другого конца Союза вопрос, правда ли, что я написал тебе, что Л. Д. [Троцкий] съел свою бабушку, даже не посолив ее. Ну что же, если Роза [Радек] здесь будет еще (а она скоро уезжает, ибо нечего здесь скоро будет жрать), то начнем югу объяснять заново, что объяснили северу.

К. Р[адек] [8 августа]

К.РАДЕК. ПИСЬМО ИЩЕНКО101

Дорогой тов. Ищенко, после получения заключительной главы заявления Л. Д. [Троцкого] я две недели ждал полного текста. Я его не получил. Несмотря на это, я послал ту же самую телеграмму, что и Смилга. Вот причины: при наших разногласиях в оппозиции надо самому себе твердо сказать, что эти разногласия для того, чтобы разойтись, или же для того, чтобы пытаться их преодолеть и пытаться идти совместно¹⁰². Решение зависит от того, важнее ли то, что разделяет, или то, что объединяет. Я без всяких колебаний говорю, что важнее то, что объединяет. Оппозиция была права в основном до XV съезда, и она права в основном и теперь, несмотря на все, в чем неправ тот или другой оттенок. До XV съезда развитие партии шло направо. Борьба за хлебозаготовки задержала это развитие, причем свою роль сыграла, конечно,

наша старая борьба. Июльский пленум есть поворот направо. Он не восстанавливает старого положения. Ибо главный результат событий 1928 г. есть усиление дифференциации в партии. Ошибались те, которые не хотели видеть сдвига налево. Л. Д. [Троцкий] этот сдвиг видел, и его письмо от 9 мая давало эту оценку нового, которая являлась минимумом необходимого для единства оппозиции на новом этапе. Смысл моих настаиваний состоял в том, чтобы подготовить оппозицию к шагу навстречу центру, если он пойдет дальше налево. От пошел не налево, а направо. Из этого вытекает для меня следующее: не ставя креста над дальнейшей борьбой за массы центра, а даже ставя эту борьбу как задачу, мы должны усилить критику центра. Я думаю, что Л. Д. [Троцкий] прав, когда пишет, что никогда опасность справа не была так велика. Когда я писал, что нет простого восстановления прошлого, то это означало, что нет его и для правых. Если хлебозаготовки кончатся новой неудачей, то это усилит, толкнет, с одной стороны, части центристов налево, но и стремление правых пойти решительно направо. Второй раз нельзя будет применять параграф 107-й103, отказавшись торжественно от него перед лицом всей страны, без решительного поворота во всей политике, а если откажутся от его применения, несмотря на неудачу хлебозаготовок, то должны будут идти на новые крупные уступки кулаку. Так обстоят дела, и поэтому единство оппозиции более необходимо, чем когда-либо. Поэтому я не согласен ни на какие дальнейшие авансы центру. Если он при новом повороте будет драться, то тогда будет время принять новые решения. Проект программы Коминтерна никуда не годен. Он в теоретической части ухудшает положение, поднимая до высот теории лозунг социализма в отдельной стране. Практически он не говорит, как вести правильную коммунистическую политику в странах, где нет непосредственно революционного положения. Если бы я был на конгрессе, я, несмотря на все это, голосовал бы за программу, дав предварительно решительную критику. Но зачем я, не будучи на конгрессе и будучи исключенным, должен вперед поздравлять с принятием программы, содержащей неленинские положения? Никуда это не годится. Я не согласен с Л. Д. [Троцким] в китайских делах. Буду с ней бороться¹⁰⁴. Но разве ошибка Л. Д. [Троцкого] в этом вопросе определяет удельный вес оппозиции? В 1927 году были месяцы, когда мы, рискуя всем, должны были пытаться спасти голову китайской революции. Она на этом этапе бита, и много воды утечет в Янцзы, пока снова встанут китайские вопросы как главные. Теперь идет борьба за голову русской революции, и тут мы все в основном едины. Тут наши леваки, пока не перешли известной грани, в сто крат ближе, чем самые левые центристы. Я не дам себя терроризировать и буду бороться против настроений, которые ведут к ревизии платформы.

Момент такой ревизии пришел бы только тогда, когда бы мы совместно с В. М. Смирновым решили, что ВКП(б) труп, т. е. что Октябрьская революция труп. Мы этого не думаем и поэтому остаемся на почве платформы. Но оставаться на почве платформы это означает видеть те опасности, которые она сигнализирует и, видя их, сохранить единство оппозиции. Я глубоко убежден, что если бы Л.

Д. [Троцкий] заблаговременно разослал проект своего заявления, то мы сговорились бы на одном тексте и, несмотря на разногласия в оттенках, Смилга и я не подали бы своего заявления. Не имея текста, мы подали свое. Оттенки получили официальное выражение, но это не должно было помешать солидаризироваться в основном с заявлением Л. Д. [Троцкого], которое подписали все ссыльные товарищи, ибо эта подпись для всякого означала одно: вы нам, ленинцам-большевикам, мешаете выправлять свои разногласия, мы их не скрываем, но мы все-таки один отряд, борющийся за реформу партии и сов[етской] власти, и вам нас не разделить. Я советую Вам послать такую телеграмму конгрессу. Поворот направо властно этого требует. Всякие другие соображения должны отступить на задний план. Евгений Алексеевич [Преображенский] тоже намерен был это сделать.

Жму Вашу руку, пишите.

К. Р[адек]

Томск, 8 августа 1928 г.

Г. ПРОЗОРОВСКАЯ105. ЕЩЕ РАЗ О "ЛЕВОМ КУРСЕ"

Развернувшиеся события последнего времени, получившие свое завершение в решениях июльского пленума,-- решениях, которые означают неприкрытую победу правых над центристами,-- заставляют еще раз призадуматься: что же, в сущности, представляет из себя этот нашумевший "левый курс"?

Назвать его просто "наваждением"? Утверждать, что никакого "левого курса" не было, вообще ничего не было, был, как у гоголевского Поприщина106, "день без числа" (из письма тов. Дашковского)? Это хотя и звучит остроумно, но означает в лучшем случае лишь естественную реакцию против слишком неосторожных увлечений "левым курсом", которые наблюдались у некоторых наших товарищей, а в худшем случае -- лишь желание отмахнуться от явления, которое необходимо понять и разъяснить.

"Левый курс" центристов является рефлексом каких-то объективных причин, лежащих в основе классовых отношений, -- это несомненно. И эти причины, эти соотношения социальных сил необходимо вскрыть и объяснить.

До последнего времени все товарищи, признававшие "левый курс" (как те, которые непомерно им восторгались вместе с товарищами Радеком и Преображенским, так и те, которые относились с должным скептицизмом к его "левизне"), сходились в одном: "левый курс" означает резкий перелом (оптимистическая оценка) или робкие шаги, зигзаги (умеренная оценка) на пути выправления политической линии, поворота, сдвига в сторону пролетариата. Ведь когда мы все толковали о "левом курсе", то нас интересовал в первую очередь вопрос о его "левизне" исключительно с точки зрения возможности поставить знак равенства между этой "левизной" и пролетарской линией. Знака равенства никто из нас не поставил, но все же мы трактовали все эти шаги и зигзаги как приближение к правильному пролетарскому пути.

Пересмотрев еще раз внимательно, в свете последних событий, перечень всех намеченных весной "левых" шагов, который (наряду со всеми другими

товарищами) был сделан мной в конце мая с. г., приходится на этот раз прийти к печальному выводу, что, во-первых, от всех "левых" начинаний почти ничего не осталось и, во-вторых, что и осталось, ничего решительно пролетарского в себе не заключает (боюсь, что навлеку на себя негодование и обвинение в каком-нибудь "уклоне").

Привожу свой старый перечень "левых" шагов.

107-я статья -- отменена июльским пленумом. Хотя апрель-ский пленум тоже постановил отменить ее, тогда это не имело такого политического значения. Именно одновременная отмена 107-й ст. и повышение хлебных цен указывает, что ЦК сошел с "левого" пути административного нажима на кулака и вступил на правый путь изъятия хлеба у последнего посредством повышения цен.

Оживление колхозного движения. Во-первых, резолюция пленума выдвигает на первый план индивидуальное крестьянское хозяйство -- это знаменует победу правых и сдачу позиций центристов. Во-вторых, само оживление колхозного движения при своем недавнем бурном расцвете (на страницах "Правды" и других периодических изданий), и при теперешнем его спаде имеет, на мой взгляд, глубокие объективные причины, ничего общего не имеющие с поведением центристов именно в сторону пролетарской линии.

Спрашивается, что чему предшествовало: новый курс в колхозной политике как в расширительном толковании "левой" весны, так и в духе резолюций XV съезда -- стихийному, идущему из глубин деревенской жизни колхозному движению, или это стихийное крестьянское движение есть результат "левого курса"? Все факты говорят за первое. Интересно сопоставить следующие цифры: Госплан проектировал прирост колхозов за пятилетие на 13,3 тыс., контрольные цифры на 1927-1928 гг. предполагали прирост колхозов по Союзу в сравнении с прошлым годом на 3,6%, или увеличение с 18011 до 20464 единиц, а фактическое число колхозов без всяких Госпланов и контрольных цифр (и без малейшего участия "левого курса" и даже XV съезда) увеличилось за первое полугодие 1927 -- 28 г. на 15849, т.е. почти удвоилось.

Что это означает? А то, что могучий рост колхозного движения отражает не "левые" намерения ЦК, отражающие, в свою очередь, нажим пролетариата. Нет, это движение есть стихийное движение самого крестьянства, т.е. мелкой буржуазии, убедившейся на жестоком опыте последних лет в невозможности выкарабкаться из трясины пауперизма, опираясь на развитие своего мелкого индивидуального хозяйства.

Об этом заговорили сейчас многие на страницах печати, вроде Ксенофонтова, Карпинского и др[угих], за что и обрушились на них громы и молнии правых молодчиков -- Астровых, Марецких и пр. Об этом говорит, например, в своем докладе в президиуме Госплана СССР работник Укрсовхозтреста Маркевич следующее:

"Я позволю себе обратить ваше внимание на несколько цифр, которые чрезвычайно ярко характеризуют наше нынешнее крестьянское хозяйство и достаточно убедительно свидетельствуют о том, что индивидуальное крестьянское хозяйство не имеет никаких перспектив дальнейшего развития

своих производительных сил. Мы имеем на Украине 49% дворов с площадью посева до 3 дес. Средняя площадь посева этих хозяйств -- 1,9 дес. на двор; 64% этих дворов лишены тяговой силы -- безлошадные. Но если бы эти безлошадные дворы приобрели по одной лишь лошадке, мы имели бы в этой группе дворов 63 лошади на 100 дес. посева, т. е. такое количество лошадей, которое поглотило бы весь урожай этих хозяйств. Этот пример я счел нужным привести даже на таком авторитетном собрании, чтобышний раз подчеркнуть всю экономическую абсурдность и несостоятельность продолжающихся и донныне разговоров о возможности уничтожения безлошадности при условии сохранения индивидуального крестьянского хозяйства. Это абсолютно невозможно, это вреднейшая утопия, о которой серьезно и разговаривать нельзя -- которая стоила и стоит нам больших денег в настоящее время" (сборник Наркомзема 107 "Пути обобществления сельского хозяйства", вып.1, с. 8).

Вступая в широком масштабе в колхозы, крестьянин, бедняк или середняк, делает это не потому, что он наслушался нашей агитации о "кооперации -- столбовом пути к социализму" (характерно, что к моменту оживления колхозного движения агитация за колхозы и совхозы со стороны парторганизаций и в городе и в деревне совершенно затихла), а потому, что это единственный выход из создавшегося для него положения. Следует отметить, что 13 тыс. колхозов, возникших за первое полугодие 1927-1928 г., в подавляющем большинстве являются первичными объединениями, ничего общего с социализмом не имеющими и представляющими субъективно во многих случаях для крестьянина попытку временного использования всех государственных льгот для перехода в дальнейшем снова на путь индивидуального хозяйства.

Между прочим, тот же Маркевич в том же докладе дает следующую интересную характеристику этих первичных объединений:

"У нас полагают, что объединение пяти-шести дворов, из которых один имеет лошадь, другой -- плуг, третий -- борону и т. д., имеющих целью совместное использование этого инвентаря для более успешной обработки своих пяти-шести клочков земли -- что это и есть крупное сельскохозяйственное производство. Это мнение глубоко ошибочно; это тоже одно из заблуждений, которое стоит нам немало труда и средств. Такие объединения являются обычно крестьянской супрягой, существующей веками, принявшей у нас сейчас несколько иные, более сложные формы, но которая сама по себе не приведет нас никогда к крупному сельскохозяйственному производству. Через супрягу к социализму -- вреднейшая эсеровская утопия, которая, к сожалению, до сих пор засоряет умы многих наших земельных работников. Я считаю необходимым остановиться на этом по той причине, что подавляющее большинство машинно-тракторных товариществ и товариществ по общественной обработке земли, которые причисляются к крупному сельскохозяйственному производству, представляют собой фактически ту же супрягу, но принявшую более сложную форму: там объединяются не 4 двора, а, скажем, 14 дворов, но принцип супряги остается в полной силе" (там же, с. 9).

Существеннейшим доказательством, что нынешнее колхозное движение -- и

снизу, стихийное, и сверху, декларированное ЦК,-- ничего общего с ленинским путем к социализму не имеет, является старое гибельное игнорирование темпа промышленного развития. Деревенская кооперация без соответствующего темпа индустриализации -- ведь это пока что пустая оболочка, могущая в скором времени наполниться отнюдь не социалистическим содержанием. Наши пропагандисты и проработчики,

с пеной у рта доказывая социалистичность современных форм сельского кооперирования, не устают тысячи раз сослаться на статью Ленина "О кооперации"¹⁰⁸, но почему-то никогда не дают себе труда привести следующие знаменательные слова: "При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т. е. рабочему классу" (Ленин, т. XVIII, ч. 2, статья "О кооперации"); или следующие: "На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того -- какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно простым, легким и доступным для крестьянства" (там же).

Когда Ленин писал, что "кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом", вряд ли требуется много доказывать, что он имел в виду кооперацию со средствами производства, принадлежащими или имеющими тенденцию принадлежать государству, т. е. рабочему классу, но уж ни в коем случае не наши машинные, молочные и др[угие] товарищества, сплошь да рядом, -- теперь уже и по официальным данным, -- захваченные кулаками, т. е. маленькими капиталистами, ни в лучшем случае бедняцко-средняцкую "супругу".

Итак, повторяю, по моему глубокому убеждению, современное колхозное движение есть движение мелкой буржуазии и поддержка его сверху "левым курсом" без одновременного усиления темпа развития промышленности ничего общего с пролетарской линией не имеет. А победа на июльском пленуме идеи о приоритете индивидуального крестьянского хозяйства объективно есть победа кулацкого, т. е. капиталистического влияния.

3. Новая совхозная политика. Сдвиг в этом вопросе имеет как будто более серьезный характер. Идея организации в ближайшие 4 -- 5 лет 125 гигантов-совхозов ("хлебных фабрик"), имеющих в среднем по 30 тыс. дес. земли каждая и дающих к 1931 -- 32 г. 40 тыс. тонн нового товарного хлеба, принадлежащего целиком государству, -- эта идея уже вступает в сферу своего практического осуществления. Интересный материал по этому вопросу можно найти в цитированных мной выше сборниках "Пути обобществления сельского хозяйства", издаваемых Земпланом Наркомзема РСФСР.

Но есть ли эта новая совхозная политика пролетарская политика? Здесь возникают самые серьезные сомнения. То, что в конечном счете она идет на пользу пролетариату,-- в этом не мо-

жет быть ни малейшего сомнения. Всякое крупное хозяйство есть выгода для рабочего класса. Не так, конечно, стоит вопрос. Вопрос стоит так: пролетарская ли это политика по своему существу, по своему субъективному содержанию? На мой взгляд, нет, поскольку новая совхозная политика не увязана с общей политической линией.

Последнее время, особенно после июльского пленума, вопросы промышленности и рабочей политики не только не выступили на первый план, не только не привлекли к себе соответствующего внимания, но, напротив, отношение к ним со стороны руководящих парторганов изменилось к худшему. Во-первых, диспропорция между развитием сельского хозяйства и промышленности, имеющая свое реальное выражение в товарном голоде и объяснявшаяся прежде (не только оппозицией, но и самыми яркими сторонниками ЦК) отставанием роста промышленности от роста сельского хозяйства, нашла теперь совершенно противоположное объяснение: оказывается, сельское хозяйство отстает в своем развитии от промышленности. Во-вторых, все передовицы "Правды" и "Экономической жизни", посвященные промышленности, не устают твердить о необходимости (даже в связи с повышением хлебных цен) усилить напряженность работы, снизить себестоимость -- причем последнее неразрывно связывается с новым нажимом на производительность, т. е. на интенсивность труда, -- повысить "труддисциплину" и т. д.

В частности, интересно отметить, как одна из последних передовиц "Правды" негодует и возмущается теми, которые полагают, что "самокритика и снижение себестоимости, связанное с подъемом труддисциплины и усилением интенсивности труда рабочего, противоречат друг другу". Одно можно сказать: часто нашим хозяйственникам приходится сейчас попадать между молотом и наковальной. С одной стороны, самокритика: "не смей обижать рабочий класс, кровопийца, тиран ты этакий" -- а с другой стороны: "снижай себестоимость, гони интенсивность, не давай зарплате расти быстрее производительности труда, повышай "труддисциплину", смотри в оба, чтобы не лодырничали, не воровали, а потому обыскивай рабочих, заставляй их -- "полноправных хозяев промышленности" -- выбивать на изделиях: "эта вещь украдена на таком-то заводе" и т. д. и т. п. Правда, следует добавить, что статья Рыкова "О самокритике", берущая под свою защиту хозяйственников, указывает на подходящий выход: всеми правдами и неправдами проводить "социалистическую" рационализацию и плевать на всякую самокритику.

Наиболее откровенно определяет отношение "левого курса" к рабочему вопросу Молотов в своей статье "К текущему моменту" ("Правда" от 5.VIII.28 г.), где говорится:

"В этом вопросе (повышение хлебных цен) в данный момент рабочий класс должен был сделать известную практическую уступку середняку. Эта уступка связана с тем, что пролетарское государство должно будет поступиться некоторой частью своих накоплений в пользу производителей хлеба, главная

масса которых -- середняки. Надо прямо сказать об этой уступке середняку со стороны пролетариата, дабы правильно взвесить возможные ее размеры, посылные ее пределы. Конечно, эта уступка не должна затронуть основной массы накоплений (этого бы еще не хватало -- Г. П.) пролетарского государства, направляемой на осуществление социалистической индустриализации, быстрый темп которой диктуется нашей стране всей внутренней и внешней обстановкой. Но в конце концов, именно за счет части этих накоплений (плюс за счет всякого рода экономии) только и возможно повышение хлебных цен. В этом смысле можно говорить о том, что повышение заготовительных цен (и возможное, в связи с этим, повышение цен на некоторые технические культуры) связано с известными жертвами со стороны рабочего класса".

Дальше Молотов признает, что кризис хлебозаготовок в этом году объясняется в основном тем, что "деревня экономически окрепла, причем особенно окрепла ее кулацкая и зажиточная верхушка и этот социально-экономический факт обусловил возможность более настойчивой защиты интересов деревни на том участке смычки с городом (хлебном участке), на котором до сих пор оставалось наименее благоприятное соотношение цен". Итак, уступка середняку и кулаку, т. е. мелкой буржуазии и капиталистам за счет новых жертв пролетариата; что-то это очень мало похоже на выпрямление пролетарской линии...

То же самое можно сказать и о других моментах основной политической линии ЦК. Международные вопросы (проект программы К[оммунистического] И[нтернационала] -- "катастрофа", по выражению Л. Д. [Троцкого], речь Бухарина на конгрессе, вызвавшая общее одобрение), внутривнутрипартийная демократия, в частности, прежнее отношение к оппозиции (аресты, ссылки) -- ничто решительно не дает повода толковать о действительном, хотя бы слабом выпрямлении политической линии в сторону пролетариата. А если это так, то вся совхозная политика остается висеть в воздухе. И невольно напрашивается вопрос: разве взятая сама по себе идея организации крупных государственных зерновых фабрик является непременно пролетарской? Разве теоретически, при национализации земли, даже в буржуазном государстве (ведь идея национализации земли по Ленину есть идея законченной буржуазной революции) не могли быть созданы государственные капиталистические хлебные фабрики? И если современное центристское руководство, непрерывно колеблющееся

между буржуазией и пролетариатом, начнет проводить новую совхозную политику хотя бы даже всерьез и надолго -- означает ли это серьезный шаг в сторону пролетариата? Отнюдь нет. Хотя, повторяю, объективно эта политика, кроме пользы в смысле укрепления и усиления позиций рабочего класса, ничего другого не принесет.

Повышение налога на 1928 -- 29 г. аннулировано повышением хлебных цен,

принятым на июльском пленуме.

Новый закон о землепользовании¹⁰⁹ начинает проводиться, но... опять-таки взятый сам по себе, при общей неправильной линии, он означает только уступку мелкой буржуазии.

Это все насчет деревни. По поводу города ни у меня, ни у кого из товарищей (правда, есть и исключения) никаких "иллюзий" о "левом курсе" не было. Сущность самокритики обнаружилась теперь для всех (кажется, уже для всех) с полной очевидностью, об этом уже многие писали и толковали и повторяться не стоит. Шахтинское дело, роспуск Конъюнктурного института НКФ¹¹⁰, борьба (хотя пока только больше на бумаге) с водкой? Все это, правда, есть, но... из этого и всего сказанного выше вытекает одно: "левый курс" с начала своего зарождения и кончая июльским пленумом есть шатание центризма то "налево", то направо; "налево" -- к середняку, к мелкой буржуазии; направо -- к кулаку, к буржуазии. Ничего решительно пролетарского в этом "левом курсе" нет.

Отдельные, хотя и робкие, нерешительные, но правильные мероприятия, стоящие в непреодолимом противоречии с другими мероприятиями центристского руководства, стоящие в противоречии со всей генеральной его линией, могут, в лучшем случае, означать сдвиги от буржуазии, от кулака к мелкой буржуазии, к середняку и бедняку, но никак не сдвиги в сторону пролетариата.

Здесь я вкратце остановлюсь на основной ошибке тов. Преображенского, приведшей его в чрезмерно благодушное настроение (благодушие, конечно, прекрасная черта в личной жизни -- я сама не люблю злых людей, -- но в политике вещь часто совсем не подходящая) по поводу "левого курса". В одном из своих писем (к тов. Ищенко) он пишет между прочим: "Мы так скомпрометировали правую политику, что отрезали путь отступления ЦК в эту сторону, эта опасность была устранена" (а решения июльского пленума? -- Г.П.). "Термидор не состоялся, надо радоваться этому и идти на сближение с партией"... "Мы констатировали уменьшение наших разногласий с ЦК по ряду актуальных вопросов международной и внутренней политики"... "Мы готовы приложить все наши усилия к поддержке всякого шага ЦК по пути ленинской политики. Мы хотим примириться с большинством

партии на основе проведения нового курса. Просим конгресс вернуть нас в партию, в рядах которой мы лояльно и искренне (так и напрашивается написать "смирненно" -- Г. П.) осуществим наше обязательство не прибегать к фракционной деятельности".

Эта основная ошибка заключается, на мой взгляд, в том, что "левый курс" тов. Преображенский рассматривает не диалектически, представляя его как сумму простых слагаемых. По тов. Преображенскому, "левый курс" -- это: 1) политика Коминтерна плюс 2) политика в деревне плюс 3) внутрипартийный режим плюс 4) вопросы индустриализации и рабочий вопрос. Тов. Преображенский рассматривает все эти пункты по очереди, каждый из них в изрядной доле переоценивает в смысле его подлинной пролетарской левизны и с удовлетворением откладывает коробочку. Таким образом он складывает три

первых пункта: политику Коминтерна, деревенскую политику и внутривнутрипартийный режим. Все эти пункты в основном у тов. Преображенского выдержали экзамен на "пролетарскую левизну". Под сомнением остались промышленность и рабочий вопрос; и, несмотря на это сомнение, тов. Преображенский торопится "примириться с большинством партии на основе проведения нового курса" (где и когда он проводится? Что-то не приметно -- Г.П.). Если даже согласиться с тов. Преображенским насчет "левизны" первых трех пунктов (а с этим согласиться никак нельзя), то и в этом случае тов. Преображенский не прав, говоря о проведении "левого курса". Новый "левый курс", если бы он существовал в действительности, являлся бы неразрывным целым во всех его отдельных частях. Нельзя рассматривать крестьянскую политику, с одной стороны, проблему промышленности и рабочий вопрос, с другой, как простые слагаемые, которые можно механически складывать или вычитать -- ибо под понятиями "крестьянская политика", "промышленная политика", "рабочая политика" скрывается определенное соотношение классов.

Нельзя, с одной стороны, наступать на кулака, брать под защиту мелкую буржуазию, а, с другой стороны, продолжать нажим на рабочий класс, продолжать игнорировать основу его политической и экономической мощи -- промышленность -- и называть это пролетарским курсом или даже серьезным сдвигом в сторону последнего. Поворот ЦК в сторону пролетариата, имеющий своим результатом "принесение новых жертв со стороны пролетариата"? Что-то получается совсем, совсем негладко... И совсем не убедительно звучит у тов. Преображенского утверждение, что ради вящего доказательства, что ЦК проводит свою собственную политику, а не оппозиционную, он принужден держать оппозицию в ссылке. Я полагаю, что если бы в действительности произошел левый поворот, при котором мы должны были бы

идти на примирение (слово неподходящее, не из политического лексикона) с большинством партии, все эти личные, субъективные методы отпали бы сами собой. А то ведь можно подобно тов. Радеку договориться до того, что, "неся ответственность за режим внутри партии и боясь этой ответственности, большинство продолжает политику борьбы против левой, в которой видит возможных конкурентов в руководстве партии" (из проекта заявления VI конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала] тов. Радека).

Представлять себе борьбу правого и левого крыла в партии как борьбу конкурентов (?? -- Г. П.) -- это значит или позабыть азбучные истины марксизма, или же отводить оппозиции какую-то странную, не подходящую ей роль.

Странное противоречие получается у тов. Преображенского между его наставлением оппозиционному молодняку о необходимости приобрести побольше политического опыта (преданность, стойкость -- все это без определенного политического опыта может сыграть и отрицательную роль) и заключительной фразой предлагаемого им заявления конгрессу: "Просим конгресс вернуть нас в партию, в рядах которой мы лояльно и искренно осуществим наше обязательство

не прибегать к фракционной работе".

Нельзя тов. Преображенскому с его политическим опытом давать искренне подобные обещания без всякого намека на какую-либо оговорку. Ведь тов. Преображенский лучше нас, оппозиционной молодежи, знает, что в настоящий момент единства в партии нет. Если совсем сбросить со счета оппозицию, то и тогда останется два борющихся между собой враждебных крыла: левое, центристское, и правое, устряловское или полу-устряловское. Борьба между ними, начавшись с верхов, начинает охватывать и пронизывать всю партию вплоть до ее конечных звеньев -- ячеек. Если даже, поверив в серьезность левых намерений центристов, искренне и крепко протянуть им руку, то и тогда ведь придется уже вместе с ними бороться против правых. А разве борьба с правыми, борьба за отвоевание партии на первых порах будет вестись на основе всеобщего единства, без необходимости прибегать к фракционной борьбе?

В партии в настоящий момент нет внутрипартийной демократии, нет единства, ее треплет лихорадка, а тов. Преображенский обращается к конгрессу Коминтерна -- в котором тоже ведь есть и правые и левые, и тоже нет единства, нет внутрипартийной демократии -- с обещанием не заниматься фракционной деятельностью. Все это звучит совсем не убедительно и даже совсем непонятно.

Возвращаюсь к "левому курсу". Объективные причины, его породившие, следующие:

а) Хлебозаготовительные затруднения, которые показали, во-первых, сопротивление кулака, наступление экономически окрепшей деревенской буржуазии (наступление буржуазии нашло свое отражение и в Шахтинском деле и во многом другом) и, во-вторых, лишний раз показали крайнюю отсталость и убожество индивидуальных середняцких и бедняцких хозяйств. Центристское руководство шарахнулось на первых порах "влево", т. е. в сторону мелкой буржуазии: 107-я статья, идея коллективизации и т. д. После июльского пленума оно снова метнулось вправо, т. е. в сторону кулака: выдвижение на авансцену индивидуальных хозяйств, повышение хлебных цен, отмена 107 ст.

б) Пассивное недовольство рабочего класса, нашедшее свое выражение в неорганизованных стачках, выступлениях на общих собраниях, во враждебном отношении к коммунистам на производстве и, наконец, в политическом выступлении небольшой части партии -- оппозиции.

Под напором этих двух факторов, которые представляют в сущности две стороны одного и того же явления -- наступления буржуазии и слабой попытки контрнаступления пролетариата -- центристское руководство сделало попытку повернуть влево и даже обернуться лицом к рабочему классу (самокритика в самом широком смысле этого слова), но попытка эта осталась висеть в воздухе. Повторяю: если и произошли некоторые робкие зигзаги "влево", то дальше интересов мелкой буржуазии они не пошли.

Теперь несколько слов о самом центризме. Под центризмом мы привыкли понимать течение в рабочем классе, колеблющееся между последовательным марксизмом и ревизионизмом. Если оппозицию причислить к последовательному

марксизму, то роль ревизионистов достанется правому крылу. Но тогда на первый взгляд покажется, что и наши центристы и наши ревизионисты ведут подчас более правую, более соглашательскую политику, чем это полагается им по чину. Это явление, несомненно существующее, является, на мой взгляд, результатом особенного, нигде не имеющего места положения, занимаемого нашей компартией: именно, наша русская компартия находится у власти, является авангардом советского государства. Отражая в себе интересы различных социальных групп страны, она ставит все вопросы резче, грубее: ведь она не только ставит их, но и разрешает. Центризм на Западе, где у власти стоит буржуазия, участвуя в политической борьбе, но будучи совершенно устранен от ведения народного хозяйства в целом, наружно выглядит левее нашего центризма, который каждый свой правый уклон не толь-

90

ко защищает, не только распространяет среди рабочего класса, но, находясь у власти, немедленно его осуществляет в реальной действительности.

10 августа 1928 г.

Добавление

Возражения товарищей сводятся к двум положениям или, вернее сказать, к одному. "Левый курс это есть шатание между пролетариатом и мелкой буржуазией, и совершенно непонятно, почему 107 ст. и прочие "левые" мероприятия у меня являются шагом в сторону мелкой буржуазии, а отмена 107 ст. и повышение хлебных цен шагом в сторону буржуазии ("какой -- крупной"?).

Во-первых, непонимание происходит потому, что товарищи ставят за одни скобки бедняка, середняка и кулака, объединяя их одним термином "мелкая буржуазия". Я же их резко расчленяю и под термин "мелкая буржуазия" подвожу бедняка и середняка. Кулак же, как неоднократно повторял Ленин, это маленький капиталист, и я его причисляю к буржуазии. Я полагаю, что термин "мелкая буржуазия" отличается от термина "буржуазия" не количественной стороной, а иным социальным содержанием. "Мелкая буржуазия" источником своего накопления имеет в основном собственный свой труд, а не эксплуатацию, это начало, преддверие капитализма, но еще не капитализм. Кулак же, получающий прибыль за счет наемного труда, отличается от "настоящего" капиталиста лишь количеством своего накопления.

Но суть дела даже не в терминах. А суть в том, что я утверждаю, что повышение хлебных цен, при одновременном отстранении коллективизации и неправильной антипролетарской политике в области промышленности, есть несомненно шаг в сторону кулака.

А коллективизация при наличии антипролетарской промышленной политики,

при отсутствии надлежащего темпа индустриализации, при покровительстве наипростейших форм кооперирования, при наличии одновременно нажима на рабочий класс ничего общего с ленинским планом (кооперативным), т. е. с пролетарской линией, не имеет, а отражает интересы середняка и бедняка (по моей терминологии, мелкой буржуазии). Особенно характерным и симптоматичным я считаю то, что колхозное движение началось не сверху, а снизу, с толщи самих мелкобуржуазных масс. И потому, на мой взгляд, совершенно неправильным является следующее возражение: "поэтому праздным является вопрос: что раньше -- колхозное движение изнутри или прокламированное ЦК". Вопрос не праздный, а имеющий решающее значение. Почему ЦК выдвинул лозунг коллективизации, потому ли, что под влиянием пролетариата стал на путь выпрямления своей классовой линии, или главным образом, потому что середняк и бедняк (т. е. мелкая буржуазия) нажали (идеологически)? В последнем случае нам становится понятной и вся общипанная и куцая идея коллективизации, ничего общего с планом Ленина не имеющая.

[Высказываются] опять-таки возражения, что "левые мероприятия не являются шагом в сторону мелкой буржуазии, ввиду того что следует их брать исключительно "в аспекте откуда растут". "В аспекте" это вовсе не значит всего по кусочкам, сначала немножко кооперации без развития промышленности (соответствующего темпа), затем немножко ускорения темпа развития промышленности, сначала нажимать на рабочий класс, затем не нажимать и т. д.

Конечно, если бы стихийное, изнутри идущее колхозное движение встретило сверху классово-пролетарскую поддержку, тогда, может быть, оказался [бы] в самом деле праздным вопрос "что сначала", но в том-то и дело, что центристское руководство просто оказалось в хвосте мелкой буржуазии (середняка и бедняка), которой в известных условиях могут быть выгодны коллективные формы хозяйства, но которая предпочитает простейшие виды кооперирования, которая интересуется развитием промышленности постольку-поскольку и которая не прочь порой нажать и на рабочий класс.

Мне пишут: "...большинство шатается не между мелкой буржуазией и капитализмом, а между пролетариатом и мелкой буржуазией. Это и есть сущность термидора в отличие от открытой контрреволюции". Тут вообще какая-то путаница, причем тут термидор и "левый курс"? Ведь мы-то в настоящий момент у нас термидора не признаем, и неужели и при наличии термидора будет существовать центристское руководство, которое будет колебаться между пролетариатом и мелкой буржуазией? Станный какой-то получается "термидор".

Но, во-первых, я не говорила, что большинство вообще шатается между мелкой буржуазией и буржуазией, во-вторых, я не согласна, что большинство вообще шатается между пролетариатом и мелкой буржуазией. Я уже писала в тезисах, что колебание центризма исключительно в пределах пролетариата -- мелкой буржуазии, на мой взгляд, возможно лишь в том случае, когда центризм не вынужден свои колебания непосредственно проводить в жизнь, оказывая этим влияние на известное соотношение классов.

В нашей платформе¹¹¹ черным по белому написано: "В стране

существуют две исключаяющие друг друга основные позиции. Одна позиция пролетариата, строящего социализм, другая -- по-

зиция буржуазии, стремящейся повернуть развитие на капиталистические рельсы" (с. 9).

И дальше: "Между этими двумя позициями все ближе к первой -- проходит сталинская линия, состоящая из коротких зигзагов влево и глубоких вправо" (с. 10). Значит, влево к пролетариату, вправо к буржуазии, что здесь подразумевается буржуазия, а не только мелкая буржуазия подтверждается еще дальнейшим разъяснением первой позиции. "Лагерь буржуазии и тех слоев мелкой буржуазии, которые тянутся за ней, возлагает все свои надежды на частичную инициативу и личную заинтересованность товаропроизводителя" (с. 9).

И, повторяю, при наличии центристов у власти, у руля государственного управления иначе и быть не может. Что означает конкретно в действительности, что центризм повернул вправо к полуустряловским и устряловским элементам в нашей партии? Это значит, что он стал частично проводить их идеи в жизнь, и если мы утверждаем [, что] эти элементы отражают влияние буржуазии (не мелкой, а просто буржуазии), то тем самым мы должны признать, что, проводя эти идеи в жизнь, центризм хотя и частично и нерешительно, но все же претворяет в кровь и плоть [программу] буржуазии и тем самым объективно укрепляет ее позиции. Иначе быть не может.

И путь "левого курса" мне рисуется следующим образом: центризм колеблется между пролетариатом и буржуазией. В последние годы наблюдался сильный крен направо, т. е. в сторону буржуазии (главным образом, деревенского кулака). Под влиянием сложного переплета объективных факторов (наступление кулака, одновременно контрнаступление пролетариата, колхозное движение бедняка и середняка) центризм сделал зигзаги налево, в сторону пролетариата. Но последний оказался настолько слабым, настолько нерешительным и связанным давлением справа, что объективно даже в самый наивысший момент своего расцвета "левый курс" дальше мелкобуржуазных интересов не пошел. Отказавшись от ставки на кулака, центризм повернулся было лицом к пролетариату, но застрял по дороге в сетях мелкой буржуазии.

Я не претендую, что все это абсолютно правильно, но при таком понимании "левого курса" я все же могу связать концы с концами. А вот если утверждать, что центризм колеблется у нас между пролетариатом и мелкой буржуазией, значит, он всегда должен быть настроен левее мелкой буржуазии. Ну, а лозунги, которые были, к сожалению, не только лозунгами, а претворялись в жизнь, вроде "обогащайтесь", "врастание кулака в социализм", "бедняк -- это лодырь" и весь этот поворот к кулаку, как это объяснить политикой центризма, которая должна быть все-

гда левее политики мелкой буржуазии? Вообще же, я очень бы желала, чтобы мне посOLIDнее возразили или даже разбили по этому пункту, если я в

самом деле съезжаю в какой-нибудь "уклон".

Г. П[розоровская]

ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ НА ИЮЛЬСКОМ ПЛЕНУМЕ¹¹²

Дорогой товарищ.

Мне [не] удалось внимательно прочесть ни самой программы Коминтерна, ни дискуссионных статей. Даже существеннейшая критика программы мною умышленно не была прочитана, чтобы наиболее объективно и возможно тщательней передать свое впечатление о докладе Бухарина (программа К[оммунистического] И[нтернационала]) и прениях по нему, бывших на июльском пленуме ЦК.

"Дать слово, не ограничивая времени, но только так, чтобы до обеда кончить",-- так голос с места аншлагировал доклад Бухарина.

Сегодня (17 августа) в "Правде" опубликован доклад Б[ухарина] на конгрессе К[оммунистического] И[нтернационала], поэтому выпускаю все, что там имеется. Общий порядок тот же.

Докладчик начинает с указания, что делает программный доклад третий раз (IV конгресс, V конгресс, пленум ЦК). Делает три замечания: 1) что в нашей среде "нет сколько-нибудь серьезных разногласий" по существу, по самой глубокой теоретической подоснове программы. Например, вопрос о накоплении капитала и теорий Розы Люксембург¹¹³ "решен уже в нашем смысле этого слова; по крайней мере, круг сторонников теории Р. Люк[с]ембург[а] в последнее время значительно сузился"; 2) что "придется ограничиться в анализе только главными поправками" из поправок программной дискуссии; 3) что "в развитии самой действительности произошел целый ряд" изменений, которые должны были найти отражение в программе.

Как создавался проект программы: сеньорен-конвент¹¹⁴ последнего расширенного заседания пленума ИККИ поручил составление наброска делегации ВКП в И[сполк]к[оме] Коминтерна. "Для выполнения этого решения была назначена комиссия Политбюро, которая выделила из своей среды подкомиссию в составе Сталина и меня. Мы еще раз разработали этот проект и довели его до того примерно вида, в котором он представлен теперь. Этот проект был утвержден затем Политбюро нашей партии и за подписями двух вышеуказанных товарищей был внесен в комиссию Исполкома" (41). После дополнения загра-

ничных товарищей, "которые находились в Москве", проект был принят и опубликован комиссией 25 мая.

Скрыпник указывает, что на местах процесса обсуждения не было совсем.

Бухарин лавирует дискуссионными статьями.

Далее -- критика соц[иал]-демократии. "От позиции замаскированной защиты капитализма, соц[иал]-демократия перешла к активному строительству капитализма" (41). "Законодателем теоретических мод среди реформистов стала

"англо-саксонская" (42).

"Изменения в действительности" Б[ухарин] видит в том, что ком[мунистическое] движение приобрело "мировой размах" -- Китай, Бразилия, Аргентина, Перу, Чили, Эквадор. Далее о мировом мотиве программного построения.

"Следующий вопрос -- о форме кризиса современной капиталистической системы. В обсуждении этого вопроса на различных этапах выработки программы, начиная с IV конгресса, можно ясно ощутить зависимость постановки этого вопроса от реального хода мирового развития. В первом проекте мы, несомненно, все преувеличивали, говоря о непосредственном крахе капитализма. В первом проекте программы на IV конгрессе вопрос о кризисе капитализма ставился таким образом, что вообще исключена возможность восходящей линии развития даже в той или другой более или менее крупной части капиталистического хозяйства. Уже при втором обсуждении, при втором туре программной дискуссии, т. е. к V конгрессу, пришлось внести значительные поправки, потому что практика развития капиталистических отношений подтвердила тезис Владимира Ильича. Когда он полемизировал против многих из нас и говорил, что безысходного положения для буржуазии не бывает, что в известной степени на известный срок буржуазия может вывернуться. И поэтому во втором туре программной дискуссии здесь пришлось внести известные поправки. Теперь, когда у нас уже есть целый ряд решений и нашей партии и Коммунистического Интернационала, связанных с дискуссией о стабилизации, теперь, конечно, нужно было дать другую формулировку, нужно было говорить о стабилизации капитализма, о ее условности и вместе с тем о том, что современный кризис капиталистической системы развивается сейчас на несколько иной базе" (44).

Далее об особой главе о СССР. "Это тем более необходимо, что одним из центральных вопросов на ближайшую полосу развития является именно вопрос о войне. А как, товарищи, ставить вопрос о войне против СССР с точки зрения такой проблемы, как проблема программы? Я лично полагаю так, что после войны нам придется писать другую программу" (44). Если пора-

жение -- эта программа не будет годиться. Если победа -- будут новые советские республики, придется писать другую программу.

Вопрос об СССР "играет первоклассную роль. Именно поэтому всякого рода события внутри нашей партии, как наше сражение с оппозицией, сразу получают мировое международное значение".

Вопросы: о переходном периоде, нэп и военный коммунизм, социал-демократия и фашизм, о характеристике реформистской идеологии (и суньятсенизма и гандизма) -- очень кратко. Приводит пример особого типа мышления. Китайские товарищи "проблему очень часто ставят не с точки зрения того, как идет реальный ход событий, а с точки зрения чисто логического анализа понятий" (46). "Мы обосновали совершенно правильно борьбу с оппортунизмом в Китае. Но нужно знать, что там происходит на этой почве" (47). Пример: в Гуаньдунской организации группы товарищей решили, что

руководство в этом оппортунистическое¹¹⁵. Хотят оружием истребить это руководство. "Руководство узнает о появлении такой группки и истребляет ее всех до одного. Вот как иногда идет борьба с оппортунизмом в Китае" (смех) (47). Второй пример: вызывают рабочего китайца в райком и предлагают расстрелять товарку за то, что она из джентри (выходец из другого социального слоя). Если не расстреляешь -- ты оппортунист. И рабочий ее расстреливает. Бухарин добавляет о необходимости борьбы с оппортунизмом, но действительными и другими методами.

Архитектура программы: есть буквальные цитаты из Маркса и Ленина, из "Критики Готской программы"¹¹⁶ (переходное общество диктатуры пролетариата и коммунистическое общество); из Вл[адимира] Ильича [Ленина] (определение диктатуры пролетариата). Переделали введение с большим упором на ту мысль, что мы являемся преемниками всего лучшего, что было в рабочем мировом движении вообще, включая и лучшие традиции II Интернационала (47).

Докладчик перечисляет отзывы на проект программы ("Правда", "Тайме", "Форвергс", "Ди Интернационале"¹¹⁷, "Инпрекор"¹¹⁸). В последнем Герман Дункер¹¹⁹ -- против проекта, также Клара Цеткин.

"Голос: А как с подпольной критикой? Бухарин -- Я не получал ничего. Из подпольной критики, к сожалению, мне ничего не было прислано. У меня было только одно сведение: это не то письмо Троцкого к Преображенскому, не то письмо Преображенского к Троцкому, где был сделан намек насчет того, что они должны разработать свой собственный проект программы. В одном месте, я помню, идет речь о том, что Преображенский желает сделать какие-то дополнения, ибо он-де не хочет, чтобы надолго в программе Коминтерна оставались ка-

кие-то неверные и неграмотные места, -- что-то в этом роде. Но какой бы то ни было подробной критики у меня не было, и я не получал ни из каких учреждений соответствующей информации. Может быть, она есть, но я во всяком случае не могу по этому поводу ничего сказать" (49). Затем о Цеткин и Дункере -- возражавших о длиннотах и т. п., заостряет вопрос о необходимости "лучше нам посидеть на конгрессе несколько лишних дней и доработать все и выслушать все мнения, но принять соответствующую программу, чем откладывать этот вопрос на совершенно неопределенное количество времени" (53). Некоторые товарищи хотят затянуть обсуждение проекта (Украинский ЦК решил на этом конгрессе программы не принимать). Каганович и Постышев опровергают. Бухарин "...но там написано было примерно следующее требование, чтобы конгресс принял проект за основу, а затем расширенный пленум окончательно утвердил. V конгресс тоже принял за основу. А что это конкретно значило?" (53)... "У нас есть определенный опыт. Некоторые товарищи считают: мы опубликуем проект и начнется ужасно пламенная дискуссия во всех партиях. Это же ерунда. У нас

был принят за основу проект еще на V конгрессе. С тех пор прошло несколько лет. Призывали к обсуждению, к дискуссии. Я спрашиваю: а сколько предложений было сделано, сколько было получено исправлений проекта? Голос: и со стороны украинцев. Бухарин: да, и со стороны украинцев. Вы увидите, что ничего не было сделано, я уверяю вас по опыту, что вы вряд ли получите, если вы отложите обсуждение, вряд ли получите особо богатый материал в промежуток времени от VI конгресса до расширенного пленума ИККИ" (53).

Далее пошли прения. Но отвлекусь: смотри "Известия" или "Правду" от 15 августа: конгресс, можно сказать, опять принял за основу программу и отложил окончательное принятие до следующего заседания. Правда, это не значит до ближайшего пленума ИККИ, но...

Осинский. В основном согласен. Против формы. "Проект писался двумя блестящими нашими писателями -- товарищами Бухариным и Сталиным. Тов. Сталин больше секундировал, а Бухарин писал в основе" (54) -- форма плоха. Нэп складывается из того-то и "зарплаты". Скажи сдельная зарплата. Сталин иронизирует: "А может быть, добавить еще об "эксплуатации"?" (55). Осинский указывает: "Вы не договариваете до конца, а это может в известный момент создать определенный рецидив левого коммунизма" (55). О семичасовом рабочем дне: "до социалистической революции общая сумма рабочего времени кое-где окажется меньше того, что мы предлагаем. Это может получиться в весьма интенсифицированных отраслях производства. Пото-

му права Кл. Цеткин, когда она говорит: не говорите лучше о семичасовом рабочем дне" (56). За значительную переработку проекта. "Получается впечатление, что этот проект претерпел большой "монтаж", над ним работали не только по-писательски, но работали ножницами, склеивали, подклеивали и т. д." (57). Нужно, чтобы подъем в конце создавался не только за счет Карла Маркса. На вечернем заседании в заявлении Осинский исправляет неточности: "нельзя прибавить слова "заработная плата", а можно добавить только "денежная форма участия рабочих в распределяемом продукте" (58). Скрыпник считает нужным отказаться от решения КП(б) У[краины], "ибо перенос утверждения на расширенный пленум ИККИ будет равняться объективно непринятию программы конгрессом" (58). "...Это хорошо, что тов. Бухарин не возражает против введения дополнения, говорящего по национальному вопросу. Но мало не возражать, тов. Бухарин, а нужно быть либо за, либо против. А такое отношение наше, что вы в нетях хотите находиться, оно не особенно удобно. Будьте любезны по сему вопросу, давайте карты на стол и говорите просто-напросто, как вы сами считаете по этому вопросу" (60).

Скрыпник посвящает всю остальную часть речи и добавочно полученные 10 минут полемике против включения в программу формулы "перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую". Он возражает сначала против отнесения Польши в число стран "со среднекапиталистическим развитием", которым по проекту еще предстоит только демократическая диктатура. "Это в то время когда К[оммунистическая] п[артия] П[ольша] при полной поддержке всего Коминтерна и при одобрении нашего Политбюро выставила

и борется непосредственно за диктатуру пролетариата, а не за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства". Далее он возражает против утверждения в конце 4-го раздела, где говорится о колониальных странах, Китае и Индии в том числе, что они только под руководством советских республик могут "втягиваться в русло социалистического строительства". "Я тов. Бухарину задам вопрос -- скажите, пожалуйста, нет ли у нас с вами немного европейского высокомерия относительно Индии и Китая? ...могут ли в Индии и Китае создаться условия, при которых тамошний китайский, индусский пролетариат станет гегемоном всех трудящихся масс, борющихся там за их политическое, национальное и социальное освобождение? Может... Я считаю, что формулировку "перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую" в программе употреблять не нужно. (Бухарин -- Почему?) Потому что здесь вопрос не идет о механическом перерастании, которое может быть подсунуто троцкистским пониманием, может быть подсунуто чисто механическое понимание перерастания.

В другом месте, где вы говорите о переходе пролетариата, здесь не о механическом переходе в социалистическую революцию, а о выдвижении пролетариатом одного лозунга взамен другого лозунга".

Лозовский за популяризацию -- "Я думаю, вы пишете эту программу не для себя",-- и по вопросу о национализации земли (64).

Милютин за проработку программы "не с точки зрения красной профессуры, а нашего середняка коммуниста, не говоря даже о беспартийных рабочих" (65). Икрамов¹²⁰ и Варга -- мало существенного вносят. Сталин защищает проект от нападок. Крупская¹²¹ по Осинскому говорит о заграничном быте, для которого много чаемое уже есть в действительности. Рютин возражает требующим популяризации. Сокольников против неясностей "может стать" и т. п.

В заключительном слове Бухарин констатирует интерес пленума к программным вопросам, чего, по-моему, нельзя сказать после ознакомления с речами выступавших товарищей. Основной ответ направлен против Осинского и Варги. Сталин репликами поддерживает Бухарина.

Подробнее перечислять возражения и поправки не имеет смысла. Впечатление такое, что либо отчет испытал вивисекцию, либо действительно "теоретизировать" некому, скорее -- настроение пошутить, "но только так, чтобы до обеда кончить"... Доклад Мануильского носил информационный характер и был "принят к сведению".

17 августа 1928 г.

ОРГАСПРЕД, ИНФОРМ[АЦИОННЫЙ] ПОДОТДЕЛ МК ВКП(б)

Секретно

СПРАВКА О ВОЛОСТНЫХ СОВЕЩАНИЯХ ГРУПП БЕДНОТЫ

I. Ход совещаний

Срывы совещаний.

Директиву о проведении волостных совещаний групп бедноты У[ездные] К[омитеты] дали местам своевременно. Но ввиду того, что время проведения волостных совещаний групп бедноты совпало с моментом наибольшего разгара полевых работ (сенокос), в ряде уездов имели место срывы совещаний. Также часть совещаний проведена при низкой их посещаемости.

В Каширском уезде волостные совещания проведены только в 5 волостях: в 8-ми волостях совещания не состоялись. В Волоколамском уезде из 13 волостей совещания проведены только в 4 волостях. В Можайском уезде проведено всего 1 волостное совещание. В Сергиевском уезде из 11 волостей совещание проведено в 1 волости; в десяти волостях, благодаря крайне незначительной посещаемости (в некоторых волостях из 75 человек явилось 2 -- 3 человека), совещания провести не удалось.

Социальный состав волостных совещаний представляет собою действительно бедняцкую массу. Середняцкий актив на совещания привлечен недостаточно, в особенности по Волоколамскому уезду. Батрачество, как и при проведении волостных совещаний в прежние годы, привлечено крайне слабо.

II. Активность и настроение бедноты Активность бедноты.

Все состоявшиеся волостные совещания проходили активно. По докладам было значительное число выступлений и задавалось много вопросов. Так, например, в Волоколамском уезде на 6 волостных совещаниях присутствовало 85 представителей групп бедноты; высказалось в прениях 48 человек и по докладу задан 91 вопрос.

В Каширском уезде по 4 волостям на совещаниях присутствовало 144 человека; в прениях выступило 105 и по докладу задано 86 вопросов.

Одобрят проект нового закона о землеустройстве.

В своих выступлениях по докладам бедняки больше всего останавливались на вопросах землеустройства и, в частности, на вопросе коллективизации.

Касаясь нового проекта закона о землеустройстве и землепользовании, бедняки заявили:

"Новый закон хорош и дает большие возможности строить коллективы и изъять землю из аренды у зажиточных и кулаков" (Воскресенский уезд, Лучинская волость).

"Новый закон действительно построен по классовому принципу" (Каширский уезд, Захарьинская волость).

"Взятая линия на переустройство сельского хозяйства правильна" (Можайский уезд, Верейская волость).

"Нужно приветствовать советскую власть, предлагающую новый закон, который предусматривает коренное переустройство сельского хозяйства на социалистических началах" (Волоколамский уезд, Серединская волость).

Одобрят коллективизацию.

Одобрят в целом проект нового закона землеустройства и

землепользования, бедняки в большинстве случаев этот вопрос об-

суждали под углом зрения коллективизации. В Воскресенском уезде, в Пятницкой волости на волостном совещании групп бедноты в прениях выступило 5 бедняков, причем все они останавливались исключительно на вопросе перехода на коллективы.

Приводим отдельные выдержки из выступлений отдельных бедняков.

"Проект закона предусматривает перестройку нашего сельского хозяйства на социалистических началах. Основная форма землепользования и землеустройства должна быть коллективизация. Кулачество везде и всюду говорит, что в коллективы идут лодыри, которые не хотят работать, это, конечно, неверно. Я сам работаю в коллективе, мы там работаем очень много и дружно; мы построили скотный двор, приобрели сельскохозяйственные машины, купили несколько коров, и работа идет у нас гораздо лучше. Всяким сплетням не надо верить, надо сначала самим посмотреть, как работают в коллективах" (кр[естьян]ка Гудкова от коллектива "Маевка" Серединской волости Коломенского уезда).

"В коллективы нужно идти, но необходимо обращать внимание на подбор людей, вступающих в коллектив" (Воскресенский уезд, Павловская волость).

"Необходимо в первую очередь землеустроить коллективы" (Каширский уезд, Колтовская волость).

Против коллективизации.

В отдельных случаях на совещаниях групп бедноты со стороны отдельных бедняков имели место выступления против коллективизации. Приводим выдержки из подобных выступлений.

"Построить коллективы невозможно, много таких крестьян, с которыми не уживешься" (Воскресенский уезд, Павловская волость).

"Посмотрим, как будут работать коллективы, тогда, может быть, и мы пойдем по торной дорожке" (Воскресенский уезд, Пятницкая волость).

Больше всего таких выступлений против коллективизации имело место на волостном совещании Хребтовской волости (Сергиевского уезда), где против коллективизации выступило 7 чел. В своих выступлениях они говорили:

"Сов[етская] власть и партия делают неверно, что строят коллективы. Нужно бы государству организовать по всему СССР вместо колхозов большие совхозы, а нас бедняков взять на службу, хотя бы 30-40 руб. жалованья платя нам в месяц. Там бы мы привыкли жить коллективно одной семьей, с условием, если будет хороший руководитель в совхозе".

"Закон выдвигает основной формой землепользования коллективное хозяйство, а это не совсем верно, рано еще, мы не мо-

жем жить в коллективе, потому что мало сознательны, один будет работать, а другие лодырничать. Ничего и не получится".

Сельскохозяйственный налог правилен.

В подавляющем большинстве бедняки одобряют сельскохозяйственный налог на 1928-1929 г. Приводим ряд выступлений.

"Обложение сельскохозяйственным налогом построено правильно, так как главная тяжесть налога возлагается на кулачество" (Воскресенский уезд).

"Закон о налоге правильный. Беднота получает большие льготы" (Каширский уезд, Колтовская волость).

Такие же выступления имели место и на других волостных совещаниях.

О слабой работе налоговых комиссий.

В ряде уездов на волостных совещаниях беднота указывала на проникновение в сельские учетные комиссии зажиточно-кулацкой части крестьянства. Кроме того, указывалось, что местами налоговые комиссии плохо работают и имеют место укрытие объектов обложения и неправильное обложение бедноты. Приводим выдержки из выступлений.

"Социальный состав сельских учетных комиссий в большинстве из зажиточных кулаков. Беднота в комиссии не привлечена. В результате, имеет место неправильное обложение бедноты" (Воскресенский уезд, Пятницкая волость).

"Мало бедноты введено в сельские учетные комиссии. Доходность выявляется неправильно" (Звенигородский уезд, Никольская волость).

"Укрытие объектов обложения в деревне есть. Сельсоветы иногда невнимательно подходят к выявлению объектов обложения" (Осташевская волость, Волоколамский уезд).

Отдельные моменты недовольства увеличением сельскохозяйственного налога.

В Волоколамском уезде на волостном совещании Серединской волости бедняки указывали, что увеличение сельскохозяйственного налога на кулачество и кустарей все же отзовется на бедноте, так как кустарь, например, будет за работу брать дороже.

В Каширском уезде на совещании Колтовской волости беднота высказывалась за "освобождение от обложения заработка пильщиков", ввиду того, что "они (пильщики) идут на пилку от нужды".

В Воскресенском уезде на совещании Павловской волости беднота высказывалась "за удлинение сроков уплаты сельскохозяйственного налога". В Пятницкой волости беднота на совещании предлагала "снизить обложение с заработков за разработку гравия".

III. Характер выносимых решений

В своих решениях совещания бедноты целиком одобряют мероприятия, выдвинутые в новом проекте землеустройства и землепользования. Приводим

выдержки из отдельных постановлений.

Волоколамский уезд.

"Мы приветствуем советскую власть за то, что закон предусматривает коренное переустройство сельского хозяйства путем объединения в обобщественные формы землепользования".

"Новый закон дает возможность быстрее развивать сельское хозяйство путем применения крупных машин".

"Права сельсоветов в части руководства земельными обществами несомненно дадут возможность правильно проводить линию партии и советской власти в переустройстве сельского хозяйства" (из решений волостной конференции бедноты Серединской волости).

"Волостное совещание одобряет мероприятия, предусматриваемые проектом Н[ар]к[омата] зем[леделия], о льготах и преимуществах в землеустройстве и землепользовании колхозам, бедняцким маломощным слоям деревни (бесплатное землеустройство, лучшая земля и в первую очередь). Совещание особенно одобряет мероприятия по преодолению кулачества, через ограничение его эксплуататорских тенденций. Совещание считает необходимым использовать по назначению землю (пустыри) зажиточными слоями деревни у них отобрать и передать нуждающемуся бедняку. Усадьбу необходимо, где необходимо, приблизить к плановым участкам и в равной мере не допускать усадебных участков выше строительной нормы. Скидку-накидку необходимо строго регулировать и производить через известный период, проводя при этом строго классовую линию. Установить твердые нормы недробимых крестьянских хозяйств с тем, чтобы не мельчать крестьянские хозяйства и не давали разводиться бедноте" (из решения совещания групп бедноты Раменской волости).

Воскресенский уезд.

"Ограничить дробление крестьянских хозяйств как основного зла, способствующего разорению деревни. Лицам, выходящим из коллективов, не давать земли, впредь до передела, дабы не дать возможности организации хуторских хозяйств" (Пятницкое совещание).

"Новый закон одобряем, по дроблению хозяйств считаем, что самое минимальное хозяйство должно быть 5 -- 6 человек с тремя десятинами земли, сдачу земли в аренду представлять только в сильных бедствиях, расширить для этого права сельсовета" (Лучинское совещание).

"При проведении землеустройства более удобную землю выделять в первую очередь коллективам" (Никольское совещание).

По докладам о едином сельхозналоге были приняты предложения:

Волоколамский уезд.

"Конференция одобряет стопроцентное обложение нетрудовых доходов и увеличение зажиточной части населения, в частности на кулачество, все это, несомненно, со стороны последних вызовет сопротивление с той целью, чтобы

сорвать политику партии и внести раздор между бедняком и середняком. В таких случаях мы должны быть бдительны как никогда, доказывать середняку, что кулацкий и зажиточный элемент деревни есть наш общий враг, который стремится к старым отжившим порядкам" (из решений конференции бедноты Калеевской волости).

Можайский уезд.

"Отметить, что советской властью сельхозналог уточняется с каждым годом. Мы, беднота, на местах примем горячее участие в деле учета объектов обложения и в проведении в жизнь нового закона и не допустим зажиточной кулацкой части крестьян скрыть свою доходность от обложения" (Вере́йская волость).

Воскресенский уезд.

"При установлении норм доходности в сельском хозяйстве устанавливать доходность не только по районам, но и по отдельным селениям" (Еремеевская волость).

Орграспред МК ВКП(б) Инф[ормационный] подотдел

ПИСЬМО ИЗДАТЕЛЬСТВА "АТЕИСТ" Л.Д. ТРОЦКОМУ

Научное общество АТЕИСТ

Издательство "Атеист"

Москва, Гранатный пер., д. 1

Тел.4-53-12

Книжный склад:

М. Никитская ул., д. 12

18 августа 1928 г.

Исх. No 2649

Религия -- дурман для народа

Тов. Л. Д. Троцкому

Редакция АТЕИСТА пересылает на Ваше ознакомление выпущенный ею ко дню предстоящего толстовского юбилея сбор-

ник полезных материалов "ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК СТОЛП И
УТВЕРЖДЕНИЕ
ПОПОВЩИНЫ".

Получение -- подтвердите¹²²

С атеистическим приветом

Ответственный редактор АТЕИСТА

(Шпицберг)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ

Директивы Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 июля 1928 г.

Протокол No 35

г)123 Указать тов. Мануильскому, что доклад должен иметь центром тяжести подведение итогов борьбы с троцкистской оппозицией как в ВКП(б), так и в Коминтерне, а не анализ различных оттенков в партии в связи с проблемой хлебозаготовительного кризиса и т. д.

д) Указать тов. Варге, что центр тяжести его доклада должен состоять в анализе генеральной линии развития экономики СССР, без того чтобы давать подробный анализ теперешних хлебозаготовительных трудностей; связать экономический анализ с вопросами классовой борьбы и отклонениями от нее троцкистской оппозиции¹²⁴.

Из доклада тов. Микояна на июльском пленуме ЦК

Мы стояли в январе не только перед хлебным кризисом, но перед угрозой общего народнохозяйственного кризиса, кризиса жесточайшего. Особенно выросла доходность кулацкого хозяйства. Это доказано всеми фактами и данными...¹²⁵

Более напряженное положение в экспорте, чем за последних два года.

Баланс внешней торговли по докладу Микояна

Пять лет довоенного времени дали плюс 360 млн руб.; 1913 год дал плюс 146 млн руб.; 1924 -- 25 г. минус 165 млн; 1925 -- 26 г. минус 79 млн руб.; 1926 - 27 г. плюс 56 млн; 1927 - 28 минус 107 млн.

Из речи тов. Осинского на июльском пленуме ЦК ВКП

Я считаю, что мы имеем бесспорный кризис не только зернового хозяйства, а имеем определенное общее кризисное состояние.

Из речи Сокольников на июльском пленуме ЦК ВКП

После трех урожайных лет наш золотой запас сократился вдвое, а заграничная наша задолженность увеличилась в десять раз... Мы попадаем в самое невероятное положение, чтобы не говорить сильнее... Нельзя продолжать больше таким образом ни одного года, мы тут дошли до последней черты.

Из записки тов. Брюханова¹²⁶ и Фрумкина в Политбюро от 13 августа по вопросу о девальвации

Снизить курс значит расписаться [в поражении] на одном из важнейших участков хозяйственного фронта... Наши валютные ресурсы никогда еще не были в более напряженном состоянии, чем сейчас. Нам предстоит еще пережить положение, которое даже при самой сдержанной оценке нельзя назвать иначе, как критическим...

Инфляцией конца 1925 года, прерванной к весне 1926 г., но возобновившейся к лету 1927 г., мы сделали неэффективной политику снижения цен, которую столь настойчиво стремились проводить в течение последних лет.

Из телеграммы Косиора от 27 августа 1928 г.

Положение в южных районах, особенно Одесского [округа], очень тяжелое. В ряде районов нет ни пуда урожая, нет совершенно трав, нужна срочная семенная и продовольственная помощь... Заготовки идут слабо... Весь август едим чистую пшеницу (импортную).

Из телеграммы Микояна (ответ Косиору) от 21 августа

Продовольственное снабжение многих потребительских округов СССР не лучше, а хуже Украины... В Крыму положение чрезвычайно трудное... До половины сентября будут величайшие затруднения в образовании большого семенного фонда в связи с задержкой заготовок.

Из записки Микояна в Политбюро о хлебозаготовках

По плану на первый квартал должно быть заготовлено 135 млн пудов, заготовлено на первое сентября только 47-45 млн пудов. Из этого количества 18 млн -- на семена, 22-27 -- на потребление. "Если в отношении Москвы и Ленинграда и др[угих] крупных городов мы можем выбраться, то самые острые затруднения будут для других (Брянск, Владимир, Калуга, Смоленск, Астрахань, Закавказье и некоторые части УССР)... Об этих затруднениях я хотел предупредить Политбюро". По мнению Микояна, необходимо: "1) концентрировать все хлебные ресурсы для обеспечения нескольких основных центров; 2) предупредить парторганизации о трудной полосе, чтобы вышли из нее без каких-либо потрясений; 3) все силы концентрировать на хлебозаготовках".

Катастрофа со льном из доклада Микояна на июльском пленуме ЦК

Валовой сбор до 1914 года -- 26 млн пудов, теперь -- 16 млн пудов; урожай с десятины до 1914 года -- 26 пудов, теперь -- 14 пудов. Потребность промышленности до 1914 г.-- 4 млн пудов, теперь -- 6 млн. Экспорт до 1914 г.-- 12,5, теперь -- 1,5 млн пудов.

СПРАВКА ОБ ОБСУЖДЕНИИ НОВОГО ПРОЕКТА ЗАКОНА О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ НА КРЕСТЬЯНСКИХ СОБРАНИЯХ

Составлена по материалам укомов: Московского, Волоколамского, Воскресенского, Сергиевского, Каширского, Егорьевского и Можайского.

Проект в целом одобряется.

На всех проведенных собраниях новый проект закона о землеустройстве и

землепользовании как бедняками, так и середняками одобрялся.

"Новый закон приветствуем. Коллективизация -- это тот путь, который помогает нам выбраться из нищеты" (Воскресенский уезд).

"Взятая политика советской властью на переустройство сельского хозяйства правильна" (Можайский уезд).

"Приветствуем советскую власть за то, что закон предусматривает коренное переустройство нашего отсталого сельского хозяйства" (Волоколамский уезд).

"Закон о землеустройстве и землепользовании в целом приемлем" (Каширский уезд).

Но наряду с этим, отдельные пункты и положения нового проекта подвергались критике со стороны крестьян. В дальнейшем приводим выдержки из выступлений крестьян по отдельным вопросам.

Против отрубов.

"Отруба способствуют росту кулака. Требуется коренное изменение закона об отрубном пользовании. Необходимо срок пользования отрубам считать не свыше 18 лет.

Если группа отрубных хозяйств (не менее 5) захочет создать коллектив, то не считаясь с протестом остальных, землеустроить коллектив в первую очередь" (Сергиевский уезд, Рогачевская волость).

"Отрубные хозяйства вредят сельскому хозяйству. Необходимо их ликвидировать и обратить больше внимания на коллективы" (Егорьевский уезд, Кольчевская волость).

О сельскохозяйственных коллективах.

"Запасный фонд при проведении землеустройства необходимо устраивать в одном месте, что ускорит создание коллективов и сельскохозяйственных артелей. Необходимо запасный фонд отрезать рядом с землей коллектива, что даст возможность коллективу принимать новых членов. Землеустройство коллективов необходимо проводить, не считаясь с протестом тех, кто явно тормозит создание коллективов" (Сергиевский уезд, Путиловская волость).

"Нельзя допускать при землеустройстве, чтобы коллектив из одной деревни залезал на землю другой деревни" (Каширский уезд, Колтовская волость).

Об аренде земли.

По вопросу об аренде земли указывали, что часть крестьян свою землю не обрабатывает, а все время сдает ее в аренду. Это укрепляет кулацкую верхушку деревни. Вносились предложения ограничить аренду определенным количеством лет, после чего должно переходить в общество¹²⁷. Отмечалась также необходимость борьбы со скрытыми видами аренды. Приводим отдельные выдержки из выступлений.

"Сдачу земли в аренду предоставлять один раз в 6 лет" (Рогачевская волость).

"Предоставить коллективам и ККОВ128 право на получение аренды в первую очередь. За скрытую аренду необходимо привлекать к судебной ответственности обе стороны" (Хребтовская волость, Сергиевский уезд).

"Сдачу земли исполу запретить, так как помимо скрытия аренды, такая сдача способствует укреплению кулацкой верхушки деревни над слабыми хозяйствами" (Сергиевский уезд, Рогачевская волость).

Против дробления хозяйств.

На ряде собраний крестьяне отмечали вред, приносимый дроблением хозяйств.

"Дробимость хозяйств это основное зло нашей нищеты. Нужно не допускать раздел хозяйств" (Егорьевский уезд, с. Лелечи).

"Дробление хозяйства допускать лишь при полном обеспечении коренного хозяйства землей, инвентарем и имуществом. А за отсутствием одного из этих признаков раздел запретить. Не допускать ни в коем случае выдел деньгами" (Сергиевский уезд, Рогачевская волость).

"Необходимо законом ограничить дробление хозяйства" (Воскресенский уезд, Мамошинская волость).

О лишенцах.

На целом ряде собраний выступающие бедняки и середняки указывали на необходимость законодательным путем лишить

права участвовать в решении дел общества лишенных избирательных прав.

"Лиц, не имеющих права голоса, необходимо лишить права решать дела общества" (Сергиевский уезд, Рогачевская волость).

"Многие из нас, бедняков, боятся не сходах говорить, так как кулаки нас при нужде не выручат. Необходимо кулаков, лишенных избирательных прав, лишить права решать общественные дела" (Волоколамский уезд).

"Необходимо не давать земельных наделов торговцам" (Воскресенский уезд).

"Лиц, занимающихся торговлей, лишить земли" (Егорьевский уезд, Дузгаринская волость).

"Считать недопустимым наделение землей служителей религиозных культов" (Сергиевский уезд, Рогачевская волость).

Против наделения землей работающих в городе.

Отмечено значительное количество выступлений о лишении земельных наделов лиц, связанных с производством.

"Необходимо законом лишить права на землю лиц, связанных с производством" (Егорьевский уезд, Торфоразработки "Вождь пролетариев").

"Живущим на отхожих промыслах нужно что-нибудь одно, или жить в городе, или работать в деревне. А то у нас они являются дачниками" (Каширский уезд,

Иваньковская волость).

"Необходимо лишать права на землю лиц, не обрабатывающих таковую в течение 3-х лет; в особенности лиц, работающих в городе" (Московский уезд, Козловская волость).

Против наделения землей батраков.

Значительное число выступлений имело место со стороны части середняков и зажиточных по вопросу о наделении батраков землей.

"Считаю недопустимым наделять батраков землей, после годичного проживания в деревне. Батраки наполняют наши деревни" (Московский уезд, Козловский район).

"Необходимо срок наделения батраков увеличить с 1 года до трехлетнего проживания в земельном обществе" (Егорьевский уезд).

"Батраков и пастухов нельзя наделять землей, а следовательно, нельзя признавать за ними права на участие в выборах в Советы" (Егорьевский уезд).

Поправки к проекту.

Приложением к справке даем поправки к отдельным пунктам проекта, принятые на собраниях крестьян.

Орграспред

МК ВКП(б)

Информ[ационный] отдел

22 августа 1928 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОБАВЛЕНИЯ К ПРОЕКТУ О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ

I. По разделу II: "Право трудящихся на землю".

Ст. 14. К словам: "Количество случаев возможности перераспределения земель" дополнить: "при необходимости обязательного уравнивания отрубков и хуторов, в особенности дореволюционных, и обязательного слияния мелких земельных общин одного и того же селения, с резко-разным земельным обеспечением" (Егорьевский уезд).

Ст. 10, п. "ж" говорится: "Трудовое пользование землей прекращается при занятии земли в установленном порядке для государственных и общественных надобностей".

В ст. 13, п. "в" говорится: "О возмещении убытков и неиспользованных затрат при изъятии земли для государственных и общественных надобностей". Но ни в той, ни в другой статье не говорится об обязанности государства возместить это землепользование земельной территорией. Такое изъятие земли у землепользователя, без предоставления ее в другом месте лишит в иных случаях землепользователя источников существования" (Московский уезд, Ухтомская волость).

II. По разделу III: "Землеустройство".

Ст. 15. После слов: "На свободный выбор форм землепользования" добавить: "кроме отрубов и хуторов".

Этим самым будет положен конец образованию единоличного землепользования как меры, способствующей окулачиванию и разобщению отдельных хозяйств и тем самым препятствующей перестройке сельского хозяйства на совершенно новых производственно-товарных коллективных началах" (Егорьевский уезд).

Ст. 18. Вторую часть, со слов: "Землеустройство по заявкам, направленным на образование хуторских и отрубных хозяйств" -- совсем исключить.

Ст. 19 -- дополнить: "И в целях возможности укрупнения колхозов без коренной ломки общественного землепользования, запасный фонд последних располагать по смежеству с выделенными землями колхозам" (Егорьевский уезд).

В Московском уезде на ряде собраний указывали, что:

В III разделе отсутствует указание на плановость землеустройства и на возможность землеустройства по почину населения.

Указывали, что землеустройство, по крайней мере межселенное, должно быть мероприятием государственного земельного

планирования и должно вестись по почину государства, в лице его местных органов и за счет государства.

Предлагали межселенное устройство проводить таким образом, чтобы оно служило основой и опорой для всех видов внутриселенного землеустройства и избавляло бы население от повторности землеустроительных работ.

Считают, что межселенное землеустройство должно быть сопряжено с лесоустройством, где таковое еще не проведено, для почина населения и местных Советов оставить внутриселенное землеустройство.

Высказывали предположение, что внутриселенное землеустройство не должно ограничиться одной разбивкой на севооборотные поля и полосы, а должно нести с собой техническую организацию землеустраиваемого землепользования.

Высказывали пожелание, что этот вид землеустройства должен вестись за счет населения и на его проведение должен быть в помощь населению отпущен специальный долгосрочный кредит.

III. По разделу IV: "Переселение".

Необходимо включить в раздел: "О взаимоотношении расселенцев с обществом, из которого они выделяются, как в вопросе срока пользования усадебными землями, так и в вопросе пользования в усадьбах общего пользования, а также надлежит регламентировать некоторые виды льгот (по сельскохозяйственному налогу и кредитованию) этому виду землепользователей. Учесть это необходимо, тем более, так как значительная доля расселенцев будет приходиться на коллективы" (Московский уезд).

IV. По разделу V: "Меры поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования.

Ст. 30. В примечании говорится: "В случае ликвидации коллективного хозяйства указание в п. "г" земля возвращается в государственный земельный фонд". Необходимо изменить таким образом: "По ликвидации коллектива земля должна представляться в то же земельное общество" (Московский уезд, Коммунистическая волость).

Ст. 30. В примечании говорится: "В случае ликвидации колхозов имущество или стоимость его передается надлежащим государственным органам". Необходимо изменить: "Если члены коллектива при вступлении в члены вносят свое имущество (сельскохозяйственный инвентарь, денежные вклады и пр.), то при ликвидации коллектива или при выходе из него как добровольно, так и по решению коллектива, это имущество подлежит учету и возвращается обратно их пользователю (в случае отсутствия долгов коллектива)" (Московский уезд, Ухтомская волость).

V По разделу 7: "Аренда земли трудового пользования".

Ст. 38. Слова: "Земля в этом случае поступает в распоряжение земельного общества" заменить словами: "В распоряжение сельских Советов".

Изменение этого права вызывается большей ответственностью сельсоветов за рентабельность землепользования и предоставлением возможности сельсоветам лучшего учета фактов земельной аренды. (Егорьевский уезд)

VI. По разделу 9: "Земельное общество и сельский Совет".

Ст. 38. После слов: "Кузнеца" добавить: "и другие кустари и ремесленники, работающие по найму земельных обществ и других общественных объединений и организаций".

Целесообразность этого добавления, по мнению совещания, необходима в целях предупреждения наплыва подобных ремесленников в слабо обеспеченные по землепользованию общины, расположенные в районе экономических центров. (Егорьевский уезд)

VII. По разделу 12: "Земли государственного запаса".

Ст. 61. Слова: "И затем могут быть предоставлены единоличным хозяйствам трудового типа"... "как своего рода вылазку к единоличному землепользованию" -- исключить.

ПИСЬМО С.СОСНОВСКОГО Р.ФАРЬМАНУ 129

Копия

Дорогой Рафаил! Мне почему-то казалось, что во внимание к вашей заброшенности наши общие друзья проявляют особое к вам внимание и осведомляют вас обо всем наиболее интересном. По-видимому, это не так. Одни надеются на других, а время идет.

Тогда начну я вас осведомлять. Возможно, что буду вам рассказывать вещи, давно вам известные, но это уже неизбежно.

Начнем с наших собственных рядов. В связи с конгрессом получилась некоторая перекличка. В общем более 99% ссыльных товарищей присоединились к обращению Л.Д.[Троцкого]. Послали было особое заявление конгрессу Смилга и Радек (еще до получения текста Л.Д), но затем оба они тоже присоединились. Мне не известно в точности, как самоопределился тов. Преображенский. Он прислал Ищенко свой набросок тезисов. Л. Д. [Троцкий] телеграфировал, что считает этот документ абсолютно неприемлемым. К Преображенскому присоединились только Ищенко и Ефретов130 (Канск). При этом Ищенко послал конгрессу свою телеграмму, которая мне лично кажется двусмысленной и очень неприятной. Вообще, как мне представля-

ется, Ищенко плюс Серебряков представляют собой крайнюю точку, которая только на ниточке держится с оппозицией. Единомышленников у них среди кадров оппозиции совершенно нет. Откровенно говоря, я бы ничуть не удивился и не огорчился, если бы прочел об их возвращении к Пятакову, с которым они были столь близки последние дни.

Во всем остальном пока что удалось установить довольно отрадное единодушие. Но за этим единодушием нет и не может быть сталинско-рыковской "монолитности", то есть казарменно-казенной мертвечины.

Наши товарищи, особенно молодежь, много думают над нашими взглядами и оценками. Об этом свидетельствует настоящий разлив всяких тезисов. Как ни утомительно читать эти тезисы, а тем более высказываться о них письменно, все же отратно видеть самостоятельную работу мысли. Получаешь иногда длинное письмо от товарища, весьма молодого по возрасту и по политическому стажу, который заброшен в гиблое местечко и находится совершенно один. События в эти полгода разворачиваются довольно бурно. Официальные круги сбиты с толку и не в состоянии дать массам вразумительный ответ. А если и в состоянии, то по фракционно-дипломатическим мотивам не хотят говорить. А наши товарищи довольно твердо и точно разбираются в тумане фраз и резолюций ЦК и очень правильную дают оценку. Характерно, что некоторые полусозвучные аккорды из последних воззваний ЦК никого не обольстили. Кроме тех старых дев, которые только и ждали обольстителя (Сафаров -- Вардин).

Однако в последних письмах звучат уже нотки, к которым надо прислушаться внимательно. Некоторые товарищи под впечатлением июльского пленума, вернувшегося на кулацкие рельсы после краткого с них схода в январе-марте, ставят такой вопрос. Не пора ли пересмотреть вопрос о нашем отношении к ВКП и К[оммунистическому] И[нтернационалу]? Не пора ли перерезать пуповину? Насколько можно понять, аргументация этих товарищей

такова. Раз эта партия терпит подобную классовую политику и подобный режим, очевидно, она уже не может стать инструментом пролетарской революции и надежды на реформистский путь ее выздоровления следует оставить. Повторяю, товарищи эти лишь ставят вопрос и просят его обсудить. Тут не малую роль играет разочарование людей, испытавших на себе режим Бутырок¹³¹, внутренней тюрьмы ГПУ и дополнительные еще издевательства со стороны разных усердных прохвостов сталинско-рыковского аппарата на местах ссылки. Не столько личное озлобление, сколько именно разочарование в том, что наша партия может дойти до таких художеств.

Я думаю, что на вопрос этих товарищей надо отвечать серьезно. Но впредь до обстоятельного ответа достаточно поставить перед собой другой вопрос: что, собственно, изменилось в политике партии и в ее поведении с тех пор, как писались платформа и контртезисы. Писались эти наши документы в самый разгар кулацкого сползания и в расцвете аппаратного зажима, когда партия лежала под хлороформом и не в состоянии была шевельнуться. И тем не менее мы заявляли съезду в полном сознании того, о чем говорим, что наш путь -- путь реформы ВКП. Мы уже знали, что нас ждет исключение. Мало того, уже наши товарищи сидели тогда по тюрьмам (Мрачковский и др[угие]).

Конечно, самый факт арестов вносит совершенно новую черту в картину наших взаимоотношений с партией. Но мы твердо понимали, что партия -- все-таки живой организм. Ныне он является средоточием и ареной борьбы различных классовых сил. Сколько бы ни маскировались в монолитные цвета нынешние руководители, факт присутствия "полпредов" кулака в руководстве ныне уже бесспорный и признанный факт. Даже Сталин публично признал, что в партии есть люди, которые хотели бы опереться и на рабочих и на кулака. Он сказал даже более. Эти люди хотели бы даже вернуться к помещикам, но понимают, что нынче говорить об этом опасно. Кто же поверит, что Сталин говорил здесь о случайно примазавшихся или о деревенских коммунистах.

Итак, мы это знали и без Сталина и тем не менее рассчитывали на развертывание борьбы пролетарских сил внутри партии с мелкобуржуазными. Если бы мы тогда считали пролетарскую часть нынешней партии безнадежной, то и общая наша установка была бы совершенно иной. Надо доказать, что мы были и тогда не правы, что надо было обрезать пуповину тогда же и пойти на создание новой партии. Поскольку же эти товарищи не говорят об ошибочности нашей тогдашней позиции (платформа, тезисы и заявления на съезде)¹³², постольку им надо доказать, что после съезда произошли какие-то новые решающие события в жизни партии, которые не оставляют никаких надежд на оздоровительный исход. Правда, и улучшений особенных не заметно, но и резких изменений тоже не отмечаем. Вернее, и того и другого понемногу. Ухудшением надо считать, что партия перенесла не только наше исключение, но и 58-ю статью. Но с другой стороны, большим плюсом считаю я внесение большей ясности в положение в партии. Люди, приезжающие из Москвы (даже беспартийные), в один голос утверждают, что размежевка в партии идет невероятно быстро. Деление на рыковцев и сталинцев признается вслух открыто.

Рыковцев называют (сталинцы) кулацким крылом, и это доходит до масс. Сами сторонники

ЦК вынуждены признать, что в партии дело пахнет гарью, дело идет к дискуссии.

Вот вам два отрывка из писем сторонников ЦК из Москвы.

"По всем данным (их у меня не мало, но излагать их здесь не совсем удобно) осенью будет не малое дело. Несмотря на внешне спокойный вид прошедшего пленума, осенняя драка растет, как на дрожжах. Ведь большущих затруднений не миновать. Восстановительные цены, принятые в качестве панацеи против всех бед, разумеется, ничего не дадут. Для меня (да и для всех!) несомненно, что осенью будут друг другу стулья ворочать..."

Или вот другое письмо, тоже не оппозиционера (сталинца):

"У нас нет печати, она у Рыкова. У нас нет кадров. Они частью у Рыкова, частью у вас (оппоз[иции]). Мы не нащупали еще наши силы, нам нужно: создать свою печать, чтобы нас не перевирали. Резолюции пленума компромиссные -- мы должны разъяснить их в нашем духе. Нам нужны вы (оппоз[иционеры]). Мы сделали ошибку, пойдя на уступки правым, сослали вас. Вы нам нужны. Но вы понимаете, что солидаризироваться с вами мы не можем. Нас и так обвиняют в троцкизме. Но троцкизм нам с его нынешней позицией не нужен. Вы же со своими кадрами, активностью принесли бы большую пользу".

Товарищи, соприкасающиеся с официальными кругами, передают, что такие разговоры от сталинцев приходится слышать и в Москве и в провинции.

Итак, начало размежевания в партии и притом по линии выявления агентуры кулака в ВКП -- факт новый и, конечно, благоприятный, облегчающий нам пробуждение пролетарской части партии на борьбу с мелкобуржуазной опасностью, с термидорианством.

Надо продумать хорошенько, куда ведет такой тезис: раз ВКП мирится с таким режимом, поставим крест на ВКП. А разве нельзя сказать того же о пролетариате в целом? Раз пролетариат терпит такой режим, не поставить ли крест над пролетариатом? Только тот, кто совершенно не продумывал (и не переживал) периодов поражения партии и рабочего класса, тот может пойти по пути такого безнадежного пессимизма. Пролетариат терпел и царский режим, но ставили над ним крест только ренегаты и перебежчики к капиталу. Мировой пролетариат терпел империалистическую бойню. Однако Ленин с горсточкой большевиков мог спокойно верить в будущее пролетарской революции и готовить для нее кадры вожаков. Пролетариат терпел керенщину и даже выражал ей доверие. Только совершенно чуждый большевизму человек мог ставить крест над пролетариатом. Периоды упадка в пролетарском движении выдвигают требование громадной выдержки, самообладания, твердости.

Для того чтобы ставить вопрос о пересмотре отношения к ВКП, надо прежде всего располагать конкретными и надежными массовыми сведениями о процессах,

происходящих в ВКП и в рабочих массах.

Вот уже больше месяца твержу я всем своим корреспондентам, что написать тезисы не так хитро. Гораздо труднее добывать надежные и интересные сведения о том, что происходит в партии и в массах. Правда, из ссылки добывать материал трудно. Но нужно. Без этого никаких тезисов! Идет ли пассивность масс на убыль или все еще не идет? Заметны ли в партийных низах какие-нибудь сдвиги к лучшему? Двинулась ли работа мысли? Как переживаются и осмысливаются события последнего полугодия? Припоминаются ли оценки и прогнозы оппозиции (там, где ее выступления были)? Каков уровень выступлений на рабочих и беспартийных собраниях за последнее время?

Приведу два примера. Один товарищ сообщает о харьковском заводе ВЭК133, который вы знаете. В обеденные перерывы каждый день на левой галерее, где помещается инструментальный цех, собираются рабочие и происходит вольная дискуссия, в которой видную роль играют товарищи наши оппозиционеры, исключенные из партии. Они дают ответы на волнующие массу вопросы. Собственные заводские аппаратчики уже не в состоянии "разбивать" крамолу. Вызываются из райкома шпартгалычики. Попытки в открытом бою сразить оппозицию оказываются тщетными, все ребята наши подкованы солидно. Попытка сразить указанием на принадлежность к "заклейменному" течению -- тоже не помогает. Тогда начинаются угрозы "оргвыводами", и весь завод следит, что будет со смельчаком. Наконец, 9 августа товарищ вносит уже резолюцию, которая кончается требованием вернуть из ссылки оппозицию. Резолюция не собрала большинства. Объясняют это махинациями голосования. Но даже если этого и нет, все равно самый факт важен. Пока наверху монолитчики ухищряются комбинировать, внизу спор идет начистоту перед массами.

Сообщают и из Одессы, что там по поводу вскрытой профсоюзной панамы (союз коммунальщиков) прокатилась серия профсоюзных активов. Почти на всех выступали наши товарищи и не без успеха. Выступали новые люди, члены партии, произносившие в защиту оппозиции обоснованные речи, один очевидец пишет, то это были ответственные политические выступления, ставившие вопросы прямо. Вносились соответствующие резолюции. Пред[седатель] О[кружной] к[онтрольной] к[омиссии] [ВКП(б)] Рабников на пленуме ЦК заявил, что оппозиция свои выступления провела вполне организованно, а "мы" не подготовили должного отпора. Опять-таки факт таков, что товари-

щи выступают при явном, хотя и пассивном сочувствии значительной части собрания (надо помнить, что это ведь профактивы!).

Можно было бы указать на несколько организованных выступлений киевлян на комсомольских районных активах. Все это я привожу к тому, чтобы сказать, как важно уследить за развитием тенденций в рабочем движении. Без этого мало цены имеют всякие тезисы.

Лично мое мнение -- для его обоснования у меня очень мало материалов --

что раскочка началась и нынешней осенью и зимой будет продолжаться по разным линиям. И хотя мы находимся как будто бы и "за бортом" (так думают аппаратчики), но голос нас все равно звучит на заводах. И даже наше молчание звучит громче журчания стопроцентников.

Вот почему я думаю, что совершенно неправы те, кто пытается сейчас аннулировать нашу общую установку, изложенную в заявлениях съезду. Глупости Пятакова, повторяемые сейчас Ищенко, об опасности длительного пребывания вне партии никого не смутят, кроме тех, у кого "кишка тонка". Во-первых, куда более опасен сталинский режим. Но значит ли это, что, капитулировав перед ним, мы опасность уменьшим или устраним? Ничего подобного.

Вардин -- Сафаров -- Саркис превратились в коммивояжеров и шныряют в поисках "мертвых душ". Похождения этих современных Чичиковых¹³⁴ довольно заняты. Так, Вардин поехал в Вологду "обрабатывать" Вуйовича, но успеха не имел. Саркис избрал направление на Кавказ. Вардин уверял Вуйовича, что Ярославский теперь ему представился в новом свете. Ярославский, оказывается, совсем-совсем паинька. От кого получает Вардин суточные и командировочные в поездках по заготовкам мертвых душ -- история умалчивает. В Ленинграде заготовители не имеют успеха, а весь маневр рассчитан был, видимо, главным образом, на Ленинград, где усилились в аппарате правые и где Чичиковы понадобились мастеру как резерв. Было бы интересно -- в часы досуга -- нарисовать графически, как разворачивалась чичиковская идеология. Достаточно сказать, что находящиеся еще в Семипалатинске единомышленники Вардина дошли уже до такой идеологии, что дальше некуда. Это уже ассенизация, а не идеология. Но в людях служительского склада аппарат недостатка не имел никогда. Стоит ли выписывать их из Семипалатинска?

Хочу еще поделиться с вами впечатлениями о внутренних взаимоотношениях среди ссылки. Из некоторых мест сообщали, что уже возникали конфликты, хотя и легкого характера. Поводы такие. Одни чересчур мнительны и подозрительны и склонны зачислять по капитулянтскому ведомству за всякое слово.

Особенно горячится молодежь. У других иное расхождение. Некоторые чересчур пассивно понимают свое положение ссыльного революционера. Им представляется, что они должны изображать из себя какое-то маринованное (в банке) существо. При попытках активизировать их -- получают маленькие стычки. Но и это улаживается.

Налаживается кустарная материальная взаимопомощь. Товарищи, получившие заработок, делятся с не имеющими заработка. Конечно, хорошо бы организовать это дело правильнее, но в наших условиях трудно.

Особо хочу обратить внимание ваше на обнаружившееся в последнее время со стороны д[емократических] ц[ентралистов] намерение проработать нас совершенно в слепковском духе. Вот вам выдержка из письма В. М. Смирнова, рассылаемого довольно широко:

"Письмо Троцкого получил на днях. Более пустопорожней болтовни нельзя себе представить. Образы вместо анализа ("голова и хвост"). Дурацкая теория о том, что события в Зап[адной] Европе сейчас же, непосредственно и

неизвестно какими путями отражаются на нас (поражение германской революции -- реакция у нас, полевение масс теперь -- и глупенький расчет, что это сейчас же вызовет и наше возрождение, которое якобы уже началось у нас "левым курсом"), плюс отсутствие чувства реальности (ни слова о положении рабочего, в то время как безработные в Москве громят биржу и бастуют), все это окончательно показывает, что Троцкий представляет собой полную политическую ненужность и для оппозиции и для ЦК и способен только говорить красиво на манер известного Аркашки¹³⁵. Иногда, впрочем, это свойство и полезно, но только не тогда, когда он претендует на роль вождя..."

Подчеркнутые мною слова уличают Смирнова в чисто слепковской манере полемизировать. Письмо Л. Д. [Троцкого] говорит, что левый курс МОГ БЫ стать исходным пунктом оздоровления партии, если бы... левый курс был левым курсом. Он увеличил бы шансы на разрешение кризиса безболезненным путем. А Смирнов приписывает Троцкому утверждение, что возрождение якобы уже началось. Далее, Смирнов приписывает Троцкому мысль, что события в Европе сейчас же и непосредственно отражаются на нас. Слова "сейчас же" и "непосредственно" приписываются (по методу Слепкова) Троцкому. Но под всей этой утрировкой я слышу все же знакомые нотки. Это охлаждение к международному революционному движению и утрата надежд на его помощь. Все это из знакомой оперы: "социализм в одной стране" и "оппозиция в одной стране".

Теперь особенно видно, насколько полезен сделанный Л.Д. [Троцким] разбор проекта программы Коминтерна и подробное выяснение глубочайшей связи международных событий с нашей внутренней политикой. По мнению Смирнова, сталинская внутренняя политика продиктовала ему и неправильную коминтерновскую политику. Это вздорно. И хорошо, что Л.Д.[Троцкий] развеивает азбуку марксистского объяснения событий. По Смирнову выходит, что международные события на сталинскую политику оказать влияния не могут, зато сталинская политика на международные события может. Вот это и есть "социализм в одной стране", притом в самой карикатурной форме. Чтобы замаскировать свой "сталинизм навыворот", Смирнов приписывает нам курьезное представление, будто европейские события сейчас же и непосредственно влияют на нас. А если не сейчас же? Всякому грамотному человеку ясно, что за минувший год децисты приобрели новый оттенок взглядов на наше положение. В какую сторону движутся они от международных марксистско-ленинских взглядов -- ясно.

Нет надобности отвечать на недостойную выходку Смирнова против тов. Троцкого. Но характерно, до чего легкомысленно обращается В.М. [Смирнов] со своими словами. По его мнению, Троцкий способен только говорить красиво на манер Аркашки (очевидно, имеется в виду тургеневский Аркадий). Но, по мнению

Смирнова, "это свойство" (т. е. умение говорить красиво на манер Аркадия) иногда полезно. Вот это ново! Когда же именно, в каких случаях? Мы-то считали, что красивая болтовня вредна при всех обстоятельствах. А Смирнов нас учит, что она полезна, "но только тогда, когда его сторонники находятся в ссылке"... Значит, мы все разойдемся тут во взглядах на болтовню с В. М. Смирновым. Как далеко заводит его собственная болтовня, видно из того, что он упрекает Л.Д. [Троцкого] в игнорировании событий на бирже труда в Москве¹³⁶.

Вот это и есть слепковщина. Ведь письмо Л.Д.[Троцкого], о котором идет речь, написано 9 мая, а события на бирже труда произошли позже. Сведения же о них могли до Алма-Аты дойти еще позже. Упрекать в игнорировании этих событий совершенно глупо. Либо это болтовня, либо заимствованный у слепковых метод "проработки".

Нужен ли Троцкий пролетариату -- скажет сам пролетариат. Нужен ли он оппозиции -- сказала оппозиция (ссылная), присоединившись к нему единодушно. Недалек тот день, когда требование возвращения Троцкого зазвучит на весь мир вопреки беззубому суесловию Смирнова.

Должен вам сказать, что в том же письме Смирнова Троцкий обвиняется не больше и не меньше, как в прокладывании дорожки к капитуляции. Не больше и не меньше!! Это дает вам представление о тоне, в каком нас начали прорабатывать.

Еще проще орудует неизвестная вам Вера Бухарцева¹³⁷. Она прямо называет имена ближайших наших друзей и говорит о них, что они трусы и шкурники, избегающие общения с другими оппозиционерами, чтобы не испортить карьеры. Жертвой ее сплетнического языка стал наш общий с вами друг М¹³⁸. Придется подумать об отпоре всей этой "проработке", беспринципной и бессмысленной. Мне уже приходилось слышать, что отдельные децисты в смущении отмахиваются от писаний своего теоретика и вождя. Надо требовать от них открытого ответа: солидарны ли они с выходками В.М.[Смирнова] и в зависимости от этого устанавливать взаимоотношения с ними. Нельзя давать безнаказанно отравлять атмосферу в нашей среде.

Но все это -- накладные расходы политической борьбы, которые неизбежны и там, дома, а не только в ссылке. Постараемся снизить эти накладные расходы до минимума.

О новостях, которые до меня доходят, постараюсь написать в следующем письме.

Будьте здоровы, дорогой Рафаил. Пишите.

Ваш Л. Сосновский

Барнаул

Никитинская, 110

24 августа 1928 г.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ О ПАРТМАКСИМУМЕ¹³⁹

Копия -- секретно

27 августа 1928 г.

Присутствовали: товарищи Томский, Косиор, Михайлов¹⁴⁰, Шмидт¹⁴¹, Догадов¹⁴²

Постановили:

Комиссия, принимая во внимание, что заработная плата ответственных работников не только чрезвычайно отстала от общего роста зарплаты, но упала в реальном выражении против 1925 г., ибо ставка остается старой, а бюджетный индекс увеличился. В 1925 г. он был примерно 205 против 100 в 1913 г., причем эта зарплата за эти годы подверглась дополнительным обложениям, [чтобы] гарантировать сохранение необходимой работоспособности ответ[ственных] работников. При наличии роста общего материального и культурного уровня (а также потребностей) эта ненормальность особенно больно дает себя чувствовать.

1

Однако, принимая во внимание, что всякая прибавка, поскольку она будет чувствительна в бюджете ответ[ственного] работника (15-- 20%), выразится в общей сумме в десятки миллионов рублей и будет равным образом чувствительна в бюджете наших организаций (партийных, профсоюзных, кооперативных и т. д.), а в конечном счете и в госбюджете, и что момент для такой прибавки крайне неблагоприятен (хотя в ближайшие два-три года вообще сколько-нибудь благоприятный момент не предвидится, ибо рост зарплаты наверняка пойдет более замедленным темпом), комиссия считает, что повышение зарплаты ответственным работникам может быть проведено лишь при одновременном повышении зарплаты промышленных рабочих.

Поэтому комиссия постановляет:

Признать необходимым -- вне зависимости от решения во-проса о прибавке зарплаты ответ[ственным] работникам, и в случае повышения зарплаты прибавка не может быть в данный момент сколько-нибудь значительной, -- расширить на ближай-шее время практику дополнительных пособий в сторону: а) уве-личения контингента лиц, на которых должны быть таковыераспространены; б) расширения форм пособий (бесплатныеквартиры в государственных и ведомственных домах, выдачи пе-риодически 2-3 раза в год пособий, помощь на лечение).

Увеличить ассигнования для этой цели в распоряжениеглав (или руководителей коллегий) ведомств.

Соотношение дополнительных пособий, в случае прибав-ки зарплаты (в 10-15%), не должно превышать 30% месячнойзаработной платы, при отсутствии прибавки -- 50% (не считаяспециального лечения).

Примерные суммы, необходимые для проведения этого в жизнь, и порядок их покрытия разработать подкомиссии в со-ставе товарищей Толстопятова, Жуликова, Васильева.

Этой же подкомиссии поручить обсудить вопрос о порядке удовлетворения культурных запросов ответственных работников (книжный паек и т. д.).

Признавая необходимым сокращение круга лиц, на которых распространяется регулирование труда по тарифу ответственных работников, и перевод их на обычную оплату труда, поручить подкомиссии рассмотреть категории лиц, подлежащих действию тарифа ответственных работников на предмет максимального сокращения.

В отсутствие тов. Томского -- созыв комиссии за тов. Догадовым. Согласиться с заменой в комиссии тов. Шмидта тов. Толстопятовым.

Председатель комиссии М. Томский

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ В КОМИНТЕРНЕ 143

(агитационная брошюра)

Пролетарии всей стран, соединитесь!

Москва, 29 августа 1928 года

При Ленине, несмотря на огромные трудности, конгрессы Коминтерна собирались ежегодно. За пятилетие 1919-1924 гг. в Москве происходило пять конгрессов Коминтерна. За следующие четыре с половиной года конгресс Коминтерна созывается впервые.

Пятилетнее отсутствие коллективного обмена опытом и обсуждения важнейших вопросов мировой революции, по мнению руководителей Коминтерна, только пошло ему на пользу. По крайней мере, резолюция XV съезда, принятая по докладу Бухарина, говорит, что "большевизация секций Коминтерна сделала дальнейшие успехи" и что "важнейшие секции Коминтерна и Коммунистический Интернационал в целом достаточно окрепли идейно и организационно".

VI конгресс Коминтерна еще не закончился, но то, что говорилось на конгрессе до сих пор, уже ясно показывает действительную цену казенного оптимизма.

Уже сейчас очевидно, в какое болото завело Коминтерн его беспринципное и безответственное руководство, согласное отчитываться не чаще, чем раз в четыре года, да и то не иначе как добившись предварительного исключения всех критиков.

В итоге последних четырех лет в Коминтерне выросла правая опасность.

Это вынужден признать даже Бухарин, который еще 6 месяцев тому назад (на XV съезде) считал правую опасность несущественной. Теперь Бухарин заявляет конгрессу, что центральную опасность представляет правый уклон.

Что это за правый уклон и в чем он выражается?

По словам того же Бухарина, он "сказался в стремлении во что бы то ни стало к легальности, в боязни нарушить буржуазные законы, в игнорировании необходимости заострения классовой борьбы, например, во время стачек, в ошибочной линии по отношению к социал-демократии, в недостаточном заострении борьбы против "левых" вождей социал-демократии, в недостаточном интернационализме партии".

"Мы видим, -- говорит Бухарин, -- что даже в общем и целом правильно ориентирующиеся партии забывают выполнить свой интернациональный долг, как это было в отношении ки-

тайской революции" ("Правда", No 169). Каждый рабочий знает, что партия, "забывающая" свой интернациональный долг, не только не может считаться правильно ориентированной, но и не имеет права именоваться коммунистической. Забыл об этом только генсек Коминтерна¹⁴⁴.

Перейдем к тем правым уклонам, о которых говорит Бухарин. В чем же они конкретно проявились в партиях Коминтерна?

В Германии, где правые до последнего времени были пассивны, сейчас они выступают совершенно открыто. Целый ряд ответственных партработников выступил в защиту Амстердамского Интернационала. Руководитель тюрингенской организации Титель, редактор партийной газеты Гаммер, ряд видных партийных работников, в том числе депутатов Рейхстага и Ландтага (Вальхер¹⁴⁵ и др[угие]) выступают против утверждений, что "Амстердамский Интернационал -- орудие капитала" и что "социал-демократия из рабочей партии превратилась в буржуазную". (Об этом рассказал на конгрессе Лозовский, см. "Правда" No 176.)

Больше того, Вальхер в специальных тезисах, опубликованных в партийной печати, защищал необходимость выхода профсоюзов СССР из Профинтерна¹⁴⁶ и вступления их в Амстердам без всяких предварительных условий. Вступление в Амстердам и ликвидация Профинтерна необходимы, по его мнению, для установления единства рабочего класса.

Вот где подлинный социал-демократический уклон!

Самая многочисленная в Коминтерне (после ВКП) чехословацкая партия отказалась от празднования "Красного дня"¹⁴⁷ только потому, что это празднование было запрещено полицией. В этой же партии был проект голосовать при выборах президента за буржуазного кандидата Масарика¹⁴⁸. Отдельные коммунистические ячейки отказывались производить сборы в пользу китайской революции, которая де их не касается. В отношении чешской партии Бухарин вынужден был признать, что "дело обстоит неблагоприятно не только в среде руководства, но и в партийных низах, во всей партии неблагоприятно с точки зрения политической линии, основной ориентации партии и серьезных социал-демократических пережитков".

Во Франции, по словам Бухарина, "имеются ярко выраженные парламентские тенденции в плохом смысле этого слова". О нынешнем центристском руководстве: ... тов. Пийо, делегат Парижа, сообщил на конгрессе, что "под флагом центра маневрируют правые".

Даже в Китае, где компартия на собственном опыте проверила последствия оппортунистической политики, имеются еще члены партии, которые призывают

присоединиться к движению за восстановление Гоминьдана (см. речь тов. Воровского).

В Польше и Америке, по словам товарищей Ленского¹⁴⁹ и Фостера, руководство партиями находится в руках у правых. Не лучше и в ряде других партий.

Итак, правые в Коминтерне сейчас выступают с защитой социал-демократов, Амстердама, против международной солидарности (на деле), за восстановление контрреволюционного Гоминьдана.

В Коминтерне окрепло социал-демократическое крыло

В этом заключается основная опасность, угрожающая коммунистическому движению.

Достаточно присмотреться к тому, под какими лозунгами выступают социал-демократические элементы Коминтерна, чтобы сказать, что правая опасность выросла только благодаря оппортунистической политике нынешних руководителей Коминтерна и ВКП.

Нынешнее руководство ВКП первое (в конце 1925 г.) выдвинуло теорию построения социализма в одной стране, которая неизбежно должна была привести к ослаблению международной солидарности и интернационализма.

Нынешнее руководство ВКП навязало китайской компартии меньшевистскую теорию блока 4-х классов¹⁵⁰ и меньшевистскую тактику поддержки буржуазного Гоминьдана и отказа от самостоятельной роли компартии.

Нынешнее руководство ВКП довело до неслыханных размеров репрессии и травлю левого ленинского крыла партии (оппозиция), которое вело и ведет действительную борьбу с правой социал-демократической опасностью.

Нынешнее руководство ВКП несет главную

ответственность за рост социал-демократического

крыла в Коминтерне

Наряду с ростом правого крыла, создаются и другие опасности для коммунистического движения. Из этих опасностей основной является организационное ослабление компартии и рост фракционной борьбы.

Благодаря тому режиму, о котором так мягко отзывается Бухарин, говоря, что "у нас усилились элементы бюрократизма", рост компартий почти повсеместно (кроме Швеции) прекратился. В то время как симпатии рабочих к коммунизму растут (об этом говорят результаты выборов), число членов компартий либо остается стабильным, либо сокращается.

В то время как социал-демократия Германии имеет на 9 млн избирателей почти 1 млн членов партии, коммунистическая партия на три с четвертью миллиона избирателей имеет немногим более 100 тыс. членов.

Во Франции, где число голосов, поданных за коммунистов, увеличилось, число членов партии сократилось почти вдвое.

Партийный режим и отсутствие партийной демократии отталкивают рабочих от Коминтерна.

Этот же партийный режим приводит к усилению фракционной борьбы, которая является следствием отсутствия здоровой внутривнутрипартийной жизни. Примером неслыханного обострения фракционной борьбы является положение в Польше, где ЦК партии большинством одного голоса распустил варшавский комитет и ЦК комсомола, т. к. варшавский комитет не подчинился постановлению ЦК, то в Варшаве существуют два варшавских комитета.

Острая фракционная борьба развернулась в к[оммунистических] п[артиях] Америки, Югославии, Германии и т. д. Эта фракционная борьба проявилась почти во всех выступлениях на конгрессе, о ней открыто говорили все делегаты.

Итак: важнейшими вопросам, которые встали перед VI конгрессом, были вопрос о росте правой опасности и о режиме в Коминтерне и его секциях.

Что же решил конгресс Коминтерна?

Конгресс Коминтерна одобрил все преступно-оппортунистические мероприятия, которые имели место за последние годы.

Конгресс Коминтерна одобрил союз с английскими социал-предателями (в Англо-русском комитете), даже после предательства всеобщей стачки он одобрил политику союза с буржуазией (Гоминьдан), погубившую китайскую революцию, он одобрил неслыханный режим в ВКП и даже санкционировал применение 58 статьи при борьбе с левым крылом ВКП (оппозицией). Наконец, он одобрил и ввел в программу антиленинскую теорию о социализме в одной стране.

Этим самым конгресс Коминтерна оказал величайшую услугу правым социал-демократическим элементам. Все те ошибки, которые содействовали укреплению правого крыла, теперь освящены решениями конгресса, а часть из них введена в программу.

В результате решений Конгресса опасность

социал-демократического перерождения Коминтерна усиливается

На конгрессе много говорилось о необходимости борьбы с правыми, но совершенно ясно, что после принятия этих решений разговоры так и останутся разговорами.

Не случайно в своем заключительном слове ("Правда" No 181) Бухарин вспомнил об одном неопубликованном письме товарища Ленина ему и Зиновьеву, в котором Ленин писал: "Если вы будете гнать всех не особенно послушных, но умных людей и оставите у себя лишь послушных дурачков, то партию погубите наверняка".

Шесть лет Бухарин скрывал это письмо от партии.

Все это время вразрез со всем, что говорил Ленин, проводился курс на подбор наиболее покорных и наименее самостоятельных элементов. Только сейчас, когда надо бить направо, Бухарин вспомнил о ленинском совете.

На большевиков-ленинцев ложится обязанность разъяснить партии и

рабочему классу смысл принятых VI конгрессом решений и организовать их против социал-демократической опасности и ее пособников.

Необходимо усилить внимание к вопросам международного рабочего движения, пропаганду ленинского понимания этих вопросов, необходимо удешевить энергию в борьбе против режима расколов и фракционности, против извращения ленинизма, за единство революционного коммунистического движения в борьбе против буржуазии и социал-демократии.

Мы не поддадимся на провокационные разговоры о том, что из нашего несогласия с отдельными пунктами бухаринской программы следует, что мы не можем быть в Коминтерне. Программа Коминтерна дана Лениным, дана решениями тех конгрессов, которыми руководил Ленин. За эту ленинскую программу, за революционные рабочие массы мы боролись и будем бороться внутри Коминтерна.

Оппозиция формально исключена из Коминтерна. Но в то же время, больше чем когда-либо, на оппозиции лежит ответственность за его будущее.

Ленинский Коминтерн мы пособникам социал-демократии не отдадим

Документы оппозиции к VI конгрессу Коминтерна

Большевики-ленинцы (оппозиция ВКП (б)). В адрес VI конгресса Коминтерна от тов. Л.Д.Троцкого и за его подписью поступили следующие документы:

Проект программы Коминтерна -- критика основных положений бухаринского проекта.

Заявление VI конгрессу Коминтерна.

"Что же дальше?" -- принципиальное обоснование заявления.

4) Послесловие к "Что же дальше?" -- об итогах июльского пленума.

5) "Легенда о троцкизме".

По имеющимся сведениям, Президиумом конгресса получены телеграммы от нескольких сот товарищей, находящихся в ссылке, в которых они полностью присоединяются к заявлению тов. Троцкого.

Товарищами Радеком и Смилгой к началу работ конгресса было послано заявление, которое они впоследствии, ознакомившись с заявлением тов. Троцкого, сняли. В телеграмме, присланной конгрессу, они сообщили о присоединении к заявлению Л. Д. Троцкого.

Группа 15-ти (Сапронов и др[угие]).

Из письма тов. Сапронова, полученного в Москве в начале августа, видно, что группа 15-ти отказалась от намерения обратиться к конгрессу. Этот отказ тов. Сапронов мотивирует невозможностью коллективного обсуждения документа, который следовало бы послать конгрессу. Однако ряд товарищей из группы 15-ти телеграфно присоединились к заявлению большевиков-ленинцев, присланному тов. Троцким.

Ленинбунд.

В № 27 журнала "Знамя коммунизма" 151 (орган Ленинбунда)

опубликовано обращение Ленинбунда к VI конгрессу, в котором говорится о стремлении Ленинбунда восстановить единство коммунистического движения. В заявлении перечисляются оппортунистические ошибки руководства Коммунистического Интернационала за последние годы (Англо-русский комитет, кит[айская] революция, политика ВКП и проч[ее]). Подчеркивается согласие Ленинбунда с решениями пяти первых конгрессов Коминтерна.

Часть документов оппозиции была переведена ИККИ [на] немецкий, французский и английский языки и в очень ограниченном количестве экземпляров (по 7-8 на каждом языке) была роздана членам Президиума конгресса и руководителям отдельных делегаций под расписку и с обязательным возвратом этих документов. Подавляющему большинству делегатов документы остались неизвестными.

Большевики-ленинцы (оппозиция) г. Москвы обратились с письмом к делегатам конгресса, в котором солидаризуются с заявлением тов. Троцкого и особенно подчеркивают неслыханный режим арестов и ссылок оппозиции, проводимый руководством ВКП.

Письмо это разослано по почте гл[авным] образом рядовым делегатам конгресса, от которых скрыты основные документы оппозиции.

ИЗ ЖИЗНИ ОППОЗИЦИИ НА ЗАПАДЕ

(хроника)

Германия. В Германии действуют две оппозиционные группы: Веддингская оппозиция и Ленинбунд. Веддингская оппозиция выступает против избирательной тактики Ленинбунда (выставление самостоятельных списков при выборах), тем не менее за последнее время эти две группы значительно сблизились.

В настоящее время Веддингская оппозиция, которая до сих пор была группировкой только одного, правда, очень крупного, пролетарского района гор. Берлина, превратилась в общегерманскую оппозицию. Эта группа имеет за собой фактическое большинство партийцев в двух районах Берлина (Веддинг и Вейсензее) и в Пфальцской области. Комитеты этих районов также были оппозиционными, но постановлением ЦК исключены из партии, а на их место назначены сверху другие, не пользующиеся авторитетом среди партийцев.

Всего Веддингская оппозиция объединяет несколько тысяч, причем все они, за исключением руководителей, не исключены из партии. Руководителями Веддингской оппозиции являются товарищи Вебер (бывш[ий] член ЦК коммунистической] п[артии] Г[ермании]), Ризе, Бетхер и Баумгарнер -- все рабочие. В составе Веддингской оппозиции рабочих свыше 90%.

Веддингская оппозиция открыто осудила линию Зиновьева и Сафарова и по всем основным вопросам солидаризуется с большевиками-ленинцами (оппозиция ВКП(б)).

Ленинбунд в настоящее время предпринял кампанию по организации фонда печати, который обеспечил бы выход ежедневной газеты. До сих пор орган Ленинбунда "Фольксвилле" выходит 3 раза в неделю.

Франция. Месяца два тому назад в "Правде" было помещено сообщение о

ропуске и самоликвидации оппозиционной группы Трэна. В органе Ленинбунда ("Знамя коммунизма" No 28) опубликовано письмо этой группы, в котором сообщается, что группа не ликвидировалась, а объединилась в Комитет борьбы за коммунистическое восстановление партии и Интернационала. Комитет продолжает борьбу против правой оппортунистической политики за лозунги оппозиции¹⁵².

Лживое сообщение "Правды", говорится в письме, иллюстрирует те методы, к которым прибегает нынешнее обанкротившееся руководство ВКП.

Другая оппозиционная группа во Франции, издающая журнал "Против течения" (группа Паза), обратилась ко всем оппозиционным группам Франции с предложением созвать общепарижское совещание всех оппозиционных (парижских и местных) групп для объединения всей оппозиции.

Переписка по этому поводу опубликована в журнале "Против течения" No 12. Из этой переписки видно, что между двумя основными оппозиционными группами во Франции (группа Паза и гр[уппа] Трэна) существенных разногласий нет. В то же время совершенно ясно, что Суварин и его группа не причисляют себя к оппозиции большевиков-ленинцев и ничем с ней не связаны.

Бельгия. Под влиянием бельгийской оппозиции, во главе которой стоит организатор партии Ван-Оверштратен, находится фактическое большинство партии, почти все ее рабочие кадры, а также и беспартийные рабочие, идущие за коммунистами. Тираж издаваемого оппозицией (на двух языках: французском и фламандском) журнала "Коммунист" в несколько раз превышает тираж официального органа партии.

Бельгийские товарищи выпустили специальную брошюру, посвященную вопросам ВКП под названием: "Чего хочет русская оппозиция".

Чехословакия. В связи с провалом оппортунистической линии руководства в компартии укрепляется левое, ленинское крыло. В последнее время, как сообщает "Знамя коммунизма", на сторону оппозиции перешло несколько местных партийных организаций. Один из виднейших руководителей оппозиции в Чехословакии тов. Михалец, связанный ранее с группой Зиновьева -- Сафарова, отказался последовать за капитулянтами.

Италия. С большевиками-ленинцами (оппозиция ВКП) солидаризировалось левое крыло итальянской партии, возглавляемое тов. Бордигой. Бордига и ряд виднейших руководителей итальянской оппозиции находятся ныне в фашистских тюрьмах.

РУССКИЙ ВОПРОС НА VI КОНГРЕССЕ

В том, что конгресс Коминтерна одобрит все, относящееся к оппозиции, решения XV съезда и ИККИ, равно как и мероприятия ОГПУ, никто не сомневался. Четыре с половиной года сталинско-бухаринская фракция откладывала конгресс,

откалывая в то же время от Коминтерна левые революционные элементы. За одни только последние месяцы от Коминтерна отсечено

фактическое большинство бельгийской компартии, руководители рабочих-коммунистов Веддинга, Пфальца и др[угих] округов Германии, тысячи членов ВКП и т. д. и т. д.

Своей раскольнической политикой нынешнее руководство обеспечило "единогласное" одобрение своей политики на конгрессе. С самого начала конгресса было ясно, что комедия обсуждения русского вопроса ничего нового в русский вопрос не внесет.

У большевиков-ленинцев не было никаких иллюзий насчет решений этого конгресса. Наши заявления, поданные конгрессу, были адресованы партийным массам через голову бюрократов и раскольников. И до партийных масс мы эти заявления доведем во что бы то ни стало.

II

Пятый пункт повестки дня конгресса гласит: "Обсуждение русского вопроса". На деле никакого обсуждения не было. Никому из делегатов слова не дали. Даже руководящие представители отдельных партий выступали по заранее написанным шпаргалкам.

Почему? Да по той простой причине, что даже на этом подобранном и отобранном конгрессе не было уверенности в том, что все делегаты проявят необходимую стопроцентность и поддержат обанкротившееся руководство Сталина -- Бухарина.

Не только не было "обсуждения", не было вообще никакого "русского вопроса". Ни Рыков, ни Сталин не сочли нужным сообщить конгрессу о той острой фракционной борьбе, которая разыгралась на июльском пленуме и которая продолжается сейчас. Ни слова о новых хозяйственных трудностях, о намечаемых мероприятиях, словом, ничего по тем вопросам, по которым высший орган коммунистического движения должен был бы сказать свое веское слово.

Рыков и Сталин сочли время конгресса наиболее удобным для... использования очередного отпуска, и оба уехали из Москвы. Когда-то Ленин и Троцкий считали величайшей честью лично отчитываться перед конгрессами Коминтерна. Сейчас для этого дела достаточно прислать пару мелких чиновников из партаппарата: Варгу и Мануильского.

Руководство ВКП сделало все от него зависящее, чтобы уронить авторитет конгресса.

III

Взамен серьезного обсуждения русского вопроса шесть заграничных единомышленников сталинско-бухаринской фракции зачитали шесть деклараций, содержащих неумеренное

восхваление хозяйственной и всякой иной политики нынешнего руководства ВКП и столь же неумеренное поношение оппозиции.

Особенно странно звучит сейчас восторженная оценка обанкротившейся политики русского руководства. Как раз за последние месяцы особенно ярко выявилось банкротство политики ЦК, еще на XV съезде утверждавшего, что "предсказания оппозиции насчет провала хлебозаготовок не оправдались". Январь-март показали, насколько эти предсказания были верными, а нынешнее руководство близоруким.

На XV съезде Молотов говорил, что оппозиция, предлагавшая принудительный заем у кулака, -- "враг союза рабочих и крестьян", а через 2-3 месяца ЦК оказался вынужденным провести принудительный заем у всего крестьянства.

О хозяйственных трудностях Рыков говорил, что если бы их предвидели своевременно, то можно было бы безболезненно выйти из затруднений. О Шахтинском деле тот же Рыков говорил, что оно явилось полной неожиданностью для руководства. Эти примеры можно продолжить до бесконечности.

На июльском 1928 г. пленуме ЦК была принята резолюция, говорящая о чрезмерно быстром развитии промышленности и отставании сельского хозяйства. Эта резолюция целиком расходится с прежней оценкой партии и с курсом на индустриализацию страны.

Конгресс ничего не сказал об этих решениях. Конгресс ничего не сказал о беспомощном метании руководства ВКП. Конгресс ничего не сказал о сделанных ошибках и этим облегчил возможность дальнейших ошибок.

Кому нужен этот казенный оптимизм? Это знаменитое "шапками закидаем"?

IV

Дело строительства социализма в отсталой крестьянской стране -- большое и трудное дело. Поставленный Лениным вопрос "кто кого" еще не разрешен и требует величайшего напряжения сил для своего разрешения.

Международный пролетариат должен знать, в каких трудных условиях приходится бороться русским рабочим. Лучшим способом агитации за СССР и за мировую революцию является указание на трудности, стоящие перед первой социалистической страной и пропаганда необходимости скорейшей помощи со стороны мирового пролетариата.

Нынешнее руководство предпочитает кормить пролетариат успокаивающими декларациями и замазывать трудности и ошиб-

ки. Аппаратчики, как всегда, не доверяют выдержке и сознательности рабочего класса.

Отсюда и растет нелепое утверждение, будто оппозиция своей критикой помогает социал-демократии.

Когда Семак от имени ряда делегаций заявляет, что "ВКП (т. е. руководство ВКП) доказала свою способность преодолевать различные затруднения (в политике образования хлебных запасов, в проблеме экспорта и импорта, в изживании товарного голода, безработице и т. д.)", то этим

заявлением Семар несколько не укрепляет положения СССР.

Ведь каждый рабочий знает, что никаких хлебных запасов нет, что экспорт сократился, что товарный голод и безработица растут. Скрывая правду от рабочего класса, Семар дискредитирует руководство компартии и этим льет воду на мельницу социал-демократии. Оппозиция своей суровой правдой, которую она говорит рабочим, действительно подымает их на борьбу с капитализмом и с социал-демократией.

V

Обвинения против оппозиции идут по той линии, которая была намечена XV съездом ВКП. Сейчас эти обвинения еще более нелепы, чем тогда.

Разве не нелепо звучат разговоры о том, что предложения оппозиции ослабили бы союз рабочих и крестьян? Ведь ошибки нынешнего руководства и явившиеся следствием этих ошибок "чрезвычайные мероприятия" на практике уже привели к разрыву смычки.

Разве не нелепо обвинять оппозицию в социал-демократическом уклоне сейчас, когда благодаря ошибкам руководства, внутри Коминтерна выросло сильное социал-демократическое крыло?

Разве не нелепо обвинять оппозицию во фракционной работе сейчас, когда Коминтерн стал ареной ожесточенной фракционной борьбы во всех секциях?

Нужно окончательно потерять чувство ответственности перед рабочим классом, чтобы такую вздорную демагогию преподносить в качестве декларации по русскому вопросу.

Мы уверены, что рано или поздно рабочие-коммунисты призовут к порядку авторов безответственных деклараций.

VI

Ленинская оппозиция не может признать правильности решения Коминтерна по русскому вопросу. Все, что проделано Коминтерном по этому вопросу, представляет собой полный отказ от ленинской линии и подлинное издевательство над Лениным.

В статье "Кризис партии" (собр. соч., т. XVIII, ч. I) В.И.Ленин писал:

"Что надо делать, чтобы достигнуть быстрейшего и вернейшего излечения? Надо, чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать, во-первых, сущность разногласий, и, во-вторых, развитие партийной борьбы... Надо изучать и то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке со всех сторон. Если нет документов, нужен допрос свидетелей обеих или нескольких сторон и обязательно "допрос с пристрастием" и "допрос при свидетелях"."

На VI конгрессе документов не было. Документы, представленные оппозицией, не были розданы даже членам конгресса, в то время как Ленин

говорит о всех членах партии. Свидетели одной из сторон находятся в ссылке, и если и были допрошены, то не на конгрессе, а в ГПУ.

Делегаты конгресса поверили на слово Варге и Мануильскому, хотя в той же статье В.И.Ленин предупреждает, что "кто верит на слово, тот безнадежный идиот, на которого махают рукой".

Во всяком случае, тот, кто верит на слово, не должен брать на себя вынесение столь ответственных решений.

VII

Мы прекрасно знаем, что эти декларации не только не отражают мнения рабочих-коммунистов, но даже ряду делегатов конгресса они были насильно навязаны кучкой фракционеров. Значительная часть делегатов в частных беседах жаловалась, что ее совершенно не информируют о положении в России, о критике ленинской оппозиции и проч.

Разумеется, лишённые информации, связанные дисциплиной своей фракции делегаты "единогласно" проголосуют все, что потребуется. Но многие из них пожалуют об этом, когда им придется отчитываться перед посланными их рабочими коммунистами.

Мы не сомневаемся в том, что пролетарии, входящие в Коммунистический Интернационал, разобравшись в документах и фактах так, как это советовал сделать Ленин, вынесут решение, прямо противоположное декларациям конгресса. Неслыханный режим, господствующий в партиях Коминтерна, может замедлить этот процесс, но не уничтожит его.

Большевики-ленинцы (оппозиция)

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ О КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА153

Письмо No 1

1. Подготовка конгресса

Отчет о деятельности ИККИ и компартий не обсуждался ни ИККИ, ни компартиями. Не было своевременно опубликовано ничего такого, что было бы похоже на отчет. Не обсуждались партиями и главные вопросы, стоящие в порядке дня конгресса: колониальный и аграрный вопросы. Не было предварительного обсуждения также вопроса о хозяйственном положении СССР и общей экономической политике ВКП(б).

При ИККИ работают три комиссии: по программному и колониальному вопросам и по вопросу о борьбе с военной опасностью. Имелся только проект программы, по другим вопросам до открытия конгресса тезисов не было. Ни одна партия, ни один ЦК, за исключением ЦК ВКП, не обсуждали проекта программы. Почти все делегаты ознакомились с проектом программы только в Москве.

Все делегаты без исключения были назначены политбюро своих партий. Ни одна партия не послала выборных делегатов. Громадное большинство делегатов -- партаппаратчики.

2. О ходе работ пленарных заседаний конгресса и комиссий

Все отмечали фактическое отсутствие делегации ВКП(б). В работе и прениях принимали участие только некоторые русские товарищи. Если не считать выступления главного докладчика, Бухарина, то из остальных русских товарищей принимали участие, главным образом, аппаратчики ИККИ (Мануильский, Шубин¹⁵⁴, Ломинадзе, Васильев, Мартынов, Лозовский). Иностранные товарищи были весьма удивлены тем, что от русской делегации выступали только Ярославский, Скрыпник, Султан-Заде¹⁵⁵. Вообще говоря, работа конгресса протекала сама по себе. Русская делегация не оказывала ни малейшего идейного руководства. Зато активно шла кулуарная фракционная обработка, фракционное освещение вопросов и завязывались фракционные связи.

Вопреки замазываниям и официальным уверениям и утверждениям, всем почти без исключения делегатам стало ясно, что существуют глубокие разногласия и борьба в рядах ЦК ВКП. Заграничные делегации уже втянуты в русло этих разногласий и трений, созданы уже соответствующие фракционные договоры.

Само собой понятно, что подобное положение -- закулисная и тенденциозная информация -- не давало делегатам серьезной политической оценки. Ясно одно: почти все делегации уедут, зараженные грубо комбинаторскими приемами, не отдавая себе точного отчета ни о серьезности положения в СССР, ни о действительных причинах разногласий и трений внутри ЦК, ни о характере назревающих серьезных опасностей, перед которыми стоит пролетариат СССР и весь Коминтерн.

По русскому вопросу (о хозяйственном положении СССР и ВКП) не было никаких прений. Заранее заготовленные декларации были прочитаны от имени групп делегаций. За исключением немецкой делегации, ни одна делегация вообще не обсуждала русские дела. Заявления, напечатанные в "Правде", совершенно противоречат действительным настроениям самих делегатов. Они звучат каким-то анахронизмом в сравнении с тем, что делегаты говорили в частных беседах.

3. Мнения делегатов о проекте программы и о тезисах и докладах по колониальному вопросу

Нельзя найти ни одного убежденного защитника. Все недовольны, все неудовлетворены. Одни больше, другие меньше. Более толковые делегаты находят, что проект программы отчасти результат компромисса, отчасти результат небрежного, несерьезного отношения к нему со стороны авторов. Другие считают, что следовало бы проект опубликовать, по крайней мере, на шесть месяцев раньше и добросовестно проанализировать и продискутировать. Вообще говоря, если бы не существующее положение в ЦК, то иностранные делегаты не были прочь отложить принятие программы. У многих, однако, были следующие главные соображения, чтобы все-таки принять программу: а) ввиду того, что сильно пал авторитет Коминтерна, ИККИ и ЦК ВКП(б) вследствие

последних двух-трехлетних "дискуссий", нужно поторопиться и преподнести партиям и пролетариям программу; б) беспокойство, что дела внутри ЦК ВКП(б) могут серьезно ухудшиться и что еще сильнее может пасть авторитет ВКП(б), за чем может последовать дальнейшее идейное и организационное ослабление и разложение Коминтерна; в) запасть, возвращаясь домой, таким козырем, как программа, чтобы, если дела в ВКП примут серьезный оборот, можно было бы отвлечь внимание пролетариата и партийцев. Надо же хоть чем-нибудь похвастать.

Подобные же, пожалуй еще более скептические и иронические замечания, были сделаны по поводу тезисов и докладов по колониальному вопросу. Никого они не удовлетворили. В част-

ных беседах многие делегаты высмеивают их. Другие беспомощно пожимают плечами. Однако при выступлениях это замазывают.

Одно из самых удручающих и печальных зрелищ -- это выступления делегатов на пленарных заседаниях конгресса и в комиссиях -- это страшно низкий идейно-теоретический уровень делегатов. У 50% делегатов, по крайней мере, абсолютное отсутствие элементарного марксистского образования. Налицо трафаретность и метафизика плюс "высокое" политиканство.

Многие делегаты давали очень ценный, но сырой информационный материал о положении в их странах и партиях. Но весь этот сырой материал так и остался не обработанным, вопросы остались без ответа. Путаница и ошибки остались либо не замеченными, либо получили не то косвенную поддержку, не то теоретическое обоснование. В этом отношении весьма трагично положение делегаций колониальных стран, а также стран Латинской Америки, которым преподнес свои мелкобуржуазные путаные тезисы Эмбер-Дро¹⁵⁶. К сожалению, так как работа конгресса протекала без руководства, даже кричащие, грубейшие несуразности принимались как откровения высшей политической проницательности.

4. Кризис руководства компартий

Если идеологически, теоретически, тактически и т. д. VI конгресс не справился, не разрешил стоящие перед ним проблемы, то, с другой стороны, он все-таки ознаменовался следующим явлением: на VI конгрессе обнаружилось существование и рост двух вполне определенных течений в интернациональном масштабе -- правое и центристское. В борьбе против левых эти два течения покрывали друг друга. После отстранения и организационного вытеснения из партии левых выплыли разногласия и борьба между правыми и центром. Вместо последовательно левого течения было квазилевое течение, эпизодически выступавшее в лице Ломинадзе, либо в лице некоторых немецких делегатов, либо в лице двух представителей парижской организации (Пийо, Ветцер¹⁵⁷). Взаимоотношения между правым и центристским, или непоследовательно левым, течениями настолько обострены, что единственным вопросом, которым систематически занималось бюро делегации, -- это склеивание внешних компромиссов между враждующими фракциями почти всех компартий.

Правая опасность проявила себя вполне оформленным течением (в некоторых партиях -- руководящим течением), уже старающимся по всем вопросам (международной экономики и политики) подыскать идейную формулировку, создать специальную теорию для уже испробованной или предстоящей быть приме-

ненной приспособленческой практики. Одновременно замечается значительное уменьшение членов во всех компартиях, угрожающий идейный разброд, серьезный растущий кризис в руководстве компартиями в Германии, Франции, Польше, Югославии, Чехословакии и т. д. и т. п.

В германской компартии имеются две вполне оформившиеся борющиеся друг с другом фракции. С одной стороны, группа большинства, группирующаяся вокруг Тельмана, с другой стороны, фракция Эверта¹⁵⁸. Но каждая фракция сама по себе не представляет однородное целое. Эверта поддерживает группа Мейера, возможно, что некоторые сторонники Брандлера также на стороне Эверта. Отношения очень обострены. Обеими группировками ведется планомерная фракционная работа. Во время конгресса были заседания сторонников Рыкова с группой Эверта. Заседания происходили за городом. Сталинцы со своей стороны заседали с группой Тельмана. Несмотря на решение русской и немецкой делегаций действовать "методами убеждения" и не устранять Эверта от руководства, положение обострилось. Это видно не только по пленарным заседаниям конгресса и комиссий, но и по информации, которая отправляется в Германию. Тельмановцы настаивают на применении решительных организационных мероприятий. Тельмановцев открыто и энергично поддерживает Ломинадзе. Бухарин очень дипломатично выгораживает Эверта.

Во французской компартии два главных течения. С одной стороны -- группирующаяся вокруг Тореза¹⁵⁹ (Торез, Барбэ¹⁶⁰, Селор¹⁶¹, Лозэрэ¹⁶²). Против этой группировки борется группировка Дорио¹⁶³ (Дорио, Бернар¹⁶⁴, Рено-Жан¹⁶⁵, Кашен¹⁶⁶, Геман и др[угие]). Семар¹⁶⁷ примкнул к группировке Тореза, хотя политически он самый бесхарактерный, бесхребетный чиновник, дрожащий за свое место и чувствующий свое собственное идеологическое убожество. В руководстве ФКП можно насчитать пять или шесть группировок: 1) Торез, 2) Дорио, 3) Креме¹⁶⁸, 4) Северная федерация, 5) Парижская организация, 6) Андре Марти¹⁶⁹. Около восьми оппозиционных группировок находятся вне партии. В данный момент разногласия и борьба идут между Дорио и Барбэ. Официально эти три течения называются: правое (Дорио), центр (Торез), левое (Вили, Пийо, Жорж Жозеф, Ветцер). Эмбер-Дро проводит линию отсечения Дорио, ориентируясь на Тореза-Барбэ. В таком направлении он ставит вопрос о перемене руководящего ядра ВКП. По всей видимости, Дорио имеет поддержку руководящих кадров У[нитарной] в[сеобщей] к[он-федерации] т[руда], например, Ракамон¹⁷⁰, Дюдилье, а может быть, и Монмуссо¹⁷¹.

САСШ172. Снова очень обострились отношения между группой Фостера¹⁷³ и группой Пеппера. И делегация расколота. Сторонники одной и другой группировок между собой не разговаривают. Вмешательство русской делегации (примиренчество) пока что не дало ни малейшего результата. В своих выступлениях на пленарных заседаниях конгресса Ломинадзе очень ожесточенно напал на Пеппера не только вообще, не только по поводу китайских событий, но и по чисто американским делам. Ломинадзе открыто солидаризовался с Фостером и намекал на необходимость принятия организационных мер против Пеппера и прочих.

Польская к[оммунистическая] п[артия]. Две главные фракции, вполне оформившиеся политически и организационно. Ожесточенная по всем правилам фракционная борьба. Большинство находит поддержку у сталинцев, хотя были попытки сталинцев и тельмановцев столкнуться раньше с меньшинством.

Чехословацкая к[оммунистическая] п[артия]. Разногласия и борьба течений углубляются -- группы в стадии организационного оформления. Теперь же сильный идейный разброд.

Югославская к[оммунистическая] п[артия]. Вообще никакого руководства. Продолжающийся в течение семи лет внутривнутрипартийный кризис достиг таких размеров, что остались только враждующие группировки без мало-мальски серьезной партийной организации.

В чем сущность разногласий, на какой основе разворачивается кризис руководства компартиями? Захвачены ли этим кризисом низовые парторганизации?

Разногласия политического характера: различная оценка мирового положения, характер стабилизации капитализма, роль мелкой буржуазии, роль социал-демократии, различные оценки положения СССР и политики ВКП(б), различные оценки положения в каждой отдельной стране. Можно без преувеличения сказать, что вполне отчетливо наметилось идейное оформление (и соответствующее организационное сближение) в международном масштабе между сторонниками Сталина и сторонниками Рыкова (через Бухарина). Велась не только соответствующая работа со стороны русских товарищей, но сами фракции отдельных делегаций искали непосредственного контакта с ними. Так, например, фостеровцы вошли в контакт с тельмановцами, польским большинством и т. д. Соответствующая работа велась среди итальянских, французских и др[угих] делегаций. Если попробовать в общих чертах охарактеризовать сущность разногласий, можно сказать следующее: сторонники Пеппера благоволят перед ростом американского капитала и политическим господством американской буржуазии, видят непреодолимые трудности для создания революционного движения и для деятельности Коминтерна.

Эвэрт и его сторонники также благоволят перед "окрепшим немецким капиталом", считают, что немецкая буржуазия и социал-демократия окрепли на длительный период, что вообще невероятно ожидать в ближайшие годы

революционных событий, что надо заняться повседневной работой на почве длительного периода стабилизации капитализма, что Венское восстание было изолированным случайным событием. Словом, существует некоторая общность в оценке перспектив Эвертом и Пеппером. Интереснейшее место в речи Эверта было то, где он специально в письменной декларации (которая должна быть помещена как поправка к тезисам) указывает на необходимость более методической и ясной разъяснительной кампании среди рабочих Западной Европы по поводу "необычайных трудностей, на которые наталкивается строительство социализма в СССР" и насчет нормальности того, что рабочий класс СССР еще находится в тяжелых материальных условиях.

На наш взгляд, в этой декларации содержится попытка зафиксировать формулу, прикрывающая намерения, подготовить общественное мнение рабочего класса на возможность серьезнейших изменений во внутренней политике СССР. Тактические разногласия вытекают до некоторой степени из общеполитических разногласий. Главнейшее из них: переоценка влияния социал-демократических течений; некоторый "экономизм", погоня за узко практическими лозунгами, недооценка стачечного движения и т. д. В области политических и тактических вопросов ищут теоретические обоснования в докладах и речах Бухарина.

Разногласия и фракционная борьба захватили низовые парторганизации в Польше и в Германии, захватывают в Чехословакии. В низовых парторганизациях борьба идет не на политической почве, а из-за личных склок и комбинаций. Если о тезисах и речах на конгрессе в национальных низовых парторганизациях почти ничего не знают и не интересуются, то о личных склоках информированы достаточно. Бесспорно, что такое положение чревато опасностями для идейной и политической жизни низовых парторганизаций. Сообщают, например, что в польской партии в низовых организациях и в профсоюзах коммунисты и сочувствующие на заводах называют друг друга сталинцами и бухаринцами. Причем, польских бухаринцев их противники называют троцкистами. В германской партии то же самое, с той только разницей, что называют друг друга троцкистами. Во Франции до этого не дошло. Там в низовых организациях нет еще такого деления. По-моему, следующие причины лежат в основе усиливающегося кризиса в руководстве к[оммунистической] п[артии].

Воздействие на руководящие кадры к[оммунистической]п[артии] оправившегося экономически и политически капита-лизма от послевоенного кризиса.

Политическая и экономическая переоценка значения(речь идет о соотношении классовых сил и характере и остротеклассовой борьбы) таких явлений, как технический процесс ка-питалистического производства и капиталистической рациона-лизации.

Переоценка силы политической реакции буржуазии и скеп-тицизм насчет возможности развертывания революционгодвижения пролетариата.

Некоторое разочарование (при боязни сознаться в этом)в авторитете руководства ИККИ и ВКП. От этого руководстваждали чудес. Поражение и возросшие трудности, однако, удари-ли прямо по голове послушных

руководителей западноевропейских коммунистических партий].

Коммунистические партии в ряде стран все более изолируются от рабочих масс. Изолировать коммунистические партии от рабочих масс есть в то же время тактика буржуазии ее правительств.

Развитие и последовавшее поражение китайской революции, "дискуссия" в ВКП и Интернационале; последние велись таким образом, что не только не подняли идейный уровень партии, а, наоборот, развратили их, внесли апатию и разочарование.

Бюрократизм ответственных органов и всего аппарата компартий.

В то время, когда руководство коммунистических партий и аппарат заставлял низовые парторганизации выносить решения против оппозиции в ВКП и приклеивать к ней ярлык -- "социал-демократический уклон", это руководство вело политику отвлечения рабочих от тех вопросов, которые ставит перед ними международное положение и положение данной страны.

Ужасающий низкий уровень развития руководящих кадров коммунистических партий. В немецкой партии, например, тот, кто мало-мальски делает усилия продвинуться в теоретических вопросах, объявляется "брандлеровцем".

Об оппозиции в ВКП, о троцкистах и о документах Троцкого ни разу не было ни малейшего замечания. Даже в речах многих раньше яростно нападавших на оппозицию ораторов не было нападок на оппозицию. Только иногда у Ломинадзе, отчасти у Эверта и Тельмана и у Бухарина, когда старались что-нибудь доказывать, а выходило не очень убедительно, ораторы боязливо оговаривались, "что если иначе формулировать -- получится троцкизм". В речах Бухарина, Ломинадзе, Неймана, Куусинена,

1

Эрколи¹⁷⁵ и других по программному вопросу, по колониальному и по отчету ИККИ -- везде, в особенности по китайской революции, все ораторы, поскольку они говорили о троцкизме, стояли исключительно на оборонительной позиции, либо замазывали вопрос, либо оправдывались. Китайскую революцию замазывали, говорили больше об Индии.

Документ Троцкого "Критика проекта программы" в делегациях не обсуждался. Поскольку удалось установить, документ возбудил громадный интерес. Некоторые англичане и американцы находят, что они давно не читали такой интересный политический документ, изложенный таким яростно-памфлетным агрессивным тоном. Итальянцы документ прорабатывали. Им не нравится только то, что Троцкий их здорово обругал, и впечатление таково, что не потому, правильно ли это или нет по существу, а потому, что о них сказано чересчур сильно: там и Чан Кайши и Гильфердинг. Это их задело.

"Что же дальше"¹⁷⁶ и "Послесловие"¹⁷⁷ некоторые делегации и ответственные товарищи из аппарата ИККИ оценивают примерно следующим образом: ловко написанный и боевой документ. Особенное впечатление

произвело то место, где говорится, что имеются товарищи, старающиеся найти ленинскую линию, с которой оппозиция готова вместе бороться. Иностранцы товарищи, с которыми удавалось поговорить более откровенно, толкуют это место таким образом: не исключена возможность совместной работы в будущем Троцкого и Сталина.

Кстати, один ответственный товарищ из аппарата ИККИ, сильно связанный с секретариатом Сталина и очень дружный с Ломинадзе, в последний месяц постоянно подчеркивает, а также намекает на это среди иностранных товарищей, что если события развернутся и примут серьезный характер в СССР, то неизбежна, не только возможна, но и неизбежна совместная работа Троцкого и Сталина.

Письмо No 2

Разговор с Эрколи (застенографировано).

Уровень конгресса и выступающих ниже всякой критики. Парадные заверения о верности Коминтерну. Скучно и грустно. Нет и не чувствуется направления инспирирующей руки русской делегации. Русские товарищи спорят у себя дома. На их заседаниях, вероятно, интересно. Они не то потеряли интерес к конгрессу, не то, потому что самим трудно договариваться, дают нам чувствовать, что конгресс какое-то тяжелое бремя, от которого они не могут освободиться. Но оживить конгресс, чтобы он плодотворно работал, они тоже не в состоянии. Что будем говорить нашим товарищам после возвращения? Ведь у нас от-

ветственность большая за руководство нашими партиями. Доклад Бухарина явно не удовлетворителен. Почему Бухарину не дали достаточно времени и возможности подготовить хороший доклад? Мы высмеивали раньше Зиновьева за его "две перспективы". А тут нет ни одной. Прямо взять да повеситься. Заседания пленумов ИККИ были более интересны. Трагизм положения в том, что нельзя, невозможно правду сказать о самых важных, самых существенных текущих проблемах. Мы не смеем говорить. В этой атмосфере сказать подлинную правду значит произвести эффект взорвавшейся бомбы. Впрочем, было бы недурно, если бы значительная часть присутствующих на конгрессе исчезла бы с лица земли. Я страшно удручен. Прямо не знаю, как выступить, что говорить, как поступить, чтобы как-нибудь это положение изменить. Жаль, что нет здесь Бордиги. Он выполнил бы большую историческую роль, он бы всем нам сказал правду.

Документы Троцкого чрезвычайно интересны. Здорово нас ругает, очень умно разбирает "теорию строительства социализма в одной стране". Безобразие, скандал, что программные материалы, критические статьи, примечания и т. д. мы не получаем. Только вчера нам что-то раздали, но не всем. А ведь надо все это прочитать и обдумать. Как же мы сумеем так, второпях, принять программу Коминтерна. Просто волосы становятся дыбом. Насчет колониального вопроса -- я ведь содокладчик, так просто за две недели до конгресса решили и назначили меня содокладчиком. Но до сих пор я не могу добиться встречи с Куусиненом,

главным докладчиком, чтобы с ним побеседовать. Не имею понятия, о чем он будет говорить, не имею даже его тезисов.

Беседа с Торезом (застенографировано).

Среди нашей делегации растет беспокойство, недовольство и скептицизм. Нас беспокоит содержание доклада Бухарина, а также то, что в нем не сказано или недостаточно ясно сказано. Также и некоторые неясные, двусмысленные формулировки в тезисах. В докладе Бухарина центральное место уделяется усилению междуимпериалистических противоречий и неизбежности войны. Очень сильно подчеркнут прогрессивный рост и усиление капитализма и междугосударственных противоречий. Сравнительно мало или почти ничего не говорится насчет усиления роста внутренних экономических и социально-политических противоречий в каждой стране (капиталистической). Отсюда противопоставление. С одной стороны -- растущий империалистический капитализм, с другой -- СССР. А где же место и значение международного пролетариата и компартии? Отсюда вывод: СССР -- бастион, база международной революции. По-

моему, неверно, это неправильно. СССР может быть только платформой, примером, морально и материально помогающим фактором международной революции, а не основой, не центром. Ведь в СССР революция победила. А в ближайшем будущем надо подготовить революции в капиталистических странах. Центр революции как раз в капиталистических странах. Неправильно думать, представлять себе лист бумаги, на котором СССР, как масляное пятно, автоматически расширяется. По-моему, эта неправильная установка исходит из неправильной теории о построении социализма в одной стране.

Я читал критические замечания Троцкого. Он совершенно прав насчет теории "социализма в одной стране". Зачем и как это случилось, что нас заставили проглотить эту теорию? Против троцкизма надо было бороться, но зачем эта теория? Мы страшно озабочены, мы ничего не знаем, что здесь творится. Правду не можем говорить. Положение деликатное, почти невыносимое. С конгресса мы вернемся и сделаем доклады. А если до этого или после этого (наших докладов) неделю или месяц спустя тут в СССР начнется драка, нам будут говорить: "Вы были там больше месяца, вы ничего не поняли, ничего не узнали, ничего не спрашивали. Вам, вероятно, не доверяли, не сочли нужным вас серьезно информировать. С вами не хотели считаться, разговаривать".

Нас беспокоят также эти штуки с пацифистскими конгрессами и организациями. Ведь, с одной стороны, русские товарищи скептически смотрят на возможность со стороны компартии серьезно бороться против опасности войны и активно защищать СССР, а, с другой стороны, такое большое внимание, такие большие иллюзии насчет разных пацифистских конгрессов. Нас не удивляет тезис об опасности войны и о борьбе против этой опасности. В этом тезисе

нагромождено много противоречивых формул: очень много беллетристики. В докладе и тезисах Бухарина неясно и недостаточно сказано насчет социал-демократии. Подчеркивается, что необходим единый фронт только с ним, а в действительности не осуждаются именно разные "левые" течения среди социал-демократов. В резолюции IX пленума было подчеркнуто, что главный враг -- это левая социал-демократия. А теперь об этом ни слова. Неужели результаты германских выборов смогли подействовать так, что Коминтерн оставил себе лазейку к "левым" социал-демократам.

Конечно, обо всех этих вещах только между нами. Очень деликатно и даже опасно о таких вещах распространяться при такой атмосфере, тем более что оппозиционеры бы это использовали в своих фракционных целях.

Доклад и тезисы Мануильского.

Мануильский как докладчик по делам ВКП заготовил тезисы. Первая часть посвящена исключительно борьбе против оппозиции и троцкизма, вторая часть -- вопросам после XV съезда. Политбюро (или бюро русской делегации) обсуждало эти тезисы. Вынесено решение выбросить вторую часть, ничего не говорить о вопросах, возникших после XV съезда, оставить только вопрос о борьбе с троцкизмом. Рыков страшно свирепо атаковал ту часть тезисов, где говорится, что возросла и растет крестьянская беднота. И Рыков потребовал сохранить этот проект как документ, так как создается теория, доказывающая, что в СССР среди крестьянства развитие дает такие же социальные процессы, как и в капиталистических странах. Тезисов Мануильского мы не читали.

К. РАДЕК. РАЗВИТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЛОЗУНГА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

1. 1905 год. Возникновение лозунга

Немедленно после 9 января 1905 Ленин ставит вопрос о характере начавшихся революционных событий и о политике рабочего класса в них. Он определяет русскую революцию 1905 г. как начало буржуазной революции, которая, являясь "движением многих лет", может зажечь революционный пожар в Европе, который, нося социалистический характер, "окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий" (т. VI, с. 129). В этой революционной борьбе пролетариат должен поставить себе задачей, в первую очередь, низвергнуть революционным восстанием царизм; союзником его в этой борьбе будет крестьянство:

"Если мы, революционный народ, т. е. пролетариат и крестьянство, хотим "вместе бить" самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его" (Ленин. Собр. соч., т. VI, с. 137).

Вместе бить, добить, убить царизм и отбить попытки реставрации царизма Ленин объединяет в одно понятие -- понятие революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Для полного выяснения характера этого

понятия надо, в первую очередь, ответить на вопрос, почему эта предстоящая революция должна считаться революцией буржуазной? Почему она не может непосредственно привести к социализму? Ответ на этот вопрос Ленин дает в "Двух тактиках" 179, заявляя:

"Заметим, наконец, что, ставя задачей Временного революционного правительства осуществление программы-минимум, резолюция тем самым устраняет нелепые полуанархические мысли о немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота. Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления. А мы все убеждены, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих; без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией о социалистической революции не может быть и речи. И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно, по дороге демократической республики. Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам. Если те и другие рабочие спросят нас в соответствующий момент: почему бы не осуществить нам программы-максимум, мы ответим им указанием на то, как чужды еще социализму демократические настроенные массы народа, как неразвиты еще классовые противоречия, как неорганизованы еще пролетарии. Организуйте-ка сотни тысяч рабочих по всей России, распространите сочувствие своей программе среди миллионов. Попробуйте сделать это, не ограничиваясь звонками, но пустыми анархическими фразами, -- и вы увидите тотчас же, что осуществление этой организации, что распространение этого социалистического просвещения зависит от возможно более полного осуществления демократических преобразований" (Ленин, т. VI, с. 313-314).

Второй вопрос: почему в этой революции союзником является именно крестьянство, а не либеральная буржуазия, как это утверждали меньшевики?
Ответ:

Марксизм учит пролетариат не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному

участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца. Мы не можем выскочить из буржуазно-демократических рамок русской революции, но мы можем в громадных размерах расширить эти рамки, мы можем и должны в пределах этих рамок бороться за интересы пролетариата, за его непосредственные нужды и за условия подготовки его сил к будущей полной победе. Есть буржуазная демократия и буржуазная демократия. И земец-монархист, сторонник верхней палаты¹⁸⁰, "запрашивающий" всеобщее избирательное право, а втайне, под сурдинку, заключающий с царизмом сделку на счет куцей конституции, есть буржуазный демократ. И крестьянин, с оружием в руках идущий против помещиков и чиновников, "наивно-республикански" предлагающий "прогнать царя", есть тоже буржуазный демократ. Буржуазно-демократические порядки бывают такие, как в Германии, и такие, как в Англии; такие, как в Австрии, и такие, как в Америке или Швейцарии. Хорош был бы тот марксист, который в эпоху демократического переворота прозевал бы эту разницу между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его и ограничился бы "умничанием" на счет того, что все же это "буржуазная революция", "плоды буржуазной революции".

Ведь мы, марксисты, никоим образом не должны позволять себе обольщаться словами: "революция" или "великая русская революция", как обольщаются ими теперь многие русские демократы (вроде Гапона¹⁸¹). Мы должны дать себе точный отчет в том, какие же реальные общественные силы противостоят "царизму" (это вполне реальная и вполне понятная для всех сила) и способны одержать "решительную победу" над ним. Такой силой не может быть крупная буржуазия, помещики, фабриканты, "общество", идущее за освобожденцами. Мы видим, что они даже и не хотят решительной победы. Мы знаем, что они не способны по своему классовому положению на решительную борьбу с царизмом; слишком тяжелым ядром на ногах является частная собственность, капитал, земля, чтобы идти на решительную борьбу. Слишком нужен им царизм с его полицейско-бюрократическими и военными силами против пролетариата и крестьянства, чтобы могли они стремиться к уничтожению царизма.

Нет, силой, способной одержать "решительную победу над царизмом", может быть только народ, т. е. пролетариат и крестьянство, если брать основные, крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже "народ") между тем и другим. "Решительная победа революции над царизмом" есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (Ленин, т. VI, с. 334-335).

Этой перспективе и этой политической тактике противопоставлены были две другие перспективы и две другие тактики. Меньшевики делали из понятия буржуазной революции вывод, что союзником пролетариата в ней является либеральная буржуазия. Ее власть должна быть результатом революционного

процесса. Поэтому пролетариат не может ставить себе задачи участия в Революционном правительстве:

"Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, пока он не сделает социалистической революции. Это -- то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма"182 (Мартынов. -- Цит. по Ленину, т. VI, с. 124).

Поэтому пролетариат может только давить на буржуазию:

Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические "низы" общества заставят его "верхи" согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом" (Мартынов, "Две диктатуры". Цит. по Ленину, т. VI, с. 126).

Этой меньшевистской концепции нет надобности здесь разбирать: история вскрыла сущность ее полностью.

Диаметрально противоположной была концепция, сформулированная Парвусом немедленно после январских событий, во вступлении к брошюре Троцкого "9 января":

"Революционный переворот в России могут совершить только рабочие. Временное правительство в России будет правительством рабочей демократии. Если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим... Это будет целостное правительство, созданное в революционный момент, когда правительственная власть очень велика. За ним революционная армия рабочих, только совершившая революционный переворот, развившая при этом беспрецедентную в истории политическую энергию, и перед этим правительством будут вначале политические задачи, объединившие для революционной борьбы весь русский народ..." (Парвус. Россия и революция. Петербург, 1906, с. 141-142).

Кто же будет союзником пролетариата в этой борьбе? Демократические элементы останутся при рабочих, но мы уже сказали раньше, что они в России очень слабы. Крестьяне все

большими массами будут вовлечены в движение, но они только в состоянии увеличить политическую анархию и, таким образом, ослабить правительство, они не могут составить сомкнутой революционной армии" (Парвус, там же, с. 140).

В результате "Русский пролетариат начал революцию, на нем одном держится ее развитие и успех" (Парвус, там же, с. 143).

В "Новой искре"183 (от 3 и 17 марта 1905 г.) Троцкий писал:

"Ждать, что революционные радикалы посыплются на нас из какого-то решета, совершенно не приходится. Революция надвинулась, наступление стоит на очереди, а мы одни. Где мы сильны, там организационно сильна революция; где мы слабы, там организационно слаба она; где нас нет, там революция лишена организации и руководства. У революции много неожиданностей, но и эти

неожиданности подчинены общим законам -- у нас нет почвы для самостоятельной якобинской демократии; мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктом этого факта, им объясняется наша победоносная борьба с народницами, народниками и социал-революционерами и наше почти полное революционное одиночество" ("Искра" за два года, т. 2, с. 172-173).

С верным перемешано здесь неверное. Почвы для якобинства, т. е. гегемонии мелкой буржуазии, не было. Но мы, т. е. пролетариат, не был одиноким, ни в 1905 г., ни в 1917 г. не было его почти полного революционного одиночества. Вывод, который тов. Троцкий делал из своего ошибочного исходного положения, был тот же, что у Парвуса: "власть получают те, которые руководили пролетариатом" (там же, с. 176.)

Между концепцией Парвуса и взглядами тов. Троцкого, признававшего в совместной концепции за Парвусом "львиную долю" ("Наше слово")¹⁸⁴, существует разница в одном очень важном пункте. Парвус считает, что "социал-демократическое Временное правительство не может совершить в России социалистического переворота" (Парвус, там же, с. 141) и что "перед этим правительством будут вначале политические задачи, объединившие для революционной борьбы весь русский народ".

Мы не имеем под рукой формулировок, данных тов. Троцким в 1905 г., во вступлении к Марксовой "Гражданской войне во Франции" и в 1905 г. в "Нашей революции"¹⁸⁵. Поэтому отличие взглядов тов. Троцкого от парвусовских, выражающееся в том, что внутренняя логика классовой борьбы заставит Революционное правительство перейти при первых же шагах к национализации промышленности, поставит на очередь вопрос о социализме, неразрешимый изолированно в России и упирающийся в необходимость международной социалистической революции и государственной помощи европейского пролетариата, этот взгляд мы можем передать только в формулировке 1908 г. (статья из "Пржегленда"¹⁸⁶, теоретического органа польской социал-демократии) :

"Под каким бы теоретическим знаком пролетариат ни стал у власти, он не сможет сейчас же, в первый же день, не столкнуться лицом к лицу с проблемой безработицы. Вряд ли ему в этом деле сильно поможет разъяснение разницы между социалистической и демократической диктатурой. Пролетариат у власти должен будет в этой или иной форме (общественных работ и проч.) взять немедленно обеспечение безработных на государственный счет. Это, в свою очередь, немедленно же вызовет могучий подъем экономической борьбы и целую эпопею стачек: все это мы в малом размере видели в конце 1905 г. И капиталисты ответят тем, что они ответили тогда на требование восьмичасового дня: закрытием фабрик и заводов. Они повесят на воротах большие замки и при этом скажут себе: "Нашей собственности не грозит опасность, так как установлено, что пролетариат сейчас занят не социалистической, а демократической диктатурой". Что сможет делать рабочее правительство перед лицом закрытых фабрик и заводов? Оно должно будет открыть их и возобновить производство на государственный счет. Но ведь это же путь к социализму.

Конечно. Какой, однако, другой путь вы сможете предложить?

Могут возразить: вы рисуете картину неограниченной диктатуры рабочих. Но ведь речь идет о коалиционной диктатуре рабочих и крестьянства. -- Хорошо. Учтем и это возражение. Мы только что видели, как пролетариат, вопреки лучшим намерениям своих теоретиков, стер на практике логическую черту, которая должна была ограничивать его демократическую диктатуру. Теперь политическое самоограничение пролетариата предлагают дополнить объективной антисоциалистической "гарантией" в виде сотрудника-мужика. Если этим хотят сказать, что стоящая у власти рядом с социал-демократией крестьянская партия не позволит взять безработных и стачечников на государственный счет и отпереть закрытые капиталистами заводы и фабрики для государственного производства, то это значит, что мы в первый же день, т. е. еще задолго до выполнения задач "коалиции", будем иметь конфликт пролетариата с революционным правительством. Конфликт этот может закончиться либо усмирением рабочих со стороны крестьянской партии, либо устранением этой последней от власти. И то и другое очень мало похоже на коалиционную "демократическую" диктатуру. Вся беда в том, что большевики классовую борьбу пролетариата доводят только до момента победы революции; после этого она временно растворяется в "демократическом" сотрудничестве. И лишь после окончательного республиканского устройства классовая

борьба пролетариата снова выступает в чистом виде -- на этот раз в форме непосредственной борьбы за социализм. Если меньшевики, исходя из абстракции "наша революция буржуазна", приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии, вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции: "демократическая, а не социалистическая диктатура", приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время, как революционные стороны большевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят опасностью только в случае революционной победы" (Троцкий, 1906 г., с. 284--285, второе изд.).

Против выдвинутого Парвусом и тов. Троцким лозунга "рабочего правительства" Ленин писал 23 марта 1905 г.:

"Точно так же неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что "Революционное временное правительство будет правительством рабочей демократии", что, "если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим", что социал-демократическое временное правительство "будет целостное правительство с социал-демократическим большинством". Этого не может быть, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь

революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяичиков, т. е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что "священник Гапон мог появиться однажды", что "второму Гапону нет места", что это только увлечение фразой. Если бы в России не было места второму Гапону,

то у нас не было бы места и для действительно "великой", до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789-1793, а не 1848-1850-е годы и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, героическим усилиям, к "основательному историческому творчеству" гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимает их, -- это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных "самобытных", народных и даже мужицких вожаках не может быть и речи. Они не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому, что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота" (Ленин, т. V, с. 132-133).

Против делаемого часто Ленину упрека в педантичности, в том, что он принимает механическую необходимость чередования периодов: либерально-буржуазной, мелкобуржуазно-революционной и социалистической революции, он пишет:

"Нужно поистине школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело "без скачков" в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией -- уступки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией -- демократическая республика, наконец, за пролетариатом -- социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна "на долгом", как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (например, для Франции с 1789 по 1906 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, для этого надо быть виртуозом

филистерства" (т. V, с. 137).

Наконец, против мысли, что дело идет об ограничении революции в рамках буржуазной, говорит классическая уже формулировка в "Двух тактиках", в месте, посвященном прошлому и будущему демократической диктатуры, в месте, на которое Ленин сослался в апреле 1917 г., когда намечал первые шаги к переходу от лозунга демократической к лозунгу социалистической диктатуры.

"У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое -- самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно "единство воли" пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее -- борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной республики к социализму.

Конечно, в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это несколько не мешает нам логически и исторически разделять крупные полосы развития. Ведь мы же все противопоставляем буржуазную революцию социалистической, мы все безусловно настаиваем на необходимости строжайшего различия их, а разве можно отрицать, что в истории отдельные, частные элементы того и другого переворота переплетаются? Разве эпоха демократических революций в Европе не знает ряда социалистических движений и социалистических попыток? Разве будущей социалистической революции в Европе не осталось еще многого и многого доделать в смысле демократизма?

Социал-демократ никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией. Это несомненно. Из этого вытекает безусловная обязательность отдельной и самостоятельной строго классовой партии социал-демократии. Из этого вытекает временный характер нашего "вместе быть" с буржуазией, обязанность строго надзирать "за союзником как за врагом" и т. д. Все это тоже не подлежит ни малейшему сомнению. Но из этого смешно и реакционно было бы выводить забвение, игнорирование или пренебрежение насущных, по отношению к настоящему, хотя проходящих и временных, задач. Борьба с самодержавием временная и проходящая задача социалистов, но всякое игнорирование или пренебрежение этой задачей равносильно измене социализма и услуге реакции. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть безусловно проходящая, временная задача социалистов, но игнорирование этой задачи в эпоху демократической революции прямо реакционно" (Ленин, т. V, с. 359 - 360).

2. Отличие постановки вопроса у Ленина и у Маркса

Мы привели решающие места из статей Ленина, которые часто уже цитировались в 1924 г., -- ибо они в совокупности ясно освещают, что вкладывал Ленин в лозунг демократической диктатуры. Но существо ленинского лозунга выступит еще ярче, если сравнить этот лозунг в формулировке Ленина с постановкой вопроса, данной Марксом в его обращении к немецкому Союзу коммунистов в марте 1850 г. Этот документ напечатан, как известно, в приложении к марксовой брошюре о "Процессе коммунистов в Кельне". Надо было бы здесь привести его целиком, но я должен от этого, за недостатком места, отказаться. Мне придется только остановиться на том, в чем совпадение и в чем различие в позициях Маркса и Ленина. Плеханов пытается доказать (Плеханов, т. XIII, с. 203-212), что позиция Ленина полностью противоположна позиции Маркса, что: "основатель научного социализма, как видно, не допускал и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя".

Совершенно наоборот: после победы над крупной буржуазией и захвата власти мелкобуржуазными демократами рабочие должны были по плану Маркса сложиться в сильную оппозиционную партию, которая своей критикой и своей агитацией толкала бы вперед мелкобуржуазное правительство, а главное, все более и более развивала бы революционное самосознание представляемого ею класса. "А так как меньшевики заостряли все свою тактику на толкании вперед" буржуазии, то они объявили себя наследниками тактики Маркса. Так ли обстояло дело? Чтобы начать с меньшевиков и их тактики, то она ничего общего не имеет с той тактикой, которую Маркс развивал в пятидесятых годах для предстоящих, как он думал, боев молодого германского пролетариата. Концепция меньшевиков исходила ведь из предположения, что после победы демократической революции наступит долгий период развития капитализма, который только в будущем создаст условия для завоевания власти пролетариатом. Маркс же исходил из предпосылки, что во Франции предстоит непосредственно социалистическая революция, что в Германии господство мелкой буржуазии будет только коротким эпизодом. Поэтому в то время, когда меньшевики готовились к роли партии оппозиции, Маркс ставил перед германскими коммунистами задачу подготовки завоевания власти на этапе, следующем за победой мелкой буржуазии:

"Наш интерес требует и нашей задачей является революцию сделать перманентной так долго, пока от власти не будут отстра-

нены все более или менее состоятельные классы, государственная власть будет завоевана пролетариатом и объединение пролетариата не только в одной стране, но во всех решающих странах, не будет достигнуто в той мере, что исчезнет конкуренция между рабочими этих стран, или что, по крайней мере, решающие предварительные силы будут концентрироваться в руках пролетариата" (130 с. немецкого издания "Кельнского процесса").

Если меньшевики не имели никакого права выдавать свою филистерскую политику за марксову то все-таки остается факт существования разницы между "планом" Маркса и ленинской концепцией в решающем пункте: в вопросе о власти, как и всей картине развития революции. Начнем с предполагаемого хода событий у Маркса, который показывает, как он представлял себе классовые отношения и механику классовой борьбы в ожидаемой им германской революции. Мелкие буржуа, притесненные в данный момент, пытаются создать одну оппозиционную партию, включить ее в фронт рабочих, выдвигая свои особые интересы как общие. Пролетариат должен в противовес этому создать собственные, самостоятельные, открытые и тайные организации, занимать самостоятельную позицию во всех странах, не объединяться с мелкобуржуазной демократией. Общность интересов против либеральной буржуазии создает совместное участие в борьбе, причем вся тяжесть борьбы ляжет на плечи пролетариата. И в подготовительном периоде борьбы, и в ходе ее коммунисты должны приложить все усилия для обострения конфликтов, выступать против мелкобуржуазной демократии с собственными требованиями, руководствоваться полным недоверием к мелкобуржуазной демократии. В момент победы пролетариат должен рядом с официальными представителями (Маркс считает с тем, что революция не сразу уничтожает многообразие государств в Германии -- К. Р.) создать собственные революционные правительства, будь это в форме коммунальных управлений, коммунальных Советов, рабочих клубов, рабочих комитетов, так что буржуазно-демократические правительства не только немедленно теряют поддержку рабочих, но будут находиться с самого начала под контролем и угрозой властей, за кот[орыми] стоит вся масса рабочих. Коротко говоря, с первого момента победы недоверие должно быть направлено не против побежденной реакционной партии, а против вчерашних союзников, против партии, которая хочет эксплуатировать совместную победу.

Для этой цели рабочие должны во что бы то ни стало сохранить в своих руках завоеванное оружие, создать пролетарскую гвардию, не подчиненную мелкобуржуазной власти, создать немедленно рабочие политические клубы, организовать в цент-

рализованную рабочую партию и начать по всей линии политическое наступление. Маркс развертывает целую программу этого наступления, сводящуюся к тому, чтобы социальным мероприятиям мелкобуржуазного правительства противопоставить вначале не прямо коммунистические требования, но требования, которые в своей логике приводят к вторжениям в область частной собственности. Наиболее яркий свет на всю концепцию Маркса бросает место о том, что "первый пункт" конфликта "между буржуазной демократией и рабочими состоит в уничтожении феодализма. Так же, как и в Великой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные замки крестьянам в свободную собственность, т. е. сохраняют сельский пролетариат и захотят

создать класс мелкобуржуазных крестьян, которые будут подвергнуты тому же самому обеднению и задолженности, которые теперь переживают французские крестьяне. Рабочие должны выступить против этого плана в интересах сельского пролетариата и своих собственных. Они должны требовать сохранения конфискованной земли в руках государства, устройства рабочих колоний, на которых объединенный сельский пролетариат применит все преимущества крупного земледелия. Таким образом принцип коллективной собственности получит сразу твердую основу среди поколебавшихся отношений буржуазной собственности" ("Разоблачения о Кельнском процессе", с. 127-137 нем[ецкого] изд[ания]).

Мы вернемся к исключительному значению этого пункта для понимания марксовой и ленинской концепции. Здесь же международные перспективы этой концепции:

"Если немецкие рабочие не могут прийти к власти и провести в жизнь свои классовые интересы, не прошедши через длительное революционное развитие, то теперь хоть имеют уверенность, что первый акт этой предстоящей революционной драмы совпадает с непосредственной победой их класса во Франции и этим будет ускорен" ("Кельнский процесс", немецкое издание, с. 127-137).

Присмотримся теперь ближе к этой позиции. Дело не идет, как видно, об общей схеме революции, ибо во Франции Маркс считается с непосредственной предстоящей победой социализма. В Германии же имеем дело после победы демократической революции с первым актом социалистической революции, в котором пролетариат не ставит еще непосредственно коммунистических требований, а обостряет происходящую классовую борьбу с тем, чтобы привести народные массы к атаке на частную собственность, имеющей как последствие общую борьбу пролетариата с мелкой буржуазией, в которой пролетариат придет к власти. Мы имеем, таким образом, схему тактики в стране бо-

лее отсталой, чем Франция, созревшая, по тогдашним убеждениям Маркса, уже вполне для социалистической революции. Это не прыжок Парвуса от царского до социал-демократического правительства. Это есть перерастание мелкобуржуазной революции в социалистическую через "более длительное революционное развитие", но перерастание в специфических условиях. Каковы же эти специфические условия? Одно касается взаимоотношения классов друг к другу; второе -- состояния германского пролетариата в 1848-1850 гг.

Во Франции 1848 г. крестьянство было полностью освобождено от феодализма и поэтому уже не заинтересовано в демократической революции. Подвергаясь уже капиталистической эксплуатации (его задолженность была так велика, что он уплачивал более 10 миллиардов франков в год процентов по долгам, т. е., по утверждению некоторых историков, отдавал 2/3 чистого дохода на покрытие этого долга), ненавидя поэтому ростовщика и капиталиста, он с надеждами своими не обращался еще к пролетариату, которого обвинял в том, что он своими требованиями увеличивает тяжесть податей. Его надежды были связаны с Луи Наполеоном Бонапартом 187, как это установил Энгельс в своей поездке по Франции, состоявшейся осенью 1848 г., его путевые заметки напечатаны в первый раз в "Под знаменем марксизма", No 5, 1927 г.

"Я говорил с сотнями крестьян в различных местностях Франции, и везде господствует этот фанатизм против Парижа, а именно, против парижских рабочих.-- "Я хотел бы, чтобы этот проклятый Париж взлетел завтра на воздух",-- было самым мягким благожеланием. Понятно, что у крестьян старое презрение усилилось и подкрепилось событиями этого года. "Деревня производит все, города живут нашим зерном, одеваются в наш лен и нашу шерсть. Мы должны восстановить нормальный порядок вещей, мы, крестьяне, должны взять дело в наши руки" -- вот вечный припев, звучащий более или менее отчетливо, более или менее сознательно во всех спутанных речах крестьян.-- А как же они хотят спасти Францию, как хотят они взять дело в свои руки? -- Выбрав президентом Луи Наполеона Бонапарта... У всех крестьян, с которыми я говорил, энтузиазм к Луи Наполеону был так же велик, как ненависть к Парижу". Освобожденный Французской революцией от феодализма, разоряемый капитализмом, французский крестьянин обращается мыслью к племяннику наследника Французской революции, к ее традициям, ожидая от них облегчения своего положения. Надо было обладать всей пронизательностью Маркса и Энгельса, чтобы, несмотря на это, выдвигать перспективу будущего союза пролетариата и полупролетарских слоев деревни против капитализма.

Иначе обстояло дело в Германии. Там освобождены от феодализма были только крестьяне прирейнских провинций, в которых феодализм был уничтожен Наполеоном, и крестьяне Южной Германии. Но и в других частях Германии господство феодализма было под влиянием Французской революции значительно подорвано. Для борьбы с Наполеоном пришлось апеллировать к мужику. Ублюдочным результатом этого явились реформы Штейна и Гарденберга. Они дали крестьянину, во-первых, личную свободу, во-вторых, создали сельский пролетариат из большой массы безлошадных крестьян. Крестьяне, имеющие инвентарь, уплатили за "освобождение" своей земли от феодальных тягестей передачей помещикам части земли. Так освободилось в период с 1845 по 1848 гг. в провинциях Бранденбург, Померания, Силезия, Пруссия и Позенское около 300 000 средних крестьян и 70000 зажиточных. Мартовская революция 1848 г., благодаря трусости и предательству буржуазии, не уничтожила радикально и без выкупа остатки феодализма, хотя весной и летом 1848 г. Германия была свидетельницей значительных крестьянских беспорядков, очень напугавших помещиков. Прусский сейм, в котором заседали 50 крестьянских депутатов, не решился вымести остатки феодализма и заставил крестьян уплатить за уничтожение ряда повинностей значительные суммы. Но как остро Маркс и Энгельс ни критиковали это предательство крестьян буржуазией, они понимали, что в главном 1848 г. сломил экономические основы германского феодализма (речь идет не о капиталистических юнкерах) и что мелкая буржуазия, пришедши к власти, с легкостью справится с остатками феодализма без крупных боев. Что марксова оценка состояния крестьянского вопроса была правильной, это полностью доказало дальнейшее развитие, которое без всяких революционных потрясений сделало из германского кулака и середняка часть германской буржуазии. Исходя из такой оценки положения крестьянства, Маркс рассматривал

мелкобуржуазное правительство как правительство городской и сельской мелкой буржуазии и не мог надеяться на союз с крестьянством в предстоящих боях. Поэтому он выдвигает тогда задачу завоевания в деревне только сельского пролетариата, как единственно возможного союзника для предстоящей революции. Но почему же, несмотря на это, Маркс не считал возможным для пролетарских представителей входить временно в правительство городской и деревенской буржуазии, хотя бы в дальнейшем, в ходе событий, пришлось его взорвать, чтобы очистить путь для пролетарской диктатуры? Ответ на это дает вступление к цитированному выше Обращению Маркса, в котором он указывает, что события 1848 г., которые доказали правильность взглядов, выраженных в Манифесте, взорвали Союз коммунистов 1848, который, добавим, был малочисленной организацией, не охватившей рабочих масс:

"В то время, когда демократическая партия, партия мелкой буржуазии Германии, с каждым днем лучше организовывалась, рабочая партия потеряла единственную связывающую организацию, была организована только в местном масштабе, для местных целей и попала поэтому в общем движении целиком под господство и руководство мелкобуржуазной демократии. Этому положению надо положить конец, надо восстановить самостоятельность рабочих".

Вот как рисует Маркс положение. Мелкобуржуазное правительство становится с момента своей победы, благодаря своему социальному составу, консервативным и даже контрреволюционным правительством. На крестьянство против него опереться нельзя, пролетариат вышел из революции без организации, растворившейся в мелкобуржуазной массе, поэтому первой задачей являлось создание рабочей партии, создание опорных пунктов для борьбы с консервативной мелкой буржуазией, вооружение рабочих, союз с сельским пролетариатом против крестьянской буржуазии и штурм сельского и городского пролетариата на правительство сельской и городской мелкой буржуазии. Вот Марксов план перерастания мелкобуржуазной революции в пролетарскую. Из цитированных выше мест из работ Ленина в 1905 г. уже видим все объективные моменты, из которых складывается его тактика революционно-демократической диктатуры. Все эти моменты изложены им в точнейшей, буквально математической формуле в его наброске "Этапы, направления, перспективы революции", мы приводим этот набросок полностью, потому что он устраняет все могущие появиться недоразумения насчет ленинской позиции.

Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию: 1895-1901/2.

Рабочее движение переходит в открытую революционную политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901 - 2 - 1905.

Рабочее движение разгорается в прямую революцию, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии (поворачивают) склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции 1905 г. (особенно

конец).

4. Рабочее движение побеждает в демократической революции при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства плюс радикальная республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

("Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства")

Либеральная буржуазия, выжидательная в третьем периоде, пассивная в четвертом, становится контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже "умнеет", успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

На почве отношений, сложившихся в период пятый, растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849-1850 гг. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат.

Итак, в этой стадии либеральная буржуазия (и крестьянство) и зажиточное (плюс отчасти среднее) крестьянство организуют контрреволюцию. Российский пролетариат плюс европейский пролетариат организуют революцию.

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет социалистическим переворотом в Европе.

Европейские рабочие покажут нам, "как это делается", и тогда мы все вместе сделаем социалистический переворот (Пятый ленинский сборник 189, с. 451 -- 52).

Что же здесь бросается в глаза? Маркс исходит из наличия у власти буржуазии и предстоящей революции сельской и городской буржуазии. Ленин исходит из наличия полукрепостнической царской власти. У Маркса мелкая буржуазия должна только довершить дело, в известной мере сделанное крупной буржуазией, поэтому мелкая буржуазия с легкостью становится контрреволюционной, поворачивает против пролетариата. У Ленина даже крупная буржуазия пытается добиться соглашения с империализмом, перед лицом назревающей демократиче-

ской революции, но изолированная крестьянством и городской мелкой буржуазией принуждена держаться пассивно, выжидательно во время демократической революции. Революция эта не приходит после решения ряда исторических задач буржуазией, ей приходится в тяжелом бою низвергать

крепостников и их власть. Пролетариат и крестьянство имеют перед собою величайшую совместную политическую задачу, и поэтому встает вопрос о создании власти, которая была бы в состоянии задачи эти решить. Буржуазия не хочет ее решить, крестьянство одно не в состоянии ее решить и поэтому отказ пролетариата от совместного с крестьянством завоевания диктатуры был бы отказом от борьбы за ликвидацию крепостничества. Т[аким] о[бразом], мы видим полное различие в объективном положении, легшем в основу тактики Маркса в 1848 г. и тактики Ленина в 1906 г. Обострение аграрного вопроса в России, роль его в революции: вот источник ленинского лозунга "демократической диктатуры".

Выдвигая этот лозунг, Ленин исходит из совершенно другого состояния пролетариата, чем Маркс. У Маркса пролетариат находится полностью под влиянием мелкой буржуазии, организованно диктующей ему политическую линию. В схеме Ленина, являющейся в первых трех пунктах только сжатым обобщением совершившихся или совершающихся в момент составления набросков исторических фактов, вся политическая инициатива в руках пролетариата; на Западе борьба либеральной буржуазии с феодализмом будила пролетариат, в России рабочее движение, направленное против капитализма и царизма, будит либеральную буржуазию. Движение, руководимое социал-демократами, пробуждает мелкую буржуазию города и деревни и присоединяет ее к своей борьбе. Перед Марксом стояла только задача создания самостоятельной рабочей партии, Ленин, опираясь на самостоятельную рабочую партию (она уже существовала, ибо социал-демократия летом и осенью 1905 г. стала партией, за которой шли миллионы), исходит из гегемонии пролетариата над мелкой буржуазией. В дальнейшем придется поговорить еще об V и VI пунктах ленинских тезисов, которые развивают перспективы будущего. Тут встает вопрос, давал ли себе Ленин полный отчет о различиях объективного положения, породивших различие лозунгов. Уже в 1905 году в докладе о Временном правительстве 190 он говорит:

"Именно в силу этой большой организованности буржуазной демократии, Маркс не сомневается, что она получит безусловное преобладание, если произойдет тотчас же новый переворот... Что мелкобуржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влия-

ние на известное время, это не подлежит никакому сомнению. Приняв все это во внимание, мы поймем, почему об участии пролетариата во временном революционном правительстве Маркс не говорит в "Обращении" ни одного слова. Совершенно неправ поэтому Плеханов, когда утверждает, будто Маркс "не допускал даже и мысли о том, что политические представители пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя" (Искра, No 96). Это неверно. Маркс не поднимает вопроса об участии социал-демократии во временном революционном

правительстве, а Плеханов изображает дело так, будто Маркс решает этот вопрос отрицательно. Маркс говорит: мы, социал-демократы, были все в хвосте, мы организованы хуже, нам надо самостоятельно организовать на тот случай, если мелкая буржуазия после нового переворота окажется у власти... Чтобы нагляднее указать все различие в положении России в 1905 г. и Германии в 1850 г., остановимся еще на некоторых интересных местах "Обращения". У Маркса и речи не было о демократической диктатуре пролетариата, ибо он верил в непосредственную социалистическую диктатуру пролетариата, немедленно после социалистического переворота. Например, по поводу аграрного вопроса он говорит, что демократия хочет создать мелкобуржуазный крестьянский класс, а рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в их собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная поземельная собственность осталась государственной собственностью и была обращена на рабочие колонии, в которых ассоциированный сельский пролетариат должен пользоваться всеми средствами крупной агрикультуры. Ясно, что при такого рода планах Маркс не мог говорить о демократической диктатуре. Он писал накануне революции как представитель организованного пролетариата, а после революции как представитель организуемых рабочих" (Ленин, т. VI, с. 172-173).

Он возвращается к этому вопросу в статье "О Временном правительстве" ("Пролетарий", 21 мая 1905 г., Собр. соч., т. VI, с. 207-216). Но самое главное он говорит в письме к Скворцову-Степанову 191 в 1909 г.

"Вот этот аграрный вопрос и есть теперь в России национальный вопрос буржуазного развития. Вот, чтобы не впасть в ошибочное ("механическое") перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом вполне утвердившегося буржуазного развития было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а национальным вопросом

окончательного утверждения в России буржуазного развития является именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос.

Вот -- чисто теоретическая основа отличия в применении марксизма в Германии 1848-1868 (примерно) и к России 1905-1907 годов" (Ленин, т. XX, ч. I, с. 315 - 316).

В Германии, ликвидировавшей в начале XIX ст. в значительной мере остатки феодализма, вопрос, поднимающий на ноги народные массы, был вопрос о создании единого рынка, как основы капиталистического развития; феодальное прошлое выражалось в Германии в первую очередь раздражением, в России царизм, т. е. крепостническое правительство, не только объединил русскую территорию, но подчинил себе громадную империю с иноземным населением и то прошлое, против которого должны были бороться массы, это было крепостничество. Существование громадного рынка для русского капитализма наряду с другими причинами, которых здесь разбирать не будем, не позволило русской буржуазии возглавить мелкую буржуазию города и деревни. Эту историческую задачу взял на себя пролетариат в сформулированном Лениным

лозунге демократической диктатуры. Это надо глубоко закрепить в памяти, ибо этот вопрос возвращается теперь к нам из Азии как вопрос колониальных революций. В "Уроках Октября", в главе "Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" тов. Троцкий пишет совершенно правильно: Ленин еще накануне 1905 г. указал на "своеобразие русской революции, выраженное в формуле диктатуры пролетариата и крестьянства"¹⁹² (Троцкий, 1917 г., ч. I, с. XVII). В чем состоит это своеобразие, тов. Троцкий не выясняет, а выяснение этого вопроса было бы специально важно потому, что он в 1905 г. считал, что именно ввиду своеобразия русской революции ленинская формула никуда не годна; если бы он теперь выяснил, в чем состоит это своеобразие, то понял бы полную применимость позиции Ленина 1905 года для китайской и индийской революции и не утверждал бы, что своеобразие китайской и индийской революции состоит именно в том, что они ничем не отличаются от западноевропейских и поэтому должны привести на первых шагах к диктатуре пролетариата. Но вопрос, почему у Маркса не было лозунга демократической диктатуры, а у Ленина он сделался политическим стержнем с 1905 по [19]17 г. и вошел как составная часть в его концепцию революции во всех странах начинающегося капиталистического развития, не выяснили и официальные противники концепции тов. Троцкого. В "Ленинизме" Зиновьева, в главе "Маркс и перманентная революция", нет даже попытки выяснения различия между стратегическим планом Маркса и Ленина и объективных источников этого различия. Астров в своей статье

"К вопросу о роли ленинской теории" посвятил особую главу вопросу об отношении ленинского лозунга к учению Маркса. Помявши ряд цитат в руках, он приходит только к тому заключению, что "хотя этого учения, в том виде, как оно имеется у Ленина, у Маркса мы еще не находим", но "Ленин сделал здесь несомненно шаг вперед, конечно, по пути Маркса" ("Большевик", номер от 31.1.[19]25 г.). Это пустые, ничего не говорящие слова.

3. Перерастание

3. Теперь мы можем перейти ко второй части итоговых, можно было бы сказать, набросков Ленина с конца 1905 г., которые мы раньше приводили. В V и VI пунктах Ленин пытается предугадать дальнейший ход событий после создания демократической диктатуры. Либеральная буржуазия переходит к контрреволюции, к ней поворачивает зажиточная часть среднего крестьянства, пытаясь вырвать власть из рук пролетариата и бедноты. Эта борьба создает кризис власти. Ленин не ставит точки над "и", но видно, речь идет о распаде правительства демократической диктатуры и замене его диктатурой пролетариата. (Дело было бы при тогдашних экономических условиях России безнадежно.) Поражение предопределено, если бы не подоспел с помощью социалистический пролетариат Европы. Совместная победа русского и

европейского пролетариата это победа социалистической революции в Европе. Что говорит эта наметка Ленина, этот набросок мысли, не для печати. Она показывает, что цитированное в первой главе место о прошлом и будущем демократической диктатуры из "Двух тактик" Ленина не представляло собой утешительной фазы эффектного окончания, а что для Ленина демократическая диктатура действительно не была отделена от социалистической китайской стеной. Я в 1924 г. в передовице польского "Пржегленда", в статье, посвященной памяти Ленина (она была перепечатана фельетоном в "Правде"), употребил выражение: что если когда-то противопоставляли демократическую диктатуру социалистической, то история показала, что речь идет не о противоречии двух лозунгов, а о двух исторических этапах. В "Уроках Октября" в цит[ированной] уже главе "Демократическая диктатура" тов. Троцкий пишет: "Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап социалистической диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство". Неверность и моей старой формулировки, и формулировки тов. Троцкого состоит в том, что она не подчеркивает того факта, что Ленин никогда не противопоставлял демократической диктатуры пролетариата социалистической и что Р. Люксембург, Троцкий и мы, тогдашняя молодежь, учившаяся у них, противопоставляя социалистическую диктатуру демократической, не видели, не понимали, что в русских условиях невозможна социалистическая революция, не вырастающая из демократической диктатуры. Это непонимание привело к утверждениям, что лозунг демократической диктатуры должен привести к самоограничению пролетариата, иначе говоря, что пролетариат для сохранения совместной власти с крестьянством должен будет отказаться от борьбы за свои интересы, если эта борьба будет требовать вторжения в частную собственность, одним словом, социализма. В своей статье, в теоретическом органе польских социал-демократов, в социал-демократическом "Пржегленде", издаваемом Розой Люксембург и Т[ышко]193, тов.

Троцкий формулирует этот взгляд следующим образом:

"Так как социальные условия России не созрели для социалистического переворота, то политическая власть была бы для пролетариата величайшим несчастьем. Так говорят меньшевики. Это было бы верно, -- отвечает Ленин, -- если бы пролетариат не сознавал, что дело идет только о демократической революции. Другими словами, выход из противоречия между классовыми интересами пролетариата и объективными условиями Ленин видит в политическом ограничении пролетариата, причем это самоограничение должно явиться в результате теоретического сознания, что переворот, в котором рабочий класс играет руководящую роль, есть переворот буржуазный. Объективное противоречие Ленин переносит в сознание пролетариата и разрешает путем классового аскетизма, имеющего своим корнем не религиозную веру, а "научную" схему. Достаточно лишь ясно представить себе эту конструкцию, чтобы понять ее безнадежно идеалистический характер".

Ясно, что Ленин не думал ни о каком ограничении классовой борьбы пролетариата во имя сохранения демократической диктатуры, что он отдавал

себе отчет, что пролетариат на покушение не низвергнутой еще буржуазии и буржуазных слоев деревни ответит совместно с деревенской беднотой установлением пролетарской диктатуры, т. е. низвержением буржуазии, и что он давал себе отчет, что при низком уровне экономического развития России 1905 г. эта диктатура может удержаться, если на помощь ей придет западноевропейский пролетариат. "Две тактики" показывают, что он давал себе отчет в том, что в этой борьбе примет участие мировая буржуазия, с интересами которой тесно связан царизм. Ленин не обострял только понятия этой связи сохранения социалистической диктатуры в России с помощью западноевропейского пролетариата, чересчур заостренной формулировкой тов. Троцкого, а именно, что это должна быть государственная помощь, т. е. уже победившего западноевропейского пролетариата.

Опыт показал, что и в этом пункте прав был Ленин. Европейский пролетариат не сумел еще завоевать власти, но уже был достаточно силен, чтобы помешать мировой буржуазии во время интервенции бросить против нас значительные силы. Этим помог нам отстоять советскую власть. Боязнь рабочего движения являлась наряду с противоречиями капиталистического мира главной силой, обеспечившей нам мир в продолжении восьми лет после окончания интервенции.

Очень странное впечатление производят странички книги Зиновьева "Ленинизм" (с. 179-184), в которых, защищая позицию Ленина перед упреками в самоограничении, он указывает на опыт германской революции 1918-[19]19 гг., в которой рабочий класс, завоевав власть, сдал ее добровольно буржуазии. Из этого он делает вывод, что "бывают такие ситуации, когда даже численно могущественный пролетариат сам себя ограничивает". Это замечание прямо чудовищно. Подводить сдачу власти, и то без боя, под самоограничение класса есть то же самое, что назвать самоубийство самоограничением власти. И что это имеет вообще общего с вопросом, нас интересующим? Разве кто-либо сомневался насчет того, что рабочий класс не всегда в состоянии ниспровергать буржуазию. Также самым бессмысленным является зиновьевское толкование истории Германии за последние 10 лет. "Теоретически говоря, -- пишет он, -- то, что происходит в Германии, есть перерастание демократической революции в социалистическую. Когда лет через 10-15 будут оглядываться назад на пройденный Германией путь, то всякому будет ясно, что с 1919 года там именно перерастание демократической революции в социалистическую" (Зиновьев. Ленинизм, с. 183).

Тут конкретное понятие Ленина о перерастании революции из одной ее фазы в другую при непрерывном ходе революции подменяется вульгарным понятием эволюции, с точки зрения которой и время от Великой французской революции 1789 г., т. е. до неизвестного нам года победы французского пролетариата, втиснуто в понятие перерастания. Такое разжижение этого понятия выхолащивает все содержание спорных вопросов, состоящих, во-первых, в различии стран развитого капитализма от стран начинающегося капитализма, во-вторых, в различии оценки начального и окончательного этапа революции в странах

молодого капитализма; в-третьих, в том, отделен ли китайской стеной, т. е. целым большим историческим периодом один этап от другого.

Это не означает, что опыт последних лет не имеет никакого отношения к вопросу о "самоограничении". В постановке этого вопроса тов. Троцким налицо схематичность. Он говорит: правительство демократической диктатуры будет поставлено перед вопросом о безработице, будет принуждено содержать безработных. Как посмотрят на это союзники-крестьяне? Как посмотрят на это капиталисты? В Англии существует правительство не демократической диктатуры, а диктатуры капитала, и это правительство вынуждено содержать 1200000 безработных, т. е. половину того числа рабочих, которое существовало в России в 1905 г. Расходует оно на эту цель столько, сколько Германия уплачивает репараций. Соотношение сил заставляет английскую буржуазию делать это уже ряд лет. Подойдем к вопросу с другой стороны. В России на одиннадцатом году революции существуют сотни тысяч безработных; пролетарское государство оказывает им недостаточную помощь. Что же из всего этого следует? При демократической диктатуре буржуазия соотношением сил может быть заставлена согласиться на значительные жертвы, чтобы выиграть время для подготовки наступления. Столкновение с ней неминуемо, но темп его развертывания может быть разный. Тактическая задача партии пролетариата состоит в таком положении в том, чтобы дать бой крупному капиталу как организующей силе контрреволюции в тех пунктах, где интересы пролетариата и крестьянства наиболее связаны. Нам удалось правильной политикой повести дело так, что самое большое вторжение в область частной собственности, а именно национализация промышленности, была проведена как защитная мера в войне против интервенции, т. е. как мера защиты крестьянской земли от покушения помещиков. Сегодня крестьянство против сдачи крупных концессий иностранному капиталу. Перерастание демократической диктатуры в социалистическую требует именно политики втягивания крестьянства в конфликт с крупной буржуазией на почве крестьянских интересов. Крестьянин есть мелкий собственник, но его интересы не идентичны с интересами крупного капитала, и поэтому дана возможность совместной воли пролетариата и крестьянства против крупного капитала на известное время, при соответствующей политике. Поэтому совершенно невероятно, что демократическая диктатура явится однодневной. Она -- переходной этап, но может занять и довольно длинный промежуток времени, решить много вопросов или подвести массы к их решению.

Кончая главу о возникновении лозунга демократической диктатуры, мне приходится задержаться еще на замечаниях Ленина, сделанных после поражения 1907 г. в его замечательной ст[атье] "Цель борьбы пролетариата в нашей революции"¹⁹⁴ ("Социал-демократ", апрель 1909 г.), в которой Ленин ставит некоторые точки над "i". Ленин, считаясь с тогдашним внутривнутрипартийным

положением, не обостряя вопроса, отвечает на некоторые побочные аргументы своих противников:

"Коалиция пролетариата и крестьянства" предполагает что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо, что крестьянство создает самостоятельную могучую партию". Это, очевидно, не верно ни с общетеоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. "Коалиция" классов вовсе не предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это -- смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. "Коалиция" указанных классов вовсе не предполагает ни того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, ни того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию. Теоретически это ясно из того, что, во-первых, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во-вторых, создание крестьянских партий -- особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что "могучая самостоятельная" партия может явиться, напр[имер], лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что "коалиция" пролетариата и крестьянства осуществлялась десятки и сотни раз в самых различных формах без "всякой могучей самостоятельной партии" крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было "совместное действие", скажем, Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов или Железнодорожного стачечного комитета, или крестьянских депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно беспартийны и тем не менее "коалиция" классов безусловно имела место в каждом совместном действии таких организаций. Крестьянская партия при этом зарождалась, намечалась, возникала -- в виде "Крестьянского союза" 195 1905 г. или "Трудовой группы" 196 1906 г. -- и по мере роста, развития, самоопределения такой партии коалиция классов принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями. Например, после разгона Первой думы 197 были выпущены следующие три призыва к восстанию: к армии и флоту, второе ко всему российскому крестьянству, третье ко всему народу. Под первым воззванием подписались социал-демократическая думская фракция и Комитет трудовой группы. Обнаружилась ли в этом "совместном действии" коалиция двух классов? Конечно, да. Отрицать это значит именно крючкотворствовать или превращать широкое научное понятие "коалиции классов" в узкое и юридическое, почти нотариальное, я сказал бы, понятие. Далее, можно ли отрицать, что этот совместный призыв к восстанию, подписанный думскими делегатами от рабочего класса и крестьянства, сопровождался совместными действиями в частичных местных восстаниях представителей обоих классов. Можно ли отрицать, что совместный призыв к совместному восстанию и совместное участие в местных и частичных восстаниях обязывает сделать вывод о совместном образовании Временного революционного правительства? Отрицать это значило бы крючкотворствовать, сводить понятие "правительства" исключительно к законченному, оформленному явлению, забывать

о том, что законченность и оформленность проистекают из незаконченности и неоформленности" (Ленин, т. XI, ч. I, с. 227-228).

Это указание Ленина получит специальное значение при рассмотрении вопроса о перспективах и лозунгах китайской революции.

Мы пытались расчлнить составные элементы лозунга демократической диктатуры в период ее возникновения. Обобщение будет возможно только после анализа проверки этого вопроса в 1917 г. Изучение этого вопроса в февральской революции имеет совершенно исключительное значение для теории ленинизма и особенно для его применения на Востоке. В академии Генштаба для обучения будущих руководителей армии разбираются большие сражения, например, как битва под Каннами¹⁹⁸ или под Седаном¹⁹⁹ с величайшей подробностью. Всякий коммунист, который хочет вооружиться ленинским методом для решения вопросов революционных боев на Востоке, должен буквально с карандашом в руках разработать материал, относящийся к Февральской революции, в первую очередь XIV том сочинений Ленина, и разобратся тщательным образом в тех разногласиях, которые существуют в данном вопросе.

ОТ ЛОЗУНГА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ ДО ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1. От начала империалистической войны до начала Февральской революции

Прошло более десяти лет. Развитие капитализма в России шагнуло под руководством русского и международного финансового капитала в значительной мере вперед, увеличивая количество рабочих, их концентрацию, дифференцируя деревню, ускоряя процесс роста кулака. В лице Думы господствующие классы получили орган для согласования их интересов. Сознательность рабочих выросла громадно за это десятилетие. Лучшим доказательством этого было, что удалось разбить на- голову

меньшевиков во всех центрах рабочего движения. Вспыхнула империалистическая война. Ленин решительнее, чем кто бы то ни было из революционных социал-демократов провозглашает, что на империалистическую войну рабочие ответят гражданской войной, делает лозунг гражданской войны центральным лозунгом. И как же в этот момент он определяет цели этой гражданской войны?

"В России задачами с.-д. ввиду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и восьмичасовой рабочий день. Во всех передовых странах война ставит на очереди лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи

пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного "патриотического" варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма" (Ленин, т. XIII, с. 11).

Значит, для Западной Европы социалистическая, для России демократическая диктатура. Война перемалывает между своими жерновами мир и Россию. С величайшей теоретической силой и страстью Ленин продумывает все вопросы грядущей мировой революции. Ленинизм, который до войны был теорией русской революции, расширяет свой охват. Так же последовательно, как большевизм применял марксизм в оценке вопросов русской революции, применяет он его к вопросам мировой революции и становится на основе своего внутреннего идейного богатства, своих внутренних законов развития -- теорией мировой революции. Он учитывает весь опыт мирового движения. Он использует весь опыт левых направлений во II Интернационале, учится и у них, и в результате даст новый органический сплав, стоящий выше всего, что было дано лучшими головами левого направления европейской социал-демократии. В вопросе об отношении к империалистической войне, в вопросе об оценке источников раскола II Интернационала, в вопросе национальном, колониальном, в вопросе о диктатуре пролетариата он дает гармоничное течение, которое встречает сопротивление старых традиций разных левых течений международных социал-демократов, защищающих свои традиции, свой односторонний национальный подход, свои ошибки. Что же, ревизует ли Ленин лозунг демократической диктатуры? Не ставил ли он вопроса, что надо этот лозунг похоронить, ибо какая же может быть демократи-

ческая революция в период империализма, в период назревания социалистической революции. В тезисах "Социал-демократа" от 13 октября 1915 г., более чем после года империалистической войны, Ленин пишет:

"...Задача пролетариата России -- довести до конца буржуазно-демократическую революцию (подчеркнуто нами -- К. Р.) в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник -- мелкобуржуазное крестьянство России, для второй -- пролетариат других стран" (Ленин, т. XIII, с. 208).

Не только вне партии поднимаются голоса против этого. В самой партии за границей целый ряд товарищей, близких Ленину, выступали против "консерватизма" Ленина. Ленин отвечает им статьей "О двух линиях революции", направленной формально против тов. Троцкого, а на деле против Бухарина, Пятакова, пишущего эти строки и ряда других товарищей. Гвоздь этой статьи следующее место:

"Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением "национальной буржуазной революции" в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства" (Ленин,

т. XIII, с. 214).

Мы не будем цитировать статей против Люксембург и Пятакова, насыщенных вопросами, имеющими ближайшее отношение к вопросам о демократической революции в империалистической войне, ибо к этим статьям вернемся, когда подойдем к оценке спорных китайских вопросов. Наконец, грянула Февральская революция. Первый, бросающийся в глаза факт: у власти очутилась буржуазия. Совет рабочих и солдатских, т. е. крестьянских депутатов, признающий Временное правительство, ставит, казалось бы, вопрос о том, не пошла ли Россия в своем развитии по тому пути, который предполагал Маркс в [18]50 г. для германской революции. Ленин пишет свои "Письма издалека", ловит всякое известие из России, продумывает все вопросы со страстностью, о которой имеют понятие в полном размере только те, кто наблюдал его в эти дни. И что же он пишет о характере Февральской революции. В "Прощальном письме к швейцарским рабочим" он говорит:

"Россия -- крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громад-

ном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. может придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной социалистической революции. Ступеньку к ней" (Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 407).

В "Письмах из далека":

"Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ. Неужели он не потребует и не добьется, чтобы всякий трудящийся тотчас увидел и почувствовал известное улучшение своей жизни, чтобы всякая земля имела хлеб, чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети, чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим. Кто может осуществить эти меры, кроме всенародной милиции с неременным участием женщин наравне с мужчинами. Такие меры еще не социализм. Они касаются разверстки потребления, а не реорганизации производства. Они не были бы еще "диктатурой пролетариата", а только "революционно-демократической диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства".

И дальше в "Письме пятом" от 8 апреля:

"Только такое правительство, "такое" по своему классовому составу ("революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства") и по своим органам управления ("пролетарская милиция") в состоянии успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно неотложную, главнейшую задачу момента, именно: добиться мира, притом не империалистического мира, не сделки между

империалистическими державами о дележе награбленного капиталистами и их правительствами добычи, а действительно прочного демократического мира, который недостижим без пролетарской революции в ряде стран. В России победа пролетариата осуществима в самом ближайшем будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа "104-х"200 осталась по сути своей аграрной программой крестьянства).

В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к "введению всеобщей трудовой повинности" и т.д. Шаги эти

с безусловной необходимостью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит во многом послевоенное время; а в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер. Задача немедленной и особой организации в деревнях Советов рабочих депутатов, т. е. Советов сельскохозяйственных наемных рабочих отдельно от Советов остальных крестьянских депутатов выдвигается при этом с крайней настоятельностью" (Ленин, т. XX, ч. 2, с. 84 -- 85).

В письмах из Швейцарии Ленин требует от Ганецкого201 принятия мер для перепечатания во что бы то ни стало цитированных выше тезисов из "Социал-демократа", No 17, от 13 октября 1915 г., как "архивных".

"Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока", -- пишет тов. Троцкий в "Уроках Октября" (Троцкий, "1917", ч. I, с. XX). Он дальше прибавляет:

"Правда, Ленин иногда говорил, что Советы рабочих, крестьянских, солдатских депутатов в первую эпоху Февральской революции осуществляли собой до известной степени революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще представляли власть. Но как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное "давление". Именно это межеумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам властвования эта коалиция, поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение, тяготела к диктатуре, не дорастая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой

демократической неоформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представленных разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слоев. Другими сло-

вами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не поднимающаяся до подлинной власти форма, -- как тенденция, но не как факт" (Троцкий, "1917", ч. I, с. XX-XXI).

Эта передача содержания одной из теоретически наиболее замечательных глав работы Ленина, никуда не годится. Многими нашими товарищами, среди них есть большевики с предвоенным стажем, она передается очень просто: когда Ленин приехал в Россию, то увидел, что вся эта история с демократической диктатурой есть, деликатно выражаясь, чепуха, что надо с ней кончить. Они ссылаются на место в докладе Ленина на Петроградской общегородской конференции от 14 апреля [19]17 г., на которой Ленин сказал: "Тут нужен пересмотр "старого" большевизма", указывают на неистовые нападки Ленина на каменевское повторение старых лозунгов, забывая о словах Ленина из заключительного слова на той же конференции, что "из линии большевизма вытекает новая жизнь". Что же, может быть, Ленин принужден был действительно "перезаружиться", может быть, история доказала иллюзорность его лозунга, т. е. неверность основной оценки движущих сил, данной большевизмом. Вопросы эти чересчур важны, чтоб на них ответить ссылкой на то, что "Ленин иногда говорил".

2. Февральская революция и две возможности ее развития

а) Положение в феврале-апреле

Надо прежде всего изучить своеобразие положения, созданного Февральской революцией. Анализ этого своеобразия принадлежит к наиболее гениальным страницам ленинского творчества. На многие отдельные пункты этого анализа указывали, кроме Ленина, и другие. Но диалектика состоит именно в охвате совокупности явления, обхвате его со всех сторон и линии развития его противоречий. Первым решающим моментом в этом своеобразии была революционная (против воли) роль англо-французского капитализма. Вот что сказал об этом Ленин в своем докладе от 14 апреля:

"Движущие силы революции мы определили совершенно верно. События

оправдали наши старые большевистские положения, но наша беда в том, что товарищи хотели остаться "старыми" большевиками. Движение масс было только в пролетариате и крестьянстве. Западноевропейская буржуазия всегда была против революции. Таково положение, к которому мы привыкли. Вышло иначе. Империалистическая война расколола буржуазию Европы, и это создало то, что англо-французские капиталисты из-за империалистических целей стали сторонниками

русской революции. Английские капиталисты составили прямо заговор с Гучковым, Милюковым и командующими верхами армии. Англо-французские капиталисты стали на сторону революции. Европейские газеты сообщают целый ряд случаев поездок посланников Англии и Франции для переговоров с "революционерами" вроде Гучкова. Это союзник революции непредвиденный. Это привело к тому, что революция вышла так, как никто не ожидал. Мы получили союзников не только в лице русской буржуазии, но и англо-французских капиталистов. Когда я говорил это же в реферате за границей, мне один меньшевик сказал, что мы были неправы, ибо-де оказалось, что буржуазия нужна была для успеха революции. Я ему ответил, что это было "необходимо" лишь для того, чтобы революция победила в восемь дней. Ведь Милюков заявил до революции, что если победа лежит через революцию, то он против победы. Нельзя забывать этих слов Милюкова. Итак, революция в ее первом этапе развивалась так, как никто не ожидал" (Ленин, т. XX, ч. I, с. 175-176).

Какие последствия имел этот факт? В 1905 г. Ленин рассчитывал, что развертывающийся кризис революции поставит у власти рабочих и крестьян, относящихся с недоверием к буржуазии. Тут у власти стала буржуазия, потому что: 1) поддержал ее мировой капитал и 2) потому что крестьянство, предполагаемый союзник рабочих, имело доверие к буржуазии. Мировая война, детище капитализма, т. е. буржуазии, должна была в дальнейшем своем развитии поднять крестьянские массы против буржуазии. Но раньше, чем это случилось, она вызвала в нем чувство, что из этого омута нельзя выбраться одним без помощи опытных военачальников, политиков и т. д. Вторая причина этого доверия и одновременно второй решающий момент своеобразия положения -- это изменения среди самого крестьянства.

Чем отличается позиция крестьянства в 1917 г. от его позиции в 1905 г.? Тем, что: "нельзя быть уверенным, что крестьяне пойдут непременно дальше буржуазии, и выражать свою уверенность в крестьянстве, в особенности теперь, когда оно повернуло к империализму и оборончеству, т. е. к поддержке войны" (Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 414).

И дальше:

"Сейчас крестьян с Милюковым... бьет социализм. Крестьянин идет за Милюковым и Гучковым -- это факт" (т. XIII, ч. 2, с. 425).

Откуда этот факт и каковы его последствия?

"Часть мелкой буржуазии заинтересована в этой политике капиталистов. Здесь сомневаться не приходится и поэтому не позволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на

общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени сознательно, на стороне капиталистов" (т. XIV, ч. 2, с. 417).

Первое: крупная буржуазия, поддержанная англо-французским империализмом, перекинулась на сторону революции, чтобы взять в руки ее руль. Второе. Часть крестьянства сознательно, другая бессознательно на стороне буржуазии. Какие последствия вытекают из этого?

"Оригинальность положения в двоевластии... Только на месте здесь мы узнали, что Совет рабочих и солдатских депутатов отдал власть Временному правительству²⁰². Совет рабочих и солдатских депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьянство -- то и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта "диктатура" вошла в соглашение с буржуазией. Тут и нужен пересмотр "старого" большевизма. Создавшееся положение показывает, что диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии. Положение изумительно своеобразное. Не бывало таких революций, чтобы представители революционного пролетариата и крестьянства, будучи вооружены, заключили союз с буржуазией; имея власть, уступили ее буржуазии. Буржуазия имеет в своих руках силу капитала и силу организации. Надо еще удивляться, что рабочие оказались все же достаточно организованными. Буржуазная революция в России закончена, поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь "старые" большевики опровергают: "она не закончена -- нет диктатуры пролетариата и крестьян". Но Совет рабочих и солдатских депутатов и есть эта диктатура" (Ленин, т. XX, ч. 2, с. 107).

В "Письмах о тактике", направленных против позиции Каменева²⁰³, Ленин говорит:

"Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" уже осуществилась (сноска: в известной форме и до известной степени) в русской революции, ибо эта "формула" предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. Совет рабочих и солдатских депутатов -- вот вам уже осуществленная жизнью "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 29).

Говоря, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, он добавляет "в известной форме и до известной степени" и добавляет дальше, что лозунг революционно-демократическая диктатура это была теория, "...которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к схватыванию сложности жизни" (т. XIV, ч. 1, с. 29).

Эти формулировки он повторяет в разных сочетаниях и нюансах, так например, в проекте платформы "Задачи пролетариата в нашей революции" он указывает:

"Русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т. е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие местные Советы рабочих и солдатских депутатов" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 40).

Рассмотрим внимательно это место, которое теоретически является узловым для понимания вопроса. Достаточно указания Ленина, что теория демократической диктатуры разделяет судьбы всякой теории, чтобы подчеркнуть, что дело идет не о каком-то мимоходном изречении, о какой-то парадоксальной характеристике такого противоречивого явления, как двоевластие, и тем менее о какой-то хитрости, при помощи которой вождь большевизма хотел закрыть факт, что лозунг демократической диктатуры, стержневой лозунг всей большевистской политики оказался яйцом, выеденным историей, -- что дело идет о центральном теоретическом моменте для оценки судеб большевистской тактики за годы 1905-1917. И тот факт, что на этот момент не обратили главного внимания защитники ленинских лозунгов 1905 г. и что от него отмахиваются противники, -- показывает, что не учтена теоретическая сущность спора.

б) Диалектический анализ Ленина

Во-первых, что означает, что "теория, в лучшем случае, лишь намечает основное, общее, лишь приближается к схватыванию сложности жизни". Ленин предостерегает перед грубым, упрощенным пониманием политических лозунгов. Ленин, как Маркс, создал политические лозунги на основе глубокого теоретического анализа, который базировался на всем их понимании исторического процесса. Понимал же он этот процесс по всем правилам диалектики. По сегодняшний день нет работы, действительно выясняющей существо марксовской диалектики и ее отношения к гегелевской. Ленин, как мало кто другой из учеников Маркса, занимался этим вопросом, который даже у Плеханова очень мало разработан. Заметки Ленина о "Логике" Гегеля показывают,

какими тонкими пальцами дотрагивался он чутких весов вопроса об отношении понятий к действительности и об формах их развития. Ленин был стихийным диалектиком громадной силы, жизненности, но он был и очень сознательный диалектик. Природность его диалектики состоит в том, что жизненные противоречия прямо бросаются ему в глаза, что хватается он их на лету, как самое важное. Сознательность его диалектики состоит в том, что он

отображает жизненные противоречия с художественной точностью, не изменяя взаимоотношений, не угрубляя абрисов, так сказать, передавая цвет событий со всякими их оттенками. Когда он говорит, что "всякая теория, в лучшем случае, лишь намечает основное, общее, лишь приближается к схватыванию сложности жизни", то это означает: теория намечает в данных явлениях главное и основное. Но, во-первых, она не в состоянии охватить всех моментов дальнего и т. д. разряда, хотя обязательно стремится к схватыванию всех сторон дела. Во-вторых: и основная черта явления, и второ- третьеразрядное развиваются во времени и пространстве. Это развитие, может быть, видоизменит силу и взаимоотношения этих факторов, а поэтому видоизменит и анализируемую совокупность. Общественная теория, вдобавок, это не только наблюдение и анализ, но и выводы для действия. Теоретику-революционеру приходится, когда он дает анализ явления, сделать практические выводы из данного положения, но позже, когда видоизменяются соотношения составных частей анализируемого явления, когда привносятся новые элементы из окружения, тогда реализуется исторически только часть лозунга или он реализуется в неожиданном виде, в разном переплетении, ибо самое явление уже сильно изменилось. Переведем этот общий смысл слов Ленина на конкретный язык фактов.

Ленин в 1905 г., анализируя при помощи марксизма своеобразие русской революции, наметил основную черту этого своеобразия, состоящую в том, что благодаря уровню социально-политического развития России, русская революция будет еще демократической революцией, хотя руководить ею будет пролетариат. Ибо основная масса угнетенных классов поднимется в ней не во имя борьбы с капиталом, а во имя борьбы за устранение остатков крепостничества. Из этих двух основных фактов (армия революции рабоче-крестьянская -- причем крестьянство в большинстве -- но руководит рабочий) Ленин сделал основной тактический вывод, что рабочий класс и крестьянство призваны вместе разбить царизм и установить совместно свою демократическую диктатуру. Этим Ленин наметил общий вывод, закрепив его конкретной формулой. Люди, не продумавшие сложности метода марксизма и ленинизма, поняли дело

так: непременно дело должно кончиться совместным правительством рабочих и крестьян, да, некоторые даже подумали, что это непременно должно быть коалиционное правительство партий, рабочей и крестьянской. Если бы они более внимательно и более вдумчиво читали, хотя бы "Две тактики", то они могли бы прочесть следующее:

"Возможно, что русская революция кончится "конституционным выкидышем", как сказал однажды "Вперед"204, но разве это может оправдать социал-демократа, который бы накануне решительной борьбы стал называть этот выкидыш "решительной победой над царизмом". Возможно на худой конец, что не только республики мы не завоюем, но и конституция-то будет призрачная, "шиповская"205, но разве извинительно было бы со стороны социал-демократа затушевывание нашего республиканского лозунга".

И дальше:

"Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с

царизмом, -- тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии, -- тогда социал-демократия окажется растворившейся "в буржуазной демократии" в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, "по-плебейски" разделаться с царизмом.

Удастся решительная победа революции,-- тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски. "Весь французский терроризм, -- писал Маркс в знаменитой "Рейнской газете" 206 в 1848 г., -- был ни чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством". (См. К.Маркс, издание Меринга 207, т. III, с. 211.) Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических рабочих пугалом "якобинизма" в эпоху демократической революции"? (Ленин, т. VI, с. 319, 337).

Они были бы обязаны обратить внимание на цитированное уже выше место из статьи 1908 г., разъясняющей вопрос о коалиции партий.

Для Ленина уже в 1905 г. совсем не следовало, что из наличия демократического заряда русской революции революция непременно должна победить и то в своей демократической фазе. Он допускал возможность сделки буржуазии с царизмом; разрядки демократического заряда, недостаточности его разрывной силы. Если бы столыпинская политика 208 окончилась удачей, а ведь теоретическую возможность этого он никогда не исклю-

чал, то понадобилось бы новое развитие капитализма, создание новых противоречий, объединяющих народные массы на почве борьбы уже с буржуазией для того, чтоб снова началась революция. Но она была бы тогда уже социалистической. В чем же основном правильной оказалась старая большевистская теория 1905 г.? В том, что совместное выступление петроградских рабочих и крестьян (солдат Петроградского гарнизона) опрокинуло царизм. В основном, ведь формула 1905 г. "предвидит" лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение, это сотрудничество. Это основное осуществилось. Пролетариат и крестьянство совместно разбили царизм, но они его еще не добились. Для этого надо было создать совместное правительство. Пролетариат и крестьянство создали его в виде Советов рабочих и солдатских депутатов, Совет -- орган их диктатуры, ибо власть он получил не в силу закона, а потому что сила была на его стороне. Но тут начинается что-то новое. Рабочие и крестьяне, разбивши царизм, доверяются буржуазии, делят с ней власть, допускают создание буржуазного Временного правительства. Это новое -- сила буржуазии, покинувшей царизм, чтобы изнутри взнудать революцию. Эта сила развилась за последние двенадцать лет.

Что же, это новое убивает старое, основное? Пока нет. Броневики стоят не только у Зимнего дворца²⁰⁹, но и Смольного²¹⁰. Новое в явлении не убило старого, но:

"Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на нет, и вся буржуазия российская уже работает из всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением на нет Советов рабочих и солдатских депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до "чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 41).

Почему это новое в явлении, конкретизирующееся во Временном правительстве, не убило старого ядра, приведшего к созданию Советов? Потому что буржуазия, заседающая во Временном правительстве, не разрешила еще крестьянского вопроса, не подчинила себе крестьянства; крепко связаться удалось ей в деревне только с кулаком. Но существование этого кулака совместно с военным переплетом оказалось достаточным, чтобы создать Временное правительство рядом с Советами. Борьба решит, не является ли это новое ядро временным, неспособным к жизни, не будет ли оно убито старым, от которого оно оттягивает жизненные соки. Поэтому не надо терять из виду, что осуществился лозунг демократической диктатуры, но не только он

осуществился. И кто говорит только об этом осуществлении, тот не понимает всей сложности положения и выхода из него, ибо выход будет зависеть от того, победит ли в явлении новое или старое. Мы думаем, что мы достаточно остро, наглядно подчеркнули все громадное значение этих ленинских мест об известной форме и известной степени, в которой осуществилась демократическая диктатура -- громадное с точки зрения теории и практики. У нас есть несколько работ о ленинской диалектике, но все они даже не пытаются разработать этот вопрос; конкретно, систематически проследить, как Ленин ее в действительности, в жизни применяет. Гениальный анализ двоевластия [19]17 г. принадлежит к ярким примерам его теоретического величия и его диалектической силы. Мы повторяем, не годится растрчивать этого наследия фразой о том, что Ленин "иногда" говорил, что демократическая диктатура осуществилась постольку поскольку; а именно, что Ленин в [19]17 г. отказался от лозунга 1905 г., что он его ликвидировал, мнения, высказываемые разными товарищами, показывают просто теоретическую безграмотность, неспособность понять всю глубину ленинского анализа. Эта неспособность приводит к непониманию ленинской тактики в Февральской революции, которая представляется упростиелям как простой прямой поворот от демократической диктатуры к социалистической.

в) Тактика Ленина

Какие выводы о возможностях дальнейшего развития делает Ленин? Он делает вывод о возможности двух путей развития. Один путь: капиталистическое

развитие в России зашло так далеко, что уменьшилась острота аграрного вопроса, являющаяся объективной основой большевистской тактики 1905 г. Тогда кулак, зажиточный и середняк пойдут до конца с буржуазией, тогда гордиев узел войны должен быть разрушен непосредственно мечом пролетарской диктатуры рабочих и бедноты. Но:

"Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом нового явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами хозяевами.

Но возможно и иное: что крестьяне послушают советов мелкобуржуазной партии эсеров, поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен.

Возможно, что крестьяне сохраняют, продолжают свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас через посредст-

во Советов рабочих и солдатских депутатов, не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать действительность, которая показывает нам факт соглашения, или употребляя более точное, менее юридическое, более экономически классовое выражение -- факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее, -- тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем речь будет идти особо.

Марксист, который по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности теперь, когда крестьянство соглашается с буржуазией, превратился бы в мелкого буржуа. Ибо он на деле проповедовал бы пролетариату доверие к мелкой буржуазии ("Она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство, должна отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции"). Он по случаю "возможности" приятного и сладкого будущего, когда крестьянство не будет хвостом буржуазии, эсеры, Чхеизде, Церетели, Стекловы не будут придатком буржуазного правительства, -- он по случаю "возможности" приятного будущего забыл бы о неприятном настоящем, когда эсеры и социал-демократы не выходят из роли придатка буржуазного правительства, оппозиции "Его Величества" Львова" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 3, 30-31).

В первом случае незавершенная революционно-демократическая диктатура, ибо диктатура есть полная власть, -- двоевластие означает, что Совет, орган демократической диктатуры, не имеет полноты власти, -- перейдет

непосредственно в пролетарскую диктатуру. В другом случае -- разрыва между Советом и Временным правительством, т. е. между крестьянством и буржуазией, наступит новый этап буржуазно-демократической революции. Она будет завершена до конца. Что более правдоподобно. Революционер должен исходить из фактического положения, уже создавшегося, а не из возможного, ибо, исходя из худшего положения, отхода части союзников, он принимает контрмеры мобилизации низов, которая является единственным средством заставить поколебавшегося союзника принять снова участие в бою по этой стороне баррикады:

"Только отделением пролетарской коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, свободной от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев, -- на деле, а не на словах, свободных от влияния мелкой буржуазии, -- способно сделать такой "горячей" почву под ногами мелкой буржу-

азии, что ей при известных условиях придется взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милюков будут -- опять-таки при известных условиях -- за всевластие, за единовластие Чхеидзе²¹², Церетели, эсеров, Стеклова²¹³, ибо это все же "оборонцы". Кто отделяет сейчас же немедленно и бесповоротно пролетарские элементы Советов, т. е. "пролетарскую коммунистическую партию" от мелкобуржуазных, тот правильно выражает интересы движения на оба возможных случая; и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, неподчиненную буржуазии "диктатуру пролетариата и крестьянства", и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между нею и нами" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 34).

Первый возможный путь развития -- наиболее вероятный -- означал, что за 12 лет капиталистического развития Россия шагнула очень далеко вперед в этом развитии, означал, что уже перед полным завершением лозунгов 1905 г. началось предвиденное Лениным в 1905 г. перерастание демократической революции в социалистическую. Сделал ли Ленин из этого вывод, что теперь надо выдвинуть лозунг "рабочей демократии", социалистической диктатуры? Ничего подобного. В той же самой статье, в которой он требует установки на перерастание, в статье, направленной против Каменева²¹⁴, он говорит:

"Не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание "перепрыгнуть" через незавершенную -- неизжившую еще крестьянского движения -- революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической.

Если бы я сказал: "без царя, а правительство рабочее", -- эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства России (не считая буржуазного) не может быть помимо Советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Милюкова только к этим Советам, а в них как раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты,

преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 32).

Исходя из этого, он соответственно формулировал программу действия:

"Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью "введения" социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за "почти марксистские" словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов рабочих депутатов и т. п., отнюдь не будучи "введением" социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно "на войне" особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 51-52).

В "Аграрной программе" он делает передвижку на беднейшие слои крестьянства:

"Мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем времени могучая аграрная революция русской деревни. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян ("полупролетариев"), с одной стороны, -- и крестьян, зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков) -- с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт.

Но мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер в интересах крестьянской аграрной революции в России.

Мы должны требовать национализации всех земель, т. е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и проч[ее] переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиорации и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли, государством и арендатором ее (запрещать всякую передачу земли). Но все распоряжение

землей, все определения местных условий владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных Советов крестьянских депутатов. В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития национального крупного хозяйства и общественного контроля над ним мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем Советов батрацких депутатов" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 49 - 50).

Но одновременно [Ленин] пишет:

"Не раскалывая немедленно и обязательно Советов крестьянских депутатов, партия пролетариата должна разъяснять необходимость особых батрацких депутатов и особых Советов депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов такого классового положения, как отдельные фракции или партии внутри Советов крестьянских депутатов" (Ленин, т. XIII, ч. 1, с. 50).

Наконец, собирая воедино всю свою тактическую формулу, он выступает против приписываемой ему Каменевым мысли о "немедленном перерождении этой демократической революции в социалистическую".

"И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении тов. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема "рассчитана" на "немедленное перерождение" этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую. Это неверно. Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: "не введение социализма наша непосредственная задача".

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма.

Мало того. Даже ввести в России "государство-коммуны" (т. е. государство, организованное по типу Парижской коммуны) нельзя "немедленно", ибо для этого необходимо, чтобы большинство депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознавало всю ошибочность и весь вред тактики эсеров, Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. Я совершенно точно заявил, что "рассчитываю" в этой области только на "терпеливое" (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить "немедленно") разъяснение" (Ленин, т. XIV, ч. I, с. 35).

Исходя из самой большой вероятности перерастания демократической революции в социалистическую в форме борьбы

сил социалистической революции против органов демократической полудиктатуры, гениальный, многогранный тактик, который после июльских дней

перед лицом загнивания Советов в статье "К лозунгам" в июле [19]17 г. провозглашает, что двоевластие кончилось, ибо буржуазия вооружилась, власть перешла на деле к "корниловцам", "власть нельзя уже теперь мирно взять", что:

"Именно революционный пролетариат, после опыта июля [19]17 г., и должен самостоятельно взять в свои руки власть -- вне этого победа революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями -- вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и предательством данных Советов" (т. XIV, ч. 2, с. 17-18).

Тот же сам Ленин, после отбития атаки корниловцев перед лицом малейшей возможности завершения демократической диктатуры, возвращается в ст[атье] "О компромиссах" к лозунгу "Вся власть Советам и советское правительство". И тут снова выступает наружу различие в положении между 1905 и 1917 годами. В 1905 г. демократическая диктатура -- это было правительство рабочих и крестьян под гегемонией пролетариата. Власть в руках меньшевистски-эсеровских Советов не означала гегемонии пролетариата как класса, ибо меньшевики и эсеры вели мелкобуржуазную политику. Поэтому Ленин формулировал отношение к этой власти:

"Компромисс состоял в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собой разумеется, и не новым для эсеров и меньшевиков была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок" (Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 99).

Что же означало предложение Ленина о компромиссе? Этот компромисс открывал, по мнению Ленина, наиболее надежный путь перерастания демократической диктатуры в социалисти-

ческую, а именно, обострение отношений мелкой буржуазии и ее партий с крупным капиталом, подведение масс, стоящих за Советами, под удар буржуазии и военщины для того, чтобы, переходя от защиты к нападению, втянуть мелкобуржуазные массы в решающий бой, результатом которого мог быть только переход от демократической к социалистической диктатуре. Т. е. вся тактика Ленина, написавшего тогда уже свою работу "Государство и революция", эту программу целой эпохи диктатуры пролетариата. Ленин, который следил, как врач следит за развивающейся болезнью, за агонией капиталистического

общества, которая была одновременно разворачивающимся переходом от демократической революции к социалистической -- что все это имеет общего с тактикой провозглашения конца в начале: социалистической диктатуры в период, когда неизвестно, когда произойдет революция, через год, через пять или через десять; когда неизвестно, в какой международной обстановке она будет происходить, какие классовые перегруппировки создаст перед ней предварительно исторический процесс.

3. Каменевская позиция в 1917 г. и ее уроки

Существует легенда, что Каменев противопоставил "первооружившемуся" большевизму Ленина старый большевизм и что Ленин, таким образом, боролся в лице Каменева с собственной старой концепцией. Эта легенда заслуживает особого разбора, ибо она позволит подчеркнуть ряд черт действительно большевистской концепции, ничуть не устаревших, и указать на ряд опасностей, угрожающих при перерастании демократической диктатуры в социалистическую.

Политика революционно-демократической диктатуры была политикой разрыва пролетариата и мелкой буржуазии с крупной. Каменев во время Февральской революции стоял на почве сотрудничества органов демократической диктатуры с Временным правительством, т. е. с крупной буржуазией, пока она сама не исчерпала себя. "Мы, большевистская партия, должны открыто заявить, что мы берем курс не на замену власти буржуазного Временного правительства властью Советов, что мы предоставляем ему исчерпать себя в процессе революции", -- говорил Каменев на Апрельской конференции (Протоколы Апрельской конференции, с. 44-45). Он прямо выдвигал лозунг: "Мы содействуем, но не противодействуем". Ленин в цитированной уже мною статье 1908 г. подчеркивает, что революционно-демократическая диктатура есть союз пролетариата с крестьянством, класса с классом, а не с мелкобуржуазными партиями. Это означает, что он предвидел положения, где надо будет противопоставить мелкобуржуазным партиям, руководимым верхушкой

пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за "почти марксистские" словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств, действительно необходимые для борьбы с надвигающимся экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление немедленного контроля за ними Советов рабочих депутатов и т. п., отнюдь не будучи "введением" социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а

останавливаться перед посягательством на неслыханно высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно "на войне" особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 51-52).

В "Аграрной программе" он делает передвижку на беднейшие слои крестьянства:

"Мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем времени могучая аграрная революция русской деревни. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян ("полупролетариев"), с одной стороны, -- и крестьян, зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков) -- с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт.

Но мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер в интересах крестьянской аграрной революции в России.

Мы должны требовать национализации всех земель, т. е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и проч[ее] переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиорации и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли, государством и арендатором ее (запрещать всякую передачу земли). Но все распоряжение землей, все определения местных условий владе-

ния и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных Советов крестьянских депутатов. В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития национального крупного хозяйства и общественного контроля над ним мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем Советов батрацких депутатов" (Ленин, т. XIV, ч. 1, с. 49 - 50).

Но одновременно [Ленин] пишет:

"Не раскалывая немедленно и обязательно Советов крестьянских депутатов, партия пролетариата должна разъяснять необходимость особых батрацких депутатов и особых Советов депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов такого классового положения, как отдельные фракции или партии внутри Советов крестьянских депутатов" (Ленин, т. XIII, ч. 1, с. 50).

Наконец, собирая воедино всю свою тактическую формулу, он выступает против приписываемой ему Каменевым мысли о "немедленном перерождении этой демократической революции в социалистическую".

"И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении тов. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема "рассчитана" на "немедленное

перерождение" этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую. Это неверно. Я не только не "рассчитываю" на "немедленное перерождение" нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе No 8: "не введение социализма наша непосредственная задача".

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма.

Мало того. Даже ввести в России "государство-коммуны" (т. е. государство, организованное по типу Парижской коммуны) нельзя "немедленно", ибо для этого необходимо, чтобы большинство депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознавало всю ошибочность и весь вред тактики эсеров, Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. Я совершенно точно заявил, что "рассчитываю" в этой области только на "терпеливое" (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить "немедленно") разъяснение" (Ленин, т. XIV, ч. I, с. 35).

Исходя из самой большой вероятности перерастания демократической революции в социалистическую в форме борьбы

сил социалистической революции против органов демократической полудиктатуры, гениальный, многогранный тактик, который после июльских дней перед лицом загнивания Советов в статье "К лозунгам" в июле [19]17 г. провозглашает, что двоевластие кончилось, ибо буржуазия вооружилась, власть перешла на деле к "корниловцам", "власть нельзя уже теперь мирно взять", что:

"Именно революционный пролетариат, после опыта июля [19]17 г., и должен самостоятельно взять в свои руки власть -- вне этого победа революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями -- вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и предательством данных Советов" (т. XIV, ч. 2, с. 17-18).

Тот же сам Ленин, после отбития атаки корниловцев перед лицом малейшей возможности завершения демократической диктатуры, возвращается в ст[атье] "О компромиссах" к лозунгу "Вся власть Советам и советское правительство". И тут снова выступает наружу различие в положении между 1905 и 1917 годами. В 1905 г. демократическая диктатура -- это было правительство рабочих и крестьян под гегемонией пролетариата. Власть в руках

меньшевистски-эсеровских Советов не означала гегемонии пролетариата как класса, ибо меньшевики и эсеры вели мелкобуржуазную политику. Поэтому Ленин формулировал отношение к этой власти:

"Компромисс состоял в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собой разумеется, и не новым для эсеров и меньшевиков была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок" (Ленин, т. XIV, ч. 2, с. 99).

Что же означало предложение Ленина о компромиссе? Этот компромисс открывал, по мнению Ленина, наиболее надежный путь перерастания демократической диктатуры в социалисти-

ческую, а именно, обострение отношений мелкой буржуазии и ее партий с крупным капиталом, подведение масс, стоящих за Советами, под удар буржуазии и военщины для того, чтобы, переходя от защиты к нападению, втянуть мелкобуржуазные массы в решающий бой, результатом которого мог быть только переход от демократической к социалистической диктатуре. Т. е. вся тактика Ленина, написавшего тогда уже свою работу "Государство и революция", эту программу целой эпохи диктатуры пролетариата. Ленин, который следил, как врач следит за развивающейся болезнью, за агонией капиталистического общества, которая была одновременно разворачивающимся переходом от демократической революции к социалистической -- что все это имеет общего с тактикой провозглашения конца в начале: социалистической диктатуры в период, когда неизвестно, когда произойдет революция, через год, через пять или через десять; когда неизвестно, в какой международной обстановке она будет происходить, какие классовые перегруппировки создаст перед ней предварительно исторический процесс.

3. Каменевская позиция в 1917 г. и ее уроки

Существует легенда, что Каменев противопоставил "перевороужившемуся" большевизму Ленина старый большевизм и что Ленин, таким образом, боролся в лице Каменева с собственной старой концепцией. Эта легенда заслуживает особого разбора, ибо она позволит подчеркнуть ряд черт действительно большевистской концепции, ничуть не устаревших, и указать на ряд опасностей, угрожающих при перерастании демократической диктатуры в социалистическую.

Политика революционно-демократической диктатуры была политикой разрыва пролетариата и мелкой буржуазии с крупной. Каменев во время Февральской революции стоял на почве сотрудничества органов демократической диктатуры с Временным правительством, т. е. с крупной буржуазией, пока она сама не исчерпала себя. "Мы, большевистская партия, должны открыто заявить, что мы берем курс не на замену власти буржуазного Временного правительства властью

Советов, что мы предоставляем ему исчерпать себя в процессе революции", -- говорил Каменев на Апрельской конференции (Протоколы Апрельской конференции, с. 44-45). Он прямо выдвигал лозунг: "Мы содействуем, но не противодействуем". Ленин в цитированной уже мною статье 1908 г. подчеркивает, что революционно-демократическая диктатура есть союз пролетариата с крестьянством, класса с классом, а не с мелкобуржуазными партиями. Это означает, что он предвидел положения, где надо будет противопоставить мелкобуржуазным партиям, руководимым верхушкой

мелкой буржуазии и поэтому наиболее склонным к компромиссам с крупной буржуазией, мелкобуржуазные низы. Каменев прокламировал блок с соглашательскими мелкобуржуазными партиями, заявляя: "Мы в этом блоке участвуем и строим нашу политику так, чтоб этот блок не разорвать". Старый большевизм вырос как интернационалистская партия революции против войны. Каменев писал в "Правде" от 15 марта 17 г., что "свободный народ (освобожденный от царя, но не от буржуазии -- К. Р.) будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей, на снаряд снарядом". Война должна быть окончена через давление на Временное правительство, которое должно огласить свои военные цели, приступить к мирным переговорам. Но "Россия связана союзами с Англией, Францией и др[угими] странами, она не может действовать в вопросах мира помимо них". Старый большевизм в начале революции 1905 г. провозглашал лозунг демократической диктатуры, подготавливая идейно ее перерастание в социалистическую диктатуру. Каменев в величайшем кризисе, переживаемом миром и Россией, среди величайшей разрухи, толкающей на меры, являющиеся шагами к социализму, выступал против этих шагов, заявляя о тезисах Ленина, что они "великолепная программа для первых шагов революции в Англии, Германии, Франции, но не для незаконченной демократической революции в России" ("Правда", 17 апреля [19]17 г.). Большевизм в революции 1905 г. понял, что Советы есть органы борьбы за власть и органы власти демократической диктатуры. Каменев выступает против лозунга "государство-коммуна", говоря в своей статье "О тезисах Ленина", что только тогда, когда уже начался период осуществления социализма, "нелепо думать о парламентской республике", не раньше. Значит, он лозунг Советов, как органов демократической диктатуры, отклоняет.

Сказанное доказывает, что позиция Каменева была позицией не старого большевизма, а позицией человека, сбившегося под влиянием мелкобуржуазной революции на соглашательскую мелкобуржуазную линию и прикрывающего это старыми большевистскими формулами. Выступления Каменева, как известно, не были только личными его выступлениями. На Апрельской конференции, как известно, выступал Рыков с взглядом, что социализм должен начаться на Западе, что в России он невозможен; Ногин²¹⁵ -- что укрепление революции должно привести к ликвидации Советов как органов власти; Сталин выступал в речи на Петроградской конференции перед приездом Ленина с точкой зрения, что Временное правительство не играет еще контрреволюционной роли, против раскола с Церетели и с другими "циммервальдцами". В "Правде" Сталин

выступает со статьями полуоборонческого и полусоглашательского характера. В своей речи на пленуме фракции ВЦСПС216 от 19 ноября 1924 г. Сталин признает наличие в руководящих рядах партии целого направления, сбивающегося на оборончество. Он говорит:

"Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ошупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она породила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с моими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых "Апрельских тезисах"217" (Сборник "За ленинизм", изд. 1925 г., с. 93).

Означает ли это все, что эти ошибки были заложены в старой позиции большевизма? Ничего подобного. Это означает, что среди большевиков существовали люди с оппортунистическими тенденциями или люди, сбивающиеся на оппортунистические позиции, благодаря неумению самостоятельно применять линию большевизма к новой обстановке. Зиновьев, отрицающий в своем "Ленинизме" факт существования правого крыла партии в [19]17 г., прикрашивает историю. Но объяснение возможности возникновения этого правого крыла какой-то двойственностью старой большевистской теории, -- так же самообосновано, как утверждение, что крах II Интернационала обусловлен какой-то двойственностью теории Маркса и Энгельса.

Общие уроки выступлений Каменева состоят в следующем: Лозунги, отвечающие определенную стадию развития, могут из революционных стать контрреволюционными, если их тупо применять к стадии, подвинутой так далеко вперед, что они ей [не] отвечают. Каменевым руководило нежелание противопоставиться оборонческому поветрию; он не умеет плыть против течения. Оппортунистическая неотпорность прикрывает фальсификацию большевистской политики до момента, когда Ленин, опираясь на партийные низы, воспитанные в революционных традициях большевизма, выпрямил Каменеву и другим хребет. Что это удалось без всяких потрясений, без всякого раскола -- это доказательство, что из большевистской партии история уже

создала революционный инструмент русского пролетариата величайшей силы и остроты. Но каменевские ошибки могли быть сделаны и революционером, не

отличающимся оппортунистическими склонностями. Отсутствие диалектического понимания ленинской позиции могли привести к подобным ошибкам.

Диктатура пролетариата -- это коалиция рабочих и крестьян. Крестьяне в [19]17 г. в значительной мере были за эсерами, рабочие за меньшевиками: из этого следовала при простом применении формулы 1905 г. коалиция с меньшевиками и эсерами. Но и эсеры и меньшевики находились в коалиции с буржуазией. Таким образом, простое применение формулы 1905 г. было невозможно, ибо эта формула предполагала разрыв с крупной буржуазией. Значит, что-то изменилось, и это изменение требовало изменения методов применения формулы 1905 г. Кто этого не понимал, становился, независимо от своего желания, жертвой буржуазии. Ленин против такого рода "диалектического" превращения революционной формулы боролся страстно, и эта его борьба заслуживает величайшего внимания при всяком применении лозунга демократической диктатуры. Но он боролся с фальсификацией революционно-демократической диктатуры не с точки зрения отрицания демократического характера Февральской революции, а с точки зрения ее перерастания в социалистическую .

3. Вопросы перехода демократической диктатуры в социалистическую

Лозунг демократической диктатуры, выдвинутый большевиками в 1906²¹⁸ г., был заменен лозунгом советской власти, а позже диктатуры пролетариата. Демократическая диктатура раньше, чем завершилась до конца, осуществила только низвержение царизма -- органа господства класса, для борьбы с которым она возникла, но самого класса помещиков, крепостников не ликвидировала. Ликвидация его стала делом уже диктатуры пролетариата. Пролетариат, историческая задача которого состоит в ликвидации господства класса капиталистов, должен был выкорчевать и пни старого господства помещиков и задачу эту решал "мимоходом", но в тяжелом бою, ибо окончательно русский помещик был разбит только Красной армией русского крестьянства, руководимого рабочим. Только победа над интервенцией была окончательной победой над помещиком. Сыновья помещиков, а не буржуазия составляют кадры Белой армии²¹⁹. Они боролись за свои собственные интересы, как и за интересы не только русского, но и мирового капитала. Мировая буржуазия, поддерживая русских помещиков в их походе для отвоевания из рук крестьян земли, боролась за интересы мирово-

го империализма, но она была принуждена включить во фронт этих интересов интересы русских помещиков. Вопрос, почему дело демократической диктатуры задерживается [в] 1917 г. диктатурой пролетариата, находит свое объяснение в том, что дело защиты русского помещика перешло в руки мирового империализма. Что говорит эта сжатая формула?

Демократическая диктатура рабочих и крестьян возможна только на той стадии исторического развития, где в отсталой стране, борющейся с социальным наследием средневековья, не ликвидированного буржуазией, возникает пролетариат, способный повести крестьянство в бой. Загнившие остатки

средневековья, душащие, тормозящие новую жизнь, должны быть достаточно сильны, чтобы поднять разобитые темные массы крестьянства на стихийную революционную борьбу. Пролетариат должен иметь достаточно большой социальный вес, чтобы не только дать командный состав для крестьянской войны, но и действиями своими потрясти в той мере обществом, какая необходима для пробуждения крестьянства. Но, если демократическая диктатура не побеждает долго, если борьба за нее принимает очень затяжной характер и если за это время, несмотря на то, что не ликвидированы пути средневекового прошлого, экономическое развитие идет вперед, то раньше, чем демократическая диктатура осуществляется и может начать перерастать в социалистическую -- социальные соотношения готовят самую социалистическую диктатуру. Русские помещики были уже в 1905 г. смесью крепостника с капиталистом. Ленин в "Развитии капитализма в России"²²⁰ даже переоценил степень капиталистического развития русского земледелия, из чего вытекала его программа отрезков, отвечающая неуверенности, в какой мере крестьянство выступит революционно. Он это признал после первых крестьянских движений и выступил с требованием ревизии собственной аграрной программы. Но, несмотря на то, что 1905 г. показал, как все процессы дифференциации не разбили еще единого фронта всей деревни против крепостничества даже в 1905 г., русский помещичий класс был связан с разными частями буржуазии. Связь эта осуществлялась через ипотечные банки²²¹ и через капиталистов, земельных собственников, и через помещиков, собственников акций промышленных и кредитных институций. Политическая связь эта осуществлялась и через партию кадетов. Революция 1905 г. не победила, не окончилась демократической диктатурой не из-за логического противоречия этого понятия, не из-за классовых противоречий рабоче-крестьянского блока, а потому, что борьба рабочего класса недостаточно быстро мобилизовала крестьянство и что мировой капитализм помог при помощи займов царизму

и помещикам. В 12 лет, отделяющих первую русскую революцию от второй, капиталистический прогресс еще более связал русский помещичий класс с русской и международной буржуазией. Создавая и усиливая базу будущей пролетарской диктатуры системой финансового капитала и синдикатов, этот процесс одновременно ослаблял пережитки крепостничества в деревне, -- этой базе демократической революции. Самое земледелие связывалось с каждым днем больше с мировым капиталом. Достаточно сказать, что экспорт сельскохозяйственных продуктов из России был финансируван на 30-50% иностранным капиталом. За время с 1892 по 1902 г. количество падения дворянского землевладения -- 15%, в 1911 -- новых 18%. Само собой понятно, что чем позже совершилась бы вторая русская революция, тем сильнее были бы в ней пролетарские, социалистические элементы, тем слабее ее мелкобуржуазные, демократические элементы. Другими словами, если капитализм может развиваться

без ломки остатков феодализма и средневековья вообще, путем вымывания этих остатков, то он и уничтожает условия демократической и создает условия социалистической революции.

Война 1914 г. началась в период, когда столыпинская аграрная реформа²²² только начала давать свои результаты. Кривошеин²²³ и Дурново²²⁴ были правы, когда молились своему богу за мир, как условие проведения столыпинской реформы, целью которого было создание капиталистических условий в русской деревне. Война сорвала этот процесс, сохранила варварство русской деревни, усиливая его ужасы ужасами империалистической войны. Но война усилила со своей стороны связь помещичьего режима с капитализмом и мировой буржуазией. Клемансо спрашивал еще в 1906 г. представителей кадетов, возражает ли русская буржуазия против займа царизму. Во время войны Милюков умолял мировую биржу о займе для крепостнического царского правительства, Ллойд Джордж²²⁵, наиболее радикальный из представителей находящейся у власти мелкой буржуазии, Ллойд Джордж, который перед войной вел бешеную кампанию против английских помещиков, как разбойничьего отродья, молил на коленях своего валлийского бога²²⁶ даровать победу армии, руководимой русскими крепостниками. Представители мелкой буржуазии в России вращались, благодаря капиталистическому подъему, с каждым днем больше в капиталистическую систему, требующую врачей, инженеров, учителей, чиновников, ветеринаров, кооператоров для обслуживания потребностей капиталистического развития. Одновременно рабочий класс, который в 1903 г. послал на Лондонский съезд русской социал-демократии²²⁷ только двух рабочих, который в 1905 г. в январе еще ходил с иконами к царю, который в годы реакции имел уже 1000 луч-

ших своих сыновей в вузах тюрьмы и ссылки, прошел в годы перед войной и во время войны университетский курс политических наук и дал уже в [19]17 г. русским народным массам десятки тысяч вождей. Таким образом исторический процесс внес в Февральскую революцию все мыслимые противоречия. Тенденция этих противоречий: усиление капитализма, ослабление крепостнических элементов, т. е. Ослабление мелкобуржуазно-демократических, усиление пролетарских. Одновременно Февральская революция показала такое сращивание верхов мелкой буржуазии с крупной буржуазией, что мелкобуржуазные вожди крестьянства, рядящиеся до этого времени в тогу социализма, через свое раболепство перед капитализмом, очутились на коленях перед помещиком. То же самое случилось с вождями городской мелкой буржуазии, которыми исторически оказались меньшевики. В "Двух тактиках" в 1905 г., разбирая резонерство меньшевиков, Ленин предостерегал их, что они еще очутятся в стане защитников помещиков. Это казалось через край перехватывающей полемикой. Что вышло исторически? Верхние слои мелкой буржуазии оказались, благодаря результатам капиталистического развития за 12 лет, связанными с крупной буржуазией; крупная с полукрепостническими помещиками; вся помещичье-капиталистическая система с мировым империализмом, который таким образом оказался в последней

линии гарантом остатков русского крепостничества. Благодаря тому, что в качестве подпорок остатков русского крепостничества, разъедаемых развитием капитализма, оказались дредноуты Виккерса²²⁸ и пушки Шнейдера и Крезо²²⁹ и золотые подвалы "Банк оф Инглант"²³⁰ и сталелитейные заводы Дитлеемской стальной корпорации²³¹, то кустарные топоры, пики и косы русских крестьян, даже руководимых рабочим классом, не были достаточны для выкорчевания гнилых пней русского феодализма, охраняемого стальной броней русского и мирового капитализма. Должны были двинуться паровые молоты Путиловского завода²³² и Балтийской верфи²³³.

И так будет во всех странах, в которых молодой капитализм растет на невыкорчеванной почве средневековья. Чем раньше стык двух систем эксплуатации приведет к социальному взрыву, тем больше характер этого взрыва будет отвечать понятию демократической революции и найдет свое полное выражение в демократической диктатуре; чем позже, тем больше он сократит демократический период революции, тем более он придает ей пролетарский характер. Отношение демократической диктатуры к пролетарской -- это есть вопрос отношения характера и степени крестьянского кризиса к степени капиталистического развития.

4. Ленинский лозунг демократической диктатуры и идея так называемой "перманентной революции"

Мы подходим к заключительной части нашей беглой работы, целью которой являлось указать только на узловые пункты вопроса, не выясненного достаточно теоретически, огрубленного во имя фракционных интересов, отражающих социальные сдвиги, происходящие в стране. Хотим подвести итоги.

Какие основные черты ленинской теории? Она родилась как теория революционной борьбы пролетариата в стране молодого капиталистического развития, в стране с неразрешенными вопросами, которые на Западе решала буржуазия. Поэтому эта теория, вытекающая из нее тактика применимы во всех странах молодого капиталистического развития, в которых буржуазия не ликвидировала вопросов, оставленных ей в наследство предыдущими социально-политическими формациями. Основная черта, отличающая круг идей, называемых теорией и тактикой "перманентной революции", от ленинской теории состоит в смешении этапа буржуазной революции с этапом социалистической.

Но ленинская теория демократической революции великолепно понимает, что исторические этапы буржуазной и социалистической революций, происходящих в окружении зрелого капитализма, не могут быть отделены друг от друга китайской стеной. Заминка начавшейся демократической революции, ее поражения могут открыть путь капиталистическому развитию, которое в десяток или в два десятка лет настолько видоизменяет социальную структуру страны, что создает

элементы социалистической революции, не уничтожая элементов демократической. Тогда налицо переплетение двух типов революции, предопределяющее их перерастание. Этот процесс может быть сжат историей в месяцы, может быть растянут и на годы. Ленинская теория готовится и к короткому перерастанию и к продолжительному. Теория перманентной революции совершенно бессильна и бесплодна в период "чистой" демократической революции (совсем чистой никогда нет); в период переплетения двух типов революции находит уже почву под ногами, ибо дело клонится к социалистической революции. Она, понятно, не становится от этого правильной, ибо нельзя вычеркнуть того факта, что она предъявляла претензии на применимость в период, когда была вполне неприменяемой. Когда, например, тов. Троцкий пишет, что "эта (его -- К. Р.) оценка подтвердилась целиком, хотя бы с перерывом в 12 лет" (Л.Троцкий. 1905 г., изд. второе, с. 5), то, понятно, это утверждение не имеет ничего общего с исторической действительностью. Нельзя считать, что "оправдалась" оценка, неверная по отношению к революции 1905 г.,

потому что, благодаря поражению этой революции и двенадцатилетнему капиталистическому развитию, возникла вторая революция, являющаяся переплетением демократической и социалистической. Но, как мы сказали уже, с момента, когда начинается переплетение, эта неверная в 1905 г. теория приближается к действительности, поскольку эта действительность приближается к диктатуре пролетариата, но переменчиво упрощает эту действительность, она не в состоянии объяснить всей ее сложности, ибо, хотя новая революция содержит уже в растущей мере элементы, ведущие к диктатуре пролетариата, то она исходит еще из элементов демократической революции. Не понимая или даже отрицая эти последние, нельзя достаточно сознательно и терпеливо относиться к проблеме перерастания. Стоящий на почве перманентной революции по необходимости имеет тенденцию к форсированию событий. Если условия предопределяют скорый процесс перерастания, эта тенденция может сыграть даже полезную роль, независимо от ее теоретически неверного источника. При более медленном темпе перерастания, при большей сложности положения, эта теория может привести к выкидышам.

Какие теоретические корни этой теории? (О социальных не говорю, ибо факт, что на основе этой теории тов. Троцкому не удалось создать какой бы то ни было массовой фракции, доказывает, что родилась она из теоретической ошибки одиночек, а не из потребностей какого бы то ни было класса или серьезной классовой прослойки). Мы уже видели, что почвой этой теории было отсутствие учета различия между странами старого капиталистического развития и молодого капиталистического развития, обремененного наследием предыдущих социальных формаций. Ленин, полемизируя с тов. Троцким в [19]15 г., в статье о "Двух линиях революции" упрекал тов. Троцкого, что "оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков -- "стирание" роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось и дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России

невозможна "национальная" революция: мы живем в эпоху империализма, а "империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат -- буржуазной нации"" (Ленин, т. XIII, с. 213).

Этот упрек верен и в части, в которой Ленин устанавливает общность взглядов тов. Троцкого и меньшевиков на крестьянство. Это признает сам тов. Троцкий, когда в статье в "Нашем слове" от 17 сентября 1915 г., критикуя тезисы Аксельрода, Мартынова и Мартова²³⁴, пишет:

"О городской демократии, как о революционном факторе, говорить не приходится, остается крестьянство. Но насколько мы знаем, ни Аксельрод, ни Мартов не питали преувеличенных надежд на его самостоятельную роль. Пришли ли они к выводу, что за протекшее десятилетие непрерывной дифференциации в среде крестьянства эта роль возросла? Такое предположение шло бы явно наперекор и теоретическим соображениям и всему историческому опыту" (Л.Троцкий. 1905 г., второе издание, с. 290).

Но несмотря на этот факт, было бы глубоко ошибочно считать эту теорию меньшевистской или полуменьшевистской. Методология и политические цели не одно и то же. Марксист Ленин в борьбе с народниками в "Развитии капитализма" переоценил степень достигнутого капитализмом развития в России. Это делал и Струве, но Ленин сделал это в связи с подчеркиванием растущей революционной роли пролетариата; у Струве же эта переоценка послужила базисом для перехода к либерализму, для обоснования надежд на господствующую роль буржуазии. Меньшевизм, как это доказала история, был теорией городского мещанства, мелкобуржуазно настроенных городских рабочих, тянувших коалицию с хозяином, с буржуазией и поэтому отворачивающихся от мужика с его варварством, но и с крестьянской войной. Меньшевики пришли к коалиции с буржуазией не потому, что недооценивали крестьянство, а недооценивали крестьянство потому, что хотели быть партией не революции, а оппозиции. Ничего общего с этой точкой зрения не имел тов. Троцкий. С момента, как выкристаллизовались политические разногласия между большевизмом и меньшевизмом и выкристаллизовалась особая позиция т. Троцкого, то эта позиция была позицией революционной борьбы против буржуазии. Она не учитывала правильно всех путей, которые в России вели к пролетарской диктатуре, и поэтому большевизм как теория должен был расти не только в теоретической борьбе с меньшевиками, но и со взглядами тов. Троцкого. Но когда пришло время социалистической революции, идея перманентной революции должна была по необходимости привести тов. Троцкого к большевизму, то же, как Роза Люксембург, стоящая на точке зрения очень близкой к точке зрения тов. Троцкого, должна была прийти к современному коммунизму.

Борясь против характеристики точки зрения, т. н. "исторического троцкизма" как меньшевистской, не только во имя исторической правды, но и потому, что эта характеристика является орудием правого крыла партии,

сползающего к мелкой буржуазии, ленинцы-большевики должны продумать все уроки старой идейной борьбы и понять всю правильность заявления тов. Троцкого, что в тех основных вопросах, в которых он боролся против

Ленина -- прав был Ленин, а не он. Понимание этого необходимо не только потому, что нельзя бороться за сохранение завоеваний Октября, не понимая путей, приведших к Октябрю, но и потому, что ленинцы-большевики, как интернационалисты, должны помочь революционерам Востока найти правильный путь к их Октябрю. Этот путь может быть найден только при помощи ленинской теории. Это покажем в следующей статье, посвященной вопросам китайской революции и спорам, вызванным в наших рядах.

Необходимость продумания до конца этого вопроса усугубляется еще тем фактом, что история создает теперь известные социальные условия для того, чтобы ошибка одиночек получила более широкое распространение. В Западной Европе нет крестьянства, могущего сыграть революционную роль. Только полупролетариат деревни и сельские рабочие могут идти рука об руку с революционным пролетариатом. Поэтому в Западной Европе коммунисты с трудом усваивают точку зрения Ленина на демократическую революцию. Роза Люксембург и мы, бывшие люксембургянцы, отражали этот факт. Но западноевропейские коммунисты обязаны понять эту точку зрения, если хотят суметь помочь колониальным революциям, которые являются демократическими революциями. В самой России идет, благодаря процессу сползания, известная дезинтеграция ленинского учения. Правая часть ВКП выдвигает связь с крестьянством, взятым как целое, на первый план, доходя до теории вставания кулака, т. е. деревенской буржуазии, в социализм. Новой части партии угрожает опасность возникновения тенденций, отрывающих развитие пролетарской революции от ее союзника -- крестьянства.

Платформа оппозиции стоит на почве ведущего начала промышленности, т. е. пролетариата социалистической революции, сохранила и конкретно развила ленинскую точку зрения, но если бы суждено было дальнейшее перерождение партии, если бы начатый исключением верхушки оппозиции раскол партии закрепился и углубился и большевики-ленинцы оказались вне влияния на политику советского правительства, оказались бы лишены возможности исправлять политику партии, то на полюсе большевиков-ленинцев могла бы появиться почва для непонимания и упрощения теории Ленина.

ВИКТОР ЧЕРНЫШЕВ235. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Уважаемый тов. Троцкий.

Ваше письмо, озаглавленное "Дорогие друзья..."236, получил, его размножил и разослал.

Совершенно не понимаю, для чего понадобилось Вам исказить мое писание и приплести мне какую-то небылицу о том, что я будто бы опасался, "как бы вся

левая каша не сварилась без нас". Насколько мне помнится, подобной мысли у меня в письме совершенно не было, и если Вы решились утверждать о ее существовании, то, надо полагать, что ее происхождение обязано исключительно Вашей богатой фантазии. Для чего это Вы выдумали? Может быть, Вы этим самым хотели показать свою способность к выдумыванию разных несуществующих вещей. Но, уважаемый, тогда так и нужно было бы написать, а не вводить людей в заблуждение.

Ведь Вы же должны знать, что на Ваших письмах мы учимся критиковать противника, но, как мне кажется, нельзя и даже вредно учить нас критиковать так, как критикуете Вы. По Вашему выходит: если хочешь кого-нибудь здорово раскритиковать, то в таком случае без всякого стеснения прежде всего припиши ему нечто, что критиковать ты можешь с успехом и... дело будет в шляпе. Нечего сказать, силен, очень силен в таком случае будет критик и в особенности тогда, когда он имеет почти исключительные права на распространение своих статей. Я понимаю, для чего это нужно делать Сталину, но никак не могу понять, для чего это понадобилось Вам. Второе, что меня крайне удивило в Вашем письме, это недемократическое отношение к "инакомыслящим": что -- слышится в Вашем письме -- вздумал критиковать, значит, у тебя есть "нетерпение... индивидуалистическое, дяляческое, интеллигентски-оппортунистическое: ох, как бы там вся левая каша без меня не сварилась". Но позвольте, ведь подобное утверждение не только глупое, но и прежде всего непозволительное для хоть сколько-нибудь честного человека. Такое отношение можно назвать как угодно, но только не товарищеским отношением. Хотите Вы или не хотите, но выходит так, что тот человек, который проповедует расширение демократии, сам в то же время совершенно не способен придерживаться ее принципам. Вы своими действиями не только не способствуете благим намерениям Карла Радека обрушиться на людей, которые в любое время и несмотря ни на что обязательно "подмахнут всякое заявление Л. Д." [Троцкого] (письмо Радека от 2 августа к тов. В.)²³⁷, но наоборот: способствуете насаждению среди оппозиционеров послушания. Мне же думается, что существование подобных отношений ничего кроме вреда нам принести не смогут. А из этого логика такова: побольше демократии и более серьезное отношение к демократии.

Я вовсе не обвиняю Вас в том, что Вы напрасно указали на существование у меня соглашательских настроений. Они у меня были. Если они не так заметны в письме, адресованном к Вам,

то они налицо в других письмах, и в них я указывал, что проповедуемое мною соглашение весьма условное. Я думал, что нам удобнее всего войти в партию, используя тактический маневр, дабы нам опять представилась возможность снова распространять свои взгляды среди партийцев, находящихся в плену у теперешнего руководства коммунистической партии. То, что у меня было тогда, я вовсе не отрицаю. Но я крайне возмущен, когда мне приписывают то, чего у меня не было и нет, как например, лично Вами выдуманная и мне без всякого стеснения приписанная Ваша "каша".

Теперь относительно нарисованных Вами в своем письме перспектив оппозиции. Мне думается, что, хотя Вы и недолюбливаете оптимистически настроенных людей и предлагаете всегда рассчитывать на худшее, Вы тем не менее сами в этом вопросе стоите, как мне кажется, на оптимистической точке зрения. Как будто бы в самом деле возможен только тот случай, который рисуете Вы: просветившись, благодаря наличию противоречий в политике у существующего руководства ВКП(б), рабочий класс обязательно воспримет наши идеи, обратит взоры в нашу сторону и тем самым революция будет спасена. На деле, по-моему, возможен второй, гораздо худший случай, о котором нельзя не упомянуть в особенности в таком письме, в котором пишется о дальнейших перспективах оппозиции. Именно: рабочий класс сможет определить путь, по которому движется наше пролетарское государство, только тогда, когда будет уже поздно исправлять все совершенные ошибки ЦК, когда революция встанет непосредственно перед пропастью, толчок к падению в которую будет дан в ближайший же момент.

Этого забывать никак нельзя, тем более, что ЦК имеет могучие средства (легальные и нелегальные) к тому, чтобы резкость существующих противоречий сгладить и убаюкивать партийную массу и весь рабочий класс казенным благополучием. И в этом отношении тов. Радек совершенно правильно делает весьма необходимое заявление, что сосланный оппозиция сделать может весьма и весьма немного к предотвращению надвигающейся опасности. Поэтому наша задача не только учиться марксизму, не только констатировать сдвиг центристов вправо или влево, но и прежде всего изыскание новых средств к распространению идей оппозиции в партийной массе и в рабочей массе. Ибо без массы мы ничто.

С коммунистическим приветом

1 сентября 1928 года Сибирь, г. Кокчетав.

Р. С. Прилагаю копию из своего письма, которое я вынужден был разослать своим товар[ищам] в связи с "левой кашей". Считаю весьма необходимым чтобы Вы или тов. Седов присылали мне исходящие от Вас статьи и письма. Думаю, что причина к этому Вам будет ясна без лишних слов.

С ком[мунистическим] приветом

В. Чернышев

...Прилагаемое письмо (т. е. это копия с того письма, которое я получил) было мне принесено почтальоном в субботу 25 августа с. г. Таким образом, свое путешествие от Алма-Аты (от Л. Д. Троцкого) до г. Кокчетав оно совершило без малого в полтора месяца, сообщаю это я на всякий случай, дабы не быть заподозренным в том, что я намеренно задержал его у себя.

По прочтению его Вы увидите, что хотя моя фамилия в нем и не упоминается, но тем не менее оно направлено также и против моего письма. Признаться, я был просто поражен, когда прочитал в нем те строки, которые

якобы выражают сущность моего письма. То, что в сущности должно было бы по праву отнесено (как всякому хоть сколько-нибудь умеющему разбираться в букваре русского языка, будет понятно по прочтению всего письма Троцкого) к товарищам Теплову²³⁸, Преображенскому и другим, то все так неожиданно было повернуто на мою голову. Все мысли, изложенные мною в своем письме, Троцкий порядком переврал и приписал мне многое из того, чего у меня совершенно не было в том письме. Прежде всего на счет того, что я будто бы боялся, как бы левая "каша" не сварилась без меня. Должен прямо сказать, что к подобному утверждению у меня нет в письме совершенно никакого повода.

Мне думается, что для того чтобы утверждать это, нужно было бы прежде всего показать, что я на решения ЦК смотрел как на комплекс левых мероприятий, все время расширяющихся и укрепляющихся, которые в недалеком будущем должны обязательно перейти в настоящий левый курс, движение от которого во все ближайшее время вправо со стороны нашего руководства было бы совершенно невозможно. Но именно этого-то в моем письме и не было. Наоборот, сочиняя его в двадцатых числах мая и указывая в нем, что левые мероприятия ЦК имеют тенденцию несколько расшириться (что и случилось: через несколько дней в начале июня было опубликовано воззвание ЦК о самокритике), я тем не менее полагал, что от всех этих левых решений возможен скоро сдвиг вправо, вследствие чего я и предлагал в своем письме, воспользовавшись революционной ситуацией, вмешаться в работу партии т[аким] обр[азом], "чтобы уничтожить всякую возможность к обратному поправению".

Я говорил, что нужно использовать благоприятный момент для борьбы, для создания настоящего левого курса, указывая рабочему классу "на недостаточность его (ЦК) мероприятий", принятых им решений, а тов. Троцкий уверяет, что "молодой студент" будто бы полагает, что левый курс (или как он выражается, "левая каша"), если уже не сварилась, то обязательно скоро сварится, и, что самое главное, совершенно без помощи оппозиции. Невольно при этом вспоминаются стихи Некрасова:

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,
Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючий -- и притом
Наполовину с дурманом.

Я вооружился в этом письме против всех товарищей-оппозиционеров, заявляющих: что бы там ни произошло, что бы там ни делалось -- буду сидеть здесь до тех пор пока меня не пригласят -- обратно, указывая, что нам не следует ждать, пока там не додумается кто-нибудь пригласить оппозицию обратно в Москву, но подготавливать наше возвращение своими собственными силами, Троцкий же, беря так мыслящих людей под свою защиту, заявляет мне: не тронь, брат, их, иначе худо будет. Особенно не критикуй, иначе ты капитулянт, тебе припишем мы разные, хотя и чуждые тебе мысли и пр. и пр.

Однако, несмотря на то, что я в письме пострадал, я считаю его весьма важным, т. к. Троцкий изложил в нем свое мнение по вопросу: как быть дальше, насколько я понял, задача оппозиции, по Троцкому, заключается в следующем: никаких соглашений, никаких компромиссов ни с правыми, ни с центристами и непрерывная критика их неправильной политики. Оппозиции нужно поддерживать все левые мероприятия centristsов тем, что она 1) не должна заключать блок с правыми и 2) должна каждый раз, когда это в действительности имеется, констатировать факт сдвига. Партийная масса, вследствие противоречивости политики ЦК, пробуждается, прозревает. Скоро она восстанет против главных виновников теперешнего положения в стране и в партии и обратит все свои взоры в сторону оппозиции. Этого часа оппозиции нужно терпеливо дожидаться. Вот те замечания, которые я хотел написать по поводу письма тов. Троцкого.

С приветом Виктор Чернышев

27 августа 1928 г.

АВГУСТОВСКАЯ КОНЪЮНКТУРА²³⁹

Август характеризуется дальнейшим напряжением спроса -- со стороны деревни. Четвертый квартал прошлого года был на 4% ниже текущего года -- доходы населения возросли на 16-17%, а сельского на 30-35%. Промышленность по продуктам широкого потребления дает рост на 22-23%. Спрос должен сбалансироваться предложением.

Причины невозможности сбалансирования

Сокращение кустарной и мелкой промышленности, не компенсируемое увеличением промышленной продукции.

Рост хлебных цен способствует увеличению спроса деревни, особенно верхушечной части.

Положение о том, что районы товаром снабжены на 60-70-80%, не соответствует действительности.

Понижение урожая в результате дождей в Центр[ально-]Черноземной области. Уменьшение урожайности в июле на 10-15%. Харьковщина около 40%, а вообще ухудшение на 8-10%.

Повышение цен против июльских в Центр[ально-]Черноземной области на 15%, Среднее Поволжье на 38 и УССР на 8,8%. По пшенице в Центр[ально-]Черноземной области на 12%, в Крыму на 10%.

Рост цен происходит при сокращении хлебозаготовок. Август дает 685 тысяч тонн. В прошлом году август дал 975 тыс. тонн. Августовские заготовки больше июльских на 5,5%, но составляют лишь 60% от обильных заготовок в этом году²⁴⁰.

Выполнение плана по отдельным районам. Среднее Поволжье -- 20%, Центр [ально-] Черноземн[ая область] -- 15%, Украина, Киевщина -- 62% и только Сев[ерный] Кавказ -- 92%.

С концентрацией неблагоприятно, так как крестьяне предпочитают платить

неустойку и прочее и продавать хлеб по повышенным ценам.

Запасы товаров показывают снижение. По ВТС241 на 12%, по ВКС242 -- на 9%, Сах[арный] синдикат -- 7%. Кроме этого, эти запасы оказались еще ниже, чем предполагалось.

Географическое положение и местонахождение товаров неблагоприятное, и осенняя распутица ухудшит это положение производительности труда в каменноугольной и металлической промышленности на Украине, вызванное большей частью продовольственными затруднениями и понижением реальной заработной платы как результат снижения индекса.

ПИСЬМО ЛЕВОГО ОППОЗИЦИОНЕРА

Дорогой товарищ,

Вы, верно, многое знаете из того, что я пишу, но для связности письма не буду опускать и некотор[ых] фактов, заведомо Вам известных.

Положение в стране было весьма нехорошим перед июлем -- волнения в Кабарде, Семипалатинске, бабьи бунты во многих местах, "смычки" делегаций от крестьян с заводами, резкое ухудшение в настроении бедноты, недовольство в армии -- все это придало силу правым. Они повели наступление. Записка Фрумкина явилась только наиболее откровенным и четким выражением их требований.

В Москве Угланов на район[ных] активах, на собрании пропагандистов открыто заявил, что политика неправильна, что пленум ее пересмотрит, что цифры Сталина неточны и т. д. Бухаринская школка²⁴³ по всей Москве пустила слух, будто Сталин проводит "троцкистскую" политику и готовит союз с ними [троцкистами]. Микроб троцкизма, проник, как видите, высоко. Томский в профсоюзах также готовился к бою -- о его разговоре с Пятаковым Вы, верно, знаете, ряд его людей (Мельничанский и др[угие]) собирали "своих", где подготавливали публику, говорили о предстоящей борьбе, о том, что нужно быть готовыми даже к ссылкам и т. д. (к ссылкам, видимо, других). В руках правых оказалась "Правда" и "Большевик", этими органами они пользовались почти до самого пленума умеренно, но линию свою проводили упорно.

Советский аппарат в огромной части оказался право настроенным, партийн[ый] аппарат, сплошь подобранный и назначенный Молотовым, оказался тоже не совсем верным. Угланов совсем открыто выступал против Сталина, а Комаров²⁴⁴ в Питере (именно он, а не Киров распоряжается там аппаратом) занял позицию нейтралитета с явным уклоном в сторону правых. При этих обстоятельствах Сталин довольно беззастенчиво обратил взоры на т[ак] наз[ываемых] левых в партии. Лучшая часть этой публики просто люди недоразвившиеся в силу ряда причин в оппозиционеры, другая, большая часть, состоит из людей, которые были против прежней откровенно правой политики, которые были против нашего исключения, но которые все время мужественно голосовали ногами, да еще позволяли себе за обедом мычать. Вот эту-то публику и подобрал, подтянул к себе Сталин -- и они составляют немаловажную

часть его нынешней фракции.

Авансы налево в этот период он расточал весьма щедро и кое-что даже предпринял. Под флагом самокритики он завоевал Инст[итут] Красной профессуры (перипетии этой борьбы, где [он] потерял важную позицию внутри своей вотчины, вам, верно, известны).

Смоленщина, с одной стороны, необходимость хотя бы в циркулярном порядке обрести известную базу в партии перед фактом уплыwania парт-[ийного] аппарата, [с другой,] толкнули са-

мокритику вперед. Перед пленумом оказалось, что драться по хлебозаготовкам мало выгодно, Ст[алин] пустил в ход самокритику, его люди начали обвинять "Правду" в саботаже самокритики, Ст[алин] сам ответил письмом на тезисы Слепкова о самокритике (для кружка по изучению парт[ийных] проблем при Комакадемии). Листок РКИ при помощи Орджоникидзе и Яковлева был превращен в таран против "Правды" внутри самой редакции и т. д. Правые, понятно, боя здесь не приняли, а перенесли нападение на деревенскую политику ЦК и, что самое важное, перенесли ее в прессу. Одна статья -- наиболее пикантная -- Э. Гольденберга на тему "Нэп или военный коммунизм", объявленная в газете в предварительно напечатанном содержании No 12 "Большевика", была после боя уже во время пленума запрещена. По вопросу же о хлебозаготовках Ст[алину] пришлось уступить -- раньше всего потому, что его публика не решалась здесь драться (один Бауман внес предложение о принудительном изъятии в порядке натуралога у верхн[их] слоев крестьянства определен[ного] количества хлеба), и потому, что на местах определилась явная оппозиция чрезвычай[ным] мерам.

Таково было положение перед пленумом. Настроение мест заставило и Рыкова, и Сталина пойти на компромисс еще перед пленумом, но т. к. помириться на одной какой-либо т[очке] зр[ения] центристы и правые не могли, то они включили в резолюцию обе точки зрения. На пленуме открытого боя, т[аким] о[бразом], не было, но там было весьма беспокойно -- всякий понимал, что драка только отодвигается.

Первые вопросы на пленуме -- доклад Мануильского и Бухарина -- не вызвали большого отклика. Кидался один Ломинадзе -- конгресс плохо подготовлен, хуже, чем все конгрессы до сих пор, правая опасность недооценивается, колониальный вопрос, не в пример программному -- совершенно не подготовлен, доклады поручены за несколько недель до Конгресса людям, которые ничего не понимают и не знают в колониальных вопросах. Постановление ПБ о том, чтобы члены ПБ (за искл[ючением] Бухарина) не принимали участия в работах конгресса, неправильно, как неправильно поручать доклад о СССР не члену ПБ. Кинулся он и на Томского за какую-то речь на Конгрессе

Профинтерна.

Мануильский, отвечая Ломинадзе, сказал между прочим, что только перемена курса, по его мнению, обеспечила победу над оппозицией в Западной Европе. Томский говорил, что речь произнос[ил] по поручению ЦК, ни один из членов ЦК неудовольствия не выражал, теперь, через полгода, нападают. Да, он против того, чтобы мы лезли в каждую стачку, пусть вырвут эту

фразу из контекста и понесут в доказательство его правого уклona. Он знает, как это делается.

По вопросу о хлебозаготовках докладывал Микоян. Первым в прениях выступил Леже -- привел ряд фактов недовольства рабочих, прогулов, опаздывания из-за того, что рабочие добывают себе хлеб. В некоторых районах, так например, Златоуст[овском], положение рабочих очень тяжелое. За ним Чубарь²⁴⁵ -- первая половина его речи была посвящена доказательству того, что "урожайность... является самым уязвимым, слабым местом нашего сельскохозяйственного производства на ближайшие годы". В другой половине он доказывал, что "утверждение Микояна, что цены не являются решающими, неправильно".

Неверны также его цифры о недоборе на Украине. Не 8 с половиной мл[н] пудов, [а] 130-135 мл[н] пудов. Хуже, однако, что недобор продовольственных культур составлял 280 мл[н] пудов.

Третьей была речь Осинского, наиболее интересная и наиболее правая. В середине речи он страховал себя от оргвыводов -- наиболее важное качество вождя -- это обладать политич[еским] здравым смыслом, а им в наибольшей степени обладает Сталин, во всем остальном он развивал ультрарыковские взгляды. Начал он речь с утверждения, что в нынешнем году мы имеем сокращение посевных площадей. В 1925 году, по сравнению с прошлым годом, площадь посевов зерновых хлебов увеличилась на 5,6%, в 1926 году -- на 7,8%, в 1927 году -- на 2,6%, а в 1928 году уменьшилась на 2,7% (при увеличении общей площади всех культур на 2%). Цифры Молотова об увеличении неправильны, т. к. он берет цифры яровой площади 1928 года по отношению [к] 1927 г., включая пересев.

Вывод Осинского такой, что после сокращения в нынешнем году площ[адей] зерновых хлебов до 84.621 тыс. дес. (в прошлом -- 86.929 тыс. дес.) нам предстоит дальнейшее сокращение. Нельзя недооценивать этого -- в декабре 1927 года Рыков говорил на съезде, что кризиса нет, а есть перебои в хлебозаготовках, сейчас говорят, что у нас кризис зернового хоз[яйст]ва. "Я считаю, что мы имеем бесспорный кризис не только зернового хозяйства, а имеем определенное общее кризисное состояние. В чем выражается оно? В размычке между городом и деревней в обороте города и деревни".

Далее Осинский разбирает указанные Сталиным в его брошюре "На хлебном фронте"²⁴⁶ четыре причины кризиса и находит, что ни плановые ошибки, ни кулак, ни неправильное распределение промышленных товаров не являются решающими, основное же -- медленный подъем производительности сельского хозяйства. Причина этого в том, что сократился экономиче-

ский стимул из-за низких цен на хлеб. Осинский приводит ряд индексов -- при общем сельскохозяйственном индексе 139 (про-мышлен[ном] 220) -- зерновые продукты [составляют] 125%.

Далее Осинский приводит цифры перекачки средств из текстильной промышленности и приходит к выводу, что эта промышленность была для ВСНХ главной дойной коровой, чтобы финансировать другие отрасли промышленности. По пятилеткам, как раз в текстильн[ой] и кожев[енной] -- наименьшее понижение индексов. "Чем это отличается от требований В. М. Смирнова? -- спрашивает Осинский. -- Я предлагаю соверш[енно] конкретно в дополнение к тем планам (беру за основу план ВСНХ) влож[ения] в течение ближ[айших] одного-двух лет 200-300 мл[н] рублей в те отрасли промышленности, которые обслуживают деревню".

Осинский цитировал Ленина из его речи в 1922 г., где Ленин говорит, что мы кредитуемся у мужика, но он не неисчерпаем (то же место, где Л[енин] говорит об экзаме[не] русского и международного капитала, с которым мы связаны и от которого нам не оторваться). Если сейчас нет денег, то капитал, пред[лагает] О[синский,] можно достать из-за границы. Нельзя строить Днепрострой, который стоит 200 мл[н] рублей, а пристраивать к нему нужно на 800 мл[н] рублей. Бюджет у нас -- "вообще бюджет страны, которая живет не по средствам". Курорты стоят сотни миллионов рублей. Кончает О[синский] заявлением, что если не дать на указанные отрасли, то дальнейшее развитие кризиса заставит нас это сделать.

Андреев: Речь Осинского -- попытка пересмотреть план на индустриализацию. "Основное, что повлияло на ухудшение настроения крестьянства -- это то, что мы в мае и июле заготовками затронули самые настоящие середняцкие страховые запасы". Оценка настроения кр[естьян]ства (к ней потом присоединилось большинство выступавших с мест):

Кулака мы обозлили до чертиков. Кулак, если бы он имел воз-можность, пошел бы с нами в открытую войну, перегрыз нам шею.

Средняк, оставаясь советски настроенным, основательновстревожен и насторожен.

Беднота в общем и целом настроена советски и работаетс нами.

Мы не имеем еще разрыва союза с основной массой се-редн[яцкого] кр[естьян]ства, но надо признать, что для такогоразрыва создалась серьезная угроза и опасность...

Нынешний опыт хлебозаготовок ни в коем случае не повто-рять.

Щеболдаев²⁴⁷: присоед[иняется] к оценке Андреева прот[ив] О[синского] защищ[авшего] 107[-ю статью].

Голощекин²⁴⁸: Не прав Осинский, но не прав и Яр[ославский].

"Я утверждаю, что огромные массы, в том числе и наши партийные, путаются в этом вопросе (политики в деревне), думают, что это то же самое, что говорила

оппозиция".

Стецкий: Нельзя слишком много взваливать на объективн[ые] обстоятельства. "Кое-что надо оставить и на собственный счет". Осинский прав с упором на цены, но не прав с требованием перераспределения средств в пользу текстильной промышленности. Очень тревожное настроение крестьян. Настроения недовольства охватили не только середняка, но и известную часть бедноты. Иванов с Сев[ерного] Кавказа на прошлом пленуме говорил, что крестьяне чуть ли не аплодисментами встречают новую хлебозаготовительную политику. Он, видно, принял кабардинские выстрелы²⁴⁹ за аплодисменты.

Хагаевич: Стецкий представляет здесь Фр[умкина]. Паника.²⁵⁰ Настроение в общем и целом устойчивое.

Угланов прот[ив] Хагаевича, говорит о предложении Баумана обложить натуралогом верхи [ие] слои кр[естьян]ства. Говорит, не боясь обвинений в панике, о тревоге в рабочем классе, напоминает о предложении Микояна об организации птице-яичного синдиката (Ростов и Союзсено), которые бл[изки] к провал[у] в ПБ. Микоян обещал обеспечить льном, а сейчас 100 тыс. человек будут месяцы стоять. Кожевенный синдикат проводит политику, приведшую к закрытию 7 тыс. мелких предприятий.

Мельничанский: Микоян гарантирует промышленности 7 с половиной мл[н] пудов льна, [а] будет едва 5 с половиной [млн] пудов.

Сокольников: Когда в проекте резолюции подчеркивается значение сельск[ого] хоз[яйства] как базы хозяйственного развития, когда проект резолюции подчеркивает значение восстановления сельск[о]-хоз- [яйственного] экспорта для индустриализации, когда в проекте подчеркивается значение сельск[ого] хоз[яйства] для дела образования валютных резервов, когда возвращает[ся] т[аким] о[бразом] сельскому хозяйству то место в нашей хозяйственной системе, которое оно должно занимать, этим делается основной сдвиг в сторону предупреждения и борьбы с обострен[ием] и повтор[ением] зернового кризиса, хлебного кризиса. Основн[ая] диспропорция не та, о которой до сих пор писали, а диспроп[орция] "между величайшей слабостью аграрной базы и между высоким уровнем техники нашей промышленности". С[ельское] х[озяйство] располагает только 95% довоенных посевов, а население -- 110% довоен[ного]. Соц[иалистическим] элементом в сельском хозяйстве являются и совхозы, думают, что с[ельское] х[озяйство] несет в себе неизбежн[ый] рост мелк[о]товарного индивид[уального], частного перерастан[ия] в кали-

талист[ические] формы хозяйства -- это неверная постановка -- с самого начала ее подсовывал Троцкий на Тринадцатом съезде партии. (Сталин: "Правильно".)

После этого Сокольникову второй раз продлили речь на 10 минут -- по

предл[ожению] Ворошилова "дать 10 минут, хорошо говорит пока". Далее Сокольников остановился на валюте. От денежной реформы осталось далеко не 100%. Золотой запас после трех урожайных лет сократился вдвое, заграничная задолженность увеличилась в 100 раз, "мы с этой стороны попадаем в самое невероятно тяжелое положение, чтобы не говорить сильнее... Мы попадаем в положение, когда кредиты могут нам подложить величайшую свинью... Дальше идти по линии использования краткосрочного кредита -- это значило бы попадать в петлю кредитора".

Валютные резервы снижены до предела -- дальше невозможно тратить.

12% повышение хлебных цен -- недостаточно, "я думаю, что мы на нем не удержимся, это дело не выйдет". Соотношение промышленных и зерновых цен должно быть выровнено.

Клименко²⁵¹: Настроение правильно характериз[овал] Андреев. Повышение хлебных цен недостаточно. Более энергично форм[улирует] пункт о развитии индивид[уального] хозяйства.

Петровский: Выступления Стецкого и Осинского неверны. Нельзя быть работниками, проводившими 107-ю ст[атью], так как они защищ[али] дикт[атуру] пролет[ариата]. Нужно Кам[еневу] и Зин[ovieву] дать хорошее назначение.

"Мне сдается, что резолюцию нужно переработать, потому что она слишком много дает козырей: 1) оппозиции, когда говорится, что все будто бы упирается в обострение классовой борьбы".

Каганович, Квиринг, Медведев²⁵², Шверник²⁵³, Эйхе.

Комаров: Речь Стецкого -- его личное мнение и не отражает мнения ленинградской делегации.

Милютин: "Развитие производительных сил... может совершаться только двумя линиями: или по линии создания фермерского, кулацкого хозяйства, или по линии коллективизации. Третьей формы не выдумаешь... Если будете выдумывать третью форму развития и реабилитации инд[ивидуального] хозяйства, то Вы скатитесь на ревизионистский путь..."

Бухарин: Господи.

Рыков: Все время его прерывал [...] ²⁵⁴ Ст. Косиор -- речь Кагановича -- это сплошная апологетика чрезвычай[айных] мер. Р[ыков] не боится причислить себя к паникерам. Говорят, что в период военного коммунизма были большие волнения, но нельзя сравнивать [сегодняшнего крестьянина] с крестьянством военного коммунизма. Землю крестьянин уже освоил, сознание опасности возврата помещика выветрилось. Своеобр[азный] оптимизм полагает, что, если середняку по природе свойственны ²⁵⁵ колебания, то пусть и колеблется. Резко выступает против Кициса, Шеболдаева, также и против Фрумкина. Возражая Милютину, Рыков говорит, что приходится признать неосторожной формулировку Пятнадцатого съезда: "В настоящ[ий] период задача объединен[ных] и преобразован[ных] мелких индивид[уальных] хоз[яйс]тв в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне". Резко выступил против Кубяка, у которого ни в

одной речи не видно понимания роли индивид[уальных] хозяйств. Установка Осинского приведет к "генеральному пересмотру всего нашего плана индустриализации страны". Неправ[ильно] и мнение Сокольников о установлении эквивалентных цен на сельхоз[айственные] и промышленные товары.

Яковлев: Выступление Осинского -- это выступление из школы Кондратьева -- его предложения сводятся к отказу от индустриализации, сжатия зарплаты (поменьше на курорты), привлеч[ению] иностр[анного] капитала.

Варейкис: Против Рыкова.

Бауман: Против Углова -- если нынешние мероприятия не удадутся -- придется поставить вопрос о мерах -- снова ли 107-я ст[атья], ввоз ли из-за границы, натурализация ли части налога, своеобр[азная] ли контракт[ация] кулака и т. д.

Каминский?56: 10-15% повышение цен не разрешает вопроса, нужно 25-30%. Несколько раз брыкался по адресу Рыкова -- рассказыв[ал], что во время партсъезда Варейкис и он поставили перед Рыковым вопрос о повышении цен, на что Рыков сказал, что нужно налить свинца в рот тем, кто это говорит.

Сталин: Чрезвыч[айные] меры, усилен[ие] нажима -- "это есть нечто вроде дани, которую мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп индустриализации". Требование восстановит[ельных] цен -- это требование оппозиции. У оппозиции две души -- левая и правая. Цитируется заявление Н. Муралова на фракции Четвертого съезда Советов СССР. Троцкий забил себе в голову неправ[ильную] мысль, что это есть отступление. Если бы были 100-150 мил[лионов] руб., не пошли бы на чрезвычайные меры. Против крестьянской философии Осинского. Ошибка Сокольников, что он противопоставляет коллективы индивид[уальному] хозяйству.

Бухарин: Трудности не вытекают из характера реконструкт[ивного] периода. Пошли на чрезвычайные меры, потому что другого выхода не было. Цитирует выступления на пленуме ЦК ком[мунистической] п[артии] У[краины], где говорится о крестьянских волнен[иях], восст[аниях]. В случае повторения

чрезвычайных мер они по необходимости должны носить более крутой характер.

Томский: Паникеры не те, которые оценивают трезво настроение, а те, которые без толку бьют направо и налево. Против Молотова, у которого выходит, что удары по кулаку неизбежно должны немножечко затрагивать и середняка. Развил свою теорию уступок, критиковавшую Сталина в его докладе ленинградскому активу. Защищ[ал] Астрова и "Правду", на которых до него резко напал Молотов.

Микоян: В начале заключит[ельного] слова возражал Томскому и оправдывал нападки на "Правду".

Доклад Калинина по совхозам, как говорят, был сугубо правым. В прениях наиболее важно прямое и весьма грубое выступление Сталина против Томского, которого обвинил в капитулянтстве и неверии. По Томскому получается, будто середняку нужно уступить, даже когда он уступок потребует в монополии внешней торговли и крестьянском союзе.

На Конгрессе [Коминтерна] борьба продолжилась. Во всех делегациях подрабатывался вопрос и срочно происходила соответствующая дифференциация. Германская делегация -- наиболее организованная -- в своем большинстве (24) во главе с Тельманом решительно поддерживала Сталина, правые (5 человек) ориентировались на Бухарина. Прочное большинство он имел только в американской делегации. В польской делегации [...]257 ориентировались на Сталина. [Пьер] Семар также за Сталина. В немецкой делегации Кейман выступил с критикой рыковской речи на московском активе. Дошел до того, что назвал ее реставраторской. По этому поводу в русской делегации было заседание -- в результате еще одно письмо, где объявлялись несуществующими разногласия. После заключительного слова Бухарина немецкая делегация собиралась выступить, так как считала, что ответ критикам третьего периода направлен против них. Бухарин заверил их, что его замечания направлялись против Ломинадзе. По вопросу о профсоюзах шла борьба с представителем ВЦСПС, который защищал тактику правых. Тельман настаивает, чтобы на исключении коммунистов из профсоюзов мобилизовывать массы и давать реформистам бой. Эта тактика расценивалась как раскалывание профсоюзного движения. В самой Германии правые сильны в профсоюзном движении. Они владеют большей частью легальных партийных предприятий (газеты, типографии, дома).

В Польше положение осталось таким же, только более определенно выяснилось, что у Барского большинство, [в] т[ом] ч[исле], возможно, и в Варшаве.

В чехословацкой партии движение перед расколом, и многие из работников ИККИ считают, что раскол, может быть, был бы полезен движению. Руководство решено передать левому [...]258

Во Франции руководство также в руках "левых" -- Семар, Торез, центр -- Дорио, правые Рено и [...]259; в американской делегации правые (Ловстон) окончательно победили и "левые" не будут иметь там даже спорных позиций; в китайской делегации, по-видимому, левым удалось перетянуть на свою сторону болото. Перед конгрессом Бухарин проводил под Москвой съезд киткомпартии260, поддержал целиком правых. ЦК был избран в значительном большинстве из правых, левых решили не пускать в Китай. Но правые в самом Китае выдвинули программу, где отказались от Советов, требовали созыва Национального собрания, готовили разговоры с левыми г[о]м[инь]д[ановцами]. Под давлением левых ИККИ эти директивы отменил, а Страхов261 выступил на конгрессе против правых. Состав русской делегации, кажется, впервые не был опубликован, вероятно, потому, что там много старых б[ольшеви]ков (Мартынов, Петровский [...]262), даже Шубин-Шацкий -- член Исп[олкома] Коминтерна -- не был включен в состав

делегации -- Бухарин против него как против левого, а Сталин-Молотов -- потому, что он невысоко ценит их руководит[ельские] таланты. Наиболее левый в русской делегации -- Ломинадзе, его поддерживал в некоторых вопросах новый кандидат в председатели Коминтерна (я не шучу) Молотов. Но Сталин, вошедший во вкус июльского "компромисса", его проваливал по делегации.

Ломинадзе довольно открыто называет решение по колониальному вопросу центристским. Доклады были не подготовлены. Тезисы Куусинена²⁶³ никуда не годятся -- придется их целиком перерабатывать. Прения прошли, по вопросам некоторых левых, как на конгрессе Второго Интернационала. Зато Куусинен в заключительном слове назвал Ломинадзе ультралевым.

Состав делегатов конгресса -- ужасающе серый, чуть ли не девять десятых со стажем ленинского призыва. В наиболее серьезные футбольные матчи (например, Украина-Уругвай, или Москва-Ленинград, или Москва-Украина) весь конгресс отправлялся на стадион.

Общий же результат расценивается так: принята программа и проработана Бухариним. Ни Сталина, ни Рыкова на конгрессе не было, да и в Москве не было.

Конгресс явился известным [...]264 для Сталина. Борьба после пленума ЦК велась, однако, не только на конгрессе. Уже доклады на активах знаменовали собой обострение драки. Речь Рыкова была много агрессивнее, чем напечатано, минут пятнадцать он говорил о восстаниях и волнениях, заявил о недовольстве в ар-

мии и, ссылаясь на мнение Ворошилова, сообщил, что армия при такой политике является небоеспособной, -- это при 2000 народу. Ворошилов был этим заявлением весьма разозлен. То же и Сталин -- он три часа отвечал на записки.

Сталин сумел показать всем, что для него важны не политика и не принципы, и на этом быстро обрел большинство в Политбюро -- за него голосуют Куйбышев, Ворошилов и Калинин. Это большинство годится только для учрасредовских дел²⁶⁵, но он пользуется хотя бы этим -- из редакции "Правды" выведены Слепков, Астров, Зайцев²⁶⁶ -- введены Крумин²⁶⁷ (с правом посещения заседаний ПБ) и Савельев²⁶⁸. Из "Большевика" выведен Слепков и введены, помимо Криницкого²⁶⁹, Бауман и Н. Н. Попов²⁷⁰, который будет фактическим редактором. Сейчас готовится снятие Стецкого и Углова. Все агитпропы районов Москвы за Сталина, из районных аппаратов же только Баумановский? Говорят, и Замоскворецкий. Против Углова есть уже дело в ЦКК -- в разговоре с секретарем МК комсомола Васильевым Угланов заявил, что Сталин сел на шею партии и что нужно его снять. В кабинете Углова, при запертых на ключ дверях, Васильев обещал подумать, а как вышел, написал заявление в ЦКК. Снятие всех этих людей прошло под флагом компромисса --

снят Стэн из агитпропа ЦК (за совещание против МК -- по заявлению Бюро МК), снят Крылов из Института Красной профессуры, Ломинадзе назначен агитпропом в Нижний. Упорно говорят, что под давлением хозяйственников, бюрократов и правых снимут Кострова²⁷¹ из "Комс[омольской] правды". Таким образом, удары наносятся и направо, и налево. Чем это объясняется? Многие сталинцы откровенно поясняют возможную линию Сталина -- новое большинство (Калинин, Ворошилов) его свяжет, он увлечется комбинаторством, уступит в политике, покончит и Рыков, Томский, Бухарин²⁷².

На пленуме ЦКК хозяйственники во главе с Лежавой²⁷³ произвели решительное и организованное наступление на самокритику, формально оно отбито (наиболее "левые" речи Ярославского и Мильчакова²⁷⁴ помещены в "Комс[омольской] правде"), резолюция будет также левая, но на деле, об этом говорят сами участники пленума ЦКК, придется ее свертывать.

Перспективы хозяйственные самые неблагоприятные. Сокольников предрекает буквально голод через 6 недель. Общее мнение -- что в октябре хлеба не будет. Тогда-то и встанет вопрос о политике.

Правые настроены неуверенно. Они боятся и того, что Сталин может снова ударить в набат чрезвычайных мер, и того, что Сталин украдет их политику. В последнем случае Сталин еще до октября зарежет их как правых (кое-что говорит об этом -- сей-

час высылаются в провинцию 18 красных профессоров -- бухаринцев и рыковцев. Зиновьев занят комбинационным прожектерством -- лучше всего, [чтобы] мы [были] у руководства, но, так как это невозможно, то мы, плюс Сталин, плюс Троцкий, плюс Рыков и Бухарин. Это большая коалиция, но возможна и узкая коалиция -- это мы плюс Сталин, при этом, конечно, ряд условий -- возвращение нас в Питер, допущение в низы и прессу, возвращение Троцкого и оппозиционеров из ссылки (но нет ничего о возвращении в партию). Таковы проекты, высказываемые им в разных разговорах.

[Начало сентября 1928 г.]

ЛИСТОВКА "ПАКТ КЕЛЛОГА²⁷⁵ И СССР"

То обстоятельство, что СССР поставил свою подпись под так называемым пактом Келлога, показывает лишний раз, как далеко вправо может зайти оппортунистическое руководство.

Пакт Келлога формально является фактом, в котором "высокие договаривающиеся стороны" объявляют, "что они обсуждают метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов". По существу же он является пацифистской дымовой завесой, рассчитанной на обман пролетариата, под прикрытием которой происходит совершенно откровенная подготовка к войне. Оговорки, сделанные Францией и Англией при подписании пакта, не только не содержат отказа от войн, но, наоборот, юридически закрепляют и как бы разрешают их. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь из руководителей европейской и американской политики не заявил, что нельзя прекратить войну путем "постановки какой-нибудь подписи на каком-нибудь документе" (Англия).

На другой день другой империалист добавляет, что пакт Келлога никого не обязывает (Румыния). Да и в ноте Наркоминдела говорится о том, что пакт никого ни к чему не обязывает.

Подписание СССР договора в таких условиях, когда никто из подписавших его не верит в него ни на минуту, когда даже сам Келлог относится к нему с прохладцей и хочет его использовать только для выборных целей, а Америка еще, возможно, не утвердит его, -- является верным шагом, рассчитанным на то, чтобы не рассориться с "цивилизованными" державами. Подписание нами пакта накладывает на нас известное обязательство даже помимо нашей воли. Но не подлежит сомнению, что буржуазия теперь скажет перед пролетариатом: "Видите, мы ведем работу по укреплению мира, и эта работа настолько серьезна, что даже СССР присоединился к этой работе. Смотрите же, насколько неправы ваши коммунисты, когда они говорят, что мы готовим войну".

Таким образом, подписание нами пакта Келлога будет использована и буржуазией, и социал-демократией для усыпления бдительности пролетариата, ибо одна подпись СССР придает документу необычайный авторитет, между тем как наш отказ лишил бы его всякого значения в глазах пролетариата: "Мы освящаем своей подписью документ, который заведомо прикрывает войну и этим придаем ему известное значение в глазах мирового пролетариата. Мы не разоблачаем буржуазию, а помогаем ей обманывать пролетариат".

Подписание пакта Келлога является самым ярким доказательством того, что болезнь оппортунизма начинает захватывать и область внешней политики.

Ленинская оппозиция считает своим большевистским долгом со всей остротой указать на эту опасность партии и пролетариату.

Сила Советской России не в договорах с буржуазией, а в бдительности мирового пролетариата. Эту бдительность пакт Келлога стремится усилить²⁷⁶.

Подписи пролетарского государства не место под мошенническим документом буржуазии.

ЛИСТОВКА "СЕМЬ ИЛИ ШЕСТНАДЦАТЬ?"

Мы не будем говорить ни об итогах семичасового рабочего дня, ни об итогах введения ночной смены, ему сопутствующей, мы хотим только указать, что через год после манифеста ЦИК277 и через 11 лет после Октябрьской революции возможны еще факты, вроде следующих: на кирпичном заводе Моссиликата 112 (деревня Черемушки) "работают прессовщицы, обжигальщики и другие рабочие по 14 -- 16 часов в день" ("Рабочая газета" от 8/VIII с. г.).

На Урале на асбестовых рудниках практикуется десятичасовой рабочий день ("Уральский рабочий").

В Кузбассе на подземных работах вместо полагающихся по кодексу 6 часов

работают 7 -- 8 часов ("Кузбасская кузница").

На торфяном массиве Марьино (Бобруйск) сплошь да рядом нарушался восьмичасовой рабочий день. По вине рабочкома кол- [лективным] договором не был предусмотрен шестичасовой рабочий день накануне праздников ("Труд" от 2 августа). На фаянсовой фабрике им. Калинина (Кимры, Тверской губ.) администрация начала эксплуатировать малолетних девочек и мальчиков, а также женщин, заставляя их работать за бесценок ("Раб[очая] газета", 12 авг. с. г.).

Сведения о подобных фактах сплошь и рядом появляются в нашей печати, но это лишь тысячная доля того, что имеется

в действительности. Все это лишний раз подтверждает, насколько была права оппозиция, требовавшая вместо туманных и неопределенных обещаний семичасового рабочего дня решительной и систематической борьбы против эксплуатации рабочего класса, против нарушения восьмичасового рабочего дня и других октябрьских завоеваний пролетариата, закрепленных кодексом законов о труде.

О водке

Рост потребления водки принимает угрожающие размеры. Если сравнить бюджет рабочих Москвы, Вены и Гамбурга, получающих одинаковое жалование, то получим (в процентах ко всем расходам):

Потребление алкоголя Книги, журналы

Москва 3,2 0,5

Вена 1,01 свед[ений] нет

Гамбург 0,66 3,91

Здесь ясно видно, что водка заменяет собой культурные расходы в бюджете рабочего. Пьянство наносит громадный ущерб промышленности (прогулы, аварии) и рабочему классу.

Закрытие десятка пивных ничего не даст. Остаются сотни и тысячи. Недаром Наркомфин предполагает, доход от водки еще увеличится в этом году, притом больше, чем другие доходы. А ведь и сейчас водка дает сотни миллионов.

Надо решительно покончить с этим злом. Тут дело не в пропаганде и не в закрытии отдельных пивных. Надо в предстоящем году сократить продажу водки в городах с 17 до, по крайней мере, 12 млн ведер. Надо ввести добавочный налог в пользу безработных. Надо в течение 3 лет прекратить всякую продажу водки в городах.

Оппозиция говорит об этом давно. Рабочие должны поставить со всей прямотой этот вопрос при перевыборах в Моссовет.

К. РАДЕК. НАДО ДОДУМАТЬ ДО КОНЦА

Способ нашей переписки, ее отрывочность является причиной, почему некоторые разногласия не выявлены, не осознаны, другие преувеличены, а третьи перешли в недоразумения. Я пользуюсь случаем, чтобы выяснить свой

взгляд на главные, основные и текущие вопросы и дать критику тех взглядов, распространенных среди нас, которые считаю неверными. Я не буду стесняться, если тот или другой из филологов оппозиции докажет, что та или другая формулировка, даваемая мной, отличается в том или другом оттенке от даваемых прежде. Мы формулируем наши взгля-

ды на лету, соответственно с разворачиванием событий, и события эти принуждают часто эти взгляды уточнить. В основном эти взгляды за все время исключения нашего из партии развивались в одном направлении и являются применением платформы к положению, создавшемуся за последние месяцы.

1. Исчезла ли опасность термидора?

Указание на эту опасность -- стержень нашей платформы. В этом вопросе нам не приходится ничего менять. Мы можем так или иначе оценивать близость этой опасности. Разные из нас, и даже те же самые в разное время разное оценивали близость этой опасности и темп ее развития. Теория здесь ничего определенного сказать не может. Но мы были обязаны партию предостерегать перед этой опасностью, и теперь предостережение партии перед этой опасностью, мобилизация сил пролетариата для борьбы с ней является политическим стержнем для оппозиции. Есть ли у нас в этом вопросе разногласия? Нет. И Л.Д. [Троцкий] зря в 18 пункте своих замечаний по поводу моих июльских тезисов ополчается против моего выражения: "Я не буду здесь разбирать вопроса о применимости и совпадении аналогий французской и русской революций". "Что сие означает?" -- спрашивает Л.Д.[Троцкий]. Сие означает, что аналогия не полная, что сам Л.Д.[Троцкий], напр[имер], в речи, которую хотел произнести на пленуме ЦК перед исключением, подчеркивал. Сие означает, что центральным вопросом русского термидора является денационализация промышленности, которую нельзя провести в два счета, благодаря чему даже в случае победы перерожденческого направления реализация его победы затребует много времени. Пролетариат будет иметь еще много сроков для борьбы²⁷⁹. В сентябре прошлого года я писал об этом короткие тезисы для верхушки оппозиции. Они не вызвали ни с чьей стороны возражений.

2. Усилилась ли или уменьшилась эта термидорианская опасность?

Она одновременно усилилась и уменьшилась. Она уменьшилась, ибо движение в рабоче-партийных массах уже началось, как ни мало дал левый курс. История с хлебозаготовками и самокритикой разбила старую легенду о том, что все идет хорошо, известная часть рабочих насторожилась, расшевелилась; доверия к тому, что ЦК правильно руководит партией и страной, стало меньше. Таким образом, антитермидорианские силы, несмотря на разгром оппозиции, увеличились. Они будут расти. Расслоение в низах партии, а отчасти, и верхушки -- очевидно. Но одновременно политическое и экономическое положение

страны настолько обострилось, что правые партии не могут больше топтаться на месте. Они принуждены осознать самих себя, выдвинув программу следующего перерожденческого шага, и принуждены мобилизовать свои силы. Л.Д.[Троцкий] прав, когда пишет в своем послесловии, что опасность никогда не была так велика, как теперь. Зимой этого и весной следующего года могут прийти решающие схватки. Из моего утверждения о длинноте времени, которое нужно для процесса сползания, никоим образом не надо делать вывода, что у нас-де время есть и потому работу можно вести с прохладцей. Всякая передвижка власти направо, всякий шаг направо в экономической политике правительства усилит термидорианские элементы, ухудшит условия дальнейшей борьбы. Драться надо за каждую пядь земли, всеми силами. Надо только помнить, что дело идет не о жесте спасающих свою честь, а о развертывании массовой борьбы, что оппозиция только авангард, что центральный вопрос нашей политики -- это мобилизация арьергарда, это работа над тем, чтобы его подтянуть к нам. Эта задача ставит два вопроса перед нами: вопрос о содержании, характере нашей работы и вопрос об отношении нашем к тем элементам, которые процесс дифференциации партии будет толкать налево.

3. О характере нашей работы

Содержание нашей работы должно состоять в мобилизации рабочего класса. Существо кризиса революции и кризиса партии -- это нажим кулака и новой буржуазии на пролетарскую власть и нашу партию. Организация отпора -- это есть организация отпора со стороны рабочего класса. Это положение кажется бесспорным, но соответствующих выводов не делают. Класс нельзя мобилизовать социологическими обобщениями. Класс можно мобилизовать, только помогая ему в его ежедневной борьбе против ухудшения, за улучшение положения. Социологические обобщения необходимы для ориентирования передовиков, но самые лучшие социологические обобщения останутся мертвой буквой, если не будут сделаны из них практические выводы, с которыми рабочий передовик двинется к рабочей массе. Мы делали в прошлом разные ошибки, правые и левые, но главной нашей ошибкой, и то право (если хотите, не ошибкой, а бедой) было то, что, обостряя до пределов наши разногласия в верхушке по вопросам, непонятым для широкой рабочей массы, мы не решались так же само остро ставить вопросы, непосредственно касающиеся простейших, житейских вопросов рабочей массы. Я не уменьшаю тем значения исторической заслуги оппозиции, что мы дрались за голову китайской революции, это надо было делать так, как мы это делали. Но зная, что

эта борьба означает наше исключение из партии, тем больше надо было подготовить колдоговорную кампанию, прорваться решительнейшим образом на фабрики, решиться пойти к беспартийным рабочим. Наша нерешительность объяснялась отчасти тем, что не хотели рвать с зиновьевцами, но отчасти была

результатом собственных колебаний, непонимания положения. С этой нерешительностью мы не покончили. Я получил за последнее время значительное количество оппозиционных материалов. Я не нашел в них ни одной бумажки, посвященной тому факту, что зар[аботная] плата за последний год пала реально на каких-то 30%. У нас нет никакой сводки о том, как при режиме так наз[ываемый] самокритики ущемляются права фабзавкомов²⁸⁰. У нас нет ничего о затруднениях в снабжении хлебом рабочих центров. По всем этим вопросам ни одного лозунга. Заявление Л.Д.[Троцкого] конгрессу даже не касается вопроса ухудшения положения рабочего класса. Новая колдоговорная кампания на носу. Как мы к ней подготовлены? Разве мы можем вооружить наших товарищей хотя бы сводкой из профессиональной печати о результатах прошлогодней колдоговорной кампании? Как же можно без этого ставить конкретные требования? Ведь они предполагают знакомство с тем, что есть. Три четверти того, что мы издаем, это вещи, предназначенные для интеллигенции. С этим надо решительно покончить. Болтовня о том, является ли левый курс маневром или зигзагом -- это хорошее занятие для вузовцев, но не для пролетарского течения. Наша левизна измеряется нашим стремлением связаться с рабочими. Так же само надо покончить со всякими колебаниями насчет работы среди беспартийных рабочих. Классовая правда не может быть тайной, предназначенной только для коммунистов. Пусть клеветают Ярославские, что мы восстанавливаем рабочих против советской власти и организуем вторую партию. Мы должны идти к беспартийным рабочим говорить всю правду о положении, помочь им бороться за улучшение положения. Только ведя эту работу, завоевав их доверие, мы можем уговорить их вступить в партию, против чего они теперь упираются ногами и руками, не видя никакой пользы в этом.

4. Наше отношение к центру

Уже предыдущий пункт показал, что полный вздор думать, что моя точка зрения состоит в расчете на избежание обострения с верхушкой партии, что она состоит в том, чтобы вползти в партию путем верхушечной комбинации. Понятно, что ничто не обострит так отношений к верхушке, как смелая и решительная борьба в массах на почве их ежедневных требований, но одновременно эта борьба приведет в движение пролетарские си-

лы, которые будут давить на партруководство и которые, достаточно развернутые, не только могут нам открыть дверь в партию, но и помогут нам ее реформировать. Но почему я ставлю в связи с характером нашей работы вопрос об отношении к центру? Вот почему. В партии началось какое-то движение внизу и на верхушке. Оно будет возрастать по мере разоблачения так наз[ываемого] левого курса, по мере роста затруднений. Наша работа усилит эту дифференциацию. Вздор думать, что эта дифференциация будет выражаться в том, что один новый пласт за другим будет переходить на сторону оппозиции. Можно, наоборот, ручаться, что новые призывы оппозиции будут начинать с заявления, что они не то же самое, что оппозиция, мы. Кроме того, ведь нельзя забывать, что зиновьевцы будут вести свою работу, сафаровцы свою, что уже формируется

левосталинская группа. Весь тактический расчет Зиновьева состоял в том, что новая волна в партии неминуема, а мы встретим ее в ссылке. Он же будет легален. В окончательном счете Зиновьев ошибается. Решит правильная политика, решит доверие, которое мы себе завоеваем нашей стойкостью; но на переходное время, известное промежуточное время, в дезориентированной, распотрошенной партии, которой является ВКП, -- промежуточные группы будут сильны. Если бы дело шло только об отношении к вождям этой группы, то вопрос был бы второстепенный, хотя не без значения есть вопрос, найдем ли мы в нашей борьбе какую-то зацепку в ЦК, в г[ор]к[омах], в райкомах, в руководстве профсоюзов. Но дело идет не только о верхушечных слоях партии, и не в первую очередь. Дело идет о широком центристском слое, который появится и уже появляется. Он будет труслив, нерешителен и в мыслях и в действиях -- иначе он не был бы центристским. Какое может быть наше отношение к нему? Л.Д.[Троцкий] говорит о необходимости поддержки всякого левого сдвига, но в дальнейшем добавляет, что наша поддержка должна состоять в критике, в критике и еще раз в критике. Я согласен не 3, а 7 раз критиковать центристские течения. Но, во-первых, критика должна быть правильная, а не неправильная, а, во-вторых, критикой не может исчерпаться наша задача поддержки. Где в партии и профсоюзах выявится центристская группа, призывающая рабочих к борьбе против сползания, то мы, толкая ее на обострение борьбы, должны одновременно поддерживать каждый, хотя бы нерешительный, шаг, направленный против правых, за активизацию масс. Мы должны поддерживать их, если они борются, даже без соглашения с ними. Но мы не должны избегать таких соглашений, где они возможны и где они необходимы. В данный момент этот вопрос не имеет еще большого практического значения. Борьба только начинается. Но он имеет

целью обратить оппозицию лицом к партии, к процессам, в ней происходящим. Заставить оппозиционера продумать механику нашей политики, научить его, напрягая все свои силы, одновременно понимать, что эти силы придется спрягать с другими. Среди наших товарищей, когда ставят вопрос об отношении к центру, отзываются голоса об опасности иллюзии насчет левого курса и центра. Эти голоса свидетельствуют о полном неумении видеть положение, как оно есть. Всякий, кто внимательно следил за ходом так называемой самокритики, не мог не заметить, что такой опасностью являются не иллюзии, что что-то действительно решительно переменилось, а, наоборот, недоверие рабочих, что что-то переменилось. Рабочие были убеждены, что на всяком собрании сидит агент ГПУ, записывает критикующих; что мастера будут завтра с ними расправляться. Задача состоит в том, чтобы расшевелить рабочих. Вопрос об нашем отношении к центру в будущем вырастет в первоклассного значения вопрос. Кто играет с мыслью, что не обойдется без серьезных потрясений, этот не видит крестьянских, а по части прямо

антисоветских настроений в значительной части пролетариата, особенно его низов. Очень вероятно возникновение положения, в котором наш блок с центром, совместные действия с ним будут единственным средством спасти власть пролетариата. Об этом надо уже сегодня думать, готовить умы наших товарищей, а не загонять их в такую "левизну", которая не отличает цветов.

5. Правая и левая оппозиция

Я плохо осведомлен о направлениях, намечающихся в наших рядах среди не посланных. Наблюдаю непосредственно только ссыльных, но не может быть, чтобы ссыльные, связанные все-таки с нессыльными, отражали только самих себя. Среди ссыльных замечается ярко левый уклон. Наиболее острое его выражение -- это изречение о том, что термидор уже совершился (Виктор Эльцин), что с теперешним советским правительством у нас ничего не может быть общего, кроме борьбы (Нечаев)²⁸¹, что от децистов ничто не должно нас отделить (Дингелъптедт, в июле). Но это только самые яркие цветочки, от этой децистской точки зрения тянется целая вереница пол-, четверть- и т. д. децистских взглядов и настроений: левый курс есть чистый обман, мы не можем заключать никаких компромиссов и т. д. и т. д. Известны факты перехода в Сибири из партии к децистам, шатания в этом направлении. Этот факт не исчезает от того, что последние письма В. М. Смирнова, в которых он шельмует тов. Троцкого, вызвали отпор. Раздражение против децистов одна вещь, а тяга к децизму -- другая. Какой удельный вес этого уклона? Источник его в том, что работа в партии для нас трудна, что легче забиться в свой уголок и вариться в собственном соку, источник в том, что позиция нашей платформы отражает переходный момент: мы говорим об опасности термидора, но не признаем, что он совершился. Мы создаем элементы новой партии, но отказываемся ее строить. Сказать, что "ВКП есть труп" (В.М.Смирнов), что термидор совершился, что с этим правительством ничего общего не имеем -- это проще и понятнее. В чем опасность этой позиции? Нечего вам выяснять. Она сводится к лозунгу: долой советскую власть! какая она есть! Эта позиция оттолкнула бы от нас лучшие слои пролетариата, связала бы нас с бунтарскими, неквалифицированными рабочими, поддающимися одновременно антисемитским и антисоветским настроениям. Она открыла бы левые ворота контрреволюции.

Существуют ли у нас правые уклоны? Если дело идет о каком-то слое оппозиции, который хотел бы вползти в легальность путем отречения от наших идей, то я такого слоя теперь у нас не вижу. Он был, но ушел с Зиновьевым и Пятаковым. Он может еще появиться, когда центр пойдет налево. Тогда может возникнуть тенденция к слиянию с центром. Теперь колебания направо замечаются только у единиц. Все это обосновано объективной обстановкой, которая у левого крыла рабочего движения усиливает левые тенденции, у правого -- правые.

Оценивая так положение, я считаю грубейшей ошибкой утверждение Л.Д.[Троцкого] об отсутствии у нас левых опасностей. Борьбу с этими

опасностями считаю прямой задачей ответственных руководителей оппозиции. Я послал Л.Д.[Троцкому] целый ряд образчиков децизма в наших рядах, но не видел с его стороны никакого отпора этим тенденциям, а, наоборот, поправки, которые считаю просто прегрешением по отношению к оппозиции и этим товарищам. Такие товарищи, как Эльцин и Нечаев, очень ценные. Это будущее руководство нашего течения. Не бороться с их ошибками -- это значит портить это будущее руководство. Я поднимаю этот вопрос, потому что убежден, что процессы, происходящие в ссылке, есть отражение процессов, происходящих во всей оппозиционной массе.

6. Общая перспектива

Надо научить наших товарищей понимать, что борьба за реформу партии и советской власти написана на знамени нашей платформы, есть единственная реальная борьба. Единственно реальная не в том смысле, что мы имеем победу в кармане, что гарантирована реформа партии и сов[етской] власти. Не от нас только зависит, победит ли термидор или нет. Это зависит и от нажима международной буржуазии и от темпа, с которым будет

мобилизован кулак. Если бы перерожденческие тенденции победили, если [бы] советское правительство перестало быть рабочим правительством, то и только тогда²⁸² наша политика оказалась бы верной. Тогда встала бы перед нами задача заново компартию, борьбы заново за советскую власть. Децистская позиция выходит из предпосылки, что эта задача уже стоит перед нами. Но что же децисты могут сделать для выполнения своей программы, когда основной кадр рабочих считает, несмотря на все изъязны, советскую власть рабочей, когда он считает ВКП, несмотря на все ее тяжелые болезни, пролетарской партией, он прав в своем инстинкте. И об его инстинкт разбиваются и будут разбиваться все усилия децистов. Они будут сектой нетерпеливых революционеров. Если же мы будем бороться рука об руку с пролетариатом, не забегая больше вперед, чем этого требует наш долг авангарда, то в случае исторического поражения русской революции, в случае победы мелкой буржуазии, ядро пролетариата будет с нами и совместно с нами вступит на новый путь борьбы. Эту мысль надо вдалбливать в головы наших товарищей. Они должны понять, что в нашем положении существует две опасности. Одна состоит в отказе от роли авангарда. Зиновьев, Каменев, Пятаков, Сафаров, отказываясь от наших идей, которые формулировали только условия спасения пролетарской революции, отказывались от роли авангарда, т. е. от выяснения пролетариату грозивших ему опасностей и от организации его для борьбы с этими опасностями. Децисты, субъективно несравненно лучшие революционеры, чем те, которые дезертировали с поля сражения, делают вторую ошибку. Они представляют передовиков-рабочих, которые зарываются так вперед, что отрываются от своего класса. Теперь больше, чем когда-либо, надо

выдержать характер, не дать себя сбивать с позиции платформы. Надо вытравить из наших рядов децистские идеи, нетерпение, фразу. Они не родят никакого революционного действия. Дело не в нападениях на д[емократический] ц[ентрализм]. Дело не в присягах: "Мы не децисты", а дело в продуманной до конца концепции положения, дело в том, чтобы не побояться посмотреть правде в глаза, чтобы, видя великие классовые источники нашей силы, не преувеличивать их молодецки. Понимать, что политика не Невский проспект, а что она идет очень извилистыми путями. Наш кадр уже научился большевистской стойкости. Он должен еще научиться большевистской гибкости, маневроспособности.

7. Наши разногласия в международных вопросах

Критика программы Ком[мунистического] Интерна[ционала], написанная Л.Д.[Троцким], в китайской своей части является открытой ревизией нашей платформы. Л.Д. Троцкий] от-

крыто пишет, что китайская часть нашей платформы частью не полна, частью не верна. Этим он хочет сказать, что выдвинутый в платформе лозунг демократической диктатуры был уступкой, сделанной Зиновьеву. Это неверно. Тов. Троцкий снял свое требование выдвинуть лозунг социалистической диктатуры немедленно для Китая, уступая требованию не только Зиновьева, но и Преображенского и моему. Выдвигая теперь это требование, Л.Д.[Троцкий] усугубляет свою ошибку формулировками, направленными против ленинской концепции отношения демократической диктатуры к социалистической диктатуре. Он ставит точку над "и", прямо говоря о своих "мнимых" ошибках в 1905 г. Все это угрожает основам, на которых формулировалась оппозиция как ленинская оппозиция. Вторая часть критики программы Коминтерна содержит, кроме ряда неверных и частичных утверждений, установку, которая вызывает серьезнейшее сомнение. В 1924 г. после поражения Германской революции²⁸³ стал вопрос об ошибках, не позволивших не только взять власть, но даже бороться за нее. Теперь, после четырех лет стабилизации, этот вопрос не снят, но на первой очереди стоит вопрос, как завоевать большинство. Или можно иначе сказать: он "снят"²⁸⁴ в гегелевском смысле, т.е. слился с вопросом о завоевании большинства, как этот последний слился с первым. На III конгрессе мы дали лозунг: "К массам". Завоевав громадные массы, партия в 1923 г. не сумела повести их в бой за власть. V конгресс не сумел подытожить ошибок этого периода, и VI не сумел. Теперь стоит перед нами двуединая задача, как завоевать массы, к чему наименьшие способности проявляют так называемые левые течения в Коминтерне, и вопрос в том, какие опасности будут угрожать в период взятия власти, к чему наименее приспособлены правые. Изолирование вопроса об ошибках 1923 г. от вопросов, связанных с подходом к массам, от вопросов борьбы за массы искривляет перспективу. Не подлежит сомнению, что центральный, практический вопрос теперь -- это вопрос о частичных требованиях. Его нельзя решить одному человеку. Для этого нужно изучение громадной массы материалов из жизни западноевропейских компартий и

социал-демократии. Этой работы Л.Д.[Троцкий] в ссылке так же само не мог проделать, как и никто другой. В 1925 г. мы с Л. Д. [Троцким] этот вопрос в предварительной наметке разработали²⁸⁵. Вряд ли тогдашние формулировки были бы приемлемы и для Л.Д.[Троцкого] и для меня. Но подход к вопросам нами тогда был намечен, и нельзя было теперь выступать с критикой программы Коминтерна и забыть даже существование вопроса. Так же само, как в заявлении Л.Д.[Троцкого] недостает рабочего вопроса, так же само в его критике программы Коминтерна недо-

стает ответа на вопрос: что делать? На каких лозунгах мобилизовать ту массу, которая еще не коммунистическая?

Критику программы Коминтерна я никоим образом не могу считать официальным документом оппозиции. Л.Д.[Троцкий] чувствовал это сам, заявляя, что он посылает эту критику за собственную ответственность, т. е. как документ дискуссионный и в рядах оппозиции. К моему величайшему удивлению, я узнаю из письма тов. Отцова от 24 августа, что московские наши друзья одобрили эту критику единогласно и что этим была обусловлена подача ее. Тов. Отцов только не добавил в своем письме, что он и его друзья не допускают распространения критики работы Л. Д. [Троцкого] о программе Коминтерна. Этот факт требует точного и ясного заявления с моей стороны: платформа принималась после переработки ее сотнями оппозиционеров наиболее авторитарных кругов, которых оппозиция выдвинула из своих рядов. Московские друзья, среди которых нет ни одного из товарищей, которые работали над платформой, не имели никакого права принимать подобного программного решения, и то еще за спиной оппозиционного актива. Попытка же теперь запретить распространение работ, защищающих взгляды Ленина на демократ[ическую] диктатуру, является такой чудовищной, что я принужден заявить, что скрывание перед оппозицией моего письма к тов. Мусину, в котором я ставлю эти вопросы, моей работы о лозунге демократической диктатуры и дальнейших работ, посвященных "Критике программы Коминтерна" тов. Троцкого -- я считаю злоупотреблением. Если это решение не будет аннулировано и мне не будут даны гарантии лояльного распространения материалов по вопросам дискуссионным, то я буду считать себя вправе принять все меры для распространения своих взглядов в рядах оппозиции. Я глубоко убежден, что тов. Троцкий не одобрит этого чудовищного решения зарвавшихся москвичей и что поможет ликвидировать этот конфликт.

8. Так называемые организационные вопросы

Этим я подхожу к вопросам, которые я бы назвал организационными вопросами, если бы у нас существовала организация. В том же самом письме от 24 августа тов. Отцов высказывается по поводу заявления, поданного Коминтерну тов. Смилгой и мной. Тов. Отцов "приветствует", что мы сняли наши

подписи с этого заявления. Это заявление (тов. Отцова) есть образчик грубой нелояльности, иезуитской попытки дискредитирования меня и тов. Смилги. Ни я, ни тов. Смилга не снимали подписи с нашего заявления, никого об этом не извещали. Документ был выслан, ибо никакого другого документа оппозиция не имела. Подпись под заявлением Л.Д.[Троцкого] мы дали как

демонстрацию нашей политической солидарности по отношению к большинству, именно потому, что не имели в этот момент заявления Л.Д.[Троцкого] (тов. Отцов не двинул пальцем, для того чтобы помочь переслать это заявление, хотя Конгресс продолжался 6 недель и времени было больше чем достаточно). Мы были обязаны оставить в силе документ, точно выражающий наши взгляды. Получив через 3 дня после закрытия конгресса его заявление (оно шло 41 день, чем доказано, что сталинский аппарат пытается внести в наши ряды разногласия), я с удовольствием установил, что между заявлением Л.Д.[Троцкого] и заявлением Смилги и моим нет никаких основных разногласий. Если это известно и тов. Отцову, то тем более недопустимым является его выходка на счет снятия подписей. Что касается нравочений тов. Отцова, то я заявляю, во-первых: я буду прислушиваться к этим нравочениям только тогда, когда тов. Отцов поможет создать связь между Л.Д.[Троцким] и др[угими] товарищами, которые руководили оппозицией (до этого времени мне и др[угим] товарищам пришлось за жалование, получаемое от ГПУ, налаживать связь с Москвой); во-вторых: я буду прислушиваться к этим мнениям, когда тов. Отцов перестанет выдавать индивидуальные выступления Л.Д. [Троцкого] за выступления оппозиции.

В силу вышесказанного, кроме последней 8-й главки, посвященной так наз[ываемым] организационным вопросам, я прошу это письмо довести до сведения того круга товарищей, который читает письма Л. Д. [Троцкого].

В. МИЛЮТИН. В ЦК ВКП(б)

В настоящее время Ц[ентральное] С[татистическое] У[правление] закончило хлебофуражный баланс на основе данных за август месяц с. г. Ввиду важной роли, каковую будет иметь хлебофуражный баланс нынешнего года, считаю необходимым в самых общих чертах сообщить его содержание и те основные выводы, которые из него следуют.

Валовой сбор зерновых хлебов в крестьянских хозяйствах, совхозах, колхозах и на городской земле исчисляется в общей сумме 4,8 миллиардов пудов. Этот валовой сбор примерно на 300 млн пудов выше прошлогоднего, но несмотря на это повышение, как по своему составу, так и по географическому, урожай нынешнего года хуже прошлогоднего. Повышение на 300 млн пудов относится почти исключительно к кормовым хлебам, в то время как по продовольственным хлебам мы имеем сокращение по сравнению с прошлым годом.

Ржи предвидится в крестьянских хозяйствах в настоящем году на 228 млн пудов меньше, чем в прошлом году. Уже одно это

обстоятельство доказывает, насколько серьезно вышеуказанное уменьшение. Правда, пшеница (в особенности яровая) даст на 192 млн пудов больше прошлого года, но тем не менее общее количество продовольственных хлебов на 36 млн пудов меньше, чем в прошлом году. Кормовые же дают, напротив, значительно больше прошлого года: овса на 195 млн пудов, ячменя на 71 млн пудов, а кукурузы на 64 млн пуд[ов].

Начавшаяся хлебозаготовительная кампания полностью отражает указанное положение. Заготовка кормовых культур значительно превышает заготовку прошлого года за август м[еся]ц, в то время как заготовка продовольственных хлебов меньше заготовки прошлого года за август м[еся]ц. В смысле географическом урожай выше прошл[ого] года имеется в Поволжье, в Сибири и в Казахстане, в то время как урожай на Украине, в Ц[ентральной] Ч[ерноземной] О[бласть] и на северо-западе ниже прошл[ого] года. Указанное обстоятельство создает, несомненно, самые серьезные затруднения для реализации урожая и поэтому вопросы создания более густой заготовительной сети в Сибири и Казахстане и вопросы транспорта получают сугубо важное значение.

Уборка урожая по всем данным проходит при неблагоприятных условиях. Неблагоприятные метеорологические условия наблюдаются не только на Украине, но и в Поволжье и в Сибири. Уже по предварительным данным ЦСУ РСФСР мы имеем, благодаря дождливой погоде во время уборки, новое снижение валового сбора. Вследствие указанного состояния погоды, можно ожидать общего ухудшения валового сбора. Напомним, что в 1925/26 г. дождливая погода во время уборки снизила тогдашний валовой сбор по тогдашним исчислениям Госплана примерно на 5%. Посевная площадь под зерновыми культурами в нынешнем году испытала сокращение. В крест[ьянских] единоличных хозяйствах посевная площадь уменьшилась с 87 млн десятин до 84,3 млн десятин. В колхозах и совхозах посева[ная] площадь возросла с 1,3 млн десятин до 1,7 млн десятин. Общая посевная площадь не только под зерновыми хлебами, но и под техническими культурами почти осталась стабильной, испытав сокращение на 0,8%. Скот, как общее правило, увеличивается, особенно в производящих районах. Это увеличение скота повлекло за собой увеличение его прокорма, и процент хлебов, идущих на прокорм скоту, увеличивается из года в год.

Обращаясь к расходным статьям, необходимо указать следующие основные цифры: расход села предполагается в 4.133,6 млн пудов. Накопление сельских запасов будет 143 млн пуд[ов]. Сальдо села испытывает снижение по сравнению с прошлым годом: сальдо села в нынешнем году будет 504 млн пуд[ов] против 520 прошл[ого] года.

Понижение сальдо села должно будет сказаться на снижении хлебозаготовок.

Расход города и расход на армию и промышленность исчисляется около 500 млн пуд[ов] (расход города 416 млн пуд[ов], расход на армию и промышленность 79 млн пуд[ов]). Таковы основные данные. Исходя из этих данных, приходится сделать вывод о крайне серьезных затруднениях, которые мы будем иметь на

хлебном рынке в нынешнем году. Вследствие указанного положения, особенное значение получают:

1) Развертывание хлебозаготовительной кампании, сообразуясь с географическим расположением урожая и соответствующее распределение промтоваров, а также организации транспорта. 2) План хлебозаготовок должен устанавливаться одновременно с планом продовольствия. 3) Необходимо усилить исследование вопросов, связанных с хлебофуражным балансом, поэтому необходимо было бы дать ЦСУ и Госплану задание об организации статистических и экономических работ по хлебофуражному балансу, поставив разработку хлебофуражного баланса по отдельным культурам и по социальным группам. Разработку хлебофуражного баланса по социальным группам я считаю крайне важной, но большинство специалистов-статистиков считают, что это нам будет не по силам. Все же полагаю, что если будут даны на это дело необходимые средства и люди, то таковую проработку можно будет организовать.

Ввиду того, что хлебофуражный баланс и хлебозаготовительная кампания в нынешнем году ставят перед нами не только экономические, но и политические вопросы, было бы целесообразно заслушать доклад о них в Политбюро.

10 сентября 1928 г.

К. РАДЕК. ПИСЬМО АБРАМСКОМУ²⁸⁶

Дорогой тов. Абрамский!

Начну с вещей менее важных. Вы ошибаетесь, вычитав из моего письма раздражение и призывая меня к спокойному выяснению. У Вас в Рубцовске имеются мои тезисы с 25 июня²⁸⁷, мое и Смилги заявление, письмо колпашевцам и наконец Вы на днях наверное получили 35 стр. на машинке о лозунге демокр[атической] дикт[атуры]. Скоро получите целую работу о кит[айских] делах. Больше для разъяснения смогу сделать, когда меня партия назначит редактором цент[рального] о[ргана]²⁸⁸. Когда я говорил, что людей, распространяющих "сведения" о тайных переговорах Евгения Алексеевича [Преображенского] за спиной оппозиции, надо бить по морде, то это было результатом не раздражения, а глубокого убеждения в полезности таких воспитательных мер.

Вы зря убеждаете меня, что наши молодые товарищи -- преданнейшие бойцы. Отзовисты тоже были преданные бойцы, что не помешало Ленину и ленинцам на них обрушиться. Наше положение не позволяет нам мягкости; если кто считает мою позицию неверной, пусть обрушится на нее с полной энергией. Если его полемика будет идейной, а не распространением сплетен или литературным зубоскальством, то она будет полезна и для оппозиции и для меня.

Теперь к вопросам по существу. Начну с разногласий по внутренним вопросам. Я неоднократно утверждал без всякой дипломатии, что в оценке

русских вещей Л.Д.[Троцкий] и я стоим на одном фланге, а ряд молодых на другом. Мое убеждение опиралось на факт признания Л.Д.[Троцкий] наличности левого сдвига, признания, что он открывает путь к реформе партии и сов[етской] власти без больших потрясений, признания различий между центром и правыми и, наконец, необходимости поддержки левого шага центра. Заявление Л. Д. [Троцкого] конгрессу и его "Что дальше?"²⁸⁹ содержат все эти положения, что дало мне возможность подписать заявление Л. Д. [Троцкого]. Но я не скрываю, что ряд писем и фактов вызывает во мне сомнения. Вот у меня письмо Л. Д. [Троцкого] от 20 июля²⁹⁰ полученное только теперь. В этом письме я читаю: "Первое время я опасался некоторой ультралевизны по отношению к левому сдвигу... Но этой ультралевизны я не нашел. Правда, некоторые товарищи жаловались на ультралевизну, но жалобы исходили от тех одиночек, которые сбились с ног и тянут вправо". Я не знаю, с чьей [ноги] я сбился, тянул ли я вправо, но я знаю, что послал Л.Д.[Троцкому] письмо тов. В.Эльцина, одного из лучших наших товарищей, утверждающего, что термидор совершился.

Передо мной лежит письмо тов. Нечаева, выдающегося питерского работника, от 8 августа, в котором он пишет черным по белому, что "с таким правительством (он говорит о теперешнем сов[етском] правительстве -- К. Р.) у нас не остается ничего общего и с ним у нас только борьба".

Тов. Дингильптейн²⁹¹ заявляет в письме к тов. Смилге от 17 июля, что "между нами и децистами не должно быть никаких разногласий". Тов. Рубашкин, молодой, но видно прекрасный вдумчивый ссыльный рабочий, пишет Глинскому, что его одолевают сомнения на счет нашей линии, что он начинает клониться к тому, что Сапронов прав. Я назвал четырех товарищей, наверное, не наименее сознательных из нас. Каждый из нас получил десятки писем, утверждающих, что никакого левого сдвига нету, из целого ряда мест есть сообщения о росте децистских настроений в наших рядах. Некоторые я могу проверить. Как можно в таком положении утверждать, что у нас нет опасности ультра-

левизны? Как можно в таком положении не бороться с полной энергией с этой опасностью? О такой борьбе со стороны Л.Д.[Троцкого] мне ничего не известно. Недостаточно писать правильные заявления, подписываемые "за" часто товарищами, не стоящими на той самой точке зрения. Надо прямой борьбой с этими настроениями, разъяснение их несовместимости с нашей позицией²⁹². Не понимайте меня так, что я исключенным считаю положение, в котором надо будет сказать: что термидор совершился со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тогда, если не возникнут новые разногласия, мы объединимся с децистами, которых считал и считаю стойкими пролетарскими революционерами. Но пока мы не пришли к выводу, что положение настолько изменилось, что основные идеи нашей платформы неверны, так долго надо бороться за эту основную линию²⁹³, бороться с недопустимым положением, когда люди пишут в частных письмах одно, а в публичном заявлении подписывают другое. Децистское поветрие в наших рядах угрожает всей работе

большевиков ленинцев в партии. Легче плюнуть на эту официальную партию, в собственном кружке говорить самые революционные вещи, чем пробивать себе путь сквозь все затруднения в партию. Так же само, как Ленин не мог бороться с ликвидаторами²⁹⁴, не борясь с отзовистами, так же само нельзя бороться с правыми и центром, не борясь с ультралевыми.

Но для того, чтобы бороться с ними надо видеть действительность. Утверждение Л.Д.[Троцкого], что мы можем поддерживать левые шаги центра только критикой, неверно. Уже теперь, а тем больше в будущем будут сотни случаев, когда поддерживать их придется не только критикой, но прямо идя на сделки в ячейках, в движениях, а, быть может, без сделки. Вы вводите различия между центристской массой и центристскими вождями и думаете, что я обращаю внимание чересчур на вождей. Я с Вами вполне согласен, что, вероятно, большинство вождей центра окажутся в решающий момент на стороне правых. Но это не изменяет факта, что утверждение, что уступки можно делать только центристским массам, а вождям -- никогда, есть фраза, бьющая прямо в лицо ясно сформулированным положениям Ленина. Идеиных уступок нельзя делать ни центристским массам, ни его вождям; практические же допустимы. Прочтите внимательно в "Детской болезни"²⁹⁵ у Ленина в главе "О компромиссах", вспомните, что мы отвечали Рут Фишер, когда [она] говорила, что единый фронт допустим только снизу, никогда сверху.

А теперь о правой опасности. Мы в прошлом делали правые и левые ошибки. Я читал письмо Л. Д. [Троцкого] Белобородову, в котором он дает очень неполную историю этих наших правых ошибок в прошлом. Главная наша ошибка - это нерешительность в выдвигании рабочего вопроса, нерешительность в прорыве на фабрики, следы которой видны и теперь. Укажу только на факт, что во всех документах Л.Д.[Троцкого], обращенных к конгрессу, рабочий вопрос почти не упоминается, хотя ясно, что левый курс не находит сильного отклика в рабочих массах именно потому, что не предлагает и не проводит улучшения в положении рабочего класса. Как обстоит теперь дело с правой опасностью? Отошли зиновьевцы, отошли те из наших товарищей, которые колебались, может отойти еще один, другой: колеблющегося слоя у нас нет. Обстановка такая, что его быть не может. Если бы левый курс вызвал бы подъем в партии, массовые иллюзии, то была бы опасность справа, опасность затирания грани между центром и нами. Самая характерная черта положения и опасность его, что рабочие не взяли левого курса в свои руки, не раздвинули его рамок. Почему? Потому что верят в него? Нет, потому, что не верят. Не с иллюзиями левого курса надо бороться, хотя они могут быть у одного или другого лица, а с запуганностью массы. Вот как выглядит действительность, которую надо видеть. Вы правильно поняли меня, предполагая, что я боюсь возникновения известных теоретических ошибок. Они есть и в Вашем письме, когда спрашиваете меня, с какими партиями или с какими организациями я думаю создать в Китае демократ[ическую] диктатуру. Если бы Вы внимательно прочли в XI т., ч. 1 Ленина стр. 217-234 ст[атью] Л[енина] "Цели борьбы пролетариата в нашей революции", то Вы бы этого вопроса не ставили. Вы повторяете старые

аргументы тов. Троцкого против Ленина, на к[о]т[орые]. Ленин ответил. Я надеюсь, что Вы прочли у т. И.296 мой набросок о демокр[атической] диктатуре и убедились в том, что Ваш вопрос неправилен. Но я спрашиваю, случайно ли то, что Вы, убежденный большевик-ленинец, пошедший в ссылку за свои убеждения, пытающийся всеми фибрами своей души разобраться в вопросах нашей борьбы, в стержневом вопросе большевизма ставите вопросы, на которые ответ дал уже Ленин? В заключит[ельной] главе своей работы о демокр[атической] диктатуре я в нескольких словах сказал, почему реальной опасностью считаю возникновение у нас на левом фланге -- ревизионизма. Тут добавлю еще частную, но немаловажную причину. Неверно, что наши кадры хорошо знают Ленина. В основном наши кадры -- это люди от 20-30 лет, т. е. люди Октябрь[ской] револ[юции] Полное собрание сочинений Ленина доступно с [19]23-[19]24 гг. Это были годы бешеной борьбы против нашего вождя Л.Д.[Троцкого]. Чтобы бить его за то, в чем он был прав, противники обстреливали его предварительно тем, что писал Ленин против него, когда он (Л.Д. [Троцкий]) был неправ. Появилось письмо к Ольминскому, соответствующая глава из "Нового курса"²⁹⁷, после -- заявление с признанием неправоты. Не будучи в состоянии справиться со всеми этими противоречиями, наш кадр отмахивается от этой борьбы, не продумывая их. Теперь наблюдаются новые колебания; ряд товарищей прямо договаривается до положения, что Ленин был неправ в оценке движущих сил русской революции. Это факт, такое течение среди нас есть. Оно угрожает основам нашим, и с этим течением нельзя не бороться, если хочешь быть большевиком-ленинцем. Наши разногласия по кит[айским] делам эти вопросы поставили. В начале этой дискуссии я хотел ее избежать. Еще полтора месяца тому назад я предлагал ее прекратить. Теперь уже нельзя. Мы должны знать, что есть наша основа. Вот все. Многих товарищей это "все", которое больше чем достаточно, -- очень пугает. Чтобы оно хорошо действовало на мое состояние, утверждать не могу, но на то мы и большевики-ленинцы, чтобы не пугаться, а пробиться и через идейные затруднения. Надо только твердо помнить о том, что нас объединяет, и то, что в неслышанно трудном положении, в котором мы находимся, самая важная вещь сплоченность на основе ленинизма. Ленинизм необходимо всегда заново завоевывать. На днях только читал письмо Лассалья к Бисмарку²⁹⁸, я еще раз прочел ряд замечаний об истории германской с[оциал]-д[емократической], которые Ленин бросил вскользь в борьбе с ликвидаторами. Они содержат ком[мунистическое] освещение истории германского раб[очего] движения, которого не сумел дать мой любимый учитель Меринг. Вот, казалось мне, что хорошо знаю Ленина, а открыл в нем новую золотую жилу. Поверьте, дорогой тов. Абрамский, надо читать Ленина, вдумываться ежедневно. Это лучшее, что ссылка может дать и это должно облегчить решение всех наших спорных вопросов. Сердечный привет.

К. Р[адек]

Томск, 11 сентября 1928 г.

К. РАДЕК. ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

Дорогие товарищи, прочел ваше письмо с большим удивлением. Не знаю, откуда вы взяли, что мое письмо тов. Врачеву направлено против вас. О вашей позиции мне ничего не было известно, кроме того, что передавал мне устно тов. Смилга, когда мы встретились в Томске. Но как мы установили, после основательного разговора с тов. Смилгой, между его позицией и моей не было никаких основных разногласий, что и позволило нам подать совместное заявление. Письмо тов. Нечаева к тов. Троцкому я получил, но т. к. мне было указано, что письмо предназначается тов. Троцкому, а я придерживаюсь еще мелкобуржуазных взглядов нескрывая чужих писем, то письмо послал по адресу, не вскрывая его. Я получил только еще письмо от тов. Мрачковского, к[о]т[орый]. пишет, что колпашевцы что-то болтают про тебя и что следовало бы им наступить на язык. Но к чему это относилось, я не знал.

Мое письмо к тов. Врачеву относилось к выступлению таких влиятельных товарищей, как тов. Виктор Эльцин, который в письме от 19 мая писал: "Что касается термидора, то я считаю, что он совершился", что слова Л. Д.[Троцкого] о решительном слове классов он (В. Э[льцин]) считал "с самого начала ошибкой", что "без катастроф, без серьезных потрясений (внутри партии) не обойдется" и т. п. Мое письмо было обращено против тов. Дингельштедта, к[о]т[орый]. заявлял, что никакого левого курса нет и к[о]т[орый]. теперь заявляет, что между нами и децистами никаких разногласий теперь нет (письмо тов. Д[ингель-штедта]. к Смилге). Вы отмежевываетесь от проставления точек над "и", как, наверно, будете отмежевываться от письма Влад[имира] Михайловича [Смирнова], утверждающего черным по белому, что ВКП есть труп. Но отмежевываясь от последовательной децистской оценки, вы высказываете ряд взглядов полудецистских или ведущих к д[е]цизму, и поэтому стоит воспользоваться вашим письмом для постановки вопросов в общем.

1. Две линии в оппозиции

Есть две возможных линии оппозиции, исходящих из разной оценки процессов, происходящих в стране и партии. Одна оценка легла в основу нашей платформы, другая, не высказанная, под почвой, легла в основу платформы д[е]ц[истов] (тов. Смирнов досказал ее теперь до конца). Децистская точка зрения, грубо говоря, -- это убеждение, что термидор совершился и ВКП переродилась. Выводы, которые надо сделать из этого положения, ясны и незачем о них распространяться.

Наша (платформы) исходная точка зрения была: происходит сползание, происходит перерождение в части низовых и руководящих клеток партии, но основное ядро еще не сказало своего слова. Благодаря улучшению положения рабочих в период восстановительный и иллюзиям следующего реконструктивного периода, рабочие еще не видят опасностей, и отсюда слабость оппозиции. Ее задача помочь разобраться рабочему ядру в опасностях, угрожающих революции и, опираясь на это ядро, исправить политику партии. При исправлении политики партии термидор не неизбежен. Эта точка зрения ставила с самого начала

вопрос о группировках в партии и нашем к этим группировкам отношении.

Уже на февральском пленуме [19]27 г. тов. Троцкий указывал центру на неизбежность возникновения положения, когда правый хвост ударит по центристской голове и вызовет перегруппировки в партии. Мы будем тогда левым флангом, на к[о]т[орый] центр должен будет опереться. Это свое выступление вспоминает тов. Троцкий в своем письме от 9 мая и вспоминает кстати. Центр пошел с правой, отклонив нашу попытку сближения на февральск[ом] пленуме (1927 г.)²⁹⁹. Катастрофическая его политика в Китае заострила неслыханно борьбу -- мы были исключены из партии. В хлебозаготовительной кампании кулацкие элементы, выразителем которых, в последней линии, является наша партийная правая, -- ударили по центру, и он был принужден повернуть налево, бия кулака, ставя вопрос о самокритике и чистке партийного, проф[союзного] и сов[етского], аппаратов. И хотя тот же самый центр одновременно продолжал полицейский погром наших рядов, Л. Д. [Троцкий] уже в письме от 9 мая³⁰⁰ писал: "Готовы ли мы поддерживать нынешний официальный сдвиг? Безусловно, всеми силами и средствами. Считаем ли мы, что этот сдвиг увеличивает шансы оздоровления партии без слишком больших потрясений? -- Считаем. Готовы ли мы содействовать этому именно пути? Всемерно и всецело". В заключительной главе своего заявления Л. Д. [Троцкий] писал:

"Может ли оппозиция поддерживать правых против стоящих у власти центристов, чтобы помочь опрокинуть последних, чтобы "отомстить" им за безобразную травлю, за грубость и нелояльность, за врангелевского офицера, 58 статью и прочие, заведомо темные дела? Такие комбинации левых с правыми бывали не раз в революциях и такие комбинации губили революцию. Правые представляют то звено в нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр делает в данный момент попытку отпора. Ясно, что оппозиция не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр.

Оппозиция поддерживает каждый, хотя бы колеблющийся шаг в сторону пролетарской линии, каждую, хотя бы и нерешительную, попытку отпора термидорианским элементам. Оппозиция это делает и будет делать совершенно независимо от того, хочет этого центр или не хочет. Оппозиция не обуславливает этого, разумеется, никакими "соглашениями", "уступками" и пр. Она считается только с тем, что нынешний тактический зигзаг центра идет параллельно стратегической линии большевистской политики".

Эта точка зрения разделяется мною полностью и, выдвигаемая мною с конца февраля, представляет собой конкретное при-

менение тактической линии, лежащее в основе платформы. Из чего исходит эта точка зрения в данной обстановке? Во-первых, из установления наличия левого сдвига в партии; во-вторых, из установления, что левый сдвиг

задерживает сползание и поэтому есть отчасти сползание; в-третьих, что, т. к. этот левый сдвиг нерешителен, то мы должны своей критикой толкать партию дальше; в-четвертых, что мы обязаны при этом поддерживать всякий, хотя бы и нерешительный, шаг центра, делаемый налево. Т[аким] об[разом], необходимой предпосылкой применения точки зрения платформы ленинцев-большевиков есть (называю только спорные для вас вопросы) признание существования сдвига налево, признание обязанности поддерживать центр, поскольку он делает шаг налево.

Противоположна совершенно оценка последовательных децистов: нет левого сдвига, поэтому нечего поддерживать и с центром борьба на смерть и жизнь.

В вопросе об отношении к центру, как в фокусе, вырисовываются все наши разногласия с децистами. Почему? Чтобы ответить на это, достаточно продумать конкретно, как может конкретно происходить процесс реформы партии и сов[етской] власти, к[о]т[орый]. мы написали на нашем знамени. Если мы все, больш[евики]-ленинцы, исходим из точки зрения, что раб[очее] ядро партии еще скажет свое слово и вступит в бой за исправление линии партии, то это не означает еще, что [мы] даем одинаковый ответ на вопрос, какими путями пойдет это движение. Одни думают, что центр и правая различаются только во фразах и поэтому оба эти крыла партии, сползая дальше, доведут до отпадения от них рабочих масс, которые станут на сторону оппозиции и дадут ей победу в партии. Этот взгляд я считаю фантастическим по следующим причинам: во-первых, в руководстве партии есть элементы, которые, хотя и нерешительно, начали борьбу против сползания; такие элементы есть и будут во всех звеньях парторганизации. Они теперь не являются нашими единомышленниками и, в большинстве своем, быть может, будут всегда правее нас. Их борьба, даже когда она менее решительна, чем наша, имеет громадное значение для мобилизации парт[ийных] масс, ибо они легальны и держат в своих руках часть официального партаппарата. Игнорирование этих элементов и создает фантастику картины развития и политически вредно. Во-вторых, вполне фантастична картина прыжка нашей раб[очей] массы, насыщенной определенными традициями, связанной организацией, -- от теперешних ее взглядов до вполне последовательной позиции нашей платформы. Этот процесс будет развертываться постепенно. Будут расти и решительно-оппозиционная часть рабочего ядра и центристская ее часть. Сидящий в ссылке оппо-

зиционер может посылать в пустое пространство проклятия против всех, кто его сослал, и считать, что это и есть самая левая политика. Рабочие-оппозиционеры в ячейках будут поставлены ходом событий перед вопросом блоков с рабочими-центристами или об их поддержке. В-третьих, если отвлечься от существования центра и его влияния на раб[очие] массы, как фактора революционизирующего до известной степени на данной стадии, то остается только предположение, что в один прекрасный день рабочее ядро партии станет на точку зрения платформы и попытается взять в свои руки руководство страной и партией, имея против себя сплоченное руководство партии и ее аппарат. Я назвал эту картину фантастической. Но если допустить

ее осуществимость, то надо попытаться понять, что бы это означало. Если наше утверждение, что сползание -- это сползание от пролетариата к мелкой буржуазии -- не есть агитационная фраза, а марксистский анализ, то кто исходит из перспективы противопоставления всего рабочего ядра партии сплоченному руководству, тот должен сказать -- это будет схватка пролетариата и мелкой буржуазии, это значит, что тот, кто исходит из перспективы схваток раб[очего] ядра партии со всем руководством, тот исходит не из перспективы реформы партии и сов- [етской] власти, а из перспективы борьбы двух классов, стоящих друг против друга, из которых один, представляемый объединенными правыми и центром и представляющий мелкую буржуазию, имеет власть в руках. Борьба двух классов за власть и есть революция. Вот почему только те, к[о]т[орые] выдвигают вопрос о центре и отвечают на этот вопрос положительно, стоят на почве нашей платформы, которая есть платформа реформы, а те, к[о]т[орые], божась платформой, шельмуют мысль о поддержке центра, о допустимости блока с ним как иллюзию или капитуляцию, отходят от платформы болып[евиков]-ленинцев к позиции децистов.

2. Два уклона среди ленинцев-большевиков

События после XV съезда нашли значительную часть кадров оппозиции в ссылке, оторванных от того, что происходит в стране и в партии. Это затруднило и так не легкую ориентировку, создало, или, точнее, усилило два уклона, заложенные объективно в самом положении. И перед исключением из партии существовала возможность этих двух уклонов и находила свое выражение отчасти в настроениях, отчасти в политических шагах. Первый уклон левый: переоценка процессов сползания, недооценка потенциальных революционных сил партии, неспособность к гибкой тактике. Самыми последовательными выразителями этих настроений были децисты, разорвавшие с нами в октябре [19]26 г. Но было бы ошибкой думать, что уход их означает ис-

чезновение их настроений в наших рядах. За все время существования оппозиции шла в наших рядах борьба с децизмом. Он притягивал многих наших товарищей тем, что они (децисты) представляют собой кадр преданнейших революционеров, что имеют за собой часть, и не худшую, рабочей молодежи, что приходилось их сравнивать с зиновьевцами, к стойкости которых мы имели меньше доверия, чем к ним. Но еще большее значение имел тот факт, что позиция их менее сложная, более прямолинейная, чем наша. Значительная часть оппозиционных рабочих и молодежи с трудом усваивала нашу позицию в вопросе о двух партиях. Эта позиция глубоко противоречива, ибо она вытекает из глубоко противоречивого положения. Перерожденческие процессы, сползание части партии к мелкой буржуазии порождали нашу фракционную работу, т. е. порождали идеологию, противопоставляющуюся официальной идеологии, вырабатываемой

Сталиным и Бухариным, зачатки организации, проводящей эту нашу идеологию в массах, одним словом: по мере того, как ЦК отходил от классовой пролетарской линии, в партии выделялись элементы новой пролетарской партии. Если бы сползание партии продолжалось и дошло до перерождения, то эти элементы сложились бы в новую партию. Это не была бы вторая партия, это была бы единственная пролетарская партия. Представляя в зародыше эту партию, мы боролись за то, чтобы ей не пришлось возникнуть, т. е. за исправление линии существующей партии. Это противоречие жизненное, через него перепрыгнуть нельзя, оно дается с легкостью марксистски образованному товарищу, но дается с трудом горячей молодежи из рабочих и вузовцев, которая представляла наши кадры. Часть этих кадров прямо выступала против этой нашей точки зрения, часть принимала ее на словах только, думая, что мы в глубине души считаем термидор и перерождение партии предрешенными, необходимость создания новой партии предрешенной и что только тактические соображения заставляют нас выжидать с оформлением ясным и четким нашей позиции. Что так дела выглядели, знает каждый из нас, кто, приходя на собрания оппозиционеров, слушал не только себя, но и других. Теперь мы очутились в ссылке. Нас, больш[евиков]-ленинцев, объявили контрреволюционерами. Что же, это не есть термидор? Верхушка оппозиции не потеряла голову и, отправляясь в ссылку, заявила: нет, это еще не термидор, борьба за реформу партии продолжается. Мы пошли в ссылку без попытки сопротивления именно потому, что боялись, что всякая более острая попытка реагирования на ссылку может вызвать среди оппозиционных рабочих и сочувствующих им беспартийных рабочих убеждение, что термидор совершился, и толкнут их на борьбу с сов[етской] вла-

стью. Многие отправляющиеся в ссылку товарищи иначе, чем верхушка, расценивали положение. Я знаю многих из наших товарищей ссыльных, которые в тюрьме, в дороге, делясь с товарищами мыслями о положении, говорили: это и есть термидор. Так настроенные товарищи должны были реагировать на статью в "Правде" от 15 февраля и на все, что последовало, след[ующим] образом: первая их реакция могла быть только одна: все это обман, маневр для прикрытия арестов и высылки. 9/10 писем, получаемых от ссыльных товарищей, так расценивало левый курс. Так расценивали его невысланные рабочие, и их на эту расценку толкало не только то, что левый курс в области рабочего вопроса не принес никакого улучшения. Эти голоса начали стихать только тогда, когда Л.Д. [Троцкий] в письме от 9 мая заговорил о сдвиге налево и необходимости его поддержать. Июльский пленум, который представляет собой известный шаг направо, вызвал новый взрыв децистских настроений, и вы, колпашевцы, вчера только подписавшие заявление Л. Д. [Троцкого] о поддержке левого сдвига, о поддержке центра против правых, пишете сегодня мне: т[ак] наз[ываемый] левый курс был затеян только для прикрытия социального смысла наших арестов и высылки. Заявляете: "Мы не поддерживать этот зигзаг предлагали, а разоблачать самым беспощадным образом". Эти настроения наиболее ярко выступают наружу, когда ставишь вопрос об нашем отношении к центру. По отношению к нему значительная часть наших товарищей признает только

обязательство критики, не признает обязательства поддержки, хотя подписывает заявления о поддержке. Всякий, кто выдвигает этот вопрос, -- в глазах наших товарищей кандидат к сдаче платформы и к слиянию с центром. При этом товарищи эти считают, что они защищают платформу, считают, что они защищают традиции ленинизма по отношению к центру. Понятно, что их точка зрения не имеет ничего общего ни с защитой платформы, ни с защитой традиции ленинизма по отношению к центру. Первое я уже доказал, говоря о реформе партии и сов[етской] власти. О втором несколько слов. Мы боролись вместе с Лениным против центра во время войны, но вместе с ним пошли в Циммервальд, который был оформленным блоком с международным центром. Мы это делали, зная, что значительная часть центристов будет в решающий момент против нас с Шейдеманами³⁰¹ и Эбертами, что часть центристов колебаниями своими сыграет на руку Шейдеманам и Эбертам. Мы это делали, считаясь с простым фактом, что рабочая масса, поднимаясь против социал-империализма, не сделает этого сразу, решительно, что только сблизившись с ней в самом процессе колебания этой массы, поддерживая ее, мы сможем ее завоевать, когда она увидит нас и центристских вож-

дей и сравнит в массовой борьбе. С такими традициями ленинизма рвут те товарищи, которые подходят к проблеме центра только с точки зрения словесного разоблачения.

Ликвидировал ли Ленин свою самостоятельную линию, входя в блок с центристами, и ликвидировали ли ее спартакисты, под руководством Розы Люксембург и Либкнехта вошедшие в независимую с[оциал]-демократическую, партию Германии при ее основании? Я был тогда противником вхождения левых в центристскую по существу независ[имую] партию. Статьи против политики Розы Люксембург в этом вопросе вы можете найти в первом томе моей "Германс[кой] революции", стр. 304-330 и 407-420. Моя точка зрения определялась боязнью ликвидации самостоятельной линии левых радикалов (поздн[ее] коммунистов). Опыт показал, что спартакисты³⁰² своей особой линией не потеряли. Когда началось непосредственное крупное массовое движение, они порвали с центром. Но я считаю по сегодняшний день ошибкой вхождение Союза Спартака в незав[исимую] с[оциал]-д[емократию]. Это не позволяло ему создать достаточно сильных кадров, и компартия Германии оказалась в момент ее создания 10 лет тому назад чересчур слабой. Потребовалось двух лет опыта, пока основная масса независимых рабочих перешла в количестве 200000 человек к коммунизму³⁰³. Характерно, что в городе, в котором издается "Арbeiter Политик", орган, ведущий самую непримиримую линию, признававший необходимость циммервальдского блока, но отклонявший вхождение в партию независимых, что в этом городе (Бремене) коммунисты были в начале революции наиболее сильны, хотя не имели большинства в рабочем классе. Если ошибочным было вхождение спартакистов в независ[имую] партию, то вопрос

координирования действий, совместных демонстраций не вызывал никаких сомнений. Ленин не возражал никогда против таких блоков в действии. Он только смотрел, чтоб такой блок не уничтожал самостоятельность линии, не вызывал иллюзий на счет союзников. Само собой понятно, что нельзя природу с[оциал]-д[емократии] в период войны и начала революции сравнивать с ВКП в теперешнем положении и природой разных ее фракций. Основная разница состоит в том, что западноевропейский оппортунизм представлял тенденции рабочей бюрократии и аристократии к подчинению господствующему империализму. Источник оппортунизма ВКП состоит в трудностях социалистического строительства в мелкобурж[уазной] стране в капиталистическом окружении. Оппортунизм представляет собой тенденцию бюрократии, рабочей аристократии, мещанских элементов в партии в сползании к кулаку. Через его потребности идет тенденция к смычке с крупным мировым капиталом,

причем представители этой тенденции лелеют надежду удержать власть в руках пролетарской партии. Наш центр опирается также само, как центр герм[анской] с[оциал]-д[емократии], на очень широкий слой рабочих; наш центр имеет тоже кадр парт[ийной] и проф[ессиональной] бюрократии, его роднит с немецким центром боязнь больших решений, непонимание, что классы нельзя перехитрить никакой дипломатией. Разница в положении состоит в том, что там происходили процессы в партии пролетариата, находящегося под игом империалистического правительства; у нас они происходят в партии победоносного пролетариата, держащей власть в своих руках, но в партии, разбавленной мелкобуржуазными элементами, разница состоит в том, что все процессы у нас происходят в стране, прошедшей три революции. Пропорции людей, вышедших из горнила революции, совершенно другие. В Германии вопрос об отношении к центру только между 1910-[19]16 гг. умещался в рамках одной партии. У нас пока что исключена головка левого фланга, стремящаяся вернуться в партию, т. е. обязанная рассматривать вопросы своей политики с точки зрения единой партии. Но кое-чему можно поучиться из этой старой борьбы. И вот чему. С правой у нас не может быть мира. Нельзя вылечить ВКП, не выбросив из нее кулацкие элементы, мещанские и часть бюрократических. Старые большевики -- руководители правых, понятно, после такой чистки партии и исправления ее политической линии, исправимы. И не об их исключении идет речь. Но та социальная база, на которую они в партии опираются, должна быть выбита из-под их ног. По отношению к центру мы должны знать, что его существование не случайно. Он будет выражать всегда тенденции парт- и госаппарата к бюрократизму. Связанный с аппаратом, он будет всегда представлять политику малых решений, попыток компромисса для избежания революционных потрясений. Т. к. нельзя себе представить исправления линии партии как единичный акт, а дело будет, даже при самом лучшем повороте, идти о настоящей борьбе течений, представляющих разные слои пролетариата и тех мелкобурж[уазных] прослоек, от которых нам не избавиться до конца в партии в условиях СССР (полупролетарские, бедняцкие элементы, которые завтра становятся середняцкими и которые нам необходимы в партии для связи с

деревней), то можно считать, что мы в продолжение десятка лет, впредь до решающих побед на поле социалистического строительства, будем в борьбе с центром. Это требует сохранения нас, больш[евиков]-ленинцев как идейного течения. Когда Сталин требует от нас признания наших "ошибок" и забвения его ошибок, то есть формула требования нашей капитуляции как особого течения и подчинения нас центру³⁰⁴. На этом условии

он готов нас помиловать. Мы этого условия принять не можем, ибо это означало бы отказаться от того сознания, к[о]т[орое] является результатом тяжелой борьбы последних лет, той борьбы, за которую мы заплатили ссылкой. Сознание это состоит в понимании, что борьба у нас в партии не есть результат разногласий мнений, а результат борьбы разных классовых прослоек в рамках ВКП и давления враждебных классовых сил на нее. В рамках партии, в которой после чистки будет большинство пролетарских элементов, которая проводит режим парт[ийной] демократии, оформленные и обособленные фракции не только не нужны, но являются преступлением перед необходимостью диктатуры. Но даже в такой партии будет, при нашей обстановке, происходить борьба течений, и течение пролетарское, течение, связанное всеми фибрами с международной революцией, не имеет права разоружаться, исчезать. Оно должно всегда быть начеку. Преступление Зиновьева, Каменева, Пятакова, Сафарова состоит именно в том, что они не поняли, что разоружаться нельзя даже на случай лучшего хода событий, т. е. на случай исправления линии партии. Смешно считать, что они сделали это только из личной трусости. Тот факт, что люди, одна группа за другой, сегодня еще высказывались против капитуляции, а завтра шли на нее, что этот процесс повторяется несколько раз, -- все это показывает, что дело шло о каком-то конфликте принципов, а не только о боязни репрессий и т. п. Боролись с собой два принципа: необходимость связи с существующим массовым революционным движением, конкретно говоря, с ВКП и необходимостью сохранения линии оппозиции, т. е. тех принципов, без которых это движение перестает быть пролетарским, большевистским. Потеря на долгое время связи с массовым движением есть смерть или вырождение для революционного политика. Отказ от идей, в правильности которых отошедшие от нас в глубине души и сегодня еще уверены, есть тоже политическая смерть. Конфликт этих двух принципов они решили разрешить хитростью. Вернись в партию и пока что спрячь идеи. А завтра, если парт[ийная] масса под давлением обстоятельств начнет борьбу, то будет время развернуть знамя. Они забыли одно. Для того чтобы партийная масса, вступая в борьбу без руководства, без определенной идеи, признала эти идеи, должен существовать испытанный в борьбе за эти идеи, умеющий их применять во всякой обстановке, заслуживший доверие этой массы кадр. И самые идеи не являются чем-то данным раз навсегда. Их надо обновлять постоянно, сверяя с действительностью. Всеи этой работы над идеями не может брать на себя группа, отказавшаяся от них

публично. Конспиративно можно удержать технику, но не работу мысли. Законспирировать можно клику, но не идейное

течение. Отказ от идей есть их хирение и разложение. Но что же тогда со связью с раб[очим] классом? ВКП не может долго топтаться на одном месте. Или она сделает в ближайшие год-два решительный шаг влево, тогда она вернет нас в свои ряды, не требуя от нас отказа от наших большевистских взглядов, или она сделает решительный шаг направо, тогда, каким бы диким преследованиям мы ни подвергались, мы прорвемся к массам и массы к нам. Исходя из этой точки зрения, надо самым решительным образом отклонить всякую мысль о попытке вползти в партию, т. е. за счет отказа от наших основных идей, выраженных в платформе, завоеванных, выстраданных нами в продолжение последних четырех лет. Я не знаю среди мне известных оппозиционеров товарищей, готовых пожертвовать нашими идеями, отказаться от них. Если такие есть, то, во-первых, их нет среди людей, которые представляли идейно и политически наше движение, и вообще нет их в количестве, имеющем политическое значение. Тот отход от нас, который мы ожидали в момент разгрома, уже завершился. Когда указывают на заявление тов. Преображенского о том, что мы должны принять ответственность за левый курс, то, как это показал дальнейший обмен мнений, [заявление] было только очень заостренным выражением необходимости поддержки левого курса. Несмотря на это, я такое заявление считаю ошибкой, как это написал немедленно тов. Преображенскому.

Вы ссылаетесь на мое выражение, употребленное в письме к другу, что мы переоценили темп сползания, что мы имеем теперь отползание. Я не помню такого выражения, не имея копии своих писем за первый период левого курса, кроме письма к тов. Ищенко из Тобольска от 27 апреля. Я это письмо привожу, ибо оно выражает точно мою тогдашнюю оценку положения:

Тобольск, 27 апреля. Дорогой тов. Ищенко, отвечаю на Ваше письмо (без даты).

1) Не подлежит сомнению, что хлебная кампания является крупным политическим поворотом нашей партии³⁰⁵. Серьезность его тоже очевидна, ибо он вызван обострением классово-борьбы в деревне и, со своей стороны, обостряет ее. Увертки, вроде того, что теперь можно повернуть, а раньше нет, служат затушевыванию ошибок, ибо, если даже допустить, что удобнее было выждать атаки кулака, то почему надо было раньше дезориентировать партию лозунгом "обогащайтесь", который Сырцов повторял еще в [19]27 г., зачем было откладывать чистку партии от кулацких элементов, к[от]орые снабжали кулака тракторами и т. д. Поворот налицо, его надо приветствовать.

Решителен ли он и окончателен? Нет! Не может быть решительным без: а) выметения из сознания партии остатков перспективы о вращении кулака в социализм; б) без создания организации бедноты. Проверкой поворота будет: а)

продолжение борьбы с кулаком осенью; б) развертывание коллективизации, несмотря на слабые результаты, которые она даст в этом году, усиление темпа индустриализации. Если все это будет налицо, то в этом решающем вопросе партия вышла из кризиса.

В Коминтерне тоже сдвиг налицо. Он сводится к тому, что взят курс против с[оциал]-д[емократии] в Европе, а в Китае на самостоятельную партию и развертывание рабочего и крестьянского движения. В аргументации многое не верно, но об этом здесь не стоит говорить. Обеспечено ли проведение в жизнь этой резолюции? Более или менее. Руководство всех партий, не столько правое, сколько слабое.

Вы не обратили достаточное внимание на Шахтинское, Рязанское, Артемовское, Сочинское дела. Основное в них, что парт[ийная] масса, зная зло, не смела с ним бороться. В Сочи партийцы, собираясь для обсуждения дела, пригласили на "нелегальное" собрание агентов ГПУ, чтобы бандиты не могли их объявить контрреволюционерами. Ну, что Сочи. В Артемовске уже после вскрытия нарыва партийцы боялись членам К[онтрольной] К[омиссии] говорить правду. КК видит эту опасность и устами Сталина призывает к самокритике. Но если самокритика может быть объявлена меньшевизмом, как это случилось с нами, если за нее можно угодить в Канск, то кто пойдет на нее? Действительный сдвиг в партии может быть гарантирован только "гарантированием" самокритики, т.е. внутрпарт[ийной] демократией. Первый шаг к ней -- вернуть нас в партию. "Но и мы должны этому помочь", -- говорите Вы. Мы из партии не уходили. Изгнание из нее всякий из нас ощущает, как рану. Но что же мы должны сделать, -- этого Вы не говорите. А тут ведь центр всего. От нас требуют как условия возвращения нас в партию признания, что мы были контрреволюционерами. У меня нет никакой гордости перед партией, никакой потребности доказать, что я всегда прав, а другие идиоты. Если б я думал, что могу помочь партии ложью и клеветой на себя, я бы на это пошел. Но ведь это чистая дестоевщина³⁰⁶. Мы были правы в китайском и английском вопросах, мы были правы в крестьянск[ом], рабо-чем, внутрпарт[ийном] (демократия). Я могу об этом не кричать, но не могу лгать, дезориентируя рабочих.

Если курс партии будет развертываться в дальнейшем налево, то мы совершили ошибку недооценки пролетарских сил партии и переоценили силы термидорианские. Тогда надо будет это сказать. Вся наша тактика диктовалась убеждением громадной опас-

ности скорого поворота направо. Без этого убеждения все наши разногласия с большинством не должны были повести нас на улицу. Сегодня уже признать это ошибкой не могу. Не из честолюбия, а из политической осторожности. Не убежден еще. Буду счастлив, если смогу сказать, что мы были неправы".

Это письмо, в кратком виде передающее ту оценку т[ак] н[азываемого] левого курса, которую я давал с самого начала, не требует от меня никаких основных изменений. Оно не только не считает поворот окончательным,

решительным, но даже предвидит кризис, который этот курс и переживает теперь осенью. Недоразумения вызывает фраза о возможности нашей переоценки термидорианских сил. Что же, если бы без нас и без массового напора рабочих та самая верхушка со Сталиным во главе, которая исключила нас из партии, выпрямила бы линию партии во всех спорных вопросах, то разве не надо было бы признать, что мы переоценили силу термидорианских тенденций? Тогда пришлось бы просто этот факт констатировать. К сожалению, возможность, которую я теоретически допускал, -- и понятно, не без политической цели -- не оказалась действительностью. Считаться с теоретической возможностью вполне допустимо. Недопустимо было бы только, во-первых, признать возможность действительностью, во-вторых, на основе этого разоружиться, в-третьих, признать ошибкой нашу прошлую деятельность. Ничего подобного у меня не было и поэтому мне не приходится ни каяться, ни признавать заслуг моих колпашевских друзей в исправлении моей линии. Учитывая отсутствие всяческих удовольствий в жизни в Нарыме, я с радостью сделал бы им это удовольствие, но, как говорили древние: Платоны³⁰⁷ из Колпашева друзья, но правда выше дружбы. Остается ездить на ошибке формулировки тов. Преображенского, чтобы создать видимость равновесия между правой и левой опасностью в рядах оппозиции.

Правой опасности у нас, после отхода зиновьевцев, нет, но есть громадная опасность отрыва от действительности, упрощения ее. Мы, оппозиция, представляем теперь большевизм без власти, т. е. и без нажима непролетарских элементов. Таким был большевизм времен революции 1905 г. и после нее. Кризис после 1907 г. вызвал в нем массовую левую болезнь в форме отзовизма. У большинства -- большевизма с властью -- кризис революции вызывает массовую болезнь пасования перед нажимом непролетарских элементов³⁰⁸. У нас, большевиков в оппозиции, он будет вызывать опасность недооценки действительности во всех ее проявлениях, опасность волюнтаристического, максималистского направления. Если история позволит исправить линию партии, и мы в нее вернемся, не растеряв того, что завоевали в тяжелые годы кризиса, то в соприкосновении с потребностями

жизни, с живым движением -- мы будем основой левого крыла в партии. Если же суждены революции, партии, а этим и нам большие исторические поражения, -- что не исключено, -- то нам угрожают уходы "налево", в которых примет участие и часть еще теперь не оппозиционных товарищей. Тогда начнется жесточайший идейный кризис, переоценка всех ценностей, идущая -- политически по направлению переоценки ценности роли государства, партии, философски -- по направлению переоценки ценности исторического материализма. Симптомы таких процессов уже теперь видны, поэтому я, например, так обрушился на письмо тов. Дингельштедта. Ссылные, большевики-ленинцы, должны теперь меньше времени посвящать тезисам о текущем моменте, а больше серьезной

работе над основами марксизма и ленинизма. Мы не знаем, навстречу каким бурями мы идем: надо подкрепить, починить, очистить наше идейное оружие, чтобы быть готовым на все.

3. Перспективы

Июльский пленум, представляющий шаг направо, вызвал, как я говорил выше, новую качку настроений. Товарищи, кричащие теперь о правом сдвиге, не замечают, что этим они опровергают все, что они до сих пор кричали о несуществовании левого сдвига. Ибо, если левый курс не существовал, то не может быть теперь отхода от него. Но это только между прочим.

Правый шаг налицо. В чем он состоит? Решающий момент -- это не повышение хлебных цен на 20%. И самое правильное ленинское руководство могло бы быть принуждено к такой временной уступке. Нигде не сказано, что соотношение цен хлебных к промышленным как 2:1 есть именно та пропорция, к[о]т[орая] отличает левый курс от правого. Решающий вопрос -- это отказ принципиальный от применения 107 ст[атьи], ослабление агитации против кулака, ослабление кампании борьбы против бюрократизма и перерождения и, наконец, форма проведения решений июльского пленума. Начну с этого последнего. Очень правильно указал тов. Лолевиль[?]309 на разницу в резолюции от 3.12.23310 г. о внутривласт[ной] демократии и воззвания ЦК о самокритике от 4.06.28 г.311 Там призывалась вся партия к обсуждению и решению всех основных вопросов политики, тут она призывается к борьбе с бюрократизмом и критике результатов неправильной политики. Перед июльским пленумом ЦК даже в голову не пришло поставить на предварительное обсуждение парторганизаций хотя бы главнейших рабочих центров вопрос о повышении цен на хлеб. В прессе чувствуется с момента выступления Сталина с лозунгом "Об опoшлении самокритики" рука, ослабляющая самокритику. Мы с первого момента кри-

тиковали чисто бюрократический метод борьбы с кулаком, т. к. ясно было, что этот чисто аппаратный метод должен будет привести к восстановлению против нас середняка и даже части бедноты, ибо деревенская бюрократия [...]312.

Томск, 16 сентября 1928 г.

К. РАДЕК. ПИСЬМО ВРАЧЕВУ

Дорогой тов. Врачев!

Письмо В[аше] получил. Очень смеялся, когда прочел, что Вы согласны с моим письмом колпашевцам, за исключением отношения к центру. Вы могли так же само сказать, что Вам понравилась бумага, на которой письмо написано. Отношение к центру есть тот политический вопрос, кот[орый] в данный момент является центральным. Поскольку мы стоим в данный момент на точке зрения реформы, а не революции, то без того, чтобы в самой партии и даже ее аппарате нашлись силы, борющиеся за реформу, никакой реформы быть не может. Может быть только революция, ибо ежели центр, как боевая сила, не создастся,

то это означает, что партийный аппарат стал орудием другого класса, а власть другого класса не может быть властью Октября. Стать по отношению к ней на точку зрения реформы можно, только отказываясь от Октября. А т[ак] к[ак] мы не намерены отказываться от Октября, то стоя на точке В[ашей] оценки центра, надо перейти на позиции дем[ократических] ц[ентралистов], т. е. на позиции второй революции. От этого нельзя увертеться, потому что логика фактов сильнее всяких уверток. Я добавляю, что всякие попытки ускользнуть от этого вопроса путем утверждения, что, говоря о центре, я ставлю ставку на Сталина или что хочу ослабления критики центра, -- смешны. Речь идет не о Сталине, а о целом партийном слое; что же касается критики центра, то я утверждаю, что заявление мое и Смилги критикует центр более остро, чем заявление Льва [Троцкого], к[о]т[орый] даже не дотронулся самого главного проверочного средства левого курса: а именно, положения рабочего класса. Говорить, что смягчает критику центра тот, кто не соглашается назвать левосоциалдемократичным проект программы К[оммунистического] И[нтернационала], содержащей диктатуру пролетариата, сов[етскую] власть и гражданскую войну, или кто утверждает, что ошибки Л.Д.[Троцкого] в 1905 г. были "мифом", это не менее и не больше как под видом борьбы против смягчения критики центра пытаться убить критику в наших собственных рядах.

На мое утверждение, что у нас в оппозиции опасность слева, а не справа, Вы указываете совершенно по-детски на колебания товарищей Ищенко и Теплова и на неизвестное мне письмо тов.

Евгения³¹³ к Л.Д.[Троцкому], которое Вы определяете как совершенно "пятакоское с оттеночком сафаровщины". Допустим, что Икс и Игрек колеблются и даже готовы уйти от нас. Разве такими личными колебаниями определяется опасность справа и слева? Но если даже стать на В[ашу] точку зрения, то Вы бы должны признать опасность и справа и слева, ибо кроме Ищенко, Теплова и т. д. существуют Нечаев, пишущий: "Мы с этим правительством не имеем ничего общего", Эльцин, пишущий, что термидор совершился, Вы, отрицающий фактически реформистский характер нашего движения, и десятки товарищей, пишущие вещи чисто д[емократическо]-ц[ентралистского] характера. Против этой опасности Л.Д.[Троцкий] не пишет ни слова и даже ее отрицает. Но вопроса о правой и левой опасности нельзя решать подсчитыванием правых и левых грешников, а анализом тенденций политического развития. Большинство под давлением мужика скатывается направо. Опасность в партии справа. Оппозиция, исключенная из партии, гонимая, развивает тенденции противоположные большинству, имея опасность слева. Так было всегда, когда поляризовались направления в рабочем движении. Голландская с[оциал]-д[емократия], выросшая в борьбе с анархизмом, стала одной из самых оппортунистических партий в Интернационале³¹⁴. Борьба с мильеранизмом³¹⁵ вырастила

французский анархо-синдикализм³¹⁶. Даже там, где борьбу с правой опасностью вела марксистски подкованная партия, как большевики, борьба с меньшевиками привела к рождению из недр большевизма отзовизма. Все прочее прочтите во вступлении к ленинской критике Пятакова (Ленин, т. XIII, с. 339), где Ленин доказывает, что "...рев[олюционную] с[оциал]-д[емократию] никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует". Вот как я ставлю вопрос, дорогой тов. Врачев, вот на что ожидаю ответа.

Теперь что Вы пишете о необходимости борьбы с д[емокра-тическим] централизмом? Вы и Лев Семеныч С[основский], видно, пришли к этому убеждению благодаря письмам Владимира Михайловича С[мирнова], шельмующим Л.Д.[Троцкого]. Что влияние дем[ократических] ц[ентралистов] заливаает наши ряды -- Вы признаете. Интересно будет посмотреть, как Вы будете бороться с д[е]- ц[истами]. В заключение несколько слов по поводу В[аших] замечаний о неизвестном мне письме Евгения. Я письма не читал, может быть, тон очень острый или даже неверный. Всякий из нас может написать письмо неверное, бестактное, безвкусное. Я, наприм[ер], получил такое письмо от одного из наших "известных и влиятельных друзей" в форме издевательских и не очень добросовестных замечаний. Ну и что же, на пустяки не стоит отвечать, а т. к. замечания, кроме зубо-

скальства, содержат неверные мысли, то эти последние подвергнем внимательной, теоретической критике. Я посылаю В[ам] сегодня маленькую работу о демократической диктатуре. Надо, наконец, выяснить понятия, о которых спорим. В дальнейшем напишу работу о китайских делах, тоже пришло. Надеюсь получить критику по существу. Нам нужна идейная жизнь, критика, а не излишняя, восхищения. Монополия во всех областях приводит к загниванию. Кто не будет говорить по поводу нашей дискуссии о "проработках" -- этот хороший материал на телохранителя, но не на ленинца-борца. Во всяком случае, окрики меня не удержат от исполнения долга. А кто не на основе этой критики будет в дальнейшем болтать о подготовке пятаковщины, выставит себе свидетельство умственного убожества.

Сердечно приветствую,

К. Р[адек]

Томск, 16 сентября 1928 г.

ЛИСТОВКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Москва, 16 сентября

Болезнь тов. Л. Д. Троцкого

По имеющимся в Москве сведениям о состоянии здоровья тов. Л.Д.Троцкого, в начале сентября наступило резкое ухудшение. Возобновились приступы болезни кишечника, полученной еще в годы царизма: эмиграция, царские ссылки и тюрьмы не прошли даром. Со времени ссылки тов. Троцкого безответственными "руководителями" партии в Алма-Ата ни о каком сносном, а тем более о диетическом питании больного нет и речи, не только потому, что высланному

тов. Троцкому с семьей [платят] 50 руб. в месяц, но и по недостатку, а часто и по отсутствию в Алма-Ата необходимых продуктов питания. Ссылка тов. Троцкого в малярийную Алма-Ата привела к тому, что в первые же месяцы вынужденного пребывания Л.Д.[Троцкого] там эта изнурительная болезнь вошла в его организм и начала свою разрушительную работу. В последнее время ко всему этому присоединились явления подагры, сопровождающиеся распуханием рук, что лишает тов. Троцкого возможности работать. Положение создалось угрожающее, тем более, что в Алма-Ата совершенно отсутствует компетентная медицинская помощь.

Большевики-ленинцы по этому поводу обратились к московским рабочим со следующей листовкой:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

По полученным сведениям, тов. Л.Д.Троцкий опасно заболел. Его изнурила до потери трудоспособности малярия, которой заражена вся местность, где он находится в ссылке.

Товарищи! Ближайшему соратнику Ленина, вождю Октябрьской революции, организатору Красной армии, одному из основоположников Коммунистического Интернационала, испытанному борцу за дело рабочего класса грозит величайшая опасность. Требуйте немедленного возвращения тов. Троцкого из ссылки в Москву. Требуйте этого везде и всюду. Клеймите предателем Октябрьской революции всякого, кто посмеет оказать сопротивление этому требованию. Товарищи! Добивайтесь от Центрального Комитета партии и правительства ответа на вопрос: почему вождя пролетарской революции бросили в местность гиблую для его здоровья, и без того подорванного десятилетиями эмиграции, царских тюрем и ссылок и неутомимой борьбы за дело рабочего класса, в то время как бюрократов с их семьями отправляют на курорты?.. Почему больного тов. Троцкого держат в малярийной Алма-Ата, когда палачи рабочего класса Слащевы³¹⁷ и Гоцы³¹⁸ и другая сволочь разгуливает по улицам пролетарских столиц?..

Товарищи! Заставьте Центральный Комитет партии и правительство принять срочные меры к спасению тов. Троцкого. Время неждет[...]³¹⁹

Большевики-ленинцы (оппозиция)

Москва 9 сентября [19]28 г.

Перед новыми затруднениями

Повышение хлебных цен означает усиление спроса со стороны крестьянства на промтовары. Промтоваров не хватало и в прошлом году (поэтому кулаку и удалось повести за собой крестьянство и сорвать хлебозаготовки), а в этом году при повышенных ценах на хлеб их не хватит и по-прежнему. Трудности возросли благодаря неправильным решениям июльского пленума. Новые решения даже не

усилили хода заготовок. За июль-август заготовлено в два раза меньше, чем заготавливалось за эти месяцы во все предшествующие годы. Заготовки июля-августа 1928 г. составили 48% заготовок этих месяцев 1927 г., 48% -- 1926 г. и 51,6% заготовок 1925 г. ("Эк[ономическая] жизнь", 8 сентября 1928 г.). В сентябре план тоже не выполняется. Угроза голода более реальна, чем год тому назад. И это при урожае в 400 млн пудов выше прошлогоднего. Падающие деньги не привлекают кулака: он требует дешевых промтоваров и на этом объединяет вокруг себя середняков. Правые элементы партии используют это давление кулака и требуют отказа от индустриализации, ввоза дешевых готовых заграничных товаров, т. е. смычки кулака с капиталистической промышленностью. Это путь распыления пролетариата, упадка нашей промышленности, роста безработицы, превращения СССР в колонию капиталистов.

Нынешнее руководство открыто еще не вступило на этот путь. Но тем, что оно пассивно ожидает кризиса, тем, что оно тормозит развитие промышленности, тем, что оно не оказывает открытого и сокрушительного отпора правым элементам партийного руководства, -- всем этим подготавливается сдача основных позиций пролетарской диктатуры. Тогда эта сдача будет объясняться непреодолимыми трудностями, хотя теперь (даже и после пятилетних ошибок) эти трудности можно преодолеть на путях правильной ленинской политики.

Нынешнее руководство рассчитывает выйти из затруднений путем нажима на рабочий класс. Вместо того чтобы развивать промышленность, оно стремится перебросить в деревню ту часть товаров, которые до сих пор получал рабочий класс. Все мероприятия последнего времени говорят об этом.

В предстоящем году проектируется повышение производительности труда на 18%, а заработной платы всего на 6-7%. Это по отношению к средней годовой зарплате, но так как к концу года зарплата на 4-5% выше среднегодовой, то фактическое повышение по сравнению с последними месяцами составит 1-2% при огромном росте производительности и интенсивности труда.

При росте зарплаты на 1-2% следует ожидать гораздо более значительного повышения цен (хотя бы замаскированного -- вроде ухудшения качества хлеба, которое уже произошло). Квартирная плата возрастает на 20-40%, а по отношению к зарплате увеличение квартплаты составит 4-5%. Отменяется там, где она была, бесплатность рабочих квартир при фабриках, что дает понижение доходов пролетариата на 120 -- 130 млн, понизились расходы на фабзавуч³²⁰ (сокращение брони подростков). Наконец, "заем индустриализации" понижает реальный бюджет рабочего на 5-6%.

Понижение жизненного уровня рабочего класса происходит на фоне роста доходов других слоев населения (а эти доходы растут, так как в этом году урожай и продукция промышленности выше прошлогоднего).

В этом величайшая угроза для пролетарской диктатуры. В этом проявляется перерождение партийного руководства и его сползание с пролетарских рельс. Эта политика должна получить суровый и решительный отпор со стороны рабочего класса.

Что же надо сделать для того, чтобы выйти из затруднений?

Прежде всего надо развивать промышленность. Надо, чтобы промышленность росла не только за счет поддержки рабочего класса и собственных накоплений, но и за счет налогов, за счет кулака, буржуазии и проч.

Надо добиться, чтобы средства, отпускаемые промышленности не тратились впустую. Для этого нужно поставить работу хозорганов под контроль рабочих масс. Нужно добиться подлинной самокритики и демократии. Нужно покончить с таким положением, когда Ломов, председатель Донугля, под крылом которого выросла шахтинская контрреволюция, вместо тяжелой ответственности получил пост председателя ВСНХ РСФСР (вероятно, за удачное голосование против оппозиции). В этом году развитие промышленности не может еще дать достаточного эффекта. Нужны добавочные средства. ЦК предполагает их достать путем давления на рабочих. Мы предлагаем давить не на опору диктатуры, а на ее врагов: на кулака и бюрократа.

Что же надо сделать?

Надо провести принудительный заем у кулака (а не у всей деревни, как это проводили в прошлом году). Сделать это так, чтобы не задеть трудовых слоев деревни. Поэтому проводить заем не через милицию и бюрократический аппарат, лишенный классового чутья, а опираясь на широкие массы. Для этого нужно создать союзы бедноты в деревне.

Необходимо сократить расходы государственного аппарата. О том, чего стоит нынешнее, проводимое РКИ321 сокращение можно судить по тому, что из всех наркоматов самые высокие ставки у[...]322 РКИ ("Статистика труда"). Зарплата служащих растет, хотя она и сейчас выше средней платы рабочих.

Сокращать аппарат надо под контролем масс, а не только РКИ.

Расходы партаппарата составляют 120 млн руб., а профаппарата -- 250-300 млн руб. (3% всей зарплаты всех трудящихся). При подлинной активности масс эти расходы можно сократить во много раз. Надо строить парт- и профработу на массах, а не платных чиновниках.

Аппарат ГПУ обходится свыше 100 млн руб., т.е. столько же, сколько все центральные учреждения, вместе взятые. Надо ликвидировать ту часть аппарата, которая используется для борьбы с оппозицией, для "наблюдения" за рабочими и безработными.

Провести повышение квартплаты так, чтобы оно не затронуло рабочих, а легло бы на высокооплачиваемые категории служащих, на лиц свободных профессий.

Провести единовременный чрезвычайный налог на всех, получающих свыше 225 руб., с тем чтобы изъятие составило не менее 25% излишка.

Наряду с этими всеми мероприятиями и за их счет необходимо добиться, чтобы в соответствии со всеми решениями партии зарплата рабочих росла в соответствии с подъемом производительности труда. Необходимо усилить помощь

безработным; восстановить воспитание рабочей молодежи; усилить индустриализацию. Надо искать выхода из трудностей не за счет рабочего класса. Выход из трудностей -- в борьбе с кулаком, нэпманом и бюрократам, в активности масс, в здоровой внутривнутрипартийной и рабочей демократии.

Это путь Ленина. На этот путь зовут партию большевики-ленинцы (оппозиция ВКП).

Откуда получает средства промышленность

Даже в официальных партийных решениях говорится о том, что промышленность должна развиваться за счет трех источников: за счет собственных накоплений, за счет сбережений населения и за счет налогов и др[угих] доходов, получаемых госбюджетом. Никто не отрицал, что в такой отсталой стране, как наша, промышленность нуждается в приливе средств извне, в "перекачке" средств из карманов буржуазии и кулаков и прочих на нужды промышленности. Когда вводили в продажу водку³²³, говорилось, что средства, полученные от продажи водки, пойдут на усиление индустриализации. Вот что мы имеем на самом деле. Делу индустриализации страны уделяется все меньше и меньше внимания. Из 700 млн руб. доходов от водочной монополии, из всей массы налогов, пошлин, неналоговых доходов (рента, лесной доход и проч.) промышленность не получает ничего. Даже те средства, которые промышленность вносит в бюджет, и те, которые дают на индустриализацию рабочие и служащие, полностью не передаются промышленности. Трудящиеся идут на величайшие жертвы. Рабочие подписываются на заем в размере месячной зарплаты, понижают свой жизненный уровень на 7-8%, чтобы двинуть вперед дело индустриализации. Однако для успешной индустриализации этого недостаточно. Нельзя строить индустриализацию на одних рабочих сбережениях. Необходимо, чтобы в этом году промышленность получила по меньшей мере: все, что она дает бюджету и всю сумму, подписанную на заем индустриализации, полностью.

Вместе с тем рабочий класс, который является главным источником средств на индустриализацию, должен получить больше прав по непосредственному управлению промышленностью, по контролю над новым строительством и т. д.

Вот чего надо добиваться, проводя подписку на заем индустриализации.

250

Новый закон о квартирной плате

В газете "Харьковский пролетарий" от 14/VI с. г. помещены материалы относительно жилищных условий, в которых живут рабочие. Оказывается, что в СССР жилищные условия для рабочих хуже, чем для всех остальных слоев населения.

Так, например, в Харькове на одного рабочего приходится 5,6 кв. м., служащего -- 8 кв. м., на лиц свободной профессий -- до 10 кв. м. и на нэпманов -- 6,3 кв. м. (данные только по жилкооперации, благодаря чему жилплощадь нэпманов является невысокой). Еще более яркая картина в Одессе, где на одного рабочего приходится 7,3 кв. м., на служащего -- 11,9 кв. м., на лицо свободн[ой] профессии -- 16 кв. м. и на нэпмана -- 9 кв. м.

Приводя эти данные, газета пишет, что "неправильно остановиться на цифрах, иллюстрирующих количественное распределение жилплощади. Все данные говорят о том, что среднее качество рабочей квартиры гораздо хуже квартир остальных социальных групп. Из 40 тысяч обследованных рабочих Харькова 38% живут в подвалах".

В той же статье говорится, что "это явление не случайное. Приблизительно так же распространяется жилплощадь³²⁴ во всех крупных городах Украины", -- да и во всем Союзе, добавим мы от себя.

Казалось бы, что при таком положении надо усилить нажим на квартплату нэпманов, лиц свободных профессий и высших категорий служащих. Совершенно иначе поступает нынешнее руководство. По новому закону о квартплате, который вводится с 1 сентября (первая уплата по новому закону -- в октябре), ставки квартплаты повышаются только для наименее обеспеченных слоев населения. При доходе в 400 руб. и выше ставки квартплаты остаются прежними (см. журнал "Жил[ишное] т[оварищест]во" No 28).

Итак, ставки квартплаты для получающих до 70 руб. повышаются в среднем на 65%. Для получающих от 70 до 100 -- на 34%, для получающих 100-145 руб.-- на 13%, а для получающих свыше этой суммы -- на 5,8 и меньше процентов.

В то же время ставки для лиц свободной профессии и нэпманов остаются без изменения. Ставки для кустарей, имеющих наемных рабочих, повышаются в среднем только на 9-10% и то при годовом доходе ниже 4000 руб. (при более высоком доходе ставки не изменяются). Наконец, ставки для кустарей, не имеющих наемного труда, понижаются в среднем на 9-10%.

Таким образом, значительное увеличение ставок проводится по новому закону только для низших слоев рабочих и служащих.

Ставки всех остальных категорий изменяются в незначительной степени.

Закон, ухудшающий и без того тяжелое материальное положение рабочих, -- непролетарский закон. Надо требовать ответа от депутатов Моссовета, как они допустили принятие такого закона. Надо включать требование об отмене этого закона в наказ Моссовету. Надо добиться пересмотра этого решения во что бы то ни стало.

Безработица в СССР

Никто из официальных докладчиков не отрицает значительного увеличения безработицы за последнее время. Однако этот угрожающий рост безработицы обычно объясняется притоком рабочей силы из деревни и сокращением штатов учреждений. Мы приводим некоторые итоги последней переписи безработных, проведенной в октябре -- ноябре 1927 г. Факты полностью опровергают эти

объяснения и измышления.

Число безработных членов профсоюзов, т. е. не впервые предлагающих свой труд, превысило в прошлом году 1 миллион (1,092 тысячи). Из всей этой массы безработных строители и чернорабочие составляют вместе только 16,5%, а квалифицированные рабочие -- 25,5% или 278 тысяч человек. На долю рабочих Нарпита³²⁵, коммунальщиков и пр[очих] обслуживающих профессий -- 16,7% или 183,1 тыс., на долю транспортников приходилось 7,5% или 81,1 тыс.

Итак, при абсолютном росте безработицы для всех групп относительно упала доля служащих и чернорабочих, а возросла доля транспортников и рабочих обслуживающих профессий. Доля индустриальных рабочих почти не сократилась, а, следовательно, рост безработицы индустриальных рабочих идет в ногу с ростом всей безработицы.

Из этих данных видно, что безработица растет не только и не столько за счет притока новых рабочих и за счет сокращения служащих, сколько за счет рабочих, притом даже не чернорабочих, а квалифицированной рабочей силы. Доказательством того, какие рабочие пополняют собою ряды безработных, является их разбивка по разрядам тарифной сетки, в соответствии с зарплатой, которую они получали до безработицы. По 6 союзам (кроме союза совторгслужащих³²⁶, рабпрос³²⁷, рабис и т.п.) получается: 3,3% получали по 1-2 разряду, 57,6% получали по 4-6 разряду, 27,4% получали по 7-9 разряду и 8,7%-по 10 и выше. Таким образом, основную массу безработных составляют рабочие средней и высшей квалификации.

По профстажу и из числа членов индустриальных профсоюзов безработные делились так: 11% со стажем с 1917 г., 17,1% --

с 1918-21 гг., 14,6% - 1922-23 гг., 28,4% - с 24-25 гг., 18,5% - с 1926 гг. и только 17% - с 1927 г.

42,4% безработных имеют семью на своем иждивении.

СИМБИРСКИЙ³²⁸. ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

г. Бирск

Башкирской республики

Октябрьская 25

Симбирскому

Дорогой Лев Давидович.

С глубочайшим волнением прочел сообщение товарищей о Вашей болезни. Чебоксарская группа ссыльных послала телеграмму протеста ЦК. Думаю копию этой телеграммы Вы получили. Телеграмма разослана по всей ссылке и вероятно уже большинство товарищей к ней присоединились. Я от себя также послал телеграмму в ЦК с присоединением к чебоксарскому протесту. Нахожусь я в Башкирской области в городе Бирске. Городишко маленький дрянной, находится свыше 100 верст от жел[езной] дороги. В Башкирии находятся еще наших три

товарища, к счастью им удалось остаться в Уфе. Я им послал копию телеграммы-протеста и думаю, что они к ней также присоединятся. К Вашему з[аявле]нию 6-му конгрессу я присоединился, как только успел с ним ознакомиться, о чем послал з[аявле]ние конгрессу. Дорогой Лев Давидович, не знаю каково Ваше состояние сейчас, хочу надеяться, что в Вашем здоровье наступило улучшение, но я считаю, что необходимо предпринять самые решительные срочные меры к тому, чтобы Вы были переведены в нормальные для здоровья условия. Следовало бы поднять этот вопрос перед партийными стариками, например Крупской, Луначарским, Рязановым³²⁹, Осинским и другими. Я понимаю, что их политическое влияние, разумеется, крайне незначительно, но они имеют большой моральный авторитет и их голос мог бы иметь значение. Неужели у них не найдется мужества протестовать против чудовищной, преступнейшей политики физического истребления лучших вождей октября? Все товарищи потрясены сообщением о Вашей болезни, каждое слово их писем дышит мучительной болью, это совершенно понятно, к[а]к никогда Ваше здоровье нужно сейчас партии, рабочему классу, революции. Все что в силах человеческих, дорогой Лев Давидович, Вы должны предпринять, чтобы спасти свое здоровье, это хотят многие сотни сосланных, этого требуют интересы той трудной борьбы, которая взвалена на плечи небольшого, прекрасного отряда большевистской армии. Заканчиваю на этом свое письмо. Посылаю Вам тысячу горячих пожеланий скорей-

шего выздоровления, энергии борьбы для дела торжества ленинских принципов. Такие же пожелания посылают Вам многие товарищи оппозиционеры, находящиеся со мною в переписке.

Горячо обнимаю.

Ваш Симбирский

Бирск, 18 сентября 1928 г.

Горячий привет семье. Очень просил бы, чтобы Лева [Седов] уведомил меня о получении сего письма да и вообще кое-что черкнул бы.

С[имбирский]

ПРОТОКОЛ № 43

Заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1928 года

Присутствовали:

члены ПБ ЦК(б) т. т. Бухарин, Ворошилов, Калинин, Молотов, Рудзутак,

кандидаты в члены ПБ ЦК ВКП(б) т. т. Каганович, Микоян, Угланов,

члены ЦК ВКП(б) т. т. Догадов, Квиринг, Косиор, Кржижановский, Кубяк,

Пятницкий, Рухимович

кандидаты в члены ЦК т. т. Киселев, Криницкий, Межелук, Уншлихт.

члены президиума ЦИК т. т. Енукидзе, Лебедев, Петерс, Розенгольц,

Янсон, Ярославский.

Слушали:

17. О партмаксимуме.

Постановили:

17) а) увеличить партмаксимум на 20% (до 270 р. в Москве и Ленинграде с соответствующим снижением по тарифным поясам для остальных местностей). Повышение это провести в порядке увеличения нагрузки до 80%, не меняя основного оклада. Предельная нагрузка должна быть присвоена не механически всем получающим ныне партмаксимум, а лишь кругу руководящих работников с соответствующей высокой квалификацией и работающих без обычного ограничения рабочего дня.

б) Предложить советским организациям сохранить исчисление квартплаты, коммунальных услуг и платы за учение, исходя из основного оклада без учета нагрузки.

Поручить НКТ пересмотреть тариф ответственных работников в сторону максимального сокращения круга должностей, оп-

лавиваемых по этому тарифу, и установления более жесткого распределения нагрузки в строгом соответствии с выполняемой работой и квалификацией работников.

г) Категорически воспретить выдачу периодических пособий, представления бесплатных квартир и других льгот, допустив льготы лишь крайне нуждающимся, в связи с лечением и не выше 1 1/2-2 месячного оклада в год.

д) Увеличение партмаксимума провести с 1 ноября 1928 года.

е) Поручить НКТ и ВЦСПС в недельный срок дать все необходимые указания своим органам о проведении в жизнь настоящего решения.

Секретарь ЦК Молотов

Б. ЛИВШИЦ330. ЛЕНИН О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

(к дискуссии о китайской революции)

Дискуссия между Л. Д. [Троцким] и тов. Преображенским по вопросу о характере следующего этапа китайской революции331 привлекла мое внимание к вопросу о действительных взглядах Ленина на взаимоотношение между лозунгом рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства и лозунгом диктатуры пролетариата.

Анализ этих взглядов Ленина привел меня прежде всего к тому бесспорному для меня выводу, что взгляды Ленина на возможность рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства за период 1905 г. -- 1917 г. претерпели определенную эволюцию в соответствии с эволюцией в классовых взаимоотношениях, происшедших в России за это время.

В самом деле. Возьмем для сравнения следующие три даты: 1905, 1915 и

1917 г.

Как мотивирует Ленин свой лозунг рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства в 1905 г.? В полемике против Парвуса (в ст[атье] "Соц[иал]-дем[ократия] и Вр[еменное] рев[олюционное] пр[авительств]о"), в качестве доказательства, что рев[олюционное] вр[сменное] пр[авительств]о не может быть "целостным правительством с соц[иал]-дем[ократическим] большинством", он выдвигает следующие три положения: 1)"русский пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России"; 2)"не может быть и речи о соц[иал]-демократическом сознании тех гигантских масс", которые революция, "чтобы стать великой", "должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям", к "основательному историческому творчеству", "поднять из страшной темноты, из невиданной заброшенности, из невероятной одичалости и беспросветной ту-

пости" и 3)эти массы "не могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед нами в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота" (т. VII, изд. III, с. 194-195).

Совершенно очевидно, что последний аргумент является основным: характер революционной власти, по Ленину, определяется тем, какие задачи ставит перед этой властью "объективная логика исторического развития".

Необходимость рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства вытекала, по Ленину, из того, что если русское самодержавие "будет не только поколеблено, а действительно свергнуто, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это "отстоять" есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства" (ст[атье] "Рев[олюционно]-демокр[атическая] диктатура пролетариата и крестьянства", т. VII, с. 199).

Обратимся к взглядам Ленина по этому вопросу в 1915 году.

"Социальным содержанием ближайшей революции в России, -- читаем мы у Ленина в ст[атье] "Несколько тезисов" (т. XIII, изд. I, с. 208-209), -- может быть только рев[олюционно]-демокр[атическая] диктатура пролетариата и крестьянства. Революция не может победить в России, не свергнув монархию и крепостников-помещиков. А свергнуть их нельзя без поддержки пролетариата крестьянством. Шаг вперед расслоения деревни на "хуторян-помещиков" и на сельских пролетариев не уничтожил гнета Марковых³³² и Ко над деревней" (тезис 5).

"Задача пролетариата в России -- довести до конца бурж[уазно]-дем[ократическую] революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо

речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник -- мелкобурж[уазное] крестьянство России, для второй -- пролетариат др[угих] стран (тезис 6). "Участие соц[иал]-демократов во Временном революционном правительстве вместе с демокр[атической] мелкой буржуазией мы считаем по-прежнему допустимым, но только не с революционерами-шовинистами" (тезис 7, курсив мой). "На вопрос, возможна ли руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции, мы отвечаем: да, возможна, если (N. В.: обратите внимание на это "если", подчеркнутое Лениным) мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево, а ее толкает влево не только наша пропаганда, но и ряд объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и пр." (тезис 10, курсив Ленина).

Остановимся пока на этих двух датах. Я утверждаю, что поставить знак равенства между взглядами Ленина по этому вопросу в 1905 и 1915 гг. нельзя. Я не остановился перед такими длинными выписками именно потому, что я считаю, что в 1915 г. Ленин не был так твердо уверен в возможности реализации на практике рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства, как в 1905 г. Основание для такого заключения дает мне именно условная форма, в которой Ленин отвечает на вопрос о возможности "руководящей роли пролетариата в буржуазной русской революции" (см. приведенный тезис 10).

Для того чтобы это осуществилось, необходимо, по Ленину, чтобы "мелкая буржуазия в решающие моменты качнулась влево". Но ведь, когда говорят о том, что объективные и субъективные факторы толкают мелкую буржуазию к тому, чтобы она "качнулась" влево, то совершенно очевидно, что в данный момент она не находится на левом фланге: она еще должна будет в решающие моменты качнуться влево. В 1905 г. в работах Ленина мы не находим этой условности, этой неуверенности в возможности руководящей роли пролетариата в русской буржуазной революции. Тогда он был уверен, что в ходе революции классовые интересы мелкой буржуазии неизбежно будут толкать ее на блок с пролетариатом, ибо "объективное положение 1905 года было таково: пролетариат и крестьянство являлись единственным революционным элементом, а кадеты стояли за монархию" (см. т. XX, изд. III, с. 180). Чем же объясняется эта новая постановка вопроса в 1915 году? Ответ на этот вопрос мы находим в этой же статье 1915 г. в тезисе 8: "основа революционного шовинизма -- классовое положение мелкой буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно революционной даже в смысле демократической революции) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент -- трудовики, социал-революционеры, "Наша заря"³³³, фракция Чхеидзе, орг[анизационный]³³⁴ ком[итет], г. Плеханов и тому подобное" (т. XIII, с. 208-209).

Итак, именно отношение к империализму изменило классовые симпатии мелкой буржуазии. Это я считаю основным для правильного понимания взглядов

Ленина по этому вопросу не только перед революцией, но (как мы увидим ниже) и после Февральской революции.

Углубившаяся со времени 1905 г. дифференциация русской деревни сама по себе не изменила бы еще социального базиса революции, ибо она "не уничтожила гнета Марковых и Ко над деревней" (там же, тезис 5), а поставленные на карту империалистические интересы русской буржуазии могли это сделать, привлекая мелкую буржуазию на сторону буржуазии, заразив ее шовинизмом, "который мешает ей быть последовательно революционной даже в смысле демократической революции".

Вот почему вполне допустимый и даже желательный в 1905 году блок с трудовиками и эсерами оказывается абсолютно неприемлемым для Ленина в 1915 г., когда эти партии стали шовинистическими: как мы видели выше, Ленин считал допустимым участие социал-демократов во Врем[енном] рев[олюционном] правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией, но только не с революционерами-шовинистами.

Но если с этими "революционерами-шовинистами" участие во Временном рев[олюционном] правительстве недопустимо, а, с другой стороны, именно они-то, по мнению Ленина, и являются политическими выразителями этой мелкой буржуазии, то какую же "демократическую мелкую буржуазию" имел в виду Ленин в 1915 г. как возможного соучастника пролетариата в правительстве диктатуры пролетариата и крестьянства? Прямого ответа на этот вопрос в этой статье мы у Ленина не находим. Однако никаких сомнений не может возникнуть относительно действительного ответа Ленина на этот вопрос.

"Если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево" (а только в этом случае, как мы видели, "возможна руководящая роль пролетариата в буржуазной русской революции"), то она одновременно откажется от буржуазного шовинизма к пролетарскому интернационализму.

Но что означает конкретно такого рода отход от шовинизма? Может ли это означать в пределах буржуазно-демократической революции, что эти мелкобуржуазные крестьянские массы пойдут за социал-демократической (т. е. коммунистической партией³³⁵). Мы видели выше, что ленинская концепция определенно исключает такую возможность. В упомянутой выше полемике с Парвусом Ленин прямо пишет: "стать громадным, подавляющим большинством он (пролетариат) может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяичиков, т. е. с массой мелкобурж[уазной] городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно на составе револ[юционного] правительства, сделает неизбежным участие в нем или

даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии" (т. VII, с. 194). Это отождествление мелкой буржуазии с ее политическими представителями мы встречаем у Ленина

постоянно. Так например, в 1917 г. он, полемизируя с правыми элементами в партии, с теми, кто утверждает, что "она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократической революции", в "Письмах о тактике"³³⁶ писал: "Он (т.е. этот марксист) по случаю "возможности" приятного и сладкого будущего, когда крестьянство не будет хвостом буржуазии, эсеры, Чхеидзе, Церетели, Стеклов не будут продуктом буржуазного правительства, -- он по случаю "возможности" приятного будущего забыл бы о неприятном настоящем, когда крестьянство еще не выходит из роли придатка буржуазного правительства, "оппозиции его величества" Львова" (т. XX, III изд., с. 103)³³⁷.

Привлечение на сторону пролетариата мелкой буржуазии в 1905 году отождествлялось с отвоением от буржуазии мелкобуржуазных партий: "нельзя (было) убедить в необходимости серьезной борьбы ни наивного мужика, ни наивного мещанина, не подорвав влияния на него кадетских фраз, кадетской идеологии" (т. X, изд. III, с. 209). Потому "большевики усиленно откалывали трудовиков от кадетов и поддерживали идею образования Исполнительного комитета из левых групп Думы" (там же, с. 42-43). Эти партии (трудовая нар[одно]-соц[иалистическая] партия³³⁸, эсеры собственно и максималисты) Ленин объединял в один "тип трудовиков" (с. 91): "типичный трудовик, это -- сознательный крестьянин. Ему не чужды стремления к сделке с монархией, к успокоению на своем клочке земли в рамках буржуазного строя, но в настоящее время (1906 год) его главная сила идет на борьбу с помещиками за землю, на борьбу с крепостническим государством за демократию. Его идеал -- уничтожение эксплуатации; только мыслит он это уничтожение по-мелкобуржуазному и потому на деле из его стремления выходит не борьба со всякой эксплуатацией, а только борьба с помещичьей и крупной финансовой эксплуатацией" (там же, с. 93).

Но как же в таком случае политически выявляется отход мелкой буржуазии от шовинизма в пределах буржуазно-демократической революции? Единственно возможный ответ на этот вопрос таков: чтобы осуществилась революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в русской революции, происшедшей во время войны, мелкая буржуазия должна под влиянием пропаганды пролетарской партии, а также и под влиянием "ряда объективных факторов, экономических, финансовых (тяжести войны), военных, политических и проч." (тезис 10 цитированной статьи 1915 г., т. XIII, с. 209) выделить свою мелкобур-

жуазную революционную антишовинистическую партию, в блоке с которой пролетарская партия проводит революционно-демократическую диктатуру.

Такова должна быть неизбежная логика развития, если мелкая буржуазия "качнется влево". А если она не "качнется влево", т. е. если она останется шовинистической, каков будет тогда путь развития русской революции? Совершенно очевидно, что поскольку мелкая буржуазия остается шовинистической, т. е. остается хвостом империалистической буржуазии, -- в

результате революционного переворота к власти приходит буржуазия, и перед пролетариатом встает уже задача подготовки и организации новой революции, социальное содержание которой неизбежно должно уже выйти за пределы буржуазно-демократического переворота. Такой вывод с необходимой логичностью вытекает из позиции Ленина 1915 г. Это изменение взглядов Ленина по сравнению с его взглядами 1905 г. объясняется изменением в расстановке классовых сил, происшедших в результате империалистической войны. Только уяснив себе действительную суть взглядов Ленина в 1915 г., можно понять корень его позиции после Февральской революции, можно понять логическую преемственность между его "старобольшевистскими" и "новобольшевистскими" 1917 г. взглядами.

Но прежде чем перейти к разбору этих последних, необходимо остановиться на вопросе, чем же отличались взгляды Ленина в 1915 г. от тогдашней концепции Л.Д.[Троцкого]. Ведь именно Л.Д.[Троцкий] заявил, что "империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат -- буржуазной нации" (цитирую по ст[атье] Ленина "О двух линиях революции", т. XIII, с. 213). Основной аргумент, который выставляет Ленин в этой статье против приведенного положения Л.Д. [Троцкого], заключается в следующем: "Если в России уже противостоит пролетариат "буржуазной нации", тогда, значит, Россия стоит прямо перед социалистической революцией!!" Тогда неверен лозунг "конфискация помещичьих земель", тогда надо говорить не о "революционном рабочем", а "о рабочем и социалистическом правительстве", и несколькими строками дальше: "Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением "национальной буржуазной революции" в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства" (т. XIII, с. 213-214). Итак, поскольку задача конфискации помещичьих земель и свержение монархии стоит перед крестьянством и поскольку пролетариату удастся увлечь на выполнение этой задачи крестьянство, т. е.

поскольку пролетариату удастся стать руководителем крестьянства в деле выполнения этой задачи, постольку революция будет еще буржуазно-демократической и увенчается она диктатурой пролетариата и крестьянства. Следующей задачей русской революции, происшедшей во время войны, была бы борьба с империализмом. Этому вопросу посвящен тезис 11 в ст[атье] Ленина "Несколько тезисов". Здесь он развивает мысль о революционной войне в союзе с социалистическим пролетариатом Европы и колониальными народами Азии. Это была бы уже задача социалистической революции.

Таким образом, по мнению Ленина, русская революция по своим внутренним задачам остается буржуазно-демократической; в своей же борьбе против

империализма она сливается с социалистической революцией на Западе. "Эта вторая задача, -- говорит он в тезисе 6, -- теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник -- мелкобуржуазное крестьянство России, для второй -- пролетариат др[угих] стран". Совершенно очевидно, что обе эти задачи не отделены друг от друга китайской стеной или каким-либо длительным промежутком времени. Это явствует из того, как Ленин представляет себе выполнение второй из упомянутых задач: "на вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов". Т[ак] к[ак] ни одно из воюющих империалистических государств этого условия не приняло бы, то "тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну" и т. д. Ясно, что эта революционная война, т. е. задача социалистической революции, предполагалась неизбежно уже вскоре после завоевания власти. Этим буржуазно-демократическая революция переросла бы в социалистическую уже в самом начале своей победы.

Почему же Ленин разграничивает обе эти задачи, раз во времени они обе почти что совпадают? Здесь мы встречаемся с той особенностью ленинской политической деятельности, которую можно бы назвать стремлением к максимальной конкретности политической ориентировки, стремлением учесть по возможности все основные оттенки ближайшего этапа. Предугадать более или менее точно характерные черты всех этапов революции перед революцией нельзя и незачем этим заниматься. Надо иметь перед собой лишь генеральную линию развития всей революции. Зато наиболее конкретно надо предвидеть элементы, с которыми придется иметь дело в первый момент революции,

и в соответствии с этим ориентировать партию и рабочий класс. Перед революцией 1917 г. надо было, с одной стороны, ни в коем случае не упускать, что "антагонизм крестьянства" и Марковых-Романовых-Хвостовых³³⁹ усилился, возрос, обострился (из ст[атьи] "О двух линиях революции", т. XIII, с. 214), а с другой -- учесть и то новое, что внесла империалистическая война: факт перехода мелкой буржуазии на сторону шовинистической буржуазии, в результате чего пролетарская партия для осуществления своей руководящей роли в буржуазной революции России ни в коем случае не должна идти ни на какие блоки и соглашения с политическими выразителями этих шовинистических настроений мелкой буржуазии, а должна стремиться к тому, чтобы эта мелкая буржуазия "качнулась влево" и выделила новых политических своих представителей, которые не были бы заражены буржуазным шовинизмом. Только в блоке с такой мелкобуржуазной партией пролетарская партия может выполнить буржуазно-демократические задачи русской революции, укрепившись настолько, чтобы иметь возможность уже без этой мелкобуржуазной партии, но вместе с пролетариатом других стран начать борьбу за социалистическую революцию ("интернационализм" мелкобуржуазной партии,

напоминаю еще раз, нужен был не для выполнения социалистической задачи борьбы с империализмом, а для превращения в последовательно революционного союзника пролетариата при выполнении задач буржуазно-демократической революции). Т[аким] о[бразом], четкое разграничение обеих сторон -- внутренней и международной -- русской революции нужно было Ленину для правильного распределения внимания партии на обоих ее предстоящих союзников в соответствии с теми проблемами, которые ей придется разрешать.

Перейдем теперь к анализу взглядов Ленина после февральской революции. Уже в своем "Наброске тезисов 17 марта 1917 г." он несколько раз повторяет, что "дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-первых, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян, во-вторых, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран" (т. XX, III изд., с. 11, курсив мой). Для него уже тогда ясно, что первый этап революции закончен. "Только при осведомлении самых широких масс населения и организации их обеспечена полная победа следующего этапа революции и завоевание власти рабочим правительством", -- читаем мы там же. Необходимость рабочего правительства для него вытекает из того, что "не только данное правительство, но и демократически-буржуазное республиканское правительство, если бы оно состояло только из Керенско-

го и других народнических и "марксистских" социал-патриотов, не в состоянии избавить народ от империалистической войны и гарантировать мир" (с. 12).

И во всех "Письмах из далека" и в последующих своих выступлениях после приезда в Россию он всюду, где у него речь идет о борьбе против империализма, говорит о "рабочем правительстве" (с. 18), "пролетарской республике" (с. 24), о "полном разрыве с интересами капитала", власти "пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства" (с. 87, 88 и др).

В письме к Ганецкому от 30 (17) марта он говорит о "русской пролетарской революции" (с. 52, подчеркнуто Лениным). В речи на совещании большевиков 17 (4) апреля он говорит: "Диктатура пролетариата есть, но не знают, что с ней делать" (с. 82). В статье "О двоевластии" он, выясняя сущность рядом с Временным правительством "существующего на деле и растущего другого правительства: Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]", заявляет: "Эта власть -- власть того же типа, какого была Парижская коммуна 1871 г." (с. 94).

Как бы в противоречии с этими лозунгами находятся следующие его заявления: "С этими двумя союзниками (1. "широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России"; 2. "пролетариата всех

воюющих и всех вообще стран") пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу" (конец первого "Письма из далека", с. 20). В третьем "Письме из далека", намечая ряд задач революционной власти по улучшению положения рабочих, занятию дворцов рабочими, организации всенародной милиции, он пишет: "Такие меры еще не социализм. Они касаются разверстки потребления, а не переорганизации производства. Они не были бы еще "диктатурой пролетариата", а только "рев[олюционнo]-дем[ократической] диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства" (с. 38). В пятом "Письме из далека" он о правительстве рабочих и беднейших крестьян говорит: "Только такое правительство, "такое" по своему классовому составу ("рев[олюционнo]-де-мокр[атической] диктатура пролетариата и крестьянства") и по своим органам управления ("пролетарская милиция") в состоянии успешно решить чрезвычайно трудную и безусловно неотложную, главнейшую задачу момента, именно: добиться мира, притом не империалистического мира" и т. д. (с. 46). И дальше он развивает ту мысль, что пролетариату необходима поддерж-

ка громадного большинства крестьянства в борьбе его за конфискацию помещичьего землевладения, а затем "в связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению "всеобщей трудовой повинности" и т. д. ...в своей сумме и своем развитии эти шаги были бы переходом к социализму, который непосредственно сразу, без переходных мер, в России неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер" (с. 46-47). В "Прощальном письме к швейцарским рабочим" он пишет: "Россия крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосредственно в ней не может победить тотчас социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, может придать громадный размах бурж[уазно]-дем[ократической] революции в России и сделать из нашей революции пролог всемирной Социалистической Революции, ступеньку к ней" (с. 68).

Я и здесь постарался выписать все главные формулировки, которые могут быть использованы сторонниками того взгляда, что Ленин определял характер рев[олюционнoй] власти и в первое время после Февральской революции, как диктатуру пролетариата и крестьянства, т. к. задачи, подлежавшие ее разрешению, носили еще буржуазно-демократический характер. Такого рода совершенно поверхностного характера заявление делает тов. Радек, утверждая в своей полемике с тов. Дингельштедтом, что Ленин в течение марта еще стоял на точке зрения буржуазно-демократической диктатуры (цитирую по ответу тов. Дингельштедта).

Но, присматриваясь внимательно ко всем этим, как будто противоречивым формулировкам, мы замечаем в них одну основную общую черту: в качестве союзников пролетариата одновременно называются те оба союзника, которые в тезисах 1915 г. фигурировали порознь, в качестве сотрудников на разных этапах революции. Этот факт свидетельствует о том, что обе революции на деле слились вместе. Именно этим и объясняется отсутствие ясного разграничения в этих первых после Февральской революции писаниях Ленина между буржуазно-демократической и социалистической революциями, между характеристикой Советов р[абочих] и солд[атских] д[епутатов] как диктатуры пролетариата и крестьянства и характеристикой этих же Советов как диктатуры пролетариата. Да и сам Ленин в этом сознается: уже в третьем "Письме из далека" после приведенного выше места, что перечисленные им мероприятия, которые должна будет

провести немедленно революционная власть в области улучшения положения рабочих и организации всенародной милиции, не были бы еще "диктатурой пролетариата", а только "рев[олюционно]-дем[ократической] диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства", -- он добавляет: "не в том дело сейчас, как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко понятой "теории", вместо того чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего руководство к действию" (с. 38-39, курсив Ленина). Как же объяснить, что Ленин, который особенно выделялся своими постоянными требованиями к себе и своим оппонентам давать точные научные классовые характеристики, не допускать смешения различных понятий, в данном случае сознательно допускает такое смешение, заявляя, что это уж не так важно, меж тем, как речь идет о таком сугубо важном вопросе, как характеристика классового содержания революционной власти? Объясняется это тем, что сама жизнь смешала обе эти категории в 1917 г. Обе революции слились в одну революцию, обе различные формы в одну форму. Именно поэтому было бы величайшей ошибкой, по мнению Ленина, укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко понятой "теории" (забегая вперед, скажу, что в полном согласии с этим ленинским отношением к вопросу находится предостережение Л. Д. [Троцкого] в его ответе тов. Преображенскому: "Вы пишете, -- говорит он, -- что социальное содержание первого этапа будущей третьей китайской революции не может быть охарактеризовано как социалистический переворот. Но тут мы рискуем удариться в бухаринскую схоластику и вместо живой характеристики диалектического процесса, заняться терминологическим расщеплением волос"). Основное для Ленина в данный момент -- вопрос о "сложных, насущных, быстро развивающихся практических задачах" революции. В этом же третьем "Письме из далека" он пишет: война, этот "величайшей силы

исторический двигатель", "заставляет народы напрягать до последней степени все силы, он ставит их в невыносимое положение, он ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь "теорий" (об этом нет и речи, и от этой иллюзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних, практически возможных мер, ибо без крайних мер -- гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей от голода" (с. 39). Под углом зрения абсолютной необходимости осуществления этих "крайних мер" Ленин решал вопрос и о носителе власти, который, с одной стороны, был бы кровно заинтересован в осуществле-

нии этих мер, а, с другой, -- обладал бы необходимой для этого решимостью, последовательностью, беззаветной преданностью этому делу и т. п.

Но почему же обе эти революции слились вместе? Что случилось такого, что заставило Ленина изменить свою точку зрения 1915 г., что вторая задача, (т. е. социалистическая революция) остается все же особой и второй задачей? Случилось, что ""конкретно" дела сложились иначе, чем мог кто бы то было ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее"" ("Письмо о тактике", т. XX, с. 101, курсив Ленина).

Случилось то, что "существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова) и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее" (там же, с. 102). Таким образом, случилось то, чего опасался Ленин в 1915 г., когда он на вопрос о возможности осуществления руководящей роли пролетариата в русской буржуазной революции отвечал уже условно утвердительно: "Если мелкая буржуазия в решающие моменты качнется влево". Оказалось, что из-за шовинизма мелкая буржуазия оказалась и "непоследовательно революционной даже в смысле демократической революции", и в результате "государственная власть в России перешла в руки нового класса, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Постольку буржуазно-демокр[ратическая] революция в России закончена" (т. XX, III изд., с. 111).

Но если революция передала власть буржуазии, то не является ли это доказательством неправильности ленинской дореволюционной установки, не оказалась ли и буржуазия движущей силой революции? В докладе "О текущем моменте" на Петроградской общегородской конференции 27 (14) апреля Ленин говорил: "Движущие силы революции мы определили совершенно верно. События оправдали наши старые большевистские положения, но наша беда в том, что товарищи хотели остаться "старыми" большевиками. Движение масс было только в пролетариате и крестьянстве. Западноевропейская буржуазия всегда была против революции. Таково положение, к которому мы привыкли. Вышло иначе. Империалистическая война расколола буржуазию Европы, и это создало то, что англо-французские капиталисты из-за империалистических целей стали сторонниками русской революции. Английские капиталисты составили прямо заговор с Гучковым, Милюковым и командующими верхами армии.

Англо-французские капиталисты стали на сторону революции. Европейские газеты сообщают целый ряд случаев поездок посланников Англии и Франции для переговоров с "револю-

ционерами" вроде Гучкова. Это союзник революции непредвиденный. Это привело к тому, что революция вышла так, как никто не ожидал. Мы получили союзников не только в лице русской буржуазии, но и англо-французских капиталистов. Когда я говорил это же в реферате за границей, мне один меньшевик сказал, что мы были неправы, ибо-де оказалось, что буржуазия нужна была для успеха революции. Я ему ответил, что это было "необходимо" лишь для того, чтобы революция победила в восемь дней. Ведь Милюков заявлял еще до революции, что если победа лежит через революцию, то он против победы" (т. XX, с. 175-176). Таким образом, империалистическая война не только толкнула мелкую буржуазию в сторону буржуазии, но и превратила саму русскую империалистическую буржуазию в противника прогнившего царизма, оказавшегося не в состоянии обеспечить победу русскому, а вместе с ним и его хозяину ("с точки зрения мировой политики и интернационального финансового капитала") "банковой фирме Англия -- Франция" (Ленин, т. XX, с. 61). Добавлю от себя, что, хотя Ленин и говорит, что "революция вышла так, как никто не ожидал", тем не менее в его формулировке 1915 г. , мне кажется, *implicite*³⁴¹ (в скрытой форме) содержится предположение о возможности такого варианта революции, ибо как же понять предположение, что в русской буржуазно-демократической революции шовинистическая мелкая буржуазия может не "качнуться влево", а остаться на этих шовинистических, а следовательно, и "непоследовательно революционных" позициях, т.е. выступить в блоке не с пролетариатом, а с буржуазией.

Чтобы мелкая буржуазия во время революции оказалась в блоке с буржуазией, необходимо, чтобы и сама буржуазия в своей борьбе за власть решилась выступить за пределы мирных способов борьбы с самодержавием.

Но важнее, конечно, другое. Необходимо разобраться в следующем вопросе: почему Ленин, исходивший еще в 1905 году из того, что характер революционной власти определяется теми задачами, которые ставит перед ней "объективная логика исторического развития", после Февраля 1917 года считает невозможным ориентироваться на дополнительный, второй этап буржуазно-демократической революции, который завершился бы "рев[олюционн]о-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства"? Ведь демократические задачи, которые стояли перед русской революцией, остались неразрешенными Февральской революцией.

Нельзя ли было и продолжать строить свои расчеты, как и в 1915 г., на том, что мелкую буржуазию "толкает влево не только наша пропаганда", но и ряд объективных факторов, экономиче-
ских, финансовых (тяжести войны), военных, политических и проч." (т. XIII, с. 209) и что еще в пределах развития буржуазно-демократической

революции она "качнется влево" и создастся возможность осуществить "революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства"? Иначе говоря, нельзя ли было рассчитывать на возможность отрезвления мелкой буржуазии от шовинистического угара и перехода ее на антишовинистическую (если и не на последовательно интернационалистическую) позицию.

Решительная борьба Ленина против такого рода ориентировки базировалась на том, что "вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (= оборончеству), к "поддержке" буржуазии, к зависимости от нее, к боязни обойтись без нее и пр. и т. п. (т. XX, с. 106); что "интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как "оборончество", как отношение к империалистической войне" (там же, с. 107); что "революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой -- выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который "свято" хранит традиции царизма, развращающего великороссов палачеством над другими народами" (там же, с. 117); что "маловероятным" является такой путь развития, при котором "крестьяне отнимут землю, а борьбы между деревенским пролетариатом и зажиточным крестьянством не вспыхнет", "ибо борьба классов не ждет" (там же, с. 176).

Т[аким] о[бразом], ориентироваться после Февральской революции, передававшей власть империалистической буржуазии, только на возможность осуществления рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства нельзя, т. к., во-первых, мелкая буржуазия "не случайно" оказалась зависимой от буржуазии, ибо мелкий хозяйчик "заинтересован до известной степени в аннексиях", ибо он развращен "палачеством над другими народами"; во-вторых, после захвата крестьянством помещичьей земли неизбежна тотчас же классовая борьба в деревне. Следовательно, отношение мелкой буржуазии к империализму и факт неизбежной классовой борьбы в деревне превратили лозунг "революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" в лозунг реакционный.

Но не оказался ли в таком случае прав Л. Д. [Троцкий] против Ленина, выдвигая еще до Февральской революции против этого лозунга те соображения, что крестьянство дифференцировалось и что "империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат -- буржуазной нации"?

Такой вывод, думается мне, был бы неверен. До Февральской революции, до того, как обнаружилось, что в решающий момент мелкая буржуазия не "качнулась влево", надо было ориентировать партию и рабочий класс на возможность осуществления этого лозунга, одновременно предупреждая ее о недопустимости блока с теми политическими представителями мелкой буржуазии, которые

выражают ее буржуазную, шовинистическую природу. Этим внимание партии и рабочего класса направлялось на то, чтобы своим влиянием, своей политической работой толкать мелкую буржуазию влево, пробуждать в ней ее антибуржуазную сторону, ибо несмотря на то, что ее шовинизм "не случаен", он все же органически не присущ ей в такой мере, как он присущ буржуазии великодержавной нации в XX столетии, он все же в известной мере есть и "плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьянства и части рабочих". Борьба против этой стороны мелкой буржуазии, борьба за то, чтобы в ней победили интересы угнетенного класса, а не интересы, поверхностно связавшие ее с буржуазией, эта борьба могла бы иметь успех до революции только под лозунгом "революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", ибо уже одним лишь этим лозунгом крестьянству, мелкой буржуазии внедрялось сознание общности на данном этапе развития ее интересов с интересами пролетариата. Не надо упускать из виду, что "революционно-шовинистическая" (Ленин) мелкая буржуазия могла оказаться в блоке с буржуазией только потому, что сама буржуазия согласилась перестать быть только "оппозицией его величества" самодержца всероссийского, что она решилась под сильным давлением народных масс санкционировать свержение монархии и не выступать активным ее защитником. Это положение, как мы видели, было создано исключительным стечением обстоятельств. Если бы самодержавие не оказалось таким банкротом в деле защиты империалистических интересов русской буржуазии, то эта последняя не пошла бы на такой акт и, следовательно, революционной мелкой буржуазии, несмотря на ее шовинизм, и, следовательно, непоследовательную революционность, некуда было бы деваться, кроме как идти на блок с пролетариатом и согласиться на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.

Такую расстановку классовых сил надо было тоже предвидеть, а она лучше всего укладывалась именно в ленинской концепции революции.

Вот почему я не могу согласиться с Л.Д.[Троцким], когда он пишет в своем ответе тов. Преображенскому, что "до Февраля 1917 г. лозунг диктатуры пролетариата и крестьянства не был исторически прогрессивным". Исторически прогрессивным явля-

ется такой лозунг, который дает ответ на наиболее вероятный, -- вероятный с точки зрения длительных тенденций развития, -- ход революционного процесса. Такого длительного характера тенденциями в период 1905-1917 годов была безусловная контрреволюционность русской буржуазии, а, следовательно, неизбежность для мелкой буржуазии поисков блока с пролетариатом для разрешения своих демократических и аграрных требований. Временные интересы лучшей организации войны превратили русскую буржуазию в силу, противостоящую самодержавию, и потому создали условия, благоприятствовавшие ориентации мелкой буржуазии на буржуазию в деле разрешения упомянутых задач. Совершенно очевидно потому, что строить расчеты пролетарской партии на такую вынужденную, крайне относительную и сугубо неустойчивую "революционность" русской буржуазии, а, следовательно, и на ее

способность привлечь на свою сторону мелкую буржуазию нельзя было. А без этой "революционности" буржуазии, как я пытался показать, не было бы и контрреволюционности (в смысле радикального разрешения задач буржуазно-демократической революции) мелкой буржуазии.

Мне могут, однако, возразить: а не являлась ли тактика питерских большевиков до приезда Ленина и активное сопротивление "старых большевиков" ленинской тактике в период февраль-октябрь плодом именно этой дореволюционной ориентации на "революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства"? Не сыграл ли этот лозунг, таким образом, роль орудия по дезориентации большевистской партии?

Я пытался выше показать, что уже ленинская установка 1915 г. предусматривала его установку 1917 г. Тактика правого крыла партии не вытекала из предреволюционной установки Ленина. В первое время до приезда Ленина позиция большевистского руководства не только не считалась с той модификацией, которую претерпела ленинская установка в связи с империалистической войной, но она находилась в полном противоречии даже с большевистской установкой 1905 года. В самом деле, разве формулу "постольку-поскольку", которую разделяли в марте и питерские руководители большевистской партии (см. ст[атьи] Каменева, Сталина и др[угих]) по отношению к буржуазному правительству, можно как-нибудь согласовать с борьбой за "революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства"? Разве это отношение поддержки буржуазного Временного правительства, давления на него и т. д. и т. п. могло вести к отрыву мелкой буржуазии от буржуазии и привлечения ее на сторону пролетариата? Ведь это была типичная староменьшевистская тактика 1905 года, которая исходила из того, что буржуазную революцию должна проводить буржуазия, и которая неизбежно

должна была на дальнейшее время закрепить зависимость мелкой буржуазии от буржуазии.

На это совершенно правильно указал тов. Ф.Дингельштедт в дискуссии с тов. Радеком. Подчеркивая значение "фальсификаторских махинаций, применявшихся оборонцами в деле организации Совета, в котором они состряпали себе искусственное большинство", тов. Дингельштедт с большим основанием заявляет: "В первые дни Февраля, даже после организации соглашательского большинства в Совете можно было бы еще повернуть дело на рельсы демократической диктатуры (до момента сдачи власти Временному правительству, до наступившей вследствие этого деморализации масс). Если бы наше руководство в начале марта взяло на себя смелость выступить перед массой с апелляцией против соглашателей и призвало бы массы выразить недоверие попытке организовать власть из состава подлежавшей разгону царской думы (см. массу резолюций, посвященных этому требованию), то соглашатели, еще тогда

недостаточно сильные, вынуждены были бы отказаться от буржуазной власти так же, как отказались (под напором массы) от регентства Михаила... Между тем наше руководство (т. е. питерское Бюро ЦК) не помогало, а мешало массам на этом пути".

Если даже и не согласиться с той категоричностью с какой тов. Дингельштедт заявляет, что "соглашатели... вынуждены были бы отказаться от буржуазной власти", то все же совершенно бесспорным является, что колоссальную помощь меньшевикам оказала мартовская линия большевиков. Тот факт, что не было ясного и четкого отграничения позиции большевиков по вопросу о власти от позиции остальной части т[ак] наз[ываемой] "революционной демократии", что разногласия были как-то смазаны, несомненно способствовало подчинению пролетариата мелкобуржуазному влиянию. Каждый участник событий тех дней в Питере (в особенности, если он был агитатором, как пишущий эти строки) не может не знать о тех настроениях питерских рабочих в первые дни организации власти, которые я бы назвал настроениями недоумения и злобного возмущения: неизменно задавался один и тот же вопрос: "Как же это так? Почему Милюков и Гучков в правительстве? Зачем припутали Государственную думу?" и т. д. и т. п. Это недовольство рабочих не только не нашло своего политического выражения в тактике большевистской партии (я уже не говорю о нас -- "межрайонцах"³⁴², которые в этих вопросах просто плелись в хвосте большевистских руководителей), но было просто притушено... Поэтому Ленин был прав именно тогда, когда он своим гениальным чутьем революционера сразу при отсутствии точной информации понял, что новое правительство вырвало власть из рук победившего

в героической борьбе кровавой пролетариата (см. "Набросок тезисов 17-го марта"). Основные массы рабочих своей власти добровольно не сдали, как не сдают они ее сами никогда, а их "представители" за их спиной проделали это...

Но почему же эти не желавшие сдавать власть рабочие примирились с этим фактом, почему они не переизбрали своих представителей, оказавшихся "представителями" (в кавычках)? Могут мне возразить. И на этот вопрос тов. Дингельштедт дает вполне исчерпывающий ответ. Он очень кстати приводит следующее место Ленина: "один из главных, научных и практически-политических признаков всякой действительной революции состоит в необыкновенно быстром крутом, резком увеличении числа "обывателей", переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни, в устройстве государства..."

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику" (т. XX, с. 114-115). Вот почему мелкобуржуазному руководству пролетариата удалось притушить временно недовольство рабочих фактом передачи власти буржуазии. То же фактически имело место и в германской революции 1918 года.

Ну, а требование правых большевиков "общесоциалистического" правительства: "от энесов до большевиков" -- разве оно исходило из ленинской концепции 1915 г. о допустимости "участия социал-демократов во Временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией... но только не с революционерами-шовинистами". Ведь этим правые большевики подписывались целиком и полностью под левоменьшевистским изданием старой ленинской формулы 1905 года, которая во время империалистической войны при шовинизме мелкобуржуазных партий превращалась в карикатуру на "революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства". Ведь не только энесы, но эсеры, и меньшевики в это время целиком оставались на своей оборонческой, шовинистической позиции, а поэтому и не были "последовательно революционными даже в смысле демократической революции".

Какую же "революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства можно было осуществить в блоке с ними?

Итак, мы видим, что позиция правых большевиков расходилась не только с новой установкой Ленина 1917 г., но и с его установкой 1915 г.

Они требовали блока с "революционерами-шовинистами", надеясь на неизбежный переход мелкой буржуазии на сторону про-

летариата, несмотря на весь опыт за период февраль--октябрь 1917 г. Это уже было фактической сдачей "беспомощно на милость мелкой буржуазии", как предупреждал в своих "Письмах о тактике" Ленин, и которая, как совершенно правильно отмечает Л.Д.[Троцкий], вытекала из "действительной паники перед мужиком" (из его Послесловия к "Что же дальше?" -- "Июльский пленум и правая опасность"), ибо, как нельзя было до Февральской революции ориентироваться только на неизбежную контрреволюционность мелкой буржуазии, так нельзя было после Февральской революции продолжать строить свои расчеты только на неизбежный переход мелкой буржуазии на сторону пролетариата для завершения буржуазно-демократической революции.

Установка Ленина после Февральской революции характерна именно тем, что она не исключала этой возможности, но не допускала ориентироваться на нее, даже как на наиболее вероятный этап развития революции. "Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой игры в "захват власти" рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство большинства и активность масс лишь в мере сознательного выступления большинства. Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к борьбе за влияние внутри Советов рабочих, батрацких и солдатских депутатов" (т. XX, с. 104, курсив Ленина).

Таким образом, форма власти Советов предохраняла от перепрыгивания через "неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение". Мало того, как мы раньше видели уже, Ленин иногда эту власть Советов называл даже "рев[олюционно]-дем[ократической] диктатурой пролетариата и крестьянства".

Но почему же он в таком случае с такой резкостью и непримиримостью выступал против сохранения лозунга "рев[олюционно]-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства"?

Почему можно было сказать: "Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов" -- вот вам уже осуществленная жизнью "рев[олюционно]-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства" ("Письма о тактике", т. XX, с. 101) и почему нельзя, борясь за власть этого Совета, выдвигать лозунг "рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства"? Почему

в это же время эта формула оказывается "устарелой", "никуда не годной", "мертвой" (там же, с. 105). Это основной вопрос ленинской политической установки. Без разрешения этого "противоречия" нельзя ничего понять в ленинских взглядах 1917 г. Без правильного разрешения этого вопроса вся ленинская концепция 1917 г. предстанет в виде нагромождения сплошных противоречий.

Надо помнить следующее: если во время революции, когда классовая борьба выходит на улицу, "действительность показывает нам... факт классового сотрудничества буржуазии и крестьянства" (там же, с. 103), то приходится прийти к заключению, что "неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая рев[олюционно]-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства, оторванная от буржуазного правительства", а "на неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя" (там же, с. 105-106).

При этих условиях "необходимо разделение линии мелкой буржуазии и наемного пролетариата" (Ленин, т. XX, с. 180).

Ведь одно дело, когда устанавливаешь теоретически, что в осуществляющейся пролетарской диктатуре, делающей "шаги к социализму", есть элементы "рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства", поскольку она в союзе с крестьянством разрешает задачи, не разрешенные предшествующим этапом буржуазно-демократической революции, и совсем другое дело выдвигать лозунг "рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства", т.е. ориентировать партию, рабочий класс и само крестьянство на то, что мелкая буржуазия еще может быть революционной.

Но, скажут мне, если пролетарская диктатура осуществляет эти буржуазно-демократические задачи в союзе с крестьянством, то это ведь и есть "рев[олюционно]-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства".

Однако в действительности это совершенно безжизненная, схоластическая постановка вопроса.

В самом деле. Когда пролетарская партия идет к крестьянству с лозунгом

"рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства", то она этим самым как бы ему говорит: на данном этапе интересы пролетариата и крестьянства совпадают. Поэтому давай идти в блоке. Ты выберешь своих представителей -- крестьян или интеллигентов, членов крестьянской партии, а рабочие выберут рабочих или интеллигентов, членов рабочей партии, и они вместе создадут революционную власть.

Когда же пролетарская партия идет к крестьянству с лозунгом "диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство", то она этим самым говорит: интересы пролетариата и огромней-

шего большинства крестьянства совпадают. Поэтому давай идти в блоке. Но имей в виду, что твои обычные представители, т. е. наиболее культурные, наиболее зажиточные крестьяне, а также твоя старая крестьянская партия находится уже в союзе с буржуазией и притом "не случайно".

Поэтому выбирай таких представителей, которые являются членами не этой предавшей тебя крестьянской партии, а членами рабочей коммунистической партии. Они уж вместе с рабочими представителями организуют действительную революционную власть, которая разрешит задачи аграрно-демократической революции, а затем перейдет к осуществлению и таких мероприятий, которые с неизбежностью диктуются обстоятельствами и которые "в своей сумме и в своем развитии... были бы переходом к социализму" (Ленин, т. XX, с. 47).

Резюмирую: отношение к империализму создало новую ситуацию. В чрезвычайно популярной и ясной форме Ленин формулировал это положение в своем заключительном слове на Петроградской общегородской конференции: "Объективное положение 1905 г. было таково: пролетариат и крестьянство являлись единственным революционным элементом, а кадеты стояли за монархию...

Теперь оборончество показало, что мелкая буржуазия отошла от рабочего класса и перешла к буржуазии крупной. Бедному крестьянину, частью живущему трудом в городах, эта война не нужна. Этот класс должен быть противником войны". Поэтому "необходимо разделение линии мелкой буржуазии и наемного пролетариата", ибо "будущее диктатуры пролетариата и крестьянства: мелкобуржуазное крестьянство, стоящее на точке зрения оборонческой, может быть, за монархию" (т. XX, с. 180).

Из всего этого вытекает, что "кто руководится в своей деятельности только простой формулой "бурж[уазно]-дем[ократическая] революция не закончена", тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантии за то, что мелкая буржуазия способна на независимость от буржуазии.

Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии" (там же, с. 106).

* * *

Самый характер моей темы заставил меня несколько злоупотребить "цитатным методом" аргументации. Но это было необходимо для выяснения действительных взглядов Ленина. Вопрос этот приобретает в настоящее время сугубо важное значение в связи с разногласиями относительно характера следующего этапа китайской революции. Кто имеет большее основание ссылаться в этом вопросе на Ленина: сторонники ли лозунга "рев[олюционнo]-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства" или сторонники лозунга "диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство"?

Само собой разумеется (излишне, пожалуй, даже специально оговаривать это), что одними ссылками на Ленина, одними лишь аналогиями с русской революцией вопроса этого решить нельзя. Но все же, помимо конкретного изучения своеобразия развития китайской революции, необходимо в качестве общей методологической предпосылки выяснить те элементы ленинской концепции революционной стратегии, которые носят общепринципиальный характер и применимы в качестве "руководства к действию" во всякой типичной революции в аграрной стране в нынешнюю империалистическую эпоху. Только под этим углом зрения я и пытаюсь использовать в отношении к китайской революции те выводы, к которым я пришел в результате исследования эволюции взглядов Ленина за период 1905-1917 гг.

Прежде всего необходимо остановиться на следующем вопросе, выдвигаемом тов. Преображенским против Л.Д.[Троцкого]: "Мы имели, -- пишет он, -- неудачную буржуазную революцию 1905 г., несмотря на то, что буржуазия уже тогда показала себя как контрреволюционная сила (во время декабрьского восстания наша партия ориентировала пролетариат на новую буржуазно-демократическую революцию как необходимый этап к дальнейшей борьбе за социализм в новом сочетании сил. Был ли прав Ленин или ошибался, когда еще в 1915-1916 гг., т. е. после лозунга превращения империалистической войны в гражданскую, он для России считал необходимым ориентироваться на бурж[уазно]-дем[ократическую] революцию, а не диктатуру пролетариата, а позицию Бухарина и Пятакова (говоривших о лозунге непосредственно социалистической революции) считал ребячеством. Я думаю, Ленин был прав".

Уже один этот аргумент указывает на то, что, во-первых, тов. Преображенский совершенно игнорирует ту модификацию, которую претерпела установка Ленина в связи с империалистической войной и которую я подробно выяснил выше, и, во-вторых, тов. Преображенский смешивает обнаружение контрреволюционности буржуазии с превращением мелкой буржуазии в контрреволюционную силу. Конечно, факт обнаружения контрреволюционности буржуазии еще не снимал с очереди лозунг "рев[олюционнo]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства", ибо именно явная контрреволюционность буржуазии давала основание рассчитывать на то, что революционная мелкая буржуазия в деле борьбы за свои интересы пойдет в пределах бурж[уазно]-дем[ократической] революции на блок с пролетариатом. Совсем другая ситуация создается тогда, когда

мелкая буржуазия во время революции оказывается на стороне буржуазии,

рассчитывая на то, что "порозовевшая" под влиянием временных обстоятельств буржуазия удовлетворит ее интересы, сумев одновременно сохранить "порядок" и отразить всякие покушения на буржуазную собственность со стороны пролетариата. Этих двух вещей нельзя смешивать.

Каково же нынешнее положение китайской революции? Соответствует ли оно положению, создавшемуся у нас после поражения революции 1905 года? Или большее сходство можно обнаружить в нем с ситуацией, создавшейся после Февральской революции? На первый взгляд этот вопрос может показаться даже странным: как же, ведь китайская революция потерпела поражение, а Февральская революция победила. Ясно, как будто, что сравнивать нынешнее положение китайской революции можно лишь с положением после 1905 г. у нас. Между тем, если не удовлетвориться этим формальным сходством, а вникнуть в расстановку классовых сил (что обязательно для марксиста), то станет очевидным, что, вопреки тов. Преображенскому, сравнивать нынешнее положение китайской революции можно именно с положением, создавшимся у нас после Февральской революции. В самом деле. Разве не ясно, во-первых, что к Китаю после революции 1925-1927 гг. в известной степени применимы слова Ленина, сказанные им после Февральской революции в отношении России: захватившее власть "правительство не случайное сборище лиц. Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти... класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит... страной экономически" (т. XX, с. 17), с той особенностью, что в Китае он правит вместе с иностранными империалистами.

А ведь "переход государственной власти из рук одного класса в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции как в строго научном, так и в практически-политическом значении этого понятия. Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция... закончена" (Ленин, т. XX, с. 100).

Разве не ясно также, во-первых, что эта революция 1925-[19]27 гг. привела к превращению мелкой буржуазии, а не только буржуазии крупной, в силу контрреволюционную, ибо "интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика на деле уже разошлись, притом по такому важнейшему вопросу, как... отношение к империализму" (у Ленина: империалистической войне -- см. т. XX, с. 107). Разве в период уханьского правительства "хозяинчик"-кулак не громил с такою же беспощадностью, как и крупный буржуа чанкайшистского "оттенка" движение рабочих и деревенской бедноты? Разве бесславный конец уханьского правительства не тождественен по своим социальным последствиям с перио-

дом добровольной сдачи русской мелкой буржуазией (меньшевиками и эсерами) власти буржуазии? Сходство дополняется поведением коммунистической партии: дряблость, растерянность, капитуляция перед мелкой буржуазией характеризует как поведение Питерского бюро ЦК до приезда Ленина, так и поведение руководства китайской компартией. В Китае пока не оказалось Ленина, который мог бы вовремя выправить линию компартии, и поэтому, только поэтому судьба революции 1925-1927 гг. в Китае имела другие результаты, чем

русская революция 1917 г. Кит[айская] компартия помогала китайской мелкой буржуазии дурачить рабочих и революционных крестьян, пока эта мелкая буржуазия укрепляла свой союз с крупной буржуазией, а потом, когда обе части буржуазии вместе расправились с пролетариатом, они распространили свою расправу, конечно, и на компартию.

Разве не та же судьба ожидала русскую революцию 1917 г. при продолжении тактики, проводившейся большевистским руководством до приезда Ленина?

А если это верно (а это, несомненно, верно), то не вытекает ли из этого, что отстаивание для следующего этапа китайской революции лозунга "рев[олюционнo]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства" означает, по существу, перенесение в Китай каменевско-рыковской тактики, которую они отстаивали в 1917 г., уже после приезда Ленина, вплоть до после Октября. Ведь ни для кого не подлежит сомнению тот факт, что эта каменевско-рыковская концепция после приезда Ленина логически вытекала из позиции, занятой ими до его приезда. Не является ли поэтому ныне рекомендуемая противниками точки зрения Л.Д. [Троцкого] тактика в Китае логическим следствием сталинско-бухаринской тактики в Китае в продолжение 1925-[19]27 гг. Если лозунг "рев[олюционнo]-дем[ократической] диктатуры пролетариата и крестьянства" отстаивается теперь Сталиным и Бухариным, то это еще понятно, но когда этот же лозунг отстаивают товарищи Преображенский и Радек, -- это уж очень даже непонятно.

Но, -- могут нам возразить, -- в русской революции 1917 г. мелкая буржуазия повернула к шовинизму, оборончеству, т. к. дело происходило во время войны и т. к. она была, как говорил Ленин, традициями царизма развращена палачеством над другими народами и до известной степени заинтересована в аннексиях и банковых прибылях. Разве это применимо к мелкой буржуазии полуколониального Китая? Все это возражение столь же основательно, как и вся аргументация руководителей Коминтерна в 1925-[19]27 гг. о том, что буржуазия колониальных и полуколониальных стран неизбежно должна быть антиимпериалист-

тичной. Действительность уже обнаружила, что как в отношении буржуазии, так и в отношении мелкой буржуазии Китая это оказалось неверным. Теперь уже и некоторые наиболее добросовестные из наших противников в Коминтерне начинают кое-что понимать, и Беннет нашел даже соответствующее место у Ленина, которое до сих пор почему-то забывалось. Вот эта цитата: "Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, пожалуй даже в большинстве случаев, буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с ней борется против всех революционных движений и революционных классов". Но это же должно быть отнесено и ко всей буржуазной демократии и ее политическим

представителям. Революция 1925-[19]27 гг. показала, что и мелкая буржуазия (не без содействия компартии, точь-точь как и у нас в марте 1917 г.) "качнулась" к буржуазии, и в основе этого факта лежит опять-таки именно отношение к империализму. В нынешнюю эпоху во всех революциях этот вопрос является тем "оселком", на котором испытывается революционность классов.

"Борьба" китайской мелкой буржуазии в лице уханьского "левого Гоминьдана" против империализма была того же порядка, что и "борьба" наших меньшевиков и эсеров против империализма. "А северный поход?!"³⁴⁴

-- воскликнут сторонники тов. Радека. Северный поход, -- отвечу я, -- по своим результатам оказался войной агентов империализма американского против агентов империализма англо-японского. Т[аким] о[бразом], он оказался по своему объективному значению явлением того же порядка, что и июньское 1917 г. наступление Керенского...³⁴⁵

После опыта русской и китайской революций совершенно непонятным остается, как может тов. Преображенский выдвигать в качестве аргумента в пользу лозунга "рев[олюционн]о-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства" то соображение, что "в Китае предстоит еще огромная, ожесточенная, длительная борьба за такие элементарные вещи, как национальное объединение Китая, не говоря уже о колоссальной проблеме аграрного бурж[уазно]-дем[ократического] переворота". Но ведь именно потому, что национальное объединение Китая невозможно без ожесточенной и т. д. борьбы с империализмом, нельзя ориентировать пролетариат и беднейшее крестьянство на возможность блока с мелкой буржуазией и ее политическими представителями, ибо они уже оказались предателями народных масс Китая в этой борьбе с империализмом. А из этой неспособности к последовательной борьбе с империализмом вытекает у мелкой буржуазии, как показал Ленин еще в 1915 г.,

и непоследовательность даже в смысле демократической революции. Ведь надо же учесть то новое, что вносит в эту проблему отношение к империализму различных классов современного общества.

"Буржуазная республика решить вопроса о войне не может, ибо он может быть разрешен лишь в международном масштабе", -- говорил Ленин в 1917 г. (т. XX, с. 80). В полном согласии с ним пишет и Л.Д. [Троцкий]: "Объединение Китая есть сейчас интернациональная задача... Разрешить эту задачу можно только путем "огромной, ожесточенной, кровавой, длительной борьбы" с мировым империализмом и его экономической и политической агентурой в Китае, буржуазией, в том числе и "национальной"

Ведь это только такой политический пошляк, как Пеппер, может так переверачивать вещи вверх ногами и заявлять: "когда теперь кит- [айской] компартии преподносят теорию перманентной революции, когда ей говорят, что бурж[уазно]-дем[ократическая] революция в Китае больше не существует, что нужно бороться не против империализма, а непосредственно (!) за коммунизм, то очевидно, что китайским товарищам дают плохой совет³⁴⁶.

Ведь в том-то и дело, что для успешной борьбы против империализма оказывается необходимой борьба за коммунизм. В этом-то вся соль и

заключается.

Когда тов. Преображенский начинает противопоставлять характеристику революции по субъекту действия и по объективному социальному содержанию процесса, то он упускает из виду, что и в субъектах действия, и в объективном социальном содержании процесса в Китае (как было и в России в 1917 г.) будут элементы и из бурж[уазно]-дем[ократической] революции, и из социалистической революции. Пролетарская партия, возглавив следующий этап китайской революции, неизбежно очутится перед необходимостью предпринять ряд шагов, которые будут "с безусловной неизбежностью предписываться теми условиями, которые создала" борьба с империализмом (у Ленина: "война" -- в отношении России)... и которые "в своей сумме и в своем развитии были бы переходом к социализму, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в Китае (у Ленина: в России) неосуществим, но вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер" (Ленин, т. XX, с. 46-47).

Бухарин теперь (в своем заключительном слове по вопросу о программе)³⁴⁷ уже заявляет, что "с самого начала здесь (т. е. в диктатуре пролетариата и крестьянства) дан процесс перерастания" ("Правда" 19 авг[уста]).

Но ведь не в этом заключается основной вопрос. Бухарин теперь, как и Каменев в 1917 г., "отводит внимание в сторону, на пу-

стой, якобы научный, на деле бессодержательный, профессорски мертвый вопрос о расчете на немедленное перерождение" (Ленин, т. XX, с. 107).

Для революционной стратегии важно знать, как ориентировать революционные классы, на блок с мелкой буржуазией или на борьбу с ней из-за влияния на гигантские слои беднейшего крестьянства, которые только из-за своей темноты и невежества поддаются обману мелкой буржуазии и передоверяют ей защиту своих интересов. Когда мелкая буржуазия революционна, то это не так опасно, хотя и тогда, как учили Маркс и Ленин, необходим такой же неослабный контроль за этим союзником, как и за врагом, ибо он может ежеминутно предать. После же того, как мелкая буржуазия уже изменила и к тому же во время революции, которая "просвещает, -- как говорил Ленин, -- со сказочной быстротой", после этого идти и пропагандировать блок с этой мелкой буржуазией (а ничего другого, как я пытался показать, диктатура пролетариата и крестьянства не означает) это не что иное, повторим мы еще и еще раз за Лениным, как сдача беспомощно на милость мелкой буржуазии.

Тов. Преображенский приводит еще следующий довод: "сейчас еще ничего нельзя сказать, выдвинет ли китайская мелкая буржуазия какие-либо партии, аналогичные нашим эсерам, или такие создадутся из отколовшихся правых коммунистов и т. д.". Если речь идет о партии, аналогичной правым эсерам, то "левый Гоминьдан" и есть такая партия (даже лозунг "социализма" имеется в его программе) и создавать ее незачем поэтому. Если тов. Преображенский

имеет в виду партию, аналогичную левым эсерам, то ведь, как мы знаем из опыта нашей революции, ориентировка партии на диктатуру пролетариата не помешала нашему временному блоку с такой партией, когда она у нас создалась. Напротив, именно решительный и последовательный курс нашей партии на пролетарскую революцию и способствовал быстрому оформлению партии левых эсеров у нас.

Что касается того соображения тов. Преображенского, что, в отличие от нынешнего положения в Китае, у нас Февраль уже создал "условия для массовой организации рабоче-крестьянских Советов", то этот аргумент бьет мимо цели, ибо точка зрения Л. Д. [Троцкого], в полном соответствии с установкой Ленина после Февраля, не исключает возможности какого-либо дополнительного этапа бурж[уазно]-дем[ократической] революции. "Я допускаю, -- пишет он, -- что первый этап движения может в сокращенном виде повторить в известной форме уже пройденные этапы революции (например, какую-нибудь новую пародию на "общенациональный фронт" против Чжан Цзолина). Но этот первый этап будет достаточен разве только на то,

чтобы дать компартии выдвинуть и провозгласить перед народными массами свои "Апрельские тезисы", т.е. свою программу и стратегию завоевания власти пролетариатом. Если же мы войдем в новый подъем, который будет развиваться несравненно более быстрым темпом, чем предшествующие, с запоздалой уже сегодня схемой "демократической диктатуры", то можно заранее дать голову на отсечение, что в Китае найдется очень много Лядовых³⁴⁸, но вряд ли найдется Ленин, для того чтобы (против всех Лядовых) произвести тактическое перевооружение партии на другой день после революционного толчка".

Поэтому основная задача теперь в Китае, как и в России после Февраля 1917 г.,-- "разделение линии мелкой буржуазии и наемного пролетариата" (Ленин, т. XX, с. 180). Это предлагает нам Л.Д.[Троцкий], и поэтому именно его установка в этом вопросе есть основа "Апрельских тезисов" для Китая.

20 сентября 1928 г.

Краткий конспект доклада Угланова на совещании секретарей ячейек московской организации 25/ГХ-[19]28 г. в доме Красной Армии по вопросу

"О ЗАДАЧАХ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ"

Хозяйственное положение очень трудное. География урожая такова, что она создает добавочные затруднения с хлебозаготовками. Плохо с хлебом, плохо с маслом; только вот с мясом благополучно -- обеспечены до весны. Коренная причина -- отставание сел[ьского] хоз[яйства] от промышленности. Да и не удивительно. Взять, к примеру, Кубань -- житницу СССР. Мы там крестьянству ничего не дали -- зато в Ейске на водопровод ухлопали 2 млн [рублей] Крестьянина жмет переобложение. Калинин, выступивший по этому поводу по поручению ЦК, совершенно прав.

Нужно поставить ближе к парт[ийным] массам, парт[ийным] ячейкам

райкомы, их надо разукрупнить. Мы очень плохо ведем массовую работу; мы не умеем использовать активность рабочих. Нужно будет ближайшие выборы бюро провести без предварительной наметки кандидатур.

Оппозиция еще существует на предприятиях, и она ведет усиленно свою работу. В Хамовниках на активе они перерезали провода и веером разбросали листовки. Прихожу на завод один, а мне показывают -- вон, мол, идет "секретарь ячейки оппозиции", -- и он ходит свободно, разговаривает с рабочими, и его очень внимательно рабочие слушают, хотя не одобряют. На другом заводе,

когда секретарь одной ячейки выступил против оппозиционера и сказал, что его нужно арестовать, три четверти присутствовавших рабочих зашумели и заявили, что уйдут с такого собрания. Все это показывает, что одних мер ГПУ недостаточно -- а мы очень слабо ведем идейную борьбу -- ее надо усилить всемерно.

В последнее время работа оппозиции ожила -- факт: кампания о Троцком. Троцкий-то здоров -- он только третьего дня вернулся с двухдневной охоты. Кампания же, поднятая оппозиционерами, -- это только зацепка, только проба сил на массовой работе. Надо дать по рукам.

4. Разногласия в ЦК -- это ложь, клевета; споры по большим вопросам, конечно, бывают,-- как им не быть?

Из выступавших ни один не задал вопросов оппозиции.

Полонский выступал против Углового, говоря, что разногласия скрывать нечего.

Двое т[оварищей] из деревенских парторганизаций выступили с такой речью: "Во всех политических неудачах ЦК ссылается на извращения мест. Неправда -- все, что мы делали, -- сделано по прямым директивам партии, и нечего на нас собак вешать -- вешайте на себя". В этом месте собрание устроило одному из них бурную овацию.

Речь Углового, по свидетельству присутствовавших, почти наполовину была посвящена оппозиции.

Н. СЕДОВА-ТРОЦКАЯ. ПИСЬМО-ТЕЛЕГРАММА

Москва. Секретарю МК ВКП(б)

Углового

В своей речи на Пленуме МК вы говорите о мнимой болезни мужа моего Л.Д.Троцкого. По поводу беспокойства и протестов многочисленных товарищей Вы возмущенно заявляете: "Вот к каким мерам прибегают". У Вас получается, что к недостойным мерам прибегают не те, которые ссылают сподвижников Ленина и обрекают их на болезни, а те, которые протестуют против этого.

На каком основании и по какому праву Вы сообщаете партии, трудящимся, всему миру, что сведения о болезни Л.Д.[Троцкого] ложны? Ведь Вы этим

обманываете партию. В архивах ЦК имеются заключения лучших врачей о состоянии здоровья Л.Д.[Троцкого]. Консилиумы этих врачей собирались не раз по инициативе Владимира Ильича [Ленина], который относился к здоровью Л.Д.[Троцкого] с величайшей заботой. Эти консилиумы, созывавшиеся ЦК и после смерти В. И. [Ленина], установили, что у Л.Д.[Троцкого] колит (хронический катар кишеч-

ника) и вызванная дурным обменом веществ подагра. Вам, может быть, известно, что в мае 1926 года Л.Д.[Троцкий] подвергся в Берлине операции, чтобы избавиться от преследовавшей его в течение нескольких лет повышенной температуры. Колит и подагра не такие болезни, от которых излечиваются, особенно в Алма-Ате. С годами они прогрессируют. Поддерживать здоровье на известном уровне можно только при правильном режиме и правильном лечении. Ни того, ни другого в Алма-Ате нет. О необходимости режима и лечения Вы можете справиться у Н.А.Семашко³⁴⁹, который неоднократно принимал участие в консилиумах, организованных по поручению Владимира Ильича [Ленина]. Здесь Л.Д.[Троцкий] сверх того сделался жертвою малярии, которая влияет, со своей стороны, и на колит, и на подагру, вызывая в то же время периодами сильные головные боли. Лечение хинином, в свою очередь, тяжело отзывается на кишечнике. Бывают недели и месяцы более благоприятного состояния, затем они сменяются неделями и месяцами тяжелых недомоганий. Таково действительное положение вещей.

Вы сослали Л. Д. [Троцкого] по 58-й статье как "контрреволюционера". Можно бы понять, если бы Вы заявили, что здоровье Л.Д. [Троцкого] Вас не интересует. Вы были бы в этом случае только последовательны -- той самой губительной последовательностью, которая, если ее не остановить, сведет не только лучших революционеров, но может свести и партию и революцию в могилу. Но тут у Вас, очевидно, под напором общественного мнения рабочих не хватает духу быть последовательным. Вместо того, чтобы сказать, что болезнь Троцкого есть для вас выгода, ибо она мешает ему думать и писать, Вы просто отрицаете эту болезнь. Также поступают в своих выступлениях и Калинин, и Молотов. Тот факт, что вам приходится держать по этому вопросу ответ перед массой и так недостойно изворачиваться, показывает, что политической клевете на Троцкого рабочий класс не верит. Не поверит он и вашей неправде о состоянии здоровья Л.Д. [Троцкого].

Наталья Ивановна Седова-Троцкая

P. S. Настоящее письмо адресуется Вам как секретарю той организации, к которой я принадлежала после переезда из Ленинграда в течение 10 лет. Каково сейчас мое партийное положение, это Вам, может быть, лучше известно, чем мне. Извещения о своем исключении из партии я не получала. В меру своих сил я принимала и буду принимать участие в борьбе за торжество идей большевиков-ленинцев (оппозиции).

Н. Троцкая

[После 20 сентября 1928 г.]

ЧТО ПРОИСХОДИТ ВОКРУГ РЕДАКЦИИ "КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ"?

(Из разговоров на совещании редакторов)³⁵⁰

Конфликты между редакцией и целым рядом советских и партийных и в особенности профсоюзных организаций продолжаются. На редакцию злы все и вся. Сердиты газеты за то, что своей самокритикой она значительно опередила всех и приобрела тем самым характер общеполитической газеты. Особенно сердится "Правда", которая самокритикой не то что не может, не хочет заниматься. Последнее несчастье, обрушившееся на голову воинствующей газеты, связано с Бухариным. Редакция поместила его статью в сокращенном виде³⁵¹.

Бухарин разразился по этому поводу бешеным письмом в редакцию. В тоне, перешедшем всякие границы, он писал, [что] редакция систематически ведет борьбу с его взглядами. Но вместо того чтобы делать это открыто, откровенно в статьях за подписью определенных лиц или редакторов (на что редакция, очевидно, не способна, либо не осмеливается), редакция предпочитает помещать его речи в сокращенном и искаженном виде. В этой лавочке он не желает принимать участия. И т. д. Обозвав их редакторами "от клея и ножниц", он требовал, чтобы его письмо было опубликовано в газете.

Письмо это было дано также в "Правду" для помещения.

Костров, получив его, позвонил в редакцию "Правды" и попросил не печатать письма, так как он вопрос переносит в ЦК. "Правда" обещала не печатать его.

Перед тем как вопрос разбирался в Политбюро, Костров был у Молотова. Молотов сказал, что "Комсомольской правде" придется сбавить тон, что она заняла линию неудобную, что все ею недовольны и придется, очевидно, дать туда кое-кого для надзора и выпрямления линии.

В Политбюро редакцию встретили почти в штыки. Доводы Кострова, что "Комсомольская правда" не нарушает партийных директив и не отклоняется от линии партии, а проводит лишь то, что было провозглашено партией за это время, -- не помогли. Никто не встал на защиту редакции.

Политбюро решило пополнить редакцию новыми ответственными работниками, а письмо Бухарина поместить, но без всякой ругани. Костров заявил, что в таких условиях он работать не может, и просил его снять.

Просьбу его не удовлетворили. Вопрос о новом пополнении редколлегии и о том, останется ли Костров и др[угие] (они хотят уйти), пока еще не выяснен, так как никто еще в редколлегию не назначен.

Сентябрь 1928 г.

ЛИСТОВКА

Требование возвращения тов. Троцкого

Киев. На днях состоялось собрание рабочих-призывников в количестве более 600 человек, на котором от имени собравшихся выступил товарищ со

следующим заявлением: "Мы уходим в Красную армию с большой тревогой. Страна переживает большие затруднения. Перед революцией стоят большие опасности. На исходе 11[-го] года революции организатор и вождь Красной армии тов. Троцкий находится в ссылке в ужасных условиях Алма-Аты. По имеющимся сведениям, он болен и жизнь его находится в большой опасности. Мы будем в большой тревоге за его жизнь. Надо требовать возвращения его из ссылки". Эта часть выступления была выслушана с большим вниманием, а последние слова были покрыты бурными аплодисментами.

Выступивший после оратора представитель окружкома ВКП(б) не мог рассеять сильного впечатления и сорвал только хлопки не более двух десятков человек.

Принята резолюция оппозиции

Киев. На заводе "Ковкий чугун" во время обсуждения вопроса о 2-м займе индустриализации выступали оппозиционеры. Поддерживая подписку на заем, товарищи вместе с тем касались и других способов изыскания средств для индустриализации, которые неоднократно еще раньше указывала оппозиция.

Собранию в числе свыше пятисот было предложено две резолюции: одна представителем окружкома, а другая оппозиционерами. Большинством 480 голосов против 60 была принята резолюция оппозиции.

Оппозиция растет

Киев. Несмотря на неоднократные заявления о том, что с оппозицией покончено и подведена окончательная черта (Бухарин), оппозиция все же продолжает не только жить, но и расти. Одним из таких примеров является завод "Большевик"352. До XV съезда партии на этом заводе действительно не было сторонников оппозиции, и во время "дискуссии" представители окружкома упрекали оппозицию, что "на этом заводе де у вас нет никого". Сейчас картина изменилась. И те же представители делали угрожающие заявления за влияние на этот завод. Лучшим доказательством роста оппозиции на заводе служит тот факт, что окр[ужная] К[онтрольная]К[омиссия] энергично ведет следствие о фракционной работе, привлекая "к ответственности" новых оппозиционеров, защитников линии ЦК до XV съезда.

Обыск на улице

Киев. На днях, в 6 часов утра направлявшемуся на завод товарищу был предъявлен ордер на обыск и арест в случае необходимости. Товарищ тут же на улице был обыскан и после этого отпущен.

Ворошилов в Киеве

Во время пребывания на маневрах в Киеве Ворошилов обещал посетить три

крупных предприятия, "Арсенал"353, "Большевик" и железнодорож[ные] мастерские. На "Арсенале" он выступил с докладом о военной опасности и этим хотел ограничиться. Но киевских рабочих, как и всех рабочих вообще, интересуют также такие вопросы, как хлебозаготовки и связанное с этим рабочее снабжение и зарплата. В этой плоскости ему посыпались не совсем приятные вопросы. Докладчик, кстати обещавший в прошлом году на этом заводе повышение зарплаты, старался выпутаться из неприятного положения и всячески пытался доказать, что зарплата увеличилась. Что же касается затруднений в снабжении, то в сравнении с военной опасностью, непосредственно угрожающей Киеву, особенно в связи с декларацией пана Юзефского (Волынского воеводы) о присоединении Украины к Польше -- это пустяки. В такой серьезный момент (говорит он), когда нам угрожает военная опасность, вы говорите о таких вещах.

Когда же рабочие, у которых эти "вещи" все же занимают, вполне справедливо, большое место, доказали ему, что реальная зарплата пала и что ее надо поднять, у него нашелся единственный ответ: "Что вы обвиняете меня? Это дело не мое, а Куйбышева". Ответ, вполне достойный члена Политбюро ЦК.

После "бесед" на "Арсенале" он отказался от намерения посетить "Большевик" и мастерские.

Днепропетровск

В августе в трамвайных мастерских разыгралась следующая история.

Управление трамваем постановило лишить семей рабочих права бесплатного проезда в трамвае. Это обстоятельство взбудоражило всех рабочих, и инициативная группа составила заявление на имя ЦК КП(б) Украины.

Как только местные власти узнали, что через их голову было отправлено заявление, было немедленно созвано общее собрание рабочих.

Секретарь райпарткома разъяснил, что совершенно недопустимо действовать помимо местных организаций и, наконец, выставил аргумент: "Что скажут про нас в Европе?"

Выступившие рабочие говорили, что к местной организации они не обращались потому, что действия Управления трамваем согласованы с ней.

Там же на собрании была приведена чрезвычайно интересная историческая справка о том, что право бесплатного проезда в трамвае для семей было завоевано трамвайщиками в 1905 г. путем забастовки. До революции царское правительство не посмело отнять у них это право. И только совбюрократы решились на это на 11-м году революции.

После горячих дебатов была принята резолюция о том, что с целью пересмотра указанного решения создается специальная комиссия.

Оппозиционеры внесли добавление: "Если в течение определенного времени вопрос будет разрешен не в пользу рабочих, они оставляют за собою право объявить забастовку". Это добавление было принято большинством голосов, причем голосовало очень много членов партии.

По полученным сведениям, вопрос разрешен в пользу трамвайщиков.

Из Днепропетровска получены сведения об интересном случае внутрипартийной демократии.

На одном предприятии общее собрание партийное категорически отвергло кандидатуры членов бюро и секретаря ячейки, предложенных райкомом. Собрание было перенесено, однако райкому не удалось никого уговорить, и в результате ячейка избрала своего секретаря.

Райком начал действовать путем перебросок членов бюро с предприятия. Секретарь ячейки, который до того был освобожден от всяких иных работ, был отправлен к станку. Таким образом, партийную работу должен был направлять человек, отдающий большую часть времени работе у станка.

Подробных сведений о том, чем эта история закончилась, еще нет. Известно только, что секретарь, выдвигавшийся райкомом, был оставлен для работы на заводе и начал вокруг себя собирать группку, которая должна была дискредитировать бюро и секретаря.

Харьков

Несколько дней длилось собрание на крупнейшем предприятии ВЭК по поводу лозунга самокритики. Особенно оживленно оно проходило в инструментальном цеху, где было несколько открытых оппозиционных выступлений. Когда дошло дело до резолюции, то оказалось, что резолюция, предложенная ячейкой, отклоняется. Смелые "храбрые" "руководители" не решились ставить на голосование вторую резолюцию и нашли для себя более удобным позорно бежать, закрыв наскоро собрание и обещав продлить его "завтра". Среди рабочих начались разговоры. Ответом на это послужил арест рабочего-оппозиционера, известного всему заводу и пользующегося большим авторитетом. К настоящему моменту "самокритика" в полном разгаре и в связи с этим снято с завода несколько рабочих-оппозиционеров "по сокращению штатов".

Киевский округ

В Таращанском районе на одном из сахарных заводов при обсуждении решений июльского пленума ячейка голосовала против решений июльского пленума как оппортунистических. Немедленно из Киева был командирован инструктор, который поставил вопрос о снятии верхушки Таращанского парткома, на активе и в ячейках предложение провалилось. Прибывшая вскоре комиссия исключила несколько человек из партии, некоторым объявила выговоры. Руководство обновлено.

Казань

Аналогичный случай произошел на одном из цеховых ячейковых собраний завода "Спартак" (свыше тысячи рабочих), 8 чел. голосовало против решений июльского пленума. Ячейка "Спартака" насчитывает около 120 чел. До съезда там не было оппозиционеров. В связи с ростом оппозиции партком проявляет исключительную заботливость в отношении ячейки. Доклады следуют за докладами. Число прикрепленных значительно возросло. Последнее

обстоятельство вызвало сильное возмущение среди членов партии. Внесено предложение об откреплении всех прикрепленных к ячейке, т. к. жизнь предприятия им незнакома и никакой пользы от работы не несут.

С. МИНЦ354. В АСТРАХАНСКУЮ ОКРУЖНУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ от большевика (оппозиционера), отбывающего ссылку в с. Красном Яру
Копия: ЦКК, ВЦСПС, Томскому

Заявление

В мае месяце этого года во время моего пребывания в г. Астрахани я имел беседу с секретарем партколлегии К[онтрольной]К[омиссии] на разные партийные темы, а также говорил ему о ряде возмутительных действиях местных партийных и советских руководителей в отношении ко мне не разрешая посещать открытые партсобрания и другие профессиональные и общественные Собрания355, на что секретарь сам был удивлен и возмущен действием этого и заявил мне, что мне разрешается посещать Собрания и не только посещать но и активно участвовать, заявил, что он даст такую директиву местным партийным органам. На следующий день в беседе с зам. нач. ГПУ -- Адамовым также мне подтвердил, что могу посещать собрания и т. д. По приезде моем в Красный Яр, мне обо всем этом подтвердил уполномоченный ГПУ (что он имеет директиву о том, что я могу посещать всякие открытые Собрания и т. д.).

Затем в начале августа когда я вторично прибывал в Астрахань я хлопотал перед ГСПС356 о прикреплении меня к какому-нибудь Союзу в Красном Яру. Заявил председателю ГСПС, что я оппозиционер отбывающий ссылку и имею ли право на восстановлении себя в союзе, на что получил утвердительный ответ и тут же получил директиву через губотдел союза пищевиков зарегистрировать меня при группоме С[оюза] П[ищевиков]357 села Красного Яра. Сейчас же после взятия меня на учет спустя несколько дней, я принимал активное участие в одном из Собраний союзного актива созываемого группомом СП. Выступал по докладу ЕПО358, вскрывал ряд недочетов в работе ЕПО, а затем предлагал резолюцию по докладу ЕПО которая была принята на следующем Собрании актива. Через 2 недели на следующем Собрании актива, когда я пришел на актив мне председатель группкома СП вручил отношении губотдела союза пищевиков совершенно противоречащее первому отношению, т. е. то что я не могу быть членом союза как ссыльный и исключаясь (как будто бы раньше губотдел не знал, что я оппозиционер-политссыльный). А более неожиданный сюрприз получился для меня, когда я пришел на явку к уполномоченному ГПУ и он мне объявил новую директиву полученную им о том, что мне запрещено посещать всякие Общественные, профессиональные Собрания, словом отнимает у меня все мои элементарные права граждан поясов Советской России. На мой вопрос чем вызваны эти новые репрессии и что оно совершенно противоречит тому, что было мне в мае м-це секретарем партколлегии и зам. нач. ГПУ объявлено о правах посещения открытых собраний. Поэтому обращаюсь

(трижды) к Вам, как в высший партийный орган, который призван для того, чтобы следить за борьбой со всякими грубыми и недопустимыми парт. линии и прошу ответить мне на следующие вопросы:

Почему в мае м-це мне разрешалось посещать всякие профессиональные, общественные и открытые партсобрания и даже активно в них участвовать, а в сентябре через пять месяцев все это опять отменяется и мне возвращают первобытное состояние, лишают всяких элементарных гражданских прав никем неотмененных высшими властями.

Почему в августе м-це по предписанию ГСПС и губотдела пищевиков меня принимают на учет в союз, а через месяц после моего выступления и т. д. на активе, меня снимают с учета.

Почему меньшевики явные контрреволюционеры (местные ссыльные) не выключены до настоящего времени из союза и состоят на учете группкома СП, на них не распространяется этот циркуляр.

Я ничуть не сомневаюсь, что все эти репрессии вызваны моим выступлением на активе и предложенной мною резолюцией по докладу ЕПО.

Я прошу Окружную контрольную комиссию потребовать копию моей резолюции, протокол Заседания противоречит ли оно линии Партии и т. д., ибо если бы резолюция противоречила линии Партии, то она не была бы пропущена райкомом который с ней ранее знакомился. Несомненно здесь имеется грубое допустимое нарушение со стороны местных Партийных органов. Для меня совершенно не понятно, почему я старый член Союза с 1908 г. состоящий в партии десяток лет организовал в старое время легальные и нелегальные профсоюзы и неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского режима и с 17 года я раскалывал желтые меньшевистские профсоюзы, организовал Красные профсоюзы, организовал рабочие отряды членов Профсоюзов на борьбу с бандитизмом Григорьевщины³⁵⁹. Организовал продотряды³⁶⁰ из членов Профсоюзов и провел раскулачивание в 1920 году, за что имел несколько благодарностей от Реввоенсовета украинской армии и т. д.

И вот я сейчас после двадцатилетней моей революционной деятельности, боровшегося в рядах ВКП(б), сейчас не могу состоять членом Союза, лишен элементарных гражданских прав, а явные контрреволюционеры, которые боролись и борются против Советской Власти (меньшевики и шахтинские вредители и им подобные) состоят членами Союза.

Прошу Окр. КК ответить мне на все эти вопросы и как это все понять?! Мною было послано уже второе заявление Вам и до сих пор не получено никакого результата. Прошу и требую ответ на эти заявления, как первые так и настоящее. Прошу дать ход, выяснить все мною описанное.

Итоги Шестого конгресса Коммунистического Интернационала³⁶¹

VI конгресс Коминтерна отличается исключительно бесплодием в практическо-политическом отношении: он не решил ни одной новой практической проблемы и ограничился единогласным одобрением всего, что сделано до него,

как в области разгрома левого крыла, так и в области "производства" лозунгов так называемого "левого курса". Но он имеет совершенно бесспорное значение в деле выработки обобщенного теоретического обоснования оппортунизма в Коминтерне. Притом по двум линиям: оправдания сделанных за последние годы оппортунистических ошибок и прокладки теоретических путей для оппортунизма в будущем.

Теория построения социализма (вместе с ее составной частью -- вращением кулака в социализм), изобретенная в 1925-1927 гг. для увенчания оппортунистической практики этих лет, после XV съезда совсем не выглядит победоносной. Ни одни уста не раскрываются более для ее защиты полным голосом, как это было в дни XV партконференции ВКП и VII пленума ИККИ. Слово "построение" заменено более расплывчатым, но более уместным словом "строительство", чем, однако, вся эта теория лишается души. В программу эта формула вводится в дипломатической формулировке, совсем не похожей на формулировку резолюции указанной конференции и пленума ИККИ. Проповедование этой "теории" стало невозможным после двухлетней теоретической критики оппозиции и трехлетней практической критики жизни.

Но оппортунизм представляет собой сейчас большую силу и ему нужна идеология, он без нее в коммунистической партии жить не может. И снова Бухарин, как в начале 1925 года, трудится в поте лица своего над созданием новой формы идеологии, прикрывающей, освещающей и закрепляющей оппортунизм, на этот раз имеющий уже интернациональный масштаб и значительные кадры во всех партиях К[оммунистического] И[нтернационала]. Надо отдать справедливость Бухарину: он много сделал за время после XV партсъезда и особенно за те полтора месяца, когда заседал конгресс, для того чтобы шить "новенькое" идеологическое прикрытие для оппортунизма, выступившего "голеньким" в свете английских стачек, китайской революции и нового наступления кулачества на хлебозаготовительном фронте. "Новые" теории Бухарина сразу же оказались закрепленными в прениях и в принятых единогласно решениях конгресса:

о международном положении,
программном и колониальных вопросах и

3) проблемах внутреннего развития партий К[оммунистического] И[нтернационала].

Но за внешним единогласием принятых решений на VI конгрессе, как и во времена XIV конференции ВКП, явственно выступают очертания нового левоцентристского крыла, которое начнет борьбу против практических выводов из только что единогласно принятых решений. Идеологическим исходным пунктом этой борьбы, которая заполнит собою внутреннюю жизнь К[оммунистического] И[нтернационала] в ближайшие годы, станут решения этого конгресса и прения на нем. Поэтому необходимо тщательное и внимательное изучение этих прений и

решений, с целью их практической оценки. Сейчас уже недостаточно знать и разбираться в старых досъездовских положениях и идеях коммунистического оппортунизма, ибо появились ряд новых. Надо их преследовать по пятам с первых же шагов их развития.

I. Современный этап мирового развития и задачи Коминтерна

(Есть ли наша эпоха -- эпоха революции)

В первом же своем докладе о международном положении Бухарин дал в форме разбивки на три периода такую оценку послевоенного развития, которая, несмотря на все фиговые листки, которыми она прикрыта, означает, по существу, ревизию коммунистической точки зрения на послевоенную эпоху, отказ от рассматривания ее как эпохи революционных боев, прерываемой только короткими периодами капиталистического подъема, главным образом, на основе отдельных поражений пролетариата. В резолюции, принятой в 1924 году Третьим конгрессом Коминтерна по докладу тов. Троцкого о "новом этапе", сложившаяся обстановка характеризуется так:

"Совершенно очевидно, что в настоящее время открытая революционная борьба пролетариата за власть переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпа. Но и по самому существу дела нельзя было ждать, чтобы революционное наступление после войны, поскольку оно не привело сразу к победе, развивалось по непрерывно восходящей линии. Политическое развитие тоже имеет свои циклы, свои подъемы и понижения...

До тех пор пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости. Пролетариат, отброшенный во время нынешнего кризиса натиском капитала назад, при сколько-нибудь явном улучшении конъюнктуры немедленно перейдет в наступление. Его наступательная экономическая борьба, которая в таком случае велась бы неизбежно под лозун-

гом реванша за все обманы эпохи войны, за весь грабеж и все обиды эпохи кризиса, имела бы тем самым такую же тенденцию превратиться в открытую гражданскую войну, как и нынешняя оборонительная борьба".

Можно без преувеличения сказать, что в формулировке этой мысли и вытекающих из нее тактических выводов заключалось все историческое значение Третьего конгресса. Поворотом, проведенным товарищами Лениным и Троцким, при упорном сопротивлении возглавляемого Бухариным и Зиновьевым большинства конгресса, Коминтерн был спасен, по словам Ленина, от развала, который грозил ему неминуемо в случае, если бы он продолжал механически двигаться по тому пути, на который стала ВКП в дни мартовского восстания 1921 года³⁶² -- пути игнорирования изменения в объективной обстановке после крупных поражений пролетариата. Бухарин и его сторонники считали, что революционный процесс является перманентным в том смысле, что капитализм беспрерывно разваливается, пролетарская революция беспрерывно наступает. Так как эти споры происходили большей частью в среде русской делегации и не были

опубликованы, то для характеристики бухаринской позиции мы воспользуемся двумя свидетельствами: тов. Троцкого и самого Бухарина.

В присланной VI конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала] "Критике основных положений проекта программы" тов. Троцкий пишет:

"Он (Бухарин) стоял тогда на точке зрения своей, не марксовой, перманентной революции: так как капитализм исчерпал себя, то нужно непрерывное революционное наступление, чтобы добиться победы...

Бухаринской теории "перманентной революции", согласно которой в революционном процессе немыслимы никакие перерывы, застойные периоды, отступления, переходные требования, -- я, разумеется, никогда не разделял...

Наоборот, Бухарин до того как он перешел в свою противоположность, неизменно развивал схоластическую карикатуру на марксово положение непрерывной революции. Бухарин считал во всю эпоху "левого коммунизма", что революция не допускает ни отступлений, ни временных сделок с врагом...

На том же Третьем конгрессе и после него он вел борьбу против развивавшейся мною мысли о неизбежности повышения экономической конъюнктуры в Европе³⁶³, причем после ряда поражений пролетариата, я от этого неизбежного повышения конъюнктуры ждал не удара по революции, а наоборот, нового толчка революционной борьбе. Бухарин, стоявший на точке зрения своей схоластической перманентности, как экономиче-

ского кризиса, так и революции в целом, вел против меня в этой линии длительную борьбу, пока факты не заставили его, с большим, как всегда, запозданием признать, что он ошибался.

На III и IV конгрессах Бухарин боролся против политики единого фронта и переходных требований, исходя из своего механического понимания перманентности революционного прогресса" (Проект программы Коминтерна, критика основных положений, с. 36-37 печатного издания).

Точность этой характеристики тов. Троцким прежней бухаринской точки зрения подтверждена самим Бухариным в том же его докладе на VI конгрессе:

"Прежде всего, -- говорил он, -- некоторые литературно-политические реминисценции, некоторые справки в связи с этим вопросом. Каковы были несколько лет тому назад наши представления о процессе дальнейшего развития или дальнейшего распада капиталистической системы. Я прежде всего беру время разработки первого проекта нашей программы (1922). Мы тогда формулировали тезис о положении капитализма таким образом: капиталистическая система находится в процессе распада -- в процессе распада без всяких оговорок. Наше тогдашнее представление о дальнейших судьбах капитализма можно было бы изобразить в виде непрерывно падающей кривой" (Правда, No 169 от 22 июля 1928 г.).

Это совершенно правильное утверждение нуждается в двух только уточнениях: во-первых, слово "мы" следует отнести (как это видно хотя бы из

приведенной цитаты из резолюции III конгресса К[оммунистического] И[нтернационала]) не к Коминтерну в целом, а только к Бухарину и его ближайшим друзьям, продолжавшим стоять на точке зрения схоластической перманентности и после III конгресса. Во-вторых, неверно дальнейшее утверждение Бухарина, что уже на V конгрессе он изменил эту свою точку зрения на мировое развитие. На самом деле он ее придерживался до самого 1925 г., т.е. до начала своего правоцентристского сползания. В заключительном слове по докладу Бухарин сам признавал это, заявив:

"На последнем V конгрессе, как вам известно, термин "стабилизация" еще не фигурировал. В тезисах по экономике мирового хозяйства V конгресс констатировал прежде всего распад мирового хозяйства; в тезисах говорится прямо о распаде мирового хозяйства, о валютном хаосе, о кризисе европейского хозяйства. В наших экономических тезисах мы тогда отмечали, что европейское хозяйство находится в порочном кругу и не может выйти из состояния кризиса...364

По докладу тов. Зиновьева V конгресс принял и тактическую резолюцию. В чем заключалась сущность общеполитического

анализа в этой резолюции. Отмечалось в качестве основного момента наличие так называемой "пацифистско-демократической эры".

Итак, в результате оценки тогдашней ситуации, мы констатировали распад мирового хозяйства, перманентный кризис европейского хозяйства и наличие "эры демократического пацифизма" в качестве политической надстройки..." (Правда, No 180 от 4 августа).

Мы имеем, следовательно, авторитетное свидетельство Бухарина, что конгресс К[оммунистического] И[нтернационала], происходивший летом 1924 г., когда стабилизация валюты уже происходила, не хотел ее видеть, а пацифистско-демократическую эру толковал как признак распада капитализма, когда как на самом деле она была выражением временного укрепления капитализма и рабочего оппортунизма. Столь же правильным мы находим и дальнейшее утверждение Бухарина (там же), что "самый термин "стабилизация" впервые прозвучал в нашем кругу лишь в 1925 году".

Да, в крепком задним умом бухаринском "кругу" этот термин действительно "прозвучал" лишь в 1925 г., когда стабилизация была уже в разгаре и стала поворачиваться своей оборотной стороной (начало германского кризиса в 1925 г.365 и уход от власти социалистических и демократических партий во всех странах). Товарищи же Троцкий и Радек, заметившие наступавшую стабилизацию в конце 1923 года и указавшие не нее определенно и решительно в начале 1924 года, были обвинены в правом уклоне.

Но с тех пор как события заставили бухаринские "круги" признать стабилизацию, они стали вырабатывать такой взгляд на нее, который по сути дела есть та же "перманентная" схоластика, вывернутая наизнанку. Если раньше Бухарин по его же словам изображал развитие послевоенного капитализма "в виде непрерывно падающей кривой", то теперь Бухарин изображает все развитие капитализма после войны в виде непрерывно поднимающейся вверх кривой, а

революционные вспышки массовой борьбы в виде непрерывно затухающей или падающей кривой. Это есть отречение от марксово-ленинской теории революционной эпохи. К этому отречению и сводится весь смысл выдвинутого на конгрессе Бухариным деления на три периода.

Что представляет собою бухаринское деление послевоенной истории на три периода.

"Первый из них, -- говорит он, -- это период острого революционного кризиса, особенно в европейских странах... Кульминационными пунктами этого периода были 1920-1921 годы... Заключительной хронологической датой первого периода нужно считать конец 1923 года...

...Второй период принес больше "спокойствия и порядка" европейскому и всему мировому капитализму. Непосредственно революционные события перебрались с европейского материка на колониальные и полуколониальные страны... Второй период с экономической точки зрения, с точки зрения анализа капиталистического хозяйства, можно назвать периодом восстановления производительных сил капитализма.

...На смену этому периоду пришел третий период, период капиталистической реконструкции, выражающейся в качественном и количественном выходе за довоенные рамки. Рост производительных сил капитализма связан, с одной стороны, с довольно крупным техническим прогрессом, с другой стороны, с широкой реорганизацией капиталистических хозяйственных связей" (Правда, No 169).

Достаточно бегло сопоставить характеристики этих трех периодов, чтобы убедиться, что у Бухарина речь идет о линии "непрерывного подъема капитализма" (вплоть до новой подготовляемой империалистами войны, которая снова приведет к началу развала капитализма). Это с точки зрения экономической. А с политической точки зрения, по Бухарину, первый период есть период наступательных действий революционного пролетариата. Второй -- период оборонительной борьбы пролетариата "вообще и оборонительных рабочих стачек, в частности", как будто оборонительные стачки, вроде английской, не могут стать наступательными, революционными действиями.

В третий период массовая революционная борьба вообще невероятна, по Бухарину. В связи с оценкой венского восстания, которое трудно подвести под оборонительную стачку, Бухарин говорит:

"Некоторые товарищи спрашивали меня, не свидетельствует ли мое молчание об июльском восстании в Вене о том, что мы изменили свою точку зрения по этому вопросу. Как известно каждому товарищу, мы в свое время обсуждали австрийский вопрос... В принятой нами резолюции мы указывали, что венское восстание действительно было мощным революционным движением масс и что наша партия обязана была выдвинуть лозунг Советов, под этим лозунгом руководить восстанием и т.д. ... Партия совершила ошибку, не способствуя созданию массовых организаций в форме Советов... Резолюцию пленума ИККИЗ66 я считаю абсолютно правильной. Иное дело -- вопрос о том, насколько подобные события вероятны при ныне существующем положении. Я не считаю такую

перспективу вероятной. Но это совершенно другой вопрос" (Правда, No 180).

На самом же деле это вовсе не другой вопрос. В этом вся суть дела. Бухарин потому не упомянул в своем претендовавшем за-

менить отчет ИККИ докладе о венском восстании, что оно не укладывается в его схему трех периодов непрерывного подъема капитализма и непрерывного замирания революционной борьбы. Да, если прав Бухарин, если капитализм после нескольких лет подъема переходит в новый "реконструктивный" период своего развития длительного характера (реконструкция капитализма не может быть произведена в 1-2-3 года), то новые вспышки "мощного революционного движения масс" становятся "невероятными". А так как великие английские стачки противоречат этому, то Бухарину, обычно очень не церемонящемуся с теми фактами, которые противоречат его логической конструкции, остается объявить великое движение английского пролетариата в 1926 году простой оборонительной стачкой и просто не упоминать об июльском восстании в Вене[...]³⁶⁷ и только припертый к стене, он как бы мимоходом бросает, что считает "подобные события... при ныне существующем положении... не особенно вероятными". Итак, по Бухарину, развитие послевоенного капитализма укладывается в следующие две трехчленные схемы, соответствующие трем периодам: в экономике: развал -- стабилизация -- реконструкция, в политике: революционное наступление пролетариата -- оборонительные стачки -- невероятность "мощного революционного движения масс" (впредь до новой империалистической войны).

Еще на XV партконференции Бухарин протестовал как "против клеветы" -- против указания тов. Троцкого на то, что оптимизм насчет крестьянства, содержащийся в теории построения социализма в одной стране, представляет собою только оборотную сторону пессимизма насчет перспектив революции на Западе. Теперь Бухарин открыто выдвигает теорию, доказывающую отсутствие в ближайшие годы революционных перспектив. Но вместе с тем нужно показать, что нынешняя оппортунистическая бухаринская теория непрерывного подъема капитализма (впредь до новой войны) столь же неверна и схоластична, как и ее предшественница -- прежняя "левоглюпицкая" теория Бухарина о непрерывности капиталистического развала и непрерывности наступательного подъема революции, вплоть до победы.

II. Конъюнктурные фазы послевоенного развития

В противоположность Бухарину и в полном соответствии с решениями III конгресса К[оммунистического] И[нтернационала], тов. Троцкий так характеризует в своей новейшей работе революционную эпоху и послевоенное развитие:

"Революционный характер эпохи состоит в глубоких и резких колебаниях, в крутых и частых переходах от непосредственно революционной обстановки, т. е.

такой, когда коммунистическая партия может претендовать на власть, к победе фашистской и полуфашистской контрреволюции, от этой последней к временному режиму золотой середины ("левый блок", включение социал-демократии в коалицию, приход к власти партии Макдональда и пр.), чтобы затем опять довести противоречия до острия бритвы и поставить ребром вопрос о власти...

Что мы имеем в Европе после войны. В экономике: неправильные судорожные сжатия и расширения производства, в общем -- несмотря на большие технические успехи отдельных отраслей, -- вокруг довоенного уровня. В политике: бешеные колебания политической ситуации влево и вправо. Совершенно очевидно, что крутые повороты в политической обстановке в течение одного-двух-трех лет определяются не переменами в основных факторах хозяйства, а причинами и толчками чисто надстроенного порядка, знаменуя тем самым крайнюю неустойчивость всей системы, фундамент которой разъедается непримиримыми противоречиями" (с. 33-34).

Итак, расхождения оппозиции с Бухариным в этом вопросе сводятся к следующему: что происходит в послевоенной истории -- непрерывная линия в одну сторону (по теперешней теории Бухарина -- вверх) или резкие периодические изломы экономической и политической конъюнктуры (через каждые 1-2-3 года) вправо и влево. Только последнее делает возможной революционную борьбу в ближайшие годы и возлагает на коммунистические партии соответственную обязанность подготовиться к использованию революционной ситуации.

Решающее отличие этих послевоенных циклов от довоенных сводится к двум вещам: 1) большей кратковременности (2-3 года вместо 7-8-10 лет) и 2) подъем заканчивается не обычным экономическим кризисом, а революционной борьбой масс, исход которой определяет дальнейшее экономическое развитие. Последняя черта представляет собою такую форму взаимодействия между экономикой и политикой, которая придает эпохе ее революционный характер.

Чтобы получить свою теорию трех периодов, Бухарину приходится, во-первых, сливать воедино две самостоятельных конъюнктурных фазы 1917-1920 годы и 1921-[19]23 гг., во-вторых, он уклоняется от указания хотя бы приблизительно хронологической даты, разделяющей второй и третий периоды. Можно ли с точки зрения подъема и упадка капитализма и революционного движения говорить о 1917-1923 гг. как едином периоде? Ни в коем случае.

И в экономическом, и в политическом отношениях 191-[19]20 и 1921-[19]23 гг. представляют собою разные конъюнктурные отрезки. Годы 1917-[19]20 представляют собою высший расцвет и начало ликвидации государственного капитализма времени войны и натуральных форм хозяйства вообще (мобилизация хозяйства, государственный контроль, натуральная система распределения, карточки и пр.). Годы 1920-1923 -- это время инфляции как особой формы повышения эксплуатации и капиталистического наступления на рабочий класс, заканчивающегося новым кризисом в 1923 г.

В политическом отношении годы 1917-[19]20 представляют собою время наибольших революционных потрясений, когда буржуазия из страха перед рабочим

движением делала ему уступки и допускала к власти реформистскую социал-демократию, заменяя коалиционные правительства буржуазными. В пределах каждой из этих конъюнктурных фаз мы имеем свои отрезки подъема и упадка. В первой фазе 1917-[19]18 гг. -- это время наибольшего развала капиталистического хозяйства и подъема революционной волны; на 1919-[19]20 гг. приходится демобилизационный "бум" (подъем) и поражения пролетариата (в Германии, Австрии, Венгрии, Италии, России). Во второй фазе, наоборот, первая половина (1921-[19]22 гг.) идет под знаком поражения пролетариата -- в марте 1921 г. и экономического подъема (в конце 1921 и в 1922 гг. -- после короткого кризиса); на вторую половину -- 1923 г.-- приходится резкий экономический и политический кризис, связанный, главным образом, с оккупацией Рура и потрясший всю Европу, при одновременных революционных вспышках в Болгарии, Польше³⁶⁹.

Соединять эти две разные конъюнктурные фазы в один период сплошного развала капитализма и непрерывного революционного наступления пролетариата можно либо из грубого невежества, или при нарочитом игнорировании фактов в угоду схоластической теории и в расчете на невежество своих слушателей и читателей. Если бы было так, то грубой ошибкой со стороны III конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] было бы говорить в 1921 г. о наступлении "нового этапа" в развитии капиталистического кризиса. Было бы далее необъяснимо, почему начало тактики единого фронта и перехода пролетариата к обороне относится к 1921 г. Это означает, помимо всего прочего, смазывание роли и значения проведенного III конгрессом поворота и причин его, что свидетельствует о том, что Бухарин до сих пор не понимает движущих причин исторического развития в этот период.

Но не лучше обстоит дело с объяснением следующих двух периодов. Бухарин твердо усвоил только одно: 1924 год -- это год

перелома, перехода капитализма к стабилизации. Особенности этого "периода" Бухарин теперь представляет себе так же неверно, как в свое время его начало. По Бухарину, стабилизационный период уже закончился и начался новый -- реконструктивный. Грань между закончившимся стабилизационным периодом и начавшимся, по его мнению, реконструктивным периодом образует достижение довоенного уровня производства.

Ряд делегатов конгресса, частью из центристского крыла (Страхов и др.), а также Коstrжева³⁷⁰ из правого крыла уловили оппортунистический смысл и надуманность бухаринского деления на второй и третий периоды. Но не имея твердого и ясного взгляда на то, чем характеризуется революционная эпоха, они ограничились в прениях выражением недоумения по поводу того, когда, собственно, кончается один период и начинается другой и в чем именно заключаются принципиальные различия между ними. На это Бухарин отвечает указанием на факт достижения довоенного уровня и обострение противоречий.

Выходит так, что обострение противоречий можно вывести только из признания бухаринского третьего периода. На самом же деле бухаринская схема трех периодов есть теория притупления капиталистических противоречий, по крайней мере, как мы увидим ниже, внутри отдельных стран и сохранения их только на мировой арене, в виде военной опасности. Объясняя конгрессу смысл "своей философии", Бухарин сам вскрывает ее оппортунистическое значение как теории упрочения капитализма "всерьез и надолго":

"Каков смысл постановки вопроса о третьем периоде? В чем "смысл философии всей"?³⁷¹. Смысл заключается в том, что мы этим подчеркиваем, что стабилизация капитализма не может исчезнуть в мировом хозяйстве с сегодня на завтра".

Разумеется, слова "с сегодня на завтра" не следует понимать буквально. Речь идет о том, возможен ли в ближайшие 1-2-3 года излом благоприятной в настоящее время для капитализма конъюнктуры вниз и новая вспышка революционной борьбы масс в той или иной стране (напр[имер], в ближайшее время в Польше³⁷², а может быть, и во Франции).

Бухарин это категорически отрицает, прямо заявляя, что в этом "смысл философии всей" о трех периодах и наступившем длительном периоде "реконструкции капитализма". В толковании смысла его новейшей философии мы целиком согласны с Бухариным. Остается только проверить ее на фактах развития за время стабилизации и реконструкции и ответить на вопрос о том, через какой конъюнктурный фазис проходит в настоящий момент мировое развитие.

III. Наступил ли для европейского капитализма

Период реконструкции его технического базиса

и экономико-политической надстройки

Констатировать "реконструкцию" на том основании, что капитализм достиг уже снова довоенного уровня, -- способен только Бухарин. Это вполне в его схоластическом духе и стиле принимать за историческую грань статистический предел, к тому же неодновременно наступающий в разных странах и отраслях. На самом же деле, если правильна бухаринская оценка мирового развития, то это означает конец коротких конъюнктурных фазисов, конец тому характеру революционной эпохи, который тов. Троцкий характеризует в приведенной выше цитате словами: "неправильные судорожные сжатия и расширения производства... бешеные колебания политической ситуации влево и вправо... крупные повороты в политической обстановке в течение 1-2-3 лет... неустойчивость всей системы, фундамент которой разъедается непримиримыми противоречиями". Тогда невероятны в ближайшие годы "вспышки революционной борьбы масс", наподобие венского восстания, тогда остается только ждать новой империалистической войны, которая опять восстановит прерванное революционное развитие, к чему, по существу дела, и сводится вся политическая линия, положенная Бухариным в

основу работ и решений VI конгресса К[оммунистического] И[нтернационала].

Возникает поэтому вопрос: исчезло ли в стабилизационный период -- 1924-[19]28 гг. -- время коротких экономических конъюнктур и быстрых политических сдвигов в политической ситуации влево и вправо. На этот вопрос нужно ответить отрицательно.

Уже период 1923-[19]26 гг. представляет собою типическую для послевоенной поры конъюнктурную фазу по своему течению и в экономическом, и в политическом отношениях, напоминающую две фазы предыдущего периода 1917-[19]23 гг. Кризис начала стабилизации в 1924 г. сменяется в Средней Европе -- Германии в особенности -- коротким подъемом в 1926 году, для того чтобы смениться поздним летом стинессовским крахом и перейти к концу года в тяжелый кризис 1925- [19]26 года³⁷³. В политике пацифистско-демократическая эра 1924 года уступает к началу [19]25 года истово правым буржуазным правительствам: смена Эберта Гинденбургом³⁷⁴, еще раньше смена рабочего правительства консервативным; несколько позже позорный крах левого блока во Франции и смена его правительством Пуанкаре³⁷⁵. Политические настроения рабочего класса, несмотря на общее поправение, испытывали резкие колебания: в Герма-

нии придавленность вначале -- некоторое политическое оживление в связи с кампанией за конфискацию княжеских ценностей в конце этой фазы.

Конец кладут этой фазе ряд экономических событий (стачки в Англии, переворот Пислудского в Польше, сделанный по указке Англии, июльское восстание в Вене), являвшихся одинаковым выражением наступившего зимой [19]25-[19]26 гг. повсеместного европейского кризиса (Англии, Германии, Франции и отчасти Италии и Австрии). Политические последствия этих событий достаточно известны: новое общее усиление оппортунизма, укрепление консервативного правительства в Англии, а также правого крыла во Втором³⁷⁷ и Амстердамском Интернационалах. Но главнейшим последствием этих событий был переход направо обоих главных левореформистских организаций Европы -- английского Генсовета³⁷⁸ и австрийской социал-демократии и начало практики массовых исключений левой оппозиции из Коммунистического Интернационала (исключение группы немецкой оппозиции во главе с Рут Фишер и Масловым в августе [19]26 года). Произошла общая передвижка направо Томаса и Перселя, Пернерсторфа и Отто Бауэра, Сталина и Бухарина.

Гораздо менее известны экономические последствия английских стачек 1926 г. для всего европейского хозяйства и то, что фактически они образуют начало новой продолжающейся донныне фазы в развитии Европы. В конце 1925 и в начале 1926 года во всей Европе начинается общий кризис. Под его влиянием в Германии взялись за сокращение числа рабочих, ухудшение положения масс в

виде так называемой рационализации; английское правительство предприняло грандиозное наступление на горняков, приведшее к стачкам, и одновременно организовало переворот Пилсудского. Самый ход и исход стачек способствовали в одних странах (Германии, Чехословакии) смене кризиса подъемом, в других (Англии, Франции, Италии) временному смягчению кризиса. Это видно из следующих данных.

В Англии: с [19]24 по [19]26 год число безработных неуклонно росло, увеличившись с 10,3% в [19]24 году (из общего числа около 12 000 000 застрахованных) до 11,3% в 1925 году и 12,5% в 1926 г. (не считая бастовавших горняков). Однако в 1927 г. этот процент падает до 9,7%, продолжая, судя по еженедельным данным, неуклонно сокращаться в первые три месяца 1928 года и только после этого он начал вновь увеличиваться.

В Германии: народное хозяйство еще в начале 1926 года переживало острый, отчасти даже катастрофический, кризис производства и кредита. Летом 1926 года наступило оживление, которое постепенно перешло в высокую конъюнктуру, признаки нового снижения появились только в последние недели.

Почти

аналогично было течение конъюнктурной кривой и в Чехословакии.

Во Франции с начала 1921 года хозяйство развивалось на основе инфляции и внутреннего рынка, создаваемого восстановлением разрушенных областей. Этот последний рынок стал исчерпываться в

[19]25-[19]26 году, и в то же время английский и американский капитал потребовал стабилизации франка, так как обесценение франка приносило все больше и больше ущерба американским и английским интересам, а также отдельным категориям капиталистов внутри страны. Положение на мировом рынке, сложившееся летом [19]26 года, облегчило Пуанкаре осуществление стабилизации франка (ноябрь [19]26 года), совпавшего с возвращением Англии на мировой рынок, начинается кризисная фаза для народного хозяйства Франции. Безработица, возникшая в конце [19]26 года, росла в течение последующего времени. Почти везде замечается замедление темпа развития промышленности и торговли. Таково же в основном и развитие народного хозяйства в Италии на этот период, с той лишь разницей, что кризис там протекает в более острой форме.

Из этого ясно, что массовая борьба весной и летом [19]26 года была не локальной и не случайной. Она представляла собою очередной излом конъюнктурной кривой капитализма вниз и кривой революционного движения вверх. Но руководство К[оммунистического] И[нтернационала] и компартий в Англии, Польше и Австрии оказалось катастрофически неспособным использовать обстановку. В Англии коммунисты занимались созданием рекламы Перселю и его Генсовету; в Польше коммунисты демонстрировали за Пилсудского; в Австрии коммунисты болтались между социал-демократами и восставшей массой, будучи неспособными выдвинуть какой-либо лозунг, ибо революционное массовое движение "при стабилизации" не входило в их расчеты. Тем сильнее оппортунистические руководители К[оммунистического] И[нтернационала] с лета

1926 года стали бить по левому крылу за то, что оно било тревогу и указывало на подрыв стабилизации и необходимость революционной линии политики.

События лета 1926 года не были использованы коммунистами. Именно поэтому их использовали капиталисты. С лета 1926 г. и в экономическом, и в политическом развитии Европы начинается новая фаза, которая так же, как и предыдущие, не обладает ни прочностью, ни устойчивостью и характеризуется такими же крутыми политическими изломами то вправо, то влево.

В экономическом отношении она характеризуется "рационализацией". Последняя означает вовсе не переход капитализма на новую техническую ступень, не подведение под него нового технического базиса и не коренную реконструкцию, как утверждает Бухарин. Рационализация представляет собою пересадку в Европу уже достигнутых в Америке технических методов и приемов. Необходимость этого была создана большим притоком вложений американского капитала в европейскую промышленность, из которых следовало, что при всех замечательных успехах немецкой промышленности она далека от того, чтобы превзойти по своей технике американскую или хотя бы достичь ее общего среднего технического уровня. Любопытно отметить, что буржуазные и социал-демократические экономисты говорят только о наличии "рационализации", а коммунист Бухарин пророчествует капитализму "реконструкцию".

Бухарин переносит употребляющийся у нас термин "реконструкция" на западноевропейский капитализм, придавая этому термину такое толкование, будто бы стоит только превзойти довоенный уровень, как тотчас же начинается реконструкция. Когда у нас говорят о реконструкции советского хозяйства, то имеется в виду вовсе не воспроизведение довоенного уровня, а коренное изменение соотношения между промышленностью и сельским хозяйством и, наконец, коренную реорганизацию общественно-экономических форм хозяйства от преобладания частнособственнических форм -- к коллективистическим.

При отсутствии этих условий даже достижение 200% увеличения довоенного уровня не создает еще реконструктивного периода. Можно ли сказать, что новые технические достижения западноевропейского капитализма коренным образом изменили или изменяют соотношение между городом и деревней, тяжелой и легкой индустрией, металлургической и химической, зерновыми и техническими культурами и т. п.? Этому не решится, вероятно, и Бухарин утверждать. Значит, количественные изменения (рост автотранспорта, применение химии, возросшая роль электроэнергии) не дают еще "нового качества", т.е. подъема капитализма на новый, существенно иной технический уровень.

IV. Программный и колониальный вопросы

Оба эти вопроса были подвергнуты подробному рассмотрению в работе тов. Троцкого, и мы поэтому ограничимся здесь подведением итогов дискуссии и резюмированием принятых на конгрессе решений и поправок, распределяя вопросы

по разделам программы.

1. Общий характер программы

В основу своей критики проекта программы тов. Троцкий положил следующую мысль: проект не носит интернационального характера, потому что он не выдвигает перед всеми партиями конкретной международной революционной задачи, за осуществление которой они все должны бороться в ближайшие годы и которой должны подчинить всю свою деятельность. Такая конкретная задача была выдвинута К[оммунистическим] И[нтернационалом] в 1923 году в виде лозунга Советских Соединенных Штатов Европы, ибо война выявила недостаточность и узость национальных государств для дальнейшего исторического развития. Этот лозунг вошел в манифест V конгресса К[оммунистического] И[нтернационала], проект которого был написан тов. Троцким.

Проект программы ограничился постановкой более отдаленной и поэтому для ближайших лет более абстрактной цели "мировой диктатуры пролетариата".

Эта абстрактная "мировая цель" дополняется для ближайшей эпохи задачами построения социализма в одной стране и борьбы пролетариата других стран против возможной интервенции "в страну строящегося социализма". "На случай, если все же в других странах произойдут революции, -- выдвигается не менее абстрактная и неопределенная идея "федерации откальзывающихся от империализма стран". Новая конкретная задача, выдвинутая для Европы революционной новой эпохой, начавшейся со времени войны, -- завоевание власти пролетариатом и создание в Европе единого социалистического государства -- в проекте программы отодвинута на задний план. Явно под влиянием оппозиционной критики Бухарин в своем докладе много распространялся, доказывая "мировой характер" своего проекта; в окончательный текст программы в самом же начале "Введения" включена поправка, гласящая, что мировая война выявила острое противоречие между ростом производительных сил мирового хозяйства и государственными перегородками.

При помощи этой фразы без кардинальной переделки программы, разумеется, нельзя изменить ее общего характера.

2. Организованный капитализм

Национально-ограничительный характер программы сказался в такой трактовке мирового хозяйства, по которой выходит, что в эпоху империализма как в капиталистических странах, так и в СССР хозяйство все более "замыкается", "организуется" в национальных рамках, все более противопоставляет себя как изолированное целое мировому хозяйству.

В отношении капиталистических стран -- это сказалось, во-первых, в полном отсутствии указания на международные тресты и союзы капиталистов разных стран. Эти тресты, так же как и борьбу между ними за экономический

раздел мира, Ленин считал одним из пяти главных признаков империализма. Оно же является одним из наиболее ярких признаков интернационализации хозяйственной жизни и роста переплетения различных отраслей хозяйства разных стран между собою. За послевоенное время это явление колоссальным образом выросло по сравнению со временем, когда об этом писал Ленин. Какое-либо указание на это явление отсутствует, тем не менее, и в окончательно принятом тексте программы; во-вторых, в проекте содержится утверждение, что финансовый капитализм обнаруживает "тенденцию к развитию государственно-капиталистической формы". В окончательном тексте вместо "тенденции к развитию" говорится уже более категорически "о развитии государственно-капиталистических форм".

Что это означает, можно узнать из старых работ Бухарина. В 1926 году на основе одностороннего и схоластического обобщения опыта мировой войны он развил теорию, по которой процесс концентрации капитализма приводит к слиянию всех капиталистических хозяйств в национальных рамках в единый государственно-капиталистический трест.

Происходит как бы национализация всего хозяйства и организация его в рамках империалистического государства, что приводит к устранению на внутреннем рынке признаков конкуренции, анархии производства, классовой дифференциации и проч. В.И.[Ленин], редактировавший "Сборник социал-демократа", отказался поместить статью Бухарина, содержащую первое его развернутое изложение этой теории, и резко выступил против существа ее во время программных споров 1917-1919 гг. В 1922 г. при составлении первого проекта программы Коминтерна Бухарин вставил туда фразу, "что в рамках мирового хозяйства создались могучие государственно-капиталистические тресты". При переработке этого проекта на V конгрессе К[оммунистического] И[нтернационала] это единственное упоминание госкапитализма было вычеркнуто программной комиссией. В 1925 году Бухарин одновременно с теорией вращающегося кулака в социализм стал пропагандировать также мысль, что Ленин оказался неправ против него в вопросе о госкапитализме. Под влиянием оппозиционной критики он снова на время спрятал эту теорию, чтобы вытащить ее на свет божий в 1928 г., на XV партсъезде, немедленно после исключения оппозиции из партии. Наконец, в программе Коминтерна эта теория уже превращена в партийный догмат. Она же выставляет основную черту "третьего периода" -- капиталистической реконструкции.

Содержание теории, лежащей в основе этой формулы, было яснее всего сформулировано в статье Бухарина, впервые напечатанной в 1925 году, хотя и написанной им еще во время войны ("Об империалистическом государстве", Сборник 1-й "Революция права", изд. Комкадеми, 1925 г.).

"Организационный процесс, -- читаем мы в этой статье, -- привел к превращению каждой "национальной систем" в "государственно-капиталистический трест"... Прежде... основной категорией экономической жизни была частно-хозяйственная ячейка, отдельные предприятия, которые встречаются как конкурент со всяким другим... Эпоха финансового

капитала кладет конец такому положению вещей. Исчезает прежде всего борьба капиталистического индивидуализма: отдельное частное предприятие как клетка экономического организма. Более того, в значительной степени исчезает и противоречие между различными подгруппами господствующих классов. Так создается система коллективного капитализма (подчеркнуто Бухариным), которая до известной степени противоположна по своей структуре капитализму в его прежних формулировках. Отдельный капиталист исчезает: он превращается [...]379 капиталиста и члена организации; он уже не конкурирует со своими "земляками"; он кооперирует с ними, ибо центр тяжести конкурентной борьбы переносится на мировой рынок, а внутри страны конкуренция замирает...

Государственная власть всасывает, таким образом, почти все отрасли производства; она не только охраняет общие условия эксплуатационного процесса; государство все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством, как "коллективный собирательный капиталист"..."

"Итак, -- резюмирует Бухарин эту главу, -- государственный капитализм есть законченная формулировка государственно-капиталистического треста. Процесс организации устраняет постепенно анархию отдельных частей "народно-хозяйственного" механизма, ставя всю экономическую жизнь под железную пяту империалистического государства".

Эта цитата дает нам в "химически чистом виде" теорию, которая в завуалированной форме содержится в новой программе.

В своих известных работах "Империализм и мировое хозяйство" и "Экономика переходного периода" Бухарин сам называл этот устанавливаемый им закон развития к госкапитализму тенденцией к "национализации" хозяйственной жизни в противо-

положность тенденции к "интернационализации" ее. В полном соответствии с этим он говорил в своей речи на XV партсъезде:

"Мы имеем, с одной стороны, рост противоречий между различными капиталистическими государствами. С другой стороны, мы имеем процесс организации капиталистических сил внутри страны, что выражается в тенденции в сторону государственного капитализма".

С этой трактовкой тенденции развития современного капитализма связано неправильное понимание закона неравномерности капиталистического развития и такая критика социал-демократической теории ультраимпериализма, которая означает, что программа наполовину соглашается с этой теорией. Недаром Бухарин говорил на XV партсъезде, что Гильфердинг только сильно преувеличивает (в основном, следовательно, правильную) тенденцию капитализма к тому, чтобы стать организованным. В проекте программы было сказано:

"Империализм пытается разрешить это противоречие (между мировым характером хозяйства и национальными рамками государства), огнем и мечом

прокладывая дорогу единому всемирному государственно-капиталистическому тресту, организующему все мировое хозяйство. Но эта воспеваемая социал-демократическими идеологами ультраимпериалистическая утопия встречает на своем пути непреодолимые объективные препятствия такого масштаба, что капитализм неизбежно должен пасть под тяжестью своих собственных противоречий. Ряд империалистических войн, вырастающих в мировые войны, путем которых закон централизации капитализма стремится дойти до своего всемирного предела -- единого мирового треста -- сопровождается такими разрушениями, взваливает такие тяжести на плечи рабочего класса и миллион колониальных пролетариев и крестьян, что капитализм неизбежно должен погибнуть под ударами пролетарской революции".

В этой критике теории ультраимпериализма против последнего выдвигается один только аргумент -- политического порядка: путь к единому мировому тресту лежит через войны, которые будут иметь своим последствием революцию. Тем самым программа признает, что тенденция экономического развития капитализма ведет именно к ультраимпериализму ("стремится дойти"). Проект тем самым апеллирует к политике против экономики, выкидывая вон тот экономический аргумент, который Ленин неоднократно называл самым "существенным", "коренным", "важнейшим", "главнейшим" во всей марксистской критике. Именно то, что империализм экономически не способен устранить ни внутри отдельных стран, ни на мировом рынке конкуренции, анархии производства, кризисов и всех других

связанных с этим законов капитализма. Чтобы устранить все это, -- писал Ленин неоднократно, -- империализм должен был бы перестать быть капитализмом.

В окончательном тексте программы сделана уступка этой ленинской мысли в форме следующей поправки, включенной после второй фразы приведенной цитаты:

"Закон неравномерного развития капитализма, обостряемый империалистической эпохой, делает невозможным длительные и прочные объединения империалистических держав".

Это утверждение правильно, но оно противоречит всему тексту первого раздела. Здесь применен тот же эклектический метод, что и в приведенном выше примере поправки к "Введению": правильное положение вклинивается в противоречащий ему текст, написанный под совсем другим углом зрения.

В самом деле: во всем первом разделе проведена мысль, что прежние Марксом сформулированные экономические законы капитализма исчезли в эпоху империализма. В первой главе этого раздела "Общие законы движения капитализма и эпохи промышленного капитала" излагаются в терминах прошедшего времени. Во второй главе об империализме говорится:

"Период промышленного капитализма был в основном периодом свободной конкуренции. Этот период сменился к началу XX столетия периодом империализма... когда свободная конкуренция уступила место монополии... Свободная конкуренция промышленного капитализма, ставшая на место феодальной монополии и монополии торгового капитала, сама превратилась в монополию

финансового капитала".

Третья глава этого раздела обосновывает, по существу дела, превращение империализма из частнокапиталистической формы в государственно-капиталистическую. Четвертая глава выставляет положение об экономической тенденции капитализма "к единому всемирному государственно-капиталистическому тресту", которому "империализм огнем и мечом прокладывает дорогу". Таким образом, весь первый раздел проникнут логической стройностью и равномерностью. В основу его положен бухаринский немарксистский взгляд на капиталистическое развитие, взгляд, против которого Ленин выступал неоднократно при выработке программы РКП в 1916-1919 гг.

Эклектическим выглядит поэтому вклинивание слова о "неравномерности" капиталистического развития и принятие (во второй главе) поправки о том, что "капиталистические монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а господствуют над ней и рядом с нею".

Во всей программе нет той мысли Ленина, которая и образует конкретное содержание закона неравномерности в эпоху им-

периализма; что одновременно с высшими формами капитализма -- трестами, синдикатами, банками -- во всем мире продолжают развиваться и нарождаться вновь низшие формы капитализма, только еще вырастающие из полунатурального крестьянского хозяйства и мелкого производства. Нет и той ленинской мысли, что даже при пролетарской диктатуре не перестают нарождаться в переходный период ранние формы капитализма и частично продолжается действие его законов (дифференциация классов и все прочие законы рынка).

Весь первый раздел программы дает насквозь немарксистский эклектический анализ экономического развития капитализма, проводя мысль, что в эпоху империализма последний становится все более "организованным". Сначала внутри отдельных стран, но программа устанавливает, что в ту же сторону ведут и экономические тенденции развития в мировом масштабе, сводя все препятствия на этом пути к межгосударственным или межнациональным противоречиям и вырастающим из них войнам. Это и есть не коммунистическая, а пацифистская лево-социал-демократическая точка зрения.

3. Национальный социализм

Другая половинка этой национально-пацифистской точки зрения -- теория социализма в одной стране -- нашла себе выражение в четвертом и пятом разделах программы. В первую главу четвертого раздела программы включено положение, которое в первоначальном проекте имело своим местом пребывания конец первого раздела. Оно гласит, что из неравномерности капитализма следует, "что возможна победа социализма первоначально в немногих, и даже в отдельно взятой, капиталистической стране".

Эти слова представляют собою передачу слегка перефразированных слов

Ленина из статьи 1916 года. По существу дела, весь спор "о социализме в одной стране" основан был на толковании того, как понимать слова Ленина о "победе социализма" -- в смысле ли победы социалистической революции или социалистического строя. Оппозиция утверждала, что Ленин в 1916 году имел в виду только победу социалистической революции, которая сделает возможным ряд шагов к социализму впредь до того, как подоспеет революция в других странах. Сталин и Бухарин утверждали, что у Ленина речь шла о победе социалистического строя (с уничтожением классов и товарного производства) "в одной только отдельно взятой стране". Оба великих теоретика при помощи "врангелевского офицера" и ГПУ вышли из спора "победителями" и, однако, составляя программу, эти победители не посмели ясно, просто и недвусмысленно вписать в нее свою теорию и предпочли повторить те же вызывающие много споров слова о "победе социализма", не потрудившись объяснить, какого из двух толкований следует придерживаться. То обстоятельство, что в окончательно принятом тексте эти слова помещены в четвертом разделе, где говорится о переходном периоде, вместо первого раздела, где они были раньше и где говорилось о начале эпохи социалистической революции, придает этим словам смысл победы социалистического строя. Авторы программы прежней (времен XV партконференции) открытой защите этой социал-патриотической теории предпочли проведение той же точки зрения в программу конгресса. Любопытно отметить, что, докладывая конгрессу о внесенных в проект изменениях, Бухарин умолчал об этом немаловажном изменении. Неудобно было признаться, что составители программы просто не знают, где им лучше приткнуть свою злополучную теорию.

В этом же четвертом разделе имеется глава (восьмая) об основных этапах революции. В этой главе все страны разбиваются на три типа: высокого капитализма, [со] средним уровнем развития капитализма, колонии и полуколонии. Вся соль этой главы, как она была формулирована в проекте, заключалась в утверждении, что в колониях и полуколониях социализм можно будет построить только с помощью мирового пролетариата, а страны "со средним развитием капитализма", в которых революция быстро перерастает буржуазно-демократическую стадию, переходя к социалистической, обладают "известным минимумом индустрии, достаточным для победоносного социалистического строительства".

В качестве таких стран были названы в скобках "Россия до 1917 г., Польша и др[угие]".

Против этого на конгрессе решительно запротестовали поляки, притом как из правого, так и из левого крыла:

"...Схема развития революции в Польше, -- говорил Бранд380, -- как она изложена в программе, неверна... В Польше в течение уже ряда лет власть находится в руках буржуазии... Предстоящая революция в Польше будет революцией социалистически-пролетарской... Мы полагаем, что польская революция не пройдет через стадию демократической диктатуры рабочих и крестьян, хотя диктатура пролетариата может победить и не сразу" (Правда, No

191).

Тогда Бухарин заявил, что Польша, пожалуй, действительно не подходит под эту категорию. Вместо Польши Бухарин указал тогда на Болгарию, как на пример страны, которой предстоит революция "среднего типа"... В ответ на это болгарин Коларов³⁸¹ заявил:

"Наша делегация смущена заявлением тов. Бухарина, что в первую очередь Болгарию надо причислить ко второй группе стран, что перед болгарской компартией стоит переходная ступень буржуазно-демократической революции во имя диктатуры рабочих и крестьян" (Правда, No 192).

Пришлось Бухарину оставить в покое Болгарию и поискать другие страны, иллюстрирующие изобретенный им "средний тип" революции. В окончательном тексте программы уже фигурируют "Испания, Португалия, Польша, Венгрия, балканские страны и т. д."

Болгарию и Россию до 1917 г. отставили, а Польша осталась, но для удовлетворения поляков была принята поправка, что не всем странам "среднего развития" обязательно проходить через буржуазно-демократическую стадию.

Убийственной для всего смысла и содержания этой главы оказалась, однако, другая поправка в виде замены нескольких слов другими: вместо выше цитированных слов проекта "с известным минимумом индустрии, достаточным для победоносного социалистического строительства", в окончательном тексте сказано: "с известным минимумом материальных предпосылок, необходимых для социалистического строительства".

Итак, страны среднего капитализма, так же как и колониальные страны, не имеют минимума материальных предпосылок, "достаточного для победоносного социалистического строительства", а имеют только минимум, "необходимый для социалистического строительства". Об этом изменении Бухарин тоже "забыл" упомянуть в своем докладе конгрессу...

Попытка подвести СССР под какую-либо общую категорию тем самым не удалась. Пришлось ей одной предоставить привилегию, которой нет у других стран. В V разделе, посвященном СССР, в придаточном предложении содержится, как бы попутно, формулировка этой важной привилегии. Во втором абзаце первой главы этого раздела читаем:

"Обладая необходимыми и достаточными предпосылками в стране не только для свержения помещиков и буржуазии, но и для построения полного социализма, рабочие советских республик... достигли крупных успехов в области социалистического строительства".

Итак, все попытки обоснования общими соображениями возможности построения социализма в СССР одними ее силами кончились простым, пахнущим авантюризмом утверждением, что СССР как особая страна обладает тем, чем не обладают другие, похожие на нее страны.

4. Экономическая политика пролетарского государства

Эта теория национального мессианизма дополнена в этих двух разделах (четвертом и пятом) положениями, замазывающими и затушевывающими противоречия внутри страны пролетарской диктатуры. О развитии классов и капитализма говорится в извиняющихся тонах. Указаны далее только те экспроприаторские мероприятия, которые осуществляет пролетарская революция (причем не выдвинуто требование национализации земли), но программа сохраняет полнейшее молчание по вопросу об экономических задачах государства пролетарской диктатуры.

Нет ни малейшего указания на задачу перераспределения национального дохода между классами и разными формами хозяйства. В основу всей главы об экономической политике положена мысль, что рыночные методы -- это единственные, которыми пролетарское государство может пользоваться для переустройства экономики переходного периода. Во всем схоластическом споре между Бухариным и Варгой по вопросу о том, универсальная ли категория нэп или нет, важен тот момент, что Бухарин даже во время гражданской войны готов допустить только в виде заключения непосредственное вмешательство пролетарского государства в процесс регулирования хозяйственной жизни и меры внеэкономического принуждения. Бухарин имеет в кармане рецепт построения социализма, пользуясь одними только рыночными методами, на основе свободной игры сил на рынке.

Мелкобуржуазная политика национального социализма и либерально-манчестерская экономическая политика при пролетарской диктатуре -- вот два осадка из коммунистических идей, содержащихся в четвертом и пятом разделах программы.

5. Борьба за пролетарскую революцию

а) Второй и шестой разделы программы имеют своим содержанием послевоенное развитие, стратегию и тактику Коминтерна. Что касается второго раздела, то он почти совершенно не содержит формулировок принципиального порядка и сплошь заполнен самым поверхностным, конкретным описанием фактов послевоенного времени, местами ограничиваясь простым их перечислением и давая далее простую хронику революционных событий. В том, что говорится о стабилизации, рационализации, реформизме и фашизме, заслуживают только внимания два высказанных впервые тов. Троцким положения, за которые он подвергся неоднократным нападкам: первое, о противоречии между Европой и Америкой, Соединенными Штатами и Великобританией, в особенности; и второе: поправка, принятая к первоначальному проекту, в которой признается, что фашизм

есть такая форма реакции, к которой буржуазия прибегает только "при особых исторических условиях", т. е. в критической для капитализма данной

страны ситуации.

б) В шестом разделе нет конкретной программы лозунгов и переходных требований, за которые должны бороться коммунистические партии всех капиталистических стран впредь до появления новой революционной ситуации. На Четвертом конгрессе Коминтерна после выступления Бухарина с резкой полемикой против включения в программу требований, рассчитанных на нереволуционный период и конкретизирующих тактику единого фронта, было зачитано заявление русской делегации, дезавуирующее Бухарина в этом вопросе, и принято постановление, продиктованное Лениным и зачитанное Зиновьевым, о том, что в программе обязательно должны быть разработаны также переходные лозунги и требования, с дифференциацией по разным типам стран с точки зрения условий борьбы за власть. В программе, принятой VI конгрессом, только говорится, что коммунистам следует выдвигать также переходные требования по таким-то вопросам. Но нет этих требований, как нет и разбивки стран на основные типы с точки зрения условий борьбы за власть. Лозунг рабочего контроля, выдвинутый Третьим конгрессом К[оммунистического] И[нтернационала] для нереволуционной ситуации, программа предлагает выдвигать только при революционной ситуации. Лозунг рабоче-крестьянского правительства перечисляется только среди крестьянских требований. Лозунг национализации различных отраслей промышленности, за которые фактически ведется борьба английской, французской и итальянской компартий (вспомним лозунг национализации горной промышленности в Англии), вообще отсутствует в программе. Из выступлений Бухарина известно, что он считает этот лозунг вообще несвоевременным.

В высшей степени характерно для этой насквозь бухаринской программы, что данная в ней разбивка стран на основные типы с точки зрения того, что будет в них после завоевания власти (в вышеуказанной восьмой главе четвертого раздела), Бухарин не нашел нужным исполнить ясное и точное ленинское постановление Четвертого конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] о разбивке стран на основные типы с точки зрения условий борьбы за власть и необходимых революционных лозунгов.

Споря с партией о том, универсальна ли категория нэп, или нет, Бухарин даже писал:

"Тов. Ленин одобрил проект нашей программы, в котором нэп трактуется так же, как и в новом проекте. Можно возразить, что не существует никакого документа, никакой записи, прямо свидетельствующих об этом. Но немыслимо себе представить,

что Ленин, высказывавшийся по одному, сравнительно второстепенному вопросу проекта программы, по вопросу о частичных требованиях, "забыл" это сделать по основному вопросу, по вопросу о новой экономической политике. В действительности, он обсуждал этот вопрос, хотя это и находится в формально-логическом противоречии с его прежними словами" (Правда, No 192).

Здесь все замечательно. Прежде всего утверждение, что раз Ленин высказался только против трактовки частичных или переходных требований в

бухаринском проекте программы, значит, в основном он одобрил проект, "хотя это и находится в формально-логическом противоречии с его прежними словами". Но еще замечательнее утверждение, что вопрос о частичных требованиях о конкретизации лозунгов единого фронта для нашей эпохи борьбы за власть это "сравнительно второстепенный вопрос", а вопрос о том, все ли страны после пролетарских революций пройдут через нэп, "основной". Да, для схоластика Бухарина это так, для революционера же Ленина -- наоборот...

в) Еще хуже обстоит дело с использованием имеющегося опыта борьбы за власть при наличии революционной ситуации. Во второй главе своей критики тов. Троцкий показал, какие гигантской важности уроки следуют из правильного и внимательного учета опыта 1923 г. в Германии и Болгарии, 1924 г. в Эстонии, 1926 г. в Англии, 1927 г. в Китае. Все это отразилось в программе только в форме одной поправки, принятой к первоначальному проекту. После предупреждения против "левого доктринерства" говорится:

"Не менее опасным является также неиспользование кульминационного пункта в развитии революционной ситуации, когда от партии пролетариата требуется умелая и решительная атака на врага..."

Излишне доказывать, что в такой краткой, сухой, абстрактной и общей форме, без ссылки на живые примеры упущенных революционных ситуаций, без указания даже, на основании имеющегося опыта, что следует понимать под революционной ситуацией и ее кульминационным пунктом, -- эта поправка ни одну партию не сделала более "умелой" и ни одного коммуниста не научит распознаванию и использованию революционного момента. Составители программы очень скупы были в отношении предоставления места для того, чтобы записать опыт борьбы компартий за единый фронт и за власть, но зато не поскупились в отношении места для подробнейших характеристик возможных оттенков идеологии: конфессионалистов³⁸², реформистов, конструктивных и гильдейских социалистов, революционных синдикалистов³⁸³ и т. д. Эта часть шестого раздела, на-

сколько нам известно, не встретившая одобрения ни с чьей стороны и подвергнутая резкой критике как в печати, так и на конгрессе, -- в окончательном тексте программы оказалась расширенной более чем вдвое.

Недостатки второй главы последнего раздела, которая по идее должна быть центральной главой программы и определять деятельность всех компартий на целую эпоху, настолько очевидны, что Бухарин вынужден был сделать в своем заключительном докладе от имени программной комиссии следующее убийственное для программы признание:

"Последняя глава о стратегии и тактике во второй ее части, где говорится о стратегии и тактике коммунистического интернационала в совсем ином смысле, вышла несколько бессистемной. Отчасти вследствие общей усталости товарищей, заключительная часть проекта действительно оказалась

наименее систематизированной..." (Правда, No 209).

В действительности, дело вовсе не в систематизированности этой главы и усталости товарищей. Простого составления обеих глав шестого раздела, той тщательности, с которой перечислены и охарактеризованы разные идеологии разных групп и группочек, и той сухости, краткости и небрежности, с которой трактуются вопросы стратегии и тактики революции на Западе и в колониях, достаточно, чтобы убедиться в том, что, вопреки рекламе, которую "Правда" создает программе, последняя не есть документ, учитывающий коллективный опыт борьбы компартий за десять с лишним лет, а литературское произведение, принципиально невыдержанное, спешно составленное, в котором в конденсированном виде изложены любимые идейки Бухарина -- последней оппортунистической формации.

6. Колониальный вопрос

Самым позорным с революционной точки зрения пунктом программы является трактовка колониального вопроса. Вопрос этот попросту не нашел себе решения в программе. Ее оппортунистические составители решили "не связывать себе рук", а сохранить их свободными для новых повторений прошлогодней гоминьдановщины в других странах, да и в самом Китае.

В шестом разделе первоначального проекта программы два места касались колониального вопроса: в одном говорилось о соглашениях с буржуазией, в другом о необходимости борьбы за гегемонию пролетариата. Нигде не говорилось о задаче захвата власти пролетариатом; для выдвигания в колониях лозунга диктатуры пролетариата (в четвертом разделе) объявлялся необходимым в качестве предварительного условия "целый ряд подготовительных ступеней, целый период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую".

Выступавший в прениях по программе индонезийский делегат Альфонсо³⁸⁴ напомнил, что Ленин считал основным вопросом всякой революции вопрос о власти и что меньшевики с 1917 тоже "признавали" гегемонию пролетариата, но отрицали "только" захват последним власти. Исходя из этого, он предложил везде, где говорится о гегемонии пролетариата, добавить "до захвата власти". Составители программы предпочли, однако, вовсе удалить из проекта то место, где говорилось о борьбе за гегемонию пролетариата, вместо него в окончательном тексте программы находится ряд частичных требований. Идея гегемонии выкинута, но оставлено место о соглашениях с буржуазией, причем условия для такого соглашения формулированы куда мягче, чем это было в резолюции II конгресса К[оммунистического] И[нтернационала]³⁸⁵ за несколько лет до прекрасных плодов соглашений коммунистов с буржуазией.

В этой связи приобретают особый интерес резолюция и прения по колониальному вопросу, стоявшему [...] ³⁸⁶ пунктом порядка дня. Но тезисы Куусинена не только не улучшают программы, а восполняют ее туманные формулировки конкретной оппортунистической расшифровкой. Мы не знаем, какими

выйдут эти тезисы из того чистилищного процесса, которому они еще подвергаются, -- до сих пор они еще не опубликованы. Но представленный конгрессом проект тезисов превосходит все вероятное и мыслимое пока что в области оппортунизма внутри Коминтерна. Трудно себе представить более многословную, тупоумную, безграмотную и до цинизма небрежную формулировку оппортунизма в этом вопросе, чем этот проект тезисов Куусинена.

В основу их положена мысль Бухарина о том, что колония -- это мировая деревня империалистического города. Но в расшифровке Куусинена сразу узнаешь подлинного отца этой идеи -- Каутского. По Куусинену, колония -- это аграрный придаток империализма, что совершенно совпадает со старой теорией Каутского о том, что империализм сводится к стремлению промышленного капитализма присоединять к себе аграрные страны. Куусинену совершенно не известен тот простой довод Ленина против этой теории, что империализм предпочитает подчинять своей тактике страны, в которых возможно индустриальное развитие. Куусинен из того факта, что империализм вовсе не заинтересован в развитии производительных сил колоний, делает вывод, что колонии вовсе не индустриализируются. Тех же, кто указывает ему на факт частичной индустриализации колоний, вывоз капиталов в метрополии (Беннета, Арнота, Ротштейна³⁸⁷

и др[угих]), он смешивает со сторонниками той точки зрения, что с процессом индустриализации колонии автоматически и мирным путем освобождаются от колониальной зависимости.

Для чего Куусинен защищает эту теорию "колонии -- аграрный придаток империализма"? Для того чтобы умалить роль и значение колониального пролетариата, растущего в процессе индустриализации, чтобы увеличить удельный вес и роль буржуазии и мелкой буржуазии в колониальных антиимпериалистических движениях, чтобы доказать невозможность быстрого перехода к пролетарской диктатуре и неизбежность поддержки пролетариатом колониальной буржуазии. Один из немногих выступивших безоговорочно в защиту тезисов Мартынов прямо и ясно расшифровал эти тезисы в этом смысле, указав, "что в противном случае мы придем к точке зрения Радека". Другой защитник проекта тезисов Шубин³⁸⁸ признал, что в "них" не отведено площади для колониального пролетариата, т. е. попросту, что последнему не уделено специального внимания. Зато тезисы бесконечно много распространяются насчет колониальной буржуазии, ее "возможной революционной роли", необходимости не "отталкивать ее преждевременно" от революции, "не скидывать со счетов" и тому подобной затхлой меньшевистской мудрости.

Тезисы подверглись небывало резкой критике не менее десятка делегатов, прежде всего большинства английской делегации, одного китайского делегата, индонезского делегата Алимина³⁸⁹, а также Лозовского, Ломинадзе, Фомина³⁹⁰ и других. Это сделало дискуссию по колониальному

вопросу более интересной, чем по любому другому вопросу порядка дня -- программе в первую очередь.

Вопреки неоднократным заявлениям Бухарина, что в Индии уже не будет повторяться китайская тактика союза коммунистов с буржуазией, Куусинен в тезисах, Мануильский в своем докладе на пленуме ЦК ВКПЗ91, ряд делегатов на VI конгрессе защищают ту мысль, что хотя индийские свараджисты³⁹² и гандизм доказали свою реакционность и контрреволюционность еще в 1922 г. и уже с 1919 года предавали рабочее и крестьянское движение, их нельзя еще скидывать со счетов как революционную силу, в связи с усилившимся за последнее время революционным брожением в Индии, буржуазия также стала афишировать свою оппозиционность. В связи с этим, руководящие круги ИККИ -- Бухарин, Мануильский, Куусинен -- носятся снова с мыслью о "едином национальном, антиимпериалистическом фронте". В своем докладе о конгрессе на московском активе³⁹³ Бухарин в своем обычном эклектическом и беспринципном духе говорил, что, с одной стороны, индийская буржуазия контрреволюционна и заключать соглашение с нею нельзя, а, с другой стороны, со-

глашение все же заключать с ней придется. В результате он обещает заключать со свараджистами соглашения, но не такие, какие он заключал в прошлом году с Чан Кайши. Такая же тактика защищается Хейдаром³⁹⁴ (из Палестины) и другими в отношении трижды контрреволюционной партии ВАФД³⁹⁵ в Египте. В отношении последней Восточный отдел ИККИ дал директиву войти в него и бороться за его расширение и демократическое обновление. Не исключена возможность возобновления такой тактики в отношении пытающегося возродиться нового "левого" Гоминьдана в Китае.

При такой тактике в отношении буржуазии от тезисов нельзя уже, разумеется, дать правильного определения тактики в отношении мелкой буржуазии и самостоятельных задач пролетариата³⁹⁶. Почти во всех колониальных странах, кроме Китая, а также в Японии -- нет самостоятельных коммунистических партий. В Индии, где назревает революционный кризис, -- коммунисты распылены по четырем местным рабоче-крестьянским партиям, образованным в 1926, 1927 гг. коммунистами в рабочих провинциях. Об этих рабоче-крестьянских партиях "обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами" нам сообщает следующее:

"Из четырех рабоче-крестьянских партий, образовавшихся в 1926-1927 гг., только бенгальская и бомбейская проявили политическую активность и сколько-нибудь организационно оформились. Бенгальская рабоче-крестьянская партия, сначала называвшаяся рабочей свараджистской партией, образовалась в 1925 году... Бомбейская партия считает необходимым ограничить свою политическую деятельность работой внутри Национального конгресса; она придает больше значения сотрудничеству, нежели своей роли независимой партии".

В обращении рабоче-крестьянской партии к Индийскому национальному конгрессу³⁹⁷ в Мадрасе (1927) не упоминается о независимой роли

партии и даже говорилось: "если Национальный конгресс хочет вести борьбу за национальное освобождение, он должен стать партией народа".

Более того, в обращении нет четкого отмежевания от свардживской партии... "основной слабостью рабоче-крестьянской партии является то, что на деле она выступает, скорее, как левое крыло конгресса, нежели как независимая политическая партия" (с. 410-411).

При внимательном ознакомлении с прениями и решениями конгресса, так же как и с докладом Мануильского на пленуме ЦК ВКП, получается впечатление и абсолютное убеждение, что нынешние заправилы ИККИ -- Бухарин, Мануильский, Куусинен, Мартынов и др[угие] готовят в ближайшее время в Индии,

а может быть, и в других странах предательство коммунизма еще более подлое, чем имевшее место в прошлом году в Китае.

Нам остается сделать несколько замечаний об отношении оппозиции к программе в целом, после того как она принята.

Программа неправильная, мы ее защищать не будем. В связи с этим аппаратчики будут ставить оппозиционерам вопрос: если вы не согласны с программой, а она принята конгрессом, то как можете вы претендовать на пребывание в Коминтерне? Вам остается организовать новый Интернационал с другой программой. На это мы им ответим: мы поступим так, как поступили Маркс, Энгельс и их ближайшие единомышленники, после того как в [...]398 году объединительный съезд германской социал-демократической партии принял совершенно несоциалистическую, так называемую Готскую программу³⁹⁹, несмотря на уничтожающую критику ее Марксом и Энгельсом⁴⁰⁰. Последние не стали ни препятствовать объединению партии, ни тем более создавать параллельную ей социал-демократическую партию, а продолжали влиять на существующую в духе своих идей.

Критика Маркса была скрыта от партии ее вождями и пролежала под спудом более 15 лет. Тем не менее это не могло воспрепятствовать торжеству идей Маркса. В ближайшие годы, последовавшие за принятием программы, идеи Маркса стали широко проникать в партию. Прошло всего 5-6 лет, и программа в эпоху закона против социалистов превратилась в клочок бумаги, а марксова "Критика Готской программы" до сих пор, еще через несколько десятилетий является живительным источником гениальных уроков и величайших поучений для борющегося революционного пролетариата. Пройдет немного лет, и -- Дюринги⁴⁰¹ наших дней -- Бухарин вместе со своим произведением будет под влиянием объективного развития отодвинут в сторону Коминтерном как препятствие для революционной борьбы, а "Критика основных положений проекта программы" Л.Д.Троцкого, являющаяся сейчас нелегальной для партии и Интернационала, станет настольной книгой каждого коммунистического борца. Мы поэтому будем пропагандировать неустанно ее идеи в нашей партии и

Интернационале в противовес только что принятой программе.

V. Положение внутри Коминтерна

1. Политическая линия основных секций

VI конгресс -- это первый конгресс, на котором Исполком не счел нужным дать отчет о своей деятельности за время с последнего конгресса. Вести теперешнюю линию пряником от реше-

ний V конгресса не совсем легко. Простая сводка политической и организационной деятельности ИККИ за истекшие четыре года, сделанная публично перед всем миром, была бы скандалом: это была бы картина сплошных зигзагов направо и организационных отсечений слева, когда вожди ВКП произвольно подбирали руководство ИККИ и отдельных партий и даже самый состав последних (массовые выборы в ВКП и массовые исключения из нее, а также из заграничных секций). Из всех основных партий Коминтерна за этот год исключены почти все члены Политбюро и представители в ИККИ времен V конгресса.

V конгресс обвинял тогдашнюю оппозицию в правом уклоне за указание на наступающую стабилизацию, на выдвигающуюся роль Америки, на временную депрессию в рабочем классе как результат поражений 1923 года. Теперешнее руководство не может повторять этих обвинений, так как оно от отрицания стабилизации пришло к ее воспеванию и пророчеству капиталистической реконструкции, а перед фактом усиления Америки и продолжающегося роста социал-демократии оно стоит, неспособное понять его причин и бессильное его побороть. После короткого периода левоавантюристских жестов 1924 года, ослабивших западноевропейские партии и проложивших путь оппортунизму, нынешнее руководство, наконец, "заметило" стабилизацию и с 1925 года начинает видеть главную опасность в левом уклоне и неприкрыто бьет налево. Какие же итоги можно подводить за эти два года? Сделана ли за эти годы руководством хотя бы одной коммунистической партии хоть одна левая ошибка (за исключением кантонского восстания, объясняемого предыдущим периодом ошибок)? Не только ни одной левой ошибки не сделано, но и просто ни одного левого шага. Повторяем: простая краткая сводка деятельности компартий за эти три года была бы убийственной.

Бухарин поостерегся дать такую сводку в своем докладе и предпочел поставить крест на всей деятельности ИККИ между V и VI конгрессами, ничего о ней не говоря. Суррогат такой сводки мы имеем в виде печатного отчета ИККИ, где ничего нет о деятельности самого ИККИ, но даны очерки об отдельных партиях. Приведем из них несколько выдержек, характеризующих деятельность важнейших секций ИККИ. Начнем с китайской к[оммунистической] п[артии], так как в отношении ее было больше всего опасений, что оппозиция хочет столкнуть ее слишком далеко влево с ее всегда "правильной" позиции, на с. 367 официального отчета читаем:

"Организационному росту и размаху массового движения рабочих и крестьян

в очень недостаточной мере соответствовало руководство ККП. В результате неправильного понимания задач единого фронта, руководство кит[айской] компартии допус-

тило сразу же ряд существенных ошибок, которые затормозили боевую подготовку революционных организаций и которые, как показал опыт дальнейшего, были началом цепи оппортунистических ошибок, приведших в конце концов к политическому банкротству верхушки ККП.

...В Шанхае, после победоносного вооруженного восстания, оппортунистическая линия руководства ККП привела к разоружению мужественного, боевого, беззаветно преданного революции шанхайского пролетариата и разгрому его организаций" (с. 368).

Все это до отхода Чан Кайши. Но не лучше шло дело и после этого:

"Повороту Ван Цзинвэя на сторону буржуазно-помещичьей реакции, -- читаем мы на следующей странице, -- в значительной мере способствовало оппортунистическое руководство ККП, в этот период допустившее ряд ошибок, граничивших по своим последствиям с прямым предательством...

Съезд ККП, собравшийся в мае 1927 года, пытался выправить тот оппортунистический уклон в руководстве, который уже тогда грозил партии рядом весьма тяжелых политических последствий... V съезд партии⁴⁰², однако, не уделил достаточного внимания вопросам организации массового отпора контрреволюционным поползновениям уханьской буржуазии, сосредоточив огонь своих постановлений на Чан Кайши.

Боязнь недовольства реакционных офицеров привела к постановлению ЦК о саморазоружении и добровольном роспуске рабочих пикетов Ухани. В результате этого ликвидаторского акта профсоюзы в несколько дней подверглись полному разгрому.

Объективным предательством был роспуск ЦК семи-восьмитысячного отряда в Чанша (Хунань)... несмотря на безусловный численный перевес, на обеспеченную победу над реакционерами, несмотря на боевую героическую борьбу низовых коммунистов, руководивших широким движением рабочих и крестьян, ЦК решил отказаться от борьбы с реакционерами, чтобы не подрывать авторитета национального правительства самостоятельными выступлениями масс...

3 июля последний принял решение, фактически лишаящее кит- [айскую] компартию организационной и идейной самостоятельности и передающее партию в руки Гоминьдана, ставшего уже к тому времени открыто контрреволюционной силой...

Августовская конференция... явилась поворотным пунктом в развитии компартии и ее большевизации... Однако... сама августовская конференция дала некоторые зацепки для повторения старых ошибок...

Ноябрьская конференция подвела окончательные итоги борьбе с оппортунизмом... Однако... в то же время кантонское

восстание обнаружило целый ряд недостатков работы партийной организации... и т. д."

Английская компартия ни на йоту не изменила своей политической линии, сводившейся к лояльной оппозиции после великих стачек 1926 года и последовавших затем массовых исключений коммунистов и сторонников движения меньшинства из профсоюзов и рабочей партии. Линию англ[ийской] к[оммунистической] п[артии] за последние два года можно охарактеризовать одним фактом: еще в январе с. г. в тезисах, принятых ЦК а[нглийской] к[омп]п[артии], выдвигалось положение, что коммунисты должны лояльно критиковать Макдональда, Томаса, Персея и др[угих], но призывать на выборах голосовать за них. О том, какой прием встретили в Англии и Франции решения IX пленума ИККИ об изменении избирательной тактики, как проводилась эта тактика на французских выборах и какие шансы у нее есть для проведения в Англии, рассказал Мануильский в своем докладе на пленуме ЦК ВКП. Во Франции пришлось перед самими выборами срочно смещать секретарей окружных комитетов партии. "Картина получилась, -- говорил Мануильский, -- как у нас на хлебозаготовках". Но и при всех принятых мерах ряд местных организаций не провел новой выборной тактики. Таких же или еще больших затруднений надо ожидать, как говорили Мануильский и Пятницкий⁴⁰³, в Англии ко времени избирательной кампании.

О причинах организационной слабости и упадка числа членов французской компартии последняя организационная конференция партии между прочим признала:

"Помимо ошибок, совершенных партией в области политической, слабая организационная работа снизу доверху является одной из основных причин наших неудач... Партия не предпринимает параллельно и наряду с нашей политической работой необходимых для укрепления нашего влияния организационных мер... Среди причин утраты влияния заводскими ячейками мы уделяли очень много места репрессиям и экономическому кризису; но как они ни важны, оба эти обстоятельства не могут объяснить полностью неудачу работ; истинные причины мы должны искать в оппортунистических ошибках и в дефектах внутренней партработы".

О немецкой компартии Лозовский рассказывал на конгрессе следующее:

"Ряд активных работников профсоюзов, редактор южногерманской рабочей газеты, полит[ический] секретарь тюрингенского областного комитета к[оммунистической] п[артии] Г[ермании] при обсуждении резолюций конгресса заявили протест против того, что в этих резолюциях амстердамцы обзываются

орудием капитализма, агентурой в рабочем классе. Задачи профсоюзов -- регулировать эксплуатацию, -- заявил один из этих "коммунистов".

Наконец, отметим, что даже в нелегальной партии фашистской Италии руководство после устранения бордигианского руководства выдвинуло лозунг

республиканского учредительного собрания на базе рабоче-крестьянских комитетов, что представляет собою гоминьдановщину итальянской марки⁴⁰⁴.

Точно так же нелегальная компартия Польши демонстрировала в 1926 году за Пилсудского, когда он совершил свой фашистский переворот.

Революционное руководство самого ИККИ характеризуется фактом, сообщенным Ломинадзе на пленуме ЦК ВКП. Когда в Индонезии назревало восстание, в Москву приехали делегаты Индонезийской компартии за директивами и для координации действий. Девять месяцев протолкались они здесь по всяким комиссиям и отделам. А за это время восстание вспыхнуло и было раздавлено...

2. Новая фракционная борьба в Коминтерне

Так обстоит дело с политической линией. Но, может быть, прекратилась фракционная борьба? Как известно, большинство исключений оппозиции из к[оммунистической] п[артии] было проведено по обвинению во фракционной борьбе⁴⁰⁵.

Исключение ленинской оппозиции из к[оммунистической] п[артии] объявлялось единственным средством покончить фракционную борьбу. Но без малейшего преувеличения можно сказать, что никогда еще не было такого глубокого фракционного раскола и фракционной борьбы в партиях К[ом]и[нтерна], какой открыто обнаружился на VI конгрессе. Ни на одном конгрессе еще не было, чтобы виднейшие вожди Политбюро и ЦК основных партий резко выступали на конгрессе друг против друга и требовали бы взаимных оргвыводов, а также, чтобы делегации на конгрессе выступали бы двумя половинками. Эверт, ведущий за собой меньшую половину Политбюро к[оммунистической] п[артии] Г[ермании], выступал с резкой речью против Тельмана. Последний не оставался в долгу и недвусмысленно требовал "вывести" Эверта из руководства. Рено Жан от французской делегации борется во Франции против новой избирательной тактики и в программной комиссии конгресса заявлял, что находит недостаточными уступки, сделанные крестьянству в программе. Польская и американская делегации вообще не выступали как единое целое. Все заявления делались отдельно от большинства и от меньшинства делегаций. Таково же положение в ЦК обеих партий. В польской компартии ЦК перед са-

мым конгрессом большинством одного голоса принял постановление распустить находящихся в оппозиции ЦК КСМ и комитет варшавской организации; последние заявили о своем неподчинении. На указания некоторых англичан о необходимости покончить с фракционной борьбой в американской компартии американцы ответили ироническим советом покончить сначала с фракционной борьбой в Англии. И действительно, исключительно резкое выступление Мерфи в прениях по колониальному вопросу против большинства своей собственной делегации, с обвинением в меньшевизме, подпевании Макдональду и пр., несомненно, отражает глубокие фракционные течения внутри а[нглийской] к[ом]п[артии], еще скрываемые от взоров непосвященных.

Особенностью этой фракционной борьбы между правыми и левоцентристами является полная неопределенность, неясность и спутанность принципиальных расхождений как результат аппаратной механики, с одной стороны, отсечения левого крыла -- с другой. У американцев и поляков, где идейные расхождения выступают яснее и резче всего, -- разногласия сводятся к вопросу о взаимоотношении между внутренними и внешними противоречиями капитализма. Фостер и Биттельман⁴⁰⁶ обвиняют большинство ЦК ам[ериканской] компартии во главе с Пеппером и Левстоном в том, что за внешней мощью и империалистской экспансией американского империализма оно не видит его внутренних противоречий, пассивно относится к задаче организации в новые профсоюзы неорганизованных рабочих, вовлечению негров в революционное движение и т. п. Польская оппозиция во главе с Ленским, Рикком⁴⁰⁷ и др[угими] обвиняет вождей большинства -- Бранда, Костржеву Барского в том, что они объясняют польский империализм не внутренними экономическими причинами, а общей враждой польской буржуазии к Советскому Союзу и связью польской буржуазии с империализмом; что они, далее, прикрашивают внутреннее положение польского капитализма и недостаточно энергично готовят партию к руководству массовой борьбой.

По сути дела, все эти обвинения могли бы быть переадресованы Бухарину -- этому певцу наступающего периода госкапитализма, капиталистической реконструкции и "невероятности революционной борьбы масс" в ближайшее время. Поэтому нет ничего более смешного, как лицемерная болтовня Бухарина о необходимости борьбы направо. Вообще на этом конгрессе происходил любопытный маскарад: все заведомо правые -- вроде Бухарина, Пеппера, Эверта, Костржевой и др[угих] заявляли... о необходимости борьбы направо...

Была принята поправка русской делегации к тезисам Бухарина о том, что необходима борьба не только с правыми, но и с примиренчески настроенными в отношении правых. Но конкретные решения были приняты? Снова, как в 1924 г. заявлено, что отныне единый фронт будет применяться только снизу. Эта формула V конгресса нисколько не помешала К[оммунистическому] И[нтернационалу] применять тактику блока с Перселем, блока, который сохранялся до тех пор пока Генсовет считал это для себя удобным и выгодным. Новое повторение Бухариным этой формулы при той общей установке, которая дана конгрессу Бухариным, имеет еще меньше веса и значения, чем такие же заверения Зиновьева и Бухарина в 1924 г.

Внутрипартийные вопросы все решены в пользу правых.

О немецких правых, которые составляют меньшинство в ЦК КПГ, Бухарин заявил от имени русской делегации, что она против вытеснения их из руководства. Об Америке и Польше, где, наоборот, левоцентристы имеют меньшинство в ЦК, был постановлено, что меньшинство должно безоговорочно подчиняться большинству. Эта организационная линия вполне соответствует той

политической линии, которая нашла себе выражение во всех решениях и программе, принятой конгрессом. Вообще ждать от руководства К[оммунистическим] И[нтернационалом], в котором такую большую роль играет автор "обогащайтесь", "врастания кулака в социализм", теории китайского феодализма и всей гоминьдановщины⁴⁰⁸ -- борьбы направо это все равно, что ждать борьбы с правым уклоном от Шмерала в Чехословакии, от Рено Жана во Франции, от Пеппера в Англии⁴⁰⁹. Бухарин есть только международное увенчание всей этой заведомо оппортунистической ультра- и махрово правой компартии, определяющей за последние годы политику тех или других секций К[оммунистического] И[нтернационала].

3. ВКП и иностранные секции Коминтерна

При такой политической и организационной линии конгресса нет ничего удивительного, что конгресс одобрил все гнусности руководства ВКП по отношению оппозиции и от себя повторил все обвинения, когда-либо высказывавшиеся по отношению международной оппозиции. Надежды всех отошедших от оппозиции на провозглашение конгрессом генеральной амнистии не оправдались. Даже группе Сюзанны Жиро, связанной с Сафаровым, расколовшей еще зимой французскую оппозицию и подавшей полукапитулянтское заявление отказано в обратном приеме в ФКП⁴¹⁰.

Впервые на этом конгрессе доклад о политике ВКП был поручен не ответственным руководителям партии, а второстепен-

ным чиновникам -- Варге, Мануильскому, имеющим столько же влияния на политику партии, сколько любой из делегатов конгресса. Рыков и Сталин как раз во время конгресса уехали в отпуск: эти строители социализма в одной стране не желают себя компрометировать перед мировым капитализмом активным участием в работах Интернационала и вынесением своих разногласий на конгрессе. Последними⁴¹¹ не были розданы на руки материалы оппозиции. Собравшиеся на конгрессе чиновники не посмели потребовать себе этих материалов. Закулисные заправила конгресса не допустили устройства прений. Вместо этого было проведено что-то вроде "приведения к присяге" делегатов по группам. От имени этих групп и были зачитаны декларации, крайне безграмотные, бессмысленно формулировавшие по пунктам всю неоднократно высказанную по адресу оппозиции базарную ругань.

Любопытно отметить, что в частных беседах многие видные делегаты (в том числе такие, как итальянец Эрколи и француз Торез) высказывали совсем другие взгляды. Они жаловались на то, что им была в свое время подсунута для единогласного принятия злосчастная теория построения социализма в одной стране, что от них скрывают теперешние разногласия в ЦК ВКП, хотя все о них знают на конгрессе окольным путем, что бухаринский доклад не наметил никакой перспективы для компартий, что руководство последних непрерывно дергают сверху противоречивыми директивами и т. д. Чем же объясняется такая двойная бухгалтерия: недовольство в частных разговорах и раболепно-единогласное принятие делегатами конгресса всего, что им подсовывается для подписи

русским руководством?

Во-первых, тем, что связанное со стабилизацией общее усиление оппортунизма в рабочем движении выдвинуло к руководству в партиях К[оммунистического] И[нтернационала] полусоциалдемократических, оппортунистических чиновников; во-вторых, катастрофически уменьшившимся за последние годы относительным удельным, а следовательно, и моральным весом нерусских секций К[оммунистического] И[нтернационала]. Представление об этом дают следующие цифры, которые имеются в цитированном обзоре деятельности ИККИ (с. 35) и характеризуют состояние К[оммунистического] И[нтернационала] за последние годы:

"К V конгрессу К[оммунистического] И[нтернационала] по неполным сведениям во всех секциях К[оммунистического] И[нтернационала], включая ВКП, но без комсомола, насчитывалось 1222625 членов, из них в ВКП 446089, в остальных секциях около 800 тысяч, или двух третей. К VI конгрессу те же данные таковы: всех членов 1707769 членов, из них в ВКП 1210951, в остальных секциях 500 тысяч, или меньше одной трети".

Нужно еще принять во внимание, что цифры 1924 г. преуменьшены, а цифры 1928 года преувеличены: в отчете V конгресса К[оммунистического] И[нтернационала] указывались большие цифры для того времени. С другой стороны, например, для Чехословакии на 35 стр., откуда мы заимствуем наши данные, дается цифра на 1 января 1928 года в 130 тысяч, а на стр. 137 в Обзоре деятельности чехословацкой компартии указывается уже цифра в 138 тысяч членов, еще ниже на той же странице указывается, что по проводившейся в конце 1927 года партийной переписи было переписано 93691 чл[енов], собственно эту цифру и можно считать достоверной.

Из общего числа членов КИМа412 вне СССР проживает меньше одной двадцатой части. При этих условиях не удивительно, что в громадной степени выросла чисто материальная зависимость иностранных секций от ВКП. Материальная помощь ВКП иностранным секциям имела место и раньше. Но при том идейном влиянии, которое имело ленинское руководство ВКП на Коминтерн, материальная помощь не была орудием давления и бюрократизации иностранных секций.

Нынешнее руководство ВКП в широкой мере пользуется материальной зависимостью иностранных секций для проведения таким путем своего влияния в иностранные секции. Подбор послушных чиновников, "дежурных вождей", всплывших на поверхность в период стабилизации, на руководящие посты никогда еще не проводился так цинично, как в последние годы. Маленькое представление дает об этом состав самого конгресса. По докладу мандатной комиссии, из 468 делегатов, заполнивших анкеты (всего присутствовало 515278 человек), или большинство конгресса, не принимали участия ни на одном предыдущем конгрессе, из остальных только 20 человек присутствовали больше чем на двух

предыдущих конгрессах; 73 делегата не являются членами профессиональных союзов (из слов докладчика -- Пятницкого -- явствует, что это не исключенные из союзов).

После VI конгресса бюрократизация К[оммунистического] И[нтернационала] еще больше усилится благодаря принятым изменениям устава К[оммунистического] И[нтернационала]. Никаких обязательных сроков для созыва конгрессов не устанавливается. Расширенные пленумы исполкомов (созывавшиеся вплоть до прошлого года -- т. е. до 8 пленума) больше созываться не будут. Обыкновенные пленумы только раз в полгода. Все функции ИККИ передаются его Президиуму, который приобретает права составления всех органов К[оммунистического] И[нтернационала]: Политсекретариата (вместо оргбюро), редакции журнала К[оммунистического] И[нтернационала] и других изданий. Для руководства деятельностью отдельных

групп стран создаются назначенные президиумом постоянные бюро, а также вводится институт инструкторов с особыми правами и т.д. Все эти меры имеют целью сделать руководство К[оммунистического] И[нтернационала] независимым от партийных масс.

VI. Госкапитализм, опасность войны, революционные перспективы и задачи

Ныне происходящие в Европе процессы правильнее было бы назвать не реконструкцией и даже не более обычно употребительным термином "рационализация", а "американизацией" европейского хозяйства. Происходит прямая пересадка американских методов производства и экономической организации путем прямых заимствований (организованные поездки промышленников и профессионалистов в Америку и т. п.) и приспособление к условиям, диктуемым мировому рынку американским капиталом.

Если бы дело действительно обстояло так, как утверждает Бухарин, если бы для капитализма начинался сейчас период новой качественной реконструкции его технической базы и структуры, то должен был бы в первую очередь удлиняться конъюнктурный цикл и, действительно, мало вероятно была бы в ближайшие годы революционная массовая борьба. А между тем на наших глазах, в отдельных капиталистических странах конъюнктурная кривая стала ползти вниз. В Америке медленно, но верно назревает кризис. В Германии наступает репрессия. Это не замедлит сказаться в других странах (Франция, Италия), где конъюнктура вообще была невысокой за эти годы.

Признаки полевения масс являются политическим выражением этого процесса и симптомами приближающегося конца ныне переживаемой конъюнктурной фазы, начало которой относится к лету 1926 года. Бухаринская теория закрывает глаза К[оммунистическому] И[нтернационалу] на эту приближающуюся перспективу близкого снижения высокой конъюнктуры и очередной вспышки массового движения пролетариата в той или другой европейской стране (Польше в первую очередь). Полевение масс может, разумеется, происходить и на почве промышленного подъема, но принять революционные формы оно может только при снижении конъюнктуры и ее срыве.

Развитие государственно-капиталистических форм обозначает прежде всего подчинение капиталистического хозяйства государству. Но во всю послевоенную пору происходит обратный процесс: схватывание частнокапиталистическими монополиями ряда областей хозяйства, которые были во время войны, а то еще и раньше (железные дороги) в руках государства. Какими

же фактами обосновывает Бухарин мнимое развитие в наше время государственно-капиталистических форм?

"Укажу здесь на некоторые примеры: каждому, например, известен такой факт, как существование гигантских трестов, вроде Акционерного общ[еств]а красильной промышленности в Германии ... колоссальный трест химической промышленности в Англии⁴¹⁴... "Стандартойль" в С[оединенных] Штатах".

Но то, что Бухарин усиленно напирал за последние месяцы, это -- на якобы происходящее, коренное изменение хозяйственной формы капитализма: из частнособственнического он якобы становится государственно-капиталистическим, "коллективно-капиталистическим", организованным внутри отдельных стран в национальные государственно-капиталистические тресты, как он это обосновывал еще на своих старых работах времен войны и революции и стал это теперь усиленно возрождать. Именно эта идея развития на Западе "государственно-капиталистических форм" становится центральным пунктом, основным лозунгом той новой идеологии, которую создает в настоящее время Бухарин в дополнение и на смену подмоченной теории построения социализма в одной стране. О госкапитализме как новой форме хозяйства, якобы теперь вырабатываемой капитализмом, Бухарин говорит в каждой своей речи и документе со времени XV партсъезда. Эта идея впервые закреплена в программе и ряде документов, принятых VI конгрессом Коминтерна. Она заслуживает поэтому специального внимания.

Нужно совершенно издеваться над своими слушателями, чтобы в качестве доказательства наличия государственно-капиталистических форм приводить частнокапиталистические монополии. Чувствуя это, Бухарин постоянно пользуется выражением "сращение хозяйственных организаций империалистической буржуазии с ее государственными органами", умалчивая о важнейшем вопросе, в какой форме происходит это сращение, в форме ли подчинения государства хозяйственным организациям буржуазии или, наоборот, последних -- государству. Мало того, он позволяет себе такое шулерство:

"Не так важно, -- говорит он, -- в какой именно оболочке развивается этот процесс -- в той ли форме, что само государство владеет промышленными предприятиями и усиливает свое вмешательство в хозяйственную жизнь, или в той форме, что так называемые капиталистические хозяйственные организации, как выражаются либералы, "завоевывают государство снизу"... Итак, вопрос о

форме этого процесса носит второстепенный характер".

Бухарин выдвинул положение о развитии новых форм империалистического хозяйства, государственно-капиталистичес-

ких, на место частнокапиталистических. Когда же от него требуют доказательств, он заявляет: "вопрос о форме этого процесса носит второстепенный характер". Трудно себе представить большую теоретическую и политическую безответственность и недобросовестность⁴¹⁵.

Каков же смысл бухаринской госкапиталистической "философии"? Она сводится к утверждению, что в эпоху империализма капиталистическое хозяйство организуется все больше в национальных рамках для борьбы за монополию на мировом рынке. Таким образом, противоречия внутри отдельных стран в форме конкуренции, анархии производства и проч[его] с развитием этого процесса все больше исчезают, противоречия сохраняются только на мировой арене в междугосударственных отношениях. Отсюда вытекает и бухаринская постановка вопроса об опасности войны и вопроса о взаимоотношениях между внутренними и внешними противоречиями и его бессилием объяснить причины усиления социал-демократии.

В последнем вопросе он систематически игнорирует результаты ошибок коммунистического руководства, не умевшего использовать различных изломов политической кривой, происходивших на основе противоречий внутри отдельных стран (Англия, Австрия, Польша). Характерно, что борьба между правой и центристской группами в ряде партий (Польша, Америка) происходит как раз по вопросу об оценке соотношений между внешними и внутренними противоречиями. Правые группы (Барский -- Костржева -- Бранд в Польше, Пеппер в Америке) охотно распространяются насчет внешних политических противоречий империалистических тенденций правительства своей страны и т.п., но систематически замалчивают вопросы внутренних противоречий и пути их использования для революции. Центристы (Ленский в Польше, Фостер -- Бительман в Америке) критикуют руководство именно под этим углом зрения. Для этих правых групп Бухарин и создал теперь обоснование их оппортунистических тенденций.

Такова же по своему смыслу и бухаринская постановка вопроса об опасности войны. Существование последней несомненно. Вопрос об этой опасности был поставлен оппозицией со всей решительностью еще в прошлом году. Эта опасность усугубилась и надвинулась, благодаря последовательному ослаблению революционных сил и коммунистических партий внутри ряда стран, из-за того что коммунистическое руководство не умело использовать внутренних противоречий. Как можно бороться коммунистическим партиям против опасности войны до возникновения последней? Ничем иным как сплочением пролетарских сил для подготовки революционной борьбы за власть в своей стране. За исключением работы в армии, которая не менее важна и в мирное время, чем работа среди рабочих и революционного крестьянства, нет никаких других специфических методов борьбы с войной до ее возникновения, кроме подготовки революции, повседневной борьбы и увязывания этой борьбы с борьбой за пролетарскую

диктатуру в условиях, создаваемых мировой обстановкой и классовыми отношениями внутри каждой данной страны. В ответ на указание критиковавших его "левых" делегатов, что из всей оценки Бухарина вытекает необходимость дожидаться войны, с тем чтобы только в созданной ею обстановке бороться за революцию, Бухарин отвечает:

"На мой взгляд, если пытаются перенести центр тяжести с этого вопроса об опасности войны на внутренние противоречия или на что-либо другое, то это будет означать непонимание всей серьезности положения... но можно ли утверждать, что в наше время непосредственная революционная ситуация, даже в таких странах, как Германия и Чехословакия, может возникнуть только в связи с войной? Такое утверждение означало бы, что мы должны "ждать" возникновения войны или учитывать в своей работе только одну эту перспективу... Но степень вероятности революции -- поскольку мы говорим вообще, в том и в другом случае неодинакова...

Центральной проблеме военной опасности подчинены все прочие проблемы; это относится и к проблеме внутренней политики и к внутренним противоречиям.

В чем же заключается разница между нашей повседневной работой и повседневной работой социал-демократии?.. В том, что коммунисты должны увязывать злободневные вопросы -- и это для каждого коммуниста обязательно -- с проблемами так называемой "большой политики"... В нашей повседневной работе мы должны указывать на опасность войны, в связи с каждым мало-мальски важным злободневным вопросом... Разумеется, может случиться, что непосредственная борьба за диктатуру пролетариата выдвинется на первый план и без войны. Но и здесь нужно отметить, что грядущая война уже отбрасывает из будущего свою зловещую тень... и т. д. и т. п."

Бухарин прибег к этому высокопарному стилю всех пацифистов "о зловещей тени", чтобы спрятать концы в воду.

Выпясывая канкан вокруг вопроса о "возможности", в виде исключения, борьбы за пролетарскую диктатуру еще до войны, и изложивши несколько "с одной стороны, с другой стороны", Бухарин приходит к выводу, что революция до войны все же маловероятна и установка ее на ближайшие годы должна заключаться только в агитации против военной опасности.

По существу это есть ликвидация на ближайшие годы революционных перспектив и революционных задач компартий⁴¹⁶. Это есть замена принципов коммунистической политики левосоциалдемократическими. Но левые социал-демократы как раз и усматривают главную задачу Интернационала (Второго) в борьбе против военной опасности... Это значит, что Интернационал... должен играть роль пацифистского орудия. Его основная роль как орудия мировой революции отступает при этом неизбежно на задний план. И это -- повторяем -- не вследствие чьих-либо сознательных намерений... а вследствие внутренней логики новой теоретической установки, что в тысячу раз опаснее самых худших субъективных намерений.

Эти слова тов. Троцкого, сказанные по поводу выводов, логически следующих из теории социализма в одной стране, прямо содержатся в новейшей

теоретической установке, данной Бухариным Коминтерну на VI конгрессе, установке, центральной идеей которой является госкапитализм, затушевывание внутренних противоречий, подмена революционной задачи борьбы за пролетарскую диктатуру -- пацифистской задачей борьбы против военной опасности⁴¹⁷.

Конгресс закончился стопроцентным единогласием. На последнем заседании перед напыщенной и тоскливой агиткой Бухарина были приняты погромные резолюции об апелляции группы Троцкого и группы Маслова -- Рут Фишер. Несколько менее погромны были резолюции о Сюзанне Жиро и Вайнкопе⁴¹⁸. Авансом, в счет будущих бюджетных и внебюджетных поступлений, конгресс санкционировал все действия советских властей по отношению к оппозиции. На кустанайских избирениях⁴¹⁹ сейчас, таким образом, лежит печать конгресса Коминтерна. Нужно полагать, что избирения ссыльных, заключения их в тюрьму за опоздание на регистрацию и прочие сметные и сверхсметные гнусности сейчас будут воспроизводиться в расширенном масштабе. Вообще на оппозиции пока что обе фракции -- и рыковская и сталинская -- уступают друг другу.

Каковы же итоги конгресса? Считают его левоцентристским. Конгресс усилил т[ак] н[азываемых] левых -- в Германии группа Тельмана оформилась, укрепилась -- Эверт дискредитирован, провален на выборах в ИККИ, во Франции дискредитирован Дорио, особенно Кашен -- руководство целиком передано Семару -- Торезу. В Чехословакии настоящая революция -- Шмераль отказался от шмерализма, прошлого, настоящего и будущего, руководство должно быть передано левым. Во всех трех партиях руководство будет ориентироваться на Сталина. В кит[айской] партии тоже, по-видимому, получили "левые" -- в ИККИ избран Страхов (Цюй Цюбо), а Джан Готао⁴²⁰ кандидатом. В американской партии победил -- и крепко -- Ловстон, Фостер потерял и то, что имел -- сталинцы утешаются тем, что 1) группа Форвертера такая же левая, как и Ловстона и 2) провалили Пеппера в ИККИ (хотя американская] партия его поддерживала). В польской партии усилилась группа Барского. В итальянской Эрколи по-прежнему руководит ЦК, он ориентируется на Бухарина. "Победу" "левых" видят также в том, что провалили Петровского (Беннета) в Исполком, что дискредитирован (вернее: дискредитировал себя своим докладом) Куусинен. Коларов и Димитров⁴²¹, по-видимому, ориентируются на Бухарина. Из русских введены в Исполком Молотов и Рыков (кто-то из англичан запросил, удобно ли вводить председателя СНК в ИККИ, Молотов ответил, что такой большой уступки мы империализму делать не можем).

Внутренние дела не веселы. Перспективы такие: либо бунт в деревне, либо голод в городах, либо ввоз хлеба. Но ввозить не на что. Уже сейчас в некоторых районах начинается голод или что-то похожее на голод, чтобы не употреблять этого страшного слова. Очень скверно положение в Смоленской, Рязанской губ[ерниях], Белоруссии, в районе Одещины и Херсонщины голодный район охватил территорию с населением в 800 тыс. человек. Правые снова поднимают голову -- линия оппозиции сейчас опровергнута жизнью, сейчас

видно, что Троцкий со своей линией очень быстро привел бы страну к гибели. Дело не в кулаке -- кулак большой роли в с[ельско]-х[озяйственном] производстве не играет, суть в том, что в деревне вообще у мужика нет хлеба.

Перспективы с хлебозаготовками скверные -- за август собрали не более 60% плана, на сентябрь -- плохие виды (об этом говорят, -- заявил Микоян на П[олит]б[юро]). Хлеба ввезли уже 34 млн пудов, и до нового урожая кормить страну можно только ввозным хлебом. А новый урожай в этом году поступит позже -- и из-за географии урожая (Украина сейчас потребляющий район), и из-за ряда других причин. Хлеба нового урожая хватит, по мнению одного из членов коллегии Наркомторга, только до мая.

Как будет с хлебозаготовками, с деревенской политикой вообще -- об этом узнается на октябрьском пленуме⁴²². Помимо этого вопроса, на октябрьском пленуме стоят в повестке дня вопросы о контрольных цифрах, о переводе на 7-час[овой] рабочий день, об итогах вовлечения рабочих в партию.

Линия пока что есть только у правых -- они все больше договаривают ближайшие выгоды из своих предложений -- перераспределить средства между промышленностью и сельским хозяйством и внутри самой промышленности, между текстилем и металлом. Сталинская публика мечется, хозяина самого нет, но на какую-нибудь линию придется решиться, иначе он может потерять тех правых, которые его генсекство предпочитают генсекству Томского. Пока же есть Виттова пляска⁴²³, но нет линии. Лучше всего наблюдать эту пляску в "Правде". Крумин пишет передовицу о разворачивании промышленности, где утверждает, что самокритика понижает производительность труда, а пленум выносит прямо противоположную резолюцию, Рывкин⁴²⁴ в передовице "Правды" от 31 августа высказывается против этого положения, а передовица "Листка РКИ" от 1 сентября категорически отвергает "поклеп на самокритику", будто она -- самокритика -- способствует снижению выработки рабочего. В "Правде" от 25 августа передовица "К пленуму ЦКК ВКП", писанная Ярославским, ставит вопрос -- не перегнули ли, а в этом же номере передовица "Листка РКИ", писанная Орджоникидзе (перед его отъездом) говорит, что мы ребра переломаем тем, кто говорит, что перегнули. Новая редакция "Правды" -- Крумин и Савельев -- люди, не имеющие своей политической линии, люди последнего секретарского распоряжения -- а распоряжений сейчас в секретариате не имеется. Вот и получается "неровность". Такая же "неровность" и в "Комсомольской правде" -- открыли огонь по ВЦСПС, нет самокритики, плохая культработа, установка на квалифицированного рабочего, сейчас их тянут назад, Молотов звонит, просит не слишком обижать ВЦСПС⁴²⁵.

СВОДКА⁴²⁶

Июль⁴²⁷. Настроения рабочих

Наиболее интересны настроения рабочих-отпускников, вернувшихся из деревни. Общее мнение, что политика в деревне неверна, вызывает неурядицы,

усиливает и без того большую бестолковщину. Много нареканий на лодырей-бедняков, на злостное лентяйство бедняков, на то, что на середняков -- основную опору власти на деревне, косо смотрят. На заводе им. Фрунзе⁴²⁸ все беспарт[ийные] и парт[ийные] рабочие, связанные с деревней, считают, что надо обратить внимание правительства на необходимость привлечения бедноты к полезному труду, всю бедноту зачисляю в лодырей. Ни один партиец по существу не возразил и не защищал бедноту. На заводе собираются писать коллективные заявления Калинину. Панические настроения, связанные с хлебным положением, прошли, недовольства много, винят головоотяпство руководящих] органов: хлеба у нас

вдосталь, а многие районы на голодном положении. Кондуктор с Шепетильник[овского] трампарка говорит, что в деревне отплевываются от социализма -- пусть и хорош, а нам не нужен. Много в деревне несправедливостей (это общее заявление всех побывавших в деревне рабочих). Кулаку сейчас подчинена беднота. На заводе Мосэлектрик партиец, вернувшись из Рязанской губернии, говорит, что везде в деревне неурядица, безобразия, другой молодой партиец, слесарь, указывает, что в деревне всюду насаждают чужих. Партактивист говорит, что правительство просчиталось с хлебозаготовками, в деревне безотрадная картина, цифры берут с потолка, распределяют как бог на душу положит, контроля никакого, беспарт[ийный] рабочий сообщает о восстании на Кавказе. Беспарт[ийный] рабочий с Трехгорной мануфактуры говорит, что нельзя показаться в деревне, крестьяне страшно озлоблены, загрызут. Распределение налога неправильно, рабочий говорит, что крестьяне не развивают хозяйство, боятся завести лишний скот -- берут много налогов и попадешь в кулаки. Крестьяне ждали, что сбавят налоги -- получилось наоборот. Нужно организовать больше колхозов и меньше брать налогов.

Очень большое недовольство проявляется рабочими -- бюрократизмом, засильем спецов. Так на заводе Гэт один беспарт- [ийный] рабочий указывает на засилье спецов, невнимание к рабочим, на заводе им. Фрунзе раб[очий-]парт[иец] говорит, что нет хозяйского глаза, все делается через пень-колоду, при французах было меньше спецов, а толку больше. При советской власти инженерам не жизнь, а малина, независимое положение, почет и безнаказанность -- "просчитался", "ошибся" -- и крышка -- выговора и то не получит, другой партиец -- много липовых заво и инженеров, ничего не делающих и все со спецставками. Как это РКИ находит все правильным, когда каждый может сказать, кто лишний? Другой рабочий указывает, что Т[рудовые] и Н[ормативные] б[юро] платят 300-400 руб., а они ни черта не знают, хронометража провести не могут, руководят карточками наблюдений, а карточки врут, так как рабочий сдает одну работу за другую, комбинирует, лишь бы рубль вышел, покажет столько времени, сколько захочет. Лучше халтурщика за

100 руб. посадить -- снять 5-10% каждый дурак сумеет. Недовольство рабочих объясняется плохо проведенной рационализацией, негодным обследованием РКИ, не нашедших лишних людей при разбухшем аппарате, безалаберное строительство, несвоевременной заготовкой инструментов, ростом брака по вине администрации и т. п.

На заводе Гэт беспартийный рабочий жалуется, что рабочие живут в подвалах и на окраинах, а чиновники в центре и в хоро-

ших домах, рабочие-парт[ийцы], находящиеся в верхах, быстро отрываются -- пройдет еще 10 лет и от Октября останется одно воспоминание. Другой рабочий говорит, что многие партийцы "заелись" от хорошего жалования и растрат, а только и знают, что твердят о социализме. Рабочий с Трехгорной мануфактуры говорит, что на курорты можно попасть только по протекции. На заводе им. Фрунзе вернувшиеся отпускники резко критикуют местных ответственных работников, характеризуя их так: вышел в люди и забыл, кем был -- хуже старорежимника. На местах ответработники много ноют, живут не по средствам, много разводов. К самокритике всюду отношение скептическое: на Шепетильник[овском] трампарке беспарт[ийные] рабочие указывают на снятие одного партийца за критику и пришитие ему ничем не обоснованного обвинения. Самокритика дело казенное, лучше не вмешиваться. Пусть себе покритикуют, а мы посмотрим. Есть недовольство рабочих составом вузов (Мосэлектрик).

По вопросу о хлебозаготовках на Шаболовском трампарке (закрытое партсобрание) из 8 выступавших только 2 безоговорочно поддерживали докладчика, заявившего, что в затруднениях в известной мере повинна оппозиция. В прениях рабочие говорили: "Толкуете об оппозиции, а сами деретесь", "плохо боретесь с бюрократизмом". На открытом партсобрании, где из 3000 рабочих присутствовали только 110, из которых беспарт[ийных] было только 11 человек, выступили оппозиционеры (исключенные), которых слушали внимательно. Перед голосованием около половины разошлось.

На активе Замоскворецкой районной организации.

Делал доклад Микоян, затушевывал перемену курса и отделялся общими соображениями. Признал, что ввезли 15 млн пудов хлеба, но будь больше золота, ввезли бы 100-150 млн пудов. В прениях первым выступил тов[арищ], говоривший, что принятые решения носят на себе отпечаток сокольниковщины⁴²⁹ -- политика партии в деревне была не ленинской, существующая правая опасность в стране и в партии руководством замазывается. Требовал прекращения арестов и ссылок и возвращения оппозиции в партию. К концу выступления поднялся шум, при голосовании о продлении времени (после 15-17 минут речи) 12-15 человек голосовало за продление. После него выступало еще 10 человек. Говорили о неправильном курсе на индивидуальное хозяйство, один -- с производства -- отметил наличие кулаков в волостных советских и парторганизациях. Другой, также с производства, говорил, что незачем сваливать на стрелочника, нужно ответственность за парт[ийную] линию взять ЦК. Сейчас повышение цен -- уступка кулаку, что будет, если кулак еще раз на-

жмет. В заключительном слове Микоян начал и кончил выступлением первого товарища, говорил о необходимости учиться хозяйству у мужика, о том, что недобрали 70 млн пудов хлеба. Разногласий в партии нет, а на вопрос, кто тянет к решениям XIV съезда, рассказал про письмо Фрумкина. При голосовании первый выступавший внес дополнение о прекращении репрессий и возвращении оппозиции в партию. Было решено дополнение не голосовать. Необходимо отметить ряд выступлений оппозиционеров по ячейкам (или оппозиционное выступление) -- такие выступления были на 3 Швейной фабрике (Красная Пресня), где одна работница на цеховом собрании предложила вернуть оппозицию, мотивируя это тем, что сейчас партия приняла линию оппозиции. За предложение голосовало два, воздержалось 6, большинство против. В Первой Образцовой типографии оппозиционеры предложили резолюцию с требованием дальнейшего наступления на кулака, чистки низового аппарата, организации Союза бедноты, освобождения и возвращения оппозиции и т. д. За резолюцию голосовало 5 рабочих из 300 присутствовавших.

На Шаболовском трампарке было принято предложение оппозиционера (после его выступления) о пересмотре инструкции внутреннего распорядка. Создана комиссия во главе с оппозиционерами. В Миусском парке комиссию также возглавлял оппозиционер. На Богородском кожевенном заводе делегатское собрание выдвинуло оппозиционера в фабком -- всякими неправдами администрация его отвела. В Богородске же на общем собрании рабочих Глуховской фабрики по докладу Углонова о самокритике выступили рабочие, которые говорили, что те, кто критиковал, -- уже высланы.

Август-сентябрь 1928 г.

На заводе Амо бюро ячейки сняло редактора стенгазеты за "преувеличения" в области самокритики. Стенкоры и многие другие рабочие остались недовольны снятием и выступили с критикой линии бюро и завкома. Завком и бюро ячейки обвинялись в поддакивании директору завода Лихачеву⁴³⁰, в том, что они идут на поводу у директора. Вопрос всплывал неоднократно на собраниях и сильно волновал рабочих. Райком и МК поддержали бюро ячейки. Дело дошло до ЦКК, которое поручило Подвойскому провести обследование. Подвойский ходил по цехам и спрашивал рабочих, как там проходит самокритика. Рабочие отвечали, что самокритика дело хорошее, но только за нее выбрасывают с предприятия. На беседах, проводившихся Подвойским на заводе, выступали оппозиционеры и вскрывали сущность самокритики и методы ее проведения. В резуль-

тате обследования заговорили о снятии всего состава завкома и секретаря ячейки. Секретарь предусмотрительно снялся сам под видом ухода на учебу. В начале сентября состоялось общее собрание ячейки, на котором выступил Углонов, открыто солидаризовавшийся с линией бюро, заявивший, что присходит

травля хозяйственников, принимающая недопустимую форму. Он прозрачно полемизировал с Подвойским и говорил о недопустимости неделовой критики. Окончательное решение должно было быть вынесено МКК431 (выделившей специальную комиссию), но назначенное на 7-е заседание МКК было отложено. Передают, что секретариат ЦК специально организовал обследование, чтобы иметь материал против МК (т. е. персонально против Угланова, которого Сталин рассчитывает заменить Кагановичем).

Завод Гаммер432. На общезаводском собрании, посвященном отчету Моссовета, выступило 4 оппозиционера и 2 беспарт[ийных] с критикой работы Моссовета. Товарищи указывали на недопустимость нового квартирного закона435, на снижение зарплаты, на плохое качество промтоваров и пр. Оппозиционеры кроме того останавливались на уроках хлебозаготовительной кампании, а также на арестах и ссылках оппозиционеров. В ответе заместителем секретаря ячейки было сказано, что на других предприятиях оппозиции уже нет, "только на нашем заводе она осталась, но и здесь ее ждет та же участь, что и на остальных". Предложенная нашими товарищами резолюция собрала 4 голоса. Принята резолюция ячейки, в которой одобряются все мероприятия Моссовета. Многие рабочие перед голосованием ушли с собрания, а многие из оставшихся не голосовали.

1-я Образцовая типография. 30 августа состоялось общее собрание рабочих, где присутствовало 600 человек. На повестке дня стоял отчет Моссовета. В прениях выступил исключенный из партии оппозиционер, которому собрание продлило время до 30 минут. Товарищ указал на негодный закон о квартирной плате, направленный против рабочих, о возрастающей дороговизне, увязав это с политикой ЦК в деревне. Во время речи группка аппаратчиков шумела и прерывала товарища, но большинство рабочих заставило аппаратчиков [замолчать]. Перед голосованием многие рабочие ушли с собрания. За предложенную оппозиционерами резолюцию голосовало 8 человек, а против нее голосовало 20. Остальные присутствовавшие не приняли участия в голосовании. Председатель объявил, что принята резолюция бюро ячейки, хотя она совсем не ставилась на голосование.

Завод Морзе. На общем собрании рабочих 7-го сентября с отчетом о работе Моссовета выступил Угланов и еще 5 содокладчиков. Угланов говорил преимущественно о международном положении и общих вопросах политики партии. Эти 6 докладов очень сильно утомили рабочих. В прениях выступил оппозиционер, критиковавший закон о квартирной плате и говоривший о том, как на деле проводится самокритика. Рабочие продлили товарищу время и проводили его по окончании речи аплодисментами. Во время выступления товарища Угланов бегал по трибуне и кричал, что мы с нэпманов не можем брать больше того, что мы берем с них теперь. После оппозиционера говорили три аппаратчика. Упоминания их об оппозиции рабочие встречали криками -- "долой", "довольно",

"слышали". Выступавшие оппозиционеры внесли три поправки: первая поправка -- о квартирном законе, чтобы не проводить его в жизнь, а поставить на обсуждение рабочего класса. Угланов: "Мы не можем больше брать с нэпманов, чем мы берем с них теперь". Председатель собрания -- после ответа Угланова -- без всякого голосования объявил, что поправка провалилась.

Вторая поправка о немедленном сокращении производства водки и запрещении продажи ее в рабочих районах. Угланов: "Мы сами это проводим". Рабочие: "Тогда почему же не соглашаетесь принять поправку?" Председатель -- опять без всякого голосования -- объявил, что поправка не принята.

Третья поправка об активизации Моссовета, о большем вовлечении рабочих в работу Моссовета и о развертывании самокритики. Угланов: "Это вылазка оппозиции". Председатель: "Отвергается"...

Многие рабочие перед голосованием ушли с собрания. Беспартийные рабочие, выступившие в прениях, говорили о самокритике так: "Рот нам затыкаете, дожили до того, что в цеху не можем говорить -- сейчас же обо всем доносится секретарю ячейки. Если будете затыкать нам рты, мы все уйдем отсюда". Второй оппозиционер говорил о недостатках в области бытовой. В заключительном слове Угланов сказал: "Критиковать критикуйте, но не смейте разбрасывать листовки. За листовки мы будем брать за шиворот. Оппозиция говорит, что она спасет революцию. ЦК пытался уже проводить политику оппозиции, а какие результаты получились, вы сами знаете. Если бы оппозиция была во главе руководства, она пошла бы еще более вправо". В этом месте Угланову кричали: "Значит, ЦК ведет действительно правую политику?" После этого собрания среди рабочих наблюдается большое оживление.

Водоканал. На собрании рабочих 30 августа по докладу Моссовета выступил оппозиционер, говоривший о росте бюрократиз-

ма. Товарищ внес к резолюции поправку, в которой предлагает Моссовету всех бюрократов снимать с работы и отправлять в ссылку. Общее собрание эту поправку приняло.

Шаболовский трампарк. 7-го сентября на общем собрании рабочих (присутствовало 600 человек из 2.800) с отчетом Моссовета выступил Енукидзе. Говорил он преимущественно о международном положении, об итогах же практической работы Моссовета говорили 6 содокладчиков. В прениях выступил оппозиционер Агальцов, критиковавший закон о квартирной плате. Товарищ указал, что новый закон совершенно не затронул буржуазию и выражает нажим на рабочий класс. Самокритика задушена. Рабочие боятся выступать, боятся сокращений, так как растут безработица и дороговизна. Увеличение цен на хлеб есть нажим на рабочих и подарок кулаку. Товарищ Агальцов говорил 25 минут, по окончании речи часть рабочих ему аплодировала. Выступавший после него партиец говорил о снижении реальной зарплаты и недостаточном развертывании самокритики. Беспартийные рабочие говорили о недостатках. Енукидзе в заключительном слове утверждал, что зарплата повышается, что "они (видимо, оппозиция) только говорят, а работать не хотят. Личное самолюбие (?) ставят выше интересов республики". Товарищ Агальцов внес поправку о квартирном

законе, чтобы поставить его на обсуждение рабочего класса, и поправку о запрещении продажи водки. Первую поправку Енукидзе отвел под тем предлогом, что закон уже принят, а вторая поправка была встречена группкой аппаратчиков криками -- "контрреволюция".

"Пролетарий". 22 августа было закрытое собрание ячейки, исключили трех партийцев с 1917 г.: Васина, Ильина и Румянцева за то, что они голосовали за резолюцию оппозиции на собрании 26 июля по самокритике. Кроме того, тогда же исключили еще трех партийцев за неплатеж членских взносов. Представитель зам[еститель] района434 Романов в своем выступлении по поводу исключения этих товарищей (оппозиционеров) останавливался, главным образом, на фракционной работе и т.д. Исключенные товарищи в выступлениях останавливались на самокритике, как понимает ее аппарат, и о том, что осталось от слов о самокритике. Васин цитировал бюллетень о выходе Рыкова и других из состава Совнаркома 5-XI-[19]17 г. По вопросу свободы меньшевистских газет. Голосовало против исключения 6 человек по официальному подсчету, на самом деле -- больше. Больше трети партийцев воздержалось от голосования. На следующий день всех голосовавших потащили в ячейку, где им секретарь в течение трех часов читал лекции. Были вызваны Анохин, Ку-

харев, Комаров, Гаврилин, Снегирев и др[угие]. Партиец Лебедев, более открыто выступавший с нашей линией, решил выйти из партии, о чем подал заявление.

25 июля состоялось открытое собрание ячейки по вопросу о самокритике. На собрании присутствовало 60 коммунистов (в ячейке -- 170) и 50 беспартийных. В прениях выступил оппозиционер Новиков, речь которого прерывалась аппаратчиками, но беспартийные потребовали продолжения речи Новикова. Всего записалось 35 человек, и прения были сокращены. Оппозиционеры предложили резолюцию, в защиту которой было сказано слово. За резолюцию голосовало 11 (из них 4 члена партии и несколько человек беспартийного актива). Многие беспартийные воздержались. Во время чтения пункта резолюции о возвращении из ссылки директор пытался подать реплику, но беспартийные заставили его замолчать.

СВОДКА № 2

Сентябрь 1928 г.

1. Кампания за возвращение Л. Д.[Троцкого] в Москву

Ярославский в докладе на Краснопресненском активе в ответ на вопрос (в письменной форме) о здоровье Троцкого сказал: "Троцкий не болен, он поставлен в хорошие условия, он получает 50 руб., чего же еще надо, он и этого не заслуживает, ведь многие рабочие получают меньше" (по записной

книжке присутствовавшего члена ВКП(б) рабочего).

На Баумановском активе тот же Ярославский потрясал документами оппозиции и восклицал: "Разве, если бы Троцкий был болен, он смог бы написать такое количество документов? Оппозиция выпустила листовку, но это только ухудшает положение Троцкого⁴³⁵. Неверно, что Троцкий плохо материально обеспечен. Мы ему даем все необходимое. Он имеет и стенографистку, и машинистку, и доктора" и т. д.

По фабрикам и заводам

На Икаре. Листовка была разбросана и расклеена. К утру более половины листовок были сняты коммунистами. На листовку рабочие реагировали недоверчиво. Спрашивали наших товарищей, не провокация ли это. Узнавая правду, говорили "что же дальше?", "что делать?". Активисты-комсомольцы возмущались, что оппозиция опять дошла до "улицы", говорили: "Неужели, если Троцкий болен, нельзя было подать заявление в ЦК?". На заводе очень большой зажим. Нашим товарищам не дают буквально говорить с рабочими. Чуть отошел от станка, тотчас окрик мастера: "Не смей отходить от станка!".

ГЭТ. 62 рабочих слесарного цеха предложили подписать заявление о возвращении Л. Д. [Троцкого] из ссылки.

Чаеразвеска. Листовка принята хорошо. Рабочие собирались группами и обсуждали содержание. В одном из цехов сочувствующий член партии зачитал ее вслух. На закрытом собрании ячейки по вопросу об "оживлении троцк[истской] оппозиции" секретарь ячейки предложил следить за оппозиционерами, заявив, что в случае повторения разбрасывания листовок все оппозиционеры будут арестованы, независимо от их участия. Он обрушился на подавших заявления об отходе от оппозиции (таких было 6) за то, что они ничем не помогли ячейке в предупреждении разбрасывания листовок. Многие рабочие беспартийные спрашивают: "Почему вы только теперь сообщаете о болезни Троцкого? Почему вы раньше молчали?".

Хлебопекарня № 6 В хлебопекарне оппозиционеров нет. Листовки о болезни Троцкого раздавал беспартийный рабочий. Местком и ячейка потребовали прекращения раздачи. Рабочий отказался подчиниться этому требованию, тогда вызывали милиционера, рабочий снова отказался. Дело дошло до вызова агента ГПУ. Тут же в пекарне этот рабочий был обыскан, листовки у него не нашли. Рабочие заявили: "Отдадим тогда, когда прочтем". Агент ГПУ объявил рабочего арестованным. Тогда все рабочие, подняв месилки (весла), заявили: "Только попробуй". Агент ушел.

На заводе Арматура. Оппозиционеров нет. Листовки были расклеены на заводе (на заборе). Члены партии соседнего завода Трансмиссии пытались срывать, но рабочие завода "Арматура" прогнали силою партийцев, прочли листовки, все шедшие на работу сняли их и забрали с собой.

На Амо. Листовки были розданы беспартийным рабочим по рукам. Как реагируют, пока неизвестно.

Разбросали листовки на Динамо по цехам и были зачитаны вслух перед

всеми рабочими. Отношение сочувственное.

На Филях разбросано было в рабочем поезде и по дороге в завод и на территории завода. В заводе шли непрерывные разговоры.

Партиец взял листовку у беспартийного и не хотел ее вернуть, заявив, что отдал ее секретарю ячейки. Однако беспартийные рабочие были настойчивы. Партиец вернул листовку.

На Каучуке. Член партии не оппозиционер встречает нашего товарища и спрашивает, что, мол, нового. "Ничего особенного. Вот, говорят, Л.Д. [Троцкий] опасно болен, это очень тревожит". -- "Это я знаю, -- отвечает член партии. "Откуда знаешь?" -- "Бумажку читал такую". -- "Какую бумажку, покажи мне". -- "А что же я дурак, такие бумажки задерживать, я ее пустил по рукам даль-

ше, пусть ее рабочие читают". Распространяли листовку очень активно рабочие беспартийные.

На Либерсе (кружевная фабрика в Хамовниках). 13-го утром была распространена листовка. Она вызвала большой переполох. Рабочие ходили друг к другу, передавая сообщение и возмущаясь. Листовки на заводе всего разошлись около 40 экз., а по цехам шел слух, что их не меньше 1000. Было созвано экстренное заседание бюро. Минут за 20 до обеда рабочий Купферблум (оппозиционер, исключенный) был вызван к директору в кабинет, там сидел районный уполномоченный ОГПУ и после весьма краткого объяснения по поводу листовки ему было заявлено, что придется подъехать в райсовет. Он протестовал, но поехал. Рабочие, выходявшие на обед, заметили его на извозчике, он им крикнул, что арестован. В цехах сообщение вызвало большое волнение. Из "райсовета" после краткого допроса его повели на Лубянку, там допрос повторился. Характер допроса тот же.

Кто дал листовки?

Не знаю, я не распространял.

Кто же? Значит, есть другие оппозиционеры.

Каждый рабочий оппозиционер.

Кто же все-таки?

Не знаю, не я.

С Лубянки Купферблума перевели в Бутырки, а из Бутырок ночью вернули на Лубянку, а оттуда ночью же выпустили на волю.

На следующий день Купферблум пришел на завод, его окружили рабочие из всех цехов, которым он рассказал случившееся и содержание листовки. Рабочие выражали ему сочувствие.

На "Искра революции". В ночь на 12 сентября расклеены были и разложены листовки. Когда в ночь на 13-е пришел наш товарищ на работу (тов. Арс), его не пустили и предложили прийти утром в дирекцию. Утром директор подал ему листовку и спросил: "Твоя работа?". Наш товарищ поблагодарил его за то, что

директор дал ему прочесть листовку и обложил директора матом и заявил, что с дирекцией по этим вопросам в переговоры не вступает.

Результат -- перевод с ночной работы на дневную.

На 5-й Швейной фабрике (Пресня). Листовки были разложены в отрезках материи. Рабочие развертывали материи перед началом работ и начали читать листовки. Партийцы пытались отнять, но это не удавалось, ни один беспартийный не отдавал. На помощь позвали секретаря ячейки и пред[седателя] завкома,

которые требовали отдать. Рабочие заявили, что "прочтем, тогда отдадим". Секретарь и предзавкома ничего сделать не могли.

На [...]436. - роздано по рукам и зачитано в цеху вслух. Среди рабочих возбуждение. Многие демонстративно показывают аппаратчикам листовки, не выпуская их из рук.

3-д Красная Пресня -- расклеено на з[аво]де и разбросано по квартирам рабочих.

Гаммер и Еж. На бюро ячейки партиец, который прочитал и передал другому, на вопрос, почему не разорвал, ответил, что листовка говорит о нужном деле и об этом должны знать рабочие. Так же ответил на вопрос предзавкома беспартийный.

На Дуксе. Листовка была разбросана по заводу, роздана по рукам, разложена по станкам. В одном цеху комсомолец зачитал листовку вслух в присутствии нескольких десятков рабочих. Во время обеда при разброске листовки произошла свалка между беспартийными рабочими и партийцами, желавшими разорвать листовку. Причем последних здорово поколотили. На следующий день несколько беспартийных рабочих подходили к нашим товарищам и предлагали созвать явочным порядком митинг, на котором вынести резолюцию протеста. Общее настроение сочувственное.

О методах созыва общих собраний ячеек

Вход на открытые собрания ячеек по билетам. Билеты даются беспартийным рабочим по особому отбору. Оппозиционерам билетов не дают.

II. По отчетам членов Моссовета

На целом ряде предприятий -- отчетные доклады по несколько раз срывались, т. к. никто не собирался. Были выступления оппозиционеров на следующих предприятиях: 1) 1-я Образцовая типография, 2) Водоканал, 3) Шаб[оловский] трам[вайный] парк, 4) Пролетарий, 5) Либерс, 6) Каучук, 7) Искра революции, 8) Дукс, 9) Гаммер, 10) Морзе, 11) Чаеразвеска, 12) Деревообделочный завод. (Сведения далеко не полные.)

На Дуксе. 12/IX на заводе состоялось общее собрание рабочих с докладом Бубнова437 о деятельности Моссовета. В своем докладе Бубнов говорил примерно так: "Рабочий разжирел, зазнался, сколько ему ни даешь, все мало. До революции рабочие спали в казармах на тряпках, а теперь спят на кровати. Раньше рабочие не ели мяса, а теперь едят его с макаронами. Чай

пьют в накладку, употребляют крупчатку, последнее является явным безобразием ввиду затруднений с хлебом". О хлебозаготовках он сказал, что они идут очень плохо, но к чрезвычайным мерам правительство не вернется. На вопросы рабочих, "а что будет предпринято для усиления хлебозаготовок", он не ответил. Дальше он поспешил заверить рабочих, что Москва в хлебе нуждаться не будет, как бы с хлебом плохо ни было. Особенно подробно Бубнов остановился на вопросах зарплаты и производительности труда. На примере заработка своего сына, получающего по 3-му разряду 170 руб., он доказывал, что зарплата достаточно высока, зато, по его словам, низка производительность труда, слаба трудовая дисциплина и пр.

Вся речь Бубнова сильно возмутила рабочих. В прениях высказалось 4 человека. Выступавшие говорили о неправильной линии Моссовета в жилищном, налоговом, народного образования вопросах. Речь нашего товарища, резко критиковавшего новый закон о квартплате, хлебозаготовительную политику, линию в области зарплаты и т. д. была поддержана бурей аплодисментов рабочих.

К заключительному слову из 3000 собравшихся осталось не более 50 чел. Наш товарищ выступил с предложением перенести собрание на следующий день. Против этого выступил секретарь ячейки и, несмотря на все протесты наших товарищей, резолюция была принята 50 присутствовавшими от имени 3000 рабочих Дукса.

На Пролетарии (кожевенный завод в Замоскворечье). По докладу отчетному выступили оппозиционеры. Говорили о неправильной линии Моссовета в области жилищной (о новом квартирном законе), в зарплате, в нар[одном]образовании, в судебной практике.

Выступивших слушали очень внимательно. Прения были прекращены волею собрания -- аппаратчики, таким образом, не успели выступить.

Оппозиционеры предложили резолюцию, за нее голосовали 11 чел. При голосовании произошел такой эпизод: один рабочий (12-й) пытался несколько раз поднять руку за нашу резолюцию и каждый раз его руку одергивала сидящая рядом его жена. 12-го, таким образом, не сосчитали. 25 рабочих голосовали как воздержавшиеся.

На Гаммере. По отчетному докладу выступили оппозиционеры (по квартплате, зарплате, в связи с займом индустриализации и пр.). В частности, был задан вопрос докладчику -- члену Моссовета: "Сколько оппозиционеров выслано и арестовано?". Докладчик ответил: "Мы считаем гвозди, кирпичи, стекло, а оппозиционера мы не считаем". Этот ответ вызвал большие разговоры. Рабочие говорили о том, что член Моссовета, так отвечающий, не понимает политической роли Моссовета как органа пролетарской диктатуры и т. д.

СВОДКА No 3 Сентябрь 1928 г.

I. По фабрикам и заводам

На заводе Кр[асная] Пресня. Листовки о болезни Л.Д.[Троцкого]

распространены были исключительно партийцами и беспартийными рабочими. Оппозиционеры в распространении листовок участия не принимали. Партийцы просили листовок дать им как можно больше. Секретарь ячейки завода спрашивал наших т[овари]шей -- скоро ли кончите разброску и когда те сказали, что листовки уже больше не распространяются, заявил, что беспартийные рабочие в мех[аническом] цеху раскладывают листовки по всем верстакам. На этом же заводе был факт: инструктор райкома пришел говорить с секретарем о вербовке новых членов в партию, секретарь заявил, что нужно думать о том, как удержать старых, ибо 15 чел. подали заявления о выходе из партии и никакие уговоры не помогают, мотив -- в партии засилье.

В разговорах в цехах зачастую партийцы рабочие поддерживают наших, заявляя, что оппозиция оказалась права.

На Динамо. Листовка о болезни Троцкого встретила живой отклик среди рабочих. Расклеенную листовку срывали члены партии и комсомольцы, отношение рабочих к ним было враждебное. Рабочие заявляли им, что, мол, вы срываете по своей обязанности.

На АМО. Листовка принята была рабочими хорошо, за исключением некоторых, партийных и беспартийных, которые попадавшиеся им листовки несли в ячейку.

На заводе Баскакова. Листовка была и на заводе, и в общежитии. Отношение рабочих к ней положительное. На другой день после распространения листовки на открытом собрании ячейки вторым вопросом (когда уже осталось мало народу, особенно беспартийных) была поставлена информация о листовках. Докладчик заявил: "Наше международное положение ухудшается, а оппозиция старается использовать эти трудности, мы этого не допустим". С отповедью докладчику выступили два товарища, однако была принята резолюция против двух, где, помимо общих ругательских фраз по адресу оппозиции, есть также требование организации слежки за рабочими-оппозиционерами, а в случае продолжения ими защиты своих взглядов предлагается уволить их с завода.

На заводе Клейтук. На собрании беспартийного актива по вопросу о самокритике выступили оппозиционеры. Один из выступивших говорил о том, как надо проводить самокритику. Другой

говорил об общем положении в стране и закончил требованием восстановления оппозиции в партии и возвращения к работе. Собрание слушало внимательно, лишь группа свистунов демагогическими выкриками пыталась мешать говорить.

На Москвошвей-4. Листовка вызвала интерес и сочувствие. Рабочие открыто возмущались, когда на их глазах срывали листовки. Некоторые рабочие заявили: "Положение в стране ухудшается. Теперешнее руководство с этими трудностями справиться не может, за что сослана оппозиция мы не знаем, поэтому нужно требовать ее освобождения и выслушать их предложение".

На Водокачке. На листовку аппаратчики ответили предложением исключить тов[арищей] из профсоюза и из завкома (оппозиционер -- кандидат в завком). Завком принял предложение исключить из завкома большинством против одного. За исключение из союза никто не голосовал.

На службе тяги (Бел[орусско-] Балт[ийской] жел[езной] дор[оги]). Очень бурно прошло собрание о с[ельско]-х[озяйственных] налогах. Принята резолюция "привлечь к ответственности центральные органы за ошибки" против секретаря ячейки. Последний предложил тогда поправку "центр[альные] органы" заменить "местные органы". Среди рабочих большой интерес к рабочим вопросам.

На Курской ж[елезной] д[ороге]. На собрании ячейки при обсуждении вопроса о фракционной работе наших товарищей 10 чел. голосовало против исключения. Члену партии-доносчику не дали говорить.

На Каучуке. 19/IX по докладу о самокритике выступили 2 раб[очих]-оппозиционера. Слушали внимательно, продлили время. Докладчик в заключительном слове заявил, что "не думал, что на заводе есть еще товарищи, которые так выступают, а если они всегда так выступают, то им не место на заводе".

Чаеразвеска 1-го Мая. На фабрике работает 800 рабочих. Постановлением Чаеуправления фабрика должна быть закрыта. 400 человек увольняются и 400 перебрасываются на другую фабрику. По мнению рабочих, причиной закрытия является хозяйничанье 6 представителей Чаеуправления, состоящих преимущественно из белогвардейцев и сидящих в Лондоне по закупке чая. На заявление рабочих по этому поводу ни Чаеуправление, ни ГПУ, ни РКК не откликнулись. На общем собрании рабочих обсуждался вопрос о закрытии фабрики. С разоблачением бесхозяйственности выступил исключенный из партии оппозиционер. В результате избрана комиссия рабочих для выяснения вопроса о целесообразности закрытия фабрики. Во главе комиссии рабочими поставлен оппозиционер; кандида-

туры, выставленные фабричной ячейкой, в эту комиссию, не были поддержаны.

На Шаболовском трамвайном парке. На закрытом собрании ячейки рабочие-партийцы говорили: "Мы не знаем, что говорить и как отвечать теперь". Ищут ответа пока что у аппаратчиков. Те же говорят: "Затруднения временные, ничего нет и т. д." (секретарь ячейки). Не найдя ответа там, начинают искать у нас.

На Морзе. Собрание, на котором выступал Угланов, было очень бурным. 3 аппаратчикам не дали закончить речь, после упоминания о контрреволюционерах-троцкистах. Нашему тов[арищу] аплодировали больше, чем Угланову. Угланов заявил, что по крестьянскому вопросу приняли то, что говорила оппозиция, и "видите сами, что получилось". Два дня после собрания в цехах было очень бурно. Наседали на выступавших против оппозиции партийцев. На собрании беспартийные рабочие выступали очень резко. Один рабочий говорил: "И зачем нам нужны завком и ячейка -- сколько они денег проедают".

На Тильменсе. Начались перевыборы завкома и цехуполномоченных. На дневной смене в профбюро прошли 2 оппозиционера. Тогда ячейка мобилизовала все силы, и в ночную смену, прибегнув к неправильному подсчету голосов, провалила оппозиционеров.

П. На районных партактивах

В Хамовниках. По докладу Васильева⁴³⁸ об итогах конгресса Коминтерна прения открыты не были, несмотря на настойчивые требования присутствовавших. Предложены были две резолюции. Предложенную оппозиционером не дали зачитать до конца. Во время чтения резолюции, предложенной райкомом, на несколько минут был выключен свет и в темноте разбросано несколько сот экземпляров письма Л.С.Сосновского редакциям газет по поводу болезни Л.Д. Троцкого. После включения света выступил член партии (по указаниям присутствовавших, районный уполномоченный ГПУ) с предложением немедленно исключить из партии товарища, требовавшего продолжения прений и внесшего резолюцию. Председатель успокоил выступавшего, заявив, что исключить всегда можно успеть. Выступавший тогда внес предложение "немедленно сдать все листовки президиуму". Из нескольких сот листовок было сдано лишь несколько десятков.

На Замоскворецком партактиве. В докладе об итогах пленума МК секретарь райкома Куликов цитировал некоторые места из "Послесловия" Л.Д.Троцкого⁴³⁹. Собрание потребовало прочесть все целиком. В выступлениях красной нитью проходило противопоставление линии ЦК партии линии МК.

АЛО ПК (Криницкий, Молотов и другие) поддерживает большинство, т. е. те, которые предлагают подготавливаться, не забегая вперед.

Беседа с Молотовым

Группа студентов ИКП имела недавно беседу с Молотовым. "Красные профессора" предложили форсировать дискуссию с правыми, назвать их по имени, выступить в печати и пр. Эта группа извне поддерживается молодыми "левыми" -- Костровым, Фалкиным⁴⁴⁰, Ломинадзе.

Молотов возразил против немедленного выступления. "Не нужно спешить. Ни в коем случае не называть фамилий. Нужна энергичная борьба с теми, кто не видит классов, тащит партию назад" и пр. Однако фамилий называть не следует.

Особенно Молотов много говорил о московской организации, об Угланове. Последний зажимает -- "самокритику", ведет откровенно агрессивную правую политику и пр. Снять его трудно. Молотов сообщил, что на Угланова поданы заявления от второго секретаря Бауман[ского] райкома и от секретаря МК ВЛКСМ Васильева, в которых последние сообщают, что Угланов вел с ними "фракционные" разговоры относительно того, как нужно им держаться по

отношению к их "левым" шефам.

В заключение Молотов сообщил, что нужно готовиться для борьбы с правыми, но в то же время указал, что не нужно спешить, форсировать и пр. В частности, нужно одернуть "Комс[омольскую] правду" за ультралевый тон и поставить туда комиссара.

Что касается П[олит]б[юро], то Молотов сообщил, что правых там сейчас только 3 -- Рыков, Бухарин, Томский. Все остальные, в частности Калинин, по всем вопросам голосуют против правых.

КЛАССОВАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ НАЖИМ

После хвастливых заявлений на XV съезде: "Оппозиции теперь крышка", нынешние руководители партии снова заговорили об оппозиции. О ней говорят передовые "Большевика" (№ 16), "Правды" (№ 215--216), речь Угланова, Молотова, резолюции пленума Московского Комитета и пр.

На опыте прошедшего полугодия многие рабочие коммунисты убедились в правоте ленинской оппозиции. Сочувствие оппозиции растет, но внутривнутрипартийный режим еще не позволил

этим настроениям вылиться наружу, они пока подспудны, но и в таком виде они внушают страх аппаратчикам. Вот отсюда и возникает очередная "проработка" оппозиции.

С методами этой проработки мы уже знакомы в течение нескольких лет: это ложь, клевета, украшение и извращение фактов. Все это рассчитано на короткую память, на легковерие партийцев. К счастью для нашей партии, такие методы действуют уже не с прежней силой. Партия и рабочий класс добиваются правды о подлинных взглядах оппозиции, и мы сделаем все возможное, чтобы эту правду довести до них.

Мы не будем также останавливаться на вздорных обвинениях оппозиции в меньшевизме в то время, как вся мировая буржуазия и социал-демократическая печать солидарны с нынешним руководством в борьбе против оппозиции ("Форвертс" пишет, что политика ВКП приближается к политике II Интернационала, съезд II Интернационала выражает надежду, что на следующем его съезде будут присутствовать представители ВКП, американские буржуазные газеты считают исключение оппозиции самым радостным событием истекшего года, Чемберлен, публично одобряя исключение Троцкого, жалеет только, что его "не подвели к стенке" и т. д., и т. д.). Мы не останавливаемся на этих заявлениях потому, что их вздорность сегодня уже ясна всем.

Авторы передовиц упирают еще на один, тоже довольно затасканный довод: оппозиция-де за чрезвычайные меры, за возврат к военному коммунизму, против смычки. На этом аргументе мы остановимся подробнее.

II

Еще на XII съезде (в 1923 г.) т. Троцкий первый выдвинул вопрос о "ножницах", угрожающих смычке. В течение последних лет оппозиция постоянно указывала на отставание промышленности, на недостаток, плохое качество и

дороговизну промтоваров. Оппозиция говорила о необходимости быстрого развертывания промышленности в интересах смычки рабочих и крестьян.

Ленинская оппозиция в отличие от большинства ЦК не только говорила вообще о смычке. Она в то же время подчеркивала и выдвигала основной ленинский лозунг: "Прочно опираясь на бедноту, уметь достигать соглашения с середняком, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком".

Оппозиция показывала, с какой частью деревни нам нужна смычка, а против какой ее части неизбежна борьба. Этот лозунг пришелся не по вкусу тем элементам партии, которые, по словам "Правды", хотят жить в мире с кулаком. На XV съезде Моло-

тов назвал его "издевательством над Лениным" при молчаливом одобрении всего съезда, в том числе и Сталина, который только через шесть месяцев в ответе таинственному т. С. сообразовал взять этот лозунг под защиту.

Смыкаться со "всем крестьянством" нельзя. Можно и нужно добиваться смычки с беднотой и середняком (а смычка эта на деле должна прежде всего заключаться в росте промышленности, в производстве дешевых и доброкачественных товаров), но тогда нельзя отказываться от борьбы с кулаком. Наоборот, можно жить в мире с кулаком, но это будет куплено ценой отказа от защиты интересов бедноты, ценой размывки с беднотой.

Первый путь -- это путь Ленина, путь ленинской оппозиции. Второй путь -- это путь перерождения, путь термидора. Нынешнее руководство мечется между ними и этим подрывает хозяйство, подрывает и смычку.

III

Ленинская оппозиция действительно считала необходимым усиление нажима на кулака для более быстрого развертывания промышленности и для подлинного укрепления смычки.

В 1925-[19]26 гг., когда наметился рост кулака, оппозиция предлагала усилить обложение кулацкой верхушки деревни. В 1927 г., когда кулак вырос и угрожал срывом хлебозаготовок, оппозиция предложила чрезвычайный принудительный заем у кулацкой верхушки. Тот заем позволил бы обойтись без нажима на середняка, без запрещения хлебной торговли, словом, без тех чрезвычайных мер, которые, несомненно, ухудшили отношения с середняком. При проведении такого займа нужно было опереться на массовую организацию -- на "союз бедноты" -- и этим избежать перегибов, административного нажима на середняка и пр.

На XV съезде Молотов заявил, что тот, кто предлагает принудительный заем -- враг союза рабочих и крестьян, а Сталин с места крикнул "правильно". Через два-три месяца эти горе-руководители проводили фактически принудительный заем и принудительное изъятие хлеба не только у кулака, но и у всего крестьянства. Эти меры проводились не через массовые организации

крестьянской бедноты, а через бюрократический аппарат, неизбежно искривляющий классовую линию.

Подлинный враг союза рабочих и крестьян не тот, кто предлагает принудительный заем у кулака, а тот, кто боится своевременно провести этот заем, упускает время, подводит народное хозяйство к кризису, а потом вынужден бить уже не только по кулаку, но и по середняку и бедноте.

IV

Ленинская оппозиция делала ряд предложений, которые позволили бы избежать кризиса, а следовательно, и обойтись без чрезвычайных мер. Когда после ряда лет неправильной хозяйственной политики нынешнее руководство прибегло к этим мерам, оппозиция подчеркивала, что это не нормальная политика, а дорогая расплата за допущенные ошибки.

В то же время оппозиция говорила, что административный нажим ничего общего с серьезной классовой политикой не имеет, и что для успешной борьбы с кулаком нужен не нажим милиции, а прежде всего активность и организованность деревенской бедноты.

Когда этой весной оппозиция говорила о левом зигзаге, она меньше всего имела в виду "чрезвычайные меры". Левый зигзаг мы видели в том, что руководство заговорило о правой опасности, о кулаке, который сорвал хлебозаготовки, что был поставлен (больше на словах и на бумаге) вопрос о колхозном и совхозном строительстве, была изменена избирательная тактика компартий на западе.

Поворот направо июльского пленума заключается совсем не в отмене чрезвычайных мер.

Июльский пленум не только "отменил" чрезвычайные меры, но заодно отменил и индустриализацию страны, заявив, что промышленность развивается чересчур быстро. Пленум повысил цены на хлеб и даже не поставил вопроса о реальной зарплате рабочих. Опираясь на решения июльского пленума, Рыков поднимает вопрос о пересмотре всей хозяйственной политики последних лет (слишком, мол, быстро индустриализировали). Вот почему мы говорим, что пленум резко повернул направо.

"Правда" от 15 февраля, говоря о хлебозаготовительных трудностях, начинает с того, что "вырос и окреп кулак". Здесь дана классовая постановка вопроса. "Правда" от 15 сентября говорит о том, что в стране нет никаких классовых противоречий, которые тормозили бы хлебозаготовки. О кулаке даже не упоминается, его как бы не существует. Сравнение этих двух передовиц -- лучший показатель поворота вправо, сделанного на июльском пленуме и после него.

Мы не за чрезвычайные меры, но мы против решений июльского пленума, ликвидирующих все, что было правильного в решениях XIV и XV съездов.

V

Вырос ли кулак за истекший год? -- Несомненно. Убыток от чрезвычайных

мер он с лихвой покрыв продажей хлеба бедно-

те по 6-8 р[ублей за] пуд. Убыток от принудительного займа он покрыв скупкой облигаций этого займа у бедноты за треть или половину цены. Этими доставшимися ему по дешевке облигациями кулак уплатит налог в будущем году.

Хлебозаготовки идут плохо. Июль и август дали меньше половины прошлогодних заготовок. В сентябре заготовки несколько вырастают, так как к началу сентября надо вносить налог и другие платежи (в прошлом году налог вносился частями, в этом году главная масса вносится в начале года). Рост заготовок в сентябре не может быть длительным. Повышение цен на хлеб при недостатке промтоваров только усилит трудности.

Ленинская оппозиция снова предлагает провести принудительный заем у кулацкой верхушки. Провести его, опираясь на союз бедноты, который надо организовать. Провести его, не нарушая свободы хлебной торговли и не ударяя по середняку. Проводя такой заем у кулака, мы не только получаем хлеб для снабжения рабочих и городского населения, но одновременно сокращаем кулацкий спрос на промтовары, а следовательно, сможем лучше наладить снабжение промтоварами середняка и укрепить смычку.

В противном случае через несколько месяцев партия станет перед опасностью повторения чрезвычайных мер или капитуляции перед мировой буржуазией.

Тот, кто боится нажать на кулака -- враг союза с середняком.

VI

На июльском пленуме (см. стенограмму 2, речь Бухарина) Бухарин крикнул Ворошилову: "Я отличаю смычку с середняком от ЖЕЛАЕМОЙ ТОБОЙ СМЫЧКИ С

КУЛАКОМ". Бухарин этим подтверждает, что не только в партии, но и в Политбюро имеются элементы, которые хотят жить в мире с кулаком, которые добиваются ПРЯМОЙ СМЫЧКИ с ним. После этого у Угланова и Молотова хватает наглости говорить о том, что оппозиция клеветает на руководство, говоря о разногласиях в Политбюро, о правом уклоне в руководстве и т. д.

Всем нашим "проработчикам" мы можем ответить одно: "Мы отличаем смычку с середняком от желаемой Ворошиловым и прочими смычки с кулаком", мы за смычку с середняком, и в то же время за борьбу не на словах, а на деле с кулаком и с кулацким крылом нашей партии, представленным также и в Политбюро. Тот, кто прикрывает кулаколюба Ворошилова, кто боится ударить по кулаку, кто отказывается от организации союза бедноты, -- тот и является подлинным врагом смычки.

Бюрократов не забыли

Ряд мероприятий последнего времени говорит о том, что нынешнее

руководство ищет выхода из затруднений за счет рабочего класса. Сюда относится и проектируемое отставание зарплаты от роста производительности труда, и уже проведенный закон о квартирной плате, который бьет по самым необеспеченным слоям рабочего класса, и заем индустриализации, и повышение кооперативного пая, одинаковое как для низко-, так и для высокооплачиваемых категорий, и многое другое.

Казалось бы, что уж если проводится такой нажим на рабочих, то и другим слоям населения следовало бы потесниться. На деле получается совсем иное.

В то время, когда реальная заработная плата рабочих падает, Политбюро выносит решение о повышении зарплаты ответработников на 20%.

Политбюро позаботилось не только о повышении зарплаты бюрократов, но одновременно постаралось оградить их от повышения квартплаты, коммунальных услуг, платы за учение и пр. Чиновник, получающий 270 р., оплачивает квартиру по той же ставке, что и рабочий, получающий 150 р.

Как сильно надо проникнуться интересами бюрократического аппарата и оторваться от рабочего класса, чтобы выносить подобные решения.

Спрятанное опровержение

На днях редакциями московских газет было получено письмо т. Л.С. Сосновского, в котором он опровергал распространяемую Калиниными, Молотовыми, Углановыми и Ярославскими ложь, будто бы здоровье Л. Д.Троцкого находится в превосходном состоянии. Преступная игра с жизнью Л. Д.Троцкого и многих других большевиков-ленинцев, затеянная Центральным Комитетом, вынуждает безответственных руководителей партии прибегать к испытанному оружию усыпления бдительности пролетариата -- лжи. Глашатаи хваленой самокритики -- "Правда", "Известия" и др[угие] газеты, критикующие лишь то, что позволяется критиковать сталинско-рыковским секретариатом -- скрыли опровержение тов. Сосновского, как они систематически скрывали и фальсифицировали взгляды большевиков-ленинцев, в течение нескольких лет вводя партию и пролетариат в заблуждение, сея смуту и раскол в его рядах. И на этот раз, не ограничившись скрытием письма тов. Сосновского, газеты напечатали неслыханное по наглости и безответственности заявление полуустраюльца -- Угланова, и сверхбюрократа -- Молотова -- о якобы "мнимой" болезни Троцкого.

Большевики-ленинцы доведут тяжелую правду до сведения мирового пролетариата всеми средствами и во что бы то ни стало. Приводим письмо тов. Сосновского полностью:

В РЕДАКЦИЮ "ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Копии редакциям [газет] "Правда", "Комсомольская Правда", "Рабочая Газета", "Труд", "Рабочая Москва", "Беднота", "Крестьянская Газета"

Во время происходившего недавно всесоюзного съезда колхозов

председатель ЦИК СССР М. И. Калинин, отвечая на вопросы делегатов, давал им сведения о местонахождении и здоровье тов. Троцкого. Ответы Калинина перепечатаны были в "Известиях ЦИК" и перепечатывались провинциальными газетами. Если справка М. И. Калинина верна в отношении адреса т. Троцкого, то она лжива в отношении состояния его здоровья. Я согласен, что Калинин вводил страну в заблуждение непреднамеренно, а был сам обманут бесстыдными информаторами. Но так как личность тов. Троцкого и его здоровье интересуют не одних колхозников (иначе не печатались бы ответы Калинина ко всеобщему сведению), т. к. трудящиеся СССР (да и за пределами его) хотят иметь не лживые успокоительные справки, а правду о Троцком, то я настоящим прошу напечатать нижеследующее.

На основании сообщения из Алма-Аты устанавливается, что жизнь Льва Давыдовича Троцкого находится в опасности. Троцкий заболел малярией, которая при истощенности организма его от прежней болезни сейчас ускорила опасные процессы. К этому присоединяется болезнь кишечника и тяжкие головные боли, которых Троцкий никогда раньше не знал. В гиблом городишке нет никакой возможности получить требуемую медицинскую помощь, не только медицинскую помощь, но даже самые элементарные пищевые продукты, требующиеся при болезни кишечника.

Учреждения и люди, которые послали Троцкого в такое гнусное место, вполне понимали, что делают. До нас, ссыльных большевиков-ленинцев, дошло чудовищное бахвальство нынешнего председателя Реввоенсовета Ворошилова, заявившего на одной из районных конференций делегатам на вопрос о здоровье Троцкого:

"Мы загнали Троцкого так далеко, что если бы даже с ним что-либо и случилось, то мы не скоро бы что-нибудь узнали".

Я отказываюсь от оценки этого неслыханного выступления. Я знаю (со слов самого Ворошилова) его давнишнее отношение

к Троцкому еще с времени 1-й армии. Но каковы бы ни были отношения и чувства Ворошилова к Троцкому, судьба Троцкого волнует пролетариев ничуть не меньше, чем волновала их недавно судьба безвестных Сакко и Ванцетти⁴⁴¹. Вопреки успокоительному заверению Калинина, тревога за жизнь организатора Красной Армии и руководителя Октябрьских боев проникает всюду. Она растет. Бессильные помочь непосредственно, мы можем только доводить до сведения трудящихся всеми способами, какие нам только доступны, правду об угрожающем состоянии здоровья Троцкого.

Мы телеграфно настаивали перед ЦК ВКП о немедленном переводе Троцкого в такое место, где его жизнь была бы, по крайней мере, в безопасности. Ответа до сих пор нет. А из Алма-Аты доходят (как ни усердствует в потере писем почтовое ведомство) тревожные вести.

Настоящим мы еще раз обращаемся к ЦК ВКП с категорическим требованием немедленно перевести Троцкого из гибельной Алма-Аты. Всякая оттяжка перевода будет означать, что люди сознательно идут на создание нового дела Сакко и Ванцетти, только на советской земле.

Я уверен, что когда трудящиеся СССР и всего мира узнают настоящую правду о состоянии здоровья тов. Троцкого, они добьются, чтобы опасная игра с жизнью вождя пролетарской революции была прекращена. Надеюсь, что редакция не откажет помещением настоящего письма внести поправку в несоответствующее действительности сообщение М. И.Калинина.

Л. Сосновский

Барнаул Сиб[ирский] край

ПО ФАБРИКАМ И ЗАВОДАМ МОСКВЫ442

Завод Морзе. На общем собрании рабочих 7-го сентября с отчетом о работе Моссовета выступил Угланов и еще 5 содокладчиков. Угланов говорил преимущественно о международном положении и общих вопросах политики партии. Эти 6 докладов очень сильно утомили рабочих. В прениях выступил оппозиционер, критиковавший закон о квартирной плате, и говоривший о том, как на деле проводится самокритика. Рабочие продлили товарищу время и проводили его по окончании речи аплодисментами. Во время выступления оппозиционера Угланов бегал по трибуне и кричал, что мы с нэпманов брать не можем больше того, что мы берем с них теперь. После оппозиционера говорили три аппаратчика. Упоминания их об оппозиции рабочие встречали криками -- "долой", "до- вольно", "слышали". Выступавшие оппозиционеры внесли три поправки: первая поправка -- о квартирном законе, чтобы не проводить его в жизнь, а поставить на обсуждение рабочего класса. Угланов ответил: "мы не можем больше брать с нэпманов, чем мы берем с них теперь". Председатель собрания -- после ответа Угланова -- без всякого голосования объявил, что поправка провалилась.

Вторая поправка о немедленном сокращении производства водки и запрещении ее продажи в рабочих районах. Угланов: "Демагогия. Мы сами это проводим". Рабочие: "Тогда почему же не соглашаетесь принять поправку?" Председатель -- опять без всякого голосования -- объявил, что поправка не принята.

Третья поправка об активизации Моссовета, о большем вовлечении рабочих в работу Моссовета и о развертывании самокритики. Угланов: "Это вылазка оппозиции". Председатель: "Отвергается".

Многие рабочие перед голосованием ушли с собрания. Беспартийные рабочие, выступавшие в прениях, говорили о самокритике так: "Рот нам затыкаете, дожили до того, что в цеху не можем говорить -- сейчас же обо всем доносится секретарю ячейки. Если будете затыкать нам рты -- мы все уйдем отсюда".

Второй оппозиционер говорил о недостатках в области бытовой. В заключительном слове Угланов сказал: "Критиковать -- критикуйте, но не смейте разбрасывать листовки. Оппозиция говорит, что она спасет революцию. ЦК пытался уже проводить политику оппозиции, а какие результаты получились -- вы сами знаете. Если бы оппозиция была во главе руководства, она пошла бы еще более вправо". В этом месте Угланову кричали: "Значит, ЦК ведет

действительно правую политику". После этого собрания среди рабочих наблюдается большое оживление.

Водоканал. На собрании рабочих 30 августа по докладу Моссовета выступил оппозиционер, говоривший о росте бюрократизма. Товарищ внес к резолюции поправку, в которой предлагает Моссовету всех бюрократов снимать с работы и отправлять в ссылку. Общее собрание эту поправку приняло.

Зав[од] "Пролетарий". 12 сентября состоялось вторично созванное собрание рабочих. Обсуждался отчет Моссовета. Развернувшиеся прения носили горячий характер. Выступившие большевики-ленинцы указывали на практические недостатки в работе Моссовета и на непролетарский характер некоторых мероприятий (напр[имер], допущение нового закона о квартирной плате). Рабочие внимательно слушали выступавших оппозиционеров. Предложенная оппозиционная резолюция собрала 11 голосов. Перед голосованием многие рабочие ушли с собрания, а многие оставшиеся совсем не приняли участия в голосовании.

На следующий день, 13-го, по всем цехам продолжались бурные споры рабочих. Многие рабочие -- не оппозиционеры -- открыто защищали взгляды большевиков-ленинцев.

Зав[од] "Дукс". 12 сентября на общем собрании завода стоял отчет Моссовета. Докладывал Бубнов, который в восхвалении сделанных достижений договорился до того, что стал поносить рабочих. По его словам, "рабочий разжирел, зазнался. Сколько ему ни давай, ему все мало. До революции рабочие спали в казармах на тряпках, а теперь спят на кроватях. Раньше рабочие не ели мяса, а теперь едят его с макаронами; чай пьют внакладку; употребляют крупчатку, а это-де является безобразием -- т. к. мы переживаем хлебные затруднения". О хлебозаготовках Бубнов сказал, что они идут плохо, но к чрезвычайным мерам правительство не вернется. Дальше докладчик поспешил уверить рабочих, что как бы плохо ни обстояло дело с заготовками хлеба -- Москва голодать не будет. Особенно подробно Бубнов остановился на вопросе зарплаты и производительности труда. На примере заработка своего сына, получающего по 3 разряду 170 рублей в месяц, он доказывал, что зарплата рабочих высока. Зато производительность труда, по его словам, -- низка, и слаба трудовая дисциплина. В прениях высказалось всего четыре человека. Высказывавшиеся товарищи говорили о неправильной линии Моссовета в вопросах жилищном, налоговом и наробраза. Речь выступившего в прениях большевика-ленинца, резко критиковавшего новый закон о квартирной плате, хлебозаготовительную политику, линию в области зарплаты -- была поддержана громкими аплодисментами собравшихся.

Доклад Бубнова глубоко возмутил рабочих. К заключительному слову из 3000 собравшихся на собрании осталось несколько десятков. Предложение рабочих -- перенести продолжение собрания на другой день -- встретило решительные возражения секретаря ячейки, и, несмотря на протесты, Бубнов заключительное слово произнес при нескольких десятках рабочих. От имени трехтысячного собрания -- пятью -- семью десятками присутствовавших принята

резюлюция -- при протестах большевиков-ленинцев.

Общие собрания, посвященные отчету Моссовета, где выступали большевики-ленинцы, состоялись на следующих предприятиях: Ливерс, 1-ая образцовая типография, Шаболовский Тр[амвайный]

Парк, Рязанский Тр[амвайный] Парк, Чаерзвесочная ф-ка им. 1-го мая, Каучук, Гаммер, "Искра Революции" и др. На многих предприятиях общие собрания с отчетным докладом Моссовета отложены из-за неявки на них сколько-нибудь значительного числа рабочих.

Выпущенная большевиками-ленинцами в середине сентября листовка о болезни т. Л. Д.Троцкого разошлась в нескольких десятках тысяч экземпляров. Листовка была расклеена в рабочих районах, в трамваях, в рабочих поездах пригородных жел[езных] дорог, разбросана на предприятиях, роздана по рукам и в некоторых местах была зачитана вслух перед рабочими. Растерявшиеся аппаратчики мобилизовали все силы, чтобы остановить распространение листовки и изъять "виновников". Однако ни уговоры, ни угрозы, ни прямой нажим милиции -- пешей и конной -- и агентов ГПУ не остановили распространения среди московских рабочих листовки с тяжелой правдой о болезни вождя Октябрьской революции. Лишь самое незначительное количество листовок стало добычей ГПУ. Причиной почти полного отсутствия арестованных в связи с распространением листовок является активное участие массы беспартийных и партийных рабочих в этом распространении. Редкие случаи арестов (Ливерс и др.) кончались освобождением арестованных ввиду явного возмущения рабочих, готового вылиться в открытый протест. Поучителен случай на одной из хлебопекарен МСПО, где уполномоченный ГПУ обыскал одного рабочего и объявил его арестованным. Это вызвало прямую угрозу рабочих не допустить ареста -- после чего уполномоченный ГПУ поспешил уйти.

21 сентября на собрании партактива Хамовнического района после отклонения резолюции, предложенной большевиками-ленинцами, в зале был потушен свет и разбросано несколько сот экземпляров письма Л. С. Сосновского редакциям московских газет. В Президиум -- несмотря на настойчивые требования председателя и уполномоченного ГПУ -- было сдано лишь незначительное число листовок.

Аресты

В ночь на 29 сентября арестованы большевики-ленинцы тт. Швырков, Райский и Варкин.

Большевики-ленинцы (Оппозиция ВКП)

ИЗЛОЖЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ РУКОВОДЯЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВКП(б)443

Из записки Микояна о мерах по увеличению экспорта

Микоян обращает внимание ЦК на два тревожных момента: закрытие

необеспеченных банковских кредитов американским банком Эквитрестом на сумму в 14 милл. руб. и Австрийским Учетным банком на сумму 11/2 милл. руб. Не утверждая окончательно, он допускает, что это первые шаги намечаемого банковского наступления на СССР. Это вынуждает нас сейчас подготовиться. Необходимо максимально форсировать экспорт. Наша задолженность за границей на 1-ое июля составляет 775 млн руб., из них 542 млн фирменный кредит, 261 млн руб. банковского кредита, из которых 60 млн руб. не обеспечено.

Выполнение валютного плана на 1927 г.

1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	Итого	1.	Чистая экспортная	162	126	130	174		
592	выручка				2.	Платежи по	165	171	156	215	707	импорту
-32	-45	-25	-41	-114		Неторговая часть (сальдо)	+ 11	+ 7	+ 8	+ 13	+ 40	
						Оплачено за резервный импорт	12	6, 5	3, 75			

Несколько дней тому назад в об-ве старых большевиков выступал с докладом об итогах Гусев444. Основной тезис его доклада -- колоссально выросла правая опасность в Коминтерне. Чехословацкая партия совершенно развалилась. В Германии группа Тельмана противостоит очень сильная правая группа Эверта. Неправ Бухарин, в своем выступлении на московском активе замазавший фактически правую опасность. В противоположность ему Молотов в своем докладе в Ленинграде подчеркнул и правильно развил грозность этой опасности. По распоряжению т. Молотова была разослана членам ПБ и оргбюро ЦК речь Лядова на последнем пленуме МК. Основное в речи Лядова следующее: "Т. Комиссаров в своем выступлении именно встал на этот путь (троцкистский путь -- громить партию, привешивать уклоны), и как он ни старается отгородиться, он призывает к этому.

Он (Комиссаров) говорит, что на последнем пленуме существовали разные уклоны: т. е. правые определенно выявились, были и левые, которые становились на точку зрения троцкизма". Далее Лядов доказывает, что это неверно, что очень хорошо, что на пленуме были разные оттенки, что это даже необходимо, ибо партия -- живой организм, но совершенно неверно из этого делать вывод, что в партии, в ЦК есть правые и левые. После решения пленума оттенки исчерпаны, все едины -- партия монолитна.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дингельштедт Федор Николаевич (1894-1937?) -- советский партийный деятель, большевик с 1910 г. В 20-е годы был ректором Лесного института в Ленинграде. Социолог и экономист. Исследовал проблемы социального развития Индии. Участник объединенной оппозиции. 1926-1927 гг. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан в г. Канск. Дальнейшая судьба неизвестна. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

2. Июльские дни 1917 г.-- политический кризис в России, происшедший после провала наступления российской армии. Большевистские организации попытались воспользоваться демонстрациями 3-4 (16-17) июля в Петрограде для того, чтобы захватить власть. Однако руководители большевиков вели себя непоследовательно и нерешительно. В.И. Ленин в последний момент призвал не допускать насильственных акций в отношении Временного правительства, что ослабило влияние большевиков, правда, на короткое время (в конце августа -- начале сентября оно вновь стало расти). Демонстрации 3--4 июля проходили под лозунгом "Вся власть Советам!" и в ряде мест превратились в вооруженные столкновения с войсками. 5 (18) июля власти произвели аресты, разоружили рабочие отряды и армейские группы, оказывавшие сопротивление властям и поддерживавшие большевиков. В числе арестованных был ряд большевистских лидеров и Л. Д. Троцкий, который формально еще не был большевиком. Ленин и Зиновьев скрылись. Эти события означали конец двоевластия, сосредоточение всей власти в руках Временного правительства.

3. Дамоклов меч -- символ нависшей, постоянно угрожающей опасности. Предание связывает этот символ со следующим эпизодом. Сиракузский тиран Дионисий Старший (конец V- начало IV в. до н.э.) предложил престол на один день своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из людей. В разгар пира по этому поводу Дамокл увидел над своей головой меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

4. Речь идет о позиции руководство большевистской партии непосредственно после Февральской революции 1917 г. Каменев, Сталин и другие партийные лидеры выступали за участие в широкой коалиции вокруг Петроградского совета, которая включила бы все социалистические силы и проводила бы политику практической поддержки Временного правительства, оказывая на него давление с целью проведения реформ. Приезд В. И. Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. и его "Апрельские тезисы" вскоре положили конец этому курсу и означали сравнительно быстрый переход большевиков к политике ликвидации двоевластия (до июля 1917 г. мирным путем), сосредоточения всей власти в руках советов, подготовки социалистической революции, полного разрыва с другими социалистическими партиями.

Шляпников Александр Гаврилович (1885-1937) -- советский государственный деятель. Большевик с 1905 г., с 1915 г. председа-тель Русского бюро ЦК большевистской партии. Нарком труда в первом советской правительстве. Один из руководителей "рабо-чей оппозиции" в 1921 г. После этого занимал различные второстепенные посты. Был председателем ЦК профсоюза металлистов. Неоднократно подвергался "проработке" за "антипартийную деятельность". В 1933 г. исключен из ВКП(б) и сослан. В 1934 г. возвращен из ссылки, но в конце того же года арестован. Расстрелян без суда во время "большого террора".

"Пролетарская революция" -- журнал, выходивший в 1921-1941 гг. в Москве. В 1921-1923 гг. был органом Истпарта, в 1928-1931 гг. Института В. И. Ленина, в 1932-1941 гг. Инсти-тута Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б). В

первые годы существования журнал придерживался общих марксистско-ленинских концепций истории революционного движения в России, во второй половине 30-х годов стал все более пропагандировать сталинские оценки и взгляды.

Авилов (Глебов-Авилов) Николай Павлович (1887-1912) -- советский государственный деятель. Большевик с 1904 г. В ноябре 1917 г. был наркомом почт и телеграфов. В 1918 г. комиссар Черноморского флота. С 1933 г. председатель Петроградского губернского совета профсоюзов. Участвовал в "новой оппозиции" 1925 г. В 1927 г. был назначен представителем советских профсоюзов в Лондоне. В 1928 г. впал в немилость и с тех пор занимал второстепенные посты. Был начальником строительства, а затем директором завода "Россельмаш" в г. Ростове-на-Дону. Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Подвойский Николай Ильич (1880-1948) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1901 г. Был одним из руководителей Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде. Участвовал в создании Красной Армии. С 1918 г. был членом Реввоенсовета республики. Нарком по военным и морским делам Украинской ССР. В 1919-1927 гг. начальник Всеобщего военного обучения граждан РСФСР (затем СССР) (Всеобщуча). Позже в государственной деятельности не участвовал. До 1930 г. был членом ЦКК ВКП(б).

Имеется в виду IV Государственная Дума -- представительное учреждение Российской империи. Заседала с ноября 1912 г. 27 февраля 1917 г. был сформирован Временный комитет Государственной Думы, который в свою очередь образовал Временное правительство. Формально IV Государственная Дума существовала до октября 1917 г. В Думе преобладали представители правых партий и либералов. Свои фракции имели меньшевики и большевики

(вначале действовала единая социал-демократическая фракция, которая раскололась в начале 1913 г.) В ноябре 1914 г. депутаты-большевики были арестованы, в 1915 г. сосланы в Восточную Сибирь. Из шести депутатов-большевиков один -- Р. В. Малиновский, особенно (вначале действовала единая социал-демократическая фракция, которая раскололась в октябре 1913 г.). В ноябре 1914 (вначале действовала единая социал-демократическая фракция, которая раскололась в октябре 1913 г.). В ноябре 1914 г. депутаты-большевики были арестованы, в 1915 г. сосланы в Восточную Сибирь. Из шести депутатов-большевиков один -- Р. В. Малиновский, особенно близкий к Ленину, оказался провокатором.

Иванов Николай Иудович (1851-1919) -- российский военный деятель. Генерал от артиллерии с 1908 г. Во время первой мировой войны был командующим Юго-Западным фронтом (до 1916 г.). По указанию императора Николая II был в феврале 1917 г. направлен в Петроград для подавления волнений. В 1918 г. был командующим армией у атамана П. Н. Краснова.

Ольминский (настоящая фамилия Александров) Михаил Степанович (1863-1933) -- советский общественный деятель. Социал-демократ с 1898 г. (до этого был народником). С 1918 г. член редколлегии газеты "Правда". В

1920-1924 гг. был руководителем Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б)(Истпарта). Являлся одним из руководителей Института В.И.Ленина в 1923-1931 гг. Был председателем Общества старых большевиков. Автор многочисленных работ по истории революционного движения в России.

"Звезда" -- легальная большевистская газета 1910-1912 гг. Официально была органом социал-демократической фракции 3-й Государственной Думы. Преемником "Звезды" стала газета "Правда".

12. "Красная летопись" -- журнал Ленинградского института истории партии. Выходил в 1921-1934, 1936-1937 гг. Освещал вопросы истории ВКП(б) и революционного движения в России с позиций сталинизма. В журнале публиковались многочисленные подборки документов. Прямой фальсификации в документальных публикациях не было, но характер отобранных материалов, содержание предисловий и примечаний обеспечивали освещение истории в удобном правившим кругам духе.

13. Стэн Ян Эрнестович (1895-1937) -- советский партийный деятель, философ-марксист. Аспирант, а затем преподаватель Института красной профессуры, ученик известного философа А.М.Деборина. Член редколлегии журнала "Под знаменем марксизма". Работал также в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В 1926-1930 гг. заместитель директора Института марксизма-Энгельса. В 1925-1928 гг. был консультантом И. В. Сталина по философским вопросам. Вместе с Дебориным в 1930 г. был обвинен в "меньшевистствующем идеализме". Участвовал в антисталинской группе Рютина в начале 30-х годов. В конце 1932 г. или начале 1933 г. был арестован и сослан. В 1934 г. после покаяния возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Вскоре после этого написал для "Большой советской энциклопедии" статью "Философия", которая была опубликована за подписью сталиниста М. М. Митина, добавившего злобные эпитеты по адресу действительного автора. Стэн был вновь арестован во время "Большого террора", расстрелян без суда.

Циммервальдский блок (Циммервальдское объединение) -- временный блок левых и левоэкстремистских элементов с центристским и сочувствовавшим центру большинством, возникший на международной социалистической конференции в местечке Циммервальд (Швейцария) в сентябре 1915 г. В 1917 г. В.И.Ленин заявил о разрыве большевиков с Циммервальдским блоком. В марте 1919 г. I конгресс Коминтерна принял одностороннее решение о роспуске Циммервальдского объединения.

Надеюсь, мне на этот раз не будет выражено порицание за чтение мне адресованных писем. Такое время нынче пошло: все читают письма всех, если только в них есть политическое содержание или они имеют политический интерес... -- Примеч. Д. Лапина.

"Колечка Балаболкин" -- прозвище Н. Н. Бухарина, придуманное, по-видимому, Л. Д. Троцким.

С некоторыми оговорками можно перевести с немецкого как конференция, собрание, сборище.

Речь идет о первом издании "Большой советской энциклопедии" -- первом

советском многотомном энциклопедическом издании, подверженном цензуре в соответствии с особенностями отдельных этапов развития советского общества. Отсюда разительные противоречия между статьями, опубликованными в разное время. Выходила в 1926-1947 гг. под редакцией О.Ю.Шмидта. Всего вышло 65 основных томов и специальный том, посвященный СССР.

Речь идет о правительстве Германа Мюллера 1928-1930 гг., в состав которого входили представители Социал-демократической, Народной партий, Партии центра, Баварской народной партии.

Гете Иоганн Вольфганг (1749-1832) -- немецкий писатель, естествоиспытатель и философ. Автор sentimentalного романа "Страдания молодого Вертера" (1774), романов о взаимоотношениях человека и общества, в частности романа о Вильгельме Мейстере (1795-1796, 1821-1829), философской трагедии "Фауст" (1808-1832). Гете написал естественно-научные труды "Опыт о метаморфозе растений", "Учение о цвете" и др.

21. Работа Н.И.Бухарина "ЭкР21. Работа Н.И.Бухарина "Экономка переходного периода" была впервые опубликована в 1920 г. Автор пытался наметить "общую теорию трансформационного процесса", рассмотрев предпосылки коммунистического строительства, взаимоотношения города и деревни в процессе общественной трансформации, проблемы "хозяйственных поддержек" революции, организационные формы переходного периода и т. д.

22. Издание "Коммунистический Интернационал перед Шестым всемирным конгрессом. Обзор деятельности ИККИ и секций Коминтерна между V и VI конгрессами" -- официальный информационно-отчетный материал Исполкома Коминтерна, выпущенный накануне VI конгресса Коминтерна.

23. Производственный контроль (нем.).

"Volkswille" (Народная воля) -- газета, издававшаяся в конце 20-х годов группой бывших германских коммунистов, исключенных из компартии. Была близка к объединенной оппозиции ВКП(б). В марте 1929 г. газета первой опубликовала извлечение из проникшей за границу записи беседы Каменева и Бухарина 11 июля 1928 г.

Речь идет об оппозиционной группе, которая конкурировала с районной организацией компартии.

Имеется в виду Лейбористская партия Великобритании.

Мерфи Д. (1888-1966) -- деятель компартии Великобритании. Член партии с 1920 г., с 1922 г. член политбюро. Был членом Исполкома Коминтерна. В мае 1927 г. резко выступил за исключение Л. Д. Троцкого из Исполкома Коминтерна. В 1932 г. порвал с коммунистическим движением. Автор книги воспоминаний "Новые горизонты" (1941).

Арнот Пейдж Р.-- деятель компартии Великобритании. После второй мировой войны опубликовал ряд работ по историко-национальному рабочему движению.

Left Wing-- левое крыло (англ.)

Labour Party -- Лейбористская партия (англ.).

Гендерсон Артур (1863-1935) -- британский политический деятель, один из

лидеров Лейбористской партии. В 1911-1934 гг. секретарь партии. В 1915-1917 гг. был министром без портфеля, в 1924 г. министром внутренних дел, в 1929-1931 гг. министром иностранных дел. Был удостоен Нобелевской премии за активные выступления в защиту мира и за разоружение.

32. Баварская советская республика -- существовавшее около трех недель (10 апреля -- 1 мая 1919 г.) государственное образование на части территории Баварии, возникшее в ходе революции в Германии. Во главе Баварской советской республики стояли коммунисты, председателем Исполнительного совета (правительства) был Ойген Левине (1881-1919). Исполнительный совет объявил о национализации банков, введении рабочего контроля над производством, создании Красной армии, но ни одного из своих решений реализовать не успел. Власти советской республики арестовали несколько заложников, часть из которых была расстреляна. Баварская советская республика была разгромлена войсками общегерманского правительства, Левине и другие ее лидеры расстреляны по приговору военного суда.

VII съезд РКП(б) происходил 18-23 марта 1919 г. в Моск-ве. Съезд утвердил программу РКП(б), выдвинул курс перехода от нейтрализации среднего крестьянства к союзу с ним при продолжении борьбы против "кулачества". "Военная оппозиция" на съезде выступила против использования старых военных специалистов и за сохранение полупартизанских методов управления армией. На съезде также сформировалась группа Сапронова-Осинского (группа демократического централизма), требовавшая демократизация хозяйственного и государственного управления. Взгляды обеих групп были отвергнуты.

Г. Гюнтер отметил это обстоятельство, но не знакомый, по-видимому, с историей выработки программы, выразил удивление по поводу того, зачем и почему это сделано (см. Дискуссионные статьи к Проекту программы).-- Прим. Д. Лапина.

VII (Апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б) происходила 24-29 апреля 1917 г. в Петрограде. Конференция осудила позицию некоторых большевистских деятелей непосредственно после победы Февральской революции (Каменев, Сталин и др.), выступивших за условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него и приняла в качестве программы действий "Апрельские тезисы" В.И. Ленина, ставившие целью непосредственной подготовки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в условиях двоевластия мирным путем под лозунгом "Вся власть советам!"

VII съезд большевистской партии (экстренный) состоялся в Петрограде 6--8 марта 1918 г. Основным вопросом был "Политический отчет ЦК -- доклад о войне и мире". Ленину удалось провести на съезде свое требование об одобрении Брестского мирного договора. Съезд переименовал РСДРП(б) в РКП(б).

Произведенная в Германии в 1925 г. (т. е. уже при стабилизации) перепись обнаружила, наряду с концентрацией, рост числа торговых предприятий, что свидетельствует не о сужении сферы рыночной конкуренции, а о ее расширении.-- Примеч. Д. Лапина.

Давно прошедшее время (лат.).

Гольденберг Элькон Зиновьевич (1901-1937?) -- советский партийный и государственный деятель. Экономист. В 1918 г. меньшевик. С 1920 г. член РКП(б). В 1920 г. был секретарем редакции газеты "Советский Дон", затем занимал ряд постов в Красной Армии в Донской области. В 1921-1924 гг. слушатель (Малая Азия), стремившийся обессмертить и действительно обессмертивший свое имя актом сожжения в 356 г. до н.э. храма Артемиды Эфесской, считавшегося одним из семи чудес света. В переносном смысле -- честолюбивец, готовый любой ценой добиваться

Герострат -- 40. 39. Герострат - грек из г. Эфес (Малая Азия), стремившийся обессмертить и действительно обессмертивший свое имя актом сожжения в 356 г. до н. э. храма Артемиды Эфесской, считавшегося одним из семи чудес света. В переносном смысле - честолюбивец, готовый любой ценой добиваться славы.

40. Гольденберг Элькон Зиновьевич (1901-1937?) - советский партийный и государственный деятель. Экономист. С 1920 г. член РКП(б). В 1920 г. был секретарем редакции газеты "Советский Дон", затем занимал ряд постов в Красной Армии в Донской области. В 1921-1923 гг. слушатель Института красной профессуры. В 1923 г. краткое время симпатизировал Троцкому. С 1924 г. декан экономического отделения Коммунистического университета им. Зиновьева в Ленинграде. С 1927 г. член редколлегии журнала "Коммунистический Интер-национал", сотрудничал в газете "Правда" и журнале "Большевик". В 1928 г. был инструктором Западноевропейского бюро Коминтерна в Берлине. Позже работал в Госплане СССР, был заместителем председателя Госплана РСФСР. Во второй половине 20-х годов был участником "школы Бухарина". В 1930 г. признал свои "правооппортунистические" ошибки. Был отправлен на периферию. В 1930-1937 гг. занимал различные должности в строительных организациях Кузнецкого бассейна, а затем г. Керчи. Арестован в августе 1937 г. Видимо, был расстрелян без суда.

41. Речь идет об одной из трех американских нефтяных компаний -- Стандарт Ойл Компани (Индиана), Стандарт-Ойл Компани (Нью-Джерси), Стандарт Ойл Компани (Калифорния), скорее всего, о крупнейшей и старейшей на них -- Калифорнийской компании, основанной в 1879 г.

Ройял Датч Шелл -- нидерландско-британская нефтяная компания, основанная в 1907 г. Одно из крупнейших в мире объединений по производству, переработке и продаже нефти и нефтяных продуктов.

Работа Н. И. Бухарина "Мировое хозяйство и империализм" первоначально была опубликована в журнале "Коммунист" (Женева) в 1915 г. В работе была предпринята попытка анализа процесса интернационализации капитала, связи национальных экономик с мировым хозяйством, империализма как расширенного производства капиталистической конкуренции".

"Красная новь" -- ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходил в 1921-1942 гг. Первый советский

"толстый" журнал.

"К теории империалистического государства". Напечатан в сборнике Коммунистической академии "Революция пра-ва". М., 1925 г. -- Прим. Д.Лапина.

"Сборник "Социал-демократа"" -- большевистский журнал, вы-ходивший в Женеве в октябре-декабре 1916 г. Был основан В.И.Лениным в качестве издания газеты "Социал-демократ", вы-ходившей под фактическим руководством Ленина в 1908 -- янва-ре 1917 г. С 1911 г. Ленин был официальным редактором газеты.

Редакция "Большевика" в подвальном примечании к од-ной статье (№ 18 за 1925 г.) выразила недоумение по поводу то-го, что редакция "Под знаменем марксизма" позволила себе на-печатать статью тов. Борилина (в № 5--6 за 1925 г.) с критикой бухаринской теории "государственно-капиталистического тре-ста". При этом сообщалось, что в статье Бухарина о "мировом хозяйстве и империализме", напечатанной в "Коммунисте", значилось "общественно-капиталистический трест", а Ленин вычеркнул "общественно" и написал вместо этого "государст-венно", значит: самый термин принадлежит Ленину.

На это можно возразить следующее: если тов. Бухарин написал такую бессмыслицу, как "общественно-капиталистический" или (как в приведенной цитата) "коллективно-капиталистический" трест, то Ленин в качестве редактора очень хорошо сделал, что переправил на "государственно-капиталистический". Хотя смысл есть. Но это отнюдь не значит, что Ленин был согласен с этим термином и со связанной с ним теорией. Доказательством этого является то, что он никогда, ни разу не воспользовался этим термином в своих работах по империализму и не раз высказывался против существования бухаринской теории.-- Примеч. Д. Лапина.

48. "Под знаменем марксизма" -- ежемесячный журнал общественно-политических наук, посвященный в основном философским вопросам, освещаемых с позиций коммунистической догматики. Выходил в Москве в 1922-1944 гг.

49. Логически из такой точки зрения вытекает положение, что пролетарская революция не может вырасти из экономичес-ких противоречий внутри империалистических стран еще до новой империалистической войны. Недаром во всех своих вы-ступлениях последнего времени по вопросу о революционных перспективах и войне тов. Бухарин дает именно такое однобо-кое и отдаленное изображение революционных перспектив: внешнеполитические противоречия империалистических стран приведут к войне, война приведет к революции в стране, которая окажется слабее всех, чтобы вынести войну. Указание на возмож-ность пролетарской революции в более близком будущем, еще до новой войны, обычно отсутствует в выступлениях и документах, составленных тов. Бухариным в последнее время.-- Примеч. Д. Лапина.

50. Корпоративная система в Италии -- форма авторитарного политического устройства, введенная фашистской властью во второй половине 20-х годов в качестве элемента тоталитарного общественного устройства. Рассматривалась как совокуность общественных служб (корпораций), выполняющих определен-ные

социальные функции.

51. Еще по переписи 1907 г. государственные, провинциальные, муниципальные и пр[очие] электростанции давали большую часть электроэнергии Германии -- 3,5 млрд киловатт-часов.

На всех публичных предприятиях указанного типа (включая почту, телеграф, железную дорогу и все прочие отрасли) работало в том же г[оду] 1 млн 558 тыс. человек. Цифра, несомненно, большая. Но в общем народном хозяйстве ее удельный вес определяется следующим: число это вчетверо меньше числа ремесленников, в десять раз меньше числа занятых в промышленности, торговле и транспорте и в 20 раз меньше числа всех самодельных.-- Примеч. Д. Лапина.

Надо еще сказать несколько слов против того злоупотребления словом "тенденция", какое позволяет себе тов. Бухарин. В марксизме слово "тенденция" употреблялось всегда в смысле закона развития. Например, когда мы говорили о тенденции концентрации и централизации капиталов или о монополистической тенденции, как о тенденции и росту милитаризации, то речь идет не о каких-либо неуловимых часто умозрительных вещах, а о вполне "массовидных" фактах, множущихся и в числе ежедневно и ежечасно и подсчитываемых статистикой ежегодно. Бухарин же словом "тенденция" пользуется для того, чтобы снять с себя ответственность за фактическую необоснованность его теории. Когда Шацкий указывает ему на отсутствие достаточно веских и многочисленных фактов, которые бы подтверждали его теорию, он отвечает: "Помилуйте, я разве говорю о госкапитализме как факте, я устанавливаю только тенденцию..." -- Примеч. Д. Лапина.

Стиннес Гуго (1870-1921) -- основатель крупного военно-промышленного концерна в Германии, один из лидеров правой Немецкой народной партии.

В ответ на указание тов. Шацкого, что ведь в Германии железные дороги "ушли" из рук государства, а это весит больше, чем все электростанции государства, коммун и кооперативов, Бухарин отмечает: но ведь управляет ими репарационный агент Гольдберт Паркер, сам являющийся представителем иностранных государств... Решится ли все же тов. Бухарин утверждать, что железные дороги в руках Паркера ближе по типу к госкапиталистическому предприятию, чем в руках германского государства? Поставить этот вопрос значит в то же время и ответить на него.-- Примеч. Д. Лапина.

Паркер Джилберт (1862-1932) -- англо-канадский политический деятель и писатель. Консерватор, депутат британского парламента с 1900 г. Во время первой мировой войны выполнял дипломатические задания в США. После войны выполнял различные дипломатические поручения Лиги Наций. Автор исторических трудов и романов.

55. План Дауэса -- репарационный план, разработанный для Германии международным комитетом экспертов под руководством банкира Чарльза Гейтса Дауэса. План был утвержден в августе 1924 г. на Лондонской конференции

держав -- победительниц в первой мировой войне. Он предусматривал предоставление Германии займов кредитов для восстановления ее хозяйственного потенциала и существенное ослабление репарационного пресса. В 1930 г. план Дауэса был заменен планом Юнга, предусматривавшим снижение репараций и полную отмену контроля над Германией.

56. В той же статье, с. 17-18. То же и в "Экономике переходного периода". -- Примеч. Д. Лапина.

В номере от 15 января сего года. -- Примеч. Д. Лапина.

58. Мы встречаемся, таким образом, не в первый уже раз с тем, что тов. Бухарин в качестве редактора почти всех наших центральных партийных органов пользуется штемпелем редакции для того, чтобы в петитных примечаниях "от редакции" выдавать себе в качестве удостоверения в первосортном и сто-процентном ленинизме его произведений. -- Примеч. Д. Лапина.

59. Публикация в "Правде" 15 января 1928 г. документов оппозиции под заголовком "Подрывная работа троцкистов против Коминтерна" была снабжена примечанием следующего текста: "Проект программы Коминтерна, как известно, одобренный В. И. Лениным, троцкисты, ничтоже сумняшеся, объявляют национально ограниченным".

60. Самым пикантным во всем этом деле было то, что столь воинственно выступавший тремя днями раньше тов. Бухарин дал свою подпись под этим дезавуировавшим его заявлением и сам же его зачитывал на пленуме конгресса... Объяснением этому факту могут служить слова тов. Тальгеймера в его докладе на V конгрессе: "Как известно, -- говорил он, -- решающее влияние на эти постановления (русской делегации и V конгресса) оказал Ленин..." (Протоколы V конгресса, с. 541, русское издание). Объявить Ленину войну как оппортунисту Бухарин все же побоялся. -- Примеч. Д. Лапина.

Тальгеймер Август (1884-1948) -- германский политический деятель, один из руководителей Союза "Спартак" и основателей компартии Германии. В 1923 г. вместе с Г. Брандлером был руководителем партии. В 1924 г. снят с руководящих постов. В 1929 г. исключен из партии за сочувствие группе Бухарина. Вместе с Брандлером образовал оппозиционную коммунистическую оппозиционную организацию -- Коммунистическую Коммунистическую партию Германии (оппозиционную). После прихода к власти нацистов эмигрировал во Францию, а в 1940 г. после оккупации Франции Германией -- на Кубу.

61. В газете "Правда" 30 июня 1923 г. была помещена статья Л. Д. Троцкого "О своевременности лозунга "Соединенные Штаты Европы"", в которой он предлагал дополнить лозунг рабоче-крестьянского правительства этим лозунгом. Выдвижение лозунга было свидетельством революционной эйфории Троцкого, связанной с событиями в Германии. Выражалась надежда, что революционная Европа уничтожит таможенные перегородки и сомкнется с Советским Союзом. Соединенные Штаты Европы утопически рассматривались как ближайший этап революционной перспективы. В сентябре 1923 г. этот вопрос был обсужден Президиумом Исполкома Коминтерна, который согласился с его включением в документы Интернационала. В дальнейшем лозунг Соединенных Штатов Европы вошел

в арсенал идейной догматики объединенной оп-позиции как соответствовавший ее курсу на мировую революцию.

62. Анархизм (безвластие) -- общественно-политическое течение, выступающее за уничтожение централизованной государственной власти в результате стихийного бунта масс и создание федерации ассоциаций производителей на основе местного самоуправления. Главными идеологами анархизма были П. Прудон, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, М. Штирнер.

63. Имеется в виду анархо-синдикализм.

64. Кропоткин Петр Алексеевич (1842-1921) -- российский революционер, теоретик анархизма, ученый. Князь. В 1872-1875 гг. был участником народнических организаций, в 1876-1917 гг. находился в эмиграции, где пропагандировал анархизм и участвовал в деятельности научных обществ, проводил исследования в области истории, географии и геологии. По возвращении в Россию активной деятельности не вел.

65. Грае Жан (1854-1939) -- французский социалист, один из теоретиков анархизма. Был редактором ряда анархистских журналов и автором работ по анархизму. В начале XX в. перешел на позиции анархо-синдикализма. Во время первой мировой войны выступал в поддержку правительства Германии.

Имя Кореклисена в документах обнаружить не удалось

67. Пенти -- деятель французского рабочего движения, один из идеологов и пропагандистов гильдейского социализма.

68. Оранж -- также деятель французского рабочего движения, один из идеологов и пропагандистов гильдейского социализма.

69. Гобсон -- деятель британского рабочего движения, один из идеологов гильдейского социализма

70. Коул Джордж (1889-1959) -- британский социолог, экономист и историк, профессор Оксфордского университета. Идеолог фабианского общества. Один из основателей гильдейского социализма. Автор книг "Мир труда" (1913), "Самоуправление промышленности" (1917), в которых представлена эта доктрина. Написал ряд исследований по истории рабочего движения.

71. Любопытно отметить круг, который тов. Бухарин проделал за десять лет в вопросе программы-минимум. Явление первое. В 1917 г. он выступил с "кажущимся радикальным", по словам Ленина, предложением не переделывать программы-минимум соответственно новым условиям (с включением государственно-капиталистических требований), а попросту удалить программу-минимум еще до завоевания власти пролетариатом. Явление второе. В 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна он допускает уступку коммунистам за частичные требования, но, во-первых, он против включения их в общую программу -- он против выдвижения лозунгов, годных на весь предреволюционный период. Пусть эти лозунги меняются каждые две недели, говорил он. Этот срок -- две недели, на который надо выдвигать частичные лозунги в нашу эпоху, -- он указывает и в своей речи на VII съезде РКП (1918 г.), и в своей речи на IV конгрессе (1922 г.), и в своей речи на XV партсъезде в 1927 г. Так мало менялась его аргументация. Наконец, явление третье. 1928 г. Бухарин

включает ужесточенные лозунги в проект общей программы К[ом]и[нтер-на], но в формулировке, по содержанию своему ничем не отличающейся от социал-демократической программы-минимум.

Итог: от борьбы против всякой коммунистической программы-минимум тов. Бухарин пришел к защите социал-демократической программы-минимум. Неизменно при всех этих круговращениях остается только вражда к лозунгам, "пахнувшим" госкапитализмом.-- Примеч. Д. Лапина.

72. Отметив здесь же, что Бухарин попросту обошел молчанием первый и полный аргумент тов. Лозовского: ни в коем случае нельзя подвести под оппортунизм требование национализации на условиях конфискации (а не выкупа).-- Примеч. Д.Лапина.

73. III конгресс Коминтерна состоялся 22 июня -- 12 июля 1921 г. в Москве. Основными вопросами были: мировой хозяйственный кризис и задачи Коминтерна, о тактике РКП(б), о борьбе против Амстердамского Интернационала, о движении коммунистической молодежи, о женском движении, вопросы отдельных партий. Конгресс одобрил тактику развития классовой борьбы, завоевания большинства рабочего класса на основе непримиримой борьбы против социал-демократии, которая оценивалась как главная социальная опора буржуазии.

74. Микалек -- псевдоним Варского Адольфа (1868-1937), деятеля польского социалистического и коммунистического движения. Был одним из руководителей Социал-демократии Королевского Польского и Литвы. Участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях социалистов 1915 и 1916 гг. Участвовал в основании компартии Польши в 1916 г. В 1923 и 1927 гг. избирался членом ЦК. Под названным выше псевдонимом участвовал в II конгрессе Коминтерна в 1921 г. В 1924 г. был по требованию Исполкома Коминтерна снят с руководящих постов. В 1929 г. эмигрировал в СССР, работал в Институте Маркса-Энгельса над историей польского рабочего движения. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

75. Роланд Тольст ван дер Схалк Хенриетта (1869-1952) -- голландская политическая деятельница и писательница. Участвовала в деятельности Социал-демократической партии Нидерландов с 1897 г. В 1918-1927 гг. член компартии. В 1927 г. порвалась компартией. В начале поддерживала объединенную оппозицию в ВКП(б), затем отошла от политической деятельности. Автор стихотворений, драм в стихах, лирико-эпической поэмы "Героическая сага" (1927 г.).

76. Террачини Умберто Элиа (1895-1983) -- деятель итальянского коммунистического движения, юрист. В 1921-1924 гг. был членом Исполкома Коминтерна. В 1926-1943 гг. находился в эмиграции. В 1943-1945 гг. был одним из руководителей антифашистского Сопротивления. После второй мировой войны член руководства компартии Италии, сенатор.

77. Имеется в виду Коммунистический Интернационал молодежи.

78. Речь идет не о расширенном пленуме, а о расширенном заседании Президиума Исполкома Коминтерна 18 декабря 1921 г., на котором были

утверждены тезисы о едином фронте и об отношении к рабочим, входящим во II, II 1/2 и Амстердамский Интернационалы, а также к рабочим, поддерживающим анархо-синдикалистские организации. Документ допускал возможность совместных действий с реформистскими и центристскими организациями. Первый расширенный пленум Исполкома Коминтерна состоялся 21 февраля -- 4 марта 1922 г. Рассматривались вопросы о тактике единого фронта, о переговорах со II 1/2 Интернационалом, о профессиональном движении, о положении в отдельных партиях и т.д.

79. Коллонтай Александра Михайловна (1872-1952) -- советская государственная и партийная деятельница. Большевичка с 1915 г. В 1917-1918 гг. нарком государственного призрения. С 1929 г. заведовала женским отделом ЦК РКП(б). В 1920-1922 гг. примыкала к "рабочей оппозиции". В 1923-1926 гг. была полномочным представителем СССР в Норвегии, а в 1926-1927 гг. -- в Мексике, затем короткое время -- вновь в Норвегии, в 1930-1945 гг. -- полномочный представитель, затем посол в Швеции.

80. Генеральный совет Конгресса тред-юнионов -- высший орган тред-юнионов Великобритании, возглавляющий их деятельность между ежегодными конференциями. Впервые избран в 1921 г.

81. Речь идет о государственном перевороте в Болгарии 9 ию-ня 1923 г., в результате которого было свергнуто правительство Болгарского земледельческого народного союза во главе с Алек-сандром Стамболийским (1879-1923), Стамболийский убито образовано правительство блока правых партий во главе с Александром Цанковым. В сентябре 1923 г. в качестве ответа на переворот произошло восстание, спровоцированное Коминтерном.

82. Речь идет об оккупации Рурской промышленной области Германии французскими и бельгийскими войсками 11 января 1923 г. Цель оккупации состояла в том, чтобы заставить Герма-нию непрерывно вносить репарационные платежи. Правитель-ство Германии ответило провозглашением пассивного сопро-тивления -- призывом к прекращению всей экономической деятельности. Возникла чудовищная инфляция (1 марта 1923 г. 1 доллар продавался за 4,6 млн марок). Последствием экономи-ческих неурядиц стал политический кризис. Франко-бельгийские войска были выведены после утверждения плана Дауэса в 1924 г.

83. Имеется ввиду Лейбористская партия Великобритании.

84. Речь идет о комиссии IX пленума Исполкома Коминтерна по английскому вопросу.

85. Рой Манабендра (настоящие фамилия и имя Бхаттачария Нарендра) (1887-1954) -- индийский политический деятель. В начале XX в. участвовал в ряде антибританских выступлений. В 1916-1917 гг. проживал в США, в 1917-1919 гг. в Мексике. В 1919 г. приехал в Москву, стал коммунистом. Был членом Ис-полкома Коминтерна. Выступал с докладом по национально-ко-лонияльному вопросу на нескольких конгрессах Коминтерна. В 1927 г. находился в Китае, где представлял Коминтерн. Всту-пил здесь в конфликт с представителем СССР и Коминтерна Бо-родиным. После возвращения из Китая был обвинен в

"правомоппортунизме". В 1928 г. исключен из Коминтерна. Участвовал в изданиях оппозиционеров на Западе. В 1920 г. возвратился в Индию, где организовал движение "Независимая Индия". В 1931-1936 гг. находился в заключении. После второй мировой войны присоединился к Радикально-демократической партии. Занимал общегуманитарные позиции.

Фермерско-рабочая партия -- политическая партия США, основанная в 1920 г. на базе социалистических принципов. Выступала за национализацию промышленности, земли и банков. В 1923 г. на съезде партии ее руководством овладели коммунисты. Партия поддержала на президентских выборах кандидатуру Р. Ла Фоллета. В следующие годы коммунисты были отстранены от руководства. В 1944 г. фермерско-рабочая партия волилась в Демократическую партию.

В документе пропущено одно слово, очевидно, т.т.т. Занимал общегуманитарные позиции.

86. Фермерско-рабочая партия - политическая партия США, основанная в 1920 г. на базе социалистических принципов. Выступала за национализацию промышленности, земли и банков. В 1923 г. ее руководством овладели коммунисты. Партия поддержала на президентских выборах кандидатуру Р.Ла Фоллета. В следующие годы коммунисты были отстранены от руководства. В 1944 г. Фермерско-рабочая партия волилась в Демократическую партию.

87. В документе пропущено одно слово, очевидно, иностранное, которое автор предполагал написать в кавычках.

88. "Forwrt" ("Вперед") -- немецкая газета, центральный орган Социал-демократической партии Германии в 1876-1933 гг. (кроме периода действия исключительного закона против социалистов -- 1873-1890). До 1900 г. редактором был Вильгельм Либкнехт. Прекратила издание после установления власти национал-социалистов.

89. В статье "О лозунге Соединенных Штатов Европы" (опубликованной в августе 1915 г., а не в 1916 г. в газете "Социал-демократ") В. И. Ленин заявил, что неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма и что отсюда следует возможность победы социализма "первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране" (соч., изд. 5, т. 36, с. 354). Позже это утверждение было Лениным напрочь забыто, но выискано сталинским аппаратом и использовано в качестве основной теоретической базы теории построения социализма в одной стране.

90. Эрфуртская программа Социал-демократической партии Германии была принята в октябре 1891 г. на съезде в Эрфурте, заменив Готскую программу 1875 г. Основное влияние на принципиальные положения программы оказал Ф. Энгельс. Левые во II Интернационале считали Эрфуртскую программу образцом для всех социал-демократических партий.

91. Цеткин Клара (1857-1933) - деятельница германского и международного социалистического и коммунистического движения. В 1881-1918 гг. участвовала в деятельности левого крыла Социал-демократической партии Германии. Была

одной из учредительниц II Интернационала в 1889 г. Член компартии Германии с 1919 г. С 1920 г. депутат рейхстага. В неофициальной переписке 20-х годов подвергала резкой критике деятельность руководства Коминтерна и ВКП(б), но публично поддерживала официальный большевистский курс.

92. Так в документе.

93. Имеются ввиду взгляды и политическая позиция группы большевиков (А.А.Богданов, Г.А.Алексинский и др.), которая сформировалась в 1909 г. и требовала отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной Думы, ограничения или даже прекращения участия в легальных организациях, сосредоточения всех усилий на подпольной деятельности. Отзовисты вместе с некоторыми другими большевиками создали в том же году группу "Вперед", которую В. И. Ленин обвинил в попытке соединить марксизм с религией, отказе от работы в массах и в других грехах. В 1913 г. группа фактически прекратила деятельность, большинство ее участников примкнуло к Ленину. Официально группа "Вперед" была распущена в 1917 г.

Имеется в виду революция 1905-1907 гг. в России.

Имеется в виду Февральская революция 1917 г. в России.

Так в документе.

Архивное название документа "Письмо Карла к тов. Сергею Мрачковскому".

Парфразировка высказывания главного героя одноименной трагедии Шекспира "Гамлет" (1601).

99. "Литературная дискуссия" 1924 г. -- кампания нападок на Троцкого осенью 1924 г., после появления тома его сочинений, посвященного событиям 1917 г., с предисловием "Уроки Октября". (Троцкий Л. Сочинения. М., Госиздат, [1924], т. 3.1917, с. IX-LXVIII). Троцкий критически характеризовал деятельность ряда большевистских руководителей, раскрыл позицию Г.Е. Зиновьева и Л.Б.Каменева накануне Октябрьского переворота и непосредственно после него, которую Ленин назвал "штрейкбрехерской", а позже, в "Письме к съезду" (конец 1922 -- начало 1923 г.) вспомнил вновь. Эти оценки тщательно скрывались не только от населения, но и от партийных кадров. Троцкий лишь вскользь упомянул И.В.Сталина, демонстрируя презрительное к нему отношение. Правившая группа обрушила на Троцкого шквал статей, разоблачительных собраний и т. д., ставя своей целью его дискредитацию, создание образа врага революции и фальсификатора. Идеологическая кампания, тон которой задали Сталин выступлением на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября и Каменев статьей в "Правде" от 26 ноября (они назывались соответственно "Троцкизм или ленинизм?" и "Ленинизм или троцкизм?"), ставили своей целью такую идеологическую обработку населения, которая бы позволила убедить его в том, что выдуманный "троцкизм" был главным антиподом правильной, ленинской партийной линии, главным носителем которой все навязчивее изображался Сталин. В шельмовании Троцкого участвовали Зиновьев, Бухарин, Крупская, Молотов и многие другие. Троцкий занял пассивную позицию, так что дискуссии, собственно говоря, не было. В январе 1925 г. Троцкий был снят с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. В ходе

"литературной дискуссии" по предложению Сталина Политбюро и Секретариат ЦК РКП(б) приняли решение о централизованном изъятии у граждан и учреждений для архивов ЦК всех материалов, имеющих отношение к истории партии и о строгом ограничении доступа к ним. Это открыло широчайшие возможности для официальной фальсификации истории.

100. Парвус (настоящая фамилия Гельфанд) Александр Львович(1869-1924) -- деятель российского и германского социал-демо-кратического движения. Меншевик с 1903 г. В 1905 г. вытеорию "перманентной революции", которую разделял Троцкий. Эта теория лишь в деталях отличалась от концепции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, выдвинутой Лениным. Во время первой мировой войны, живя в Германии, Парвус выступал в поддержку участия Германии в войне. По его предложению германские власти финансировали российских революционеров, в том числе большевиков. С 1918 г. в политической деятельности не участвовал.

101. Архивное название документа "Письмо Карла Бернгардо-вича к тов. Ищенко".

102. Так в документе.

103. Речь идет о статье 107 уголовного кодекса РСФСР.

Так в тексте.

105. Прозоровская Г.-- участница объединенной оппозиции. Ра-ботала в Москве. В 1928 г. после исключения на ВКП(б) была со-слана в Пензу (по другим сведениям, в Бугульму). Дальнейшая судьба неизвестна.

106. Поприщин -- герой повести Н. В. Гоголя "Записки сумас-шедшего" Мелкий чиновник, одержимый манией величия. Его имя стало нарицательным для характеристики маньяка, выра-жающего бредовые идеи.

107. Наркомат земледелия (Наркомзем) был образован в со-ставе Совнаркома РСФСР сразу же после Октябрьского перево-рота 1917 г. В 1928 г. наркомом был Н. А. Кубяк.

108. Статья В. И. Ленина "О кооперации", продиктованная 4-6 ян-варя 1923 г., содержала весьма противоречивые мнения о развитии кооперативных объединений и по другим вопросам, но отнюдь не являлась "кооперативным планом", планом создания производственной крестьянской кооперации в СССР, как это позже стала утверждать большевистская историография.

109. Закон о землеустройстве и землепользования 1928 г. вво-дил в правовую норму сложившуюся практику земельных отно-шений. Закон закреплял, разумеется, весьма относительно (какоказалось всего лишь на один год), мелкое крестьянское земле-пользование и добровольный характер объединений крестьян.

110. Конъюнктурный институт наркомата финансов СССР --научно-исследовательское и консультационное учреждение, со-зданное в 1920 г. Институт изучал конкретные экономические условия, связанные с движением цен, ценных бумаг, уровнем за-нятости, размерами производства и т. д. В институте работали квалифицированные специалисты старой школы, в том числе бывшие меньшевики. Директором института был П.Д.Кондратьев. Ликвидация

института в 1928 г., в условиях тяжелого экономического кризиса в СССР, свидетельствовала, в числе многих других фактов, о под-ходах к насильственной "революции сверху" и к ликвидации нэ-па. В то же время это было преддверием расправы с директором института как с "буржуазным ученым".

111. Речь идет о документе "Проект платформы большеви-ков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления)".

112. Возможно, что это письмо Радека.-- Прим. Л. Троцкого.

113. Р.Люксембург в своих экономических трудах "Введение в политическую экономию", "Накоплению капитала" и др. пола-гала, что накопление капитала при капитализме возможно лишь за счет расширения сфер эксплуатации "некапиталисти-ческой среды" (хозяйства крестьян и ремесленников) и делала вывод, что империализм -- это политика борьбы капиталисти-ческих государств за остатки "мировой некапиталистической среды".

114. Сеньорен-конвент (совет старейшин) -- фиктивное пред-ставительство делегаций на съездах и конференциях ВКП(б). Через сеньорен-конвенты высшие партийные боссы, с середи-ны 20-х годов Сталин, передавали главам делегаций республик, губерний, областей, краев свою волю, которая принималась неуклонному исполнению, по крайней мере внешне. Правда, бывали "проколы". На XVII съезде ВКП(б) (1934), несмотря на выдвижение сеньорен-конвентом нового состава ЦК, около 300 делегатов проголосовали против Сталина. Это вызвало месть последнего. Большинство делегатов съезда были уничтожены в 1936-1938 гг.

115. Так в тексте

116. "Критика Готской программы" - документ К.Маркса, написанный в 1875 г. и опубликованный в 1891 г. В нем содержалась "Критика Готской программы" - документ К.Маркса, написанный в 1875 г. и опубликованный в 1891 г. В нем содержалась критика программы германской социал-демократии, под-готовленной к съезду в г. Готе (1875). Подвергались критике также взгляды Ф.Лассалья о "железном законе заработной платы", о том, что по отношению к рабочим все остальные классы являются реакционной массой и т. д. Положения Маркса о двухфазах коммунистического общества и диктатуре пролетариата, выдвинутые в документе и не встречающиеся в других работах, были широко использованы левыми социал-демократии в конце XIX -- начале XX в. и особенно большевиками для обоснования своих политических позиций.

117. "Die Internationale" ("Интернационал") -- немецкий жур-нал (1915-1937). После основания компартии стал ее теорети-ческим органом. Во второй половине 20-х годов стоял на лево-коммунистических позициях, близких к позиции Троцкого и его соратников. До 1925 г. редактором был К. Корш.

118. "Internationale Presse-Korrespondenz fer Politik, Wirtschaft and Arbeiterbewegung" ("Международная корреспонденция для печати в области политики, экономики и рабочего движения", сокращенно "Инпрекор") -- информационный бюллетень Исполкома Коминтерна. Издавался еженедельно на немецком, а также французском и английском языках в 20-30-е годы.

119. Дункер Герман (1874-1960) -- деятель германского

социал-демократического и коммунистического движения. Участник группы "Спартак" в годы первой мировой войны. С 1919 г. коммунист. Автор ряда книг и брошюр, пропагандировавших ленинские и сталинские коммунистические догмы. В 20-х -- начале 30-х годов профессор партийной школы компартии в Берлине. В 1933 г. был арестован нацистами, но вскоре освобожден и эмигрировал в Англию, а затем в США. В 1947 г. возвратился в советскую зону оккупации Германии. Занимал ответственные посты в руководстве партийным просвещением Социалистической единой партии Германии.

120. Икрамов Акмаль Икрамович (1898-1938) -- советский партийный деятель, член РКП(б) с 1918 г. В 1921-1922 гг. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана. В 1937 г. был арестован и на судебном фарсе по делу "право-троцкистского блока" в марте 1938 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Крупская Надежда Константиновна (1869-1939) -- жена В.И. Ленина. Социал-демократка с 1898 г. В 1917-1920 гг. работала в Наркомате просвещения РСФСР в качестве заведующей отделом Внешкольного образования. В 1920-1930 гг. председатель Главполитпросвета при Наркомпросе. В следующие годы заместитель наркома просвещения. В 1925-1926 гг. краткое время принимала участие в оппозиционных группах. Порвала с оппозицией и перешла к безоговорочной поддержке Сталина, несмотря на негласную враждебность между ними.

Слова "Получение -- подтвердить" дописано от руки.

Пункты "а", "б" и "в" в архиве отсутствуют.

Речь идет о директивах относительно содержания докладов Д. З. Мануильского и Е. С. Варги на VI конгресс Коминтерна.

Здесь и далее отточия документа.

Брюханов Николай Павлович (1878-1942) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1902 г. В 1921-1924 гг. народный комиссар продовольствия, в 1926-1930 гг. нарком финансов СССР.

Так в тексте.

ККОВ -- коллективное крестьянское общество взаимопомощи.

Фарбман Рафаил Борисович (1893-1966) -- советский партийный деятель. Социал-демократ с 1910 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в партийных органах на Украине. В 1920 г. секретарь ЦК КП(б) Украины. В начале 20-х годов -- заведующий Московским отделом народного образования. Был членом группы демократического централизма. В 1926-1927 гг. участник объединенной оппозиции. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан. В 1930 г. после заявления о разрыве оппозицией возвращен из ссылки и восстановлен в партии. Был заместителем начальника управления Руд-металлоторга. В 1932 г. вновь исключен из партии и арестован, но вскоре освобожден и опять восстановлен в партии. Работал в тресте "Металлопром" в Москве. В 1925 г. арестован вторично. Провел в заключении 21 год. Освобожден в 1956 г.

130. Ефретов -- участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. в Москве.

В 1928 г. после исключения из партии был сослан в г. Канск (Восточная Сибирь). Судьба неизвестна.

131. Бутырка (Бутырки) -- тюрьма в Москве, отличающаяся особенно бесчеловечными условиями обращения с заключенными со стороны советских следственных и тюремных органов.

132. Имеются ввиду заявления оппозиционеров на XV съезде ВКП(б).

133. Харьковский завод Всеобщей компартии электричества (завод ВЭК) был основан в 1915 г. на базе Русско-Балтийского электромеханического завода, эвакуированного из Риги. В 20-30-е годы выпускал электрические машины и электроаппаратуру. После второй мировой войны стал базой двух предприятий электромеханического и турбинного заводов.

134. Чичиков -- персонаж поэмы-романа Н.В. Гоголя "Мертвые души" (том 1, 1842) -- скупщик "мертвых душ".

135. "О, друг мой, Аркадий Николаевич! -- воскликнул База-ров. -- Об одном прошу тебя: не говори красиво" (И. С. Тургенев. Отцы и дети).

136. Имеются ввиду волнения безработных на бирже трудах Москвы летом 1928 г. Городская безработица в СССР во второй половине 20-х годов быстро росла. В 1927 г. она удвоилась по сравнению с 1924 г. и составила полтора миллиона человек. Волнения произошли в связи с отсутствием перспектив получить работу и общим ухудшением положения населения. Часть участников волнений была арестована.

137. Бухарцева Вера -- москвичка, участница объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В 1928 г. после исключения из партии была сослана в г. Камень-на-Оби. Судьба неизвестна.

Видимо, речь идет о С. В. Мрачковском.

139. Партийный максимум (партмаксимум) -- ежемесячная максимальная заработная плата, которую могли получать члены ВКП(б). В 1920 г. было издано постановление ВЦИК, установившее единую тарифную зарплату для коммунистов. Максимальный уровень их окладов не должен был превышать зарплату квалифицированного рабочего. В 1924 г. директор завода, коммунист, получал 187,9 руб., а беспартийный -- 309,6 руб. Постановлением ЦК ВКП(б) от 7 мая 1928 г. партмаксимум устанавливался в размере 2700 руб. в год. Но коммунисты могли получать и больше, сдавая определенный процент в партийную кассу (20--40%). Партмаксимум носил демагогический характер, так как члены коммунистической номенклатуры легко обходили его с помощью всевозможных льгот, пайков и т. д. В середине 20-х годов партмаксимум начинался с 645 рублей, тогда как средняя заработная плата промышленности была во много раз меньше (Павлова И. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, Сибирский хронограф, 1923, с. 68). Фактически партмаксимум был отменен в конце 1929 г. и официально ликвидирован секретным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 февраля 1932 г.

Михайлов Василий Михайлович (1894-1937) -- советский партийный деятель. Большевик с 1915 г. В 1921-1922 гг. секретарь ЦК РКП(б). В 1922-1923, 1925-1929 гг. секретарь Московского горкома партии и председатель

Московского городского совета профсоюзов. В 1929 г. снят с ответственных постов по обвинению в "правом уклоне". Был до 1932 г. заместителем на-чальника строительства Днепрогэса. Арестован во время "боль-шого террора" и расстрелян без суда.

Шмидт Василий Владимирович (1886-1940) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г. В 1918 г. се-кретарь ВЦСПС. В 1918-1928 гг. нарком труда, в 1928-1930 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР. Был обвинен в "правом уклоне" и снят с ответственных постов. В 1931-1933 гг. главный арбитр при Совнаркоме СССР. Арестован во время "большого террора", умер в заключении.

Догадов Александр Иванович (1888-1937) -- советский госу-дарственный деятель. Большевик с 1905 г. В 1921-1929 гг. секре-тарь ВЦСПС. В 1928-1929 гг. примыкал к группе Бухарина. В 1930 г. был заместителем председателя ВСНХ СССР, в 1931-1934 гг. нарком рабоче-крестьянской инспекции Закавказской СФСР. В 1934 г. снят с ответственных постов. Арестован во вре-мя "большого террора" и расстрелян без суда.

Автор документа неизвестен.

Имеется в виду Н. И. Бухарин, который, будучи фактиче-ским руководителем Коминтерна до его VI конгресса (1928), формально не занимал поста его генерального секретаря.

Вальхер Я. (1887-?) -- деятель германского коммунистиче-ского движения. По происхождению рабочий. В 1924-1926 гг. работал в Профинтерне. С 1927 г. находился на партийной в Гер-мании. Был депутатом рейхстага. Дальнейшая судьба неизвестна.

146. Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн) -- меж-дународное объединение профсоюзов, примыкавших к компар-тиям (1921-1937). Был образован и действовал под руководст-вом и на основе непосредственных директив Коминтерна. Был распу-щен в соответствии с линией VII конгресса Коминтерна (1935) на объединение профсоюзного движения.

"Красный день" (Международный антивоенный день) отмечался ежегодно компартиями и руководимыми ими органи-зациями в годовщину начала первой мировой войны, 1 августа. Использовался для уличных антиправительственных демонстраций под лозунгом защиты СССР от "империалистической агрессии".

Масарик Томаш (1850-1937) -- чехословацкий политичес-кий деятель. В 1900-1920 гг. руководитель Чешской народной, затем Прогрессистской партий. Президент Чехословацкого национального совета во время Первой мировой войны. В 1918-1935 гг. президент Чехословакии. Проводил либерально-демократический курс. Автор ряда философских трудов позитивистского направления.

Ленский (настоящая фамилия Лещиньский) Юлиан (1889-1937) -- деятель польского социалистического и коммунистического движения. Социал-демократ с 1903 г. В 1925-1929 гг. член политбюро ЦК компартии Польши, с 1929 г. ее генеральный секретарь. Позже был эмигрантом в СССР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Имеется в виду политический блок рабочих, крестьян, мелкой буржуазии,

средней национальной буржуазии, который должен был стать базой Гоминьдана.

"Die Fahne des Kommunismus" ("Знамя коммунизма") -- журнал "ортодоксального марксизма-ленинизма" (как говорилось в подзаголовке). Издавался в Германии Г. Урбансом с июня 1927 до февраля 1933 г. еженедельно. Был печатным органом Ленин-бунда.

После исключения из французской компартии в январе 1922 г. А. Трэн был связан с несколькими диссидентскими коммунистическими группами. Группы быстро распались и воссоздавались с частично прежним и частично новым членством некоторыми изменениями в политических позициях. В данном случае речь идет о роспуске одной из таких групп и замене ее другой.

Авторы писем неизвестны.

Шубин-Шацкий (Виленский) П.А. (1878-1937) -- советский партийный работник, сотрудник аппарата Коминтерна. Во второй половине 20-х годов был заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды, а затем заместителем заведующего отделом печати Исполкома Коминтерна. Дальнейшая судьба неизвестна. По-видимому, судя по дате смерти, был расстрелян ввремя "большого террора".

Султан-Заде Аветис Султанович (1888-1938) -- деятель коммунистического движения, публицист. Российский социал-демократ с 1912 г. В 1919 г. был направлен Коминтерном в Ташкент, где работал в Совете международной пропаганды на Востоке. С 1920 г. член компартии Ирана и ее ЦК. Представлял эту партию в Исполкоме Коминтерна. В 1920-1923 гг. член Исполкома Коминтерна. Автор ряда книг о современной Персии. Арестован в 1933 г. Расстрелян без суда во время "большого террора".

Эмбер-Дро Жюль (1891-1971) -- деятель швейцарского коммунистического движения. Один из основателей компартии Швейцарии в 1921 г. С 1926 г. секретарь Исполкома Коминтерна. Был руководителем латиноамериканского секретариата Коминтерна. В декабре 1928 г. выступил с критикой советского руководства. Был отстранен от ответственных постов. В 1943 г. исключен из компартии Швейцарии. После Второй мировой войны опубликовал обширные мемуары.

157. Пийо и Ветцер -- французские коммунисты, члены парижской организации компартии. Делегаты VI конгресса Коминтерна. Пийо выступал на конгрессе с ультралевых позиций, обвинял руководство своей партии в правом уклоне.

158. Эверт Артур (псевдоним Браун, Грей) (1890-1959) -- германский коммунистический деятель. Социал-демократ с 1908 г. В 1914-1919 гг. жил в Канаде. По возвращении в Германию присоединился к компартии. В 20-е годы был членом Политбюро ЦК. Участвовал в VI конгрессе Коминтерна и в ряде пленумов Исполкома Коминтерна. В сентябре 1928 г. снят с ответственных постов по обвинению в правом уклоне. В 30-е годы работал в Исполкоме Коминтерна, был представителем Коминтерна в странах Латинской Америки (под различными псевдонимами). В 1935 г. совместно с Л.К.Престесом пытался поднять мятеж в Бразилии. Был арестован и приговорен к длительному заключению. В 1945 г.

амнистирован и переехал в советскую зону оккупации Германии.

159. Торез Морис (1900-1964) -- деятель французского коммунистического движения. Член компартии с 1920 г. В 1930-1964 гг. генеральный секретарь партии. В 1928-1943 гг. член Исполкома Коминтерна, а затем Президиума Исполкома. В 1945-1947 гг. входил в правительство Франции. Один из ставленников Сталина в международном коммунистическом движении.

160. Бербэ Анри (1902-1966) -- деятель французского коммунистического движения. В 1926 г. стал генеральным секретарем Федерации коммунистической молодежи. В 1929 г. совместно с Пьером Селором образовал группу, конкурировавшую с руководством Тореза. В 1934 г. исключен из партии. Участвовал во Французской народной партии Ж.Дорио, с которым порвал в 1939 г. Участвовал в движении Сопротивления. После Второй мировой войны занялся журналистской деятельностью.

161. Селор Пьер (1902-1957) -- деятель французского коммунистического движения. Член компартии с 1923 г. В 1929 г. стал членом Политбюро и секретарем ЦК. В 1932 г. исключен из партии за оппозицию М. Торезу. Во время Второй мировой войны сотрудничал с немецкими оккупантами. В 1945 г. был заключен в тюрьму за коллаборационизм, в 1947 г. осужден на семь лет заключения. Освобожден в 1950 г.

162. Лозэрэ Анри (1898-1952) -- деятель французского коммунистического движения. Член компартии с 1920 г. Был одним из руководителей молодежной организации компартии. После оккупации Франции Германией в 1940 г. был заключен в тюрьму, затем находился в нацистском концлагере.

163. Дорио Жак (1898-1945) -- французский политический деятель. С 1920 г. коммунист. С 1923 г. генеральный секретарь Федерации коммунистической молодежи. Во второй половине 30-х годов один из руководителей компартии. В 1934 г. в результате конфликта с М. Торезом был исключен из партии. В 1936 г. основал Французскую народную партию, которая постепенно сблизилась с Национал-социалистической партией Германии. Во время оккупации Франции Германией был одним из наиболее видных коллаборационистов. Был инициатором формирования добровольческого легиона для участия в военных действиях на Восточном фронте. В 1924 г. бежал в Германию. Погиб во время авиационного налета союзников.

164. Бернар Альфред (1900-1944) -- деятель французского коммунистического движения. Член компартии с 1922 г. С 1925 г. член ЦК партии. Участвовал в VI конгрессе Коминтерна, выступал против тактики "класс против класса". В 1929 г. снят с ответственных постов. Позже порвал с компартией. В 1935 г. вступил в Социалистическую партию. Активно участвовал в движении Сопротивления. В 1944 г. был арестован оккупантами. Умер в заключении.

165. Рено Жан -- французский коммунист, делегат VI конгресса Коминтерна. На конгрессе не выступал. Сведений о нем обнаружить не удалось.

166. Кашен Марсель (1869-1958) -- деятель французского социалистического и коммунистического движения. В 1903-1920 гг. участвовал в

руководстве Социалистической партии. Один из основателей компартии в 1920 г. В 1918-1958 гг. был директором газеты "Юманите" (центрального органа партии). В 1924-1943 гг. был членом Президиума Исполкома Коминтерна.

167. Сема́р Пьер (1887-1942) -- деятель французского коммунистического движения. Генеральный секретарь компартии в 1924-1930 гг. Один из руководителей Унитарной всеобщей конференции труда. Арестованный в 1939 г., Сема́р был выдан германским оккупационным властям и казнен.

168. Креме́ Жан (1892-1973) -- деятель французского коммунистического движения. Член компартии с 1924 г. и секретарь профсоюза кораблестроителей. В 1926 г. был избран членом Президиума Исполкома Коминтерна. В 1927 г. был обвинен во Франции в шпионаже в пользу СССР. Бежал в СССР. Работал в Исполкоме Коминтерна. В 1928 г. был снят с ответственных постов в связи с политическими расхождениями с советским руководством и отказом осудить "объединенную оппозицию". В 1929 г. был послан с тайной миссией в Китай, где исчез при невыясненных обстоятельствах. Позже было установлено, что Креме взял себе новое имя (Габриэль Пейрэ), под которым много лет жил в Брюсселе.

169. Марти Андре (1886-1956) -- деятель французского коммунистического движения. Организатор революционного выступления французских моряков на Черном море в 1919 г. Был арестован. Освобожден в 1923 г. Коммунист с 1923 г. С 1925 г. член ЦК, с 1931 г. член Политбюро ЦК компартии. Во время гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. командовал интернациональными бригадами. В 1939-1943 гг. находился в Москве, затем в Алжире. В 1944 г. возвратился во Францию. В 1932 г. был обвинен во фракционности, в 1953 г. исключен из компартии.

170. Рекамон Жульен (1885-1966) -- деятель французского коммунистического движения. В 1922 г. участвовал в создании УВКТ. В 1926-1936 гг. генеральный секретарь этого объединения. Участвовал в движении Сопротивления. В 1944-1953 гг. секретарь Всеобщей конфедерации труда (ВКТ).

Монмуссо Гастон (1883-1960) -- французский политический деятель, коммунист с 1925 г. В 1926-1937 гг. был членом Исполбюро Профинтерна. В 1945-1960 гг. секретарь ВКТ.

САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) -- название США, часто фигурировавшей в литературе 20-х годов на русском языке.

Фостер Уильям (1881-1961) -- деятель коммунистического движения США. В 1909-1912 гг. был членом профсоюзного объединения "Индустриальные рабочие мира", в 1920-1929 гг. руководил Лигой профсоюзной пропаганды, связанной с компартией. В 1929-1941 гг. и с 1945 г. председатель ЦК (позже Национального комитета) компартии. С 1957 г. ее почетный председатель. В 1935-1943 гг. был членом Президиума Исполкома Коминтерна. Один из видных проводников сталинистского курса в международном коммунистическом движении. Автор многочисленных трудов по истории Американского континента, компартии США, международного рабочего движения, проникнутых коммунистическим догматизмом и искажениями действительности.

174. Речь идет о документах "Что же дальше?" (VI конгрессу

Ко-минтерна)", "Критика программы Коммунистического Интернационала" (см.: Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражен. М., Принтима, б.г., с. 19-233) и "Заявление Шестому конгрессу Коммунистического Интернационала" (см.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928. М., изд-во гуманит. л-ры, 1995, с. 90-105).

175. Эрколи (настоящая фамилия Тольятти) Пальмиро (1893-1964) -- деятель итальянского коммунистического движения. С 1926 г. генеральный секретарь компартии. С 1924 г. член Ис-полкома Коминтерна, с 1928 г. член его Президиума, с 1935 г. Секретариата. В 1926-1944 гг. находился в эмиграции (в 1940-1944 гг. в СССР). В 1944-1946 гг. участвовал в правительствах Италии. Был одним из наиболее активных сталинистов в между-народном коммунистическом движении. В 1964 г., перед смертью, выступил с критикой советской системы в документе, известном под названием "Памятная записка".

176. Речь идет о документе Л.Д.Троцкого "Что же дальше?Шестому конгрессу Коминтерна".

177. Речь идет о документе "Июльский пленум и правая опасность. (Послесловие к письму "Что же дальше?")" от 23 июля 1928 г. (см.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 127-135).

178. 9 января 1905 г. произошел расстрел мирной демонстрации рабочих Петербурга, организованной для вручения петиции царю Николаю II священником Г. Гапоном. В советской историографии события 9 января рассматривали как начало революции 1905-1907 гг. Американский историк Р. Пайпс пишет, что земский съезд в ноябре 1904 г. был российскими Генеральными Штатами, а Кровавое воскресенье -- российским Днем Бастилии (Pipes R. Concise History of the Russian Revolution. New York, Alfred A. Knopf, 1995, p. 38).

"Две тактики социал-демократии и демократической революции" -- брошюра В.И. Ленина (1905), обосновывавшая так-тику большевиков и подвергавшая острой критике меньшевист-скую тактику в условиях начавшейся в России революции. Ленин выдвигал положения о гегемонии пролетариата в демократической революции, союзе рабочего класса с крестьянством, о непрерывной революции, перерастающей в социалистическую. Во взглядах Ленина были черты сходства и отличия с теорией перманентной революции Парвуса, поддержанной Троцким. Основное отличие заключалось в большей акцептации Лени-ным роли крестьянства на ранних этапах революции.

Речь идет о депутатах земств (земских учреждений) -- вы-борных органах местного самоуправления (земские собрания и земские управы), которые были учреждены земской реформой 1864 г. К 1914 г. земства были образованы в 43 губерниях. Они руководили просвещением, здравоохранением, местным строительством и т. д. Избирались по трем куриям -- землевладельцев, владельцев городской недвижимости, представителей сельских сообществ. Губернаторы имели право отменять постановления земств. Из числа земских деятелей выдвинулись многие представители российского либерализма и просветители населения.

Гапон Георгий Апполонович (1870-1906) -- священник, харизматическая личность. В 1902 г. установил связь с полковником жандармерии С.В.Зубатовым, начальником Московского охранного отделения. Организовал Общество фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга, лояльное в отношении властей, а также несколько связанных с этой организацией профсоюзов (гапоновщина). Организация основывалась на христианских принципах. В конце 1901 г. Гапон включил в их программу политические требования либералов. Гапон был инициатором подготовки петиции рабочих царю и шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г., расстрелянного правительственными войсками. Было убито около 200 и ранено около 800 человек. После этого Гапон бежал за границу. В октябре 1905 г. возвратился в Россию, пытался установить связь с боевой организацией эсеров. Был убит рабочими-дружинниками.

Жоресизм -- взгляды Жана Жореса (1859-1914) -- французского социалиста, лидера правого крыла Социалистической партии, видного историка, автора крупного труда по истории французской революции 1789-1799 гг. Жорес активно боролся против милитаризма и войны. Был убит накануне Первой мировой войны.

Термин "Новая искра" неточен. Газеты под таким названием не было. "Искра" -- первая российская марксистская газета -- начала выходить в Лейпциге в декабре 1900 г., а затем выходила в Мюнхене, Лондоне, Женеве. Наряду с Лениным в редакцию входили Плеханов и другие члены группы "Освобождение труда". После II съезда РСДРП (июль-август 1902 г.) редакция оказалась в руках меньшевиков. Ленин ушел из "Искры". "Новая" "Искра" выходила до октября 1905 г.

"Наше слово" -- социал-демократическая газета, выходившая в Париже при активном участии Л. Д. Троцкого в январе 1915 -- октябре 1916 г. Была закрыта французскими властями.

Брошюра "Наша революция" Л. Д. Троцкого была выпущена в Петербурге в 1905 г., вскоре изъята властями и затем издана на русском языке в Нью-Йорке в 1918 г.

"Przegled Socialdemokratyczny" ("Социал-демократическое обозрение") -- журнал Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, выходивший в 1902-1904 и 1908-1910 гг.

Луи Наполеон Бонапарт (Наполеон III) (1808-1873) -- французский политический деятель, племянник Наполеона I. Используя недовольство населения, в основном крестьян, режимом Второй республики, созданной в начале революции 1848-1849 гг., развернув демагогическую кампанию, Бонапарт в декабре 1849 г. был избран президентом. В декабре 1851 г. совершил государственный переворот и установил единоличную власть. В декабре 1852 г. провозгласил себя императором и занимал трон до сентября 1870 г. Вел многочисленные войны. Во время войны с Пруссией 1870-1871 гг. сдался в плен под Седаном. Был низложен в результате революции в Париже.

Союз коммунистов -- формально международная, а по существу немецкая политическая организация (1847-1852). Союз коммунистов возник на базе Союза справедливых, после того как его возглавили К. Маркс и Ф. Энгельс.

Программой стал написанный ими "Манифест Коммунистической партии". Союз прекратил существование после организованного правительством Пруссии судебного процесса над его членами в г. Кельне.

Пятый "Ленинский сборник" вышел в 1936 г. под редакцией Л.Б.Каменева. Он содержал в основном материалы Ленина, связанные с революцией 1905-1907 гг.

Речь идет о докладе Ленина об участии социал-демократии во временном революционном правительстве на III съезде РСДРП 12 апреля 1905 г. В приводимой цитате масса ошибок. Цитата приведена в соответствии с официальной советской публикацией (Ленин В.И. Соч., изд. 5, т. 10, с. 131-132).

191. Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870-1928) -- советский партийный и государственный деятель, публицист. Социал-демократ с 1896 г. Был редактором газет "Известия", "Ленинградская правда", заместителем редактора "Правды". Автор догматических трудов по истории революционного движения, воинствующей и оскорбительной для чувств религиозных людей "Библии для верующих и неверующих". Был переводчиком на русский язык "Капитала" К. Маркса.

Цитата и сноска на нее искажены. Имеются в виду слова Троцкого: "Ленин дал еще накануне 1905 года своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" (Троцкий Л. Соч., серия 1. Историческое подготвление Октября, т. III, с. XVII).

В документе утрачено слово, начинающееся с буквы "Т". Фамилия Тышко восстановлена на базе других источников.

Статья В. И. Ленина "Цель борьбы пролетариата в нашей революции" была опубликована в газете "Социал-демократ" в марте 1909 г. Обосновывалась большевистская позиция о роли пролетариата в качестве вождя буржуазно-демократической революции, совместных действиях пролетариата и крестьянства и необходимости завоевания политической власти рабочим классом, содержалась полемика с меньшевиками и Л.Д.Троцким.

Всероссийский крестьянский союз -- массовая организация, существовавшая в 1905-1907 гг. Насчитывала около 200 тыс. членов. Программа включала национализацию земли и созыв Учредительного собрания. Союз поддерживал трудовую группу в Государственной Думе. После Февральской революции 1917 г. Всероссийский крестьянский союз был восстановлен эсерами. Выступал за демократическое углубление революции. Был разогнан после Октябрьского переворота 1917 г.

Трудовая группа (трудовики) -- демократическая фракция крестьян и народнической интеллигенции в Государственных Думах России. Программа

трудоустройство предусматривала национализацию земли, наделение земель бедных крестьян, введение демократических свобод. Издавали газету "Трудовой народ". В июне 1917 г. трудовики слились с народными социалистами.

Государственная Дума -- законосовещательный орган Российской империи в 1906-1917 гг. Была учреждена Манифестом царя Николая II 17 октября 1905 г. Дума рассматривала законопроект, которые затем обсуждались Государственным Советом и утверждались царем. Выборы проводились по четырем куриям -- землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей с различным представительством. Женщины, студенты, военно-служащие избирательных прав не имели. В первой Гос-думе (апрель-июль 1906 г.) было кадетско-либеральное большинство.

Битва под Каннами (2 августа 216 г. до н.э.) происходила возле селения Канны в юго-восточной Италии во время Второй Пунической войны Рима и Карфагена. Карфагенская армия Ганнибала умелыми фланговыми ударами окружила и уничтожила римскую армию.

Битва под Седаном произошла 1-2 сентября 1870 г. во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. Германские войска генерала Х. Мольтке разбили французскую армию маршала М. Мак-Магона. В плену оказался император Франции Наполеон III. 4 сентября в результате революции в Париже во Франции была провозглашена республика.

Аграрная программа 1904-х -- аграрный законопроект за подписью 104 членов Первой Государственной Думы, внесенный трудовиками 23 мая 1906 г. Выдвигалось требование создания "общенародного земельного фонда", в который должны были войти казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли, а также помещичьи земли, размеры которых превышали трудовую норму. Надельные и мелкие частновладельческие земли должны были лишь на время сохраниться за их владельцами, позже предусматривался и их переход в общенародную собственность. Аграрную реформу должны были проводить избранные местные комитеты.

Ганецкий Яков Станиславович (Якуб) (1879-1937) -- деятель польского социалистического, российского коммунистического движения. Один из руководителей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы в 1903-1909 гг. С 1907 г. тесно сотрудничал с Лениным, выполняя его тайные поручения. Был одним из связных Ленина во время первой мировой войны в получении денежных средств от германских властей. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные должности в наркоматах финансов, внешней торговли, иностранных дел. В 1935-1936 гг. работал директором Музея революции СССР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, а затем аналогичные советы в других городах России были созданы в ходе Февральской революции 1917 г. Вместе с Временным правительством до июня 1917 г. они осуществляли государственную власть (двоевластие). До I Всероссийского съезда советов (июнь 1917 г.) Петроградский совет руководил всеми советами страны.

Председателем и товарищем (заместителем) председателя соответственно были лидеры меньшевиков Н.С.Чхеидзе и М.И.Скобелев. Совет образовал контактную комиссию (в нее в разные периоды входили Чхеидзе, Суханов, Стеклов, Скобелев, Церетели, Чернов и др.), через которую осуществлял сотрудничество с Временным правительством. Фактической властью, однако, был не совет, а его Исполком, в котором доминировали интеллигентно-социалисты. 1 марта 1917 г. Исполкомом был издан Приказ № 1, фактически предоставивший власть в армейских частях солдатским комитетам и сыгравший большую роль в разрушении российской армии. После июльских событий 1917 г. советы были фактически лишены власти.

Речь идет о позиции Каменева и других большевистских лидеров в марте 1917 г., их курсе на условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него. Эта линия была прекращена в конце апреля 1917 г., после возвращения в Россию В.И.Ленина и Апрельской конференции большевиков, осудившей названный курс.

"Вперед" -- большевистская ежедневная газета, выходившая в Женеве в декабре 1904 -- январе 1905 г. Являлась органом Бюро комитетов большинства. Редактировал В. И. Ленин.

Речь идет о Шипове Дмитрие Николаевиче (1851-1920) -- российском политическом деятеле, лидере умеренных земцев, помещике, одном из руководителей партии октябристов (1905) и партии мирного обновления (1906), объединившей часть левых октябристов и правых кадетов. Был инициатором подготовки либерального конституционного проекта во время революции 1905-1907 гг. (1905). Проект принят не был. Шипов полагал, что в случае предоставления гарантированных гражданских прав у русского народа будет вытравлена религиозно-нравственная идея. С октября 1905 г. Шипов занимал пост государственного контролера в правительстве С. Ю. Витте. В 1906 г. выдвигался на пост главы правительства, но не принял этого предложения. С 1911 г. отошел от политики. В 1918 г. Шипов руководил Национальным центром -- нелегальным объединением правых партий и организаций, находившимся в Москве, с отделениями в Петрограде и других городах. Был арестован большевиками, затем освобожден.

Речь идет о "Neue Rheinische Zeitung" ("Новой Рейнской газете"), издававшейся К. Марксом в Кельне в июле 1848 -- мае 1849 г. Газета выступала за революционный путь объединения Германии в форме демократической республики, ликвидацию феодальных пережитков и стремилась объединить демократические и революционные силы в революции 1848-1849 гг. Прекратила выход из-за репрессий властей.

Меринг Франц (1846-1919) -- деятель германского социал-демократического движения, историк. В годы Первой мировой войны совместно с К. Либкнехтом и Р. Люксембург возглавлял леворадикальную группу "Спартак" (в 1918 г. Союз "Спартак"). Был одним из инициаторов создания компартии Германии на рубеже

1918-1919 г. Автор биографии К.Маркса, 4-томной "Истории германской социал-демократии" и других трудов.

Речь идет о политике, проводившейся российским государственным деятелем Столыпиным Петром Аркадьевичем(1862-1911), когда он, после пребывания на должности саратовского генерал-губернатора, стал председателем Совета министров (1906-1911). Под руководством Столыпина были сурово подавлены политический терроризм и аграрные беспорядки, проводились аграрная реформа, реформы местной администрации, местного суда и вероисповедания. Основным смыслом местных реформ состоял в отходе от сословного принципа, в создании всеобщей волости. Реформы носили ограниченный характер, причем правительство, выдвинув либеральные проекты, отступило, встретив сопротивление царского двора. После убийства Столыпина (убийцей был эсер-террорист, являвшийся одновременно агентом охраны) реформы были в основном прекращены.

Зимний дворец -- памятник архитектуры русского барокко Санкт-Петербурге. Построен в 1754-1762 гг. В.Растрелли. Являлся резиденцией императоров. В июне-октябре 1917 г. резиденция Временного правительства. С 1918 г. часть, а с 1922 г. все здание передано Эрмитажу и превращено в музей.

Смольный -- здание Смольного института благородных девиц, построенное Дж.Кваренги в 1806-1808 гг. В 1917 г. в здании находился Петроградский совет, а затем и Военно-революционный комитет. Во время Октябрьского переворота 1917 г. -- резиденция большевистского руководства. До 10 марта 1918 г. (переезда столицы в Москву) Смольный был резиденцией Совнаркома. Позже являлся резиденцией местных партийных органов.

Гордиев узел -- согласно древнегреческой легенде, запутанный узел, которым фригийский царь Гордий привязал ярмо дышло телеги. Оракул предсказал, что развязавший узел будет господствовать над миром. По преданию, в 334 г. до н.э. Александр Македонский в ответ на предложение распутать узел разрубил его мечом. Разрубить Гордиев узел -- значит быстро и смело решить запутанный вопрос.

Чхеидзе Николай Семенович (1864-1926) -- российский социал-демократ, один из лидеров меньшевиков. Депутат Третьей и Четвертой Государственных Дум. В 1917 г. председатель Петроградского совета, председатель Всероссийского Центрально-го Исполнительного комитета. В 1918-1921 гг. председатель Закавказского сейма, а затем Учредительного собрания Грузии. После оккупации Грузии советскими войсками эмигрировал.

Стеклов (настоящая фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович(1873-1941) -- участник российского революционного движения. Социал-демократ с 1893 г. Позже меньшевик. После Октябрьского переворота 1917 г. перешел к большевикам. Был редактором газеты "Известия" и других изданий. Автор трудов по истории революционного движения (о Н.Г.Чернышевском, М.А.Бакунине и др.). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

На полях написано: "Сталин!" Очевидно, имеется в виду, что Сталин на Апрельской конференции большевистской партии 1917 г. занимал позицию,

аналогичную позиции Каменева.

215. Ногин Виктор Павлович (1878--1924) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. В 1917 г. один из руководителей Московского совета. Нарком торговли и промышленности в первом советском правительстве. В 1918-1921 гг. заместитель наркома труда, с 1921 г. председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б).

Речь идет о коммунистической фракции ВЦСПС.

"Апрельские тезисы" В. И. Ленина -- тезисы доклада "О задачах пролетариата в данной революции", с которым Ленин выступил 4 (17) апреля 1917 г., прибыв в Петроград, на заключительном заседании всероссийского совещания большевиков. Формулировались политические и экономические лозунги, внутрипартийные и международные задачи, которые Ленин выдвигал перед большевистской партией в соответствии с его концепцией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в условиях двоевластия. Позиция Ленина вначале получила поддержку лишь части большевистского руководства. Совещание приняло резолюцию об условной поддержке Временного правительства, противоречившую "Апрельским тезисам". Полностью увлечь партию на свой курс Ленин смог на VII (Апрельской) всероссийской конференции РСДРП(б).

Так в тексте. Имеется в виду 1905 г.

Белая армия -- обобщенное название вооруженных сил "белого движения" -- антисоветских военных выступлений на территории России во время гражданской войны.

"Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности" -- книга В. И. Ленина (1899; дополненное издание 1908), посвященная социально-экономическому развитию и классовой структуре России последней трети XIX в. В книге подвергались критике теории народников и взгляды "легальных марксистов". На базе произвольно подобранных данных Ленин доказывал, что в России капитализм развивается в земледелии и в промышленности, выдвигал мнение, что роль пролетариата более значительна, чем его доля в массе населения.

Ипотечные банки -- банки, специализирующиеся на предоставлении досрочных ссуд под залог недвижимости. Ипотека (греч.) -- залог недвижимости для получения долгосрочной ссуды (ипотечного кредита).

Столыпинская аграрная реформа проводилась под руководством председателя Совета министров России Столыпина. Основными актами были законы от 9 ноября 1906 г. (разрешение крестьянам выходить из общины на хутора и отруба -- в первом случае с переносом усадьбы, во втором -- без него), 14 июня 1910 г. (об учреждении Крестьянского банка, предоставлении ему права скупки помещичьих земель и продажи их крестьянам мелкими участками) и 29 мая 1911 г. (о принудительном землеустройстве). Реформа предусматривала также переселение крестьян в восточные районы страны. Цель реформы состояла в стимулировании развития сельского хозяйства по капиталистическому пути, приобретении опоры правительству в лице зажиточного

крестьянства. Проводилась реформа непоследовательно, а после убийства Столыпина постепенно заглохла. К 1917 г. лишь около 10% крестьянских хозяйств превратились в самостоятельные фермерские предприятия.

223. Кривошеин Александр Васильевич (1857-1921) -- российский государственный деятель, министр земледелия России в 1908-1915 гг. Был также управляющим Дворянским и Крестьянским банками. Поддерживал тесные связи с посольством Франции в России. Руководил практическим проведением столыпинской аграрной реформы. После Октябрьского переворота 1917 г. вел активную борьбу против советской власти, в 1920 г. являлся главой правительства Юга России. По поручению генерала Врангеля вел переговоры с Францией относительно судьбы эмиграции и белой армии. В конце 1920 г. эмигрировал.

Дурново Петр Николаевич (1845-1915) -- российский государственный деятель консервативного направления. В 1884-1893 гг. был директором департамента полиции, в 1905-1906 гг. министром внутренних дел.

Ллойд Джордж Дэвид (1863-1945) -- британский политический деятель, лидер Либеральной партии. В 1905-1908 гг. министр торговли, в 1908-1915 гг. министр финансов и фактический руководитель правительства. Премьер-министр Великобритании в 1916-1922 гг. Автор нескольких мемуарных трудов, наиболее значительный из которых "Правда о мирных договорах", посвященный первой мировой войне и послевоенному устройству.

226. Речь идет о валлийском (уэльском) происхождении Д. Ллойда-Джорджа. Валлийцы относятся к кельтской группе индоевропейских народов. Родной язык валлийский. Большинство валлийцев говорят на английском языке.

Речь идет о II съезде РСДРП (июль-август 1903 г., Брюссель-Лондон), который принял программу и устав РСДРП. На съезде произошло размежевание между умеренным и радикальным направлениями, получившими соответственно названия меньшевиков и большевиков.

Речь идет о военно-промышленном концерне Великобритании Виккерс-Армстронг, основанном в 1867 г. Специализировался на производстве боевых машин. Первым начал выпуск танков. Значительную часть мощностей концерна в 20-е годы составляло производство боевых кораблей. После второй мировой войны концерн вошел в группу Роллс-Ройс. Производит реактивные летательные аппараты.

Шнейдеры -- предпринимательская группа во Франции, сложившаяся в XIX в. Центром группы был военно-промышленный концерн Шнейдер-Крезо, основанный в 1836 г. Охватывал черную металлургию, машино-, судостроение, автомобилестроение. Во второй половине XX в. позиции группы существенно ослабли.

Bank of England (Английский банк) -- государственный центральный эмиссионный банк Великобритании, основанный в 1694 г. В марксистской догматике рассматривался как символ британского капитализма (империализма).

Имеется в виду Объединенный стальной трест, основанный в 1926 г. путем объединения ряда крупных акционерных обществ Германии. В 1945 г. распущен союзными оккупационными властями. На базе Стального треста в следующие годы

были осно-ваны около 20 самостоятельных хозяйственных объединений.

Путиловский завод был основан в 1801 г. в Петербурге, позже был назван по имени инженера и предпринимателя Н.И.Путилова. В 1922-1934 гг. завод носил название "Красный путиловец", в 1934 г. был переименован в Кировский завод. Специализировался на выпуске тракторов и других сложных машин.

Балтийская верфь -- судостроительное предприятие в Ленинграде. В настоящее время Балтийский завод.

Мартов Л. (правильные фамилия, имя и отчество Цедербаум Юлий Осипович) (1873-1923) -- российский политический деятель, социал-демократ. Участвовал в социал-демократическом движении с 1895 г. С 1903 г. был одним из лидеров меньшевиков. В 1917-1918 гг. лидер меньшевиков-интернационалистов. В 1920 г. эмигрировал. Был одним из организаторов II / 2 Интернационала.

235. Чернышев Виктор -- московский партийный работник, участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. После исключения из ВКП(б) в 1928 г. был сослан в Кокчетав. Дальнейшая судьба неизвестна.

Речь идет о циркулярном письме Л. Д. Троцкого от 15 июля 1928 г. по поводу переписки оппозиционеров, связанной с VI конгрессом Коминтерна, колебаний и внутренних противоречий в верхах ВКП(б) и отношения к ним оппозиции (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 106-116).

Имеется в виду письмо К. Б. Радека И. Я. Врачеву.

238. Теплов -- участник объединенной оппозиции, ссыльный в г. Ишим. Сведений о нем обнаружить не удалось.

Автор документа неизвестен.

Так в тексте.

ВТС -- Всесоюзный текстильный синдикат.

ВКС -- Всесоюзный кожевенный синдикат.

243. "Бухаринской школой" называли группу учеников Н. И. Бухарина, в основном из числа слушателей, а затем преподавателей Института красной профессуры (большинство их окончило Институт красной профессуры в 1924 г.), которые одновременно занимали ответственные посты в идеологическом аппарате ВКП(б). Наиболее видными участниками "школы Бухарина" были А. Стецкий, В. Астров, Д. Марецкий, А. Айхенвальд, А. Слепков, Я. Стэн, А. Зайцев, И. Краваль, Е. Цейтлин, П. Петровский. "Школа" сложилась приблизительно в 1925 г. Ее участники регулярно встречались с Бухариным в неофициальной обстановке, в частности на квартире П. П. Постышева, жена которого была связана с "бухаринской школой". В 1928 г. началось удаление бухаринцев с ответственных постов, причем уже в это время Сталин наметил уничтожить бухаринских учеников. В 1932 г. большинство участников "бухаринской школы" были арестованы. Сам Бухарин отрекся от своих учеников, заявив, что они были наказаны справедливо. В свою очередь после ареста Бухарина его ученики давали против него клеветнические показания. Особенно нелепыми и зловещими показаниями отличался Астров. "Школа Бухарина" не была научной школой, то есть коллективом, выражающим идеи, которые приводят к созданию совместных основ научного творчества. В СССР сложилась другая тип школы в области

общественных наук -- группа учеников вокруг учителя и лидера. Важнейшим признаком "бухаринской школы" являлась приверженность ее участников политическим взглядам Н. И. Бухарина, которые были весьма противоречивыми и непоследовательными.

244. Комаров Николай Павлович (правильные фамилия, имя и отчество Собинов Федор Евгеньевич) (1886-1937) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1909 г. В 1925 г. был секретарем Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1926-1929 гг. председатель Ленинградского городского и губернского исполкомов. С 1931 г. нарком коммунального хозяйства РСФСР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

245. Чубарь Влас Яковлевич (1891-1939) -- советский государственный и партийный деятель. Социал-демократ с 1907 г. В 1918-1923 гг. работал в органах КП(б) Украины. С 1923 г. председатель Совнаркома Украины. В 1937-1938 гг. нарком финансов СССР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

246. Речь идет о беседе И. В. Сталина со слушателями Института красной профессуры, Коммунистической академии и Коммунистического университета им. Свердлова 28 мая 1928 г., опубликованной "Правдой" 2 июня 1928 г. (Соч., т. 11. М., Госполитиздат. 1949, с. 81-97). Основным смыслом заявлений Сталина состоял в том, что "затруднения в области хлебозаготовок" не случайны, что выход из создавшегося положения состоит в коллективизации сельского хозяйства, расширении совхозов и борьбе с кулачеством.

Шеболдаев Борис Петрович (1895-1937) -- советский партийный деятель. Большевик с 1914 г. В 1917-1918 гг. занимал посты в советских войсках в Закавказье. С 1920 г. на партийной работе. В 1928-1937 гг. был секретарем Нижневолжского, Северо-Кавказского, Азово-Черноморского, Курского обкомов партии. Имеются сведения, что Шеболаев был одним из главных инициаторов безуспешной попытки смещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б) и замены его Кировым. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Голощекин Филипп Исаевич (1876-1941) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в Красной Армии. В 1925-1933 гг. секретарь Казахского крайкома ВКП(б). С 1933 г. Главный государственный арбитр. Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Кабардинские выстрелы -- вооруженные выступления населения Кабардино-Балкарской автономной республики летом 1928 г. против "чрезвычайных мер" советской власти. Выступления были жестоко подавлены.

Так в тексте.

Клименко Иван Евдокимович (1891-1938) -- советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1912 г. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в партийных органах в Одессе и Киеве, а также в Красной Армии. В 1922-1924 гг. нарком земледелия Украины, в 1925-1927 гг. секретарь

ЦК КП(б)Украины. В 1927-1930 гг. председатель Тракторного центра и заместитель наркома земледелия РСФСР, затем заместитель председателя исполкома Сибирского края. Позже занимал второстепенные посты. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Медведев Алексей Васильевич (1884-1940) -- советский партийный и государственный деятель. В 1917 г. был членом Петроградского совета. Во время гражданской войны служил в Красной Армии. В 1922-1923 гг. председатель Центральной контрольной комиссии КП(б) Украины. В 1924-1930 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 30-е годы был членом Верховного суда СССР. Арестован в 1936 г. Умер в заключении.

Шверник Николай Михайлович (1888-1970) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1905 г. В 1923-1925 гг. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В 1925-1927 гг. секретарь Ленинградского, в 1927-1928 гг. Уральского обкомов партии. В 1929 г. председатель ЦК профсоюза металлистов. С 1930 г. первый секретарь ВЦСПС. С 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1953 г. председатель ВЦСПС. С 1956 г. председатель Комиссии партийного контроля КПСС.

После слова "прерывал" в документе пропуск.

В документе "свойственной".

Каминский Григорий Наумович (1895-1938) -- советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1913 г. В 1920 г. был секретарем ЦК компартии Азербайджана. Затем занимал различные должности в советском государственном аппарате. В 1932-1934 гг. председатель Московского облисполкома. С 1934 г. нарком здравоохранения РСФСР, с 1936 г. нарком здравоохранения СССР. В 1937 г. арестован и расстрелян без суда.

Одно слово написано неразборчиво.

Пропуск в тексте.

В тексте пропущена фамилия.

VI съезд компартии Китая (8 июня -- 6 июля 1928 г.) определил характер революции в Китае в качестве буржуазно-демократической, поставил задачи, соответствовавшие требованиям советского руководства, развернуть аграрную революцию, создать собственные вооруженные силы партии, начать создание советских районов.

Цюй Цюбо (псевдоним Страхов) (1899-1925) -- деятель китайского коммунистического движения, писатель. Член ЦК компартии с 1923 г. Генеральный секретарь партии в 1927-1928 гг. Член Исполкома Коминтерна с 1928 г. Автор стихов, переводов произведений русской литературы. Казнен гомиьндановскими властями.

В документе пропущена фамилия.

В документе "у Куусинена".

Одно слово неразборчиво.

Имеется в виду деятельность учетно-распределительно-го отдела ЦК ВКП(б), занимавшегося назначением и перемещением ответственных коммунистов

в партийных, государственных органах и общественных организациях.

266. Зайцев А.Д.-- советский партийный деятель. Участник "бухаринской школы". В 20-е годы член редколлегии газеты "Правда". В 1928 г. был снят со своего поста и направлен на низовую работу. В конце 1932 г. арестован. Расстрелян во время "большого террора".

Крумин (правильная фамилия Круминъш) Гарольд Иванович(1894-1943) -- советский партийный деятель. Большевик с 1909 г. С 1919 г. был редактором газеты "Экономическая жизнь", затем работал в аппарате ЦК ВКП(б). Летом 1928 г. после удаления из редколлегии газеты "Правда" сторонников Н.И.Бухарина был введен в состав редколлегии решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июля вместе с М. А.Савельевым в качестве сталинского надсмотрщика и до 1930 г. был заместителем главного редактора. Фактически возглавлял редакцию, хотя Бухарин формально оставался главным редактором. В высших партийных кругах Крумина называли "главной гончей стаи". Дальнейшая карьера неизвестна.

Савельев Максимилиан Александрович (1884-1939) -- советский партийный деятель. Социал-демократ с 1903 г. В 1920 г. сек-ретарь крайкома партии в Туркестане. В 1928-1930 гг. директор Института В.И.Ленина. С 1928 г. одновременно был членом ред-коллегии газеты "Правда". Главный редактор "Правды" в 1930 г. С 1932 г. председатель президиума Коммунистической академии. Академик с 1932 г. С 1936 г. заместитель директора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Автор апологетических работ по истории ВКП(б). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Криницкий Александр Иванович (1894-1937) -- советский государственный и партийный деятель. В 1924-1930 гг. был сек-ретарем ЦК КП(б) Белоруссии, Закавказского крайкома партии, заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1930-1935 гг. начальник политуправления МТС Наркомзема СССР. В 1935 г. секретарь Саратовского обкома партии. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Попов Николай Николаевич (1891-1938) -- советский партийный деятель. С 1906 г. меньшевик. В 1919 г. присоединился к РКП(б). Работал в центральном партийном аппарате на Украине. В 1933-1937 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. Автор апологетических трудов по истории ВКП(б). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Костров Тарас (настоящая фамилия Мартыновский А.С.) (1901-1930) -- литературный критик и публицист, во второй половине 20-х годов ответственный редактор газеты "Комсомольская правда". Статьи Кострова и позиция редактируемой им газеты воспринимались в конце 20-х годов как выражение воли Сталина.

Так в документе.

Лежава Андрей Матвеевич (1870-1937) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1904 г. В 1919-1920 гг. председатель Центросоюза. В 1921-1922 гг. заместитель наркома, в 1922-1924 гг. нарком внутренней торговли. В 1924-1930 гг. председатель Госплана РСФСР и заместитель

председателя Совнаркома РСФСР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Мильчаков Александр Иванович (1903-1973) -- советский партийный деятель. Член РКП(б) с 1919 г. С 1919 г. был секретарем Сибирского, затем Юго-Восточного бюро ЦК РКСМ. С 1925 г. секретарь ЦК ВЛКСМ. Затем находился на партийной работе. В 1937 г. арестован и более 18 лет провел в тюрьмах, концлагерях и ссылке. В 1956 г. реабилитирован и возвратился в Москву. Автор воспоминаний о своей работе в комсомоле.

Пакт Келлога (пакт Бриана-Келлога), названный по имени государственного секретаря США Френка Биллинга Келлога и министра иностранных дел Франции Аристиде Бриана, был подписан 27 августа 1928 г. в Париже 15 государствами (США, Франция, Германия, Великобритания, Япония и др.). Пакт предусматривал отказ от войны как орудия национальной политики. После подписания СССР был приглашен принять участие в пакте. Правительство СССР, заинтересованное в улучшении отношений с западными державами, серьезно нарушенными в первой половине 1928 г., и рассчитывавшее с их помощью преодолеть тяжелый экономический кризис, начавшийся в конце 1927 г., приняло предложение и ратифицировало пакт.

Так в тексте. Имеется в виду не "стремится усилить", а "должен ослабить".

Речь идет о манифесте ЦИК СССР к 10-летию Октябрьской революции.

Замечания Л. Д. Троцкого по поводу тезисов К. Б. Радека см.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 116-123. Датированные 17 июля 1928 г., замечания содержит анализ тезисов, направленных Радеком VI конгрессу Коминтерна. Сущность упреков состояла в том, что Радек фактически идет на примирение со сталинской "центристской" группой, стоявшей во главе партии. В частности, по поводу теории построения социализма в одной стране, тезисы, как полагал Троцкий, содержали утверждение, что это "хвост", который надо ликвидировать. "Выходит так, что из центристской обезьяны уже родился полностью марксистский человек с одним только органом -- "хвостом"" (там же, с. 120).

Так в тексте.

Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) существовали на предприятиях России с марта 1917 г. до 1919 г. Осуществляли контроль над производством, вводили восьмичасовой рабочий день, участвовали в найме и увольнении рабочей силы и т. д. В первые месяцы 1919 г. большевистские власти, опасаясь влияния фабзавкомов, подчас выходявшего за пределы партийных директив, слили их с профсоюзами. Традиционно органы первичных профсоюзных организаций часто продолжали называть фабзавкомами.

Сведений об участнике оппозиции Нечаеве, работавшем до ссылки в с. Колпашево в Ленинграде, обнаружить не удалось. Его не следует путать с Н. В. Нечаевым.

Так в тексте.

Имеется в виду поражение революционных выступлений в Германии в 1923 г.
Речь идет о диалектическом "снятии", разработанном в философии Гегеля, как преодолении противоречия, являющегося внутренним источником любого развития, восхождения от абстрактного к конкретному и от низшего к высшему. Это развитие у Гегеля осуществляется по триаде -- тезис, антитезис, синтез, означающей новое единство, отрицание отрицания, то есть "снятие".

По-видимому, Радек ошибся в дате. Речь идет о подготовительной работе к созданию платформы оппозиции, образовавшейся в 1926 г.

Абрамский -- работник Харьковского губернского комитета комсомола в первой половине 20-х годов, член РКП(б) с 1925 г. В середине 20-х годов студент Харьковского института народного хозяйства. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В конце 1927 г. исключен из партии и сослан в г. Рубцовск. Дальнейшая судьба неизвестна.

Так в тексте.

Имеется в виду центральный печатный орган ВКП(б) газета "Правда".

Документ Л.Д.Троцкого "Что же дальше?", адресованный VI конгрессу Коминтерна, см.: Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. Великий организатор поражений, с. 19-63.

Письмо Л. Д. Троцкого от 20 июля 1928 г. в архиве отсутствует. Критика Троцким позиции Радека содержится в документе "По поводу тезисов тов. Радека" от 17 июля 1928 г. (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 116--123).

Автор ошибся. Речь идет о Ф. Н. Дингельштедте.

Так в тексте.

Так в тексте.

Ликвидаторы -- сторонники направления в РСДРП, возникшего в 1907 г., главным образом в среде меньшевиков, которые выступили за ликвидацию или ограничение нелегальной партийной деятельности и преобразование РСДРП в открыто действующую партию по образцу западноевропейских социал-демократических партий. Издавали журнал "Наша заря". Пятая конференция РСДРП (1908 г.) осудила ликвидаторство.

295. "Детская болезнь "левизны" в коммунизме" -- брошюра В.И.Ленина (1920), написанная в ходе подготовки ко II конгрессу Коминтерна и посвященная тактике компартий, которые, по мнению автора, должны были овладеть опытом большевиков и, следовательно, учиться у самого Ленина и действовать по его указаниям. Ленин подверг критике крайние, ультралевые группы в компартиях и выступил за участие коммунистов в парламентах, профсоюзах, стоящих на реформистских позициях, за возможность компромиссов. Однако эти внешние уступки умеренной линии были подчинены главной цели -- подготовке международной революции. Любая конструктивная работа в учреждениях буржуазного государства рассматривалась Лениным как оппортунизм и предательство.

Видимо, имеется в виду А. Г. Ищенко.

В брошюре Л. Д. Троцкого "Новый курс" (1924) вошли несколько статей,

опубликованных перед этим в "Правде". Брошюра была созвучна обращениям Троцкого в ЦК РКП(б) осенью 1923 г. с критикой бюрократического перерождения партийного аппарата и требованиями его обновления и омоложения. Эти требования и составляли суть "нового курса", предлагаемого Троцким. В то же время в брошюре была глава, в которой Троцкий признавал свои ошибки в дооктябрьский период (лозунг перманентной революции, критику большевиков и т. д.). Письмо Л.Д.Троцкого партийному историку и публицисту М.С.Ольминскому от 6 декабря 1921 г. было ответом на вопрос Ольминского о целесообразности публикации писем Троцкого одному из лидеров меньшевиков Н.С.Чхеидзе (известно лишь одно его письмо Чхеидзе с резко отрицательной оценкой Ленина (1913). Непосредственной причиной написания письма Чхеидзе было продолжение издания большевиками газеты "Правда", несмотря на то, что Троцкий указал на неэтичность в заголовке этого издания повторять название его газеты, выходившей в Вене. Письмо было перехвачено полицией и обнаружено советскими властями после Октябрьского переворота. Троцкий возражал против публикации, статьи, отмечая, что письмо писалось "под впечатле-

нием минуты" (The Trotsky's Papers. 1917--1922. The Hague, Paris, Mouton, 1971, vol. 2, p. 642). Троцкий заявлял, что в оценке большевизма и меньшевизма он тогда был неправ и рассчитывал на сближение обеих фракций. Письмо было опубликовано Ольминским в книге "Ленин о Троцком и троцкизме" (1925) и широко использовалось в кампании дискредитации Троцкого.

Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815-1898) -- канцлер Пруссии, а затем первый рейхсканцлер Германской империи (1871-1890). Под руководством Бисмарка было осуществлено объединение Германии вокруг Пруссии.

Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 7-12 февраля 1927 г. рассмотрел доклады Куйбышева и Кржижановского о капитальном строительстве в промышленности в 1926-1927 гг., Микояна и Куйбышева о снижении отпускных и розничных цен, Брюханова о государственном бюджете на 1926-1927 гг., Калинина о ходе пере-выборов советов и предстоящих съездах советов СССР и РСФСР. Существенного политического значения пленум не имел.

Речь идет о циркулярном письме Л.Д.Троцкого от 9 мая 1928 г.

Шейдеман Филипп (1865-1989) -- германский политический деятель, социал-демократ. Член правления Социал-демократической партии с 1911 г. В ноябре 1918 -- феврале 1919 г. сопредседатель Совета народных уполномоченных (правительства), в феврале-июне 1919 г. глава правительства. После прихода нацистов к власти эмигрировал.

Речь идет о группе "Спартак" (Союзе "Спартака").

Так в тексте.

Так в тексте.

Имеются в виду чрезвычайные меры в принуждении крестьян сдавать хлеб государству.

Имеются в виду психологические повороты в поисках человеческой гармонии,

характерные для романов русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821-1881). В молодости Достоевский участвовал в революционном кружке М.В.Петрашевского, в 1849 г. был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой (1850-1854) и службой в армии рядовым (1854-1859). Главные произведения Достоевского -- романы "Преступление и наказание", "Идиот", "Братья Карамазовы", "Бесы". Творчество Достоевского оказало глубокое влияние на русскую и мировую литературу, однако в большевистских кругах к нему относились с враждебным недоверием, а роман "Бесы" приравнивался к "антисоветской пропаганде".

307. Платон (428 или 427 -- 348 или 347 до н.э.) -- древнегреческий философ, ученик Сократа. Согласно учению Платона, идеи (прежде всего идея Бога) -- вечные прообразы вещей, изменчивого бытия. Вещи -- отражение идей. По Платону, идеальное государство -- иерархия трех сословий: правителей-мудрецов, воинов и чиновников, крестьян и ремесленников. Платоном была основана философская академия (школа), просуществовавшая почти тысячелетие. Выражение "Платон мне друг, но истина дороже" является символом принципиальности в споре, не смотря на авторитеты.

Так в тексте.

Фамилия написана неразборчиво.

310. В документе ошибка. Речь идет о резолюции политбюро ЦК и президиума ЦКК РКП(б) от 5 декабря 1923 г.

Имеется в виду обращение ЦК ВКП(б) от 3 июня 1928 г.

На этом текст обрывается.

По-видимому, речь идет о Е. А. Преображенском.

Речь идет о II Интернационале.

315. Речь идет о Мильеране Александре (1859-1943) -- французском политическом деятеле. В конце XIX в. он был одним из руководителей социалистического движения. В 1899 г. вошел в состав правительства Вальдека-Руссо в качестве министра. Этот "казус Мильерана" (первое в истории вхождение социалиста в буржуазное правительство), который и породил термин "мильеранизм", вызвал острую борьбу тенденций международного социалистического движения. Левые течения остро осуждали этот поступок как форму политического сотрудничества с буржуазией. В 1904 г. Мильеран был исключен из Французской социалистической партии и продолжал политическую деятельность как независимый. В 1920-1924 гг. был президентом Франции.

316. Анархо-синдикализм получил широкое распространение в французском рабочем движении в начале XX в. Под влиянием анархо-синдикалистских воззрений находилось основное профсоюзное объединение страны Всеобщая конференция труда, основанная в 1895 г.

317. Слащов Яков Александрович (1885-1929) -- один из организаторов вооруженной борьбы против советской власти во время гражданской войны, генерал-лейтенант. Командовал корпусом деникинской, затем врангелевской армии, был начальником обороны

Крыма. Отличался крайней суровостью во время "крымского сидения", будучи фактически кровавым диктатором полуострова. После разгрома Врангеля эмигрировал в Турцию. В 1921 г. возвратился в Россию, признав вину перед советской властью, был амнистирован. Служил в Красной Армии, преподавал в военных учебных заведениях. Был убит по личным мотивам.

Гоц Абрам Рафаилович (1882-1940) -- российский политический деятель, эсер. С 1906 г. был членом эсеровской боевой организации. В 1907-1917 гг. находился на каторге и в ссылке. В 1917 г. на I Всероссийском съезде советов был избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. После Октябрьского переворота 1917 г. был членом ан-тибольшевистского Комитета спасения родины и революции. В 1922 г. на судебном процессе руководителей эсеров приговорен к заключению. Позже был амнистирован. Занимал второ-степенные хозяйственные посты.

Несколько слов отсутствуют.

Школы фабрично-заводского ученичества (фабзавуч) существовали в 1920-1958 гг. для подготовки рабочих различных профессий. Для учащихся школ бронировались производственные места на предприятиях.

Рабоче-крестьянская инспекция (Рабкрин, РКИ) -- наркомат, орган госконтроля в РСФСР, затем в СССР в 1920-1934 гг. С 1923 г. составляла слитный орган с Центральной контрольной комиссией РКП(б), позже ВКП(б), демонстрируя этим единство партийной и государственной машины. РКИ осуществляла контроль за органами хозяйственного и государственного управления в тех пределах, в каких это допускалось партийными властями и в соответствии с их конкретным курсом в каждый период. Была тесно связана с карательными органами, по существу являясь ответвлением ОГПУ.

Одно слово неразборчиво.

После ряда подготовительных мер, в частности обработки секретарей местных парткомов, вначале в виде эксперимента, а затем стабильно в августе 1925 г. в СССР была введена государственная монополия на производство и продажу крепких спиртных напитков, которая обычно именовалась водочной монополией. Введение водочной монополии мотивировалось необходимостью получения средств на развитие индустрии. Сталин позже заявлял: "Вопрос стоял так -- кабала иностранного капитала, или введение водки" (Сталин И. Соч., т. 9. М., Госполитиздат, 1948, т. 9, с. 192). Л. Д. Троцкий выступал против введения водочной монополии на ноябрьском пленуме ЦК РКП(б) 1924 г., а затем критика водочной монополии, обеспечивавшей значительную часть дохода государственного бюджета ("пьяный бюджет"), стала неотъемлемой частью документов объединенной оппозиции. В платформе оппозиции утверждалось, что "государственная промышленность теряет от водки не меньше, чем получает от водки бюджет, и в несколько раз больше, чем сама промышленность получает из бюджета" (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. Benson, Vermont,

Chalidze Publications, 1988, т. 4, с. 138).

Так в тексте. Имеется в виду "распределяется".

Нарпит -- профессиональный союз работников народно-го (общественного питания).

Союз совторгслужащих (Союз советских торговых служащих) -- профессиональный союз, существовавший в 20--30-е годы.

Рабпрос (Союз работников просвещения) -- профессио-нальный союз работников начальной, неполной средней и сред-ней школы, профессиональных учебных заведений и вузов, су-ществовавший в СССР в 20--30-е годы.

Симбирский -- участник объединенной оппозиции, ссыль-ный в г. Бирске, Башкирской АССР. Судьба неизвестна.

Рязанов (настоящая фамилия Гольдендах) Давид Борисович(1870-1938) -- советский партийный деятель и историк. Соци-ал-демократ с 1889 г. Был тесно связан с Л.Д.Троцким. В 1917 г."межрайонец", а затем член большевистской партии. В 1921-1930 гг. директор Института Маркса-Энгельса. В 1931 г. исклю-чен из ВКП(б) по обвинению в связи с заграничным центромменьшевиков, а затем сослан. Арестован во время "большоготеррора" и расстрелян без суда. Рязанов сыграл большую роль в собирании и научно-технической обработке документов Марк-са и Энгельса, а также документов по истории революций и ре-волюционных движений XVII--XIX вв.

330. Лившиц Борис -- участник объединенной оппозиции в Моск-ве. В 1928 г. после исключения из ВКП(б) был сослан в Тулунский округ (Восточная Сибирь). Судьба неизвестна.

331. О характере дискуссии между Троцким и Преображен-ским по вопросу о Китайской революции можно судить по пись-мам Троцкого Преображенскому, написанным в марте-апреле 1928 г. (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 10-13, 26-36). Троцкий полагал, что новая стадия событий в Китае "обнару-жила бессодержательность лозунга буржуазно-демократической революции". Возражая Троцкому, Преображенский писал о "ко-лоссальной проблеме аграрного буржуазно-демократическогопереворота" в Китае.

Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866-?) -- рос-сийский политический деятель. Один из лидеров крайне пра-вых шовинистических организаций "Союз русского народа"и "Союз Михаила Архангела". Правый депутат Первой и Вто-рой Государственных Дум. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. Дальнейшая судьба неизвестна.

"Наша заря" -- еженедельный легальный журнал меньшевиков. Выходил в Петербурге в 1910-1914 гг. Редактор А.Н.Потресов.

Организационный комитет -- руководящий центр меньше-виков, созданный в 1912 г. Издавал журналы "Наша заря", затем "Дело", газеты "Рабочее утро", затем "Утро". Функционировал до выборов ЦК меньшевистской партии в августе 1917 г. Суще-ствовал также Заграничный секретариат Организационного ко-митета.

Я ставлю этот вопрос потому, что во время одной дискуссии в Москве по выдвинутому Л.Д.[Троцким] вопросу некоторые противники его точки зрения доказывали, что рев[олюцион-но]-дем[ократическая] диктатура пролетариата и крестьянства по Ленину может совсем не означать блока с м[елко]-б[уржуазны-ми] партиями: пролетарская партия одна может осуществлять эту демократическую диктатуру. -- Примеч. автора.

"Письма о тактике" В. И. Ленина представляют собой пре-дисловие и письмо No 1 "Оценка момента" (Ленин В.И. Соч., изд. 5, т. 31, с. 131-144). Документ был напечатан в апреле 1917 г. и содержал развитие некоторых положений "Апрельских тезисов" и полемику с Л. Б. Каменевым об оценке характера революции в России.

Ссылки даются не на третье, а на первое издание сочинений В. И. Ленина.

Народно-социалистическая партия (энэсы) -- политическая партия России, выделившаяся из среды эсеров (1906-1918). Программа партии предусматривала создание республики, отчуждение помещичьих земель за выкуп при сохранении крупной крестьянской земельной собственности. Лидерами были Н.Ф.Анненский, В.А.Мякотин, А.В.Пешехонов. Партия издавала журнал "Народно-социалистическое обозрение" и газету "Народное слово". В июне 1917 г. было провозглашено ее объединение с трудовиками под названием "Трудовая народно-социалистическая партия". Партия выступила против Октябрьского переворота 1917 г. Была распущена советским правительством. Представители народных социалистов участвовали в борьбе против советской власти.

Хвостов Александр Николаевич (1872-1918) -- министр иностранных дел России (1915-1916). Председатель фракции правых в IV Государственной Думе. Расстрелян ВЧК.

Эту формулировку могут взять под сомнение, т[ак] к[ак] она имеется в записи участника совещания, в которой могла быть допущена ошибка. Но из следующей приводимой мной в тексте цитаты видно, что она могла вполне принадлежать Ленину, ибо он говорит о Советах раб[очих] и солд[атских] деп[утатов], отождествляя их с Парижской коммуной. - Примеч. автора.

Implicite -- подразумеваемый (фр.)

"Межрайонцы" (Междурайонная комиссия, Междурайонный комитет, Междурайонная организация объединенных социал-демократов -- в разных документах их организации называ-ется по-разному) -- социал-демократическая группа в Петербурге(Петрограде), существовавшая в 1913-1917 гг. В организацию входили левые социал-демократы, по разным причинам организационно не связанные ни с большевиками, ни с меньшевиками. После Февральской революции 1917 г. лидеры "межрайонцев" (Л.Д.Троцкий и др.) заявили об идентичности их взглядов с позицией большевиков. На VI съезде партии большевиков (июль-август 1917 г.) "межрайонцы" были приняты в большевистскую партию.

Декабрьское восстание 1905 г.-- ряд вооруженных выступлений в конце 1905 г., после которых первая русская революция стала ослабевать. Выступления

имели место в Москве, Новорос-сийске, Харькове, Екатеринославле, городах Донбасса, Красно-ярске, Чите и др. Выступления были легко подавлены правительственными войсками.

Северный поход был начат Народно-революционной армией Китая под руководством Чан Кайши в июле 1926 г. с целью установления власти Кантонского правительства над всем Китаем. К концу 1926 г. были заняты провинции Хунань, Хубэй, Цзян-си, Фуцзянь, в марте 1927 г. Шанхай, затем Нанкин. Поход завершился переворотом Чан Кайши в апреле 1927 г. и формированием Национального правительства.

Речь идет о попытке наступления русской армии, предпринятой по приказу военного министра А.Ф.Керенского от 18 июня 1917 г. В условиях морально-политического и организационного разложения армии наступление окончилось провалом.

Само собою разумеется, что эту "концепцию" разделяет Мартынов. Между прочим, мне кажется, что политическая биография этого человека должна привлечь к себе особенное внимание. В самом деле. Он пришел к народолюбцам в период начала их эпигонского вырождения (середина 80-х годов).

К марксизму и социал-демократии он приходит для того, чтобы возглавить сползание части социал-демократов с позиции группы "Освобождение труда" и ленинского "Петербургского союза борьбы" на позиции оппортунистического экономизма. Затем этот вчерашний антиискровец приходит к "Искре" (фактически к новоискровцам) в тот момент, когда оставшиеся ее руководители сползают со староискровских позиций. Здесь оставаясь, как на вторых ролях (вне редакции "Искры"), он фактически в своих "Двух диктатурах" дает платформу оппортунистическо-соглашательской тактики меньшевиков в революции 1905 г. Затем этот вчерашний меньшевик, наиболее злостный антибольшевик приходит к большевикам в тот опять-таки момент (1923 г.!), когда их эпигонствующие руководители уже сползают с большевистских позиций. Оставаясь и здесь на вторых ролях (вне Политбюро и Президиума Коминтерна), он фактически вдохновляет борьбу против большевистской части партии, в своих статьях и выступлениях дает платформу оппортунистическо-соглашательской тактике сталинцев и в китайской революции... Действительно, нечто роковое сопровождает эту фигуру. -- Примеч. автора.

Упомянутая в примечании группа "Освобождение труда" -- первая русская социал-демократическая организация, основанная в 1883 г. в Женеве Г. В. Плехановым (другие руководители П.Б.Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И.Засулич, В.Н.Игнатов). Группа начала пропаганду марксизма, критиковала народничество и другие социалистические теории, которые, по мнению Плеханова, не соответствовали идеям марксизма ("экономизм", бернштейнианство). Переводились и издавались работы Маркса и Энгельса, писались брошюры по марксистской теории. Группа участвовала в подготовке II съезда РСДРП (1903), на котором объявила о самороспуске. Петербургский "Союз борьбы за

освобождение рабочего класса" был основан в 1895 г. и объединил около 20 марксистских кружков. После ареста Ленина в конце 1895 г. в Союзе возобладали "экономисты", выступавшие за концентрацию внимания социал-демократов на организации экономических выступлений.

Имеется ввиду заключительное слово Бухарина по во-просу о программе Коминтерна на VI конгрессе Коминтерна.

Лядов (настоящая фамилия Мандельштам) Мартын Никола-евич (1872-1947) -- участник российского революционного дви-жения. Социал-демократ с 1893 г. В 1909 г. был исключен изРСДРП как отзовист. В 1920 г. восстановлен в партии. Вел науч-ную и преподавательскую работу в области истории партии. В 1927-1930 гг. был членом Центральной ревизионной комиссии ВКП(б).

Семашко Николай Александрович (1874-1949) -- советскийгосударственный деятель. Социал-демократ с 1893 г. В 1918-1930 гг. нарком здравоохранения РСФСР. Позже находился напреподавательской работе, руководил научно-исследовать-скими институтами в области здравоохранения. Академик Ака-демии медицинских наук (1944).

Автор документа неизвестен.

Видимо, имеется ввиду публикация резюме речи Бухари-на при открытии V конгресса Коммунистического Интернацио-нала молодежи 21 августа 1928 г. Выступления других партий-ных деятелей были помещены полностью. В конце 20-х годов "Комсомольская правда" широко использовалась Сталиным дляпубликации материалов, которые, по его мнению, в "Правде"публиковать было нецелесообразно, в частности для нападков наБухарина (косвенно), Томского (почти прямо) и их сторонни-ков в тот период, когда их принадлежность к "правым уклонис-там" еще официально не объявлялась. В этом смысле редакторгазеты Т.Костров был "доверенным лицом" Сталина. Однаколетом 1929 г. газета вызвала гнев генсека в связи с публикациейв ней статей Л.Шацкина "Долой партобывательщину" (18 июня)и Я.Стэна "Выше коммунистическое знамя марксизма" (27 ию-ля). Сталин, по-видимому, счел, что Костров зашел слишком да-леко в проведении лозунга "самокритики". Публикация статейШацкина и Стэна была оценена Сталиным в письме Молотовуот 29 июля 1929 г. то ли как глупость, то ли как вызов ЦК. Осо-бое негодование вызвало выступление Стэна тем, что тот, яко-бы, оценивал подчинение комсомола партии как карьеризм, не-дооценивал железную дисциплину в партии и вел дело к еепревращению в дискуссионный клуб. Сталин заявлял, что "груп-па Шацкина-Стэна" пытается превратить газету в свой "боевойорган" (Stalin's Letters to Molotov. 1925--1936. New York, YaleUniversity Press, 1995, p. 162). 15 августа решением политбюроЦК ВКП(б) пост главного редактора "Комсомольской правды"был ликвидирован и был утвержден новый состав редколлегии. Можно предположить, что безвременная смерть Т. Кострова, скончавшегося в 1930 г. в возрасте 29 лет, была прямо связанас его травлей.

352. "Большевик" -- завод точного машиностроения в Киеве. Основан в 1882 г. как завод общества "Гретер и Криванек". Пе-реименован в 1922 г. Значительную часть продукции составлялооборудование для химической

промышленности.

Киевский завод "Арсенал" -- завод тяжелого машиностроения, основанный в 1764 г. в качестве предприятия, производившего оружие и снаряжение.

Минц Семен -- рабочий из Харькова, член большевистской партии с 1917 г. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В конце 1927 г. был исключен из партии и затем сослан в пос. Красный Яр Астраханской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Так в тексте. Во всем тексте документа слово "собрание" написано с большой буквы, включая и данный курьезный случай. Корявый стиль письма сохранен без оговорок.

ГСПС-- губернский совет профсоюзов.

Далее сохранена авторская аббревиатура -- СП.

ЕПО-- единое потребительское общество.

Речь идет о Григорьеве Николае Александровиче (1894-1919) -- штабс-капитан русской армии во время Первой мировой войны, перешедшем после Октябрьского переворота 1917 г.к большевикам. В 1919 г., будучи начальником украинской советской дивизии, поднял мятеж против советской власти, охвативший Харьковскую и Екатеринославскую губернии. После разгрома мятежа бежал к махновцам и был ими убит.

Продовольственные отряды (продотряды) -- вооруженные террористические отряды (1918-1921), организованные большевиками из городских рабочих с привлечением бедных крестьян и деклассированных элементов для насильственной конфискации хлеба у крестьян. Половину хлеба получала организация, сформировавшая продотряд.

Автор документа неизвестен.

На III конгрессе Коминтерна (1921) обсуждались итоги революционных выступлений в Средней Германии (Саксония, Тюрингия) в марте 1921 г. При обсуждении выдвигалась концепция, выраженная деятелями некоторых компартий (в частности, венгром Б. Куном и немцем А. Тальгеймером), согласно которой Коминтерн завершил период собирания сил и переходит к периоду действий. Большинство конгресса пошло вслед за Лениным, который оценил эту концепцию, получившую название "теории наступления", как "левацкое" забегание вперед и политический авантюризм.

"В Европе" -- написано неразборчиво. Восстановлено по тексту: Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений, с. 129.

Несколько слов неразборчивы.

Речь идет о политической ситуации в Германии, последовавшей за внезапной смертью президента социал-демократа Ф.Эберта 28 февраля 1925 г. На состоявшихся 26 апреля 1925 г. выборах президентом был избран кандидат правых партий фельдмаршал П. Гинденбург, получивший 14,7 млн голосов. За кандидата центристских партий В.Маркса проголосовало 13,8 млн и за кандидата

коммунистов Э. Тельмана -- 1,9 млн избирателей.

Речь идет о VIII пленуме Исполкома Коминтерна.

Одно слово неразборчиво.

"... России" -- явная описка.

Речь идет о руководимом коммунистами революционном выступлении в Кракове осенью 1923 г., которое было подавлено властями.

Костржева Вера (настоящие фамилия и имя Кошутская Мария) (1871-1939) -- деятельница польского социалистического и коммунистического движения. Социалистка с 1902 г. Один из руководителей ППС-Левицы (левой Социалистической партии). В 1918-1930 гг. член политбюро ЦК компартии Польши (с перерывами). С 1930 г. жила в СССР. Вела исследовательскую работу в области истории польского рабочего движения. Арестована во время "большого террора" и расстреляна без суда.

Автор цитирует (с незначительным изменением) стихотворение Г. Гейне "Доктрина" (1844). Вот первое четверостишие этого стихотворения: "Бей в барабан и не бойся беды, /Целуй маркитантку смелей -- /Вот смысл высочайший искусства, /Вот смысл философии всей".

Все развитие Польши за последние 1-2 гг. свидетельствует о назревании там массовой революционной борьбы, точно так же как все развитие компартии Польши за это время свидетельствует о том, что руководство прозревает этот момент и окажется неспособным использовать революционную ситуацию, как это случилось в свое время с болгарским, германским, английским, австрийским и китайским руководством. Можно несомневаться, что, если это случится, Бухарин предложит резолюцию, осуждающую польское руководство, нарушающее "великолепные директивы" ИККИ и возлагающую ответственность на польских коммунистов за поражение... -- Примеч. автора.

Так в тексте, из которого получается, что кризис 1925-1926 гг. начался в конце 1926 г.

Гинденбург Пауль фон (1847-1934) -- германский генерал-фельдмаршал и политический деятель. Во время Первой миро-

вой войны командовал войсками Восточного фронта, с августа 1916 г. начальник Генерального штаба и фактический главнокомандующий. В 1925-1934 гг. президент Германии (повторно избран в 1932 г.). 30 января 1933 г. образлвал правительство во главе с А. Гитлером.

375. Правительство Левого блока (радикал-социалисты, республиканские социалисты, Социалистическая партия) было образовано в мае 1924 г. после парламентских выборов. В 1924-1925 г. правительство возглавлял

Эдуар

Эррио. Его правительство провело некоторые реформы (частичную амнистию политзаключенных, признание права государственных служащих объединяться в профсоюзы и др.) При преемниках Эррио (с апреля 1925 г.) были подписаны

Локарнские договоры 1925 г., гарантировавшие только западные границы Германии, что подрывало доверие к союзническим обязательствам Франции со

стороны Польши и Чехословакии. Колониальные войны в Марокко и Сирии обострили противоречия между партиями блока и его распад. В июне 1926 г. к

власти пришло правоцентристское правительство национального единения во главе с Раймоном Пуанкаре.

Кампания за конфискацию княжеских ценностей в Германии проводилась в связи с тем, что в правительство решило вернуть бывшему императору и

владельцам князьям их имущество, конфискованное после Ноябрьской революции 1918 г. Против этого высказались левые силы. В ходе референдума

14,5 млн человек высказались за экспроприацию имущества князей. Ценности

бывшим владельцам возвращены не были.

377. Речь идет не о II, а о Социалистическом Рабочем Интернационале -- международном объединении социал-демократических партий (часть из них выступала под другими названиями), основанном в мае 1923 г. на объединительном конгрессе II и II 1/2 Интернационалов в Гамбурге. Социалистической Рабочий Интернационал сохранил приверженность марксистскому учению в дополненном и измененном виде в соответствии с реалиями

XX в., как их понимали руководители и теоретики этой организации.

Имеется в виду Генеральный совет Конгресса тред-юнионов Великобритании.

Два слова неразборчивы.

Бранд Хенрик (1890-1939) -- деятель польского коммунистического движения.

Член ЦК компартии с 1920 г. Участвовал в ряде конгрессов Коминтерна и пленумов

Исполкома Коминтерна. В 1929 г. был снят с ответственных постов как "правый уклонист". Работал в советском Госплане. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

381. Коларов Васил (1877-1950) -- деятель болгарского социал-демокра-

тического и коммунистического движения. Социал-демократ с 1897 г., с 1903 г. член партии тесных социалистов. В 1905-1919 гг. член ЦК этой партии. Был одним из основателей компартии в 1919 г., секретарем ее ЦК до 1923 г. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна в 1922-1924 гг. Один из руководи-телей Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии, навязанного руководством Коминтерна. В 1923-1924 гг. входил в

заграничные руководящие органы компартии. Активно содействовал сталинскому террору против своих соотечественников-эмигрантов. В 1946-1947 гг. был временным председателем Народной Республики Болгарии, в 1947-1949 гг. министром иностранных дел, в 1949-1950 гг. председателем Совета министров.

Имеются в виду конфессиональные, религиозно окрашенные направления в рабочем движении, прежде всего конфессиональные профсоюзы, которые программа Коминтерна, принятая VI конгрессом, характеризовала в числе главных препятствий к социалистической революции.

"Революционные синдикалисты" в программе Коминтерна характеризовались отрицательно, а сам термин брался в кавычки на том основании, что лидеры синдикалистов превратились в мирных реформистов и своим отрицанием политической борьбы и революционной диктатуры пролетариата, проповедью цеховой децентрализации, отрицанием партии пролетариата мешают делу революционизации рабочих масс. Особо отмечались "нападки" этого течения на СССР, что ставило его, по словам программы, на одну доску с социал-демократией.

Альфонсо (по-видимому, псевдоним) -- представитель компартии Индонезии на VI конгрессе Коминтерна, член программной комиссии. Выступал на конгрессе против тезиса программы допустимости временных соглашений с национально-революционной буржуазией и против политики нейтрализации среднего крестьянства в условиях пролетарской революции. Бухарин, полемизируя с Альфонсо, заявил, что оспариваемые им положения, -- цитаты из Ленина.

Речь о тезисах В.И. Ленина по национально-колониальному вопросу, утвержденных с исправлениями II конгрессом Коминтерна (были также утверждены дополнительные тезисы индийского коммуниста М. Роя с поправками Ленина).

Цифра неразборчива. Доклад о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах стоял в повестке дня VI конгресса Коминтерна шестым вопросом.

387. Ротштейн Федор Аронович (1871-1853) -- британский политический деятель, советский дипломат и историк. В 1890-1920 гг. находился в эмиграции в Великобритании. В 1895-1911 гг. был членом Социал-демократической федерации, а с 1911 г. одним из лидеров левого крыла Британской социалистической партии. Участвовал в образовании компартии Великобритании (1920). В 1921-1930 гг. находился на советской дипломатической работе, которую сочетал с исследовательской деятельностью в области истории. Написал ряд работ по истории рабочего движения, колониальной политики и международных отношений. Академик (1939).

Речь идет о сотруднике аппарата Исполкома Коминтерна П. Шубине-Шацком.

Фамилия неразборчива. Восстановлена предположительно по стенографическому отчету VI конгресса Коминтерна.

Фомин Николай Васильевич (1884-1938) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1910 г. В 1918-1920 гг. был членом коллегии ВЧК. С

1921 г. заместитель наркома путей сообщения и на другой хозяйственной работе. В 1924-1925 гг. был членом ЦКК ВКП(б). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Доклад Д. 3. Мануильского был посвящен "Вопросам конгресса Коминтерна". Имелся ввиду предстоящий VI конгресс Коминтерна.

392. Свараджисты -- сторонники свараджа (санскритский термин, означающий "свое правление") -- основного лозунга национально-освободительного движения в колониальной Индии с начала XX в. до провозглашения независимости в 1947 г. В свараджистском течении существовали направления, выступавшие за полную независимость и за самоуправление в рамках Британской империи.

Бухарин выступал с докладом об итогах VI конгресса Коминтерна на собрании актива Московской организации ВКП(б) 5 сентября 1928 г. Доклад был опубликован "Правдой" и другими центральными газетами 12 сентября. Как видно, для публикации в газете, редактором которой был сам Бухарин, понадобилась неделя доработки и шлифовки.

Хейдер (в документах также Хайдар, настоящие фамилия и имя Авербух Семен) (1890-1941) -- деятель компартии Палестины. Родился в Полтаве. В молодости эмигрировал в Палестину, участвовал в деятельности Сионистской социалистической партии. В 1923 г. стал одним из лидеров компартии. Участвовал в конгрессах Коминтерна. С 1895 г. жил в СССР. Был арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Партия ВАФД в Египте была основана Саадом Заглулом в 1918 г. Начала свою деятельность с требования отмены бри-

танского протектората и руководила национально-освободительным движением в 20-30-е годы. Ее представители неоднократно возглавляли правительства. Была распущена в 1953 г., после революции 1952 г. в Египте.

Так в тексте.

Индийский национальный конгресс -- политическая партия Индии, основанная в 1885 г. В первые десятилетия существования была оппозиционна британскому колониализму. В 20-е годы ИНК превратился в массовую партию и развернул активную борьбу за независимость. После завоевания независимости Индии (1947) стал правящей партией (до 1977 г.). Позже в ИНК неоднократно происходили расколы, его политическое влияние уменьшилось.

В тексте год неразборчив. Объединительный съезд германских социал-демократов состоялся в 1875 г.

Готская программа -- программа Социал-демократической партии Германии, принятая в мае 1875 г. на объединительном съезде Социал-демократической партии и Всеобщего германского рабочего союза в г. Гота. Целью партии провозглашалось создание социалистического общества посредством всеобщего избирательного права и рабочих кооперативов, поддерживаемых государством. Маркс откликнулся на принятие этого документа своей "Критикой Готской программы", в которой подверг ее резкой критике как сохранившей ряд拉萨льских положений. В 1891 г. была заменена Эрфуртской

программой, полностью проникнутой марксистской догматикой.

400. Речь идет о "Критике Готской программы" К. Маркса. 401. Дюринг Ойген (Евгений) (1833-1921) -- немецкий философ и экономист, автор книги "Философия действительности", подвергнутой острой критике Энгельсом в работе "Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом" (обычно известна под названием "Анти-Дюринг"). Энгельс полагал, что Дюринг допустил смешение материализма, позитивизма и кантианства.

VI съезд компартии Китая происходил в Ханькоу 27 апреля -- 11 мая 1927 г. Съезд солидаризовался с резолюцией VII пленума Исполкома Коминтерна (декабрь 1926 г.) по китайскому вопросу, определил текущий момент как период подъема революции.

О Пятницком И.А. см. т. 1, примеч. 221 (?). К сказанному в этом примечании добавим, что в 20-30-е годы, заведя отделом международных сношений Исполкома Коминтерна, Пятницкий в значительной степени ведал не только нелегальной заграничной агентурой Интернационала, но и большевистской партией. Имеются свидетельства, что вербовка советских шпионов за рубежом, соглашавшихся вести разведывательную работу по идейным мотивам, обычно проводилась под эгидой Коминтерна, и уже потом им раскрывали глаза, сообщая, что они работают на советскую разведку (Попов В. Советник королевы -- суперагент Кремля. М., Новина, 1995, с. 238).

404. Кстати, Бухарин имел наглость похвастать на конгрессе, что в Италии удалось справиться с оппозицией "почти без практики исключений". Он только "забыл" упомянуть, что в этом ему помог фашистский режим, который давно уж держит в тюрьме тов. Бордигу и др[угих] вождей оппозиции, о чем коммунистическая печать, бившая тревогу в связи с арестом на два месяца Бела Куна в Австрии, все время подло умалчивает. Но и это оказалось недостаточным. Цитированный обзор спокойно сообщает нам (с.136): "На этот период (когда был выдвинут лозунг республиканского учредительного собрания) приходится также и энергичная работа партии по ликвидации внутрипартийных разногласий и борьба с бордиговской оппозицией. Дискуссия, начавшаяся за несколько дней до съезда и протекавшая в самых тяжелых условиях, вскрыла ультралевые ошибки Бордиги и его приверженцев и тем самым подготовка отмежевание партийных масс из ультралевого крыла, осуществившееся на съезде... Исключение из партии нескольких руководящих товарищей из ультралевой оппозиции за нарушение дисциплины, происшедшее летом 1926 г, уже не волновало членов партии".

405. Как говорится, комментарии излишни.-- Примеч. автора.

406. Биттельман Александр (1890-?) -- деятель американского коммунистического движения российского происхождения. В молодости эмигрировал в Западную Европу, затем в США. В 1919 г. один из основателей Коммунистической партии Америки и член ее Центрального исполнительного комитета. Был членом ЦК компартии до 1929 г., затем проживал в Москве и выполнял задания Коминтерна в Индии. В 1931 г. возвратился в США, участвовал в издании коммунистических газет. Позже был исключен из компартии как

"ревизионист".

407. Сведений о деятеле компартии Польши Рикке обнаружить не удалось. Возможно, имеется в виду польский коммунист Ринг, делегат VI конгресса Коминтерна, представлявший левоменьшинство своей партии.

408. Речь идет о Н. И. Бухарине.

409. В документе ошибка. Пеппер был деятелем компартии США.

410. Речь идет о С. Жиро и связанных с ней нескольких других бывших коммунистах, которые были все же восстановлены в компартии.

411. Речь идет о Рыкове и Сталине.

412. Коммунистический интернационал молодежи.

413. Речь идет о концерне И.Г.Фарбениндурии, основанном в 1925 г. на базе химической и фармацевтической компании Байера, созданной в 1863 г. Под руководством химика Карла Дуисберга концерн превратился в крупнейшее химическое объединение. Оно было распущено союзными оккупационными властями в 1945 г. и воссоздано в 1951 г. под названием Байер А. Г.

414. Речь идет о корпорации Имперская химическая промышленность, основанной в 1926 г. и охватившей четыре крупных химических компании. Была основным соперником германской корпорации И.Г.Фарбениндурии. Имперская химическая промышленность существует по настоящее время, охватывая в своем составе более 500 компаний Великобритании и других стран.

415. Еще более жалкие доказательства, разобранные в указанной статье Лапина, приводил Бухарин на XV партсъезде. Бухарин ссылается еще на "специальные исследования" Вурма и Лапинского. Речь идет о статьях, напечатанных в журналах "Большевик" и "Коммунистический Интернационал". Что касается статьи Вурма, то она доказывает только неспособность автора понять самую проблему, а Лапинский по сути дела действует по методу Бухарина: он доказывает сращение вообще, игнорируя в основном его формы. А в этом вся суть.-- Примеч. автора.

Сотрудник аппарата Коминтерна Вурм в журнале "Большевик" в 1928 г. не публиковался. В журнале "Коммунистический Интернационал" была опубликована его статья "Концерны и картели при монополистическом капитализме" (№ 23--24, с 37--44, № 27--28, с. 22--30). Упоминаемый в примечании Станислав Лапинский (1879-1937) -- деятель польского социалистического и коммунистического движения. Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций 1915 и 1916 гг. С 1918 г. коммунист. С 1921 г. служил в советском Наркоминделе, в 1921 г. выполнял задания Наркоминдела и одновременно Исполкома Коминтерна в Германии. С 1928 г. в журнале "Большевик" (№№ 7, 9, 10) был опубликован цикл его статей о современном буржуазном государстве. В 1930 г. был снят с работы в Наркоминделе. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

416. В статье, комментирующей в "Большевике" (№ 15, с. 17) бухаринскую постановку вопросов, П.Шубин так и пишет: "[...] период нельзя считать кануном (за исключением Китая) непосредственной борьбы за власть. Но он является кануном военного кризиса... Когда партии должны вооружаться и

переворужаться в ожидании решительных боев..."

Даже Мартынов вряд ли мог бы выразить яснее эту меньшевистскую пошлость насчет "вооружаться и перевооружаться" желанием вооружаться "в ожидании и т. д." -- Примеч. автора.

В начале цитаты одно слово неразборчиво. В журнале "Большевик" (1928, No 15) была опубликована статья сотрудника аппарата Исполкома Коминтерна П.Шубина-Шацкого "Борьба против войны и завоевание масс".

417. Присоединение Советского правительства к одному из лицемернейших документов империалистического пацифизма, Пакту Келлога, осветило арким светом то, куда может завести Коминтерн новопринятая пацифистская установка. Впервые Советское правительство не решилось взять на себя разоблачение лживого характера Пакта Келлога, что оно всегда делало в отношении Лиги Наций и всех других подобных шагов мирового империализма. Вся мировая печать единодушно заявляет, что оговорки, содержащиеся в ноте Литвинова, не имеют политического значения в сравнении с самим фактом присоединения Советского правительства к выработанному без его участия, продиктованному Америкой договору. Нота Литвинова могла бы быть по своему содержанию написана германским социал-демократическим пацифистом. Характерно, что в докладе Бухарина на конгрессе Коминтерна ни единым словом не был упомянут Пакт Келлога и важнейший факт готовности Советского правительства его подписать. В этом нельзя не видеть непосредственной связи с той новой ориентацией К[ом]и[нтерна] на пацифизм, которая была проведена на конгрессе, в ущерб его революционному характеру и задачам.-- Примеч. автора.

Литвинов Максим Максимович (настоящее фамилия и имя Валлах Макс) (1876-1951) -- советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1918 г. был членом коллегии Наркоминдела, в 1920 г. полномочный представитель РСФСР в Эстонии, с 1921 г. заместитель наркома, в 1930-1940 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1941-1943 гг. посол в США. Затем был отстранен от работы, хотя формально числился заместителем наркома иностранных дел.

418. Вайникон Давид (1877-1941) -- деятель нидерландского социалистического, а затем коммунистического движения. Участвовал в создании компартии Нидерландов в 1918 г. и стал ее председателем. В 1926 г. был исключен из партии за поддержку "объединенной оппозиции в ВКП(б)". В 1930 г. был вновь принят в партию и занимал в ней различные посты.

419. Речь идет о заключении в тюрьму и жестоком обращении ОГПУ с политическими ссыльными, опоздавшими на регистрацию в г. Кустанае.

Джан Готао -- деятель компартии Китая, вместе с Цюй Цю-бо и Ли Лисанем был руководителем ее левого крыла во второй половине 20-х годов, выступал за полный разрыв с Гоминьданом.

Димитров Георги (Георгий Михайлович) (1882-1949) -- деятель болгарского коммунистического движения. Социал-демократ с 1902 г., с 1908 г. член партии тесных социалистов, с 1919 г. компартии. Один из руководителей

Сентябрьского восстания 1923 г., организованного по настоянию Коминтерна и потерпевшего поражение. С 1923 г. находился в эмиграции. Руководил заграничными органами компартии. С конца 20-х годов был руководителем Западноевропейского бюро Коминтерна с центром в Берлине. В марте 1933 г. был арестован нацистами в Берлине и обвинен в участии в поджоге рейхстага. В сентябре-декабре 1933 г. был подсудимым на Лейпцигском процессе, на котором му-жественно себя вел. Был оправдан. В феврале 1934 г. депортирован в СССР. На VII конгрессе Коминтерна (1935) избран его генеральным секретарем. В качестве такового послушно исполнял все распоряжения Сталина, в том числе связанные с арестами и расстрелами деятелей коммунистического движения. В 1945 г. возвратился в Болгарию. С 1946 г. был председателем Советаминистров, с 1948 г. генеральным секретарем компартии. Являлся одним из верных исполнителей воли Сталина в социалистическом лагере.

В октябре 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) не состоялся. Он был перенесен на ноябрь.

Виттова пляска (пляска Святого Витта) -- нервное заболевание, связанное с преданием, что у часовня Св. Витта в Цаберне (Эльзас) излечивались больные, страдавшие судорогами, которые напоминали танцевальные движения.

Рывкин Оскар Львович (1899-1937) -- советский комсомольский и партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1918-1919 гг. председатель ЦК РКСМ. С 1924 г. работал в партийных органах. Являлся членом редколлегии газеты "Правда". Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

На этом документ обрывается.

Эта сводка, а также следующие за ней сводки были подготовлены группой московских оппозиционеров. В них идет речь настроениях рабочих Москвы.

Из текста видно, что документ относится к сентябрю 1928 г.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885-1925) -- советский государственный деятель. Большевик с 1904 г. Во время гражданской войны командовал соединениями Красной Армии. В 1924-1925 гг. был заместителем наркома, а затем наркомом по военным морским делам. Был инициатором реформы вооруженных сил СССР. Есть предположение, что смерть Фрунзе, последовавшая после хирургической операции, была результатом его убийства группой врачей по указанию Сталина.

Речь идет о Г.Я.Сокольникове. Видимо, имеется в виду курс укрепления советской валюты путем денежной реформы на базе нэпа, проводившийся Сокольниковым в качестве наркома финансов СССР.

430 Лихачев Иван Александрович (1896-1956) -- советский государственный деятель. В 1926-1950 гг. директор Московского автомобильного завода (с середины 50-х годов завод им. Лихачева). В 1939 г. недолгое время был наркомом машиностроения СССР, с 1953 г. министр автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР.

МКК -- Контрольная комиссия московской организации ВКП(б).

Завод (точнее карандашная фабрика) принадлежал американскому

предпринимателю Гаммеру (правильнее Хаммеру) Арману (1898-1990). Хаммер работал в России в фармацевтической фирме отца и одновременно создал названное предприятие. Скупал в СССР произведения искусства и другие ценности. Был связан с компартией США и выполнял секретные задания советского руководства. По возвращении в США в 1930 г. занимался предпринимательской деятельностью в области производства виски, позже вкладывал средства в радиовещание и нефтяную промышленность. Находился в дружеских отношениях совсем с высшими советскими руководителями, за исключением Сталина. Лауреат Международной Ленинской премии. Художественные ценности Хаммера хранятся ныне в музее его имени в Лос-Анджелесе.

Закон о квартирной плате, принятой в 1928 г., несколько смягчил нажим на городские средние слои, сократил льготы, которые были предоставлены малоимущим слоям населения. Закон свидетельствовал о продолжавшейся в партийных верхах внутренней борьбе между умеренным и экстремистским курсами.

Видимо, имеется в виду заместитель секретаря райкома партии.

Речь идет о листовке оппозиции с информацией о болезни Л. Д. Троцкого. Распространялась в Москве в сентябре 1928 г.

Одно слово (название предприятия) утрачено.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1940) -- советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. Активный участник Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде. С 1924 г. начальник Политуправления Красной Армии. С 1929 г. нарком просвещения РСФСР. В 1925 г. был секретарем ЦК РКП(б). Арестован во время "большого террора". Умер в заключении.

Васильев Б.Н. (1889-1937) - в 1925-1926 гг. политсекретарь Восточного отдела Исполкома Коминтерна. С 1926 г. заместитель заведующего, с 1929 г. заведующий организационным отделом Исполкома Коминтерна. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Имеется в виду документ "Июльский пленум и правая опасность. (Послесловие к письму "Что же дальше?)" от 22 июля 1928 г. (Троцкий Л. Письма из ссылки, с. 127--135).

Фамилия сомнительна. Видимо, в документе ошибка. Возможно, речь идет о Шацкине Лазаре Абрамовиче (1902-1937), который в 1918--1922 гг. был секретарем ЦК РКСМ, а затем находился на партийной работе. В 1927-1930 гг. Шацкий был членом ЦКК ВКП(б). В следующие годы подвергался репрессиям, был исключен из партии за выступления против единовластия Сталина. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

Сакко Николо (1891-1927) и Ванцетти Бартоломео (1888-1927) -- американские рабочие итальянского происхождения, профсоюзные активисты. В 1920 г. они были приговорены к смертной казни по обвинению в убийстве. Несмотря на то, что обвинение было сомнительным, казнь состоялась в 1927 г. В США и других странах ей предшествовала кампания в защиту Сакко и Ванцетти, которую коммунисты использовали в агитационно-пропагандистских целях.

Материал "По фабрикам и заводам Москвы" уже включался в другие сводки.
Сведений об авторе нет.

Гусев Сергей Иванович (настоящие фамилия, имя и отчество Драбкин Яков Давидович) (1874-1933) -- советский партий-ный и государственный деятель. Социал-демократ с 1896 г. С 1918 г. был одним из политических руководителей Красной Армии, с 1921 г. начальником ее Политуправления. В 1923-1925 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1929 г. член Президиума Испол-кома Коминтерна.

Указатель имен

Абрамский
Агальцов
Авилов Н.П.
Адамов
Айхенвальд А.
Аксельрод П.Б.
Алексинский Г.А.
Александр Македонский
Алиман
Альфонсо
Андреев А.А.
Анохин

Арнот П.
Арс
Астров В.Н.
Бакунин М.А.

Балаболкин Колечка см. Бухарин Н.И.

Барбэ А.
Барский
Бауман К.Я.
Баумгартен
Бауэр О.
Белобородов А.Г.
Бендеровский
Беннет
Бернар А.
Бетхер
Бисмарк О.
Битгельман А.
Бонапарт Л.Н.
Бонапарт Н.
Бордига А.
Борилин
Бородин М.М.
Бранд Х.
Брандлер Г.
Бриан А.
Брюханов Н.П.
Бубнов А.С.
Бухарин Н.И.
Бухарцева В.
Вайнкоп Д.
Вальдек-Руссо Р.
Вальхер Я.
Ванцетти Б.
Ван Цзиньвей
Варга Е.
Вардин И.В.
Варейкис И.М.
Варкин
Варский А.
Васильев Б.Н.
Васильев
Васин

Ветцер
Вебер
Виккерс
Вили
Витте С.Ю.
Воровский В.В.
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Врачев И.Я.
Вуйович В.
Вурм
Гаврилин
Гаммер А. См. Хаммер А.
Ганецкий Я.С.
Ганнибал
Гапон Г.А.
Гарденберг К.
Геман
Гендерсон А.
Гегель Г.В.Ф.
Гейне Г.
Герострат
Гете И.В.
Гильфердинг Р.
Гинденбург П.
Гинзбург А.М.
Гитлер А.
Глебов-Авилов Н.П. см. Авилов Н.П.
Глинский
Гобсон Д.
Гоголь Н.В.
Голощекин Ф.И.
Гольденберг Э.З.
Гордий
Гоц А.Р.
Грав Ж.
Григорьев Н.А.
Гудкова
Гусев С.И.
Гучков А.И.
Гюнтер Г.
Дамокл
Дауэс Ч.Г.
Дашковский И.К.

Деборин А.М.
Дейч Л.Г.
Джан Готао
Димитров Г.
Дингельштедт Ф.Н.
Дионисий Старший
Догадов А.И.
Дорио Ж.
Достоевский Ф.М.
Дуисберг Дюдилье
Дюринг О.
Енукидзе А.С.
Ефретов
Жиро С.
Жозеф Ж.
Жорес Ж.
Жуликов
Заглул С.
Зайцев А.Д.
Залежский В.И.
Засулич В.И.
Зиновьев Г.Е.
Иванов В.И.
Иванов Н.И.
Игнатов В.Н.
Икрамов А.И.
Ильин
Ильич см. Ленин В.И.
Ищенко А.Г.
Каганович Л.М.
Калинин М.И.
Каменев Л.Б.
Каминский Г.Н.
Карпинский В.А.
Каутский К.
Кашен М.
Кваренги Д.
Квиринг Э.И.
Кейман
Келлог Ф.Б.
Керенский А.Ф.
Киров С.М.
Китаев
Кицис

Клемансо Ж.
Клименко И.Е.
Коларов В.
Коллонтай А.М.
Комаров Н.П.
Комаров
Комиссаров
Кондратьев Н.Д.
Корнелисен
Корш К.
Косиор С.В.
Костржева В.
Костров Т.
Коул Д.
Краваль И.
Краснов П.Н.
Крезо
Креме Ж.
Кржижановский Г.М.
Кривошеин А.В.
Криницкий А.И.
Кропоткин П.А.
Круммин Г.И.
Крупская Н.К.
Крылов
Ксенофонтов Ф.А.
Кубяк Н.А.
Куйбышев В.В.
Кун Б.
Купферблум
Куусинен О.В.
Кухаров
Лапин Д.
Лапинский О.
Лассаль Ф.
Ла Фоллет Р.
Лебедев
Левине О.
Лежава А.И.
Леже
Ленин В.И.
Ленский Ю.
Лепешинский П.М.
Либкнехт В.

Либкнехт К.
Лившиц Б.
Ли Лисань
Литвинов М.М.
Лихачев И.А.
Ллойд-Джордж Д.
Лобов С.С.
Ловстон Д.
Лозовский А.
Лозэрэ А.
Лолевиль
Ломинадзе В.В.
Ломов Г.И.
Луначарский А.В.
Львов Г.Л.
Люксембург Р.
Лядов М.Н.
М.
Макдональд Д.Р.
Мак-Магон М.
Малиновский Р.В.
Мандельштам Н.Н.
Мануильский Д.З.
Марецкий Д.Н.
Маркевич
Марков Н.Е.
Маркс В.
Маркс К.
Марти А.
Мартов Л.
Мартынов А.С.
Масарик Т.
Маслов А.
Медведев А.В.
Межлаук В.И.
Мейер Э.
Мельничанский Г.Н.
Меринг Ф.
Мерфи Д.
Микоян А.И.
Мильеран А.
Мильчаков А.И.
Милюков П.Н.
Милютин В.П.

Минц С.
Микалек см. Варский А.
Митин М.М.
Михалец
Михайлов В.М.
Молотов В.М.
Монмуссо Г.
Мольтке Х.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Мусин
Муссолини Б.
Мюллер Г.
Мякотин В.А.
Наполеон I см. Бонапарт Н.
Наполеон III см. Бонапарт Л.Н.
Нейман Г.
Некрасов Н.А.
Нечаев Н.В.
Нечаев
Ногин В.П.
Новиков
Оверстратен Я.
Оверштратен Я. см. Оверстратен Я.
Ольминский М.С.
Оранж
Орджоникидзе Г.К.
Осинский М.
Отцов
Павлова И.
Паз
Пайпс Р.
Панцов А.В.
Паркер Д.
Парвус А.Г.
Пенти
Пеппер Д.
Пернерсторф
Персель А.
Петерс
Петрашевский М.В.
Петровский Г.И.
Петровский П.Г.
Петровский см. Беннет

Пийо
Пилсудский Ю.
Платон
Плеханов Г.В.
Подвойский Н.И.
Полонский
Попов В.
Попов Н.Н.
Постышев П.П.
Потресов А.Н.
Пошехонов А.В.
Преображенский Е.А.
Престес Л.К.
Прозоровская Т.
Прудон П.
Пуанкаре Р.
Путилов Н.И.
Пятаков Г.Л.
Пятницкий И.А.
Рабинков
Радек К.Б.
Радек Р.М.
Райский
Ракамон Ж.
Раковский К.
Раковский Х.Г. см. Раковский К.
Растрелли В.
Рено Ж.
Ризе
Рикк
Ринг
Розенгольц А.П.
Рой М.
Роланд-Голст Х.
Романов
Романовы, династия
Ротштейн Ф.А.
Рубашкин
Рудзутак Я.Э.
Рухимович М.Л.
Румянцев
Рывкин О.Л.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.

Рязанов Д.Б.
С.
Савельев М.А.
Сакко Н.
Сапронов Т.В.
Саркис С.А.
Сафаров Г.М.
Седов Л. Л.
Седова-Троцкая Н.И.
Селор П.
Семар П.
Семашко Н.А.
Серебряков Л.П.
Симбирский
Сквоцов-Степанов И.И.
Скобелев М.И.
Скрыпник Н.А.
Слащов Я.А.
Слепков А.Н.
Смилга И.Т.
Смирнов В.М.
Смрнов И.Н.
Снегирев
Сокольников Г.Я.
Сократ
Сосновский Л.С.
Сталин И.В.
Стамболийский А.
Станчев М.Г.
Стеклов Ю.М.
Стецкий А.И.
Столыпин П.А.
Страхов
Стэн Я.Н.
Суварин Б.
Султан-Заде А.С.
Сунь Ятсен
Суханов Н.Н.
Сырцов С.И.
Тальгеймер А.
Тельман Э.
Теплов
Тер-Ваганян В.А.
Террачини У.

Титель
Толстопятов
Тольятти П.
Томас Д.Г.
Томский М.П.
Торез М.
Троцкий Л.Д.
Трэн А.
Тургенев И.С.
Тышко Л.
Угланов Н.А.
Уншлихт И.С.
Урбанс Г.
Фалкин
Фарбман Р.Б.
Фельштинский Ю.Г.
Фишер Р.
Фомин Н.В.
Форветер
Фостер У.
Фрумкин М.И.
Фрунзе М.В.
Хайдар
Хаммер А.
Хейдер см. Хайдар
Хатаевич М.М.
Хвостов А.Н.
Цанков А
Цейглин Е.
Церетели И.Г.
Цеткин К.
Цюй Цюбо см. Страхов
Чай Кайши
Чемберлен О.
Чернов В.М.
Чернышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чернышев В.
Чжан Цзолин
Чубарь В.Я.
Чхеидзе Н.С.
Шацкин Л.А.
Шверник Н.М.
Швырков

Шеболдаев Б.П.
Шекспир У.
Шейдеман Ф.
Шляпников А.Г.
Шмераль Б.
Шмидт В.В.
Шмидт О.Ю.
Шнейдеры
Шпицберг
Штейн Г.
Штирнер М.
Шубин-Шацкий П.А.
Эберт Ф.
Эверт А.
Эйхе Р.И.
Эльцин В.Б.
Эмбер-Дро Ж.
Энгельс Ф.
Эрколи см. Тольятти П.
Эррио Э.
Юзефский
Юнг О.
Яковлев Я.А.
Янсон Н.М.
Ярославский Е.М.
Ripes R. см. Пайпс Р.
У

Указатель географических названий

Австрия

Азия

Азия Малая
Азия Средняя
Алма-Ата
Америка см. США
Америка Латинская
Англия
Аргентина
Артемовск
Астраханская губерния
Астрахань
Балканы
Барнаул
Башкирия
Белоруссия
Бельгия
Берлин
Бирск
Бобруйск
Богородск
Болгария
Бразилия
Бранденбург
Бремен
Брянск
Варшава
Великобритания см. Англия
Вена
Венгрия
Верейская волость
Владимир
Волга Нижняя
Вологда
Волоколамский уезд
Воскресенский уезд
Гамбург
Германия
Германия Средняя
Гота
Днепропетровск
Донбасс
Донская область
Дузгаринская волость
Европа
Европа Западная

Египет
Егорьевский уезд
Екатеринослав см. Днепропетровск
Екатеринославская губерния
Еремеевская волость
Женева
Закавказье
Захарьинская волость
Звенигородский уезд
Златоустовский район
Иваново-Вознесенск
Иваньковская волость
Индиана
Индия
Индонезия
Иран см. Персия
Испания
Италия
Ишим
Кабарда
Кабардино-Балкария
Кавказ
Кавказ Северный
Казань
Казахстан
Калеевская волость
Калифорния
Калуга
Камень-на-Оби
Канны
Канск
Кантон
Карфаген
Кашинский уезд
Каширский уезд
Кельн
Киев
Киевский округ
Киевщина см. Киевский округ
Кимры
Китай
Козловская волость
Козловский район
Кокчетав

Колошинский уезд
Колпашево
Колтовская волость
Колумбус
Колычевская волость
Коммунистическая волость
Краков
Красноярск
Красный Яр
Крым
Кузбасс
Кустанай
Лелечи
Ленинград
Лондон
Лос-Анджелес
Лучинская волость
Мадрас
Мамошинская волость
Марокко
Марьино
Минск
Минусинск
Можайский уезд
Москва
Московский уезд
Мюнхен
Нанкин
Нарым
Нижний Новгород
Николаев
Николаевская волость
Новороссийск
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Одесса
Одесская губерния
Одесский округ
Осташевская волость
Павловская волость
Палестина
Париж
Персия
Перу

Петербург см. Ленинград
Петроград см. Ленинград
Питер см. Ленинград
Поволжье
Поволжье Среднее
Позен
Польша
Померания
Португалия
Пруссия
Путиловская волость
Пфальц
Пфальцская область см. Пфальц
Пятницкая волость
Раменская волость
Рим
Рогаческая волость
Россия
Ростов-на-Дону
РСФСР см. Россия
Рубцовск
Румыния
Рур
Рязанская губерния
Саксония
Седан
Семипалатинск
Сергиевский уезд
Середнская волость
Сибирь
Сибирь Восточная
Силезия
Сирия
Смоленск
Смоленская губерния
Сочи
СССР
Таращанский район
Тверская губерния
Тверь
Томск
Тула
Тулунский округ
Турция

Украина
Урал
Уругвай
УССР см. Украина
Ухань
Ухтомская волость
Франция
Фуцзянь
Ханькоу
Харьков
Харьковская губерния
Херсонская губерния
Хребтовская волость
Хубей
Хунань
Цаберн
Центрально-Промышленный район
Центрально-Черноземная область
Цзянси
Циммервальд
Чанша
Черемушки
Чехословакия
Чили
Чита
Шанхай
Швейцария
Швеция
Эквадор
Эстония
Эльзас
Эрфурт
Эстония
Эфес
Югославия
Япония

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2
Ф. Дингельштедт. Письмо Радеку.	1 августа 11
К. Родек. Письмо И. Я. Врачеву.	2 августа 14
Д. Лапин. Письмо Троцкому.	5 августа 16
Д. Лапин. Критика проекта программы Коминтерна	19
К. Родек. Письмо Дингельштедту.	8 августа 44
К. Родек. Письмо С. Мрачковскому.	8 августа 46
К. Родек. Письмо Ищенко.	8 августа 48
Г. Прозоровская. Еще раз о "левом курсе".	10 августа 48
К. Родек [?]. Програмные вопросы на июльском пленуме.	17 августа 55
Справка о волостных совещаниях групп бедноты.	18 августа 58
Письмо издательства "Атеист" Л.Д.Троцкому.	18 августа 60
Выдержки из документов. [Составлены из документов июля-августа после 21 августа]	61
Справка об обсуждении нового проекта закона о землеустройстве и землепользовании на крестьянских собраниях.	22 августа 61
Л. Сосновский. Письмо Р. Фарбману.	24 августа 62
Протокол заседания комиссии о партмаксимуме.	27 августа 64
Агитационная брошюра "Социал-демократическая опасность в Коминтерне".	29 августа 68
Левая оппозиция о конгрессе Коминтерна. [Август]	75
К. Родек. Развитие и значение лозунга пролетарской диктатуры. [Август]	80
В. Чернышев. Письмо Троцкому.	27 августа, 1 сентября. . . 108
Августовская конъюнктура. [Начало сентября]	110
Письмо левого оппозиционера. [Начало сентября]	111
Листовка "Пакт Келлога и СССР". [Начало сентября]. .	116
Листовка "Семь или шестнадцать". [Начало сентября]. .	117
К. Родек. Надо додумать до конца. [Первая половина сентября]	117
В. Милютин. В ЦК ВКП(б).	10 сентября 122
К. Родек. Письмо Абрамскому.	11 сентября. [2539] 123
К. Родек. Циркулярное письмо.	16 сентября 125
К. Родек. Письмо Врачеву.	16 сентября 132
Листовка.	16 сентября 133
Симбирский. Письмо Троцкому.	18 сентября 137
Протокол № 43 Заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1928 года	137
Б. Лившиц. Ленин о диктатуре пролетариата и крестьянства.	20 сентября

138

- Краткий конспект доклада Угланова на совещании секретарей ячеек Московской организации ВКП(б). 25 сентября 151
- Н. Седова-Троцкая. Письмо-телеграмма Угланову. [После 25 сентября] 152
- Что происходит вокруг редакции "Комсомольской правды"?.
Сентябрь 153
- Листовка. [Сентябрь] 153
- С. Минц. В Астраханскую окружную контрольную комиссию. [Сентябрь] 155
- Итоги Шестого конгресса Коммунистического Интернационала. [Сентябрь]

156

- Сводка. [Сентябрь] 178
- Сводка No 2. Сентябрь. 347 182
- Сводка No 3. Сентябрь 184

- По фабрикам и заводам Москвы. Сентябрь 189
- Изложение документов руководящих деятелей ВКП(б). Сентябрь 191
- Примечания 193
- Указатель имен 226
- Указатель географических названий 236

Указатель имен

Абрамский

Агальцов

Авилов Н.П.

Адамов

Айхенвальд А.

Аксельрод П.Б.

Алексинский Г.А.

Александр Македонский

Алиман

Альфонсо

Андреев А.А.

Анохин

Арнот П.

Арс

Астров В.Н.

Бакунин М.А.

Балаболкин Колечка см. Бухарин Н.И.

Барбэ А.

Барский

Бауман К.Я.

Баумнартен

Бауэр О.

Белобородов А.Г.

Бендеровский

Беннет

Бернар А.

Бетхер

Бисмарк О.
Биттельман А.
Бонапарт Л.Н.
Бонапарт Н.
Бордига А.
Борилин
Бородин М.М.
Бранд Х.
Брандлер Г.
Бриан А.
Брюханов Н.П.
Бубнов А.С.

Бухарин Н.И.
Бухарцева В.
Вайнкоп Д.
Вальдек-Руссо Р.
Вальхер Я.
Ванцетти Б.
Ван Цзиньвей
Варга Е.
Вардин И.В.
Варейкис И.М.
Варкин
Варский А.
Васильев Б.Н.
Васильев
Васин
Ветцер
Вебер
Виккерс
Вили
Витте С.Ю.
Воровский В.В.
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Врачев И.Я.
Вуйович В.
Вурм
Гаврилин
Ганецкий Я.С.
Ганнибал
Гапон Г.А.
Нарденберг К.

Геман
Гендерсон А.
Гегель Г.В.Ф.
Гейне Г.
Герострат
Гете И.В.
Гильфердинг Р.
Гинденбург П.
Гинзбург А.М.
Гитлер А.
Глебов-Авилов Н.П. см. Авилов Н.П.
Глинский
Гобсон Д.
Гоголь Н.В.
Голощекин Ф.И.
Гольденберг Э.З.

Гордий
Гоц А.Р.
Грав Ж.
Григорьев Н.А.
Гудкова
Гусев С.И.
Гучков А.И.
Гюнтер Г.
Дамокл
Дауэс Ч.Г.
Дашковский И.К.
Деборин А.М.
Дейч Л.Г.
Джан Готао
Димитров Г.
Дингельштедт Ф.Н.
Дионисий Старший
Догадов А.И.
Дорио Ж.
Достоевский Ф.М.
Дуисберг Дюдилъе
Дюринг О.
Енукидзе А.С.
Ефретов
Жиро С.
Жозеф Ж.
Жорес Ж.

Жуликов
Заглул С.
Зайцев А.Д.
Залежский
Засулич В.И.
Зиновьев Г.Е.
Иванов В.И.
Иванов Н.И.
Игнатов В.Н.
Икрамов А.И.
Ильин
Ильич см. Ленин В.И.
Ищенко А.Г.
Каганович Л.М.
Калинин М.И.
Каменев Л.Б.
Каминский Г.Н.
Карпинский В.А.
Каутский К.
Кашен М.
Кваренги Д.
Квириг Э.И.
Кейман
Келлог Ф.Б.
Керенский А.Ф.
Киров С.М.
Китаев
Кицис
Клемансо Ж.
Клименко И.Е.
Коларов В.
Коллонтай А.М.
Комаров Н.П.
Комаров
Комиссаров
Кондратьев Н.Д.
Корнелисен
Корш К.
Косиор С.В.
Костржева В.
Костров Т.
Коул Д.
Краваль И.
Краснов П.Н.

Крезо
Креме Ж.
Кржижановский Г.М.
Кривошеин А.В.
Криницкий А.И.
Кропоткин П.А.
Круммин Г.И.
Крупская Н.К.
Крылов
Ксенофонтов Ф.А.
Кубяк Н.А.
Куйбышев В.В.
Кун Б.
Купферблум
Куусинен О.В.
Кухаров
Лапин Д.
Лапинский О.
Лассаль Ф.
Ла Фоллет Р.
Лебедев
Левине Е.

Лежава А.И.
Леже
Ленин В.И.
Ленский Ю.
Лепешинский П.М.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Лившиц Б.
Ли Лисань
Литвинов М.М.
Лихачев И.А.
Ллойд-Джордж Д.
Лобов С.С.
Ловстон Д.
Лозовский А.
Лозэрэ А.
Лолевиль
Ломинадзе В.В.
Ломов Г.И.
Луначарский А.В.
Львов Г.Л.

Люксембург Р.
Лядов М.Н.
М.
Макдональд Д.Р.
Мак-Магон М.
Малиновский Р.В.
Мандельштам Н.Н.
Мануильский Д.З.
Марецкий Д.Н.
Маркевич
Марков Н.Е.
Маркс В.
Маркс К.
Марти А.
Мартов Л.
Мартынов А.С.
Масарик Т.
Маслов А.
Медведев А.В.
Межлаук В.И.
Мейер Э.
Мельничанский Г.Н.
Меринг Ф.
Мерфи Д.
Микоян А.И.
Мильеран А.
Мильчаков А.И.
Милюков П.Н.
Милютин В.П.
Минц С.
Митин М.М.
Михалек см. Варский А.
Михалец
Михайлов В.М.
Молотов В.М.
Монмуссо Г.
Мольтке Х.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Мусин
Муцсолини Б.
Мюллер Г.
Мякотин В.А.
Наполеон I см. Бонапарт Н.

Наполеон III см. Бонапарт Л.Н.
Нейман Г.
Некрасов Н.А.
Нечаев Н.В.
Нечаев
Ногин В.П.
Новиков
Оверстратен Я.
Оверштратен Я. см. Оверстратен Я.
Ольминский М.С.
Оранж
Орджоникидзе Г.К.
Осинский М.
Отцов
Павлова И.
Паз
Пайпс Р.
Панцов А.В.
Паркер Д.
Парвус А.Г.
Пенти
Пеппер Д.
Пернерсторф
Персель А.
Петерс
Петрашевский М.В.
Петровский Г.И.
Петровский П.Г.
Петровский см. Беннет
Пийо
Пилсудский Ю.
Платон
Плеханов Г.В.
Подвойский Н.И.
Полонский
Попов В.
Попов Н.Н.
Постышев П.П.
Потресов А.Н.
Пошехонов А.В.
Преображенский Е.А.
Престес Л.К.
Прозоровская Т.
Прудон П.

Пуанкаре Р.
Путилов Н.И.
Пятаков Г.Л.
Пятницкий И.А.
Рабинков
Радек К.Б.
Радек Р.М.
Райский
Ракамон Ж.
Раковский К.
Раковский Х.Г. см. Раковский К.
Растрелли В.
Рено Ж.
Ризе
Рикк
Ринг
Розенгольц А.П.
Рой М.
Роланд-Голст Х.
Романов
Романовы
Ротштейн Ф.А.
Рубашкин
Рудзутак Я.Э.
Рухимович М.Л.
Румянцев
Рывкин О.Л.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Рязанов Д.Б.
С.
Савельев М.А.
Сакко Н.
Сапронов Т.В.
Саркис С.А.
Сафаров Г.М.
Седов Л. Л.
Седова-Троцкая Н.И.
Селор П.
Семар П.
Семашко Н.А.
Серебряков Л.П.
Симбирский
Сквоцов-Степанов И.И.

Скобелев М.И.
Скрыпник Н.А.
Слащов Я.А.
Слепков А.Н.
Смилга И.Т.
Смирнов В.М.
Смрнов И.Н.
Снегирев
Сокольников Г.Я.
Сократ
Сосновский Л.С.
Сталин И.В.
Стамболийский А.
Станчев М.Г.
Стеклов Ю.М.
Стецкий А.И.
Столыпин П.А.
Страхов
Стэн Я.Н.
Суварин Б.
Султан-Заде А.С.
Сунь Ятсен
Суханов Н.Н.
Сырцов С.И.
Тальгеймер А.
Тельман Э.
Теплов
Тер-Ваганян В.А.
Террачини У.
Титель
Толстопятов
Тольятти П.
Томас Д.Г.
Томский М.П.
Торез М.
Троцкий Л.Д.
Трэн А.
Тургенев И.С.
Тышко Л.
Угланов Н.А.
Уншлихт И.С.
Урбанс Г.
Фалкин
Фарбман Р.Б.

Фельштинский Ю.Г.
Фишер Р.
Фомин Н.В.
Форветер
Фостер У.
Фрумкин М.И.
Фрунзе М.В.
Хайдар см, Хейдар
Хаммер А.
Хейдар
Хагаевич М.М.
Хвостов А.Н.
Цанков А
Цейтлин Е.
Церетели И.Г.
Цеткин К.
Цюй Цюбо см. Страхов
Чай Кайши
Чемберлен О.
Чернов В.М.
Чернышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чернышев В.
Чжан Цзолин
Чубарь В.Я.
Чхеидзе Н.С.
Шацкий Л.А.
Шверник Н.М.
Швырков
Шеболдаев Б.П.
Шекспир У.
Шейдеман Ф.
Шляпников А.Г.
Шмераль Б.
Шмидт В.В.
Шмидт О.Ю.
Шнейдеры
Шпицберг
Штейн Г.
Штирнер М.
Шубин-Шацкий П.А.
Эберт Ф.
Эверт А.
Эйхе Р.И.

Эльцин В.Б.
Эмбер-Дро Ж.
Энгельс Ф.
Эрколи см. Тольятти П.
Эррио Э.
Юзефский
Юнг О.
Яковлев Я.А.
Янсон Н.М.
Ярославский Е.М.
Pipes R. см. Пайпс Р.
У

Указатель географических названий

Австрия
Азия
Азия Малая
Ашция Средняя
Алма-Ата
Америка см. США
Америка Латинская
Англия
Аргентина
Артемовск
Астраханская губерния
Астрахань
Балканы
Барнаул
Башкирия
Белоруссия
Бельгия

Берлин
Бирск
Бобруйск
Богородск
Болгария
Бразилия
Бранденбург
Бремен
Брянск
Варшава
Великобритания см. Англия
Вена
Венгрия
Верейская волость
Владимир
Волга Нижняя
Вологда
Волоколамский уезд
Воскресенский уезд
Гамбург
Германия
Германия Средняя
Гота
Днепропетровск
Донбасс
Донская область
Дузгаринская волость
Европа
Европа Западная
Египет
Егорьевский уезд
Екатеринослав см. Днепропетровск
Екатеринославская губерния
Еремеевская волость
Женева
Закавказье
Захарьинская волость
Звенигородский уезд
Златоустовский район
Иваново-Вознесенск
Иваньковская волость
Индиана
Индия
Индонезия

Иран см. Персия
Испания
Италия
Ишим
Кабарда
Кабардино-Балкария
Кавказ
Кавказ Северный
Казань
Казахстан
Калеевская волость
Калифорния
Калуга
Камень-на-Оби
Канны
Канск
Кантон
Карфаген
Кашинский уезд
Каширский уезд
Кельн
Киев
Киевский округ
Киевщина см. Киевский округ
Кимры
Китай
Козловская волость
Козловский район
Кокчетав
Колошинский уезд
Колпашево
Колтовская волость
Колумбус
Колычевская волость
Коммунистическая волость
Краков
Красноярск
Красный Яр
Крым
Кузбасс
Кустанай
Лелечи
Ленинград
Лондон

Лос-Анджелес
Лучинская волость
Мадрас
Мамошинская волость
Марокко
Марьино
Минск
Минусинск
Можайский уезд
Москва
Московский уезд
Мюнхен
Нанкин
Нарым
Нижний Новгород
Николаев
Николаевская волость
Новороссийск
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Одесса
Одесская губерния
Одесский округ
Осташевская волость
Павловская волость
Палестина
Париж
Персия
Перу
Петербург см. Ленинград
Петроград см. Ленинград
Питер см. Ленинград
Поволжье
Поволжье Среднее
Позен
Польша
Померания
Португалия
Пруссия
Путиловская волость
Пфальц
Пфальцская область см. Пфальц
Пятницкая волость
Раменская волость

Рим
Рогаческая волость
Россия
Ростов-на-Дону
РСФСР см. Россия
Рубцовск
Румыния
Рур
Рязанская губерния
Саксония
Седан
Семипалатинск
Сергиевский уезд
Середническая волость
Сибирь
Сибирь Восточная
Силезия
Сирия
Смоленск
Смоленская губерния
Сочи
СССР
Таращанский район
Тверская губерния
Тверь
Томск
Тула
Тулунский округ
Турция
Украина
Урал
Уругвай
УССР см. Украина
Ухань
Ухтомская волость
Франция
Фуцзянь
Ханькоу
Харьков
Харьковская губерния
Херсонская губерния
Хребтовская волость
Хубей
Хунань

Цаберн
Центрально-Промышленный район
Центрально-Черноземная область
Цзянси
Циммервальд
Чанша
Черемушки
Чехословакия
Чили
Чита
Шанхай
Швейцария
Швеция
Эквадор
Эстония
Эльзас
Эрфурт
Эстония
Эфес
Югославия
Япония

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 2
Ф. Дингельштедт. Письмо Радеку. 1 августа 11
К. Родек. Письмо И. Я. Врачеву. 2 августа 14
Д. Лапин. Письмо Троцкому. 5 августа 17
Д. Лапин. Критика проекта программы Коминтерна 20
К. Родек. Письмо Дингельштедту. 8 августа 48
К. Родек. Письмо С. Мрачковскому. 8 августа 50
К. Родек. Письмо Ищенко. 8 августа 51
Г. Прозоровская. Еще раз о "левом курсе". 10 августа 52

- К. Родек [?]. Програмные вопросы на июльском пленуме. 17 августа 59
- Справка о волостных совещаниях групп бедноты. 18 августа 62
- Письмо издательства "Атеист" Л.Д.Троцкому. 18 августа 64
- Выдержки из документов. [Составлены из документов июля-августа после 21 августа] 65
- Справка об обсуждении нового проекта закона о землеустройстве и землепользовании на крестьянских собраниях. 22 августа 66
- Л. Сосновский. Письмо Р. Фарбману. 24 августа 68
- Протокол заседания комиссии о партмаксимуме. 27 августа 72
- Агитационная брошюра "Социал-демократическая опасность в Коминтерне". 29 августа 73
- Левая оппозиция о конгрессе Коминтерна. [Август] 79
- К. Родек. Развитие и значение лозунга пролетарской диктатуры. [Август] 84
- В. Чернышев. Письмо Троцкому. 27 августа, 1 сентября. . . 115
- Августовская конъюнктура. [Начало сентября] 119
- Письмо левого оппозиционера. [Начало сентября] 119
- Листовка "Пакт Келлога и СССР". [Начало сентября]. . 124
- Листовка "Семь или шестнадцать". [Начало сентября]. . 125
- К. Родек. Надо додумать до конца. [Первая половина сентября] 125
- В. Милютин. В ЦК ВКП(б). 10 сентября 130
- К. Родек. Письмо Абрамскому. 11 сентября. [2539] 131
- К. Родек. Циркулярное письмо. 16 сентября 133
- К. Родек. Письмо Врачеву. 16 сентября 141
- Листовка. 16 сентября 142
- Симбирский. Письмо Троцкому. 18 сентября 146
- Протокол № 43 Заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1928 года 146
- Б. Лившиц. Ленин о диктатуре пролетариата и крестьянства. 20 сентября
- 147
- Краткий конспект доклада Угланова на совещании секретарей ячеек Московской организации ВКП(б). 25 сентября 162
- Н. Седова-Троцкая. Письмо-телеграмма Угланову. [После 25 сентября] 163
- Что происходит вокруг редакции "Комсомольской правды"?.
Сентябрь 165
- Листовка. [Сентябрь] 165
- С. Минц. В Астраханскую окружную контрольную комиссию. [Сентябрь] 167
- Итоги Шестого конгресса Коммунистического Интернационала. [Сентябрь]
- 168
- Сводка. [Сентябрь] 191
- Сводка № 2. Сентябрь. 347 195
- Сводка № 3. Сентябрь 198
- По фабрикам и заводам Москвы. Сентябрь 203

Изложение документов руководящих деятелей ВКП(б).Сентябрь 205

Примечания 206

Указатель имен 271

Указатель географических названий 290

Указатель имен

Абрамский

Агальцов

Авилов Н.П.

Адамов

Айхенвальд А.

Аксельрод П.Б.

Алексинский Г.А.

Александр Македонский

Алиман

Альфонсо

Андреев А.А.

Анохин

Арнот П.

Арс

Астров В.Н.

Бакунин М.А.

Балаболкин Колечка см. Бухарин Н.И.

Барбэ А.

Барский

Бауман К.Я.

Баумнартен

Бауэр О.

Белобородов А.Г.

Бендеровский

Беннет

Бернар А.

Бетхер

Бисмарк О.

Биттельман А.

Бонапарт Л.Н.

Бонапарт Н.

Бордига А.

Борилин

Бородин М.М.

Бранд Х.

Брандлер Г.
Бриан А.
Брюханов Н.П.
Бубнов А.С.

Бухарин Н.И.
Бухарцева В.
Вайнкоп Д.
Вальдек-Руссо Р.
Вальхер Я.
Ванцетти Б.
Ван Цзиньвей
Варга Е.
Вардин И.В.
Варейкис И.М.
Варкин
Варский А.
Васильев Б.Н.
Васильев
Васин
Ветцер
Вебер
Виккерс
Вили
Витте С.Ю.
Воровский В.В.
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Врачев И.Я.
Вуйович В.
Вурм
Гаврилин
Ганецкий Я.С.
Ганнибал
Гапон Г.А.
Нарденберг К.
Геман
Гендерсон А.
Гегель Г.В.Ф.
Гейне Г.
Герострат
Гете И.В.
Гильфердинг Р.
Гинденбург П.

Гинзбург А.М.
Гитлер А.
Глебов-Авилов Н.П. см. Авилов Н.П.
Глинский
Гобсон Д.
Гоголь Н.В.
Голощекин Ф.И.
Гольденберг Э.З.

Гордий
Гоц А.Р.
Грав Ж.
Григорьев Н.А.
Гудкова
Гусев С.И.
Гучков А.И.
Гюнтер Г.
Дамокл
Дауэс Ч.Г.
Дашковский И.К.
Деборин А.М.
Дейч Л.Г.
Джан Готао
Димитров Г.
Дингельштедт Ф.Н.
Дионисий Старший
Догадов А.И.
Дорио Ж.
Достоевский Ф.М.
Дуисберг Дюдилье
Дюринг О.
Енукидзе А.С.
Ефретов
Жиро С.
Жозеф Ж.
Жорес Ж.
Жуликов
Заглул С.
Зайцев А.Д.
Залежский
Засулич В.И.
Зиновьев Г.Е.
Иванов В.И.
Иванов Н.И.

Игнатов В.Н.
Икрамов А.И.
Ильин
Ильич см. Ленин В.И.
Ищенко А.Г.
Каганович Л.М.
Калинин М.И.
Каменев Л.Б.
Каминский Г.Н.
Карпинский В.А.
Каутский К.
Кашен М.
Кваренги Д.
Квиринг Э.И.
Кейман
Келлог Ф.Б.
Керенский А.Ф.
Киров С.М.
Китаев
Кицис
Клемансо Ж.
Клименко И.Е.
Коларов В.
Коллонтай А.М.
Комаров Н.П.
Комаров
Комиссаров
Кондратьев Н.Д.
Корнелисен
Корш К.
Косиор С.В.
Костржева В.
Костров Т.
Коул Д.
Краваль И.
Краснов П.Н.
Крезо
Креме Ж.
Кржижановский Г.М.
Кривошеин А.В.
Криницкий А.И.
Кропоткин П.А.
Круммин Г.И.
Крупская Н.К.

Крылов
Ксенофонтов Ф.А.
Кубяк Н.А.
Куйбышев В.В.
Кун Б.
Купферблум
Куусинен О.В.
Кухаров
Лапин Д.
Лапинский О.
Лассаль Ф.
Ла Фоллет Р.
Лебедев
Левине Е.

Лежава А.И.
Леже
Ленин В.И.
Ленский Ю.
Лепешинский П.М.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Лившиц Б.
Ли Лисань
Литвинов М.М.
Лихачев И.А.
Ллойд-Джордж Д.
Лобов С.С.
Ловстон Д.
Лозовский А.
Лозэрэ А.
Лолевиль
Ломинадзе В.В.
Ломов Г.И.
Луначарский А.В.
Львов Г.Л.
Люксембург Р.
Лядов М.Н.
М.
Макдональд Д.Р.
Мак-Магон М.
Малиновский Р.В.
Мандельштам Н.Н.
Мануильский Д.З.

Марецкий Д.Н.
Маркевич
Марков Н.Е.
Маркс В.
Маркс К.
Марти А.
Мартов Л.
Мартынов А.С.
Масарик Т.
Маслов А.
Медведев А.В.
Межлаук В.И.
Мейер Э.
Мельничанский Г.Н.
Меринг Ф.
Мерфи Д.
Микоян А.И.
Мильеран А.
Мильчаков А.И.
Милюков П.Н.
Милютин В.П.
Минц С.
Митин М.М.
Михалек см. Варский А.
Михалец
Михайлов В.М.
Молотов В.М.
Монмуссо Г.
Мольтке Х.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Мусин
Муссолини Б.
Мюллер Г.
Мякотин В.А.
Наполеон I см. Бонапарт Н.
Наполеон III см. Бонапарт Л.Н.
Нейман Г.
Некрасов Н.А.
Нечаев Н.В.
Нечаев
Ногин В.П.
Новиков
Оверстратен Я.

Оверштратен Я. см. Оверстратен Я.
Ольминский М.С.
Оранж
Орджоникидзе Г.К.
Осинский М.
Отцов
Павлова И.
Паз
Пайпс Р.
Панцов А.В.
Паркер Д.
Парвус А.Г.
Пенти
Пеппер Д.
Пернерсторф
Персель А.
Петерс
Петрацевский М.В.
Петровский Г.И.
Петровский П.Г.
Петровский см. Беннет
Пийо
Пилсудский Ю.
Платон
Плеханов Г.В.
Подвойский Н.И.
Полонский
Попов В.
Попов Н.Н.
Постышев П.П.
Потресов А.Н.
Пошехонов А.В.
Преображенский Е.А.
Престес Л.К.
Прозоровская Т.
Прудон П.
Пуанкаре Р.
Путилов Н.И.
Пятаков Г.Л.
Пятницкий И.А.
Рабинков
Радек К.Б.
Радек Р.М.
Райский

Ракамон Ж.
Раковский К.
Раковский Х.Г. см. Раковский К.
Растрелли В.
Рено Ж.
Ризе
Рикк
Ринг
Розенгольц А.П.
Рой М.
Роланд-Голст Х.
Романов
Романовы
Ротштейн Ф.А.
Рубашкин
Рудзутак Я.Э.
Рухимович М.Л.
Румянцев
Рывкин О.Л.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Рязанов Д.Б.
С.
Савельев М.А.
Сакко Н.
Сапронов Т.В.
Саркис С.А.
Сафаров Г.М.
Седов Л. Л.
Седова-Троцкая Н.И.
Селор П.
Семар П.
Семашко Н.А.
Серебряков Л.П.
Симбирский
Сквоцов-Степанов И.И.
Скобелев М.И.
Скрыпник Н.А.
Слацов Я.А.
Слепков А.Н.
Смилга И.Т.
Смирнов В.М.
Смрнов И.Н.
Снегирев

Сокольников Г.Я.
Сократ
Сосновский Л.С.
Сталин И.В.
Стамболийский А.
Станчев М.Г.
Стеклов Ю.М.
Стецкий А.И.
Столыпин П.А.
Страхов
Стэн Я.Н.
Суварин Б.
Султан-Заде А.С.
Сунь Ятсен
Суханов Н.Н.
Сырцов С.И.
Тальгеймер А.
Тельман Э.
Теплов
Тер-Ваганян В.А.
Террачини У.
Титель
Толстомятов
Тольятти П.
Томас Д.Г.
Томский М.П.
Торез М.
Троцкий Л.Д.
Трэн А.
Тургенев И.С.
Тышко Л.
Угланов Н.А.
Уншлихт И.С.
Урбанс Г.
Фалкин
Фарбман Р.Б.
Фельштинский Ю.Г.
Фишер Р.
Фомин Н.В.
Форветер
Фостер У.
Фрумкин М.И.
Фрунзе М.В.
Хайдар см, Хейдар

Хаммер А.
Хейдар
Хагаевич М.М.
Хвостов А.Н.
Цанков А
Цейтлин Е.
Церетели И.Г.
Цеткин К.
Цюй Цюбо см. Страхов
Чай Кайши
Чемберлен О.
Чернов В.М.
Чернышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чернышев В.
Чжан Цзолин
Чубарь В.Я.
Чхеидзе Н.С.
Шацкин Л.А.
Шверник Н.М.
Швырков
Шеболдаев Б.П.
Шекспир У.
Шейдеман Ф.
Шляпников А.Г.
Шмераль Б.
Шмидт В.В.
Шмидт О.Ю.
Шнейдеры
Шпицберг
Штейн Г.
Штирнер М.
Шубин-Шацкий П.А.
Эберт Ф.
Эверт А.
Эйхе Р.И.
Эльцин В.Б.
Эмбер-Дро Ж.
Энгельс Ф.
Эрколи см. Тольятти П.
Эррио Э.
Юзефский
Юнг О.
Яковлев Я.А.

Янсон Н.М.
Ярославский Е.М.
Рірес R. см. Пайпе P.
У

Указатель географических названий

Австрия
Азия
Азия Малая
Ащия Средняя
Алма-Ата
Америка см. США
Америка Латинская
Англия
Аргентина
Артемовск
Астраханская губерния
Астрахань
Балканы
Барнаул
Башкирия
Белоруссия
Бельгия
Берлин
Бирск
Бобруйск
Богородск
Болгария
Бразилия
Бранденбург
Бремен

Брянск
Варшава
Великобритания см. Англия
Вена
Венгрия
Верейская волость
Владимир
Волга Нижняя
Вологда
Волоколамский уезд
Воскресенский уезд
Гамбург
Германия
Германия Средняя
Гота
Днепропетровск
Донбасс
Донская область
Дузгаринская волость
Европа
Европа Западная
Египет
Егорьевский уезд
Екатеринослав см. Днепропетровск
Екатеринославская губерния
Еремеевская волость
Женева
Закавказье
Захарьинская волость
Звенигородский уезд
Златоустовский район
Иваново-Вознесенск
Иваньковская волость
Индиана
Индия
Индонезия
Иран см. Персия
Испания
Италия
Ишим
Кабарда
Кабардино-Балкария
Кавказ
Кавказ Северный

Казань
Казахстан
Калеевская волость
Калифорния
Калуга
Камень-на-Оби
Канны
Канск
Кантон
Карфаген
Кашинский уезд
Каширский уезд
Кельн
Киев
Киевский округ
Киевщина см. Киевский округ
Кимры
Китай
Козловская волость
Козловский район
Кокчетав
Колошинский уезд
Колпашево
Колтовская волость
Колумбус
Колычевская волость
Коммунистическая волость
Краков
Красноярск
Красный Яр
Крым
Кузбасс
Кустанай
Лелечи
Ленинград
Лондон
Лос-Анджелес
Лучинская волость
Мадрас
Мамошинская волость
Марокко
Марьино
Минск
Минусинск

Можайский уезд
Москва
Московский уезд
Мюнхен
Нанкин
Нарым
Нижний Новгород
Николаев
Николаевская волость
Новороссийск
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Одесса
Одесская губерния
Одесский округ
Осташевская волость
Павловская волость
Палестина
Париж
Персия
Перу
Петербург см. Ленинград
Петроград см. Ленинград
Питер см. Ленинград
Поволжье
Поволжье Среднее
Позен
Польша
Померания
Португалия
Пруссия
Путиловская волость
Пфальц
Пфальцская область см. Пфальц
Пятницкая волость
Раменская волость
Рим
Рогаческая волость
Россия
Ростов-на-Дону
РСФСР см. Россия
Рубцовск
Румыния
Рур

Рязанская губерния
Саксония
Седан
Семипалатинск
Сергиевский уезд
Середнская волость
Сибирь
Сибирь Восточная
Силезия
Сирия
Смоленск
Смоленская губерния
Сочи
СССР
Таращанский район
Тверская губерния
Тверь
Томск
Тула
Тулунский округ
Турция
Украина
Урал
Уругвай
УССР см. Украина
Ухань
Ухтомская волость
Франция
Фуцзянь
Ханькоу
Харьков
Харьковская губерния
Херсонская губерния
Хребтовская волость
Хубей
Хунань
Цаберн
Центрально-Промышленный район
Центрально-Черноземная область
Цзянси
Циммервальд
Чанша
Черемушки
Чехословакия

Чили
Чита
Шанхай
Швейцария
Швеция
Эквадор
Эстония
Эльзас
Эрфурт
Эстония
Эфес
Югославия
Япония

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	2
Ф. Дингельштедт. Письмо Радеку.	1 августа 11
К. Родек. Письмо И. Я. Врачеву.	2 августа 14
Д. Лапин. Письмо Троцкому.	5 августа 17
Д. Лапин. Критика проекта программы Коминтерна	20
К. Родек. Письмо Дингельштедту.	8 августа 48
К. Родек. Письмо С. Мрачковскому.	8 августа 50
К. Родек. Письмо Ищенко.	8 августа 51
Г. Прозоровская. Еще раз о "левом курсе".	10 августа 52
К. Родек [?]. Програмные вопросы на июльском пленуме.	17 августа 59
Справка о волостных совещаниях групп бедноты.	18 августа 62
Письмо издательства "Атеист" Л.Д.Троцкому.	18 августа 64
Выдержки из документов. [Составлены из документов июля-августа после 21 августа]	65
Справка об обсуждении нового проекта закона о землеустройстве и землепользовании на крестьянских собраниях.	22 августа 66
Л. Сосновский. Письмо Р. Фарбману.	24 августа 68
Протокол заседания комиссии о партмаксимуме.	27 августа 72

- Агитационная брошюра "Социал-демократическая опасность в Коминтерне". 29 августа 73
- Левая оппозиция о конгрессе Коминтерна. [Август] 79
- К. Родек. Развитие и значение лозунга пролетарской диктатуры. [Август] 84
- В. Чернышев. Письмо Троцкому. 27 августа, 1 сентября. . . 115
- Августовская конъюнктура. [Начало сентября] 119
- Письмо левого оппозиционера. [Начало сентября] 119
- Листовка "Пакт Келлога и СССР". [Начало сентября]. . 124
- Листовка "Семь или шестнадцать". [Начало сентября]. . 125
- К. Родек. Надо додумать до конца. [Первая половина сентября] 125
- В. Милютин. В ЦК ВКП(б). 10 сентября 130
- К. Родек. Письмо Абрамскому. 11 сентября. [2539] 131
- К. Родек. Циркулярное письмо. 16 сентября 133
- К. Родек. Письмо Врачеву. 16 сентября 141
- Листовка. 16 сентября 142
- Симбирский. Письмо Троцкому. 18 сентября 146
- Протокол No 43 Заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1928 года 146
- Б. Лившиц. Ленин о диктатуре пролетариата и крестьянства. 20 сентября 147
- Краткий конспект доклада Угланова на совещнии секретарей ячеек Московской организации ВКП(б). 25 сентября 162
- Н. Седова-Троцкая. Письмо-телеграмма Угланову. [После 25 сентября] 163
- Что происходит вокруг редакции "Комсомольской правды"?. Сентябрь 165
- Листовка. [Сентябрь] 165
- С. Минц. В Астраханскую окружную контрольную комиссию. [Сентябрь] 167
- Итоги Шестого конгресса Коммунистического Интернационала. [Сентябрь] 168
- Сводка. [Сентябрь] 191
- Сводка No 2. Сентябрь. 347 195
- Сводка No 3. Сентябрь 198
- По фабрикам и заводам Москвы. Сентябрь 203
- Изложение документов руководящих деятелей ВКП(б).Сентябрь 205
- Примечания 206
- Указатель имен 271
- Указатель географических названий 290

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 4

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 4

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского
и Г.И.Чернявского

Предисловие

Предлагаемый том завершает условную первую часть девятитомного "Архива Троцкого". В томе помещены материалы, предшествовавшие депортации Л.Д.Троцкого из СССР в начале 1929 г. Хронологически он охватывает последние три месяца 1928 г. (первый документ датирован 1 октября, последний декабром 1928 г.) Документы, относящиеся к самому началу 1929 г., то есть ко времени, непосредственно перед экстрадицией, в архиве отсутствуют. Что касается бумаг самого Троцкого этих дней, то, по всей видимости, они просто не были уложены в багаж, который семья Троцкого спешно собирала 20-21 января 1929 г., когда лидеру оппозиции было объявлено "постановление ГПУ" - на самом деле политбюро ЦК ВКП(б) - о высылке Троцкого "из пределов СССР"¹. Что же касается документации другого рода (всевозможных писем, заявлений и т. п.), то она просто не могла отложиться в бумагах Троцкого, так как с середины декабря 1928 г. он находился в полной изоляции, его контакты были полностью оборваны надсмотрщиками из ОГПУ. В публикуемой в томе переписке оппозиционеров продолжается, хотя и постепенно глохнет полемика по вопросу, кто из них стоит на более правильных позициях, главным образом по вопросам, касавшихся социально-экономического положения в СССР и политического курса руководства ВКП(б). Как правило, оппозиционеры подчеркивали, что они попрежнему принадлежат к компартии, несмотря на то, что были исключены из нее в конце 1927 г. Лишь некоторые оппозиционеры (почти исключительно из бывшей группы "демократического централизма") пришли к выводу, что ВКП(б) перестала быть революционной партией. Особенно энергично мысль об "оппортунизме" ВКП(б) проводил теперь лидер децистов В.М.Смирнов. В своих

письмах сторонники Троцкого решительно отвергали соображения Смирнова, продолжая надеяться на примирение с руководством партии, в частности со Сталиным, когда он и его группа вступят на "правильный путь", то есть признают правоту оппозиции. Все сторонники Троцкого, включая его самого, отвергали так называемый "исторический троцкизм", то есть взгляды Троцкого до его вступления в большевистскую партию в 1917 г. Впрочем, в некоторых письмах и других документах содержались попытки показать, что между теорией перманентной революции, которую Троцкий пропагандировал в 1905 г., и ленинским подходом к революции существенных различий не было. Отдельные ссыльные, например, И.Я.Врачев, полагали, что в условиях 1928 г. критику "исторического троцкизма" следует попридержаться, так как эта критика льет воду на мельницу сталинистов.

Порой сторонники Троцкого нападали на децистов более ожесточенно, чем на сталинистское партийное руководство. В.М.Смирнова и других децистов обвиняли в "напыщенном кривлянии", в "слабом рассудке" и т. п. Последние отвечали тем же, называя все то, что произносилось по их адресу, клеветой и высокомерно отвергая "троцкистские благоглупости". Иначе говоря, и в ссылке оппозиционеры продолжали действительно оставаться большевиками со всеми свойственными этой породе людей ментальными характеристиками - догматизмом, цитатничеством, непримиримостью ко взглядам оппонентов, в том числе и, вероятно, особенно в собственной среде, стремлением навесить ярлыки, почти полной неспособностью к компромиссам и т. д. Документы свидетельствуют о том, что власти продолжали и усиливали репрессии в отношении сосланных оппозиционеров, о мелких придирах к ним, о стремлении властей до предела ограничить их переписку, о контроле за содержанием писем и т. д. Первый же публикуемый в этом томе документ - листовка "Позорная политика" от 1 октября 1928 г. - приводит ряд фактов на этот счет. Некоторое внимание в публикуемых материалах уделяется усиливавшимся разногласиям между сталинской группой и "правыми" - Бухариным, Рыковым, Томским (к числу правых без должных к тому оснований порой относили Калинина и Ворошилова). Правда, травля "правых" носила анонимный характер, фамилии их руководителей в докладах и речах сталинистов, а также в передовых и прочих статьях печатных органов не назывались. Но оппозиционерам (да и не только им) было отлично известно, кого именно имеют в виду всевозможные разоблачительные крикливые выступления. Представляет интерес предпринятый И.Т.Смилгой детальный анализ статьи Н.И.Бухарина "Заметки экономиста", которая вполне обоснованно характеризовалась как платформа правого крыла в ВКП(б), как "важнейший документ борьбы между правыми и центристами" (напомним, что центристами попрежнему именовали Сталина и его сторонников). Впрочем, далеко не все оценки ситуации в партийном руководстве были обоснованными. Нередко сторонники Троцкого явно недооценивали глубину расхождений между Сталиным, с одной стороны, и "правыми", с другой. Подчас в документах ссыльных оппозиционеров речь шла о якобы предстоящем примирении "центристов" с "правыми", о "гнилом соглашении" Сталина с Бухариным и т. п. В одной из

листовок оппозиционеров (октябрь 1928 г.) совершенно необоснованно утверждалось: "То, что правые хотели бы сделать в короткий срок, центристы делают в рассрочку". В то же время, с другой стороны, оппозиционеры тешили себя оказавшимися совершенно неосновательными надеждами на примирение со сталинской группой. В их среде распространялись слухи о том, что члены "партийного руководства" пускают пробные шары в смысле возможного примирения с оппозицией и возвращения ее членов не только в партию, но и в руководящие органы. В этом смысле упоминалось имя Г.К.Орджоникидзе. Подчас даже самому Сталину приписывались такого рода разговоры. Не исключено, что они действительно имели место, но, разумеется, по чисто тактическим соображениям, особенно в условиях, когда в верхнем эшелоне власти не завершилась еще борьба между сталинистами и сторонниками более умеренного курса. Постепенно оппозиционерам становилось все более ясным, и это четко прослеживается по документам, что возвращение в партию возможно только на базе их полной капитуляции. Некоторые публикуемые материалы свидетельствуют, что оппозиционные группы в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и некоторых других городах еще сохраняли определенное влияние, в основном в интеллигентской и студенческой среде. Приверженцы Троцкого все еще позволяли себе иногда открытые выступления на партийных собраниях, на собраниях коллективов предприятий и даже на улице. В некоторых случаях они имели возможность издавать нелегальные листовки и бюллетени. Но это влияние все более сокращалось и в силу преследований, и потому, что ссыльные лидеры оппозиции утратили непосредственный контакт со своими реальными и возможными сторонниками и, наконец, вследствие усталости и осознания бесперспективности дальнейшей борьбы в среде рядовых оппозиционеров. В то же время в отдельных документах, например, в листовках московских сторонников оппозиции, это влияние существенно переоценивалось. В статьях, письмах, заявлениях оппозиционеров можно найти массу фактов, характеризовавших реальное хозяйственное, социальное и политическое положение в стране, данные о государственной эксплуатации рабочих, о ситуации в партии, о ее все большем обюрокращивании. Привлекает внимание один из документов ("Состояние денежного обращения и покупательной силы денег к началу 1928/29 г."), в котором можно найти довольно тонкий и профессиональный анализ финансово-денежной проблемы в СССР в 1927-1928 гг. Здесь показаны крайнее напряжение в этой области, снижение покупательной силы денег, усиливавшаяся инфляция, усиление товарного голода на предметы первой необходимости и т. д. Обобщенные оценки можно обнаружить в статьях Л.Д.Троцкого, написанных в октябре-декабре 1928 г., - последних сохранившихся его документах, относящихся ко времени до депортации. В статье, посвященной 11 годовщине Октябрьской революции, Троцкий уделил много внимания противопоставлению Ленина нынешнему советскому руководству. Он уже четко формулирует, что в партии и в стране сложился и функционирует "сталинский режим". В обобщенном виде оценка положения в верхах партии к этому времени дана в его статье "Кризис право-центристского блока и перспективы". Здесь автор пытался

обосновать своей тезис о "практике узурпаторства" на путях к "подлинному бонапартизму", которая характерна для группы Сталина, опиравшейся на "рабочую бюрократию". Весьма образным, но, по нашему мнению, не имевшим глубокого внутреннего содержания, было замечание Троцкого, что социальный хвост бьет по аппаратной голове сталинцев, имея в виду якобы усиливавшуюся угрозу капиталистического перерождения социально-политического строя в СССР. Особенно четко свою концепцию "рабочей бюрократии" как социальной базы режима Троцкий сформулировал в статье "О философских тенденциях бюрократизма". "...Каждый отдельный бюрократ, - говорилось здесь, - склонен рассматривать диктатуру [пролетариата] как ангела-хранителя, стоящего за его спиной". Троцкий полагал, что пролетарская диктатура в СССР все еще сохраняется, но деформируется бюрократическим слоем. О степени ненависти автора статьи к Сталину можно судить хотя бы по следующему высказыванию: "Внешне бюрократическая бесцветность его речей и статей так же мало прикрывает его задыхающуюся ненависть ко всему, что превосходит его уровень, как сталинская мысль, как скорпион, нередко ранит себя самое ядовитым хвостом в голову". Иначе говоря, лидер оппозиции, а вслед за ним и его приверженцы, осознавая, что "в датском королевстве" далеко не все в порядке, все еще утешали себя догматическими соображениями в духе ленинских установок и надеждой на возможность восстановления подлинной "пролетарской диктатуры", которая на самом деле никогда не существовала. Упомянутые статьи, между прочим, свидетельствуют о постепенных подходах Троцкого к будущей книге о Сталине. В них, в частности, можно встретить блестящий, бескомпромиссный анализ сталинской риторики. Правда, лидер оппозиции не ставил вопроса о том, насколько соответствовала эта риторика реальным замыслам генсека, действительно ли она свидетельствовала о посредственности сталинского ума, как полагал Троцкий, или же была средством не столько выразить, сколько скрыть реальные замыслы. Нам представляется, что Сталин был значительно более сложным историческим персонажем, нежели тот образ, который складывался и упрочивался в сознании Троцкого². Как и в предыдущих томах, в предлагаемом томе публикуются некоторые документы официальных партийных органов, в том числе секретные, которые передавали оппозиционерам их тайные симпатизанты. Среди них информационные сводки Московского комитета ВКП(б), которые свидетельствуют о настроениях в рабочей среде на разных предприятиях столицы. Сводки дают представление о том, что к осени 1928 г. сторонники Троцкого все еще сохранили определенное влияние среди рабочих. Две сводки специально посвящены "троцкистским" выступлениям, в частности в связи с одиннадцатой годовщиной Октября. Надо, однако, сказать, что в некоторых случаях партбюрократы "дули на холодное", в ряде случаев представляя в качестве оппозиционных выступлений простые проявления недовольства. Значительно меньшее число документов, нежели те, которые были опубликованы в предыдущих томах, посвящено международному положению и зарубежному коммунистическому движению. Общая позиция партийного руководства в этих вопросах Троцким также характеризовалась как "центризм". Он утверждал, что

левизной центру "удавалось щеголять только в рамках политической обыденщины". В статье "Пакт Келлога и борьба за мир" (декабрь 1928 г.) Троцкий формулирует и полностью одобряет двойственность и по существу дела лицемерный характер советской внешней политики - агрессивный по линии Коминтерна и соглашательский по линии Наркоминдела. В то же время он жестко критикует конкретные проявления этой политики, в частности присоединение СССР к пакту Бриана-Келлога об отказе от войны как средства национальной политики. Специфическая ситуация в зарубежных компартиях освещается только в одном документе - письме Троцкому из Берлина (первая половина ноября 1928 г.). Явно преувеличивая, автор высказывал мнение о распаде Коминтерна, но и об оппозиционных коммунистических группах в Германии, Бельгии, США высказывался весьма критически. Письмо дает некоторое представление о взаимоотношениях между отдельными руководящими лицами как в компартиях, так и в противостоявших им коммунистических группах. В качестве приложения в томе публикуется брошюра (сборник статей и документов) Л.Д.Троцкого "Новый курс", изданная малым тиражом в конце 1923 г. и связанная с принятой 5 октября того года резолюцией политбюро ЦК РКП(б), содержавшей критику бюрократизма в партии. Ознакомление с текстом брошюры (отдельные ее части автор называет то статьями, то главами), как нам представляется, будет способствовать лучшему пониманию тех споров и дискуссий, которые происходили в советской компартии в условиях нэпа, и участию в них Троцкого и его сторонников. Текст брошюры печатается по архивному оригиналу, который несколько отличается от опубликованного и более полон. Отдельные места, не вошедшие в публикацию 1923 г., в архивном подлиннике не сохранились. В томе они обозначены отточиями в квадратных скобках.

Том публикуется в соответствии с теми археографическими методами, которые были определены в предыдущих томах издания.

Редактором-составителем тома является доктор исторических наук Ю.Г.Фельштинский. Основная археографическая работа (подготовка введения, составление примечаний и указателей, приведение текста в соответствие с современным русским языком) проведена Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. В работе над томом принимали также участие доктора исторических наук А.В.Панцов (Коламбус, США) и М.Г.Станчев (Харьков, Украина).

Документы тома, хранимые в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США), публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки.

ПОЗОРНАЯ ПОЛИТИКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Москва, 1 октября 1928 года

Число сосланных большевиков-ленинцев приближается к тысяче. Верность

ленинской линии оплачивается дорогой ценой. Товарищи, отдавшие свою жизнь и здоровье делу революции, старые большевики-подпольщики, герои Красной армии, участники Октября снова брошены в дебри сибирской тайги, к пустынным границам Китая и Афганистана.

ГПУ не довольствуется тем, что осуждает ленинцев на медленную физическую смерть. Непрекращающиеся издевательства, бессмысленные и бесцельные -- таков удел товарищей, сохранивших верность ленинизму.

Мы не знаем и сотой доли того, что приходится переносить ссыльным товарищам. Письма не доставляются. Телеграммы протеста, в том числе и адресованные в ЦК ВКП или в прокуратуру, задерживаются местными органами ГПУ. Но и те отдельные факты, которые вам известны, говорят о неслыханном режиме ссылки, в которой находятся большевики-ленинцы (оппозиция) в СССР.

Приведем несколько примеров:

Тов. Зарге выслан в Обдорск, за полярным кругом. Выслан туда по этапу, вместе с ворами, убийцами, спекулянтами. По дороге побывал в десятке тюрем и изоляторов, причем в одном только Свердловском изоляторе провел свыше месяца, ночуя под нарами из-за недостатка места. Отобраны и не возвращены все его вещи, в том числе часы, полученные в Красной Армии, как боевая награда.

В своем заявлении, поданном в ЦК ВКП, т. Зарге пишет:

"... Те, кто осуждены по 107 статье (спекулянты), при всех условиях, даже при конфискации имущества, пользуются покровительством советской тюремной и геппусской администрации. Поездка в ссылку без конвоя, "за свой счет", получение за плату ресторанных обедов, покупка мест на нарах у "шпаны", полная обеспеченность. Шпионам, растратчикам, взяточникам разрешены частые свидания, переписка, передача денег. Оппозиционеры всего этого лишены".

Вот к каким выводам пришел т. Зарге, понаблюдав советские тюрьмы.

Не менее возмутительна история, разыгравшаяся в селе Кудымкор (Урал). Когда к одному из сосланных туда товарищей приехала жена (член партии), то ей предложили немедленно уехать. Товарищу даже не позволили проводить ее до станции, хотя такое разрешение было выдано одной участнице взрыва партийного клуба в Ленинграде.

Когда четверо кудымкорских ссыльных-большевиков (Вязниковцев и др.) пожаловались на неслыханную грубость и незаконные поступки заведующего почтой (матерная ругань, отказ выдать полученные письма и пр.), то вместо того, чтобы одернуть зарвавшегося самодура, жаловавшихся т[оварищей] предали суду и приговорили к году тюремного заключения за оскорбление начальства. Пока этот неслыханный приговор был отменен по приказанию из Москвы, товарищам пришлось проделать несколько сот верст по этапу и отсидеть 2 месяца в тюрьме.

Один из организаторов московского восстания в октябре 1917 г. тов. В.М.Смирнов приговорен к тюремному заключению за 5-минутное опоздание на регистрацию в ГПУ.

Комсомолец т. Грязнов, сосланный в глухое село Тобольского округа, лишен пособия и фактически обречен на голодную смерть.

Тяжелобольных: старейшего большевика, политкаторжанина Виленского-Сибирякова, руководителя КИМа тов. Вуйовича и многих других сослали в места, где отсутствует достаточная медицинская помощь и не разрешают даже кратковременной отлучки с места ссылки (Крайний Север) для лечения.

Эти примеры бессмысленных издевательств, нелепых жестокостей и тупого бюрократизма -- только малая часть того, что происходит в действительности.

Бессовестно лжет тот, кто говорит, что такая политика вызывается интересами Советской страны. Наоборот, она подрывает авторитет СССР в глазах всего мирового пролетариата. Она отталкивает рабочих, которые вместо классовой политики видят поправки арестованным спекулянтам и жестокую расправу с рабочими-большевиками.

Нынешнее руководство помиловало шахтинских контрреволюционеров на том основании, что они-де еще принесут пользу Советской Власти, хотя совершенно непонятно, в чем проявится полезность этих предателей.

В то же время сотни большевиков, которые действительно понадобятся в тяжелый момент и партии и рабочему классу, которые, не в пример единогласно голосующим чиновникам, грудью станут защищать СССР от врагов, 90% ссыльных, либо подпольщики, либо участники гражданской войны, -- эти большевики обречены на медленное умирание в далекой ссылке.

Милости -- шахтинцам и расправа с большевиками-ленинцами -- вот линия нынешнего руководства.

Это линия, сползающая с пролетарских позиций. Эта линия ведет к термидору. Революционный рабочий должен напрячь все силы в борьбе против этой губительной линии.

Требуйте прекращения бессмысленных издевательств и репрессий. Требуйте возвращения ссыльных большевиков.

И. ВРАЧЕВ1. ПИСЬМО К. РАДЕКУ

Вологда, 2 октября 1928 г.

Дорогой Карл Бернгардович!

Как писал уже в открытке тотчас по получении Вашего письма от 16/IX, я тоже смеялся, читая Ваше письмо. Да и как не смеяться. Вы объявляете меня противником реформы и сторонником... второй революции. Я уже писал Вам в открытке, что это так же основательно, как и обвинение нас с Вами в социал-демократизме. Впрочем, давайте сначала устраним то, что основано на недоразумении.

Вы пишете, будто я ссылаюсь на неизвестное Вам письмо нашего друга к Л[ьву] Д[авидови]чу, которое я определяю как "пятакоское с оттенком сафаровщины". В конце письма Вы возвращаетесь к этому же вопросу, заявляя, что "на основе критики" нельзя "в дальнейшем болтать о подготовке

пятаковщины".

Если бы Вы прочли более внимательно то, что я писал, то в Вашем письме не было бы таких строк. В самом деле. Я писал Вам: "Вы совершенно справедливо говорили о влиянии децистов в нашей среде. Верно, это есть, как есть у нас и влияние пятакщины и даже сафаровщины. А Вы, как будто, этого не замечаете. Я допускаю, что когда Вы писали свое письмо, то Вам не все было известно по этой части. Теперь-то Вы, надеюсь, осведомлены о настроениях Ищенко, Теплова, Серебрякова, а главное, знаете наверно, что наш известный и влиятельный друг прислал Л[ьву] Д[авидовичу] [Троцкому] письмо, по оценке Л.Д.[Троцкого] "совершенно предпятакское с оттенком сафаровщины".

Таким образом, не я оцениваю письмо нашего друга как пятакское, а Лев Дав[идович], и притом не как пятакское, а как предпятакское. Ввиду важности вопроса я приведу более расширенную цитату по этому вопросу; Лев Дав[идович] пишет А. Г. Белобородову: "...От нашего приятеля... получил я из Москвы неслыханное письмо, совершенно предпятакское с оттенком сафаровщины. Меня даже слегка стошнило..."

"Письмо мое от 9/5 писалось так, чтобы дать ему возможность отступить без полемики. Возможно, что это была ошибка, истолкованная им как "колебание". Во всяком случае, он зашел далеко..."

К сожалению, письма этого у меня нет, и я не могу указать даты; приведенное же выписано из письма тов. Белобородова.

Согласитесь, дорогой друг Карл Бернгардович, что Вы зря подозревали меня, если не в распространении неверных сведений, то скороспелых и легкомысленных выводов. Я достаточно уважаю того, о ком идет речь, чтобы распространять о нем сплетни. Я бы не стал даже затрагивать вопроса, если бы сведения не исходили из столь авторитетного источника. Да, наконец, я бы не стал распространять сомнительных сведений и в силу политической вредности этого. Скажу больше. Даже об этом документально мне известном факте я до сих пор сообщил только Вам и Льву Семеновичу. По этим же соображениям я намеренно ничего не писал Вам и Леониду Петровичу, несмотря на то, что после личной беседы с ним мне стало ясно, что он уже отошел от нашего движения, по крайней мере, на данной стадии. Как видите, я в этих вопросах очень лоялен (может быть, даже больше, чем следует).

А теперь перехожу к основному вопросу. Вначале я думал, что мне придется пространно отвечать Вам, благодаря чему и задержался с ответом на целую неделю. Но сейчас я не вижу потребности в большом количестве строк.

Вы пишете: "поскольку мы стоим на точке зрения реформы, а не революции, то без того, чтобы в самой партии и даже в аппарате нашлись силы, борющиеся за реформу, никакой реформы быть не может".

Отвечаю: я с этим согласен. Да и нельзя не согласиться с этим потому, что мы делаем ставку не на потрясения или катастрофы, не на вторую революцию, а на исправление политики посредством партийной, а через это и государственной реформы. Только так стоит вопрос. Вы помните примеры Льва

Давыдовича с Перселем. Да, мы Персели советского государства. Цепь нынешнего политического режима в Англии проходит через такие звенья: Чемберлен, Макдональд, Персель. Макдональд без Перселя ничто. Персель связан с массами, но Персель -- реформист. Когда всеобщая стачка в Англии грозила превратиться в большой революционный пожар, Персель помогал Макдональду тушить этот пожар. Так и мы. Мы говорим, что происходит сползание с рельс пролетарской политики, что пролетарская диктатура у нас, испытывая жесточайшее давление чуждых классов, значительно ослабляет силу своего сопротивления, что все это таит в себе величайшие опасности, но т[ак] к[ак] мы не считаем, что давление капиталистических сил уже привело к перерождению власти, к утрате ее рабочего характера, то мы не зовем пролетариат к новой революции и боремся за реформу. Так мы ставим вопрос не из дипломатии и трусости, конечно, а из глубокого нашего убеждения, что дело поправимо. Стало быть, мы реформисты.

Всякий, кто по этому основному вопросу держится иного мнения, кто, подобно друзьям Вл.М.Смирнова, считает, что основные процессы (которые развиваются пока как подспудные, о которых мы предупреждали и предупреждаем партию и рабочий класс) уже завершены, что ВКП стала оппортунистической партией и что над ней надо поставить крест, -- он не может считать себя выразителем взглядов оппозиции и должен или стать на нашу точку зрения, или уйти к Вл.Смирнову. Так смотрю я на этот вопрос.

Но есть ли, спрашивается, в нашей среде люди, расценивающие положение вещей так, как только что сказано. Да, есть. Но, по-моему, это одиночки, а по-вашему, вся наша молодежь. Вот здесь у нас с Вами разногласие есть. А когда Вы пытались заподозривать меня в ультралевизне, то ведь это же, право, смешно, и на этом можно не останавливаться. Надо ли бороться с носителями не наших (и опасных) взглядов. Безусловно, надо. И я веду посильную борьбу. Но отсюда, от борьбы с отдельными, сбивающимися с правильной линии товарищами до отрицания правой опасности в наших рядах, когда мы стоим накануне тяжелого удара именно с этой стороны (отход Л.П.С[еребрякова], эволюция взглядов Е.А.[Преображенского]), до намеков на заигрывание Л[ьва] Д[авидови]ча с молодежью до перспектив "секты ленинцев" (В.А.)³, до "опасности ревизии Ленина слева" и пр. и пр. -- далеко. Вот здесь-то и заложены наши с Вами расхождения.

Вы пишете, что я, по-вашему, должен был бы "признать опасность и слева и справа". Совершенно правильно. И я это признаю и в письме, на которое Вы отвечаете, об этом писал. А вот Вы, как я уже Вам заявлял, признаете только опасность "слева" (с моей точки зрения, сильно преувеличивая ее) и совершенно не замечаете опасности справа. Кстати, Вы пишете: "На мое утверждение, что у нас в оппозиции опасность слева, а не справа, Вы отвечаете совершенно по-детски указанием на колебания товарищей Ищенко и Теплова и на неизвестное мне письмо... к Л.Д. [Троцкому], которое Вы определяете как совершенно "пятакоское с оттеночком сафаровщины".

На это я Вам скажу: прежде всего почему-то Вы опустили стоявшее у меня имя Серебрякова, а затем почему это перечисление в подтверждение

существования левой опасности трех имен Вами не является "детским указанием", а перечисление мною -- да является (как говорят местечковые евреи).

В письме к тов. Абрамскому Вы говорите о том, что Лев Дав[идович] не видит опасности ультралевизны и не хочет с нею бороться. Это не совсем верно. Когда Л. Д. [Троцкий] из письма в письмо разъясняет, как должна относиться оппозиция к тому, что сейчас происходит, когда он пишет "Что же дальше?"⁴, с которым Вы солидаризируетесь, и заявление конгрессу, которое Вы подписываете, то это, по-моему, и есть (наряду с другим) борьба с ультралевизной. В одном из своих писем Л. Д. [Троцкий] пишет:

"Сдвиг в политике ВКП и К[оммунистического] И[нтернационала] будет иметь крупнейшее значение и может стать даже исторической вехой".

"...Недопустим формально отрицательный подход к левому сдвигу: "ничего, мол, не произошло, одни махинации, все останется по-прежнему"".

"Нет, произошли и происходят крупнейшие события: сдвиги в партии отражают глубокие сдвиги в классах, многое говорит за то, что накопившееся количество готовится перейти в некоторое новое качество. Конечно, в этом процессе будут еще свои подъемы и спуски. Но ясно одно: даже и немногочисленные кадры, если они вооружены ясным пониманием обстановки в целом, если они насквозь проникнуты пониманием своей исторической миссии и если они в то же время умеют или учатся пойти в ногу с прогрессивным движением в партийной массе и рабочем классе... такие кадры могут сыграть в нынешнем и в неизбежном переломе решительную роль" и т. д. в таком же духе (из письма Л. Д. Троцкого от 17 июля с. г.)⁵.

Разве это не борьба с "левой опасностью"? Я допускаю, что Л[еву] Д[авидовичу] просто неизвестны вывихи отдельных товарищей и что, если бы до него дошли такие письма, как письмо к Вам Нечаева, Рубашкина и др[угих], то он реагировал бы на них соответствующим образом.

Далее, Вы указывали на то, что Лев Д[авидович] в своем заявлении конгрессу "не дотронулся до самого главного проверочного средства левого курса, а именно: положения рабочего класса". Справедливое указание. Но я думаю, что Л. Д. [Троцкий] не по несогласию или забывчивости не включил этого вопроса в свой документ, а в силу общей нашей беды. Ведь мы очень мало знаем, вернее ничего почти не знаем о материальном и бытовом положении рабочих. Я вот видел Ваше письмо, в котором Вы зло ругались по этому поводу. Целиком поддерживаю Вас в данном случае.

Это, пожалуй, все, что я смог высказать в ответ на Ваше письмо. Когда я писал, я не собирался ни увертываться, ни играть в прятки. Есть ли здесь что-либо не наше, "децистское" или от какого-нибудь самобытного "уклона" от общей нашей линии, -- судите сами.

Вы прилагали копии Вашего письма товарищам Абрамскому и Рубашкину. Я, в свою очередь, разошлю их некоторым нашим друзьям. Кстати, с письмом Вашим Рубашкину, высказавшемуся за организацию второй партии, я целиком и полностью согласен, чего не могу сказать о письме Абрамскому, с рядом мест

которого я не согласен.

Что же касается Вашей работы о демократической диктатуре, то, не входя пока что в оценку ее по существу, должен откровенно заявить, что мне не нравится самый факт появления этой работы и тем более в данное время. Простите, друг, но Вы, по-моему, надумываете опасность ревизии Ленина слева. Такой опасности у нас нет. А вот опасность от самой постановки этого вопроса -- неоспорима. Ведь т[ак] наз[ываемый] "исторический троцкизм" является главным пугалом в руках наших противников и той удочкой, на которую ловятся не только простаки из "монолитчиков", а иной раз и наши единомышленники. Нельзя забывать и того, что все отходящие от оппозиции начинают с указания на "возрождение исторического троцкизма", а докатываются до проработки нас в стиле Стецкого и Марецкого, Слепкова и Ярославского.

Вам ведь хорошо известно, что никто из нас нигде и никогда не солидаризировался со взглядами Льва Дав[идовича] в период первой революции и никто из нас не считал себя хотя бы в какой-нибудь степени ответственным за теорию "перманентной революции". Так на это смотрел и сам Л.Д.[Троцкий]. Только Вы составляли исключение и публично защищали дооктябрьскую концепцию тов. Троцкого. И я очень жалею, что именно Вы начали воскрешать старые и так "проработанные" в последние годы разногласия по вопросу об оценке движущих сил революции. Я глубочайше убежден, что Вы совершили большую ошибку, т. к. не сомневаюсь, что Ваша "переоценка ценностей", вернее заявление об этой переоценке, да еще с намеками на "ревизию Ленина слева" принесет величайший вред нашему движению.

Ну теперь все. Ежели что не понравилось, не сетуйте на меня. Я знаю, что Вы там порою не особенно хорошо себя чувствуете, но политика ведь такая штука, которая требует от людей, даже и спянных общностью основных идей и совместной борьбой, -- крепких нервов. Вы ведь это отлично знаете.

Если Вы не обременены очень -- пишите и уж во всяком случае засылайте копии своих писем и текущих работ. Я буду рад получить все это и обещаю, как и раньше, по мере возможности, знакомить с Вашими письмами товарищей, состоящих со мною в переписке (не говоря уже о товарищах по колонии). Также обещаю и делиться с Вами всякими новостями. С нетерпением буду ждать Вашей китайской работы. Кстати, о Вашей работе. Я давно собирался сделать на этот счет предложение.

Почему бы Вам, по примеру Льва Дав[идовича], не заняться в промежутках между основными работами воспоминаниями. У Вас ведь счастливая революционная участь, и Вы о многом можете рассказать. Если бы Вы взялись за эту работу, то у Вас вышли бы не голые мемуары, а полезнейшая книжка, в которой Вы сумели бы осветить как историю революционного движения в период развития и распада соц[иал]-демократии, возникновения и развития современного коммунизма в основных странах, так и вопросы стратегии и тактики пролетарского авангарда. А это было бы в высокой степени полезно. Вы ведь в своих письмах часто ссылаетесь на опыт тех или иных партий последних десятилетий, а между тем исторические примеры, на которые Вы указываете

сплошь и рядом, многим товарищам неизвестны. Так бывает не только тогда, когда речь идет о предвоенном периоде или более поздних, но иной раз и тогда, когда в пример берутся отдельные этапы в борьбе за коммунизм в послеоктябрьский период. Чтобы не быть голословным, укажу, что мне приходилось сталкиваться с рядом наших товарищей, считающихся вполне подготовленными и занимавших более менее видное положение в наших рядах, которые, однако, или не знали, или совершенно забыли даже такие этапы в развитии Коминтерна (я бы сказал, и в развитии наших взглядов), как III конгресс Коминтерна с его борьбой с теорией офензивы, основанием тактики единого фронта и пр.

А вопрос германской революции, опыт Венгрии, Баварии, Саксонии, Болгарии, Эстонии и пр. и пр.

Меня очень обрадовало, что Лев Дав[идович] в своей критике проекта программы К[оммунистического] И[нтернационала] все эти вопросы не только поставил, а и осветил светом марксистской критики. Но этого еще недостаточно. И Вы бы смогли написать много полезного. Право же, принимайтесь за такую работу.

Наша колония, кстати сказать, в настоящее время пополнившаяся еще на два человека (теперь нас 6 человек), шлет Вам привет, а я, помимо приветов, обнимаю Вас крепко. Ваш И.Врачев

Какое-то "страшное" письмо писали Вы в конце августа Вуйовичу. До меня дошли слухи. Не найдете ли возможным сообщить?

К ТОВАРИЩАМ ГРУППЫ "15"

Дорогие товарищи! До нашей Воронежской группы ссыльных оппозиционеров дошло письмо тов. Сапронова от 5/VIII, адресованное тов. Нечаеву, и выдержки из письма тов. В.М.Смирнова, относящегося, очевидно, к тому же периоду.

Ознакомившись с этими письмами и всесторонне продумав выдвигаемые в них положения, мы считаем своим революционным долгом сказать вам следующее.

1. Никогда еще с момента Октябрьской победы страна диктатуры пролетариата не была в большей опасности, чем в переживаемый период. Мы стоим перед фактом трусливой капитуляции высших органов партии и соввласти перед капиталистическими силами, возросшими на дрожжах оппортунистического руководства.

Лишь этот грозный факт и общее к нему отношение может быть в данный момент решающим критерием для определения дальнейших путей оппозиции и для создания соответствующих политическим задачам взаимоотношений между отдельными оппозиционными течениями.

2. Мы считаем, что на данном историческом этапе наши принципиальные разногласия имеют больше политических предпосылок к изживанию, чем к дальнейшему нарастанию. Ликвидировать между собой несущественные ныне

политические счета прошлого для революционного дела будущего -- первейший долг оппозиции. Такое сознание живет в среде большевиков-ленинцев, и мы уверены, что оно разделяется всеми товарищами, примыкающими к группе "15". Высказанное нами положение находит свое подтверждение также в начальной части письма тов. Сапронова к Нечаеву от 5/VIII, где он пишет: "Ты пишешь "если бы удалось нам сговориться насчет одной общей позиции. Никаких других причин к раздельному существованию больше не имеется" -- совершенно правильно. И желание оппозиционеров к этому есть -- тоже правильно".

Из приведенных строк письма тов. Сапронова мы видим, что он считает даже возможным подтвердить несколько преувеличенное в настоящий момент утверждение Нечаева о полном отсутствии причин к раздельному нашему существованию. Какие же, однако, шаги предпринимает тов. Сапронов и его ближайшие друзья из группы "15" для ликвидации беспринципного раздельного существования двух родственных оппозиционных групп? На этот вопрос остальная часть его письма дает неожиданный и довольно-таки безотрадный ответ. Не формулируя сколько-нибудь существенного пункта принципиальных, организационных или тактических расхождений между большевиками-ленинцами и группой "15" на данной стадии развития политической борьбы, автор письма тем не менее ухитряется в излишне возбужденном тоне цепляться за устаревшие эпизоды, чтобы резко противопоставить себя другим и сердито поругивать руководителей нашей оппозиционной группы, позволяя себе даже прибегнуть к методам полемики, часто применяемым бухаринской гвардией и верноподданническим сталинским аппаратом.

Очевидно, из своего горячего стремления прекратить беспричинное раздельное существование тов. Сапронов решает в своем письме утверждать, что наши вожди не желали подачи общего заявления конгрессу, что наши вожди ориентируются лишь на левый курс, что тов. Троцкий желает брать ответственность за левый курс, что у нас много противоречий между оценкой состояния партии и нашей дальнейшей ориентацией на нее, между стремлением защиты платформы и нашего отказа от фракций, что наша группа игнорирует "раб[очий] вопрос" и даже, представьте себе, что мы против восстановления группы "15" в партии и против возвращения ее из ссылки. Так по существу выглядит аргументация тов. Сапронова против раздельного нашего существования.

Для тов. Смирнова же вопроса о прекращении войны не только не существует, но, напротив, он как бы весь озабочен еще большим разжиганием и обострением ненужной драки. Тов. В.М.Смирнов в своем артиллерийском наскоке, исключая все элементы политической честности и добропорядочности, называет заявление тов. Троцкого конгрессу капитулянтским, своим признанием левого курса поддерживающим мелкую буржуазию и т. п. смертные грехи.

Если бы все эти приведенные характеристики, а особенно характеристики тов. Смирнова, не представляли собой обычной демагогии, клеветы, подтасовки, грубой фальсификации, пустого напыщенного кривляния и сплошной истерии, то мы в действительности имели бы неопровержимые аргументы за сохранение

раздельного существования, а не наоборот. Справедливый анализ всех этих измышлений разоблачает без остатка всю их беспочвенность и показывает нам всем, что если в природе и не имеется реальных мотивов для раздельного существования, то у некоторых имеются сильные стремления к беспочвенным политсхлокам, парализующим здоровое полит[ическое] развитие и желаемое большевистское единство.

3. Об общем заявлении конгрессу. Только при слабом рассудке и полном беспамятстве можно выдвигать обвинение в нежелании выступать с общим заявлением конгрессу. Условия ссылки не только исключали возможность серьезной согласительной работы между нашими течениями в предконгрессовский период, но исключали даже возможность даже какой бы то ни было договоренности между руководителями одной и той же группы. Появление отдельного заявления со стороны наших товарищей Смилги и Радека, снявших его по ознакомлении с заявлением тов. Троцкого, достаточно характеризует техническую сторону этого дела. Кто же не знает, что огромное большинство наших товарищей присоединилось к документам тов. Троцкого только на основании одной заключительной части заявления и с остальными частями его ознакомливало фактически уж во время, а часто после конгресса. Кто же не помнит, что начавшаяся после XV съезда лихорадочно конвульсивная и исключительно зигзагообразная политика партии сделала свой наиболее крутой поворот вправо как раз в предконгрессовские дни, когда продумывались и писались заявления конгрессу. Естественно, впоследствии это видоизменяло принципиальную трактовку отдельных частей. Можно ли, сохранив остатки добросовестности, разводиться капризы насчет какого-то нежелания с нашей стороны совместного выступления? Если уж кто скандалит против совместного выступления, так это не наши товарищи. Читайте рассуждения тов. В. Смирнова и вы в этом убедитесь.

"По поводу совместного заявления, -- пишет он, -- я считаю это абсолютно невозможным. Ибо компрометировать себя всякими троцкистскими благоглупостями, которые при данном положении там будут в изобилии, слуга покорный, даже в том случае, если бы там вытравлен был душок капитулянтства... Вся развиваемая в письме теория есть не что иное, как прокламирование дорожки к капитуляции" и т. д.

В связи с этим заявлением тов. Смирнова мы спрашиваем вас, что общего в этой позиции грубого отказа от совместного выступления с "капитулянтами"-троцкистами с позицией тов. Сапронова, не видящим причин к раздельному существованию, но жалующимся на мифический отказ Троцкого от совместного с тов. Сапроновым выступления? Мы спрашиваем вас также, какой смысл, кроме беспринципного шельмования наших товарищей могут иметь в жесточайших условиях ссылки беспочвенные претензии о желании или нежелании совместного выступления на конгрессе?

4. О письме тов. Троцкого от 5/V о левом курсе и о несении за него ответственности. В августе месяце после того как товарищи Сапронов и Смирнов имели уже неоднократную возможность ознакомиться и даже изучить материалы,

посланные тов. Троцким в адрес конгресса, включая сюда и его послесловие к "Что же дальше?", -- они все же продолжают выступать со своими надоедливymi придирадками за восхваление левого курса, как бы имевшим место в письмах тов. Троцкого от 9/V, 22/V, 3/VI и 21/VI7 "за уступки мелкой буржуазии" и "готовность брать ответственность" за левый курс. Упомянутые выше письма тов. Троцкого хорошо известны оппозиции и вряд ли нужно еще кому-нибудь доказывать политическую бессовестность такого толкования. Ограничимся лишь несколькими выдержками из "Что же дальше?" и послесловия, написанного 22 июня с. г. Вот что там сказано: "Совершенно преступным легкомыслием было бы думать, что мы уже имеем перед собой сколько-нибудь продуманный, сколько-нибудь последовательный, сколько-нибудь обеспеченный курс революционной пролетарской политики. Далеко нет. Мы имеем нечто более серьезное, чем верхушечный маневр в духе 5-го декабря [19]23 года, но нечто гораздо менее значительное, чем последовательный курс в духе платформы оппозиции. Как же назвать тот поворот? Пока мы не можем назвать его иначе, как зигзагом". И дальше: "...значит ли это, что нынешний зигзаг исключает возможность развития его в левый курс. Скажем открыто: поскольку дело зависит от предвидения и последовательности руководства, не только его политика последних годов, но и сегодняшнее его поведение должны скорее склонить к скептическому ответу на поставленный вопрос" ("Что же дальше?"). В "Послесловии", написанном после июльского пленума ЦК, мы читаем: "Логика правого курса может в короткий срок стать несокрушимой, какие бы то ни было иллюзии, фальшивые надежды на партийность правых, всякие вообще надежды на авось, упущение времени, затушевывание противоречий, недомолвки, дипломатничание -- означают усыпление рабочих, прямую поддержку врагу, сознательную или бессознательную помощь термидору. Речью Рыкова, комментирующей постановления июльского пленума, правые бросили перчатку Октябрьской революции. Надо понять это. Надо поднять перчатку, надо сейчас же, немедленно, со всего размаха ударить правых по рукам". По поводу письма тов. Троцкого от 9/V, которое тов. Сапронов нарочито пытается сбрасывать в одну кучу с остальными его письмами и заявлениями, посланными конгрессу, тов. Троцкий говорит в письме от 30 августа, адресованном другу З. Д.8: "...я полностью согласен с вами насчет необходимости серьезной дискуссии по основным вопросам. Кроме пользы, от этого ничего не будет. И "молодые" уже довольно широко пользуются этим правом дискуссии. Я получил от них ряд серьезных писем за чрезмерную уступчивость по адресу Преображенского, и в основном они правы. Я передипломатничал, стараясь избежать в острый момент по острому вопросу внутренней дискуссии под стеклянным колпаком!

5. О партии, о 16-ом окт[ября] и о фракционности. Хорошая половина письма тов. Сапронова занята злобными, но не совсем внятными придирадками по поводу характеристики состояния партии и орг[анизационных] наших выводов, из этой характеристики вытекающих. Тут на вид недоуменные, но с излишним пристрастием поставленные вопросы о нашей тактике 16 окт[ября], о разговорах о двух партиях, о сохранении платформы после капитуляции Зиновьева и

Каменева, об отказе от фракционности и т. д. Но ведь всем известно, что вся наша тактика со времени нашего разрыва исходила из основной принципиальной установки на глубокую парт[ийную] реформу как предпосылку реформы сов[етского] государства. Нас с вами история разделила именно у этого тупика. Вы уже с 16 октября пытались исходить из фактического наступления термидора, чем обрекли себя на бессмысленное топтание на месте. Вы, с одной стороны, не обнаружили ни воли, ни стремления к легальным формам преодоления внутрипартийной реакции, а с другой -- не проявили достаточной храбрости для решительного разрыва с партией и мобилизации рабочего класса вне этой партии против нее. Таким образом, с лишком два года вы пребывали в щелях политической истории. Мы же считали, и совершенно правильно считали, что пока известные политические лимиты, отделяющие партию пролетарской диктатуры от партии диктатуры мелкой буржуазии (термидор) не нарушены, говорить об осуществлении термидора преждевременно, и становились потому на путь реформы. Мы были с еще большевистской партией против ликвидаторов большевизма. А вы-то, товарищи, не скажете ли нам, с кем шли вы, начиная с 16-го октября? И шли вы вообще куда-нибудь с того времени? Нам думается, что нет. Вы ждали приближения термидора, чтобы доказать этим свою правоту. Вы, пожалуй, скоро дождетесь его, но и его наступление никак не принесет вам оправдание. Обязанность революционеров в пролетарском государстве (да и не только в пролетарском) не состоит вовсе не в том, чтобы поджидать контрреволюцию, а в том, чтобы пресечь ей дорогу и в корне уничтожить ее. Во всяком случае в августе [19]23 г., а тем более теперь в середине октября, мы не имеем никаких оснований более заниматься праздным воспоминанием оттенков спора 16 окт[ября] [19]23 г. Переживаемый период требует от нас объединенных и активных действий. Официальное партийное руководство фактически переходит роковые исторические лимиты, и путь внутрипартийной реформы становится все менее надежным. В цитированном уже выше Послесловии к "Что же дальше?" тов. Троцкий писал: "Победа правого крыла была бы последней ступенькой к термидору. От победы правого крыла наверх диктатуре пролетариата уже нельзя было бы подняться одними лишь методами партийной реформы"⁹. Сегодня об этом надо кричать еще громче, так громко, чтобы разбудить уснувшую бдительность пролетариата, теряющего свое завоеванное господство.

6. О рабочем вопросе. В этих письмах имеются даже "намекы" на игнорирование и невнимание к рабочему вопросу в документах тов. Троцкого, посланных конгрессу. Но это, действительно, чудовищно. На этакую форму демагогии и неловко отвечать. Здесь полностью воскрешаются худшие традиции грубого экономизма, анархического синдикализма, узкой цеховщины и худшей махаевщины¹⁰, для которых характерно выдергивание вопросов рабочей экономики из общего комплекса революционно-политической борьбы пролетариата. Напрасно вы только намекаете, товарищи, по такому серьезному вопросу стоило бы сказать полным голосом. Назовите класс, которому, вы полагаете, посвящает свое внимание тов. Троцкий, обращаясь к конгрессу.

Ну, а на ребяческие и смехотворные упреки, что тов. Троцкий не желает

возвращения группы "15" из ссылки и восстановления ее в партии -- мы не считаем нужным останавливаться и проходим мимо.

Но в письме тов. Смирнова имеются новые нотки, правда, неслыханные до сих пор от кого-нибудь из группы "15", но весьма популярные в устах Рыкова, Сталина, Бухарина. Ру-гая нещадно Троцкого за его послание конгрессу, тов. Смирнов как бы между прочим роняет такие слова: "Дурацкая теория о том, что события в Западной Европе сейчас же непосредственно и неизвестно какими путями отражаются на нас (поражение германской революции -- реакция у нас; полевение масс теперь, глупенький расчет, что это сейчас же вызовет и наше возрождение, которое якобы уже началось "левым курсом")" и т. д. Как явственно напоминают эти речи опостылевшие перепевы рыцарей построения социализма в одной стране! Уже ли, товарищи дорогие, эту галиматью следует принять за вашу общую точку зрения?

Мы искренне убеждены, что это не ваша точка зрения. Мы также уверены, что немногие из вас будут стоять за дальнейшее раздувание разногласий, которые давно уже пора ликвидировать без остатка. Наступают дни решительных боев за большевистскую партию, за диктатуру пролетариата. Мы считаем, что нет у нас непримиримых принципиальных разногласий и давайте их больше не выдумывать. Довольно склоки. Время настойчиво призывает к революционному единству, к большевистской решительности.

Воронежская группа ссыльных большевиков-ленинцев (оппозиционеров)

Воронеж, 12 октября 1928 г.

И. СМЛГА. ПЛАТФОРМА ПРАВОГО КРЫЛА ВКП(б)

(Н. Бухарин "Заметки экономиста")¹¹

Статья Н. Бухарина "Заметки экономиста", помещенная в "Правде" от 30/IX, представляет исключительный интерес.

Интерес этой статьи состоит не в обилии новых мыслей по случаю окончания хозяйственного года; статьи Бухарина этим свойством никогда не отличались. Напрасно читатель будет искать в этой статье и большевистского освещения хозяйственных вопросов; Бухарин давно разучился мыслить и писать по-ленински.

И тем не менее интерес этой статьи несомненен. Он состоит в самом факте, времени и условиях ее появления. В этой статье Бухарин выступает не в качестве официоза "железного", "монолитного" и прочее ЦК ВКП. Он выступает в качестве идеолога правого крыла партии, или правых примиренцев, как одной из разновидностей этого крыла. Его статья является полемическим ответом центристам (Сталину, Молотову, Куйбышеву и др[угим]). Она появляется в печати после того как центристы уже развернули по стране усиленную кампанию осуждения по ячейкам правых и правых примиренцев. Перед нами яркий образчик того режима внутри партии, который причинил ей столько бедствий и который на этот раз начинает поражать самих творцов этого режима. Партию убеждают, что

в ЦК никаких разногласий нет, что разногласия выдумываются зловерными троцкистами для смущения партийных умов. Потом в один прекрасный день по дирижерской палочке генерального секретаря начинают во всех районах "клеить" каких-то неизвестных, неведомых супостатов, уклоняющихся от "столбовой дороги" сталинизма. Потом уже начинают появляться в "Правде" статьи, убедительно доказывающие, что враг разбит, партия стала во много раз "железней", "монолитней" и т. д. Сегодня это "железное единство" демонстрируется против правых. Против кого оно обернется завтра? Мы установили, что перед нами важнейший документ борьбы между правыми и центристами. Мы не склонны переоценивать глубину разногласий между вождями центристов и правых. Разногласия между ними невелики. Они всегда предпочли бы борьбе сделку за счет пролетариата и ленинской оппозиции. Но разногласия между ними обостряются вместе с обострением классовой борьбы в стране. Партийный режим действует в том же направлении. Вот почему было бы величайшей ошибкой пройти мимо начинающейся в правоцентристском блоке борьбы. Статья Бухарина при всех ее недостатках есть яркое пятно на фоне этой борьбы. В этом ее интерес. Критика этой статьи не может быть единой. Мы разберем ее с точки зрения классовых интересов пролетариата или (что одно и то же) ортодоксального марксизма и ленинизма. Центристы будут расценивать ее как один из "ходов" противника в верхушечной борьбе. Правое же крыло, в наибольшей степени отражающее интерес и настроения других классов, найдет, наверное, в статье Бухарина бездну премудрости и учености. Так оно и должно быть. Нельзя писать одну и ту же программу для рабочего и кулака. Нельзя считать себя одновременно большевиком и таскать на своих плечах термидорианский груз. За последнее время народилось немало охотников смешивать эти два дела. Бухарин первый среди них. Выступить с подобным идейным багажом теперь, когда враждебные пролетариату силы внутри страны и вне ее ведут усиленное наступление на позиции социализма, означает на деле предательство интересов пролетариата. Для правых же такое выступление -- клад. Отсюда и разница в оценках.

Как могло случиться, что человек, имеющий крупные заслуги перед рабочим классом, проработавший долгие годы под руководством Ленина, автор ряда интересных работ, дошел до позорной роли идеолога тех элементов внутри ВКП, которые тянут партию и весь рабочий класс в термидорианскую пропасть? Для ответа на этот вопрос необходимо хотя бы вкратце остановиться на эволюции партийного руководства последних лет и личности самого Бухарина. Первая справка может быть весьма краткой. События внутрипартийной жизни последнего времени у всех еще в памяти. Партийное руководство съехало с ленинских рельс не вчера. Этот процесс начался немедленно после ухода с политической арены Ленина. В идейном освещении этого сдвига Бухарин играл виднейшую роль. Он вместе со Сталиным выступил в качестве идеолога этого сползания. Правоцентристский блок в теории выступил с ревизией марксизма и ленинизма в важнейших вопросах пролетарской революции [и] диктатуры (теория социализма в одной стране, диктатура двух классов, отрицание диктатуры партии). В

тактических вопросах политика блока состояла из чудовищных оппортунистических ошибок (рабочий вопрос, расслоение деревни, Англо-русский комитет, тактика в Китае и др[угие]). В организационных вопросах блок, прикрываясь фразами о единстве, раскалывал и душил ленинскую партию. На XV съезде блок расколол партию и загнал ее пролетарское ленинское крыло в ссылку. Через полгода началась борьба внутри самого блока. Такова краткая и весьма неприглядная история господства правоцентристского блока. Значительный интерес представляет сам Бухарин как политический и психологический тип. Его эволюция не случайна. Автор настоящих строк готовит специальную работу о Бухарине. В ней мы подробно разберем эволюцию Бухарина от марксизма к ревизионизму. В этой же работе мы проанализируем и социально-классовые корни русского пореволюционного ревизионизма. В данной заметке мы остановимся только на более ярких штрихах, рисующих Бухарина как политика.

Самым крупным недостатком Бухарина всегда была его несамостоятельность. Он всегда состоял при ком-нибудь из политических руководителей. При изучении его произведений это черта бросается в глаза. Он не самостоятельный мыслитель и политик, а подголосок, подпевала. Голосил же и подпевал он иногда весьма талантливо, так как природа способностями его не обделила.

Вторая его черта -- это нелюбовь к детальному и конкретному изучению вопроса. Отсутствие анализа у него заменяется пространными теоретическими рассуждениями.

Третий его недостаток -- это страсть к "углублению" и дальнейшему "развитию" марксизма. Обычная страсть всех ревизионистов и оппортунистов.

Ознакомившись с некоторыми личными чертами Бухарина, проследим его политическую карьеру после революции.

В период 1917-[19]22 гг. Бухарин все время спотыкался -- "влево". В вопросе о Брестском мире он выступает против Ленина вместе со своим нынешним коллегой по правой фракции Осинским. В момент величайшего подъема революции он пишет ряд статей о перерождении советской власти, о ее чисто "формальном" значении. Под давлением Ленина он исправляет свои ошибки. В 1920 году он в своей "Экономике переходного периода" пытается опыт "военного коммунизма" сделать обязательным законом для пролетарских революций всех стран. В дискуссии о профсоюзах перед X съездом Ленин резко всех полемизирует с Бухариным за его синдикалистский уклон. В 1922 г. он пишет статьи с намеками на перерождение определенных клеточек в партии и доказывает неизбежность этого перерождения. Ленин ценит в нем "превосходно образованного экономиста" и твердой рукой выправляет его "заскоки". Диалектическим материалистом Ленин его никогда не признавал. Он считал, что Бухарин на всю жизнь искалечен богдановщиной¹². Таков был Бухарин при Ленине. В железных руках Владимира Ильича восковая фигура Бухарина после приступов отсебятины обыкновенно принимала благообразные очертания пролетарского революционера. После Ленина Бухарин находит себе нового руководителя в лице Зиновьева. Во время начавшейся в 1923 г. травли тов. Троцкого Бухарин меняет вехи и берет курс

направо. В 1923 г. тов. Троцкий выдвинул вопрос об опасности перерождения известной части руководящих кадров партии и настаивал на решительном изменении партийного режима, как на мере борьбы с этой опасностью. Бухарин трусливо спрятался в кусты; он не только забыл про свои статьи, но яростно обрушился на тов. Троцкого, который, как события показали, был в том вопросе совершенно прав. После Ленина Бухарин стал представителем партийного большинства. Он написал ряд ревизионистских статей о рабоче-крестьянском блоке и социализме, обращения, восторженно встреченные В. Черновым¹³ (комнародничество). Он пишет правоубогий проект программы Коминтерна, в котором уже выдает нэп за универсальный закон пролетарских революций. Питая уже известное нам отвращение к детальному изучению предмета и обладая страстью к обобщениям, Бухарин хватается за первую возможность "углубить" и "развить" в теорию для всех народов этапы развития революции в СССР.

Боги жаждут. Охраняющий сползание режим требует новых жертв. Начинается борьба Сталина с Зиновьевым. Появляется на свет божий теория социализма в одной стране. Бухарин выдвигает свой печально знаменитый лозунг "обогащайтесь" и пишет о "врастании кулака в социализм". Статьи его становятся все болтливей и самоуверенней. Он ратоборствует уже не один. Он выступает уже во главе целой плеяды молодых из Института красной профессуры (Слепков, Стецкий, Марецкий, Астров). Бухарин становится вождем школы "молодых". Об этом институте и об этой школе необходимо сказать пару слов. Институт этот был создан с благой целью учить партийную молодежь марксизму и ленинизму. Вскоре, однако, в связи с начавшейся внутривнутрипартийной борьбой туда стали набирать уже не по способностям, а по преданности господствующей фракции. При резком недостатке образованных людей в партии спрос на питомцев института был обеспечен. Перед ними открывалась быстрая и блестящая карьера.

Набираемая по преимуществу из интеллигентских слоев, эта молодежь быстро усвоила нравы и привычки советских лицеистов. Каково отношение этих людей к пролетариату? Для большинства из них классовая борьба -- отвлеченное понятие. О ней они знают по книжкам. Пожалуй, весь их практический опыт рабочего движения состоит в том, что они по поручению какого-нибудь парткома ликвидировали, "усмиряли" "волынки" (гнусное словечко). Вот эта-то, если и не золотая, то весьма червонная молодежь избрала Бухарина своим вождем. Быстро правящий лидер во главе шумной ватаги молодых карьеристов, вооруженных знаниями и житейским практицизмом, -- это уже представляло серьезную опасность для всей партии.

При Сталине Бухарин совершал величайшие правые ошибки в руководстве китайской революцией. Уже после шанхайского расстрела, когда контрреволюционная и палаческая физиономия Гоминьдана вполне определилась, Бухарин истерически визжал, что никому не отдаст синего знамени Гоминьдана. Надо было буквально ударить древком этого знамени по бухаринскому черепу, чтобы привести его хотя бы в сознание. О понимании мы уже не говорим. При Сталине он теоретически обосновывал раскол партии и глумился над преследуемыми пролетарскими революционерами.

Его несамостоятельность, терпимая при Ленине, стала невыносимой при эпигонах. По мере того, как снижался уровень его политических руководителей, тускнела физиономия Бухарина. Он в конце концов превратился в лакействующего писца при его хозяевах-практиках. Большого позора нельзя себе и представить. Но ничто не вечно под луной. Началась борьба между Сталиным и Рыковым. Следуя своей традиции последних лет, Бухарин занял место на правом фланге. Отныне его перо будет служить Рыкову, Томскому и другим правым вождям. В добрый час. Пролетариат с кровью отрывал от своего тела таких людей, как Каутский и Плеханов. Потерять же нынешнего Бухарина -- прямая выгода. Мы уверены, что читатель не посетует на нас за эту разросшуюся против нашей воли справку. Переходим к разбору самой статьи.

Промышленность и сельское хозяйство

Вопрос о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства в Советском Союзе имеет огромное политическое значение. Вокруг этого вопроса кипит ожесточенная борьба. Факт борьбы есть лучшее доказательство того, что здесь задеваются интересы различных классов и групп. Мы также придаем этому вопросу весьма большое значение, более того, мы считаем, что в зависимости от того, как решается этот вопрос различными группировками, стоит вопрос об отношении этих групп к пролетариату. Вполне грамотные и образованные экономисты дают совершенно различные ответы на этот вопрос. Тов. Преображенский и проф. Кондратьев -- оба превосходно образованные экономисты -- не сойдутся ни в одном сколько-нибудь серьезном вопросе. Не сойдутся они потому, что занимают в экономической науке совершенно противоположные позиции. Преображенский -- марксист, Кондратьев -- представитель одного из направлений буржуазной экономики. Разница же в мировоззрениях означает и разницу в классовых симпатиях. В нашем примере Преображенский является пролетарским революционером, большевиком-ленинцем, Кондратьев же -- идеолог кулачества и городской буржуазии. Отсюда читатель поймет, почему мы с такой резкостью подчеркиваем классовый характер того или иного разрешения вопроса о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. В переводе на язык классов мы обсуждаем вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Вот почему необходимо всегда за внешностью того или иного понятия находить социально-классовые корни. В данном случае нас интересует отношение к этому вопросу правого крыла ВКП, центристов и оппозиции.

Правое крыло (Бухарин)

Приглашаем читателя вооружиться терпением; приглашаем его также преодолеть отвращение к схоластическому и болтливому слогу Бухарина. Вопрос достоин величайшего внимания:

"Наивысший длительно темп получится при таком сочетании, когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве. Именно тогда и индустрия дает рекордные цифры своего развития. Но это предполагает

возможность быстрого реального накопления в сельском хозяйстве...

Переходная эпоха "поворачивает самую индустрию лицом к деревне" и индустриализирует сельское хозяйство, выводя его с исторических задворков на авансцену экономической истории. Троцкисты не понимают, следовательно, того, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства".

Послушаем, какие доказательства приводит автор в пользу своего утверждения:

"В пределах и рамках капитализма нетрудно различить три основных типа отношений. Первый тип -- наиболее отсталое, полукрепостническое сельское хозяйство, крестьянин паупер, голодная аренда, беспощадная эксплуатация мужика, слабая емкость внутреннего рынка (пример -- дореволюционная Россия).

Второй тип -- гораздо меньшие остатки крепостничества, крепостник-помещик в значительной степени уже капиталист, более зажиточное крестьянство, большая емкость крестьянского рынка и т. д.

Третий тип -- "американский" -- почти полное отсутствие феодальных отношений, "свободная земля", на начальных ступенях отсутствие абсолютной ренты, зажиточный фермер, огромный внутренний рынок для промышленности. И что же. Нетрудно видеть, что мощь и размах индустриального развития, мощь и размах роста производительных сил были максимальны именно в Соединенных Штатах".

Мы с этим решительно не согласны. Бухарин в этом вопросе, во-первых, ставит на голову всю историю, во-вторых, высказывает взгляды, абсолютно чуждые марксизму и ленинизму. По Бухарину выходит, что основу промышленного развития страны надо искать в характере и состоянии сельского хозяйства. Такого чудовищного вздора мы никогда не слыхали от людей, считающих себя "марксистами". Не марксистом¹⁴, а настоящим мракобесием несет от его доказательства. На самом же деле все было наоборот. По мере роста производительных сил промышленность отделялась от сельского хозяйства. Создавался класс торговой и промышленной буржуазии, который в конце концов пришел на смену феодализму. Упрочив свое господство и обеспечив капиталистическое развитие города и деревни, буржуазия гигантски развернула производительные силы. Только на основе созданной буржуазией техники могла возникнуть капиталистическая экономика и подъем в сельском хозяйстве. Это азы марксизма. Физиократ¹⁵ XX века Бухарин рассуждает не как марксист, а как подлинный потомок славянофильской реакции¹⁶.

Ссылаться на Америку и сводить темп развития американской промышленности к развитию сельского хозяйства может только Бухарин. Каждому мало-мальски грамотному человеку известно, что Америка начала гигантски развиваться после того, как промышленный Север разгромил в гражданской войне земледельческий и рабовладельческий Юг¹⁷. Лишь после того, как промышленная буржуазия взяла в свои руки политическое и хозяйственное руководство Соединенными Штатами, начался период, поразивший воображение Бухарина. Если бы он взял цифры развития промышленности и сельского хозяйства Соединенных Штатов, то он увидел бы, что от чего зависит.

Начиная с последней четверти XIX века, удельный вес промышленности быстро вырастает за счет удельного веса сельского хозяйства. Определяющее значение промышленности бьет в глаза. Она ведет за собой и поднимает производительные силы сельского хозяйства. (В Англии промышленность прямо вытесняла сельское хозяйство).

Говоря об Америке, не сказать ни слова о природных ресурсах, роли иммиграции и других важнейших вопросах, это значит писать историю даже не по Иловайскому¹⁸. Бухарин все забыл: увлеченный новой выдуманной им убогой схемой, он уподобился райской птице Сирен, которая, как известно, когда правую политику воспекает, сама себя забывает.

В той же статье мы встречаемся с совершенно противоположной формулировкой вопроса о промышленности и сельском хозяйстве:

"Если троцкисты не понимают, что развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства, то идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что развитие сельского хозяйства зависит от развития индустрии... Они не понимают, что именно индустрия есть рычаг радикального переворота в сельском хозяйстве и что без ведущей роли индустрии невозможно уничтожение деревенской убогости, отсталости, варварства и нищеты".

Два противоположных суждения об одном и том же предмете в одно и то же время не могут быть оба правильными. Это элементарное положение логики. Но читатель напрасно будет искать логики в писаниях Бухарина. Что же в конце концов получается? Развитие промышленности зависит от развития сельского хозяйства, а развитие сельского хозяйства -- от развития промышленности. Вся историческая и экономическая философия за ведущую роль сельского хозяйства¹⁹. В заключение -- признание ведущей роли за промышленностью. Перед нами эклектическая "нищенская похлебка", давным-давно забытая "теория факторов". Зависит работа льняной фабрики от сырья, производимого сельским хозяйством? Зависит. Вот вам зависимость сельского хозяйства от промышленности. Про ценность таких рассуждений старик Энгельс выражался так: плоские истины не суть истины.

Почему Бухарину понадобилось увенчать правую сущность своей платформы левым эпилогом? Почему он переносит в политику повадки истасканной гризетки? Потому что в настоящее время даже правые не могут еще выступить иначе, как с серьезной маскировкой под марксизм. И, кроме того, Бухарин ведь "примиренец". Что стоят после этого идейного убожества все трескучие фразы о переходном периоде, успехах социализма и т. д. В ушах звенит нестерпимая, поистине тартареновская фраза²⁰. По Бухарину выходит, что в силу переходного периода и пролетарской диктатуры хозяйство СССР в стремительном беге катится к социализму. У него классовая борьба играет роль неприятного диссонанса, нарушающего симфонию бухаринских фраз. Рабочему большевику в этом секторе делать нечего²¹.

Центристское болото

Недалеко в этом вопросе от Бухарина стоит и официальная идеология

центристов. Послушайте, как "тонко" и хитроумно пишут вожди центристов. Цитируем интересное нас место из резолюции июльского пленума:

"Но социалистическое строительство не может ограничиться одной лишь промышленностью. Чтобы быть полным и всесторонним, оно должно охватить сельское хозяйство, смыкая его с промышленностью и поднимая уровень его развития. Между тем сельское хозяйство все еще находится на крайне низком уровне, и темп его развития чрезвычайно отстает от темпа развития промышленности".

Разберем и эту премудрость. Что социалистическое строительство не может ограничиваться только промышленностью, это, конечно, совершенно верно. Но вот дальше идет хотя и очень "тонко", но не очень складно. "Соц[иалистическое] строительство" смыкает промышленность с сельским хозяйством. До сих пор мы привыкли думать, что субъектом смычки является пролетариат, который ведет соответствующую политику по отношению к крестьянству. В этой же резолюции мы встречаемся с понятием "соц[иалистического] строительства", которое "смыкает". Весьма похоже, что за этим понятием скрывается партийный и советский аппарат (не позавидуешь такому "строительству").

Дальше идет еще хуже. Если темп развития сельского хозяйства "чрезмерно" "отстает" от темпа развития промышленности, то надо ослабить темп развития промышленности и налечь на развитие сельского хозяйства. Это положение толковать иначе невозможно. С одного надо взять, другому прибавить. Никаких свободных капиталов, которые могли бы быть вложены в сельское хозяйство без вычета из промышленности, у советского государства не имеется. На деле именно так и получилось. Растут цены на сельскохозяйственные продукты при стабильности цен на промтовары. Происходит перекачка средств из промышленности в сельское хозяйство. Отсюда видно, что центристы ничего не сказали по существу вопроса. Выпятели "аппарат". Сделали громадную уступку правым в вопросе о темпе индустриализации.

Под давлением рабочих масс и ленинской оппозиции центристы после июльского пленума повернули "влево". На счет качания из стороны в сторону они первые мастера. Рабочий чихнет от напущенной центристами пыли и пройдет мимо их хитроумия. Центристы надеются перехитрить все классы и весь мир. Нам же кажется, что им в самом недалеком будущем угрожает участь обманутых обманщиков.

Пролетарский путь

Мы ознакомились с точкой зрения правого крыла и центристов по этому важнейшему вопросу. Мы заявили, что точка зрения Бухарина прямо противоположна тому, что по этому поводу говорил и писал Ленин. На расстоянии весьма близком к Бухарину и далеком от Ленина стоят и центристы. Точка зрения Ленина выражена в следующих словах:

"Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская государственная власть,

окончательно подавив сопротивление эксплуататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего народного хозяйства основанной) технической базы. Только это дает возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и расслоенной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения земледельческого и вообще хозяйственного труда, побуждая тем мелких землевладельцев силой примера и их собственной выгодой переходить к крупному, коллективному машинному земледелию" (Резолюция II конгресса Коминтерна).

Такова основная установка оппозиции. Это путь социализма.

Разница между тем, что говорят Бухарин и центристы и точкой зрения Ленина бросается в глаза. Ленин говорит с категоричностью, не допускающей никаких кривотолков, что только крупная промышленность, базирующаяся на электрификации всего народного хозяйства, способна вести сельское хозяйство к социалистическому подъему. Как далеки эти простые и ясные слова от того, что пишут теперь эпигоны. Мы бы хотели видеть такого молодчика, который осмелился бы сказать, что Ленин "недооценивает" крестьянство. Он не хуже, а [в] сто раз лучше "ученого" Бухарина понимал, что развитие сельского хозяйства есть непеременимое условие для развития промышленности. Но он ставил и решал вопрос о промышленности и сельском хозяйстве как ортодоксальный марксист и пролетарский революционер. Он как марксист умел среди множества условий и зависимостей остановиться на решающем и определяющем условии. Этим условием, в конечном счете определяющем все остальное, он считал передовую высоко развитую технику. Техника эта создается промышленностью -- в городах -- и применяется в части своей в сельском хозяйстве -- в деревне. Как коммунист и вождь пролетариата, имеющий твердую целевую установку, он говорил не о развитии сельского хозяйства [и] промышленности вообще, а о социалистическом развитии хозяйства. В этой постановке вопроса у него не было никаких сомнений насчет того, что от чего зависит.

Тов. Троцкий в своей работе "Июльский пленум и правая опасность" говорит (цитируем по Бухарину):

"Несмотря на несравненно более высокий по сравнению с сельским хозяйством технико-производственный тип, наша промышленность не только не выросла еще до ведущей и преобразующей, т. е. до подлинно социалистической роли по отношению к деревне, но не удовлетворяет даже и текущих товарно-рыночных потребностей, задерживая тем самым ее развитие.

Поднимать сельское хозяйство возможно только через промышленность, других рычагов нет... Смешивать воедино два вопроса: об общей исторической отсталости деревни от города и об отставании города от рыночных запасов современной деревни -- значит сдавать гегемонию города над деревней".

Тов. Троцкий в этом вопросе выступает в полном согласии с Лениным. Ход мыслей у Ленина и Троцкого совершенно одинаков. Оба видят основное, решающее

условие для ведущей роли промышленности в быстром ее развертывании. Оба ставят вопрос о развитии сельского хозяйства в зависимости от развития промышленности. Тов. Троцкий кроме того, подчеркивая значение промышленности, как ведущего начала, в то же время говорит, что эту роль промышленности еще надо завоевать. И это совершенно справедливо. Всякий разумный человек, взявший на себя труд вдуматься хотя бы в смысл нашего хозяйственного года (октябрь-октябрь), увидит, что все хозяйственные планы строятся, исходя из перспектив урожая, т. е. состояния сельского хозяйства. Пролетарские революционеры пишут ясно. Им не нужно прибегать к слову для скрывания мысли.

Мы проследили, какие ответы даются тремя основными течениями по вопросу о взаимоотношениях между сельским хозяйством и промышленностью.

Правое крыло выдвигает на первый план сельское хозяйство. Основной класс в сельском хозяйстве -- крестьянство. При нищете нашей крестьянской бедноты и слабости колхозов и совхозов промышленность может "зависеть", главным образом, от зажиточного середняка и кулака. Они являются основными представителями "товарной" деревенской экономики.

Центристы не дают членораздельного ответа на этот вопрос. У них в кармане резолюции на все случаи жизни. Пользуются они ими по сезону. Основное средство от всех бед -- послушный и сильный аппарат.

Ленинская оппозиция настаивает на руководящей роли пролетариата и крупной социалистической промышленности.

Из дальнейшего читатель увидит, что различное отношение к данному вопросу находится в теснейшей связи с различной экономической политикой, отстаиваемой борющимися политическими течениями.

Темп индустриализации

В полном соответствии с тем, что говорит Бухарин о промышленности и сельском хозяйстве, ставит он вопрос о темпе индустриализации. Зная уже его манеру письма, будем искать в его противоречивых суждениях, замаскированных фразеологией, точку зрения. Она там имеется. Представим слово автору:

"Мы должны теперь разрешить конкретный вопрос о соотношении между индустрией и сельским хозяйством у нас в СССР в данный период. Основные факты, которые мозолят всем глаза, таковы: при общем росте оборота между городом и деревней -- товарный голод, т. е. недостаточное (резко недостаточное) покрытие деревенского спроса, следовательно, как будто отставание промышленности от сельского хозяйства; с другой стороны -- затруднения с хлебом, недостаточное предложение хлеба по сравнению со спросом на него, т. е. как будто отставание сельского хозяйства; огромный рост промышленной продукции и огромный рост капитального строительства и в то же время -- весьма значительный товарный дефицит. Все эти "парадоксы" нашей хозяйственной жизни должны получить свое разрешение. От этого разрешения зависят и основные директивы нашей политики".

Свой разбор парадоксов Бухарин начинает с приведения всем известной

таблицы движения основных капиталов народного хозяйства, валовой и товарной продукции. Из этой таблички видно, что темп роста вложений в промышленность, а равным образом и темп роста ее валовой и товарной продукции выше соответствующих статей сельского хозяйства. Из этой, повторяем, элементарной, всем известной таблицы разумный человек сделал бы такой вывод: эти показатели говорят о происходящем процессе индустриализации страны. Если бы Бухарин остановился на этом выводе, он оставался бы в пределах истины. Но и тогда следовало бы взглянуть и на другие цифры, хотя бы на цифры о движении населения. Здесь он встретился бы с процессом аграризации страны.

Но так как цифра редкий гость в трудах Бухарина, то нет ничего странного в том, что он с ней не умеет обращаться. Посмотрите, к какому широкому выводу приходит Бухарин от этой невинной таблицы:

"Из этих рекордных для промышленности цифр вытекает также, что не в якобы низком темпе развития (при данных средствах, ресурсах и возможностях) лежит корень объяснения того, что наша промышленность не покрывает деревенского спроса, -- темп развертывания нашей промышленности по сравнению с капиталистическими странами неслыханно высок (даже товарная продукция промышленности растет значительно быстрее товарной продукции сельского хозяйства); из этой картины вытекает, что дело отнюдь не в отставании индустрии от сельского хозяйства".

Вот уже действительно маленькие причины ведут к большим последствиям! С помощью арифметики -- этой науки малышей -- Бухарин разделался с одним из серьезных парадоксов нашей действительности. Он не только решил вопрос о вполне достаточном темпе развития промышленности у нас, но мимоходом "посрамил" и капиталистические страны. О темпе индустриализации СССР поговорим подробнее ниже, напомним только здесь нашей скороспелке, что о темпе развития промышленности судят при господстве рынка не только по продукции, но и по ценам. А тут похвастать нечем. Цены у наших капиталистических соседей снижаются гораздо быстрее, чем у нас. Эта опасность для нашей страны не менее велика, чем бесспорные достижения в производстве.

Ничего не доказав, но вполне выявив свое умонастроение, Бухарин храбро шагает вперед. Он строит новую таблицу для посрамления зловредных троцкистов, говорящих о непокрытии деревенского спроса. Для опровержения троцкистов эта таблица структуры спроса не годится. Что промышленность сама является крупнейшим потребителем -- это общеизвестно. Руда, уголь, нефть, чугун, машины, пряжа и т. д. в значительной мере потребляются самой промышленностью. Ничего нового в этом факте нет. Говоря же о деревенском спросе, надо говорить о товарах, выбрасываемых на широкий рынок. Здесь картина получается совершенно иная: доля потребляемых деревней товаров из года в год увеличивается. В этом году Наркомторг строит свои планы завоза с таким, примерно, расчетом, что деревня получает 70% товаров, а города 30%.

Деревня и город в потреблении целого ряда товаров по сравнению даже с недавним прошлым поменялись местами. Деревня (ее зажиточные слои)

увеличивает свое потребление за счет города и, в первую очередь, рабочего класса, а тем не менее этот спрос остается непокрытым -- вот что надо было показать в таблице потребления.

Для какой же цели Бухарин с "некоторыми товарищами" сочинили эту таблицу? Послушаем опять автора:

"Но вот тут -- при внимательном анализе оказывается, что промышленность отстает от самой себя... Это значит, что промышленность в своем развитии натывается на границы этого развития... А "натываться" на границы означает следующее: 1) очевидно, взяты недостаточно правильные взаимоотношения между отраслями самой промышленности (например, явное отставание металлургии), 2) очевидно, взяты недостаточно правильные соотношения между ростом текущего производства промышленности и ростом капитального строительства... 3) очевидно также, что границы развития даны производством сырья: хлопок, кожа, шерсть, лен и т. д. равным образом не могут быть добыты из воздуха... Если, следовательно, налицо недостача сырья плюс недостача хлеба (а это, помимо прочего, означает также "недостачу" экспорта и недостачу импортных товаров), плюс недостача строительных материалов, то нужно быть поистине остроумным человеком, чтобы требовать еще "сверхиндустриалистской" программы".

Во всем "недостача". Дошли, значит, до ручки, кругом шестнадцать, как говорится. Ко всем "недостачам" мы прибавили бы еще одну недостачу -- ума -- у нынешних заправил хозяйством и политикой. Тогда картина будет полной.

Теперь разберем сказанное по существу. Что основные пропорции народного хозяйства нарушены, в этом нет сомнения. Иначе не было бы кризиса. Второе утверждение в переводе на русский язык означает, что программа капитального строительства велика и что ее надо сократить. Из третьего утверждения получается, что собрав все сырье и весь хлеб в стране, все же выходит кругом "недостача".

Сейчас читатель увидит, что два последних утверждения Бухарина совершенно неверны и направлены прямо против интересов рабочего класса.

Если в стране при быстром росте ощущается резкая "недостача" всех товаров промышленных и сельскохозяйственных, то это означает, что в большом избытке находится один "товар" -- бумажные деньги. Денежная инфляция, стихийно дезорганизующая народное хозяйство, -- вот результат политики правоцентристского блока. Ученый Бухарин умудрился проглядеть слона. Скрывая от рабочих надвигающееся грозное бедствие, он уже хочет возложить издержки инфляции на рабочий класс. Плыть в хвосте растущих цен на сельскохозяйственные товары и сокращать программу капитальных работ -- это и есть политика устряловцев. Понижать реальную заработную плату рабочего путем понижения расценок и повышения норм выработки, реализуя государственные займы преимущество среди рабочих, -- это и значит заставлять рабочих расплачиваться за тупоумное и бездарное руководство.

Как дошел блок до жизни такой? Очень просто. В борьбе с оппозицией блок отверг предложенную нами политику распределения народного дохода. В результате оказалось, что даже для осуществления минимальной программы

капитальных работ не хватило средств. Блок пошел по линии наименьшего сопротивления и напал на эмиссию. Вместо перекачки средств из кармана кулака, нэпмана и бюрократа в пользу промышленности заработал печатный станок. Люди забыли, что эмиссия не капитал, а всего лишь покупательная сила. Капиталом она является лишь в меру действительного накопления. В результате, кругом "недостача", за которую должен расплачиваться пролетариат. Бухарин делает две вещи: он скрывает грозное положение и ученым языком опутывает рабочих. И то и другое преступно.

Смешно поэтому думать, что мы собираем все хлебные и сырьевые излишки страны. Огромная доля этих излишков не вовлекается в государственное хозяйство, но об этом ниже.

Вывод напрашивается сам собой. Правые за сокращение плана капитальных работ, составленного центристами. Они хотят возложить издержки инфляции на рабочий класс. Наживаться же будут продавцы сельскохозяйственных продуктов -- "товарное" крестьянство. Вся "ученость" Бухарина служит только для обоснования этого вывода.

Позиция центристов

Представители центристов на всех собраниях выступают против правых и принимают против них резолюции. Наиболее ярко и четко центристы выявляют свое лицо в последнем обращении ЦК ко всем членам Московской организации²². Подобно бухаринской статье, это обращение является документом борьбы. Оно открыто призывает партийные массы к борьбе с теми, кто пытается "снизить темп развития индустрии вообще и тяжелой в особенности" (Бухарин). Бывшим правым союзникам центристское обращение открыто угрожает всеми теми скорпионами, с помощью которых правоцентристский блок расправляется с большевиками-ленинцами. Но при всей решительности взятого против правых тона обращение по основному вопросу о темпе индустриализации продолжает повторять обычную путаницу времен мирного сожительства правоцентристского блока. Крайне характерно -- центристские авторы обращения увязывают вопросы темпа индустриализации с переживаемым СССР народнохозяйственным кризисом. Не будучи в состоянии опровергнуть бесспорное утверждение оппозиции о том, что основная причина народнохозяйственного кризиса лежит в недостаточном темпе индустриализации страны -- центристы беспомощно повторяют правые зады о том, что хозяйственные затруднения в основном порождены быстротой темпа развертывания нашей промышленности. В этом решающем вопросе между центристами и правыми разницы нет.

Танцуя от одной и той же правой печки, центристы противопоставляют правому требованию сокращения плана капитальных затрат и темпа индустриализации лозунг "безусловного сохранения нынешнего темпа индустриализации". Двусмысленность и беспомощность этой позиции центристов очевидна. Если такие трудности, которые переживала страна в прошлом году и переживает в текущем году, суть неизбежные трудности взятого максимально возможного темпа индустриализации, то вполне уместны и последовательны

запросы правых о том, что мы слишком дорогой ценой платим за максимальный подъем индустриальной кривой. Взятая исходная правая позиция центристов логически неизбежно приводит к этому неприятному выводу.

Центристы никогда и никому не сумеют доказать, почему нужно бороться за сохранение настоящего темпа индустриализации при условии сохранения кризисных затруднений. Пролетариату нужно укрепить свою диктатуру не путем сохранения переживаемого народнохозяйственного кризиса, а путем его преодоления. Лозунгу правых изживания затруднений путем отступления пролетариата на индустриальном фронте только оппозиция противопоставляет лозунг изживания затруднений путем наступления пролетариата, путем усиления темпа индустриализации.

Беспомощность и противоречивость центристской позиции усиливается их священным трепетом и боязнью лозунга оппозиции о перераспределении народного дохода. Мы вправе спросить центристов: где вы думаете взять средства для осуществления даже вашего куцега лозунга о сохранении темпа индустриализации? Думаете ли вы и в дальнейшем безудержно налегать на печатный денежный станок и реальную заработную плату рабочего класса?

Для центристов священны и незыблемы и существующий темп индустриализации, и переживаемые трудности, и существующее распределение народного дохода. Центристы не выступают против поднимающей голову термидорианской опасности. Центристы лишь охраняют свои святыни от начатого правыми наступления. В эту борьбу не может не вмешаться рабочий класс. Руководимый оппозицией, он отвернется от священного трепета центристов и даст большевистский отпор правому наступлению на индустриальные высоты пролетарского государства.

Точка зрения оппозиции

Наша платформа следующим образом характеризует положение дела:

"Хроническое отставание промышленности, а также транспорта, электрификации и строительства от запросов и потребностей населения, народного хозяйства и общественной системы СССР в целом держит в тисках весь хозяйственный оборот, сужает реализацию товарной части сельскохозяйственной продукции и экспорт ее, вводит импорт в крайне узкие рамки, гонит вверх себестоимость и цены, создает неустойчивость червонца, тормозит развитие производительных сил, задерживает рост материального благосостояния пролетариата и крестьянских масс, приводит к угрожающему росту безработицы, ухудшению жилищных условий, подрывает смычку промышленности с сельск[им] хозяйством и ослабляет обороноспособность страны. Недостаточный темп развития промышленности приводит, в свою очередь, к задержке роста сельского хозяйства. Между тем никакая индустриализация невозможна без решительного поднятия производительных сил сельского хозяйства и увеличения его товарности".

Эта оценка положения, конечно, как небо от земли отличается от того, что говорят правые и центристы. Она дана более года тому назад. Она

предвидела все то, что случилось в 1928 г. Не о деревенском спросе идет речь, а совсем об ином. Когда тов. Троцкий заостряет вопрос о деревенском спросе, то он поступает совершенно правильно. Выдвигая проблему "смычки", он концентрирует внимание партии на важнейшем участке. Только Бухарин по этому случаю может впасть в полемический восторг...

Что изменилось в течение года? Все предвиденные опасности увеличились и обострились. Ухудшилось положение с хлебом (смычка), снизилась реальная заработная плата, усилилась безработица, резко ухудшилось положение с червонцем.

Если так дело обстоит при теперешнем темпе индустриализации, то что же получится при снижении его, как того хотят правые и Бухарин, или при беге на месте -- излюбленном занятии центристов?

Позиция рабочего класса может быть только одной: добиваться усиления темпа индустриализации. Не может быть никакой речи о "правом" решении вопроса. Не может быть речи и о центристской политике. Бег на месте означает быстрое нарастание трудностей. Чем глубже советская власть и партия увязнут в кризисе, тем настойчивее будут атаки правых. При дезорганизованности пролетариата шансы правых будут усиливаться. Вот почему неправильна и позиция центристов.

Бухарин аргументирует необходимость сокращения плана капитальных работ недостатком материалов. Конечно, только идиот может приступать к постройке каменного здания, не имея на складе кирпича. Вывод-то все-таки должен быть только таков: нужно произвести больше кирпича, больше недостающих материалов. Что капитальные работы надо производить в определенной последовательности, это святая истина. Для этой последовательности и нужен план. Но никто в мире еще не доказал, что капитальные работы состоят только из одного нового их строительства. Переоборудование уже существующих предприятий представляет задачу огромной важности. По железным дорогам уже нельзя ездить без опасности для жизни. Все это представляет широкое поле для применения народнохозяйственных накоплений (не эмиссии, конечно).

Бухарин аргументирует свой вывод от "кирпича". Эта аргументация несостоятельна. Оппозиция, выдвигая свою программу, исходит из необходимости коренного изменения всей политики. Только решительное изменение всей политической линии партийного руководства, только сообщение партии и рабочему классу всей правды о положении дел, только призыв к творческой классовой энергии пролетариата -- только такая политика может помочь заходящей в тупик экономике СССР.

Выход надо искать в следующих основных направлениях: "Основным источником средств является перераспределение народного дохода путем правильного использования бюджета, кредита и цен. Дополнительным источником средств должно явиться правильное использование связей с мировым хозяйством" (платформа).

По бюджету - с 600 млн в 1928-[19]29 до 1000 млн руб. к 1931 г. на промышленность.

По налогам -- экспроприация спекулятивных капиталов нэпманов. Не участвуя в хозяйственном обороте страны, эти капиталы только дезорганизуют хозяйство. Метод -- принудительный заем.

Прогрессивно-подоходный налог на кулачество.

Гораздо более действительное обложение частного капитала.

Обязательный хлебный заем.

Полная ясность о состоянии денежного обращения. Чтобы не оказаться буквально проданным и преданным кулаку и нэпману, рабочий класс должен знать финансовую политику власти. Если цены на сельскохозяйственные продукты будут расти, а цены на промтовары останутся стабильными, то средства государственной промышленности перейдут к кулаку и нэпману. Думает ли нынешнее партийное руководство бороться с инфляцией или оно будет плыть по течению? Пока оно молчит по этому вопросу и нажимает только на рабочих.

Режим экономии своим острием должен быть направлен в первую очередь против советской, профсоюзной и партийной бюрократии. Дело идет о сотнях миллионов рублей. Каждый рубль, вырванный у бюрократии, увеличивает значение члена партии, члена профсоюза.

5. Подбор людей для хозяйственного руководства. Надо устранять бездарных Молчалиных от расходования пролетарских денег.

6. Недоверие политике право-центристов. Они расстроили все хозяйство и разложат его окончательно, если рабочие массы не помешают этому.

7. Кредит -- рычаг для мобилизации частных накоплений.

8. Решительная борьба с водкой. Сокращение производственной программы по винокурению.

Рабочая и партийная демократия, последнее по счету и первое по значению требование.

10. Что касается внешней торговли, то право-центристы запутали наш платежный баланс краткосрочными кредитами, по которым скоро нечем будет платить. Вместо усиления темпа индустриализации, как следствия правильного использования связей с мировым рынком, получилась кабала.

Так смотрит на дело ленинская оппозиция.

Кризис хлебозаготовок и перспективы. В этом вопросе Бухарин ошибается в полном единодушии со всем правоцентристским блоком. Он популяризирует решения июльского пленума. Его точка зрения опасна тем, что она усыпляет внимание партии и пролетариата к надвигающимся новым трудностям. У него проблески правильных мыслей сдобрены такой кучей неправильностей, что выводы его получаются неправильными.

Какими же причинами, по мнению Бухарина, был вызван хлебозаготовительный кризис прошлого года?

"Хлебозаготовительный кризис является выражением вовсе не изобилия хлеба при голоде на промтовары. Это "объяснение" не выдерживает никакой критики. Он подготовлялся в обстановке измельчания крестьянского хозяйства и проявился 1) при возросшей диспропорции цен на зерно -- с одной стороны, техкультур -- с другой; 2) при росте добавочных доходов от

неземледельческого труда; 3) при недостаточном повышении налоговых ставок на кулацкое хозяйство; 4) при недостаточном снабжении деревни промтоварами; 5) при возросшем хозяйственном влиянии кулачества в деревне... Теперь-то и малому дитяти ясно, что оппозиционные побасенки об "ужасно громадных" натуральных зерновых фондах деревни, все разглагольствования о 900 млн пудов рассеялись как яркие пузыри и лопнули навсегда. Никто больше этим рассказам не верит".

Разберем с необходимой тщательностью эти утверждения. Отбросим в сторону словечки об "изобилии". В СССР в "изобилии" только культурная отсталость масс да схоластическая аппаратническая болтовня Бухариных и их "выводков". Все остальное в "недостаче". Об этом сам Бухарин так красноречиво распространялся двумя страничками выше. Как же на деле обстоит положение с зерновыми культурами? Утверждает ли Бухарин, что в СССР не хватает зерна для прокормления населения, скота и ограниченного экспорта? Если да, то пусть он возьмет на себя труд опровергнуть всю советскую статистику. Пока он этой работы не произвел, мы вправе не внимать его воплям. Для осуществления указанных трех задач хлеб в стране имеется, это мы утверждаем с полной категоричностью. В чем же состоит так называемая "зерновая проблема"? В том, что в 1926 г. Бухарин и Микоян чрезмерно снизили цены на зерновые продукты, что привело к некоторому отставанию в росте зерновых. Ошибку пришлось исправлять в такое время, когда весь вред от нее уже произошел и когда исправление этой ошибки носило характер явной уступки кулачеству. Сводить кризис хлебных заготовок прошлого года только к проблемам зерновых культур может только политиче-

ский и экономический недоросль. Не надо забывать, что страна нуждается не меньше, чем в хлебе, в продуктах животноводства и технических культурах. Делать из своей ошибки добродетель да кричать об этом на весь мир по меньшей мере глупо.

Теперь о "запасах". Рыков на IV съезде Советов назвал цифру 750 млн пудов крестьянских запасов. Оппозиция выступала примерно с такой же цифрой. Кем эти цифры опровергнуты? Тем, что не сумели выполнить план заготовок и влетели в кризис? Какова же "действительная" цифра Бухарина? Сколько он считает необходимого страхового запаса и сколько хлеба застряло у кулаков? На все эти вопросы ответа не получаем. По расчетам сибирских статистиков, запасы в этом (1928-[19]29) году снова увеличатся свыше, чем на 25 пудов в среднем на хозяйство. Так говорят люди, знающие дело; Бухарин же только "вещает". Надо твердо помнить, что есть запасы страховые, которые полезны и необходимы в крестьянском хозяйстве; никогда оппозиция не предлагала их отбирать. Но есть и кулацкие запасы, употребляемые для закабаления бедноты и борьбы с советской властью. 150 млн пудов из таких запасов оппозиция предложила взять в порядке обязательного займа в прошлом году; это требование мы выдвигаем и теперь. Исторически крича, что запасов нет, Бухарин на деле прячет кулацкий хлеб от рабочего и советского государства.

На словах он дважды подчеркивает кулака, как штрих для объяснения прошлогодней неудачи. В связи с этим упоминанием Бухариным роли кулачества в хлебном кризисе мы можем сказать только одно: Бухарин с грациозностью настоящего денди щеголяет в пальто, которое он только вчера "стибрил" у оппозиции. В натуральных своих одеждах он выглядит куда менее пристойно.

У всех еще в памяти: кулак вращает в социализм, обогащайтесь. В самом деле, какие выводы он делает в смысле борьбы с кулаком? Никаких. А вот прятать кулацкие запасы и сокращать капитальные работы он первый мастер. Велика глубина падения этого человека.

Гвоздем его объяснения причин хлебного кризиса является подчеркивание растущих неземледельческих заработков крестьянства. Эти заработки он связывает с чрезмерно большой программой капитальных работ, усиливающей спрос на промышленные товары и наполняющей деревню деньгами. Но плановое хозяйство и пролетарская политика в том и состоят, чтобы строить больше фабрик, чем теперь, правильно распределяя народный доход, т. е. надо у кулака, нэпмана и бюрократа средства взять и в промышленность вложить. Надо сперва произвести кирпич, а потом строить здание. Надо следить, чтобы новое строительство быстро давало результаты и чтобы оно велось правильно, без "панам". Чтобы не повторялась история вроде Днепростроя. Тогда инфляции не будет. В противном случае -- путь инфляции и резкого обострения кризиса. Партийное руководство пока стоит на этом пути.

Оппозиция предвидит обострение хозяйственного положения в текущем году. Хлебные затруднения повторятся.

Снова пропускаются все сроки для выпрямления политики партии в деревне.

Оппозиция предлагает:

Ввести подоходно-прогрессивный налог на кулачество.

Обязательный заем в 150 млн пудов для крупных хлебодержателей.

Организация союза бедноты.

Отправка в деревню лучших пролетариев помочь бедноте организовать.

В противном случае могут повториться "чрезвычайные меры" со всеми губительными последствиями их для смычки с середняком²³.

Бухарин и вопросы партийной и рабочей демократии

Пожалуй, самым интересным местом статьи Бухарина является вводная часть, которая может быть кратко названа "Тоска по родине", то бишь лучшему режиму. Послушайте, сколько подлинно элегической грусти заключено в следующих словах:

"Посмотрите на письма рабочих, на записки, подаваемые во время различных собраний, послушайте выступления рядовых пролетариев. Какой огромный культурно-политический рост. Какой уровень вопросов и проблем, копошащихся в головах массы. Какая жгучая потребность доискаться до "корня вещей". Какая неудовлетворенность ходячей и стертой монетой штампованных и пустоватых фраз, элементарных, как бревно, и похожих одна на другую, как две горошины. Надо сознаться, что здесь в этих "ножницах" между запросами массы

и той "духовной пищей", которая ей подается (часто холодной и неряшливо едва-едва разогретой), есть большая доля вины с нашей стороны вообще, со стороны нашей печати, в особенности. Разве те вопросы, жгучие и "больные", которые сверлят мозги многим и многим, находят у нас достаточно живой отклик? Разве у нас достаточно удовлетворительно поставлено дело серьезной информации о нашем хозяйстве? Разве мы в достаточной степени ставили перед массой, и рабочей массой в первую очередь, сложнейшие проблемы нашего хозяйствования? Нет и тысячу раз нет: здесь у нас огромный пробел, который нужно заполнить, чтобы иметь право говорить о серьезных усилиях по вовлечению масс в активное социалистическое строительство... Мы и сами недостаточно осознали всю новизну условий реконструктивного периода. Именно поэтому мы так "запаздывали". Проблему своих спецов поставили лишь после Шахтинского дела, проблему совхозов и колхозов сдвинули практически с места после хлебозаготовительного кризиса и связанных с ним потрясений и т. д., словом, действовали в значительной мере согласно истинно русской поговорке: "Гром не грянет -- мужик не перекрестится" .

Эта меланхоличность -- не просто случайное душевное состояние впавшего в грусть Бухарина при виде кричащего несоответствия между политическим ростом пролетариата и тупоумным и бездарным партийным руководством. Нет, его грусть имеет серьезные политические корни. Как не грустить Бухарину? Статья его появилась в "Правде" от 30 сентября. До этого его и его друзей усиленно "прорабатывали" в ячейках и на активах. Когда все было сделано, выпустили его со статьей, смысл которой, в лучшем случае, состоит в дальнейшей борьбе. Для данного этапа борьбы статья его опоздала. То ли дело было, когда Бухарин, будучи редактором "Правды" сам давал сигналы к "проработке" оппозиции. И как все это было недавно.

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые сны?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит --
В глубокой тьме таится он²⁴.

Есть, есть о чем грустить Бухарину. По человечески, его можно даже пожалеть. Увы, в политике на чувстве ничего не строится. А стоит только трезво посмотреть на дело, и мы увидим, что поделом вору и мука.

Посмотрим, к каким политическим мыслям приходит Бухарин по случаю меланхолии. Первое -- огромное несоответствие между запросами рабочих масс и даваемыми ответами. Святая истина. Это несоответствие, увы, является фактом не со вчерашнего дня. Второе -- никуда не годные шпаргалки, количество которых обратно пропорционально их содержанию. Верно, тысячу раз верно. Третье -- неподготовленность партии к решению основных хозяйственных (и политических) задач -- отсутствие партийной демократии. И это совершенно справедливо. По части "запаздывания" мы должны сделать нашему автору еще два пренеприятных замечания. Ленин однажды сказал про "опаздывание" в хозяйстве: "Отстающие будут биты". И второе -- любезные граждане, вы уже опять опоздали

с подготовкой к хозяйственному сезону. Если вы глухи и немые к указаниям разума, то пусть снова учат вас колотушки жизни. Таков ваш удел.

Но обо всем этом оппозиция говорила давно, а не в порядке меланхолии²⁵. Оппозиция ставила вопрос о партийном режиме в связи с политикой партийного руководства. Она указывала, что такой партийный режим неизбежно заведет партию в окончательный тупик. Но вот оппозиция в Сибири, Средней Азии и др[угих] "гиблых" местах. Не Бухарин ли глумится публично над преследуемыми пролетарскими якобинцами?

Где Троцкий, в уме и революционной решимости которого Бухарин черпал вдохновение в лучшие годы своей жизни? Где другие монтаньяры из ленинской гвардии, которые остались верными пролетариату и в дни революционных триумфов и в дни повседневной работы? Где они, "загрустивший" Бухарин? Не ты ли первый, убоявшись открытого идейного боя, трусливым поднятием руки отправлял оппозицию на сухую гильотину²⁶? А теперь скулишь, как побитая собака.

Сегодня режим поражает Бухарина, как вчера он поражал ленинскую оппозицию. По этому поводу ленинская оппозиция не имеет никаких оснований для выражения правым политического сочувствия. Но наблюдая за расправой с правыми, мы должны сказать одно: душат их точно так же за спиной партии и рабочего класса, как душили в свое время оппозицию. Правые уже политически осуждены. В обращении ЦК по поводу Московской организации прямо говорится, что с правыми надо бороться так же, как и с троцкистами. Значит, аресты, ссылки?

Кто же они, эти стопроцентные правые (непримиренцы)? Где их взгляды, изложенные ими самими? Ведь дело-то заключается в том, что пролетариату и партии надо в первую очередь преодолеть определенную сумму политических взглядов. Лишь в этом случае партия идейно вырастет и, может быть, окупит расходы внутрипартийной борьбы. Неужели же дело только в Лядове и Угланове? Правда, когда подумаешь, что ты в каком-нибудь Минусинске можешь встретиться с Лядовым, то не можешь преодолеть чувства гадливого отвращения...

Мы говорим рабочим-коммунистам: долой правых. Правым должен быть нанесен решительный идейный разгром. Никаких заигрываний с правыми (тебя бьют, меня бьют -- давай бороться с аппаратом сообща).

Вместе с тем мы говорим партии и рабочему классу: за сталинские методы борьбы с правыми -- ни капли ответственности. Правых надо политически победить, а не душить их в тайниках партийного аппарата. Центристы сами идейные банкроты. Власть в руках ограниченных эмпириков и тупоумных кретинов есть величайшее бедствие вообще, в революционной эпохе в особенности. Вот почему мы не можем оказать ни малейшего доверия вождям центристов. Нельзя бороться с правыми всерьез, преследуя ленинскую оппозицию. Требование возвращения оппозиции из ссылки является необходимейшим условием изменения партийного режима. За это требование должны бороться все, кому дороги интересы пролетарской революции.

Послесловие

Когда настоящая работа была почти уже закончена, пришли газеты с обращением ЦК по поводу Московской организации. В этом документе центристы официально формулируют свои взгляды. Мы показали, в чем сходятся и в чем расходятся взгляды центристов со взглядами правых. Эти же газеты принесли сведения о дальнейшем обострении борьбы внутри блока. Все это говорит о том, что мы правильно расценивали положение дел в экономике и политике.

Мы оставили без разбора путаные и противоречивые суждения Бухарина о некоторых теоретических вопросах, в частности, о законе ценностей. Человек отменил этот закон, школа его создала теорию о "двуедином регуляторе"; теперь Бухарин пресмыкается перед этим законом. Все одинаково неверно. Не надо было в классовом обществе при наличии рыночных отношений выбрасывать за борт краеугольный камень марксистской экономики. Со своей переходной экономикой, отличительным свойством которой является то, что при капитализме [...]27 все "наоборот" или "навыворот". Бухарин пока что попал не в царство социализма, а в лапы самой вульгарной экономии. Однако разбор этого вопроса крайне отяготил бы и так разросшийся ответ. Бухарин с Кржижановским28, наверно, скоро станут академиками29. Мы не можем поздравить Академию наук с этой парой новых "бессмертных".

Ни тот, ни другой не могут считаться представителями марксистской науки.

Лучшим отводом Бухарину является разобранный нами статья.

Банкротство же теперешнего Госплана есть в то же время банкротство его главы.

Минусинск

23 октября 1928 г.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ

МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ВКП И РАБОЧИМ МОСКВЫ30

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, в ночь 21 октября совершилась новая расправа на большевиками-ленинцами. В Ленинграде, Харькове, Москве арестовано свыше сотни стойких пролетарских революционеров -- с крупнейших фабрик и заводов этих городов. Вместе со всей ленинской оппозицией они боролись за исправление непролетарской политики нынешнего партийного руководства. Они стремились свалить с плеч рабочих и деревенской бедноты непосильное бремя все растущей безработицы, падающей заработной платы, обостряющегося товарного голода, кулацкой кабалы и чудовищного бюрократического зажима.

Большевики-ленинцы призывали и зовут рабочих к борьбе с кулаком,

угрожающим пролетариату голодом, с наглежащим нэпманом и развращенным бесконтрольным властвованием бюрократом и аппаратчиком. За это лучших представителей оппозиции беспринципное сталинское руководство бросило в тюрьму. На словах борясь с правыми, оно на деле прикрывает их. Оно само переходит на рельсы правой политики, сыпя все новые удары по левому крылу партии.

Товарищи, в качестве неотложных мероприятий большевики-ленинцы добиваются:

усиления темпа индустриализации страны; такого повышения зарплаты, которое возместило бы возрастающую дороговизну, неуклонно растущую интенсивность труда; отмены непрерывных пересмотров норм выработки и расценок;

организации союзов деревенской бедноты для борьбы с кулачеством; принудительного займа на кулацкие хлебные и продовольственные излишки;

очистки партийных, профсоюзных и других органов

от разложившихся и переродившихся элементов;

подлинной, проводимой не на словах, а на деле, пролетарской демократии.

Это ленинские требования. Только на основе их действительного проведения можно дать сокрушительный отпор наступающим на пролетариат его классовым врагам. Расправа над оппозицией выгодна только буржуазии, а не ВКП и рабочим. Московские пролетарии! Вы всегда были в первой шеренге революционных борцов. Довольно выжидать -- слово за вами. Боритесь под руководством оппозиции за ленинскую политику. Защищайте борцов за ваше дело: выступайте с требованием немедленного освобождения на поруки фабрик и заводов арестованных рабочих-оппозиционеров. Требуйте созыва заводских собраний и выносите резолюции протеста против арестов большевиков-ленинцев и добивайтесь их возвращения на заводы! Организуйте по цехам сбор подписей за освобождение из тюрем и возвращение из ссылки большевиков-ленинцев и их вождей товарищей Троцкого, Радека, Сосновского, Раковского, И.Н.Смирнова, Смилги, Преображенского и других. Организуйте денежную помощь арестованным ленинцам и их семьям!

В качестве протеста против террористического подавления оппозиции выбирайте арестованных и сосланных оппозиционеров на предстоящих перевыборах в партийные и профсоюзные органы и Московский совет!

Большевики-ленинцы (оппозиция ВКП)

Москва, 24 октября 1928 г.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМОЗ1

Друзья,

Хочу воспользоваться okazjiей, т.к., видимо, нам по почте не часто теперь придется сообщать друг другу новости³². Из газет, вероятно, вы уже осведомлены насчет московского "бунта"³³. Это действительно был бунт, но бунт аппарата. Теперь уже очевидно, что тогда правые в надежде, что потери их будут огромны, решили пожертвовать несколькими секретарями, чтобы

сохранить политические посты³⁴. Им это удалось. После бунта они имеют теперь бюро МК пять человек, а центристы -- три (один болен -- равно -- два), они объявлены не правыми, а лишь примиренцами. Даже Рютин теперь котируется на центристской публичной бирже как примиренец. Пытаются выезжать на всяких Лядовых. Правые ведут расчет на затруднения и осуществляют тактику саботажа. Они в гос-хоз-сов-кооп-аппаратах итальянцы³⁵ всюду. Один жестко правый мне говорил: "Хорошо им принимать левые резолюции и разводить демократию, пускай-ка сами реализуют ее". В связи с такой тактикой они во всех ячейках, где их ожидает [поражение], "каются". Однако их покаянием никто никакой веры не придает. Недельки две после бунта они было держали себя смиренненько, да вот теперь вновь обнаглели. Один из работников аппарата мне говорил дня четыре назад: "Угланов с наглой откровенностью мобилизует вокруг себя хоз-, сов- и коопчи-нуш. Михайлов организует профбюрократов. Нужно полагать, что они готовятся к борьбе". На мой вопрос, что же конкретно Угланов может сделать теперь, он ответил: "По всему, он готовит какое-то выступление". -- "Какое?" -- "Он готовится, видимо, рассказать разоблачающие Сталина сенсации". -- "По-видимому, о методах его руководства". Мой собеседник -- сталинец -- человек, вполне доверия достойный. Как общее правило, правые не голосуют, резолюции не вносят, кое-где лично выступают с елейными речами на тот счет, что ошибки пусяковы, исправимы, что "не ошибается тот и т. д.". Но в некоторых ячейках все же голосования были. В ячейке Академии комвоспитания³⁶ правые получили сто голосов. Совершенно открыто правые ведут расчет на мужика и чиновника. Но правые настроения, видимо, значительны и в рабочей среде. Они тем опаснее, что меднолобые никакой подлинной работы в рабочей массе не ведут, а заняты комбинаторством. Кроме стихийно мужицких настроений, по-видимому, замечается некоторый слой принципиально правый. Но в массе актив и наиболее сознательный слой рабочих безусловно левых настроений. Некоторые агитчики мне говорили, что все чаще встречаются выступления на тему о том, что мы уже очень миндальничаем с мужичком, что смычку превратили в фетиш и т. д. Как аппарат ни стремится решать все помимо партийных масс, рядовые члены партии все более втягиваются в борьбу. Чем более втягиваются, тем более растут симпатии к нам. Тому много доказательств.

Во всех ячейках идут доклады. Всюду члены ячейки пристают неотступно к докладчикам с вопросом "кто же конкретно правый". На одной ячейке рядовой член партии выступил с речью о конкретных носителях правой опасности и закончил при явном одобрении ячейки: "Почему же при всем том Рыков -- председатель] С[ов]н[ар]к[ома], а Троцкий в Алма-Ате?"

Даже самые оголтелые аппаратчики теперь рассматривают нас как левых, льстиво говорят о наших прошлых заслугах и т. д.

Одновременно центристы недельки две тому назад дали лозунг для "активистов" -- мы достаточно сильны, чтобы справиться с обеими фракциями. Но события идут колоссально быстро. Теперь вновь, видимо, дело изменилось. "Мы" немного стали трусить перед напором правых. Настроение тупоголовых

центристов крайне неодинаковое. То ликуют, то трусят. Перед пленумом МК очень трусили и говорили самые смелые левые фразы. После удачного "разгрома" углановцев они [посчитали] себя достаточно сильными. Теперь вновь идет полоса трусости. Вызвана она новым обострением борьбы с правыми.

Вероятно, вы читали статью в "Рабочей газете". В ответ Яглом³⁷ поместил в "Труде" две статьи Мельничанского и Гинзбурга³⁸ в защиту ВЦСПС³⁹ -- это тоже вам, вероятно, известно. Аппаратчики воспользовались этим и хотели постановлением ячейки служащих ВЦСПС снять редактора "Труда". В самый последний момент, когда Лобов⁴⁰ готовился выступить с докладом, его Томский вызвал к себе в кабинет. Час прождали. А там Томский устроил скандал, потребовал передать все это на суждение фракции. Лобов вышел и "от имени Сталина, Орджоникидзе и Томского" просил снять вопрос. Большинством сняли. Это здесь расценили как начало борьбы за ВЦСПС. Но тут борьба идет куда сложнее. Еще в мае месяце, когда положение Сталина было организовано крайне слабо, Томский провел инструкцию по выборам на VIII съезд профсоюзов⁴¹. После июльского пленума -- за первый период взаимных заверений в "монолитном" единстве и т. д. -- Томский и его тред-юнионисты провели фактически выборы на съезд. ЦК теперь очутился перед фактом. Съезд чиновников и тред-юнионистов явно правых! Как исправить положение? Лозовский внес предложение на фракции, чтобы теперь, по крайней мере, на заводах обсуждали порядок дня съезда. Смысл хода ясен. Попытка исправить дело либо частичными перевыборами, либо наказаниями. Но фракция отвергла предложение Лозовского. Тогда пустили "Комсомольскую правду"⁴². Но и это безрезультатно пока.

Единственно радикальный выход -- политически дезавуировать съезд. Но на это трусишка евразиец⁴³ не пойдет, по-видимому. Таков один из сложных узлов борьбы. Далее. Единственным оправданием Сталина, когда он всячески отгораживал правых, выдавая их примиренцам, было стремление и на ноябрьском пленуме⁴⁴ получить "монолитное единогласие" Для этого буквально жертвуется всем.

Теперь идет выработка тезисов к пленуму. Рыков представил свой проект. Знакомые с ним аппаратчики его характеризуют как нагло правый документ. 1) Темп индустриализации -- нынешний. 2) Вложение в сельское хозяйство увеличить. 3) Поднять производительность труда на 17%, но зато ни слова о зарплате. Передано в комиссию: Сталин, Молотов, Яковлев, Рыков и Куйбышев. Как бы там ни было, Сталин пойдет на все уступки, лишь бы получить единогласие. Так говорил одному из наших парней и Пятаков. По мнению последнего, этот компромисс продержится не более двух недель. Впрочем, не исключена возможность наступления со стороны правых. Может выступить Угланов, ему все равно нечего терять, его решено снять.

Итак, положение Сталина все время напряженное. Его политика истинно центристского лицемерия -- левые слова и перманентные уступки правым -- выделяют уже из рядов центристов левых, которые все более и более приобретают ясные очертания и выходят из политического косноязычия. Левые

сталинцы здесь уже пришли до того сознания, что "единственной гарантией подлинно ленинской политики в партии есть союз с вами (т. е. не с нами!!!) и единым фронтом борьба с правыми". Это дословно слова молодого ответственного левого сталинца. Они еще не зафиксировали в документах свои мысли, а потому они не могут собирать свои силы.

Переоценивать их силы не следует. Большую их часть составляют люди интеллектуального труда. Но их настроения очень широко распространены, и будь они люди не столь молоды и не так неопытны, смогли бы собрать значительные кадры в партии. Подлинное их несчастье -- их возраст, все они люди молодые, воспитанные в покорности. Вот два ряда фактов. Месяц тому назад Менжинский в ПБ докладывал, что все мероприятия против оппозиции впустую, поскольку они продолжают жить политически. Предлагал лишить нас права вести переписку. Решение нам не было известно⁴⁵.

Теперь мы узнали, что с 10/XI решено прекратить политическую переписку. Запретить всем нам кроме Евгения [Преображенского], Карла [Радека], Ищенко и Серебрякова писать политические письма. Далее волна арестов: в Ленинграде до сих пор 112, в Москве -- 55, в Киеве -- 42, в Харькове -- 35, Баку -- 15, Одессе -- 9, Саратове -- 8 и т. д. В Харькове избили арестованных, в Ленинграде тоже. В Москве 212 человек объявили голодовку (понавезли из провинции). Дело, как видите, принимает характер явно террористический по отношению к нам. Но, с другой стороны, известны здесь и другие факты. Орджоникидзе недавно, дня три тому назад сказал: "В рядах оппозиции так много превосходных ребят! Бездействуют все, а как их привлечь в партию, прямо не знаешь, с чего начать".

Сталин, беседуя приблизительно тогда же -- канун праздника, с одним азиатом, сказал: "Они состоят из двух частей. Одна часть уходит от партии и скоро даже субъективно станет контрреволюционной, а другая, во главе с Л.Д.[Троцким], безусловно остается на партийной почве, безусловно нужна партии. Но как их вернуть? Вот вопрос".

Оба, говоря, знали, что разговор этот дойдет до нас. Ответ я дал передававшему мне очень простой: "Снять 58 статью, вернуть оппозицию из ссылки, выпустить из тюрем, а там поговорим: насчет ошибок XV съезда, насчет центристов и путей их исправления". -- "А насчет ваших ошибок?". -- "И на этот счет поговорим". Таковы новости. Не полные, но что же поделаешь. Я спешу, устал писать твердым карандашом, наконец, я даю торжественное обещание при первой же okazji писать еще.

P. S. Перечитав письмо, я нашел, что переданному разговору могут кто-либо из товарищей придать серьезное значение. Разумеется, не следует рассматривать эти разговоры иначе, как симптоматическую болтовню, как своеобразный маневр, продиктованный трудностью положения, в котором очутился Сталин в настоящий момент. Но в качестве симптома разговоры эти и аналогичные учесть надо, для того чтобы иметь суждение о наших центристах! Но раз перешел от карандаша к ручке -- продолжаю информацию далее.

Октябрьская демонстрация прошла под сплошными левыми плакатами. Не

только мы, но и аппаратчики с удивлением отмечали, что в числе специально к этой годовщине подготовленных знамен преобладали такие, на которых были надписи левые. Причем значительная часть левых лозунгов были повторением прошлогодних, тех, которые к десятилетию считались криминальными. "Долой кулака, нэпмана и бюрократа", "Огонь направо", "Выполним заветы Ленина" и т. д. так и пестрили по рядам. Наши ребята играли не последнюю роль в деле оформления этих лозунгов. Они на местах прилагали все старания, чтобы 1) преобладали левые знамена и 2) лозунги их, елико возможно, [приближались] к "классическим" формулировкам. Это им блестяще удалось. Они не имели директив выдвигать самостоятельные лозунги, но в одном или двух пунктах (стихийно) был выброшен плакат "Да здравствует товарищ Троцкий", но из демонстрации напали на них и отняли знамя. XI годовщина не дешево нам обошлась. Жертв мы дали много. Еще до праздников был схвачен на улице Рафаил [Сахновский], в портфеле которого взяли черновой набросок инструкции по проведению 7/XI. Отпечатав (видимо, с прибавлениями), они разослали эту "инструкцию" по районам для "проработки". После одного райкомы выделили десятки, на обязанности коих лежало обход по ночам районов с целью воспрепятствовать расклейке листовок и вывешиванию плакатов. Дано было указание не расклеивать листовки, а распространять. Несколько комсомольцев, не взирая на то, пошли на расклейку и были накрыты "десятками" (одиннадцать человек), были схвачены за разбрасыванием ряд комсомольцев в общей сложности человек до 45 (в числе 55). Листовок, однако, захватили незначительное количество. Распространили же их около 1800. Притчей во языцех теперь так называемое киевское дело. В Киеве был арестован ряд товарищей, в их числе рабочие одного завода (кажется, "Большевик"). Когда об этом узнали рабочие, они выделили делегацию для отправки в ГПУ. Человек 150 (так пишет сводка ГПУ). Явились. Их не приняли. Арестованные в это время гуляли, ворвались на балкон и стали митинговать. Вызвали конную милицию. Демонстрация запела "Интернационал". Милиция под козырек. После разогнали. На второй день пришли уже всем заводом к окружному и окрисполкому. Называют цифру 2000. ГПУ преуменьшает. Но успели высказаться лишь три или четыре оратора. Делегатов в исполком и окружном не пустили, выступавших арестовали. Разогнали.

Подробно не пишу, т. е. полагаю вам известно про бюллетень No 6489, где много всяких сведений.

Я лично узнал эти сведения от аппаратчиков, все, за исключением числа демонстрантов, совпадает с нашими сведениями.

Пятаков сказал одному из наших товарищей, что сводки ГПУ почти дословно то же рассказывают, преуменьшая цифры.

В Ленинграде из числа мне известных: Ольга Танхилевич (кр[асный] профессор, автор работы об Эпикуре46 и Лукреции47), Альтер (автор работы о Р.Люксембург и др[угих]), Яцек, Вл. Яковин и др[угие]. Число московских велико. Упомяну: Рафаил Сахновский, братья Каплинские (Юрий и Лев), Лобода, Сандомирский, Барышев, Лавлер Поля, Каминский, Петров, Метерицкий, Китаев, Эльцина Вера, Муся Магид, Фельдман

братья и др[угие].

Жертв, как видите, много, но приход еще большой. Баланс в нашу пользу. Нет ни одной пролетарской ячейки, где бы мы не имели целый ряд преданнейших и самоотверженных сторонников партии. Но я уж больно затянул разговор. На этом закончу информацию.

Хотел бы еще раз подчеркнуть только, до чего реальна опасность создания настоящего термидорианского режима для ленинизма и левого крыла. "Борьба на два фронта" пока что есть борьба против нас, борьба налево. Это нужно учесть при политических оценках. Когда я развивал последнюю мысль в кругу левых сталинцев, один из них сказал: "Да, несомненно, при наших нынешних условиях борьба на два фронта -- самая нелепая тактика".

Это понимали все честно левеющие элементы. Это они поймут теперь в связи с террором против нас еще больше.

Период после июльского пленума -- период нашего роста. Именно с этого момента начинается оживление в работе, принимающее постепенно все более открытый характер. В ряде пунктов используются легальные возможности (п[а]рт[и]йные собрания, раб[очие] собрания) выступлений и усиленно распространяются документы. Выступления на основе вполне ясной и четкой линии переходят в совершенно открытое наступление наших товарищей.

В результате имевших место фактов, затруднений и наших выступлений к сентябрю всюду отмечается рост наших рядов. Киев, примерно, вырос на 30%, Екатеринослав на 100%. Следует подчеркнуть, что рост происходил и продолжается, главным образом, за счет рабочих основных предприятий, на которых мы до XV съезда были слишком слабы, а в некоторых случаях никого не имели. Но, несмотря на отмечавшийся как общее явление рост, не всюду пополнение рядов происходит одинаково. Если в некоторых пунктах мы имели рост до указанных выше цифр, то примерно в Центрально-Промышленном районе начинаем только шевелиться. Вообще этот район (Тула, Иваново-Вознесенск, Кострома, Брянск, Нижний [Новгород], Тверь) нами слишком слабо охвачен, и силы наших кадров слишком незначительны. Что является и сейчас несомненным -- это условия для роста, но рост происходит в зависимости от состояния нашей работы на местах, которое далеко разнится.

Переходим к характеристике отдельных пунктов:

1) Украина. Во всех основных пунктах (Харьков, Киев, Екатеринослав, Запорожье, Одесса, Николаев, Кременчуг) нам удалось организационно закрепить наши ряды и развернуть работу. Во всех этих пунктах работа развернута по-настоящему с июля месяца. Всюду имели место выступления и распространение документов.

За этот период выделились Киев и Екатеринослав.

Киевская оппозиция перенесла все прелести репрессии после XV съезда. Из ее рядов было изъято значительное количество руководящих товарищей. Некоторое оживление в работе замечается к периоду апрель-май. После решений июльского пленума начинается значительное выступление наших товарищей первоначально на открытых партсобраниях, а потом и на рабочих собраниях. Для

выступлений используются все легальные возможности. Выступления охватывают вопросы общие (хоз[яйственные] затруднения) и местные.

Хоз[яйственные] затруднения находят свое отражение и в Киеве. Реальная зарплата рабочих падает. Целый ряд вытекавших из затруднений фактов значительно помогает там вести разъяснительную работу среди рабочих. Всюду и везде подчеркивается сопоставлением наших предупреждений и имеющих место фактов правота оппозиции. Результаты этой работы начинают понемногу сказываться в настроениях рабочих-коммунистов и беспартийных. Особо энергично настроение развивается вокруг лозунгов, связанных с правой опасностью. Борьба в конце июля-августа⁴⁸ принимает открытый характер. Товарищи выступают с совершенно четкой и ясной линией как представители оппозиции, в выступлениях ссылаются на основ[ные] документы оппозиции. В результате отмечен рост оппозиции за счет предприятий на 30%. Если к XV съезду в основн[ых] предприятиях Киева: завод "Большевик" (с 3000 раб[очих]), "Арсенал", "Ковкий чугун", "Красный пахарь" (Сель[ско]хоз[яйственное] маш[иностроение]), железнодорож[ные] мастерские -- не было оппозиционеров и К[онтрольные] К[омиссии] с окркомом на собраниях говорили, что "за оппозицией идет только ремесленный пролетариат", то уже в августе угрожающе заявляли: "Мы вам "Большевика" не простим".

В начале сентября начинаются явления, свидетельствующие о распространяющемся влиянии оппозиционных взглядов: представители оппозиции избираются в президиумы собраний, делегатские собрания и др[угие]. Общее собрание [завода] "Ковкий чугун" по вопросу о втором займе индустриализации принимает, вопреки сопротивлению аппарата, большинством 480 против 50, резолюцию оппозиции с указанием на необходимость перераспределения нац[иональных] доходов.

В ответ на оживленную деятельность оппозиции аппарат повел борьбу провокационными мерами. Провокаторы делают заявления о своих связях с центром, который якобы вынес постановление об агитации за срыв хлебаготовок и стачки на предприятиях. В широко распространенном открытом письме эта клевета была разъяснена и соответствующим образом оценена. Гнусные способы борьбы к рабочим не пристали. На заводе "Большевик" в течение почти двух недель в сентябре Окр[ужная] К[онтрольная] К[омиссия] ведет следствие о фракционной работе, очень робко принимая решение о репрессиях, и некоторые товарищи исключаются. Но снятие их с работы через общее собрание не удается. На др[угих] предприятиях снимаются некоторые рабочие с работы. Во второй половине сентября начинаются массовые обыски, продолжавшиеся в течение целой недели. За одну ночь примерно было проведено 50 обысков. Несмотря на репрессии, темп работы усиливается. ГПУ ведет дальнейшие репрессии: городской актив К[ом]с[о]м[ола] арестовывается во время совещания по вопросу об общегородской конференции, дабы лишиться возможности выступить на конференции. Несмотря на это, на конференции все же публика успешно выступает. Некот[орые] т[овари]щи буквально силой выбрасываются из помещения конф[еренции] на улицу; были случаи, когда

находящаяся в помещении конференции рабочая молодежь всаживала ребят обратно через окно.

В ночь на 20 октября ГПУ произвело аресты. 31 чел[овек] были брошены во внутр[еннюю] тюрьму ГПУ. Из этого количества трое немедленно подали заявление, 10 чел[овек] были выпущены, из них на другой день два вновь были арестованы на улице. Немедленно после ареста рабочие были оповещены широко распространенной листовкой. Репрессии вызвали большое возмущение и всячески рабочими обсуждались. 24/Х группы раб[очих] некот[орых] предприятий направились в ГПУ для протеста. Когда они приближались, против них были выставлены войска ГПУ для преграды к дальнейшему продвижению. Рабочие все же прорвались и вплотную подошли в ГПУ с протестом и требованием немедленного освобождения заключенных. Когда начался летучий митинг, на котором выступали рабочие и от имени своих предприятий требовали немедл[енного] освобождения оппозиции, то ГПУ были высланы два взвода для оцепления демонстрации и, т. к. это не помогло, на помощь был вызван конный резерв милиции, кот[орый] отрезал доступ к улице ГПУ другим подходившим группам. Когда демонстранты подошли, арестованные были на прогулке и рабочие их первоначально приветствовали через щель забора. Для того чтобы заглушить речи и лозунги общения, ГПУ вызвало на помощь "индустриализованных" свистунов -- стоявшие во дворе ГПУ машины непрерывным ревом гудков старались заглушить приветствия. Один из арестованных, рабочий-краснознаменец⁴⁹ тов. Кофман, оттолкнул стоящего у дверей, ведущих на террасу, красноармейца и прорвался наверх; вслед за ним прошли остальные арестованные. Товарищи Поляков (б[ывший] прокурор корпуса, расположенного в Киеве) и Яковлев (б[ывший] член партии с 1902 г.), старейший киевский работник, обратились с речами к рабочим. Индустр[иализированные] свистуны мешали говорить. Речи прерывались пением "Интернационала" арестованных и рабочих. ГПУ растерялось от неожиданности и присмирело на время пения "Интернационала". Таким образом, несмотря на воор[уженную] силу, выставленную против представителей рабочих, состоялось общение с арестованными. Начальник ГПУ Иванов сам не изволил выйти и никого не уполномочил выслушать рабочих. Демонстрация продолжалась до вечера, участвовало приблизительно 350-400 человек.

Аппарат пытался срочно организовать контрдемонстрацию, выразившуюся в следующем: секретарь ячейки Гос[ударственной] обувной фабрики, на кот[орой] работает свыше 1200 чел., послал троих беспартийных рабочих к ГПУ, для того чтобы они от имени рабочих завода одобрили репрессии. Эта миссия была выполнена ими на след[ующий] день, 25 октября. Это стало известным всей фабрике, и против них и секретаря яч[ейки] поднялось сильное возмущение. Когда их хотели избить, они спаслись в помещение ячейки, но рабочие бросились за ними. Был дан тревожный гудок, и на помощь явилась милиция. Для того чтобы опровергнуть выступление⁵⁰, накануне организованное секретарем ячейки лжепредставителей рабочих, завод послал делегацию в числе около ста человек со знаменем к ГПУ, требуя освобождения арестованных. Дороги, ведущие к ГПУ, были заняты конными разъездами, не допускавшими их к ГПУ. Рабочие

прорвались и требовали допуска. В ответ была пущена в ход физическая сила: двум рабочим скрутили руки и "погнажи". Жен и детей физич[еской] силой загоняли в соседние дворы, щели забора, за кот[орым] гуляли арестованные, спешно заколачивали, вновь на помощь были вызваны "индустриализованные" свистуны. В этот день была выпущена вторая листовка. Арестованные обратились с прилагаемым письмом⁵¹ к окружкому, ЦК и ЦКК и с телеграммой на имя Сталина с предостережением о голодовке. Письмо и телеграмма были немедленно распространены среди рабочих. 26/X весь день разъезжали патрули, опасаясь демонстрации. Свидания были прекращены и явившейся родне заявили, что "их здесь нет". 27 октября, в субботу, по окончании работы -- делегации заводов: "Большевик", 1-я гос[ударственная] обувная ф[абри]ка, главные ж[елезно]-д[орожные] мастерские, швейники и др[угие] направились, некот[орые] со знаменами, к зданию окружкома и окрисполкома для протеста. В окркоме в это время заседал пленум, а в окрисполкоме -- пленум КПС⁵². Предполагалось, что численность делегации не будет превышать 150 чел[овек], но собралось 1500-2000 чел[овек]. Ввиду осведомленности в ГПУ были приняты меры⁵³. В помещение окркома были введены войска ГПУ, здание было оцеплено. Путь в разн[ых] местах преграждался. Все же демонстрация подошла к зданию. Собралось много рабочих. Некот[орые] группы не были допущены и не сумели пробраться. Для протеста была выделена группа рабочих завода "Большевик", кот[орая] должна была от имени рабочих всех предприятий предъявить требования. Но, когда они направились по лестнице в здание, их встретили представители ГПУ и бесцеремонно выкинули. К демонстрации никто из окркома и окрисполкома не показался. Вместо себя выставили цепи войск и милиции. Тут же состоялся митинг. К концу выступления первого оратора прибыли машины ГПУ, кот[орые] врезались в массу. Выступало 6 чел[овек], но вслед за каждым выступлением оратора вылавливали⁵⁴, усаживали в машину и отправляли в ГПУ. Рабочие очень возмущенно реагировали, но в кулаки не бросались. Демонстрация продолжалась до 8 часов вечера. Все время происходили летучие митинги и выбрасывались лозунги, приветствовавшие оппозицию и требующие освобождения. Киевские "представители" партии и власти не пожелали говорить с рабочими. Во время демонстрации на улице были арестованы некот[орые] товарищи, ночью были массовые обыски и аресты выделившихся на демонстрации рабочих. Из одной обувной фабрики было арестовано 6 чел[овек].

Всю ночь 27 октября здание окружкома и окрисполкома охранялось. Конные патрули продолжали разъезжать в воскресенье, 28 октября. В понедельник, 29 октября рабочие 1-й обувной ф[абри]ки собирались реагировать на аресты рабочих-оппозиционеров этого предприятия. В понедельник, 29 октября выпущена листовка, подводящая итоги событиям.

Каким образом состоялись демонстрации? Листовка была выпущена к рабочим через несколько часов после арестов. Возмущение сильно охватило рабочие массы, стали раздаваться призывы к протестам. Отдельные рабочие заявляли: "Надо идти освобождать тов[арищей]". Собирались отдельные группы рабочих и

под одобрение цехов, не прерывающих работы, отправлялись под руководством наших исключенных и в некоторых случаях и не исключенных -- примкнувших к нам после XIV партсъезда. Делегации официально не избирались, за исключением 27 октября демонстрации к окружкому, где группа из 45 человек с "Большевика" должна была формулировать требования⁵⁵. Эта группа была выделена.

Все это происходило под непосредственным руководством и при участии наших товарищей. Но, несмотря на это, целый ряд фактов, наблюдения на месте говорят о том, что рабочие одобрили требования демонстрантов. Наиболее ярким подтверждением служит след[ующий] факт: когда рабочие обувной ф[абри]ки узнали о лжепредставителях, выступавших от имени ф[абри]ки, их хотели избить и одновременно была выделена делегация, направленная со знаменем для опровержения и требования освобождения. Вообще, не известно ни одного факта, когда бы рабочие массы выступили против демонстрации и их требований⁵⁶.

Отсюда и из ряда фактов вытекает, что рабочие Киева активизируются, охватываются нашим влиянием и идут за нашими лозунгами.

В этой обостренной борьбе совсем не видно было парторганизации, она себя не только не противопоставляла, но вообще сколько-нибудь не выделялась.

Несмотря на изъятие отдельных товарищей, настроение остается бодрым и настроение рабочих приподнятым. Руководство и все остальные товарищи отдают себе отчет во всех событиях. Поставлены задачи организованно завершить события, обостренную борьбу и перейти к дальнейшей работе, не упуская дальнейшего влияния и развертывая работу.

Последние сведения говорят о том, что настроение как наших рядов, так и рабочих остается положительным. Отходов, несмотря на репрессии, не было, почва для роста усилилась.

2. Екатеринбург. Организация выросла на 100% (было около 100 чел., стало 220 чел.) за счет рабочих металлургии. Здесь, как и в Киеве, сейчас обратное явление в отношении периода до съезда. Рост происходит за счет заводов Петровского, Ленина и др[угих] предприятий. Организация насчитывает 99% рабочих, главным образом крупных предприятий. Публика разбросана по цехам и успешно ведет работу. Ряд фактов последнего периода говорят о распространении нашего влияния. Так, например, как общее явление оппозиционеры избираются в президиумы собраний, делегатами конференций и различных собраний. Из наиболее крупных фактов следует указать следующее: на заводе им. Ленина во главе профбюро листопркатного цеха, насчитывающего больше 1000 чел[овек], стоит н[аш] товарищ. Окркомом при участии завкома было вынесено постановление о досрочных перевыборах. Обычно нельзя похвастать большой посещаемостью собраний, но в данном случае явились все. После выступлений представителей окркома и завкома были предложены две резолюции -- одна о переизбрании, а другая об оставлении старого состава. Почти единогласно принята наша резолюция о том, что никаких оснований для переизбрания бюро нет. Самокритика докатилась в Е[катериносла]в к октябрю. По докладу о самокритике собрание мостового цеха Брянского завода в числе

1000 чел. приняло резолюцию оппозиции с указанием, что во всех смоленских и иных делах вина нынешнего руководства ЦК.

Завод "Сатурн". Рабочих 500 человек, но все высшей квалификации. Ячейка 143 чел. К настоящему времени мы имеем в составе ячейки 90 чел[овек] своих. Рабочие поддерживают наших товарищей.

ГПУ ввело четырех провокаторов к нам, но они немедленно же были разоблачены. Имеются точные сведения о заявлении нач[альника] ГПУ, что сейчас у него нет ни единого человека среди нас. В кампанию последних репрессий было взято 4 человека и из них двое освобождены.

Есть основание полагать, что в случае репрессий рабочие будут реагировать протестом.

С большим трудом проникаем в Донбасс. До съезда не было здесь наших людей. Сейчас мы имеем начало в Артемовске, Шахты и Енакиево.

Последние репрессии значительно ударили по всем городам Украины. Ввиду того, что они еще не закончены, итогов подвести нельзя. Это составит предмет следующей сводки. Взято: Киев -- 43, Запорожье, Кременчуг, Одесса, Николаев, Артемовск, Харьков -- 49. Удар по Харькову был значителен: изъят центр, резерв, взята типография с 3 пудами шрифта и 8 пудов литературы. Есть основание предполагать провокацию. С арестованными товарищами обращение издевательское. Товарищи были лишены свиданий и передач. Ими было предъявлено соответствующее требование, но они получили отказ. Была объявлена голодовка, но в ответ на голодовку им предложено было собираться для отправки. Почти раздетые товарищи, и во всяком случае не готовые к отправке, потребовали свидания и возможности получить одежду. Когда им в этом было отказано, они устроили обструкцию. ГПУ ввело [...]57 отряда, которые устроили избиение. Некоторым товарищам были разбиты головы, у одного рабочего хлынула кровь горлом, некоторые были избиты до потери сознания. После этого им было приказано (через некоторое время) выходить к отправке. Товарищи сопротивлялись. Им скручивали руки полотенцами, загоняли в вагон. Голодающими они доставлены в Москву. В Бутырках они голодали 5 дней.

В арестантском вагоне были также доставлены киевские товарищи.

По сообщениям, рабочие I типографии протестовали 4-часовой забастовкой.

Иваново-Вознесенск. Работы наши товарищи до последнего времени никакой не вели. Не имели связи. Общее настроение рабочих в связи с уплотнением рабочего дня и снижением заработка -- плохое. Сильное недовольство. Беспартийная производственная конференция текстильщиков прошла бурно. Секретарю губкома не дали говорить. На XVIII губсъезде текстильщиков Иванова рабочие в выступлениях указывали на зажим, чрезмерное уплотнение рабочего дня и на снижение зарплаты. Даже иванововознесенские газеты, смягчая выступления, приводят следующее

Тов. Гусев: "Самокритика вещь хорошая, товарищи докладчики, но за нее иногда рабочих увольняют. Я кое-кого покритиковал, так два года терпел всякие недостатки. Дочь у меня из-за этого уволили с ф[абри]ки. Когда я стал

хлопотать о том, чтобы ее приняли обратно, мне заявили: "Надо язык придерживать"" ("Рабочий край" от 28/X, No 251).

Тов. Пенькин говорит: "С уплотненной работой у нас не всегда хорошо выходит. У нас часть рабочих перешла на уплотненную работу, но у них получился недоработок. Остальные, видя такой пример, переходить не желают" (там же).

Тов. Разгулина: "При переходе на уплотненную работу нам обещали улучшить кое-что. Говорили, что повысится заработок, но ничего этого нет. Оборудование остается старым, заработок падает. В марте вырабатывали 3 руб. 44 коп., а в сентябре 3 руб. 15 коп. Фабком признал необходимым выплатить недоработку, которой оказалось 4%. Обещал выплатить фабком, поддерживал это и тов. Смирнов из ЦК, но потом как-то все это замяли" (там же).

Эти выступления приведены газетой в смягченном виде и не совсем характеризуют недовольство рабочих именно потому, что они смягчены.

Гром аплодисментов выступавшему оппозиционеру и выкрики, срывающие речь работников профсоюза, места в газете не получили, хотя на съезде места имели много.

Красноярск. До июльского пленума рабочие к оппозиции относились иронически, подтрунивали и даже посмеивались, после июльского пленума, в связи с проникновением наших документов в массу, настроение изменилось. К оппозиционерам начали относиться внимательно. Слушают и выражают сочувствие. Связь имеется со всеми предприятиями. Рост наших рядов начался только за последнее время, т. е. с момента начала активной нашей работы. Основной кадр на 15 октября в Красноярске состоял из 14 человек.

Репрессии прошли по всем пунктам, где развернулась работа; тем сильнее, чем оживленной была работа.

С некоторыми пунктами связь восстановлена.

Итоги репрессий и состояние организаций будут выяснены в ближайшее время.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО58

Ход классовой борьбы и движение экономического кризиса в течение 1928 года с полной убедительностью доказали, что платформа большевиков-ленинцев исчерпывающе формулировала экономические и политические итоги господства правоцентристов перед XV съездом. В основном и решающе оправдалось и предвиденное платформой дальнейшее развертывание событий. Ввиду этого платформа остается основным документом оппозиции, наиболее полно и точно отражающим ее взгляды. Исключительно важное значение платформы как основного политического документа оппозиции, кроме выказанного, вытекает еще из того обстоятельства, что руководители оппозиции лишены возможности совместно обсудить и выработать новый документ, который обладал бы всеми достоинствами платформы и давал бы исчерпывающий ответ на события, имевшие место уже после выпуска платформы.

Такая оценка платформы не только не исключает, а предполагает

необходимость авторитетной оценки со стороны ленинской оппозиции всех важнейших политических и экономических явлений последнего времени. Жизнь в своем движении не останавливается; самое гениальное предвидение не в состоянии предвосхитить будущее иначе, как в основных очертаниях. Эти основные очертания и намечены платформой превосходно: вот почему дальнейшие ответственные решения оппозиции должны сводиться к развитию и конкретизации положений платформы.

Экономическое положение страны крайне обострилось. Огромные затруднения с хлебом неизбежны. Безработица и ухудшение положения рабочих создают большие затруднения в городах. Ко всему этому прибавляется такое специфическое обстоятельство, как инфляция. Вот почему надо быть готовым ко всяким неожиданностям в этой области. Те меры, которые принимаются Центральным Комитетом для изживания трудностей, к желательным результатам привести не могут. Основной недостаток этих мероприятий состоит в их якобы "деловом" характере. Положение же сложилось так, что только решительное изменение политической линии партии может помочь кризисной экономике.

Существо классовых сдвигов в основном сводится к следующему: в деревне антисоветский фронт расширился за счет блока кулака и зажиточных середняков. Не менее 20-25% крестьянских хозяйств настроены враждебно к диктатуре пролетариата. Средняк деморализован. Экономические интересы середняка не толкают его на борьбу с советской властью. Чрезвычайные меры заделали его хозяйственный интерес; при правильной политике союз с ним вполне возможен. Беднота и батрачество не организованы; они не играют той роли, которую они обязаны играть в деревне при нынешнем состоянии классовой борьбы.

Городская торговая буржуазия, вытесненная из торговли, уходит со своими капиталами в спекуляцию и мелкое производство. Она лишь обменяла личину, орудие борьбы осталось в ее руках. Ушедший в спекуляцию частный капитал является самым вредоносным и паразитарным видом империализма. Прямая же экспроприация этих средств становится необходимостью.

Бюрократия, не будучи самостоятельным общественным классом, но являющаяся весьма влиятельной группой, играет внутри самого советского аппарата роль штаба, организующего враждебные пролетариату классы. В течение этого года она сделала серьезные шаги от советской власти и против нее. В этом же направлении эволюционизировали и широкие круги буржуазной интеллигенции.

Пролетариат испытывает на себе давление враждебных ему элементов в виде ухудшения условий труда, понижения заработной платы, зажима на фабрике и заводе. Наличие значительной резервной армии безработных является одним из самых серьезных препятствий для оживления его классовой сопротивляемости. Однако рост активности пролетариата в течение последнего времени бесспорен. Этот факт имеет решающее значение для всего дальнейшего течения событий.

5. Активность рабочего класса растет не в одном направлении. В силу исторических особенностей нашего пролетариата (связь с деревней) и в силу многолетних поражений режима, но в то же время в силу его исключительного

политического и революционного опыта в рабочем классе явственно наблюдаются три основных русла политических настроений. Первое русло отражает деревенские настроения. Эти настроения питаются, с одной стороны, выходцами из деревни, теряющими связь с землей. Их приносит в город пролетаризирующийся бедняк, голодный обездоленный человек. Он нетерпеливо стучится в ворота некоего класса; по природе своей он терпелив и невзыскателен, но чрезмерно бедственное положение такого пролетария толкает его на эксцессы. Ввиду того, что классовой пролетарской выучки и дисциплины эта масса не имеет, она легко может стать жертвой контрреволюционной демагогии и авантюры. Борясь за усиление темпа индустриализации, мы боремся за превращение этих масс в индустриальных пролетариев, строителей социализма. Борясь с их материальной нуждой и политической и культурной отсталостью, мы должны добиваться, чтобы эти массы укрепляли позиции пролетарской диктатуры. С другой стороны, иные настроения приносятся в рабочий класс теми группами рабочих, которые часть своего заработка отправляют в деревню на поддержку своего крестьянского хозяйства. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным представительством середняка в рабочем классе. Эта группа есть важнейший политический барометр для определения деревенских настроений. Эта группа, представляющая, если можно так выразиться, срединное звено в нашем пролетариате, при правильной политике идет в ногу с авангардом, при шатаниях же и ошибках может быть временным источником правых настроений в рабочем классе. В данное время эти настроения усиленно эксплуатируются правым крылом ВКП(б).

Вторая гамма настроений в рабочем классе может быть характеризована как синдикалистическая. Искривления политической линии партии уродливость режима на заводе, в профсоюзе

и партии толкают значительную часть индустриальных пролетариев в сторону отхода от политики. Классовая энергия этой группы направляется по ложному руслу. Вместо большевистской последовательности и выдержанности настроения этой группы скачут от припадков крайней "левизны" до политического тред-юнионизма. При правильной политике - это элементы авангарда. Решительная идейная борьба с этими настроениями совершенно необходима. В то же время эта борьба должна быть товарищеским убеждением. Чем настойчивее и последовательнее оппозиция будет отстаивать идеи ленинизма, тем быстрее она добьется серьезных успехов в деле изживания синдикалистских настроений и в смысле закрепления лучшей части этих рабочих за большевиками-ленинцами.

Третья группа -- это прошедшие школу революции и Ленина пролетарии. Эта группа ищет выхода на путях большевизма и ленинизма. Сегодня большинство этой группы идет еще за центристами. Лучшие, наиболее интенсивные кадры этой группы переходят в оппозицию. Чем быстрее пойдет процесс перехода этих рабочих под знамена ленинской оппозиции, тем скорее авангард мобилизует

вокруг себя основные силы класса и тем скорее класс в целом окажется в состоянии дать решающий отпор враждебному наступлению.

Внутри партии события классовой борьбы и экономического кризиса сказались в обострении борьбы между центристами и правыми и [привели] к значительному росту влияния оппозиции среди членов партии и в рабочем классе. Борьба между правыми и центристами и рост оппозиции является лучшим доказательством того, что только решительные классовые схватки и их исход определяет итоги периода сползания. Только борьба решит, кончится ли дело термидором, т. е. потерей пролетариатом государственной власти, или рабочий класс вместе с беднотой и в союзе с середняком разобьет враждебную коалицию, возглавляемую кулачеством (аграрный капитализм).

Необходимо уяснить себе политический смысл борьбы центристов с правыми. Было бы величайшей ошибкой рассматривать ее только под углом зрения аппаратных превращений. Классовая борьба в стране и режим неслыханно обостряют любые разногласия в ВКП. Классовые корни правых в стране: правые отражают стремления новой буржуазии, деревенской и городской. Мы не хотим этим сказать, что в лице правых мы имеем сознательное политическое представительство буржуазии в ВКП. Часть правых, несомненно, полагает, что она "маневрирует". Это важно помнить даже во время самой ожесточенной политической атаки против правых; надо уметь делать разницу между Слепковыми, Рютиными и др[угими] представителями уже вполне "созревших" термидорианцев, с одной стороны, и идущими за правыми рабочими -- с другой. В то же время было бы ошибочным переоценить значение и размеры этой борьбы в настоящий момент (10-е числа октября). Весьма похоже на то, что в целях удержания левеющих рабочих под своим влиянием центристы произвели частичную атаку на правых. "Откупиться" парой Мандельштамов, Рютиным и Пеньковым⁵⁹ и забить во все колокола, что правая опасность разбита, что сталинизм торжествует, -- таков, по всей видимости, расчет генсека. Вместе с тем, такая вылазка против правых дает центристам возможность снова "проверить" и "обновить" аппарат. Вот почему, внимательно следя за ходом борьбы в блоке, не надо смешивать авангардные бои с решительным сражением, которое еще предстоит. Обе стороны смертельно боятся этого сражения, т. к. выиграет его оппозиция. Вот почему вполне вероятны гнилые компромиссы, которые будут тем бесполезнее, чем острее сложится

течение кризиса и ход классовой борьбы.

Борьба с центристами, которые являются основной опасностью в рабочем классе, остается важнейшей задачей оппозиции. Решительный удар правым может нанести только оппозиция. Удар этот может быть нанесен только тогда, когда оппозиция будет руководящей силой в рабочем классе. Руководящей же силой она может стать, только поборов центристов внутри самого пролетариата.

8. Основная задача оппозиции состоит в том, чтобы всемерно развивать в рабочем классе уже достигнутые ею успехи. Оппозиция имеет политическую

линию, она знает, чего она хочет. Этого нет ни у правых, ни у центристов. Оппозиция говорит полным голосом всю правду рабочему классу и партии. Наши противники лишены возможности этого, хотя и имеют в своих руках всю печать. Оппозиция смело выступает за требования рабочих на заводе и фабрике. Наши противники чем дальше, тем больше вынуждены задевать жизненные интересы пролетариата; к этому их толкает неправильная политика. Оппозиция указывает рабочему классу на опасность термидора и указывает меры борьбы с этой опасностью. Классы длительно не обманываются. Большевизм был и будет пролетарским знаменем рабочего класса.

Сегодня -- наша задача -- собирание сил. Достигнутые успехи надо увеличить во сто крат. Надо идти вперед быстрыми, но не торопливыми шагами. Надо ставить и решать такие повседневные задачи, для решения которых имеются силы и средства. Ложный, торопливый шаг мог бы на время оборвать выгодное для нас течение событий.

Мы изложили в "годовщине" и ответе Бухарину наши взгляды на экономическое положение. В полном согласии с изложенными там взглядами, мы выдвигаем следующие основные тактические лозунги:

В массы -- собирать силы, закрепляться в партии и рабочем классе.

Единство партии снизу -- мы более партийцы, чем сидящие в Политбюро.

Взгляды оппозиции -- достояние всего рабочего авангарда. Основные документы оппозиции должны получить широкое распространение.

Защита интересов рабочих на заводе и фабрике. За повышение заработной платы, против ухудшения условий труда.

Долой правых, носящих на своих плечах термидор.

Беспощадное разоблачение центристов, основной помехи для политической активности пролетариата.

Возвращение ленинской оппозиции из ссылки. Без этого все разговоры о партийной и рабочей демократии -- обман.

Вся сумма наших требований по рабочему, крестьянскому и др[угим] вопросам.

9. Попытка организационно и политически раздавить оппозицию не удалась. Работа оппозиции расширяется. Она принимает характер полулегальный. ГПУ не в состоянии выслать всех рабочих-оппозиционеров. Развертывая свою работу и борясь за легальность, наши товарищи должны помнить, что крепкий кадр оппозиционеров, вооруженных политическим опытом и необходимыми орудиями политической борьбы -- печатью, средствами и т. д. -- нам абсолютно необходим. Сегодня такая организация может быть только нелегальной. 10. Правые ошибки могут возникнуть, с одной стороны, при переоценке в сторону "левизны" позиции вождей центра; и, с другой стороны, при неправильном отношении к словесным нападениям правых на партийный режим после их частичного поражения. В первом случае понизился бы темп нашего политического наступления на идеологию центристов и могли бы родиться иллюзии насчет способности центристских вождей справиться с правой опасностью без участия масс. Во втором случае создалась бы правая опасность беспринципного блока

всех недовольных режимом против аппарата. Политические последствия второй ошибки были бы прямо роковыми для оппозиции.

Левые ошибки ярче всего выражены у децистов. Их левизна уже превратилась в прямую правизну. Они идут от политики, где их позиция уже означает бездействие (термидор совершился, для новой революции нет сил), к синдикалистскому тред-юнионизму. Для них уже главное и основное -- борьба за повседневные экономические требования рабочего класса. Революционный марксист связывает эти требования с политическими задачами класса. Левые ошибки могут помешать тому процессу превращения оппозиции в массовое пролетарское политическое течение, который успешно развивается.

11. Мы отдаем себе полный отчет в том, что оценка момен-та не может ограничиваться только политическими констатациями. Задача состоит в том, чтобы переводить политические формулы на язык масс. Рабочий-оппозиционер должен найти общий язык с рабочими, идущими еще за центром. Не делая ни одной уступки вождям и идеологии центристов, мы должны с величайшей внимательностью и прямой уступчивостью от-носиться к идущим к нам рабочим. Для нас должно быть ясно, что только совместно с этими рабочими мы можем добиться торжества нашей позиции. Однако эта важнейшая задача вы-работки сложнейшей программы совместных выступлений может быть выполнена только на месте.

ВНИМАНИЕ К ПЕРЕВЫБОРАМ ЗАВКОМОВ

В текущем году перевыборы завкомов проводятся не в порядке единовременной кампании, а будут продолжаться до весны будущего года. Колдоговорная кампания будет проводиться в ноябре-декабре-январе.

Перевыборам фабзавкомов, как известно, предшествуют отчетные собрания. На этих собраниях фабзавком, отчитываясь в своей деятельности, должен будет остановиться и на практике проведения прошлого колдоговора. Таков общий момент, объединяющий перевыборы завкома с колдоговорной кампанией.

Мы должны в выступлениях по отчетному докладу завкома обращать внимание рабочих на обсуждение практики прошлого колдоговора, мобилизуя тем самым их внимание вокруг предстоящей колдоговорной кампании.

Последнее совершенно необходимо, ибо колдоговора в этом году будут пропущены через общие и делегатские собрания с еще большей поспешностью, чем в прошлом. С этим можно бороться только путем мобилизации внимания масс вокруг колдоговорной кампании. Наша задача заключается в собирании материалов, характеризующих работу завкома данного предприятия и в использовании их при критике деятельности завкома. Кроме того, необходимо наладить взаимную информацию, чтобы наши товарищи, работающие на одном предприятии могли бы учитывать и практически использовать опыт других предприятий. Наиболее интересные факты и материалы должны быть доведены до сведения всех наших товарищей, участвующих в перевыборах завкомов. Ниже приводимый перечень вопросов является общим для всех предприятий разных отраслей промышленности. Он должен помочь ориентироваться в работе по

перевыборам завкомов. Этот перечень предполагает самостоятельную работу над материалом, характеризующим деятельность данного завкома. Основные вопросы, к обсуждению которых следует подготовиться, таковы: тарифная реформа и опыт проведения колдоговора, продовольственный вопрос, охрана труда, экономработа, профсоюзная демократия, культработа. Прошлая колдоговорная кампания, как известно, характеризовалась проведением так называемой тарифной реформы, основные задачи которой сводились к а) увеличению удельного веса тарифной ставки с общей сумме заработка; б) более правильной разбивке рабочих по разрядам, в зависимости от их квалификации; в) смягчению разрыва в зарплате повременщиков и сдельщиков; г) смягчению разницы в зарплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Особый интерес представляет вопрос о влиянии тарифной реформы на зарплату низкооплачиваемых групп рабочих. Известно, что в ряде предприятий в результате отнесения рабочих, ранее тарифицировавшихся по 5-6 разряду, к 1-2 разряду -- зарплата их снизилась. Если в первые месяцы проведения реформы удельный вес ставки в общей сумме заработка повысился, то затем, в результате нажима на интенсивность труда путем увеличения норм, удельный вес ставки снова начал снижаться. Проведение тарифной реформы вызвало ряд конфликтов, что было совершенно неизбежно, поскольку тарифная реформа не обсуждалась на рабочих собраниях, а проводилась верхушечным порядком. Детальное ознакомление с наиболее типичными конфликтами, возникшими на почве проведения реформы на каждом данном предприятии, позволит по заслугам оценить ее результаты.

Степень успешности проведения завкомом защитной работы определяется в первую очередь степенью колдоговора. Этому вопросу наши товарищи должны уделить самое серьезное внимание, собрать наиболее характерные факты о неудовлетворительном выполнении колдоговора и оперировать ими при обсуждении деятельности завкома. Таких фактов на каждом предприятии чрезвычайно много. Большое внимание следует уделить вопросу, насколько старый договор отвечал интересам рабочих. Особый интерес представляют нормы и расценки, введенные при заключении старого договора, влияние их на интенсивность труда, утомляемость, а также интересно проследить, в какой мере введение этих норм сопровождалось действительной рационализацией производственных процессов. На ряде предприятий нормы и расценки подверглись пересмотру не только в период перезаключения колдоговора, но пересматривались также в течение всего года, что дергало и нервировало рабочих.

В связи с этим необходимо поставить на обсуждение вопрос о [том, как] откликнулся завком на извращение работы Т[рудовых] н[ормативных] б[юро]. Конфликтная практика также должна стать предметом обсуждения. Какой процент конфликтов был решен в пользу рабочих, администрации и компромиссно, как скоро разбираются конфликты, приглашаются ли при разборе конфликтов заинтересованные рабочие, находят ли они поддержку со стороны завкома, -- на этих вопросах нужно остановиться и подобрать соответствующие факты.

Прием на работу, особенности увольнения и перемещения представляют

большое поле для административного произвола.

Откликнулся ли завком на безобразия в этой области или нет? От ответа на этот вопрос в значительной степени зависит оценка работы завкома. Заводские комитеты, как общее правило, вовсе не уделяли внимания продовольственному вопросу. Между тем, рост цен и нехватка товаров должны были бы побудить завком хотя бы поставить вопрос об этом перед вышестоящими профорганами. Доклады о кооперации на общих и делегатских собраниях, как правило, вовсе не ставились. Уже теперь видно, что кредиты, открытые на мероприятия по охране труда, не использованы в полной мере. Председатель МГСПС Михайлов в докладе на пленуме МГСПС 4 октября привел такие примеры: "Заводу "Каучук" отпущено было 74400 рублей, а израсходовано только 26600 рублей; заводу "Проводник" -- 64900 рублей, а израсходовано только 16600 рублей". Однако одни только сведения о проценте использования средств на охрану труда недостаточны. Необходимо иметь отчетливое представление о конкретных работах по охране труда, о необходимости, первоочередности, качестве их.

Согласно директивам ВЦСПС, компетенция завкома в области экономработы расширилась. В число функций завкома входит участие в рассмотрении и обсуждении промфинплана данного предприятия, участие в рассмотрении планов капитальных работ. Однако рассмотрение этих вопросов чисто формальное и сводится лишь к записи в протокол. Временные контрольные комиссии должны были стать вспомогательными органами производственных совещаний. На деле они превратились в нечто самодовлеющее, замещая собой производственные совещания. Это приводит к тому, что ВКК из органов профсоюзных превращаются в органы заводоуправления. Отчеты заводоуправления рабочим носят формальный характер, что в значительной степени объясняется тем, что завком не заботится о своевременном снабжении рабочих материалами о хозяйственном положении предприятия.

Между тем мобилизация внимания рабочих вокруг производственных вопросов важна в связи с предстоящими сырьевыми затруднениями в ряде отраслей промышленности (пищевкусовой, текстильной, кожевенной). Нам кажется, что целесообразно при обсуждении деятельности завкома в области культуры труда выдвинуть вопрос о состоянии школ района, в коих обучаются дети рабочих. Рабочие обычно жалуются на неудовлетворительную постановку дел в школах. Профорганы имеют право посылать представителей в школьные советы. Этим правом они или не пользуются вовсе, или пользуются формально. При выявлении дефектов работы завкома в отмеченных выше областях необходимо подчеркивать, что основной причиной их является отсутствие действительной пролетарской демократии в профсоюзах и в партии, что приводит к бюрократическому закостенению проф- и парторганов и отрыву их от масс. Рабочие отвечают на это очень слабым посещением профсоюзных собраний. Это свидетельствует о том, что современный режим в профсоюзах порождает пассивность рабочего класса. Самокритика загоняется в рамки мелких вопросов, тогда как теперь необходима не только критика тех или иных дефектов, но развернутая критика современного профсоюзного режима, находящего отражение в работе завкомов.

Таковы в кратких чертах основные вопросы, которые встанут в связи с переВыборами завкомов. Чем активнее будет наше участие в обсуждении отчетных докладов завкома, чем активнее будем мы участвовать в переВыборах завкома, тем лучше мы подготовимся к кампании по перезаключению колдоговоров.

Задача большевиков-ленинцев -- мобилизовать внимание рабочих вокруг развертывающейся бюрократизации профсоюзов. Этого мы достигнем деятельным участием в переВыборах завкомов и в предстоящей колдоговорной кампании.

Большевики-ленинцы (оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 г.

О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ В СССР В 1928 г.

Относительный вес рабочего класса в национальном доходе капиталистических стран имеет неуклонную тенденцию к снижению. В советских условиях замечается иная закономерность: удельный вес пролетариата в национальном доходе проявляет тенденцию роста за счет уменьшения доли прочих классов. Необходимо внимательно подойти к цифрам, свидетельствующим о доле пролетариата в национальном доходе страны: ибо, если доля растет слишком медленно, стабильно или падает, то это означает, что диктатура пролетариата больна, что за счет пролетариата возрастает удельный вес других классов.

Опубликованные Контрольные Цифры60 не являются окончательными.

Однако отчетная часть их, вероятно, не подвергнется сколько-нибудь существенным изменениям. Нижеследующие данные взяты нами из Контр[ольных] Ц[ифр]. Согласно Конт[ольным] Ц[ифрам], национальный доход в 1927/28 г. возрос по отношению к 1926/27 г. на 7,5%, национальный доход 1928/29 г. возрастет по отношению к истекшему на 10,4 и составит 27969 мил. руб. против 25336 мил. руб. в 1927/28 г. Какова же доля пролетариата в национальном доходе страны? Ответ на этот вопрос дает следующая табличка:

1924/ 25	1925/ 26	1926/27	27	1927/28	28	1928/29	Доля лиц наемн[ого] труда
		25,4	28,1	30,9	32,1	32,1	[темпы роста] %2,7 %1,8
		%1,2	0				

Отсюда видно, что темп роста доли лиц наемного труда в национальном доходе страны снижается с каждым годом, а в 1928/29 г., согласно расчетам ЦК, не увеличится вовсе. Темп роста абсолютной величины доходов городского пролетариата меньше, нежели темп роста доходов сельского населения. Согласно тем же Конт[ольным] Ц[ифрам], денежный доход лиц наемного труда в городе и сельского населения по отношению к предыдущему году увеличивался таким образом (в %%).

1927/28	1928/29	Городского пролетариата	%9,8	%6,0	Сельского населения
%10,1	%9,6				

Но данные, относящиеся к денежным доходам городского пролетариата, дают слишком оптимистическую картину хотя бы потому, что не учитывают повышения квартирной платы, а также последнего займа индустриализации, который на известный период уменьшает покупательную способность рабочего класса.

Приведенные выше данные говорят, что удельный вес пролетариата в стране растет с каждым годом медленнее, что 1928/29 г., если не будет радикально изменена политика по рабочему вопросу, принесет, если верить К[онтрольным] Ц[ифрам], стабильность доли пролетариата в национальном доходе страны, а вероятнее всего -- падение. Борьба за заработную плату стоит в порядке дня, ибо повышением реальной заработной платы пролетариат укрепит свои классовые позиции. Официальные данные о реальной заработной плате дают совершенно извращенную картину. Согласно данным ВЦСПС, номинальная заработная плата в 1927/28 г. возросла по отношению к прошлому году на 11%, а реальная на 10%. Так ли это? Цифра реальной заработной платы получается путем деления номинальной на индекс стоимости жизни, но последний страдает столь серьезными дефектами, что дает совершенно извращенную картину динамики и размера реальной заработной платы. Современный индекс стоимости жизни сконструирован на основе бюджетных обследований конца 1926 г. В нем зафиксированы твердые пропорции покупок того или иного товара у кооперации, у госторговли и у частного. Конец 1926 г., когда был составлен действующий ныне индекс, характеризовался сравнительно спокойным состоянием на рынке. В 1927/28 г. положение существенно изменилось, и пропорции покупок несомненно передвинулись в сторону частного. Кроме того: ряда товаров, входящих в состав бюджетного набора, фактически невозможно достать. Таким образом, индекс учитывает в ряде случаев не цены реальных товаров, а цены преysкуранные. В результате этих дефектов индекс дает явно неверную, явно извращенную картину уровня динамики реальной заработной платы. Ряд данных говорит за то, что она не повысилась. Так например, по Приокскому горному округу, Сормову, Ленинграду реальная зарплата, начиная с апреля, начала понижаться. На последнем пленуме ВЦСПС указывалось, что "перебои в рабочем снабжении и связанный с этим рост бюджетного набора оказывали крайне неблагоприятные влияния на заработную плату". По словам представителя ленинградских текстильщиков на пленуме ВЦСПС, зарплата понизилась на 10% вследствие увеличения квартирной платы и повышения стоимости коммунальных услуг. И таких фактов можно привести множество. Каждый рабочий великолепно знает, что его реальная зарплата не повысилась против прошлого года, а в лучшем случае осталась стабильной. Необходимо требовать радикального пересмотра способов изменения реальной заработной платы, необходимо требовать радикального пересмотра ныне действующего индекса стоимости жизни, как находящегося в вопиющем противоречии с действительностью. Политика заработной платы находится в противоречии с решениями VII-го Съезда Профсоюзов о плановом подтягивании заработной платы отсталых в этом отношении категорий рабочих. Текстильщики, например, получили в прошлом году 13% роста номинала, а в этом году только 8,5%. Горнорабочие в прошлом году имели 11,7, а в этом году только 6,2, что значительно ниже процента повышения по всей промышленности (11%). В нынешней кампании по перезаключению колдоговоров необходимо со всей решительностью поставить вопрос о повышении заработной платы. Производительность труда возросла в 1927/28 г. против 1926/27 г., согласно К[онтрольным] Ц[ифрам], на

14,5%, тогда как заработная плата осталась в лучшем случае стабильной. Рост производительности труда в 1927/28 г. не был компенсирован соответственным ростом реальной зарплаты. Согласно плановым предположениям, отношение зарплаты к производительности труда должно было равняться 0,47. Если принять это соотношение, то реальная зарплата в 1927/28 г. должна была бы повыситься на 6,8%. Между тем, она не повысилась, и таким образом, рост производительности труда компенсирован не был. В 1928/29 г. намечается рост производительности труда в размере 17,5%, а рост номинальной зарплаты в размере 7%. Предположенная Госпланом цифра повышения номинала на 7% не только не компенсирует рабочему классу то значительное повышение производительности труда, которое было достигнуто в 1927/28 г., но не страхует даже реальности нынешнего уровня зарплаты. Ведь теми же К[онтрольными] Ц[ифрами] намечается рост бюджетного индекса на 2,8%. Можно представить, насколько реальным окажется этот процент, если тот же Госплан проектировал снижение индекса в 1927/28 г. на 5%, и, по его же данным, он повысился на 1 1/2%. Но и запроецированные Госпланом 7% повышения зарплаты идут почти целиком за счет так наз[ываемого] самотека. "Дальнейшее повышение зарплаты в текущем году должно быть поставлено исключительно в зависимость от роста выработки рабочих, так наз[ываемого] самотека", -- заявлял докладчик по этому вопросу на Пленуме ВЦСПС А. М. Гинзбург. Нужно решительно протестовать против ликвидации практики механического повышения зарплаты, нужно протестовать против стремления обусловить рост ее исключительно ростом интенсивности труда рабочих. Мы считаем необходимым и возможным увеличить зарплату на 5%, что составит к общему фонду зарплаты около 100 мил. руб. При запроецированном Госпланом повышении зарплаты на 7%, из которых 1,5-2% падает на механическое повышение зарплаты, зарплата должна повыситься самотеком на 5%, что в сумме составит повышение зарплаты на 10%. Эта цифра соответствует запроецированному темпу роста доходов сельского населения (9,6%). Меньший процент повышения зарплаты означал бы понижение удельного веса пролетариата в национальном доходе страны. В этом году, согласно плану ВЦСПС, должна быть завершена тарифная реформа. В связи с этим необходимо поставить вопрос: что же дала тарифная реформа, проведенная в прошлом году? Тарифная реформа преследовала следующие задачи: подтянуть зарплату отсталых в этом отношении категорий рабочих, увеличить удельный вес ставки в общей сумме заработка, упорядочить систему зарплаты. Член Коллегии Н[ар]к[ом]т[руда] СССР Авдеев сообщает по этому поводу следующее ("Вопросы Труда" No 9): "Необходимо признать, что в деле распределения плановых прибавок между отдельными отраслями промышленности (плановые прибавки были даны именно на проведение тарифной реформы) и между отдельными хозяйственными объединениями имел место ряд недочетов. Так, ВСНХ СССР стремился предоставить это право преимущественно рентабельным отраслям промышленности, испытывающим финансово-экономические затруднения, вследствие чего, например, каменноугольная промышленность не получила разрешения на увеличение фонда зарплаты, в то время как по этой отрасли промышленности

прибавка была крайне необходима". Если ленинградские текстильщики получали в прошлом году 25% средней зарплаты по губернии, то сейчас они отстают на 35,7%. Такие районы, как Урал, как были, так и остались отсталыми в отношении зарплаты. Средняя зарплата металлистов Урала равна 64 руб. 67 коп., в то время, как средняя зарплата рабочих по СССР равна 70 руб. 50 коп. Это объясняется тем, что прошлогодняя 30-тиллионная прибавка была совершенно недостаточна для проведения тарифной реформы, почему она и проводилась в большей степени за счет понижения сдельных расценок. 25% полученной [таким] об[разом] экономии шло на проведение тарифной реформы, а остальные на снижение себестоимости. Таким образом, тарифная реформа была проведена преимущественно за счет увеличения интенсивности труда. Удельный вес ставки в общей сумме заработка у сдельщиков в среднем по всей промышленности поднялся от 40% до 60%. Последние месяцы 1927/28 г. характеризуются падением удельного веса ставки. Рабочий напрягает свои силы, чтобы выработать возможно больше, ибо его гнетет растущая дороговизна жизни. Таким об[разом] и эту задачу реформы нельзя считать решенной. В этом году правительство выделило фонд в размере 35 мил. руб. (меньше 1% фонда зарплаты) на механическое повышение зарплаты. Часть этого фонда пойдет на завершение тарифной реформы. Незачем доказывать, что эта сумма совершенно недостаточна. В этом году повторится то же, что и в прошлом: тарифная реформа будет проводиться за счет снижения расценок и понижения зарплаты более высокооплачиваемых групп рабочих. Реформа прошлого года и планы ее проведения в этом году заставляют нас выдвинуть следующие требования: а) увеличить размер правительственного ассигнования на проведение реформы; б) реформа не должна вызвать огульного пересмотра норм и расценок и снижения заработка у сколько-нибудь значительных групп рабочих; в) если провести реформу за счет правительственного ассигнования и без пересмотра норм и расценок нельзя, то не проводить ее вовсе. Минувший хозяйственный год характеризовался огульным пересмотром норм выработки. Например, по Югостали были пересмотрены нормы 60% сдельщиков, по Ю[жному] Машиностроительному Т[ресту] -- 65%. В этом году предполагается пересматривать нормы в течение всего года. В передовой статье "Правды" от 29 сентября по этому поводу сказано следующее: "В предстоящую колдоговорную кампанию, как правило, работа по конкретному установлению норм выработки и сдельных расценок должна быть отделена от кампании по перезаключению колдоговоров и проводиться систематически в течение всего года на основе более правильных методов нормирования". Той же ориентации, что передовая статья "Правды", придерживается и ВЦСПС. Подобная точка зрения совершенно неприемлема. Насколько хорошо ВЦСПС защищает рабочих, видно хотя бы из того, что он проектирует повышение производительности труда на 17%, что вызовет увольнения 90 тыс. рабочих, тогда как ВСНХ проектирует повышение производительности труда на 15%. Как правило, нормы не должны в этом году пересматриваться вовсе. Интенсивность труда рабочих теперь весьма велика, и с дальнейшим нажимом в эту сторону необходимо решительно бороться. Пересмотр

норм может допускаться лишь в случае технических изменений в самом процессе производства, причем достаточность причин, побуждающих пересмотреть нормы выработки, должна быть предварительно констатирована Р[асценочно-]К[онтрольными] К[омиссиями]. При огульном пересмотре норм и расценок в прошлом году обычно ссылались на рационализацию производства. В огромном большинстве случаев эта рационализация проводилась за счет рабочего, и результатами ее было уплотнение работ. Опыт пересмотра норм со всей убедительностью продемонстрировал полнейшую неподготовленность Т[рудовых] Н[ормативных] Б[юро] к этой работе и их полнейшую оторванность от рабочих организаций завода. Работники ТНБ вызвали к себе неприязненное отношение со стороны рабочих. В некоторых случаях при конфликтах и стачках рабочие открыто выставляли требование смены работников ТНБ. Необходимо пересмотреть состав работников ТНБ. Этот пересмотр должен производиться при ближайшем участии рабочих и профсоюзов. Практика перехода на 7-мичасовой рабочий день¹ убедительно показала, насколько правы были большевики-ленинцы, когда указывали в свое время на необходимость серьезнейшей экономической и технической подготовки этого мероприятия. Председатель правительственной Комиссии по проведению 7-мичасового рабочего дня нарком труда Шмидт, перечислив ряд "положительных аспектов", вынужден был заявить, что, "к сожалению, все эти положительные элементы в значительной мере умалются недочетами при проведении 7-мичасового рабочего дня". 7-мичасовой рабочий день проводился без достаточной, а в целом ряде случаев вообще без всякой подготовки. Опыт перевода текстильных предприятий на 7-часовой рабочий день и три смены показал следующее: а) рабочие, набранные вновь на фабрику (числом около 8 тыс.) не были обеспечены жильем; б) вследствие уплотнения работы были поставлены столь высокие требования интенсивности труда рабочих, что они, особенно в третьей ночной смене, оказались совершенно невыполнимыми. Женщины (а в текстильном производстве женщины составляют до 60% всех рабочих), работая ночью, а днем будучи вынужденными заниматься домашним хозяйством, чрезвычайно сильно утомлялись и, таким образом, попадали в совершенно невыносимые условия; в) номинальная зарплата на предприятиях, переведенных на 7 часов, росла медленнее, нежели на предприятиях, не переведенных на 7 часов, что объясняется сильным нажимом на интенсивность труда путем повышения норм, снижения расценок и уплотнения труда; г) условия на предприятии, с точки зрения охраны труда, были весьма неудовлетворительными: скверная вентиляция, высокая температура, особенно в третьей смене, и т. п. 7-мичасовой рабочий день не был оправдан экономически и не нашел положительного политического отзыва в рабочем классе. Все это привело к тому, что политический эффект этого мероприятия был весьма мал, что должен был признать Шмидт на Пленуме ВЦСПС. У нас нет никаких гарантий, что старые ошибки не будут повторены, и что сама идея перехода на 7-мичасовой рабочий день не будет окончательно скомпрометирована. В течение 1928/29 г. намечено к переводу на 7-мичасовой рабочий день более 200 предприятий с числом рабочих около 250 тыс. 41 предприятие переводится к

XI-ой годовщине Октября. Уже это обстоятельство само по себе говорит за то, что перевод на 7-мичасовой рабочий день проводится без должной подготовки. Проводить такое мероприятие в порядке кампании нельзя -- это надо заявить совершенно определенно. Если в прошлом году переход на 7-мичасовой рабочий день связывался с введением третьей смены, то в этом году в большинстве случаев, особенно в текстильной и табачной промышленности, дополнительная смена введена не будет вследствие сырьевых затруднений. Нетрудно понять, что, если предприятие переводится на 7-мичасовой рабочий день по причине сырьевых затруднений, то в такой обстановке 7-мичасовой рабочий день не является достижением, а, наоборот, свидетельствует о затруднениях в промышленности. Мы в связи с переходом на 7-мичасовой рабочий день предлагаем следующее: а) возможность перехода каждого данного предприятия на 7-мичасовой рабочий день должна быть всесторонне обсуждена рабочими данного предприятия; б) переход на 7-мичасовой рабочий день не должен влечь за собой сокращения зарплаты или замедления ее роста по сравнению с предприятиями, не переведенными на 7 часов; в) при переходе на три смены необходимо с особой серьезностью выяснить состояние жилищного фонда и приспособленность рабочего помещения и орудий труда с точки зрения охраны труда. Ассигнования на мероприятия по охране труда в этом году (45 мил. руб.) были явно недостаточны, но и они были использованы по прямому назначению лишь процентов на 50, чему можно привести множество примеров. Проектируемые в 1928/29 г. расходы по охране труда превышают прошлогодние всего на 4,7 мил. руб. Необходимо эту сумму увеличить и, кроме того, заставить хозорганы израсходовать на охрану труда неизрасходованные суммы 1927/28 г. Все это обуславливается громадным числом несчастных случаев. "В течение 1927/28 г. отмечен значительный рост несчастных случаев почти на всех предприятиях уральской промышленности" ("Торг[ово]-пром[ышленная] газ[ета]" от 6 октября); "На Кушвинском заводе (Урал) в первом квартале было 123 легких несчастных случая, во втором уже 169, в третьем 191, три тяжелых и один смертельный" ("Рабочая газ[ета]" 18 октября). "На металлургических предприятиях Днепропетровска только за 9 месяцев зарегистрировано 7170 случаев" ("Рабочая газ[ета]", 18 октября). Количество подобных примеров можно было бы без труда увеличить до бесконечности. Мы выдвигаем требование, чтобы неизрасходование фондов по технике безопасности или расходование их не по назначению преследовалось бы в судебном порядке. Необходимо поставить вопрос о качестве спецодежды. Необходимо отказаться от фиксирования срока пользования спецодеждой, выдавать новую до переизноса старой. В связи с колдоговорной кампанией уместно поставить вопрос о тарифе отчислений по социальному страхованию. Целый ряд страховых органов переживает серьезный финансовый кризис: в Харькове, Донбассе, Минске, Омске и т. д. И этот кризис переживался, несмотря на незначительность пособий по всем видам социального страхования, несмотря на ограниченное число лиц, получающих, например, пособия по безработице. 1927/28 г. снова принес повышение числа безработных. Безнадежность поисков работы и весьма низкое пособие, да и то небольшому

числу безработных (не более 30% зарегистрированных на Бирже труда получает пособие) вызвали волнения безработных в ряде городов. В 1927/28 г. на помощь безработным было ассигновано 134,7 мил. руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного был равен 14,5 руб. -- цифра явно недостаточная. Средний размер союзного пособия был равен примерно 8-10 руб. В 1928/29 г., согласно К[онтрольным] Ц[ифрам], ассигнования на безработицу будут увеличены до 166,8 мил. руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного возрастет до 16,5 руб., т. е. реально останется в лучшем случае на уровне 1927/28 г. Подобное положение приведет к серьезным политическим последствиям. Необходимо требовать расширения круга безработных, получающих пособие, и увеличения фондов помощи безработным профсоюзов. Кризис финансов социального страхования, так же, как и настоятельная необходимость усилить эту работу, должны заставить отказаться от применения льготных тарифов отчислений хозорганов на соцстрах. Хозорганы должны отчислять по нормальному, но не льготному тарифу. Мы предлагаем оговорить это требование в специальном пункте колдоговора. Необходимо особо обратить внимание на положение подростков и женщин на производстве. Лозунг: равная зарплата за равный труд, -- остается в полной силе. Необходимо поставить вопрос о действительном соблюдении брони подростков⁶². Необходимо бороться против тенденции сократить сеть и ассигнования на школы фабзавуча⁶³. Выше уже указывалось, что сами профбюрократы признают, что колдоговора хозяйственниками не выполнялись, а профсоюзы не наблюдали за их выполнением. Это относится как к тарифной части договора, так в не меньшей степени и к правовой. Серьезные нарушения колдоговора были допущены особенно в области приема и увольнения рабочих. Особенным злом является широко практикующийся прием рабочих на так наз[ываемые] временные работы, что дает право администрации увольнять принятого на временную работу без выходного пособия. Мы выдвигаем требование, чтобы администрация согласовывала с профсоюзными органами перечень временных работ во избежание злоупотреблений в этой области. Вопиющие безобразия наблюдались при сокращении рабочих по рационализации. Выходное пособие по рационализации, как общее правило, получали только рабочие рационализированного цеха, тогда как увольняемые по причине рационализации в данном цехе рабочие других цехов получали лишь обычное выходное пособие. РКК должна внимательно изучать причины увольнения каждого рабочего, и если увольнение связано с рационализацией, хотя бы и не в том цехе, где работал увольняемый рабочий, РКК должна требовать выходного пособия по рационализации. На предприятиях еще очень и очень часто наблюдается грубое обращение администрации с рабочими, матерщина, тыканье и т. п. Мы предлагаем потому включить в коллективный договор специальный пункт о необходимости вежливого обращения. В настоящем письме мы коснулись только вопросов, имеющих непосредственное отношение к колдоговорной кампании. Совершенно естественно, что конкретные предложения к каждому данному колдоговору должны вытекать из изучения условий труда и производства в каждом данном предприятии, в каждом данном

тресте. Выставляя свои требования, необходимо уделить серьезное внимание так называемым мелочам: кипятильники, умывальники, полотенца и т. п. Наши основные требования таковы: механическое повышение зарплаты на 5%. Закрепление действующих норм и расценок. Увеличение ассигнований на мероприятия по охране труда. Привлечение к судебной ответственности виновных в несчастных случаях. Упразднение льготного тарифа по социальному страхованию. Отказ от 7-ми часового рабочего дня в порядке кампании, тщательно продуманная подготовка к этому каждого предприятия. Вежливое обращение с рабочими. Внимание к "мелочам". Эти требования предполагают решительную борьбу против профсоюзных бюрократов за действительную рабочую профсоюзную демократию.

СОСТОЯНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

И ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ДЕНЕГ

К НАЧАЛУ 1928/29 г.

С момента проведения денежной реформы и с установлением денежного обращения на основе твердой валюты наблюдается неуклонное стремление использовать эмиссионные ресурсы для пополнения оборотных средств хозяйственных организаций. Подобный нажим на эмиссию, выразившийся в чрезвычайно быстром росте денежной массы, не мог в конечном результате не привести к напряжению денежного обращения.

За последние 4 года денежная масса возрастает с 560-580 миллионов рублей до 1971 мил. руб., т.е. увеличивается почти в 4 раза. Рост денежной массы по кварталам был следующий (в мил. руб.):

1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	Всего за год
1924/25 г.	+115	+23	+80,4	+296,8
1925/26 г.	+515,7	+132	-59,8	+10
1926/27 г.	+134,0	+217,0	+63	-70,3
1927/28 г.	+135,7	+286	+337	+39,5
	+182,8	+273,3	+343,1	-149,5

Весьма значительная эмиссия 2-го полугодия 1924/25 г. (377,2 м[иллионов] р[ублей]) вызвала первоначальное напряжение на товарно-денежном рынке. Осенью 1925 г. в связи с заминками на хлебном рынке впервые был поднят вопрос о вытеснении частного капитала из хлебозаготовок. В этот же период возникли затруднения на рынке промтоваров -- в связи с недостатком товаров широкого потребления, что потребовало проведения ряда регулирующих мероприятий по линии Наркомторга.

Обесценение бумажных денег в этот период и создавшаяся спекуляция на частном рынке с валютными ценностями вызвали необходимость ликвидации т[ак] называемой "черной биржи".

После допущенных в III и IV [кварталах] 1924/25 г. просчетов в области эмиссии Н[ар]к[омат] Ф[инансов] СССР выступил с определенным утверждением, что рост денежной массы должен происходить в соответствии с ростом

товарооборота, причем основное значение должно приобрести расширение денежной массы в период сезонных с[ельско]-х[озийственных] заготовок, с тем, чтобы сама эмиссия носила временный характер и по окончании заготовок выпущенные денежные знаки изымались бы из оборота. Однако эта точка зрения не получила твердого признания в последующие годы. Из года в год систематически выпуск денежных знаков превышал намечаемые контрольные цифры.

Контрольные цифры Н[ар]К[омата] фин[ансов] Контрольные цифры Госплана
Фактическая эмиссия 1925/ 26 г. Не составлялись 470 217 1926/ 27 г. 100 150
337 1927/ 28 г. 150 200 343

Несмотря на утверждение о сезонном характере эмиссии изъятие из обращения денежных знаков после осенних выпусков далеко отставало от размеров выпуска денежных знаков за IV и I-й кв[арталы]. Выпуск за IV кв. 1926/27 г. и за I кв. 1926/27 г. Изъятие во II кв. 1926/27 г. Излишняя эмиссия 197 мил. руб. 70 мил. руб. 127 мил. руб. Выпуск за IV кв. 1927/28 г. и за I кв. 1927/28 г. Изъятие во II кв. 1927/28 г. 248 мил. руб. 142,5 мил. руб. 98,5 мил. руб.

Как указывалось выше, это явление объяснялось теми причинами, что значительная часть эмиссионных средств обращалась на пополнение оборотных капиталов хозяйств, а не на сезонные заготовки.

Начиная с 1926/27 г., большое значение приобретает развитие контрактации посевов технических культур, т. е. выдача авансов под будущий урожай. В связи с этим сезонные платежи, падавшие до этого периода на осень, частично были перенесены на весну. Однако это обстоятельство не отразилось на сокращении осенней эмиссии: III кв. 1925/26 г. -- 10 м[ил.] р[ублей] IV кв. 1925/26 г. I кв. 1926/27 г. -- 197 мил. руб. III кв. 1926/27 г. -- 135,7 м[ил.] р[ублей] IV кв. 1926/27 г. I кв. 1927/28 г. -- 248 мил. руб. III кв. 1927/28 г. -- 182,2 м[ил.] р[ублей] IV кв. 1927/28 г. I кв. 1928/29 г. (предпол[ожительно]) -- 383 мил. [руб]

Таким образом, на перенесение части сезонных платежей на III кв[артал] эмиссия IV и I-го кв[арталов] на протяжении 3-х последних лет вместо сокращения показывает неуклонный рост. Особо отрицательные результаты дает в этом отношении последний год. Дело в том, что эмиссия III кв[артала] 1927/28 г. помимо расширения контрактации частично была обращена на накопление товарных запасов (на сумму 23 м[ил.] р[ублей]). Эти средства должны были освободиться в IV кв[артале] 1927/28 г. и в I кв[артале] 1928/29 г. Но, как видно из вышеприведенных цифр, это мероприятие не оказало оздоровляющего влияния на темп эмиссии денежных знаков.

Необходимо отметить, что было бы не совсем точно рассматривать эмиссию денежных знаков вне зависимости от состояния наличности валютно-металлических резервов. Это означает, что часть выпускаемых червонцев должна была иметь целевое назначение (покупка золота, ин[остранной] валюты на внутреннем рынке или заготовка экспортных товаров, выручка от которых должна была пойти на пополнение валютно-металлических

резервов).

Фактически же имело место обратное явление, т. е. расходование валютно-металлического резерва (в мил. руб.) 1924/25 г. 1925/26 г. 1926/27 г. 1927/28 г. Валют[ный] дефицит -81,8 -53,6 +21,6 -143,1

За исключением 1926/27 г., за остальные годы наблюдается расходование валютно-металлического резерва.

Таким образом, вместо расхода червонцев на покупку валют мы

наблюдаем расход валюты и, следовательно, обмен ввозимых из-за границы товаров, а также и товаров, переработанных из заграничного сырья на червонцы. Это явление, естественно, сокращало размеры эмиссии денежных знаков.

Учитывая это обстоятельство, мы можем установить, что если бы не было расхода валютного запаса, то эмиссия составляла бы: 1924/ 1925/ 1926/ 1927/ 25 г. 26 г. 27 г. 28 г. Червонная эмиссия 515 217 337 343 Червонцы, полученные вследствие 81 53,6 21,6 143 расхода валюты Рост банковской задолженности за 0 39,5 28,1 30 границей Эмиссия, которая имела бы место при стабильности вал[алютно]-мет[аллического] 596 310 343,5 516 запаса

При этом еще не учитывается рост форменных кредитов, в том числе и германских, хотя они также за эти годы сильно возрастали (на 1-ое июля 1928 г. они достигли 607 м[ил.] р[ублей]; германские кредиты 163 м[ил.] р[ублей]), и действовали оздоравлиюще на денежное обращение, т. к. реализация кредитов содействовала увеличению товарного оборота на внутреннем рынке. Точно так же в приведенном выше расчете берется за основу стабильность валютно-металлических запасов, хотя с проведением денежной реформы перед нами стояла определенная задача увеличения этих запасов. По расчетам Госплана (специальная комиссия 1926 г.), к концу 1928/29 г. валютно-металлический запас должен был увеличиться по сравнению с 1924/25 г. минимально на 350 мил. руб. Вместо этого к началу 1928/29 г. валютный дефицит выразился в сумме 256 мил. руб. за 4 года.

Как видно из таблицы, характеризующей рост денежного обращения, первоначальный просчет в области эмиссии был допущен во 2-м полугодии 1924/25 г. В момент спокойного состояния денежного рынка и благополучного состояния банковских пассивов (коммерческих тек[ущих] счетов) была сделана попытка использовать в максимальном размере эмиссионные возможности для финансирования народного хозяйства, в том числе и для капитальных затрат. Вслед за этим, в 1-м кв[артале] 1925/26 г. потребовалось дополнительное увеличение денежной массы для сезонных заготовок и в результате выпуска за 2 квартала около 430 мил. руб., к 1 января 1926 г. было создано весьма значительное напряжение на денежном товарном рынке. Инфляционные моменты, проявившиеся в росте цен и в виде явления товарного голода, потребовали пересмотра всего хозяйственного плана в сторону сокращения и жесткой

рестрикционной политики в отношении банковского кредитования. После проведения этих мероприятий только к началу 1926/27 г. положение на товарно-денежном рынке снова стало приобретать нормальный характер. Что касается понижения товарных цен и повышения покупательной способности денег до прежнего уровня, то это было достигнуто несколько позднее -- к 1-му июля 1927 г., после проведения специальной кампании по снижению розничных цен.

Динамика роста учетно-ссудных операций в период просчета в области эмиссионной политики за 1924/25 г. и 1925/26 г. была следующая (по Госбанку и Промбанку в мил. руб.).

II полуг.	[19]24/ 25 г.	I кв.	[19]25/2 6г.	II кв.	[19]25/ 26г.	III кв.	[19]25/ 26г.
Промышленность	+269	+133	+50	-38	Госторговля	+38	+17 -6
Транспорт	+46	+8	+10	+25	Кооперация	+41	+18 -16 -16
Кред[итные] учрежд. (в т. ч. Цент[ральный] с[ельско]х[озяйствен-ный]банк)	+113	+37	-5	-4	Все учетно-ссудн[ые] операции.	+562	+212 +22 -31

Таким образом во II и III кв[арталах] 1925/26 г. проводилась в области кредитования жесткая рестрикционная политика, которая болезненно отразилась на состоянии коммерческих тек[ущих] счетов в банках. Движение остатков на тек[ущих] счетах было следующее:

II полуг[одие] 24/25 г. I кв. [19]25/ 26г. II кв. [19]25/ 26г. III кв. [19]25/ 26г.

Госпром[ышленность]	+75	30	+15	56	Госторговля	+17	-9 -6 -6	Транспорт	+19	-18	+10	-2	Кооперация	-15	-6	-1	-2	Кредитн[ые] учрежд.	+4	-5	0
Все тек[ущие] счета	+92,3	-40	+24	-75																	

Насколько отразился просчет в области эмиссионной политики в 1924/25 г. в народном хозяйстве, можно судить, сравнивая хлебозаготовки 1925/26 и 1926/27 г. 1925/ 26г. с[ельско] хозяйственный] год 1926/ 27г. с[ельско] хоз[яйствен-ный] год

Заготовки м[ил.] п[удов]	Сред. цены в коп.	Заготовки м[ил.] п[удов]	Сред. цены в коп.
Июль-сентябрь	160	103	156,2
Сентябрь-дек[екабрь]	93	175,9	85
Январь-март	305,5	86	162,1
Апрель-июнь	113	159,5	84
		86,4	104
		65,1	90

Заготовки за 1925/26 г. значительно отстают по своим размерам, причем заготовительные цены также находятся на весьма высоком уровне. Улучшить хлебные заготовки удалось только в 1926/27 г.

Второй значительный просчет в области кредитно-денежной политики имел место во II-м полугодии 1926/27 г., когда Госбанк широко развернул учетно-ссудные операции, далеко превышавшие размеры имевшихся у банка для этой цели ресурсов. При этом нужно отметить, что, как и в 1924/25 г., значительная часть банковских кредитов была использована промышленностью для капитальных вложений. Рост кредитования за 1926/27 г. протекал при одновременном снижении текущ[их] счетов по промышленности.

Развитие учетно-ссудных операций во 2-м полугодии 1926/27 года, потребовавшее использования эмиссии в размере 433 м[ил.] р[ублей], в значительной степени определило хозяйственные затруднения в 1927/28 г.

Только слабое развитие хлебозаготовок позволило в первом квартале 1927/28 г. ограничиться эмиссией в 39,5 м[ил.] р[ублей] (план предусматривал эмиссию в 170 мил. руб.). Во 2-м кв[артале] 1927/28 г. потребовалось уже проведение специальных мер по ослаблению платежеспособного спроса населения путем размещения в полупринудительном порядке Займа Укрепления Крест[ьянского] Хоз[яйства] на 134 мил. руб., развития самообложения на сумму свыше 100 мил. руб. и т. д. Кроме того, по линии хлебозаготовок были проведены также чрезвычайные меры, частично напоминавшие методы продрозверстки.

За 1927/28 г. кредитная деятельность банков характеризуется следующими данными:

Учетно-ссудная операция	по 4 банкам	(в мил. руб.)	I КБ.	II кв.	III кв.	IV кв.	Всего за год	Промышленность	+170	-13	+176,7	+116,3	+450	Госторговля	+25	+8,5	+17,3	+10,2	+61	Транспорт	-35,6	-88,1	+25	+15,2	-83,5	Кооперация	+50,6	+37,7	+42,2	+40,6	+171,5	Кред[итные] учрежд[ения]	+15,7	-59,4	+32,3	+26	+19,6	Все учетно-ссудн[ые] опер[ации]	+214,7	-126,6	+302,2	+253	+643,3
-------------------------	-------------	---------------	-------	--------	---------	--------	--------------	----------------	------	-----	--------	--------	------	-------------	-----	------	-------	-------	-----	-----------	-------	-------	-----	-------	-------	------------	-------	-------	-------	-------	--------	--------------------------	-------	-------	-------	-----	-------	---------------------------------	--------	--------	--------	------	--------

Совершенно естественно, что при стабильности т[екущих] счетов развитие учетно-ссудных операций могло производиться только за счет роста эмиссии на сумму 343 м[ил.] р[ублей] (за год), за счет накопления прибылей банков в сумме около 180 м[ил.] р[ублей] и частично за счет реализации за границей золота (импортные кредиты).

Тек[ущие] счета Н[ар]к[омата] ф[инансов] в Госбанке за 1927/28 г. уменьшились с 355 м[ил.] р[ублей], т.е. на 40 м[ил.] р[ублей], но, учитывая прошлые платежи НКФ Госбанку, которые дают сальдо в пользу Госбанка в сумме около 40 м[ил.] р[ублей], необходимо считать, что состояние расчетов НКФ с Госбанком не потребовало в 1927/28 г. каких-либо новых средств от Госбанка.

Усиленный спрос за последние полтора года на банковский кредит со стороны госпромышленности и торговли (государственной и кооперативной) объяснялся:

Увязкой оборотных средств промышленности, в том чис-ле и банковских кредитов, с капитальным строительством.

Расширением контрактации посевов, образованием то-варных запасов нормальных и специальных.

Развертыванием торгового аппарата в связи с ростом торговых оборотов, а также в связи с вытеснением с рынка частно-го капитала.

Увязкой банковских кредитов в хлебных заготовках (контрактации и проведении хлебных заготовок через низовую кооперацию).

Сопоставляя кредитную и эмиссионную деятельность за 2-е полугодие за 1924/25 г. и 1925/26 г., с одной стороны, с кредитной политикой во 2-м полугодии 1926/27 г. и за 1927/28 г., с другой, можно констатировать, что, несмотря на кажущееся на первый взгляд сходство явлений, здесь имеется коренная разница качественного и количественного порядка.

После допущенных во 2-м полугодии 1924/25 г. просчетов в области

эмиссии наступает весьма сдержанная эмиссионная политика. За 1925/26 г. было выпущено в обращение 217 мил. руб., причем за этот же срок учетно-ссудные операции банков возросли на 374 м[ил.] р[ублей] при росте коммерческих тек[ущих] счетов на 24 м[ил.] р[ублей] и тек[ущих] счетов в НКФ на 75 м[ил.] р[ублей].

После гораздо более значительных просчетов в области эмиссии за 2-е полугодие 1926/27 г., в 1927/28 г. эмиссия денежных знаков составила уже 343 м[ил.] р[ублей], причем учетно-ссудные операции возросли на 643 м[ил.] р[ублей] при стабильности коммерческих тек[ущих] счетов и расчетов Госбанка с НКФ.

В то же время в 1925/26 г. валютный дефицит выразился в 53 м[ил.] р[ублей], а в 1927/28 г. дефицит уже составил 143 м[ил.] р[ублей], причем в отношении заграничных кредитов в настоящее время наблюдается тенденция к их снижению, в то время как в 1925/26 г. заграничные кредиты (банковские и фирменные) возрастали.

Политика кредитной рестрикции, давшая вполне реальные результаты за II и III кв[арталы] 1925/26 г. не могла быть осуществлена в 1927/28 г. по причинам совершенно иной хозяйственной обстановки. Рост учетно-ссудных операций составлял (в м[ил.] р[ублей]) За три квартала 1925/26 г. За три квартала 1927/28 г. Госпромьшленность +142 +360 Госторговля +5 +51 Кооперация -14 +130,5

Наибольший разрыв наблюдается в отношении кооперации.

Как указывалось выше, это объясняется, с одной стороны, вытеснением частного капитала и заменой его кооперативным аппаратом, а, с другой, развитием контрактации.

Но самое главное отличие заключается в состоянии товарно-денежного рынка в 1924/25 г. и в 1925/26 г. по сравнению с 1927/28 г.

После чрезмерного роста денежной массы в 1924/25 г. товарные цены начинают значительно возрастать, причем рынок характеризуется явлениями товарного голода на промышленные товары широкого потребления.

Индекс товарных цен возрастает следующим образом: 1 октября [19]25 г. 1 апреля [19]26 г. 1 октября [19]26 г. Оптовый индекс Центрального С[татистического] У[правления] 1,742 1,962 1,788 Покупательная сила денег 57,4 51,0 55,9

В течение 1925/26 г. удалось значительно выправить покупательную силу денег. В следующем 1927 г. к 1-му июля была проведена кампания по снижению цен на промтовары, в результате которой на 1-е октября 1927 г. пок[упательная], сила денег возрастает по оптовому индексу ЦСУ до 58,8. Но при этом необходимо отметить, что восстановление пок[упательной] силы рубля было неполное, так как эти результаты были достигнуты путем жесткого регулирования цен по линии Н[ар]к[ом]торга, причем в этот период уже наблюдался значительный разрыв между кооперативными ценами и ценами частного рынка. По различным индексам Конъюнктурного Института, покупательная сила

рубля изменилась следующим образом в 1926/27 г.: На 1.X.[19]26 г. На 1.X.[19]27 г. По общеторговому индексу К[онъюнктурного] И[нститута] 48,2 52,5 По частному индексу К[онъюнктурного] Института] 44,7 44,2

В течение 1927/28 г., несмотря на самое жесткое регулирование цен органами НКТорга, наблюдается значительное понижение покупательной силы денег. Покупательная сила денег На 1.X.[19]27 г. На 1.X.[19]28 г. По оптовому индексу ЦСУ 58,8 56,8 По общеторговому индексу К. И. 50,5 47,4 По частному индексу К.И. 44,2 38,0

Основные предпосылки, которые имелись перед кампанией по снижению розничных цен в 1-м полугодии 1927 г., заключались в том, что, с одной стороны, товарный голод на промтовары почти совершенно был ликвидирован и целый ряд недостаточных товаров перешел в разряд вполне достаточных и даже избыточных; с другой стороны, сельскохозяйственные цены стояли значительно ниже, чем на промтовары, и кампания по снижению цен одновременно означала уменьшение разрыва между ценами на с[ельско-]хоз[яйственные] и промышленные товары. Вследствие высоких розничных цен на промтовары кооперация и госторговля накопили значительные прибыли за 1925/26 г. и за 1-е полугодие 1926/27 г., что давало известные ресурсы для проведения кампании по снижению цен.

Соотношение индексов на сел[ьско]хоз[яйственные] и промышленные

товары было следующее:

Сел[ьско-] хозяйственные	Пром[ышленные] товары	Общий	1-X.	1-X.	1-X.
1.X.	1-X.	1-X.	1-X.	1-X.	1-X.
[19]26	[19]27	[19]28	[19]26	[19]27	[19]28
1788	1700	1761	1566	1536	1655
1867	1895	2182	2212	2033	2064
2108	1799	1743	1798	2100	1897
1830	1854	2146	2852	2476	2353
2629			2466	2240	2252

Таким образом, снижение цен на промтовары происходило при [одновременном] понижении уровня сел[ьско]хоз[яйственных] цен. В течение 1927/28 г. цены на сел[ьско]хоз[яйственные] товары показывают значительный рост. Соотношение (ножницы) между ценами на промтовары и сел[ьско-]хоз[яйственные] товары меняется в стороны сближения этих цен. Если взять цены на промтовары за 100, то будет следующая картина соотношения сельхозцен [и цен] на промтовары: 1.X.[19]26 г. 1.X. [19]27 г. 1.X. [19]28 г. 1. Оптовый индекс ЦСУ а) промтовары 100 100 100 б) с[ельско] -хозяйственные

товары 76,7 81,6 90 2. Общоторговый индекс К.И. а) промтовары 100 100 100 б) с[ельско]-хозяйственные] товары 84,4 93,2 105,7 3. Кооперативный] индекс К.И. а) промтовары 100 100 100 б) с[ельско]-хозяйственные] товары 85,2 91,8 95,4 4. Частный индекс К.И. а) промтовары 100 100 100 б) с[ельско]-хозяйственные] товары 80 91,2 115,7

Товарный рынок в 1927/28 г. характеризовался значительным напряжением, причем ощущался большой недостаток на целый ряд товаров широкого потребления. Цены (розничные) на промтовары держались на определенном уровне только вследствие регулирования аппаратом Н[ар]к[ом]торга. Вольные и частные цены возрастали весьма значительно. Если взять кооперативные цены за 100, то разрыв между кооперативными и частными ценами будет следующий: 1-Х. [19]26 г. 1-Х. [19]27 г. 1-Х. [19]28 г. Кооперативные цены 100 100 100 Частные цены 114 123,5 141,8

Особенно возрастали в 1927/28 г. цены на с[ельско]х[озияйственные] товары, причем мы имеем рост не только частных, но и кооперативных цен. Поскольку с[ельско]хозяйственные цены поддавались меньшему регулирующему воздействию по линии Н[ар]к[ом]торга, они в большей степени отражают действительное движение цен на товарном рынке. По общеторговому индексу К.И., общий уровень цен за 1927/28 г. повышается на 6,7%, с[ельско]х[озияйственные] цены возрастают на 14,7%. На вольном рынке рост с[ельско]х[озияйственных] цен был еще более значительным. По частному индексу К.И., с[ельско]х[озияйственные] цены частной торговли возросли на 32%, причем по целому ряду районов базарные цены на с[ельско]х[озияйственные] товары повысились еще более значительно и превышают государственные заготовительные цены в два и более раза.

Следовательно, в настоящее время к концу 1927/28 г. наблюдается, во-первых, большое напряжение товарного рынка вследствие недостатка целого ряда товаров широкого потребления, как промышленных, так и с[ельско]х[озияйственных], причем цены имеют определенную тенденцию

к повышению, и только благодаря регулированию цен удается сдерживать определенный уровень цен.

Во-вторых, с[ельско]х[озияйственные] цены возросли как заготовительные, так и розничные, причем существовавший ранее разрыв между с[ельско]х[озияйственными] и промышленными ценами почти совершенно сгладился по линии кооперативной торговли, а по линии частной торговли принял обратный характер, когда с[ельско]х[озияйственные] цены превышают цены на промтовары.

Рост с[ельско]х[озияйственных] цен произошел при определенных затруднениях в снабжении рынка с[ельско]х[озияйственными] товарами широкого потребления, поэтому предполагать на протяжении 1928/29 г. значительного понижения с[ельско]х[озияйственных] цен не приходится. Что касается цен на

промтовары, то проводить какое-либо снижение их не представляется возможным, так как это вызвало бы продажу этих товаров ниже себестоимости и, кроме того, всякое дальнейшее понижение цен на промтовары при высоких ценах на с[ельско]х[озийственные] товары означало бы разбазаривание фонда промтоваров по пониженным ценам. Поэтому в ближайшем 1928/29 г. совершенно не приходится ставить вопроса о повышении покупательной силы денег против уровня на 1-Х [19]28 г. Основной задачей является стабилизировать покупательную силу денег на этом уровне. Однако данные товарной конъюнктуры за сентябрь м[есяц] 1928 г. выявляют некоторые тревожные моменты в области динамики покупательной силы. К началу 1928/29 г. рынок испытывает большое напряжение вследствие недостатка товаров. Целый ряд дефицитных товаров (промышленных и с[ельско]-х[озийственных]) не продается, а распределяется среди населения, т. е. товар выдается только по членским кооперативным книжкам по определенным нормам. В районах заготовок повсеместно наблюдается отпуск дефицитных товаров по определенным нормам тем крестьянам, которые сдают зернопродукты или с[ель]х[оз]сырье.

К сожалению, эти тенденции в области торговли, бывшие до сего времени местными явлениями, начинают приобретать всеобщий характер. В настоящее время по линии кооперации усиленно дебатруется вопрос о введении двойных цен: одних для членов кооперации и других, повышенных на 5%, для прочих граждан. Подобные предложения, будучи осуществлены, несомненно отразятся на дальнейшем повышении среднего уровня цен, т. е. вызовут дальнейшее понижение покупательной силы денег.

Понижение покупательной силы денег весьма существенно отражается на эффективности эмиссии, так, например, за последние два года мы имеем следующую картину номинального и реального роста денежной массы:

Денежная масса (в мил. руб.)

	По номиналу	По оптовому индексу ЦСУ	По общеторговому индексу ЦСУ	На 1.Х.[19]26г.	1.291,3	721,8	622,4	На 1.Х.[19]27г.	1.628,3	957,4	822,4	На 1.Х.[19]28г.	1.971,4	1.119,7	934,4	Рост за [19]26/27г.	+337,4	+235,6	+200	Рост за [19]27/28г.	+343,1	+162,3	+112
--	-------------	-------------------------	------------------------------	-----------------	---------	-------	-------	-----------------	---------	-------	-------	-----------------	---------	---------	-------	---------------------	--------	--------	------	---------------------	--------	--------	------

Несмотря на то, что номинальная денежная масса за 1927/28 г. возросла на большую сумму по сравнению с 1926/27 г., в товарных рублях прирост денежной массы, наоборот, замедляется. При дальнейшем понижении покупательной силы денег мы сможем дойти до такого момента, когда номинальный прирост эмиссии не будет давать эффекта в смысле реального роста общей денежной массы в товарных рублях, а только будет восполнять уменьшение денежной массы в товарных рублях вследствие роста цен.

Таким образом, мы можем констатировать следующие основные моменты состояния денежного обращения к началу 1928/29 г.:

К началу 1928/29 г. состояние денежного обращения характеризуется крайним напряжением: покупательная сила денег постепенно уменьшается, причем рост с[ельско]х[озийст-венных] цен, а также усиление товарного голода

на пром-товары широкого потребления оказывает весьма значительное давление на нормированные кооперативные цены, создавая определенные тенденции к повышению цен и проявляясь в дез-организации денежного рынка (очереди, отпуск по нормам, двойные цены, разные категории покупателей и т. д.).

Состояние промышленности и торговли при росте производства и товарооборота, особенно вследствие вытеснения частного капитала и развития контрактации, необходимость накопления маневренных товарных запасов, -- все это вместе взятое оставит определенную проблему увеличения оборотных капиталов в хозяйственных предприятиях, что отражается на росте учетно-ссудных операций и в конечном итоге на росте эмиссии.

В результате эмиссионной политики последних полутора лет денежная масса увеличилась до размеров, превышающих потребность товарооборота. Дальнейший рост эмиссии будет усиливать напряжение на товарном рынке, причем эффективность эмиссии будет сокращаться при наличии роста цен.

Расходование валютных ресурсов в предыдущие годы вызывает затруднения в осуществлении импортной программы. Это обстоятельство настойчиво требует увеличения валютно-го накопления, что также отразится на денежном обращении, т. к. будет требоваться дополнительная для этой цели эмиссия:

а) эмитируются деньги на покупку экспортных товаров на внутреннем рынке и в уплату за добываемое золото.

б) экспорт товаров (в особенности, промэкспорт) сокращает товарную массу, обращающуюся на внутреннем рынке.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Не успели отшуметь крикливые резолюции против ленинской оппозиции, как партия вновь поставлена перед фактом дискуссии. На этот раз дискуссия открывается борьбой против правой опасности. Обстановка, в которой эта борьба начинается, должна вызвать величайшую тревогу за судьбу партии на ближайшие годы. Основное, что отличает эту борьбу от борьбы с большевиками-ленинцами, -- это ее глубокая анонимность, безымянность. Сталинское центральное руководство, тыча пальцем куда-то в пространство, зовет на борьбу с правыми, не называя ни одного конкретного носителя этого течения, не выставляя ни одного своего конкретного разногласия с правыми. Борьба ведется под густой вуалью, в полумраке, без объяснения, каким образом при "стоцентной монолитности" партийных рядов неожиданно появились правые, и почему эти правые так сильны, что против них приходится приводить в движение партаппарат.

Охваченные тревогой за судьбы революции, мы спрашиваем вас:

Знаете ли вы, кто в партии защищает правые взгляды, не желая ссориться с кулаком и не видя классовой борьбы в городе и в деревне?

Знаете ли вы, что эти правые взгляды защищают такие ответственные

руководители Советской власти и партии, как Томский, Бухарин, Рыков, Калинин и Ворошилов?

Знаете ли вы, почему та самая рука парт[ийного] аппарата, которая тяжелым свинцом упала на голову ленинской оппозиции за ее критику правых уклонов, теперь с такой отеческой осторожностью только чуть-чуть ударяет по правым элементам партии, зовущим на союз с кулаком?

Знаете ли вы, почему гг. Троцкий, Радек, Раковский, Смилга, Преображенский, Муралов, Сосновский и др., своевременно указавшие на необходимость увеличить темп индустриализации, усилить борьбу с кулаком и нэпманом, -- почему эти товарищи находятся в ссылке, в то время как те, кто не видит опасности кулака, проповедует сокращение индустриализации, находятся в ЦК и в Политбюро?

Знаете ли вы, почему, открывая борьбу с правыми, вам подсовывают гнилую, насквозь фальшивую теорию о том, что большевики-ленинцы представляют собою меньшевистское контрреволюционное течение в партии?

Знаете ли вы, что этим самым заранее обрекают борьбу с правыми на полную бесплодность? Ибо если лозунги оппозиции об индустриализации, о поднятии благосостояния рабочих, о борьбе с кулаком и нэпманом, о рабочей демократии являются меньшевистскими, то чего стоит тогда борьба с правыми?

Всего этого партия не знает. Об этом партаппарат предпочитает умолчать. Он боится вскрыть перед партией ошибочность своей политики, приведшей к ухудшению международного положения СССР, к обострению товарного голода, укреплению кулака, ухудшению настроения рабочих масс и деревенской бедноты. Он боится, чтобы партия не узнала правды, что только благодаря ошибкам ЦК стало возможно отсечение левого крыла партии и усиление в ВКП и Коминтерне правых.

Товарищи партийцы! Используйте перевыборы бюро ячеек и потребуйте от Центр[ального] Комитета проведения следующих мероприятий:

Назвать персонально представителей правого уклона.

Развернуть перед партией всю сумму конкретных мероприятий, которые отделяют сталинское руководство от правой части ЦК (вопросы финансирования промышленности, легкой и тяжелой, колхозное строительство, мероприятия по обеспечению хлебозаготовок и т. п.).

Изменить линию в рабочем вопросе, т. к. без достаточного роста реальной зарплаты рабочих масс нельзя серьезно говорить об укреплении диктатуры пролетариата.

Требовать отмены постановления Политбюро об увеличении партмаксимума на 20%. При нынешнем падении реальной зарплаты рабочих увеличение партмаксимума свидетельствует о том, что ЦК ищет опору не в рабочем классе, а в бюрократической верхушке государственного, хозяйственного, профессионального и партийного аппаратов. Сократить чрезвычайно разбухший аппарат партии и профсоюзов.

Категорически отказаться от проработки оппозиции, т. к. эта проработка служит лучшим орудием в руках правых элементов в стране и партии.

Перенести дискуссию с правыми в рабочие ячейки, этот пролетарский костяк ЦК.

Вернуть оппозицию из ссылки. Созвать чрезвычайный съезд. Вернуть в партию исключенных большевиков-ленинцев. Провести чистку партии от разложившихся, оторвавшихся от рабочего класса, от безнадежных бюрократов и ненужного обывательского балласта.

Перед фактом новой дискуссии опубликовать скрытые от партии письма Ленина и все документы большевиков-ленинцев, в первую очередь документы, поданные VI Конгрессу.

Выросшие хозяйственные затруднения, ухудшившееся настроение рабочих масс и деревенской бедноты, все растущая пассивность партии, огромная бюрократизация гос-, парт- и профаппарата -- все это не может не вызвать в каждом честном партийце тревоги за судьбу диктатуры пролетариата.

Против аппаратчины и бюрократизма!

За решительную борьбу с правыми и теми, кто их прикрывает!

За возвращение в ряды партии большевиков-ленинцев!

Большевики-ленинцы (Оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 года

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ - РАБОЧИМ

(что делать рабочему-коммунисту)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Рабочие-коммунисты убедились уже на опыте, что доверять руководству ЦК ВКП нельзя. Крах хлебозаготовок, рост хлебных затруднений на 11-ом году революции не были предвидены ЦК. Как выйти из положения, он не знает. ЦК мечется от чрезвычайных мер, которые восстановили против сов[етской] власти всю почти деревню, до повышения хлебных цен, которые в состоянии не только удовлетворить, но и разжечь аппетит кулака. Реальная заработная плата за этот год понизилась. Оппозицию громили во имя спокойствия в партии и деловой работы, но вместо спокойствия и дружной работы в ЦК идет бешеная борьба между сталинцами и рыковцами. Этот ЦК не может обеспечить ленинского руководства ни партией, ни страной. Всякий рабочий-коммунист, который не хочет оказаться у разбитого корыта, должен поставить перед собой вопрос, что же делать ему самому.

Как помочь партии и советской власти обеспечить рабочие центры хлебом

Рабочий-коммунист, не полагайся на чиновника, а берись сам за дело. Если имеешь связь с батраком или деревенской беднотой, пиши им письма, призывай открыто организоваться в союз бедноты для борьбы с кулацким засильем в деревне, для борьбы с подкулачниками в госаппарате. Союз бедноты поможет сов[етской] власти добыть хлеб для городских рабочих и для бедноты.

Уговаривай красноармейца из бедняков, чтобы он делал то же самое. Смотри за тем, что делается в кооперативе. Нажимай на Совет, чтобы он заботился о снабжении рабочих.

Что делать, чтобы не только не допустить падения зарплаты, но и поднять ее

Не полагайся на профбюрократию, а сам думай о своей зарплатке. Приближается кампания по перезаключению колдоговоров; высчитай сам с товарищами, сколько действительно зарабатываешь, сколько тебе необходимо, и борись за условия человеческой жизни. Не дай себя заговаривать, не дай себе навязать тарифов, несовместимых с твоими интересами. От фабзавкома, который трусит перед хозяйственниками, апеллируй к местному отделению союза, от него к партийному комитету. Извещай ЦК партии о нарушении твоих интересов; пиши в стенгазету, выступай на рабочих собраниях, мобилизуй рабочую массу, не бойся, что тебя выгонят с завода. Против этого есть средство: связывайся с другими борцами за рабочее дело на фабрике; одного можно с фабрики прогнать как бузотера, десять уже трудно, а 50 невозможно.

Как бороться за то, чтобы хозяином в партии был рабочий-большевик

Сменяй бюро ячейки, гони из них держиморд, подхалимов, шкурников, не давай навязывать себе секретарей, выбирай только честных революционных ребят. Чтобы этого добиться, рабочий-коммунист, перестань прятаться, молчать, голосовать пятками. Рабочие-коммунисты, знающие классовые интересы пролетариата, должны связываться друг с другом, выступать группами, скопом. Это затруднит чиновничьей братии разгромить их. Борьбу надо вынести за стены одной ячейки. Рабочие знают друг друга не только на одной фабрике; ходите друг к другу, налаживайте связь одной фабрики с другой, посылайте делегации на профсоюзные, партийные, районные и городские конференции, на которых заседают теперь в большинстве чиновники и их подхалимы. Пусть на них слышен будет голос рабочего-большевика. Говорите правду и только правду о положении на фабрике. Добивайтесь правды о положении в стране. Добивайтесь, чтобы вам сказали, почему держат в ссылке и в тюрьмах тех большевиков-ленинцев, которые боролись за улучшение положения рабочих, за борьбу с кулаком и бюрократами, за демократию в партии. Требуйте возвращения их из ссылки, освобождения из тюрем, требуйте возвращения Троцкого, которому дают погибнуть в ссылке без врачебной помощи и в нужде.

Если рабочие-большевики начнут решительно выступать, то они убедятся, что кошка -- не самый сильный зверь. При решительном сопротивлении политике нового дворянства из хозяйственников, парт-, проф- и госчиновников, руководство партии будет принуждено исправить политику партии, вернуть в ее ряды арестованных и сосланных борцов за рабочее дело. Объединенными силами рабочих большевики сумеют выгнать из партии кулацко-бюрократическую нечисть, исправить партию рабочего класса и его государства.

Где искать сознательным рабочим-коммунистам опоры в этой борьбе

Ее искать надо в первую очередь среди рабочих-партийцев. Надо разбить их косность, надо развязать им уста, надо громко сказать, какие опасности угрожают власти рабочего класса. Надо разбудить в них понимание обязанностей, лежащих на члене коммунистической партии. Если из-за трусости, если из-за беспечности мы дадим вырасти кулаку, чиновнику, нэпману; если мы позволим партии двигаться направо, сползть со ступеньки на ступеньку, то очутимся у разбитого корыта, не заметив, как буржуазия села нам на шею.

Но кроме рабочих-коммунистов, которых надо разбудить и до последнего втянуть в борьбу, есть миллионы беспартийных рабочих, среди них много думающих и сознательных пролетариев. Партбюрократ пытается уговорить вас держать втайне от этих пролетариев все, что происходит в партии. Но затруднения с хлебом, снижение заработной платы, шахтинское и смоленское дела -- это не тайна для беспартийных рабочих. Они болеют тем же, чем болеем и мы. Они не идут в партию из-за мертвечины, царящей в ней, они не идут в партию из-за зажима бюрократии, они не доверяют рабочим-коммунистам, ибо чиновник заставляет рабочих-коммунистов покрывать всякое свое преступление перед беспартийными рабочими. Рабочие-коммунисты обязаны сказать беспартийным классово сознательным рабочим всю правду, призвать их вступать в партию для совместной борьбы против нэпмана, кулака и бюрократа. Союзники наши -- не только беспартийные рабочие в городе, но и батрак и бедняк в деревне. Рабочий-коммунист должен делать все, чтобы с ними связаться, чтобы поднять их на борьбу за совместные интересы; без крепкой связи сознательных рабочих с беднотой и батраком нельзя отколоть середняка от кулака, нельзя создать смычки с деревней, нельзя удержать Советскую власть.

Рабочий-коммунист, ты долго молчал. Время поднять голос. Время вступать в бои за человеческие условия жизни, за чистку Советской власти и коммунистической партии от накипи бюрократизма, мещанства и подкулачников -- против смоленской и артемовской мрази, которой много еще в аппарате партии, профсоюзов и власти и которую надо вымести дочиста.

Большевики-ленинцы (Оппозиция ВКП)

Москва, октябрь 1928 г. ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОМОРГАНИЗАЦИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Происходящие сейчас в верхушечном слое партии события должны приковать к себе внимание всей партийной массы. Каждый член партии должен отдать себе ясный отчет в том, что означает неожиданная бомбардировка Московского комитета со стороны центристского сталинского аппарата.

Политика дворцовых переворотов, беспринципного верхушечного комбинаторства не раз уже ставили партию перед фактом величайших внутренних потрясений. Партия и сейчас стоит перед такими потрясениями, не зная, не понимая того, что происходит.

Не высохли еще чернила на резолюциях XV съезда и последующих пленумов ЦК о полной стопроцентной "монолитности" партии, как центристский партаппарат неожиданно закричал о правой опасности.

Давно ли тот же партаппарат обрушился на оппозицию ссылками и тюрьмами за ее предупреждение о растущей опасности? Не прошло и двух недель, как Косиор, генсек Украины, ставленник Сталина, заявил, что в ЦК нет правой опасности. Больше того, Сталин и сейчас на последнем пленуме МК, с величайшим цинизмом, заявил, что в Политбюро нет правой опасности.

Но если это действительно так, то что же собою представляет правый уклон в партии? Нельзя же всерьез думать, что вся партия приведена аппаратом в движение из-за того, что какие-то третьестепенные лица, вроде Мороза⁶⁴, Рютина, Пенькова, Мандельштама, где-то, в какой-то резолюции не так выразились о правом уклоне.

Кто всерьез поверит тому, что из-за нескольких маленьких партийных чиновников Сталин объявил словесную войну правой опасности?

История повторяется. Партаппарат в порядке циркуляра предписал ячейкам "узреть" правую опасность и проголосовать против нее. Со смелостью, достойной лучшей участи, центристский аппарат ЦК атаковал партию, отпустив ей ровно столько времени для размышления о правой опасности, сколько необходимо было для завершения сделки с правыми. Последний чрезвычайный пленум МК показал, что вместо большой драки с правой опасностью дело кончилось всего-навсего трусливой сделкой с ней.

Испугавшись пробуждающейся активности рабочего класса и пролетарской части партии, обе фракции Политбюро -- центристская и правая -- решили протянуть друг другу руки и заключить временный мир. Правые пожертвовали несколькими мелкими аппаратчиками. Центристы взамен уплатили согласием на новые аресты и высылки оппозиции. В этом весь позорный смысл "великой московской шумихи". Не имея мужества всерьез бороться с правой опасностью, Сталин за спиной у партии пошел с нею на гнилое соглашение. Этим самым он не только усыпил бдительность партии, но и дал правым отсрочку до нового зимнего кризиса хлебозаготовок, к моменту которого правые собираются произвести свою генеральную атаку.

Ленинская оппозиция считает своим долгом предупредить коморганизации об опасности теперешней центристской политики. Эта политика не способна ни вывести страну из хозяйственного кризиса, ни повести партию на борьбу с правой опасностью в стране. Нас, оппозиционеров-ленинцев, часто спрашивают: чего хотят центристы, чего хотят правые. Мы вам на это отвечаем:

Правые хотят мира с кулаками, нэпманом, международной буржуазией. Правые готовы на прорыв монополии внешней торговли. Правые требуют нажима на рабочий класс. Правые боятся быстрого развития промышленности. Обо всем этом правые во главе с Бухариным, Рыковым, Томским, Калининным, Ворошиловым уже открыто говорят на своих узких фракционных заседаниях. Однако открыто выступить с этими идеями перед рабочим классом они еще боятся. Поэтому они ищут для себя надежного прикрытия, из-за которого они могли бы исподтишка

подсовывать партии свои идеи. Таким прикрытием для них является нынешний центристский режим.

То, что правые хотели бы сделать в короткий срок, центристы делают в рассрочку. Но правые трусливы и лишены аппаратного могущества. Поэтому они еще долго будут предпочитать всякие соглашения со Сталиным открытой драке с ним. Сила Сталина не столько в его комбинаторских махинациях, сколько в том, что основная масса правых элементов в партии предпочитает цепляться за Сталина. И они не ошибаются. Достаточно напомнить, что Сталин ни разу не подверг сомнению архиправые резолюции июльского пленума. Больше того, он всюду кричит о верности этим резолюциям. Достаточно также напомнить о политике в вопросе зарплаты для рабочих, где между правыми и центристами царит стопроцентное единодушие. И те и другие хотят взвалить на плечи рабочего класса всю тяжесть индустриализации страны. И те и другие мечтают об усилении эксплуатации рабочего, требуя от него все возрастающей производительности труда и давая ему все меньше заработной платы.

Такое же трогательное единодушие между центристами и правыми наблюдается и в вопросе о расправе с оппозицией. Не случайно, что как раз сейчас, когда пресса тонет в потоке "антиправых" резолюций, Политбюро дало директиву начать новые репрессии против большевиков-ленинцев. Под шум левых фраз о правой опасности вот уже две недели, как идут массовые аресты сотен рабочих-оппозиционеров, непосредственно забираемых от станка в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Днепропетровске и др[угих] городах.

В то время как лидеры правых -- Бухарин, Томский и др[угие] заседают в Политбюро, лучшие большевики томятся в ссылке. Многим грозит опасность для жизни. Тов. Троцкий находится больной в Алма-Ате, тов. Раковский, заболевший серьезной сердечной болезнью, прикреплен без права передвижения к Астрахани. Тов. Мрачковский, лишенный необходимой медицинской помощи, невыносимо страдает от вскрывшихся ран, полученных на гражданских фронтах. Тов. Виленский-Сибиряков лежит смертельно больной от полученной во время ссылки в Сибирь непосредственно после перенесенной операции инфекции. Товарищи Радек, Белобородов, Альский и многие другие серьезно больны и не имеют необходимой лечебной помощи.

На 11 году революции у нас стал возможным такой возмутительно-позорный факт, как смерть в тюрьме от голодовки оппозиционера тов. Бутова⁶⁵. Тов. Бутов был личным секретарем тов. Троцкого, и вокруг него ГПУ хотело создать дело для компрометации оппозиции. В виде протеста тов. Бутов объявил голодовку. Молодые термидорианские побегии ГПУ, возвращенные сталинской политикой, спокойно дали ему умереть на 50-й день голодовки.

Нам, оппозиционерам-ленинцам, часто говорят: "Помогите нам бороться с правыми". Мы на это отвечаем: мы вот уже ряд лет со всей силой боремся с правыми, которые хотят спустить революцию на тормозах кулацкой политики. Но правую опасность можно победить лишь путем жестокой борьбы с беспринципным комбинаторством центристов, прикрывающих левыми фразами правую опасность. Партия должна сбросить с себя тяжелый обруч аппаратной опеки. Из голосующего

придатка к партаппарату партия должна вновь, как при Ленине, сделаться законодателем партийной жизни.

Товарищи партийцы. Не допускайте замены борьбы с правыми идеологией борьбы со стрелочниками правого уклона, не давайте убаюкивать себя общими фразами о правой опасности. Требуйте развертывания всей суммы конкретных мероприятий, вытекающих из борьбы с правой опасностью. Требуйте усиления темпа индустриализации не на словах, а на деле. Требуйте увеличения реальной заработной платы в соответствии с ростом производительности. Требуйте организации де-ревенской бедноты и действительного наступления на кулака. Добивайтесь возвращения партии на путь классово-пролетарской политики. Настойчиво требуйте прекращения глумления над большевиками-ленинцами. Требуйте возвращения их из ссылки и восстановления в партии. Требуйте чрезвычайного съезда партии на основе тайного голосования. Требуйте очистки партии от перерожденцев и бюрократов.

Товарищи партийцы. Медлить нельзя. Диктатуре пролетариата грозит величайшая опасность. Руками зарвавшихся сов-, проф- и партбюрократов враждебные нам силы уже атакуют твердыни пролетарской диктатуры.

На открытый суд всей партии правых перерожденцев и беспринципных центристских комбинаторов.

Против политики дворцовых переворотов.

За честную большевистскую политику.

Против арестов и ссылок оппозиции.

За подлинное единство партии на основе правильной ленинской политики.

За возрождение подлинной коллективной жизни коморга-низации.

Большевики-ленинцы Ленинская оппозиция ВКП(б)

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Эта листовка выпущена нашими тифлисскими товарищами66

О НАСТРОЕНИЯХ В ПАРТОРГАНИЗАЦИЯХ

в связи с пленумом МК и МКК. СВОДКА МК

I. Правые настроения

В целом ряде ячеек имели место правые по существу выступления. Выступали с ними не только хоз[яйственные] работ-ники, работники аппарата, но и рабочие, в большинстве случа-ев рабочие текстильных предприятий и связанные с деревней.

Эти настроения далеко не преобладают. Но все же играют значительную роль, относятся примерно к одной трети ячеек.

3. Основное в этих выступлениях -- защита зажиточных сло-ев деревни, отношение к бедноте, как лодырям. Недовольством темпом индустриализации, вложениями в капитальное строительство, совхозы и колхозы.

Характерные выступления:

"Правый уклон выплыл на основе недостатков в нашей стране и упирается в неправильное ведение политики в отношении к крестьянству, в частности, к среднему" (политика считается слишком левой).

(Завод Ильича)

"Тов. Фрумкин в своем письме был прав на данное время".

(Замоскв[орецкий] райфинотдел)

"Будучи в деревнях, видишь, что мы дошибаем кулака. Совхозов нет, продукции мало, что же делать?"

(Завод "Красный поставщик")

"Сняли товарищей (речь идет о секретарях райкомов Мандельштаме и др[угих]), которые слушали низы, учли их настроения и высказали их. Не рано ли бросать большие средства на колхозы и совхозы?"

(4-й водопровод[ный] участок)

"Мы очень разбрасываемся на крупное строительство... Не надо гнаться за Америкой".

(Директор химзавода Кашир[ского] уезда)

"Я считаю, что кулак в деревне это тот, кто похитрее; середняк поглупее, он не имеет того, что кулак, а беднота -- это в большинстве лентяи".

(Т. Ч.67 51118 Сев[ерпой] жел[езной] дор[оги])

"Среди рабочих, связанных с деревней, есть такие разговоры: Зачем рабочие взяли в свои руки фабрики и лезут еще с коллективизацией деревни?"

("Красный текстильщик", Серпухов)

II. Отношение к правой опасности

1. Огромное большинство рабочих резко настроено против правых элементов и правой идеологии. Если ряд коммунистов выступает в порядке кампании, то в очень значительной части выступлений, в особенности рабочих-металлистов, коренников рабочих других предприятий чувствуется доподлинное резкое отношение к правым элементам и их наступлению.

2. Характерные выступления:

"Борьбу с правой опасностью надо рассматривать, как классовую борьбу".

(Завод "Мастяжарт")

"Если вложим деньги на легкую индустрию, на производство необходимых предметов потребления, съедим все, а потом сядем еще в худшее положение".

(Русаковский трампарк)

"Правая опасность -- это сползание к социал-демократам".

(Т. Ч. I, Северн[ой] ж[елезной] д[ороги])

"Правые ошибки -- результаты паники перед кулаком".

(ВППШ68) 68512

"Правый уклон превращает нашу страну в зависимую от капиталистических государств".

(Колбасн[ая] ф[абри]ка Зам[осквореукого] района)

III. Выступления оппозиции

На отдельных ячейках выступали оппозиционеры. Судя по официальным материалам, таких выступлений было относительно немного. Выступления были: на Картонажной ф[абри]ке Моссельпрома, ситценабивной ф[абри]ке в Серпухове, Центральном телеграфе, Наркомпросе, Артамоновском трампарке (речь идет о партсобраниях).

IV. Отношение к оппозиции

"О борьбе с кулаком говорила троцкистская оппозиция, но почему тогда тов. Сталин дал установку: огонь налево, только налево".

(ВПШ)

"Не может ли повлиять настоящее положение на возвращение оппозиционеров в партию"?

(Русаковский трампарк)

"Отметьте разницу в вопросе о развертывании колхозного строительства между партией и оппозицией".

"Нам нужно во что бы то ни стало индустриализировать нашу страну, это говорила и троцкистская оппозиция".

(Хлебопекарня No 2 МСПО)69

"По вопросу о правом уклоне мы не разобрались. Поэтому спорить с нашими оппозиционерами трудно. Они знают о решениях высших инстанций больше, чем мы".

(Протезный институт)

V. О положении в партии

Почти повсеместно в очень острой форме коммунисты-рабочие выражают резкое недовольство существующим в партииположением. Требуют действительной демократии, своевременной информации, обеспечения за рабочими права решать, а не выслушивать решенное.

Характерные выступления:

"Если низовые организации ошибаются, то работники последней вышибаются в два счета. А Угланова оправдывают. Всегда страдает стрелочник".

(З[аво]д им. Ильича)

"Верхи дерутся, а низы не знают".

(Колбасн[ая] ф[абри]ка Зам[оскворецкого] района)

"ЦК проморгало недооценку трудностей, зафиксированную в резолюции пленума МК. ЦК поздногато разъяснил эти вопросы. Рядовые члены партии ходят впотьямах".

(З[аво]д им. Ильича)

"Плохо информируются партийные низы. С большим запозданием осведомляются члены партии о политике партии".

(З[аво]д "Красный Октябрь")

"О борьбе с Московской организацией мы низовые члены партии узнали только в октябре. Наши товарищи из МК, МКК и РК хотят обойтись одни, сами, без масс".

(Сокстрой)

"Партийные комитеты и Контрольные] к[омиссии] подобраны по принципу "хороший парень".

(Госбанк)

"Администрация, не считаясь с решениями ячеек, решает вопросы самостоятельно. Где же партия"?

(Базовая милиция Хамов[нического] района)

"Нельзя ли произвести сокращение штатов как партийного, так и советского аппарата? Уж очень много отделов, подотделов, частей и подотдельчиков как в Моссовете, так и в МК. Всякие "завы" аккуратно высиживают рабочее время и что делается на производстве -- не видят и не знают".

(ВПШ)

"Ячейка не вела борьбы с правой опасностью потому, что в наших партаппаратах наблюдается закостенение. Бюро ждало циркуляра сверху. Между аппаратом и массой -- разрыв".

(З[аво]д "Лакокраски")

"Очень много уж доверяем мы руководителям".

(Ф[абри]ка "Красная роза")

VI. О ЦК и ПБ

Довольно большое количество вопросов задается на собраниях о разногласиях в ЦК и ПБ. Спрашивают: правда ли, что Рыков, Томский и Бухарин -- правые. Многие выражают уверенность, что разногласия есть, но их скрывают. В некоторой части ячеек критиковали "Заметки экономиста". В И[нституте] Н[ародного] Х[озяйства] им. Плеханова они были названы "завершенным правым уклоном". Примерно такое же отношение выражено к "Заметкам" в тех рабочих ячейках, где о них говорилось.

Л. ТРОЦКИЙ.

ОДИННАДЦАТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ

11-я годовщина октябрьской революции есть величайший праздник международного пролетариата. Мы, большевики-ленинцы (оппозиция), подготовлявшие в подполье диктатуру пролетариата, дравшиеся на баррикадах Октября, защищавшие советскую власть в гражданской войне, строившие рабочее

государство, празднуем этот день, как наш праздник. Величайшее значение октябрьской победы трудящихся и угнетенных мы сознаем и чувствуем гораздо глубже, чем большинство нынешней бюрократии, наполовину забывшей о своем революционно-пролетарском происхождении и превращающей октябрьскую годовщину в казенный табельный день.

7 ноября для нас, однако, не только праздник, но и день тревожного раздумья о тех опасностях, которые угрожают пролетарским завоеваниям. Ибо последние пять лет принесли огромные перемены -- не только к лучшему, но и к худшему.

Руководимая ленинским генеральным штабом партия жила всегда полной партийной жизнью. Несмотря на муки голода и холода, унаследованные от войны и разрухи, рабочий класс чувствовал и сознавал, что он есть правящий класс, что он хозяин в стране.

Заложенные в первое пятилетие после Октября основы дали свои плоды. Правильная установка новой экономической политики, выработанная партией под руководством Ленина после завершения гражданской войны, обеспечила рост производительных сил города и деревни и общий подъем благосостояния страны. Огромные преимущества социалистических методов хозяйства впервые обнаружили на деле, на опыте, несмотря на ошибочную политику послеленинского руководства, которое все больше сползло с пролетарской линии вправо.

Тяжелее всего ложная линия Сталина-Рыкова отразилась на положении рабочих. Несмотря на подъем производительных сил, уровень жизни рабочего класса с осени 1925 г. не повышался, а за последнее время снижается. Между тем, жизненный уровень непролетарских слоев города и кулацких верхов деревни непрерывно повышается. Безработица разъедает рабочий класс. Одновременно с этим растет и крепнет влияние бюрократически-буржуазных элементов во всех учреждениях и организациях, во всех областях хозяйственного и государственного управления. Рабочий отодвигается на второй план. На наших глазах создается новое двоевластие. Мыслящий и честный пролетарий с тревогой глядит на то, как перемещается сила от рабочих к аппарату, от аппарата -- к буржуазии. Голос революционной критики подавлен. Шумно провозглашенная самокритика превратилась в бюрократическое пустозвонство.

Смычка города с деревней является основой основ пролетарской диктатуры. Большевиков-ленинцев, которые вместе с Лениным закладывали первые камни этой смычки, сталинское руководство ложно и злобно обвиняет в стремлении "огрбить крестьянство". Между тем, вся политика Сталина-Рыкова бьет по смычке, одним концом -- по рабочему, другим -- по крестьянину, бедняку и середняку. Руководство Сталина-Рыкова сперва отрицало кулака, мирволило ему, пускало его в Советы. Спыхватившись в трудную минуту, начало глушить деревню 107-й статьей, не отличая впопыхах кулака от середняка, середняка от бедняка. Теперь опять крутой поворот вправо, повышение хлебных цен, т. е. прежде всего премия кулаку. Метания из стороны в сторону выбивают хозяйство из равновесия, поселяют тревогу, порождают недовольство.

Ленин неумоимо предупреждал в последние годы своей жизни против опасностей бюрократизма. После его смерти бюрократизм возрос в десятки раз и чудовищной горой душит ныне завоевания Октября.

Бюрократический аппарат поднялся над массой. Выборы и ответственность стали пустым звуком в партии, в профессиональных союзах, в Советах. Безответственность ведет к разложению и произволу. Десятая годовщина Октября была отпразднована разгромом ленинского крыла партии. Одиннадцатый год приподнял зато уголок завесы над шахтинскими, артемовскими, смоленскими и иными делами, которые являются прямым и неизбежным следствием сталинского режима.

Смелые и самостоятельные работники вытесняются и изгоняются отовсюду: из партии, с советских постов, из профсоюзов, из хозяйственных органов, наконец, с фабрик и заводов. Масса запугана и молчит. Перевес получают шкурники и подлипалы. Прислужничеством они страхуют свою неумелость и бездарность. Бесконечные просчеты и ошибки хозяйственного руководства бьют по промышленности, а значит -- по рабочим. Бюрократизм и безответственность означают для хозяйства ежегодные потери сотен миллионов рублей, на которые можно было бы поднимать жизненный уровень трудящихся масс. А расплачиваться за просчеты приходится мускулам и нервам рабочих.

Революционному воспитанию подрастающих поколений чиновничье засилье ставит непреодолимые преграды. В комсомоле еще больше, чем в партии, все решается приказами и шпаргалками. Материальное положение рабочих-подростков ухудшается. Ленинские идеи искажаются и подменяются. Бюрократизм наносит особенно жестокие удары отсталым народностям нашего Союза. На окраинах еще больше, чем в центре, самостоятельность низов заменяется чиновничьей указкой. Произвол бюрократии достигает неслыханных размеров. Хозяевами положения становятся сплошь да рядом те самые "держиморды", о которых писал Ленин еще в 1922 году, жестоко осуждая политику Сталина в национальном вопросе⁷⁰.

Открытая после смерти Ленина государственная продажа водки наносит неисчислимыя раны хозяйству и культуре страны. Промышленность, транспорт, торговля, сельское хозяйство теряют от водки в два-три раза больше, чем получает от нее государственный бюджет. А моральному ущербу, наносимому трудящимся, и счета нет. В государственном спаивании народа ярче всего выражается все зло бюрократизма, слепого и высокомерного по отношению к массам.

Законное недовольство трудящихся не находит нормального выхода и удовлетворения. Всюду запреты и рогатки. Это создает условия, которыми пользуются враги октябрьской революции: меньшевики, эсеры, анархисты и прямые черносотенцы. Они роют свои подкопы под Октябрь. Революционная расправа с этой челядью буржуазии необходима. Но одной расправы недостаточно. Нужна правильная политика. А для этого нужно прежде всего прекратить бесстыдную травлю против лучших, наиболее боевых, преданных и бескорыстных борцов рабочего класса, большевиков-ленинцев (оппозиции).

Ослабление материальных и политических позиций пролетариата СССР идет рядом с жесточайшими поражениями политики Коминтерна в Германии, Болгарии, Эстонии, Англии, Австрии, Китае и других странах. Сбившееся с пролетарского пути руководство толкало все партии Коминтерна на путь соглашательства и ошибок. Небывалые поражения международной революции ослабили положение СССР, укрепили европейскую буржуазию и чрезвычайно увеличили военные опасности, угрожающие первому рабочему государству.

Газетными криками о военной опасности устранить ее нельзя. Чтобы поднять обороноспособность советского государства, есть только один путь: укрепить экономическое и политическое положение пролетариата в стране, его теснейшую связь с беднотой, его неразрывный союз с середняком.

Бюрократизация армии зашла еще дальше, чем бюрократизация всего государственного аппарата. Связь населения с армией на парадах и торжествах не может заменить повседневного воздействия пролетарского авангарда на мобилизованных крестьян. В минуту опасности бюрократический аппарат не способен вдохнуть тот энтузиазм, который обеспечивается только революционным самосознанием трудящихся масс, чувствующих себя хозяевами своей страны.

Подлые клеветники говорят, что мы, большевики-ленинцы, строившие Красную армию и участвовавшие во всех ее боях, являемся пораженцами. Ни один честный рабочий, боевик-красноармеец, крестьянин-партизан не поверит этой клевете на Троцкого, Раковского, И.Н.Смирнова, Преображенского, Сосновского, Радека, Муралова, Мрачковского, Белобородова, Каспарову и многие сотни и тысячи закаленных борцов, которые тюрьмой и ссылкой расплачиваются за свою верность делу рабочего класса.

Большевики-ленинцы были и остаются революционными оборонцами до конца, не в пример многим из нынешних бюрократов, которые при первом набате опасности разбегутся, как крысы. Невзирая на ошибки политики, презируя клевету и травлю сталинского руководства, каждый большевик-ленинец будет защищать советскую республику от классовых врагов с оружием в руках до последней капли крови.

Но этого мало. Сейчас, пока еще не пробил час военной грозы, мы требуем решительной перемены партийной, хозяйственной, профессиональной, военной и международной политики. На пролетарский путь! На ленинскую линию!

Что нужно для того, чтобы вернуться на правильную дорогу? Нужно только, чтобы рабочий-партиец снова захотел и решил стать партийцем. Нужно, чтобы рабочий класс призвал аппарат к ответу. Нужно восстановить выборность и сменяемость, т. е. пролетарскую и советскую демократию. Этого можно достигнуть без потрясений, нормальными путями партийного устава и советской конституции.

В основу хозяйственной политики положить: систематическое повышение заработной платы. Больше равенства в условиях жизни верхов и низов.

В деревне организовать Союз бедноты, как орган диктатуры пролетариата.

Опубликовать платформу оппозиции, которая указывает правильные пути индустриализации страны и дает ленинские ответы на все вопросы

социалистического строительства.

Вернуть большевиков-ленинцев из ссылки, отменив бесстыдно наложенную на них 58-ю статью.

Провести перевыборы во всех учреждениях и организациях, сверху донизу, на основе подлинной пролетарской демократии.

Помните, товарищи: потерять власть легче, чем завоевать ее. Если ложную политику ведут верхи, поправить должны низы. Мы, большевики-ленинцы, обращаемся к низам. Ими и для них совершен был одиннадцать лет назад великий переворот.

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Да здравствует возвращение ВКП и Коминтерна на ленинский путь!

Да здравствует международная революция!

[Октябрь 1928 г.]

Л. ТРОЦКИЙ

КРИЗИС ПРАВО-ЦЕНТРИСТСКОГО БЛОКА

И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Кризис блока

Кампания против правых открывает некоторую новую главу. Кампания отличается чрезвычайным шумом и треском -- при отсутствии политической конкретности. Кампания есть прежде всего литературное прикрытие закулисной организационной работы сталинцев, ее оправдание перед партией. Политическая кампания и не может быть конкретной, иначе пришлось бы перечислять общие грехи правой и центра. Но в то же время кампания знаменует кризис -- еще не распад, но уже серьезный кризис -- правящего блока. Предшествующее сползание подготовило переход количества в некоторое новое качество. Открытое социальное перерождение значительных групп и слоев партии выпирает из всех щелей. Центризм пугается наиболее "зрелых" плодов своих рук, особенно под кнутом пролетарской оппозиции. Но центризм связан по рукам и по ногам -- вчерашним днем, своей национал-социалистической установкой⁷¹, своим политическим крохоборчеством, своей теоретической нищетой. Атакуя правых, он больше всего боится, как бы не поранить самого себя. Отсюда глубоко двойственный характер всей кампании: если практически она может означать очищение партии от наиболее откровенных элементов устряловщины и задержку или замедление сползания или перерождения, то одновременно она означает дальнейшую дезорганизацию партийной мысли, дальнейшее измочаливание марксистского метода и тем самым подготовку новых, еще более смутных и опасных этапов в развитии партии.

Сталин и Молотов пытаются изобразить дело так, что их линия состоит в

одинаково непримиримой борьбе как с левыми "пораженцами", так и с правыми ликвидаторами.

Совершенным вздором является центральная в нынешней кампании мысль, будто марксистская политика вообще состоит в борьбе направо и налево, притом в одинаково непримиримой борьбе. Направо от марксистской политики стоит могущественный мир империализма, с его все еще гигантской соглашательской агентурой. Вот враг. Налево от марксистской линии могут быть только ошибочные тенденции в самом пролетариате, детские болезни в партии и пр. Крайним выражением этой ложной "левизны" является анархизм. Но сила и влияние этого последнего тем меньше, тем ничтожнее, чем смелее, решительнее и последовательнее революционная партия борется с оппортунизмом. В этом и состоит, в частности, историческая заслуга большевизма. Борьба налево в его истории имела всегда только эпизодический и подчиненный характер. Сталинская формула "одинаково непримиримой" борьбы направо и налево есть не большевистская формула, а традиционная формула мелкобуржуазного радикализма. Вся его история приходит к борьбе с "реакцией", с одной стороны, пролетарской революцией, с другой. Эта традиция перешла целиком к современной социал-демократии во всех ее оттенках. Формула борьбы направо и налево, как руководящая формула, характеризует, вообще говоря, всякую партию, лавирующую между основными классами современного общества. В наших условиях эта формула является политическим паспортом центризма. Иначе совершенно неразрешимым был бы вопрос: как могло случиться, что фракция Сталина-Молотова пребывала в неразрывном блоке с буржуазно-реставраторской фракцией правых? Более того, остается на деле с нею в блоке и сейчас? Между тем, ответ совершенно прост: правящий блок был не противоестественным союзом большевизма с буржуазным реставраторством, а союзом сползающего правого центризма с устряловщиной. В таком союзе нет ничего противоестественного. Блоки центристов разной окраски с открытыми соглашателями и даже прямыми изменниками, при бешеной борьбе с левыми, заполняют всю историю рабочего движения. Вот почему, когда Сталин и Молотов дают ныне "свирепую" характеристику правому крылу, списывая его по частицам с оппозиционной платформы, они тем самым дают характеристику самим себе, своей линии, своей группировке. Они занимаются убийственной "самокритикой", не подозревая того.

Но, может быть, положение радикально изменилось теперь, после объявления так называемой беспощадной борьбы против правого уклона? Пока было бы по меньшей мере легкомысленно делать такие заключения. Ленинское крыло -- за Уралом и Каспием, правое -- на правящих постах. Это решает. Ясно одно: период безмятежности для блока центристов с правыми остался позади; февральский сдвиг центризма имеет свои внутренние зигзаги: от февраля до июля, от июля до ноября и дальше. Слишком скоропалительно судили те товарищи, которые считали, что июльский пленум завершил борьбу центристов с правыми и что самое противоречие между ними уже потеряло политическое значение. Нет, это неправильно. Еще более неправильно было бы, однако, считать разрыв между центристами и правыми бесповоротным. Совершенным же

легкомыслием было считать исключенным поворот самого центризма на правый путь.

Из этой общей характеристики кампании, как насквозь двойственной, вытекают и задачи большевиков-ленинцев. С одной стороны -- поддерживать каждый действительный, хотя бы и робкий и половинчатый шаг руководимых центризмом партийцев влево, с другой -- противопоставлять этих партийцев центристскому руководству, разоблачая его беспринципность и несостоятельность. Обе эти задачи разрешаются по существу одними и теми же методами. Поддержка каждого шага влево в том ведь и выражается, что большевики-ленинцы ясно и отчетливо формулируют в каждом конкретном случае действительную цель борьбы, пропагандируют подлинно большевистские методы и разоблачают фальшивую половинчатость центристского руководства. Другой поддержки быть не может. Но зато эта является самой действительной.

Ясность общих задач не снимает, однако, с нас обязанности ближе и конкретнее присмотреться к новому этапу в свете общего развития партии и революции.

2. Пятилетие общественно-политической реакции на основах пролетарской диктатуры

Надо сказать ясно и точно: послеленинское пятилетие было пятилетием общественно-политической реакции. Послеленинское руководство стало невольным, но тем более действительным выражением этой реакции и ее орудием. Периоды реакций в отличие от контрреволюции происходят при господстве одних и тех же классов. Помещичье самодержавие знало периоды "либеральных" реформ и крепостнических контрреформ. Господство буржуазии, начиная с эпохи великих революций, знало смену периодов бурного движения вперед периодами попятного движения. Этим определялась, в частности, смена различных партий у власти в разные периоды господства одного и того же капиталистического класса.

Не только теоретическое размышление, но и живой опыт истекших одиннадцати лет свидетельствуют, что и режим пролетариата может проходить не только через периоды движения вперед, но и через периоды общественно-политической реакции. Конечно, не реакции "вообще", а реакции на основах победоносной пролетарской революции, противостоящей капиталистическому миру. Смена этих периодов определяется ходом классовой борьбы. Периоды реакции не изменяют основ классового господства, т. е. не означают перехода власти из рук одного класса в руки другого (это была бы уже контрреволюция), но означают изменение в соотношении классовых сил и перегруппировку элементов внутри самих классов. Период реакции после периода могущественного революционного продвижения вперед вызван был у нас в основном тем, что разбитые, оттесненные или запуганные старые имущие классы благодаря объективной обстановке и ошибкам революционного руководства успели значительно собраться с силами и постепенно перейти в наступление, главным образом через бюрократический аппарат. С другой стороны, победоносный класс, пролетариат, не поддержанный своевременно извне и

атакуемый все новыми и новыми препятствиями и трудностями, растрчивал силу первоначального натиска и дифференцировался, выделяя из себя сверху -- все более самодовлеющую бюрократию, снизу -- элементы усталости и прямой безнадежности. Ослаблению активности пролетариата соответствует повышение активности буржуазных классов, т. е. прежде всего тех слоев мелкой буржуазии, которые тянутся вверх по старым эксплуататорским путям.

Незачем доказывать, что все эти процессы внутренней реакции могли развертываться и приобретать силу только в условиях тячайших поражений мирового пролетариата и упрочения позиций империалистической буржуазии. В свою очередь, поражения международной революции за последние 5-6 лет определялись в решающей степени центристской линией руководства Коминтерна, особенно губительной в обстановке великих революционных кризисов.

Можно возразить: мыслимо ли назвать реакцией период экономического роста страны, социалистического строительства и пр. Однако это возражение бьет мимо цели. Подъем есть процесс противоречивый. Первая стадия подъема, после годов разрухи и голодухи, стадия восстановительного процесса, как раз и создала условия общественно-политической реакции. Изголодавшийся рабочий класс склонен был верить, что и теперь все пойдет безостановочно вперед. Сверху его в этом убеждали. Между тем, подъем разворачивал свои противоречия, углубившиеся слепой и ложной политикой руководства и приведшие к умалению удельного веса пролетариата и к снижению его политического самочувствия. Разумеется, тем обстоятельством, что промышленный подъем снова собрал пролетариат на фабриках и заводах, обновил и пополнил его кадры, созданы социальные предпосылки для нового революционного подъема пролетариата. Но это относится уже к следующей стадии. Есть симптомы, позволяющие думать, что это политическое оживление уже началось и является одним из факторов,

подстегивающих центристов в сторону "самокритики", борьбы против правых и пр. Незачем говорить, что в том же направлении действует стальная заноза оппозиции, которой никаким хирургам не удастся выдернуть из тела партии. Оба эти обстоятельства: и оживление в рабочих массах, и "неожиданная" для верхов живучесть оппозиции -- открывают собою, если не обманывают признаки, начало нового периода, с которым не случайно совпадает борьба центристов против правых. Прошлый же период, развивавшийся на основе восстановительного процесса, со всеми его иллюзиями, характеризовался упадком активности пролетариата, оживлением буржуазных слоев, удушением рабочей демократии и последовательным разгромом левого крыла. Другими словами, это был период общественно-политической реакции.

Идеологически период реакции окрашен борьбой с "троцкизмом". Под этим именем в официальной печати фигурируют совершенно разнородные и часто несовместимые идеи, осколки прошлого, большевистские задачи настоящего, поддельные цитаты и пр., и пр. Но в общем троцкизмом называлось то, от чего сползающее официальное руководство вынуждено было в каждый данный момент

отталкиваться. Общественно-политическая реакция -- при всем эмпиризме руководства -- немыслима без пересмотра и отвержения наиболее ярких и непримиримых идей и лозунгов марксизма. Международный характер социалистической революции и классовый характер партии -- вот две идеи, которые в полном своем виде невыносимы для плывущих по течению политиков периода реакции. Борьба против этих основных идей, сперва обходная и трусливая, затем все более наглая, велась под именем борьбы с троцкизмом. Результатом этой борьбы явились две жалкие и презренные руководящие идеи, которые навсегда останутся бубновым тузом на периоде октябрьской революции: идея социализма в отдельной стране, т. е. национал-социализм⁷¹ и идея двухсоставных рабоче-крестьянских партий, т. е. черновщина⁷². Первая из этих идей, прикрывавшая, в частности, наш хозяйственный хвостизм, довела октябрьскую революцию до величайших опасностей. Вторая из этих идей, вдохновлявшая теорию и практику Гоминьдана, зарезала китайскую революцию. Обе "идеи" автором своим имеют Сталина. Это его единственный теоретический "актив".

Между периодом реакции и контрреволюцией существует, как сказано, то различие, что реакция развивается при господстве того же класса, контрреволюция же означает смену классового господства. Но совершенно очевидно, что если реакция не тождественна с контрреволюцией, то она подготавливает для нее политические условия и может оказаться вступлением к ней. Руководствуясь этими широкими историческими масштабами, т. е. отменяя все второстепенное, можно сказать, что расчленение правящего

блока на центристов и правых вышло наружу, когда методы общественно-политической реакции стали прямехонько упираться в методы термидора.

Незачем пояснять, что происходящая сейчас борьба центристов против правых не только не опровергает нашего прогноза о термидорианской опасности, но, наоборот, целиком и полностью, официальнейшим, так сказать, образом, подтверждает его. Оппозиция никогда не считала, что сползание к термидору будет непрерывным, прямолинейным и сплошным для всей партии. Мы десятки и сотни раз предсказывали, что это сползание будет мобилизовать враждебные классы; что тяжелые социальные хвосты будут бить по аппаратной голове; что это будет вызывать расчленение не только в широких партийных массах, но и в самом аппарате; наконец, что это расчленение будет создавать новые, более благоприятные условия для работы большевиков-ленинцев, направленной не только против открытого соглашательства, но и против центризма.

Таким образом, нынешняя кампания является подтверждением честного прогноза оппозиции, теснейшим образом связанного с ее общим прогнозом относительно термидорианской опасности.

Бюрократический режим как орудие реакционных

тенденций и сил

Как и все процессы в нашей партии, борьбу центристов с правыми приходится рассматривать не только в широком разрезе идейно-классовых тенденций, но и в узком разрезе самодовлеющего аппаратного режима. Не тайна ведь, что шумно-бессодержательная "идейная" борьба против правых является аккомпанементом к аппаратным, пока еще подготовительным, махинациям против Бухарина, Рыкова и Томского. А этот вопрос не лишен значения, если принять во внимание место названной тройки в нынешней партийно-советской системе. Рыков и Томский всегда испытывали к оппортунизму "влечение, род недуга"⁷³. В октябрьский период это только сказалось открыто и ярко. Но при здоровой жизни партии и правильном партийном руководстве их оппортунистические склонности так бы при них и оставались. То же самое приходится сказать и о Бухарине, с его переходом от ультралевых коленец к ультраправым. Если рассматривать вопрос в плоскости персональной (как это Ленин сделал, например, в своем завещании), то придется сказать, что разрыв Сталина с названной тройкой был предreshен задолго до того, как самая тройка сплотилась на правой платформе. Этот разрыв, вытекавший из тенденции бюрократического режима к единоличию, был оппозицией совершенно точно предсказан больше двух лет тому назад, в сентябре 1926 года, когда о борьбе центризма с правой не было еще и речи. В документе оппозиции о "единстве партии" говорится:

"Целью всех этих дискуссий и организационных выводов является полный разгром того ядра, которое до недавнего времени называлось старой ленинской гвардией, и замена его единоличным руководством Сталина, опирающегося на группу товарищей, которые всегда с ним согласны. Только тупица или безнадёжный бюрократ может серьёзно думать, будто сталинская борьба за единство партии способна действительно обеспечить единство, хотя бы ценой разгрома старой руководящей группы и всей вообще нынешней оппозиции. Чем ближе Сталин будет казаться к цели, тем на самом деле он будет дальше от нее. Единоличие в управлении партией, которое Сталин и его более узкая группа называют "единством партии", требует не только разгрома, устранения и отсечения нынешней объединенной оппозиции, но и постепенного отстранения от руководства более авторитетных и влиятельных представителей ныне правящей фракции. Совершенно ясно, что ни Томский, ни Бухарин, ни Рыков -- по своему прошлому, по авторитету своему и пр. -- не могут и не способны играть при Сталине ту роль, какую играют при нем Угланов, Каганович, Петровский и пр. Отсечение нынешней оппозиции означало бы неизбежное фактическое превращение в оппозицию остатков старой группы в ЦК. На очередь встала бы новая дискуссия, в которой Каганович обличал бы Рыкова, Угланов -- Томского, а Слепковы, Стэны и Ко развенчивали бы Бухарина. Только безнадёжный тупица может не видеть серьёзности этой перспективы. А тем временем более откровенно оппортунистические элементы партии открыли бы борьбу против Сталина как слишком зараженного "левыми" предрассудками и "мешающего более быстрому и откровенному сползанию"⁷⁴.

В этом предсказании, при проверке через два с лишним года, неправильной оказалась только ссылка на Уланова и Слепкова. Но, во-первых, это деталь. А во-вторых, дайте срок, они свою "ошибку" еще поправят.

Теперь послушаем, как мудрец Томский вынужден ныне признаваться, что ничего не понимает, ничего не предвидел и попался впросак. Вот что пишет об этом хорошо осведомленный товарищ: "Томский в разговоре среди "своих" жаловался: мы думали, что, покончив с Троцким, сможем спокойно работать, а оказывается!), что к нам тоже хотят применить такие же методы борьбы".

Бухарин высказывается в таком же роде, но еще более жалостно. Вот один из его отзывов, абсолютно достоверный: "Кто он такой? -- речь идет о мастере. -- Совершенно беспринципный интриган. Он озабочен только сохранением власти и этому подчиняет все. Он круто меняет свои теории в зависимости от того, кого ему нужно в данный момент зарезать..."75 И пр[очее].

Злополучные "вожди", ничего не понявшие и не предвидевшие, естественно склонны видеть основную причину своих злоключений в коварстве противника, этим они только придают его личности гигантские размеры, которыми она ни в малейшей степени не обладает. Суть в том, что сползание с классовой линии неминуемо ведет к могуществу бюрократической машины, которая ищет для себя "адекватного" выразителя. Для побед бюрократического централизма обстановка создавалась перегруппировкой в классах и между классами. От аппаратных мастеров, выступивших под старыми знаменами, требовалось прежде всего, чтобы они не понимали того, что происходит, и плыли по течению. Для этого нужны были люди типа эмпириков, которые для каждого момента создают свое "правило". Сталины, Молотовы, Улановы и пр. по совершеннейшему отсутствию теоретического кругозора меньше всего оказались застрахованы от воздействия подпочвенных социальных процессов. Если индивидуально рассмотреть политические биографии тех элементов, которые в предоктябрьский, октябрьский и послеоктябрьский периоды стояли на втором, третьем и десятом плане, а теперь выдвинулись на первый, то нетрудно доказать, что по всем основным вопросам, поскольку они оказывались предоставленными самим себе, они в большинстве своем, включая и Сталина, тяготели к оппортунизму. Не надо отождествлять историческую линию партии с политической линией той части ее кадров, которая поднялась вверх на волне общественно-политической реакции последнего пятилетия. Историческая линия партии осуществлялась в жестокой борьбе внутренних тенденций, в постоянном преодолении внутренних противоречий. В этой борьбе руководящие ныне элементы никогда не играли ведущей роли, а чаще всего отстаивали и выражали вчерашний день партии. Именно поэтому в решающий октябрьский период они оказались растерянными и не играли никакой самостоятельной роли. Мало того: по крайней мере половина нынешних руководителей, именуемых "старой гвардией", была в октябре по ту сторону баррикады; большая половина их занимала перед тем в империалистской войне патриотическую или жиденькую пацифистскую позицию. Думать, что эти элементы могли представить самостоятельную силу сопротивления реакционным

тенденциям мирового масштаба, совершенно неосновательно, как показала вся история последнего периода. Недаром же среди них так легко ассимилируются Мартыновы, Ларины⁷⁶, Рафесы, Лядовы, Петровские, Керженцевы⁷⁷, Гусевы⁷⁸, Кржижановские и пр., и пр., и пр. Именно этот слой, по признанию Устрялова, является наиболее пригодным для того, чтобы постепенно довести потрясенную страну до вождя порядка. Обращаясь к отдаленному опыту смутного времени (конец 16 -- начало 17-го столетия), Устрялов ссылается на Ключевского⁷⁹, который говорит, что "московское государство выходило из страшной смуты без героев: его выводили из беды добрые, но посредственные люди" (Ключевский, изд. 1923 г., т. III, с. 75). Насчет "доброты" нынешних кандидатов в спасители от смуты ("перманентная революция") можно усомниться. Но в остальном устряловская ссылка на Ключевского не лишена меткости и бьет далеко. В конце концов "мастер" при всех своих комбинаторских качествах и незаурядном вероломстве является лишь наиболее выдающимся личным воплощением безличного аппарата. Его победы -- это победы общественно-политической реакции. Он помогал им двояко: слепотой по отношению к глубоким историческим процессам и неумолимым закулисным комбинаторством, направление которого подсказывалось ему перегруппировкой классовых сил против пролетариата.

Безнадежная борьба бюрократического централизма за "монолитность" аппарата, т. е. по существу за единоличие, ведет, под напором классовых сил, к новым и новым трещинам. Так как все это совершается не в безвоздушных сферах, то классы цепляются за трещины в аппарате, раздвигают их и наполняют бюрократические группировки социальным содержанием. Борьба сталинской группы в Политбюро против тройки и борьба центристов против правых стала преломлением натиска классов и может перерасти (на известном этапе должна перерасти) в открытую классовую борьбу. В этом "перерастании" централизму, во всяком случае, несдобровать.

4. Что такое централизм?

Вопрос о социальной базе группировок ВКП совершенно законно волнует сейчас умы всех товарищей, которые размышляют и учатся, т. е. прежде всего большевиков-ленинцев. К этому вопросу нужно, однако, подходить не механически и схематически, с предвзятым намерением точно отвести каждой фракции определенный формальный участок. Нужно помнить, что мы имеем перед собою переходные формы, переломные, незавершенные процессы.

Основным социальным резервуаром идей международного оппортунизма, т. е. классового соглашательства, является мелкая буржуазия как широкий бесформенный класс, вернее, наслоение многочисленных подклассов, оставшихся от докапиталистического производства и вновь порождаемых этим последним и связывающих рядом социальных ступеней пролетариат с капиталистической буржуазией. В период подъема буржуазного общества этот класс был носителем идей буржуазной демократии. Сейчас эта эпоха осталась позади не только для передовых капиталистических стран Запада, но и для Китая, Индии и пр. Полный

упадок мелкой буржуазии, утрата ею самостоятельного экономического значения отняли у нее навсегда возможность выделять самостоятельное политическое представительство, которое могло бы руководить революционным движением трудящихся масс. В такую эпоху мелкая буржуазия мечется между самыми крайними полюсами современной идеологии: фашизмом и коммунизмом. Именно ее колебания придают политике империалистской эпохи характер маятниковой кривой.

Соглашательство в рабочем движении имеет более устойчивый характер именно потому, что непосредственным носителем своим оно имеет не "самостоятельные" партии мелкой буржуазии, а рабочую бюрократию, которая через рабочую аристократию уходит корнями в рабочий класс. Мелкобуржуазные по своему происхождению и источникам своего питания, идеи соглашательства исторически переключились через посредство рабочей бюрократии от старого носителя к новому, перекрасившись в социалистические тона, и получили новую живучесть на новой классовой основе при разложении и гниении старых демократических партий.

Сама рабочая бюрократия по условиям своего существования ближе стоит к буржуазии, чиновничеству, либеральным профессиям и пр., чем к пролетариату. Но она представляет все же специфический продукт массового рабочего движения, из его рядов рекрутируется. В сыром виде соглашательские тенденции и настроения вырабатываются всей мелкой буржуазией; но их переключение -- их трансформация, их приспособление к особенностям и потребностям, прежде всего к слабостям рабочего класса, есть специфическая миссия рабочей бюрократии. Оппортунизм есть ее идеология, которую она, пользуясь могущественным напором буржуазных идей и учреждений, эксплуатируя слабость и незрелость рабочих масс, прививает и навязывает пролетариату. К каким формам оппортунизма -- к открытому соглашательству, центризму или комбинации обоих -- прибегает рабочая бюрократия, это зависит от политических традиций страны, от состояния классовых отношений в данный момент, от наступательной силы коммунизма и пр.

Как и между партиями буржуазии, борьба, в зависимости от обстоятельств, может принимать самый непримиримый и даже кровавый характер, оставаясь в обоих лагерях борьбой за интересы собственности. Так борьба между открытым соглашательством и центризмом может в известные моменты принимать крайне резкий, даже ожесточенный характер, оставаясь все же борьбой в рамках мелкобуржуазных тенденций, по-разному приспособляемых рабочей бюрократией для сохранения своего руководящего положения в рабочем классе.

До 4 августа 1914 года германская социал-демократия имела по существу центристский характер. Правые были в оппозиции к руководству, как и левое радикальное, не вполне, впрочем, оформленное крыло. Испытание войною привело к тому, что центризм сразу оказался непригоден для руководства партией. Рулем без сопротивления овладели правые. Центризм ожил лишь позже, как оппозиция. Таково положение во Втором80 и в Амстердамском интернационалах и сейчас. Основной силой международной рабочей бюрократии является ее устойчиво соглашательское крыло; центризм же является только

вспомогательной пружиной в ее механике. Исключения в отдельных партиях, как австрийской, имеют по существу мнимый характер и только подтверждают правило. Нужно прибавить, что со времени войны правые вместе с центристами стали гораздо ближе к буржуазному государству, чем самые правые пытались стать до войны (особенно в Германии). Отсюда очистилось место для более радикального, менее скомпрометированного, более "левого" центризма, чем так называемая левая социал-демократия. Политика послевоенного левого центризма и выступает в очень значительных размерах под знаменем коммунизма (в Германии, Чехословакии, Англии и пр.). Большие исторические испытания неизбежно обнаружат это и могут обнаружить катастрофически.

Как же обстоит дело в условиях рабочего государства, которое немислимо, разумеется, без рабочей бюрократии, притом более многочисленной, более разветвленной, неизмеримо более могущественной, чем рабочая бюрократия капиталистических стран? Как обстоит дело с линией руководства ВКП, которое за последние годы сдвинулось с класса на аппарат, т. е. на бюрократию?

Легче и проще всего проверить политику ЦК ВКП на международной арене, ибо там особенности положения правящей партии в стране пролетарской диктатуры отпадают, новизна обстановки не маскирует классовых тенденций и о политической линии можно судить на основании прочно установленных марксистских критериев. В Китае политика ЦК была не центристской, а меньшевистской, скорее право-меньшевистской, т. е. ближе к меньшевизму 1917 г., чем 1905 г. (прямое подчинение руководству буржуазии плюс прямое торможение революционного наступления масс). В Англии политика ЦК в решающий период борьбы имела право-центристский характер (поддержка оппортунистов и предателей плюс половинчатая критика их у себя дома). В Германии, Чехословакии, Франции и пр. политика имела скорее левоцентристский характер, воспроизводя в новых условиях политику довоенной социал-демократии. В Польше в период переворота Пилсудского линия руководства проходила где-то между английским и китайским образцами, т. е. между правым центризмом и прямым меньшевизмом. В общем можно сказать, что центризм руководства ВКП тем решительнее сдвигался на меньшевистские рельсы, чем революционнее была обстановка, чем большей политической дальновзоркости и смелости она требовала. Левизной же центризму удавалось щеголять только в условиях политической обыденщины. Этим дается высшая и безапелляционная международная проверка всей линии послеленинского руководства.

Сейчас, однако, накопилось более чем достаточно внутреннего опыта, чтобы на основе его распознать и разоблачить центризм, даже не прибегая к международному критерию.

Чудовищно разросшаяся у нас рабочая бюрократия выработала за последние годы совершенно новый теоретический подход ко всем основным вопросам и прежде всего к собственной своей самооценке. Смысл этого подхода состоит в том, что, так как у нас диктатура пролетариата, то пролетарский характер всех социальных процессов тем самым застрахован уже заранее и навсегда. Раз у нас рабочее государство, учил беспримерный Молотов, то как же его еще

приближать к рабочим? Раз у нас диктатура пролетариата, то у нас и кулак пролетарский, имманентно растающий в социализм. Раз у нас социалистическая революция, то каким образом нам может угрожать опасность термидора, т. е. буржуазной реставрации? Раз у нас советская власть, то непрерывный рост социализма обеспечен, независимо от того, улучшается или ухудшается положение рабочих в данный период. Наконец, раз у нас ленинская партия, то каким образом может ошибиться "ленинский" ЦК, и не осуждена ли заранее всякая критика его на роль правого или левого "уклона", в зависимости от того, критикуется ли секретариат справа или слева? Материалистическая диалектика в оценке движущих сил пролетарской диктатуры подменена по всем статьям имманентным идеализмом, который стал специфической философией партийно-советской бюрократии в ее борьбе за устойчивость и несменяемость собственных позиций, за полноту власти, за независимость от контроля рабочих масс. Фетишизм самодовлеющего аппарата и его кадров, которые можно снять не решением партии, а "только гражданской войной" (Сталин) -- таков стержень имманентной философии, освящающей практику узурпаторства и пролагающей пути подлинному бонапартизму.

Радикальное изменение основных социальных оценок свидетельствует о новой социальной роли рабочей и вообще советской бюрократии по отношению к пролетариату, как и к другим классам. Независимость от пролетариата идет параллельно с возрастающей зависимостью от буржуазии. Фетишизация рабочего государства, как оно есть, есть маскировка этой зависимости. Здесь все закономерно. С железной последовательностью вытекает отсюда органическое тяготение нашей бюрократии к мелкобуржуазным верхам и вождям, к "солидным" профбюрократам и пр[очему] во всем мире (Китай, Англия, Польша, курс Томского, Кагановича и др[угих] на Амстердам и т. д. и т. п.). Этого органически создающегося международного сродства рабочей бюрократии не отменяют и не устраняют самые ультралевые зигзаги центризма.

Разумеется, на Западе рабочая бюрократия развертывает свою деятельность на основах капиталистической собственности. У нас рабочая бюрократия выросла на основах диктатуры пролетариата. Но из этого коренного противоречия социальных основ, как свидетельствуют и теория и опыт, вовсе не вытекает имманентная, т. е. внутренне обеспеченная противоположность рабочей бюрократии у нас и в капиталистических странах. Новая социальная база, сама по себе взятая, тем более незрелая и не обладающая какой-либо абсолютной устойчивостью, ни в каком случае не боится нового характера надстройки, перерождение которой может, наоборот, стать важным фактором перерождения самой базы. В этих коренных вопросах бухаринская схоластика (да-да, нет-нет, что сверх, то от лукавого), является только прикрытием процессов социального перерождения. И якобинцы считали себя имманентной противоположностью монархии и монархического цезаризма. Однако же Наполеон вербовал впоследствии своих лучших министров, префектов и сыщиков из среды старых якобинцев, к которым он, впрочем, и сам в молодости примыкал.

Социально-историческое происхождение нашей бюрократии, не боясь ее,

как сказано, от перерождения, придает, однако, путям и формам этого процесса чрезвычайное своеобразие, обеспечивая на данной стадии явный и бесспорный перевес центристских элементов над правыми и придавая самому центризму совсем особый чрезвычайно сложный характер, отражающий разные этапы сползания, разные настроения и разные приемы мысли. Оттого речи и статьи руководящих центристов напоминают сплошь да рядом написанную сразу на трех языках рукопись буквами русского, латинского и арабского алфавитов. Этим, надо думать, объясняется ужасающая, не только теоретическая, но и литературная безграмотность большинства центристских писаний. Достаточно почитать нынешнюю "Правду". Получив благодать от секретариата, апостолы центризма начинают сразу говорить на неведомых языках. Это, конечно, свидетельствует о силе благодати. Но понять их почти невозможно.

Могут возразить: если руководящее течение ВКП есть центризм, то как объяснить нынешний резкий поворот его против левой социал-демократии, которая ведь тоже есть не что иное, как центризм? Это довод несерьезный. Ведь и наши правые, которые, по признанию самих центристов, идут по пути восстановления капитализма, тоже объявляют себя непримиримыми врагами социал-демократии. Оппортунизм, если этого требуют обстоятельства, всегда готов поправлять свою репутацию крикливым радикализмом для чужих стран. Разумеется, этот экспортный радикализм носит в значительной мере словесный характер.

Но отнюдь не словесный только характер носит враждебность наших центристов и правых к европейской социал-демократии. Нельзя забывать всей международной обстановки и прежде всего величайшего объективного противоречия между капиталистическими странами и рабочим государством. Международная социал-демократия поддерживает существующий капиталистический режим. Наш внутренний оппортунизм, выросший на основах диктатуры пролетариата, только эволюционирует в сторону капиталистических отношений. Несмотря на элементы двоевластия в стране и тенденции термидорианства в ВКП, антагонизм между Советским Союзом и буржуазным миром остается капитальной фактом, который отрицать или игнорировать могут только "левые" сектанты, анархисты и анархистствующие. Международная социал-демократия всей своей политикой обречена поддерживать замыслы своей буржуазии против СССР. Это одно создает основу реальной, а не только словесной враждебности, несмотря на сближение политических линий.

Центризм есть официальная линия аппарата. Носителем центризма является партийный чиновник. Чиновничество же не есть класс. Оно служит классам. Какую же классовую линию представляет центризм? Поднимающиеся собственники находят свое, хоть и трусливое пока, выражение в правой фракции.

Пролетарская линия представлена оппозицией. Что же остается на долю центризма? Методом вычитания получается... середняк. И действительно центризм вылупился у нас из большевизма, держась за идею середняка. Ленинский лозунг союза правящего пролетариата с середняцким крестьянством подменен был фетишем середняка, как высшим критерием пролетарской политики.

Центристы и сейчас не могут оставить в покое И.Н.Смирнова, который осенью 1927 г. развил ту целиком правильную мысль, что союз пролетариата с середнячеством предполагает готовность партии пойти, в случае нужды, и на временную размолвку с середняком, чтобы отстоять правильную пролетарскую политику и таким образом подготовить условия более прочного и более длительного союза с середняком в дальнейшем. Ибо такой союз возможен не на основе какой-то классовой равнодействующей, а только на основе пролетарской линии. Частные уступки середнячеству могут иметь лишь подсобный характер. Попытка поиска классовой равнодействующей приводит только к тому, что эта равнодействующая все больше отклоняется к кулачеству, к буржуазии вообще. Среднячество не может иметь ни самостоятельной линии, ни самостоятельной партии. "Самостоятельная" крестьянская партия есть всегда на самом деле кулацко-буржуазная партия. Наш центризм, теоретически скудный, с короткой памятью, этого совсем не понял. Оттого свою межумочную сущность он обобщил в реакционно-карикатурной идее "двухсоставной рабоче-крестьянской партии" (Сталин). На деле двухсоставная партия означает Гоминьдан, т. е. политическое закабаление рабочих и крестьян буржуазией. Сталинская идея рабоче-крестьянской партии есть главная вдохновляющая идея правого крыла. В широких бюрократических кругах, в частности на Украине, было немало разговоров за последнее время о том, что у партии есть еще один резерв: от пролетарской диктатуры вернуться к формуле 1905 года, т. е. к демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Партия, включающая в свой состав правое крыло, стала, по существу, двухсоставной партией. Отступление же на позиции диктатуры пролетариата и крестьянства может означать только реставрацию капитализма и ничего более.

Поскольку середнячество было выдвинуто как верховный критерий против стратегической пролетарской линии, постольку правые вполне основательно из самостоятельного принципа середняцкой политики сделали кулацкие выводы. Никаких других путей для середняка, поскольку он противопоставляет себя пролетариату, кроме кулацких, нет и быть не может. Центристы в течение нескольких лет прятали от этих выводов свою голову в статистический мусор, специально для них заготовлявшийся Яковлевыми и Ко81. Но кулак вылез из-под мусора в хлебозаготовках. Ныне центристы качаются между 107-й статьей и повышением хлебных цен. Наряду с этим они по-прежнему выдвигают голую идею середнячества как основной принцип, который противопоставляет их оппозиции. Этим они только показывают, что у них нет ни социальной опоры, ни самостоятельной классовой политики.

Линия центризма есть линия зигзагов бюрократии между пролетариатом и буржуазией при неизбежно возрастающем недовольстве обоих классов. Межумочная политика центризма медленно, но верно подготавливает его ликвидацию, которая возможна в двух направлениях, т. е. с выходом на пролетарский или на буржуазный путь.

5. Что такое правое крыло?

С правым крылом дело обстоит проще и яснее.

Термидорианское течение в стране в широком смысле есть собственническое течение в противовес пролетарскому социализму. Это самое его общее и вместе с тем основное определение. Движущей силой его является мелкая буржуазия, но какая? Ее наиболее эксплуататорская часть, та, которая прет вверх, которая переходит или стремится перейти в среднюю, которая союзника своего видит в крупной буржуазии, в мировом капитале. Центральной фигурой этой термидорианской армии является кулак как "прирожденный" носитель настроений и тенденций бонапартистской контрреволюции.

Внутри правящего аппарата и внутри правящей партии союзником и полусоюзником бонапартистски настроенного собственника является "дозревший" чиновник, желающий жить в мире со всеми классами. У него для этого есть социальные причины: он кровно или духовно породнился с новым собственником, да и сам "оброс"; он не хочет потрясений; он с бешеной ненавистью относится к перспективе "перманентной" революции; для него сверх головы достаточно той революции, которая, слава богу, осталась позади и позволяет ему пожинать плоды. Национал-социализм -- это его доктрина. Такой устоявшийся чиновник есть, как сказано, союзник бонапартистского кулака. Но между

ними существует и различие, для данного этапа очень серьезное. Кулак весьма непрочь бы тряхнуть всей ненавидимой им системой, через посредство армии или путем вооруженных восстаний. Бюрократ, растущее благополучие которого связано с советской механикой, против открыто-бонапартистского, за "эволюционный", замаскировано термидорианский путь. Из истории мы знаем, что термидор был только ступенью к бонапартистскому перевороту. Но ведь этого тогда не понимали. Активные термидорианцы искренне назвали бы гнусной клеветой всякий намек на то, что они только прокладывают путь военно-буржуазному узурпаторству.

В этом переходном взаимоотношении двух частей термидорианства -- причина слабости правого крыла партии. Чтобы принять бой, ему нужно было бы открыто мобилизовать все собственнические элементы и

инстинкты страны. В борьбе с оппозицией это делалось сплошь, но там это прикрывалось блоком центристов с правыми и фирмой партии. Могучий собственнический хвост, поощряемый руководством, напирал за последние годы со всех сторон на партию, помогая терроризировать ее рабочее ядро и громить ее левый фланг. Политическая обстановка, однако, круто меняется с момента открытой, хотя бы и половинчатой, борьбы между центристами и правыми. От имени партии говорит ее центристский аппарат. Этого прикрытия в борьбе с центристами правые лишены. Продолжать анонимно опираться на собственников они уже не могут. Теперь нужно открыто и гласно пересесть на нового коня.

В нижних звеньях правой фракции различие между партийцем-аппаратчиком и кулаком не представляет почти никаких затруднений для объединенного

действия. Но чем выше, чем ближе к промышленным районам, политическим центрам, тем больше у правых препятствий -- и живых, в виде недовольства рабочих, и отмирающих, в виде традиций. Для того, чтобы пересечь открыто на собственнического коня против официальной партии, нынешние правые вожди еще не "созрели". Загнанные аппаратным натиском в тупик, правые аппаратчики подают прошения об отставке или, как Угланов, трогательно просят, чтоб их не "калечили".

"Незрелостью" термидорианского крыла партии, отсутствием политической связи между ним и его собственническими резервами и объясняется легкость нынешней победы центристов над правыми. Вместо военных действий получается аппаратный парад -- и только.

Есть и другая причина этой "легкости". Но она коренится уже во взаимоотношениях между центристским аппаратом и пролетарским ядром партии. Против левого крыла партию натаскивали свыше пяти лет, терроризируя ее давлением буржуазных классов. В результате к исходу шестого года борьбы приходится снова призывать к усиленному наступлению на так называемые "осколки". В противоположность этому, против правых пролетарское ядро готово бороться не за страх, а за совесть. И хотя нынешняя кампания имеет насквозь бюрократический характер, при полном подавлении инициативы масс; хотя заранее выставлены "линейные" с красными флажками, указывающими, в каких границах должен разворачиваться центристский парад; хотя масса не подготовлена, дезориентирована и ошарашена, особенно в провинции -- тем не менее пролетарское ядро партии в этой борьбе несомненно поддерживает центристский аппарат, если не активно, то пассивно, и уж во всяком случае не помогает правым.

Таковы основные причины легкости победы центристов над правыми -- внутри партии. Но эти же причины объясняют всю ограниченность и поверхностность этой победы. Чтобы лучше это понять, посмотрим ближе, о чем идет спор.

6. В чем разногласия центристов с правыми?

Пролетарский революционер не может быть эмпириком, т. е. руководствоваться только тем, что у него сегодня под носом. Поэтому борьба с правыми имеет для нас значение не только и не столько под углом зрения непосредственных вопросов бюджета, ассигнований на коллективизацию в 1929 г. и пр., вокруг которых как будто она вращается (хотя и здесь дело ограничивается намеками и общими фразами), но прежде всего с точки зрения тех новых идей, которые она вносит в сознание партии.

Каков же идейный багаж центристской

борьбы с правыми?

А. Опасность термидора

Прежде всего мы остановимся на вопросе о том, в чем же суть правой опасности. В качестве руководства в этом, как и в других вопросах, возьмем основой -- увы, крайне худосочный -- документ всей кампании: речь Сталина на пленуме МК и МКК 19 октября. Перечислив разногласия с правыми -- об этом речь ниже -- Сталин заключает:

"Несомненно, что победа правого уклона в нашей партии развязала бы силу капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране".

В этом случае, как и во всех других, когда он поворачивается против правых, Сталин пороха не выдумывает, а пользуется готовым оружием оппозиционного арсенала, обламывая только, по возможности, его марксистское острие. В самом деле, если принять сталинскую характеристику правых всерьез, то они окажутся внутривластьным узлом термидорианской реакции. Опасность контрреволюции есть не что иное, как опасность "восстановления капитализма в нашей стране". Термидорианская опасность означает замаскированную форму контрреволюции, совершающуюся на первом своем этапе через посредство правого фланга правящей партии: в 18 веке -- якобинцев, ныне -- большевиков. Поскольку Сталин заявляет, перелагая сказанное оппозицией, что "победа правого уклона... подняла бы шансы на восстановление капитализма", постольку Сталин не говорит ничего иного, кроме того, что правое крыло является выражением термидорианской опасности внутри нашей партии.

Но послушаем, что он, на расстоянии нескольких строк, говорит о левом крыле, об оппозиции. Опасность с ее стороны состоит, видите ли, в том, что она "не видит возможности построения социализма силами нашей страны, впадает в отчаяние и вынуждена утешать себя болтовней о термидорианстве в нашей партии".

Этот пример центристской конфузии можно бы назвать классическим, если бы конфузия могла иметь своих классиков. В самом деле: если речи о термидорианстве в нашей партии являются болтовней, то чего же стоит сталинское заявление, что победа правого крыла ВКП пролагала бы дорогу восстановлению капитализма? В чем же, если не в этом, может состоять термидорианство в социалистической революции? И до какой же степени нужно запутаться, чтобы обвинять правое крыло партии в содействии реставрации капитализма и тут же называть "болтовней" речи о термидорианстве в партии. Вот где подлинная болтовня, притом специфически центристская. Ибо коренная черта центризма состоит в механическом сочетании противоречий вместо их диалектического преодоления. Центризм всегда объединяет в своей нищенской суме "разумные", "приемлемые" элементы правого и левого крыла, т. е. оппортунизма и марксизма, нейтрализуя их друг другом и тем сводя свое собственное идейное содержание к нулю. Мы знаем от Маркса, что мешанское мышление, даже самое радикальное, всегда состоит из "с одной стороны" и "с другой стороны".

Вся вообще характеристика оппозиции в сталинской речи имеет характер совершенно скандальной беспомощности. В самом деле, опасность левого уклона

состоит в том, что он "переоценивает силы наших врагов, силу капитализма, видит только возможность восстановления капитализма, но не видит возможности построения социализма силами нашей страны, впадает в отчаяние и вынужден утешать себя болтовней о термидорианстве в нашей партии".

Пойми, кто хочет. Оппозиция "впадает в отчаяние", потому что видит только "возможность восстановления капитализма" (т. е. опасность термидора); но она "утешает себя (?) термидорианством в нашей партии", т. е. все той же опасностью восстановления капитализма. Пойми, кто хочет. Если от чего и можно было бы "впасть в отчаяние", так это от безыдейной центристской мазни. Но оппозиция надеется справиться и с этой коростой -- задолго до построения полного социалистического общества в нашей стране.

Б. Примиренчество

Борьба против правых ведется анонимно, и в смысле лиц, и в смысле дел. Кроме Мандельштамов все голосуют единогласно против правых, да и Мандельштамы, вероятно, уже голосуют со всеми. Естественно, если партийцы-низовики спрашивают, где же эти правые. На это Сталин отвечает им:

"Неправы те товарищи, которые при обсуждении проблемы о правом уклоне заостряют вопрос о лицах, представляющих правый уклон... Это неправильная постановка вопроса... Дело тут не в лицах, а в тех условиях, той обстановке, которые порождают правую опасность в партии. Можно отвести лиц, но это еще не значит, что мы тем самым подорвали корни правой опасности в нашей партии".

Это рассуждение есть законченная философия примиренчества и наиболее яркое и торжественное отречение от основной ленинской традиции в области идейной борьбы и воспитания партии. Отсылка от лиц, представляющих правый уклон, к условиям, порождающим его, есть типично примиренческий довод. В этом была основная и действительная ошибка старого "троцкизма", противопоставлявшая его ленинским методам. Конечно, существуют "объективные условия", порождающие кулаков и подкулачников, меньшевиков и оппортунистов. Но из этого вовсе не вытекает, что наличие в большевистской партии оппортунистов, меньшевиков, подкулачников и кулаков представляет второстепенный вопрос. "Дело тут не в лицах, а в условиях". Замечательное откровение. Старый троцкизм никогда так вульгарно и пошло не формулировал теорию примиренчества. Нынешняя сталинская философия есть карикатура на старый троцкизм, тем более злая, что бессознательная. Ленин неизменно учил партию ненавидеть и презирать декларативные методы борьбы с оппортунизмом "вообще", без ясного и точного поименования его наиболее ответственных представителей и их дел. Ибо декларативная борьба чаще всего служит тому, чтобы разрядить атмосферу, отвести накопившееся недовольство масс против сползания вправо и еще слегка припугнуть правых, чтобы не слишком зарывались и прятали хвост. Такая борьба против правых может в конечном счете оказаться ограждением и прикрытием правых, только более сложными и обходными путями. Центризму правые необходимы -- не в Ишиме, Барнауле или Астрахани, а в

Москве, как основной резерв, но такие правые, которые не вырываются из-под команды, прирученные, терпеливые правые.

В. Социализм в отдельной стране

Теоретическим увенчанием правой политики является теория социализма в отдельной стране, т. е. национал-социализма. Эту теорию центристы сохраняют целиком, поддерживая ее гнилые устои новыми подпорками. Даже покорнейшие делегаты Шестого конгресса [Коминтерна] жаловались в кулуарах: "Ах, зачем нас заставляют проглотить в программе сей плод". Спорить снова по существу национал-социалистической философии здесь нет надобности. Подождем, как ответят ее творцы на критику программы. Отвечать им все же придется. Замолчать не удастся.

Ограничимся тем, что отметим новую подпорку, которую Сталин пытался воздвигнуть на московском пленуме 19 октября. Выступая поочередно против оппортунистов и марксистов -- "с одной стороны" и "с другой стороны" -- Сталин доказывает, что мы можем "добиться окончательной победы над капитализмом, если поведем усиленную работу по электрификации страны... Из этого вытекает (??) возможность победы социализма в нашей стране".

В речи имеется, конечно, ссылка на Ленина, фальшивая и на этот раз. Да, Ленин возлагал огромные надежды на электрификацию как на путь к техническому обобществлению хозяйства вообще, сельского в особенности. Без электрификации, говорил он, "ни о каком действительном социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи" (том XVIII, ч. 1, с. 260). Но Ленин не отделял вопроса об электрификации от вопроса международной революции и тем более не противопоставлял их. Это можно документально доказать и на сей раз, как во всех вообще случаях, когда злополучные творцы национал-социалистической теории пытаются опереться на Ленина. В своем предисловии к книге покойного Скворцова "Электрификация РСФСР"

Ленин говорит: "Особо отметить надо начало шестой главы, где автор... превосходно опровергает ходячий "легонький" скептицизм насчет электрификации..."⁸²

Что же говорится у Скворцова-Степанова в начале шестой главы, которую Ленин особо выделяет и так горячо рекомендует читателям? Скворцов борется там как раз против представления, будто мы собираемся вершить электрификацию и строить социалистическое общество в национальных границах. Вот что он говорит:

"В ходячих представлениях об осуществимости электрификации обычно упускается из виду еще одна сторона: пролетариат России никогда не думал создавать изолированное социалистическое государство. Самодовлеющее "социалистическое" государство -- мелкобуржуазный идеал. (Слушайте, слушайте! -- Л. Т.) Известное приближение к нему мыслимо при экономическом и политическом преобладании мелкой буржуазии; в обособлении от внешнего мира

она ищет способа для закрепления своих экономических форм, которые новой техникой и новой экономикой превращены в самые неустойчивые формы".

Яснее выразиться, по-видимому, нельзя. Правда, после смерти Ленина Скворцов-Степанов высказывался иначе и мелкобуржуазностью стал называть не идею изолированного социалистического государства, а отрицание этой идеи. Но ведь и Сталин прошел тот же путь: до конца 1924 года он одну из основ ленинизма видел в признании невозможности построить социализм в отдельной стране, тем более отсталой; а после 1924 года он построение социализма в нашей стране провозгласил основой ленинизма.

"Успешное социалистическое строительство, -- говорит Скворцов-Степанов в той же главе, -- возможно лишь при использовании громадных ресурсов западно-европейской промышленности... Если бы в одной из первоклассных промышленных стран, в Англии или в Германии, пролетариат захватил политическую власть в свои руки, сочетание мощных промышленных ресурсов этой страны с громадными, непочатыми естественными сокровищами России дало бы возможность быстро двинуть вперед социалистическое строительство в обеих странах".

Это та самая элементарная марксистская мысль, которая за последние три года на всех соборах объявлялась основной ересью троцкизма. Как же, в таком случае, Скворцов-Степанов оценивал социалистическое строительство в нашей стране до победы пролетариата в передовых странах? Вот что у него говорится на этот счет:

"Конечно, если хозяйственная территория, охватываемая пролетарской диктатурой, достаточно обширна и представляет большое разнообразие и богатство природных условий, ее обособленность не исключает возможности развития производительных сил, являющегося экономической предпосылкой пролетарского социализма. Но продвижение к нему будет до отчаяния медленным, и социализм будет долго оставаться до крайности худосочным социализмом, если только не произойдет срыв его политических предпосылок, в особенности вероятный в такой обстановке" (гл. 6, с. 176-179).

Таким образом, Скворцов считал, что без европейской революции строительство социализма будет неизбежно иметь "до отчаяния медленный" и "худосочный" характер, а потому считал "в особенности вероятным" в таких условиях срыв политических предпосылок социалистического строительства, т. е. попросту крушение диктатуры пролетариата, независимо от военной интервенции. Вот каким малoverом выступал Скворцов-Степанов в шестой главе своей книги об электрификации. Между тем именно по поводу этой будто бы скептической оценки нашего строительства Ленин писал:

"Особо отметить надо начало шестой главы, где автор дает прекрасное изложение значения новой экономической политики (т. е. нашего "социалистического строительства" -- Л. Т.), а затем превосходно опровергает ходячий "легонький" скептицизм насчет электрификации..."

Не везет злосчастному детищу самобытной центристской мысли. Каждая попытка дополнительного аргумента неизменно обращается против него. Каждая

новая подпорка только расшатывает постройку, воздвигнутую из гнилого материала.

Важной чертой правого крыла, как свидетельствуют статьи и резолюции, изготавливаемые по одному штампу, является стремление к мирному житию и страх перед потрясениями. Это правильно указано, т. е. списано с документов оппозиции. Но ведь на этом именно основана утробная ненависть к идее перманентной революции. Речь идет, конечно, не о старых разногласиях, могущих интересовать сейчас лишь историков и специалистов, а о перспективах завтрашнего дня. Есть только два курса: либо курс на международную революцию, либо курс на примирение со внутренней буржуазией. На проработках "перманентной революции" окрепло правое крыло. Под прикрытием теории национального социализма оно идет к примирению со внутренней буржуазией, чтобы обеспечить себя от потрясений.

Поскольку кампания против правых ведется под знаком теории социализма в отдельной стране, постольку мы имеем дело с борьбой внутри ревизионизма. Этого нельзя забывать ни на минуту.

Г. Актуальные практические вопросы

Если перейти к актуальным вопросам политики, то баланс центристов сведется почти столь же благополучно.

а) Правые против "нынешнего" темпа индустриализации. Но что такое "нынешний" темп? Он есть арифметический результат хвостизма, нажима рынка и оппозиционного кнута. Он накапливает противоречия, а не разрешает их. Никакой продуманной идеи он в себе не заключает. Никаких гарантий насчет будущего не дает. Завтра может оказаться другой "нынешний" темп. Кликушество насчет "сверхиндустриализации" означает открытые ворота для отступления.

б) Правые "отрицают целесообразность ассигновок на колхозы и совхозы". А центристы? Каковы их планы, их размах? Коли взяться за дело по-революционному, надо начать с батрачества и бедноты. Нужны смелые и решительные меры (зарплата, организованность, культура), чтобы батрачество почувствовало себя частью правящего класса страны. Нужен союз бедноты. Только при наличии этих двух рычагов и при действительно ведущей роли промышленности можно серьезно говорить о колхозах и совхозах.

в) Правые "за смягчение монополии внешней торговли". Это обвинение несколько более конкретно (еще вчера указание на наличие таких тенденций в партии называлось клеветой). Но и здесь опять-таки не указано, кто предлагает смягчение и в каких пределах: в тех ли, в каких пытались "смягчить" монополию Сокольников со Сталиным в 1922 г., или в более широких?⁸³

г) Наконец, правые "отрицают целесообразность борьбы с бюрократизмом на базе самокритики". Об этом разногласии вообще серьезно говорить не приходится. Существует прямое постановление сталинской фракции о том, что в целях сохранения "твердого руководства" самокритика не смеет касаться ЦК, а должна ограничиваться исполнителями. В чуть-чуть замаскированной форме

Сталин и Молотов разъясняли это постановление в речах и статьях. Ясно, что оно сводит партийную самокритику на нет. По существу, мы имеем тут монархически-бонапартистский принцип, бьющий по лицу все традиции партии. Естественно, если "исполнители" тоже не прочь себя застраховать частицей верховной неприкосновенности. Здесь разногласие иерархическое, а не принципиальное.

Нынешнее расширение "самокритики" преследует, помимо всего прочего, временные фракционные цели. Мы имеем здесь повторение, только в более широком масштабе, той "самокритики", которую сталинская фракция организовала в Ленинграде после Четырнадцатого съезда, когда сталинцы "беспощадно" обвиняли зиновьевцев в бюрократическом зажиме. Какой режим установили в Ленинграде сталинцы после победы, разъяснять не требуется⁸⁴.

Д. Вопрос о зарплате

Но центристская характеристика правого крыла более всего замечательна тем, о чем она умалчивает. Мы слышим о недооценке капитальных вложений, коллективизации и "самокритики". Но ни единого слова о материальном, культурно-бытовом и политическом положении пролетариата в стране. В этой области, оказывается, между центристами и правыми разногласий нет. Между тем, правильная оценка фракционных разногласий может получиться лишь в том случае, если подойти к ним под углом зрения интересов и потребностей пролетариата как класса и каждого рабочего в отдельности. (См. вторую главу платформы большевиков-ленинцев "Положение рабочего класса и профсоюзы").

Статьи и резолюции против правых широковещательно, но неопределенно говорят о капитальных вложениях в промышленность, но ни слова не говорят о заработной плате. Между тем, этот вопрос должен стать основным мерилом успехов социалистического развития, а, следовательно, и критерием разногласий. Социалистический подъем не есть социалистический подъем, если он не улучшает непрерывно, явно и ощутимо материально-бытовое положение рабочего класса. Пролетариат есть основная производительная сила социалистического строительства. Из всех вложений "капитальнейшими" являются вложения в пролетариат. Рассматривать повышение зарплаты как премию за повышение интенсивности труда значит руководствоваться методами и критериями периода первоначального капиталистического накопления. Уже прогрессивные капиталисты в период расцвета капитализма и их идеологии (ныне школа Brentano)⁸⁵ выдвигали требование улучшения материального положения рабочих как предпосылку повышения производительности труда. По крайней мере эту точку зрения прогрессивного капитализма рабочее государство должно обобщить и обобществить, поскольку бедность страны и национальная ограниченность нашей революции не позволяют и долго не позволят еще руководствоваться подлинно социалистическим критерием. Этот последний говорит, что суббота для человека, что производство имеет своей задачей удовлетворение потребностей. До такого подлинно социалистического взаимоотношения между производством и потреблением мы дойдем лишь в течение

долгого ряда лет, при условии победы революции в передовых капиталистических странах и включения нашей страны в общую с ними хозяйственную систему. Но обобществив капиталистические средства производства, мы должны по крайней мере обобществить в отношении зарплаты тенденции прогрессивного,

а не первоначального и не упадочного капитализма. А для этого нужно обратить в прах и разметать по ветру те тенденции, которые проникают [в] последнее постановление ВЦСПС и ВСНХ относительно зарплаты на 1929 год. Это есть постановление сталинского Политбюро. Оно гласит, что, за некоторыми исключениями, измеряемыми в сумме тридцатью пятью миллионами рублей, в 1929 году не должно быть механического (замечательное словечко) повышения зарплаты. Бесчисленные газетные статьи разъясняют, что задача на 1929 год состоит в борьбе за нынешний реальный уровень заработной платы. Одновременно трещотки трещат о бурном социалистическом росте. Притом товары направляются в деревню. Растет безработица. Ассигнования на охрану труда ничтожны. Алкоголизм прогрессирует. А в перспективе ближайший год борьбы за сохранение нынешней оплаты труда. Это значит, что экономический подъем страны совершается за счет уменьшения доли пролетариата в национальном продукте по сравнению с другими классами. Никакая статистика не опрокинет этого факта, который является в одинаковой степени результатом политики правых и центра.

Восстановительный период означал работу по старым, проторенным капитализмом путям. Основным кадрам пролетариата восстановительный период едва принес восстановление довоенной зарплаты. В восстановительной работе мы использовали готовый опыт опрокинутого нами русского капитализма. Только сейчас по существу открывается эпоха самостоятельного социалистического развития. Первые шаги на новом пути уже достаточно ясно доказали, что тут для успеха требуются совсем новые масштабы инициативы, замысла, предвиденья, творческой воли, притом не только со стороны руководящих верхов, но и со стороны основных пролетарских кадров и трудящихся масс вообще. Шахтинское дело вопиет не только о бюрократизме и бездарности руководства, но и о низком культурно-техническом уровне и недостаточной социалистической заинтересованности шахтинских рабочих. Подсчитал ли кто-нибудь, во что обошлось шахтинское "социалистическое строительство"? Этого не сделали ни правые, ни центристы, чтобы не обжечь себе пальцев. Между тем, можно смело сказать, что, если бы половина, даже треть преступно загубленных миллионов своевременно направлена была на поднятие материального и культурного уровня шахтинских рабочих, на повышение их социалистической заинтересованности в деле, производство стояло бы сейчас на значительно большей высоте. Но шахтинское дело совсем не исключение. Оно только наиболее вопиющее выражение тех порядков, которые отражают бюрократическую безответственность наверху, материально-культурную отсталость и пассивность -- внизу. Если мы всерьез говорим о самостоятельном социалистическом строительстве, исходя из унаследованного нами жалкого экономического базиса, то нужно прежде всего и насквозь проникнуться той мыслью, что из всех хозяйственных вложений самыми

бесспорными, целесообразными и рентабельными являются вложения в рабочий класс путем систематического, своевременного повышения реальной заработной платы.

Понимания этого нет и в помине. Короткомыслие мелкобуржуазного хозяйчика является основным критерием. Если под кнутом оппозиции центристские мастера с грехом пополам поняли через 10 лет после Октября, что без своевременных вкладов в тяжелую промышленность мы подготовляем обострение противоречий в дальнейшем и подрываем основы легкой промышленности, то эти горе-мастера, вместе со всеми своими подмастерьями, до сих пор не поняли, что без своевременных вложений в дело всесторонней общественно-политической, технической, бытовой квалификации рабочей силы они наверняка готовят крушение всей общественной системы.

Штампованный ответ: где взять средства -- есть просто бюрократическая уловка. Достаточно сопоставить почти восьмимиллиардный госбюджет на 1929 г., тринадцатимиллиардную валовую продукцию госпромышленности, более чем полуторамиллиардные капитальные вложения и -- жалкие 35 миллионов как годовой фонд повышения заработной платы. Что за кирпич и железо надо платить, как и за их перевозку, этого не оспаривают. Необходимость калькуляции издержек производства по крайней мере в принципе учтена. Но издержки расширенного воспроизводства и повышения квалификации социалистической рабочей силы остаются во всех расчетах тем последним резервом, на спине которого сводятся концы с концами всех противоречий нашего хозяйства, из рук вон плохо руководимого.

Не центристам положить этому конец.

7. Возможные последствия борьбы

Когда речь идет о последствиях нынешней кампании против правых, то можно и должно подходить к вопросу, во-первых, со стороны целей и планов, которые преследует руководящая центристская головка, и, во-вторых, -- со стороны объективных результатов, которые могут или должны развернуться вопреки и наперекор всем планам центристского штаба.

Главным припевом всей кампании служит совершенно тупоумное утверждение, что правое крыло и левое -- "в сущности" одно и то же. Это не просто галиматья, которую не только нельзя обосновать, но невозможно даже членораздельно формулировать; нет, это строго целевая галиматья, преследующая очень определенную задачу: на известном этапе кампании, когда правые будут достаточно напуганы, круто повернуть весь огонь против левого крыла. Правда, огонь этот и без того не прекращается ни на минуту. За кулисами анонимной борьбы против правых ведется совершенно разнузданная кампания против левых. Здесь мастера отнюдь не ссылаются на "объективные условия", а ведут бешеную травлю против лиц с давно созревшей решимостью не останавливаться ни перед чем. Так как осколки не только живут, но и поднимают голову, то основная задача, господствующая над всей политикой центристского штаба, состоит в том, чтобы борьбу против левого крыла

перевести в новую, более "высокую" стадию, т. е. окончательно отказавшись от попыток убеждения как явно несостоятельных, заменить их более сильно действующими средствами. На смену 58-й статье должна прийти другая, более действительная. Нет надобности разьяснять, что именно на этом пути исторически обреченное центристское руководство сломит себе голову. Но у центристских банкротов, вооруженных аппаратом власти, нет другого пути. Для более решительных методов расправы центристскому руководству нужно разделаться с остатками "примиренчества" в самом аппарате и вокруг него. Речь идет не о примиренчестве по отношению к правому крылу -- ибо такое примиренчество составляет душу сталинского централизма, -- а о примиренчестве по отношению к большевикам-ленинцам. Кампания против правых есть только разбег для нового, "монолитного" натиска на левых. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Но планы централизма входят только одним из факторов, хотя и очень еще значительным, в процесс развития внутрипартийной борьбы. Необходимо поэтому посмотреть, каковы "непредусмотренные" центристскими стратегами последствия, которые вытекают из кризиса правящего блока.

Сейчас, разумеется, невозможно предсказать, на какой точке остановится нынешняя кампания центра против правых, какие непосредственные перегруппировки она вызовет и пр. Но общий характер результатов кризиса право-центристского блока совершенно ясен. Крутые зигзаги, к которым оказывается вынужден центризм, сами по себе не дают никакой гарантии относительно его завтрашнего дня. Но, с другой стороны, они никогда не проходят для него безнаказанно. Чаще всего они становятся исходным моментом дифференциации внутри централизма, отслоения от него известной части его сторонников, возникновения в самом центристском руководстве разных группировок, что, в свою очередь, облегчает работу большевистской агитации и вербовки. Центризм сейчас -- главная сила в партии. Кто берет центризм как нечто раз навсегда законченное, игнорируя реальные процессы, в нем и за ним происходящие, тот либо навсегда останется радикальным оратором маленького кружка, либо сам скатится к центризму и даже правее его. Большевик-ленинец должен ясно понять, что, если даже право-центристский кризис непосредственно и не приведет в движение более широкие массы -- а это до некоторой степени зависит и от нас, -- кризис этот оставит после себя серьезные трещины, которые пойдут в толщу масс и вокруг которых завяжутся новые, более глубокие и массовые группировки. Незачем пояснять, что этот подход ко внутренним процессам в партии не имеет ничего общего с нетерпеливым стремлением как-нибудь и где-нибудь ухватиться за хвостик централизма, чтобы, упаси боже, не опоздать со своим оппозиционным багажиком к отходу ближайшего экстренного поезда.

Укрепление централизма слева, т. е. со стороны пролетарского ядра партии, если бы даже оно в результате борьбы против правых наблюдалось, вряд ли будет сколько-нибудь серьезным и длительным. В борьбе с ленинской оппозицией центристы вынуждены выпалывать правой рукой то, что засевают левой. Никаких

реальных и осязаемых изменений в отношении материального отношения пролетариата или партийного режима победа центристов не внесет, по крайней мере, без крепкого нажима рабочих, руководимых большевиками-ленинцами. Встревоженная масса будет по-своему додумывать вопросы правой опасности. Ленинцы помогут в этом массе. На левом боку у центризма -- открытая рана, которая будет не заживать, а, наоборот, углубляться, трепля центризм лихорадкой и не давая ему покоя. Вопреки всем законам естествознания, "осколки" будут давать все более обширное потомство.

Одновременно центризм ослабеет и справа. Собственник и бюрократ рассматривали центристски-правый блок как одно целое, видели в нем не только "меньшее зло", но и зародыш дальнейшего развития, и в этом качестве поддерживали его. Теперь собственник и бюрократ научаются различать центристов и правых. Правыми они, конечно, недовольны за их дряблость и бесхарактерность. Но это свои, которые сдрейфили. Центристы для него теперь чужие, почти враги. Своей победой на два фронта центризм оголяется. Его социальная основа сужается в той же мере, в какой разбухает его аппаратное могущество. Равновесие центризма все более приближается к равновесию канатного плясуна: об устойчивости его не может быть и речи.

В среде правого крыла тоже пойдет серьезная перегруппировка. Не исключено, что известная часть правых элементов, принимавших "троцкизм" всерьез и на борьбе с ним воспитанных, начнет, под действием нынешнего толчка, серьезно пересматривать свой багаж и круто повернет влево, вплоть до оппозиции. Но, разумеется, по такому пути может пойти лишь очень небольшое идейное меньшинство. Основное движение правого крыла пойдет в противоположном направлении. Низы будут недовольны капитулянтством верхов. Собственник будет нажимать. Устряловцы будут нашептывать на ухо готовые формулы. Многочисленные канцелярские элементы правых, конечно, смиряются, т. е. прикинутся центристами, будут равняться по начальству и голосовать в партийный день против правого уклона. Число карьеристов и шкурников в аппарате возрастет. Но более почвенные и кряжистые элементы правого крыла станут быстро дозревать, додумывать до конца свои задачи, формулировать ясные лозунги, искать более серьезных связей с внепартийными силами термидора. Что касается группы "вождей", то тут предвиденье наиболее затруднительно. Во всяком случае, для предстоящей правым работы Ворошиловы и Углановы куда важнее Бухариных и Рыковых. Под этими именами мы имеем в виду не столько определенных лиц, сколько политические типы. В результате перегруппировки "разгромленное" правое крыло станет сознательнее и сильнее.

Верно, что правые хотят покоя. Но не нужно, однако, думать, что правое крыло насквозь и безусловно "пацифично". В борьбе за порядок ожесточенный мелкий буржуа способен произвести великий беспорядок. Пример: итальянский фашизм⁸⁶. В борьбе против кризисов, потрясений и опасностей правое крыло может на одном из дальнейших этапов помочь новым собственникам и всем вообще недовольным тряхнуть советской властью так, чтоб вытряхнуть из нее диктатуру пролетариата. Надо помнить, что долго сдерживаемые и

подавляемые собственнические инстинкты мелкого буржуа заключают в себе огромную взрывчатую силу. Никогда и нигде консервативно-собственнические инстинкты и потребности не подавлялись еще так долго и так жестоко, как при советском режиме. Термидориански-фашистских элементов в стране очень много. Они очень окрепли. Их политическое самочувствие росло в процессе разгрома оппозиции. Борьбу с нею они считают совершенно правильно своей борьбой. Политика зигзагов их укрепляет, тормозит и дразнит. В противоположность центризму, у правого крыла есть большие, растущие и политически еще почти непотчатые резервы. Общий результат, следовательно, таков: усиление и оформление флангов, при ослаблении центра, несмотря на прогрессирующее сосредоточение в его руках всей власти. Это означает возрастающую дифференциацию партии, т. е. жестокую расплату за фальшивую монолитность. Что с этим связаны не только большие накладные расходы, но и прямые опасности в условиях диктатуры пролетариата, на этот счет сомнений быть не может. Но таково проклятие централизма. Последовательная марксистская политика сплачивала большевистскую партию, придавая ей революционную однородность. Центризм же явился тем идейно бесформенным стержнем, вокруг которого наматывались до поры до времени и правые и левые элементы. За последние пять лет партия безмерно разбухла, теряя в определенности то, что выигрывала в численности. Расплата за центристскую политику идет полным ходом: сперва -- с левого фланга, теперь -- с правого. Центристское руководство всегда означает, в последнем счете, дробление партии. Попытка выскочить сейчас из процессов дифференциации партии и оформления фракций при помощи примиренческих слезниц и закулисного сватовства была бы просто глупостью. Без генерального межевания по принципиальным линиям мы имели бы только молекулярное крошение партии, за которым последовало бы катастрофическое крушение узурпаторского аппарата и с ним вместе -- завоеваний Октября.

Несмотря на весь свой размах, обе кампании центристов против флангов -- против большевиков-ленинцев и против правых термидорианцев -- имеют предварительный, подготовительный, превентивный характер. Настоящие бои еще целиком впереди. Решать будут классы. Вопрос об октябрьской власти, которую играют сейчас на канате центристские плясуны, будет решаться миллионами и десятками миллионов. Раньше или позже, по частям или оптом, с открытым применением силы или в рамках восстановленной партийной и советской конституции -- это зависит от темпа внутренних процессов и изменений международной обстановки. Ясно одно: для большевиков-ленинцев нет другого пути, кроме мобилизации живых и жизнеспособных элементов своей партии, сплочения ее пролетарского ядра, мобилизации рабочего класса в целом, в неразрывной связи с борьбой за ленинскую линию Коминтерна. Нынешняя центристская кампания против правых означает для пролетарских революционеров необходимость и обязанность удесятить свои усилия на самостоятельной политической линии, выкованной всей историей большевизма и проверенной в величайших событиях последних лет.

[Конец октября 1928 г.]

Л. ТРОЦКИЙ.

О ФИЛОСОФСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ БЮРОКРАТИЗМА

Мы имеем сейчас у себя благодарные условия для рассмотрения вопроса о философских тенденциях бюрократизма. Разумеется, бюрократия никогда не была самостоятельным классом. В последнем счете, она всегда служила основным классам общества, но лишь в последнем счете и притом на свой лад, т. е. не давая по возможности себя в обиду. Если разные части и прослойки класса ведут нередко ожесточенную борьбу из-за своей доли в доходе и во власти, то тем более это касается бюрократии, которая представляет собою наиболее организованную и централизованную часть гражданского общества и в то же время возвышается над этим последним, даже и над тем классом, которому она служит.

И рабочая бюрократия не составляет изъятия из этого общего определения руководящей, управляющей и в то же самое время привилегированной общественной группировки. Приемы и навыки администрирования, составляющего общественную функцию бюрократии и источник ее преимущества, неизбежно налагают очень властный отпечаток на все ее мышление. Недаром же такие слова, как бюрократизм, формализм, характеризуют не только систему управления, но и определенный тип человеческого мышления. Черты этого типа далеко выходят за пределы канцелярии. Их можно проследить и в философии. Было бы в высшей степени благодарной задачей проследить эту бюрократическую струю в философии, начиная хотя бы с возникновения полицейской монархии, группировавшей вокруг себя интеллектуальные силы страны. Но это самостоятельная тема. Здесь нас интересует частный, но зато глубоко злободневный вопрос: о тенденциях бюрократического перерождения не только партии, профессиональных союзов и государства, но и теоретического мышления. Уже априорно можно сказать, что, поскольку бытие определяется знанием⁸⁷, бюрократизм должен делать опустошительные завоевания и в области теории.

Наиболее подходящей для бюрократии системой является теория факторов. Возникает она, разумеется, на более широкой основе -- общественного разделения труда и, в частности, отделения умственного труда от физического. Только на этих путях человек выходит из первобытного хаотического монизма. Но законченная система факторов, превращающая человеческое общество, а за ним и весь мир в продукт взаимодействия, так сказать, междуведомственных сношений, различных факторов или административных сил, из которых каждому поручена своя особая область ведения (или заведования) -- такая система могла быть возведена в перл создания только при наличии возвышающейся над обществом бюрократической иерархии с ее министерствами и департаментами.

Бюрократическая система, как свидетельствует опыт, всегда нуждается в персональном управлении. Первоначально бюрократия развивается под монархией, имея свою исторически унаследованную точку опоры -- сверху. Но и в республиканских странах бюрократизм не раз порождал или воспроизводил цезаризм, бонапартизм, личную диктатуру фашизма, как только соотношение основных факторов открывало для бюрократии возможность высшей силы и увенчания.

Теория самодовлеющих факторов в обществе, как и в природе, в конце концов, так же нуждается в единоличном увенчании, как и олигархия властных министров. Но если практически неотразим вопрос о том, кто же будет направлять и согласовывать деятельность более или менее безответственных министров бюрократии, если на деле не будет сверхминистра и сверхбюрократа, то теоретически такой же вопрос возникает по отношению к теории факторов в обществе, как и в природе. Кто же поставил эти факторы на их место и снабдил их необходимой компетенцией? Словом, если бюрократизм нуждается в царе и в диктаторе, хотя бы и плохоньком, то теоретический плюрализм факторов нуждается в боге, хотя бы и в самом легковесном. Французские роялисты не без остроумия обвиняют бюрократическую систему третьей республики⁸⁸ в том, что у нее "дыра наверху". Условия сложились так, что буржуазная Франция, управляемая бюрократией под прикрытием парламентаризма, вынуждена жить уже более полувека с "дырой наверху". То же самое наблюдается и в философии, особенно общественно-исторической. Она далеко не всегда находит у себя мужество заткнуть "верхнюю дыру" сверхфактором божества, предоставляя миру управляться методами просвещенной олигархии.

В сущности, теория факторов не обходится без божества, она только раздробляет его всемогущество между несколькими более или менее равноправными владыками: экономикой, политикой, правом, моралью, наукой, религией, эстетикой и пр. Каждый из этих факторов имеет своих субагентов, число которых увеличивается или уменьшается в зависимости от удобств административного управления, то бишь теоретического познания. Сила власти во всяком случае исходит сверху вниз, от факторов к фактам. В этом идеалистичность всей системы. Факторы, которые являются по сути дела ничем иным, как суммарным названием для группы однородных фактов, наделяются особой, имманентной, т. е. внутренне присущей им силой для управления подведомственными им фактами. Совершенно так же, как бюрократ, даже и республиканский, обладает необходимой благодатью, хотя бы и секуляризованной, для управления делами своего ведомства. Доведенная до конца теория факторов есть особая и очень распространенная разновидность имманентного идеализма. Дробление природы на факторы было той необходимой ступенью, по которой человеческое сознание поднималось из первобытного хаоса. Но вопрос о взаимодействии факторов, об их компетенции и об их происхождении только и ставит по-настоящему основные теоретические проблемы. Тут приходится либо подниматься вверх к акту творения и творцу, либо спускаться вниз к земной коре, продуктом которой является человек, к

природе, к материи. Материализм не просто отбрасывает факторы, как диалектика не отбрасывает логику. Материализм пользуется факторами как системой классификации явлений, которые, как бы ни была утонченна духовная их природа, исторически всегда исходят от производственных основ общества, а естественно-исторически -- от материальных основ природы.

Надо вернуться к средневековью, чтобы найти аналогичные примеры, т. е. зарождение целых идейных течений на основании ложно понятых или ошибочно переписанных нескольких строк текста. Так раскольники⁸⁹ давали себя сжигать за описки в евангелии.

В истории русской общественной мысли можно указать пример, когда группа передовой интеллигенции, ошибочно поняв слова Гегеля "все действительное разумно" в смысле "все существующее разумно", встала на архиконсервативную точку зрения. Но все эти примеры бледнеют -- одни за давностью времени, другие за немногочисленностью затронутых лиц -- по сравнению с тем фактом, когда организация, ведущая за собою миллионы, поворачивается аппаратным крапом под новым углом, обоснованием которого являются две ребячески ложно понятые цитаты.

Если бы, однако, дело определялось только описками и малограмотным чтением текста, следовало бы прийти в полное отчаяние насчет судьбы человечества. На самом же деле причины во всех перечисленных случаях глубже.

У раскольников были достаточно глубокие материальные основания для разрыва с официальной церковью и полицейским государством. У радикальной интеллигенции сороковых годов было слишком мало сил для борьбы с царизмом, и прежде, чем она решилась вооружиться бомбой -- это сделало только следующее поколение -- она попыталась примирить с существующим свою пробудившуюся политическую совесть, хотя бы при помощи непереваренного гегельянства.

Наконец, потребность в том, чтобы так или иначе разрезать пуповину, соединяющую Советскую республику с международной революцией, возникла из объективных условий развития, из международных поражений и из напора национально-собственнических тенденций внутри. Бюрократические теоретики подобрали цитаты так же, как попы всех церквей подбирают тексты применительно к обстоятельству. Если бюрократам пришлось по части текстов сфальшивить хуже всяких попов, то вина тут опять-таки на обстоятельствах.

Из навороченной таким путем кучи цитат наиболее натасканные из начетчиков выбирают затем каждый раз то, что нужно сегодня высокому заказчику для очередной критической статьи или антитроцкистского доклада. Высокий заказчик работает топором, чтоб подогнать габарит чужих мыслей к масштабам собственного черепа. Изуродованные цитаты он соединяет нечленораздельными афоризмами о несовместимости троцкизма и ленинизма. И новый труд готов для перевода на все языки мира. Как льва узнают по когтям, так "мастера" -- по орудиям литературного взлома⁹⁰.

Теперь спросим себя, что же означает фраза: "Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции"⁹¹? Если марксизм понимать в указанном выше единственно правильном смысле, то фраза эта

представляет собою совершенную бессмыслицу, поскольку бессмыслица может быть совершенной. Хотят ли нам сказать, что в эпоху империализма методология материалистической диалектики изменилась или получила новое теоретическое выражение? Не в трудах ли Бухарина? Что касается Ленина, то в своей основной философской работе он был бесконечно далек от мысли о создании новой диалектики для эпохи империализма.

У Сталина, правда, есть таинственная фраза о том, что "метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием... материалистической диалектики". Заманчивая темнота этого вещания, как часто бывает у оракулов, прикрывает не глубину мысли, а ее отсутствие. Что значит "конкретизация" диалектического метода? Было бы очень интересно услышать что-нибудь на эту тему. Что Ленин с большой глубиной отстаивал диалектику и, главное, с высоким мастерством применял ее, это не нуждается в подтверждении Сталина. Но утверждать, что Ленин сообщил самому методу материалистической диалектики "дальнейшее развитие", может лишь тот, кто не понимает, что такое метод, что такое материализм и что такое диалектика. Эта триада непонимания входит несомненно в инвентарь [сталинизма]:

"О значении теории. Иные думают, что ленинизм есть примат практики перед теорией в том смысле, что главное в нем -- претворение марксистских положений в дело, "исполнение" этих положений, что же касается теории, то на этот счет ленинизм довольно, будто бы, беззаботен" (И. Сталин. Вопросы ленинизма. 1928, с. 89).

Одна эта фраза есть сталинский микрокосм: она одинаково отображает его теоретическую глубину, его политическую остроту и его лояльность к противнику. "Иные думают". Речь идет обо мне, в тот период Сталин еще не решался назвать меня по имени -- редактора, журналисты, рецензенты, все это не было еще достаточно подобрано, за Сталиным не было еще обеспечено последнее, во многих случаях единственное, слово. Ему нужно подкинуть мне бессмыслицу, будто ленинизму свойственна беззаботность в отношении теории. Как он это делает? "Иные думают", что ленинизм есть только "претворение марксистских положений в дело", только "исполнение" их. Это сталинский перевод моих слов: "Ленинизм есть марксизм в действии". Значит, ленинизм беззаботен к марксизму. Но каким образом можно действительно претворять теорию, будучи беззаботным к теории? Отношение самого Сталина к теории не может быть названо беззаботностью только потому, что это -- деляческое безразличие. Но поэтому никому и не придет в голову сказать, что Сталин претворяет теорию в дело. Сталин претворяет в дело внушения партийной бюрократии, преломляющей подспудные классовые толчки. Ленинизм же есть марксизм в действии, т. е. теория во плоти и крови. Говорить поэтому о беззаботности к теории может лишь тот, кто захлебывается в собственном злопахательстве. Это у Сталина обычная вещь. Внешняя бюрократическая бесцветность его речей и статей так же мало прикрывает его задыхающуюся ненависть ко всему, что превосходит его уровень, как сталинская мысль, как скорпион, нередко ранит себя самое

ядовитым хвостом в голову. Возьмем одну из основных проблем марксизма, которой Ленин счел необходимым посвятить особую работу, -- проблему государства. По разным поводам Сталин повторяет, что "государство есть машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников" (Вопросы ленинизма, 1928, с. 108). Тем не менее, в двух исторических случаях несравненной важности Сталин показал, что содержание этой формулы для него тайна за семью печатями. В обоих случаях дело шло о революциях.

[Деятели] февральской революции стояли на точке зрения завершения демократической революции, а вовсе не подготовки социалистической. Те, которые вообще пытались после Октября критически оценить свое отношение к февральской революции, открыто признавались в том, что направлялись в одну дверь, а попали в другую.

Дело шло совсем не о том, что революция должна первым делом разрешить демократические задачи и что только на основе их разрешения она может перерасти в социалистическую. Никто из участников мартовского совещания 1917 г.⁹² и в мыслях не имел этого до приезда Ленина. Сталин тогда не только не ссылаясь на ленинскую статью 1915 года, но совершенно в духе Жордания⁹³ уговаривал не отпугивать буржуазию. Убеждение в том, что история не смеет перепрыгивать через ступень, которую ей предписывает филистерская указка, уже крепко сидело в его голове. Ступеней же этих было три: сперва доведенная до конца демократическая революция; затем период развития капиталистических производительных сил; наконец, период социалистической революции. Вторая ступень представлялась очень длительной и измерялась если не столетиями, как у Засулич⁹⁴, то многими десятилетиями. Допускалось, что победоносная пролетарская революция в Европе может сократить вторую ступень, однако этот факт привлекался в лучшем случае, как теоретически возможный. Вот эта шаблонная и почти сплошь господствующая теория Сталина делала позицию перманентной революции, соединяющую демократическую и социалистическую революцию в пределах одной ступени, совершенно неприемлемой, антимарксистской, чудовищной.

Между тем, в этом общем смысле идея перманентной революции была одной из капитальнейших идей Маркса-Энгельса. Манифест коммунистической партии был написан в 1847 году⁹⁵, т. е. за несколько месяцев до революции 1848 года, которая вошла в историю как незавершенная, половинчатая буржуазная революция. Германия была тогда очень отсталой страной, кругом опутанной феодально-крепостническими цепями. Тем не менее Маркс и Энгельс вовсе не строят перспективы трех этапов, а рассматривают предстоящую революцию как переходную, т. е. такую, которая, начавшись с осуществления буржуазно-демократической программы, внутренней механикой превратится или перерастет в социалистическую. Вот что говорит на этот счет Манифест коммунистической партии:⁹⁶

Мысль эта отнюдь не была случайной. В "Новой Рейнской газете" уже в самый разгар революции Маркс и Энгельс выдвигают программу перманентной

революции. Революция 1848 года не переросла в социалистическую. Но она не завершилась и как демократическая. Для понимания исторической динамики этот второй факт не менее важен, чем первый. 1848 год показал, что если условия еще не созрели для диктатуры пролетариата, то, с другой стороны, нет места и действительному завершению демократической революции. Первая и третья ступень оказались неразрывно связанными. В основном Манифест коммунистической партии был безусловно прав.

Игнорировал ли Маркс крестьянский вопрос и всю вообще задачу ликвидации феодального хлама? Нелепо даже ставить этот вопрос. Маркс не имел ничего общего с идеалистической метафизикой Лассаля, считавшего, что крестьянство вообще олицетворяет реакционные принципы. Конечно, Маркс не считал крестьянство социалистическим классом. Он оценивал историческую роль крестьянства диалектически. Об этом слишком ярко говорит не только марксова теория в целом, но и, в частности, политика "Новой Рейнской газеты" в 1848 году.

После победы контрреволюции Марксу пришлось в несколько приемов отодвигать срок наступления новой революции. Но признал ли Маркс свою ошибку, понял ли он, что нельзя перепрыгивать через ступени, и усвоил ли он, наконец, что этих ступеней будет равным счетом три? Нет, Маркс оказался неисправимым. Рисуя во время победоносной контрреволюции перспективу нового революционного подъема, Маркс снова связывает демократическую, прежде всего аграрную революцию, с диктатурой пролетариата узлом перманентности. Вот что пишет Маркс в 1852 (?) г.⁹⁷

Эти слова цитировались неоднократно, но, как показывают споры и писания последних лет, основной смысл этих слов остался совершенно непонятым. Подпереть диктатуру пролетариата крестьянской войной, это ведь значит, что аграрная революция совершается не до диктатуры пролетариата, а через эту диктатуру. Несмотря на урок 1848 года, Маркс вовсе не усвоил себе педантской философии трех ступеней, которая представляет увековечение плохо перевариваемого опыта Англии и Франции. Маркс считал, что ближайшая революция приведет пролетариат к власти прежде, чем демократическая революция будет доведена до конца. Победу крестьянской войны Маркс ставил в зависимость от прихода к власти пролетариата. Прочность диктатуры пролетариата он ставил в зависимость от ее возникновения и развития параллельно и одновременно с развитием крестьянской войны.

Правильна ли была эта марксова установка? Для ответа на этот вопрос мы сейчас имеем гораздо более богатый опыт, чем имел Маркс. Он опирался на опыт классических буржуазных революций, прежде всего французской, и делал свой прогноз перманентной революции, исходя из изменившегося взаимоотношения между буржуазией и пролетариатом. В своей "Крестьянской войне в Германии"⁹⁸ Энгельс показал, что крестьянской войной шестнадцатого столетия всегда руководила какая-либо из городских фракций, т. е. то или другое крыло буржуазии. Исходя из того, что буржуазия в целом уже неспособна к революционной роли, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что

руководство крестьянской войной должен будет перенять пролетариат, что отсюда он почерпнет новые силы и что диктатура пролетариата сможет в первой, наиболее трудной своей стадии опереться на крестьянскую войну, т. е. на демократическую аграрную революцию.

1848 год дал мне полное и лишь отрицательное подтверждение этому взгляду: аграрная революция не привела к победе, не получила полного развития и пролетариат не пришел к власти. После того мы имеем опыт русских революций 1905 и 1917 гг. и опыт китайской революции. Здесь концепция Маркса получила новое решающее и несокрушимое подтверждение: в русской революции -- положительное, в китайской -- отрицательное.

Диктатура пролетариата оказалась возможной в отсталой России именно потому, что ее подперла крестьянская война.

Другими словами, диктатура пролетариата оказалась возможной и устойчивой потому, что ни одна из фракций буржуазного общества не оказалась способной взять на себя руководство разрешением аграрного вопроса. Или еще короче и отчетливее: пролетарская диктатура оказалась возможной именно потому, что демократическая диктатура оказалась невозможной. Наоборот, в Китае, где проделан был опыт разрешения аграрного вопроса при помощи особой демократической диктатуры, подпертой авторитетом Коминтерна, ВКП и СССР, весь этот опыт привел только к разгрому революции. Таким образом, основная историческая схема Маркса подтвердилась полностью и целиком. Революции новой исторической эпохи либо соединяют первую ступень с третьей, либо откатываются от первой ступени назад. Кто даст себе труд прочитать или хотя бы перелистать две книги второго тома моих сочинений, тот пожмет только плечами по поводу утверждения, что Троцкий игнорировал аграрный вопрос или просто не замечал крестьянства. "Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь останется". Это единственная французская поговорка, которую знают нынешние "мастера". В области аграрного вопроса я целиком и полностью опирался на работу Ленина. Мне приходилось читать за границей не десятки, а сотни рефератов в разных странах, где я излагал ленинский анализ аграрного вопроса и в период "отрезков"⁹⁹, и в период национализации¹⁰⁰. Вопрос о сотрудничестве пролетариата с крестьянством никогда не составлял предмета спора. Оттенок разногласия касался не сотрудничества пролетариата с крестьянством, а политического выражения этого сотрудничества. Поскольку Радек и сейчас, в 1928 г., пытается отвлечься от политической механики сотрудничества пролетариата с крестьянством, он тем самым фактически снимает старые мои разногласия с Лениным, или, вернее, то, что до проверки событиями казалось разногласиями¹⁰¹.

Исходя из неизбежности революционного сотрудничества пролетариата с крестьянством, как из чего-то абсолютно бесспорного, я центр тяжести всегда переносил на политическую механику этого сотрудничества. Ограничусь здесь двумя -- тремя цитатами из доброй сотни, которая имеется у меня под рукой. В статье об Октябрьской стачке¹⁰² я писал:

"Политическая роль современного города так же мало измеряется голой

цифрой его обитателей, как и его экономическая роль. Отступление реакции пред стачкой города при молчании деревни -- лучшее доказательство диктатуры города. Октябрьские дни показали, что в революции гегемония принадлежит городам, в городах -- пролетариату. Но вместе с тем, они обнаружили политическую отрезанность сознательно революционного города от стихии возбужденной деревни. Октябрьские дни на практике поставили в колоссальном масштабе вопрос: на чьей стороне армия? Они показали, что от решения этого вопроса зависит судьба русской свободы" (Наша революция, с. 161).

Отсюда следовал тактический вывод: "Организовать деревню и связать ее с собою; тесно связаться с армией; вооружиться -- вот простые и большие выводы, продиктованные пролетариату октябрьской борьбой и октябрьской победой" (там же, с. 162).

"По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России, [-- писал Сталин -- .] У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь "на арене мировой революции пролетариата"" (Вопросы ленинизма, 1928, с. 176).

Противопоставление бессмысленно. Завоевать власть может только поддерживаемый крестьянством пролетариат данной страны. Но речь идет о дополнительных силах для отпора буржуазии других стран. И здесь Ленин говорит: у нашей революции нет никакого резерва, кроме социалистического пролетариата; без социалистического переворота на Западе -- реставрация неизбежна. Таким образом, даже и в 1905 г. невозможно найти и тени разногласия в этом вопросе у меня с Лениным. Сталин не знает Ленина и не понимает его. А ИККИ превращает сталинское непонимание в резолюции, со всеми ложными ссылками и искаженными цитатами, никогда не давая себе труда их проверить¹⁰³.

Почему же ИККИ для осуждения троцкизма в 1927 году понадобилась цитата (сама по себе безупречная) из книги Троцкого, вышедшей в 1906 г., когда большинство членов ИККИ еще в 1918 г. и позже были добрыми социал-демократами? Не похоже ли это на отсутствие политического достоинства и уважения к самим себе, когда Клара Цеткин, Шмераль, Ката-яма¹⁰⁴, Кашен, Тельман и прочие вменяют Троцкому в вину цитату из его книги 1905 г., которой никто из них, в довершение всего, никогда не читал?¹⁰⁵

Но ведь история не остановилась на 1905 г. Для Коминтерна важнее было бы выяснить, как смотрел Ленин на международное положение одинокой революционной страны в 1917 году и в дальнейшие годы после завоевания власти и в чем "троцкизм" отличался здесь -- если отличался -- от ленинизма.

В марте 1917 г. Сталин рассматривал взаимоотношение между империалистской буржуазией и революционным пролетариатом как разделение ролей. Борьбу пролетариата за власть он заменял "контролем" Советов над правительством капитала. По существу он представлял себе демократическую власть как "аппарат управления", в который можно врать, которым можно постепенно овладеть.

Чистый эмпирик Сталин каждый вопрос начинает с начала, т. е. с того

пункта, на котором этот вопрос сегодня предстал перед ним. Преемственности для него не существует. Вчерашний день он наглухо сдает в архив. Если он обращается к прошлому, то лишь как к свалке старого железа, в надежде найти готовую подходящую фразу, обрывок фразы, чтобы не рисковать созданием новой формулы, а прикрыться старой, независимо от того, для каких целей она создавалась. Свою кустарно оборудованную теорию он каждый раз переделывает заново. Точно так же он поступает и с историей партии. Истории в более широком смысле он почти никогда не касается. По каждому новому поводу он говорит о теориях, фактах и людях прямо противоположное тому, что говорил накануне. Его ум, его воображение, его память ограничены, как тот мешок, в котором странствующий кустарь переносит свои инструменты. Сталин есть законченный тип Ивана Непомнящего.

Но как же все-таки человек загнал себя в тупик такого вопиющего противоречия по основному вопросу марксизма на протяжении нескольких месяцев? Субъективные причины: эмпиризм, короткомыслие, органическое презрение к обобщению. Объективные причины: напор бюрократии и новых собственников против идей международной революции. Еще в апреле Сталин повторял по инерции старую формулу. Но Ленина уже не было. Кампания против "троцкизма", тщательно подготовлявшаяся во время болезни Ленина, была уже в полном ходу. Троцкизм -- это перманентные революционные потрясения. Надо было перерезать пуповину международной революции. Ленин уже в мавзолее. Ленинизм объявляется троцкизмом. Что значит далее фраза "Ленинизм есть примат практики перед теорией"? Фраза грамматически неверна. Надо бы сказать: "Примат практики над теорией или по отношению к теории". Но дело не в грамматике, которая вообще ведет очень скудную жизнь на страницах "Вопросов ленинизма". Нас интересует философское содержание фразы. Автор оспаривает мысль, будто ленинизм исходит из примата практики над теорией. Но ведь в этом же сущность материализма. Если уж применять антикварно-философское слово "примат", то придется сказать, что практика имеет такой же неоспоримый "примат" над теорией, как бытие над сознанием, как материя над духом -- как целое над частью. Ибо теория вырастает из практики, порождаясь ее потребностями и являясь ее более или менее несовершенным обобщением.

Не правы ли в таком случае эмпирики, которые руководствуются "непосредственно" практикой как высшей инстанцией? Не являются ли они наиболее последовательными материалистами? Нет, они являются карикатурой на материализм. Руководствоваться теорией значит руководствоваться обобщением всей предшествующей практики человечества для того, чтобы с наибольшим успехом справиться с той или другой практической задачей сегодняшнего дня. Таким образом, через теорию обнаруживается именно "примат" практики в целом над отдельными ее частями.

Исходя из "примата" экономики над политикой Бакунин¹⁰⁶ отвергал политическую борьбу. Он не понимал, что политика есть обобщенная экономика и что, следовательно, нельзя решать наиболее важные, т.

е. наиболее общие, экономические задачи, минуя их обобщение через политику.

Теперь мы имеем оценку философского тезиса "о значении теории в целом". Опрокидывая на голову подлинное взаимоотношение между практикой и теорией, отождествляя проведение теории в жизнь с игнорированием теории, подсовывая противнику с худшим намерением явно нелепую мысль, рассчитанную на худшие инстинкты малоосведомленного читателя -- этот насквозь противоречивый, сам себя пожирающий тезис находится еще, в довершение всего, в явном разладе с грамматикой. Вот в каком смысле мы назвали его микрокосмом.

Какое же определение ленинизма противопоставляется моему? Вот то определение, которое объединяет Сталина с Зиновьевым и Бухариным и вошло во все учебники: "Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности" (Вопросы ленинизма, с. 74).

Бессодержательность и в то же время противоречивость этого определения обнаружится сама собой, если только спросить себя, что такое марксизм? Назовем здесь еще раз основные его элементы.

Во-первых, диалектический метод. Маркс не был его создателем и никогда, разумеется, на это не претендовал. Энгельс видел заслугу Маркса в том, что он в период философского эпигонства и узкого эмпиризма в области положительных наук возродил диалектический метод и отстаивал его права. Маркс мог этого достигнуть, только освободив диалектику от идеалистического пленения. Загадка того, каким образом можно было столь "механически" отделить диалектику от идеализма, разрешается, в свою очередь, диалектикой познавательного процесса. Как, познав какую-нибудь силу природы или ее закономерность, первобытная религия или магия сейчас же включает эту силу или закономерность в область своего мнимого могущества, так и познающая мысль, отвлекая диалектику от материального процесса, приписала ее себе самой, наделив себя при этом гегелевской философией, абсолютным могуществом. Шаман подметил верование, что дождь падает из тучи. Но он ошибался, когда надеялся вызвать дождь, подражая в том или другом отношении тучам. Гегель ошибался, превращая диалектику в имманентное свойство абсолютной идеи. Но Гегель был прав, что диалектика господствует во всех процессах мироздания, включая и человеческое общество.

Опираясь на всю предшествовавшую материалистическую философию и на бессознательный материализм естественных наук, Маркс вывел диалектику из бесплодных пустынь идеализма и повернул ее лицом к материи, ее матери.

В этом смысле восстановленная Марксом в правах и им материализованная диалектика составляет основу марксистского миропонимания и основной метод марксистского исследования.

Во-вторых, второй по важности составной частью марксизма является исторический материализм, т. е. применение материалистической диалектики к вопросам строения человеческого общества и его исторического развития. Было бы неправильным растворять исторический материализм в диалектическом,

применением коего он является. Для применения диалектического материализма человеческой истории понадобился величайший творческий акт, познающий мысль, и акт этот открыл новую эпоху в самой истории человечества, классовую динамику которой он в себе отразил.

Можно с полным правом сказать, что дарвинизм¹⁰⁷ является гениальным, хотя философски и не продуманным до конца, применением материалистической диалектики к вопросу о развитии всего разнообразия органического мира. Исторический материализм стоит в том же ряду, что и дарвинизм, представляя применение материалистической диалектики к отдельной, хотя и гигантской части мироздания. Непосредственное практическое значение исторического материализма сейчас неизмеримо выше, поскольку он впервые дает возможность передовому классу сознательно подойти к судьбам человечества. Только полная практическая победа исторического материализма, т. е. установление технически и научно могущественного социалистического общества, откроет полную возможность для практического применения законов Дарвина к самому человеческому роду в целях смягчения и преодоления заложенных в человеке биологических противоречий.

Третьей составной частью марксизма является установление системы законов капиталистического хозяйства. "Капитал" Маркса¹⁰⁸ является применением исторического материализма к области человеческого хозяйства на определенном уровне его развития, как исторический материализм в целом является применением материалистической диалектики к области человеческой истории.

Русские субъективисты, т. е. эмпирики идеализма и его эпигоны, признавали вполне компетентность и правомочность марксизма в области капиталистического хозяйства, но отрицали его правильность для других сфер общественной жизни. Такое расчленение основано на грубом фетишизме самостоятельных и однородных исторических факторов (экономика, политика, право, наука, искусство, религия), создающих ткань истории путем своего сочетания друг с другом подобно тому, как химические тела создаются сочетанием самостоятельных и однородных элементов. Но, не говоря уж о том, что материалистическая диалектика восторжествовала и в химии над эмпирическим консерватизмом Менделеева¹⁰⁹, доказав взаимопревращаемость химических элементов -- исторические факторы не имеют ничего общего с элементами в смысле однородности и устойчивости. Капиталистическая экономика сегодняшнего дня опирается на технику, которая ассимилировала в себе продукты предшествующей научной мысли. Капиталистический товарооборот мыслим только в определенных нормах, которые в Европе установились путем применения римского права¹¹⁰ и его дальнейшей пригонки к потребностям буржуазного хозяйства. Историко-теоретическая экономика Маркса показывает, как развитие производительных сил на определенной, точно характеризованной ступени разрушает одни правовые формы другими, ломая при этом право, нравы и верования, и как применение новых, более высоких производительных сил создает для себя -- всегда через людей -- новые общественно-правовые,

политические и всякие иные нормы, в рамках которых оно обеспечивает себе необходимое ему динамическое равновесие. Таким образом, чистая экономика есть фикция. На всем протяжении марксова исследования с полной ясностью указаны приводные ремни, зубчатые сцепления и другие передаточные механизмы, ведущие от человеческих отношений вниз к производительным силам и к самой природе, к земной коре, продуктом которой человек является, и вверх, в сторону так называемых надстроечных аппаратов и идеологических форм, которые питались экономикой "хлеб все едят", предпочитали его с маслом -- и в то же время ассимилируются ею, создают для нее оформление, регулируют ее функции, ускоряют или замедляют ее рост.

Таким образом, только бездарный эклектизм может отделять марксистскую экономику от исторического материализма. Но было бы в то же время совершенно неправильным попросту растворять экономическую систему Маркса в его социологической или, говоря старым языком, историко-философской теории. В отношении исторического материализма Маркс и Энгельс установили основные элементы метода социального исследования и дали ряд высоко научных, хотя эпизодических по объему и чисто памфлетических по форме образцов своего нового метода в применении к отдельным, главным образом революционным, кризисным периодам истории (крестьянская война в Германии, 1848-[18]51 во Франции¹¹¹, Парижская коммуна и пр.). Все эти произведения являются гениальными иллюстрациями доктрины, а не ее законченным применением. Только в области хозяйственных отношений Маркс дал, хотя технически и не законченное, но теоретически наиболее завершенное применение своего социологического метода -- в одном из самых совершенных, вернее, самом совершенном продукте познающей мысли, в "Капитале".

Вот почему марксову экономику нельзя не выделять в качестве третьего элемента марксизма.

Сейчас нередко можно читать о марксистской психологии, марксистском естествознании и пр. Все это выражает гораздо больше пожелания, чем осуществления, подобно, например, речам насчет пролетарской культуры и пролетарской литературы. Чаще всего такие формулировки прикрывают ни на чем еще серьезно не основанные претензии. Было бы ни с чем не сообразным включать дарвинизм или менделеевскую периодическую систему элементов в область марксизма, несмотря на их внутреннюю связь. Можно не сомневаться, что сознательное применение материалистической диалектики в области естествознания при научном понимании воздействия классового общества на задачи, объекты и методы естественнонаучного исследования чрезвычайно обогатит естествознание, во многом перестроит его, откроет новые связи, отведет ему новое место в нашем миропонимании. Когда появятся такого рода новые труды, составляющие эпоху в науке, можно будет, может быть, говорить о марксистской биологии или психологии. Хотя, вернее всего, эта новая система будет носить и новое имя. Система марксизма вовсе не претендует на абсолютное значение, она сама отдает себе отчет в своем исторически переходящем значении. Одно лишь сознательное применение материалистической

диалектики ко всем научным областям подготавливает и подготовит элементы преодоления марксизма, которое будет диалектически, в то же время, его высшим торжеством. Из зерна поднимется стебель, а на нем разовьется колос ценою смерти семенного зерна.

| Марксизм сам по себе есть исторический продукт, таким его и надо брать. И этот исторический марксизм включает в себя три основных элемента: материалистическую диалектику, исторический материализм и теоретико-критическую систему капиталистического хозяйства. Эти три элемента мы имеем в виду, когда говорим о марксизме, по крайней мере, когда законно говорим о нем.

Остается третий элемент марксизма, именно, его экономическая система. Это единственная область, в которую историческое развитие после Маркса и Энгельса внесло не только новый фактический материал, но и некоторые качественно новые формы его. Мы имеем в виду новую ступень концентрации и централизации производства, обращение кредита, новые взаимоотношения между банками и промышленностью и новую роль финансового капитала и его монополистских организаций. [Нельзя] говорить по этому поводу, однако, об особом марксизме эпохи империализма. Единственное, что можно тут сказать, и притом с полным правом, это что "Капитал" Маркса нуждался в дополнительной главе или целом дополнительном томе, вводящем в общую систему новообразования империалистской эпохи. Не надо забывать, что значительную часть этой работы выполнил, например, Гильфердинг в своем "Финансовом капитале", написанном, к слову сказать, не без влияния того плодотворного толчка, который революция 1905 года дала марксистской мысли Запада. Никому, однако, не придет в голову включать "Финансовый капитал" в систему ленинизма, даже если удалить из работы Гильфердинга столь явственные в ней элементы псевдомарксизма, которые из географической вежливости называются австромарксизмом¹¹². Самому Ленину никогда, разумеется, не приходило в голову, что его превосходная брошюра об империализме¹¹³ представляет собою теоретическое выражение ленинизма как особого марксизма империалистской эпохи. Можно себе представить те сочные эпитеты, которыми Ленин наградил бы авторов такого рода определения.

Если мы не находим, таким образом, ни новой материалистической диалектики, ни нового исторического материализма, ни новой теории ценности "эпохи империализма и пролетарской революции", то какое же содержание надлежит вкладывать в сталинское определение ленинизма, которое канонизировано как официальное определение? Сама по себе канонизация этого смысла не раскрывает, ибо канонизация теоретических определений чаще всего необходима тогда, когда, по слову Фомы Аквинского¹¹⁴, приходится верить, ибо это абсурд.

Может быть, изменилась система исторического материализма? Где это изменение нашло свое выражение? Не в бухаринской ли эклектике, преподносимой под видом исторического материализма? Но, ревизуя Маркса, на деле Бухарин

даже не отваживается признаться открыто в покушении на создание новой историко-философской теории, адекватной эпохе империализма. В конце концов бухаринская схоластика адекватна только ее творцу. Лукач¹¹⁵ сделал более смелую принципиальную попытку преодолеть исторический материализм. Он сделал попытку объявить, что, начиная с октябрьского переворота, означающего энгельсовский скачок из царства необходимости в царство свободы, исторический материализм отжил свой век, перестав быть адекватным эпохе пролетарских революций. Но над этим по меньшей мере преждевременным открытием мы дружно смеялись вместе с Лениным. Это открытие было сделано достаточно рано, да еще при жизни Ленина, что дало ему возможность весело посмеяться, и нам вместе с ним.

Но если Сталин, Зиновьев и Бухарин не усвоили себе теории Лукача, от которой, вероятно, успел давно отказаться ее автор, то что же, собственно, они имеют в виду?

По существу дела, выделение под именем ленинизма особого марксизма империалистской эпохи понадобилось для ревизии марксизма, против которой Ленин действительно боролся всю свою жизнь. Поскольку центральной идеей новейшей ревизии является реакционная идея национал-социализма (теория построения социализма в отдельной стране), постольку необходимо было доказать или, по крайней мере, провозгласить, будто ленинизм, в противовес марксизму доимпериалистической эпохи, занял новую позицию в этом центральном вопросе марксистской теории и политики. Мы уже слышали, что Ленин будто бы открыл закон неравномерного развития, о котором во времена Маркса и Энгельса не могло быть и речи. Но это и есть тот самый абсурд, веры в который от нас требуют Фомы Аквинские наших дней. Остается только совершенно необъяснимый [факт, что Ленин] ни разу и нигде не отмежевался в этом центральном вопросе от Маркса и Энгельса и не противопоставил свой "марксизм империалистской эпохи" "марксизму просто". Между тем, Ленин знал Маркса несколько более солидно, чем его эпигоны. Ленин не выносил органически никакой недоговоренности и неясности в вопросах теории. Ему была свойственна та высшая честность теоретической совести, которая в отдельных своих проявлениях недостаточно вдумчивому человеку может показаться педантизмом. Свои текущие идейные счета с Марксом Ленин вел с той тщательностью, которая в одинаковой мере характеризовала и могущество его собственной мысли, и благодарную признательность ученика. И вот оказывается, что в центральном вопросе о международном характере социалистической революции Ленин совсем будто бы не заметил своего разрыва с доимпериалистическим марксизмом или, что еще хуже, заметил и держал про себя в секрете, очевидно, в надежде на то, что Сталин достаточно своевременно разъяснит эту тайну благодарному человечеству. Сталин так и сделал, создав в нескольких невразумительных строках марксизм эпохи империализма, который и стал ширмами той бесшабашной ревизии Маркса и Ленина, свидетелями которой мы являемся в течение последних шести лет.

Но, как мы видели уже из приведенной выше цитаты, у нашего теоретика

есть и другое определение ленинизма, которое он считает "точнее", именно: "Ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности". Однако это уточненное определение еще более компрометирует и без того безнадежное определение.

Если ленинизм есть "теория пролетарской революции вообще", то чем же является марксизм? Маркс и Энгельс впервые возвестили о себе полным голосом миру в "Манифесте коммунистической партии" в 1847 г.¹¹⁶ Что же иное представляет собою этот бессмертный документ, как не манифест "пролетарской революции вообще"? Можно с полным основанием сказать, что вся дальнейшая теоретическая деятельность великих друзей была комментарием к Манифесту. Катедер-марксисты¹¹⁷ пытались, под знаком "объективизма", отделить теоретический вклад Маркса в науку от его революционных выводов. Эпигоны Второго Интернационала пытались превратить Маркса в дюжинного эволюциониста. Ленин всю жизнь боролся с теми и другими за подлинный марксизм, т. е. "теорию пролетарской революции вообще; теорию диктатуры пролетариата в особенности". Что же в таком случае означает противопоставление марксизму теории ленинизма?

Без противопоставления немислимо выделение самостоятельной теории ленинизма: противопоставление есть основа всякой классификации. Мы уже сказали, что единственным серьезным оправданием такого противопоставления, -- оправданием, которое является по существу наиболее убийственным его осуждением -- является национал-социалистическая ревизия марксовой "теории пролетарской революции вообще, теории диктатуры пролетариата в особенности". Смелее всех высказывался об устарелости марксизма Сталин, по крайней мере в первые "медовые" месяцы новой теории, когда оппозиция еще не проткнула своей критической иглою этот надутый коровий пузырь.

Различие исторических призваний и индивидуального склада как нельзя лучше выражается в двух стилях. Известно, какую гигантскую печать наложил поистине олимпийский стиль Маркса на всю марксистскую литературу до наших дней. Выправляя дряблый стиль Бернштейна¹¹⁸, Энгельс внушал ему, что если не все мы можем писать стилем Маркса, то все мы должны стремиться приблизиться к нему. Превосходный стиль Энгельса, ясный, четкий, мужественный, жизнерадостный, находился под несомненным влиянием марксова стиля, будучи, однако, скупее и экономнее его. Незачем говорить, какое влияние стиль Маркса непосредственно через Энгельса оказал на Плеханова, который эти стилистические заимствования прививал к национальному стволу, к литературной традиции Белинского¹¹⁹, Добролюбова¹²⁰ и Чернышевского¹²¹ с ее расплывчатой повествовательностью. Из более молодых марксистов под определенным влиянием Маркса сложился стиль Парвуса и Розы Люксембург. Стиль Каутского есть скорее отсутствие стиля. И в силу обратной теоремы Бюффона¹²² это знаменует собой отсутствие личности. "Финансовый капитал" Гильфердинга тщится изо всех сил приблизиться по стилю к "Капиталу" Маркса. Но это не стиль, а имитация, хотя и очень умелая.

Замечательное дело, Ленин совершенно не испытал на своем стиле олимпийской руки Маркса. Помимо метода и системы, Ленин взял у Маркса терминологию и навсегда ее ввел в свой инвентарь. С первых и до последних дней Ленин отстаивал каждую частицу марксовской терминологии не из педантизма, а из глубокого понимания того, что за пестротой терминологии легче всего укрывается эклектика и всякая путаница вообще. Но, за вычетом терминологии, литературное развитие Ленина прошло к марксову стилю по касательной. Ленин любил и ценил насыщенный язык Маркса, но так же примерно, как он мог ценить язык Шекспира¹²³ или Гете, как прекрасный, но чужой язык. Язык Ленина простой, деловой и целеустремленный. Ленин озабочивает одно -- довести до читателя, притом до конкретного читателя, определенную сумму мыслей и их обоснования. Форма должна обеспечить наибольшую конкретность и наивысший нажим на мысль читателя. Самостоятельных задач формы для Ленина не существует. Даже и вопрос о последовательном развитии мысли -- наиболее трудный из вопросов литературного построения -- сравнительно мало озабочивает Ленина. Он очень легко нарушает единство изложения. Если ему чужды плехановские отступления, то Ленин не боится повторений, если считает их нужными для закрепления своих выводов.

Маркс выводил вслед¹²⁴ новую научную систему, новое мирозерцание. Здесь каждая страница книги должна была говорить сама за себя. Маркс стремится достигнуть не только наиболее совершенной конструкции целого, но и наилучшей взаимосвязи отдельных, даже мелких частей, наиболее совершенного построения фразы, наиболее точного определения, наиболее яркого эпитета. Маркс делает большие экскурсы в область художественных произведений, в историческую и мемуарную литературу, отовсюду извлекая что-нибудь, чтобы укрепить или украсить возводимое им здание, фундамент и стены которого выведены уже давно.

В корне отличны приемы ленинского письма. Когда мысль у него сложилась, форма у него всегда вырастает в кратчайший срок. Под формой надо понимать не только отделку фраз -- этого у Ленина почти нет совсем, -- но и структуру целого, и подбор аргументов. Если Маркс выводил в свет новую систему людей¹²⁵ для завоевания себе места под солнцем, то Ленин выводил в свет революционный пролетариат для завоевания власти.

В разнице их стилей сказалось поэтому различие их личностей, как и их исторических призваний.

Теоретические и даже большинство публицистических произведений Маркса живут сами по себе. Не только публицистические, но и все теоретические работы Ленина являются непосредственным комментарием в его революционной практике. Произведения Маркса требуют подготовки, но не комментария. Произведения Ленина, даже для политически подготовленного человека, требуют исторических комментариев. Биография Маркса в лучшем случае объясняет, каким путем он пришел к своим выводам, но ничего не прибавляет к его теории: ни к методу, ни к системе. Произведения Ленина потеряли бы девять десятых всего значения вне связи с его исторической работой. Не будет преувеличением

сказать, что научно-публицистическая работа Ленина только документирует его биографию, а биография Ленина есть история партии, Октябрьской революции и первых лет Коммунистического Интернационала. В этом каждый из них выражал свою эпоху и свою историческую миссию, которая далеко выходит за пределы биографии обоих.

Можно, конечно, попытаться отделить психологическую фигуру от ее эпохи. Можно сравнивать интеллектуальные особенности и качества Аристотеля¹²⁶ и Дарвина. Такой подход также имеет свое оправдание, но совсем в другой плоскости. Можно, исходя из этой индивидуально-психологической оценки, поставить такой вопрос: способен ли был Маркс в другой период, в наше время, взять на себя непосредственное руководство пролетарской революцией, и с другой стороны: смог ли бы Ленин создать теорию марксизма, если мысленно перенести его в соответственный период? Ответ на эти вопросы может быть дан лишь в виде очень неустойчивой индивидуально-психологической гипотезы, имеющей малую ценность с конкретной исторической точки зрения.

Маркс не имел возможности развернуться полностью в качестве революционного вождя в непосредственном смысле этого слова. Не случайно вся его энергия ушла на то, чтобы отвоевать для пролетариата необходимую арену к царству мыслей. Обеспечив за собой прежде всего философскую основу, Маркс совершил величайший переворот в исторической науке и в политической экономии. Можно сказать, что Маркс совершил Октябрьскую революцию в царстве мысли.

Ленин застал материалистическую диалектику как метод, всесторонне испытанный и проверенный творцом самого метода: Марксом. С первых же почти своих политических шагов Ленин выступил во всеоружии Марксова метода. Мысль его целиком направлялась на разрешение революционных проблем его эпохи. Причем круг этих проблем неизменно расширялся, захватив в последние годы его жизни всю нашу планету. Центральным делом ленинской жизни была Октябрьская революция -- не в царстве мыслей, а в бывшем царстве русских царей.

Бакунин считал, или по крайней мере говорил, что как практический революционер Маркс был слабее Лассаля. Это, конечно, вздор. Молодые руководители немецкого рабочего класса Бебель¹²⁷, Виктор Адлер¹²⁸, Бернштейн, Каутский, Лафарг¹²⁹ и многие другие получали от Маркса и Энгельса "практические" советы, сохранившие всю свою силу до сего дня. На этих советах политически формировался Ленин. С каким трудолюбием выискивал он у Маркса и Энгельса каждую отдельную фразу, которая могла бросить свет на новый практический вопрос. И с какой проникновенностью он вскрывал подспудный ход мыслей, приведший учителя к его замечанию, брошенному иногда вскользь.

С другой стороны, Ленин, занимаясь теорией с гениальным трудолюбием -- не кто иной, как Гете, сказал, что гений есть трудолюбие -- и это в известном смысле верно, -- Ленин никогда не занимался теорией как таковой. Это относится даже к общественным наукам, не говоря уж о том, что в его

наследстве нет бесчисленных тетрадей, посвященных химии, филологии или высшей математике. В области теории как таковой Ленин только показал, что он мог бы дать. Но дал он только небольшую частицу того, что способен был дать.

Шахматная "гениальность" имеет очень узкий диапазон и идет об руку с ограниченностью в других областях. Гениальный математик, как и гениальный музыкант, уже не может быть человеком ограниченных измерений в других областях. Не в меньшей степени, разумеется, это относится к "гениальным" поэтам. Подлинная гениальность в одной области предполагает под собою фундамент известного равновесия духовных сил. Иначе это будет одаренность, талантливость, но не гениальность. Но духовные силы отличаются пластичностью, гибкостью и ловкостью. Одна сила может трансформироваться в другую, как и все вообще силы природы. Надо ли напоминать, что у Гете было достаточно сил, чтобы стать великим естествоиспытателем.

Но в то же время и силы гения небеспредельны. А его душевное хозяйство гораздо больше тяготеет к концентрации сил, чем всякое другое. Вот почему так трудно давать категорические ответы на произвольно-психологический вопрос о том, чем был бы Маркс в условиях Ленина и что дал бы Ленин в условиях Маркса. Каждый из них воплощает предельную мощь человека. В этом отношении они "равноценны", как и в том еще, что оба служили одному и тому же делу. Но это разные человеческие типы. Концентрация их духовных сил шла по разным осям. Человечество от этого осталось только в выигрыше. Ибо двух Марксов не могло быть, как и двух Лениных. Но зато мы имеем одного Маркса и одного Ленина.

Сопоставляя однажды Ленина с Марксом, я сказал, что если Маркс вошел в историю как автор "Капитала", то Ленин -- как "автор" Октябрьской революции. Эта бесспорнейшая из всех мыслей не только была оспорена, но и заподозрена в намерении умалить (!) роль Ленина в октябрьском перевороте. "Как, -- восклицали критики в порыве штатного возмущения, -- Ленин только автор? Значит, выполнял революцию кто-то другой?" Сразу нельзя было понять, в чем соль негодования. Но затем пришло озарение: слишком многие из нынешних вершителей судеб выступают в качестве "авторов" статей и речей, которые на деле написаны другими¹³⁰.

Что такое диктатура пролетариата? Это известным образом организованное соотношение классов, которые, однако, не остаются неподвижными, а изменяются материально и духовно, изменяя тем самым свое соотношение, т. е. ослабляют или укрепляют диктатуру пролетариата. Это для марксиста. А для бюрократа диктатура есть некоторый самодовлеющий фактор или метафизическая категория, стоящая над реальными классовыми отношениями и в самой себе заключающая все необходимые гарантии. В довершение каждый отдельный бюрократ склонен рассматривать диктатуру как ангела-хранителя, стоящего за его креслом.

На метафизическом понимании диктатуры построены все рассуждения о том, что так как у нас диктатура пролетариата, то крестьянство не может дифференцироваться, кулак не может возрастать, а поскольку возрастает, то будет вращаться в социализм. Словом, из классового взаимоотношения диктатура

превращается в самодовлеющее начало, по отношению к которому хозяйственные явления являются только некоторой эманацией. Разумеется, ни один из бюрократов не доводит этой своей системы до конца: для этого они слишком эмпиричны и связаны вчерашним днем. Но именно в этом направлении движется их мысль, на этом пути надо искать теоретические источники их ошибок.

Марксизм шел через теорию факторов к историческому монизму. Процесс, который мы наблюдаем сейчас, имеет регрессивный характер, ибо означает движение от марксизма к метафизической олигархии факторов.

Попятные движения в формальных рамках марксизма бывали уже десятки раз. Под видом критики, обновления и дополнения на самом деле подносили до сих пор возврат к домарксовским теоретическим воззрениям, которые были сознательно и в боях преодолены марксизмом. Такого рода открытая ревизия имеет, однако, место далеко не всегда. Да и она должна быть подготовлена предварительными саперными работами, производимыми чаще всего под давлением эмпирических потребностей, а не теоретически осознанных целей.

Когда оказалось, что фашизм пошел на убыль, а социал-демократия -- вверх, вопреки всем прогнозам Политбюро и Коминтерна, зато в полном согласии с диалектикой классовых отношений, Сталин отступил на следующую линию своих теоретических окопов. "Неверно, -- поучал он меня, -- что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория (?!). Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма" (там же).

Марксистское положение о том, что и фашизм и социал-демократия являются в последнем счете политическими орудиями буржуазии, приспособленными для разных периодов в ее борьбе, Сталин превращает в вульгарное и ложное отождествление фашизма и социал-демократии, снимая тем самым вопрос об изменениях политической обстановки и о причинах ослабления германского фашизма и нового роста социал-демократии.

И так во всем. Любую статью или речь Сталина можно расчленить на ряд независимых друг от друга общих мест, расположенных в порядке случайной последовательности. Оттого Сталин так любит нумерацию перечислений. Почтенные арабские знаки должны закрепить отсутствие логической последовательности, которую можно обосновать только на анализе диалектических связей.

Когда, в противовес буржуазной публицистике и ее подголоскам в нашей печати, в том числе и Сталину, который назвал Англию "помощницей" Соединенных Штатов, я доказывал, начиная с 1921 и особенно с 1923 года, что международные отношения будут в ближайший период определяться не "англосаксонским сотрудничеством", а, наоборот, непрерывным ростом англо-американского антагонизма, Сталин, выждав, когда этот факт стал ясен для последнего буржуазного репортера, признал в конце 1924 г. "новое противоречие -- между Америкой и Англией", но тут же он глубокомысленно стал поучать меня, что это не означает ликвидации всех остальных противоречий.

"Несомненно, -- писал он, -- что Англия по-старому будет углублять антагонизм между Францией и Германией для того, чтобы обеспечить свое политическое преобладание на континенте. Несомненно, что Америка, в свою очередь, будет углублять антагонизм между Англией и Францией для того, чтобы обеспечить свою гегемонию на мировом рынке. Мы уже не говорим о глубочайшем антагонизме между Германией и Антантой" (Большевик, 1924, No 11).

Из марксистского положения об обострении империалистических противоречий Сталин сделал плоское общее место, попытавшись направить его против моего конкретного анализа. Ему чуждо понимание того, что все противоречия не могут обостряться одновременно, ибо одни неизбежно питаются за счет других. Так, обострение антагонизма с Америкой привело к смягчению противоречий между Англией и Францией. Но Сталин нумерует противоречия, вместо того чтобы рассматривать их в их гибкой материальной связи. Диалектика же есть прежде всего наука о связях.

Еще на Пятом конгрессе, т. е. в середине 1924 года, мировая роль Соединенных Штатов игнорировалась полностью. Уже совершенно бесспорно обнаружившаяся к тому времени тенденция всей политики американского капитала -- "посадить Европу на паек" -- объявлялась злостным измышлением троцкизма. В то время начавшееся при помощи Америки возрождение европейской экономической жизни начисто отрицалось. Сталин ковылял за своими переводчиками иностранных буржуазных газет, отчасти за Зиновьевым, и безнадежно путал по каждому вопросу, чтоб на другой день начать с начала. Из-под зиновьевской духовной гегемонии Сталин стал высвобождаться по мере того, как становилось невозможным игнорировать процессы стабилизации. Можно сказать, что Сталина укрепило укрепление европейского капитала. Теперь он начал свой международный анализ сначала. Сталин всегда начинает сначала, как если бы не было вчерашнего дня. Эмпиризм не умеет не только заглядывать вперед, но и оглядываться назад. Теперь Сталин писал:

"Основные страны-победительницы -- Англия и Америка -- возымели теперь такую силу, что получили материальную возможность не только у себя дома поставить дело капитала более или менее сносно, но и влить кровь во Францию, Германию и другие капиталистические страны... И эта сторона дела ведет к тому, что противоречия между капиталистическими странами развиваются пока что не тем усиленным темпом, каким они развивались непосредственно после войны" (И. Сталин. Троцкизм или ленинизм).

Даже в слове "еще", состоящем из трех букв, можно сделать четыре ошибки ("ишчо"). Такого рода рекорды всегда привлекают к себе нашего "теоретика". Вынужденный, наконец, признать, что все мировые антагонизмы не могут обостряться одновременно, ибо и здесь действует закон неравномерности, Сталин это запоздалое признание немедленно же превращает в источник новых блужданий. "Основными странами-победительницами" он называет Англию и Америку -- Англию даже на первом месте. Стабилизация оказывается у него целиком построенной на сотрудничестве этих стран. Англия у него "возымела такую силу", что не только поставила у себя дома "дело капитала более или

менее сносно", но и влила кровь во Францию, Германию и пр. Все это писалось во время подготовки величайшего социального кризиса, который только знала Англия со времени чартизма¹³¹ (угольная и всеобщая стачка). Сталин говорит уже о всеобщем смягчении мировых противоречий на основе сотрудничества Америки и Англии, тогда как на деле антагонизм этих двух стран, основной победительницы и основной побежденной¹³², стал осью всей мировой политики.

Так можно было бы проследить ход "идей" Сталина из месяца в месяц, из года в год, начиная с 1924 года, когда он впервые стал выражать свои "идеи". Если изобразить их ряд графически, получится прерывчатая ломаная с короткими отрезками влево и более длинными -- вправо.

Но и в тех случаях, когда Сталин вынужден оглянуться назад, чтобы как-нибудь свести концы с концами, он делает это с непринужденностью. Так, вынужденный в докладе 13 июля 1928 г.¹³³ объяснить, как же это все-таки англо-американский антагонизм стал основным, наперекор всей политике против "троцкизма", Сталин заявил: "Тогда, к 5-му конгрессу, у нас еще мало говорили об англо-американском противоречии, как основном, тогда принято было говорить даже об англо-американском союзе". И все. Тогда "принято было говорить". Кем? Сталиным -- вслед за социалистической и вообще пацифистской прессой. Националисты и тогда проявили больше ума. Тогда "мало говорили об англо-американском противоречии". Почему мало говорили? Потому что это было официально осуждено, как троцкизм. Потому что разглагольствования об англо-американском сотрудничестве расценивались как признак благонадежности. Сталин отводит все это с такой непринужденностью, которую человек, склонный к точности, мог бы назвать циническим меднолобием.

Так, [в] вопросе о хозяйственном руководстве Сталин, усвоив с запозданием мысль о необходимости резервов, немедленно же превратил ее в дешевое общее место о том, что Госбанку нужно иметь валютные резервы, промышленности -- сырьевые, а торговому аппарату -- товарные. Когда же я указал ему, что товарные резервы осуществимы только за счет сокращения резервов сырья, импортное же сырье можно накапливать только за счет валютных резервов; что нужно говорить не о резервах вообще, а ставить вопрос конкретно в условиях товарного голода и угрожающего кризиса хлебозаготовок, Сталин отделался повторной нумерацией необходимых резервов и обвинил меня в "ри-го-ри-сти-че-ском" (буквально) отношении к вопросу о резервах, показывая тем, что смысл этого слова ему так же неясен, как и вся проблема резервов.

Иногда он заменяет нумерацию бесплодной риторикой вопросов: "Разве неверно, что..." и т. д. -- пять, десять раз подряд. И этот литературный прием, еще менее связывающий, чем каталогический перечень, служит только для прикрытия бедности мысли. Не останавливаясь выделять в положительной форме главное и второстепенное, основное и зависимое и подчинять изложение внутренним связям самого предмета, Сталин прибегает к жалкой семинарской риторике, которая под лаконическим вопросом заставляет предполагать ту самую бездну премудрости, которой как раз и не хватает.

Приводить цитаты было бы слишком долго. Схема его рассуждений примерно такова. Оппозиция против вхождения компартии в Гоминьдан? Разве же неверно, что Маркс входил в демократическую партию? Разве же неверно, что в Китае царит национальный гнет? Разве же неверно, что Ленин всю жизнь боролся против недооценки крестьянства? И пр., и пр. Нанизав на веревочку полдюжины таких колечек из жести, Сталин исчерпывает вопрос.

Особенно любит он прятаться за словечко "хотя бы", играющее роль спасательного пояса при всякой его попытке пуститься вплавь. Вот один из типических его выводов против указаний оппозиции на опасности капиталистической реставрации: "Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства" (Вопросы ленинизма. 1928, с. 63, подчеркнуто мною).

Почему восстановление капитализма должно быть "простым"? И что вообще значит "простое" восстановление? Но еще лучше словечко "хотя бы". На совершенно конкретные указания оппозиции, что при известном сочетании экономических и политических факторов может восторжествовать капитализм, т. е. что враги, по ленинскому выражению, "еще могут отнять у нас" и диктатуру, и национализацию, Сталин отвечает: это невозможно "хотя бы" потому, что у нас есть национализация и диктатура. На указание врача, что при таких-то обстоятельствах болезнь может повлечь смертельный исход, знахарь возражает, что "простая" смерть невозможна хотя бы потому, что больной жив, ест и дышит. Это чисто сталинская аргументация.

Указания на угрожающий рост дифференциации крестьянства Сталин опрокидывает следующим доводом: "Дифференциация не может принять прежних размеров... хотя бы потому, что земля у нас национализирована..." (там же, с. 64, подчеркн[уто] мною). Что значит: "прежние" размеры? Дифференциация в разные периоды имела разные размеры. Национализация земли сама по себе несколько не ослабляет дифференциации, наоборот, может дать ей большой простор. Но тут на помощь приходит оговорочка "хотя бы": аргумент выступает с набрюшником, выдавая тем свой катаральный характер.

Вертясь вокруг все той же фразы моей 1905 г., что революционная Россия не смогла бы устоять "пред лицом консервативной Европы", т. е. если бы Европа, вопреки всем вероятностям, осталась консервативной, Сталин пишет: "Мы, оказывается, не только не можем построить социализм, но не можем устоять хотя бы на короткий срок перед лицом консервативной Европы" (там же, с. 226). Слова "на короткий срок", лишаящие всю постановку вопроса какого бы то ни было смысла -- ибо революции устраивают не "на короткий срок" -- эти слова вставлены Сталиным в сопровождении все того же трусливого "хотя бы", которое на сей раз играет роль лжесвидетеля по делу о подлоге.

В другой работе Сталин возвращается к вопросу о дифференциации деревни все с тем же универсальным аргументом, не требующим ни статистического материала, ни теоретического анализа. "У нас развитие сельского хозяйства,

-- говорит он, -- не может пойти по такому пути хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускает такого развития" (там же, 124, курсив мой).

Этот имманентный оптимизм, рассматривающий советскую власть не как орган классовой борьбы, а как экономический талисман, выглядел бы очень твердым и уверенным, если бы не это злосчастное, косоглазое, трусливое и вороватое "хотя бы".

Все теоретические и исторические ссылки Сталина имеют либо сознательно неопределенный и двусмысленно защитный характер, либо же, при претензии на конкретность и точность, оказываются почти непременно ложными. Политику мирволенья кулаку Сталин приравнивает к лозунгу "Лессе фер, лессе пассе"¹³⁴ (речь 19 ноября 1928 г.). Это было бы, пожалуй, терпимо, если бы Сталин тут же не прибавил, будто это лозунг французских либералов "во время французской революции, во время борьбы с феодальной властью" (Правда, No 273)¹³⁵. На самом деле французская революция тут ни при чем. Если оставить в стороне историко-литературные изыскания, открывающие корни соблазлившей Сталина формулы еще в XVII веке, затем у физиократов в XVIII в., когда она употребляется очень редко, и не против феодализма, а против полицейщины меркантилизма, то придется сказать, что "лессе фер" -- это лозунг фритрейдеров-манчестерцев¹³⁶ первой половины XIX века в их борьбе с протекционизмом¹³⁷. Подобные промахи сопутствуют каждому выступлению Сталина, ибо он не знает исторических явлений в их внутренней связи.

Когда я, в противовес безнадежно запутавшемуся Политбюро, доказывал, что в ближайший период (1924-[19]25 [г]г.) политическое развитие Европы пойдет не в сторону фашизма и новых оккупации, а в сторону социал-демократии, коалиций и пацифизма, Сталин, выждав, когда прогноз этот стал осуществляться, поучал меня: "Иные думают, что буржуазия пришла к "пацифизму" и "демократизму" не от нужды, а по доброй воле, по свободному, так сказать, выбору. При этом предполагается, что буржуазия, разбив рабочий класс в решающих боях (Италия, Германия), почувствовала себя победительницей и теперь она может позволить себе "демократизм"" (Большевик, 1924, No 11).

Как по позвонку можно определить размеры животного, так по этой цитате можно безошибочно отгадать духовный рост автора. Диалектика классовой борьбы превращается у него в лотерею психологических догадок о проявлениях "свободной воли" буржуазии. Литературная форма отвечает глубине идей: "иные думают", "предполагается"... Неопределенность инсинуаций должна облегчить теоретику возможность своевременно юркнуть в подворотню.

Если даже оставить в стороне ослепляющий стиль этих строк -- Маркс и Ленин "подвизаются" у Сталина, точно провинциальные антрепренеры, -- то все же придется признать исторический экскурс в целом крайне невразумительным. Что Маркс действовал в XIX столетии, а

не в XX -- это верно. Но ведь суть всей деятельности Маркса-Энгельса состояла в том, что они теоретически предвосхищали и готовили эпоху пролетарской революции. Если это отбросить, то мы получим катедер-марксизм, т. е. самую гнусную карикатуру. И все значение работы Маркса в том и обнаруживается, что эпоха пролетарской революции, наступившая позже, чем они ждали, потребовала не ревизии марксизма, а, наоборот, его очищения от ржавчины промежуточного эпигонства. У Сталина же выходит, что марксизм, в отличие от ленинизма, был теоретическим отражением неревolutionционной эпохи.

Такое представление у Сталина не случайно. Оно вытекает из всей психологии эмпирика, живущего на подножном корму. Теория у него только "отражает" эпоху и служит злобе дня. В специально посвященной теории главе -- что это за глава! -- Сталин "подвизается" следующим образом: "Теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой" (Основы ленинизма, с. 89, курсив наш).

Ясно, вся теория Маркса, складывавшаяся "в неразрывной связи" с практикой предреволюционной эпохи, должна оказаться устаревшей для "революционной практики" Сталина. Он совершенно не понимает, что теория -- настоящая или большая теория -- вовсе не складывается в непосредственной связи с сегодняшней практикой, а представляет собою объединение и обобщение всей практики человечества, включающей в себя разные эпохи в их материально обусловленном чередовании. Только потому, что теория не связана неразрывно с современной ей практикой, а возвышается над нею, она получает дар заглядывать вперед, т. е. готовить свою связь с будущей практикой, готовить людей, которым эта будущая практика оказалась бы по плечу. Марксова теория возвышалась, как гигантская дозорная башня над современной Марксу лассалевской революционной практикой, как и над практикой всех организаций Первого Интернационала¹³⁸. Второй Интернационал усваивал для своих практических потребностей только некоторые элементы марксизма, далеко не всегда основные. И только эпоха исторических катастроф всей капиталистической системы, открывшая возможность претворения основных выводов марксизма в жизнь, сделала людей -- не всех, далеко не всех -- более восприимчивыми к пониманию марксизма в целом.

Сталинская справка насчет предреволюционной теории марксизма и революционной теории ленинизма есть на самом деле философия истории теоретического хвостизма, который состоит на посылках у практики сегодняшнего дня. Сталинская история марксизма и ленинизма принадлежит к той "исторической школе", про которую Маркс говорил словами Ветхого Завета¹³⁹, что она всегда видит только заднюю часть всего совершающегося. Сталин имеет в виду те "теории", которые создаются по заказу секретариата в "неразрывной связи" с практикой аппаратно-центристского руководства в период политического сползания¹⁴⁰.

Всячески вращаясь вокруг слишком горячей каши, которую он сам же заварил -- поистине это теоретическое варево лучше всего определяется

излюбленным ленинским словечком "каша", -- Сталин зигзагами и обиняками подбирается к той мысли, что ленинизм "революционнее" марксизма. "Отмечают обычно, -- продолжает он свое противопоставление ленинизма марксизму, -- исключительно боевой и исключительно революционный характер ленинизма". Кто отмечает? Неизвестно. "Обычно" отмечают -- и только. Это все из осторожности, переходящей в трусость. Что значит "исключительно революционный"? Неизвестно. Но что "отмечает" по этому поводу сам Сталин? Он говорит: "Это совершенно правильно. Но (!) эта особенность (маленькая "особенность" по сравнению с марксизмом) объясняется двумя причинами": борьбой с оппортунизмом Второго Интернационала и пролетарской революцией (там же, с. 74).

Таким путем Сталин, хотя и не очень смело, но все же причалил к выводу, что "особенностью" ленинизма является его "исключительная" революционность по сравнению с марксизмом. Если эта мысль была верна, то нужно было бы открыто отказаться от марксизма, как изжившей себя теории, подобно флогистона¹⁴¹, витализма¹⁴² и пр., сдавая их как материал историкам человеческой мысли. Но на самом деле мысль, что ленинизм "революционнее" марксизма, представляет собою прямое глумление над ленинизмом, марксизмом и революционностью.

В анализе второго, "уточненного", определения ленинизма мы до сих пор опускали слово "тактика". Полная формула, как помнит читатель, гласит: "Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности".

Тактика является действенным применением теории к конкретным условиям классовой борьбы. и только благодаря этому получает способность направлять тактику, указывая ей, помимо сегодняшней точки, еще ряд ориентирующих точек в прошлом и перспективных -- в будущем: сложная линия тактики, марксистской, а не хвостистской, определяется не одной, а многими точками.

Если марксизм, возникший в предреволюционную эпоху, вовсе не был "предреволюционной" теорией, а, наоборот, возвышаясь над своей эпохой, был теорией пролетарской революции, то тактика, т. е. боевое применение марксизма к конкретным условиям, по самому существу своему не может возвышаться над эпохой, т. е. над зрелостью объективных условий. Под углом зрения тактики -- вернее было бы сказать революционной стратегии¹⁴³ -- деятельность Ленина гигантски отличается от Маркса и его старых учеников, как эпоха Ленина отличается от эпохи Маркса. Революционер Маркс жил и умер теоретическим советником молодых партий пролетариата и провозвестником будущих решающих его боев. Ленин повел пролетариат на завоевание власти, обеспечил своим руководством победу и руководил первым в истории человечества рабочим государством и Интернационалом, непосредственно призванным осуществлять мировую диктатуру пролетариата. Титаническая работа величайшего революционного стратега вполне может быть поставлена на ту же высоту, что и работа величайшего титана

пролетарской теории.

Жалкой, бессодержательной, в конце неумной является попытка механически уравновесить теоретический и практический элементы в работе Маркса и Ленина. Маркс, мол, создавал не только теорию, но и Интернационал. Ленин не только руководил великой революцией, но и работал над теорией. Стало быть, различие их только в том, что они "подвизались" в разные эпохи, вследствие чего марксизм просто революционен, а ленинизм "исключительно революционен". Все это мы уже знаем.

Маркс совершил немалое дело в качестве руководителя Первого Интернационала. Но не это, однако, составляло основное дело его жизни. Маркс и без Союза коммунистов и без Первого Интернационала остается Марксом. Его теоретический подвиг ни в каком смысле не совпадает с его революционной практикой, неизмеримо возвышается над нею, создавая теоретическую основу всей дальнейшей практики Ленина и еще ряда поколений. Теоретическая работа Ленина имела в основном служебный характер по отношению к его собственной революционной практике. Всемирно-историческому значению практики соответствовал и размах теоретической работы. Но Ленин не создавал теории ленинизма. Он применял теорию марксизма к революционным задачам новой эпохи. Еще на третьем съезде партии, где закладывались первые камни большевистской партии, Ленин сам сказал о себе, что он считает более правильным именоваться публицистом, а не теоретиком социал-демократии. Это нечто большее, чем "скромность" молодого вождя, уже давшего ряд ценнейших научных трудов. Если помнить, что публицист публицисту рознь, то Ленин правильно определял в этих словах свое историческое назначение. Под публицистикой он понимал теоретико-политическое применение готовой теории для прокладывания путей данному живому революционному движению.

Даже "отвлеченная" и наиболее далекая по теме от злобы дня работа Ленина об эмпириокритицизме¹⁴⁴ вызвана была непосредственной потребностью внутрипартийной борьбы. Эта книга может быть поставлена на полке рядом с "Анти-Дюрингом" Энгельса¹⁴⁵ как применение того же метода и тех же критических приемов к новому отчасти материалу естественных наук и против новых противников. Не меньше, но и -- не больше этого. Ни новой системы, ни нового метода здесь нет. Это полностью и целиком система и метод марксизма.

Чиновники лжеленинизма, сикофанты¹⁴⁶ и кляузники снова поднимут вой, что мы "умалюем" дело Ленина. Эта братия тем громче вопит о заветах учителя, чем наглее она их втоптывает в грязь эклектики и оппортунизма. Предоставляя кляузникам кляузничать, мы защищаем ленинизм, мы истолковываем его, мы продолжаем дело Ленина.

Ленинская теория, сказали мы, имела служебный характер по отношению к его собственной практике. Но практика эта была такого масштаба, что впервые потребовала применения марксистской теории в полном ее объеме.

Теория является обобщением всей предшествующей практики и имеет служебное значение по отношению ко всей последующей практике. Мы уже

выяснили, что это не значит, будто теория складывается в зависимости от текущей практики и будто она имеет служебное значение по отношению ко всякой практике. По Сеньке шапка. Для сталинской практики беспринципных зигзагов "необходима и достаточна" эклектическая помесь из дурно переведенных осколков марксизма, меньшевизма и народничества¹⁴⁷. Ленинская практика впервые в истории поставила себе на службу всю марксистскую теорию в целом. Вот на каком пути "уравновешивается" величина этих двух фигур. Сталинское свидетельство о том, что каждый из них с успехом подвизался в теории и практике своего периода, один -- революционно, другой -- "исключительно" революционно, навсегда останется скверным анекдотом идейного эпигонства. И Маркс, и Ленин вошли в бессмертие не по путевкам Сталина.

СПРАВКА

о деятельности бывшей троцкистской оппозиции

по Краснопресненскому району,

1 ноября 1928 г.

Деятельность троцкистской оппозиции по району все время не прекращается. Она выливается в разные формы и методы в связи с политическими событиями и событиями внутрипартийного положения, используя малейшие затруднения страны.

Особенно сильно оппозиция развернула свою деятельность в сентябре м[еся]це с. г., распространяя в громадном количестве листовки о болезни Троцкого в ссылке -- в Алма-Ате, изготовленные разным способом и разного формата (на стеклографе, шапирографе, ротаторе и печатным путем). Листовки разбрасывались на предприятиях, улицах, кино, столовых, расклеивались на стенах домов рабочих общежитий и даже разбрасывались на собраниях районных активов (см. справку и[нформационного] о[тдела] Р[ай]к[ома] от 17/1X с. г.).

При обсуждении ячееками итогов VI конгресса Коминтерна на некоторых предприятиях (ф[абри]ка No 2 "Москвошвей", ГАЗ No 1148, ГИЗ и др[угие]) оппозиционеры, исключенные из партии, воспользовались тем, что собрания происходили открытые, выступали против решений VI конгресса Коминтерна, против принятой программы Коминтерна (якобы не интернациональный характер программы), против резолюции Коминтерна о ВКП(б) ("Коминтерн признал политику ВКП(б) правильной, то почему ухудшилось положение рабочих в СССР", -- говорил оппозиционер на 2 ф-ке "Москвошвей"), разъясняя рабочим, что на конгрессе якобы были сильные споры, дошедшие чуть ли не до раскола на самом конгрессе (см. справку информ[ационного] п[од]о[тдела] РК от 9/X с. г.).

При обсуждении итогов сентябрьского пленума МК и МКК на собраниях выступали рабочие и указывали, что "троцкистская оппозиция, которая имеется

на заводе, развертывает свою деятельность. Нужно усилить с ней борьбу" (ГАЗ Но I). "Троцкисты опять поднимают голову, надо по ним ударить" (завод "Красная Пресня"). "В отношении идеологических уклонов мы начали засыпать. Товарищи выходят не на подпольном собрании, а прямо рубят. У нас на заводе определенная группа ведет работу. Были расклеены афиши. Нужно очистить наш завод от этого гнойника" (завод МОМЗА).

На Пятой фабрике "Москвошвей" ячейка выяснила, что один рабочий у себя на дому принимал заказы на пошивку платья, сам их не изготавливал, а отдавал разным мелким кустарям на изготовление, наживаясь на этом. Ячейка расследовала дело и приняла меры к исключению этого рабочего из профсоюза и фабрики. Местный оппозиционер, бывший член партии Бабурин повел большую деятельность против ячейки с целью подрыва авторитета ячейки, защищая этого рабочего, собрав на первое время большое количество рабочих на свою сторону. Только благодаря энергичным мерам ячейки этого рабочего исключили из профсоюза и фабрики, причем сам Бабурин вынужден был голосовать за предложение ячейки.

При перевыборах фабкома рабочие Бабурина выставили в фабком. Но благодаря тому, что он получил небольшое количество голосов, его кандидатура была снята. Несмотря на это, на перевыборной конференции за него голосовало 140 человек.

На фабрике "Красная оборона" при обсуждении отчета МГСПС149 о своей деятельности выступил оппозиционер Нефель, бывший член ВКП(б), говоря, что "работа никудашная, рабочих прижимают. Трудности от неумелого руководства. Дельных людей сослали". Им предложена резолюция, заключающаяся в том, что работа МГСПС неудовлетворительна, политика не рабочая (повышение квартплаты, снижение заработка, повышение цен на хлеб). За эту резолюцию голосовало 72 человека из 256 человек.

Тактика осуществляет связь теории с текущей практикой. Теория, вопреки Сталину, вовсе не складывается в неразрывной связи с текущей практикой, а возвышается над нею.

На фабрике "Пролетарский труд" на отчетном собрании фабкома двух цехов из механического цеха выдвинули в фабком двух рабочих, находящихся под влиянием оппозиционерки Довжак, исключенной из партии. Выдвижение этих кандидатур оппозиционерами фабрики было заранее подработано. Большинство голосов этих двух рабочих провалили, мотивируя тем, что они себя не проявили на практической работе и не показали свою политическую физиономию.

Там же оппозиционерами выдвигалось требование повысить зарплату на 25%. Одновременно среди рабочих распространяется постановление Политбюро ЦК об увеличении партмаксимума для ответственных работников. Ячейкой обнаружено 4 экземпляра.

На заводе "Пролетарский труд" одним рабочим, бывшим оппозиционером Большаковым на собрании выдвигалось предложение об огульном повышении зарплаты. По мнению секретаря ячейки, оппозиционеры ведут активную подпольную работу.

В Мосфинотделе один член ВКП(б), бывший оппозиционер, при обсуждении письма МК о перевыборах бюро ячеек предлагал выкинуть из письма пункты о борьбе с троцкистской оппозицией, т.к., по его мнению, сейчас надо заострить внимание только на правой опасности.

В Машинотехническом синдикате член ВКП(б) с 1904 года директор тов. Жук А. Б. принял на работу одного оппозиционера, бывшего члена партии и бывшего члена Закавказского ЦИКа Квачадзе, устроив прием каким-то путем через биржу труда.

Два члена партии, бывших оппозиционера, при обсуждении отчета бюро ячейки губотдела совторгслужащих без какой бы то ни было мотивировки воздержались от голосования резолюции.

В ТСХА150 по перевыборам бюро ячейки оппозиционеры ведут подпольную работу.

26/X с. г. на общем собрании рабочих Завода весов и приборов по докладу райкома металлистов выступил оппозиционер, бывший член партии, Суслов, говоря: "Союз и партия проводят не классовую политику. Говорят о подтягивании зарплаты для отсталых групп рабочих, а фонды зарплаты не увеличивают". Расшифровывая директиву райкома металлистов, он говорил, что происходит перекачка зарплаты от высококвалифицированных рабочих к низкооплачиваемым рабочим. Указывая о повышении квартплаты, говорил, что это не рабочая политика, так как она ложится бременем на рабочих. О займе индустриализации он говорил, что заем по заводу прошел хорошо, но если у рабочих спросить, знают ли они, куда идут деньги... В заключение он несколько раз подчеркивал, что мы идем не вперед, а назад. Ему аплодировали человек 40-50. На заводе работает месяца два.

На совещании беспартийного актива завода им. Дзержинского151 по вопросу о притоке в партию бывший оппозиционер Флямер говорил: "Мы читаем газеты, но в них нам не дают понять, что творится в стране, а ведь страна живет, бурлит, что-то в ней происходит, а что именно -- непонятно, какие имеются волнения. Лучших людей выбросили из партии и поэтому масса в нее не идет".

За последнее время по предприятиям района оппозицией распространяются листовки о перевыборах ФЗК и перезаключении колдоговоров.

Довольно энергично оппозиция действует при обсуждении октябрьского пленума МК и МКК.

На собрании ячейки ТСХА выступали оппозиционеры и говорили, что о правой опасности оппозиция все время указывала партии.

На собрании типографии "Правда" один член партии, бывший оппозиционер говорил: "Не есть ли правый уклон сползание с пролетарских рельс? По существу, это термидорианство".

На собрании ячейки ф[абри]ки "Пролетарский труд" по вопросу об октябрьском пленуме МК и МКК бывший оппозиционер, член ВКП(б) Семешкин в прениях указал: "Вопрос о развитии совхозов и колхозов поставили очень поздно. Ряд раскрытых гнойников указывают на то, что нижние этажи

заполняются кулаками, следовательно, оппозиция была права".

Член партии, бывший оппозиционер, Чугреев на собрании завода Авиаприбор по вопросу об октябрьском пленуме МК говорил: "Почему правых не ссылают так же, как сослали троцкистов? Правый уклон не только в МК, но и в ЦК". Сегодня утром он был арестован и с женой прислал на завод записку о сдаче инструментов. Среди рабочих есть непонимание этого явления. А некоторые расценивают его арест в связи с выступлением.

На заводе им. Дзержинского вышеуказанным Флямером было выступление по докладу об итогах VI пленума МК и МКК, он говорил: "Повышение цен на хлеб наруку кулаку и крепкому середняку. Правая опасность давно была еще до оппозиции, и правые изгнали оппозицию в ссылку. Новые формы сельского хозяйства, т. е. совхозы -- это то же кулачество. Кроме того, Рыков на последнем пленуме говорил о снятии монополии".

Зав. Информ[ационным] п[од]о[тделом] р[ай]к[ома]:
(Гречушкин)

КО ВСЕМ РАБОЧИМ, КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

В тяжелой обстановке встречает рабочий класс Советского Союза 11 годовщину Великого Октября. Ошибки партруководства привели к ослаблению позиции пролетариата и к укреплению враждебных ему классов. Сейчас, как никогда, все силы рабочего класса должны быть мобилизованы для решительного отпора окрепшей внутренней и международной контрреволюции.

Мы, большевики-ленинцы (оппозиция), в течение ряда лет указывали на ошибки Центрального комитета, на искривление ленинской линии, на растущее в связи с этим ухудшение экономического и политического положения СССР. В нашей платформе мы своевременно указывали пути преодоления возникших опасностей. Центральный комитет скрыл платформу оппозиции от партии и рабочего класса. Тем самым он сбил пролетариат с правильного ленинского пути.

В день десятилетия Октябрьской революции, год назад, не имея права молчать, мы вынуждены были открыто выступить со своими лозунгами, сигнализируя партии и рабочему классу о стоящих перед ними опасностях. Оппозиция требовала: повернем огонь направо, против нэпмана, кулака и бюрократа. Выполним завещание Ленина. Долой устряловцев. Долой тех, кто тянет пролетарскую республику назад к капитализму, улучшим материальное положение пролетариата и укрепим его боеспособность.

Ленинские взгляды оппозиции были объявлены антисоветскими и меньшевистскими. Большевики-ленинцы, испытанные и стойкие борцы за дело рабочего класса, были исключены из партии, брошены в тюрьмы, сосланы в самые гиблые места Сибири и Средней Азии.

Прошел год. Он целиком подтвердил правильность взглядов оппозиции,

опасности, о которых она мужественно сигнализировала, выросли, положение страны и рабочего класса ухудшилось. После четырех урожайных лет города и деревенская беднота испытывают нужду в хлебе, товарный голод резко обострился, цены поднимаются, снижается зарплата, безработица растет.

Прошедший год был годом дальнейшего сползания с рельс пролетарской диктатуры, дальнейшего ослабления рабочего класса, дальнейшего перерождения и загнивания бюрократического аппарата партии, советов и профсоюзов. Об этом наглядно говорят сотни смоленских, сочинских, артемовских и многих других гнойников, усилилось давление международной буржуазии. Через бюрократа и шахтинца, в союзе с кулаком, она с возрастающей силой давит на Советское государство.

Вырос экономически и окреп кулак. Он победил и в хлебозаготовках: он вынудил повышение хлебных цен как расплату за чрезвычайные меры и 107 статью, он посадил рабочего на голодный паек. Смычка с крестьянством находится под угрозой разрыва.

Несмотря на рост производства, доля рабочего в народном доходе уменьшилась, рост минимальной зарплаты все более отстает от интенсивности труда, реальная зарплата снижается.

Бессильное справиться с растущими затруднениями, не умея вовремя их предвидеть и предотвратить, нынешнее партруководство беспомощно мечется из стороны в сторону, проявляя твердость лишь в борьбе с ленинской оппозицией.

Объявленное после исключения большевиков-ленинцев стопроцентное единство партии распалось по швам. Тщательно скрываемые от партийной массы и рабочего класса разногласия стали явными, окрепло правое крыло в партии, уже открыто требующее дальнейших уступок кулаку и иностранному капиталисту. Внутрипартийная борьба раздирает партию на части.

Сталинское руководство показало свою полную несостоятельность. Неспособное решительно ударить по правым, оно идет на сделку с ними, обрушиваясь всей силой аппарата на ленинскую оппозицию.

Товарищи! Диктатура рабочего класса в опасности. Оппортунистическое, становящееся все более антипролетарским руководство ослабляет рабочий класс, обезоруживает его перед внутренней и международной буржуазией, ставя под угрозу дело пролетарской революции.

Но еще не все потеряно. Упущено многое, сделано много грубейших ошибок, за которые приходится жестоко расплачиваться пролетариату. Но есть еще возможность исправить партлинию, вернуть партию на ленинский путь и укрепить дикт[атуру] пролетариата, для этого необходимо прежде всего пробуждение активности рабочего класса, которая только и может вернуть партии и пролетариату их ленинское руководство.

Партия и рабочий класс, совершившие под руководством Ленина и Троцкого Великую Октябрьскую революцию, должны найти в себе силы для сохранения октябрьских завоеваний, для спасения СССР как базы мировой социалистической революции.

Товарищи! Судьба революции в наших руках, организуйте отпор нэпману,

кулаку и бюрократу. Разоблачайте беспринципность центристского руководства, которое на словах борется с правыми, а на деле наносит удары ленинской оппозиции -- левому крылу партии. Требуйте немедленного прекращения нажима на рабочий класс. Требуйте решительного усиления темпа индустриализации как действительного средства установления смычки с середняком, борьбы с безработицей и дороговизной. Требуйте повышения зарплаты в соответствии с ростом производительности труда.

Требуйте организации союза бедноты, добивайтесь установления режима внутривнутрипартийной и рабочей демократии -- не на словах, а на деле. Надо вернуть Советам полноту их прав и власти, завоеванных ими в Октябре. Надо оздоровить профсоюзы, превратив их из подсобного для бюрократического хозяйственного аппарата органа в орудие для защиты интересов рабочего класса.

Товарищи! В советских тюрьмах и ссылке, в ужасающих условиях томятся большевики-оппозиционеры, соратники Ленина, герои гражданской войны, активные строители советской власти. Их насильственно изолировали от пролетариата, многие из них обречены на верную гибель, некоторые уже погибли.

Но воля к борьбе ленинской оппозиции, ее верность рабочему классу и ленинскому знамени не сломлены.

Требуйте прекращения репрессий, немедленного освобождения из тюрем большевиков-ленинцев, возвращения их из ссылок, восстановления их в партии, созыва чрезвычайного партийного съезда на основе подлинной внутривнутрипартийной демократии и тайного голосования.

Пусть 12-й год Октябрьской революции будет годом укрепления диктатуры пролетариата и возвращения партии на ленинский путь.

Да здравствует Октябрьская революция и диктатура пролетариата.

Большевики-ленинцы (оппозиция)

Москва, 7 ноября 1928 г.

Сотням пролетариев большевиков-ленинцев, арестованных ГПУ накануне 11 годовщины Октября за защиту дела Ленина, -- большевистский привет.

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ.

Тираж 1000 экземпляров.

Набрано и отпечатано в тип[ографии] больш[евиков]-ленинцев.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА 152

Основной факт, бросающийся в глаза при более или менее близком знакомстве с жизнью наших партий на Западе, -- это факт прогрессивного распада К[оммунистического] И[нтернационала] -- именно распада, а не разложения. Это касается одинаково организационной и идейной формы.

Раньше всего это сказывается на численности партии, которая падает в последнее время катастрофически. Герм[анская] партия имеет теперь по проверенным сведениям 60-65 тыс., французская -- 25-30 тыс. Уходят в разных

направлениях. Там, где есть исторические традиции анархо-синдикализма (Франция), идут в нее¹⁵³. Окончательный уход Лорно к синдикалистам не случаен и отражает распространенную тенденцию. Но такой уход -- еще лучший уход. Здесь люди хотя бы хоть в худшей форме сохраняют себя для рев[олюционного] раб[очего] движения. В Германии уходят в SPD¹⁵⁴ или, что чаще, в обывательщину. Сначала тянутся, пытаются сохраниться, а затем, теряя понемногу связь, погрязают в обывательском болоте. При этом массовом уходе не происходит никакой, как выражаются ныне, [...]155. Уход ни в какой мере не сопровождается притоком новых элементов в партию. На этой почве мы имеем любопытное новое явление, важность которого для нас не следует недооценивать и которое мы должны суметь использовать.

Наши партии имели всегда за собой хвост сочувствующих или симпатизирующих, которые, не созревшие еще для политической деятельности, поддерживали партии в их работе, отзывались на ее лозунги и т. д. Размеры этих околопартийных кругов все суживаются. Зато создалась почти во всех странах многочисленная категория людей, которые вполне созрели для политической работы, но которые остаются на пороге партии из отвращения и безразличия к методам и формам партийной работы и борьбы. Зато эти круги чутко прислушиваются к нам и, хотя весьма робко, начинают выражать нам свое сочувствие.

Если старые круги симпатизирующих поддерживали партии эпизодически по отдельным конкретным случаям, то эти новые слои, наоборот, поддерживают партию в целом, как носительницу победных политических идей, победных принципов, но отказывают ей в поддержке в ее практической работе по причинам, которые я ранее указывал, или потому, что партии не в состоянии по-настоящему подойти к вопросам (т[ак], напр[имер], из трех млн голосовавших за партию в Германии во время выборов только один млн с лишним поддержали партию в борьбе против постройки броненосца)¹⁵⁶. Эти слои могут сыграть в будущем большую роль, и мы должны найти путь к ним.

Что касается идейного состояния партии, то о нем можно составить себе вполне ясное представление по русской партии с поправкой на общий уровень 3-х европ[ейских] партий и на обстановку, в которой они работают. Яд отравленных методов борьбы, которая велась против нас, остался и отравляет организм К[оммунистического] И[нтернационала] в целом. Борьба клика в условиях неслыханной коррупции -- наверху и либо слепое послушание и тупая пассивность, либо прислужничество и карьеризм -- внизу. Чем более "монократно" молчат и повинуются внизу, тем меньше удастся сохранять хотя бы внешне декорум монократности. Пытаясь активизировать партийную массу по линии верхушечных склонов, сами руководящие группы вынуждены разрушать этот декорум. Отсутствие идейной жизни в К[оммунистическом] И[нтернационале] заменяется все угасающим и падающим авторитетом Москвы. Помножьте то, что было год тому назад, на 10, и Вы получите представление об исходном состоянии К[оммунистического] И[нтернационала].

Одновременно со всеми этими процессами распада в К[ом-мунистическом] И[нтернационале] намечается другой процесс. Мы, несомненно, находимся в начале (к сожалению, только еще в самом начале) формирования левого крыла в К[оммунистическом] И[нтернационале]. По этому, что имело место по сей день, можно с бесспорностью утверждать, что этот процесс будет длительным, тяжелым и очень болезненным и будет сопровождаться большими боями, спорами, даже расколами. Надежда на то, что мы будем иметь в ближайшее время единое или, выражаясь избитым словом, монолитное левое крыло, является, по моему мнению, преждевременной. Вот где, действительно, еще нужно только сначала размежеваться, а потом соединиться¹⁵⁷. А мы еще даже не прошли стадии размежевания. Причины и пути, по которым различные группы пришли в оппозиционное состояние, настолько многообразны и в такой мере наложили свой отпечаток на эти группы, что возможны еще самые неожиданные комбинации и перегруппировки. Понятно, что не следует склоняться перед "неизбежным" и покорно ждать, пока "все образуется", но насиловать процессы и добиваться механического объединения во что бы то ни стало, может принести лишь вред.

Перехожу к положению в отдельных странах.

Америка. И.158 за последнее время значительно продвинулся вперед в понимании вещей и важности работы. То, что его сильно связывало до сих пор, отпадает после письма к Н.И.159 и придает ему бодрости.

На много рассчитывать не приходится, но по литературной части он сделал все, что попросили.

Лучше не просить, а требовать, это на него действует хорошо и улучшает отношения с ним. Он выпустил в июне книгу "Real Situation in Russia"¹⁶⁰. В нее входят платформа, письмо в Истпарт и ряд речей. Книга вышла очень хорошо, снабжена примечаниями. Предисловие написано на тему о том, что мешает правильному пониманию происходящего в СССР. За первые три месяца разошлось 2500 экз. -- количество необычайно высокое для такой книги в Америке.

С Л.161 дело обстоит по существу печальнее. Это чисто универсальный магазин¹⁶², где находят себе приют все. В том числе Штейнберг¹⁶³ и Балабанова¹⁶⁴. С этими последними он усиленно сватал нас, но понятно, что это было категорически отвергнуто. По основным событиям в СССР (XV съезд, левый курс, Шахтинское дело, июльский пленум и т. д.) помещались статьи, присылавшиеся из Берлина и писавшиеся автором, который не имел почти никакой связи, по собственному разумению. Как потом выяснилось, он в общем и целом взял правильную линию и глупостей не наделал. Т[ак] к[ак] тираж газеты -- 2000, то печатанье статей принесло пользу. Кроме того, Л. пригодился для установления всяких связей. За ним есть хорошие люди, которых при наличии подходящего человека можно было бы привлечь к нам.

К характеристике Л.: он призывал свою группу (неофициально) голосовать на выборах за SLP¹⁶⁵ -- "партию", насчитывающую около 300 человек, общий возраст которых не меньше 21000 лет. При всех делах с ним

следует учитывать, что -- я в этом убежден -- при генеральном размежевании, которое еще впереди, он в лучшем случае пройдет на крайний правый фланг.

К годовщине герм[анских] событий 1923 года он написал агитстатью с восторженными похвалами политической мудрости Брандлера. Там, где он пытается писать самостоятельно о русских делах, он также попадает в объятия Рыкова. Никакая учеба пока не помогает.

У нас есть полный комплект статей из "Volks"166, много вырезок из газет и все рецензии на книгу, изданную И[стменом]. При первой возможности перешлем.

Венгерцы -- молодцы, работают хорошо. Завязывают связи с другими городами и другими национальными группами. Газету издают регулярно.

Очередная задача -- издание хотя бы небольшого листка на английском языке. Есть много наших сторонников, которые не имеют никакой связи. Такой листок мог бы стать организующим центром. С приездом тов[арища], который был на конгрессе, можно ожидать большого оживления. В Москве уже знают о нем и очень встревожены. Нашим оказался и секретарь канадской партии, который теперь приступит к работе. Оба они были в Берлине у Y.167 и сговорились с ним о связи.

Общее положение в ам[ериканской] партии неважное. Она также тает и имеет 5-6 тыс. Она перманентно расколота на две фракции. Если нам выбирать, то, конечно, Фостера. Есть основание полагать, что удастся установить с ним контакт на почве вопроса об отношении к профсоюзам. По возвращении с конгресса он послал записку к Л. с предложением повидаться. Т[ак] к[ак] он уехал тогда прямо в [...]168, то результаты разговоров пока еще не известны.

Вопрос об отношении к профсоюзам -- теперь основной и решающий для Ам[ериканских] Ш[татов]. [Так как] существует во всех кругах большой разноречивостью по этим вопросам, то необходимо написать тезисы по этому вопросу. Материалы постараемся (хотя нет уверенности в том, что это удастся сделать) прислать. С этим вопросом хорошо знаком Борис169. Но его знакомство относится к периоду до IV конгр[есса] Профинтерна, а это поворотный пункт.

Наши американские друзья имеют теперь связь с основными европейскими группами и через них будут получать.

Франция. Основное здесь известно. На Сув[арине] приходится, очевидно, поставить крест. Росм[ер] и Мон[атт]170 относятся очень дружелюбно, и они вовсе не безнадежны в большой перспективе, как и Лорио, который ушел к ним. Объединения Паза с Тр[эном] в ближайшее время, очевидно, не будет. Причин много. Механическое объединение вредно уже потому, что при нем обе группы потеряют многих из своих соратников.

В смысле работы Тр[эн] идет вперед. Самое любимое слово в его нынешнем словаре [...]171. И он действительно цепляется за все. Несмотря на тяжелое материальное положение, он успевает всюду бывать, выступать, где только представляется случай, заниматься индивидуальной обработкой и т. д. Он весьма тверд и активен. Мы добились от него вполне удовлетворительной,

даже при нашем ревнивом отношении, формулировки насчет троцкизма. То, что у него остается по этой линии недосказанным, объясняется не тем, что он оставляет себе мостик для отступления по этой линии, а тем, что он еще не избавился от остатков того, что в него вьелось в период борьбы с нами. Но он явно старается избавиться от остатков этого [...]172.

Оппозиционность Паза носит несколько салонный характер. Он считает в общем свое дело выполненным изданием журнала и не старается пробиваться в массы. Он тоже далеко не без грехов в прошлом (отношение к герм[анским] соб[ытиям] 1923 г., борьба против лозунгов братания в марроканской войне173 и пр.). Тр[эн] справедливо указал, что он готов признать свои ошибки по отношению к нам, но не к Пазу, который далеко не во всем стоял на нашей точке зрения. На ближайшее время придется ограничиться созданием Arbeitsgemeinschaft174 между этими группами. Из всей франц[узской]. конференции, очевидно, ничего не выйдет пока. У Тр[эна] в "Redressement"175 напечатано "На новом этапе". В "Contable" напечатано заявление конгр[ессу] и послесловие к "Что дальше"176.

Скоро выйдет брошюрой от имени обеих групп.

Критика проекта программы "Redressement" выходит не периодически.

Германия. Общее положение партии очень тяжелое. Здесь она тает катастрофически. Ловко проведенная правыми комбинация с дискредитацией только в свою очередь внесла большее смятение177. Тельм[ан] решил мстить и подготавливает массовое исключение правых из партии. В кругах ЦК идут на потерю 20% партии. Правые развили большую активность, распространяют документы, готовятся к бою. К вопросу о них и нашем отношении к ним я еще вернусь.

В отношениях с нашими друзьями в Берл[ине] допущена ошибка. Ориентация была в основном на Веб[ера], который пока представляет собой круглый нуль, а от У. совсем отвернулись. Никто к нему не ходил, посылали к нему Веб[ера], который ставил ему ультиматумы, не давали ему документов и т. д., делалось все это на том основании, что, мол, Веб[ер] наш на 100%, а У. только на 90. Я насколько мог урегулировал дело с У., объяснил ему, что тов[арищи] новые и просто еще не познакомились с делом и т. д. Кажется, по старой дружбе он поверил мне. На будущее курс по отношению к нему будет изменен. Он вообще работает хорошо, имеет он 2000 рег[улярных] членов и примерно столько же симпатизирующих. Политически он не совсем силен, допускает ошибки (выступал против кам- пании, против броненосца, затеял какую-то двусмысленную игру с правыми) и, главное, не имеет перспектив, которых он ждет от нас. Газеты обе слабоватые и живут в основном нашими материалами. Он пытается играть в независимость по отношению к нам, но в общем слушается и будет слушаться. Указанные выше два документа он напечатал уже. Веб[ер] пока мертвый человек. Мы немного расшевелили его, заставили собрать сначала актив, а затем широкое собрание, которому мы написали письмо.

В результате этого они на следующий день выступили со своей резолюцией на ведингском активе и собрали 24 голоса против 63. Для начала это хорошо,

но хватит ли духу на дальше, судить пока трудно.

Основной вопрос в Герм[ании] теперь -- это отношение к начинающейся борьбе против правых.

Я имел разговор с их представителем. Они собираются дать большой бой, но не сомневаются, что будут разбиты. После исключения они будут издавать орган. На мой вопрос, что они будут говорить по "русскому вопросу" (дискуссия будет идти формально по вопросу о решениях VI конгр[есса]), он категорически отказался ответить. Как я выяснил другими путями, у них самих большие разногласия по этому вопросу, они решили его по существу обойти и касаться его лишь по линии пар-трежима. Здесь они будут осуждать ссылки и пр.

Наши поставили передо мной вопрос о том, как им себя держать в этой борьбе. Я на свою ответственность дал следующую директиву: резко выступать против правых политически, но не поддерживать организационных мероприятий против них.

Поскольку борьба против правых ведется тем же аппаратно-бюрократическим путем, каким она велась против нас, то непосредственно поддержать оргвыводы значило бы стать обеими ногами на почву сталинского режима. Выступая против правых политически, надо в дальнейшем перевести вопрос с рельс оргвыводов на рельсы критики партрежима, требовать, чтобы все спорные вопросы были свободно обсуждены партией и т. д. В связи с этим перевести дискуссию на почву принципиального обсуждения и русского вопроса. (Полагаю кстати, что в основном такова должна быть наша линия и здесь). В этом духе и была составлена упомянутая выше веддингская резолюция. Мне также удалось склонить на эту точку зрения и У., который строил какие-то комбинации.

Вообще я полагаю, что какие бы то ни было комбинации с правыми (хотя бы немецкими), выходящие за пределы этого, ничего кроме вреда и компрометации нам принести не могут. Конечно, и у правых есть люди, которые попали не по адресу. Когда человек попадает в оппозицию, он не всегда попадает в надлежащую дверь: попали же к нам Осинск[ий] и Сок[ольников] в свое время. Таких людей, которые попали к правым по ошибке (из отвращения, скажем, к М[аслову] и Р[ут] Ф[ишер]), мы должны постараться отвоевать, но мы не можем иметь ничего общего с официальной идеологией брандлеризма.

М[аслов] и Р[ут] Ф[ишер] стоят теперь целиком на позиции Зиновьева и поддерживают с ним связь.

Их расчет -- грубо говоря -- пробраться во что бы то ни стало в партию, выждать и в нужный момент всплыть на поверхность. Да, о перспективах [сотрудничества] У., с Веб[ером]. Оно не только невозможно сейчас, но и не нужно.

Надо дать Веб[еру] подняться на ноги, если он еще способен на это, и посмотреть, что из него выйдет. Тогда и условия объединения можно будет обставить по-иному, чем если бы мы заставили их сделать это теперь. Веб[ер] заявляет, что у него нет ни тени разногласий с нами в чем бы то ни было.

Критика проекта программы выйдет в Берлине в середине декабря у

Laul178, т.к. это издательство с соц[иал]-дем[ократической] репутацией, то на первой странице будет короткое заявление от редакции примерно в таком духе, что, хотя издательство не имеет ничего общего с изложенными в книге взглядами, оно издает ее, как теоретически и политически интересный документ.

Финансовые результаты будут мизерны -- что-то около 500-600 руб. Расчеты на то, что эти вещи оторвут с руками и хорошо заплатят, не оправдались.

С трудом удалось вообще что-нибудь пристроить.

Бельгия. В-ов179 находится в тесной связи с Пазом. Через последнего идет все.

Газета выходит на франц[узском] и фламандск[ом] языках. Производит хорошее впечатление.

Что касается прочих стран, то пока сообщить много не могу. В ближайшие дни еду в Прагу, по дороге остановлюсь в Вене. Тогда сообщу и об этих странах.

Так как письмо пишется в спешном порядке, многое, вероятно, упущено. Постараюсь восполнить в последующих письмах. О себе также в другой раз.

Еще несколько слов об интерн[ациональной] конф[еренции]180. Полагаю, что она преждевременна по изложенным выше соображениям, и думаю, что на этой стадии дело кончится более или менее скандально. Все же, зная общую установку, я не высказался против нее. Созыв, очевидно, будет произведен У. примерно в декабре.

8 ноября, Берлин

К РАБОЧИМ ЗАВОДА № 1 ИМЕНИ АВИАХИМА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Одиннадцатую годовщину Великого Октября партруководство отметило массовыми арестами большевиков-ленинцев (оппозиции). В Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Баку, Тифлисе и др[угих] городах арестованы и брошены в тюрьму сотни пролетариев. Вся их вина заключается в том, что они мужественно боролись против извращения партийного режима, за спасение диктатуры пролетариата от натиска на нее враждебных сил.

Неспособное проводить правильную пролетарскую политику, нынешнее партруководство совершило за последние годы ряд роковых политических ошибок. В результате этих ошибок хозяйство страны заведено в тупик; пролетариат разоружен в борьбе с враждебными ему классами; партия молчит, превратившись в голосующий придаток к партаппарату.

Не смея вступить в открытый идейный спор с оппозицией, сталинский партаппарат обрушился на нее целым потоком жесточайших репрессий. Аресты, тюрьмы, ссылки -- все это изо дня в день сыплется на голову оппозиции. И все это только за то, что оппозиция говорит рабочему правду, одну лишь правду о тяжелом положении страны, о гибельном хозяйственном и политическом

руководстве ЦК, о перерождении профсоюзного и партийного аппаратов, о зажиме на фабриках и заводах, о продолжающемся ухудшении жизненного условия пролетариата при все большем обогащении нэпмана, кулака и бюрократа.

За открытые выступления на рабочих собраниях с критикой руководства увольняют рабочих-оппозиционеров. За доведение до масс взглядов оппозиции -- арестовывают большевиков-ленинцев. За разоблачение непролетарской линии заводского парт- и профаппарата подводят под сокращение рабочих-оппозиционеров, переводят их на хуже оплачиваемую работу, издеваются без конца и краю.

Каждый рабочий должен возвысить свой голос против этих издевательств аппарата.

Каждый рабочий должен организовать активный отпор зарвавшимся бюрократам.

И у нас на заводе происходит безобразное глумление над большевиком-ленинцем, старым рабочим, активным участником гражданской войны, одним из организаторов партизанской борьбы против Колчака¹⁸¹ -- тов. Новиковым.

В течение 4-х лет тов. Новиков как рабочий-выдвиженец честно выполнял обязанности мастера цеха. Теперь тов. Новиков грубо и мерзко

объявлен негодным работником и переводится на явно непосильную для него работу -- конструктора. Все это делается для того, чтобы через несколько дней выбросить его за ворота завода. За что увольняют тов. Новикова? За честное и прямое разоблачение Ермолиных, Асташевых, для которых рабочие -- это шатия. (Таким языком разговаривал секретарь ячейки тов. Асташев с рабочими. Позор.)

Все вы, товарищи, хорошо знаете всех этих Асташевых и Ермолиных. Вы знаете, что вся их работа сводится к подавлению всякой рабочей демократии на заводе. Зато они умеют выслуживаться перед начальством. Тут у них гибкая спина и мягкий разговор.

Подумайте, к чему приведет такое положение, когда лучших пролетариев будут за правдивую критику выгонять из завода. Нельзя этого допустить. Помните, что увольнение тов. Новикова -- только начало. Если вы дадите уволить тов. Новикова, то развязанные заводские служаки используют это для расправы со всяким большевиком, который будет иметь мужество отстаивать ваши интересы. Протестуйте против увольнения тов. Новикова. Требуйте общего собрания рабочих для коллективного отпора посягательству бюрократов. Дружным единым фронтом боритесь против издевательства над пролетарскими революционерами, борющимися за улучшение положения рабочего класса.

Долой бюрократов, организующих разгром пролетарских сил.

Долой подхалимов и карьеристов.

Да здравствует пролетарская демократия на заводах, фабриках и в пролетарских организациях.

Против сползания с пролетарских рельс. За ленинскую политику.

Большевики-ленинцы (оппозиция)

ЗАДАЧИ КОЛДОГОВОРНОЙ КАМПАНИИ¹⁸²

[I]

Решающим для оценки продвижения нашей страны вперед по пути социалистического строительства являются рост производительных сил и перевес социалистических элементов над капиталистическими -- в тесной связи с улучшением всех условий существования рабочего класса.

Стремление отодвинуть насущные интересы рабочих на задний план и под презрительным именем "цеховщины" противопоставлять их общеисторическим интересам класса представляется теоретически несостоятельным и политически опасным.

Из платформы большевиков-ленинцев (оппозиции):

Под "шум" борьбы с правой опасностью продолжается наступление капиталистических элементов города и деревни на классовые позиции пролетариата.

Создается реальная угроза ухудшения положения рабочего класса. Учащаются перебои в рабочем снабжении, растут цены на предметы широкого потребления, снижается индекс заработной платы.

Растут хозяйственные затруднения.

Правящая бюрократия намечает выход из затруднений за счет приостановления роста благосостояния пролетариата.

Тем более необходима, невзирая на все бюрократические препятствия, мобилизация всей рабочей и партийной общественности вокруг вопросов положения рабочего класса. Особенно внимательно необходимо подойти к цифрам, свидетельствующим о доле пролетариата в национальном доходе страны: ибо, если доля пролетариата в национальном доходе стабильна или падает, то это означает, что диктатура пролетариата больна, что за счет пролетариата возрастает удельный вес других классов. Опубликованные контрольные цифры Госплана за [19]28/29 г.¹⁸³ не являются окончательными. Однако отчетная часть их, вероятно, не подвергнется сколько-нибудь существенным изменениям. Нижеследующие данные взяты из Контр[ольных] Ц[ифр]. Согласно К[онтрольным] Ц[ифрам], национальный доход в 1927/28 г. возрос по отношению к 1926/27 г. на 7,5%, национальный доход 1928/29 г. возрастет по отношению к истекшему на 10,4% и составит 27969 млн руб. против 25336 млн руб. в 1927/28 г.

Какова же доля пролетариата в национальном доходе страны? Темп роста доли лиц наемного труда в национальном доходе страны снижается с каждым годом, в 1928/29 г., согласно расчетам К[онтрольных] Ц[ифр], не увеличится вовсе. Темп роста абсолютной величины доходов городского пролетариата меньше, нежели темп роста доходов сельского населения.

Но данные, относящиеся к денежным доходам городского пролетариата дают слишком оптимистическую картину хотя бы потому, что не учитывают повышения квартирной платы, а также последнего займа индустриализации, который на

известный период времени уменьшает покупательную способность рабочего класса. Приведенные выше данные говорят, что удельный вес пролетариата в стране растет с каждым годом медленнее, что 1928/29 г., если не будет радикально изменена политика по рабочему вопросу, принесет стабильность доли пролетариата в национальном доходе страны, а вероятнее всего -- падение. Борьба за заработную плату стоит в порядке дня, ибо повышением реальной заработной платы пролетариат укрепит свои классовые позиции.

Отсюда максимальное внимание следует уделить предстоящей колдоговорной кампании, в результате которой определится на ближайший отрезок времени жизненный уровень рабочего.

Совершенно извращенную картину реальной заработной платы дают ныне официальные данные. Согласно последним, номинальная заработная плата в [19]27/28 г. возросла по отношению к прошлому году на 11%, а реальная на 10%. Размер реальной заработной платы исчисляется, исходя из изменения индекса стоимости жизни, но последний страдает столь серьезными недостатками, что совершенно искажает действительность.

Современный индекс стоимости жизни сконструирован на основе бюджетных обследований конца 1926 г. В нем зафиксированы твердые пропорции покупок того или иного товара у кооперации, у госторговли и у частного. Конец 1926 г., когда был составлен действующий ныне индекс, характеризовался сравнительно спокойным состоянием рынка. В 1927/28 г. положение существенно изменилось, и пропорции покупок несомненно передвинулись в сторону частного рынка с его более высокими ценами. Кроме того, ряд товаров, входящих в состав бюджетного набора, фактически невозможно достать. Таким образом, индекс учитывает в ряде случаев не цены реальных товаров, а цены прејскурантные. В результате этих дефектов, индекс дает явно неверный, явно извращенный уровень реальной заработной платы. Ряд данных говорит за то, что она не повысилась. Так например, по Приокскому горному округу, Сормову, Ленинграду реальная зарплата начиная с апреля начала понижаться. На последнем пленуме ВЦСПС указывалось, что "перебой в рабочем снабжении и связанный с этим рост бюджетного набора оказывали крайне неблагоприятные влияния на заработную плату". По словам представителя ленинградских текстильщиков на том же пленуме ВЦСПС, зарплата понизилась на 10% вследствие увеличения квартирной платы и повышения стоимости коммунальных услуг. И таких сообщений можно привести множество из большинства рабочих районов. Из этого вытекает необходимость в нынешней кампании по перезаключению колдоговоров со всей решительностью поставить вопрос о повышении заработной платы. Производительность труда возросла в 1927/28 г. против 1926/27 г., согласно К[онтрольным] Ц[ифрам] на 14,5%, тогда как заработная плата осталась, по-видимому, стабильной. Рост производительности труда в 1927/28 г. не был компенсирован соответственным ростом реальной заработной платы. Согласно плановым предположениям, отношение заработной платы к производительности труда должно было равняться 0,47. Если принять это соотношение, то реальная зарплата в 1927/28 г. должна была бы повыситься на 6,8%. Между тем, настолько она не

повысилась, и, таким образом, рост производительности труда компенсирован не был. В 1928/29 г. намечается рост производительности труда в размере 17,5%, а рост номинальной зарплаты в размере 7%. Предположенная Госпланом цифра повышения номинала на 7% не только не компенсирует рабочему классу то значительное повышение производительности труда, какое было достигнуто в 1927/28 г., но не страхует даже нынешний уровень реальной зарплаты. Ведь теми же К[онтрольными] Ц[ифрами] намечается рост бюджетного индекса на 2,8%. Можно представить, насколько реальным окажется этот процент, если тот же Госплан проектировал снижение индекса в 1927/28 г. на 5%, а, по его же данным, он повысился на 1,5%. Но и запроектированные Госпланом 7% повышения зарплаты идет почти целиком за счет так наз[ываемого] самотека.

Недавно прошедший пленум ВЦСПС в качестве основного момента новой колдоговорной кампании признал, как об этом информирует "Правда" от 26/ХІІ, "необходимость воздержаться от требования механического повышения зарплаты". "Дальнейшее повышение зарплаты в текущем году должно быть поставлено исключительно в зависимость от роста выработки рабочих, так наз[ываемого] самотека", -- заявлял докладчик по этому вопросу на пленуме ВЦСПС. Мало того, так как "опыт прошлых лет показал, что этот `самотек' достигает значительных размеров", то в задачи коллективных договоров входит необходимость, как об этом сообщает директивное письмо ВЦСПС и ВСНХ, "предусмотреть путем правильного нормирования труда такое регулирование самотека, которое обеспечивало бы выполнение промфинпланов как в отношении производительности труда, так и заработной платы". Нужно решительно протестовать против ликвидации практики механического повышения зарплаты, против стремления обусловить рост ее исключительно ростом интенсивности труда рабочих.

Вместо решительных шагов, направленных в сторону повышения заработной платы рабочего, в обстановке все возрастающей дороговизны уровень его реальной заработной платы не страхует даже в минимальной степени. Рабочий класс не получит того, что он должен был бы ожидать, повысив производительность труда во много раз более повышения зарплаты.

Зато в отношении производительности труда требования к рабочему чрезвычайно велики, настолько, что даже хозяйственники в лице ВСНХ признают их чрезмерными. Так, на том же пленуме ВЦСПС (см. "Торг[ово-]промышленная газ[ета]" от 27/Х-28 г.) выступивший представитель ВСНХ возражал против намеченного ВЦСПС повышения производительности труда на 17%, "он считает, что такого роста производительности труда мы не получим. С большим напряжением можно повысить производительность труда на 15%. Повышение производительности труда на 17% должно вызвать в октябре и ноябре одновременное сокращение по всей промышленности 90 тыс. раб[очих]".

До каких пределов выросла оторванность проф- и партбюрократии от пролетариата, если от лица рабочего класса высшие органы, долженствующие представлять его интересы, намечают подобные перспективы... Поистине эти перспективы "не внесут большой радости в среду рабочего класса", как говорил

тов. Севастьянов на сентябрьском пленуме МК и МКК (Стеногр[фический] отчет, с. 40).

В особенности в тяжелом положении остаются рабочие отсталых в отношении зарплаты отраслей промышленности. Правда, для этих категорий рабочих (горной, части металлической, текстильной и химической промышленности) делается исключение, а именно в порядке механического увеличения зарплаты им дается 35 млн руб. Но сумма эта чрезвычайно мала и может дать в лучшем случае повышение зарплаты на 1-2%, в то время как зарплата этих категорий рабочих стоит на столь низком уровне, что, например, "в горной промышленности распыляет квалифицированную рабочую силу, число забойщиков все уменьшается и из-за недостатка квалифицированной рабочей силы не выполнили программы" (речь тов. Беленького на пленуме ВЦСПС).

Тарифная реформа в этом отношении не выполнена и в малой степени. Если ленинградские текстильщики получали в прошлом году 25% средней зарплаты по губернии, то сейчас они отстают на 35,7%. Такие районы, как Урал, как были, так и остались отсталыми в отношении зарплаты. Средняя зарплата металлистов Урала равна 54 руб. 67 коп., в то время как средняя зарплата рабочих по СССР равна 70 руб. 50 коп. Это объясняется тем, что прошлогодняя 30-миллионная прибавка была совершенно недостаточна для проведения тарифной реформы, почему она и проводилась в большей степени за счет понижения сдельных расценок, 25% полученной т[аким] об[разом] экономии шло на проведение тарифной реформы, а остальные на снижение себестоимости. Таким образом, тарифная реформа была проведена преимущественно за счет увеличения интенсивности труда рабочего.

Не выполнена и вторая задача, возложенная на тарифную реформу. Удельный вес ставки в общей сумме заработка у сдельщиков в среднем по всей промышленности поднялся от 40% до 60%. Последние месяцы 1927/28 г. характеризуются падением удельного веса ставки. Рабочий напрягает свои силы, чтобы выработать возможно больше, ибо его гнетет растущая дороговизна жизни.

Выделенный фонд в размере 35 млн руб. совершенно недостаточен для завершения тарифной реформы. Очевидно, в этом году повторится то же, что и в прошлом, тарифная реформа будет проводиться за счет снижения расценок и понижения зарплаты более высоко оплачиваемых групп рабочих.

Минувший хозяйственный год характеризовался огульным пересмотром норм выработки. Например, по Югостали были пересмотрены нормы 60% сдельщиков, но Юмту -- 65%. В этом году предполагается пересматривать нормы в течение всего года. В передовой статье "Правды" от 29 сентября подтверждение этой линии дано, в передовой "Правды" и от 14/XI-28 г. по этому поводу сказано следующее: "В предстоящую колдоговорную кампанию, как правило, работа по конкретному установлению норм выработки и сдельных расценок должна быть отделена от кампании по перезаключению колдоговоров и проводиться систематически в течение всего года на основе более правильных методов нормирования".

Эта же линия проведена и в директивном письме к проведению

колдоговорной кампании ВСНХ и ВЦСПС. Подобная линия совершенно неприемлема. Как общее правило, нормы не должны в этом году пересматриваться вовсе. Интенсивность труда рабочих теперь весьма велика, и с дальнейшим нажимом в эту сторону необходимо решительно бороться. Пересмотр норм может допускаться лишь в случае технических изменений в самом процессе производства, причем достаточность причин, побуждающих пересмотреть нормы выработки, должна быть предварительно констатирована РКК.

В общем и целом, перспективы, которые открывают пряхи-партбюрократы рабочему классу, столь мало привлекательны, что все чаще и чаще на страницах печати выносятся предложения о продлении сроков действия колдоговоров. Немало защитников этого проекта было и на пленуме ВЦСПС. В итоге, там, "где нет достаточных оснований для пересмотра содержания и условий существующих коллективных договоров, признано целесообразным по соглашению между союзными и хозяйственными органами поставить на обсуждение рабочих вопрос о продлении полностью колдоговоров на 1929 г."

Только боязнь рабочей массы может толкать на подобные решения. Действительно, с чем идти к рабочему классу, если: 1) Заработная плата не повышается. 2) "Правовая часть, нормы и расценки не будут подвергаться пересмотру" (нормы и расценки пересмотрят потом "в порядке текущей работы", когда можно будет не обсуждать этот вопрос с рабочими, а ставить перед свершившимися фактами то одну, то другую группу их. 3) "Серьезные улучшения в области охраны труда тоже не связаны с проведением колдоговорной кампании, а 4) "такие моменты, как повышение норм спецодежды не могут служить платформой для перезаключения колдоговоров".

Подобная аргументация профсоюзных чиновников, стоявших на пленуме ВЦСПС за продление действия колдоговоров, со всей последовательностью вытекает из общей не пролетарской позиции, занятой всей проф- и партбюрократией.

II

Если столь неутешительна предстоящая кампания перезаключения колдоговоров, то еще менее утешительна заканчивающаяся кампания проверки выполнения старых договоров. Результаты более чем печальные: нет ни одного договора, который был бы выполнен целиком. "Обследование Крайсовпрофа (Ростов), -- пишет "Труд", -- дало сплошное игнорирование со стороны администрации тех обязательств, какие возлагаются на нее советским трудовым законодательством и коллективным договором. Обследование подтвердило, что профорганизации от высших до низших звеньев не ведут систематической и упорной борьбы с этими извращениями".

Проверка выполнения колдоговоров, которая должна быть систематической и каждодневной в течение года, проводится ныне или посредством специального обследования чисто аппаратным путем, или по истечении года, перед самым заключением нового колдоговора объявляется специальная кампания; не удивительно, что есть сообщения об еще совершенно не начавшемся выполнении колдоговора ни по одному пункту (Донбасс). По значительному большинству предприятий колдоговор выполняется менее чем наполовину.

Газеты сообщают: "Коллективные договоры по уральским металлургическим заводам Миусскому, Саткинскому, Кусинскому, Симскому и многим другим нарушаются в значительной части". "Нет ни одной шахты в Кузбассе, где был бы выполнен колдоговор", проверка правильности подсчетов зарплаты показала, что в 24 предприятиях из 28 обследованных имелись обсчеты рабочих (неправильная оплата ночных и предпраздничных часов и т. д.) (Донбасс). "Союзные организации проверяют, насколько предприятия и учреждения выполняют свои обязательства перед рабочими. Оказывается, что почти повсеместно многие пункты колдоговоров систематически нарушаются" (Харьков). "По крупнейшему Владимирскому хлопчатобумажному тресту из 50 пунктов колдоговора не выполнены полностью или частично 25".

Невыполнение и грубое нарушение колдоговоров носит повсеместный характер. Оно стало системой, посредством которой оторвавшиеся от рабочей массы парт- и профбюрократы пытаются найти обоснованный выход из хозяйственных затруднений за счет рабочего класса.

Главнейшие нарушения и невыполнения колдоговоров идут по линии зарплаты, охраны труда, рабочего времени, найма и увольнения рабочей силы, обязательств по отношению к подросткам и др.

Наиболее часто не выполняются следующие пункты колдоговоров:

1) Зарплата выдается не вовремя. Обычно в колдоговорах указывается, что зарплата должна выдаваться в рабочее время. Пункт этот грубо нарушается, рабочий должен затрачивать на получение зарплаты много времени за счет часов своего отдыха.

2) Зарплата выплачивается с задержкой, с опозданием на несколько дней. Встречаются случаи, что зарплата систематически выдается с опозданием на одну и более недель.

Происходит массовый обсчет рабочих. Для обсчета пользуются разными методами. Наиболее общепотребительны невыплата за простои, которые происходят не по вине рабочих, невыработка норм опять же не по вине рабочих, как, например, в Иваново-Вознесенске, где на хлопчатобумажных фабриках имели массовый характер невыработки вследствие того, что хлопок был заражен широй (рвань). На металлургических заводах брак не по вине рабочих не оплачивается администрацией полностью. Не оплачиваются сверхурочные, не компенсируется работа в ночное и праздничное время, а подчас и просто происходит неправильное исчисление среднего заработка. "Труд" пишет, что "по крупнейшим трестам Урала -- Уралмету, Уралплатине, Уралцветмету -- новые расценки по вине администрации введены были лишь только с марта и даже с мая месяца, причем никаких доплат рабочим произведено не было".

ТНБ работают на "глазок". Рабочих не вовлекают в работу ТНБ.

Вместо того чтобы придать широкий общественно-гласный характер работе ТНБ, их на деле превратили в бездушный и бюрократический аппарат.

ТНБ становится орудием в руках спецов и партчиновников, вызывая со стороны рабочих озлобление и недовольство.

Установление несправедливых расценок. Последние не-своевременно сообщаются рабочим. Произвольные расценки ТНБ нервируют рабочих. По громадному количеству заводов Урала и юга практикуется различная расценка в одном и том же предприятии по отношению к исполнению совершенно одинакового вида работ. Расценки часто не рассматриваются в РК.

Массовый характер имеют нарушения колдоговоров при переводах с одной работы на другую (вследствие простоев или срочности некоторых видов работ), причем переводимые рабочие оплачивались по выполняемой работе, а не по среднему заработку.

Практикуются переводы из одного разряда в другой, низший, с уменьшением заработка. Администрация делает это под видом упрощения работ.

Практикуются частые переброски с одного вида работ на другой, причем рабочих не оплачивают по старой расценке, а выработка на новой работе, как бы квалифицирован рабочий ни был, должна в первое время упасть. В результате частых перебросок рабочие деквалифицируются.

При общем пересмотре норм и расценок в прошлом году ссылались на рационализацию производства. В огромном большинстве случаев эта рационализация проводилась за счет рабочего и результатом ее было уплотнение работ.

Широко практикуется прием временных рабочих на постоянную работу. Временных рабочих держат по месяцам и не зачисляют в штат. На этом администрация выгадывает спецодежду, не выплачивает выходные пособия и т. д. Экономия на этой статье пользуется достаточной популярностью. В Москве ("Труд" от 24/X-[19]28 г.) спрос на рабочую силу приходится преимущественно на временные работы. Так, из 384958 мест, заявленных в Моск[овской] бирже труда за апрель-сентябрь, на временные работы падает 351057 мест.

Рабочее время удлиняется сверх 8 часов, несмотря на готовящийся переход к семичасовому дню. Сообщений об этом более чем достаточно. Сверхурочные работы применяются в ряде мест чрезвычайно широко. 42-часовой рабочий отдых сплошь и рядом сводится на нет.

"Шестичасовой рабочий день на шахтах в Донбассе еще до сих пор не проведен, -- пишут газеты. -- Там же, где он уже осуществлен, он проходит безобразно, со снижением заработной платы некоторых категорий рабочих". По 184 шахтам Донугля 34,8% угольных рабочих пересидивают свыше 6 часов от 10 минут до 2 часов" ("Труд" от 6/XI). В то же время в "Черемхове" рабочий день загонщиков длится 8-9 часов.

9. Обязательства, налагаемые колдоговорами на администрацию по отношению к детям рабочих, подросткам, не выполняются. Начатая в центре борьба против фабзаучей докатилась на места в виде проведения ряда мер, направленных к сохранению фабрично-заводского ученичества, незаполнения брони, свертыванию профессионально-технических курсов и т. д. В ряде мест значительная часть молодежи остается без квалификации. Окончившие ФЗУ по несколько лет числятся в запасе. "Квалифицируют для бирж труда", -- как

про-низируют печать рабочей молодежи. Не выводят подростков из брони, нанимая рабочих со стороны. Нажим на рабочую молодежь проявляется и в виде применения неправильных разрядов и несправедливых тарифов.

Недавно принятый закон о нормах брони подростков (от 1 августа 1928 года) значительно снижает существующие нормы.

10. Не выполняются колдоговора в части спецодежды. Спецодежда по ряду заводов вовсе не выдается. Зачастую выдается с опозданием на полгода и более. Качество спецодежды повсюду совершенно неудовлетворительное. Во многих предприятиях она не соответствует характеру работы. Спецодежда не заменяется по мере действительного ее износа, а в зависимости от действующих сроков носки.

11. Особенно часты случаи нарушения колдоговоров в части устройства яслей, бань, прачечных, столовых и т. д., затрагивающие наиболее забитую часть рабочей массы, женщин-работниц.

Совершенно не выполняются нормы Наркомздрава относительно охвата детей работниц яслями: вместо 180 мест в яслях на 1000 работниц приходится в настоящее время от 10 до 76 ("Труд" от 13/XI [19]28 г.).

12. Повсеместно экономятся средства на проведение мероприятий по технике безопасности.

Т[оргово]-п[ромышленная] г[азета] пишет: "Не использованы средства на технику безопасности по Днепропетровщине, на всех без исключения заводах металлопромышленности (зав[оды] им. Петровского, Коминтерна, Карла Либкнехта и др[угие]). Неудовлетворительное положение работ по технике безопасности ведет к тому, что за три квартала на металлургических заводах Днепропетровска зарегистрировано 7200 несчастных случаев. Травматизм составляет у металлистов 44% общей заболеваемости рабочих. На заводе им. Ленина на каждых 2 раб[очих] в году приходится 3 несчастных случая".

"Наркомтруд Украины выяснил, что из 12 млн руб., ассигнованных на мероприятия по технике безопасности, израсходовано только 38%, а по некоторым предприятиям от 5 до 10%".

На Урале массовый характер носит невыполнение плана работ по охране труда. Из назначенных сумм израсходовано только 12-20%.

В результате, количество несчастных случаев сильно растет. Растут они и в Москве: на заводе "Трубсоединение" (Армтрест) число несчастных случаев за 26/27 г. на 1000 полных годовых рабочих с утерей трудоспособности более 3 дней -- 1057, на пуговичной фабрике им Балакирева -- 788, Машиностроительном заводе Красной Пресни -- 610. Несмотря на это, МСНХ предусмотрел уменьшение затрат на охрану труда ("Рабочая Москва").

Только по РСФСР за 1926/27 г. остались неиспользованными 5,5 млн руб., а за [19]27/[19]28 г. -- 8,2 млн руб. В результате "техника безопасности в большинстве своем существует только для регистрации несчастных случаев" ("Торгово-промышленная газета" от 20/X 28 г.).

Достаточно известны тяжелые условия рабочего жи-лья. В ряде

колдоговоров указывается на ремонт жилья. Этот пункт по крупнейшим рабочим районам не выполняется.

14. Вопиющие безобразия наблюдались при сокращении рабочих по рационализации. Выходное пособие по рационализации, как общее правило, получали только рабочие рационализированного цеха, тогда как увольняемые по причине рационализации в данном цехе рабочие других цехов получали лишь обычное выходное пособие. РКК должна внимательно изучать причины увольнения каждого рабочего и, если увольнение связано с рационализацией, хотя бы и не в том цехе, где работал увольняемый рабочий, РКК должна требовать выходного пособия по рационализации.

III

В платформе большевиков-ленинцев (оппозиции) было выставлено требование обеспечения восьмичасового рабочего дня, этого основного завоевания Октябрьской революции. Это серьезное обоснованное требование перекрыли демагогическими выкриками о семичасовом рабочем дне. Что же показывает действительность? "Труд" от 11 ноября 1928 г. в статье под многозначительным заголовком "Обеспечен ли рабочим 8-часовой рабочий день" пишет: "Оказывается, в текстильной промышленности нарушения 8-часового рабочего дня носят массовый хронический характер".

Очевидно, понадобился целый год после заявления оппозиции, для того чтобы ЦК текстильщиков начал интересоваться вопросом: "Гарантирован ли рабочим 8-часовой рабочий день"...

Одновременно практика перехода на 7-мичасовой рабочий день убедительно показала, насколько правы были большевики-ленинцы, когда указывали в свое время на несвоевременность перехода на сокращенное рабочее время и необходимость серьезнейшей экономической и технической подготовки этого мероприятия.

Председатель Правительственной комиссии по проведению 7-мичасового рабочего дня нарком труда Шмидт, перечислив ряд "положительных моментов", вынужден был заявить, что, "к сожалению, все эти положительные моменты в значительной мере умаляются недочетами при проведении 7-мичасового рабочего дня". 7-мичасовой рабочий день проводился без достаточной, а в целом ряде случаев вообще без всякой подготовки. Опыт перевода текстильных предприятий на 7-мичасовой рабочий день и три смены показал следующее: а) рабочие, набранные вновь на фабрику (числом около 20 тыс.), не были обеспечены жилищами; б) вследствие уплотнения работы были поставлены столь высокие требования интенсивности труда рабочих, что они, особенно в третьей ночной смене, оказались совершенно невыполнимыми; женщины (а в текстильном производстве женщины составляют до 60% всех рабочих), работая ночью, а днем будучи вынужденными заниматься домашним хозяйством, чрезвычайно сильно утомлялись и, таким образом, попадали в совершенно невыносимые условия; в) номинальная зарплата на предприятиях, переведенных на 7 часов, росла медленнее, нежели на предприятиях, не переведенных на 7 часов, что объясняется сильным нажимом на интенсивность труда путем повышения норм,

снижения расценок и уплотнения труда; г) условия на предприятии с точки зрения охраны труда были весьма неудовлетворительными: скверная вентиляция, высокая температура, особенно в третьей смене и т. п. 7-мичасовой рабочий день не был оправдан экономически и не нашел положительного политического отклика в рабочем классе. Все это привело к тому, что политический эффект этого мероприятия был весьма мал, что должен был признать и Шмидт на пленуме ВЦСПС. У нас нет никаких гарантий, что старые ошибки не будут повторены и что самая идея перехода на 7-мичасовой рабочий день не будет окончательно скомпрометирована. В течение 1928-[19]29 г. намечено к переводу на 7-мичасовой рабочий день более 200 предприятий с числом рабочих около 250 тыс. 41 предприятие переводится к XI годовщине Октября. Уже это обстоятельство само по себе говорит за то, что перевод на 7-мичасовой рабочий день проводится без должной подготовки. Проводить такое мероприятие в порядке кампании нельзя -- это надо заявить совершенно определенно. Если в прошлом году переход на 7-мичасовой рабочий день связывался с введением третьей смены, то в этом году в большинстве случаев, особенно в текстильной и табачной промышленности, дополнительная смена введена не будет вследствие сырьевых затруднений. Нетрудно понять, что если предприятие переводится на 7-мичасовой рабочий день по причине сырьевых затруднений, то в такой обстановке 7-мичасовой рабочий день не является достижением, а, наоборот, свидетельствует о затруднениях в промышленности.

В связи с колдоговорной кампанией важно поставить вопрос о тарифе отчислений по социальному страхованию. Целый ряд страховых органов переживает серьезный финансовый кризис: в Харькове, Донбассе, Минске, Омске и т. д. И этот кризис переживался, несмотря на незначительность пособий по всем видам социального страхования, несмотря на ограниченное число лиц, получающих, например, пособия по безработице. 1927/28 г. снова принес повышение числа безработных. Безнадежность поисков работы и весьма низкое пособие, да и то небольшому числу безработных (не более 30% зарегистрированных на Бирже труда получает пособие), вызывали волнения безработных в ряде городов. В 1927/28 г. на помощь безработным было ассигновано 134,7 млн руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного был равен 14,5 руб.-- цифра явно недостаточная. Средний размер союзного пособия был равен примерно 8-10 руб. В 1928/29 г., согласно К[онтрольным] Ц[ифрам], ассигнования на безработицу будут увеличены до 165,8 млн руб., а средний размер пособия квалифицированного безработного возрастет до 15,5 руб., т.е. реально останется в лучшем случае на уровне 1927/28 г. Подобное положение приведет к серьезным политическим последствиям. Необходимо требовать расширения круга безработных, получающих пособие, и увеличения фондов помощи безработным профсоюзам. Кризис финансов социального страхования, так же как и настоятельная необходимость усилить эту работу, должны заставить отказаться от применения льготных тарифов отчислений хозорганов на соцстрах. Хозорганы должны отчислять по нормальному, но не по льготному тарифу. Это требование должно быть оговорено в специальном пункте

колдоговора.

Практика настоящего времени показывает, что из фондов социального страхования производится изъятие средств на посторонние социальному страхованию нужды. Эта практика должна быть решительно ликвидирована.

IV. Наши требования

Необходимо требовать механического увеличения зарплаты на 5%. При запроектированном Госпланом повышении зарплаты на 7%, из которых 1,5-2% падает на механическое повышение зарплаты, а на "самотек" -- 5%, общий рост зарплаты составит тогда 10%. Эта цифра соответствует запроектированному темпу роста доходов сельского населения (9,6%). Меньший процент повышения зарплаты означал бы понижение удельного веса дохода пролетариата в общем доходе страны, т.е. иными словами, -- перераспределение национального дохода не в пользу рабочего класса.

Наряду с этим, необходимо требовать радикального пересмотра способов измерения реальной зарплаты, в частности радикального пересмотра ныне действующего индекса стоимости жизни, как находящегося в вопиющем противоречии с действительностью.

Находящийся в особенно тяжелом положении женский труд должен быть улучшен. В то время как средний заработок промышленного рабочего по всему Союзу равен 70 руб. 50 коп., средний заработок работницы составляет всего лишь 45 руб., т.е. около 65% среднего заработка рабочего. Зарплату работницы нужно подтянуть.

Неудовлетворительное проведение тарифной реформы заставляет требовать увеличения размера правительственного ассигнования на проведение реформы, отказа от огульного пересмотра норм и расценок и снижения заработка у сколько-нибудь значительных групп рабочих. В случае невозможности провести реформу за счет правительственного ассигнования и без пересмотра норм и расценок, -- не проводить ее вовсе. Ввиду явной недостаточности ассигнований в [19]27/28 г. на охрану труда и неиспользования их по прямому назначению необходимо требовать увеличения ассигнований на мероприятия по охране труда, в частности на мероприятия по технике безопасности.

Нужно самым решительным образом возражать и не допускать удлинения сроков действия колдоговоров.

Нужно со всей решительностью начать борьбу с практикующимися в настоящее время массовыми обсчетами рабочих, незаконными приемами, увольнениями и установлением несправедливых расценок. Лозунг -- равная зарплата за равный труд -- остается в полной силе.

Нужно бороться против сокращения норм брони и ассигнований на школы фабзавуча, нужно поставить вопрос о своевременной квалификации подростков.

Нужно требовать прекращения злоупотреблений с временными рабочими, особенно опасными ввиду массового их характера. Мы выдвигаем требование, чтобы администрация согласовывала с профсоюзными органами перечень временных

работ во избежание злоупотреблений в этой области.

Нужно требовать отказа от проведения 7-мичасового рабочего дня в порядке кампании.

Следует добиваться упразднения льготного тарифа по социальному страхованию.

В качестве общего требования нужно выставить лозунг "100% [-ное] выполнение колдоговоров".

Наконец, в связи с колдоговорной кампанией нужно выставить требование улучшения снабжения рабочих продуктами питания и предметами первой необходимости, без чего подвергается опасности жизненный уровень рабочего.

Все эти требования предполагают самую решительную борьбу против профсоюзных и партийных бюрократов за действительную рабочую и партийную демократию.

СПРАВКА

о деятельности троцкистской оппозиции

в празднование Одиннадцатилетия

Октябрьской революции

12 ноября 1928 г.

Деятельность троцкистской оппозиции за время октябрьских торжеств была значительно слабее в сравнении с предыдущими выступлениями (см. сводку РК от 1 ноября с. г.)184.

На торжественных собраниях предприятий, посвященных Одиннадцатой годовщине Октября, в прениях по докладам оппозиционеров не было.

5 и 6 ноября разбрасывались и расклеивались листовки, посвященные празднику и якобы произведенным арестам троцкистов.

В воззваниях говорится, что оппозиция год назад требовала наступления на нэпмана и кулака. Требовала выполнения завещания Ленина, улучшения материального положения рабочих и что прошедший год целиком подтвердил взгляды оппозиции. Руководство партии оказалось несостоятельным и неспособным на решительную борьбу с правой опасностью, и оно привело к осложнению международной и внутренней обстановки. В воззваниях требуется: повышения зарплаты, организации союза бедноты, созыва чрезвычайного партсъезда на основе тайного голосования, освобождения арестованных и высланных оппозиционеров и восстановления их в партии. Выдвинут лозунг выборов оппозиционеров в партийные и профессиональные организации и в Моссовет.

На фабриках NoNo 2, 3 и 5 Москвошвей, "Пролетарский труд", имени Петра Алексеева185 и целом ряде других предприятий разбрасывались листовки.

На внешних стенах мебельной фабрики имени Рыкова вечером 6 ноября были наклеены листовки, ячейка их срывала, а утром 7 числа были вторично расклеены листовки.

В типографии "Гудок" в раздевальных ящиках были разбросаны листовки.

На заводе "Пролетарский труд" накануне праздника в 11 часов ночи неизвестно для чего пришел один рабочий завода -- оппозиционер, а спустя некоторое время обнаружили листовки.

На фабрике No 5 Москвошвей по докладу об Одиннадцатой годовщине Октябрьской революции докладчику оппозиционерами поданы следующие вопросы:

1) Как фамилии возглавляющих правый уклон и почему их скрывают от партии. 2) Вы сказали: правая и левая опасность для страны вредны. Мы хотим знать, почему за левую опасность загоняют в Алма-Ату и в Нарым и сажают в тюрьмы, а правым дают руководящие посты. 3) Дорогой докладчик, хороши успехи у рабочего класса. Партийным и профбюрократам повышают партмаксимум три раза в год, теперь дошли до 275 рублей, а рабочему классу, ввиду отсутствия продуктов, приходится покупать их на частном рынке и реальная зарплата падает, а ее не повышают.

ноября листовки разбрасывались на Красной площади среди демонстрантов.

В колонну завода "Авиаприбор" около мавзолея Ленина неизвестным брошена пачка листовок (штук 40).

После прохождения колоннами трибуны около храма Василия Блаженного проходящим демонстрантам раздавались листовки.

Когда с Красной площади проходила фабрика "Пролетарский труд", один человек (по непроверенным сведениям, "Свердловец186") кинул в колонну пачку листовок.

Нужно заметить, что оппозиционеры -- рабочие предприятий (фабрики NoNo 2, 3 и 5 Москвошвей) шли на демонстрацию в колоннах со всеми фабриками и никаких выступлений с их стороны не было.

8 ноября оппозиционерами разбрасывались листовки на работавших предприятиях. В хлебопекарне No 26 какая-то женщина бросила в окно через решетку пачку листовок и скрылась. В эти же дни листовки разбрасывались и по общежитиям.

Листовки большей частью печатались типографским шрифтом, но ручным способом, часть же на стеклографе. Особо отмечается, что на части листовок указывается, что печатались в Ленинграде.

Необходимо отметить, что ячейки приняли решительные меры для борьбы с распространением листовок.

Зав. Информ[ационным] П[од]отделом
(Гречушкин)

ОКТЯБРЬСКАЯ ГОДОВЩИНА В МОСКВЕ

Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции в Москве прошла в условиях чрезвычайных мер охраны, предпринятых трусливым партийным руководством. За

десять дней до праздника начались аресты большевиков-ленинцев, обыски и засады в их квартирах, продолжавшиеся 29, 30 и 31 октября. Всего в эти дни арестовано было 50 товарищей. Не ограничившись этим, партийное руководство распорядилось через райкомы и ГПУ установить усиленное наблюдение за рабочими-оппозиционерами, о чем последние были предупреждены теми самыми партийцами, которым многомудрое начальство поручило вести наблюдение. Были "подтянуты" созданные месяца два назад дружины свистунов и громил, получившие наименование "дружин по борьбе с оппозицией". На обязанность этих дружин была возложена организованная охота за листовками оппозиции и теми, кто их расклеивает. Бюро ячеек посвятили очередной кампании борьбы с оппозицией специальные заседания, где обсуждались директивы начальства не допустить выступлений большевиков-ленинцев на вечерах воспоминаний. Вопросом чести для аппаратчиков было выполнить эту директиву, и они выполнили ее -- отменив вечера воспоминаний вовсе. Собственно, вечера воспоминаний были, были докладчики и доклады, но рабочим вспоминать не разрешалось, т. к. нужно было выполнить директиву.

Несмотря, однако же, на все строгие предупредительные меры, листовка большевиков-ленинцев была распространена на многих предприятиях 5 и 6 ноября, разбрасывалась в колоннах демонстрантов и даже на Красной площади, перед трибуной. Об этом свидетельствует казенная сводка от 12 ноября за подписью некоего казенного информатора Гречушкина¹⁸⁷. Этот информатор меланхолически повествует: "5 и 6 ноября разбрасывались и расклеивались листовки, посвященные празднику и якобы (якобы!) произведенным арестам троцкистов"... "На фабриках NoNo 2, 3, 5 Москвошвей, "Пролетарский труд", имени Петра Алексеева и целом ряде других предприятий разбрасывались листовки. На внешних стенах мебельной фабрики имени Рыкова вечером 6 ноября были наклеены листовки, ячейка их срывала, а утром 7 числа были вторично расклеены листовки. В типографии "Гудок" в раздевальных ящиках были разбросаны листовки. На заводе "Пролетарский труд"... обнаружались листовки..." "7 ноября листовки разбрасывались на Красной площади среди демонстрантов. В колонну завода "Авиаприбор" около мавзолея Ленина неизвестным брошена пачка листовок. После прохождения колоннами трибуны, около храма Василия Блаженного, проходящим демонстрантам раздавались листовки. Когда с Красной площади проходила фабрика "Пролетарский труд", один человек кинул в колонну пачку листовок..." "8 ноября оппозиционерами разбрасывались листовки на работавших предприятиях. В Хлебопекарне No 26 какая-то женщина бросила в окно через решетку пачку листовок и скрылась. В эти же дни листовки разбрасывались и по общежитиям".

Это меланхолическое повествование казенного информатора заканчивается бурным бюрократическим аккордом: "Необходимо отметить, что ячейки приняли решительные меры для борьбы с распространением листовок".

Ну, еще бы. Разве напрасно тратится миллион рублей на бюрократически-паразитический аппарат партии и профсоюзов? Разве напрасно попечительное начальство повысило перед праздником партийный максимум (и

только испугавшись возмущения рабочих, задержало его проведение в жизнь)? Только и здесь, в деле борьбы с оппозицией, аппарат сфальшивил и не справился с задачей. Примеров достаточно приведено в казенной сводке. Но она далеко не полна. Мы можем прибавить многие десятки крупнейших предприятий Москвы, где были разбросаны тысячи оппозиционных листовок (среди них "Морзе", МОГЭС, "Икар", "АМО", "Динамо", "МЭМЗА", "Красная роза", "Каучук", трамвайные парки и многие др[угие]). И мы можем сообщить сотни случаев, когда рабочие, партийные и беспартийные, распространяли эти листовки и не потому ли всемогущие бюрократы оказались бессильными бороться с оппозицией перед 7-м, 7-го и после 7-го ноября, что с ней была рабочая масса.

Одиннадцатая годовщина Октябрьской революции в Москве свидетельствует, что никакими репрессиями, гонениями и издевательствами ленинской оппозиции от рабочего класса не оторвать.

Большевики-ленинцы (оппозиция)

Товарищ, прочитай, передай другому! [После 12 ноября 1928 г.]

Л. Троцкий. ЧТО ТАКОЕ СМЫЧКА?

Слово это вошло в международный обиход. Ни о чем так много не говорили после смерти Ленина, как о смычке. И, пожалуй, ни в одной области так много не путали, как в этой. В сущности, всю теорию социализма в отдельной стране вывели из смычки. Ход мыслей был таков: раз смычка есть правильное или становящееся все более правильным взаимоотношение между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, то не ясно ли, что постепенное, хотя бы и медленное, развитие производительных сил на фундаменте смычки автоматически ведет к социализму (если не помешает интервенция).

Все это рассуждение построено на целом ряде ученических ошибок. Оно исходит, прежде всего, из того, будто смычка уже осуществлена. Кризис хлебозаготовок 188 явился решающим опытным опровержением этой мысли, которую мы задолго до того подвергли теоретической критике. Но и действительно осуществленная смычка между промышленностью и крестьянским хозяйством представляла бы собой не фундамент будущего национального социалистического хозяйства, а лишь фундамент правильных и устойчивых взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством отдельной страны на весь период "передышки", т. е. либо до войны, либо до революций в других странах. Победа пролетариата в передовых странах означала бы для нас радикальную перестройку самого хозяйственного фундамента в соответствии с более продуктивным международным разделением труда, которое одно только и может создать настоящий фундамент для социалистического строя.

Наконец, третья ошибка состоит в том, что в течение переходного периода

смычка, даже и достигнутая в том или другом виде, сегодня вовсе не заключает в себе гарантии своей устойчивости на завтрашний день. От дисгармонического и потому кризисного капиталистического хозяйства мы стремимся перейти к гармоническому социалистическому хозяйству. Но переходный период вовсе не означает постепенного потухания противоречий и смягчения кризиса. Наоборот, уже и теоретический анализ должен предсказать, что сосуществование двух систем, капиталистической и социалистической, одновременно и борющихся между собой и питающих друг друга, должно, время от времени, придавать кризисам неслыханную остроту. Плановое начало и, не в последнем счете, регулировка цен если не парализуют, то крайне ослабляют механизм рынка, который по-своему преодолевает капиталистические противоречия.

Плановое начало в переходный период по самому существу своему является в известной мере инструментом обобщенных кризисов. Это совсем не парадокс. Плановое начало, в условиях переходной эпохи применяемое впервые, в отсталой стране, да еще с зыбкими международными экономическими отношениями, уже в самом себе заключает огромный риск просчетов. Лаплас¹⁸⁹ говорил, что мы могли бы предвидеть будущее во всех областях, если бы имели ум, способный учитывать все процессы вселенной, понимать их взаимодействие и проецировать их будущее. Такого ума не было и у Лапласа. Не будем вдаваться в вопрос о том, каков процент Лапласов в нынешнем руководстве. Необходимость априорного разрешения хозяйственных задач, которые формулируются уравнением с огромным числом неизвестных, неизбежно ведет к тому, что путем плановой регулировки и пригонки частей устраняют иногда частные затруднения, загоняя их внутрь и накапливая и подготавливая таким путем обобщенные кризисы, которые взрывают уже как будто наладившиеся экономические взаимоотношения.

Если прибавить к этому низкий теоретический уровень и практическое короткомыслие хозяйственного руководства, то нетрудно понять, что плановое начало может стать самоубийственным орудием, доводя кризисы до напряжения, угрожающего всей системе в целом.

Классическим примером является все тот же хлебозаготовительный кризис, ибо он идет по линии взаимоотношений между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, т.е. именно по линии уже будто бы обеспеченной смычки. Все на том же Седьмом пленуме ИККИ, который осудил оппозицию, а с нею вместе и марксизм, Бухарин, как известно, выбрал как раз вопрос хлебозаготовок обеспеченность¹⁹⁰ автоматического укрепления смычки и социализма. Бухарин говорил:¹⁹¹

Это его обличение, столь широко скомпрометированное дальнейшим ходом хозяйственной жизни, полностью вытекает из механического представления об экономике переходного периода как об экономике потухающих противоречий. Наиболее абстрактным и наиболее законченным в своей схоластической безжизненности выражением этого взгляда явилась та статья Бухарина, которая мотивировала постановление Седьмого пленума ИККИ о нашем социал-демократическом уклоне. Статья эта из абстракции оценки дедуктивно выводила абстракцию социализма в отдельной стране и требовала от нас, чтобы

мы указали тот пункт, ту грань, где планомерный процесс укрепления смычки и ее перерастания в единое плановое хозяйство мог бы быть прерван какими-либо внутренними факторами. Бухарин писал:192

В эту схему возрастающей гармонизации взаимоотношений города и деревни и экономики вообще Бухарин без труда включал все практические хозяйственные вопросы. Крестьянство обогащалось, кулак вращался в социализм. Незачем говорить, что хлебозаготовки шли из года в год лучше. Мы говорим о бухаринской схеме. В речи своей на Седьмом пленуме ИККИ Бухарин выбрал вопрос о хлебозаготовках для иллюстрации противоречия между троцкистским и партийным пониманием хозяйственных проблем. Вот что сказал Бухарин:193

Рыкову пришлось в июле 1928 года признавать, что он на Пятнадцатом съезде давал неправильную оптимистическую картину хозяйства, не предвидя хлебозаготовительного кризиса и его остроты. Между тем, этот кризис был совершенно точно предсказан в ряде документов оппозиции, а еще раньше в нашем докладе о промышленности на Двенадцатом съезде, когда впервые была формулирована проблема ножиц194.

Предупреждение, несмотря на всю свою ясность, не было ни усвоено, ни даже понято. Наоборот, оно послужило основой для обвинений в сверхиндустриализме, которые в свете нашего хозяйственного опыта не могут быть иначе названы, как идиотскими.

Какой процент в хлебозаготовительном кризисе заложен в объективных противоречиях планового начала в крестьянской стране, а какой вытекал из мелкобуржуазного, пассивно-выжидательного хвостистского отношения к проблеме смычки, на этот вопрос, конечно, нельзя ответить с математической точностью. Но совершенно несомненно, что исключительное сгущение кризиса является результатом теоретической схоластики и практического короткомыслия.

Положительная проблема смычки с 1923 года встала, как отрицательная проблема ножиц. Административное регулирование цен при неправильной политике в области распределения национального дохода и в вопросе о диспропорции загоняло, до поры до времени, противоречия внутрь, скрывая их от глаз и питая бухаринскую иллюзию потухающих противоречий. От руководителя торговли Микояна мы слышали в 1926 году, что если государственные тресты с трудом поддаются регулировке, то в отношении хозяйственных функций в деревне задача осуществлена на 100%. Это то же самое, как если бы сказать, что...195

Таким образом, теоретическая схоластика переходного периода заполнялась практикой спиритизма в руководстве внутренней торговлей. Хлебозаготовительный кризис 1927 года явился оптовой расплатой за блуждания и ошибки предшествующих лет, вернее сказать, началом расплаты.

Проблема ножиц дает проблеме перерастания демократической революции в социалистическую совершенно точное рыночно-числовое выражение.

От уничтожения самодержавно-помещичьего режима крестьянство выгадало на земельной ренте и налогах около пятисот миллионов рублей. На ножицах, т. е.

на изменении соотношения промышленных и сельскохозяйственных цен, крестьянство теряет около полутора миллиардов в год. Таковы основные индексы смычки. Крестьянский выигрыш на земельной ренте есть окончательный баланс демократической революции. Крестьянский проигрыш на ножницах цен есть не окончательный, а сегодняшний баланс социалистической революции. Государственная промышленность обменивает продукты на продукты крестьянского труда с миллиардным минусом для крестьянина по сравнению с довоенным временем. Когда эти иллюстративные цифры были впервые приведены нами на одном из пленумов ЦК, их попытались, разумеется, оспорить. Яковлев, известный укротитель цифр, попытался свести ценностный дефицит крестьянского хозяйства к тремстам-четыремстам миллионам рублей. Хлебная забастовка верхних слоев крестьянства показала, что справиться с хозяйственной материей труднее, чем с ее статистическим отражением. Но даже и укротитель арабских цифр Яковлев не решился отрицать, что баланс двух революций, демократической и социалистической, сводится пока для крестьянства -- при одном положительном слагаемом и другом отрицательном -- с итоговым минусом в несколько сот миллионов.

Разумеется, под демократической революцией я имею в виду не февральскую, которая ничего мужику не дала, а октябрьскую, которая радикально разрешила аграрный вопрос. Крестьянство очень четко различало демократический и социалистический этапы революции, высказываясь за большевиков, но против коммунистов. Отступление НЭПа явилось прямым результатом мужицкого подсчета выгод и убытков от демократической и социалистической революции.

Практически задача смычки на основах НЭПа формулировалась так: добиться того, чтобы государственная промышленность и торговля обменивали "социалистические" продукты на продукты распыленного крестьянского хозяйства по крайней мере в такой же пропорции, в какой это делал довоенный капитализм, а затем и в такой, в какой это делает мировой капиталистический рынок. Своевременное сжатие ножниц до довоенного уровня означало бы разрешение проблемы смычки -- не навсегда, но на некоторый период, [разрешение] задачи дальнейшего равнения по ценам мирового хозяйства.

Нет таких календарей, которые указывали бы сроки, в течение которых мы обязаны разрешить эти задачи. Но перетягивать сроки нельзя. Хронический хлебозаготовительный кризис свидетельствует о том, что сроки перетянуты и что чем дальше, тем более героические меры нужны для выхода из кризиса.

Подойдем теперь к этому противоречивому хозяйственному процессу с критерием Седьмого пленума ИККИ: чем является наша революция "сама по себе"? В свете основных экономических процессов и фактов на этот вопрос приходится ответить так: наша революция имеет противоречивый и двойственный характер. Даже если оставить в стороне вопрос о том, в какой мере революция справилась на двенадцатом году с вопросом о материальном положении промышленных рабочих, то остается тот неоспоримый факт, что социалистическая сторона октябрьской революции ложится пока еще тяжелым дефицитом на бюджет

крестьянства, т. е. подавляющей массы населения. Замазывать этот факт могут только труссы из породы реакционных национал-социалистов или американизированные дельцы, которые из всей американской техники усвоили пока что главным образом технику пускания пыли в глаза.

Крестьянин пытался противопоставить большевика коммунисту, т. е. по существу -- революционного демократа социалистическому реорганизатору хозяйства. Если бы это были действительно две разные политические породы, выбор не представлял бы для мужика никаких затруднений: он поддержал бы большевика, от которого получил землю, против коммуниста, который покупает у него задешево хлеб и доставляет ему по дорогой цене и в недостаточном количестве промышленный товар. Но вся суть в том, что большевик и коммунист -- одно и то же лицо. Вытекает это из того, что демократический переворот явился лишь вступительной частью социалистической революции. Мы опять возвращаемся к марксовой формуле о диктатуре пролетариата, которая оказалась подперта крестьянской войной. Если бы крестьянин получил землю из рук демократической диктатуры, а не пролетарской, тогда советский режим при нынешнем соотношении цен не мог бы, вероятно, продержаться и года. Но дело в том, что тогда советский режим не мог бы и установиться. Об этом у нас с достаточной полнотой сказано в другой главе. Здесь мы вскрываем, какое полновесное содержание сохраняет и до сего дня вопрос о политических путях перерастания демократической революции в социалистическую. Только потому, что аграрный вопрос как революционно-демократический вопрос был разрешен не через демократическую, т. е. мелко-буржуазную, а через пролетарскую диктатуру, только благодаря этому факту [крестьянин] не только поддержал советскую власть в ожесточенной трехлетней гражданской войне, но и мирился с нею, несмотря на длительную убыточность для мужика государственной промышленности.

Демократическая и социалистическая революции в деревне еще не срослись. Не в том смысле не срослись, что деревня еще не перестала быть деревней -- эта задача имеет пока что лишь перспективный и отдаленный характер. Даже не в том смысле, что социалистическая промышленность на деле доказала крестьянину свою возрастающую для него выгоду по сравнению с капитализмом. Нет, мы имеем в виду гораздо более скромный этап: социалистическая промышленность далеко еще не сравнялась с довоенной капиталистической в обслуживании деревни. Ножницы цен постоянно возобновляют разрез между демократической и социалистической революцией, придавая ему острый политический характер. До тех пор, пока этот разрез не зарубцевался, нельзя говорить о том, что создан фундамент -- не фундамент самостоятельного социализма, а фундамент правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством в течение того же периода, который отделяет нас от победоносной революции пролетариата в передовых капиталистических странах.

Из нашего анализа апологеты капитализма и мелкобуржуазные реакционеры, в первую голову меньшевики, сделают вывод о необходимости возврата к капитализму. Им попытаются помочь официозные кляузники, которые скажут, что

из моего анализа и нельзя сделать другого вывода. А так как мой анализ не может быть опровергнут, ибо он опирается на фундамент несомненных и правильно объясненных процессов, то официозные критики будут только с другого конца подталкивать мысль в сторону меньшевистских выводов. Между тем, из моего анализа вытекает не экономическая необходимость возвращения к капитализму, а политическая опасность реставрации капитализма. Это совсем не одно и то же. Сказать, что государственная промышленность пока менее выгодна для крестьянина, чем довоенный капитализм, вовсе не значит сказать, что возвращение к капитализму в нынешних условиях было бы для крестьянина выгоднее даже сегодняшнего положения вещей. Нет, возвращение к капитализму означало бы прежде всего страшное напряжение борьбы внутри мирового империализма за право распоряжаться Россией No 2. Это означало бы, в свою очередь, включение России в цепь империализма как заведомо подчиненного звена, т. е. на полуколониальных началах. Это значило бы превращение крестьянина [в] данника империализма при чрезвычайной задержке развития производительных сил в стране. Другими словами, Россия заняла бы свое место не в ряду Соединенных Штатов, Англии, Франции и т. д., а в том ряду, где значатся Индия и Китай.

Но все эти соображения относятся к области исторического прогноза. Реакционность меньшевиков и оттобауэровщины в том и выражается, что они берут капитализм "в отдельной стране" вместо того, чтобы рассматривать вопрос о судьбах капиталистической России в свете международных процессов.

Трудно требовать и трудно ждать, чтобы крестьянин в своем отношении к советской власти руководствовался сложным историческим прогнозом, как бы ни был этот последний ясен и неоспорим для каждого серьезного марксиста. Даже пролетариат, тем более крестьянство исходит из жизненного опыта. Колониальная кабала есть историческая перспектива. Но вместе с тем жестокая реальность. Вот почему из нынешнего положения, которое все еще характеризуется отсутствием фундамента смычки, вытекает не историческая необходимость возврата к капитализму, а политическая опасность его реставрации.

[Ноябрь 1928 г.]

ИЗ ДОКЛАДА УГЛАНОВА НА ПЛЕНУМЕ МК И МКК

"В области внешней торговли пассивный баланс (минус 145 милл. руб").

"В области себестоимости продукции -- в первом полугодии программное задание не выполнено".

"В области снижения цен" -- реальных достижений "по понятным причинам" -- нет.

Безработица увеличилась на пятьдесят с лишним тысяч человек.

5. "Посевная площадь под зерновыми культурами сократилась на 3,4% ([19]27 г. - 87 миллионов десятин, в [19]28 г. 84 мил. десятин).

6. "В области текстильной промышленности: а)хлопка не хватает в общей

сумме на 150 мил. руб.: б) положение со льном тяжелое, хотя цены на лен и подняты на 22%; в) в отношении шерсти неизбежно напряжение (шерстяная промышленность в нынешнем году будет стоять 5-6 дней")

7. "Трудно сейчас сказать что-либо конкретное о перспективах на будущий год". "Все же ясно, что вряд ли удастся осуществить экспорт зерновых продуктов в будущем году".

8. "В такой же мере еще не ясна перспектива в отношении заработной платы". "Рискованно в этой области что-либо говорить -- посмотрим".

9. "Индустриализация предполагает не только постройку новых фабрик и заводов, но и соответствующее оборудование существующих... Текстильные фабрики у нас оборудованы плохо; нужны солидные ремонты. Между тем, нам денег на это не дают. Мы обязаны требовать, и мы требовать будем.

В этом вопросе нам никто уклона не пришлет, вплоть до Красной профессуры: "враги, мол, тяжелой индустрии"...

10. "Оппозиция живуча. Ее философия захватывает кое-кого из наших партийцев, главным образом в верхушечном слое. Те, кто в последнее время увлекается пришиванием уклонов -- должны четко представить себе всю перспективу этого дела. Это в перспективе -- фракционная борьба, а там дальше -- и раскол партии".

"Надо понять, что в партии у нас сейчас остается чрезвычайно небольшой слой 195, которых страна знает и которым она верит..."

"Московская организация, выдержавшая на протяжении последних четырех лет борьбу со всякого рода оппозициями -- имеет право выступить застрельщиком в борьбе с пришивателями уклонов 196..."

"Нечего заниматься свержением совершателей ошибок, давным-давно исправленных и осознанных..."

"Больше терпимости..."

"Оппозиция пытается влиять на нашу партийную политику и влияет".

"Мы должны дать этому влиянию соответствующий отпор".

[Конец ноября 1928 г.]

Л. Троцкий. НА ЗЛОБЫ ДНЯ

1. О "блоке" с правыми и о чепухе вообще

Заключительные строки моей "Беседы с благожелательным партийцем"¹⁹⁷ совершенно неожиданно вызвали смущение и даже почти возмущение у нескольких товарищей, живущих, правда, в одной и той же колонии. Им почудилось, что заключительные строки беседы могут быть поняты как прокладывание путей для "блока" с правыми. Не больше и не меньше. Эти товарищи стали даже посылать призывные телеграммы по другим колониям.

Мне сперва показалось -- прошу прощения, -- что здесь перед нами некоторое проявление меряченья, болезни, вызываемой, как известно,

однообразием природы и монолитностью жизни.

В нашем заявлении Шестому Конгрессу, написанном задолго до того, как борьба центристов с правыми вышла наружу, говорится:

"Может ли оппозиция поддержать правых против стоящих формально у власти центристов, чтобы помочь опрокинуть последних, чтобы "отомстить" им за безобразную травлю, за грубость и нелояльность, за врангелевского офицера, 58-ю статью и прочие заведомо темные дела?"

Такие комбинации левых с правыми бывали в революциях, и такие комбинации губили революцию. Правые представляют то звено внутри нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр делает в данный момент попытку отпора или полуотпора. Ясно: оппозиция не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр".

Заявление наше сохраняет и сейчас всю свою силу, вопреки некоторым торопливым голосам, которые после июльского пленума объявляли заявление "устаревшим" и считали, что положение спасается только "Послесловием"¹⁹⁸. Неправильность такой оценки сейчас совершенно ясна. "Послесловие" реагировало на определенный -- очень знаменательный -- эпизод в борьбе центристов с правыми и реагировало правильно. Оно, вместе с другими документами и выступлениями наших единомышленников, несомненно ускорило кризис право-центристского блока, разъяснивши довольно широким кругам, в чем тут, собственно, дело. Можно сказать, и это вовсе не будет самонадеянностью оппозиции, что такого рода документами мы чрезвычайно облегчили центристам их "победу" над правыми (не беря в то же время на себя и тени ответственности за центристов), ибо называли людей и вещи своими именами, что совершенно недоступно центристскому косноязычию. Если "Послесловие" брало определенный момент во взаимоотношениях центристов с правыми, то заявление рассчитано на более длительный период. Вот почему оно сохраняет всю свою силу и сейчас, когда кампания против правых приняла открытую форму и широкие аппаратные масштабы. Перечитайте его сейчас и сопоставьте с упражнениями децистов. Но об этом не стоит и говорить. Сохраняет, разумеется, свое значение и приведенное выше место, заранее отвергающее "комбинаторский авантюризм", который стал бы "пытаться при помощи правых опрокинуть центр".

В некоторых письмах товарищи спрашивали: "Неужели есть и такие?" Персонально я никого не имел в виду в нашей среде. Но логика борьбы может у известных элементов создать такие настроения. Предупреждение было тем более необходимо, что насчет зиновьевцев поручиться уж во всяком случае нельзя было, нельзя и сейчас. Недаром же Бухарин вступил от имени тройки в официальные переговоры с Каменевым¹⁹⁹, и не случайно Каменев и Ко об этих переговорах до сведения партии не довели, оставляя тем самым себе и этот путь открытым. Здесь, стало быть, нужно было заранее провести ясный и четкий водораздел, что и было сделано в заявлении. Какой-нибудь лихой децист скажет: "А вы разве отвечаете за зиновьевцев?" Нет, не отвечаем. Но мы живем

жизнью партии и активно вмешиваемся во все ее внутренние отношения.

"Послесловие" цитирует слова Рыкова: "Главная задача троцкистов заключается в том, чтобы не дать этому правому крылу победить". Как замечательно звучат эти слова теперь, когда Рыков с Углановым "монолитно" голосуют за резолюции, в которых объявляется, что их собственная, Рыкова и Угланова, "главная задача заключается в том, чтобы не дать этому правому крылу победить". Вот он куда забрался, троцкизм. Большую сделал карьеру за короткий срок. Ноябрьский пленум монолитно усыновил "главную задачу троцкистов". Но мы все же не обольщаемся. Голова у нас не кружится. Мы помним немецкую поговорку: "Когда два разных человека говорят одно и то же, то это совсем не одно и то же". Эти слова еще больше относятся к разным политическим группировкам. Однако, польза есть. Теперь и отсталый партиец должен будет шевельнуть мозгами: как же это Рыков с июля по ноябрь успел заделаться троцкистом, т. е. пламенным "борцом" против правого уклона?

В полном соответствии с заявлением Шестому Конгрессу "Послесловие" подтверждало грозное обвинение Рыкова:

"Именно так. Правильно. Победа правого крыла была бы последней ступенью термидора... Рыков прав. Главная наша задача сейчас заключается в том, чтобы не дать правому крылу победить".

Таким образом, мы заняли в этом вопросе вполне своевременно ясную и отчетливую позицию, не оставляющую места никаким лжетолкованиям. Откуда же родилась столь внезапная тревога нескольких товарищей, которые, по французскому выражению Л. Толстого, сгоряча даже заставили "играть телеграф"? Тревога родилась из нескольких заключительных строк беседы. Воспользуемся же этим поводом, чтобы рассмотреть вопрос в том более конкретном виде, в каком он встает перед нами на нынешнем более развернутом этапе.

Что вся беседа в целом направлена против обывательской пошлости правого крыла (одна из его черт), этого не станут отрицать вышеуказанные товарищи. Что же в таком случае означают заключительные строки? Неужели же в них есть столь грубое противоречие не только с заявлением и "Послесловием", но и с самой беседой? Нет, противоречия нет и в помине. Строки эти требуют к себе живого и жизненного политического отношения, а не педантского.

В самом деле, беседа сводит все вопросы к вопросам партийного режима, т. е. "режима Ярославских", у которых в руках "большие ресурсы, не идейные, конечно, но в своем роде тоже действительные... до поры до времени. Они вас (правых) пытаются душить, проводя по существу вашу же политику, только с рассрочкой платежа..." и т. д. Мой корреспондент скулит по поводу всего того, что совершается в партии, и жалобно уговаривает меня вернуться на правильную стезю. Есть, значит, и такие правые. Надо вообще иметь в виду -- замечу пока мимоходом -- крайнюю разношерстность внутреннего состава и правой, и центристской группировок как результат подпольно-аппаратных форм партийной жизни. Всяких передвижек и перегруппировок будет еще немало. На этом ведь и основана в последнем счете наша политика по отношению к партии.

Вот почему ясная и принципиально законченная характеристика правых и центристов должна на практике, т. е. в агитации и пропаганде, дополняться большой гибкостью в обращении с живым человеческим составом этих группировок. Один язык -- с Рыковым или Углановым и другой -- с таким же рядовиком или даже кадровиком, который по собственной инициативе обращается к вам с письмом и слезно умоляет оппозиционеров вернуться в партию.

Другой тон, другой язык -- но линия, конечно, должна быть одна. И вот линии нашей я не нарушил ни в малейшей степени. Я ее только развил, конкретизировал и чуть продвинул дальше. Я говорю этому благожелательному и растерянному рыковцу: вы плачетесь на положение партии? Вы боитесь развала? Правильно. Опасности страшно велики. В партии нет возможности говорить по совести и начистоту. Самокритика означает попросту, что всем приказано сейчас самокритиковать Угланова. Опаснейшая, ибо непосредственнейшая из всех опасностей -- партийный режим. В чем же выход? В том, чтобы перевести партию на легальное положение. Уменьшить в 20 раз, т. е. свести к 5-8 миллионам, партбюджет, который стал базой бюрократического самоуправства. Дать возможность партийцам тайно голосовать. Подготовить честно Шестнадцатый съезд, т. е. так, чтобы вся партия могла с полной свободой выслушать представителей всех трех течений, для чего, конечно, оппозицию надо вернуть в партию. Перечислив эти требования, беседа заключает:

"Вот строго практические предложения. На почве этих предложений мы были бы согласны даже и с правыми договориться, ибо осуществление этих элементарных предпосылок партийности дало бы пролетарскому ядру возможность по-настоящему призвать правых к ответу, и не только правых, но и центристов, т. е. главную опору и защиту оппортунизма в партии".

Вот эти строки и вызвали смятение. Это-де может быть истолковано, говорят мне, как блок с правыми против центра. Нет, дорогие товарищи, вы тут не продумали вопрос до конца, не представили себе конкретно создающуюся обстановку. Да, по-видимому, недостаточно задумались и над тем, что такое блок. У нас был блок с зиновьевцами. Ради этого блока мы шли на отдельные частные уступки. Чаще всего это были, впрочем, уступки некоторым из наших ближайших единомышленников, которые сами политически или тактически тяготели к зиновьевцам. В отдельных случаях эти уступки были явно чрезмерны и дали отрицательные результаты, что мы твердо себе запомнили на будущее. Но во всем остальном блок объединился на почве идей пролетарской левой, т. е. на нашей почве.

Какой же блок может быть с правыми? На какой почве? Можно ли вообще, хоть на одну минуту, серьезно говорить или думать об общей с ними платформе? В переговорах с Каменевым Бухарин ставил вопрос так: "Заключим блок против Сталина, а положительную платформу будем потом писать вместе". Буквально! Но так могут ставить вопрос либо лошадиные барышники, либо в конец запуганные, растерянные и опустошенные Балаболкины. Что у нас может быть общего с этими двумя "категориями" (если говорить философским языком теоретика Сталина)?

Что же в таком случае означает фраза о том, что "на почве этих

предложений мы были бы готовы даже и с правыми договориться"? Она означает именно то самое, что в ней сказано. Конкретно говоря, она отвечает благожелательному партийцу: вместо того, чтобы ныть и скулить, потребуйте для начала возвращения оппозиции из ссылки, на этот счет у нас с вами будет полное "соглашение". Потребуйте еще честного созыва партийного съезда. А что же я обещаю правым в виде компенсации? Ответ дан в тех же строках: "По-настоящему призвать правых к ответу, и не только правых, но и центристов, т. е. главную опору и защиту оппортунизма в партии". Где же тут блок? Где тень намека? Или хотя бы тень этой тени? Нет, без "меряченья" тут дело не обошлось. Заключительное место беседы звучит злейшим издевательством над правыми: доигрались, мол, голубчики, туго приходится, аппарат жмет -- не захотите ли полакомиться демократией, попробуйте, попробуйте, а мы поддержим... как веревка -- повешенного. Вот ведь какой смысл в заключительных строках. Только разве что злорадство в них слегка прикрыто, чуть-чуть, ибо беседа ведь ведется с благожелательным партийцем.

Но кроме издеательства над правыми в этих строках есть и более серьезный смысл, предназначенный для наших единомышленников в партии. Исключена ли возможность того, что по вопросам партийного режима правые будут попадать в оппозицию к аппарату и повторять наши элементарнейшие требования на этот счет? Нет, такая возможность не исключена, она вероятна, а при развитии борьбы и неизбежна. Уже на ноябрьском пленуме, при всей его монолитности, раздавались чьи-то голоса протеста против того, что московские секретари смещались в порядке "самокритики", т.е. без конференций и без масс (см. газетный отчет о речи Сталина). Как же быть в этих случаях нашим единомышленникам в составе партийных ячеек? Обличать ли им узурпаторскую систему перевыборов? Требовать ли правильно подготовленных и созданных конференций? Да, обличать и требовать. Но ведь тут они "совпадут" с правыми? Не они совпадут с правыми, а правые в этой области будут иногда "совпадать" с нами, застенчиво отрекаясь от своей теории и практики вчерашнего дня и тем самым помогая нам разоблачать и их самих, и весь партийный режим. Что же в таком "совпадении" страшного, если мы не делаем при этом ни малейшей уступки, а продолжаем с удвоенной силой разворачивать нашу принципиальную линию? Именно в предвиденье того, что такого рода "совпадения" или "полусовпадения" голосований или выступлений по вопросам партийного права возможны, даже неизбежны, и написаны мною приведенные выше заключительные строки беседы²⁰⁰.

Если допустимо сравнение из совсем другой и нам совершенно чуждой области, то я взял бы пример дуэли, очень пригодный для освежения интересующего нас вопроса. Дуэль есть варварски-"рыцарская" и гнуснейшая форма разрешения личных конфликтов: тут дело идет попросту о том, чтобы перерезать друг другу глотку. Однако перед каждой дуэлью "цивилизованные" противники вступают друг с другом в "соглашение", непосредственно или через секундантов, насчет условий дуэли, т. е. насчет того, с какой дистанции и из какого револьвера враги будут палить друг в друга. Можно ли сказать по

поводу этого "соглашения", что противники заключили блок? Как будто, нельзя. Какой тут, к дьяволу, блок, когда дело идет о взаимоистреблении. Но в "цивилизованном" обществе и взаимоистребление совершается не из-за угла, а по известным нормам, требующим предварительного "соглашения".

Партийный устав представляет собою закрепленные нормы обсуждения, коллективного решения действия²⁰¹, а также и внутренней идейной борьбы. Поскольку мы, оппозиция, хотим вернуться в партию и фактически большей своей частью входим в нее (см. речь Сталина), постольку мы признаем и устав как регулятор партийной жизни, а, значит, и нашей борьбы с правыми и центристами. Это и есть готовое соглашение. Но оно помято, раздавлено, уничтожено. И мы готовы заключать "соглашение" с любой частью партии, в любом месте, в любом отдельном случае для частичного хотя бы восстановления партийного устава. По отношению к правым и центрам как политическим фракциям это означает, что мы готовы заключать с ними соглашение об условиях непримиримой идейной борьбы. Только и всего.

В своей ноябрьской горе-речи, о которой надо будет еще сказать особо, Сталин уже говорит о блоке левых с правыми -- не то как о факте, не то как о возможности. С одной стороны, он тут явно намекает на переговоры Бухарина с Каменевым (и тут мы помогаем центристской борьбе против правых, разоблачая то, что центристы боятся назвать по имени); с другой стороны, он дает аппаратчикам "линию" на случай возможных совпадений в выступлениях или голосованиях правых и левых по вопросам элементарнейших партийных прав. Сталин хочет и нас, и правых этим испугать. А мы не боимся. В этом и состоит более серьезный смысл заключительных строк моей беседы. Пускай правые разоблачают узурпаторство, которое они помогали создавать и сегодня еще целиком поддерживают. От нас они будут получать только принципиальные удары, которые куда серьезнее сталинских организационных щипков. И пусть центристы, "монолитно" заседая с вождями правых в монолитном Политбюро, обвиняют нас в блоке с правыми -- по той, видите ли, причине, что мы великодушно разрешаем правым требовать отмены 58-й статьи. Да ведь это же картина для богов олимпийских или для... "Крокодила"²⁰², если бы только у этого грозного по имени зверя оставался в пасти хоть один зуб.

2. Еще раз о лозунгах демократии для Китая

Некоторые товарищи, совершенно солидарные со мной в оценке движущих сил и перспектив китайской революции, возражают против парламентарно-демократического лозунга (Учредительное собрание). Разумеется, это разногласие не такого принципиального значения, как вопрос об оценке основных тенденций и сил революции. Однако и этот вопрос может для известного периода приобрести огромное значение, как в среде большевиков -- вопрос об отношении к Третьей думе²⁰³. К великому удивлению моему, один из товарищей, критикующих лозунг Учредительного собрания, совершенно серьезно усматривает в нем с моей стороны маневр с целью

"обмануть" китайскую буржуазию. Он приводит поэтому против меня из моей критики программы Коминтерна цитату, начинающуюся словами: "Классы обмануть нельзя" и т. д. Тут явное и крупнейшее недоразумение. О политическом смысле лозунга учредилки для Китая все существенное сказано в моей работе "Китайский вопрос после Шестого Конгресса"²⁰⁴. Повторяться здесь не буду. Если искать в "Критике программы" общетеоретического обоснования этого лозунга, то оно дано в параграфе "Об основных особенностях стратегии в революционную эпоху", где говорится:

"Без широкого, обобщенного, диалектического понимания нынешней эпохи как эпохи крутых поворотов невозможно действительное воспитание молодых партий, правильное стратегическое руководство классово-борьбой, правильное комбинирование ее тактических приемов и прежде всего -- резкое, смелое, решительное перевооружение²⁰⁵ при очередном переломе ситуации".

Замечательно, хотя и не совсем неожиданно, что т. Радек оказался солидарен в этом вопросе как раз с теми товарищами, которых он обвиняет в ультралевиэзме: не в первый раз ультралевые лозунги, чисто формальные и негативные, вытекают из правых посылок. В полученной мною от т. Радека телеграмме -- эта телеграмма, в виде исключения, дошла; не приходится ли из этого сделать вывод, что "сам" Менжинский против лозунга учредилки?²⁰⁶ -- Радек заявляет: "Остается правильным лозунг уничтожения дудзюната²⁰⁷ и объединения Китая под властью Советов".

Лозунг же учредилки "неприемлем". Если считать, что верна резолюция февральского пленума ИККИ, заявившая, что "остается правильным курс на вооруженное восстание", тогда, конечно, приходится признать правильным и лозунг Советов. Ибо надо связывать концы с концами. Но я считал и считаю, что провозглашение в феврале 1928 года курса на вооруженное восстание было преступнейшим безумием, какое вообще только можно себе представить. Задолго до февраля контрреволюция в Китае захлестывала рабочий класс и партию. В своем "Китайском вопросе после Шестого Конгресса" я выяснил основные хронологические вехи перелома обстановки в Китае на основании неоспоримых фактов и документов. Китай проходит сейчас не через революцию, а через контрреволюцию. В такой период лозунг Советов может иметь значение только для узких кадров как подготовка их к будущей, третьей китайской революции. Эта подготовка имеет, разумеется, огромное значение. Лозунг Советов должен стоять в ней рядом с лозунгом борьбы пролетариата за диктатуру, во главе всех обездоленных масс населения, и прежде всего -- деревенской бедноты. Но, помимо теоретико-пропагандистской подготовки революционных кадров к будущей революции, остается вопрос о мобилизации возможно широких рабочих кругов для активного участия в политической жизни переживаемого периода. Страной сейчас управляет военная диктатура на службе верхов буржуазии и иностранных империалистов. Эта диктатура, поскольку она недавно вышла из революционной борьбы (нами постыдно и преступно проигранной), не может быть очень устойчивой. Она еще только идет [к] устойчивости, устанавливая "переходный режим" пяти палат Сунь Ятсена²⁰⁸. Вздорно-реакционная выдумка

Сунь Ятсена (которого у нас крайне некритически рекламировали даже в тот период, когда его идеи стали главным тормозом революционного развития в Китае). Филистерская фантазия пяти палат становится теперь орудием "национальной", "конституционной" маскировки фашистского режима, т. е. военного господства централизованной партии Гоминьдан, представляющей в самом концентрированном виде интересы капитала. Этим самым вопросы государственного строя и политического режима становятся в Китае в порядок дня. Вопросы эти не могут не захватывать широкие круги рабочих. В неревOLUTIONной обстановке на эти вопросы нет других ответов, кроме лозунгов и формул политической демократии. Совершенно не могу понять, каким образом т. Радек, обвиняющий меня в неумении отличать буржуазную революцию от социалистической и отказывающийся даже для революционного подъема выдвинуть лозунг диктатуры пролетариата, как якобы несовместимый с этапом буржуазной революции, считает в то же время лозунг Советов совместимым с этапом буржуазной контрреволюции.

При подъеме массового движения, в условиях общереволюционного кризиса Советы, вырастая из этого движения, обслуживают текущие потребности его, становятся естественной, понятной, близкой, "национальной" формой объединения масс и помогают партии довести эти массы до вооруженного восстания. Но что будет означать лозунг Советов сейчас, в нынешних условиях Китая? Не забывайте, что никакой советской традиции там нет. Она могла бы быть, даже в случае поражения. Но ее нет. Причиной тому реакционное руководство Сталина и Бухарина. Лозунг Советов, не вырастающий сейчас из массового движения и даже не опирающийся на опыт прошлого, будет означать голый призыв: сделайте так, как в России, т. е. это есть лозунг социалистической революции в самом его чистом, абстрактном и абсолютном виде. Скромненькое ограничение роли Советов "против дудзюната" никакой реалистической поправки в себе не включает, а только доводит ошибку до абсурда. Пропагандировать Советы надо для завоевания власти пролетариатом и бедной, путем вооруженного восстания. А противопоставить сегодня фашистской механике Гоминьдана надо лозунги демократии, т. е. те лозунги, которые при господстве буржуазии открывают наиболее широкое поле для политической активности народа.

Этап демократии есть большой важности этап в развитии масс. При определенных условиях революция может позволить пролетариату перескочить через этот этап. Но именно для того, чтобы облегчить себе в будущем эту отнюдь не легкую и отнюдь не обеспеченную заранее операцию, нужно всемерно использовать межреволюционный период для того, чтобы исчерпать демократические ресурсы буржуазии, разворачивая лозунги демократии перед широкими массами и вынуждая буржуазию приходить на каждом шагу в противоречие с этими лозунгами. Этой марксистской политики никогда не понимали анархисты. Не понимают ее и руководящие оппортунисты Шестого Конгресса, перепуганные насмерть плодами своих трудов. Но мы же, слава создателю, не анархисты и не переконфуженные оппортунисты, а

большевики-ленинцы, т. е. революционные диалектики, понявшие смысл империалистической эпохи и динамику ее крутых поворотов.

[Декабрь 1928 г.]

Л. Троцкий.

ПАКТ КЕЛЛОГА И БОРЬБА ЗА МИР

(Несколько беглых замечаний)

Вопросы международных отношений становятся всегда тем неотложнее и острее, чем прочнее себя чувствуют господствующие классы важнейших государств. Маркс отмечал, что Восточный вопрос²⁰⁹, эта язва старой Европы, неизменно становится в порядок дня каждый раз после новых поражений революции. Так и сейчас: ряд международных поражений, последним звеном которых был разгром китайской революции 1925-1927 годов, привел к обнажению международных противоречий и снова выдвинул со всей силой вопросы международной политики СССР.

Нынешняя политика каждого государства является политикой его господствующего класса, стало быть, представляет собою продолжение и приспособление внутренней политики в сфере межгосударственных отношений. И наоборот: внутренняя политика является в той или другой степени функцией (производной величиной) его внешней политики.

Сказанное целиком относится и к политике пролетарского государства. Связь внутренней политики с международной идет здесь естественно по двум каналам: Коминтерна и дипломатии²¹⁰. В период революционного подъема центр тяжести международной борьбы естественно переносится на Коминтерн, и роль советской дипломатии столь же естественно определяется как роль важного, но вспомогательного орудия. Наоборот, после поражений революции, неизбежно ослабляющих Коминтерн, дипломатическая работа получает видимость "самодовлеющего" фактора и обнаруживает стремление освободиться от слишком близкого и "компрометирующего" соседства Коминтерна. Изменчивое отношение между дипломатией (т. е. по существу Политбюро ЦК) и Коминтерном наблюдалось в течение всего последнего шестилетия не раз, в зависимости от хода международной революционной борьбы. Выселение Шестого Конгресса Коминтерна из Кремля в Колонный зал явилось "символическим" выражением победы дипломатического фактора над международно-революционным.

Во внутренних делах право-центристский курс давал до сих пор замедление темпа, увеличение трений, усугубление противоречий, т. е. пока что минусы экономически-количественного характера, лишь подготавливая политически-качественное проявление в виде потрясений и катастроф. Об этом сказано было достаточно. На поле международной классовой борьбы право-центристский курс неизменно приводил к катастрофам везде и всюду, где

складывалась революционная ситуация (Германия, Болгария, Эстония, Англия, Польша, Китай...).

Вот почему -- отметим мимоходом -- правильная оценка поворотов и зигзагов политики центризма мыслима только в том случае, если брать ее в международных масштабах.

Ряд жестоких поражений международной революции нанес, с одной стороны, тяжкие удары Коминтерну, а, с другой, ослабил международное положение Советского Союза. Если Коминтерн оказался выселен в Колонный зал, то правительство Советского Союза сочло себя вынужденным подписать пакт Келлога.

Откладывая пока общий обзор право-центристской дипломатии за шесть лет, остановимся на вопросе о пакте Келлога в связи с докладом Литвинова на декабрьской сессии ЦИК211. Что такое пакт Келлога о ненападении? Это двойная дипломатическая петля, которую сильнейшее в мире капиталистическое государство одним концом набрасывает на более слабые государства, а другим -- на собственные трудящиеся массы. Пакт о ненападении есть в действительности пакт о таком ненападении, которое протекало бы в обстановке, наиболее благоприятной для буржуазии Соединенных Штатов и тех государств, которые будут действовать с ней заодно. Наиболее благоприятной будет та обстановка, при которой наиболее окажутся обмануты народные массы Соединенных Штатов, а, по возможности, и других стран. Истолкование "нападения" и ответственности за него будет принадлежать буржуазии тех стран или той страны, в руках которой окажется наибольшее количество газет, кабеля, радио, пароходов, а главное -- золота. Отсюда ясно, что пакт Келлога в такой же мере может быть рассматриваем в качестве гарантии мира, как и Лига наций, которую он перекрывает, чтобы "контролировать" ее. В том или другом второстепенном конфликте Лига наций может предупредить войну (хотя, как показывает пример Боливии -- Парагвая212, и на этот счет шансы невелики). Основное значение пакта Келлога еще более, чем Лиги наций, состоит, однако, в концентрации конфликтов, т. е. в подготовке условий для мировой сверхвойны, в которой окончательно будет решаться вопрос о мировом господстве Соединенных Штатов. Всякое пацифистское или полупацифистское использование пакта Келлога есть прямое прислужничество американскому империализму, т. е. помощь ему в деле "духовной" подготовки мировой сверхвойны.

Могло ли вообще в таком случае советское правительство подписать пакт Келлога? Решать этот вопрос безусловно отрицательно, на основании одной лишь принципиальной характеристики пакта как злостно империалистического замысла было бы неправильно. Тогда пришлось бы сделать вывод, что одинокое рабочее государство вообще не может подписывать никаких соглашений с империалистскими правительствами. Это вернуло бы нас к бухаринской постановке вопроса о Брест-Литовском мире. Правильная постановка вопроса будет такова: действительно ли нынешнее положение советского правительства вынуждало его в целях самосохранения подписать пакт Келлога? И если

вынуждало, то сделано ли было все необходимое, чтобы честно выяснить цель и смысл этого вынужденного подписания и тем свести к минимуму отрицательные его стороны?

Единственная мотивировка подписания, допустимая с точки зрения революционно-пролетарской политики, могла бы быть только такой: наше международное положение крайне ухудшилось; нас окружают; военная опасность близка; отказ наш от подписания мирного пакта облегчит врагам возможность сегодня же обмануть рабочие массы насчет нашей воинственности и обрушить на нас войну; присоединившись к волчьему пакту -- без малейших иллюзий -- мы выигрываем новую отсрочку, которую мы используем для разоблачения пакта и вообще для укрепления нашего международного положения.

Вопрос о подписании или неподписании пакта есть вопрос о соотношении сил и об остроте угрожающих нам опасностей. Принципиально подход тот же, что и к Брестскому миру. В том, первом, случае мы посредством подписания империалистского грабительского мира стремились на ближайшее время вырваться из войны; в нынешнем случае мы путем подписания хищнического пакта стремимся не дать нас в ближайший срок втолкнуть в войну. Только на этой линии можно было бы вообще искать доводов за подписание.

Но здесь, однако, выступает наружу большое различие условий и обстоятельств.

В Бресте мы стояли под военным ультиматумом, и договор давал непосредственные результаты: приостановку неприятельского наступления. Ни того, ни другого сейчас нет. Характер Брестского мира как акта военного насилия был очевиден. Характер пакта прикрыт маскировкой. Вернее сказать, сам пакт есть маскировка будущих военных насилий. Вынужденность нашего присоединения к пакту далеко не так очевидна, как в Бресте. Точно так же гораздо менее ясны непосредственные результаты. Все это само по себе способно придать в глазах масс подписанию пакта характер добровольной и демонстративной поддержки инициативы американского империализма как якобы действительно направленной на поддержание мира.

Посмотрим теперь, как дело обстоит с мотивировкой. "Правда" от 28 июня, т. е. до подписания, дала в передовой статье в основном правильную характеристику пакта. Она указывала, что "каждое из капиталистических правительств заинтересовано в том, чтобы пустить своему народу пыль в глаза, скрыть от него угрозу кровавых авантюр". Эту именно цель -- "усыпить бдительность масс и отвлечь их внимание от самой жгучей, роковой проблемы капиталистического общества" -- и преследует пакт, "новый документ буржуазной лжи и чудовищного лицемерия".

Ясно, что такого рода характеристика ни в каком смысле не предвещала подписания этого документа правительством рабочего государства.

Какие же это обстоятельства и соображения побудили подписать пакт? Все, что говорилось на этот счет в официозных заявлениях, речах и статьях, не может быть названо иначе как бюрократическим бормотанием. Ни одного ясного и членораздельного слова. Представитель наркоминдела Литвинов в речи своей

перед декабрьской сессией ЦИК мобилизовал, очевидно, все доводы, какие имелись налицо. Этим он только обнажил деляческую беспринципность и оппортунистическую беспомощность так называемой "генеральной линии" в вопросах мировой политики. Вот вся его аргументация:

"Наше правительство отнеслось критически к этому пакту (Келлога), отметив его недостаточность и ограниченность. Принцип отказа от войны заключался в наших проектах пакта о ненападении, которые мы предлагали ряду государств. Но наши проекты шире охватывали вопросы ненападения и не допускали никаких экивоков (двусмысленностей).

Тем не менее, усмотрев, что государства, подписывающие пакт Келлога, берут на себя известные моральные обязательства перед общественным мнением в смысле ненападения, что пакт некоторое, хотя и ограниченное значение имеет, наше правительство не колеблясь присоединилось к этому пакту... Наш Союз оказался, таким образом, в числе первых государств, ратифицировавших так называемый пакт Келлога, который до сих пор еще не ратифицирован даже ни одним из 14 государств, подписавших пакт в Париже и считающихся инициаторами пакта... Не считая нашего Союза и некоторых мелких и средних государств, пакт был принят весьма неохотно большинством его участников".

Что общего имеет этот язык с языком пролетарской политики? Советский дипломат не всегда и не везде может говорить все то, что обязан сказать коммунистический агитатор. Тут есть известное разделение труда. Агитатор должен досказать то, чего полностью не может сказать дипломат. Но может ли дипломат, т. е. правительство рабочего государства, становиться на позицию, диаметрально противоположную марксистской оценке международных отношений?

Оказывается, что пакт Келлога есть не инструмент будущей сверхвойны, а подлинный инструмент мира, хотя и имеющий свои недостатки. В июне "Правда" справедливо указывала, что такую оценку пакту Келлога -- этому "словоизвержению дипломатов-мошенников" -- дают Клайнсы²¹³, Макдональды, "Форвертс" и прочие "социал-ханжи всех стран" ("Правда", 28 июня 1928 г.). В декабре социал-ханжеская оценка официально предьявляется миру от имени советского правительства. Литвинов оговаривается: тот инструмент мира, который мы предлагали, был лучше. Но так как и несовершенный пакт Келлога налагает "моральные обязательства перед общественным мнением" ("Правда" это называла: "Пустить своему народу пацифистскую пыль в глаза"); так как пакт имеет значение "в смысле ненападения" ("Правда" писала: "Скрывает от народа угрозу кровавых авантюр"), -- то "наше правительство, -- говорит Литвинов, -- не колеблясь, присоединилось к этому пакту"... Миротворческое значение пакта так бесспорно, что правительство пролетарской диктатуры к нему присоединяется, "не колеблясь". "Пакт, -- по словам Литвинова, -- был принят весьма неохотно большинством его участников". Но это "не считая нашего Союза", который присоединился вполне "охотно".

Все с начала до конца опрокинуто на голову. Не потому мы присоединяемся к "документу чудовищного лицемерия", что вынуждены; что хотим попытаться

отвести непосредственно угрожающий удар (хотя и тут еще оставалось бы объяснить, как и чем подписание нам может помочь, и от какого именно удара). Нет, мы охотно присоединяемся в деле умиротворения капиталистического мира к американской инициативе, от которой сторонится большинство буржуазных государств.

Не потому они сторонятся, что, как более слабые хищники, боятся американской петли, а потому, что они -- в противовес Америке -- "не хотят мира". Во время Вильсона²¹⁴, а затем после 1923 г. европейская социал-демократия только и делала, что рекламировала мудрость и миролюбие американской буржуазии в противовес европейской. Теперь роль европейской социал-демократии перешла к советской дипломатии, т. е. к руководству ВКП. Разве это не постыдное падение?

Молотов на ленинградском активе объяснял, что пакт подписан нами "для разоблачения империалистского пацифизма" (Правда, 13 сент. 1928 г.). Но это лишь отвратительное "марксистское" звукоподражание, которого мы слышали достаточно в период Гоминьдана, Англо-русского комитета и пр. С таким же успехом мы могли бы войти в Лигу наций или объединиться со Вторым Интернационалом -- "для разоблачения". Центристы, развившиеся (переродившиеся) из большевизма и связанные его традициями, капитулируют перед буржуазией или ее²¹⁵ агентурой не иначе как "для разоблачения". Если эта политика подвела безоружный шанхайский пролетариат под штыки Чан Кайши, то опять-таки во славу "разоблачения". Надо беспощадно разоблачать центристский маскарад "разоблачителей"!

Ослабившее своей политикой советскую республику и Коминтерн; утратившее веру в международную революцию; запуганное трудностями, которые оно же усугубляет; само ослабляемое преступными разгромами растущего левого крыла, -- центристское руководство ищет выхода на пути бесплодного международного приспособленчества, пытается принять покровительственную окраску, чтоб "нейтрализовать" мировую буржуазию. Врага оно этим не обманет, а революционный пролетариат усыпит, охладит или оттолкнет. Оно и здесь помогает врагу оттачивать нож против диктатуры пролетариата.

[Декабрь 1928 г.]

Приложение

НОВЫЙ КУРС

Предисловие

Настоящая брошюра выходит со значительным запозданием: нездоровье помешало мне выполнить работу более современно. Но, в конце концов, вопросы в протекавшей до сих пор дискуссии только поставлены. Вокруг этих вопросов, внутривластного и хозяйственного, подняты в дискуссии тучи пыли, которая во многих случаях образует почти непроницаемую завесу и жестоко ест глаза. Но

это пройдет. Пыль осядет. Реальные очертания вопросов выступят наружу. Коллективная партийная мысль постепенно извлечет из прений то, что ей нужно, станет более зрелой и уверенной в себе. А это раздвинет базу партии и сделает устойчивее партийной руководство. В этом и состоит объективный смысл резолюции Политбюро о новом внутрипартийном курсе, каким бы задопытным истолкованиям она ни подверглась. Вся предшествующая работа по чистке партии, по повышению ее политической грамотности и теоретического уровня, наконец, по установлению стажа для партийных должностных лиц может получить свое завершение только в расширении и углублении самодеятельности всего партийного коллектива, как единственной серьезной гарантии против всех опасностей, связанных с новой экономической политикой и затяжным развитием европейской революции.

Но несомненно, что новый партийный курс может быть только средством, а не самоцелью. Для ближайшего периода можно сказать, что вес и ценность нового курса будут определяться тем, в какой мере он облегчит нам разрешение центральной хозяйственной задачи. Управление

нашим государственным хозяйством по необходимости централизовано. Это приводило на первых порах к тому, что вопросы и разногласия, связанные с центральным хозяйственным руководством, сосредоточивались в крайне тесном кругу лиц. Партийная мысль в целом еще не подошла вплотную к основным вопросам и трудностям планового руководства государственным хозяйством. Даже на XII съезде вопросы планового руководства хозяйством прошли скорее формально. Этим объясняется в значительной мере то, что намеченные в резолюции XII съезда пути и методы почти не нашли до последнего времени своего применения и что Центральному Комитету пришлось на днях снова поставить вопрос о необходимости воплотить в жизнь хозяйственные решения XII съезда, в частности -- о Госплане. Но и на этот раз решение Центрального Комитета сопровождается с разных сторон скептическими суждениями по адресу Гос-плана и планового руководства вообще. За этим скептицизмом нет никакой творческой мысли, никакой теоретической подоплеки, вообще ничего серьезного. И если такой дешевый скептицизм терпится в партии, то это объясняется именно тем, что партийная мысль еще не подошла вплотную к вопросам централизованного планового руководства хозяйством. Между тем, от успешности такого руководства зависит судьба революции -- полностью и целиком.

Эта брошюра только в заключительной главе подходит к вопросу планового руководства, исходя из частного примера, выбранного нами не произвольно, а нам навязанного в партийной дискуссии. Надо надеяться, что на ближайшем же этапе партийная мысль подойдет ко всем этим вопросам гораздо более конкретно, чем это происходит сейчас. Когда следишь за нынешней хозяйственной дискуссией со стороны, -- а таково сейчас мое положение, -- то кажется, будто партия вернулась на год назад, чтобы снова более критически проработать решения XII съезда. Это и значит, что вопросы, которые составляли как бы монополию тесного круга лиц, ныне становятся постепенно в

центре внимания всей партии. Со своей стороны, могу только посоветовать товарищам, работающим над хозяйственными вопросами, внимательно проштудировать дискуссию на XII съезде о промышленности и провести от нее необходимые нити к дискуссии нынешнего дня. Я надеюсь в ближайшее время к этим вопросам вернуться.

Надо признать, что во время партийной дискуссии -- устной и письменной -- пущено в оборот огромное количество "фактов" и сведений, которые не имеют ничего общего с действительностью, а представляют собою -- мягко говоря -- продукт мимолетных вдохновений. Доказательства этого имеются и в нашей брошюре. Потребность прибегать к таким сильно действующим средствам выражает, в сущности, неуважение к партии. И я думаю, что партия должна ответить на такие приемы тщательной проверкой цитат, цифр и фактов, брошенных в оборот. Это -- одно из важных средств партийного воспитания и самовоспитания. Наша партия достаточно созрела, чтобы не быть вынужденной качаться между "штилем" и дискуссионным неистовством. Более устойчивый режим внутрипартийной демократии обеспечит надлежащий характер партийной дискуссии и приучит к тому, чтобы предъявлять партии только проверенные данные. На этот счет партийное общественное мнение должно выработать в себе критическую беспощадность. Заводские ячейки должны на своем повседневном опыте проверять и данные дискуссии и ее выводы. Было бы также весьма полезно, если бы учащаяся молодежь в основу своих работ -- исторических, экономических, статистических -- положила углубленную проверку для себя тех данных, которые введены в оборот нынешней партийной дискуссии, и на которых партия будет завтра и послезавтра основывать свои решения.

Еще раз повторяю: важнейшим завоеванием, которое партия сделала и которое она должна удержать в своих руках, является тот факт, что основные хозяйственные вопросы, разрешавшиеся в немногих учреждениях, ныне поставлены в фокусе внимания всей партийной массы. Этим самым мы входим в новый период. Полемическая пыль оседет, ложные данные будут извергнуты партийной мыслью, а основные вопросы хозяйственного строительства уже не сойдут более с партийного поля зрения. Революция будет в выигрыше.

Л.Троцкий

Постскриптум. В эту книжку наряду с главами, печатавшимися в "Правде", вошло несколько новых глав, а именно: "Бюрократизм и революция", "Традиция и революционная политика", "Недооценка крестьянства", "Плановое хозяйство". Что касается ранее печатавшихся статей, то я не изменил в них ни одного слова: это позволит читателям легче судить, насколько чудовищно смысл этих статей искажался и искажается подчас во время дискуссии.

Л. Т.

Вопрос о партийных поколениях

В одной из резолюций, принятых во время московской дискуссии, я встретил жалобу на то, что вопрос партийной демократии осложнился спорами о взаимоотношении поколений, личными выпадами и пр. Эта жалоба свидетельствует

о неясности мысли. Личные выпады -- одно, а вопрос о взаимоотношении поколений -- совсем другое. Ставить сейчас вопрос о партийной демократии без анализа состава партии -- как в смысле социальном, так и в смысле возраста и политического стажа -- значило бы рассеивать самый вопрос в пустоте.

Отнюдь не случайно вопрос о партийной демократии встал прежде всего, как вопрос взаимоотношения поколений. Такая постановка подготовлена всем прошлым нашей партии. Схематически эту историю можно разбить на 4 периода: а) четвертьвековая дооктябрьская подготовка, единственная в истории; б) Октябрь; в) пооктябрьский период и г) "новый курс", т. е. открывающийся период.

Что дооктябрьская история, несмотря на ее богатство, сложность и различие пройденных этапов, представляла только подготовительный период, это сейчас совершенно бесспорно. Октябрь дал идейную и организационную проверку партии и ее кадрового состава. Под Октябрем мы понимаем наиболее острый период борьбы за власть, начиная, скажем, с апрельских тезисов т. Ленина и кончая фактическим завладением государственным аппаратом. Октябрьская глава, измеряемая месяцами, по содержанию своему не менее значительна всего подготовительного периода, измерявшегося годами и десятилетиями. Октябрь не только дал безошибочную, единственную в своем роде проверку великого прошлого партии, но и сам стал источником величайшего опыта для будущего.

Через Октябрь дооктябрьская партия впервые узнала себе настоящую цену.

После завоевания власти начинается быстрый рост партии и даже нездоровое ее разбухание. К ней, как к могущественному магниту, тяготеют не только малосознательные элементы трудящихся, но и явно чуждые элементы: службисты, карьеристы и политические приживалы. В этот весьма хаотический период партия сохраняется, как большевистская партия, только силой фактической внутренней диктатуры старой гвардии, проверившей себя через Октябрь. В вопросах сколько-нибудь принципиального значения новые члены партии -- не только из среды трудящихся, но и чужеродные элементы -- почти безапелляционно приемлют руководство старшего поколения. Карьеристские элементы считали, что таким послушанием они вернее всего обеспечат себе положение в партии. Эти элементы, однако, просчитались. Путем сурового самоочищения партия освободилась от них. Ряды ее сузились. Но партийное самосознание поднялось. Можно сказать, что партийная самопроверка и чистка явились исходным моментом, когда новая пооктябрьская партия впервые признала себя, как полумиллионный коллектив, который не только состоит под руководством старой гвардии, но и сам призван разбираться в основных вопросах политики, обдумывать и решать. В этом смысле чистка и весь связанный с нею критический период представляют собою как бы вступление к тому глубокому перелому, который намечается сейчас в жизни партии и войдет, вероятно, в ее историю под названием нового курса.

Однако нужно понять ясно с самого начала: суть переживаемых трений и затруднений не в том, что секретари кое-где переборщили и что их нужно слегка осадить, а в том, что партия в целом собирается перейти в более

высокий исторический класс. Партийные массы как бы говорят руководящему аппарату партии: "У вас, товарищи, есть дооктябрьский опыт, которого нам в большинстве не хватает; но под вашим руководством мы приобрели пооктябрьский опыт, который становится все более и более значительным. И мы хотим быть не только руководимы вами, но и вместе с вами участвовать в руководстве классом. Мы хотим этого не только потому, что это наше право, как членов партии, но и потому, что это жизненно необходимо для рабочего класса в целом. Без нашего низового опыта, не просто учитываемого сверху, а нами самими активно вносимого в жизнь партии, руководящий партийный аппарат бюрократизируется, а мы, низовики, не чувствуем себя в достаточной степени идейно вооруженными перед лицом беспартийных".

Нынешний перелом вырос, как сказано, из всего предшествующего развития. Незаметные, на поверхностный взгляд, молекулярные процессы в жизни и сознании партии подготовили перелом значительно ранее. Кризис сбыта дал большой толчок критической работе мысли. Приближение германских событий заставило партию встрепенуться. Именно в этот момент с особенной остротой обнаружилось, до какой степени партия живет на два этажа: в верхнем -- решают, в нижнем -- только узнают о решениях. Критический пересмотр внутрипартийного положения был, однако, отсрочен напряженным и тревожным ожиданием близкой развязки германских событий. Когда выяснилось, что эта развязка ходом вещей отодвинута, партия поставила в порядок дня вопрос о новом курсе.

Как это нередко бывало в истории, "старый курс" именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии. По бюрократической инерции аппарат в целом враждебно столкнулся с первыми попытками поставить в порядок дня вопрос о критическом пересмотре внутрипартийного режима. Это не значит, конечно, что аппарат состоит сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов. Нисколько! Подавляющее большинство аппаратных работников, пройдя через нынешний критический период и уяснив себе его смысл, многому научится и от многого откажется. Идейно организованная перегруппировка, которая вырастет из нынешнего переломного момента, будет иметь, в последнем счете, благотворные последствия как для рядовой массы партийцев, так и для аппарата. Но в аппарате, каким он казался на пороге нынешнего кризиса, черты бюрократизма достигли чрезвычайного, поистине опасного развития. И именно эти черты придают происходящей ныне идейной перегруппировке в партии столь острый характер, порождающий законные опасения.

Достаточно сказать, что еще 2-3 месяца тому назад само упоминание о бюрократичности партийного аппарата, о чрезмерности комитетского и секретарского зажима встречало у ответственных и авторитетных представителей старого партийного курса, в центре и на местах, высокомерное пожимание плеч или возмущенный протест. Назначенство? Ничего подобного! Казенщина? Выдумка,

оппозиция для оппозиции и пр. Эти товарищи искренно не замечали бюрократической опасности, носителями которой они были сами. Только под решительными толчками снизу они стали постепенно признавать, что бюрократизм, пожалуй, есть, но лишь кое-где, по организационной периферии, в отдельных губерниях и уездах, что он представляет отклонение практики от правильной линии и пр. и пр. И этот бюрократизм они истолковывали, как простой пережиток военного периода, т. е. как нечто такое, что постепенно идет на убыль, хотя и недостаточно быстро. Незачем говорить о коренной фальши такого подхода и такого объяснения. Бюрократичность -- не случайная черта отдельных провинциальных организаций, а общее явление. Идет оно не от уезда через губернию к центру, а скорее -- наоборот, из центра через губернию в уезд. Оно вовсе не является "пережитком" военного периода, а представляет собою результат перенесения на партию методов и приемов администрирования, накопленных именно за последние годы. Бюрократизм военного периода, какие бы в отдельных случаях уродливые формы он ни принимал, представляется младенческим по сравнению с нынешним бюрократизмом, сложившимся в условиях мирного развития, когда партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжал упорно думать и решать за нее.

В связи со сказанным единогласно принятая резолюция ЦК о партстроительстве получает огромное принципиальное значение, которое полностью должно быть учтено сознанием партии. Недостойно было бы, в самом деле, представлять себе дело так, будто вся суть решений сводится к более "мягкому", более "внимательному" подходу секретарей и комитетов к партийной массе и к некоторым организационно-техническим изменениям. Резолюция ЦК не даром ведь говорит о новом курсе. Партия готовится вступить в новый фазис развития. Дело идет, конечно, не о ломке организационных принципов большевизма, как пытается кое-кто изобразить, а об их применении к условиям нового этапа в развитии партии. Вопрос идет, прежде всего, об установлении более здоровых взаимоотношений между старыми партийными кадрами и послеоктябрьским большинством членов партии.

Теоретическая подготовка, революционный закал, политический опыт представляют собою основной капитал партии, и носителем этого капитала являются, прежде всего, старые кадры партии. С другой стороны, партия есть, по самому существу своему, демократическая организация, т. е. такой коллектив, который мыслью и волею всех своих членов определяет свою дорогу. Совершенно ясно, что в сложнейшей обстановке, на другой день после Октября, партия могла тем увереннее и правильнее прокладывать себе дорогу, чем полнее она могла использовать накопленный опыт старшего поколения, вверяя его представителям наиболее ответственные посты в партийной организации. С другой стороны, это приводило и приводит сплошь да рядом к тому, что старшее поколение, занимая в партии положение кадров и поглощенное вопросами управления, привыкает думать и решать за партию, выдвигая по отношению к партийной массе на первый план чисто школьные, педагогические методы приобщения к политической жизни: курс политграмоты, проверку партийных

занятий, партшколы и пр. Отсюда-то и вырастает бюрократизация партаппарата, его замкнутость, его самодовлеющая внутренняя жизнь, словом все те черты, которые составляют глубоко отрицательную сторону старого курса. Об опасностях дальнейшей жизни партии на два резко разграниченных этажа я и говорил в письме о молодых и стариках в партии, при чем под молодыми я имею в виду, разумеется, не учащуюся только молодежь, но все вообще пооктябрьское поколение партии, начиная, прежде всего, с заводских и фабричных ячеек.

В чем выразалось то недомогание, которое все резче и резче стала ощущать партия? А в том, что масса членов партии говорила себе или чувствовала так: "Верно или неверно думают и решают в партийном аппарате, но там слишком часто думают и решают без нас и за нас. Когда же с нашей стороны раздается голос недоумения, сомнения, возражения, критики, мы слышим в ответ окрик, призыв к дисциплине, а чаще всего обвинение в оппозиционности и даже во фракционности. Мы партии преданы до конца и готовы все ей отдать. Но мы хотим активно и сознательно участвовать в выработке партийного мнения и в определении путей партийного действия!" Несомненно, что первые проявления этих низовых настроений не были своевременно подмечены и учтены руководящим аппаратом партии, и это обстоятельство явилось одной из важнейших причин тех антипартийных группировок в партии, значение которых не нужно, конечно, преувеличивать, но предостерегающий смысл которых было бы недопустимо преуменьшать.

Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко всему большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, -- всей остальной партийной массе, как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он несомненно грозил бы, в конце концов, вызвать перерождение партии -- притом на обоих ее полюсах, т. е. и в партийном молодняке и в руководящих кадрах. Относительно пролетарской основы партии, заводских ячеек, учащихся и пр. характер опасности совершенно ясен. Не чувствуя себя активными участниками общепартийной работы и не получая надлежащего и своевременного ответа на свои партийные запросы, значительные круги партии стали бы искать для себя суррогата (фальшивой замены) партийной самостоятельности в виде всяких группировок и фракционных образований. В этом именно смысле мы и говорим о симптоматическом значении таких группировок, как "рабочая группа".

Но и на другом, на правящем полюсе не менее велика опасность того курса, который задержался слишком долго и предстал сознанием партии, как бюрократизм. Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать или не замечать, что сформулированное резолюцией ЦК обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров партии. Дело не в отдельных отклонениях партийной практики от правильной идеальной линии, а именно в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заклучает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность

отрицать. Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, т. е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то "оскорбление", "покушение" и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии.

Велика ли, однако, опасность такого перерождения на деле? Тот факт, что партия поняла или почувствовала эту опасность и активно откликнулась на нее, чем и вызвала, в частности, к жизни резолюции Политбюро, свидетельствует о глубокой жизненности партии и тем самым вскрывает живые источники противоядия против бюрократической отравы. В этом главная гарантия революционного самосохранения партии. Но поскольку старый курс пытался бы удержать во что бы то ни стало, путем зажима, все более искусственного отбора, застрашивания, словом, приемов, основанных на бюрократическом недоверии к партии, постольку фактическая опасность перерождения значительной части кадров неизбежно возросла бы. Партия не может жить только капиталом прошлого. Достаточно того, что прошлое подготовило настоящее. Но нужно, чтобы настоящее было идейно и практически на высоте прошлого, чтобы подготовить будущее. Задачей же настоящего является: передвинуть центр тяжести партийной активности в сторону основной толщи партии.

Могут сказать, что такого рода передвижки центра тяжести не совершаются сразу, путем прыжка; партия не может "сдать в архив" старшее поколение и зажить сразу по-новому. Вряд ли стоит серьезно останавливаться на таком глупенько-демагогическом доводе. Говорить о сдаче в архив старшего поколения могли бы только сумасшедшие. Речь идет именно о том, чтобы старшее поколение сознательно переменило курс и тем самым обеспечило бы свое дальнейшее руководящее влияние во всей работе самостоятельной партии. Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии. Тогда окажутся в великом выигрыше и руководящее поколение и партия в целом.

Общественный состав партии

Вопрос не исчерпывается, разумеется, взаимоотношением поколений. В более широком историческом смысле вопрос решается социальным составом партии, и, прежде всего, удельным весом в ней фабрично-заводских ячеек, пролетариев у станка.

Первой задачей класса, захватившего власть, было создание государственного аппарата, включая армию, органы управления хозяйством и пр. Но орабочение государственного, кооперативного и пр[очих] аппаратов означало, по самому существу своему, ослабление и разжижение основных

фабрично-заводских ячеек партии и чрезвычайный рост в партии администраторских элементов, как пролетарского, так и иного происхождения. В этом противоречие положения. Выход из него мыслим только по пути серьезных хозяйственных успехов, здорового пульсирования фабрично-заводской жизни и постоянного притока в партию рабочих, остающихся у станка. Каким темпом пойдет этот основной процесс, через какие он пройдет приливы и отливы, сейчас предсказывать трудно. Разумеется, и на данной стадии нашего хозяйственного развития нужно сделать все, чтобы вовлечь в партию как можно большее количество рабочих от станка. Но серьезное изменение партийного состава -- в таком, примерно, размере, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии, -- может быть достигнуто очень нескоро и лишь на основе очень серьезных хозяйственных успехов. Во всяком случае, мы обязаны считаться с еще очень продолжительным периодом, в течение которого наиболее опытные и активные члены партии -- в том числе, разумеется, и пролетарского происхождения -- будут заняты на различных постах государственного, профессионального, кооперативного и партийного аппарата. И этот факт сам по себе уже заключает опасности, служа одним из источников "бюрократизма".

Совершенно исключительное место занимает и будет занимать по необходимости в партии обучение молодежи. Воспитывая через посредство рабфаков, партийных университетов, высших специальных учебных заведений новую советскую интеллигенцию с высоким процентом коммунистического состава, мы тем самым отрываем молодые пролетарские элементы от станка не только на время обучения, но, по общему правилу, и на всю дальнейшую жизнь: рабочая молодежь, прошедшая через высшие школы, будет в свое время, очевидно, поглощена промышленным, государственным или тем же партийным аппаратом. Таков второй фактор нарушения внутреннего равновесия в партии к невыгоде для "основных" фабрично-заводских ячеек.

Вопрос о том, происходит ли коммунист из пролетарской, интеллигентской или иной среды, имеет, разумеется, свое значение. В первый пореволюционный период вопрос о дооктябрьской профессии казался даже решающим, ибо отвлечение от станка на те или другие советские должности представлялось чем-то временным. Сейчас в этом отношении уже определилась глубокая перемена. Нет сомнения, что председатели губисполкомов или комиссары дивизий представляют собою известный общественный советский тип, в значительной мере даже независимо от того, из какой среды вышел каждый отдельный предгубисполкома или комиссар дивизии. За эти шесть лет создались довольно устойчивые группировки советской общественности.

Мы имеем, следовательно, -- и притом на сравнительно длительный срок -- такое положение, что очень значительная и наиболее подготовленная часть партии поглощена различными аппаратами руководства и управления, хозяйствования и командования; другая значительная часть учится; третья часть рассеяна в деревнях, работая на пашне, и только четвертая часть (по численности в настоящее время менее 1/6) состоит из пролетариев, работающих

у станка. Совершенно очевидно, что рост партийного аппарата и сопровождающие этот рост черты бюрократизации порождаются не фабрично-заводскими ячейками, которые объединяются через аппарат, а как раз всеми другими функциями партии, осуществляемыми ею через посредство государственных аппаратов управления, хозяйствования, командования, обучения. Другими словами, источником бюрократизма в партии является возрастающая передвижка внимания и сил в сторону правительственных аппаратов и учреждений при недостаточно быстром росте промышленности. В виду этих основных фактов и тенденций мы должны себе отдать тем более ясный отчет в опасностях аппаратного перерождения старых кадров партии. Было бы грубым фетишизмом думать, будто старые кадры только потому, что они вышли из лучшей в мире революционной школы, заключают в себе самодовлеющие гарантии против всех и всяких опасностей идейного измельчания и оппортунистического перерождения. Нет! История делается через людей, но люди вовсе не всегда сознательно делают историю, в том числе и свою собственную. В последнем счете вопрос, конечно, будет разрешен большими факторами международного значения: ходом революционного развития в Европе и темпом нашего хозяйственного строительства. Но фаталистически возлагать всю ответственность на эти объективные факторы так же неправильно, как и искать гарантий только в своем субъективном радикализме, унаследованном от прошлого. При одном и том же революционном заряде и при одних и тех же международных условиях партия может лучше или хуже противостоять разлагающим тенденциям, в зависимости от сознательности, с какой она относится к опасностям, и от активности, с какой она борется против них.

Совершенно очевидно, что порожденная всей обстановкой разнородность общественного состава партии не ослабляет, а, наоборот, чрезвычайно обостряет все отрицательные стороны аппаратного курса. Нет и не может быть другого средства к преодолению корпоративного и ведомственного духа отдельных составных частей партии, как их активное сближение в режиме партийной демократии. Поддерживая "штиль", разобщая всех и все, партийный бюрократизм одинаково тяжело, хотя и по-разному бьет и по заводским ячейкам, и по хозяйственникам, и по военным, и по учащейся молодежи.

Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь. Не даром т. Ленин предлагал для борьбы с бюрократизмом широко привлекать учащихся. По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится объяснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию. Но нет ни того ни другого. Рассуждение о том, что базой нашей являются не ячейки учебных заведений, а ячейки фабрик и заводов, в принципе верно. Но когда мы говорим, что молодежь

является барометром, этим самым мы как раз и отводим ее политическим проявлениям не основное, а симптоматическое значение. Барометр не создает погоды, а только отмечает ее. Политическая погода создается в глубине классов и в тех областях, где классы соприкасаются друг с другом. Заводские ячейки создают прямую и непосредственную связь партии с основным для нас классом, с промышленным пролетариатом. Деревенские ячейки в гораздо более слабой степени создают связь с крестьянством. С ним же, главным образом, связывают нас военные ячейки, поставленные, однако, в совершенно особые условия. Наконец, учащаяся молодежь, вербуемая из всех слоев и прослоек советской общественности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши, и мы были бы тупицами, если бы не прислушивалась внимательнейшим образом к ее настроениям. К этому нужно еще прибавить, что значительная часть нашего нового студенчества состоит из членов партии с достаточно серьезным для молодого поколения революционным стажем. И совершенно напрасно сейчас наиболее ретивые аппаратчики фыркают на молодежь. Она -- наша проверка и наша смена, и завтрашний день за нею.

Но вернемся, однако, к вопросу о партийном преодолении разнородности отдельных частей и групп партии, разобщенных своими советскими функциями. Мы сказали и снова здесь повторяем, что бюрократизм в партии вовсе не есть отмирающее наследие какого-либо предшествующего периода, наоборот, это явление по существу новое, вытекающее из новых задач партии, новых ее функций, новых трудностей и новых ее ошибок.

Свою диктатуру пролетариат осуществляет через советское государство. Коммунистическая партия является руководящей партией пролетариата, а, следовательно, и его государства. И весь вопрос в том, как осуществлять это руководство, не сплетаясь слишком тесно с бюрократическим аппаратом государства и не подвергаясь в этом сплетении бюрократическому перерождению.

Коммунисты внутри партии и внутри государственного аппарата сгруппированы по-разному. В государственном аппарате они находятся в иерархической зависимости друг от друга и в сложных персональных взаимоотношениях с беспартийными. Внутри партии все они являются равноправными, поскольку дело идет об определении основных задач и методов работы партии. Коммунисты работают у станка, входят в завком, управляют предприятиями, трестом предприятий, синдикатом, стоят во главе ВСНХ и пр. Поскольку же дело идет о руководстве хозяйством со стороны партии, она учитывает -- должна учитывать -- опыт, наблюдение, мнение всех своих членов, размещенных на разных ступенях административно-хозяйственной лестницы. В этом и состоит основное, ни с чем не сравнимое преимущество нашей партии, что она имеет возможность в каждый данный момент взглянуть на промышленность глазами коммуниста-токаря от станка, коммуниста-профессионалиста, коммуниста-директора, красного торговца и, сочетав воедино взаимно дополняющий опыт всех этих работников, определить линию своего руководства хозяйством вообще, данной его отраслью в частности.

Совершенно очевидно, что такого рода действительное партийное

руководство осуществимо только на основах живой и активной партийной демократии. И наоборот, чем больше преобладания получают аппаратные методы, тем больше руководство партии заменяется администрированием ее исполнительных органов (комитетов, бюро, секретарей и пр.). Мы видим, как при усилении такого курса все дела сосредоточиваются в руках небольшой группы лиц, иногда одного секретаря, который назначает, смещает, дает директивы, призывает к ответственности и пр. При таком перерождении руководства основное и неопределимое преимущество партии -- ее многообразный коллективный опыт -- отступает на задний план. Руководство получает чисто организационный характер и вырождается нередко в простое командование и дергание. Партийный аппарат входит во все более детальные задачи и вопросы советского аппарата, живет его повседневными заботами, подвергается его воздействию и из-за деревьев перестает видеть лес. Если партийная организация, как коллектив, всегда богаче опытом, чем любой из органов государственного аппарата, то этого вовсе нельзя сказать об отдельных должностных лицах партаппарата. Наивно, в самом деле, думать, что секретарь, в силу своего секретарского звания, воплощает в себе всю сумму знаний и умений, необходимых для партийного руководства. На деле он создает себе подсобный аппарат, с бюрократическими отделами, с бюрократической информацией, бумажными справками, и этим аппаратом, сближающим его с советским аппаратом, отгораживается от живой партии.

И происходит по известному немецкому выражению: "Ты думаешь, что двигаешь других, а на самом деле двигают тебя". Весь переплет бюрократической повседневности советского государства вливается в партийный аппарат и создает в нем бюрократический сдвиг. Партия как коллектив не ощущает своего руководства, ибо не осуществляет его. Отсюда недовольство или недоумение даже в тех случаях, когда руководство по существу правильно. Но оно не может удержаться на правильной линии, поскольку разменивается на мелочи, не приобретая систематического планомерного и коллективного характера. Таким образом, бюрократизм не только нарушает внутреннюю спайку партии, но и ослабляет правильное воздействие ее на государственный аппарат. Этого сплошь да рядом не замечают и не понимают те, кто громче всего кричат о руководящей роли партии по отношению к советскому государству.

Группировки и фракционные образования

Вопрос о группировках и фракциях занял в дискуссии центральное место. На этот счет надо высказаться со всей ясностью, так как вопрос очень острый и ответственный. А ставится он сплошь да рядом фальшиво.

Мы являемся единственной партией в стране, и в эпоху диктатуры иначе быть не может. Различные потребности рабочего класса, крестьянства, государственного аппарата и его личного состава давят на нашу партию, стремясь найти через ее посредство политическое выражение. Трудности и противоречия развития, временная несогласованность интересов разных частей пролетариата, или пролетариата в целом и крестьянства -- все это напирает на

партию через ее рабочие и крестьянские ячейки, через государственный аппарат, через учащуюся молодежь. Даже эпизодические временные разногласия и оттенки мнений могут выражать в какой-то отдаленной инстанции давление определенных социальных интересов; эпизодические разногласия и временные группировки мнений могут, при известных условиях, превратиться в устойчивые группировки; эти последние могут, в свою очередь, раньше или позже развернуться в организованные фракции; наконец, сложившаяся фракция, противопоставляя себя другим частям партии, тем самым более поддается давлению, идущему извне партии. Такова диалектика внутривнутрипартийных группировок в эпоху, когда коммунистическая партия по необходимости монополизирует в своих руках руководство политической жизнью. Каков же вывод? Если не хочешь фракций, -- не нужно постоянных группировок; если не хочешь постоянных группировок, -- избегай группировок временных; наконец, чтобы оберечь партию от временных группировок, нужно, чтобы в партии вообще не было разногласий, ибо где два мнения, там люди всегда группируются. Но как же, с другой стороны, избежать разногласий в полумиллионной партии, которая руководит жизнью страны в исключительно сложных и трудных условиях? Таково основное противоречие, коренящееся в самом положении партии пролетарской диктатуры, и от этого противоречия нельзя отделаться одними только формальными приемами.

Те сторонники старого курса, которые голосуют за резолюцию ЦК в уверенности, что все останется по-старому рассуждают, примерно, так: вот чуть-чуть приподняли над партией крышку аппарата, и сейчас же обнаружилось тенденции ко всяческим группировкам; надо снова поплотнее привинтить крышку. Этой коротенькой мудростью проникнуты десятки речей и статей "против фракционности". Эти товарищи в глубине души считают, что резолюция ЦК есть либо политическая ошибка, которую можно замазать, либо аппаратная уловка, которую нужно использовать. Я думаю, что они грубейшим образом ошибаются. И если что может внести величайшую дезорганизацию в партию, так это упорство в старом курсе под видом почтительного принятия нового.

Партийное общественное мнение неизбежно вырабатывается в противоречиях и разногласиях. Локализовать этот процесс только в аппарате, преподавая затем партии готовые плоды в виде лозунгов, приказов и пр., значит идейно и политически обессиливать партию. Делать всю партию участницей формирования решений -- значит идти навстречу временным идейным группировкам с опасностью их превращения в длительные группировки и даже во фракции. Как же быть? Неужели нет выхода? Неужели нет места для партийной линии между режимом партийного "штиля" и режимом фракционного расщепления партии? Нет, такая линия есть, и вся задача внутривнутрипартийного руководства состоит в том, чтобы ее каждый раз -- особенно на повороте -- найти, в соответствии с данной конкретной обстановкой.

Резолюция ЦК прямо говорит, что бюрократический режим в партии является одним из источников фракционных группировок. Вряд ли эта истина нуждается сейчас в доказательствах. Старый курс был очень далек от "развернутой"

демократии, и однако же он нимало не уберег партию не только от нелегальных фракционных образований, но и от того взрыва дискуссии, который сам по себе -- смешно было бы закрывать на это глаза! -- чреват образованием временных или длительных группировок. Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности. Но ведь такая постановка вопроса о фракциях означает оправдание мясниковщины? -- слышим мы голос высшей бюрократической мудрости. Разве? Но, во-первых, вся подчеркнутая нами фраза представляет собою точную цитату из резолюции ЦК. А, во-вторых, с какого это времени объяснение равносильно оправданию? Сказать, что нарыв явился результатом дурного кровообращения, вследствие недостаточного притока кислорода, вовсе не значит "оправдать" нарыв и признать его нормальной составной частью человеческого организма. Вывод только один: нарыв надо вскрыть и дезинфицировать, а кроме того -- и это еще важнее -- надо открыть окно, дабы свежий воздух мог лучше окислять кровь. Но в том и беда, что наиболее боевое крыло старого аппаратного курса глубоко убеждено в ошибочности резолюции ЦК, особенно в той ее части, где бюрократизм объявляется одним из источников фракционности. И если "старокурсники" не говорят этого вслух, то лишь по формальным соображениям, -- как и вообще все их мышление проникнуто духом формализма, который является идейной подкладкой бюрократизма.

Да, фракции представляют собою величайшее зло в наших условиях, а группировки -- даже временные -- могут превратиться во фракции. Но совершенно недостаточно, как свидетельствует опыт, объявить группировки и фракции злом, чтобы этим самым сделать невозможным их возникновение. Нужна известная политика, нужен правильный курс, чтобы добиться этого результата на деле, применяясь каждый раз к конкретной обстановке.

Достаточно вдуматься, как следует быть, в историю нашей партии хотя бы за время революции, т. е. за то именно время, когда фракционность стала особенно опасной, -- и станет ясно, что борьба с этой опасностью ни в каком случае не исчерпывается одним только формальным осуждением и запрещением группировок.

Наиболее грозное разногласие возникло в партии в связи с величайшей задачей мировой истории, задачей захвата власти осенью 1917 г. Острота вопроса, при бешеном темпе событий, почти немедленно придала разногласиям остро-фракционный характер: противники захвата власти, даже не желая того, блокировались фактически с непартийными элементами, опубликовывали свои заявления на страницах непартийной печати и пр. Единство партии было на острие ножа. Каким образом удалось избежать раскола? Только быстрым развитием событий и победоносной их развязкой. Раскол был бы неизбежен, если бы события растянулись на несколько месяцев, а тем более, если бы восстание закончилось поражением. Бурным наступлением партия, твердо руководимая большинством ЦК, перешагнула через оппозицию, власть оказалась завоеванной,

и оппозиция, очень малочисленная, но высоко квалифицированная в партийном смысле, встала на почву Октября. Фракционность и угроза раскола были в этом случае побеждены не формально-уставным порядком, а революционным действием.

Второе крупное разногласие возникло в связи с вопросом о брест-литовском мире. Сторонники революционной войны сплотились в подлинную фракцию, со своим центральным органом и пр. Я не знаю, какое подобие основания имеет всплывший недавно анекдот о том, как т. Бухарин почти что собрался арестовать правительство т. Ленина. Вообще говоря, это немножко похоже на плохую майнридовщину или на коммунистическую... пинкертоновщину. Надо думать, Истпарт в этом разберется. Несомненно, однако, что существование лево-коммунистической фракции представляло чрезвычайную опасность для единства партии. Довести дело до раскола не представляло бы в тот период большую труда и не требовало бы со стороны руководства... большого ума: достаточно было просто объявить лево-коммунистическую фракцию запрещенной. Партия применила, однако, более сложные методы: дискуссии, разъяснения, проверки на политическом опыте, -- мирясь временно с таким ненормальным и угрожающим явлением, как существование внутри партии организованной фракции.

Мы имели в партии довольно сильную и упорную группировку по вопросам военного строительства. По существу дела эта оппозиция была против построения регулярной армии, со всеми вытекающими отсюда последствиями: централизованным военным аппаратом, привлечением специалистов и пр. Моментами борьба принимала крайне острый характер. Но и здесь, как в Октябре, помогла проверка оружием. Отдельные угловатости и преувеличения официальной военной политики были, не без воздействия оппозиции, смягчены -- не только без ущерба, но и с выгодой для централизованного строительства регулярной армии. Оппозиция же постепенно рассосалась. Очень многие ее активнейшие представители не только втянулись в военную работу, но и заняли в ней ответственные посты.

Резко обозначились группировки в период памятной дискуссии о профсоюзах. Сейчас, когда мы имеем возможность оглянуться на эту эпоху в целом и осветить ее всем последующим опытом, становится совершенно очевидным, что спор шел вовсе не о профсоюзах и даже не о рабочей демократии: через посредство этих споров находило свое выражение глубокое недоумение партии, причиной которого был слишком затянувшийся хозяйственный режим военного коммунизма. Весь экономический организм страны был в тисках безвыходности. Под покровом формальной дискуссии о роли профсоюзов и рабочей демократии шли обходные поиски новых хозяйственных путей. Действительный выход открылся в уничтожении продовольственной разверстки и хлебной монополии и в постепенном высвобождении госпромышленности из тисков главкократии. Эти исторические решения принимались единогласно, и они целиком покрыли дискуссии о профсоюзах, тем более, что на основе нэпа самая роль профсоюзов предстала в совершенно ином свете, и резолюцию о профсоюзах пришлось радикально менять через несколько месяцев.

Наиболее длительный и некоторыми своими сторонами крайне опасный характер имела группировка "рабочей оппозиции". В ней находили свое перекошенное отражение и противоречия военного коммунизма, и отдельные ошибки партии, и основные объективные трудности социалистического строительства. Но и здесь дело вовсе не ограничилось одним лишь формальным запретом. В области решений по вопросам партийной демократии были сделаны формальные шаги, а в области чистки партии были сделаны фактические, в высшей степени важные шаги навстречу тому, что было правильного и здорового в критике и требованиях "рабочей оппозиции". А главное, благодаря тому, что партия своими хозяйственными решениями и мероприятиями исключительной важности покрыла в основном и существенном наметившиеся разногласия и группировки, стало возможным, т. е. обещающим реальные результаты, формальное запрещение фракционных образований на X съезде партии. Но само собою разумеется, -- об этом свидетельствуют нам и опыт прошлого и здравый политический смысл, -- одно лишь запрещение не заключало в себе не только абсолютной, но и вообще сколько-нибудь серьезной гарантии предохранения партии от новых идейных и организационных группировок. Основной гарантией является правильность руководства, своевременное внимание ко всем запросам развития, преломляющимся через партию, гибкость партийного аппарата, не парализующего, а организующего партийную инициативу, не пугающегося голосов критики и не застрашивающего призраком фракционности: застрашивание есть вообще чаще всего продукт испуга! Постановление X съезда, запрещающее фракционность может иметь только вспомогательный характер, но само по себе оно еще не дает ключа ко всем и всяким внутренним затруднениям. Было бы слишком грубым организационным фетишизмом думать, что одно лишь голое постановление -- независимо от хода развития партии, от ошибок руководства, от консерватизма аппарата, от внешних влияний и пр. и пр. -- способно оградить нас от группировок и фракционных потрясений. Такой подход сам по себе уже глубоко бюрократичен.

Ярчайший пример сказанного дает история петроградской организации. Вскоре после X съезда, которым были запрещены группировки и фракционные образования, в Петрограде вспыхнула острая организационная борьба, приведшая к двум резко противопоставленным друг другу группировкам. Самым простым было бы, на первый взгляд, объявить одну из группировок (по крайней мере, одну) вредной, преступной, фракционной и пр. Но ЦК категорически отказался от такого метода, предлагавшегося ему из Петрограда. ЦК взял на себя прямое посредничество между двумя петроградскими группировками и, в конце концов, обеспечил -- правда, не сразу -- не только их сотрудничество, но и их растворение в организации. Этого примера исключительной важности не следовало бы забывать; он прямо-таки незаменим для прочищения кое-каких бюрократических голов.

Выше мы сказали, что каждая сколько-нибудь серьезная и длительная группировка в партии, тем более организованная фракция, имеет тенденцию стать выражением каких-либо особых социальных интересов. Каждый неправильный

уклон, лежащий в основе группировки, может, при своем развитии, стать выражением интересов враждебного или полувраждебного пролетариату класса. Но все это относится целиком и даже в первую голову к бюрократизму. Отсюда и нужно начинать. Что бюрократизм есть неправильный, нездоровый уклон, это, надо надеяться, бесспорно. А раз так, то в развитии своем он грозит сдвинуть партию с правильного, т. е. классового, пути. Именно в этом его опасность. Но чрезвычайно поучительно и, вместе с тем, очень тревожно, что те товарищи, которые резче, настойчивее и подчас грубее всего настаивают на том, что каждое разногласие, каждая группировка мнений, хотя бы и временная, представляют собою выражение различных классовых интересов, не хотят применять этот же критерий к бюрократизму. Между тем, здесь социальный критерий уместнее всего, ибо в бюрократизме мы имеем вполне определенное зло, явный и бесспорно вредный уклон, официально осужденный, но ни в какой степени не изжитый. Да и как его сразу изжить! Но если бюрократизм грозит, как говорит резолюция ЦК, отрывом партии от масс, а следовательно, и ослаблением классового характера партии, то уже отсюда вытекает, что борьба против бюрократизма ни в каком случае не может быть заранее отождествлена с какими-либо непролетарскими влияниями. Наоборот, стремление партии сохранить свой пролетарский характер неизбежно должно порождать в самой же партии отпор бюрократизму. Разумеется, под флагом этого отпора могут проводиться разные тенденции, в том числе и неправильные, нездоровые, вредные. Раскрыть эти вредные тенденции можно только марксистским анализом их идейного содержания. Но подводить чисто формально отпор бюрократизму под группировку, которая-де служит каналом чуждых влияний, значит быть самому заведомым "каналом" бюрократических влияний.

Самую мысль, однако, что разногласия в партии, а тем более группировки, означают борьбу разных классовых влияний, не нужно понимать слишком упрощенно и грубо. По вопросу, скажем, о том, нужно ли было прошупать Польшу штыком в 1920 г., у нас были эпизодические разногласия. Одни были за более смелую политику, другие за более осторожную. Были ли тут разные классовые тенденции? Вряд ли кто-нибудь рискнет это утверждать. Тут были разногласия в оценке обстановки, сил, средств. Но основной критерий оценки был одинаков у обеих сторон. Партия может нередко разрешать одну и ту же задачу разными путями. И разногласия возникают насчет того, какой из этих путей будет лучше, короче, экономнее. Такого рода разногласия могут, в зависимости от характера вопроса, захватить широкие круги партии, но это вовсе не будет непременно означать, что тут идет борьба двух классовых тенденций. Можно не сомневаться, что у нас это еще случится не раз, а десятки раз впереди, ибо путь перед нами трудный, и не только политические задачи, но и, скажем, организационно-хозяйственные вопросы социалистического строительства будут создавать разногласия и временные группировки мнений. Политическая проверка всех оттенков марксистским анализом является для нашей партии всегда необходимейшей предохранительной мерой. Но именно конкретная марксистская проверка, а не косный шаблон, как орудие самообороны бюрократизма. Проверить

и профильтровать то неоднородное идейно-политическое содержание, которое сейчас выступает против бюрократизма, и отмести все чуждое и вредное можно будет тем успешнее, чем серьезнее мы вступим на путь нового курса. А это, в свою очередь, не осуществимо без серьезного перелома в настроении и самочувствии партаппарата. Мы же присутствуем, наоборот, при новом наступлении партаппарата, который всякую критику старого, формально осужденного, но еще не ликвидированного курса безапелляционно отводит ссылкой на фракционность. Если фракционность опасна, -- а это так -- то преступно закрывать глаза на опасность консервативно-бюрократической фракционности. Именно против этой опасности в первую голову направлена единогласно принятая резолюция ЦК.

Забота об единстве партии есть самая основная и жгучая забота подавляющего большинства товарищей. Но тут нужно прямо сказать: если есть сейчас серьезная опасность единству или, по крайней мере, единодушию партии, так это неистовствующий бюрократизм. Именно из этого лагеря раздавались голоса, которые нельзя иначе назвать, как провокационными. Именно отсюда осмеливались говорить: мы не боимся раскола! Именно представители этого лагеря шарят в прошлом, выискивая все, что могло бы внести побольше ожесточения в партийную дискуссию, искусственно оживляя воспоминания о старой борьбе и старых расколах, чтобы незаметно и постепенно приучить мысль партии к возможности такого чудовищного, самоубийственного преступления, как новый раскол. Потребность партии в единстве хотят сшибить лбом с ее потребностью в менее бюрократическом режиме. Если бы партия вступила на этот путь и пожертвовала необходимейшими жизненными элементами своей собственной демократии, она не приобрела бы ничего, кроме обострения внутренней борьбы и расшатки основных своих скреп. Нельзя односторонне и ультимативно требовать от партии доверия к аппарату, не питая доверия к самой партии. В этом суть вопроса. Предвзятое бюрократическое недоверие к партии, к ее сознательности и дисциплинированности есть главная причина всех зол аппаратного режима. Партия не хочет фракций и не допустит их. Чудовищно думать, что партия разобьет или позволит кому-либо разбить свой аппарат. Партия знает, что в состав аппарата входят наиболее ценные элементы, в которых воплощается огромная часть прошлого опыта. Но она хочет обновить аппарат и напоминает ему, что он -- ее аппарат, ею избирается и от нее не должен отрываться.

Если продумать создавшуюся в партии обстановку, особенно как она вскрылась в дискуссии, до конца, то станет совершенно ясна двойственная перспектива дальнейшего развития. Либо происходящая ныне в партии идейно-организационная перегруппировка по линии резолюции ЦК действительно послужит шагом на пути органического роста партии, началом -- разумеется, только началом -- новой большой главы -- и тогда это будет наиболее желательный для всех нас и наиболее благотворный для партии исход. Тогда с дискуссионными и оппозиционными излишествами, а тем более с вульгарно-демократическими тенденциями партия справится легко. Либо же перешедший в контрнаступление партаппарат в большей или меньшей мере

подпадет под влияние своих наиболее консервативных элементов и под лозунгом борьбы с фракционностью снова отбросит партию на вчерашние позиции "штиля". Этот второй путь будет несравненно более болезненным; он не задержит, разумеется, развития партии, но заставит оплатить это развитие большими усилиями и потрясениями, ибо даст лишнее питание вредным, разлагающим, антипартийным тенденциям. Таковы две объективно открывающиеся возможности. Смысл моего письма "Новый курс" состоял в том, чтобы помочь партии вступить на первый путь, как более экономный и здоровый. И на позиции этого письма я настаиваю целиком, отмечая тенденциозные и ложные его истолкования.

Бюрократизм и революция

(Конспект непрочитанного доклада)

Основные условия, которые не только затрудняют ход социалистического строительства, но ставят время от времени революцию перед тяжкими испытаниями и опасностями, достаточно известны. Это: а) наличие внутренних социальных противоречий в революции, которые при военном коммунизме были механически придавлены, а при нэпе неизбежно раз-вертываются и стремятся найти политическое выражение; б) длительная контрреволюционная угроза со стороны империалистических государств.

Социальные противоречия революции -- это ее классовые противоречия. Каковы основные классы нашей страны? -- а) пролетариат, б) крестьянство, в) новая буржуазия с обрастающей ее интеллигенцией буржуазного типа. По хозяйственной роли и политическому значению главное место принадлежит пролетариату, организованному в государство, и крестьянству, как создателю преобладающих в нашей экономике сельскохозяйственных благ. Новая буржуазия играет преимущественно посредническую роль как между государственной промышленностью и сельским хозяйством, так и между разными частями государственной промышленности и разными областями элементов нашего хозяйства: государственной промышленности, крестьянского земледелия и частного торгово-промышленного капитала.

2. Исторические аналогии с Великой Французской Революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны.

Гибель якобинизма была предопределена незрелостью социальных отношений: левое крыло -- разоренные ремесленники и торговцы -- лишено возможностей хозяйственного развития, не могло быть устойчивой опорой революции; правое крыло -- буржуазия -- неизбежно возрастало; наконец, Европа, экономически и политически более отсталая, не давала возможности революции развернуться за пределами Франции.

Во всех этих отношениях наше положение несравненно более благоприятно. Ядром революции и одновременно ее левым флангом является у нас пролетариат, задачи и цели которого целиком и полностью совпадают с задачами социалистического строительства. Пролетариат политически настолько силен,

что, даже допуская рядом с собою в известных пределах образование новой буржуазии, он приобщает крестьянство к государственной власти не через посредство буржуазии и мелкобуржуазных партий, а непосредственно, преграждая буржуазии вообще доступ к политической жизни. Экономическое и политическое состояние Европы таково, что не только не исключает, но, наоборот, делает неизбежным перенесение революции на ее территорию. Если, следовательно, во Франции даже и более проницательная политика якобинизма вряд ли могла бы радикально изменить дальнейший ход событий, то у нас, при неизмеримо более благоприятной обстановке, правильность политической линии, направляемой методами марксизма, является на продолжительный срок решающим фактором в деле ограждения революции от опасностей.

3. Возьмем условно худший, наименее для нас благоприятный исторический вариант. Быстрый рост частного капитала, если бы таковой стал наблюдаться, означал бы, что государственная промышленность и торговля, включая и кооперацию, не обеспечивают потребностей крестьянского хозяйства. Это означало бы, далее, что частный капитал все глубже вклинивается между рабочим государством и крестьянством, приобретая экономическое, а, следовательно, и политическое влияние на это последнее. Незачем говорить, что такого рода перспектива разрыва между госпромышленностью и сельским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством знаменовала бы грозную опасность делу пролетарской революции, предвещая возможность победы контрреволюции.

4. Какими политическими путями могла бы прийти победа контрреволюции при условно намеченных нами в предшествующем пункте экономических предпосылках? Путей этих могло бы быть несколько: либо прямое низвержение рабочей партии, либо ее постепенное перерождение, либо, наконец, сочетание частичного перерождения, расколов и контрреволюционных потрясений. Преобладание тех или других методов зависело бы главным образом от темпа экономического развития. В случае медленного роста перевеса частного капитала над государственным, политический процесс принял бы преимущественно характер перерождения государственного аппарата в буржуазном направлении с соответствующими отсюда последствиями для партии. При быстром росте частного капитала и его смычки с крестьянством могли бы возобладать активные контрреволюционные тенденции, направленные против коммунистической партии.

Мы берем эти варианты развития в столь обнаженном и резком виде не потому, разумеется, что считаем их исторически вероятными, -- наоборот, вероятность их минимальна, -- а потому, что лишь такая постановка вопроса дает возможность более правильной и всесторонней исторической ориентировки, а следовательно, и принятия всех возможных предупредительных мер. Наше величайшее преимущество, как марксистов, в том, что мы улавливаем в зародыше новые тенденции и новые опасности.

5. Вывод, который вытекает из сказанного в области экономической, возвращает нас к проблеме ножниц, т. е. к правильной организации промышленности и обеспечению ее согласованности с крестьянским рынком. Упущение времени в этой области означает утрату темпа в борьбе с частным

капи-талом. Тут главная задача и главный ключ к проблеме революции и социализма.

Если контрреволюционная опасность вырастает, как сказано, из известных социальных отношений, то этим вовсе не исключается то, что сознательно рассчитанной политикой можно эту опасность -- даже и при неблагоприятных для революции экономических условиях -- уменьшить, оттянуть и отсрочить. А такого рода отсрочка может, в свою очередь, даже и при очень неблагоприятном варианте развития, спасти революцию, обеспечив ей либо благоприятный хозяйственный перелом внутри, либо же смычку с победоносной революцией в Европе. Вот почему, на основе указанной выше хозяйственной политики, нужна определенная государственная и партийная, в том числе и внутривластная, политика, имеющая своей задачей до последней степени затруднить скопление и укрепление тенденций, питающихся трудностями и неудачами экономического развития и направленных против диктатуры рабочего класса.

б. В разнородности социально-группового состава нашей партии отражаются объективные противоречия развития революции со всеми вытекающими из них тенденциями и опасностями:

Фабрично-заводские ячейки, обеспечивающие связь партии с основным классом революции, составляют ныне одну шестую часть партии.

Советские ячейки, при всех своих отрицательных сторонах, обеспечивают партии руководство государственным аппаратом, чем и определяется большой удельный вес этих ячеек. Высокий процент старых работников участвует в партийной жизни через посредство этих советских ячеек.

Крестьянские ячейки дают партии некоторую, хотя и чрезвычайно распыленную пока, связь с деревней.

Военные ячейки осуществляют связь партии с армией и через нее преимущественно с деревней.

Наконец, в ячейках учебных заведений все эти тенденции и влияния сочетаются и пересекаются.

7. Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии, и что наиболее активные элементы партии извлекаются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастью, опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки. Рост этих последних будет надежнейшим измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки разного состава.

Возможной опорой контрреволюционных тенденций могут явиться возрождающийся кулак, посредник, скупщик, арендатор, словом, элементы, гораздо более способные обволакивать государственный аппарат, чем непосредственно партию. Более непосредственное влияние, вплоть до прямого

проникновения, возможно со стороны кулацких элементов разве лишь по отношению к крестьянским и военным ячейкам. Здесь нам на помощь приходит, однако, самый факт дифференциации крестьянства. Недопущение кулаков в армию, в том числе и в территориальные дивизии, должно оставаться не только неизблемым правилом, но и стать важнейшей мерой политического воспитания деревенской молодежи, военных частей и особенно военных ячеек. Руководящая роль рабочих в военных ячейках должна осуществляться на почве политического противопоставления трудовых крестьянских масс и армии -- возрождающемуся кулачеству. То же самое относится и к деревенским ячейкам. Разумеется, успешность этой работы будет, в последнем счете, определена тем опять-таки, в какой мере государственной промышленностью удастся обслужить деревню. Но и независимо от того, как быстро будут развиваться наши хозяйственные успехи, основная политическая линия в военных ячейках должна быть направлена не просто против нэпманов, а, прежде всего, против возрождающегося кулака, единственной исторически мыслимой и серьезной опоры всех и всяких контрреволюционных попыток. В этом отношении нужен более тщательный анализ различных составных частей армии с точки зрения социально-областного состава.

Несомненно, что через крестьянские и красноармейские ячейки в партию вливаются и будут вливаться тенденции настроения, отражающие в большей или меньшей мере деревню, в ее отличии от города. Если бы этого не было, крестьянские ячейки не имели бы для партии никакой цены. Те или другие изменения настроений в этих кругах являются для партии напоминанием или предостережением. Возможность вводить каждый раз их в партийное русло зависит от правильности общего партийного и внутрипартийного руководства, а в последнем счете от того, подвигаемся ли мы к разрешению или к смягчению проблемы ножиц

8. Величайшим источником бюрократизма является государственный аппарат. С одной стороны, он поглощает и впитывает в себя огромное количество наиболее активных элементов партии и приучает наиболее ответственных из них к методам администрирования людьми и вещами, вместо политического руководства массами. С другой стороны, он требует львиной доли внимания к себе со стороны партаппарата, воздействуя на этот последний своими методами администрирования. Отсюда уже в значительной мере вытекает бюрократизация партаппарата, грозящая отрывом партии от масс. Именно эта опасность является сейчас наиболее оформившейся, непосредственной, явной. Борьба со всеми другими опасностями должна в настоящих условиях начаться с борьбы против бюрократизма.

9. Недостойно марксизма считать, что бюрократизм есть только совокупность дурных канцелярских привычек. Бюрократизм есть социальное явление, как определенная система управления людьми и вещами. В основе бюрократизма лежит неоднородность общества, различие как повседневных, так и основных интересов различных групп населения. Бюрократизм осложняется некультурностью широких масс. У нас основным источником бюрократизма

является необходимость создания и поддержания государственного аппарата, который принудительно сочетал бы интересы пролетариата и крестьянства, до гармонического хозяйственного согласования которых мы еще далеко и далеко не дошли. Необходимость содержания постоянной армии является другим немаловажным источником бюрократизма. Совершенно очевидно, что именно перечисленные нами отрицательные социальные явления, питающие ныне бюрократизм, могли бы в случае дальнейшего своего развития поставить революцию под угрозу. Об этом, как об одном из вариантов, сказано выше: рост неогосударственности государственного и крестьянского хозяйства, рост кулацкого крыла в деревне, смычка его с частным торгово-промышленным капиталом -- при низком культурном уровне трудящихся масс деревни, а отчасти и города -- вот предпосылки возможных контрреволюционных опасностей.

Другими словами: бюрократизм в государственном аппарате и в партии есть выражение тех самых отрицательных тенденций нашей обстановки, минусов и уклонов нашей работы, которые, при известных социальных условиях, могут привести к подрыву революции. И здесь, как во многих других случаях, количество на известной стадии переходит в качество.

10. Борьба с бюрократизмом государственного аппарата есть исключительно важная, но длительная задача, более или менее параллельная другим нашим основным задачам: хозяйственному строительству и повышению культурного уровня масс.

Важнейшим историческим орудием для разрешения всех этих задач является партия. Разумеется, и партия не может вырвать себя искусственно из социальных и культурных условий страны. Но будучи добровольной организацией авангарда, лучших, активнейших, наиболее сознательных элементов рабочего класса, партия в несравненно большей степени, чем госаппарат, может оградить себя от тенденций бюрократизма. Для этого она должна ясно видеть опасность и непримиримо бороться с ней.

Отсюда же вытекает огромное значение самостоятельного воспитания партийной молодежи -- для обслуживания госаппарата по-новому и для полного преобразования его.

Традиция и революционная политика

Вопрос о взаимоотношении партийной традиции и живой партийной политики совсем не простой вопрос, особенно в нашу эпоху. Не раз приходилось за последнее время говорить об огромном значении теоретической и практической традиции нашей партии и о том, что разрыва идейной преемственности мы допустить ни в каком случае не можем. Нужно только очень твердо условиться насчет того, что именно мы понимаем под партийной традицией. Придется -- в значительной мере методом от обратного -- начать с исторических примеров, чтобы найти опору для выводов.

Возьмем "классическую" партию Второго Интернационала, германскую социал-демократию. Ее "традиционная" полувековая политика основана была на

приспособлении к парламентаризму и на непрерывном росте организации, прессы и кассы. Здесь традиция, нам глубоко чуждая, имела полуавтоматический характер: сегодняшний день "естественно" вытекал из вчерашнего и столь же "естественно" готовил завтрашний. Росла организация, развивалась печать, обогащались кассы. В этом автоматизме воспиталось целое поколение, следующее после Бебеля, -- поколение бюрократов, филистеров, тупиц, политический облик которых вскрывался целиком в первые часы империалистской войны. Каждый из съездов немецкой социал-демократии говорил неизменно о старой, освященной традицией тактике партии. И действительно, традиция была могущественна. Это была автоматическая, некритическая, консервативная традиция, которая, в конце концов, задушила революционную волю партии.

В результате войны политическая жизнь Германии оказалась раз навсегда выбитой из привычного "традиционного" равновесия. Молодая коммунистическая партия с первых дней своего официального возникновения вошла в буржую эпоху быстро чередующихся кризисов и потрясений. Тем не менее, мы и на короткой сравнительно истории германской коммунистической партии видим не только творческую, но и консервативную роль традиции, которая сталкивается на каждом новом этапе и повороте с объективными потребностями движения и с критическим сознанием партии. Героической традицией германского коммунизма уже в первый период ее существования стала непосредственная борьба за власть. Грозные мартовские события [19]21 г. жестоко обнаружили, что у партии еще нет для этого сил. Понадобился резкий поворот -- в направлении борьбы за массы, -- прежде чем снова начать непосредственную борьбу за власть. Этот поворот дался нелегко, ибо шел против уже успевшей сложиться традиции. У нас сейчас вспоминают обо всех, даже пустяковых разногласиях, которые возникали в партии или в ее Центральном Комитете за последние годы. Не мешало бы вспомнить о капитальнейшем разногласии, разыгравшемся к моменту III конгресса Коминтерна. Теперь уже совершенно очевидно, что перелом, который был тогда достигнут под руководством т. Ленина, при жесточайшем сопротивлении значительной части, вначале большинства конгресса, буквально спас Интернационал от разгрома и распада, грозивших ему на пути той автоматической, некритической левизны, которая в короткий срок успела стать косной традицией.

После III конгресса германская коммунистическая партия довольно болезненно производит необходимый поворот. Открывается эпоха борьбы за массы под лозунгом единого фронта, с длительными переговорами и другими педагогическими приемами. Эта тактика длится свыше 2 лет и дает превосходные результаты. Но вместе с тем затяжные пропагандистские приемы ее превращаются... в полуавтоматическую традицию, сыгравшую очень серьезную роль в событиях второго полугодия [19]23 г.

Сейчас уже совершенно бесспорно, что период с мая, с начала рурского сопротивления, или с июля, с провала этого сопротивления, до ноября, когда генерал Сект взял в руки власть, является в жизни Германии резко очерченным периодом небывалого кризиса. Сопротивление, которое полузадушенная

республиканская Германия Эберта-Куно попыталась оказать французскому милитаризму, сорвалось и увлекло за собою жалкое, худосочное социальное и политическое равновесие страны. Рурская катастрофа сыграла по отношению к "демократической" Германии ту же до известной степени роль, какую разгром германских войск пять лет перед тем сыграл по отношению к режиму Гогенцоллерна. Невероятной падение марки, хозяйственный хаос, всеобщее брожение, всеобщая неуверенность, развал социал-демократии, могущественный приток рабочих к коммунистам, всеобщее ожидание переворота. Если бы коммунистическая партия, резко изменив темп работы, использовала предоставленные ей историей 5-6 месяцев полностью и целиком для непосредственной политической, организационной, технической подготовки к захвату власти, развязка событий могла бы быть совсем не той, какую мы наблюдали в ноябре. Но в том-то и дело, что коммунистическая партия вошла в новый короткий период небывалого, пожалуй, в мировой истории кризиса с готовыми приемами предшествующего двухлетнего периода пропагандистской борьбы за влияние на массы. Тут нужны были новая ориентировка партии, новый тон агитации, новый подход к массе, новое истолкование и применение единого фронта, новые методы организации и технической подготовки -- словом крутой тактический поворот. Пролетариат должен был увидеть в действии революционную партию, идущую непосредственно на завоевание власти. Между тем, партия в основном продолжала вчерашнюю, пропагандистскую политику, только в более широком масштабе. Лишь в октябре партия берет новый курс. Но у нее остается уж слишком мало времени для разгона. Партия придает подготовке лихорадочный темп, масса не поспевает за партией, неуверенность сообщается обеим сторонам, и в решающий момент партия отступает без боя. Важнейшей причиной того, что германская коммунистическая партия сдала без сопротивления совершенно исключительные исторические позиции, является то, что партия не сумела на новом рубеже (май-июль [19]23 г.) стряхнуть с себя автоматизм вчерашней политики, рассчитанной на годы, и ребром поставить -- в агитации, в действии, в организации, в технике -- проблему захвата власти. Время есть важный элемент политики, особенно в революционную эпоху. Упущенные месяцы приходится иногда наверстывать годами и десятилетиями. Так было бы с нами, если бы наша партия не взяла надлежащего разбега с апреля 1917 г. и не овладела властью в октябре. Есть все основания рассчитывать, что германский пролетариат поплатится за упущение не слишком жестоко, ибо устойчивость нынешнего германского режима -- особенно в виду международной обстановки -- более чем сомнительна.

Без дальнейшего ясно, что традиция, как консервативный элемент, как автоматическое давление вчерашнего дня на сегодняшний, представляет собою чрезвычайно важную силу на службе охранительных партий и глубоко враждебна революционной партии. Вся сила последней именно в свободе от консервативной традиционности. Означает ли это свободу от традиции вообще? Ни в каком случае. Но традиция революционной партии имеет совсем другую природу.

Если возьмем теперь нашу партию, в ее дореволюционном и в ее

пооктябрьском прошлом, то основным и драгоценнейшим ее тактическим качеством надо признать непревзойденную способность к быстрой ориентировке и резкой перемене тактики, к перевооружению и применению новых методов, словом, к политике крутых поворотов. Бурная историческая обстановка сделала эту тактику необходимой. Гений Ленина придал ей форму высшего мастерства. Это не значит, конечно, что наша партия была совершенно свободна от консервативной традиционности. Такой идеальной свободой массовая партия обладать не может. Но сила и могущество партии выражались в том, что косность, традиционность, рутинность были сведены к минимуму дальнотзоркой, насквозь революционной тактической инициативой, в одинаковой мере смелой и реалистичной.

Именно в этом состоит и должна состоять подлинная традиция партии.

Большая или меньшая бюрократизация партийного аппарата непременно сопровождается развитием консервативной традиционности со всеми ее последствиями. Эту опасность лучше преувеличить, чем недооценить. Тот несомненный факт, что более консервативные элементы аппарата все свои мнения, решения, приемы и ошибки склонны отождествлять со "старым большевизмом" и критику бюрократической замкнутости аппарата пытаются приравнять к подрыву традиции, -- факт этот уже сам по себе является несомненным выражением известного идейного окостенения.

Марксизм есть метод исторического анализа, политической ориентировки, а не совокупность решений, заготовленных впрок. Ленинизм есть применение этого метода в условиях исключительной исторической эпохи. Именно этим сочетанием свойств эпохи и метода определяется та мужественная, зрелая, уверенная в себе политика крутых поворотов, высочайшие образцы которой дал Ленин, и которую он же не раз теоретически освещал и обобщал.

Маркс говорил, что передовые страны показывают, до известной степени, отсталым образ их будущего. Из этого условного положения пытались сделать абсолютный закон, который и лег, в сущности, в основу "философии" русского меньшевизма. Этим самым пролетариату ставились пределы, вытекающие не из хода революционной борьбы, а из механической схемы, и меньшевистский "марксизм" был и остается лишь приспособленным для запоздалой "демократии" выражением потребностей буржуазного общества. На самом деле оказалось, что Россия, сочетающая в своей экономике и политике явления крайней противоположности, первой была выдвинута на путь пролетарской революции. Ни Октябрь, ни Брест-Литовск, ни создание регулярной рабоче-крестьянской армии, ни продразверстка, ни нэп, ни Госплан не были и не могли быть predeterminedены или predeterminedены марксизмом или дооктябрьским большевизмом. Все эти факты и повороты выросли из самостоятельного, инициативного, критического применения методов большевизма в новой каждый раз обстановке. Все эти решения давались каждый раз не просто, а с боем. Голая апелляция к традиции ничего не решала и не давала. Ибо при каждой новой задаче, при каждом новом повороте дело сводится вовсе не к тому, чтобы навести справку в традиции и открыть там несуществующий ответ, а к тому, чтобы на основании всего опыта партии дать новое самостоятельное, отвечающее обстановке, решение и тем самым --

обогатить традицию. Можно сказать еще резче, что ленинизм состоит в мужественной свободе от консервативной оглядки назад, от связанности прецедентами, формальными справками и цитатами. Ленин сам не так давно выразил эту мысль наполеоновскими словами: *on s'engage et puis on voit?* т.е. ведя борьбу, справляйся не с канонами и прецедентами, а врывайся в действительность, как она дана, и ищи в ней сил и путей к победе. Именно по этой линии Ленин подвергался не раз, а десятки раз внутри собственной партии обвинениям в нарушении традиции и в отказе от... "старого большевизма". Напомним, что отзовисты выступали неизменно под знаменем защиты большевистских традиций от ленинского уклона (об этом есть интереснейшие материалы в "Красной Летописи", № 9). Под знаком "старого большевизма", а на самом деле -- формальной, мнимой, ложной традиции -- поднялось против апрельских тезисов т. Ленина все, что было идейно-косного в партии. Один из наших партийных "историков" (на историков партии пока что, увы, не везет) говорил мне в самый разгар октябрьских событий: "Я не с Лениным, потому что я -- старый большевик, и остаюсь на почве демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Борьба левых против брестлитовского мира и за революционную войну шла опять-таки под знаменем спасения революционных традиций партии, чистоты "старого большевизма" -- от опасностей государственного оппортунизма. Незачем напоминать, что вся критика "Рабочей оппозиции" прошла под знаком обвинения партии в нарушении старых традиций. Мы видели совсем недавно, как официальнейшие истолкователи традиций партии в национальном вопросе приходили в явное противоречие как с потребностями партийной политики в национальном вопросе, так и с позицией т. Ленина. Число таких примеров -- исторически менее значительных, но не менее доказательных -- можно было бы умножить еще и еще. Но и из сказанного уже ясно, что каждый раз, когда объективные условия требуют нового поворота, смелого перелома, творческой инициативы, консервативное сопротивление обнаруживает естественную тенденцию противопоставить новым задачам, новым условиям, новому курсу -- "старые традиции", якобы старый большевизм, а на самом деле -- пустую оболочку оставленного позади периода.

Чем партаппарат замкнутее, чем более он пропитан духом своего самодовлеющего значения, чем с большим запозданием он реагирует на запросы, идущие снизу, тем больше он склонен противопоставлять новым запросам и задачам формальную традицию. И если что могло бы стать поистине смертельным для духовной жизни партии и для теоретического воспитания молодняка, так это -- превращение ленинизма из метода, для применения которого нужны инициатива, критическая мысль, идейное мужество, -- в канон, который требует только раз навсегда призванных истолкователей.

Ленинизм не мыслим прежде всего без теоретического охвата, без критического анализа материальных основ политического процесса. Оружие марксистского исследования нужно вновь и вновь оттачивать и применять. Именно в этом состоит традиция, а не в подмене анализа формальной справкой или случайной цитатой. С идейной поверхностностью и теоретической

неряшливостью пуще всего не мирится ленинизм.

Нельзя Ленина раскроить ножницами на цитаты, пригодные на все случаи жизни, ибо для Ленина формула никогда не стоит над действительностью, а всегда лишь орудие, инструмент для овладения действительностью и для ее преодоления. Можно было бы без труда найти десятки и сотни цитат у Ленина, которые с формальной стороны кажутся противоречащими друг другу. Но вся суть не в формальном отношении одной цитаты к другой, а в реальном отношении каждой из них к той конкретной действительности, в которую эта формула была двинута, как рычаг. Ленинская истина всегда конкретна!

Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной -- то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде. Но революционное чутье нельзя смешивать с демагогическим нюхом. Этот последний может давать преходящие успехи и даже очень эффективные. Но это политический инстинкт низшего порядка. Он всегда устремляется по линии наименьшего сопротивления. В то время как ленинизм направлен на постановку и разрешение основных революционных задач, на преодоление главных затруднений, демагогическая подделка под него направлена на обход задач, на ложное успокоение, на усыпление критической мысли.

Ленинизм есть, прежде всего, реализм, высший качественный и количественный учет действительности -- под углом зрения революционного действия. Но именно потому с ленинизмом непримиримо прикрытое пустопорожним агитаторством пасование перед действительностью, пассивное упущение времени, высокомерное оправдание ошибок вчерашнего дня -- под предлогом спасения партийной традиции.

Ленинизм есть подлинная свобода от формальных предрассудков, от морализующего доктринерства, от всех вообще видов духовного консерватизма, пытающегося связывать волю к революционному действию. Но было бы губительной ошибкой полагать, будто ленинизм означает: "все позволено". Ленинизм заключает в себе не формальную, но подлинную революционную мораль массового действия и массовой партии. Ничто так не чуждо ленинизму, как аппаратное высокомерие и бюрократический цинизм. Массовая партия имеет свою мораль, которая есть связь бойцов в действии и для действия. Демагогия непримирима с внутренним духом пролетарской партии именно потому, что демагогия лжива: давая в том или другом случае упрощенное решение трудностей сегодняшнего дня, она неизбежно подкапывается под завтрашний день, ослабляя доверие партии к самой себе.

Демагогия подбита ветром и, столкнувшись с серьезной опасностью, легко разрешается в паникерство. А паникерство и ленинизм -- их даже на бумаге трудно поставить рядом.

Ленинизм воинствен с ног до головы. А война немыслима без хитрости, без уловки, без обмана врага. Победоносная военная хитрость входит необходимым элементом в ленинскую политику. Но в то же время ленинизм есть высшая революционная честность перед лицом партии и класса. Никаких фикций, мыльных

пузырей, мнимых величин!

Ленинизм ортодоксален, упорен, непреклонен, но в нем нет и намека на формализм, канон и казенщину. В борьбе он берет быка за рога. Пытаться сделать из традиций ленинизма сверхтеоретическую гарантию непререкаемости и непреложности всех мыслей и речений истолкователей традиции -- значит издеваться над подлинной революционной традицией, превращая ее в казенщину. Смешна и жалка попытка гипнотизировать великую революционную партию повторением одних и тех же заклинаний, в силу коих правильную линию надо искать не в существе каждого вопроса, не в методах его постановки и разрешения, а в справках... биографического характера.

Поскольку я лично вынужден на минуту спуститься в эту область, скажу: я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком. Кроме своих действий на службе партии, я никому никаких дополнительных гарантий дать не могу. И если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то нужно это делать как следует быть. Тогда пришлось бы давать ответы на острые вопросы: всякий ли, кто был учителю верен в малом, оказывался ему верен и в большом? Всякий ли кто проявлял в присутствии учителя послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствие учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием? У меня нет никакого намерения разбирать эти вопросы на примере отдельных товарищей, с которыми я, со своей стороны, намерен и впредь работать рука об руку.

Каковы бы ни были дальнейшие трудности и разногласия, победу над ними даст только коллективная работа партийной мысли, проверяющей себя каждый раз заново и тем именно охраняющей преемственность развития.

С таким характером революционной традиции связан особый характер революционной дисциплины. Где традиция консервативна, там и дисциплина пассивна и нарушается при первом серьезном толчке. Где, как в нашей партии, традиция состоит в высшей революционной активности, там и дисциплина достигает высшего напряжения, ибо решающее значение ее проверено много раз через действие. Отсюда неразрушимое сочетание революционной инициативы, смелой критической проработки вопросов -- с железной дисциплиной действия. И только через высшую же активность молодежь может воспринять эту традицию дисциплины от стариков.

Традиции большевизма во всем их объеме нам не менее дороги, чем кому бы то ни было. Но пусть никто не смеет отождествлять бюрократизм с большевизмом, а традицию -- с казенщиной!

"Недооценка" крестьянства

Некоторые товарищи усвоили себе очень своеобразный методы политической критики: они утверждают, что я в таком-то вопросе не прав сегодня, потому что в другом вопросе был не прав 15 или сколько-то там лет тому назад. Этот метод очень упрощает задачу. Сегодняшний вопрос нужно было бы разобрать во всем его материальном содержании. А вопрос, который имел место много лет

тому назад, давно исчерпан, историей освещен и, чтобы сослаться на него, не нужно больших мозговых усилий, кроме, разумеется, некоторой памяти и добросовестности. Но и по этой части я не могу сказать, что все обстоит у моих критиков благополучно. И я это сейчас докажу на одном из важнейших вопросов.

Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах за последнее время, является указание -- преимущественно косвенное -- на мою "недооценку" роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса, приведения фактов, цитат, вообще доказательств. Обыкновенно дело ограничивается глубокомысленным кивком на теорию "перманентной революции", да еще разве двумя-тремя кулуарными словечками. А между теорией "перманентной революции" и советскими кулуарами -- ничего, пустота. Что касается теории "перманентной революции", то я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904-[190]5 гг. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин перманентная революция есть Марксов термин, которым он пользовался по отношению к революции [18]48 года. В марксистской литературе, разумеется, не в ревизионистской, а в революционной, термин этот всегда располагал правами гражданства. Франц Меринг пользовался этим определением по отношению к революции 1905-[190]7 гг. Перманентная революция в точном переводе означает постоянная или непрерывная революция. Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после достижения того или другого политического завоевания, той или другой социальной реформы, а развивается дальше, и пределом ее для нас является только социалистическое общество. Таким образом, раз начавшись, революция, -- поскольку мы в ней участвуем и, тем более, руководим ею, -- ни в каком случае не приостанавливается нами на каком-либо формальном этапе, наоборот, мы непрерывно и постоянно ведем ее вперед, разумеется, в соответствии со всей обстановкой, до тех пор, пока революция не исчерпает всех возможностей и ресурсов движения. Это относится как ко внутренним завоеваниям революции, в национальных пределах, так и к перенесению революции на международную арену. В условиях России это означало: не буржуазная республика, как политическое завершение, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опирающееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции (см. Л.Троцкий. "Итоги и перспективы"). Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма. Этого можно было не видеть 18-15 лет тому назад. Но этого нельзя не понять и не признать теперь, когда общие формулы наполнились полнокровным историческим содержанием. Никакой попытки "перескочить" через крестьянство в моих тогдашних писаниях не было. Через теорию "перманентной революции" был прямой путь к ленинизму, в частности, к

апрельским тезисам 1917 г. А эти тезисы, предопределившие политику нашей партии в Октябре и через Октябрь, заставили, как известно, панически отскочить очень и очень многих из тех, которые сейчас со священным ужасом говорят о теории "перманентной революции". Однако препираться по всем этим вопросам с товарищами, которые давно перестали читать и пользуются только смутными воспоминаниями молодости, дело нелегкое, да и бесполезное. Но те товарищи, и в первую голову молодые, которые не устают учиться и уж во всяком случае не позволяют запугать себя не только словами "металл" и "жупел", но и словом "перманент", -- эти товарищи хорошо сделают, если самостоятельно прочтут, с карандашом в руках, тогдашние работы за и против "перманентной революции" и попытаются провести от этих работ нити к Октябрю, что не так уж трудно.

Гораздо важнее все-таки практика октябрьская и послеоктябрьская. Здесь все можно проверить шаг за шагом. Незачем говорить, что по поводу политического усыновления нами "эсеровской" земельной программы у меня не было с т. Лениным и тени разногласий. Точно так же и относительно декрета о земле. Правильна или неправильна была наша советская крестьянская политика в тех или в других частностях, -- разногласий у нас она не возбуждала. Курс на середняка был взят при активнейшем моем участии. Думаю, что не последнее место в этом курсе занимали опыт и выводы военной работы. Да и как можно было недооценивать роль и значение крестьянства при построении революционной армии из крестьян при посредстве передовиков рабочих? Достаточно просмотреть нашу военно-политическую литературу, чтобы убедиться, насколько она проникнута той мыслью, что гражданская война есть, в политической основе своей, борьба пролетариата с контрреволюцией за влияние на крестьянство и что победу может обеспечить только правильная установка взаимоотношений рабочих к крестьянам: в отдельном полку, в районе военных действий, во всем государстве.

В марте 1919 г., в докладной записке в ЦК с Волги, я отстаивал необходимость более принципиального проведения курса на середняка -- против невнимательного или поверхностного отношения, еще наблюдавшегося в партии в этом вопросе. В докладе, внушенном мне непосредственно дискуссией и в сенгилеевской организации, я писал: "Временная, хотя, может быть, и длительная политическая ситуация является, однако, гораздо более глубокой социально-экономической реальностью, ибо и при наличии победоносной пролетарской революции на Западе, нам в нашем социалистическом строительстве придется в огромной степени исходить из того же середняка, втягивая его в социалистическое хозяйство".

Однако, курс, взятый на середняка в его первоначальной форме ("относись внимательно к крестьянину", "не командуй" и пр.), оказался недостаточным. Явно нарастала необходимость перемены хозяйственной политики. Под влиянием опять-таки настроений армии и опыта хозяйственной поездки на Урал, я писал в ЦК в феврале 1920 г.: "Нынешняя политика уравнилительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнилительного

распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны". В качестве основной практической меры я предлагал: "Заменить изъятие излишков известным процентным отчислением -- своего рода подоходно-прогрессивный налог -- с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду". Весь текст в целом представляет довольно законченное предложение перехода к новой экономической политике в деревне¹. С этим предложением было связано другое, касающееся новой организации промышленности, гораздо более черновое и осторожное, но направленное, по существу, против главкократического режима, разбившего все связи между промышленностью и сельским хозяйством. Предложения эти были тогда Центральным Комитетом отклонены: это и было, пожалуй, единственное разногласие по крестьянскому вопросу. Можно сейчас по-разному оценивать, в какой мере переход к новой экономической политике был целесообразен уже в феврале 1920 г. Я лично не сомневаюсь, что от такого перехода мы были бы в выигрыше. Но уж, во всяком случае, из приведенных мною документов никак нельзя вывести игнорирования мною крестьянства или недооценки его роли. Дискуссия о профсоюзах выросла из хозяйственной безвыходности на основании продразверстки и главкократии. Могло ли помочь "сращивание" профсоюзов с хозяйственными органами? Разумеется, нет. Но и никакие другие меры не могли помочь, доколе сохранялся хозяйственный режим "военного коммунизма". Эти эпизодические споры были целиком покрыты решением привлечь на помощь рынок, причем это капитальнейшее решение не вызвало никаких разногласий. Новая резолюция, посвященная задачам профсоюзов на основе нэпа, была выработана т. Лениным между X и XI съездами и принята опять-таки единогласно.

Я мог бы привести добрый десяток других фактов, менее значительных по своему политическому весу, но не менее ярко опровергающих легенду о так называемой "недооценке мною крестьянства". Но нужно и можно ли, в конце концов, опровергать утверждение, ничем не подкрепляемое, совершенно не доказываемое, не имеющее за собою ничего, кроме недоброй воли или, в лучшем случае, дурной памяти?

Верно ли, что основной чертой международного оппортунизма является "недооценка" роли крестьянства? Нет не верно. Основной чертой оппортунизма, в том числе и нашего русского меньшевизма, является недооценка роли пролетариата, или, еще точнее, недоверие к его революционной силе. Большевики все свои возражения против захвата власти пролетариатом строили на многочисленности крестьянства и его огромной у нас социальной роли. Эсеры считали, что крестьянство создано для того, чтобы стоять под их руководством и через них, эсеров, руководить страной. Большевики, шедшие рука в руку с эсерами в самые ответственные моменты революции, считали, что крестьянство, по самой природе своей, предназначено служить главной опорой буржуазной демократии, и, со своей стороны, всячески шли ей на помощь, как в лице эсеров, так и в лице кадетов. Как большевики, так и эсеры выдавали при этом

крестьянство с головой буржуазии. Можно, правда, сказать, -- и это будет вполне верно, -- что меньшевики недооценивали возможную роль крестьянства по сравнению с ролью буржуазии; но еще более они недооценивали пролетариат по сравнению с крестьянством. И именно из этой последней, основной недооценки вытекала первая, производная. Большевики категорически отвергали, как утопию, как фантазию, как бессмыслицу, руководящую роль пролетариата по отношению к крестьянству, со всеми вытекающими отсюда последствиями, т. е. завоеванием власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство. Здесь Ахиллесова пята меньшевизма, который, впрочем, только пятой и похож на Ахиллеса.

Каковы, наконец, были в нашей собственной партии главные доводы против завоевания власти перед Октябрем? Неужели же недооценка роли крестьянства? Наоборот, переоценка -- по сравнению с ролью пролетариата. Товарищи, противившиеся захвату власти, больше всего указывали на то, что пролетариат захлебнется в мелкобуржуазной стихии, основой которой является многомиллионное крестьянство.

Голый термин "недооценка" ни теоретически, ни политически ничего не выражает, ибо дело идет не о каком-либо абсолютном весе крестьянства в истории, а об его роли и значении в отношении к другим классам: с одной стороны -- к буржуазии, с другой стороны -- к пролетариату. Вопрос может и должен ставиться конкретно, т. е. о динамическом соотношении сил разных классов. Политически для революции имеет большое значение -- в некоторых случаях решающее, но далеко не везде одинаковое -- вопрос о том, перетянет ли пролетариат в революционный период на свою сторону крестьянство, и какую часть его. Экономически огромное значение -- в некоторых странах, как у нас, решающее, но во всяком случае далеко не всюду одинаковое -- имеет вопрос о том, в какой мере стоящему у власти пролетариату удастся сочетать свое социалистическое строительство с крестьянским хозяйством. Но во всех странах и во всех условиях основной чертой оппортунизма является переоценка силы буржуазных и промежуточных классов и недооценка силы пролетариата.

Смешной, чтобы не сказать нелепой, является претензия создать какую-то универсальную большевистскую формулу крестьянского вопроса, одинаково, будто бы, пригодную и для России 1917 г., и для России 1923 г., и для фермерской Америки, и для помещичьей Польши. Большевизм начал с программы возвращения крестьянам земельных отрезков, сменил ее затем программой национализации, усыновил в 1917 г. эсеровскую земельную программу, установил продразверстку, заменил ее продналогом... А мы, ведь, еще очень и очень далеки от разрешения крестьянского вопроса, и впереди предстоит много перемен и поворотов. Не ясно ли, что практические задачи сегодняшнего дня нельзя растворять в общих формулах, созданных опытом вчерашнего дня; нельзя решение организационно-хозяйственных задач заменять голой апелляцией к традиции; нельзя при определении исторического пути кормиться и кормить воспоминаниями и аналогиями.

Самая большая хозяйственная задача настоящего времени состоит в том,

чтобы установить такое соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, а, стало быть, и внутри промышленности, при котором промышленность развивалась бы с минимальными кризисами, толчками и потрясениями и с возрастающим перевесом государственной промышленности и торговли над частным капиталом. Такова общая задача. Она распадается на ряд частных вопросов: каковы методы для установления необходимого соотношения между городом и деревней? между транспортом, финансами и промышленностью? промышленностью и торговлей? Какие учреждения призваны применять эти методы? Каковы, наконец, конкретные цифровые данные, на которых в каждый данный момент можно построить наиболее здоровые хозяйственные планы и расчеты? Все эти вопросы, очевидно, не предрешаются какой либо общей политической формулой. Тут нужно найти конкретный ответ в процессе строительства. Крестьянин требует от нас не повторения правильной исторической формулы классовых взаимоотношений ("смычка" и пр.), а более дешевых гвоздей, ситцу и спичек. К удовлетворению этих его требований мы сможем подойти лишь на пути все более точного применения методов учета, строительства, производства, сбыта, проверок сделанного, поправок и радикальных изменений. Имеют ли эти вопросы принципиальный, программный характер? Нет, поскольку ни программа, ни теоретическая традиция партии нас на этот счет не связали и не могли связать -- за отсутствием необходимого опыта и его обобщения. Велико ли практическое значение этих вопросов? Неизмеримо. От правильного решения их зависит судьба живой революции. В этих условиях стремление растворять каждый практический вопрос и вытекающие из него разногласия в партийной "традиции", превращаемой в абстракцию, есть чаще всего отказ от самого важного и значительного в этой традиции: постановки и разрешения каждой задачи во всей ее реальности и конкретности.

Надо перестать болтать о низкой оценке крестьянства. Надо добиться на деле понижения расценки крестьянских товаров.

Предложение, внесенное в ЦК в феврале 1920 года

Основные вопросы продовольственной и земельной политики

Помещичьи и казенные земли переданы крестьянству. Вся политика направлена против многолошадных, многопосевных крестьян (кулаков). С другой стороны, продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительской нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия 3-й коровы, как излишней, на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. В то же время полупролетарские и даже пролетарские элементы городов оседают в деревне, где заводят свои продовольственные хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается основа

продовольственной политики, построенной на извлечении излишков. Если нынешний продовольственный год показывает значительный успех заготовок по сравнению с прошлым, то это нужно отнести за счет расширения советской территории и некоторого улучшения продовольственного аппарата. В общем же продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1) заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом" чтобы более крупная запашка и лучшая обработка представляли выгоду;

2) установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам.

Привлечение к этому местных промышленных предприятий. Частичная расплата с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие продуктами промышленных предприятий.

Во всяком случае, очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны.

VII(?надо ли цифру). Плановое хозяйство

("№1042")

В нынешней дискуссии, и печатной и устной, почему-то совершенно неожиданным вниманием пользовался приказ №1042. Откуда? Почему? Вероятно, большинство членов партии вообще забыло, что это за таинственный номер. Поясню, что речь идет о приказе, изданном Нарком[атом] Путей Сообщения 22-го мая 1920 г. и посвященном ремонту паровозов. Казалось бы, с того времени немало воды утекло под железнодорожными и иными мостами. Казалось бы, сейчас имеется немало вопросов, куда более животрепещущих, чем вопрос о том, правильно или неправильно мы организовали ремонт паровозов в [19]20 г. Существуют гораздо более свежие плановые приказы в области металлургии, машиностроения, сельскохозяйственного -- в частности. Есть вынесенная XII съездом ясная и точная резолюция о смысле и задачах планового руководства. Есть свежий опыт плановой работы за [19]23 г. Почему же именно теперь выскочил план, относящийся к периоду военного коммунизма, -- выскочил, как "бог из машины", говоря словами римского театра? Бог из машины выскакивал потому, что за машиной стояли режиссеры, которым появление бога нужно было для развязки. Каким же режиссерам и для чего понадобился неожиданно приказ № 1042? Совершенно непонятно. Остается допустить, что он понадобился лицам, которые страдают непреодолимой заботой об исторической истине. Разумеется, и они знают, что есть много более жизненных и актуальных вопросов чем план железнодорожного ремонта, изданный почти 4 года тому назад. Но разве можно

-- судите сами! -- идти вперед, разве можно строить новые планы, разве можно отвечать за их неправильность, неудачу, непредусмотрительность, если не растолковать всем, всем, всем, что приказ No 1042 был ложным приказом, основанным на игнорировании крестьянства, на неуважении к партийной традиции и на стремлении создать фракцию! Это ведь только на первый взгляд кажется, что цифра "1042" есть простой канцелярский номер. Если же взглядеться в дело попроницательнее, то окажется, что "1042" ничуть не лучше апокалипсической цифры "666", связанной со зверем. Надо предварительно стереть главу апокалипсического зверя, тогда можно будет на досуге поговорить и о других хозяйственных планах, не успевших покрыться четырехлетней давностью...

Признаюсь, мне вначале была совершенно чужда мысль занимать сегодняшнего читателя железнодорожным приказом за No 1042. Тем более, что дискуссионные выпады против этого приказа имеют характер обиняков и неопределенных намеков, долженствующих показать, что намекатель знает гораздо больше, чем говорит, тогда как на самом деле бедняга ничего не знает. В этом смысле "обвинения" против No1042 немногим отличаются от 1041-го других обвинений. Количество тут должно возместить качество. Факты в этих обвинениях безжалостно искажены, цитаты исковерканы, пропорции попорнены, все нашвыряно в кучу без ладу и складу. Чтобы разобраться задним числом в тех или других старых разногласиях и ошибках, нужно было бы восстановить прошлую обстановку во всей ее конкретности. До того ли? А если так, то стоит ли, не откликаясь на многие другие фальшивые в самом своем существовании намеки и обвинения, реагировать на выпущенный из режиссерской машины "приказ No1042"? Стоит ли?

Поразмысливши, я решил все же, что стоит, ибо здесь мы имеем перед собою случай, в своем роде классический... по злостному легкомыслию обвинения. Дело с приказом No 1042 происходило не в идеологической области, а в материальной, в производственной, и потому измерялось числом и весом. Здесь легче и проще всего навести точную справку, привести фактические доводы, и, стало быть, в этом случае наиболее уместна хотя бы простая осторожность, ибо тут легче всего обнаружить, что говоришь о том, чего не знаешь и не понимаешь. И если, тем не менее, даже на этом конкретном, ясно очерченном, точном примере обнаружилось бы, что выпущенный из машины "бог" есть на деле легкомысленный шут, то это облегчит, может быть, многим читателям понимание режиссерских методов, которые скрываются за другими "обвинениями", не допускающими, увы, и на одну сотую такой точности проверки, как приказ No 1042.

Я постараюсь в то же время при изложении дела не оставаться в рамках исторических справок, а попробовать связать вопрос о приказе No 1042 с задачами планового строительства и руководства вообще. Очень может быть, что иллюстрация вопроса на конкретном примере поможет внести в дело несколько больше ясности.

Приказ No 1042, введший ремонт паровозов в рамки систематического и планомерного использования всех ремонтных сил и средств железнодорожного

ведомства и государства в целом, разрабатывался в течение продолжительного времени лучшими специалистами железнодорожного дела, которые и сейчас в области управления техникой железнодорожного транспорта играют руководящую роль. Фактически осуществление ремонта паровозов по приказу № 1042 началось с мая -- июня, формально -- с 1-го июля 1920 г. В рамки плана были включены не только ж[елезно]д[орожные] мастерские, но и соответственные заводы ВСНХ. Мы даем ниже таблицу, рисующую фактический ход выполнения плана, с одной стороны, по железнодорожным мастерским, с другой -- по заводам, представлявшие периодически в СТО Основной Транспортной Комиссией (междуведомственной) за подписями представителей как НКПС, так и ВСНХ. навыками централизованного управления. Мы все это охотно признаем. Но это ни в малейшей степени не отменяет и не меняет того факта, что просчет, поскольку он имел место, шел целиком по линии ВСНХ.

Однако плановый просчет ВСНХ, вызвавший необходимость снижения ставок плана, но ни в каком случае не упразднение самого плана, ни прямо, ни косвенно не говорит против приказа № 1042, ибо приказ этот, по самому существу своему, имел ориентировочный характер и был заранее рассчитан на внесение в него периодических поправок на основе материального опыта. Регулировка перспективного плана является одной из важнейших сторон его производственного осуществления. Мы видели выше, что производственные нормы приказа были с октября 1920 г. повышены на 28% ввиду того, что фактическая производственная мощь мастерских НКПС оказалась, благодаря принятым мерам, выше предположенной. Мы видели далее, как нормы эти были с мая 1921 г. сильно понижены под влиянием производственных условий, лежащих вне НКПС. Но и повышение и понижение производится в плановом же порядке, и приказ № 1042 создает для них необходимую основу. Это максимум того, что можно вообще требовать от ориентировочного плана. Разумеется, наиболее реальное значение для дела имели цифры ближайших месяцев, полугодия ближайшего года; дальнейшие цифры имели только перспективное значение. При создании приказа никто не думал, что выполнение его действительно произойдет ровнехонько в 4 1/2 года. Когда оказалось возможным повышение нагрузки, перспективный срок сократился до 3 1/2 лет. Недостаток материалов опять отодвинул срок. Но факт остается фактом: на наиболее острый, критический в жизни транспорта период -- на [19]20-[19]21 гг. -- приказ оказался вполне реальным, ремонт был введен в упорядоченные рамки и повысился в четыре раза, и железнодорожное хозяйство вырвалось из непосредственно угрожавшей ему катастрофы.

Мы не знаем, с какими-такими идеальными планами почтенные критики сравнивают приказ № 1042? Нам кажется, что сравнивать нужно бы с тем положением, какое было в ремонтном хозяйстве до этого приказа. А положение это было таково, что паровозы раздавались в ремонт любому заводу, любой фабрике -- для подвоза продовольствия. Мера эта была мерой отчаяния, означала распыление транспорта и совершенно чудовищное расходование труда на ремонт. Приказ № 1042 снова собрал паровозное хозяйство воедино, внес в ремонт первоначальные элементы правильной организации труда, приурочивая

определенные серии паровозов к определенным мастерским, и поставил, таким образом, дело ремонта в зависимость не от распыленных усилий рабочего класса в целом, а от более или менее правильного и точного учета сил и средств транспортного хозяйства. В этом было принципиальное значение приказа No 1042, независимо даже от степени совпадения цифр предположения с цифрами выполнения. Но, как мы видели выше, и по этой части дело обстояло вполне благополучно.

Разумеется, сейчас, когда факты забыты, можно по поводу плана No 1042 говорить всяческую отсебятину в расчете на то, что никто проверять не будет, а какой-нибудь клейкий мусор в результате "говорения" все-таки в головах останется. Но в тот период дело было совершенно ясно и бесспорно. Этому можно было бы привести десятки свидетельств. Мы выберем три -- разной авторитетности, но характерных каждое по-своему.

3-го июня "Правда" следующим образом оценивала положение с транспортом: "...Сейчас дело с транспортом в некоторых отношениях подвинулось вперед. Всякому даже случайному наблюдателю бросается в глаза тот -- хотя бы и элементарный -- порядок, который теперь есть и которого раньше не было.

Впервые создан точный производственный план, дана определенная задача для мастерских, заводов и депо. За все время революции только теперь произведен полный и точный учет всех производственных возможностей, которые существуют в действительности, а не на бумаге. В этом отношении "приказ No 1042", подписанный т. Троцким, представляет поворотный пункт в нашей работе по транспорту"...

Можно возразить, что это свидетельство является только предварительной оценкой, и что, подписанное буквами И. Б., оно могло исходить от т. Бухарина. Мы не оспариваем ни того, ни другого. Тем не менее, цитата эта правильно оценивает самый факт внесения элементов упорядоченности в хаотическое дело железнодорожного ремонта.

Но мы приведем сейчас свидетельство более авторитетное и основанное уже на полугодовом опыте. На VIII съезде Советов т. Ленин говорил:

"...Вы видели уже между прочим из тезисов т. Емшанова и т. Троцкого, что здесь, в этой области (восстановление транспорта), мы имеем дело с настоящим планом, на много лет разработанным. Приказ No 1042 был рассчитан на 5 лет, мы в 5 лет наш транспорт восстановить можем, число больных паровозов уменьшить можем, и, пожалуй, как самое трудное, я подчеркну в 9-м тезисе указание на то, что мы этот срок уже сократили.

И когда появляются большие планы, на много лет рассчитанные, бывают нередко скептики, которые говорят: где уж там нам на много лет рассчитывать, дай бог сделать и то, что нужно сейчас. Т.е., нужно уметь соединять и то и другое; нельзя работать, не имея плана, рассчитанного на длительный период, на серьезный успех. Что это необходимо, это показывает несомненное улучшение работы транспорта. Я хочу обратить внимание на то место в 9-м тезисе, где говорится, что срок был бы года для восстановления, но он уже сокращен, потому что мы работаем выше нормы: срок уже определяется 3 1/2 годами. Так

нужно работать и в остальных хозяйственных отраслях"...

Наконец, уже через год после издания приказа № 1042, в принципиальном приказе т. Дзержинского "Об основах дальнейшей работы НКПС" от 27-го мая 1921 года читаем:

"Исходя из того, что сокращение норм приказов № 1042 и № 1157 1), явившихся первым и блестящим опытом плановой хозяйственной работы, есть временное и вызвано переживающимся топливным кризисом... принять меры к поддержанию и восстановлению оборудования и мастерских"...

Таким образом, мы видим, что после годового опыта и после вынужденного снижения норм ремонта, новый (после т. Емшанова) руководитель Железнодорожного транспорта признает приказ № 1042 "первым и блестящим опытом плановой хозяйственной работы". Я очень сомневаюсь, чтобы можно было переделать историю задним числом, -- хотя бы даже историю одного только железнодорожного ремонта. В настоящее время некоторые лица очень усердно предаются этому "ремонту": исправлению вчерашней истории применительно к "потребностям" сегодняшнего дня. Я не думаю, однако, чтобы этот ремонт (тоже с "планом"!) был общественно полезным, и чтобы он в последнем счете дал какие-либо ощутительные результаты.

Правда, Маркс называл революцию паровозом истории. Но, в отличие от железнодорожного, -- паровоз истории нельзя подвергать ремонту, тем более... задним числом. Напоминаем, что в просторечии такие попытки ремонта истории называются фальсификацией.

* * *

Как мы выше видели, Основная Транспортная Комиссия выполняла частично и ошупью ту работу согласования смежных отраслей хозяйства, которая ныне, в гораздо более широком и обобщенном виде, должна составлять содержание работ Госплана. Приведенный нами пример указывает, вместе с тем, в чем задачи и в чем трудности планового руководства хозяйством.

Ни одна отрасль промышленности, широкая или узкая, ни одно предприятие не могут правильно распределить свои средства и силы, не имея перед собою ориентировочного хозяйственного плана. В то же время все эти частные планы соотносительны, друг от друга зависят, друг друга обуславливают. Эта соотносительность должна, по необходимости, быть основным критерием при самой выработке планов, а затем и при проведении их в жизнь, т. е. при периодической проверке планов на основе производственного опыта. Очень легкая и дешевая вещь -- отпустить шуточки насчет многолетних планов, которые потом оказываются мыльными пузырями. Таких планов было не мало, и незачем говорить, что фантазерство в хозяйстве -- вещь мало привлекательная. Но суть-то в том, что нельзя добраться до правильных планов иначе, как исходя от примитивных и грубых, подобно тому, как до стального ножа можно прийти лишь начиная с каменного топора.

Нужно прямо сказать, что во многих головах по вопросу о хозяйственном плане господствуют и сейчас еще в высшей степени ребяческие представления: "Нам, мол, не нужно многочисленных (!) планов, у нас есть план

электрификации, -- давайте его выполнять!". Такой подход к делу свидетельствует о непонимании азбуки вопроса. Перспективный план электрификации целиком соподчинен перспективным планам основных отраслей промышленности, транспорта, финансов, наконец, перспективам сельского хозяйства. Все эти частные планы должны быть согласованы между собой уже в предварительном, априорном порядке, на основе всех тех данных, какими мы располагаем в отношении наших хозяйственных ресурсов и возможностей. На такого рода согласованный, скажем, годовой план (в него входят годовые отрезки отдельных перспективных трехлетних, пятилетних и пр. планов, представляющих собою лишь рабочие гипотезы) может и должно.

1) Приказ No1157 имел такое же значение для ремонта ва-гонов, как No 1042 -- для паровозов.

2) Чтобы запутать вопрос, можно, конечно, не отвечая нацифры и факты, поговорить о Цектроне или о заказах паровозов за границей. Считаю небесполезным по этому поводу отметить, что вопросы эти не находятся ни в какой связи. Приказ No 1042 продолжал регулировать работу ремонта прит. Емшанове, а затем при т. Дзержинском, когда состав Цект-рана был совершенно изменен. Что касается заказа паровозов за границей, то вся эта операция была решена и проведена вне НКПС и вне какой бы то ни было зависимости от приказа No 1042 и его исполнения. Или может быть, кто-нибудь посмеет это оспаривать?

[...] опираться на практическое искусство руководящего планового органа, который вносит необходимые изменения уже в процессе осуществления хозяйственного плана. Такое руководство, при всей своей необходимой гибкости и маневренности, не вырождается (то есть не должно вырождаться) в ряд случайных импровизаций, поскольку оно опирается на связное представление о ходе хозяйственного процесса в целом и, внося необходимые изменения, проникнуто стремлением к уточнению хозяйственного плана, в соответствии с материальными условиями и ресурсами.

Такова лишь самая общая схема плановой работы в области государственного хозяйства. Но эта работа чрезвычайно усложняется наличием рынка. На периферии своей государственное хозяйство смыкается, или, по крайней мере, ищет смычки с мелкотоварным крестьянским хозяйством. Непосредственным органом смычки является торговля продуктами легкой и отчасти средней промышленности, и лишь косвенно, частично и во вторую очередь -- вовлекается в смычку тяжелая промышленность, непосредственно обслуживающая государство (армию, транспорт, госпромышленность). Крестьянское хозяйство -- не плановое, а стихийно развивающееся товарное хозяйство. Государство может и должно на него воздействовать, толкая его вперед, но ни в коем случае еще не способно ввести его в рамки единого плана. Пройдут долгие годы, пока эта цель будет достигнута (вероятнее всего -- на технических основах электрификации). На ближайший период -- а о нем практически идет речь -- мы будем иметь государственное плановое хозяйство, все более смыкающееся с крестьянским рынком и, следовательно,

приспосабливающееся к рынку в процессе его роста. Хотя рынок развивается стихийно, но приспособление к нему государственной промышленности вовсе не должно совершаться стихийным порядком. Наоборот, успехи наши в области хозяйственного строительства будут в огромной степени измеряться тем, в какой мере нам будет удаваться, путем правильного познания, правильного учета рынка и хозяйственного предвидения, достигнуть максимальной согласованности государственной промышленности с сельским хозяйством -- в порядке планового руководства. Известная конкуренция между отдельными государственными заводами или между трестами не отменяет того факта, что государство является владельцем всей национализированной промышленности и, в качестве владельца, администратора и планового руководителя, рассматривает свое достояние, как целое по отношению к крестьянскому рынку.

Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка, а также и мирового, связь с которым будет расти прежде всего через вывоз хлеба и сырья, ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты уже хотя бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же, совершенно ясно, что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем серьезнее плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собою. Если в корне неправильно было учение брентанистов (последователей немецкого экономиста Луйо Брентано) и бернштейнианцев о том, что господство капиталистических трестов "урегулирует" рынок, сделав невозможным торгово-промышленные кризисы, то, в применении к рабочему государству, как тресту трестов и банку банков, эта мысль вполне правильна. Иначе сказать: усиление или ослабление размаха кризисов будет в нашем хозяйстве наиболее ярким и безошибочным измерителем относительных успехов государственного хозяйства сравнительно с частнокапиталистической стихией. В борьбе государственной промышленности за преобладание на рынке плановое руководство является важнейшим оружием. Без этого самый факт национализации превратился бы в помеху экономическому развитию, и частный капитал неизбежно подмыл бы устой социализма.

Когда мы говорим о государственном хозяйстве, мы имеем, разумеется, в виду, наряду с промышленностью, транспорт, внешнюю и внутреннюю государственную торговлю и финансы. Весь этот "комбинат" -- и в целом и по частям -- приспособляется к крестьянскому рынку и к отдельному крестьянину, как налогоплательщику. Но это приспособление имеет своей основной целью поднять, усилить, развить государственную промышленность, как краеугольный камень диктатуры пролетариата и базу социализма. В корне неправильно думать, будто можно изолированно развивать и доводить до совершенства отдельные части этого "комбината": транспорт, финансы и пр. Их успехи и неудачи взаимозависимы, соотносительны. Отсюда огромное принципиальное значение Госплана, понимание чего дается у нас так медленно и с таким трудом.

Госплан должен согласовывать, т. е. планомерно сочетать и направлять

все основные факторы государственного хозяйства в их правильном соотношении с народным, т. е. прежде всего крестьянским хозяйством, при чем стержнем работ Госплана должна быть забота о росте и развитии государственной (социалистической) промышленности. Именно в этом смысле мне приходилось говорить, что внутри государственного комбината "диктатура" должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово "диктатура" -- как я пояснял -- имеет здесь очень ограниченный и условный характер, -- в противовес той "диктатуре", на которую претендовали финансы. Другими словами: не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется, что это нисколько не направлено против смычки, т. е. правильных взаимоотношений всего государственного "комбината" и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела "смычка" из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности. Утверждение, будто только что охарактеризованная постановка вопроса означает "игнорирование" крестьянства или попытку дать государственной промышленности такой размах, который не отвечает состоянию народного хозяйства в целом, представляет собой чистейший вздор, который не становится убедительнее от повторения.

Насчет того, кто и кого требовал и ждал размаха от развития промышленности в ближайшее время, лучше всего свидетельствуют следующие слова из моего доклада на XII съезде:

"Я сказал, что мы работали в убыток. Это не моя личная только оценка. Ее разделяют очень авторитетные хозяйственники. Я рекомендую взять вышедшую к съезду книжку т. Халатова "О заработной плате". В ней имеется предисловие т. Рыкова, который говорит: "Вступая в третий год новой экономической политики, необходимо признать, что успехи истекших двух лет еще недостаточны, что они нам не сумели обеспечить даже полной приостановки процесса уменьшения основного и оборотного капитала, не говоря уже о переходе к накоплению и увеличению производительных сил Республики. Третий год должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными". Значит, тов. Рыков констатирует, что основной и оборотный капиталы за этот год продолжали уменьшаться. "Третий год, -- говорит он, -- должен сделать нашу промышленность и транспорт в их главнейших частях доходными". К пожеланию т. Рыкова я присоединяюсь охотно, что же касается оптимистической надежды на третий год, я воздержусь. Чтобы уже на третий год мы сделали основные отрасли нашей промышленности прибыльными, я этого не думаю, и считаю, что будет очень хорошо, если, мы, во-первых, лучше подсчитаем наши убытки в третьем году нэпа, чем мы это сделали во втором; и если мы сможем доказать, что в третьем году наши убытки по важнейшим отраслям хозяйства -- транспорту, топливу и металлургии будут меньше, чем во втором году. Здесь самое важное -- установить тенденцию развития и -- помочь ей. Если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе, тогда мы дойдем до победы, т. е. до прибыли, но нужно, чтобы кривая

разворачивалась в нашу пользу".

Таким образом, совершеннейшим опять-таки вздором является утверждение, будто вопрос сводится к темпу развития и почти что определяется... "темпераментом". На самом деле вопрос идет о направлении развития.

Но очень трудно спорить с людьми, которые каждый новый, точный, более конкретный вопрос тянут назад, на пройденную ступень, растворяя его в более общем вопросе, уже разрешенном. Огромная часть нашей дискуссии заключается в этой борьбе за конкретизацию: от общей формулы "смычки" -- к более конкретной проблеме "ножниц" (XII съезд); от проблемы ножниц -- к действительному плановому регулированию хозяйственных факторов, определяющих цены (XIII съезд). Это есть -- пользуясь старой большевистской терминологией -- борьба с хозяйственным хвостизмом. Без успеха этой идейной борьбы не может быть и хозяйственных успехов. Ремонт транспорта ставился весной 1920 года не как составной элемент

всего хозяйственного плана, ибо о таком плане тогда, несмотря на вавилонскую башню главкокртии, не было еще и речи. Рычаг плана был приложен к транспорту, т.е. к той отрасли хозяйства, которая составляла в тот период минимум и угрожала свернуться до нуля. Так именно и ставился тогда нами вопрос. "В тех условиях, в каких находится советское хозяйство в целом, -- писали мы в тезисах к VIII съезду Советов, -- т. е. когда выработка и проведение единого хозяйственного плана не вышли еще из периода эмпирического согласования отдельных наиболее тесно друг от друга зависящих частей этого будущего плана, железнодорожное ведомство ни в каком случае не могло строить свой план ремонта и эксплуатации из данных единого экономического плана, еще только подлежащего выработке". Поднявшись благодаря упорядочению ремонта, транспорт перестал быть минимумом и наталкивался по очереди на другие "минимумы": металл, хлеб, уголь. Этим самым план No 1042 ставил в своем развитии вопрос об общехозяйственном плане. Нэп изменил условия постановки этого вопроса, а, следовательно, и методы его разрешения. Но самый вопрос остался во всей своей силе. Об этом свидетельствуют повторные решения о необходимости превратить Госплан в штаб советского хозяйства.

Но об этом мы еще поговорим особо, -- так как хозяйственные задачи требуют самостоятельного конкретного рассмотрения.

Еще раз советуем всем товарищам, серьезно интересующимся вопросом, прочитать, а, по возможности, и проштудировать прения о промышленности на XII съезде партии.

Цифры наши воспроизводят совершенно бесспорные официальные данные, представлявшиеся периодически в СТО Основной Транспортной Комиссией (междуведомственной) за подписями представителей как НКПС, так и ВСНХ.

Выполнениеприказа No1042 (в процентах по отношению к плану)

в жел.-дор. мастерских на заводах ВСНХ при т. Емшанове в качестве НКПС 1920 г. Июль 135 40,5 Август 131,6 74 Сентябрь 139,3 80 Октябрь 130 51

Ноябрь 124,6 70 Декабрь 120,8 66 Итого 129,7 70 Январь 1921 г. 95 36
Февраль 90 38 Март 98 Апрель 101 26

Таким образом, успешный ход ремонта по мастерским НКПС дал возможность уже с октября повысить задание на 28%. Тем не менее, выполнение за второе полугодие [19]20 г. дало почти 130 % по отношению к заданию. В первые 4 месяца [19]21 г. выполнение лишь несколько ниже 100 % задания. Но затем уже при т. Дзержинском в дело вторгаются обстоятельства, лежащие за пределами НКПС: с одной стороны, недостаток материала и продовольствия для обслуживания самого ремонта, а с другой -- крайний недостаток топлива, делавший невозможным использование даже и наличных паровозов. Вследствие этого постановлением СТО от 22-го апреля 1921 г. решено было нормы ремонта паровозов по плану No 1042 на остаток [19]21 года значительно сократить. Фактическое исполнение за последнее 8 месяцев [19]21 г. по НКПС составляло 88% по отношению к сокращенному плану; по ВСНХ -- 44%.

Результаты работы по приказу 1042 за первое, наиболее критическое для транспорта, полугодие следующим образом выражены в тезисах к VIII съезду Советов, одобренных Политбюро ЦК:

"Программа ремонта получила, таким образом, точный календарный характер, притом не только для железнодорожных мастерских, но и для заводов ВСНХ, обслуживающих транспорт. Установленная путем длительной подготовительной работы и согласованная через Основную Транспортную Комиссию программа ремонта дала, однако, совершенно различный процент выполнения в железнодорожных мастерских (НКПС) и на заводах (ВСНХ): в то время, как в мастерских капитальный и средний ремонт, выраженный в единицах среднего ремонта, повысился в течение этого года с 258 паровозов до тысячи с лишним, то есть в четыре раза, и давал в среднем до 130 проц[ентов] установленной месячной программы, заводы ВСНХ снабжали ж[елезно]д[орожным] материалом и запасными частями в размере одной трети программы, установленной по соглашению обоих ведомств Основной Транспортной Комиссией".

Мы видим, однако, что с известного момента выполнение установленных норм приказа No 1042 становится невозможным, вследствие недостачи сырых материалов и топлива. -- Но это же и показывает, что приказ был неправилен! -- готовы воскликнуть критики, которые, впрочем, только что узнали от меня об этом факте. На это приходится ответить: приказ No 1042 регулировал ремонт паровозов¹, но ни в каком случае не производство металлов и добычу угля. Эти процессы регулировались совершенно другими приказами и другими учреждениями. Приказ No 1042 был не универсальным хозяйственным планом, а транспортным. -- Но ведь необходимо было его согласовать с углем, топливом и пр.?

Бесспорно. Именно для этого и была создана Основная Транспортная Комиссия, в которую на равных началах входили представители НКПС и ВСНХ. Согласование ремонта с возможным наличием материалов достигалось постольку, поскольку представители ВСНХ заявляли: могут или не могут они дать необходимые материалы². Следовательно, если здесь был просчет, то он целиком

произошел по линии ВСНХ. Может быть, впрочем, критики именно это и хотели сказать? Сомнительно, очень сомнительно! Хотя

Что касается снабжения железнод[орожных] мастерских материалами и запасными частями, то заводы ВСНХ выполняли лишь около 30% принятой ими на себя программы.

"критики" и заботятся исключительно об исторической истине, но под тем все-таки условием, чтобы истина позаботилась о них. А между тем -- увы, увы -- среди критиков задним числом мы встречаем людей, которые в тот период несли ответственность за ВСНХ. Они со своей критикой просто шли в комнату, а попали в другую. Это бывает. В качестве смягчающего обстоятельства надо, впрочем, указать на то, что плановое предвидение в области добычи угля, производства металла и пр. было в тот период несравненно труднее, чем ныне. Если предвидения НКПС в области ремонта отличались несравненно большей точностью, чем предвидения ВСНХ, то это объясняется, -- по крайней мере, до известной степени, -- более централизованным характером железнодорожного хозяйства и большими навыками централизованного управления. Мы все это охотно признаем. Но это ни в малейшей степени не отменяет и не меняет того факта, что просчет, поскольку он имел место, шел целиком по линии ВСНХ.

Однако плановый просчет ВСНХ, вызвавший необходимость снижения ставок плана, но ни в каком случае не упразднение самого плана, ни прямо, ни косвенно не говорит против приказа No 1042, ибо приказ этот, по самому существу своему, имел ориентировочный характер и был заранее рассчитан на внесение в него периодических поправок на основе материального опыта. Регулировка перспективного плана является одной из важнейших сторон его производственного осуществления. Мы видели выше, что производственные нормы приказа были с октября 1920 г. повышены на 28% ввиду того, что фактическая производственная мощь мастерских НКПС оказалась, благодаря принятым мерам, выше предположенной. Мы видели далее, как нормы эти были с мая 1921 г. сильно понижены под влиянием производственных условий, лежащих вне НКПС. Но и повышение и понижение производится в плановом же порядке, и приказ No 1042 создает для них необходимую основу. Это максимум того, что можно вообще требовать от ориентировочного плана. Разумеется, наиболее реальное значение для дела имели цифры ближайших месяцев, полугодия ближайшего года; дальнейшие цифры имели только перспективное значение. При создании приказа никто не думал, что выполнение его действительно произойдет ровнехонько в 4 1/2 года. Когда оказалось возможным повышение нагрузки, перспективный срок сократился до 3 1/2 лет. Недостаток материалов опять отодвинул срок. Но факт остается фактом: на наиболее острый, критический в жизни транспорта период -- на [19]20-[19]21 гг. -- приказ оказался вполне реальным, ремонт был введен в упорядоченные рамки и повысился в четыре раза, и железнодорожное хозяйство выбралось из непосредственно угрожавшей ему катастрофы.

Мы не знаем, с какими-такими идеальными планами почтенные критики

сравнивают приказ No 1042? Нам кажется, что сравнивать нужно бы с тем положением, какое было в ремонтном хозяйстве до этого приказа. А положение это было таково, что паровозы раздавались в ремонт любому заводу, любой фабрике -- для подвоза продовольствия. Мера эта была мерой отчаяния, означала распыление транспорта и совершенно чудовищное расходование труда на ремонт. Приказ No 1042 снова собрал паровозное хозяйство воедино, внес в ремонт первоначальные элементы правильной организации труда, приурочивая определенные серии паровозов к определенным мастерским, и поставил, таким образом, дело ремонта в зависимость не от распыленных усилий рабочего класса в целом, а от более или менее правильного и точного учета сил и средств транспортного хозяйства. В этом было принципиальное значение приказа No 1042, независимо даже от степени совпадения цифр предположения с цифрами выполнения. Но, как мы видели выше, и по этой части дело обстояло вполне благополучно.

Наша историческая справка показала, надеюсь, что критики совершенно напрасно ворошили приказ No 1042. На самом деле судьба этого приказа доказывает прямо противоположное тому, что им хотелось бы доказать. Так как мы уже знакомы с их методами, то остается только ждать, что они теперь поднимут вопль: какой-де смысл поднимать старые вопросы и заниматься исследованием приказа, изданного 4 года тому назад! Ужасно трудно удовлетворить людей, которые решили во что бы то ни стало подвергнуть плановому ремонту нашу вчерашнюю историю. Но мы собственно и не собираемся их удовлетворять. Мы рассчитываем на читателя, не заинтересованного в ремонте истории, но стремящегося к тому, чтобы добраться до правды, превратить ее в завоеванную частицу своего опыта и, опираясь на нею, -- строить дальше.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1-е

Н овый курс (Письмо к партийным совещаниям)

Дорогие товарищи!

Я твердо рассчитывал, что не сегодня завтра смогу принять участие в обсуждении внутривнутрипартийного положения и новых задач. Но заболевание пришло на этот раз более не вовремя, чем когда бы то ни было, и оказалось более длительным, чем предполагали первоначально врачи. Мне не остается ничего другого, как высказать свои мысли в настоящем письме.

Резолюция Политбюро по вопросу о партийном строительстве имеет исключительное значение. Она знаменует, что партия подошла к серьезному повороту на своем историческом пути. На поворотах, как справедливо указывалось на многих собраниях, нужна осторожность, но наряду с осторожностью нужна твердость и решительность.

Выжидательность, бесформенность на поворотах были бы худшим видом неосторожности.

Некоторые консервативно настроенные товарищи, склонные переоценивать роль аппарата и недооценивать самостоятельность партии, критически отзываются о резолюции Политбюро. Они говорят: ЦК берет на себя невыполнимые обязательства; резолюция посеет-де только ложные иллюзии и приведет к отрицательным результатам. Ясно, что такой подход к вопросу пропитан насквозь бюрократическим недоверием к партии. Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самостоятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет. Осуществить этот режим может сама партия. Кратко задачу можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть централизованной организацией.

В прениях и статьях очень часто указывалось за последнее время на то, что "чистая", "развернутая", "идеальная" демократия неосуществима, и что демократия для нас вообще не самоцель. Это совершенно бесспорно. Но с таким же точно правом и основанием можно сказать, что чистый или абсолютный централизм не осуществим и не совместим с природой массовой партии, и что ни централизм, ни партаппарат ни в каком случае не являются самоцелью. Демократия и централизм представляют собой две стороны в строительстве партии. Задача состоит в том, чтобы эти две стороны были уравновешены наиболее правильным, т. е. наиболее отвечающим обстановке путем. За последний период этого равновесия не было. Центр тяжести был неправильно передвинут на аппарат. Самостоятельность партии была сведена к минимуму. Это создавало навыки и приемы управления, в корне противоречащие духу революционной партии пролетариата. Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самостоятельности породило в партии ощущение недопомощности. Оно нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение, вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов. В то же время во всей партии повысилось критическое отношение к аппаратным методам решения вопросов. Понимание или, по крайней мере, ощущение того, что партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик, стало почти всеобщим. Поднялись предостерегающие голоса. Первым официальным и в высшей степени важным выражением происшедшего в партии перелома является резолюция о новом курсе. Она осуществится в жизни в той мере, в какой партия, т. е. 400 тысяч членов ее, захочет и сумеет ее осуществить.

В ряде статей настойчиво проводится та мысль, что основным средством оживления партии является поднятие культурного уровня ее рядовых членов, после чего все остальное, т. е. рабочая демократия, приложится уж

естественным путем. Что нам нужно поднимать идейный и культурный уровень нашей партии, в виду стоящих перед нею гигантских задач, это совершенно бесспорно, но именно потому такая чисто педагогическая, наставническая постановка вопроса совершенно недостаточна и, следовательно, неправильна, и если в ней упорствовать, то она может вызвать только обострение кризиса. Партия может поднимать свой уровень, как партия, лишь выполняя полностью и целиком свои основные задачи путем коллективного, самостоятельного руководства рабочим классом и государством рабочего класса. Нужен не педагогический, а политический подход. Нельзя ставить вопрос так, будто применение партийной демократии должно быть поставлено (кем?) в зависимость от степени "подготовки" к ней членов партии. Партия есть партия. Можно предъявлять очень строгие требования к каждому, кто хочет вступить в нашу партию и оставаться в ней; но вступивший является уже тем самым активным участником всей работы партии.

Убивая самостоятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим объясняется тот факт, что молодежь -- вернейший барометр партии -- резко всего реагирует на партийный бюрократизм.

Было бы, однако, неправильным думать, будто чрезмерность аппаратных методов решения партийных вопросов проходит бесследно для старшего поколения, воплощающего в себе политический опыт партии и ее революционные традиции. Нет, опасность очень велика и на этом полюсе. Говорить об огромном -- не только в российском, но и в международном масштабе -- значении старшего поколения в нашей партии не приходится: это общеизвестно и общепризнанно. Но было бы грубой ошибкой оценивать это значение как самодовлеющий факт. Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение "старой гвардии" наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди -- одни отчасти, другие целиком -- переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим, особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать, -- именно мы, "старики", -- что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против постепенного

и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, -- если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и посеяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми. Против этой несомненной опасности нет другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемена курса в сторону партийной демократии, при все большем и большем вовлечении в партию пролетариев, остающихся у станка.

Я не буду здесь останавливаться на тех или других юридических уставных определениях партийной демократии и юридических ограничениях ее. Как ни важны эти вопросы, это все же вопросы второй очереди. Мы их обсудим на основании имеющегося опыта, и, что нужно, изменим. Но прежде всего нужно изменить тот дух, который господствует в организациях. Нужно, чтобы партия, в лице всех своих ячеек и объединений, вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики -- без опаски и без оглядки, -- право организационного самоопределения. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива.

В партийной печати последнего времени приводилось немало примеров, характеризующих далеко зашедшее бюрократическое перерождение партийных нравов и отношений. В ответ на голос критики -- "покажите ваш партбилет!" До того, как было опубликовано постановление ЦК о новом курсе, обюрократившиеся представители аппарата считали самое упоминание о необходимости изменения внутрипартийной политики ересью, фракционностью и расшаткой дисциплины. Сейчас они также формально готовы принять новый курс "к сведению", т.е. бюрократически свести его на нет. Обновление партийного аппарата -- разумеется, в отчетливых рамках устава -- должно быть произведено с целью замены оказавшихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И, прежде всего, должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые при первом голосе критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию.

Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм -- из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твердое мнение и мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации, сегодня окажется в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но

это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу, или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий.

Да, наша партия не могла бы выполнить своей исторической миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Этого не должно быть, и этого не будет. Этому воспрепятствует партия в целом, как самостоятельный коллектив. Но партия с успехом может справиться с опасностями фракционности, только развив, укрепив и упрочив курс на рабочую демократию. Именно аппаратный бюрократизм является одним из важнейших источников фракционности. Он подавляет критику и загоняет недовольство вглубь. Он склонен накладывать ярлык фракции на каждый индивидуальный или коллективный голос критики или предостережения. Механический централизм дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность.

В ясном понимании всей обстановки партия совершит необходимый поворот со всей твердостью и решительностью, которые вызваны глубиной стоящих перед нами задач. Партия возведет тем самым на более высокую ступень свое революционное единство, как залог того, что она справится с хозяйственными и международными задачами неизмеримого значения.

Я ни в каком смысле не исчерпал вопроса. Я сознательно отказался от рассмотрения многих его существенных сторон из опасения отнять у вас слишком много времени. Но я надеюсь, что мне удастся вскоре справиться с малярией, которая -- сузу по себе -- находится в явной оппозиции к новому партийному курсу, и тогда я попытаюсь в более свободной устной речи дополнить и уточнить то, чего не досказал в этом письме.

С товарищеским приветом Л. Троцкий
8/ХІІ-23 г.

Р. С. Пользуясь тем, что настоящее письмо появляется в "Правде" с запозданием на два дня, хочу сделать несколько дополнительных замечаний.

Мне сообщали, будто отдельные товарищи при оглашении моего письма на районных собраниях выражали опасение, как бы мои соображения относительно взаимоотношений "старой гвардии" и молодых поколений не были использованы для противопоставления (!) молодежи старикам. Можно смело за глаза поручиться, что такого рода мысль приходит в голову тем товарищам, которые еще два-три месяца тому назад в ужасе отшатывались от самой постановки вопроса о необходимости перемены курса. Во всяком случае, выдвигание на первый план опасений такого рода в данной обстановке и в данный момент может вызываться лишь неправильной оценкой действительных опасностей и их очередности. Нынешнее настроение молодежи, имеющее, как ясно всякому мыслящему члену партии, в высшей степени симптоматический характер, порождено теми самыми методами "штиля", осуждением которых является

единогласно принятая резолюция Политбюро. Другими словами, именно "штиль" заключал в себе опасность возрастающей отчужденности между руководящим слоем партии и более молодыми ее членами, т. е. огромным ее большинством. Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет о своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов только на традиции. Уважение к партийной традиции есть, бесспорно, необходимейший составной элемент партийного воспитания и партийной спайки; но этот элемент может быть жизненным и стойким только в том случае, если он постоянно питается и укрепляется самостоятельной и активной проверкой партийной традиции, путем коллективной выработки партийной политики сегодняшнего дня. Без этой активности и самостоятельности уважение к традиции может вырождаться в казенную романтику или прямо в голую казенщину, т. е. в форму без содержания. Незачем и говорить, что такого рода связь поколений была бы совершенно недостаточна и неустойчива. Внешним образом она может казаться прочной за пять минут до того, как в ней вскрываются угрожающие щели. Именно здесь лежит опасность аппаратного курса, опирающегося на "штиль" в партии. И поскольку революционно сохранившиеся, не оказавшиеся представители старшего поколения, т. е. -- как мы твердо уверены -- подавляющее его большинство, отдадут себе ясный отчет относительно охарактеризованной выше опасной перспективы и, став на почву резолюции Политбюро ЦК, приложат все усилия к тому, чтобы помочь партии претворить эту резолюцию в жизнь, постольку исчезнет главный источник возможного противопоставления разных поколений в партии. Те или другие "излишества" или увлечения молодежи по этой линии будут тогда сравнительно легко преодолеть. Но нужно прежде всего создать предпосылки для того, чтобы партийная традиция не в аппарате концентрировалась, а жила и обновлялась в живом опыте партии. Этим самым будет избегнута и другая опасность: расщепления самого старшего поколения на "аппаратные", т. е. пригодные к поддержанию "штиля", и неаппаратные элементы. Незачем говорить, что аппарат партии, т. е. ее организационный костяк, выйдя из самодовлеющей замкнутости, не ослабнет, а окрепнет. О том же, что нам необходим мощный централизованный аппарат, в нашей партии не может быть двух мнений.

Можно еще, пожалуй, возразить, что приведенная в письме ссылка на аппаратное перерождение социал-демократии неправильна, -- в виду глубокого различия эпох: тогдашней застойно-реформистской, и нынешней революционной. Разумеется, пример есть только пример, а никак не тождество. Однако же, это огульное противопоставление эпох само по себе еще ничего не решает. Не даром же мы указываем на опасности нэпа, тесно связанные с затяжным характером международной революции. Повседневная государственно-практическая работа наша, все более детализированная и специализированная, таит в себе, как указано в резолюции ЦК, опасности сужения горизонта, т. е. оппортунистического перерождения. Совершенно очевидно, что эти опасности становятся тем более серьезными, чем более партийное руководство заменяется замкнутым "секретарским" командованием. Мы были бы плохими революционерами,

если бы надеялись на то, что со всеми трудностями и, прежде всего, с внутренними, нам поможет справиться "революционный характер эпохи". Надо как следует быть помочь "эпохе" правильным осуществлением нового партийного курса единогласно провозглашенного Политбюро ЦК.

В заключение еще одно замечание. Месяца два-три тому назад, когда вопросы, составляющие предмет нынешней дискуссии, только вносились, так сказать, в порядок дня партии, некоторые ответственные провинциальные товарищи склонны были снисходительно пожимать плечами: это, мол, все московские выдумки, в провинции все благополучно. И сейчас в кое-каких корреспонденциях из провинции слышится та же нота. Противопоставление зараженной или взбаламученной Москвы спокойной и разумной провинции представляет собою не что иное, как яркое выражение того же бюрократизма, хотя бы и провинциального издания. На самом деле московская организация нашей партии является самой обширной, наиболее богатой силами и наиболее жизненной. Даже в самые глухие моменты так называемого "штиля" (словечко очень выразительное, и не миновать ему войти в нашу партийную историю!) в московской организации самостоятельная жизнь и активность все же были выше, чем где бы то ни было. Если Москва сейчас чем-нибудь отличается от других пунктов, так только тем, что она взяла на себя инициативу пересмотра партийного курса. Это не минус ее, а заслуга. Вся партия пройдет, вслед за Москвою, через необходимую стадию переоценки кое-каких ценностей истекшего периода. Чем меньше провинциальный партийный аппарат будет этому противиться, тем более планомерно провинциальные организации пройдут через неизбежную и прогрессивную стадию критики и самокритики. Партия пожнет результат в виде возросшей сплоченности и повышенного уровня партийной культуры.

Л. Троцкий

ПРИЛОЖЕНИЕ 2-е

О казенщине, военной и всякой иной

[1]

В течение последнего года я не раз, и устно и письменно, обменивался мнениями с военными работниками насчет тех отрицательных явлений в армии, которые можно в общем назвать ржавчиной казенщины. Об этом же вопросе я довольно подробно говорил на последнем съезде политических работников армии и флота. Но вопрос настолько серьезен, что мне представляется уместным поговорить о нем и на страницах общей нашей печати, тем более, что самая болезнь ни в каком случае не ограничивается рамками армии.

Казенщина очень сродни бюрократизму. Можно даже сказать, что она представляет собою лишь известное его проявление. Когда люди из-за привычной формы перестают думать о содержании, самодовольно употребляют условные

фразы, не задумываясь об их смысле, отдают привычные распоряжения, не спрашивая себя об их целесообразности, и, наоборот, пугаются каждого нового слова, критики, инициативы, самостоятельности, независимости, -- то это и значит, что в отношении въелась опаснейшая ржавчина казенщины.

На совещании военно-политических работников я приводил в качестве невинного, на первый взгляд, примера казенной идеологии кое-какие исторические очерки наших воинских частей. Самый факт появления этих книжек, рассказывающих боевую историю армий, дивизий, полков, есть, несомненно, ценное приобретение. Он свидетельствует о том, что красноармейские части оформились в боях и в учебе не только организационно, но и духовно, как живые организмы, и проявляют интерес к своему собственному вчерашнему дню. Но значительная часть этих исторических очерков, -- нечего греха таить, -- написана на мелодию: "Гром победы раздавайся".

Скажу еще прямее. Иные книжки, посвященные нашим красноармейским частям, прямо-таки напоминают исторические очерки блаженной памяти гвардейских и кавалергардских полков. Можно не сомневаться, что это сравнение вызовет радостное ржание эсеро-меньшевистской и вообще белогвардейской печати. Но мы были бы никуда не годными тряпками, если бы отказывались от самокритики из опасения бросить мимоходом подачку нашим врагам. Выгоды от освежающей самокритики несравненно значительнее, чем ущерб, могущий проистечь от того, что Дан или Чернов пожуют отбросы нашей мастерской. Да будет это известно всем благочестивым (и неблагочестивым) старушкам, которые при первых звуках самокритики готовы впасть в панику (или посеять ее вокруг себя)!

Конечно, наши полки и дивизии и вся страна вместе с ними имеют право гордиться своими победами. Но не одни победы были у нас, да и к победам своим мы шли не прямыми, а очень извилистыми путями. В нашей гражданской войне были дела великого героизма, тем более великого, что в большинстве случаев -- безыменного, коллективного; но были и явления слабости, паники, малодушия, неумелости и даже предательства. История каждого из наших "старых" полков (4-5 лет -- это уже старый возраст в революции) чрезвычайно интересна и поучительна, если рассказать ее правдиво, жизненно, т. е. по возможности так, как она развертывалась в поле и в казарме. Вместо этого мы нередко находим героическую легенду, причем легенда-то -- самого казенного образца. Почитаешь: в наших рядах -- сплошь герои, все до единого рвутся в бой, враг всегда имеет численный перевес, все наши приказы всегда разумны, исполнение -- на высоте, и пр. и пр. Кто думает, что такими приемами можно поднять воинскую часть в своих собственных глазах и благотворно повлиять на воспитание молодняка, тот явно уже захвачен язвой казенщины. На самом деле такая военно-канцелярская романтика в лучшем случае пройдет бесследно, т. е. красноармеец будет читать или слушать эту "историю" так, как его отец слушал жития святых: нравоучительно, благолепно, но к жизни неприменимо. Кто постарше и сам принимал участие в гражданской войне, или кто просто недогадливей, тот скажет себе: эге, без пускания пыли в глаза, попросту --

без вранья, военное дело, как видно, не обходится. Кто понаивнее, попроще и примет все за чистую монету, тот скажет себе: "где уж мне, слабому, равняться с такими героями"... Дух у него, следовательно, не воспрянет, а, наоборот,

упадет¹.

Историческая правдивость имеет для нас отнюдь не исторический только интерес. Самые эти исторические очерки нужны ведь нам, прежде всего, как воспитательное средство. А если, скажем, молодой командир

¹ Сторонники условной -- "нас возвышающей" -- лжи имеются, конечно, не только в военном деле, но везде и всюду, вплоть до области искусства. Критика и самокритика кажутся им, видите ли, "кислотой", разъедающей их волю. Что отяжелевший обыватель нуждается в ложноклассических утешениях и не выносит критики, это мы знаем давно. Но нам, революционной армии, революционной партии, это совсем не подстать. Молодежь должна беспощадно гнать из своей среды такие настроения.

приучится к примеси условной лжи по отношению к прошлому, то он непременно допустит ее и в практической своей, даже боевой деятельности. У него на фронте вышла, скажем, незадача, оплошность, неустойка, -- можно ли о них правдиво донести? Должно! Но он воспитан на казенщине. Ему не хочется ударить лицом в грязь по сравнению с теми героями, о которых он читал в истории своего полка, или же попросту чувство ответственности притупилось в нем: и вот он подчищает, т.е. искажает факты и вводит в заблуждение высшую, более ответственную инстанцию. А ложные донесения снизу не могут, в конце концов, не вести к неправильным приказам и распоряжениям сверху. Наконец, хуже и гаже всего -- это когда командир попросту боится донести правду выше стоящим. Тут уже казенщина получает самое отвратительное выражение: солгать, чтобы потрафить.

Величайший героизм в военном деле, как и в революционном -- это героизм правдивости и ответственности. Мы говорим здесь о правдивости не с точки зрения какой-либо отвлеченной морали: человек, мол, не должен никогда лгать и обманывать ближнего своего. Такие идеалистические принципы являются чистейшим лицемерием в классовом обществе, где есть противоречия интересов, борьба и война. В частности, военное дело немисливо без хитрости, без маскировки, без внезапности, без обмана. Но одно дело -- сознательно и преднамеренно обмануть врага во имя дела, которому человек отдаст свою жизнь, а другое дело -- из ложного самолюбия или угодничества, прислужничества, или же просто под общим влиянием режима бюрократической казенщины, убивающей чувство ответственности, давать с ущербом для дела ложные сведения: я все, мол, обстоит благополучно"...

II

Почему мы заговорили о казенщине сейчас? И как обстояло на этот счет дело в первые годы революции? Мы имеем здесь по-прежнему в виду армию, но необходимые аналогии читатель сделает сам для всех других областей нашей

работы, ибо известный параллелизм процессов наблюдается во всем развитии класса, его партии, его государства его армии.

Новый командный состав наш пополнялся из революционеров, боевиков, партизан, проделавших Октябрьскую революцию, имевших за собой уже известное прошлое и, главное, сложившийся характер. Основной отличительной чертой этих командиров являлся не недостаток самостоятельности, а скорее избыток ее или, вернее, недостаток понимания необходимости согласованных действий и твердой дисциплины ("партизанщина"). Первый период военного строительства заполнен борьбой против всяких видов военной "самостийности", -- за установление правильных отношений и устойчивой дисциплины. Годы гражданской войны были в этом отношении серьезной, в нередку и суровой школой. В конце концов, у лучших из этих революционных командиров первого призыва выработалось необходимое равновесие между личной независимостью и дисциплинированностью.

Совсем другими путями идет развитие молодого нашего командного состава в годы передышки. Юношей вступает будущий командир в военную школу. У него нет за собой ни революционного, ни боевого прошлого. Он новичок. Красной армии он уже не строит, как строило старшее поколение, а входит в нее, как в готовую организацию -- с определенным внутренним режимом и традициями. Здесь есть явные черты сходства с теми взаимоотношениями, какие имеются, скажем, между партийным молодняком и партийной гвардией. Именно поэтому огромное значение имеет тот способ, каким молодняку передается боевая традиция армии или революционная традиция партии. Без преемственности, а стало быть, и без традиции, нет устойчивого движения вперед. Но традиция не есть мертвый канон или казенная романтика. Традицию нельзя заучивать на зубок, нельзя воспринимать ее, как евангелие, нельзя просто верить старшему поколению "на честное слово", -- нет, традицию нужно завоевывать глубокой внутренней работой, нужно самостоятельно, критически прорабатывать ее и активно усваивать. Иначе все здание окажется построенным на песке. Я уже как-то писал о тех "старых гвардейцах" (обычно второго и третьего сорта), которые внушают молодняку традиции по примеру Фамусова: "Учились бы, на старших глядя: мы, например, или покойник-дядя"... Ни у дяди этого, ни у племянников его ничему хорошему научиться нельзя.

Несомненно, что авторитет нашего старшего командного состава, имеющего за собой поистине бессмертные заслуги перед делом революции, чрезвычайно высок в глазах военного молодняка. И это прекрасно, ибо обеспечивает нерасторжимую связь высшего и низшего командного состава как между собою, так и со всей красноармейской массой. Но при одном необходимом и крайне важном условии: авторитет старших ни в каком случае не должен обезличивать, а тем более терроризировать младших.

В военном деле легче и заманчивее, чем где бы то ни было, установить принцип: молчать и не рассуждать! Но и в военном деле этот "принцип" так же пагубен, как во всяком ином. Главная задача состоит в том, чтобы не помешать, а, наоборот, помочь молодому командиру выработать собственное мнение, собственную волю, собственную личность, в которой правдивая

независимость сочетается с внутренней дисциплинированностью. Тип командира, да и вообще человека, который знает только "точно так", никуда не годится. Об этих людях старый сатирик (Салтыков) сказал: "Такали, такали, да и протакали"... Военно-административный аппарат, т. е. совокупность военных канцелярий, на таких людях ("такальщиках") может еще держаться не без успеха, по крайней мере, по видимости. Но армии, как боевой массовой организации, нужны не чиновники-подхалимы, а люди с нравственным закалом, проникнутые чувством ответственности, которое заставляет их в каждом важном вопросе выработать добросовестно собственное мнение и безбоязненно отстаивать его всеми теми способами, которые не нарушают правильно, т. е. не бюрократически понимаемой, дисциплины и единства действий.

История Красной армии, как и история отдельных ее частей, есть один из важнейших способов установления взаимного понимания и преемственной связи между старшим поколением командного состава и младшим. Вот почему здесь особенно недопустима бюрократическая прилизанность, наведение сусальной позолоты и все прочие приемы мнимого, фальшивого, пустопорожнего благомыслия, которому грош цена. Критика нужна, проверка фактов, самостоятельность мысли, проработка прошлого и настоящего собственными мозгами, независимость характера, чувство ответственности, правдивость перед собою и своим делом. Всему этому смертельно враждебна казенщина. Давайте же выметать, выкуривать и выжигать ее изо всех углов!

"Правда", 4 декабря 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3-е

О смычке (Точнее: о смычке и о ложных слухах)

Несколько раз уже за последние месяцы партийные товарищи спрашивали меня, в чем состоит особенность моих взглядов на крестьянство и в чем именно эти взгляды отличаются от взглядов тов. Ленина. Другие товарищи ставили этот вопрос точнее и конкретнее: правда ли, -- спрашивали они, -- что я недооцениваю крестьянство, его роль в нашем хозяйственном развитии, а тем самым, следовательно, не придаю надлежащего значения хозяйственной и политической смычке между пролетариатом и крестьянством? Такие вопросы мне задавали и устно, и письменно.

-- Да откуда вы это взяли? -- спрашивал я в величайшем недоумении, -- на каких фактах основываете вы такое заявление? -- В том и дело-то, -- отвечали мне в таких случаях, -- что фактов мы не знаем, а слухи ходят.

Сперва я не придавал этим разговорам большого значения. Но полученное мною новое письмо на эту тему заставило меня задуматься. Откуда бы этим слухам взяться? И совершенно случайно я вспомнил, что такого рода слухи довольно широко бродили по советской земле 4-5 лет тому назад. Тогда это выражалось проще: Ленин за крестьян, а Троцкий против. Вспомнив, я разыскал печатные выступления по этому вопросу: мое от 7 февраля 1919 г. в "Известиях ВЦИК" и тов. Ленина от 15 февраля в "Правде". Тов. Ленин непосредственно

отвечал на письмо крестьянина Г. Гулова, который рассказывал, -- я привожу дальше слова тов. Ленина -- "про распространяемые слухи, будто Ленин с Троцким не ладят, будто между ними есть крупные разногласия и как раз насчет середняка-крестьянина".

В своем письме я разъяснял общий характер нашей крестьянской политики, отношение к кулакам, середнякам и бедноте и в заключение писал: "Никаких разногласий на этот счет в среде советской власти не было и нет. Но контрреволюционерам, дела которых идут все хуже и хуже, ничего другого не остается, как обманывать трудовые массы насчет мнимой борьбы, раздирающей будто бы Совет Народных Комиссаров изнутри".

В статье тов. Ленина, появившейся через неделю после моего письма, читаем: "Тов. Троцкий говорит, что слухи о разногласиях между мною и им (в вопросе о крестьянстве) самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками, капиталистами и их вольными и невольными пособниками. Я, со своей стороны, целиком подтверждаю заявление тов. Троцкого".

Слухи, однако, как видим, живучи. На этот счет есть даже французская поговорка: "клеветайте, клеветайте, всегда что-нибудь да останется". Сейчас, конечно, такого рода слухи на руку не помещикам и капиталистам, ибо этой братии у нас за 5 почти лет, протекших с начала [19]19 года, поубавилось. Но зато появился нэпман, а в деревне торгаш и кулак. Несомненно, они чрезвычайно заинтересованы в сеянии путаницы и смуты насчет отношения коммунистической партии к крестьянству. Ведь именно кулак, скупщик, новый торговец, городской посредник ищут рыночной смычки с крестьянином, как производителем хлеба и покупателем промышленных продуктов, стремясь оттеснить от этой смычки органы советского государства. Ведь именно по этой линии главный бой сейчас и разворачивается. Политика и тут служит экономическим интересам. Частный посредник, ища связи с крестьянином и стремясь завоевать доверие его, очень охотно, надо думать, подхватывает и пускает со своей стороны в оборот старые помещичьи враки -- только потише и поосторожнее, потому что советская власть с того времени покрепче стала.

Ясное, простое и вместе с тем исчерпывающее изображение экономической взаимозависимости пролетариата и крестьянства или государственной промышленности и сельского хозяйства дано в известной статье т. Ленина "Лучше меньше, да лучше". Напоминать или цитировать ее нет надобности. Все помнят и без того. Основная мысль статьи такова. На ближайшие годы надо нам советское государство, сохраняя его, как рабочее государство, всемерно приладить к нуждам-потребностям и силе крестьянства; советскую промышленность, сохраняя ее, как государственную, т. е. социалистическую промышленность, всемерно приладить к крестьянскому рынку, с одной стороны, к налогообеспособности крестьянства, с другой. Только так не нарушим равновесия у себя, в советском государстве, -- доколе революция не нарушит равновесия в странах капитализма. Не повторение слова "смычка" на все лады (хотя слово само по себе хорошее), а фактическая пригонка промышленности к

сельскохозяйственной основе способна дать действительное разрешение центрального вопроса нашей экономики и политики.

Здесь мы подходим к вопросу о ножницах. Пригонка промышленности к крестьянскому рынку ставит перед нами в первую голову задачу всемерного снижения себестоимости промышленных продуктов. Себестоимость зависит, однако, не только от постановки работы на данном заводе, но и от всей организации государственной промышленности, государственного транспорта, государственных финансов, государственного торгового аппарата. Если у нас между разными частями промышленности есть несоответствие, непропорциональность, то это значит, что у государства есть много мертвого капитала, который давит на всю промышленность и повышает цену каждого аршина ситца, каждой пачки спичек. Если в кадке клепки разной длины, то воду в нее можно налить лишь до уровня самой короткой клепки: дальше, сколь ни лей, вода будет выливаться вон. Также и с государственным хозяйством. Если отдельные его части (уголь, металл, машины, хлопок, ткани и пр.) не согласованы между собой, а также с транспортом и кредитом, то издержки производства будут включать и расходы на самые раздувшиеся отрасли промышленности, а конечный результат будет определяться наименее развитыми отраслями. Нынешний кризис сбыта и есть такое суровое предостережение нам со стороны крестьянского рынка: не калякайте о смычке, а осуществляйте ее!

При капитализме кризис есть естественный и в последнем счете единственный способ регулирования хозяйства, т. е. приведения в соответствие разных отраслей промышленности между собой и всей ее продукции -- с емкостью рынка. Но в нашем, советском -- переходном от капитализма к социализму -- хозяйстве торгово-промышленные кризисы никак не могут быть признаны нормальным или даже неизбежным способом пригонки составных частей народного хозяйства друг к другу. Кризис уносит, уничтожает или расплывает известную часть государственного достояния, и часть этой части попадает в руки посредника, скупщика, вообще частного капитала. Так как мы получили в наследство от прошлого промышленное хозяйство, чрезвычайно расстроенное, да к тому же части его в довоенное время обслуживали друг друга совсем в других пропорциях, чем это требуется ныне, то налаживание хозяйства, согласовывание отдельных частей промышленности -- с тем, чтобы вся промышленность в целом была по возможности согласована через рынок с сельским хозяйством, -- представляет собою труднейшую задачу. Если бы мы решили производить необходимую перестройку только действием таких грозных толчков, как кризисы, то это заранее означало бы дать все очки вперед частному капиталу, который и без того втирается

между нами и деревней, т.е. крестьянином и кустарем¹.

Частный торговый капитал извлекает ныне большие барыши. Чем дальше, тем меньше он ограничивается одними посредническими операциями. Он делает попытки организовать производителя-кустаря или арендовать промышленное предприятие у государства. Другими словами, он вторично проделывает историю первоначального накопления, сперва в области торгового оборота, а затем и в

области промышленности. Совершенно очевидно, что всякая наша неудача, всякий наш убыток являются выигрышем для частного капитала, во-первых, одним уже тем, что ослабляют нас, а, во-вторых, и тем, что значительная часть нашего убытка неизменно прилипает к рукам нового капиталиста.

Какое же орудие в наших руках для успешной борьбы с частным капиталом в этих условиях? Существует ли оно вообще? Существует: это сознательно рассчитанный плановый подход к рынку и вообще к задачам хозяйства. В руках рабочего государства находятся основные производительные силы промышленности и средства транспорта и кредита. Нам нет надобности дожидаться, когда частный или общий кризис обнаружит несогласованность разных элементов нашего хозяйства. Мы имеем возможность играть не вслепую, так как важнейшие карты рыночной игры у нас в руках. Мы можем -- и должны этому научиться! -- все лучше и лучше учитывать все основные элементы хозяйства, предвидеть их дальнейшее взаимоотношение в процессе производства и на рынке и, пользуясь нашим учетом и предвидением, согласовывать все отрасли хозяйства, прилаживая их друг к другу количественно и качественно и устанавливая необходимую пригонку между промышленностью в целом и сельским хозяйством. Это и есть настоящая работа над смычкой.

Культурное шефство над деревней -- превосходная вещь. Но базой смычки все-таки являются дешевый плуг и гвоздь, дешевый ситец, дешевые спички. Путь к удешевлению продуктов промышленности -- через правильную (т. е. рассчитанную, систематическую, плановую) организацию промышленности в соответствии с развитием сельского хозяйства.

Кто говорит: "все дело в, смычке, а не в плане промышленности", -- тот не понимает самой сути дела, ибо путь к смычке лежит через правильное согласование промышленности, через плановое руководство ею. Другого пути нет и не может быть.

Правильная постановка работ нашей государственной плановой комиссии (Госплан) является прямым и непосредственным подходом к более правильному и успешному разрешению вопросов смычки -- не в отмену рынка, а на основе рынка. Крестьянин этого сегодня еще не понимает. Но мы-то должны понять, каждый коммунист должен понять, каждый передовой рабочий должен понять. Крестьянин же раньше или позже почувствует работу Госплана на своем хозяйстве. Разумеется, задача эта очень трудная и чрезвычайно сложная. Росчерком пера ее не решить. Нужна длительная система мер, все более точных и решительных. Из школы нынешнего кризиса нужно нам выйти умудренными. Разумеется, не менее важно поднятие сельского хозяйства. Этот процесс, однако, совершается гораздо более стихийно и, следовательно, гораздо более независимо от нашего государственного воздействия, чем восстановление промышленности. Рабочее государство должно помочь крестьянину и сельскохозяйственным кредитом (насколько хватит средств!), и такой агрономической помощью, которая облегчила бы продуктам сельского хозяйства выход на мировой рынок (пшеница, мясо, масло и проч.). Однако же, путь воздействия на сельское хозяйство пролегает опять-таки, главным образом,

через промышленность, если не прямо, то косвенно. Нужно дать деревне доступные по цене сельскохозяйственные орудия и машины. Нужно дать ей искусственное удобрение. Нужно дать дешевые предметы домашнего крестьянского обихода. Чтобы поставить и развить сельскохозяйственный кредит, государству нужны крупные оборотные средства. Для этого нужно добиться, чтобы государственная промышленность стала прибыльной, что, в свою очередь, невозможно без правильного согласования составных ее частей. Таков путь действительной, не словесной, не показной, а деловой заботы о смычке рабочего класса с крестьянством.

Чтобы обслуживать эту смычку политически и, в частности, противодействовать ложным слухам и сплетням, которые пролагают себе путь через посреднический, торгашеский аппарат, нужна подлинная крестьянская газета. Что означает подлинная? Такая, которая доходит до крестьянина, которая понятна ему и которая сближает его с рабочим классом. Газета, с тиражом в 50 или 100 тысяч экземпляров, может быть, и будет газетой, благодушно толкующей о крестьянстве, но ни в каком случае не крестьянской газетой, ибо она не дойдет до крестьянина, а прилипнет по дороге к бесчисленным рукам всяких наших аппаратов. Нам нужна еженедельная крестьянская газета (ежедневная -- не по карману и не по средствам сообщения), с тиражом на первый год этак в 2 миллиона экземпляров. Такая газета должна не "поучать" крестьянина, не, "призывать" его, а толково рассказывать ему о том" что происходит в Советском Союзе,

Во избежание кривотолков подчеркиваю, что дело идет именно о правильном подходе, так как, само собой разумеется, вопрос ни с какой стороны не исчерпывается существованием Госплана. Есть десятки факторов и условий, от которых зависит ход промышленности и всего хозяйства. Но правильный учет этих факторов и условий и соответственное направление всей нашей деятельности осуществимы только при наличии крепкого, компетентного, непрерывно работающего Госплана.

[...]за пределами его, особенно в тех областях жизни, которые близко и непосредственно касаются крестьянина и его хозяйства. Новый пореволюционный крестьянин очень быстро приохотится к чтению, если только мы сумеем создать для него надлежащую газету. Тираж ее будет из месяца в месяц расти, обеспечивая хотя бы еженедельное на ближайший период общение советского государства с многомиллионным крестьянством. Но и газета приводит нас к промышленности. Нужно, как следует быть, поставить технику. Крестьянская газета должна быть не только в редакционном, но и в типографском отношении образцовой, ибо было бы срамом каждую неделю посылать крестьянам образцы нашего городского неряшества.

Вот все, что я могу пока ответить на поставленные мне вопросы насчет крестьянства. Если бы эти объяснения не удовлетворили обращавшихся ко мне товарищей, я готов дать дальнейшие разъяснения, более конкретные, с точными данными, почерпнутыми из всего опыта нашей шестилетней советской работы. Ибо вопрос этот -- первостепенной важности.

"Правда", 6 декабря 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4-е

К вопросу о двух поколениях

В происходящую партийную дискуссию вмешалась и активная руководящая верхушка Комсомола. Считая, что постановка вопросов, данная в статье 9-ти товарищей ("К вопросу о двух поколениях" -- "Правда" No 1) и обращении питерского актива, неверна и может оказаться вредной для партии в случае, если это выступление вызовет широкую дискуссию в союзе, -- мы находим необходимым разобрать эти заявления и их мотивировку.

Питерское обращение и статья 9-ти доказывает, что нельзя льстить молодежи, что молодежь не является контролером партии, что нельзя противопоставлять молодняк старшему поколению партии, что нам ни в коей мере не грозит никакое перерождение, и что во всех этих смертных грехах повинен т. Троцкий. Поглядим: так ли это?

В своей статье девять товарищей говорят о том, что тов. Троцкий притянул вопрос о молодежи за волосы вообще (об этом еще будет речь ниже), и что тов. Троцкий подлаживается под молодежь, льстит ей. Послушаем, что говорит на этот счет тов. Ленин:

"Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся. Эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат".

Зачем понадобилось тов. Ленину так говорить о молодежи? Что им здесь руководило? Желание лести, подлаживание, заискивание перед молодежью или серьезное понимание? Менее всего приходится говорить о "лести" т. Троцкого, и нет решительно никакой нужды противопоставлять его другим вождям нашей партии. Девять товарищей говорят, что Ленин учил критически относиться к молодежи, не потакать ей. Не следует ли т. Троцкий этому доброму совету, когда он на XI съезде партии и теперь говорит: "этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции", или же в другом месте: "учающаяся молодежь, вербуемая из всех слоев и прослоек советской общественности, отражает в своем пестром составе все плюсы и минусы наши". Судя по этим цитатам выходит, что т. Троцкий и не льстит и не критикует.

Также неправильно изложен вопрос о перерождении. Тов. Троцкий говорит об угрозе перерождения для обоих полюсов: и для молодняка и для старшего поколения. Редакция "Правды", отвечая на эти слова, заявляет: "Теоретическая опасность будущего перерождения у нас есть. Она дана возможностью постоянной и медленной победы капиталистической экономики над социалистическими островками и возможным постепенным сращиванием наших административных кадров с новой буржуазией. Но у нас нет ни одного человека, который не видел бы

этой опасности".

Но с этим заявлением абсолютно не вяжется то, что пишется в статье 9-ти товарищей: "у нас же этой опасности политического перерождения не может существовать". И тут, следовательно, и обвинение и защита совершенно неправильны. Перейдем к самому тяжелому обвинению: тов. Троцкий противопоставляет два поколения, натравливает одно на другое, "хочет подорвать руководящее влияние испытанного большевистского штаба".

"Говорить о сдаче в архив старшего поколения могли бы только сумасшедшие. Речь идет именно о том, чтобы старшее поколение сознательно переменяло курс и тем самым обеспечило бы свое дальнейшее руководящее влияние во всей работе партии". (Троцкий).

Имеется ли здесь то противопоставление и стремление к подрыву старых кадров, которыми более всего оперируют в обоих документах? Нам сдается, что при спокойном, серьезном рассмотрении вышеприведенных заявлений т. Троцкого, более чем трудно усмотреть и найти в них какое-либо направление. Наоборот, новый курс и понимается тов. Троцким, как наилучший путь к упрочению и углублению влияния старых большевистских кадров.

Но если отбросить все эти легенды, побочные, легкие передержки и искажения, а взять вопрос по существу о путях воспитания в ленинском духе партийного молодняка, -- правота тов. Троцкого совершенно очевидна.

И если 9-ть выступивших работников в Комсомоле подумают и присмотрятся к более близкой им части партийного молодняка, то они встретятся с тем явлением, что комсомольцы -- члены партии -- чувствуют себя не партийцами в союзе, а "комсомольцами в партии". Факт, неоднократно указывавшийся крупнейшими партийными работниками.

В чем корень этого явления? В том, что в условиях свернутой партийной общественности молодняк не имеет возможности приобщиться к кладу, накопленному десятилетиями работы нашей партии. Лучший способ передачи большевистских революционных традиций, всех качеств, присущих основному кадру партии, -- это новый курс внутривнутрипартийной демократии, проводимой "сознательно старшим поколением партии в интересах обеспечения его руководящего влияния".

Таким образом, и по существу вопроса не тов. Троцкий "притянул за волосы" вопрос о молодежи (у него это связано со всей мотивировкой нового курса партии), а авторы писем занимаются выдергиванием и навязыванием тов. Троцкому никогда им не защищавшейся точки зрения.

Девять товарищей на деле (хотя бы объективно против своей воли), придвинув Комсомол к дискуссии, свели последнюю только к вопросу о двух поколениях, вне всякой связи со всей дискуссией и всеми вопросами, которые поставила сейчас перед собой партия. В условиях же, когда и самый вопрос о поколениях поставлен искаженно, неправильно, все выступления являются неудачным шагом; и если это приведет к дискуссии в комсомольском активе, то она развернется по неправильной линии и будет вбивать тот самый клин, против которого выступает т. Троцкий.

ЦК РКСМ постановил не обсуждать вопросов партдискуссии особо среди членов партии, работающих в союзе. Мы считаем это решение вполне правильным. Менее всего из него вытекает необходимость вышеупомянутой статьи. Если правильно было постановление о перенесении дискуссии в союз, а работники ЦК сочли нужным ринуться в партдискуссию, не сказав ничего нового по существу, кроме разве неуклюжего обвинения т. Троцкого в поклонении какому-то "триединому божеству", то чем диктовалось это выступление, как не желанием лягнуть т. Троцкого "со стороны молодежи"?

Никто (и меньше всего т. Троцкий) не оспаривал необходимости сохранения руководящего влияния старых кадров партии. Желательность и необходимость этого более чем ясна и очевидна для каждого из нас. Не об этом мы спорим со статьей 9-ти.

Мы против того, чтобы приписывать руководящим товарищам в нашей партии мысли, которых они не высказывали, и тем самым против неправильного и искаженного освещения этого вопроса, особенно перед партийным молодняком. Мы против того, чтобы затушевывать необходимость создания такой обстановки внутри партии, которая дала бы возможность воспитывать настоящих ленинцев, а не таких, о которых говорил на нашем III съезде РКСМ т. Ленин: "Если бы коммунист вздумал хвастать коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, -- такой коммунист был бы очень печален".

Мы за единство, за безусловно большевистское руководство партией. Мы далеко не закрываем глаз на все опасности, которые стоят перед молодежью. И именно серьезно учитывая эти опасности, -- мы против затушевывания вопроса о новом курсе под предлогом защиты исторических прав старой партийной гвардии от несуществующих посягательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

Автор не обозначен. Установлен по тексту данного письма и письма Радека Врачеву от 16 сентября 1928 г. (см. т. 3, с.).

Установить, о каком "известном и влиятельном друге" идет речь, не удалось. Во всяком случае, эта дефиниция и полуконспиративный тон документа являются дополнительными свидетельствами того, что в руководящих партийных кругах были лица, тайно связанные с оппозиционерами, являясь, по ходкому большевистскому выражению, "двурушниками".

Затухший текст не позволяет решительно настаивать на инициалах "В.А.". Возможны инициалы "Е.А." В этом случае речь идет о Е.А.Преображенском.

Речь идет о документе "Что же дальше? (VI конгрессу Коминтерна)", датированном Л.Д.Троцким 12 июля 1928 г.

Цитируется (с небольшими неточностями) "Циркулярное письмо" Л.Д.Троцкого от 17 июля 1928 г. (Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 123-127).

Письмо Л.Д.Троцкого от 5 мая 1928 г. "о левом курсе" в архиве отсутствует.

Письма от 9 мая и 21 июня 1928 г. см.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 42-47, 49. Возможно, под письмом от 3 июня имеется в виду "Циркулярное письмо" от 2 июня (там же, с. 75-83). Письмо от 22 мая в архиве отсутствует. Имеются письма Белобородову (23 мая) и Преображенскому (24 мая) (там же, с. 53-56).

См.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 137-139. Троцкий сопроводил свой архивный экземпляр письма примечанием: "Может быть, старику Эльцину? В письме говорится о `сыне'..." (там же, с. 137). Сомнение Троцкого обосновано, так как "старика Эльцина" звали Борис Михайлович.

Цитата неточна. См.: Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928, с. 134.

Махаевщина -- течение в российском революционном движении, возникшее в конце XIX века. Его лидер В.К.Махайский считал интеллигенцию враждебным революции, паразитическим классом, а базой революции деклассированные элементы.

Обширная статья Н. И. Бухарина "Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года" была опубликована в "Правде" 30 сентября 1928 г. В ней подчеркивалось, что партийная теория не дает ответа на многие "жгучие вопросы". Автор пытался вовлечь партийные кадры в обсуждение некоторых из них. Пафос "Заметок экономиста" состоял в том, что Бухарин выступал против чрезмерно высоких темпов индустриализации, фактически против сталинской группы, но замаскировал это, впрочем, весьма зыбко, выпадами против Троцкого, используя обращение последнего к VI конгрессу Коминтерна, разумеется, не опубликованное в печати. Сталин добился принятия решения политбюро по поводу статьи, в котором говорилось, что, ввиду спорных положений, "Заметки экономиста" не следовало бы публиковать без ведома политбюро. Это был существенный этап на пути формиро-вания конфронтации Сталина и его сторонников с группой умеренных в политбюро, причем соотношение сил стало складываться в пользу Сталина.

12. Имеется в виду система взглядов Богданова (настоящая фамилия Малиновский) Александра Александровича (1873-1928) -- деятеля российского революционного движения, философа и экономиста. Богданов был участником социал-демократического движения в 1896-1909 гг. В 1903-1905 гг. большевик. В 1908 г. отзовист. Пытаясь расширить философские представления марксизма, он разработал свой вариант теории "эмпириокритицизма", допускавший некоторые отступления от прямолинейных материалистических взглядов, свойственных большевикам. За это он был подвергнут грубой критике Лениным в работе "Материализм и эмпириокритицизм". В 1918 г. Богданов стал идеологом Пролеткульта, выступавшим за разрыв с культурным наследием и создание новой культуры. Будучи по профессии врачом, он с 1926 г. стал организатором Института переливания крови. Погиб в результате эксперимента, произведенного на себе самом.

13. Чернов Виктор Михайлович (1873-1952) -- один из осно-вателей партии

эсеров, ее руководитель и теоретик. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал. В эмиграции опубликовал ряд исторических трудов и документов. Во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции.

.14. Так в документе.

Физиократы -- представители классической политической экономии во Франции второй половины XVIII в. (Ф.Кенэ, А.Р.Тюрго и др.). Физиократы перенесли центр внимания экономистов из сферы обращения в сферу производства, начали анализ воспроизводства и распределения общественного продукта. Они делили общество на классы, выступали против меркантилизма, за свободную торговлю.

Речь идет о славянофилах -- представителях того направления русской общественной мысли середины и второй половины XIX в., которые выступали за иной путь развития России по сравнению с Западной Европой. Славянофилы аргументировали это самобытностью России. Они идеализировали общественный строй Древней Руси, крестьянскую общину. Вели острую и длительную полемику с западниками. Виднейшими представителями славянофилов были И.С.Аксаков, И.В.Кириевский, А.С.Хомяков. В ходе подготовки реформы 1861 г. позиции славянофилов и западников несколько сблизились, они вошли в лагерь либерализма. Однако полное слияние не произошло.

Гражданская война в США между прогрессивным Севером и рабовладельческим Югом происходила в 1861-1865 гг. Южане спровоцировали войну, подняв мятеж и провозгласив Конфедерацию южных штатов с целью сохранения рабства. Вначале война велась Севером нерешительно, что привело к ряду поражений его вооруженных сил. Второй этап войны (с 1862 г.) придал ей революционный характер. Этот переход был связан с изданием президентом Авраамом Линкольном прокламации об отмене рабства и появлением акта о гомстедах (свободных участках земли), которые могли фактически бесплатно получить для личной обработки желающие. Победа Севера в войне (она завершилась взятием в апреле 1865 г. столицы рабовладельческих штатов г. Ричмонда) способствовала бурному развитию США в экономическом отношении и утверждению демократических принципов политического развития.

Иловайский Дмитрий Иванович (1832-1920) -- русский историк и публицист. Автор пятитомной "Истории России", монографии "Разыскания о начале Руси", учебников по истории России и всеобщей истории.

19. Так в тексте.

Тартарен -- главный герой трилогии французского писателя Альфонса Доде (1840--1897) "Необычайные приключения Татарена из Тараскона" (1872--1890) -- мелочного хвастуна и стяжателя.

Далее одна страница оригинала не поддается прочтению.

Обращение "Ко всем членам Московской организации ВКП(б). От ЦК ВКП(б)" (Правда, 1928, 19 октября) фактически было принято на заседании политбюро 18 октября. Обращение носило лицемерный характер. Хотя перед этим ряд руководителей московских райкомов и других московских партийных работников

вызывались в ЦК, где Молотов и другие "боссы" (Сталин до 3 октября отдыхал) выкручивали им руки, заставляя отмежеваться от "примиренца" Угланова и других руководителей горкома, хотя ряд партийных работников Москвы в первой половине октября был снят с работы, обращение "защищало" горком, как проводящий "партийную линию", и призывало немедленно положить конец "конфликтам" в организации. Эти действия готовили расправу с руководством горкома, которая состоялась в декабре 1928 г.

Вопрос этот подробнее освещен в нашей работе "К го-довщине платформы".-- И. С.-- Примеч. автора. Эту работу обнаружить не удалось.

Монолог Ленского из романа в стихах А. С. Пушкина "Евгений Онегин" и ария Ленского из оперы П. И. Чайковского "Евгений Онегин".

25. Так в тексте.

"Сухой гильотиной", то есть политической а не физической казнью, оппозиционеры называли свое исключение из партии и ссылку.

В тексте пропущена одна строка.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872-1959) -- со-ветский государственный деятель. Социал-демократ с 1893 г. В 1920 г. председатель Комиссии государственной электрификации России. В 1921-1923, 1925-1930 гг. был председателем Госплана, в 1930-1932 гг. председатель Главэнерго СССР. С 1930 г. директор Энергетического института АН СССР. Академик (1929), вице-президент АН СССР в 1930-1939 гг. Кржижановский был избран в Академию наук в результате жесткого нажима со стороны партийной верхушки 12 января 1929 г. вместе с Н.И.Бухариным, И.М.Губкиным, М.Н.Покровским и Д.Б.Рязановым перевесом в один голос. А.М.Деборин, Н.М.Лукин и В.М.Фриче были забаллотированы. Под массивным давлением 13 февраля провели повторное голосование, в результате которого названные три коммуниста были признаны избранными.

29. Имеется в виду кампания по избранию Бухарина и Кржижановского в Академию наук СССР.

Автор документа неизвестен.

Автор документа неизвестен.

Имеется в виду резкое усиление контроля ОГПУ за перепиской ссыльных оппозиционеров, перехватывание писем, их конфискация или задержание доставки адресатам в течение длительного времени. Наблюдавшиеся в течение всего периода ссылки, эти действия стали особенно циничными осенью 1928 г. Из текста документа следует, что с 10 ноября 1928 г. большинству оппозиционеров было запрещено вести политическую переписку.

С первых месяцев 1928 г. руководители Московского комитета партии в главе с Углановым выступали против чрезвычайных мер и форсированных темпов индустриализации. Возникла возможность их коалиции с "правыми" в политбюро. В марте-июле 1928 г. состоялись несколько встреч Угланова и других руководителей столичной организации со Сталиным, на которых московские деятели выражали обеспокоенность экономическим курсом политбюро. На сентябрьском пленуме МК и МКК руководство столичной парторганизации было

обвинено в "замазывании правой опасности", а вслед за этим были инспирированы партийные собрания и партийные активы, посвященные борьбе против "правой опасности". Этими акциям исподтишка дирижировал Сталин. По его инициативе в ЦК вызывались отдельные партийные работники Москвы, где им "вправляли мозги", инспирировались слухи об Угланове как "правом", ведущем борьбу против ЦК.

18-19 октября 1928 г. состоялся внеочередной совместный пленум Московского комитета партии и Московской контрольной комиссии. Пленум был созван в связи со слухами о том, что руководители столичной парторганизации оказались "правыми оппортунистами" (эти слухи инспирировались Сталиным). 18 октября Сталин явился на пленум и выступил с обширным докладом "О правой опасности в ВКП" (Сталин И. Соч., т. 11, с. 222-238). Основными признаками "правого уклона" он назвал выступления против борьбы с кулаком и за снижение темпов индустриализации, но конкретных носителей уклона назвать отказался, добавив, что в политбюро нет ни правых, ни левых, ни примиренцев к ним. В то же время Сталин поддержал "самокритику снизу", потребовал преодоления "шаганий" в верхушке московской парторганизации. Таким образом получалось, что основными носителями правого уклона были именно московские руководители. Некоторые из них вынуждены были выступить с признанием своих ошибок. В постановлении Московский комитет партии обвинялся в примиренчестве к "правому уклону". Через месяц Угланов и второй секретарь МК Котов были сняты и заменены соответственно Молотовым и Бауманом.

Имеются в виду акции саботажа. Выражение происходит от "итальянской забастовки" - формы выступления рабочих, когда они являются на предприятия, но не приступают к работе. Эта форма борьбы впервые получила распространение в Италии.

Академия коммунистического воспитания существовала в Москве в 1923-1935 гг. как высшее учебное заведение для подготовки в основном руководящих работников народного образования. Носила имя Н.К.Крупской. В 1935 г. была преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Крупской и переведена в Ленинград.

Яглом Я.К. - деятель российского социал-демократического движения, один из руководителей еврейской социалистической организации Бунд. После Октябрьского переворота 1917 г. перешел к большевикам. В 20-е годы работал в ВЦСПС, был редактором газеты "Труд". В 1930 г. был обвинен в правом уклоне и снят с ответственных постов. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Гинзбург А.М. - в рассматриваемый период заведующий отделом ВЦСПС. Других сведений обнаружить не удалось.

Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) - орган, осуществлявший руководство профсоюзами СССР между их съездами. Был образован на Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. Тогда же был принят устав ВЦСПС. На протяжении всех лет существования (до 1991 г.) ВЦСПС

фактически являлся подсобным органом ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС), беспрекословно выполняя волю последнего.

Лобов Семен Семенович (1888-1937) - советский государственный деятель. Большевик с 1918 г. В 1918-1920 гг. работал в ВЧК. В 1926-1930 гг. председатель ВСНХ РСФСР и заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1932-1936 гг. нарком легкой промышленности, в 1936 г. нарком пищевой промышленности СССР. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

VIII съезд профсоюзов СССР состоялся 10-24 декабря 1928 г. На съезде Сталин провел принятую перед этим резолюцию политбюро ЦК ВКП(б) об "укреплении ВЦСПС". Л.М.Каганович стал "профсоюзным лидером No 2" вместе с М.П.Томским, фактически осуществляя контроль за деятельностью последнего. В конце декабря Томский заявил о своей отставке. Хотя ему было отказано, на местах началось устранение "правых" профсоюзных деятелей со своих постов.

Осенью 1928 г., накануне VIII съезда профсоюзов, безусловно, по команде высших партийных иерархов, в "Комсомольской правде" была развернута кампания нападок на ВЦСПС, возглавлявшийся М.П.Томским, под лозунгами "самокритики", выступлений "легкой кавалерии", "культурного похода" и т. п. Подборки недружественных материалов публиковались 11, 14, 20, 23, 27 ноября.

Имеется в виду Сталин. Критически-ироническое определение "трусишка-евразиец" имеет в виду склонность Сталина к русскому национализму, восхвалению величия России и в то же время существовавшую, по мнению оппозиционеров, тенденцию к отходу от социалистических принципов. Евразийство - идейно-философское направление, возникшее в среде русской эмиграции в начале 20-х годов (филолог Н.С.Трубецкой, историки М.М.Шахматов, Г.В.Вернадский и др.). Евразийцы выпустили ряд монографий и сборников. Являясь одной из ветвей сменовеховства, евразийство содержало широкий спектр мнений на основе признания советской власти как воплощения особого пути России, отправной точки становления могучей Евразии. Мнение, что в СССР по существу дела проводится "евразийский курс", выражали и ведущие представители сменовеховства. Устрялов, например, неоднократно оценивал Красную Армию как выразительницу нового курса советского руководства, собирательницу земель российских с целью восстановления исконной исторической миссии России в качестве "Евразии". В то же время монархист В.Шульгин еще в 1920 г. писал о неизбежности прихода к власти в России нового лидера, который будет большевиком по своей энергии и националистом по убеждениям.

Речь идет об объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г. Рассматривался вопрос о контрольных цифрах на 1928/29 хозяйственный год. При подготовке этого вопроса в комиссии политбюро Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку, но затем отказались от нее и согласились с максимальным налогообложением "кулаков" и высокими темпами промышленного развития страны. Заявление Бухарина в комиссии о "военно-феодальной эксплуатации крестьянства" бы-ло встречено издевательскими репликами. Сталин добился решения политбюро, чтобы все его члены декларировали на пленуме полное

единство. На пленуме были заслушаны доклады Рыкова, Кржижановского и Куйбышева по разным аспектам контрольных цифр. Рыков заявил, что рост коллективных и государственных хозяйств на селе не может подменить индивидуального хозяйства крестьян. Сталин выступал с речью "Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)" (Соч., т. 11, с. 245-252), в которой основной мишенью избрал М. И. Фрумкина. Пленум утвердил установки на резкое увеличение капиталовложений в тяжелую промышленность и на борьбу против "бешеного сопротивления кулака". В решениях, однако, сохранялись еще элементы компромисса, в частности линия на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Пленум принял резолюцию о наборе в партию промышленных рабочих и регулировании роста партии, которая была использована для дальнейшего формирования партийной структуры, целиком подчиненной Сталину.

В.Р. Менжинский регулярно докладывал на заседаниях политбюро о внутренней политической ситуации в СССР. М. Рейман опубликовал текст доклада, с которым он выступил в конце февраля 1928 г. (Reiman M. Birth of Stalinism: The USSR on the Eve of the "Second Revolution." Bloomington, Indiana University Press, 1987, p. 133-135). Очевидно, в данном случае идет речь о выступлении Менжинского по тому же вопросу в сентябре 1928 г. Позиция Менжинского полностью определялась пожеланиями Сталина.

Эпикур (341-270 до н.э.) -- древнегреческий философ, основатель философской школы в Афинах. Делил философию на физику (учение о природе), канонику (учение о познании) и этику. Цель жизни, по Эпикуру, -- здоровье тела и безмятежность духа, стремление к познанию природы, освобождение от страхов.

Лукреций (Тит Лукреций Кар) -- римский поэт и философ I в. до н. э. Автор поэмы "О природе вещей", давшей систематическое изложение материалистической философии древности.

Так в тексте.

Краснознаменец -- лицо, награжденное орденом Красного Знамени.

Так в тексте.

Письмо в архиве отсутствует.

КПС -- расшифровать не удалось. Так в тексте.

Так в тексте.

Так в тексте.

Так в тексте.

Так в тексте.

Одно слово в скобках прочитать не удалось.

Автор документа неизвестен.

Пеньков М.А. -- работник ВКП(б), сторонник Н.И. Бухарина. Осенью 1928 г. был снят с поста секретаря Рогожско-Симоновского райкома ВКП(б) в Москве. Дальнейшая судьба неизвестна.

60. Контрольные цифры развития экономики СССР на 1928/29 год были представлены в докладе Рыкова на пленуме ЦК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г.

Перед этим проект контрольных цифр несколько раз рассматривался в политбюро и был полностью переработки специальной комиссией, состоявшей почти полностью из сталинистов (Кржижановский, Куйбышев, Микоян, Орджоникидзе). В комиссию входил и сам Сталин. Бухарин, являвшийся членом комиссии, в ее работе не участвовал, так как был в отпуске. Единственным "умеренным" ее членом оказался Рыков. Контрольные цифры предусматривали резкое ускорение развития промышленности и значительное увеличение числа колхозов и совхозов. Отставка, о которой заявили перед пленумом Бухарин, Рыков и Томский, была отвергнута. "Умеренные" отступили почти без сопротивления (Reiman M. Op. cit., p. 94-96).

Постепенное введение семичасового рабочего дня было декларировано Манифестом ЦК СССР к 10-летию Октябрьской революции.

Имеется ввиду бронь подростков на производстве.

Школы фабзауча -- школы фабрично-заводского ученичества, непосредственно обучавшие подростков на рабочих местах.

Мороз Г.С. (?-1937) -- партийный работник в Москве, сторонник Н. И. Бухарина. В первой половине 20-х годов служил в ВЧК. Во второй половине 20-х годов секретарь контрольной комиссии Московской организации ВКП(б). В октябре 1928 г. был исключен из состава бюро Московского горкома партии и выведен из контрольной комиссии. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

Бутов Георгий (?-1928) -- руководитель секретариата Л.Д.Троцкого в период его деятельности в качестве лидера объединенной оппозиции. В конце 1927 г. исключен из ВКП(б) и арестован. Отказался признать и подписать выдвинутые против Троцкого и против него самого обвинения. Объявил голодовку. Умер в заключении во время голодовки.

Приписка к листовке написана от руки. Ее вторая фраза неразборчива.

Т. Ч. (тяговая часть) - локомотивная служба на железной дороге.

ВПШ расшифровать не удалось. Во всяком случае, речь идет не о Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), которая была основана в 1939 г.

МСПС -- Московское сельское потребительское общество.

Речь идет о записке В. И. Ленина "К вопросу о национальностях, или об "автономизации"" (30 декабря 1922 г.), в которой ставился вопрос, "приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды?" (Ленин В. И. Соч., 5 изд., т. 45, с. 357).

Употребляя термин "национал-социализм" применительно к руководству ВКП(б). Троцкий не проводил в 1928 г. никаких сравнений или аналогий с идеологией и политическим курсом Национал-социалистической рабочей партии Германии во главе с А.Гитлером. Сопоставления сталинизма и гитлеризма в его публицистике появились после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г.

Речь идет о В. М. Чернове.

"Влеченье, род недуга" -- цитата из "Горе от ума" А.С.Грибоедова.

Цитируется документ "Об единстве партии", написанный Л.Д. Троцким

(Коммунистическая оппозиция в СССР 1923-1927. Benson, Vermont, Chalidze Publicatios, 1988, т. 2, с. 77-82).

Речь идет о Сталине. В документе приводятся высказывания Бухарина в беседе с Каменевым 9 июля 1928 г.-- см. т. 2, примеч. ?.

Ларин Ю. (настоящие фамилия, имя и отчество Лурье Михаил Зальманович) (1882-1932) -- советский государственный деятель, экономист. Социал-демократ. С 1900 г. С 1917 г. был членом президиума ВСНХ. Автор ряда экономических трудов и многих публицистических выступлений. Отец последней жены Бухарина Анны.

Керженцев (настоящая фамилия Лебедев) Платон Михайлович (1881-1940) -- советский государственный деятель, историк и журналист. Социал-демократ с 1904 г. В 1919-1920 гг. был руководителем Российского телеграфного агентства. В 1921-1923 гг. полномочный представитель в Швеции, в 1925-1926 гг. -- в Италии. С 1933 г. председатель Радиокomiteта, в 1936-1938 гг. -- Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. Принимал активное участие в преследовании творческой интеллигенции во время "большого террора". Автор догматического книг по новой зарубежной истории (о чартистском движении, Парижской Коммуне и др.).

78. Гусев Сергей Иванович (настоящие фамилия, имя и отчество Драбкин Яков Давыдович) (1874-1933) - советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1896 г. С 1918 г. был одним из политических руководителей Красной Армии, с 1921 г. начальник ее Политуправления. В 1923-1925 гг. секретарь ЦК ВКП(б). С 1929 г. член Президиума Исполкома Коминтерна.

79. Ключевский Василий Осипович (1841-1911) -- русский историк, академик Петербургской Академии наук с 1900 г., почетный академик с 1908 г. Автор многотомного "Курса русской истории", исследований о боярской думе, Древней Руси, крепостном праве, сословиях, а также историографических трудов.

Имеется в виду Социалистический Рабочий Интернационал.

Это не мешает тому, что ныне тот же Яковлев, в замаскированной полемике против Бухарина, усердно списывает доводы из старых тетрадей оппозиции, выдавая эти тетради за блокнот РКИ (см. "Правда", No 252. Я.Яковлев. "К вопросу о хозяйственных задачах предыдущего года (из блокнота РКИ)". Хотя Яковлев пользуется только "осколками" и "обломками" оппозиционной платформы, это оказывается достаточным, чтобы справиться с бухаринскими "Заметками экономиста". Лиха беда -- начало. -- Примеч. автора.

Предисловие В. И. Ленина к книге И. И. Скворцова-Степанова "Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства" (М., 1922) -- Ленин В. И. Соч., изд. 5, т. 45, с. 51-52 -- содержало высокую оценку книги как "учебного пособия" для всех учебных заведений РСФСР.

83. Сталин внес предложение об ослаблении монополии внешней торговли в декабре 1926 г. Тогда оно не получило полной поддержки, хотя заключенные соответственно 2 июня и 1 октября 1927 г. договоры СССР с Латвией и Персией содержали статьи, реально смягчавшие монополию. Эти договоры вызвали интерес

на Западе (Документы внешней политики СССР. М., Политиздат, т. 10, 1965, с. 67-70, 396-434), 27 декабря 1927 г. Сталин обратился с секретным письмом в политбюро, в котором настаивал при поддержке наркома иностранных дел Г.В.Чичерина на "модификации вопросов внешней торговли с целью получения средств, в которых мы нуждаемся для реконструкции, и помощи иностранной промышленности..." Конкретная "модификация" предлагалась Чичериним. Текст письма опубликован в кн.: Reiman M. Op. cit., p. 128-133. Конкретные перипетии дальнейшего развития предопределили отказ Сталина от относительно умеренной политики и переход его к курсу насильственной и кровавой революции сверху, к которой он внутренне тяготел.

84. После XIV съезда партии, на котором была осуждена "новая оппозиция" Зиновьева и Каменева, последовал разгром руководства ленинградской партийной организации. Зиновьев был снят с руководящих постов в городе, в начале 1926 г. первым секретарем губкома и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) стал верный сталинец С.М.Киров. В ленинградской партийной организации был установлен режим грубого запугивания, пристального бюрократического контроля и слежки за инакомыслящими, зажима критики.

Речь идет о Brentano Луйо (1844-1931) -- германском экономисте, иностранном члене Петербургской Академии наук (1895). Теория Brentano предусматривала отказ от классовой борьбы и возможность существенного улучшения положения рабочего класса при капитализме путем повышения заработной платы.

Определение фашизма как движения и власти мелкой буржуазии получило распространение в коммунистических кругах в первой половине 20-х годов. В дальнейшем оно было подвергнуто острой критике. XIII пленум Исполкома Коминтерна (1933) и затем VII конгресс Коминтерна (1935) определили фашизм у власти как открытую террористическую, агрессивную и шовинистическую диктатуру наиболее реакционных сил монополистического капитала. Исследования, проведенные после второй мировой войны, убедительно показали, что фашизм (в узком смысле слова итальянский и в широком смысле -- любая правототалитарная диктатура, в частности в Германии) не имел единой социальной базы, а был связан с самыми различными слоями населения.

"Бытие определяется знанием" -- ироническая перефразировка тривиального марксистско-большевистского суждения "бытие определяется сознанием".

Третья республика -- республиканский государственный строй во Франции, существовавший со времени свержения Наполеона III в 1870 г. и закрепленный серией конституционных законов 1875 г. Третья республика была ликвидирована в результате капитуляции Франции перед нацистской Германией в 1940 г.

Раскольниками официально называли сторонников старообрядчества в России, отказавшихся признать церковную реформу патриарха Никона 1653-1656 гг. Во второй половине XVII -- XVIII в. раскол был идейным знаменем антифеодальных оппозиционных движений. До 1906 г. раскольники преследовались властями России. Делились на ряд течений (поповцы, беспоповцы и др.). Заявляя, что раскольники "давали себя сжигать за описки в евангелии", автор имеет в виду

их крайний фанатизм.

Речь идет об особенностях содержания и структуры статей и докладов Сталина.

Троцкий анализирует определение ленинизма, данное в лекциях Сталина "Об основах ленинизма". Лекции "Об основах ленинизма" Сталин прочитал в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова в начале апреля 1924 г. (Соч., т. 6. М., Госполитиздат, 1947, с. 69-188). Есть предположение, что основные положения были им взяты из рукописи сотрудника секретариата ЦК РКП(б) Ксенофонтова, позже уничтоженного во время "большого террора". Троцкий назвал "Об основах ленинизма" "коллекцией нумерованных пошlostей".

Совещание большевиков, о котором идет речь, состоялось 27 марта -- 4 апреля 1917 г. в Петрограде. Проходило фактически под руководством Л.Б.Каменева. По его предложению, совещание оценило буржуазно-демократическую революцию в России незавершенной, а движение к социалистической революции преждевременным. Оно взяло курс на условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него, на объединение с меньшевиками. Было принято предложение Сталина начать соответствующие переговоры с меньшевиками на базе принципов Циммервальдской конференции 1915 г. Сталин полностью поддержал на совещании позицию Каменева и был избран в состав комиссии для переговоров с меньшевиками. Приезд Ленина поначалу не внес изменений в эту позицию. Ленин выступил на совещании с докладом по "Апрельским тезисам" в ночь на 4 апреля. Тем не менее уже после доклада Ленина совещание приняло резолюцию об условной поддержке Временного правительства. "Апрельские тезисы" были опубликованы в "Правде" с примечанием, что они отражают личную точку зрения автора. Протоколы мартовского совещания опубликованы в книге: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990, с. 225-290.

Жордания Ной Николаевич (1869-1953) -- российский политический деятель, один из лидеров меньшевиков и грузинских социал-демократов. Участвовал в социалистическом движении с 1893 г. В 1907-1912 гг. был членом ЦК РСДРП. В 1917 г. председатель тифлиского совета, а с 1918 г. председатель правительства независимой Грузии. После захвата Грузии советскими войсками эмигрировал. В эмиграции продолжал политическую деятельность в Социалистическом Рабочем Интернационале и зарубежных меньшевистских организациях.

Засулич Вера Ивановна (1849-1919) -- деятельница российского революционного движения. С 1868 г. народница, в 1878 г. предприняла покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф.Ф.Трепова, была арестована, но признана судом присяжных невиновной. С 1879 г. член народнической организации "Черный передел". Выехав за границу, перешла на марксистские позиции и была одним из организаторов группы "Освобождение труда" (1883). С 1883 г. являлась одним из лидеров российского меньшевизма.

"Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса был написана не в 1847, а в феврале 1848 г.

Цитата отсутствует.

Цитата отсутствует.

98. "Крестьянская война в Германии" -- работа Ф.Энгельса(1850), посвященная событиям 1524-1526 гг., когда крестьянские восстания переплелись с Реформацией. Энгельс характеризовал крестьянскую войну как первый акт буржуазной революции в Европе.

Имеется в виду период, когда российские социал-демократы выдвигали лозунг возвращения крестьянам "отрезков" -- земель, отрезанных от их владений после реформы 1861 г. в пользу помещиков (они отрезались, если надел превышал высшую норму, установленную положением 19 февраля 1861 г.). "Отрезки" составляли около 18% дореформенного землепользования крестьян. Этот лозунг был выдвинут на II съезде РСДРП (1903) и дополнен на IV съезде (1906) лозунгом раздела помещичьих земель.

Дискуссии о лозунгах в аграрном вопросе, о том, добиваться ли раздела земли в частную собственность крестьян или же национализации всей земли, шли в течение длительного времени. На IV съезде РСДРП (1906) часть большевиков выступила за раздел земли (Ленин добивался выдвижения лозунга национализации). Требование национализации стало общим для большевиков только после Февральской революции 1917 г.

101. Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

Имеется в виду всеобщая Октябрьская стачка 1905 г.

Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

Катаяма Сен (1859-1933) - деятель японского социалистического и коммунистического движения. В 1897 г. участвовал в создании первого профсоюза в Японии, а затем в создании политических кружков и организаций. Был одним из инициаторов образования компартии Японии (1922). С 1922 г. член Исполкома Коминтерна и его Президиума.

Текст, выделенный курсивом, вычеркнут Троцким.

Бакунин Михаил Александрович (1814-1876) -- русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. С 1840 г. жил за границей, участвовал в революции 1848-1849 гг. Был арестован австрийскими властями и выдан России в 1851 г. Находился в заключении в Петропавловской крепости, а затем в ссылке, откуда в 1861 г. бежал за границу. С 1864 г. был одним из руководителей Международного товарищества рабочих (I Интернационала), в котором вел борьбу против стремления Маркса навязать международному рабочему движению свои взгляды и монополизировать руководство. В 1872 г. Бакунин был исключен из I Интернационала, однако продолжал руководить международной организацией, сохранившей то же название.

Дарвинизм -- теория эволюции органического мира Земли, основанная на исследованиях британского естествоиспытателя Чарлза Роберта Дарвина (1809-1882). Сущность дарвинизма состояла в том, что основными факторами эволюции являются изменчивость, последовательность и естественный отбор,

что ведет к образованию новых видов. Дарвин выдвинул гипотезу происхождения человека от обезьяноподобного предка.

108. "Капитал" К. Маркса -- экономический труд основоположника марксизма в четырех томах, посвященных соответственно процессу производства капитала, его обращению, капиталистическому производству в целом и теориям прибавочной стоимости.

Опубликован в 1867, 1888, 1894, 1905-1910 гг. Маркс выдвинул положение о прибавочной стоимости, создаваемой неоплаченным трудом рабочих. Именно этот труд был в первую очередь основанием для утверждений о том, что Маркс превратил социалистическую теорию в науку, о "научном социализме" и "научном коммунизме".

Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907) -- русский химик, педагог и общественный деятель. Открыл периодический закон химических элементов (1869). Автор "Основ химии" (1869-1871) -- первого полного изложения курса неорганической химии. Был автором многих открытий и изобретений в области химии, химической технологии и других областях. Профессор Петербургского университета (1865-1890). Ушел в отставку в знак протеста против притеснений студентов. Организовал Главную палату мер и весов (1893) и был ее первым директором.

Римское право -- система правовых норм Древнего Рима, содержащая частное право и публичное право, стройную систему регулирования имущественных отношений. Римское право было заимствовано во многих странах Западной Европы и является классической базой современной юриспруденции.

Имеется ввиду работа К. Маркса "Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг." (1850), в которой кратко излагалась история французской революции 1848-1849 гг. с точки зрения марксистской концепции. Особое внимание уделялось событиям в Париже в июне 1848 г. (в частности, попытке рабочего восстания), победе "партии порядка" и отмене всеобщего избирательного права. Марксистско-ленинская историография характеризовала эту работу как "классическое произведение научного коммунизма", в основном в связи с тем, что здесь впервые был употреблен термин "классовая диктатура пролетариата" как переходная ступень к уничтожению классовых различий. Продолжением этой работы явился труд Маркса "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта" (конец 1851 -- начало 1852 г.).

112. Австромарксизм -- течение, сложившееся в австрийской социал-демократии в начале XX в. (сторонники Р. Гильфердинг, О. Бауэр, М. Адлер и др.), характеризовавшиеся стремлением развить марксизм, дополнить его достижениями других течений гуманитарных наук. Влияние на австромарксизм оказали концепции неокантианства и новейшие экономические теории. Достижением его сторонников была программа культурно-национальной автономии, охватывавшая вопросы просвещения, школы, языка и в целом культуры, решаемые постепенно и мирным путем. Австромарксисты в политической жизни периода между мировыми войнами занимали промежуточную позицию между

социал-демократическим и коммунистическим движениями. Они подвергались нападкам со стороны В.И.Ленина и его последователей, клеймивших их как реформистов, прикрывавшихся левой фразеологией.

Имеется в виду работа В. И. Ленина "Империализм, как высшая стадия капитализма" (1916), в которой автор считал империализм (монополистический капитализм) не только высшей, но и последней стадией капитализма, кануном социалистической революции. Сформулировав пять признаков империализма, которые логически частично покрывали друг друга, Ленин догматически утверждал, что империализму свойственны паразитизм, загнивание и политическая реакция, подверг грубой критике теории империализма Д. Гобсона, Р.Гильфердинга и др. Приспосабливая ленинские высказывания к своим потребностям, Сталин утверждал, что из книги Ленина вытекает вывод о одновременности революций в различных странах и о возможности победы социалистической революции и построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Фома Аквинский (1225 или 1226-1274) -- теолог и философ. Систематизировал основные положения схоластики на базе учения Аристотеля, сформулировал доказательства бытия бога. Признавал относительную самостоятельность естественного бытия и разума.

Лукач Дьёрдь (1885-1971) -- венгерский политический деятель, философ и литературный критик. С 1918 г. коммунист. В 1919 г. был наркомом по делам культуры Венгерской советской республики. После разгрома советской власти эмигрировал. В 1930-1945 гг. жил в Москве. Лукач опубликовал ряд работ, в которых пытался преодолеть догматическую ограниченность марксистско-ленинской философии и литературоведения. Подвергался за это нападкам, но остался на свободе. Возвратившись в Венгрию после второй мировой войны, продолжал позволять себе "свободомыслие" в рамках марксистской парадигмы. В 1956 г. поддержал правительство ИмреНадя, возникшее в ходе революционных событий. В конце 50-х -- 60-е годы вновь подвергся политическим нападкам как "идеалист", "ревизионист" и т.д. Д. Лукач -- один из немногих философов-марксистов, чьи труды ценит мировая наука.

Как уже отмечалось, этот документ был написан в феврале 1848 г.

Катедер-марксисты -- термин, примененный автором на основании распространенного в марксистских кругах термина "катедер-социалисты" (от немецкого слова Katheder -- кафедра). Катедер-социалистами называли группу немецких интеллектуалов, в основном профессоров университетов 60-70-х годов XIX в. (Г. Шлюмер, Л.Брентано, А.Вагнер и др.), которые считали возможным осуществление социализма мирным путем при помощи государственных реформ.

Бернштейн Эдуард (1850-1932) -- один из лидеров Социал-демократической партии Германии и II Интернационала, в 1881-1890 гг. редактор газеты "Социал-демократ". Неоднократно был депутатом рейхстага. В конце XIX в. выступил с призывом к ревизии, критическому пересмотру устаревших положений марксизма и в брошюре "Предпосылки социализма и задачи социал-демократии"

обосновал необходимость отказа от некоторых его положений (об абсолютном и относительном обнищании пролетариата, обострении классовой борьбы, необходимости диктатуры пролетариата и т. д.). Положение Бернштейна "Движение все, конечная цель ничто" формулировало взгляды умеренной части социал-демократии. В этом смысле Берштейн был виднейшим предшественником современного социалистического движения. Левые социал-демократы и особенно экстремисты во главе с В. И. Лениным клеймили Бернштейна как реформиста и "ревизиониста".

Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) -- русский литературный критик и публицист, автор многочисленных статей в журналах "Отечественные записки" и "Современник". Разрабатывал принципы реалистической эстетики, защищал идеи натуралистической школы -- литературного направления, критически относившегося к современной действительности.

Добролюбов Николай Александрович (1836-1861) -- русский литературный критик и публицист. Занимал левые политические позиции, выступал за ликвидацию монархии и крепостного права, пропагандировал идеи крестьянской революции. Отстаивал реализм художественной литературы. Был автором сатирических стихов и пародий.

121. Чернышевский Николай Гаврилович (1828-1889) -- русский писатель, ученый и революционный деятель. Был руководителем революционного движения интеллигенции конца 50-х -- начала 60-х годов. В 1862 г. арестован и до 1883 г. находился в заключении и в ссылке. В трудах по философии, политический экономии, социологии выдвинул концепцию перехода России к социализму через крестьянскую общину. Автор романов "Что делать?" и "Пролог", в которых созданы идеализированные образы революционеров.

Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707-1878) - французский естествоиспытатель. В труде "Естественная история" (тт.1-36, 1749-1788) высказал представления о развитии земного шара и его поверхности, единстве строения органического мира. Отстаивал идею изменяемости видов под влиянием среды. Автор парадоксальных суждений в форме теорем.

Шекспир Уильям (1564-1616) -- английский драматург и поэт. Автор жизнеутверждающих трагедий, комедий и исторических хроник, романтизированных драм. Шекспир создал глубоко лирические поэмы и сонеты. Его творчество -- величайший вклад в развитие человеческой культуры.

Так в документе. По смыслу "в свет".

Так в документе. По смыслу "идей".

Аристотель (384-322 до н. э.) -- древнегреческий философ, ученик Платона. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все основные области знания. Он был основателем формальной логики, разрабатывал учение об основных принципах бытия: возможности и реальности, форме и материи, причине и цели. Центральными принципами этики Аристотеля были разумное поведение и умеренность. Наилучшими формами государства он считал монархию, аристократию, умеренную демократию, наихудшими -- тиранию, олигархию, охлократию (господство толпы). Под

влиянием учения Аристотеля находились многие философские течения вплоть до XVII-XVIII вв.

Бебель Август (1840-1913) -- один из основателей (1869) и долголетний руководитель Социал-демократической партии Германии, один из лидеров II Интернационала. Был депутатом рейхстага. Подвергался репрессиям. Около шести лет пробыл в заключении. Занимая центристские позиции, подвергал критике "ревизионистов" марксистской теории, но считал недопустимым их изгнание из партии.

Адлер Виктор (1852-1918) -- один из организаторов и руководителей Социал-демократической партии Австрии, автор ее первой программы. В 1918 г. был министром иностранных дел. Был одним из авторов идеи культурно-национальной автономии народов Австро-Венгерской империи, с помощью которой надеялся найти конструктивное решение национальной проблемы.

129. Лафарг Поль (1842-1911) -- французский политический деятель, социалист. Один из основателей Французской рабочей партии, сторонник К.Маркса. Автор трудов по философии, политической экономии и другим гуманитарным дисциплинам. Вместе со своей женой Лаурой (дочерью Маркса) покончил жизнь самоубийством, полагая, что в связи со старостью он не сможет в будущем вести активную работу в социалистическом движении.

Имеется ввиду введение в состав редколлегии газеты "Правда" в качестве редакторов ярких сталинистов Г.И.Крумина и М.А.Савельева взамен учеников Бухарина.

131. Чартизм -- политическое течение в Великобритании в 30-50-е гг. XIX в., опиравшееся на рабочее движение. В 1838 г. чартисты выдвинули законопроект ("народная хартия"), направленный на демократизацию избирательной системы. В 1840 г. была основана Национальная чартистская ассоциация. В следующие годы в парламент вносились петиции с требованиями введения всеобщего избирательного права для мужчин, ограничения рабочего дня, повышения заработной платы и т. д., которые неизменно отвергались. Чартистский конвент 1851 г. выдвинул социалистические требования. В следующие годы движение постепенно ослабело и сошло со сцены.

Что имел в виду Троцкий в этой фразе (какую страну -- Англию или Америку -- он считает победительницей и какую побежденной, в чем именно), авторы примечаний понять не смогли.

Имеется ввиду доклад И. В. Сталина "Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б)".

134. "Laissez faire, laissez passer" ("Пусть само делается, пусть идет само собой") (франц.) -- девиз французских физиократов.

135. "Получается старый лозунг французских либералов: "Лессе фер, лессе пассе", т. е. не мешайте буржуазии делать свое дело, не мешайте буржуазии двигаться свободно. Этот лозунг выставляли старые французские либералы во время Французской революции, во время борьбы с феодальной властью, которая стесняла буржуазию и не давала ей развиваться" (Сталин. Речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП 19 ноября 1928 г. - Правда, No 273). Хотят свою

образованность показать. -- Примеч. автора.

136. Фритредеры -- участники движения английской промышленной буржуазии за свободу торговли (free trade). Движение возникло в Манчестере в последней трети XVIII в. и распространилось не только в Великобритании, но и в других странах. Основным требованием фритредеров было невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность.

137. Протекционизм -- государственная экономическая политика, направленная на защиту национальной экономики от иностранной конкуренции. Средства протекционизма -- финансовое поощрение отечественной промышленности, стимулирование экспорта, ограничение импорта, в частности путем высоких пошлин на ввозимые товары.

138. Первый Интернационал (официальное наименование Международное товарищество рабочих) -- международная организация (1864-1876). В Интернационале шла острая борьба марксистского, прудонистского, лассальянского, бакунинского течений. К началу 70-х годов победу удалось одержать Марксу. В 1872 г. в связи с упадком деятельности Интернационала в Европе его руководящие органы были перенесены в США и организация фактически перестала функционировать, хотя формально просуществовала еще четыре года. В рамках I Интернационала началось формирование социал-демократических партий отдельных стран.

Ветхий Завет -- составная часть Библии -- сборника сочинений VIII в. до н.э.-- 2 в. н.э. Ветхий Завет является Священным писанием в иудейской и христианской религиях, содержит миф о сотворении мира и множество легендарных и исторических повествований.

Эпоха реакции -- отношение к Марксу и Ленину. Примеры сталинских теорий. -- Приписка Л. Д. Троцкого на полях.

Флогистон (воспламеняющийся, горючий -- греч.) -- по представлениям химиков конца XVII--XVIII в., составная часть вещества, которую оно теряет при горении. Эта гипотеза была опровергнута трудами французского химика А.Лавуазье.

Витализм -- течение в биологии, признающее существование в живых организмах нематериальной силы (души, энтелехии, жизненной силы и др.), управляющей жизненными явлениями.

См. определение политического смысла этих понятий в нашей "Критике проекта программы Коминтерна", которая сохраняет всю свою силу и в качестве критики самой программы. -- Примеч. автора. "Критика программы Коммунистического Интернационала" опубл. в кн.: Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. М., 1993, с. 64-233.

144. Имеется в виду работа В. И. Ленина "Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии" (1909), направленная против философов Э.Маха и Р.Авенариуса, разработавших, в числе других авторов, теорию эмпириокритицизма, полагавших, что без субъекта не существует объекта, что мир -- комплекс ощущений и задача науки -- их описание. В книге подвергались грубой, мало доказательной

критике российские социал-демократы А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.

"Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом" -- работа Ф.Энгельса (1878), содержащая критику взглядов немецкого философа Ойгена Дюринга. Энгельс попутно дал свою схему развития философии и изложил понимание Марксом и им самим диалектики, проблем материи и сознания, а также экономической теории и социологии Маркса.

Сикофант -- в Древней Греции лицо, сообщавшее о за-прещении вывота смоквы (инжира) из Аттики. С V в. до н.э. так называли профессиональных доносчиков и клеветников. Термин приобрел стабильный международный характер, став нарицательным.

Народничество -- идеология и политическое движение революционной интеллигенции в России второй половины XIX в. Народники выступали против развития России по капиталистическому пути, за крестьянскую революцию. Непосредственными идейными предшественниками народничества были А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, главными идеологами М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Основные организации -- "Земля и воля", "Народная воля", "Черный передел". В начале XX в. народники положили начало Партии социалистов-революционеров.

Государственный автомобильный завод (ГАЗ) был основан в 1919 г. под названием АМО. Позже носил имя Сталина, а затем Лихачева. В 70-90-е годы головное предприятие производственного объединения ЗИЛ.

МГСПС -- Московский городской совет профессиональных союзов.

ТСХА расшифровать не удалось.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877-1926) -- деятель польского социалистического движения, советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1895 г. С 1917 г. председатель ВЧК (с 1922 г. ГПУ, затем ОГПУ), с 1924 г. председатель ВСНХ.

В верхней части первого листа документа рукой Троцкого написано: "Видимо, Солнцев". Солнцев Элеазар -- ссыльный оппозиционер. Сведений о нем обнаружить не удалось (известно лишь, что он умер во время голодовки в новосибирской тюремной больнице в январе 1936 г.). Автором "Письма из Берлина" Солнцев быть не мог. Какова связь между надписью Троцкого и письмом, не ясно.

Так в тексте.

Social-Demokratische Partei Deutschlands (SPD) -- Социал-демократическая партия Германии -- нем.

Утрачено слово, очевидно, на немецком языке.

Речь идет о том, что в 1928 г. германское правительство Г. Мюллера начало строительство броненосца А -- первого в серии кораблей данного типа, что означало восстановление военной мощи Германии. Компартия и другие левые силы развернули широкую пропагандистскую кампанию против этой акции. Кампания оказалась безуспешной.

"Прежде, чем объединяться, и для того чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться" (Ленин В. Л. Заявление

редакции "Искры". -- Соч., изд. 5, т. 4, с. 358).

Имеется в виду М. Истмен.

Инициалы расшифровать не удалось.

Книга Л. Д. Троцкого "Real Situation in Russia" ("Действительное положение в России" -- англ.) была выпущена в Нью-Йорке издательством Harcourt, Prace and Co в марте 1928 г. Книга содержала статьи и выступления.

Перевод и подготовку к печати осуществил М. Истмен.

Инициал Л. расшифровать не удалось.

Так в тексте. Смысл не ясен. Судя по содержанию абзаца, речь идет о газете или журнале, выпускавшейся в США сторонниками левокоммунистической оппозиции.

Выяснить, что собой представлял упомянутый Штейн-берг, не удалось.

Балабанова Анжелика Исааковна (1877 или 1878-1965) -- писательница, деятельница социалистического и коммунистического движения. Из России. Получила высшее образование в Германии. С конца XIX в. жила в Италии, где вступила в социалистическую партию, была избрана в ее ЦК и стала одним из руководителей социалистической газеты "Аванти" в 1912 г. Поддерживала тесные политические и личные контакты с Б. Муссолини. Участвовала в циммервальдовском движении. Летом 1917 г. приехала в Россию, вступила в большевистскую партию. С 1919 г. работала в органах Коминтерна. Вскоре разочаровалась в политике советского руководства и в 1921 г. покинула Россию. В 20-30-е годы жила в Вене и Париже, затем в США. Публиковала поэтические произведения и политическую публицистику. После войны возвратилась в Италию. Написала несколько мемуарных книг.

В данном виде аббревиатуру расшифровать не удалось. Можно предположить, что в тексте допущена ошибка и речь идет о Социалистической рабочей партии США (Socialist Workers Party), основанной в 1876 г. В 1919 г. часть членов партии, выйдя из нее, присоединилась к коммунистическому движению. Социалистическая рабочая партия сохранилась как малочисленная группа, связанная с левой интеллигенцией.

Видимо, идет речь о газете "Tgliche Volkszeitung" ("Ежедневная народная газета"), издававшейся на немецком языке в г. Омаха, штат Небраска (США) немецкими социалистами-эмигрантами в 1928-1941 гг. Газета несколько раз меняла названия.

У -- инициал, который расшифровать не удалось.

Одно слово пропущено, видимо, название города или страны.

Идентифицировать лицо под именем "Борис" не удалось.

Монатт Пьер (1881-1960) -- деятель французского социалистического и коммунистического движения. Коммунист с 1923 г. В 1924 г. был исключен из компартии за синдикалистские взгляды. В 1925 г. основал журнал "La Rvolution Prol-tarienne" ("Пролетарская революция" -- франц.), носивший синдикалистский характер. Журнал выходил до смерти Монатта.

Так в тексте. Слово пропущено.

Одно слово пропущено.

Речь идет о подавлении восстания в Марокко.

Arbeitsgemeinschaft -- рабочее сообщество (нем.).

175. "Redressement" ("Очищение" -- франц.) -- бюллетень, издававшийся недолгое время А. Трэнном во второй половине 20-х годов.

Речь идет о публикациях документов Л. Д. Троцкого всвязи с VI конгрессом Коминтерна.

Речь идет о крупной растрате средств в гамбургской организации компартии Германии, в причастности к которой правые деятели компартии обвиняли Э.Тельмана, ранее возглавлявшего эту организацию, тем более, что Тельман долгое время брал под защиту лиц, виновных в растрате, с которыми у него были близкие личные отношения.

Laul-- берлинское издательство второй половины 20-х годов.

Сокращенную фамилию "В-ов" идентифицировать не удалось.

Речь идет о проектировавшейся международной конференции левых организаций и деятелей, сочувствовавших объединенной оппозиции в СССР, которые были исключены из компартий или сами порвали с ними.

Колчак Александр Васильевич (1873-1920) -- российский адмирал. В 1916-1917 гг. командующий Черноморским флотом. Один из руководителей вооруженной борьбы против советской власти. Был провозглашен верховным правителем России (1918-1920). Расстрелян большевиками.

Автор документа неизвестен.

183. Контрольные цифры развития экономики СССР на 1928/29 год были представлены в докладе Рыкова на пленуме ЦК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г. Перед этим проект контрольных цифр несколько раз рассматривался в политбюро и был полностью переработан специальной комиссией, состоявшей почти полностью из сталинистов (Кржижановский, Куйбышев, Микоян. Орджоникидзе). В комиссию входил и Сталин. Бухарин, являвшийся членом комиссии, в ее работе не участвовал, так как был в отпуске. Единственным "умеренным" ее членом оказался Рыков. Контрольные цифры предусматривали резкое ускорение развития промышленности и значительное увеличение числа колхозов и совхозов. Отставка, о которой заявили перед пленумом Бухарин, Рыков и Томский, была отвергнута. "Умеренные" отступили почти без сопротивления (Reiman M. Op. cit., p. 94-96).

Сводка опубликована в настоящем томе.

Алексеев Петр Александрович (1849-1891) -- русский рабочий, участник народнического движения. Известен речью на суде, проникнутой верой в будущую революцию.

Свердловец -- слушатель Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.

См. предыдущий документ.

Хлебозаготовительный кризис 1927-1928 гг. был вызван комплексом причин и не сводился, как заявляли Сталини близкие к нему деятели, к саботажу со стороны кулачества. Обширные данные о кризисе и его причинах приведены в книге: Reiman M. Op. cit. Согласно доклада наркома земледелия Ку-бяка Рыкову

от 19 марта 1928 г., опубликованному в приложениях к книге, за первую половину марта было получено лишь 30% намечаемых хлебозаготовок (Ibid., p. 148). Кризис показал глубину противоречий между ограниченной рыночной политикой, проводившейся во время нэпа, и сущностью всевластия ВКП(б), закодированного "диктатурой пролетариата". Российский драматург и историк Э. Радзинский уместно замечает: "Семидесятью годами позже случай Горбачева вновь доказал, что тюрьма не может самофинансироваться. Однопартийное управление не могло выжить даже при элементарной экономической свободе" (Rdzinsky E. Stalin. New York, Doubleday, 1996, p. 232) Сталин использовал экономический кризис 1927-1929 гг. для развязывания кровавой "революции сверху".

Лаплас Пьер Симон (1749-1827) -- французский астроном, математик, физик. Автор трудов по теории вероятности, небесной механике, дифференциальным уравнениям и другим отраслям знания. Многие открытия Лапласа названы его именем (Закон Лапласа, оператор Лапласа, уравнение Лапласа).

Так в документе. Возможно, следует читать "хлебозаготовок, чтобы показать обеспеченность".

Цитата из речи Бухарина отсутствует.

Цитата в документе отсутствует.

Цитата отсутствует.

На XII съезде РКП (б) (17-25 апреля 1923 г.) Л. Д. Троцкий выступил с докладом о промышленности, в котором поставил вопрос об ускорении индустриального развития СССР. Троцкий заявил о существовании "ножниц цен" на продукты сельского хозяйства и промышленности и о необходимости их преодоления путем снижения заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Фраза не окончена.

Так в документе. Видимо, следует читать "слой людей".

Опубл. в книге Л. Д. Троцкого "Письма из ссылки. 1928", с. 155-176.

Документ называется "Беседа начистоту с доброжелательным партийцем".

Имеется ввиду документ "Июльский пленум и правая опасность. (Послесловие к письму "Что же дальше?")".

199. По-видимому, не соответствует истине утверждение, что Бухарин вступил в переговоры с Каменевым "от имени тройки" (то есть не только от своего имени, но и от имени Рыкова и Томского). Во всяком случае, опубликованные тексты (Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., изд-во гуманитарной л-ры 1993, с. 30-37) оснований для такого предположения не дают.

200. Надо отметить, что известная часть правых, добросовестно обманутая и доводившая свой "троцкизм" до конца, т. е. до устряловщины, может повернуть и к нам. Но это будет, конечно, лишь маленькое меньшинство. Генеральная линия правых ведет в противоположном направлении. Ожидать прироста мы должны главным образом за счет центристских рядов, вернее сказать, за счет той недифференцированной массы рабочих-партийцев, которые

составляют автоматическую опору центризма. -- Примеч. автора.

Так в тексте. Имеется в виду либо "решения и действия", либо "решения действовать".

"Крокодил" -- сатирический журнал, начавший выходить в издательстве газеты "Правда" в 1922 г. Широко использовался советскими властями для создания социально-психологической атмосферы, благоприятной проведению сталинского курса.

203. В Третьей Государственной Думе (1 ноября 1907 -- 9 июня 1912 г.) было большинство депутатов от правых партий и октябристов (из 422 депутатов 154 примыкал к Союзу 17 октября и 147 к различным правым группам, кадеты имели 54 места и социал-демократы 32). Большевики совместно с меньшевиками входили в единую социал-демократическую фракцию.

Работа Л. Д. Троцкого "Китайский вопрос после VI конгресса" датирован 4 октября 1928 г. (Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина: Великий организатор поражений, с. 234-280).

Отмечу, кстати, что и здесь слово "первооружение", как и в "Предисловии" 1922 г. к книге "1905", как и во многих других случаях, употреблено мною не в смысле отвержения старой линии как ошибочной, а в смысле своевременной и крутой смены центрального лозунга в соответствии с переменной обстановки (примечание главным образом для т. Радека). -- Примеч. автора.

Ирония. Намек на то, что ОГПУ перлюстрирует и похищает письма Троцкого и других ссыльных.

Дудэюнат -- власть военных группировок в китайских провинциях.

Лозунг "пяти палат" Сунь Ятсена был провозглашен в его заявлении от 12 апреля 1924 г. Он был основан на принципе демократии основанной на "пятисиловой конструкции". Смысл ее состоял в том, что центральное правительство должно быть разделено на пять самостоятельных органов (юаней), добавив к законодательной, исполнительной и судебной властям, заимствованным из политической системы США, палаты контроля и цензуры, существование в китайской политической традиции в течение долгого времени. Сунь Ятсен обращал внимание на необходимость сохранения власти в руках революционных партий в течение продолжительного периода. Эти принципы легли в основу организации правительства в Нанкине в 1928 г.

Восточный вопрос -- комплекс международных противоречий, дипломатических и военных акций, национально-освободительных движений в XVIII -- начале XX в., связанных с кризисом и намечавшимся распадом Османской империи, борьбой европейских держав за раздел ее владений. Восточный вопрос оказался исчерпанным после первой мировой войны в связи с потерей Турцией ее европейских, азиатских и африканских владений и образованием национальной Турецкой республики.

Для всей истории советской внешней политики был характерен партийно-государственный "дуализм" с решительным преобладанием партийных установок на подрыв "мировой капиталистической системы", использование с

этой целью компартий капиталистических стран как главной подрывной агентуры Москвы. В то же время эти установки маскировались Наркоминделом (с 1946 г. МИДом), проводившим, якобы, курс на развитие взаимовыгодных отношений с ведущими странами мира -- политику "мирного сосуществования" и т. д. Когда представители западных держав обращали внимание на подрывную деятельность советской агентуры, излюбленным приемом оправдания были ссылки на то, что она проводится не по государственной линии, разговоры об "отдельности Коминтерна" и т. п. Именно так следует понимать высказывания о том, что дипломатия стремится освободиться от "компрометирующего соседства Коминтерна". Видный американский историк Р. Пайпс пишет: "На одном уровне -- уровне государства -- оно (советское государство -- авторы примечаний) проводило формально корректную внешнюю политику, соблюдая принятые дипломатические стандарты. На другом уровне -- уровне партии -- оно проводило крайне неортодоксальную внешнюю политику, обращаясь через голову правительств непосредственно к их гражданам с подстрекательскими лозунгами. Когда другие государства протестовали против такого поведения, Комиссариат иностранных дел отмечал, что большевистская партия -- это частная организация, за которую советское правительство не несет ответственности. Уловка обманывала немногих, но она создавала "уважительную причину" для других государств, которые по тем или иным критериям считали целесообразным иметь дело с советским правительством" (Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution. New York, Alfred A Knopf, 1995, p. 167).

Исполняющий обязанности наркома иностранных дел М. М. Литвинов выступил на IV сессии ЦИК СССР 4-го созыва с докладом о международных отношениях 10 декабря 1928 г. Доклад и резолюция были выдержаны в сравнительно мирных тонах, хотя содержали требование "внимательно наблюдать за всеми попытками, направленными к нарушению мира и вовлечению человечества в новую бойню..." (Документы внешней политики СССР М., Политиздат. 1966, т. 11, с. 609).

Речь идет о военных столкновениях между Боливией и Парагваем за спорные земли, продолжавшиеся длительное время. Подлинная война возникла позже (1932-1935). Боливия потерпела поражение и потеряла значительную часть территории, богатой оловом, селитрой и нефтью.

Клайнс Джон Роберт (1869-1949) -- британский политический деятель, один из лидеров Лейбористской партии. Министр в 1924 г. и 1929-1931 гг. Председатель Национального союза рабочих государственных и муниципальных предприятий (1912-1937).

214. Вильсон Томас Вудро (1856-1924) -- президент США в 1913-1921 гг. от Демократической партии. По профессии историк, автор ряда научных трудов. Будучи президентом, провел ряд законов либерально-демократического характера. Был инициатором вступления США в первую мировую войну в 1917 г. В январе 1918 г. выдвинул программу мира ("Четырнадцать пунктов"), носившую в целом демократический характер, но в то же время содержавшую претензии на более активную руководящую роль США в мире.

215. В документе "его".

Указатель имен

Абрамский
Авенариус Р.
Авдеев
Авилов Н.П.
Адлер В.
Адлер М.
Аксаков И.С.
Александр Македонский
Алексеев П.А.
Алексинский Г.А.
Альский А.О.
Альтер
Анненский Н.Ф.
Аристотель
Армстронг
Асташев
Астров В.Н.
Бабурин
Байер
Бакунин М.А.
Балаболкин см. Бухарин Н.И.
Балабанова А.И.
Барышев
Бауэр О.
Бебель А.
Белинский В.Г.
Белобородов А.Г.
Бернштейн Э.
Богданов А.А.
Бонапарт Л.Н.
Борис
Бородин М.М.
Брандлер Г.
Брентано Л.
Бриан А.
Бутов Г.

Бухарин Н.И.
Бухарина А.М. см. Ларина А.М.
Бюффон Ж.Л.Л.
Вагнер А.
В.А.
Вебер
Вернадский Г.В.
Виленский-Серебряков В.Г.
Вильсон Т.В.
Витте С.Ю.
В-ов
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Врачев И.Я.
Вуйович В.
Вурм
Ганнибал
Гегель Г.В.Ф.
Гед Ж.
Герострат
Герцен А.И.
Гете И.В.
Гильфердинг Р.
Гинзбург А.М.
Гитлер А.
Гобсон Д.
Гогенцоллерны
Горбачев М.С.
Гречушкин
Грибоедов А.С.
Грязнов
Губкин И.М.
Гулов Г.
Гусев С.И.
Гусев
Далин В.
Дарвин Ч.Р.
Дан Ф.И.
Деборин А.М.
Делюсин Ф.
Дзержинский Ф.Э.
Добролюбов Н.А.
Довжак
Доде А.

Дугачев М.
Дюринг О.
Емшанов
Ермолин
Жрдания Н.Н.
Жук А. Б.
Зарге
Засулич В.И.
З.Д.
Зингер
Зиновьев Г.Е.
И.
Иванов
Илизаров Б.С.
Иловайский Д.И.
Ионин
Истмен М.
Ищенко А.Г.
Каганович Л.М.
Калинин М.И
Каменев Л.Б.
Каминский
Каплинский Л.
Каплинский Ю.
Каспарова В.Д.
Каутский К.
Кашен М.
Квачадзе
Келлог Ф. Б.
Кенэ Ф.
Керженцев П. М.
Кириевский И.В.
Киров С. М.
Кисилев
Китаев
Клайнс Д.Р.
Ключевский В.О.
Колчак А.В.
Кондратьев Н.Д.
Косиор С.В
Котов
Костров Т.
Кофман
Кржижановский Г.М.

Круммин Г.И.
Крупская Н.К.
Ксенофонтов Ф.А.
Кубяк Н.А.
Куйбышев В.В.
Куно
Куусинен О.В.
Л.
Лавлер П.
Лавуазье А.
Лавров П.Л.
Лапин Д.
Лапинский С.
Лаплас П.С.
Ларин Ю.
Ларина А.М.
Лассаль Ф.
Лафарг П.
Лебедев
Ленин В.И.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Линкольн А.
Литвинов М.М.
Лихачев И.А.
Лобов С.С.
Лобода
.
Лозовский С.А.
Ломинадзе Б.
Линкольн А.
Лорио Ф.
Лукач Д.
Лукин Н.М.
Лукреций
Луначарский А.В.
Люксембург Р.
Лядов М.Н.
Магид М.
Макдональд Д.Р.
Мандельштам Н.Н.
Марецкий Д.П.
Маркс К
Мартов Л.

Мартынов А.С.
Маслов А.
Мах Э.
Махайский В.К.
Михайловский В.К.
Межлаук В.И.
Мельничанский Г.Н.
Менделеев Д.И.
Менжинский В.Р.
Меринг Ф.
Метерицкий
Микоян А.И.
Михайлов В.М.
Молотов В.М.
Монатт П.
Монмуссо Г.
Мороз Г.С.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Муссолини Б.
Мюллер Г.
Мякотин В. А.
Надь И.
Наполеон 1
Наполеон III см. Бонапарт Л.Н.
Нефель
Нечаев
Н.И.
Никон
Новиков
Орджоникидзе Г.К.
Осинский Н.
Паз М.
Пайпс Р.
Панцов А.В.
Парвус А.Л.
Пенькин
Пеньков М.А.
Пеньков Н.
Персель А.В.
Петров
Петровский Г.И.
Пилсудский Ю.
Платон

Плеханов Г.В.
Покровский М. Н.
Поляков
Преображенский Е.А.
Пушкин А.С.
Пятаков Г.Л.
Радек К.Б.
Радзинский Э.
Разгулина
Раковский Х.Г.
Рафес М.Г.
Росмер А.
Рубашкин
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Рязанов Д.Б.
Савельев М.А.
Салтыков-Щедрин М.Е.
Сандомирский
Сапронов Т.В.
Саркис С.А.
Сахновский Р.
Свердлов Я.М.
Севастьянов
Сект Г.
Семешкин
Серебряков Л.П.
Скворцов-Степанов И.И.
Слепков А.Н.
Смилга И.Т.
Смирнов В.М.
Смирнов И.Н.
Смирнов
Сокольников Г.Я.
Солнцев Э.
Сосновский Л. С.
Сталин И.В.
Станчев М.Г.
Стецкий А.И.
Стэн Я.Э.
Суварин Б.
Сунь Ятсен
Суслов
Танхилевич О.

Тельман Э.
Теплов
Ткачев П.Н.
Толстой Л.Н.
Томский М.П.
Трепов Ф.Ф.
Троцкий Л. Д.
Трубецкой Н.С.
Трэн А.
Тюрго А. Р.
Угланов Н.А.
Устрялов Н.В.
Федоров М.
Фельдман, братья
Фельштинский Ю.Г.
Фишер Р.
Флямер
Фома Аквинский
Фостер У.
Фриче В.М.
Фрумкин М.И.
Фрунзе М.В.
Халатов
Хомяков А.С.
Церетели И.Г.
Цеткин К.
Чайковский П.И.
Чан Кайши
Чемберлен О.
Чернов В.М.
Чернышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чичерин Г.В.
Чугреев
Шахматов М.М.
Шекспир У.
Шлюмер Г.
Шмераль Б.
Шмидт В.В.
Шмидт О.Ю.
Штейнберг
Штирнер М.
Шульгин В.В.
Эберт Ф.

Эльцин Б.М.
Эльцин В.Б.
Эльцина В.
Эмбер-Дро Ж.
Энгельс Ф.
Эпикур
Яглом Я.К.
Яковин В.
Яковлев Я.А.
Яковлев
Ярославский Е.М.
Яцек
Molotov V. V.-- см. Молотов В.М.

Pipes R.-- см. Пайпс Р.
Rodzinsky E.-- см. Радзинский Э.
Reiman M.-- см. Рейман М.
Stalin I. V.-- см. Сталин И. В.
У.

Указатель географических названий

Австрия
Азия Средняя
Алма-Ата
Америка см. США
Амстердам
Англия см. Великобритания
Артемовск
Астрахань
Атика
Афганистан
Афины
Бавария
Баку
Барнаул

Бельгия
Берлин
Болгария
Боливия
Брест-Литовск
Брянск
Великобритания
Вена
Венгрия
Волга
Воронеж
Германия
Греция Древняя
Грузия
Днепропетровск
Донбасс
Европа
Европа Западная
Европа Средняя
Екатеринослав см. Днепропетровск
Енакиево
Запорожье
Иваново-Вознесенск
Индия
Италия
Ишим
Каспийское море
Каширский уезд
Киев
Китай
Колумбус
Кострома
Красноярск
Кременчуг
Кудымкор
Кузбасс
Латвия
Ленинград
Минск
Минусинск
Москва
Нижний Новгород
Николаев
Обдорск

Одесса
Омск
Османская империя см. Турция
Парагвай
Париж
Персия
Петроград см. Ленинград
Польша
Прага
Приокский горный округ
Рим Древний
Ричмонд
Россия
Ростов
РСФСР см. Россия
Русь Древняя
Саксония
Саратов
Серпухов
Сибирь
Сормово
СССР
США
Тверь
Тифлис
Тобольский округ
Томск
Тула
Украина
Урал
Франция
Ханькоу
Харьков
Центрально-промышленный район
Чехословакия
Шахты
Швеция
Эстония
Япония

Содержание

- Предисловие 2
- Листовка "Позорная политика". 1 октября 13 И. Врачев. Письмо Радеку 17
- К товарищам группы "15". 12 октября 30
- И. Смилга. Платформа правого крыла ВКП(б).
(Н. Бухарин. "Заметки экономиста"). 23 октября 47
- Листовка "Ко всем членам московской организации
ВКП и рабочим Москвы". 24 октября 102
- Циркулярное письмо. [Октябрь] 105
- Циркулярное письмо. [Октябрь] 143
- Внимание к перевыборам завкомов. [Октябрь] 160
- О положении рабочих СССР в 1928 г. [Октябрь] 169
- Состояние денежного обращения и покупательной
силы денег к началу 1928/29 г. [Октябрь] 194
- Листовка "Ко всем членам партии". Октябрь 228
- Листовка "Ко всем членам партии-рабочим". Октябрь 235
- Листовка "Ко всем членам коморганизации". [Октябрь] 243
- О настроениях в парторганизациях в связи
с пленумом МК и МКК. [Октябрь] 253
- Л. Троцкий. Одиннадцатая годовщина Октября.
[Октябрь] 264
- Л. Троцкий. Кризис правоцентристского блока
и перспективы. [Конец октября] 276
- Л. Троцкий. О философских тенденциях бюрократизма.[Конец октября] 366
- Справка о деятельности бывшей троцкистской оппозиции по
Краснопресенскому району. 1 ноября 457
- Листовка "Ко всем рабочим, ко всем
членам партии". 7 ноября 467
- Письмо из Берлина. [Первая половина ноября] 476
- Листовка "К рабочим завода No 1 имени Авиахима".[Первая половина
ноября] 496
- Задачи колдоговорной кампании. [Первая
половина ноября] 501
- Справка о деятельности троцкистской оппозиции в празднование
Одиннадцатилетия Октябрьской революции. 12 ноября 541
- Октябрьская годовщина в Москве. Листовка.[После 12 ноября] 546
- Л. Троцкий. Что такое смычка? [Ноябрь] 552
- Из доклада Угланова на пленуме МК и МКК.[Конец ноября] 571
- Л. Троцкий. На злобы дня. [Декабрь] 574
- Л. Троцкий.. Пакт Келлога и борьба за мир. (Несколько бег-лых
замечаний) 600
- Приложение. Л. Троцкий. Новый курс 616
- Примечания 831

Указатель имен 910

Указатель географических названий 925

1 Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, Гранит, 1930, с. 313-314.

2 См., например: Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива:

К историософии сталинизма. М., "Вече", 2002.

1 Я печатаю основную часть этого документа как приложение к этой главе.

1В виду успешного хода ремонта задание повышается с октября на 28 %.

1 Само собой разумеется, что до окончательного установления гармонического социалистического хозяйства нам предстоит еще немало кризисов. Творческая задача состоит в том, чтобы свести это число к минимуму и сделать каждый кризис наименее болезненным.

Архив Л. Д. Троцкого.

Том 5

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
Email: Yuri.Felshinsky@verizon.net
Date: 29 Sep 2005

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский
Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского
и Г.И.Чернявского

Предисловие

Предлагаемый пятый том девятитомного "Архива Троцкого" открывается единственным документом 1929 года, написанным Троцким еще на территории СССР, - его письмом в Институт В.И.Ленина с требованием предоставить ему фотокопии документов Ленина, подлинники которых он передал в этот институт. Разумеется, никаких копий он не получил, как, видимо, и ответа от этого учреждения, полностью зажатого в сталинский кулак и внесшего немалый вклад в фальсификацию российской истории XIX-XX веков.

Несколько последующих документов, в том числе набросок его издательской программы, написанный сразу после прибытия в Турцию в феврале 1929 г., свидетельствуют о том, что Троцкий намеревался активно использовать новейшую историю в ходе своей политической борьбы. Действительно, появившаяся через несколько лет его книга "Сталинская школа фальсификации"¹ содержала несколько важных документов, обозначенных в издательской программе, которые позволяли создать более сбалансированное представление по важнейшим вопросам недавнего прошлого, в основном о политике большевистского руководства в 1917 г., о разногласиях Ленина с Каменевым, Сталиным и другими "внутренними" руководителями после возвращения большевистского руководителя из эмиграции, о высокой оценке Лениным Троцкого и т. д.

Однако основная масса публикуемой документации связана с текущей политической борьбой, которую Троцкий развернул непосредственно после высылки из СССР, и его литературной деятельностью.

В предлагаемый том вошли статьи, заявления, интервью. Но особенно широко представлена переписка лидера коммунистической оппозиции с его сторонниками в различных странах, прежде всего во Франции, в Германии, Австрии, а также с другими лицами, с которыми он активно сотрудничал. Среди последних выделяется американец Макс Истмен, являвшийся литературным агентом и переводчиком Троцкого в США. Переписка свидетельствует о том, что Троцкий стремился наладить связи и с другими странами - встречаются письма в Чехословакию, Польшу, Болгарию. Одно письмо было даже послано в далекую Аргентину. Помимо писем самого Троцкого, в том вошли несколько писем других лиц - сына Троцкого Л.Л.Седова, малограмотного и умственно нестабильного большевистского фанатика Г.И.Мясникова (его переписка с Троцким достаточно курьезна и свидетельствует, что "пророк в изгнании", вопреки обычаю, проявлял подчас завидное терпение). В одном из писем Троцкого имеется приписка его жены Н.И.Седовой.

Несколько документов связано с перспективами переезда Троцкого в Германию, Великобританию или Чехословакию. Совершенно очевидно, что пребывание в Турции его крайне тяготило, он стремился оказаться в одной из развитых европейских стран, находиться как можно ближе к центрам политических событий, но вынужден был пребывать в Турции, ибо, говоря более

близким к нашему времени языком, оставался "невъездным": ни одно из правительств стран Европы не давало ему разрешения даже на краткий приезд для лечения.

Публикуемые материалы отражают работу Троцкого над его книгами, его взаимоотношения с издательствами Германии, Франции, США и других стран, в частности конфликт с немецким издателем Г.Шуманом. Последний, заключая договор с Троцким, скрыл от него, что выпустил перед этим воспоминания А.Ф.Керенского со сведениями, компрометирующими В.И. Ленина и партию большевиков в целом в связи с использованием последними тайных германских субсидий. Троцкий негодовал, он обвинил Шумана в клевете, по всей видимости, лицемерно². Троцкий судился с ним, будучи уверенным (по крайней мере, так он утверждал), что Шуман получает средства на тяжбу от Сталина.

Немало внимания в бумагах уделяется гонорарным и другим финансовым делам, причем, как видно из текстов, доходы от изданий в основном предназначались на нужды пропагандистской и организационной деятельности сторонников Троцкого. Из переписки видно, что Троцкий внимательно следил за качеством переводимых работ, был особенно требовательным и придирчивым к передаче марксистской терминологии на разных языках.

Фиксируются отдельные стадии работы над книгами, которые Троцкий начал писать в эмиграции. Устанавливается, например, что в конце мая 1929 г. он начал параллельную работу над историей революции 1917 г. и книгой о Ленине - первая была сделана быстро³, вторая так и не была написана, хотя уже в 1929 г. Троцкий представлял себе ее состоящей из четырех частей: биография, характеристика, воспоминания, переписка.

Из публикуемой документации видно, что в 1929-1930 гг. Троцкий уделял основное внимание оценке ситуации в СССР, международным отношениям и мировому революционному движению, сплочению своих сторонников в различных странах, причем эти задачи он пытался решать в единстве, хотя в ответах, которые давал на возникавшие вопросы, таились глубокие внутренние противоречия.

В принципе Троцкий продолжал полностью поддерживать диктаторский режим в СССР. "Фетишизм демократических форм нам, разумеется, чужд", - писал он своей стороннице Р.Т.Адлер 27 февраля 1929 г., через две недели после насильственной доставки в Турцию. Охрана диктатуры выше всех других соображений, вздыхать о демократии - это фантастика, - такие и подобные мысли изобилуют в публикуемой публицистике и корреспонденции.

Оценивая путь, пройденный Россией (СССР) с 1917 года, лидер коммунистической оппозиции выделял в нем два этапа, полагая, что рубежом между ними были болезнь и смерть В.И.Ленина. Политику властей на первом этапе он в основном одобрял (возражения касались второстепенных вопросов, по которым он еще в те годы высказывал особое мнение), считая, что на втором, этапе начал устанавливаться режим "бюрократического централизма", воплощением которого постепенно становился И.В.Сталин.

Для того чтобы совместить с этим свою концепцию сохранения в СССР "диктатуры пролетариата", а не над пролетариатом и другими слоями населения, он уже в начале 1929 г. придумал схему "двоевластия" в СССР, ибо, по его мнению, "химически чистой диктатура могла бы быть только в безвоздушном пространстве". Курс на "социализм в одной стране" Троцкий с первых месяцев пребывания в Турции осуждал и оценивал как выражение "национального социализма".

Политику большевистского руководства в 1929-1930 гг. Л.Д. Троцкий продолжал определять как "центризм", имея в виду якобы наличествовавшие колебания Сталина и его сторонников между социал-демократией и коммунизмом. Такая дефиниция была дана объединенной оппозицией в 1926-1927 гг., и Троцкий все еще придерживался ее, несмотря на чрезвычайные меры в области сельского хозяйства, введенные в 1928 г. и подрывавшие нэп, несмотря на все более учащавшиеся нападки Сталина на Н.И.Бухарина и А.И.Рыкова как "правых", а

затем открытую кампанию против них и смещение их с руководящих постов за "правый уклон". Действия Сталина в 1930 г. - начавшаяся насильственная сплошная коллективизация сельского хозяйства и отказ от нэпа - квалифицировались, вопреки фактам и в угоду упорно сохранявшейся схеме, лишь как "левый зигзаг" "центристов".

Далеко не адекватно воспринималась внутренняя ситуация в СССР, соотношение классовых сил в заявлениях о том, что происходит рост "политической самоуверенности буржуазных слоев".

Футурология - вообще весьма ненадежная отрасль, граничащая с хиромантией. Что же касается конкретных политических прогнозов, то они в переломные периоды подтверждаются крайне редко и скорее в результате "случайной выборки" судьбы, а не доказанной логической раскладки. Троцкий высказывал весьма самоуверенные предположения о развитии событий на "Олимпе власти" в СССР, но, как правило, они были противоположны тому, что происходило в действительности, или, по крайней мере, не совпадали с ней. Достаточно упомянуть лишь его письмо единомышленникам в СССР (октябрь 1929 г., то есть перед самым началом сталинской "революции сверху"), чтобы в этом убедиться. Здесь он выражал уверенность, что "при первом же серьезном напоре термидорианской массовой стихии" "правые опрокинут сталинцев", что "кризис будет направлен против сталинского режима" и т. п. Эти прогнозы скорее отражали не анализ тенденций развития СССР, а образ мыслей самого Троцкого.

В то же время, предсказывая в 1929 г. новые зигзаги сталинской группы, Троцкий был прав в том отношении, что сами зигзаги были неизбежными, что никакие "принципы" не могли определять курс беспринципного Сталина, готового брататься с любым дьяволом, лишь бы ему это было лично выгодно, главным образом в смысле упрочения личной власти и устранения возможных соперников.

Лидер оппозиции весьма остро критиковал сталинскую "революцию сверху" и в связи с этим выдвигал основные требования оппозиции, наиболее четко в это время сформулированные в "Письме друзьям в СССР", написанном перед XVI съездом ВКП(б) (июнь-июль 1930 г.). Невозможно установить, достигло ли это письмо адресатов (в документации ссыльных оппозиционеров оно не упоминается), но, судя по заявлениям Х.Г. Раковского, Л.С. Сосновского и других не раскаявшихся сторонников Троцкого, документы, излагавшие позицию их лидера, до них все еще доходили.

Троцкий требовал "отступления с позиций авантюризма", в частности приостановления его проявлений - коллективизации и раскулачивания, "призовых скачек индустриализации", считал необходимым перераспределение средств в пользу улучшения положения трудящихся, жесткой финансовой дисциплины, получения зарубежных кредитов под заказы на сельскохозяйственное оборудование и т. д. Как видно, "левыми" (по сравнению с установками Сталина) эти требования назвать было никак нельзя. Схематические представления о "правых", "левых", "центре" все более проявляли себя как неспособные дать реальное описание происшедших социально-политических событий, оставаясь лишь формальными этикетками.

Наибольшую лояльность в отношении советских властей Троцкий проявлял в области внешней политики, прежде всего в связи с советско-китайским конфликтом 1929 г. в Маньчжурии, на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Он полностью поддержал сталинский курс на сохранение КВЖД в руках СССР любой ценой, хотя и обоснованно предположил, вопреки раздуваемой военной тревогой, что конфликт не может привести к войне, так как советское правительство, мол, не хочет, а китайское неспособно ее вести. Автор, однако, не фиксировал внимания на том, что глава правительства Китая Чан Кайши также ни в коем случае не собирался воевать против СССР, так что различие в акцентах, сделанное Троцким, обосновано не было.

Советскую компартию Троцкий продолжал еще считать "пролетарским авангардом", хотя за этой штампованной оценкой скрывалось глубокое разочарование в "руководящей политической силе" СССР. Но лишь три раза - в

письме И. Фрею, в ответах оппозиционерам в СССР и письме своим сторонникам в Болгарии - он сдержанно признал, что ВКП(б) "в нынешнем ее виде не есть партия в подлинном смысле слова". Однако в первом из этих документов он вновь, как бы оборвав себя, добавил, что партия включает в себя авангард пролетариата. Лишь к концу 1930 г. в письме болгарам в двойственной оценке ВКП(б) - "добровольный отбор пролетарского авангарда" и часть государственной машины - автор склонился, наконец, к тому, что второй, негативный момент решительно преобладает, что "основные функции партии - коллективная выработка взглядов и решений, свободный выбор должностных лиц и контроль над ними - окончательно ликвидированы". Можно полагать, что Троцкий не был вполне искренним в заявлениях, что ранее большевистская партия являлась партией в общепринятом смысле слова: кому как не ему было знать, как Ленин выкручивал руки другим деятелям, чтобы добиться угодных ему решений, и как этому примеру следовали на всех нижестоящих уровнях. В то же время выражение "окончательно ликвидированы" можно рассматривать как одну из первых предпосылок на пути к курсу создания параллельных компартий и нового Интернационала.

Троцкий отлично понимал, какую функцию несет культ личности Ленина на грани 20-30-х годов, осознавал, что этот культ является подсобным инструментом для оправдания и обоснования курса "социализма в одной стране", которому Ленин по крайней мере до окончания гражданской войны, был явно враждебен. "Эпигоны порезали его книги на цитаты и этим оружием стали бороться против живого Ленина, воздвигая ему погребальные мавзолеи не только на Красной площади, но и в сознании партии".

В документах встречаются образные и точные оценки деятелей ВКП(б), на которые Троцкий был мастером. В них сочетались его публицистическая острота и гнев первостепенного политика, отторгнутого, а затем изгнанного Сталиным вкупе с угодными ему лакеями весьма посредственных способностей. В.М.Молотову он, например, с полным основанием характеризовал как "наиболее законченное воплощение той бюрократии, которая [...] глубоко убеждена, что все вопросы решаются финансовыми и административными мерами". Троцкий был беспощаден к своим прежним союзникам по объединенной оппозиции, особенно к Г.Е. Зиновьеву, упрекал его и подобных ему в клевете, фальсификациях, подделке цитат, моральном цинизме, оговариваясь при этом, что нелояльность не есть монополия Сталина. В связи с этим, впрочем, встает вопрос и о моральных основаниях самого блока Троцкого с Зиновьевым (1926-1927 гг.) - человеком, по поводу которого до нынешнего дня в публицистике и воспоминаниях лиц самых различных направлений не было произнесено почти ни одного доброго слова.

Некоторые материалы рисуют ситуацию в сфере дезинтегрированной и по существу дела разгромленной сталинистами коммунистической оппозиции в СССР. Среди той части оппозиционеров, которые не поддавались капитулянтским настроениям и в то же время требовали возвращения их в партию, вроде бы делающую "заимствования" из платформы оппозиции, Троцкий с полным основанием выделял Х.Г. Раковского. В то же время, если первоначально в отношении перспектив оппозиции сохранялся оптимизм (необоснованный с самого начала), то к лету 1930 г. он почти полностью истощился. Троцкий вынужден был признать, что кадры оппозиции "размагничиваются [и] выдыхаются".

Много внимания в публикуемой документации уделено международным сюжетам, главным образом в связи со стремлением Л.Д. Троцкого сплотить своих сторонников в различных странах и превратить коммунистическую оппозицию во влиятельную интернациональную силу. В эти годы лишь шла подготовка к разрыву с Коммунистическим Интернационалом и входившими в него партиями, непосредственной задачи создания параллельных компартий и нового Интернационала Троцкий еще не выдвигал. Не случайно он уклонился от ответа на вопрос социал-демократической печати, не может ли Коминтерн превратиться в орудие национальной политики СССР - отрицать, что это есть очевидный,

свершившийся факт он не мог, а согласиться с утверждением означало почти поставить крест на возможности реформировать Коминтерн по собственной схеме.

Мог ли надеяться Троцкий на такую трансформацию? Ретроспективно ясно, что его курс был заранее обречен на неудачу. Но думается, что на рубеже 20-30-х годов, в условиях "великой экономической депрессии" и обострения социальных противоречий он всерьез рассчитывал на позитивные, с его точки зрения, сдвиги в мировой коммунистической организации.

Но Троцкий недооценивал значение финансовых субсидий партиям Коминтерна со стороны советских руководителей, преувеличивал революционность и самоотверженность коммунистов разных стран. Руководитель оппозиции полагал, без должных к тому оснований, что сплочение и расширение коммунистической оппозиции в отдельных странах и в международном масштабе обусловит изменение курса Коминтерна и отдельных компартий в соответствии с его схемами. "С конца 1923 года Интернационал жил и живет под дулом револьвера, на рукоятке которого была сперва рука Зиновьева, затем Сталина. Все обязаны были мыслить, говорить и особенно голосовать 'монолитно'. Это умерщвление идейной жизни жестоко отомстило за себя ростом фракций и группировок", - констатировал Троцкий. И тем не менее он предостерегал против того, чтобы "законное возмущение негодным руководством не приводило [...] к разочарованию в коммунизме [...]" (Декларация для газеты "Верите", август 1929 г.).

В основу сплочения коммунистической оппозиции и эвентуального "возрождения" интегрированного коммунистического движения Троцкий стремился поставить свою теорию "перманентной революции", полагая, что в том понимании, которое он теперь в нее вкладывал, эта теория совпадает с сущностью ленинизма.

Сам ленинизм он в этом случае рассматривал как некую застывшую данность. Но на самом деле прагматик Ленин просто не в состоянии был придерживаться неизменных взглядов, постоянно приспособлял их к менявшейся обстановке, и в этом смысле ленинизма как единой системы воззрений просто не существовало. Теория "перманентной революции" же, действительно, совпадала в основном с позицией Ленина в 1917-1920 гг., но не в следующие годы.

Теперь же, через десять лет, Троцкий внес и в свою теорию существенные коррективы. Он более не рассматривал европейскую революцию как стоящую на повестке дня в ближайшей перспективе, считал, что "диктатура пролетариата" может продержаться в СССР длительное время изолированно, хотя, конечно, только при "правильной политике", что в СССР можно строить социализм, однако построить его до победы революции в международном масштабе невозможно.

На базе теории "перманентной революции" и конкретной оценки ряда вопросов, которые он считал уже разрешенными (классовый характер СССР, отказ от создания параллельных компартий и др.) Троцкий прилагал максимум усилий к стабилизации, сплочению, расширению оппозиционных коммунистических групп в разных странах. В это годы тон его полемики был в основном спокойным, подчас чувствовалась обычно не свойственная ему сдержанность, он добивался отказа от личных нападок и сам стремился, далеко не всегда успешно, воздерживаться от таковых.

Правда, лишь немногие оппозиционные коммунистические деятели удостоиваются его положительной оценки. Французский деятель Борис Суварин был первым из оппозиционеров, с которым Троцкий решительно порвал, объявив, что его деятельность целиком направлена против идей Маркса и Энгельса. Во второй половине 1929 г. одновременно последовали конфликты с германским Ленинбундом (Ленинским союзом) и его лидером Гуго Урбансом и несколькими австрийскими коммунистическими группами. Вслед за этим начались нападки на другого француза Мориса Паза. Надо отметить, что оппоненты отвечали еще резче, подчас используя совершенно недостойные методы полемики.

Особое внимание Троцкий уделял печатной пропаганде своих позиций, созданию и функционированию газет и журналов коммунистической оппозиции в

разных странах. Он написал обширную декларацию для французской газеты "Верите" ("Правда"), которая важна для уяснения его политических взглядов (декларация публикуется в данном томе).

Вначале большие надежды возлагались на коммунистическую оппозицию в Германии и Франции. Троцкий стремился поставить под свой контроль сравнительно крупный Ленинбунд. В нескольких письмах Правлению этой организации подвергались критике ультрарадикальные взгляды ее лидера Урбанса, полагавшего, что Троцкий не идет "достаточно далеко" в критике сталинского режима, не решается на окончательный с ним разрыв, имея в виду, что в СССР уже произошел "термидорианский переворот". Троцкий пытался добиться отстранения Урбанса от руководства, а когда из этого ничего не вышло, стал стимулировать раскол в Ленинбунде, что вело ко все большей дробности и аморфности коммунистического движения в Германии, где все большую силу набирал нацизм.

Троцкий вынужден был считаться с крайней нестабильностью групп своих сторонников, особенно в Германии, конфликтами между ними и внутри этих групп. Первоначальный оптимизм постепенно и в этом отношении сменялся чувством разочарования. "При продолжении этих нравов оппозиция себя навсегда осрамит в глазах немецких рабочих", - писал он в феврале 1930 г. по поводу склок в Ленинбунде. А через две недели он раздраженно сетовал, что объединение оппозиции Ленинбунда с так называемой Веддингской группой (другой оппозиционной ячейкой, оплот которой был в рабочем районе Берлина Веддинг) осложняется тем, что "разодравшиеся интеллигенты возглавляют теперь обе группы".

В конце марта 1930 г. произошло, наконец, объединение части Ленинбунда с Веддингской группой. На объединительную конференцию в Берлин Троцкий послал "тяжелую артиллерию" - своих доверенных представителей француза Пьера Навилля и американца Макса Шахтмана. Но последние информировали его, что личные склоки продолжают продолжаться. "Мне иногда приходит в голову, - писал Троцкий, - нет ли в среде оппозиции лиц, специально подосланных сталинской бюрократией для внесения разложения".

Это предположение имело все основания, но тайные агенты советских спецслужб, проникшие в среду немецких "троцкистов", - братья Соболевичусы (они действовали под псевдонимами Р. Вель и А. Сенин), - настолько втерлись в доверие к Троцкому, что он мог заподозрить в провокаторстве кого угодно, но только не этих лиц.

Действительно, относясь с подозрением ко многим своим сторонникам, позиции которых хотя бы в чем-то расходились с его собственными, Троцкий подчас совершенно не мог разобраться в качествах тех, кто имитировал полную ему верность, и относился с доверием к тем, кто отнюдь не заслуживал этого с точки зрения его принципов. Троцкого не раз предупреждали о весьма подозрительном поведении Веля, о грязных махинациях француза Р. Молинье, но все эти предостережения пока оставались втуне.

С начала 1930 г. значительные усилия Троцкий направлял на создание некоего подобия международного объединения своих сторонников, в то же время не уставая повторять, что речь не идет об организации нового Интернационала. Позиции оппозиционного лидера были весьма противоречивыми, ибо, отвергая курс на организационный разрыв с Коминтерном, он требовал, чтобы международное объединение его сторонников приняло обязательную для всех "секций" платформу, установило единую дисциплину, в частности в признании его "основополагающих установок".

Более того, считая недопустимым образование параллельных компартий, он вдруг уже в 1929 г. высказал предположение, что Коммунистическая лига США имеет основания развернуться в самостоятельную партию, имея в виду, видимо, как крайнюю слабость официальной компартии США и внутренние раздоры в ней, так и высокую активность своих сторонников в заокеанской стране.

Ряд документов связан с подготовкой, проведением и последствиями

конференции европейских оппозиционных организаций, состоявшейся в Париже в начале апреля 1930 г. Особое внимание проведению европейской конференции было связано с тем, что Европа рассматривалась как континент, события в странах которого определяли политические и организационные перспективы его движения. Летом 1929 г. Троцкий впервые отметил опасность нацизма (или фашизма, согласно коммунистической терминологии).

Оптимизм в отношении перспектив развития коммунистической оппозиции в международном масштабе, как видно из публикуемых документов, продолжал преобладать. Хотя в то же время Троцкий признавал, что образованные на конференции в Париже Интернациональное бюро и Интернациональный секретариат реально не функционируют, что объединение фактически не произошло. Об этом, в частности, свидетельствуют письма М. Миллю, к которому оппозиционный руководитель первоначально проявлял доверие как к техническому руководителю Интернационального секретариата в Париже.

В публикуемой документации нашли выражение и многие другие аспекты социально-политического и социокультурного развития на рубеже 20-30-х годов, а также событий недавнего прошлого. Читатель с интересом познакомится с оценками, которые Троцкий давал М.Горькому как общественному деятелю. Эти оценки содержались в письме американскому ученому российского происхождения А.Д.Кауну, который как раз в это время работал над книгой о Горьком⁴. Некоторые из оценок Троцкого в данном случае весьма любопытно корреспондируют с оценками писателя в современном исследовании о нем⁵.

Л.Д.Троцкий как политический деятель и публицист был порождением своего времени, своей среды, определенных политических взглядов, что обусловило специфический образ мыслей и действий, ту ментальность, которая находит экспрессивное выражение почти во всех материалах, публикуемых в томе. Читатель может убедиться, в частности на примере его предположительной полемики с итальянским политическим деятелем К.Сфорца (о ней можно узнать из письма одному из итальянских сторонников в ноябре 1930 г.), что Троцкий отнюдь не чуждался грязных методов дискуссии и не стеснялся их. Производит впечатление также, в каком глубоком противоречии находились сравнительная широта и раскованность анализа (конечно, лишь в рамках марксистской парадигмы, как ее понимал Троцкий) и крайней догматикой в организационных вопросах, в общении со сторонниками. Чего стоит, например, выражение "С оппозиционным приветом...", которое можно встретить в конце нескольких писем (современные последователи Троцкого ввели новую формулу "С троцкистским приветом...").

Мы выражаем надежду, что документы и материалы, публикуемые в данном томе, позволят расширить представление о деятельности Л.Д. Троцкого и о коммунистической оппозиции в целом на рубеже 20-30-х годов нашего века, что этот комплекс будет полезен и для анализа более широкого круга проблем современной истории.

Документы публикуются в соответствии с теми археографическими принципами, которые были сформулированы во вступительной статье, опубликованной в первом томе данного издания.

Подлинники большинства документов находятся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США). Некоторые документы заимствованы из других архивных фондов - Коллекции Б.И.Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США), Документов Троцкого - Истмена в Библиотеке Лилли Индианского университета (Блумингтон, США), Международного института социальной истории (Амстердам). Во всех этих случаях в примечаниях даны соответствующие указания. Мы выражаем благодарность администрациям Хогтонской библиотеки и других названных выше архивов за разрешение на публикацию документов.

Наряду с Ю.Г.Фельштинским и Г.И.Чернявским в работе над томом, в частности над комментариями, связанными с событиями в Китае, участвовал

доктор исторических наук А.В.Панцов (Колумбус, США).

Примечания

1 Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. - Берлин, 1932.

2 Троцкий мог быть не в курсе финансовой помощи большевикам со стороны Германии до Октябрьского переворота 1917 г., но, будучи после переворота одним из высших сановников нового режима, он просто не мог не знать, что немецкие денежные средства продолжали поступать еще в течение нескольких месяцев (см.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. - М., 1995, - С. 233-411; Чернявский Г.И. Немецкие деньги Ленина. - В кн.: Чернявский Г.И. Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. - Харьков, 2003. - С. 24-36).

3 Первое издание появилось уже в 1931-1933 гг.: Троцкий Л. История русской революции. - Берлин, 1931-1932 гг. - 2 тт. (т. 2 в двух частях).

4 Kaun A. Maxim Gorky and His Russia. - New York, 1931; см. также: Kaun A.S. Maxim Gorky and His Russia. - New York 1968.

5 Ваксберг А. Гибель Буревестника: М. Горький. Последние двадцать лет. - М., 1999.

1929

В Институт Ленина¹

Все письма, телеграммы, записки Вл.И.[Ленина] мною были своевременно сданы Институту под обязательство последнего выдать мне фотографические копии. Между тем я получил только небольшую часть копий, очень к тому же несовершенных. Надеюсь, что Институт выполнит незамедлительно свое обязательство.

[Л.Д.Троцкий]

31 января 1929 г.

[Из письма Р.Т. Адлер]

Копия

p. R.T.Adler² un fragment de lettre³

Из письма. 27/2/29

[...]Насчет открытого голосования у меня, помнится, ясно сказано было в письме: сперва применить в партии, затем в профсоюзах, и в зависимости от результата -- в советах. Открытое голосование было введено, чтобы давлением общественного мнения рабочих, прежде всего их авангарда, держать в узде врагов. Но сейчас аппарат направил это орудие против партийной массы, а в профсоюзах -- против рабочей массы вообще. До чего дошло дело, ясно видно из того, что в целом ряде губерний партийная масса в течение года, двух и трех знала, что во главе губкома и исполкома стоят проходимцы, казнокрады,

завтрашние предатели, знала и -- молчала. В этих условиях тайное голосование есть первое условие для восстановления партийной демократии. В профессиональных союзах надо начать проверку с чисто индустриальных союзов, с важнейших политических центров, с наиболее воспитанных политически частей пролетариата и продвигаться дальше по концентрическим кругам. Еще осторожнее нужно быть в отношении советов. Здесь я бы мог высказаться категорически, только проделав предварительно опыт в партии и в пролетарских (а не в чиновничьих) профсоюзах. Разумеется, и в случае благоприятных показаний опыта в профсоюзах, тайное голосование при советских выборах можно было бы, для опыта, применить сперва лишь частично, отнюдь не обязываясь дать ему всеобщее применение при всех условиях. Фетишизм демократических форм нам, разумеется, чужд. Охрана диктатуры стоит выше всех других соображений. Но опасность диктатуры грозит с двух концов: извне -- открытая контрреволюция (эсеровщина, меньшевизм, антисемитизм и пр.) и изнутри аппарата -- ползучее термидорианство. Пользуясь идеями и методами диктатуры, аппарат терроризирует живого носителя диктатуры, пролетарский авангард. При первом серьезном оживлении в массах проверка, чистка, обновление аппарата и подчинение его партии станет первейшей задачей. Тайное голосование может оказаться единственным подступом к этой задаче. [...]

[Л.Д.Троцкий]

ЧТО МЫ СОБИРАЕМСЯ ИЗДАТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ?4

Печать уже сообщила, что тов. Троцкий положил начало Фонду для издания работ Ленина и важных документов партии, опубликование которых в Советской республике запрещено сталинским аппаратом и карается как "контрреволюционное" преступление. Мы даем здесь перечень тех работ, которые будут опубликованы в первую очередь. Перечень этот ни в каком случае не претендует на полноту. Мы в ближайшее же время надеемся его дополнить.

1. "Протоколы Мартовского совещания 1917 года"5 партии большевиков. Эти протоколы представляют собой исторический документ неизмеримого значения. Они рисуют позицию Сталина, Молотова, Рыкова и других нынешних руководителей накануне приезда в Россию Ленина. Протоколы заключают в себе неизданную речь Ленина, произнесенную им в день приезда на последнем заседании совещания. В этой речи Ленин непримиримо противопоставляет себя совещанию, угрожая разрывом с его руководителями, т. е. со Сталиным, Рыковым, Каменевым и другими. Все те доводы, которые Сталин развивал на Мартовском совещании в защиту оппортунистической политики, он почти дословно повторил в 1923-[19]27 годах по отношению к германской революции6, Англо-русскому комитету и китайской революции. Отсюда ясно, какой огромный теоретический и политический интерес представляет этот документ из истории нашей партии.

2. "Протокол заседания Петроградского комитета 1 ноября 1917 года"7. Заседание это посвящено было вопросу о коалиции с меньшевиками и эсерами. На заседании выступали Ленин и Троцкий. Протоколы заключают в себе запись одной программной речи Ленина и двух принципиальных речей Троцкого. Именно в этой своей речи Ленин говорит о Троцком как о "лучшем большевике". Протокол этот был уже набран, но затем по распоряжению Сталина вырван из книги протоколов Петроградского комитета за 1917 год. Мы располагаем корректурными оттисками с пометками руководителей Истпарта и надеемся воспроизвести фотографический оттиск этого замечательного документа, злостно скрытого от Интернационала.

3. "Протоколы совещания военных делегатов VIII съезда РКП"8. Это совещание посвящено было обсуждению основных вопросов военной политики и строительства Красной армии. Противники линии Троцкого под закулисным руководством Сталина подвергали военное руководство жестокой критике. Троцкий находился на фронте. С решительной защитой военной политики Троцкого

выступил Ленин. Все это достаточно объясняет, почему протоколы этого исторического заседания скрываются от Интернационала, как и от ВКП.

4. Переписка Ленина с Троцким и другими военными работниками за время гражданской войны и после нее -- по вопросам хозяйства и проч.⁹ В то время как гласности предаются случайные и нередко лишенные политического значения записки или черновые заметки Ленина, его письма из эпохи гражданской войны тщательно скрываются от партии, так как по этим письмам можно безошибочно установить удельный вес и политическую роль многих нынешних руководителей. Число таких писем необозримо. Мы надеемся в ближайшее время опубликовать многие сотни писем, записок и телеграмм Ленина с необходимыми комментариями.

5. Письма Ленина по национальному вопросу, направленные против национальной политики Сталина¹⁰.

6. Письма Ленина по вопросам монополии внешней торговли, Госплана и проч.¹¹ Все эти письма либо прямо направлены против политики Сталина, либо подрывают в корне создаваемые им легенды насчет "троцкизма".

7. Речи и части речей делегатов XV съезда¹², исключенные сталинской цензурой из протоколов только потому, что эти речи сторонников большинства дают полное и убийственное для Сталина подтверждение правильности взглядов оппозиции в китайском и других вопросах.

8. Статьи и речи Сталина за время 1917-1923 годов¹³, запрещенные Сталиным после 1923 года.

Таковы намеченные первые выпуски этого издания. Они составят многие сотни страниц. Между тем это только начало. Мы надеемся получить от наших друзей из СССР дополнительные материалы, о которых в свое время сообщим. Издание будет выходить на русском и на главных мировых языках.

[Л.Троцкий]

[Февраль 1929 г.]

[Интервью социал-демократической печати]

Сообщаю вам на всякий случай свою беседу с представителем социал-демократической печати¹⁴.

Интервью, данное мною социал-демократической печати¹⁵

Интервью это не для печати; напечатать можно только в случае действительной необходимости¹⁶.

Неделю тому назад ко мне явился константинопольский представитель немецкой социал-демократической печати. Я ему дал приблизительно следующее интервью.

Вы понимаете сами, что факт моего интервью социал-демократической печати является довольно необычным для обеих сторон. Это первое и, пожалуй, последнее интервью, вызванное совершенно исключительными обстоятельствами. Так как я ходатайствую сейчас о допущении меня в Германию¹⁷, так как большинство немецкого правительства состоит из социал-демократов, то я прежде всего заинтересован в ясном определении своего отношения к социал-демократии. В этой области, разумеется, ничто не изменилось. Мое отношение к социал-демократии остается прежним. Более того, моя борьба с фракцией Сталина есть лишь отражение моей общей борьбы с социал-демократией. Неясность или недомолвки не нужны ни мне, ни вам.

Некоторые социал-демократические издания пытаются найти противоречие между моей принципиальной позицией в вопросах демократии и моим ходатайством о допущении меня в Германию, т. е. в демократическую республику. Здесь нет никакого противоречия. Мы вовсе не "отрицаем" демократию, как отрицают ее анархисты (на словах). Буржуазная демократия имеет преимущества по сравнению с предшествующими ей государственными формами. Но она не вечна. Она должна уступить свое место социалистическому обществу. Мостом к социалистическому обществу является диктатура пролетариата.

Коммунисты во всех капиталистических странах участвуют в парламентской борьбе. Использование права убежища принципиально ничем не отличается от использования избирательного права, свободы печати, свободы собраний и пр.

Вы интересуетесь вопросом о моей борьбе за демократию в партии, в профсоюзах и в Советах. Социал-демократические издания пытаются иногда увидеть в этом шаг с моей стороны в сторону буржуазной демократии. Это великое недоразумение, которое нетрудно вскрыть. Нынешняя социал-демократическая формула гласит: "Сталин прав против Троцкого, Рыков прав против Сталина". Социал-демократия стоит за восстановление капитализма в России. Но на этот путь можно свернуть, только оттирая пролетарский авангард на задний план, подавляя его самостоятельность и критику. Режим Сталина является необходимым результатом его политической линии. Поскольку социал-демократия одобряет экономическую политику Сталина, она должна будет примириться и с его политическими методами. Недостойно марксиста говорить о демократии "вообще". Демократия имеет классовое содержание. Если нужна политика, направленная на восстановление буржуазного режима, то она несовместима с демократией пролетариата как господствующего класса.

Действительный переход к капитализму мог бы быть обеспечен только диктаторской властью. Смешно требовать восстановления капитализма в России и вздыхать о демократии. Это фантастика.

Вы спрашиваете, как я смотрю на то, что в капиталистических странах центральные комитеты компартий вводят режим диктатуры, подавляя самостоятельность партии. Да, я не раз выступал против этого. Но надо ясно понять, что ни капиталистические партии, ни социал-демократия не призваны обвинять руководство компартий в самоуправстве. Ибо на таком режиме основаны не только все буржуазные партии (взгляните на Америку), но и социал-демократия. Все вопросы решаются узким кругом лиц на верхушке. Масса обо всем узнает постфактум. Ей дают покритиковать и побрюзжать, но и только.

Вы спрашиваете, не может ли Коминтерн превратиться в орудие национальной политики Советского Союза. Вопрос неправильно поставлен. Если бы в ВКП окончательно победила национально-реформистская линия, основанная на теории социализма в отдельной стране, это привело бы неизбежно к росту национал-реформизма во всех секциях Коминтерна, которые превратились бы в этом случае по примеру социал-демократии в орудие национальной политики своей страны. Это означало бы гибель Коминтерна. Вот почему оппозиция ведет борьбу против ревизии марксизма в основном вопросе об интернациональном характере пролетарской революции.

Таково в основных чертах содержание данного мною интервью. По моему требованию корреспондент представил мне это интервью в письменном виде. Кроме двух пунктов, он изложил мои взгляды более или менее правильно, хотя и в несколько смягченном виде. Я потребовал устранения двух абзацев (о режиме внутри западных компартий и о взаимоотношении между Коминтерном и Советским государством), так как изложены они были неточно. Корреспондент обещал устранить эти два пункта.

Л.Троцкий
24 марта 1929 г.

[Письмо Р.Т. Адлер]

p. Adler 10-11 avril 18 1929

Посылаю вам, для вашего и других товарищей сведения, следующую выдержку из моего письма к одному товарищу в Париж:

"Несколько слов об иностранных делах. Я по-прежнему мало ориентирован, так как занимаюсь другими делами, и это еще продлится явно неделю. Во всяком случае, в отношении Франции мне ясно одно. Основной группой является и остается группа "против течения". Между этой группой и группой пролетарской

революции нужно установить тесные связи и по возможности правильное разделение труда. Разумеется, это не исключает товарищеской критики. Сотрудничество ни в коем случае не должно основываться на замазывании или смягчении серьезных принципиальных разногласий. Но оценивать эти разногласия надо под аспектом длительного сотрудничества, вплоть до победы рабочего класса и далее.

О сотрудничестве с группой Суварина в теперешнем ее виде не может быть и речи. Здесь необходимо ясное идейное размежевание и спокойная, но твердая полемика. Вернется ли в результате такой политики и новых политических уроков Суварин на нашу позицию, этого я не знаю. Мы должны ему всячески это облегчить. Если бы этого не случилось (а этого было бы жаль, потому что он человек очень ценный), тогда нам оставалось бы отвоевать у него лучших из его сторонников.

Что касается Трэна, то я пока что не вижу принципиальных мотивов, которые делали бы невозможным сотрудничество с ним. Трэн доказал, что он не карьерист, а честный революционер, так как он перешел в оппозицию в период ее разгрома и не отошел от нее вместе с Сюзанн Жюро. Трэн энергичен и стремится выйти из комнаты на улицу, чего не хватает многим из наших единомышленников. Указания на то, что Трэн импульсивен, мечется из одной крайности в другую и проч., по-видимому, совершенно верны. Но ведь речь идет не о том, чтобы сделать Трэна единоличным руководителем оппозиции, а о том, чтобы привлечь его к работе и испытать на деле. Если этого нельзя еще сделать в национальных рамках, то можно и должно привлечь его к сотрудничеству на интернациональной основе. Опасения, что мы таким путем поднимаем его авторитет, в корне неправильны и отдают кружковым сектантством. Если Трэн, повысив свой авторитет, пойдет с нами в ногу, то дело будет только в выигрыше. Если же он, вступив с нами в сотрудничество, скомпрометирует себя, то он перестанет существовать политически, а лучшие из его сторонников перейдут к нам. Нет ничего хуже застоя в отношениях между близкими группами и кружками. Такого рода секты могут загнивать в течение долгого ряда лет. Нужно движение. Нужно выбивать кружки из состояния покоя. Нужно не давать слагаться групповому консерватизму, особенно опасному во Франции. Нужно подготовить смелыми шагами перегруппировку сил на новой, более широкой основе".

Я думаю, что все, сказанное в этих строках, целиком относится и к Австрии. Никто ясно и точно не указывает, в чем состоят принципиальные разногласия с Фрейем¹⁹, и действительно ли эти разногласия непримиримы. Все признают, что с Фрейем связана сотня хороших рабочих. По нынешним временам это очень большое число. Как же можно отталкивать такую группу, не попытавшись с ней сработаться? Поскольку дело касается тех или других личных черт Фрейя, я могу только повторить то, что выше сказано о Трэне. В свое время некоторые товарищи считали недопустимым блок с Зиновьевым. Между тем от этого блока мы оказались только в выигрыше, Зиновьев же политически ликвидирован. В блоках выигрывают всегда более последовательные, более принципиальные и более сильные из участников. Если бы Фрей на втором или третьем этапе сотрудничества нашел нужным порвать с нами, то лучшая часть его сторонников не пошла бы за ним, как лучшие рабочие-зиновьевцы остались с нами.

Я вполне понимаю, что сегодня сотрудничество с Фрейем на австрийской почве для "Манруфа"²⁰ может являться невозможным. Нельзя форсировать объединение одними лишь организационными мерами, тем более извне. Я считаю с расколом, как с фактом. Но на интернациональной основе было бы в корне неправильно отталкивать группу Фрейя -- при отсутствии для этого принципиальных оснований.

Верно ли, что И.Штрассе²¹ тяготеет к правой оппозиции? Это было бы жалко, так как с правыми у нас будет жестокая борьба.

Мы все еще на бивуачном положении. Ответа от немецкого правительства

нет²².

Только что получил ваше письмо от 6 апреля. Немецкий перевод получил, спасибо. Что касается Ф.23, то, разумеется, деньги на дорогу я вышлю, как только разрешится вопрос о дальнейшем моем местожительстве. Письмо о группировках можно напечатать. Принимаю к сведению ваше сообщение о слабости ваших технических средств. Разумеется, группе придется делать лишь то, что ей по силам.

Вопрос о популярных брошюрах и вообще актуальных работах встанет только после решения вопроса о нашем переселении в Европу. Ближайший период я хочу целиком посвятить изданию своих больших книг, в первую очередь - автобиографии²⁴, которую я пишу так, чтобы она принесла нам пользу и в политическом отношении.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А. Мюллеру]

14 апреля 1929 г.

Уважаемый товарищ Мюллер²⁵,

Пишу вам всего несколько строк по чисто деловому вопросу. Мне пишут из Франции, что какое-то немецкое издательство продает французскому издательству право на издание моей "Критики программы"²⁶. Неужели это издательство Ляуба²⁷? Я никак не могу этого допустить. Французское издательство Ридер²⁸ выпускает четыре моих книги, в том числе "Критику программы" (вместе с другими работами о Коминтерне). Я даю Ридеру точно просмотренный и дополненный текст с примечаниями и предисловием. Не может быть и речи о перепродаже немецким издательством права французскому издательству. Если это Лауб (чего я не думаю), то он должен вполне удовлетвориться тем, что автор не предъявляет и не собирается предъявлять никаких претензий на гонорар за эту книгу. Было бы чудовищно, если бы он продавал французам книгу, им самим не оплаченную. Во всяком случае, я бы такой сделки не признал и обратился бы попросту в суд. Я хочу думать все же, что это не Ляуб и что здесь какое-то недоразумение. Жду от вас спешного ответа по этому важному вопросу.

Получили ли вы последние корреспонденции из Москвы? Они в высшей степени интересны и важны. Надеюсь, что вы поддерживаете связь с тов. Вебером²⁹ и что он через вас знает обо всех новостях. Моя переписка слишком выросла и я, при отсутствии "аппарата", вынужден соединять нескольких корреспондентов в одну группу. Может быть, дальше дело будет обстоять лучше.

С коммунистическим приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А. Мюллеру]

Константинополь, 25.IV.[19]29

Дорогой товарищ Мюллер,

Отвечаю с некоторым запозданием на ваше письмо от 1 апреля.

1. Я очень прошу вас и товарища Вебера выяснить до конца вопрос о перепродаже авторских прав немецким издательством французскому. Если бы эта книга вышла предварительно в России, тогда, вследствие отсутствия литературной конвенции³⁰, европейские издательства могли бы переводить и издавать книгу без всякого разрешения с моей стороны. Но в данном случае речь идет о книге, впервые появившейся в Германии. Следовательно, ни одно иностранное издательство, в том числе и французское, не может выпустить эту книгу по своему усмотрению. Я во Франции выпускаю

большой том о Коммунистическом Интернационале. В состав этого тома входят четыре работы: 1. Что же дальше? (письмо к VI-му конгрессу); 2. Критика программы; 3. Китайский вопрос; 4. Кто руководит Коминтерном³¹. К этой книге мною написано специальное предисловие для французского издательства. Я сообщаю вам это вот для какой цели: если бы первое немецкое издание "Критики программы" разошлось и понадобилось бы второе издание, то я бы настаивал на том, чтобы выпустить большой том такого же состава, как и французское издание. Я бы написал специальное предисловие, в котором ответил бы на критику в печати. Может быть, вы переговорите об этом с издательством, чтобы выяснить, как обстоит дело. Книга вышла бы примерно вдвое больше нынешней.

2. Теперь о делах оппозиции. Мне не совсем ясно, каковы ваши дальнейшие перспективы. Думаете ли вы вести борьбу с Ленинбундом или же хотите достигнуть соглашения с ним? Каковы, по вашей оценке, ваши главные разногласия с Урбансом? Если вы намерены вести борьбу, то какими средствами, в каких районах и на что рассчитываете? При нынешнем крайне вялом темпе работы веддингской оппозиции³² она, как мне кажется, рискует незаметно сойти на нет, отдав постепенно своих сторонников Ленинбунду. Не думаете ли вы, что вашей группе нужно было бы официально обсудить все эти вопросы и вынести те или другие решения?

Жму руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

ПРЕДИСЛОВИЕ³³

Настоящий том рисует этапы шестилетней борьбы, которую ведет правящая ныне в СССР фракция против левой оппозиции (большевиков-ленинцев)³⁴ в целом и автора этой книги, в частности. Значительная часть тома посвящена опровержению обвинений и прямых клевет, направленных против меня лично. Что дает мне право утруждать этим материалом внимание читателя? То обстоятельство, что личная жизнь моя достаточно тесно связана с событиями революции, само по себе еще не оправдывало бы появление на свет этой книги. Если бы борьба фракции Сталина против меня была только личной борьбой за власть, история этой борьбы не заключала бы в себе ничего слишком поучительного: парламентская история полна борьбы групп и лиц за власть ради власти. Но в том-то и дело, что борьба лиц и групп в СССР неразрывно сливается с разными этапами Октябрьской революции.

Историческая закономерность никогда не проявляется с такой мощью, как в революционную эпоху, которая обнажает классовые отношения и доводит все проблемы и противоречия до высшей остроты. Борьба идей в такие периоды становится самым непосредственным орудием враждебных классов или частей одного и того же класса. Именно такой характер получила в русской революции борьба против "троцкизма". Связь совершенно схоластических подчас умствований с материальными интересами классов или слоев явилась в данном случае настолько очевидной, что когда-нибудь этот исторический опыт войдет в качестве особой главы в школьные учебники исторического материализма³⁵.

Октябрьская революция делится болезнью и смертью Ленина на два периода³⁶, которые тем резче будут отличаться один от другого, чем дальше мы будем отходить от них. Первый период был временем завоевания власти, установления и упрочения диктатуры пролетариата, ее военной обороны, ее основных шагов в деле определения хозяйственного пути. Партия в целом сознает себя носительницей диктатуры пролетариата и в этом сознании черпает свою внутреннюю уверенность.

Второй период характеризуется нарастающими элементами двоевластия в стране. Пролетариат, завоевавший в октябре власть, вследствие ряда

материальных и духовных причин внутреннего и международного порядка отодвигается и оттирается в сторону и назад. Рядом с ним, позади него, иногда и впереди него, выдвигаются другие элементы, другие прослойки, части других классов, которые прибирают к рукам значительную долю если не власти, то прямого влияния на власть. Эти другие слои: чиновники государства, профессиональных союзов и кооперативов, лица свободных профессий, торговцы и посредники все более складываются в систему сообщающихся сосудов. В то же время они по условиям жизни, по повседневному обиходу и по навыкам мысли отделены от пролетариата или все больше отделяются от него. Сюда относятся в последнем счете и партийные чиновники, поскольку они слагаются в сплоченную касту, которая не столько внутренними средствами, сколько средствами государственного аппарата обеспечивает свою несменяемость.

По своему происхождению и традициям, по источникам своей сегодняшней силы советская власть продолжает опираться на пролетариат, хотя и все менее непосредственно. Через перечисленные выше социальные прослойки она попадает все больше под давление буржуазных интересов. Это давление становится тем более ощутительным, что значительная часть не только государственного, но и партийного аппарата является если и не сознательным, то во всяком случае добровольным проводником буржуазных взглядов и надежд. Как ни слаба сама по себе наша внутренняя буржуазия, она справедливо сознает себя частью мировой буржуазии и является передаточным механизмом мирового империализма. Но и внутренняя база буржуазии совсем не ничтожна. Поскольку крестьянское хозяйство развивается на индивидуальных основах рынка, оно неизбежно выделяет из себя многочисленную мелкую сельскую буржуазию. Богатеющий мужик или мужик, только стремящийся разбогатеть и наталкивающийся на препятствия советского законодательства, является естественным носителем тенденций бонапартизма. Это доказано всем ходом новейшей истории и еще раз проверено на опыте Советской республики. Таковы социальные источники элементов двоевластия, окрашивающего вторую, послеленинскую главу Октябрьской революции.

Разумеется, и первый период -- 1917-1923 гг. -- не однороден на всем своем протяжении. И там были не только наступления, но и отступления. И там революция шла на большие уступки: крестьянству -- с одной стороны, мировой буржуазии -- с другой. Первым отступлением победоносной революции был Брест-Литовский мир. Затем революция перешла в новое наступление. Политика торговых и промышленных концессий, как ни скромны до сих пор ее практические результаты, представляла собою в принципе серьезный маневр отступления. Самым крупным отступлением явилась, однако, новая экономическая политика в целом (нэп). Восстанавливая рынок, нэп тем самым воссоздал условия возрождения мелкой буржуазии и превращения отдельных ее элементов и групп в среднюю буржуазию. Таким образом, в нэпе были заложены возможности двоевластия. Но они находились лишь в экономической потенции. Действительную силу они развили лишь во второй главе, которая в общем и целом открывается болезнью и смертью Ленина и началом концентрированной борьбы против "троцкизма"³⁷.

Сами по себе уступки буржуазным классам еще не нарушают, разумеется, диктатуры пролетариата. Химически чистого классового государства в истории не бывает вообще. Буржуазия господствует, опираясь на другие классы, подчиняя их себе, подкупая их или застрашивая. Социальные реформы в пользу рабочих сами по себе нисколько не нарушают единодержавия буржуазии в стране. Каждому капиталисту в отдельности кажется, правда, будто он уже не полный хозяин в своем доме, т. е. на заводе и фабрике, так как вынужден считаться с законодательными ограничениями его хозяйской диктатуры. Но эти ограничения служат только для того, чтобы сохранить и поддержать власть класса в целом. Интересы отдельного капиталиста на каждом шагу приходят в противоречие с интересами капиталистического государства не только в вопросах социального законодательства, но и в вопросах налогов, государственных долгов, войны и

мира и проч. и проч. Перевес остается за интересами класса в целом. Именно этот последний решает, какие реформы и в каких пределах он может дать, не нарушая основ своего господства.

Аналогично ставится вопрос и в отношении диктатуры пролетариата. Химически чистой диктатура могла бы быть только в безвоздушном пространстве. Правящий пролетариат вынужден считаться с другими классами и в зависимости от соотношения сил внутри страны или на международной арене идти на уступки другим классам в целях сохранения своего господства. Весь вопрос -- в пределах этих уступок и в степени сознательности, с которой они делаются.

Новая экономическая политика заключала в себе две стороны. Во-первых, она вытекала из необходимости для самого пролетариата использовать для руководства промышленностью и всем вообще хозяйством методы и приемы, выработанные капитализмом. Во-вторых, она означала уступку буржуазии, непосредственно мелкой буржуазии, поскольку давала ей возможность вести хозяйство в наиболее ей свойственных формах купли-продажи. В России с ее преобладающим крестьянским населением эта вторая сторона нэпа имела решающий характер. При задержке революционного развития других стран нэп как широкое и длительное отступление был совершенно неизбежен. Мы провели его под руководством Ленина вполне единодушно. Отступление было во всеуслышание названо отступлением. Партия и через нее рабочий класс в общем правильно понимали то, что делают. Мелкая буржуазия получала в известных пределах возможность накапливать. Но власть, а, следовательно, и право определять пределы накопления, оставалась по-прежнему в руках пролетариата.

Выше мы сказали, что существует аналогия между социальными реформами в интересах пролетариата, которые видит себя вынужденной провести правящая буржуазия, и между теми уступками буржуазным классам, которые делает правящий пролетариат. Эту аналогию нужно, однако, если мы хотим избежать ошибок, ввести в определенные исторические рамки. Буржуазная власть существует столетия, она имеет мировой характер, она опирается на огромные накопленные богатства, в ее распоряжении находится могущественная система учреждений, связей и идей. Века господства создали своего рода инстинкт господства, который не раз уже в трудных условиях безошибочно руководил буржуазией.

Века буржуазного господства были для пролетариата веками угнетения. Ни исторических традиций господства, ни, тем более, инстинкта власти у него нет. Он пришел к власти в одной из самых бедных и отсталых стран Европы. Это означает, что диктатура пролетариата в данных исторических условиях, на данном этапе несравненно меньше ограждена, чем власть буржуазии. Правильная политика, реалистическая оценка собственных шагов, в том числе неизбежных уступок буржуазным классам, являются для советской власти вопросом жизни и смерти.

Послеленинская глава Октябрьской революции характеризуется ростом как социалистических, так и капиталистических сил советского хозяйства. Вопрос решается динамическим соотношением между ними. Проверка этого соотношения дается не столько статистикой, сколько повседневным ходом экономической жизни. Нынешний глубокий кризис, принявший парадоксальную форму недостатка сельскохозяйственных продуктов в земледельческой стране, является объективным и безошибочным доказательством нарушения основных хозяйственных пропорций. Еще весной 1923 года на XII съезде партии автор этой книги предупреждал о тех последствиях, к которым может привести неправильное хозяйственное руководство: отставание промышленности порождает "ножницы" цен на промышленные и сельскохозяйственные продукты, что, в свою очередь, влечет за собою задержку развития сельского хозяйства³⁸. Наступление этих последствий само по себе отнюдь не означает ни неизбежности, ни тем более близости крушения советского режима. Оно означает лишь -- но с полной повелительностью -- необходимость перемены хозяйственной политики.

В стране, где важнейшие производительные силы являются собственностью

государства, политика государственного руководства является непосредственным и для известного этапа решающим фактором хозяйства. Вопрос, следовательно, сводится к тому, способно ли данное руководство понять необходимость изменения политики и в силах ли оно эти изменения провести на деле. Мы приходим тут снова к вопросу о том, в какой мере государственная власть находится еще в руках пролетариата и его партии, т. е. в какой мере это все еще власть Октябрьской революции. Ответить на этот вопрос априорно нельзя. Политика не имеет механических масштабов. Силы классов и партий обнаруживаются в борьбе. А борьба еще целиком впереди.

Двоевластие, т. е. параллельное существование власти или полувласти двух антагонистических классов -- как, например, в эпоху Керенского -- не может длиться долго. Такого рода критическое состояние должно разрешиться в ту или другую сторону. Утверждение анархистов или анархистствующих, будто СССР уже представляет собою буржуазную страну, лучше всего опровергается отношением к вопросу самой буржуазии, внутренней и иностранной. Идти дальше признания элементов двоевластия было бы теоретически неправильно, политически опасно, даже самоубийственно. В свою очередь, проблема двоевластия означает для данного момента вопрос о том, в какой мере буржуазные классы внедрились в советский государственный аппарат и в какой мере буржуазные идеи и тенденции внедрились в партийный аппарат пролетариата? Ибо от этой степени зависит маневренная свобода партии и возможность для рабочего класса предпринимать необходимые меры обороны и наступления.

Вторая глава Октябрьской революции характеризуется не просто ростом экономических позиций мелкой буржуазии города и деревни, но гораздо более опасным и острым процессом теоретического и политического разоружения пролетариата параллельно с ростом политической самоуверенности буржуазных слоев. В соответствии с этой стадией, через которую проходят эти процессы, политический интерес растущих мелкобуржуазных классов состоял и сейчас еще состоит в том, чтобы по возможности замаскировать свое продвижение вперед, окрасить свои успехи в советскую покровительственную окраску и представить свои опорные базы как составные части социалистического строительства. Известные и притом значительные успехи буржуазии на основе нэпа были неизбежны и при том необходимы для успехов самого социализма. Но одни и те же экономические достижения буржуазии получают совершенно разное значение и представляют совершенно разную степень опасности в зависимости от того, в какой мере рабочий класс и прежде всего его партия правильно оценивают происходящие процессы и сдвиги в стране и в какой степени твердо они держат руль в руках. Политика есть концентрированная экономика. На данном этапе хозяйственный вопрос Советской республики более, чем когда-либо, решается политически.

Порочный характер послеленинской политики состоит не столько в том, что она делала новые крупные уступки разным слоям буржуазии внутри страны, в Западной Европе, в Азии. Одни из этих уступок были необходимы или неизбежны, хотя бы в результате предшествовавших ошибок. Таковы новые уступки кулаку в апреле 1925 года: разрешение аренды земли и найма рабочей силы³⁹.

Другие из этих уступок были сами по себе ошибочны, вредны и даже губительны. Таковы: капитуляция перед буржуазными агентами в британском рабочем движении и еще худшая капитуляция перед китайской буржуазией. Но главное преступление послеленинской и антиленинской политики состояло в том, что тяжкие уступки выдавались за успехи пролетариата; что отступления изображались как продвижения вперед; что рост внутренних затруднений истолковывался как победоносное продвижение к национальному социалистическому обществу.

Эта предательская, по сути дела, работа теоретического разоружения партии и угашения политической бдительности пролетариата производилась в течение последних шести лет под видом борьбы с "троцкизмом". Краеугольные принципы марксизма, основные методы Октябрьской революции, важнейшие уроки

ленинской стратегии подвергались ожесточенному и свирепому пересмотру, в котором находила свое выражение нетерпеливая потребность привилегированного чиновника и оправившегося мелкого буржуа в спокойствии и порядке. Идея перманентной революции⁴⁰, т. е. неразрывной и действительной связи судьбы Советской республики с ходом пролетарской революции во всем мире, больше всего раздражала новые консервативные слои, которые внутри себя убеждены, что после того, как революция подняла их наверх, она тем самым выполнила свое предназначение.

Мои критики из социал-демократического и демократического лагеря очень авторитетно разъясняют мне, что Россия "не созрела" для социализма и что Сталин совершенно прав, поворачивая ее зигзагами на путь капитализма. Правда, то, что социал-демократы с полным удовлетворением называют возрождением капитализма, Сталин называет построением национального социализма. Но, так как они говорят об одном и том же процессе, то разница в терминологии не должна скрывать от наших глаз тождества по существу. Если бы даже Сталин выполнял свою работу сознательно, о чем пока что нет и речи, он все равно вынужден был бы с целью смягчения трений именовать капитализм социализмом. Он делает это тем увереннее, чем хуже разбирается в основных исторических процессах. Слепота избавляет его в данном случае от необходимости лицемерить.

Вопрос, однако, вовсе не сводится к тому, способна ли Россия собственными средствами построить социализм. Такого вопроса для марксизма вообще не существует. Все, что было сказано по этому поводу сталинской школой, относится по теоретическому типу к области алхимии⁴¹ и астрологии⁴². Сталинизм, как доктрина, пригоден лишь для теоретической кунсткамеры⁴³. Основной вопрос состоит в том, способен ли капитализм вывести Европу из исторического тупика. Способна ли подняться из рабства и нищеты Индия, не выступая из рамок мирного капиталистического прогресса? Способен ли Китай достигнуть высот американской и европейской культуры без революций и войны? Способны ли Соединенные Штаты совладать со своими собственными производительными силами, не потрясая Европу и не подготавливая чудовищную военную катастрофу всего человечества? Вот как стоит вопрос о дальнейшей судьбе Октябрьской революции.

Если допустить, что капитализм все еще представляет прогрессивную историческую силу; что он способен своими методами и приемами разрешить основные проблемы, стоящие на исторической очереди и поднять человечество еще на несколько ступеней, тогда не могло быть и речи о превращении Советской республики в социалистическую страну. Тогда социалистическая надстройка Октябрьской революции неизбежно пошла бы на слом, оставив в наследство только свои аграрно-демократические завоевания. Совершился бы спуск от пролетарской революции к буржуазной через фракцию Сталина или через часть этой фракции или же понадобилась бы новая политическая смена и даже не одна

-- это все вопросы второго порядка. Я уже не раз писал, что политической формой такого спуска был бы, вероятнее всего, бонапартизм, -- никак не демократия. Основной вопрос состоит, однако, в том, является ли еще капитализм прогрессивным, как мировая система. Именно в этом вопросе наши социал-демократические противники проявляют жалкий, дряблый и беспомощный утопизм -- утопизм реакции, а не движения вперед.

Политика Сталина есть "центризм", то есть течение, колеблющееся между социал-демократией и коммунизмом. Главные "теоретические" усилия школы Сталина, возникшей лишь после смерти Ленина, были направлены на то, чтобы отделить судьбу Советской республики от мирового развития в целом. Это значило пытаться освободить Октябрьскую революцию от нее самой. Теоретическая проблема эпигонов приняла форму противопоставления троцкизма ленинизму.

Чтобы освободиться от интернациональной сущности марксизма, сохраняя до поры до времени верность ему на словах, надо было направить оружие в первую голову против тех, которые были носителями идей Октябрьской революции и пролетарского интернационализма. Первое место принадлежало тут Ленину. Но Ленин умер на рубеже двух этапов революции. Он не мог уже отстаивать дело своей жизни. Эпигоны порезали его книги на цитаты и этим оружием стали бороться против живого Ленина, воздвигая ему погребальные мавзолеи не только на Красной площади, но и в сознании партии. Как бы предвидя судьбу своих идей на ближайшем этапе, Ленин начал свою книгу о государстве⁴⁴ следующими словами, посвященными судьбе великих революционеров: "После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для "утешения" угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его" (т. XIV, ч. 2, стр. 299)⁴⁵. К этим вещим словам остается только добавить, что Н. К.Крупская нашла в себе однажды решимость бросить их фракции Сталина в лицо.

Вторая половина задачи эпигонов состояла в том, чтобы дальнейшую защиту и развитие идей Ленина изобразить как враждебную Ленину доктрину. Эту историческую службу сослужил миф "троцкизма". Нужно ли повторять здесь, что я не претендовал и не претендую на создание особой доктрины? Теоретически я ученик Маркса. В отношении методов революции я прошел школу Ленина. Я не знаю троцкизма. Или, если угодно, я знаю "троцкизм" как наименование, данное идеям Маркса и Ленина теми эпигонами, которые от этих идей хотят во что бы то ни стало освободиться, но еще не смеют этого сделать открыто.

Настоящая книга показывает часть того идеологического процесса, при помощи которого нынешнее руководство Советской республики сменяло свою теоретическую кожу в соответствии с изменением своей социальной сущности. Я показываю, как одни и те же лица об одних и тех же фактах, идеях или деятелях при Ленине и после Ленина отзывались прямо противоположным образом. Я вынужден в этой книге давать много цитат, что, замечу мимоходом, противоречит моим обычным литературным приемам. Однако в борьбе против политиков, которые торопливо и воровато отрешиваются от своего вчерашнего дня, клянясь в то же время в верности ему, невозможно обойтись без цитат, ибо они играют в данном случае роль прямых и неопровержимых улики. Если нетерпеливый читатель будет досадовать, что ему приходится совершать часть своего пути по кочкам, пусть примет, по крайней мере, во внимание, что собрать эти цитаты, выделить из них наиболее поучительные и привести в необходимую политическую связь требовало неизмеримо большей затраты труда, чем внимательное чтение этих документальных свидетельств борьбы двух столь близких и столь непримиримых лагерей.

Первой частью этой книги является мое письмо в Институт истории партии и революции (Истпарт)⁴⁶, написанное мною к моменту 10-й годовщины Октябрьского переворота. Институт с протестом вернул мою рукопись, которая врезалась инородным телом в ту работу неслыханной исторической фальсификации, которой занимается это учреждение в борьбе с троцкизмом.

Вторую часть книги составляют четыре речи, произнесенные мною перед высшими учреждениями партии в течение июня -- октября 1927 года, т. е. в период наиболее концентрированной идейной борьбы между оппозицией и фракцией Сталина⁴⁷. Я выбрал из многих документов последних лет стенограммы этих четырех речей как потому, что они в сжатой форме дают достаточно полное изложение борющихся взглядов, так и потому, что в своей хронологической последовательности они способны, как мне кажется, приблизить читателя к драматической динамике самой борьбы. Добавлю еще, что нередкие аналогии с французской революцией способны облегчить историческую ориентировку французскому читателю.

Я произвел в тексте речей значительные сокращения, чтобы освободить их

от повторений, в той или иной степени все же неизбежных. Все необходимые пояснения даются мною в виде вступительных замечаний к самим речам, которые в настоящем издании вообще впервые появляются в печати. В СССР они остаются запретными рукописями.

В заключение я даю небольшой памфлет, написанный мною уже в ссылке, в Алма-Ате в 1928 г.⁴⁸, в ответ на увещательное письмо, обращенное ко мне одним из благожелательных противников⁴⁹. Мне думается, что этот документ, широко ходивший в рукописи по рукам, дает всей книге необходимое завершение, вводя читателя в самую последнюю стадию борьбы, непосредственно предшествовавшую моему изгнанию.

Эта книга охватывает вчерашний день. Но только для того, чтобы соединить его с сегодняшним. Ни один из процессов, о которых идет здесь речь, не завершен, ни один из вопросов -- не разрешен. Каждый новый день будет приносить дополнительную проверку борющихся концепций. Эта книга посвящена текущей истории, т. е. политике. Она рассматривает прошлое только как непосредственное введение к будущему.

Л.Троцкий

Константинополь, 1 мая 1929 г.

[Письмо М. Истмену]⁵⁰

4.V.1929[г]

Дорогой друг,

Посылаю вам девять рукописей в полное ваше распоряжение. Эти рукописи вошли в состав двух французских томов, которые должны выйти у Ридера. Я вам не посылаю ни своего письма в Истпарт, ни "Критики программы", ибо оба эти произведения у вас имеются. Во французском издании один том называется "Изуродованная революция"⁵¹ и включает в себе, кроме моего письма в Истпарт, еще четыре речи и "Беседу с благожелательным противником". Второй том посвящен Коммунистическому Интернационалу и, помимо "Критики программы", включает в свой состав ряд статей, прилагаемых мною здесь.

Если найдете нужным и возможным, издайте все прилагаемые работы в виде одного тома. Я к этому мог бы написать специальное предисловие для американского читателя. Вернее сказать, я мог бы переделать два своих французских предисловия⁵², приспособив их к американской книге. Но для этого я должен знать, прежде всего, выйдет ли эта книга в свет и в каком составе.

Если бы не удалось устроить эту книгу у одного из капиталистических издателей, то рукописи могли бы быть частично использованы издательством "Милитант"⁵³. Сообщите мне поскорее о судьбе посылаемых вам при сем рукописей. Если вы прочитаете два предисловия к французским томам, то вам будет легче сообразить возможный состав американского тома и его общую физиономию.

Издатель Бони⁵⁴ обратился к Пазу⁵⁵ с предложением издать четыре моих книги, в том числе "Ленин и эпигоны" (или "Против эпигонов")⁵⁶. Я получил из Парижа по этому поводу телеграфный запрос. Я ответил, что вопрос об "Эпигонах" может быть разрешен только по соглашению с вами, так как вы уже ведете, вероятно, переговоры с какими-либо американскими издателями. Так как Бони хочет издать несколько томов, то желательно было бы сговориться с ним насчет тома "Ленин и эпигоны".

Вы совершенно правы, указывая на то, что при удачном выпуске этих книг можно будет надолго обеспечить хорошее марксистское издательство и в первую очередь оппозиционный журнал международного характера.

Я ужасно жалею, что в вопросе о марксизме вы заняли столь неприемлемую и теоретически неправильную позицию. Боюсь, что придется нам сильно драться. А я не знаю в истории революционного движения последних тридцати лет ни

одного случая, когда бы отказ от марксизма не губил революционера и политически. Повторяю: ни одного случая. Зато я знаю многие десятки выдающихся случаев, когда люди начинали с отрицания диалектического материализма⁵⁷, в частности исторического материализма, а кончали... примирением с буржуазным обществом. Я пока только перелистывал вашу книгу⁵⁸ и в ближайшее время прочитаю ее. В своих "Эпигонах" я вынужден буду вам посвятить небольшую главу: политическая дружба требует ясности прежде всего.

Суварин запутался очень тяжело. Он не понял совершенно классового характера современных группировок коммунизма и думал с ними справиться при помощи наспех написанных газетных статей. На этом пути он приблизился к Брандлеру, который ведет сейчас линию на восстановление довоенной левой социал-демократии, несостоятельность которой достаточно обнаружена войной. Газета Милюкова "Последние новости"⁵⁹ посвятила передовую статью разногласиям между Сувариним и Троцким, причем, конечно, полностью и целиком стала на сторону Суварина. Если Суварин не поймет, в какое болото он залез, то он погибнет для революционного движения на ряд лет, если не навсегда.

Вы спрашиваете, какие книги мне нужны? Мне трудно называть книги, ибо я за последний период, который длится уже довольно долго, не следил совершенно за книжным рынком. Я могу только сказать, какие темы меня интересуют больше всего, и в соответствии с этим вы сможете мне посылать книги.

Во-первых, я хочу иметь литературу, характеризующую экономические и политические тенденции развития Соединенных Штатов за последний период.

2. Наиболее важные периодические издания, например "Экономист"⁶⁰ и "Куррент Истори"⁶¹. Хорошо было бы получать также одну ежедневную газету.

3. Желательно иметь коллекцию наиболее характерных изданий: книг, брошюр и проч. (характеризующих различные организации, формы и течения рабочего движения).

4. Наиболее выдающиеся произведения американского книжного рынка.

После окончания автобиографии, которую я буду занят до июня, я посвящу два месяца, примерно, завершению своей книги об "эпигонах". После того, следовательно осенью, приступлю к книге о мировом хозяйстве и международной политике⁶². Вопрос об Америке, о взаимоотношении Соединенных Штатов, Англии, Южной Америки и Японии займет в этой книге решающее место. Из этого вы можете усмотреть, как важно для меня иметь соответствующую литературу.

[Л.Д.Троцкий]

Издательству "Малик"⁶³

1. Я получил вашу телеграмму от 3 апреля -- на полтора месяца позже, чем телеграммы от ряда других немецких издательств. Я получил ваше письмо от 8 мая -- на три месяца позже, чем соответственные предложения от других немецких издательств.

2. Более, однако, чем запоздалость ваших предложений, обращает на себя внимание странный их тон: вы сочетаете деловые предложения с политическими нравоучениями. Если ваши деловые предложения запоздали по вашей вине, то политические ваши поучения по меньшей мере неуместны. Позвольте мне вам это разъяснить в настоящем кратком письме.

3. Мою ошибку вы видите в том, что я публикую свои книги в буржуазных издательствах, а не в вашем. Но в том же письме вы сообщаете мне, что ваше издательство было и остается совершенно независимым частным предприятием. Позвольте вам сказать в таком случае, что вы представляете такое же капиталистическое предприятие, как и те издательства, которые печатают мои книги. Коммунистическим издательством я могу признать только такое, которое принадлежит к партии или фракции, работает под их контролем и доходами

своими обслуживает нужды партии. То обстоятельство, что вы издаете коммунистическую литературу или близкую к ней, не нарушает капиталистического характера вашего предприятия.

4. По вашим словам, выход моих книг в буржуазных издательствах может вызвать впечатление, что я "действительно ищу, как многократно утверждали мои противники, смычки направо". Позвольте на это ответить, что ни мои взгляды, ни мои книги не нуждаются в метрическом свидетельстве со стороны того или другого капиталистического издательства, хотя бы и торгующего коммунистической или полуккоммунистической литературой.

5. Вы сообщаете в вашем письме, что являетесь не только коммунистами, но и членами партии. Вы жалуетесь на Коминтерн, который чуть не разорил вас в вопросе об издании сочинений Ленина. Вы заявляете в то же время, что не хотите ссориться с Коминтерном, т. е. с его очередным руководством. Вместе с тем вы меня предупреждаете, что вы с такой же охотой предоставили бы ваше издательство для сочинений Сталина. Все это я могу понять с коммерческой точки зрения, но не с коммунистической. Коммерческое предприятие может эксплуатировать и борьбу идей в рамках коммунизма. Подлинно коммунистическое издательство никогда не могло бы оставаться индифферентным в борьбе идей, от которой зависит будущность мирового рабочего движения; тем менее оно могло бы хвалиться своей индифферентностью. Коммерсант не хочет ссориться ни с тем, кто фальсифицирует марксизм, клеветает и запирает в тюрьму, ни с тем, кто борется за марксизм и, сидя в тюрьме или в ссылке, защищает его в своих книгах. Такого коммерсанта я могу понять и могу с ним иметь дело, как с коммерсантом. Я только не позволю ему читать мне политические наставления. Но с коммунизмом идейная индифферентность не имеет ничего общего.

6. Я не буду останавливаться на том, что книги мои в издательствах "Авалун" и "Лауб" появились без моего ведома и до моего приезда за границу, так как это не меняет дела. С другими капиталистическими издательствами я заключил договор сам. Я утешаю себя тем, что важнейшие книги Маркса и Ленина выпускались капиталистическими издательствами, когда у них не было собственного, коммунистического, партийного. Но суть не в этом историческом прецеденте. Политически гораздо важнее то, что ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову связывать судьбу моих идей с судьбою того капиталистического предприятия, которое находит выгодным для себя печатать мои книги. Принципиальная разница между капиталистическим издательством и капиталистической книжной лавкой не так уж велика. В книжном магазине сочинения Ленина стоят рядом с книгами Каутского, что не делает Ленина ответственным за Каутского, а меня -- за Ратенау.

7. Вы ссылаетесь на то, что не можете платить таких сумм, как Фишер⁶⁴. Если бы это говорило партийное издательство -- довод был бы законен и уместен, но какой смысл имеет этот довод в устах частного издательства, -- мне совершенно непонятно.

Позвольте вам разъяснить ниже следующее: суммы, которые выплачиваются за мои коммунистические работы капиталистическим предпринимателем, идут исключительно на коммунистические цели, т. е. на обеспечение издательства книг, брошюр и журналов, не приносящих дохода. Вот почему мои сделки с буржуазными издательствами являются по задачам своим и результатам насквозь коммунистическими. Торговля же коммунистическими-полуккоммунистическими идеями "без различия красок" со стороны частного издательства остается чисто капиталистическим делом, хотя бы собственники такой торговли и входили в состав коммунистической партии.

Я не сомневаюсь, что каждый рабочий поймет эту разницу. Только для вскрытия ее я и счел необходимым ответить на те принципиальные нравоучения, которые вы присоединили к вашему запоздавшему коммерческому предложению.

[Л.Д.Троцкий]

[После 8 мая 1929 г.]

[Письмо М. Истмену]

Константинополь, 9 мая 1929 г.

Макс[у] Истмену

Дорогой друг!

1. Ввиду вашего согласия, как мне сообщил Паз, я поручил ему подписать договор с американским издателем Бони на четыре тома.

2. Знаете ли вы, что в Германии вышло немецкое издание той самой книги, которую вы издали по-английски? Издание в безобразном переводе и с непристойной рекламой. Оно разошлось уже по крайней мере в 15.000 экземплярах. Издательство "Авалун"⁶⁵ заявило, что купило право у американского издателя, по-видимому, за какую-то совершенно ничтожную сумму. При нормальных условиях "Авалун" должен был бы уже заплатить около 15.000 марок. Сейчас он, конечно, не платит ничего. Но гораздо хуже то, что издание во всех отношениях безобразно. Мало того, Паз пишет, что какое-то издательство во Франции приобрело права на мое письмо в Истпарт. Неужели это американское издательство перепродало свои права? Будьте добры навести справки, так как Паз уже продал эту книгу издательству Ридер, которое очень беспокоится, и я получаю на этот счет постоянные запросы.

3. Через несколько дней я пошлю вам большую коллекцию рукописей, из которых можно будет составить том, небезынтересный, как я надеюсь, для американского читателя. Задержка выходит из-за того, что необходимо еще некоторые речи переписать.

4. "Интернациональное" издательство выпустило за последние годы несколько моих книг (Геллер и Ко.)⁶⁶. Не знаете, имеются ли они еще в продаже? Я бы очень хотел выпустить том, посвященный вопросам литературы, науки и культуры. Но часть этого тома вошла в изданную Геллером книгу "Литература и революция"⁶⁷.

С товарищеским приветом

Ваш Л.Тр[оцкий]

Г. И. МЯСНИКОВ⁶⁸. ТУРЦИЯ КАРАКЕСА⁶⁹

13 мая 1929 г.

Уважаемая редакция "Социалистического вестника"!

Вы прекрасно знаете, как [мы] далеки идейно друг от друга, и тем не менее, вследствие непреодолимых препятствий, я вынужден обратиться к вам с покорнейшей просьбой передать нижеследующее письмо КАПД⁷⁰.

С почтением Г. Мясников⁷¹

Дорогие товарищи!

Вам известно, что в 1923 г. я был выслан в Германию. Известно также, что после того как я стал проявлять признаки политической жизнедеятельности в Германии: издал (при вашей помощи и содействии "Манифест Рабочей группы", за авторство которого был выслан, стал организовывать отправку в СССР и т. д.), мне Н.Н.Крестинский и Г. Зиновьев давали заверения, что если я возвращусь в СССР, то арестован не буду. Знаете также, что я, несмотря на ваши советы: не верить и не ехать, поверил и поехал. Еще на вокзале тов. В.Румынов говорил: "Напрасно едешь, Гаврила Ильич, арестуют тебя и будешь сидеть долгие годы". У меня настолько велика была вера в порядочность и честность руководящей головки ВКП(б), что я не допускал даже мысли о провокации и обмане. И потому с легким сердцем садился в вагон, направляющийся в СССР.

Но только я переехал границу СССР, как сразу почувствовал, что не все хорошо и не все ладно.

Особенно это обозначилось по приезде в Москву, где сразу целая орава шпииков взяла меня "на прицел".

В Москву приехал я 9 ноября 1923 г., а 19-го был арестован. Дали мне прожить на "свободе" 10 дней, разумеется, для того чтобы создать впечатление, что арестовали за что-то, сделанное мною в течение этих десяти дней. Причем моя "свобода" была так относительна, что может поспорить со всякой теорией относительности. Дом, в котором я жил (кстати сказать, вплотную с ГПУ), имеет четыре выхода. У каждого из выходов стояло по два шпиика круглые сутки. И куда бы я ни пошел, я не беспокоился, так как моя персона тщательно охраняется минимум двумя архангелами. При такой обстановке делать что-нибудь было совершенно невозможно. ЦК ВКП(б) через ГПУ создал эту обстановку и дал жить на воле 10 дней: все потому, чтобы при случае сказать, что я арестован был не за то же авторство "Манифеста", а за какое-то еще более вероломное и дерзкое "преступление".

Арестован был сам, арестована была и семья: жена и трое детей. Я был унесен насильно в автомобиль и засим во внутреннюю тюрьму ГПУ, а жена и дети были подвергнуты домашнему аресту (да воздаст им Аллах⁷² за великодушие и любовь к детям!). С первого же часа я не стал принимать ни воды, ни пищи. Три дня проголодал, а затем решил пойти на пролом... Но так как за мной очень зорко наблюдали, по крайней мере через каждые три-пять минут "волчок" открывался, то сделать это было чрезвычайно трудно. Надобно было выбрать наиболее удачный момент. Ночь -- совершенно неподходящее время, тихо-тихо, каждое движение будет услышано. Надо днем, и когда больше шума и меньше внимания уделяется моей камере. Таким моментом я считал раздачу чая. Заранее заготовив все необходимое, свил веревку, стал просить воды, будто бы голодаю с водой, чтобы иметь возможность намочить веревку, когда будет необходимо... И момент настал. Тихо, бесшумно, но быстро-быстро иду к окну. Прикрепляю веревку к решетке и... Очнулся я на полу: страшная головная боль: вот то первое, что я почувствовал, когда пришел в себя. А потом увидел, что меня окружает стража ГПУ и врачи. Я сразу понял все... Кто-то увидел или услышал, поднял тревогу и поспешил обрезать веревку, и я упал... Первое движение, сделанное почти инстинктивно, бессознательно: схватил стоявший тут же на полу около меня чайник с водой и бросил его в "хранителей" со словами "Мерзавцы, вы и тут поспели"... Это все. Потом меня подняли, положили на койку и удалились. Голодовку я продолжал.

Я требовал соблюдения обещания, что я не буду арестован...

Боюсь, что вместо письма у меня выйдет брошюра или даже книга, если я буду описывать все той подробностью, с какой начал. Вот почему я описания прекращаю -- скажу лишь, что меня обманули: обещали освобождение. Когда же голодовку прекратил, то обещали ссылку в Новониколаевск⁷³. А когда доехали до Новониколаевска, то сказали, что ссылают в Томск, а оказалось, что я был привезен в Томскую тюрьму, где с упорной и длительной борьбой просидел три года.

Но был, очевидно, настолько безнравственен и беспокоен, что по окончании трех лет мне еще преподнесли рецепт в виде постановления Особого совещания при Коллегии ОГПУ⁷⁴, что я приговорен еще к трем годам уже не Томской, а Вятской тюрьмы, а семья, отбывавшая три года ссылки в Томске, переводилась в ссылку в гор. Вятку, тоже на три года.

Это лекарство. Врачи, призванные ОГПУ, засвидетельствовали, что мне необходим покой и семейная обстановка: томская одиночка, а затем одиночка Вятского отдела ОГПУ и должны были играть роль курорта и санатория...

1 января 1927 г. погружают нас в арестантский вагон и под усиленным конвоем отправляют в Вятку.

1 февраля я пишу заявление, что, если меня не освободят, то мне придется прибегнуть к более острым средствам борьбы, чем голодовка, которые подавлялись силой: путем насильственного питания. Срок для ответа месячный. В это же время моя жена пишет письмо в Москву товарищам, что она очень

боится, что я покончу с собой. Письмо перепечатывается и распространяется по Москве и попадает в руки членов ЦИКа⁷⁵, оппозиционеров, съехавшихся на сессию ЦИКа. Подымается шум, и 28 февраля 1927 г. Особое совещание постановило, что тюрьма мне заменяется ссылкой в гор. Эривань⁷⁶ на три года, а семье ссылка в гор. Вятку заменяется тоже ссылкой в Эривань. Раненко утром 1 марта мне предъявляют это постановление, и я еду в ссылку вместе со всем своим багажом, женой и детьми.

В ссылке прожил до 7 ноября 1928 г.

За время сидения в тюрьмах и проживания в ссылке мною написаны следующие произведения: 1. "Новейшее ликвидаторство" (ответ Вл.Сорину⁷⁷ и Н.Бухарину на их брошюру "Рабочая группа. Мясниковщина"); 2. "Ликвидаторство и марксизм" (где брошюра Сорина-Бухарина и статья Астрова "Один из примеров мелкобуржуазного перерождения (мясниковщина)", помещенная в журнале "Большевик" 20 мая 1924 г., разбираются вновь, но уже подробно критикуется общая линия ЦК ВКП(б) и Коминтерна, выраженная в различных произведениях Сталиным, Бухариным, Зиновьевым и Лениным; 3. "О марксизме" (критика теории "исторического материализма"⁷⁸ Бухарина и других подобной этой книге произведений); 4. "Краткий комментарий Коммунистического манифеста К. Маркса и Ф. Энгельса (написана к 80-летию "Коммунистического манифеста"); 5. "О рабочем государстве"; 6. "Очередной обман" (о самокритике); 7. "Программа и устав РКПС (Рабочих коммунистических партий Союза)" (проекты); 8. "Критика программы Коминтерна" и 9. "Немного правды" (в эту брошюру вошли мои письма из тюрьмы Сталину, Зиновьеву, Бухарину, Рыкову, запись разговора с Максимом Горьким и прочие заметки).

Все они, как было уже сказано, содержат критику теории и практики ЦК ВКП(б) и Коминтерна, а потому на территории необычайного социалистического отечества оказались нелегальными и запрещенными.

Одно из этих произведений, "О рабочем государстве", сыграло роковую роль в моей жизни. Я и мои товарищи давно уже думали, что необходимо организовать мой побег и так или иначе связаться с рабочим движением всего мира. Думали, что необходимо заграничное представительство, чтобы иметь возможность информировать о тех течениях в рабочем движении, которые имеются в СССР, и в то же время информировать пролетариев СССР о том, что делается в рядах борющегося пролетариата всего мира.

Наиболее подходящим для этой роли наша Рабочая группа, Центральное бюро по организации рабочих коммунистических партий Союза, считала меня. Стали собирать средства и готовиться. Но вот один из наших сторонников "раскаивается" и несет в ГПУ в качестве доказательства искренности своего покаяния брошюру "О рабочем государстве", напечатанную на гектографе, и доносит, что автором брошюры являюсь я. Это было в конце октября 1928 г.

Это решило дело.

Я забыл сказать вышеследующее: после того, как я поверил заверениям Крестинского и Зиновьева в 1923 г., что по приезде в СССР арестован не буду, и не только был арестован, но Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждает вопрос, что делать с главарями, с вождями Рабочей группы, и было два предложения: 1) расстрелять и 2) держать в тюрьме без обозначения срока, в режиме исключительной изоляции (речь шла, главным образом, обо мне и Н.Кузнецове). Предложение расстрелять большинства не собрало -- не хватило одного голоса, и было принято второе предложение, во исполнение коего я и сидел в тюрьме около трех с половиной лет (об этом знает Троцкий). И вот, если в 1923 г. не хватило одного голоса, чтобы расправиться со мной, то в 1928 г., имея за собой такие "страшные преступления", как авторство многих нелегальных произведений, в том числе "Рабочего государства", ожидать мне хорошего не приходилось, и бежать надо было уже не потому, что необходимо было выполнить постановление ЦБ РКПС, а уже и потому, чтобы не дать бюрократии втихомолку

расправиться со мной.

И вот те средства (50 долларов и 325 бумажных рублей), которые были собраны Бюро РКПС, пришлось необычайно кстати. И без всякой организационной подготовки 7 ноября, обманув бдительность шпииков, преобразившись как только можно, я сел в поезд, направляющийся к русской Джульфе⁷⁹, имея с собой в портфеле все произведения, о которых сказано выше, а затем пять номеров нашей газеты "Рабочий путь к власти" и другие мелкие вещи. Портфель был набит битком. Часов около 12 ночи, когда поезд тронулся от Дорошаша 2-го по направлению к Джульфе, я спрыгнул на ходу с поезда и побежал к реке Аракс, являющейся границей между СССР и Персией. Разделся. Нагрузился (все лишнее: шубу, пиджак и т. д. бросил) и поплыл. Тяжело было. Очень тяжело, но все-таки доплыл. И проблуждав по горам часов до 4 утра и не нашедши дороги, по руслу горного ручья спустился вновь к реке Аракс и по берегу его дошел до Персидской Джульфы. Пришел в таможенню, где и был задержан, арестован. Это было в 9 часов утра 8 ноября 1928 г.

В Джульфе меня допросили и сделали запрос в Тавриз. На 8-й день меня отправили в Тавриз. В Тавризе просидел 20 дней и отправили в Тегеран. В Тегеране под арестом сидел до 19 марта 1929 г., а затем освобожден на 24 часа с тем, чтобы покинуть пределы Персии. Не имея ни паспорта, ни виз, сделать это невозможно. Тогда молчаливо этот срок продлился и установился такой порядок: я считаюсь формально свободным, но ночевать обязан в полиции. Так было до выезда моего из Тегерана, за исключением времени, когда я около недели прожил в квартире генерального консула СССР в Тегеране Вайнмана. Почему это было (жил у Вайнмана), расскажу потом, так как это довольно длинная и путаная история.

Но не могу не сказать следующего: как только я прибыл в Тегеран, то сразу почувствовал, что полпредство СССР добивается моей выдачи. Много было борьбы. Нужно было всячески разъяснять персидским властям, что выдать меня они не должны, так как есть де международное право, гарантирующее право убежища политическим эмигрантам, и если они меня выдадут, то авторитет их от этого пострадает, так как они тем самым докажут, что они такое же зависимое от СССР государство, как и Персия при Ходжарах⁸⁰ была зависимой от России.

Тогда они употребляли следующий прием: меня "освободили", все время каждый день говорили, чтобы я немедленно уехал. По освобождении первое, что я сделал, - пошел в Полпредство СССР, где виделся с Давтяном⁸¹ и Логановским⁸² и просил выдать мне паспорт.

Они выдать отказались, обещая сделать это дней через 4-5, а сами настойчиво требовали моего ареста вновь, придираясь к одному из пунктов договора. Я это почувствовал и понял, что паспорта они мне не дадут, а выдали бумажку о том, что выдадут паспорт через 4-5 дней, чтобы выиграть время. Тогда я иду на телеграф и подаю телеграмму в Берлин следующего содержания: "Передайте друзьям[, что] Мясников эмигрировал[,] необходима виза[,] деньги. Немедленно телеграфируйте[:] Тегеран, Полиция, Мясникову". До этого я ходил в турецкое и немецкое консульство, в визе отказали. Когда же я пошел вторично в немецкое консульство, то меня просто перестали принимать.

Вдруг я получаю ответ на телеграмму: "Мясникову. Префекту Полиции. Тегеран. Вашу телеграмму передал. Надеюсь, все будет улажено. Подпись Абрамович"⁸³.

Вначале я обрадовался и побежал в немецкое консульство, но меня опять не приняли. Пошел в Полпредство СССР и сказал, что вы, кажется, делали как раз обратное тому, что вы обещали: обещали защиту, а требовали ареста. Разумеется, заверения, что это не так, что ни словом, ни делом они не повинны в столь тяжких грехах. Но я тут почувствовал, что дело не чисто. Когда же пришел в полицию, по самым незаметным мелочам в поведении полиции убеждаюсь, что ареста требуют и теперь, а полиция готова к этому. И вдруг у

меня как молнией пронизывается не только мой ум, но и весь организм; мыслью: а что если телеграмма поддельна? А что если моя телеграмма услужливой полицией Персии передана Давтяну и он сочинил ответ? Что тогда? Что если Давтян пишет, что надеется, что все будет улажено, что и визу и деньги я получу, но только визу на въезд в СССР?

Что делать, если это так? Иду на телеграф, спрашиваю: когда ушла моя телеграмма? Один молодой армянин-телеграфист отвечает: вчера в шесть часов вечера. Как же она могла уйти в шесть вечера, коль скоро я подал ее в девять?

И сколько я ни настаивал, справки я не получил. Подозрение усилилось. Что делать? Иду на Индо-европейский телеграф: оказывается, не работает. Подаю опять телеграмму, что добиваются выдачи, имею только сутки, необходима виза, деньги, немедленно телеграфируйте. Но ведь судьба этой телеграммы та же! Хожу, как ошпаренный кипятком, но ничего не могу придумать.

Через два дня, в которые я опять побывал в Полпредстве СССР, проверяя впечатление, но ничего определенного не мог получить, так вот, дня через два я получаю следующую телеграмму: "Мясникову. Полиция. Тегеран. Виза выслана сегодня телеграфно [в] германское консульство". Подпись Абрамович.

(Ту и другую телеграмму буквально копирую).

Сомнение о подделке рассеивается. Иду, не иду, а лечу, в немецкое консульство, и в то время, как Рихтер, хлопая меня по плечу, говорит, что виза есть, и провожает меня к г. Мейеру, который вышел с вытянутой физиономией из своего кабинета и говорит, что виза выслана для Алекса Мясникова⁸⁴, а вы -- Гавриил Ильич Мясников? Да. Но вы-то просили для меня визу, а не для умершего Александра Мясникова? Да ведь Александр Мясников -- армянин, и это не его фамилия.

Придите через три дня за ответом.

Опять хожу, думаю и думаю, как в огне горю.

А что, если так дело обстоит: деньги за поданную мной телеграмму полиция передает немецкому консульству, которое посылает телеграмму и получает благоприятный для меня ответ, но, уступая просьбе полпредства СССР, начинает "мудрить". Откуда Мейер знает Алекса Мясникова? Чья рука? Давтяна?

Но что же делать?

Очень не хочу идти в английское консульство, но, кажется, не миновать его. Но раньше иду в турецкое консульство. Опять отказ. Решил идти в английское консульство. Иду. Спрашиваю: есть ли кто, кто понимает по-русски. Есть.

Я подаю то заявление, которое у меня не было принято немецким консульством. Мне говорят, чтобы я подождал. Жду. Потом проводят меня к секретарю миссии и подробно расспрашивают, кто я такой. Я говорю. Имеете ли вы паспорт? Отвечаю, что нет. Полпредство обещало выдать, но не выдает. Вижу, что если мне не выдадут паспорт, то я визы не получу. Хитрая рожа у переводчика, говорит: вы еще попытайтесь сходить, а то ведь не на чем вам визу поставить. Кажу документ от ГПУ, что я ссыльный. Можно на это поставить? Можно, но лучше, если это будет паспорт. Но, говорит, мы вам ничего не обещали.

Думал, если я получу паспорт, то не так уж неотложно буду нуждаться в визе. Попытаюсь еще сходить в консульство СССР. Прямо из английского направляюсь. Иду. Только подхожу к консульству, ворота запираются. (Обычно запираются только на ночь.) Звоню в парадное. Тот самый швейцар, который был так любезен раньше, приоткрыл дверь и грубо отвечает: праздник, и тотчас же захлопнул дверь. Пошел в английское консульство, говорю, что меня не приняли. Вижу, что знают. Наблюдение. Тогда говорят, чтобы я достал деньги и визу, куда хочу ехать, и только в этом случае они меня пропустят через Ирак, и то под конвоем. Я говорю, что послал телеграмму в Берлин, и думаю, что деньги получу. Приходите вечером.

Вечером не пошел, а пошел на другой день вечером. Тучи сгустились.

Положение было напряженное. Полиция нервничала. Шпики стали ходить стаями. Теперь ходили не только шпики Персии и СССР, но и других консульств, в том числе и английские. Не знаешь, которых нужно больше бояться. Столовая, в которой я обедал, наполнялась необыкновенно народом, и с одной стороны раздавалось, что я английский шпион, а с другой что меня могут убить сторонники СССР как опасного политического противника... Вокруг меня велась игра -- грязная и для меня ничего хорошего не обещавшая.

Что делать? Идти или не идти в английское консульство? Пошел. Показал телеграммы. Их у меня взяли и просили подождать. Ждать пришлось минут десять. Я нервничал и вошел в кабинет. Ничего особенного. Но показалось мне, что телеграммы сфотографированы, так как были прикреплены на кнопки. Меня тотчас же попросили выйти и подождать, так как, де, я делаю перевод, с тем чтобы секретарь мог дать Вам визу.

Минуты через две вынесли телеграммы и сказали, что секретаря здесь нет, если угодно, то ждите ответа на мое письмо, которое я ему послал. Я ждать не хотел, так как хотел зайти еще в немецкое консульство и просить его помешать моему аресту и выдаче. Пошел. Господин Мейер меня не принял, но через русскую прислугу всячески отделялся от меня. Грубо, дрянно, пакостно.

Делать нечего. Пошел в сопровождении всей той же артели шпииков в полицию, "домой".

Спал плохо. Вернее, не спал совсем. Часов в 6 утра иду на Индо-европейский телеграф, подаю телеграмму большую, излагаю все сначала. Неужели, думаю, я их обману?

На другой день пошел в турецкое, польское, чехословацкое, французское консульства. Результат тот же.

Потом мне выдают полицейский паспорт, но визы на нем не выдают.

Все время мне внушали мысль, что, если я поеду в Турцию без визы, то меня сразу выдадут в руки правительства СССР. Проверить этого я не мог. Верил.

Потом снова пошел по всем консульствам. В английском сказали, что им известно, что мне немцы отказывают в визе. Это надо так понимать, что и они не дадут. Сходите в польское, может быть, дадут в Данциг. Пошел: не дали. Пошел во все остальные: то же самое.

Полиция нажимала. Страсти у борющихся интригующих сторон разгораются, теперь я уже не только английский, но и немецкий шпион: открыто без стеснения говорят, а, с другой, открыто же говорят, что меня убьют сторонники СССР. Говорят по-русски и то, и другое. Что делать?

Я подал заявление на имя начальника полиции Персии, что вокруг меня ведется какая-то пропаганда, и отказался без конвоя выходить куда бы то ни было. Это путало все карты. Полиция была недовольна. Теперь я боялся уже, что меня убьют белогвардейцы по наущению английского консульства, так как этим они убивают двух зайцев: 1) разделяются со мной за Михаила Романова⁸⁵ и 2) убив меня, могут очень легко обвинить в моей смерти Полпредство СССР. Вот почему я не выходил. Я не хотел дать мой труп на потребу английской буржуазии.

В это время я получаю перевод по телеграфу из Берлина от Корш на 150 марок. Обрадовался. Но ненадолго, так как вскоре же подумал, что полиция и советское представительство возвращают мне таким образом деньги за не посланные телеграммы.

Деньги пошел получать в сопровождении городского. Увидев, что ничего опасного как будто нет, я вновь пошел по консульствам, но теперь ходил только в три -- турецкое, немецкое, чехословацкое.

Удалось мне уговорить турецкое консульство подать за мой счет телеграмму в Ангору⁸⁶ министру иностранных дел. На третий день пришел ответ. Но прежде, чем я туда пошел, там был Давтян. Виза была, но получить ее не удалось. Ходил, надоедал. Турецкий консул однажды сказал: "А вы как-нибудь проберитесь в Бутор, сядьте на пароход, попросите высадить вас

вблизи Константинополя и явитесь в турецкую полицию". Я сказал: А кто же меня без визы на пароход посадит? [Если] посадит [на] пароход СССР, то он увезет меня в СССР. Скажите, вы ведь не дадите визы по просьбе полпредства и полиции?

Он немного смешался и сказал: "Начальство запретило". Я понял, что виза выслана, но не дают.

Полиция нажимала. Однажды приходит в полицию один, как видно, из ответственных работников советского представительства -- как будто за визой. Я говорю -- согласен сдаваться. В тот же день я получаю книгу Госиздательства, в которой, как я понял, должен написать что-нибудь. Я прочитал книгу с удовольствием, так как не мог добиться, чтобы мне давали книги и газеты, и все время ничего не читал. Но сделал вид, что ничего не понял, и ничего не написал. Полицейский офицер спросил -- прочитали? -- Да. -- И ничего? -- Ничего.

Нажим сделался невыносимым. Меня загоняли в единственную дверь, в СССР. При всех моих посещениях полпредства и консульства СССР те и другие настойчиво предлагали поехать в СССР.

После моего слова о сдаче полиция стала глаже. Я пошел в консульство. Двери открылись. Просил опять паспорт, получил отказ. Я не переставал ходить в немецкое, турецкое и чехословацкое консульства: результат один.

Я понял, что Франция, Англия, Польша тоже не прочь загнать меня в СССР, с тем чтобы поймать с поличным руководящую партию Коминтерна, что она добилась выдачи меня -- этим самым смазать всю политику Коминтерна о праве убежища для политических эмигрантов и, второе, руками ГПУ разделаться со мной, чтобы иметь возможность лишний раз сказать "тайное словцо" о ГПУ.

Но мне делать было нечего. Я подаю заявление, что настойчивое требование немедленного выезда заставляет меня пойти в полпредство СССР и соглашаться поехать туда, так как все остальные консульства в визе мне отказали. Но ехать я туда согласен при следующих двух условиях: 1)если есть у меня какое-либо преступление, то пусть судят меня гласно, дав право защиты в размере не меньшем, чем тот, какой предоставлялся ЦК социалистов-революционеров⁸⁷, или же 2)гарантия неприкосновенности моей личности. Только что подал это заявление, как в тот же день получил следующее письмо (привожу буквально):

Берлин, 24 марта 1929 г.

Уважаемый товарищ!

Узнав через Абрамовича о том, что вы протелеграфировали, решили мы с некоторыми сочувствующими делать все возможное, чтобы исполнять Ваше желание. К нашему кругу, кроме подписателя и других, принадлежит и Василий Руматов, которого Вы хорошо знаете из "Блумменштр[ассе] 28". Мы перевели на Ваше имя одновременно 150 марок (через банк Националь де Перс⁸⁸), мы пользовались помощью знакомого лица, чтобы снабдить Вас адресом одного знакомого, кому Вы можете обращаться в случае надобности. Это доктор Эраш, его адрес: Арсенал, Тегеран. Можете сослаться у него на рекомендацию Яфти и проф. Леви из Берлина. Мы передали дело о выдаче Вам визума⁸⁹ присяжным поверенным Теодору Либкнехту⁹⁰ и Оскару Кону⁹¹. Мы просим Вас сейчас по получении сего написать возможно подробное письмо на нижеследующий адрес о Вашем положении, о тех мероприятиях, которые Вы уже предприняли, и о точных указаниях тех мер, которые мы должны предпринять в Вашем интересе. Немецкий консул в Тегеране уже получил телеграмму выдать Вам разрешение иммиграции в Германию.

С приветом Карл Корш

Берлин, Неу-Темпельгоф, Визенерштрассе 60.

Первое впечатление было очень хорошее, письмо подлинное, особенно соблазнительная подробность о Вас. Руматове, Блуменштр[ассе] 28. Но читая и перечитывая его бесконечное количество раз, я, как по его содержанию, так и по поведению полиции убеждался, что оно -- подделка.

Потом вскоре получил телеграмму из Стамбула без подписи, которую надо было считать ответом на мою телеграмму Л.Д.Троцкому: "Письмо и деньги посланы". Ни письма, ни денег я не получил. Это также надо считать подделкой.

Делать все же нечего. Представьте себе человека, которого сильнейшие физически люди выталкивают из комнаты. В комнате же есть одна единственная незапертая дверь. Явное дело, что волей-неволей, пошатавшись по этой комнате, он попадает в эту дверь. В таком положении был я.

Придется пойти в полпредство и согласиться поехать. Но прежде, чем это сделать, необходимо отправить мои рукописи в ваш адрес. Как это сделать? На примете два человека - один эсер, другой - генчакист⁹². Попробую. Согласились. И я тихонько, в заранее условленное место несу весь портфель. А чтобы не было заметно, портфель так же набиваю полно, как и раньше, и выхожу с ним. Получили ли вы эти рукописи? Неужели они пропали?

Сделав это, я пошел в полпредство и согласился ехать, но так, чтобы мне выдали письмо, гарантирующее свободный проезд до Москвы с заездом в город Эривань к семье.

Они согласились. Выдают мне проходное свидетельство с визой. Персидская полиция, упорно отказывавшаяся визировать выданный ими же полицейский паспорт, очень охотно и поспешно выдает визу на проходном свидетельстве. Получив визу, еду с портфелем и одеялом (мой багаж) в консульство СССР, откуда, как было условлено, я уезжаю в автомобиле в Пехлеви, а оттуда -- в Баку. Но консульство хочет во что бы то ни стало узнать, что у меня в портфеле. Везу ли я обратно все рукописи. Садят меня ужинать. В это время вещи мои ощупываются и... Тогда начинается волынка. Письма для меня нет, телеграмму, де, послали. Я настаиваю на письме. Они "не шьют, не порют". Я собираю вещи и ухожу в полицию. Вслед мне говорят, что письмо будет. Я ухожу. А утром на другой день иду в турецкое, чехословацкое и немецкое консульства и показываю проходное свидетельство с визами и говорю, что условленного письма не дали и я не поехал. Но делать нечего, ехать придется, вы ответственны за все, что произойдет со мной, а засим пошел в консульство СССР. Сказали, что пароход из Пехлеви (Энзели) через неделю -- придется неделю ждать. Переезжайте ко мне жить, говорит Вайнман. Соглашаюсь. Переехал. Вот во время моего пребывания в консульстве я через "беспартийного", как мне его представили, разъясняю, что враждебная СССР коалиция не дает виз потому, что хочет поймать ВКП(б) с поличным, что она добилась выдачи меня, и тем самым скомпрометировать все поведение Коминтерна в вопросе об убежище.

Сей "беспартийный", разумеется, передал куда нужно это, и сразу все меняется. Приходят и говорят: "Ваши дела хороши. Вам хотят выдать паспорт". Думаю, что за ход. Оказалось, что паспорта выдать они не хотят, а под предлогом обмена проходного свидетельства на паспорт хотят отобрать и проходное свидетельство, на котором имеется виза персидского правительства о выезде из Персии через любую границу. Я понял это и не пошел на обман.

Деньги, выданные мне в сумме 40 туманов⁹³, обратно не прошли (я думаю, что они мне возвратили таким путем деньги за не посланные телеграммы). Давтян делает вид, что они не хотят моего возвращения, а хотят только получить от меня "проходное свидетельство". Я его не отдаю. Он говорит, что мне хуже будет. Отвечаю, что положение мое настолько плохое, что трудно его ухудшить.

После этого я ухожу в полицию. Добиваюсь дня через два пропуска на Хой и еду. Еду в Тавриз, Хой, Макку, Бирзеглянд и в сопровождении "почтальона" приезжаю в турецкое селение Курджибулак -- к коменданту, где меня спрашивают, а затем на другой день отправляют в Баязет. Из Баязета после допроса направляют в Диадин, а из Диадина в Каракеса, где я ожидаю распоряжения Ангоры.

Первое впечатление очень хорошее. Турецкие власти держат себя в

отношении меня великолепно. Одно то, что я считаю возможным писать вам это письмо, доказывает необычайно много: то, что я не мог сделать в течение шести месяцев, находясь в руках персидской полиции, то мне разрешается на третий день по прибытии в Каракеса властями Турции. Если турецкие власти устоят против напора полпредства СССР, то все будет хорошо.

Я прекрасно знаю, что Сталин и Ко еще не отказались от своих замыслов: тем или иным путем разделаться со мной.

Здесь все будет пущено в ход: влияние, деньги, клевета, как и в Персии. Борьба переносится на территорию Турции. Но она ближе к Европе и более самостоятельна в политике, а затем здесь, в Константинополе, живут Белобородов, Раковский и Троцкий, которые, разумеется, мне помогут⁹⁴. И, если я благополучно добрался до них, то все будет хорошо.

Моя просьба к вам, дорогие товарищи, состоит в том, чтобы вы помогли мне. Помочь можно так: достать для меня визу на въезд в Германию, прислать деньги. Если получите это письмо, то немедленно телеграфируйте в Константинополь. Я сомневаюсь в том, что телеграммы и письмо -- подделка. Необходимо точно установить, посылал ли Абрамович телеграммы, а Корш -- деньги, и только тогда можно будет судить, насколько я прав, и нет ли в моих догадках просто больных расстроенных явлений. Дело это не шутка. Если устанавливается, что и телеграмма, и письмо -- подделка, то тем самым устанавливается очень тесный союз между руководящей партией Коминтерна и персидской полицией, которые в союзе ведут против оппозиции борьбу, не брезгуя никакими средствами, до подделки документов и клеветы включительно. Выступать с подобными обвинениями нельзя без самых серьезных и проверенных данных.

Да смотря по обстановке (политической ситуации), может быть, даже тогда, когда есть самые неопровержимые факты и доказательства, выступать с этим все же приходится воздерживаться. Вот почему, уважаемые товарищи, получив это письмо, без сношения со мной, покорнейшая просьба, не опубликовывать его.

Еще просьба: если получите мои рукописи, то брошюру "Немного правды" прошу не печатать, так как там есть некоторые неточности. Необходимо исправить.

Мое письмо необычайно разрослось. Пусть. Думаю, что это не вредно.

Оно больше похоже на брошюру. Но что же делать? Я не мог поступить иначе. Я и так очень много упустил.

Ну, пока что крепко жму ваши руки. С рабочим приветом

Г. Мясников

Так выручайте же меня!

Г. М[ясников]

Конст[антино]поль, 23 мая 1929 г.

[Письмо Р.Т. Адлер]

Adler copie 95

Конс[тантино]поль, 25 мая 1929 г.

Дорогая Раиса Тимофеевна!

Мы вам так давно не писали, что вы, пожалуй, уж и вправе на нас сердиться. Объясняется мое долгое молчание оттяжками приезда Франка. Мы ждали его уже давно, и я надеялся написать вам сейчас же после его приезда, полагая, что, может быть, он привезет с собою какие-нибудь новости. Сегодня он, наконец, приехал. В силу каких-то недоразумений его не встретили на вокзале, как предполагалось. Сын мой⁹⁶ должен приехать за ним из города: сейчас мы живем от города в расстоянии полутора часов паровой езды⁹⁷. Если Франк сообщит что-либо, относящееся к данному письму, то я напишу дополнительно.

Живем мы сейчас в очень благоприятных дачных условиях: природа прекрасная, и на климат нельзя пожаловаться. Много работаем. Я условился с разными европейскими и американскими издательствами о выпуске целого ряда своих книг. Сейчас все еще сижу над своей автобиографией, которая сильно разрослась против первоначальных предположений. С приездом Франка, т. е. с завтрашнего дня, приступлю к параллельной подготовке двух других книг: об Октябрьской революции⁹⁸ и о Ленине⁹⁹.

За это время мы имели здесь много (сравнительно, конечно) посещений. Приезжало несколько издателей (немцы и американцы). Приезжали французские друзья: их перебывало здесь семь человек. Старые наши друзья, Росмер с женою, и сейчас живут у нас.

Я получил большое количество документов, касающихся австрийской оппозиции. Часть этих документов пришла от вас. Все они мне будут полезны, так как помогут войти в существо спорных вопросов. То, что мне кажется безусловно необходимым сделать больше всего, -- это создать некоторое общее техническое бюро для всех немецких групп Австрии и Германии: надо добиться хотя бы того, чтобы переводы с иностранных языков, в частности с русского, делались в одном месте. Обо всем этом я переговорю с Франком.

К интернациональному журналу¹⁰⁰ оппозиции подход оказывается более медленный, чем можно было думать. Во главе французского издания станет, по-видимому, Росмер, который пользуется наибольшим личным доверием и авторитетом у всех групп.

Знают ли австрийские друзья т. Вебера, руководителя веддингской оппозиции, и как они к нему относятся? Дело в том, что выдвигается мысль о его привлечении к ближайшему участию в немецком издании международного журнала оппозиции.

Что касается острой полемики и, в частности, выпадов Фрея лично против вас, Раиса Тимофеевна, то вы и без моих пояснений понимаете, что это не может доставить мне никакого удовольствия. Но я не вижу другого способа положить конец такого рода отравленной внутренней полемике, кроме как добиться сплочения или, по крайней мере, сближения близких к нам группировок на общей работе.

Я не ответил на большое последнее письмо т. Ландау¹⁰¹ по той же самой причине, по которой не отвечал вам: я ждал приезда Франка, через которого вообще надеюсь вести свою немецкую корреспонденцию. Передайте, пожалуйста, Ландау мой привет и извинение за запоздание. Я ему, разумеется, еще напишу.

Что касается здоровья, то -- с колебаниями в ту и другую сторону -- оно в общем удовлетворительное и у Натальи Ивановны, и у меня, хотя необходимость в курортном лечении несомненна.

Немедленно почти по приезде в Константинополь я получил из Брюнна¹⁰² телеграмму от Коварда, директора Рабочего Дома. Он сообщал мне о возможности моего допущения в Чехословакию на время лечения и предлагал приехать в Константинополь для переговоров. Я тогда отклонил его приезд, так как ждал со дня на день разрешения на переезд в Германию. Не могут ли австрийские друзья узнать, в какую сторону определился Ковард: единомышленник ли это или противник? Как обстоит дело с возможностью моей поездки в Чехословакию? Оставила ли Коварда мысль о приезде в Константинополь или нет? Если он или кто-либо другой из чешских друзей хочет приехать сюда, то я могу такое намерение только приветствовать.

Вот, кажись, и все.

[Л.Д.Троцкий]

ПРЕДИСЛОВИЕ

к главе "Исключение Троцкого из ЦК ВКП

Устранение Троцкого от руководства было задумано еще во время первой болезни Ленина, т. е. в 1922 году. В течение следующего 1923 года подготовительная работа была в полном ходу; к концу года кампания выступила наружу. Руководство этой работой принадлежало "тройке" (Сталин, Зиновьев, Каменев) 104. В 1925 году тройка распадается. Зиновьев и Каменев попадают сами под зубья аппарата, построенного ими против Троцкого 105. Отныне задачей сталинской фракции является изменить полностью состав руководства, устранив со всех постов тех, которые руководили партией и государством при Ленине. В июле 1926 года Троцкий оглашает на объединенном пленуме Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии декларацию, в которой совершенно точно предсказываются дальнейшие мероприятия сталинской фракции с целью замены ленинского руководства сталинским 106. Эта программа выполнялась сталинцами в течение ближайших лет с поразительной точностью.

Важнейшим этапом на этом пути явилось привлечение к ответственности перед судом Президиума ЦКК Троцкого по обвинению в двух преступлениях: 1) в произнесении "фракционных" речей на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна и 2) в участии в демонстративных проходах члена Центрального комитета Смилги, который незадолго перед тем отправлен был в наказание за оппозиционность на Дальний Восток, в Хабаровск. В подобных же преступлениях обвинялся и Зиновьев. В качестве наказания намечался вывод обоих из состава ЦК.

Август, сентябрь и октябрь были использованы сталинской фракцией для борьбы против оппозиции на основе решений июльско-августовского пленума. В октябре наступил, наконец, момент, когда правящая фракция должна была решиться привести свое намерение в исполнение. Октябрьский объединенный пленум имел своей задачей не только вывести Троцкого и Зиновьева из Центрального комитета, но и подготовить необходимые условия для применения политики репрессий в широком масштабе.

Июльско-августовский пленум ввел в обиход партии обвинение оппозиции в нежелании защищать Советскую Республику против империалистских врагов. Этого бесчестного обвинения, которое быстро износилось, было для новой стадии уже недостаточно. Извлечены были последние идейные резервы Сталина. На поле борьбы выведена была версия о некоем военном заговоре, который почти что был замышлен и почти что был связан с оппозицией. Связь состояла в том, что один из военных специалистов в разговоре с другими специалистами, которые, правда, как и первый, не были заговорщиками, но могли ими стать, назвал имя Троцкого, не для целей заговора, а без всякой определенной цели. Но все равно: было имя Троцкого, были где-то какие-то военные специалисты, и, вообще говоря, мог быть военный заговор. Правда, военный специалист, назвавший Троцкого -- как по разным поводам, называли то же имя тысячи других -- находился во время преступной беседы в Монголии, т. е. в пункте, мало благоприятном для руководства переворотом в Москве. Но разве же сталинские агитаторы обязаны называть Монголию и вообще заниматься географией в своих выступлениях перед партийными ячейками? Несколько специалистов были арестованы в разных местах, по-видимому, без малейшего основания. Председатель ГПУ Менжинский читал об этом деле доклад на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК, когда в порядке дня стоял вопрос об оппозиции. Даже наиболее тупые и бессовестные сторонники сталинской фракции слушали доклад с чувством тревоги и стыда. Термидорианская амальгама слишком грубо торчала наружу. Некоторые из большинства выражали в кулуарах возмущение. Провал сталинской махинации на пленуме был так очевиден, что в дальнейшем все ораторы, кроме не вполне вменяемого Бухарина, осторожно или брезгливо

обходили этот вопрос. Это не помешало, разумеется, агитаторам Сталина отравлять в дальнейшем партию слухами о контрреволюционном заговоре.

Исключение Троцкого и Зиновьева из ЦК накануне XV съезда являлось только необходимым предисловием к исключению оппозиции из партии и ссылке активных оппозиционеров в Сибирь и Центральную Азию¹⁰⁷. В развитии революции открывался новый этап.

[Май 1929 г.]
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.К. Клячко]

copie¹⁰⁸ а А.Kliatschko¹⁰⁹
Конс[тантино]поль, 1 июня 1929 г.

Дорогая Анна Константиновна!

Кроме вашего приветов получили мы неожиданно через т. Франка два тома Гейне, и были очень тронуты вашим вниманием. Не зная, откуда томики, и увидев их на моем столе через несколько минут после получения, Наталья Ивановна очень удивилась тому, как они похожи на наши старые книжки. Старых друзей всегда приятно находить, -- и в книжках, и в людях.

Мы живем на острове Принкипо, куда я когда-то собирался ехать по приглашению Ллойд-Джорджа на международную конференцию¹¹⁰. Хотя из затеи Ллойд-Джорджа ничего не вышло, но географически его выбор был недурен: полная изолированность от остального мира и прекрасная погода. Вид из наших окон открывается во все стороны прекрасный до неправдоподобия. Единственным минусом являются москиты, которые, несмотря на холодную весну, уже дают себя по ночам знать.

Я все еще с головой погружен в эту самую автобиографию и не знаю, как из нее выбраться. В сущности, я мог бы давно ее закончить, но мешает проклятый педантизм: продолжаю наводить справки, проверяю даты, одно вычеркиваю, другое вписываю. Уже не раз подмывало меня желание бросить все это в камин и заняться более серьезной работой, но, как на грех, время летнее, и в каминах нет огня. Впрочем, здесь нет и каминов.

Победа рабочей партии в Англии¹¹¹ открывает для меня небольшую

-- совсем небольшую -- надежду переселиться в Англию. Если бы Макдональд получил абсолютное большинство, ему было бы очень трудно мне отказать. Но теперь он может, пожалуй, ответить мне то же самое, что он будет отвечать на требования своих собственных рабочих: "рад бы в рай, да либералы¹¹² не пускают"...¹¹³ Все же, как только он встанет во главе правительства (а это как будто неизбежно), я немедленно же пошлю ему телеграмму и обращусь специально в здешнее британское консульство¹¹⁴.

У нас здесь сейчас гости: Росмер с женой. Вообще посещений за это время было немало: с одной стороны, немецкие и американские издатели, с другой стороны, французские друзья.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Р.Т. Адлер]

Copie Adler
Конс[тантино]поль, 6 июня 1929 г.
Дорогая Раиса Тимофеевна!

Получил ваше последнее письмо с копией заявления тов. Буриана¹¹⁵ от 26 мая. Я спешу ответить именно в связи с этим последним заявлением. Оно во всех смыслах является недостаточным. Может быть, это объясняется -- и даже наверняка -- психологическим моментом в

эволюции самого тов. Буриана. Но политика имеет свои требования и ее нельзя удовлетворить... "психоанализом" или "индивидуальной психологией" (это ни в коем случае не полемика против индивидуальной психологии). Письмо тов. Буриана имеет по форме процессуальный, по существу -- оправдательный характер. Такого рода позиция никого не может увлечь за собою. Люди могут пойти за тов. Бурианом или за другим только в том случае, если ясно и точно узнают, чего он хочет, под каким знаменем ведет борьбу и почему считает возможным, даже обязательным нарушать "дисциплину" сталинской бюрократии. Это надо сказать смело, открыто и наступательно. За самые последние недели мы имеем: первомайские события в Берлине¹¹⁶ и выборы в Англии, а незадолго перед тем открытое заявление Коминтерна о разложении американской компартии¹¹⁷. Сталинская бюрократия уверенной рукою ведет Коминтерн к разложению, к разгрому, к идейному унижению. Через достаточно короткое время это станет очевидным и бесспорным. Чем открытее и смелее мы сейчас будем разоблачать эту политику и предупреждать об ее последствиях, тем выше поднимется авторитет оппозиции к моменту нового подъема и собирания революционных сил. Разумеется, и формальная сторона имеет свое значение. Но нельзя ее преувеличивать, нельзя защищаться тем, что я, де, нарушил дисциплину только на одну осьмую, а не на три четверти. Такого рода самооправдание не удовлетворяет противника и сеет неуверенность в рядах возможных союзников. Очень двусмысленно звучит отношение тов. Буриана к так называемому "троцкизму". Не видно, понял ли т. Буриан, что под именем "троцкизма" сейчас распинается и преследуется марксизм, как в свое время он преследовался под именем "бланкизма"¹¹⁸? Весьма возможно, что сам Буриан это понимает, но считает нужным дипломатничать. Это величайшая ошибка. Дипломатия не обманет противников, но зато наверняка смутит и спутает друзей.

Конечно, был период, когда оппозиция вела еще "утробное" существование, но она уже давно появилась на свет -- притом сразу или почти сразу в международном масштабе. Сейчас мы представляем собой еще неоформленную, но тем не менее вполне реальную и осязательную международную фракцию, связанную круговой ответственностью. Нам нужна ясность и идейная наступательность. Конечно, в каждой отдельной стране имеется для оппозиции свой собственный утробный период; пожалуй, и для каждого отдельного оппозиционера. Но этот период должен теперь сводиться к минимуму. Это значит, письмо т. Буриана от 26 мая может быть оправдано лишь в том случае, если за этим письмом вскоре последует другое -- ясное и отчетливое политическое заявление. Я надеюсь, что мое мнение дойдет до товарища Буриана и что он увидит в моих словах не придиричивость, а только доброжелательное внимание. Положение в чехословацкой партии остается глубоко критическим, между тем, мне совершенно не ясно, есть ли там хоть небольшая группа действительных большевиков, которая могла бы теперь развернуть знамя оппозиции, чтобы группировать вокруг нее все наиболее решительные, идейные и самоотверженные элементы партии. Открытый переход т. Буриана на сторону оппозиции имел бы в этом случае серьезное значение -- не столько с точки зрения чешской группы в Вене, сколько с точки зрения чехословацкой партии. Если бы т. Буриан написал мне о положении в этой последней, о различных группировках в ней, о приблизительном соотношении сил с краткой характеристикой руководителей всех группировок - я был бы ему очень благодарен. Вообще чехословацкая партия -- самое слабое мое место в смысле информации. Попытку тов. Ландау издавать совместную газету с чешскими товарищами можно только приветствовать. Скоро ли, однако, выйдет No 2-й этого издания?

Копии этого письма я никому не посылаю, дабы не вызвать неправильного представления, будто я вступаю в полемику с т. Бурианом. На самом деле это письмо имеет совершенно личный характер и преследует только выяснение действительной позиции т. Буриана.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Р.Т. Адлер]

Конс[тантино]поль, 9 июня 1929 г.

Дорогая Раиса Тимофеевна,

Пишу вам вот по какому делу. В течение июля я хочу вместе с несколькими товарищами выпустить одновременно на трех языках коллективную брошюру, посвященную: а)первомайским событиям в Германии, б)выборам в Англии, в)выборам в Бельгии, г)распаду чехословацкой партии, д)распаду американской партии¹¹⁹. Для этой брошюры в высшей степени важно получить дельный фактический очерк того, что произошло в чехословацкой партии за последние год-полтора, с самым кратким очерком предшествующего развития. Я думаю, что такую статью может написать тов. Ландау. Он мог бы для этого использовать помощь тов. Буриана и других венских чехов. Еще лучше было бы, если бы он мог с этой целью совершить поездку в Прагу для выяснения дел на месте, для ознакомления с фактами и литературой. Необходимые на это расходы редакция брошюры и будущего журнала возместила бы. Дело очень важное¹²⁰. После написания статьи тов. Ландау мог бы прочитать и обсудить ее с Бурианом и другими чешскими коммунистами, близко стоящими к ним. Если у них будут разногласия с автором, пусть напишут свои мнения сюда: они будут учтены при составлении брошюры.

Положение Интернационала совершенно катастрофическое после того, что произошло в течение последних месяцев. Брошюра должна это вскрыть и сделать выводы, прежде всего о необходимости интернациональной фракции и интернационального журнала. Брошюра должна явиться как бы манифестом фракции и подготовкой журнала, который придется из-за летнего времени отложить до 1 сентября.

Объясните, пожалуйста, Ландау, что я не пишу ему лично, потому что это отняло бы у меня втрое больше времени, а я сейчас совсем перегружен, и буквально каждая минута у меня на счету.

Привет вашим и всем друзьям.

Письмо Из[абеллы] Ш[трассе] получил. Отвечу ей как только улучу свободные полчаса.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо коммунистам-оппозиционерам в Пфальце (Германия)]

13-6-[19]29

Коммунистической оппозиции в Пфальце

Дорогие товарищи!

Я получил ваше письмо от 31 мая с приложенным к нему циркулярным обращением по поводу первомайских событий. Я хочу здесь высказать несколько кратких соображений по поводу вашего письма.

1. Совершенно правильно, что мы не ставим себе задачей ни создание второй партии, ни создание IV Интернационала. И в партии, и в Интернационале есть много революционных элементов. Но для того, чтобы при их помощи радикально изменить курс политики и режим, оппозиции необходимо представлять из себя серьезную, тесно сплоченную фракцию, как в национальном, так и в интернациональном масштабе.

2. В Ленинбунде имеются тенденции превращения во вторую партию, но это только тенденции. При правильной политике Ленинбунд может стать фракцией оппозиции, борющейся за влияние на партию и на беспартийных. Вот почему я считаю неправильным бойкотировать Ленинбунд.

3. Вы справедливо указываете на то, что у Ленинбунда нет собственной платформы. Но это и свидетельствует, как мне кажется, что рассматривать Ленинбунд как вторую партию преждевременно. Надо потребовать от Ленинбунда

выработки немецкой платформы и принятия участия вместе со всеми нами в выработке международной платформы оппозиции. Именно такова моя позиция в этом вопросе. Я не сомневаюсь, что в Ленинбунде есть много здоровых революционных элементов. Надо во что бы то ни стало попытаться договориться с ними. Если там есть сектанты, стоящие за создание второй партии во что бы то ни стало, то их надо разоблачить и изолировать.

4. Вы пишете, что Ленинбунд сильно ослабел. Возможно. Но ведь и веддингская оппозиция также ослабела. Левое крыло все еще находится в отступлении, тогда как правое крыло и социал-демократия растут. Центристский аппарат всей своей политикой помогает социал-демократии и правому крылу. Это процесс международный. Я не отрицаю ошибок Ленинбунда и намерен с этими ошибками бороться. Но дело не в ошибках, а во всем характере нынешнего периода.

5. Вы говорите о вашем намерении вмешиваться активно в борьбу масс. Это само собою разумеющееся требование для каждого революционного марксиста. Но чтобы правильно вмешиваться в борьбу масс, нам нужна правильная принципиальная база. Оппозиция представляет сейчас незначительное меньшинство. Это меньшинство может стать большинством только при условии предварительного теоретического самоуяснения. Нам нужен серьезный теоретический орган, как немецкий, так и интернациональный. Ни ваша группа, ни Ленинбунд одними своими силами создать такой орган не могут. Необходимо попытаться создать теоретический орган общими силами и сделать этот орган орудием для выработки платформы. На этой платформе можно объединить подлинных революционных марксистов, большевиков-ленинцев, отмежевавшихся от сектантов и путаников.

6. В циркулярном письме вы признаете правильным выход на улицу вопреки полицейскому запрету. В то же время вы указываете, что на улицу вышло ничтожное меньшинство. Правильно ли было, в таком случае, принимать бой или нет? Я не нахожу у вас ясного ответа.

Вот краткие мои соображения по поводу вашего письма. Вы должны иметь в виду, что я слишком отрезан от немецкой жизни и потому, может быть, не все учитываю.

Крепко жму руки и желаю успеха.

С революционным коммунистическим приветом.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо руководству Ленинбунда]

Конс[тантино]поль, 13 июня 1929 г.

Центральному комитету Ленинбунда

Редакции "Фольксвилле"

Дорогие товарищи!

Я считаю, что отношение, сложившееся до настоящего времени между русской оппозицией, с одной стороны, и Ленинбундом, с другой, не вполне нормально. Хуже всего в политике неясность и недоговоренность. Между тем таких недоговоренностей имеется немало.

"Фольксвилле" при всяком удобном случае заявляет, что он далеко не во всем согласен с Троцким, причем делает такие заявления мимоходом, никогда ясно и отчетливо не объясняя, в чем он не согласен. Вопрос приобретает большое значение, ибо дело идет вовсе не только о Троцком, а обо всей русской оппозиции, тысячи сторонников которой заполняют сейчас тюрьмы и ссылки. Если "Фольксвилле" считает, что русская оппозиция "не идет достаточно далеко", то он обязан ясно, точно и принципиально разъяснить, куда именно должна идти русская оппозиция.

Это тем более обязательно, что русская оппозиция успела высказаться в ряде принципиальных документов по всем важнейшим вопросам международного революционного движения. Помимо платформы оппозиции имеются документы,

адресованные VI-му конгрессу и официально одобренные центром русской оппозиции. Если вы не согласны с платформой оппозиции или с нашей критикой программы Коминтерна или с нашей позицией в китайском вопросе, англо-русском или с нашей тактикой в СССР, то прямая ваша обязанность, дорогие товарищи, ясно и точно сказать, с чем именно вы не согласны, а не отделяться отдельными фактами, которые могут вызвать только недоумение.

Несогласие как будто бы касается вопроса о термидоре. Последний раз я об этом вопросе говорил подробно в своей работе "Кризис правоцентристского блока"¹²¹. Вы эту работу напечатали. Я не читал ни одной статьи вашего журнала, в которой бы моя точка зрения подвергалась критике. Если действительно есть разногласия, то не только ваше право, но и ваша обязанность выступить с критикой. Вместо этого редакция ограничивается ничем не значащими фразами о том, что мы идем недостаточно далеко.

В Вашем издании была статья о том, что в Советской Республике надо выкинуть, так же, как и в капиталистических странах, лозунг свободы коалиции. В частном письме тов. Урбансу я высказался в том смысле, что автор статьи не отдает себе достаточного отчета о содержании лозунга "свобода коалиции". Этот лозунг есть составная часть демократической программы и вне ее превращается в бессмыслицу. Свобода коалиции немыслима вне свободы печати и собраний, свободы классовой борьбы, которая в свою очередь увенчивается парламентской демократией. Если считать, что Советская Республика бесповоротно вступила на путь капитализма и буржуазной политики, тогда надо вместе с меньшевиками требовать не только свободы коалиции, но и отмены национализации, прекращения планового хозяйства, отмены монополии внешней торговли и проч., ибо с точки зрения капиталистического развития все эти учреждения являются прямым тормозом. Нельзя быть в одно и то же время за свободу коалиции и за монополию внешней торговли.

Далее: если СССР является крупным буржуазным государством, то какова наша позиция в международных вопросах? Как мы относимся к СССР в случае военного конфликта этого государства с буржуазным государством? Все эти вопросы требуют ясного и точного ответа. Дело вовсе не идет о согласии "на сто процентов с тов. Троцким", как часто (и довольно неуместно, по-моему) выражается "Фольксвилле". Дело идет о ясной позиции в самых основных вопросах марксистской политики. Если взять на один только градус левее правильной линии, то стороны угла будут все больше и больше расходиться. Между тем, я боюсь, что вы берете на несколько градусов "левее", чем нужно.

Я с большой тревогой смотрю на положение Ленинбунда. Нельзя запускать даже небольшие раны: может начаться нагноение. Дело идет о судьбе вашей организации.

Я считаю, что необходимо сделать попытку объяснить по всем этим вопросам начистоту. Этого можно достигнуть только при личном свидании. Я считаю, что вы должны были направить сюда по крайней мере двух товарищей на несколько дней, в течение которых мы могли бы тщательно обсудить все основные вопросы и решить, есть ли у нас солидарность по основным вопросам или же нам необходимо перейти на путь открытой принципиальной полемики. И то, и другое лучше, чем замалчивание неясности, оговорки и экивоки.

Надеюсь, что ответ ваш не заставит себя долго ждать.

С коммунистическим приветом.

[Л.Д.Троцкий]

ПИСЬМО М. ИСТМЕНУ¹²²

Константинополь, 13 июня 1929 г.

Дорогой друг!

Посылаю вам при этом письмо мое, написанное вам более месяца тому назад. Я не отправил его тогда же, так как у меня не было свободной копии некоторых из моих работ, которые я вам хотел послать для американской книги.

С того времени я получил от вас новое письмо (к сожалению, без даты): поэты и идеалисты (противники марксизма) не очень считаются с хронологией и цифрами вообще.

Я, разумеется, с полной готовностью предоставляю все посылаемые рукописи в собственность "Милитанта"¹²³ или того будущего издательства, которое вы собираетесь с оппозицией создать. Я был бы очень рад, если бы это облегчило постановку собственной типографии.

С Бони я договорился окончательно относительно трех книг: 2 тома "Истории Октябрьской революции" (1917-1929) и "Ленин и эпигоны"¹²⁴. Я ему дал опшен¹²⁵ на две другие книги: о мировой политике и о Ленине. Книга о мировой политике будет в значительной своей части посвящена взаимоотношениям Америки и Европы, в особенности Англии. Книга о Ленине будет состоять из четырех частей: А) Биография, Б) Характеристика, В) Воспоминания, Г) Переписка (сотни неизданных писем Ленина и к Ленину в эпоху гражданской войны и позже).

Никаких фотографий у меня, к сожалению, сейчас нет. Все это осталось в Москве. Если удастся получить, немедленно вышлю вам. Много фотографий имеется у Росмера в Париже. У меня был большой круг кинематографических лент, запрещенных сталинской цензурой. Все это относилось к различным эпизодам гражданской войны, связанным со мною. По-видимому, этот круг пропал при пересылке за границу.

Ваше предложение -- сняться для говорящей американской фильма из эпохи русской революции -- сильно смущает меня. Я отказал Пате¹²⁶ даже в простом снимке.

Разумеется, революционный фильм -- другое дело. Но все же я не мог бы читать красную присягу перед аппаратом, а не перед красноармейцами. Я охотно сделаю для популяризации вашего фильма все, что смогу: в виде письма к вам, в виде статей или отзывов, в виде интервью и проч. Но фигурировать перед киноаппаратом -- нет, увольте, дорогой друг.

Крепко жму вашу руку и желаю всего хорошего.

Ваш Л.Тр[оцкий]

[Письмо И. Фрею]

Конс[тантино]поль, 13 июня 1929 г.

Дорогой товарищ Фрей!

Я не писал вам все это время потому, что по горло занят своей книгой.

Посылаю вам кое-какие новые документы. Статью мою по поводу немецких правых и "сектантства" левых переводит Р.Адлер. Насколько я помню, она свои переводы готова предоставлять всем оппозиционным группам. Мне кажется, было бы полезно для дела, если бы в среде левой австрийской оппозиции можно было прекратить личные нападки и свести борьбу, поскольку она может оказаться идейно неизбежной, к спокойной полемике. Мне все же кажется, что объединение всей австрийской оппозиции необходимо и неизбежно. Вступлением к нему могло бы явиться изменение тона в полемике.

С вами я хотел бы лично повидаться, чтобы переговорить о многих вопросах. Не знаю, насколько такого рода путешествие осуществимо для вас? Я возбудил ходатайство о переезде в Англию. Ответа пока еще не имею. Сообщите о возможности вашего путешествия в принципе.

С искренним товарищеским приветом.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо руководству Ленинбунда]

15-6-[19]29

Ленинбунду

Дорогие товарищи. В дополнение к последнему письму хочу указать еще на

одно обстоятельство, требующее скорейшего свидания. Вопрос об издании международного журнала оппозиции согласован уже с несколькими национальными секциями оппозиции. Совершенно очевидно, что такая крупная организация, как Ленинбунд, не может остаться от этого дела в стороне. Откладывать же дольше выпуск международного журнала совершенно невозможно. Вот почему желателен проезд представителей Ленинбунда с достаточными полномочиями для принятия участия в решении вопроса.

С коммунистическим приветом.
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Г. Франкфуртеру]127

Конс[тантинополь], 18 июня 1929 г.
Многоуважаемый Господин Д-р Франкфуртер!

Я переслал Вам копию письма г. Шумана128, которое окончательно разоблачает в моих глазах этого господина. В своем последнем письме ему я заявил, что не могу позволить себе заподозривать чистоту его намерений. Разумеется, эта фраза могла иметь лишь условный характер, так как факты и действия красноречивее психологических гипотез. Я хотел просто дать г. Шуману возможность самому исправить свой недобросовестный образ действий и потому не торопился с уничтожающей моральной квалификацией. Но сейчас я ее должен сделать.

Г. Шуман заявляет, что разрыв договора нанес бы ему моральный ущерб. Он цинично игнорирует тот моральный ущерб, который причинило бы мне выполнение договора, заключенного не по моему, а по его настоянию, причем Шуман сознательно скрыл от меня свежую книгу Керенского, задрапировав ее своей старой книжкой о Либкнехте и другими изданиями.

Если до его письма я мог -- при крайней снисходительности -- допускать еще, что он скрыл от меня изданную им гнусно-клеветническую книгу Керенского из соображений "такта" (т. е. того, что он называет тактом), то после его последнего письма не может оставаться и тени сомнения насчет моральных приемов этого издателя.

Он заявляет готовность печатно дезавуировать клевету Керенского, если (!) я дам ему рукопись своей книги. Другими словами, он готов поддержать клевету против Ленина и меня или дезавуировать эту клевету в зависимости от того, может ли он рассчитывать на барыш или нет. Если он считает, что в утверждениях Керенского может быть доля правды, как он может дезавуировать его? Если же он сам признает изданную им книгу Керенского клеветнической, то как же он смеет превращать теперь эту клевету в орудие шантажа против меня? И какую моральную цену может иметь его дезавуированье, как бы заранее оплаченное? Оно будет слишком похоже на корыстное лжесвидетельство.

Мне кажется, надо расчленить два вопроса: а) вопрос о клевете, б) вопрос о договоре. Я считаю во всех отношениях более правильным возбудить против Шумана обвинение в клевете. На этом процессе мы будем в самом выгодном положении: непосвященному человеку трудно себе даже представить, насколько вздорны и смехотворны те данные, на которые опирается "обвинение" Керенского. В ближайшие дни я пришлю вам по этому вопросу более или менее полную справку. Сейчас достаточно сказать, что обвинение против меня лично выдвинуто было следователем Александровым в июле 1917 года, при правительстве Керенского, на том единственном основании, что я приехал вместе с Лениным в немецком plombированном вагоне129. Между тем всему миру, кроме следователя Александрова, было известно, что я приехал из Америки через Скандинавию на месяц позже Ленина, так как был задержан в пути англичанами в концентрационном лагере. Других доводов против меня вообще не было. Обвинение против Ленина, как я покажу, построено на столь же солидных основаниях.

Именно в Германии такой процесс мог бы дать должные результаты, так как здесь под руками были бы необходимые немецкие свидетели. Так как дело идет о политической чести Ленина, то мы имели бы необходимых свидетелей также и со стороны Советской Республики.

Я вас очень прошу обдумать вопрос под этим политическим углом зрения, который перекрывает полностью вопрос о договоре с издателем. Некоторым затруднением является то, что я, не имея визы, не смог бы приехать на процесс. Думаю, что процесс мог бы с успехом быть проведен и без моего прямого участия. Я дал бы письменные объяснения.

Если решиться на такого рода шаг, то в отношении Шумана можно, пожалуй, ограничиться одной лишь формальной заявкой о расторжении договора, чтобы не терять срока. Жду Вашего заключения.

С совершенным уважением
Л.Троцкий

[Письмо А. Мюллеру]

Muller

Конс[тантино]поль, 19 июня 1929 г.

Дорогой товарищ!

Я получил ваше большое и интересное письмо от 8 июня. Буду вам очень благодарен, если пришлете отчеты других очевидцев событий.

Мне не совсем ясно из вашего письма: призывала ли партия строить баррикады и обороняться с оружием в руках или нет?

Вы говорите, что в вашей части города, [...]130 но вы не характеризуете их отношения к демонстрации и к вооруженной обороне. Кампания против постройки крейсеров131 собрала, если память мне не изменяет, всего лишь два с половиной миллиона голосов. Стала ли партия после того сильнее или слабее?

Были ли со стороны партии нелегальные печатные воззвания, циркуляры, резолюции? Нельзя ли было бы их получить?

Посылаю копию моего письма пфальцским товарищам132. Это есть вместе с тем и ответ на ваше письмо о Ленинбунде.

Были ли где-либо еще статьи о моей книге по поводу программы Коминтерна?

С товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Телеграмма Г.И. Мясникову]

Амасия[,]133 Полиция[,] Мясникову

Посылаем снова деньги стоп Обратились турецким властям стоп Написали Берлин[,] Париж[.] Привет

26.6.[19]29

[Л.Д.Троцкий]

[Телеграмма Г.И. Мясникову]

Мясникову

Обратитесь официально [к] правительству[в] Ангору [с] просьбой выехать через Стамбул [в] Германию стоп Если нужно[,] вышлю денег на дорогу[,] Троцкий

28-6-[19]29

[Письмо Г.И. Мясникову]

Мясникову
Принкипо, 7 июля 1929 г.
Дорогой товарищ,

Только что получили от вас новую телеграмму, которую трудно разобрать, так как турецкий телеграф очень искажает русский текст. Сообщаю поэтому вкратце письмом то, что мы здесь смогли предпринять.

Мы обратились к местному префекту и к вали константинопольского вилайета¹³⁴ с просьбой о разрешении вам прибыть в Константинополь для скорейшей поездки в Германию, где вам необходимо лечение. В таком духе я составил для вали небольшую справку. Вали посоветовал, чтобы вы обратились непосредственно в Ангору, и в то же время дал понять, что мне лучше не обращаться в Ангору. Я и сам так думаю, ибо мое вмешательство могло бы произвести прямо противоположное действие, вызвав представление, будто мною руководят какие-либо закулисные политические соображения, а не просто забота о товарище, попавшем в трудное положение. В справке, выданной вали, я указал на то, что вашей судьбой интересуются в Берлине и в Париже и что самое лучшее для турецких властей -- дать вам проехать в Германию, куда вас, по всей вероятности, впустят. Не сомневаюсь, что вали мою справку переслал в Ангору, и что этот путь более отвечает цели, чем официальная моя попытка вмешаться, которая, как уже сказано, могла бы дать прямо противоположный результат.

Если вы, однако, считаете, что письмо мое в Ангору может принести пользу, то я, разумеется, его немедленно напишу. Но для этого я должен знать, что вы предприняли до сих пор сами: писали ли в Ангору, кому и что именно. Ответьте мне лучше письмом, а не телеграммой, так как в телеграммах ничего нельзя разобрать, тем более, что вы, вероятно, пишете от руки, а не на машинке, искажения поэтому особенно многочисленны. Лучше перетерпите лишнюю неделю в Амасии, чтобы условиться обо всем дальнейшем.

Надеюсь, что сто лир, посланные по телеграфу, в два приема дошли до вас.

С товарищеским приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Г. Франкфуртеру]

16/7[19]29

Многоуважаемый господин Д-р Франкфуртер!

Позвольте, хоть и с запозданием, сказать вам в нескольких строках, как радуют меня та решительность и меткость, с какими вы взяли в свои руки мое злополучное дело с Шуманом. Я совсем не хочу извинять свой промах, состоявший в подписании договора, но целый ряд внешних обстоятельств сложился тогда крайне благоприятно для Шумана, не говоря уж о проявленной им несомненной ловкости. А сверх того, несмотря на известный жизненный опыт, я в каждом отдельном случае исхожу из предположения, что данный человек есть честный человек, пока не доказано обратное.

Надеюсь, что пересланные мною вам через фрау Пфемферт¹³⁵ материалы достаточны для разрешения задачи. Если нужны дополнительные сведения, прошу написать.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Г.И. Мясникову]

Принкипо, 18 июля 1929 г.
Дорогой товарищ Мясников!

Вполне представляю себе те тяжкие условия, в которых вам пришлось провести последние месяцы. Тем важнее для вас сейчас спокойно отдохнуть. Я

думаю, что вы сейчас можете более спокойно дожидаться дальнейшего развития событий. Выдачу вас сталинцам я считаю исключенной, уже хотя бы по тому одному, что это прежде всего было бы невыгодно Сталину. Бюрократическая процедура с визой может, конечно, протянуться несколько лишних недель. Дождитесь спокойно в Амасии, не волнуйтесь и не нервничайте понапрасну.

О вопросах политических я сейчас писать не буду. Надеюсь, что по пути в Германию остановитесь в Константинополе, и тогда можно будет с гораздо большим успехом обменяться мнениями устно.

[Л.Д.Троцкий]

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ ПО ПОВОДУ КИТАЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹³⁶

По поводу советско-китайских отношений я могу дать свое мнение, разумеется, лишь как частное лицо. Никаких данных, кроме газетных, у меня нет. В такого рода делах газетные данные всегда недостаточны.

Не может быть никакого сомнения, что агрессивность обнаружена не советским, а китайским правительством. Режим Китайско-Восточной дороги¹³⁷ существует уже ряд лет. Те рабочие организации, против которых выступили китайские власти, существуют тоже не со вчерашнего дня. Нынешний режим Китайско-Восточной дороги был в последний раз тщательно разработан особой комиссией под моим руководством. Решения этой комиссии утверждены в апреле 1926 г. и полностью обеспечивают интересы китайской стороны. Поведение нынешнего китайского правительства объясняется тем, что оно укрепилось путем разгрома рабочих и крестьян. О причинах поражения революционного движения китайского народа я здесь говорить не буду, так как эту тему я достаточно осветил в своих уже напечатанных работах. Правительство, поднявшееся из разгрома революции, как всегда, чувствует себя слабым по отношению к тем силам, против которых направлена была революция, т. е. прежде всего против британского и японского империализма. Оно вынуждено поэтому пытаться поднять свой авторитет путем авантюристических жестов по адресу революционного соседа.

Должна ли эта провокация, выросшая из разгрома китайской революции, повести к войне? Я этого не думаю. Почему? Потому что советское правительство не хочет войны, а китайское правительство не способно вести ее.

Армия Чан Кайши одерживала в 1925-[19]27 гг. победы благодаря революционному подъему масс. Повернувшись против них, армия лишилась главного источника своей силы. Как чисто военная организация армия Чан Кайши крайне слаба. Чан Кайши не может не понимать, что советское правительство слишком хорошо знает слабость его армии. Не приходится и думать о том, чтобы Чан Кайши без помощи других держав способен был вести войну с Красной армией. Вернее сказать, Чан Кайши мог бы воевать лишь в том случае, если бы его армия являлась лишь вспомогательным отрядом при войсках другой державы. Я не думаю, что такая комбинация сейчас очень вероятна, особенно при указанном выше искреннем стремлении советского правительства уладить вопрос мирными средствами.

Выступление американского правительства с напоминанием о пакте Келлога вряд ли может представиться очень убедительным, поскольку американское правительство до сих пор не признало Советов и тем не создало хотя бы формальных предпосылок для "беспристрастного" отношения к конфликту.

Мне незачем объяснять, что в случае, если бы Советам была навязана война, "оппозиция" отдала бы себя целиком делу защиты Октябрьской революции.

22 июля 1929 г.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Истмену]

Т-щу М. Истмену

22 июля 1929 г.

Дорогой друг!

Скрибнер¹³⁸ настаивает на том, чтобы не посылать мне перевода моей автобиографии на просмотр, так как это вызывает задержки. Первую главу я просматриваю здесь. Что касается всей книги, то я готов отказаться от просмотра перевода при одном условии: если бы вы согласились просмотреть на пробу несколько глав. Скрибнер очень хвалит своего переводчика, который перевел Антона Чехова¹³⁹. Но я не знаю, в какой мере этот переводчик знаком с революцией и марксизмом и владеет соответственной терминологией. Между тем политические качества переводчика для меня важнее его беллетристических качеств. Вот почему, я был бы вам в высшей степени благодарен, если бы вы просмотрели четыре-пять глав под этим углом зрения. Думаю, что Скрибнер должен за эту работу заплатить?

Теперь второй вопрос. Парижский представитель "Консолидейтед Пресс"¹⁴⁰ был посредником между мной и Скрибнером. Я согласился на условия Скрибнера, не зная совершенно, что "Консолидейтед Пресс" берет в свою пользу 10%. Никакой надобности в посредничестве "Консолидейтед Пресс" у меня не было. Грэвс¹⁴¹ предложил мне условия более благоприятные, чем Скрибнер. Точно так же и Бони. Условия Скрибнера сами по себе мало благоприятны, а отчисление 10% делает условия прямо-таки возмутительными. Скрибнер платит мне 15% независимо от тиража. Это значит 13,5% (за вычетом 10% посреднику). Между тем, Грэвс предложил 15% за первые 15.000 и 20% за дальнейшие издания. Не возьметесь ли вы позондировать на этот счет почву у Скрибнера? Может быть, он согласится считать заключенное нами соглашение действительным только для первого издания в 15.000 экз. Тогда и отчисление в 10% также относилось бы только к этому первому изданию. Что касается следующих изданий, то мы заключили бы новое соглашение. Я хочу избавиться, прежде всего, от этого совершенно разбойничьего налога в пользу "Косолидейтед Пресс", которое и без того нажило на мне большие деньги.

Должен сказать, что никакого оформленного договора у нас со Скрибнером еще нет, ни у меня с "Косолидейтед Пресс". Все дело ограничивалось письмами и телеграммами, которых я даже не видал. Для такой книги, как автобиография, мне никаких посредников не нужно было и не нужно сейчас, так как я засыпан предложениями со всех сторон. Выясните, пожалуйста, этот вопрос в частном порядке и сообщите мне, можно ли еще что-нибудь поправить.

Получили ли вы рукописи, которые я вам послал? Что собираетесь с ними делать?

Автобиографию я заканчиваю только сейчас. Сильно задержала меня малярия. Да и работы оказалось больше, чем я предполагал. У нас здесь два с половиной месяца прожил Росмер, который на днях возвращается в Париж, где становится во главе еженедельного издания оппозиции. Попытка поставить еженедельник при помощи группы Паза ни к чему не привела. К величайшему моему сожалению подход Паза ко всем вопросам является комнатным и доктринерским и очень далеко отстоит от революционного подхода. Сможет ли Паз переучиться, покажет будущее.

Только боевой еженедельник может вывести французскую оппозицию из ее нынешней жалкой раздробленности.

А как обстоит дело с американским еженедельником? По-видимому, встретились препятствия?

Крепко жму руку. Привет

Дружески

Ваш Л.Троцкий

Телеграмма [Г.И.] Мясникову

25/7/[19]29

Немецкое консульство сообщило[, что] Ваше дело находится в консульстве Трапезунде[,] куда следует обращаться[.] Привет
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А. Монтегю]

29/7[19]29

Дорогой товарищ Монтегю!142

Я вынужден писать вам по-французски, так как один из моих друзей, помогавший мне в моей английской переписке, на днях вернулся во Францию, мои же собственные познания в английском языке, увы, слишком недостаточны для свободной переписки. Если французский язык вас затрудняет, то я мог бы перейти на немецкий, если не получу в ближайшее время возможности снова вести переписку на английском языке.

Я получил от вас письмо, два номера "Манчестер Гардиан"143, брошюру "Куда идет Троцкий" и три пакета английских книг. Я вам чрезвычайно благодарен за все присланное, но к благодарности позвольте присовокупить небольшой протест: когда я неосторожно принял ваше любезное предложение о посылке интересующих меня печатных материалов, то я совсем не имел в виду столь широкий размах, тем более, что отсюда я, к сожалению, ничего равноценного вам послать не могу.

Если это не нескромность, то я был бы очень рад узнать несколько более конкретно от вас о вас же самом и, в частности, о вашем отношении к различным рабочим партиям и организациям в Англии.

Большинство присланных вами книг представляют для меня несомненный интерес, и, как только я закончу свою злополучную автобиографию, я примусь за книги, в особенности по зоологии. В качестве охотника я, естественно, интересуюсь животными.

Но все же прошу вас не посылать мне книг, не списавшись со мной заранее. Иначе мне впредь трудно будет обращаться к вам с просьбами, ибо я буду опасаться, что вы их выполните слишком широко.

[Л.Д.Троцкий]

ОТВЕТ ЖУРНАЛИСТУ ИЗ PRESS ASSOCIATION

1. Никакому белградскому журналисту я интервью не давал. Это вымысел с начала до конца.

2. Считаю нужным прибавить, что за последнее время было опубликовано несколько "интервью", представляющих злостную выдумку, в частности по поводу советско-китайского конфликта.

3. Единственное интервью по этому последнему вопросу мною было дано представительнице "Ассосиейтед пресс"144.

Л.Троцкий

[Конец июля 1929 г.]

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ К ПИСЬМУ

РЕДАКЦИИ "ОППОЗИЦИЯ" ПО ПОВОДУ 1 АВГУСТА145

Некоторые товарищи поняли это письмо в том смысле, будто оно призывает оппозицию отказаться от участия в манифестациях 1 августа146. Более ложного и нелепого истолкования нельзя вообще придумать. Правда, в тексте письма нет конкретных организационных или тактических указаний. Но если принять во внимание, что дело идет о разных странах, где вся обстановка

1 августа сложится по-разному, то естественно, что нельзя было дать единообразные конкретные указания: как быть и что делать каждой группе оппозиции. Письмо "Оппозиции" исходило из воззвания Коминтерна 8 мая¹⁴⁷ (которое мы получили с огромным запозданием) и главной своей задачей ставило добиваться отмены той авантюристской демонстрации, которая была намечена и охарактеризована заранее воззванием 8 мая. Не об отказе от манифестации вообще идет в письме речь, а об отказе от определенной манифестации, которая могла бы быть карикатурой первомайских событий в Берлине. В последних строках письма говорится, как о чем-то само собой разумеющемся, что оппозиция не позволит себя отделить от рабочего класса в целом и особенно от его авангарда. Для всякого политически мыслящего человека это означает: если первоавгустовская манифестация не будет отменена; если она произойдет в том виде, какой намечен Коминтерном и какой мы считаем неправильным, то и в этом случае мы примем в ней участие и разделим ответственность с пролетарским авангардом. Вот единственный смысл, который имеет это место. Почему же это не сказано прямо? Потому, что когда требуют отмены определенного характера демонстраций, то незачем подробно разъяснять, что мы готовы в ней принять участие в случае, если она осуществится. Последние строки говорили об этом как о чем-то само собою разумеющемся, т. е. как об общем правиле поведения революционеров, которые не отделяются ни при каких условиях от наиболее активной части рабочего класса.

Национальные группы оппозиции могут и должны конкретизировать это письмо в особых воззваниях и резолюциях сообразно с той обстановкой, которая складывается сейчас в каждой стране и окончательно определится ко дню 1 августа.

Сейчас почти все партии Коминтерна отступают от линии 8 мая на какую-то неопределенную позицию. Тем важнее и обязательнее для нас наступать, разъясняя преступный авантюризм воззвания 8 мая и добиваясь от официального руководства полной ясности. Разумеется, мы можем и должны разъяснять рабочим-коммунистам, что мы при всех условиях разделим их судьбу. Но ведь задача оппозиции совсем не в том только, чтобы участвовать даже и в неправильных действиях масс, а в том, чтобы указывать массам правильный путь. Это и делает письмо "Оппозиции".

[Л.Д.Троцкий]

[Конец июля 1929 г.]

[Письмо Г.И. Мясникову]

12 августа 1929 г.

Уважаемый товарищ Мясников,

Мне думается, что отправлять ваше заявление в генеральное консульство нет никакого расчета. Ничего они, разумеется, вам не ответят, а только сделают вывод о вашей слабости и усилят интригу втрое.

Мне уже писали из Берлина о выдвинутом против вас уголовном обвинении. Я в тот же день, т. е. вчера, написал в Берлин с просьбой строжайше проверить, действительно ли германское правительство выдвигает мотив уголовного обвинения в связи с вопросом о визе. Как только получу подтверждение, напишу открытое письмо немецкому правительству и все сделаю, чтобы поднять вопрос в печати. Голос оппозиционных изданий в этом деле имеет малое значение. Здесь необходимо проникнуть на страницы большой, т. е. буржуазной, печати. Но, разумеется, и в оппозиционных газетах об этом необходимо сказать.

Вы жалуетесь на то, что берлинский "комитет" плохо помогает. Не надо себе делать никаких иллюзий насчет этого комитета: он очень слаб. Вы как-то просили прислать вам издания, в которых есть воззвание этого комитета. Но у меня таких изданий нет. Вероятно, в журнале Корша что-нибудь было

напечатано, если у Корша есть журнал, в чем я не уверен. Самым влиятельным в комитете является, пожалуй, адвокат Курт Розенфельд¹⁴⁸. Он и для меня хлопотал о визе, но ничего не выхлопотал. Вы, конечно, знаете, что в визе мне отказало также и "рабочее" правительство Англии. Все это достаточно ярко свидетельствует о том, что пробрать капиталистические правительства статейками в газетах, протестами и воззваниями "комитетов" дело очень нелегкое, чтобы не сказать безнадежное.

Разумеется, кампанию поднять необходимо, и притом, насколько возможно, широкую. Я сделаю, конечно, все, что смогу, как только получу подтверждение того, что вас действительно обвиняют в уголовном преступлении.

Во избежание недоразумения считаю нужным пояснить. Я не потому против подачи заявления в консульство, что сношения с ним будто бы вообще недопустимы. Такая точка зрения мне абсолютно чужда.

Но я не вижу никакого объекта сношений. Наивно было бы предполагать, что сталинцы вступят с вами в переговоры в то время, как они многие сотни оппозиционеров заключают в изолятор. Белобородов вовсе не в Константинополе, как вы предполагаете, а в челябинском изоляторе. Там же и Сосновский. Раковский пока еще в Саратове, по крайней мере, других сведений я не имел.

Что касается вашей рукописи, то я немедленно по получении переслал ее в Берлин для переписки. Здесь свободной машинистки нет, и неспешные рукописи я сам поручаю переписывать для себя в Берлине. Я просил после переписки копию мне прислать сюда. О своем отношении к вашей рукописи смогу, разумеется, сказать только после ознакомления с ней.

С искренним приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо С. Фишеру]

21 августа 1929 г.

Многоуважаемый господин Фишер,

Я очень рад тому, что книга удовлетворила ваши ожидания.

Что касается изложенных вами финансовых соображений, то я со своей стороны считаю более целесообразным сократить размеры книги до 450 страниц, чтобы таким образом полностью остаться в рамках нашего договора.

Я, разумеется, признаю всю серьезность приведенных вами соображений, но вывод для меня лично получается несколько парадоксальный. В нынешнем своем виде автобиография представляет не одну, а две книги. Между тем гонорар окажется значительно меньше того, который был намечен за одну книгу. Если бы вопрос этот не играл для меня существенной роли, я, разумеется, принял бы без возражения новые условия. Но, к сожалению, это не так. Именно настоящая книга должна создать для меня возможность выполнить ряд других работ. Поэтому я не вижу другого пути, как сократить книгу на сто-полтораста страниц и сохранить, таким образом, в силе старый договор.

Само собой разумеется, что перевод глав, которые не войдут в книгу, будет оплачен мною.

С совершеннейшим уважением
[Л.Д.Троцкий]

КРУЖКУ МАРКСА И ЛЕНИНА¹⁴⁹

Уважаемые товарищи!

Ваша организация носит имя Маркса и Ленина. Это имя обязывает. Не считаете ли вы противоречивым тот факт, что нынешняя деятельность Суварина, одного из основателей вашей группы, ее виднейшего члена, направлена полностью и целиком против идей как Маркса, так и Ленина?

По каждому отдельному вопросу Суварин за последние годы занимал позицию, которая оказывала прямую поддержку противникам и врагам левой

коммунистической оппозиции. Формально оставаясь в рядах последней, Суварин, однако, тщательно избегал сколько-нибудь законченного и ясного изложения своих взглядов. После настойчивых и повторных требований с моей стороны Суварин прислал мне обширную рукопись, представляющую изложение его новых воззрений. Рукопись эта не имеет ничего общего с частным письмом. Это есть обширный памфлет, рвущий не только с большевизмом, с Октябрьской революцией, с основными принципами III Интернационала, но и с теоретическими предпосылками марксизма¹⁵⁰. Эта работа целиком направлена против идей Маркса и Ленина, под знаком которых стоит ваш кружок.

Позвольте спросить вас: знакомы ли вы с последней работой Суварина? Выразили ли вы ваше отношение к этому поразительному продукту философии индивидуалиста-скептика? Считаете ли вы допустимым терпеть хотя бы один день тот факт, что под знаменем Маркса и Ленина выступают люди, ведущие смертельную борьбу против марксизма и его практического выражения, большевизма?

Я надеюсь, что вы не станете оспаривать того, что каждый революционер, каждый марксист, каждый сознательный рабочий имеет право поставить вам те вопросы, которые я вам ставлю в этом письме с самыми дружескими чувствами.

Ваш Л.Троцкий

Константинополь, 22 августа 1929 г.

ПРАВЛЕНИЮ ЛЕНИНБУНДА¹⁵¹

Копии в редакции "Ля Веритэ"¹⁵²

"Ля лютт де клясс"¹⁵³

"Ле Коммунист"¹⁵⁴ (Бельгия)

"Милитант" (Соединенные Штаты)

Уважаемые товарищи!

Настоящее письмо не предназначается для печати. Оно представляет собой попытку объяснить по основным вопросам стратегию оппозиции. Это не первая моя попытка. В ряде писем я пытался выяснить принципиальную линию "Фольксвилле" и Ленинбунда, так как на основании крайне противоречивых статей достигнуть ясности не удавалось. В последний раз я официально обратился с запросом к правлению Ленинбунда 13 июня 1929 года¹⁵⁵.

Мне был обещан ответ. Но тщетно я дожидаюсь ответа и на этот раз. Дело идет тут, конечно, не обо мне лично. Коммунистическая оппозиция в целом как в Германии, так и в других странах имеет право знать, на какой позиции стоит правление Ленинбунда в основных вопросах международной революции.

Оппозиция -- маленькое меньшинство. Успех оппозиции может быть обеспечен только ясной линией. Ленинбунд не имеет такой линии. Вот что необходимо, к сожалению, констатировать прежде всего. Как по внутренним немецким вопросам, так и по международным "Фольксвилле" колеблется между Брандлером и Коршем. О позиции правления Ленинбунда в связи с внутренними немецкими вопросами я надеюсь сказать более обстоятельно в особой работе. Здесь я хочу лишь снова повторить и уточнить те вопросы, которые я уже неоднократно, но тщетно ставил редакции "Фольксвилле" и правлению Ленинбунда.

Вы не раз обвиняли русскую оппозицию в том, что она идет "недостаточно далеко", ибо она, де, не понимает, что термидор уже совершился. Я спрашивал вас неоднократно: что это значит? Какие отсюда следуют выводы для международной оппозиции по отношению к СССР?

Если термидор "совершился", то значит развитие в России стало окончательно на путь капитализма. Как же вы относитесь тогда к плановому началу хозяйства? К законодательству, которое осуждает капиталистический оборот и препятствует частному накоплению? Как вы относитесь к монополии внешней торговли? С точки зрения капиталистического развития все эти

декреты, учреждения и меры являются утопическими и реакционными помехами на пути развития производительных сил. Какую точку зрения вы занимаете?

Вы выдвинули лозунг свободы коалиции для СССР, как и для капиталистических стран. Совершенно, опять-таки, нельзя понять, что это значит. Свобода коалиции никогда не была и не может быть изолированным лозунгом. Свобода коалиции есть составная часть режима буржуазной демократии. Свобода коалиции немыслима без свободы собраний, печати и проч., а, значит, и без парламентских учреждений и партийной борьбы. Какова ваша позиция в этом вопросе? Несмотря на все свои попытки, я ничего до сих пор не мог выяснить.

Столь же не ясна ваша позиция в вопросе о защите СССР от империализма. Исключительная важность этого вопроса снова обнаружилась под толчком советско-китайского конфликта. Ряд оппозиционных изданий занял в этом вопросе явно ошибочную позицию. Передовая статья в "Контр ле курант" № 35 от 28 июля довела эту ошибку до самых крайних пределов.

Как же поступила в этом случае редакция "Фольксвилле" и "Ди Фане дес Коммунизму"? Она заняла двойственное положение. Она открыла дискуссию. Коршист Г.П., как и марксист Ландау допускаются в этой дискуссии на равных правах. А редакция "возвышается" над марксизмом и над... коршизмом. Грубо ошибочная статья "Контр ле курант" печатается в "Ди Фане дес Коммунизму" на первом месте, причем особенно подчеркивается, что статья является официальным мнением французской редакции. Но разве же коммунистическое издание имеет право умолчать о том, что эта статья, хотя бы и десять раз официальная, представляет собой вопиющий разрыв с марксизмом? В острый момент международного конфликта читатели вашего издания оказываются идейно разоруженными. Им предлагают на выбор: либо взгляды русской оппозиции, либо взгляды Корша, который, в свою очередь, повторяет лишь аргументы социал-демократии.

Невозможно допустить и мысли о том, будто все ваше правление, а тем более все члены Ленинбунда, разделяют эту позицию или это отсутствие позиции. К сожалению, по "Фольксвилле" невозможно судить о внутренней идейной жизни Ленинбунда. Я не могу допустить ни на минуту, что этой внутренней идейной жизни нет. Но я вынужден придти к выводу, что "Фольксвилле" ее не отражает. Само по себе уже это является в высшей степени тревожным признаком.

Правящее большинство в государстве или в партии, имеющее сильный аппарат, обильную кассу или богатую печать, может долго жить на недомолвках, на шатаниях, на двусмысленностях. Лучшее доказательство тому сталинский бюрократический централизм. Но каждое оппозиционное меньшинство, какое стало бы подражать в этом центристам, окажется неизбежно обреченным на гибель и скомпрометирует то знамя, под которым стоит.

В нынешнем своем виде Ленинбунд не может повести за собой авангард немецкого пролетариата или хотя бы только авангард этого авангарда. Ленинбунду необходимо идейно перевооружиться и соответственно перестроить свои ряды. Первым условием для этого является принципиальная ясность позиции. Я не думаю, что вы можете дальше уклоняться от ответа на поставленные выше вопросы. Они далеко не исчерпывают всего круга проблем международной революции, но ответ на них создает предпосылку для правильного подхода к ряду других вопросов. Ленинбунду необходима платформа. Ваши издания вместо того, чтобы посвящать свои столбцы Джимми Хигинсу 156 и гоняться за злободневными сенсациями, должны стать орудиями выработки марксистской платформы немецкой коммунистической левой.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

24 августа 1929 г.

Письмо М. Истмену

г. Макс Истмен

28 августа 1929 г.

Дорогой друг!

1. Я получил от вас письмо по поводу моего договора со Скрибнером. К сожалению, я не могу нарушить этот договор, так как он был заключен Пазом. О том, что "Консолидейтед Пресс" получает 10% я узнал уже после того, как Паз заключил договор. Но тогда дело шло о простой перепечатке моих статей, опубликованных газетами Херста¹⁵⁷. Теперь же дело идет о большой книге -- не в 400 страниц, а в 600. Но ничего не поделаешь!..

2. Я получил очень большое количество книг от вас и по вашему поручению. Выбор книг сделан прекрасно. Я вам благодарен в высшей степени. Две книги с надписями авторов. Должен ли я им отвечать? т. е. написать благодарственные письма? Может быть, будет достаточно, если Скрибнер перешлет им мою автобиографию, когда она выйдет в свет? Если вы встречаетесь с ними, то передайте им мою искреннюю благодарность.

3. Я стал получать нью-йоркский "Таймс", "Нейшен". Сегодня получил "Куронт Истори" и литературный журнал. Я теперь плаваю в американских изданиях. Когда я получаю воскресный номер нью-йоркского "Таймса", я каждый раз заново убеждаюсь, что Америка раздавит Европу. Газета приходит всего недели две, но она уже заполнила мою комнату. Это чудовишно!

4. Сегодня я получил копию вашего письма Перкинсу¹⁵⁸. Какое счастье, что я обратился к вам по поводу перевода моей автобиографии! Я чувствовал, что перевод слаб, в нескольких местах я наткнулся на прямые ошибки, но я не подозревал, что перевод до такой степени безобразен. Вместе с тем я вижу из вашего письма, что вы проделали огромную работу. Сейчас я спокоен за свою автобиографию со стороны перевода.

5. Вы меня спрашивали как-то, правда ли, что я взялся написать для Бони историю революции? Да, представьте себе, взялся, хотя долго колебался. Разумеется, я широко использую то, что написал раньше на русском языке, но многое придется переработать, а многое написать заново. Целый ряд глав остался у меня неиспользованными во время моей работы над автобиографией. Целый ряд спорных теоретических вопросов можно теперь сделать ясными и понятными только в исторической перспективе.

6. Знаете ли вы о том, что в Париже начал выходить еженедельник "Ля Веритэ" под редакцией Росмера? Попытка поставить этот еженедельник при содействии Пазы ни к чему не привела. Как и целый ряд других европейских оппозиционеров, Паз попал в наши ряды скорее в силу недоразумения. Люди этого типа не прочь подписывать и даже составлять самые левые платформы под условием, чтобы все остальное -- у них и вокруг них -- оставалось по-старому. Есть прямо-таки возмутительное противоречие между теми идеями, какие эти люди "признают" на словах, и теми усилиями, какие они прилагают для торжества этих идей... Когда для меня это стало ясно, я махнул на Пазу рукой.

Вокруг Росмера собирается молодежь. Редакция "Ля лютт де клясс" по-видимому полностью примкнет к "Ля Веритэ". Два члена редакции приезжали ко мне сюда, и мы с ними договорились по всем пунктам. Посредством еженедельника произведена будет, надеюсь, серьезная перегруппировка французской оппозиции. Такая же работа необходима в отношении немецкой оппозиции, где пока еще царит великая путаница.

7. Жаль, что "Милитант" еще не превратился в еженедельник. Некоторую материальную помощь можно было бы ему оказать отсюда. Но не знаю, насколько это целесообразно. Дело в том, что вся сумма, уплаченная "Консолидейтед Пресс" как за первые шесть статей, так и за перепечатку автобиографических статей, вошла в состав Интернационального фонда для опубликования различных изданий, документов и проч. Из этого фонда можно было бы выделить несколько сот долларов для "Милитант". Но мне кажется, что американцы все-таки богаче

других и что вряд ли стоит им давать.

8 Кто такой Отто Кан, который сомневается насчет перманентной революции? Нельзя ли его послать в Константинополь для подробных объяснений? Я был бы очень рад. До сих пор такого рода объяснения с приезжими товарищами давали самые лучшие результаты.

9. Да, забыл выше сказать, что я получил от вас целую пачку газетных вырезок относительной нашей общей с вами книги. Спасибо.

Очень меня огорчает недостаточное знание английского языка. Но сейчас я так погрузился в американские и британские газеты и журналы, что надеюсь поднять уровень своего английского языка в течение ближайших месяцев.

Крепко жму руку.

Ваш Л.Троцкий

ДЕКЛАРАЦИЯ ДЛЯ "ВЕРИТЭ"159

Наше издание предназначено для передовых рабочих. У нас нет никаких других задач, кроме задачи освобождения рабочего класса. Мы не видим никаких других путей для этого, кроме революционного низвержения буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Современное демократическое государство есть орудие господства буржуазии. Система демократии имеет своей задачей удержать владычество капитализма. Чем меньше это удастся нормальными методами демократии, тем больше господствующий класс прибегает к насилию.

Французские социалисты продолжают твердить, что они осуществляют социализм через посредство демократии. Мы видели и видим социалистических демократов у власти. В Германии они расстреляли 1 мая [19]29 рабочих за то, что авангард берлинского пролетариата хотел выйти на улицу в день великой демонстрации пролетариата, установленного на учредительном конгрессе Второго Интернационала. В Англии рабочая партия, придя к власти, пресмыкается не только перед капиталом, но и перед монархией, и начинает "демократизацию" страны не с ликвидации палаты лордов¹⁶⁰, а с возведения в шутовское достоинство старого фабианца¹⁶¹ Вебба¹⁶².

Марксистская оценка демократии полностью и до конца проверена опытом. Социал-демократия у власти не означает даже осуществления реформы. Когда буржуазия считает себя вынужденной провести социальную реформу, она делает это сама, отнюдь не предоставляя такой чести социал-демократии. Позволяя социалистам служить себе, буржуазия лишает ее даже карманных денег на расходы по реформаторской деятельности.

Отличие нашей эпохи от довоенной политически наиболее ярко отражается на судьбе социал-демократии. До войны она находилась в оппозиции к буржуазному обществу, сейчас она является его наиболее надежной опорой. В Англии и Германии поддержание господства капитала было бы совершенно невыносимо без социал-демократии. Если нелепостью является отождествление социал-демократии и фашизма, -- как делает часто нынешнее руководство Коминтерна¹⁶³, то бесспорной является та мысль, что и социал-демократия, и фашизм являются различными, в некоторых отношениях противоположными орудиями, которые в разные периоды служат в последнем счете одной и той же цели: сохранению господства буржуазии в империалистскую эпоху.

Опыт революционного ниспровержения буржуазного господства был проделан в 1917 году в России партией большевиков. Октябрьская революция является самым гигантским фактом мирового рабочего движения и величайшим событием в человеческой истории вообще. Мы стоим полностью и целиком на почве Октябрьской революции. Это наша революция.

Февральская революция 1917 г.¹⁶⁴ показала, что демократия, едва вышедшая из революции, беспощадно обрушивает свои репрессии на рабочих, как только они начинают угрожать частной собственности. С другой стороны,

Октябрьская революция показала, что даже в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения пролетариат может стать у власти, объединив вокруг себя все трудящиеся и угнетенные массы. Этот исторический урок был дан международному пролетариату партией большевиков под руководством Ленина. Политика большевиков в Октябрьской революции есть высшее применение методов марксизма. Она отмечает новый исходный пункт в движении рабочего класса вперед.

Сны и действительность после войны

Шаг за шагом Франция выходит из опьянения победы. Признаки рассеиваются, фантастические надежды рушатся -- остается жестокая реальность. Горделивые мечты французского капитала о господстве над Европой, а через Европу -- над всем миром обратились в прах. В первые годы после войны правительства Англии и Соединенных Штатов еще считали нужным льстить национальному высокомерию французской буржуазии, давая ей время от времени декоративное удовлетворение. Но это время прошло. Американская буржуазия успела измерить глубину падения Европы и перестала с ней стесняться. Английская буржуазия, получая жестокие пинки со стороны американцев, все откровеннее вымещает свою злобу на Франции. Положение английской буржуазии характеризуется противоречием между ее традициями мирового господства и упадком ее удельного веса в мировом хозяйстве. У французской буржуазии нет таких традиций могущества. Версальский мир -- это горячая фантазия мелкобуржуазного выскочки. Для мировой роли материальная база Франции совершенно недостаточна, если измерить ее современным, т. е. американским мерилom.

Крупный рост промышленного оборудования Франции является несомненным фактом, как и рационализация промышленных методов. Но именно этот рост все больше ставит французскую буржуазию лицом к лицу с проблемами мирового рынка. Дело идет уже не об оккупации Саарской области¹⁶⁵ или Рура¹⁶⁶, а о месте французского империализма под солнцем. При первом крупном испытании несостоятельность французского империализма вскроется полностью. Слишком малочисленно население, слишком ограничена территория, слишком большая зависимость от соседей, слишком большая ноша долгов и еще большая ноша милитаризма. Мы не собираемся здесь назначать сроки для дальнейших неизбежных неудач, отступлений и поражений французского милитаризма. Но мы их предвидим, и мы не сомневаемся, что все они будут служить источником внутренних кризисов и потрясений.

В патетических речах можно оперировать с мнимыми величинами. Но на мировой арене софизмы Пуанкаре, пафос Франклэн-Буйона¹⁶⁷ или красноречие Бриана¹⁶⁸ звучат жалким писком. Америка говорит: плати. Англия говорит: плати. Сноуден¹⁶⁹, лейбористский агент Сити¹⁷⁰, находит в своем словаре наиболее грубые выражения по адресу Франции.

Коммунистический Интернационал предвидел эту развязку -- в тот период, когда он имел руководство, способное понимать ход развития и предвидеть завтрашний день. Еще в 1920 году, когда гегемония победоносной Франции казалась неоспоримой, манифест Второго конгресса Коммунистического Интернационала гласил:

"Одурманенная шовинистическими парами победы, которую она одержала для других, буржуазная Франция мнит себя повелительницей Европы. На самом деле никогда Франция не находилась в самых основах своего существования в такой рабской зависимости от более сильных -- Англии и Америки, как теперь. Франция предписывает Бельгии определенную экономическую и военную программу, но в отношении Англии Франция сама играет роль Бельгии лишь несколько большего размера".

Послевоенное десятилетие прошло во Франции спокойнее, чем в большинстве

других стран Европы. Но это был лишь мораторий¹⁷¹, опиравшийся на инфляцию. Инфляция была во всем: в денежном обращении, в государственном бюджете, в системе милитаризма, в дипломатических планах, в империалистических аппетитах. Великая денежная реформа Пуанкаре¹⁷² только обнаружила тот секрет, что вино французской буржуазии на четыре пятых разбавлено водой. Мораторий на исходе. За американские стоки¹⁷³ надо платить. За дружбу сильных мира сего надо платить. За трупы французских рабочих и крестьян надо платить. Буржуазная республика входит в период расплат. Самый большой счет представит ей французский пролетариат.

Кризис коммунистической партии

Открывающаяся эпоха кризиса в мировом положении французской буржуазии, а, значит, и в ее внутреннем положении совпадает, однако, с глубоким кризисом французской коммунистической партии. Первые шаги партии были увенчаны многообещающими успехами. Руководство Коминтерна сочетало революционную дальновзоркость и смелость с глубоким вниманием к особенностям каждой страны. Только на этом пути и возможны были успехи. Резкая смена руководств в Советском Союзе, происшедшая под влиянием классовых сил, губительно отразилась на жизни всего Интернационала, в том числе на французской партии. Преемственность развития и опыта была механически прервана. Те, которые в эпоху Ленина руководили французской компартией и Коминтерном, были не только отстранены от руководства, но исключены из партии. К руководству допускались в дальнейшем лишь те, которые обнаруживали готовность автоматически воспроизводить все зигзаги московского руководства.

Ультралевый зиновьевский курс 1924-[19]25 гг. означал замену марксистского анализа крикливой фразой, нагромождение ошибок и превращение демократического централизма¹⁷⁴ в его почти полицейскую карикатуру. На смену потерпевшим крушение ультралевым пришли совершенно уже безличные и покорные чиновники, которые в международных вопросах держали курс на Чан Кайши и Персея, а во внутренних делах плелись за реформистами. Когда сталинская фракция под влиянием нарастающей опасности справа и ударами критики оппозиции оказалась вынужденной совершить свой левый зигзаг, не понадобилась даже смена экипировки французского руководства: люди, покорно проводившие полусоциалистическую политику 1926-[19]27 гг., столь же покорно превратились в политиканов авантюры. День 1 августа является тому убийственным свидетельством. В Китае, в Германии и других странах авантюристская политика приводила уже к кровавым катастрофам. Во Франции она не давала пока ничего, кроме смехотворных фиаско. Но если смешное действительно кого убивает, то революционную партию прежде всего.

Большая опасность

Опасность, как мы сказали, состоит в том, что новый кризис капитализма во Франции может застигнуть врасплох авангард французского пролетариата. Опасность в том, что благоприятные ситуации могут быть одна за другой упущены, как не раз уже бывало в разных странах после войны. Наша задача -- предупредить эту опасность путем настойчивого обращения к классовому сознанию и революционной воле пролетарского авангарда.

Мы меньше всего склонны, однако, отрицать или смягчать тот факт, что между партией, как она должна быть, и партией, как она есть, огромное различие, отчасти -- прямая противоположность. Краткую оценку французской коммунистической партии мы дали выше. Плачевные результаты этой политики: упадок авторитета, понижение числа членов, ослабление активности. Но мы далеки от того, чтобы поставить на партии крест и пройти мимо нее.

Официальная партия объединяет ныне два-три десятка тысяч членов. Она

руководит -- убийственно! -- профессиональной конфедерацией, насчитывающей около трехсот тысяч членов. На последних выборах партия собрала свыше миллиона голосов¹⁷⁵. Эти цифры дают картину не роста партии, а скорее упадка. Но они же свидетельствуют, что возникшая из потрясений войны под действием Октябрьской революции партия, несмотря на ужасающие ошибки руководства, все еще объединяет очень внушительную часть пролетарского авангарда. В этом факте мы видим прежде всего бесспорное выражение того, как велика потребность пролетариата в революционном руководстве.

Мы не враждебны и не безразличны по отношению к коммунистической партии. Конечно, не из симпатии к ее чиновникам. В партии есть мужественные рабочие, готовые на все жертвы: это им мы хотим помочь выработать правильную политическую линию на основе здорового партийного режима и правильного коммунистического руководства. К тому же вокруг партии рассеяны десятки тысяч коммунистов или просто революционных рабочих, готовых стать коммунистами, но отталкиваемых политикой бессилия (метаний), скачков, борьбой классов и маленькими дворцовыми переворотами. Одна из основных задач коммунистической оппозиции -- это воспрепятствовать тому, чтобы законное возмущение негодным руководством не приводило в дальнейшем к разочарованию в коммунизме и революции вообще. Достигнуть этого можно, только развивая марксистскую оценку событий и устанавливая правильно тактику, вытекающую из самой обстановки.

Партия и профессиональные союзы

Политика, которая превращает профессиональные союзы во второе увеличенное издание партии или делает их лишь своим добавлением, -- есть глупость и преступление. Совершенно правильно революционная партия пролетариата стремится завоевать влияние в профессиональных организациях. В противном случае она обрекает себя на бесполезную "революционную" болтовню. Но она должна это делать методами, которые вытекают из природы профессиональных союзов и содействуют их усилению, вовлекая новые элементы, способствуя выработке хороших методов борьбы с предпринимателем. Рабочий видит в профессиональных союзах прежде всего инструмент [...]176 [об]ластях, для пролетариата, как для партии и СЖТУ¹⁷⁷ -- гибельных последствий. Он показывает абсолютное непонимание работы, которую нужно совершить, воображая, что можно немедленно достигнуть целей, к которым нельзя прийти иначе, как путем долгих и упорных усилий.

В результате -- картина, которая у нас перед глазами. По мере того, как коммунистическая партия расширяет свое влияние на какую-либо организацию, эта организация слабеет. Коммунистическая партия завоевала АРАК¹⁷⁸. Но после завоевания она (АРАК) начала замирать (или умирать?). То же с СЖТУ. Конечно, СЖТУ более прочна, она, к счастью, прошла тяжелую жизнь, так что недостаточно плохой политики, чтобы ее разрушить. Но что именно легко сделать, это уменьшить число ее членов, деморализовать и сделать их недоверчивыми в отношении к руководству, которое ошибается без перерыва и без перерыва снова начинает сначала. Это как раз точно то, что делает коммунистическая партия в течение последних лет. Следствием всех этих зигзагов явилось то, что наиболее ясные и верные понятия стали теперь затемнены. Ничего не продвинуто к фактическому разрешению ни одного важного вопроса. Даже наоборот, во многом пошли назад. Но вопрос живет. Разрешить его, не вспоминая главнейшие ошибки Коммуны¹⁷⁹ и не отдавая себе отчета в беспредельном опыте русской революции, -- это значит отказаться от наиболее верных данных и готовить новые катастрофы.

Три течения в Интернационале

Наше отношение к Интернационалу основано на тех же началах, что и наше

отношение к французской коммунистической партии.

С конца 1923 года Интернационал жил и живет под дулом револьвера, на рукоятке которого была сперва рука Зиновьева, затем Сталина. Все обязаны были мыслить, говорить и особенно голосовать "монолитно". Это умерщвление идейной жизни жестоко отомстило за себя ростом фракций и группировок.

Основные течения, нам кажется, можно характеризовать так.

Коммунистическая левая выражает исторические интересы пролетариата. В результате поражений пролетариата, революционного отлива, стабилизации буржуазии и бюрократических "побед" левая снова представляет сейчас меньшинство, плывущее против течения.

Правая группировка в коммунизме сознательно или бессознательно стремится занять то место, которое занимала довоенная социал-демократия, т.

е. место реформистской оппозиции по отношению к капиталистическому обществу, тогда как сама социал-демократия стала сейчас, и не случайно, одной из правящих партий буржуазии.

Не может быть и речи о том, чтобы правые долго удержались на этой позиции. В нынешнюю империалистскую эпоху, которая все вопросы ставит ребром, правые проделают эволюцию в сторону буржуазии несравненно быстрее, чем совершила ее социал-демократия.

Третье течение -- центризм -- занимает промежуточное положение и характеризуется политикой колебаний между революционно-пролетарской и мелкобуржуазной национально-реформистской линией. Центризм является сейчас господствующим течением в официальном коммунизме. Это объясняется как историческими причинами, так и характером переживаемого периода. Центризм в СССР представляет собою наиболее естественную форму сползания от большевизма к национал-реформизму. Господство центризма является одним из политических признаков того, что термидор серьезно подкопал устои диктатуры пролетариата, но что он еще далеко не завершился. Власть не перешла в руки буржуазии и не сможет перейти без больших классовых боев. Те "ультралевые", которые легкомысленно кричат, что термидор совершился, только помогают буржуазии разоружить пролетариат.

Из сказанного вытекает, как мы относимся к Октябрьской революции и выросшему из нее государству. Мы не позволим бюрократам поучать нас насчет необходимости защищать СССР от империализма. Но коммунистическая оборона СССР предполагает также и прежде всего защиту диктатуры пролетариата от в корне ложной политики сталинского руководства. На вопрос о защите СССР мы отвечаем вместе с нашими русскими товарищами: "За Советскую республику? Да. За сталинскую бюрократию? Нет".

Социализм в отдельной стране

Мы -- интернационалисты. Это для нас не условная фраза, а самое существо наших воззрений. Освобождение пролетариата возможно только через международную революцию, в которую национальные революции войдут отдельными звеньями. Организация производства и обмена имеет уже сейчас мировой характер. Национальный социализм немислим ни экономически, ни политически.

Мы отвергаем сталинскую теорию социализма в отдельной стране как мелкобуржуазную реакционную утопию, неизбежно ведущую к мелкобуржуазному патриотизму.

Мы решительно отвергаем принятую VI конгрессом программу Коминтерна, противоречивую, эклектическую и, главное, усыновившую смертельно враждебный интернационализму принцип социализма в отдельной стране.

Левая коммунистическая оппозиция является уже сейчас международным течением. Мы ставим своей ближайшей задачей сплотиться в международную фракцию -- на основе единства идей, методов и действий.

Русскую оппозицию мы считаем прямой продолжительницей партии большевиков и наследницей Октябрьской революции. Мы солидарны с основными

идеями русской оппозиции, которые изложены в ее документах и выражены в ее действиях. Мы связаны нерасторжимой солидарностью с тысячами оппозиционеров, сосланных, высланных и заточенных в тюрьмы сталинской бюрократией.

Солидарность с русской оппозицией не имеет, однако, ничего общего с повторением ее слов и ее жестов. На французской почве, в условиях капиталистической республики мы хотим служить тому делу, которому русская оппозиция служит на советской почве.

Методы бюрократического командования и не допустимы и не осуществимы в оппозиции. Мы -- сторонники централизма, который является элементарным условием революционного действия. Но централизм должен отвечать реальной обстановке движения и должен опираться на подлинную самостоятельность и политическую ответственность каждой коммунистической организации, тем более -- каждой национальной секции.

Обращение к молодежи

Работа, которая стоит перед нами, рассчитана не на месяц и не на год. Надо воспитать и закалить новое революционное поколение. Трудностей и внешних и внутренних будет не мало. Многим покажется слишком долгим путь формирования подлинно революционных пролетарских кадров. Будут колебания, будут дезертирства. Чтобы обеспечить заранее революционную преемственность, необходимо сразу обратиться к молодежи. Упадок официальных организаций коммунистической молодежи есть грозный признак по отношению к будущности партии. Коммунистическая оппозиция проложит себе пути к пролетарской молодежи, а, значит, и к победе.

Чтобы выбирать правильную дорогу, недостаточно иметь компас, надо знать местность или иметь хорошую карту ее -- иначе и с компасом можно забраться в непроходимое болото. Чтобы вести правильную политику, недостаточно иметь общие принципы, надо знать обстановку, т. е. условия, факты и отношения между ними. Надо внимательно и добросовестно изучать их и следить за их изменением. Мы не можем сейчас этого делать изо дня в день -- у нас нет еще пока ежедневной газеты. Мы будем это делать из недели в неделю. Приятны или неприятны факты, только трусы могут закрывать на них глаза. Мы не случайно дали своей газете название "Правда".

* * *

Левая коммунистическая оппозиция во Франции разбита на отдельные группы. Факт этот сам по себе является последствием того, что французская оппозиция -- мы не исключаем из этого обвинения и себя -- слишком долго задержалась на подготовительной стадии, не становясь на путь политического действия в массах. Нужно сказать прямо: дальнейшее промедление грозило бы вырождением оппозиции в секту или, вернее, в несколько сект.

Наш еженедельник мы хотим сделать органом всей левой оппозиции. Направление журнала достаточно определится, как мы надеемся, настоящим заявлением. Это не помешает редакции отводить на столбцах нашего издания место для выражения и других оттенков левой коммунистической мысли. Пристрастие к отдельным кружкам или эпизодическим группам нам чуждо. Мы хотим обеспечить возможность коллективной работы на более широкой, чем до сих пор, основе. Мы твердо рассчитываем на поддержку всех подлинно пролетарских революционеров, независимо от того, к какой из групп они принадлежали вчера или еще принадлежат сегодня.

Но главные наши надежды мы возлагаем на передовых рабочих, непосредственно связанных с массой. В их лице мы приветствуем наших читателей. Им мы говорим: "Правда" -- это ваш орган!

[Л.Д.Троцкий] [Август 1929 г.]

[Письмо, переданное через Я.Г. Блюмкина]180

[Через Блюмкина]181

1. По поводу ренегатства Радека и Ко написана Т[роцкий] статья "Жалкий документ" 182, которая выходит на трех языках.

2. Ближайшая осень будет, по всем данным, кризисной. Подготовка к ней предполагает беспощадное разоблачение и отсечение капитулянтов.

3. Важной частной задачей является создание правильных и устойчивых связей с нами.

4. Необходимо направить одного-двух человек для организационной работы в Берлине и Париже. Самое лучшее - кого-нибудь из ссыльных.

4.183 Парижский Харин184 сыграл роль провокатора: взял для печатания документ и выдал посольству. Копии у нас имелись.

Работа в области иностранной оппозиции подвигается пока медленно. 1-го сентября выходит в Париже еженедельник "Веритэ" под редакцией Росмера с участием активной молодежи вполне нашего направления.

1-го октября начнет в Париже выходить международный орган "Оппозиция" (ежемесячник), пока только на французском языке. Только с выходом этих изданий работа получит систематический характер, притом политический, а не только пропагандистский. Многочисленные группировки стали прямой помехой движению (в том числе безжизненные группы Трэна и Паза). Издания ставили без них. Все живое из их групп примкнет. Пусть вас, поэтому, не удивляют и не пугают возможные верхушечные передвижки и дезертирства. Радеки и полуррадеки есть и здесь. Самое важное сейчас - иметь еженедельное издание, которое будет давать наше освещение всем мировым событиям.

Урбанс не наш человек. Это путанник и нелояльный человек, т.е. испорченный зиновьевской школой. Он колеблется между Брандлером и Коршем, а в практической работе гоняется за дешевой сенсацией. В Ленинбунде - борьба течение. Нам необходим серьезный еженедельник на немецком языке. Мы его поставим вслед за французским изданием. И в Германии не надо пугаться неизбежных верхушечных перетасовок.

Живые и активные группы - в Бельгии и Америке.

Почти все иностранные группы заняли неправильную позицию по поводу русско-кит[айского] конфликта. Критиковать их будем открыто и решительно.

В Австрии три группы, две из них сближаются, группа Фрея остается в стороне.

Через Блюмкина

В Чехословакии наша группа приступает к изданию документов. Завязываются связи с Ю[жной] Америкой.

ПС. Документов через Урбанса не посылайте: он нелоялен и в отношении воспроизведения в печати. Посылайте нам непосредственно, по другим адресам.

Что нужно, мы перешлем и Урбансу.

[Л.Д.Троцкий]

[Август]

ПИСЬМО185

Дорогой друг!

Американский профессор, утверждающий, что в эпоху военного коммунизма даже Черчилль проводил бы политику Ленина, говорит маленькую частицу истины, которая, однако, немедленно же превращается в грубую ложь, если сделать вывод, что Черчилль мог бы вообще или хотя бы на длительный период заменить Ленина. Что "экономическая необходимость" в конце концов прокладывает себе путь, -- это бесспорно. Но только в конце концов. Что она при этом нередко поворачивает эмпириков на 180 градусов -- это тоже верно. Но значит ли это, что можно отказаться от марксистской политики, уповая на экономическую необходимость? Нет, не значит.

Прежде всего, что называется в данном случае экономической необходимостью? Их, по меньшей мере, две. Есть экономическая необходимость, вытекающая из положения, созданного национализацией, монополией внешней торговли и проч. Это есть экономическая необходимость социалистического строительства. Но существует враждебная ей экономическая необходимость мирового капиталистического развития и его продолжения в СССР. Какая из этих двух экономических необходимостей окажется сильнее? Для ближайших лет (а не в последнем счете) этот вопрос целиком разрешается политикой, т. е. наукой и искусством, которые дают возможность ориентироваться в борьбе экономических необходимостей и помогать одной из них против другой. Политика право-центристского блока 1923-1928 гг. была так же продиктована экономической необходимостью, как и нынешний левый поворот¹⁸⁶, которому нет еще и двух лет. Где же искать гарантий правильного развития левого поворота? В голой экономической необходимости? Но она уже давала разные зигзаги. В самом левом повороте? Но он-то как раз вызван был не одной лишь голой необходимостью, которая "на экономическую необходимость надеялась, но и сама не плошала".

Я говорю о нас с вами. Серьезной гарантией того, что политика будет завтра служить социалистической экономической необходимости, а не капиталистической, явилась бы способность официальной партии включить нас в свои ряды такими, какими мы являемся на деле. Другого политического критерия для нас нет и быть не может. Все остальное есть фокусы, игра в прятки с историей, попытки заменить борьбу за определенные идеи -- генеральной инспекцией над ходом развития или просто политическая трусость и мелкое жульничество.

Крепко жму руку.
[Л.Д.Троцкий]
[Лето 1929 г.]

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИСПАНСКОМУ ИЗДАНИЮ [КНИГИ "ДЕЛО БЫЛО В ИСПАНИИ"]¹⁸⁷

Эта книжка возникла в порядке случайности. Путешествие в Испанию в конце 1916 года вовсе не было мною предусмотрено. Еще меньше я намечал для себя внутреннее обследование мадридской образцовой тюрьмы. Имя Кадикса¹⁸⁸ звучало для меня почти экзотикой. Я его связывал с арабами, с морем и с пальмами. Я никогда не размышлял -- до осени 1916 года -- о том, существует ли в прекрасном южном Кадиксе полиция. И однако же мне пришлось провести несколько недель под ее надзором. В этом эпизоде все для меня было случайно и казалось подчас забавным сновидением. Однако же это не было ни фантазией, ни сном. Сны не оставляют дактилоскопических следов. Между тем в канцелярии мадридской образцовой тюрьмы можно найти отпечаток всех пальцев моей правой и левой рук. Большого доказательства реальности бытия не может дать ни один философ.

В мадридской тюрьме, в вагоне, в гостинице Кадикса я набрасывал -- без определенной цели -- свои беглые впечатления. Мои записные книжки совершили затем со мною путь через океан, оставались в моем багаже в те недели, когда я пользовался гостеприимством британского короля в концентрационном лагере Канады, и вернулись со мною через океан и через Скандинавский полуостров в Петроград. В вихре событий революции и гражданской войны я забыл об их существовании. В 1924 году я случайно упомянул о своих испанских впечатлениях и записях в разговоре с моим другом Воронским¹⁸⁹. Так как он редактировал лучший в Советской республике литературный ежемесячник¹⁹⁰, то он немедленно же, с энергией природного редактора, использовал мою оплошность и отпустил меня лишь после того, как я торжественно обязался разыскать свои записные книжки,

дать их в переписку и привести свои записи в некоторый порядок. Так возникла эта небольшая книжка. Другой из моих друзей, Андрей Нин, решил перевести ее на испанский язык. У меня были большие сомнения насчет целесообразности этого предприятия. Но Нин проявил настойчивость. Ответственность за появление этой книжки в испанском издании остается, следовательно, на нем.

Мои собственные познания в испанском языке остались очень слабы: испанское правительство так и не дало мне усовершенствоваться в языке Сервантеса¹⁹¹. Уже этим одним определяется очень беглый и неизбежно поверхностный характер моих наблюдений. Было бы безнадежным делом искать в этой книжке сколько-нибудь широких картин политической, культурной или хотя бы бытовой жизни Испании. Из предшествующего видно, насколько далек автор от подобных претензий. Я не жил в Испании как исследователь или наблюдатель, или хотя бы как свободный турист. Я въехал в нее как высланный из Франции¹⁹² и жил в ней как мадридский арестант и как кадикский поднадзорный, ожидающий новой высылки. Это очерчивало круг моих наблюдений узкой чертой. Это же предопределяло и мой подход к тем сторонам испанской жизни, с которыми я сталкивался. Без доброй приправы иронии цепь моих испанских приключений представляла бы для меня самого совсем неудобоваримую пищу. Тон книжки во всей непосредственности передает те настроения, с какими я совершил путешествие через Ирун -- Сен-Сабастьян -- Мадрид в Кадикс и оттуда снова через Мадрид в Барселону, чтобы затем, оттолкнувшись от европейского побережья, высадиться на другой стороне Атлантического океана.

Что ж, если эта книжка может заинтересовать испанского читателя и немножко ввести его в психологию русского революционера, я не буду жалеть о труде, потраченном моим другом Нином на перевод этих беглых и непритязательных страниц.

Л.Троцкий

Константинополь

[Лето 1929 г.]

КО ВСЕМ СЕКЦИЯМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ¹⁹³

О созыве конференции европейских секций

Дорогие товарищи!

Рост наших рядов, упрочение наших организаций, возникновение новых и новых национальных секций ставят перед нами новые задачи и возлагают на нас новые обязанности.

До сих пор работа наша имела, главным образом, критический и пропагандистский характер. Мы подвергали и подвергаем критике гибельный опыт политики центристов-бюрократов и их руководства Коминтерном. Эта сторона нашей деятельности не только сохраняет и впредь все свое значение, но должна быть расширена и углублена. Однако рядом с этим левой оппозиции необходимо все более активно вмешиваться в борьбу пролетариата, давая каждый раз свою оценку положения и вытекающие из нее лозунги.

Совершенно ясно, что эта задача требует все более тесного международного сплочения рядов оппозиции. Подготовку мировой конференции международный секретариат¹⁹⁴ считает поэтому важнейшей из своих обязанностей.

Мы думаем, однако, что в качестве подготовительной меры необходимо в возможно более короткий срок созвать конференции по континентам (Европа, обе Америки, Азия).

Особенно настоятельной представляется нам созыв европейской конференции. В рамках мирового целого Европа представляет собою не только географическое, но и некоторое экономическое и политическое целое. Незачем напоминать, что на этот факт опирается лозунг Соединенных Штатов Европы. Именно сейчас проблема Европы как таковой стоит особенно остро. Узлом этой проблемы является Германия, ее судьба, ее дальнейшее развитие. Недавние

выборы в Германии вскрыли в положении этой страны противоречия небывалой остроты. Крайне неустойчивое равновесие сил немецкого общества может развернуться в ближайший период как в сторону пролетарской революции, так и в сторону фашистской контрреволюции¹⁹⁵. И в том и в другом случае вся Европа -- Европа прежде всего -- будет вовлечена в водоворот огромных событий. Международная оппозиция должна выработать единообразную оценку обстановки в Германии, в Европе и во всем мире и выдвинуть для разных стран строго согласованные между собою лозунги, вытекающие из общей концепции.

Вот почему мы считаем необходимым созвать подготовительную европейскую конференцию в самом начале ближайшего года. Остающиеся два -- два с половиной месяца должны быть использованы для самой серьезной и тщательной подготовки этой конференции.

Происходящая сейчас конференция нашей германской секции даст несомненно важный материал для оценки политического положения и задач оппозиции. В этом же духе будет вестись подготовка конференции французской Лиги. Проекты резолюций будут своевременно доведены до сведения всех наших секций. Разосланные редакцией "Бюллетеня русской оппозиции"¹⁹⁶ тезисы "Поворот Коминтерна и положение в Германии"¹⁹⁷ должны также рассматриваться как документ, подлежащий обсуждению всех секций в процессе подготовки конференции.

Но 3 Бюллетеня¹⁹⁸ мы намерены посвятить преимущественно вопросам, связанным с европейской конференцией. Мы настойчиво приглашаем все секции, с одной стороны, прислать нам документы и материалы, освещающие их позицию и работу в области актуальных задач, с другой стороны, высказаться по поводу разосланных и подлежащих в ближайшее время рассылке документов, внося свои поправки, дополнения или контрпредложения.

Само собой разумеется, что речь идет о конференции организаций, стоящих на общей принципиальной основе, проверенной опытом борьбы и международной дискуссии. Было бы совершенной бессмыслицей возвращаться на конференции к решению вопросов (одна или две партии, классовый характер СССР, классовая природа китайской революции и пр.), по линии которых уже произошло непримиримое размежевание внутри оппозиции. Крепко и надежно только то, что завоевано в борьбе. Задача конференции не в том, чтобы снова ставить завоеванные позиции под знак вопроса, а, наоборот, в том, чтобы ясно и точно формулировать общие нам идеи и методы и превратить их в краеугольный камень платформы международной оппозиции. Таким образом, европейская конференция сможет совершить крупный шаг вперед, подготовив разрешение важнейшей задачи мировой конференции, а именно -- принятие обязательной для всех секций платформы.

Мы надеемся, что наша инициатива встретит полное сочувствие и поддержку с вашей стороны. Во всяком случае просим вас дать ваш принципиальный ответ относительно желательности и целесообразности конференции в январе 1931 года как можно скорее.

[Л.Д.Троцкий]

[Лето 1929 г.]

[Письмо Р.Т. Адлер]

8 сентября 1929 г.

Дорогая Раиса Тимофеевна!

Не писал вам очень давно, да и от вас не было уже писем целую вечность.

Из этого я заключаю, что жизнь австрийской коммунистической левой фракции вряд ли бьет ключом.

Посылаю вам рукопись небольшой брошюры, направленной против Урбанса¹⁹⁹. Это один из тех друзей, которые могут принести больше вреда, чем враги. Надо его во что бы то ни стало вывести из политики экивоков и двусмысленностей.

Вы увидите, что в этой брошюре я цитирую с похвалой старую статью Фрея. Я убедился, что Фрей действительно правильно и серьезно поставил вопрос о термидоре, раньше многих других иностранных групп. Не отметить это было бы несправедливостью, независимо от того, что иметь с ним дело очень трудно, как я имел возможность убедиться сам за последний период.

Брошюра эта во всех отношениях имеет чрезвычайно спешный характер. Я был бы очень рад, если бы вы могли помочь в отношении перевода, взяв на себя хотя бы только последние 9 страниц. Копию этого текста я послал в Берлин фрау Пфемферт и Ландау с тем, чтобы первые 35 страниц были переведены в Берлине. На вашу долю пришлась бы та часть текста, которая начинается словами: "Означает ли оборона СССР примирение с центризмом?" (стр. 36) Если вы это возьмете на себя, то рукопись перевода посылайте в спешном порядке фрау Пфемферт по адресу²⁰⁰:

Если вы почему-либо не можете сейчас выполнить этой работы, то дайте знать по тому же адресу без промедления.

Напишите, пожалуйста, об австрийских делах, в частности, об Изе: кончился ли ее роман с Брандлером или нет. Следующая моя брошюрка будет именно против Брандлера.

Я, наконец, покончил со своей автобиографией, сейчас заканчиваю просмотр немецкого перевода. Книга выйдет в 600 страниц или около того, и соответственно с этим дорогая. Но издатель обещает после того, как разойдется первое издание, выпустить так называемое народное издание.

Во всяком случае, от автобиографии я смогу сейчас перейти к вопросам более интересным и актуальным.

У нас здесь до последнего времени стояла очень жаркая погода, но со вчерашнего дня произошел резкий перелом: холод, ветер, дождь. Так называемые старожилы уверяют, однако, что сентябрь будет еще хорош.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо И. Фрею]

8 сентября 1929 г.

Уважаемый товарищ Фрей,

Я буду говорить с полной откровенностью и беспощадностью. Я могу объяснить ваше последнее письмо, как и два предшествующие: либо крайне болезненным нервным состоянием, которое мешает вам видеть вещи, как они есть; либо сплетнями, которым вы легкомысленно доверяете; либо кружковым стремлением порвать с интернациональной оппозицией во что бы то ни стало.

Никакого иного объяснения вашим совершенно чудовищным письмам я найти не могу.

1. Вы поднимаете в письме истерику -- иначе я этого назвать не могу, это есть самое мягкое слово, которое я нахожу в своем словаре -- по поводу того, что я позволил себе обратить ваше внимание на исключительную важность возникшего в левой оппозиции разногласия по поводу советско-китайского конфликта. По этому поводу вы обвиняете меня в том, что я не читаю ваших документов, и трактуете мой запрос почти как оскорбление вашей группы. Это несерьезный подход. Это не деловой подход. Это не политический подход. Это неврастенический подход.

Я обратился не только к вам. Я обратился одновременно ко всем без исключения левым оппозиционным группам с совершенно одинаковым письмом, чтобы побудить их отреагировать на чрезвычайно важное разногласие. Я лично при этом нисколько не сомневался в вашей поддержке. Как раз тов. Франк, которого вы так не по-товарищески и без малейшего основания атакуете, сказал мне: "Фрей несомненно займет правильную позицию. Он давно выдвигал этот вопрос и давал всегда очень точные и хорошие формулировки". Если я обратился к вам, как и ко всем другим группам, то не потому, что я игнорировал или заподозривал вашу позицию, а для того, чтобы побудить вас как можно скорее и

энергичнее подтвердить вашу старую точку зрения применительно к новому и очень крупному политическому факту: советско-китайскому конфликту. Только. Человек, мыслящий политически, должен был именно так истолковать мой запрос. Никто другой, кроме вас, не поднял по этому поводу протеста.

2. Повторенная вами в письме цитата относительно термидора очень хороша. Я с похвалой привожу ее в своей брошюре против Урбанса. Брошюра эта должна вскоре появиться на немецком, французском и русском языках.

Но недостаточно давать хорошие марксистские формулы. Надо их активно применять, надо за них бороться -- притом не в национальном, а в интернациональном масштабе. Как вы реагировали хотя бы на поведение Урбанса в вопросе о советско-китайском конфликте? Вынесла ли ваша группа решение, осуждающее линию Лузона-Паза, как коршистскую, и Урбанса, как двусмысленную? Пытались ли вы каким-нибудь другим образом протестовать против коршистской вакханалии по поводу советско-китайского конфликта? Написали ли вы статью в "Фольксвилле" по этому вопросу? Обратились ли вы к французским товарищам? Написали ли вы мне по этому поводу? Нет, нет, нет и нет. Мне вы пишете, чтобы говорить о личных обидах. Политические вопросы проходят мимо вас. А когда я на них обращаю ваше внимание, вы опять-таки делаете из этого вопрос личной обиды.

Неужели же вы думаете, что, так как у вас в архиве есть хорошие цитаты, то это избавляет вас от необходимости и обязанности вести актуальную борьбу -- притом в интернациональном масштабе? Да ведь это же значит игнорировать само существо политического действия. Или, может быть, вы скажете, что у вас нет для этого времени и средств? Для этого нужно очень мало того и другого. Вы пишете гигантские письма по пустякам. Почему же вы не написали короткого политического письма в "Фольксвилле"? И почему на напоминания об этом вы... обиделись? Извините: это манеры примадонны, а не революционного политика.

3. Вы продолжаете с упрямством, которое я должен назвать недобросовестным, утверждать, будто я отношусь к вашей группе нелояльно и будто я поддерживаю две другие австрийские группы против вас. Я вам повторяю еще раз: это вздор. Вы питаетесь либо сплетнями, либо продуктами расстроенного воображения. Помимо работы над своей автобиографией, я за последние месяцы занимался главным образом французскими делами. К немецкому вопросу я подошел в самое последнее время. Америкой, Чехословакией и другими странами я мог интересоваться лишь, к сожалению, эпизодически. Австрийскими делами я почти совершенно не занимался. Ни вы, ни кто-нибудь другой не сможет указать ни одного слова, ни одного действия, ни одного шага с моей стороны, которые могли бы быть истолкованы как поддержка двух других австрийских групп против вас, или как моя особая солидарность с ними в противовес вам и вашей группе. Вы позволяете себе в развязном тоне говорить о моих двух филиалах в Вене. На каком основании? Назовите факты. Точные факты. Но не перечисления заслуг вашей группы, не обвинения против т. Франка и других товарищей -- все это я уже слышал. Нет, укажите факты, которые позволяют вам инсинуировать, будто для предпочтения двух других групп у меня есть какие-то тайные причины, которых я не решаюсь высказывать вслух. Я совершенно не могу понять, что вы хотите сказать этой инсинуацией? Не играйте в прятки, не занимайтесь дипломатией на тему о моей "несправедливости", а скажите ясно и добросовестно, чего вы, собственно, хотите?

4. Летом у меня случайно съехалось несколько товарищей из разных стран. Они приезжали все -- кроме Росмера -- по собственной инициативе. Но когда оппозиционеры из пяти стран оказались на несколько дней вместе и когда мы повели первые беседы о международных изданиях левой оппозиции и проч., я сейчас же сделал попытку вызвать вас в Константинополь. Я вам написал первому. И я, и Росмер с большим нетерпением ждали вашего приезда, чтобы вместе с вами наметить первые шаги. Не получив ответа, мы стали беспокоиться. Я просил т. Франка написать вам вторично. Но оказывается, что

вы в это время пребывали в состоянии перманентной обиды и считали, что самое мудрое -- это не сообщать мне ни о вашей обиде, ни об ее причинах. Очевидно, вы считали, что моя обязанность состоит в том, чтобы догадаться, почему тов. Фрей обижен. Уверяю вас, я не знаю: смеяться или негодовать? Вы не отвечали шесть недель (пишу по памяти, не справляясь с архивом). За это время все разъехались. После этого -- совершенно уж неслыханное дело -- вы решили обидеться заново по поводу того, что вас не поставили в известность и что с вами не посоветовались. Вы обиделись затем в третий раз по поводу того, что вам пришлось -- о, ужас! -- узнать от Салюса²⁰² о кое-каких намеченных шагах. Но так как вы не только не приехали, но даже не изволили отвечать на повторные письма, то как же иначе можно было вас известить, как не через проезжего товарища? Научите нас, пожалуйста, как вообще можно сноситься с вами и в каких формах вести переговоры?

После этого к вам заезжал Росмер. Это человек абсолютной лояльности. У него не могло быть и тени предвзятости в пользу той или другой австрийской группы. Он явился к вам с самыми лучшими товарищескими намерениями. Чем вы ему ответили? Подробным изложением всех обид. Причем, как ни старался тов. Росмер, он не мог ни понять, ни объяснить мне, в чем, собственно, эти обиды состоят.

5. Вы заранее объявили, что вы не входите в интернациональное объединение, а остаетесь "симпатизирующим". Почему? На каком основании? Какое вы имеете право уклоняться от совместной с другими работы над созданием интернациональной фракции? Что руководит вашим поведением? Личная обида или национальное сектантство?

Росмер взял на себя инициативу в деле создания подготовительного инициативного бюро, которое, разумеется, не присвоит себе никаких прав, а примет меры к установлению связи, к выработке основных элементов в международную платформу -- и к подготовке конференции. Все это, конечно, должно делаться в тесной связи с национальными группами и по прямому соглашению с ними. Почему бы вам или другому представителю вашей группы не войти в это бюро? Не предложить проект тезисов, не выработать план международного совещания и пр. и пр.? Но нет, вы выбираете другой путь. Вы скрещиваете руки на груди и заявляете: я только симпатизирующий, и, кроме того, я обижен. Обиду я вижу, а симпатии не вижу.

* * *

Вы понимаете, товарищ Фрей, что продолжать переписку в таком роде нет никакого смысла. Я жду от вас письма совсем другого рода. Такое письмо, по-моему, может состоять из нескольких десятков строк. Вы должны совершенно точно, конкретно и строго практически указать, чего именно вы требуете, т. е. какие неправильные действия должны быть устранены и что именно должно быть сделано по отношению к вашей группе и кем именно. Все должно быть строго деловым образом названо по имени. На такого рода деловое письмо я обязуюсь вам столь же деловым образом ответить. Если же я получу от вас в ответ на это письмо новую иеремиаду²⁰³, то я положу его в архив и всю свою переписку с вами перевяжу веревочкой накрест.

Откровенность и резкость этого письма вызваны стремлением не только спасти наши отношения, но и перевести их на здоровые рельсы. Одно без другого невозможно. Решение остается за вами.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А. Мюллеру]

11 сентября 1929 г., Принкипо

Дорогой товарищ Мюллер,

Нам сообщили из Парижа, что вы взяли 110 экземпляров "Бюллетеня". Мы были этим очень обрадованы. Дело с распространением обстоит довольно

плачевно. Как идут дела у вас по этой части? Каким способом вы действуете? Даете ли в киоски? Это необходимо, особо в те из них, которые находятся на людных улицах близко к полпредству и торгпредству²⁰⁴. Продавать следовало бы и на вокзале, с которого едут в Россию, может быть, прямо продавать у поезда. В киосках "Бюллетень" должен быть на видном месте, а не похоронен сзади.

Мы полагаем, что успех будет зависеть главным образом от нашей энергии. Киоскам и прочим вы могли бы давать скидку. Мы со своей стороны целиком пойдем вам навстречу -- в смысле серьезной скидки для Вас с каждого экземпляра. Напишите на этот счет свои предложения, можете нам, можете в Париж. Обязательно напишите, сколько, где и кому продано экземпляров. Даете ли "Бюллетень" в русские магазины? Какие, по вашему мнению, перспективы, какие вы имеете предложения? Пишите! Привет!

Лучше пишите по-русски, но можете и по-немецки.

[Л.Д.Троцкий]

Письмо М. Истмену

М. Истмен

14 сентября 1929 г.

Дорогой друг!

1. Вашу телеграмму насчет перевода и уплаты "Консолидейтед Пресс" я в свое время получил. Никакого договора я до сих пор не подписывал и никто мне его не предлагал подписать. Но я и не предпринимал никаких шагов к тому, чтобы освободиться от налога в пользу "Консолидейтед Пресс", так как я не знаю, что собственно я должен для этого сделать. На всякий случай, еще раз повторяю вам суть дела.

а) Первоначально "Консолидейтед Пресс" предложила Скрибнеру собрание моих газетных автобиографических статей. О книге тогда еще не было и речи.

б) В условиях "Консолидейтед Пресс", которые мне протелеграфировал Паз, не было ни слова о 10%-тном отчислении в пользу агентства. Когда я по телеграфу принял эти условия (речь все время шла о собрании газетных статей), я понятия не имел об отчислении.

в) Теперь Скрибнер печатает не газетные статьи, а книгу, которой "Консолидейтед Пресс" не имеет решительно никакого отношения. Для характеристики положения достаточно прибавить, что до последних недель парижский представитель "Консолидейтед Пресс" все еще думал, что Скрибнер печатает мои газетные статьи, и был очень удивлен, когда я ему сказал, что дело идет о книге, которая в три или четыре раза превосходит по размерам газетные статьи.

Вывод: я предлагаю Скрибнеру (через ваше посредство) заключить со мной формальный договор непосредственно. Пусть пришлет мне текст этого договора, я его здесь подпишу и возвращу ему. Это есть единственная возможность урегулировать дело.

Так как вам придется, все же, еще говорить со Скрибнером, то я считаю полезным известить вас, что сегодня я послал ему "Предисловие". Таким образом, он имеет теперь всю рукопись целиком, со всеми необходимыми дополнениями и поправками. В точно таком же виде книга выйдет на немецком и французском языках.

Я не знаю, каковы права и обычаи американских издательств, но думаю, что после того, как Скрибнер получил всю рукопись, он должен уплатить гарантированную сумму (или может быть часть ее?).

Теперь еще о заглавии. Мне очень не нравится заглавие "Моя жизнь"²⁰⁵. Немецкому издателю я предложил следующие пять заглавий:

а) "Полвека (1879-1929)". -- Подзаголовок: "Опыт автобиографии".

б) "Приливы и отливы". -- Автобиография революционера.

- в) "На службе революции". -- Опыт автобиографии.
- г) "Жизнь в борьбе". -- Автобиография революционера.
- д) "Жить значит бороться". -- Автобиография революционера.

2. Теперь позвольте перейти к более интересным и важным вопросам. Я, к сожалению, не понял из вашего письма, какую позицию вы лично занимаете в вопросе о русско-китайском конфликте. Этот вопрос имеет гигантское принципиальное значение. Этот вопрос полагает начало настоящим, а не случайным и не фиктивным группировкам внутри оппозиции. Я вам пошлю на днях целую брошюру, которую я посвятил этому вопросу²⁰⁶. Если вы не согласны с моей статьей, то я бы вас очень просил подождать высказываться в печати до получения моей брошюры.

3. В связи с этим два слова о Пазе. Вы ошибаетесь, если думаете, что я начал неожиданно резкую полемику. Это совсем не так. С февраля месяца я находился с Пазом в непрерывной переписке. Я старался внушить ему самые элементарные революционные понятия. Он приезжал затем в Константинополь и произвел на меня и мою семью впечатление совершенно чужого человека. Мы часто упоминаем слово "мелкий буржуа" и поэтому нередко лишаем это слово его полновесного значения. Паз есть законченный тип образованного мелкого буржуа, очень консервативного и абсолютно лишенного тех психологических черт, которые составляют главную пружину революционера. Я пытался не доверять непосредственным впечатлениям и писал Пазу десятки писем в самом дружеском тоне, стараясь заставить его понять, что претензия на роль руководителя оппозиции во Франции налагает на него известные обязательства. Он отмахивался от этого с досадой и требовал от меня только одного, чтобы я осудил всех остальных, кроме него; при этом условии он соглашался меня признавать "Вождем" (с большой буквы). Я потратил ряд месяцев на то, чтобы открыть в нем революционную искру, -- и не открыл ничего, кроме кучи мелкобуржуазной золы.

В течение нескольких месяцев я убеждал его приступить к изданию еженедельника. Он всячески уклонялся. Почему? Потому, что он не способен ни на какое мужественное решение, и особенно ни на какие личные жертвы. Это тип, противоположный революционеру. У меня в Константинополе было несколько французских рабочих. Они все не могут говорить о Пазе иначе, как с глубокой враждой. Знаете, какой их главный довод? Он очень прост: "Если Паз, -- говорят они, -- серьезно верит в пролетарскую революцию и в ее возможную близость, то почему же 99/100 своего времени он посвящает не подготовке ее, а обеспечению своего положения в буржуазном обществе?" Рабочие к этому чутки в высшей степени, и они совершенно правы. Из их слов я понял, какой вред приносят оппозиции элементы, подобные Пазу. Принадлежность к оппозиции и обязывает гораздо меньше, чем принадлежность к официальной партии. Они имеют двойную выгоду: слывят крайними радикалами и в то же время не ударяют пальцем о палец для торжества тех взглядов, которые они "признают".

Когда же упомянутые выше французские рабочие вместе с несколькими молодыми интеллигентами решились поставить еженедельник и выдвинули кандидатуру Росмера в редакторы, Паз стал на дыбы. Он написал мне письмо, в котором требовал, чтобы "осью издания был не Росмер, а он, Паз". Таким образом, он сам отказывался ударить пальцем о палец для издания, а когда другие взяли на себя риск издания, он потребовал, чтобы его назначили "вождем". Я ответил ему, что я не заведу распределением ролей, что надо просто соединить обе группы и приступить к работе. После этого Паз уже развернул большую энергию -- в борьбе против еженедельника "Ля Верите". Опять-таки, частным письмом я предупреждал его, что, вставши на путь раскола по личным мотивам, он неизбежно вынужден будет искать принципиальные разногласия или создавать их. Такова предварительная история этого дела.

3. С этим тесно связан вопрос об августовской демонстрации. Задача состояла в том, чтобы от имени всей левой оппозиции ясно и громко предупредить революционных рабочих об авантюристическом характере воззвания

Западноевропейского бюро Коминтерна²⁰⁷ и о столь же авантюристическом характере подготовки выступления 1 августа. Наше воззвание по этому поводу имело интернациональный характер и потому не могло заниматься вопросом о том, как оппозиция в каждой отдельной стране должна отнестись к тем формам демонстрации, которые в данной стране состоятся, а, может быть, и не состоятся. По этому вопросу оппозиция в каждой стране должна была вынести решение сообразно с обстоятельствами. Но принципиальное предупреждение нужно было сделать от имени всей оппозиции сообща. Паз, однако, отказался подписать его. Почему? Потому что он уже стал в оппозицию из-за еженедельника. Его мотивировка отказа вносила совершенно сознательно смуту и путаницу в наши ряды, -- и когда?

-- в самый критический момент, за две недели до 1 августа. Вот чем объясняется острый характер опровержения, который мы редактировали в составе нескольких товарищей с участием Росмера.

Дней десять тому назад я получил письмо от тов. Кеннона²⁰⁸, затем от тов. Шахмана²⁰⁹. Ни тому, ни другому я не ответил, так как мой секретариат сейчас совершенно ликвидировался: иностранные сотрудники уехали, а русская сотрудница в отпуску. Этим объясняется и запоздание мое с ответом вам.

Кеннон ставит очень важные вопросы, которые требуют с моей стороны серьезной подготовительной работы. Я очень прилежно читаю сейчас американскую периодическую печать, а также и книги, касающиеся Америки. На поставленные вопросы, в частности о неграх, мне не хотелось бы отвечать слишком бегло. Через некоторое время, когда я пополнию большие пробелы, образовавшиеся у меня за последние годы, я постараюсь ответить на американские вопросы в более связном и законченном виде. Но, помимо прочего, мне нужно было бы для этого иметь десятка два номеров газеты официальной компартии²¹⁰ и последние номера ее теоретического органа²¹¹.

Сейчас я хочу высказать свое впечатление по вопросу о профессиональных союзах. Не слишком ли осторожную позицию занимает в этом вопросе наша группа? Сделан ли кем-либо длительный учет опыта работы левого крыла в тред-юнионах? Лозовский, конечно, пустомеля и готов подмахнуть любую авантюристическую резолюцию, особенно если она выполняться будет за океаном, -- но это не должно заслонять от нас тот факт, что та линия, которую коммунисты проводили по отношению к профсоюзам до прошлого года, была преступно-робкой, консервативной и в конце концов только помогала Ситриным, Перселям и Гринам²¹². Повторяю, я высказываю лишь свое впечатление на основании последнего номера "Милитант", который я внимательнейшим образом прочитал от доски до доски.

4. Только что получил письмо от тов. Шахмана от 30 августа по поводу издания моих книг. Я ему отвечу более подробно, как только восстановится мой "секретариат". Кроме Скрибнера, у меня есть еще договор с Бони. Я уступил ему две книги и предоставил преимущество (опшен) на две или три другие книги. Кажется, книга "Ленин и эпигоны" предоставлена Бони (я справлюсь с договором). Все остальное, как и новые работы, подготовляемые мною теперь, я вполне готов предоставить в распоряжение Коммунистической лиги (оппозиции) полностью и целиком.

Крепко жму руку и благодарю за хлопоты.
Ваш Троцкий

[Письмо Г.И.Мясникову]

18 сентября 1929 г.

Уважаемый товарищ Мясников!

Вопрос о задержке вашей рукописи мне не ясен до сих пор (если такая задержка была), а, следовательно, не ясно и, кто в ней повинен (если

виновные имеются вообще). Пересылая рукопись в Берлин, я отнюдь не писал кому-либо, что она не спешная. Это я вам объяснял, что посылаю в Берлин для переписки менее спешные вещи за полным отсутствием в Константинополе бюро русской переписки.

Одной из причин задержки могло являться то обстоятельство, что Румынову в Берлине некоторые лица не доверяют, в частности, Пфемферт. Я Румынова не знаю. Получил от него телеграмму и письмо. Телеграмма показалась мне наглой, письмо глупым. Я не ответил ни на телеграмму, ни на письмо.

Ваша постановка вопроса, будто я должен дать предисловие, чтобы обеспечить появление вашей брошюры, иначе, де, я окажусь сталинцем -- совершенно несерьезна. Сталинизм состоит не в том, что Сталин противодействует распространению вредных идей, а в том, что Сталин неправильно различает идеи вредные и полезные. Вопрос надо ставить по существу, а не с точки зрения какой-то всеобъемлющей идейной филантропии. Уже из этого одного вашего подхода видно, до какой степени несовместимы наши позиции. Считаю поэтому, что самым здоровым будет, если мы отделим личные товарищеские отношения, определяемые нашим эмигрантством новой формации, от политической деятельности. Я думаю, что мы можем обмениваться товарищескими услугами, не требуя и не ожидая друг от друга того, чего не можем дать друг другу: политической солидарности. А раз ее нет, как я вижу из содержания и из тона ваших писем, то нелепо было бы гоняться за ее призраком.

Особенно же смешно будет, товарищ Мясников, если мы начнем друг друга в письмах укорять, обучать, урезонивать и прочее. Это же значит только тратить время свое и чужое, да трепать нервы. На этом кончаю. Буду рад, если удастся в том или ином практическом вопросе быть вам полезным.

Новая французская оппозиционная газета "La Verit" напечатала протестующую заметку по поводу вашей "уголовщины" Подобная заметка идет и в русском "Бюллетене". Эту же заметку я послал в Берлин с тем, чтобы комитет сделал из нее то употребление, какое сочтет нужным.

С товарищеским приветом
[Л.Д.Троцкий]

КУДА ВЕДЕТ ПУТЬ ЛЕНИНБУНДА?213

(Ответ правлению Ленинбунда)

Уважаемые товарищи!

Я к вам обратился 13 июля и 24 августа с письмами²¹⁴, посвященными вопросам чисто принципиального характера. В вашем ответе от 5 сентября принципиальные вопросы не нашли, к сожалению, надлежащего освещения. В то же время письмо поднимает ряд других вопросов, отчасти организационного, отчасти личного характера, относящихся к различным моментам взаимоотношений между русской оппозицией и германской. Разумеется, ваше доброе право поднять заново любой вопрос прошлого. Я со своей стороны готов ответить на любой поставленный вами вопрос. Но я должен все же сказать, что ваше стремление осложнить принципиально политические вопросы, имеющие гигантское значение для будущего, организационными и персональными вопросами, относящимися к прошлому, вызвало во мне опасение того, что такой метод способен скорее привести не к созданию общей идейной базы, а, наоборот, к излишнему обострению отношений и к дальнейшей самоизоляции руководства Ленинбунда от международной левой оппозиции.

Я попытаюсь, однако, ответить на все ваши соображения не только для того, чтобы устранить явные фактические недоразумения, но и для того, чтобы путем разбора их показать неправильность метода, применяемого правлением Ленинбунда при рассмотрении спорных вопросов, как принципиальных, так и частных.

1. Вы обвиняете русскую оппозицию в том, что она поддерживала веддингскую оппозиционную организацию. Вы как бы видите особую ошибку

русской оппозиции в том, что она не признала Ленинбунда единственной оппозиционной организацией в Германии. На это я должен припомнить следующее:

а) Правление Ленинбунда объявило в свое время наше заявление от 16 октября 1926 года ошибкой²¹⁵. Мы же считали и считаем, что заявление это было правильным шагом, который позволил нам в дальнейшем увеличить наши силы в партии в несколько раз.

б) Правление Ленинбунда не видело принципиальных разногласий между нами и группой демократических централистов. На той же точке зрения, замечу мимоходом, стоял в тот период Радек, требовавший нашего слияния с демократическими-централистами, в значительной мере также Преображенский и Смилга. Мы же считали, что нас отделяют от демократических-централистов глубокие разногласия. Теперь вы молча оправдываете тот факт, что правление Ленинбунда поддерживало в прошлом не только фракцию Зиновьева-Каменева против оппозиции 1923 года, но и группу демократического-централизма против объединенной оппозиции в целом. И сейчас вы по важнейшим вопросам расходитесь с русской левой оппозицией, приближаясь к демократическому-централизму. На каком же основании можете вы требовать от русской оппозиции, чтобы она чуть не с первого дня существования Ленинбунда признала его единственным представителем немецкой оппозиции?

в) Но важнее всех этих обстоятельств представляется мне следующее соображение. Русская оппозиция не считает себя призванной определять, -- без проверки на фактах, без длительного опыта политического сотрудничества и идейной борьбы -- какая из данных национальных групп является "настоящей". Веддингская оппозиция казалась нам слишком мало оформленной и политически нерешительной. Но мы считали, что надо ей предоставить время. Руководство Ленинбунда, во главе которого стояли Маслов, Рут Фишер и другие, не могло априорно внушать доверия ни на 100 процентов, ни даже на 75. И здесь необходима была проверка на деле. Естественно, если мы стремились сохранять и развивать дружеские отношения с обеими организациями, предоставляя времени, ходу событий и товарищеской дискуссии выработать необходимые основы единомыслия и произвести необходимую перегруппировку.

Конечно, отдельные русские оппозиционеры, оказывавшиеся за границей (не по выбору оппозиции, а по выбору Сталина), могли делать и делали те или другие грубые ошибки. Это я готов признать без обсуждения. Надо еще сюда присоединить чрезвычайную оторванность Москвы от заграницы. Но в общем отношение русской оппозиции к иностранным оппозиционным организациям диктовалось упомянутыми выше принципиальными соображениями, которые сохраняют свою силу в значительной мере и сейчас.

2. В связи со сказанным позвольте задать вопрос: как правление Ленинбунда само относится к борющимся иностранным группировкам? Относительно советской республики это сказано выше: официальная линия Ленинбунда проходит между большевиками-ленинцами и демократическими-централистами. Но как обстоит дело по отношению к оппозиционным группировкам во Франции, где эти группировки, к несчастью, очень многочисленны?²¹⁶ Руководство Ленинбунда просто не занимает никакой позиции. Оно время от времени печатает статьи французских товарищей, выбирая преимущественно те, которые направлены против точки зрения русской оппозиции. Внутренние проблемы французской оппозиции для руководства Ленинбунда как бы не существуют. А как обстоит дело в отношении Австрии? Приблизительно так же. Я вовсе не требую, чтобы Ленинбунд уже сегодня официально "признал" одни оппозиционные группы и отверг другие. Время для этого еще не пришло. Но можно и должно требовать, чтобы руководство Ленинбунда по-настоящему чувствовало себя частью интернационального целого и подходило к вопросам иностранной оппозиции под углом зрения ее внутренних потребностей и задач.

3. Вы утверждаете в вашем письме, что в ваших изданиях не было ни одного заявления -- "за 1929 год" -- о том, что русская оппозиция "идет

недостаточно далеко" (упрек, который нам сотни раз делали демократические] центристы]. Оговорку насчет 1929 года вы делаете, очевидно, потому что 21 декабря 1928 года вы в "Фанес Коммунизм" (N 51) обвиняли меня в том, что я слишком медленно оцениваю темп сползания советской власти, и тут же провозглашали, что "оптимистические мысли" моей статьи "На новом этапе" уже превзойдены. Дело шло в этой статье именно о термидоре. Дальнейшее развитие, вопреки вашей позиции, доказало способность пролетариата в целом и пролетарского ядра партии, в частности, вынудить центристский аппарат к длительному левому зигзагу. Именно возможность этого сдвига учитывала моя статья, тогда как ваша полемика против меня этого не предвидела, оказалась ошибочной и потому действительно давно "превзойдена".

Правда, вы можете сказать, что это было написано за 10 дней до 1929 года. Но разве вы в 1929 году отказались от того, что писали в 1928 году? Однако и насчет 1929 года ваше утверждение совершенно ошибочно. В номере "Фольксвилле" от 16 февраля имеется под видом "рабочей корреспонденции" небольшая статья, специально посвященная противопоставлению линии Урбанса линии Троцкого (причем под именем Троцкого фигурирует русская оппозиция).

Наконец, в номере "Фольксвилле" от 18 мая 1929 г. говорится, что формулировки Троцкого относительно положения в советской республике (тот же вопрос о термидоре) "не идут достаточно далеко". Как же вы могли сами забыть то, что совсем недавно писали? Если бы у меня было больше времени, я бы мог найти и другие подобные цитаты или, что еще хуже, замаскированные или полумаскированные намеки. Разумеется, никто не может оспаривать ваше право расходиться с русской оппозицией вообще, с Троцким, в частности. Но это надо делать ясно, точно, открыто, не прибегая к уловкам и недоговоренностям. Не забывайте, что дело идет об основных вопросах оппозиционной политики.

4. Уместна ли, товарищи, та игра, которую вы занимаетесь в письме на тему о том, читал я или не читал "Фольксвилле"? Да, 5 июня я вам писал, что недостаточно еще ознакомился с "Фольксвилле". Это было как раз в тот момент, когда я знакомился с вашим изданием -- не от случая к случаю, а более основательно, по отдельным вопросам. 13 июня и 24 августа я уже формулировал в своих письмах общую оценку вашей линии. Неужели же вы думаете, что для этого недостаточно месяца, даже одной только недели? Из настоящего моего письма вы во всяком случае можете убедиться, что я тверже знаю, что писала ваша газета в 1929 году, чем сама редакция.

5. Ваши выпады против тов. Франка совершенно неуместны и представляют собою попытку выместить на тов. Франке те настроения, которые, в сущности, должны были быть вами направлены по моему адресу. Право же, это было бы откровеннее и лучше. Я никогда не пишу на основании того, что мне рассказывают "секретари", как вы это изображаете. За то, что я пишу, я отвечаю. Что касается тов. Франка, то он самостоятельно подверг критике "Фольксвилле" в связи с днем 1 Мая. Он сделал это в форме частного письма, очень спокойного и товарищеского по тону. Урбанс обрушился на него совершенно не в товарищеском тоне. На основании одного этого примера можно без труда представить себе, какие методы применяются тов. Урбансом по отношению ко внутренней критике вообще.

6. Вы пишете, что готовы очень охотно принять мою помощь в деле выработки, исправления и уточнения позиции Ленинбунда. Дело идет, разумеется, не обо мне одном. Я говорил о необходимости установления более правильных отношений с русской и международной оппозицией в целом. Но должен прямо сказать, что личный мой опыт категорически опровергает ваши столь дружественные слова. Примеров так много, что я затрудняюсь только в выборе.

а) Еще находясь в Алма-Ате, я написал (в очень осторожном и дружеском тоне) статью против некоторых заявлений тов. Урбанса, которые не могли быть истолкованы иначе, как предложение блока Брандлеру. Об этой статье члены Ленинбунда не узнали в свое время ничего. Несколько месяцев тому назад, когда я был уже в Константинополе, статью мою напечатал

Брандлер. Только после этого она появилась в "Фольксвилле". Разумеется, это можно было бы объяснить случайностью. Но, к сожалению, целый ряд случаев, имевших место за последнее время, показывает, что дело идет не о случайности, а о системе.

б) Правление Ленинбунда в свое время истолковало наше требование тайного голосования в партии в духе общедемократических свобод. В небольшом письме, без какой бы то ни было полемики я разъяснил действительный смысл нашего требования. Письмо мое появилось в других оппозиционных изданиях, но "Фольксвилле" не печатало его. Только в результате длинной полемической переписки письмо мое появилось на страницах "Фольксвилле" спустя много недель после того, как было получено редакцией.

в) Кампанию по поводу моей высылки руководство Ленинбунда вело в духе газетной сенсации. По поводу этого характера агитации товарищи в разных странах вполне справедливо выражали недоумение. Принципиальных выводов из всей кампании "Фольксвилле" не сделал. Я написал специально для "Фольксвилле" (или для "Фане дес Коммунизмус") статью, в которой попытался без малейшей полемики внести необходимые дополнения к кампании Ленинбунда. Статья моя ("Урок, которого я не получил")²²⁰ была напечатана почти во всех оппозиционных изданиях Европы и Америки -- за вычетом изданий Ленинбунда, для которых она была специально предназначена, так как речь в статье шла именно о Германии. На мои запросы по этому поводу редакция мне ответила, что этот вопрос в Германии более "не актуален". Я не мог этого понять. С точки зрения политики сенсаций это, может быть, и объяснение, но с точки зрения принципиальной пропаганды, которая должна составлять важнейшую часть всей работы Ленинбунда, ответ тов. Урбанса мне показался прямо-таки невероятным.

г) Но есть один случай, который превосходит все остальные и сам по себе достаточен для характеристики методов редакции Ленинбунда. 12 июня я послал тов. Урбансу статью-письмо "Еще раз о Брандлере"²²¹. В этой статье я в первый раз открыто сказал для печати, что далеко не во всем согласен с руководством Ленинбунда. Считаю, что, как активный сотрудник изданий Ленинбунда, я имел право, вернее сказать, обязанность -- по отношению к русской и международной оппозиции -- отметить свои расхождения с руководством Ленинбунда. Как же поступило это последнее? Оно просто-напросто исказило мою статью. Оно напечатало ту ее часть, которая была направлена против Брандлера, но выпустило те параграфы, которые были посвящены критике Ленинбунда. Редакция выпустила в моей статье следующий абзац:

Я этим ни в малейшей степени не беру под защиту политику Маслова и других. В 1923 году словесный радикализм Маслова был связан с такой же пассивностью, как и у Брандлера. Не понимая азбуки вопроса, Маслов пытался высмеять мое требование намечения срока восстания. На V конгрессе он все еще считал, что революция идет вверх. Другими словами, в самых основных вопросах он разделял ошибки Брандлера, сервируя их под соусом ультралевизны. Но Маслов пытался учиться, пока не плюхнулся в болото капитулянтства. Другие бывшие ультралевые кое-чему научились. Я совсем не беру на себя ответственности за линию "Фольксвилле" в целом. Там и сейчас немало отрывков прошлого, т. е. сочетания оппортунистических тенденций с ультралевыми. Но все же эти товарищи многому научились, и многие из них показали, что способны учиться и дальше. Наоборот, Брандлер-Тальгеймер²²² сделали гигантский шаг назад, возведя свою революционную слепоту в платформу.

Почему вы выкинули эти строки? Может быть, из экономии места? Или чтобы более ярко показать, как охотно вы идете навстречу критике? Если редакция так поступает с моими статьями, нетрудно себе представить, как она обращается с критическими статьями членов вашей собственной организации.

Статья была вами названа "Из письма Троцкого" для того, чтобы таким наивным образом прикрыть произведенную вами непозволительную операцию,

которую я не хочу назвать ее настоящим именем. Вы имели, уважаемые товарищи, формальное право не напечатать мою статью вовсе. Вы имели и формальное и политическое право выступить против этой статьи с самой решительной полемикой. Но вы не имели никакого права -- ни политического, ни формального -- исказить перед немецкими рабочими мое отношение к оппозиционным группировкам.

д) Вы перепечатывали в свое время мою критику программы Коминтерна. Но и здесь вы выбрали вещи для вас нейтральные, обходя наиболее острые вопросы. Так, вы не привели из второй главы то, что сказано о Пятом конгрессе и обо всем ультралевом зигзаге 1924-[19]25 гг.223, который причинил Коминтерну неисчислимые бедствия. Если вы с моей критикой не согласны, вы должны были открыто выступить против нее. Вы же просто обошли один из важнейших вопросов в развитии Коминтерна, касающийся вашего собственного вчерашнего (и не только вчерашнего) дня. Так нельзя воспитывать революционные кадры в духе марксизма.

Равным образом, вы не привели из третьей главы того, что я говорю о перманентной революции в применении к Китаю. Между тем, я доказываю там, что теория перманентной революции -- если оставить в стороне потерявшие значение полемические эпизоды давнего прошлого -- полностью совпадает с самой сущностью ленинизма. Вы обошли и этот вопрос, основной для всего Востока, а значит, один из важнейших для Интернационала.

Никогда нельзя знать, с чем вы согласны, и с чем не согласны.

е) В настоящее время "Фане дес Коммунизмус" в течение долгого ряда недель отводит добрую треть своего скудного объема огромным статьям Радека, Смилги и Преображенского, направленным против русской оппозиции и против меня в особенности. Статьи эти были присланы за границу в целях информации. Если бы тов. Урбансу было свойственно элементарное чувство солидарности с русской оппозицией, он бы прежде всего прислал мне эти статьи (тем более, что они для меня и были предназначены). Это дало бы возможность своевременно ответить на некоторые дополнительные доводы капитулянтов. Тов. Урбанс поступил иначе. Он печатает статьи капитулянтов, направленные против русской оппозиции, вызывая общее недоумение читателей, которые не посвящены в специальные расчеты и комбинации тов. Урбанса. Почему, в самом деле, эти статьи, которым место в органах Тальгеймера и Брандлера, печатаются из недели в неделю в органах Ленинбунда? Единственное мыслимое политическое объяснение таково: редакция пытается руками Радека и компании подорвать руководство русской оппозиции, не беря на себя при этом прямой ответственности.

ж) Этим, однако, дело не исчерпывается. Я не буду останавливаться на менее существенных моментах. Но я не могу пройти мимо вопроса о "Trotzky-Hilfe"224. С самого приезда в Константинополь вопрос об этой организации стал для меня предметом беспокойства. Я написал тов. Убрансу ряд писем, в которых разъяснил ему, что, если бы я испытывал материальную нужду, то, разумеется, не видел бы решительно ничего неправильного в такого рода добровольных сборах среди рабочих, при условии, разумеется, полной гласности этих сборов и строгой отчетности. Но, так как я надобности в помощи не имел, то собранные деньги должны были либо быть возвращены тем, которые их внесли, либо должны были быть обращены с общего согласия и совершенно открыто на другие цели.

Я предложил направить собранные средства на помощь арестованным и сосланным русским оппозиционерам и их семьям. Соответственное письмо мое было опубликовано позже в ряде изданий, в том числе и в "Фольксвилле". Тов. Убранс ответил на одно из моих напоминаний письмом, в котором сквозила нота прямого возмущения. Вот что он писал мне 11 мая:

"Какие фактические обвинения или подозрения доведены до вашего сведения о "Троцки-Гильфе" и ее сборах? С какой стороны идут эти обвинения или заподозривания? Я считаю абсолютно необходимым, чтобы эти вопросы были

выяснены... Я держусь одного с вами мнения, что часто обманывавшееся доверие рабочих не терпит, чтобы в каком бы то ни было направлении оставались неясности..."

Эти слова меня успокоили. Но, увы, лишь на короткое время. Никаких отчетов о собранных и израсходованных суммах опубликовано не было, несмотря на все дальнейшие настояния. Разумеется, о личных злоупотреблениях не может быть и речи. Но как опровергнуть утверждения, что деньги израсходованы на нужды Ленинбунда?

* * *

7. Можно возразить, что вопрос о фонде, как он ни важен сам по себе, не имеет прямого отношения к рассматриваемым разногласиям. Но такое возражение будет поверхностным. Дело у нас идет на сей раз не только о принципиальной линии Ленинбунда, чему я посвятил свое первое письмо, но и об организационных методах его руководства. Не трудно показать, что одно тесно связано с другим. Марксистская установка предполагает прежде всего правильное отношение к массе, к классу. Отсюда вытекает требование революционной лояльности. Мы не знаем нравственных норм, стоящих над обществом и над классом. Но мы очень хорошо знаем те требования революционной морали, которые вытекают из потребностей борьбы пролетариата. Величайшее проклятие сталинизма в том, что он покупает свои успехи ценою разрушения внутренних связей пролетарского авангарда и тем подготавливает катастрофы, в которых может погибнуть нечто большее, чем сталинская бюрократия.

Но политическая нелояльность не есть черта лишь сталинского аппарата. Сектантское отношение к массе также включает в себе стремление перехитрить класс, перехитрить историю при помощи ловких ходов и махинаций, что всегда связано с нарушением требований революционной лояльности. Политические руководители, которые готовятся к длительной борьбе за завоевание пролетарского авангарда, никогда не позволили бы себе такого рода небрежности в вопросе, остро затрагивающем доверие масс.

Для меня история с фондом, как и, например, история с искажением моей статьи, представляют собою в одинаковой степени проявления неправильного отношения к рабочему, к читателю, к массе.

Повторяю: нелояльность не есть монополия Сталина. Рядом с ним действовал Зиновьев, который создал в своем роде целую школу. Маслов и Фишер были, несомненно, наиболее выдающимися представителями этой школы. Ее чертой является моральный цинизм, не останавливающийся перед фальсификацией, подделкой цитат, клеветой как методами борьбы за влияние на массы. Бюрократия Коминтерна глубоко развращена такими методами. Оппозиция должна вести против них непримиримую борьбу -- прежде всего в своей собственной среде.

Этим я вовсе не хочу сказать, что люди, прошедшие школу Зиновьева, тем самым навсегда осуждены. Разумеется, нет. Можно с сектантского и авантюристского (или полусектантского, полуавантюристского) пути перейти на марксистский и пролетарский. Дело в конце концов решается правильностью линии, правильностью перспективы, правильностью революционных методов. Отвлеченная нравственная пропаганда, оторванная от политики, просто смешна, чтобы не сказать глупа. Но можно и должно требовать, чтобы методы и приемы соответствовали цели. Этого мы и требуем.

8. Вопрос о фонде имеет не только указанное выше принципиальное, но и практическое значение. Никогда, может быть, за всю историю революционной борьбы (если не считать Китая) революционеры не были поставлены в столь тяжкие условия, как те, в которых находятся оппозиционеры в советской республике. Степень их бытовой изоляции и материальной нужды не поддаются описанию. Никогда ничего подобного не бывало и не могло быть при царизме. Это тоже одна, и притом немаловажная, причина капитулянтского поветрия.

Одним из необходимых способов борьбы против сталинской бюрократии является сейчас материальная поддержка преследуемых оппозиционеров. Это есть прямая обязанность интернациональной оппозиции. Между тем эпизод с "Троцки-Гильфе" совершенно закрыл нам этот путь. Мы не имеем больше возможности апеллировать к рабочим, доверием которых в этом вопросе уже злоупотребили. Мыслимо ли терпеть дальше такое положение?

* * *

9. Ваше письмо изображает дело так, как если бы вы желали моего содействия, а я в нем отказывал. Выше уже показано, что дело обстоит наоборот. Об этом, в частности, ярко свидетельствуют и те обстоятельства, которые непосредственно вызвали ваш последний ответ. О вопросах, которых он касается, я вам писал не раз. 13 июня я настаивал на скорейшем свидании. Вы мне ответили согласием. Но совершенно так же, как и в ряде других случаев, ваше обещание вовсе не означало, что вы действительно собираетесь предпринять шаги для его выполнения. Вы просто-напросто замолчали. На мои письменные вопросы вы не ответили. Прошло почти три месяца, и лишь после того, как я копию моего письма вам от 24 августа разослал другим группам интернациональной оппозиции, вы мне ответили письмом, которое я подвергаю здесь разбору.

10. На вашу принципиальную полемику о термидоре и характере советского государства, перенесенную вами в печать, я отвечаю брошюрой, которая должна выйти в ближайшем времени в свет на нескольких языках²²⁵. Вопросы не таковы, чтобы тут можно было мириться с недомолвками. Вся международная оппозиция должна рассмотреть, обсудить, продумать, продискутировать эти вопросы со всей необходимой широтой. Каждая оппозиционная ячейка должна принять в этом обсуждении непосредственное участие, имея в своем распоряжении все необходимые документы и материалы. Таково элементарное требование, против которого, вы, надеюсь, не только не будете возражать в принципе, но которому (а это важнее) вы не будете противодействовать практически.

11. Здесь я о программных вопросах сделаю лишь несколько дополнительных замечаний.

Моя брошюра написана до получения мною вашего последнего письма и до появления последней теоретической статьи в "Фане дес Коммунизмус". И статья, и письмо свидетельствуют, скорее, о том, что в брошюре взят слишком "мирный" тон. После полшагов назад редакция приступила к теоретическому "углублению" вопроса и к прямому искажению марксовской теории государства, которую от искажений защищал Ленин. У вас выходит, будто русское государство при Керенском не было буржуазным государством, притом буржуазно-империалистским, и будто советская республика при Сталине является не пролетарским и не буржуазным государством. Все это чудовищно с начала до конца, и я себя спрашиваю с тревогой: куда заведет вас эта линия, если вы будете и впредь упорствовать на ней?

12. Предлагая русской оппозиции программу демократических свобод в целях превращения русской оппозиции в самостоятельную политическую партию, вы прибавляете: "Это требование не имеет ничего общего с требованием второй революции". Эти поразительные слова, которые вы дважды повторяете, свидетельствуют о том, что вы не желаете сводить концы с концами. Если признать ВКП безнадежной, если отказаться от завоевания ее пролетарского ядра (а завоевать его и значит завоевать партию); если противопоставить ВКП вторую партию под лозунгами демократии, -- то ведь это и значит открыть борьбу за власть не только помимо ВКП, но и против ВКП. Каким же иным образом можно бороться за власть, как не путем второй революции? Или же вы думаете, что можно быть самостоятельной партией, не борясь за власть в государстве? Что все это значит? Где тут смысл? Его нет, товарищи. Вы не додумали вопроса до конца. Именно поэтому вы питаете такое пристрастие к

недомолвкам и экивокам.

13. Ваше письмо заявляет неожиданно и как бы мимоходом, что аналогию с термидором вы считаете "несчастной". Признаюсь, мне даже трудно понять такого рода небрежное отношение к чужим идеям и к своим собственным. Русская оппозиция пользуется аналогией с термидором уже в течение пяти лет. Бухаринская школа доказывала "недопустимость" этой аналогии. Мы в ответ подробно разъяснили, что отказываться от исторических аналогий значило бы отказываться от использования исторического опыта вообще. Мы совершенно ясно и точно определили в ряде документов, каково для нас реальное содержание аналогии. Идея советского термидора вошла в международное употребление. Вы сами пользовались ею десятки раз, хотя и неправильно. Теперь, когда вы загнали себя в идейный тупик, вы заявляете неожиданно, что сама аналогия является "несчастной". Можно ли дальше идти по пути путаницы?

К этому я должен прибавить еще, что Радек, который говорил и писал о термидоре в течение 1926-[19]27 гг. сотни раз, в 1928 году неожиданно усомнился в этой аналогии. Я ему ответил на это в особом документе, где еще раз разъяснил марксистский смысл аналогии с термидором²²⁶. Этот документ у вас есть. Вы даже обещали его напечатать: такое объявление сделано было вами в "Фольксвилле". Вы прислали мне номер "Фольксвилле" с этим объявлением, отчеркнув его синим карандашом. Тем не менее документ мой против Радека так у вас и не появился. Зато появился очень обширный документ Радека против меня.

По существу вопроса о термидоре, т. е. о том, является ли аналогия с термидором счастливой или несчастной, я предпочитаю высказаться в печати.

14. В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на обстоятельство, имеющее решающее значение.

Вы пишете в ваших изданиях об СССР, Коммунистическом Интернационале и германской компартии так, как если бы все это было для вас совершенно чужое дело. Вы исходите из того, что советская республика непоправимо погибла, что погиб Коминтерн и с ним германская компартия, что все остальные оппозиционные организации идут недостаточно далеко и что вам одним надо все строить на новом месте. Вы не всегда выражаетесь так, иногда, особенно под влиянием критики, вы делаете оговорки в противоположном направлении. Но основа вашего настроения именно такова. Это сектантская основа. Она может погубить Ленинбунд.

Никто не может предсказать, какие организационные формы примет дальнейшее развитие Коминтерна и отдельных его партий, какие будут расколы, блоки и проч., т. е. какими конкретными путями пролетарское ядро компартий будет освобождаться от центристской бюрократии и создавать для себя правильную линию, здоровый режим и хороший штаб. Но одно ясно: для Ленинбунда поворачиваться спиной к компартии еще опаснее, чем для компартии поворачиваться спиной к профессиональным союзам. Думать, что вы можете просто оттеснить компартию, противопоставляя ей себя на выборах и проч., это по крайней мере для обозримого будущего -- чистейшая утопия. Надо в первую очередь добиться того, чтобы пролетарское ядро партии, в частности те молодые рабочие, которые в результате преступно-авантюристских призывов Тельмана вышли 1 мая на улицу, строили баррикады и умирали, -- нужно, чтобы эти пролетарские элементы поверили вам, захотели вас слушать и поняли, чего вы хотите. А для этого нужно, чтобы они на деле убедились, что вы им не чужие. Весь ваш тон должен быть другой. Борьба с центризмом и авантюризмом не должна смягчаться ни на иоту. Тут нужна полная непримиримость. Но совсем иное дело в отношении партийной массы и идущих за партией миллионов рабочих. Нужно найти правильный путь.

Когда полиция разгромила "Роте Фане", надо было, не скрывая разногласий, выступить на защиту с бешеной энергией, не останавливаясь перед закрытием "Фольксвилле", а идти сознательно на эту опасность. Вместо этого редакция "Фольксвилле" печатала объявления в том духе, что так как "Ди Роте

Фане" закрыта полицией, то "Фольксвилле" теперь, слава богу, единственная коммунистическая газета. Я не могу назвать это поведение иначе как скандальным. Оно свидетельствует и о ложном отношении к партии, и о прямом отсутствии революционного чутья.

15. Совершенно такой же характер имеют все ваши призывы к защите СССР. Вы не отдаете себе отчета в международном значении вопроса. Ваши призывы носят вынужденный и вымученный характер. Они рассчитаны не на то, что бы поднять рабочих на защиту СССР, а на то, чтобы не слишком обидеть "симпатизирующих" коршистов.

16. В Бельгии или в Америке, где официальная компартия очень слаба, а оппозиция относительно сильна, оппозиционные организации могут вести совершенно самостоятельную и независимую политику по отношению к официальной партии, т. е. обращаться к массам через ее голову, поскольку им это вообще доступно. Совсем другое дело в Германии, в значительной степени и во Франции. Тут совсем иное соотношение сил. Оппозиция считает [своих членов] сотнями или тысячами, официальные партии считают сотнями тысяч. С этим надо сообразовать свою политику.

Вы считаете, что русской оппозиции нужны "демократические" лозунги, чтобы скорее превратиться в партию. Я же считаю, наоборот, что вам надо снять с себя слишком тяжеловесные доспехи партии и вернуться к положению фракции. "Фольксвилле" в нынешнем своем виде не имеет будущего. На три четверти он заполнен материалом ежедневной газеты, которой он, однако, не заменяет. То, что вам необходимо прежде всего, -- это хороший, серьезно подготовленный еженедельник, способный действительно воспитывать кадры марксиста-революционера. Вопрос о ежедневной газете может встать только на следующем этапе.

* * *

Некоторые выводы:

1. Рассматриваю ли я поведение руководства Ленинбунда как разрыв? Нет. Но я вижу в этом поведении опасность разрыва. Мне кажется, кроме того, что некоторые товарищи в составе руководства Ленинбунда сознательно ведут курс на разрыв.

2. Я не только не собираюсь им содействовать, но, наоборот, считаю необходимым всеми средствами предупредить разрыв, который нанес бы серьезный удар международной оппозиции, а для Ленинбунда означал бы перспективу национального и сектантского перерождения.

3. Каким образом можно противодействовать этой опасности? Гласным и широким обсуждением, честной дискуссией. Без торопливости. Без стремления перехитрить друг друга.

4. Надо открыто признать, что даже в руководстве Ленинбунда есть меньшинство, которое в спорных вопросах стоит на точке зрения русской оппозиции, а не тов. Урбанса и его единомышленников. Это меньшинство должно получить возможность высказывать свои взгляды по спорным вопросам на страницах "Ди Фане дес Коммунизмус".

5. В обсуждении вопросов должна принять участие международная оппозиция. Издания Ленинбунда должны ее голос доводить лояльно до сведения своей организации.

Только дискуссия, обставленная такими минимальными гарантиями партийной демократии, способна предотвратить опасность раскола в Ленинбунде или разрыва Ленинбунда с важнейшими группировками международной оппозиции.

Я со своей стороны готов всеми средствами помочь мирному и дружественному изживанию разногласий. Настоящее мое письмо преследует именно эту цель и никакой иной.

Л.Троцкий

19 сентября 1929 г.

[Письмо Г.И. Мясникову]

Уважаемый товарищ Мясников,

В вашем письме от 24/VIII/1929 есть ряд недоразумений.

1. Я переслал в Берлин вашу рукопись с просьбой передать ее вашим политическим друзьям для переписки и прислать мне затем одну из копий. Никаких дальнейших сведений я не получал. Возможно, что произошло какое-либо недоразумение. Сегодня же я пишу об этом Пфемферт. Что она задерживает рукопись "по прямому моему указанию" -- это совершеннейший вздор. Во всяком случае, я ей сегодня же пишу, чтобы она передала немедленно рукопись Румынову.

2. Никогда и никому я не писал, чтобы из Берлина вам не посылали денег.

Это прямой вымысел.

3. Никогда и никому я не писал, что вам из Константинополя послано 500 марок. Это третий вымысел, под которым, как и под двумя предшествующими, нет и тени основания.

4. Жалобы ваши на то, что отсутствие моего предисловия задерживает опубликование брошюры, совершенно неосновательны. Я никогда не обещал предисловия. Да и как мог я обещать предисловие к брошюре, которую я не читал? Я удивлялся, почему нет копии из Берлина, но решил, что, очевидно, вы и ваши друзья остановились на каком-либо другом плане. Только и всего.

Ваши соображения насчет того, что не нужно "недомолвок" и "полугодового размышления", как видите, совсем неуместны. Какие у меня могут быть мотивы для недомолвок? Если вы подумаете, то убедитесь, что таких мотивов у меня быть не может.

С товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

19/9/[19]29

[Письмо Р.Т. Адлер]

23 сентября 1929 г.

Дорогая Раиса Тимофеевна!

Я получил из Берлина извещение, что вы не имели возможности перевести последнюю часть моей брошюры. Это не беда, так как перевод полностью произведен уже в Берлине и брошюра скоро должна выйти. Я очень вас прошу немедленно же переслать русскую рукопись в Америку тов. Истмену по указанному ниже адресу. Только что мне сообщили, что вас уже просили вернуть рукопись обратно в Константинополь. Если это сделано, то мы пошлем ее отсюда сами в Америку. Если же рукопись еще у вас, то очень прошу вас сейчас же отправить ее тов. Истмену.

От вас давно не было никаких вестей. Объясняю это летним временем. Очень был бы рад узнать, что в Вене делается и делается ли что-нибудь, точнее сказать, предполагается ли что-нибудь делать, начиная с осени.

Насколько я понимаю по письму американского газетного агентства, Neue Freie Presse²²⁷, как впрочем и другие газеты, печатают под видом моей автобиографии жалкие кусочки и огрызки. Боюсь, нет ли прямых искажений. Книга, впрочем, скоро выйдет в полном виде.

Получается ли в Вене наша новая еженедельная французская газета "Ля Веритэ"?

Мы здесь до сих пор не знаем, заняла ли ваша группа официальную позицию по вопросу о советско-китайском конфликте и о тех разногласиях, какие возникли в среде интернациональной оппозиции.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А. Монтегю]

Принкипо, 23 сентября 1929 г.

Дорогой товарищ Монтегю!

Я вам не отвечал так долго в силу стечения ряда неблагоприятных обстоятельств: я остался временно без иностранных сотрудников, а русская моя сотрудница была в отпуску. Писать же большое письмо от руки -- трудно и требует слишком много времени.

Сперва о деловых вопросах.

Я сейчас от русского книжного рынка совершенно оторван и в настоящий момент не могу, к сожалению, дать вам никаких советов. Но я напишу своему младшему сыну, который более или менее следит за новинками русской литературы и через него смогу получить все наиболее выдающееся. Я сделаю это тем охотнее, что я и моя семья будут рады возобновить таким образом свою связь с текущей русской литературой.

Теперь о Вашем предложении насчет Англии. Разумеется, я по-прежнему стремлюсь изо всех сил перебраться в Англию, как по соображениям здоровья, так и по соображениям работы. Ваш план в общем я считаю приемлемым и осуществимым. Любая комиссия любых врачей признает необходимость медицинской помощи. Я думаю также, что со стороны турецкого правительства можно было бы получить заявление о его готовности принять меня обратно по окончании моего пребывания в Англии. Но я мог бы решиться обратиться к турецкому правительству с соответственным вопросом лишь в том случае, если бы был абсолютно уверен в том, что британское правительство даст мне визу. В противном случае я рисковал бы попасть в очень невыгодное и неблагоприятное положение. Вы понимаете, что если бы после моего соответственного запроса у турецкого правительства британское правительство отказало бы мне все же в визе, то мое положение в Турции несомненно ухудшилось бы. Вот почему я могу решиться на обращение к турецким властям лишь в том случае, если доступ в Англию мне будет обеспечен заранее.

Благожелательные заверения отдельных министров за кулисами дают, вообще говоря, очень мало. Вы знаете, как было дело в Германии: не только президент рейхстага²²⁸, но и ряд министров высказывались в частных беседах вполне положительно. А кончилось тем, что мне отказали в визе.

Вот почему я прошу вас произвести более серьезную и точную разведку. Думаю, что в этом деле может быть полезен Пэтон²²⁹, секретарь Независимой рабочей партии²³⁰, от которого я получил даже формальное приглашение прочитать доклад в летней школе Независимой рабочей партии, -- до такой степени Пэтон не сомневался в том, что я получу визу. И в дальнейшем Пэтон предпринял ряд шагов, чтобы добиться визы от своих министров. Во всяком случае, в информации он вам не откажет.

Я вам очень благодарен за то, что вы уже написали о себе с некоторой подробностью. Это для меня не только интересно, но и поучительно, так как приоткрывает для меня некоторый уголок английской жизни, с которой я слишком мало знаком. Между тем судьба Англии интересует меня сейчас в высшей степени -- наряду с развитием Америки.

То, что печатается в "Обсервер"²³¹, -- это не автобиография, а короткие выдержки, сокращенные американским агентством для газетных потребностей. Автобиография представляет собой большую книгу, в пятьсот-шестьсот страниц, которая должна в октябре выйти в Нью-Йорке у Скрибнера и одновременно в Берлине и в Париже. Я, разумеется, пришлю вам немедленно эту книгу по выходе ее в свет.

Кстати: вы, надеюсь, получили мою французскую книгу, которая представляет собой скорее сборник документов, чем книгу²³².

Теперь хочу перейти к политическим вопросам. Вы совершенно правы, что очень трудно высказываться об этих вопросах в письме, когда слишком мало знаешь собеседника, т. е. когда не было предварительных длинных разговоров. Если бы ваши деловые поездки дали вам возможность остановиться по пути в

Константинополе, я был бы очень рад видеть вас своим гостем и завязать таким образом личное знакомство, которого переписка заменить, разумеется, не может. Но в ожидании этого приходится все же сделать попытку объясниться путем переписки.

Вы говорите много интересного и правильного относительно британского эмпиризма, склонности к компромиссам и проч. Несомненно, что эта национальная традиция, в которой резюмируются навыки и приемы господства британской буржуазии, представляет собою в высшей степени важный момент в политике. Кто в практической работе не принимал бы в расчет этой инертной национальной традиции, тот непременно рисковал бы расшибить себе нос. Но решает все же не сила национальной инерции и психологической традиции, а сила экономических факторов. В истории бывало уже не раз, что чем консервативнее была традиция существующего режима, тем катастрофичнее он обрушивался в конце концов под ударом экономических сил.

Недавно я читал передовицу Times а по поводу угольной промышленности и ее проектируемого объединения. Консервативная газета пишет, что на пути этого объединения стоят навыки и традиции английских промышленников, т. е. "индивидуализм", "независимость" и проч. Эти "великие" традиции британской буржуазии "Таймс" называет мертвым фактором. Даже "Таймс"! В то же время он признает, что эти мертвые факторы представляют очень большую силу сопротивления, препятствуя реорганизации английской промышленности. К этому надо только прибавить: но именно поэтому процесс реорганизации будет происходить гораздо более болезненно, остро и катастрофично. То же самое -- в более широком масштабе -- приходится сказать обо всей английской общественной жизни. Эмпиризм, индивидуализм, консерватизм, дух компромисса -- это могущественная сила, но мертвая. Английский политический эмпиризм представляет собою застывший продукт тех эпох, когда Великобритания шаг за шагом завоевывала господство над миром и поддерживала это господство при помощи мер, соответствовавших изменчивой обстановке каждого дня.

Но сейчас от объективных предпосылок британского эмпиризма не осталось ничего. Истерика Сноудена в Гааге есть смешная попытка вернуть то, чего вернуть нельзя. Уравнение флота Великобритании и Америки²³³ означает полную и окончательную ликвидацию британского морского могущества. Равные флоты к началу войны означают колоссальный перевес Соединенных Штатов в случае войны, ибо они смогут обновлять и расширять свой флот под огнем несравненно быстрее, чем Англия. Этим я не хочу сказать, что война будет завтра или послезавтра. Но перспектива уничтожающего преимущества Америки над Великобританией, даже в военно-морской области, будет отныне тяготеть над политикой Англии и над всей ее общественной мыслью. А это значит -- конец эмпиризму. Обобщения, широкие идеи и доктрины представляют оружие слабого в борьбе против сильного. До конца прошлого века Англия не нуждалась в широких доктринах. Но уже конкуренция в Германии (плюс первая русская революция²³⁴) вызвали к жизни Рабочую партию. Эта партия насквозь эмпирична -- вы совершенно правы. Но сам факт ее существования есть все же удар по национальной традиции и подготовка к еще большим ударам.

Рассуждая абстрактно (и, следовательно, неверно), можно сказать, что Макдональд держит в своих руках единственную в своем роде историческую возможность "мирным", "эволюционным", "демократическим" путем преобразовать общественный строй Англии. Если бы Макдональд сейчас выдвинул смелую программу преобразований, прежде всего национализации, и -- встретив сопротивление буржуазных партий -- апеллировал бы со всей смелостью и решительностью к стране, он, несомненно, обеспечил бы себе твердое большинство, а, следовательно, и возможность мирной социалистической эволюции, т. е. такой эволюции, при которой сопротивление эксплуататоров сводится к минимуму и подавляется легальными средствами государственного аппарата. Но вы понимаете, что это фантастическая перспектива. Ни на какую радикальную программу Макдональд не способен. Его министерство закончится

жалким и позорным фиаско и станет неизбежно источником -- не смягчения, а обострения политических противоречий. Я вообще думаю, что именно благодаря политике фабианцев Англия идет навстречу самым жестоким и бурным внутренним потрясениям.

Конечно, можно спорить о том, каким темпом пойдут события, т. е. наступит ли явный и очевидный, т. е. массовый переход количества в качество через три года, через пять или десять. В этих пределах ошибки глазомера возможны и неизбежны. Но ведь марксисты ведут политику дальнего прицела. Этим мы и отличаемся от эмпириков.

Вы мне напоминаете, что я говорил о малой вероятности повторения эксперимента рабоче-либеральной коалиции²³⁵. Если даже считать, что это предсказание опровергнуто фактом нынешней полукоалиции (хотя надо все-таки еще подождать развития событий), то этот факт все же не нарушает основной линии прогноза. А главное, не надо забывать, что за время, протекшее между моей книжкой²³⁶ и возникновением второго Рабочего правительства в Англии²³⁷ разыгралась генеральная стачка, которую я также предсказывал, ссылаясь на традицию чартизма. В 1925 году, когда я писал свою книжку, я никак не думал, что генеральная стачка возникнет через год. На этот раз темп оказался более быстрым, чем можно было рассчитывать. Не надо ни на минуту забывать, что в Англии эмпиризма и компромисса всеобщая стачка не с неба свалилась, а явилась результатом какой-то могущественной внутренней тенденции развития. Эта тенденция в 1926 году вышла наружу, а затем скрылась под почву. Но она не исчезла. Она существует. Молекулярным путем она собирает силы. Она обнаружится на следующем этапе с новой силой.

Как же при таких условиях я могу согласиться с той мыслью, будто марксисту в современной Англии нечего делать? Нет, с этим я согласиться никак не могу. Разумеется, остается еще особая и большая область вопросов: как подходить к задачам коммунистической политики? Какие применять методы, какие выдвигать лозунги, куда перенести центр тяжести работы и проч., и проч., и проч. Никаких готовых рецептов у меня, разумеется, нет, да их и не может быть по самому существу дела. Эти методы можно вырабатывать, опираясь не только на те основные исторические факторы, о которых я говорил выше, но и на те вторичные традиционные, национально-консервативные и конъюнктурные элементы и обстоятельства, о которых вы отчасти говорите в письме, и с которыми я недостаточно знаком. Такую работу можно выполнять только коллективно.

На поставленный вами вопрос "что делать?" в более узком смысле я ответил бы так: поставить марксистский журнал, совершенно независимый от нынешней компартии, разумеется. Этот журнал мог бы развиваться в теоретическую лабораторию и в идейный арсенал для передовых элементов английского рабочего класса. Журнал должен был бы быть теоретически серьезным, но не академическим. Он должен был бы не только освещать общие вопросы и перспективы, но и вмешиваться во все внутренние вопросы всех социалистических организаций, прежде всего, разумеется, компартий.

На этом я пока кончаю. Буду очень рад продолжению и развитию нашей корреспонденции.

За книжку немецкого социал-демократа об английской рабочей партии большое спасибо. Читаю ее с интересом.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо сотрудникам "Бюллетеня оппозиции"]

ПИСЬМО²³⁸

Не для печати

Дорогие товарищи!

Посылаю вам при сем "Заявление"²³⁹ ссыльных и арестованных оппозиционеров в ЦК и ЦКК. "Заявление" выработано товарищами Раковским, В.

Косиором²⁴⁰ и Окуджавой²⁴¹. К заявлению присоединилось до начала сентября уже около 400 оппозиционеров, разбросанных по 85-ти ссыльным колониям и тюрьмам. В числе подписавшихся, кроме названных трех: Н. Муралов, Б. Мдивани, Л. Сосновский, С. Кавтарадзе²⁴², В. Каспарова, Малюта²⁴³, В. Сибиряков, Ю. Солнцев²⁴⁴, М. Лазько²⁴⁵, Рафаил, Н. Нечаев и другие. И. Н. Смирнов выступил со своим проектом заявления, несущим, как нам сообщают, капитулянтский характер.

Так как "Заявление" довольно обширно и не все оппозиционные издания смогут его напечатать целиком, то я на полях отметил на всякий случай наиболее важные места.

Одновременно с этим посылаю вам копию своего "Открытого письма"²⁴⁶ товарищам, подписавшим указанное заявление, и прошу о напечатании этого Открытого письма.

Но дело, мне кажется, не должно ограничиться одним лишь опубликованием посылаемых документов. Вопрос слишком важный и может сыграть при правильной политике с нашей стороны крупную роль в развитии как русской, так и международной оппозиции.

Разумеется, относительно текста "Заявления" можно сделать ряд критических замечаний. Некоторые из них я в положительной форме делаю в своем Открытом письме. Нельзя забывать, что документ формулировался путем переписки ссыльных и арестованных и представляет собой, как всегда в таких случаях, компромисс между разными оттенками. Будут недовольные и справа, и слева. Но надо уметь выделить основную идею документа. В момент острых внутренних и внешних затруднений для СССР оппозиция требует для себя места в партии, чтобы, согласно с своими взглядами, защищать дело международной революции. В то время как из Коминтерна усиливаются перебежки в правую оппозицию и прямо в социал-демократию, левая коммунистическая оппозиция требует себе места в рядах Коминтерна и прежде всего в ВКП.

В чем состоит задача международной оппозиции по отношению к этому важному шагу русской оппозиции? В том, чтобы использовать этот шаг для того, чтобы разоблачить перед обманутыми рабочими-коммунистами ложь о "пораженческом", "контрреволюционном" и проч[ем] характере оппозиции. Надо использовать "Заявление", чтобы потрясти, расшатать и опрокинуть ту перегородку, которую руководство Коминтерна воздвигло между членами официальных компартий и левой оппозиции.

"Заявление" написано в очень осторожном тоне, который вытекает из поставленной цели. Эта цель указана в двух заключительных строках совершенно ясно: подписавшиеся хотят "завоевать сочувствие и поддержку партийной и рабочей массы". Здесь дело идет о применении политики единого фронта по отношению к официальным компартиям. Некоторые из подписавших заявление могут еще отойти вправо, т. е. в сторону капитулянтов, когда получится ясный заранее ответ сталинцев. Но столь же несомненно, что самый факт "Заявления" будет широко обсуждаться в партийных ячейках, захватит многих революционных рабочих, увеличит связи и влияние оппозиции в низах партии.

Некоторые ультралевые, пожалуй, увидят в "Заявлении" капитулянтский шаг. Но если бы мы поддавались таким ультралевым, мы неизбежно превратились бы в секту. Вот почему вопрос о "Заявлении", об его истолковании, о той агитации, которую нужно вокруг него поднять, чтобы добраться до партийной массы, -- вопрос этот, думается мне, может получить для дальнейших группировок в международной оппозиции не меньшее значение, чем русско-китайский конфликт.

С приветом

Л.Троцкий

Константинополь, 25 сентября 1929 г.

О ПОЛИТИКЕ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В ГЕРМАНИИ²⁴⁷

(Ответ гамбургскому члену Ленинбунда)

Дорогой товарищ!

Большое спасибо за ваше письмо. Оно мне очень многое дало. Прежде всего оно меня укрепило в моей оценке той политики, которую ведет нынешнее руководство Ленинбунда. Мне кажется, что по всем важнейшим вопросам наши с вами взгляды совпадают.

1. Вы констатируете ослабление Ленинбунда. Разумеется, имеются объективные причины, которые ведут одновременно к ослаблению коммунизма по отношению к социал-демократии и к усилению правого крыла в коммунизме. Но вы совершенно правы, когда одну из причин ослабления Ленинбунда видите в его неправильной политике -- в частности, по отношению к коммунистической партии.

2. Ленинбунд должен чувствовать себя и действовать как фракция внутри германского коммунизма, а не как самостоятельная партия. Выступление с собственными кандидатами на выборах есть ошибка. Упорное повторение этой ошибки разрушит Ленинбунд.

3. Вы перечисляете ряд случаев, когда вам на основе текущей борьбы рабочих удавалось вынудить местную коммунистическую организацию делать те или другие шаги и в то же время сблизиться с рядовыми членами официальной партии. Это безусловно правильная политика. Левая коммунистическая оппозиция должна в Германии проводить политику единого фронта по отношению к официальной партии. Иначе оппозиция останется сектой и будет хиреть.

4. Разумеется, политика единого фронта включает свои опасности, прежде всего опасность незаметного примирения с ультралевым зигзагом и растворения в центризме. Так, официальные компартии, проводя политику единого фронта с социал-демократией, не раз сами сдвигались на социал-демократическую позицию²⁴⁸. Но против этой опасности нельзя придумать универсального рецепта. Нужна правильная теоретическая позиция, серьезная интернациональная организация, режим демократии внутри оппозиции и проч.

5. Вы пишете, что некоторые из руководителей Ленинбунда рассуждают следующим образом: так как социализм в одной стране невозможен; так как европейская революция не стоит в порядке дел, то гибель Октябрьской революции неизбежна, независимо от политики ВКП. Замечательно, что сталинцы давно уже изо всех сил стремились подкинуть русской оппозиции это чудовищное рассуждение, которое оппозиция упорно отбрасывала ногой в сорную кучу. Кто установил заранее сроки европейской революции? Кто заранее высчитал, сколько лет диктатура пролетариата может продержаться в Советской республике при правильной политике? Я этого не знаю. Для меня достаточно того, что правильная политика в Советском Союзе может укрепить диктатуру пролетариата и продлить ее изолированное существование на лишних три-пять-десять лет. Для меня достаточно того, что правильная политика Коминтерна может приблизить победу революции в Европе на три-пять или десять лет. А это и значит, что диктатура в России может дожить до пролетарской диктатуры в Европе. Обеспечить этот путь есть основная наша задача. Кто заранее решает, что она невозможна, тот жалкий болтунишка, а не революционер.

6. Эти же самые теоретики говорят, по вашим словам, что Советская республика должна перейти на положение "третьего государства", т. е. "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Другими словами, эти господа видят в термидоре единственный выход. Разве это не ясно? "Третье государство", т. е. не империалистическое и не пролетарское, есть мелкобуржуазное государство. Но ведь термидор и означает опасность перехода власти из рук пролетариата в руки мелкой буржуазии. Эта последняя могла бы, разумеется, держать власть разве лишь в течение нескольких месяцев, вернее же -- недель. Третье государство было бы только коротким мостом к фашистско-империалистской России.

7. Теоретики "третьего государства" прикрывают термидор именем

"демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Трудно представить себе худшее политическое шарлатанство.

Ленин выдвинул гипотезу демократической диктатуры пролетариата и крестьянства по отношению к восходящей революции в России. Эта гипотеза имела глубокое историческое содержание. Но ход развития революции привел не к демократической диктатуре, а к пролетарской. Ленин разъяснил, почему демократическая диктатура не осуществилась и почему она уже не может осуществиться в виде самостоятельного режима. После опыта Февральской революции, особенно же Октябрьской, Ленин третировал философов третьего государства не иначе, как мелкобуржуазных реакционеров или термидорианцев.

8. Вы пишете, что те же теоретики проповедают необходимость для немецкой оппозиции отделиться от русской оппозиции, "не плясать под ее дудку" и проч. и проч. Это тоже очень симптоматично, ибо показывает, что некоторые мелкобуржуазные теоретики борьбу против бюрократизма, командования и административно-финансового управления Коминтерном превращают в борьбу за превращение немецкой оппозиции в национально замкнутую фракцию. Русская оппозиция не имеет ни претензий, ни возможностей распоряжаться или командовать другими секциями оппозиции. Взаимоотношения этих секций могут определяться только идейными факторами. Подходить к вопросам национальной политики нельзя, однако, иначе как под интернациональным углом зрения. Плясать надо не под русскую дудку, а под марксистскую. Или, может быть, русской оппозиции отказаться от марксизма на том основании, что это "немецкая" дудка? По этому пути можно очень далеко зайти. Я опасюсь, что некоторые вожди Ленинбунда зашли уже гораздо дальше, чем сами себе это представляют.

9. На вопрос о моей работе могу кратко ответить, что я занят проблемой так называемого "третьего периода". Этому вопросу я посвящаю особую брошюру. Я надеюсь доказать в ней, что в корне ошибочная теория и практика "третьего периода"²⁴⁹ неизбежно готовят не только новые поражения, но и условия для нового поворота руководства Коминтерна вправо.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

Константинополь, 30 сентября 1929 г.

[Письмо Р. Нойману]

3 окт[ября] 1929[г.]

Дорогой товарищ Нойман! 250

Ваше письмо меня очень огорчило. Ни из писем Ландау, ни из вашего письма нельзя усмотреть каких-либо серьезных разногласий. При подходе к вопросу о том, как понять дискуссию в Ленинбунде и пр., совершенно неизбежно будут острые эпизодические разногласия: первые шаги при подходе к новой задаче всегда приходится делать наощупь. Сейчас, мне кажется, путь достаточно определен. Никто из нас не хочет раскола. Но если он оказался необходим, мы примем его. Никто из нас не хочет даже персонального устранения Урбанса. Но угроза разрыва не испугает нас. Дело идет о том, чтобы выправить политику. Здесь все мы одинаково непримиримы. Широкая дискуссия едва начата. Систематическое развитие она сможет найти только в газете, для которой первая дискуссия подготавливает организационную и идейную базу. Каково будет официальное взаимоотношение между этой газетой и Ленинбундом, этого предсказать нельзя, ибо это зависит от практических результатов первой дискуссии. Это зависит также и от того, какое количество элементов вне Ленинбунда сумеем мы сгруппировать в подготовительный период. Но газету необходимо поставить во что бы то ни стало. Ваше активное участие в газете является само собою разумеющимся. Между тем, вы отстранились от работы из-за конфликтов с Л[андау]. Неужели же это правильный путь? Неужели можно отстраняться от важной политической работы из-за конфликтов

второстепенного характера? Я меньше всего беру на себя роль защитника тов. Л[андау] или роль третейского судьи в конфликте, элементы которого мне к тому же не ясны. Я подхожу чисто политически и считаю, что вы должны возобновить свое участие в работе.

Если вы, однако, твердо решили ехать в Париж, тогда, разумеется, другое дело. Но в таком случае вам необходимо немедленно вступить в теснейшую связь с тов. Росмером. Работа для вас, конечно, найдется и в Париже. Но все же я считаю, что вы с гораздо большей пользой можете применить в ближайшее время ваши силы в Германии.

Вам необходимо было бы написать статью о немецких делах для "Ля Веритэ" (в частности, о брандлерианцах). Спишитесь, пожалуйста, с Росмером. Можете ему писать по-немецки, у него есть переводчики. В письме сошлитесь на меня.

Передайте, пожалуйста, мой привет тов. Йокко²⁵¹ и мою горячую просьбу написать мне, как он оценивает создавшуюся обстановку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо П. Манулису]

9 октября 1929 [г.]

Дорогой товарищ,

Мы получили ваше письмо без даты. Вы просите указаний, в частности, насчет Буэнос-Айреса. Наши указания могут носить лишь самый общий характер, так как трудно, сидя в Турции, не зная аргентинских условий, вам что-нибудь рекомендовать. Нас очень радует энергичный тон вашего письма. По вопросу о работе в Буэнос-Айресе вам нужно списаться с тов. Гвиней²⁵².

Адрес его прилагаем. Также хорошо было бы, если бы вы наладили связь с Нью-Йорком ("Милитант"). Тов. Гвинея мы лично не знаем, его адрес нам дали нью-йоркские товарищи, но это то, что вам нужно, т. е. оппозиционный товарищ, живущий и работающий в Буэнос-Айресе. С ним в первую очередь вы должны посоветоваться о возможностях вашего туда переезда, о возможностях распространения там бюллетеня, его перевода на еврейский язык и пр. и пр. Мы со своей стороны напишем этим товарищам про вас. Главное -- действуйте, и действуйте энергично. Не забывайте систематически информировать.

С товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

Адреса²⁵³ В[uenos] Aires

"Mil[itant]"

Манулису²⁵⁴

[Письмо Р.Т. Адлер]

14 октября 1929 г.

Дорогая Раиса Тимофеевна!

Получил ваше письмо от б/Х. Вы сообщаете о приобретении нового члена вашей группы. Между тем Франк получил сегодня сообщение об уходе из вашей группы 3-х человек. Если я правильно понимаю, о ком у вас идет речь, то приходится сделать вывод, что мы потеряли жену, но приобрели мужа²⁵⁵. Не ошибаюсь ли я? Как будто нет.

Приобретение это было бы очень ценно по многим причинам. В Берлине необходим хороший боевой коммунистический еженедельник. Молодежь для этого еженедельника есть. Но нужен настоящий старый журналист с серьезной марксистской подготовкой. Средства на постановку журнала мы бы нашли. При хорошем руководстве -- а оно было бы в случае привлечения "мужа" обеспечено -- журнал в течение нескольких месяцев прочно стал бы на ноги. Поговорите с ним об этом серьезно. В случае, если бы он твердо на это решился, нам надо

было б с ним повидаться, чтобы хорошенько обо всем поговорить и условиться. Буду от вас с нетерпением ждать дальнейших сведений на этот счет.

"Ля Веритэ" еще далеко не выработала своей политической физиономии. Но журнал, во всяком случае, на хорошем пути. Как вы, вероятно, знаете, "Ля лютт де клясс" присоединилось к нему целиком. Правда, это группа интеллигентская. Но она сразу дала редакции четырех хороших литераторов, марксистски подготовленных, молодых, активных и желающих учиться. И из других групп переходят пока еще одиночки, но в ближайшем будущем, надо думать, все жизнеспособные элементы французской оппозиции объединятся вокруг "Ля Веритэ".

Хорошо развивается американская организация. 7 ноября она переходит на еженедельник²⁵⁶ и ставит собственную типографию.

В Ленинбунде большая затяжная борьба, как вы знаете. Вообще в Германии большие поражения, разочарования, дворцовые перевороты в партии, измены, коррупция и проч[ее] оставили надолго тяжелый след, отравив и оппозиционные элементы. И здесь, очевидно, молодежи многое придется начинать сначала. Именно в этих условиях важно иметь марксистский журнал, который "не знает ни родства, ни свойства, а режет правду-матку направо и налево". Такой журнал приобрел бы авторитет именно в Германии одним тем, что говорил бы всем правду в глаза. Особенно, если бы он велся талантливо. А при указанном выше условии это было бы обеспечено.

У нас здесь все по-старому. С автобиографией я разделался уже довольно давно. В конце этого месяца она должна, как будто бы, даже выйти из печати. Переписка большая. Сейчас работаю главным образом над вопросом о "третьем периоде".

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Г.И.Мясникову]

14 октября 1929 г.

Уважаемый товарищ Мясников!

Я не вижу никакого основания, вернее, никакой возможности поднимать историю по поводу моего мнимого голосования насчет вас. Какая тут возможна проверка? У Сталина есть три возможности: а) либо просто промолчать; б) либо заявить, что он никогда ничего подобного вашему приятелю не говорил; в) либо, наконец, повторить свою клевету на мой счет, присоединив к ней еще двух-трех Ярославских в качестве понятых. Ни один из этих трех возможных вариантов ни в малейшей степени не поможет выяснению дела.

К этому надо прибавить, что сталинцы в течение ряда лет распространяли и распространяют на мой счет ложь и клевету самого чудовищного характера -- притом не в кулуарных беседах с одним-двумя, а публично на рабочих собраниях, где говорятя гораздо более гнусные вещи, чем те, которые печатаются в газетах.

Никакого протокола он ему показывать, однако, не мог, если не предположить, что он сфабриковал для этого специально фальшивый протокол, чего я, однако, не думаю, так как Сталин осторожен.

Помимо всего прочего, в протоколах Политбюро отмечаются только решения большинства. Никогда в протокол не вносится отвергнутое предложение меньшинства. Так повелось со времени Ленина на основе определенного решения самого же Политбюро. Следовательно, если бы выдуманное Сталиным голосование действительно имело место, то в протоколе оно все равно не могло бы оставить следов.

Вспоминаю, что незадолго до XV съезда я спрашивал Зиновьева, где, когда и как состоялось постановление о вашей ссылке. Кто решал это, -- спрашивал я его: не ваша ли "тройка", или не ваша ли "семерка"²⁵⁷, -- так как вопрос проходил совершенно помимо меня. Зиновьев мне ответил, что он совершенно не помнит обстоятельств дела и думает, что оно решалось помимо

него. Верно ли он говорил или нет, судить не берусь. Не исключена, однако, возможность того, что он был в Ленинграде, когда решался вопрос.

Но право, жалко времени тратить на все эти истории, которым несть числа. Я со своей стороны считаю, во всяком случае, вопрос исчерпанным.

С товарищеским приветом

[Л.Д. Троцкий]

ИНТЕРВЬЮ258

Вопрос: Можно ли узнать, насколько верны сообщения печати о "капитуляции" вашей, Раковского и других?

Ответ: В этих сообщениях нет ни иоты правды. Слухи порождены заявлением, которое подано несколькими сотнями ссыльных оппозиционеров в центральные учреждения ВКП с требованием принять их в партию. Я к этому заявлению присоединил свою подпись. Заявление капитулянтов (Радека и других) построено по такому типу: "Мы отказываемся от своих взглядов, выраженных в платформе оппозиции, признаем нашу ошибку и просим принять нас в партию". Заявление Раковского, поддержанное основными кадрами оппозиции, построено по такому типу: "Так как события полностью подтвердили платформу оппозиции, и вы сами вынуждены делать из нее заимствования на каждом шагу, то мы требуем исправления вашей ошибки путем восстановления нас в партии".

Вопрос: Надеетесь ли вы на практический результат этого заявления?

Ответ: Ни в малейшей степени, если под практическим результатом понимать восстановление оппозиции в партии в настоящий момент.

Вопрос: Какую же непосредственную цель преследует заявление?

Ответ: Цель совершенно ясно указана в самом заявлении. Оппозиция снова подтверждает перед лицом общественного мнения партии свою беззаветную преданность Октябрьской революции и советской республике и свою неразрывную связь с основным ядром партии. Аналогичное заявление оппозиция делала на каждом критическом этапе последних лет. Это есть законченная и необходимая форма воздействия на общественное мнение партии. С капитуляцией это не имеет ничего общего259.

[Л.Д. Троцкий]

[19 октября 1929 г.]

[Письмо И. Фрею]

19 окт[ября] 1929 [г.]

Т[оварищ] Фрей

Уважаемый товарищ!

Разумеется, вы поступили совершенно правильно, дав необходимые разъяснения печати относительно смысла и цели Заявления оппозиции260. Но мне думается, что интерес международной оппозиции только выиграл бы, если бы вы активно выступили по этому вопросу не только в "Арбайтер Штимме"261, но и в иностранных изданиях оппозиции. Вы, конечно, читали статью Урбанса в No 37 "Ди Фане дес коммунизмус". Вслед за Ярославским Урбанс повторяет о "распаде" русской оппозиции и в Заявлении ее видит "капитулянство". Трудно себе представить что-либо более нелепое. Капитулянты говорят: "Так как мы признаем, что мы во всем ошибались, то просим принять нас в партию." Оппозиция говорит: "Так как мы во всем оказались правы, то требуем восстановления нас в партийных правах."

ВКП в нынешнем ее виде не есть партия в подлинном смысле слова. Но так или иначе эта организация включает в свой состав авангард пролетариата. Найти к нему путь -- еще более важно, чем для коммунистов капиталистических стран найти путь к рабочим профессиональным союзам. Урбанс ничего этого не понимает. Необходимо, чтобы он получил интернациональный отпор. Я считаю,

что вы лично или ваша организация должны принять в этом отпоре участие. Думаю, что при нынешнем положении и "Ди Фане дес коммунизмус" оказалась бы вынуждена напечатать вашу статью или резолюцию вашей организации. Во всяком случае, ваша статья появилась бы в Бюллетене русской оппозиции и в "Ля Веритэ". Только таким путем и можно создавать общественное мнение интернациональной оппозиции как предпосылку ее организационного объединения.

С оппозиционным приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо редакции газеты "Militant"]

19 окт[ября] 1929 [г.]

"Militant"

Дорогие товарищи!

Вряд ли вы могли лучше отметить 12-ю годовщину Октябрьской революции, как превращением "Милитант" в еженедельник. Это крупнейший шаг вперед. Полумесячный орган давал возможность объединять первые кадры фракции. Еженедельник создает возможность прямого и постоянного вмешательства в жизнь рабочего класса в целом.

Еженедельник должен будет, в свою очередь, проложить путь ежедневной газете. Не утопично ли сейчас говорить об этом? Я этого не думаю. Путь развития лежит именно в этом направлении.

В СССР, в Германии, во Франции левая коммунистическая оппозиция является фракцией, борющейся за влияние на пролетарское ядро официальной партии. В Бельгии положение иное. Там официальная партия ничтожна. Основные коммунистические кадры принадлежат оппозиции. Бельгийская оппозиция может и должна стремиться к роли самостоятельной партии. Ей приходится бороться за пролетарское ядро -- не коммунистической, а социал-демократической партии.

В Америке положение ближе к бельгийскому, чем к германскому. Основная задача американских коммунистов состоит в непосредственном воздействии на революционные элементы класса. Борьба за рабочих, принадлежащих к официальной партии или случайно попавших в правое крыло, не имеет самостоятельного значения. Это и значит, что американская Коммунистическая Лига²⁶² имеет все основания развернуться в самостоятельную коммунистическую партию. А раз так, то еженедельник может и должен стать этапом на пути к ежедневной газете.

Посылаю вам для первого номера еженедельника статью о 12-й годовщине Октября²⁶³ и вместе с нею обещание самого деятельного сотрудничества и всемерной поддержки.

С братским приветом

Л.Троцкий

[Письмо И. Фрею]

Уважаемый товарищ Фрей,

Я получил два ваших документа по поводу советско-японского конфликта²⁶⁴. Это именно то, о чем я писал вам в своем последнем письме. Ваше прекрасное письмо членам австрийской коммунистической партии я уже переслал всем оппозиционным изданиям. Надеюсь, что оно будет напечатано.

По имеющимся из Берлина сведениям, Урбанс держит курс на объединение с сапроновцами²⁶⁵, т. е. с русскими коршистами. Из этого вытекает необходимость постановки в Берлине органа коммунистической левой фракции, независимо от того, пойдет ли Урбанс на раскол с интернациональной оппозицией или нет. Из этого же (не только из этого, разумеется) вытекает необходимость издания в Вене еженедельной газеты. Каково ваше мнение насчет обоих этих вопросов? Как вы себе представляете состав редакции в Берлине? Далее: считаете ли вы возможным сочетание усилий всех трех австрийских групп

для создания еженедельника? Незачем говорить, что я был бы готов оказать такому изданию всякую помощь, тем более, что наше принципиальное единство для меня выяснилось сейчас в достаточной степени. Что касается организационных разногласий, о которых вы пишете, то я до сих пор не могу понять, в чем они состоят. Очень жалею, что не удалось повидаться и объясниться в свое время. Во всяком случае, прошу вас как можно скорее высказаться по двум поставленным выше вопросам.

С ком[мунистическим] приветом
Л.Т[роцкий]

[Письмо К. Ландау]

26 окт[ября] 1929 [г.]

Константинополь

Дорогой товарищ Ландау!

Мне до зарезу нужны, и притом в самом спешном порядке, данные об изменении соотношения сил германской социал-демократии и германской компартии, начиная с 1924 года:

1. Парламентские выборы, выборы президента и муниципальные выборы.
2. Соотношение сил профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и проч[ее]

Мне нужны эти данные за весь период, так чтобы ясно вырисовывалась кривая изменений.

Равным образом мне нужны данные о стачечном движении в Германии, начиная с 1924 года и кончая нынешним годом. Желательно даже с 1918 года до настоящего момента. Без этих данных, которые я просил уже давно у многих товарищей, я не могу закончить своей работы о третьем периоде.

Буду вам очень благодарен, если вы примете все меры к тому, чтобы добыть эти сведения в самый короткий срок и выслать мне их сюда, сохранив у себя копию (на случай пропажи).

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо И. Иокко]

29 окт[ября] 1929 [г.]

Дорогой тов. Иокко!

Я очень жалею, что вы не написали мне, как собирались, несколько месяцев тому назад. Вследствие вашей ошибки я не имел понятия о том, что в правлении Ленинбунда есть марксистское меньшинство. Так как вы не выступали самостоятельно в печати, а статья тов. Ландау о русско-китайском конфликте появилась в "Ди Фане дес коммунистус", то естественно, что я обратился к нему с просьбой выяснить на месте положение дел и установить связь с марксистскими элементами Ленинбунда.

Разумеется, работа меньшинства Ленинбунда может вестись только коллективно. Мне думается, что независимо от того, каков будет состав руководства меньшинства (останется ли т. Ландау в Берлине и проч., и проч.), работа может вестись с минимумом трений только в том случае, если она будет поставлена на началах правильной организации, коллективных решений и коллективной переписки со всеми другими оппозиционными организациями и, в частности, с Константинополем. Это, конечно, не исключает права каждого члена группы вести переписку, с кем он найдет нужным, но работа должна опираться только на коллективную переписку.

Я считаю, что у вас нет никакого права отстраняться от участия в руководящей работе на равных правах с другими членами группы. В таком же духе я писал т. Нойману. Индивидуально-психологические столкновения, недостатки и проч[ее] могут быть перекрыты только правильной, т. е. коллективной, постановкой работы. Ничего другого придумать нельзя. Именно в

этом духе я пишу сегодня письмо группе в целом.

Большое спасибо за присланный вами материал.

Решения Райхсаушус'а²⁶⁶, с которыми я пока только бегло ознакомился, чрезвычайно обостряют создавшееся положение и требуют от нас величайшей энергии для постановки еженедельной газеты. Об этом я тоже пишу сегодня группе.

Крепко жму руку.

Л.Т[роцкий]

[Письмо Х. Леноровичу]

30 окт[ября] 1929 [г.]

Дорогой товарищ Ленорович! ²⁶⁷

Сегодня получили No 7 "Ля Веритэ", где имеется и ваше приветствие, и ваша корреспонденция. Я очень рад, что у вас установились прямые сношения с "Ля Веритэ" и что благодаря вашей жене вы имеете возможность следить за этой газетой.

Резолюции последней конференции Ленинбунда производят тягчайшее впечатление и свидетельствуют о крайне низком теоретическом уровне аппарата Ленинбунда. Сталинцы в России очень искусно пользуются грубейшими ошибками Урбанса в борьбе против оппозиции. Мы получаем из России от товарищей одну жалобу за другой. Идеиное размежевание с Урбансом и его сторонниками является необходимым условием развития оппозиции.

Связаны ли вы с венскими оппозиционными группами? В частности, с группой Фрея? Каково ваше отношение к венским группам?

Вы совершенно правы, что необходимо внести полную ясность в вопрос о перманентной революции. У меня имеется по этому вопросу совершенно готовая брошюра, написанная против Радека, но охватывающая вопрос со всех сторон. Думаете ли вы, что в Чехословакии нашлось бы издательство, которое решилось бы издать эту брошюру? Я был бы этому очень рад, и авторские права передал бы в распоряжение вашей группы. Брошюра размером приблизительно в 4 печатных листа.

Надеюсь, что моя брошюра "Защита СССР и оппозиция"²⁶⁸ уже дошла до вас?

Имеются ли в вашей среде товарищи, читающие по-русски? Это дало бы вам возможность следить за нашим бюллетенем.

Желаю вам успеха в работе и крепко жму руку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо К. Майеру]

30 окт[ября] 1929 [г.]

Дорогой товарищ Майер²⁶⁹!

Я думаю, что попытка создания единого коммунистического фронта, несомненно, диктуется в Австрии в настоящий момент всей обстановкой. Обращению к официальной партии должно было бы предшествовать, мне кажется, обсуждение тактических вопросов тремя оппозиционными организациями, что само по себе было бы шагом вперед, независимо от того, как официальная компартия ответит на предложение единого фронта.

К сожалению, я не имею возможности написать сейчас статью о теории социал-фашизма и проч[ем] в связи с положением в Австрии. Я работаю в настоящее время над брошюрой, посвященной теории так называемого "третьего периода". Эта тема охватывает в значительной мере поставленные вами вопросы, но я рассматриваю их главным образом в связи с положением во Франции и Германии. Я твердо рассчитываю, однако, что обстоятельства позволят мне в

близком будущем подойти и к чисто австрийским проблемам, которые выдвигаются сейчас на передний план.

С искренним приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо И. Фрею]
31 окт[ября] 1929 [г.]

Уважаемый товарищ Фрей!

Тов. Франк через несколько дней будет в Вене. Он едет с искренним намерением сделать все, что сможет, для ускорения объединения трех оппозиционных групп и для облегчения постановки в Вене еженедельной лево-оппозиционной газеты, которая сейчас более необходима, чем когда бы то ни было. Я вас очень прошу подойти к вопросу, отрешившись от тех предубеждений, которые у вас создались отчасти в результате недостатка информации, отчасти вследствие заведомо неправильной информации. Франк, безусловно, хочет работать с вами. Нужно сделать смелый и решительный шаг вперед. Вооруженная еженедельной газетой, австрийская оппозиция в нынешних кризисных условиях может проделать довольно быстрое развитие. Вы можете при этом рассчитывать на полную мою поддержку.

Жму руку и желаю успеха
С ком[мунистическим] приветом
Л.Т[роцкий]

ПИСЬМО270

Дорогие друзья!

Открытку вашу от 3 октября получил. Жалобы на меня не вполне обоснованы. Писать-то я пишу, но, увы, не все доходит. К этому вам надо принять во внимание, что и до меня далеко не все доходит. Общие разглагольствования насчет того, что нам надо вернуться в партию, либо лицемерны, либо архинаивны. Экое, подумаешь, открытие! Для чего же мы "уходили" из партии, если мы хотим вернуться? Приводят глубокомысленный довод: правые усиливаются, в центристском аппарате много правых, надо помочь борьбе против правых. Да разве мы не помогаем? Фактом нашего существования в качестве идейно непримиримой оппозиции мы тысячу раз больше помогаем идейной борьбе против правых, чем все капитулянты -- прошлые и будущие. Полукапитулянты и кандидаты в капитулянты рассуждают так: пока центристы вместе с правыми вели правую политику, мы могли и не быть в партии. Но когда, в огромной степени благодаря нашей непримиримости, центристы открыли борьбу против правых, надо нам немедленно быть в партии и притом на каких угодно условиях. Вздор, самообман или трусливый обман. Надо нам участвовать в борьбе за Октябрьскую революцию, это верно. Но факт нашей идейной непримиримости есть в тысячу раз более активное участие в борьбе против правых, чем "помощь" Радека, Преображенского, Смилги, которым никто сейчас не верит и в которых никто не нуждается. Что они выражают собою? Кому они могут помочь с перебитым позвоничником? Кого они могут убедить?

Совершенно верно, что в центристском аппарате зреют тенденции отпора против левого поворота. Как будет на них реагировать верхушка, состоящая из Калининых, Ворошиловых и проч.? Вернее всего -- переметнется на их сторону, как только они укрепятся. Пойдет ли Сталин на новую драку с более широкими кругами своего аппарата или пойдет на мировую? Кто это может предсказать? И что тут можно на гаданиях строить? Какая другая линия может быть у революционеров, кроме как сохранять свое лицо, не отрекаясь от себя, не лгать партии и твердо помнить при этом, что тактическое совпадение с центристами, даже самое полное (о чем нет и помину), даже длительное, не обеспечивает единство стратегической линии. А дело именно в ней. Заявление Х.Г.[Раковского], к которому я дал свою подпись, сейчас уже пройденная

ступень²⁷¹. Я смотрел на это заявление, как на применение "единого фронта" по отношению к разным группировкам оппозиции. Это я объяснил печатно. Политика единого фронта требует, однако, ясного разумения того момента, когда надо круто порвать со временными союзниками (помни опыт Англо-русского комитета!). Для некоторых из подписавших заявление оно было мостом к следующему, полукапитулянтскому или капитулянтскому документу. Для нас заявление было предельной уступкой в сторону пафистов. Ярославский уже сказал свое вещее слово. Заявление есть вчерашний день. Кто после этого от заявления сделает шаг вправо, того гнать пинком ноги. Исходя из этой перспективы, я дал свою подпись.

Крепко жму руку, желаю бодрости и твердости.

Ваш Л.[Троцкий]

[Конец октября 1929 г.]

ОТВЕТЫ²⁷²

1. Заявление Раковского и др[угих] есть эпизод, который в будущем пригодится не раз (мы будем с полным правом ссылаться перед рабочей аудиторией на проявленную оппозицией добрую волю и на злую волю аппарата). Перспектива борьбы русской оппозиции определяется, однако, не заявлением, а факторами более глубокого порядка.

2. Левый зигзаг Сталина вызвал необходимые изменения в тактике оппозиции уже свыше полутора лет тому назад: а) мы констатировали вслух факт левого сдвига; б) мы подвергли критике его противоречия; в) мы заявили о готовности своей поддерживать каждый действительно левый шаг центризма; г) мы оказывали эту поддержку ясной и законченной марксистской оценкой правой опасности и левой беспощадной критикой самого центризма, причем именно наша критика вынуждала и вынуждает его идти влево дальше, чем он первоначально намеревался. Таковы изменения тактики оппозиции.

Лозунг тайного голосования остается, разумеется, полностью в силе. Гораздо выгоднее для революции, если Беседовские²⁷³ голосуют действительно [за] то, что думают, чем если приходится узнавать об их "думах" после того, как они выскочат в окно.

И вопрос о руководстве стачками, как он был в свое время поставлен и освещен оппозицией, сохраняет свое значение. Оппозиция не выдумала этого вопроса. Резолюция XI съезда, выработанная Лениным и принятая единогласно, признает возможность, а в известных условиях и неизбежность, стачек, руководимых советскими профессиональными союзами, поскольку одной из задач этих последних является ограждение интересов рабочих от бюрократических извращений их же собственного государства. Тот факт, что сами профессиональные союзы подверглись со времени XI съезда ужасающей бюрократизации, не снял вопроса о стачках ни практически, ни теоретически. Отношение оппозиции к стачкам формулировано было нами в свое время с полной точностью. Менять эту формулировку, проникнутую полным духом партийности, нет никакого основания.

3. Сталинский центризм идет несомненно навстречу новой дифференциации. Куда пойдет сила Сталина -- не знаю: он показал, что способен так же далеко идти вправо, как влево. Опыт свидетельствует, что каждый новый зигзаг центризма является более глубоким, более ответственным, чем предшествующий. Предсказывать, однако, на этом основании, будет ли новый правый зигзаг "последним", я не берусь. Да и по существу это не столько вопрос прогноза, сколько вопрос активной борьбы. Новая дифференциация центризма очень усилит левую оппозицию и сделает ее важным политическим фактором при определении дальнейшего курса революции.

4. нынешняя правая ВКП может лишь играть роль ширмы, за которой группируются Беседовские, вообще устряловцы²⁷⁴, терпеливые и нетерпеливые. Если бы дело дошло до термидорианской развязки, то вожди были

бы очень "самобытные". Не исключено, конечно, что на первом этапе, как я уже писал как-то, в вожди может попасть одна из второстепенных фигур правого фланга.

5. Гадания насчет судьбы правой головки могут представить лишь психологический интерес. Более почвенные правые стоят во втором, третьем и пятом ряду и тесно связаны с консервативной обывательщиной. Они являются живым термидором в партии.

6. ВКП не есть партия в буквальном смысле слова, так как ее состав и жизнь регулируются методами чисто административного порядка. Но она включает в свои формальные рамки подавляющее большинство элементов пролетарского авангарда, к которому мы ищем дорогу. За единую партию мы стоим, поскольку власть не перешла в руки буржуазии, т. е. поскольку свои задачи оппозиция может -- при благоприятных условиях -- разрешить методами реформы. Вторая партия переводила бы вопрос в плоскость гражданской войны.

7. Возникновение фракций неизбежно связано с ходом классовой борьбы. Большевизм возник как фракция и развивался через внутреннюю борьбу фракции. Постановление X съезда ВКП, запрещавшее фракции, было лишь опытом, который мог более или менее удасться только при условии дальнозоркого руководства и здорового режима. Необходимость в таком опыте (как формальное запрещение фракций) диктовалось исключительными условиями правящей партии в крестьянской стране и в капиталистическом окружении.

Перенесение этого запрета на Коминтерн явилось одной из самых губительных мер зиновьевско-сталинской политики. Без ожесточенной идейной и, следовательно, фракционной борьбы молодые коммунистические партии, нередко с социал-демократическим прошлым, не могут созреть для своей исторической роли. Правильное, разумное и тактичное вмешательство Коминтерна могло бы лишь смягчить остроту фракционной борьбы и ускорить процесс формирования коммунистических партий. Но не более того.

Центристская слепота всемогущего руководства, наоборот, придала фракциям и их борьбе особенно болезненный характер. При фактическом отсутствии политического руководства фракции стали единственными органами политической ориентировки и приспособления лозунгов к изменяющимся условиям.

Правая фракция первым источником своим имела стремление отвечать на реальные потребности рабочего класса в форме так называемых переходных требований. Само это стремление было правильным. При ленинском руководстве, т. е. при правильном учете обстановки и правильном сочетании переходных требований с революционными задачами, дело могло бы, может быть, и не дойти до создания самостоятельной правой организации: отдельные правые элементы были бы вытеснены, другие рассосались бы. Не давая руководства и запрещая фракции, бюрократический центризм придает развитию конвульсивный характер, ослабляя компартии и замедляя их рост.

8. Самостоятельной исторической роли правая оппозиция сыграть не может. Но не исключено, что эпизодически она может довольно сильно вырасти подобно, например, независимой социал-демократии²⁷⁵, хотя, вероятно, далеко не в такой степени. Все зависит от условий и темпа нарастания массового революционного движения. В эпоху упадка правая фракция является воротами к социал-демократии. В эпоху подъема она может стать проходным двором для части социал-демократических элементов на пути влево, в сторону коммунизма. Но самостоятельной роли, повторяю, она играть не будет.

9. В нынешних условиях левая оппозиция играет, главным образом, пропагандистскую роль.

Критика программы Коминтерна и критика проделанного им политического опыта занимают в нашем арсенале виднейшее место. Такова была всегда судьба левой в периоды революционного отлива.

Оппозиция участвует во всех действиях партии, в которые вовлечена масса, и принимает на себя удары врагов. Иначе она никуда не годилась бы. "Кибикам"²⁷⁶ не место в оппозиции.

Оппозиция должна быть, далее, органом добросовестной и правильной информации рабочих о рабочем движении, его подлинных успехах и поражениях. Это очень важная функция классовой борьбы. В печати Коминтерна информация заменена фальсификацией, что неразрывно связано с ложной политической линией, отстаиваемой и проводимой мерами государственного аппарата.

Наконец, оппозиция может быть и должна быть органом правильной политической ориентировки. Это ее важная и вместе с тем наиболее трудная функция. В официальной партии политический анализ и обсуждение совершенно задавлены бюрократической командой. А как же можно правильно ориентироваться в меняющейся обстановке без свободного анализа и свободного обсуждения? Правое крыло, как реформистское, абсолютно неспособно рассматривать сегодняшнюю обстановку в свете большой перспективы. Левая оппозиция всем своим прошлым доказала, что она ставит вопросы в большом историческом разрезе, выделяет основные факторы развития и способна к историческому прогнозу. Это так же связано с ее революционным характером, как близорукий эмпиризм связан с центристским бюрократизмом.

Но мало давать правильную оценку обстановки и тенденций ее развития и намечать правильный прогноз. Надо на основании этой работы (правильной информации, правильной ориентировки, правильного предвидения) своевременно выдвигать актуальные политические лозунги. Эта задача осуществима только при условии тесного теоретического и политического сотрудничества национальных секций оппозиции.

Решающая роль здесь падает на печать. Наиболее естественной формой издания является для левой оппозиции на данной стадии ее развития теоретико-политический еженедельник. Американская оппозиция превращает свой орган в еженедельное издание. Бельгийская организация восстановит, надо надеяться, в ближайшем будущем свой еженедельник. Во Франции мы являемся свидетелями первых успехов еженедельника "Ля верите". Русская оппозиция, ввиду особых условий, в какие она поставлена, вынуждена пока ограничиться ежемесячником²⁷⁷. Если бы оппозиции удалось в ближайшее время поставить еженедельное издание в Германии или Австрии, это создало бы серьезную базу идейно-политической работы в международном масштабе.

10. Сейчас оппозиция, повторяю, -- пропагандистская группа (не в узком техническом, а в широком историческом смысле). Но она, разумеется, стремится и имеет все права стать массовым движением. История революционной политики есть в известном смысле история превращения маленьких меньшинств в решающие большинство, после чего из этих последних снова выделяется меньшинство -- революционная закваска.

11. Дать категорический ответ на вопрос о конкретных этапах и формах развития Коминтерна я не берусь. Расколов и перегруппировок будет немало. В какой мере удастся при этом сохранить непрерывность развития, зависит прежде всего от объективных условий, но в некоторой степени, пока еще не в очень большой, и от коммунистической оппозиции. IV Интернационала мы строить не собираемся. Стоим полностью на почве традиций III Интернационала, выросшего из Октябрьской революции под руководством Ленина.

12. Формирование внутри официальных рамок нынешнего Коминтерна нового "левого крыла" не только вероятно, но и неизбежно. В ВКП некоторые элементы его уже налицо. Никакой самостоятельной руководящей роли они сыграть не смогут, как не сыграла ее, например, Ленинградская оппозиция 1926 года²⁷⁸. Но они могут сыграть тем не менее крупную объективную роль -- роль проходных ворот для центристских рабочих на позиции левого крыла.

Несамостоятельность левых подчеркивается уже тем, что они зарегистрированы как "троцкисты" нового призыва или как "полутроцкисты". После того как левая оппозиция была объявлена на X пленуме ИККИ²⁷⁹ окончательно и раз навсегда ликвидированной, "Правда" оказывается снова вынуждена выдвинуть лозунг борьбы на два фронта. Это

доказывает неистребимую жизненность идей оппозиции (и является, в частности, подтверждением тактической правильности заявления Раковского и др[угих]).

13. Опасность отрыва от коммунистических масс, безусловно, грозит при проведении тактики Урбанса, которая проникнута не духом марксизма, а духом голого "антителизмизма". Если же оппозиция, сохраняя полностью свое самостоятельное лицо, будет участвовать во всех действиях коммунистической массы, разделяя с ней успехи и поражения (но не разделяя с ней ошибочных взглядов или оценок), то никакие бюрократы не отрежут оппозицию от массы. Разумеется, задача завоевания масс еще целиком впереди.

14. На этот вопрос нельзя ответить короткой формулой. Нужен анализ всей обстановки. Попытку такого анализа я делаю в брошюре, подготовляемой к печати²⁸⁰.

15. Нынешние внутренние бои в Китае²⁸¹ представляют несомненное выражение неспособности "национальной" буржуазии разрешить основные национальные проблемы в Китае. Генеральские драки дали толчок китайской революции. Победа буржуазной контрреволюции возродила генеральские драки. Дадут ли эти последние непосредственный толчок новому революционному подъему, я сейчас ответить затрудняюсь за отсутствием самой необходимой информации. Подождем сведений от наших китайских единомышленников. Отмечу, кстати, что опыт гигантских массовых движений, закончившийся разгромом революции, подготовил в Китае почву для развития и прямого расцвета марксистской мысли. Помочь китайским единомышленникам поставить свою печать есть одна из важнейших обязанностей интернациональной оппозиции.

[Л.Д.Троцкий]

[Октябрь 1929 г.]

ПИСЬМО²⁸²

Дорогие друзья! ²⁸³

Вы правы, когда вы настаиваете на том, что необходимо подвести итоги прошедшему периоду. Начало положено в тезисах Х.Г.[Раковского]²⁸⁴. На этом, конечно, нельзя останавливаться.

Надо преодолеть препятствия, порождаемые ужасающей разобщенностью.

Здесь мы только недавно начали получать "Экономическую жизнь". Кроме того, здесь нагрянули сразу западноевропейские вопросы, прежде всего проблема "третьего периода"²⁸⁵. А ведь эти вопросы составляют фундамент нашей платформы...

Тем не менее тактически мне кажется положение совершенно ясным: коллективное обращение было последним пределом на пути уступок аппарату. Кто сделает шаг дальше этого предела, тот порвет с оппозицией. Но и оставаться на месте нельзя. Надо сплотить оппозицию на обращение к партии. Схема обращения мне рисуется такой.

Объяснения смысла заявления в ЦК и ЦКК и их ответа (в духе передовицы "Что же дальше?" из № 6 Бюллетеня)²⁸⁶. 2 86

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 6

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 6

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Шестой том "Архива Троцкого" в основном завершает публикацию документов первого периода эмиграции, когда Л.Д.Троцкий, находясь в Турции, сосредоточивал свои основные усилия на формировании международной коммунистической оппозиции, не идя еще на окончательный организационный разрыв с компартиями и Коминтерном. Том охватывает 1931-1932 гг.

Как и документы, опубликованные в пятом томе, представленные здесь материалы свидетельствуют о двойственности и противоречивости политической линии и организационных усилий лидера международного коммунистического оппозиционного движения. С одной стороны, он продолжал подчеркивать "внутренний характер" своей оппозиции, ее принадлежность к единому коммунистическому движению. Он считал, что оппозиция совершила бы пагубную ошибку, решив создать сегодня IV Интернационал. Но, с другой стороны, он вынужден был считаться с тем фактом, что его сторонники были изгнаны из компартий и уже сформировали свои самостоятельные группы или же находились в процессе их оформления.

Троцкий продолжал настаивать на четком организационном и политическом размежевании. Хотя он рьяно отрицал обвинения в том, что происходит формирование параллельных компартий, фактически он все больше видел в группах, лигах и прочих объединениях своих последователей эмбрионы будущих партий, а в их международном объединении - зародыш будущего Интернационала. Не случайно, отвергая необходимость создания Четвертого Интернационала, он, в отличие от прежних лет, относил эту свою позицию только к данному времени, не предвещая, какие действия будут предприняты в недалеком будущем.

Троцкий уделял особое внимание деятельности находившегося в Париже Интернационального Секретариата оппозиции (его стали называть в этот период

также Административным Секретариатом). Том открывается рядом писем М.Миллю (Окуню), эмигранту из России, занимавшему в начале 30-х годов пост исполнительного руководителя этого Секретариата. Письма свидетельствуют, что усилия Троцкого по объединению оппозиционных коммунистических групп, по преодолению раскола в национальных организациях, прежде всего в Коммунистической лиге Франции, не приводили к успеху. Сам Милль, на которого Троцкий первоначально возлагал большие надежды, не оправдал его ожиданий, стремился к бюрократическому единоличному решению сложных вопросов и, главное, своевольничал, нарушал указания "пророка в изгнании", пытаясь в то же время убедить Троцкого, что он последовательно выполняет его волю.

Троцкий стремился активизировать Интернациональный Секретариат, но все его усилия в этом направлении к успеху не привели. В то же время поначалу Троцкий даже как бы заискивал перед Миллем, и это свидетельствует о том, насколько скудны были находившиеся в его распоряжении активные кадры. Троцкий подчас резко упрекает и даже разоблачает Милля, но в следующем письме, в ответ на жалобы последнего, чуть ли ни извиняется перед ним, допуская обычно совершенно не свойственные ему интонации. Видно, что на Милля, как на единственного постоянного члена Интернационального Секретариата, он сильно рассчитывал. Чуть позже Троцкий писал, что из его писем Миллю "можно было бы составить большой том".

Разочарование, однако, наступило довольно быстро. С середины 1931 г. Троцкий перестает обращаться лично к Миллю и адресует к Интернациональному Секретариату в целом, а в октябре того же года происходит полный разрыв с Миллем. Троцкий констатирует: "К поведению т. Милля я не могу отнестись иначе, как с величайшим возмущением... [Он] считает возможным и допустимым пытаться превратить Интернациональный Секретариат в оружие своих субъективных настроений и личных зигзагов".

По многим документам прослеживается плохо скрытое, а иногда и открыто выражаемое разочарованием тем, что Интернациональный Секретариат не в состоянии наладить эффективное руководство национальными секциями, находится в жалком состоянии, что его "Бюллетень" выходит лишь от случая к случаю.

Не меньшее чувство досады и даже озлобления проявлял Троцкий по адресу многих лидеров национальных секций своих сторонников. Хотя свои гневные, а подчас и издевательские письма он считал лишь "дружескими увещеваниями", они не только интонациями, но во многих случаях и содержанием не отличались или почти не отличались от разоблачительных филиппик по адресу политических противников. Присоединение одной из французских оппозиционных групп к Коммунистической лиге Франции Троцкий комментировал презрительными словами: "Группа `Лютт де клясс', которая в течение нескольких лет переезжала с одного идеологического курорта на другой, примкнула к левой оппозиции".

Тем не менее, как и подобало правоверному марксисту-ленинцу, Троцкий искал "объективные" причины неудач своего движения. В июле 1931 г. он высказал мнение, что возникший "революционный прилив" бьет как по правой,

так и по левой оппозициям официальному сталинистскому коммунизму. "...При таких условиях, - полагал он, - та фракция, которая не просто плышет по течению, а критически перерабатывает обстановку и сознательно ставит все вопросы стратегии, должна неминуемо быть на известное время оттерта в сторону". Почему же? Ответ на этот вопрос не следовал. Правда, почти вслед за этим лидер оппозиции все же вынужден был перейти от "объективных факторов" к "субъективным", признав в том же документе, что оппозиция "до сих пор" сделала "очень мало", что оппозиционные группы "нередко не имели ничего общего с большевизмом", что "мы делали... немало ошибок", что рабочие "не поспешили броситься очертя голову на призыв левых оппозиционных групп в разных странах". Призывая к конкретному анализу обстановки, причинно-следственных связей явлений, Троцкий далеко не всегда следовал собственному призыву, особенно в тех случаях, когда такой анализ мог оказаться политически вредным для его движения или же для него лично.

Отсюда и те негодующие упреки, язвительные характеристики, стремление навязать оппозиционерам собственный строй мыслей, которые прослеживаются у автора почти всех публикуемых документов все больше и больше. Естественно, он был крайне уязвлен репликой Г.Урбанса, лидера одной из германских оппозиционных групп, который возразил против того, чтобы в качестве незыблемой истины признавали "каждую запятую Троцкого". В чем только ни обвинил Троцкий Урбанса в связи с этой фразой: в глубокомысленном богемстве и люмпенпролетарском цинизме, в том, что тот, мол, сводит дело к своей лавочке и, наконец, в идейном шарлатанстве и авантюризме! Не менее презрительно отзывался Троцкий о П.Навилле, французском писателе-сюрреалисте, возглавлявшем одну из групп в Коммунистической лиге Франции, которая соперничала с группой Р.Молинье, пользовавшегося поддержкой оппозиционного "пророка". "Политическая бесплодность этого человека доказана полностью, - гласил своего рода приговор Навиллю. - Ждать от него революционной инициативы можно так же, как от козла молока. По складу это консервативный, недоверчивый и политически робкий буржуа, испорченный случайной прививкой марксистской теории". Не ясно, сознательно ли бросил автор последнюю фразу или она прорвалась случайно. Но в ней Троцкий был ближе к истине, чем во множестве своих сочинений - "прививка" марксизма могла только испортить западного интеллектуала...

Столь же жесткие и хлесткие отрицательные характеристики давались бывшим соратникам по коммунистической оппозиции в СССР. Одним из немногих исключений был Х.Г.Раковский, которого Троцкий именовал живым воплощением интернационализма.

Все же многие конкретные оценки политической ситуации Троцким, особенно когда он выходил за пределы положения в оппозиционном коммунистическом движении или в компартиях, отличались достоверностью, несмотря на то, что каждый раз они окрашивались в догматизм творца теории перманентной революции.

В наибольшей степени это относилось к оценке ситуации в Германии, где в

условиях "великой депрессии" начала 30-х годов резко усилились экстремистские политические настроения и влияние Национал-социалистической рабочей партии Гитлера. Уже в сентябре 1931 г. Троцкий считал возможным приход национал-социалистов к власти, что означало бы, по его мнению, неизбежность войны между Германией и СССР. В то же время он отвергал свойственную не только коминтерновским теоретикам, но и некоторым из тех, кто считал себя его последователями, тенденцию весьма расширительного толкования "фашизма". Эта тенденция состояла в том, что чуть ли ни любой сдвиг вправо в системе политической власти той или иной страны квалифицировался как "фашистский переворот", и в том, что предсказывалась фатальная неизбежность "фашистской стадии" в развитии капиталистических стран. Полемизуя со своими британскими последователями Ридлеем и Аггарвалой (точнее, последние причисляли себя к таковым, Троцкий же от них отмежевался), оппозиционный лидер счел немотивированным выдвижение ими на первый план вопроса о возможности фашистской власти в Великобритании. Он обоснованно оценил "полное ничтожество" Фашистской партии О.Мосли и тем более экстремистской Гильдии Св.Михаила. В более широком плане он характеризовал фашизм как "специфическую форму диктатуры финансового капитала, не тождественную с империалистической диктатурой как таковой". Не трудно увидеть, что по существу эта дефиниция почти не отличалась от определения фашизма, данного Коминтерном через четыре года, на его Седьмом конгрессе. Но это было сделано через два с половиной года после прихода нацистов к власти в Германии. В начале 30-х годов же официальный коммунизм, в отличие от Троцкого, видел фашизм не столько у партии Гитлера, сколько у социал-демократов, против которых и направлял свои стрелы.

Через год Троцкий смог уже довольно объективно оценить социальную базу национал-социализма, признав, что он выражает отнюдь не только интересы "финансового капитала". "Разношерстные массы мелкой буржуазии, оторвавшись от старых партий или впервые пробудившись к политической жизни, сомкнулись под знаменем со знаком свастики. Впервые за всю свою историю промежуточные классы - ремесленники, торговцы, "свободные" профессии, служащие, чиновники, крестьяне - разобщенные условиями и привычками жизни, традициями и интересами, оказались объединены в одном походе, более причудливом, фантастическом и противоречивом, чем крестовые походы средних веков". Эта оценка может рассматриваться как зародыш того интерклассового понимания германского нацизма, которое постепенно сложилось в историографии после второй мировой войны. Правда, из этого комплекса Троцкий исключал рабочий класс, что можно считать понятным, учитывая коммунистические догматы нашего героя.

Впрочем, из относительно взвешенного анализа ситуации в Германии делались весьма субъективные, хотя и выгодные для авторитарно-коммунистического мышления Троцкого, выводы о том, что в целом буржуазно-демократический строй если еще и не становится анахронизмом, то вступает в полосу, когда он вынужден будет отойти на "запасные позиции". Вот

еще одно высказывание Троцкого, относящееся, как и предыдущее, к концу лета 1929 г.: "...Можно сурово осуждать крайние партии за пристрастие к насилию; можно надеяться на лучшее будущее. Но факт остается фактом: проводя демократии не выдерживают социальных токов слишком высокого напряжения. Между тем, это еще только начало эпохи".

Из других стран, которым уделялось наиболее внимание в 1931-1932 гг., следует выделить Испанию, где была ликвидирована авторитарная власть генерала Primo de Rivera, а вслед за этим развернулась демократическая революция, продолжавшаяся почти все десятилетие. Из документов, посвященных этой стране, видно, какие грандиозные планы строил Троцкий в связи с испанскими событиями. Поначалу казалось, что факты подтверждают его расчеты, и он вновь и вновь использовал их для того, чтобы призвать к развитию перманентной революции. Троцкий отлично понимал, что добиваться в Испании низвержения буржуано-демократического устройства и замены его диктатурой пролетариата означало бы "играть роль дурачков и болтунов". В то же время он призывал к неуклонному углублению революции и тем самым ставил буржуазную демократию под сомнение в противоречии с собственными утверждениями.

Здесь, как и в массе других случаев, на помощь приходило удобное орудие диалектики, в частности концепция единства противоположностей и диалектического "снятия", то есть отвержения достигнутого путем его максимального развития. Задача в том, провозглашал Троцкий, чтобы "на основах парламентской стадии революции стать сильнее, собрав вокруг себя массы. Только так можно преодолеть парламентаризм".

Троцкий резко критиковал испанскую компартию и Коминтерн, которые пропускали "месяц за месяцем" и этим подготовили, по его словам, исход революции не в русском, а в "немецком стиле", то есть создание собственно демократического режима. Правда, иногда ему казалось, что испанская компартия воспринимает его лозунги, и он считал это результатом критики со стороны оппозиции. Но вскоре ему приходилось не раз убеждаться, что компартия Испании от установок перманентной революции весьма далека.

Троцкий отвергал сепаратистские программы некоторых левых испанских групп, в частности тех, которые провозглашали себя его последователями. В первую очередь это относилось к Рабоче-крестьянскому блоку, а затем к Каталонской федерации во главе с Хоакином Маурином, которые фактически выступали за отделение Каталонии от Испании. Созданная позже на базе этих организаций Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ) не была, как это утверждалось в официальной коммунистической литературе и как пишут многие авторы по наши дни¹, "троцкистской организацией" - Троцкий неустанно критиковал ее установки.

Довольно трезвые оценки можно встретить в публикуемых документах касательно ситуации на Дальнем Востоке, в частности положения в Китае, японской агрессии в Маньчжурии, перспектив развития событий в этом регионе. Япония увязла в Маньчжурии, полагал Троцкий. Попустительство Лиги Наций ведет к тому, что Япония будет "втягиваться в Китай" все более и более,

считал он. Национальное пробуждение Китая будет расти, тогда как Япония будет предпринимать все новые захваты и насилия. "Этот процесс имеет свою автоматическую логику. Международное положение Японии будет становиться все более напряженным. Военные расходы будут непрерывно увеличиваться, первоначальные соображения экономической выгоды... подменяются соображениями военного престижа". В то же время миллионы китайцев берутся за оружие. "Уже в качестве партизанских отрядов, постоянно висящих над японскими коммуникациями и угрожающих отдельным японским отрядам, импровизированные китайские войска и сейчас могут представлять для японцев грозную опасность". Как видим, оценки и прогнозы были весьма точными и тонкими, особенно если иметь в виду, что приход нацистов к власти в Германии и возникновение "оси" Берлин-Токио были еще впереди.

В документах, предлагаемых в данном томе, Троцкий многократно обращался к ситуации в СССР, хотя и реже, чем в 1929-1930 гг. Наибольшее внимание он уделял росту власти бюрократии, бюрократическому "перерождению" государственного и партийного аппарата, который, по его мнению, в первые годы большевистской власти носил пролетарский характер. Троцкий всеми силами пытался утвердить своих сторонников и более широкий круг читателей в убеждении, что между ленинским этапом в развитии партии и страны и ситуацией при Сталине существует непреодолимая пропасть. Разгром оппозиции стал вместе с тем разгромом партии Ленина, утверждал он в начале 1932 г.

Острый ум лидера коммунистической оппозиции напряженно искал объяснения случившегося, причем только такого объяснения, которое, во-первых, никак не поставило бы под сомнение основные марксистско-ленинские догмы, а, во-вторых, позволило бы оправдать и возвеличить Ленина и его соратников, прежде всего себя самого.

Близкая история и современность были для Троцкого неразрывно связаны, и недавнюю историю он в полном смысле рассматривал как "политику, опрокинутую в прошлое". Почему рабочий класс не предотвратил установление власти бюрократии? Как обосновать сохранение диктатуры пролетариата в условиях растущего сталинского единовластия? Удобное объяснение или, точнее, оправдание происшедшего и происходившего Троцкий находил в необходимости наведения порядка в стране, оживления экономики и повышения уровня жизни населения, что сочеталось с неизбежной усталостью рабочего класса "после каждого великого революционного напряжения" и с падением его политических интересов.

В этих факторах он видел главную причину упрочения бюрократического режима и роста личной власти Сталина, в котором новая бюрократия "нашла свою персонификацию". Нетрудно заметить, что этим самым Троцкий невольно признавал неизбежность бюрократического перерождения советской системы.

Применительно к действиям Сталина и его присных по "исправлению" истории, главным образом в связи с публикацией в конце 1931 г. статьи Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма", Троцкий фактически предрекал грядущий "большой террор", хотя, разумеется, не только не

употреблял этого термина, но и не представлял себе масштабов и сфер будущей кровавой резни. Имея в виду, что обвинения в "контрабанде троцкизма" выдвигались не только против бывших оппозиционеров, капитулировавших и вроде бы вновь занявших видное положение в советской иерархии, но и против молодых исследователей, не связанных в прошлом с оппозицией, Троцкий показывал, что, по существу дела, многие области общественной деятельности и важнейшие сферы гуманитарных исследований в СССР находились в руках тех, кого власть имущие без труда могли обвинить в том, что они являются "авангардом буржуазной контрреволюции".

В то же время вновь и вновь Троцкий тешил себя иллюзией, что в СССР, в ВКП(б) продолжают действовать значительные оппозиционные силы, что рабочий класс прислушивается к голосам его тайных сторонников, что возможно объединение групп, выступающих против власти Сталина, его относительно мирное, почти безболезненное отстранение от власти и т. п. В начале 1932 г., в преддверии XVII конференции ВКП(б), провозглашалось: "Рабочие недовольны не советским режимом, а тем, что бюрократия заменяет собой Советы. В разных рабочих ячейках "троцкисты" поднимают голос, иногда очень мужественно. Их исключают. Это начало новой главы в жизни правящей партии. Критические голоса более уже не смолкнут".

Действительно, критические голоса "троцкистов" еще раздавались. Но звучали они все реже и глуше, их не только "исключали", но и отправляли в тюрьмы. "Новый этап" действительно приближался, однако он означал не возвращение Троцкого в качестве "победителя на белом коне", а завершение установления личной неограниченной власти Сталина, закрепленной кровью и всеобщим ужасом "большого террора", то есть вступление СССР в полосу зрелого тоталитаризма. Неоправданно оптимистической настрой, скорее всего продиктованный политической целесообразностью, как он ее понимал, Троцкий сохранял и позже, утверждая, что "левая оппозиция" в партии и рабочем классе расширяется и крепнет.

Небезынтересно отметить, что Троцкий не только почти полностью отказывался от критики советской действительности, но и фактически выступал апологетом сталинской власти, когда он публиковался в большой прессе западных держав, в частности Соединенных Штатов. Какие только чудеса можно прочесть в его интервью американским газетам "Либерти" и "Нью-Йорк Таймс" в августе-сентябре 1932 г.! Отвергались очевидные для любого объективного наблюдателя истины - факты олигархической власти "узкой группы в Кремле", преследования религии, эксплуатации "предрасудков невежественных масс" с помощью, в частности, демонстрации мумии Ленина в Мавзолее, субсидирования зарубежной коммунистической прессы советским государством и т. п.

Что касается последнего вопроса, то аргументация Троцкого ничем не отличалась от обычной демагогии советских дипломатов и пропагандистов об "отдельности Коминтерна", то есть о том, что помощь, мол, оказывается не государством, а партией по линии Коммунистического Интернационала, как будто между их финансовыми ресурсами существовала какая-то пропасть! В то же время

расправу с крестьянством во время сплошной коллективизации Троцкий полностью поддержал, хотя и глухо упомянул о каких-то не названных им "ошибках".

Одновременно он фактически взял на себя долю коллективной ответственности за террористическую политику большевиков в целом: "...Кто принимает революцию, вынужден принять ее последствия. Я принадлежу к тем, которые стоят на почве Октябрьской революции, и готов нести ответственность за все ее последствия..."

От обычной большевистской демагогии такого рода декларации Троцкого отличались лишь большим словесным мастерством, великолепным умением жонглировать фактами, находить исторические аналогии и псевдологичные причины и следствия. Впрочем, и в такого рода выступлениях Троцкий изыскивал возможности для пропаганды своей теории перманентной революции, в частности допуская, что "европейский капитализм гораздо ближе к социалистической революции, чем Советский Союз - к национальному социалистическому обществу".

В 1931-1932 гг. Троцкий уделял значительную (порой основную) часть своего времени подготовке крупного труда "История русской революции", который оказался самым весомым его произведением по исторической проблематике и не утратил своего историографического звучания до наших дней, несмотря на сугубо политическую окрашенность. Выпущенная впервые на русском языке в Берлине², эта работа появилась почти одновременно в США на английском, а затем в разных странах на французском, испанском, польском, немецком и других языках. Несколько лет назад она переиздана в Москве³. Многие документы, публикуемые в данном томе, связаны с подготовкой этой работы - подбором материалов, выработкой позиции по тому или иному вопросу, контактами с издателями и пр. Особенно это относится к письмам сыну Троцкого Л.Л.Седову и американцу М.Истмену, а также к документам, связанным с судебной тяжбой с германским издателем Г.Шуманом⁴.

Своего рода конспект своего труда, облеченный в форму блестящего устного выступления, Троцкий представил в лекции "Что такое Октябрьская революция", прочитанной 27 ноября 1932 г. в Копенгагене и публикуемой в конце данного тома. Помимо многих других вопросов, поставленных в этом выступлении, которые, очевидно, привлекут внимание специалистов и других читателей, бросается в глаза обоснование "закона комбинированного развития", под которым Троцкий понимал неизбежность ускоренной, догоняющей модернизации отсталых стран, которые в погоне за хозяйственным авангардом человечества перепрыгивают через промежуточные стадии.

* * *

В данный том включены статьи, интервью, заявления, письма, единственное устное выступление Троцкого (о нем только что было сказано) и другие материалы. Помимо документов Троцкого публикуются также несколько писем его секретаря М.И.Певзнер Л.Л.Седову. Авторство документов оговорено только в тех случаях, когда оно не принадлежит Троцкому.

Документы взяты в основном из Архива Л.Д.Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Несколько документов извлечены из

коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира и из коллекции Л.Д.Троцкого - М.Истмена в библиотеке Лилли Индианского университета (все эти коллекции хранятся в США). Поисковые данные указываются только в отношении материалов Гуверовского Института и Библиотеки Лилли.

Некоторые включенные в том материалы ранее публиковались, в частности в многотомнике "Writings of Leon Trotsky" (Нью-Йорк) и сборнике "Троцки и България: Корреспонденция през 1929-1933 година" (София, 1993). Эти материалы в данном издании переданы по архивным первоисточникам, однако даны и ссылки на публикации.

Том завершается примечаниями и указателями имен и географических названий.

В подготовке тома к печати, наряду с его основными составителями, докторами исторических наук Ю.Г.Фельштинским и Г.И.Чернявским, участвовал доктор исторических наук А.В.Панцов.

Том построен в соответствии с теми источниковедческими и археографическими требованиями, которые сформулированы во вступительной статье ко всему изданию.

Мы считаем своим приятным долгом вновь выразить свою сердечную признательность администрациям архивов, давших любезное разрешение на публикацию документов, хранимых в их фондах.

1 В отдельных случаях это связано не только с недостаточной компетентностью авторов, но и с их политической предвзятостью. См., например: Жуков Ю. Иной Сталин: Политическая реформа в СССР 1933-1937 гг. - М.: Вече, 2003 - С.262 и др.

2 Троцкий Л. История русской революции. Берлин: Гранит, 1931-1933. - Т. 1-2. В 3 кн.

3 Троцкий Л. Д. История русской революции. -М.: Терра, 1997. - Тт. 1-2. В 3 кн.

4 О сущности спора см. вступительную статью ко всему изданию.

1931

[Письмо М.Миллю]

4 января 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

Вы, конечно, получили документы, исходящие от группы Штифта. Я им совершенно не отвечаю. Моя точка зрения известна. Что думает предпринять интернациональный секретариат? Способен ли он на решение по этому вопросу? Вы, конечно, понимаете, что малейшая попытка прямо или косвенно сделать русскую оппозицию и меня в частности ответственным за пакости Даниэля¹ и компании будет означать открытый разрыв не только с группой Даниэля, с которой вообще мы не можем иметь ничего общего, но и со всеми теми, кто выступит в качестве ее защитника против нас.

Я спрашиваю, способен ли интернациональный секретариат принять сейчас решение? Я считаю, что единственное, притом наиболее мягкое решение, которое мог бы вынести интернациональный секретариат, должно было бы иметь приблизительно следующее содержание:

Принимая во внимание, что все австрийские группы и подгруппы обнаружили полное отсутствие серьезной связи с интернациональной левой оппозицией, принимая во внимание чрезвычайную принципиальную неустойчивость этих групп, принимая, наконец и в особенности, во внимание то обстоятельство, что руководство одной из этих групп - "Манруф" - оказалось повинным в действиях, несовместимых с основами революционной морали, - интернациональный секретариат считает невозможным видеть ни в одной из нынешних австрийских оппозиционных групп, как они себя обнаружили в последнее время на деле, представительство международной левой оппозиции в Австрии, а, следовательно, и их участие в европейской конференции.

Это не есть мое официальное предложение интернациональному секретариату, так как я считаю, что секретариат должен сам проявить в этом вопросе инициативу.

Первые сведения о конференции У[нитарной] О[ппозиции] имеют прямо-таки трагический характер. Тем более поразительным кажется мне то, что вы пишете об этом в письме к т. Франкелю: несмотря на все, У[нитарная] Оппозиция является для нас полем деятельности; Эмиль² и др[угие] хотят-де рвать с У[нитарной] О[ппозицией], что недопустимо, и пр. и пр. У меня такое впечатление, будто вы воспроизводите все те доводы, которые вчера т. Гурже направлял против вас. Не скрою от вас, что ваша позиция явилась для меня политической неожиданностью и жестоким ударом. Я продолжаю ее объяснять как незаконное, но все же временное расширение организационного компромисса на область принципиальных вопросов. Опасности на этом пути совершенно ясны: вы не завоеуете доверия правого крыла, но вы потеряете доверие левого крыла. Секретариат, как и новая исполнительная комиссия³, при такой политике

неизбежно повиснет в воздухе. Я не теряю, однако, надежды, что еще прежде, может быть, чем это письмо дойдет до вас, ход борьбы разрушит искусственную примиренческую позицию и вернет вас лично на правильный путь.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

6 января 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

Отвечаю на ваше письмо от 2 января.

Сейчас, как и раньше, я вполне допускаю, что марксистское крыло Лиги или отдельные его члены делают те или другие частные ошибки. Но это ошибки в пределах нашей, марксистской, лево-оппозиционной политики. Как показывают статьи этих товарищей, они честно мыслят, хотят учиться и учатся. Навилль же флиртует с марксизмом, фехтует формулами, сменяет одну позицию на другую в зависимости от соображений второстепенного порядка. Этим вопрос решается. Незачем, мне кажется, гадать о том, сможет ли марксистское крыло собрать большинство или нет. Такие гадания излишни, если из них заранее делать пессимистические и примиренческие выводы. Надо поставить себе задачей исключить возможность руководящей роли флюгеров, как в Лиге, так и в интернациональной организации, иначе раскол абсолютно неизбежен. Спасти от раскола как Лигу, так и интернациональную организацию можно сейчас не примиренчеством, а совершенно непримиримой борьбой против Навилля и Ландау. Исход конференции У[нитарной] О[ппозиции], насколько могу судить по первым данным, в частности по отчету в "Веритэ", представляет собою прямую измену правого крыла. Поведение Гурже, Навилля и пр[очих] несколько не лучше поведения Томского, Сталина, Бухарина в вопросе об англо-русском комитете. То, что Навилль сфабриковал критическую резолюцию, не имеет ровно никакой цены. Бухарин фабриковал такие резолюции десятками, чтобы под видом критики британских оппортунистов обеспечить дальнейшее подчинение британской компартии этим самым оппортунистам. Неужели же вы думаете, что можно рвать со Сталиным, Томским, Бухариным для того, чтобы делать уступки их маленьким подражателям?

Самая опасная позиция - это позиция инспектора над борющимися течениями. Можно колебаться, выжидать, тормозить, примирять, пока не ясно, о чем, собственно, идет спор, т. е. пока не определились принципиальные линии. Но ведь сейчас эта стадия окончательно оставлена позади. На платформе Навилля (сочетание оппортунизма и вероломства) не может быть не только дружной работы, но нельзя долго сохранить и организационного единства. Если эта платформа не будет разбита и беспощадно осуждена, то раскол абсолютно неизбежен. Вот почему для сохранения организационного единства Лиги нужен беспощадный идейный разгром фракции Навилля-Ландау. Я не знаю, способен ли Навилль стать революционером. Я не считаю это исключенным. Но он может сделать шаг на этом пути, лишь почувствовав на своих боках, что есть вещи,

которыми нельзя фехтовать и с которыми нельзя флиртовать.

В этих условиях всякая политика, которая направлена на смазывание противоречий, на выработку "единодушных" резолюций и пр., есть не только ошибочная, но преступная политика.

То обстоятельство, что вы принимаете участие в повседневной работе Исп[олнительной] Комиссии, кажется мне вдвойне неправильным и с личной стороны и с политической. Во-первых, это неосторожно. Во-вторых, вы рискуете утратить необходимую дистанцию и необходимую перспективу, которые вам, как члену секретариата, абсолютно необходимы.

От т. Сюзю я ответа не получил. Откровенно вам скажу, я опасаясь, что ваше примиренческое поведение успокаивает его совесть, т. е. вызывает у него иллюзию, что возможна какая-то диагональ (при фактической поддержке Навилля). Такая позиция чрезвычайно скомпрометировала бы наших итальянских товарищей и затруднила бы им в дальнейшем положение перед лицом официальной итальянской партии.

Я послал сегодня тезисы против оппортунистического крыла в синдикальном вопросе. Единственный упрек, который я делаю себе, это то, что тезисы эти слишком мягки. Но так как я назвал их "предварительными замечаниями", то я сохраняю за собой право дополнить их и уточнить. Крики о том, что мы хотим разрыва с У[нитарной] О[ппозицией], представляют ведь дословные повторения воплей Сталина-Бухарина по отношению к Китаю, по отношению к Индии, по отношению к Англии. Здесь нет ни одного нового слова, ни одной свежей буквы. Все это плагиат у русских центристов и правых, у тех самых господ, которые держат наших единомышленников в тюрьме. Мы с вами сговаривались в том смысле, что вы будете неофициально представлять и защищать интересы русской оппозиции. Я не знаю, возможно ли для вас это при нынешних ваших настроениях. Но мне кажется, что первейшей вашей обязанностью, если вы наше соглашение берете всерьез, является не примиренчество с Сюзю и Навиллем, а разъяснение Сюзю, что дело идет о выборе между русской оппозицией и левым крылом Лиги, с одной стороны, и между кликой Навилля, с другой. Я уже писал Навиллю, что не намерен ни в малейшей мере компрометировать семь с половиной тысяч сидящих в тюрьмах и в ссылке революционеров хотя бы тенью ответственности за политику маленьких французских Томских, Сталиных и Бухариных. Надеюсь, в своих тезисах я показал и доказал, что борьба идет в данном случае по той же самой линии, которая привела нас к расколу с право-центристским блоком в СССР. Вот это надо понять прежде всего. Это надо поставить выше всяких отдельных промахов и недомолвок гг. Эмиля, Франка и др. Статья Франка, во всяком случае, неизмеримо выше всего того, что писали по этому поводу Навилль и Гурже. Отмежевание Гурже от Франка на непартийной конференции есть вероломный акт.

Вы пишете по поводу конференции У[нитарной] О[ппозиции]: "Все, кроме Гурже, согласны, что результаты слабые, что принятая резолюция об единстве не выражает вполне нашего мнения". Вся эта характеристика, мне кажется, неправильна в корне. Что значит, "результаты слабые"? Разве это политическое

определение? Извините: конференция показала, что вся работа Лиги в У[нитарной] О[ппозиции] подготавливала, проводила, осуществляла подчинение левых коммунистов левым и полулевым центристам. Конференция регистрирует важнейший этап на пути этой политической измены, - разумеется, бессознательной, разумеется, проделанной с наилучшими намерениями, но все же измены. Мне было бы очень обидно оказаться с вами в разных лагерях, но я бы очень хотел, чтобы вы прониклись той мыслью, что дело идет о таких вопросах, где не может быть и речи об уступках с моей стороны. Тезисы мои написаны были до получения последнего номера "Веритэ" с отчетом о конференции. Если бы я имел этот номер, я написал бы гораздо решительнее и беспощаднее.

Почему вы пугаете уходом Корнета5 и Бернараб? Речь Корнета была, судя по отчету, самой лучшей на конференции. При твердой и решительной позиции с нашей стороны не уйдет ни Корнет, ни Бернар. Ведь сейчас именно Навилль с Гурже стараются вогнать клин между Лигой и У[нитарной] О[ппозицией]. Именно они кричат, что Лига хочет подчинить себе У[нитарную] О[ппозицию]. Именно они пугают сталинизацией и проч. Если посадить их на место, т. е. идейно разбить и осудить, то мы найдем без труда общий язык с У[нитарной] О[ппозицией] и, что еще важнее, с синдикатами. Но для этого вам самому надо стать в боевую линию.

Вам сын уже писал, чтобы вы не печатали в "Бюллетене" посланные вам раньше выдержки из моего письма Нину. Причина такова. Я считал, что с арестом Нина связь с ним надолго прервана, и потому решил искать связи с испанскими товарищами через посредство "Бюллетеня". Но вчера получено было от жены Нина следующее письмо:

"Сегодня А[ндреса] отправили в политическое отделение вместе еще с 8 другими товарищами. Условия очень хорошие, да и раньше не было плохо. К ним очень внимательны и стараются удовлетворить все их требования. А[ндрес] все время работает.

А[ндрес] просил вам передать, что он совершенно согласен с вашей точкой зрения (письмо от 12/ХП), а также согласны и другие товарищи (не оппозиционеры). Сейчас они ведут большую работу. Вместе с ними сидит много рабочих, самые передовые, и возможно, что там будет образована крепкая партия.

Репрессии очень мягкие, некоторых уже освободили, и все думают, что скоро освободят и остальных..."

Я придаю этому сообщению огромное значение. В революционной атмосфере Испании коммунизм может в короткий срок развиваться в огромную силу под гегемонией левой оппозиции. Лозунг советов сейчас должен в Испании получить центральное значение. Я опасался, что испанские товарищи сочтут, что этот лозунг является преждевременным. То обстоятельство, что не только т. Нин, но и коммунисты - не оппозиционеры поддерживают этот лозунг, имеет в моих глазах огромное значение, и мы должны ждать в Испании уже в ближайшее время серьезных успехов компартии. Разумеется, письма жены Нина печатать не надо, как и не надо сообщать о тех свободах, какими заключенные пользуются в

тюрьме. Наоборот, я считаю, что "Веритэ" подняла слишком малый шум по поводу ареста Нина. В последнем номере об этом уж нет ничего. Это ошибка. Надо повторять и трубить, и кричать, что Беренгуер⁷ держит в тюрьме Нина, высланного Сталиным.

Буду с нетерпением ждать от вас более утешительных (т. е. более решительных) писем.

Крепко жму руку.

Подпись [Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

15 января 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

1. Дело, по-видимому, идет о полной перестройке исполнительной комиссии с устранением Навилля. Разумеется, вам там виднее. Но я, признаться, опасаясь, что эта организационная мера произведет неблагоприятное впечатление, особенно в других секциях. Можно было сразу радикально перестроить исполнительную комиссию, оставив Навилля при первой реформе в меньшинстве. Но тогда решено было создать примиренческую исполнительную комиссию. После того Навилль находился в состоянии непрерывного отступления, которое он сможет документально доказать. При этих условиях его изъятие из исполнительной комиссии может показаться немотивированным и будет выглядеть как личная месть. Боюсь, что это принесет больше вреда, чем пользы, особенно в других секциях.

Я все время решительно выступал против политического примиренчества, с тем, чтобы необходимые организационные выводы сделаны были уже на конференции. И в этом случае дело рисовалось мне так, что Навилль будет выбран в исполнительную комиссию при твердом марксистском большинстве. С точки зрения интернациональной организации это было бы, мне кажется, гораздо выгоднее. Впечатление у меня такое, что от некоторого принципиального и политического примиренчества наши друзья перешли к организационному экстремизму. Столь резкий поворот внушает мне опасения. Возможно, конечно, что я отсюда не все вижу и что условия не оставляют других путей. Очень хотел бы от вас узнать на этот счет подробности.

2. Получили ли вы мои тезисы о синдикальных разногласиях⁸? Какова будет их дальнейшая судьба?

3. Нужно ли мне еще давать тезисы по поводу "турнан"⁹ и по поводу интернациональной политики?

4. Получили ли письмо тов. Франкеля, посвященное Ландау? Каково поведение интернационального секретариата в этом вопросе?

5. Как обстоит дело с Сюзо? Этот вопрос гораздо важнее, чем участие или неучастие Навилля в исполнительной комиссии. Когда вопрос о Сюзо решался здесь, то для меня лично это имя ничего не означало, и я просто надеялся на то, что вопрос о лице будет урегулирован вами, Раймоном [Молинье] по

соглашению с Навиллем. На самом деле произошло совсем не так, и это в корне изменило вопрос об интернациональном секретариате. Сюзю так и не отважился ответить на мой прямой запрос. Мне пишут, что другой его товарищ стоит на правильной позиции. А остальные члены их группы? Сколько их? Группа в целом, мне кажется, обязана определить свою позицию.

Секретариат сейчас ключевая позиция, т. е. должен ею стать. Для того, чтобы он мог осуществлять серьезное и в то же время тактичное руководство, он ни в каком случае не должен быть составлен на основах действительной солидарности во всех остальных вопросах. Это предполагает обновление состава секретариата. Поскольку Навилль явно не имеет поддержки большинства в Лиге, постольку он должен был бы быть заменен. Правда, я представляю себе временно некоторое переходное положение: от Лиги входят в секретариат два лица, от большинства и от меньшинства. Это станет особенно необходимым в случае удаления Навилля из исполнительной комиссии (это не мое предложение, повторяю, но я считаюсь теперь с этой возможностью). Очень прошу вас сообщить мне ваши вполне конкретные соображения и предложения на этот счет, по возможности в календарной форме с расчетом не на пятилетку, конечно, а на гораздо более короткий срок.

6. С большим нетерпением ждем номера 3 "Бюллетеня". Раз издание выходит теперь на шапирографе, то вы гораздо свободнее в отношении сроков и размеров каждого номера. Вы можете выпустить No 4, по-моему, через неделю или две после 3-го, подобрав текущий материал. В нем сейчас недостатка, я думаю, нет.

7. Получил вчера резолюцию бордигистов насчет демократических лозунгов. Худшей "каши" (употребляю ленинское слово) - каши мыслей, формул - давненько не встречал, хотя, вообще говоря, недостатка в путанице не наблюдал. Будет очень хорошо, если вы им ответите. Может быть, и я позже вмешаюсь в дело.

Вы спрашиваете насчет библиографии. Напоминаю вам о ленинских тезисах по вопросу о демократии (эпоха I конгресса Коминтерна)¹⁰. В моей книге "Терроризм и коммунизм"¹¹ (против Каутского) есть, помнится, отдельная глава, посвященная демократии, да и во всей книге немало говорится на этот счет. Ближе к вопросу относятся тезисы II конгресса о парламентаризме¹² (они в значительной мере направлены были против Бордиги). Таковы основные документы.

Теперь несколько слов о наших друзьях бордигистах. Если оставить в стороне 3-ий параграф их резолюции, который вставлен ими самими чисто механически, без всякой связи с текстом, то дело представляется у них так: демократия есть принцип эксплуататоров, революционные партии не понимали этого; русские в 1917 году путались между демократией и диктатурой; только бордигисты открыли чистый принцип диктатуры. После того, как этот принцип открыт, всякое обращение к лозунгам демократии становится реакционным. Другими словами, диалектика развития человечества подменена метафизикой развития сектантского кружка. Ход мыслей бордигистов представляет собою

отрыжку рационалистического просветительства XVIII века¹³: раньше царили заблуждения и предрассудки, а ныне открыт правильный принцип общества, на основе которого оно и должно теперь строиться; ибо раз мы, просветители, сие поняли, то остается только мелочь: перестроить общество. Курьез состоит в том, что просветители как раз открыли принцип демократии, который они формально противопоставили всему прошлому человеческому развитию, как некоторое абсолютное начало. Бордигисты же... открыть не открыли, а заимствовали у русской революции "принцип" диктатуры пролетариата, но освободили его от исторической реальности и противопоставили демократии, как абсолютную истину абсолютному заблуждению. Это показывает, что они "абсолютно" не поняли ни теории, ни практики русской революции, а, кстати сказать, и марксизма в целом.

Они не дают себе труда объяснить, что они разумеют под демократией. По-видимому, только парламентаризм. А как быть, напр[имер], с такой мелочью, как независимость Индии от Великобритании? Это есть чисто демократический лозунг: дело идет об освобождении одной нации от другой нации (конечно, бордигисты начнут нам объяснять, что эти нации классовые, о чем мы, грешные, никогда не догадывались; но в том-то и суть, что дело идет об освобождении одной нации, буржуазно-феодалного колониального типа, от другой нации, буржуазно-империалистического типа). Как же быть с демократическим лозунгом национальной независимости? Наши [...]14 этот вопрос проглядели.

Должны ли коммунисты бороться против всяких насилий и козней полиции, направленных против свободы собраний, свободы стачек, свободы печати и пр.? А что это такое, как не борьба за демократию?

Как быть с аграрным вопросом в той же Индии или в Венгрии, или еще в десятках других стран? Что земельные нужды крестьян могут их побудить поддержать диктатуру пролетариата даже в такой отсталой стране, как Индия, об этом мы знаем. Но для осуществления этой возможности нужен целый ряд реальных исторических условий, и в том числе правильное понимание аграрно-демократической проблемы. Индусские крестьяне не знают диктатуры пролетариата и познакомятся с ней только после того, как она уже совершится - при их полусознательном содействии. Я говорю: полусознательном, потому что индусский крестьянин, при всей ограниченности и смутности своих политических взглядов, вполне "сознательно" хочет забрать в свои руки землю, и эту свою волю он выражает в той формуле, что земля должна принадлежать не помещикам, а народу. Это есть чисто революционно-демократическая программа, означающая ликвидацию всех видов и пережитков феодализма. Что скажут бордигисты крестьянину? Твоя программа демократична, а потому реакционна. Мы предлагаем тебе программу диктатуры пролетариата и социализма. Крестьянин ответит им на индусском языке какой-нибудь очень крепкой формулой. Что скажем крестьянину мы? Твоя демократическая земельная программа представляет огромный исторический шаг в развитии общества; мы, коммунисты, преследуем более радикальную историческую задачу, но мы полностью и целиком поддерживаем твою демократическую задачу и для данного периода делаем ее своей задачей. Только

таким путем можно довести крестьянство до того, что оно в ходе своей борьбы поддержит диктатуру пролетариата.

Курьез состоит в том, что бордигисты преподносят здесь в виде собственного открытия ту самую чепуху, которую сталинцы и зиновьевцы приписывали мне под видом теории перманентной революции (перепрыгивание через демократию, через крестьянство и т. д.). Было бы очень хорошо, если бы вы указали на эту сторону вопроса. Читали ли вы, к слову сказать, мою книжку о перманентной революции? /Там этот вопрос разобран наиболее подробно и наиболее близко к условиям сегодняшнего дня (я забыл выше указать эту книжку при перечне литературы)/15.

Выше уже сказано, что бордигисты проявляют парламентский кретинизм наизнанку, сводя, очевидно, проблему демократии полностью к Учредительному собранию и вообще к парламенту. Но и в пределах парламентской постановки вопроса они кругом неправы. Из их антидемократической метафизики должна бы вытекать тактика бойкотизма по отношению к парламенту. На этой точке зрения стоял товарищ Бордига в период II конгресса, но затем он отказался от этой позиции (вообще, я думаю, следовало бы строго отделять в полемике бордигистов от Бордиги; мы его взглядов не знаем, так как условия, в которых он находится, лишают его возможности высказываться¹⁶; мы думаем однако, что вряд ли Бордига взял бы на себя ответственность за карикатурные взгляды данной группы его учеников). Недурно было бы поставить бордигистам вопрос в упор: стоят ли они за бойкот парламента или за участие в парламенте? Если коммунистического депутата арестуют с нарушением депутатской неприкосновенности, то призовут ли бордигисты рабочих к протесту против нарушения наших демократических прав?

Эти доктринеры не понимают, что подготовку диктатуры мы ведем наполовину, на три четверти, а в некоторые периоды на 99/100 на основах демократии, причем отстаиваем каждую пядь демократических позиций под нашими ногами. Но если демократические позиции рабочего класса можно отстаивать и защищать, то, может быть, их можно и завоевывать в тех странах, где их нет?

Демократия есть орудие капитализма, учат наши критики. Да, но это противоречивое оружие, как и весь капитализм противоречив. Демократия служит буржуазии, но в известных пределах она служит пролетариату против буржуазии. Вся беда в том, что бордигисты берут демократию и диктатуру пролетариата не как исторические учреждения, которые диалектически сменяют друг друга, а как два голых принципа, из которых один означает зло, а другой добро.

В заключение отмечаю еще, как невероятный курьез, пункт 5-й, касающийся России. Там говорится, что большевики поддерживали лозунг Учредительного собрания "в течение очень короткого времени, от падения царизма до попытки установления капиталистической власти..." На самом деле социал-демократы с начала своего существования, т. е. с 1888 года, выдвинули лозунг Учредительного собрания¹⁷. Лозунг этот играл гигантскую роль в воспитании пролетариата и партии, начиная с первых лет нынешнего столетия. Под этим лозунгом проходила революция 1905 года. Вся работа большевиков между двумя

революциями шла под лозунгами: 1) демократическая республика, 2) земля крестьянам (демократический земельный переворот), 3) 8-часовой рабочий день (требование рабочей демократии).

Бордигисты, пожалуй, объявят теперь, что все это было сплошной ошибкой, ибо относится к мрачному периоду, когда не была еще открыта абсолютная истина "диктатуры пролетариата".

/Я написал здесь больше, чем собрался написать, увлекшись темой. Вы можете как угодно использовать эти строки, которые ни в каком случае не предназначаются для печати, а только для вас лично. Поэтому прошу вас не цитировать их, ссылаясь на меня, ибо для печати я должен был бы писать гораздо точнее, в большем порядке и, конечно, не так жестоко в адрес бордигистов, среди которых должны быть хорошие ребята.../18

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Монтегю]

16 января 1931 г.

Дорогой товарищ Монтегю!

Наконец-то вы снова обнаружили в Европе. Ваше намерение посетить Константинополь великолепно. Мы будем очень рады видеть вас у нас. Весь вопрос только в сроке. Вы, вероятно, читали в газетах о том, что норвежское правительство разрешило мне приехать на неделю для чтения лекций¹⁹. Инициатива всего этого дела принадлежит радикальному студенческому союзу в Осло. Я не сомневался, что правительство откажет. Между тем, оно, по-видимому, не отказало, а разрешило: официального сообщения у меня еще нет. Весь вопрос теперь в транзитных визах, так как ехать морем: Константинополь - Гамбург - Осло, было бы очень дорого. Весьма возможно, что из всего этого предприятия ничего не выйдет. Но вопрос окончательно выяснится в течение ближайших 8-10 дней. Если поездка состоится, то я в течение всего февраля буду отсутствовать. Вот почему я сегодня лишен возможности условиться с вами о сроке вашего приезда сюда. Во всяком случае, я вас буду держать в курсе дела и надеюсь, что ваш приезд к нам не затянется.

Марджери Уэллс²⁰ очень дружески держала меня в курсе вопроса о моей визе и делала все, что могла. Я ей за это искренне признателен. Любопытно, что буржуазное норвежское правительство оказалось смелее британских социалистов. Ходят слухи, что и немецкое буржуазное правительство разрешит мне въезд в Германию: в отличие от социал-демократов, которые отказали. Для въезда в Англию придется, очевидно, ждать пришествия к власти консерваторов. В этом нет ничего удивительного и парадоксального: хозяин всегда смелее и решительнее лакея.

Верно ли, что Бернард Шоу²¹ подверг правительство Макдональда торжественному проклятию? В "Манчестер Гардиан" я не нашел этого проклятия.

Каковы ваши ближайшие планы? Остаетесь ли вы в Лондоне?

Крепко жму вашу руку в ожидании нашей встречи.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

30 января 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

Отвечаю вам на ваше письмо от 23 января.

1. По поводу салоникских выборов думаю, что ваши письма правильны, хотя сам я крайне мало осведомлен о внутренней обстановке. Поскольку они почувствовали себя задетыми, ваше второе письмо кажется мне тактичным и очень уместным. Было бы неосторожно форсировать сейчас греческий вопрос²², чтобы не накапливать кризисов.

2. Что Франк²³ давно уже катится к капитуляции, для меня ясно, и я ему уж об этом писал еще задолго до конференции. Вся история с конференцией имеет недостойно авантюристский характер.

Всему этому вопросу, в связи с вопросом о Ландау, я посвящаю письмо, которое либо одновременно с этим, либо завтра, вам пошло. Я вынужден в этом письме занять позицию против т. Веля, который своей политикой больше всего помогает Ландау, как раньше - Нойман, Иокко и пр. Тов. Вель своей постановкой вопроса толкает колеблющихся в сторону Ландау. Это прямо вытекает из письма Зейпольда, который сообщает, что, напр[имер], тов. Маргот выражается в том смысле, что Ландау ведет плохую политику, но что с тов. Велем тоже нельзя сработать, поэтому приходится сохранять Ландау. Письмо тов. Зейпольда в этом смысле только подтверждает те опасения, которые у меня все время были относительно политики тов. Веля.

3. О французской Лиге. То обстоятельство, что из Исполнительной комиссии совершенно устранили оппозицию, кажется мне ошибочным шагом: это лишает большинство возможности знать, чего хочет меньшинство, выслушивать его предложения, вынуждать его делать предложения и пр. Только так можно подготовить совместную работу, сведя трения к минимуму. Но так как я не знаю всех условий и мотивов, то высказываю свое мнение в предварительном порядке и ни в каком случае не для распространения.

4. По поводу отставок вообще и отставки Навилля, в частности. Сразу всего, конечно, достигнуть нельзя, но мы должны вести дело к тому, что отставки вообще недопустимы. Разумеется, товарищ может подать в отставку в том смысле, что он облегчает организации решение. Но если организация подтверждает мандат, то он не имеет права выходить в отставку. Наш "аппарат" еще слишком слаб и неавторитетен, чтоб установить такую дисциплину. Но мы должны эту мысль пропагандировать, как единственно правильное понимание революционной дисциплины.

5. Вы пишете о том, как невыгодно и неприятно отстаивать "умеренность". Я с этим не могу согласиться. Отстаивать умеренность в отношении организационных форм борьбы, в отношении репрессий, изъятий и пр. -

совершенно необходимо и диктуется потребностями самосохранения [и] роста каждой организации. Чем больше лояльности со стороны большинства по отношению к меньшинству, чем больше внимания к справедливым или правильным мыслям и предложениям, тем скорее будут изолированы интриганские элементы. Принципиальная непримиримость вовсе не исключает организационного примиренчества и максимальной тактичности. Поскольку тов. Вель выступает организационным максималистом (исключить Ландау), прежде чем немецкие оппозиционеры поняли о чем идет дело, постольку я решительно против тов. Веля - за умеренность, за более мирный тон - и в то же время за большую идейную непримиримость.

6. В протоколах секретариата я читал мнение Сюзо о том, что мы не можем допускать [выделения] из себя фракций (т. е. подфракций). Его аргументы мне показались очень формалистическими: он, в сущности, повторяет официальные аргументы Коминтерна. Разумеется, фракция во фракции не есть норма. Но когда создаются два противостоящие друг другу оттенка, то фракционные группировки совершенно неизбежны. Если разногласия имеют временный характер, то подфракции должны рассосаться (при правильном руководстве). В противном случае подфракции должны расколоться. Объявлять же фракцию запрещенной - бессмыслица: это значило бы просто душировать идейную жизнь левой оппозиции.

Совершенно правильно, что нам надо строжайше следить за тем, чтобы организация действительно жила жизнью демократического коллектива. Лучше избыток в этом отношении, чем недостаток.

7. О секретариате. Из вашего письма мне все же не ясно: участвует ли в нем Сюзо или не участвует? Вышел ли он формально, или только неглижирует²⁴ работой? Бесформенность такой ответственной организации, как секретариат, недопустима, по-моему, ни на один день. Если тов. Франк уже выбран, то он, разумеется, должен войти немедленно в работу, как временный член секретариата, впредь до утверждения его национальными секциями. Было бы желательно, конечно, сохранить Сюзо. Следует поэтому вопрос перед ним поставить ребром: если он вышел, что было бы крайне нежелательно, - то необходимо немедленно пригласить другого итальянского товарища. Как обстоит дело с архивомарксистом²⁵? Было бы очень желательно его участие хотя бы с совещательным голосом, при условии, если это серьезный товарищ и если в Афинах ему вполне доверяют. Как обстоит на этот счет дело с венгерцами?

Не надо забывать того, что интернациональное бюро при нынешнем составе недееспособно. Европейскую конференцию удастся созвать не так скоро. Во всяком случае, не раньше французской или немецкой конференции. В течение всего подготовительного периода секретариат будет фактически играть роль бюро. Но именно поэтому его нужно всегда держать в оформленном состоянии, а, кроме того, желательно его расширить. Этот вопрос я сейчас считаю самым важным. Секретариат является, при совершенно неизбежных кризисах в разных секциях, важнейшим орудием интернациональной левой оппозиции.

8. Но 3 "Бюллетеня" производит благоприятное впечатление. Наша публика здесь недовольна примиренческим духом статьи о Франции. Мое письмо к

болгарам не предназначалось для печати (я вам об этом, помнится, писал). Но большой беды в напечатании нет. Больше всего меня смущают две резолюции интернационального секретариата: по поводу австрийских групп и по поводу чехословацких студентов. В каком составе интернациональный секретариат вынес эти решения? Неужели всеми тремя голосами? Это было бы, разумеется, очень хорошо, но я в этом не уверен.

Кроме того, секретариат не имел права выносить такого решения. По этому поводу Ландау, да и Навилль (если он не голосовал с вами) могут поднять протест, и не без основания. Если допустить, что интернациональное бюро существует, то секретариат должен был внести предложение на утверждение бюро. До сих пор нигде не заявлялось о том, что Бюро при нынешнем положении фактически не существует. Но если даже исходить из того, что бюро не существует, то секретариат должен свое предложение представить либо на референдум секций, либо - еще лучше - на саму конференцию. Во всяком случае, крайне неосторожно было придавать мнению секретариата видимость окончательного решения, притом в таком исключительной важности вопросе, как исключение целой организации.

Неудобство такого решения увеличилось бы в десять раз, если бы выяснилось, что один из членов секретариата голосовал против или воздержался. Кстати: я думаю, что и бюро, если бы оно правильно функционировало, не могло бы взять на свою лишь ответственность решение об исключении или о непри[...]26 целой организации.

У меня все-таки такое впечатление, что юридически-организационная сторона у секретариата в загоне. Без этого нельзя установить демократический режим, ибо демократия предполагает правовую почву под ногами.

9. Что касается вздора, будто секретариат должен быть техническим аппаратом Т[роцкого] (слова Сюзю), то противодействовать такого рода опасениям, подозрениям и инсинуациям лучше всего расширением состава секретариата и точной его конституцией.

Кстати, в письме к вам, помнится, я предлагал оставить Навилля в составе секретариата, введя другого француза от большинства. Я думаю, что это было бы во многих отношениях целесообразнее и, в частности, свидетельствовало бы, как мало кто-либо стремится превратить секретариат в технический аппарат. Но сейчас, по-видимому, уже сделанного не переделаешь...

10. А все-таки важнее всего и превыше всего - Испания. В эту сторону надо обратить и взоры, и усилия. Я получил большое и ценное письмо от тов. Н[ина], которое свидетельствует о полной нашей с ним солидарности. Я сейчас уже совершенно не сомневаюсь, что Н[ин] вполне одобрит взгляды, развитые в моей работе об Испании, так как они во всем основном с ним согласованы (его письмо получено было как раз когда я заканчивал статью). Политически мы заинтересованы в том, чтоб статья эта вышла как можно скорее, т. е. до новой волны, которая, по-видимому, не за горами.

Хотя я послал один русский экземпляр статьи непосредственно в Испанию,

но я не уверен, дойдет ли он. Как только статья будет переведена на французский язык, необходимо послать ее в нескольких экземплярах в разные пункты Испании (Мадрид, Барселона и пр.). Твердо рассчитываю на то, что перевод не затянется. Я уже писал, что хорошо было бы в Париже же перевести статью и на испанский язык, чтобы застраховать себя полностью.

Инициатива левой оппозиции в испанских событиях²⁷ может иметь решающее значение для интернациональной левой оппозиции в целом. Сейчас инициатива выражается в том, чтобы своевременно дать программу и как можно шире распространить ее. Одновременно надо обеспечить секретариат и "Веритэ" несколькими добросовестными корреспондентами в разных частях Испании.

Мне приходит в голову такая мысль: нельзя ли было бы выпустить один номер "Веритэ" в шесть (6) страниц и статью об Испании поместить целиком во вкладном листе? Тогда этот вкладной лист (вернее, полулист) можно было бы послать в значительном числе в Испанию; полулист можно было бы напечатать в большем количестве экземпляров, чем весь номер. Обсудите, пожалуйста, с Раймоном [Молинье], что тут можно сделать, и сообщите мне. Испанский вопрос сейчас - самый важный из всех вопросов.

[Л.Д.Троцкий]

Административному Секретариату Интернациональной левой оппозиции

Копия: Правлению немецкой оппозиции, французской оппозиции

Уважаемые товарищи!

Кризис немецкой левой оппозиции, принявший неслыханно острые формы за последние недели, побуждает меня высказать некоторые соображения.

1. В числе других документов я получил копию переписки тов. Веля с берлинским Правлением. Я не могу считать правильным тот характер, какой т. Вель придал своей борьбе против ошибочной и крайне опасной политики Правления, руководимого т. Ландау. Тон писем т. Веля может быть объяснен только его крайне нервным состоянием, вызванным тяжелыми личными ударами, но политически не может быть оправдан, тем более в официальной переписке.

Тов. Вель ставит задачей своей борьбы изгнание т. Ландау из рядов оппозиции. Незачем говорить, что я не могу присоединиться к такой постановке вопроса. Задача состоит в изменении всего характера работы немецкой оппозиции и ее интернациональной ориентации. Эта задача не может быть достигнута одним ударом. Во Франции борьба имеет гораздо более ясное принципиальное содержание. Однако, насколько я могу судить, левое крыло Лиги, составляющее ныне ее большинство, отнюдь не ставит себе задачей вытеснить т. Навилля из состава Лиги. Со своей стороны я считаю безусловно необходимым сделать все - кроме принципиальных уступок - для сохранения возможности совместной работы. То же самое я отношу полностью и целиком к тов. Ландау, характер ошибок которого не случайно сблизил его с Навиллем.

2. В европейской оппозиции мы имеем преимущественно молодых товарищей, из которых многие оказались в оппозиции раньше, чем имели возможность

серьезно и длительно участвовать в партии и в массовой борьбе. Оппозиция формируется к тому же в условиях все еще продолжающегося революционного отлива, что питает сектантские и кружковые настроения. Австрия дает нам пример того, какие карикатурные образования склонны искать приюта под знаменем левой оппозиции. Этот пример есть в то же время серьезный урок и серьезное предостережение. В первую очередь - по адресу тов. Ландау.

Тов. Ландау несет двойную ответственность за "Манруф". Он не только игнорировал все предостережения относительно "Манруфа", но позволил себе в самой недопустимой форме атаковать товарищей Милля и Молинье, которые дали совершенно объективную оценку группы "Манруф". Последний поворот в этой группе жестоко наказал т. Ландау, показав, что организационные комбинации и личные связи не заменяют политического воспитания на основе определенной программы.

Идеи т. Франка составляли вчера еще его личное достояние. Для того, кто был знаком с его эволюцией за последний год, не могло быть сомнения, что Франк во всех важнейших вопросах революционной политики сползает с марксистской позиции. Этого своего мнения я от него, разумеется, не скрывал. Если бы т. Франк со своими взглядами выступил в печати (а он подготовил немецкую брошюру), он встретил бы, разумеется, необходимую оценку. Принципиальная полемика могла бы дать толчок идейному развитию оппозиции. В какую сторону эволюционировал бы при этом сам Франк дальше - есть вопрос личный, которого я не предрешаю.

Но то, что характеризует "австро-оппозиционизм", по счастливому выражению тов. Франкеля, - это кружковое комбинаторство и закулисный авантюризм. Осколок группы Фрея, проделавший вместе с ним все ошибки последних лет и месяцев, плюс группа "Манруф", проделавшая все шатания, какие возможны для кружка, плюс Франк, который считал обе другие группы политически негодными - эти три группы принимают на конференции совершенно новые взгляды, которые до сих пор в печати не были изложены и совершенно не подверглись обсуждению в рядах интернациональной оппозиции. Можно ли представить себе худшую идейную неразборчивость, которая и есть основа организационного авантюризма!

Тов. Ландау требует теперь, чтобы группа "Манруф" в 24 часа отказалась от своих новых взглядов. Как будто это что-нибудь изменит или подвинет нас на шаг вперед! Наоборот, новый поворот был бы только новым подтверждением полной идейной несостоятельности этой группы.

В отношении австрийских групп я вполне присоединяюсь к заключению Интернационального Секретариата ("Бюллетень" No 3), которое должно быть представлено на утверждение всех секций и будущей европейской конференции.

В отношении тов. Ландау вывод мне кажется не менее ясен. Надо признать и открыто сказать - лучше всего было бы, если бы это сказал сам т. Ландау, - что в вопросе о "Манруфе" он, несмотря на свою наибольшую близость к этой группе, оказался наименее способен правильно оценить ее. А так как т. Ландау является в значительной мере руководителем этой группы, то надо сделать

вывод, что применявшиеся им методы руководства не отвечали своей цели. Это значит: т. Ландау надо радикально пересмотреть свои методы работы. Мы ему все в этом поможем.

3. Отношение немецкого Правления к французскому кризису дополняет сделанный только что вывод и укрепляет его. Если немецкое Правление не было осведомлено о ходе кризиса, то об этом приходится только пожалеть. Но к т. Ландау это совершенно не относится: он был осведомлен настолько, насколько вообще может быть осведомлен товарищ, живущий в другой стране. Т[оварищ] Ландау не хватало не информации, а правильного критерия, т. е. марксистского понимания революционной политики. И то, и другое можно приобрести путем опыта и размышлений. К сожалению, т. Ландау проявил чрезвычайное невнимание к принципиальным вопросам: в отношении Франции, как и в отношении Австрии, он гораздо больше заботился о личных и организационных комбинациях, чем об их принципиальной основе. В этом, несомненно, самый тревожный признак. Т[оварищ] Ландау необходима новая ориентация. Ему необходимо серьезно переучиться, иначе те положительные качества, которые у него имеются, будут идти не на пользу, а во вред революционному движению.

4. Австрийский и французский уроки бросают яркий свет на работу т. Ландау в Германии. Т[оварищ] Ландау вел все время непримиримую и непрерывную борьбу за руководство, причем никто решительно не знает, каковы принципиальные основы этой борьбы. Правда, личную борьбу т. Ландау вел с видимостью успеха. Но это был успех за счет организации в целом. Дальнейшее движение по тому же пути превратило бы немецкую оппозицию в расширенное издание группы "Манруф".

5. Не правы ли все же в таком случае товарищи, видящие решение вопроса в устранении т. Ландау из рядов оппозиции? Нет. Это "решение" целиком лежит в плоскости приемов и методов самого Ландау. Если бы мы имели организацию, ясно и твердо знающую свой путь, с крепкими кадрами, то устранение того или иного лица могло бы быть решением данного личного вопроса. Но ведь положение в Германии совсем не таково. Организация в целом нуждается в марксистском самовоспитании. Первая задача состоит в том, чтобы помочь организации в целом разобрать, обсудить, понять ошибки нынешнего Правления, руководимого т. Ландау. Без этого организация не сдвинется с места. Обсуждение должно идти на основе определенных тезисов, открыто и на глазах всей интернациональной левой оппозиции. Только таким образом можно постепенно сформировать действительно революционные кадры, у которых все другие соображения подчинены постоянной заботе об идейной выдержанности, сплоченности и революционной стойкости интернациональной фракции. И только на этом пути может определиться в дальнейшем политическая судьба каждого отдельного товарища.

6. В письме от 13. I Правление заявило, что оно вынесет решение относительно французского кризиса, и что это решение должно быть обязательно для всех членов немецкой организации, как внутри, так и вне Германии. Одно это постановление - в возможность которого я бы никогда не поверил, если бы

сам не прочитал бы его - показывает, в какую невылазную трясиину ведет организационно-комбинаторский подход к принципиальным вопросам. Каким образом Правление может приказывать членам организации занимать определенную принципиальную позицию, притом в вопросе, составляющем предмет международной дискуссии? Здесь национальная дисциплина, карикатурно понимаемая, ставится выше интернациональной дисциплины и, что гораздо важнее, выше тех принципиальных основ, на которые дисциплина только и может опираться. Оказывается, что немецкий товарищ, временно находящийся во Франции и работающий в Лиге, должен голосовать по спорным вопросам не как коммунист, а как... немец.

Но и в самой Германии надо было бы признать никуда не годным того коммуниста, который подчинился бы правлению, приказывающему ему сверху, какую ему занять позицию в дискуссии. Неудивительно, что при таком ультрабюрократизме берлинское Правление находится в состоянии войны со всеми важнейшими провинциальными организациями.

7. 12 июля прошлого года я писал Правлению немецкой оппозиции через т. Мюллера: "Вообще я должен сказать следующее: если Правление хочет приобрести авторитет (а оно обязано этого хотеть), то оно не должно действовать так, как если бы оно уже обладало несокрушимым авторитетом, и должно поменьше опираться пока что на чисто формальные права. Правление должно себе усвоить спокойный, товарищеский тон и проявлять величайшую терпимость, особенно по отношению к своим внутренним противникам. Правление не может приобрести авторитета, не доказав на деле всей организации свою полную объективность и добросовестность во всякого рода внутренних конфликтах и свою постоянную заботу об интересах организации как таковой. Только из такого рода авторитета, который не завоевывается в один день, может вырасти право на применение организационных мер, репрессий и проч. Без этого организация не может жить. Но попытка применять репрессии без должного авторитета и без убеждения организации в правильности этих репрессий неизбежно ведет не к упрочению организации, а к ее ослаблению и прежде всего к упадку авторитета самого правления.

Мой горячий совет поэтому: при твердости политической линии - как можно больше осторожности и мягкости, как можно больше терпения и такта во всех личных вопросах, конфликтах и недоразумениях"²⁸.

Я и сейчас смогу только повторить эти слова. За срок, протекший после цитированного письма, Правление, к сожалению, чудовищно усилило административные меры, но несколько не повысило своего авторитета.

Выход из кризиса немецкой оппозиции может для данного момента найтись только на пути хорошо подготовленной и добросовестно организованной конференции.

Л.Троцкий

31 января 1931 г.

[Письмо М.Миллю]

5 февраля 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

1. Вам вчера уже послали поправку к статье об Испании²⁹. Посылаю вам сегодня в переписанном виде всю 12-ю страницу с поправкой, чтобы избежать каких бы то ни было недоразумений. Если, паче чаяния, "Бюллетень" уже сверстан и в текст статьи поправку внести нельзя (что было бы очень досадно), то я прошу вас приложить поправку в конце "Бюллетеня", или, если и это невозможно, превратить ее в сноску и на отдельной бумажке вложить в "Бюллетень". Необходимость поправки ясно видна из моего письма к Нину, копию которого при сем прилагаю.

2. Относительно т. Горкина³⁰ я бы советовал попытаться ликвидировать с ним дело мирно, т. е. предложить ему самому написать Исполнительной комиссии Лиги или Административному секретариату письмо в том смысле, что, так как он по личным причинам не может сейчас отдавать необходимого времени Лиге, и так как, с другой стороны, он вынужден сотрудничать в "Монд"³¹, что несовместимо с принадлежностью к Лиге, то он выходит из организации, сохраняя сочувствие нашим взглядам, и пр. Этим путем был бы избегнут лишний скандал и в лице Горкина мы сохранили бы "попутчика", который в тех или других случаях мог бы быть нам полезен. Обсудите, пожалуйста, это дело с Раймоном [Молинье], который тоже мне писал на эту тему.

3. По поводу последнего номера "Веритэ" я писал Раймону. Номер производит хорошее впечатление.

4. Совершенно недопустимым фактом является несуществование Секретариата. Мне об этом пишет Феросси³². Если Франк³³ поглощен делами Лиги, надо наметить кого-либо другого. Секретариат - слишком важная позиция. "Бюллетень" выходит очень редко и, следовательно, обязательства остаются невыполненными. Это ни в каком случае не упрек вам, ибо ни один человек не может справиться. Необходимо ближе притянуть Сюзо и найти французского товарища.

5. Ужасно меня удивило то, что вы пишете об Австрии. Вы, очевидно, так поглощены французскими делами и "Бюллетенем", что не читали платформы Франка: она целиком направлена против нас, уличает нас в каутскианстве по вопросу о бонапартизме и пр. Автор, очевидно, забыл, что Бухарин и Сталин уже года три-четыре тому назад обвиняли нас в каутскианстве по этому самому вопросу. Сообщение о том, что Нойман читал "троцкистский доклад" есть сознательная инсинуация, чтобы прикрыть собственную полукапитуляцию. Мысль Франка такова: троцкизм ведет к социал-демократии. Как же вы этого не заметили? Ей-ей, ума не приложу. Это еще раз показывает, что дела Лиги вас слишком поглощают.

Франк - хороший журналист с марксистской подготовкой. Как политик он слаб, а хуже всего то, что он по природе скептик, резонер и потому во всякой организации непременно окажется в оппозиции и выпадет из организации.

Если нам удастся поставить немецкий еженедельник, то в качестве

сотрудника Франк будет полезен (если до того времени он не капитулирует). Из группы же его решительно ничего, по-моему, не выйдет.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Монтегю]

6 февраля 1931 г.

Дорогой товарищ Монтегю!

Я задержался с ответом, ожидая со дня на день разрешения вопроса о Норвегии. Но дело затягивается. Вопрос о германской визе все еще неясен. Я телеграфировал поэтому сегодня в Норвегию, что в течение февраля не рассчитываю на визу. Таким образом, если вы будете здесь в 20-х числах, то вы почти наверное застанете меня на Принкипо. Я бы вас просил предупредить меня телеграммой о дне и часе вашего приезда. Тогда кто-нибудь из членов нашего дома встретил бы вас в Константинополе и облегчил бы вам дальнейший путь на Принкипо и здесь к нам на дачу.

Если бы, вопреки всем ожиданиям, дело с Норвегией разрешилось скорее, чем можно думать, я вам в последнюю минуту дам телеграмму по лондонскому адресу.

Крепко жму руку в письме, надеясь вскоре пожать ее в натуре.

[Л.Д.Троцкий]

Письмо доктору Залингеру³⁴

Многоуважаемый господин доктор Залингер!

В ответ на Ваше письмо от 31 января позволю себе высказать некоторые предварительные соображения. Прежде всего попытаюсь ответить на сформулированные судом вопросы о взаимоотношениях между мной и Керенским. Керенский формально примкнул после Феральского переворота к народной партии "социалистов-революционеров", я был марксистом и входил в партию большевиков.

Керенский вступил министром юстиции в правительство князя Львова³⁵. Большевики вели против этого правительства непримиримую борьбу.

В июне, когда Керенский стал военным министром, он подготовил наступление на Восточном фронте³⁶. По поручению партии большевиков я формулировал на съезде Советов письменное заявление, в котором наступление объявлялось величайшим преступлением против народа и революции.

3-5 июля 1917 г. рабочие и солдаты Петербурга³⁷ выступили с оружием в руках на улицы, требуя перехода власти в руки Советов³⁸. В ответ на это движение Временное правительство возбудило обвинение против вождей большевистской партии на основании статей 51, 100 и 106 Уголовного уложения. Постановление судебных властей (прокурора Каринского, судебного следователя Александрова) гласило в отношении большевиков: "...являясь русскими гражданами, по предварительному между собой и другими лицами уговору, в

целях способствования находящимся с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии. Для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3-5 июля 1917 г. организовали в Петрограде вооруженное восстание"39.

Первоначально постановлено было подвергнуть аресту: Ленина, Зиновьева. Коллонтай, Ганецкого, Козловского40, Семашко, Сахарова41, Раскольников42, Рошалья43, Гельфанда (Парвуса) и Суменсон44. 23 июля по этому же обвинению были арестованы Троцкий и Луначарский.

Судебный следователь Александров предъявил мне то же обвинение, что и вышеименованным членам партии, включив мое дело в общее следствие. Ленин скрывался от преследований Керенского с 6 июля до Октябрьского переворота, т. е. в течение почти четырех месяцев. Я оставался в тюрьме с 23 июля по 4 сентября, когда, в момент наступления Корнилова на Петербург45, я был выпущен под залог, внесенный профессиональными союзами. Обвинение с меня не было снято, как и с других большевиков.

В своих мемуарах, изданных Рейснером, Керенский целиком поддерживает приведенное выше обвинение в отношении всех большевистских вождей. Утверждение противной стороны, будто я лично Керенским не назван, ложно. На самом деле на странице 309 мемуаров Керенский прямо называет мое имя, как обвиняемого по тому же делу о государственной измене. Если это обвинение, инициативу которого Керенский приписывает себе (стран. 308-309), ставилось серьезно, - а могло ли оно ставиться иначе? - то целью его могло быть только физическое уничтожение вождей большевистской партии. Никакого другого приговора, кроме смертной казни, нельзя себе представить в отношении людей, повинных в том, что они во время войны вступили в тайную связь с правительством враждебного государства и на его деньги, по его указаниям и в его интересах вызвали восстания внутри страны.

Октябрьский переворот, низвергший правительство, во главе которого стоял Керенский, был произведен Военно-Революционным комитетом46, председателем которого я состоял. Правительство Керенского было арестовано. Сам Керенский бежал на фронт, где ему удалось двинуть против Петрограда несколько кавалерийских частей под командой известного монархиста генерала Краснова47. Между казаками Керенского-Краснова и революционными отрядами, отправленными Лениным и мною для обороны подступов к столице, произошло сражение у Пулково, под Петроградом. Жертвы были с обеих сторон. Казаки были отброшены и сложили оружие48. Керенский бежал. Радиogramмой, написанной в штабе пулковского революционного отряда, я известил через царскосельскую радиостанцию правительства и народы других стран об окончательной ликвидации правительства Керенского.

Таковы основные политические этапы, характеризующие политические

взаимоотношения между Керенским и мною. Личных взаимоотношений у нас не существовало, не было даже и формального знакомства.

Если выразить взаимоотношения между мной и Керенским на языке немецкой политики, то придется сказать, что противоположность между нами несравненно больше, чем между Носке⁴⁹ и Либкнехтом⁵⁰, ибо Носке и Либкнехт принадлежали все же в прошлом к одной партии, и Носке не обвинял Либкнехта в получении денег и директив от царского штаба. Если судьба Либкнехта не стала судьбой вождей большевизма, то это, во всяком случае, не вина Керенского.

Важнейшие из приведенных выше фактов изложены в основных чертах в мемуарах самого Керенского и могут быть подтверждены бесчисленными документами и свидетельствами. Вряд ли в этом, однако, есть необходимость, ибо факты эти никем никогда не оспаривались.

Второй вопрос суда касается того, в какой мере "при нынешнем состоянии исторических исследований можно доказать наличие в книге Керенского объективной неправды в отношении Ленина и большевизма?"

Если допустить на минуту, что Ленин и большевики находились в связи с немецким штабом и специально с генералом Людендорфом, то останется спросить, каким образом после германской революции⁵¹, когда все архивы имперской Германии стали открыты политическим партиям, в частности и тем, которые непримиримо враждебны большевизму, с одной стороны, Людендорфу, с другой (социал-демократия), - каким образом данные о соглашении Людендорфа с большевиками не были опубликованы в целях политической борьбы⁵²? Почему, с другой стороны, молчали Людендорф и те офицеры, которые, по версии русского обвинения, знали об этом тайном соглашении? Ясно, что разоблачение такого факта нанесло бы смертельный удар не только вождям русского большевизма, но и германским коммунистам, как ученикам и последователям Ленина.

Если вообще нужны доказательства того, что дело идет о клевете - одной из самых чудовищных, какие знает политическая история человечества, - то самое простое было бы допросить генерала Людендорфа и тех офицеров германского генерального штаба (Шилицкий⁵³ и Люберс⁵⁴, если последние вообще существуют), которые, согласно обвинительному акту, были в курсе тайного соглашения.

Что касается исторических исследований, то вряд ли сейчас, в 1931 г., можно найти хотя бы одну серьезную историческую книгу, которая вообще считалась бы с клеветой, опровергнутой всем дальнейшим ходом развития, и, в частности, достаточно известной историей Брест-Литовских переговоров.

В последней книжке издающегося в Берлине русскими эмигрантами "Архива революции"⁵⁵ напечатана обширная статья бывшего полковника русского генерального штаба Д.Г.Фокке, посвященная Брест-Литовским переговорам⁵⁶. В этой работе, крайне враждебной по отношению к большевикам, полковник Фокке, принимавший участие в Брестских переговорах, а затем бежавший за границу, говорил между прочим: "Присутствуя решительно на всех заседаниях только что закончившихся переговоров о перемирии и точно зная, что вне этих заседаний Иоффе не вел никаких тайных бесед ни с ген. Гофманом, ни с кем-либо другим

из немцев, мы отдавали себе лучший отчет о характере `связи' Смольного с Берлином, о котором в понятном патриотическом рвении кричало в России все, что после переворота оказалось правее большевиков. Нам было ясно, что никакой `связи' в смысле прямого сговора наперед, у Германии с большевиками не было" ("Архив русской революции", т. XX, стр. 96, Д.Фокке, "На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии").

Второй пункт второго вопроса касается того, насколько "объективная неправда" книги Керенского задевает Троцкого, "не называя его по имени"? С формальной стороны вопрос этот отпадает, ибо Троцкий, как уже указано, назван по имени в книге Керенского именно в связи с "объективной неправдой" на стран. 308-309, не говоря уже о том, что Троцкий был в свое время арестован Керенским по обвинению, основанному на "объективной неправде".

Совершенно очевидно, с другой стороны, что, будучи ближайшим сотрудником Ленина в период подготовки Октябрьской революции, я не мог не знать, на какие средства и в чьих интересах ведется эта подготовка. Суд не может не признать, что, если немецкие офицеры генерального штаба, Шидицкий и Люберс, сообщали русскому прапорщику Ермоленко⁵⁷ о том, что Ленин является агентом Людендорфа, то для Троцкого этот факт не мог оставаться тайной. Во всяком случае, таково было убеждение правительства Керенского, предъявившего мне то же обвинение, что и Ленину⁵⁸.

* * *

Таковы первые сведения, которые я могу сообщить по поводу вопросов суда. Эти сведения могут быть подтверждены неограниченным числом аутентичных цитат и свидетельских показаний. Я в любой момент готов развернуть и уточнить свою аргументацию. Я в любой момент готов прибыть в Лейпциг, чтобы представить все необходимые объяснения суду лично. Вместе с тем мне представляется совершенно незыблемым, что договор должен был быть признан недействительным даже в том случае, если бы историческая наука оказалась сегодня не в силах дать ответ на вопрос об "объективной неправде" в мемуарах Керенского или разошлась в своих мнениях на этот счет.

Допустим на минуту, что автор А. в своей книге сообщил об авторе Б. порочащие сведения в связи с такими обстоятельствами, которые не имеют общественного интереса и вообще не входят в круг исторической науки. Допустим, что издатель Х. при заключении договора с автором Б. сознательно скрыл бы от последнего как изданную им книгу автора А., так и свои рекламы, в которых он уже от собственного имени повторял порочащие сведения. Допустим, далее, что издатель Х. расписывался при переговорах в особом уважении к автору Б. и к его "миросозерцанию". Мог ли бы суд колебаться хоть на минуту в расторжении заключенного при таких условиях договора? Думаю, что нет. Ибо при этом отходит на второй план самый вопрос о том, отвечали ли порочащие сведения А. относительно Б. действительности или нет и верил ли в эти сведения издатель или нет. Ответ на этот вопрос может, разумеется, иметь решающее значение для общей оценки личности Б., но никак не для оценки

поведения издателя З., ибо останется фактом, что издатель не только утаил от автора Б. такие обстоятельства, которые должны были для последнего иметь решающее значение, но и сделал автору прямо противоположные заявления (в данном конкретном случае: посвящение на книге о Либкнехте, устные и письменные заявления об особой симпатии к личности автора и его "миросозерцанию").

Суд постановил, однако, расширить рамки процесса. Я, со своей стороны, могу только приветствовать это, уже потому хотя бы, что это укрепляет мою позицию в процессе. Но вместе с тем я смею думать, что при нынешней постановке вопроса, не ограничивающейся формальными моментами, но входящей в обсуждение политической основы конфликта, суд должен иметь возможность выслушать меня лично, и германское правительство не может мне отказать в праве предстать перед германским судом для предъявления объяснений, неразрывно связанных со всей моей политической деятельностью.

[Л.Д.Троцкий]

6 февраля 1931 г.

[Письмо Г.Франкфуртеру]

14 февраля 1931 г.

Многоуважаемый Господин доктор Франкфуртер!

В дополнение к моему письму от 6/II59 считаю необходимым привести нижеследующие сообщения и данные.

Трудность задачи исторической экспертизы на суде состоит в данном случае в том, что приходится доказывать отрицательное обстоятельство, т. е., что такой-то факт не имел и не мог иметь места. Современный естествоиспытатель попал бы в очень затруднительное положение, если бы ему пришлось доказывать, что ведьм на свете не существует. В плоскости политической тайная связь большевиков с правительством Гогенцоллерна и штабом Людендорфа является - по крайней мере, для того, кто владеет всеми элементами вопроса - не менее грубой фантастикой, чем участие нечистых духов в физических процессах. Суеверия опровергаются надежно лишь положительным изучением природы. Клевета относительно большевиков может быть полностью опровергнута лишь изучением истории большевизма и русской революции.

Я надеюсь в течение ближайших двух недель прислать в ваше распоряжение главу своей новой книги "История русской революции", - главу, которая анализирует условия возникновения клеветы и характеризует главных ее участников. Рассказать, как было дело, значит в известной степени показать, как оно не могло быть.

Что касается изданных Шуманом мемуаров Керенского, то я позволяю себе сослаться на свою автобиографию, XXVI глава которой специально посвящена критике того варианта клеветы, который заключен в "Мемуарах" только что названного автора. В мой критический разбор, однако, вкралась фактическая ошибка, которую считаю необходимым здесь же исправить. Как показывают

документы, воспроизведенные в советских изданиях, агент русской и немецкой контрразведки прапорщик Ермоленко, вопреки моему ошибочному утверждению, назвал в своих показаниях имена двух офицеров немецкой контрразведки, с которыми он вел переговоры и которые ему раскрыли будто бы роль Ленина: это капитаны генерального штаба Шидицкий и Люберс. В предшествующем письме я указывал на этих лиц, как на желательных и притом очень ценных свидетелей.

Главная цель настоящего письма - сослаться на суждения трех иностранцев, из которых один был осторожным противником большевиков, а два других - непримиримыми врагами. Я имею в виду американского профессора Эдуарда Росса⁶⁰, чешского профессора, впоследствии президента Чехословацкой республики Масарика и французского посла Палеолога⁶¹.

Американский профессор Эдуард Росс, посетивший Россию в 1917 г., выпустил книгу о русской революции в 1918 г. Росс счел необходимым выдвинуть в этой книге ряд соображений для проверки "гипотезы" о связи лидеров большевизма с германским штабом. Автор приходит к выводу, что никаких доказательств связи представлено не было; что Ленин и Троцкий - старые революционеры, жизнь которых можно проследить год за годом; что у Ленина есть такие-то и такие-то научные труды; что Троцкий возглавлял Петроградский совет с 1905 года; что Ленин и Троцкий в течение многих лет боролись с царизмом и буржуазией. "Было бы странно, - рассуждает Росс, - если бы люди после многих лет безбоязненной преданности своему делу, люди, недоступные угрозам и подкупам со стороны царских министров, вдруг попали бы под искушение немецкого золота" ("Russia in Upheaval", by Edward Ross, Professor of Sociology, University of Wisconsin, New-York, 1918, page 335). И наконец, - недоумевает Росс, - если допустить подкуп, как же никто из окружающих людей не заметил и не понял этого? Как же все остальные дали немецким агентам возможность совершить во главе народных масс величайший исторический переворот?

Эту постановку вопроса нельзя не признать убедительной.

Профессор Масарик имеет перед многими иностранными противниками большевиков то преимущество, что он знаком с русским языком и литературой вопроса. Мало того: он провел около года в России, в том числе и тот критический период, к которому относится возникновение интересующей нас клеветы. Масарик пишет о себе: "Когда я занялся изучением России, я следил за направлением Ленина с самого его возникновения; по прибытии в Петербург во время войны я наблюдал начало его революционной пропаганды. почти полгода я провел под большевистским режимом, наблюдал его возникновение и следил за его развитием." (Die Welt-Revolution, T.G.Mazaryk. Erich Reiss Verlag, Berlin, 1925, page 185). Масарик не забывает при этом подчеркнуть: "Что касается принципов, то я являюсь более радикальным противником большевизма, чем многие господа в Париже и Лондоне" (201). Это не мешает автору отвергнуть вздорные вымыслы относительно большевиков, созданные злой волей, страхом и невежеством. Десятки страниц его книги (особенно начиная со стр. 133 немецкого издания) представляют собою, часто даже независимо от

намерений автора, опровержение клевет и легенд. Попытку истолковать брест-литовский мир как доказательство связи большевиков с германским правительством Масарик опровергает следующими словами: "Я знаю, что большевиков обвиняют в одностороннем германофильстве ввиду того, что они заключили с немцами мир. Я не согласен с этим взглядом. Большевикам не оставалось другого выхода" (203).

В период брест-литовских переговоров и позже правительства Антанты пытались, как известно, подкрепить легенду о большевиках при помощи убедительных документов. Американец Сиссон опубликовал брошюру "The Bolshevik Conspiracy", 1918,62 - на основании бумаг, перекупленных им у агентов контрразведки. Поддельный характер этих документов был очень скоро разоблачен на основании их собственного текста, безграмотного и противоречивого. Вот что пишет по этому поводу Масарик: "Как некритически и неосведомленно судили о большевиках, показывает опубликование антибольшевистских документов. Я не знаю, что американцы, англичане и французы за них заплатили, - содержание обнаруживает для знатока ясно, что наши друзья приобрели подделки (это было очень наглядно доказано; документы, происходящие якобы из разных стран, были написаны на одной и той же машинке)" (стр. 204).

Значение показаний Масарика, надеюсь, совершенно очевидно.

В заключение приведу еще сообщение бывшего французского посла Мориса Палеолога. Под датой 17 октября 1914 г. он записывает такой разговор: "Один из моих информаторов, Б., имевший сношения с передовыми кругами, сообщил мне, что в настоящее время с большим жаром обсуждаются странные тезисы анархиста (sic63) Ленина, находящегося в Швейцарии...

- Не является ли Ленин агентом германской провокации?

- Нет, это не продажный человек... Он убежденный, фанатик, но человек очень высокой нравственности. Его все уважают.

- Тем более он опасен".

Показание Палеолога интересно в двояком отношении. Во-первых, оно свидетельствует, что официальные патриоты Антанты не нуждались ни в каких данных, чтобы заподозрить или обвинить революционера в связях с германским штабом (в Германии дело обстояло, конечно, не многим иначе). Во-вторых, высказанная в этой беседе Палеологом элементарная мысль, что Ленин может стать опасным именно как не продажный, а убежденный человек, притом "высокой нравственности", звучит, как априорное опровержение позднейшей версии о тайных связях большевиков с правительством Гогенцоллерна.

Таковы три свидетельства, каждое из которых имеет свой вес. Условия, в которых мне приходится работать - прежде всего отсутствие в Константинополе библиотеки - делают для меня крайне затруднительными библиографические изыскания. Пока ограничиваюсь сказанным.

[Л.Д.Троцкий]

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Вам, разумеется, известно через берлинское полпредство, что процесс мой с дрезденским издателем Шуманом, владельцем фирмы К.Рейснер, перешел в суд следующей инстанции, по инициативе издательства, потерявшего процесс в двух низших инстанциях в Берлине и в Дрездене.

Как вам, опять-таки, известно через берлинское полпредство, вступившее с дрезденским издательством в близкую связь со времени возникновения моего с ним конфликта и обеспечившее ему крупный советский заказ, Шуман требует от меня книгу "Ленин и эпигоны", полагая, очевидно, что распоряжение этой рукописью еще более улучшит его отношения с соответственными органами советского правительства.

Новая судебная инстанция (Оберландесгерихт)⁶⁴ сочла нужным не ограничиваться чисто юридической стороной дела, а выяснить также и его политическую основу. С этой целью суд признал необходимым привлечь научную экспертизу по рекомендации Лейпцигского университета. На рассмотрение эксперта судом ставятся следующие вопросы, которые привожу дословно:

"1. Как надлежит рассматривать отношения между Троцким и Керенским?

а) В чем состоят противоречия между Троцким и Керенским?

б) Как воздействовали эти противоречия на взаимоотношения Троцкого и Керенского?

Стремился ли, в частности, этот последний к личному уничтожению Троцкого?

2. Возможно ли при состоянии нынешних исторических исследований установить в книге Керенского объективную неправду в отношении Ленина и большевизма? Насколько в этом случае задевается личность Троцкого без того, чтобы он был назван по имени?"

Политическое значение этих вопросов выходит далеко за рамки моей тяжбы с Шуманом. Хотя лейпцигский суд и не является, конечно, последней исторической инстанцией, тем не менее неблагоприятная или двусмысленная политическая мотивировка решения⁶⁵ может на значительный срок дать свежую пищу не только русским эмигрантам, но и мировой буржуазии. С другой стороны, ясный и отчетливый ответ суда на поставленные им же вопросы нанес бы очень ощутимый удар наиболее злобным врагам Октябрьской революции и большевизма.

Сама по себе клевета Керенского настолько груба и противоречива, что суд, независимо от его политических тенденций, должен будет прийти к правильным ответам на приведенные выше вопросы, если только вооружить адвокатуру и экспертизу всеми необходимыми документами и источниками.

Совершенно ясно, что иностранный адвокат при всей добросовестности не в силах разобраться в показаниях Керенского и других о "продажности" большевиков. Как вам не безызвестно, я не имею возможности прибыть в Германию на время процесса, чтобы дать необходимые разъяснения и парировать на месте новые доводы. Прикрепленный к Константинополю, где нет библиотеки и совершенно отсутствуют советские издания, я лишен даже возможности подобрать для адвоката и эксперта необходимые печатные материалы, в том числе

важнейшие документы по июльскому делу о большевиках.

Обращаясь к вам с этим письмом, я совершенно оставляю в стороне все те вопросы, которые нас с вами разделяют, в частности те обстоятельства, которые обусловили ваш союз с Шуманом в борьбе за рукопись моей книги. Ходом вещей судебный процесс перенесен сейчас в такую плоскость, где единство фронта является для нас совершенно обязательным. Мне нет надобности указывать вам, какими путями вам надлежит вмешаться в дело, чтобы помочь суду выяснить истину. В вашем распоряжении имеются все необходимые печатные и архивные материалы. С другой стороны, берлинское полпредство в курсе всех обстоятельств процесса и может без труда предоставить все необходимые материалы в распоряжении экспертизы и представителя моих интересов, которые явно и очевидно для всех совпадают с интересами партии Ленина.

Я буду спокойно ждать действий, которые вы сочтете себя обязанными предпринять.

[Л.Д.Троцкий]

15 февраля 1931 г.

Принкипо

[Письмо К.Михалецу]

16 февраля 1931 г.

Дорогой товарищ Михалец!

Опасаясь, что это мое письмо не застанет вас по данному вами адресу, так как я очень долго не отвечал на ваше последнее письмо.

Я читал в свое время серию ваших статей о левой оппозиции в органе Нойрата. Статьи были очень объективно и добросовестно написаны, поскольку излагали взгляды левой оппозиции. Но, увы, заключительная ваша статья была в корне неправильна и обесценивала всю вашу работу. Более того: эта статья превращала идеи левой оппозиции в подпорку для идей правой оппозиции. Оппортунизм всегда стремился показать свою широту, свою готовность работать рука об руку с левой оппозицией (пока они в меньшинстве), ибо это прикрывает левый фланг оппортунизма и повышает его авторитет среди рабочих. Вашими статьями вы помогли не левой оппозиции, а Нойрату, который имеет возможность сказать: я совсем не с Брандлером, я и статьи Троцкого печатаю, - смотрите, Михалец разводит у меня такую левизну... А кончаете вы тем, что приглашаете всех в правую оппозицию. Нет, товарищ Михалец, нельзя левые идеи превращать в орнамент, украшающий здание оппортунизма. Это в корне ложная политика, противоречащая всему тому, чему учил Ленин и словом, и делом.

Конечно, левая оппозиционная организация в Чехословакии еще слаба. Но скажите пожалуйста, вы-то вашей политикой создали хоть какую-нибудь, хоть слабенькую группку? Нет, вы состоите левым слепцом при оппортунистической фирме. Только и всего.

В вашем письме вы спрашиваете меня иронически, не перечислил ли я вас в группу "попутчиков". Никак не могу. Попутчиками являются те, которые идут

рядом с нами, помогают нам, хоть и не до конца пути. Вы же идете рядом с Нойратом и помогаете ему. Это значит, что если вы и являетесь попутчиком, то не левой, а правой оппозиции.

Не сердитесь, пожалуйста: "Друг мне Сократ, но правда мне дороже"66.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

26 февраля 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

Из-за порчи железнодорожного пути в течение 5 или 6 дней не приходила европейская корреспонденция. Вчера и сегодня получены, наконец, письма из Парижа, в том числе и от вас для Л.[Седова], которого здесь нет (он уже в Берлине). Получены некоторые письма и документы от Рая67, а также письмо от Пьера68 с приложением его переписки с вами по поводу Секретариата. В общем, должен сознаться, получается не очень благоприятное впечатление.

Секретариата фактически не существует. Я далек от мысли посылать вам хотя бы малейший упрек по этому поводу, так как представляю себе, что вы завалены работой и пр. Но я хотел бы, чтобы вы себе ясно представили, как выглядит дело со стороны, т. е. как оно представляется всем секциям. Скоро будет полгода со дня великой реформы, т. е. создания нового Секретариата. Если не считать No 2 "Бюллетеня", который был приготовлен еще здесь, то за это время вышел маленький No 3 - и только. Административная работа Секретариата сводится к вашим письмам, время от времени доходящим до отдельных секций и носящим, по необходимости, индивидуальный и беглый характер. Это значит, что по сравнению с эпохой Пьера успехи не ощущаются. Тянуть дальше нынешним темпом, значит безнадежно скомпрометировать Секретариат. Где причины этого? И где выход? Я хочу ответить на это посредством анализа доступных мне данных и надеюсь, что вы не рассердитесь на критику, даже если она покажется вам несправедливой.

Мне кажется, что в работе Секретариата, в самом подходе к этой работе не было формально организационного момента и что вы лично не придавали этому моменту всего того значения, которое он должен иметь. Замена правильных организационных взаимоотношений участвующими беседами придала всему делу крайнюю бесформенность и создала благоприятное прикрытие для саботажников и бойкотистов.

Так, за все это время из ваших писем совершенно нельзя было уяснить себе, входит ли Сюзо в Секретариат или не входит. Как можно терпеть такое положение? В одном письме вы говорите о Сюзо с безнадежностью, в следующем - выражаете уверенность, что сработается, затем опять - безнадежность, и т. д. Ведь Сюзо - официально утвержденный член Секретариата. Если он уклоняется, надо ему поставить вопрос в упор, сперва устно, затем письменно, предложив ему определенный срок для ответа, который и должен быть доведен до сведения всех национальных секций. Если бы два месяца тому назад выяснилось,

что Сюзю отказывается от работы, надо было выдвинуть другую кандидатуру, напр[имер], Бласкоб9, и вопрос был бы решен.

Вся беда в том, что Сюзю маневрирует и колеблется (и хочется, и колется), а вы вместо того, чтобы поставить его перед необходимостью дать решительный ответ, сами отражаете его колебания и тем питаете их. Таково мое впечатление.

С Навиллем дело вышло, если это только возможно, еще хуже. Почувствовав себя провалившимся во всех отношениях, он подал в отставку. Это единственное, что ему оставалось. Он выдвинул гнилое объяснение, что он это делает ради меня. Объяснение вдвойне гнилое, ибо лишенное политического смысла и к тому же лицемерное. Но все равно: выход Навилля в отставку из Секретариата действительно упрощал и улучшал положение. Необходимо было немедленное вступление в Секретариат Франка, хотя бы и без несения повседневной практической работы. Необходимо было поспешить ввести архивиста, несмотря на случайные приключения. Необходимо было ребром поставить вопрос о Сюзю и в случае его отказа заменить его Бласко. Все это можно было проделать в течение одной недели. Давно был бы налицо твердый и устойчивый Секретариат, тогда - и только тогда - можно было бы поставить вопрос о возвращении Навилля в Секретариат, разумеется, при условии его лояльного поведения в Лиге. Когда я выдвигал вопрос о введении Н[авилля] в Секретариат, то я исходил из того, что Секретариат уже существует, и удивлялся только, почему вы не предлагаете секциям утвердить его обновленный состав.

Из переписки Навилля с вами вытекает, будто вы предложили ему вступить в Секретариат. Из всех других писем вытекает, будто вы сделали это без предварительного согласования с Исполнительной комиссией. Наконец, из письма того же Навилля вытекает, будто вы обратились к нему с предложением войти в Секретариат, мотивируя это тем, что Секретариат не существует, никто ничего не делает, словом, вы обратились к варягу с просьбой владеть и княжить вами. Представляю себе, что тут есть немало навиллевских преувеличений. Хотя ваше намерение послать его как полномочного эmissара к Андрею [Нину] частично подтверждает те настроения, которые вами руководили во время переговоров.

На основании ваших с ним разговоров Н[авилль] уже считает себя членом Секретариата. Это показывает, как губительно игнорировать формальную сторону дела. Навилль подал в отставку. Значит, он не член Секретариата. Хотя вы официально так и не удосужились довести об этом до сведения всех секций, что было абсолютно необходимо, факт тем не менее всем известен. Допустим, что вы приходите к выводу о необходимости включить Навилля в Секретариат. Это ваше мнение должно принять форму вашего предложения всем секциям. На основании вашего разговора с Навиллем и вашего ему предложения он ни в каком случае не может считать себя членом Секретариата. Не забудьте, что Секретариату не дано право кооптации, тем менее дано это право одному члену Секретариата. Если Навилль может считать, что он одним вашим предложением превращен в члена Секретариата, это свидетельствует о полной анархии, о совершенной

бесформенности всех отношений, об отсутствии привычки ставить себе вопросы ясно, точно и закреплять их письменно. Этим вы дали очень важные карты в руки Навилля против себя, которыми он и пользуется.

За этой серьезной формальной ошибкой скрывается, по-моему, политическая ошибка. Навилль - член французской Лиги, у которой есть Исполнительная комиссия. Вводить членов Лиги в Секретариат, работающий на территории Лиги, без согласия и даже как будто без ведома Исполнительной комиссии, значит совершить акт, явно враждебный по отношению к левому крылу Лиги, на которое Секретариат должен опираться и с которым он должен дружно работать.

Рай считает, по-видимому, что вы действовали в данном случае по соглашению со мной, и справедливо видит в этом случае враждебный акт с моей стороны по отношению к новому Правлению. Свою точку зрения я изложил в большом русском письме, предназначенном для вас и Рая одновременно. Я именно опасался в этом деле разногласия и недоразумений. Несмотря на принятые мною меры предосторожности, недоразумения произошли. Я могу вас только просить как можно скорее и как можно полнее рассеять их перед т. Раем и другими членами Исп[олнительной] комиссии. Я ни в каком случае не имел в виду включение Навилля в качестве доброго знакомого без ведома Исполнительной комиссии и без нового утверждения всеми национальными секциями, дабы раз навсегда отбить у людей охоту входить и выходить из ответственных органов, точно из ресторана.

На беду, вы к тому же еще совершенно поглощены переводами, написанием статей, русским "Бюллетенем" и пр. У вас не остается совершенно возможности сосредоточиться на наиболее ответственной работе. Австрийский эпизод лучше всего об этом свидетельствует. Ваше последнее письмо Франку очень остроумно, но оно не меняет того факта, что вы, по вашему собственному выражению, "обыграны" Франком, который воспользуется вашими письмами, как и Навилль, для дискредитации Секретариата. Нельзя, нельзя, нельзя вооружать противников, разоружая при этом себя.

Что же сейчас делать?

Наверстать упущенное: а) поставить ребром вопрос перед Сюзом, дать ему определенный срок для ответа (дня три, не более) и сообщить результат всем секциям; б) сообщить Навиллю, что если он настаивает, то вы поставите перед всеми секциями вопрос о том, желают ли они иметь его в Секретариате: он может не сомневаться, что провал его обеспечен; в) Франк должен немедленно войти в состав Секретариата с освобождением от практической работы; г) вы должны отказаться и от переводов, и от русского "Бюллетеня", сосредоточившись полностью на Секретариате; д) архивиста, если есть малейшая возможность, включить как кандидата и представить на утверждение секций.

Рай пишет о Секретариате из 7-ми человек. Я против этого: слишком тяжелая машина. При нормальных условиях достаточно было бы трех. Сейчас следует, пожалуй, иметь 5, но ни в каком случае не больше.

Совершенно неприемлемым я считаю предложение включить теперь в Секретариат Романа⁷⁰: не потому, чтобы я был вообще против его кандидатуры,

а потому, что на данной стадии это означает провозглашение раскола в немецкой оппозиции со стороны самого Секретариата. Между тем, Секретариат и мы все вместе с ним тем вернее убедим берлинских и пфальцских рабочих в нашей правоте, чем большую организационную лояльность проявим. Об этом я писал достаточно подробно. (Кстати, Навилль пишет, что вы не согласны со мной в немецком вопросе: как это так Навилль знает, а я до сих пор не знаю? И если это верно, то как согласовать вашу французскую политику с немецкой?).

Таковы мои конкретные организационные предложения, являющиеся последней попыткой создать или воссоздать Секретариат в Париже. Некоторые товарищи давно уже возбуждали вопрос о перенесении его из Парижа. Я до сих пор противился этому, но если нынешняя попытка урегулировать дело ни к чему не приведет (я подожду разрешения вопроса примерно до 10 марта), - простите за "ультимативную форму", - то я увижу себя вынужденным присоединиться к предложению о перенесении Секретариата из Парижа.

Я здесь не касаюсь никаких других вопросов, ожидая ответа на свои предшествующие письма. Вопрос о Секретариате, повторяю, был и остается важнейшим и должен быть разрешен во что бы то ни стало.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

26 февраля 1931 г.

Т[оварищ] Милль!

Посылаю вам открытку, написанную по евр[ейски], с просьбой перевести ее и прислать нам русский перевод (здесь нет знающих евр[ейский] язык). Сегодня послали вам одну открытку, которую надо переслать. Т. Франкель очень занят, поэтому сейчас ничего не пишет. Привет. [Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

27 февраля 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

Отвечаю на ваше письмо от 19 февраля.

1. Вы, разумеется, прекрасно сделали, сообщив мне о финансовых затруднениях. Кое-какие предложения я делаю по этому поводу в письме Раю. Необходимо во что бы то ни стало обеспечить издание интернационального "Бюллетеня". Без этого существование Секретариата есть фикция.

2. Принимаю к сведению сообщение о создании Секретариата. Вы не упоминаете, однако, об официальном утверждении тов. Франка. Абсолютно необходимо от имени Секретариата разослать секциям официальное оповещение о том, что т. Навилль вышел в отставку такого-то числа и что Исполнительная комиссия выдвинула в качестве кандидата т. Франка, который уже допущен к работе, причем Секретариат ходатайствует об его утверждении в качестве члена. Без строго формальной постановки вопроса мы не оберемся путаницы,

личных недовольств, а в конце концов и законного возмущения национальных секций.

3. О немецких делах. Я не думаю, что нам надо "форсировать" немецкую конференцию. Каждая лишняя неделя ослабит Ландау и усилит Секретариат. Разумеется, затягивать кризис на бесконечное время нельзя, но и связывать себя календарными рамками нет смысла. Развитие дискуссии в Берлине и в Пфальце покажет, когда созывать конференцию.

4. Поведение архивистов еще больше убеждает в необходимости ввести их доверенного в Секретариат, если он лично - солидное лицо.

5. Вы напрасно, мне кажется, принимаете за чистую монету ссылку Навилля на то, что он вышел из Секретариата из-за моего недоверия к нему. Ему эта ссылка нужна для того только, чтобы распространять слух, будто я его устранил из Секретариата, т. е. будто Секретариат является технической комиссией Т[роцкого] (по выражению Сюзю). Надо, наоборот, дать отпор таким лицемерным ссылкам Навилля. Расширение Секретариата и строго формальная постановка дела обеспечат его независимость и авторитет, - тогда никто не посмеет говорить, что он лишь техническая комиссия.

6. Вы писали о предстоящей полемике Веля с Грефом. Предупреждаю на всякий случай, что Греф очень хорошо вооружен. Он написал на немецком языке большую брошюру о советском хозяйстве. Я эту брошюру читал. Она свидетельствует об очень большой работе над материалами: голыми руками Грефа взять нелегко, поэтому я советовал бы большую осторожность, чтобы не доставить ему какой-нибудь легкой победы.

7. Вы писали сыну, что Франкель напрасно специализируется на Австрии. Никак не могу с этим согласиться. Именно такие статьи нужны для "Бюллетеня": точный подбор фактов, точные цитаты, точные даты - все это дает возможность всем секциям следить за развитием кризиса. Конечно, раз "Бюллетень" не выходит, а статьи Франкеля накапливаются, они производят впечатление "избытка".

8. Я считаю, что Секретариат должен потребовать совершенно официально у Навилля переписку с англичанами, которую он вел официально, а не в личном порядке.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

4 марта 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

От вас давненько уж нет ничего. Надеюсь, что Секретариат не оказался жертвой всепожирающего пламени, как мы здесь⁷¹.

За это время я получил два поучительных письма: одно от Рая, другое от Ферочки.

Письмо Рая сообщает о голосовании по вопросу об У[нитарной] О[ппозиции]. 32 голоса за резолюцию Исполнительной комиссии, 1 против, 6

воздержавшихся. Признаться, я такого результата не ожидал. Это очень крупный успех. Навилль умудрился остаться в том примерно составе, в каком он выступил полтора года тому назад из суваринского кружка. Если он способен чему-либо учиться, то этот новый урок должен показать ему, что политика маневрирования и уверток есть самая бесплодная из всех политик.

Письмо Фероччи произвело на меня самое тяжкое впечатление: он пытается убедить меня в том, что политика Навилля есть самая лучшая из всех возможных политик. Практический его вывод таков: надо дать Лиге "самостоятельно" разрешить вопрос. Это по существу значит (по моему адресу): "Не помогайте победе правильных взглядов, тогда, может быть, нам с Навиллем удастся обеспечить победу за ложными взглядами". Здесь та же голая борьба за личную "независимость" и за победу группы - неизвестно во имя каких собственных идей. Ибо: можно очень хорошо понять, против кого борются Навилль и Фероччи, но я совершенно отказываюсь понять, во имя чего они борются.

Фероччи нетерпеливо ухватился за неудачные формулировки в "Веритэ". В то же время он молчит по поводу основных вопросов борьбы (синдикальная проблема во Франции, политика клики в Германии и Австрии). Навилль же вообще отмалчивается и орудует за кулисами. Неужели же он и теперь не поймет, куда ведет его политика?

Посылаю вам копию сегодняшнего моего письма Андрею [Нину]. Думаю, что вам необходимо поддерживать самую активную связь с - Адэ72. Кстати: неужели же Навилль так-таки и не представил вам до сих пор своей переписки с англичанами и с испанцами?

Занимается ли Сюзю испанскими делами? Вошел ли он вообще в работу Секретариата? Готовит ли он итальянское издание "Бюллетеня"?

Как разрешился вопрос с Горкиным?

По поводу бордигистов Фероччи пишет мне в том смысле, что их нужно "щадить", ибо они очень "чувствительны", нужно "привлекать" их, а не "отталкивать", и пр[очее] в том же роде. Что все это означает, я отказываюсь понять. Верно ли, что бордигисты так долго жили в замкнутой атмосфере национального кружка, что перестали совершенно выносить слово критики? Не думаю, чтобы у нас могли быть для них какие-либо другие критерии и методы, чем для других групп. Бордигисты идут навстречу неизбежному и острому кризису, ибо их взгляды совершенно не проветриваются событиями и превратились в противоречивейшее сочетание радикализма, оппортунизма, интернационализма и национального мессианизма. Чем скорее в этой группе произойдет кризис, тем большее число элементов ее будет спасено для революционного движения. Путем приспособления к ним и попустительства их чрезвычайного высокомерия ничего достигнуть не удастся. Разумеется, это вовсе не значит, что надо искусственно обострять отношения или отказываться вести дискуссию в товарищеском тоне. Это лишь значит, что на каждый удар надо отвечать двумя ударами. Фероччи пишет, что бордигисты собираются напасть на Секретариат. Думаю, что в этом случае "Веритэ" должна будет дать им самый решительный отпор.

Если Сюзю серьезно занимается латинскими делами, и прежде всего итальянскими, то он обязан извлечь из "Прометео" точные цитаты, дающие ответ на основные проблемы международного революционного движения с точки зрения бордигистов. Такой сборник точных цитат, систематически расположенных, надо было бы напечатать в одном из ближайших номеров "Бюллетеня". Для этого надо было бы тщательно изучить "Прометео", как за старый период, так и за последние полтора-два года, со времени образования интернациональной левой оппозиции. Только таким способом можно создать серьезную основу для интернациональной дискуссии по итальянским делам. Это предложение я делаю через ваше посредство Секретариату совершенно официально. Если Сюзю почему-либо не возьмется за эту работу, надо попытаться сделать ее другим путем, напр[имер], через Бласко. Во всяком случае, Секретариат должен встретить возможную атаку бордигистов во всеоружии. Да и вообще, пора внести ясность в итальянскую проблему.

[Л.Д.Троцкий]

В Интернациональный Секретариат.

Национальным секциям левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Некоторые из влиятельных членов левой оппозиции - особенно в Германии - пытаются создать вокруг Интернационального Секретариата легенду или ряд легенд, чтобы прикрыть этим свои собственные ошибки. К числу таких недостойных приемов относятся разговоры о том, что Интернациональный Секретариат создан для "борьбы" против Интернационального Бюро и пр. Достаточно восстановить факты, чтобы эта легенда рассеялась, как дым.

Бюро было выбрано на апрельской конференции прошлого года в составе т.т. Росмера, Маркина и представителя немецкой оппозиции, каковым впоследствии оказался т. Ландау.

Кризис во французской оппозиции привел к тому, что т. Росмер, один из членов Бюро, совершенно отошел от работы в Лиге и этим затруднил для себя нормальную работу в Бюро. Больше, чем кто бы то ни было, я мог отдать себе отчет в том, какой ущерб наносится французской и интернациональной оппозиции самоотстранением т. Росмера от работы. Все те шаги и меры, какие я предпринимал, чтобы облегчить т. Росмеру возможность возвращения к работе, - последняя попытка такого рода известна под именем так называемого "принкипского мира"⁷³, - не привели к желательным результатам. По мотивам, которых я не разделяю, т. Росмер считает возможным оставаться вне работ интернациональной левой оппозиции.

Чтобы упрочить Международное Бюро, я предложил по соглашению с несколькими товарищами включить в состав Бюро тт. Нина и Шахтмана. Но т. Нин был вскоре арестован, не говоря о том, что он целиком поглощен испанскими делами. Т. Шахтман находится за океаном. Остальные три члена Бюро находились

все время в трех разных пунктах Европы, причем один из них фактически, как уже сказано, в течение ряда месяцев вовсе не участвовал в работе.

При таком положении не оставалось ничего другого, как попытаться создать в одном месте постоянно действующий Секретариат. Это предложение было принято единогласно обеими группами французской Лиги и всеми остальными национальными секциями. Возражения исходили только от немецкого правления, руководимого т. Ландау.

Каков был первоначальный состав Секретариата? Он известен: Милль, Сюзо и Навилль. Состав опять-таки получил общее одобрение. В момент утверждения Секретариата позиция т. Сюзо в вопросах французского кризиса и немецких разногласий мне совершенно не была известна. Решающим для меня было то обстоятельство, что т. Сюзо имеет известный опыт руководящей партийной работы и стоит во главе хотя и небольшой, но квалифицированной национальной группы. Уже очень скоро выяснилось, что т. Сюзо во внутреннем кризисе Лиги поддерживает Навилля и ведет резкую борьбу против большинства французской Лиги. Фракция Навилля оказалась, как видим, в Секретариате в большинстве, что вряд ли соответствует ее идейному и политическому весу в международной оппозиции. Я лично жалел об этом, но считался с этим, как с фактом. К этому надо прибавить, что третий член Секретариата, т. Милль, занимал в организационных вопросах крайне далеко идущую примирительную позицию. Таким образом, состав Секретариата начисто опровергает легенду об искусственном подборе Секретариата с целью борьбы против Бюро.

Главным автором этой легенды является т. Ландау. Он же является защитником прав Бюро против покушений Секретариата. Но как обстоит дело на практике? Когда возник крайне важный вопрос о дальнейшей судьбе австрийских групп, я считал, что в данном случае необходимо вмешательство Бюро, и предложил последнему проект платформы объединения австрийских групп. Тт. Росмер и Маркин высказались за мое предложение. Т. Ландау - против. Это было, разумеется, его право. Однако он не ограничился этим, а за спиной Бюро призвал своих единомышленников в Австрии игнорировать постановление большинства Бюро и действовать в духе его, Ландау, платформы, отвергнутой Бюро. Копии писем Ландау были нам присланы из Австрии и должны быть, по моему мнению, сообщены всем национальным секциям. Поведение Ландау в этом капитальнейшем вопросе означало фактически ликвидацию Бюро. Ни один серьезный революционер не будет уважать руководящей организации, один член которой, оставшись в меньшинстве, позволяет себе безнаказанно не только игнорировать решение большинства организации, но и призывать к тому же заинтересованные национальные секции. Нынешнюю "защиту" Бюро со стороны Ландау я не могу назвать иначе, как недостойной комедией.

Возвращаясь к дальнейшей судьбе Секретариата. Когда ошибочность политики старой Исполнительной комиссии Лиги, особенно в синдикальном вопросе, вскрылась полностью, т. Навилль подал в отставку из Секретариата. Метод отставок есть ненормальный метод в революционной организации. Но с другой стороны, у т. Навилля, пожалуй, и не оставалось другого выхода:

представитель французской оппозиции не может участвовать в Секретариате, не имея опоры в Исполнительной комиссии Лиги и в "Веритэ".

Исполнительная комиссия Лиги выдвинула из своей среды т. Франка в качестве кандидата в члены Международного Секретариата. Т[оварищ] Франк отражает взгляды большинства Лиги, Исполнительной комиссии и редакции "Веритэ". Я считаю, что у национальных секций не может быть никакого основания возражать против замены т. Навилля товарищем Франком. Помимо всего прочего, этим будет обеспечено гораздо большее соответствие направления Международного Секретариата направлению подавляющего большинства Интернациональной оппозиции.

Напоминаю, что и при обновленном составе Секретариат совершенно свободен от фракционной односторонности: т. Сюзю, как уже сказано, стоит в общем и целом на позиции Навилля, но, в отличие от последнего, имеет за собой небольшую национальную секцию.

Что нужно для восстановления деятельности нынешнего Международного Бюро как высшей политической инстанции, которая по самому своему составу может вмешиваться только в особо важных случаях? Для этого необходимо:

а) Чтобы т. Росмер вернулся к активной работе в Лиге.

б) Чтобы немецкая оппозиция вышла из нынешнего кризиса, ибо в данный момент т. Ландау представляет меньшинство организации, ведущее беспощадную борьбу против большинства и препятствующее созыву честной, добросовестно подготовленной конференции.

в) Нужно кроме того, чтобы в Интернациональном Бюро немисливо было повторение организационного вероломства, проявленного Ландау в австрийском вопросе.

Разумеется, во всех тех случаях, где Секретариат находит необходимым опросить мнение всех членов нынешнего Бюро, он имеет полную возможность это сделать, и такой опрос, конечно, будет иметь большое политическое значение. Но совершенно очевидно, что без указанных выше условий Международное Бюро нынешнего состава не может играть роли активного руководящего центра.

Тем важнее и ответственнее сейчас задача, лежащая на Секретариате. Подрывать его авторитет, мешать его работе есть прямое преступление. Я думаю, что все секции заинтересованы в том, чтобы поддержать Секретариат против саботажа отдельных лиц и кружков.

Секретариат, несомненно, еще слаб. Очень много времени упущено. Повседневная работа Секретариата нуждается в критике со стороны всех национальных секций. Но в то же время надо помнить, что Секретариат является сейчас единственным звеном, связывающим оппозицию. Только Секретариат способен подготовить серьезную интернациональную конференцию. Мы имеем право и обязанность требовать от Секретариата строжайшей организационной лояльности по отношению ко всем секциям и отдельным группировкам внутри этих секций. Мы можем требовать, чтобы Секретариат рассылал протоколы своих заседаний всем секциям, дабы работа его протекала под контролем всей интернациональной оппозиции. Но мы должны, с другой стороны, оградить

Секретариат от происков, кляуз и интриг. Этого требуют элементарные интересы левой оппозиции.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

Принкипо, 7 марта 1931 г.

[Письмо болгарской группе "Освобождение"]

7 марта 1931 г.

Группе "Освобождение".

Дорогие товарищи!

Я получил вашу открытку от 1 марта с запросом о нашей "катастрофе"⁷⁴. Она достаточно велика, но все же не так грозна, как сообщили некоторые газеты. Прежде всего, наиболее полные документы архива хранятся вне Турции, некоторые даже в двух копиях. Та часть архива, которая мне необходима для текущих работ, не сгорела. Спасена также рукопись второго тома "Истории русской революции", который подготавливается мною к печати. Все остальное сгорело. В том числе: материалы, вырезки, заметки для книги о мировом положении, для книги политических характеристик и отчасти для книг о Ленине и о Красной армии. Чтоб восстановить эти материалы, нужна очень большая работа: нужно перечитать большое число книг, старых газет и пр. и пр. Эта работа осуществима только отчасти. Сгорела также вся библиотека и все так называемое "имущество", включая даже такие вещи, как стило⁷⁵, часы и пишущая машинка. Сейчас живем на бивуаке и ищем квартиру. Как показывает вам настоящее письмо, корреспонденция уже возобновляется, отчасти возрождается и постоянная работа. "Завещание" Ленина⁷⁶ надеемся послать вам, когда разберем свои папки. Пока что они свалены в кучу.

Я очень настойчиво обращаю внимание вашей группы на положение дел в нашей интернациональной организации. Болгарские марксисты имели всегда - по крайней мере, левое крыло - ту сильную сторону, что живо и активно интересовались интернациональными проблемами. Живым воплощением болгарского интернационализма является Раковский. Одна из задач группы "Освобождение" - возродить и углубить интернациональные интересы болгарских коммунистов. Это должно прежде всего принять форму активного участия самой группы "Освобождение" в идейной и организационной жизни интернациональной левой оппозиции.

Кризис во Франции разрешился в том смысле, что группа Молинье-Милля, всегда занимавшая по синдикальному вопросу более правильную позицию, собрала в центральной, парижской группе большинство в 5/6 и сосредоточила в своих руках целиком Исполнительную комиссию и редакцию "Веритэ". Группа т. Гурже, страдающая синдикалистской, вернее трэд-юнионистской болезнью в тяжелой форме, в Лиге очень слаба, но имеет опору в Унитарной Оппозиции внутри синдикатов. Группа Навилля, имеющая в своем составе несколько способных

литераторов с известной теоретической подготовкой, не занимает никакой позиции, маневрирует, комбинирует и на деле поддерживает группу Гурже против марксистского большинства Лиги.

Вы, разумеется, знаете, что, когда обнаружилось полностью крушение политики Навилля, особенно в синдикальном вопросе, он по собственной инициативе подал в отставку из Интернационального Секретариата. Ничего другого ему и не оставалось, так как он потерял опору во Французской Лиге. Исполнительная комиссия выдвинула на его место кандидатуру другого французского товарища, Франка, играющего в Лиге крупную роль. Формально Секретариат не состоит из официальных представителей национальных секций. Но по существу, конечно, французский член Международного Секретариата должен иметь опору в своей организации, иначе никакой работы не выйдет. Поэтому замена Навилля Франком явилась в данных условиях совершенно неизбежной и вполне целесообразной. Я останавливаюсь на этом, так как в ближайшее время вопрос об утверждении Франка членом Международного Секретариата будет поставлен на голосование всех национальных секций.

Если бы у вас в Париже оказался серьезный и надежный единомышленник, следовало бы его связать с Секретариатом. Он держал бы вас всегда в курсе дела. На следующей стадии он мог бы войти в состав Секретариата, разумеется, при том условии, что это - вполне надежный товарищ.

Кризис германской оппозиции находится на более первоначальной стадии. Все наиболее существенное по этому поводу сказано в том циркулярном письме, копию которого я вам послал⁷⁷. Ландау и Навилль представляют собою два варианта одного и того же типа: интеллигенты-журналисты, легко схватывающие принципиальные вопросы, быстро формулирующие их на бумаге, но совершенно лишенные опыта пролетарской организации.

Обоим нехватает больше всего чувства революционной ответственности. Воспитанные в небольших кружках, где все основано на личных связях, на дружбе, симпатиях и пр., они переносят эти нравы на пролетарскую организацию, что создает режим кумовства: самые грубые принципиальные ошибки прощаются, если их совершает свой; наоборот, если это не "свой", т. е. не принадлежащий к тесному кружку, у него тщательно ищут сучок в глазу. Всякая попытка побудить этих товарищей перейти от методов интеллигентского кружка к методам революционной организации воспринимается ими как покушение на их "индивидуальность". В борьбе за свою группу Ландау зашел очень далеко и сейчас находится в состоянии открытой гражданской войны с большинством немецкой левой оппозиции, особенно с лейпцигской организацией, очень активной и чисто пролетарской по составу. Из рядов этой организации выдвинул лозунг исключения Ландау. Вы знаете из моего циркулярного письма, что я высказался против этого. Бюрократия Коминтерна внесла разврат и в ряды оппозиции, приучив ее механически разрешать все конфликты. На этом пути Ландау во многих отношениях перецеголял сталинцев. Но было бы неправильно отвечать ему теми же методами. Дело идет здесь не о самом Ландау, а о политическом воспитании всей организации. Надо установить режим лояльности.

Без этого организация не может ни жить, ни развиваться. Нужно, правда, прибавить, что Ландау так зарвался, что, может быть, уже лишил себя возможности отступления. Таково мнение ряда немецких руководящих рабочих оппозиционеров. Посмотрим. Во всяком случае, если бы даже дальнейшее развитие кризиса в Германии привело к отколу группы Ландау, ответственность должна лежать на этой группе целиком.

Вы спрашиваете в вашем письме о состоянии моего здоровья: оно не хуже, чем всегда. Газетные сообщения на этот счет неверны.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

7 марта 1931 г.

Дорогой товарищ Милль!

1. Посылаю вам циркулярное письмо, посвященное вопросу о Бюро и Секретариате. Без упорядочения этого вопроса все затеи насчет интернациональной конференции кончатся таким же плачевным фиаско, как и многие затеи в прошлом. Я уже в десятке писем вам и Молинье поднимал этот вопрос со всех сторон, внося все новые и новые предложения, способные продвинуть дело вперед. Но при отсутствии формальной постановки дела всякое предложение повисает в воздухе. Я делаю еще одну попытку упорядочить этот вопрос, в сфере которого все действительные преимущества на вашей стороне, что не мешает вам, однако, уступать все эти преимущества Ландау. С одной стороны - грозные жесты ("Исключить Ландау!"), а, с другой стороны, - практическая капитуляция перед Ландау. Право же, нельзя так дальше. Нужно не только формально ставить и разрешать все вопросы, но и посылать протоколы Секретариата всем национальным секциям (устраняя из протоколов то, что неудобно по юридическим соображениям, особенно в Греции и т. д.). Это предложение я делаю совершенно официально и прошу его поставить от моего имени на ближайшее заседание Секретариата. Только так создастся связь между Секретариатом и секциями. Секретариат сразу почувствует себя под контролем. Секции почувствуют себя частью целого.

Большой инициативы со стороны Бюро против Ландау ждать нельзя уже ввиду крайней разбросанности Бюро. Здесь вся инициатива ложится на Секретариат. Но, разумеется, каждый шаг должен быть тщательно подготовлен, обсужден, согласован, чтобы не оказаться холостым выстрелом. Импровизации на заседаниях Секретариата тоже вряд ли могут давать положительные результаты. Словом: больше системы, больше предварительной подготовки решений и шагов, больше формализма в закреплении решений, больше настойчивости в проведении их.

2. Прилагаемое при сем циркулярное письмо мы здесь лишены возможности перевести на немецкий язык, так как Франкель обременен практическими делами. Я прошу Леву, чтобы он позаботился о переводе в Берлине и прислал вам копию. Вы, вероятно, от Левы уже имеете письма из Берлина. Он подробно и достаточно

оптимистически рисует соотношение сил внутри оппозиции. Но - цыплят по осени считают.

3. Адрес Нина ниже вам сообщается.

4. Запросы Ландау по поводу позиции т. Росмера лучше всего передать в официальном порядке т. Росмеру и просить его дать ответ как Секретариату, так и Ландау.

5. Но все же дело сейчас не в международном Бюро, а в немецкой секции, с одной стороны, и в Секретариате, с другой. Нужно все сделать для того, чтобы выпустить ближайшие номера "Бюллетеня" как можно скорее.

6. В письме ко мне Навилль поднимает вопрос о расширении Секретариата с трех до пяти, с тем, чтобы включить в Секретариат и его, Навилля. Вообще говоря, расширение Секретариата до пяти желательно, чтоб придать ему большую устойчивость и меньшую зависимость от судьбы отдельных лиц. Но опыт последних недель показывает, что включение Навилля было бы ошибкой, так как подменило бы практическую работу постоянной внутренней борьбой. Кроме того, пока Навилль не сдаст документального отчета о своей поездке в Берлин, о своих переговорах с Ландау и о своей переписке с англичанами, я думаю, никто не имеет права доверять ему руководящей интернациональной работы.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

21 марта 1931 г.

тов. Миллю

Дорогой товарищ Милль!

Ваше письмо от 15 марта, написанное после получения вами моего обращения в Секретариат по организационным вопросам, снимает надобность в том новом обращении, о котором я вам писал как о плане в моем последнем письме. Дело у меня шло о трех предложениях: а) провести строго формальное утверждение обновленного состава Секретариата всеми национальными секциями; б) установить систематическую рассылку протоколов Секретариата всем секциям; в) расширить Секретариат либо путем введения в него двух новых членов, либо путем избрания двух-трех кандидатов, которые должны в определенном порядке замещать выбывающих членов. По первым двум пунктам у нас согласие достигнуто. Остается лишь третий пункт. Если у вас есть возражения против расширения Секретариата, - возражения, которые можно понять, - то вряд ли вы будете возражать против избрания кандидатов, чтоб обеспечить преемственность работы Секретариата. Кандидаты должны участвовать в работе с совещательным голосом. До получения от вас ответа на этот третий вопрос я никаких предложений в Секретариат вносить не буду.

Насчет дополнения устава о Секретариате с целью предоставления ему не только административных, но и политических функций я бы на вашем месте не торопился. Во-первых, есть известное неудобство в том, что инициатива расширения прав Секретариата исходит от самого Секретариата. Во-вторых,

Секретариат до сих пор не использовал и тех прав и возможностей, какие ему предоставлены ранее намеченным уставом. В-третьих, все секции будут, несомненно, только приветствовать действительное расширение функций Секретариата в области политического руководства, но некоторые могут встревожиться, если Секретариат поставит вопрос о расширении своих полномочий прежде, чем его политическая руководящая роль определилась на деле. Неверно, что по старому уставу роль Секретариата - "техническая". Его роль - административная, а администрирование неотделимо от политики.

Обрадовала меня приписка о выпуске номера 4 "Бюллетеня". Такого рода расширение полномочий Секретариата все будут приветствовать.

Вопрос о синдикальном единстве представляет трудности, в которых я, однако, еще не улавливаю принципиального ядра. Правда, я за последний период, довольно большой, запустил французские дела. Но мне кажется все же, что спор идет гораздо больше о том, как лучше, яснее и нагляднее сформулировать наш взгляд на рабочих, чем о том, каков должен быть этот взгляд по существу. Агитационная формулировка, правильно выражающая нашу принципиальную позицию и в то же время способная захватить выражение масс, есть очень важная сторона дела. Дать такую формулировку - дело не всегда простое. Но все же я не вижу пока принципиальной основы разногласия внутри Лиги. Предупреждаю однако, что я далеко не все читал, к тому же читал слишком бегло. Во всяком случае, я бы советовал никак не торопиться с обострением этого разногласия.

То обстоятельство, что т. Сюзо голосует по всем существенным вопросам с нами, есть сам по себе очень ценный факт, свидетельствующий о том, что сотрудничество, может быть, и наладится на вполне нормальных началах. Рассылка протоколов будет очень полезна и для секций, и для Секретариата, и для каждого из его членов.

О немецких и испанских делах написал вам вчера. Прибавить сегодня ничего не могу. Надеюсь, что вы поддерживаете связь с т. Романом, и что он в курсе того, о чем я вам писал.

Сердечный привет от всех нас.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

25 марта 1931 г.

т. Миллю.

Дорогой товарищ!

Посылаю в двух экземплярах свое письмо, посвященное вопросу синдикального единства⁷⁸. Я настаиваю на его напечатании в "Веритэ". Если Исполнительная комиссия удовлетворится рассылкой письма членам Лиги, я возражать не буду. Во всяком случае, предоставляю это решению французских товарищей.

Относительно перевода на французский и немецкий языки вам надо

условиться с сыном, чтобы не повторять дважды одной и той же работы. Я говорю о переводе также на немецкий язык, предполагая, что вы напечатаете эту работу в "Бюллетене".

Посылаемая статья потребовала ознакомления с большим количеством материалов, чем была прервана моя работа над тезисами по русскому вопросу⁷⁹. Они будут послезавтра переписаны и посланы вам. Эти тезисы и явятся моим вкладом в подготовку интернациональной конференции⁸⁰. Возможно, и даже наверное, в дальнейшем я предложу еще некоторые части нашей будущей платформы. Но в ближайшее время я должен буду несколько отойти от повседневной работы оппозиции, так как мне необходимо вплотную заняться обработкой II тома "Истории революции": я связан твердыми сроками с издательствами, и уже - из-за пожара, Ландау и других бедствий - запустил эту работу. Теперь придется нагонять изо всех сил. Сообщаю вам об этом, чтобы вы сами имели в виду и твердо предупредили других товарищей, что в течение ближайших двух месяцев на мою помощь в текущей работе совершенно нельзя будет рассчитывать. Переписку я, разумеется, исключаю. Дело идет лишь о более сложной и ответственной работе.

Сегодня пришло письмо от Ландау. Вы, конечно, тоже получили копию. Отвечать я ему не собираюсь. Надеюсь, что ответ ему будет дан Лейпцигом⁸¹ или т. Велем, по соглашению. Я успел обратить внимание только на тот пункт, где Ландау говорит, что ему "обещали" европейскую конференцию в мае, и, следовательно, обязаны ее созвать. Ни слова о том, что предпосылкой европейской конференции должны быть французская и германская конференции и пр. Единственная цель конференции, которую имеет в виду Ландау, - свести счеты с Миллем. Другими словами, Ландау собирается превратить европейскую конференцию в расширение германской конференции прошлого года. Бриан хочет пан-Европы⁸², а Ландау хочет пан-склоки. Но этого мы уж ему не дадим.

Итак, еще раз повторяю: отвечать Ландау я не буду и твердо рассчитываю, что ему ответят как следует другие товарищи.

Вчера получен No 4 Интернац[ионального] "Бюллетеня". Надеюсь, что вы послали этот номер в Лейпциг, где они хотели издать статью об Испании брошюрой. Лейпцигцы собираются выпустить свою газету. Я думаю, что ввиду создавшегося положения это абсолютно правильно. Лозунгом их должно быть проведение в жизнь решений Интернац[ионального] Секретариата. Не сомневаюсь, что на этот счет у нас с т. Велем разногласий нет.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Монтегю]

29 марта 1931 г.

т. Монтегю.

Дорогой товарищ!

Отвечаю вам очень кратко, так как знаю, что русский язык создает для вас большие затруднения. Между тем, т. Франкель, мой немецкий сотрудник,

занят сейчас полностью практическими делами (сперва поисками квартиры, а теперь ее устройством). Как только он освободится, напишу вам по-немецки подробнее.

Вы спрашиваете, какие мне нужны книги? Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, так как у меня не осталось никаких книг. Очень важны для меня были бы всякого рода экономические и статистические справочники. Депутаты, вероятно, располагают ими в большом количестве. В частности, крайне желательно было бы получение наиболее важных из британских "синих книг"⁸³ за последнее время. Посылаю вам при сем фотографическую карточку... нет, карточку придется послать отдельно, так как она запакована в вещах: мы завтра собираемся, наконец, переехать с бивуака на квартиру. К сожалению, карточка пробная и потому отштмпелевана фотографом. Но я думаю, что фотографическое ателье "Манчестер-Гардиан" сможет смыть штемпель.

Что касается гонорара за интервью, то его посылать сюда, разумеется, не нужно, как мы с вами и условились в свое время.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность мисс Вилкинсон⁸⁴ за ее готовность оказать мне содействие в восстановлении моей библиотеки.

Сердечный привет вашей жене и вам от нашего семейства.

[Л.Д.Троцкий]

В Интернациональный Секретариат.

Всем секциям Интернациональной левой оппозиции

4 апреля 1931 г.

Дорогие товарищи!

Препровождаю при сем копию платформы Интернациональной левой оппозиции по русскому вопросу. Документ этот подводит итоги коллективной работе левой оппозиции за несколько лет. Моей задачей было бы по возможности ясно и точно сформулировать общие наши взгляды. Я жду от всех секций самой внимательной и даже придирчивой критики, так как дело идет не о статье, а о программном документе, где каждая фраза должна быть взвешена.

Этим документом Секретариат получает возможность открыть дискуссию, которая должна быть первым этапом подготовки Интернациональной конференции.

Одновременно с этим необходимо, на мой взгляд, приступить к выработке тезисов, посвященных современному мировому положению, в частности мировому кризису и революционным перспективам. Я думаю, что наиболее целесообразным было бы создать по этому вопросу интернациональную комиссию, главное ядро которой должно было бы работать в Париже в тесной связи с Секретариатом. Я был бы очень рад принять участие в работах этой комиссии в качестве члена-корреспондента.

Если обстоятельства мне позволят, я постараюсь еще выработать тезисы о роли демократических лозунгов и задач в стратегии мирового пролетарского авангарда⁸⁵. Больше этого я не могу, к сожалению, обещать, так как мое время

в течение ближайших месяцев будет полностью и целиком поглощено вторым томом "Истории революции".

Я надеюсь, что прилагаемый при сем проект платформы по русскому вопросу будет также поставлен в порядок дня французской и немецкой национальных конференций, которые, само собою разумеется, должны предшествовать интернациональной конференции, без чего последняя грозила бы просто повиснуть в воздухе.

Крайне желательно, чтобы конференции других национальных секций также состоялись в процессе подготовки интернациональной конференции, поскольку для этого нет каких-либо непреодолимых препятствий.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

[Письмо Чен Дусю]

7 апреля 1931 г.

Дорогой товарищ Чен Дусю!

Пишу вам для экономии времени по-русски, так как надеюсь, что вы без труда найдете переводчика. Я бы очень хотел научиться китайскому языку уже для того одного, чтобы прочитать ваш труд об экономике Китая. Первый том его я с благодарностью получил и очень обрадовался тому, что марксистская мысль живет и работает, несмотря на разгром китайской революции. Благодаря вашим надписям отдельные статистические таблицы для меня доступны, и это меня очень радует.

Посылаю вам при сем написанный мной в течение последних недель проект платформы интернациональной левой оппозиции по вопросу об СССР. Буду очень рад, если китайские товарищи переведут эту работу на китайский язык и пришлют мне как можно скорее свои критические замечания.

Я не знаю, дошло ли до вас и до других китайских товарищей мое письмо от ...86 по вопросу об объединении китайских оппозиционных групп и по другим вопросам внутренней жизни левой оппозиции. Я давно уже не имел никаких сведений от китайских товарищей и совершенно не знаю, в каком состоянии находится китайская оппозиция. Буду с большим нетерпением ждать от вас подробного письма.

С коммунистическим приветом

[Л.Д.Троцкий]

В редакцию журнала "Коммунизм"87,

теоретического органа испанской левой коммунистической оппозиции (большевиков-ленинцев)

Дорогие товарищи!

Я получил, наконец, долгожданную весть о том, что испанская левая

оппозиция приступает к изданию своего теоретического органа "Коммунизм". Ни на минуту не сомневаюсь, что это издание ждет крупный успех. Испания проходит через революционный период. В такое время пробужденная мысль пролетарского авангарда жадно стремится охватить вопросы не в их изолированности, а в их внутренней связи. Революционные эпохи всегда были временем подъема теоретических интересов в среде прогрессивных исторических классов. Никакая теория, кроме марксизма, не может дать ответа испанским рабочим на гигантские проблемы, поставленные ныне перед ними. Но мы можем и должны сказать с полной категоричностью, что никакая группа, кроме левой оппозиции, не способна сейчас дать испанским рабочим подлинно марксистского истолкования условий революции, ее движущих сил, ее перспектив, ее задач. В то время, как официальная центристская фракция Коминтерна подчиняет проблемы пролетарской революции соображениям и потребностям жестоко скомпрометированного бюрократического престижа и не допускает критической постановки ни одного вопроса, левая оппозиция ставит перед собой задачу: высказывать то, что есть. Ясность, определенность, точность, теоретическая, а, значит, и политическая честность - вот черты, которые делают революционное течение непобедимым. Под этим знаком пусть живет и развивается "Коммунизм"!

Я обещаю вам самую энергичную поддержку и, прежде всего, самое ревностное сотрудничество. Я приглашаю к тому всех наших единомышленников во всех странах. Посылаю вам только на днях законченный мною проект платформы по вопросу об СССР. Надеюсь, что передовые испанские коммунисты отнесутся к вопросам внутреннего развития первого рабочего государства с таким же вниманием, с каким коммунисты СССР и всех других стран обязаны отнестись к проблемам испанской революции.

Да здравствует "Коммунизм"! Да здравствуют испанские большевики-ленинцы! Да здравствует испанский революционный пролетариат!

Л.Троцкий

Кадикей, 12 апреля 1931 г.

[Письмо болгарской группе "Освобождение"]

15 апреля 1931 г.

Группе "ОСВОБОЖДЕНИЕ", София88

Дорогие товарищи!

Я давно не имел от вас сведений и, в частности, не имел подтверждения получения вами проекта платформы. Я буду очень рад узнать от вас, поставили ли вы этот проект в порядок дня и подвергли ли его обсуждению. Чем скорее мы придадим проекту платформы окончательный вид, тем больше политические результаты мы сможем получить в борьбе за влияние наших идей. Законченная платформа по русскому вопросу должна будет стать чрезвычайно важным орудием наступления левой оппозиции на официальную бюрократию Коминтерна во всех

странах. Ничего, кроме готовых казенных фраз, у официального аппарата нет за душой. Законченная и внутренне согласованная оценка противоречий развития СССР и ложная политика официального руководства неизбежно застигнет бюрократические ряды врасплох и откроет нам новые бреши внутри партии. Да и по отношению к беспартийным рабочим цельная концепция даст нам большие и серьезные преимущества на долгий период. Тем важнее подвергнуть проект всесторонней критике и ускорить выработку окончательного текста.

Задолго до проекта я послал вам свое циркулярное письмо по поводу положения дел в Германии⁸⁹. Это письмо состоит из двух частей. Первая, более обширная, представляет собою довольно резкую критику нынешнего берлинского Правления. Я вполне понимаю, что вам нелегко высказаться по существу затронутых критической частью моего письма вопросов, так как в вашем распоряжении нет, вероятно, всех необходимых данных. Я и не рассчитывал на то, что вы немедленно займете позицию по спорным вопросам внутри немецкой оппозиции. Но есть другая сторона дела, которая выражена в заключительных шести пунктах моего циркулярного письма. На всякий случай прилагаю их при сем. Эти пункты имеют чисто организационный характер и являются гарантиями против преждевременного или случайного раскола. Дело идет о том, чтобы давлением интернациональной левой оппозиции заставить берлинское Правление созвать конференцию на основах демократического централизма, т. е. на основах правильной предварительной дискуссии, на глазах всех секций оппозиции, и правильного выбора делегатов на конференцию. Т[оварищ] Ландау уклоняется от такой конференции только потому, что не хочет идти на соглашение с другой группой и боится остаться в меньшинстве. Затяжка нынешнего положения не только парализует немецкую оппозицию, но и автоматически устанавливает режим раскола. Тот довод берлинского Правления, будто у нас интернациональный кризис и потому нужна интернациональная конференция, является вдвойне несостоятельным. Мы еще, к сожалению, далеко не так сплочены в интернациональном масштабе, чтобы кризисы у нас принимали интернациональный характер. Пока что кризисы вспыхивают на почве национальных вопросов и методов. Только постепенно мы дорастем до интернациональных кризисов. Но даже если считать кризис интернациональным, и в этом случае нельзя прийти к его разрешению иначе, как начиная с базы, т. е. с национальных секций. Надо, чтобы сама немецкая оппозиция обсудила свои спорные вопросы и попыталась дать им разрешение на конференции. Если ей это не удастся, вопрос перейдет на интернациональную конференцию. Для того, чтобы эта последняя состоялась не из отдельных лиц, а из действительных представителей секций, нужно, чтобы делегации были выбраны на национальных конференциях. Все это мне представляется совершенно азбучным. Вот почему я думаю, что вопрос об организационных гарантиях немецкой дискуссии и немецкой конференции может быть разрешен и сейчас каждой национальной секцией. Сообщаю вам, что из членов Бюро за предложенные мною шесть пунктов высказались, кроме Маркина, т. Нин и т. Шахтман. Из национальных секций до сих пор мое предложение поддержано Испанской секцией, бельгийской и

греческой. Большая половина немецкой оппозиции (Лейпциг, Бруксаль, Гамбург, часть берлинцев, депутат прусского Ландтага Зейпольд и др.) высказались категорически в пользу вынесенного мною предложения. Насколько я знаю, французское Правление постановило в этом же духе выработать обращение к немецкой оппозиции, но текста я еще не получал. Было бы желательным услышать и ваш голос по этому вопросу.

Надеюсь, вы получили вышедший с большим опозданием No 5 Интернационального "Бюллетеня". В этом номере обращаю особенное ваше внимание на тезисы итальянской левой оппозиции (группа "Прометео") по вопросу о демократических лозунгах. Группа "Прометео", сторонников т. Бордиги, представляет собою по своему личному составу, несомненно, очень доброкачественную организацию, состоящую из преданных революционеров. Но это группа, которая в течение ряда лет живет в эмиграции, в стороне от всех остальных групп, притом отрезанная от своего вдохновителя Бордиги. В этих условиях группа развила в себе совершенно сектантские черты, которые закрывают перед нею возможность дальнейшего развития. В No 5 есть ответ т. Милля на ложные в корне тезисы группы "Прометео". Дискуссия по этому вопросу неизбежно должна принять интернациональный характер, так как вопрос имеет гигантское значение не только для Китая и Индии, напр[имер], но и для Испании, а завтра может получить большое значение в Италии в зависимости от того, какими путями пойдет ликвидация фашистского режима. Этот вопрос имеет непосредственное практическое значение для Болгарии. Голое отрицание демократии и демократических лозунгов возвращает нас до некоторой степени к домарксовскому "чистому" социализму. Если товарищи из "Прометео" и пользуются лозунгом диктатуры пролетариата, то они придают ему характер сверхисторической абстракции.

Буду очень рад узнать ваше мнение по всем этим вопросам.

Два номера "Освобождения" производят очень благоприятное впечатление. От всей души желаю успешного развития вашему журналу и вашей группе.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

24 апреля 1931 г.

т. Миллю.

Дорогой товарищ М[илль],

Вы пишете, что события в Лиге внесли "перебой" в вашу работу. Это очень мягко сказано. У меня лично такое впечатление, что Секретариат является беспомощным привеском к Лиге, а вовсе не самостоятельным учреждением, обслуживающим все секции. Я остаюсь при своем прежнем убеждении, что Секретариат вовсе не должен вмешиваться во все перипетии кризисов и личных столкновений Лиги, а должен выполнять свою собственную, крайне ответственную работу. Состав Секретариата определен в интернациональном порядке. Если обеспечить правильную организацию переводческой работы, то "Бюллетени" могут

выходить правильно, независимо от потрясений внутри Лиги.

Навилль ездил в Англию. С чем он вернулся? Ни в ваших письмах, ни в "Веритэ" обо всем этом не упоминается ни слова, как если бы вопрос о создании английской секции был ничего не значащей мелочью.

Относительно французских дел я остаюсь при том же мнении, какое развил в своем письме к вам и Раю месяца три тому назад, если не больше. Устойчивого правления не может быть, если не ввести наиболее ответственного представителя внутренней оппозиции в состав правления. Тов. Рай признает теперь необходимость этого. Но т. Роман и его единомышленники, насколько я понимаю, выступают против этого и делают, конечно, ошибки. Такие методы ведут к тому, что организацию приходится резать на части в связи с каждым новым очередным вопросом и разногласием.

Если я, таким образом, согласен с тем, что Навилля надо в качестве меньшинства включить в правление, то я отнюдь не хочу все же поднимать этого вопроса снова. Это дело самих французских товарищей, которые должны учиться на собственных ошибках и делать необходимые выводы. Но в отношении интернациональной организации я считаю решительной ошибкой введение Навилля в работу Секретариата. Он уже снова подписывает "Бюллетень" в качестве издателя. Это совсем не формальность, а, в связи с прошлым, политический вопрос. До тех пор, пока Навилль не займет ясной и отчетливой позиции в национальных вопросах, и прежде всего в немецком, я категорически совершенно формально протестую против его подписи на Интернациональном "Бюллетене", и формально ставлю предложение о снятии этой подписи. Если бы Навилль открыто поддерживал Ландау в статьях самого "Бюллетеня" и т. д., я бы не требовал ни в каком случае удаления подписи Навилля, ибо всякий знал бы, что его подпись означает. Во французских делах все члены Лиги знают поведение Навилля, и, следовательно, могут его выбрать или не выбрать в Правление на основании точного знакомства с его политической физиономией. Другое дело интернациональная арена. Здесь Навилля не знают. За его подпись мы все несем ответственность. Между тем он скрывает свое лицо, ведет закулисную переписку недостойного характера, т. е. такую, относительно которой он не смеет давать отчет. Поддерживает Ландау, не смея об этом сказать открыто. Прикрывать такие нравы - преступление. Секретариат совершает это преступление, выставляя имя Навилля на своем "Бюллетене".

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Л.Седову90]

5-е мая 1931 г.

Милый мой,

Не писал тебе несколько дней, так как был целиком поглощен книгой91. Подготовил еще три главы. Одну посылаю сегодня для перевода. Две другие - в течение ближайших дней. Для писания статей или циркулярных писем у меня сейчас времени нет и в ближайшие два-три месяца "не предвидится". Я хочу

поэтому насчет ряда принципиальных и практических вопросов интернациональной левой поговорить в этом письме с тем, чтобы ты использовал его в той или другой форме в отношении всех тех товарищей, которых могут интересовать высказанные здесь соображения.

Брандерлианцы говорят, что мы - "секта", тогда как они стоят за "массовое движение". Вообще говоря, это есть классическое обвинение, которое меньшевики предъявляли большевикам. В период контрреволюции меньшевики приспособлялись, отчасти просто примазывались ко всем и всяким формам рабочего движения, большевики отбирали и воспитывали кадры. В другой обстановке, в других условиях, на другой ступени развития, но в этом именно состоит сейчас противоположность между левой и правой оппозицией. Громадное отличие нынешней обстановки состоит в том, что, кроме левой и правой оппозиций, существует официальная партия, которая в разных странах представляет разную силу, но в общем все же является гигантским фактором мирового рабочего движения. Полное непонимание этого Урбансом, половинчатое понимание этого Навиллем и делает их позицию бесплодной. Официальная партия, особенно в Германии, представляет собой огромный фактор; но нужно отдать себе ясный отчет в совершенно особенной природе этого факта. Что составляет силу германской компартии? а) Глубокий социально-национальный кризис в Германии, б) традиция Октябрьской революции и прежде всего существование СССР. Оба эти фактора очень важны, но их недостаточно для того, чтобы создать "душу" партии. Устойчивость партии, ее самостоятельная сила определяются внутренней идейной связью кадров и их на опыте проверенном авторитете в глазах масс. Именно этот элемент партии в нынешнем Коминтерне, в том числе и в германской партии, чрезвычайно слаб, и слабость эта лучше всего выражается фигурой Тельмана. Если представить себе на минуту, что СССР не существует, что германская компартия лишается официальной поддержки, то нетрудно понять, что и в германской партии немедленно начнется величайший идейный разброд и организационный распад. В лице Тельмана верят Советскому государству и Октябрьской революции. Без этих двух опор - тельмановский аппарат есть пустое место.

В проекте платформы подробно характеризуется состояние ВКП, которая целиком держится на административном аппарате. Внутренняя идеологическая спайка сейчас настолько формальна и противоречива, что при первом серьезном толчке партия распадется на несколько частей. Мы видим, таким образом, в составе Коминтерна по крайней мере две огромные организации, которые сильны как организации, но крайне слабы как партии. Именно этим определяется - на ближайший период - наша роль как фракции по отношению к официальной партии. Мы создаем в первую голову предпосылки и элементы кристаллизации внутри самой официальной партии. Мы создаем кадры. Секта мы или не секта - это определяется не количеством тех элементов, которые собрались вокруг нашего знамени на сегодняшний день (и даже не качеством этих элементов, ибо далеко не все они лучшего качества!), а совокупностью тех программных, тактических и организационных идей, которые данная группа вносит в движение. Борьба

левой оппозиции имеет поэтому на данной стадии в первую голову программный и принципиально-стратегический характер. Говорить: "Надо апеллировать к нуждам массы" и противопоставлять это общее место левой оппозиции значит впасть в убийственную пошлость, ибо дело ведь о том и идет, с какими идеями обращаться к массе, под каким критерием выработать требования, в том числе и частичные. В известный период сталинцы апеллировали в Китае к гигантским массам. Но с чем они апеллировали? С программой и методами меньшевизма. И они погубили революцию. Когда брандлерианцы говорят: "Мы не можем кормить немецких рабочих китайской революцией", то они показывают тем самым не свой мнимый реализм, а свою оппортунистическую подлость. Испанские коммунисты, которые не усвоили опыта и уроков китайской революции, могут погубить испанскую революцию. А когда революционная ситуация развернется в Германии, то немецкие рабочие предъявят спрос на кадры, которые всосали в плоть и кровь уроки русской, китайской и испанской революций. В то время, как мы только начинаем воспитывать или перевоспитывать кадры, брандлерианцы противопоставляют воспитание кадров массовой работе. У них поэтому никогда не будет ни того, ни другого. Не имея принципиальной установки в основных вопросах и не имея поэтому возможности действительно воспитывать и закалять кадры, они занимаются имитацией массовой работы. Но в этой области социал-демократия, с одной стороны, и компартия, с другой, несравненно сильнее их. Самый тот факт, что отчаявшиеся брандлерианцы пытаются найти ответ на основные вопросы у нас, хотя бы половинчато и трусливо, намечает тот путь, каким будут складываться кадры левой оппозиции - не только за счет брандлерианцев, но в первую голову за счет официальной партии.

2. Брандлерианцы, Урбанс, Снивлит⁹² сходятся на том, что наша политика имеет сектантский характер. По существу, к ним приближаются Фрей, Ландау и Навилль, только они отчасти не додумывают, отчасти не договаривают свою мысль до конца. Возьмем Урбанса. Он уже не раз повторял в своей газете: "Левая оппозиция требует, чтобы признавали каждую запятую Троцкого". Можно только поблагодарить Урбанса за эту открытую и ясную постановку вопроса. Разумные и серьезные работники левой оппозиции не должны стесняться поднимать вопрос и в этой плоскости, раз он так поставлен противниками. С Урбансом у нас расхождение не больше, не меньше, как о классовой природе СССР, о том, партия ли мы или фракция, и должны ли мы в момент военной опасности быть на стороне СССР или только открывать дискуссию, на чьей мы стороне: на стороне ли контрреволюционного Китая или советской республики. Эти вопросы Урбанс называет "запятой Троцкого". Этим самым он обнаруживает величайшее свое легкомыслие, богемский или люмпенпролетарский цинизм. Он показывает, что дело для него сводится к его лавочке, а вовсе не к основным проблемам мировой революции. Но мало этого. Говоря о запятой Троцкого, Урбанс игнорирует русскую оппозицию и весь ее опыт, всю ее борьбу на разных фронтах, как и ее платформу. Наше непримиримое отношение к мясниковщине, наш раскол с сапроновцами - все это "запятая Троцкого"? А те сотни тысяч старых и молодых революционеров с большим опытом, которые годы проводят в тюрьмах и

ссылке, причем и в тюрьмах преодолевают борьбу с сапроновщиной, - неужели же они все это делают из-за "запятой Троцкого"? Стыд и срам!

Наконец, если, по мнению Урбанса, дело сводится к запятой, то какое же он имеет право из-за одного знака препинания рвать с интернациональной левой и оставаться вне ее рядов? Его позиция создана из идейного шарлатанства и из идейного авантюризма.

Нужно ли останавливаться на Снивлите? Он клянется, что не имеет ничего общего с интернационалом No 2. Но мы клятвам не верим. Он работает рука об руку с Роланд Голст и поддерживает по всей линии Монатта, систематически перепечатывая его статьи. Роланд Голст стоит за объединение II и III Интернационалов. Монатт стоит между реформистами и коммунистами, ближе к реформистам, чем к коммунистам, блокируется с реформистами против коммунистов, а Снивлит блокируется с Монаттом и Роланд Голст против нас. И, чтобы оправдать эту прямую измену коммунизму, Снивлит говорит: "У нас требуют признания каждой запятой Троцкого". Что это значит? Это значит, что Снивлиту приходится оправдываться перед частью собственных рабочих в том, почему он работает с Роланд Голст, а не с революционерами. Вместо того, чтобы честно ответить: "Мне Роланд Голст по всем основным вопросам ближе, чем эти люди", Снивлит говорит: "Там требуют присяги знаком препинания". Разве же это не чистейшее шарлатанство? Разве же можно брать всерьез людей, которые так рассуждают? Или еще хуже: разве можно уважать рабочих политиков, которые таким образом втирают очки рабочим?

3. В замечаниях брандлерианцев есть один пункт, действительно заслуживающий внимания. Они обвиняют нас в том, что мы не дали до сих пор конкретного анализа германской ситуации 1923 года. Само по себе это верно. Я уже не раз настаивал перед немецкими товарищами на необходимости произвести такую работу. Сам я в ближайшее время совершенно лишен возможности ею заняться. Но как же я лично пришел к своим выводам без "конкретного анализа" немецкой обстановки 1923 года? Очень просто: я занимался этой оценкой не задним числом, а политически переживал обстановку 1923 года, следя за ней по газетам, по беседам с немецкими товарищами и пр. Мое представление о немецкой обстановке складывалось так же, как и мое представление о русской обстановке в 1905 и 1917 гг. Разумеется теперь, задним числом, особенно поскольку дело идет о молодом поколении, надо уже теоретически восстановить тогдашнюю обстановку с цифрами и фактами в руках. Эту работу левая оппозиция должна проделать и она ее проделает. Но здесь мы опять-таки разойдемся с брандлерианцами так же, как расходимся по всем остальным основным вопросам мирового развития. Тальгеймер с ученым видом оценивает обстановку 1923 года. Но разве он что-нибудь понял в китайской обстановке 1927 года? Или в русской обстановке периода правоцентристского курса? Или в английской обстановке периода англо-русского комитета? Разве у него есть отношение к проблеме так называемой перманентной революции, которая приобретает сейчас жгучий характер в Испании? Брандлерианцам всегда будет казаться, что их недобросовестно обвиняют за 1923 год, потому что они

сохранили и еще углубили свои оппортунистические критерии в 1931 году.

4. Фрей, Ландау, в значительной мере Навилль вырабатывают для себя новый политический паспорт исключительного глубокомыслия: в политике-де они согласны с Троцким, но вот организационные методы его плохи. Ни один из них не дал себе труда ясно и точно формулировать на бумаге, что, собственно, он понимает под "организационными методами". Жаловаться на организационные мероды назван [...]93 ратии группа "Прометео" выработала такие тезисы, которые отбрасывают ее по существу назад к домарксовому социализму. Сейчас в Германии коммунисты обязаны развернуть бешеную наступательную кампанию под лозунгами демократии и на этой основе отвоевать рабочих у республиканцев и социалистов. Позиция бордигистов, если бы ее усвоили испанские товарищи, означала бы гибель испанской революции. По этой линии нужен беспощадный отпор. Мы не можем нести и тени ответственности за эту сектантскую и полуанархическую реакцию. Мы были бы изменниками, если бы протянули мизинец этим предрассудкам. Что же делает Ландау? Он пытается блокироваться с бордигистами против основного ядра интернациональной оппозиции. Потому ли, что он согласен с бордигистами в вопросе о демократии? Ах, нет. Ландау не до этого. Он озабочен исправлением организационных нравов Троцкого и ему поэтому нужны союзники. Все дело объясняется организационными потребностями Ландау.

Конечно, Ландау скажет: у нас есть с бордигистами серьезные разногласия, но... и т. д. и т. д. Это ведь песня всех оппортунистов и всех авантюристов. "Разногласия не мешают совместной работе". Ведь Ландау так либерален, великодушен и широк..., когда дело касается Италии, Испании, Китая. Но увы, все меняется, конда дело касается Лейпцига или Гамбурга. Ландау есть тип национально-кружкового сектанта, который легко принимает покровительственную окраску и имитирует интернационализм. Но эта окраска спадает с него при первом воздействии серьезного опыта и серьезной критики.

6. Увенчание своей теории (т.е. той теории, которую он позаимствовал у Фрея, не называя источника) Ландау пытается найти в "завещании" Ленина. Некоторые товарищи писали мне, что Ландау в этом отношении становится на путь Сталина и Зиновьева. Нет, это неправильно. Сталин и Зиновьев все-таки знают и все-таки более серьезно подходят к политическим вопросам, даже к кляузе. Ленин говорил о переоценке административных методов по вопросу о взаимоотношении между государственным аппаратом и хозяйством. Он совершенно точно ссылается на опыт с комиссариатом путей сообщения. В "Автобиографии" и в некоторых других своих работах я объяснил, в чем было дело: административные методы не могли вывести хозяйство из тупика, но, поскольку партия оставалась на почве военного коммунизма, других методов, кроме административных, не могло быть. Мы бились в заколдованном кругу - в обстановке, которой никогда раньше в истории не было. Из заколдованного круга военного коммунизма вышли наши разногласия с Лениным, которые обоих нас привели к нэпу и к устранению разногласий. Но дело сейчас совсем не в этом. Есть ведь опыт русской оппозиции, опыт 8 лет борьбы. В этой борьбе

вопросы партийного режима, начиная с моей брошюры "Новый курс"⁹⁴ (да и ранее того) занимали важнейшее место. На этом фундаменте сплывались тысячи и десятки тысяч членов партии. Где же и у кого же Ландау заимствовал всю свою премудрость насчет центризма и центристского бюрократизма, как не у русской оппозиции? И вот теперь оказывается, что русская оппозиция всего этого не заметила, а Ландау заметил и разоблачил. Можно ли к этому серьезно относиться?

Неужели же мы рвали со Ситриными, Зиновьевыми, Бухаринными, Томскими для того, чтобы объединяться или сближаться с Брандлерами, Сливитами и "Манруфами"? Нет, это плохие шутки. Мы защищаем определенную сумму идей, выросшую из грандиознейшего исторического опыта русского и мирового пролетариата. Вне левой оппозиции есть достаточно места для всяких групп, группочек, сект, "Манруфов" и пр. Вопрос совсем не сводится к тому, будет ли с нами сегодня Петр или Павел или его многоуважаемая венская племянница или тетка. Вопрос сводится к тому, чтобы систематически развивать и применять к событиям определенный капитал идей и на этом воспитывать настоящие революционные марксистские кадры. Для этого надо очиститься от случайных прохожих, которые примкнули к нам из любопытства или по ошибке. Мы будем с величайшим вниманием и с величайшим терпением защищать наши взгляды перед каждым молодым рабочим, который хочет знать правду и готов учиться. Но мы проявим в дальнейшем удесятиренную непримиримость по отношению ко всяким конфузионистам, пронырам, авантюристам, которые хотят под знаменем левой интернациональной оппозиции раскинуть свои палатки и собрать в них своих добрых друзей и знакомых. Нет, этот номер не пройдет.

Франкель, может быть, переведет это письмо на немецкий язык. Брошюру об Исп[ании] я не получал. [...]95. Посмотрим.

Обнимаю тебя крепко. Будь здоров и бодр.

Л.Троцкий

[Письмо Л.Л.Седову]96

9-е мая 1931 г.

Милый Лева,

Посылаю тебе окончание своего политического письма⁹⁷. Франкель и Шюрер перевели его на немецкий язык и пошлют тебе сегодня-завтра немецкий перевод. Похоже, может быть, придется напечатать это письмо в "Интернациональном бюллетене". Пока что его надо пустить по рукам. Следовало бы сделать и французский перевод. Но здесь это не осуществимо. Придется как-нибудь согласовать этот вопрос с Парижем. Эта задача уж ляжет на тебя.

Ты спрашивал, что извлечь из процесса по поводу убийства Воровского. Не зная протоколов, трудно высказаться. Но кое-какие советы я могу подать. В речах есть, вероятно, попытка личной характеристики Воровского. Может быть, и очернение его противной стороной. Эти все места нужны. Особенно ценны те места, которые сближают убийцу, его защитников и друзей с графом Сфорца.

Последний характеризует Воровского как лжеца, как человека, примкнувшего к большевикам после победы, наконец, как шовиниста-поляка, которому русское было чуждо и враждебно. Все, что так или иначе приближается к этой характеристике и, наоборот, противостоит ей, надо тщательно выписать. Далее, необходимо выяснить - кратко - тактическую сторону убийства: где, когда, при каких условиях, а также - опять-таки кратко - политическую обстановку убийства: зачем и в каком звании Воровский находился в Женеве, что писала женевская печать о нем и т. д. Но все это кратко, чтобы иметь лишь необходимые точки опоры.

Пфемферт хочет напечатать в своей "Акции" мою статью об Испании⁹⁸ и проект платформы по русскому вопросу. Я лично возражений не нахожу. Пфемферт ссылается на то, что известные возражения идут с твоей стороны под углом зрения издательским, т. е. с точки зрения "конкуренции" что-ли. Мне не думается, что перепечатка в журнале - притом с большим запозданием - могла нанести ущерб брошюре. Но это уж вы должны решать на месте. Я ему отвечаю в том смысле, что по этому вопросу прошу сговориться с тобой. Зато я всячески приветствовал бы напечатание у него проекта платформы: надо попытаться внести дифференциацию в эту среду, достаточно, впрочем, законсервированную.

Ты пишешь, что "ничего не забываешь из поручений". Я в этом ни одной минуты не сомневался и не сомневаюсь. В поручениях противоречия, действительно, нередки, как и неясности. Объясняется это тем, что поручения даются нередко ощупью, причем в разные моменты работы и под влиянием разных потребностей и соображений. Но до сих пор мы тут не имеем ни малейшего повода к жалобам.

Очень беспокоит неполучение моих "Сочинений" и пакета "Истории" от Фишера. Неужели все это пропало? Насчет Фишера Франкель сегодня будет наводить справки в отеле "Савой". Русское издание "Истории" получено. Оно производит неплохое впечатление, хотя формат слишком мал. При перелистывании заметил две опечатки. Фамилия Церетели пишется упорно через два л. Точно он итальянец, а не грузин.

О Рязанове, пожалуй, придется дать во втором томе более обширную биографическую справку и личную характеристику. Поэтому желательно получить книгу "На боевом посту"⁹⁹.

Письмо твое No 17, посланное воздушной почтой и помеченное 3-4 мая, получено было здесь 6 мая вечером, следовательно, воздушная почта действует.

Крепко тебя обнимаю.

Л.Т[роцкий]

По поводу завлечения т. Трэна

1. Тов. Трэн примкнул к левой оппозиции во второй половине 1927 года, т. е. в такое время, когда на непосредственную победу оппозиции надеяться было нельзя. С того времени, несмотря на разгром оппозиции и победу сталинской бюрократии, Трэн не делал попыток вернуться в ряды этой последней

путем полной или частичной капитуляции. Эти факты говорят, несомненно, в пользу тов. Трэна. Товарищи, ближе наблюдавшие Трэна, признают за ним революционный темперамент, способность вести борьбу в трудных условиях, настойчивость и пр. Все это, конечно, очень ценные качества. Сближение с тов. Трэном, привлечение его к работе как в Лиге, так и в интернациональной организации, является в высшей степени желательным. Довольно многочисленные французские товарищи, с которыми я, начиная с весны 1929 года, вел беседы относительно французской и интернациональной оппозиции, знают, что я все время стоял за необходимость привлечения Трэна к руководящей оппозиционной работе, причем неизменно наталкивался на возражения со всех сторон. Эти возражения сводились к тому, что своим поведением в течение 1923-[19]27 гг., т. е. тех годов, когда по существу была полностью подготовлена и обеспечена победа центристской бюрократии над ленинским крылом партии, Трэн сделал себя совершенно невозможным в рядах оппозиции, тем более, что он отнюдь не склонен - как говорили многие товарищи - ни понять весь объем причиненного им зла, ни отказаться от тех методов, которые он усвоил в школе Зиновьева, Сталина, Мануильского. Не отрицая веса этих доводов, я продолжал, однако, настаивать на том, что честная попытка сражаться - в новых условиях и на новых основаниях - должна быть сделана прежде, чем можно будет вынести решение в ту или другую сторону. При каждом свидании с французскими товарищами разных оттенков я всегда и неизменно ставил вопрос о т. Трэне в указанном выше смысле.

Сейчас мы имеем перед собою готовый проект заявления, которое должно мотивировать готовность тов. Трэна вступить в ряды Лиги. В каком же виде представляется позиция Трэна сейчас?

2. Тов. Трэн начинает с обвиняния по адресу всех других групп в том, что они не вступили непосредственно в группу "Рэдресман"100, руководимую им. Я не думаю, что это была серьезная постановка вопроса и чтобы она усиливала позиции тов. Трэна. Как сказано выше, другие группы настолько не доверяли Трэну, что не считали возможным даже принимать его в свою среду. Настроение это и сейчас очень сильно (я при этом совершенно не закрываю глаз на то, что в некоторых случаях против сотрудничества с Трэном особенно резко выступают те товарищи, которые имеют его недостатки, не имея его достоинств). Совсем странным и неуместным является в этих условиях ретроспективное обвинение по адресу тех, которые не признали руководящей роли группы "Рэдресман" после того, как она просуществовала около полутора лет (осень 1927 года - весна 1929 года). Нельзя трюбловать авансом то, что можно завоевать только в совместной работе.

3. Трэн ссылается на то, что он стоял на почве четырех первых конгрессов Коминтерна, но забывает прибавить, что он стоял на почве V конгресса, а эта последняя почва означала: содействие крушению немецкой революции, подготовку победы британского лейборизма, разгром левой оппозиции и пр. Двух-трех номеров журнала совсем недостаточно для того, чтобы проверить, насколько данная группа или данное лицо освободились от теории и

практики V конгресса. Исключать группу "Редрэсман" было неправильно, но вручать ей априорно гегемонию было бы преступным легкомыслием. Группа Паза тоже претендовала на гегемонию. Она ссылалась и на четыре конгресса, и на солидарность с русской оппозицией, начиная с 1923 года, и на то, что у нее нет за спиной V конгресса. Формально у группы Паза было гораздо больше прав, чем у группы Трэна, но мы рассуждали не формально. Дело шло о том, чтобы из довольно разнородных и политически мало проверенных групп выкристаллизовать действительно революционное марксистское ядро. Этого нельзя было достигнуть иначе как путем опыта, на основе совместной работы всех групп, апеллирующих к одним и тем же принципам. Именно на этот путь стали инициативные элементы левой оппозиции. Несмотря на все ошибки и шатания внутри Лиги и вокруг Лиги, у нас нет оснований сожалеть о принятом пути.

4. Тов. Трэн совершенно прав, когда отказывается признать непогрешимость оппозиции 1923 года. Насколько знаю, никто никогда этого не требовал. Прав Трэн, подчеркивая разнородность оппозиции 1923 года. Но Зиновьев, который был вождем международной фракции Трэна, признал письменно в 1926 году, что основное ядро оппозиции 1923 года оказалось право во всех основных вопросах. Уклоняясь от этого признания в своем заявлении, Трэн не рассеивает недоверия к себе, а, наоборот, питает его.

Трэн считает уместным давать крайне резкую оценку одному из заявлений тов. Раковского. Сам по себе этот эпизод имеет на первый взгляд второстепенное значение. Но он в высшей степени характерен для тов. Трэна, т. е. для его отрицательных сторон. Политическая линия тов. Раковского у всех перед глазами. "Заявление", о котором говорит Трэн, есть одно из многочисленных заявлений, подписанных и написанных тов. Раковским за последние годы. Если даже данное заявление так неудачно и противоречиво, как изображает Трэн, то и в этом случае отдельный и частный тактический шаг надо брать в связи со всей политической линией Раковского, который развивал свою позицию непрерывно в документах и в переписке с русской оппозицией. На все это Трэн закрывает глаза. Для него имеет значение лишь тот факт, что он, Трэн, однажды высказался отрицательно по поводу одного из заявлений Раковского. И этого достаточно, чтобы в свою декларацию на двух с половиной маленьких страничках включить резкое осуждение заявления Раковского, независимо от всей его линии в целом. Один этот маленький факт красноречивее целых диссертаций!

5. В дальнейшем тов. Трэн заявляет, что у него есть с единомышленниками Троцкого разногласия по целому ряду капитальных вопросов: он упоминает вопрос о перманентной революции, о капиталистических группировках и о действительном положении русской революции как о таких вопросах, которые нуждаются в углубленной дискуссии. Прекрасно. Но если дело обстоит так, то тем более не основательны ретроспективные оценки по адресу единомышленников Троцкого, которые не соглашались признать авансом гегемонию "Редрэсман", а предлагали "углубленную дискуссии" на основах общего сотрудничества. Неужели же тов. Трэн не видит, в какой мере он нарушает все пропорции и все

перспективы?

б. Я лично совершенно согласен с тем, что дискуссия по вопросу о перманентной революции, о положении СССР и пр[очем] необходима. Именно для дискуссии формулировал я в свое время тезисы о перманентной революции, написал брошюру о ней¹⁰¹, формулировал недавно тезисы о положении в СССР, которые я выдвигаю как проект платформы по данному вопросу. Дискуссия здесь крайне необходима, участие в ней тов. Трэна очень желательно.

Тем не менее тов. Трэн по меньшей мере неосторожен, когда в двух строчках противопоставляет интернациональную позицию Ленина перманентной революции Троцкого. В своих работах я пытался доказать - и пока никто не сделал даже попытки опровергнуть, я считаю, что доказал, - что, отвлекаясь от споров в области литературных прогнозов, а беря ленинскую концепцию и мою, как они проявили себя на опыте революции и как они были сформулированы и Лениным и мною на основании этого опыта, невозможно не признать тождества этих позиций. На противопоставлении их была основана вся политика эпигонов и, в частности, политика в Китае. Еще на майском пленуме 1928 г.¹⁰² тов. Трэн голосовал за официальную резолюцию по китайскому вопросу (с оговоркой). Этим он показал в течение 1923-[19]27 гг., насколько далек он был от самых основ политики Ленина. После того он никакого участия в дискуссии по вопросу о перманентной революции на основе опыта Китая, Индии, новейшего опыта Испании и пр. не принимал. И тем не менее он считает возможным противопоставлять интернационализм Ленина перманентной революции Троцкого, фактически повторяя расхожие фразы Мануильского.

Что тов. Трэн имеет в виду под капиталистическими группировками, мне не ясно: возражения против лозунга Советских Соединенных Штатов Европы?

Каковы же выводы? Заявление тов. Трэна показывает, что в возражениях и опасениях его противников много верного. Тем не менее вывод, который делают эти противники, я считаю неправильным. Если Трэн склонен требовать априорного признания его руководства, - к этому, в конце концов, сводится основное содержание его письма - то было бы неправильно априорно отказаться от попытки сотрудничества. Могут сказать, что дело идет не об априорном отказе, так как опыт с Трэном был. Это неверно. Меняются времена, меняются условия, и люди меняются вместе с ними. Попытку сотрудничества нужно сделать. В какой форме? Это должны решить товарищи, которым это сотрудничество придется проводить. Хорошо было бы при этом убедить тов. Трэна отказаться от наиболее неуместных частей его заявления, прежде всего в отношении тов. Раковского, который не имеет даже возможности ответить на прямое злоупотребление со стороны Трэна одним единственным документом. Если бы заявление в нынешнем или смягченном виде было бы напечатано в "Веритэ", то, разумеется, редакция должна была бы сопроводить его соответственной отповедью. Все это мало облегчило бы сотрудничество. Но тут уже ответственность целиком легла бы на тов. Трэна.

[Л.Д.Троцкий]

23 мая 1931 г.

[Письмо М.Истмену]103

26 мая 1931 г.

Т[ов]. Истмену

Дорогой друг!

Препровождаю еще одну главу: это - пятая по счету¹⁰⁴. 6-а у меня на три четверти сделана. Большую главу о политических процессах в массах в течение июля и первой половины августа я пока отложил, так как для "Сатюрдей"¹⁰⁵ она не подойдет, насколько я могу судить, а в книгу я ее включу затем.

Я должен вернуться к своему письму от 20 мая¹⁰⁶, где я ставил Бони 4 условия. Я сообразил, что забыл поставить пятое условие, пожалуй, самое важное. Правда, оно "само собою разумеется", но - не по отношению к Бони. Вы знаете, что я получил свыше 4000 долларов аванса и при сдаче рукописи второго тома должен получить, если не ошибаюсь, еще 2 тысячи дол., итого 7000 долларов. Это аванс под книгу. У меня возникает опасение, что Бони может попытаться вычесть этот аванс из моего гонорара от "Сатюрдэй". Разумеется, это было бы чудовищно со всех точек зрения. Покрывать аванс по книге Бони должен с продажи книги. Одной из целей аванса является заставить издателя прибегнуть к широким мерам рекламы и пр., чтобы в кратчайший срок вернуть себе уплаченный аванс. Если бы Бони вычел аванс из моего гонорара от "Сатюрдэй", то у него исчез бы всякий активный интерес к книге. Заработав крупный комиссионный куртаж¹⁰⁷, он не стал бы "рисковать" большим тиражом книги, широкой рекламой и пр. Между тем книга для меня во всех отношениях неизмеримо важнее статей в этом гнусном "Сатюрдэй". Вот почему я ни в коем случае не могу согласиться на вычет аванса под книгу из моей части гонорара, тем более, что, получив половину его, Бони уже получил очень крупный аванс под книгу как издатель. Я вас очень прошу это условие присоединить к четверем, написанным в прошлом письме.

Очень спешу.

Крепкое рукопожатие Вам и Ел[ене] Вас[ильевне].

Ваш Л.Тр[оцкий]

[Письмо Л.Л.Седову]108

26-ое мая 1931 г.

Милый Лева,

На твое письмо от 22 мая.

На важнейшие твои вопросы ответил, мне кажется, уже в предыдущих письмах. Кстати, меня удивляет твое упоминание, будто от меня давно уже нет писем. М.И.[Певзнер] перечислит тебе все посланные тебе за последнее время письма.

Что я понимаю под неоформлением раскола?

Об этом я уже писал в одном из последних писем. Выражу свою мысль

конкретнее. Допустим, что наше крыло создало свой центр. Как он должен действовать? Разумеется, прежде всего как действительно самостоятельный жизнеспособный центр: издавать, рассылать, агитировать, организовывать и пр. Но в то же время он должен обратиться к правлению Ландау с деловым предложением собраться на совместное заседание для обсуждения вопроса о том, как спасти единство немецкой оппозиции, подготовить конференцию и пр. Это и значит не спешить с оформлением раскола. Несмотря на то, что он является совершившимся фактом. На местах наши группы должны будут обратиться с соответствующими предложениями к местным группам Ландау. В зависимости от ответа Правления определится следующий шаг. Может быть, таким путем можно было бы на ближайщее время отколоть кое-кого у Ландау. Но и помимо этого такая тактика совершенно необходима для Интернац[иональной] оппозиции. Ведь там еще никто не считает раскол совершившимся фактом. Надо, следовательно, практически ввести все секции в немецкий раскол, так чтобы все поняли, на ком лежит действительная ответственность и кто препятствует преодолеть раскол¹⁰⁹. Такого рода политика ни в малейшей степени не стесняет самостоятельности и активности нового правления и местных организаций во всех областях их работы.

Об организации этой работы я писал кратко в прошлый раз. Разумеется, главным полем должна быть партия и главным орудием все-таки является пропаганда, т. е. внимательное кружковое изучение основных работ оппозиции.

Обнимаю тебя крепко.

Л.Троцкий

[Письмо М.Миллю]

30 мая 1931 г.

г. Миллю

Дорогой товарищ!

Посылаю вам в двух экземплярах новую работу, посвященную испанской революции¹¹⁰. Я лично считаю эту работу более важной, чем первую, особенно с точки зрения развития левой оппозиции. Правда, я не возлагаю больших надежд на интернациональный Секретариат в смысле быстроты перевода и изданий. Печальнейший опыт всех предшествующих работ настроил меня весьма пессимистически по отношению к административным качествам административного Секретариата. Совершеннейшим курьезом является опубликование платформы по русскому вопросу малюсенькими кусочками, которые напрасно загромождают "Веритэ" и никому ничего не дают: ибо разве можно охватить программный документ, разрезанный на куски и преподносимый по десертной ложке? Если нет средств, то гораздо разумнее было бы переписать документ в десяти-двадцати экземплярах на пишущей машинке и этим пока ограничиться. Члены Лиги имели бы по крайней мере возможность прочитать документ в целом и обдумать его.

В отношении прилагаемой работы я предлагаю тот же самый способ: если нет возможности напечатать в виде брошюры, то воспроизвести на множительном

аппарате, может быть, в виде номера интернационального "Бюллетеня", хотя, увы, и здесь прецеденты мало обнадеживающие. Во всяком случае, я со своей стороны сделал, что мог: постарался ответить на некоторые жгучие вопросы и разослал, в частности, и в то безнадежное место, которое называется Парижем.

Самым важным, конечно, является вопрос об испанском издании. Но, признаться, из ваших писем я не вынес впечатления, что ваша поездка двинула дело в организационном отношении вперед, и поэтому мне не ясно, способна ли испанская оппозиция выпустить брошюру, которая несомненно укрепила бы ее в настоящий момент.

Тов. Шахтман от имени американской Лиги категорически требует решения вопроса об организации Вейсборда¹¹¹. Что думает по этому поводу предпринять Секретариат? Вопрос очень важный сам по себе, а также и для репутации Секретариата. Мне кажется, что нужно создать комиссию для изучения вопроса, так чтобы решение Секретариата имело вполне обоснованный и серьезный характер. В комиссии следовало бы обеспечить твердое деловое большинство, но включить в него также Навилля и одного бордигиста, чтобы заставить их высказаться. Навилль будет разрываться между надеждами на Шахтмана и своими обязательствами по отношению к Ландау, который ведет интригу с Вейсбордом. Это, конечно, все вопросы второстепенные, но и их нужно разрешить попутно. Основной же вопрос в том, чтобы поддержать Лигу и побудить организацию Вейсборда слиться с нею. Затягивать дело нельзя. Комиссия, думается мне, могла бы дать свое заключение в недельный срок. Я не думаю, чтоб Секретариат мог в первом же решении просто "изгнать" группу Вейсборда, как этого требует Шахтман. Можно ответить ей в тоне дружественного увещания насчет недопустимости того, что отдельные группы будут конституироваться как секции левой оппозиции, не сговорившись ни с уже существующей национальной секцией, ни с интернациональным Секретариатом.

Не могут ли итальянские товарищи издать на итальянском языке прилагаемую работу об Испании? Все эти вопросы имеют для Италии очень острое значение. Работа моя направлена не только против Коминтерна, но и против бордигистов. На всякий случай прилагаю статьи и заметки, которые войдут в ближайший номер "Бюллетеня"¹¹²: может быть, какая-либо из них пригодится для "Веритэ".

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

2 июня 1931 г.

т. Миллю

Дорогой товарищ!

Ваши два последних письма еще более укрепляют меня в мысли, что дело с Секретариатом в Париже не пойдет. Члены Секретариата, в том числе, к сожалению, и постоянный член его¹¹³, заняты всем, чем угодно, только не своими прямыми обязанностями. Секретариат есть фикция, и нужно себе это

прямо сказать. "Бюллетени" выходили бы гораздо лучше и аккуратнее, если бы их не задерживал Париж, а за вычетом "Бюллетеней" в чем, собственно, состоит деятельность Секретариата? Я в свое время настаивал на периодических отчетах перед национальными секциями. Об этом ничего не слышно. Нельзя ли точно отчитаться перед национальными секциями, сколько именно Секретариат получил за это время писем и сколько писем он написал, включая циркуляры? Как показывают заседания национальных секций, потребность в действительно работающем Секретариате очень велика, но Секретариата, увы, нет.

Одну из главных причин этого я вижу в том, что члены Секретариата слишком глубоко сидят не только во внутренней борьбе Лиги, но и во всех мелких склоках личного характера. Это абсолютно недопустимо, особенно вам и Сюзю, или, если хотите, особенно вам, как постоянному секретарю. Ни о какой административной работе широкого масштаба при таких настроениях, какие отражаются в ваших последних письмах, не может быть и речи.

Вы находитесь сейчас в стадии абсолютного отрицания Раймона [Молинье]: отрицательные качества больше положительных. Что вы предлагаете вместо этого? Ничего. Вы просто даете выход вашим настроениям. Если вы в таком же духе говорите и действуете в Париже, то это значит, что Секретариат приносит не пользу, а вред. И положительные, и отрицательные стороны Молинье были мне ясны во время вашего совместного приезда сюда, именно поэтому я и делал все для сохранения единства с группой Навилля. Этого не вышло. Но надо все же сказать, что если Лига существует, то благодаря Раймону. Он наделал больших ошибок и способен наделать еще большие. Задача в том, чтобы дополнить его, а не в том, чтоб отвергнуть его. Пример, который вы сообщаете, в высшей степени характерен, но говорит против вас и за Раймона. Я сужу исключительно на основании ваших писем: никаких других сведений у меня нет. Вы пишете, что решено было выпустить "Веритэ" через две недели, а Раймон совершил "преступление", раздобыл денег, притом с личным самопожертвованием, и заставил выпустить номер через неделю. Я от всей души аплодирую Раймону и возмущаюсь вами, которые говорили: как-де можно в 24 часа пересмотреть решение, переделать все и пр. Раймон революционер, а те, которые критиковали его в данном вопросе - ленивые обыватели. Я сужу на основании вашего письма. Никаких других данных у меня нет, повторяю. Что Раймон совершает политические скачки, игнорируя организацию, это недопустимо. Но объяснением, если не оправданием, является то, что остальные ничего не делают, а "критикуют", "руководят" и указывают Раймону на его "недостатки". Кто работает за всех, тот склонен бывает брать на себя и решение за всех. Вы пишете об экспедиции "Веритэ" в самом пренебрежительном тоне. А кто же в этом виноват? Я уж не говорю о том, что издание "Бюллетеня" поставлено еще более неряшливо. Но если уж вы говорите не о "Бюллетене", а о "Веритэ", то хорошо было бы рассказать, что вами было сделано для упорядочения дел в экспедиции "Веритэ". Кого вы привлекли к этому? Сколько часов сами провели над этим делом? Предложили ли "критикам" и "руководителям" засучить рукава и засесть в экспедицию? Да или нет? Только так я привык ставить вопросы в

революционной среде. Перечитайте письма и воспоминания, как Ленин за границей издавал "Социал-демократ"¹¹⁴. Я вспоминаю, как мы с Иоффе издавали в Вене "Правду"¹¹⁵, сидя по 24 часа в сутки над корректурой, над техникой, над упаковкой, над перепиской, входя во все детали, заботясь о том, чтобы не было ни одной опечатки в газете, ни одной ошибки в адресе. Дилетантская критика "со стороны" только раздражает людей, ведущих серьезную работу, но ничего не дает ни им, ни другим.

Вы презрительно говорите о т. Франке, как о мамелюке¹¹⁶. Я не знаю т. Франка лично. Но если он поддерживает Раймона вместо того, чтобы поддерживать дилетантских критиков, то я могу только одобрить его, и буду поступать точно так же, как и он, ни в малейшей степени не закрывая глаз на недостатки Раймона.

В нынешнем остром кризисе Лиги есть вина Раймона, но это вина последнего толка. Основные причины восходят глубже, и сейчас, при ретроспективном обзоре, выступают вполне ясно. Лево́й оппозиции приходилось начинать во Франции не на чистом месте, а на месте, засоренном всякими осколками и мусором. Левая оппозиция была скомпрометирована заранее целым рядом "сочувствующих" групп. Тем важнее и необходимее было взять сразу ясный и отчетливый курс в отношении партии, Коминтерна, синдикатов и пр. Вместо этого "Веритэ" по самым основным вопросам держала себя уклончиво, двусмысленно или прямо антимарксистски. Каждая из отдельных статей, фраз и пр. казалась сама по себе сравнительно невинной и вызывала с моей стороны отповедь в частном письме. Но все-таки эти факты (блок с Тарби, двусмысленное отношение к Монатту, фальшивые заявления относительно партии, неправильное противопоставление национального и интернационального момента и пр. и пр.) ложились во Франции на уже готовую почву предубеждений против лево́й оппозиции. Вместо того, чтобы расчищать почву от предрассудков, "Веритэ" давала им питание. Вокруг газеты группировались поэтому в значительном числе половинчатые элементы, усталые, путаники, полусиндикалисты или люди, которые не прочь заняться газеткой, но которым революционная борьба совершенно чужда. Эти элементы делали сборы на "Веритэ" и таким путем облегчали свою душу. Кроме того, у "Веритэ" был постоянный фонд. Все это обеспечивало выход газеты. Но старая редакция почти год тому назад хотела перейти на двухнедельное издание, против чего я тогда же горячо протестовал. Смена Правления при всех своих минусах означала все же большой шаг вперед: от дилетантски-обывательской работы к революционной работе. Это, а не что иное, отшатнуло обывательские элементы, прежде чем "Веритэ" получила возможность проложить себе дорогу в более родственную среду. Вот причина острого финансового кризиса, который есть расплата за ошибки старого руководства. Этим я ни в коей мере не хочу одобрять неправильный образ действий Раймона. Но надо же соблюдать пропорции.

В то время, когда Раймона травили и готовились даже исключить из Лиги, он вместе с Анри помогал "Веритэ". А что делают теперь Навилль и братья? Они неспособны даже обеспечить правильный выход "Ля Лютт"¹¹⁷. Это не

революционеры. Такого рода элементы могут быть полезны в организации при наличии в ней революционного руководства и дисциплины. Сейчас же роль Навилля отрицательная. Это элемент разложения без малейшего творчества, без преданности делу, как делу, а не как арене для собственных упражнений.

Резюмирую: 1) Я ни в малейшей мере не разделяю ваших оценок и заключений относительно Лиги, тем более что эти заключения имеют чисто ликвидаторский характер в самом точном и формальном смысле этого слова.

2) В той новой внутренней борьбе, где вы выступаете против Раймона, я поддерживаю его против вас, ибо это значит поддержать дальнейшее существование Лиги и "Веритэ" против ликвидаторства.

3) Я прошу Секретариат обсудить мое предложение: признать, что существование в Париже не дало до сих пор благоприятных результатов, и что поэтому представляется необходимым перенести Секретариат в такой пункт, где он мог бы выполнять свои прямые обязанности.

По этому последнему пункту я не выступлю открыто до получения официального заключения Секретариата.

Письма по поводу поездки Навилля в Лондон я не получал. Очевидно, оно пропало.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Л.Седову]118

2 июня 1931 г.

Милый Лева!

Посылаю тебе копию моего письма Миллю119. Содержание его письма будет тебе ясно из моего ответа. Хорошо будет, если ты переведешь в Париж (или изложишь) ту часть письма, которая говорит о кризисе "Веритэ". Скйчас Раймона надо безусловно поддержать против этих гнилых и разлагающих настроений.

Что касается "Бюллетеня", то Милль пишет, что он очень рад переносу немецкого издания в Берлин. Возможно, он рисует себе дело так, что вы будете в Берлине дожидаться готового текста, вроде какого-то меморандума по немецким делам, который он обещает собраться начать обдумывать. Мой совет - действовать совсем иначе. В кратчайший срок составить готовый номер "Бюллетеня", послать эжкспрессом в Париж и потребовать ответа по телефону или телеграммой. На этих мягкотелых нужен нажим, чтобы они почувствовали, наконец, что есть вопросы, которыми шутить нельзя. На переписку с Миллем я потратил колоссальное количество времени, а от него все отскакивает бесследно.

Не можете ли вы в Берлине найти испанца, чтобы от имени немецкого издания "Бюллетеня" вступить в переписку с испанскими товарищами, а, главное, чтобы можно было в Берлине переводить рукописи и письма на испанский язык, так как переписка через Милля совершенно не налаживается.

Нет ли в Берлине китайцев-коммунистов или сочувствующих среди

студентов? Если иметь в перспективе перенесение "Бюллетеня", а, может быть, и Секретариата, то надо выйти за "чисто немецкие" пределы и подготовить хотя бы маленькую интернациональную среду.

Кстати, связь с Китаем оборвалась совершенно. Последнее письмо мое Чен Дусю вернулось обратно. Я объясняю это какими-либо жестокими репрессиями, обрушившимися на левую оппозицию. Опять-таки из Берлина возможно наладить связь лучше, чем из Парижа.

Вообще Берлин велик и в нем много всяких очагов, источников и возможностей, о которых маленькие консервативные секты не догадываются и над которыми они не задумываются. Надо в этой области пораскинуть мыслями и проявить инициативу.

Еще раз повторяю: случайных и второстепенных вещей для "Истории"¹²⁰ больше не посылай мне, так как материалами я обеспечен.

Крепко тебя обнимаю.

Л.Т[роцкий]

[Письмо Л.Л.Седову]¹²¹

3-е июня 1931 г.

Милый Лева,

Как раз после моего вчерашнего письма тебе пришло очень отрадное сообщение из Китая; копию прилагаю при сем. То, что китайские товарищи объединились под руководством Чен Дусю¹²², есть очень хороший признак. Сам Чен Дусю написал двухтомное исследование об экономике Китая. Первый том я получил. На статистических таблицах сделаны переводы словесного текста, что позволит мне ими пользоваться. Я написал Чен Дусю письмо, посланное ему вместе с рукописью проекта платформы по русскому вопросу. По непонятной причине письмо это вернулось неделю тому назад. Наряду с отсутствием каких-либо сведений из Китая это заставило меня предположить, что там происходит жестокий разгром левой оппозиции. К счастью, это предположение не подтвердилось, как свидетельствует прилагаемое при сем письмо. Его надо немедленно перевести на немецкий язык и распространить среди левой оппозиции. Цифра организованных: 483 - сама по себе не высока, но если принять во внимание всю обстановку, то ее надо признать весьма отрадной.

Свое письмо к Чен Дусю (вернувшееся назад) тоже прилагаю при сем, так как надеюсь на то, что тебе удастся наладить связь с Шанхаем. Писать им можно по-английски, по-французски и, в крайнем случае, по-русски. Есть ли среди них товарищи, знающие немецкий язык, мне неизвестно.

Необходимо послать им первый том "Истории"¹²³ и написать им, что я предоставляю в полное распоряжение Исполнительного комитета оппозиции все свои книги, причем готов доставлять их в рукописи, дабы они могли издавать их прежде, чем какое-либо буржуазное издательство перехватит иностранные переводы.

Лучше всего было бы, конечно, если бы можно было найти в Берлине

какого-либо китайского студента. Когда-то студент или студентка китайской национальности писал(а) мне из Берлина. Я давал тогда этот адрес Ландау, но у него, кажется, ничего не вышло. М.И.[Певзнер] пошлет тебе этот адрес на всякий случай.

Милль пишет, что из Испании от Лакруа¹²³ получились более благоприятные сведения относительно сотрудничества с Нином. Теперь надо, однако, ждать результатов конференции.

Обнимаю тебя и желаю бодрости. Лечишься ли? Ты об этом не пишешь. Неужели запустил? Это было бы ужасно...¹²⁴

Твой Л.Т[роцкий]

[Письмо М.Миллю]

4 июня 1931 г.

т. Миллю

Дорогой товарищ!

1. Очень меня порадовало то обстоятельство, что статья об Испании появилась целиком в одном номере "Веритэ". Это создает базу для кампании. Перевод вполне хорош, и это тоже очень отрадно.

2. Прилагаю при сем новое циркулярное письмо по поводу Испании¹²⁵. Эту сторону вопроса необходимо осветить. Лакруа я кратко об этом писал. Но раз написать недостаточно. Надо повторять и повторять. Только так можно добиться маленьких результатов.

3. Интересно определить, как будет себя держать Трэн по отношению к нашей постановке вопроса о рабоче-крестьянской диктатуре. Здесь его ахиллесова пята. Если он споткнется на перманентной революции, он неизбежно сползет к сталинцам. Ходом событий рубеж сейчас проходит по этому вопросу.

4. Я не раз писал, что именно во время кризиса Соединенные Штаты покажут Европе свою силу. Гувер¹²⁶ сажает Францию на финансовый паяк. Как бы французские ростовщики ни барахтались, а придется им сесть на оный паяк. Я не без удовольствия наблюдаю этот эпизод. Если бы не был так занят, написал бы статью о пайке. Может быть, кто-нибудь это сделает.

5. Кампания по поводу испанской революции есть база для действительного сплочения действительных большевиков-ленинцев как во французской Лиге, так и в международном масштабе. Я твердо рассчитываю при этом на ваше тесное сотрудничество с Раймоном и на сплочение вокруг этого сотрудничества большинства Лиги. Всякая трещина внутри этого большинства могла бы оказаться гибельной. На это не надо закрывать глаза.

6. Из Берлина пишут, что свое преступление в отношении русской оппозиции Ландау-Мюллер продолжают развивать: они посылают по адресам, попавшим в их руки, в Россию циркулярные письма о том, как с ними плохо обращаются. Смешно думать, что письма эти могут произвести хотя бы малейшее впечатление на кого-либо из членов оппозиции. Но в руках Ярославского письма станут материалом для нового маленького скандала. Само по себе это не

страшно. Но адресаты писем, несомненно, пострадают. Мы ведем переписку с соблюдением всех необходимых правил осторожности. Ландау и Мюллер никаких правил, разумеется, не соблюдают и могут подвести целый ряд лиц. Я надеюсь, что Секретариат проявит в этом вопросе необходимую энергию. Думаю также, что в известный момент необходима будет соответствующая резолюция Лиги по этому вопросу или хотя бы Правления Лиги. Думаю, что голосование должно быть именованным, дабы заставить каждого нести всю полноту ответственности.

[Л.Д.Троцкий]

Перманентная революция¹²⁷.

Несколько слов к французскому изданию

Сложная и несовершенная архитектура этой книги отражает ее судьбу: книга родилась из борьбы за определенное понимание внутренней диалектики революционного процесса и пополнялась в ходе этой борьбы. Читатель, который интересуется только внешним драматизмом революции, лучше всего сделает, если отложит эту книгу в сторону. Для кого же революция не только грандиозное зрелище, но и объективно обусловленное состояние социального кризиса, подчиняющегося своим внутренним законам, тот, может быть, не без пользы прочитает предлагаемые здесь его вниманию страницы.

Выпуская эту работу на французском языке, я заранее примиряюсь с обвинениями в догматизме, казуистике, пристрастии к экзогетике¹²⁸ старых текстов и, главное, в недостатке "ясности". Увы, в отвращении к материалистической диалектике, столь обычном в "левых" кругах Франции, не исключая, разумеется, и ее социалистических рядов, сказывается только консерватизм официальной французской мысли, которая имеет свои глубокие корни в истории французского буржуазного общества. Но мы не сомневаемся, что диалектика исторического процесса справится с идейными навыками французской буржуазии, как и с самой буржуазией. Даже прекрасный в своей законченности французский язык, в шлифовке которого не последнее место занимал такой острый инструмент, как гильотина¹²⁹, будет силою исторической диалектики снова брошен в большой тигель и переплавится под высокой температурой; ничего не потеряв в своем логическом совершенстве, он приобретет при этом большую диалектическую гибкость. В революции языка будет выражаться только новая революция в царстве идеи, которая, в свою очередь, неотделима от революции в царстве вещей.

Значительная часть этой книги связана с Россией, с нынешней и прошлой идейной борьбой в ее революционных рядах. Ходом событий эти споры подняты на международную высоту. В этом и только в этом оправдание появления этой теоретико-полемиической работы на французском языке.

В приложении мы даем три очерка, из которых один посвящен французскому роману о китайской революции¹³⁰, а два других - анализу развертывающейся на наших глазах испанской революции. Несмотря на различие стран и эпох, одна и

та же тема - "перманентная революция" - объединяет в одно целое части этой книги, вопиющие дефекты которой автору ясны, чем кому бы то ни было.

Читатель, который остановится в нерешительности на той или другой полемической главе или на перегруженном цитатами экскурсе в историческое прошлое русской марксистской мысли и поставит себе законный вопрос: к чему мне это? - поступил правильно, если, прервав чтение, обратится к заключительным страницам, посвященным Китаю и Испании. Может быть, после этого главы, которые показались ему сперва "доктринерскими" и "казуистическими", предстанут пред ним в менее отталкивающем свете. По крайней мере, автор хотел бы на это надеяться.

Л.Троцкий

9 июня 1931 г.

Кадикей

Предисловие к итальянскому изданию "Испанской революции"¹³¹

Я могу лишь горячо приветствовать мысль "новой итальянской оппозиции"¹³² об издании этой работы на итальянском языке. В переписке с товарищами из новой оппозиции около года тому назад я высказал предположение, что в период ликвидации фашистского режима лозунги демократии могут получить в Италии известное значение. Сейчас, в свете испанских событий, я формулировал бы ту же самую мысль с гораздо большей категоричностью. Испанский опыт не оставляет никакого сомнения в том, что итальянская революция пройдет через более или менее длительное демократическое "вступление", прежде чем войдет в решающий фазис непосредственных боев пролетариата за власть. В течение этого вступительного периода пролетарский авангард ни в коем случае не может повернуться спиной к проблемам демократии. Позиция группы "Прометео", в принципе отвергающей демократические лозунги, выступает в свете испанских событий как теоретически несостоятельная, политически пагубная. Горе тем, которые не учатся на больших фактах истории!

Наряду с попыткой осветить на свежем опыте марксистское отношение к лозунгам демократии, центральной темой этой работы является критика мифа нейтральной, междуклассовой, "народной" революции и неклассовой, бесполой, "демократической диктатуры". Этому мелкобуржуазному идолу, которому в Китае принесены были гекатомбы¹³³ пролетарских жертв, руководство Коминтерна пытается ныне воздвигнуть храм в Испании. Мы должны встретить попытку центристской бюрократии во всеоружии. В этой проблеме резюмируется судьба испанской революции. И опять-таки, мне кажется, что итальянские товарищи должны внимательнее, чем кто бы то ни было, следить за развитием великих событий на Пиренейском полуострове. В другой форме, при другом сочетании сил, те же проблемы станут раньше или позже - будем надеяться, что достаточно скоро, - перед пролетариатом Италии.

Л.Троцкий

9 июня 1931 г.

Кадицей

[Письмо М.Миллю]

10 июня 1931 г.

г. Миллю.

Дорогой товарищ!

Получил вчера ваше письмо от 3 июня с приложением протоколов Секретариата. Как обидно, что протоколы рассылаются с таким ужасающим запозданием. Секретариат этим вредит и делу, и себе самому. Я с огромным интересом прочитал протоколы. Представляю себе, что в национальных секциях протоколы должны читаться с жадностью и должны иметь, по крайней мере для руководящих товарищей, крупнейшее воспитательное значение. Вы обвиняете меня в несправедливых нападках. Возможно, что те или другие мои замечания несправедливы. Но как же можно судить о деятельности Секретариата, если последний сам окутывает ее тайной? Деятельность, о которой не знают, в политике равна нулю.

В протоколах меня очень порадовала позиция т. Сюзо по ряду острых вопросов. Кстати: получил ли т. Сюзо во время вашего отсутствия мой ответ на его письмо?

1. У меня такое впечатление, что новая итальянская оппозиция слишком осторожно, слишком мягко и выжидательно относится к бордигистам. Я вполне понимаю, что в самом начале нужно было проявить величайший такт, чтобы выяснить, можно ли сработаться с этой группой, доступна ли она аргументам и пр. Но мне кажется, физиономия группы сейчас совершенно выяснилась: это чистейшая культура сектантства, герметически закупоренного и в значительной мере крайне прокисшего. Сектантское высокомерие составляет характерную черту такого рода публики: с одной стороны, они не выносят ни малейшего критического замечания и вмешательства в свои внутренние дела; с другой стороны, они говорят со всеми другими и обо всех других тоном ничем не мотивированного превосходства, нередко с оттенком наглости. Весьма возможно и даже вероятно, что в их среде имеются элементы, которым хотелось бы вырваться на свежий воздух. Но наша чересчур осторожная и выжидательная политика задерживала процесс высвобождения здоровых элементов. Пора положить этому конец. Право же, у нас есть гораздо большие задачи, чем тащить на своей спине осколки и отбросы разных изживших себя групп и сект.

По отношению к "Прометею" положение особенно ясно, ибо как-никак у них есть своя позиция. В своей работе об Испании я атакую "Прометея" открыто (я имею в виду тот факт, что наша критика появилась только в "Бюллетене").

Тягаться с "Прометею" по поводу их интриг, шашней и пр[очего] не стоит. Гораздо лучше дать ясный и отчетливый бой по принципиальной линии. Они расходятся с нами по всем вопросам, причем имеют тенденцию в каждом вопросе доводить свою позицию до абсурда. Эта группа стоит на пути развития

коммунизма в Испании как помеха. Новая оппозиция должна расчистить себе дорогу. Мы должны ей в этом помочь. Позиция самого Бордиги неизвестна. Но мы должны считаться с фактами, как они есть: позиция "Прометео" есть чудовищная смесь анархизма, синдикализма, оппортунизма в консервативно-сектантской оболочке. Вот почему эта группа почти автоматически поддерживает каждую группку, выступающую против нас, в любой части света. С этим надо покончить. Проблемы испанской революции открывают благодарную базу для дискуссии с "Прометео", которая должна принять интернациональный характер. И немецкая оппозиция, и французская должны на своих ближайших конференциях со всей ясностью и непримиримостью высказаться по поводу [...]134 "Прометео", в частности, это будет ударом по группам Ландау и Гурже и затруднит им дальнейшие интриги. Интернациональная конференция должна будет окончательно разрешить вопрос уже в его организационной форме. Я бы очень хотел знать мнение т. Сюзо и его группы по этому вопросу.

2. Вы получили, конечно, письмо китайских товарищей об объединении. Это [важный факт]. Кстати: почему это письмо не напечатано в "Веритэ"? Установление правильной связи с Китаем есть очень важная задача. Вам абсолютно необходимо найти в Париже китайца, который мог бы следить за китайской печатью. Т[оварищ] Чен Дусю выпустил первый том своего труда об экономике Китая: необходимо было бы дать рецензию. Я написал Чен Дусю письмо, но оно почему-то вернулось обратно.

3. В Индии перед нами, несомненно, широкая арена, как и в Китае. Это подтверждается, в частности, докладом Навилля о группе индусов в Англии. Секретариату необходимо было бы иметь особого секретаря по делам Востока, т. е. прежде всего Китая и Индии, затем Индокитая и пр. Я уже поднимал несколько раз этот вопрос. Боюсь, что вы игнорируете Восток, между тем именно там для нас открываются грандиозные возможности, ибо Коминтерн себя безнадежно запутал перед странами Востока метафизикой демократической диктатуры, которая для французов безразлична, а для китайцев и индусов является вопросом жизни и смерти. Я постараюсь на эту тему написать самое простое и популярное письмо к рабочим Индии, которое могло бы иметь характер платформы. К сожалению, я сейчас адски занят своей "Историей"135.

4. Из протоколов ясно, что Секретариат заседает нередко в составе двух лиц. Это не может не вызывать беспокойства национальных секций, ибо в случае расхождения вопросы должны откладываться и пр. Секретариат получает все большее значение. Но именно поэтому он должен иметь большую устойчивость. Я снова возвращаюсь к вопросу о том, чтобы пополнить Секретариат до пяти членов или хотя бы подкрепить его двумя кандидатами.

5. Над всеми вопросами господствует, конечно, испанский вопрос в данный момент. Я буду очень рад, если новая итальянская оппозиция издаст мою брошюру по-итальянски. На всякий случай прилагаю при сем маленькое предисловие для итальянского издания136.

Но обращаюсь к чисто испанским делам. Мысль т. Сюзо об издании интернационального манифеста по поводу испанской революции великолепна.

Манифест должен был бы выйти за подписями всех национальных секций и прежде всего, разумеется, Интернационального Секретариата. Манифест должен был бы дать критику не только официальной партии, но и каталонской федерации¹³⁷. В ваших корреспонденциях вы взяли по адресу каталонской федерации недостаточно критический тон. Я впервые прочитал в "Лютт де Клясс" тезисы каталонской федерации и поразился путанице в их головах (примечание редакции показалось мне совершенно недостаточным). Для того чтобы критика наша была точной, конкретной, ясной, необходимо добиться того, чтобы испанские товарищи перевели для нас основные документы организаций и групп на французский язык. Эту задачу должен поставить себе Секретариат.

Необходимо сейчас же завести при Секретариате архив испанской революции, собирая все важнейшие документы, материалы, вырезки из газет, письма и пр. Помимо всего прочего, мы должны испанскую революцию превратить в академию для международной левой оппозиции.

6. Ей-же-ей, я не склонен обвинять вас как виновника "плохой погоды во Франции" или "частых землетрясений в Японии". Вы чуточку преувеличиваете, что в полемике не возбраняется.

Неверно, во-первых, будто я выражал недовольство вашими переводами. Я писал лишь, что, так как дело идет на этот раз о программном документе, а не о статье, то перевод должен быть более тщательным, т. е. я имел просто в виду, что перевод должен быть раз и два тщательно проверен по русскому тексту. Только и всего. Если я высказывался иногда против вашей переводческой работы, то только в том смысле, что она отрывает вас от гораздо более важных задач и приводит к тому, что протокол заседания Секретариата от 31 марта был получен секциями в середине июня. Между тем, если бы протоколы рассылались каждые две недели, они могли бы быть подробнее и, следовательно, поучительнее (хотя и сейчас они очень интересны).

7. Что денежные затруднения задерживают выход "Бюллетеня", это прискорбно. Но почему вы своевременно не обратились ко мне или к Маркину: в тот момент содействие было вполне возможно. Во всяком случае, опубликование и рассылка моего немецкого письма явились лишней тратой сил и средств. Последний "Бюллетень" тоже страшно отстал от событий.

8. Несколько практических замечаний по поводу французских изданий. Я никак не могу взять в толк, почему, скажем, мои тезисы по русскому вопросу или моя работа об Испании должны появляться отдельной брошюрой, в то время как "Лютт де Клясс" выходит раз в три месяца? Не проще ли вместо отдельной брошюры выпустить номер "Лютт де Клясс" как специальный номер (мы так поступаем с русским "Бюллетенем")? В чем здесь выгода? Во-первых, журнал выходит при этом правильно, заполняется пробел. Во-вторых, если брошюра разойдется шире обычного номера журнала, то она может увеличить число абонентов журнала. Нельзя ли натолкнуть французских товарищей на эту простую мысль? Нерегулярность выхода "Лютт де Клясс" совершенно скандальна.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

12 июня 1931 г.

г. Миллю

Дорогой товарищ!

Из последнего письма Раймона [Молинье] я вижу, что очень огорчил вас своими последними письмами. Раймон считает, что я свои упреки адресую неправильно по вашему адресу, пишет, что вы делаете решительно все, что возможно сделать; что скорее уж надо обвинить его и т. д.

Я очень жалею, что огорчил вас своими письмами. Вы во всяком случае должны понять, что в них не было никакого личного момента. Правильнее было бы, формально говоря, обратиться к Секретариату в целом. Если я писал лично вам, то потому, что у нас с вами более тесная связь, причем я всегда исходил из того, что самое существенное вы передадите Секретариату и что, таким образом, я вам помогу оказать давление на других, потребовать от них большей активности, большего внимания к интернациональным делам и т. д. Вы, надеюсь, или, вернее, не сомневаюсь, признаете, что никакие другие соображения, кроме чисто деловых, не руководили и не руководят мною, когда я пишу вам те или другие письма, делаю те или другие упреки, хотя бы несправедливые. Я исхожу каждый раз из объективной обстановки, как она должна представляться каждой национальной секции и внешнему миру.

Посылаю при сем в официальном порядке свои замечания по поводу платформы каталонской федерации¹³⁸. Нет, этого мы не можем терпеть. За это мы не можем нести и тени ответственности. Если т. Нин хочет это покрывать, это его дело. Я с ним обменялся за эти месяцы десятками и десятками писем, но не мог добиться никакой ясности. Я обвиняю себя нещадно в том, что упустил уже значительное время. Больше упускать нельзя ни одного дня. Нам нужна интернациональная кампания по вопросам испанской революции. У нас здесь архивыгодная, полностью обеспеченная, я бы сказал, "беспроигрышная" позиция. Мы не имеем права щадить кого бы то ни было, раз дело касается основных проблем испанской революции. Ход событий будет подтверждать наш анализ и прогноз. Нам надо перейти по этой линии в наступление: на Коминтерн, на официальные национальные партии, на каталонскую федерацию, на бордигистов. Надо прижимать их к стене, требовать ясных ответов, повторять снова и снова одни и те же формулы, не давая противникам ни отдыха, ни сроку. Только таким путем мы можем вывести французскую Лигу из той тины дрязи, в которой она сейчас погрязает. Боюсь, что французские товарищи не дают себе в этом достаточно ясного отчета. Можно и должно на время предоставить Навилля и всех других их собственному барахтанью. Надо перенести все вопросы в другую плоскость. Надо нанести, в частности, сокрушительный удар бордигистам по вопросу об испанской и будущей итальянской революции. Этим мы нанесем косвенный, но в действительности непоправимый удар всем этим Гурже, Ландау и пр., ибо они сразу повиснут в воздухе. Перенесение борьбы в другую плоскость вызывается сейчас и

объективными событиями (революция в Испании), и внутренними потребностями оппозиции. Но чтобы иметь успех, нужно архисерьезно отнестись к вопросам по существу. Нужно побуждать наших товарищей внимательно изучать вопрос и твердо запоминать определенные формулы, лозунги и аргументы. Марксистская политика есть наука. Нельзя подходить к вопросам с кондачка. Этому мы должны учить наших сторонников, и наше преимущество в этом отношении мы можем и должны обнаружить теперь на вопросе об испанской революции.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.К.Клячко]

14 июня 1931 г.

Клячко

Посылаю вам одновременно с этим письмом три экземпляра своей "Истории" на немецком языке: один для вас (надписанный), а два других - для тех доброжелателей, которые послали мне книжки или захотят послать в дальнейшем: я сейчас очень озабочен составлением хотя бы самой примитивной библиотеки, так как без этого совершенно нет возможности работать.

Мы с Натальей Ивановной очень обеспокоены тем, что от вас нет ответа. Не случилось ли чего-либо неблагоприятного? Будем надеяться, что нет. Не пропало ли просто ваше письмо? За последние недели в связи с переменой адреса писем пропадало немало.

Получили ли вы русское издание "Истории"? Будем с большим нетерпением ждать от вас весточки.

[Л.Д.Троцкий]

Предисловие к чешскому изданию "Испанской революции" 139

Когда эти страницы появятся в печати на чешском языке, события в Испании снова уйдут вперед. Недаром было сказано, что революции - локомотивы истории. Но как бы быстро ни развивались события революции, они следуют своей внутренней закономерности: даже Ниагара не нарушает законов гидродинамики. Чтобы понять новые этапы революции, нужно отдать себе отчет относительно ее движущих сил и их орбиты. Этому вопросу и посвящена настоящая книжка.

Она состоит из четырех частей, отделенных друг от друга небольшими промежутками времени, но составляющих вместе одно целое.

Первая часть написана за три месяца до низвержения испанской монархии. "Десять заповедей испанского коммуниста" набросаны в день получения сведений о том, что Альфонс Бурбон¹⁴⁰ получил от любезных республик и монахий Европы все необходимые визы. Третья часть, посвященная внутренним опасностям, угрожающим революции, написана в самое последнее время (28 мая). Наконец, в приложении я даю те отклики на испанские события, которые находили свое выражение в течение последнего года в политической переписке автора.

Уже этот состав брошюры показывает, что читатель не имеет перед собой законченной работы. Да ее и не может быть, поскольку мы не имеем перед собой законченной революции. События только развиваются. Главное содержание брошюры составляют поэтому вопросы прогноза. Ход развития, правда, никогда не совпадает с теоретическим предвиденьем: события богаче, разнообразнее, "щедрее" теоретических схем и в сочетании своем всегда порождают "неожиданности". Но исторический прогноз оправдывает себя постольку, поскольку он облегчает зрителям или участникам ориентировку в том, что происходит перед их глазами или при их участии.

Брошюра написана под углом зрения того течения, которое автор представляет в марксизме (международная фракция большевиков-ленинцев, или левая коммунистическая оппозиция). Автор противопоставляет свою оценку движущих сил революции и свой прогноз не только взглядам либерализма и социал-демократии, но и взглядам нынешнего руководства Коммунистического Интернационала.

Автор хочет надеяться, что его работа будет не лишней для чешского читателя, которому под видом марксизма преподносят нередко чудовищные взгляды, в которых невежественное филистерство при помощи крикливой брани пытается прикрыть внутреннюю пустоту и неуверенность в себе.

Читатель, который хочет учиться, должен проверять борющиеся взгляды на событиях. Помочь в этом отношении вдумчивому читателю - такова задача этой книжки.

Л.Троцкий

15 июня 1931 г.

[Письмо М.Миллю]

16 июня 1931 г.

г. Миллю

Дорогой товарищ!

Отвечаю на ваше письмо от 9-10 июня.

Некоторые ваши разъяснения для меня очень ценны и показывают, что я кое-чего недоучитывал. Так, напр[имер], я не отдавал себе отчета в нерегулярности выхода "Веритэ", относя это за счет почты. Если дело обстоит так печально, тогда, пожалуй, лучше действительно перейти временно на двухнедельник. Мое противопоставление Раймона [Молинье] ленивым обывателям я строил главным образом на основании сообщений т. Анри [Молинье], да и ваши сообщения это полностью подтверждают: для высокой критики всегда есть люди. Для черной работы, для экспедиции и пр. - никого нет. Для меня это безошибочный критерий. Революционер, который неспособен отдавать свое время, или, лучше сказать, способен не отдавать своего времени самым мелким и черным деталям работы, не есть революционер. На такого человека нельзя положиться. Он в трудную минуту уйдет в кафе пить абсент¹⁴¹.

Здесь я подхожу к центральному пункту. Выхода из положения в Лиге нет

до тех пор, пока не будут привлечены хотя бы десяток-два свежих молодых рабочих. Это есть сейчас единственный путь. Совершенно необходимо перейти на кружковый метод работы. Единственная организация, которая за последний год в Германии росла - это лейпцигская организация. Как она рекрутировалась? Несколько подготовленных интеллигентов вели рабочие кружки, положив в основу критику программы Коминтерна. Это, безусловно, правильный путь. Афишами многого достигнуть нельзя. Я уже писал об этом Раймону. Сейчас в порядке дня стоит испанская революция. Тем самым проблема перманентной революции поставлена во всей остроте. Испанской революцией интересуется всякий революционный рабочий. Надо создавать кружки для изучения испанской революции. Руководители должны положить в основу анализа вопрос о перманентной революции. Надо заставить людей серьезно изучать, чтобы заинтересовать молодых рабочих и действительно научить их чему-нибудь.

Возвращаюсь к "Веритэ". Я не могу отсюда высказаться решительно в пользу сохранения еженедельника или перехода на двухнедельник. Во всяком случае, если регулярный выход несовместим сейчас с еженедельным выходом, то надо переходить на двухнедельный. Но в таком случае надо создать определенную календарную программу, напр[имер]: в течение ближайших двух или трех месяцев (точно указать) "Веритэ" будет выходить два раза в месяц. За это время должен быть создан определенный фонд. Силы переносятся главным образом вниз, в кружковую работу.

Мои слова о том, что ваше время слишком много поглощается личными склоками, вы поняли совершенно неправильно. Я не хотел этим сказать, что вы создаете личные склоки: для такого утверждения у меня не могло быть ни малейшего основания. Моя мысль была та, что вы слишком близко входите во все дела Лиги и потому вынуждены отдавать свое время всем личным склокам, которых там немало. Вы знаете, что я тоже потратил немало времени на попытки урегулировать личные вопросы Лиги. Сейчас я от этого совершенно отказался. Разумеется, там, где вопрос ставится ребром, вы не можете не участвовать. Но от повседневных потрясений можно, мне кажется, отгородиться, чтобы не страдал Секретариат, да и чтобы вам самому сохранять большую "дистанцию", совершенно необходимую для более спокойного и объективного вмешательства в критические моменты.

Решение о группе Гурже мне кажется совершенно правильным. Решение о Вейсборде застаёт меня неподготовленным: я не имел возможности ознакомиться с его газетой и другими изданиями. Но разумеется, поддержать Лигу против Вейсборда было абсолютно необходимо. Сам Вейсборд как будто в Берлине. Не делал ли т. Франк попытку повидаться с ним? Не мог ли бы Секретариат вызвать его в Париж (если верно, что он в Берлине)?

Выпускать испанскую брошюру в "Бюллетене" не имеет никакого смысла, так как на других языках она выйдет брошюрой (по-русски вышла, по-немецки выйдет на днях, выйдет, очевидно, по-испански и по-чешски)¹⁴². Дело идет, таким образом, о странах французского языка. "Бюллетень" этого вопроса не решает: вы только напрасно потеряете время и деньги. Сколько должно стоить издание

брошюры, в которую вошли бы обе мои работы со всеми приложениями? Сообщите мне об этом, пожалуйста, сейчас же. Я не могу дать сейчас твердого обещания, так как не могу поручиться за аккуратность издателей. Но я надеюсь, что смогу помочь Секретариату издать эту брошюру.

Возвращаю присланные вами инструкции.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Миллю]

17 июня 1931 г.

т. Миллю

Получил только что письмо от т. Франка, заключающее ряд интересных, а отчасти и тревожных сведений. Т. Франк пришел к тому выводу, что Ландау и Мюллер перехватывали конспиративные письма из России, предназначенные для редакции русского "Бюллетеня". Признаться, по ряду признаков такое предположение возникало у меня давно, но я не решался самому себе сформулировать его ясно. Теперь понятно, к чему относятся угрозы Ландау опубликовать какие-то "документы", касающиеся русской оппозиции. Таким образом, этот человек не только считал возможным перехватывать письма, предназначавшиеся не для него, но и хвастать тем, что он эти письма опубликует. Политически русской оппозиции нечего скрывать: до сих пор мы публиковали все то, что имело политический интерес, в том числе и внутренние споры, внося только такие сокращения и изменения, которые должны помешать ГПУ открыть авторов писем или тех лиц, те группы, те тюрьмы, о которых в этих письмах идет речь. В отношении всех этих обстоятельств мы соблюдали и соблюдаем величайшую осторожность. Пользуясь промежуточными адресами немецких товарищей, мы, согласно старой революционной традиции, исходили из того, что формальные адресаты - честные революционеры, или еще проще: честные средние люди, которые не посмеют посягать на тайну чужой корреспонденции, тем более конспиративной. Нам пришлось обращать внимание Мюллера на то, что некоторые письма получены были вскрытыми. Он объяснил это недоразумением со стороны формальных адресатов, признавая тем самым само собою разумеющееся: что ни он, ни кто другой из немецких товарищей не имеет на эту переписку никаких прав без прямого разрешения действительного адресата писем, т. е. редакции русского "Бюллетеня". Политическая борьба, организационная борьба, даже прямой раскол ничего в этом отношении изменить не могут. Группа Ландау-Мюллера имела в крайнем случае право отказаться получать в дальнейшем письма для русской оппозиции, т. е. могла отказать в услуге, в которой не откажет даже честный средний обыватель. Но перехватывать переписку, т. е. не передавать по назначению писем исключительной революционной важности, писем, которые пишутся с большим личным риском - значит совершать самое отвратительное преступление против элементарных правил революционной морали. Грозить опубликованием таких писем значит переходить на путь провокации. В самом деле, в чем функции

агента-provokatora: он вкрадывается в доверие революционной организации, овладевает ее конспиративными сведениями, тайными документами и затем употребляет их во вред организации. Уже простой захват корреспонденции есть жестокий удар организации, поставленной в условия подполья. Разглашение же сведений, заключающихся в этой переписке, есть, повторяю, акт злостной провокации.

Через ваше посредство я прошу Интернациональный Секретариат в самом спешном порядке и в то же время в строго официальном порядке принять необходимые меры:

1. Потребовать объяснений от Мюллера, Ландау и др[угих] замешанных в этом деле лиц.

2. В случае, если опасение или подозрение в той или другой степени подтвердится, в частности в случае отказа Ландау-Мюллера от ответа, открыто и гласно отстранить их от Интернациональной левой оппозиции, как людей, морально опозоренных действиями, стоящими на грани злостной провокации.

3. Начать расследование среди тех примыкающих к Интернациональной левой оппозиции групп, которые осведомлены об этих преступных действиях, с целью выяснения, где начинается и где кончается соучастие, попустительство и укрывательство. Правилom надо поставить, мне кажется: всякое лицо, всякая группа, которые способны поддерживать связь с лицами, запятнавшими себя провокационной деятельностью, должны беспощадно изгоняться из Интернациональной левой оппозиции.

Разумеется, все это предложение имеет совершенно секретный характер, ибо оно исходит из подозрения, а не из доказанного обвинения. Других путей, кроме обращения к Секретариату, в данном случае нет и быть не может. Но обязанность Секретариата, по моему мнению, - действовать быстро, энергично и беспощадно.

Надо дать себе отчет в одном: левая оппозиция хочет быть авангардом коммунистических рядов; но в разных странах к ней присосались отбросы коммунистических рядов, элементы, насквозь деморализованные. Надо не только отсечь их, но и прижечь рану каленым железом. Интернац[иональному] Секретар[иату], как и всем нам, нелегко делать вывод о личной виновности того или другого товарища, поскольку вопросы вращаются в кругу фракционной борьбы и личной склоки. Но здесь мы имеем перед собою (если подтвердятся подозрения) объективный политический факт, который в самом себе несет свою оценку. Тут двух мнений не может быть, только заведомый негодяй может пытаться искать оправдания такому образу действий. Прошу вас все это довести до сведения Секретариата дословно.

[Л.Д.Троцкий]

Административному Секретариату Интернациональной левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Ходом событий поставлен сейчас в порядок для грандиозный вопрос, в

области которого левая оппозиция может и должна сказать свое слово. Я имею в виду испанскую революцию. Сейчас дело идет для Интернациональной левой не о критике задним числом, а об активном вмешательстве в события для предупреждения катастрофы.

У нас мало сил. Но в том и состоит преимущество революционной ситуации, что даже малочисленная группа, если она дает правильный прогноз и выдвигает своевременно правильные лозунги, может в короткий срок вырасти в большую силу. Я имею при этом в виду не только нашу испанскую секцию, непосредственно захваченную событиями, но и все остальные секции, ибо ход революции, чем дальше, тем больше будет поглощать внимание рабочих всего мира. Проверка политических линий будет происходить на глазах мирового пролетарского авангарда. Если мы действительно левое крыло; если мы действительно сильны правильной революционной концепцией, - то мы должны показать эти наши преимущества с наибольшей силой в революционной ситуации. Если мы действительно интернационалисты, то мы должны проделать работу эту в интернациональном масштабе.

Два основных вопроса должны быть поставлены нами ребром: 1) об общем характере испанской революции и вытекающей отсюда стратегической линии и 2) о правильном тактическом использовании демократических лозунгов и парламентско-революционных возможностей. Все наиболее существенное по этому поводу я попытался сказать в своей последней работе об Испании. Здесь я хочу только кратко резюмировать те вопросы, по которым мы должны перейти в наступление по всей линии Коммунистического Интернационала.

Надо ли ждать в Испании между происшедшей республиканской революцией и между будущей пролетарской революцией какой-то средней, промежуточной, "рабоче-крестьянской" революции с "демократической диктатурой"? Да или нет? Вся стратегическая линия определяется ответом на этот вопрос. Официальная испанская компартия погружена в этом основном вопросе в идейную путаницу, которую насаждали и насаждают эпигоны и которая закреплена программой Коминтерна. Мы имеем здесь возможность в самой наглядной и убедительной форме, на основе живых событий изо дня в день раскрывать перед пролетарским авангардом пустоту, бессмыслицу и вместе с тем страшную опасность фикции средней, промежуточной революции.

Руководящие товарищи всех секций обязаны помнить, что мы, именно как левое крыло, обязаны стоять на незыблемо научной основе. Дешевое фехтование идеями, журналистское шарлатанство в стиле Ландау и К ||- противоречит самому существу революционной пролетарской фракции. Надо изучать основные вопросы революции так же, как инженеры изучают сопротивление материалов, а медики анатомию и патологию. Проблема перманентной революции превращена сейчас испанскими событиями в центральную проблему Интернациональной левой оппозиции.

Вопросы о демократических лозунгах, об использовании выборов, а затем и кортесов¹⁴³ являются вопросами революционной тактики, подчиненными общим вопросам стратегии. Но самые правильные стратегические формулы ничего не

стоят, если не находить к ним в каждый данный период стратегического ключа. Между тем, в Испании дело обстоит на этот счет из рук вон плохо. Французские газеты сообщают, будто руководитель Каталонской Федерации Маурин¹⁴⁴ заявил на докладе в Мадриде, что его организация не примет участия в выборах, так как она не верит в их "искренность". Неужели это верно? Ведь это значило бы, что Маурин подходит к проблемам революционной тактики не с точки зрения мобилизации классовых сил пролетариата, а с точки зрения морализирования и мелкобуржуазного сентиментализма. Две недели тому назад я решил бы, что буржуазная пресса сообщает вздор; но, ознакомившись с платформой Каталонской Федерации, я вынужден признать, что вышеприведенное сообщение, как оно ни чудовищно, все же нельзя считать заранее исключенным.

По этой линии надо дать непримиримый бой в наших собственных рядах. Совершенно нелепо и прямо недостойно заниматься препирательствами с отдельными группами по вопросу о функции, правах и полномочиях Секретариата, если у нас с этими группами совершенно нет под ногами общей принципиальной базы. Я имею в виду группу "Прометео", которая расходится с большевиками-ленинцами по всем основным вопросам стратегии и тактики. Нельзя позволять никому заглушать эти глубочайшие разногласия шумной возней и беспринципными "блоками", неизбежно вырождающимися в закулисные интриги.

После русского опыта вопрос о лозунгах демократии в революции был заново поставлен ходом борьбы в Китае. Не все европейские секции имели, однако, возможность следить за этапами этой борьбы. Дискуссия вокруг этих вопросов имела поэтому для отдельных групп и товарищей полуакадемический характер. Но сейчас эти вопросы наполнены плотью и кровью. Неужели же на решающем историческом переломе мы позволим связывать нас по рукам и по ногам? Как в момент советско-китайского конфликта, грозившего войной, мы не могли заниматься дискуссиями на тему о том, кого поддерживать: Советский Союз или Чан Кайши, так сейчас, перед лицом испанских событий, мы не можем допускать, чтобы на нас ложилась хоть косвенная ответственность за сектантские полубакунистские предрассудки¹⁴⁵ отдельных групп.

Практические мои предложения в общих чертах таковы:

Все секции должны поставить проблемы испанской революции в порядок дня.

2. Правления секций должны создать особые комиссии для подбора материалов, разработки вопросов и особенно внимательного наблюдения за тем, как ставятся проблемы испанской революции официальными партиями.

3. Все важнейшие документы испанского коммунизма во всех его группировках должны, по крайней мере в извлечениях, регулярно доводиться до сведения всех национальных секций.

4. Каждая национальная секция оппозиции после необходимой подготовки открывает наступление против политики Коминтерна в деле испанской революции. Наступление может иметь разные формы: статьи печати; критические резолюции; открытые письма; выступления на собраниях; индивидуальная и групповая работа и пр. Но все эти формы должны быть строго согласованы между собой.

5. После известной подготовительной работы как в отдельных секциях, так

и в Интернациональном Секретариате необходимо в тесном сотрудничестве с испанской секцией выработать как можно более конкретный Манифест Интернациональной левой оппозиции об испанской революции и придать этому манифесту как можно более широкое распространение.

Таковы ближайшие предложения. Я прошу их обсудить, разослав в то же время настоящее письмо, дабы обсуждение без потери времени шло одновременно во всех секциях.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

18 июня 1931 г.

[Письмо Л.Л.Седову]146

23 июня 1931 г.

Милый Лева,

1. Посылал ли ты в Париж перевод моих замечаний насчет того, чем объясняются нынешние затруднения Лиги (ошибками старого правления, а не нового)?

Есть сведения, что Милль вместе с Эмилем ведут борьбу против Раймона. Это никуда не годится. Я Милля постарался успокоить в своих последних письмах. Но если он не "успокоится" в своем невыносимом импрессионизме, то может кончиться плохо. Надо ясно понять, что худо ли, хорошо ли, но дело держится на Раймоне и Франке: заменить их Милль никак не может, пусть постарается их дополнить.

2. Разумеется, наше положение трудное. Нам приходится кустарными средствами противопоставлять очень большие и сложные исторические и стратегические соображения - кустарным идеям, которые распространяются и защищаются в помощь самой высокой техники. За этими кустарными идеями стоит самое революционное государство в мире. Этот факт действует на эмпириков, а таково подавляющее большинство людей.

Я здесь возвращаюсь к Сталину. Нынешние успехи советского государства представляют собой несомненный факт. Эти успехи оказались возможны лишь благодаря резкой перемене политики. Перемена политики оказалась возможной лишь благодаря левой оппозиции. Буржуазия всего мира поняла это. Все американские издания, за которыми я имею возможность следить, видят в успехах политики Сталина победу нашей политики. Коммунистический Интернационал, аппарат которого зависит непосредственно от Сталина, всеми средствами и не без успеха тормозит понимание этой истины. Но она будет проникать в сознание.

Отказ от политики "третьего периода" был непосредственно вызван нашей критикой. Ошибки наших сторонников замаскировали этот факт. Но он все же будет проникать в сознание.

Сейчас мы имеем перед собой еще более грандиозный опыт: испанскую революцию. Преимущество научных идей, защищаемых кустарными средствами, над

кустарными идеями, защищаемыми с помощью самой богатой техники, должно обнаружиться на опыте испанской революции очень ярко и убедительно.

Нельзя, конечно, недооценивать кустарности наших средств и методов. Мы имели возможность убедиться в том, что от прошлого мы получили в наследство в Европе, наряду с хорошими элементами, также и никуда не годные. Ландау и К|| больше мешают пониманию наших идей и методов, чем помогают этому. Все в совокупности может обескураживать людей без традиции, без кругозора или без характера. Но надо себе сказать ясно: из обстановки выскочить нельзя. Кадры надо отбирать и воспитывать. Преимущество правильных идей над ложными должно обнаружиться. В Евангелии на этот счет сказано: "Претерпевший до конца спасется". Вот это надо себе крепко зарубить на носу молодым оппозиционерам.

Еще одно соображение. Успехи германской компартии показывают, что бывают условия настолько благоприятные, что они с избытком перекрывают несостоятельность руководства. При благоприятных условиях можно без компаса доехать до Америки, но все-таки это будет лишь счастливый случай. Вообще же без компаса, во избежание катастроф, не рекомендуется совершать дальние поездки. Рассуждая отвлеченно, нельзя считать исключенной победу германского пролетариата даже под руководством Тельмана. Эта победа будет стоить неизмеримо дороже, придет позже, по дороге будет подвергаться всяческому риску и для своей реализации потребует все же ряда счастливых случаев. Но пока что до этого далеко. Пока что кризис капитализма толкает в сторону коммунизма недовольные массы. Подлинные задачи стратегии еще целиком впереди. Капитализм еще не сказал своего последнего слова. Первое же большое поражение компартии, а оно отнюдь не исключено, - вызовет, с одной стороны, страшный разброд, а, с другой, - потребность лучших элементов разобраться в том, что произошло. Наша политика остается политикой дальнего прицела.

2. Относительно Ландау и переписки. Нельзя ли посоветоваться с адвокатом насчет того, как квалифицирует такой образ действий германское законодательство. Это есть одна из форм злоупотребления доверием со стороны посредников. Буржуазное законодательство очень хорошо знает такое преступление¹⁴⁷. Я считаю вполне допустимым привлечь этого субъекта к буржуазному суду: дело идет тут не о принципах коммунизма, а о захвате корреспонденции, и буржуазный судья в этом достаточно компетентен. Думаю, что одной угрозы привлечения к суду будет достаточно для того, чтобы этот субъект поджал хвост. Но угрозу надо построить как следует быть, т. е. с участием адвоката, чтобы не вышло холостого выстрела. Прибегнуть к этому средству надо после того, как он откажется выдать корреспонденцию по требованию нового правления оппозиции или Интернационального Секретариата. Главное - не терять темпа в этой гнусной "игре" [...]148

[Л.Д.Троцкий]

В Интернациональный Секретариат. Всем национальным секциям

Дорогие друзья!

В письме к тов. Лакруа я высказал некоторые дополнительные соображения по поводу положения в Испании. К несчастью, у меня нет полной информации о том, как ставят испанские коммунисты разных группировок политические вопросы дня. Анализ революционной обстановки при таких условиях представляет больше трудностей, чем игра в шахматы, не глядя на доску. Каждый раз остается область вопросов, нуждающихся в дополнительной разработке. Прежде чем обратиться к печати, я хочу сейчас поставить эти вопросы перед вами и через ваше посредство перед испанскими коммунистами и перед всеми секциями Интернациональной левой.

Значительная часть моей статьи об опасностях, угрожающих испанской революции, посвящена доказательствам того, что между буржуазно-республиканской революцией в апреле этого года и будущей пролетарской революцией нет места для особой "рабоче-крестьянской" революции. Попутно я отметил, что из этого вовсе не вытекает, будто партия пролетариата должна до "последнего и решительного боя" заниматься только мирным накоплением сил. Такая концепция была бы антиреволюционной и филистерской насковзь. Если не может быть промежуточной революции, промежуточного режима, то могут быть и будут промежуточные выступления масс, стачки, демонстрации, столкновения с полицией и войсками, бурные революционные потрясения, в которых коммунисты будут, разумеется, всегда на самых боевых постах. Каков возможный исторический смысл этих промежуточных боев? С одной стороны, они могут вносить демократические изменения в буржуазно-республиканский режим, с другой стороны, они будут готовить массы к завоеванию власти для создания пролетарского режима.

Участие коммунистов в этих боях, тем более руководящее участие, требует с их стороны не только ясного понимания развития революции в целом, но и умения выдвигать своевременно такие частные, острые, боевые лозунги, которые сами по себе вовсе не вытекают из "программы", но зато диктуются обстановкой дня и ведут массы вперед.

Всем известно, какую огромную роль сыграл в 1917 году, во время коалиции русских соглашателей с либералами, большевистский лозунг: "Долой десять министров-капиталистов!"¹⁴⁹ Массы доверяли еще социалистам-соглашателям, но и у самых доверчивых масс всегда есть инстинктивное недоверие к буржуа, эксплуататорам, капиталистам. На этом и была построена тактика большевиков в определенный период времени. Мы не говорили "долой министров-социалистов". Мы не выдвигали даже лозунга "Долой Временное правительство" в качестве боевого лозунга момента. Но зато мы неустанно били в одну точку: "долой десять министров-капиталистов". Этот лозунг сыграл огромную роль, так как позволил массам на деле убедиться в том, что соглашателям министры-капиталисты ближе и дороже, чем рабочие массы.

Лозунги этого типа как нельзя лучше соответствуют данной стадии испанской революции. Пролетарский авангард полностью и целиком заинтересован

в том, чтобы толкать испанских социалистов ко взятию всей власти в свои руки. Для этого и нужно разорвать коалицию. Очередной задачей является борьба за изгнание буржуазных министров из коалиции. То или другое, вероятнее всего, частичное, половинчатое разрешение этой задачи, мыслимо только в связи с крупными политическими событиями, под ударами новых массовых движений и пр. Так, в России под давлением массовых движений вылетели из коалиционного правительства сперва Гучков и Милюков, затем князь Львов. Во главе правительства оказался Керенский, число "социалистов" возросло и пр. После приезда Ленина партия большевиков ни на одну минуту не солидаризовалась с Керенским и соглашателями. Но она помогала массам отталкивать буржуазию от власти и проверять соглашательское правительство на опыте. Это был необходимый этап на пути движения большевиков к власти.

Насколько можно понять издалека, выборы в кортесы обнаружат чрезвычайную слабость правых республиканцев¹⁵⁰ типа Замора¹⁵¹-Маура¹⁵² и обеспечат огромный перевес мелкобуржуазных соглашателей разной окраски: радикалов, радикал-социалистов и "социалистов". Несмотря на это, можно почти с уверенностью ждать, что социалисты и радикал-социалисты будут цепляться изо всех сил за своих союзников справа. Лозунг: "долой "Замора-Маура" вполне своевременен. Нужно только ясно понять одно: коммунисты не ведут агитации за министерство Леру¹⁵³, не берут на себя никакой ответственности за социалистическое министерство, но в каждый данный момент главный удар направляют против наиболее определенного и последовательного классового врага и этим ослабляют соглашателей, расчищая путь пролетариату. Рабочим-социалистам коммунисты говорят: "В отличие от нас, вы верите своим социалистическим вождям; заставьте же их, по крайней мере, взять власть. В этом мы вам честно поможем. А потом давайте проверять на деле, кто из нас прав".

Вопрос взят выше в связи с составом кортесов. Но и другие события, например, репрессии против масс, могут придать чрезвычайную остроту лозунгу "долой Замора-Маура". Победа в этой области, т. е. выход в отставку Замора, получила бы на новом этапе почти такое же значение для дальнейшего развития революции, как выход в отставку Альфонса в апреле. В выдвигании таких лозунгов надо исходить не из доктринерских абстракций, а из состояния сознания масс, из того, как массы воспринимают события и как на них отразится тот или другой частичный успех. Голое противопоставление лозунга "диктатуры пролетариата" нынешнему режиму само по себе совершенно недостаточно, ибо не захватит масс.

В связи с этим снова встает вопрос о социал-фашизме. Это глупенькое изобретение страшно левой бюрократии превращается сейчас в Испании в величайшее препятствие на пути революции. Обратимся снова к русскому опыту. Меньшевики и эсеры, стоя у власти, вели империалистическую войну, защищали собственников, преследовали солдат, крестьян и рабочих, производили аресты, ввели смертную казнь, покровительствовали убийству большевиков, обрекли Ленина на подпольное существование, держали других вождей большевизма в

тюрьме, распространяли про них ужасающую клевету и пр. И пр. Всего этого с избытком достаточно, чтобы задним числом назвать их "социал-фашистами". Но тогда, в 1917 г., это слово вообще не существовало, что не помешало, как известно, большевикам прийти к власти. После страшных преследований большевиков в июле-августе большевики вместе с "социал-фашистами" заседали в органах борьбы против Корнилова. В начале сентября Ленин из подполья предлагал русским "социал-фашистам" компромисс: "порвите с буржуазией, возьмите власть, и мы, большевики, будем мирно бороться за власть внутри Стветов".

Если бы между соглашателями и корниловцами, тогдашними действительными "фашистами", не было никакой разницы, то невозможна была бы совместная борьба большевиков с соглашателями против корниловцев¹⁵⁴. А между тем эта борьба сыграла огромную роль в развитии революции, отбив атаку генеральской контрреволюции и помогши большевикам окончательно оторвать массы от соглашателей.

В том и состоит природа мелкобуржуазной демократии, что она колеблется между коммунизмом и фашизмом. Во время революции эти колебания бывают особенно остры. Рассматривать испанских социалистов как разновидность фашизма значит заранее отказываться использовать их неизбежные колебания влево, значит закрывать себе самим путь к социалистическим и синдикалистическим рабочим.

В заключение этого письма отмечу, что критика и разоблачение испанского анархо-синдикализма представляет чрезвычайно важную задачу, которую нельзя запускать ни на день. Анархо-синдикалист на своих верхах представляет наиболее замаскированную, наиболее вероломную и наиболее опасную форму соглашательства с буржуазией и прислужничества ей. В своих низах анархо-синдикализм заключает большие потенциальные силы революции. Основная наша задача здесь та же, что и по отношению к социалистам: противопоставить низы верхам. Однако задача эта должна быть тщательно приспособлена к специфической природе синдикальной организации и к специфическому характеру анархистской маскировки. Об этом в одном из следующих писем.

Еще и еще раз настаиваю: необходимо собирать статьи, резолюции, платформы и пр. важнейших революционных организаций и групп Испании, переводить их на французский язык и рассылать всем секциям для перевода на другие языки.

С горячим революционным приветом

Ваш Л.Троцкий

24 июня 1931 г.

Кадикей

Федерации Шарлеруа

Бельгийской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Спешу ответить на вопросы, которые вы мне ставите в вашем письме от 19 июня.

1. Интернациональный Секретариат ответил вам, что он не знает причин, по которым т. Росмер прекратил свое участие в революционном движении. Вы считаете это невероятным. Я вполне понимаю ваше недоумение. Тем не менее мне самому были все время неясны причины ухода т. Росмера из Лиги. Последнее письмо его к нам также дает мало материала для каких-либо политических выводов.

2. Должен с сожалением отметить, что та часть письма т. Росмера, которая излагает мое отношение ко внутренним конфликтам в Лиге, дает неправильное представление о том, что было. По изображению т. Росмера выходит так, будто мое вмешательство помешало т. Росмеру устранить из Лиги или нейтрализовать внутри Лиги ее отрицательные элементы во главе с т. Р.Молинье. Так как никаких политических разногласий, по словам т. Росмера, не было, то остается совершенно непонятным, почему я вмешался и почему я поддержал т. Молинье против т. Росмера. Все это абсолютно неверно с начала до конца.

Т. Росмер забыл вам сообщить, что он жил у меня известное время одновременно с Молинье. На нас обоих, как и на т. Маргариту Росмер¹⁵⁵, т. Молинье произвел прекрасное впечатление своей преданностью делу, энергией, предприимчивостью, самоотверженностью. Уже в это время мы знали, что по поводу т. Молинье распространяются всякого рода сплетни, одной из причин которых является порывистый характер т. Молинье и его способность нарушать филистерские правила и предрассудки. Вместе с т. Росмером и Маргаритой Росмер мы решили дать категорический отпор этим сплетням и инсинуациям. В этом смысле я написал письмо парижским товарищам по инициативе т. Гурже, который всегда аттестовал Молинье с самой лучшей стороны, как настоящего революционера и прекрасного товарища.

После отъезда т. Росмера в Париж он не раз писал мне не только с похвалой, но с восторгом о работе Молинье. В его письмах, как и в письмах Маргариты Росмер, встречались такие фразы: "Если бы у нас было два таких Раймона, мы далеко ушли бы вперед..."

Через несколько месяцев в письмах т. Росмера стали появляться указания на то, что между Молинье и Навиллем трения и конфликты, причем т. Росмер ни разу не писал мне, кто, по его мнению, несет ответственность за эти конфликты.

Еще через несколько недель я получил два письма: от т. Росмера, с одной стороны, от тт. Навилля, Жерара и Гурже, с другой - против Молинье. Из этих писем я впервые узнал, что тт. Росмер и Навилль сделали попытку лишить т. Молинье права занимать какие бы то ни было посты в Лиге, и даже, как сквозило между строк, исключить его из Лиги. Такое требование они предъявили парижской федерации, секретарем которой был Молинье. Федерация подавляющим большинством голосов против инициаторов предложения о снятии Молинье с

секретарства высказалась против Росмера и Навилля. Только после этого они написали мне свои письма, требуя моего содействия против Молинье.

Из этого изложения вы видите, что без какого бы то ни было участия с моей стороны, даже без моего ведома, парижская организация отвергла притязания товарищей Росмера, Навилля и др. и взяла т. Молинье под защиту.

К этому надо прибавить, что все предшествующее время я находился в постоянной переписке с Росмером и Навиллем, но совершенно не переписывался с Молинье. Все письма, все документы, относящиеся к этому периоду, хранятся в моем архиве, и я охотно предоставляю их любой группе товарищей, заслуживающих доверия.

Чем мотивировали Росмер, Навилль и др[угие] требование репрессий против Молинье? Тем, что он "вмешивается" в такие вопросы, которых он "не понимает". Тем, что он выдвигает неразумные предложения и пр. На это я ответил, что если бы дело шло о политических разногласиях, я мог бы высказаться. Поэтому я прошу сообщить мне, какие именно предложения выдвигает Молинье. Вместе с тем я указал в письме Навиллю на совершенную недопустимость делить товарищей на две категории, из которых одна может вмешиваться во все вопросы, а другая должна заниматься технической работой. Как и во многих других случаях, Навилль проявил здесь полное непонимание духа пролетарской революционной организации, все члены которой не только вправе, но обязаны активно вмешиваться во все вопросы, начиная с самых мелких и технических и кончая самыми сложными вопросами революционной политики.

Только после этого я получил представление о характере тех разногласий, которые на каждом шагу противопоставляли т. Молинье т. Навиллю, причем т. Росмер, не высказываясь по существу, фактически поддерживал Навилля. Разногласия эти касались: отношения к партии; отношения к синдикатам; отношения к интернациональной организации левой оппозиции; наконец, методов и характера работы самой Лиги. Впечатление, которое я вынес на основании писем, документов и устных бесед с товарищами обеих групп, убедило меня в том, что во всех основных вопросах т. Молинье был гораздо ближе к революционной политике, чем т. Навилль. Разногласия имели не личный, а принципиальный характер и во многом совпадали с разногласиями между Шарлеруа и Оверстратеном, с той разницей, что т. Навилль никогда не формулировал своих взглядов с такой решительностью, как Оверстратен.

К этому я должен прибавить, что в объяснение своего требования исключительных мер против Молинье т. Росмер счел возможным сослаться также и на все те неблагоприятные слухи, которые нам с ним были известны раньше и которые мы вместе с ним считали не заслуживающими внимания¹⁵⁶. Этот аргумент т. Росмера произвел на меня самое тягостное впечатление. Я ему ответил в том смысле, что если он придает значение старым или новым инсинуациям, то он обязан истребовать создания контрольной комиссии из надежных и беспристрастных товарищей для рассмотрения вопроса в целом. Что другое можно предложить в революционной организации?

Вы знаете по собственному опыту, как нелегко я решился на разрыв с Оверстратеном, несмотря на то, что вы настаивали на этом (и оказались правы). Я считал своим долгом исчерпать все меры, чтобы добиться возможности сотрудничества. Совершенно так же я поступал и в отношении французских разногласий. Так как товарищи Росмер, Навилль и др[угие] предложили мне вмешаться в конфликт, то я решил с согласия обеих сторон сделать попытку отделить личные моменты от принципиального, смягчить трения и создать нормальные условия для обсуждения спорных вопросов. Не имея возможности приехать во Францию, я пригласил к себе товарищей Молинье и Навилля, провел с ними ряд дней в обсуждении всех спорных вопросов, причем мы единогласно (с участием т. Милля, Франкеля и Маркина) выработали известные решения, которые шутливо назывались "принкипским миром". Эти решения предусматривали создание контрольной комиссии для рассмотрения всякого рода личных обвинений. Принкипские решения вам, впрочем, должны быть известны (на всякий случай я попрошу послать вам их). На пленарном заседании Лиги эти решения были приняты единогласно, но т. Росмер не явился даже на заседание и продолжал бойкотировать Лигу, не объясняя и мне действительных причин своего поведения.

Условия "принкипского мира" были нелояльно нарушены т. Навиллем. Не обращаясь к контрольной комиссии, т. Росмер считал возможным и в дальнейшем делать совершенно недопустимые характеристики т. Молинье. Такого рода характеристики, говорящие все и ничего, намекающие, двусмысленные, компрометирующие без прямого обвинения, нашли отражение и в том печальном письме, копию которого вы прислали мне. Такой образ действий я считаю противоречащим принципам пролетарской организации.

Такова фактическая сторона дела.

3. Несколько слов о принципиальной стороне. Лигой руководили Росмер и Навилль в течение первого года. В самых общих вопросах они развивали или давали развивать другим в "Веритэ" идеи левой оппозиции. Но это делали и Оверстратен, и Урбанс, и Ландау. Проверка началась с чисто французских вопросов, где приходилось занимать боевую позицию. Здесь т. Росмер ни разу не занял ясную позицию, особенно в синдикальном вопросе, и в то же время поддерживал в корне ложную политику Гурже и Навилля в синдикальной области. Мои письма т. Росмеру, в которых я указывал на величайшую опасность этой политики, начались с первого дня существования "Веритэ". Т[оварищ] Росмер ни разу не дал мне ясного ответа. Я не ставил вопросов открыто в печати или перед организацией, ибо надеялся добиться результатов путем личной переписки и устных объяснений. Если т. Росмер отрицает принципиальные разногласия или даже говорит, что они были выдуманы задним числом (как?), то это только показывает, как невнимательно относится т. Росмер к основным проблемам пролетарской революции. Необходимую чуткость к революционным вопросам можно поддерживать в себе, только сохраняя с революционным движением непрерывную связь. Т[оварищ] Росмер по поводу тех или других конфликтов даже личного характера считает возможным отстраняться от движения на месяцы и годы.

Немудрено, если при таком отношении к движению в целом ему наши принципиальные разногласия кажутся несущественными или даже несуществующими.

Еще один вопрос, последний. Т[оварищ] Росмер говорит о "зиновьевских" методах. Что он хочет этим сказать? Надо перестать играть словами и сеять путаницу. Откуда взялись "зиновьевские методы"? Они выросли из крутой перемены политики. Когда эпигоны под давлением новых элементов и новых обстоятельств стали ломать традицию партии, они не могли опираться на общественное мнение пролетарского авангарда, - наоборот, они действовали против него. Суть "зиновьевских методов" состояла в том, что бюрократический аппарат путем насилия над пролетарским авангардом и путем обмана широких рабочих масс навязывал политику, противную традициям партии и революционным интересам пролетариата. Методы вытекали, следовательно, полностью из существа политики.

Что же означают "зиновьевские методы" в настоящем случае? Против какого пролетарского авангарда мы ведем борьбу? Какое революционное крыло мы подавляем или устраним во имя оппортунистической политики? Надо же взвешивать слова. Под зиновьевскими методами понимают теперь нередко то, что причиняет личные огорчения или не удовлетворяет собственных вкусов.

На самом деле положение сложилось совсем иное. В оппозицию записывались в З[ападной] Европе начиная с 1923 года самые разнообразные элементы, в том числе и такие, которые с нашими идеями имеют очень мало общего. Субъекты типа Паза великодушно соглашались быть или числиться левыми коммунистами, крайними революционерами под тем условием, чтобы от них ничего не требовали и чтобы пролетарская революция не мешала их пищеварению. Во Франции очень распространены традиции кружков, где собираются раз в неделю, разговаривают обо всем, расходятся, ничего не решив, выпускают раз в месяц журнальчик, в котором каждый пишет, что ему придет в голову. Лучшим из таких кружков до войны был кружок Монатга. Но и его дух, навыки, приемы работы, метод мыслить - все это было бесконечно далеко от пролетарской организации, хотя бы маленькой и слабой, но серьезно стремящейся встать во главе масс. Кружок Суварина, с одной стороны, кружок Навилля, с другой, являются новыми разновидностями того же типа: несколько личных друзей обсуждают вопросы революции и печатают статейки. Вот и все. Эти нравы, несомненно, принесены были и в Лигу. А когда более активные, более революционные элементы начали ставить вопросы по-иному, то в них увидели смутьянов, нарушителей мира, дезорганизаторов и пр.

И по принципиальной линии, и по политической, и по организационной т. Росмер неправ. У меня не было никакого основания выступать против т. Росмера, поскольку он просто отстранился от работы. Но сейчас т. Росмер фактически стал знаменем всех тех элементов, которые ведут борьбу против основных наших идей и которые до сих пор гораздо более компрометировали идеи левой оппозиции, чем пропагандировали их. На наших глазах происходит попытка беспринципного насквозь блока: бордигистов, Ландау, Навилля, Оверстратена, даже Снивлита, заигрывание с Урбансом, - причем все эти элементы так или

иначе пытаются прикрыться Росмером. Ничего более смешного, карикатурного и недостойного, чем этот блок, нельзя себе представить. Дать этому блоку свое имя значит скомпрометировать себя навсегда. Несмотря на то, что многие десятки моих писем оказались безрезультатны, я все же хочу надеяться, что т. Росмер не даст своего имени недостойному блоку, заранее осужденному на жалкий провал.

Во всяком случае, я со своей стороны готов сделать решительно все для восстановления возможности совместной работы, - все, кроме отказа от тех принципов, которые лежат в основе деятельности большевиков-ленинцев.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий.

P.S. Во избежание недоразумений отмечу то, что разумеется само собой: я не брал и не беру на себя ответственности за все политические шаги т. Молинье, с которым мы не раз расходились в оценке серьезных практических вопросов. В тех случаях, когда мне казалось, что т. Молинье совершает крупные ошибки, я это высказывал ему и другим. Такого рода расхождения совершенно неизбежны при общей работе. Никакая принципиальная солидарность не может обеспечить совпадения взглядов во всех вопросах тактики и организации. Разногласия с группой Навилля, наоборот, имели всегда в своей основе принципиальные расхождения. Что касается т. Росмера, то, как уже сказано, держась в принципиальных вопросах крайне уклончиво, он на деле поддерживал и поддерживает Навилля, Ландау и пр.

[Л.Д.Троцкий]

28/VI/1931 [г.]

[Письмо М.Миллю]

28 июня 1931.

Дорогой товарищ Миль!

1. Посылаю письмо для Шарлеруа¹⁵⁷ с двумя приложениями. Письмо придется вам, очевидно, перевести. Оно, может, пригодится и для Франции, раз Росмер выступает активным противником.

2. Уже месяца три тому назад я предупреждал т. Нина, что Маурин заключит сделку со сталинцами и что Нин окажется при этом выброшен. Если ваши сведения верны и дело к этому подходит, то надо как можно скорее распространить критику декларации каталонской федерации.

Надеюсь, что последнее мое письмо по поводу испанских дел¹⁵⁸ (лозунг "долой Замора" и пр.) вы немедленно после перевода пришлете Лакруа.

3. Телеграмма Рейтера¹⁵⁹ из Варшавы о моем мнимом интервью - неслыханная гнусность. Следовало бы в "Веритэ" хоть в двух строках отметить это. Полемизировать мне в греческой печати не имеет смысла. Но греческие товарищи могли бы сами напечатать разоблачительную заметку. Я в свое время, помнится, говорил, почему непосредственная связь отсюда с активистами представляет большие неудобства.

4. Я пишу сейчас Раймону [Молинье], чтобы он 10 июля передал итальянским товарищам 1000 франков на издание брошюры об Испании на итальянском языке. Я надеюсь, что письмо дойдет еще своевременно.

5. Не ясно мне, почему вы с такой категоричностью говорите о том, что наша испанская кампания на организации не отразилась и "не отразится". Что за странный фатализм? Тогда что же отразится, если не испанская революция?

6. Не совсем мне понятно также и то, что вы пишете по поводу "Веритэ" и "Лютт де Клясс". "Веритэ", насколько я знаю, есть орган Лиги. "Лютт де Клясс", по-видимому, остается органом клики Навилля. Если так, а по некоторым признакам я сужу, что это так, - то странно изображать "Веритэ" и "Лютт де Клясс" просто как два конкурирующих органа.

[Л.Д.Троцкий]

Интернациональному Секретариату

Дорогие товарищи!

1. Передо мной турецкая газета на франц[узском] языке от 1 июля с первыми сведениями об исходе испанских выборов¹⁶⁰. Поистине все совершается пока в строго "плановом" порядке. Сдвиг влево произошел с замечательной планомерностью. Будем надеяться, что наши испанские товарищи проанализируют результаты выборов с необходимой тщательностью, подобрав все материалы. Надо выяснить, как голосовали рабочие, в частности анархо-синдикалисты. В некоторых районах ответ должен совершенно ясно вытекать из избирательной статистики. Крайне важно, разумеется, выяснить голосование крестьян в разных провинциях. Одновременно с этим надо собрать все те "аграрные программы", которые предъявлялись разными партиями в разных частях страны. Все это очень спешная и очень важная работа.

2. Социалисты, как и следовало ожидать, одержали, по-видимому, большую победу. Это центральный момент парламентской ситуации. Социалистические вожди чувствуют себя счастливыми, что не имеют большинства в кортесах и что их коалиция с буржуазией оправдывается, таким образом, парламентской статистикой. Социалисты не хотят брать власть, ибо основательно опасаются, что социалистическое правительство станет только этапом к диктатуре пролетариата. Из речи Прието¹⁶¹ вытекает, что социалисты намерены поддерживать коалицию до тех пор, пока таким путем удастся сдерживать пролетариат, чтобы затем, когда натиск рабочих станет слишком сильным, под радикальным предлогом перейти в оппозицию, предоставив буржуазии дисциплинировать и громить рабочих. Другими словами, мы имеем перед собою вариант линии Эберта и Церетели. Будем помнить, что линия Эберта удалась, политика Церетели провалилась, причем решающее значение в обоих случаях имела сила коммунистической партии и ее политика.

3. Разоблачать план социалистов (их политическую игру в поддавки) нам надо немедленно, уличая их в каждом отдельном вопросе. Это, разумеется, относилось прежде всего к левой испанской оппозиции. Но одного разоблачения

мало. Нужен ясный политический лозунг, отвечающий характеру нынешнего этапа испанской революции. Результаты выборов делают этот лозунг абсолютно ясным: рабочие должны порвать блок с буржуазией и заставить социалистов взять власть. Крестьяне хотят помочь рабочим, если хотят получить землю.

4. Социалисты будут ссылаться на то, что у них в кортесах нет большинства. Наш вывод отсюда: выборы действительно демократических кортесов на основах действительно всеобщего и равного избирательного права для мужчин и женщин, начиная с 18 лет. Другими словами: недемократическим, подтасованным кортесам мы на данной стадии противопоставляем подлинно народные, подлинно демократические, честно избранные кортесы.

5. Если бы коммунисты на данной стадии пытались бы повернуть спину кортесам, противопоставляя им лозунг Советов и диктатуры пролетариата, то они бы показали только, что их нельзя брать всерьез. В кортесах нет, по-видимому, ни одного коммуниста (так сообщают турецкие телеграммы). Разумеется, революционное крыло всегда гораздо сильнее в действии, в борьбе, чем в парламентском представительстве. Но все же между силой революционной партии и ее парламентским представительством существует известное соотношение. Слабость испанского коммунизма обнаружилась полностью. В этих условиях говорить о низвержении буржуаного парламентаризма пролетарской диктатурой значило бы просто играть роль дурачков и болтунов. Задача в том, чтобы на основах парламентской стадии революции стать сильнее, собрав вокруг себя массы. Только так можно преодолеть парламентаризм. Но именно для этого необходимо сейчас развернуть бешеную агитацию под лозунгами сасмой решительной и крайней демократии.

б. Каковы критерии при выдвигании лозунгов? С одной стороны, общее направление революционного развития, определяющее нашу стратегическую линию; с другой стороны, состояние сознания масс. Коммунист, который не будет считаться с последним фактом, разобьет себе голову. Вдумаемся немного, как должны испанские рабочие в массе своей воспринимать нынешнюю обстановку. Их вожди-социалисты - у власти. Это повышает требовательность и настойчивость рабочих. Каждый стачечник будет считать, что правительство не только не нужно бояться, наоборот, нужно ждать от него помощи. Коммунисты должны именно в эту сторону направлять мысль рабочих: "Требуйте от правительства. Ведь там сидят ваши вожди". Социалисты будут ссылаться в ответ рабочим депутациям на то, что у них нет большинства. Ответ ясен: при действительно демократическом избирательном праве и разрыве коалиции с буржуазией большинство обеспечено. Но этого-то социалисты не хотят. Их положение ставит их в противоречие с лозунгами решительной демократии. Если мы просто противопоставим кортесам диктатуру пролетариата или Советы, то мы сплотим рабочих с социалистами, ибо и те и другие скажут: коммунисты хотят нами командовать. Под лозунгами же демократии и разрыва социалистов с буржуазией мы вгоним клин между рабочими и социалистами и подготовим следующий этап революции.

7. Все приведенные рассуждения повисли бы в воздухе, если бы мы

ограничились только лозунгами демократии и их парламентским преломлением. Об этом не может быть и речи. Коммунисты участвуют во всех стачках, во всех протестах, демонстрациях, поднимают новые и новые слои. Коммунисты с массой и впереди массы во всех боях. На почве этих боев коммунисты выдвигают лозунг Советов и при первой возможности строят Советы как организации единого пролетарского фронта. На данной стадии Советы не могут быть ничем больше. Но если они возникнут как боевые организации единого пролетарского фронта, они под руководством коммунистов неизбежно превратятся на известной стадии в органы восстания, а затем и в органы власти.

8. Смело развертывая аграрную программу, нельзя ни в коем случае забывать о самостоятельной роли сельскохозяйственных рабочих. Это главный и основной рычаг пролетарской революции в деревне. С крестьянами у рабочих - союз, а сельскохозяйственные рабочие предстают собой часть самого пролетариата. Этого глубокого различия никогда нельзя упускать из виду.

9. Из "Веритэ" я узнаю, что сталинцы обвиняют не то левую оппозицию в целом, не то меня одного, будто мы против немедленной конфискации помещичьих земель. Поистине, никогда нельзя предвидеть, в какую сторону свернут на этот раз бюрократические демагоги. Что значит "немедленный" захват земли? Кем? Какими организациями? Правда, несравненный Пери¹⁶² еще и в апреле утверждал, что испанские крестьяне строят Советы, а рабочие идут поголовно за коммунистами. Разумеется, мы за то, чтобы крестьянские Советы (или союзы, или комитеты) немедленно забирали в руки помещичью землю. Но ведь надо еще только поднять крестьян. А для этого надо вырвать рабочих из-под влияния социалистов. Одно без другого не выйдет.

Или, может, сталинцы хотят сказать, что мы покровительствуем помещичьей собственности? Но даже и в клевете должна быть логика. Каким образом из позиции перманентной революции вытекает защита помещичьей собственности? Пусть попробуют нам объяснить.

Мы, со своей стороны, напомним, что, когда сталинцы проводили в Китае политику блока четырех классов¹⁶³, то Политбюро под руководством Сталина посылало телеграммы Центральному Комитету китайской компартии с требованием тормозить крестьянское движение, чтобы не отталкивать "революционных" генералов. В аграрную программу Сталин и Молотов внесли маленькое ограничение: конфискация помещичьих земель, кроме земель офицерства. А так как все помещики, помещичьи сынки и племянники вступали в армию Чан Кайши, то "революционное" офицерство стало орденом страхования помещичьей собственности. Этой позорной главы в истории сталинского руководства вычеркнуть нельзя. Оппозиция тогда же нашла копию телеграммы в протоколах Политбюро, разоблачила и заклеила это постыдное предательство аграрной революции. Теперь эти господа пытаются нам в Испании подкинуть те преступления, которые они совершили в Китае. Но нет: теперь оппозиция имеет почти в каждой стране свою секцию, которая не позволит безнаказанно распространять ложь и смуту. На живом опыте испанской революции левая оппозиция выяснит все основные спорные вопросы и сделает гигантский шаг

вперед. Недаром же революция есть локомотив истории.

[Л.Д.Троцкий]

1 июля 1931 г.

Заметка по поводу клеветы Ярославского

Прилагаю заметку по поводу клеветы Ярославского в "Правде" от 2 июля 1931 г. По поводу фальсификации буржуазных газет я получил сообщения с разных сторон, но у меня такое впечатление, что никто не ударил пальцем о палец, чтобы опровергнуть клевету. Поразительно, что даже в последнем номере "Веритэ" нет трех строк с сухим опровержением фальсификации. Теперь придется это делать задним числом. Мне думается, что это можно было бы сделать сейчас с известной энергией, подняв опять вопрос о системе фальсификаций. Почему не распространить на коммунистических собраниях маленькую летучку, заключающую в себе прилагаемое при сем письмо и пять строк комментариев от местной организации. Такой листок можно было бы издать очень дешево в большом количестве экземпляров. Мне кажется, что это благодарный момент для удара по системе бюрократической лжи.

Может быть, можно было бы от моего имени поместить в какой-либо приличной газете письмо в редакцию следующего содержания:

Милостивый государь господин редактор!

В целом ряде реакционных изданий разных стран, в частности Польши, Румынии, Греции, напечатана мнимая моя статья, направленная против пятилетки в Советском Союзе. Одна из польских газет сопровождала даже статью указанием на то, будто она прислана специально для нее. "Манчестер гардиан" есть единственная газета, на страницах которой появилось вполне аутентичное интервью мое о пятилетке и о важности сотрудничества Англии с СССР. Характер этого интервью находится в непримиримом противоречии с теми взглядами и тенденциями, которые мне пытаются подкинуть та часть реакционной печати, которая прибегает к "письмам Зиновьева" и другим подобным им документам. Всякий внимательный и добросовестный читатель из любого лагеря поймет, надеюсь, источник злостной фальсификации. Чтобы облегчить это поминание, я прошу вас дать в ваших столбцах место настоящим строкам. С совершенным уважением Л.Троцкий.

[Л.Д.Троцкий]

8 июля 1931 г.

Интернациональному Секретариату.

Еще о текущих вопросах испанской революции

13 июля 1931 г.]

1. Итак, Маурин, "вождь" рабоче-крестьянского блока, стоит на точке зрения сепаратизма. После колебаний он определился как левое крыло

мелкобуржуазного национализма. Я уже писал, что каталонский мелкобуржуазный национализм на данной стадии прогрессивен, но при одном условии: если он развертывает свою деятельность вне рядов коммунизма и всегда находится под ударами коммунистической критики. Позволять же мелкобуржуазному национализму выступать под маской коммунизма значит одновременно наносить вероломный удар пролетарскому авангарду и убивать прогрессивное значение мелкобуржуазного национализма.

2. Что означает программа сепаратизма? Экономическое и государственное раздробление Испании, или, иначе говоря, превращение Пиренейского полуострова в подобие Балканского полуострова¹⁶⁶. Самостоятельные государства, отделенные друг от друга таможенными стенами, самостоятельные армии и самостоятельные внутренние пиренейские войны. Конечно, мудрый Маурин скажет, что он этого не хочет. Но программы имеют свою логику, т. е. то, чего не имеет Маурин.

3. Заинтересованы ли рабочие и крестьяне разных частей Испании в экономическом расчленении страны? Ни в каком случае. Следовательно, отождествлять решительную борьбу за право на самоопределение с пропагандой сепаратизма значит совершать гибельную работу. Наша программа есть испанская федерация при неременном сохранении экономического единства. Мы не собираемся навязывать эту программу угнетенным национальностям полуострова при помощи оружия буржуазии. В этом смысле мы честно стоим за право на самоопределение. Если бы Каталония отделилась, то коммунистическое меньшинство в Каталонии, как и в Испании, должно было бы вести борьбу за Федерацию.

4. На Балканах еще старая, довоенная социал-демократия выдвинула лозунг демократической балканской Федерации¹⁶⁷, как выход из сумасшедшего дома сепаратных государств. Сейчас коммунистическим лозунгом на Балканах является балканская советская Федерация¹⁶⁸ (кстати: Коминтерн усыновил лозунг балканской советской Федерации, но в то же время отвергает лозунг европейской советской Федерации!). Неужели же мы можем при таких условиях сделать своим лозунгом балканизацию Пиренейского полуострова? Не чудовищно ли это?

5. Синдикалисты, по крайней мере отдельные их вожди, заявляли, что они будут бороться против сепаратизма даже с оружием в руках. Если бы дело дошло до этого, то коммунисты и синдикалисты оказались бы по разные стороны баррикад, ибо коммунисты, нисколько не разделяя сепаратистских иллюзий, наоборот, критикуя их, в то же время должны давать беспощадный отпор палачам империализма и его лакеям синдикалистам.

6. Если бы мелкой буржуазии удалось - против советов и критики коммунистов - расчленить Испанию, то отрицательные последствия такого режима не замедлили бы сказаться. Рабочие и крестьяне разных частей полуострова скоро пришли бы к выводу: да, коммунисты были правы. Но ведь это и значит, что мы не должны брать на себя ни малейшей ответственности за программу Маурин!

7. Монатг надеется, что испанские синдикалисты построят новое "синдикалистское государство". Вместо этого испанские друзья Монатта успешно вырастают в буржуазное государство. Злосчастная курица, высиживающая утят! Сейчас чрезвычайно важно следить за всеми словами и делами испанских синдикалистов. Это откроет левой оппозиции во Франции возможность нанести французскому анархо-синдикализму непоправимый удар. Можно не сомневаться ни на одну минуту, что в условиях революции анархо-синдикалисты будут себя компрометировать на каждом шагу.

Гениальная идея синдикалистов: контролировать кортесы, не принимая в них участия! Применять революционное насилие, бороться за власть, овладеть властью - недопустимо. Вместо этого рекомендуется "контролировать" стоящую у власти буржуазию. Великолепная картина: буржуазия завтракает, обедает и ужинает, а руководимый синдикалистами пролетариат "контролирует" натошак эти операции.

Л. Троцкий

[Письмо М.Миллю]

15 июля 1931 [г.]

т. Милль

Дорогой товарищ М[илль]!

1. Посылаю вам статью по поводу нового зигзага сталинской политики¹⁶⁹. Вопрос исключительной важности. В этом повороте и в его дальнейших последствиях левая оппозиция может найти могущественную точку опоры для своей пропаганды. На фактах нового зигзага надо будет неутомимо и настойчиво иллюстрировать правильность нашей позиции, как она сформулирована в Проекте платформы по русскому вопросу. Здесь перед нами открываются серьезнейшие перспективы. Очень важно следить за "Юманите". Какую жалкую казенную чепуху пишут эти люди (например, в No от 8 июля, стр. 3). У нас над ними гигантское, неизмеримое преимущество в понимании того, что происходит, и в предвидении будущего. Надо это преимущество использовать сомкнутым строем.

Революция в Испании и кризис сталинского курса - вот два устоя политики левой оппозиции в настоящий момент. События в Германии могут выдвинуться на первый план. Вообще недостатка в попутном ветре не будет. Надо только держать в порядке паруса.

2. Относительно Трэна. Несомненно, что разногласие по вопросу о перманентной революции может в нынешний период сделать невозможным сотрудничество с ним. Это было бы очень огорчительно. Разумеется, нельзя делать ему принципиальные уступки. Но нужно сделать добросовестные попытки договориться с ним до конца. Пусть напишет по вопросу о перманентной революции - прежде всего применительно к Испании - тезисы: тогда можно будет ясно определить, в чем мы расходимся. Оставлять же вопрос в неопределенном положении на долгое время - несомненно, опасно.

3. По поводу пакостей Ландау-Мюллера мой совет - не предпринимать пока

никаких дальнейших шагов и во всяком случае не публиковать ни в каком случае письма Секретариата к ним, чтобы не дать им лишнего повода для каких-нибудь совершенно неслыханных гнусностей. Если дело само собою замрет, беды не будет, ибо вся эта группа скоро разложится и сгниет. Письмо Секретариата явилось для них, во всяком случае, серьезной острасткой: пока этого, пожалуй, достаточно.

4. Вы спрашиваете, можно ли публиковать в Интернац[иональном] "Бюллетене" мои письма по поводу испанских дел? Безусловно, можно. Если в этих письмах есть какие-либо личные или чисто практические внутренние моменты, то их надо устранить. Кое-что можно публиковать также и из моих писем к Нину, разумеется, совершенно исключая все, что носит характер личной переписки и даже личных советов. В этом отношении нужна исключительная осторожность, чтобы не задеть кого-либо в силу простой оплошности.

5. Я считаю, что о поездке Навилля в Испанию от имени Интернациональной оппозиции не может быть и речи ни в единственном числе, ни вместе с другими. Политическая бесплодность этого человека доказана полностью. Ждать от него революционной инициативы можно так же, как от козла молока. По складу это консервативный, недоверчивый и политически робкий буржуа, испорченный случайной прививкой марксистской теории. Ничего, кроме вреда, нашей испанской организации он принести не сможет. Если бы он поехал по собственной инициативе, как коммивояжер своей собственной клики "Ля Лютт де Клясс", то мы обязаны были бы, на мой взгляд, предупредить испанских товарищей о качествах, планах, методах и намерениях Навилля и компании.

Что касается меня лично, то я считаю, что за два года потратил на эту публику гораздо больше времени, чем она стоит. Больше я пальцем о палец не ударю, чтоб спасти Навилля от заслуженной им участи.

[Л.Д.Троцкий]

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ПОЛОЖЕНИИ И ЗАДАЧАХ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ¹⁷⁰

1. Революционный прилив сейчас несомненен. Коммунистические партии сейчас в ряде стран усиливаются. Элементарный прилив сил отводит вопросы стратегии на второй и третий план. К коммунистам идут рабочие как к наиболее непримиримой партии. В том же направлении действуют экономические успехи в СССР, признанные значительной частью буржуазной печати и тем самым становящиеся еще более убедительными для рабочих.

2. Эта общая политическая обстановка, как это ни парадоксально на первый взгляд, бьет не только по правой оппозиции, но и по левой. Этим в последнем счете объясняются австрийские капитуляции, приостановка роста в некоторых странах, ослабление активности и пр. Помимо всяких местных, частных и личных причин, имеется общая причина: стихийного прибоя, еще не поставившего вопросов революционной стратегии и не вскрывшего полностью противоречий в положении Коминтерна и его отдельных партий на новой

исторической ступени. Ясно, что при таких условиях та фракция, которая не просто плывет по течению, а критически прорабатывает обстановку и сознательно ставит все вопросы стратегии, должна неминуемо быть на известное время оттерта в сторону. В среде самой этой фракции должны появляться настроения нетерпения, которые в отдельных случаях принимают капитулянтскую форму.

3. В известных случаях победа возможна и при очень плохой политике. При углублении кризиса и его затяжке, при дальнейшем распаде социал-демократии, при деморализации правящих победа германской компартии не исключена даже при политике и руководстве Тельмана. Но, к несчастью, только не исключена. Действительные шансы этой победы невелики. Разумеется, если бои развернутся, левая оппозиция примет в них участие в качестве малочисленного, но самого решительного отряда. Я думаю, что и сейчас уже левая оппозиция должна была бы сделать негласное, но вполне официальное заявление по этому поводу: например, обратиться к Центральному Комитету германской компартии с письмом, в котором заявить, что, не отказываясь решительно ни в чем от своих взглядов, левая оппозиция в целом и каждый из ее членов в отдельности готовы предоставить свои силы в распоряжение германской компартии для выполнения любых революционных поручений и заданий. Такое заявление, независимо от его ближайших последствий, имело бы воспитательное значение и принесло бы пользу в дальнейшем.

4. Победа в Германии имела бы решающее международное значение. Мы сказали, что она не исключена даже при нынешнем руководстве. Но до победы еще, по меньшей мере, далеко.

Основной чертой положения в Германии на этот раз является крайняя диспропорция между остротой революционной ситуации и силой компартии. Об этом говорилось в брошюре, посвященной последним выборам в рейхстаг. Противоречия в политической обстановке, охарактеризованные там, с того времени только обострились. После того как партия ослабляла себя в течение нескольких лет несвоевременной офензивой, она видит себя вынужденной теперь, когда обстановка требует офензивы, вести, по существу, оборонительную и выжидательную политику. Отсюда вырастает совершенно реальная перспектива: объективная обстановка может измениться к выгоде для буржуазии раньше, чем полустихийный прилив сил позволит компартии перейти в решительное наступление.

5. В Испании та же диспропорция. При исключительно планомерном и выгодном для пролетариата развитии революции Коминтерн упускает месяц за месяцем, обнаруживает свою слабость и несостоятельность, питает анархо-синдикализм, дает возможность буржуазии упрочиться и тем подготавливает исход революции не в русском, а в немецком стиле (1918-1919).

6. Я мало слежу сейчас за Китаем, но и там вопиющие ошибки последних лет (игнорирование реального положения в стране, отрицание революционно-демократических задач, игнорирование пролетариата, перенесение центра тяжести на крестьянскую войну) подготовили трагическую развязку. Чан

Кайши приступает к разгрому крестьянских очагов при спокойствии в городах. Его победа в этом случае грозит ужасающим истреблением коммунистов и новым ослаблением революции на длительный период.

7. Экономическое развитие в СССР явно вступает сейчас в критический фазис. "Пестрая картина" в выполнении пятилетнего плана (по выражению Сталина) означает нарушение пропорций даже в формальных рамках плана. Между тем весь вопрос в том, удастся ли и в какой мере установить необходимые пропорции между элементами плана и стихийными или полустихийными процессами хозяйства. Мы с самого начала предупреждали, что накапливающиеся противоречия и диспропорции -- при отсутствии постоянной и открытой регулировки -- прорвутся наружу в третьем, четвертом или пятом году. Сейчас этот этап приблизился вплотную.

8. По объективным условиям мы вступили в период революций и революционных войн. Красная армия является в этих условиях историческим фактором громадной важности. На чаше исторических весов Красная армия могла бы далеко перевесить не только немецкий фашизм, но и польский в придачу. Общеввропейская обстановка вполне оправдывала бы революционную офензиву. Но здесь с особенной остротой встает вопрос о хлебе и мясе, о лошадях и об овсе и -- за этим -- о настроениях крестьянства да и самого рабочего класса. Негармоническое, бюрократическое планирование и регулирование приводит к тому, что в критический момент хозяйство, могущественное по своим абстрактным возможностям, является крайне слабым по своим реальным ресурсам.

9. В политике дальнего прицела надо предвидеть и худший вариант, особенно если вероятность его так велика, как в нынешних условиях. Каков же этот худший вариант? Германский пролетариат не овладеет властью в ближайший период. Испанская компартия не успеет вырасти своевременно до роли руководительницы рабочего класса. Капитализм получает политическую отсрочку. Под фашистскими или "демократическими" или комбинированными формами он выкарабкивается из кризиса. Разумеется, упадочный характер капитализма преодолен быть не может. Но уже одно временное умиротворение Китая может открыть плацдарм для операции большого стиля. Новый промышленный подъем вовсе нельзя считать теоретически заранее исключенным.

10. Истекающий период характеризовался тем, что капитализм все глубже забирался в трясину кризиса в то время, как Советский Союз давал все более грандиозные проценты роста. Опасность состоит в том, что мир может дать в открывающийся период картину до известной степени противоположного характера. Именно: капитализм будет выбираться из кризиса, а в Советском Союзе выйдут наружу все те диспропорции и противоречия, которые загнаны внутрь бюрократическим нажимом и отголоском которых является последняя речь Сталина.

* * *

Все сказанное выше имеет, разумеется, гипотетический характер. Как в хозяйственном планировании надо иметь и максимальные и минимальные варианты,

так и в политическом прогнозе надо брать и лучший и худший варианты. Выше разобран худший из возможных вариантов. Действительность пройдет где-нибудь между лучшим и худшим вариантом, хотя, как можно опасаться, ближе к худшему, чем к лучшему. Что это означает с точки зрения развития самого коммунизма? Период глубокого внутреннего кризиса, критики, проверки прошлого опыта и прошлых дискуссий.

Что, собственно, сделала оппозиция до сих пор? Очень мало. Имеется известное количество критических и платформенных работ, которые пролетариат на Западе, даже авангард его, даже авангард этого авангарда, не усвоил и не проверил на собственном опыте. В разных странах существовали за последние годы оппозиционные группы, которые нередко не имели ничего общего с большевизмом и лишь компрометировали левую оппозицию своим сочувствием к ней. Работа наша за последний период сводилась в очень значительной степени к очищению рядов оппозиции от случайных, чужеродных и прямо-таки зловердных элементов. Сами мы делали при этом немало ошибок, которые совершенно неизбежны, являясь платой за учебу. Немудрено, если рабочие вовсе не поспешили броситься очертя голову на призыв левых оппозиционных групп в разных странах.

Нынешний революционный прибой сам по себе доставляет передовым рабочим естественное удовлетворение и позволяет не думать о стратегических проблемах. Все это, как сказано выше, вполне объясняет, почему левая оппозиция чувствует себя в ряде случаев оттертой от главного русла движения. Но это объясняется временным положением. Вопросы революционной стратегии будут уже в ближайшее время поставлены в ряде стран, прежде всего в Германии и Испании, с исключительной остротой. Очень многое из того, что оппозицией сказано в прошлом и что сейчас кажется забытым (что отчасти забыто и самой оппозицией), всплывет завтра наружу, получит снова чрезвычайно актуальный характер.

Мы защищаем безусловно правильные идеи и методы при помощи слабых, жалких кустарных средств. Коминтерн защищает ложные идеи при помощи "американской" техники. Но побеждают в конце концов правильные идеи.

Из этого следует и еще один вывод. Наша сила на данной стадии в правильной общей оценке, в марксистской концепции, в правильном революционном прогнозе. Эти свои качества мы и должны предъявить пролетарскому авангарду прежде всего. Мы выступаем в первую голову как пропагандисты. Мы слишком слабы для того, чтобы пытаться давать ответы на все вопросы, вмешиваться во все частные конфликты, везде и всюду формулировать ответы и лозунги левой оппозиции. Погоня за такой универсальностью при нашей слабости и при неопытности многих товарищей будет нередко приводить к слишком поспешным выводам, к неосторожным лозунгам, к ошибочным решениям. Частными ложными шагами мы будем компрометировать себя, мешая рабочим оценить основные качества левой оппозиции. Этим я вовсе не хочу сказать, что мы должны стоять в стороне от реальной борьбы рабочего класса. Меньше всего. Проверить революционные преимущества левой оппозиции

передовые рабочие могут только на живом опыте. Но надо учиться выбирать наиболее яркие, ударные и принципиальные вопросы и на этих вопросах давать бой, не размениваясь на мелочи и частности. В этом, мне кажется, сейчас основное правило политики левой оппозиции.

Г. Гуров¹⁷¹

24 июля 1931 г.

В Секретариат Интернациональнойлевой Оппозиции

27 июля 1931 [г.]

Дорогие товарищи!

Я предлагаю в возможно короткий срок выпустить Манифест от имени Интернациональнойлевой по поводу испанской революции. Манифест должен иметь программный характер, заключая в себе нашу оценку движущих сил революции и ее перспективы. В то же время Манифест должен иметь боевой политический характер, т. е. должен сформулировать важнейшие политические лозунги нынешнего периода и дать сжатую критику всех партий и группировок в рабочем классе.

Такого рода Манифест будет неизбежно довольно значительных размеров, скажем, 10-16 печатных страниц.

Из этого же Манифеста можно будет извлечь наиболее боевые места и выпустить на испанском языке краткое издание Манифеста в виде воззвания к рабочим в очень большом количестве экземпляров.

Манифест должен быть подписан Секретариатом и всеми национальными секциями, как это было сделано с китайским манифестом¹⁷².

Надо предложить испанским товарищам выработать проект или хотя бы тезисы, вернее сказать, конспект Манифеста, включив в него все те вопросы, мысли, лозунги, которые, по мысли испанских товарищей, должны войти в Манифест. На основании этого конспекта можно будет придать Манифесту окончательную форму. Готовый проект нужно будет как можно скорее разослать всем секциям, чтобы получить от них как можно скорее подпись.

Так как принципиальное согласие на этот счет у нас уже достигнуто было, то Секретариату следовало бы, мне кажется, приступить немедленно к практическому осуществлению этого дела.

Манифест должен составить в развитии испанской оппозиции серьезный этап. Я представляю себе дело так, что Манифест должен быть издан на испанском и каталонском языках не меньше, чем в 15-20.000 экз[емпляров], а краткое издание Манифеста в виде листка - в сотне тысяч экземпляров.

Во избежание всяких возможных затруднений надо предоставить национальным секциям право подписывать под Манифестом одну фамилию, две или три, смотря по обстоятельствам.

[Л.Д.Троцкий]

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРИАТУ

Дорогие товарищи!

По сообщению тов. Нина, ЦК испанской компартии произвел решительный поворот в своей политике. Я, к сожалению, сейчас не имею никакой возможности разобраться в обширном циркуляре ЦК на испанском языке: это отняло бы у меня слишком много времени. Мне кажется, было бы совершенно необходимым перевести этот циркуляр и напечатать его в "Лютт де клясе". С другой стороны, испанским товарищам следовало бы целиком напечатать циркуляр в "Коммунизмо" с необходимыми комментариями.

Из слов тов. Нина вытекает, что испанский ЦК, сохраняя формальный лозунг "демократической диктатуры", решительно изменяет свою политику в двух пунктах: во-первых, он становится на путь борьбы за демократические лозунги; во-вторых, он готов применять политику единого фронта.

Мы имеем здесь ясную и несомненную победу левой оппозиции. Насколько глубок и серьезен поворот испанских сталинцев, вопрос особый, причем тот или другой ответ на него зависит в значительной степени от нашей собственной политики. Но, во всяком случае, самый факт поворота является непосредственным плодом критики левой оппозиции. "Скептикам" в наших собственных рядах следует хорошенько намотать себе этот факт на ус. Прогрессивной силой внутри коммунизма является только фракция левой оппозиции. От ее успехов зависят успехи коммунизма и, в частности, успехи испанской революции.

Как же мы должны реагировать на поворот испанских сталинцев? На этот счет у нас есть уже серьезный опыт, правда, главным образом опыт ошибок. Когда французские сталинцы, в значительной мере под влиянием нашей критики, решили отступить от фантастической политики "третьего периода", руководство Навилля-Росмера объявило заранее, что авантюризм сменился оппортунизмом и что левой оппозиции надо идти своей дорогой, как если бы ничего не произошло. В свое время мы критиковали эту формалистическую и безжизненную политику, которая имела своим последствием то, что французская Лига упустила в высшей степени благоприятную обстановку для сближения с пролетарским ядром партии. Надо надеяться, что эта ошибка не будет повторена в Испании.

В кратком письме тов. Нин подчеркивает два обстоятельства, имеющие исключительно важное значение для политики испанской левой в настоящий период: официальная партия сделала или по крайней мере провозгласила ряд шагов, направленных в сторону политики большевиков-ленинцев; наоборот, руководство каталонской Федерации все более и более погрязает в путанице оппортунизма и мелкобуржуазного национализма. Официальная партия делала до сих пор все для того, чтобы отождествить левую оппозицию с путаницей Маурина. Сейчас представляется исключительно благоприятная возможность, чтобы рассеять это недоразумение, порожденное отчасти известными фактическими обстоятельствами, а главным образом -- злой волей сталинцев.

Левая оппозиция должна подвергнуть поворот испанского ЦК серьезному анализу -- без наивной доверчивости, но и без сектантских предвзятостей. То,

что нами завоевано, должно быть нами же ясно констатировано и учтено. Где разногласия остались, они должны быть охарактеризованы без смягчений и прикрас.

На основании такого анализа надо обратиться с открытым письмом к членам испанской компартии. В этом письме надо заявить и доказать при помощи ясных и точных цитат, что именно наша критика, наша оценка, наши предложения толкнули ЦК на тот поворот в сторону правильной политики. Не замалчивая наличия серьезных разногласий, надо, однако, сделать тот вывод, что польза нашего сотрудничества с партией доказана блестяще и что необходимо, следовательно, делать все для объединения коммунистических рядов. Можно и должно, мне кажется, отметить, что, если наша критика принимает острые формы, то причиной этому -- раскол; что в случае объединения партии внутривнутрипартийная критика получит неизбежно более смягченный и товарищеский характер, причем левая оппозиция заранее обязуется подчиняться дисциплине партии.

В том же письме надо ясно указать на разногласия, отделяющие как официальную партию, так и левую оппозицию с нынешним руководством каталонской Федерации. Следовало бы сказать, что наши разногласия с Мауриным во всяком случае не меньше, чем разногласия с ним официальной партии.

Чем скорее и решительнее левая оппозиция будет реагировать на поворот в направлении сближения с партией, тем выгоднее это будет для левой оппозиции, для партии, для испанской революции.

[Л.Д.Троцкий]

30 июля 1931 г.

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ

Дорогие товарищи!

Цель настоящего письма -- обменяться мнениями по поводу бурного стачечного движения в Испании¹⁷³. В своей второй брошюре об испанской революции я подробно останавливался на одной из возможных перспектив: революционное массовое движение бурно развивается без правильного руководства и приводит ко взрыву, который силы контрреволюции могут использовать для разгрома пролетариата. Из такой перспективы, как указано уже в самой брошюре, вовсе не вытекает, разумеется, для коммунистов роль тормоза революционного движения. Я не сомневаюсь, что у нас на этот счет разногласий не будет. Но я хочу несколько подробнее остановиться на вопросе, так как он может получить большое практическое значение.

Прежде всего, необходимо отдать себе ясный отчет в том, что бурный стихийный стачечный разлив совершенно неизбежно вытекает из характера самой революции, являясь в известном смысле ее основой. Подавляющее большинство испанского пролетариата не знает организации. За время диктатуры выросло новое поколение рабочих, лишенное самостоятельного политического опыта. Революция пробуждает -- и в этом ее сила -- самые отсталые, самые забытые,

самые угнетенные трудящиеся массы. Формой их пробуждения является стачка. Через посредство стачки разные слои и группы пролетариата заявляют о себе, перекликаются друг с другом, проверяют свою силу и силу своих врагов. Один слой заражает и пробуждает другой. Все это в совокупности делает абсолютно неизбежным нынешнее стачечное половодье. Коммунисты меньше всего могут пугаться его, ибо в нем-то и выражается творческая сила революции. Только через эти стачки, со всеми их ошибками, "излишествами", "эксцессами" -- пролетариат поднимается на ноги, собирается воедино, начинает чувствовать и сознавать себя как класс, как живая историческая сила. Революции никогда еще не совершались под дирижерскую палочку. Эксцессы, ошибки, жертвы -- все это неизбежно вытекает из природы самой революции.

Если бы коммунистическая партия сказала рабочим: "Я еще слишком слаба, чтобы руководить вами, поэтому подождите, не напирайте, не вступайте в стачечные бои, дайте мне окрепнуть", -- то партия сделала бы себя безнадежно смешной, пробуждающиеся массы перешагнули бы через нее, и вместо того, чтобы окрепнуть, партия ослабела бы.

Даже если вполне правильно предвидеть известную историческую опасность, это еще не значит, что ее можно устранить при помощи голого резонанса. Нет, устранить опасность можно только имея необходимую силу. А чтобы стать силой, коммунистическая партия должна полностью стать на почву развивающегося "стихийного" или полустихийного стачечного движения; не для того, чтобы тормозить его, а для того, чтобы учиться руководить им в процессе боевого руководства, приобретать авторитет и силу.

Было бы ошибочным считать, что нынешнее движение вызывается анархо-синдикалистами. Эти последние сами находятся под непреодолимым напором снизу. Руководящий слой синдикалистов изо всей силы хотел бы тормозить движение. Субъекты вроде Пестанья174, вероятно, уже сегодня сговариваются за кулисами с предпринимателями и администрацией о том, как лучше ликвидировать стачки. Завтра многие из этих господ окажутся палачами рабочих, причем, расстреливая рабочих, они, как русские меньшевики, будут читать проповеди против "стаечного азарта" и пр.

Можно не сомневаться, что именно по этой линии пойдет дифференциация среди анархо-синдикалистов. Более революционное крыло будет приходить во все большее противоречие с синдикал-реформистами. Из среды этого левого крыла будут неизбежно выходить путчисты, героические авантюристы, индивидуальные террористы и проч.

Разумеется, мы ни одной из разновидностей авантюризма покровительствовать не можем. Но мы должны заранее себе отдать отчет в том, что приближаться к нам будет не правое крыло, борющееся против стачек, а левое, революционное синдикалистское крыло. Элементы авантюризма смогут быть тем легче преодолены, чем яснее и скорее революционные синдикалисты убедятся на деле, что коммунисты не резонеры, а борцы.

Официальную партию сейчас обвиняют в авантюристической политике в области стачек. Я лично не могу об этом судить за недостатком данных. Общая

установка партии в предшествующий период делает, однако, это обвинение вполне вероятным. Но именно поэтому есть опасность того, что, обжегши пальцы, партия может круто повернуть вправо. Величайшим несчастьем было бы, если бы рабочие массы пришли к выводу, что коммунисты, как и синдикалисты типа Пестанья, хотят сверху вниз поучать массы, вместо того чтобы вместе с ними подниматься снизу вверх.

Резюмирую. Опасность "июньских дней" остается, несомненно, самой грозной опасностью в перспективе. Но более непосредственной опасностью для коммунизма может стать отвлеченное резонерство, "умничанье", абстрактное уговаривание, которое революционным рабочим будет казаться просто пессимистическим карканьем.

Левая оппозиция не должна ни на минуту забывать, что опасности, вырастающие из развития революции, побеждаются не выжидательной осторожностью, а смелостью, смелостью и еще раз смелостью.

Л. Троцкий

2 августа 1931 г.

БОЛЛАК.

(Черновик незаконченной статьи)

Боллак, руководитель экономического и финансового агентства, давал комиссии чрезвычайно меткие показания, свидетельствующие о том, что наиболее прочно сделанные головы сидят не в парламенте, а на бирже. Во всяком случае никто из членов комиссии -- а там все сплошь люди с именами -- не мог сравниться точностью и меткостью реплик с этим темным биржевым дельцом, посредником, спекулянтom, другом и наперсником Устрика¹⁷⁶.

Боллак объяснял невинным моралистам комиссии, что, когда какой-либо банк хочет выбросить на рынок новые бумаги, он не может не прибегать к рекламе (Ля публиситэ¹⁷⁷). В этот момент "он (банк) вынужден принять несколько сотен индивидуумов, которые являются не для того, чтобы просить рекламы, но чтобы требовать дара за их молчание". Вот почему "большие и маленькие банки вынуждены платить; агент публиситэ не может сказать, что нет секретной публиситэ; все банки вынуждены иметь свои секретные фонды, все без исключения; эта необходимость неотвратимая; Французский банк¹⁷⁸ -- даже и он находится в этом положении. Между тем он не имеет надобности в защите. Правительство также. Министерство финансов также. Министерство финансов распределяет свой бюджет публиситэ в качестве секретного фонда. Этому нет оправдания. А почему? Потому что наиболее крупные политические люди кончали, к несчастью, тем, что склонялись перед шантажистами" (Тан¹⁷⁹, 25 февраля).

Замечательные разъяснения. Биржевой делец разъясняет парламентариям, одни из которых были министрами, а другие стали министрами во время самой анкеты, -- что они не в качестве строгих парламентских следователей, а в качестве министров сами распределяли секретные фонды, т. е. занимались

подкупом печати. Мало того, "склонялись перед шантажистами". И члены комиссии молчат. Они глотают горькую пилюлю, преподнесенную им уверенным в себе финансовым дельцом, который сам переходит на выгодное амплуа моралиста, обвиняя все предшествовавшие правительства и все парламенты в том, что они не посмели издать закон о печати, ограждающий интересы общества от шантажа. Это звучит неотразимо в устах человека, который сам имеет непосредственное отношение к организации шантажа, по крайней мере в его наиболее высоких и в наименее уловимых формах.

Когда Устрику нужно добиться котирования на бирже акций Сניה Вискоза, он требует в письме (от 16 апреля 1930 г.), чтобы Боллак "подготовил атмосферу": "в интересах всех, чтобы ты продолжил твою столь полезную кампанию".

Правда, своей полезной кампанией Боллак помог разорить людей. Но разве у самого знаменитого хирурга нет известного процента неудачных операций? Это довод Боллака. Да, люди разорились. Но разве это свидетельствует о его нечистой совести? Разве во время войны мы все с вами не призывали французов подписываться на государственные займы? Выполните ваш долг. Вы можете быть спокойны за будущность ваших средств. А чем это кончилось? "Французы потеряли 1/5 своего капитала... Все мы ошиблись, но с чистой совестью. Разве так обстоит дело с подвигами шантажиста!" Несчастные члены парламентской комиссии должны были проглотить и эту пилюлю.

К тому же в деле Устрика и Сניה Вискоза Боллак действовал и как добрый патриот. Он был глубоко убежден, что введение итальянской бумаги на французском рынке будет содействовать сближению Рима с Парижем. Вы знаете, конечно, что господин Гуалино¹⁸⁰ был кассиром фашистов во время их похода на Рим¹⁸¹. Я сделал совершенно естественное сопоставление. Я сказал себе: "может быть, именно поэтому разрешение дано. Дело идет о любезном жесте по адресу фашистского режима".

Рауль Пере¹⁸² ссылался на бывшего французского посла в Риме Бенара¹⁸³, который настаивал на введении итальянской бумаги по дипломатическим соображениям. Бенар это отрицал. Пере это утверждал. Оба они были министрами, один из них был послом, другой председателем палаты депутатов. Оба они были адвокатами Устрика и оба получали от него суммы, обозначавшиеся таинственными инициалами. Эти джентельмены сочли необходимым в свое время требовать от комиссии, чтобы она установила, что имя Муссолини не было ими произнесено. Причем здесь Муссолини? -- спрашивал себя неосведомленный читатель. Но финансовый агент Боллак освещает всю картину, как молния.

Владелец Сניה Вискоза, итальянский патрон Устрика, главная закулисная фигура всего дела -- есть, оказывается, бывший казначей фашистского переворота. Гуалино ли финансировал поход на Рим или он сам финансировался за счет этого похода -- неважно. Гуалино, как и Муссолини, оказались от своего сотрудничества в явной выгоде. Муссолини стал во главе страны, Гуалино превратился в одну из главных фигур итальянской биржи. Теперь понятно, почему, помогая Гуалино обогатиться французские сбережения, министры и

дипломаты могли думать, что делают нечто приятное Муссолини, и могли с успехом ссылаться на это соображение. Отсюда же понятно, почему Муссолини после краха Устрика поспешил учинить административную расправу над Гуалино. Одного заявления парламентской комиссии, что имя Муссолини не было названо, было уже недостаточно. Понадобились более сильнодействующие средства.

Боллак является реактором газеты "Актюалитэ" ("Злободневность"). При помощи этой газеты Боллак "подготавливал атмосферу" и вел ту кампанию, которую Устрик объявлял полезной для всех, т. е. прежде всего для него самого. Что это за газета? Она стоит выше подозрений. В ней сотрудничали депутаты, сенаторы, бывшие и будущие министры и посланники. Сотрудником ее был сам Гастон Думерг¹⁸⁴, прежде чем его избрали президентом в сенат. А Думерг сегодня, как известно, состоит президентом республики. Можно ли заподозривать "Актюалитэ" в службе темным интересам? Нет, газета президента республики, как и жена Цезаря, выше подозрений¹⁸⁵. Во всяком случае, Боллак ручается, что его газета никогда не требовала у своих высокопоставленных сотрудников какой бы то ни было помощи его финансовым операциям. Самое пикантное, пожалуй, в том, что это утверждение, может быть, не так уж и расходится с истиной. Боллаку не нужно было никаких специальных услуг от Думерга, который одним фактом своего сотрудничества целиком покрывал и освящал кампании Устрика с пользой для всех. Таков этот переплет людей и отношений.

[Л.Д.Троцкий]

[Лето 1931 г.]

[Письмо Л.Л.Седову]¹⁸⁶

1 сентября 1931 г.

Милый мой,

Посылаю тебе копию моего письма Нину. Прошу перевести его на французский язык и послать Лакруа для Центрального Комитета. Надо написать Лакруа, что письмо это имеет чисто личный характер, в особенности во всем, что касается Р.М[олинье], но что оно посылается руководящим испанским товарищам для их осведомления (отнюдь, разумеется, не для распространения). Следовало бы копию послать также и Шахтману с такой же припиской.

Следовало бы также послать копию в Секретариат, но без той части, которая касается французских дел. В препроводительном письме отметить, что Секретариату посылаются выдержки из моего письма Нину. Эти же самые выдержки можно послать и Правлению Лиги.

Получился целый том полит-изоляторской литературы: действительно маленький томик, исписанный микроскопическими буквами¹⁸⁷. Сейчас М.И.[Певзнер] приступает к его расшифровке. Там есть вводная корреспонденция и много теоретических и полемических работ. Переписка с неизбежными перерывами займет недели две. Таким образом, для следующего номера "Бюллетеня" у нас будет ценный, несомненно, материал. Примите это к

сведению.

Обнимаю.

[Л.Д.Троцкий]

ПО ПОВОДУ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОФЕССОРА О. Э. БРАУНА¹⁸⁸

Автор документа, представляющего обширный ответ на вопросы, поставленные лейпцигским судом, принадлежит к другому политическому направлению и к другой историко-философской школе, чем автор этих строк, являющийся одной из сторон судебного процесса. Эксперт сам подчеркивает свое глубоко отрицательное отношение к большевизму. Это чрезвычайно важное обстоятельство еще раз подтверждает, что в вопросах, которые делят мыслящее человечество на непримиримо враждебные лагеря, нельзя ни ждать, ни требовать какой-либо абсолютной нейтральности.

Противопоставлять здесь исторической оценке большевизма и его противников, какая дана экспертизой, другую оценку значило бы выходить далеко за рамки процесса и без крайней надобности утруждать внимание суда. В своих книгах, отчасти и тех, на которые ссылается эксперт, автор этих строк не раз развивал свой взгляд на ход развития России, русской революции и большевизма. Здесь приходится ограничиться немногими краткими замечаниями по поводу тех пунктов заключения экспертизы, которые имеют непосредственное отношение к вопросам, поставленным судом.

Необходимо прежде всего подчеркнуть, что Керенский не был социалистом-революционером в собственном смысле слова, т. е. не принадлежал к той партии, которая, хотя и в антагонизме с большевиками, вела, однако, в течение многих лет революционную работу как нелегальная партия, подвергшаяся тяжким преследованиям. Керенский был легальным адвокатом, затем депутатом царских дум, возглавлявшим полулиберальную, полународническую фракцию. К социалистам-революционерам он примкнул лишь после Февральской революции, когда эта партия стала не только легальной, но и правящей. Только полная чуждость Керенского революционному прошлому и революционной психологии позволила ему, под внушением царских генералов и агентов контрразведки, усвоить и провозгласить от своего имени нелепое и чудовищное обвинение против большевиков. Ни один из действительных вождей партии социалистов-революционеров, прошедших, рядом с большевиками, через царские тюрьмы, ссылки, эмиграцию, не мог бы решиться выдвинуть подобное обвинение.

Чтобы дать представление о моей отрицательной оценке Керенского, экспертиза приводит из моей "Автобиографии" слова: "Керенский вел свою преемственность от Гапона и Хрусталева" и прибавляет, что эта фраза отличается чрезвычайной остротой, ввиду "в высшей степени сомнительной моральной ценности" обоих названных лиц. На самом деле цитируемое место моей "Автобиографии", как видно из контекста, совершенно не занимается моральной оценкой, а имеет в виду исключительно историческую функцию Гапона, Хрусталева и Керенского: все три были случайными фигурами и заняли большое

место в событиях, будучи подхваченными первыми волнами революции. Искать в моих словах намек на позднейший моральный упадок Гапона и Хрусталева, остающийся уже по существу за пределами политики и истории, было бы совершенно неосновательно.

Не только односторонним, но и совершенно неправильным представляется все то, что экспертиза говорит об отношении Керенского к репрессиям, в особенности к смертной казни, и о степени той опасности, которой подверглись большевики в июле 1917 года, когда правительство Керенского официально выдвинуло против них -- во время войны! -- обвинение в службе германскому правительству в качестве немецких шпионов.

Чтобы дать представление об отрицательном отношении Керенского к смертной казни, экспертиза приводит ряд общегуманитарных фраз Керенского, относящихся к первому периоду революции или к периоду воспоминаний. С известным удивлением приходится ответить, что в этой тщательной работе имеется почти необъяснимый пробел: экспертиза проходит мимо того факта, что именно Керенский восстановил смертную казнь на фронте 189, после того как он навязал армии безнадежное июльское наступление и вызвал отпор солдат. И расстрелы по постановлению полевых судов, и обстрел из пулеметов частей, отказывавшихся выполнять приказы, применялись при правительстве Керенского не только с его ведома, но на основании им подписанных декретов и им одобренных военных приказов.

На государственном совещании в Москве 190 16 августа Керенский как министр-председатель в программной речи заявил, что отныне он будет расправляться с противниками существующего режима "железом и кровью". Что это не было голой фразой -- подобно фразам гуманитарного характера -- показывает тот факт, что он согласился с требованием Корнилова относительно введения смертной казни в тылу. Заседание правительства 27 августа должно было провести соответственный декрет. Опасаясь в связи с этим волнений в Петрограде, Керенский заранее вызвал с фронта 3-й конный корпус, причем Савинков 191, ближайший помощник Керенского, действовавший по его прямому поручению, требовал от Корнилова, чтобы расправа на этот раз была беспощадной, на что Корнилов ответил со своей стороны, что он другой расправы и не понимает. Все эти факты засвидетельствованы с полной точностью в протоколах ставки, в показаниях Корнилова, Савинкова, самого Керенского и в других документах, несомненно известных экспертизе. Правда, восстание Корнилова против Керенского, последовавшее как раз в день 27 августа, нарушило только что названный план, радикально изменив соотношение сил в пользу большевиков. Однако вызов с фронта казачьего корпуса под командой монархического генерала Краснова для обеспечения проведения смертной казни в тылу, после того как смертная казнь была уже введена на фронте, -- все эти факты имеют, на наш взгляд, гораздо больше веса, чем те или другие патетические фразы. Не надо забывать к тому же, что соглашение Керенского с Корниловым и введение смертной казни в тылу происходило под аккомпанимент поистине ураганной агитации, представлявшей большевиков как изменников и

предателей и доводившей ненависть к ним, особенно со стороны офицерства, до высшего напряжения. Считать, что при этих условиях жизни большевистским вождям не грозила опасность, значит подставлять более или менее интересные продукты красноречия на место реальной действительности.

Экспертиза ссылается на то, что при Керенском не было вынесено ни одного смертного приговора, даже по отношению к "худшим представителям ненавистного царизма". Помимо фактической ошибки: экспертиза забывает, как мы уже знаем, о казнях на фронте, -- эта фраза заключает в себе явное нарушение политической перспективы. Нельзя упускать из виду, что Керенский стал министром Временного правительства, в котором преобладали представители национал-либеральной оппозиции, всем своим прошлым связанные с монархией. Не только Родзянко¹⁹², председатель комитета Государственной думы¹⁹³, но и князь Львов, председатель Временного правительства, Милюков, министр иностранных дел, Гучков, военный министр, и др[угие]. стремились во что бы то ни стало сохранить монархию. Самые преступные слуги царизма были им неизмеримо ближе большевиков. Керенский не задумывался ни на минуту стать членом этого правительства, ибо по всему его прошлому он ближе принадлежал к этим кругам, чем к кругам революционеров. Смертная казнь против царского министра вызвала бы в правящей среде чрезвычайное волнение; наоборот, расстрел солдата, рабочего и даже более или менее известного революционера не подавал в этой среде никакого повода для гуманитарных эмоций. К этому надо еще прибавить чрезвычайное сближение Керенского со Ставкой¹⁹⁴, которая вся состояла из ближайших сотрудников царя. У всего правящего слоя, демократическим рупором которого являлся Керенский, было два резко различных критерия: один -- для своего круга, другой -- для "демагогов", проповедников "анархии" и пр.

В доказательство того, что правительство охраняло жизнь большевистских вождей, экспертиза ссылается на мое собственное свидетельство: в дни наступления Корнилова на столицу военная охрана тюрьмы, в которой я находился вместе со многими другими большевиками, была сметена, причем новая охрана оказалась очень дружественной к большевикам. Здесь экспертиза впадает в явное недоразумение. В те критические дни власть в Петрограде сосредоточилась в руках советского Комитета обороны, в котором большевики, благодаря своей связи с гарнизоном и влиянию на рабочих, играли очень большую, в некоторых вопросах решающую, роль. Смена тюремной охраны была не делом Керенского, а делом левых советских элементов, враждебных Керенскому. Самая необходимость этой смены показывает, какой опасности подвергались большевики.

Указанную только что ошибку политической перспективы в отношении Керенского экспертиза дополняет другой, так сказать, симметричной ошибкой в отношении большевиков. Справедливо иронизируя по поводу фразы Керенского относительно "творческого всемогущества любви", эксперт пишет: "Можно сомневаться, применил ли бы победоносный большевизм 'творческое всемогущество любви' по отношению к Керенскому, если бы он его захватил".

Речь идет о бегстве Керенского из Зимнего дворца в день Октябрьского переворота¹⁹⁵. Экспертиза как бы совершенно упускает из виду, что большевики захватили в тот день все правительство Керенского, кроме него самого, причем члены правительства освобождались из крепости один за другим¹⁹⁶.

Более того, в ближайшие после переворота дни Керенский, не рассчитывая на "творческое всемогущество любви", вел на Петроград казачий отряд во главе с тем же казачьим генералом Красновым. Не трудно понять, какой характер получила бы расправа над большевиками в случае победы Краснова. Но события пошли другим путем: большевики захватили Краснова в плен и -- через 24 часа отпустили его под данное им честное слово не воевать больше против Советов. Это не помешало Краснову стать на Дону одним из организаторов гражданской войны.

Внесенные поправки -- их число можно бы значительно увеличить -- вовсе не имеют в виду снять с большевиков ответственность за революционный террор. Революция имеет свои законы. Кто принимает ее цели, тот принимает ее методы. Кто принимает ее методы, тот несет последствия. Большевики никогда не прикрывались гуманитарными фразами. Свои цели и задачи они наывали по имени. Между их словом и делом не было противоречия. Кто хочет осуждать большевиков, должен одинаково осуждать их слова и их дела. Но совершенно неправильно цитировать лишь те слова Керенского, при помощи которых он прикрывал свои собственные дела и своих союзников.

Когда представитель моих интересов перед судом называет Керенского "смертельным врагом" большевиков и Троцкого, то это, вопреки мнению экспертизы, вовсе не эвфемизм¹⁹⁷, а совершенно точное определение отношений, как они сложились в обстановке революции.

Можно бы привести ряд мелких односторонностей того же типа. Вряд ли, однако, необходимо и целесообразно загромождать судопроизводство историческими деталями. Позволю себе только высказать в заключение одно общее соображение. Если критика этих строк в той или другой степени способна ослабить чисто историческую ценность экспертизы, то она ни в каком случае не может ослабить судебно-юридическое ее значение, наоборот: ибо, если эксперт в своих морально-политических симпатиях оказывается гораздо ближе к Керенскому, чем к большевикам; более того, если он совершенно недвусмысленно ставит Керенскому в вину недостаточную решимость и твердость в борьбе с большевиками; то тем более убедительную силу приобретает его вывод, гласящий, что книга Керенского в решающем для данного процесса пункте заключает в себе "объективную неправду" относительно большевиков.

* * *

В порядке дополнения я позволю себе коснуться еще одного пункта, более отдаленно связанного с существом процесса, но представляющего большой политический интерес для ниже подписавшегося.

Экспертиза не права, когда утверждает, что я преуменьшаю или затушевываю свои старые разногласия с большевизмом. Исторические документы

всем интересующимся известны, они воспроизведены в десятках и десятках книг: затушевывать или преуменьшать их у меня нет ни объективной возможности, ни субъективного интереса. Дело идет не об отрицании бесспорных фактов, а об общей научной и политической оценке прошлого в свете тех исторических событий, по отношению к которым старые разногласия были только ученической подготовкой. В моменты тактических и организационных конфликтов борьба между мною и Лениным на протяжении лет не раз вспыхивала с большой остротой. Можно подобрать немало цитат, в которых эти столкновения нашли свое отражение. Такая работа выполнена моими противниками. На эту работу и ссылается эксперт, подпавший в известном смысле под ее влияние. Но синтетическая оценка прошлого не исчерпывается коллекцией эпизодических и конъюнктурных документов. Она требует анализа исторического прошлого в целом. Политические линии, как и линии всякого живого развития, являются сложными кривыми. Своими тактическими изгибами две линии могут враждебно сталкиваться, совпадая по своему стратегическому направлению. Ленин дал свою оценку прошлым разногласиям, когда писал в 1919 году, что в период революции большевизм привлек к себе "все лучшее из близких ему течений социалистической мысли".

Экспертиза ссылается далее на приведенную в одной из моих работ фразу Ленина, сказанную им на заседании Петроградского комитета партии 1/14 ноября 1917 года: "...Троцкий это понял и с тех пор не было лучшего большевика", и прибавляет: "Мы не имеем никакого основания ему (Троцкому) не верить в этом"¹⁹⁸. Считаю не лишним отметить, что в данном случае нет надобности ставить вопрос в плоскости доверия к моим личным утверждениям. В издаваемом мною русском "Бюллетене оппозиции", No 7, ноябрь-декабрь 1929 г., воспроизведено факсимиле корректурного оттиска протоколов 1 ноября 1917 года с собственноручными пометками и резолюциями лиц, задержавших печатание этого протокола¹⁹⁹.

[Л.Д.Троцкий]

12 сентября 1931 г.

Кадицей

ПИСЬМО ЕДИНОМЫШЛЕННИКУ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Дорогой товарищ!

Вы возражаете против лозунга рабочего контроля вообще и против попытки его осуществления через завкомы. Главный Ваш довод в том, что "законные" завкомы на это не способны. Я нигде не говорил в своей статье о "законных" завкомах. Мало того: я совершенно точно указал, что завкомы могут стать органами рабочего контроля лишь при условии такого напора рабочих масс, который отчасти подготавливает, отчасти устанавливает двоевластие предприятий и в стране. Ясно, что это не может произойти в рамках существующего закона о завкомах²⁰⁰, как и революция не может произойти в рамках Веймарской конституции²⁰¹.

Из этого, однако, только для анархиста может вытечь тот вывод, что не надо использовать ни Веймарскую конституцию, ни закон о завкомах. Использовать надо и то, и другое. Но по-революционному. Завкомы -- не то, чем их делает закон, а то, чем их делают рабочие. На известном этапе рабочие "раздвинут" рамки закона или разорвут его, или просто переступят через него. В этом и состоит переход к чисто революционной ситуации. Но этот переход еще впереди, а не позади. Его нужно подготовить.

Что в завкомах сидят нередко карьеристы, фашисты, социал-демократические чиновники и пр., это не говорит против использования завкомов, а лишь доказывает слабость революционной партии. Те рабочие, которые терпят такие завкомы, и до тех пор, пока они их терпят, революции не сделают. Партия не может стать сильнее в стороне от рабочих. А главным местом деятельности рабочих является завод.

Но, возражаете Вы, в Германии ведь миллион безработных. Я этого не забываю. Но какой же отсюда вывод? Махнуть рукой на занятых рабочих и перенести все надежды только на безработных? Это было бы чисто анархической тактикой. Разумеется, безработные представляют, особенно в Германии, огромный революционный фактор. Но не как самостоятельная пролетарская армия, а лишь как ее левое крыло. Основное число рабочих нужно все же искать на заводах. Вопрос о завкомах тем самым остается во всей силе.

Далее. Для безработных совершенно не безразлично, что делается на предприятиях и в промышленности вообще. К контролю над производством совершенно необходимо привлечь и безработных. Организационные формы для этого можно найти. Они будут подсказаны самой практикой. Разумеется, все это произойдет не в рамках существующего закона. Но надо найти формы охвата как работающих, так и безработных, а не просто ссылаться на наличие безработных в оправдание своей слабости и пассивности.

Вы говорите, что брандлерианцы держатся за рабочий контроль и завкомы. Я, к сожалению, за неимением времени, давно перестал следить за их литературой. Я не знаю, как они ставят эти вопросы. Весьма вероятно, что они и сюда вносят дух оппортунизма и филистерства. Но разве позиция брандлерианцев может иметь для нас решающее значение, хотя бы и со знаком минус? Брандлерианцы кое-чему научились на III конгрессе Коминтерна. С оппортунистическими искажениями они пытаются применять или пропагандировать большевистские методы борьбы за массы. Неужели же нам из-за этого отказаться от самих методов?

Насколько понимаю из Вашего письма, Вы являетесь также противником работы в профсоюзах и участия в парламентаризме²⁰². Но тогда нас разделяет пропасть. Я марксист, а не бакунист²⁰³. Я стою на почве действительности буржуазного общества, чтобы в нем самом найти силы и рычаги для его низвержения.

Вы противопоставляете завкомам, профсоюзам, парламентаризму -- советскую систему. На этот счет у немцев есть прекрасное двухстишие: "Великолепная вещь -- шелковый цилиндр, нужно только иметь его". У Вас не

только нет Советов, но нет и моста к ним. Нет дороги к этому мосту. Нет тропинки к этой дороге. "Акцион" превратила Советы в фетиш, в надсоциальный призрак, в религиозный миф. Всякая мифология служит людям для того, чтоб скрывать свою слабость или, по крайней мере, утешать себя в ней. "Так как мы убийственно бессильны, так как мы ничего не можем сделать на заводах, так как у нас ничего нет в профессиональных союзах, так как мы не можем выставить своих списков на выборах, то... то в награду за это мы сразу поднимаемся на великую высоту, когда на помощь нам свалятся с неба Советы". Вот вся философия немецких ультралевых.

Нет, с этой политикой я не имею ничего общего. Разногласия у нас с Вами вовсе не насчет немецкого "закона" о завкомах, а насчет марксистских законов пролетарской революции.

[Л.Д.] Т[роцкий]

13 сентября 1931 г.

ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ

Товарищ Трэн!

Как я мог убедиться на основании переписки с Вами, а сейчас на основании бесед, Ваша мысль обращается все время не к вопросам программы и политики, а к отдельным эпизодам прошлого. Вы неутомимо и -- простите -- с пристрастием прокурора ищете чужие ошибки, думая, таким образом, уменьшить вес Ваших собственных. Раньше в переписке, а сейчас в беседе я несколько раз пытался перевести Вас с этого бесплодного, по-моему, пути на путь живых и актуальных вопросов революции, но Вы упорно настаиваете на своем. Продолжая традицию того периода, когда Вы стояли во главе французской партии, Вы продолжаете ото всех требовать признания своих ошибок. Я вынужден стать на ту почву, на которую Вы низводите наше политическое объяснение, чтобы раз навсегда подвести под некоторыми вопросам черту. Так как Вы оперируете в Ваших изысканиях отдельными мелкими эпизодами, датами, случайными разговорами и т. п. элементами, совершенно не поддающимися проверке, то я предпочитаю ответить Вам письменно.

Прежде всего я начну с "признания своих ошибок".

Да, в начале 1924 года я присоединил свою подпись, заочно, к тезисам Радека по поводу немецкой революции²⁰⁴. Тезисы эти были ошибочны, правда, не так грубо ошибочны, как тезисы Коминтерна, -- и оказались в противоречии со всем тем, что я писал и говорил до этих тезисов, во время их составления Радеком и после того. Я совершил несомненную ошибку. Но в этой ошибке не было ничего "принципиального". Пленум Исполкома Коминтерна²⁰⁵ застиг меня больным, в деревне, в 40 километрах под Москвой. Радек сносился со мной по телефону, который в зимние дни действовал крайне плохо. На пленуме Радека травил. Он искал поддержки. Он заявил мне категорически, что в тезисах изложены те самые мысли, которые я развивал в своих речах и статьях и что Пятаков уже подписал их. Он просил меня присоединить мою подпись, не

настаивая на прочтении тезисов, так как у него остается всего полчаса до решающего заседания. Не без внутренних колебаний я согласился дать свою подпись. Да, я сделал ошибку, слишком доверившись суждению двух товарищей: Радека и Пятакова. На самом деле оба они, может быть и по соглашению с Брандлером, внесли в тезисы ряд формулировок, которые должны были смягчить вину Брандлера и оправдать поведение самих Радека и Пятакова, во многом поддержавших Брандлера.

После того как я ознакомился с тезисами Радека, я не скрывал ни от их автора, ни от других товарищей свое отрицательное мнение о тезисах. В статьях и речах, вышедших брошюрами, а позже и целыми книгами, я неоднократно формулировал свою оценку положения в Германии, не имевшую ничего общего с тезисами Радека. Эта оценка, сложившаяся у меня примерно с июля 1923 года, в основных чертах осталась неизменной до сегодняшнего дня. Сюда я включаю, разумеется, оценку политики Брандлера, зиновьевской фракции Коминтерна и пр.

Замечательно то, что ни один из членов зиновьевской клики не пользовался в России против меня моей подписью под тезисами Радека, ибо мое отношение к брандлерианцам было слишком хорошо известно: в течение сентября 1923 -- января 1924 гг. Зиновьев и Сталин даже защищали Брандлера от моих, будто бы несправедливых, нападок. Но гораздо важнее другая сторона, которая, по-видимому, улетучилась из Вашей памяти: при всей своей ошибочности относительно прошлого, резолюция Радека заключала в себе важнейшее предостережение относительно будущего: она устанавливала, что непосредственно революционная ситуация осталась позади, что наступает период оборонительных боев и подготовки к новой революционной ситуации. Это был в моих глазах центральный пункт. Между тем резолюция Коминтерна продолжала направлять курс на вооруженное восстание. Отсюда выросла злосчастная политика ультралевизны 1924-[19]25 гг. Если бы я присутствовал на пленуме и если бы от моего голоса зависело принятие той или другой из двух резолюций, я голосовал бы за резолюцию Радека, несмотря на всю ее ошибочность в отношении прошлого. Вы же, тов. Трэн, голосовали за резолюцию Коминтерна, причинившую величайшие бедствия и опустошения. Вот почему Вы вряд ли являетесь наиболее подходящим обвинителем даже по отношению к плохой резолюции Радека.

Вы, конечно, не могли знать в 1924 г. закулисной истории резолюции Радека. Вы имели право в тот момент придать преувеличенное значение моей подписи под тезисами Радека, не сопоставляя их с тем, что я лично говорил и писал по тому же вопросу. Но с того времени прошло почти восемь лет. Все важнейшие документы давно опубликованы на всех языках. В моей французской книге о Коминтерне²⁰⁶ сказано все основное по поводу политики брандлерианцев в 1923 году.

Я спрашиваю Вас: что Вы хотите выжать теперь, осенью 1931 года, из случайного эпизода с моей подписью под тезисами Радека? Попробуйте самому себе ответить на этот вопрос ясно. Попробуйте Ваш ответ формулировать

письменно.

Вы настойчиво ссылаетесь, далее, на мое заявление о том, что во всех основных вопросах, где у меня были разногласия с Лениным, Ленин был прав против меня. Такое заявление имеется в платформе оппозиционного блока 1926 года²⁰⁷. Вы, как и Зиновьев, пытаетесь, прямо или косвенно, сделать из этого заявления тот вывод, что в той критике, которую Вы и Ваша фракция направляли против меня в течение 1924-[19]27 гг., Вы были правы, если не полностью, то хоть отчасти.

И здесь, опять-таки, я начну с "признания своей ошибки". И на этот раз ошибка имела не принципиальный характер: она полностью и целиком остается в плоскости внутренней фракционной тактики.

В общей своей форме мое заявление о том, что Ленин был прав против меня, является безусловно правильным. Я его сделал без малейших насилий над своей политической совестью. Не Ленин пришел ко мне, а я пришел к Ленину. Я пришел к нему позже многих других. Но, смею думать, я понял его не хуже других. Если бы дело касалось только исторического прошлого, то я не сделал бы из своего заявления никаких изъятий. Недостойно было бы памяти Ленина и вместе с тем было бы ниже моего достоинства, если бы я пытался теперь, когда Ленина нет больше с нами, доказывать из простой амбиции, что в таких-то вопросах я был прав против Ленина.

Тем не менее я жестоко сопротивлялся той декларации, за которую Вы теперь так жадно хватаетесь. Почему? Именно потому, что я предвидел, что за мое заявление могут ухватиться те, которые были и остаются одинаково не правы, как против Ленина, так и против меня. По вопросу моих разногласий с Лениным зиновьевская фракция, и ее французская секция в том числе, написали множество теоретически вздорных, политически реакционных, в значительной мере клеветнических страниц. Моим признанием правоты Ленина Зиновьев хотел хоть отчасти прикрыть прошлую преступную "идеологическую" работу своей собственной фракции против меня.

Положение Зиновьева в это время было поистине трагично. Вчера еще признанный вождь антитроцкизма, он сегодня склонился перед знаменем оппозиции 1923 года. На заседаниях ЦК все ораторы по всем вопросам бросали ему в лицо его вчерашние заявления, на которые он ничего не мог ответить. То же делала изо дня в день "Правда". С другой стороны, передовые петроградские рабочие, зиновьевцы, которые приняли борьбу с "троцкизмом" честно и всерьез, никак не могли примириться с внезапным поворотом на 180°. Зиновьеву грозила опасность остаться без лучших элементов своей собственной фракции.

В этих условиях ряд товарищей из оппозиции 1923 года настаивал передо мной: "Дайте Зиновьеву какую-нибудь общую формулу, которая позволила бы ему хоть отчасти защититься от ударов сталинцев, с одной стороны, и напора его собственных питерских единомышленников, с другой". В принципе я [не] возражал против такого рода оборонительной формулы, но с условием: чтобы она не заключала в себе никаких принципиальных уступок с моей стороны. Борьба вокруг этого вопроса длилась в течение недель. В последний момент, когда

нужно было уже подавать готовую платформу в ЦК, у нас с зиновьевцами произошел, именно на вопросе об интересующей нас формуле, прямой дипломатический разрыв.

Мы готовились подать платформу самостоятельно от имени фракции 1923 года. Нашлись, как всегда, посредники. Вносились изменения и поправки. В нашей собственной группе (1923) решено было сделать зиновьевцам уступку. Я голосовал в нашей группе против уступки, находя ее чрезмерной и двусмысленной. Но я не порвал на этом вопросе ни с центром своей группы, ни с зиновьевцами. Я предупредил, однако, моих друзей, что, пока дело будет касаться исторического прошлого, я вопроса поднимать не буду. Но как только он встанет как программный или политический вопрос, я, разумеется, буду отстаивать теорию перманентной революции. Так я позже и поступил.

Вот что было на самом деле. Теперь Вы это знаете. В свое время Вы не могли этого, разумеется, знать. Но после 1926 года много воды утекло. Прошел опыт китайской революции. Вскрылось со всей ясностью, что единственной антитезой теории национального социализма является теория перманентной революции. Тот же вопрос встал применительно к Индии и получил, в частности, проверку на теории "двухсоставных партий"²⁰⁸. Сейчас проблема перманентной революции развернулась перед нами на арене Пиренейского полуострова. В Германии теория перманентной революции, и только она, противостоит теории "народной революции". По всем этим вопросам левая оппозиция высказалась с полной категоричностью. Я, в частности, давно объяснил в печати ошибки русской платформы 1926 г., поскольку эта платформа заключала в себе уступки зиновьевцам.

Я спрашиваю Вас: что Вы хотите сегодня, осенью 1931 года, выжать из того обстоятельства, что осенью 1926 года я счел нужным -- правильно или неправильно -- протестовать открыто против той чисто формальной уступки, которую мои тогдашние политические друзья считали нужным сделать зиновьевцам? Попробуйте ответить на этот вопрос письменно!

Теперь я мог бы с полным правом поставить кое-какие вопросы относительно Вашего прошлого. Поняли ли Вы, что, каковы бы ни были те или другие частные ошибки или погрешности, основное ядро оппозиции 1923 года было и остается авангардом авангарда, вело и ведет борьбу за теорию марксизма, за стратегию Ленина, за Октябрьскую революцию; тогда как противоположная группировка, к которой Вы принадлежали, прodelьвала гибельную ревизию ленинизма, расшатывала диктатуру пролетариата и ослабляла Коминтерн? Поняли ли Вы, что в борьбе против "троцкизма" Вы были бессознательным орудием сил термидора? Да или нет?

Я не буду, однако, настаивать на Вашем ответе на этот вопрос, хотя он имеет неизменно большее значение, чем все те мелкие эпизоды, на которые Вы напрасно тратите свое и мое время.

Но если я готов оставить в стороне вопросы, касающиеся прошлого, то я не могу допустить никакой неясности и недоговоренности относительно принципиальных вопросов, касающихся настоящего и будущего.

Как Вы относитесь к теории перманентной революции, тов. Трэн? Поддерживаете ли Вы сегодня ту в корне реакционную, термидорианскую по своим социальным корням, критику, которую Вы развивали в свое время вместе со всеми эпигонами и в полной солидарности с ними? В этом кардинальном вопросе нет и не может быть никаких уступок. Тут нет места никаким оговоркам и экивокам. Вопрос изложен со всей ясностью: в тезисах, статьях, книгах. Вопрос проверен на опыте гигантских событий. Все секции левой оппозиции -- прежде всего русская секция -- стоят полностью и целиком на почве теории перманентной революции. Ваш ясный и недвусмысленный ответ на этот вопрос является необходимым предварительным условием для разрешения вопроса о том, сможем ли мы работать в рамках одной и той же фракции.

Этот кардинальный программный вопрос, противопоставляющий большевиков-ленинцев центристам и правым, включает в себе целый ряд вытекающих из него вопросов:

Как Вы относитесь к лозунгу демократической диктатуры рабочих и крестьян вообще, для колониальных стран в частности, для Индии в особенности?

Как Вы относитесь к идее рабоче-крестьянских партий?

Считаете ли Вы правильным создание Крестинтерна и политику Антиимпериалистической Лиги?

Как Вы относитесь к лозунгу Соединенных Штатов Европы²⁰⁹?

Все эти вопросы, получившие на V конгрессе Коминтерна анитимарксистское решение, сохраняют огромную важность и сейчас.

Правильный ответ на эти вопросы, как уже сказано, является, с моей точки зрения, абсолютно необходимым для того, чтобы создать программные предпосылки для совместной работы. Но одних программных предпосылок недостаточно. Остаются вопросы тактики и организации.

В этой области у нас уже в переписке обнаружилось очень серьезные и острые разногласия, которых первые мои беседы с Вами, к сожалению, отнюдь не смягчили. Чтобы не повторяться, я сошлюсь здесь на два документа: на мое письмо Вам от 23 мая 1929 г.²¹⁰ и на мою критику Вашего проекта заявления о вступлении в Лигу, от 23 мая 1931 г.²¹¹ Прилагаю копии обоих документов.

В заключение я хотел бы высказать одно общее соображение, которое, может быть, лучше поможет понять оценку Вашей позиции. В рядах левой оппозиции, особенно французской, довольно сильно распространена духовная болезнь, которую я, не входя в исследование ее социальных корней, назвал бы по имени ее наиболее законченного представителя суваринизмом. Это есть -- если брать вопрос в области политической психологии -- болезнь паралича политической воли при гипертрофии резонерства. Комнатное умничанье, без корней, без стержня, без ясной цели, критика ради критики, цеплянье за мелочи, отцеживание комаров и проглатывание верблюдов -- таковы черты этого типа, который больше всего на свете озабочен сохранением своей кружковой или личной "самостоятельности".

Подобного рода кружок, не решающийся примкнуть к социал-демократии, но

и не способный на политику большевизма, не способный на активную политику вообще, больше всего склонен писать примечания на полях чужих действий или чужих книг. Ярче всего этот дух, повторяю, выражен у Суварина, который нашел, наконец, для своей тенденции адекватное ей выражение в виде библиографического журнала²¹², в котором Суварин подвергает критике всех, вся и все, якобы от имени своей собственной "доктрины". Между тем, секрет состоит в том, что никакой доктрины у Суварина нет и по самой его духовной природе не может быть. От того духовное творчество Суварина, не лишенное ни остроумия, ни находчивости, является по самому существу своему паразитическим. В нем сочетаются перегоревшие остатки коммунизма с недоразвернувшимися элементами меньшевизма. В этом и состоит сущность суваринизма, поскольку здесь можно вообще говорить о сути.

Я часто говорил тов. Навиллю, что он отравлен суваринизмом и, боюсь, неизлечимо: во всяком случае я за последний год не заметил у него никаких признаков улучшения. Вы, тов. Трэн, считаете себя, и не без основания, во многих вопросах противником как Суварина, так и Навилля. Но, несмотря на несомненные индивидуальные различия, вас объединяет общая черта. У Вас тоже нет доктрины, тов. Трэн: Вы ее растеряли. Все Ваши усилия сводятся к оговоркам, примечаниям и эквивокам.

Вы ведете упорную борьбу не за известную систему идей и методов, а за свою "независимость", причем никак нельзя добиться изложения того, каково содержание этой независимости. Тов. Трэн, это и есть болезнь суваринизма. От всей души желаю Вам вылечиться от нее.

Этот в значительной мере личный вопрос имел бы гораздо меньше значения, если бы мы с вами были членами большой здоровой пролетарской партии. Но у нас пока дело идет о небольшой фракции, которая в условиях исключительно трудных отстаивает знамя Маркса и Ленина. Для такого рода боевой фракции бактерия суваринизма неизмеримо опаснее, чем для большой партии. Разумеется, преступно было бы легкомысленно рвать с отдельными группами или даже с отдельными лицами. Но еще более преступно допускать такой состав инициативной фракционной организации, при котором парализуется или ослабляется ее наступательный пропагандистский дух, ее политическая боеспособность. Вот почему могут быть такие условия, при которых приходится сказать: мы отстаиваем известную сумму идей; Вы же отстаиваете известную сумму примечаний к Вашим взглядам. Попробуем не мешать друг другу и будем действовать врозь. Может быть, опыт в более чистом виде кое-чему научит тех и других. Тогда мы встретимся с Вами на новом этапе, подведем итоги и, может быть, лучше сговоримся, чем сегодня. Я не говорю, что это единственно мыслимое решение и что оно наилучшее. Но я его никак не считаю исключенным.

Л. Троцкий

13 сентября 1931 г.

Кадикей

ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКИМ ОППОЗИЦИОНЕРАМ

Дорогие товарищи!

Ваша национальная конференция²¹³, очень долго откладывающаяся по причинам внутреннего кризиса Лиги, все еще застает Лигу не вышедшей из состояния кризиса. Конференция не может совершать чудес. Было бы наивно ждать, что она одним ударом победит кризис и устраним внутреннюю борьбу. Но конференция может сделать крупный шаг в этом направлении.

Что для этого нужно?

Прежде всего, решительно, раз и навсегда отделить принципиальные политические вопросы от личных столкновений и трений. Революционная организация, которая хочет жить, не должна позволять отравлять себя склокой. Существует нормальный организационный путь для разрешения личных вопросов: путь контрольной комиссии. Кто избегает этого пути, кто заменяет организационное рассмотрение личных обвинений пусканием отравленных слухов, тот осуждает себя. Прогрессивное течение не нуждается в таких методах. Вся история революционного движения во всех странах свидетельствует, что к отравлению идейной борьбы личной склокой прибегают такие группы, которые пришли в противоречие с ходом развития своей организации и тащут ее назад вместо того, чтобы идти с ней вперед.

Со стороны трудно подавать советы по организационным вопросам. Но, может быть, Вы нашли бы целесообразным наряду с Исполнительной комиссией выбрать Контрольную комиссию из нескольких спокойных и объективных товарищей и поручить ей самыми суровыми мерами, вплоть до исключения из Лиги, преследовать всякого, кто попытается впредь подменить политическую борьбу личной склокой.

Отрицать принципиальный характер борьбы, которая развертывалась в Лиге, могли бы только слепцы. Несомненно, что все члены Лиги признают известные программные и тактические принципы, общие всем нам. Но опыт свидетельствует, что от формального признания до правильного понимания и особенно до правильного применения на практике остается еще большой шаг, а иногда два и три.

То обстоятельство, что оппозиция находится вне партии, приносит большой ущерб как партии, так и оппозиции. Это состояние раскола поддерживается искусственно, по приказу сталинского центра в Москве. Никогда бы французская коммунистическая партия не исключила бы левой оппозиции, если бы руководствовалась интересами французского и мирового рабочего движения. Но сталинская фракция в СССР не может уже держаться у власти иначе, как душая партию.

Страх перед левой оппозицией тем больше преследует сталинскую бюрократию, чем больше событий подтверждают правильность нашей платформы. В СССР Сталин расправляется с большевиками-ленинцами с помощью ГПУ. Чтобы оппозиция не сделалась опасной через Коминтерн, сталинский аппарат приказывает центральным комитетам всех партий исключать левую оппозицию, травить ее, клеветать на нее. В Испании сейчас сталинцы готовят

объединительный коммунистический съезд, куда допускают все группы -- при одном условии: чтобы они отреклись от русской левой оппозиции. Маурин, в котором социал-демократ соединяется с тредюнионистом и анархистом, может присутствовать на объединительном съезде; большевики-ленинцы -- Нин, Лакруа и др. -- не могут. Один этот факт лучше всего характеризует беспринципную борьбу аппарата Коминтерна против нас.

Надо признать, что разные французские оппозиционные группы своей политикой в прошлом очень сильно помогали сталинской бюрократии изображать левых оппозиционеров как оппортунистов, полусиндикалистов и врагов партии.

В этом, однако, основном вопросе -- отношения к партии -- "Веритэ" долго не могла найти правильной линии, несмотря на свои большие заслуги в других отношениях. Сектантское презрение к партии, чрезвычайное высокомерие кружка, который привык жить голой критикой и не хочет знать, что делается вне его, стремление к "независимости", т. е. к изолированности, -- вот те черты, которые проскальзывали с самого начала в статьях "Веритэ" и позволяли вокруг нее группироваться довольно разношерстными элементами, уставшим от революционной политики и по существу нам чуждым: полусиндикалистам, полуреформистам, политическим дилетантам и пр. и пр.

Борьба за то, чтобы превратить "Веритэ" из газеты изолированного кружка в орудие воздействия на коммунистическую партию, была неизбежной и необходимой борьбой. Она привела к размежеванию в рядах первоначальных друзей "Веритэ". База левой оппозиции от этого сузилась. Это дало кое-кому повод кричать о крушении левой оппозиции во Франции. Насколько я могу судить, к такого рода крикам склонны больше всего те, которые с самого начала стремились изо всех сил придать "Веритэ" неправильную физиономию и которые несут ответственность за ослабление организации и за ее кризис. Если бы "Веритэ" с самого начала не кокетничала с синдикалистами и с идеей второй партии (открыто или под псевдонимом "независимой фракции"), то она не создала бы лишних предубеждений против себя, лишних препятствий на своем пути, не опиралась бы на мнимых друзей и не вынуждена была бы терять их.

Каждое идейное течение, каждую фракционную группу следует проверять не только национально, но и интернационально: только тогда ее физиономия выяснится вполне. Открывающаяся с этой точки зрения картина интернациональных связей в высшей степени ярка: факт таков, что те элементы французской оппозиции, которые тормозили прогрессивное развитие Лиги, одновременно поддерживали в Германии, в Австрии и в других странах организации и группы, по существу чуждые левой оппозиции и оказавшиеся вне ее рядов. Этого нельзя забывать ни на одну минуту. Позволить после проделанного опыта тащить себя назад к старым ошибкам было бы прямым преступлением. Сохранение единства организации, разумеется, в высшей степени желательно. Но бывают такие положения, особенно в молодых и слабых организациях, когда две группы настолько явно тянут в разные стороны, что совершенно парализуют жизнь организации. Что остается делать? Прежде всего надо исчерпать все возможности честного соглашения. Но если попытки не

приводят ни к чему, то остается сказать друг другу: попробуем работать врозь, а через полгода или позже посмотрим, кто из нас прав -- может быть, тогда мы уже серьезно сойдемся на общем пути. Такое действие называется расколом. Но иногда раскол является меньшим злом. Организация менее многочисленная, но более единая может при правильной политике добиться крупных успехов, тогда как организация, раздираемая внутренней борьбой, обречена на загнивание.

Хочу ли я этим сказать, что единственным выходом для Лиги в настоящих условиях является раскол? Нет, я бы не решился высказаться с такой категоричностью. Но нельзя закрывать глаза на то, что раскол может оказаться единственным выходом из положения. Много, думается мне, может зависеть от того, как пройдет ваша конференция. Чудес, как уже сказано, она дать не может. Но конференция все же очень крупное событие в жизни Лиги. После нее возврата к прошлому уже не может быть.

Либо конференция учтет проделанный опыт работы и ошибок, наметит план работы, распределит силы, выберет дееспособный центр и примет меры к тому, чтобы снова превратить "Веритэ" в еженедельное издание, -- тогда конференция окажется крупным шагом вперед и опасность раскола рассеется сама собой.

Либо же конференция пройдет под знаком обесценивающей и деморализующей внутренней борьбы, -- тогда лучше не откладывать раскола.

Я высказываю свое мнение с полной откровенностью и резкостью, так как думаю, что революционеры не нуждаются во внутренней дипломатии, и так как опыт учит, что затяжные кризисы не излечиваются сладкими речами.

Нужно ли прибавлять, что если бы обе основные группы Лиги: та, которую я поддерживаю в основных вопросах, и та, против которой я боролся, достигли добросовестного соглашения для действительной совместной работы, я был бы счастлив и готов был бы воскликнуть: "Принкипский мир умер, да здравствует парижский мир!"²¹⁴. Каждый из нас, и я в том числе, поставил бы в этом случае охотно крест на прошлых ошибках, недоразумениях и столкновениях, ибо жить надо не прошлым, а будущим.

От всей души желаю Вам, чтобы Ваша конференция прошла под знаком будущего, а не прошлого.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

25 сентября 1931 г.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ЯПОНИИ В МАНЬЧЖУРИИ²¹⁵ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ²¹⁶

Беспомощность Лиги Наций²¹⁷ в японско-китайском вопросе превосходит все предвиденья наиболее непримиримых противников и критиков этого учреждения. Противоречивый характер Лиги Наций -- я бы предпочел, с вашего разрешения, сказать: ее вероломный характер, -- ярче всего представлен Францией. Ее официальный делегат, министр иностранных дел г. Бриан, руководит всей

миротворческой акцией²¹⁸ в то время, как вся правительственная пресса, и прежде всего "Тан", изо всех сил поддерживает японское вторжение, как бы дезавуируя свою официальную дипломатию. Читая изо дня в день передовые статьи "Тан", можно подумать, что имеешь перед собою орган генерального штаба в Токио, а не министерства иностранных дел в Париже. Ясно: различие между действительной политикой господина Бриана и военными операциями генерала Хонио²¹⁹ должно быть не так уже велико, если официозная французская печать может с успехом совмещать обе точки зрения. На этом примере мы еще раз видим, что Франция для поддержания своей "версальской" гегемонии, -- гегемонии неустойчивой, ибо не отвечающей действительному экономическому удельному весу страны, -- вынуждена искать опоры во всех элементах европейской и мировой реакции, в поддержке везде и всюду военного насилия, колониальных захватов и пр.

Но, разумеется, японско-китайский конфликт, вернее сказать, военное нападение Японии на Китай, прежде чем найти опору в Париже, должно было найти ее в Токио, а в известном смысле и в Нанкине²²⁰. Нынешняя драматическая развязка в Маньчжурии непосредственно возникла из разгрома китайской революции и из надвигающейся революции в Японии.

Китайская революция 1925-[19]27 годов имела национально-освободительный характер и подняла на ноги грандиозные массы. Захватившая руководство движением партия Гоминьдан в конце концов военными мерами подавила революцию, не дала сложиться демократической нации, ослабила Китай, возродила борьбу генеральских клик и тем самым разожгла хищные аппетиты, прежде всего у Японии.

Военная интервенция Японии в Маньчжурии вовсе, однако, не является выражением силы нынешнего японского государства. Наоборот, она продиктована его возрастающей слабостью. Крайне поучительно провести аналогию между маньчжурской авантюрой царизма, приведшей к войне 1904-[190]5 годов²²¹, и авантюрой правительства Микадо²²², которая в своем развитии тоже неизбежно ведет к войне или, вернее, к ряду войн. Царское правительство бросилось в свое время на восток в поисках выхода из невыносимых внутренних противоречий между развивающимся капитализмом и архаической полуфеодальной сословно-аграрной структурой страны. Лекарство, однако, только ускорило развитие болезни и привело к первой русской революции 1905 года.

Аграрный и сословный слой Японии до сих пор остается полуфеодальным. В начале этого столетия противоречие между молодым японским капитализмом и его государственным режимом еще не успело развиться. Наоборот, капитализм с успехом использовал крепкие старые феодальные классы, учреждения и традиции для своих военных целей. Именно это сочетание и дало Японии ее грандиозную победу над царской Россией в 1904-[190]5 году.

Положение с того времени радикально изменилось. Капиталистическое развитие Японии за последнюю четверть столетия глубоко подкопало старые японские отношения и учреждения, увенчивающиеся фигурой Микадо. Правящие классы указывают японским крестьянам обильные запасы земли в Маньчжурии. Но

крестьяне хотят предварительно разрешить аграрный вопрос у себя дома. Только на новой демократической основе может окончательно сформироваться Япония как современная нация. Властители судеб Японии чувствуют себя примерно так, как чувствовала себя царская монархия в начале этого столетия. И по зловещей иронии судьбы правящая Япония ищет выхода из своих невыносимых противоречий на полях той самой Маньчжурии, где царская монархия получила столь тяжкую предреволюционную рану.

Как повернется ход событий на Дальнем Востоке в ближайшие дни или недели, предсказать нелегко: за работой здесь слишком много противоречивых факторов, пересекающихся в разных направлениях. Подвести им конъюнктурный баланс тем труднее, что само японское правительство, именно как правительство предреволюционной эпохи, отличается чрезвычайной неустойчивостью и склонностью к неожиданностям. Но как бы ни сложились события в ближайшие недели, общий их ход можно предвидеть почти безошибочно. Если бы даже удалось сейчас приостановить развитие японских военных операций и тем предотвратить их непосредственное превращение в войну по широкому фронту, это значало бы все равно не более как передышку.

Правящая Япония увязла в Маньчжурии. Лига Наций пытается ликвидировать конфликт (поскольку она действительно стремится к этому) ценою новых уступок Японии за счет Китая. Это значит, что даже при самом благополучном исходе нынешних военных операций Япония увязнет в Маньчжурии еще более. Китай будет ощущать японские "права" в Маньчжурии как острую занозу в босой ноге. Правда, Китай обессилел хозяйничаньем военных гоминьдановских клик. Но национальное пробуждение Китая остается фактором грандиозной исторической важности, и этот фактор будет расти. Чтоб удерживать свои позиции, Япония вынуждена будет неизбежно прибегать к новым и новым военным экспедициям. Необходимость посылки новых войск будет, в свою очередь, порождать стремление оправдать издержки путем расширения своих "прав", т. е. путем новых захватов и насилий. Этот процесс имеет свою автоматическую логику. Международное положение Японии будет становиться все более напряженным. Военные расходы будут непрерывно увеличиваться, первоначальные соображения экономической выгоды в ходе вещей подменяются соображениями военного престижа. В стране будет расти недовольство. Маньчжурия может при этих условиях стать для японской монархии тем, чем Марокко стало для испанской монархии²²³, притом в более короткий срок.

Не может ли нынешняя завязка в Маньчжурии привести к войне между Японией и Советским Союзом? На этот вопрос, как и на предшествующий, я могу, разумеется, ответить только как наблюдатель, не посвященный в планы и намерения правительств и судящий исключительно на основании объективных признаков и логики вещей. Со стороны советского правительства можно во всяком случае считать абсолютно исключенным желание конфликта с Японией. В этом вопросе в высшей степени поучительно проследить совсем свежую эволюцию французской официальной печати. В первые недели японской интервенции "Ган" не успевал повторять: бояться надо не Японии, а СССР, который явно затевает

агрессивные действия. Телеграммы о концентрации советских войск сыпались как из рога изобилия. Этим достигнуто было необходимое раздвоение внимания и выигрыш времени для японских военных властей. Когда бессилие Лиги Наций обнаружилось с достаточной убедительностью, французская официозная печать поставила себе задачей, -- вернее, ей поставлена была задача, -- примирить правительства великих держав с совершившимся фактом и побудить их пойти как можно дальше навстречу Японии. С этого момента "Тан" стал заверять, что не может быть и речи о вмешательстве СССР, дело идет о чисто местном конфликте, о провинциальном эпизоде, все будет урегулировано как нельзя лучше, не нужно волноваться и вмешиваться: Япония сама хорошо знает, что ей нужно в Маньчжурии.

Французская печать для своих успокоительных заверений ищет опоры в "слабости" СССР и Красной армии. Она при этом нередко пользуется упомянутой выше аналогией с русско-японской войной 1904-[190]5 годов. Аналогия эта очень поучительна, но при одном условии: если поставить плюс там, где раньше был минус, и наоборот. Ибо, если нынешняя Япония совсем не похожа на Японию начала столетия, то нынешний Советский Союз еще меньше похож на царскую Россию. Разумеется, советская революция далеко не завершена. В экономическом развитии Союза имеется много противоречий, которые превращаются моментами в политические затруднения. Отрицать это значило бы заниматься политикой страуса. Но при больших исторических оценках нужно не терять из виду пропорций и не забывать основных фактов из-за второстепенных. Красная армия есть исторический продукт трех революций, пробудивших и воспитавших русскую нацию и рядом с ней несколько союзных и дружественных наций. В случае войны, неизбежность и необходимость которой будет понятна массам населения СССР, пробужденная тремя революциями энергия превратится в могущественную силу. Только слепцы могут не понимать этого!

Правда, дальневосточный театр военных действий далек, железнодорожная связь с ним представляет серьезные затруднения. Преимущества Японии в этом отношении несомненны. Но только в этом. Во всем остальном решающий перевес был бы на стороне СССР. Красная армия сама по себе обнаружила бы гигантское превосходство над нынешней предреволюционной японской армией, и это одно могло бы иметь решающее значение; но, сверх того, операции развертывались бы в стране, глубоко враждебной японцам и дружественной Советскому Союзу. Ибо, если бы этот последний оказался вынужден к войне, то он мог бы ее вести и вел бы ее лишь как союзник китайского народа, борющегося за свое национальное освобождение.

Как ни ослаблен Китай режимом своих милитаристов, но грандиозные потрясения двух революций политически подготовили многочисленные элементы нового Китая. Сотни тысяч и миллионы китайцев умеют держать оружие в руках. Голод и пробужденное национальное чувство толкают их к оружию. Уже в качестве партизанских отрядов, постоянно висящих над японскими коммуникациями и угрожающих отдельным японским отрядам, импровизированные китайские войска и сейчас могут представлять для японцев грозную опасность,

никак не меньшую, чем та, какой оказалась испанская герилья²²⁴ для оккупационных войск Наполеона²²⁵. Что же касается военного союза Советской республики и Китая, то он означал бы для Японии верную катастрофу.

Почему же в таком случае, спрашиваете вы, Советскому Союзу уклоняться от войны? И не являются ли мирные заявления Москвы одним лишь дипломатическим прикрытием совсем немирных намерений? Нет, я этого не думаю. Более того: я считаю это исключенным. Независимо от своих военных результатов, война принесла бы Советской республике огромные экономические тяготы, которые присоединились бы к экономическим осложнениям, существующим сейчас. Хозяйственное строительство оказалось бы приостановленным, политические затруднения были бы весьма вероятны. Пойти на войну в таких условиях можно было бы лишь в том случае, если бы она оказалась безусловно неизбежной. Но этого нет. Наоборот, даже и с чисто военной точки зрения у советского правительства нет ни малейших оснований торопиться и забегать вперед. Своим маньчжурским предприятием Япония будет только ослаблять себя. Условия Дальнего Востока -- неизмеримость его пространства, общая экономическая отсталость и, в частности, слабость путей сообщения -- таковы, что опасаться оттуда какой-либо непосредственной или даже более отдаленной опасности жизненным центрам Советского Союза, включая сюда, разумеется, и азиатские центры, совершенно не приходится.

Вопрос о Китайско-Восточной дороге, как он ни важен сам по себе, не может в этой связи иметь решающего значения для определения политики обеих сторон. Советское правительство не раз заявляло, что оно вполне готово передать дорогу действительно крепкому китайскому правительству, т. е. такому, которое будет опираться на пробужденный китайский народ. Передавать в прошлые годы дорогу Дзан Дзолину или Дзан Суляну²²⁶ значило бы прямо или косвенно передать ее Японии, которая направила бы ее против Китая и против Советского Союза. Истолковывать советскую политику в отношении Китайско-Восточной дороги как "империализм" значит опрокидывать вещи на голову в интересах агрессивного японского милитаризма. Но во всяком случае вопрос о дороге не есть самостоятельный вопрос. Он войдет подчиненным элементом в великую проблему Дальнего Востока. Последнее слово в этом вопросе скажет сам Китай. Что самые пламенные симпатии народов Советского Союза находятся на стороне китайского народа, говорить незачем.

Не лишним будет прибавить, что для мыслящего политика, в том числе и для противника, уже одно нынешнее положение в Европе должно сделать ясным, что Советский Союз не может хотеть и не хочет связывать себе руки на Дальнем Востоке. Что я имею в виду? -- спрашиваете вы. Возможность прихода к власти национал-социалистов²²⁷, т. е. фашистов²²⁸ в Германии. Если бы это осуществилось, то это означало бы, по глубочайшему моему убеждению, неизбежность войны между фашистской Германией и Советской республикой. Здесь вопрос шел бы действительно о жизни и смерти. Но это большая самостоятельная тема, к которой мы, может быть, вернемся в другой раз.

Л. Троцкий

Кадицей, 30 сентября 1931 г.

[Письмо А.Сюзо]

16 октября 1931 [г.]

Тов. Сюзо

Копия: Членам секретариата

Дорогой товарищ!

Выше письмо от 9 октября посвящено нынешнему положению

административного Секретариата. Вы жалуетесь на то, что это положение ненормально. Я с вами совершенно согласен. Но мы расходится с вами в оценке причин ненормальности положения Секретариата и его слабости.

1. Первым условием усиления влияния и авторитета Секретариата должна быть лояльность в организационных вопросах и крайняя осторожность в отношениях к разным группировкам. Секретариат должен быть орудием большинства Интернациональной левой оппозиции, соблюдая в то же время лояльность по отношению к разным ее меньшинствам, поскольку они не переступают за рамки интернациональной организации. Секретариат не может быть орудием меньшинства, тем менее - закулисным орудием группировки, осужденной большинством. Между тем, Секретариат попал в такое положение, занявшись закулисными комбинациями вокруг Росмера, который стал знаменем для всех дезертировавших из Интернациональной оппозиции. Советшенно ясно, что я не мог и не могу поддерживать Секретариат на этом пути.

2. Вы пишете о "недоразумении". Я не могу принять этого определения, которое я, к слову сказать, очень часто встречал в письмах Росмера и Навилля. Оба они слепы в ряде теоретических и политических вопросов. Там где, на мой взгляд, имеются глубочайшие политические или программные разногласия, они видят только "недоразумения". Вы, товарищ Сюзо, в той или другой степени поддерживали эту группировку. Это ваше полное право. В этих вопросах вы представляли новую итальянскую оппозицию. Я считался с вашей позицией, как с фактором, и надеялся, как надеюсь и сейчас, что будущее покажет вам неправильность вашей позиции в вопросе о Росмере, Навилле и пр. Мне казалось иногда, что конфликт с т. Бласко мешал вам занимать правильную и ясную позицию во многих важных волпросах Интернациональной левой оппозиции.

3. К поведению т. Милля я не могу отнестись иначе, как с величайшим осуждением. Под влиянием личных конфликтов и быстрой смены собственных настроений он не только меняет в короткий срок позицию на 180 градусов, но считает возможным и допустимым пытаться превратить Интернациональный Секретариат в орудие своих субъективных настроений и личных зигзагов. Я написал ему десятки писем, получил от него приблизительно столько же и должен констатировать, что я оказался бессилен в борьбе с импрессионизмом т. Милля.

Т[оварищ] Милль упорно не хочет понять место административного Секретариата, его роль, его значение. Он считает возможным в свое время по личному усмотрению включать т. Навилля в состав Секретариата, затем удалять его. В ряде писем я доказывал т. Миллю, что демократизм организации должен начинаться с Интернационального Секретариата. Все национальные секции должны в каждый данный момент ясно знать состав Секретариата, содержание его работы в целом и каждого его члена в отдельности. Только так создается необходимый отбор руководящих работников. Между тем, состав Секретариата продолжал меняться за спиной национальных секций. Так в Секретариат оказался введен т. Миртос²²⁹. Я меньше всего склонен возражать против этого, тем более что греческая секция имеет бесспорное право на представительство в центре. Но нельзя же вводить в Секретариат новых членов, не оповещая об этом секции, не мотивируя своего предложения и не ставя его на голосование. Секретариат должен был бы быть живым образцом точности, демократизма и лояльности в отношении к национальным секциям. Между тем, увы, этого нет и в помине.

4. Нельзя, разумеется, лишить членов Секретариата права занимать боевую позицию в любом вопросе. Но необходимо установить строжайшие границы: где Милль или Сюзо действуют как Милль или Сюзо, а где они действуют как члены Секретариата. У Маркса, как вы знаете, был достаточный авторитет в I-м Интернационале. Но он строжайше отделял свои критические выступления как Маркса от своей деятельности в качестве секретаря немецкой секции Интернационала и члена его совета. Право же, неплохо брать пример с Маркса.

5. Вы пишете, что, если считается необходимым изменить состав Секретариата, то Секретариат не будет возражать и пр. Я могу только удивляться такой постановке вопроса. Немецкая секция, русская секция, насколько я знаю, и французская секция высказались уже давно за необходимость расширения Секретариата путем включения представителей немецкой и русской оппозиции. Т[оварищ] Вель настаивал на этом во время своего пребывания в Париже. Он счел нужным даже телеграфировать мне, что Секретариат решил предложить секциям пополнить его состав немецким и русским членами. С того времени прошел долгий ряд недель. Между тем Секретариат до сих пор, насколько я знаю, не внес этого предложения на разрешение секций. Не скрою от вас: мне такой образ действий представляется прямо-таки чудовищным, в корне противоречащим всем моим представлениям о нормальной жизни организации.

Насколько я знаю, никто не предлагал устранять кого-либо из членов нынешнего Секретариата. Но расширить его абсолютно необходимо как по принципиальным, так и по практическим соображениям. В Секретариате должны быть представлены немецкая и русская секции. Секретариат должен иметь такой состав, чтобы колебание отдельного его члена в ту или другую сторону не изменило политики Секретариата. Наконец, Секретариат должен стать более работоспособным.

Если тот или другой член Секретариата не согласен с этим предложением, он имеет полную возможность отстаивать перед секциями свой взгляд. Но

Секретариат в целом обязан был, даже по требованию только одной секции, немедленно поставить вопрос о своем составе на обсуждение всех секций.

Надо как можно скорее ликвидировать положение, созданное неправильным курсом Секретариата за последний период.

Надо немедленно вывполнить требование немецкой, русской и французской секций о расширении состава Секретариата, поставив это требование на обсуждение и разрешение всех секций.

Надо принять меры, чтобы Секретариат оставался интернациональным, а не погрязал бы в мелочах внутренней борьбы французской Лиги.

Надо установить в работе Секретариата строжайший порядок и аккуратность: все предложения должны своевременно рассматриваться и направляться по назначению; протоколы Секретариата должны немедленно рассылаться национальным секциям, чтобы они имели возможность своевременно вмешаться в тот или другой вопрос.

Я думаю, что при установлении такого режима нам удастся общими силами обеспечить существование жизнеспособного Секретариата и помочь ему постепенно, путем напряженной работы и постоянных услуг национальным секциям превратиться в действительно руководящий практический центр интернациональной оппозиции.

С коммунистическим приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Л.Седову]230

21 октября 1931 [г.]

Милый Лева,

Только что получилось от тебя письмо с карточкой Гитлера²³¹ (ну и рожа! - абсолютно неприличная!)

Посланные тобою цитаты из "Правительственного вестника"²³² поистине великолепны. Где ты их достал? Разумеется, мне это все пригодится как раз для тех глав, над которыми я сейчас работаю.

Ты жалуешься, что тебе не отвечено. М.И.[Певзнер] сообщит тебе, какие письма посланы тебе за последнее время.

Перевод в "Лютт де клясс" я до сих пор не смотрел. Непременно посмотрю его сегодня-завтра и тогда напишу. Обещаю в дальнейшем внимательно следить за этими переводами, - но я должен сбросить с себя несколько последних глав.

Поведение "Петрополиса"²³³ совершенно неслыханное. Думаю, что из всех его изданий последнего времени только и расходятся мои книги, так что он моим гонораром покрывает свои издательские расходы.

Можешь ему смело сказать, что второго тома "Истории" он при таких условиях не получит: как я могу доверять книгу издателю, который не способен в срок заплатить 300 марок?

Все эти рассуждения, разумеется, не разрешают твоего личного финансового кризиса, который, правда, на фоне мирового финансового кризиса

является ничтожной величиной, но тем не менее серьезно должен отравлять существование.

Сейчас получено из Парижа извещение, что небольшая сумма от Ридера выслана по телеграфу. Из Испании до сих пор ничего нет. Но я все же думаю (ни мамы, ни Франкеля дома нет), что можно будет временно содействие оказать отсюда. Если Шуман судебные издержки уплатит немедленно, то это разрешит твой кризис более серьезно. Причитается мне, кажись, судебных издержек 1600 марок. 200 марок передай Пфемферт[ам]: они их честно заработали, так как ухлопали на процесс очень много времени. Остальные марки оставь у себя.

Генеральный расчет с Бони должен быть произведен - принимая во внимание время на корреспонденцию с Америкой - в течение первой половины ноября. Деньги могут быть здесь только к концу ноября. До этого времени затруднения, по-видимому, останутся.

Привет

Л.Т[роцкий]

ПИСЬМО ЕДИНОМЫШЛЕННИКУ В АНГЛИИ234

Дорогой товарищ!

Ваше письмо я получил много недель тому назад. Простите, что не ответил сразу. Я совершенно перегружен крайне срочной работой. К тому же писать по-английски мне было бы очень трудно и отняло бы у меня много времени. А я не знал, можно ли писать по-немецки или французски. Сейчас у нас здесь проживает американский товарищ, который переведет это письмо на английский язык²³⁵. Всей этой совокупностью обстоятельств объясняется чрезвычайное запоздание моего ответа.

Та же спешная работа, которая продолжится еще месяц-полтора, совершенно лишает меня возможности внимательно следить за английскими событиями, имеющими неизмеримое историческое значение. Даже чтению английских газет я не могу посвящать достаточно времени. Я утешаю себя только тем, что второй том моей "Истории русской революции", который я заканчиваю, сможет принести известную пользу коммунистам разных стран, и прежде всего Англии, в надвигающуюся на Европу и на весь мир эпоху грандиозных потрясений.

Сказанное выше объяснит Вам, почему я затрудняюсь сегодня высказаться со всей необходимой определенностью о ближайших практических задачах британского коммунизма и левой оппозиции. Через месяц-два я обращусь к этим вопросам полностью. Сейчас я вынужден ограничиться лишь самыми общими соображениями.

Один из моих английских друзей писал мне 9 октября, следовательно, до парламентских выборов, о быстром росте коммунистической партии и об известном приближении к коммунизму рядовой массы независимой рабочей партии. Мой корреспондент упоминал также об оживлении меньшинства в тред-юнионах и о возрастающем руководстве со стороны этого меньшинства спорадическим

стачечным движением. Эти отрывочные сведения на фоне общего мирового кризиса и великого национального кризиса, переживаемого Англией, позволяли предполагать, что за последние год-два произошло довольно значительное усиление коммунистической партии. Выборы²³⁶ принесли в этом отношении полное разочарование. Из многих сотен тысяч голосов, потерянных лейбористами, партия привлекла на свою сторону в лучшем случае 20.000, что при повышении общего числа голосующих является ничтожным конъюнктурным колебанием, а не сколько-нибудь серьезным политическим завоеванием. Где же влияние партии среди безработных? Среди углекопов? В молодом поколении рабочих, которое голосовало ныне в первый раз? Поистине, результат выборов является ужасающим приговором над политикой партии и Коминтерна.

Я мало следил за тактикой британской партии в течение последнего года и не берусь судить, чему она научилась и научилась ли чему-нибудь серьезно. Но для меня совершенно ясно, что, независимо от своих новых и новейших ошибок, коммунистическая партия расплачивается своим бессилием за несколько лет позорной и преступной политики Коминтерна, связанной с Англо-русским комитетом и затем с "третьим периодом". Ошибки эти были особенно губительны именно в Англии.

Каждый раз снова поражаешься, какой страшный груз приниженности, консерватизма, благочестия, смирения, почтительности к верхам, к титулам, к богатству, к короне тащит в своем сознании английский рабочий класс, способный в то же время на великолепное революционное возмущение (чартизм; предвоенное движение 1911 года²³⁷; движение после войны²³⁸; стачечное движение 1926 года).

Английский пролетариат, самый старый, самый традиционный, самый эмпирический по методу мысли, как бы таит в своей груди две души; он как бы двумя разными физиономиями поворачивается к историческим событиям.

Презренная, продажная, сервильная бюрократия тред-юнионов и лейбористской партии дает выражение всему тому, что есть в английском рабочем классе ветхого, приниженного, во многом еще крепостнического, феодального. Наоборот, задача коммунистической партии состоит в том, чтобы дать выражение потенциальным революционным качествам английского пролетариата, которые очень велики и способны развить грандиозную взрывчатую силу. Между тем, в крайне критический период английской истории 1925-1927 годов вся политика британской компартии и Коминтерна состояла в рабском приспособлении к тред-юнионистским вождям, в их идеализации, в замазывании их предательств и в укреплении доверия к ним со стороны рабочих. Молодая британская компартия была этим глубоко деморализована. Весь авторитет Октябрьской революции, СССР, большевизма пошел в те годы на поддержку и укрепление консервативных и сервильных тенденций в рабочем классе.

Когда лейбористы, использовав сталинцев до конца, оттолкнули их пинком ноги²³⁹, полоса тред-юнионизма была механически сменена полосой ультралевых прыжков во славу "третьего периода". Лозунг "класс против класса"²⁴⁰ истолковывался теперь, как лозунг борьбы горсти коммунистов против

"социал-фашистского" пролетариата. Если вчера Персель и Кук были друзьями, надежными союзниками СССР, то сегодня рабочие, голосующие за Перселя и Кука, превратились в классовых врагов. Такова политическая оброта британской компартии, вернее сказать, Коминтерна. Можно ли придумать другой более верный путь для того, чтоб расшатать престиж коммунизма и подорвать доверие к партии со стороны пробуждающихся рабочих?

Московская бюрократия Коминтерна, упираясь каждый раз носом в новый тупик, командует поворот налево или направо. Это не трудно. Все эти Куусинены, Мануильские, Лозовские и др[угие] чиновники свободны не только от серьезной марксистской подготовки и революционного кругозора, но и -- это самое главное -- от какого бы то ни было контроля масс. Их политика имеет чисто канцелярский характер. Тактический поворот есть для них только новый циркуляр. ЦК британской компартии по мере сил выполняет приказы. Но все эти циркуляры через соответственную политику переносятся затем в сознание рабочих.

Бюрократические банкроты думают, что можно механически навязать рабочему классу свое руководство, с одной стороны, при помощи кассы и репрессий, с другой -- при помощи внезапных скачков, заметания следов, лжи и клеветы. Но это совсем не так. Английские рабочие думают медленно, ибо их сознание засорено мусором веков. Но они думают. Отдельные статьи, возвания, лозунги проходят для них обычно незамеченными. Но целые периоды политики (Англо-русский комитет и "третий период") ни в каком случае не проходят бесследно, по крайней мере, для наиболее передовой, подвижной, критической, революционной части рабочего класса. Если представить себе образно воспитание революционного сознания как нарезку на винте, то придется сказать, что руководство Коминтерна применяет каждый раз не ту нарезную доску, не тот калибр и не в том направлении, что нужно, и потому срывает резьбу, крошит ее, разрушает. Без малейшего преувеличения можно утверждать, что если бы с 1923, а для Англии особенно с 1925 года, не существовало Коминтерна вообще, то мы имели бы сегодня в Англии несравненно более значительную революционную партию. Последние английские выборы показывают это с ужасающей убедительностью.

Здесь начинается задача левой оппозиции. Английские коммунисты, среди которых есть, разумеется, много преданных, честных и самоотверженных революционеров, не могут не быть обескуражены результатами десятилетней работы, притом в исключительно благоприятных исторических условиях. Пессимизм, индифферентизм могут овладеть и очень хорошими революционерами, если они не понимают причин собственной слабости и не находят путей выхода. Критически, т. е. светом марксизма, осветить прошлый путь партии, ее зигзаги, ее ошибки, вскрыть теоретические и социальные корни ее ошибок -- это первое и необходимое условие для возрождения партии. Необходимо, в частности, если это не сделано до сих пор, начать с опубликования важнейших документов интернациональной левой оппозиции по вопросу об Англо-русском комитете. Это есть исходная позиция для английского левого крыла.

Левая оппозиция в Англии, как и коммунизм вообще, имеет право рассчитывать на большое будущее: английский капитализм явно для всех падает с грандиозных исторических высот в пропасть. Можно сказать с уверенностью, что нынешние выборы представляют собою последнюю гигантскую вспышку

национального "величия" британской буржуазии. Но это вспышка потухающей лампы. За эти выборы официальной английской политике придется в ближайший период жестоко расплачиваться. Банкротство великих национальных нулей из трех партий, как и дальнейшее банкротство британского капитализма, совершенно неизбежны. Несмотря на все помехи руководства Коминтерна, крот британской революции роет слишком хорошо свои подземные ходы. Есть все основания надеяться на то, что эти выборы представляют последнюю вспышку надежд миллионов рабочих и служащих на капиталистов, лордов, умных, образованных и богатых людей, которые, объединившись вместе с Макдональдом, непременно найдут секрет спасения Великой Британии и воскресного пудинга. Никакого секрета эти господа не найдут. Ибо подлинный секрет один: пролетарская революция. Именно нынешние выборы готовят крушение консервативной и сервильной души английского пролетариата и, следовательно, мощный расцвет его революционной души.

Однако непосредственно победа консерваторов несет тяжкие испытания английскому пролетариату и усугубление международных опасностей. В особенности -- опасностей для СССР. Здесь мы снова видим, как мало пользы приносит СССР непрерывный визг о его "защите". В течение двух-трех лет ждали этой защиты от Перселя, Хикса, Ситрина и Кука, затем защиту взяла в свои руки компартия против "социал-фашистского" пролетариата. И вот в защиту СССР она собрала всего навсего 70.000 голосов. Когда левая оппозиция требовала разрыва позорного блока с Перселем, Сталин обвинял нас в том, что мы не озабочены защитой СССР от британского империализма. Теперь можно подвести итог: никто не оказал таких услуг издыхающему британскому империализму, как сталинская школа. Поистине, глава этой школы заслуживает двух орденов Подвязки²⁴¹!

Британская левая оппозиция должна начать систематическую работу. Нужно создать свою штаб-квартиру, хотя бы самую маленькую, поставить свое издательство, хотя бы самое скромное... Нужна постоянная, непрерывная, преемственная работа анализа, критики и пропаганды. Нужно воспитывать свои кадры, хотя бы на первых порах и малочисленные. Основные силы истории работают на нас. Если в Англии более, чем где бы то ни было, коммунизм может в очень короткий срок овладеть сознанием широких масс пролетариата, то внутри коммунизма в столь же короткий срок могут получить преобладание идеи левой оппозиции, т. е. идеи Маркса и Ленина.

Искренно желаю британским друзьям успеха на этом пути.

[Л.Д.Троцкий]

Кадикей

6 ноября 1931 г.

О ЗАДАЧАХ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ В АНГЛИИ И ИНДИИ

(Несколько критических замечаний по поводу

неудачных тезисов)

Два товарища, Ридлэй²⁴² и Аггарвала²⁴³, выработали тезисы, посвященные положению в Англии, левой оппозиции и ее отношению к Коминтерну. Авторы считают себя сторонниками левой оппозиции, с которой у них, однако, имеются серьезные разногласия. На протяжении своего документа они несколько раз отстаивают необходимость открытой и свободной внутренней критики. Это совершенно правильно. Свободную и откровенную критику мы применим поэтому к их собственным тезисам.

1. "Великобритания находится в настоящее время в промежуточной фазе между демократией и фашизмом". Демократия и фашизм берутся здесь как две абстракции, без всяких социальных определений. Очевидно, авторы хотят сказать: британский империализм готовится освободить свою диктатуру от разлагающейся парламентской оболочки и встать на путь открытого и голого насилия. В общем и целом это верно, но лишь в общем и целом. Нынешнее правительство не есть "антипарламентарное" правительство; наоборот, оно получило неслыханную парламентскую поддержку со стороны "нации". Заставить правительство стать на путь голого внепарламентского насилия мог бы только рост революционного движения в Англии. Это несомненно придет. Но в данное время этого нет.

Выдвигание сегодня на передний план вопроса о фашизме представляется поэтому не мотивированным. Даже и с точки зрения более отдаленной перспективы можно сомневаться, в какой мере уместно говорить по отношению к Англии о фашизме. Марксисты должны, на наш взгляд, исходить из того, что фашизм представляет собою особую специфическую форму диктатуры финансового капитала, но вовсе не тождественен с империалистической диктатурой как таковой. Если "партия" Мосли²⁴⁴ и "гильдия Св. Михаила"²⁴⁵ представляют собою начала фашизма, как выражаются тезисы, то именно полное ничтожество обеих названных групп показывает, насколько неосторожно сводить уже сегодня всю перспективу к близящемуся пришествию фашизма. Между тем вопросом о фашизме авторы тезисов исчерпывают характеристику положения в Англии.

При анализе нынешнего положения в Англии нельзя исключать тот вариант, при котором господство консерваторов не прямо перейдет в диктатуру голого насилия, а сменится в результате резкого парламентского сдвига влево каким-либо блоком Ллойд Джорджа и Гендерсона, т. е. переходным режимом британской керенщины. Ллойд Джордж явно рассчитывает на неизбежность левого поворота "общественного мнения" и именно поэтому не боится оставаться сегодня в ничтожном меньшинстве. В какой мере вероятен период английской керенщины, какова будет его продолжительность и пр. -- зависит от

дальнейшего хода экономического кризиса, от темпа банкротства "национального" правительства и, главное, от быстроты радикализации масс. Во всяком случае, ориентироваться заранее только на фашизм, как на ближайший этап, было бы, по крайней мере, односторонним. Надо иметь в виду и другие возможные варианты, чтобы не быть застигнутым событиями врасплох.

Разумеется, период керенщины, если бы он наступил, должен был бы, в свою очередь, обнаружить свою несостоятельность и, следовательно, толкнуть буржуазию на путь открытого и голого насилия. В этом случае английские рабочие должны были бы убедиться, что их монархия совсем не только невинное декоративное учреждение: королевская власть неизбежно стала бы центром объединенной империалистической контрреволюции.

2. Глубоко ошибочным является второй параграф, направленный против обязательной для марксиста и большевика работы внутри тред-юнионов с целью их завоевания. По мысли тезисов, тред-юнионы представляют собою "империалистические организации" с самого своего происхождения. Они могли жить, поскольку пользовались сверхприбылью британского капитала; теперь, когда привилегированное положение последнего безвозвратно исчезло, тред-юнионы могут только разрушаться. Борьба за завоевание нынешних тред-юнионов -- бессмыслица. Революционная диктатура создаст в свое время новые "экономические организации".

В этом рассуждении нет ничего общего [с действительностью]. Оно подогревает давно уже разъясненные и опровергнутые предрассудки. Тред-юнионы рассматриваются авторами тезисов не как историческая организация британского пролетариата, отражающая его судьбу, а как некоторое вечное начало, проникнутое со дня рождения грехом империализма. Между тем, у тред-юнионов есть своя богатая и поучительная история. Они вели в свое время героическую борьбу за право коалиции. Они принимали славное участие в боях чартизма. Они вели борьбу за сокращение рабочего дня, и этой борьбе Маркс и Энгельс придавали большое историческое значение. Ряд тред-юнионов входил в Первый Интернационал. Увы, история не существует для наших авторов. Во всем их рассуждении нет и капли диалектики. Они ограничиваются метафизическими началами: "фашизм", "демократия", "империалистическая организация". Живому и реальному процессу они противопоставляют свое откровение.

Мы узнаем от них, что вожди тред-юнионов не предали генеральную стачку в 1926 году: признать их "предателями" значило бы признать, что раньше они были "революционерами". Вот в какие дебри заводит метафизика! Реформисты не всегда предавали рабочих. В известные периоды и в известных условиях реформисты производили прогрессивную работу, хотя и недостаточную. Эпоха капиталистического заката вырывает почву из-под ног реформизма. Вот почему реформисты, поскольку они вынуждаются примкнуть к движению масс, на известной стадии неизбежно предадут его. Именно так воспринимают поведение реформистских вождей массы. Этому жизненному пониманию масс авторы противопоставляют теорию первородного греха тред-юнионов. Эта теория замечательна тем, что не позволяет предателя назвать предателем.

С 1920 года тред-юнионы потеряли более 40% своих членов. Авторы предсказывают, что в течение ближайших двух лет они потеряют еще 40%. Допустим. Если бы эти 80% рабочих сами собою стали под знамя коммунизма, Ридлэй и Аггарвала могли бы сказать: незачем пророку идти к горе, если гора идет к пророку. Но, насколько нам известно, это не так. Ридлэй и Аггарвала вряд ли имеют десяток рабочих за собою. Тред-юнионы обнимают еще миллионы рабочих, которые, как показал 1926 год, способны вести революционную борьбу. Рабочих надо искать там, где они находятся сегодня, а не там, где они, может быть, будут находиться завтра, организованных, как и неорганизованных. Вопрос идет вовсе не о тех экономических организациях, какие создаст будущая революционная диктатура, а о завоевании нынешних английских рабочих, без чего говорить о диктатуре пролетариата значит заниматься фразерством.

Могут ли, в самом деле, рабочие встать на путь восстания одним скачком, не углубляя в предшествующий период своей борьбы против капитала, не радикализируясь и не радикализируя свои методы борьбы и свои организации? Каким образом революционизирование рабочих масс может пройти мимо тред-юнионов, не отразиться на них, не изменить их физиономии, не вызвать подбора новых вождей? Если справедливо, что тред-юнионы возникли на основе капиталистической сверхприбыли Великобритании, -- а это до известной степени справедливо, -- то уничтожение сверхприбыли должно радикализировать тред-юнионы, разумеется, снизу, а не сверху, разумеется, в борьбе с вождями и с традициями. Эта борьба будет тем более успешной, чем более непосредственное и решительное участие примут в ней коммунисты.

Авторы тезисов заходят так далеко, что отождествляют борьбу за тред-юнионы с политикой Англо-русского комитета. Поразительный аргумент! Левая оппозиция обвиняла Сталина, Томского и К|| в том, что, ведя политическую дружбу в Ситриним, Перселем, Куком и К||, они мешали коммунистам в тред-юнионах разоблачать предательства этих господ. Товарищи Ридлэй и Аггарвала приносят теперь новое откровение: дружить с изменниками и разоблачать их перед массой -- это одно и то же. Можно ли брать такие доводы всерьез?

Доказывая необходимость работать внутри профессиональных союзов для завоевания их, американский товарищ Глотцер вполне законно сослался на книгу Ленина "Детская болезнь левизны"²⁴⁶. На это товарищи Ридлэй и Аггарвала отвечают четырьмя возражениями:

а) Они требуют аргументов, а не ссылки на авторитет. Это правильно. Но в книге Ленина заключается много аргументов, на которые тезисы не дают никакого ответа.

б) Авторы отрицают римско-католический догмат непогрешимости²⁴⁷. Мы с ними согласны. Но мы советуем им начать с критики непогрешимости их собственного евангелия.

в) "Ленин не был ни богом, ни римским папой". Это есть повторение предшествующего довода. Не будучи папой, Ленин с успехом боролся против метафизики и сектантства.

д) Ленин писал в 1920 году; обстановка с того времени сильно изменилась. Однако авторы воздерживаются от разъяснения, в чем же собственно это изменение состоит, если не считать ссылки на уменьшение числа членов в тред-юнионах, что не имеет решающего значения.

Мы видим, что аргументация наших авторов имеет крайне абстрактный, даже чисто официальный характер. Ссылка на 1920 год находится в прямом противоречии с основной мыслью тезисов. Если тред-юнионы с самого своего возникновения были и остаются до сего дня чисто империалистическими организациями, непригодными для революционных целей, то ссылка на 1920 год лишается всякого смысла. Нужно просто сказать, что отношение Маркса, Энгельса и Ленина к тред-юнионам было в корне ошибочным.

3. Третий параграф посвящен Коминтерну. Авторы стоят за создание IV Интернационала, проявляя и здесь основное качество своей мысли: ее полную метафизичность. Напомним, что Энгельс, вслед за Гегелем, под метафизикой²⁴⁸ понимал рассмотрение явлений, фактов, сил, тенденций и пр. в качестве неизменных сущностей, а не в качестве развивающихся процессов, притом развивающихся в постоянных противоречиях. Если тред-юнион есть порочная империалистическая субстанция, снизу доверху, во все эпохи и периоды, то Коминтерн является для наших новаторов порочной бюрократической субстанцией. Внутренние процессы в Коминтерне, неизбежные противоречия между массой членов и бюрократическим аппаратом, совершенно не приемлются в расчет. Авторы спрашивают нас: думаем ли мы, что бюрократия под влиянием наших тезисов жертвует своими интересами? "Надо ли охарактеризовать такое предположение, как идеализм или как материализм?" -- с неподражаемой иронией спрашивают далее Ридлэй и Аггарвала, не догадываясь о том, что их собственную постановку вопроса надо охарактеризовать как безжизненную метафизику.

Бюрократия очень сильна, но вовсе не всемогуща, как думают Ридлэй и Аггарвала. В СССР обостряющиеся противоречия экономического развития все больше и больше ставят перед миллионами членов партии и комсомола основные вопросы программы и тактики. Поскольку бюрократия не сможет разрешить эти противоречия, миллионы коммунистов и комсомольцев вынуждены будут самостоятельно размышлять над их разрешением. Этим массам мы говорим сегодня и скажем завтра: "Центристская бюрократия благодаря определенным историческим условиям завладела аппаратом партии; вы, рабочие коммунисты, держитесь за партию не во имя бюрократии, а во имя ее великого революционного прошлого и возможного революционного будущего; мы вас вполне понимаем; революционные пролетарии не прыгают из организации в организацию с такой легкостью, как отдельные студенты; мы, большевики-ленинцы, вполне готовы вам, рабочим коммунистам, помочь возродить партию".

За германской компартией идут миллионы рабочих. Катастрофический кризис в Германии ставит перед ними революционные проблемы как проблемы жизни и смерти. На этой почве внутри партии несомненно разовьется глубокая идейная борьба. Если бы несколько сот левых оппозиционеров оставались в стороне, они

превратились бы в бессильную жалкую секту. Если же они примут участие во внутренней идейной борьбе партии, оставаясь, несмотря на всякие исключения, ее составной частью, они могут приобрести огромное влияние на пролетарское ядро партии.

Нет, левая оппозиция не имеет никакого основания становиться на путь, на который ее зовут товарищи Ридлэй и Аггарвала. Внутри Коминтерна имеются -- если даже не считать СССР -- десятки тысяч рабочих, которые проделали серьезный опыт, потерпели ряд разочарований и которые вынуждены искать правильные ответы на все основные вопросы политики. Этим рабочим мы должны идти навстречу, а не поворачиваться к ним спиной. Было бы очень печально, если бы критические члены официальной британской компартии вообразили, что взгляды Ридлэй и Аггарвала представляют собою взгляды оппозиции.

4. Авторы тезисов обвиняют левую оппозицию, в частности американскую Лигу, в "абсурдной переоценке" значения британской компартии. Нет, мы нисколько не переоцениваем ее значение. Последние выборы достаточно ярко обнаруживают слабость британской компартии²⁴⁹. Но ведь левая оппозиция в Британии сегодня во многие сотни раз слабее этой слабой партии. Ведь Ридлэй и Аггарвала ничего не имеют. За ними никто не стоит, кроме единиц, не связанных с пролетарской борьбой. Подвергли ли они серьезной критике политику партии? Где их работа? Где их программные тезисы? Провели ли они дискуссию с рядовыми членами партии? Пытались ли их убедить и привлечь на свою сторону? Из 70.000 голосовавших за официальную партию завоевали ли Ридлэй и Аггарвала 700 человек или хотя бы только 70? А, между тем, они уже торопятся строить IV Интернационал: пролетариат, очевидно, должен поверить им в кредит, что они действительно способны построить Интернационал и руководить им.

Вся эта постановка вопроса совершенно несерьезна. Надо к тому же еще прибавить, что, если левая оппозиция совершила бы пагубную ошибку, решив создать сегодня IV Интернационал, то т[овари]щам Ридлэй и Аггарвала, которые расходятся с нами во всех основных вопросах, пришлось бы, по-видимому, немедленно создавать V Интернационал.

5. Параграф, посвященный Индии, так же страдает чрезвычайной абстрактностью. Совершенно бесспорно, что Индия может достигнуть полной национальной независимости только через подлинно великую революцию, которая поставит у власти молодой индийский пролетариат. Другой путь развития оказался бы мыслимым лишь в том случае, если бы пролетарская революция в Англии пришла к победе ранее победы революции в Индии. В этом последнем случае национальное освобождение Индии могло бы предшествовать -- надо полагать лишь на короткий срок -- диктатуре индийского пролетариата, объединяющего вокруг себя крестьянскую бедноту. Но от этой перспективы, безусловно правильной, далеко до утверждения, будто Индия уже созрела для диктатуры пролетариата, будто индийский пролетариат уже изжил соглашательские иллюзии и пр. Нет, перед индийским коммунизмом еще почти не початая задача. Большевики-ленинцы в Индии должны выполнить огромную,

упорную, повседневную, черную работу. Надо проникать во все организации рабочего класса, прежде всего в реформистские, националистические профессиональные союзы. Надо воспитывать первые кадры рабочих коммунистов. Надо участвовать в обыденной "прозаической" жизни рабочих и их организаций. Надо изучать все связи, существующие между городом и деревней.

Для выполнения такой работы необходимы, разумеется, программные и тактические тезисы. Но было бы неправильно начать дело с созыва интернациональной конференции по вопросу об Индии, как предлагают наши авторы. Конференция без большой подготовительной работы ничего не даст. Если бы индусские левые оппозиционеры занялись подбором свежих материалов и их обработкой или хотя бы переводом на один из европейских языков (стачки, демонстрации, формы аграрного движения, партии и политические группировки в разных классах и особенно в пролетариате, деятельность Коминтерна, его воззвания и лозунги), то такая подготовительная работа чрезвычайно облегчила бы возможность коллективной выработки программы и тактики пролетарского авангарда в Индии.

Надо начать с создания серьезной ячейки левой оппозиции из товарищей индусов, действительно стоящих на точке зрения большевиков-ленинцев.

Л. Троцкий

Кадикей

7 ноября 1931 г.

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]250

28 ноября [1]931 [г.]

Л[ев] Л[ьвович],

Посылаю вам добавление к посланной вам работе "Ключ к междунар[одному] полож[ению] - в Германии"251, именно: 1-й пункт (следовательно, вы должны будете перенумеровать все остальные пункты - вместо 19-ти будет 20), и "постскриптум", 8-я страница.

В Париж послан один экземпляр для перевода.

Сегодня, наконец, получила ответ на мои поручения. Хорошо, что послали "Протоколы II съезда"252. Не знаю только, как быть со вторым томом: нам нужно 25-ое октября. С Овсеевко253 поздноват: глава сегодня уходит и вряд ли придется воспользоваться книгой. Все же, спасибо. "1-й легальный ЦК" можете украсть - он очень здесь нужен. Книги будут вам возвращены в порядке и по возможности скоро.

О словарях - не спешно. Я вас запросила только потому, что здесь был случай, но раз у вас есть всегда возможность их раздобыть, тем лучше: ждать можно. Л.Д.[Троцкий] совсем не напоминает.

К сожалению, все ваши книги сгорели (кроме французских книжек, находившихся в сундуке Н.И.[Седовой]). Абсолютно ничего не осталось, в том числе и справочники, о которых вы говорите. Это очень досадно. Мы все еще наталкиваемся на каждом шагу на "результаты" пожара.

Не забудьте, пожалуйста, при корректуре II-го тома "Истории"²⁵⁴ внести все посланные вам в свое время поправки и изменения. Простите за напоминание, но я всегда очень беспокоюсь за книги Л.Д.[Троцкого].

Очень тороплюсь. Привет горячий вам и З.Л. [Волковой]²⁵⁵. Как ее здоровье?

М.И.[Певзнер]

ПИСЬМО НАЦИОНАЛЬНЫМ СЕКЦИЯМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ

1. Получил No 5 органа наших болгарских друзей "Освобождение". В этом номере имеются поистине потрясающие материалы относительно избиения наших единомышленников в тюрьмах сталинцами. Оказывается, что в нескольких болгарских тюрьмах среди заключенных сформировались группы сторонников левой оппозиции. Против них ведется бешеная и насквозь отравленная, т. е. число сталинская, травля, питаемая бюрократами извне. Можно не сомневаться, что среди заключенных сталинцев имеется немало честных и искренних революционеров. Но когда им от имени Коминтерна сообщают всякого рода гнусности про левую оппозицию, гнусности, которых они в тюрьме не могут проверить, они вымещают свое тюремное возмущение на левых оппозиционерах, т. е. идут по линии наименьшего сопротивления. Требования со стороны оппозиционеров: предъявить открыто и проверить обвинения, -- ведут к новым клеветам и к физическим столкновениям. В Пловдиве (Филиппополь) дело дошло до серьезных поранений нескольких товарищей, причем сталинцы обратились с жалобой к прокурору на наших единомышленников, которые в довершение всего были заключены в карцерах.

В "Освобождении" напечатано по этому поводу письмо товарища Д. Гачева²⁵⁶ к прокурору от 16 октября 1931 г. Превосходный документ, свидетельствующий, как справедливо пишет редакция, о высокой пролетарской морали наших заключенных друзей. Письмо должно быть, по моему мнению, воспроизведено во всей интернациональной печати левой оппозиции: оно заслуживает этого во всех отношениях²⁵⁷. Заявление начинается с указания на то, что автор его принадлежит к интернациональной левой оппозиции. Далее говорится:

"Господин прокурор! Я никогда не хотел и не позволил бы вашего вмешательства в нашу фракционную борьбу. Вы -- представитель власти буржуазного класса, против которого мы боремся, стремясь заменить ее властью рабочего класса. Мы являемся фракцией в классовом рабочем движении, которая является врагом вашего правительства и класса, которому вы служите".

Но так как фракционные противники обратились к прокурору, то он, Гачев, считает необходимым восстановить истину. Далее подробно излагается трагический эпизод столкновения. Цитируя статью Троцкого о недопустимости террористических методов во внутренней фракционной борьбе рабочего класса, тов. Гачев продолжает:

"Мы не можем пользоваться провокацией, террором, мошенничеством, убийствами и пр[очим] против наших товарищей. Но когда на нас нападают, не должны ли мы защищаться? Да, мы защищаемся, ибо мы не христиане".

Письмо заканчивается словами:

"Действительный приговор будет вынесен рабочим классом. Я апеллирую к нему".

Подобные же инциденты произошли и в других тюрьмах. Необходимо как можно шире оповестить об этих фактах общественное мнение рабочего класса. Нужно, чтобы наши болгарские единомышленники почувствовали, что они не одни, что с ними заодно сотни и тысячи единомышленников во всех странах и что число их друзей быстро растет.

Необходимо добавить, что тов. Гачев был приговорен в свое время к смертной казни.

2. Я получил коллективный снимок двадцати трех греческих товарищей, большевиков-ленинцев "архивомарксистов", заключенных в тюрьме Сингрос в Афинах. Эта карточка дала мне живое и непосредственное представление о составе нашей греческой секции. Этим пролетариев, революционный дух которых написан на их открытых лицах, бесстыдные наемные чиновники осмеливаются называть фашистами. Там, где -- как в Греции -- фракция большевиков-ленинцев пустила глубокие корни в рабочем классе, подлинный большевизм, подлинный марксизм имеет обеспеченное будущее. Горячо приветствую наших заключенных единомышленников.

3. Какой-то американский гастролер, работавший одно время в России, делал в парижской Лиге доклад о русской оппозиции. Доклад имел настолько тенденциозный и прямо-таки возмутительный характер, что объяснить его можно только одним: Х. находился в СССР в близкой связи со сталинской бюрократией и не имеет ни малейшего понятия о том, что происходит в рядах оппозиции. Достаточно привести один из его афоризмов: "Заключенные оппозиционеры только ждут сигнала со стороны Раковского, чтобы капитулировать".

Как раз два месяца тому назад мы получили документы и материалы, характеризующие теоретическую и политическую работу руководящих кадров левой оппозиции. Эти материалы составляют несколько сот маленьких листков, исписанных столь микроскопическими буквами²⁵⁸, что разбирать рукопись пришлось около 6 недель с лупой в руках²⁵⁹. Один внешний вид этих листков достаточно передает то высокое революционное напряжение, которое за ними скрывается. Полученные со значительным опозданием материалы мы начали публиковать в "Бюллетене русской оппозиции". В № 25-26 напечатана статья тов. Раковского²⁶⁰ и программные тезисы трех ссыльных²⁶¹. Всякий читатель без труда убедится, как далека русская оппозиция от мысли о капитуляции.

В то же время присланные материалы, заключающие в себе внутреннюю дискуссию в левой оппозиции, свидетельствуют, на каком высоком уровне разворачивается теоретико-политическая работа русских большевиков-ленинцев. В их лице сформировалось новое поколение марксистов, которое не даст погаснуть теоретической мысли научного коммунизма. Чем меньше у наших русских

товарищей возможности своевременно и громко заявить о себе, тем более решительно и непримиримо должны иностранные товарищи давать отпор всякого рода сплетням и инсинуациям, из каких бы источников они ни исходили.

4. Подготовка январьской конференции ВКП262 идет полностью и целиком под знаком борьбы с "троцкизмом". Давно ли сталинская бюрократия объявляла, что "троцкизм" ликвидирован (Молотов провозглашал: "гроб", "крышка" и пр.), давно ли считалось, что "правая оппозиция является отныне главной опасностью". Сейчас новый поворот. "Троцкизм" -- "вот враг!" Обнаруживают, что "троцкизм" проник во все учебные заведения, в важнейшие учебники и даже в примечания к Сочинениям Ленина. Центральный комитет сообщает организациям по радио, что в то время, как правая оппозиция ищет опоры в деревне, в колхозах и пр., "троцкисты" поднимают голову в промышленных районах. Каганович-Амстердамский²⁶³ прочитал в институте Красной профессуры большой доклад, занимающий целую страницу "Правды"²⁶⁴, о необходимости открыть по всей линии борьбу с "троцкизмом".

О политическом значении этой кампании придется поговорить в ближайшем будущем особо. Сейчас достаточно отметить некоторые наиболее ярко бросающиеся в глаза факты. Сталинская верхушка вынуждена все более и более сжимать кольцо вокруг себя. Она все меньше и меньше может надеяться на тех, которые повторяют общеобязательные формулы верности. Она изобретает поэтому дополнительные формулы, все более чудовищные и сводящиеся, в конце концов, к догмату личной непогрешимости Сталина. Всякая попытка марксистского исследования в каком бы то ни было направлении неизбежно приходит в противоречие с идеологией сталинцев. Все большее и большее число людей, совершенно ничем не связанных с "троцкизмом", наоборот, даже враждебно к нему относящихся, подпадает под обвинение в "троцкизме". С другой стороны, обнаруживается, что важнейшие марксистские кафедры во всех высших учебных заведениях заняты капитулянтами-оппозиционерами. Этот факт свидетельствует косвенно, но очень убедительно, о том, что серьезная теоретическая жизнь имеется только внутри левой оппозиции, так что сталинская бюрократия вынуждена прибегать к перебежчикам для занятия самых ответственных кафедр.

То обстоятельство, что столь могущественный государственный и партийный аппарат вынужден сейчас, после восьми лет непрерывной и ожесточенной борьбы против левой оппозиции, снова сосредоточивать все свои силы на борьбе с "троцкизмом", свидетельствует о несокрушимой жизненности наших идей. Русской левой оппозиции предстоит еще сказать большое историческое слово.

5. Мне пишут, что один иностранный товарищ, очевидно плохо умеющий наблюдать, очень высокомерно отозвался о немецкой левой оппозиции. Между тем, именно в последнее время она серьезно растет и становится чрезвычайно важным фактором в политике немецкого рабочего класса. Главная причина, разумеется, в объективных условиях. Подлинно марксистская фракция может обнаруживать все свои преимущества с особенной силой именно в такой период, когда правые, центристские и эклектические фракции совершенно теряют голову -- именно в период больших революционных задач, крупных поворотов

политической обстановки и надвигающихся грандиозных столкновений. Только те кадры, которые пройдут через такой период и впитают его уроки в плоть и кровь, станут настоящими большевистскими кадрами.

Нынешнее положение в Германии особенно ярко показывает нам вместе с тем, как важно для интернациональной левой оппозиции своевременно освободиться от чужеродных элементов и двусмысленных попутчиков. Если бы мы не порвали с самого начала с Урбансом, мы не имели бы сейчас возможности прокладывать себе дорогу в ряды коммунистической партии. Если бы мы не порвали в свое время с Ландау, внутренняя жизнь левой оппозиции была бы и сейчас парализована беспринципной интригой, склокой, дрызгой. Кое-какие критики нынешней немецкой оппозиции должны спросить себя: а не поддерживали ли они слишком долго интернациональные фракции Ландау-Навилля и не ослабляли ли они тем самым немецкую оппозицию?

6. Во Франции левая оппозиция, несомненно, топчется на месте и именно поэтому в ней развиваются центробежные тенденции. И здесь есть объективные причины. Во Франции коммунистический отлив все еще не закончился. И партия, и унитарные синдикаты продолжают распадаться. Партия даже теряет голоса на выборах. Именно потому, что перед французским рабочим классом не стоят сейчас большие революционные задачи, левая оппозиция не имеет возможности проявить политически главные свои преимущества: способность ориентировки и смелость в решениях. В этих условиях общий политический отлив захватывает и левую оппозицию, ибо французские рабочие пока что в массе своей гораздо больше замечают то, что у оппозиции общего с партией, чем то, что отличает ее от партии.

Но, помимо указанных больших исторических причин слабости французской оппозиции, имеются и причины второго порядка. Лига с самого начала складывалась из крайне разнородных элементов. Многие из них в течение нескольких лет перед тем монотонно повторяли формулы русской оппозиции, чтобы придать себе значение и прикрыть свою несостоятельность. Достаточно напомнить, что такой консервативный, трусливый и ничтожный буржуа, как Паз, не на шутку вообразил себя представителем левой оппозиции. Сейчас этот субъект убрался в социалистическую партию. Там ему как раз и место. А ведь были в наших рядах товарищи, которые считали, что мы слишком поспешно и слишком резко порвали с Пазом.

Группа "Лютт де Клясс", которая в течение нескольких лет переезжала с одного идеологического курорта на другой, примкнула к левой оппозиции. Весьма вероятно, что при условии быстрого развития Лиги и пополнения ее рабочими, кое-кто из интеллигентов "Лютт де Клясс" мог бы воспитаться, закалиться и стать неплохим революционером. Но в условиях застоя группа "Лютт де Клясс" обнаружила в конце концов только свои отрицательные качества. Большая часть ее членов покинула Лигу, для того чтобы самостоятельно учить и вести за собой французский пролетариат: у них для этого, конечно, все данные. Но, увы, и оставшиеся в составе Лиги члены группы "Лютт де Клясс", по-видимому, до сих пор не поняли уроков этих двух

лет: они лавируют, маневрируют, выжидают, нюхают воздух, вместо того чтобы засучить рукава и заняться повседневной черной работой в низах.

Положение еще больше осложняется убийственными шатаниями и ошибками еврейской группы. При слабости Лиги эта группа, малочисленная сама по себе, играет не последнюю роль. При условии развития и роста Лиги еврейская группа должна была стать орудием Лиги для пропаганды среди еврейских рабочих. Но этой своей функции группа, в состав которой входят несомненно преданные делу рабочие, почти не выполняет. Зато она стала опорой для двух-трех товарищей, которые пытаются придать какое-то направление и Лиге, и Интернациональному секретариату, и всей интернациональной оппозиции. Об этом "направлении" никто ничего до сих пор не знает, ибо кроме путаницы авторы "направления" ничего до сих пор в жизнь оппозиции не внесли. Они были с Пазом против нас, меняли свою ориентировку внутри Лиги в зависимости от обстоятельств субъективного характера, поддерживали Молинье-Франка против Росмера-Навилля, блокировались с Навиллем, а затем и с Росмером, путали, путались, сбивали с пути еврейскую группу и ничего не вносили, кроме разложения.

Я несколько раз предлагал ввиду особых условий Франции внести в устав Лиги такой примерно параграф: каждый член Лиги, который в течение месяца не выполнял изо дня в день текущей работы, как: занятия с молодыми рабочими, уличная продажа газеты, сбор денег, посещение собраний и завязывание связей и пр., исключается из Лиги. Баласта Лиге не нужно. Доказано всем опытом рабочего движения, в частности и опытом Лиги, что именно те интеллигенты и полуинтеллигенты, которые творчески бесплодны и не любят засучивать рукава, очень охотно занимаются поисками и интригами, отравляя жизнь организации и препятствуя проникновению в нее рабочих.

7. Испанская секция сделала известные успехи и завязала связи, которые позволяют ей надеяться на новые успехи. Совершенно, однако, ясно, что, измеряемые масштабом грандиозного революционного движения испанских масс, успехи испанской оппозиции крайне малы. Объясняется это прежде всего тем, что накануне революции испанская оппозиция фактически не существовала. Она формировалась уже в огне событий, причем время отпускалось или расходовалось на эксперименты, безнадежность которых была ясна заранее (Каталония!). Именно крайняя слабость испанской оппозиции в начале революции выразилась в том, что, несмотря на исключительно благоприятную обстановку в стране, наши испанские товарищи до сего времени не завоевали возможности поставить еженедельник. Иностранной помощи оказалось не достаточно или она пришла не достаточно своевременно. Барселонский "Совет"²⁶⁵ пришлось приостановить. Нельзя не отметить, что те причины, на которые ссылается испанская оппозиция в объяснение приостановки "Совета", должны быть признаны принципиально совершенно неприемлемыми. Вместо того чтобы ясно и открыто сказать рабочим: "У нас нет средств, мы еще слабы, помогите", испанские товарищи заявляют, что они не желают подчиняться цензуре. Революционеры, если они не могут сбросить цензуры, должны уметь, с одной стороны, легально приспособиться к ней, а, с другой стороны, досказать все необходимое в нелегальной печати.

Сойти же с поля со ссылкой на цензуру и на свою революционную гордость значит заниматься декоративной политикой, а не большевистской.

Испанская революция вошла сейчас в затяжной период, отделяющий буржуазную стадию от пролетарской. На какой срок этот период затянется, предсказать нельзя. Во всяком случае испанская оппозиция получает возможность более систематической и планомерной подготовительной работы. Надо, не теряя времени, воспитывать кадры. Теоретический ежемесячник "Коммунизм" является одним из важных для этого орудий. Необходимо поставить серьезный "Бюллетень" для внутренней дискуссии. Воспитание кадров немислимо только на почве национальных интересов. Если в течение прошлого года испанские товарищи слишком мало времени отдавали интернациональным вопросам, то это вполне объяснялось молодостью оппозиции и размахом революционных событий. Этим, несомненно, объясняется, что выступления испанской оппозиции по интернациональным вопросам были крайне редки и носили эпизодический, притом не всегда счастливый, характер.

8. Американская Лига развивалась до сих пор медленно, с периодами отступления, но в общем достаточно органически. Большим преимуществом американской Лиги над французской явился тот факт, что первая, в противоположность второй, с самого начала представляла однородную группу, поставленную вне партии не в 1923-[19]24 гг., а в 1928 г. Медленность роста Лиги объясняется прежде всего отсутствием больших сдвигов в американском рабочем классе за последние годы. Как я писал в другом месте, можно предполагать, что кризис создаст в Америке впервые предпосылки для революционной работы широкого масштаба. Можно надеяться, что, благодаря предварительному систематическому воспитанию кадров, американская Лига встретит новый период более или менее подготовленной, хотя нельзя скрывать от себя того, что подлинное испытание кадров предстоит еще впереди.

В жизни интернациональной оппозиции американская Лига принимала меньшее участие, чем это было бы желательно. Объяснение, конечно, в отдаленности. Во всяком случае, крайне желательно, чтобы Центральный комитет Лиги в целом внимательно следил за внутренними вопросами Интернациональной левой, так как излишнее сосредоточение этих вопросов в руках одного товарища не дало до сих пор необходимых результатов.

9. Настоящее письмо ни в каком смысле не является систематическим обзором отдельных секций, ни систематическим изложением отдельных вопросов. Задача письма -- поделиться с товарищами, хотя бы и в самой беглой форме, мыслями по поводу отдельных вопросов и явлений, которые кажутся мне особенно важными или интересными в жизни Интернациональной левой оппозиции. Так, например, я оставляю сейчас в стороне китайскую, чехословацкую, бельгийскую и др[угие] секции, как за отсутствием необходимых сведений, так и потому, что многие вопросы, касающиеся этих секций, остаются недостаточно для меня ясными.

В заключение скажу лишь, что самая необходимость прибегнуть к этому письму вызывается тем, что нам не удалось создать до настоящего времени

Интернациональный Секретариат. Факт этот объясняется как общими причинами: сравнительно медленным развитием национальных секций, так и частными причинами: личным составом Секретариата и той атмосферой, в которой он оказался и которую он сам, отчасти, вокруг себя создал в Париже. Нет надобности повторять здесь то, что я многие десятки раз писал самому Секретариату и прежде всего -- перманентному секретарю. Я попрошу разослать всем секциям свое письмо от 6 октября этого года²⁶⁶. С того времени дело не улучшилось, а ухудшилось. Для меня совершенно ясно, что без организации Секретариата дело вперед не подвинется.

В каком направлении должна быть произведена реорганизация? На этот вопрос легче всего ответить, если вскрыть недостатки старой организации. Принцип ее был таков: создать секретариат на основе личного отбора, а не делегирования национальными секциями. Некоторым товарищам, и мне в том числе, казалось, что ядро товарищей, утвержденных в качестве личных кандидатур, будет иметь известную независимость по отношению к национальным секциям и возможность плодотворно воздействовать на них. К сожалению, этого результата не получилось, может быть, потому, что у нас еще недостаточно подготовлены кадры для столь ответственной работы. Во всяком случае, получился результат, когда направление Секретариата зависело от настроений отдельного товарища, не связанного ни с какой организацией и свободного от какой бы то ни было дисциплины.

Секретариат стал источником постоянных неожиданностей, а за последние месяцы -- инструментом некоторой подфракции, ни платформа, ни цели которой никому не известны. Такое положение абсолютно нетерпимо. Очевидно, надо сделать Секретариат более зависимым от национальных секций. Секретариат должен быть постоянно действующим учреждением; члены его должны, следовательно, жить либо в одном городе, либо -- в крайнем случае -- в двух городах, связанных хорошим сообщением. В этом последнем случае необходимо, опять-таки, выделить постоянно действующее Бюро, находящееся в одном городе. Но все члены Секретариата должны быть официальными делегатами соответственных национальных секций, которые и должны за своих делегатов нести ответственность.

Желательно, разумеется, привлечь к участию в Секретариате делегатов наиболее значительных секций, за практической невозможностью привлечь делегатов всех секций. Такая организация не обеспечит, разумеется, безошибочности Секретариата, но страхует его от самого опасного из всех факторов: личных настроений и шатаний. При составлении Секретариата желательно принимать во внимание как удельный вес соответственной страны и официальной компартии, так и размеры соответственной оппозиционной секции. Так, например, несмотря на небольшие размеры Греции, греческая секция является самой многочисленной после русской и самой пролетарской по составу. Участие ее официального представителя в Секретариате было бы поэтому в высшей степени желательно.

Л. Троцкий

22 декабря 1931 г.

П. С. Если верно, что ключ к международному положению находится сейчас в Германии, то отсюда вытекает, что главным звеном международной оппозиции становится сейчас немецкая секция. Она крайне бедна денежными и техническими средствами. Если еженедельная газета где-нибудь особенно необходима, так это именно в Германии. Спрос на оппозиционную печать в кругах немецких рабочих быстро растет. Можно не сомневаться, что еженедельная газета находила бы широкий сбыт. Необходимо поставить пред всеми секциями задачу: помочь немецкой секции поставить еженедельное издание.

Л. Т[роцкий]

П. П. С. Закончив письмо, я заметил, что в нем имеются, с одной стороны, сведения, предназначенные для опубликования, с другой стороны, целые параграфы или части, которые предназначены исключительно для сведения членов организации. Я не сомневаюсь, что руководящие органы национальных секций без труда различат, какими частями данного письма можно воспользоваться для печати. Что касается меня, то я именно потому касаюсь с полной свободой весьма щекотливых вопросов, что письмо в целом рассчитано исключительно на внутреннее товарищеское обсуждение.

Л. Т[роцкий]

1932

[Письмо М.Истмену]

19 января 1932 г.

Дорогой друг!

Посылаю вам новую статью для американской печати²⁶⁷. Над этой статьей я изрядно повозился. Думаю, что умную редакцию (а должны же быть и такие) она должна заинтересовать.

Где вы ее напечатаете? В газете или в "Магазине"²⁶⁸? Очень хорошо было бы пробраться с этой статьей в "Нью-Йорк Таймс"²⁶⁹ в воскресный номер: у них по воскресеньям бывают статьи, занимающие целую страницу, именно по вопросам мировой политики. Если бы оказалось необходимым сократить несколько статью, то в крайнем случае вы можете на это пойти. Хотя лучше было бы разбить ее на две статьи и напечатать в двух номерах.

Было бы хорошо, если бы вам удалось подсказать редакции примечание к статье - такого примерно рода: "В печатаемой статье большое место занимает борьба между фракциями Сталина и Троцкого. Незачем говорить, что они обе достаточно далеки от нас и что идеи автора этой статьи нам во всяком случае не ближе, чем идеи его противника. Но принимая во внимание большой политический интерес..." и пр. и пр. Такое примечание давало бы выход колебаниям редакции, а для меня политически было бы очень выгодно.

Вопрос о плате (гонораре) занимает не последнее место в этом деле. Надеюсь, что вы заставите классовых врагов заплатить как следует за пропаганду идей левой оппозиции.

Если бы почему-либо статья не могла быть напечатана в Соединенных Штатах, ее можно было бы, на худой конец, напечатать в лондонском политическом трехмесячнике: редактор просил у меня дать статью. Но я надеюсь все же, что вы устроите статью в Нью-Йорке.

Гонорар за отчислением доли литературного "агента" прошу выслать сюда. Так как я твердо рассчитываю, что 4.000 долларов будут уже высланы сюда к тому моменту, когда вы получите эту статью, то гонорар за нее вы можете выслать банковским переводом (в долларах!). Если же случилась какая-либо катастрофа и деньги не высланы до сих пор (что я считаю исключенным), то гонорар за эту статью придется послать по телеграфу.

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

Ослабление Сталина или ослабление Советов ?

Новая кампания против "троцкизма"

С разных сторон к автору этих строк поступают то тревожные, то недоуменные, то злорадные вопросы: чем объяснить, что правящий слой Советского Союза кажется в настоящее время целиком ушедшим в исторические изыскания? В то время как японцы хозяйничают в Манчжурии, а Гитлер готовится хозяйничать в Германии, Сталин пишет обширную статью, посвященную политике Троцкого в 1905 г.²⁷⁰ и другим столь же незлободневным вопросам. Действительно, есть от чего прийти в изумление! Через три года после того как Сталин и Молотов объявили "троцкизм" окончательно погребенным, на страницах советской печати открылась новая, пятая или шестая по счету, кампания против "троцкизма". Неожиданность этой кампании -- какой смысл сражаться с мертвецами? -- и ее исключительная свирепость вызвали известную сенсацию и в международной печати. Некоторые английские и французские газеты сообщали недавно по этому поводу, что в СССР обнаружен могущественный заговор "троцкистов", получавших из-за границы ежемесячно 60.000 рублей и успевших овладеть важнейшими командными постами в области хозяйства, администрации, учебного дела и пр. Подкупающий характер имеет точность, с какой определены размеры заграничной субсидии!

При всей своей нелепости такие сообщения, если не прямо, то косвенно, опираются на достаточно в своем роде авторитетный источник: заявления самого Сталина. Совсем недавно он провозгласил, что "троцкизм" является не течением в коммунизме, как продолжают, несмотря на все, думать в партии большевиков, а "авангардом буржуазной контрреволюции"²⁷¹. Из этих слов, если брать их всерьез, следует ряд выводов. Контрреволюция имеет своей целью восстановление в СССР капитализма, что может быть достигнуто не иначе, как низвержением большевистской власти. Если "троцкисты" -- авангард контрреволюции, то это не может означать ничего иного, как то, что они готовят крушение советского режима. Отсюда уже рукой подать до заключения, что заинтересованные капиталистические круги Европы должны щедро финансировать такого рода работу. Скажем прямо: именно на такое толкование слова Сталина и рассчитаны. Как в 1917 г. Милюков и Керенский утверждали, что Ленин и Троцкий являются агентами немецкого милитаризма, так теперь Сталин пытается засвидетельствовать, что Троцкий и оппозиция являются агентурой контрреволюции.

Несколько месяцев тому назад распространенная польская газета напечатала за подписью автора этих строк поддельную статью, не первую по счету, о полном крушении пятилетнего плана и неизбежной гибели Советов. Несмотря на то, что грубость подделки была ясна и не очень изощренному глазу, Ярославский, официальный историограф сталинской фракции, воспроизвел в московской "Правде" факсимиле статьи, выдавая ее за аутентичную, -- с соответственными выводами относительно "троцкизма". Формальное заявление автора этих строк о том, что документ фальсифицирован с начала до конца, не было напечатано "Правдой". Сталинская фракция сочла более выгодным для себя поддерживать версию, согласно которой крупное течение большевиков, возглавляемое ближайшими сподвижниками Ленина, считает неизбежной гибель советской власти и готовится эту гибель.

Эта игра ведется уже не первый день. Правительственные круги Франции должны были четыре года тому назад с изумлением читать, что Раковский, с такой настойчивостью и с таким блеском защищавший интересы Советского Союза во время франко-советских переговоров²⁷², является на самом деле злейшим врагом советской власти. Они не могли не сказать себе при этом: "Плохо обстоят дела Советской республики, если и Раковский оказался в числе контрреволюционеров". При всей своей фактической ошибочности, такое заключение было логически законно. Если французское правительство колебалось за последние годы развивать ли экономические отношения с Советами, или, наоборот, рвать дипломатическую связь, то толчок этим колебаниям дала ссылка Раковского.

Нынешняя кампания против оппозиции, орудующая при помощи еще более грубых преувеличений, чем все предшествующие, снова дает оружие в руки наиболее непримиримых противников Советского Союза во всех странах: очевидно, говорят они, положение в стране крайне ухудшилось, если внутренняя борьба снова приняла такую ожесточенность. Именно тот факт, что борьба

против "троцкизма" ведется средствами, глубоко противоречащими интересам СССР, и заставляет меня остановиться здесь на теме, которой при других условиях я предпочел бы не касаться.

Если "троцкисты" представляют собой "авангард буржуазной контрреволюции", -- так не может не рассуждать "человек с улицы", как говорят в Америке, -- то чем объясняется тот факт, что европейские правительства, в том числе и правительство совсем свеженькой Испанской республики, одно за другим отказывали и продолжали отказывать Троцкому в убежище? Столь негостеприимное отношение к собственному "авангарду" тем менее объяснимо, что у европейской буржуазии, надо думать, все же достаточно опыта, чтобы отличить друзей от врагов.

Так называемые "троцкисты", поскольку дело идет о старшем их поколении, принимали участие в революционной борьбе против царизма, затем в Октябрьском перевороте 1917 года, строили Советскую республику, создавали Красную армию, отстаивали страну Советов от многочисленных врагов в течение трех лет гражданской войны, принимали ближайшее, нередко руководящее, участие в работе по хозяйственному возрождению страны. В течение последних лет под ударами репрессий они остаются полностью верны тем задачам, которые поставили перед собою задолго до 1917 года. Незачем пояснять, что в минуту опасности для Советов "троцкисты" оказались бы в передней линии обороны, которая им хорошо знакома по опыту прошлых лет.

Сталинская фракция знает и понимает это лучше, чем кто бы то ни было. Если она пускает в оборот обвинения, которые причиняют явный вред Советскому Союзу и в то же время компрометируют самих обвинителей, то объяснение этому надо искать в той политической обстановке, в какую оказалась поставлена фракция Сталина ходом обстоятельств, в том числе и собственной предшествующей политикой.

Сталинизм как политика консервативной бюрократии

Первая кампания против "троцкизма" открылась в 1923 году, во время предсмертной болезни Ленина и затяжной болезни Троцкого²⁷³. Вторая, более ожесточенная атака развернулась в 1924 году, вскоре после смерти Ленина. Эти даты говорят сами за себя. В состав старого Политбюро, т. е. того органа, который фактически руководит Советской республикой, входили: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Рыков и Томский; в качестве кандидата -- Бухарин. В нынешнее Политбюро из всего старого состава входит один только Сталин, хотя, кроме Ленина, все члены его живы. Подбор руководства большой исторической партии происходит не случайно. Каким же образом могло случиться, что руководители партии в тяжкие годы, предшествующие революции, или в годы, когда закладывался фундамент Советов и строящееся здание защищалось с мечом в руках, оказались вдруг "внутренними врагами" в условиях, когда повседневная советская работа стала до известной степени делом бюрократической рутины?

Те сдвиги и изменения, которые бросаются в глаза при взгляде на

Политбюро или на Совет народных комиссаров, происходили за последний период во всех этажах партийного здания, вплоть до деревенских ячеек. Нынешний состав Центрального исполнительного комитета Советов, кадры партийных секретарей в провинции, хозяйственных, военных и дипломатических органов, все это, за немногими изъятиями, люди новой формации. Большинство их не принимало никакого участия в Октябрьской революции. Очень значительная часть была в лагере ее прямых врагов. Правда, небольшое меньшинство нового правящего слоя входило в партию большевиков до октября; но все это революционные фигуры второго и третьего плана. Такая комбинация исторически в высшей степени закономерна. Новому бюрократическому слою необходимо "авторитетное" прикрытие. Его создают те из старых большевиков, которые в период бури и натиска оказались оттерты к стороне, чувствовали себя не вполне в своей тарелке, находились в глухой полуопозиции к действительным руководителям переворота и смогли использовать свой авторитет "старых большевиков" только на втором этапе революции.

Никогда еще в истории не бывало, чтобы слой, совершивший революцию, руководивший ею и защищавший ее в труднейших условиях, оказался неожиданно, когда дело его рук окрепло, "контрреволюционным" слоем и чтобы через несколько лет после переворота пришел бы на смену новый, подлинно революционный слой. Зато в истории всех великих революций наблюдался прямо противоположный факт: когда победа упрочивалась и выдвигался новый правящий слой с собственными интересами и претензиями и когда этот более умеренный слой, отражающий потребность в "порядке", оттирал революционеров первого призыва, он всегда обвинял своих предшественников в недостатке революционности: самая умеренная консервативная бюрократия, вышедшая из революции, не может иначе оправдывать свои права на власть, как объявляя своих противников умеренными, половинчатыми или даже контрреволюционерами. Методы Сталина не представляют решительно ничего нового. Не нужно, однако, думать, что Сталин занимается сознательным плагиатом: для этого сам он слишком плохо знает историю. Он просто повинуется логике собственного положения.

Хозяйственные разногласия

Чтобы понять смысл нынешних политических затруднений Сталина, надо вкратце напомнить сущность разногласий, лежащих в основе борьбы между сталинской фракцией и нами. Оппозиция доказывала, что бюрократия недооценивает возможности индустриализации и коллективизации; что хозяйственная работа ведется эмпирически, со дня на день; что необходимо взять более широкие масштабы и более высокие темпы. Оппозиция требовала перехода от годовых планов к пятилетнему и утверждала, что ежегодный прирост промышленной продукции в 20% не заключает в себе при централизованном руководстве ничего неосуществимого. Сталинская бюрократия обвиняла оппозицию в сверхиндустриализме и в утопизме. Преклонение перед индивидуальным крестьянским хозяйством; подготовка отказа от национализации земли; защита

черепаших темпов в промышленности и издевательство над плановым началом -- такова была платформа сталинской фракции в течение 1923-1928 годов. Все без исключения члены нынешнего Политбюро на требования ускорить темпы индустриализации отвечали стереотипным вопросом: где взять средства? Первый проект пятилетнего плана, к выработке которого государственные органы приступили в 1927 году под давлением преследуемых "троцкистов", был построен по методу потухающей кривой: прирост продукции намечался снижающимся от 9% до 4%. Этот проект оппозиция подвергла уничтожающей критике. Второй вариант пятилетнего плана, официально одобренный XVI конференцией партии²⁷⁴, осудивший индустриальный романтизм оппозиции, намечал средний рост в 9%.

Насколько далеко сам Сталин отстоял от масштабов нынешней пятилетки за год до ее утверждения, видно хотя бы из того, что еще в апреле 1927 года, возражая Троцкому, председателю комиссии по Днепрострою²⁷⁵, Сталин заявил на заседании Центрального комитета: "Нам создавать Днепрострой (мощная гидростанция на Днестре) это то же, что мужику вместо коровы покупать граммофон". В стенографическом протоколе Центрального комитета слова эти запечатлены, как самое аутентичное выражение подлинных взглядов Сталина. Позднейшие попытки объяснить борьбу против индустриализации ссылками на "преждевременность" предложенной оппозиции лишены смысла, так как дело шло не о частной задаче момента, а об общих перспективах хозяйства и о программе пятилетки. Процесс инженеров-заговорщиков²⁷⁶, гласно поставленный год тому назад, показал, что фактическое руководство находилось в руках непримиримых противников социалистического хозяйства. Защищая выработанные ими планы "черепашого темпа", Сталин вел борьбу с оппозицией при помощи репрессий.

С свойственным ей близоруким эмпиризмом сталинская бюрократия под влиянием успехов начала с 1928 года некритически повышать темпы индустриализации и коллективизации. Тут роли переменялись. Левая оппозиция выступила с предупреждением: при слишком быстром разгоне, не проверенном предшествующим опытом, могут возникнуть диспропорции между городом и деревней, между разными частями промышленности и породить опасные кризисы. Наконец, -- и это был главный аргумент оппозиции, -- слишком быстрое вложение новых капиталов в промышленность чрезвычайно урезывает долю текущего потребления и не обеспечивает необходимого подъема жизненного уровня народа. Отрезанный от всего мира в своей ссылке в Барнауле, Х.Г.Раковский бил тревогу: необходимо, хотя бы ценою известного снижения темпов, повысить материальное положение рабочих масс. И здесь сталинская бюрократия оказалась в конце концов вынуждена внять голосу оппозиции. Совсем недавно из состава ВСНХ выделен комиссариат обрабатывающей промышленности²⁷⁷. Его задачей является обслуживание текущих потребностей населения. На данной стадии реформа имеет еще чисто бюрократический характер. Но цель ее ясна: создать в правительственном механизме некоторые гарантии того, что повседневные потребности масс не будут слишком приноситься в жертву интересам тяжелой промышленности. И здесь, таким образом, сталинская фракция, лишенная перспективы и творчества, вынуждена

сегодня благословить то, что вчера проклинала.

"Острые блюда"

В начале 1928 года произведен был массовый разгром левой оппозиции (исключения, аресты, ссылки). В течение 1928 года выработана была новая пятилетка, во всех существенных вопросах следовавшая платформе левой оппозиции. Поворот бюрократии был так резок, что она пришла в полное противоречие со всем тем, что защищала в течение первых четырех лет после смерти Ленина. Обвинения в сверхиндустриализаторстве потеряли всякий смысл, а тем более -- репрессии против левой оппозиции.

Но тут на первое место выступили интересы самосохранения нового правящего слоя. Если оппозиция оказалась права в своих оценках и предположениях, тем хуже для оппозиции. Если вчерашние доводы против нее оказались негодными, нужны новые. Чтобы оправдать репрессии, нужны доводы исключительной остроты. Но именно в этой области Сталин особенно силен. Еще в 1921 году, когда Сталина выбирали впервые генеральным секретарем партии²⁷⁸, Ленин предостерегающе говорил в узком кругу: "Этот повар будет готовить только острые блюда". Настаивая в своем предсмертном письме партии, которое обычно именуется "Завещанием", на снятии Сталина с поста генерального секретаря, Ленин указывал на грубость его приемов, его нелояльность и склонность злоупотреблять властью²⁷⁹. Все эти личные черты Сталина, получившие в дальнейшем чрезвычайное развитие, проявились особенно ярко в борьбе против оппозиции.

Но надо было выдвинуть фантастические обвинения. Нужно было, чтобы им поверили или, по крайней мере, чтобы против них не смели возражать. В борьбе за самосохранение сталинская бюрократия оказывалась вынуждена начать с подавления всякой критики. По этой линии открылась наиболее страстная борьба оппозиции -- за демократический режим в партии, профессиональных союзах и Советах: дело шло о защите одной из основных традиций большевизма.

В самые тяжкие годы прошлого -- в период подпольной борьбы при царизме, в 1917 году, когда страна прошла через две революции, в течение следующих трех лет, когда на фронте в 8.000 километров стояло два десятка армий, большевистская партия жила кипучей внутренней жизнью: все вопросы свободно обсуждались сверху донизу, идейная борьба принимала нередко чрезвычайную остроту, свобода суждений внутри партии была безусловна²⁸⁰. На ликвидацию стеснявшей его партийной демократии сталинский аппарат направил главные свои усилия. Из партии исключены были десятки тысяч так называемых "троцкистов". Свыше десяти тысяч подверглись разным видам уголовной репрессии, несколько человек были расстреляны. Не один десяток тысяч боевых революционеров первого призыва удержался в партии только тем, что свернулся и замкнулся. Так в течение последних лет совершенно изменился не только состав руководящего слоя, но и внутренний режим большевистской партии.

Если Ленину, не говоря уже о его ближайших соратниках, приходилось десятки и сотни раз попадать под самые свирепые удары внутрипартийной

критики, то в настоящее время каждый коммунист, усомнившийся в абсолютной правоте Сталина в любом вопросе, более того, не выразивший своего убеждения в его прирожденной непогрешимости, исключается из партии со всеми дальнейшими вытекающими отсюда последствиями. Разгром оппозиции стал вместе с тем разгромом партии Ленина.

Успеху этого разгрома содействовали хотя и преходящие, но глубокие причины. Годы революционных потрясений и гражданской войны вызвали в массах острую потребность покоя. Придавленные нуждой и голодом рабочие хотели возрождения хозяйственной жизни какой угодно ценой. При наличии значительной безработицы удаление рабочего с завода за оппозиционные взгляды было страшным орудием в руках сталинской фракции. Политические интересы пали, рабочие готовы были предоставить бюрократии самые широкие полномочия, только бы она наладила порядок, дала возможность оживить заводы и доставить из деревни продовольствие и сырье. В этой реакции усталости, совершенно неизбежной после каждого великого революционного напряжения, надо видеть главную причину упрочения бюрократического режима и рост личной власти Сталина, в котором новая бюрократия нашла свою персонификацию.

"Троцкистская контрабанда"

Когда окончательно замолчали живые люди, то оказалось, что в библиотеках, в клубах, в советской книготорговле, на книжных полках студентов и рабочих стоят старые книги, которые продолжают говорить тем самым языком, каким они говорили в то время, когда имена Ленина и Троцкого назывались нераздельно. В эту баррикаду враждебных книг сталинская бюрократия уперлась сейчас.

После 9 лет непрерывной борьбы с оппозицией, руководители внезапно обнаружили, что основные научные труды и учебники -- по вопросам экономики, социологии, истории, прежде всего -- истории партии, Октябрьской революции и Коммунистического Интернационала -- сплошь заполнены "троцкистской контрабандой" и что важнейшие кафедры общественных наук во многих учебных заведениях заняты "троцкистами" или полутроцкистами. Хуже того: в покровительстве троцкизму оказались повинны те, которые до сих пор слыли главными его преследователями.

Чтобы показать, как далеко зашло дело, достаточно привести пример, касающийся истории большевизма. Сейчас же после смерти Ленина пущена была в оборот спешно написанная Зиновьевым история партии²⁸¹, единственным назначением которой было изобразить все прошлое, как борьбу двух начал: добра и зла в лице Ленина и Троцкого. Но так как эта история отводила самому Зиновьеву место в лагере добра и, что еще ужаснее, ничего не говорила о провиденциальной роли Сталина, то уже в 1926 году, с момента открытого конфликта между Зиновьевым и Сталиным, история Зиновьева была включена в индекс²⁸².

Подлинную историю партии было поручено писать Ярославскому²⁸³. В порядке партийной иерархии Ярославский, член Президиума Центральной

контрольной комиссии, руководил всей борьбой против левой оппозиции. Все обвинительные акты, ведшие к исключениям и арестам, как и большинство статей, освещавших репрессии против "троцкистов" в советской печати, принадлежали перу Ярославского. Он же перепечатал в "Правде" упомянутую выше поддельную статью польской газеты. Правда, научно-литературный ценз Ярославского был не вполне достаточен. Но он возмещался его полной готовностью переделать всю историю, включая и историю древнего Египта, применительно к потребностям руководимого Сталиным бюрократического слоя. Более надежного историографа сталинская бюрократия не могла, следовательно, и желать.

Тем не менее результат получился совершенно неожиданный. В ноябре прошлого года Сталин увидел себя вынужденным обрушиться суровой статьей на 4-й том истории Ярославского²⁸⁴, тоже заполненный, как оказалось, "троцкистской контрабандой". Если бы президент Гувер в одной из своих речей обвинил главу американской юстиции мистера Юза²⁸⁵ в сочувствии большевизму, вряд ли это произвело бы в Соединенных Штатах большую сенсацию, чем в СССР -- обвинение Сталиным Ярославского в покровительстве "троцкизму". Обличительная статья Сталина послужила введением в последнюю кампанию. Повинуясь сигналу, сотни и тысячи чиновников, профессоров и журналистов, ничем не замечательных, кроме рвения, бросились обшаривать все советские издания. О, ужас! троцкизм на каждом шагу, нет проходу от "контрабанды". Как же все-таки это могло случиться?

Каждый новый слой, поднявшийся к власти, имеет склонность приукрасить свое прошлое. Так как сталинская бюрократия не может, подобно другим правящим классам, искать подкрепления на высотах религии, то она создает свою историческую мифологию: прошлое всех тех, которые противостояли ей, она мажет в черный цвет; наоборот, собственное прошлое она окрашивает самыми яркими цветами спектра. Биографии руководящих деятелей революции переделываются из года в год, в зависимости от изменения состава правящего слоя и роста его претензий. Но историческая материя оказывает сопротивление. Как ни велико рвение официальных историков, но они связаны архивами, периодической печатью прошлых лет, старыми статьями, в том числе и статьями самого Сталина. Вот где корень зла!

Под руководством Ярославского над историей партии работало несколько молодых историков. Они делали все, что могли, Но, наталкиваясь на непокорные факты и документы, они, несмотря на все свое рвение, оказались бессильны как вытеснить Троцкого из Октябрьской революции, так и обеспечить в ней для Сталина достаточно внушительную роль. Именно по этой линии Ярославский и попал под обвинение в распространении "троцкистской контрабанды": он не довел переделку истории до конца. Горе тому, кто делает лишь наполовину!

Во многих случаях обвинение в контрабанде имеет иной источник. Тысячи менее стойких сторонников оппозиции формально отреклись в течение последних лет от своих взглядов, были восстановлены в партии и допущены к работе. Уже очень скоро обнаружилось, что школа оппозиции была для них незаменимой

школой научной мысли. Бывшие "троцкисты" заняли видное положение в области хозяйственной, научно-литературной и педагогической деятельности. Они покорны, как могут быть покорны испуганные чиновники. Но они знают факты. В мозговых извилинах у них застряло немало критических навыков. Агенты Сталина, подстерегающие их со всех сторон, без труда открывают в их лекциях и книгах яд "троцкистской контрабанды".

Есть и третий источник яда, не менее опасный. Серьезные молодые исследователи, ничем в прошлом не связанные с оппозицией, в значительной мере аполитичные, но и чуждые карьерных соображений, становятся нередко жертвой обрабатываемого научного материала и собственной добросовестности. В ряде вопросов они, не подозревая того, попадают в колею, проложенную левой оппозицией. Система взглядов, которую навязывает сталинская бюрократия, приходит во все большее противоречие не только с традициями партии, но и со всеми сколько-нибудь серьезными самостоятельными исследованиями в разных областях исторической и общественной науки, порождая тем самым оппозиционные настроения. В результате неожиданно раскрывается, что важнейшие отрасли общественной работы в Советском Союзе находятся в руках "авангарда буржуазной контрреволюции"!

Укрепление советского хозяйства ослабляет Сталина

Ожесточенный характер нынешней кампании против "троцкистов" вдохновил русскую эмигрантскую печать на новые пророчества о близком крушении советской власти; и эти голоса, несмотря на обескураживающий опыт прошлых 14 лет, находят отклик и в большой европейской и в американской печати. Это не столь уж удивительно: не только сталинская бюрократия упорно отождествляет себя с советским режимом, но и враги его, ищущие утешительных иллюзий, становятся жертвой той же политической аберрации²⁸⁶.

Между тем для разговоров о приближении долгожданного конца нет никаких оснований. Развитие производительных сил Советского Союза есть самое грандиозное явление современной истории. Великие преимущества планового руководства доказаны с такой силой, которой ничто более не опровергнет. Близорукость и зигзаги сталинской бюрократии только ярче подчеркивают могущество самих методов. Думать, что трудящиеся массы России захотят вернуться назад, в условия русского отсталого капитализма, могут только маньяки реставрации.

Но не менее ошибочно думать, будто экономические успехи, упрочивающие новый режим хозяйства, автоматически укрепляют тем самым политическое положение Сталина и его фракции. До известного момента так и было. Но сейчас разворачивается процесс прямо противоположного порядка. Народ, совершивший величайшую революцию, мог временно, в трудных условиях, переуступить руководство своими судьбами бюрократии; но отказаться надолго от политики он уже не способен. Было бы слепотой не видеть, что именно упрочение экономического положения страны все более враждебно противопоставляет трудящихся всевластию бюрократии. Достигнутые успехи рабочие не без

основания приписывают себе, а за бюрократией следят все более критическим взглядом. Ибо массы снизу видят не только успехи и вытекающие из них возможности, но и грубые ошибки руководства и постоянную тенденцию сваливать ответственность за эти ошибки с руководителей на исполнителей. Повысив самочувствие рабочих, успехи повысили вместе с тем и их политическую требовательность.

Уроки хозяйственных зигзагов, особенно ошеломляющие разоблачения процесса вредителей, прочно вошли в сознание широких кругов населения и чрезвычайно подорвали престиж Сталина. Вывод напрашивался сам собой: "Оказывается, что оппозиция была права!". Оппозиционная мысль, не обнаруживаясь на поверхности, долго пролагала себе скрытые пути. Сейчас открывается критический период. Рабочие хотят не только подчиняться, но и решать. Они собираются многое изменить. От них не более, чем когда-либо, требуют, чтобы они только одобряли решения, которые принимаются без них. Рабочие недовольны: не советским режимом, а тем, что бюрократия заменяет собой Советы. В разных рабочих ячейках "троцкисты" поднимают голос, иногда очень мужественно. Их исключают. Это начало новой главы в жизни правящей партии. Критические голоса более уже не смолкнут.

Если в прежних партийных кризисах отражались непосредственно трудности и противоречия развития Советской республики под бюрократическим руководством, то в нынешний период впервые выступают на передний план противоречия в положении сталинской фракции и прежде всего самого Сталина.

В те дни, когда эти строки увидят свет по ту сторону океана, в Москве уже закончится XVII конференция большевистской партии, представляющая не что иное, как съезд аппарата, т. е. централизованной сталинской фракции. Можно не сомневаться, что конференция пройдет достаточно благополучно для нынешнего руководства. Но как ни сильна сталинская фракция, решает не она. Решают в последнем счете хозяйственные процессы, с одной стороны, глубокие политические процессы, происходящие в сознании масс -- с другой.

Развертывающаяся ныне кампания против "троцкизма" знаменует сумерки всевластия сталинской бюрократии. Но вместе с тем она предсказывает не гибель большевистской власти, а наоборот, новый подъем советского режима, не только его хозяйства, но и его политики и его культуры. То течение, к которому принадлежит автор этих строк, твердо рассчитывает в предстоящей гигантской работе найти свое место.

Л. Троцкий

Принкипо, 19 января 1932 г.

[Письмо М.Истмену]

25 января [1]932 [г.]

Дорогой друг!

1. Вчера послал телеграмму об уплате вам 1.500 долларов (в возмещение

высланной вам по телеграфу суммы).

Надеюсь, что вопрос с "Пост" уже окончательно урегулирован и что причитающиеся деньги получены и распределены. Об этом, впрочем, от вас, вероятно, будет скоро письмо.

2. Досадно, что статью о Гитлере ваши американские буржуа не приняли. Я так и опасался слегка. Ничего не поделаешь. Тем менее можно надеяться на принятие статьи о Сталине²⁸⁷. Я вам писал уже, что лондонский "Политикал Квартерли"²⁸⁸ просил у меня настойчиво статью для ближайшего выпуска. Я им обещал. Вчера получил от редакции последний номер их издания и новое настойчивое письмо. Поэтому, в случае затруднений в Америке с помещением статьи о Сталине, перешлите ее, пожалуйста, в "Квартерли", указав им, что незачем посылать мне корректуры для контроля перевода. Кстати, они обещали в прошлом письме хорошо заплатить, но сумму не назвали.

3. Из посылаемых вам дополнительных глав вы можете, конечно, все, что более или менее подходит, предложить "Сатюрдэй Пост" (конечно, без особой доплаты, в счет общего гонорара).

4. У французских друзей возникла мысль снять мой доклад в виде звукового фильма. Они считают, что такой фильм можно было бы с успехом использовать как в агитационных, так и в денежных целях. В случае запрещения фильма соответственным правительством, можно показывать его в закрытых помещениях. Что вы на этот счет думаете?

Можно было бы выбрать сравнительно нейтральную тему, по крайней мере для одного доклада. Для второго можно было бы тему выбрать более политическую и агитационную (для закрытых помещений). Я бы мог приготовить доклад и на английском языке, т. е. написать его раньше по-русски, перевести с англичанином, усвоить хорошо текст и затем прочитать доклад не по бумаге, а на память. Мое произношение было бы не на высоте, но это придавало бы докладу некоторый экзотический оттенок. Что вы об этом думаете?

5. Считаете ли вы осуществимым план моего правильного сотрудничества в каком-либо видном американском издании: одна статья раз в месяц? Темы можно было бы выбирать на границе экономики, литературы, политики, личных характеристик и пр., так что "пропаганда" не было бы налицо. Если вы считаете этот план осуществимым, то я мог бы прислать пробную статью.

Кстати, я хотел бы написать статью: Ленин, Воровский и граф Сфорца. Этот поганенький либерально-сиятельный итальянский дипломат гнусно оклеветал Ленина и Воровского²⁸⁹. Разоблачить и уличить его можно беспощадно. Книга Сфорца вышла на всех языках и широко рекламировалась в Америке. Как вы думаете, нашлось бы место для такой статьи?

6. Если моя статья о Сталине пойдет не в Америке, а в Англии, то не забудьте, пожалуйста, произвести в ней два-три маленьких изменения. В одном месте у меня говорится: "Когда эта статья появится по ту сторону океана в печати..." и пр. В другом месте говорится: "если бы Гувер обвинил Юза в сочувствии к большевикам..." пожалуй, лучше сказать: "если бы Болдуин обвинил Уинстона Черчилля в сочувствии большевикам..." Как будто других

поправок вносить не придется.

Крепкий привет.

Ваш Л. Тр[оцкий]
The Political Quarterly by MacMillan and Co Ltd. St. Martin's Street,
London W. C. 2.290

Циркулярное письмо единомышленнику в СССР²⁹¹

Догорой друг!

В нынешнем положении СССР, помимо основных кризисных процессов в области хозяйственных и классовых отношений, есть множество дополнительных противоречий и путаницы, созданных и создаваемых аппаратом в борьбе за самосохранение. Если бы можно было сейчас чисто кабинетным путем выработать законченную систему мер для выхода из кризиса, эта система, сама по себе взятая, повисла бы в воздухе. Она походила бы на план второй пятилетки²⁹², который не находит непосредственной опоры в результатах первой пятилетки. Можно, правда, заранее сказать, что всей хозяйственной машине СССР придется на известный период дать задний ход - прежде чем можно будет снова направить ее вперед. Но весь вопрос в том, кто даст задний ход? Где партия? Вопрос о партии есть ключ ко всем остальным вопросам.

Ключом к партии является левая оппозиция. Ей нужно восстановить внутреннюю связь. Надо во что бы то ни стало объехать все пункты, где есть сохранившиеся и надежные оппозиционеры старых призывов. Надо подготовить и как можно скорее выпустить заявление от имени л[евой] о[ппозиции]. Оно может быть либо анонимным, либо (гораздо лучше) подписанным, в зависимости [от] степени ослабления аппаратного гнета (по этой части надо ждать больших и резких колебаний в ту или другую сторону).

Заявление, мне кажется, не должно задаваться неосуществимой задачей представить сразу практическую программу. Неотложная цель заявления - сказать партии: "Мы - здесь! Оставаясь на старых принципиальных позициях, мы находимся в распоряжении партии и рабочего класса, мы готовы всеми силами помочь партии исправить ошибки, победить затруднения и снова выйти на широкую дорогу".

Как ни велика растерянность в партии и аппарате (завтра она станет еще больше, но л[евая] о[ппозиция], ее знамя, ее "имена" являются, несомненно, и сегодня еще страшилищем не только для самых "свободомыслящих" бюрократов, но и в значительной мере и для партийцев-рабочих.

Оппозиция должна приучить партию к себе. Она должна показать, что ей чуждо чувство мести, стремление разгромить аппарат, покарать противников и пр. Чем скромнее и сдержаннее будет выступать оппозиция, тем это будет привлекательнее (с точки зрения обстановки и сегодняшнего соотношения сил) и политически целесообразнее. Оппозиция имеет сейчас одну цель: быть допущенной к общей работе в нынешних архитрудных условиях. Таковы должны

быть, на мой взгляд, тон и дух первого заявления. Другими словами, оппозиция должна показать себя такую, как она есть. Появление подобного заявления сразу получит крупное политическое значение. К л[евой] о[ппозиции] потянутся с разных сторон. Восстановят связи, восстановится работа. Только таким образом можно будет приступить к коллективной выработке практической программы.

Над системой чисто хозяйственных мер стоит, как уже сказано, вопрос о партии. Какие результаты дал бы сейчас честно созванный съезд партии? На это очень трудно ответить, особенно отсюда. Ориентироваться в этом можно будет в меру ослабления аппаратного гнета и пробуждения политической активности низов: развитие, надо думать, пойдет именно в этом направлении. Несомненно, что партийные массы, по мере оттаивания, обнаружат много неожиданного, как положительного, так и отрицательного. Разобраться в переплете настроений и течений, отделить здоровое от больного и консолидировать все прогрессивное вокруг л[евой] о[ппозиции] можно будет лишь при условии, если она сама создаст крепкое центральное ядро.

Вопрос о партийном руководстве будет чрезвычайно волновать партийные круги, притом в чисто персональном смысле. Мы должны здесь проявить величайший такт, отнюдь не объявляя огульно нынешний руководящий персонал "никуда не годным". Лозунг "убрать Сталина" - не наш лозунг. Долой личный режим - это правильно. Не только Сталин с Молотовым, но и Зиновьев с Каменевым, и Рыков с Томским еще могут послужить партии, если возродить ее. Л[евая] о[ппозиция] заранее никого не исключает; она требует лишь, чтобы не исключали ее.

То же самое в общем относится и к Коминтерну. Здесь стратегические и тактические вопросы стоят гораздо конкретнее, ибо секции левой оппозиции имеют в большинстве стран свои периодические органы и ведут непрерывную работу. Организационная сторона дела сведется к подготовке и созыву в каждой стране партийного съезда, а затем конгресса Коминтерна. "Неожиданностей" на Западе будет, разумеется, меньше. "Темп" этой работы будет во многом зависеть от темпа реформы ВКП.

Программы экономических мероприятий в отношении СССР я в этом письме совершенно не касаюсь. Кратко об этом говорится в последнем номере "Бюллетеня" (№ 29-30)293. Подробно речь будет в ближайшем номере. Но сейчас более, чем когда бы то ни было, политика есть концентрированная экономика, а партия есть концентрированная политика.

P. S. Относительно правых. 1. Правые представляют сейчас, несомненно, огромное бесформенное пятно. К правым должны тяготеть все недовольные в партии и за ее пределами, в том числе и потенциальные сторонники л[евой] о[ппозиции], которым трудно понаслышке разобраться в диалектическом характере нашей тактики. Вопрос о дифференциации правых станет одним из серьезнейших вопросов нашей партийной политики. 2. Во время ближайшего поворота наши практические разногласия с правыми вряд ли обнаружатся, как, впрочем, и с большинством вчерашних центристов. "Задний ход" машины слишком

повелительно вытекает из обстановки. Фактически на этот путь стали уже центристы, но бессистемно, противоречиво и потому безрезультатно. Разногласия с правыми неминуемо обнаружатся во второй стадии поворота. Тогда-то и пойдет настоящая дифференциация. Именно поэтому и в первой стадии - при полной лояльности к правым - недопустимо смешивать ряды и стирать границы. 3. При определении взаимоотношений не только с правыми и центристами, но и с разными группировками "левых" мы исходим, разумеется, не только из русских, но и их международных вопросов. Этого нельзя забывать ни на минуту.

[Л.Д.Троцкий]

Январь 1932 г.

[Письмо Л.Клингу]

9 февраля 1932 г.

Дорогой товарищ Клиг²⁹⁴!

Спасибо за присланные книги, одну из них я вам возвращаю, так как у меня есть второй экземпляр.

Мне очень трудно судить отсюда, достаточно ли внимание уделяет Лига работе среди не "чисто американских" рабочих, в том числе и евреев. Все зависит от наличных сил и средств и от правильного их распределения. Со стороны и издалека трудно составить себе об этом мнение.

Значение иностранных рабочих для американской революции будет огромным, в известном смысле - решающим. Несомненно, что оппозиция должна проникнуть в среду еврейских рабочих во что бы то ни стало.

Вы спрашиваете, каково мое отношение к еврейскому языку? Как и ко всякому другому языку. Если я действительно употребил в своей "Автобиографии" слово "жаргон", то это потому, что в годы моей юности еврейский язык назывался не "идиш"²⁹⁵, как теперь, а "жаргон": так выражались сами евреи, по крайней мере, в Одессе, и в это слово не вкладывали решительно ничего пренебрежительного. Слово "идиш" вошло во всеобщий оборот, так же и во Франции, например, только за последние 15-20 лет.

Вы говорите, что меня называют "ассимилятором". Решительно не знаю, какой смысл может иметь это слово. Я, разумеется, противник сионизма²⁹⁶ и всех других видов самоизоляции еврейских рабочих. Евреев-рабочих во Франции я призываю к тому, чтобы они как можно лучше ознакомились с условиями французской жизни и французского рабочего класса, ибо без этого им трудно участвовать в рабочем движении той страны, где они подвергаются эксплуатации. Так как еврейский пролетариат рассеян в разных странах, то он, помимо еврейского языка, должен стремиться овладеть языками тех стран, как орудиями классовой борьбы. При чем тут "ассимиляторство"?

Мое отношение к пролетарской культуре изложено в моей книге "Литература и революция". Противопоставлять пролетарскую культуру буржуазной -

неправильно или не вполне правильно. Буржуазный строй, а, следовательно, и буржуазная культура развивались в течение многих столетий. Пролетарский строй есть только кратковременный переходный режим к социализму. В течение этого переходного режима (диктатура пролетариата) пролетариат не может создать сколько-нибудь законченную классовую культуру. Он может лишь подготовить элементы социалистической культуры. В этом и состоит задача пролетариата: в создании не пролетарской, а социалистической культуры на основе бесклассового общества.

Таков вкратце мой взгляд на вопрос о пролетарской культуре. Нетрудно было бы доказать, что так же смотрели на этот вопрос Маркс, Энгельс, Ленин, Меринг, Роза Люксембург и др.

Еще раз спасибо за книгу. С крепким товарищеским приветом
Ваш Л.Троцкий

Центральному Комитету Коммунистической левой оппозиции в Испании

9 февраля 1932 г.

Дорогие товарищи!

За последнее время я получил из Испании несколько писем и документов, которые свидетельствуют, что между испанскими товарищами и большинством Интернациональной левой оппозиции накапливаются недоразумения. Самое лучшее в таких случаях попытаться своевременно разъяснить их, отделив случайное и мелкое от важного и принципиального.

1. У товарищей Лакруа и Нина вышел конфликт с французским товарищем М.297 по чисто практическому вопросу. Я считал и считаю, что товарищи Лакруа и Нин, не будучи в курсе дел, выдвинули неправильное обвинение против т. М. в данном практическом вопросе. В свое время я поспешил разъяснить недоразумение. Этим я считал исчерпанным весь инцидент, так как никакого принципиального или политического содержания в нем не было.

Мнение товарищей Лакруа и Нина относительно т. М. есть их личное дело, и возвращаться к этому вопросу нет никакого основания.

2. Т[оварищ] Лакруа ошибается поэтому, когда думает, что у нас с ним разногласие относительно т. М. Нет, разногласие (если это не недоразумение) касается отношения испанской оппозиции ко всем спорным вопросам Интернациональной левой оппозиции, т. е. касается принципиальных основ левой оппозиции. Только этот вопрос меня и интересует.

3. Опыт показал, что в рядах левой оппозиции в отдельных странах имеются элементы, нам совершенно чуждые. Достаточно хотя бы напомнить Горкина! Одного признания общих принципов левой оппозиции недостаточно. Организации и отдельные революционеры проверяются на работе, т. е. на применении принципов к делу. Иногда маленькие факты могут бросить яркий свет на то или другое лицо или группу, как маленький симптом свидетельствует иногда о тяжелой болезни.

Приведу пример. В Германии возникла, как вы знаете, левая политическая

партия, САП298. Вожди ее признали диктатуру пролетариата и советскую систему. Урбанс, который был некогда с нами, подхватил это признание как доказательство коммунизма новой партии. Между тем в газете этой партии называют товарищами Отто Бауэра, Леона Блюма, подлого и продажного агента французского империализма, и других подобных же субъектов. Слово "товарищ", конечно, мелочь по сравнению с диктатурой пролетариата и советской системой, - так может возразить какой-нибудь мудрец. Я же считаю, что признание диктатуры и советов имеет у вождей САП чисто словесный характер. Маленькое же словечко "товарищ" по отношению к Леону Блюму выдает вполне их действительные чувства. В политике надо уметь ориентироваться по таким мелким признакам, пока не наступили большие события, которые дадут настоящую проверку.

4. Росмер, Навилль, Жерар и др[угие] во Франции, Ландау в Германии, Оверстратен в Бельгии "в принципе" были согласны с левой оппозицией во всем, а практически - ни в чем. Росмер, Навилль и др[угие] систематически искажали идеи левой оппозиции в подходе к партии, к профессиональным союзам, к интернациональной организации и тем мешали успехам левой оппозиции. Борьба с ними тянулась года полтора. Они поддерживали во всех странах чуждые и враждебные левой оппозиции элементы, создавая свою собственную фракцию и парализуя нашу работу. Разрыв с этой чуждой группой оказался неизбежен, и я ни на минуту не задумался пойти на этот разрыв, несмотря на то, что связан с Росмером личной дружбой в течение более пятнадцати лет.

5. Известен ли испанским оппозиционерам ход борьбы с Оверстратеном, Урбансом, Ландау, Росмером, Навиллем и др.? Я имею в виду не только верхушку испанских оппозиционеров, но организацию в целом. Если эта борьба осталась неизвестна испанской оппозиции, то это большое упущение. Нельзя воспитать настоящих революционеров, если не давать молодым коммунистам возможности изо дня в день следить за выработкой большевистской политики не только в испанской секции, но и в других секциях Интернациональной оппозиции. Только так приобретается опыт, формируется и закаляется революционное сознание. В этом состоит важнейшая часть того режима партийной демократии, который мы стремимся установить.

6. В объяснение своего вопроса о том, осведомлены ли испанские оппозиционеры о ходе интернациональной идейной борьбы, я вынужден снова сослаться на "мелкий" факт, который в моих глазах имел, однако, важное симптоматическое значение. В то время, как Ландау уже поставил себя вне наших рядов, а Росмер дезертировал из нашей организации, в вашем журнале "Коммунизм" оба они были названы сотрудниками. Это меня поразило. Представьте себе на минуту, что немецкий или французский оппозиционный журнал помещает Горкина как своего сотрудника: это было бы враждебным актом против наших испанских друзей. Я запросил т. Лакруа и получил ответ, что все дело в техническом недоразумении. Разумеется, я ни на минуту не собирался преувеличивать значения совершенной ошибки. Но я не мог не сказать себе тогда же: "Наши испанские друзья пока что недостаточно внимательны к жизни

Интернациональной левой оппозиции". Вы, конечно, согласны, что как нельзя строить социализм в отдельной стране, так нельзя и вести марксистскую политику в отдельной стране.

7. В дальнейшем, однако, обнаружилось новые факты, которые позволяют опасаться, что дело обстоит серьезнее, чем казалось сначала. Это проявилось особенно ярко на вопросе о составе Интернационального Секретариата. Вопрос этот возник не со вчерашнего дня. Он имеет свою долгую историю. По этому вопросу имеется ряд документов, в частности написанных мною. Я снова вынужден спросить: известны ли эти документы испанским товарищам? Переведены ли они на испанский язык?

Правда, мне попадались даже в рядах левой оппозиции отдельные товарищи, которые по поводу внутренней идейной борьбы отзывались с пренебрежением: "склока, дразги". Такого рода товарищи ничему не научились в школе Маркса и Ленина. Чтобы подготовиться к большим действиям, надо учиться проявлять выдержку и непримиримость во всех принципиальных вопросах, даже когда они имеют очень маленький масштаб. Чаще всего бывает так, что те товарищи, которые по поводу принципиальной борьбы говорят "склока", сами обнаруживают способность поднимать действительную склоку, если кто-нибудь чуть-чуть наступит им на мизинец левой ноги. Беззаботность в принципиальных вопросах и преувеличенная чувствительность в личных вопросах характеризуют многих из тех, которые случайно попали в ряды левой оппозиции.

8. Одним из таких случайных лиц является, несомненно, т. Милль. За отсутствием за границей товарищей, знающих русский язык, русская оппозиция вынуждена была остановиться на т. Милле, мало ей известном, как на своем неофициальном представителе в международном Секретариате. Т[оварищ] Милль принял на себя это представительство. Я находился с т. Миллем в самой напряженной переписке. Из моих писем к нему можно было бы составить большой том. Все ответы т. Милля показывали мне не только то, что ему не хватает элементарного революционного воспитания и понимания смысла и значения организации, но и то, что он не хочет и не способен учиться азбуке коммунистической политики. Милль очень легко повторяет общие фразы о социализме в отдельной стране, но когда приходится отстаивать определенную политическую линию, он меняет свой курс под влиянием неуловимых настроений. В течение ряда месяцев т. Милль участвовал в борьбе против Ландау, Навилля и их "вождя" Росмера. Надо было думать, что Милль понимает все значение этой борьбы, которая привела к разрыву с рядом групп и лиц. Это не помешало Миллю предложить Росмеру письменно блок против Правления французской Лиги и против русской оппозиции. Такое действие при серьезном отношении к делу является низкой изменой. Человек, способный на такие политические сальто-мортале, не заслуживает революционного уважения. Согласны вы с этим, товарищи, или нет?

9. С Интернациональным Секретариатом я вел переписку через т. Милля, причем для экономии времени писал по-русски. Т[оварищ] Милль систематически скрывал от Секретариата те мои письма, предложения, критические замечания, которые были ему не по душе, и, наоборот, выдергивал из писем отдельные

места, которые ему могли служить против других. Этим он систематически вводил в заблуждение Секретариат.

10. Русская оппозиция порвала с Миллем. Французская Лига сурово осудила его. Немецкая оппозиция признала его действия недопустимыми. Бельгийская оппозиция осудила Милля. Новая итальянская оппозиция в лице т. Сюзю, члена Интернационального Секретариата, осудила блок Милля с Росмером. Известны ли эти факты членам испанской левой оппозиции или нет? Я надеюсь, что известны. Чем же тогда объяснить, что ЦК испанской оппозиции выдвинул кандидатуру Милля, как своего представителя в Интернациональный Секретариат?

Такого рода шаг принимает характер враждебной политической демонстрации против русской, французской, немецкой, бельгийской и др[угих] национальных секций, решения которых не заставят себя, вероятно, ждать. Разумеется, если у вас есть серьезные разногласия с нами, то вы не только вправе, но и обязаны выразить их и словом и делом. Но нужно в таком случае объясниться ясно и открыто.

11. Поддержка вами т. Милля представляется необъяснимой по следующим причинам: из Испании т. Милль написал две корреспонденции, в которых свалил левую и правую оппозицию в одну кучу и ввел в заблуждение всю Интернациональную левую оппозицию. Трудно представить себе более скандальную путаницу, особенно со стороны перманентного секретаря! На мой протест против его корреспонденции Милль ответил, что его ввел в заблуждение т. Нин. Не ясно ли, что Милль только подчеркнул этим свою полную неспособность самостоятельно разобраться в элементарных политических вопросах?

Я предложил выработать коллективно интернациональный Манифест по поводу испанской революции. Несмотря на мои многократные напоминания, Милль не ударил пальцем о палец в этом важном вопросе, так как все его внимание было поглощено закулисной фракционной борьбой и закулисными сделками против важнейших секций левой оппозиции.

Таковы факты. Чем же объясняется, товарищи, то обстоятельство, что вы столь демонстративно выразили ваше недоверие к французской, русской, немецкой, бельгийской и др[угим] секциям левой оппозиции? Очевидно, у вас должны быть для этого какие-либо глубоко принципиальные причины. Наши принципиальные соображения я вам изложил выше, притом не в первый раз. Теперь я буду с большим интересом и внимание ждать ваших принципиальных соображений.

12. Упомяну еще об одном эпизоде. Вы голосовали против вхождения представителя русской оппозиции т. Маркина в Секретариат на том основании, что он принадлежит к фракции "Молинье-Франка". Но т. Маркин принадлежит к той же фракции, к которой принадлежу я. Мы работаем с ним в полной солидарности. Чем же объясняется ваша попытка лишить русскую оппозицию представительства в Интернациональном Секретариате? Для этого у вас должны быть очень серьезные причины. Изложите их, пожалуйста. Мы отнесемся к ним с полным вниманием.

В своем последнем письме т. Лакруа просит меня не возвращаться к

вопросу о французском товарище М., с которым у него вышел упомянутый в пункте 1 конфликт. Неужели же т. Лакруа считает, что дело идет все о том же незначительном эпизоде? Идеиная борьба двух лет, расколы и отколы в ряде организаций, изменение их курса, перестройка Интернационального Секретариата - все это как бы проходит мимо внимания т. Лакруа. Ясно, нельзя дальше позволять недоразумениям накапливаться. Это побудило меня написать вам настоящее письмо, копию которого я рассылаю всем секциям Интернациональной оппозиции.

Я с этим совершенно согласен и думаю, что мы можем совершенно оставить в стороне мелкие личные эпизоды, не имеющие никакого принципиального или политического значения.

Т[оварищ] Лакруа говорит в своем письме, что спорные вопросы должна будет разрешить Интернациональная конференция. Это тоже совершенно правильно. Но Интернац[иональную] Конференцию необходимо подготовить путем обсуждения во всех секциях всех важных политических и организационных разногласий. Вот почему я и обращаюсь к вам, дорогие товарищи, с этим письмом, копию которого я посылаю Правлениям всех национальных секций.

Я не сомневаюсь, что общими силами мы устраним накопившиеся недоразумения и найдем с вами общий язык.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

[Письмо американским издателям Саймону и Шустеру]299

10 февраля 1932 [г.]

Многоуважаемые господа Саймон и Шустер!300

Я постараюсь дать журналистам желательное Вам интервью в связи с выходом моей книги. Необходимые шаги в этом направлении я уже принял.

Вы спрашиваете, не могу ли я сообщить Вам какие-либо дополнительные данные о том, как и при каких условиях писалась и пишется "История русской революции". Попытаюсь набросать здесь наспех кое-какие обстоятельства, которые могут представить для Вас интерес.

В Константинополе нет никаких библиотек, если не считать книгохранилищ со связанными книгами Ислама и пр. Каждую справку мне приходилось наводить за границей, путем писем или телеграмм.

Нужные мне газеты посылались мне моими сотрудниками из Берлина. Я отмечал здесь то, что представляло для меня интерес, и возвращал в Берлин для переписки, так как постоянная моя сотрудница занята была текущей работой. Если в выписках оказывались сомнительные места, то проверку приходилось проводить по авиационной почте (к сожалению, она функционирует далеко не круглый год).

Если, таким образом, принять во внимание, что главная часть моего "штаба" (розыск необходимых материалов, выписка и покупка книг, наведение справок и пр.) находится в Берлине, отделенном от Константинополя четырьмя

днями почтового сообщения, то не трудно себе представить, какие технические затруднения проходило и приходится преодолевать в процессе работы.

Я надеюсь, однако, что эти препятствия и затруднения, вызываемые условиями моей высылки, не отразились неблагоприятно на точности работы. Мои сотрудники в Берлине и здесь относились к делу с исключительным вниманием и помогли мне в течение этих двух лет преодолеть невыгодные условия работы.

Большим подспорьем служили мне мои собственные старые работы, писавшиеся в разгаре событий и отражавшие разные этапы русской революции. Все эти работы, а также речи, написанные мною документы и пр. вошли в полное Собрание моих сочинений, выпускавшееся в свет Государственным издательством в Москве в течение нескольких лет³⁰¹. Группа молодых историков, социологов и экономистов снабжала каждый том тщательно разработанными примечаниями исторического, критического и теоретического характера. Вся эта работа велась в свое время под общим моим руководством и чрезвычайно облегчила мне сейчас обработку исторического материала.

Замечу здесь же, что из общего плана издания, рассчитанного на 30 с лишним томов, вышло только 13 книг³⁰². Сталинская бюрократия не только приостановила издание в 1927 году, но и полностью изъяла все вообще мои книги из книжного оборота, библиотек, читален, училищ и т. д. Упомянутые выше молодые ученые, помогавшие мне при издании книг, как и другие мои ближайшие сотрудники, находятся ныне в тюрьмах и в разных местах сибирской и среднеазиатской ссылки (Эльцин³⁰³, Солнцев, [...]304, Сермукс, Познанский и др.)

Изданная Вами "Февральская революция" на русском языке вышла. Ко ввозу в СССР она, разумеется, строжайше запрещена. Причина запрета не в том, разумеется, что книга может принести ущерб интересам Советского Союза (об этом не может быть и речи), а в том, что книга написана мною. Надо, впрочем, прибавить, что "История" на основании аутентичных материалов беспощадно разрушает целый ряд легенд, создаваемых историками сталинской фракции. Так, например, я доказываю - и смею думать, совершенно неоспоримо, - что Сталин в начале Февральской революции, до приезда Ленина из-за границы в так называемом "пломбированном" вагоне, занимал политическую позицию, гораздо более близкую к меньшевикам, чем к Ленину. Этого одного достаточно, чтобы сделать мою работу невозможной в СССР.

Второй том, посвященный Октябрьской революции, близок к концу. Он занял у меня значительно больше времени, чем первый том. Не только потому, то он значительно превосходит первый том по размерам, но, главным образом, потому, что в области Октябрьской революции официальная сталинская историческая школа успела совершить поистине грандиозную работу [...]305 и работа по сборке фактов и документов требовала особой тщательности.

Последние два года у меня ушли почти целиком на обработку двух томов "Истории". Если, как сказано выше, здешние условия создают чрезвычайные затруднения в отношении научного аппарата, то зато они чрезвычайно благоприятны для сосредоточенной и тщательной работы над материалами. Остров

Принкипо зимой почти необитаем, летом здесь запрещена езда на автомобилях, вместо городских шумов - только шум моря. В климатическом и эстетическом отношении Принкипо имеет несомненные преимущества перед всеми теми местами ссылки, с которыми мне приходилось знакомиться.

В 1919 году Ллойд Джордж предлагал созвать на Принкипо международную конференцию с участием Советов. Ленин настаивал на том, чтобы я на этой конференции представлял Советский Союз. Конференция, однако, не состоялась из-за внутренних противоречий в Антанте. Но на Принкипо мне все же пришлось побывать: не для переговоров с европейской дипломатией, а для работы над "Историей русской революции". Должен признаться, что эта вторая работа мне гораздо симпатичнее первой.

Вот то, что я могу пока наспех сообщить. Вы сделаете из этих строк то употребление, какое найдете нужным.

С искренним приветом
[Л.Д.Троцкий]

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕРЕВОДА

"ИСТОРИИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

1. Это не перевод, а вариации переводчика на тему автора. Переводчик систематически исправляет автора, заменяет образы, которые ему не нравятся, своими собственными, вставляет длиннейшие фразы для "популярности" и, наоборот, выбрасывает фразы или части фраз, если они ему не по вкусу.

2. Там, где у автора изложение ведется для живости в настоящем времени, переводчик везде применяет прошедшее время. Наоборот, там, где автор, резюмируя рассказ, переходит на формальный исторический тон, переводчик неожиданно прибегает к настоящему времени.

3. В "Предисловии" ясно и точно объяснено, почему автор пользуется старым календарным стилем, а не новым³⁰⁶. Читателю указано, что, если ему понадобится перевести дату на новый стиль, он должен прибавить 13 дней. Это не останавливает переводчика от того, чтобы не оставлять в тексте рядом со старой датой новую дату. У читателя двойится в глазах. Он теряет способность следить за последовательностью событий. Педантское дублирование дат не облегчает, а затрудняет читателя. Какое право имеет переводчик навязывать автору свои вкусы? Автор не считает французских читателей менее интеллигентными, чем читатели всего остального мира. "История" уже вышла на многих языках. Ни одному переводчику не приходило в голову нарушать прямую и ясную волю автора, выраженную в его "Предисловии".

4. Мало того, дублирование дат проводится не систематично: очень многие даты показаны только по старому стилю. Таким образом, рядом с произволом переводчик проявляет недопустимую неряшливость.

5. Ни одно примечание внизу страницы от переводчика мною допущено не

будет. Моя книга есть "История русской революции", а не маленький "Лярусс"³⁰⁷. Я пишу для взрослых людей, а не для школьников. Если один из 100 или из десяти читателей не знает того или другого факта или названия, он справляется в словаре. Но нельзя ради этого одного читателя мешать 9-ти или 99-ти следить спокойно за развитием мысли без ненужных вмешательств переводчика, превращающегося неожиданно в комментатора. Повторения того насилия, которое произведено над моей "Автобиографией", я на этот раз не допущу и в самом ослабленном виде. Ни в какой другой стране ни один из переводчиков не позволил себе такого вандализма.

6. Я просмотрел листы 15-21. В листах 15-19 я делал лишь редкие пометки, пытаюсь уловить общий характер перевода. Более детальные указания сделаны на двух листах: 20 и 21. Считаю необходимым оговориться: там, где я вношу французские исправления, в них могут заключаться погрешности. Мое знание французского языка недостаточно для того, чтобы я мог судить о непригодности того или другого перевода.

7. Переводчик везде идет по линии наименьшего сопротивления. Он вставляет глаголы, прилагательные без конца. Вместо пяти моих слов у него получается 10, а иногда и 15. Каждая фраза как бы подбита ватой. Вызывается это отчасти капризностью переводчика (он всегда исправляет перевод, будто перед ним тетрадь школьника), отчасти неряшливостью. В общем, перевод несравненно ниже немецкого или английского.

8. Переводчик ясно не просматривал своей собственной рукописи. Прямые искажения смысла встречаются на каждой странице, нарушения оттенков мысли -- в каждой фразе.

Я утверждаю, что из каждых 10-ти страниц этого перевода можно сделать 9, а, может быть, и 8 страниц, не опуская ни одного слова из русского оригинала. Я берусь это доказать любой экспертизе. Это значит, что на том в 300 страниц приходится 30 страниц, не меньше, словесной ваты. Я тем меньше могу это допустить, что я потратил несколько месяцев на то, чтобы придать стилю как можно большую сжатость.

Вывод: в нынешнем виде перевод неприемлем.

Л. Троцкий

11 февраля 1932 г.

[Письмо М.Истмену]³⁰⁸

12 февраля [1]932 [г.]

Дорогой друг!

1. Деньги получены, надеюсь, что 1.000 долларов получена также и в Берлине, хотя оттуда сообщений еще нет. Сейчас из-за плохой погоды почтовое сообщение функционирует крайне нерегулярно.

2. Я согласен выкинуть из 13-ой главы те 16 строк, на которые вы указываете, хотя и не без сожаления³⁰⁹. Такие доводы и цитаты я вставил не для читателя вообще, а для оппозиционеров, чтобы дать им дополнительные

аргументы на фоне общих событий. Не забудьте, что у меня дальше будут еще две главы, целиком посвященные вопросам внутренних взаимоотношений ЦК и пр. Ввиду нынешней поистине грандиозной кампании по фальсификации истории эти главы абсолютно необходимы. Что касается выкинутых из 13-ой главы цитат (здесь они действительно малоуместны), то я, может быть, перенесу их в виде примечания в конец тома, наподобие примечаний к первому тому.

3. Ваши похвалы изложению меня очень радуют. Все-таки, если бы поработать еще с полгодика, книга вышла бы лучше. Следующую книгу буду писать не спеша и без всяких обязательств по отношению к сроку.

4. Вы спрашиваете относительно цитаты: "Мавр сделал свою работу, Мавр может идти". Это цитата из Шиллера, если память мне не изменяет, из драмы "Заговор Фиеско в Генуе". По-немецки это звучит так: "Дер Моор хат зейне шувльдихайт гетан, дер Моор кан геен." Суть в том, что Мавр совершил порученное ему убийство, после чего Мавра прогоняют³¹⁰.

5. Насчет английского издателя и его 10% я пока ничего не предпринял. Если принять во внимание все вычеты в Англии, то я опасаясь, не придется ли мне еще приплачивать издателю. Думаю, что в распространении книги он заинтересован так же, как и я, и не вижу, почему книга должна прокладывать себе дорогу в клубы за счет моего гонорара, а не за счет его прибыли.

6. В расчеты по поводу статьи о Маньчжурии³¹¹ я, признаться, не вник. Но если мне что-нибудь причитается, то эту сумму надо послать в Мадрид по следующему ниже, в конце письма, адресу.

7. Я бы мог, разумеется, без труда давать две статьи в месяц для журнала, причем широко пошел бы навстречу "гуманным интересам" господ янки³¹². Но опыт со статьей о Гитлере заставляет меня выждать исхода дела со статьей о Сталине. Писать на авось с тем, что одна статья из двух или трех будет напечатана, я, конечно, не согласен. Я все-таки думаю, что Елена Васильевна могла бы тут проявить инициативу. Если определенным издателям и издательствам станет известно, что при ее посредстве можно вступать со мной в соглашение относительно статей, то проблема будет разрешена.

Если же вы думаете, что мне нужно обязательно сноситься с мистером Бай (подходящая фамилия!³¹³), то натолкните его на мысль написать мне ясно и точно о своих возможностях и конкретных предложениях.

8. В некоторых главах я привожу отзывы о своей деятельности в революции, признаться, с насилием над самим собой. В "Предисловии" я укажу, что я охотно уклонился бы - уже по соображениям литературного вкуса - от приведения "хвалебных" цитат. Но как раз сейчас, когда сотни перьев мобилизованы для оклеветания и очернения моей деятельности, я вынужден защищать - не лично себя, по крайней мере, не только себя лично, - но и ту систему взглядов и методов, которую я проводил и провожу. Указание на это в "Предисловии" смягчит неприятное впечатление при чтении.

9. Из авторских экземпляров достаточно мне сюда послать 3 экз., впрочем, об этом будет написано издательству, чтобы вас напрасно не тревожить.

10. Я уже писал вам один раз, что хотел в конце Предисловия к английскому изданию выразить вам благодарность как переводчику. Не помню, посылал ли я вам тогда в письме готовую формулу. Боюсь, что это не сделано в "Предисловии" к первому тому. Сейчас уже исправить, конечно, поздно. Тогда мы включим это в "Предисловие" ко второму тому. Формулу я пошлю вместе с текстом "Предисловия" ко второму тому.

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

Привет Е[лене] В[асильевне]

Adresse:

F.GARCIA

Apartado 918 Madride314

[Письмо министру иностранных дел Чеховловакии]

ГОСП[ОДИНУ] МИН[ИСТРУ] ИН[ОСТРАННЫХ] Д[ЕЛ]

Г[осподину] Министру

(Такого-то) числа315 я имел честь обратиться к Прав[ительству] Ч[ехо]сл[овацкой] Респ[ублики] с просьбой о предоставлении мне и семье моей визы для въезда в Ч[ехо]сл[овакию] с целью временного лечения.

(Так[ого]-то числа)316 Ген[еральное] Консульство Ч[ехо]сл[овакии] в Константинополе предъявило мне определенные условия для въезда в Ч[ехо]сл[овакию] на 8 недель, в течение месяцев март-май.

Так как цель моей поездки была и остается исключительно лечебной, то я немедленно изъявил согласие на принятие поставленных мне ограничительных условий.

Спустя ...317 месяца, 9 июля, я получил от Ген[ерального] Консульства извещение, что "в принципе" мне въезд разрешен в течение месяцев сентябрь-декабрь, если, помимо выполнения уже упомянутых выше условий, я смогу представить паспорт, действительный не только на время моего пребывания в Ч[ехо]сл[овакии], но и в течение дальнейших шести месяцев.

В моем распоряжении имеется советский паспорт, выданный (такого-то числа). С того времени, как сообщали газеты, я лишен советского гражданства318 (официально я никаких извещений об этом не получал). Г[осподи]ну Генеральному Консулу все эти обстоятельства известны. Во время беседы с ним я высказал уверенность, что вопрос о визе Ч[ехо]сл[овацкое] правительство разрешит под политическим, а не под паспортным углом зрения, так как сомнений в моей личности быть не может. Выданный мне паспорт сохраняет к тому же силу до декабря 1932 г.: на эту дату я особо обратил внимание г[осподи]на генерального консула.

В настоящее время срок моего въезда отодвинут к концу 1932 г.; в то же

время от меня требуется паспорт, пригодный на дальнейшее полугодие.

Это новое условие, связь которого с моей поездкой на чехословацкий курорт мне неясна, имеет такой характер, как если бы оно имело целью то, что разрешено "в принципе", сделать неосуществимым на деле.

Так как я не сомневаюсь, что такого рода инструкции не могли исходить от Правительства Ч[ехо]сл[овацкой] Р[еспублики], то я позволяю себе довести до Вашего сведения, Г[осподин] Министр, о создавшемся положении и прошу принять, наряду с извинениями за беспокойство, выражение совершеннейшего уважения

Л.Т[роцкий]

[Февраль 1932 г.]

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]319

4 марта [1]932 г.

Дорогой Лев Львович!

Вчера послала вам поправку для "Открытого письма"320. Надеюсь, что и "Письмо" и поправки вы послали в Испанию и в Париж (поправки и я послала туда на всякий случай). Если от вас ответа не получу - значит все сделано.

Посылаю при сем 4 экземпляра "Письма"; надо, чтобы вы послали:

Москва, Кремль, Надежде Константиновне Крупской (как найдете нужным - в пакете газет или просто письмом, сами будете знать);

Москва, Народный комиссариат путей сообщения, Л.П.Серебрякову;

(Оба эти письма с обратной распиской).

Барнаул, Х.Г.Раковскому (без обратной расписки); в газеты.

Один лишний экземпляр пошлите по своему личному усмотрению.

Отсюда мы посылаем: в Президиум ЦИК, в Сухум, Лакобе321 и в Лондон, Сокольникову.

Возвращаю вам, по адресу Пфе[мферта], "Пролетарск[ую] револ[юцию]"322, No 10 за окт[ябрь] 1922 г.

Привет сердечный вам и З.Л.[Волковой].

[М.И.Певзнер]

[Письмо М.Истмену]323

13 марта 1932 г.

Дорогой друг!

1. Я вам не писал еще по поводу издания первого тома324. Оно очень хорошо. Ваши американцы взяли за образец немецкое издание, но выполнили его значительно лучше.

Сейчас я вместе со своим французским переводчиком (Парижанин325) проверяю французский перевод. Во всех тех случаях, где Парижанин упирается, уверяя, что на иностранный язык "этого" нельзя перевести, я возражаю:

"Посмотрим, что из этой фразы сделал Истмен," - и до сих пор каждый раз я находил максимальную точность в передаче всех оттенков оригинала. Насчет того, что вы не причиняете при этом обид английскому языку, нет сомнений и у Парижанина. Как хорошо, что дело попало в ваши руки.

2. До сих пор я нашел две ошибки - не в переводе, а в примечании и в дополнении. На стран[ице] 37 сказано, будто Ленин покинул общую с меньшевиками соц[иал]-демократическую партию в 1903 г. На самом деле формальный раскол произошел только в 1913 г.³²⁶

На стран[ице] 485 "Коммунистический Манифест" отнесен к 1848 году. Между тем он относится к 1847 году.³²⁷

3. Вы, вероятно, из газет уже знаете, что не исключена возможность нашей поездки в Чехословакию на лечение. Окончательного решения еще нет. Я жду его со дня на день. Если решение будет положительное, мне нужно будет экстренно получить из банка известную сумму. Суть вопроса вам будет ясна из прилагаемой при сем копии моего письма издателям. На всякий случай ставлю вас в известность: может быть, понадобится и ваше вмешательство.

4. Вам послана глава "Ленин призывает к восстанию". Было бы очень хорошо, если бы вы своевременно предложили эту главу также и "Пост". Без этой главы Ленин совершенно остается в тени. Хотя в книге роль его будет достаточно выяснена, - из этой, как и из других глав, которые вы получите на днях, - но я хотел бы, чтобы и в журнале появилась глава, посвященная Ленину. Боюсь только, что "Пост" этой главы не напечатает, так как часть ее носит теоретический характер и может быть отнесена к прямой "пропаганде". Но все равно надо сделать, что можно.

5. Вопрос о говорящем фильме приобретает более или менее "срочный" характер. Дело в том, что две парижские компании уже предложили т. Молинье свои условия. Я их пока еще не знаю, но обе фирмы торопят. Между тем мне приходит в голову, что, может быть, есть какая-либо интернационально-американская фирма, которая одновременно зафилмует доклады на трех языках, а, может быть, даже на четырех (английском, немецком, французском и русском). Во всяком случае, я бы не хотел решать окончательно до получения сведений из Америки.

6. Опасаюсь, что Саймон и Шустер разочаруются в своих ожиданиях на быструю и широкую продажу книги: все-таки она для среднего американца слишком тяжеловесна. Думаю, что она будет входить в оборот постепенно, но зато в течение продолжительного времени. Посмотрим!

7. Итак, американские газеты превратили меня даже в кинематографического артиста. Разумеется, в этом нет ни слова правды. Никогда и ничем я, кроме революции и журнализма, не занимался, если не считать того, что я в юности полтора месяца служил, в ссылке, у сибирского купца...

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

[Письмо Натану]

Натан³²⁸

16 марта 1932 г.

Уважаемый товарищ!

Я с большим интересом прочитал ваше письмо. Сведения об эволюции вашей партии доходили до меня только из вторых рук. Сам я никогда не имел случая ближе заняться проблемой Палестины³²⁹, и, в частности, ролью, какую там играет Поалей Цион³³⁰, и главным затруднением для меня является тот факт, что я не читаю, к сожалению, ни на древнееврейском³³¹, ни на новоеврейском языке. Каким из этих двух языков пользуется ваша партия в Палестине? На каком языке написаны основные документы партии?

Имеются ли у вас какие-либо документы, которые в систематической форме излагают разногласия различных фракций и групп внутри рабочего движения Палестины и, в частности, внутри вашей собственной партии? Если бы вы могли мне указать, тем более прислать такого рода документы и материалы, я был бы вам очень благодарен. Может быть, вы и ваши ближайшие товарищи могли бы перевести хотя бы краткие и важнейшие выдержки из программных и полемических работ? Если время вам этого не позволяет, я просил бы отметить в еврейском тексте карандашом наиболее важные моменты: я попытался бы перевод произвести уже здесь.

Я не могу сейчас обещать высказаться по спорным вопросам в ближайшем будущем. Сейчас я заканчиваю второй том "Истории русской революции". После этого я перейду к книге о мировом экономическом и политическом положении³³². Разработка вопросов Ближнего Востока войдет, разумеется, в эту книгу. Сейчас для меня дело идет о подготовке и классификации важнейших материалов.

Высказаться сколько-нибудь определенно о политике пролетариата в Палестине можно, разумеется, не иначе, как на основе изучения экономики Палестины в сочетании с национальными группировками. Я сейчас безоружен и в этом отношении. Как обстоит в этом отношении дело в самой Палестине? На каком уровне стоит экономическая, социальная и национальная статистика? Если вы можете дать мне на этот счет необходимые сведения, я выпишу себе наиболее важные экономико-статистические издания.

Вы пишете, что вместе с группой товарищей давно и с интересом следите за работами левой оппозиции. Если вам нужны какие-либо из книг или журналов левой оппозиции, я готов вам, разумеется, оказать содействие. Во всяком случае, я попрошу товарищей в Берлине, чтобы вам немедленно выслали только что вышедшую книжку мою, посвященную положению в Германии³³².

Ваше письмо не ставит мне какие-либо определенные вопросы, оно включает в себе пока лишь перечень целого ряда вопросов, которые возникают у каждого активного участника рабочего движения в Палестине. Как уже сказано выше, я и не мог бы дать вам сейчас ответа на наиболее конкретные и практически наиболее вас интересующие вопросы. К ним можно подойти только постепенно, шаг за шагом, исходя от общего к частному. Я подчеркиваю это еще

раз, чтобы просить вас запастись терпением. Буду с интересом ждать вашего письма.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Истмену с припиской, адресованной Е.В.Истмен]334

22 марта 1932 [г.]

Дорогой друг!

1. Относительно фильма. Я получил телеграмму от Саймона и Шустера по поводу не ясного мне предложения Херста (в связи с моей поездкой в Прагу). Одновременно я получил из Парижа сообщение об условиях, которые предлагает Фокс-Мовиетон³³⁵, фирма, связанная с газетами Херста. Их условия я считаю абсолютно неприемлемыми. На всякий случай сообщаю вам их. Я должен дать шесть статей для прессы Херста (статей небольшого размера). Кроме того, я должен дать для говорящего фильма речь на 3 минуты (в тексте сказано 3 секунды, но это, очевидно, описка). За это Фокс обязывается: бесплатно заснять две ленты любого моего доклада для левой оппозиции, каждая лента в 300 метров, итого 600 метров. Снимок передается в наше распоряжение. Сверх того Фокс платит 50.000 франков и оплачивает расходы по поездке и пр. Если бы дело шло только о фильме, то, может быть, эти условия были бы приемлемы. Но Херст включает 6 статей, за которые я с него потребовал бы значительно больше той суммы, которую Фокс предлагает за всю операцию в целом. Дать Херсту 6 статей можно было бы только при условии исключительно высокой оплаты, типа "Либерти"³³⁶. Так как Саймон и Шустер в этом деле замешаны, то я вас очень прошу поговорить с ними об этом немедленно, т. е. разъяснить им в дружественном тоне, что любезные американцы достаточно меня дурачили до сих пор, что я заплатил за выучку достаточную сумму, и больше они меня голыми руками не возьмут. Если Херст хочет иметь от меня статьи, то пусть изволит платить доллар за слово.

Вопрос о фильме надо отделить. Здесь я совершенно профан. В принципе предложение Фокса мне кажется заманчивым: дать фирме речь на три минуты и получить за это в обмен зафильмованный доклад значительного масштаба. На такую сделку я пошел бы. Но я не знаю цену. Может быть, зафильмовать получасовой доклад стоит при нынешней технике настолько дешево, что выгоднее отделить одну операцию от другой, т. е. потребовать за трехминутную речь определенный гонорар, а за зафильмованный революционный доклад заплатить особо.

Из Парижа меня очень торопят, так как хотят как можно скорее получить доклад. Я им ответа не дам, пока не получу от вас необходимых сведений.

2. Насчет турне по Америке с лекциями. Я не сомневаюсь, что при данном положении правительство откажет мне в визе, и что было бы поэтому ошибочно поднимать сам вопрос. Мой план таков: возбудить вопрос о допущении меня на три месяца в Америку исключительно для работы в архивах по истории гражданской войны в Соединенных Штатах³³⁷. Меня эта тема давно интересует в

связи с историей гражданской войны в России. Можно будет установить поразительные аналогии, которые потрясут сердца ваших янки. Сообщение о том, что после второго тома "Истории" Троицкий вернется к работе над историей Красной армии и гражданской войны, причем собирается дать широкую аналогию гражданской войны в С[оединенных] Штатах и России, - это сообщение надо по всякому поводу проталкивать в печать. Тут могут помочь Саймон и Шустер. Если второй том будет иметь успех и если нью-йоркская биржа хоть немножко воспрянет духом, а вместе с биржей и "администрация", то осенью можно будет возбудить вопрос о допущении меня на короткий срок для научных работ. Это может удалиться. Вопрос о лекциях можно будет поднять уже во время моего пребывания в Америке. Такой путь может гораздо вернее привести к цели.

3. Что слышно с моей статьей о Сталине? Я не посылаю пока больше статей ввиду неопределенности "сбыта". Пока я не закончил второго тома (еще несколько недель), вопрос не имеет злободневного характера.

4. Вопрос с моей поездкой в Чехословакию до сих пор не решен. В Праге идет большая борьба, исхода которой я терпеливо выжидаю.

5. Я очень рад, что все американские издания так единодушно восторгаются вашим переводом. Лишь один из критиков отметил наличие "русицизмов", но это в моих глазах похвала: нельзя передать язык иностранного автора, не введя в собственный язык оттеночки варваризмов.

Пока я нашел только одну мелкую оплошность. В главе об Исполнительном комитете³³⁸ я сравниваю Авксентьева³³⁹ с учителем словесности женской гимназии в Орле. У вас переведено "учитель языка". Дело идет не о языке, а об изящной словесности, бэль-летр³⁴⁰, - этот оттенок исчезает.

6. Милая Елена Васильевна! Вы спрашивали, не нужно ли мне еще чего по рыболовной части. Мне нужна хорошая леса: знаете, бело-прозрачная шелковая нить для уды. Она бывает разной толщины. По почте посылать не стоит, так как сейчас сезон кончается. А к осеннему сезону вы успеете сами привезти. Пока пишу об этом для памяти: мне нужен будет ассортимент этой нити разной толщины, и в значительном количестве. Подробности со временем.

7. Я уже давно собирался написать вам, что заглавие второго тома кажется мне неудачным. "Триумф пролетариата" - это слишком похоже на коммунистическую прокламацию и, помимо всего прочего, может повредить сбыту книги, особенно в Америке. "Победа советов" или "Торжество советов" ("Триумф советов") гораздо лучше. Можно также "победа большевизма", или, как французы говорят, "Авенъен де большевизм"³⁴¹. Во всех этих случаях дело идет о конкретных для каждого американца исторических образах: советы, большевики. "Триумф пролетариата" - это слишком абстрактно и вместе с тем агитационно и прокламационно. Советую вам обдумать это и поговорить с издателем, пока еще не поздно.

8. А как вы думаете, не согласилась ли бы какая-либо фирма поставить чисто исторический фильм "Падение царизма" ("Февральская революция")? Какое богатое поле для картин, эффектов поучения и умиления! Вряд ли, впрочем, найдется охотник. С точки зрения цензуры Февральская революция неизмеримо

более доступна, чем Октябрьская.

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

[Письмо М.Истмену]342

27 марта 1932 г.

Дорогой друг!

1. Посылаю вам еще две главы. Обе - теоретико-полемиического характера. Дня через два вышлю большую главу "Крестьяне перед Октябрем".

2. Посылаю также небольшую вставку к главе "Предпосылки и силы восстания". Пожалуйста, не потеряйте и включите ее на свое место. Это важная вставка.

3. Вы жалуетесь на то, что последние повествовательные главы не стоят на уровне предшествующего изложения. Я думаю, что вы совершенно правы. Две главы о перевороте писались мною в крайней спешке (сравнительно, разумеется).

Если успею, внесу в них еще дополнения.

Во всяком случае, я дам еще одну большую повествовательную главу, чтобы скруглить изложение. Должен все же признаться, что книга меня сильно утомила. Боюсь, не отразилось бы это на ее конце. Увидим.

4. Кроме перечисленных глав, я еще должен дать теоретическую главу о перманентной революции. Кроме того: Предисловие и Заключение.

5. Стоит ли мне ответить некоторым "принципиальным" критикам первого тома? Особенно гнусная статья - в "Нейшен". Автор выступает просто, как сталинский агент. Ни слова о самой книге. Главное обвинение: почему в книге о революции 1917 года я не говорю о разногласиях с Лениным после 1903 года. Курьез!

6. В Лондон я пишу непосредственно, чтобы они статью о Сталине напечатали у себя независимо от платы. Я им обещал статью давно. Торговаться с ними неудобно.

7. Насчет сотрудничества в периодических американских изданиях я решил подождать, так как неудобно предлагать случайные статьи случайным изданиям, нарываться на отказы и проч[ее]

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

[Письмо болгарским сторонникам]

29.3. [1]932 [г.]

Болгария

Дорогие товарищи!

Сообщение о том, что вы приступаете к изданию еженедельника³⁴³, чрезвычайно обрадовало меня. В условиях нынешнего страшного кризиса и его

необозримых политических последствий на левую оппозицию ложится поистине гигантская ответственность. Трагический опыт Германии показывает, как низко пало руководство Коминтерна. Под грузом непоправимых и не осужденных ошибок прошлого оно уже неспособно сделать ни одного правильного шага. Интересы мировой революции приносятся в жертву скомпрометированному престижу бюрократической клики. Большевики-ленинцы призывают указать пролетарскому авангарду правильный путь. Воспитывать и перевоспитывать марксистские кадры можно только на почве живого опыта, как в национальном, так и в интернациональном масштабе. Еженедельная газета даст вам возможность освещать перед передовыми рабочими Болгарии важнейшие этапы пролетарской борьбы во всем мире. К счастью, уже в большинстве стран с развитым рабочим движением имеются организации левой оппозиции. Чем более тесна будет между ними связь, чем живее будет обмен опытом, тем вернее и скорее левая оппозиция освободит мировой пролетарский авангард от слепого и губительного бюрократического командования.

Идейный и организационный рост левой оппозиции толкает сталинскую бюрократию в борьбе за самосохранение на путь не только все более ожесточенных репрессий, но и все более низкопробного обмана рабочих. Достаточно сослаться на то, что французский орган "Дефанс"³⁴⁴ поместил в одном из последних номеров статью, в которой подробно излагается, будто Троцкий призывал во время германских президентских выборов³⁴⁵ голосовать за Гинденбурга! Куда еще спускаться после этого? Революционный марксизм всегда гордился тем, что он рабочему классу говорит правду. Сталинская бюрократия уже не может шагу ступить без лжи, причем ложь эта становится все более грубой, нелепой, чудовищной. К таким приемам может прибегать лишь клика, осужденная историей и проматывающая остатки своего политического капитала.

Выход в свет вашего еженедельника встретит радостное сочувствие всех секций и групп международной "левой" оппозиции. Вы можете твердо рассчитывать на дружественную поддержку большевиков-ленинцев во всех странах.

Ваш Л.Троцкий

[Письмо М.Парижанину]

31.III.[1]932 [г.]

Парижанину

Надо условиться, что понимать под именем пролетарской литературы. Произведения из жизни рабочего класса составляют известную часть буржуазной литературы. Достаточно вспомнить "Жерминаль"³⁴⁶. Дело не меняется и в том случае, если такие произведения проникнуты социалистическими тенденциями и если авторами их являются выходцы из среды рабочего класса. Те, кто говорит о пролетарской литературе, противопоставляя ее буржуазной литературе, имеют, очевидно, в виду не отдельные произведения, а целую систему художественного творчества, составляющую элемент новой, "пролетарской" культуры. Это

предполагает, что пролетариат способен в капиталистическом обществе создать новую пролетарскую культуру и новую пролетарскую литературу. Без грандиозного культурного подъема пролетариата нельзя говорить о пролетарской культуре и литературе, ибо культуру в последнем счете создают массы, а не одиночки. Если бы, однако, капитализм открывал пролетариату такие возможности, то он не был бы капитализмом, и его незачем было бы низвергать.

Рисовать картину новой, пролетарской культуры в рамках капитализма значит быть утопическим реформистом, т. е. считать, что капитализм открывает перспективы безграничного совершенствования.

Задача пролетариата состоит не в том, чтобы создать новую культуру в капитализме, а в том, чтобы опрокинуть капитализм для новой культуры. Разумеется, отдельные художественные произведения могут способствовать революционному движению пролетариата. талантливые рабочие могут выдвигаться в разряд выдающихся писателей. Но отсюда до "пролетарской литературы" еще очень далеко.

В условиях капитализма основной задачей пролетариата является революционная борьба за власть. После завоевания власти задачей является построение социалистического общества и социалистической культуры. Я помню короткую беседу с Лениным (одну из последних) на эти темы. Ленин настаивал, чтобы я выступил [...]347 против Бухарина и других теоретиков "пролетарской культуры". В беседе он употребил примерно такую фразу: "Поскольку пролетарская, постольку еще не культура. Поскольку культура, постольку уже не пролетарская". Мысль совершенно ясна: чем выше пролетариат, завоевавший власть, поднимает свою собственную культуру, тем более она перестает быть пролетарской культурой, растворяясь в социалистической.

В СССР создание пролетарской литературы провозглашено официальной задачей. С другой стороны, нам говорят, что СССР в течение ближайшей пятилетки превратится в бесклассовое общество. Но в бесклассовом обществе может быть, очевидно, бесклассовая, а не пролетарская литературы. Здесь явно концы не сведены с концами.

Переходному режиму СССР отвечает до известной степени руководящая роль "попутчиков"³⁴⁸ в литературе. Перевес попутчиков облегчается еще тем, что бюрократический режим удушает самостоятельные творческие тенденции пролетариата. За образцы пролетарской литературы выдаются произведения менее даровитых попутчиков, отличающихся гибкостью спины. Среди попутчиков есть ряд подлинных талантов, хотя и не без червоточины. Единственным же талантом Серафимовичей³⁴⁹ является талант мимикрии.

Ликвидация грубой механической опеки сталинской бюрократии над всеми видами духовного творчества является необходимым условием повышения литературного и культурного уровня пролетарского молодняка в СССР, на путях к социалистической культуре.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Парижанину]

Товарищу Парижанину

Во избежание недоразумений я хотел бы в вопросе о пролетарской литературе и культуре подчеркнуть один момент, в сущности само собой разумеющийся для каждого марксиста, но тщательно затемняемый сталинской и иной бюрократией. И при капиталистическом режиме мы должны, конечно, делать все для повышения культурного уровня рабочих масс. Сюда относится, в частности, и забота об их литературном уровне. Пролетарская партия должна с чрезвычайным вниманием относиться к художественным запросам рабочей молодежи, поддерживая и направляя их. Создание кружков начинающих рабочих писателей может при правильном отношении к делу дать вполне благотворные результаты. Но как ни важна эта область работы, она все же неизбежно останется заключенной в узкие пределы. Новая литература и новая культура не могут быть созданы одиночками, выходящими из угнетенного класса: они могут быть созданы лишь всем классом, всем народом, освободившимся от угнетения. Нарушение исторических пропорций, т. е. в данном случае переоценка возможностей пролетарской культуры и пролетарской литературы, ведет к перенесению внимания с революционных задач на культурнические, отрывает молодых рабочих писателей или "кандидатов" в писатели от "собственного класса", разлагает их морально, превращает их слишком часто во второстепенных подражателей с претензиями мнимой избранности. Против этого и только против этого надо вести, на мой взгляд, непримиримую борьбу.

Л. Троцкий

Принкипо, 2 апреля 1932 [г.]

[Письмо М.Истмену]350

5 апреля 1932 г.

Дорогой друг!

Я сейчас не имею, к сожалению, ни малейшей возможности отвлекаться от второго тома. Немецкий издатель хочет выпустить его как можно скорее, еще в течение весны. Политическая обстановка в Германии настоятельно требует этого. Я работаю над последними главами, не отрываясь.

Поэтому я не могу вам дать сколько-нибудь серьезно разработанной канвы для вашей статьи для "Либерти". Могу лишь наспех напомнить несколько фактов, которые, впрочем, вам, вероятно, и без того известны, особенно если вы заглядывали в книгу "Сталинская школа фальсификации", издательство "Гранит", Берлин, 1932. Надеюсь, что вы ее в свое время получили.

Вопрос о политике по отношению к специалистам, прежде всего военным, был впервые поднят мною при формировании Красной армии. Мне пришлось выдерживать большую борьбу в ЦК. Ленин поддержал меня только после первых побед (взятие Казани)351.

Первая пятилетка была применена на железных дорогах в 1920-[19]21 [г]г., когда я был наркомпутем352. Отзывы Ленина и Дзержинского напечатаны.

Борьба за плановое начало вам известна, как и признание Ленина, что в основном я был в этом вопросе прав (см. Письмо в Истпарт)³⁵³.

На XII-м съезде партии в феврале 1923 г., когда Ленин был уже болен, я сформулировал принципы социалистического планового хозяйства и провел на съезде первую программную резолюцию на эту тему. Растерянное Политбюро не заняло в этом вопросе позицию. Но вскоре после съезда началась бешеная борьба против планового начала: "Мы зависим от дождика, а не от плана". Это длилось, в сущности, до 1927 года. Только с этого времени начали работать над пятилеткой, необходимость которой я выдвигал практически с 1921 года (железные дороги), а теоретически с 1922 года.

Борьба оппозиции за индустриализацию связана с теми же датами. Борьба за коллективизацию развернута была нами более систематически с 1926 года.

История борьбы за пятилетку, за правильные коэффициенты роста, изложена в разных статьях русского "Бюллетеня оппозиции". Елена Васильевна вам может это без труда найти.

Циркулярными письмами в Россию я предупреждал против чрезмерного заскока сплошной коллективизации за несколько месяцев до того, как Сталин написал свое письмо "Головокружение от успехов". Приостановка сплошной коллективизации явилась в такой же мере результатом отпора снизу, как и нашей критики.

Нарушение пропорций между тяжелой и легкой промышленностью в ущерб легкой, т. е. в ущерб потреблению масс, составляло предмет многочисленных наших предупреждений. Последняя административная реформа: создание комиссариата легкой промышленности - явилась переводом мысли оппозиции на язык административного аппарата.

В области мировой политики можно было бы привести никак не меньшее число примеров, но вряд ли они подойдут для "Либерти". Вопрос о новой роли Америки после войны, о посадке Европы на паек никак не входил в сознание Политбюро. Лозунг Соединенных Штатов Европы в 1923 году был принят, затем был отвергнут, что политически разоружило Коминтерн в центральном вопросе европейской политики. Теория "третьего периода" была постепенно и воровато ликвидирована под ударами нашей критики. Опыт китайской революции, опыт Англии в 1926 году, проблема фашизма и социал-фашизма³⁵⁴ и пр., и пр., и пр.

Я очень жалею, что не могу сейчас уделить этому вопросу больше времени.

Об интервью для "Либерти". Я уже писал Саймону и Шустеру, что больше не буду давать интервью, так как это у меня отнимает много времени. Американские газетчики считают, очевидно, что я знатный иностранец, которому нужна трибуна для пророчествования. Они ошибаются. Я - журналист, и если им нужны мои статьи, пускай обращаются ко мне. Я готов ответить на вопросы "Либерти" лишь в том случае, если они будут рассматривать мои ответы как статью, и, следовательно, соответственным образом оплатят ее. Они же должны оплатить и перевод. В случае получения вопросов от "Либерти" я не буду отвечать, пока не получу от них телеграфного подтверждения, что они будут рассматривать ответы как статью.

Посылаю вам сегодня главу о крестьянстве. Я очень рад, что вам понравилась национальная глава. Сейчас я работаю над повествовательной главой, которая должна завершить книгу, как вы совершенно правильно указываете.

Крепко жму руку.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

Только что получил чрезвычайно интересное письмо из Москвы через Берлин. Посылаю вам копию той его части, которая представит для вас большой интерес и которую вы немедленно сможете использовать для американской печати, прежде всего, для вашей статьи в "Либерти". За достоверность письма можете взять на себя полную ответственность.

Одновременно с этим прилагаю свое "Открытое письмо ЦИКу", хотя думаю, что оно уже дошло до вас и без того. Эти два документа (московская корреспонденция и мое "открытое письмо") придадут вашей статье полную актуальность. Если же статья будет достаточна и без этих документов, то вы можете их использовать отдельно, развернув, комментировав и литературно "размазав" содержание московской корреспонденции. Разумеется, надо принять все меры к тому, чтоб она не казалась направленной против Советского Союза, а исключительно против Сталина и его клики. В этом отношении вам может пригодиться моя последняя брошюра "Немецкая революция и сталинская бюрократия"355, особенно глава "Противоречие между экономическими успехами СССР и бюрократизацией режима".

[Л.Д.Троцкий]

Интернациональному Секретариату

6 мая 1932 г.

Уважаемые товарищи!

Прилагаю для вашей информации два письма, полученные от группы Ландау. Первое письмо требует, чтобы с моих немецких брошюр снято было объявление о "Перманентной революции"356; при этом условии группа Ландау великодушно берется их распространять. С группой "Перманентной революции" эти господа не могут, видите ли, объединяться ввиду ее оппортунизма: "Ленин учил непримиримости" и пр.

Предложение имело настолько нелепый характер, что я на него, разумеется, не ответил. Спустя некоторое время я получил от той же группы второе письмо, в котором предлагается уже "блок" организаций левой оппозиции. Для создания "блока" предлагается конференция в Берлине: нам предоставляется назначить для этой конференции двух представителей; группа Ландау назначит двух со своей стороны.

Хотя мы достаточно хорошо знаем из двухлетней практики эту безыдейную и интриганскую группу, все же предложения ее не могут не вызывать изумления. Сперва они заявляют, что наша организация оппортунистична, и поэтому они не могут с ней работать. Не получив ответа, они предлагают блок с

оппортунистической организацией.

Что они понимают под "блоком", им, конечно, самим неясно. "Блок" можно заключить для каких-либо определенных практических действий. Они же имеют в виду не временный блок, а постоянную федерацию. Строить работу на принципе федерации - если бы дело даже шло о серьезной группе! - противоречит азбуке демократического централизма. По каждому вопросу договариваться с группой Ландау, как с великой державой! Если для совместной работы есть общая почва, то надо говорить об объединении. Однако же опыт совместной работы показал, что общей почвы нет. Несмотря на наше слишком терпеливое отношение к этим политически и морально разложившимся элементам, они сами поняли, что им не место в наших рядах. Теперь, убедившись, что наша организация растет, а они остаются в стороне бессильной группой, эти господа предлагают "блок", т. е. федерацию интернациональной левой оппозиции с их "направлением". Другими словами, они хотят, чтобы мы согласились присоединить к нашей организации аппарат деморализации и саботажа.

Я, разумеется, не ответил и не собираюсь отвечать им. Левая оппозиция не заслуживала бы никакого внимания, если бы она не училась на собственном опыте проверять группы и людей не на основании дешевых формул, а на основании действительной их работы. Не сомневаюсь, что в рядах интернациональной левой оппозиции ни один серьезный революционер не подаст голоса за то, чтоб вступать в какие бы то ни было переговоры с обанкротившимися мелкими интриганами. Но так как у нас есть новые секции, мало знакомые с прошлым, то, может быть, не бесполезно было бы разослать для информации всем секциям копии писем Ландау и мое настоящее письмо.

Л.Троцкий

Принкипо

Редакции еврейской газеты "Наша Борьба"357 (Орган Коммунистической Лиги С[оединенных] Ш[татов])

Дорогие товарищи!

Возникновение вашей газеты явилось само по себе уже важным шагом вперед. Первые успехи газеты подтверждают, что она нужна. Да и можно ли было хоть на минуту сомневаться в этом?

Еврейские рабочие составляют в С[оединенных] Ш[татах] крупную и важную часть всего пролетариата страны. Исторические условия сделали еврейских рабочих восприимчивыми к идеям научного коммунизма. Самый факт рассеяния еврейских рабочих в ряде стран должен внушать и внушает им идеи интернационализма. Уже ввиду этого одного левая коммунистическая оппозиция имеет все основания рассчитывать на большое влияние в среде еврейских пролетариев в С[оединенных] Ш[татах].

Что характеризует прежде всего левую оппозицию, это ее глубоко интернациональный характер. Именно поэтому она должна говорить на всех национальных языках. Существование самостоятельного еврейского издания

служит не для того, чтобы обособить еврейских рабочих, а, наоборот, чтобы сделать им доступными те идеи, которые связывают всех рабочих в одну интернациональную революционную семью. Вы, разумеется, решительно и непримиримо отвергаете старый бундовский принцип федерации национальных организаций. Мы стоим полностью на почве демократического централизма. Завоеванные вашей газетой еврейские рабочие должны бороться в общих рядах коммунистической Лиги и массовых организаций американского пролетариата.

По мере того, как ваше издание будет развиваться и крепнуть, оно может получить значение и за пределами С[оединенных] Ш[татов]: в Канаде, в Южной Америке, в Европе и в Палестине. В экономическом и правовом смысле еврейские рабочие составляют слабое звено пролетариата. Политика бюрократизированного Коминтерна пагубнее всего отражается как раз на наиболее угнетенных и бесправных частях пролетариата: в Польше, во Франции, по-видимому, и в Палестине. Рабочий класс не может идти к своему освобождению по команде. Революционное мужество и политическая воля могут укрепляться только при помощи творческих идей, которые рабочие должны самостоятельно усиливать путем критики, обсуждений и проверки на опыте. Без этого неизбежно высыхают самые источники движения. И мы, действительно, видим, как крупнейшие национальные секции Коминтерна, несмотря на исключительно благоприятные условия, терпят поражения за поражениями.

Рабочие способны преодолеть самые тяжкие политические удары, если они имеют возможность продумать причину неудачи и самостоятельно извлечь из нее все необходимые выводы для будущего. Но проклятие состоит в том, что бюрократия Коминтерна не только не способна вести рабочих к победам, но и не может позволить им обдумать причины поражений. После каждого нового удара врагов центристская бюрократия, со своей стороны, бьет рабочих по черепу, запрещая им думать, критиковать и учиться. Этот преступный режим становится главным источником разочарования и апатии. Первыми жертвами ударов, как со стороны классового врага, так и со стороны центристской бюрократии, падают, как уже сказано, наиболее слабые звенья рабочего класса.

Ваша газета является органом Коммунистической лиги. Ее непосредственная задача - собирать еврейских рабочих в С[оединенных] Ш[татах] Америки под знамя Маркса и Ленина. Чем успешнее будет выполняться эта работа, тем скорее она поднимется на интернациональную высоту, тем больше идеи левой оппозиции будут проникать в среду еврейских рабочих Старого света, в том числе и СССР.

От всей души приветствую ваше издание и постараюсь быть полезным вашей работе всем, чем смогу.

Ваш Л. Троцкий

9.V/1932 [г.]

В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СЕКРЕТАРИАТ

Дорогие товарищи!

Некоторые из секций снова поднимают вопрос об интернациональной конференции. Несомненно, что созыв конференции чрезвычайно запоздал по сравнению с первоначальными общими нашими предположениями. Причины этого двоякого рода: общие, лежащие в условиях мирового рабочего движения, и частные, лежащие в условиях развития самой левой оппозиции.

Несмотря на исключительно благоприятные объективные условия, коммунизм во всем мире терпит поражения и отстывает. Этот факт неизбежно захватывает на данной стадии, в той или другой степени, и левую оппозицию, в которой рабочие массы видят только часть коммунизма. В этом процессе наступит неизбежно свой критический момент поворота в сторону левой оппозиции, но сегодня он еще не наступил.

Что касается самой левой оппозиции, то ряды ее с самого начала были засорены элементами, совершенно чуждыми нашим идеям и методам. Никто не причинил и не причиняет оппозиции столько вреда, сколько субъекты типа Паза, Горкина, Ландау и пр. Не все они, к сожалению, еще удалены из наших рядов. Очищение от них является необходимым предварительным условием для самой возможности созыва международной конференции.

Надо отдать себе заранее совершенно ясный отчет в том, чего можно требовать от международной конференции и что она сможет дать. Мертвым и полумертвым группкам или отдельным деморализованным элементам типа Ландау международная конференция представляется ареной, где они смогут заниматься личными комбинациями, интригами, вообще, имитировать политическую активность. Было бы самоубийственной глупостью предоставить им такую возможность.

Иногда, однако, и вполне честные сторонники левой оппозиции мечтают о такой интернациональной конференции, на которую должны получить доступ все без исключения группы, которые считают или объявляют себя стоящими на почве идей левой оппозиции. Этому ошибочному взгляду надо дать решительный отпор.

Только политические младенцы могут думать, что конференция сама по себе может что-то принципиально новое создать или, наоборот, сделать бывшее небывшим. На самом деле конференция может только записать и закрепить то, что уже фактически проведено и завоевано опытом. В этом и только в этом значение конференции. Требовать от нее большего значило бы сеять организационные суеверия.

Ни одна серьезная секция, ни один серьезный революционер на конференцию, построенную по образцу Ноева ковчега³⁵⁸, не пойдет, ибо это значило бы отбрасывать развитие левой оппозиции по меньшей мере на два года назад. Политический характер отдельных организаций и отдельных лиц узнается и проверяется не на конференциях, а в повседневной работе, в течение месяцев и лет. Кто не знает прошлого группы Ландау, австрийской группы "Манруф", греческой группы "Спартакос"³⁵⁹, парижской группы Росмера и пр., тому конференция ничего не даст. А те национальные секции, которые, на основе долгого и дорого оплаченного опыта, порвали с названными выше и им подобными группами, не пойдут, разумеется, на общую с ними конференцию.

Нам нужна конференция действительных единомышленников, т. е. таких секций, солидарность которых во всех основных вопросах проверена опытом совместной борьбы. Конференция должна исходить из уже произведенного размежевания и очищения рядов левой оппозиции, а не начинать историю сначала.

Кто-нибудь может, пожалуй, возразить: но есть группы, которые не участвовали в предшествующей идейной борьбе, не следили за ней и не выработали себе мнения: как же быть с ними? Совершенно верно. Такие группы есть. Чаще всего именно они и выдвигают идею о созыве "универсальной" конференции, которая-де все разберет и все приведет в порядок. Такого рода группам можно подать только один совет: изучить на основании документов старые спорные вопросы, уже разрешенные левой оппозицией, и выработать по этим вопросам свое коллективное мнение. Другого пути быть не может.

Интернациональная конференция вообще может иметь значение лишь в том случае, если делегаты будут выражать не свое только личное мнение, а будут представлять мнение своих организаций. Но если эти последние не обсуждали спорных вопросов в рядах интернациональной левой, какое значение может иметь случайное голосование делегатов на конференции?

Каждая организация и группа, которая хочет принадлежать к интернациональной левой, обязана не только следить за внутренней борьбой в других секциях, но и открыто сделать свой выбор между основными секциями интернациональной левой и теми группами, которые оказались вынуждены порвать с большевиками-ленинцами или были извергнуты из их среды.

Австрийская оппозиция (группа Фрея) вышла из рядов интернациональной оппозиции около полутора года тому назад, ссылаясь на неправильные организационные методы интернациональной левой. На самом деле группа Фрея не желала терпеть критического отношения к своим собственным методам, во многом ошибочным. После длительного пребывания вне рядов интернациональной левой группа Фрея обратилась в Секретариат с просьбой о новом допущении ее в наши ряды. Значит ли это, что австрийская оппозиция отказалась от своих ошибочных методов? Будем надеяться, что именно так. Во всяком случае, мы не имеем права отказаться проделать опыт нового сотрудничества с австрийской оппозицией с самым искренним намерением добиться полного единения.

Аналогичным образом надо поступать и по отношению ко всякой другой группе, которая, хотя и считает себя солидарной с левой оппозицией, но на практике вступает в конфликт с основными организациями левой оппозиции, с ее принципами и методами и по существу очень мало дорожит своей принадлежностью к нашей интернациональной организации. В сто раз лучше предоставить такую группу временно самой себе, чем позволить ей влиять на решения левой оппозиции и тормозить ее развитие. Для группы, которая поднимется и разовьется до солидарности с нашей фракцией, ворота всегда будут открыты.

Во Франции борьба шла по трем вопросам: а) одна или две партии (вторая партия выступала нередко под псевдонимом "независимой" (?) фракции); б) отношений между партией и синдикатами; в) отношений между национальными

секциями и интернациональной организацией. По этим основным вопросам, а вовсе не по "личным" мотивам произошел откол группы Навилля-Росмера. Сам Навилль предпочел, правда, остаться внутри Лиги, но это нисколько не меняет характера его группы, как принципиально враждебной левой оппозиции.

В бельгийской секции внутренняя борьба шла по вопросу об отношении к партии, Коминтерну, Советскому Союзу, с одной стороны, к массовым организациям -- с другой. Долго не встречая интернациональной поддержки, рабочая организация в Шарлеруа проявила замечательную выдержку и настойчивость в борьбе против группы Оверстратена, которая компрометировала дело левой оппозиции. Неужели же кто-нибудь предложит вернуться к Оверстратену? Между тем течение Росмера-Навилля представляет, лишь в слегка разжиженном виде, идеи и методы Оверстратена.

Группа Ландау представляет собою разложившиеся отбросы фракционной борьбы без какой бы то ни было принципиальной почвы под ногами. В Австрии группа "Манруф" в течение нескольких месяцев переменяла несколько принципиально различных платформ. Берлинская группа Ландау находится в блоке с полусиндикалистской группой Росмера в Париже, хотя сама к синдикализму не имеет никакого отношения. Кто в рядах интернациональной левой не знаком с историей группы Ландау-"Манруф", того правление каждой национальной секции обязано познакомить, по крайней мере, с основными документами этого вопроса. Каждый серьезный рабочий без труда поймет, что с такими элементами, как Ландау и К, у нас не может быть ничего общего.

По всем данным, греческая группа "Спартакос" принадлежит к той же категории, что и группа Ландау. Развитие левой оппозиции в Греции совершается через фракцию "архиво-марксистов".

Итальянская группа "Прометео" оставалась и остается внутри интернациональной левой в качестве инородного тела. Группа "Прометео" связана своей внутренней дисциплиной по отношению к интернациональной левой, не допуская в своих рядах пропаганды тех взглядов, которые являются для нас основными. В период борьбы с правоцентристским блоком, когда главным боевым вопросом являлась самостоятельность организации в политике коммунизма (Гоминьдан, Англо-советский комитет, рабоче-крестьянские партии и пр.), бордигистов многое сближало с нами: ультралевые часто оказываются на стороне марксизма в его борьбе с реформистами. Но в период, когда бюрократический централизм вступил в ультралевый зигзаг, бордигисты фактически оказались гораздо ближе к сталинцам, чем к нам. В "Бюллетенях" новой итальянской оппозиции, в органе французской секции "Ля Лютт де Клясс" (статья тов. Сюзю), в интернациональном "Бюллетене", наконец, в изданиях самих бордигистов имеется достаточное число документов и статей, чтобы показать с полной несомненностью, что бордигисты ничего не забыли, ничему не научились и по основным своим взглядам не принадлежат к интернациональной левой. Участие их в интернациональной конференции означало бы возрождение бесконечных споров на тему о том, нужно ли или не нужно проводить политику единого фронта в отношении социал-демократии, и вообще [по] политическим

вопросам. Нужно или не нужно в фашистской Италии, не говоря уже об Индии и Китае, мобилизовать массы также и под лозунгами демократии? Споры на эту тему означали бы возвращение оппозиции в пригрозительный класс и превратили бы интернациональную конференцию в компрометирующую нас карикатуру.

Ввиду вышеизложенного я позволю себе поставить на голосование всех секций нижеследующие пункты:

1. Интернациональная левая оппозиция стоит на основе решений первых четырех конгрессов Коминтерна; в частности и в особенности, она считает безусловно правильной политику единого фронта, как ее формулировали III и IV конгрессы Коминтерна, и категорически отклоняет в корне ошибочные взгляды группы "Прометео" в этом вопросе, как и в вопросе о борьбе за демократические лозунги в конкретных исторических условиях.

2. В интернациональной конференции могут принимать участие только те секции, которые участвовали в жизни и работе интернациональной левой не менее года и солидарность которых с интернациональной левой проверена на совместной работе.

3. По всем вопросам, касающимся подготовки интернациональной конференции, необходимо не только решение правлений (центральных комитетов) национальных секций, но и всех без исключения членов организаций. С этой целью главные документы должны быть своевременно переведены на национальные языки и обсуждены всеми ячейками каждой национальной секции. Цифры голосований должны быть своевременно доведены до сведения интернационального секретариата.

Г.Гуров

20 мая 1932 г.

[Письмо А.Вейсборду]

Тов. Вейсборд!

Ваша организация делегировала вас по собственной инициативе для обмена мнениями по вопросам, отделяющим вас от американской Лиги, которая является секцией интернациональной левой оппозиции (большевики-ленинцы). В течение нескольких совещаний вы подробно изложили взгляды вашей организации на основные спорные вопросы. Вы настаиваете на том, чтобы свои выводы из бесед с вами я изложил письменно. В нижеследующих строках я попытаюсь это сделать, отнюдь не претендуя исчерпать поднятые вами вопросы.

1. Важнейшим я склонен считать вопрос о "лейбор партии"³⁶⁰. Здесь дело идет об основном инструменте пролетарской революции. Всякая неясность или двусмысленность в этом вопросе гибельна. Развитые вами соображения в защиту лозунга лейбор партии я подверг критике в отдельном документе, который я вам вручил. Здесь я считаю необходимым прибавить лишь несколько слов.

В вопросе о лейбор партии ваша организация очень близка к организации Ловстона, заведомо оппортунистической. Группа Ловстона последовательна в своем отрицании самостоятельной исторической роли коммунистической партии.

Эта группа до сих пор одобряет политику Коминтерна в отношении Гоминьдана и британских трэд-юнионов, т. е. принципиальную капитуляцию коммунизма в одном случае перед буржуазией, в другом - перед лейтенантами буржуазии в рабочем классе.

Ваша группа, насколько я знаю, осуждает политику сталинцев в Китае и Великобритании, но в то же время принимает лозунг лейбор партии. Это значит: занимая или пытаясь занять марксистскую позицию по отношению к прошлому в других странах, вы занимаете оппортунистическую позицию по отношению к будущему в вашей собственной стране. Я считаю, что без радикального пересмотра позиции в центральном вопросе о партии не может быть действительного сближения между вашей организацией и интернациональной левой.

2. Ваша группа отвергала до сих пор принятое нами определение международной сталинской фракции как бюрократического центризма. Вы исходите из того, что именем центризма можно называть лишь те группировки, которые занимают место между официальным лагерем реформизма (социал-демократии) и официальным лагерем коммунизма. Под этим чисто формальным, схематическим, недialeктическим пониманием центризма скрывается на самом деле неясность политической позиции вашей собственной группы. Вы стараетесь стереть различие между официальной партией, правой фракцией (группа Ловстона) и даже американской Лигой: это облегчает вам возможность оставаться на эклектической позиции и отстаивать ваше право на блок с группой Ловстона.

Что группа Ловстона не представляет собою чисто реформистской организации, это бесспорно, но вопрос - в тенденции и в политической орбите. Группа Ловстона представляет собою разновидность правого центризма, эволюционирующего от коммунизма к социал-демократии. Немецкая САП, оторвавшаяся от социал-демократии, заключает в себе более прогрессивные тенденции, чем брандлерианцы, хотя по теоретическим формулировкам эти последние как будто ближе к ним. Статически группа Ловстона, немецкие брандлерианцы, как и САП, представляют собою разновидности правого центризма. Но динамически они отличаются друг от друга, а решает динамика.

Разумеется, в ряде вопросов группа Ловстона занимает более правильную позицию, чем официальная партия, но заключать с группой Ловстона блок, значило бы повышать ее общий авторитет и тем помогать ей выполнять ее реакционную историческую миссию.

Я не останавливаюсь здесь подробнее на вопросе о центризме, и позволяю себе отослать вас к моей последней книжке, которая должна вскоре появиться в Америке³⁶¹.

Без ясности в этом важнейшем вопросе не может быть, на мой взгляд, сближения между вашей фракцией и интернациональной левой.

3. Ваша критика американской Лиги исходит в значительной мере из неправильных предпосылок (важнейшие из них указаны выше). В то же время вы придаете вашей критике такой громадный, преувеличенный и заумный характер, который заставляет видеть в вас не идейный оттенок в лагере левой оппозиции,

а ее противников, если не прямых врагов.

На основании критериев, отчасти ложных, отчасти недостаточных и произвольных, вы отрицаете, как сказано, наличие принципиального различия между американской Лигой, группой Ловстона и официальной партией. Этим вы провозглашаете не только то, что руководство Лиги стоит на оппортунистической позиции, но и то, что интернациональная левая в целом совершенно не способна отличить марксизм от оппортунизма в самых основных вопросах. Можете ли вы удивляться после этого, если большевики-ленинцы спрашивают себя, что может связывать вашу группу с интернациональной левой?

4. Вы с особенной энергией настаиваете на необходимости активного участия левой оппозиции в целом и каждого оппозиционера в отдельности в движении и борьбе рабочих масс. Будучи на данной стадии в большинстве стран организацией по преимуществу пропагандистской, левая оппозиция пропаганду свою строит, однако, не сектантски, а марксистски, т. е. на основе участия во всей жизни пролетариата. Я не допускаю, чтобы кто-либо из руководителей или членов американской Лиги отрицал этот принцип. Вопрос здесь в значительной мере сводится к реальным возможностям, в число которых надо включить, разумеется, и умение, опыт, инициативу.

Допустим на минуту, что американская Лига упускает те или другие возможности массовой работы. Я готов допустить, что ваша группа могла бы дополнить в этом отношении работу американской Лиги. Но работа в массах должна совершаться на почве определенных принципов и методов. До тех пор, пока в ряде основных вопросов не достигнуто необходимое единодушие, споры о "массовой работе" по необходимости останутся безжизненными.

5. Выше я назвал позицию вашей группы эклектической. Этим я вовсе не хотел выразить какое-нибудь огульное осуждение, исключающее возможность дальнейшего сближения. Вопрос и здесь решается динамикой. Вам необходимо открыто, ясно и внимательно пересмотреть ваш багаж и постараться при этом вскрыть не только ваши явные политические ошибки, но также исторические и принципиальные корни этих ошибок. Я потому с такой горячей похвалой отозвался о тезисах второй конференции американской Лиги по поводу [о] лейбор партии, что в этих тезисах не только занята правильная позиция по существу вопроса, но и дана открытая и мужественная критика собственного прошлого. Только таким путем революционное течение может серьезно застраховать себя от плачевных рецидивов.

6. Ваша группа выдвигала лозунг интернациональной конференции с участием всех организаций и групп, причисляющих себя к левой. Этот путь представляется мне в корне ложным. Интернациональная левая существует не первый день. В борьбе за свои идеи и методы она очищала свои ряды от чужеродных элементов. Интернациональная конференция может и должна исходить из уже проделанной идеологической работы, закрепить ее результаты, систематизировать их. Встать на тот путь, который предлагала ваша группа, значило бы поставить крест на прошлом и вернуться в состояние первобытного хаоса. Об этом не может быть и речи.

Международная левая оппозиция не есть механическая сумма шатающихся групп, а интернациональная фракция, воздвигаемая на гранитной основе принципов марксизма. Сближения и слияния с международной левой нельзя достигнуть путем организационных манипуляций или авантюристских комбинаций, типа Ландау. Я был очень рад услышать от вас, что ваша группа с Ландау и его методами не имеет ничего общего. Именно поэтому необходимо раз навсегда отказаться от мысли превратить интернациональную левую в Ноев ковчег. Надо выбрать другой путь, менее скоропалительный, но более серьезный и надежный.

Прежде всего вы должны ясно отдать себе отчет в том, что путь к интернациональной левой ведет через американскую Лигу: другого пути не может быть. Объединение с американской Лигой возможно только на основе единства принципов и методов, теоретически сформулированных и проверенных на опыте.

Самым лучшим было бы, на мой личный взгляд, если бы вы посвятили ближайшие номера вашего органа критическому пересмотру вашего идейного багажа, в особенности в отношении спорных вопросов. Только характер этого пересмотра (прежде всего, конечно, его содержание, но отчасти и его форма) может показать, в какой мере действительно назрели практические шаги в сторону объединения.

Важнейшие выдержки из ваших статей могли бы быть напечатаны в интернациональном "Бюллетене", в качестве информационного материала. Вопрос, конечно, будет решаться американской Лигой. Но все наши секции хотят быть в курсе дела. Ни одна из них не потребует от американской Лиги каких-либо принципиальных уступок. Все они окажут, конечно, полное содействие делу сближения и слияния, если подтвердится наличие общей принципиальной основы.

Незачем говорить, что я буду очень рад, если ваша поездка сюда и наши объяснения окажут содействие переходу вашей группы в лагерь большевиков-ленинцев.

Л. Троцкий

22 мая 1932 [г.]

[Письмо Натану]

23 мая 1932 [г.]

Натан

Дорогой товарищ!

Спешная работа и целый ряд побочных обстоятельств помешали мне на этот раз немедленно ответить на ваше письмо от 14 апреля. В промежутке я послал вам несколько номеров еврейской газеты, издающейся американской Лигой (организацией левой оппозиции). Сегодня посылаю вам последние номера. Может быть, для вас представит интерес связаться с редакцией непосредственно. Буду очень рад узнать ваше мнение и мнение других палестинских товарищей об этой газете: я, к сожалению, лишен возможности составить себе самостоятельное мнение.

Вы спрашиваете о моем отношении к политике советского правительства в еврейском вопросе. В таком общем виде мне очень трудно ответить на этот вопрос, так как в еврейской политике, как и во всякой другой, пересекаются самые разнородные элементы: общие методы рабочего государства, зигзаги и половинчатость в центристской фракции, ужасающий бюрократизм и пр. Вам следовало бы просто сформулировать вашу оценку как можно конкретнее, так как весьма возможно, что именно в этой области я упустил многое, на что вы обратили внимание. Во всяком случае, я бы хотел, чтобы вы сформулировали более конкретно ваш вопрос.

В рамках общего загнивания капитализма происходят и будут еще происходить очень сложные и противоречивые процессы как экономического, так и политического характера. Я не знаю, имели ли вы случай ознакомиться с полемикой между Лениным и Бухариным при выработке программы партии

(1918-1919 годы)³⁶². Бухарин стоял на том, что раз наступила эпоха империализма и социальной революции, то лозунг должен быть один: диктатура пролетариата. На этой приблизительно позиции стоит сейчас итальянская группа "Прометео" (бордигисты). Ленин же доказывал, что империализм есть завершение и увенчание экономического процесса, который живет сегодня перед нами в разных странах, и даже в одной и той же стране в лице разных своих стадий. В последнем счете разрешение всех проблем сводится к диктатуре пролетариата. Именно поэтому не может быть другой концепции для нашей эпохи, как теория перманентной революции. Но путь к диктатуре пролетариата имеет в разных странах разные исходные позиции и разные этапы. В связи с этим приобретает большое значение вопрос о демократических лозунгах. Случайно я сегодня наткнулся на написанное мною полтора года тому назад письмо по вопросу о демократических лозунгах³⁶³. Прилагаю его при сем. Может быть, вы найдете в нем косвенный ответ на тот вопрос, который вы ставите мне в вашем письме.

Испанская оппозиция насчитывает свыше тысячи членов. Издает теоретический ежемесячник и политический еженедельник. Оппозиция могла бы быть гораздо сильнее, если бы в начале революции было сколько-нибудь серьезное ядро. Но начинать там приходилось отдельным лицам почти на пустом месте, при этом немало было сделано ошибок. О силе официальной партии затрудняюсь сказать. Советская печать называла чуть ли не десять тысяч членов. Более критические голоса говорят о двух-трех тысячах.

Я поручу товарищам в Берлине выслать вам последнюю мою брошюру

"Немецкая революция и сталинская бюрократия" на русском языке (брошюра вышла также на других языках).

Письма можете писать по адресу:³⁶⁴

Ограничиваюсь пока этими строками. Надеюсь на то, что переписка на этом не оборвется.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Клингу]

23 мая 1932 [г.]

Дорогой товарищ Клинг!

Я оказался на этот раз неаккуратен по отношению к вам, в чем извиняюсь.

У меня накопилось за последние недели много неотложной работы, я оказался вынужден сильно запустить корреспонденцию.

Во всяком случае, я успел за это время послать в "Унзер Камф" небольшое приветственное письмо. Надеюсь, что оно было получено.

Один экземпляр всех дошедших до меня номеров газеты я переслал в Палестину группе "Поалей Цион", один из членов их центрального комитета, подписывающийся Натан, вступил со мной в переписку. Судя по письмам, это серьезный товарищ, тяготеющий к левой оппозиции. Симпатии к левой оппозиции у них имеются. Может быть, в их среде найдется хороший корреспондент для "Унзер Камф".

Вы спрашиваете, удобно ли ставить в профессиональных союзах и других массовых организациях резолюции, протестующие против преследования левой оппозиции. Это зависит, на мой взгляд, от конкретных условий. В реакционном союзе, разумеется, нельзя ставить таких резолюций на голосование. Но если данная организация сочувствует СССР, то вполне можно попытаться провести резолюцию, в которой СССР обещается полная поддержка и в то же время выражается требование: прекратить репрессии против левой оппозиции.

То же самое я должен ответить на второй ваш вопрос: о борьбе против деморализованных и нечистоплотных деятелей компартии. Строить на этом основную кампанию, разумеется, недопустимо, ибо это создало бы атмосферу ужасающей склоки и облегчило бы сталинской бюрократии применение методов погромного характера. Но в тех случаях, когда почва политически достаточно подготовлена, можно нанести и дополнительный удар, разоблачив субъектов, стоящих на защите "генеральной линии". Но в такого рода ударах личного характера нужна величайшая точность, обоснованность и добросовестность. Руководствоваться слухами и непроверенными сведениями ни в каком случае, разумеется, нельзя.

Спасибо за книжки.

С ком[мунистическим] приветом

Л.Троцкий

[Дополнение к письму А.Вейсборду]

К письму т. Вейсборду

Р. S. В целях большей ясности я хочу прибавить еще, в качестве примечания:

1. Если я говорю о недопустимости прямо или косвенно поддерживать группу Ловстона и брандлерианцев вообще, то я этим вовсе не хочу сказать, что эти элементы ни при каких условиях не могли бы найти себе места в

коммунистических рядах. Наоборот, при здоровом режиме Коминтерна большинство брандлерианцев выполняло бы, несомненно, ту или другую полезную работу. Одно из пагубных последствий режима сталинской бюрократии состоит в том, что она при каждом новом эмпирическом зигзаге вынуждена под страхом собственного крушения выталкивать из партии своих вчерашних союзников.

Зиновьев и Каменев представляют собою высоко квалифицированные элементы. При режиме Ленина они выполняли очень ответственную работу, несмотря на свои недостатки, достаточно хорошо учитывавшиеся Лениным. Режим Сталина обрек Зиновьева и Каменева на политическую смерть. То же самое можно сказать о Бухарине и о многих других. Идейное и моральное разложение Радека свидетельствует не только о том, что Радек сделан не из первоклассного материала, но также о том, что сталинский режим может опираться либо на безличных чиновников, либо на людей, морально разложившихся.

Факты приходится брать такими, каковы они в действительности. Изгнанные из Коминтерна брандлерианцы, и в том числе худшая их часть, группа Ловстона, оказались обречены на политическое вырождение. Их идейные ресурсы равны нулю. Масс у них нет и быть не может. В качестве самостоятельной группы они способны вносить только путаницу и разложение. Чем скорее они будут ликвидированы, тем лучше. Какая часть из них при этом превратится в сталинских союзников, а какая - в социал-демократов, для нас совершенно безразлично.

2. Сделанное выше замечание в том смысле, что САП включает в себе больше прогрессивных элементов, чем брандлерианцы, ни в коем случае не подлежит расширительному истолкованию. О политическом блоке между левой оппозицией и САП с ее нынешним явно центристским руководством не может быть и речи. Прогрессивные тенденции в САП могут вскрыться лишь при условии нашей непримиримой критики руководства САП, в том числе и тех бывших брандлерианцев, которые сейчас внутри САП играют явно реакционную роль.

Ваших американских левых социалистов ни в коем случае нельзя ставить на одну доску даже с центристскими вождями САП, которые все же порвали с социал-демократией. При правильной политике германской компартии САП, прежде, чем она распадется, может стать ценным вспомогательным орудием разложения социал-демократии. Что касается американских левых социалистов, то у нас нет ни малейшего основания отличать их от Хилквита³⁶⁵, т. е. видеть в них что-либо другое, кроме агентов буржуазии в рабочем классе.

3. В вопросе о лейбор партии вы ссылаетесь на решение IV-го Конгресса. Левая оппозиция целиком стоит на почве решений первых четырех конгрессов, но она отличает принципиальные и программные решения от тактических и эпизодических. Решение IV-го конгресса в этом вопросе могло быть только тактической гипотезой. Гипотеза после того подверглась гигантской проверке. Ошибка вашей группы в том и состоит, что вы в этом основном вопросе игнорируете работу левой оппозиции.

4. То же самое относится к вопросу о центризме. Вы ссылаетесь на Ленина. Но задача состоит не в том, чтобы сослаться на те или другие цитаты

Ленина, игнорируя и другое время и другие условия, а в том, чтобы правильно применять метод Ленина. У Ленина вы ничего, конечно, не найдете о бюрократическом центризме, ибо сталинская фракция политически сложилась после смерти Ленина. На борьбе с этой фракцией выросла интернациональная левая оппозиция. Вы и в этом вопросе игнорируете ее критическую работу.

5. Я вовсе не хотел сказать, что ваша группа защищала в прошлом недостойные методы группы Ландау. Вы ошибались, однако, считая этот вопрос внутренним вопросом левой оппозиции. С группой Ландау левая оппозиция не имеет и не может иметь ничего общего, как и со всеми теми, которые поддерживают эту группу.

Л. Т[роцкий]

24.V.932 [г.]

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]366

28 мая 1932 [г.]

Л[ев] Л[ьвович],

Получила сегодня впервые ваш ответ на мой запрос о "Петрополисе".
Никогда до этого не получала, поэтому повторяла свой запрос.

Сегодня послано П[фемферт] для "Петрополиса" - Предисловие, 4 главы и Приложение367. Просила ее передать с вашего ведома.

На днях послала вам в письме Н.И.[Седовой] (авиапочтой) список журналов, которые мы получаем. Вы снова спрашиваете: из Москвы получаем только "Правду", "Экономическую жизнь" и "За индустриализацию"368. Подробно писала.

Не знаю, удастся ли послать вам список посланных поправок. Лучше, пожалуй, после верстки сверить с манускриптом Пфемф[ерт], которая всегда подтверждала получение поправок и их исполнение. Попытаюсь все же составить либо список, либо заново послать поправки, хотя заранее предвижу, что это не так просто.

Привет.

М.И. [Певзнер]

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

9 июня 1932 г.

Дорогие товарищи!

Вопрос о конгрессе против войны369, по формальной инициативе Роллана370 и Барбюса371, получает, видимо, большее значение, чем мне казалось неделю тому назад на основании недостаточной информации. Статьи "Ля Ви Увриер"372 (еженедельник Унитарной Конфедерации) не оставляют сомнения в том, что за спиной Роллана и Барбюса стоит Коминтерн.

Факт этот кажется с первого взгляда прямо-таки невероятным. Роллан - чистейший мелкобуржуазный радикал, честный пацифист, поклонник Ганди373,

романская разновидность Максима Горького с более высокой культурностью, но с еще меньшим революционным опытом. Барбюс есть Роллан младшего поколения и несравненно меньшего масштаба. В качестве издателя журнала "Монд" Барбюс ведет пропаганду за объединение коммунистов с "социал-фашистами". Трудно представить себе лозунг более нелепый, реакционный и вредный. И вот по вопросу о защите Советского Союза Коминтерн считает нужным прятаться за спину двух мелкобуржуазных пацифистов. Отрицая политику единого фронта с массовыми рабочими организациями, сталинцы передают инициативу единого фронта в руки Барбюса, который стоит за полное слияние с социал-демократией. Трудно выдумать более вопиющее и отвратительное сочетание ультра-левиэны с оппортунизмом.

Если судить по симптомам, то готовится поворот вправо по всей линии. Наиболее важное значение имеет, разумеется, поворот хозяйственной политики СССР. Газеты еще продолжают трескотню о ликвидации кулачества как класса, а практические меры хозяйственной политики неизбежно подготавливают условия восстановления кулачества. Голова уже повернута резко вправо, а хвост еще торчит влево: таков внешний образ сталинской бюрократии. В Германии отказываются от единого фронта с профессиональными союзами, а через Барбюса и Роллана пытаются растворить пролетарский авангард в самой разношерстной международной братии.

Какой позор! Можно ли хоть на минуту представить себе, чтобы большевистская партия при Ленине "примкнула" к Горькому в деле созыва международного конгресса против войны. Ленин десятки раз говорил и писал: Горький, конечно, прекрасный писатель, но в политику лучше ему не соваться, ибо кроме путаницы из этого ничего не выйдет. Сталинцы же, несомненно, подбили Роллана и Барбюса взять на себя инициативу международной путаницы, чтобы попытаться скрыть в ней тупик своей политики.

Все это мы должны разъяснить коммунистам. Новый, чисто авантюрный, при всем своем оппортунизме, эксперимент центризма должен быть понят передовыми рабочими. От этого дело коммунизма только выигрывает. Но задачи левой оппозиции этим не могут ограничиться. Коминтерн уже примкнул к призыву Роллана-Барбюса. Примкнут, вероятно, все или большинство групп, складывающихся ныне в Интернационале No 2 1/2374. Весьма возможно, что примкнут отдельные организации второго Интернационала, а также всякого рода пацифистские, интеллигентские общества по сю и по ту сторону океана. При этих условиях левая оппозиция не может остаться в стороне. Она должна принять участие в конгрессе, чтобы поставить вопрос о борьбе с опасностью войны по-марксистски, по-ленински. Мне думается, что мы можем при надлежащей инициативе обеспечить за собою достаточно активное и независимое участие в будущем конгрессе.

Нам необходимо сейчас уже начать подготовительную работу: как идеологическую, так и, особенно, организационную.

Идеологическая сторона не представляет для нас затруднений. Если война есть продолжение политики, то и борьба против войны есть продолжение

революционной политики. Правильная политика единого фронта в Германии есть сейчас самое важное и действительное средство борьбы против войны. Мы должны будем напомнить, что опасность войны с Востока есть непосредственный результат гибели китайской революции вследствие ложной политики Коминтерна. Мы должны будем напомнить, как Коминтерн пытался "защищать" СССР при помощи Англо-русского комитета. Мы тем более напомним опыт Антиимпериалистской лиги, на конференции которой Мюнценберг³⁷⁵ привозил, с одной стороны, делегатов Гоминьдана, а, с другой, британских лейбористов. И мы сумеем, разумеется, вскрыть механику нового конгресса, как расширенное воспроизведение маскарада Антиимпериалистской лиги. Вся наша подготовительная работа должна закончиться Манифестом, который необходимо выпустить за подписями всех национальных секций к моменту конгресса, т. е. в конце июля. Принципиально эта политическая сторона, как уже сказано, не представит для нас затруднений. Задача лишь в том, чтобы каждая секция развернула как можно более широкую кампанию по хорошо разработанной программе.

Организационная сторона вопроса гораздо труднее как ввиду сравнительной слабости наших сил, так и ввиду того бешеного сопротивления, которое развернет сталинский аппарат против нашего участия в конгрессе. Эту сторону дела надо обдумать и подготовить с исключительной тщательностью. Успех для нас вполне возможен, так как конгресс по самому типу своему не может быть заключен в строгие организационные рамки.

Прежде всего нам необходимо найти доступ за кулисы подготовки. Надо совершенно точно узнать, из кого состоит Организационное бюро. Можно не сомневаться, что кухня целиком и полностью в руках сталинской бюрократии. Если в принципиальном отношении мы не можем сделать пацифистам и полупацифистам ни малейших уступок, то в вопросе чисто организационном, т. е. в вопросе о проникновении в подготовительные органы конгресса и на сам конгресс, мы должны, разумеется, умело использовать элементы типа Роллана-Барбюса в разных странах, чтобы при их помощи опрокинуть сталинских привратников: только так мы и сможем затем политически "опрокинуть" самих пацифистов на конгрессе.

Существуют ли какие-либо статуты конгресса? Каковы они? Надо их немедленно достать, размножить и разослать всем секциям. Насколько я понимаю, представительство будет допускаться весьма широкое и неоформленное, не только от политических и профессиональных организаций, но и от собраний и митингов. Необходимо в каждой стране провести ряд собраний, хотя бы и небольших, с выяснением физиономии конгресса и задач нашего участия в нем и заканчивать такие собрания выбором делегата с соответственным наказом.

В тех странах, где левая оппозиция имеет непосредственное влияние на профессиональные союзы, необходимо привлечь к участию эти последние: делегата профессионального союза сталинским привратникам будет труднее всего не допустить на конгресс.

Мне думается, что каждая национальная секция должна была бы сейчас уже

создать при Правлении специальную комиссию хотя бы из трех товарищей по подготовке к конгрессу. Времени остается совсем немного, терять нельзя ни одного дня. Секции должны тщательно обмениваться всеми материалами и сведениями о проделываемой работе. Каждая секция должна внимательно следить за подготовкой других организаций к конгрессу: для нас могут открыться разные каналы и неожиданные возможности. Надо уметь их использовать. При величайшей организационной гибкости надо не допустить ни одной фальшивой ноты. В то же время не надо и высказывать слишком преждевременно: главный заряд надо сохранить для самого конгресса.

При намечании делегатов надо исходить из того, что вряд ли нашим товарищам удастся участвовать в свободной дискуссии: машина конгресса будет целиком в руках сталинцев. Правда, участие центристов и пацифистов может открыть некоторые возможности организационного маневрирования (хотя, по всей вероятности, пацифисты вместе со сталинцами будут зажимать нам рот). Во всяком случае, нужно надеяться не на большие свободно произносимые речи, а на краткие декларации, заранее заготовленные письменно, на проекты резолюций, на проект Манифеста и пр. Это значит, что нам нужны не столько опытные парламентские ораторы, сколько боевики, революционеры, которые умеют за себя постоять, добиться слова у самого неподатливого председателя, не останавливаясь, если обстоятельства требуют, и перед парламентским скандалом. Разумеется, добиться чего-либо наши делегаты смогут лишь в том случае, если их будет хоть небольшая, но компактная группа. Очень важно при этом знание иностранных языков.

Так как инициатива исходит из Франции, то на нашу французскую секцию, естественно, ложится обязанность быстрой, но по возможности всесторонней предварительной разведки и информации всех других секций.

Весьма вероятно, что в этих предварительных замечаниях и предложениях есть большие пробелы или ошибки вследствие недостаточной информации. Но сам план, если он будет принят интернациональным Секретариатом и секциями, в процессе выполнения претерпит необходимые поправки, изменения и дополнения. Самое важное сейчас - приступить к делу, не теряя ни одной минуты.

Г.Гуров

P.S. Письмо в целом не предназначено, разумеется, для печати. Отдельные его части, не представляющие "военной тайны", могут быть, конечно, использованы в случае надобности.

Г.Г[уров]

[Письмо Р.Молинье]

9 июня 1932 [г.]

Дорогой товарищ Молинье!

Посылаю при сем копию письма Секретариату³⁷⁶. Очень прошу как можно скорее перевести это письмо и поставить вопрос на обсуждение в Правлении Лиги. Одновременно прошу передать копию перевода т. Сюзо: инициатива во всем

этом вопросе принадлежит итальянским товарищам.

Сообщите, пожалуйста, ваше мнение по поводу всего этого вопроса. Я думаю, что при правильной политике мы могли бы сделать хороший шаг вперед.

Монатт сейчас очень рекламирует в своем журнальчике брошюру Гортера против большевиков. По-видимому, в известных кругах, отошедших или отходящих от коммунизма, Гортер на время становится учителем. Я не знаю, имеется ли французский перевод моей речи, произнесенной на заседании Исполкома Коминтерна 24 ноября 1920 года против Гортера³⁷⁷. Речь эта имела программный характер. Если она не была переведена и издана, то ее можно было бы перевести для одной из книжек "Ля Лютт де Клясс".

[Л.Д.Троцкий]

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА МОЛОДЕЖИ

ЛЕВОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ИСПАНИИ³⁷⁸

Дорогие товарищи!

Я с радостью узнал о том, что вы приступаете к изданию собственного журнала. Революционное течение, не воспитывающее молодежь, отрицало бы себя. Коммунизм есть в современном мире единственно великая задача, полное осуществление которой рассчитано на ряд поколений. Пролетарская революция нуждается в преемственности. Обеспечить революционную преемственность призвана молодежь, т. е. вы. Как это сделать? Путь указывает марксизм.

Сила марксизма в соединении научной теории с революционной борьбой. По этим двум колеям должно идти воспитание коммунистической молодежи. Изучение марксизма вне связи с революционной борьбой может воспитать книжного червя, но не революционера. Участие в революционной борьбе без изучения марксизма будет по необходимости случайным, ненадежным, полуслепым. Изучать марксизм по-марксистски можно не иначе, как участвуя в жизни и борьбе своего класса: теория проверяется через практику, а практика основывается теорией. Только те истины марксизма входят в плоть и кровь, которые завоеваны в боях.

Полученное мною на днях письмо из Советского Союза свидетельствует, что, несмотря на чудовищные преследования, аресты и ссылки, во всех промышленных центрах сформировались новые организации и группы левой оппозиции (большевиков-ленинцев), преимущественно из состава рабочей молодежи. Никакие репрессии не прервут революционной преемственности, раз течение основано на фундаменте революционной теории.

От всей души желаю вашему журналу с успехом разрешить стоящую перед ним задачу: сочетание практики с теорией. Это дается не легко: вы будете ошибаться; и мы, старики, располагающие известным революционным опытом, ошибаемся нередко, гораздо чаще, чем следовало бы. На своих ошибках вы будете учиться. Второй и третий шаг будет тверже и увереннее первого.

Горячо приветствую коммунистическую пролетарскую молодежь Испании от имени многих и многих тысяч наших единомышленников, русских

большевиков-ленинцев, ведущих работу на заводах и шахтах или разбросанных по тюрьмам и ссылкам сталинской бюрократии.

Ваш Л. Троцкий

Принкипо, 13 июня 1932 г.

[Письмо болгарским сторонникам]

22/6/1932 [г.]

Дорогие товарищи!

1. Получил только что No 13 "Освобождения". Раковскому, несомненно, было бы очень приятно получить хоть отдельные номера вашего издания. Я думаю, что это вполне возможно. Вы могли бы отправить Раковскому несколько пакетов официальной партийной газеты и других партийных изданий. В один из пакетов (не первый) можно вложить "Освобождение". Через некоторое время повторить опыт. Я почти не сомневаюсь, что отдельные номера будут до него доходить³⁷⁹.

2. Как относится официальная партия к вопросу о конгрессе мира в Женеве? Были ли на эту тему статьи в официальном органе? Если не было до сих пор, надо заставить их высказаться. Вопрос очень важный. Сталинцы окончательно запутались в противоречиях и ущемили свой собственный нос меж двумя половинками двери.

3. Во избежание возможных недоразумений я хотел бы сделать здесь несколько пояснений к письму Гурова и его предложениям. Полицейский бюрократический режим сталинцев превращает лозунг партийной демократии в очень острое и неотложное требование. Как это всегда бывает в борьбе, оппозиционные товарищи придают лозунгу партийной демократии нередко преувеличенное и чисто абстрактное толкование. В частности, это выражается в том плане интернациональной конференции, который подвергается критике Гурова.

Партия при всей однородности своей должна по необходимости включать в свой состав различные оттенки, иногда далеко расходящиеся. Режим должен обеспечивать единство действия. Но мы - не партия. Мы - фракция, т. е. определенное течение в партии. Наше единомыслие измеряется гораздо более строгими и острыми критериями, чем единомыслие в партии. Мы стоим за совместную работу со сталинцами в партии. Но можем ли мы допускать сталинцев в ряды нашей фракции? Конечно, нет, иначе наша фракция потеряла бы смысл существования. Успех обеспечен нам лишь при нашей принципиальной непримиримости, а, следовательно, и организационной отчетливости. Разумеется, в рамках нашей фракции должна царить действительная демократия. Эти соображения я высказываю не для печати, ибо в печати я собираюсь развить ту же мысль более обстоятельно.

С крепким приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]380

30.6.[1]932 [г.]

Дорогой Л[ев] Л[ьвович],

"Бюллетень" посылается по адресу Грилевича, так, как вы писали. Вам же при сем посылаю примерное оглавление, чтобы вы могли проверить полученные материалы. Прилагаю также две немецкие цитаты - для статьи "Прочь руки от Р[озы] Л[юксембург]381 и "Фундамент социализма"382.

Очень прошу вас позаботиться о том, чтобы г[оспожа] Пф[емферт] прислала нам две главы383, которые она должна была заменить у "Петрополиса", именно: "Взятие Зимнего дворца" и "Овладение столицей". Я хочу эти две главы (старый их текст) иметь здесь, чтобы быть уверенной, что эти главы заменены и что не будет путаницы в русском издании.

Последнюю главу для "Петрополиса" - "Социализм в отдельной стране" - не посылаю, пока не сообщите, что закончены расчеты.

В "Предисловии" надо последней главой написать "Социализм в отдельной стране" - в последнем предисловии для "Петрополиса" и Пф[емферт] эта глава не помещена.

Привет.

М.И.[Певзнер]

[Письмо Л.Клингу]

7 августа 1932 [г.]

Принкипо

Дорогой товарищ Клиг!

Меня очень радует сообщение о росте влияния газеты "Унзер Камф". Будем надеяться, что газета сможет превратиться в близком будущем в еженедельник.

Вы сообщаете о плане издания на еврейском языке в виде брошюр и книг ряда произведений левой оппозиции, в частности моих. Я, конечно, могу это только приветствовать.

Тов. Натан не является членом левой оппозиции; он нам только сочувствует и путем переписки старается выяснить ряд вопросов. Для меня его письма очень интересны, так как дают мне представление о положении в Палестине. Что касается т. Штейна, то он вполне определенный активный член левой оппозиции.

Насколько я могу судить по письмам т. Натана, левая оппозиция могла бы завоевать значительное влияние в левой Поалей Цион. Хорошо было бы, если бы американские товарищи приложили к этому делу необходимые усилия.

Вы интересуетесь моим мнением относительно организации в Нью-Йорке международного бюро еврейских рабочих. Мне кажется, что начинать с этого было бы рано. На данной стадии достаточно энергично распространять "Унзер Камф" во всех странах, где есть еврейские рабочие, завязывать связи, вести переписку и пр. Вся эта работа, естественно, очень расширится и примет более

планомерный характер, когда газета станет еженедельной. Только на основании опыта можно будет затем судить, насколько целесообразно создание особого бюро.

По вопросу о событиях в Палестине я сейчас только собираю материалы. В частности, я жду прибытия одного американца, марксиста, из Палестины. Т[оварищ] Натан также посылает мне ценные материалы. Это даст мне возможность более определенно высказаться по поводу движения 1929 года³⁸⁴ и уяснить себе, в какой мере и в каких пропорциях арабское национально-освободительное (антиимпериалистическое) движение было соединено с реакционно-исламистским и с еврейско-погромным. Думаю, что все эти элементы были налицо.

Книгу об Америке я надеюсь написать, но не сразу. Материалы для нее я собираю уже давно.

С товарищеским приветом
Л.Троцкий

[Письмо А.Д.Кауну]

7 августа 1932 [г.]

Александр Давыдович!

Я тоже очень жалею, что письмо не застало вас в Конст[антино]поле. Мой сотрудник справлялся дней десять тому назад в конторе американской компании и выяснил, что вы уже уехали. Разумеется, если вы посетите снова Конс[тантино]поль, я буду очень рад вас видеть. Если этот ваш план состоится, то в какие примерно сроки? Не исключено (по крайней мере, теоретически), что мы на несколько недель уедем лечиться в Чехословакию.

У меня в проекте несколько статей для американской периодической печати. Не могли ли бы вы мне порекомендовать хорошего переводчика с русского на английский? Истмен пробудет еще несколько месяцев в Европе, кроме того, у него в ноябре начинается поездка с докладами и пр. Я хотел бы иметь в течение ближайших месяцев "оседлого", надежного и очень хорошего переводчика. Оплата работы будет достаточно благоприятной. За всякие указания буду очень благодарен.

Турецкая, да и вообще балканская почта не отличаются чрезмерной точностью. Поэтому, в случае вашей новой поездки в К[онстантино]поль следовало бы предупредить заранее.

Л.Троцкий

КОНЪЮНКТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ КОМИНТЕРНА

(Краткое введение в дискуссию)

Конъюнктурные циклы в послевоенный период перестали быть нормальным

механизмом капиталистического развития, поскольку капитализм в целом находится в периоде заката. Но это не значит, что конъюнктурные колебания отошли в прошлое. Правда, непосредственно после войны они утратили свой циклический и свой мировой характер. Но и тот и другой восстанавливаются -- по крайней мере, до известной степени -- на наших глазах.

Нынешний кризис имеет всемирный характер. Это значит, что мировое хозяйство, прекратившее свое существование в годы войны, проложило себе дорогу через все таможенные стены и -- в крайне болезненной форме -- показало, что ближайший перелом конъюнктуры в сторону оживления также получит -- не в одни и те же сроки и не с одинаковой силой -- мировой характер. Другими словами, цикличность капитализма снова восстанавливается нынешним кризисом.

Разумеется, нельзя ждать в будущем полнокровных циклов. Если в последние два десятилетия перед войной кризисы имели характер коротких и неглубоких заминок, а каждый новый подъем далеко оставлял под собою высшие точки предшествующего подъема, то теперь должно ждать обратного: глубоких, длительных, болезненных кризисов при слабых и кратковременных подъемах. Если старые циклы были механизмом движения вперед, то новые циклы могут быть лишь механизмом капиталистического упадка.

Однако влияние конъюнктурных изменений на жизнь народных масс остается огромным. В известном смысле оно теперь острее, чем когда бы то ни было.

Все нынешнее состояние капитализма является готовой, не только зрелой, но перезревшей, экономической предпосылкой пролетарской революции. Отстает сознание пролетариата, его организация, его руководство. Благодаря состоянию общей неустойчивости социального равновесия, изменения конъюнктуры ведут к огромным политическим сдвигам, революционным и контрреволюционным потрясениям.

Буржуазный мир и с ним вместе социал-демократия ждут нового торгово-промышленного подъема, как спасителя. Теоретики Коминтерна боятся этой перспективы и отрицают самую возможность перелома конъюнктурной кривой вверх. Для нас, марксистов, совершенно ясно, что новое экономическое оживление не открыло бы широкого выхода, а уперлось бы в новый, еще более острый и болезненный кризис. С другой стороны, неизбежность более или менее близкого перелома конъюнктуры для нас совершенно очевидна. Надо теоретически заранее подготовиться к ближайшему периоду "после кризиса" и занять правильные исходные позиции.

Годы кризиса отбросили и продолжают отбрасывать международный пролетариат назад на целый исторический период. Недовольство, стремление вырваться из нищеты, вражда к эксплуататорам и к их режиму, все те чувства, которые сейчас придавлены и загнаны внутрь ужасающей безработицей и государственными репрессиями, будут стремиться с удвоенной силой проложить себе дорогу при первых реальных симптомах промышленного оживления.

При общем состоянии современного капитализма предприниматели и в условиях относительного оживления не смогут пойти навстречу рабочим в таких

пределах, чтобы замкнуть борьбу в рамки тред-юнионизма. Можно с уверенностью предсказать, что промышленное оживление не откроет места для возврата хотя бы к тем условиям труда, какие существовали до нынешнего кризиса. Экономические конфликты будут не только принимать широкие размеры, но и неизбежно перерастать в политическое движение революционного характера.

Коминтерну надо отделаться от последних пережитков теории "третьего периода", начать конкретно исследовать экономическую и социальную почву борьбы, не командовать по произволу пролетарским авангардом, а руководить через его посредство реальным развитием классовой борьбы.

На первое место выдвигается работа в профессиональных союзах. "Третий период" Лозовского надо отбросить так же, как и третий период Мануильского. Прекратить политику самоизоляции. Ребром поставить вопрос о восстановлении единства германского профессионального движения путем включения всех членов РГО385 в состав "свободных профсоюзов". Обязать каждого члена партии, которому это доступно, стать членом профсоюза.

Развитие экономической борьбы поставит перед реформистской бюрократией труднейшие задачи. Использовать затруднения реформистов можно лучше всего через гибкую и наступательную политику единого фронта.

Что левая оппозиция, будучи даже малочисленной, может занять достойное место в массовой борьбе, показывает опыт наших бельгийских товарищей. Во всяком случае задача левой оппозиции -- ставить ясно вопросы перед партией, намечать общую перспективу, выдвигать боевые лозунги. Левая оппозиция сейчас менее, чем когда-либо, может оставаться замкнутой пропагандистской группой, стоящей в стороне от реального развития классовой борьбы.

Каждый большевик-ленинец должен быть членом той или другой массовой организации, прежде всего профессионального союза. Только при этом условии наши организации смогут держать руку на пульсе пролетариата и выполнять свою роль: авангарда в авангарде.

* * *

Американский товарищ Филд386, близко знакомый с проблемами мирового хозяйства, сделал по моей просьбе первый набросок оценки конъюнктурных тенденций мирового рынка. Выводы тов. Филда осторожны. Всякий отдающий себе отчет во множественности факторов, определяющих конъюнктурные изменения, вполне поймет и одобрит осторожность прогнозов. Задача не в том, чтобы гадать, а в том, чтобы правильно поставить вопрос, следить за фактами и своевременно делать выводы387.

Прошу Интернациональный секретариат разослать настоящие строки и письмо тов. Филда всем нашим секциям в качестве дискуссионного материала. Совершенно очевидно, что нашей международной конференции придется высказаться по этому важнейшему вопросу.

Л. Троцкий

Принкипо

18 августа 1932 [г.]

ГЕРМАНСКАЯ ЗАГАДКА

(Бонапартизм а l'allemande)388

Политическое положение в Германии не только тяжело, но и поучительно. Как перелом руки, так и перелом в жизни наций дает разрез всех тканей. Взаимоотношение между классами и партиями -- между социальной анатомией и политической фразеологией -- редко где вскрывалось с такой наглядностью, как в нынешней Германии. Социальный кризис сметает условности и обнажает реальности.

Люди, которые стоят сейчас у власти, могли еще не так давно казаться призраками. Разве в 1918 году не сметено господство монархии и аристократии?389 Но, очевидно, ноябрьская революция выполнила свою работу недостаточно основательно. Немецкое юнкерство390 меньше всего чувствует себя призраком. Наоборот, оно готовится превратить в призрак немецкую республику.

Нынешние властители стоят "над партиями". Не мудрено: они представляют маленькое меньшинство. В действительности их школой и непосредственной опорой является Немецкая национальная партия391, иерархический союз собственников, под традиционным руководством юнкеров, единственного класса, который в Германии привык командовать. Бароны хотели бы вычеркнуть из истории Европы последние 18 лет, чтобы... начать с начала. У этих людей есть характер.

Было бы несправедливо утверждать это о вождах немецкой буржуазии в собственном смысле слова. Бескрасочна была политическая история германского третьего сословия392, бесславно его парламентское крушение. Закат британского либерализма, еще и сегодня собирающего миллионы избирателей, не идет ни в какое сравнение с разгромом традиционных партий немецкого бюргерства. Демократы393 и национал-либералы394, ведшие за собой некогда большинство народа, остались скомпрометированными штабами -- без армий и без будущего.

Разношерстные массы мелкой буржуазии, оторвавшись от старых партий или впервые пробудившись к политической жизни, сомкнулись под знаменем со знаком свастики395. Впервые за всю свою историю промежуточные классы -- ремесленники, торговцы, "свободные" профессии, служащие, чиновники, крестьяне -- разобщенные условиями и привычками жизни, традициями и интересами, оказались объединены в одном походе, более причудливом, фантастическом и противоречивом, чем крестовые походы средних веков.

Французская мелкая буржуазия в силу экономического консерватизма страны продолжает и сейчас еще играть важную роль. Самостоятельной политики она, разумеется, не в состоянии вести. Но она заставляет приспособляться если не к своим интересам, то к своим предрассудкам, официальную политику руководящих капиталистических кругов. Правящая сейчас радикальная партия396 является наиболее непосредственным выражением этого приспособления.

Благодаря лихорадочному развитию немецкого капитализма, беспощадно отбросившего промежуточные классы назад, мелкая буржуазия Германии никогда не занимала того места в политической жизни, как ее старшая французская кузина. Начавшаяся в 1914 году эпоха потрясений произвела в среде промежуточных классов Германии неизмеримо большие опустошения, чем во Франции: франк упал до 1/5, старая марка³⁹⁷ скатилась до нуля. Нынешний промышленный и аграрный кризис далеко не получил того развития на запад от Рейна, что на восток от него. Недовольство французской мелкой буржуазии не вышло и на этот раз из старых каналов и доставило победу Эррио³⁹⁸. Не то в Германии. Отчаяние мелкой буржуазии должно было принять здесь характер белой горячки, чтобы поднять на головокружительную высоту Гитлера и его партию.

В национал-социализме все противоречиво и хаотично, как бред. Партия Гитлера называется социалистической и ведет террористическую борьбу против всех социалистических организаций. Она именуется рабочей, но в ее ряды входят все классы, кроме пролетариата. Она низвергает молнии на головы капиталистов и в то же время находится у них на содержании. Она клянется тевтонскими традициями³⁹⁹ и стремится к цезаризму⁴⁰⁰, учреждению насквозь латинскому. Оглядываясь на Фридриха II⁴⁰¹, Гитлер подделывает жесты Муссолини... при усах Чарли Чаплина⁴⁰². Весь мир опрокинулся в головах мелких буржуа, окончательно выбитых из равновесия. От отчаяния, страха и ожесточения они так громко вопят, что сами себя заглушают и не связывают смысла собственных слов и жестов.

Подавляющая масса рабочих идет за социал-демократией⁴⁰³ и коммунизмом, двумя партиями, из которых первая прошла через свою героическую эпоху до войны, а вторая ведет свое непосредственное происхождение от Октябрьского переворота в России. Усилия национал-социалистов прорвать "марксистский фронт" не дали до сих пор ощутительных результатов. Почти четырнадцать миллионам мелкой буржуазии противостоят около тринадцати миллионов враждебных рабочих голосов.

Одна лишь партия центра⁴⁰⁴ нарушает отчетливый рисунок классовых очертаний германских политических группировок. В рамках католического лагеря землевладельцы, промышленники, мелкие буржуа и рабочие все еще остаются связанными воедино. Пришлось бы перелистать всю историю Германии, чтобы объяснить, как и почему церковная связь оказалась способна до сего дня противостоять центробежным силам нового времени. Пример центра показывает во всяком случае, что политические отношения не суть математические формулы. Прошлое вклинивается в настоящее, видоизменяя его. Но общая тенденция процесса не нарушается. Тот факт, что фон Папен⁴⁰⁵ и его ближайший помощник Брахт⁴⁰⁶ вышли из правого крыла центра, чтоб вести политику, которая в развитии своем должна взорвать центр, получает в своем роде символическое значение. Если социальный кризис в Германии будет обостряться и дальше, центр не выдержит внутреннего и внешнего напора: клерикальная оболочка лопнет и составные элементы его распределятся сообразно социальному весу. Тогда можно будет говорить о предпоследнем акте в развязке немецкой драмы.

Формально Германия сегодня, в последние дни августа, еще числится парламентской республикой. Но уже несколько недель тому назад министр внутренних дел фон Кайл превратил чествование веймарской конституции в панихиду по парламентаризму. Гораздо важнее, однако, тот факт, что оба крайних фланга рейхстага, представляющие большинство избирателей, считают демократию окончательно обанкротившейся. Национал-социалисты хотят заменить ее фашистской диктатурой итальянского образца. Коммунисты стремятся к диктатуре Советов. Буржуазные партии, пытавшиеся за последние 14 лет вести свои дела парламентским путем, потеряли всех своих избирателей. Социал-демократия, введившая рабочее движение в рамки парламентской игры, не только упустила из рук власть, доставленную ей ноябрьским переворотом; не только уступила миллионы своих избирателей коммунизму, но и рискует потерять свои легальные позиции, как партия.

Не навязывается ли сам собою вывод, что пред лицом слишком больших трудностей и задач режим демократии пасует? Как и в отношениях между государствами, пока дело идет о второстепенных вопросах, правила и обрядности протокола более или менее соблюдаются. Но когда доходит до столкновения основных жизненных интересов, на сцену, вместо параграфов, выступают ружья и пушки. Внутренние и международные затруднения немецкой нации довели борьбу классов до такого напряжения, когда она уже не может и не хочет связывать себя условным протоколом парламентаризма. Об этом можно жалеть; можно сурово осуждать крайние партии за пристрастие к насилию; можно надеяться на лучшее будущее. Но факт остается фактом: провода демократии не выдерживают социальных токов слишком высокого напряжения. Между тем, это токи нашей эпохи.

Когда-то почтенный готский альманах испытывал затруднения, как охарактеризовать государственный строй России, включавший народное представительство при самодержавном царе. Определить нынешний строй Германии, пожалуй, еще труднее, если не выходить из категорий государственного права. Но обратившись к истории, можно помочь готским альманахам всех стран: Германия управляется сейчас по системе бонапартизма.

Основную печать на политическую физиономию немецкого народа налагает тот факт, что фашизму удалось мобилизовать промежуточные классы против рабочих. Два огромных лагеря непримиримо противопоставлены друг другу. Победить парламентским путем ни один не может. Ни один из них к тому же не подчинился бы добровольно неблагоприятному для него решению. Такое расколотое состояние общества предвещает гражданскую войну. Первые ее молнии уже пронзили страну. Опасность гражданской войны порождает у правящих классов потребность в абрикре -- повелителе, Цезаре. Это и есть функция бонапартизма.

Каждая государственная власть имеет претензию возвышаться над классами и ограждать интересы целого. Но определить равнодействующую в социологии совсем не так просто, как в механике. Государственная власть сама сделана из мяса и костей. Она связана с определенными классами и их интересами. В

мирные будни демократический парламент кажется наилучшей машиной законодательной диагонали. Но наступает момент, когда основные силы тянут в противоположные стороны под углом в 180° друг к другу и разрушают парламентский механизм. Тогда открывается вакансия на бонапартистскую диктатуру.

В противоположность легитимизму, где лицо есть лишь звено династической цепи, понятие бонапартизма связывается с выдающимся или счастливым выскочкой. Такой образ, однако, плохо вяжется с тяжеловесной фигурой остэльбского юнкера⁴⁰⁸ и гогенцоллернского фельдмаршала. И впрямь: Гинденбург не Наполеон, Познань не Корсика! Но чисто персональный, тем более эстетический подход к вопросу совершенно не достаточен, даже способен сбить с пути. Если для заячьего рагу, по французской пословице, необходим заяц, то для бонапартизма вовсе не обязателен Бонапарт. Достаточно наличия двух непримиримых лагерей: роль полномочного третейского судьи может выполнять не лицо, а клика.

Напомним, что Франция знала не только Первого Наполеона, действительного, но и Третьего, поддельного. Дядю и мнимого племянника объединяла миссия арбитра, который записывает свои вердикты концом шпаги. У Наполеона I была собственная шпага, и бока Европы до сих пор не вполне очистились от ее следов. Наполеону III достаточно оказалось тени шпаги мнимого дяди, чтобы попасть в фокус власти.

В Германии бонапартизм выглядит по-немецки. Не надо, однако, останавливаться перед различиями национальных интонаций. При переводе на чужой язык многие особенности оригинала пропадают. Создав в разных областях человеческого творчества величайшие образцы, немцы в политике, как и в скульптуре, почти не поднимались над посредственной подражательностью. Не будем углубляться в исторические причины этого факта: достаточно того, что он существует. Гинденбург -- не Наполеон.

В консервативной фигуре президента нет и намека на авантюризм. Восьмидесятилетний Гинденбург в политике вообще ничего не искал. Зато другие искали и нашли Гинденбурга. И нашли не случайно: это люди одного и того же старопрусского, дворянско-консервативного потсдамско⁴⁰⁸-остэльбского склада. Скрепляя своим именем чужие дела, Гинденбург не даст выбить себя из колеи, проведенной традициями его касты. Гинденбург не лицо, а учреждение. Таким он был во время войны. "Стратегия Гинденбурга" была стратегией людей, носивших совсем другие фамилии. Этот порядок оказался перенесен и в политику. Людендорфа и его помощников заменили новые лица. Но порядок остался тот же.

Консерваторы, националисты, монархисты, все враги ноябрьского переворота впервые выдвинули Гинденбурга в президенты в 1925 г. Не только рабочие, но и партии буржуазии голосовали тогда против гогенцоллернского маршала. Гинденбург, однако, победил: его поддержали массы мелкой буржуазии, на пути к Гитлеру. В качестве президента Гинденбург ничего не создал, но ничего и не разрушил. У его противников создалось представление, что свою верность солдата Гинденбург поставил на стражу Веймарской конституции.

Оттесняемые реакцией по всей линии, чисто парламентские партии решили через семь лет поставить ставку на Гинденбурга.

Отдав монархическому маршалу свои голоса, социал-демократия и католическая демократия освободили его от каких бы то ни было обязательств по отношению к вставшей в прострацию республике. Выбранный в 1925 году голосами правых, Гинденбург не выходил за рамки конституции. Выбранный в 1932 году голосам левых, он немедленно наступил на конституцию сапогом. В этом парадоксе нет ничего таинственного. Наедине со своей "совестью" и "волей нации" -- двумя неуловимыми инстанциями -- Гинденбург неминуемо оказался орудием тех кругов, верность которым он пронес через всю свою жизнь. Политика президента есть политика верхов земельной аристократии, баронов промышленности и банковских князей, римско-католического лютеранства⁴¹⁰ и, не в последнем счете, моисеева закона⁴¹¹.

Через фон Папена, о котором накануне никто в стране не думал, политический штаб Гинденбурга сразу оборвал нити, связывавшие избрание президента с демократическими партиями. Немецкому бонапартизму в его первой стадии не хватало изюминки авантюризма. Своей карьерой во время войны и магическим порядком своего восхождения к власти Папен до известной степени восполнил этот недочет. По поводу остальных его данных, кроме иностранных языков и безупречных манер, отзывы разных направлений сходятся на том, что отныне историки не смогут уже писать о Михаэлисе⁴¹², как о самом сером и безличном канцлере Германии.

А где же сабля? У Гинденбурга остался в руках лишь маршалский жезл, игрушка для стариков. Папен, после малообнадеживающего опыта во время войны, ушел в штатскую жизнь. Сабля нашлась, однако, в лице генерала Шлейхера⁴¹³. Именно в нем приходится видеть сейчас ядро бонапартистской комбинации. И не случайно: поднимаясь над партиями и парламентом, правительство сужается до бюрократического аппарата. Наиболее действительную часть аппарата составляет, бесспорно, рейхсвер. Немудрено, если из-за спины Гинденбурга и Папена выдвинулся Шлейхер. Газеты много писали о том, что генерал в тиши своего штаба давно уже готовил события. Может быть. Но гораздо важнее, что ход событий готовил генерал.

Когда эти строки появятся в печати, первая встреча правительства Папена с рейхстагом останется позади. Будет уже, вероятно, известно, кто расшибся при столкновении: Папен или рейхстаг. Могут расшибиться оба, оставив наследником Шлейхера. Эпизодов мы не собираемся предугадывать. Эпизодов будет еще немало.

Автор стоит в стороне от театра событий, притом на значительном расстоянии. Это затрудняет наблюдение за конъюнктурой дня. Но автору хотелось бы думать, что неблагоприятные географические условия не мешают отдавать себе отчет в расположении основных сил, которые в конце концов и определяют общий ход событий.

Л. Троцкий

Принкипо

23 августа 1932 г.

ДВА ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЭПИЗОДА, МАЛЫЙ И БОЛЬШОЙ⁴¹⁴

Сперва о малом: дело идет о визе. Этот совсем свежий эпизод интересен, однако, лишь постольку, поскольку ведет к историческому эпизоду: военной интервенции чехословаков против русской революции в 1918 году⁴¹⁵.

Газеты сообщали, что виза для въезда в Чехословакию мне дана: это было по существу правильно. Потом газеты сообщали, что в визе мне отказано. И это тоже было верно. Я очень далек от смешной мысли жаловаться на чехословацкое правительство, которое ни с какой стороны не обязано было предоставлять мне визу. Но я не могу не отметить, что для отказа в визе чехословацкое правительство прибегает к слишком кружным и сложным методам. Дело было так.

Некоторые из моих друзей или, вернее, благожелателей в Чехословакии настойчиво советовали мне полечиться на чешском курорте. Я ответил: "не пустят". Меня уверяли, что, по предварительным сведениям, вопрос в правительстве стоит вполне благоприятно. Я возразил: если бы даже правительство согласилось, не пустит полиция. Мои корреспонденты горели желанием не только дать мне возможность полечиться, но заодно и преподать мне урок демократии. У меня не было основания отказываться ни от лечения, ни от политического урока. Я обратился в чехословацкое консульство за визой.

[...]416

Я получил список условий: я должен заранее иметь визы для возвращения в Турцию; могу оставаться на курорте не дольше восьми недель; должен в Чехословакии пить минеральные воды между апрелем и маем, но не оглядываться по сторонам, не заниматься политикой, не принимать журналистов и уехать по первому требованию даже и до истечения восьми недель. Вручивший мне условия генеральный консул любезно пояснил: если вы примете условия, это еще не дает мне права дать вам визу. Я подписал условия. Прошли все сроки, указанные в условиях, прошел летний сезон, -- визы не было. Мои демократические благожелатели объяснили мне, что дело тем не менее стоит как нельзя более благоприятно. Я упорно повторял свой "парадокс": полиция все равно не позволит правительству впустить меня.

[...] Генеральный консул передал мне новые условия: меня впустят на 8 недель между сентябрем и декабрем, если я добуду паспорт, пригодный на полгода после декабря. Последнее условие, явно продиктованное полицией, было для меня неосуществимо, а для Чехословакии ненужно. Я написал об этом в Прагу. Условие было отклонено: правительство одержало победу над полицией, демократия торжествовала, и с ней вместе мои благожелатели.

Оставался вопрос о транзитных визах, туда и обратно. Из Рима виза дана была по телеграфу в 24 часа. Из Вены пришлось ждать решения свыше недели. Теперь все условия были налицо. Мой скептицизм колебнулся. В доме стали готовиться к отъезду. После этого чехословацкое правительство отказало мне в визе. Это его право. Но на мой скромный взгляд [чехословацкое правительство]

пользуется своим правом с излишними осложнениями.

Политической причиной отказа явились очень бурные, если судить по печати, протесты со стороны некоторых организаций. Главным мотивом протестов служила моя роль в отношении чехословацкого корпуса в России в 1918 году. События, происходившие более четырнадцати лет тому назад, снова ожили, вторглись в политику сегодняшнего дня. Если у меня нет причин обвинять чешское правительство за отказ в визе, то несравненно меньше у меня оснований оправдываться в моей политике по отношению к чехословацкому корпусу. Скорее уж я мог бы взять на себя роль обвинителя. Но и в этом нет надобности: вопрос был разрешен в свое время посредством оружия. Об этом историческом эпизоде я хочу здесь кратко напомнить.

Стояла весна 1918 года, тяжкая весна, за которой собиралось надвинуться еще более тяжелое лето. Напомним хронологию событий. [...]

[Л.Д.Троцкий]

[Август 1932 г.]

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ "ЛИБЕРТИ"

В Соединенных Штатах сейчас широко обсуждается вопрос о признании Советского Союза. Дипломатическое признание не означает, разумеется, взаимного политического одобрения, как вежливое рукопожатие вовсе не равносильно обоюдной симпатии. Как уклониться от рукопожатий людям, которых связывают серьезные деловые интересы? Факт, однако, таков, что непризнание Советской республики чаще всего мотивировалось до сих пор ссылками на причины морального порядка. Вопросы, поставленные мне редакцией "Либерти" резюмируют эти ссылки в достаточно резкой форме. В этом я вижу не недостаток их, а преимущество. Отвечая с той же прямоотой, с какой меня спрашивают, я заранее знаю, что не всех убежу⁴¹⁷. Но если удастся рассеять наиболее отравленные предубеждения, и это будет уже несомненным плюсом.

1.

1. "Превращает ли советское государство людей в роботов?" -- гласит первый вопрос. Почему? -- спрашиваю я с своей стороны. Идеологи патриархальности, вроде Льва Толстого или Джона Рескина⁴¹⁸, выдвигали против машинной цивилизации то обвинение, что она превращает свободных крестьян и ремесленников в безрадостных автоматов. Это обвинение за последние десятилетия направлялось чаще всего против индустриального режима Америки (тайлоризм⁴¹⁹, фордизм⁴²⁰).

Может быть, мы из Чикаго и Детройта услышим ныне призыв -- отказаться от машин, убивающих душу? Слышали же мы недавно во Франции от запуганного кризисом радикального политика г. Кайо⁴²¹ разглагольствования о необходимости приостановить развитие машинизма! И газеты почтительно перепечатывали эти откровения! Почему бы в самом деле не вернуться вспять к свайным постройкам, к каменному топору и не попробовать обрасти шерстью?

Нет, на это мы не согласны. В области механизации Советская республика является пока что только ученицей Соединенных Штатов. И она не собирается останавливаться на полпути.

Может быть, однако, вопрос о работе имеет в виду не машинное производство, а особенности социального строя? Не превращаются ли люди в автоматов потому, что машины составляют собственность государства, а не частных лиц? Достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы вскрыть его беспочвенность.

Остается, наконец, вопрос о политическом режиме, о суровой диктатуре, о величайшем напряжении всех сил и о низком жизненном уровне населения. Отрицать эти факты было бы неразумно. Но в них находит свое выражение не столько новый режим, сколько ужасающее наследство отсталости.

Политическая диктатура должна будет ослабевать и смягчаться по мере повышения экономического уровня благосостояния страны. Нынешнее командование людьми уступит свое место распоряжению вещами. Путь ведет не к роботу, а к человеку более высокого типа.

2. "Верно ли, что советское государство полностью подчинено узкой группе в Кремле, которая пользуется олигархической властью под видом диктатуры пролетариата?"

Нет, это не так. Один и тот же класс может в зависимости от условий господствовать при помощи разных политических систем и методов. Так, буржуазия на протяжении своего пути господствовала через абсолютную монархию, через бонапартизм, через парламентскую республику и через фашистскую диктатуру. Германская буржуазия господствует даже через господина фон Папена. Все эти формы господства, как они ни различны сами по себе, сохраняют капиталистический характер, поскольку в руках буржуазии остаются сосредоточенными главные богатства нации, управление средствами производства, школами и прессой и поскольку законы охраняют прежде всего буржуазную собственность.

Советский режим означает господство пролетариата, независимо от того, как широк слой, в руках которого непосредственно сосредоточена власть. Та политическая фракция, к которой я принадлежу, не одобряет режима, установленного сталинской бюрократией, и противопоставляет ему требование расширения советской демократии. Но поскольку государственный режим характеризуется в основе своей формами собственности, Советский Союз остается государством пролетариата.

3. "Не похитили ли Советы у детей радость и не превратили ли воспитание в систему большевистской пропаганды?"

Воспитание детей везде и всегда было связано с пропагандой: путем воспитания старшее поколение старается привить младшему уважение к тем учреждениям и идеям, поддерживая которые оно считает нужным. Пропаганда начинается с внушения преимуществ носового платка над пальцами и восходит к преимуществам республиканской платформы над демократической⁴²² или наоборот. Воспитание в духе религии есть пропаганда: вы не откажетесь, разумеется,

признать, что апостол Павел⁴²³ был один из самых выдающихся пропагандистов.

Светское воспитание во французской республике насквозь проникнуто пропагандой, главная идея которой состоит в том, что вся добродетель вмещается во французской нации, точнее в ее правящем классе, и что французский милитаризм, в отличие от всех остальных, есть самый надежный инструмент мира и гуманности.

Меньше всего приходится оспаривать, что и советское воспитание есть пропаганда. Разница лишь та, что в буржуазных странах дело идет о прививке уважения к старым учреждениям и идеям, которые считаются сами собой разумеющимися. В СССР дело идет о новых идеях, поэтому пропаганда бросается в глаза. Позвольте предложить такое определение: "пропагандой" в одиозном смысле люди называют обычно защиту и распространение таких идей, которые им не нравятся. Наоборот, защиту близких им идей они называют обучением, воспитанием, богослужением или судопроизводством, в зависимости от того, к какому из этих родов оружия им приходится прибегать.

В эпохи консервативной устойчивости повседневная пропаганда не чувствуется, как и воздух, которым мы дышим. Придя в движение, воздух превращается в ветер, в ураган. В революционные эпохи пропаганда неизбежно принимает более воинственный и наступательный характер.

После моего возвращения с семьей в начале мая 1917 г. из Канады в Москву наши два мальчика посещали буржуазную по составу учащихся гимназию, в которой учились дети многих политических деятелей, в том числе некоторых министров Временного правительства. Во всей гимназии было только два "большевика", мои сыновья, которым вместе было 20 лет, и третий "сочувствующий", который, как полагается сочувствующим, в трудные минуты предпочитал оставаться в стороне. А трудных минут было немало. Несмотря на официальное правило "школа вне политики", старшего сына, которому шел двенадцатый год, нещадно били, как большевика. Когда я был выбран председателем Петроградского совета, сына стали называть не иначе, как "председатель" и били вдвое. Это была пропаганда против большевизма.

Школа -- одна из ячеек общества и не может, хотя бы в ослабленном виде, не отражать все те процессы, которые происходят в его основных тканях. Те родители и педагоги, которые преданы старому обществу, кричат о "пропаганде". По существу они возмущены тем, что старую пропаганду заменили новой. Они возмущены социальным переворотом. Это их право. Но не меньшее право революционного режима: формировать подрастающее поколение в соответствии со своими целями. Если государство строит новое общество, может ли оно не начинать со школы?

Отнимает ли советская пропаганда у детей "радость"? Почему и как? Советские дети играют, поют, пляшут и плачут, как и все дети. Исключительная забота советского режима о детях признана даже и недоброжелательными наблюдателями. Достаточно напомнить, что по сравнению со старым режимом детская смертность сократилась вдвое.

Правда, советским детям ничего не говорят о первородном грехе и о

потустороннем мире. В этом смысле можно сказать, что у детей отнимают радость загробного существования. Не будучи компетентным в этом вопросе, я не смею судить о размерах потери. Но из того факта, что даже римский наместник Христа обращается в случае болезни к врачам, я позволяю себе сделать тот вывод, что горести этого мира имеют известные преимущества перед радостями другого мира. Тем более это относится к детям. Когда они поглощают необходимое количество калорий, избыток жизненных сил находит себе достаточно поводов для радости.

Два года тому назад ко мне из Москвы приехал внук, пяти лет⁴²⁴. Несмотря на то, что он совершенно ничего не знал о боге, я не замечал у него особо порочных наклонностей, если не считать того случая, когда он при помощи газетной бумаги с большим успехом забил наглухо водоотливную трубу умывальника. Чтобы доставить ему на Принкипо общество детей, пришлось послать его в детский сад, состоящий под руководством католических монахинь. Имея под своим наблюдением детей разных исповеданий, почтенные "сестры" с большой похвалой отзываются о морали моего ныне уже почти семилетнего атеиста.

Благодаря все тому же внуку, я довольно близко ознакомился за последний год с русской детской литературой, как советской, так и эмигрантской. Пропаганда есть и здесь и там: белая книжка вращается вокруг принца в золотой одежде, красная предпочитает механика на тракторе. Неудачных книжек больше, чем удачных, как, впрочем, и в литературе для взрослых. Но советская книжка в общем несравненно активнее, свежее, жезнерадостнее. Маленький человечек, которого я близко наблюдаю, читает и слушает эти книжки с большим наслаждением. Нет, советская пропаганда не отнимает у детей радости!

4. "Стремится ли большевизм сознательно к разрушению семьи?"
5. "Опрокидывает ли большевизм все моральные нормы в области пола?"
6. "Верно ли, что полигамия и бигамия⁴²⁵ не наказуемы при советской системе?"

Если под семьей понимать принудительную связь, основанную на брачном договоре, церковном благословении, имущественных привилегиях и совместных паспортах, то большевизм основательно разрушил эту семейную полицейщину.

Если под семьей понимать произвол родителей над детьми и бесправие жены, состоящей на положении выючного животного при домашнем очаге, то большевизм, к сожалению, далеко еще не до конца разрушил это наследие старого социального варварства.

Если под семьей понимать идеальную моногамию -- не юридическую, а фактическую, -- то большевики не могли разрушить того, что не существовало и не существует нигде в мире, если не считать счастливых исключений.

Решительно ни на чем не основаны утверждения, будто советское законодательство о браке дало толчок полигамии и полиандрии⁴²⁶. Статистики брачных отношений, действительных, а не только юридически оформленных, не существует и не может существовать, по самой сути дела, -- если не считать, конечно, газетной статистики голливудских браков. Но и без цифровых колонок

можно не сомневаться, что московские индексы брачных нарушений и потрясений немногим отличаются от соответственных индексов Нью-Йорка, Лондона или Парижа и -- кто знает? -- может быть, стоят ниже их.

Говоря о браке, семье и моногамии, нельзя обходить проституцию. Борьба с нею, притом напряженная и достаточно успешная, показывает, что Советы вовсе не склонны терпеть то беспорядочное смешение полов, которое наиболее губительное и ядовитое выражение свое находит именно в проституции.

Длительный устойчивый брак, основанный на взаимной любви и сотрудничестве, -- такова идеальная норма. В этом направлении идет воздействие школы, литературы, общественного мнения Советов. Освобожденный от полицейских, церковных, а затем и экономических оков союз мужчины и женщины проложит себе свои собственные пути, диктуемые физиологией, психологией и заботой о благополучии расы. Советский режим еще очень далек от разрешения проблемы брака, как и других основных проблем. Но он заложил серьезные предпосылки для их разрешения. Во всяком случае, проблема семьи перестала быть делом нерассуждающей традиции и слепой силы обстоятельств: она поставлена, как задача коллективного разума. Нужно полное презрение к умственным и нравственным качествам человека, чтобы не видеть в такой открытой постановке вопроса серьезный шаг вперед и вверх.

Каждый год рождается в Советском Союзе 5,5 миллионов младенцев. Перевес рождающихся над умирающими составляет свыше трех миллионов. Царская Россия не знала такого роста. Один уже этот факт исключает возможность говорить о нравственном разложении или о снижении жизненных сил населения страны.

7. "Верно ли, что кровосмешение не рассматривается как преступный акт?"

Должен признаться, что никогда не интересовался этим вопросом с точки зрения уголовной наказуемости и потому не мог бы ответить без справок насчет того, что говорит советское право о кровосмешении и говорит ли вообще что-нибудь. Думаю, однако, что вопрос в целом относится гораздо больше к области патологии, с одной стороны, воспитания -- с другой, чем криминалистики. Кровосмешение понижает жизнеспособность и качества расы. Именно поэтому оно ощущается как нарушение нормы подавляющим большинством здоровых людей. Социализм имеет целью внести разум не только в экономические отношения, но по возможности и в биологические функции человека. Забота о расе должна составить одну из важнейших задач нового общества. Уже и сейчас советская школа делает многое, чтоб просветить детей относительно действительных интересов человеческого тела и человеческого духа. У меня, как полагаю, и у авторов вопроса, нет никаких оснований думать, чтобы патологические случаи кровосмешения происходили в Советском Союзе чаще, чем в других странах. В то же время, я склонен считать, что именно в этой области вмешательство суда способно причинить больше вреда, чем пользы. Сомневаюсь, напр[имер], что, если бы британская юстиция отправила в свое время Байрона⁴²⁷ на каторгу, человечество оказалось бы от этого в выигрыше...

8. "Верно ли, что развод можно получить по первому требованию?"

Разумеется, верно. Более уместен был бы другой вопрос: верно ли, что существуют еще страны, где нельзя получить развода по первому требованию одной из сторон?

9. "Верно ли, что Советы не питают уважения к целомудрию мужчины и женщины?"

Я думаю, что в этой области убавилось не "уважения", а лицемерия.

Можно ли сомневаться, например, в том, что спичечный король Ивар Крейгер⁴²⁸, которого при жизни изображали угрюмым аскетом, не раз в качестве непримиримого врага Советского Союза бичевал безнравственность русских комсомольцев и комсомолок, которые для своих объятий не прибегают к благословию церкви? Если бы не финансовая авария, Крейгер сошел бы в могилу не только как праведник биржи, но и как столп морали. Теперь же печать сообщает любознательной публике, что число женщин, состоявших у Крейгера на содержании в разных частях света, превышало в несколько раз число труб его спичечных фабрик.

Французские, английские и американские романы изображают двойные и тройные семьи не как исключение, а как правило. Главным очагом, где формируются ныне приемы и критерии любовной морали и откуда они излучаются затем через экран на весь мир, является Голливуд⁴²⁹. В области воздействия на половые отношения ни один церковный проповедник, ни один парламентарий, ни один судья не может соперничать со звездой кинематографа. Можно ли, однако, утверждать, что уроки экрана являются уроками целомудрия?

Очень хорошо осведомленный молодой немецкий наблюдатель К. Mehnert⁴³⁰, выпустивший недавно книгу о советской молодежи, пишет: "Молодые русские отнюдь не образцы морали... Но они во всяком случае стоят морально не ниже, чем их немецкие сверстники". Я полагаю, что это верно.

Позвольте привести небольшое личное воспоминание. В Нью-Йорке в феврале 1917 года я наблюдал однажды ночью в вагоне подземной дороги десятка два студентов с их подругами. Они возвращались, надо полагать, из дансинга или мюзик-холла. Несмотря на то, что в вагоне было несколько посторонних, поведение крайне оживленных пар было настолько кинематографично, что можно было сразу сказать: эти молодые люди не являются сторонниками платонизма⁴³¹ и, если даже в принципе стоят за моногамию, то практически подходят к ней весьма извилистыми путями.

Представим себе, что излишне оживленную пантомиму наблюдал бы католический священник: он наверное усмотрел бы в ней новое подтверждение тому, что порча нравов корнями своими восходит к реформации. По отношению к молодежи Советского Союза дело обстоит еще проще: если бы большевики не совершили покушения на собственность и на Библию, русские граждане, особенно образованные классы, жили бы жизнью праведников.

Американцы сделали попытку прекратить пьянство путем запретительного декрета⁴³². Сейчас они собираются, видимо, повернуть колесо назад. Отмена сухого закона вовсе не означала бы, что новая администрация стремится к насаждению пьянства. Не правда ли? Точно так же отмена советской властью

ряда законов, призванных якобы ограждать семейный очаг, целомудрие и пр., не имеет ничего общего со стремлением разрушать устойчивость семьи или насаждать беспорядочное смешение полов. Дело идет попросту о том, чтобы путем повышения материального и культурного уровня достигнуть того, чего нельзя достигнуть формальным запретом или безжизненной проповедью.

10. "Не является ли высшей целью большевизма воспроизведение пчелиного улья или муравейника в человеческой жизни?"

Та же тема варьируется в следующем пункте (11): "В каком отношении идеал большевизма отличается от того состояния цивилизации, которое получило бы господство на земле, если бы насекомые раньше человеческих существ установили бы контроль?"

Эти два вопроса несправедливы как по отношению к насекомым, так и по отношению к людям.

Ни муравьи, ни пчелы не могут отвечать за те гнусности, какими полна история человечества. С другой стороны, как ни плохи люди, но у них есть возможности, совершенно недоступные насекомым.

Аналогии с жизнью муравьев и пчел почти так же стары, как склонность людей к морализированию. Если становиться на этот путь, то нетрудно показать, что задача Советов состоит как раз в том, чтобы разрушить муравьиные черты человеческого общества.

В самом деле: у пчел, как и у муравьев, есть классы: одни работают или воюют, функция других сводится к размножению. Возможно ли видеть в такой специализации социальных функций идеал большевизма? Скорее это уж доведенные до крайнего предела черты современной цивилизации. Известные породы муравьев обращают собратьев другого цвета в рабство, то есть имеют своих негров. На советскую систему это совсем не похоже. Муравьи не только не совершили своего большевистского переворота: они не имели еще ни своего Джона Брауна⁴³³, ни своего Авраама Линкольна⁴³⁴.

Не станем, однако, развивать тему, которая в XVIII веке доставила такой успех доктору Мандевиллю⁴³⁵. В конце концов, аналогии с ульем и муравейником являются скорее словесной игрой, чем приемом научного анализа. Жизнь муравьев и пчел воспроизводит из поколения в поколение одни и те же застывшие формы. Жизнь человеческого общества представляет непрерывное изменение форм. Вениамин Франклин охарактеризовал человека, как "животное, делающее орудия". Это замечательное определение лежит, к слову сказать, в основе марксистского понимания истории. Искусственное орудие есть динамический фактор: оно выделило человека из животного царства; оно придало размах работе человеческого интеллекта; оно вызвало смены рабства, феодализма, капитализма и советской системы.

Если бы насекомые "раньше людей" пришли к сознательному и творческому контролю на основе динамического хозяйства, то они перестали бы быть насекомыми. Как выглядело бы при этом их общество, мы затрудняемся сказать. Оставим поэтому область энтомологии⁴³⁷: дело идет о более близких нам социологических проблемах.

Мысль вопроса, очевидно, та, что универсальный всеохватывающий контроль должен убить индивидуальность, превратив живых людей в однородные социальные молекулы. Зло советской системы состоит, следовательно, в избытке контроля. Между тем ряд других вопросов обвиняет, как мы видели, Советы в том, что они отказываются подвергать государственному контролю наиболее интимную область личной жизни: любовь между мужчиной и женщиной, семью, половые отношения. Противоречие здесь совершенно очевидно!

Советы вовсе не ставят своей задачей держать под контролем умственные и нравственные силы человека. Наоборот, путем контроля над хозяйством, они хотят освободить человеческую личность -- не привилегированную, не аристократическую, а каждую человеческую личность -- от контроля рынка и его слепых сил.

Форд⁴³⁸ организовал производство автомобилей по системе конвейера⁴³⁹ и достиг этим огромного производственного эффекта. Социализм, если выделить его производственно-технический принцип, имеет задачей организовать все национальное и мировое хозяйство по системе конвейера: на основе плана и строгой пропорциональности частей. Неужели же человек недостаточно превосходит муравья или дождевого червя, чтобы взять на себя разрешение такого рода задачи? Принцип конвейера, перенесенный с отдельных заводов на все заводы и фермы должен дать такой производственный эффект, по отношению к которому нынешний опыт Форда будет выглядеть как жалкая ремесленная мастерская рядом с Детройтом⁴⁴⁰. Победивший природу человек перестанет в поте лица своего добывать насущный хлеб свой: в этом и состоит первое условие для освобождения личности.

Если для щедрого удовлетворения всех материальных потребностей достаточно будет, скажем, 3-4 часов работы в день, то в распоряжении каждого и каждой останется 20 часов, свободных от всякого "контроля". Кто думает, что идейная борьба и соревнование исчезнут при этом, тот плохо понимает природу человека и природу нового общества. Вопросы воспитания, усовершенствования физического и духовного склада человека станут в центре общего внимания, как сейчас стоят вопросы питания и обогащения. Различные философские и научные школы, борющиеся направления в литературе, архитектуре, искусстве вообще впервые захватят за живое не только верхушку, но всю толщу народа. Освобожденная от давления слепых экономических сил борьба группировок, течений и школ получит глубоко идейный и бескорыстный характер. В этой атмосфере человеческая личность не зачахнет, а наоборот, впервые расцветет полным цветом.

12. "Верно ли, что Советы учат детей не уважать своих родителей?"

Нет, в такой общей форме это утверждение карикатурно. Но верно то, что резкое движение вперед в области техники, идей или нравов ведет обычно к снижению авторитета старого поколения, в том числе и родителей. Верующие католики во Франции видели в устранении религии из школы злостный подрыв родительского авторитета. Когда профессора преподают теорию Дарвина, то авторитет родителей, верящих в происхождение Евы из адамова ребра, не может

не понизиться. В борьбе за свой авторитет родители штата Теннесси добились запрещения подобной пропаганды дарвинизма⁴⁴¹.

В Советском Союзе вследствие глубокого революционного переворота все конфликты несравненно острее и болезненнее. Нравы комсомола неизбежно сталкиваются с авторитетом тех родителей, которые все еще хотят по своему усмотрению женить сына или выдать замуж дочь. Красноармеец, научившийся управлять трактором и комбайном, не может признавать технический авторитет отца, применяющего деревянную соху.

Для поддержки своего достоинства отец не может уже просто указать рукой на икону в углу и подкрепить этот благочестивый жест пощечиной. Родителям приходится прибегать к духовному оружию. Дети, опирающиеся на официальный авторитет школы, оказываются, однако, лучше вооруженными. Ущемленное родительское самолюбие направляется нередко против государства. Так происходит обычно в тех семьях, которые враждебны новому режиму в основных его задачах. Большинство пролетарских родителей тем охотнее мирится с утратой части родительского авторитета, чем большую часть родительских забот государство берет на себя. Но конфликты поколений есть и в этой среде. В крестьянстве они особенно остры.

Хорошо ли это или плохо? Я думаю, что хорошо. Иначе не было бы движения вперед.

Позволю себе сослаться на личный жизненный опыт. Семнадцати лет я оказался вынужден порвать с родительской семьей. Отец пытался определить мой жизненный путь. Он заявил мне: "И через 300 лет не будет того, чего вы хотите". Речь шла при этом только о низвержении монархии. Впоследствии отец понял границы своего влияния, и связи с семьей восстановились. В последние годы жизни, после Октябрьского переворота, отец признался: "Твоя правда оказалась сильнее". Таких примеров были тысячи, затем сотни тысяч и миллионы. Они характеризуют критический перелом эпохи, когда рвется "связь времен". Путь прогресса -- тяжкий путь.

13. "Верно ли, что большевизм преследует религию и ставит вне закона религиозное богослужение?"

Это заведомо ложное утверждение опровергалось тысячи раз совершенно бесспорными фактами, доводами и свидетельскими показаниями. Почему же оно каждый раз всплывает снова? Потому, что церковь считает себя преследуемой, когда ее не поддерживают средствами бюджета и силою полиции и когда ее противники не подвергаются репрессиям. Во многих государствах научная критика религиозных верований, в особенности прямая пропаганда атеизма, считается преступлением; в некоторых терпится. Советское государство поступает иначе: отнюдь не считая богослужение преступлением, оно терпит существование разных религий, но в то же время открыто поддерживает материалистическую пропаганду против религиозных верований. Именно такое состояние воспринимается церковью, как преследование религии.

14. "Верно ли, что большевистское государство, будучи враждебно религии, тем не менее эксплуатирует предрассудки невежественных масс; в

частности, не потому ли большевики искусственно сохраняют мумию Ленина, что русские считают святого лишь в том случае достойным небес, если тело его сопротивляется разложению?"

Нет, это совершенно неправильное толкование, продиктованное предвзятостью и враждебностью. Я могу тем свободнее утверждать это, что с самого начала был решительным противником бальзамирования, мавзолея и пр., как и вдова Ленина Н.К.Крупская. Можно не сомневаться, что, если бы больному Ленину на минуту пришла в голову мысль, что с его трупом поступят, как с трупом фараона⁴⁴², он заранее с возмущением апеллировал бы к партии. Это соображение я и приводил, как главный довод: нельзя с телом Ленина поступать вопреки "духу" Ленина. Я ссылался также на то, что "нетленность" набальзамированного трупа может питать религиозные суеверия. Красин, сторонник и, кажется, инициатор бальзамирования, возражал: "Наоборот, то, что у попов было делом чуда, станет в наших руках делом техники. Миллионы и миллионы захотят представить себе, как выглядел человек, который внес такие большие изменения в жизнь страны; при помощи науки мы пойдем навстречу этому законному интересу масс; вместе с тем мы объясним им секрет нетленности".

Несомненно, что воздвижение мавзолея преследовало политические цели: внешне подкрепить авторитет учеников авторитетом учителя. Но видеть здесь эксплуатацию религиозных суеверий неосновательно: посетителям мавзолея разъясняют, что сохранение тела от разложения есть заслуга химии.

* * *

Наши ответы совершенно не преследуют задачи прикрасить нынешнее состояние Советского Союза, преувеличить экономические или культурные достижения, тем менее -- изобразить социализм как уже достигнутую ступень. Режим Советов является и долго еще останется переходным: не гармоничным, противоречивым и крайне тяжким для живущего и борющегося ныне поколения. Но надо брать факты в их развитии. Советский Союз получил в наследство империю Романовых⁴⁵⁰. Он живет пятнадцать лет во враждебном мировом окружении.

Состояние осажденной крепости придает диктатуре особенно суровые формы. Политика Японии меньше всего способствует развитию чувства безопасности. Но и тот факт, что Соединенные Штаты, ведшие войну против Советов на советской территории, до сих пор не установили с Москвой дипломатических отношений, имеет огромное -- разумеется, отрицательное -- влияние на внутренний режим в стране.

Л. Тр[оцкий]

15 августа 1932 г.

15. "Верно ли, что большевизм наказывает индивидуальный успех?"

Наиболее свободной ареной индивидуального успеха является биржа. Этой арены в СССР нет. Большевизм противодействует достижению индивидуального успеха путем эксплуатации других. Я не думаю, напр[имер], чтобы Порция, помешавшая Шейлоку использовать свой "индивидуальный успех" для получения

фунта мяса Антонио⁴⁴⁴, заслуживала порицания. Большевизм стремится личную корысть заместить другими более высокими стимулами, которые и в буржуазном режиме занимают уже заметное место: забота о личной репутации, уважение к общественному мнению, альтруизм, дух соревнования и пр. Однако прийти к такому новому экономическому и нравственному порядку можно лишь путем длительного социального перевоспитания. Пока еще большевизм вынужден не только не препятствовать огульно индивидуальному успеху, но в известных пределах опираться на него (сдельная плата рабочего, зависимость дохода колхозника от его работы и пр.). Эти неизбежные противоречия переходного режима будут еще длиться многие годы.

16. "Верно ли, что советское государство производит поддельную монету с целью уменьшить инфляцию?"

Прошу прощения: этот вопрос относится к области уголовной беллетристики.

17. "Верно ли, что советское государство убивает без суда в подземных погребках всех тех, кого оно подозревает в контрреволюционных тенденциях?"

Вряд ли кто-либо серьезно допускает, что Советы "убивают всех тех, кого подозревают". Можно обвинять Советы в жестоких репрессиях, но не в бессмысленных. Верно то, что в советском государстве имеются для государственных преступлений, рядом с обычным трибуналом, исключительные, не гласные суды. Верно также и то, что под высшей мерой наказания советское уголовное уложение понимает расстрел, а не повешение и не посадку на электрический стул. Производится ли расстрел в погребке, это не меняет его зловещего характера. Не только во время революций, но и во время контрреволюций все правительства прибегают к исключительным судам и к смертной казни. А сколько было расстреляно -- не на поле сражения, а по постановлению военных судов -- всеми воюющими государствами за четыре с лишним года войны? Эта статистика, насколько знаю, еще не подведена. Между тем перед ее цифрами побледнели бы самые страшные цифры революций.

18. "Верно ли, что советское государство превращает тысячи своих граждан в пленников, отказывая им в паспортах?"

В Советском Союзе, как уже сказано, все еще царит в значительной мере режим осажденной крепости. Правительства других государств, не задумывающиеся отказывать советским гражданам в визах, -- только в августе Голландия не допустила на свою территорию советскую делегацию антивоенного конгресса⁴⁴⁵, -- принимают в то же время, а некоторые и активно поддерживают контрреволюционную эмиграцию. Так, напр[имер], -- чтобы не возвращаться к недавнему прошлому, -- то обстоятельство, что Япония поддерживает и вооружает на Д[альнем] Востоке белогвардейцев, несомненно увеличит число репрессий со стороны Советов. Но не правильно ли будет, по крайней мере в этом случае, сказать, что главная ответственность падает на Японию?

19. "Верно ли, что советское государство убивает тысячи зажиточных крестьян, отнимая у них их собственность и ссылая их, вместе с семьями, в дикие места?"

Верно то, что богатые крестьяне, живущие эксплуатацией деревни и противодействующие социалистическим мерам, нередко встречают суровый отпор со стороны власти. Так было и при переходе к коллективизации. Ни одна большая социальная реформа (напр[имер], уничтожение рабства) не обошлась без больших жертв. Социальные реформы большевизма глубже и радикальнее, чем перемены всех предшествующих революций. Оттого так упорно сопротивление, и так свирепа борьба. Можно отвергать советскую революцию в целом, а тем самым и ее репрессии. Но кто принимает революцию, вынужден принимать ее последствия. Я принадлежу к тем, которые стоят на почве Октябрьской революции, и готов нести ответственность за все ее последствия, за все ее жестокости и даже за ее ошибки.

20. "Верно ли, что советское государство более беспощадно в деле ссылки и смертной казни по отношению к своим противникам, чем самый кровавый из царей?"

Ответ по существу уже дан выше. Преступления царей вовсе не однородны. Жестокости Ивана Грозного⁴⁴⁶ сопутствовали борьбе с боярским феодализмом, жестокости Петра Великого⁴⁴⁷ вытекали из стремления вырваться из варварской отсталости. Преступления Николая II⁴⁴⁸ состояли не в карах и жестокостях самих по себе, а в исторической бессмысленности этих жестокостей и кар. Переживший себя царизм отстаивал строй, основанный на рабстве, темноте, невежестве. Нет жертв, которые можно было бы считать слишком высокими, чтоб вырвать народ из такого унижительного состояния.

21. "Верно ли, что советское государство секретно субсидирует группы в чужих странах для раздувания революции?"

22. "Верно ли, что советское государство субсидирует все коммунистические газеты в С[оединенных] Штатах?"

Нет, не верно. Но верно, что коммунистическая партия и профессиональные союзы СССР оказывают поддержку своим единомышленникам в ряде стран. Когда мы боролись с царизмом, то родственные или сочувственные нам политические организации в С[оединенных] Штатах и других странах оказывали нашей борьбе щедрую помощь. Съезду нашей партии, происходившему в 1907 году в Лондоне⁴⁴⁹, одна из радикальных религиозных сект уступила свою церковь в качестве помещения. Один из лондонских либералов, т. е. членов правящей партии, дал на покрытие расходов нашего съезда взаймы три тысячи фунтов стерлингов⁴⁵⁰. Таких примеров можно привести сотни.

Получает ли американская компартия в настоящее время помощь от русской компартии на свою прессу и велика ли эта помощь, я не знаю, но вполне допускаю такую возможность. С точки зрения принципов интернационализма было бы непостижимо, если бы богатая организация одной страны не помогала своим единомышленникам в другой стране.

23. "Верно ли, что русская коммунистическая партия присваивает себе право диктовать политику коммунистическим партиям во всех других странах, вмешиваясь, таким образом, во внутренние дела и в управление других суверенных наций?"

Русская коммунистическая партия имеет несомненно очень большое, во многих отношениях решающее, влияние на политику других коммунистических партий. Я лично не думаю, что это влияние всегда благотворно; наоборот, я не раз за последние годы открыто критиковал его. Но видеть в международном влиянии определенных идей вмешательство во внутренние дела других стран значит давать фактам явно ошибочное толкование. Можно ли сказать, напр[имер], что энциклики римского папы⁴⁵¹, обязательные для всех верующих католиков, представляют вмешательство во внутренние дела тех стран, которые числят католиков среди своих граждан? Не являются ли американские фильмы, разносящие по всему миру вкусы, привычки и моральные критерии янки, орудием крайне могущественного "вмешательства" во внутреннюю жизнь суверенных наций? Обильная пропагандистская литература, которой снабжают меня в моем уединении на Принкипо различные американские религиозные организации, явно стремится не только спасти мою душу, но и сделать ее медиумом определенных религиозных и политических влияний. Считать ли программу большевизма или программу римского престола благотворной или вредной, -- это вопрос политических убеждений. Но пытаться перевести этот вопрос на дипломатические рельсы -- задача безнадежная.

24. "Верно ли, что в то время как Сталин и др[угие] лидеры получают для показу только несколько долларов в неделю, они занимают дворцы, пользуются дорогими автомобилями, получают роскошные одежды за счет государства и командуют не меньшей свитой слуг, чем великие князья при старом режиме?"

Несомненно, что известным должностям, помимо скромного жалованья, присвоены большие привилегии: секретари, автомобили и пр. Поскольку это вызывается интересами дела, такие преимущества не встречают возражений со стороны общественного мнения трудящихся масс. Что касается роскошных одежд и штата слуг, то это явное измышление. Разумеется, и в Советском Союзе встречаются злоупотребления своим положением. Но дело идет об исключениях, а не о правиле. В частности, упомянутый в вопросе Сталин ведет совершенно скромный образ жизни, как и все старые революционеры, прошедшие определенную школу и не чувствующие потребности менять свои вкусы и привычки.

25. "Каким образом советское правительство сможет продолжать после этого года платить за импорт из Германии, Англии, С[оединенных] Штатов и др[угих] стран ввиду того факта, что его векселя учитываются уже из 30 и 40%, а его импорт превосходит его экспорт на сумму свыше ста миллионов долларов?"

26. "Каким образом Советская Россия сможет заплатить свой коммерческий долг Германии, который поднимается до 400 миллионов долларов и значительная часть которого подлежит уплате в этом году?"

Факт таков, что Советский Союз до сих пор был и остается безупречным должником. Он не пользуется ни мораториями, ни замороженными кредитами. Ростовщические проценты учета советских векселей говорят не о некредитоспособности Советов, а о силе враждебного давления извне на советское хозяйство: это есть блокада, переведенная на язык черной биржи.

Что мировой кризис и его административная свита (рост таможенных ставок, контингентирование, борьба против мнимого демпинга⁴⁵² и пр.) создают для Советского Союза, как экспортера, серьезные затруднения, совершенно неоспоримо. Однако заинтересованные английские наблюдатели и эксперты пришли к выводу, что нет основания, по крайней мере в течение ближайших двух-трех лет, опасаться со стороны СССР приостановки уплаты платежей (см. "Финаншал Ньюс"⁴⁵³, 6 июня 1932 г.). Это не значит, разумеется, что банкротство наступит через три года: при нынешнем положении мирового хозяйства самые дальновзоркие люди не решаются заглядывать дальше двух-трех лет вперед.

Несколько сот миллионов долларов иностранных обязательств Советского Союза представляют с точки зрения общего роста производительных сил страны более чем скромную величину. Практически вопрос сводится к тому, смогут ли богатейшие капиталистические государства поглотить на соответствующую сумму советское зерно, нефть, лес и пр. Иначе сказать: будет ли мировое хозяйство в ближайшие годы подниматься, или наоборот, гнить и распадаться? При самом скромном повышении конъюнктуры мировой рынок без всяких затруднений покроет советские кредиты советским экспортом. В случае же дальнейшего углубления кризиса надо ждать таких гигантских мировых катастроф, на фоне которых вопрос о сотне-другой миллионов долларов советского долга потеряет всякое значение.

Если бы заводы Америки и Европы работали сегодня полным ходом, уклонение от больших сделок со страной "социалистических химер" было бы еще объяснимо. Но когда заводы стоят и разрушаются, а рабочая сила изнашивается в бездействии и нужде, чудовищной бессмыслицей является отказ от развития экономических отношений, риск которых не выше, а ниже всякого другого коммерческого риска в нынешнюю эпоху хаоса и потрясений. Ибо, как ни относиться к монополии внешней торговли, неоспоримо одно: она дает полную возможность заранее согласовывать экспорт и импорт и, следовательно обеспечивать платежи. В то же время она ставит все международные операции Советов под стеклянный колпак и позволяет контрагентам внимательно следить за состоянием советского расчетного баланса.

27. "Какова предполагаемая продукция советского хлопка в этом году и предположено ли какое-нибудь количество для экспорта?"

Прошлогодний урожай дал 24,4 миллиона пудов хлопкового волокна. В нынешнем году предполагалось собрать 33,1 миллиона пудов. В какой мере эта цифра будет достигнута, сейчас еще сказать нельзя. Во всяком случае она не будет превзойдена.

Правительственное постановление от 18 июня 1929 года гласило: "К концу пятилетки не только освободить текстильную промышленность Союза от ввозимого заграничного хлопка, но и иметь необходимый резерв для дальнейшего расширения текстильной промышленности". Экспорт хлопка, следовательно, не предполагался. Из внутренних потребностей советского хозяйства он во всяком случае не вытекает. Страна испытывает острый товарный голод. Повышение продукции текстильной промышленности должно явиться одним из важнейших

условий для достижения правильных экономических взаимоотношений между городом и деревней. Только под давлением потребностей импорта Советы могли бы оказаться вынуждены прибегнуть к экспорту хлопка. Наоборот, урегулирование вопросов коммерческого кредита Советов на международном рынке позволило бы Советам расширить собственную текстильную продукцию и надолго сняло бы вопрос о вывозе хлопка.

28. "Почему спустя 15 лет после ликвидации капиталистов советское правительство не дерзает позволить свободу операций, свободу речи, печати и собраний и выборы путем тайного голосования?"

Вопрос производил бы несравненно более сильное впечатление, если бы остальной мир эволюционировал за этот период в сторону свободы, демократии и добрососедских отношений. На самом деле возрастающая часть Европы стоит под разными видами диктатуры. Азия сотрясается грандиозной национальной и социальной борьбой. Южная Америка не выходит из конвульсий. К 15-му году республики высокоцивилизованная Германия установила диктатуру остэльбских баронов, на смену которой собирается стать фашистская диктатура. Наконец, -- позволим себе присовокупить и это -- никто по сю сторону океана не считает, что С[оединенные] Штаты стали демократичнее, свободолюбивее и гостеприимнее, чем были до великой войны. Между тем капитализм, на основе которого происходят ныне все эти процессы упадка свободы и демократии, существует не 15, а многие сотни лет.

Почему, -- мы подходим здесь к тому же вопросу с другой стороны, -- несмотря на то, что Советы существуют уже 15 лет, некоторые государства не хотят их признать? Разве один этот факт не усугубляет того тяжкого международного давления, которое испытывает на себе Советский Союз? И разве не ясно, что это давление крайне неблагоприятно отражается на внутреннем режиме Советов?

Л. Троцкий

Принкипо, 17 сентября 1932 г.

Ответы на вопросы редакции New York Times⁴⁵⁴

1. Чтобы ответить на первый вопрос, я должен опять расчленить два понятия: советский режим, т. е. режим диктатуры пролетариата, и сталинский режим, представляющий бюрократическое извращение советского режима. Во имя упрочения и развития советской системы я веду борьбу против сталинского режима.

2. Я никогда не говорил, что нынешняя стадия революции является "термидорианской". Историческое понятие термидора имеет очень определенное содержание: оно означает заверченный первый этап победоносной контрреволюции. Термидор в СССР не мог бы означать ничего другого, как приход к власти, хотя бы на первых порах, в полумаскированной форме, буржуазии, и следовательно, крушение октябрьской революции. Нигде и никогда я не говорил, что октябрьская революция потерпела крушение. Эту мысль мне

упорно приписывает пресса Сталина в целях, не имеющих ничего общего с интересами партии.

На самом деле я утверждал и утверждаю, что на фундаменте октябрьской революции сформировался могущественный слой бюрократии, в котором очень сильны активные и пассивные термидорианские тенденции. Однако до победы их еще далеко. Противодействие этим тенденциям состоит в борьбе за самостоятельность коммунистической партии, профессиональных союзов и Советов и за их бдительный контроль над бюрократией.

Этот взгляд ни в коем случае не сложился у меня после моей высылки из СССР; наоборот, он послужил причиной высылки: бюрократия не выносит покушений на ее командную роль.

Опасность термидорианских тенденций бюрократии была совершенно ясна Ленину. Он предостерегал против этой опасности в своей последней речи на XI съезде партии в 1922 году⁴⁵⁵. Последняя моя беседа с Лениным была посвящена тому же вопросу. Ленин предложил мне союз с ним против бюрократизма, центром которого он считал, как и я, руководимый Сталиным аппарат партии⁴⁵⁶. Вторая болезнь Ленина оборвала выполнение этого плана.

3. Вопрос об индустриализации, в частности о пятилетнем плане, был одним из главных пунктов борьбы между сталинской фракцией и левой оппозицией, к которой я принадлежу. До февраля 1928 года сталинская фракция считала необходимым опираться на крепкого крестьянина и отказывалась возлагать на него жертву в интересах индустриализации. Плановое начало подвергалось бюрократией посмеянию: "Мы зависим от дождя, а не от плана. В 1925 году я выпустил книгу "К капитализму или к социализму"⁴⁵⁷, в которой доказывал, что, при правильном руководстве, промышленность может давать 20% и более годового прироста. Сталин и Молотов считали эти цифры фантастическими и обвиняли левую оппозицию в "сверхиндустриализаторстве". Уже эти беглые исторические намеки достаточны для того, чтобы объяснить мое отношение к пятилетнему плану: я считаю его, несмотря на грубые ошибки руководства, вытекающие из бюрократической непредусмотрительности, величайшим шагом вперед в развитии не только СССР, но и человечества.

4. Вы поднимаете вопрос о социализме в отдельной стране? Неизбежность социализма вырастает исторически из того, что нынешние производительные силы человечества стали несовместимы не только с частной собственностью на средства производства, но и с нынешними национальными границами, особенно в Европе. Как средневековый партикуляризм стеснял развитие молодого капитализма, так достигший наивысшего развития капитализм задыхается в рамках национальных государств. Социализм не может укладывать производительные силы в прокрустово ложе⁴⁵⁸ национальных государств. Социалистическое хозяйство будет развиваться на основе мирового разделения труда, могучие предпосылки которого созданы капитализмом.

Советское хозяйственное строительство является в моих глазах частью будущего европейского, азиатского и мирового социалистического здания, а не самостоятельным национальным целым.

5. "Компромисс" между советской системой и капиталистической есть вопрос не будущего, а настоящего. Он уже сегодня является фактом, хотя и не очень устойчивым. Как дальше будут развиваться взаимоотношения между изолированным Советским Союзом и капиталистическим миром? Конкретные предсказания не легки. Но в общем я бы поставил такой гороскоп: европейский капитализм гораздо ближе к социалистической революции, чем Советский Союз - к национальному социалистическому обществу.

6. Советское правительство заинтересовано в поддержании мирных отношений. Свою волю к миру советское правительство доказало и доказывает всеми теми способами, какие только могут быть в распоряжении правительства. Правда, в Париже считают, что предложение Советами всеобщего разоружения⁴⁵⁹ есть доказательство воинственных намерений Москвы, и наоборот, отказ Франции встать на путь разоружения есть выражение ее миролюбивых намерений. Сообразно той же логике официальная французская печать считает, что вторжение [...] ⁴⁶⁰ Бандитами именуются не те, которые вторгаются в чужой дом, а те, которые защищают свой собственный. Но с этим трудно согласиться.

7, 8, 9. 7. Нынешний экономический кризис является несомненным выражением того, что мировой капитализм пережил себя как система. Вопрос об исторических сроках его смены другой системой решается, разумеется, неодинаково для разных стран и особенно для разных частей света. Нынешней Европе нет выхода. Если автоматическая работа законов рынка и приведет через год-два к смягчению кризиса в Европе, то через сравнительно короткий срок он вернется с удвоенной силой. Производительные силы задыхаются в национальных клетках Европы. Дилетантский план г. Бриана объединить Европу не вышел и никогда не выйдет из лаборатории канцелярий и редакций. Правящие классы печат кризис дальнейшим экономическим раздроблением Европы, усилением протекционизма и милитаризма. В этих условиях я не вижу никаких перспектив для действительной стабилизации европейского капитализма.

10. Этот вопрос тесно связан с первыми двумя. Экономические успехи чрезвычайно усилили, разумеется, Советский Союз. Вместе с тем они чрезвычайно ослабили позиции сталинского аппарата. В этом нет никакого противоречия. Прежде всего для всех сознательных элементов населения СССР совершенно ясно, что успехи в области индустриализации и коллективизации стали возможны только потому, что сталинская бюрократия, наткнувшись вплотную на противодействие [...] ⁴⁶¹ протезированного ей кулака, отказавшего государству в хлебе, вынуждена была усвоить и применять программу левой оппозиции. Сталин поступил с нашей программой так, примерно, как Брит[анский] [...] ⁴⁶² Макдональд - с протекционистской программой Жозефа Чемберлена⁴⁶³, жестоко разбитого в свое время на выборах. Сегодня Чемберлен (отец, а не сыновья) во всяком случае популярнее в Англии, чем Макдональд. Правда, Чемберлен давно сошел в могилу. Но главные деятели русской оппозиции живы. Раковский из Барнаула внимательно следит за всеми процессами в наст[оящее] [...] ⁴⁶⁴

Вторая, еще более важная причина ослабления позиций сталинской

бюрократии состоит в том, что экономические успехи чрезвычайно повысили не только численность русских рабочих, но также их культурный уровень, уверенность в своих силах и чувство независимости. Все эти черты плохо мирятся с бюрократической опекой. Между тем сталинский аппарат в борьбе за свое господство доводит бюрократический режим [...]465

Я особенно подчеркиваю это обстоятельство: экономические успехи, как это не раз бывало в истории, не укрепили, а наоборот, подорвали позиции правящего слоя. Серьезные перемены в методах советского режима я считаю совершенно неизбежными, притом в более или менее близком будущем. Эти перемены будут означать удар по диктатуре сталинской бюрократии и несомненно расчистят путь для расцвета советской демократии на основах, заложенных октябрьской революцией.

11 и 12. Я думаю, что эти изменения сделают возможным и неизбежным возвращение левой оппозиции к активной работе в Советском Союзе.

13. 14. Сообщение о том, будто я призывал немецких коммунистов к поддержке правительства Брюнинга466, разумеется, ложно. Такого рода план приписан мне сталинской печатью и подхвачен затем плохо разбирающимися журналистами. Я предлагал германским коммунистам проводить политику так называемого единого фронта. Социал-демократия находится в антагонизме с национал-социалистами. Коммунисты должны предложить социал-демократии и руководимым ею профессиональным союзам программу совместной практической борьбы против наступления фашистов. Социал-демократические массы вполне искренно хотят вести такую борьбу. Если вожди откажутся, они себя скомпрометируют в глазах собственных масс. Если вожди согласятся, массы на практике пойдут дальше вождей и поддержат коммунистов. Надо уметь использовать разногласия в лагере противников и врагов. Только при такой гибкой политике можно подниматься со ступеньки на ступеньку вверх. Стратегия знает не только штурм, но и маневр. Я нисколько не сомневаюсь, что германская коммунистическая партия, несмотря на сопротивление сталинской бюрократии, усвоит себе ту стратегию, благодаря которой большевизм только и мог прийти к власти.

15. Я думаю, что в результате нынешнего кризиса перевес американского капитализма над европейским еще более возрастет: так в результате каждого кризиса возрастает перевес крупного предприятия над мелким, треста над изолированным предприятием.

Однако неизбежный рост мировой гегемонии Соединенных Штатов внесет дальнейшие глубокие противоречия как в экономику, так и в политику великой американской республики. [...]467 успех?"

Наиболее свободной ареной индивидуального успеха является биржа. Этой арены в СССР нет. Большевизм противодействует достижению индивидуального успеха путем эксплуатации других. Я не думаю, напр[имер], чтобы Порция, помешавшая Шейлоку использовать свой "индивидуальный" успех для получения фунта мяса Антонио, заслуживала порицания. Большевизм стремится личную корысть заместить другими более высокими стимулами, которые в буржуазном

режиме занимают уже заметное место; забота о личной репутации, уважение к общественному мнению, альтруизм, дух соревнования и пр. Однако придти к такому новому экономическому и нравственному порядку можно лишь путем длительного социального перевоспитания. Пока еще большевизм вынужден не только не препятствовать огульно индивидуальному успеху, но в известных пределах опираться на него (сдельная плата рабочего, зависимость дохода колхозника от его работы и пр.). Эти неизбежные противоречия переходного режима будут еще длиться многие годы.

16. "Верно ли, что советское государство производит поддельную монету с целью уменьшить инфляцию?"

Прошу прощения: этот вопрос относится к области уголовной беллетристики.

17. "Верно ли, что советское государство убивает без суда в подземных погребках всех тех, кого оно подозревает в контрреволюционных тенденциях?"

Вряд ли кто-нибудь серьезно допускает, что советские "убивают всех тех, кого подозревают". Можно обвинять советские в жестоких репрессиях, но не в бессмысленных. Верно то, что в советском государстве имеются для государственных преступлений, рядом с обычным трибуналом, исключительные, не гласные суды. Верно также и то, что под высшей мерой наказания советское уголовное уложение понимает расстрел, а не повешение и не посадку на электрический стул. Производится ли расстрел в подвале или на пустыре, это не меняет его зловещего характера. Не только во время революций, но и во время контрреволюций все правительства прибегают к исключительным судам и к смертной казни. А сколько было расстреляно - не на поле сражения, а по постановлению военных судов - всеми воюющими государствами за четыре с лишним года войны? Эта статистика, насколько знаю, еще не подведена. Между тем, перед ее цифрами побледнели бы самые страшные цифры революций.

18. "Верно ли, что советское государство превращает тысячи своих граждан в пленников, отказывая им в паспортах?"

В Советском Союзе, как уже сказано, все еще царит в значительной мере режим осажденной крепости. Правительства других государств, не задумывающиеся отказывать советским гражданам в визах, - только в августе Голландия не допустила на свою территорию советскую делегацию антивоенного конгресса, - принимают в то же время, а некоторые и активно поддерживают контрреволюционную эмиграцию. Так, напр[имер], чтобы не возвращаться к недавнему прошлому, - то обстоятельство, что Япония поддерживает и вооружает на Д[альнем] Востоке белогвардейцев, несомненно увеличит число репрессий со стороны Советов. Но не правильно ли будет, по крайней мере, в этом случае, сказать, что главная ответственность падает на Японию?

19. "Верно ли, что советское государство убивает тысячи зажиточных крестьян, отнимая у них их собственность и ссылая их, вместе с их семьями, в дикие места?"

Верно то, что богатые крестьяне, живущие эксплуатацией деревни и противодействующие социалистическим мерам, нередко встречают суровый отпор

со стороны власти. Так было и при переходе к коллективизации. Ни одна большая социальная реформа (напр[имер], уничтожение рабства) не обошлась без больших жертв. Социальные реформы большевизма глубже и радикальнее, чем перемены всех предшествующих революций. Оттого так упорно сопротивление, и так свирепа борьба. Можно отвергать советскую революцию в целом, а тем самым и ее репрессии. Но кто принимает революцию, вынужден принимать ее последствия. Я принадлежу к тем, которые стоят на почве октябрьской революции, и готов нести ответственность за все ее последствия, за все ее жестокости и даже за ее ошибки.

20. "Верно ли, что советское государство более беспощадно в деле ссылки и смертной казни по отношению к своим противникам, чем самый кровавый из царей?"

Ответ, по существу, уже дан выше. Преступления царей вовсе не однородны. Жестокости Иоанна Грозного сопутствовали борьбе с боярским феодализмом, жестокости Петра Великого вытекали из стремления вырваться из варварской отсталости. Преступления Николая II-го состояли не в карах и жестокостях самих по себе, а в исторической бессмысленности этих жестокостей и кар. Переживший себя царизм отстаивал строй, основанный на рабстве, темноте, невежестве. Нет жертв, которые можно было бы счесть слишком высокими, чтоб вырвать народ из такого унижительного состояния.

21. "Верно ли, что советское государство секретно субсидирует группы в чужих странах для раздувания революции?"

22. "Верно ли, что советское государство субсидирует все коммунистические газеты в С[оединенных] Штатах?"

Нет, не верно. Но верно, что коммунистическая партия и профессиональные союзы СССР оказывают поддержку своим единомышленникам в ряде стран. Когда мы боролись с царизмом, то родственные или сочувственные нам политические организации в С[оединенных] Штатах и других странах оказывали нашей борьбе щедрую помощь. Съезду нашей партии, происходившему в 1907 году в Лондоне, одна из радикальных религиозных сект уступила свою церковь в качестве помещения. Один из лондонских либералов, т. е. членов правящей партии, дал на покрытие расходов нашего съезда займы три тысячи фунтов стерлингов. Таких примеров можно привести сотни.

Получает ли американская компартия в настоящее время помощь от русской компартии на свою прессу, и велика ли эта помощь, я не знаю, но вполне допускаю такую возможность. С точки зрения принципов интернационализма было бы непостижимо, если бы богатая организация одной страны не помогала своим единомышленникам в другой стране.

23. "Верно ли, что русская коммунистическая партия присваивает себе право диктовать политику коммунистическим партиям во всех других странах, вмешиваясь, таким образом, во внутренние дела и в управление других суверенных наций?"

Русская коммунистическая партия имеет, несомненно, очень большое, во многих отношениях решающее влияние на политику других коммунистических

партий. Я лично не думаю, что это влияние всегда благотворно; наоборот, я не раз за последние годы открыто критиковал его. Но видеть в международном влиянии определенных идей вмешательство во внутренние дела других стран значит давать фактам явно ошибочное толкование. Можно ли сказать, напр[имер], что энциклики римского папы, обязательные для всех верующих католиков, представляют вмешательство во внутренние дела тех стран, которые числят католиков среди своих граждан? Не являются ли американские фильмы, разносящие по всему миру вкусы, привычки и моральные критерии янки, орудием крайне могущественного "вмешательства" во внутреннюю жизнь суверенных наций? Обильная и пропагандистская литература, которую снабжают меня в моем уединении на Принкипо различные американские религиозные организации, явно стремится не только спасти мою душу, но и сделать ее медиумом определенных религиозных и политических влияний. Считать ли программу большевизма или программу римского престола благотворной или вредной, - это вопрос политических убеждений; но пытаться перевести этот вопрос на дипломатические рельсы - задача безнадежная.

24. "Верно ли, что в то время, как Сталин и др[угие] лидеры получают для показа только несколько долларов в неделю, они занимают дворцы, пользуются дорогими автомобилями, получают роскошные одежды за счет государства и командуют не меньшей свитой слуг, чем великие князья при старом режиме?"

Несомненно, что известным должностям, помимо скромного жалованья, присвоены большие привилегии: секретари, автомобили и пр. Поскольку это вызывается интересами дела, такие преимущества не встречают протеста со стороны общественного мнения трудящихся масс. Что касается роскошных одежд и штата слуг, то это явное измышление. Разумеется, в Советском Союзе встречаются злоупотребления своим положением. Но дело идет об исключениях, а не о правиле. В частности, упомянутый в вопросе Сталин ведет совершенно скромный образ жизни, как и все старые революционеры, прошедшие определенную школу и не чувствующие никакой потребности менять свои вкусы и привычки.

25. "Каким образом советское правительство сможет продолжать после этого года платить за импорт из Германии, Англии, С[оединенных] Штатов и др[угих] стран ввиду того факта, что его векселя учитываются уже из 30 и 40 %, а его импорт превосходит его экспорт на свыше ста миллионов долларов?"

26. "Каким образом Советская Россия сможет заплатить свой коммерческий долг Германии, который поднимается до 400 миллионов долларов и значительная часть которого подлежит уплате в этом году?"

Факт таков, что Советский Союз до сих пор был и остается безупречным должником. Он не пользуется ни мораториями, ни замороженными кредитами. Ростовщические проценты учета советских векселей говорят не о некредитоспособности советов, а о силе враждебного давления извне на советское хозяйство: это есть блокада, переведенная на язык учета.

Что мировой кризис и его административная свита (рост таможенных ставок, контингентирование, борьба против мнимого демпинга и пр.) создают

для Советского Союза, как экспортера, серьезные затруднения, совершенно неоспоримо. Однако заинтересованные английские наблюдатели и эксперты пришли к выводу, что нет основания, по крайней мере, в течение ближайших двух-трех лет, опасаться со стороны СССР приостановки уплаты платежей (см. Финаншал Ньюс, 6 июня 1932 г.). Это не значит, разумеется, что банкротство наступит через три года: при нынешнем положении мирового хозяйства самые дальновзоркие люди не решаются заглядывать дальше двух-трех лет вперед.

Несколько сот миллионов долларов иностранных обязательств Советского Союза представляют с точки зрения общего роста производительных сил страны более чем скромную величину. Практически вопрос сводится к тому, смогут ли богатейшие капиталистические государства поглотить на соответствующую сумму советское зерно, нефть, лес и пр. Иначе сказать: будет ли мировое хозяйство в ближайшие годы подниматься, или, наоборот, гнить и распадаться? При самом скромном повышении конъюнктуры мировой рынок без всяких затруднений покроет советские кредиты советским экспортом. В случае же дальнейшего углубления кризиса надо ждать таких гигантских мировых катастроф, на фоне которых вопрос о сотне миллионов долларов советского долга потеряет всякое значение.

Если бы заводы Америки и Европы работали сегодня полным ходом, уклонение от больших сделок со страной "социалистических химер" было бы еще объяснимо. Но когда заводы стоят и разрушаются, а рабочая сила изнашивается в бездействии и нужде, чудовищной бессмыслицей является отказ от развития экономических отношений, риск которых не выше, а ниже всякого другого коммерческого риска в нынешнюю эпоху хаоса и потрясений. Ибо, как ни относиться к монополии внешней торговли, неоспоримо одно: она дает полную возможность заранее обеспечивать платежи. В то же время она ставит все международные операции советов под стеклянный колпак и позволяет контрагентам внимательно следить за состоянием советского расчетного баланса.

27. "Какова предполагаемая продукция советского хлопка в этом году и предположено ли какое-нибудь количество для экспорта?"

Прошлогодний урожай дал 24,4 миллиона пудов хлопкового волокна. В нынешнем году предполагалось собрать 33,4 миллиона пудов. В какой мере эта цифра будет достигнута, сейчас еще сказать нельзя. Во всяком случае, она не будет превзойдена.

Правительственное постановление от 18 июня 1929 года гласило: "К концу пятилетки не только освободить текстильную промышленность Союза от ввозного заграничного хлопка, но и иметь необходимый резерв для дальнейшего расширения текстильной промышленности". Экспорт хлопка, следовательно, не предполагается. Из внутренних потребностей советского хозяйства он, во всяком случае, не вытекает. Страна испытывает острый товарный голод. Повышение продукции текстильной промышленности должно явиться одним из важнейших условий для достижения правильных экономических взаимоотношений между городом и деревней. Только под давлением потребностей импорта советы могли бы оказаться вынуждены прибегнуть к экспорту хлопка. Наоборот,

урегулирование вопросов коммерческого кредита советов на международном рынке позволило бы советам расширить собственную текстильную продукцию и надолго сняло бы вопрос о вывозе хлопка.

28. "Почему спустя 15 лет после ликвидации капиталистов Советское правительство не дерзает позволить свободу операций, свободу речи, печати и собраний и выборы путем тайного голосования?"

Вопрос производил бы несравненно более сильное впечатление, если бы остальной мир эволюционировал за этот период в сторону свободы, демократии и добрососедских отношений. На самом деле возрастающая часть Европы стоит под разными видами диктатуры. Азия сотрясается грандиозной национальной и социальной борьбой. Южная Америка не выходит из конвульсий. К 15-му году республики высококвалифицированная Германия установила диктатуру остальбских баронов, на смену которой собирается стать фашистская диктатура. Наконец, - позволим себе присовокупить и это, - никто по сю сторону океана не считает, что С[оединенные] Штаты стали демократичнее, свободолюбивее и гостеприимнее, чем были до великой войны. Между тем капитализм, на основе которого происходят ныне все эти процессы упадка свободы и демократии, существует не 15, а многие сотни лет.

Почему, - мы подходим здесь к тому же вопросу с другой стороны, - несмотря на то, что Советы существуют уже 15 лет, некоторые государства не хотят их признать? Разве один этот факт не усугубляет того тяжкого международного давления, которое испытывает на себе Советский Союз? И разве не ясно, что это давление крайне неблагоприятно отражается на внутреннем режиме Советов

[Л.Д.Троцкий]

Принкипо

17 сентября 1932 [г.]

[Письмо А.Д.Кауну]

21 сентября 1932 г.

Дорогой Александр Давыдович!

Спасибо за весточку. Перспектива поездки в Чехословакию потерпела, как вы знаете из газет, крушение. У меня нет ни малейшего основания считать правительство Чехословацкой республики обязанным предоставить мне визу. Но я должен сказать, что у этих господ странная система отказывать в визе. Обратился я к ним по инициативе одного из министров. Я долго сопротивлялся, считая обращение безнадежным. Но меня уверяли, что в правительстве дело обстоит очень благоприятно. Я написал надлежащую бумажку. Через несколько месяцев они мне поставили определенные и точные условия. Я их столь же определенно и точно принял. Это было еще в феврале или в марте этого года. После того прошло опять несколько месяцев, занятых всякими формальными пустяками. Все канцелярские затруднения были по существу улажены. Визы Турции, Италии и Австрии были обеспечены - туда и обратно. После всех этих

работ и хлопот, поисков и телеграфных расходов, они заявили, что визы дать не могут. Огорчен я весьма мало и просто регистрирую все это, как политический эпизод.

Как показали выборы в штате Мэн⁴⁶⁸, шансы демократов⁴⁶⁹ очень высоки. Республиканцы⁴⁷⁰ действуют биржевым ажиотажем. Этот ажиотаж в общем и целом подготавливает положительный перелом конъюнктуры. Но срок перелома нигде еще не написан. А главное, по пути к действительному промышленному торговому оживлению биржевой ажиотаж, чересчур забежавший вперед, должен непременно дать осечку. Сейчас многое зависит от того, произойдет ли эта осечка до президентских выборов или после них. Если до, то она сломит Гуверу позвоночник. Но даже и при затяжке повышательного движения биржи не исключена, хотя и менее обеспечена, победа демократов.

Луис Фишер принадлежит к группе тех интернациональных журналистов, которые не участвуют в прямой травле против меня, наоборот, всячески обнаруживают свое "беспристрастие", но только для того, чтобы иметь возможность оказать тем большую услугу сталинской бюрократии. Эта последняя поняла, наконец, что грубиянские писания чиновников не производят впечатления на широкие круги читателей, и решила поэтому привлечь к делу беспристрастных и популярных писателей. С этой целью Эмиль Людвиг⁴⁷² был приглашен в Москву. Его новая книга есть, по существу, попытка ответа на мою автобиографию. Все эти "беспристрастные" пользуются самыми разнообразными "услугами" сталинской бюрократии. Помните, у Золя в его "Деньгах"⁴⁷³ финансовая печать делится на две группы: продажную и честную; "честная стоит дороже". "Беспристрастные" тоже обходятся дороже. Но я не сомневаюсь, что истина проложит себе дорогу.

Крайне тревожный характер имеет экономическое и политическое положение в СССР. Что пятилетний план не выполнен в четыре года (фактически в четыре года и три месяца), это сейчас уже признается открыто в советской печати. Но суть не в сроке, ибо дело идет не о спорте. Суть - в страшно выросших и обострившихся диспропорциях, которые на всех участках приводят к прорывам и взрывам. Как ухватятся за надвинувшийся кризис буржуазные экономисты, либералы и пр., особенно, если советский кризис совпадет с началом известного оживления на капиталистическом рынке?

Посылаю вам свежий номер "Бюллетеня".

Сердечный привет вашей жене и вам от всех нас.

[Л.Д.Троцкий]

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ А. ФИЛДА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. ФИШЕРА

1. Что существование Советского Союза имеет международное революционное значение есть общее место, одинаково признаваемое и друзьями и врагами. Однако, несмотря на существование Советского Союза, пролетарская революция за 15 лет не победила ни в какой другой стране. В самой России пролетариат

победил, несмотря на то что нигде не было советского государства. Для победы нужны не только известные объективные условия, внутренние и международные, но и определенный субъективный фактор: партия, руководство, стратегия. Разногласия наши со Сталиным имеют целиком стратегический характер. Достаточно сказать: если бы мы проводили в 1917 году политику Сталина, советского государства не было бы на свете.

2. Это утверждение Л. Фишера, как впрочем и ряд других, обнаруживает незнакомство его с теорией и историей большевизма. В 1917 году не было ни одного большевика, который считал бы возможным осуществление социалистического общества в отдельной стране, особенно в России. В Приложении к своей "Истории Октябрьской революции" (она должна выйти в ближайшем месяце у Саймона и Шустера) я даю подробный и строго документальный очерк взглядов большевистской партии на Октябрьскую революцию. Этот очерк, как я надеюсь, сделает раз навсегда невозможным приписывать Ленину теорию социализма в отдельной стране. Здесь ограничусь одной только ссылкой, имеющей, по-моему, решающий характер. Ленин умер в январе 1924 года. Через три месяца Сталин излагал в печати взгляды Ленина на пролетарскую революцию. Цитирую дословно: "...Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма -- организация социалистического производства -- остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, -- об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, -- для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран..." Изложение этих мыслей Сталин заканчивает словами: "Таковы, в общем, характерные черты ленинской теории пролетарской революции" ("Вопросы ленинизма", переведенные на многие языки, подчеркнуто мною)⁴⁷⁴.

Только к осени 1924 года Сталин обнаружил, что именно Россия в отличие от других стран может собственными силами построить социалистическое общество. "...Упрочив свою власть и поведя за собою крестьянство, -- писал он в новом издании той же работы, -- пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество". Может и должен! Провозглашение этой новой концепции заканчивается все теми же словами: "...Таковы, в общем, характерные черты ленинской теории пролетарской революции". На протяжении года Сталин приписал Ленину два прямо противоположных воззрения по основному вопросу социализма. Первая версия, действительно, являлась традицией партии. Вторая версия сложилась у Сталина лишь после смерти Ленина, в процессе борьбы с "троцкизмом".

3. Что называть непосредственной возможностью? В 1923 году положение в Германии было глубоко революционным. Но для победоносной революции нехватало

правильной стратегии. На эту тему мною в свое время написана была работа "Уроки Октября", послужившая поводом к моему устранению из правительства. В 1925-[19]27 гг. революция в Китае была загублена ложной революционной стратегией сталинской фракции. Этому последнему вопросу посвящена моя книга "Проблемы китайской революции" (Пионер Паблицер, Нью-Йорк, 1932 г.475). Совершенно ясно, что германская и китайская революции в случае победы изменили бы лицо Европы и Азии, а может быть, и всего мира. Еще раз: кто игнорирует проблемы революционной стратегии, тому лучше вообще не говорить о революции.

4 и 5. Такое утверждение возможно лишь при незнакомстве с историей борьбы между сталинской фракцией и левой оппозицией. Инициатива пятилетнего плана и ускоренной коллективизации принадлежала целиком левой оппозиции в непрестанной и острой борьбе со сталинизмом. Не имея возможности заниматься здесь обширными историческими справками, ограничусь одной иллюстрацией. Днепрострой по праву считается высшим достижением советской индустриализации. Между тем Сталин и его единомышленники (Ворошилов, Молотов и др.) за несколько месяцев до приступа к работам были решительными противниками Днепростроя. Цитирую по стенографическому отчету слова, сказанные Сталиным в апреле 1927 года на пленуме ЦК партии против меня, как председателя Комиссии по Днепрострою. "Речь идет... о том, чтобы поставить Днепрострой на свои собственные средства. А средства требуются тут большие, несколько сот миллионов. Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и... прогорел (смех)... Можем ли мы не считаться с решением съезда о том, что наши промышленные планы должны сообразоваться с нашими ресурсами? А между тем тов. Троцкий явно не считается с этим решением съезда" (Стенограмма пленума, стр. 110).

Параллельно левая оппозиция в течение нескольких лет вела против сталинцев борьбу за коллективизацию. Только когда кулак отказал государству в хлебе, Сталин под давлением левой оппозиции совершил крутой поворот. В качестве эмпирика он дошел на новом пути до противоположной крайности, поставив задачей коллективизацию всего крестьянства и ликвидацию кулачества как класса в течение двух-трех лет и сократив вместе с тем пятилетний срок плана до 4-х лет. Левая оппозиция объявила новые темпы индустриализации непосильными, а ликвидацию кулачества как класса в течение трех лет -- фантастической задачей. Если угодно, мы оказались на этот раз "менее радикальными", чем сталинцы. Революционный реализм стремится из каждой данной обстановки извлечь максимум, -- в этом его революционность, -- но в то же время он не позволяет ставить перед собой фантастические цели, -- в этом его реализм.

6. Если коллективизация чрезмерно обгоняет техническое и культурное преобразование крестьянского хозяйства, то она неизбежно принимает административный характер. В этом случае она не искореняет частный капитализм в деревне, а включает его в свои рамки. Левая оппозиция требовала

и требует приведения темпа коллективизации в соответствие с наличными техническими, экономическими и культурными ресурсами страны.

7. Это утверждение, по меньшей мере, запоздало. Внутренняя политика сталинской фракции совершает как раз сейчас новый поворот. Легализация частной торговли есть, во всяком случае, решительный шаг вправо.

8. Нынешние колхозы являются ареной борьбы капиталистических и социалистических тенденций. Легализация торговли, как и ряд других мер последнего времени, означают вынужденную уступку капиталистическим тенденциям. Видеть в этом поворот на путь капитализма было бы в корне неправильно. Но не менее легкомысленно говорить о полном искоренении капитализма. Борьба враждебных начал займет еще многие годы и разрешится в зависимости от того, как разрешится судьба мирового капитализма.

Если бы в России вообще не было больше опасности возврата назад, к капитализму, то ничем не был бы оправдан, замечу в частности, режим диктатуры. Фишер, по-видимому, об этом совсем не подумал.

9. Аутаркия⁴⁷⁶ -- идеал Гитлера, а не Маркса и Ленина. Социалистическое хозяйство не может отказаться от гигантских выгод мирового разделения труда: наоборот, оно доведет их до высшего развития. Однако речь идет сейчас не о будущем социалистическом обществе, уже достигшем внутреннего равновесия, а о данной, технически и культурно отсталой стране, которая в интересах индустриализации и коллективизации вынуждена как можно больше вывозить, чтобы как можно более ввозить.

10. Эта мысль явно противоречит мысли первого пункта. Не верно, что одно лишь существование Советского Союза способно обеспечить победу революции в других странах. Но столь же неверно, что революция созревает и разрешается только на национальной почве. К чему тогда вообще Коммунистический Интернационал?

11. Непонятное недоразумение! Сталин осенью 1923 года удерживал германскую компартию от наступательной стратегии. Я, наоборот, в речах, статьях и на совещаниях Коминтерна доказывал своевременность смелого революционного наступления. И Сталин, и я "вмешивались", таким образом, в немецкие дела, но наше вмешательство шло по прямо противоположным направлениям. А мои слова Кингу⁴⁷⁷? Отвечая на вопрос американского сенатора, я подчеркнул, что как правительство мы, разумеется, не вмешиваемся в гражданскую войну в Германии. Я считал тогда и считаю теперь, что нельзя отождествлять Коминтерн с советским правительством, как нельзя, например, отождествлять Таммани Холл⁴⁷⁸ с нью-йоркским муниципалитетом. К вопросу о моих стратегических разногласиях со Сталиным в 1923 году мой ответ сенатору Кингу не имеет ни малейшего отношения.

Попытка противопоставить "ответственное" заявление члена правительства безответственным заявлениям писателя есть филистерство. Занятия с рабочим кружком из десяти человек я считаю таким же ответственным делом, как руководство революционной армией в 5.300.000 душ.

12. Видеть в так называемой политике единого фронта "меньшевизм" можно

только, если не знать азбуки вопроса. В 1905 и в 1917 году большевики вместе с меньшевиками и эсерами -- и в то же время в борьбе против них -- строили Советы. В конце августа 1917 г. мы заключили с меньшевиками и эсерами соглашение против Корнилова: дело шло о единстве боевых действий в строго определенных границах, для строго определенных целей, при полной политической независимости каждого из временных союзников. Эта тактика, которую я вместе с Лениным проводил на III и IV конгрессах Коминтерна и которая закреплена в соответственных резолюциях, остается, по моему убеждению, обязательной и сегодня.

13. Теория перманентной революции -- в противовес теории социализма в отдельной стране -- признавалась всей большевистской партией в 1917-[19]23 гг. Только поражение пролетариата в Германии в 1923 году послужило решительным толчком к созданию сталинской теории национального социализма. Теория перманентной революции, впервые сформулированная мною в 1905 году, вовсе не связана с определенными сроками революционных событий: она вскрывает лишь мировую обусловленность революционного процесса.

14. Советское государство не нуждается ни в иллюзиях, ни в подкрашивании. Оно может иметь лишь тот мировой авторитет, который подтверждается фактами. Чем яснее и глубже мировое общественное мнение, прежде всего мнение трудящихся масс, будет понимать противоречия и трудности социалистического развития изолированной страны, тем выше оно будет ценить достигнутые результаты. Чем меньше оно будет отождествлять основные методы социализма с зигзагами и ошибками советской бюрократии, тем меньше будет опасности того, что при неизбежном обнаружении ошибок и их последствий падет авторитет не только данной правящей группы, но и рабочего государства в целом. Советскому Союзу нужны мыслящие и критические друзья, т. е. такие, которые не только способны петь гимны в период успехов, но и не дрогнут в час неудач и опасностей. Журналисты типа Фишера выполняют прогрессивную работу, защищая Советский Союз от клевет, злобных вымыслов и предрассудков. Но эти господа выходят за пределы своей миссии, когда пытаются преподавать нам уроки преданности советскому государству. Если бы революционеры так почтительно склонялись перед тем, что уже создано, завоевано и существует, на свете не было бы революций. Если бы мы боялись говорить об опасностях, мы никогда не одержали бы над ними победы. Если бы мы закрывали глаза на темные стороны созданного нами рабочего государства, мы никогда не пришли бы к социализму.

Л. Троцкий

Принкипо

30 сентября 1932 г.

[Письмо А.Д.Кауну]

3 октября 1932 г.

Дорогой Александр Давыдович!

1. От Маламута⁴⁷⁹ получил любезное письмо и две книги, в качестве образцов его перевода. Спасибо за посредничество.

2. Кальвертон⁴⁸⁰ со ссылкой на вас прислал мне свежий номер "Модерн Квартерли"⁴⁸¹. В Америке, видимо, есть изрядное количество образованных, но "беспаспортных" марксистов. Компартия их не удовлетворяет, вне официальной партии они ничего не находят. Исторический опыт свидетельствует, однако, что абстрактное марксистское просветительство почти не оставляет следов. Марксизм нуждается в ясной перспективе и в острых политических выводах. Но именно этого у "Модерн Квартерли" нет.

3. Никакой беды в заметке "Ивенинг Пост"⁴⁸² нет, и извиняться вам не в чем.

4. Я сейчас как раз собираю материал о чешском корпусе в России, чтобы ответить на инсинуации чешской печати. Но я хочу ограничиться лишь газетной статьей. Список материалов могу вам послать, если вы решите действительно писать на эту тему.

5. Погода здесь стоит прекрасная. Стреляю перепелок и ловлю рыбу. Скоро пойдет в большом количестве скумбрия.

6. Приступили ли вы уже к вашей университетской работе?

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо болгарским сторонникам]

6 октября 1932 [г.]

Дорогие товарищи!

Пишу не для печати. Но 27 "Освобождения", несомненно, обнаруживает расширение редакционного штаба - к выгоде для газеты. С интересом читал передовицу "Тежката и сериозна задача"⁴⁸³. Разумеется, я с содержанием статьи вполне согласен. Мне кажется лишь, что необходимо было бы в заключение статьи указать на интернациональные перспективы и на политику Коминтерна в целом. Завоевание власти пролетариатом в Болгарии может быть только этапом балканской революции, которая в свою очередь чрезвычайно зависит от того, что сейчас делается в Германии и во Франции. В Германии Коминтерн изо всех сил облегчает дело реакции. Во Франции компартия слабеет и распадается. Это значит: политика Коминтерна создает для болгарской революции крайне неблагоприятную международную обстановку. Именно поэтому наша борьба против теснячко-бюрократического руководства Рабочнической партии⁴⁸⁴ в Болгарии неразрывно связана с нашей борьбой против политики руководящей фракции Коминтерна.

Я не сомневаюсь, что у нас на этот счет нет ни малейшего разногласия. Мне казалось лишь, что в тех случаях, когда мы ставим теоретически проблему завоевания власти, нам важно показать, что перманентный характер революции не есть абстракция, а весьма реальный исторический факт.

Посылаю вам при сем свое Предисловие к польскому изданию ленинской работы о "детской болезни левизны"⁴⁸⁵. Может быть, в том или другом виде вам

статья пригодится (если не вся, то в той части, которая говорит об амстердамском конгрессе).

Сведения из СССР говорят о чрезвычайном росте недовольства, об оживлении всех видов оппозиции в ВКП и об усилении сталинских репрессий.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Филду]

Дорогой Филд!

Вы предприняли попытку внести немного ясности в вопрос о борьбе между фракцией Сталина и той фракцией большевизма, к которой я принадлежу. Это нелегкая задача. СССР имеет, к счастью, на свете много друзей. Немало друзей имеет также и сталинская фракция. Одни дружат с нею, как с представительницей советского государства, несмотря на ее бюрократический характер. Другие дружат с нею, как с правящей бюрократией, несмотря на революционный характер советского государства. Ясно, что те и другие друзья имеют очень различную политическую и моральную ценность, и в трудные дни они могут оказаться по разные стороны баррикады. Есть, наконец, категория и таких друзей, которые сочувствуют всему хорошему и даже революционному при условии, чтобы оно уже сегодня располагало силой. По всем этим дружественным каналам сталинская бюрократия ввела в мировой обиход относительно "троцкизма" неисчислимое количество легенд, которые гораздо меньше вредят оппозиции, чем самому советскому государству. Революция не нуждается в фикциях, вымыслах и мифах. Правда бывает иногда горьковата на вкус. Но в конце концов она всегда идет угнетенным классам на пользу.

Ваша статья, написанная с полным знанием литературы вопроса, несомненно, может послужить устранению сознательной и бессознательной путаницы. Именно поэтому я с полной готовностью ответил на поставленные вами вопросы. Я не сомневаюсь, что в Америке найдется журнал с достаточно широкими политическими интересами, чтобы дать место вашей статье. Со своей стороны буду с величайшим интересом ждать, что скажут противники по поводу опровергнутых вами вымыслов и установленных фактов.

[Л.Д.Троцкий]

7/X/[1]932 [г.]

[Письмо болгарским сторонникам]

13 октября 1932 [г.]

Дорогие товарищи!

В дополнение к своему последнему письму я хотел в двух словах высказаться по поводу лозунга "Рабоче-крестьянское правительство". Разумеется, это не научный термин, и он очень легко может стать орудием политического шарлатанства. Но в известном смысле, в известных странах, при известных обстоятельствах этот термин вполне законен, как популярный

псевдоним диктатуры пролетариата. Марксисты не раз писали, что диктатура пролетариата есть подлинно народное или подлинно национальное правительство. В странах, где подавляющее большинство населения - крестьяне, можно с полным правом сказать, что диктатура пролетариата есть подлинное и притом единственно возможное "рабоче-крестьянское правительство".

На другой день после переворота Ленин предложил назвать большевистское правительство "рабоче-крестьянским". Он при этом сам отмечал, что в таком названии, на первый взгляд, как будто есть эсеровский оттенок; но суть в том, пояснял он, что у эсеров рабоче-крестьянское правительство означало какое-то туманное демократическое пятно, а у нас оно означает диктатуру пролетариата, ведущего за собою крестьянство.

Преступление эпигонов не в том, конечно, что они употребляют термин "рабоче-крестьянское правительство", а в том, что они создают фикцию особой рабоче-крестьянской диктатуры, социально и политически отличающейся от диктатуры пролетариата.

Сведения о болгарских эмигрантах в СССР я постараюсь получить, хотя это совсем нелегко.

Вы, конечно, знаете уже об исключении Зиновьева и Каменева из партии. Тот факт, что капитулянтские группировки не выдержали и поднялись с протестом⁴⁸⁶, имеет очень большое симптоматическое значение: он свидетельствует об остроте кризиса.

Вы знаете, конечно, что Раковскому прибавили три года ссылки, и что вообще репрессии против левой оппозиции снова приняли бешеный характер.

Как только выйдет "Октябрьская революция" на русском языке (в двух частях), вы ее немедленно получите.

Ваша организационная слабость вполне объясняется обстановкой. Острота кризиса, объективная безвыходность положения дали сильный толчок в сторону крайней левой партии, т. е. Р[абочей] п[армии]. Число подаваемых за нее голосов бурно растет⁴⁸⁷. Этот факт сам по себе должен давать политическое удовлетворение революционным элементам и делать их внимательными к вопросам революционной стратегии и тактики. Но от этих вопросов нельзя все же отделаться словами. Поверхностное удовлетворение чисто избирательными успехами продержится недолго. Сам рост партии ставит перед ней стратегические проблемы и требует от партийной мысли углубленной работы.

Будущее левой оппозиции еще целиком впереди.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

P.S. Посылаю маленькую заметку к 15-летию юбилею СССР⁴⁸⁸ и циркулярное письмо Гурова по поводу Милля⁴⁸⁹. Последнее не для печати, а для внутреннего употребления.

[Л.Д.Троцкий]

Редакции "Милитант"

Дорогие друзья!

Я опасаясь, что мой привет к четырехлетию "Милитант" прибудет с некоторым запозданием. От этого привет не будет менее горяч. Все ваши друзья по сю сторону океана высоко ценят ту работу, которую вы выполнили за этот долгий и в то же время короткий срок.

Можем ли мы считать себя удовлетворенными результатами произведенной работы? Вопрос этот касается, разумеется, не только С[оединенных] Штатов, но и всех других стран, где живут и борются наши единомышленники. Ответить на этот вопрос не так просто. Левая оппозиция нигде еще не стала массовым движением. Но она везде сплотила революционное ядро, которое знает, чего хочет. Именно в этой области заслуги "Милитант" очень высоки.

Еще не так давно правая оппозиция казалась в ряде стран гораздо более крепкой и внушительной, чем левая. Мы исходили с самого начала из того, что правая группировка должна будет эволюционировать в сторону социал-демократии, отдавая часть своих элементов нам или официальному центризму. Развитие последнего года окончательно подтвердило этот прогноз. В Германии брандлерианцы раскололись, отдав внушительное меньшинство САП, т. е. левой социал-демократии. В Чехословакии правая оппозиция перешла к социал-демократии; меньшинство революционных элементов, под руководством т. Нойрата, примкнуло к нам. В Швеции правая оппозиция сближается с социал-демократией в то время, как среди лучшей части рабочих крепнут симпатии к левой оппозиции. Насколько можно судить отсюда, группа ловстонистов в Америке вряд ли может похвалиться успехами. Их официальный орган характеризуется прежде всего растерянностью. Эти люди не знают, чего хотят, и вряд ли способны предвидеть, к какому берегу прибьет их первая сильная волна.

В лагере официального коммунизма не меньшая растерянность. Резолюции XII пленума ИККИ490 представляют ужасающее свидетельство о бедности, выданное руководством Коминтерна себе самому. Несмотря на исключительные условия экономического кризиса и полной международной безвыходности империализма, коммунизм почти не движется вперед. В некоторых странах (Германия, Болгария) он регистрирует известные чисто парламентские успехи, которые не находятся, однако, ни в каком соответствии с размахом социального кризиса. В других странах коммунизм отступает перед социал-демократией во всех областях рабочего движения (Франция, Чехословакия). Во всех странах без исключения кадры официального коммунизма крайне неудовлетворены, дезориентированы, разбиты на отдельные враждующие клики.

Наиболее угрожающий характер имеет состояние официального партийного аппарата в СССР. Никто по существу не верит там более руководству, которое само окончательно утратило доверие к себе. Все, что есть в партии мыслящего и революционного, поворачивает голову в сторону левой оппозиции. Те силы, на которые Сталин опирался против нас, все больше поворачивают в сторону термидора. Положение в Советской республике страшно трудное и ответственное.

В политическом хаосе, в который центристская бюрократия ввергнула партию, одна лишь левая оппозиция знает, чего хочет.

Политическая жизнь С[оединенных] Штатов явно подошла к поворотному пункту. В ближайшие годы обнаружится, что, когда Гераклит Темный⁴⁹¹ говорил: "Все течет, все меняется", он имел в виду также и республику Гувера-Рузвельта⁴⁹². Старые традиции, понятия, предрассудки пойдут на слом. Через период буржуазной идейной смуты классы американского общества создадут себе новую, более современную идеологию. Крепкое революционное ядро, спаянное единством доктрины и политического метода, окажется призванным в такой период сыграть крупную роль. Заслуга "Милитанта" в создании такого ядра. Тем горячее мой привет!

Ваш Л.Троцкий

Принкипо

1 ноября 1932 г.

[Письмо А.Д.Кауну]

13 ноября 1932 [г.]

Дорогой Александр Давыдович!

Ваше письмо застало меня в вихре подготовки к отъезду в Данию, где я читаю доклад⁴⁹³. Мы пересечем Францию, но в Париже не будем. Может быть, удастся встретиться в Европе? Однако менять вам для этого ваши научные планы нет никакого смысла, так как во время этой короткой поездки я буду, вероятно, все время жить "впопыхах"... Я получил от Калвертона его небольшой памфлет "За революцию" с просьбой отозваться. Прилагаю при сем копию моего ответа ему. К сожалению, не могу вам послать копию английского перевода, который мы сделали вместе с Филдом, так как ни одной копии у меня не осталось.

Посылаю также вышедший неделю тому назад номер 31 "Бюллетеня".

Так как я за последнее время занимался между прочим историей чехословацкой войны в России (собираюсь об этом написать), то список источников имеется у нас в готовом виде. Копия вам при сем посылается.

Итак, Рузвельт победил. Пустит ли он меня месяца на два-три в Америку для работы над историей американской гражданской войны?

Кстати, одно из американских агентств пыталось получить у меня интервью на тему, стою ли я за Гувера или Рузвельта. Так как агентство республиканское, то нетрудно было догадаться, что они собираются скомпрометировать Рузвельта моими "симпатиями" (!) к нему. Но так как я строго стою на почве "невмешательства во внутренние дела других государств", то в интервью я отказал.

С искренним приветом

[Л.Д.Троцкий]

ЧТО ТАКОЕ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?494

Вступление

Уважаемые слушатели!

Позвольте с самого начала выразить искреннее сожаление по поводу того, что перед копенгагенской аудиторией я не имею возможности выступить на датском языке. Не знаю, потеряют ли от этого что-либо слушатели. Что касается докладчика, то незнание датского языка лишает его, во всяком случае, возможности следить непосредственно, по первоисточникам и в оригинале за скандинавской жизнью и скандинавской литературой. А это большая потеря!

Немецкий язык, к которому я вынужден прибегнуть, силен и богат. Но мой немецкий язык достаточно ограничен. Изъясняться с необходимой свободой по сложным вопросам можно лишь на родном языке. Я вынужден поэтому заранее просить снисхождения аудитории.

В первый раз я был в Копенгагене на международном социалистическом конгрессе⁴⁹⁵ и увез с собою лучшие воспоминания о вашем городе. Это было почти четверть века тому назад. В Бельте⁴⁹⁶ и фиордах с того времени много раз сменялась вода. Не только вода. Война перебила позвоночник старому европейскому континенту. Реки и моря Европы унесли с собой немало людской крови. Все человечество, особенно европейское, прошло через тяжкие испытания, стало суровее и угрюмее. Все виды борьбы стали ожесточеннее. Мир вступил в эпоху великого поворота. Его крайними выражениями являются войны и революции.

Прежде чем перейти к теме доклада -- революции -- я считаю своим долгом выразить благодарность организаторам этого собрания, копенгагенской организации социал-демократического студенчества. Я выражаю эту благодарность как политический противник. Мой доклад преследует, правда, научно-исторические задачи, а не политические. Но невозможно говорить о революции, из которой вышла советская республика, не занимая политической позиции. В качестве докладчика я остаюсь под тем самым знаменем, под которым стоял как участник революционных событий.

До войны большевистская партия принадлежала к международной социал-демократии. 4 августа 1914 года голосование германской социал-демократии за военный бюджет⁴⁹⁷ положило раз навсегда конец этой связи и открыло эру непрерывной и непримиримой борьбы большевизма с социал-демократией. Значит ли это, что организаторы настоящего собрания, приглашая меня в качестве докладчика, совершили ошибку? Судить об этом аудитория сможет лишь после доклада. В оправдание того, что я принял приглашение сделать сообщение о русской революции, позволю себе сослаться на то, что в течение 35 лет моей политической жизни тема революции составляла практический и теоретический стержень моих интересов и моих действий. Четыре года моего проживания в Турции были посвящены главным образом исторической разработке проблем русской революции. Может быть, это дает мне некоторое

право надеяться, что не только друзьям и единомышленникам, но и противникам мне удастся хоть отчасти помочь лучше понять некоторые стороны революции, ранее ускользавшие от их внимания.

Во всяком случае, задача моего доклада: помочь понять. Я не собираюсь ни проповедовать революцию, ни призывать к ней. Я хочу объяснить ее. Не знаю, имелась ли на скандинавском Олимпе⁴⁹⁸ особая богиня мятежа. Вряд ли! Во всяком случае мы не будем сегодня обращаться к ее покровительству. Мы поставим наш доклад под знак Снотры⁴⁹⁹, старой богини познания. Не взирая на страстную драматичность революции как живого процесса, мы постараемся подойти к ней с бесстрашием анатомов. Если в результате доклад станет более пресным, слушателям придется с этим так или иначе примириться.

Объективные и субъективные факторы революции

Начнем с нескольких элементарных социологических положений, которые всем вам, несомненно, известны, но которые нам необходимо освежить в нашей памяти при подходе к такому сложному явлению, как революция.

Человеческое общество есть исторически вырастающая кооперация в борьбе за существование и за обеспеченность преемственности поколений. Характер общества определяется характером его хозяйства. Характер хозяйства определяется орудиями труда.

Каждой большой эпохе в развитии производительных сил отвечает определенный социальный режим. Каждый социальный режим обеспечивал до сих пор огромные преимущества господствующему классу.

Уже из сказанного ясно, что социальные режимы не вечны. Они возникают исторически, чтобы стать затем оковами прогресса. "Alles was entsteht ist wert dass es zu Grunde geht". (Все, что возникает, достойно гибели... Гете)⁵⁰⁰.

Но ни один правящий класс не выходил еще в отставку добровольно и мирно. В вопросах жизни и смерти доводы разума еще никогда не заменяли доводов силы. Может быть, это печально, но это так. Не мы строили этот мир. Приходится брать его таким, как он есть.

Революция означает, следовательно, смену социальных режимов. Она передает власть из рук одного класса, исчерпавшего себя, в руки другого класса, восходящего. Восстание представляет наиболее критический и острый момент в борьбе двух классов за власть. Восстание может лишь в том случае привести к действительной победе революции и установлению нового режима, если оно опирается на прогрессивный класс, способный объединить вокруг себя подавляющее большинство народа.

В отличие от естественно-исторических процессов, революция совершается людьми и через людей. Но и в революции люди действуют под влиянием социальных условий, не ими свободно избранных, а перешедших к ним от прошлого и властно определяющих их путь. Именно поэтому и только поэтому революции закономерны.

Человеческое сознание не пассивно отражает объективные условия, а

активно реагирует на них. В известные моменты эта реакция принимает массовый, напряженный, страстный характер. Опрокидываются барьеры права и барьеры силы. Активное вмешательство масс в события составляет необходимейший элемент революции.

Но и самая бурная активность может остаться в стадии демонстрации, мятежа, не поднявшись до уровня революции. Восстание должно привести к низвержению господства одного класса и замене его другим. Только тогда мы имеем завершённую революцию.

Массовое восстание не есть, таким образом, изолированное предприятие, которое можно вызвать по произволу. Оно представляет объективно обусловленный момент в развитии революции, как и революция есть объективно обусловленный процесс в развитии общества. Но когда условия восстания налицо, нельзя пассивно дожидаться с раскрытым ртом: "в делах людских, -- как знал Шекспир, -- есть свой прилив и свой отлив".

Чтобы смести переживший себя режим, прогрессивный класс должен понимать, что его час пробил, и должен поставить себе целью завладение властью. Здесь открывается поле сознательной революционной деятельности, в которой предвиденье и расчет соединяются с волей и дерзанием. Другими словами: здесь открывается поле деятельности партии.

Революционная партия сосредоточивает в себе отбор прогрессивного класса. Без партии, способной правильно ориентироваться в обстановке, оценивать ход и ритм событий и своевременно завоевать доверие масс, победа пролетарской революции невозможна. Таково взаимоотношение объективных и субъективных факторов революции и восстания.

Замечание в сторону

В диспутах, как вы знаете, противники, особенно теологи, нередко пытаются скомпрометировать научную истину, сознательно доводя ее до абсурда. Этот прием так и называется в логике: *reductio ad absurdum*⁵⁰¹. Мы попробуем противоположный путь, т. е. примем за точку исхода абсурд, чтобы тем вернее подойти к истине. Когда речь идет о революции, на недостаток в абсурдах жаловаться во всяком случае не приходится. Возьмем наиболее яркий и свежий.

Итальянский писатель Малапарте⁵⁰², нечто вроде фашистского теоретика -- существуют и такие, -- выпустил не так давно книгу о "Технике государственного переворота"⁵⁰³. Автор отводит, разумеется, немалое число страниц своего "исследования" Октябрьскому перевороту.

В отличие от "стратегии Ленина", которая связана с социальными и политическими условиями России 1917 года, "тактика Троцкого, -- по словам Малапарте, -- напротив, не связана с общими условиями страны". Это главная идея труда! Малапарте заставляет Ленина и Троцкого вести на протяжении своей книги многочисленные диалоги, в которых оба собеседника вместе обнаруживают ровно столько глубокомыслия, сколько природа отпустила самому Малапарте. На соображения Ленина о социальных и политических предпосылках переворота Малапарте поручает воображаемому Троцкому отвечать буквально: "Ваша

стратегия требует слишком много благоприятных обстоятельств: инсurreкция504 не нуждается ни в чем. Она довлеет самой себе". Вы слышали: "инсurreкция не нуждается ни в чем!" Это и есть, уважаемые слушатели, тот самый абсурд, который должен нам помочь подойти к истине. Автор настойчиво повторяет, что в октябре победила не стратегия Ленина, а тактика Троцкого. Эта тактика и сейчас угрожает, по его словам, спокойствию европейских государств. "Стратегия Ленина, -- я цитирую дословно, -- не составляет непосредственной опасности для правительств Европы. Актуальной и притом перманентной опасностью для них является тактика Троцкого". Еще конкретнее: "поставьте Пуанкаре на место Керенского, -- и большевистский государственный переворот октября 1917 года удастся так же хорошо". Трудно поверить, что подобная книга переведена на многие языки и принимается всерьез!

Тщетно стали бы мы допытываться, для чего вообще нужна "стратегия Ленина", зависящая от исторических условий, если "тактика Троцкого" разрешает ту же задачу при всякой обстановке. И почему так редки счастливые революции, если для совершения их достаточно нескольких технических рецептов?

Приводимый фашистским писателем диалог между Лениным и Троцким есть, по смыслу, как и по форме, нелепый вымысел -- с начала до конца. Таких вымыслов гуляет по свету вообще немало. В Мадриде, например, печатается сейчас под моим именем книга "Жизнь Ленина", за которую я так же мало ответственен, как и за тактические рецепты Маляпате. Мадридский еженедельник "Estampa" перепечатал из мнимой книги Троцкого о Ленине целые главы, заключающие отвратительные оскорбления памяти человека, которого я ценил и ценю неизмеримо выше, чем кого-либо из своих современников.

Но предоставим фальсификаторов их участи. Старик Вильгельм Либкнехт, отец незабвенного борца и героя Карла Либкнехта, любил говаривать: революционному политику нужно запастись толстой кожей. Доктор Штокман505 еще выразительнее рекомендовал всякому, кто намерен идти в разрез с общественным мнением, не надевать новых штанов. Примем к сведению оба благих совета и вернемся к теме доклада.

Постановка проблемы Октябрьской революции

Какие вопросы возбуждает Октябрьский переворот у мыслящего человека?

1. Почему и как эта революция произошла? Конкретнее: почему пролетарская революция победила в одной из наиболее отсталых стран Европы?

2. Что дала Октябрьская революция?

И наконец:

3. Оправдала ли она себя?

На первый вопрос -- о причинах -- можно ответить более или менее исчерпывающе уже теперь. Я попытался это сделать в своей "Истории революции". Здесь я могу формулировать только главные выводы.

Тот факт, что пролетариат пришел впервые к власти в столь отсталой стране, как бывшая царская Россия, лишь на первый взгляд выглядит

загадочным; на самом деле он вполне закономерен. Его можно было предвидеть, и он был предвиден. Более того: на предвидении этого факта революционеры-марксисты задолго до решающих событий строили свою стратегию.

Первое и самое общее объяснение: отсталая Россия -- только часть мирового хозяйства, только элемент мировой капиталистической системы. В этом смысле Ленин исчерпывал загадку русской революции лапидарной формулой: "цепь порвалась в слабейшем звене".

Яркая иллюстрация: великая война, выросшая из противоречий мирового империализма, втянула в свой водоворот страны разного уровня, но предъявляла одинаковые требования всем участникам. Ясно: тяготы войны должны были оказаться особенно непосильными для наиболее отсталых. Россия вынуждена была первой сойти с поля. Но для того чтобы вырваться из войны, русский народ должен был опрокинуть господствующие классы. Так, военная цепь порвалась на слабейшем звене.

Однако война -- не внешняя катастрофа, как землетрясение, а продолжение политики другими средствами. В войне лишь ярче проявились основные тенденции империалистской системы "мирного" времени. Чем выше мировые производительные силы, чем напряженнее мировая конкуренция, чем острее антагонизмы, чем бешенее гонка вооружений, тем труднее слабым участникам. Именно поэтому слабые занимают первые места в очереди крушений. Цепь мирового капитализма всегда имеет тенденцию порваться на слабейшем звене.

Если бы в результате каких-либо чрезвычайных и чрезвычайно неблагоприятных условий

-- скажем, победоносной военной интервенции извне или непоправимых ошибок самой советской власти -- на необъятной территории Советов воскрес русский капитализм, с ним вместе неизбежно воскресла бы его историческая несостоятельность, и он снова стал бы вскоре жертвой тех самых противоречий, которые взорвали его в 1917 году.

Никакие тактические рецепты не вызвали бы к жизни Октябрьскую революцию, если бы Россия не несла ее во чреве своем. Революционная партия может, в конце концов, претендовать только на роль акушера, которому приходится прибегнуть к кесареву сечению⁵⁰⁶.

Понятие исторической отсталости

Мне могут возразить: ваши общие соображения удовлетворительно объясняют, почему потерпела крушение старая Россия, в которой отсталый капитализм при нищем крестьянстве возглавлялся паразитическим дворянством и прогнившей монархией. Но в притче о цепи и слабейшем звене нет все же ключа к главной загадке: каким образом могла в отсталой стране победить социалистическая революция?

Крушение старой России должно было, на первый взгляд, скорее превратить страну в капиталистическую колонию, чем социалистическое государство. История знает не мало примеров упадка стран и культур вместе с крушением старых классов, для которых своевременно не оказалось прогрессивной смены.

Возражение очень интересно; оно подводит нас к центральному узлу всей проблемы. Однако возражение все же ошибочно; я сказал бы, что оно внутренне диспропорционально. Оно происходит, с одной стороны, из крайне преувеличенного представления об отсталости России; с другой стороны, из теоретически ложного представления о самом явлении исторической отсталости.

В противовес анатомии и физиологии психология, индивидуальная и коллективная, отличается чрезвычайной гибкостью и эластичностью: в этом и состоит аристократическое преимущество человека над его ближайшими зоологическими сородичами, вроде обезьян. Емкая и глубокая психика, как необходимое условие исторического прогресса, придает так называемым социальным "организмам", в отличие от действительных, т. е. биологических организмов, чрезвычайную неустойчивость внутренней структуры. В развитии наций и государств, особенно капиталистических, нет ни однородности, ни равномерности. Разные этапы культуры, даже полюсы ее, сближаются и сочетаются нередко в жизни одной и той же страны.

Будем помнить, уважаемые слушатели, что историческая отсталость есть понятие относительное. Раз есть отсталые страны и страны передовые, значит, есть и взаимодействие между ними, есть давление передовых стран на отсталые, есть необходимость для отсталой страны подражать передовым, заимствовать у них -- технику, науку и пр. Так создается комбинированный тип развития; черты отсталости сочетаются с последним словом мировой техники и мировой мысли. Наконец, чтобы вырваться из отсталости, исторически запоздалые страны вынуждены иногда забегать вперед. В этом смысле можно сказать, что Октябрьская революция явилась для народов России героическим средством преодолеть свое экономическое и культурное варварство.

Социальная структура дореволюционной России

Но перейдем от этих историко-философских, может быть, слишком абстрактных обобщений к более конкретной постановке того же вопроса в разрезе живых экономических фактов. Отсталость России начала XX века бесспорнее всего выражалась в том, что индустрия занимала в ней мало места по сравнению с сельским хозяйством, город -- по сравнению с деревней; пролетариат -- по сравнению с крестьянством. В целом это означало низкую производительность национального труда. Достаточно сказать, что накануне войны, когда царская Россия достигла высшей точки своего благосостояния, народный доход на душу населения был в 8-10 раз ниже, чем в С[оединенных] Штатах. Таков выраженный числом размах отсталости, если применительно к отсталости допустимо слово "размах".

Но в то же время закон комбинированного развития выступает в области хозяйства на каждом шагу, в самых простых и в наиболее сложных проявлениях. Почти не имея шоссейных дорог, Россия оказалась вынуждена строить железные пути. Не пройдя через европейское ремесло и мануфактуру, она прямо приступила к механизированным заводам. Перепрыгивать через промежуточные ступени -- такова судьба запоздалых стран.

В то время как крестьянское земледелие оставалось зачастую на уровне XVII столетия, промышленность России стояла, если не по объему, то по типу, на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже опережала их. Достаточно сказать, что предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в С[оединенных] Штатах менее 18% общего числа промышленных рабочих, а в России -- свыше 41%. Этот факт трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости. А между тем он не опровергает, а лишь диалектически дополняет ее.

Столь же противоречивый характер получила классовая структура страны. Финансовый капитал Европы форсированным темпом индустриализировал русское хозяйство. Промышленная буржуазия принимала сразу крупно-капиталистический характер и антинародный характер. Иностранные владельцы акций проживали к тому же за границей. Рабочие же были, конечно, русские. Так немногочисленной русской буржуазии компрадорского типа⁵⁰⁷ противостоял относительно сильный пролетариат с глубокими корнями в толщах народа.

Революционному характеру рабочего класса способствовал тот факт, что Россия, именно как запоздалая страна, вынужденная догонять соперников, не успела выработать своего консерватизма, ни социального, ни политического. Самой консервативной страной в Европе, да и во всем мире, считается по справедливости самая старая капиталистическая страна -- Англия. Наиболее свободной от консерватизма страной в Европе является, пожалуй, Россия.

Молодой, свежий, решительный пролетариат составлял все же лишь незначительное меньшинство нации. Резервы революционной силы лежали вне самого пролетариата: в полукрепостном крестьянстве и в угнетенных нациях.

Крестьянство

Подпочву революции составлял аграрный вопрос. Старая сословно-монархическая кабала стала вдвойне невыносимой в условиях новой, капиталистической эксплуатации. Общинно-крестьянские земли составляли около 140 миллионов десятин. На долю 30 тыс. крупных помещиков, из которых каждый владел в среднем свыше 2000 десятин, приходилось в общем примерно 70 миллионов десятин, т. е. такое же количество, какое принадлежало примерно десяти миллионам крестьянских семей или 50 млн. крестьянских душ; с той разницей, что лучшая земля была у помещиков. Эта земельная статистика составляла готовую программу крестьянского восстания.

Дворянин Боборыкин⁵⁰⁸ писал в 1917 г. камергеру Родзянко, председателю последней Государственной думы⁵⁰⁹: "Я -- помещик, и в моей голове не укладывается, чтобы я лишился моей земли, да еще для самой невероятной цели: для опыта социалистических учений". Но революция и имеет задачей совершить то, что не укладывается в головах у господствующего класса.

К осени 1917 г. территорией крестьянского восстания становится почти вся страна. Из 624 уездов старой России движением захвачено 482 уезда, или 77%! Зарева деревенских пожаров освещают арену восстаний в городах.

Но ведь крестьянская война против помещиков, -- возразите вы мне, --

есть один из классических элементов буржуазной, отнюдь не пролетарской революции!

Совершенно правильно, -- отвечу я, -- так было в прошлом. Но в том и выразилась, в частности, нежизнеспособность капиталистического общества в исторически запоздалой стране, что крестьянская война не толкнула буржуазные классы вперед, а, наоборот, окончательно отбросила их в лагерь реакции. Чтобы не погибнуть, крестьянству не оставалось ничего иного, как сомкнуться с промышленным пролетариатом. Ленин гениально предвидел и задолго подготовлял революционную кооперацию рабочих и крестьян.

Если бы аграрный вопрос был смело разрешен буржуазией, то, конечно, русский пролетариат не мог бы ни в каком случае прийти к власти в 1917 году. Но поздно появившаяся, до срока одряхлевшая, жадная и трусливая русская буржуазия не смела поднять руку на феодальную собственность. Тем самым она сдала пролетариату власть, а вместе с нею и право решать судьбу буржуазного общества.

Чтобы осуществилось советское государство, понадобилось, таким образом, сочетание двух факторов разной исторической природы: крестьянской войны, т. е. движения, характерного для зари буржуазного развития, с пролетарским восстанием, т. е. движением, знаменующим закат буржуазного общества. В этом и состоит комбинированный характер русской революции.

Поднявшись на задние лапы, крестьянский медведь бывает страшен в своем гневе. Но дать своему возмущению сознательное выражение он не способен. Ему нужен руководитель. Впервые в мировой истории восставшее крестьянство нашло верного вождя в лице пролетариата.

4 миллиона промышленных и транспортных рабочих руководили сотней миллионов крестьян. Таково естественное и неизбежное взаимоотношение пролетариата и крестьянства в революции.

Национальный вопрос

Вторым революционным резервом являлись угнетенные нации, тоже, впрочем, преимущественно крестьянские по составу. С исторической запоздалостью страны тесно связан экстенсивный характер развития государства, которое, как масляное пятно, расплзлось от московского центра к периферии. На востоке оно подчинило себе еще более отсталые народности, чтобы, опираясь на них, душить затем более развитые национальности на западе. К 70 миллионам великороссов, составивших главный массив населения, прибавилось постепенно около 90 миллионов "инородцев".

Так сложилась империя, в составе которой господствующая национальность составляла только 43% населения, а 57% падали на национальности различных степеней культуры и бесправия. Национальный гнет в России был несравненно грубее, чем в соседних государствах, не только по западную, но и по восточную границу. Это сообщало национальной проблеме огромную взрывчатую силу.

Либеральная русская буржуазия в национальном вопросе, как и в аграрном,

не хотела идти дальше поправок к режиму гнета и насилия. "Демократические" правительства Милюкова и Керенского, отражавшие интересы великорусской буржуазии и бюрократии, как бы торопились в течение 8 месяцев своего существования внушить недовольным нациям: вы получите только то, что вырвете.

Неизбежность развития центробежных национальных движений в России Ленин учел заблаговременно. Большевистская партия в течение ряда лет упорно боролась за право наций на самоопределение, т. е. на полное государственное отделение. Только такой смелой постановке национального вопроса русский пролетариат мог постепенно завоевать доверие угнетенных народностей.

Национально-освободительное движение, как и аграрное, направлялось по необходимости против официальной демократии, усиливая пролетариат и вливаясь в русло октябрьского переворота.

Перманентная революция

Так раскрывается перед нами постепенно загадка пролетарского переворота в исторически запоздалой стране. Марксистские революционеры задолго до событий предвидели общий ход революции и будущую роль русского пролетариата. Может быть, мне будет позволено привести здесь короткие выдержки из моей собственной работы 1905 года⁵¹⁰.

"В стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой...

Русская революция создает... такие условия, при которых власть может (при победе революции должна) перейти в руки пролетариата, прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений.

...Судьба самых элементарных революционных интересов крестьянства... связывается с судьбой всей революции, т. е. с судьбой пролетариата. Пролетариат у власти предстанет перед крестьянством как класс-освободитель.

Пролетариат вступит в правительство как революционный представитель нации, как признанный народный вожь в борьбе с абсолютизмом и крепостным варварством...

Пролетарский режим на первых же порах должен будет приняться за разрешение аграрного вопроса, с которым связан вопрос о судьбе огромных масс населения России".

Я счел необходимым привести эту цитату как свидетельство того, что излагаемая мною сегодня теория октябрьского переворота не есть беглая импровизация и не построена задним числом под напором событий; нет, в виде политического прогноза она предшествовала задолго самому перевороту. Вы согласитесь, что теория вообще ценна постольку, поскольку помогает предвидеть ход развития и целесообразно воздействовать на него. В этом и состоит, вообще говоря, неизмеримое значение марксизма как орудия общественной и исторической ориентировки.

Я жалею, что рамки доклада не позволяют мне значительно расширить

приведенную цитату; ограничусь поэтому кратким резюме работы 1905 года в целом.

Русская революция по непосредственным задачам -- буржуазная революция. Но русская буржуазия антиреволюционна. Победа революции мыслима лишь как победа пролетариата. Но победоносный пролетариат не остановится на программе буржуазной демократии, а перейдет к программе социализма. Русская революция явится первым этапом мировой социалистической революции.

Такова теория перманентной революции, выдвинутая мною в 1905 году и подвергавшаяся жестокой критике под именем "троцкизма". Вернее, такова одна часть этой теории. Другая ее часть, особенно актуальная в наше время, гласит:

Современные производительные силы давно переросли национальные рамки. Социалистическое общество в национальных границах неосуществимо. Как бы ни были значительны экономические успехи изолированного рабочего государства, программа "социализма в одной стране" представляет собою международную утопию. Только европейская, а затем и мировая федерация социалистических республик может стать действительной ареной гармонического социалистического общества.

Сегодня, после проверки событий, я вижу меньше чем когда-либо основания отказываться от этой теории.

Большевизм

Нужно ли после всего сказанного еще раз вспоминать о фашистском писателе Малапарте, который приписывает мне тактику, независимую от стратегии и сводящуюся к техническим рецептам инсurreкции, пригодным всегда и под всеми меридианами? Хорошо, по крайней мере, что фамилия злополучного теоретика государственных переворотов позволяет без труда отличить его от победоносного практика государственных переворотов: никто не рискует смешать Малапарте с Бонапарте!

Без вооруженного восстания 7 ноября 1917 года советское государство не существовало бы. Но само восстание не свалилось с неба. Для Октябрьской революции нужен был ряд исторических предпосылок:

1. гниение старых господствующих классов, дворянства, монархии и бюрократии;
2. политическая слабость буржуазии, отсутствие у нее корней в народных массах;
3. революционный характер крестьянского вопроса;
4. революционный характер проблемы угнетенных наций;
5. значительный социальный вес пролетариата.

К этим органическим предпосылкам надо присоединить два крайне важных конъюнктурных условия:

6. революция 1905 года явилась великой школой, или, по выражению Ленина, генеральной репетицией революции 1917 года; достаточно сказать, что Советы как незаменимая организационная форма единого пролетарского фронта в

революции были впервые созданы в 1905 г.;

7. империалистская война обострила все противоречия, выбила из неподвижности самые отсталые массы и тем подготовила грандиозный размах катастрофы.

Однако все эти условия, вполне достаточные для взрыва революции, не были достаточны для того чтобы обеспечить победу революции. Для завоевания власти пролетариату необходима была

8. пролетарская партия.

Я называю это условие последним по счету только потому, что это соответствует логической последовательности, а не потому, что отвожу партии последнее место по значению. Нет, я далек от этой мысли. Либеральная буржуазия, -- та может захватывать и не раз захватывала власть в результате боев, в которых сама она не участвовала: на то у нее и великолепно развиты все хватательные органы. Но трудящиеся классы в ином положении: они приучены отдавать, а не брать. Они работают, терпят, пока могут, надеются, теряют терпение, восстают, сражаются, умирают, доставляют другим победу, бывают обмануты, впадают в уныние и снова сгибают спины... Такова история народных масс под всеми режимами. Чтобы крепко и надежно взять в свои руки власть, русскому пролетариату нужна была партия, превосходящая все другие партии ясностью мысли и революционной решимостью.

Партия большевиков, которую не раз определяли как самую революционную партию в истории человечества, явилась живым сгустком новейшей истории России, всего, что было в ней динамического. Более того, революционные тенденции европейского и мирового развития временно нашли в русском большевизме наиболее законченное выражение.

Условием подъема народов России давно уже являлось низвержение царизма. Но для разрешения этой исторической задачи не хватало сил. Русская буржуазия боялась революции. Интеллигенция пробовала поднять крестьянство. Неспособный к обобщению собственных бедствий и задач мужик не отвечал на зов. Интеллигенция вооружилась динамитом. Целое поколение сторело в этой борьбе.

Первого мая 1887 года Александр Ульянов⁵¹¹ совершил последнее из больших террористических покушений той эпохи. Замысел взорвать Александра III⁵¹² не удался. Ульянов и его сообщники были повешены. Попытка заменить революционный класс химическим препаратом потерпела крушение. Даже самая героическая интеллигенция без масс -- ничто.

Под непосредственным впечатлением этих фактов и этого вывода вырос и сложился младший брат Александра Ульянова, Владимир, впоследствии Ленин, самая большая фигура русской истории. Уже в юности он стал на почву марксизма и повернулся лицом к пролетариату. Ни на минуту не упуская из виду деревню, он путь к крестьянству искал через рабочих. Унаследовав от революционных предшественников решимость, самоотвержение, готовность идти до конца, Ленин с молодых лет стал воспитателем нового поколения революционной интеллигенции и передовых рабочих.

В 1883 возникла в эмиграции первая марксистская группа (Плеханов). В

1898 г. формально провозглашена на тайном съезде Российская социал-демократическая рабочая партия⁵¹³ (мы все назывались в те времена социал-демократами). В 1903 году начался раскол между большевиками и меньшевиками⁵¹⁴. В 1912 г. большевистская фракция окончательно становится самостоятельной партией⁵¹⁵.

Классовую механику общества она изучила в боях, на грандиозных событиях двенадцати лет (1905-1917). Она воспитала кадры, одинаково способные и на инициативу и на подчинение. Дисциплина революционного действия опиралась на единство доктрины, на традиции совместных боев, на доверие к испытанному руководству.

Такою стояла партия в 1917 году. Пренебрегая официальным "общественным мнением" и бумажными громами интеллигентской печати, она равнялась по движению тяжелых масс. Заводы, как и полки, она твердо держала на учете. Крестьянские миллионы все больше тяготели к ней. Если под "нацией" понимать не привилегированную верхушку, а большинство народа, т. е. рабочих и крестьян, то большевизм становится в течение 1917 г. подлинно национальной, т. е. народной партией.

В сентябре [1917 г.] Ленин, вынужденный скрываться в подполье, подал сигнал. "Кризис назрел, -- час восстания близок!" Он был прав. Правящие классы уперлись в тупик перед военной, земельной и национальной проблемами. Буржуазия окончательно потеряла голову. Демократические партии, меньшевики и так называемые "социалисты-революционеры", оттолкнули от себя массы поддержкой империалистской войны, политикой бессильных компромиссов, уступками буржуазным и феодальным собственникам. Пробужденная армия не хотела более воевать во имя чуждых ей целей. Не слушая демократических поучений, крестьяне выкуривали помещиков из поместий. Угнетенная национальная периферия империи поднималась против петроградской бюрократии. В важнейших рабочих и солдатских Советах господствовали большевики. Рабочие и солдаты требовали действий. Нарыв созрел. Нужен был удар ланцетом.

Только в этих социальных и политических условиях восстание оказалось возможно. Тем самым оно стало необходимо. Но с восстанием не шутят. Горе хирургу, который небрежно действует ланцетом! Восстание есть искусство. У него есть свои законы и правила.

Партия провела Октябрьское восстание с холодным расчетом и пламенной решимостью. Именно благодаря этому она победила почти без жертв. Через победоносные Советы большевизм стал во главе страны, занимающей одну шестую часть земной поверхности. (Аплодисменты.)

Пятнадцать лет

Большинство моих сегодняшних слушателей, надо думать, еще вовсе не занимались политикой в 1917 году. Тем лучше: молодому поколению предстоит несомненно много интересного, хотя и не легкого впереди. Но представители старшего поколения в этом зале прекрасно помнят, разумеется, как встречено было пришествие большевиков к власти: как курьез, как скандал или, чаще

всего, как кошмар, который рассеется с первым утренним лучом. Большевики продержатся 24 часа! Неделю! Месяц! Год! Сроки пришлось, однако, отодвигать все дальше... Правящие всего мира ополчились против первого рабочего государства. Разжигание гражданской войны, новые и новые интервенции, блокада. Так проходили год за годом. История успела уже отсчитать 15 лет существования советской власти.

Да, скажет иной противник, октябрьская авантюра оказалась гораздо прочнее, чем многие из нас думали. Пожалуй даже, это и не была вполне "авантюра". Но сохраняет все же свою силу вопрос: что достигнуто столь дорогой ценой? Осуществлены ли те ослепительные задачи, которые провозглашались большевиками накануне переворота?

Прежде чем ответить предполагаемому противнику, замечу, что самый вопрос не нов; наоборот, он следует за Октябрьской революцией по пятам, со дня ее рождения.

Французский журналист Клод Анэ516, находившийся во время революции в Петрограде, писал уже 27 октября 1917 г.: "Максималисты (так французы называли в те дни большевиков) взяли власть, -- и великий день настал. Наконец-то, -- говорю я себе, -- я увижу осуществление социалистического рая, который нам обещают уже столько лет.. Великолепное приключение! Привилегированная позиция!" И т. д. Какая искренняя ненависть под ироническими приветствиями! Уже на следующее утро после взятия Зимнего дворца реакционный журналист поспешил предъявить свою карточку на право входа в Эдем. С тем большей бесцеремонностью противники злорадствуют по поводу того, что страна Советов и сегодня, пятнадцать лет спустя после переворота, еще очень мало походит на царство всеобщего благополучия. К чему же революция? К чему ее жертвы?

Уважаемые слушатели! Я позволю себе думать, что противоречия, трудности, ошибки и бедствия советского режима знакомы мне не меньше, чем кому бы то ни было. Я лично никогда не скрывал их, ни в речах, ни в печати. Я считал и считаю, что революционная политика, в отличие от консервативной, не может быть основана на маскировке. "Высказывать то, что есть", -- таков должен быть высший принцип рабочего государства.

Но в критике, как и в творчестве, нужны правильные пропорции. Субъективизм -- плохой советчик, особенно в больших вопросах. Сроки нужно сопоставлять с задачами, а не с индивидуальными настроениями. Пятнадцать лет? Как много для личной жизни! За этот срок немало в нашем поколении сошло в могилу, у остальных прибавилось без счета седых волос. Но те же пятнадцать лет -- какой ничтожный срок в жизни народа! Только минута на часах истории.

Капитализму понадобились столетия, чтобы отстоять себя в борьбе со средневековьем, поднять науку и технику, провести железные дороги, натянуть электрические провода. А затем? А затем -- человечество оказалось ввергнуто капитализмом в ад войн и кризисов! Социализму же его противники, т. е. сторонники капитализма, отпускают лишь полтора десятилетия на то, чтобы построить земной рай со всеми удобствами. Нет, таких обязательств мы на себя

не брали. Таких сроков никогда не назначали. Процессы великих преобразований надо мерять адекватными им масштабами.

Я не знаю, будет ли социалистическое общество похоже на библейский рай. Весьма сомневаюсь в этом. Но в Советском Союзе еще нет социализма. Там господствует переходный строй, полный противоречий, отягощенный тяжелым наследием прошлого, к тому же находящийся под враждебным давлением капиталистических государств. Октябрьская революция возвестила принцип нового общества. Советская республика показала лишь первую стадию его осуществления. Первая лампочка Эдисона⁵¹⁷ была очень плоха. Под ошибками и промахами первого социалистического строительства надо уметь различать будущее!

Жертвы революции

Но бедствия, обрушивающиеся на живых людей! Оправдываются ли последствия революции, вызываемые ею жертвы? Бесплодный, чисто риторический вопрос! Как будто процессы истории допускают бухгалтерский баланс. С таким же правом можно пред лицом трудностей и горестей личного существования спросить: стоит ли вообще родиться на свет? Гейне писал на этот счет: "И дурак ждет ответа..." Меланхолические размышления не мешали до сих пор людям ни рождать, ни рождаться. Самоубийцы, даже в дни небывалого мирового кризиса, составляют, к счастью, незначительный процент. Народы же вообще не кончают самоубийством. Из невыносимых тягот они ищут выхода в революции.

Кто возмущается по поводу жертв социальных переворотов? Чаще всего те, которые подготовляли и прославляли жертвы империалистской войны или, по крайней мере, легко мирились с ними. Наша очередь спросить: оправдала ли себя война? что дала? чему научила? (аплодисменты).

Реакционный историк Ипполит Тэн в своем одиннадцатитомном пасквиле на Великую французскую революцию не без злорадства изображает страдания французского народа в годы диктатуры якобинцев и после того. Особенно тяжело приходилось городским низам, плебеям, тем самым, которые в качестве санкюлотов⁵¹⁸ отдали революции лучшую часть своей души. Они или их жены стояли теперь холодные ночи напролет в хвостах, чтобы утром вернуться с пустыми руками к семейному очагу без огня. На десятом году революции Париж был беднее, чем накануне ее.

Тщательно подобранные, отчасти искусственно подтасованные факты служат Тэну для того, чтобы обосновать обвинительный приговор: плебеи хотели-де быть диктаторами -- и довели себя до нищеты. Трудно представить более плоское морализирование! Великая французская революция вовсе не исчерпывается голодными хвостами у булочных. Вся современная Франция, в некоторых отношениях вся современная цивилизация, вышла из купели французской революции!

Во время гражданской войны в С[оединенных] Штатах в 60-х годах прошлого столетия погибло 50.000 душ. Оправданы ли эти жертвы? С точки зрения американских рабовладельцев и шедших заодно с ними господствующих классов

Великобритании -- нет. С точки зрения прогрессивных сил американского общества, с точки зрения негров и британских рабочих -- полностью. А с точки зрения развития человечества в целом? На этот счет не может быть сомнений. Из гражданской войны 60-х годов вышли нынешние С[оединенные] Штаты с их неистовой деловой инициативой, рационализованной техникой, экономическим размахом. На эти завоевания американизма человечество будет опираться, строя новое общество.

Октябрьская революция глубже всех предшествующих вторглась в святая святых общества: отношения собственности. Тем более длительные нужны сроки, чтобы творческие последствия революции обнаружились во всех областях жизни. Но общее направление преобразований ясно уже и сейчас. Перед своими капиталистическими обвинителями у Советской республики во всяком случае нет основания опускать голову и говорить языком извинений.

Рост производительности труда

Наиболее объективным и бесспорным критерием прогресса является рост производительности общественного труда. Оценка Октябрьской революции под этим углом зрения уже произведена на опыте. Принцип социалистической организации впервые в истории доказал свою способность давать в короткий срок небывалые производительные эффекты.

Кривая промышленного развития России в грубых показателях такова: 1913 -- последний год перед войною, примем за 100; 1920 г. -- высшая точка гражданской войны есть низшая точка промышленности -- 25, четверть довоенного производства; 1925 -- подъем до 75, три четверти довоенного производства; 1929 -- около 200; 1932 -- 300, т. е. в три раза выше, чем накануне войны.

Картина становится еще ярче в свете международных показателей. С 1925 г. по 1932 г. промышленное производство в Германии уменьшилось на треть, в С[оединенных] Штатах почти наполовину, в СССР увеличилось в 4 с лишним раза. Эти цифры говорят сами за себя.

Я совсем не собираюсь отрицать или скрывать теневые стороны советского хозяйства. Эффект индустриальных показателей чрезвычайно снижается неблагоприятным развитием сельского хозяйства, т. е. той отрасли, которая, по существу, еще не поднялась до социалистических методов и в то же время сразу переведена на путь коллективизации без достаточной подготовки, скорее бюрократически, чем технически и экономически. Это очень большой вопрос, который выходит, однако, за рамки моего доклада.

Приведенные индексы требуют и еще одной существенной оговорки. Бесспорные и в своем роде ослепительные успехи советской индустриализации нуждаются в дальнейшей экономической проверке с точки зрения взаимного соответствия разных элементов хозяйства, их динамического развития и, следовательно, их полезного действия. Здесь неизбежны еще великие трудности и даже попятные толчки. Социализм не выходит в готовом виде из пятилетки, как Минерва⁵¹⁹ из головы Юпитера⁵²⁰, или Венера⁵²¹ из пены морской.

Предстоят еще десятилетия упорного труда, ошибок, поправок и перестроек. Не забудем, сверх того, что социалистическое строительство по самому существу своему может найти завершение только на международной арене.

Но даже и самый неблагоприятный экономический баланс достигнутых ныне результатов мог бы обнаружить лишь неправильность предварительных расчетов, ошибки плана и промахи руководства; но не мог бы ни в каком случае опровергнуть эмпирически установленный факт: способность рабочего государства поднять производительность коллективного труда на небывалую высоту. Этого завоевания, имеющего всемирно-исторический характер, уж никто и ничто не отнимет⁵²².

Две культуры

Вряд ли стоит после сказанного останавливаться на жалобах, будто Октябрьская революция привела в России к снижению культуры. Это голос потревоженных гостиных и салонов. Опрокинутая пролетарским переворотом дворянски-буржуазная "культура" представляла лишь сусальную позолоту варварства. Оставаясь недоступной русскому народу, она внесла мало нового в сокровищницу человечества.

Но и относительно этой культуры, столь оплакиваемой белой эмиграцией, надо еще уточнить вопрос: в каком смысле она разрушена? В одном единственном: опрокинута монополия ничтожного меньшинства на блага культуры. Но все, что было действительно культурного в старой русской культуре, осталось неприкосновенным. Гунны⁵²³ большевизма не растоптали ни завоеваний мысли, ни произведений искусства. Наоборот, тщательно собрали памятники человеческого творчества и привели их в образцовый порядок. Культура монархии, дворянства и буржуазии стала ныне культурой исторических музеев.

Народ усердно посещает эти музеи. Но он не живет в них. Он учится. Он строит. Один тот факт, что Октябрьская революция научила русский народ, десятки народов царской России читать и писать, стоит неизмеримо выше всей прошлой оранжерейной русской культуры. (Аплодисменты.)

Октябрьская революция заложила основы новой культуры, рассчитанной не на избранных, а на всех. Это чувствуют народные массы всего мира. Отсюда симпатии к Советскому Союзу, столь же горячие, сколь горяча была ранее ненависть к царской России.

Уважаемые слушатели! Вы знаете, что человеческий язык является незаменимым орудием не только для наименования явлений, но и для их оценки. Отбрасывая случайное, эпизодическое, искусственное, язык впитывает в себя все коренное, характерное, полновесное. Обратите внимание, с какой чуткостью языки цивилизованных наций отметили две эпохи в развитии России. Дворянская культура внесла в мировой обиход такие варваризмы, как царь, казак, погром, нагайка. Вы знаете эти слова и что они означают. Октябрь ввел во все языки мира такие слова, как большевик, Совет, колхоз, госплан, пятилетка. Здесь практическая лингвистика произносит свой высший исторический суд! (Аплодисменты.)

Революция и национальный характер

Самое глубокое значение каждой великой революции, труднее всего поддающееся непосредственному измерению, состоит в том, что она оформляет и закаляет национальный характер. Представление о русском народе как о народе медлительном, пассивном, мечтательно-мистическом широко распространено, и не случайно: оно имеет свои корни в прошлом. Но до сих пор еще на Западе не оценены достаточно те глубокие изменения, которые внесла в народный характер революция. Да и могло ли быть иначе?

Каждый человек с жизненным опытом может вызвать в своей памяти образ знакомого юноши, впечатлительного, лирического, излишне чувствительного, который затем под действием сильного нравственного толчка сразу окреп, закалился, стал неузнаваем. В развитии целой нации подобные нравственные превращения совершает революция.

Февральское восстание против самодержавия, борьба против дворянства, против империалистской войны, -- за мир, за землю, за национальное равноправие; Октябрьское восстание, низвержение буржуазии и тех партий, которые хотели соглашения с буржуазией; три года гражданской войны на кольцевом фронте в 8000 километров; годы блокады, нужды, голода, эпидемий; годы напряженного хозяйственного строительства, среди новых трудностей и лишений, -- это суровая, но великая школа. Тяжелый молот дробит стекло, но кует сталь, -- молот революции кует сталь народного характера. (Аплодисменты.)

"Кто же поверит, -- с возмущением писал вскоре после переворота один из русских генералов Залесский, -- чтобы дворник или сторож сделался бы вдруг председателем суда; больничный служитель -- заведующим лазаретом; цирюльник -- большим чиновником; прапорщик -- главнокомандующим; чернорабочий -- градоначальником; слесарь -- начальником мастерской".

"Кто же поверит?" Пришлось поверить. Нельзя было не поверить, когда прапорщик разбил генералов; градоначальник из чернорабочих смирил сопротивление старой бюрократии; смазчик вагонов наладил транспорт; слесаря в качестве директоров подняли промышленность... Кто же поверит? Пусть попробуют теперь этому не верить!

В объяснение исключительной выносливости, которую проявляют народные массы Советского Союза за годы революции, некоторые иностранные наблюдатели ссылаются, по старой памяти, на пассивность русского характера. Грубый анахронизм! Революционные массы переносят лишения терпеливо, но не пассивно: они строят своими руками лучшее будущее и хотят построить его во что бы то ни стало! Но пусть классовый враг попробует извне навязать этим терпеливым массам свою волю... нет, лучше пусть уж не пробует! (Аплодисменты.)

Подчинить разуму хозяйство

Попытаемся, в заключение, установить место Октябрьского переворота не только в истории России, но в истории человечества.

В 1917 году на протяжении 8 месяцев сходятся две исторические кривые. Февральский переворот, запоздалый отголосок великих боев, разыгрывавшихся в предшествующие столетия на территории Нидерландов, Англии, Франции, почти всей континентальной Европы, примыкает к серии буржуазных революций. Октябрьский переворот возвещает и открывает господство пролетариата. На территории России первое свое большое поражение потерпел мировой капитализм. Цепь порвалась на слабейшем звене. Но порвалась цепь, а не только звено.

Капитализм исторически пережил себя как мировая система. Он перестал выполнять свою основную миссию -- подъем человеческого могущества и богатства. Остановиться на достигнутой ступени человечество не может. Только новое повышение производительных сил при помощи плановой, т. е. социалистической организации производства и распределения может обеспечить людям -- всем людям -- достойный уровень существования и в то же время дать им драгоценное чувство свободы по отношению к их собственному хозяйству. Свободы в двух отношениях: во-первых, человек не вынужден будет отдавать физическому труду главную часть своей жизни; во-вторых, человек перестанет зависеть от законов рынка, от слепых и темных сил, которые складываются за его спиной. Он будет строить свое хозяйство свободно, по плану, с циркулем в руках. Дело идет на этот раз о том, чтобы просветить насквозь, рентгенизировать анатомию общества, обнаружить все его тайны и подчинить все его функции разуму и воле коллективного человека.

В этом смысле социализм должен стать новой ступенью в историческом восхождении человечества. Для нашего первобытного предка, который впервые вооружился каменным топором, вся природа представляла заговор таинственных и враждебных сил. Естественные науки рука об руку с практической технологией осветили с того времени природу до самых ее глубин. При помощи электрической энергии физик учиняет ныне расправу над ядром атома. Не далек уже час, когда наука, играя, разрешит задачу алхимии и станет превращать навоз в золото, а золото в навоз. Там, где неистовствовали демоны и фурии природы, ныне все смелее повелевает индустриальная воля человека.

Но победоносно борясь с природой, человек строил свои отношения к другим людям слепо, почти как пчелы и муравьи. С запозданием и крайне неуверенно он подходил к проблемам человеческого общества. Он начал с религии, чтоб затем перейти к политике. Реформация⁵²⁴ явилась первым успехом критического разума в той области, где царила мертвая традиция. (Неожиданные крики "Браво!", очевидно, со стороны группы студентов-теологов⁵²⁵).

От церкви критическая мысль перешла к государству. В борьбе с абсолютизмом и средневековыми сословиями родилась и окрепла доктрина народного суверенитета и прав человека и гражданина; сложилась система парламентаризма. Критическая мысль проникла в область государственного управления. Политический рационализм демократии означал высшее достижение революционной буржуазии.

Но между природой и государством стоит хозяйство. От тирании старых стихий, земли, воды, огня и воздуха человека освободила техника, но только

затем, чтобы подчинить его себе. Человек перестал быть рабом природы, чтобы стать рабом машины и еще хуже: рабом спроса и предложения. Нынешний мировой кризис особенно трагически свидетельствует о том, в какой мере человек, спускающийся на дно океана, поднимающийся в стратосферу, разговаривающий с антиподами на невидимых волнах, -- в какой мере этот гордый и дерзкий повелитель природы является рабом слепых сил своего собственного хозяйства! Историческая задача нашей эпохи состоит в том, чтоб заменить разнузданную игру рынка разумным планом, дисциплинировать производительные силы, заставить их работать в гармонии друг с другом, покорно служа потребностям человека. Только на этой новой социальной основе человек выпрямит усталую спину и станет -- каждый и каждая, не только избранные -- полноправным гражданином в царстве мысли! (Аплодисменты.)

Поднять человеческую расу

Но это не конец пути. Нет, это только его начало. Человек называет себя венцом создания. Он имеет на это некоторые права. Но кто сказал, что нынешний человек является последним и высшим представителем рода?

Нет, он физически, как и духовно, очень далек от совершенства, этот биологический недоносок, заболевший мыслью и не нашедший для себя органического равновесия.

Человечество не раз давало, правда, гигантов мысли и дела, которые поднимаются над современниками, как вершины над горной цепью. Людской род вправе гордиться своим Аристотелем⁵²⁶, Шекспиром, Дарвиным, Бетховеном⁵²⁷, Лапласом⁵²⁸, Гете, Марксом, Эдисоном, Лениным. Но почему они так редки? Прежде всего потому, что они выходили почти исключительно из высших и средних классов; за редкими исключениями, проблески гениальности в угнетенных толщах народа погибали без расцвета. На также и потому, что самый процесс зачатия, развития и воспитания человека оставался и остается в основном делом случайности, не освещен насквозь, не рентгенизирован теорией и практикой, не подчинен сознанию и воле.

Антропология, биология, физиология, психология накопили горы материалов, чтобы поставить перед человеком во всем объеме задачу его собственного физического и духовного совершенствования и роста. Психоанализ приподнял гениальной рукой Зигмунда Фрейда⁵²⁹ крышку над тем колодезем, который называется поэтически "душой" человека. Оказалось, что наша сознательная мысль составляет только частицу в работе темных психических сил. Ученые-водолазы спускаются на дно океана и фотографируют таинственных рыб. Мысль человека, спустившись на дно его собственного душевного колодца, должна осветить наиболее таинственные движущие силы психики и подчинить их разуму и воле.

Совладав с анархическими силами собственного общества, человек возьмет самого себя в обработку, в ступу, в реторту химика. Человечество впервые взглянет на себя, как на сырой материал или в лучшем случае на физический и психический полуфабрикат. Социализм будет означать прыжок из царства

необходимости в царство свободы также и в том смысле, что нынешний противоречивый, негармоничный человек расчистит дорогу новой, более высокой и более счастливой расе. (Аплодисменты. Часть аудиторией поет "Интернационал" 530).

27 ноября 1932 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕЩАНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ

ПО ПОВОДУ ПОЕЗДКИ ТОВ. ТРОЦКОГО 531

Не для публикации

1. Враждебные коммунизму политики и журналисты пытаются выдвинуть против левой оппозиции то обстоятельство, что Троцкий воспользовался визами буржуазных или с[оциал]-д[емократических] правительств. Почти с таким же правом можно поставить коммунистам в укор, что они ездят в капиталистических пароходах.

2. Коммунизм не отрицает демократии ни как "принцип", ни тем более как факт. Коммунизм указывает лишь на ограниченную историческую роль буржуазной демократии. Она облегчила в известную эпоху формирование пролетарских организаций. Но она не способна разрешить социальную проблему. Пример сегодняшней Германии исчерпывает этот вопрос.

3. Буржуазная демократия во всех старых парламентских странах проживает остатки своего старого капитала. Это относится, в частности, и к праву убежища. Оно существует в Европе только для контрреволюционных беженцев, не для революционеров.

Свежий пример с визой тов. Троцкого в Дании обнаруживает это с новой силой.

Социал-демократическое правительство, т. е. наиболее левое крыло буржуазной демократии, допустило въезд Троцкого в Данию, потому что считало для себя неудобным отказать в этом собственной студенческой и рабочей молодежи и слишком грубо обнаружить на частном вопросе свой не только антисоциалистический, но и антидемократический характер. Но как только вопрос встал о простом продлении срока визы "демократия" показала, что между ней и белой русской эмиграцией, требовавшей отказа в визе, разногласие измеряется всего-навсего восьмью днями.

4. Каждый режим должен быть судим прежде всего по своим собственным законам. Режим диктатуры не может и не хочет останавливаться перед нарушением принципов и правил формальной демократии. Он должен быть судим с точки зрения того, способен ли он обеспечить переход к новому обществу.

Демократический режим должен быть судим с точки зрения того, в какой мере он способен ввести борьбу классов в рамки демократии. Пример датской визы ярко иллюстрирует полную несостоятельность современной демократии даже во второстепенных и частных вопросах. Под давлением мировой империалистической реакции мелкобуржуазная демократия даже в сравнительно

спокойной и "мирной" Дании не способна поддержать свой "престиж", предоставив революционеру убежище, хотя бы на несколько недель. Можно ли хоть на минуту поверить, что демократия способна при помощи своих опустошенных принципов и формул предотвратить гражданскую войну?

5. Позорное место в борьбе классовых сил вокруг вопроса о визе заняла сталинская бюрократия. Она противодействовала предоставлению Троцкому визы через свою дипломатию. Кобецкий⁵³² в Дании, Коллонтай в Швеции грозили экономическими и иными репрессиями. Поскольку с[оциал]-д[емократы] еще колебалась, сталинская агентура заключала союза с буржуазной частью коалиции против социал-демократов. Сталинская бюрократия помогла империалистской буржуазии ломать остатки права убежища. Сталинцы закончили прямым и открытым доносом капиталистическим правительствам и капиталистической полиции на мнимую "конференцию троцкистов" в Копенгагене.

Бешеная травля со стороны русской белой эмиграции и империалистской печати, с плохо замаскированными призывами к террористической расправе над Троцким, вероломство социал-демократических верхов по отношению к собственным низам, наконец, сталинский донос полиции смыкаются в одно неразрывное целое. Перед мировым рабочим классом снова со всей яркостью обнаруживается, что большевики-ленинцы, авангард авангарда, ставятя правящими всего мира вне закона.

6. Донос сталинской бюрократии (через ТАСС⁵³³) не только политически позорен, но и ложен с фактической стороны. Никакой конференции большевиков-ленинцев в Копенгагене не было. Кто следит за печатью левой оппозиции и за ходом подготовительной работы, тому известно, что конференция может состояться не ранее, как через два-три месяца. Верно лишь то, что встревоженные бешеной травлей мировой реакции, друзья и единомышленники Троцкого, несмотря на материальные трудности и лишения, поспешили в Копенгаген из ближайших к Дании стран. Факт в крепкой внутренней связи международных большевиков-ленинцев проявился с замечательной силой. Но интернациональная конференция остается по прежнему задачей ближайшего будущего.

7. Левая оппозиция извлекла из данной обстановки максимум того, что можно было извлечь.

Большевики-ленинцы, застигнутые датской визой врасплох, обнаружили инициативу и способность к быстрой мобилизации. Свидание и беседы свыше двадцати товарищей из семи стран создали тесную спайку.

Речи по радио помогут национальным секциям бороться против клеветы сталинской бюрократии. Той же цели послужат и говорящие фильмы.

Большевики-ленинцы разъезжаются после случайного и короткого слета с новым запасом сил и несокрушимой уверенностью в правоте своего дела.

[Ноябрь]

О СОСТОЯНИИ ЛЕВОЙ ОППОЗИЦИИ

(Письмо секциям)

Самым важным результатом копенгагенской поездки явилась, несомненно, встреча оппозиционеров нескольких стран. Первоначальная мысль состояла в том, чтобы вызвать десяток товарищей из ближайших к Дании пунктов для принятия необходимых мер предосторожности. Прибыло на самом деле 24 товарища (два с запозданием), в том числе наиболее ответственные работники нескольких секций, а с сочувствующими всего около 30 человек.

Когда Сталин по радио сообщил капиталистической полиции о собирающейся в Копенгагене "конференции троцкистов", то это была ложь. Возникнув случайно, копенгагенская поездка не могла не застигнуть левую оппозицию врасплох. Подготовительные работы к конференции находились еще в первой стадии. Не могло быть и речи о принятии в Копенгагене платформы или программных тезисов. Далеко не все даже из европейских секций были представлены, и далеко не все прибывшие товарищи имели полномочия. Конференции, к сожалению, не было и по ходу обстоятельств быть не могло.

Незачем, однако, говорить, что съехавшиеся товарищи широко использовали возможность познакомиться друг с другом и обсудить на частных совещаниях наиболее неотложные и острые вопросы. Результаты получились самые благоприятные. Непредвиденная, спешно импровизированная встреча двух десятков большевиков-ленинцев из семи европейских стран войдет, несомненно, очень важной датой в историю нашей международной фракции.

Левая оппозиция сильно выросла. Кадровые работники знают историю левой оппозиции в разных странах, свободно ориентируются в теоретических и политических вопросах и представляют собою, все вместе и каждый в отдельности, большой политический опыт. Длившиеся несколько дней совещания внесли в среду съехавшихся крепкую спайку, которая плодотворно отразится на всей дальнейшей работе. Нисколько не впадая в официальный оптимизм, можно с уверенностью сказать, что все участники совещания увозили с собой новый запас сил и уверенности.

Испанская оппозиция

Один вопрос омрачал совещание: это положение в испанской секции. Если раньше в среде интернациональной левой наблюдались известные оттенки в отношении к болезням и ошибкам испанской оппозиции, то на совещании эти оттенки совершенно исчезли перед настроением общей тревоги. Все участники были совершенно единодушны в том, что с испанскими товарищами надо объясниться открыто и начистоту и что объяснение ни в каком случае не должно на сей раз ограничиваться верхами оппозиции: только доведение спорных вопросов до сведения всех без исключения членов секции может вывести испанскую оппозицию на правильную дорогу.

Было бы преступно закрывать далее глаза на действительное положение или прикрашивать его: если нам не удастся своевременно добиться полной ясности

путем открытого объяснения по всем спорным вопросам, -- а их накопилось слишком много, -- то толчок событий может развести нас в разные лагеря.

Испанская секция, к сожалению, не была представлена на совещании. В последний момент помешали, по-видимому, случайные обстоятельства. Но я позволю себе выразить уверенность в том, что, если бы руководящие испанские товарищи меньше замыкались в своей среде и проявляли больше интереса к своей интернациональной организации, они без труда нашли бы дорогу на копенгагенское совещание.

Но главное несчастье испанской оппозиции в том именно и состоит, что руководители ее все время отгораживали свою организацию от внутренней жизни и внутренней борьбы других секций и тем лишали ее доступа к незаменимому интернациональному опыту. Поскольку же испанской секции приходилось все же в силу официального положения вмешиваться в интернациональные вопросы, вожди ее, совершенно не связанные ни опытом других секций, ни общественным мнением собственной организации, руководствовались личными симпатиями, связями или антипатиями. Марксистский анализ обстановки и разногласий они слишком часто заменяли -- надо сказать откровенно -- мелкобуржуазным психологизмом и сентиментализмом. Так было в вопросе о Каталонской федерации (Маурин), где надежда отдельных барселонских товарищей на "личные дружественные отношения" долго заменяла принципиальную борьбу с мелкобуржуазным национализмом и этим затормозила развитие левой оппозиции в самый острый период. Так было в вопросе о Ландау, которого "Comunismo" неожиданно объявлял своим сотрудником, после того как Ландау, обнаружив свою полную несостоятельность и оказавшись в меньшинстве, покинул левую оппозицию. Так было в вопросе о разногласиях во французской секции, где испанские товарищи в частном порядке соглашались, что и идеи и методы Росмера никуда не годятся, а публично поддерживали Росмера, если не прямо, то косвенно, на том основании, что Росмер лично им более "симпатичен", чем противники его. Так было в вопросе о Милле, которого руководящие испанские товарищи сочли возможным выбрать своим представителем в Интернациональный Секретариат, после того как политическое ничтожество Милля оказалось совершенно разоблачено. Во всех этих случаях мы ни из Мадрида, ни из Барселоны не слышали и звука принципиального обоснования или политического объяснения.

Не менее резко и болезненно те же черты обнаружались во внутренней жизни испанской оппозиции. Кризис, разразившийся на ее верхах, застиг не только интернациональную оппозицию, но и испанскую секцию врасплох. Один за другим члены ЦК подавали в отставку. Все руководство сосредоточилось фактически в руках одного Лакруа. Затем с такой же внезапностью тов. Лакруа оказался вне ЦК, временно даже вне оппозиции, а руководство перешло в Барселону. Почему? В чем разногласия? Каковы причины кризиса? Никто этого не знает, по крайней мере за пределами узкого кружка посвященных. Такой режим абсолютно недопустим в революционной организации и ничего, кроме поражений, принести ей не может. Воздерживаясь от участия в борьбе по принципиальным вопросам, подменяя политические разногласия личными оценками, руководящие

испанские товарищи сами становятся неизбежно жертвой личных конфликтов и дворцовых переворотов.

Подобный субъективный произвол в политике был бы совершенно невозможным, если бы ЦК испанской секции действовал под контролем собственной организации. Но этого нет. В свое оправдание отдельные руководители испанской оппозиции не раз ссылались на недостаточно высокий теоретический и политический уровень испанских оппозиционеров. Довод явно негодный! Уровень революционной организации поднимается тем быстрее, чем непосредственнее она вовлекается во все вопросы, чем меньше руководители пытаются думать и действовать за организацию и педагогически опекать ее.

Первым условием партийной демократии является всесторонняя информация. Нужно начать с интернациональных документов, касающихся самой испанской оппозиции; нужно, чтобы испанский ЦК обязался довести эти документы до всех членов организации; нужно, чтобы каждый испанский большевик-ленинец изучил, обдумал и обсудил как опыт с Миллем, так и существо кризиса в самом испанском ЦК: это научит всех испанских оппозиционеров гораздо большему, чем десяток абстрактных статей о демократическом централизме и о правильном отношении к "людям".

Бордигисты

Внимательному обсуждению на совещании подвергся вопрос об итальянской группе "Прометео" (бордигисты). Дело шло не о принципиальной оценке этой фракции. Опыт нескольких лет показал совершенную непримиримость разногласий между группой "Прометео" и интернациональной левой оппозицией. По таким вопросам, как революционное применение демократических лозунгов или политики единого фронта, бордигисты солидарны не с нами, а со сталинцами (поскольку сталинцы проходят через ультралевую, а не оппортунистическую стадию). Брать на себя хоть тень ответственности за тактические взгляды бордигистов означало бы для интернациональной левой оппозиции, прежде всего для нашей немецкой секции, собственными руками надевать себе камень на шею. Единство вовсе не является каким-либо абсолютным благом. При известных условиях раскол, открытый и честный, т. е. на серьезной принципиальной основе, оказывается необходимым не только для того, чтобы развязать руки обеим сторонам, но и для того чтобы подготовить возможность будущего реального, а не фиктивного объединения.

Никто на совещании не отрицал, что бордигисты представляют серьезную революционную группу, которую нельзя ставить на одну доску с гнилыми кликами Ландау и К||. Но факт таков, что условия эмигрантского существования позволяют этой группе сохранять в неприкосновенности такие взгляды, которые мы, на основании нашего коллективного интернационального опыта считаем сектантскими и глубоко вредными. Совместное существование с бордигистами в течение трех лет совершенно не дало положительных результатов. Большевикам-ленинцам в лице новой итальянской оппозиции не удалось проникнуть в среду бордигистов, несмотря на многократные попытки. С другой

стороны, и бордигистам не удалось никого завоевать на свою сторону в среде интернациональной левой оппозиции. Этот факт чрезвычайно поучителен. Раз между двумя фракциями, несмотря на их постоянные соприкосновения, не устанавливается никакой идейной диффузии, т. е. взаимопроникновения и взаимодействия, то остается сделать вывод, что перед нами две разнородные и резко размежеванные группировки. При совместной работе они могут только парализовать друг друга.

Тот факт, что бордигисты совершенно не находят сторонников за пределами Италии и, таким образом, представляют собою чисто национальную секцию, дает этой группе с точки зрения марксизма наиболее уничтожающую оценку. Политику интернациональной революции нельзя вести "в отдельной стране". Бордигисты это сами чувствуют. Именно поэтому они цепляются за фирму интернациональной левой оппозиции, фиктивная принадлежность к которой помогает им маскировать их национальную изолированность. Но у нас не может быть ни малейших оснований помогать этой маскировке. Наоборот, здесь, как и в других случаях, надо открыто сказать то, что есть. Этого требуют также и правильно понятые интересы самой бордигистской фракции.

Где не помогает критика идей, нужна критика событий. Вместо того чтобы мешать друг другу, парализовать друг друга и осложнять глубокие разногласия повседневными трениями и организационными дразгами, несравненно лучше своевременно разойтись, мирно и без вражды, и предоставить, таким образом, проверку двух линий дальнейшему ходу революционной борьбы.

Дождаться официальной конференции для того, чтобы окончательно разойтись с бордигистами, было бы излишним и вредным формализмом. При тех исключительных трудностях, в какие поставлена интернациональная левая оппозиция, мы не можем с уверенностью утверждать, что конференция сможет собраться в ближайшее время. Серьезные события могут развернуться в Германии, прежде чем нам удастся созвать конференцию. Было бы непростительным оставлять висющим в воздухе столь ясный для всех и столь зрелый вопрос.

Совещание было достаточно авторитетным в смысле отражения действительных взглядов интернациональной левой. Оно высказалось за немедленную ликвидацию фиктивной связи между бордигистами и большевиками-ленинцами. Надо надеяться, что национальные секции присоединятся к мысли совещания и тем превратят ее в окончательное решение.

Французская секция

Главная подготовительная работа по совещанию легла, как обычно, на французскую Лигу, широко представленную в Копенгагене. Если во Втором и Третьем Интернационалах французская секция проявляла неизменно черты национальной замкнутости, то французская секция левой оппозиции, наоборот, отличается очень большой интернациональной инициативой. Лига принимала активное участие в завязывании связей почти со всеми другими секциями и помогала их развитию, освещая на страницах своих органов все вопросы

интернациональной левой.

Внутреннее развитие самой Лиги совершалось, однако, до последнего времени с большими затруднениями. Все попытки ассимилировать старые разрозненные группы, особенно многочисленные во Франции, не привели ни к чему. Последняя попытка такого рода разбилась о сопротивление Трэна. Можно, конечно, пожалеть, что Трэн снова обнаружил отсутствие политической перспективы, т. е. умения отличать важное от неважного, эпизодическое от постоянного, как и недостаток выдержки, необходимой, чтобы сработаться с организацией и занять в ней место, отвечающее несомненным положительным качествам Трэна. Только дальнейший рост самой Лиги, прежде всего расширение и упрочение ее рабочего базиса, может создать условия для использования и ассимиляции таких своевравных и недисциплинированных элементов, как Трэн. Что касается нынешней группы Трэна, то она так же бесплодна и безнадежна, как и группа Росмера, Суварина, Ландау, "Спартакоса", Вейсборда и пр. и пр. Все такого рода случайные образования, без самостоятельной принципиальной основы под ногами, осуждены самым существом своим оставаться вне рабочего движения. К революционной политике они относятся так же, как домашние спектакли -- к искусству, т. е. служат исключительно для развлечения самих участников и их ближайших родственников.

Сама Лига, во всяком случае, вышла из периода непрерывной внутренней борьбы и выработала необходимое единство взглядов и методов. Нимало не преуменьшая этого завоевания, надо, однако, помнить, что при узости рабочей базы, политическое единство не может отличаться большой устойчивостью. Застраховать себя от рецидива изнурительной внутренней болезни Лига может только одним путем: направив все свое внимание, все свои усилия вниз, в сторону рабочих -- в партии, в профессиональных союзах и на заводах.

Руководящие товарищи Лиги сами хорошо сознают, что в ближайший период им необходимо сосредоточиться на вопросах французской общественной жизни и французского рабочего движения. Это относится как к теоретической, так и к практической работе. Под Лигу, сплотившую ценные кадры, надо во что бы то ни стало подвести прочный пролетарский фундамент.

Еще раз о "фракции" и "второй партии"

В британской секции стоит в порядке дискуссии вопрос о том, нужно ли ограничиваться внутренней работой в компартии или же создавать самостоятельные связи с рабочими за пределами партии. В этом вопросе, который в разные периоды возникал пред всеми секциями, нет ничего принципиального. Пытаться чисто абстрактно выводить объем и характер нашей деятельности из понятия "фракции" было бы чистейшим доктринерством. Переход от "пропаганды", т. е. воспитания кадров, к "агитации", т. е. к воздействию на массы через кадры, всегда вызывал трудности и разногласия в среде молодых революционных организаций, которые совершенно не стояли перед дилеммой: "фракция или партия"? Вопрос должен решаться в зависимости от реальных сил и обстановки. А так как все наши секции, в том числе и наиболее молодая

британская, получили от партии очень ценные кадры, то надо стремиться как можно скорее создавать собственные опорные базы в рабочих организациях, ни на минуту не отказываясь, разумеется, от борьбы за единство коммунистических рядов.

Склонность отдельных товарищей (во Франции, например) истолковывать роль фракции в том смысле, что оппозиция вообще не должна предпринимать никаких самостоятельных шагов за пределами партии, совершенно неправильна. Наше действительное отношение к Коминтерну выражается не в воздержании от самостоятельных действий, а в содержании и направлении этих действий. Смешно было бы пытаться держать себя так, как если бы мы на самом деле входили в официальные организации Коминтерна. Нам надо вести такую политику, которая открыла бы нам ворота Коминтерна. Для этого надо стать сильнее, чего нельзя достигнуть, связывая себе руки искусственной и фальшивой дисциплиной по отношению к сталинской бюрократии. Надо обращаться к рабочим, где они есть, надо идти к молодежи, обучать ее азбуке коммунизма, строить ячейки на заводах и в профессиональных союзах. Но выполнять эту работу надо таким образом, чтобы рядовые коммунисты видели, что дело идет для нас не о второй партии, а о возрождении Коммунистического Интернационала.

Урбанс в Германии все время провозглашает новую партию, чтобы в момент выборов призывать голосовать за "окончательно сгнившую", по его словам, коммунистическую партию. Кто это поймет? Противоречие тем более вопиющее, что в предшествующие годы, когда Урбанс еще не порвал с интернациональной левой и не провозглашал второй партии, он выставлял самостоятельные списки при всякого рода выборах. Таким поразительным "маневрированием" Урбанс умудряется одновременно закрывать себе путь и к существующей компартии, и к новой, неведомой. Немудрено, если он в течение нескольких лет окончательно разложил свою организацию, лучшие элементы которой перешли в ряды нашей немецкой секции. Но ничто не действует на этого стратега, который тем решительнее кричит о собственной партии, чем меньше у него остается почвы под ногами.

Наши бельгийские товарищи, продолжающие систематически упрочивать свои позиции, предложили накануне последних парламентских выборов официальной партии совместные списки кандидатов, причем заранее соглашались занять в этих списках безнадежные места. Политическая цель предложения состояла, следовательно, в том, чтобы поддержать официальные коммунистические кандидатуры голосами также и тех рабочих, которые доверяют только оппозиции. Это был абсолютно правильный тактический шаг, смысл которого можно без труда разъяснить каждому коммунисту. Несмотря на то, что партия отклонила предложение, бельгийская оппозиция призвала рабочих голосовать за официальных кандидатов. Незачем говорить, что этот второй шаг был так же правилен, как и первый. Если официальная партия недополучила голоса многих и многих рабочих, которые доверяют Лезуалу⁵³⁴, но не доверяют Жакмоту⁵³⁵, то это вина не оппозиции, а официальной партии.

Наши испанские товарищи и в этой области не использовали уроков

интернациональной левой. На последней своей конференции они совершенно неожиданно высказались за самостоятельное участие в выборах. Из сказанного выше достаточно ясно, что мы и в этом вопросе не склонны к фетишизму. При известных условиях левая оппозиция может и должна выставлять своих собственных кандидатов. Но это должно вытекать не из погони за мнимой "самостоятельностью", а из реального соотношения сил и получать соответственное освещение в агитации: дело идет не о том, чтобы перехватить мандат у официальной партии, а о том, чтобы поднять знамя коммунизма там, где партия не в силах это сделать. Ясно, что при нынешнем соотношении сил самостоятельные оппозиционные кандидатуры могут иметь характер исключения, а не правила.

Но, может быть, специальные условия Испании оправдывают специальную тактику испанской оппозиции, т. е. фактический курс на вторую партию? Допустим. Почему же испанские товарищи не пытаются объяснить нам эти условия и обогатить нас своим опытом? Не думают же они в самом деле, что своеобразные испанские условия не могут быть поняты за пределами Испании? Ибо в этом последнем случае пришлось бы поставить вопрос: к чему нам вообще интернациональная организация?

Немецкая секция

При обсуждении доклада немецкой секции центральное место занял вопрос об отношении к РГО (профсоюзной организации партии). По существу этого исключительно важного вопроса мы надеемся высказаться в ближайшее время в особой статье. Разногласие в правлении немецкой секции возникло или, по крайней мере, обнаружилось в связи со стачкой рабочих городского транспорта в Берлине. Имеет ли спор чисто эпизодический характер или же под ним скрываются более глубокие расхождения, об этом судить еще трудно. Во всяком случае все участники совещания склонны были считать, что руководящие немецкие товарищи слишком поспешили перенести вопрос на страницы "Перманентной революции" и придали дискуссии излишне обостренный характер.

Разумеется, при наличии серьезных и длительных разногласий открытая дискуссия неизбежна и необходима. Несмотря на то, что она временно ослабляет организацию, она все же неизмеримо плодотворнее закулисной организационной борьбы или полузамаскированных "намеков" в печати, которые никому ничего не дают, а только отравляют атмосферу. Но все же надо считать совершенно недопустимым становиться на путь открытой дискуссии без действительной политической необходимости. "Перманентная революция" есть орган, предназначенный прежде всего для воздействия на внешнюю среду. Дискуссию можно и должно начинать в органе, предназначенном исключительно для внутреннего употребления (бюллетень, дискуссионный листок и пр.). Интересы внутренней демократии этим нисколько не нарушаются. В то же время противникам и врагам не дается в руки лишнее оружие. Нельзя ни на минуту забывать те исключительные, можно смело сказать, небывалые в истории трудности, в которых работает левая оппозиция. Достаточно напомнить, что

Сталинский штаб по радио донес капиталистической полиции на "конференцию троцкистов" в Копенгагене. Такая обстановка налагает на руководителей оппозиции двойную и тройную ответственность. Опыт прежней внутренней борьбы, которая слишком часто принимала характер личной склоки, сильно подорвал авторитет немецкой левой оппозиции, и это тяжелое наследство не изжито полностью до сего дня. Тем обязательнее заботиться об ограждении единства организации и о сплоченности руководства, всемерно избегая таких методов дискуссии, которые искусственно обостряют разногласия и способны отравить атмосферу.

Доклады немецких товарищей, как и состав самой делегации, показали с несомненностью, что в рядах немецкой секции имеется серьезный кадр рабочих-коммунистов, достаточно квалифицированных политически и в то же время связанных с массовыми организациями. Это величайшее завоевание, от которого надо исходить и на котором надо строить. В первую голову надо обеспечить более пролетарский, более связанный с массами состав самого правления.

В силу особых условий своего возникновения левая оппозиция в течение известного периода (периода ее упадка) существовала в Европе в виде одиночек и мелких групп, преимущественно интеллигентского или полунинтеллигентского характера, без ясных политических взглядов и без корней в рабочем классе. Не привыкшие ни к серьезной работе, ни к ответственности, ни с чем и ни с кем глубоко не связанные, политические кочевники без багажа, переносящие из города в город, из страны в страну несколько дешевых формул, несколько хлестких критических фраз и навык к интриге, такого рода "оппозиционеры" -- Ландау является их наиболее законченным представителем -- надолго затормозили развитие оппозиции, скомпрометировав ее в глазах мыслящих рабочих. Очищение оппозиции от "ландауизма" отняло немало времени за последние четыре года, и успехи в этой области, как и в других, совершенно неоспоримы. Но действительное преодоление духа интриги и склоки мыслимо только путем создания руководства из стойких пролетариев, связанных с массами и чувствующих себя хозяевами собственной организации. Наша немецкая секция вполне созрела для такой серьезной внутренней реформы. Остается пожелать, чтоб под этим знаком была созвана и провела свои работы ближайшая конференция немецкой оппозиции.

Левая оппозиция в СССР

В положении русской оппозиции произошли за последний год очень серьезные изменения. Общее их направление характеризуется словом "подъем".

Многие сотни, может быть, и тысячи прежних капитулянтов, особенно рабочих, вернулись на путь оппозиции: это те элементы, которые весной 1928 года искренно, но слишком поспешно поверили в принципиальную перемену официального курса. Места ссылки и заключения продолжают заполняться такого рода "рецидивистами". Незачем говорить, насколько этот факт упрочивает авторитет оппозиционеров, не покидавших ни на час своего знамени.

Среди старшего поколения большевиков, в том числе и вчерашних яростных сталинистов, наблюдается, наряду с полным упадком авторитета Сталина и его ближайшей группы, решительный поворот внимания и уважения в сторону левой оппозиции. В высшей степени знаменательно, что именно старые большевики, активно участвовавшие в партийной жизни при Ленине, но позволившие себя затем запугать призраком "троцкизма", теперь, после опыта чисто сталинского режима, начинают открывать, где правда. Это очень важный симптом!

Но несравненно важнее процесс, происходящий в рабочей среде, прежде всего среди молодежи. Как царская бюрократия в свое время каждого недовольного рабочего, протестанта, стачечника объявляла социалистом и отправляла в тюрьму и в Сибирь, давая ему возможность попасть там в школу к настоящим социалистам, так сталинская бюрократия все в большем числе арестует и ссылает теперь недовольных или протестующих рабочих, объявляя их "троцкистами" и тем толкая на путь левой оппозиции.

Что касается нелегальной организации большевиков-ленинцев в СССР, то восстановление ее делает только первые шаги. В то время как на Западе большинство оппозиционных секций имеет значительные и достаточно спаянные кадры, которые еще не завоевали для себя необходимой массовой базы, в СССР, наоборот, при очень внушительной базе, кадры левой оппозиции продолжают беспощадно громиться аппаратом, что крайне затрудняет создание централизованного руководства. Но явный и бесспорный рост влияния левой оппозиции, расширение круга ее сторонников в рабочем классе, прилив симпатий к ней даже в аппарате являются лучшей гарантией того, что восстановление централизованной организации -- дело близкого будущего.

Все иностранные секции имеют возможность оказывать прямое и косвенное содействие возрождению и укреплению организации русских большевиков-ленинцев. Надо завязывать связи с находящимися за границей советскими гражданами, особенно с учащейся молодежью; пользоваться всякими случаями и возможностями для пересылки в СССР оппозиционной литературы, особенно русского "Бюллетеня"; завязывать связи с уезжающими в СССР или находящимися там иностранными рабочими; пользоваться иностранными туристами для пересылки литературы, для установления письменных сношений, для собирания политической информации; завязывать связи с русскими моряками в портовых городах как для непосредственного политического воздействия на них, так и для пересылки литературы. Все эти виды работы требуют, разумеется, чрезвычайного внимания и осторожности: надо строго отбирать посредников, чтобы в их среду не затесались агенты полиции, классовые враги или сталинские провокаторы. Систематическая работа в указанных выше направлениях может оказать неизмеримые услуги нашим товарищам в СССР. Вряд ли есть надобность пояснять, какое значение получит для всех секций левой оппозиции быстрый рост организации большевиков-ленинцев в СССР!

Историческая роль левой оппозиции

В одном из предшествующих писем высказана была та мысль, что в

известных исторических условиях пролетариат может победить и под левоцентристским руководством. Некоторые товарищи, как мне сообщают, склонны истолковывать эту мысль в духе преуменьшения роли левой оппозиции и смягчения ошибок и пороков бюрократического централизма. Незачем говорить, насколько такое толкование далеко от меня.

Партийная стратегия является крайне важным элементом пролетарской революции. Но это все же не единственный фактор. При исключительно благоприятном соотношении сил пролетариат может оказаться у власти даже и при немарксистском руководстве. Так, напр[имер], было в Парижской коммуне, а в более близкое к нам время -- в Венгрии. Глубина разложения вражеского лагеря, его политическая деморализация, ничтожество его вождей могут на известное время обеспечить пролетариату решающий перевес даже при слабости его собственного руководства.

Но, во-первых, столь "счастливое" стечение обстоятельств ничем не гарантировано; оно представляет скорее исключение, чем правило. Во-вторых, одержанная в таких условиях победа остается, как показывают те же два примера, Париж и Венгрия, крайне неустойчивой. Ослаблять борьбу со сталинизмом на том основании, что при известных условиях даже и сталинское руководство может оказаться бессильным помешать победе пролетариата (как руководство Тельмана не смогло помешать росту коммунистических избирателей), -- значило бы опрокидывать на голову все элементы марксистской политики.

Теоретическую возможность победы при центристском руководстве надо к тому же понимать не механически, а диалектически. Не только официальная партия в целом, но даже и ее аппарат не есть нечто неподвижное и неизменное. Если бы первоначальная позиция Неймана⁵³⁶-Реммеле⁵³⁷-Тельмана: "сначала фашисты, а потом мы", сохранила и дальше свою силу, то весьма возможно, что фашисты сегодня уже стояли бы у власти. Как ни слабо развернулось в дальнейшем сопротивление компартии, но оно создало перспективу гражданской войны, испугало крупную буржуазию и вынудило Гитлера перейти на "конституционный" путь, который явно ослабил его. Между тем совершенно бесспорно, что в перемене позиции партии левая оппозиция сыграла решающую роль уже одним тем, что резко и отчетливо поставила перед рабочим классом проблему фашизма. Менять этот курс, приспособляться к предрассудкам сталинцев, вместо того чтобы апеллировать к рассудку коммунистов, значило бы подражать отчаявшимся центристами из САП, которые от Розенфельда перебегают к Тельману, чтобы затем, с обожженными пальцами, перебежать еще куда-нибудь...

Если сказанное правильно в отношении Германии, где исключительный напор обстоятельств временно преодолевает пораженческую политику сталинцев, что же сказать о таких странах, где официальная компартия находится в состоянии непрерывного упадка, как Франция или Великобритания (британская компартия за 10 месяцев спустилась с 15.000 до 3.000 платящих членов)?

Мы все согласны в том, что противопоставлять существующей партии авантюристский лозунг второй партии, навязываемый нам сталинской

бюрократией, значит баррикадировать самим себе дорогу к коммунистическим рабочим. Но смазывать разногласия с центризмом во имя облегчения "единства" значило бы не только совершать политическое самоубийство, но и прикрывать, усиливать, питать все отрицательные черты бюрократического централизма, помогая тем самым реакционным тенденциям в его среде против революционных тенденций.

Если последние годы что обнаружили, так это принципиальную правоту левой оппозиции, ее жизнеспособность, ее право на большую историческую роль. Случайное, неподготовленное совещание в Копенгагене показало, что кадры оппозиции вполне сознают свою миссию и ясно видят свой путь. Можно твердо надеяться на то, что совещание даст серьезный толчок дальнейшему развитию всех секций.

Г. Гуров

P. S. Наша греческая секция не могла за дальностью расстояния принять участие в совещании. Но в пути следования некоторые товарищи успели повидаться со значительным числом афинских большевиков-ленинцев и вынесли очень благоприятное впечатление. Достаточно сказать, что греческая организация поставила своей задачей в ближайшее время превратить свою газету "Pali ton Taxeon" 538 в ежедневную. Как далеки еще от этого, к сожалению, другие секции!

По тем же причинам: дальность расстояния, а для некоторых также материальные и полицейские затруднения -- на совещании не присутствовали представители американской Лиги, чехословацкой секции, болгарской, швейцарской, польских оппозиционеров и других групп.

Созыв действительной конференции, представляющей все секции интернациональной левой оппозиции, остается, таким образом, делом будущего.

Г. Г[уров]

16 декабря 1932 г.

МЕМОРАНДУМ

1. Я не сомневаюсь, что испанская фальсификация, так называемая "Жизнь Ленина", на русском языке никогда не появлялась. Если бы существовало на свете три экземпляра, один должен был бы дойти до меня. Русская эмигрантская печать несомненно писала бы о такой сенсации. На самом деле за пределами Испании никто об этой книге ничего не знает. Ее не существует на свете. Она никогда и нигде не печаталась. Фальсификаторы подделали только титульный лист.

2. Этот единственный лист является сам по себе убийственной уликой против фальсификаторов.

а) в небольшом тексте заглавия две грубейшие ошибки против русской орфографии как старой, так и новой. Первое слово "Жизнь" напечатано как "Жизн" без мягкого знака. Фальсификаторы слышали, очевидно, что советская власть отменила "твердый знак", и решили по этому поводу отменить "мягкий

знак". Это безграмотно: мягкий знак играет большую роль в произношении. Такая же точно ошибка сделана и в последнем слове "Константинополь".

Если бы книга печаталась на русском языке, всякий наборщик любой русской типографии непременно указал бы на безграмотность заголовка.

б) Я никогда не ставил на своих книгах своего имени-отчества. Этого вообще никто не делает. Это противоречит всем литературным нравам, особенно революционным.

в) Я никогда не ставил своей гражданской фамилии "Бронштейн" ни на одной из своих книг или статей. За последние 30 лет я подписывался не иначе, как Троцкий.

Чтобы показать, очевидно, свою осведомленность, фальсификторы нагромодили на титульный лист все свои познания: имя-отчество, гражданскую фамилию и литературную. Этим они только подчеркнули грубый характер подделки.

3. Краткая биография Ленина была мною написана только однажды, в 1926 г. для Британской энциклопедии⁵⁴⁰. Всякий интересующийся может прочесть в последнем издании энциклопедии эту статью. Она определяет мое действительное отношение к Ленину. Может быть, следовало бы предложить эту статью вниманию суда?

4. Моя связь с Лениным скреплена Октябрьской революцией, строительством советского государства и Красной армии, годами гражданской войны, работой по созданию Коммунистического Интернационала и пр. На испанский язык переведен ряд моих книг, которые определяют мое отношение к Ленину с исчерпывающей полнотой. Издатель "Дедало"⁵⁴¹ или его редактор не могли не знать этих фактов. При малейшем внимании к своим обязанностям, при малейшей добросовестности, хотя и при отсутствии всякой литературной проницательности, издатель не мог не усомниться, по крайней мере, в подлинности рукописи и обязан был обратиться ко мне за справкой. На самом деле издатель "Дедало", в интересах сенсации и сбыта, явно покровительствовал фальсификации.

Суд, надеюсь, разъяснит, что общественная функция издателя не может совпадать с ролью отравителя колодцев общественного мнения.

5. Я представляю в своих книгах и статьях определенное теоретическое и политическое направление. Хороши или дурны мои идеи, но они мои, и я борюсь за них в течение свыше трети столетия моей политической жизни.

Книга, изданная "Дедало" под моим именем, не есть простая литературная фальсификация, способная лишь причинить автору определенный материальный убыток. Нет, дело обстоит несравненно хуже, эта книга не подделывается под мои взгляды и оценки, прямо противоположные тем, которые я защищаю. Коммерческая фальсификация осложняется здесь политической клеветой, клеветой на мое прошлое и настоящее, клеветой тем более отвратительной, что клеветники заставляют меня покрывать клевету на самого себя моим собственным именем.

Моральный и политический ущерб подлога не поддается измерению. Не

будет, однако, преувеличением сказать, что эта наиболее отравленная, наиболее бесчестная форма литературного подлога из всех, какие вообще возможны.

6. Я предупредил издателя письмом от 24 декабря 1932 г. о том, что он вводит в заблуждение испанское общественное мнение, торгуя подлогом. Что же сделал издатель? Мое предупреждение он превратил в рекламу для своего отравленного товара. Чтоб повысить интерес читателей и покупателей, он внушает им ту мысль, будто я вынужден, по каким-то недостойным мотивам, отказаться от своего собственного произведения. Преступная игра моральными и материальными интересами писателя и политического деятеля приобретает здесь особо злонамеренный характер.

Я надеюсь, что суд испанской республики, независимо от своего отношения к моим взглядам и целям, обрушит надлежащий приговор на головы тех, которые вносят в область литературы и издательского дела приемы чикагских гангстеров.

Л. Троцкий

19 декабря 1932 г.

Принкипо

[Письмо С.Манову]542

19 декабря 1932.

Дорогой товарищ Манов543!

Отвечаю на ваше письмо от 17 декабря.

1. Известие о смерти Христиана Георгиевича ошибочно. Мы недавно получили из Барнаула фотографическую карточку Раковского и его жены. Несмотря на трудности, лишения и немолодой возраст, вид у Раковского в высшей степени энергичный. Все обращают внимание на совершенно юношеский блеск глаз. Верность идеям хорошо сохраняет людей. Карточку в Париже должны были воспроизвести в большом количестве экземпляров. Как только получу, вышлю вам.

2. Наиболее важные эпизоды, связанные с поездкой в Копенгаген, вы знаете из последнего номера "Веритэ" или узнаете из ближайшего номера русского "Бюллетеня", который должен выйти завтра-послезавтра.

3. В Болгарии продается не второй том "Истории революции", а только первая часть второго тома. По-немецки второй том вышел уже целиком (около 750 страниц). Второй выпуск по-русски должен выйти на днях (по договору оба выпуска должны были выйти одновременно). Вам должны послать из Берлина.

Моя работа над "Историей русской революции", таким образом, закончена полностью.

4. В Советском Союзе совершаются большие события. Сталинская группа политически совершенно изолирована. В партийном аппарате полная растерянность. Сталин держится через ГПУ. Аресты приняты неслыханные размеры. Арестовываются члены ЦК, бывшие народные комиссары, старые

большевики и пр. В русском "Бюллетене" прочтаете об этом. Наиболее скептические из наших друзей и полудрузей пишут о чрезвычайном росте авторитета и влияния левой оппозиции.

5. Временная неудача "Освобождения" не дает никакого повода для пессимизма. В силу особых условий политического развития в Болгарии за последние 8-9 лет появление левой оппозиции совпало с приливом симпатий и голосов к официальной партии. Этот прилив имеет общерадикальный, отчасти оппозиционный, отчасти революционный характер, неосознанный, непродуманный, недифференцированный. В таких условиях рабочие массы находят временное удовлетворение в самом факте своего пробуждения и в самой возможности выразить свои чувства путем голосований за коммунистических депутатов. Завоевание софийского муниципалитета дало новое удовлетворение рабочим. Критика "Освобождения" "омрачает" эти настроения, кажется излишней, непонятной, даже враждебной. Такой этап совершенно неизбежен.

Но на платоническом удовлетворении результатами выборов дело не остановится. Вопросы стратегии и тактики встанут (вероятно, уже встанут) тем острее, чем больший круг влияния захватила партия. Многие из того, что было сказано "Освобождением", застряло в головах и под действием потребностей классовой борьбы оживает и приобретает большую силу. А значит, месяцем раньше или позже возродится и "Освобождение".

К сожалению, финансовое положение интернациональной оппозиции в настоящее время не таково, чтобы она могла оказать вам в ближайшее время помощь.

6. В Копенгагене я имел возможность видеть около 30 товарищей из разных стран и вынес очень благоприятное впечатление. В частности, в Германии у нас есть прекрасные рабочие, тесно связанные с массами. Однако именно в Германии остались еще элементы прошлого, скептики, нытики и кляузники. Сейчас в связи с подготовкой немецкой конференции там наблюдается верхушечный кризис, о котором вы узнаете ближе из немецких и интернациональных документов. Никаких потрясений в немецкой оппозиции от этого не произойдет. Наоборот, следует ждать ее укрепления.

[Л.Д.Троцкий]

РЕДАКЦИИ БЕЛЬГИЙСКОГО ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА "КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ГОЛОС"544

Дорогие товарищи!

Совсем недавно только вы превратили ваше издание в еженедельное. Сейчас вы увеличиваете его формат. Это прекрасный успех. Он должен радовать нас тем более, что ваше издание опирается не на случайные пожертвования, а исключительно на пролетарскую организацию.

В этом отношении бельгийская секция может и должна стать образцом для многих других. Бельгийская оппозиция после периода упадка стала систематически подниматься, после того как очистилась от интеллигентского

дилетантизма. Этим я, разумеется, совершенно не хочу сказать, что нашему движению не нужны академики, интеллигенты. Такая точка зрения была бы вредной узостью. Революционные интеллигенты, которые полностью поставили себя в распоряжение пролетарской организации, могут приносить ей большую пользу своими специальными знаниями. Но те любители, которые занимаются революционным движением "между прочим", милостиво соглашаясь в свободные часы руководить рабочим классом, -- такие "вожди" ничего, кроме вреда, принести не могут.

Ваша организация тесно связана с рабочими массами. Она снова доказала это во время последней стачки. Идеи оппозиции и ее методы проверяются вами на опыте классовой борьбы и потому прочно укладываются в сознании. Таково вообще необходимое условие жизненности революционного течения и его систематического роста.

Вы следите, я надеюсь, за той дискуссией, которая разворачивается сейчас в немецкой левой оппозиции. Несмотря на свои несомненные успехи за последний год, наша немецкая секция явно не освободилась еще до конца от методов интеллигентского дилетантизма, который вносит в ее руководство недопустимые колебания. Задача состоит в том, чтобы руководство нашей немецкой секции твердо взяли в свои руки революционные рабочие, связанные с массовыми организациями. Своим примером и советом бельгийские товарищи могут оказать им в этом отношении большую помощь.

Наша пресса не может опираться в своем распространении на капиталистический аппарат. Преданность рабочих своему делу, своей организации и своей печати -- таков наш аппарат. Ваш опыт показывает, что только этот путь способен обеспечить серьезный успех.

Примите мои лучшие пожелания.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

Принкипо

20 декабря 1932 г.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ СССР И ОППОЗИЦИЯ

(Беседа)

Печать много говорит сейчас о хозяйственных затруднениях советской власти. Верно ли это?

-- Да, верно. Отрицать наличие затруднений или преуменьшать их остроту было бы неразумно. Они выражаются не в том, что не достигнуты рекорды пятилетки: этому я не придаю никакого значения. Неизмеримо важнее острый недостаток продовольствия и сырья, с одной, промышленных товаров широкого потребления, с другой стороны, а также нарушение внутренних соответствий между работой важнейших отраслей индустрии и транспорта. Факты более или

менее общеизвестны. Нужно, однако, ясно понять их природу и их место в развитии социалистического хозяйства. Принципиальные противники Советов пытаются выводить нынешний кризис из основных условий режима, т. е. национализации средств производства и планового хозяйства. С этим я никак не могу согласиться. Плановое начало вовсе не разрешает хозяйственных задач автоматически. Государственное руководство при национализированном хозяйстве получает решающее значение. Как микрофон усиливает во много раз каждый звук, так централизованное управление хозяйством не только повышает во много раз положительные результаты правильной инициативы, но и многократно увеличивает последствия каждой ошибки. Нынешний кризис в СССР имеет функциональный, а не органический характер. Его источники были подвергнуты анализу давно и его специфический характер был предвиден заранее.

Свыше трех лет тому назад левая оппозиция, к которой я принадлежу, предупреждала нынешнее советское правительство: "После долгого упущения времени вами взяты сразу слишком высокие темпы индустриализации и коллективизации". Ярче и лучше всех формулировал это предостережение Х.Г.Раковский, бывший председатель Совета народных комиссаров Украины, затем советский посол в Париже и Лондоне, ныне находящийся в ссылке в Барнауле (Алтай). Те затруднения, которые не могли не наступить в результате неправильной плановой установки, наступили в действительности и пока что продолжают обостряться.

В чем же Вы видите главные ошибки руководства?

-- Самая тяжелая по последствиям ошибка сделана в области сельского хозяйства. Я имею в виду так называемую сплошную коллективизацию. Разница между социальной структурой промышленности и сельского хозяйства та, что в промышленности производство имело уже до революции коллективный характер и лишь собственность на средства производства оставалась индивидуальной; в земледелии же и само производство имело крайне распыленный характер. Через это глубокое различие, в котором суммировались века экономического и культурного расхождения города и деревни, нельзя перенестись бюрократическим прыжком. Личная заинтересованность отдельного крестьянина в плодах его труда может быть вытеснена коллективной заинтересованностью не иначе, как на основе новых технических, экономических и культурных предпосылок. Расширять коллективный сектор земледелия за счет индивидуального допустимо лишь на основе бесспорных показаний хозяйственного опыта, осознанных самими крестьянами. Дальnozоркая осторожность не значит, разумеется, робость и нерешительность. В процессе коллективизации должен наступить момент смелых и решительных шагов: при наличии устойчивых колхозов, успевших охватить, скажем, 10-20% крестьян и доказавших свой неоспоримый перевес над индивидуальным хозяйством, можно и должно было бы сразу шагнуть к 50% и более. Но скачок от дроби процента в 1928 г. к 60% в ближайшие два года был недопустимой авантюрой, за которую сейчас приходится расплачиваться продовольственным и сырьевым кризисом⁵⁴⁵.

Ошибка в области индустриализации, вытекшая из того же бюрократического

невнимания к живой ткани хозяйства, хоть и не имеет столь глубокого принципиального характера, как ошибка сплошной коллективизации, но практически своими последствиями чрезвычайно обострила хозяйственные трудности. Темпы пятилетки имели с самого начала очень напряженный характер. С этим обстоятельством можно было мириться, -- при условии: не относиться к директивным коэффициентам роста догматически, как к непререкаемой заповеди. В процессе выполнения плана необходимо внимательно следить за взаимосоответствием основных элементов хозяйства и прежде всего за положением рабочих масс, изменяя самый план, согласно указаниям опыта. Дело идет ведь не о спортивной, а об экономической задаче. Между тем, первые крупные успехи индустриализации, доказавшие творческую мощь плановых методов, породили побочный продукт в виде административного головокружения. Решение осуществить пятилетку в четыре года было явно ошибочным, и я против него тогда же решительно протестовал. Увы, тщетно! Вместо гибкого руководства, считающегося с самой хозяйственной материей, открылся период нещадной гонки с закрытыми глазами. Ажиотаж темпов не мог не привести к кризису.

Ликвидировать старые диспропорции и ограждать растущее хозяйство от новых диспропорций нельзя в порядке одной лишь априорной плановой гипотезы. Я говорю о сегодняшнем дне. Идеальное регулирование будет достигнуто, когда социалистическое хозяйство на основе долгого опыта и высокой техники выработает свой динамический автоматизм. До этого еще далеко. Нынешнее советское хозяйство есть переходное хозяйство. Оно направляется планом, но контролируется рынком. Проверка хозяйства рублем имеет в этих условиях большое значение. Между тем азартная погоня за темпами не могла не привести к кредитной инфляции. Таков дополнительный элемент кризиса.

Чем же объясняется, что предостерегающие голоса не были совершенно приняты во внимание?

-- Этим вопросом вы переводите беседу уже в область чистой политики. Скажу кратко: советское хозяйство нуждается в советской демократии. Только коллективный хозяйственный опыт, проверяемый, обсуждаемый и критикуемый повседневно самими трудящимися, может создать основу реального планового руководства. В области индустриализации и еще более в области коллективизации бюрократия попыталась заменить сознание и волю масс своей непогрешимой командой. Такова главная политическая причина совершенных ошибок.

Считаете ли вы положение безнадежным?

-- Ни в малейшей степени! Если нужен пример безнадежного положения, его пришлось бы искать где-либо вне пределов СССР.

Опасным?

-- Лишь в том случае, если бюрократия будет упорствовать на путях голого командования и если правящая партия не сумеет подчинить себе свою собственную бюрократию. Но в такой вариант я не верю ни на минуту. Голос хозяйства слишком императивен.

Не думаете ли вы, что кризис в вашей стране может ослабить интерес С[оединенных] Штатов к признанию Советов и усилить во всех странах осторожность в области кредитования советского хозяйства?

-- Близорукости на свете не мало, и самые деловые капиталистические круги отнюдь не свободны от этого порока. Достаточно напомнить, что некоторые правительства 15 лет оттягивают признание Советского Союза. Но я думаю все же, что истекший срок не прошел бесследно. Кроме русской белой эмиграции, да и то лишь одной ее небольшой части, сейчас вряд ли кто уже ждет, что завтра-послезавтра пробьет "последний" час советского режима. Природа его нынешних затруднений настолько прозрачна, что понимание их преходящего характера доступно самому консервативному рассудку. Прибавьте к этому еще то соображение, что задачи преодоления кризиса в СССР неизбежно заставят правящую группу отказаться от столь сильных в последний период тенденций к автаркии, которые также во многом повинны в нынешних затруднениях: в ближайшие годы курс будет взят несомненно на более широкое развитие отношений с мировым рынком.

Но если командование советской бюрократии ведет к хозяйственным затруднениям и даже кризисам, не уместно ли поставить вопрос о возвращении к демократии?

-- Вы считаете доказанным, что парламентская демократия является надежным средством против экономических затруднений? Мировой капиталистический кризис имеет между тем неизмеримо более глубокий характер, чем все советские затруднения, возведенные в третью степень. К тому же происходящая на наших глазах "эволюция" немецкой демократии... Но, может быть, мы не будем касаться этой щекотливой темы?

Как вам угодно. Мне казалось, что вы сами апеллировали от бюрократии к демократии.

-- Я имел в виду советскую демократию.

В чем вы видите принципиальное отличие советской демократии от парламентской?

-- В характере господствующего класса. При системе парламентаризма вопрос о том, где должны проходить пределы демократии, решает буржуазия. При советской системе границы демократии проводит пролетариат. В первом случае критерием являются интересы капитализма. Во втором -- интересы социализма.

Что же нужно предпринять в области советского хозяйства, чтоб преодолеть нынешние острые затруднения?

-- Il faut reculer pour mieux sauter⁵⁴⁶. Надо исправить сделанные ошибки. Надо помочь крестьянам укрепить и развить жизнеспособные, устойчивые, проверенные на опыте колхозы. Тем крестьянам, которые разочарованы в колхозах, надо как можно скорее открыть выход к индивидуальному хозяйству. Это болезненная операция, но она неизбежна. Если на первое время в колхозах останется лишь 20% крестьянских семей, то и это будет гигантским плацдармом для дальнейшего систематического развертывания коллективизации. Напомню, кстати, что пятилетка первоначально и не шла

далее этой цифры.

Что касается промышленности и транспорта, то надо на год отодвинуть введение второй пятилетки. 1933 года должен быть посвящен не спортивной погоне за темпами, а борьбе за улучшение качества продукции, за большую пропорциональность разных отраслей индустрии и транспорта, за их приспособление к жизненным нуждам рабочих и крестьян, наконец, за восстановление устойчивости червонца. Только так будет подготовлена более здоровая исходная позиция для второй пятилетки. На основании переписки с друзьями в СССР у меня есть все данные думать, что названные неотложные меры находят полное признание как со стороны передовых рабочих, так и со стороны всех прогрессивных руководителей советского хозяйства.

Верны ли сведения об усилении репрессий по отношению к оппозиции?

-- К сожалению, верны. Разочарование партии в нынешнем руководстве неизбежно ведет к оживлению оппозиции как левой, так и правой. Фракция Сталина, т. е. бюрократия, отвечает на это градом новых репрессий против партии. Идут исключения, аресты, высылки. Обвинение неизменно гласит: подготовка к низвержению советской власти и восстановлению капитализма. Я приглашаю вас не верить этому. Сторонниками капитализма объявляются попросту все те, которые критикуют вопиющие ошибки Сталина, все равно, идет ли критика слева или справа. Такого рода характеристика внутренних разногласий приносит величайший вред международным интересам СССР, ибо создает у недальновидных друзей и легковверных врагов впечатление, будто в большевистской партии, притом в старых ее кадрах, проделавших борьбу с царизмом, Октябрьскую революцию и гражданскую войну, возникают теперь, во втором десятилетии существования советской власти, тенденции капиталистической реставрации. Нет, эти обвинения в корне ложны. Если бы враги Советского Союза на Д[альнем] Востоке или другом месте, соблазненные временными хозяйственными трудностями СССР и раскольнической политикой правящей фракции, вздумали перейти в наступление, они убедились бы, что в борьбе за Советскую республику преследуемая ныне оппозиция займет наиболее боевые участки.

Вы ждете, следовательно, смены руководства в СССР?

-- Если понимать это в парламентском смысле, т. е. как замещение одной группы политиков другой, то я отвечу на ваш вопрос отрицательно. Дело идет не о том, чтобы заменить Сталина, Молотова, Кагановича и их сторонников другими лицами, а о том, чтобы вернуть партии, профессиональным союзам и Советам контроль над всеми исполнительными органами и чтобы открыть возможность рабочим свободно разобраться в причинах неудач и путях выхода, как это всегда делалось в прошлом.

Но разве это не должно в конце концов привести к замене у власти сталинской фракции вашей фракцией?

-- Покажет будущее. Решать будет партия. Мы требуем лишь восстановления левой оппозиции в составе партии. Мы готовы сейчас, как и во все прошлые годы, оказать правящей ныне фракции наше содействие полностью и целиком на

любой работе.

Вы согласны, следовательно, если я вас правильно понимаю, на сотрудничество со Сталиным, даже на подчиненном положении, несмотря на то, что Сталин выслал вас из СССР и лишил даже прав советского гражданина?

-- Безусловно. Речь идет, конечно, не обо мне одном. Мы, как фракция, не раз уже делали на этот счет совершенно точные заявления. Смотрите, я раскрываю "Бюллетень" русской оппозиции, номер от октября 1929 г. и читаю: "Оппозиция ставит существо дела выше формы, интересы революции выше личных или кружковых амбиций. Она готова занять в партии самое скромное место. Но она согласна занять его, лишь оставаясь самой собою"⁵⁴⁷. Дело идет совсем не о Сталине, а о чем-то превосходящем по значению личную судьбу каждого из нас. Политика не знает мести, -- я говорю, конечно, о политике, преследующей большие исторические задачи.

Позвольте задать вам два-три вопроса в связи с вашим последним путешествием. Какие впечатления вы вывезли из Европы?

-- Вопрос звучит немножко слишком обще. Во всяком случае, ни на воде, ни на суше я не нашел повода для перемены своих политических взглядов. Весьма возможно, что в этом виновата не Европа, а консерватизм моей собственной мысли. Но все же... Во время войны, значительную часть которой я провел во Франции, я слышал изо дня в день, что страшные жертвы приносятся во имя свободы народов и демократии. Между тем, послевоенная Европа изо всех сил стремится показать, что полицейский режим старой гогенцоллернской Пруссии стал для нее высшим образцом. В датском королевстве, где у власти стоят социал-демократы, дело обстоит не многим иначе, чем в германской республике, где правят монархические генералы. Францией радикала Эррио, как и Францией реакционера Тардье⁵⁴⁸ управляют чиновник, полицейский и сыщик.

Но все же демократические правительства Франции и Дании выдали вам визу?

-- Как и правительство Италии, которое никем не причисляется к демократии. Меры контроля имели во Франции, во всяком случае, несравненно более назойливый и вызывающий характер. Несмотря на то, что я с полной лояльностью выполнял свое обещание о невмешательстве во внутреннюю политику, французская полиция обращалась со мной, как если бы я представлял собою самовоспламеняющийся груз необыкновенной взрывчатой силы.

Некоторые газеты писали, будто визу вам дали в надежде на то, что вы выступите против Советов?

-- Если бы я начал опровергать все то, что газеты сообщали в связи с моей поездкой, мне пришлось бы отказаться от всякой другой работы. Вряд ли, однако, в Европе имеются столь наивные, мягко говоря, правительства, чтоб искать во мне союзника против советской республики. Правда, сталинская фракция распространяет такого рода версию для оправдания своих репрессий против моих единомышленников, но ее утверждения на этот счет не верит ни один серьезный человек, ни в Европе, ни в СССР. Если допустить все же, что в среде врагов советского государства были какие-нибудь иллюзии на мой счет и

если мой доклад эти иллюзии рассеял, то я во всяком случае не вижу основания жалеть об этом.

Л. Троцкий

Принкипо

27 декабря 1932 г.

О ПОЗАБЫВШИХ АЗБУКУ

(Против Р. Веля и других)

Протест нескольких немецких товарищей против статьи "Обеими руками"⁵⁴⁹ может быть истолкован двояко: во-первых, как поиски удобного повода для капитуляции; во-вторых, как принципиальная ошибка запутавшегося искреннего оппозиционера. Первый вариант я оставляю в стороне: он не представляет теоретического интереса. Второй случай заслуживает рассмотрения.

Статья "Обеими руками" предупреждает о том, что политика Сталина в важнейших вопросах приблизилась к таким решениям, которые могут получить бесповоротный характер. Статья напоминает, что сталинская фракция присоединилась к пакту Келлога⁵⁵⁰ и к американской программе разоружения⁵⁵¹. Насчет оценки этих исключительно важных действий у нас никогда не было разногласий. Статья приводит скандальную беседу Сталина с Кэмпбеллем⁵⁵², которая очень ярко освещает тот путь, на который стал Сталин.

"Но неужели же вы думаете, что Сталин действительно способен на предательство?" -- раздается возражение. Удивительный довод, который показывает, что некоторые товарищи, несмотря на молодой возраст, успели забыть марксистскую азбуку. Разве мы оцениваем политику в зависимости от априорного доверия или недоверия к тому или иному лицу? Политическая линия вырабатывается давлением классовых сил и объективных обстоятельств и развивает свою собственную логику.

В 1922 году советская страна проходила через тяжелый экономический кризис. На ноябрьском пленуме ЦК Сталин и другие приняли решение, отменяющее по существу монополию внешней торговли⁵⁵³. Как назвать такое решение: предательством или не предательством? Субъективно Сталин, конечно, не хотел предавать социалистическое будущее. Но отмена монополии по своим неизбежным, и притом ближайшим последствиям ничем не отличается от отмены национализации средств производства. Надаром весь капиталистический мир в первые годы советского режима из всех сил добивался "смягчения" монополии внешней торговли. Объективно ноябрьское решение 1922 года было актом измены социализму. Субъективно оно оказалось возможным потому, что у Сталина и других не нашлось достаточной силы теоретического и политического сопротивления против напора хозяйственного кризиса.

Исторический пример с монополией внешней торговли как нельзя лучше освещает сегодняшний спорный вопрос. Мы наблюдали после того политику Сталина на целом ряде важнейших исторических этапов. Как назвать его

политику в Китае, т. е. его союза с Чан Кайши против пролетариата? В этом случае правый зигзаг бюрократического централизма был доведен до последних логических выводов. Или, может быть, найдется оппозиционер, который станет отрицать, что политика Сталина в Китае служила буржуазии против пролетариата? Дополним, что Сталин дополнял эту политику разгромом тех русских большевиков, которые хотели помочь китайскому пролетариату против буржуазии. Что ж это такое, как не предательство?

С ноября 1922 года прошло более 10 лет. Экономическое положение СССР вступило в полосу исключительно острого кризиса. В мировой обстановке также не мало опасностей, которые могут сразу обрушиться в случае дальнейшего обострения внутренних трудностей.

Преступная политика сплошной коллективизации и авантюристских темпов индустриализации окончательно уперлась в тупик. Если оставаться в рамках бюрократического централизма, то выхода нет. Возможны лишь поиски паллиативов и оттяжек. Иностранные кредиты могли бы, несомненно, внести смягчение во внутренний кризис. Америка говорит, что она не согласна отказываться от военных долгов без "эквивалента". Она потребует эквивалента и за новые кредиты. Программа ее требований нам достаточно известна по прошлому: признание довоенных и военных долгов; "смягчение" монополии внешней торговли; фактический разрыв с Коммунистическим Интернационалом; поддержка американской политики на Д[альнем] Востоке и пр.

Известные уступки (в отношении долгов, напр[имер]) вполне допустимы. Но как раз этот эквивалент наименее интересует С[оединенные] Штаты. А как обстоит дело, напр[имер], с Коминтерном? Пятый год не созывается конгресс. Что ж это случайность, что ли? Одним из мотивов Сталина является, несомненно, мысль: не стоит дразнить Гувера, мировой пролетарский авангард обойдется как-нибудь и без конгресса. Что же остается от Коминтерна в Москве? Жалкие пленумы, руководимые Мануильским, цену которому Сталин очень хорошо знает. Так ли трудно отказаться от этих "остатков"?

Монополия внешней торговли в качестве "эквивалента" представляет больше препятствий. Но и здесь о каких-либо абсолютных гарантиях не может быть и речи. Если десять лет тому назад, когда советская промышленность находилась в состоянии полного распада, Сталин шел в этом вопросе на величайшие уступки иностранному капиталу, то тем более можно опасаться сдачи позиций теперь, когда промышленность значительно выросла. "Мы настолько сильны, -- скажет аппарат рабочим, -- что можем позволить себе смягчение монополии внешней торговли". Капитулянтская слабость по отношению к мировому капитализму будет в этом случае, как и во многих других, прикрываться видимостью силы.

На чем, собственно, основаны возражения запутавшихся протестантов? На вере в добрые намерения Сталина. Только, больше ни на чем. "А все же, -- думают или говорят они, -- Сталин не продал до сих пор советской республики". Замечательное глубокомыслие! Во-первых, отвечаем мы, одной из причин, заставлявших политику Сталина останавливаться на полдороге, являлись решительные действия оппозиции, которая не распускала слюны блаженного

доверия, а, наоборот, призывала рабочих во все критические моменты к решительной бдительности; во-вторых, в Китае политика Сталина развернулась все же до конца и привела к полному крушению второй китайской революции.

Тут безнадежно запутавшийся протестант, отступая, займет новую позицию. "Это все ваши предположения, -- скажет он, -- вы не можете их доказать". Это верно: чтобы доказать, надо подождать результатов, т. е. крушения советской власти в результате доведенной до конца политики бюрократического централизма.

Если бы аппарат находился под контролем партии; если бы передовые рабочие обсуждали вопросы политики и проверяли свои исполнительные органы, мы имели бы серьезные гарантии последовательного развития политики. Но ведь этого-то именно и нет. Никто не знает за пределами тесного и все более сужающегося сталинского кружка, какие меры готовятся для выхода из кризиса. Можно ли серьезно относиться к тому "революционеру", который в подобной обстановке, где действуют могущественные исторические факторы, строит свои перспективы на психологических догадках или на моральных оценках того или другого лица? Когда Устрялов выражал надежду на то, что нэп собственной логикой приведет большевистскую партию к буржуазному режиму, Ленин говорил: "Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны. История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества, это -- вещь в политике совсем не серьезная"⁵⁵⁴. Ленин говорил это о партии 1922 года. Что же сказать теперь?

Некоторые из протестантов вызывают по поводу нашей статьи призрак Урбанса: мы будто бы придвинулись к его оценке сталинизма. Неловко даже разбирать такой довод в конце декабря 1932 года. С Урбансом у нас шел спор о природе советского государства. Урбанс не мог понять и не понял до сих пор, что центристская политика на основе пролетарского государства еще вовсе не меняет автоматически характер государства. Все зависит от степени, от соотношения борющихся сил, от этапа, которого достигло противоречивое развитие. Демократический централизм ослабляет пролетарскую диктатуру, задерживает ее развитие, подтачивает, как болезнь, ее костяк, пролетариат. Но болезнь еще не значит смерть. От болезни можно вылечиться. Урбанс объявлял попросту диктатуру ликвидированной, тогда как мы боремся за возрождение и упрочение еще живой, еще существующей диктатуры, хотя и сильно подточенной сталинским центризмом.

Но что сказать по поводу тех горе-оппозиционеров, которые из факта существования пролетарской диктатуры делают вывод о необходимости доверия к бюрократическому центризму, подтачивающему эту диктатуру? Что сказать о таких "медиках", которые неожиданно приходят к откровению, что для благополучия больного лучше всего не замечать симптомов болезни, прикрашивать положение и вместо систематического лечения ограничиться надеждой на то, что больной с божьей помощью и сам выздоровеет?

Наши протестанты обнаруживают столь же глубокое непонимание взаимоотношения между советским государством и бюрократическим центризмом,

как и Урбанс. Только свое непонимание они окрашивают в контрастную краску.

Лишь ужасающе низкий уровень, в котором сталинская бюрократия держит коммунистическое движение в целом, объясняет тот в высшей степени прискорбный факт, что товарищи, в течение нескольких лет учившиеся в школе оппозиции, могут впасть в такие плачевные и компрометирующие ошибки. Ничего не поделаешь! Потратим несколько часов на повторение азбуки; если не поможет, перешагнем через упорно отстающих и пойдем вперед.

Л. Троцкий

Принкипо

29 декабря 1932 г.

ДОЛОЙ СТАЛИНА!

Все полученные нами за последнее время письма свидетельствуют, что наиболее популярной поговоркой в партийных кругах, особенно в Москве, является "Долой Сталина". Понять происхождение этого узенького и коротенького лозунга не трудно. Но он все же явно несостоятелен. Пресонально Сталин не существует: он не пишет, не говорит, не появляется даже на пленуме Коминтерна. Он живет как объединяющий миф бюрократии. Сталина мог бы с успехом заменить Молотов и даже Каганович: когда-то австрийского наместника Гайсслера⁵⁵⁵ в Швейцарии заменяла для известных целей шляпа Гесслера.

Недовольства и критики в партии очень много. Число оппозиционных группировок и оттенков непрерывно растет, оживают старые, казалось, совсем ликвидированные или совсем ликвидировавшие себя политические группы. Так всегда бывает на первых шагах политического кризиса. Эти явления оппозиционного характера будут в течение известного времени неизбежно расти. Левая оппозиция может оказаться даже на известное время отодвинута на второй план. Этого не надо пугаться. Политическая правота прокладывает себе дорогу в эпоху кризиса скорее, чем когда-либо.

Необходимым условием для этого является организованное выступление самой левой оппозиции. Она должна поднять голос.

"Насквозь прогнившие осколки разбитых оппозиционных группировок", по выражению "Правды", "пытаются кое-где поднять голову". Ответ на это: бить вдвое по голове.

Самым тяжелым последствием иллюзий и разочарований первой пятилетки является пониженное настроение в рабочем классе. На "пессимизм" и "упадок духа" ссылаются все письма.

"В работе партийной организации, -- пишет "Правда" по поводу Сталинградского тракторного завода⁵⁵⁶, -- нет сейчас такого большевистского огонька, той энергии, которая является обязательным условием успеха".

Откуда же ей быть? Было бы противно человеческой природе, если бы рабочие, встречающие вторую пятилетку среди тяжелых лишений, сохранили те чувства подъема, которые сопутствовали первым двум годам первой пятилетки. В политических настроениях пролетариата, наиболее закаленного и стойкого

класса, тоже есть свои приливы и отливы. Но было бы в корне ложно рассматривать дело так, что русский пролетариат надолго, если не навсегда, израсходовал свой революционный исторический заряд, подобно тому, как это происходило с буржуазией в буржуазных революциях. Буржуазия достигала своей цели. Продолжение революций могло направляться только против нее. Пролетариат не достиг своих целей. Перенапряжение сил и разочарование несомненно входят разлагающим элементом в его нынешнее состояние. Но можно сказать с уверенностью даже издали, что тяжелее всего бьет по сознанию пролетариата чувство растерянности. В течение последних 9-ти лет он присутствовал все больше и больше в качестве зрителя при разгроме старого руководства, при сосредоточении всей власти в руках аппарата, при постепенной передвижке власти в верхние звенья аппарата, при сосредоточении всех познаний, качеств, авторитета, наконец, абсолютной непогрешимости, сперва в "ленинском ЦК", затем в одном Сталине. Последствия сталинского руководства налицо. Сам Сталин политически исчез. Все, кто еще говорят, говорят пока еще именем Сталина. Но они говорят только для того, чтобы ничего не сказать, Авангард пролетариата растерян; ко всяким новым планам и рецептам он склонен относиться с предвзятым недоверием.

Крупные факты, ясно поставленные задачи, конкретная и непосредственная опасность сразу показали бы, насколько велики силы советского пролетариата.

Крупнейшим фактом явилась бы, конечно, революция на Западе. Германия явно стоит на очереди. Саботаж сталинской бюрократии по отношению к германской революции является сейчас самым страшным из исторических преступлений. Ход немецких событий повелительно внушает нам ту мысль, что нельзя делать революционную политику в одной стране. Возрождение ВКП неразрывно связано с возрождением Коминтерна.

Но и наоборот, укрепление реакции в Германии и связанная с этим опасность империалистской войны против СССР может послужить непосредственным толчком к новому политическому подъему советского пролетариата. Наконец, фактически такое же действие могут оказать и итоги первой пятилетки, когда пробьет час окончательного подсчета.

Чтобы открыть в себе источники подспудной энергии, рабочим нужно разобраться, понять, проверить то, что произошло, уяснить себе причины и открыть просвет к будущему.

Именно здесь открывается историческая функция левой оппозиции.

В сущности, эта программа была достаточно конкретно намечена за последние два года в работах левой оппозиции, особенно в замечательной статье Х.Г.Раковского⁵⁵⁷. Он предупреждал против гонки и требовал продления плановых сроков. Результат известен: самому Раковскому срок ссылки во всяком случае продлили на три года.

Идет ли дело о разногласиях по существу или лишь о формулировке лозунга? Это определится тем скорее, чем точнее мы попытаемся схватить сущность вопроса.

В партии живут и борются три основные группировки: левая, центристская

и правая. Между ними и вокруг них располагаются подфракции и оттенки. Имя Сталина является именем аппаратной фракции, которая сегодня еще господствует. Считаем ли мы нужным организованный разрыв с этой фракцией? И далее: считаем ли мы возможным призвать ее низвержение вооруженной рукой?

Политические лозунги надо сейчас ставить не в узких пределах "внутрипартийной дискуссии", а в широких рамках классовых группировок в стране. Для термидорианских сил лозунг "долой Сталина" есть только персональное выражение лозунга "долой большевиков".

Если бы левая оппозиция была сегодня так сильна, чтобы могла бы прямым натиском пролетарского авангарда ликвидировать диктатуру бюрократии, лозунг "долой Сталина" имел бы вполне определенное значение: реформа партийного режима под руководством большевиков-ленинцев. Именно в этом "пропагандистском" смысле мы писали в открытом письме ЦИКу, что пора выполнить завет Ленина и "убрать Сталина"⁵⁵⁸.

Но оппозиция сегодня не может непосредственно претендовать сменить собою сталинскую фракцию и обеспечить реформу партии и Советов. Впереди возможны разные варианты. Напор термидорианских сил уже в близком будущем может принять такой характер, что мы окажемся в общем фронте со сталинцами и даже со значительной частью правого крыла партии. В этих условиях мыслим, например, коалиционный ЦК как временное орудие для возрождения партии.

Совсем не исключена возможность того, что сталинская верхушка, и Сталин в том числе, не захотят или не сумеют в нужный момент отделиться от термидорианских сил, наоборот, временно возглавят их в интересах самосохранения. В этих условиях лозунг "долой Сталина" означал бы лозунг прямой борьбы против сил термидора.

/На прошлом мы не ставим креста. Мы ничего не забыли и кое-чему научились. Но мы всегда готовы открыть кредит будущему. Мы всегда готовы идти на соглашения во имя вполне определенных задач, если такое соглашение способно ускорить радикальную реформу и снизить ее накладные расходы./⁵⁵⁹

Лозунг "долой Сталина", который выдвинут будто бы новой оппозицией, мы считаем неправильным, ибо двусмысленным⁵⁶⁰. С одной стороны, он может быть истолкован в духе французской поговорки: "Встань-ка, чтобы я сел на твое место". С другой стороны, он может быть истолкован, как лозунг разгрома сталинской фракции, изгнания ее членов из партии и пр. Ни то, ни другое не составляет нашей цели. Нам нужно изменение партийного режима в качестве предпосылки капитальной реформы рабочего государства. Мы меньше всего зарекаемся от сотрудничества со сталинской группировкой. Мы не сомневаемся, что и правые выделяют из своей среды немало элементов, которые займут свое место, встанут по нашу сторону баррикады. Нынешние группировки, благодаря характеру режима, имеют в смысле личного состава зачаточный, черновой и притом крайне узкий характер. Подлинная политическая дифференциация целиком впереди.

Левая оппозиция не связывает себе рук воспоминаниями о вчерашнем дне и старыми кондуитными списками⁵⁶¹. Ничего не забывая, она открывает пути к

будущему.

Как быстро развернутся ближайшие события, мы отсюда, издалека, предсказывать не будем. Да вряд ли и вблизи возможны такие предсказания. Они вообще чрезвычайно затруднены, если не исключены самым характером кризиса, который политически все больше принимает форму открытого конфликта между бюрократией и тем классом, который ее выдвинул.

Не будем сейчас гадать, какой из вариантов более вероятен и более близок. На одних гаданиях, как бы они ни были сами по себе обоснованы, нельзя построить политику. Нужно иметь в виду разные тактические варианты.

Верно, что лозунг "долой Сталина" сейчас очень популярен не только в партии, но и далеко за ее пределами. В этом можно видеть выгоду лозунга, но в этом же, несомненно, и его опасность. Принимать покровительственную окраску, политически растворяться во всеобщем недовольстве сталинским режимом мы не можем, не хотим и не должны.

[Л.Д.Троцкий]

1932 г.

[Письмо А.де Монзи]⁵⁶²

Господин министр,

Со слов моего друга Анри Молинье я достаточно хорошо осведомлен о той исключительной настойчивости, которую вы столь любезно проявили в вопросе о предоставлении мне транзитной визы. Для меня не было также тайной ваше внимание к Раковскому, с которым я связан годами неразрывной дружбы. Инцидент в Марселе не мог, разумеется⁵⁶³, ослабить моих чувств благодарности лично по отношению к вам. Но, если позволено мне будет это сказать, не покушаясь на принципы министерской солидарности, я никак не мог и не могу распространить мои чувства [благодарности]⁵⁶³ на того из ваших коллег, который ведал в те дни полицией. Не скрою от вас, что я откладывал писание этого письма до падения министерства Эррио, предпочитая благодарить министра в отставке. Но дальнейший опыт убедил меня, что министерство падает, а министр национального воспитания остается. Принося свою благодарность активному министру, я искренно извиняюсь за запоздание.

Инцидент в Марселе я ни прямо, ни косвенно не могу поставить себе в вину. Предоставление мне транзитной визы не означает предоставления французской полиции права третировать меня как арестанта. [Разумеется]⁵⁶⁴, сам по себе этот эпизод слишком незначителен, чтобы на нем останавливаться. Но я очень жалел бы, если бы у вас осталось впечатление, будто я косвенно злоупотребил вашим любезным содействием. Позвольте поэтому изложить [всю]⁵⁶⁵ суть в нескольких словах.

Измерив емкость гостепреимства Дании, мы с женой стремились⁵⁶⁶ в кратчайший срок вернуться на Принкипо. В Дюнкирхене мне сообщили, что ближайший пароход из Марселя на Стамбул отходит только через неделю и что на этот срок мои друзья, по соглашению с парижскими властями и марсельской

префектурой, приготовили для меня и членов моей семьи помещение в окрестностях Марселя. Я принял это, как принимают неизбежное. На вокзале в Марселе мне было неожиданно заявлено, что, вопреки предположениям, имеется пароход на Стамбул, отходящий на следующий день, и что моя жена и я должны немедленно погрузиться в этот пароход. Несмотря на то, что я оставил двух секретарей в Париже для закупки книг и наведения справок в национальной библиотеке; несмотря на то, что я успел пригласить⁵⁶⁷ из Берлина в Марсель профессора Зенгера для переговоров о моих немецких изданиях, я не возражал марсельским властям ни одним словом. Хотя можно было ждать [от властей]⁵⁶⁸ лучшего знакомства с расписанием пароходов, я принял новое распоряжение⁵⁶⁹ как неизбежное. Только после того как нас проводили в⁵⁷⁰ каюту, мы узнали, что нас без предупреждения поместили на чисто грузовое судно, которое не имеет ни одного пассажира, останавливается в портах от 3 до 5 дней, лишено самых элементарных удобств, днем и ночью производит со страшным шумом погрузку и разгрузку и требует 15 дней вместо шести для совершения пути до Стамбула. Я никак не мог рисковать⁵⁷¹ здоровьем своей жены и своим собственным, только чтобы молча подчиниться произвольному, ничем не вызванному акту полицейских⁵⁷² властей. Вот что, господин министр, побудило меня покинуть пароход и заявить протест специальному комиссару с предупреждением, что погрузить на это судно⁵⁷³ мою жену и меня можно будет не иначе, как применением физической силы. Эпизод разрешился благодаря быстрому согласию итальянского правительства⁵⁷⁴ предоставить мне транзитную визу⁵⁷⁵.

Об этом инциденте я тогда же телеграфировал министру-президенту господину Эррио, который во время своего визита ко мне в Москве с шуточной любезностью справлялся при расставании, когда я предполагаю отдать ему визит в Париже.

Прошу вас не видеть во всем изложенном и намека на жалобу. Мне приходилось в жизни наталкиваться на более крупные осложнения, которые оставляли в памяти только иронический след.

Примите еще раз, господин министр, запоздалое выражение моей благодарности и выражение⁵⁷⁶ наиболее изысканных чувств.

[Л.Д.Троцкий]

[Конец 1932 г.]

Примечания

1 Штифт и Даниэль - руководители мелких и существовавших краткое время оппозиционных австрийских коммунистических групп.

2 Среди близких сотрудников Троцкого деятеля по имени Эмиль обнаружить не удалось. Видимо, имеется в виду неустановленный псевдоним.

3 Речь идет о руководящем органе Коммунистической лиги Франции.

4 Речь идет о Коммунистической лиге Франции.

5 Корнет Альбер (1905-1965) - французский коммунист, деятель Унитарной всеобщей конфедерации труда. В начале 30-х годов перешел в Коммунистическую лигу Франции.

6 Бернар Альфред (1900-1944) - член французской компартии с 1922 г. С 1930 г. участвовал в оппозиционных организациях. В 1935 г. перешел в Социалистическую партию. Участвовал в движении Сопротивления. Умер в заключении.

7 Беренгуэр Дамасо (1873-1953) - испанский генерал и государственный деятель, военный министр в 1918 г., глава коалиционного правительства Испании после отставки диктатора Primo de Rivera (январь 1930 - февраль 1931 г.). Правительство Беренгуэра провело некоторые демократические реформы (амнистия, восстановление местных органов самоуправления). В результате волнений, которые переросли в революцию, Беренгуэр ушел в отставку. После этого являлся военным министром. Арестован после провозглашения республики в апреле 1931 г. и находился в заключении до 1939 г.

8 Имеется в виду документ Л.Д.Троцкого от 4 января 1931 г. "Ошибки правых элементов французской коммунистической Лиги в синдикальном вопросе. Некоторые предварительные замечания". - Бюллетень оппозиции, 1931, No 19, с. 31-34.

9 Смысл слова "турнан" установить не удалось.

10 Речь идет о тезисах "О буржуазной демократии и диктатуре пролетариата", утвержденных I конгрессом Коминтерна (1919).

11 Работа Л.Д.Троцкого "Терроризм и коммунизм" была впервые издана в Петрограде в 1920 г. В 1925 г. появилось второе русское издание. Позже выпускалась многократно на многих языках.

12 Тезисы II конгресса Коминтерна (1920) "Коммунистические партии и парламентаризм", подготовленные В.И.Лениным, предусматривали участие коммунистов в буржуазных парламентах для разоблачения их как орудия буржуазии и подготовки революции. Предусматривалось, что коммунисты будут работать в парламентах под руководством ЦК своих партий и проводить

исключительно политику "революционного парламентаризма".

13 Л.Д.Троцкий имеет в виду идейное течение XVIII в., известное под названием Просвещения. Это течение послужило идейной подготовкой ряда революций, в частности американской и первой французской. Крупными просветителями были Дж.Локк в Англии, Ж.Ж.Руссо, Вольтер, энциклопедисты во Франции, Г.Э.Лессинг, И.Г.Герделер в Германии, Т.Джефферсон, Б.Франклин, Т.Пейн в США, Н.И.Новиков, А.Н.Радищев в России. Просветители боролись за "царство разума", политические свободы и гражданское равенство. Большое внимание они отводили распространению рациональных, прежде всего естественнонаучных знаний.

14 Одно слово прочитать не удалось.

15 Текст в косых скобках вычеркнут Троцким.

16 А.Бордига находился в это время в заключении в фашистской Италии

17 Почему 1888 г. взят в качестве исходной даты существования Российской социал-демократической рабочей партии, не понятно. Первые русские социал-демократические организации начали создаваться с 1883 г., а первый съезд РСДРП состоялся в 1898 г. Возможно, у автора описка, и он имел в виду год I съезда РСДРП.

18 Текст в косых скобках вычеркнут Троцким.

19 Намечавшаяся поездка в Норвегию не состоялась.

20 Уэллс Марджори - британская общественная деятельница, мать писателя Г.Уэллса. Переписывалась с Л.Д.Троцким.

21 Шоу Джордж Бернард (1856-1950) - английский писатель. Один из учредителей Фабианского общества в 1884 г. Создатель жанра драмы-дискуссии, в центре которой столкновение противоположных взглядов на социально-этические проблемы. Мастер парадокса как средства разоблачения догматизма. Лауреат Нобелевской премии (1925).

22 Видимо, имеется в виду установление республиканско-демократического строя в Греции и усиление ее позиций на Балканах в связи с созывом Первой Балканской конференции в октябре 1913 г. и подписанием в том же месяце Анкарского договора с Турцией. Договор предусматривал нерушимость границ обеих стран, решение проблем собственности и взаимную репатриацию населения.

23 Речь идет, вероятно, о Я.Грефе (псевдоним Франк), являвшемся некоторое время участником коммунистической оппозиции в Австрии (лидером так называемой "Внутренней группы партии"). Позже возвратился в официальную компартию.

24 Неглижировать - пренебрегать (влияние французского языка).

25 Архивомарксисты - группа в компартии Греции. Получила наименование по журналу "Архивы марксизма", начавшему выходить в 1924 г. Вскоре группа порвала с компартией, а в 1930 г. присоединилась к международному оппозиционному движению во главе с Троцким. В 1934 г. прекратила связи с Международной левой оппозицией.

26 Часть слова прочитать не удалось. Видимо, следует читать "о непри[нятии]".

27 Речь идет о начале демократической революции в Испании 1931-1939 гг. В июне 1930 г. в стране развернулось массовое движение за республику. 8 февраля 1931 г. король Альфонсо XIII объявил о восстановлении конституции и предстоящих парламентских выборах, однако под давлением республиканских политических сил 14 апреля покинул страну, не объявив об отставке. Состоявшиеся в июне 1931 г. выборы в Конституционную ассамблею дали большинство республиканцам и социалистам. Альфонсо XIII был объявлен низложенным и ему было запрещено возвращение в Испанию. Королевская собственность была конфискована. Утвержденная в декабре конституция ввела в Испании республиканско-демократический режим. Первым президентом был избран Алькало Замора, вскоре его сменил Мануэль Асанья.

28 См. т. 5, с.

29 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Испанская революция" (Бюллетень оппозиции, 1931, No 19, с. 3-13).

30 Горкин Хулиан (настоящие фамилия и имя Гомес Гарсиа) (1902-1987) - деятель испанского леворадикального движения. Сочувствовал Троцкому. Затем был членом Рабоче-крестьянского блока во главе с Хоакином Маурином. С 1935 г. один из лидеров Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ). Был арестован властями республиканской Испании, судим в Барселоне и приговорен к тюремному заключению по обвинению в подрыве сил республики в условиях войны. Позже был освобожден и эмигрировал. Примкнул к Социалистическому Рабочему Интернационалу.

31 "Monde" ("Мир") - газета, выходившая в Париже с 1928 г. под редакцией А.Барбюса. Была формально независимой, но стояла на прокоммунистических позициях. В редколлегии участвовали М.Горький, А.Эйнштейн, П.Ланжевен. Газета продолжала выходить после смерти Барбюса в 1935 г., но утратила прокоммунистический характер.

32 Феросси А. - деятель компартии Италии. В 1930 г. порвал с партией и стал одним из организаторов Новой итальянской оппозиции. В 1930-1936 гг. член Интернационального Секретариата Международной левой оппозиции. После второй мировой войны возвратился в компартию.

33 Франк Пьер (1906-1984) - деятель Коммунистической лиги Франции. В 30-е годы являлся сторонником Р.Молинье. Был членом Интернационального Секретариата Международной левой оппозиции. С 1938 г. член Объединенного Секретариата IV Интернационала. Ниже в тексте этого документа речь идет о другом Франке (настоящая фамилия Я.Греф; см. примеч. 23).

34 Залингер - германский адвокат, совместно с адвокатом Г.Франкфуртером представлял интересы Троцкого во время его судебной тяжбы с издателем Г.Шуманом.

35 Львов Георгий Евгеньевич (1861-1925) - князь, российский общественный и государственный деятель. Участник земского движения. Один из

лидеров кадетов. Во время первой мировой войны возглавил Земский союз (1914) и Союз земств и городов (Земгор) (1915). В марте-июле 1917 г. министр-председатель Временного правительства. С 1918 г. эмигрант.

36 18 июня (1 июля) 1917 г. по приказу военного министра Керенского русская армия начала наступление на Юго-Западном фронте. После незначительных первых успехов (был взят г. Галич и началось продвижение к Калушу) германское командование, перехватив инициативу, организовало контрнаступление, которое привело к прорыву обороны русской армии в районе Тарнополя (ныне Тернополь). Немецкое наступление продолжилось около двух недель и постепенно заглохло.

37 С 1914 г. город носил название Петроград.

38 Имеется в виду июльский политический кризис 1917 г., который начался с отставки 3 (16) июля министров-кадетов, протестовавших против уступок украинской Центральной Раде, сделанных во время визита в Киев Керенского и других министров. Но более важной его причиной был провал наступления русской армии во второй половине июня. Большевистские организации попытались воспользоваться демонстрациями 3-4 (16-17) июля в Петрограде, чтобы захватить власть. Однако руководители большевиков вели себя нерешительно и непоследовательно. Ленин не был в Петрограде, когда начались события, и возвратился 4 июля. В последний момент он призвал не допустить насильственных акций в отношении Временного правительства, что ослабило влияние большевиков, правда, на короткое время. Демонстрации 3-4 июля проходили под лозунгом "Вся власть Советам!" и в ряде мест превратились в кровавые столкновения с войсками. Были убитые и раненые. 5 (18) июля власти произвели аресты, разоружили рабочие отряды и армейские группы, оказывавшие сопротивление администрации и поддерживавшие большевиков. В числе арестованных был ряд большевистских лидеров и Л.Д.Троцкий, который формально еще не был большевиком. Ленин и Зиновьев были обвинены в том, что они получали немецкие деньги на проведение подрывной пропаганды, и скрылись. Эти события, а также последующие административные меры, означали конец двоевластия, сосредоточение всей власти в руках Временного правительства, которое, однако, не имело достаточно сил и не проявило решимости к установлению твердого демократического правопорядка.

39 До мая 1917 г. Германия потратила на так называемую "мирную пропаганду" около 400 млн марок и продолжала нести эти расходы в следующие полтора года, до окончания войны. Деньги тратились в основном на подкуп политических организаций, деятелей и печатных органов в разных странах, которые, по мнению германских властей, могли ослабить военные усилия противников. В России финансировались, помимо большевиков, некоторые другие социал-демократические группы, а также украинские и другие национальные организации, которые рассматривались в качестве сепаратистов. К настоящему времени появилось большое число документальных публикаций, безусловно свидетельствующих, что большевистские лидеры получали крупные немецкие деньги, которые использовались для разложения фронта и тыла, для реализации

лозунга "превращения империалистической войны в гражданскую войну" (см.: Germany and the Revolution in Russia 1915-1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. London, 1958; Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. М., 1990; Николаевский Б.И. Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны. - В кн.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. Под ред. Ю.Г.Фельштинского. М., 1995, с. 233-411).

40 Козловский Мечеслав Юрьевич (1876-1927) - большевистский деятель. В 1917 г. был одним из посредников в финансировании большевиков германскими властями. В 1918-1920 гг. член, затем председатель Малого Совнаркома РСФСР. Член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

41 Лицо по фамилии Сахаров среди деятелей большевистской партии в 1917 г. не обнаружено. Эта фамилия отсутствует и в числе обвиняемых по делу о шпионаже. По-видимому, у Троцкого ошибка.

42 Раскольников (настоящая фамилия Ильин) Федор Федорович (1892-1939) - советский государственный деятель, дипломат. В 1918-1919 гг. заместитель наркома по морским делам. В 1919-1920 гг. командующий Волжско-Каспийской военной флотилией, в 1920-1921 гг. - Балтийским флотом. Затем на дипломатической работе - полпред в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г., опасаясь ареста, отказался возвратиться в СССР. Выехал из Болгарии во Францию, где выступил с обвинениями Сталина в массовых репрессиях. По всей видимости, был убит агентами НКВД.

43 Рошаль Семен Григорьевич (1896-1917) - большевик с 1914 г. Один из руководителей большевистской организации Кронштадта. Был убит на Румынском фронте вскоре после Октябрьского переворота.

44 Суменсон - петербургская дама полусвета, участвовала в передаче германских денежных средств большевикам. Была арестована решением Временного правительства в июле 1917 г.

45 В качестве командующего Юго-Западным фронтом, а затем Верховного Главнокомандующего Л.Г.Корнилов выступал с требованием наведения в России жесткого государственного порядка, который обеспечил бы успешное ведение военных действий. 26 августа (8 сентября) 1917 г. бывший обер-прокурор Святейшего Синода В.Н.Львов явился к Керенскому и заявил, что по поручению Корнилова он требует передачи всей власти последнему для формирования нового правительства. Керенскому был предложен пост министра юстиции (по другим сведениям, пост министра просвещения). Львов предложил ему также выехать в Ставку для окончательных переговоров. Керенский позвонил Корнилову, который отрицал, что Львов был его представителем. Но вслед за этим на Петроград были двинуты войска Корнилова. Выступление Корнилова, заявившего, что он берет власть в свои руки, было подавлено. Корнилов был арестован.

46 Военно-революционный комитет Петроградского Совета был образован решением Исполкома Совета на основании положения, выработанного под руководством левого эсера П.Е.Лазимира 12 (25) октября 1917 г. Военревком находился под непосредственным руководством председателя Исполкома Л.Д.Троцкого, хотя формально комитет вначале возглавляли Лазимир, а затем

большевик Н.И.Подвойский. Фактически этот комитет являлся основным инструментом Октябрьского переворота в Петрограде. Прекратил существование в марте 1918 г.

47 Краснов Петр Николаевич (1869-1947) - российский военный деятель, генерал-лейтенант (1917). В конце октября 1917 г. совместно с А.Ф.Керенским организовал вооруженное выступление против большевистской власти. После поражения выступления был арестован, но вскоре освобожден. Бежал на Дон. В 1918 - начале 1919 г. был атаманом Войска Донского и командующим казачьей армией. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Германии. Сотрудничал с национал-социалистами. Захваченный советскими властями, Краснов после двухгодичных допросов и издевательств был повешен.

48 Речь идет о вооруженном выступлении частей, находившихся под командованием бывшего председателя Временного правительства А.Ф.Керенского и генерала П.Н.Краснова под Петроградом. Выступившие части 26-31 октября (8-13 ноября) 1917 г. попытались захватить Петроград и свергнуть власть большевиков. Их поддержали юнкера военных училищ Петрограда, также начавшие антибольшевистское вооруженное выступление. Оба выступления были подавлены большевистскими отрядами без значительного сопротивления.

49 Носке Густав (1868-1946) - германский политический деятель, социал-демократ. Член Совета народных уполномоченных (правительства) во время Ноябрьской революции 1918 г. В феврале 1919 - марте 1920 г. военный министр. Один из организаторов подавления коммунистического мятежа в январе 1919 г.

50 Имеется в виду Карл Либкнехт.

51 Речь идет о Ноябрьской революции 1918 г. в Германии - демократической революции, в результате которой была свергнута монархия и установлен парламентско-республиканский строй. 10 ноября 1918 г. было образовано временное правительство - Совет народных уполномоченных, состоявший из представителей Социал-демократической и Независимой социал-демократической партий. Правительство ввело 8-часовой рабочий день, объявило амнистию политическим заключенным. В начале января только что созданная компартия спровоцировала берлинских рабочих на антиправительственное вооруженное восстание, которое было подавлено. 15 января были арестованы и в этот же день убиты правыми офицерами лидеры компартии Р.Люксембург и К.Либкнехт. Состоявшиеся в феврале 1919 г. выборы в Национальное Учредительное собрание означали завершение революции.

52 Троцкий в данном случае вводит в заблуждение, ибо он не мог не знать, что уже в 1918 г. был опубликован сборник документов о финансировании большевиков германскими властями в годы первой мировой войны (см. примеч. 62).

53 Шидицкий - германский офицер. 20 июля 1917 г. петроградская газета "Речь" опубликовала сообщение, что два офицера германского генерального штаба Шидицкий и Люберс сказали прапорщику Ермоленко (см. примеч. 57), что Ленин - германский агент. Посол Германии в Дании Брокдорф-Рантцау 10 августа

1917 г. обратился с письмом в МИД Германии, в котором просил проверить, действительно ли эти лица являются офицерами генерального штаба и категорически опровергнуть сообщение газеты (Germany and the Revolution in Russia in 1915-1918, p. 68).

54 Майор Люберс - в 1918 г. руководитель петроградского бюро разведывательной службы германского генерального штаба. Выступал под псевдонимом Агасфер.

55 "Архив русской революции" - документальное периферическое издание, вышедшее в Берлине в 1922-1937 гг. Ответственный редактор И.В.Гессен.

56 Воспоминания бывшего подполковника Генерального штаба России Д.Г.Фокке "На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров)" опубликованы в "Архиве русской революции", т. XX. Берлин, 1930, с. 5-207.

57 Прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко Д.С. (1874-?) был военнопленным в Германии. В апреле 1917 г. он перешел линию фронта, явился в распоряжение русского командования и дал показания, что был завербован немцами с целью вести агитацию в пользу мира с Германией и подрыва доверия к Временному правительству. Он сообщил, что аналогичную агитацию поручено вести Ленину и другим большевикам, что эта деятельность финансируется германским Генеральным штабом, и назвал каналы получения денег, а также заявил, что ему поручено по прибытии в Россию установить связь с Лениным. В печати появились разоблачительные статьи, начали печататься документы о финансировании большевиков германскими правящими кругами. Правительство отдало распоряжение об аресте большевистских лидеров.

58 Тождество обвинения шло так далеко, что мне вменялся проезд через Германию в так называемом "пломбированном" вагоне вместе с Лениным. На самом деле я этого путешествия не совершил - не по политическим, а по географическим причинам: я выехал из Нью-Йорка на норвежском пароходе, был перехвачен в пути англичанами и провел несколько недель в концентрационном лагере в Канаде. Однако эта частная "объективная неправда" не имеет политического значения и может лишь служить для характеристики той солидности, с какой было поставлено обвинение. - Примеч. автора. Группа русских эмигрантов, которая находилась в Швейцарии во время первой мировой войны, после начала Февральской революции 1917 г. попыталась выехать в Россию через территорию стран Антанты. Однако в связи с неудачей этих попыток было достигнуто соглашение с германскими властями о проезде их через территорию Германии в Швецию в марте 1917 г. для дальнейшего переезда в Россию. В так называемом "пломбированном вагоне" (который на самом деле не был запломбирован, в вагоне ехали также сопровождавшие немецкие официальные лица, которые выходили на станциях, тогда как пассажирам выход был запрещен) находились 33 человека, включая Ленина и его жену Н.К.Крупскую. Условия, на которых германские власти согласились пропустить вагон через свою территорию, состояли в том, что вход в вагон был запрещен кому бы то ни было, вагону было предоставлено право экстерриториальности, паспортный

контроль не должен был проводиться, вагон должен был следовать по возможности без остановок (Germany and the Revolution in Russia in 1915-1918, p. 38-39).

59 Имеется в виду предыдущий документ.

60 Росс Эдвард Олворт (1886-1951) - американский ученый, историк и социолог, автор многочисленных трудов, профессор Висконсинского университета. В 1917 г. побывал в России и написал книгу о событиях в стране (Ross E. Russia in Upheaval. New York, 1918). Позже выпустил книги "The Russian Bolshevik Revolution" (1921) и "The Russia Soviet Republic" (1923). Росс выдвинул концепцию создания "Соединенных Штатов России" как федеративного государства, в которое должны были также войти Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и "русская" Польша.

61 Палеолог Жорж Морис (1859-1944) - французский дипломат и писатель. В 1914-1917 гг. был послом в России. Автор мемуаров "Царская Россия во время войны" (1921). Член Французской Академии с 1928 г.

62 Речь идет о книге: Sisson E.G. The German-Bolshevik Conspiracy. Washington, 1918. Книга содержала 79 документов, свидетельствовавших о связях большевиков с германскими спецслужбами. Среди документов были несколько сомнительных, что поставило под сомнение это в целом достоверное издание. Сиссон Эдгар (1875-1948) - журналист. Во время первой мировой войны был специальным представителем американского президента В.Вильсона в России. Сиссон подробно рассказал об обстоятельствах получения им документов в книге: Sisson E. One Hundred Red Days: A Personal Chronicle of the Bolshevik Revolution. New Haven, 1931, p. 357-386.

63 Sic. (лат.) - именно так написано. Ставится после слова, предложения, абзаца, чтобы подчеркнуть подлинность воспроизведения или обратить внимание читателя.

64 Oberlandsgericht (нем.) - Верховный суд. Верховный суд Германии находился в Лейпциге, почему и эксперты были им привлечены из Лейпцигского университета.

65 Выигрыш дела в практической его части я считаю для себя обеспеченным. Но возможно примерно такое постановление суда: "Независимо от того, как оценивать сообщения Керенского о связи большевиков с немецким штабом, по поводу чего историческая наука еще не может высказаться окончательно" и т. д. - Примеч. автора.

66 Сократ (ок. 470 - 399 до н. э.) - древнегреческий философ, первый из "великой троицы" (последователями были Платон и Аристотель). Основатель "метода Сократа" - метода вопросов и ответов, логически следующих один за другим. Был обвинен в "развращении молодежи" и казнен. Сократ считается основоположником западной философии.

67 Рай - французский сторонник Троцкого, член Исполнительной комиссии Коммунистической лиги Франции в начале 30-х годов.

68 Речь идет о П.Франке.

69 Бласко (настоящие фамилия и имя Треско Пьетро) (1893-1944) - один из

организаторов Новой итальянской оппозиции в 1930 г. С 1933 г. был членом Интернационального секретариата левой оппозиции и с 1938 г. членом Исполкома IV Интернационала. В начале второй мировой войны был арестован во Франции, но бежал из тюрьмы. Участвовал в движении Сопротивления. Видимо, был убит коммунистами.

70 Речь идет о Р.Веле (Соболевичусе).

71 Имеется в виду происшедший 1 марта 1931 г. сильный пожар в доме, в котором жил Троцкий на о. Принкипо. Троцкий с семьей и секретарями-охранниками вынужден был некоторое время жить в гостинице, после чего был временно нанят дом в поселке Кодикьой (Кодикей) в азиатской части окрестностей Стамбула. В конце января 1932 г. Троцкий возвратился на Принкипо.

72 Имеется в виду А.Нин.

73 "Принкипским миром" Троцкий называл попытку преодолеть раскол в Коммунистической лиге Франции между группами Навилля и Молинье, а также разногласия между самим Троцким и А.Росмером, предпринятую летом 1930 г., когда Навилль, Молинье и Росмер посетили Троцкого на о. Принкипо. Действительное примирение между группами не произошло.

74 Имеется в виду пожар в доме Троцкого (см. примеч. 71).

75 Stylo (фр.) - перо прибора, а также перо ручки. Слово лишь иногда употребляется в русской литературе в "высоком стиле" или иронически во втором значении.

76 Имеется в виду "Письмо к съезду", продиктованное Лениным 25 декабря 1922 г. и дополненное 4 января 1923 г. Письмо свидетельствовало о растерянности тяжело больного вождя большевиков, который дал весьма двойственные характеристики ряду своих соратников (Троцкому, Сталину, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, Пятакову), фактически отрицательно высказавшись против эвентуального выдвижения каждого из них на высшие партийно-государственные посты. Ленин предложил снять Сталина с поста генерального секретаря ЦК РКП(б) (это был единственное кадровое предложение в "завещании"). Много позже Н.И.Бухарин вспоминал, что во время болезни Ленина особенно волновала "лидерология", то есть проблема преемственности власти (Фельштинский Ю.Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А.М.Лариной (Бухариной) "Незабываемое" с приложениями. М., 1993, с. 62). Н.К.Крупская передала письмо в Секретариат ЦК после смерти Ленина. По свидетельству очевидцев, ознакомившись с письмом, Сталин разразился грубой бранью. При демонстративном отказе Троцкого участвовать в обсуждении этого вопроса Политбюро решило оставить Сталина на его посту, по существу дела дезавуировав ленинский документ и отказавшись поставить его на обсуждение съезда партии. Устное лицемерное заявление Сталина об отставке было единодушно отвергнуто. "Завещание" было официально оглашено на заседании Совета старейшин (руководителей делегаций) XIII съезда РКП(б) 22 мая 1924 г. и по предложению подставного лица, выступившего фактически от имени Политбюро, зачитано на собраниях делегаций, став после этого секретным

документом. Ссылаться на него делегатам съезда было запрещено. В недавнее время стали выдвигаться сомнения в подлинности части "Письма к съезду" (Сахаров В.А. "Политическое завещание" Ленина: Реальность истории и мифы политики. М., изд.-во Московск. ун-та, 2004), причем эти сомнения трактуются в просталинистском духе.

77 Опубликовано в данном томе, с.

78 Видимо, имеется в виду материал Л.Д.Троцкого "К дискуссии о синдикальном единстве" (Бюллетень оппозиции, 1931, No 21-22, с. 25-30).

79 Очевидно, имеется в виду документ Л.Д.Троцкого "Проблемы развития СССР. (Проект платформы Интернациональной левой оппозиции по русскому вопросу)", который был единственным материалом, опубликованным в "Бюллетене оппозиции", No 20 (апрель 1931 г.)

80 Интернациональная конференция "троцкистов" в 1931 г. не состоялась. Международную "предварительную конференцию" удалось созвать лишь в феврале 1933 г. На ней был принят документ "Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы", написанный в декабре 1932 г. Л.Д.Троцким.

81 Имеется в виду лейпцигская группа сторонников Троцкого во главе с Отто Шуслером (псевдоним Оскар Фишер) (1905-1984). Под именем "Отто" Шуслер также участвовал в ряде дискуссий с противниками взглядов Троцкого. Был деятелем IV Интернационала, с которым порвал после второй мировой войны. Троцкий считал лейпцигскую группу наиболее близкой к нему из всех германских групп.

82 Проект пан-Европы - проект создания блока стран континентальной Европы, выдвинутый в 1930 г. правительством Франции по инициативе министра иностранных дел А.Бриана. Из-за многочисленных межгосударственных противоречий план не был реализован.

83 Британские "Синие книги" - до второй мировой войны официальные сборники документов и разнообразных материалов по определенному вопросу, которые правительство Великобритании публиковало для обоснования своей политики. В настоящее время - ежегодно публикуемые в доработанном виде справочники с перечислением знаменитых лиц в Великобритании и других англоязычных странах в области науки, бизнеса, политической деятельности и т. д. Издаются в Лондоне. Содержат биографические данные, адреса и пр.

84 Вилкинсон Эллиен (1891-1947) - британская общественная деятельница, член Независимой рабочей партии. Была депутатом Палаты общин. Министр просвещения в правительстве К.Этли (1945-1946).

85 Тезисы Л.Д.Троцкого о роли демократических лозунгов и задач в стратегии мирового пролетарского авангарда написаны, по-видимому, не были.

86 Дата отсутствует. Речь идет о письме Л.Д.Троцкого "Китайской левой оппозиции" от 8 января 1931 г. (Бюллетень оппозиции, 1931, No 19, с. 27-30).

87 "Kommunismo" - журнал испанских сторонников Троцкого. Выходил недолгое время в 1931 г.

88 Опубл. в сб.: Троцки и България. София, Университетско изд-во "Св.Климент Охридски", 1993, с. 70-72.

89 По всей видимости, имеется в виду материал Л.Д.Троцкого "Поворот Коминтерна и положение в Германии" (Бюллетень оппозиции, 1930, № 17-18, с. 45-54).

90 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.

91 Имеется в виду "История русской революции".

92 Снивлит Хенрикус (1883-1942) - один из основателей коммунистического движения в Индонезии. Деятель компартии Нидерландов. В 1929 г. исключен из партии за поддержку объединенной оппозиции в ВКП(б). Основал Революционно-социалистическую партию, которая в 1933 г. присоединилась к Интернациональной левой оппозиции. В 1938 г. выразил несогласие с основанием IV Интернационала и порвал отношения с Торцким. Был арестован и казнен нацистами во время второй мировой войны.

93 Одна страница письма в архиве отсутствует.

94 Брошюра Л.Д.Троцкого "Новый курс" была издана в Москве в 1924 г. В нее Троцкий включил ряд написанных им ранее дискуссионных статей и писем. Брошюра была своего рода итогом, который Троцкий подвел дискуссии в РКП(б) 1923 г.

95 Несколько слов прочитать не удалось.

96 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.

97 Видимо, речь идет о документе "Принципиальные и практические вопросы левой оппозиции" (Writings of Leon Tritsky (1930-37). New York, 1973, p. 251-262). В примечании к документу составители сочли дату постскрипума (8 мая 1931 г.) ошибочной (р. 419). Анализ текста показывает, что эта дата верна, а ошибочна дата, обозначенная после основного текста письма (5 июля). По всей видимости, письмо было датировано 5 мая.

98 Речь, очевидно, идет о статье Л.Д.Троцкого "Испанская революция и угрожающие ей опасности" с приложением "Вопросы испанской революции изо дня в день" (Бюллетень оппозиции, 1931, № 21-22, с. 2-17).

99 Речь идет о сборнике "На боевом посту" (М., 1930), посвященном жизни и деятельности Д.Б.Рязанова.

100 "Comit de redressement communist" (Комитет коммунистического оздоровления - фр.) - оппозиционная коммунистическая группа А.Трэна, существовавшая в 1927-1929 гг.

101 Книга Л.Д.Троцкого "Перманентная революция" была опубликована на русском языке в Берлине издательством "Гранит" в 1930 г. Вслед за этим книга была издана на немецком, английском, испанском и других языках.

102 У Троцкого ошибка. В мае 1928 г. пленума Исполкома Коминтерна не было. Видимо, имеется в виду IX пленум, состоявшийся 9-25 февраля 1928 г. Он был подготовительным к VI конгрессу Коминтерна. Рассматривались вопросы об оппозиции в ВКП(б) (была подтверждена правильность решения XV съезда ВКП(б) об исключении "троцкистов"), о задачах коммунистов в профсоюзном движении, о китайской революции, о подготовке VI конгресса, вопросы отдельных партий.

103 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M.Eastman Collection.

- 104 Речь идет о главах книги Троцкого "История русской революции".
- 105 Речь, очевидно, идет о газете "Saturday Evening Post", выходившей в Филадельфии в 1839-1989 гг.
- 106 Письмо Троцкого Истмену от 20 мая 1931 г. хранится в коллекции Троцкого-Истмена в библиотеке Лилли Индианского университета.
- 107 Куртаж - вознаграждение посреднику при совершении сделки.
- 108 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.
- 109 Поэтому переписку с правлением надо немедленно рассылать. Но не писать больших писем в 10 страниц. - Примеч. автора.
- 110 Имеется в виду статья Троцкого "Испанская революция и угрожающие ей опасности" (Бюллетень оппозиции, 1931, No 21-22, с. 2-17).
- 111 Вейсборд Алберт (1900 - ?) - американский коммунист, исключенный из партии в 1929 г. за сочувствие Интернациональной левой оппозиции. В том же году организовал группу Коммунистическая лига борьбы. В начале 1930 г. эта группа объявила о поддержке Интернациональной левой оппозиции. Позже Вейсборд порвал с Троцким и стал сотрудником Америанской федерации труда.
- 112 Имеется в виду "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)".
- 113 Имеется в виду М.Милль
- 114 "Социал-демократ" - нелегальная газета большевиков, выходившая в Вильно, Петербурге, а затем в Париже и Женеве в феврале 1908 - январе 1917 г. С декабря 1911 г. редактором был В.И.Ленин.
- 115 В октябре 1908 г. Л.Д.Троцкий с помощью А.А.Иоффе начал издавать в Вене газету "Правда", выходившую до весны 1912 г. Газета появлялась нерегулярно, обычно 1-2 раза в месяц. Носила нефракционный социал-демократический характер, выступала за воссоединение российских социал-демократов. Конспиративным путем газету пытались доставлять в Россию, но широкого распространения она не получила. В начале 1912 г. между Троцким и Лениным возник острый конфликт в связи с тем, что большевистская легальная газета, выпуск которой был начат в России, повторяла название венской газеты Троцкого.
- 116 Мамелюки (точнее, мамлюки, от арабского слова, означающего "невольники") - воины-арабы, составлявшие гвардию династии Айюбидов в XIII в. В том же веке была основана династия мамлюкских султанов, правившая в государстве на территории нынешнего Египта и Сирии до 1517 г. В 1711-1798 гг. мамлюкские эмиры правили Египтом.
- 117 Имеется в виду газета "La lutte de classes".
- 118 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.
- 119 Имеется в виду предыдущий документ.
- 120 Имеется в виду книга Л.Д.Троцкого "История русской революции".
- 121 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.
- 122 Объединенная конференция китайских сторонников Троцкого состоялась 1 мая 1931 г. в Шанхае. 17 участников представляли 483 члена оппозиции. Была образована Левая оппозиция Китайской коммунистической партии с печатным органом газетой "Искра". Начавшиеся вскоре аресты привели к тому, что единая

китайская организация сторонников Троцкого перестала существовать.

123 Лакруа Анри (псевдоним Лавида Фраесиско Гарсиа) (1901-1939) - в начале 30-х годов испанский сторонник Троцкого. В 1933 г. порвал с коммунистической оппозицией и вступил в Испанскую социалистическую рабочую партию. Был комиссаром в республиканской армии в период гражданской войны. Убит на фронте, возможно, агентами советских спецслужб.

124 Далее вычеркнуто слово "легкомысленно".

125 Имеется в виду документ Л.Д.Троцкого "Испанская революция и угрожающие ей опасности" (см. примеч. 98). В этом номере журнала были опубликованы также письмо Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 апреля 1931 г. и написанные им же 15 апреля 1931 г. "Шесть заповедей испанского коммуниста"(с. 18-19).

126 Гувер Герберт Кларк (1874-1964) - политический деятель США. В 1919-1923 гг. руководитель Американской администрации помощи, оказавшей значительную помощь населению России во время голода в начале 20-х годов. В 1921-1928 гг. министр торговли. В 1929-1933 гг. президент США от Республиканской партии. В 1932 г. был кандидатом в президенты, но потерпел поражение. Президентом был избран кандидат Демократической партии Ф.Рузвельт.

127 Предисловие было опубликовано в кн.: Trotsky L. La Rvolution permanente. Paris, 1932

128 Экзегетика (от греческого слова, означающего "разъясняющий" или герменевтика - искусство толкования текстов) - учение о принципах интерпретации документов. В концепциях некоторых философов (В.Дильтей и др.) экзегетика рассматривалась как методологическая основа всех гуманитарных наук.

129 Гильотина - инструмент для отсечения головы у осужденных на смертную казнь. Введена во Франции во время революции 1789-1799 гг. по предложению врача Ж.Гильотена. Ирония Троцкого, по существу своему нечистоплотная и бесчеловечная, вполне соответствовала большевистской оценке террора, проводимого якобитами во время Французской революции. Ирония состоит в том, что применение террора учит держать язык за зубами.

130 Речь идет о романе А.Моруа "Завоеватели" (1928). Статью Троцкого об этом романе см.: Бюллетень оппозиции, 1931, № 21-22, с. 30-35.

131 Речь идет об итальянском издании брошюры Л.Д.Троцкого "Испанская революция и угрожающие ей опасности".

132 Новая итальянская оппозиция была образована в 1930 г. в составе группы итальянских эмигрантов, находившихся во Франции, во главе с А.Леонетти. Тогда же присоединилась к Интернациональной левой оппозиции. В 1936 г. фактически распалась.

133 Гекатомбы (от греческих слов hekatn - сто и b-s - бык) - в Древней Греции жертвоприношение, вначале состоявшее из 100 быков. Позже так именовалось любое крупное жертвоприношение. В переносном смысле - огромные жертвы во время войны, террора, стихийных бедствий.

134 Одно слово прочитывать не удалось.

135 Имеется в виду работа "История русской революции".

136 См. предыдущий документ.

137 Каталонская федерация - испанская оппозиционная коммунистическая организация. Образована в сентябре 1932 г. Руководил Х.Маурин. Постепенно отошла от первоначальной поддержки Троцкого. Стала одной из учредительниц Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ).

138 Речь идет о письме Л.Д.Троцкого "О платформе Каталонского Рабоче-крестьянского блока" (Бюллетень оппозиции, 1931, No 23, с. 16-18).

139 Речь идет о брошюре Л.Д.Троцкого "Spaňeľšk revoluce". Praha, 1931. На русском языке см.: Бюллетень оппозиции, 1931, No 19, с. 3-13; No 21-22, с. 3-19; No 23, с. 10-16.

140 Альфонсо Бурбон (Альфонсо XIII) (1886-1941) - король Испании в 1902-1931 гг. Низложен в начале испанской революции 1931-1939 гг.

141 Абсент (от фр. absinthe) - зеленый горький ликер со вкусом лакрицы или полыни.

142 Работа Л.Д.Троцкого "Испанская революция" в 1931-1932 гг. была переведена на испанский, английский, французский, немецкий, итальянский, португальский, чешский и другие языки и издана в соответствующих странах.

143 Кортесы - название однопалатного парламента в Испании, созданного в соответствии с конституцией 1931 г. Кортесы избирались на четыре года всеобщим голосованием.

144 Маурин Хоакин (1897-1973) - деятель компартии Испании. В 1929 г. исключен из партии за поддержку "правого уклона" в ВКП(б). Организовал Каталонскую федерацию, которая вначале поддержала, а затем подвергла критике взгляды Троцкого. Совместно с А.Нином был организатором Рабочей партии марксистского объединения. В 1936 г. был избран депутатом кортесов. Был захвачен мятежниками. Находился в заключении, но не был признан. После освобождения эмигрировал и прекратил политическую деятельность.

145 Имеются в виду полуанархистские взгляды.

146 Hoover Institution Archives, V.I.Nucolaevsky Collection, box 309.

147 Зачеркнуто слово "злоупотребление".

148 Окончание письма не сохранилось.

149 Большевицкий лозунг "Долой десять министров-капиталистов!" был выдвинут накануне вооруженного выступления в Петрограде 3-5 июля 1917 г.

150 Имеются в виду группы и объединения испанских политических деятелей во главе с А.Замора, М.Мауром, М.Унамуно, М.Доминго, которые в 1930 г. выступили за ликвидацию в Испании монархического режима, организовали ряд демонстраций, в частности студенческих, и фактически явились вдохновителями вооруженного выступления солдат в декабре того же года с требованием республики. Результатом было свержение монархии в апреле 1931 г., а затем провозглашение республиканской конституции в декабре того же года.

151 Замора Алкало Нисето (1877-1949) - испанский политический деятель, умеренный либерал. Первый президент Испанской республики (1931-1936).

152 Маур Мигель (1887-1971) - испанский политический деятель, либерал. Один из лидеров Испанской республики в начале демократической революции 1931-1939 гг., член правительства.

153 Леру Алехандро (1864-1949) - испанский политический деятель, лидер Радикальной партии, премьер-министр в 1933-1936 гг.

154 Речь идет о том, что во время выступления генерала Корнилова за установление твердой государственной власти в России в конце августа 1917 г. большевистское руководство заявило об условной поддержке Временного правительства и призвало к совместному с ним подавлению "корниловского мятежа". После ареста Корнилова большевики с удвоенной силой возобновили антиправительственную агитацию.

155 Маргарита Росмер - жена А.Росмера.

156 Видимо, речь идет о предпринимательской деятельности Молинье, владевшего вместе с его братом Анри Молинье фирмой по выколачиванию долгов с использованием противоправных методов.

156 См. предыдущий документ, с.

157 См, выше, с.

158 Рейтер - британское информационное агентство. Основано в 1851 г. П.Ю.Рейтером. Является трестом частных предпринимателей.

159 28 июня 1931 г. в Испании состоялись первые выборы в Учредительную конституционную ассамблею (Учредительное собрание), давшие большинство коалиции республиканцев и социалистов. 9 декабря 1931 г. была принята конституция, установившая республиканский строй и введшая демократические свободы.

160 Прието Индалесио (1883-1962) - испанский политический деятель, социалист. Во время гражданской войны 1936-1939 гг. морской, затем военный министр. В 1939 г. эмигрировал. До 1950 г. был председателем Испанской социалистической рабочей партии в эмиграции.

162 Пери Габриэль (1902-1941) - французский политический деятель, коммунист. С 1924 г. редактор газеты "Юманите". Казнен германскими оккупантами.

163 Политика блока четырех классов в Китае - концепция Гоминьдана, которую разделяла компартия Китая по указаниям Коминтерна до разрыва с Гоминьданом в 1927 г. Согласно этой концепции, активными силами в борьбе за национальное освобождение Китая являются рабочий класс, крестьянство, мелкая городская буржуазия и национальная буржуазия, союз которых необходимо было укреплять.

164 Речь идет о статье Е.М.Ярославского "Новоявленный помощник пилсудчиков" (Правда, 1931, 2 июля). К статье была приложена фотокопия заглавной страницы польской газеты "Ilustrowany kuryer codzienny" ("Иллюстрированный ежедневный курьер") от 20 июня 1931 г. (газета выходила в Кракове) с публикацией статьи "Разоблачение пятилетки", приписанной Л.Д.Троцкому. Статья была перепечатана рядом западных газет. Основная идея статьи: диктатура в России должна быть ликвидирована, сталинизм осужден.

Троцкий опроверг принадлежность ему этой статьи, оценил ее как фальшивку. Опровержение Троцкого было опубликовано в германской газете "Vossische Zeitung" от 12 июля 1931 г. См. публикацию на эту тему в "Бюллетене оппозиции", 1931, No 23, с. 1-3.

165 "Письмо Зиновьева" - текст, переданный британским министерством иностранных дел советскому полпредству в Лондоне 24 октября 1924 г. и на следующий день опубликованный в лондонских газетах. Этот текст, якобы, являлся письмом председателя Коминтерна Г.Е.Зиновьева компартии Великобритании от 15 сентября того же года. В тексте содержались инструкции сосредоточить предвыборную деятельность (на 27 октября были назначены выборы в палату общин) на создании в армии и военной промышленности партийных ячеек с целью подготовки вооруженного восстания и свержения правительства. Выражалось сожаление, что у британской компартии мало военных специалистов, будущих руководителей Красной Армии. "Письмо Зиновьева" оказалось ловушкой для Лейбористской партии в условиях предвыборной борьбы, ибо лейбористское правительство Макдональда незадолго перед этим установило дипломатические отношения с СССР. На выборах победила Консервативная партия. Позже был установлен фальшивый характер "письма Зиновьева". Однако своим содержанием оно было весьма схоже с подлинными документами руководства Коминтерна, направленными другим компартиям.

166 Наличие на Балканах многочисленных наций, народностей, этнических групп, во многих случаях расселенных попеременно, произвольный характер границ между государствами, созданными на Балканах в ходе антиосманской национально-освободительной борьбы и многочисленных войн в этом регионе, привели к тому, что Балканы стали клубком национальных противоречий между болгарскими и сербами, славянскими народами и греками, славянскими народами и турками, сербами и албанцами, болгарскими и румынами, румынами и венграми и т. д. Эти противоречия были использованы великими державами при организации различных союзов и блоков на Балканах, были одной из причин Балканских войн 1912-1913 гг., одной из непосредственных предпосылок первой мировой войны. Они сохранились в межвоенный период, в годы второй мировой войны и после нее, вплоть до нашего времени. В этом смысле Балканы были и остаются "пороховым погребом" Европы.

167 Лозунг Балканской федеративной республики был первоначально выдвинут болгарскими национальными революционерами Г.С.Раковским, Л.Каравеловым и В.Левским в 70-е годы XIX в. Он предусматривал создание балканского государства, основанного на принципах демократического устройства и национального самоуправления. Лозунг был поддержан социал-демократами балканских стран. В 1909 г. в Белграде состоялась I Балканская социал-демократическая конференция, на которой была основана Балканская социал-демократическая федерация. В 1920 г. была создана Балканская коммунистическая федерация, провозгласившая необходимость создания Балканской федеративной социалистической советской республики. Федерация существовала до 1939 г.

168 Лозунг Балканской советской федерации был выдвинут Балканской коммунистической федерацией в 1920 г. В 30-е годы был заменен лозунгом Балканской социалистической федерации.

169 В августовском номере "Бюллетеня оппозиции" за 1931 г. (№ 23, с. 3-8) была опубликована статья Л.Д.Троцкого "Новый зигзаг и новые опасности", посвященная в основном речи И.В.Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Анализируя речь Сталина, Троцкий отмечал фактическое признание им невыполнения плана первой пятилетки, его заявления о восстановлении сделной заработной платы и другие моменты, которые он характеризовал как поворот вправо.

170 Опубликовано в кн.: Writings of Leon Trotsky (1930-31), p. 293-297. В этой публикации указана ошибочная дата создания документа - 28 июля 1931 г.

171 Г.Гуров - один из основных литературных псевдонимов Троцкого в эмиграции.

172 "Манифест Интернациональной левой оппозиции о Китае" (сентябрь 1930 г.) был опубликован в газете "The Militant", 1930, October 1th. Манифест подписали члены Временного Интернационального Секретариата и ряд представителей национальных оппозиционных коммунистических организаций.

173 Летом 1931 г. в Испании развернулось массовое забастовочное движение, носившее стихийный характер. Выдвигались в основном экономические требования. Имели место столкновения с полицией. Большинство стачек окончились уступками предпринимателей.

174 Песталья Нуньес (1886-1938) - испанский профсоюзный деятель, анархо-синдикалист. В 30-е годы эволюционировал к реформизму. В 1933 г. был одним из основателей Синдикалистской партии.

175 Боллак - руководитель французского финансового агентства. Биржевой делец.

176 Устрик Альбер - французский банкир, инициатор ряда сомнительных финансовых махинаций, в частности связанных с продажей на французском рынке акций итальянского концерна Сνια Вискоза. В 1930 г. банк Устрика разорился. Против него было заведено судебное дело, однако связанный с Устриком министр юстиции Р.Пере дело замаял. Вскоре скандал получил публичную огласку и привел к падению кабинета А.Тардье в том же 1930 г.

177 La publicit (фр.) - публичность, гласность, реклама.

178 Французский банк (Банк Франции) - государственный центральный эмиссионный банк страны. Основан в 1800 г. Наполеоном Бонапартом.

179 "Temps" ("Времена") - ежедневная газета либерального направления, выходившая в Париже в 1861-1942 гг.

180 Гуалино Рикардо (1879-1964) - итальянский промышленник, в 1919-1930 гг. президент компании "Сνια вискоза", основанной в 1917 г. Компания была крупнейшим производителем искусственных тканей. Существовала до 1968 г. Влилась в объединение Бомбрини-Пароди-Дельфино.

181 "Поход на Рим" - условное наименование государственного переворота

в Италии в 1922 г. 27 октября 1922 г. лидер фашистской партии Б.Муссолини отдал приказ отрядам "чернорубашечников" занять столицу страны. Король отказал премьер-министру Луиджи Факто во введении чрезвычайного положения. Факто ушел в отставку. Муссолини, который находился в Милане, откуда было удобно бежать за границу в случае неудачи переворота, прибыл в Рим и 31 октября был назначен главой правительства. В Италии начала формироваться фашистская диктатура.

182 Пере Рауль (1879-1942) - французский политический деятель, финансист, юрист. Занимал министерские посты финансов и юстиции. Одновременно был адвокатом банка А.Устрика. Покровительствовал Устрику во время финансового скандала 1930 г.

183 Бенар Рене - французский государственный деятель, дипломат и юрист. В 20-30-е годы занимал министерские посты, был сенатором и послом в Риме. В начале 30-х годов адвокат одной из фирм А.Устрика. Был замешан в его финансовом скандале.

184 Думерг Гастон (1863-1937) - французский политический деятель. С 1902 г. неоднократно был министром. В 1924-1931 гг. президент Франции, в 1934 г. премьер-министр.

185 "Жена Цезаря вне подозрений" - выражение, охначающее, что лицо, занявшее пост на определенном уровне или выше этого уровня, получает статус своего рода неприкосновенности и не может быть ни в чем обвинено.

186 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.

187 Речь идет о письмах, полученных Л.Д.Троцким от его сторонников в СССР. Письма печатались в "Бюллетене оппозиции", 1931, No 19, с. 17-22; No 23, с. 22; No 24, с. 19-20; No 25-26, с. 45-47; 1932, No 27, с. 21-22; No 29-30, с. 10-13; No 31, с. 18-24. Значительно скуднее письма публиковались в следующих номерах.

188 Браун О.Э. - историк, профессор Лейпцигского университета.

189 После длительной дискуссии Временное правительство России в начале июля 1917 г. приняло решение о восстановлении смертной казни по приговорам военно-полевых судов в отношении военнослужащих на фронте, совершивших тяжкие преступления. Это решение вызвало широкое общественное недовольство, тем более что смертная казнь была отменена сразу же после Февральской революции.

190 Государственное совещание проходило 12-15 (25-28) августа 1917 г. в Москве. Председательствовал А.Ф.Керенский. Присутствовало около 2500 делегатов от Государственной Думы, городских дум, кооперации, профсоюзов, земств, купечества, торгово-промышленных кругов и банкиров, армии и флота, Советов и т. д. Многие выступавшие требовали ликвидации Советов и общественных организаций в армии, восстановления смертной казни в полном объеме и пр.

191 Савинков Борис Викторович (псевдоним В.Ропшин) (1879-1925) - российский политический деятель, публицист, писатель. В 1903-1917 гг. один из руководителей боевой организации эсеров, организатор ряда

террористических актов. Управляющий военным министерством во Временном правительстве 1917 г. во время пребывания Керенского на посту военного министра. Руководитель ряда антибольшевистских выступлений после Октябрьского переворота. В 1924 г. арестован после нелегального перехода советской границы и приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением. Заявил о признании Советской власти. Покончил жизнь самоубийством или был убит в тюрьме. Автор "Воспоминаний террориста" (1909) и ряда романов.

192 Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924) - российский политический деятель, один из лидеров Партии октябристов, помещик. В 1911-1917 гг. председатель III и IV Государственных Дум, в 1917 г. председатель Временного комитета Государственной Думы. С 1920 г. в эмиграции. Автор мемуаров "Крушение империи" (1929).

193 Временный комитет Государственной Думы существовал с 27 февраля по 6 октября 1917 г. Председатель М.В.Родзянко. Был образован депутатами IV Государственной Думы в ходе Февральской революции. 1 марта взял на себя управление страной и образовал Временное правительство (по договоренности с руководителями Петроградского Совета). Затем действовал как представительный орган Думы, не имея реальной власти и влияния. Распушен после официальной ликвидации Думы.

194 Ставка Верховного Главнокомандующего - высший орган управления в действующей армии и флоте и место пребывания Верховного Главнокомандующего вооруженными силами России во время первой мировой войны. Находилась вначале в Барановичах, с 8 августа 1915 г. в Могилеве. Расформирована 16 марта 1918 г.

195 Председатель Временного правительства А.Ф.Керенский покинул осажденный Зимний дворец 25 октября (7 ноября) 1917 г., когда начался большевистский переворот в Петрограде. Он установил связь с генералом Красновым и попытался из района Пскова двинуть войска на Петроград. Выступление было разгромлено.

196 Члены Временного правительства после Октябрьского переворота были заключены в Петропавловскую крепость. В следующие недели они были освобождены из-под заключения.

197 Эвфемизм (от греч. *euphema*) - смягченное выражение вместо высказываний резких или нарушающих нормы приличия.

198 Заявление Ленина о Троцком - "...не было лучшего большевика" на заседании Петроградского комитета партии 1(14) ноября 1917 г. можно прочитать в тексте и фотокопии протокола заседания, опубликованных в "Бюллетене оппозиции", 1929, No 7, с. 31-37. См. также следующее примечание.

199 Упомянутый в предыдущем примечании протокол был исключен из издания "Первый легальный Центральный Комитет большевиков в 1917 г. (М., 1927) уже после набора. Факсимиле в "Бюллетене оппозиции" воспроизводит исключенный цензурой текст.

200 Принятый в 1919 г. Учредительным Собранием Германии закон о

фабрично-заводских комитетах (фабзавкомах) предоставлял этим органам, избранным всем наемным персоналом предприятий, сравнительно широкие права в управлении фабриками и заводами и решении социальных вопросов. В некоторых фабзавкомах было сильно влияние коммунистов (металлисты, строители, деревообделочники). В 1922 г. начали возникать сепаратные "новые фабзавкомы", выдвигвшие требования образования рабочего правительства и вооружения рабочего класса. После экономического и политического кризиса 1923 г. фабзавкомы утратили влияние, закон о них сохранялся лишь формально. Он был отменен после установления нацистской диктатуры.

201 Веймарская конституция - конституция Германии, принятая 31 июля 1919 г. германским Национальным Учредительным собранием, заседавшим в Веймаре. Конституция законодательно оформила замену монархии демократической республикой, происшедшую в ходе Ноябрьской революции 1918 г. Были введены всеобщее избирательное право и пропорциональное представительство при выборах рейхстага (парламернта). Большие права, в том числе введения чрезвычайного положения и издания соответствующих декретов, предоставлялись президенту, избираемому на 7 лет.

202 Троцкий оговорился. Следовало сказать: "противником работы в профсоюзах и в парламенте" или "противником работы в профсоюзах и участия в парламентах".

203 Бакунисты - сторонники взглядов М.А.Бакунина.

204 Радек активно участвовал в деятельности Коминтерна, особенно энергично занимаясь делами "германской революции". До 1924 г. часто выезжал в Германию. В Исполкоме Коминтерна поддерживал германских "левых".

205 Пленум Исполкома Коминтерна в начале 1924 г. не происходил. IV пленум состоялся 12-13 июля 1924 г., сразу после V конгресса Коминтерна для принятия по поручению последнего ряда решений. Помимо этого были рассмотрены вопросы о мировом профессиональном движении, о положении в отдельных странах и партиях, дело Б.Суварина и др. Видимо, все же, Троцкий имеет в виду не этот пленум, а одно из заседаний в Исполкоме Коминтерна в начале 1924 г.

206 Имеется в виду книга: Trotsky L. L'International Communism Aprs Lnin. Paris, 1930.

207 Платформой оппозиционного блока 1926 г. Троцкий называет, по-видимому, заявленные 13 членов, кандидатов в члены ЦК и членов Центральной контрольной комиссии ВКП(б), являвшихся участниками объединенной оппозиции, которое было передано Июльскому пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 г. В заявлении были поставлены вопросы об опасности бюрократизма и причинах его роста, заработной плате рабочих и служащих, индустриализации, положении в деревне, борьбе за мир и деятельности Коминтерна, о фракционности. Содержался призыв к восстановлению единства партии на основе внутривнутрипартийной демократии.

208 Речь идет о плане создания рабоче-крестьянских или крестьянско-рабочих партий в Индии и других странах Востока, который разрабатывался в Коминтерне.

209 В газете "Правда" 30 июня 1923 г. была помещена статья Л.Д.Троцкого "О своевременности лозунга "Соединенных Штатов Европы", в которой он предлагал дополнить лозунг рабоче-крестьянского правительства этим лозунгом и пытался обосновать свое предложение. Выдвижение лозунга было свидетельством революционной эйфории Троцкого и других большевистских деятелей, связанной с событиями в Германии. В статье выражалась надежда, что революционная Европа уничтожит таможенные перегородки и сомкнется с Советским Союзом. Соединенные Штаты Европы исторически рассматривались как ближайший этап революционной перспективы. В сентябре 1923 г. этот вопрос был обсужден Президиумом Исполкома Коминтерна, который согласился с его включением в документы Интернационала. В следующие годы в связи с оппозиционными выступлениями Троцкого, поворотом Сталина к "национальному социализму" и началом стабилизации капитализма лозунг Соединенных Штатов Европы был снят и подвергнут резкой критике официальным партийным руководством со ссылками на дооктябрьскую статью Ленина "О лозунге Соединенных Штатов Европы". Этот лозунг вошел в арсенал идейной догматики объединенной оппозиции как полностью соответствовавший ее курсу на мировую революцию, а затем и в идейный багаж международного движения сторонников Троцкого.

210 Письмо Троцкого Трэнну от 23 мая 1929 г. см.: НУ, НЛ, Т-10582.

211 Критику проекта заявления Трэна см. выше, с.

212 Выражение Троцкого о "библиографическом журнале" Суварина носило ироническо-критический характер. Какой именно журнал имеется в виду, не ясно.

213 Национальная конференция Коммунистической лиги Франции намечалась в сентябре 1931 г. Главной проблемой, которую предстояло рассмотреть, было преодоление раскола между группами П.Навилля и Р.Молинье. Перед созывом конференции Навилль, Молинье, а также А.Росмер посетили Троцкого на Принкипо. Конференция состоялась в октябре 1931 г. Она не привела к преодолению разногласий между группами, хотя и не завершилась непосредственным расколом Лиги. Фракционная борьба в ней продолжалась.

214 Троцкий перефразирует традиционное средневековое восклицание, символизировавшее переход власти в Великобритании от умершего короля и престолонаследнику.

215 Интервенция Японии в Маньчжурии началась 18 сентября 1931 г., когда под предлогом взрыва на железной дороге японские войска заняли г. Мукден. К февралю 1932 г. вся территория Маньчжурии (три восточные провинции Китая) были заняты японскими войсками. Была провозглашена "независимость" Манчжоу Го - нового фиктивного государства на территории Маньчжурии во главе с Пу И - бывшим императором Китая, отрекшимся от престола в 1912 г. В 1934 г. Пу И был провозглашен императором Манчжоу Го. Фактическая власть в этой части Китая принадлежала Японии. 15 сентября 1932 г. был провозглашен протекторат Японии над Манчжоу Го. Марионеточный режим был ликвидирован в последние дни второй мировой войны.

216 Опубликовано в кн.: Writings of Leon Trotsky (1930-31), p. 356-361.

Датировка статьи в этом издании (30 ноября 1931 г.) ошибочна.

217 Лига Наций - международная организация, созданная в 1919 г. на Парижской мирной конференции с целью развития сотрудничества между народами, сохранения мира и безопасности. СССР участвовал в Лиге с 1934 г. В декабре 1939 г. СССР был исключен из Лиги в связи с советской агрессией против Финляндии. В 1940 г. Лига Наций фактически прекратила существование и была распущена формально в 1946 г.

218 После начала интервенции Японии в Маньчжурии Лига Наций назначила комиссию во главе с британским лордом Эдвардом Литтоном для расследования происходивших событий. 2 октября 1932 г. комиссия Литтона представила доклад, констатировавший, что оккупация Маньчжурии не была актом самозащиты со стороны Японии, а создание Манчжоу Го не являлось выражением подлинно независимого движения. Комиссия рекомендовала создать в Маньчжурии автономную администрацию при соблюдении суверенитета Китая, но при наличии международных советников и полиции и при условии признания экономических интересов Японии. 24 февраля 1933 г. Совет Лиги Наций одобрил доклад и принял резолюцию с формулой о непризнании Манчжоу Го и требованием прекращения японского военного давления.

219 Хонио Эйджиро - японский генерал, командовавший армией в Квантунге. Командовал оккупацией Маньчжурии японскими войсками в 1931 г.

220 Под Нанкином имеется в виду правительство Китая во главе с Чан Кайши

221 Имеется в виду русско-японская война 1904-1905 гг., которая велась за господство в Северо-Восточном Китае и в Корее. Россия потерпела поражение. Был заключен Портсмутский мир, по которому Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и право на Ляодунский полуостров с гг. Порт-Артуром и Дальним. Война ускорила революцию 1905-1907 гг. в России.

222 Микадо (буквально - величественные врата) - титул императора Японии.

223 В 1912 г., когда Марокко оказалась под французским протекторатом, небольшая часть страны перешла под контроль Испании. В обеих частях Марокко происходило национально-освободительное движение. В 1921-1926 гг. здесь имело место крупное восстание риффских племен под руководством Абд-эль-Керима. Отголоски восстания чувствовались в следующие годы. В 1930 г. в условиях экономического кризиса произошел ряд новых волнений. Еще в декабре 1929 г. была проведена реорганизация управления Испанского Марокко, куда был назначен верховный комиссар с высшей военной и административной властью. Провозглашение республики в Испании в 1931 г. усилило национально-освободительное движение в Марокко, которое частично направлялось против республики. Именно в Марокко выступил генерал Ф.Франко, который в значительной степени смог привлечь риффов на борьбу против демократической Испании.

224 Герилья (исп. - *guerilla*) - название партизанской войны в Испании и

в странах Латинской Америки.

225 Французские войска вторглись в Испанию в марте 1808 г. Брат Наполеона I Жозеф Бонапарт был посажен на испанский престол. В Испании развернулась партизанская война против захватчиков. До 1814 г. на территории страны шли военные действия не только против повстанцев, но и против высадившихся здесь британских войск. Решением Венского конгресса в 1815 г. в Испании была восстановлена монархия Бурбонов.

226 Дзян Сулян (Чжан Суэлян) (1898- ?) - китайский генерал. С 1928 г. главнокомандующий армиями трех восточных провинций (Маньчжурия). Был организатором нападений на Китайско-Восточную железную дорогу. В 1931 г. ушел из Маньчжурии в связи с оккупацией ее Японией. С 1933 г. в отставке.

227 Национал-социалистическая рабочая партия Германии была основана в 1919 г. С 1921 г. возглавлялась А.Гитлером. С 1933 г. у власти. Являлась основным звеном в системе гитлеровского тоталитарного режима. В социальном отношении была разномастной - в партию входили представители всех слоев населения Германии - от рабочих и крестьян до крупных промышленников и представителей гуманитарной и научно-технической интеллигенции.

228 Привычка к расширительному использованию термина "фашизм", свойственная в первую очередь коммунистической пропаганде, получила распространение и на Западе, в том числе в трудах историков. Собственно говоря, фашизм (ит. - fascismo, от fascio - пучок, объединение) - правое политическое течение, возникшее в Италии после первой мировой войны под руководством Б.Муссолини, пришедшее к власти в 1922 г. и лишившееся ее в 1943 г. Итальянский фашизм у власти представлял собой один из вариантов правототалитарного режима (другим вариантом был германский национал-социализм), имевшего черты сходства и отличия по сравнению с левототалитарным режимом, классическим примером которого может служить Советская власть, коммунистическая диктатура в России (СССР). Расширительное толкование фашизма, адептом которого был и Троцкий, попытки представить его в качестве разветвленного международного фактора (в частности определение национал-социалистической диктатуры в Германии в качестве фашистской) использовались коммунистическими пропагандистами в многообразных целях, в том числе для того, чтобы замаскировать черты сходства между правототалитарной и левототалитарной разновидностями власти. Позже термин "фашизм" фактически превратился в политическое ругательство, каковым он и остается по настоящее время.

229 Миртос - псевдоним Розенцвейга Оскара, уроженца Великобритании, но проживавшего в других странах Европы. По профессии лингвист и музыкант. Концертировал в Чехословакии, Турции и Греции. В первой половине 30-х годов гастролировал в парижских ресторанах. Примыкал к сторонникам Троцкого и оказывал помощь Интернациональному Секретариату. Очевидно, имея в виду псевдоним, Троцкий считал Миртоса греком.

230 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 309.

231 Гитлер Адольф (1889-1945) - германский политический деятель, лидер

Национал-социалистической рабочей партии (с 1921 г.), с января 1933 г. рейхсканцлер (глава правительства), с августа 1934 г. сосредоточил в своих руках единоличную власть в качестве "фюрера и рейхсканцлера". Инициатор нацистского террора, геноцида еврейского населения Европы, один из главных виновников развязывания второй мировой войны. Покончил самоубийством 30 апреля 1945 г.

232 Официальные газеты под таким названием издавались в ряде стран. В данном случае речь идет о ежедневной официальной газете российского министерства внутренних дел, выходившей в 1869-1917 гг. Газета публиковала правительственные распоряжения и сообщения. С марта 1917 г. называлась "Вестник Временного правительства". Закрыта после Октябрьского переворота.

233 "Петрополис" - германское издательство, выпустившее несколько книг Л.Д.Троцкого на немецком языке.

234 Адресат неизвестен.

235 Очевидно, имеется в виду Глотцер Алберт (1908 - ?) - американский коммунист, порвавший с компартией в связи с поддержкой им позиции Троцкого. Был секретарем-охранником Троцкого на о. Принкипо. Один из руководителей Коммунистической лиги, а затем Социалистической рабочей партии США. Порвал с коммунистическими организациями в 1940 г.

236 Выборы в Палату общин Великобритании 27 октября 1931 г. дали абсолютное большинство Национальной коалиции, включавшей части Лейбористской, Либеральной и Консервативной партий. Было образовано "национальное правительство" во главе с "национал-лейбористом" Р.Макдональдом.

237 Имеются в виду крупные забастовочные выступления в Великобритании в 1911-1912 гг. Наиболее значительными из них были стачки транспортных рабочих (в том числе железнодорожников) и шахтеров. В декабре 1911 г. был издан закон о социальном обеспечении рабочих и безработных, в марте 1912 г. закон о введении минимальной заработной платы.

238 Речь идет о стачечных выступлениях 1919-1920 гг. и выступлениях в пользу советской России во время польско-советской войны 1920 г., организованных Британским конгрессом тред-юнионов под лозунгом "Руки прочь от России!" Движение привело к отказу правительства Д.Ллойд-Джорджа от непосредственной военной помощи польскому правительству.

239 Имеется в виду прекращение функционирования Англо-русского профсоюзного комитета в 1927 г. Этот комитет был образован ВЦСПС и Британским конгрессом тред-юнионов в 1925 г. для взаимной координации деятельности, поддержки сотрудничества профсоюзов обеих стран и развития мирных отношений между ними. Согласие советских властей на его создание было связано с нэпом и политикой единого фронта, проводимой Коминтерном. Комитет был распущен в сентябре 1927 г. в результате разрыва дипломатических отношений между обеими странами.

240 Тактика "класс против класса" стала внедряться в Коминтерне после VI конгресса (1928) и особенно после X пленума Исполкома Коминтерна (июль

1929 г.) Она предусматривала фактический отказ от единого фронта с некоммунистическими организациями, борьбу против социал-демократии как "социал-фашизма" и особенно против ее левого крыла.

241 Орден Подвязки - старейший и высший орден Великобритании. Учрежден в 1346 г. королем Эдуардом III.

242 Ридлей Франсис (1897-1994) - британский социалист. Краткое время считал себя сторонником Троцкого. Совместно с Чанду Рамом пытался создать совместную оппозиционную коммунистическую группу англичан и индийцев. Был членом Независимой рабочей партии, которую оставил в 1930 г. в связи с поддержкой ею правительства Макдональда. Позже возвратился в Независимую рабочую партию и был членом ее Исполкома.

243 Аггарвала Ханс Рой (настоящие фамилия и имя Рам Чанду) (1906-1932) - индийский студент-правовед, учившийся в Лондоне. Автор нескольких заявлений о том, что британское "национальное правительство" является первым этапом на пути к установлению фашистской власти. Заявил о поддержке левой оппозиции, но к сторонникам Троцкого не присоединился.

244 Мосли Освальд (Эрналд) (1896 - 1980) - британский политический деятель. В 20-е годы лейборист. В 1932 г. организовал Британский союз фашистов. В 1940-1943 гг. находился в заключении. После второй мировой войны безуспешно пытался воссоздать свою организацию.

245 Гильдия Св.Михаила (Точнее Гильдия Св.Майкла) - крайне правая британская организация. Существовала краткое время в конце 20-х - начале 30-х годов. В 1931 г. волилась в группу Мосли, затем стала составной частью Британского союза фашистов.

246 Имеется в виду брошюра В.И.Ленина "Детская болезнь 'левизны' в коммунизме", написанная в 1920 г. к открытию II конгресса Коминтерна. Ленин поставил вопрос о международном значении опыта большевиков, стремясь обеспечить ведущую роль и диктат партии большевиков в международном коммунистическом движении. Ленин выступил против так называемых "левых" коммунистов, призвал компартии к использованию противоречий между политическими врагами и к временным союзам, к использованию парламентов и участию в профсоюзах, руководимых "реформистами", для революционных целей. Решения II конгресса Коминтерна соответствовали установкам Ленина.

247 Имеется в виду догмат Ватикана - католического государства на территории Рима и резиденции Римского Папы, главы католической церкви. Согласно католической догматике, Римский Папа непогрешим.

248 Метафизика - философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) принципах бытия. Термин часто употребляется как синоним философии. В марксистской философской догматике метафизика рассматривалась как противоположный диалектике философский метод, подходивший к явлениям в неизменности и вне взаимной связи.

249 Незачем повторять, что выборы не являются единственным и точным измерителем влияния: в борьбе действительно революционная партия всегда окажется сильнее, чем на парламентских выборах. Тем не менее статистика

голосования является очень ценным показателем силы или бессилия политических партий. Игнорировать этот показатель могут только анархисты. - Примеч. автора.

250 Hoover Institution Archives, В.I.Nicolaevsky Collection, box 360.

251 Статья Л.Д.Троцкого "Ключ к международному положению - в Германии" была опубликована в "Бюллетене оппозиции", 1931, No 25-26, с. 1-9.

252 Имеются виду "Протоколы II Всероссийского съезда Советов" 25-27 октября (7-9 ноября) 1917 г., объявившего о переходе власти в руки Советов, принявшего декреты о мире и земле и образовании правительства - Совета народных комиссаров во главе с В.И.Лениным.

253 Речь идет о В.А.Антонове-Овсиенко.

254 Имеется в виду "История русской революции" Л.Д.Троцкого.

255 Волкова Зинаида Львовна (1900-1933) - дочь Л.Д.Троцкого от первого брака. Жила вместе с Троцким на Принкипо, а затем переехала в Берлин. Покончила самоубийством после издания постановления ЦИК СССР о лишении ее советского гражданства (в СССР оставалась ее дочь).

256 Гачев Димитр (1899-1991) - участник болгарского коммунистического движения, юрист. В 1925 г. приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением. Освобожден в 1932 г. Активно участвовал в создании и деятельности групп, поддерживавших Л.Д.Троцкого. В 1941-1944 гг. участвовал в движении Сопротивления в Болгарии. В 1945 и 1946 гг. подвергался арестам. В 1954 г. приговорен к 20 годам заключения по фиктивному обвинению в "контрреволюционной деятельности и сотрудничестве с полицией" при предыдущем режиме. Отсидел в концлагере до конца срока. Реабилитирован в 1988 г. и получил персональную пенсию.

257 11 октября 1931 г. в Пловдивской тюрьме (Болгария) произошло избивание заключенного сторонника Троцкого Д.Гачева заключенными членами официальной компартии. По этому поводу Гачев обратился с протестом в прокуратуру, опубликованным в "Бюллетене оппозиции", 1932, No 27, с. 23-24.

258 С целью конспиративной пересылки. - Примеч. автора.

259 См. примеч. 187.

260 Речь идет о статье Х.Г.Раковского "На съезде и в стране" (Бюллетень оппозиции, 1931, No 25-26, с. 9-32). Анализ статьи см.: Чернявский Г.И., Станчев М.Г. В борьбе против самовластия: Х.Г.Раковский в 1927-1941 гг. Харьков, 1993, с. 200-210.

261 Речь идет о документе "Перспективы борьбы и задачи оппозиции", опубликованном за подписями X., Y., Z в No 25-26 "Бюллетеня оппозиции", с. 32-43. Авторы были представлены редакцией как ссыльные, находившиеся в г. N-ск. Сообщалось, что тезисы были написаны в начале лета 1930 г.

262 Имеется в виду XIII конференция ВКП(б) 30 января - 4 февраля 1932 г., на которой были рассмотрены вопросы выполнения плана 1931 г. и задачи на 1932 г., а также директивы к составлению второго пятилетнего плана. Особое внимание фиксировалось на необходимости овладения техникой и создания интеллигенции из рабочих и крестьян.

263 Каганович-Амстердамский - ироническая, не вполне оправданная кличка, примененная Троцким в том смысле, что Каганович был верным слугой Сталина в проведении курса сотрудничества с реформистскими профсоюзами Амстердамского Интернационала профсоюзов (официальное наименование Международной федерации профсоюзов) - объединения нейтральных профсоюзов и союзов, руководимых социал-демократическими партиями. Было образовано в 1919 г. на конгрессе в Амстердаме. Существовало до 1945 г. Роль Кагановича в сотрудничестве с реформистскими профсоюзами была незначительной, не большей, нежели любого другого лица из сталинского руководства за исключением тех, кто специально занимался международным коммунистическим движением (Бухарин) и профсоюзными делами (Томский).

264 Каганович выступил на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 10-летию Института красной профессуры, 1 декабря 1931 г. Речь была опубликована после длительной доработки в "Правде" 12 декабря. Специальный раздел посвящался борьбе против "троцкизма" в свете письма И.В.Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма".

265 "El Soviet" ("Совет") - бюллетень, издававшийся сторонниками Л.Д.Троцкого в Барселоне в 1931 г. В конце года издание было прекращено.

266 Письмо от 6 октября в архиве отсутствует.

267 Статья Троцкого для американской печати "Ослабление Сталина или ослабление Советов? Новая кампания против `троцкизма`" была опубликована в газете "The New York Times" 8 мая 1932 г. Статья помещена в данном томе, с.

268 Magazine - журнал (англ.). Видимо, имеется в виду журнал вообще, а не какое-либо определенное издание, несмотря на кавычки.

269 "New York Times" ("Ньюйоркские времена") - ежедневная газета. Выходит с 1851 г. Имеет заграничные издания.

270 Имеется в виду письмо Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" "О некоторых вопросах истории большевизма" по поводу публикации в этом журнале "полутроцкистской" статьи Слуцкого "Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса" (Сталин И. Соч., т. 13, с. 84-101).

271 Заявление Сталина, что "троцкизм есть передовой отряд буржуазной контрреволюции" содержится в его письме "О некоторых вопросах истории большевизма" (Сталин И. Соч., т. 13, с. 99).

272 В качестве полпреда СССР во Франции Х.Г.Раковский был главой советской делегации на переговорах о долгах и кредитах, которые происходили в Париже с 25 февраля 1926 г. по вторую половину июля 1927 г. с перерывами. После отзыва Раковского с дипломатического поста в октябре 1927 г. в связи с его вступлением в оппозиционную деятельность переговоры не возобновлялись.

273 В октябре 1923 г. во время охоты Троцкий промочил ноги в ледяной воде, простудился, после чего у него развилось сильное и непонятное недомогание с высокой температурой. Этой болезнью он объяснял свою пассивность в дискуссии 1923 г., хотя его поведение никак не может быть

названо пассивным, имея в виду целый ряд заявлений, с которыми он выступил. В январе 1924 г. Троцкий выехал на лечение в Сухуми. По пути на курорт в Тифлисе он узнал о смерти Ленина. На похороны он не выехал, объяснив это тем, что Сталин обманул его относительно даты погребения (имеются данные, что это не соответствовало действительности). В следующие годы приступы болезни повторялись.

274 XVI конференция ВКП(б) состоялась 26-29 апреля 1929 г. Она приняла директивы первого пятилетнего плана и рассмотрела вопросы о чистке в партии, о правом уклоне и др.

275 Днепрострой - строительство Днепровской гидроэлектростанции в г. Запорожье. Первая очередь была построена в 1927-1932 гг. мощностью 650 МВт. Первое предложение о строительстве Днепровской ГЭС было внесено Троцким после поездки в Запорожье в начале 1926 г. Оно было отвергнуто Политбюро ЦК ВКП(б) по настоянию Сталина, заявившего, что эта электростанция нужна не более, чем аккордеон мужику. Но в 1927 г. генсек круто изменил свою позицию, высказавшись за строительство ГЭС в рамках индустриализации страны. Строительство Днепровской ГЭС было вскоре развернуто форсированным темпом.

276 Имеется в виду провокационный судебный фарс - процесс над "деятелями" не существовавшей "Промпартии", происходивший в Москве 25 ноября - 7 декабря 1930 г. Судили восемь инженеров, занимавших ответственные посты в советской экономике. Подсудимые (проф. Л.К.Рамзин, И.А.Колесников, В.А.Ларичев и др.) обвинялись в различных актах государственной измены - шпионаже, саботаже, подготовке иностранной интервенции и др. Они единодушно признали себя виновными, несмотря на полное отсутствие доказательств. Особенно постыдно вел себя Рамзин. Пять смертных приговоров были после суда заменены тюремным заключением. Суд сопровождался организованной "массовой" кампанией поддержки. Рамзин вскоре был освобожден, а через несколько лет получил Сталинскую премию. Есть серьезные основания полагать, что он с самого начала был провокатором. Процесс "Промпартии" был лишь одним из серии судебных фарсов конца 20-х - начала 30-х годов, предшествовавших судебным фарсам периода "большого террора".

277 Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР являлся с декабря 1917 г. высшим органом управления экономикой, главным образом промышленностью. С 1922 г. ВСНХ - союзно-республиканский наркомат СССР. Местными органами были губернские и окружные совнархозы. ВСНХ был реорганизован в три наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности в 30-е годы.

278 Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б) в апреле 1922 г.

279 О злоупотреблениях Сталиным властью в "Письме к съезду" прямо не говорилось.

280 Заявление, что "свобода суждений в партии" при Ленине "была безусловная" следует признать совершенно не соответствующим действительности, особенно имея в виду резолюцию X съезда РКП(б) о единстве

партии.

281 Речь идет о книге: Зиновьев Г. История Российской коммунистической партии (большевиков). Популярный очерк. М. - Пг., 1923.

282 "Индексы запрещенных книг" - издававшиеся Ватиканом в 1559-1966 гг. официальные перечни изданий, чтение которых католическая церковь запрещала под угрозой отлучения. В данном случае термин употреблен иронически для обозначения списка книг, изымаемых из книжной торговли и библиотек по распоряжению Главного управления по охране государственной тайны в печати при Совнарком РСФСР (советской цензурой).

283 Речь идет об "Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)", опубликованной в четырех томах в 1926-1930 гг. под редакцией Е.М.Ярославского.

284 Речь идет об упоминавшемся письме Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма" (см. примеч. 270). После появления этого сталинского документа Ярославский немедленно выступил с покаянным письмом ("Правда", 1931, 10 декабря).

285 Юз Чарлз Эванс (1862-1948) - американский юрист и политический деятель. Губернатор штата Нью-Йорк в 1907-1910 гг. Был соперником В.Вильсона на президентских выборах 1916 г., которые проиграл. Государственный секретарь США в 1921-1925 гг. Председатель Верховного Суда США в 1930-1941 гг. Троцкий ошибается, называя Юза министром юстиции США.

286 Аберрация (лат. aberratio - отклонение) - отклонение от нормы. В физике выделяют различные аберрации (оптических систем, света, электрических линз). В данном случае имеется в виду отклонение от политической нормы.

287 Имеется в виду статья "Ослабление Сталина или ослабление Советов? Новая кампания против `троцкизма", опубликованная в данном томе, с.

288 "The Political Quarterly" - журнал Лейбористской партии. Выходил в Лондоне с 1930 г. под редакцией Г.Ласки, Д.Дикинсон и др.

289 См. об этом т.5 настоящей публикации, с.

290 Адрес журнала "The Political Quarterly" на английском языке.

291 По всей видимости, письмо не имело определенного адресата.

292 План второй пятилетки охватывал 1933-1937 гг. Был утвержден с опозданием в 1934 г. XVII съездом ВКП(б). Предусматривал значительно более скромные показатели, нежели провалившийся план первой пятилетки.

293 Речь идет о материале "Кризис советского хозяйства и пути выхода" (Бюллетень оппозиции, 1932, No 29-30, с. 1-5), якобы полученном редакцией из СССР. Судя по содержанию и стилю документа, это не соответствует действительности. По всей видимости, документ был написан Л.Д.Троцким или Л.Л.Седовым.

294 Клинг Лазар - американский журналист. Встречался с Троцким в Нью-Йорке в 1917 г. и в Москве в 1920 г. Во второй половине 20-х - начале 30-х годов симпатизировал политическим позициям Троцкого. В 1932-1933 гг. был членом редколлегии газеты "Unsere Kampf" ("Наша борьба") на языке идиш, где выражались идеи, близкие к позиции Троцкого. Краткое время Клинг был членом

Коммунистической лиги США.

295 Идиш - язык части евреев, живущих в Европе, включая Россию и некоторые другие страны СНГ, Америке, Израиле. Относится к германской группе. Сформировался в средние века в Германии на основе средненемецких диалектов и иврита. Позже включил в себя элементы славянских языков. Письменность на основании иврита.

296 Сионизм (от названия холма Сион в Иерусалиме) - идеология и политика движения за возрождение и развитие независимого еврейского государства. Возник в конце XIX в. Первый сионистский конгресс состоялся в 1897 г. под руководством идеолога сионизма Т.Герцля. Движение было инициатором образования государства Израиль в 1948 г.

297 Видимо, имеется в виду Р.Молинье.

298 САП (Sozialistische Arbeiterpartei - Социалистическая рабочая партия) была образована в октябре 1931 г. после исключения из Социал-демократической партии группы депутатов рейхстага во главе с Максом Зейдевицем и Куртом Розенфельдом. Весной 1932 г. к Социалистической рабочей партии присоединилась часть сторонников Г.Брандлера во главе с Я.Вальхером. Вскоре эта группа в партии возобладала. В 1933 г. было достигнуто соглашение с германскими сторонниками Троцкого о совместной деятельности по созданию нового Интернационала. Вскоре, однако, сотрудничество прекратилось.

299 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

300 Саймон и Шустер - американская издательская фирма Ричарда Саймона и Макса Шустера. Издательство было образовано в 1924 г. Публиковало серьезную и коммерческую литературу, которая разными способами рекламировалась. Издательство выпустило несколько книг Троцкого. Прекратило деятельность в 1957 г.

301 Вышли в свет 2, 3, 4, 6, 8, 9, 13, 15, 17, 20, 21 тома (тома 2, 3, 17 в двух частях).

302 Как видно из предыдущего примечания, в свет вышло 14, а не 13 книг собрания сочинений Л.Д.Троцкого.

303 Эльцин Виктор Борисович (1905-1938) - помощник и секретарь Троцкого. Окончил Институт красной профессуры. В 1927 г. был сослан, в затем арестован. Расстрелян без суда во время "большого террора".

304 Фамилия неразборчива. Судя по отдельным буквам, имелся в виду С.Соломин, принимавший участие в подготовке к печати некоторых томов собрания сочинений Троцкого.

305 Несколько слов прочитать не удалось.

306 Имеется в виду григорианский календарь (новый стиль), введенный Римским Папой Григорием XIII в 1582 г. Этот календарь заменил Юлианский календарь (старый стиль), применявшийся до этого (с 45 г. н. э.) Григорианский календарь более точен. Различие между старым и новым календарями составляло в XX в. 13 суток. В России новый календарь был введен с 14 февраля 1918 г.

307 "Ларусс" - французское издательство, основанное в 1852 г. в Париже

педагогом и лексикографом П.Ларуссом (1817-1875). В основном выпускает энциклопедии, словари и другие справочные издания.

308 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M.Eastman Collection.

309 Речь идет о работе над трудом Л.Д.Троцкого "История русской революции".

310 Троцкий цитирует драму "Заговор Фиеско в Генуе" (1783) германского драматурга и поэта Шиллера Иоганна Фридриха (1759-1805). Шиллер был одним из основоположников немецкой классической литературы. В его произведениях утверждалось человеческое достоинство, проповедовалась ненависть с устаревшим порядкам, проявлялся интерес к социальным потрясениям прошлого.

311 Имеется в виду статья Троцкого "Интервенция Японии в Маньчжурии и Советский Союз", публикуемая в настоящем томе, с.

312 Янки - термин, применяемый американцами в отношении жителей Новой Англии (шесть штатов на Северо-Востоке США), а неамериканцами - зачастую ко всем жителям США.

313 Бай - американец, литературный агент. Ирония Троцкого состоит в том, что глагол "to buy" означает покупать.

314 Адрес Ф.Гарсиа на испанском языке, по которому Троцкий просил послать гонорар за его статью о Маньчжурии.

315 Так в тексте.

316 Так в тексте.

317 Так в тексте.

318 20 февраля 1932 г. было издано постановление ЦИК СССР о лишении советского гражданства 37 лиц и о запрещении им возвращения в СССР. В список были включены Л.Д.Троцкий и все члены его семьи, находившиеся за границей (жена Н.И.Седова, сын Л.Л.Седов, дочь З.Л.Волкова). Постановление отменяло какую-либо государственную защиту Троцкого советскими властями и фактически являлось приглашением к покушениям на его жизнь.

319 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 360

320 Открытое письмо Л.Д.Троцкого Предидиуму ЦИК СССР от 1 марта 1932 г. было направлено в связи с решением о лишении его и членов его семьи советского гражданства.

321 Лакоба Нестор Аполлонович (1893-1936) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1912 г. С 1922 г. председатель Совнаркома, с 1930 г. председатель ЦИК Абхазской АССР. Есть предположение, что скоропостижная смерть Лакобы была насильственной, что он был убит по распоряжению Л.П.Берия, возглавлявшего коммунистическую организацию Закавказской Федеративной Республики. После смерти Лакоба был объявлен "врагом народа".

322 "Пролетарская революция" - исторический журнал. Выходил в Москве в 1921-1941 гг. Являлся органом Истпарта, затем Института Ленина и, наконец, Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б).

323 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M. Eastman Collection.

324 Имеется в виду т. 1 "Истории русской революции" Л.Д.Троцкого.

325 Парижанин Морис (псевдоним Донзеля Мориса) (1885-1937) - французский писатель и общественный деятель. Парижанин переводил работы Троцкого на французский язык. Он оказал содействие в получении разрешения на принятие Троцкого во Франции в 1933 г.

326 Троцкий ошибается. Вероятно, он имеет в виду VI (Пражскую) конференцию большевиков (участвовал и один меньшевик), состоявшуюся в январе 1912 г. На самом деле, окончательный раскол между большевиками и меньшевиками произошел только после Февральской революции 1917 г.

327 Прав Истмен, а не Троцкий. "Манифест Коммунистической партии" появился в феврале 1848 г.

328 Сведений о палестинском рабочем деятеле Натане обнаружить не удалось.

329 Палестина - историческая область в Западной Азии. Здесь располагались древние Израильское и Иудейское царства. Впоследствии Палестина входила в состав многих государств. В VII в. ее завоевали арабы. С XVI в. она входила в состав Османской империи. В 1917 г. была оккупирована английскими войсками. В 1920-1947 гг. являлась подмандатной территорией Великобритании. С конца XIX в. на территорию Палестины переселялись евреи из разных стран, стремившиеся воссоздать здесь еврейское государство. Национально-освободительные выступления арабов нередко приобретали антиеврейский характер. Эти выступления стали особенно острыми в начале 30-х годов. Арабы оказывали сопротивление еврейской иммиграции и покупке евреями земли. В 1948 г. на территории Палестины было образовано государство Израиль.

330 Поалей Цион (Рабочие Сиона) - еврейские рабочие организации, образовавшиеся в начале XX в. в ряде стран. В России начали формироваться в 1901 г. Стремилась соединить идеи социализма и сионизма. В 1904-1906 гг. на базе идей Поалей-Цион сложилось несколько партий. В начале 20-х годов они были запрещены в советской России, но продолжали функционировать в странах Европы, США и Палестине.

331 Древнееврейский язык (иврит) - язык семитско-хамитской семьи. Письменность на основе древнееврейского алфавита.

332 Заметки для книги о мировом положении сгорели во время пожара в доме Троцкого. Книга написана не была.

333 Имеется в виду брошюра "Was nun?" ("Что теперь?"). Berlin, 1932. На русском языке см.: Троцкий Л. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932.

334 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M.Eastman Collection.

335 Речь идет о первом звуковом киножурнале "Fox-Movieton News", созданном в 1927 г. американской кинокомпанией Фокса. Компания Фокса существовала в 1915-1930 гг. Объединилась с компанией "Фильмы XX века" в корпорацию "XX век - Фокс".

336 "Liberty" ("Свобода") - американский журнал, связанный с концерном Херста. Главный редактор в конце 20-х - начале 30-х годов Бернард Макфадден. В журнале были опубликованы несколько статей Троцкого.

337 Гражданская война в США 1861-1865 гг. шла между северными штатами (Федерацией) и южными штатами (Конфедерацией). Конфедерация была провозглашена в апреле 1861 г. Одной из целей было временное сохранение рабства негров. С 1862 г. Север вел войну "по-революционному", объявив об отмене рабства и провозгласив закон о гомстедах (участках свободной земли, которые предоставлялись за символическую плату участникам войны на стороне Севера). В апреле 1865 г. был взят г. Ричмонд - столица южных штатов. Победа Севера создала условия для ускоренной индустриализации и освоения западных земель.

338 Речь идет о Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов (ВЦИКе) - органе власти в России, образованном на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 3 (16) июня - 24 июня (6 июля) 1917 г. в составе 256 членов. Партийный состав ВЦИК был следующим: меньшевики 107 членов, эсеры 101, большевики 35, трудовики и народные социалисты 4. Одно место имела Еврейская социалистическая партия.

339 Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943) - российский политический деятель, один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК. В 1917 г. председатель Исполкома Всероссийского съезда крестьянских депутатов и Предпарламента, министр внутренних дел Временного правительства. Активно участвовал в борьбе против власти большевиков в годы гражданской войны. В 1919 г. эмигрировал.

340 Belles-lettres (фр.) - гуманитарные знания, изящная литература, изящная словесность.

341 Avantage de bolshevism (фр.) - наступление, торжество большевизма.

342 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M.Eastman Collection.

343 С апреля 1932 г. журнал "Освобождение", издававшийся одоименной группой сторонников Троцкого в Болгарии, был преобразован в еженедельный бюллетень. Редактором был софийский адвокат Стефан Манов. В 1933 г. группа раскололась на две под руководством С.Манова и Г.Гачева. Издание бюллетеня вскоре было прекращено. С середины 1933 г. переписка Троцкого с его сторонниками в Болгарии прекратилась.

344 "Defense" ("Защита") - французская газета, орган "Красной помощи" - французской секции Международной организации помощи борцам революции, работавшей под руководством Коминтерна.

345 Президентские выборы в Германии состоялись двумя турами 13 марта и 10 апреля 1932 г. В первом туре кандидатом консервативных сил был фельдмаршал Гинденбург, который получил 18,7 млн голосов, кандидатом нацистов А.Гитлер (11,3 млн голосов), кандидатом коммунистов Э.Тельман (около 5 млн голосов). Во втором туре победил Гинденбург.

346 "Жерминаль" - роман французского писателя Э.Золя (1885).

347 Одно слово неразборчиво.

348 "Попутчиками" в официальной советской литературной критике и публицистике именовали беспартийных писателей, которые сочувствовали Советской власти и в целом проводили в своем творчестве идеи коммунизма, хотя прямо и не выполняли "заданий партии", не будучи ее "солдатами". Термин постепенно исчез во второй половине 30-х годов.

349 Серафимович (настоящая фамилия Попов) Александр Серафимович (1863-1949) - русский писатель. Автор романа "Железный поток" (1924) о гражданской войне.

350 Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky - M.Eastman Collection.

351 6 августа 1918 г. Казань была занята антибольшевистскими силами. В конце августа Красная Армия смогла нанести противнику поражение под Свияжском и 10 сентября овладела Казанью.

352 Л.Д.Троцкий был назначен наркомом путей сообщения в июле 1920 г. Одним из первых его актов в этом качестве был приказ № 1042, предусматривавший разработку пятилетней программы реконструкции путей сообщения. Именно эту попытку ввести практику долгосрочного планирования Троцкий имеет в виду, говоря, что первая пятилетка "была предпринята на железных дорогах" в 1920-1921 гг. Приказ предусматривал также введение строгого расписания ремонта паровозов и образование ЦК профсоюза транспортных рабочих (Цектрана), персонал которого был слит с персоналом наркомата.

353 "Письмо в Истпарт ЦК ВКП(б)" Л.Д.Троцкого, известное также под названием "О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии", было направлено 21 октября 1927 г. в ответ на анкету об участии Троцкого в Октябрьском перевороте. В этом обширном документе (Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990, с. 13-100) содержалась документированная полемика с официальной партийной историографией по вопросу о роли Троцкого в Октябрьском перевороте, позиции Сталина и других партийных деятелей в 1917 г., дискуссиях 1918 и 1920 гг., истории Коминтерна, позиции Ленина по основным общественно-политическим вопросам в последние месяцы его сознательной жизни, оппозициях 1923 и 1926-1927 гг.

354 Термин "социал-фашизм" применительно к социал-демократии был применен Г.Е.Зиновьевым на V конгрессе Коминтерна в 1924 г., а в следующие годы усиленно культивировался Сталиным, утверждавшим, что фашизм и социал-демократия - не антиподы, а близнецы. Термин вошел в официальный оборот международного коммунистического движения со времени X пленума Исполкома Коминтерна в 1929 г. Компартии и Коминтерн начали отказываться от оценки социал-демократии как социал-фашизма после установления нацистской диктатуры в Германии, а затем совершили крутой поворот к временному сотрудничеству с социал-демократией на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г.

355 Брошюра Л.Д.Троцкого "Немецкая революция и сталинская бюрократия" была опубликована на русском языке в Берлине в 1932 г. Многократно

перепечатывалась на разных языках.

356 Речь идет о германской оппозиционной коммунистической группе "Перманентная революция". Группа издавала бюллетень "Die Permanent Revolution", выходявший в 1931-1933 гг. Затем был заменен бюллетенем "Unsere Word" ("Наше слово"), издававшимся в эмиграции и тайно перевозившимся в Германию.

357 Еврейская газета "Unsere Kampf" ("Наша борьба") - орган Коммунистической лиги США на языке идиш. Выходила в 1932-1933 гг.

358 Ноев Ковчег - согласно библейскому мифу, судно, на которой праведник Ной с семьей и по паре "от всякой плоти" спаслись во время всемирного потопа от божьей кары, ниспосланной на все живое на земле.

359 "Спартакос" - греческая коммунистическая группа последователей Троцкого, а затем организация греческой левой оппозиции. Такое же название носила газета группы. Группа была образована в 1927 г. Пантелеймоном Пуликопусом (1900-1943), бывшим секретарем ЦК компартии Греции, в 1928 г. исключенным из партии. Пуликопус был расстрелян итальянскими оккупантами как заложник.

360 Labor Party (англ.) - рабочая партия.

361 Видимо, речь идет о брошюре Л.Д.Троцкого "For a United Front Against Fascism" (New York, 1932).

362 В связи с тем, что в программной комиссии X съезда РКП(б) возникли разногласия, на съезде выступили два докладчика - В.И.Ленин и Н.И.Бухарин. Ленин настаивал на включении в программу характеристики империализма, монополистического капитализма и простого товарного хозяйства. Бухарин считал возможным ограничиться характеристикой капитализма. Бухарин (а также Пятаков) полагали невозможными национально-освободительные войны в условиях империализма, предлагали не включать в программу требование права наций на самоопределение вплоть до отделения. Бухарин противопоставлял этому требованию положение о самоопределении трудящихся классов каждой нации. Позиции делегатов были различными, но программа была принята в формулировках Ленина.

363 Видимо, речь идет о материале "Критические заметки о резолюции 'Прометео' по поводу демократических требований", опубликованном в "International Bulletin", No 17, January 1933.

364 Адрес не указан.

365 Хилквит Морис (1869-1933) - американский политический деятель, юрист. Один из основателей Американской социалистической партии и лидер ее правого крыла.

366 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 360.

367 Речь идет о работе Л.Д.Троцкого "История русской революции".

368 "За индустриализацию" - советская газета, выходила в 1930-1937 гг. Была образована на базе "Торгово-промышленной газеты". Являлась органом Высшего совета народного хозяйства СССР, затем Наркомата тяжелой промышленности. В 1937 г. заменена газетой "Индустрия".

369 В мае 1932 г. французские общественные деятели и писатели Р.Роллан и А.Барбюс предложили созвать международный конгресс против войны. Это предложение было активно использовано советским руководством и Коминтерном для попытки организации международного антивоенного движения под коммунистическим руководством и коммунистическими лозунгами. Конгресс предполагали провести в Женеве, но правительство Швейцарии не дало на это согласия. Конгресс состоялся в августе 1932 г. в Амстердаме (Голландия).

370 Роллан Ромен (1866-1933) - французский писатель, музыковед, общественный деятель. Автор романа-эпопеи "Жан-Кристоф" (тт. 1-10, 1904-1912) - истории гениального музыканта-бунтаря на фоне культурной жизни Европы начала XX в. Роман "Очарованная душа" (тт. 1-4, 1922-1933) - свидетельство полевения Роллана, его сближения с социалистическим движением. В 30-е годы Роллан активно участвовал в антинацистском и антивоенном движении, сотрудничал с СССР. Он автор художественных биографий Бетховена, Микельанджело, Л.Н.Толстого.

371 Барбюс Анри (1873-1935) - французский писатель и общественный деятель. Коммунист с 1923 г. Автор романов "Огонь" и "Ясность", направленных против первой мировой войны. Один из организаторов антифашистских конгрессов 1933 и 1935 гг. Автор книги "Сталин", прославлявшей советского диктатора.

372 "La vie ouvrière" ("Рабочая жизнь") - еженедельник Французской конфедерации труда. Выходил в 1909-1993 гг.

373 Ганди Мохандас Карамчанд (1869-1948) - один из лидеров индийского национально-освободительного движения. Руководитель партии Индийский национальный конгресс. Разработал социально-политическое и религиозно-философское учение, которое широко использовалось в борьбе за национальное освобождение Индии. После завоевания Индией независимости в 1947 г. и разделения ее на два государства (Индийский Союз и Пакистан) выступал против национально-религиозной розни. Был убит членом индуистской шовинистической организации.

374 II Интернационал (официальное наименование Международное рабочее объединение социалистических партий) существовал в 1921-1923 гг. Объединял центристские социалистические партии. В 1923 г. слился с II Интернационалом, образовав Социалистический Рабочий Интернационал. В данном случае Троцкий употребляет термин в переносном смысле, имея в виду центристские течения в международном рабочем движении.

375 Мюнценберг Вилли (1889-1940) - деятель германского и международного коммунистического движения, генеральный секретарь Коммунистического Интернационала молодежи с 1919 г. Руководитель Международной рабочей помощи, один из руководителей Антиимпериалистической лиги. С 1933 г. жил во Франции. В 1937 г. порвал с Коминтерном, выразив несогласие с политикой Народного фронта. Был арестован французской полицией в 1939 г. В 1940 г. был передан гестапо и погиб при транспортировке в Германию при невыясненных обстоятельствах.

376 Видимо, имеется в виду письмо от 20 мая 1932 г. См. данный том, с.

377 Гортер Герман (1864-1927) - один из лидеров компартии Нидерландов в начале ее существования, левый экстремист, объект атак Ленина в брошюре "Детская болезнь 'левизны' в коммунизме". Троцкий вел полемику с Гортером на II конгрессе Коминтерна и после него в связи с заявлениями последнего о банкротстве Коминтерна и призывами Гортера к немедленной социалистической революции.

378 Письмо адресовано редакции "Joven spartacista" ("Молодой спартаковец") - журнала молодежной организации Испанской левой оппозиции. Выходил краткое время в 1932 г.

379 Контакты Х.Г.Раковского, находившегося в ссылке в Барнауле, были пресечены властями уже в начале 1931 г. Сведения о нем, публиковавшиеся в "Бюллетене оппозиции", становились все более скудными и отрывистыми. Поэтому предложение болгарским сторонникам посылать свои материалы Раковскому было утопией.

380 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 360.

381 Статью Л.Д.Троцкого "Руки прочь от Розы Люксембург" см.: Бюллетень оппозиции, 1932, No 28, с. 11-16.

382 Статью Л.Д.Троцкого "Фундамент социализма. (Несерьезный человек о серьезном вопросе)" см.: Бюллетень оппозиции, 1932, No 28, с. 16-17.

383 Имеются в виду главы книги "История русской революции".

384 Арабское национально-освободительное движение в британской подмандатной территории Палестине было направлено на создание здесь независимого арабского государства. В то же время движение носило антиеврейский характер, стремясь воспрепятствовать заселению Палестины еврейскими иммигрантами. В августе 1929 г. в Палестине произошел ряд вспышек антиеврейских насилий. Было много убитых и раненых. Комиссия под руководством У.Шоу, расследовавшая происшедшие события, в марте 1930 г. опубликовала доклад, за которым последовало распоряжение британских властей о сокращении еврейской иммиграции в Палестину. За этим в свою очередь последовали протесты еврейского населения. В августе 1930 г. комиссия Лиги Наций опубликовала доклад о столкновениях в Палестине, содержащий осуждение политики британской администрации.

385 Имеется в виду Revolution Gewerkschaftsopposition (нем.) - Революционная профсоюзная оппозиция.

386 Филд А. (настоящие фамилия и имя Гулд Макс) - член отделения Коммунистической лиги США в Нью-Йорке, экономист. Был исключен из Лиги за нарушение дисциплины. В 1932 г. посетил Троцкого на о. Принкипо и предложил сотрудничество. После возвращения в США был вновь принят в Коммунистическую лигу, но исключен во второй раз в 1934 г. В течение нескольких лет руководил незначительной по численности группой Лига за революционную рабочую партию.

387 У тов. Филда был конфликт с американской Лигой, который привел к его устранению из нашей американской секции. Мое сотрудничество с тов. Филдом имеет совершенно личный характер и стоит вне какой бы то ни было связи со внутренней жизнью американской Лиги. - Примеч. автора.

388 A l'alemande (фр.) - по германскому образцу.

389 Имеются в виду результаты Ноябрьской революции в Германии 1918 г.

390 Германское юнкерство - слой крупных немецких землевладельцев-дворян, ведших феодальное хозяйство, пользовавшихся безраздельной властью в своих поместьях и до 60-х годов XIX в. определявших политику Прусского королевства. В последней трети XIX в. в юнкерских имениях стали применяться капиталистические методы хозяйства и одновременно усилилось политическое влияние промышленной буржуазии. Основной базой юнкерства была Восточная Пруссия.

391 Немецкая национальная партия (Немецкая народная партия) во главе с Г.Штреземаном была образована после первой мировой войны на базе основной части Национал-либеральной партии.

392 Понятие третье сословие применяется обычно к Франции XV-XVIII вв. В него входили промышленники, купцы, ремесленники, крестьяне, рабочие. Третье сословие не имело привилегий. Автор условно применяет термин к сословной структуре германских государств, а затем и собственно Германии.

393 Имеется в виду Германская демократическая партия, основанная в 1918 г. Являлась партией либерального характера, одной из основных политических партий Германии в 20-е - начале 30-х годов.

394 Имеется в виду Национально-либеральная партия, основанная в 1867 г. Являлась одной из основных политических партий до первой мировой войны. После войны разделилась на несколько партий. Главной из них была Немецкая народная партия.

395 Свастика (из санскритского языка) - крест с загнутыми концами (обычно под прямым углом, иногда иначе). Считают, что свастика была символом солнца и плодородия. Встречается в древних культурах, античном и средневековом европейском искусстве. В нацистской Германии свастика использовалась как государственная эмблема и официальный знак Национал-социалистической рабочей партии.

396 Речь идет о Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов - центристской демократической партии, возникшей как течение в 1869 г. и оформившейся в 1901 г. в самостоятельную политическую партию. Деятели партии (Э.Эррио, Э.Даладьё и др.) неоднократно возглавляли правительства Франции в 20-30-е годы.

397 Марка - денежная единица Германии, равная 100 пфеннигам. Была введена в 1871 г. в качестве единой валюты (на основе прусской марки). В 1923 г. взамен утратившей реальную ценность марки была введена рентная марка, равная 1 триллиону старых марок. В 1924 г. заменена рейхсмаркой, находившейся в обращении до 1948 г.

398 Эррио Эдуар (1872-1957) - французский политический деятель, лидер радикалов. С 1916 г. неоднократно министр. Премьер-министр в 1924-1925, 1926, 1932 гг. В 1947-1954 гг. председатель Национального собрания. В 1905-1955 гг. был с перерывами мэром г. Лиона.

399 Автор имеет в виду милитаристские традиции германских племен

тевтонов, существовавших до нашей эры и в начале ее, а также Тевтонского (Немецкого) Ордена - католического рыцарского объединения, основанного в конце XII в. в Прибалтике во время Крестовых Походов. В XIII-XVI вв. в Прибалтике существовало Государство Тевтонского Ордена, преобразованное в 1525 г. в герцогство Пруссию.

400 Цезаризм - диктаторская власть. См. примеч. 198.

401 Фридрих II (1194-1250) - германский король и император Священной Римской империи с 1202 г., король Сицилии с 1197 г. Боролся с папством и североитальянскими городами.

402 Чаплин Чарлз Спенсер (Чарли Чаплин) (1889-1977) - американский актер, кинорежиссер, сценарист. Создал серию трагикомических образов "маленького человека", ряд гуманистических фильмов антитоталитаристской направленности ("Огни большого города", "Великий диктатор" и др.)

403 Германская социал-демократия возникла в 1869 г., когда на рабочем съезде в г. Эйзенахе под руководством А.Бебеля и В.Либкнехта была образована Социал-демократическая партия Германии. В партии шла борьба между правым и левым течениями. В 1878-1890 гг. партия находилась вне закона. Была запрещена нацистами в 1933 г. и восстановлена в 1946 г. В восточной части Германии в том же году была поглощена компартией (была образована Социалистическая единая партия), в Западной Германии стала одной из основных политических партий. В настоящее время существует как общегерманская партия.

404 Германская партия центра - политическая партия, опиравшаяся на католиков. Зародилась в качестве Католического союза в 1848 г. Под названием Партия центра существовала с 1911 г. После Ноябрьской революции 1918 г. участвовала в правительственных коалициях. Председателями партии были В.Маркс (1920-1928), Л.Каас (1928-1933). После прихода к власти нацистов распущена. В 1945 г. была восстановлена в качестве Христианско-демократического союза. В настоящее время является одной из основных германских политических партий.

405 Папен Франц фон (1879-1969) - германский политический деятель, консерватор. Член Партии центра. В июле-ноябре 1932 г. рейхсканцлер, в 1933-1934 гг. вице-канцлер в правительстве Гитлера. Затем был германским посланником в Австрии (активно содействовал ее включению в Германию) и Турции. На суде над главными немецкими военными преступниками был оправдан (1946).

406 Брахт Франц (1877-1933) - германский политический деятель, член Правления Партии центра. Занимал ряд министерских постов, в том числе в последних правительствах Веймарской Германии Папена и Шлейхера. Бургомистр Эссена.

407 Гайл Вильгельм фон (1879-1945) - германский политический деятель, член Немецкой национальной народной партии. Министр внутренних дел в кабинете Папена в 1932 г. После прихода нацистов к власти в политической деятельности не участвовал.

408 Остэльбские юнкеры - юнкеры-помещики районов Германии к востоку от р. Эльба.

409 Троцкий подразумевает, что г. Потсдам - столица Пруссии.

410 Лютеранство - крупнейшее (около 75 млн сторонников) направление протестантизма. Основано Мартином Лютером в XVI в. Лютер впервые сформулировал основные положения протестантизма. Распространено в ряде стран Европы, в том числе в Германии, а также в США. Выражение Троцкого "римско-католическое лютеранство" имеет иронический характер, ибо римско-католическая церковь и лютеранство - не только различные конфессии христианства, но они постоянно находились в конфликте, будучи несовместимыми. В то же время имеется в виду, что, согласно взглядам Троцкого, обе конфессии в Германии поддерживали земельную аристократию.

411 Заявляя, что политика Гинденбурга - это политика "моисеева закона", Троцкий подчеркивает, что Гинденбург правил, подобно древнееврейскому предводителю Моисею, на основе "10 заповедей", то есть непререкаемых догм.

412 Михаэлис Георг (1857-1936) - германский политический деятель. Занимал различные министерские посты. В июле-сентябре 1917 г. рейхсканцлер.

413 Шлейхер Курт фон (1882-1934) - германский военный и политический деятель. Рейхсканцлер в декабре 1932 - январе 1933 г. Пытался ввести чрезвычайное положение для предотвращения прихода к власти нацистов. Был заменен Гитлером. Убит нацистами в "ночь длинных ножей" (30 июня 1934 г.)

414 Отрывок из неоконченной статьи Троцкого.

415 Речь идет о так называемом мятеже Чехословацкого корпуса в мае-августе 1918 г. Корпус состоял из бывших военнопленных (около 45 тыс. человек), находившихся на территории России. Выступление произошло во время движения корпуса в железнодорожных составах на Дальний Восток для дальнейшей перевозки в Европу на кораблях стран Антанты. Выступление было спровоцировано приказом Л.Д.Троцкого в качестве наркома по военным и морским делам о сдаче чехами и словаками всего оружия. Восстание произошло вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали - в Поволжье, на Урале и в Сибири. В ходе его был образован ряд антибольшевистских правительств, участвовавших в гражданской войне.

416 Здесь и ниже в статье пропуски. Статья обрывается.

417 Так в тексте.

418 Рескин Джон (1819-1900) - английский писатель, искусствовед и теоретик искусства. Призывал к возрождению "творчества средневекового ремесла". Выступал за экономические и социальные реформы.

419 Тейлоризм - система организации производства с целью повышения производительности труда. Предложена американским инженером Ф.У.Тейлором (1856-1915). Основана на глубоком разделении труда и рационализации трудовых движений.

420 Фордизм - система организации поточно-массового производства, основанная на применении стандартизации и конвейера. Впервые была внедрена на заводах Г.Форда в Детройте (США) в 20-е годы. Фордизм позволил резко

повысить производительность труда.

421 Кайо Жозеф (1863-1944) - французский государственный деятель, неодоодратно был министром финансов. Премьер-министр в 1911-1912 гг. В 1915 г. был арестован и обвинен в сотрудничестве с врагом. В 1925 г. амнистрирован. Был сенатором.

422 Имеются в виду Республиканская и Демократическая партии США.

423 Павел - в христианской мифологии один из 12 апостолов (ближайших последователей Иисуса Христа). Считается автором 14 посланий, включенных в Новый Завет.

424 Речь идет о Волкове Севе (Всеволоде Платоновиче) (1926) - внуке Л..Д.Троцкого, сыне его дочери Зинаиды и П.Волкова. Сева жил на Принкипо, а затем в Мексике совместно с Троцким. Позже стал инженером-электриком. В настоящее время живет в г. Мехико под именем Эстебан Волков. Является руководителем Музея Троцкого в районе Койоакан.

425 Полигамия (многобрачие) - неточный термин, обозначающий групповой брак, при котором женщина имеет несколько мужей, или полигинию (многоженство). Бигамия - двубрачие.

426 Полиандрия (многомужество) - редкая форма группового брака, при которой женщина имеет несколько мужей, преимущественно братьев. Сохраняется у некоторых этнических групп Индии и Тибета.

427 Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788-1824) - английский поэт, с 1809 г. член Палаты лордов. Наиболее известны поэмы "Паломничество Чайлд Гаролда", "Гяур", "Лара", "Корсар", в которых создан образ разочарованного бунтаря. Байрон участвовал в освободительном движении в Италии и Греции. В тексте документа имеются в виду сексуальные связи Байрона с многими женщинами в период после его краткого брака в 1815-1816 гг.

428 Крейгер Ивар (1880-1932) - шведский финансист и промышленник, возглавлявший корпорацию по производству и продаже спичек, охватывавшую весь мир. В 1932 г. корпорация обанкротилась. Крейгер покончил жизнь самоубийством в Париже.

429 Голливуд - район г. Лос-Анджелес, где до 50-х годов XX в. была сосредоточена основаная часть кинопромышленности США. В 60-70-е годы значение Голливуда как центра кинопромышленности постепенно упало.

430 Менетрт Клаус (1906-1984) - германский публицист. Родился в Москве. Вместе с родителями переехал в Германию накануне первой мирвой войны. В 1931-1934 гг. генеральный секретарь Общества изучения Восточной Европы и редактор журнала "Osteuropa". В 1934-1936 гг. корреспондент германски;х газет в Москве. В 1936 г. эмигрировал в США. В 1946 г. возвратился в Германию. С 1961 г. профессор политологии в Аахене. Автор ряда книг об СССР. В 1979 г. опубликовал воспоминания "Немец в мире".

431 Платонизм - философское течение, находившееся под влиянием идей Платона (428 или 427 - 348 или 347 до н. э.) - древнегреческого философа, ученика Сократа. Учение Платона - первая классическая форма объективного идеалима. Любовь к идее, согласно его учению, - побудительная причина

духовного возрождения. Важнейшие сочинения Платона - "Апология Сократа", "Федр", "Государство", "Тимей". Платон выступал за соблюдение высоких моральных норм в быту.

432 Речь идет о "сухом законе" - 18-й поправке к конституции США, утвержденной Конгрессом в декабре 1917 г. и вступившей в силу 16 января 1920 г. Производство спиртных напитков и торговля ими были запрещены. И то, и другое с этого времени стало предметом функционирования незаконных группировок. В частности, на этом поприще начал свою преступную деятельность глава чикагской мафии Аль Капоне. Подпольные организации бутлеггеров - торговцев спиртным - получали огромные прибыли. Результатом их операций стал разгул коррупции и взяточничества в США. В стране резко выросла смертность от алкогольного отравления. "Сухой закон" был отменен Конгрессом новой поправкой к конституции в декабре 1933 г.

433 Браун Джон (1800-1859) - борец за освобождение рабов, руководитель антиправительственного восстания в США в 1855-1856 гг. В 1859 г. во главе небольшого отряда захватил правительственный арсенал в Вирджинии. После разгрома выступления был схвачен и повешен.

434 Линкольн Авраам (1809-1865) - политический деятель США. Один из организаторов Республиканской партии (1854). Президент США (1861-1865). Правительство Линкольна в ходе гражданской войны между Севером и Югом провело ряд демократических преобразований, в частности отменило рабство негров и приступило к фактически бесплатной раздаче незанятых земель на Западе США. После окончания гражданской войны Линкольн был убит.

435 МанDEVиль Бернард (1670-1733) - английский писатель. Автор сатирической "Басни о пчелах" (1714), в которой критиковал буржуазные отношения и индивидуализм.

436 Франклин Бенджамин (1706-1790) - американский просветитель, ученый и политический деятель. Автор Декларации независимости США (1776), один из авторов Конституции США 1787 г. Призывал к отмене рабства негров. Известен трудами по электричеству. Изобрел молниеотвод.

437 Этномология - раздел зоологии, изучающий насекомых.

438 Форд Генри (1863-1947) - американский промышленник, владелец автомобильных предприятий. Создатель дешевого массового легкового автомобиля. На предприятиях Форда в Детройте в 20-е годы впервые стала внедряться конвейерная система. С 1919 г. президентом корпорации Форда был его сын Эдсел Брайан Форд.

439 Конвейер (от англ. convey) - транспортная установка или машина непрерывного действия. Применяется для перемещения грузов при сборке машин и др.

440 Детройт - город в США. Важнейший центр автомобильной, а также металлургической, химической и военной промышленности.

441 В середине 20-х годов XX в. в США, особенно в южных штатах, усилился религиозный фундаментализм, что привело, в частности, к принятию "антиэволюционных" законов в нескольких штатах и к судебному процессу по

делу Джона Стоуна в г.Дайтоне, штат Теннесси. В 1926 г. Стоун, школьный учитель, был арестован за нарушение "антиэволюционного" закона штата, то есть за то, что рассказывал своим ученикам о "происхождении человека от обезьяны". Процесс над ним привлек внимание всего мира. Защищал Стоуна знаменитый юрист Кларенс Дарроу. Стоун был признан виновным местным судом, но оправдан судом высшей инстанции, признавшим "антиэволюционный" закон недействительным.

442 Фараон - традиционное обозначение древнеегипетских властителей. Высокого совершенствования достигло содание мумий фараонов путем бальзамирования. Многие их мумии сохранились до наших дней. Троцкий иронически уподобляет бальзамирование трупа Ленина созданию мумий фараонов.

443 Романовы - боярский род, с 1613 г. царская, с 1721 г. императорская династия. Родоначальник - боярин Никита Романович Захарьин-Юрин (? - 1586). После 1917 г. многие Романовым эмигрировали. В настоящее время представители рода проживают в России, Италии, Франции, Великобритании, США, Австралии.

444 Порция, Шейлок, Антонио - персонажи драмы У.Шекспира "Венецианский купец" (1596-1597).

445 Понимая стремление советских властей использовать международный антивоенный конгресс в Амстердаме в августе 1932 г. в интересах внешней политики СССР, и для того, чтобы продемонстрировать нежелание способствовать этим намерениям, власти Нидерландов не дали виз делегатам СССР на этот конгресс, подчеркнув, что, независимо от того, какими "общественными" организациями они выдвинуты, в действительности все они являются представителями государства.

446 Иван IV Грозный (1530-1584) - Великий Князь Руси (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.). Провел ряд реформ государственного управления, положил начало созыву Земских соборов, руководил составлением Судебника 1550 г. Учредил опричнину (1565-1572), при помощи которой боролся путем жесточайшего террора против явных и вымышленных противников своей единоличной власти. Иван IV расширил территорию Российского государства, присоединив Казанское и Астраханское ханства. Он потерпел поражение в Ливонской войне за Прибалтику (1558-1583 гг.).

447 Петр Великий (Петр I) (1672-1725) - российский царь (с 1682 г.), первый император (с 1721 г.). Провел реформы в области государственного управления, военного дела, экономики, просвещения. В 1703 г. основал новую столицу России Санкт-Петербург. В исторической литературе нет единой оценки деятельности Петра I, но преобладает точка зрения, что его реформы расчистили путь для более интенсивного экономического и культурного развития страны.

448 Николай II (1868-1918) - последний российский император (1894-1917). С августа 1916 г. Верховный Главнокомандующий. 2 марта 1917 г. отрекся от престола. Был сослан в Тобольск, затем в Екатеринбург, где был расстрелян вместе с семьей и близкими. В 1998 г. останки Николая II были перезахоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

449 V съезд РСДРП состоялся 30 апреля - 19 мая 1907 г. в Лондоне. Рассматривались вопросы об отношении к буржуазным и мелкобуржуазным партиям, о задачах социал-демократической фракции в Государственной Думе, о профсоюзах и др. Во время съезда был образован раскольнический негласный Большевицкий центр.

450 Заем в 2 тыс. фунтов стерлингов (а не 3 тыс.) был сделан по инициативе Г.В.Плеханова не на проведение V съезда, а после него, для обеспечения возвращения в Россию его участников. Деньги занял промышленник Джозеф Фелс под расписку всех делегатов, что сумма будет возвращена к концу 1907 г. Долг был возвращен лишь в начале 20-х годов через полпреда РСФСР в Лондоне Л.Б.Красина.

451 Энциклики - послания Римского Папы ко всем католикам или к католическому духовенству о вероучении, по нравственным и общественно-политическим вопросам.

452 В 1930 г. в прессе ряда стран появились сведения об использовании в СССР принудительного труда и о советском демпинге - экспорте товаров по ценам, значительно ниже мировых. Испытывавшие хозяйственные трудности, связанные с экономическим кризисом, правительства многих стран использовали эту информацию для сокращения экономических связей с СССР. В октябре 1930 г. правительство Франции издало распоряжение об ограничении ввоза советских товаров. Аналогичные меры были предприняты в Бельгии, Люксембурге, Югославии, Румынии, Венгрии. В качестве ответного демарша Совнарком СССР 20 октября 1930 г. принял постановление о прекращении или максимальном сокращении заказов и закупок в тех странах, которые устанавливали для торговли с СССР особый ограничительный режим, о прекращении использования их торгового флота, портов и транзитных путей, о введении ограничений на провоз товаров этих стран через территорию СССР.

453 "Financial News" ("Финансовые новости") - лондонская газета. Выходила в 1884-1945 гг.

454 Часть вопросов и ответов совпадает с вопросами и ответами предыдущего документа. Текстов вопросов в оригинале нет. Видимо, ответы в газете "New York Times" опубликованы не были. Несмотря на частичную повторяемость, документ, являющийся единым целым, публикуется полностью.

455 В политическом отчете ЦК XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г. Ленин предостерегал против "коммунистического чванства". Он отмечал, что тому слою коммунистов, которые выполняют административные функции, не хватает культуры, что в огромной бюрократической машине, которая уже сложилась в советской России, трудно понять, кто кем руководит - коммунисты этой машиной или машина ими. На XI съезде Ленин неоднократно возвращался к вопросу о бюрократизме. Но он оказался неспособным предложить какой-либо реалистический план его преодоления. Та же тема затрагивалась и в заключительном слове 28 марта и в речи при закрытии съезда 2 апреля 1922 г.

456 В книге "Моя жизнь" Троцкий вспоминает, что в "последние недели перед вторым ударом" (то есть осенью 1922 г.) Ленин имел с ним "большой

разговор", в котором предложил ему союз "против бюрократизма вообще, против Оргбюро [ЦК РКП(б)], в частности". Оба договорились встретиться через некоторое время, чтобы обсудить организационную сторону, в частности создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом, которая "должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии..." (Троцкий Л. Моя жизнь. Иркутск, 1991, с. 455-456). Новое кровоизлияние в мозг у Ленина не дало, однако, возможности реализовать этот блок. Можно полагать, судя по имеющимся материалам, в частности последним заметкам Ленина, содержащим опасения по поводу бюрократизации партийного и государственного аппарата, что подобный разговор действительно имел место.

457 Брошюра Л.Д.Троцкого "К социализму или к капитализму" была выпущена в Москве в 1925 г. и переиздана в 1926 г. В 1925 г. была опубликована также в Берлине на немецком языке.

458 Прокрустово ложе - в древнегреческой мифологии ложе, на которое разбойник Прокруст укладывал путников. Тем, кому ложе было коротко, он отрубал ноги, кому оно было длинно, - вытягивал их. В переносном смысле - искусственная мера или форма, не соответствующая сущности.

459 На заседаниях подготовительной комиссии к всемирной конференции по разоружению, организованной Лигой Наций (комиссия работала в 1928-1931 гг.), советская делегация во главе с М.М.Литвиновым выступила с программой полной ликвидации всех вооружений, вооруженных сил, военных учебных заведений, военных министерств и т. д. Программа носила демагогический, пропагандистский характер и не могла быть рассчитана на сколько-нибудь серьезное к ней отношение со стороны стран - участниц переговоров. Эти предложения были повторены на конференции по разоружению в 1932 г.

460 Пропущена одна строка.

461 Одно слово неразборчиво.

462 Одно слово неразборчиво.

463 Чемберлен Джозеф (1836-1914) - британский политический деятель. Либерал, затем консерватор. В 1880-1886 гг. входил в правительство. Был министром колоний в 1895-1903 гг. В 1903 г. выступил с инициативой введения протекционистской системы в области внешней торговли.

464 Одно слово неразборчиво, видимо "время".

465 Пропущена одна строка.

466 Брюнинг Генрих (1885-1970) - германский политический деятель. Член Партии центра. Рейхсканцлер в 1930-1932 гг. В 1934 г. эмигрировал в США. После второй мировой войны возвратился в Западную Германию.

467 Пропущена одна строка.

468 Речь идет о так называемых праймариз (первичных выборах), предшествовавших президентским выборам в США в 1932 г.

469 Имеется в виду Демократическая партия США - одна из двух (наряду с Республиканской) ведущих партий страны. Оформилась в 20-е годы XIX в. В первой половине XIX в. представляла интересы плантаторов Юга и других

консерваторов. Со второй половины XIX в. постепенно превратилась в партию, отстаивавшую демократические свободы, рынок и частное предпринимательство при условии социальной защиты низших слоев населения.

470 Речь идет о Республиканской партии США. Основана в 1854 г. В первый период существования выражала интересы прогрессивных сил, сторонников быстрого капиталистического развития страны. Постепенно стала партией, выступающей за демократические свободы, рынок и частное предпринимательство при условии минимального государственного вмешательства в частные дела и минимальной социальной защиты низших слоев населения.

471 Фишер Луис (1896-1970) - американский журналист. В 20-30-е годы был европейским корреспондентом либерально-демократического бюллетеня "The Nation" ("Нация"). В течение длительного времени работал в СССР. Автор нескольких книг по вопросам европейской политики. Одно время был близок к компартии и к правившим кругам СССР.

472 Людвиг Эмиль (1881-1948) - немецкий писатель, автор ряда популярных художественных биографий, в том числе Гете, Наполеона I, Бисмарка, а также книги "Сын Бога" - жизнеописание Иисуса Христа. В декабре 1931 г. во время посещения СССР имел беседу со Сталиным. Опубликовал несколько статей о нем. Наиболее значительная из них была помещена в газете "Liberty" 10 января 1942 г. под названием "Stalin: Devil or Genius" ("Сталин: Дьявол или гений").

473 Роман Э. Золя "Деньги" был написан в 1891 г.

474 Подчеркиваний в архивном экземпляре нет.

475 См.: Trotsky L. Problems of the Chinese Revolution. New York, 1932.

476 Аутаркия (точнее автаркия, от греч. autrkeia - самоудовлетворение) - полная экономическая обособленность страны. Была официальной хозяйственной доктриной германского национал-социализма.

477 Беседа Троцкого с американским сенатором Кингом состоялась в конце сентября 1923 г. В основном она была связана с проблемами европейской революции, в частности революции в Германии и помощи ей со стороны СССР. В то же время Троцкий высказывался за сохранение мира. "Только та революция демонстрирует свою жизнеспособность, - заявил он, - которая добивается победы своими собственными силами, особенно если речь идет о судьбе великой нации" (Правда, 1923, 30 сентября). Это заявление находилось в прямом противоречии с действительной позицией Троцкого, рьяно выступавшего за финансовую, военную и организационную поддержку германской революции со стороны СССР.

478 Таммани Холл (Tammany Hall Society) - организация, известная также под названием Колумбийский орден, была создана в 1786 г. в Нью-Йорке. Название взяла по имени одного из вождей индейцев. Постепенно стала ведущей политической силой в городе, проводя реформы, отчасти в пользу простых людей, но постоянно находясь под контролем представителей привилегированных слоев населения. С 1854 г. занимала доминирующие позиции в политической жизни Нью-Йорка. Боссы Таммани Холла В.М.Твид, Р.Крокер и другие известны преступными махинациями в течение многих лет. На президентских выборах 1932

г. Таммани Холл утратил лидирующую роль и в следующие годы восстановить ее не смог.

479 Маламут Чарлз (1900-1965) - переводчик книги Л.Д.Троцкого "Сталин" на английский язык. Редактор этой книги, выпущенной издательством "Харпер энд Бразерс" после гибели Троцкого.

480 Калвертон В.Ф. (1900-1940) - американский радикальный писатель и журналист, редактор журнала "The Modern Monthly" ("Современный ежемесячник"). Опубликовал несколько статей Троцкого. В 1937 г. Троцкий порвал связи с Калвертоном в связи с его поддержкой К.Билса в Комиссии Дьюи (роль Билса, по мнению Троцкого, носила провокационный характер). См. об этом т. 8, примеч.

481 "The Modern Quarterly" ("Современный ежеквартальник") - американский журнал радикального направления. Выходил в 1923-1933 гг. в Нью-Йорке. С 1933 г. издавался под названием "The Modern Monthly".

482 Речь идет, по-видимому, о газете "The New York Evening Post" ("Ньюйоркская вечерняя почта"), основанной А.Гамильтоном (выходила до 1925 г.)

483 Тежката и сериозна задача (болг.) - сложная и серьезная задача.

484 Болгаризм. Имеется в виду Рабочая партия. Употребляя выражение "тесняцко-бюрократическое руководство", Троцкий имеет в виду, что болгарская компартия была преобразована из Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) и официально именовалась Болгарской коммунистической партией (тесных социалистов).

485 Предисловие было опубликовано в книге В.И.Ленина "Детская болезнь 'левизны' в коммунизме" (1932). На русском языке см.: Бюллетень оппозиции, 1932, No 32, с. 25-28.

486 К 1932 г. в ВКП(б) уже в течение двух с лишним лет не было открытой оппозиции. Подавляющее большинство бывших ведущих членов объединенной оппозиции и "правых уклонистов" покаяться и заявили о полном принятии "генеральной линии" партии. Однако в условиях хаоса, вызванного сталинской "революцией сверху", в 1932 г. начинают формироваться новые, на этот раз нелегальные и незначительные по численности оппозиционные группы, среди которых следует назвать группу Рютина и группу Эйсмонта-Толмачева. Высказывается мнение, что третьей группой были бывшие члены объединенной оппозиции (см.: Arch Getty J., Naumov O.V. The Road to Terror: Stalin and Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932-1939. New Haven, 1999, p. 52, 54), но серьезных доказательств в пользу этого утверждения не приводится.

487 Речь идет о выборах в Народное собрание (парламент) Болгарии в июне 1931 г. и выборах в Софийский общинный совет (муниципалитет) в мае 1932 г. На парламентских выборах успеха добился Народный блок (союз Демократической, Радикальной партий, двух фракций Болгарского земледельческого народного союза и других политических организаций), завоевавший абсолютное большинство. Коммунисты (Рабочая партия) получили 31 место. На общинных выборах в Софии Рабочая партия добилась победы, но общинный совет был

распущен правительством.

488 Речь идет о передовой статье "15 лет" в "Бюллетене оппозиции", 1932, No 31, с. 1-2.

489 Видимо, имеется в виду материал "Миль в качестве 'боевого' сталинца" (Бюллетень оппозиции, 1932, No 31, с. 28), опубликованный за подписью "Г. Г." (сокращение псевдонима Троцкого Г.Гуров).

490 XII пленум Исполкома Коминтерна состоялся 27 августа - 15 сентября 1932 г. Рассматривались вопросы о международном положении и задачах секций Коминтерна, об уроках безработицы, о дальневосточной войне, о социалистическом строительстве в СССР. Пленум заострил сектантский курс компартий в проведении тактики "класс против класса" и оценке социал-демократии как "социал-фашизма".

491 Гераклит Темный (Гераклит Эфесский) (между 544 и 540 - ок. 483 до н. э.) - древнегреческий философ, представитель Ионийской школы. Считал огонь первоосновой всего сущего, а борьбу противоположностей - источником движения и скрытой гармонии.

492 Рузвельт Франклин Делано (1882-1945) - политический деятель США. Член Демократической партии. Президент США (1933-1945). Инициатор ряда экономических и социальных реформ ("нового курса"). В 1933 г. установил дипломатические отношения с СССР, проводил политику "добраго соседа" в отношении стран Латинской Америки. Один из инициаторов создания антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны.

493 В 1932 г. социал-демократическая студенческая организация Дании пригласила Л.Д.Троцкого прочитать в Копенгагене лекцию о российской революции 1917 г. к ее 15-летию. Троцкий принял приглашение, надеясь, что сможет получить длительную визу и разрешение на посещение других стран. Правительство Дании, однако, предоставило ему визу всего на восемь дней. Через территорию Франции Троцкий был перевезен на машине и поезде фактически под арестом. Никакие остановки на обратном пути ему не были разрешены. В Копенгагене Троцкий все же, помимо лекции для студентов, выступил по радио, снялся в кратком пропагандистском фильме и провел встречу со специально приехавшими сторонниками из нескольких стран.

494 Текст лекции Л.Д.Троцкого в Копенгагене 27 ноября 1932 г.

495 Имеется в виду Копенгагенский конгресс II Интернационала 15-25 августа 1910 г. Рассматривались вопросы борьбы против милитаризма, единства профсоюзного движения в национальном и международном масштабах, единства социалистических партий. На конгрессе усилилось размежевание между умеренными социал-демократами и экстремистами во главе с Лениным.

496 Бельт Большой и Малый - проливы, соединяющие Балтийское море с проливом Каттегат, ведущим в Северное море.

497 4 августа 1914 г. на заседании рейхстага Германии фракция Социал-демократической партии почти единогласно (воздержался К.Либкнехт) проголосовала за военный бюджет, предложенный правительством в связи с началом первой мировой войны. Это решение и аналогичные решения других

социалистических и социал-демократических партий означали фактический временный распад II Интернационала.

498 Олимп - самый высокий горный массив в Греции. В древнегреческой мифологии Олимп - священная гора, место пребывания богов, а также собрание, сонм богов. В переносном смысле - место нахождения высшей знати, избранной верхушки общества.

499 Снотра - другое имя греческой богини Афины - покровительницы войны и победы, а также мудрости и знаний.

500 В трагедии "Фауст" (1808-1832), откуда взята приведенная цитата, Гете представил и попытался философски разрешить проблему смысла жизни.

501 Reductio ad absurdum (лат.) - сведение к абсурду.

502 Малапарте Курцио (настоящие фамилия и имя Зуккерт Курт) (1898-1957) - итальянский писатель немецкого происхождения. Совершил крутой политический поворот. В начале творческой деятельности был апологетом фашизма, затем стал резко критиковать итальянский фашизм и присоединился к компартии. Автор книги о Ленине, антифашистского романа "Капут" (1944).

503 Речь идет о книге: Malaparte C. Technique du coup d'tat. Paris, 1931. ("Техника государственного переворота"). Цитируется раздел "Троцкий против Сталина".

504 Инсurreкция (от англ. insurrection) - восстание, обычно против существующей власти.

505 Доктор Штокман - герой произведения норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828-1906) "Враг народа" (1882).

506 Кесарево сечение - операция извлечения плода при невозможности естественных родов. Здесь в переносном смысле - тяжелое насилие, необходимое для рождения нового.

507 Компрадорский тип буржуазии (от исп. comprador - покупатель) - часть буржуазии экономически отсталых стран (в основном колоний, а также освободившихся от колониального гнета), осуществляющая посредничество между иностранным капиталом и национальным рынком. В марксистско-ленинской догматике считалась особо тесно связанной с колонизаторами и поддерживающей их в ущерб национальным интересам.

508 Боборыкин Петр Дмитриевич (1836-1921) - русский писатель, почетный член Петербургской Академии Наук (1900). Автор романов и повестей, изображавших жизнь русского общества второй половины XIX в.

509 Имеется в виду IV Государственная Дума, функционировавшая с 15 ноября 1912 г. по 27 февраля 1917 г., когда она сформировала Временный Комитет Государственной Думы, не обладавший реальной властью. Формально Государственная Дума была ликвидирована решением Временного правительства от 6 (19) октября 1917 г. Председателем IV Государственной Думы был М.В.Родзянко.

510 Имеется в виду книга Л.Д.Троцкого "Наша революция" (Санкт-Петербург, 1906).

511 Ульянов Александр Ильич (1866-1887) - один из руководителей

Террористической фракции "Народной Воли", брат В.И.Ленина. Участник подготовки покушения на царя Александра III 1 марта 1887 г. Был повешен в Шлиссельбургской крепости.

512 Александр III (1845-1894) - российский император с 1881 г. Осуществил ряд контрреформ, искаживших преобразования, произведенные его отцом Александром II в предыдущие десятилетия. Усилил роль полиции, местной и центральной администрации, отменил права университетов, усилил цензуру. В официальной литературе до 1917 г. именовался миротворцем. 1 марта 1887 г. на Александра III было совершено неудачное покушение, организованное Террористической фракцией "Народной Воли", в подготовке которого участвовал Александр Ульянов.

513 I съезд Российской социал-демократической рабочей партии состоялся нелегально 1-3 марта 1898 г. в Минске. Участвовали девять делегатов. Был принят Манифест, провозгласивший создание партии. Социал-демократические группы с этого времени стали называться комитетами РСДРП. Реально единая Социал-демократическая партия на этом съезде, однако, создана не была.

514 II съезд РСДРП состоялся в Брюсселе, затем в Лондоне 17 июля - 10 августа 1903 г. Участвовали 43 делегата. Были приняты программа и устав РСДРП. Произошло разделение партии на большевиков и меньшевиков.

515 Это неточно. Речь идет о VI (Пражской) конференции РСДРП 5-17 января 1912 г., созванной большевиками (в конференции участвовал и один меньшевик). Были рассмотрены вопросы о современном моменте и задачах партии, о выборах в Государственную Думу и др. Было принято решение об издании ежедневной легальной газеты. Однако большевистская фракция, вопреки утверждению Л.Д.Троцкого, еще не стала окончательно самостоятельной партией. Это произошло позже, после победы Февральской революции 1917 г. Небезынтересно отметить, что позиция Троцкого по данному вопросу полностью совпадала с концепцией официальной сталинистской историографии, утверждавшей, что Пражская конференция положила начало существованию самостоятельной большевистской партии.

516 Анэ Клод (1869-1931) - французский журналист и писатель. В 1917 г. был корреспондентом парижских газет в Петрограде, аккредитованном при Временном правительстве. Сумел собрать обширную оригинальную информацию. Автор книг: Anet Claude. *La Revolution Russe (Kerensky et Korniloff): Le grand jour et le coup d'etat maximaliste*. Paris, 1918; *ibid. La revolution russe (Petrograd et aux armes)*. Paris, 1919; *ibid. La revolution russe: Le terreur maximaliste*. Paris, 1919. Позже была опубликована итоговая работа: Anet Claude. *La revolution russe*. Paris, 1927.

517 Эдисон Томас Альва (1847-1931) - американский изобретатель и предприниматель, организатор и руководитель первой промышленной исследовательской лаборатории в Менло-Парке (1872). Автор более одной тысячи изобретений. Создал лампу накаливания ("лампочку Эдисона") в 1879 г., изобрел фонограф.

518 Санкюлоты (от французских слов *sans* - без и *culotte* - короткие

дворянские штаны) - термин времен Французской революции 1789-1799 гг., самоназвание наиболее радикальных городских революционных групп.

519 Минерва - в древнеримской мифологии богиня, покровительствовавшая ремеслам и искусствам. Почиталась также как богиня войны и государственной мудрости. Отождествлялась с древнегреческой Афиной.

520 Юпитер - в древнеримской мифологии верховный бог, владыка людей и других богов. Соответствовал древнегреческому Зевсу.

521 Венера - в древнеримской мифологии вначале богиня весны и садов, впоследствии богиня любви и красоты. Отождествлялась с древнегреческой богиней Афродитой.

522 Так в тексте.

523 Гунны - кочевой народ, сложившийся в III-IV вв. в Приуралье. Массовое передвижение гуннов в IV в. дало толчок Великому переселению народов. Наибольшее могущество гунны достигли при Атилле в середине V в. После смерти Атиллы (453) Гуннский союз племен распался. В переносном смысле о гуннах говорят как о символе варварства и жестокости.

524 Реформация - общественно-религиозное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в., направленное против католической церкви. Начало положили выступления Мартина Лютера. Сторонники реформации выступали против иерархии католической церкви, провозглашали единственным источником религиозной истины Священное писание, требовали введения дешевой церкви.

525 Теологи - теоретики и пропагандисты теологии (богословия) - совокупности религиозных доктрин и их толкования. Замечание в скобках вписано Троцким, естественно, после лекции.

526 Аристотель (384 - 322 до н. э.) - древнегреческий философ, ученик Платона, воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывали все отрасли тогдашнего знания. Основные сочинения: "Органон", "Об истокании", "Аналитики", "Метафизика", "Этика", "Политика", "Риторика", "Поэтика".

527 Бетховен Людвиг ван (1770-1827) - немецкий композитор, пианист и дирижер. Автор гениальных симфоний, увертюр, сонат, оперы "Фиделио".

528 Лаплас Пьер Симон (1749-1827) - французский астроном, математик и физик. Автор трудов по теории вероятности и небесной механике. В 1796 г. предложил космогоническую гипотезу.

529 Фрейд Зигмунд (1856-1939) - австрийский врач, психиатр и психолог, основатель психоанализа. Развил теорию психосексуального развития индивидуума. Отводил главную роль в формировании характера личности переживаниям раннего детства. Разработал метод свободных ассоциаций как основу психоаналитической терапии.

530 "Интернационал" - песня (текст Э.Потье, музыка П.Дегейтера). Впервые была исполнена в 1888 г. Русский текст А.Я.Коца. Считается международным гимном коммунистов. В 1918-1945 гг. гимн РСФСР (СССР).

531 Текст постановления опубликован в "Бюллетене оппозиции", 1932, No 32, с. 38-39. Часть "Не для публикации" публикуется впервые. 27 ноября 1932

г. Телеграфное агентство Советского Союза передало сообщение, что Троцкий находится в Копенгагене с целью проведения там тайной "международной троцкистской конференции". Сторонники Троцкого объявили это заявление провокацией. Но, как следует из части документа, не предназначенной для печати, конференция действительно состоялась. Судя по стилю, текст документа написан Троцким.

532 Кобецкий Михаил Вениаминович (1881-1937) - советский партийный и государственный деятель. В 1920-1921 гг. секретарь Исполкома Коминтерна, в 1921-1923 гг. заместитель председателя Исполкома Коминтерна. С 1924 г. на дипломатической работе. Полпред в Эстонии, затем в Дании. В 1933-1937 гг. представитель Совнаркома СССР в Закавказской Федерации. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

533 ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза) при Совнаркоме (Совете министров) СССР являлось монопольным информационным агентством СССР. Учреждено в 1925 г.

534 Лезуаль Леон (1892-1942) - один из основателей компартии Бельгии. В 1928 г. исключен из партии за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б). Возглавил группу сторонников Троцкого и стоял во главе нее до второй мировой войны. Был арестован нацистами. Умер в концлагере.

535 Жакмтт Жозеф (1883-1936) - бельгийский коммунистический деятель, один из основателей компартии. Член ее Политбюро с 1931 г. Депутат парламента.

536 Нейман Гейнц (1902-1937) - деятель германского социал-демократического, а затем коммунистического движения. Член компартии с 1921 г. С 1925 г. представитель партии в Исполкоме Коминтерна. С 1927 г. член Политбюро компартии. Ставленник Сталина. Был представителем Коминтерна в Китае, участвовал в попытке коммунистического мятежа в Кантоне в декабре 1927 г. В 1932 г. был подвергнут критике за ошибки в борьбе против нацизма. С 1935 г. жил в СССР. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

537 Реммеле Герман (1886-1939) - деятель германского социал-демократического, а затем коммунистического движения. В 1917 г. присоединился к Независимой социал-демократической партии. С 1920 г. коммунист. С 1921 г. член ЦК, в 1924-1925 гг. председатель компартии. В 1924-1933 гг. член Президиума Исполкома Коминтерна. В 1932 г. был подвергнут нападкам со стороны Э.Тельмана и вскоре снят с руководящих постов в партии и Коминтерне. В 1933 г. эмигрировал в СССР. В 1937 г. арестован и через два года расстрелян без суда.

538 "Pali Top Taxeon" ("Классовая борьба") - печатный орган греческой коммунистической группы "архивомарксистов", которая в начале 30-х годов присоединилась к Интернациональной левой оппозиции.

539 Обращение Троцкого в судебные органы Испании по поводу фальшивой биографии Ленина, приписываемой ему, которая была издана в Испании.

540 Краткая биография Ленина была написана Троцким для издания: The Encyclopedia Britannica: A Dictionary of Art, Science, Literature, and

General Information. London, 1926. Позже статья многократно перепечатывалась.

541 "Dedalo" ("Дедал") - испанское издательство, опубликовавшее биографию Ленина, приписываемую Троцкому.

542 Письмо опубликовано в кн.: Writings of Leon Trotsky (1932-33). New York, 1978 под названием "Письмо в Болгарию" и без обращения к С.Манову.

543 Манов Стефан (псевдоним Нежданов) (1879-1960?) - болгарский политический деятель, социал-демократ, затем коммунист. Адвокат. В 1930 г. был одним из основателей группы "Освобождение", поддерживавшей Троцкого. В конце 30-х годов Манов отошел от политической деятельности, но во время второй мировой войны помогал движению Сопротивления. Стал коммунистом. В 1944 г. был судьей так называемого Народного суда, судившего противников нового режима. В 1949 г. был арестован и осужден за "враждебную деятельность". В 1957 г. реабилитирован и восстановлен в компартии.

544 "La Voix Communiste" ("Коммунистический голос") - орган группы коммунистической оппозиции в Бельгии с центром в г. Шарлеруа. Бюллетень был создан как ежемесячник. С 1931 г. выходил еженедельно.

545 В 1932 г. начали отчетливо проявляться пагубные последствия сталинской "революции сверху". Голод в сельской местности сопровождался резким снижением норм карточного снабжения хлебом в городах. В 1932-1933 гг. от голода умерло от 4 до 5 млн человек. Кризис охватил и индустриальные отрасли. Производительность труда не росла, увеличивалась себестоимость промышленной продукции. В деревнях вспыхивали бунты, происходил распад колхозов, возникали волнения на промышленных предприятиях. В этих условиях в мае 1932 г. появилось постановление Совнаркома, ЦИК и ЦК ВКП(б) (именно в этом порядке) о значительном сокращении государственного плана хлебо- и скотозаготовок, была разрешена свободная торговля хлебом после завершения хлебозаготовок. Вслед за этим вышел ряд постановлений о недопустимости ликвидации личного приусадебного хозяйства колхозников, о возвращении им ранее реквизированного скота. В 1932 г. впервые за последние годы было принято решение о сокращении ассигнований в тяжелую промышленность.

546 Il faut reculer pour mieux sauter (фр.) - следует отступить, чтобы иметь возможность лучше разогнаться.

547 "... Оппозиция ставит существо дела выше формы, интересы революции выше личных или кружковых амбиций. Она готова занять в партии свое скромное место. Но она согласна занять его, лишь оставаясь самой собой, т. е. не только сохраняя все свои взгляды, получившие в ходе развития событий столь небывало яркое подтверждение, но и отстаивая свое право дальнейшей борьбы за то, чтобы эти взгляды стали взглядами партии" (Бюллетень оппозиции, 1929, No 6, с. 1).

548 Тардьё Андре (1876-1945) - французский правый политический деятель, член Республиканско-демократического альянса. Был близок к Ж.Клемансо. Многократно избирался членом Палаты депутатов. В ноябре 1929 - сентябре 1930 г. возглавлял правительство. В следующие годы несколько раз занимал пост

главы правительства, но сохранял его в течение очень короткого времени.

549 Статья Л.Д.Троцкого "'Обеими руками'. (Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты)" была опубликована в "Бюллетене оппозиции", 1932, No 32, с. 1-4.

550 СССР присоединился к Парижскому пакту об отказе от войны как средства национальной политики, подписанному 27 августа 1928 г. (пакт Бриана-Келлога), в том же году. Западные державы пригласили СССР принять участие в пакте, будучи заинтересованными в улучшении отношений с ним.

551 На международной конференции по разоружению в Женеве в 1932 г. США внесли предложение о сокращении контингентов сухопутных армий на одну треть при сохранении прежнего тоннажа военно-морских флотов. Против этих предложений особенно резко выступила делегация Японии, указавшая, что их принятие лишь усилило бы позиции США.

552 Кемпбелл Томас (1894 - ?) - американский специалист по сельскохозяйственному машиностроению. В конце 20-х - начале 30-х годов работал советником в СССР. 28 января 1929 г. состоялась беседа Кемпбелла со Сталиным. После опубликования в США отчета Кемпбелла о беседе Сталин выступил с опровержением под названием "Господин Кемпбелл привирает", к которому была приложена сталинская версия беседы (Сталин И. Соч., т. 13, с. 146-157).

553 Монополия внешней торговли была введена декретом Совнаркома РСФСР от 22 апреля 1918 г. После введения нэпа наркоматы и частные фирмы стали оказывать давление с целью смягчения или даже отмены монополии. 6 октября 1922 г. (а не в ноябре, как пишет Троцкий) на пленуме ЦК РКП(б) в отсутствие Ленина Зиновьев предложил резолюцию, предусматривавшую свободный экспорт и импорт определенных товаров и создание свободных экономических зон в отдельных местах границы России. В принципе это предложение было принято. После пленума Л.Б.Красин обратился с жалобой к Ленину. 13 октября Ленин написал письмо Сталину для ЦК, в котором критиковал принятое решение и предлагал перенести вопрос на следующий пленум ЦК. К позиции Ленина присоединился Троцкий. 12 декабря Ленин в письме к нему предложил ему высказать свои соображения по вопросам внешней торговли. Троцкий ответил, что он поддерживает государственную монополию. Ленин попросил его выступить в этом духе на пленуме ЦК. 18 декабря пленум ЦК РКП(б) отменил резолюцию от 6 октября и подтвердил необходимость сохранения монополии внешней торговли.

554 В политическом отчете ЦК XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г. Ленин цитировал журнал "Смена вех", в частности заявления Устрялова о неизбежности поворота советской России к частному капитализму. Ленин назвал Устрялова врагом, который честно высказывает свои мысли и своими заявлениями "приносит нам большую пользу" (Ленин В.И. Соч., изд. 5-е, т. 45, с. 93). В плане политического отчета на съезде Ленин записал: "Сладенькое комвранье (тошнит) и классовая правда Устрялова" (там же, с. 409).

555 Гайсслер Альфред (1862-1927) - германский, а не австрийский дипломат, в 1914-1918 гг. генеральный консул в Женеве.

556 Сталинградский (с 1961 г. Волгоградский) тракторный завод начал

функционировать в 1930 г. Выпускал гусеничные и колесные тракторы.

557 Имеется в виду статья Х.Г.Раковского "На съезде и в стране" (см. примеч. 260).

558 Имеется в виду открытое письмо Л.Д.Троцкого Президиуму ЦИК СССР по поводу лишения его и его семьи советского гражданства от 1 марта 1932 г.

559 Абзац в косых скобках в оригинале вычеркнут рукой Троцкого.

560 Имеются в виду документа группы Рютина Марьтемьяна Никитича (1890-1937) - советского партийного деятеля, большевика с 1914 г. Рютин был на партийной работе в Иркутске, Донбассе. Являлся секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве. В 1928 г. был снят с партийной работы за примиренческое отношение к "правому уклону". Работал заместителем редактора газета "Красная звезда", членом Президиума ВСНХ. В 1930 г. участвовал в группе Сырцова. Был исключен из партии и снят с ответственных постов по обвинению в "право-левацком блоке". В ноябре 1930 г. арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде, но вскоре освобожден. В 1932 г. образовал подпольную антисталинскую группу, которая подготовила рукописное обращение "Ко всем членам ВКП(б)", а затем платформу "Сталин и кризис пролетарской диктатуры". Сталин обвинялся в извращении ленинизма, узурпации власти и других преступлениях. Группа получила название "Союз марксистов-ленинцев". Как и другие члены группы, а также ряд лиц, не имевших к ней отношения, Рютин был арестован. Сталин требовал расстрела, но по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Рютин был посажен в тюрьму на десять лет. В заключении вел себя мужественно. Расстрелян во время "большого террора".

561 Кондуит (от фр. conduite - поведение) - в дореволюционной России журнал в гимназиях и других учебных заведениях для записи проступков учеников. В данном случае употребляется в переносном смысле.

562 Монзи Анатоль де (1876-1947) - французский политический деятель, дипломат. Сенатор (1920-1929), занимал ряд министерских постов. В 1924 г. председатель парламентской комиссии по русским делам. Выступал за признание СССР. В 1925-1927 гг. глава французской делегации на переговорах с СССР по вопросам о долгах и кредитах. В рассматриваемый период министр просвещения и национального воспитания. Данный документ хранится в Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 349.

563 Слово "благодарности" вычеркнуто Троцким. Во всех следующих случаях изменения также сделаны рукой Троцкого.

564 Слово "разумеется" вычеркнуто.

565 Слово "всю" вычеркнуто.

566 Вначале вместо "мы с женой стремились" значилось "я стремился".

567 Вначале вместо "пригласить" значилось "вызывать".

568 "От властей" вычеркнуто.

569 Вначале вместо "распоряжение" значилось "сообщение".

570 "Мы с женой заняли отведенную нам" вычеркнуто и заменено словами "нас проводили в".

571 Вычеркнуты слова "согласиться с тем" и заменены словом "рисковать".

- 572 Вычеркнуто "марсельских" и заменено "полицейских".
573 Вначале было "этот пароход".
574 Вначале было "итальянских властей".
575 Вычеркнуты слова "Мы провели с женой несколько ночных часов на пристани".
576 Вычеркнуто "в искреннем".

Указатель имен

Абд-эль-Керим
Авксентьев Н.Д.
Аггарвала см. Чанду Р.
Адэ см. Нин А.
Айубиды, династия
Александр II
Александр III
Александров
Аль Капоне
Альфон XIII Бурбон
Антонов-Овсеенко В.А.
Асанья М.
Аристотель
Атилла
Бай
Байрон Д.Н.Г.
Бакунин М.А.
Барбюс А.
Бауэр О.
Бебель А.
Бенар Р.
Беренгуэр Д.
Берия Л.П.
Бернар
Бетховен Л.
Билс К.
Бласко см. Треско П.
Блюм Л.
Боборыкин П.Д.
Болдуин С.
Боллак
Бонапарте см. Наполеон I

Бони
Бордига А.
Брандлер Г.
Браун Д.
Браун О.Э.
Брахт Ф.
Бриан А.
Брокдорф-Рантцау У.
Брюнинг Г.
Бухарин Н.И.
Вальхер Я.
Вейсборд А.
Вель Р. см. Соболевичус Р.
Вилкинсон Э.
Вильсон В.
Волков П.
Волков Э. (С., В.П.)
Волкова З.Л.
Вольтер Ф.М.
Воровский В.В.
Ворошилов К.Е.
Найл В.
Гайсслер А.
Ганди М.К.
Ганецкий Я. (Я.С.)
Гапон Г.А.
Гарсиа Л.Ф.
Гачев Д.
Гегель Г.В.Ф.
Гельфанд А.Г.
Гендерсон А.
Гераклит
Гердер И.Г.
Герцль Т.
Гессен И.В.
Гете И.В.
Гильотен Ж.
Гинденбург П.
Гитлер А.
Глотцер А.
Гогенцолерны, династия
Горкин Х.
Гортер Г.
Горький М.

Гофман М.
Греф Я.
Григорий XIII
Гуалино Р.
Гувер Г.К.
Гурже П.
Гуров Г. см. Троцкий Л.Д.
Гучков А.И.
Даладьё Э.
Даниэль
Дарвин Ч.
Дегейтер П.
Джефферсон Т.
Дзан Жзолин (Чжан Цзолин)
Джан Сулян (Чжан Суэлян)
Доминго М.
Думерг Г.
Дьюи Ж.
Ермоленко Д.С.
Жакмот Ж.
Жерар
Жозеф I Бонапарт
Жорес Ж.
Залингер
Замора А.Н.
Захарьин-Юрин Н.Р.
Зейпольд О.
Зиновьев Г.Е.
Золя Э.
Ибсен Г.
Иван IV
Иоффе А.А.
Истмен Е.В.
Истмен М.
Каас Л.
Каганович Л.М.
Кайл
Кайо Ж.
Калвертон В.Ф.
Каменев Л.Б.
Каравелов Л.
Каринский
Каун А.Д.
Каутский К.

Келлог Ф.Б.
Кемпбелл Т.
Керенский А.Ф.
Кинг
Клинг Л.
Клячко А.К.
Кобецкий М.В.
Козловский М.Ю.
Колесников И.А.
Коллонтай А.М.
Корнет А.
Корнилов Л.Г.
Коц А.Я.
Красин Л.Б.
Краснов П.Н.
Крейгер И.
Крокер Р.
Крупская Н.К.
Кук А.Д.
Куусинен О.В.
Лазимир П.Е.
Лакоба Н.А.
Лакруа см. Гарсиа Л.Ф.
Ландау К.
Ланжевен П.
Лаплас П.С.
Ларичев В.А.
Ларусс П.
Ласки Г.
Лева см. Седов Л.Л.
Левский В.
Лезуаль Л.
Ленин В.И.
Леонетти А.
Леру А.
Лессинг Г.Э.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Линкольн А.
Литвинов М.М.
Литтон Э.
Ллойд Джордж Д.
Ловстон Ж.
Лозовский А. (Дридзо С.А.)

Локк Д.
Луначарский А.В.
Львов В.Н.
Люберс
Людвиг Э.
Людендорф Э.
Люксембург Р.
Лютер М.
Макдональд Р.
Маламут Ч.
Макфадден Б.
Малапарте К. (Зуккерт К.)
Маленков Г.М.
Мандевиль Б.
Манов С. (Нежданов)
Мануильский Д.З.
Маргот
Маркин см. Седов Л.Л.
Маркс В.
Маркс К.
Масарик Т.Г.
Маур М.
Маурин Х.
Менерт К.
Меринг Ф.
Микельанджелло
Милль М. (Окунь П.)
Милюков П.Н.
Миртос см. Розенцвейг О.
Михалец К.
Михаэлис Г.
Молинье А.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Монатт П.
Монзи А.
Монтегю А.
Моруа А.
Мосли О. (Э.)
Муссолини Б.
Мюллер А.
Мюнценберг В.
Навилль П.
Наполеон I

Наполеон III
Нейман Г.
Николаевский Б.И.
Николай II
Нин А.
Новиков Н.И.
Нойрат А.
Носке Г.
Оверстратен В.
Паз М.
Палеолог Ж.М.
Панцов А.В.
Папен Ф.
Парвус см. Гельфанд А.Г.
Парижанин М. (Донзель М.)
Певзнер М.И.
Пейн Т.
Пере Р.
Пери Г.
Персель А.
Пестанья Н.
Петр I
Платон
Плеханов Г.В.
Подвойский Н.И.
Потье Э.
Прието И.
Примо де Ривера Э.М.
Пу И
Пулиопус П.
Пфемферт А.И.
Пфемферт Ф.
Пьер
Пятаков Г.Л.
Радек К.Б.
Радищев А.Н.
Рай
Раковский Г.С.
Раковский Х.Г.
Рамзин Л.К.
Раскольников (Ильин) Ф.Ф.
Рейснер К.
Рейтер Ю.
Реммеле Г.

Рескин Д.
Ридлей Ф.А.
Родзянко М.Ф.
Розенфельд К.
Розенцвейг О.
Роланд Голст Х.
Роллан Р.
Роман см. Соболевичус Р.
Романовы, династия
Росмер А.
Росмер М.
Росс Э.О.
Рошаль С.Г.
Рузвельт Ф.Д.
Руссо Ж.Ж.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Рязанов Д.Б.
Савинков Б.В.
Саймон Р.
Сахаров В.А.
Сахаров
Свердлов Я.М.
Седов Л.Л.
Седова Н.И.
Семашко Н.А.
Серафимович А.С.
Серебряков Л.П.
Сермукс Н.И.
Сиссон Э.
Ситрин У.М.
Слуцкий
Снивлит Х.
Соболевичус Р.
Сокольников Г.Я.
Сократ
Солнцев Ю. (Е.Б.)
Соломин С.
Сталин И.В.
Стоун Д.
Суварин Б.
Суменсон
Сфорца К.К.
Сырцов С.И.

Сюзо А. см. Леонетти А.
Тардье А.
Твид В.М.
Тейлор Ф.У.
Тельман Э.
Толстой Л.Н.
Томский М.П.
Треско П.
Троцкий Л.Д.
Трэн А.
Тэн И.
Ульянов А.И.
Унамуно М.
Урбанс Г.
Устрик А.
Устрялов Г.В.
Уэллс Г.
Уэллс М.
Факта Л.
Фелс Д.
Фельштинский Ю.Г.
Феросси А.
Филд А. (Гулд М.)
Фишер Л.
Фокке Д.Г.
Фокс
Форд Г.
Форд Э.Б.
Франк П.
Франк см. Греф Я.
Франкель Я.
Франклин Б.
Франко Ф.
Франкфуртер Г.
Фрей И.
Фрейд З.
Фридрих П
Хальвег В.
Херст Р.
Хикс Д.
Хилквит М.
Хонио Э.
Хрусталева-Носарь Г.С.
Хрущев Н.С.

Цезарь Г.Ю.
Церетели И.Г.
Чанду Р.
Чай Кайши
Чаплин Ч.С. (Чарли Чаплин)
Чемберлен Д.
Чен Дусю
Чернявский Г.И.
Черчилль У.Л.С.
Шахтман М.
Шекспир У.
Шилдицкий
Шлейхер К.
Шоу Д.Б.
Шоу У.
Штифт
Штреземан Г.
Шуман Г.
Шустер М.
Шустер О. (Фишер О.)
Шюрер
Эберт Ф.
Эдисон Т.А.
Эйнштейн А.
Эльцин В.Б.
Эмиль
Энгельс Ф.
Эррио Э.
Этли К.
Юз Ч.Э.
Ярославский Н.М.
García F. см. Гарсиа Ф.
Malaparte С. см. Малапарте К.
Naumov O.V.
Nicolaevsky B.I. см. Николаевский Б.И.

Указатель географических названий

Аахен
Абхазская АССР
Австрия
Алма-Ата

Америка см. США
Америка Латинская
Америка Южная см. Америка Латинская
Амстердам
Англия см. Великобритания
Астраханское ханство
Афганистан
Балканы
Барановичи
Барнаул
Барселона
Белград
Бельгия
Бельт Большой
Бельт Малый
Берлин
Болгария
Брусаль
Брюссель
Варшава
Ватикан
Веймар
Великобритания
Вена
Венгрия
Вирджиния
Галич
Галлия Заальпийская
Гамбург
Генуя
Германия
Германия Западная
Голландия
Голливуд
Государство Тевтонского Ордена
Греция
Греция Древняя
Грузинская республика
Дайтон
Дальний
Дальний Восток
Дания
Детройт
Днепр

Дон
Добасс
Дрезден
Европа
Европа Западная
Египет
Екатеринбург
Екатеринодар
Женева
Запорожье
Иерусалим
Израильское царство
Индийский Союз
Индия
Индокитай
Индонезия
Иркутск
Испания
Италия
Иудейское царство
Кадикьой (Кадикей)
Казанское ханство
Казань
Калуш
Канада
Кантон
Киев
Китай
Константинополь
Копенгаген
Корея
Краков
Кронштадт
Латвия
Лейпциг
Лион
Литва
Лондон
Лос-Анджелес
Люксембург
Ляодунский полуостров
Мадрид
Манчжоу Го см. Маньчжурия
Маньчжурия

Марокко
Марокко Испанское
Марсель
Мексика
Менло-Парк
Мехико
Могилев
Москва
Мукден
Мэн
Нанкин
Нидерланды см. Голландия
Норвегия
Нью-Йорк
Одесса
Олимп
Осло
Османская империя
Пакистан
Палестина
Париж
Петербург
Петроград см. Петербург
Пловдив (Филиппополь)
Приволжье
Польша
Порт-Артур
Прибалтика
Принкипо
Пруссия
Псков
Пулково
Рим
Ричмонд
Россия
Румыния
Сахалин Южный
Священная Римская Империя
Сибирь
Сион
Сирия
Сицилия
София
СССР

Стамбул см. Константинополь
США
Сухум
Теннесси
Тернополь (Тарнополь)
Тибет
Тобольск
Токио
Туруханский край
Турция
Украина
Урал
Филадельфия
Франция
Чехословакия
Чикаго
Шанхай
Шарлеруа
Швейцария
Швеция
Эйзенах
Эссен
Эстония
Югославия
Япония
London см. Лондон
Madrid см. Мадрид

Содержание

Предисловие 2

1931

Письмо М.Миллю. 4 января 25

Письмо М.Миллю. 6 января 27

Письмо М.Миллю. 15 января 32

Письмо А.Монтегю. 16 января 39

Письмо М.Миллю. 30 января 40

Административному Секретариату Интернациональной левой оппозиции.
31 января 46

Письмо М.Миллю. 5 февраля 52

Письмо А.Монтегю. 6 февраля 54

Письмо доктору Залингеру. 6 февраля 55
Письмо Г.Франкфуртеру. 14 февраля 62
В Политбюро ЦК ВКП(б). 15 февраля 66
Письмо К.Михалецу. 16 февраля 69
Письмо М.Миллю. 26 февраля 70
Письмо М.Миллю. 26 февраля 76
Письмо М.Миллю. 27 февраля 76
Письмо М.Миллю. 4 марта 78
В Интернациональный Секретариат. Национальным секциям левой оппозиции.
7 марта 81
Письмо болгарской группе "Освобождение". 7 марта 85
Письмо М.Миллю. 7 марта 89
Письмо М.Миллю. 21 марта 91
Письмо М.Миллю. 25 марта 93
Письмо А.Монтегю. 29 марта 95
В Интернациональный Секретариат. Всем секциям Интернациональной левой
оппозиции. 4 апреля 96
Письмо Чен Дусю. 7 апреля 98
В редакцию журнала "Коммунизм", теоретического органа испанской левой
коммунистической оппозиции (большевиков-ленинцев). 12 апреля 99
Письмо болгарской группе "Освобождение". 15 апреля 100
Письмо М.Миллю. 24 апреля 104
Письмо Л.Л.Седову. 5 мая 106
Письмо Л.Л.Седову. 9 мая 114
По поводу заявления т. Трэна. 23 мая 116
Письмо М.Истмену. 26 мая 122
Письмо Л.Л.Седову. 26 мая 123
Письмо М.Миллю. 30 мая 124
Письмо М.Миллю. 2 июня 127
Письмо Л.Л.Седову. 2 июня 131
Письмо Л.Л.Седову. 3 июня 133
Письмо М.Миллю. 4 июня 134
Перманентная революция. Несколько слов к французскому изданию.
9 июня 136
Предисловие к итальянскому изданию "Испанской революции". 9 июня 138
Письмо М.Миллю. 10 июня 139
Письмо М.Миллю. 12 июня 144
Письмо А.К.Клячко. 14 июня 146
Предисловие к чешскому изданию "Испанской революции". 15 июня 147
Письмо М.Миллю. 16 июня 149
Письмо М.Миллю. 17 июня 151
Административному Секретариату Интернациональной левой оппозиции.
18 июня 154
Письмо Л.Л.Седову. 23 июня 158

В Интернациональный Секретариат. Всем национальным секциям. 24 июня 161
Федерации Шарлеруа Бельгийской левой оппозиции. 28 июня 167
Письмо М.Миллю. 28 июня 174
Интернациональному Секретариату. 1 июля 176
Заметка по поводу клеветы Ярославского. 8 июля 181
Интернациональному Секретариату. Еще о текущих вопросах Испанской революции. 13 июля 182
Письмо М.Миллю. 15 июля 184
Некоторые мысли о положении и задачах левой оппозиции. 24 июля 187
В Секретариат Интернациональной левой оппозиции. 27 июля 193
Интернациональному Секретариату. 30 июля 194
В Интернациональный Секретариат. 2 августа 197
Боллак. (Черновик незаконченной статьи). Лето 200
Письмо Л.Л.Седову. 1 сентября 204
По поводу экспертизы профессора О.Э.Брауна. 12 сентября 205
Письмо единомышленнику за границей. 13 сентября 213
Еще одна попытка объяснения. 13 сентября 215
Письмо французским оппозиционерам. 25 сентября. 225
Интервенция Японии в Маньчжурии и Советский Союз. 30 сентября 230
Письмо А.Сюзо. 16 октября 238
Письмо Л.Л.Седову. 21 октября 242
Письмо единомышленнику в Англии. 6 ноября 243
О задачах левой оппозиции в Англии и Индии. (Несколько критических замечаний по поводу неудачных тезисов). 7 ноября 250
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 28 ноября 259
Письмо национальным секциям Интернациональной левой оппозиции. 22 декабря 260

1932

Письмо М.Истмену. 19 января 274
Ослабление Сталина или ослабление Советов? Новая кампания против "троцкизма". 19 января 275
Письмо М.Истмену. 25 января 291
Циркулярное письмо единомышленнику в СССР. Январь 293
Письмо Л.Клингу. 9 февраля 297
Центральному Комитету Коммунистической левой оппозиции в Испании. 9 февраля 299
Письмо американским издателям Саймону и Шустеру. 10 февраля 306
Замечания по поводу французского перевода "Истории Февральской революции". 11 февраля 309
Письмо М.Истмену. 12 февраля 311
Письмо министру иностранных дел Чехословакии. Февраль 314
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 4 марта 316

Письмо М.Истмену. 13 марта 316
Письмо Натану. 16 марта 318
Письмо М.Истмену с припиской, адресованной Е.В.Истмен. 22 марта 320
Письмо М.Истмену. 27 марта 324
Письмо болгарским сторонникам. 29 марта 325
Письмо М.Парижанину. 31 марта 327
Письмо М.Парижанину. 2 апреля 329
Письмо М.Истмену. 5 апреля 330
Интернациональному Секретариату. 6 мая 334
Редакции еврейской газеты "Наша борьба" (орган
Коммунистической лиги Соединенных Штатов) 335
В Административный Секретариат. 20 мая 338
Письмо А.Вейсборду. 22 мая 344
Письмо Натану. 23 мая 349
Письмо Л.Кингу. 23 мая 352
Дополнение к письму А.Вейсборду. 24 мая 353
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 28 мая 355
Циркулярное письмо. 9 июня 356
Письмо Р.Молинье. 9 июня 361
Редакции журнала молодежи Лево́й коммунистической оппозиции в
Испании. 13 июня 362
Письмо болгарским сторонникам. 22 июня 364
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 30 июня 365
Письмо Л.Кингу. 7 августа 366
Письмо А.Д.Кауну. 7 августа 368
Конъюнктурные перспективы и задачи Коминтерна. (Краткое
введение в дискуссию). 18 августа 368
Германская загадка. (Бонапартизм а l'allemande). 23 августа 372
Два чехословацких эпизода, малый и большой. Август 381
Ответы на вопросы "Либерти". 15 августа, 17 сентября 383
Ответы на вопросы редакции "The New York Times". 17 сентября 408
Письмо А.Д.Кауну. 21 сентября 422
Ответы на вопросы А.Филда по поводу статьи Л.Фишера. 30 сентября 424
Письмо А.Д.Кауну. 3 октября 431
Письмо болгарским сторонникам. 6 октября 432
Письмо А.Филду. 7 октября 433
Письмо болгарским сторонникам. 13 октября 434
Редакции "Милитант". 1 ноября 436
Письмо А.Д.Кауну. 13 ноября 438
Что такое Октябрьская революция. 27 ноября 439
Постановление совещания большевиков-ленинцев по поводу
поездки тов. Троцкого. Ноябрь 473
О состоянии левой оппозиции. (Письмо секциям). 16 декабря 476
Меморандум. 19 декабря 495

Письмо С.Манову. 19 декабря 498
Редакции бельгийского еженедельника "Коммунистический голос".
20 декабря 500
Хозяйственные затруднения СССР и оппозиция. (Беседа). 27 декабря 502
О позабывших азбуку. (Против Р.Веля и других). 29 декабря 511
Долой Сталина! Конец года 517
Письмо А.де Монзи. Конец года 522
Примечания 525
Указатель имен 641
Указатель географических названий 661

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 7

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 7

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и

Г.И.Чернявского

Предисловие

Седьмой тома "Архива Л.Д.Троцкого" включает документы 1933-1934 гг., то есть открывает второй этап как деятельности самого Троцкого в эмиграции, так и в истории возглавлявшегося им течения в международном революционно-коммунистическом движении.

В 1933 г. сторонникам Троцкого удалось добиться согласия французских властей принять его в качестве иммигранта и их решения отменить принятое в 1916 г. постановление о запрещении Троцкому въезда во Францию. Сравнительно длительное - почти четыре года - пребывание на острове Принкипо в Турции сменилось частыми переездами, сначала в пределах Франции, затем в Норвегию и, наконец, в Мексику.

1933 год был переломным и в истории международной коммунистической оппозиции.

Бурные события на европейском континенте, прежде всего приход нацистов к власти в Германии, означавший тяжчайшее поражение германского рабочего движения на обоих его полюсах - коммунистическом и социал-демократическом, крах политической линии Коммунистического Интернационала, приведший к серьезной перестройке внешнеполитического курса советского руководства в сторону сближения с демократическими европейскими странами и США, предопределили окончательный разрыв Троцкого с Коминтерном и большевистской партией, происшедший на протяжении первой половины 1933 г.

Международная левая оппозиция только теперь перестала считать себя внутренней левой оппозицией в Коминтерне (хотя сам Коминтерн с подачи Сталина и его присных уже давно, в течение пяти-шести лет, сторонников

Троцкого в качестве оппозиции не рассматривал, беспощадно изгоняя их из коммунистических партий). Троцкий взял курс на образование параллельных компартий и их международного объединения - Четвертого Интернационала. Официальное решение об этом было принято пленумом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции 19 августа 1933 г. (курс на создание новой компартии в Германии был взят еще ранее - весной того же года).

При этом, однако, организационное состояние групп и объединений, следовавших за Троцким, отнюдь не улучшилось. Между ними продолжались дрязги, часто по надуманным и личностным или даже просто фиктивным вопросам, расколы, перегруппировки, исключения неугодных лиц и тому подобные дестабилизационные процессы. В то же время эти объединения оставались весьма активными и шумными, стремились использовать любую возможность - предвыборные кампании, различные съезды, в частности антифашистский конгресс в Париже, - для пропаганды своих позиций или хотя бы для напоминания о своем существовании.

Вместе с тем Троцкий и его сторонники попытались расширить свое влияние путем установления контактов с отколовшимися от социал-демократического движения партиями, взявшими более левый курс. Троцкий попытался установить союз с Социалистической рабочей партией Германии, действовавшей в эмиграции, призывал своих британских сторонников войти в Независимую рабочую партию Великобритании и т. д.

Все эти и многие другие проблемы оппозиционного коммунистического движения, его взаимоотношений с другими левыми политическими силами отражает документация данного тома.

Однако в центре внимания автора подавляющего большинства документов (в том включены также отдельные письма сына Троцкого Л.Л.Седова и его секретаря М.И.Певзнер) находилась ситуация в Германии и те изменения в Европе и во всем мире, которые, по мнению автора, германские события влекли за собой. Троцкий справедливо полагал, что "за последние год-два ключ к международному положению находится в Германии".

Оценка внутреннего положения в Германии после прихода нацистов к власти была более или менее объективной. Любопытно, что уже через неделю после образования правительства Гитлера, 6 февраля 1933 г., Троцкий высказал предположение, что под прикрытием подготовки к выборам (они были назначены на 5 марта) нацисты произведут государственный переворот. Именно так и произошло: воспользовавшись поджогом здания германского рейхстага 27 февраля (современные исследователи устанавливают, что рейхстаг поджег левый авантюрист Маринус ван дер Люббе, а не нацисты, как это утверждалось большинством авторов в течение десятилетий), Гитлер через послушного президента Гинденбурга ввел чрезвычайное положение и начал громить демократию.

Трезво оценивая ситуацию как тягчайшее поражение германского рабочего класса, Троцкий был далек от тех коммунистических крикунов, которые, сбежав

из страны, продолжали повторять вслед за своими коминтерновско-кремлевскими опекунами, что Германия находится накануне революционного взрыва. В статье "Немецкие перспективы" в отношении рабочего класса Германии отмечалось: "Если несколько месяцев тому назад (то есть тогда, когда борьба за власть в Германии достигла апогея - Ю.Ф. и Г.Ч.) он оказался по вине своего руководства неспособен к обороне своих могущественных легальных позиций от наступления контрреволюции, то теперь, на другой день после разгрома, он неизмеримо менее подготовлен к наступлению на могущественные легальные позиции национал-социализма".

Троцкий отлично понимал, что "фашистские" репрессии (подобно официальным коммунистам, да и значительной части западных наблюдателей он часто именовал германских национал-социалистов фашистами, хотя никакой генетической связи между ними и итальянским фашистским режимом не было) не только не окажут "немедленного революционного действия", но, наоборот, приведут к подрыву рабочего класса в обществе. Иначе говоря, констатировал Троцкий в свойственном коммунистам лексиконе, в Германии сейчас происходит "не назревание пролетарской революции, а углубление фашистской контрреволюции".

Лидер альтернативного коммунистического движения вынужден был признать политический индифферентизм значительной части населения Германии, "озлобленную пассивность" масс, их вступление в нацистские организации. Троцкому нельзя отказать в мужестве: вопреки своим коммунистическим догмам по поводу авангардной революционной роли пролетариата, он пришел к выводу, что "факт массового перехода под знамя со свастикой является непререкаемым свидетельством чувства безысходности, охватившего пролетариат. Реакция проникла в кости революционного класса. Это не на один день".

В связи с приходом нацистов к власти в Германии Троцкий выносил весьма суровый приговор и официальному международному коммунистическому движению в целом. "Для мирового пролетариата германская катастрофа и роль в ней Коминтерна неизмеримо важнее, чем всякие организационные маневры, конгрессы, уклончивые заявления, дипломатические соглашения и проч. Исторический суд над Коминтерном произведен. Апелляции на приговор нет".

Собственно говоря, именно такая, до предела резкая и категорическая оценка, и была необходима для того, чтобы обосновать необходимость разрыва с Коммунистическим Интернационалом и образования нового Интернационала. По существу же Троцкий бесспорно осознавал и в высказываниях по другим поводам приближался к обоснованию совершенно другой непосредственной главной причины постепенного загнивания и краха III Интернационала. Эту причину он начинал видеть в крахе мировой революции и в осуществлении в СССР того, что официально именовалось социализмом в одной стране, а фактически представляло собой сооружение здания зрелого тоталитаризма.

Внимательно следя за социально-политическими явлениями в Германии непосредственно после прихода к власти Гитлера, Троцкий в то же время понимал, что нацификация Германии не была одновременным актом, что она

представляла собой процесс, отнюдь еще не предопределенный, что в задаче оставалось еще много неизвестных величин.

Хотя в первой половине 1933 г. конфликт между нацистской верхушкой и отрядами штурмовиков не вышел еще на поверхность и призывы последних ко "второй революции", если и раздавались, то не очень громко, для внимательного аналитика, каковым был Л.Д.Троцкий, столкновение СА с правительством Гитлера представлялось неизбежным и близким (в действительности оно произошло через год и увенчалось кровавой расправой со штурмовыми отрядами в "ночь длинных ножей" 30 июня 1934 г.)

В то же время в оценке социальной базы Гитлера Троцкий не был последователен. В нее входили, по его мнению, чиновники, служащие, лавочники, роумесленники. Он не видел, что Гитлера энергично поддерживают значительно более широкие слои населения. Поэтому весьма пессимистические оценки внезапно сменялись приливами оптимизма, отнюдь не соответствовавшего реалиям. "Слишком туго сжатая пружина начинает распрямляться", - утверждал он.

Сосредоточиваясь на сугубо классовом, биполярном подходе к событиям в Германии, Троцкий не видел, что острием своим нацистская власть направлена отнюдь не только против "зачатков пролетарско демократии", каковыми он именовал рабочие партии и их прессу, профсоюзы и т. п., а против "буржуазной" демократии, то есть против демократии как таковой. Осознание, что в Германии происходит установление тоталитарной системы, еще не проникло в комплекс взглядов и аргументации Троцкого.

Немало внимания в статьях и письмах 1933-1934 гг. уделялось перспективам внешней политики Германии. Предрекалось, и события подтвердили правоту этого прогноза, что "на интернациональной арене жестов и фраз Гитлер в данный период пойти не сможет", что он будет всячески доказывать Франции и другим западным державам необходимость поддержать его в борьбе против большевизма.

Но вместе с тем, принимая во внимание перспективу не месяцев, а лет, Троцкий считал военную агрессию со стороны Германии неизбежной. "Срок новой военной катастрофы определяется временем, необходимым для вооружения Германии. Дело идет не о месяцах, но и не о десятилетиях". Несколько конкретизируя свои предположения, он высказывал мнение, что большая война в Европе может разразиться не ранее, чем через три-четыре года, что по своей кровопролитности и разрушительности эта "большая война" не будет иметь precedентов, что в ней может погибнуть "не только фашизм, но и культура Европы", что прежние войны, в частности первая мировая война, "покажутся идиллической увертюрой по сравнению с той адской музыкой, которая надвигается на нас". При этом Троцкий предполагал, что одним из основных очагов войны, наряду с Европой, окажется Дальний Восток, что оба очага войны сольются воедино и что СССР неизбежно будет вовлечен в водоворот событий.

Все эти соображения и предположения давали лидеру альтернативного коммунистического движения все основания для оценки периода после первой

мировой войны в качестве промежутка между двумя мировыми войнами.

Как видим, объективно политическое положение, которое занимал Троцкий, почти уже равно удаленное от основных субъектов мировой политики - нацистской Германии и милитаризовавшейся Японии, западных демократических держав, сталинского СССР, - давало ему возможность относительно трезво судить о состоянии и перспективах мирового развития и уже в 1933-1934 гг. высказывать такие прогнозы, которые через несколько лет начинали подтверждаться.

Интересно в связи с этим отметить, что оценки международного положения и его перспектив были более взвешенными и глубокими, нежели касавшиеся внутренней обстановки в Германии и в других странах.

Что же касается социально-экономического и политического положения СССР, то новая линия Троцкого не привела еще к каким-либо существенным сдвигам в его оценках. Более того, явное противоречие между суждениями о крахе Коминтерна и о создании социалистического (в смысле поставленной цели, а не достигнутого результата) строя в СССР Троцкий пытался преодолеть заявлениями по поводу того, что образование новых компартий и IV Интернационала как раз и необходимо, в частности, для "сохранения и возрождения СССР", ибо, "несмотря на все свои бюрократические извращения и ложную хозяйственную политику", СССР "остается и сегодня государством социализации земли, фабрик, заводов и коллективизации сельского хозяйства".

Подчас взгляды на внутреннюю ситуацию в СССР оказывались попросту нелепыми. Достаточно сказать, что, по мнению Троцкого, в виде колхозов крестьяне получили не то, что они называли "ВКП(б)" ("второе крепостное право большевиков"), как это было на самом деле, а "организацию сопротивления советскому государству".

В то же время Троцкий значительно лучше, чем Сталин и его группа, понимал, что СССР не отделен от остального мира непроницаемой стеной. В данном случае теория перманентной революции позволяла четче, чем теория социализма в одной стране, видеть зависимость развития СССР от того, что происходило в Европе и в остальном мире.

Троцкий продолжал идеализировать и извращать ленинский период в развитии России (СССР), то есть то время, когда он сам играл лидирующую роль в становлении тоталитарной системы. Особенно энергично он отстаивал необходимость и правильность "красного террора", ибо "мы были пионерами", обязательность "диктатуры пролетариата", необходимой, мол, для уничтожения эксплуатации, подавления сопротивления эксплуататоров, сосредоточения власти, средств производства и культуры в руках пролетариата и т. д. Разумеется, при этом неизменно повторялся все тот же спекулятивный логический ход подмены понятия, который был присущ всей коммунистической пропаганде: говорилось о пролетариате - имелось в виду всевластие компартии.

Правда, в документах Л.Д.Троцкого неизмеримо четче подчеркивались отличия условий стран Западной Европы и США по сравнению с Россией в смысле перспектив "социалистической революции". Собственно говоря, без

подчеркивания этих отличий он не только никак не мог надеяться на установление союза с левосоциалистическими партиями или тем более на объединение своих организаций с ними в рамках нового Интернационала, он даже не мог рассчитывать на сохранение большинства западноевропейских или североамериканских сторонников.

В самой общей форме отличие ситуации в Западной Европе в отношении перспектив "социалистической революции" он выразил еще в 1933 г., заявив: "Без революции германский пролетариат не обойдется. Но в своей революции он будет говорить по-немецки, а не по-русски. Я не сомневаюсь, что он будет говорить гораздо лучше, чем говорили мы".

Более конкретно Троцкий возвратился к этому вопросу через полтора года, в августе 1934 г., применительно к Соединенным Штатам. Он рассуждал по поводу того, что Советы - "очень пластичная и гибкая правительственная форма", что на основе их возможна широкая борьба интересов и группировок, что монополизация печати не может считаться нормой и т. п. Все эти рассуждения в определенном смысле можно было бы рассматривать в качестве одной из идеологических предпосылок будущего еврокоммунизма. Но, разумеется, "мягкие" заявления отнюдь не исключали "жестких" принудительных мер в том случае, если бы в какой-то точке земного шара произошло весьма мало вероятное событие - приход сторонников Троцкого к власти.

Более того, можно почти безапелляционно утверждать, что их власть, если бы они вздумали начать "строить социализм", обернулась бы жесточайшими репрессиями, подавлением инакомыслия, возникновением сразу же или в конечном итоге тоталитарной системы. Иначе говоря, произошло бы примерно то же, что в странах "народной демократии" после второй мировой войны, где разговоры о демократии "нового" или "особого" типа вскоре сменились установлением всевластия компартий под фиктивной кличкой "диктатуры пролетариата"¹.

Имея в виду именно такую перспективу, Троцкий предупреждал, что только безнадёжные филистеры будут думать, будто социалистический переворот можно совершить конституционно. Отсюда и потиворечия, буквально в соседних абзацах его публицистики и переписки. С одной стороны, более благоприятное положение приведет, мол, к тому, что германский пролетариат не будет нуждаться в репрессиях в области печати. Но вслед за этим: "...Я не хочу сказать, что рабочее государство потерпит хотя бы в течение одного дня режим буржуазной 'свободы' печати".

Относительно трезво оценивая ситуацию, перспективы внутреннего развития Германии и войны в Европе и на Дальнем Востоке, Троцкий сохранял утопическую убежденность в возможности революций в Европе в ближайшее время.

На некоторые классовые и политические столкновения он смотрел через увеличительное стекло, видя в них чуть ли ни начало революций. В 1934 г. особое его внимание в этом смысле привлекала Франция. Уличные выступления правозэкстремистских сил в Париже 6 февраля 1934 г., контрдемонстрацию левых сил и политическую забастовку, происшедшую через несколько дней, он оценил с огромным преувеличением как "кровавые бои на улицах Парижа", высказав вскоре

предположение о возможности появления "советской Франции"! Это, мол, имело бы самые радужные последствия: "Между СССР и Советской Францией диктатура наци не продержалась бы и двух недель. Муссолини не замедлил бы последовать в преисподнюю за Гитлером".

И уж во всяком случае Троцкий решительно отвергал поиск "изначальных ошибок" в марксистской догматике, вполне обоснованное мнение, что крах всех трех Интернационалов генетически и логически связан с ошибочными предположениями Маркса и Энгельса, а затем их главных последователей.

Отлично сознавая малочисленность, непрочность, гетерогенность организаций своих сторонников, непрерывные конфликты между ними, Троцкий безуспешно пытался посредничать между этими группами, в ряде случаев (например, в отношении британских последователей) отказывался поддерживать лишь одну из соперничавших групп, считая обе из них равноправными членами Интернациональной коммунистической лиги, как после взятия курса на создание нового Интернационала стала именовать себя Интернациональная левая оппозиция. По поводу столкновений друг с другом двух американских оппозиционных коммунистических групп он с досадой писал, что достаточно было бы сталинцам "опубликовать многочисленные декларации двух борющихся групп друг против друга, чтобы отравить все источники сочувствия к левой оппозиции".

Тем не менее лидер альтернативного коммунистического движения был весьма оптимистичен в отношении перспектив формирования нового Интернационала. Особые надежды внушал ему тот факт, что в августе 1933 г. удалось, наконец, созвать в Париже конференцию ряда левосоциалистических и коммунистических групп, не примыкавших ни к Социалистическому Рабочему Интернационалу, ни к Коминтерну. На этой конференции, однако, сторонникам Троцкого удалось договориться о совместных действиях и общей программе только с тремя мелкими организациями - Социалистической рабочей партией Германии (напомним, действовавшей в эмиграции) и голландскими Рабочей социалистической и Объединенной социалистической партиями.

Можно лишь поражаться тому, как ослеплен был Троцкий этим незначительным, более того, оказавшимся фиктивным успехом. Обычно более или менее трезвый политик, он на этот раз оказался во власти весьма радужных грез. Комментируя декларацию своих сторонников, подписанную вместе с названными группами, он высказывал надежду, что "через некоторое время, скажем, через два месяца (!), Декларация будет заменена Манифестом нового Интернационала". Все эти надежды оставались втуне, ибо буквально на следующий день после установления единства действий между союзниками возникали новые острейшие споры, которые неизбежно вели и привели в разрыву. Мы уже не говорим о том, что малочисленность и слабая влияние этих организаций означали, что существенные изменения не произошли бы и в том случае, если бы союз оказался более прочным.

Публикуемые документы дают, на наш взгляд, широкое и разностороннее представление о деятельности организаций сторонников Троцкого в различных

странах, его взаимоотношениях с ними, особенно с французской Коммунистической лигой и ее руководителями, с которыми наш герой с лета 1933 г., находясь во Франции, поддерживал постоянный личный контакт.

Предлагаемый том шире, чем предыдущие, вошедшие в данное издание, дает представление о перипетиях личной жизни Л.Д.Троцкого. Письменное свидетельство Л.Л.Седова позволяет воссоздать некоторые конкретные обстоятельства переезда из Турции во Францию. Письма Троцкого его жене Н.И.Седовой в свою очередь богаты бытовыми деталями пребывания во французской провинции.

* * *

В седьмой том включены статьи, заявления, письма, заметки Л.Д.Троцкого, документы, подготовленные им для Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции (Интернациональной коммунистической лиги) и другие материалы. Переезды 1934 года и ухудшение состояния здоровья привели к тому, что документация этого года существенно беднее предыдущего.

Помимо документов, автором которых являлся Л.Д.Троцкий, в данный том, как уже отмечалось, вошли несколько писем и иных материалов его сына Л.Л.Седова и его секретаря М.И.Певзнер.

подавляющее большинство документов взято из Архива Л.Д.Троцкого, хранящегося в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (Harvard University, Haughton Library) в г. Кембридж (Массачусетс, США). Несколько писем извлечено из коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США). Поисковые данные указаны только в отношении документов из Гуверовского института.

Все документы публикуются на русском языке впервые. Некоторые из них ранее были опубликованы в изданиях "Writings of Leon Trotsky" (Нью-Йорк), "Oeuvres de Lon Trotsky" (Париж) и др. Однако все эти документы публикуются в настоящем томе по архивным первоисточникам.

Предлагаемый том, как и предыдущие, подготовлен докторами исторических наук Ю.Г.Фельштинским и Г.И.Чернявским. Помощь в подготовке к печати документов, связанным с Китаем, оказал доктор исторических наук А.В.Панцов.

Публикаторы следовали в данном томе той же методике, которой они руководствовались в предыдущих томах и которая изложена в предисловии ко всему изданию.

Публикаторы вновь выражают свое сердечную благодарность администрациям Хогтонской библиотеки Гарвардского университета и Архива Гуверовского института за любезное разрешение на издание документов, хранящихся в их фондах.

1 См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа. 1949-1953. Очерки истории. - М.: РОССПЭН, 2002. - 686 с.

1933

[Письмо в редакцию газеты "The Militant"]

Принкипо, 3 января 1933 г.

В редакцию "МИЛИТАНТ"

Дорогие товарищи!

За последнее время я имел случай несколько раз убедиться, что Макс Истмен ведет систематическую работу против материалистической диалектики, этой философской основы марксизма и научного коммунизма. По содержанию и теоретическим тенденциям эта борьба нисколько не отличается от других разновидностей мелкобуржуазного ревизионизма, начиная с берштейнианства¹ (в его философско-теоретической части). Если Истмен сохраняет при этом свое горячее сочувствие Октябрьской революции и даже левой оппозиции, то субъективно эта вопиющая непоследовательность делает ему честь, ни на йоту, однако, не повышая теоретической ценности его критики марксизма.

Я мог бы молчаливо предоставить кротонскую разновидность ревизионизма² ее законной участи, если бы меня не связывала с самим Истменом довольно старая личная и литературная связь. Истмен перевел недавно на английский язык три тома моей "Истории революции". По общему признанию, он выполнил эту большую работу превосходно. Я ему высказал за это искреннюю благодарность, и здесь готов повторить ее. Но когда Истмен делает попытку перевести марксову диалектику на язык вульгарного эмпиризма, то его работа возбуждает во мне чувства, прямо противоположные благодарности. Во избежание каких бы то ни было сомнений и недоразумений я считаю своим долгом заявить об этом во всеуслышание.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий

Опасность термидора

(К последней речи Сталина³)

Советский режим основан на союзе пролетариата и крестьянства. Пролетариат составляет меньшинство населения; крестьянство -- подавляющее большинство. Зато в руках пролетариата -- наиболее концентрированные средства производства. Крестьянство, наоборот, раздроблено условиями своего

хозяйства. Кроме того, оно неоднородно. Пока не переделана в корне техника, экономика и культура деревни, - а на это при самых благоприятных условиях потребуется еще работа целого поколения, - крестьянство будет выделять из себя кулацкий слой, который неизбежно стремится к капитализму. Механический разгром наличных кулаков ничего не решает. После так называемой ликвидации кулачества как класса советская печать, перешедшая от материализма к идеализму (бюрократы - всегда идеалисты), непрерывно жалуется на силу кулацкой "идеологии", на "пережитки кулацкой идеологии" и пр. На самом деле под этими жалобами скрывается тот факт, что середняк, хотя бы и запертый в колхоз, не видит при нынешней технике и экономике другого выхода для себя, как подняться на уровень кулака.

В Октябрьском перевороте сошлись две революции: конец демократической и начало социалистической. Демократическая принесла крестьянству около полумиллиарда золотых рублей, освободив его от арендной платы. Плоды социалистической революции измеряются для мужика тем, сколько он может получить продуктов городской промышленности в обмен на центнер хлеба. Мужик не утопист, он не требует, чтоб ему построили социализм в отдельной стране, да еще в течение пяти лет. Но он хочет, чтобы социалистическая промышленность снабжала его товарами на условиях не худших, чем капиталистическая промышленность. При этом условии крестьянин готов оказать пролетариату и его партии неограниченный кредит политического доверия. Советское государство получило бы возможность маневрировать в зависимости от внутренних условий и мировой обстановки, постепенно втягивая крестьянство в социалистическое хозяйство.

Фундаментом массовой коллективизации может быть только эквивалентный обмен продуктов промышленности и сельского хозяйства. Не вдаваясь в теоретико-экономические тонкости, эквивалентным надо считать такой обмен, который побуждает крестьянина, индивидуального, как и коллективного, засеять как можно больше земли, собирать как можно больше зерна, продавать как можно больше его часть государству, чтобы получить как можно больше продуктов промышленности. Только такое экономическое взаимоотношение города и деревни - по Ленину "смычка" - может избавить рабочее государство от необходимости применения мер принудительного обмена с деревней. Только с того момента, когда добровольный товарообмен обеспечен, диктатура пролетариата становится незыблемой. Обеспеченная смычка означает теснейший политический союз деревенской бедноты с городскими рабочими, устойчивость главной массы середняков и, следовательно, политическую изолированность кулаков и всех вообще капиталистических элементов страны. Обеспеченная смычка означает незыблемую верность Красной армии пролетарской диктатуре, что, при успехах индустриализации и неограниченных людских, главным образом крестьянских, резервах, дало бы советскому государству возможность справиться с любой империалистической интервенцией.

Индустриализация, как разъясняла левая оппозиция с 1923 года, является основной предпосылкой движения к социализму. Без роста индустриализации

нельзя дать крестьянину ни ситца, ни гвоздей, ни, тем более, трактора. Но индустриализация должна вестись таким темпом и по таким планам, чтоб систематически, хотя бы и медленно, улучшать взаимоотношение между товарными массами города и деревни, повышая жизненный уровень как рабочих, так и крестьян. Это основное условие устойчивости всего режима ставит предел допустимым темпам индустриализации и коллективизации.

Спрашивать: уничтожила ли пятилетка классы, ввела ли социализм - бессмысленно. Но зато обязательно спрашивать: укрепила ли она экономическую смычку между промышленностью и сельским хозяйством. Ответ гласит: нет, ослабила и расшатала. В своей последней речи на пленуме ЦК Сталин хвалился тем, что план коллективизации превзойден в три раза. Но кому нужна эта цифра, кроме бюрократических хвастунов? Статистика коллективизации не заменяет хлеба. Колхозов много, а мяса и овощей нет. Городу нечего есть. Промышленность расстраивается, потому что рабочие голодают. В отношении к крестьянину государство от полудобровольного обмена повернуло полностью на путь продовольственного налога⁴, принудительного отчуждения, т. е. методов военного коммунизма.

Голодные рабочие недовольны политикой партии. Партия недовольна руководством. Крестьянство недовольно индустриализацией, коллективизацией, городом. Часть крестьянства недовольна режимом. Какая это часть? Измерить ее нельзя, но ясно, что при нынешних условиях она не может не расти.

"План коллективизации превзойден в три раза!" В этом-то и состоит несчастье. Принудительные колхозы не только не ведут к социализму, но, напротив, подрывают устои диктатуры пролетариата, становясь организационной формой стачки крестьян против государства. Скрывая от государства хлеб или преднамеренно сокращая посевы, крестьянство становится на кулацкий путь: дайте мне, говорит оно, свободно продавать и свободно покупать. Кому и у кого? Тому и у того, кто предложит сходную цену: государство ли, частник ли, иностранный ли капиталист. Крестьянская стачка в пользу свободы внутренней торговли автоматически ведет к требованию отмены монополии внешней торговли. Такова логика ошибок первой пятилетки.

Сталин давал в своей речи итоговые цифры. Мы к ним еще вернемся в особой статье. Но при плановом хозяйстве статистические итоги лишь в том случае совпадают с экономическими, если план правилен. Наоборот, ошибочный план может и величайшие достижения скомпрометировать, даже свести к нулю. Пятилетка дала огромные технические и производственные завоевания. Но ее экономические результаты крайне противоречивы. Что же касается политического баланса, то он сводится с явным и притом большим дефицитом. А политика есть концентрированная экономика. Политика решает. Такое социалистическое строительство, которое вгоняет клин между крестьянством и пролетариатом и сеет недовольство в пролетариате, есть ложное строительство. Никакие речи и цифры не могут изменить этой объективной жизненной оценки. Действительный баланс дается не на газетных страницах, а на крестьянских полях, в колхозных закромах, в сырьевых складах заводов, в рабочих столовках, наконец, в

головах рабочих и крестьян.

Через все свои зигзаги, отставания и забеги вперед бюрократический центризм не укрепил диктатуру пролетариата, а, наоборот, чрезвычайно усилил опасность термидора. Только трусишки могут бояться назвать вслух этот результат. Факты сильнее слов. Чтобы бороться против враждебных фактов, надо назвать их по имени. По имени надо назвать также и виновников: Сталин и его клика.

Почему мы говорим именно о термидоре? Потому что это есть исторически наиболее известный, наиболее законченный образец замаскированной контрреволюции, которая сохраняет еще формы и обрядности революции, но уже меняет бесповоротно классовое содержание государств. Тут умники прервут нас, чтобы выложить свою премудрость: во Франции XVIII века дело-де шло о буржуазной революции, в России XX века - о пролетарской; социальные условия резко изменились, изменилась мировая обстановка и пр. и пр. Такими общими местами каждый филистер без труда придает себе вид исключительного глубокомыслия. Различие между Октябрьской и якобинской революциями не составляет тайны и для нас. Но это не довод за то, чтобы поворачиваться к истории спиной. В 1903 году Ленин писал, что большевик - это якобинец, неразрывно связанный с рабочим классом. Я возражал тогда Ленину, подробно разъясняя, чем марксист отличается от якобинца. Мои соображения, правильные сами по себе, били, однако, совершенно мимо цели. Ленин хорошо знал, что марксист и якобинец не одно и то же. Но ему необходимо было для определенной цели выделить их общие черты. Без такого метода нельзя вообще учиться у истории.

В том самом смысле, в каком Ленин называл большевиков пролетарскими якобинцами, в реакции против пролетарской диктатуры можно выделить черты термидора. Не всякая контрреволюция может быть подведена под термидор: ни Корнилов, ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель не имели ничего общего с термидором. Во всех этих случаях дело шло о вооруженной борьбе капиталистов и помещиков за восстановление своего господства. Эту опасность пролетарское государство отбило. Может ли она повториться? В качестве самостоятельного фактора - нет. Русская крупная буржуазия разгромлена радикально. Ее остатки могли бы снова появиться на сцену либо в хвосте иностранной военной интервенции, либо в хвосте термидора.

Из всех прежних контрреволюционных движений в Советском Союзе ближе всего к термидору подходило по своему типу Кронштадтское восстание в марте 1921 года⁵. Все пролетарские элементы из кронштадтского гарнизона были в течение трех предшествующих лет выкачаны для советского строительства и гражданской войны; лучшие успели погибнуть. На судах и в казармах оставался сырой крестьянский элемент, к тому же полуголодный. Многие из этих матросов считали себя большевиками, но они не хотели коммуны; они стояли за Советы, но без коммунистов. Это было восстание недовольного, обиженного, потерявшего терпение крестьянства против диктатуры пролетариата. Если бы мелкая буржуазия победила, она бы на другой же день обнаружила свою

несостоятельность. На смену ей могла бы прийти только крупная буржуазия. В условиях нынешней эпохи, т. е. XX, а не XVIII века, для этого понадобились бы не годы, а месяцы, может быть, даже только недели. Мелкобуржуазная контрреволюция, которая искренне считает себя революцией, которая не хочет господства капитала, но неминуемо подготавливает его - это и есть термидор.

Силой термидора в Советском Союзе может стать только крестьянство. Для этого нужно, чтобы оно серьезно разошлось с пролетариатом. Разрушение нормальных взаимоотношений города и деревни, административная коллективизация, принудительное отчуждение сельскохозяйственных продуктов противопоставляют сейчас крестьянство советскому государству не менее остро, чем зимою 1920-1921 гг. Пролетариат сейчас, правда, несравненно многочисленнее: в этом - завоевание индустриализации. Но пролетариат совершенно лишен активной, бдительной, самостоятельной партии, а номинальная партия лишена марксистского руководства. С другой стороны, крестьянство получило в виде колхозов организацию сопротивления советскому государству. Разрушение начинавшей налаживаться экономической смычки грозит разрывом политического союза между пролетариатом и крестьянством. В этом и состоит источник опасности термидора.

Не надо представлять себе дело так, будто разрыв должен пройти по отчетливой социальной линии: здесь крестьяне, там рабочие. Крестьянские массы окружают и обволакивают пролетариат со всех сторон. В составе самого пролетариата имеются миллионы свежих выходцев из деревни. Наконец, явная ложность политики руководства, крушение бюрократического авантюризма, отсутствие ясной ориентировки, полное удушение рабочей демократии, - все это делает и коренных рабочих восприимчивыми к давлению мелкобуржуазной идеологии. В этом второй источник опасности термидора.

Не надо воображать, что линия разрыва должна пройти где-либо между партией, с одной стороны, крестьянством и частью рабочего класса, с другой. Нет, линия термидора должна была бы неизбежно пересечь самую партию. В своем "Завещании" Ленин писал: "Наша партия опирается на два класса, и поэтому возможна ее неустойчивость, и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашение... Накакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол (партии - Л. Т.). Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить"б. Ленин выражал в те дни уверенность в том, что десять-двадцать лет правильных взаимоотношений с крестьянством обеспечат победу пролетарской революции по всемирному масштабе. Именно поэтому он считал, и все мы вместе с ним, перспективу термидора не только отдаленной, но и маловероятной.

Из десяти-двадцати лет, условно намечавшихся Лениным, десять лет уже прошло. На поле международной революции Коминтерн знал за этот период только поражения. Сегодня коммунизм, а, следовательно, и международная революция, несмотря на исключительно благоприятные объективные условия, слабее, чем в те дни, когда Ленин писал свое Завещание. В то же время опасность разрыва

между двумя классами, на которые опирается диктатура в СССР, стала чрезвычайно реальной и острой.

В экономическом положении страны, как оно ни тяжело, нет ничего непоправимого. Нужно только, чтобы было кому поправлять. Нужна партия. Между тем партии в подлинном смысле этого слова сегодня нет. Есть организация, формально включающая в себя миллионы членов и кандидатов. И те и другие одинаково бесправны. В принудительных рамках организации уживаются терроризированные элементы двух партий: пролетарской и термидорианской. Над ними возвышается бюрократия. Она несет вину за ложную экономическую политику, подорвавшую смычку. Еще более тяжелую ответственность несет она за удушение партии. Восстановив своей политикой крестьянство, она политически разоружила и распылила пролетариат. Рабочие не только физически бродят с завода на завод, они и политически не находят себе места.

Было бы неправильно представлять себе дело так, что линия термидорианского разрыва должна пройти между сталинским аппаратом и правым флангом партии. Нет, она пройдет через самый аппарат. Какой процент составляют в нем Беседовские и Агабековы? Этого не знают сами завтрашние предатели. Все зависит от соотношения сил вне аппарата. Нужен только достаточный толчок со стороны мелкой буржуазии, чтобы бюрократические термидорианцы осознали себя и перескочили через стену, отделяющую их от классового врага. В этом и состоит третий источник опасности термидора.

Но, смотрите, - скажет кто-нибудь из сталинцев или сталинских подголосков, - ведь ЦК собирается чистить партию от правых: это и значит, что Сталин принимает меры против термидора. Нет, отвечаем мы, бюрократическая чистка только облегчает дело термидора. Новая чистка, как и все старые за последние десять лет, направится прежде всего против левой оппозиции, против наиболее мыслящих, критических пролетарских элементов вообще. Несмотря на официальную формулу: "главная опасность справа", - эту формулу повторяет сейчас и Рыков, - тюрьмы и места ссылки заполняются прежде всего левыми оппозиционерами. Но и там, где удары падают на правое крыло, они не укрепляют, а ослабляют партию. Среди правых, наряду с подлинно термидорианскими элементами, есть сотни тысяч, может быть, миллионы, которые глубоко враждебны капиталистической реставрации, но требуют пересмотра всей политики под углом зрения трудящихся масс города и деревни. Программа этих правых смутна. Они могут стать временной опорой термидора; но они могут также поддержать и возрождение партии на революционном пути. Сталинская бюрократия мешает им понять обстановку. Своей чисткой она прежде всего стремится задушить их критическую мысль. Этим она только сплачивает правое крыло.

И кто будет чистить? В Париже Беседовский руководил комиссией, которая "чистила" Раковского. Не будем забывать этого. С того времени деморализация аппарата успела зайти еще дальше. Во всех письмах, которые мы получаем из СССР, наиболее трагическая нота такова: никто не верит друг другу, каждый боится, не стоит ли с ним рядом классовый враг с партийным билетом. Громче

всего о необходимости чистки будут кричать карьеристы, проходимцы, Беседовские и Агабековы. Кто же очистит партию от чистильщиков? Не аппарат, а сознательные и непримиримые противники аппаратного абсолютизма.

Является ли положение безнадежным? Самые слова эти не из нашего словаря. Решит борьба. На стороне пролетарской революции много исторических шансов как негативного характера: ужасающий распад капитализма, бешеная сварка империалистов, банкротство реформизма; так и позитивного характера: закаленные кадры большевиков-ленинцев, понимание хода развития, ясная перспектива. Решит борьба. Что опасность выросла и приблизилась, совершенно неоспоримо. Но яд термидора несет с собой и элементы противоядия. Чем ближе и непосредственнее опасность, тем острее потребность отпора. Чем растеряннее становится бюрократия, чем более фальшивым оказывается всемогущество сталинской клики, тем громче передовые рабочие потребуют большевистского руководства.

Последняя речь Сталина - мы к ней скоро вернемся - означает крутой поворот вправо. Каждая фраза бюрократического хвостовства есть замаскированное признание фальши всей "генеральной линии", близко подведшей диктатуру пролетариата к термидору. Сталин собирается лечить болезни новым бюрократическим зигзагом под удвоенным бюрократическим террором. Мы ответим удвоенной борьбой против сталинизма.

Л. Троцкий

Принкипо

11 января 1933 г.

Советское хозяйство в опасности

(Письмо в редакцию "САЦ"7)

Уважаемые товарищи!

В двух номерах вашей газеты от 11 и 12 января помещена статья о моей брошюре "Советское хозяйство в опасности"8. Так как дело идет о крайне важном вопросе, о котором каждый революционный рабочий должен будет, если не сегодня, то завтра, составить себе ясное мнение, то я прошу вас дать мне возможность в настоящем письме выяснить вашим читателям в возможно коротких словах те стороны дела, которые нашли неправильное, по-моему, истолкование в вашей газете.

1. В статье несколько раз говорится, что вы "не во всем" и "далеко не во всем" согласны с взглядами Троцкого на советское хозяйство. Разногласия между нами тем более естественны, что мы принадлежим к разным организациям. Но я не могу не выразить своего сожаления по поводу того, что вы не указали - за одним единственным исключением, о котором ниже, - с какими именно взглядами вы не согласны. Вспомним, как Маркс, Энгельс, Ленин порицали и осуждали уклончивость в больших вопросах, которая чаще всего находит себе выражение в ничего не говорящей формуле: "далеко не во всем согласны". Чего

каждый революционный рабочий может требовать от своей организации и своей газеты, это занятия определенной и ясной позиции по отношению к вопросам социалистического строительства в СССР.

2. В одном лишь пункте ваша статья пытается более конкретно отмежеваться от моих взглядов. "Мы думаем, - пишете вы, - что Троцкий оценивает вещи несколько слишком односторонне, когда он главную вину за это положение подсовывает (!) сталинской бюрократии"... Далее статья поясняет, что главная вина не в бюрократии, а в том обстоятельстве, что перед хозяйством поставлены слишком большие задачи, для разрешения которых нет необходимых квалифицированных сил. Но кто же ставил эти преувеличенные задачи, как не бюрократия? И кто своевременно предупреждал об их преувеличенном масштабе, как не левая оппозиция? Выходит, таким образом, что как раз ваша статья "подсовывает" всю вину бюрократии.

Упрек ваш по моему адресу несправедлив и с более глубокой точки зрения. Возлагать на правящую фракцию ответственность за все трудности и все кризисные явления мог бы только тот, кто верит в возможность планомерного развития социалистического общества в национальных границах. Но это не моя позиция. Основные трудности в СССР вытекают: а) из экономической и культурной отсталости, которая вынуждает советское государство разрешать многие из тех задач, которые в передовых странах разрешил капитализм; б) из изолированности рабочего государства в такую эпоху, когда мировое разделение труда стало важнейшей предпосылкой развития национальных производительных сил.

3. Сталинской фракции мы вменяем в вину не объективные трудности, а непонимание природы этих трудностей, неумение предвидеть диалектику развития этих трудностей и вытекающие отсюда непрерывные ошибки руководства. От нас далека, разумеется, мысль объяснять это "непонимание" и "неумение" индивидуальными особенностями отдельных руководителей. Дело идет о системе мысли, о политическом направлении, о фракции, выросшей из старого большевизма. Одну и ту же методологию мы наблюдаем в хозяйственном руководстве Сталина, как и в политическом руководстве Тельмана. Нельзя с успехом бороться против зигзагов Тельмана, не поняв, что дело не в Тельмане, а в природе бюрократического централизма.

4. В другой связи ваша статья упоминает, что левая оппозиция, в частности и в особенности Раковский, своевременно предупреждала против преувеличенных темпов строительства. Но тут же рядом вы пишете об аналогичных будто бы предупреждениях Бухарина, Рыкова и Томского. На проницательность последних ваша статья ссылается дважды, ни словом не упоминая о непримиримых противоречиях между правой и левой оппозицией. Я считаю тем необходимее внести в этот пункт ясность, что именно сталинская фракция не щадит усилий, для того чтобы скрыть или смазать коренное противоречие между оппортунистическим и марксистским крылом в лагере большевизма.

С 1922 года левая оппозиция⁹, вернее ее будущий штаб, открыл кампанию

за необходимость выработки пятилетнего плана, стержнем которого должна быть индустриализация страны. Мы доказывали уже тогда, что темп развития индустриализированной промышленности может уже в ближайшие годы превосходить темп русского капитализма (6% ежегодного прироста) "в два, три и более раза". Наши противники называли эту программу не иначе, как индустриальной фантазией. Если Бухарин, Томский, Рыков отличались чем-либо от Сталина-Молотова, то только тем, что еще более решительно боролись против нашего "сверхиндустриализаторства". Борьба против "троцкизма" теоретически питалась почти исключительно Бухариным. Его критика "троцкизма" и составила в дальнейшем платформу правого крыла.

В течение ряда лет Бухарин был, если воспользоваться его собственным выражением, проповедником "черепашьего темпа" индустриализации. Он оставался им как тогда, когда левая оппозиция требовала перехода к пятилетке и более высоким темпам индустриализации (1923-1928 гг.), так и в годы ультралевого зигзага сталинцев, когда левая оппозиция предупреждала против превращения пятилетки в четырехлетку и, особенно, против авантюристской коллективизации (1930-1932 гг.). Устами Бухарина говорила не диалектическая оценка советского хозяйства в его противоречивом развитии, а исходная оппортунистическая установка, экономический минимализм.

5. Насколько неосновательно ваша статья сближает критику Бухарина с критикой Раковского, видно из следующего обстоятельства: в те самые дни, когда ваша газета вспоминала о мнимой проницательности Бухарина в прошлом, сам Бухарин на пленуме ЦК категорически и полностью отрекся от всей своей прошлой критики и от всех своих прошлых прогнозов, как в корне ложных ("Правда", 14 января 1933 г.). Раковский же на пленуме ни от чего не отрекся не потому, что в качестве ссыльного он прикован к Барнаулу, а потому что ему не от чего отрекаться.

6. Уже после выхода моей брошюры "Советское хозяйство в опасности" в советской хозяйственной политике произошел поворот, который бросает очень яркий свет на занимающую нас проблему и дает безошибочную проверку прогнозам разных фракций. История поворота в двух словах такова.

XVII конференция ВКП в январе 1932 года одобрила принципы второй пятилетки. Темп роста промышленности был намечен около 25%, причем Сталин заявил на конференции, что это лишь минимальная граница и что при разработке плана процент должен быть и будет повышен.

Левая оппозиция объявила всю эту перспективу плодом бюрократического авантюризма. Она была обвинена, само собой разумеется, в стремлении к контрреволюции, японской интервенции и капиталистической, если не феодальной, реставрации.

Прошел ровно год. На последнем пленуме ЦК Сталин докладывал новый проект второй пятилетки. Он ни единым словом не упомянул о темпах, одобренных год тому назад в качестве минимума. Никто не решился ему напомнить об этом. Сталин предложил теперь для второй пятилетки 13% ежегодного роста. Мы вовсе не делаем из этого вывод, будто Сталин стремится

вызвать японскую интервенцию и реставрацию капитализма. Но мы делаем тот вывод, что бюрократия пришла к сокращению темпов не в результате марксистского предвидения, а лишь задним числом, упершись лбом в тягчайшие последствия своего собственного экономического авантюризма. Именно в этом мы ее обвиняем. И именно поэтому мы считаем, что ее новый эмпирический зигзаг не заключает в себе никаких гарантий относительно будущего.

Еще ярче различия трех концепций (правой, центристской и марксистской) раскрываются в аграрной области. Но эта проблема слишком сложна, для того чтобы хоть бегло коснуться ее в рамках письма в редакцию. В течение ближайших недель я надеюсь дать по поводу перспектив советского хозяйства новую брошюру.

Л. Троцкий

Принкипо

26 января 1933 г.

Привет немецким большевикам-ленинцам

Полученный нами только что No 4 "Перманентной революции" 10 показывает, что немецкая левая оппозиция прекрасно выдержала испытание, которому ее подверг заговор небольшой клики капитулянтов, путаников и карьеристов со сталинской бюрократией. Особенно радуется та твердость и решительность, с какою местные организации без колебаний, с поистине замечательным единодушием отсекали капитулянтов, несмотря на то, что в их среде были сравнительно влиятельные вчерашние оппозиционеры. Сейчас для всякого ясно: у немецких большевиков-ленинцев имеются серьезные, надежные и самостоятельные пролетарские кадры. Можно сказать без всякого преувеличения: капитулянтские заговорщики оказали крупную услугу левой оппозиции не только тем, что освободили ее от себя самих, но и тем, что помогли ей лучше проверить свои ряды, теснее сплотить их и поднять себя в своем собственном мнении. А это очень важное условие дальнейших успехов!

Фальшивый номер "Перманентной революции", выпущенный агентурой Сталина при техническом содействии капитулянтов, не очень отличается по своему морально-политическому уровню от поддельного "письма Зиновьева", пущенного в оборот британскими консерваторами. Слишком поспешные победные крики "Роте Фане", подхваченные злосчастной САЦ, только ярче обнаруживают страх сталинцев перед неутомимой критикой левой оппозиции.

Переступив через несколько политических трупов, немецкие большевики-ленинцы двинутся уверенно вперед.

С крепким революционным приветом

Л. Троцкий

Принкипо

2 февраля 1933 г.

Правлению левой оппозиции в Германии

Копия: Интернациональному Секретариату

Каковы возможные планы правительства Гитлера-Гугенберга в связи с выборами в рейхстаг¹²? Совершенно очевидно, что нынешнее правительство не может допустить рейхстага с враждебным ему большинством. Ввиду этого избирательная кампания и выборы должны так или иначе привести к развязке. Правительство понимает, что даже его полная избирательная победа, т. е. получение им в парламенте 51% мандатов, не только не будет означать мирного разрешения кризиса, но, наоборот, может явиться сигналом к решительному движению против фашизма. Вот почему правительство не может не готовиться к решительным действиям к тому моменту, когда станут известны результаты выборов.

Необходимая для этого предварительная мобилизация сил найдет не меньшее применение в том случае, если правительственные партии окажутся в меньшинстве и, следовательно, должны будут окончательно покинуть почву веймарской легальности. В обоих случаях, таким образом, и в случае парламентского поражения правительства (менее 50%), и в случае его победы (более 50%) приходится одинаково ждать, что новые выборы станут исходным моментом решающей борьбы.

Не исключен и третий вариант: под прикрытием подготовки к выборам национал-социалисты производят переворот, не дожидаясь выборов. Такого рода шаг тактически был бы, пожалуй, наиболее правильным с точки зрения наци. Но, принимая во внимание мелкобуржуазный характер этой партии¹³, отсутствие у нее самостоятельной инициативы действия и ее зависимость от недоверчивых союзников, приходится сделать вывод, что вряд ли Гитлер решится на такой шаг. Предположение, что такого рода переворот задуман Гитлером совместно с его союзниками, вряд ли было бы очень вероятным, так как второй задачей выборов как раз и является изменить доли участия союзников в правительстве.

Все же в агитации необходимо выдвинуть и эту третью возможность. Если бы страсти слишком разгорелись в предвыборный период, то государственный переворот мог бы стать для правительства необходимостью, даже если его практические планы сегодня не идут так далеко.

Во всяком случае, совершенно ясно, что пролетариату в своих тактических расчетах надо исходить из коротких сроков. Разумеется, ни правительственное большинство в рейхстаге, ни разгон нового рейхстага на неопределенный срок, ни фашистский переворот до выборов не будут еще означать окончательного решения вопроса в пользу фашизма. Но каждый из этих трех вариантов означал бы новый, очень важный этап в борьбе революции и контрреволюции.

Задача левой оппозиции во время избирательной кампании - дать рабочим анализ трех возможных ближайших вариантов в общей перспективе неизбежной борьбы пролетариата с фашизмом не на жизнь, а на смерть. Такая постановка вопроса придаст агитации за политику единого фронта необходимую конкретность.

Партия все время кричала: пролетариат находится в возрастающей

офензиве. На это САП отвечает (речь Штернберга¹⁴): "Нет, пролетариат находится в дефензиве, мы лишь зовем его к офензиве"¹⁵. И та и другая формула показывают, что люди не понимают, что такое офензива и дефензива, т. е. наступление и оборона. На самом деле, несчастье состоит в том, что пролетариат находится не в обороне, а в отступлении, которое завтра может превратиться в паническое бегство. Мы зовем пролетариат не к офензиве, а к активной обороне. Именно этот оборонительный характер действий (защита пролетарских организаций, газет, собраний и пр.) и составляет исходную позицию единого фронта по отношению к социал-демократии. Перепрыгивать через формулу активной обороны значит заниматься звонкими фразами. Разумеется, в случае успеха активная оборона перейдет в наступление. Но это будет уже следующий этап, путь к которому лежит через единый фронт во имя обороны.

Чтобы раскрыть ярче историческое значение решений и действий партии в эти дни и недели, нужно, на мой взгляд, ставить перед коммунистами проблему без малейших смягчений, наоборот, со всей резкостью и непримиримостью: отказ партии от единого фронта, от создания местных комитетов обороны, т. е. завтрашних Советов, означает капитуляцию партии перед фашизмом, т. е. историческое преступление, которое равносильно ликвидации партии и Коммунистического Интернационала. В случае подобной катастрофы пролетариат через горы трупов, через годы невыносимых страданий и бедствий придет к IV Интернационалу.

Г. Гуров

6 февраля 1933 г.

Беседа с социал-демократическим рабочим¹⁶

О едином фронте обороны

Настоящая брошюра обращается к рабочим - социал-демократам, хотя автор лично принадлежит к другой партии. Разногласия между коммунизмом и социал-демократизмом очень глубоки. Я их считаю непримиримыми. Тем не менее ход событий нередко ставит перед рабочим классом такие задачи, которые властно требуют совместных действий обеих партий. Возможно ли это? Исторический опыт и теоретический смысл говорят, что вполне возможно: все зависит от условий и характера задач. Так, совместные действия гораздо легче осуществить, когда дело идет не о наступлении пролетариата во имя новых целей, а об обороне старых позиций.

Именно так сейчас обстоит дело в Германии. Немецкий пролетариат находится в состоянии отступления и сдачи позиций. Правда, немало есть пустозвонов, которые непрерывно кричат о происходящем будто бы революционном наступлении: эти люди явно не умеют отличать свою правую руку от левой. Пробьет, несомненно, час и для наступления. Но в настоящее время задача состоит в приостановке беспорядочного отступления и в перегруппировке сил для обороны. В политике, как и в военном деле, ясно понять задачу значит

облегчить ее разрешение. Опьянять себя фразами значит помогать неприятелю. Надо ясно видеть, что происходит: по всему фронту наступает классовый враг, т. е. монополистский капитал и полуфеодальное землевладение, пощажённые ноябрьской революцией. Враг пользуется при этом двумя средствами разного исторического происхождения: во-первых, военно-полицейским аппаратом, который подготовили все предшествующие правительства, действовавшие на основе Веймарской республики¹⁷; во-вторых, национал-социализмом, т. е. отрядами мелкобуржуазной контрреволюции, которую финансовый капитал вооружает и натравливает против рабочих.

Задача капитализма и юнкерства ясна: разгромить пролетарские организации, политически разоружить рабочих, лишить их возможности не только наступления, но и обороны. Два десятилетия сотрудничества социал-демократии с буржуазией, как видим, ни на йоту не смягчили сердца капиталистов. Эти люди знают один закон: борьбу за барыши. И они ведут ее твердо, настойчиво, беспощадно, не останавливаясь ни перед чем и меньше всего перед своими же собственными законами.

Класс эксплуататоров предпочел бы совершить разоружение и разложение пролетариата с наименьшими издержками, без гражданской войны, при помощи военно-полицейских средств Веймарской республики. Но он опасается, и с полным основанием, что одних "легальных" средств окажется недостаточно, чтобы отбросить рабочих в состояние полного бесправия. Для этого в качестве дополнительной силы нужен фашизм. Но партия Гитлера, вскормленная монополистским капиталом, хочет стать не дополнительной, а основной и единственной правящей силой Германии. На этот счет между правящими союзниками идут непрерывные споры, принимающие моменты острого характера. Роскошь взаимных интриг спасители могут позволить себе только потому, что пролетариат сдает позиции без боя и отступает - без плана, без системы, без руководства. Враги так разнуздались, что не стесняются обсуждать вслух, как и куда нанести ближайший удар: вести ли наступление прямо в лоб, отсечь ли прежде всего левый, коммунистический фланг; зайти ли глубоко в тыл профессиональным союзам и отрезать коммуникации и пр. и пр. О Веймарской республике спасённые ею эксплуататоры рассуждают так, как если бы дело шло о старой кастрюле: пользоваться ли ею еще некоторое время или сегодня уже выбросить в сорный ящик?

У буржуазии полная свобода маневрирования, т. е. выбора средств, времени и места. Ее вожди комбинируют орудия законов с орудиями бандитизма. Пролетариат ничего не комбинирует и не борется. Его отряды разъединены, а руководители пролетарских отрядов вяло рассуждают на тему о том, нужно ли вообще комбинировать силы пролетариата: в этом и состоит суть бесконечных споров о так называемом едином фронте. Если передовые рабочие не поймут положения и не вмешаются властно в спор, немецкий пролетариат окажется на годы распят на фашистском кресте.

Не слишком ли поздно?

Здесь мой собеседник - социал-демократ может прервать меня словами: не слишком ли поздно приходите вы с пропагандой единого фронта? Где вы были раньше?

Такое возражение будет несправедливо. Вопрос об едином оборонительном фронте против фашизма поднимается не впервые. Позволю себе сослаться на то, что мне самому пришлось говорить по этому поводу в сентябре 1930 года, после первого большого успеха национал-социалистов¹⁸. Обращаясь к рабочим-коммунистам, я писал:

"Компартия должна звать к обороне тех материальных и духовных позиций, которые успел завоевать для себя в германском государстве рабочий класс. Дело идет самым непосредственным образом о судьбе его политических организаций, его профессиональных союзов, газет и типографий, клубов, библиотек и проч. Рабочий-коммунист должен сказать рабочему социал-демократу: "Политика наших партий непримирима; но если фашисты придут этой ночью громить помещение твоей организации, то я явлюсь к тебе на помощь с оружием в руках. Обещаешь ли ты в случае, если опасность будет угрожать моей организации, поспешить на помощь?" Вот квинтэссенция политики настоящего периода. Вся агитация должна быть построена по этому камертону.

Чем настойчивее, серьезнее, вдумчивее... мы будем вести эту агитацию, чем более дельные организационные меры обороны мы будем предлагать в каждом заводе, в каждом рабочем квартале и районе, тем меньше опасности, что наступление фашистов застигнет нас врасплох, тем больше уверенности, что наступление это сплотит, а не расколется рабочие ряды".

Брошюра, из которой я привожу эту цитату, написана два с половиной года тому назад. Сейчас не может быть ни малейшего сомнения в том, что если бы эта политика была усвоена своевременно, Гитлер не был бы сегодня канцлером, и позиции немецкого пролетариата были бы несокрушимы. Но прошлого вернуть нельзя. Вследствие совершенных ошибок и упущения времени задача обороны стала сегодня несравненно труднее; но задача остается целиком. Соотношение сил можно и сейчас еще резко изменить к выгоде пролетариата. Для этого нужен план обороны, система обороны, комбинация сил для обороны. Но прежде всего нужна воля к обороне. Прибавлю тут же: хорошо обороняется только тот, кто не собирается ограничиваться обороной, а намерен при первой возможности перейти в наступление.

Как же социал-демократия относится к этому вопросу?

"Пакт о взаимном ненападении"

Социал-демократические вожди предлагают коммунистической партии заключить "пакт о взаимном ненападении". Прочитав впервые такого рода фразу в "Форвертсе"¹⁹, я решил, что это случайная и не очень удачная шутка. Но нет, формула о ненападении вошла в оборот и стоит сейчас в центре всех споров. Среди социал-демократических вождей есть опытные и ловкие политики. Тем более приходится изумляться: как могли они выбрать такой негодный для их собственных целей лозунг?

Формула взаимного ненападения заимствована у дипломатии. Смысл подобных пактов состоит в том, что два государства, у которых достаточно поводов для войны, обязуются в течение такого-то периода не применять друг против друга оружия. Пакт с таким строго ограниченным содержанием Советский Союз заключил, например, с Польшей²⁰. Если бы, скажем, между Германией и Польшей возникла война, то пакт вовсе не обязывал бы Советский Союз прийти Польше на помощь. Ненападение есть ненападение, и только. Оно вовсе не предполагает совместных действий для обороны, наоборот, оно исключает их: иначе пакт носил бы другой характер и другое название. Какой же смысл имеет эта формула в устах социал-демократических вождей? Разве коммунисты угрожают разгромить социал-демократические организации? Или, наоборот, разве социал-демократия собирается объявить крестовый поход против коммунистов? Ведь дело идет совсем о другом. Если уж пользоваться языком дипломатии, то надо было бы говорить не о взаимном ненападении, а об оборонительном союзе против третьего, т. е. против фашизма. Задача состоит не в том, чтобы приостановить или предупредить вооруженную борьбу между коммунистами и социал-демократами - о такой опасности не может быть и речи, - а в том, чтобы сочетать силы социал-демократов и коммунистов против уже начавшегося вооруженного нападения на них со стороны национал-социалистов.

Как это ни невероятно, но социал-демократические вожди подменяют вопрос о реальной обороне против вооруженных действий фашизма вопросом о политической полемике между коммунистами и социал-демократами. Это все равно, что вопрос о том, как предупредить крушение поезда, подменить вопросом о необходимости взаимной вежливости между пассажирами второго и третьего класса.

Беда, однако, в том, что несчастная формула "взаимного ненападения" не годится и для той посторонней цели, ради которой она притянута за волосы. Обязательство ненападения между двумя государствами вовсе не устраняет между ними взаимной борьбы, полемики, интриг и подвохов. Польские официозные газеты, несмотря на пакт, пишут о Советском Союзе не иначе, как слюною бешеной собаки. В свою очередь, и советская печать далека от комплиментов по адресу польского режима. Нет, социал-демократические вожди явно попали впросак, попытавшись подменить задачи пролетарской политики условной формулой дипломатии.

Совместно обороняться, прошлого не забывать,
будущее готовить

Более осторожные социал-демократические журналисты выражаются так, [что] они-де не против "деловой критики", но они против заподозриваний, брани и травли. Очень похвальные правила! Но как найти границу, где дозволенная критика переходит в недозволенную травлю? И где беспристрастный судья? Тому, кого критикуют, критика, по общему правилу, никогда не нравится, особенно, когда ему нечего возразить по существу. Хороша ли критика коммунистов или плоха, вопрос особый. Если бы у коммунистов и

социал-демократов существовало на этот счет одинаковое мнение, не было бы на свете и двух независимых партий. Допустим, что полемика коммунистов плоха. Но разве это смягчает смертельную опасность фашизма или устраняет необходимость совместной обороны?

Возьмем, однако, обратную сторону медали: полемику самой социал-демократии против коммунизма. В "Форвертсе" (беру номер, который лежит у меня на столе) приводится изложение речи Штампфера²¹ о взаимном ненападении. Тут же нарисована карикатура: большевик заключает договор о взаимном ненападении с Пилсудским, но отказывается от подобного же договора с социал-демократией. Карикатура есть ведь тоже полемическое "нападение", и к тому же на этот раз явно неудачное. "Форвертс" забывает попросту, что договор о взаимном ненападении существовал у Советов с Германией²² в то время, когда во главе немецкого правительства стоял социал-демократ Герман Мюллер²³!

В "Форвертсе" от 15 февраля, на одной и той же странице, на первой колонке защищается идея пакта о ненападении, а на четвертой колонке коммунисты обвиняются в том, что их завком у Ашингера²⁴ совершил предательство интересов рабочих при заключении тарифного договора. Так и сказано: "предательство". Секрет этой полемики (деловая критика или травля?) прост: у Ашингера предстояли тогда перевыборы завкома. Можно ли требовать, чтоб "Форвертс" в интересах единого фронта прекратил такого рода нападения? Для этого "Форвертс" должен был бы перестать быть самим собой, т. е. социал-демократической газетой. Если "Форвертс" верит тому, что он пишет о коммунистах, то его прямая обязанность раскрывать глаза рабочим на их ошибки, преступления и "предательства". Как же иначе? Необходимость боевого соглашения вытекает из существования двух партий, но не ликвидирует этого факта. Политическая жизнь продолжается. Каждая из партий, даже при самом честном отношении к единому фронту, не может не думать о своем завтрашнем дне.

Противники смыкают ряды при общей опасности

Представим себе на минуту, что коммунистический член завкома у Ашингера заявляет социал-демократическому члену: так как "Форвертс" назвал мои действия в вопросе о тарифе предательскими, то я не хочу совместно с тобой защищать мой висок и твой затылок от фашистской пули. При самой большой снисходительности, такой ответ нельзя было бы назвать иначе, как идиотским.

Разумный коммунист, серьезный большевик скажет социал-демократу: "Ты знаешь всю мою вражду к "Форвертсу". Я всеми силами стараюсь и буду стараться подорвать пагубное влияние этой газеты среди рабочих. Но я делал и буду делать это словом, критикой, убеждением. Фашисты же хотят физически уничтожить "Форвертс". Я обещаю тебе защищать вместе с тобой твою газету из последних сил, но я требую от тебя, чтобы и ты по первому призыву явился на защиту "Роте Фане", как бы ты к ней ни относился". Разве это не безупречная постановка вопроса? Разве она не отвечает элементарным интересам всего

пролетариата?

Большевик не требует от социал-демократа, чтобы тот переменял свое мнение о большевизме и о большевистских газетах. Он не требует также, чтобы социал-демократ обязался на весь период соглашения замалчивать свое мнение о коммунизме. Такое требование было бы совершенно недостойным. "До тех пор, - говорит коммунист, - пока я не переубедил тебя или ты - меня, мы будем критиковать друг друга с полной свободой, употребляя те доводы и выражения, какие каждый из нас находит нужным. Но когда фашист захочет загнать каждого из нас кляп в плотку, мы совместно дадим ему отпор!" Может ли разумный социал-демократический рабочий ответить на такое предложение отказом?

Полемика социал-демократических и коммунистических газет, как бы остра она ни была, не может помешать наборщикам этих газет заключить между собою боевое соглашение о совместной обороне от нападения фашистских банд на типографии газет. Даже социал-демократические и коммунистические депутаты рейхстага и ландтагов, гласные городских дум и пр. вынуждены спешить друг другу на выручку, когда наци прибегают к палкам и стульям. Нужны ли еще примеры?

То, что верно в каждом частном случае, верно и в качестве общего правила: непримиримая борьба социал-демократии и коммунизма за руководство рабочим классом не может и не должна препятствовать им смыкать ряды, когда удар грозит рабочему классу в целом. Разве это не ясно?

Две мерки

"Форвертс" возмущается тем, что коммунисты обвиняют социал-демократов (Эберта, Шейдемана, Носке²⁵, Германа Мюллера, Гжезинского²⁶) в расчистке пути для Гитлера. Возмущаться - законное право "Форвертса". Но газета идет дальше: как же можно, восклицает она, заключить единый фронт с такими клеветниками! Что это: сентиментальность? нежная чувствительность? Нет, тут уж пахнет лицемерием. Ведь не могли же вожди немецкой социал-демократии забыть, что Вильгельм Либкнехт и Август Бебель не раз заявляли о готовности социал-демократии ради определенных практических целей заключить соглашение с чертом и его бабушкой. Основатели социал-демократии отнюдь не требовали при этом, чтобы черт сдал в музей свои рога, а бабушка его приняла лютеранское исповедание. Откуда же такая нежная чувствительность у нынешних социал-демократических политиков, прошедших с 1914 года через единый фронт с кайзером²⁷, Людендорфом²⁸, Гренером²⁹, Брюнингом, Гинденбургом? Откуда эти две мерки: одна - для буржуазных партий, другая - для коммунистической?

Вожди центра считают, что всякий нечестивец, отрицающий догматы единоспасающей католической церкви, представляет отродье человечества и обречен к тому же на вечные муки. Это не мешало Гильфердингу, который вряд ли верит в беспорочное зачатие, соблюдать единый фронт с католиками в правительстве и в парламенте. Вместе с центром социал-демократы создали "железный фронт"³⁰. Католики при этом ни на день не прекращали своей нетерпимой пропаганды и полемики во всех церквях. Почему же такая

требовательность со стороны Гильфердинга по отношению к коммунистам? Либо полное прекращение взаимной критики, т. е. борьбы направлений в рабочем классе, либо отказ от каких бы то ни было совместных действий. "Все или ничего"! По отношению к буржуазному обществу и его партиям социал-демократия никогда не ставила таких ультиматумов. Каждый рабочий социал-демократ обязан задуматься над этими двумя мерками.

Пусть на массовом собрании кто-нибудь сегодня же спросит Вельса³¹: как это случилось, что социал-демократия, давшая республике первого канцлера и первого президента³², довела страну до Гитлера? Вельс непременно ответит, что главная доля вины за это ложится на большевизм. "Форвертс" повторяет это "объяснение" чуть [ли] ни каждый день. Неужели же ради единого фронта с коммунистами он откажется от своего права и своей обязанности говорить рабочим то, что они считают правдой? Но коммунистам этого совсем и не нужно. Единый фронт против фашизма есть только одна глава в книге пролетарской борьбы. Нельзя вычеркивать предшествующие главы. Нельзя забывать прошлое. Надо учиться у него. Мы помним о союзе Эберта с Гренером и о роли Носке. Мы помним, при каких условиях погибли Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Мы, большевики, учим рабочих не забывать ничего. Мы не требуем от черта, чтобы он отпилил себе хвост: ему будет больно, а нам никакой выгоды. Мы берем черта таким, каким его создала природа. Нам нужны не покаяние социал-демократических вождей и не их верность марксизму, а готовность социал-демократии бороться против врага, который ей самой угрожает гибелью. С своей стороны, мы обязуемся соблюдать в совместной борьбе все принятые на себя обязательства. Мы обещаем хорошо драться и довести борьбу до конца. Этого вполне достаточно для боевого соглашения.

Ваши вожди не хотят бороться!

Но остается все же открытым вопрос: почему социал-демократические вожди разговаривают о чем угодно: о полемике, ненападении, плохих нравах коммунистов и пр., вместо того чтобы ответить на простой вопрос: как бороться с фашистами? По очень простой причине: социал-демократические вожди не хотят борьбы. Раньше они надеялись на то, что Гинденбург спасет их от Гитлера. Теперь они ждут какого-либо другого чуда. Бороться они не хотят. Бороться они давно отвыкли. Борьбы они боятся.

По поводу фашистского бандитизма в Эйслебене, Штампфер пишет: "Вера в право и справедливость в Германии еще не мертва" ("Форвертс", 14 февраля). Нельзя без возмущения читать такие строки. Вместо призыва к единому боевому фронту - поповское утешение: "вера в справедливость еще не мертва". Но у буржуазии одна справедливость, у пролетариата - другая. Надклассовой справедливости нет. Вооруженная несправедливость всегда одерживает верх над безоружной справедливостью. Об этом свидетельствует вся история человечества. Кто апеллирует к бесспорному призраку, тот обманывает рабочих. Кто хочет победы пролетарской справедливости над фашистским насилием, тот должен звать к борьбе и создавать органы единого пролетарского фронта.

Во всей социал-демократической печати нельзя найти ни строчки, свидетельствующей о действительной подготовке к борьбе. Ничего, кроме общих фраз, ссылок на неопределенное будущее, туманных утешений. "Пусть наци попробуют, и тогда..." И наци пробуют. Они наступают шаг за шагом, спокойно завладевают одной позицией за другой. Эти злобные реакционные мелкие буржуа не любят рисковать. Но им и не приходится рисковать: они заранее уверены, что противник отступит без боя. И они не ошибаются в своих расчетах.

Иногда, конечно, борцу приходится отступить, чтоб лучше разбежаться и прыгнуть. Но социал-демократические вожди не собираются прыгнуть. Они не хотят прыгать. И все их рассуждения сводятся к тому, чтобы прикрыть этот факт. Сперва они заявляли, что, пока наци не сходят с почвы легальности, для борьбы нет оснований. Но мы ведь видели эту "легальность": государственный переворот производится в рассрочку. Это возможно только потому, что социал-демократические вожди усыпляют рабочих фразами о легальности переворота, утешают их надеждами на новый рейхстаг, еще более бессильный, чем предшествующие. Ничего лучшего фашисты не могут и желать.

Сейчас социал-демократия перестала уже говорить о боях даже в неопределенном будущем. По поводу начавшегося разгрома рабочих организаций и рабочей печати "Форвертс" "напоминает" правительству: не забывайте, что рабочие развитой капиталистической страны объединены условиями производства у себя на заводе. Эти слова означают, что правление социал-демократии уже заранее мирится с разгромом политических, экономических и культурных организаций, созданных тремя поколениями пролетариата. Рабочие "все равно" останутся объединены самими предприятиями. Тогда зачем же вообще пролетарские организации, если дело решается так просто?

Руководители социал-демократии и профессиональных союзов умывают руки, отходят к стороне, выжидают. Если сами рабочие, "объединенные предприятиями", прорвут сеть дисциплины и начнут борьбу, тогда вожди, конечно, вмешаются, как в 1918 году, в качестве умиротворителей и посредников, и попытаются на спине рабочих восстановить свои утерянные позиции.

Свой отказ от борьбы, свой страх перед борьбой вожди маскируют от масс пустыми разговорами насчет пакта о взаимном ненападении. Социал-демократические рабочие! Ваши вожди не хотят бороться.

Значит, это маневр?

Здесь социал-демократ снова прервет нас: "Но раз вы не верите в желание наших вождей бороться против фашизма, значит ваше предложение единого фронта есть простой маневр?" Дальше он повторит рассуждение "Форвертса" о том, что рабочим нужно единство, а не "маневр".

Такого рода довод звучит довольно убедительно. Но на самом деле, он совершенно пуст. Да, мы, коммунисты, не сомневаемся, что социал-демократические и профсоюзные чиновники будут и дальше изо всех сил уклоняться от борьбы. Значительная часть рабочей бюрократии в критический

час прямо перебежит к фашистам. Другая часть, успевшая перевести свои безгрешные "сбережения" за границу, своевременно эмигрирует. Все эти действия уже начались и неизбежно получают свое дальнейшее развитие. Но мы совсем не отождествляем эту наиболее сейчас влиятельную часть реформистской бюрократии с социал-демократической партией или с профессиональными союзами в целом. Пролетарское ядро партии будет несомненно бороться и увлечет за собою значительную часть аппарата. Где пройдет разграничительная линия между перебежчиками, изменниками, дезертирами, с одной стороны, и теми, кто хочет бороться, с другой? Эту линию можно найти только на опыте. Вот почему, не питая ни малейшего доверия к социал-демократической бюрократии, коммунисты не могут не обращаться к партии в целом. Только так можно отделить желающих бороться от желающих дезертировать. Если мы ошибаемся в оценке Вельса, Брейтшейда³³, Гильфердинга, Криспина и прочих, пусть они опровергнут нас делом. Мы на всех прощадях покаемся в своей ошибке. Если все это с нашей стороны "маневр", то правильный, нужный, служащий интересам дела.

Вы, социал-демократы, остаетесь в своей партии, потому что верите ее программе, ее тактике, ее руководству. Мы считаемся с этим фактом. Вы считаете нашу критику ложной. Это ваше право. Вы вовсе не обязаны доверять коммунистам на слово, и ни один разумный коммунист этого от вас не потребует. Но и коммунисты вправе не доверять чиновникам социал-демократии, не считать социал-демократов марксистами, революционерами, действительными социалистами. Иначе коммунисты не создали бы отдельной партии и отдельного Интернационала. Надо брать факты, как они есть. Единый фронт надо строить не в облаках, а на том фундаменте, какой создан всем прошлым развитием. Если вы действительно верите, что ваше правление поведет рабочих на борьбу с фашизмом, какого же коммунистического маневра вы боитесь? О каком маневре говорит неустанно "Форвертс"? Вдумайтесь как следует быть в обстановку: нет ли тут сознательного маневра со стороны ваших вождей, которые хотят запугать вас пустым словом "маневр" и тем оторвать вас от единого фронта с коммунистами?

Задачи и методы единого фронта

Единый фронт должен иметь свои органы. Выдумывать тут ничего не нужно: характер органов диктуется самой обстановкой. Во многих местах рабочие уже подсказали организационную форму единого фронта в виде оборонительных картелей, опирающихся на все местные пролетарские организации и предприятия. Эту инициативу надо подхватить, углубить, закрепить, расширить, покрыть картелями промышленные центры, связать картели между собой, подготовить общенемецкий рабочий конгресс обороны.

Возрастающее отчуждение безработных и работающих несет с собой смертельную опасность не только коллективным договорам, но и профессиональным союзам, даже и без крестового похода фашистов. Единый фронт между социал-демократами и коммунистами означает прежде всего единый фронт занятых рабочих и безработных. Без этого в Германии вообще немыслима

серьезная борьба.

Красная профсоюзная оппозиция (РГО)³⁴ должна выйти в свободные профессиональные союзы, в качестве коммунистической фракции. Это одно из важных условий успеха единого фронта. Коммунисты внутри союзов должны пользоваться правами рабочей демократии, прежде всего полной свободой критики. Со своей стороны, они должны соблюдать статуты профессиональных союзов и их дисциплину.

Оборона против фашизма не стоит особняком. Фашизм только дубина в руках финансового капитала. Цель разгрома пролетарской демократии - повысить норму эксплуатации рабочей силы. Здесь открывается широкая арена для единого пролетарского фронта: борьба за кусок хлеба, расширяясь и углубляясь, непосредственно ведет к в нынешних условиях к борьбе за рабочий контроль над производством.

Заводы, шахты, поместья выполняют свои общественные функции только благодаря труду рабочих. Неужели же рабочие не имеют права знать, куда собственник направляет предприятие, почему он сокращает производство и изгоняет рабочих, как он назначает цены и пр.? Нам отвечают на это: "коммерческая тайна". Что такое коммерческая тайна? Это заговор капиталистов против рабочих и против всего народа. Как производители и как потребители, рабочие должны завоевать право проверять все операции своего предприятия, вскрывать фальшь и обман, чтобы отстаивать свои интересы и интересы всего народа с фактами в руках. Борьба за рабочий контроль над производством может и должна будет стать лозунгом единого фронта.

Необходимые организационные формы сотрудничества социал-демократических рабочих с коммунистами найдутся без труда: нужно только от слов перейти к делу.

Непримиримость социал-демократической и коммунистической партий

Но если возможна совместная оборона против наступления капитала, нельзя ли пойти дальше этого и создать постоянный блок обеих рабочих партий по всем вопросам? Тогда и полемика между ними приняла бы чисто внутренний, мирный, товарищеский характер. Некоторые левые социал-демократы, вроде Зейдевица³⁵, мечтают, как известно, даже о полном объединении социал-демократии с коммунистической партией. Все это, однако, праздные мечты! Коммунистов отделяют от социал-демократии противоречия по основным вопросам. Суть разногласий проще всего выразить короткой фразой: социал-демократия считает себя демократическим врачом капитализма; мы же являемся его революционным могильщиком. Как можно при таком различии исторических ролей думать об объединении?

Непримиримость обеих партий особенно ясна в свете новейшего развития Германии. Лейпарт³⁶ плачется по поводу того, что, призвав Гитлера к власти, буржуазные классы прервали "внедрение рабочих в государство", и предупреждает буржуазию о вытекающей отсюда для нее "опасности" ("Форвертс",

15 февраля 1933 г.). Значит, Лейпарт есть сторож буржуазного государства, охраняющий его от пролетарской революции. Можно ли думать об объединении с Лейпартом?

"Форвертс" каждый день хвалится тем, что сотни тысяч социал-демократов погибли в войне "за идею лучшей, более свободной Германии"... Газета забывает только объяснить, почему эта лучшая Германия оказалась Германией Гитлера-Гугенберга. На самом деле немецкие рабочие, как и рабочие других воюющих стран, погибали как пушечное мясо, как рабы капитала. Идеализировать этот факт значит продолжать измену 4 августа 1914 года³⁷.

"Форвертс" и сегодня ссылается на Маркса, Энгельса, Вильгельма Либкнехта, Бебеля, которые в 1848-1871 гг. говорили о борьбе за единство немецкой нации. Фальшивые ссылки! В ту эпоху дело шло о завершении буржуазной революции. Всякий пролетарский революционер должен был бороться против средневекового партикуляризма и провинциализма, во имя создания национального государства. Сейчас такого рода задача имеет прогрессивный характер только в Китае, Индокитае, Индии, Индонезии и других отсталых, колониальных и полуколониальных странах. Для передовых стран Европы национально-государственные границы стали такими же реакционными оковами, какими раньше были границы феодальных провинций.

"Нация и демократия - близнецы", - повторяет "Форвертс". Верно! Но эти близнецы состарились, одряхлели, выжили из ума. Нация, как хозяйственное целое, и демократия, как форма буржуазного господства, стали оковами производительных сил и культуры. Еще раз вспомним Гете: "Все возникающее достойно гибели".

Можно уложить еще несколько миллионов душ из-за "коридора", из-за Эльзаса-Логарингии³⁸, из-за Мальмеди³⁹. Можно эти спорные куски земли покрыть сплошь трупами в три, пять, десять рядов. Можно все это назвать национальной обороной. Но человечество будет при этом не двигаться вперед, а ползать на четвереньках назад, в варварство. Выход не в "национальном освобождении" Германии, а в освобождении Европы от государственных перегородок. Буржуазия этой задачи не может разрешить, как феодалы не могли в свое время покончить с партикуляризмом. Коалиция с буржуазией поэтому вдвойне преступна. Нужна пролетарская революция. Нужна федерация пролетарских республик Европы и всего мира.

Социал-патриотизм есть программа врачей капитализма; интернационализм -- программа могильщиков буржуазного общества. Это противоречие непримиримо.

Демократия и диктатура

Социал-демократы считают, что демократическая конституция стоит над классовой борьбой. Для нас классовая борьба стоит над демократической конституцией. Неужели же опыт послевоенной Германии прошел бесследно, как и опыт войны? Ноябрьская революция поставила у власти социал-демократию. Социал-демократия перевела могущественное движение масс на путь "права" и "конституции". Вся дальнейшая политическая жизнь Германии развивалась на

основах и в рамках Веймарской республики. Результаты налицо: буржуазная демократия, как и фашистская диктатура, являются инструментами одного и того же класса - эксплуататоров. Помешать замене одного инструмента другим посредством апелляции к конституции, - лейпцигский верховный суд⁴⁰, новые выборы и пр. - совершенно невозможно; необходимо мобилизовать революционные силы пролетариата. Конституционный фетишизм оказывает лучшую помощь фашизму. Сейчас это уже не прогноз, не теория, а живой факт. Я спрашиваю тебя, социал-демократический рабочий: если веймарская демократия проложила дорогу фашистской диктатуре, как же можно ждать, что она проложит дорогу социализму?

- Но разве мы, рабочие, не можем завоевать большинства в демократическом рейхстаге?

- Не можете. Капитализм перестал развиваться, он загнивает. Число промышленных рабочих не растет. Значительная часть пролетариата разлагается в постоянной безработице. Уже одни эти социальные факты исключают возможность устойчивого и планомерного роста рабочей партии в парламенте, как было до войны. Но если бы даже, наперекор всем вероятностям, рабочее представительство быстро росло, разве буржуазия стала бы дожидаться мирной экспроприации? Ведь фактический аппарат власти в ее руках! Наконец, если бы даже буржуазия упустила время и позволила пролетариату захватить 51% представительства, разве рейхсвер, полиция, стальная каска вместе с фашистскими отрядами не разогнали бы этого парламента, как камарилья разгоняет ныне росчерком пера все те парламента, которые ей не нравятся?

- Значит, долой рейхстаг и долой выборы?

- Нет, не значит. Мы - марксисты, мы не анархисты. Мы стоим за использование парламента: это не орудие преобразования общества, но одно из средств сплочения рабочих. Однако в развитии классовой борьбы наступает момент, когда приходится решать вопрос о том, кто будет дальше хозяином в стране: финансовый капитал или пролетариат? Разговоры о нации вообще, о демократии вообще представляют в этих условиях самый бесчестный обман. На наших глазах маленькое меньшинство немецкой нации организует и вооружает чуть ли не половину нации. Вопрос идет сейчас не о второстепенных реформах, а о жизни и смерти буржуазного общества. Никогда еще такие вопросы не решались посредством голосования. Кто теперь отсылает к парламенту или к лейпцигскому верховному суду, тот обманывает рабочих и на деле помогает фашизму.

Другого пути нет

- Что же остается? - спросит социал-демократический собеседник.

- Пролетарская революция.

- А потом?

- Диктатура пролетариата.

- Как в России? Лишения и жертвы? Полное подавление свободы мнений?

Нет, на это я не согласен.

- Поэтому-то и не может быть у нас единой партии, что ты не согласен стать на путь революции и диктатуры. Но позволь тебе все же сказать, что твоё возражение недостойно сознательного пролетария. Да, лишения русских рабочих очень велики. Но, во-первых, русские рабочие знают, во имя чего они приносят жертвы. Даже если бы они потерпели поражение, человечество многому научилось бы на их опыте. А во имя чего немецкий рабочий класс приносил жертвы в годы империалистской войны? Или теперь, в годы безработицы? Куда ведут эти жертвы, что они дают, чему учат? Только те жертвы достойны человека, которые прокладывают путь лучшему будущему. Это первое моё возражение тебе. Первое оно, но не единственное.

Страдания русских трудящихся масс так велики потому, что в России в силу особых исторических условий возникло первое рабочее государство, которое вынуждено из чрезвычайной нищеты собственными силами подниматься вверх. Не забывай: Россия являлась самой отсталой страной в Европе. Пролетариат составлял в ней небольшое меньшинство населения. В такой стране диктатура пролетариата должна была принять самые суровые формы. Отсюда вытекали уже дальнейшие последствия: рост бюрократии, сосредоточивающей в своих руках власть, и цепь ошибок политического руководства, которое подпало под влияние бюрократии. Если бы немецкая социал-демократия в конце 1918 года, когда власть была целиком в её руках, смело стала на путь социализма и заключила бы нерасторжимый союз с Советской Россией, вся история Европы получила бы другое направление и человечество пришло бы к социализму в гораздо более короткий срок и с неизмеримо меньшими жертвами. Не наша вина, что этого не произошло.

Да, диктатура в Советском Союзе имеет в настоящее время чрезвычайно бюрократический и уродливый характер. Я лично не раз критиковал в печати нынешний советский режим, который является извращением рабочего государства. Тысячи и тысячи моих друзей переполняют тюрьмы и места ссылки в наказание за свою борьбу против сталинской бюрократии. Но и в оценке отрицательных сторон нынешнего советского режима нужно соблюдать правильную историческую перспективу. Если бы германский пролетариат, гораздо более многочисленный и культурный, чем пролетариат России, взял завтра в свои руки власть, это не только раскрыло бы необозримые экономические и культурные перспективы перед народами Европы, но и сразу же привело бы к решительному смягчению диктатуры в Советском Союзе.

Не надо думать, будто диктатура пролетариата непременно связана с теми методами красного террора, которые нам приходилось применять в России. Мы были пионерами. Запятнанные преступлениями, имущие классы России не верили тому, что новый режим продержится. Буржуазия Европы и Америки поддерживала русскую контрреволюцию. Устоять в этих условиях можно было только при страшном напряжении сил и при беспощадной расправе с классовыми врагами. Победа пролетариата в Германии имела бы совершенно отличный характер. Немецкая буржуазия, утратив власть, не имела бы никакой надежды вернуть её. Союз советской Германии с советской Россией не удваивал, а удесятерил бы

силы обеих стран. Во всей остальной Европе положение буржуазии так скомпрометировано, что ей вряд ли удалось бы двинуть свои армии против пролетарской Германии. Правда, гражданская борьба была бы неизбежна: для этого достаточно фашизма. Но вооруженный властью немецкий пролетариат, имея за своей спиной Советский Союз, очень скоро разложил бы фашизм, привлекая на свою сторону значительные массы мелкой буржуазии. Диктатура пролетариата в Германии имела бы несравненно более мягкие и культурные формы, чем диктатура пролетариата в России.

- Зачем же тогда вообще нужна диктатура?

- Чтобы уничтожить эксплуатацию и паразитизм; чтоб подавить сопротивление эксплуататоров; чтобы отучить их думать о восстановлении эксплуатации; чтоб обеспечить всю власть, все средства производства, все ресурсы культуры в руках пролетариата; чтобы дать пролетариату возможность использовать все силы и средства в интересах социалистического преобразования общества. Другого пути нет.

Немецкий пролетариат совершит революцию по-немецки, а не по-русски

- Однако же наши коммунисты нередко грозят нам, социал-демократам: стойте, придет к власти - сразу поставим вас к стенке.

- Швыряться такими угрозами могут только отдельные дураки, болтуны или хвастуны, которые, наверняка, разбегутся в минуту опасности. Серьезный революционер, признавая неизбежность революционного насилия и его творческую роль, понимает в то же время, что применению насилия в социалистическом преобразовании общества отведены определенные пределы. Готовиться к революции коммунисты могут, лишь ища взаимного понимания и сближения с социал-демократическими рабочими. Революционное единодушие подавляющего большинства немецкого пролетариата сведет к минимуму репрессии революционной диктатуры. Дело идет не о том, чтобы рабски копировать советскую Россию, превращая каждую ее нужду в добродетель. Это недостойно марксистов. Пользоваться опытом Октябрьской революции не значит слепо подражать ей. Надо учесть разницу в социальной структуре наций, прежде всего в удельном весе и культурном уровне пролетариата. Думать, будто социалистический переворот можно совершить конституционно, мирно, с согласия буржуазии и лейпцигского верховного суда, способны только безнадежные филистеры. Без революции германский пролетариат не обойдется. Но в своей революции он будет говорить по-немецки, а не по-русски. Я не сомневаюсь, что он будет говорить гораздо лучше, чем говорили мы.

Что мы будем оборонять?

- Хорошо. Но ведь мы, социал-демократы, собираемся все же прийти к социализму через демократию. Вы, коммунисты, считаете это нелепой утопией. Возможен ли в таком случае единый фронт обороны? Ведь надо ясно знать, что именно подлежит обороне. Если мы будем защищать одно, а вы - другое, то совместных действий никак не получится. Согласны ли вы, коммунисты, защищать веймарскую конституцию?

- Вопрос уместный, и я постараюсь на него ответить начистоту. Веймарская конституция представляет собою целую систему учреждений, прав и законов. Начнем сверху. Республика увенчивается президентом. Согласны ли мы, коммунисты, защищать Гинденбурга от фашистов? В этом, надеюсь, нет никакой надобности: Гинденбург сам призвал фашистов к власти. Дальше следует правительство, возглавляемое Гитлером. В защите от фашизма оно не нуждается. Потом следует парламент. Когда эти строки появятся в печати, судьба парламента, вышедшего из выборов 5 марта, будет уже, вероятно, решена. Но и сейчас можно сказать с уверенностью: если состав рейхстага окажется враждебен правительству; если Гитлер попытается ликвидировать рейхстаг; если социал-демократия проявит решимость бороться за рейхстаг, - коммунисты поддержат в этом социал-демократию изо всех сил.

Осуществить диктатуру пролетариата против вас или без вас, рабочих социал-демократов, мы, коммунисты, не можем и не собираемся. К диктатуре пролетариата мы хотим прийти вместе с вами. Совместную оборону против фашизма мы рассматриваем как первый шаг на этом пути. Не рейхстаг, конечно, является в наших глазах важнейшим историческим завоеванием, которое пролетариат должен защищать от фашистских вандалов. Есть более высокие ценности. В рамках буржуазной демократии и в то же время в постоянной борьбе с нею сложились в течение ряда десятилетий элементы пролетарской демократии: политические партии, рабочая пресса, профессиональные союзы, заводские комитеты, клубы, кооперативы, спортивные общества и пр. Задача фашизма состоит не столько в том, чтобы добить остатки буржуазной демократии, сколько в том, чтобы разгромить зачатки пролетарской демократии. Наша же миссия состоит в том, чтобы положить уже созданные элементы пролетарской демократии в основу советской системы рабочего государства. Для этого надо разбить скорлупу буржуазной демократии и высвободить из-под нее ядро рабочей демократии: в этом и заключается суть пролетарской революции. Фашизм угрожает живому ядру рабочей демократии. Этим самым ясно продиктована программа единого фронта. Мы готовы оборонять ваши и наши типографии, но также и демократический принцип свободы печати; ваши и наши рабочие дома, но также и демократический принцип свободы собраний и союзов. Мы - материалисты, и потому не отделяем душу от тела. Пока мы еще не в силах осуществить советскую систему, мы стоим на почве буржуазной демократии. Но мы не делаем себе на ее счет никаких иллюзий.

О свободе печати

- А что вы сделаете с социал-демократической печатью в случае, если бы вам удалось завоевать власть: запретите наши газеты, как русские большевики запретили газеты меньшевиков?

- Вопрос поставлен плохо. Что значит "наши газеты"? В России диктатура пролетариата оказалась возможной лишь после того, как подавляющее большинство рабочих-меньшевиков перешло на сторону большевиков, а мелкобуржуазные остатки меньшевизма принялись помогать буржуазии бороться за

восстановление "демократии", т. е. капитализма. Но и в России мы вовсе не писали на своем знамени запрещение меньшевистских газет. Мы были приведены к этому невероятно тяжелыми условиями борьбы за спасение и сохранение революционной диктатуры. В советской Германии положение будет, как я уже сказал, неизмеримо более благоприятное, и это неизбежно отразится на режиме печати. Я вообще не думаю, что немецкий пролетариат будет нуждаться в этой области в репрессиях.

Разумеется, я не хочу сказать, что рабочее государство потерпит хотя бы в течение одного дня режим буржуазной "свободы печати", т. е. тот порядок, при котором издавать газеты и книги могут лишь те, кто сосредоточил в своих руках типографии, бумажные заводы, книжные склады и пр., т. е. капиталисты. Буржуазная "свобода печати" означает монополию финансового капитала навязывать народу капиталистические предрассудки при помощи сотен и тысяч газет, распространяющих яд лжи в наиболее совершенной технической форме. Пролетарская свобода печати будет означать национализацию типографий, бумажных фабрик и складов в интересах трудящихся. Мы не отделяем души от тела. Свобода печати без линотипов, ротационных машин и бумаги есть пустая фикция. В пролетарском государстве технические средства печати будут предоставляться группам граждан в зависимости от их действительной численности. Господину Гугенбергу придется при этом немножко потесниться, как и всем другим капиталистическим монополистам газетного дела. Но тут уж ничего не поделаешь. Социал-демократия получит в свое распоряжение типографские средства в соответствии с числом ее сторонников. Я не думаю, что это число будет к тому времени очень велико: в противном случае невозможен был бы и самый режим пролетарской диктатуры. Пусть, однако, этот вопрос разрешит будущее. Но самый принцип: распределять технические средства печати в зависимости не от толщины чековой книжки, а от числа сторонников данной программы, данного течения, данной школы является, надеюсь, самым честным, самым демократическим, подлинно пролетарским принципом. Не так ли?

- Пожалуй.
- Тогда по рукам, что ли?
- Я еще подумаю.
- Ничего другого, дружище, я и не хочу: цель всех моих рассуждений состоит в том, чтобы заставить тебя еще раз подумать над всеми большими вопросами пролетарской политики.

Л. Троцкий

Принкипо

24 февраля 1933 г.

Изъятые страницы из тезисов предконференции⁴¹, не вошедшие в русский "Бюллетень"⁴². Об испанской секции левой оппозиции

Испанская революция создала крайне благоприятные объективные условия для быстрого развития коммунизма. Но отсутствие сколько-нибудь

подготовленных кадров чрезвычайно затруднило для левой оппозиции, как и для официальной партии, использование совершенно исключительной исторической обстановки. Несмотря на то, что численностью своих членов наша испанская секция превосходит ряд других секций, - это надо полностью отнести за счет революционного приюта, - идейная сплоченность организации и характер руководства раскрывают крайне неудовлетворительную картину.

Чтобы понять причины, необходимо установить хотя бы главнейшие ошибки руководящих кадров испанской оппозиции.

В Каталонии, пролетариат которой представляет естественную среду для быстрого роста влияния большевиков-ленинцев, руководящие товарищи непростительно упускали время; вместо того чтобы хотя бы в составе маленького ядра активно выступить под собственным знаменем, они в течение наиболее критических месяцев революции играли с принципами в прятки, дипломатничали и тянулись в хвосте мелкобуржуазного националиста и провинциального фразера Маурина.

Немногим лучше обстояло дело и в других частях Испании, где левые оппозиционеры, игнорируя официальную кампанию и подменяя марксистское воспитание кадров революционным сентиментализмом, долго не проводили необходимой грани между собою и правыми группировками.

Не менее вредные последствия имел тот факт, что руководящие товарищи, поддаваясь влиянию худших сторон испанской революционной традиции, повернулись спиной к интернациональному опыту и, заявляя на словах о своей солидарности с левой оппозицией, фактически, прямо или косвенно, поддерживали всех путаников и перебежчиков (Ландау, Росмер, Милль и пр.).

В вопросе: фракция или самостоятельная партия? испанская секция заняла на своей последней конференции по меньшей мере двусмысленную позицию, высказавшись за самостоятельные списки на парламентских и иных выборах. Решение это, идущее вразрез с политикой левой оппозиции и практически ничем не подготовленное, осталось платонической, но вредной демонстрацией.

На пути своего отчуждения от большевиков-ленинцев руководители испанской оппозиции зашли так далеко, что сочли возможным переменить самое имя своей организации. Назвав себя "левыми коммунистами" - теоретически явно неправильным именем, - испанские товарищи противопоставили себя этим интернациональной левой оппозиции и в то же время приблизились по названию к Ленинбунду, группе Росмера и пр. Ни один серьезный революционер не поверит, что такой важный шаг сделан случайно, без политической цели. В то же время ни один марксист не одобрит политики, которая [не] заявляет о своих намерениях открыто, а прибегает к дипломатничанью и лавированью в принципиальных вопросах.

Требуя привлечения на интернациональную конференцию всех причисляющих себя к левой оппозиции групп как отколовшихся, так и исключенных, испанская секция показывает, как далеко она стояла и стоит от действительного развития интернациональной левой и как мало она усвоила его внутреннюю логику.

Обвиняя остальные секции в неправильной организационной политике и не

попытавшись хоть сколько-нибудь обосновать свои обвинения, испанские товарищи успели в то же время обнаружить на деле всю ошибочность своих собственных методов. Внезапно вспыхнувшая в ЦК борьба двух групп привела испанскую секцию на грань раскола, причем организация оказалась застигнута врасплох, так как ни одна из борющихся групп не смогла до сих пор формулировать принципиальные основы ожесточенной борьбы.

На нынешнем своем идеологическом фундаменте испанская секция не может развиваться. Отдавая себе ясный отчет в том, что исправление совершенных ошибок и создание в Испании принципиально выдержанной и революционно сплоченной организации может быть достигнуто лишь в процессе длительной систематической работы, предконференция выдвигает следующие, наиболее неотложные меры:

а) Все важнейшие интернациональные документы по спорным вопросам должны быть переведены на испанский язык и доведены до сведения всех членов секции. Надо перестать скрывать факты. Сказанное относится прежде всего к делу Милля, где руководители испанской секции не только поддержали явно беспринципного субъекта против интернациональной оппозиции, но позволяют себе и сейчас, в защиту совершенных ими ошибок, совершенно недопустимые инсинуации по адресу интернациональной оппозиции.

б) Обе борющиеся группы ЦК должны отказаться от беспринципного раскола организации, приняв все меры к тому, чтобы обсуждение спорных вопросов шло по нормальным каналам, с участием всех без исключения членов организации.

в) Внутренняя дискуссия должна вестись в "Бюллетене", состав редакции которого должен обеспечивать полное беспристрастие в отношении каждой из борющихся группировок (общий редакционный комитет).

г) В порядок дня поставить все принципиальные вопросы интернациональной левой, не допуская подмены ясных политических позиций личными симпатиями, антипатиями и инсинуациями.

д) Всесторонняя дискуссия должна подготовить новую национальную конференцию.

Предконференция поручает Секретариату с особым вниманием следить за внутренним развитием испанской секции, чтобы помочь ей провести намеченные выше и все другие целесообразные меры, в полном соответствии с задачами и методами интернациональной левой.

О кризисе в немецкой секции

Предконференция констатирует, что, несмотря на исключительно благоприятные условия и правильную исходную позицию, немецкая секция далеко не использовала открытых перед нею возможностей. Кризис, связанный с капитуляцией Веля и К||, показал, что кадры немецкой оппозиции нуждаются в серьезном обновлении. В то время как подавляющее большинство рядовых членов организации после первой серьезной информации о кризисе сразу занимали по отношению к клике Веля правильную позицию, выражавшуюся одним словом "вон!", правление и редакция, наоборот, проявили недопустимые колебания, упустили

время, не информировали надлежащим образом ни свои собственные местные организации, ни иностранные секции. При таких методах руководства революционная организация победить не может. Большевики-ленинцы находятся под ожесточенным преследованием не только всех сил старого общества, включая и социал-демократию, но и сталинской бюрократии. Проложить себе дорогу к массам левая оппозиция может только при величайшей энергии, беззаветной преданности своим идеям, при постоянной готовности защищать свое знамя до конца. Допускать в состав руководства колеблющихся, пассивных, усталых или кандидатов в капитулянты есть прямое преступление. В руководстве необходимо обеспечить перевес революционных рабочих, тесно связанных с массами и насквозь проникнутых сознанием великой миссии, которую история возлагает на левую оппозицию. Под этим углом зрения должна быть проведена предстоящая конференция немецкой оппозиции.

[Л.Д.Троцкий]

[Февраль 1933 г.]

По поводу положения в Американской лиге

(Интернациональному Секретариату)

Дорогие товарищи!

Положение в Американской лиге, как вы уже указывали на это, требует быстрого и решительного вмешательства со стороны нашей интернациональной организации. Насколько я могу судить по протоколам Секретариата и по переписке, у нас с вами нет разногласий в оценке положения в Американской лиге. Считаю, во всяком случае, своим долгом изложить вам, по возможности точнее, как я представляю себе, на основании очень подробных бесед с тов. Свабеком⁴³ и на основании изучения документов, положение в Лиге и какие меры с нашей стороны представляются мне необходимыми.

1. В течение нескольких лет деятельность Лиги имела главным образом, если не исключительно, литературно-пропагандистский характер. Число членов колебалось вокруг одной и той же цифры в зависимости от улучшения или ухудшения работы центра. Отсутствие движения вперед пробуждало, как всегда, всякого рода личные, групповые и локальные антагонизмы. То же самое отсутствие движения вперед не позволяло этим антагонизмам принять политический характер. Это придавало и придает борьбе крайне отравленный характер при отсутствии явного для всех принципиального содержания. Члены организации из такой борьбы малому научаются. Они вынуждены группироваться по личным связям, симпатиям и антипатиям. Борьба группировок становится в свою очередь тормозом дальнейшего движения вперед.

2. Весьма вероятно, что в этой борьбе заложены в эмбриональном виде возможные принципиальные разногласия. Несчастье, однако, состоит в том, что обе группы чудовищно забегают вперед, обостря групповую, личную, организационную борьбу вне всякого соответствия с ходом политической работы

и выдвигаемыми ею вопросами. В нетерпеливом организационном мареврировании, которое действует разлагающе на Лигу в целом, подрывая каждую группу в отдельности, нельзя не видеть губительного влияния методов и приемов эпигонского Коминтерна, который приучил целое поколение выходить из всех трудностей мерами аппаратных комбинаций за счет интересов организации в целом. В этом и состоит одна из худших черт бюрократизма!

3. Действительный выход из внутренних затруднений может быть найден только на пути расширения массовой работы. Лига встала на этот путь. Она разворачивает с замечательной энергией работу в трех направлениях: а) кампания по поводу успехов фашизма в Германии и капитуляции Коминтерна; б) участие в движении безработных; в) участие в независимом профессиональном союзе углекопов (Иллинойс). На всех этих поприщах Лига имеет уже моральные успехи. Но - и это важнейший пункт нынешней обстановки - эти первые успехи сопровождаются не ослаблением, а обострением внутренней борьбы. Что это значит?

4. Теоретически возможно, конечно, что с переходом к более широкой работе потенциальные разногласия должны принять открытый и активный политический характер. Но пока это еще решительно ни в чем не выразилось. Сколько-нибудь оформленных, серьезных, устойчивых разногласий не обнаружилось ни в одной из трех областей работы, которые названы выше. Остается другое объяснение: обострение кризиса вызывается механикой самого перехода от одной стадии работы к другой. Это не исключает возникновения серьезных разногласий в дальнейшем, но они вовсе не должны будут совпасть с линиями нынешних группировок, которые являются группировками застоя, а не движения. Во всяком случае, постоянные организационные маневры внутри ЦК, между ЦК и ньюйоркской группой и пр. несут сегодня, еще в большей мере чем вчера, все черты аппаратного фетишизма, свойственные не большевизму, а эпигонскому Коминтерну.

5. Выход возможен только через расширение и углубление массовой работы, привлечение в Лигу свежих пролетарских элементов, вовлечение всех членов Лиги в массовые организации. Начало этой работе положено. Но борьба группировок достигла такой остроты, при которой раскол сам собою становится в порядок дня. Раскол в этих условиях имел бы чисто априорный, так сказать превентивный, характер, непонятный никому, кроме, может быть, инициаторов раскола. Если нам, руководящим работникам интернациональной оппозиции, трудно усвоить себе мотивы ожесточенной борьбы, то тем менее способны будут понять причины раскола американские рабочие, в том числе и члены самой Лиги. Такого рода верхушечный раскол подорвал бы несказанно авторитет оппозиции в Америке, уже и сегодня сталинской бюрократии достаточно было бы опубликовать многочисленные декларации двух борющихся групп друг против друга, чтоб отравить все источники сочувствия к левой оппозиции. В случае раскола положение стало бы во сто раз хуже.

Обе группы должны отдавать себе ясный отчет в том, что в случае их раскола ни одна из них не может быть и не будет признана секцией

интернациональной левой оппозиции. Обе половины, обреченные на длительное бессилие, оказались бы на положении нынешних чехословацких групп, являющихся сейчас не полноправными членами интернациональной организации, а лишь сочувствующими группами.

6. Подготовка национальной конференции Лиги стоит под знаком борьбы двух групп. Уже сейчас можно себе до известной степени представить перспективы конференции: более или менее единогласное принятие основных политических решений при отравленной борьбе по вопросам проверки мандатов и состава будущего ЦК. Так как обе группы приблизительно уравнивают друг друга, то изменения на конференции могут свестись к тому, что группа, имевшая 49%, получит 51%, и наоборот; а это, при дальнейшем применении тех же методов, будет означать раскол.

7. Задача нашей интернациональной организации в этих условиях, мне кажется, совершенно очевидна: ни в каком случае не допустить раскола сейчас, на пороге перехода Лиги к массовой борьбе; разъяснить всем членам Лиги, что руководители обеих групп форсируют борьбу недопустимыми организационными мерами и призвать всех членов Лиги на защиту ее единства.

8. Независимо от возможных мнений каждого из нас в отдельности насчет того, какой из двух групп массовая работа Лиги обеспечит серьезное и действительное преобладание, решение вопроса мы как организация должны предоставить будущему (весьма возможно, что руководство сложится путем перегруппировки элементов нынешних двух групп). Но ближайшая конференция во всяком случае не может обеспечить господства одной из групп за полным отсутствием для этого подготовленной политической почвы и объективных критериев. Задача ближайшей конференции должна быть в том, чтобы оградить Лигу от превентивного раскола, навязанного сверху, и тем спасти авторитет Лиги и ее боеспособность на ближайшее время. Эту задачу надо в самой императивной форме поставить перед всеми местными группами Лиги, как и перед двумя борющимися группами ЦК.

9. Как можно судить на основании переписки, значительное число членов Лиги, может быть, даже большинство, не примыкает ни к одной из двух групп и с возмущением говорит об опасности раскола. Ввиду отсутствия, по крайней мере необнаружения, принципиальных основ под групповой борьбой, примиренчество является вполне законным и прогрессивным фактором внутренней жизни. Эту тенденцию надо сейчас, на данном этапе, поддержать всем авторитетом международной организации.

10. Подготовка конференции должна, мне кажется, вестись в духе высказанных выше соображений. Это значит:

а) все местные организации должны призвать руководителей обеих групп ввести свои столкновения в такие рамки, чтобы речи, декларации и пр. обеих сторон не могли стать орудием в руках противника;

б) все тезисы, контртезисы, поправки и пр. должны своевременно доставляться не только всем членам Лиги, но и Интернациональному Секретариату, дабы дискуссия во всех своих стадиях проходила на глазах всех

секций и под их контролем;

в) окончательный срок конференции должен быть назначен по соглашению с Интернациональным Секретариатом, дабы последний имел возможность в случае надобности делегировать своего представителя;

г) до конференции остается, разумеется, в силе нынешний ЦК, который должен пользоваться безусловной поддержкой всех членов организации. В свою очередь, ЦК воздерживается от каких бы то ни было искусственных внутренних организационных перестроек фракционного характера;

д) при выборе делегатов на конференцию местные организации должны руководствоваться соображениями о достаточной стойкости и самостоятельности своих представителей в вопросе об охране единства Лиги; в соответственном духе должны быть вынесены наказания этим делегатам;

е) в состав будущего ЦК должны, разумеется, войти руководители обеих борющихся ныне групп, но рядом с ними надо поставить авторитетных и крепких товарищей, не участвующих в борьбе двух групп и способных оздоровить атмосферу внутри ЦК. С этой целью следует значительно расширить состав ЦК;

ж) в случае надобности Секретариат созывает пленум, специально посвященный американским делам, с участием представителей обеих групп.

* * *

Историческое развитие ставит перед американской Лигой исключительные задачи и открывает ей неизмеримые возможности. Наши американские друзья должны знать, что все мы с величайшим вниманием следим за их работой, готовы оказать им поддержку всеми силами и средствами и твердо надеемся, что они справятся с внутренней болезнью организации и выйдут на широкую дорогу.

Г. Гуров

7 марта 1933 г.

Германский фашизм у власти, причины и перспективы

Довольно обычная ссылка на отсталость стран, давших место диктатуре, сейчас уже во всяком случае не годна: если с известной натяжкой ее можно было распространить на Италию, то никак не на Германию, наиболее развитую капиталистическую страну в самом сердце Европы.

Общая историческая причина крушения демократий состоит в том, что капиталистический строй пережил себя: скопившиеся в нем противоречия, национальные и интернациональные, прорывают оболочку демократии, как мировые противоречия взрывают декоративные сооружения Лиги Наций.

Где прогрессивный исторический класс оказывается неспособен овладеть властью, чтобы перестроить общество на основах социализма, агонизирующий капитализм может поддерживать свое существование лишь все более грубыми,

антикультурными методами, крайним выражением которых является фашизм. Эта историческая концепция порождена не победой Гитлера. В феврале 1929 г. я писал в американском издании:

"По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавают или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры". Оппонентам, ссылавшимся на то, что процесс захватил только периферию культурного мира, я возражал: "Сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает, а растет... Подагра начинается с мизинца или с большого пальца ноги, но, раз начавшись, доходит до сердца"⁴⁴.

Американский писатель Скотт Нириг⁴⁵ в брошюре, посвященной фашизму, дает очень простое и очень яркое графическое выражение историческим тенденциям капиталистического развития, которое с начала нынешнего столетия все больше упирается в альтернативу: коммунизм или фашизм? Я воспроизвожу здесь диаграмму Нирига⁴⁶.

Для очень многих выбирать между большевизмом и фашизмом примерно то же, что между сатаной и Вельзевулом⁴⁷. Но на этот счет я затрудняюсь сказать что-нибудь утешительное. XX век войдет, очевидно, как самый беспокойный и беспощадный век в памятную книгу человечества. Кто из наших современников требует от истории прежде всего спокойствия и комфорта, тот выбрал себе плохое отечество во времени.

Движение Гитлера, поднявшее на ноги 17 миллионов отчаяний, выражает безнадежность капиталистической Германии в упадочной Европе, которую Версальский мир окончательно превратил в сумасшедший дом, забыв снабдить ее смирительными рубашками. Победа партии отчаяния оказалась возможной только потому, что социализм, партия надежды, оказался бессилем овладеть властью. Немецкий пролетариат достаточно многочислен и культурен, чтобы справиться с такой задачей. Но руководящие им партии оказались несостоятельны.

Социал-демократия с отличающей ее консервативной ограниченностью надеялась, в союзе с другими парламентскими партиями постепенно "воспитать" фашизм. Роль главного дрессировщика она поручила гогенцоллернскому фельдмаршалу Гинденбургу, отдав ему свои голоса. Движимые правильным инстинктом рабочие стремились к борьбе. Социал-демократия сдерживала их, обещая дать сигнал тревоги, когда Гитлер "окончательно" покинет легальный путь. Так социал-демократия не только сама призвала через посредство Гинденбурга фашистов к власти, но и позволила им произвести государственный переворот по частям.

Совершенно ложна была политика коммунистической партии. Ее руководство исходило из того абсурдного соображения, будто социал-демократия и национал-социализм представляют собою две "разновидности фашизма", будто они, по злополучной формуле Сталина, "не антиподы, а близнецы". Что

социал-демократия, как и фашизм, стоит на защите буржуазного режима от пролетарской революции, совершенно бесспорно. Но методы, какими они разрешают эту задачу, совершенно несовместимы. Социал-демократия немыслима без парламентаризма и массовых рабочих организаций, политических и профессиональных. Миссия же фашизма состоит в том, чтобы разгромить и то, и другое. На этом антагонизме надо было построить политику оборонительного союза между коммунистами и социал-демократами. Но слепые вожди отвергли такую политику. Рабочие оказались перед лицом наступающего врага расколоты, безоружны, без плана и без перспектив. Деморализуя пролетариат, такое положение повышало самоуверенность фашизма.

Два с половиной года тому назад, в сентябре 1930 г., мы писали:

"Фашизм стал в Германии реальной опасностью, как выражение острой безвыходности буржуазного режима, консервативной роли социал-демократии по отношению к этому режиму и накопленной неспособности коммунистической партии опрокинуть этот режим. Кто это отрицает, тот слепец или фанфарон"⁴⁸. Эту мысль мы развивали в ряде брошюр, вышедших в течение последних лет в Германии. Так, в октябре 1931 года мы писали: "Приход национал-социалистов к власти означал бы прежде всего истребление цвета германского пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма"⁴⁹.

Сталинская фракция объявила эту оценку "панической". Из необъятной политической литературы, посвященной этому вопросу, сошлюсь здесь только на речь официального вождя немецкой коммунистической партии⁵⁰, который на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в апреле 1931 года следующими словами разоблачал так называемых пессимистов, т. е. людей, умевших заглядывать вперед: "Мы не дали паническим настроениям сбить нас с пути... Мы трезво и твердо установили, что 14 сентября (1930 [г.]) было в известном смысле лучшим днем Гитлера и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии, подтверждена событиями... Сегодня у фашистов уже нет поводов смеяться". Этой цитаты достаточно.

Так, при ничтожестве германской буржуазной демократии фашизм был приведен к власти совокупными усилиями руководителей двух рабочих партий.

Правительство Гитлера сразу взяло крайне энергичные темпы. Оно обещает подвергнуть коммунистов воспитательному действию концентрационных лагерей. Не успев еще приступить к этой задаче, которая окажется гораздо труднее при выполнении, чем в замысле, Гитлер обещает искоренить заодно и социал-демократию, т. е. разрешить в неизмеримо более трудных условиях ту задачу, которая оказалась некогда не по силам Бисмарку, а затем Вильгельму II.

Политическая армия Гитлера - это чиновники, служащие, лавочники, ремесленники, всякие вообще промежуточные и проблематические существования;

в социальном смысле они представляют человеческую пыль.

Парадокс состоит в том, что Гитлер при всем своем "антипарламентаризме" неизменно сильнее в парламентской плоскости, чем в социальной. После каждого нового подсчета голосов фашистская пыль остается пылью. Между тем рабочие объединены в самом процессе производства. В их руках наиболее концентрированные производственные силы нации. Борьба Гитлера за овладение государством только начинается. Главные трудности еще впереди. Даже перелом торгово-промышленной конъюнктуры к лучшему изменит соотношение сил не в пользу Гитлера, а в пользу пролетариата. Уже простое сокращение безработицы создаст прилив самочувствия в рабочей среде. Слишком туго сжатая пружина начнет расправляться. После чрезвычайного ухудшения положения рабочих за годы кризиса можно с уверенностью ждать широкого размаха экономических боев.

Главные трудности для Гитлера еще впереди, как и главные бои. Захватить вышку радиостанции легко. Стать хозяином на дне шахты гораздо труднее. Победа пролетариата еще вполне возможна. Но при непременном условии правильной стратегии.

На интернациональной арене дальше жестов и фраз Гитлер в ближайший период пойти не сможет. Ему придется вести слишком долгую и кровавую войну внутри Германии, чтобы он мог всерьез думать о войне против Франции. Наоборот, он будет изо всех сил доказывать Франции и другим капиталистическим государствам необходимость для них поддержать его в его провиденциальной миссии: борьбе против большевизма. Через те или другие колебания внешняя политика фашистской Германии целиком направится против Советского Союза. По этой линии внутренняя война может естественно перейти во внешнюю войну.

Л. Троцкий

Принкипо

10 марта 1933 г.

Германия и СССР

(В порядке информации секций ИЛО)51

1. Полное отсутствие сопротивления со стороны немецких рабочих Гитлеру создало известное замешательство и в наших рядах. Мы рассчитывали на то, что приближение фашистской опасности преодолет не только предательскую политику реформистов, но и ультиматистский саботаж сталинцев. Это ожидание не подтвердилось. Были ли наши расчеты ошибочны? Так формально ставить вопрос нельзя. Мы обязаны были исходить из курса на сопротивление и сделать все возможное, для того чтобы оно было оказано. Признать априорно невозможность сопротивления значило бы не толкать пролетариат вперед, а вносить дополнительный элемент деморализации.

События принесли проверку. Первые итоги этой проверки подведены в статье Т[роцкого] "Трагедия немецкого пролетариата"⁵². Сейчас можно уже

почти с уверенностью сказать, что толчок действительно массовой борьбе может дать только перелом конъюнктуры. До тех пор предстоит главным образом критическая и подготовительная работа. Режим фашистского террора будет серьезной проверкой для оппозиционных кадров в целом и для каждого в отдельности. Именно в такой период закаляются и воспитываются революционеры. Пока фашисты будут терпеть профсоюзы, левым оппозиционерам необходимо во что бы то ни стало проникнуть в союзы для ведения там строго законспирированной работы. Переход на нелегальное положение не значит просто уход в подполье (создание заграничной газеты, нелегального транспорта, нелегальных ячеек внутри страны и пр.), но и умение вести законспирированную работу в легальных массовых организациях, поскольку они существуют.

2. Вопрос о возможной роли Красной армии остро стоит перед многими товарищами. Наши принципиальные позиции нам, разумеется, пересматривать не приходится. Если бы внутреннее положение в СССР позволяло, советское правительство должно было бы при первом приближении Гитлера к власти мобилизовать пару корпусов в Белоруссии и Украине, разумеется, под знаменем обороны советских границ. Некоторые товарищи, исходя из той бесспорной мысли, что Красная армия может лишь помочь иностранной революции, но не может заменить ее, склонны делать тот вывод, что при отсутствии развернутой гражданской войны в Германии недопустимо было бы прибегать к мобилизации в СССР. Такая постановка вопроса слишком абстрактна. Красная армия не может сделать революцию за немецких рабочих. Но на разных стадиях эта помощь может выразиться различно: так, Красная армия может помочь немецким рабочим начать революцию.

То, что парализовало немецкий пролетариат, - это чувство раздробленности, изолированности, безнадежности. Одна перспектива возможной вооруженной помощи оказала бы на авангард огромное ободряющее воздействие. Первые серьезные акты сопротивления немецких рабочих Гитлеру могли бы вызвать разрыв между фашистской Германией и СССР и привести к военной развязке. У советского правительства не может быть ни малейшего интереса выступать в качестве нападающей стороны: это не вопрос принципа, а вопрос политической целесообразности. Для крестьянских масс война с целью помочь немецкому пролетариату была бы мало понятна. Крестьян можно привести к такой войне, начав с защиты советской территории от угрожающей ей опасности. (Все, что на тему об обороне и нападении сказано в "Истории" Троцкого в применении к революции, не в меньшей степени относится и к войне.)

Формы воздействия Красной армии на события в Германии должны были бы, конечно, сообразоваться с ходом этих событий и с настроением немецких рабочих масс. Но именно потому, что немецкие рабочие оказались сами по себе не в силах вырваться из оков пассивности, инициатива борьбы, хотя бы в указанной выше "предварительной" форме, могла бы исходить от Красной армии. Препятствием для такой инициативы является сейчас не положение в Германии, а положение в СССР. На эту сторону дела иностранные товарищи обращают, по-видимому, недостаточное внимание. Свыше года тому назад мы говорили о

необходимости вмешательства Красной армии в случае прихода фашизма к власти. Мы исходили при этом из надежды на то, что не только в Германии, но и в СССР успеет призойти необходимый перелом в политике, экономическое положение улучшится и советская власть получит необходимую свободу движений. На самом деле внутреннее развитие приняло за последний год крайне неблагоприятный характер. Хозяйственное положение в СССР, как и настроения масс, делают ведение войны до последней степени трудным. Все сообщения из СССР говорят, что даже передовым рабочим лозунг военной помощи немецкому пролетариату покажется в данных условиях неосуществимым, нереальным, фантастическим.

Мы не уступаем ни иоты из нашей принципиальной позиции. Но позиция активного интернационализма служит нам сейчас прежде всего для беспощадной критики сталинской бюрократии, которая парализовала рабочее государство в решающий исторический час. Однако не считаться с обстановкой мы не можем. Последствия ошибок превратились в объективные факторы. Требовать в нынешних условиях мобилизации Красной армии было бы явным авантюризмом. Тем более решительно надо требовать перемены политики в СССР во имя упрочения диктатуры пролетариата и активной роли Красной армии.

Г. Г[ур]ов

17 марта 1933 г.

[Письмо болгарским единомышленникам]

21 марта [1]933 [г.]

Дорогие товарищи!

Беспорных сведений о судьбе Раковского у меня нет. В конце января жена его писала за границу о том, что оба они здоровы (насколько можно говорить о "здоровье" Раковского). Но в марте через Париж получены были сведения о том, что Раковский в тяжелом положении был в феврале увезен в Москву, где будто бы скончался. Сперва сообщали это вполне категорически, ссылаясь на хорошо известное мне лицо в Москве. Затем появились некоторые сомнения. На все запросы, исходившие со стороны видных политических деятелей во Франции, советское посольство отказывалось давать какой бы то ни было ответ. Уже одно это заставляет крайне тревожиться. Если бы с Раковским дело обстояло благополучно, то у советского посольства не было бы оснований отказывать в ответе. Остается предположить, что либо трагическое сообщение верно, либо Раковский арестован и увезен в Москву не для лечения, а для той или иной расправы. Незачем говорить, что мы предпринимаем все меры, чтобы открыть истину⁵³.

Я пишу сейчас большую работу о Раковском и очень прошу болгарских друзей помочь мне. Мне нужны всякие материалы, прямо или косвенно относящиеся к Раковскому. В особенности:

1. Данные о его семье, в частности, о его дяде, знаменитом национальном революционере Раковском⁵⁴ (если можно, то и стихи Ивана Вазова⁵⁵, посвященные Раковскому);

2. Книги, брошюры и отдельные статьи самого Раковского.
3. Статьи о Раковском, воспоминания о нем и пр. (в официальной коммунистической печати за первые годы советской власти, когда Раковский играл большую роль, печатались, несомненно, статьи о нем).

[Л.Д.Троцкий]

Экономическое наступление контрреволюции и профсоюзы.

Заявление делегатов, примыкающих к международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Пражском конгрессе против фашизма⁵⁶

Вся новейшая история свидетельствует, что пролетариат - ничто без своих классовых организаций. В то же время опыт показывает, как часто рабочие организации становятся тормозом для революционной борьбы. Об это противоречие пролетарское движение разбивалось не раз. Самым трагическим примером является германская катастрофа, в которой руководящие рабочие организации, каждая по-своему, парализовали пролетариат сверху и безоружным выдали его фашизму.

Коммунистическая партия имеет своей задачей привести пролетариат к власти. Выполнить свою революционную миссию она может не иначе, как завоевав большинство пролетариата и, следовательно, его массовые организации, прежде всего профессиональные союзы.

Борьба партии за влияние на профессиональные союзы должна вестись таким образом, чтобы не тормозить текущих задач массовой организации, не раскалывать ее и не порождать у рабочих представления, будто коммунисты дезорганизуют классовое движение. Принципы такой борьбы намечены еще "Коммунистическим Манифестом", развиты дальнейшей теорией и практикой рабочего движения и нашли наиболее высокое свое выражение в работе большевизма.

Партия означает цвет класса, его революционный отбор. Профессиональный союз охватывает широкие массы рабочих разного уровня. Чем шире эти массы, тем ближе профессиональный союз к выполнению своих задач. Но широта организации идет неизбежно за счет ее глубины. Оппортунистические, национальные, религиозные тенденции и в профессиональных союзах, и в их руководстве являются выражением того факта, что союзы охватывают не только авангард, но и тяжелые резервы. Слабые стороны союзов вытекают, таким образом, из сильных сторон. Борьба с оппортунизмом в профессиональных организациях означает в основе своей упорную и терпеливую работу над подтягиванием резервов к авангарду.

Кто отталкивает революционных рабочих от профессиональных союзов; кто наряду с массовыми организациями строит революционные "чистенькие", по

ироническому выражению Ленина, но малочисленные и потому бессильные профсоюзы, тот не разрешает историческую задачу, а отказывается от ее разрешения; хуже того: создает прямые преграды на пути борьбы за влияние на рабочий класс.

Инициаторами настоящего конгресса являются организации Красной профессиональной оппозиции (РГО) Германии, Польши и Италии. История этих организаций есть история пагубного нарушения основных принципов марксистской политики в области профессионального движения. РГО есть та же коммунистическая партия, или часть коммунистической партии, лишь под другим названием. Эта организация не связывает партию с союзами, наоборот, отрезывает партию от союза. Будучи по своей малочисленности совершенно неспособной заменить профессиональные союзы в области массового действия, РГО в то же время не способна и воздействовать на них извне, ибо враждебно противопоставляет себя им как конкурирующая организация. В оправдание политики РГО, как и в оправдание теории социал-фашизма, сталинская бюрократия ссылается теперь на то, что вожди немецких профсоюзов обнаружили свою готовность быть лакеями при Гитлере, как они были в свое время лакеями при Гогенцоллерне. Указывая пальцами на подлую роль Лейпарта и К||, французские сталинцы высказываются против слияния двух синдикальных организаций Франции. Единство они согласны принять лишь при одном условии: если во главе объединенных синдикатов будут стоять революционные борцы, а не предатели.

Сталинцы снова показывают этим, что, как французские Бурбоны⁵⁷, они не способны ничего забыть и ничему научиться. Они требуют, чтобы кто-то преподнес им в готовом виде массовые организации с революционным руководством. В таких союзах они великодушно согласны принять участие. Они ждут, другими словами, что кто-то другой решит историческую задачу, которая должна была бы составить основное содержание их собственной работы.

Что вожди немецких профессиональных союзов, как и британских и американских трэд-юнионов, как и реформистских синдикатов Франции, являются "величайшими негодями в мире", - это Роза Люксембург сказала много лет тому назад. Важнейшая задача при создании Коминтерна состояла в том, чтобы вытеснить этих негодяев из массовых союзов. Но как раз в области выполнения этой задачи сталинская бюрократия обнаружила полное банкротство.

Что РГО в Германии не перебежала на сторону Гитлера есть чисто отрицательная заслуга, которую в революционных рядах вообще неприлично выставлять напоказ. Но бессилие РГО, бессилие КПГ, бессилие сталинского Коминтерна состоят в том, что негодяи, как Лейпарт и К||, остаются и сегодня хозяевами массовых профсоюзов. Что же касается РГО, то перед лицом больших событий она оказалась карточным домиком.

Место коммунистов - в массовых профессиональных союзах. Коммунисты должны входить туда с поднятым или со свернутым знаменем, работать там открыто или конспиративно, в зависимости от политических и полицейских условий страны. Но работать они должны, не покладая рук.

Для своего участия в профессиональном движении коммунисты не могут ставить никаких условий ни рабочему классу в целом, ни реформистской бюрократии. Если бы рабочий класс понимал заранее преимущества коммунистической политики, он не терпел бы реформистских изменников во главе своих организаций. Что касается реформистской бюрократии, то она сознательно заинтересована в том, чтобы коммунисты оставались вне профессиональных союзов, и потому отклонит всякие условия, которые способны были бы облегчить работу коммунистов. Пролетарский революционер не выдумывает гордых, но нелепых ультиматумов, которые должны служить оправданием его дезертирства из союза, а проникает в союз, несмотря на все препятствия и барьеры. Не из рук профсоюзной бюрократии получает коммунист выгодные условия для своей работы, а постепенно завоевывает их, поскольку завоевывает влияние внутри профсоюза.

То обстоятельство, что ответственными организаторами настоящего конгресса, призванного подготовить отпор наступлению капитализма и фашизма, являются сектантские, по самому своему принципу, организации РГО в трех странах, заставляет нас с удвоенной силой призвать всех подлинных коммунистов к борьбе против гибельных методов сталинской бюрократии, изолирующих авангард пролетариата и преграждающих ему путь к победе.

Товарищи-коммунисты, сознательные рабочие! Восстановите в силе марксистские принципы профсоюзной политики, формулируемые первыми четырьмя конгрессами Коминтерна. Отряхните от ваших ног прах сталинизма. Вернитесь на дорогу Маркса и Ленина. Только эта дорога ведет вперед!

[Л.Д.Троцкий]

[Март 1933 г.]

[Письмо А.Д.Кауну]

Каун

6 апреля [1]933 г.

Дорогой Александр Давыдович!

Я перед вами виноват: с большим запозданием отвечаю на ваше последнее письмо. Извинением служат большие события и потрясения, личные и не личные, последних месяцев.

Сейчас, конечно, в центре внимания стоят события в Германии. Как трагически подтвердились все прогнозы левой оппозиции! Германская коммунистическая партия сейчас ликвидирована не только организационно, но и политически: таких преступлений история не прощает. Строительство коммунистической партии начнется в Германии на новом месте и в значительной мере из новых материалов. К левой оппозиции сейчас серьезный приток.

Вы писали, что речь Сталина произвела большое впечатление. Наиболее необходимое об этой речи сказано в номере 33 "Бюллетеня"58. Речь Сталина представляет собою бюрократическое издевательство над трагической хозяйственной деятельностью в СССР. Вы, вероятно, знаете из русского

"Бюллетеня", что все те левые оппозиционеры, которые в период первых успехов пятилетнего плана "покаялись", сейчас - за самыми небольшими исключениями - вернулись снова в лагерь оппозиции, исключены снова и снова сосланы или заключены в тюрьмы. Крайне важный политически сам по себе, этот факт имеет в то же время огромное симптоматическое значение: то, что произошло на партийных верхах, является лишь отражением больших сдвигов в рабочих массах.

Я вам, помнится, говорил о своем плане провести параллель между гражданской войной в СССР и в С[оединенных] Штатах, но для этого мне надо было бы посетить Америку, поработать в архивах и даже посетить театры военных действий. Пустит ли меня новая администрация? Я бы твердо обязался не заниматься внутренней американской политикой и, разумеется, выполнил бы обязательство с полной лояльностью. Рузвельт, победу которого я все время предсказывал, должен был бы мне из благодарности дать визу. Но политика, как известно, не знает благодарности.

Я получил недавно большое письмо Кальвертона, из которого вытекает (из письма, разумеется), что автор значительно приблизился к нашим взглядам. Получил я также на днях книгу Сиднея Хука⁵⁹ о Марксе и его статью в "Нейшен". Книги его я еще не читал. Но статья, интересная сама по себе, заставляет меня опасаться, что в философской области у нас серьезные разногласия. Однако это лишь предварительное впечатление.

Сердечный привет вашей жене. Желаю вам всего хорошего и крепко жму руку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо С. Хуку]

Professor Sidney Hook

Columbia University, Dep[artmen]t. of [...]

New York, N[ew] Y[ork]⁶⁰

Дорогой товарищ С. Хук!

Горячо благодарю вас за присылку вашей новой книги о К.Марксе⁶¹. Я еще, разумеется, не успел познакомиться с ней. Статью вашу в "Нейшен" прочитал с интересом, но она вызвала у меня ряд сомнений. Возможно, что ваша книга эти сомнения рассеет. Поэтому ограничиваюсь самыми краткими предварительными замечаниями.

1. Уже заглавие статьи возбуждает беспокойство: "Марксизм - догма или метод?" Эта альтернатива не исчерпывает вопроса. Марксизм - не догма, но он не только метод, а и доктрина. Материалистическая диалектика есть метод. Однако Маркс не только сформулировал этот метод, но и применил его в двух областях, создав теорию капиталистического хозяйства (наука) и теорию исторического процесса ("философия истории", точнее, наука).

2. Заключительная фраза вашей статьи гласит, что марксизм "не есть ни догма, ни объективная наука, а реалистический метод классового действия". Что означает здесь слово "реалистический"? Очевидно, основанный на

правильном познании объективного (в данном случае социального) процесса. Познание объективного есть наука. Марксистская политика "реалистична" постольку, поскольку опирается на марксизм, как науку.

3. Вы говорите, что доктрина Маркса так же мало может быть понята независимо от революционных идей, как рецепт врача - независимо от заботы о здоровье. В известных границах можно принять это сравнение. Но только тот врач способен давать полезные рецепты, который опирается на анатомию, физиологию, патологию и ряд других позитивных наук. Как можно отрывать реалистическую практику от научной теории? В последнем счете все научное познание человечества - не только медицина - родилось из практических потребностей и служит им.

4. Вы пишете: "С точки зрения теоретических постулатов науки марксизма вытекало, что революционная оппозиция к мировой войне в 1914 году была утопической потому, что война и военная психология неизбежно вытекали из объективного сочетания социально-экономических сил того времени." Это противопоставление мне кажется непонятным: борьба против войны "утопична", потому что (?) война неизбежно вытекает из объективных условий. Во-первых, и утопические идеи вытекают из объективных условий. Во-вторых, борьба против "неизбежных" явлений не является необходимо утопической, ибо неизбежные явления ограничены во времени и пространстве. В частности, война, будучи исторически "неизбежной", оказалась в то же время "утопической" в качестве пути выхода из империалистического тупика: после войны положение капитализма стало хуже, чем было до нее.

5. Вы утверждаете: "Самая тяжелая ошибка Маркса состояла в недооценке вторичных факторов процесса". Это замечание правильно по отношению к огромному числу вульгарных марксистов, особенно эпохи II Интернационала. Но оно абсолютно ложно по отношению к самому Марксу. Признаться, это место вашей статьи особенно поразило меня.

Если обстоятельства мне позволят, я еще вернусь к этим вопросам в менее беглой форме.

С товарищеским приветом

Л.Троцкий

10 апреля 1933 г.

Принкипо

По поводу проекта резолюции правления немецкой секции о новой партии

Проект резолюции (к сожалению, без даты) устраняет известные разногласия (действительные и мнимые, т. е. основанные на недоразумении), но в то же время оставляет в силе другие. Задача настоящей критики состоит в том, чтобы с возможной точностью определить действительный характер сегодняшних разногласий.

1. Резолюция устанавливает с самого начала, что "крушение КПП сделало лозунг реформы беспредметным", другими словами, КПП не может уже быть

возрождена. Незачем говорить, что это заявление, означающее отказ от той позиции, которую все мы занимали до 5 марта, имеет огромное значение для всей нашей деятельности.

Параграф 3-й резолюции говорит: "Развитие идет в направлении новой партии". Это положение дополняет предшествующее и тем самым чрезвычайно сокращает поле разногласий. Руководящие товарищи немецкой секции признают, что сталинская партия в Германии политически ликвидирована и что немецкая социалистическая партия сложится как новая партия вне сталинской организации.

2. Приведем, однако, в более полном виде цитату из 3-го пункта: "Хотя развитие идет в направлении новой партии, лозунг этой последней был бы преждевременным и ложным..." Вся суть этой фразы в том содержании, какое дается слову "лозунг": оно может быть истолковано либо как открытое провозглашение нашей новой оппозиции в отношении официальной партии; либо как призыв немедленно создавать новую партию из наличных элементов. Что касается этого второго истолкования, то оно было бы смехотворным авантюризмом. В нашей среде никто такого предложения не делал. Если в момент открытия дискуссии на этот счет могли еще возникать недоразумения, то развернувшийся за последние недели обмен мнений создал здесь полную ясность. Дело идет для нас не о бюрократическом декретировании новой партии, а об открытом провозглашении нашей новой позиции по отношению к старой партии и новой перспективе для нашей работы. Преуменьшать или смазывать значение этого нового поворота было бы недопустимым. Мы берем курс на пропаганду и подготовку новой партии. Об этой перемене надо сказать ясно и открыто. Есть ли у нас на этот счет согласие? Проект резолюции не дает необходимой ясности.

3. Заняв правильную исходную позицию, резолюция впадает в дальнейшем в целый ряд противоречий, смазывает свои основные заявления и не дает практических директив. Лозунг "новой партии", говорит резолюция, оттолкнет от нас критических или полукритических коммунистов. Почему? Очевидно, потому, что они верят еще в реформу старой партии. Преданные, но близорукие революционеры, которые ценою больших жертв попытаются восстановить сталинскую партию в подполье, будут, конечно, с враждебностью относиться к нашему утверждению, что "перспектива реформы КПГ стала беспредметной" и что "развитие идет в направлении новой партии". Но ведь как раз насчет этих двух решающих положений мы с немецким Правлением совершенно солидарны. Как же быть? Должны ли мы хранить эти мысли про себя, не высказывая их вслух, чтобы не восстанавливать против себя сторонников реформы? Такая позиция была бы совершенно недостойна марксистов, и я не сомневаюсь, что немецкие товарищи не имеют ее в виду. Под ударами опыта утописты реформы будут убеждаться в нашей правоте. Чем тверже и раньше мы займем позицию, тем выше будет наш политический авторитет.

4. Проект резолюции выдвигает лозунг создания кадров. Сам по себе лозунг совершенно бесспорный. Нужно только ответить: для чего кадры? Для

реформы старой партии или для постройки новой? Если бы мы стали в этом вопросе на путь дипломатического умалчивания, сталинцы все равно потребовали бы от нас ответа, и мы оказались бы перед рядовыми коммунистами в положении жрецов, у которых есть два учения: одно для себя, другое - для непосвященных. Ясно, что такой двойственности авторы резолюции не могут хотеть и не хотят.

5. В проекте резолюции, как и в других документах, неоднократно повторяется мысль, что перспектива новой партии правильна, но что передовые рабочие к ней "психологически" не подготовлены. Если дело идет о немедленном учреждении новой партии, то рабочие к этому не подготовлены не только "психологически", но и политически, и теоретически: нет необходимых кадров, а наличным кадрам не хватает масс. Ссылка на "психологию" может быть понятна только так, что наши собственные единомышленники, а также сочувствующие и полусочувствующие "психологически" не готовы к резкой перемене перспективы. Авторы резолюции явно смешивают два вопроса: подготовленность пролетарского авангарда к созданию новой коммунистической партии и подготовленность нашей собственной организации к смелой и решительной перемене собственной ориентации в вопросе о старой и новой партии.

Речь у нас идет только об этой второй задаче. Она вытекает не из "психологии", т. е. сегодняшних настроений отдельных слоев пролетарского авангарда, а из всей совокупности объективных условий: из победы фашизма и из укреплений политики и организации сталинизма. Настроения передовых рабочих будут меняться - преимущественно в том направлении, что они все яснее и яснее будут понимать смысл этих исторических фактов. Но политическая установка (перспектива) левой оппозиции должна исходить не из колеблющихся настроений, а из объективных изменений обстановки.

6. Истолковывать лозунг новой партии как механическое объединение с элементами распада старой партии (брандлерианцы, САП, Ленинбунд и пр.) было бы не только нелепостью, но и прямым издевательством над всем нашим прошлым. По отношению к той или другой группе речь может идти лишь об отдельных совместных шагах, диктуемых обстановкой. Так, напр[имер], на антифашистском конгрессе мы должны были бы искать соглашения с представителями САП, группой Снивлита и пр. против блока Мюнценберга с Барбюссом и с индусскими буржуа. Смешивать такого рода тактические соглашения с вопросом о новой партии нет ни малейшего основания. Можно сказать лишь одно: умелые тактические соглашения на основе правильной стратегической линии могут ускорить процесс формирования кадров для коммунистической партии.

7. В немецких документах лозунг "новой партии" противопоставляется лозунгу "нового Циммервальда". Смысл этого противопоставления никак нельзя понять. Циммервальд представлял собою временный блок марксистов и центристов. Первые шли под лозунгом III Интернационала, вторые - под лозунгом реформы II Интернационала. Были, правда, отдельные участники, которые, уклоняясь от ответа на вопрос, стоят ли они за II или за III Интернационал, прятали свои колебания за знамя Циммервальда "вообще".

Соглашение оказалось эпизодом, тогда как лозунг III Интернационала определил революционную политику всей новой эпохи. Так же обстоит дело и сейчас. Соглашение, скажем, с САП может оказаться эпизодом (гораздо менее крупным, чем Циммервальд) на пути к новой партии; но это два разных вопроса.

8. Как стоит, однако, вопрос об САП? В борьбе за самосохранение вожди САП, не отвечая ни на один из программных вопросов, отмежевались от левой оппозиции ссылками на то, что мы все еще питаем иллюзии насчет КПГ. Сейчас этот основной аргумент снят ходом событий. Обращаясь к САП, мы говорим: "После 5 марта и для нас дело идет о создании новой партии. Но партию создают на основе программы. Какова ваша программа?" Надо уметь использовать преимущества нашей новой позиции. Если вожди САП отвечают, что они только выработывают свою программу, мы можем совершенно открыто предложить им наше участие в их программной дискуссии, даже создание совместного дискуссионного теоретического органа, - при сохранении, разумеется, полной независимости нашей организации и нашей политической газеты. Вопрос об САП не есть, конечно, решающий вопрос. Но ведь мы его ставим не вместо других вопросов, а наряду с ними, как один из серьезных частных вопросов.

Резюмирую: Дискуссия дала уже тот результат, что устранила ряд очевидных недоразумений и тем сузила поле разногласий. Тем не менее, до ясного и отчетливого ответа руководящих немецких товарищей на поставленные выше вопросы было бы рано говорить, что разногласия преодолены. Нам нужны не только формальное признание перспективы новой партии, но и готовность сделать из этой перспективы все необходимые практические выводы и единодушно бороться за них.

Г. Г[уров]

21 апреля 1933 г.

Всем членам испанской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Я получил на днях копию письменного ответа барселонского Центрального Комитета Организационной комиссии по созыву национальной антифашистской конференции. Письмо это, датированное 5 апреля 1933 года, представляет собою документ, над которым должен задуматься каждый испанский оппозиционер, если ему дорого дело коммунизма.

В чем состоит смысл интернационального антифашистского конгресса, как и национальной антифашистской конференции? Левая оппозиция (большевики-ленинцы) всесторонне разъяснила этот вопрос в своих документах и статьях по поводу Амстердамского конгресса против войны и в ряде дальнейших своих заявлений. Сталинская бюрократия изолировала коммунистический авангард пролетариата при помощи ложной политики, делающей, в частности, невозможным единый фронт рабочих против фашизма, как и против войны. Чтобы замаскировать свою несостоятельность, Коминтерн устраивает время от времени фальшивые маскарады единого фронта. Он сочетает разрозненные группы коммунистических

рабочих с бессильными одиночками, пацифистами, левыми демократами и пр., выдавая такие чисто театральные конгрессы, конференции и комитеты за "единый фронт масс". Мы приняли в свое время участие в Амстердамском конгрессе, чтобы разоблачить этот маскарад и тем направить внимание рабочих-коммунистов на правильный путь. Незачем говорить, что таково же наше отношение и к будущему антифашистскому конгрессу.

Барселонский ЦК занял и в этом вопросе позицию, прямо противоположную позиции большевиков-ленинцев. Письмо от 5 апреля торжественно извещает Организационную комиссию о присоединении левой оппозиции к "единому фронту", как если бы дело действительно шло об едином фронте, а не об издевательствах над политикой единого фронта.

Помогая сталинцам прикрашивать действительность, письмо барселонского ЦК повторяет общие фразы о том, что единый фронт против фашизма осуществим, несмотря на наличие разногласий. Но эта элементарная мысль, верная в отношении массовых пролетарских организаций, теряет всякий смысл по отношению к буржуазным одиночкам, пацифистам, демократическим литераторам и пр. Между тем, письмо барселонского ЦК гласит: "Пацифист может быть таким же врагом войны и больше, чем революционный коммунист. Вполне логично, что эти люди в едином фронте против тех, кто является их врагами". Трудно поверить, что эти слова могли быть написаны людьми, которые считают себя марксистами, которые имеют какое-либо понятие о политике Ленина, о решениях четырех конгрессов Коминтерна, не говоря уже о десятилетней работе международной левой оппозиции и, в частности, об ее декларации на Амстердамском конгрессе. Каким образом пацифист может быть большим врагом войны, чем революционный коммунист? Марксистская теория и политический опыт учат нас, что пацифизм является орудием империализма; что пацифисты декламируют против войны в мирное время, а когда наступает война под гнетом своей изолированности и своего бессилия молча склоняются перед милитаризмом и чаще всего превращаются в его лакеев. То же самое относится и к борьбе с фашизмом.

Смысл политики единого фронта состоит в том, чтобы сблизить работу социал-демократов и синдикалистов с рабочими-коммунистами (и с коммунизмом) в процессе совместной борьбы с классовым врагом. Что касается тех или других одиночек из буржуазного лагеря, то это вопрос десятистепенного значения; лучшие из них тем вернее поддержат рабочих, чем правильнее будет проводиться политика единого пролетарского фронта, чем больше она будет сплачивать массы. Игнорирование же массовой политики и погоня за одиночками со звонкими именами есть худший вид авантюризма и политического шарлатанства.

Вместо того чтобы разоблачать самую идею союза сталинской бюрократии с буржуазными одиночками, барселонский ЦК выражает уверенность, что организационная комиссия смотрит на задачи конгресса так же, как и он, ЦК, и потому "с радостью" примет его "лояльное сотрудничество". Что это: дипломатия? Если дипломатия, то такая, которая способна обмануть только наших друзей и единомышленников. Да и с какой целью марксисты стали бы пускаться в дипломатию в таком вопросе, где нужна максимальная ясность? Нет,

приходится прийти к выводу, что барселонский ЦК в важнейшем вопросе пролетарской политики занимает позицию, прямо противоположную марксизму.

Борьба руководящих испанских товарищей против основных взглядов и принципов международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) началась не со вчерашнего дня. Можно сказать без преувеличения: за эти три года не было почти ни одного серьезного испанского или международного вопроса, по которому руководящие испанские товарищи заняли бы правильную позицию. Ошибки, разумеется, всегда возможны, а в молодой организации - неизбежны. Но надо, чтобы организация и прежде всего ее вожди учились на собственных ошибках: тогда можно идти вперед. Несчастье состоит в том, что товарищи, составляющие нынешний ЦК испанской оппозиции, не допускают организацию до обсуждения спорных вопросов, подменяя каждый раз принципиальные разногласия личными выпадами, мелкими и ничтожными обвинениями. Борьба между группой тов. Нина и тов. Лакруа имеет, разумеется, свое значение; но в сто раз важнее та борьба, которую группа товарищей Нина, Ферзенаб2 и др. ведет против интернациональной левой оппозиции в целом, нарушая на каждом шагу самые основные принципы марксизма.

При всякой фракционной борьбе бывают личные конфликты и взаимные обвинения: это неизбежно. Никуда, однако, не годится тот революционер, который определяет свою позицию в зависимости от чисто личных эпизодов, обвинений, симпатий и антипатий. Такой метод типичен для мелкобуржуазных радикалов, неспособных подняться на уровень марксистских принципов. Мелкобуржуазная склока отравляла до сих пор верхушку испанской оппозиции, мешала ей правильно ориентироваться и парализовала развитие всей организации, несмотря на исключительно благоприятные объективные условия. Если рядовые члены испанской организации, действительные большевики-ленинцы, хотят вырваться из тупика, они должны смахнуть мусор личных дрызг и рассмотреть политические разногласия по существу. Надо изучить всю историю этих разногласий. Но прежде всего надо поставить в центре обсуждения беспринципный документ ЦК от 5 апреля 1933 года. Надо, чтобы каждый испанский оппозиционер понял, что причина непрерывных конфликтов между Барселоной, с одной стороны, Парижем, Брюсселем, Берлином, Веной, Нью-Йорком и пр. и пр., с другой стороны, коренится в том, что барселонский ЦК занимает антимарксистскую позицию и упорно не хочет с нее сойти.

Я обращаюсь с этим письмом ко всем членам испанской секции, так как трехлетние попытки мои добиться взаимного понимания с руководящими испанскими товарищами ни к чему до сих пор не приводили.

С коммунистическим приветом

Г. Гуров

24 апреля 1933 г.

Левая оппозиция и САП

Дорогой друг!

Я получил ваше письмо от 20 апреля, где вы сообщаете о ваших переговорах с руководящими товарищами из САП. Ваше сообщение очень хорошо дополняет резолюцию последней конференции САП в той ее части, где речь идет об отношении к нам. До 5 марта вожди САП упрекали нас в том, что мы все еще надеемся на возрождение КПП. Сейчас это разногласие снято ходом развития. Мы считаем сталинский аппарат в Германии обреченным на гибель и призываем собирать кадры для новой партии. В области взаимоотношений между нами и САП вопрос должен был бы, таким образом, свестись к тому, какова будет программа этой новой партии, ее политика, ее режим. Дело идет, конечно, не об общих абстрактных формулах, а о закреплении на бумаге того опыта, который прошел перед нами за последние годы и в котором обе организации, левая оппозиция и САП, принимали участие. Основные выводы этого опыта мы телеграфным языком закрепили на нашей предконференции в феврале этого года⁶³. (Сейчас мы должны внести к этим тезисам поправку в вопросе об нашем отношении к КПП). Со стороны вождей САП мы должны были бы ждать поправок, дополнений или контрпредложений программного характера.

На самом деле мы слышим с их стороны совершенно другой довод. Признаться, я испытываю некоторые затруднения, касаясь этого пункта, так как речь идет обо мне лично. Но задачи революционной политики стоят над личными соображениями. Надо брать доводы в том виде, в каком они предъявлены возможными союзниками или возможными противниками. Левая оппозиция, по словам вождей САП, слишком связана с "личностью Т[роцкого]", слишком зависит от него и пр. Немецкая секция ничего будто бы не предпринимала без указаний Т[роцкого] и т. д. Концентрация революционной организации вокруг одного лица представляет большие опасности и пр.

Прежде всего я хотел бы внести поправку в картину отношений внутри левой оппозиции. Не буду говорить о прошлом, когда немецкая секция переживала серьезные разногласия и острые внутренние кризисы, по отношению к которым мне лично приходилось в лучшем случае играть роль советника со стороны. Сейчас в порядке дня стоит вопрос о новой партии в Германии. Левая оппозиция является единственной организацией, которая открыто, на глазах у всех, обсуждает этот вопрос. Большинство правления немецкой секции расходится в этом вопросе с Интернациональным Секретариатом и со мной и энергично ведет свою кампанию, обвиняя меня и в "софизмах", и в "дипломатии", и во всяких других грехах, как полагается в боевой дискуссии. Я твердо надеюсь, что обсуждение закончится выработкой единой точки зрения. Но, во всяком случае, ни в САП, ни в КППОБ4 не полемизируют сейчас столь открыто и решительно против Вальхера, Фрелиха или Брандлера-Тальгеймера, как в нашей немецкой секции полемизируют против меня и И[нтернационального] С[екретариата].

Может быть, это исключение? Так думать может лишь тот, кто не знает внутренней жизни всех наших секций. Поистине, мы не можем пожаловаться ни на отсутствие внутренней идейной борьбы, ни на избыток уважения к "авторитетам". Объясняется это, по-моему, тем, что мы строже других

организаций относимся к программным вопросам и к учету международного стратегического опыта; отсюда вытекает и более критическое, более придирчивое отношение друг к другу.

Я вовсе не хочу идеализировать левую оппозицию, как она есть. Главный порок нашей организации в том, что она слаба. Слабость организации, недостаточная ее связь с массами создают условия, при которых возможно, даже неизбежно чрезмерное влияние отдельных лиц. Но здесь лекарство одно: строить более сильную, более массовую организацию. Если исходные позиции и методы левой оппозиции в основном правильны, то создание такой организации обеспечено или, по крайней мере, вполне достижимо. Мы возвращаемся, следовательно, все к тем же программным, стратегическим, тактическим и организационным вопросам.

Чего собственно опасаются товарищи из САП: влияния определенного лица или влияния определенных идей, с которыми это лицо связано? На этот счет все еще нет необходимой ясности. В резолюции конференции САП говорится о том, что САП сходится "во многих вопросах" с левой оппозицией и с КПГО. Прежде всего бросается в глаза неопределенная формула: "во многих вопросах". Это не по-марксистски. Резолюция организации, ответственной перед передовыми рабочими, обязана ясно и точно сказать, в каких вопросах она сходится с другими организациями, в каких расходится. Без ясности и точности в области идей нет революционной политики. Дело осложняется тем, что резолюция говорит одновременно о солидарности с нами, большевиками-ленинцами, и с брандлерианцами. Это чрезвычайно снижает ценность заявления о солидарности, ибо нас от брандлерианцев отделяют непримиримые разногласия.

За последние год-два ключ к международному положению находился в Германии. В рамках вопросов тактики (не стратегии) могло иногда казаться, что между нами и брандлерианцами разногласия не велики. Пролетарский авангард Германии выронил, однако, ключ из своих рук. На очереди сейчас стоит Австрия. Но проблема Австрии имеет все же эпизодический характер. Главный ключ к позициям международного пролетариата находится сейчас в СССР. Нашу оценку политики бюрократического централизма и порождаемых ею величайших опасностей товарищи из САП знают. Согласны они с нами? Если согласны хотя бы в основном, как могут они быть одновременно согласны с брандлерианцами, которые поддерживают сталинскую политику в СССР (практически это означает: во всем мире), и не раз объявляли нас "контрреволюционерами"? Получается такое впечатление, как если бы вожди САП, не высказываясь по существу самого большого и острого вопроса, хотели бы иметь слева от себя большевиков-ленинцев, справа от себя - брандлерианцев, чтобы, отгалкиваясь от обоих флангов, сохранять свою самостоятельность (это не беда!) и свою... неопределенность (это очень плохо!).

Такая тактика может казаться очень "ловкой". На самом деле, она была бы гибельной. Она означала бы продолжение политики Зейдевица в новой обстановке. Я говорю это отнюдь не с полемическими целями. Я, с своей стороны, готов все сделать, чтобы облегчить взаимное понимание и сближение с

товарищами из САП. Но первым условием для этого является честное политическое объяснение.

Вожди САП жалуются иногда на то, что левая оппозиция слишком "механически" ставит вопрос о политике центризма в Китае, об Англо-русском комитете, о курсе Коминтерна в Испании, о политике Сталина в СССР и пр. Дело не идет, однако, о каких-либо произвольных критериях с нашей стороны или о разрозненных символах веры. Дело идет об одном и том же вопросе: о политике правящей центристской фракции в разных странах и в разных условиях. Мы выделили наиболее крупные события последнего десятилетия, чтобы на их опыте ярче противопоставить политику марксизма политике центризма. В центре внимания мы ставим, конечно, живые политические факты и актуальные вопросы. Но для воспитания революционных кадров необходима преемственность политической мысли. От опыта с Гоминьданом, от кантонской авантюры⁶⁵, от блока с британскими штрейкбрехерами⁶⁶ и пр. и пр. ведет непрерывная линия центризма к немецкой катастрофе.

В САП, как и в других организациях, имеются тысячи рабочих, которым эта связь не ясна, которые никогда не изучали и не продумывали политику Сталина в Китае, Болгарии или в Испании. Требовать от этих товарищей, чтобы они чисто формально признали правоту нашей позиции в перечисленных выше вопросах, было бы, разумеется, неразумно: нельзя одним ударом заменить длительную пропагандистскую работу. Но от вождей, которые берут на себя инициативу и ответственность формирования самостоятельной пролетарской партии, мы вправе требовать, чтобы они теперь же определили свое отношение к основным вопросам пролетарской стратегии, притом не в общей абстрактной форме, а на фактах живого опыта, через который прошло нынешнее поколение мирового пролетариата. Но и в отношении вождей мы не ставим вопроса механически. Мы говорим: "Прежде чем решать окончательно о нашем возможном сотрудничестве, - мы желали бы, чтобы оно было как можно более тесным, - необходимо выяснить, одинаково ли с вами мы смотрим на основные вопросы пролетарской стратегии. Вот наши взгляды, сформулированные в огне борьбы в разных странах. Как вы смотрите на эти вопросы? Если вы еще не определили к ним своего отношения, попробуем обсуждать вместе, начиная с наиболее острых и неотложных политических задач". В такой постановке вопроса, смею думать, нет и тени сектанства. Для марксистов не может вообще быть иной постановки. К этому надо еще прибавить, что мы готовы, разумеется, к практическому сотрудничеству, отнюдь не дожидаясь окончательного разрешения всех спорных вопросов.

Товарищи из САП считают целесообразным скорейший созыв конференции из всех наличных коммунистических организаций и групп, которые откликнутся на призыв. Если такая конференция будет созвана, левая оппозиция, как я думаю, примет в ней участие, чтобы изложить свою точку зрения; но ждать от такой конференции серьезных результатов для постановки коммунистической работы было бы неправильно. Если бы дело шло о помощи эмигрантам, о защите их интересов или о какой-либо отдельной политической кампании, конференция

могла бы, может быть, во всех этих случаях иметь практическое значение. Но ведь дело идет о выработке основ революционной политики на длительный период. Такие вопросы никогда не разрешались резвошерстными конференциями в порядке импровизации. Наоборот, политически неподготовленная, поспешно созванная конференция в атмосфере растерянности рисковала бы только увеличить идейный хаос и взаимное ожесточение разных групп.

Центры руководства немецким революционным движением должны будут в ближайший период неизбежно осесть в эмиграции. Между тем, выброшенные за границу немецкие товарищи чувствуют себя еще, как на бивуаке. Даже те из них, которые теоретически понимают значение происшедшей катастрофы, психологически еще не приспособились к новой обстановке. И внутри Германии разные группы живут еще инерцией вчерашнего дня. Это относится и к САП, наиболее многочисленной, но наименее оформленной из всех оппозиционных коммунистических организаций. Левое крыло САП, несмотря на то, что вожди его не имели даже собственного органа, завоевало в партии большинство, вытеснив фракцию Зейдевица. Этот факт лучше всего показывает общую тенденцию развития САП, в которой мы с самого начала видели "живое течение". Но нельзя закрывать глаза на то, что САП в массе своей представляет и сейчас коммунистический полуфабрикат. Между тем обстановка резко изменилась: на очереди стоят не непосредственные боевые задачи, а длительная подготовительная работа, притом в условиях подполья. Чем неоформленнее организация в идейном отношении, тем меньшее сопротивление она способна оказать разрушающим факторам (разочарованию, усталости, репрессиям, агитации других групп и пр.). Только идеологически закаленные кадры смогут выдержать в ближайший период противодействие враждебных сил!

Левая оппозиция, в этом не может быть ни малейшего сомнения, готова решительно все сделать, для того чтоб облегчить взаимное понимание с САП. Технические формы обсуждения спорных или неразрешенных вопросов найти не трудно: дискуссионный "Бюллетень", совместный теоретический журнал, ряд конференций в центре и на местах и пр.

Я думаю, что эти вопросы нужно настойчиво ставить перед каждым членом САП.

Л. Троцкий

Принкипо

27 апреля 1933 г.

Ответ австрийским левым социал-демократам

Некоторые австрийские социал-демократы, находящиеся в оппозиции к своему правлению, сделали мне честь, обратившись ко мне за политическим советом или за ответами на некоторые определенные вопросы. Незачем говорить, что я с полной готовностью отвечаю на поставленные мне вопросы в тех границах, которые определяются моей отдаленностью от поля непосредственных действий.

1. Среди левых социал-демократов Австрии, по-видимому, широко распространена та мысль, что дело уже окончательно потеряно. Такого рода априорная пессимистическая оценка теоретически неправильна и политически недопустима. Несомненно, что наиболее благоприятный момент для борьбы упущен. Но можно сражаться и в менее благоприятных условиях и одержать все же победу. Пессимисты ссылаются на неблагоприятные настроения масс. Несомненно, сверху все сделано, для того чтобы обескуражить и деморализовать рабочих. Но настроение масс - переменчивая величина. Если внушительная левая фракция, способная к действию, своевременно поднимет свой голос, настроение масс может измениться. Конфликт между наци и правительством может создать благоприятную обстановку для вмешательства рабочих. Революционер не смеет объявлять позицию потерянной, когда она еще не находится в руках врага.

2. Социал-демократическое руководство, верное своей традиции, окончательно капитулировало перед Дольфусом⁶⁷, т. е. перед фашизмом. Резкий поворот в настроении рабочих масс могла бы вызвать только социал-демократическая оппозиция. Но для этого она должна с самого начала оказаться на высоте своей исторической задачи. Возможно ли это? Гадать об этом бесполезно. Тут решает действие.

3. "Вы, вероятно, потребуе, - пишет мне один из корреспондентов, - чтобы мы примкнули к вашей организации". Нет, вопрос политически сегодня совсем не стоит так. Организация левой оппозиции (большевики-ленинцы) стоит на почве определенной интернациональной программы, проверенной в ряде стран на больших исторических событиях (СССР, Китай, Великобритания, Испания, Германия и пр.). Мы, разумеется, будем очень рады, если дальнейшая эволюция социал-демократической оппозиции приведет ее к тесному сближению с нами. С своей стороны, мы готовы сделать все, чтобы путем товарищеского обмена мнений, взаимной критики и пр. облегчить и ускорить такое сближение. Но здесь дело идет о сравнительно длительной перспективе. При оценке ближайших, неотложных задач австрийской с[оциал]-д[емократической] оппозиции, надо исходить прежде всего из сегодняшнего положения в Австрии и в австрийской социал-демократии.

4. С[оциал]-д[емократическая] оппозиция в том случае сможет вызвать поворот в настроении рабочих, если сразу покажет, что не думает ограничиться словесной критикой и не собирается капитулировать перед фашизмом. Другими словами, надо порвать с оппозиционной традицией Макса Адлера⁶⁸, который своей импотентной "левой" критикой только поддерживал и укреплял Отто Бауэра и К||. Нужна оппозиция, которая ставит себе задачей непосредственную мобилизацию масс для революционных действий и которая в разрешении этой задачи не собирается останавливаться перед соображениями дисциплины, устава и единства партии.

5. Оппозиция ставит себе задачей "спасти партию". Что под этим понимается: традиция австро-марксизма⁶⁹, его политический курс, его бюрократический аппарат? Но со всем этим надо, наоборот, покончить как можно скорее и как можно радикальнее. Спасти социал-демократическую массу от

политического разложения, упадка, гниения невозможно без объявления непримиримой войны Бауэру и К||. Эта война неизбежно должна привести к расколу. Задача лишь в том, чтобы раскол произошел по линии, наиболее выгодной для пролетарской революции.

6. Значит ли это, что оппозиция должна немедленно выступить из партии и образовать новую партию? Нет, я этого не думаю. Сегодня, когда оппозиция еще почти не заявила себя перед рабочими массами, ее разрыв с официальной организацией только облегчил бы задачу Бауэра и К||. Первым шагом и здесь должно быть: сказать то, что есть.

7. Под этим углом зрения присланный мне проект декларации с[оциал]-д[емократической] оппозиции кажется мне совершенно недостаточным. Этот документ критикует партийное правление, вместо того чтобы перед лицом партийных масс объявить ему непримиримую борьбу. Надо произнести слово "измена". Пусть не говорят, что этим словом много злоупотребляли. Австрийские рабочие в новой обстановке по-новому воспримут это слово, особенно, если оно будет произнесено левыми социал-демократами. Надо заявить, что Бауэр, Даннеберг⁷⁰, Зейц⁷¹ и К|| (их всех надо назвать по имени) предали австрийский пролетариат, как Вельс и К|| предали пролетариат Германии. Только такое категорическое и бесповоротное заявление объяснит рабочим самостоятельное выступление оппозиции и вместе с тем внушит им доверие к серьезности ее намерений.

3. Основные политические формулировки декларации не ясны, компромиссны и потому рискуют вызвать в рядах рабочих замешательство:

а) декларация требует замены буржуазной республики рабочей демократией. Что такое "рабочая демократия"? Можно бороться либо за возрождение буржуазной демократии, либо за установление пролетарской диктатуры. Лозунг "рабочая демократия" есть загадка, недопустимая в революционной политике;

б) декларация ничего не говорит о том, что, каков бы ни был политический лозунг (демократия или диктатура), осуществить его в нынешних условиях можно только при помощи вооруженной силы рабочих;

в) декларация не выдвигает лозунга рабочих и солдатских Советов; между тем сломить саботаж официального аппарата с[оциал]-д[емократии] и профсоюзов могли бы только рабочие Советы; лозунг солдатских Советов прокладывал бы рабочим путь в армию.

Обстановка может быстро измениться. Кое-что из сказанного выше может скоро устареть. Многие вопросы остаются не освещенными в этих беглых строках. Одно можно сказать с уверенностью: всякая половинчатость, всякая недоговоренность со стороны с[оциал]-д[емократической] оппозиции неизбежно послужат на пользу партийному правлению, капитулянтскому реформизму, а следовательно, и фашизму.

Л.Троцкий

Принкипо

3 мая 1933 г.

[Письмо в редакцию "Бюллетеня оппозиции"]72

3 мая 1933 г.

При сем препровождается несколько копий секретного письма в Политбюро73. Так как законный срок прошел, то письмо перестает быть секретным, хотя и не предназначено для опубликования. Лучше рассылать его "избранным", в том числе и дипломатам (не забыть Коллонтай, Овсенко и пр.). Я считаю возможным предоставить иностранным товарищам цитировать это письмо на собраниях, если им это понадобится. Использованное в таком виде, оно произведет больше впечатления, чем в печатном виде.

Думаю также, что это письмо может служить некоторым инструментом издательства "Бюллетеня"...

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Конниковой74]

6 мая 1933 г.

Дорогая товарищ Конникова!

Я получил ваше письмо и две статьи т. Ванцлера75. Я откладывал вам ответ, надеясь вскоре ознакомиться со статьями. Тем временем пришла третья статья, и я опасюсь, что дело опять затянется. Я прошу вас принять во внимание, что я получаю сейчас очень большое количество рукописей из разных стран и у меня по необходимости образуется известного рода "очередь". Задержка ответа вызывается, таким образом, не неаккуратностью или невнимательностью, а объективными условиями. За переводы моих статей на хороший английский язык прошу передать т. Ванцлеру мою искреннюю благодарность.

Вы пишете, что надеетесь повидаться со мной. Незачем говорить, насколько я был бы этому рад. В Америку мне, пожалуй, попасть не удастся, так как новая администрация не спешит с визой. Но может быть, вам удастся при поездке в Европу побывать в Константинополе?

Дела Лиги очень беспокоят меня. Принципиальных разногласий, которые оправдывали бы нынешнюю остроту борьбы, нам отсюда не видно. Тем необходимее, на мой взгляд, чтобы товарищи, не участвующие непосредственно в острой борьбе, сделали все для ее смягчения. На помощь им придет расширение влияния Лиги, привлечение свежих элементов и пр.

Если не ошибаюсь, вы мне писали некогда о том, что Бородин уже в 1903 году примкнул к большевикам. Я ждал какого-либо повода, чтобы исправить ошибку, заимствованную мною из официального советского справочника. Такой повод найдется.

Крепко жму вашу руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Франкелю76]

8 мая 1933 г.

Отвечаю на ваше письмо от 2 мая.

Я очень рад, что мы сходимся в вопросе о немецкой газете77. Это очень важный вопрос. Мы можем и должны поставить газету на высоту. Обстоятельства таковы, что мы должны поставить себе целью превратить ее в еженедельную газету. Разумеется, предварительно газета должна быть обеспечена в финансовом смысле путем правильной постановки распространения.

Мне не ясно, зачем вы предлагаете изменить формат газеты. Условиями нынешнего транспорта это совсем не вызывается. "Искра" выходила примерно в таком формате, как "Наше слово": портативность зависит от характера бумаги, а не от формата.

То обстоятельство что немецкое Правление высказалось пока что против новой партии - беда небольшая: события будут работать за нас, а мы поможем событиям критикой. Гораздо хуже, что Э.78 и др[угие] ожесточились против Секретариата и вообще против заграницы. Нужно во что бы то ни стало рассеять накопившиеся недоразумения. Секретариат должен, на мой взгляд, проявить здесь величайшую уступчивость и полную свободу от личной амбиции. Этот опыт показывает, к слову сказать, какая нужна осторожность при самой постановке острых вопросов: часто весь дальнейший характер дискуссии зависит от того, как вопрос поставлен с самого начала.

Все недоразумения Э. ему надо спокойно и по-товарищески объяснить, приняв во внимание ту исключительно нервную обстановку, в которой ему приходится работать.

Ваше сообщение о лозунгах сталинцев79 (всеобщая стачка с перспективой вооруженного восстания) крайне важно. Эти господа опять поют на похоронах свадебные песни. Для кантонского предприятия80 у них не хватит сил. Но для софийского81, может быть, и хватит. Попытка, во всяком случае, не исключена. Пожалуй, придется написать об этом.

Рудольф82 втянулся уже полностью в работу. Он недурно переводит с русского. Пока еще, правда, медленно, но будет совершенствоваться с каждой новой неделей. Параллельно с этим Ван83 совершенствуется в переводах с русского на французский. В обоих этих направлениях мы будем оказывать все большее содействие отсюда Секретариату.

Не знаете ли вы, почему не выходит второй том моей "Истории"?

Что касается копенгагенского конгресса84, то никаких грандиозных расходов не нужно. Крайне важно было бы выяснить, есть ли у нас что-нибудь в Копенгагене и организовать передачу мандатов.

Необходимо было бы развернуть серьезную кампанию по поводу Чен Дусю. Об этом должен подробно написать Пьер85.

Я считаю также, что наша печать должна была бы уделить внимание процессу Снивлита86. Надо поддерживать с ними дружественные отношения, пока этому нет каких-либо политических препятствий непосредственного характера.

Не знаете ли вы, где Урбанс? Прибыли ли в Париж Маслов и Рут Фишер?

[Л.Д.Троцкий]

Селин⁸⁷ и Пуанкаре

Louis-Ferdinand Celine:

"Voyage au bout de la nuit".

Paris. Denoel et Steele.⁸⁸

Луи-Фердинанд Селин вошел в большую литературу, как другие входят в свой дом. Зрелый человек, с огромным запасом наблюдений врача и художника, с суверенным безразличием к академизму, с исключительным чувством интонаций жизни и языка, Селин написал книгу, которая останется независимо от того, напишет ли он другие и будут ли они на высоте первой. "Путешествие вглубь ночи" - роман пессимизма, книга, продиктованная скорее ужасом перед жизнью и усталостью от нее, чем возмущением. Активное возмущение связано с надеждой. В книге Селина надежды нет.

Парижский студент из семьи маленьких людей, резонер, антипатриот, полуанархист - такими типами кишат кафе Латинского квартала⁸⁹ - при первом звуке военной трубы записывается неожиданно для себя самого добровольцем в армию, попадает на фронт и в механизированной бойне начинает завидовать лошадям, которые гибнут, как и люди, но без фальшивых фраз; после ранения и медали проходит через госпитали, где преуспевающие врачи уговаривают его поскорее вернуться "на пламенное кладбище сражений"; увольняется как больной из армии; уезжает в африканскую колонию и изнывает от человеческой низости, жары и тропической малярии; попадает украдкой в Америку, работает у Форда; находит нежную подругу в проститутке (подлинные нежные страницы книги!); возвращается во Францию, становится врачом для бедных и, душевно раненый, бродит в жизненной ночи среди больных и здоровых, одинаково жалких, порочных и несчастных.

Селин совсем не ставит себе целью обличение социальных условий Франции. Правда, он не щадит попутно ни священников, ни генералов, ни министров, ни президента республики. Но ткань повествования стелется все время значительно ниже уровня правящих классов, в среде маленьких людей, чиновников, студентов, торговцев, ремесленников, консьержек и к тому же дважды переносится за пределы Франции. Нынешний социальный строй так же плох, как и всякий другой, прошлый или будущий. Селин вообще не доволен людьми и их делами.

Роман задуман и выполнен как панорама жизненной бессмыслицы, ее жестокостей, коллизий, лжи, без выхода и просвета. Унтер-офицер, терзающий солдат прежде чем погибнуть вместе с ними; американская рантьерша, проветривающая свою пустоту по европейским отелям; французские колониальные чиновники, отупевшие от жадности и неудач; Нью-Йорк с его автоматическим безучастием к человечеству без чека, с технически совершенным высасыванием мозга из людских костей; снова Париж; мелочный и завистливый мирок ученых; долгое и покорное умирание семилетнего мальчика; истязания девочки;

маленькие добродетельные рантье, из экономии убивающие мать; священник в Париже и священник в глубине Африки, одинаково готовые продать человека за несколько сот франков: один в союзе с цивилизованными рантье, другой в союзе с каннибалами... Из главы в главу, из страницы в страницу осколки жизни складываются в грязную, кровавую, кошмарную бессмыслицу. Пассивное воспитание с обнаженными нервами, без воли, устремлений к будущему - психологическая основа отчаяния, искреннего в конвульсиях своего цинизма.

Селин-моралист по пятам художника развенчивает шаг за шагом все, что привыкло пользоваться высоким призванием - социальные ценности, начиная с патриотизма, и личные связи, кончая любовью. Отечество в опасности? "Потеря не велика, когда горит дом владельца... Платить все равно придется..." Исторические критерии ему не нужны. Война Дантона⁹⁰ не выше войны Пуанкаре. Там и здесь за "патриотическую функцию" расплачивались кровью. Любовь отравлена корыстью и тщеславием. Все виды идеализма - лишь "мелкие инстинкты, облеченные в слова". Даже образ матери не находит пощады. При встрече с раненым сыном она "плакала, как сука, которой вернули ее детеныша. Она была ниже суки, потому что верила в те слова, которые ей говорили, чтобы отнять у нее сына".

Стиль Селина подчинен его ощущению мира. В этом, будто бы небрежном, неправильном, страстном в своей сжатости языке живет, бьется и трепещет действительное богатство французской культуры, весь опыт чувств и мыслей великой нации, в его живом содержании, в его тончайших оттенках. И в то же время Селин пишет так, как если бы он первый наткнулся на человеческое слово. Художник перетряхнул заново словарь французской литературы. Как мякина отлетели заношенные обороты. Зато слова, изгнанные из обихода академической эстетики или моралью, оказались незаменимы, чтобы выразить жизнь в ее грубости и подлости. Эротические термины служат Селину лишь для развенчания эротики. Он ими оперирует так же, как и названиями других физиологических отправления, которые не пользуются признанием искусства.

На первой же странице романа читатель неожиданно встречает имя Пуанкаре: президент республики, как сообщает свежий номер "Temps", отправился утром открывать выставку маленьких собак. Эта деталь не выдумана. Последний дошедший до Принкипо номер "Temps" приносит справку: "Г[осподин] Альбер Лебрен⁹¹, президент республики, в сопровождении полковника Рюпье из своего военного штаба, посетил сегодня утром собачью выставку". Такова, очевидно, одна из функций президента республики, и мы не видим основания против нее возражать. Но злая газетная справка явно служит не для возвеличивания главы государства. Френологам⁹² трудно было бы вообще открыть у нового писателя шишку почтительности.

Между тем бывший президент Пуанкаре, самый прозаичный, сухой и черствый из всех деятелей Республики, является самой авторитетной ее политической фигурой. Со времени болезни он стал иконой. Не только правые, но и радикалы не считают возможным назвать его имя без нескольких слов патетического признания. Пуанкаре есть, бесспорно, наиболее чистая культура буржуа, как

французская нация - наиболее буржуазная из всех наций, пропитанная сознанием своей буржуазности, гордящаяся ею, как источником своей провиденциальной роли по отношению к остальному человечеству.

Прикрытое изысканными формами, национальное высокомерие французской буржуазии представляет кристаллизованное отложение веков. Прошлое, когда у предков была большая историческая миссия, оставило потомкам богатый гардероб, который служит прикрытием самого упорного консерватизма. Вся политическая и культурная жизнь Франции разыгрывается в костюмах прошлого. Как в странах замкнутой валюты, фиктивные ценности имеют во французской жизни принудительный оборот. Формулы освободительного миссионизма, давно оторвавшиеся от паритета действительности, сохраняют высокий принудительный курс. Условности как бы материализовались, приобрели самостоятельную реальность. Румяна и белила на лице можно еще счесть фальшью; но маска перестает быть подделкой: это просто орудие техники. Она существует отдельно от тела и подчиняет себе его жесты и интонации.

Пуанкаре - почти социальный символ. Его высшая репрезентативность образует его личность. Другой у него нет. Как в юношеских стихах этого человека - у него была юность, так и в его старческих мемуарах нет ни одной индивидуальной ноты. Интересы буржуазии - его подлинный нравственный оплот, источник его холодного пафоса. Условные ценности французской политики вошли к нему в плоть и в кровь. "Я буржуа, и ничто буржуазное мне не чуждо". Политическая маска слилась с лицом. Лицемерие, приняв абсолютный характер, стало своего рода искренностью.

Французское правительство настолько миролюбиво, по утверждению Пуанкаре, что неспособно даже предполагать задних мыслей у противника. "Прекрасная доверчивость народа, который всегда наделяет своими добродетелями других". Это уже не лицемерие, не субъективная фальшь, а обязательный элемент ритуала, как заверение в преданности под вероломным письмом. Немецкий писатель Эмиль Людвиг⁹³ в эпоху Рурской оккупации⁹⁴ спрашивал Пуанкаре: "Думаете ли вы, что мы не желаем или не можем платить?" Пуанкаре отвечал: "Никто добровольно не платит". В июне 1931 года Брюнинг по телеграфу просил у Пуанкаре содействия и получил в ответ: "Умейте страдать". Неподкупный нотариус буржуазии не знает милосердия.

Но как личный эгоизм, переходя за известную черту, начинает пожирать себя, так и эгоизм консервативного класса. Пуанкаре хотел распять Германию, чтобы раз навсегда избавить Францию от тревоги. Между тем шовинистические испарения Версальского мира, преступно мягкого в глазах Пуанкаре, сгустились в Германии в зловещий образ Гитлера. Без оккупации Рура наци не пришли бы так легко к власти. А Гитлер у власти открывает перспективу новых войн.

Национальная французская идеология построена на культуре ясности, т. е. логики. Но это не окрыленная смелостью логика XVIII века, которая ниспровергла целый мир, а скупая, осторожная, готовая на все компромиссы логика Третьей республики⁹⁵. С тем снисходительным чувством превосходства, с каким старый мастер разъясняет приемы своего мастерства, Пуанкаре говорит в

своих мемуарах об "этих трудных операциях ума: выборе, классификации, координации". Операции, бесспорно, не легкие. Но сам Пуанкаре производит их не в трехмерном пространстве исторического процесса, а в двухмерной плоскости документов. Истина для него лишь продукт судопроизводства, "разумного" истолкования договоров и законов. Консервативный рационализм правящей Франции относится к Декарту⁹⁶ примерно так же, как средневековая схоластика - к Аристотелю.

Прославленное "чувство меры" стало чувством малой меры. Оно придает мысли мозаичский уклон. С какой любовной тщательностью Пуанкаре описывает самые ничтожные эпизоды правительственного ремесла! Полученный от датского короля орден белого слона⁹⁷ он копирует, как драгоценную миниатюру: размеры, форма, узор и окраска нелепой побрякушки - ничто не упущено в его мемуарах. С добросовестностью самого лучшего полицейского протокола Пуанкаре изображает свое посещение конских скачек совместно с королевской великобританской четой: публика, "повернувшись к трибуне, забывает ставки, пренебрегает лошадьми и настойчиво лорнирует нас". Пренебрежение скаковыми лошадьми ради короля и президента должно характеризовать напряженность партиотизма!

Литературный стиль Пуанкаре мертв, как гробница старейшего из фараонов. Слова служат ему лишь для определения размера репараций, либо для риторических украшений. Свое пребывание в Елисейском дворце⁹⁸ он сравнивает с заточением Сильвио Пеллико⁹⁹ в тюрьмах австрийской монархии! "В этих салонах позолоченной банальности ничто не говорит моему воображению". Но позолоченная банальность есть официальный стиль Третьей республики. А воображение Пуанкаре - сублимация этого стиля. Его речи и статьи похожи на каркас из колючей проволоки, украшенной бумажными цветами и золотыми блестками.

Перед лицом надвигающейся войны Пуанкаре совершил морской путь между Петербургом и Францией; он не упускает случая вставить в тревожную хронику путешествия олеографический пейзаж: "Бледное почти пустынное море, безразличное к людским конфликтам". Совершенно так же, слово в слово, он писал на выпускном экзамене в лицее! Когда Пуанкаре говорит о своих партиотических заботах, он перечисляет попутно все роды цветов, которые украшали его дачное уединение: между шифрованной телеграммой и беседой по телефону - добросовестный каталог цветочного магазина! В самые критические моменты на сцене появляется еще сиамская кошка как символ семейной интимности. Невозможно без удущья читать этот автобиографический протокол, без живого образа, без человеческого чувства, но зато с "безразличным" морем, платанами, вязами, гиацинтами, голубями и неотвязным запахом сиамской кошки.

Есть две сферы жизни, одна явная и официальная, выдаваемая за всю жизнь; другая скрытая и самая важная. Это раздвоение проходит через личные отношения, как и через общественные: через семью, школу, судебный зал, парламент, дипломатию. Оно заложено в условиях противоречивого развития

человеческого общества и свойственно всем цивилизованным странам и народам. Но формы раздвоения, ширмы и маски ярко окрашены в национальные цвета. В англо-саксонских странах важным элементом в систему нравственной двойственности входит религия. Этого важного ресурса официальная Франция лишила себя. В то время как британское масонство¹⁰⁰ не способно понять вселенную без бога, как парламент - без короля, или собственность - без собственника, французские масоны вычеркнули "великого архитектора вселенной" из своих статуты. Для политических дел и делишек ложи тем выгоднее, чем они шире: нарушать земные интересы ради небесной проблематики значило бы идти в разрез с латинской ясностью. Однако же политику, как и Архимеду¹⁰¹, нужна точка опоры; волю архитектора пришлось заместить посюсторонними ценностями. Первая из них: Франция.

Нигде так охотно не говорят о "религии патриотизма", как в светской республике. Все атрибуты, которыми человеческое воображение одаряет отца, сына и святого духа, свободомыслящий французский буржуа переносит на собственную нацию. А так как Франция - женственный образ, то она наделяется заодно и чертами девы Марии. Политик выступает как светский жрец секуляризованного божества. Литургия патриотизма, разработанная с предельной законченностью, составляет обязательную часть политического ритуала. Есть слова и обороты, которые автоматически порождают в парламенте эхо аплодисментов, как определенные церковные возгласы вызывают коленопреклонение или слезы верующих.

Однако есть разница. Область подлинной религии собственным существом отделена от житейской практики; при надлежащем размежевании компетенций коллизии так же маловероятны, как столкновения автомобиля с аэропланом. Светская религия патриотизма, наоборот, соприкасается с повседневной политикой непосредственно. Личные аппетиты и классовые интересы на каждом шагу враждуют с формулами чистого патриотизма. К счастью, противники настолько воспитаны и, главное, связаны круговой порукой, что во всех щекотливых случаях отводят в сторону глаза. Правительственное большинство и ответственная оппозиция добровольно соблюдают правила политической игры. Главное из них гласит: как движение тел подчинено законам тяжести, так действия политиков подчинены любви к отечеству.

Однако и на солнце патриотизма есть пятна. Избыток взаимной снисходительности имеет то неудобство, что порождает чувство безнаказанности и стирает грань между похвальным и предосудительным. Так накапливаются политические газы, которые время от времени взрываются и отравляют атмосферу. Крах Юнион-Женераль¹⁰², Панама¹⁰³, процесс Дрейфуса¹⁰⁴, дело Рошетта, дело газеты "Франк"¹⁰⁵, крах Устрика - памятные всем вехи на пути третьей Республики. Клемансо оказался задет Панамой. Пуанкаре лично оставался всегда в стороне. Но его политика питалась из тех же источников. Недаром своим учителем морали он объявляет Марка Аврелия¹⁰⁶, стоическая добродетель которого неплохо уживалась с нравами имперского трона в гниющем Риме.

"В первые шесть месяцев 1914 года... - жалуется в своих мемуарах Пуанкаре, - перед моими глазами проходило неизменное зрелище парламентских интриг и финансовых скандалов". Зато война одним взмахом смела, разумеется, корыстные побуждения. "Священное единение" очистило сердца. Это значит: интриги и плутни отодвинулись вглубь за патриотические кулисы, чтобы принять там небывалые размеры. Чем дальше отодвинулась развязка на фронте, тем порочнее, по Селину, становился тыл. Образ Парижа во время войны сделан в романе рукой беспощадного мастера. Политики почти нет. Но есть большее: тот жизненный субстрат, из которого она формулируется.

Во всех судебных парламентских и финансовых скандалах Франции бросается в глаза их органический характер. От трудолюбия и бережливости крестьянина и ремесленника, от осторожности купца и промышленника, от слепой жадности рантье, от куртуазности парламентария, от патриотизма прессы бесчисленные нити ведут к узлам, которые носят нарицательное имя панамы. В переплете связей, услуг, посредничества, замаскированных полувзятков есть тысячи переходных формул между гражданской доблестью и уголовщиной. Как только несчастный случай надрежет безукоризненные покровы, вскрыв анатомию политики - в любом месте и в любое время, - сразу необходимо назначить парламентское или судебное следствие. Но здесь-то и обнаруживается трудность: с чего начать и где остановиться?

Только потому, что Устрик несвоевременно обанкротился, обнаружилось, что у аргонанта из мелких кабатчиков служили на побегушках депутаты и журналисты, бывшие министры и послы, под инициалами и под полными именами; что бумаги, выгодные для банкира, проходили по министерствам, как молнии, а вредные задерживались, пока не становились безвредными. Из ресурсов своего воображения, из салонной связи и печатной бумаги финансовый маг создавал богатства, ворочал судьбами тысяч людей, подкупал... - какое грубое, недопустимо точное слово! - вознаграждал, поддерживал, поощрял печать, чиновников, парламентариев. И всегда почти в неуловимой форме! Чем больше развертывались работы анкетной комиссии, тем очевиднее становилась безнадежность расследования. Тем, где собирались открыть преступление, обнаружили только обычные взаимоотношения между политикой и финансами. Где искали очаг заразы, нашли нормальную ткань организма.

В качестве адвоката X. защищал интересы предприятий Устрика; в качестве журналиста отстаивал таможенную систему, совпадающую с интересами Устрика; в качестве таможенного представителя специализировался на пересмотре таможенных ставок. А в качестве министра? Комиссия без конца занималась вопросом, продолжал ли X. на посту министра получать адвокатский гонорар или же в промежутке между двумя министерскими кризисами совесть его оставалась чиста, как кристалл. Сколько нравственного педантизма вносится в лицемерие! Рауль Пере, бывший председатель палаты депутатов, кандидат в президенты республики, оказался кандидатом в уголовные преступники. А между тем, по глубокому своему убеждению, он действовал "как все", может быть, только менее осторожно, во всяком случае, менее счастливо... "Спускайте скорее

занавес!" - кричат потрясенные патриоты. Занавес спущен. Снова воцаряется культ добродетели, и слово "честь" вызывает взрывы аплодисментов на всех скамьях Бурбонского дворца¹⁰⁹.

На фоне "низменного зрелища парламентских интриг и финансовых скандалов", как выражается Пуанкаре, роман Селина получает двойную значительность. Недаром благомыслящая пресса, которая негодовала в свое время против публичной анкеты, сразу же обвинила Селина в клевете на "нацию". Парламентская комиссия вела, по крайней мере, свое расследование на куртуазном языке посвященных, от которого не отступали ни обвинители, ни обвиняемые (между ними не всегда оказывался ясный водораздел). Селин же свободен от условностей. Он грубо отбрасывает бесплотные краски патриотической палитры. У него свои краски. Он вырвал их у жизни по праву художника. Правда, жизнь он берет не в парламентском разрезе, не на правительственных высотах, а в наиболее ее обыденных проявлениях. Но от этого не легче. Он обнажает корни. Под внешними покровами благопристойности он вскрывает грязь и кровь. Убийство из-за мелкой наживы теряет в его зловещей панораме свою исключительность: оно так же неотделимо от повседневной жизненной механики, движимой жадностью и корыстью, как дело Устрика - от более высокой механики современных финансистов. Селин показывает то, что есть. Поэтому он выглядит революционером.

Но Селин не революционер и не хочет им быть. Он не задается химерической, в его глазах, целью перестраивать общество. Он хочет только сорвать престиж со всего того, что пугает и угнетает его. Чтобы облегчить свое сознание от ужаса перед жизнью, этому врачу для бедных понадобились новые изобразительные приемы. Он оказался революционером романа. Таков вообще закон движения искусства: через взаимоотталкивание направлений.

Изнашиваются не только партии у власти, но и художественные школы. Приемы творчества опустошаются и перестают задевать человеческие чувства: верный признак того, что школа созрела для кладбища исчерпанных возможностей, т. е. для Академии¹¹⁰. Живое творчество не может идти вперед, не отталкиваясь от официальной традиции, от канонизированных идей и чувств, от образов и оборотов, покрытых лаком привычки. Каждое новое направление ищет более непосредственной и честной связи между словом и чувством. Борьба против притворства в искусстве всегда более или менее перерастает в борьбу против неправды человеческих отношений. Связь здесь дается сама собою: искусство, теряющее чувство социальной фальши, неизбежно само поражает манерностью.

Чем богаче и плотнее национальная культурная традиция, тем резче отталкивание от нее. Сила Селина в том, что он с предельным напряжением сбрасывает с себя все каноны, переступает через все условности, не только раздевает модель жизни, но сдирает с нее кожу. Отсюда обвинения в клевете. Но как раз в безудержном радикализме отрицания национальной традиции Селин глубоко национален. Как французские антимиитаристы до войны были чаще всего

отчаявшимися патриотами, так Селин - до мозга костей француз, отпрянувший от официальных масок Третьей республики. Селинизм есть моральный и художественный антипуанкаризм. В этом его сила, но и его ограниченность.

Когда Пуанкаре сравнивает себя с Сильвио Пеллико, он способен вызвать содрогание холодным сочетанием самодовольства и безвкусицы. Но настоящий Пеллико, который был заперт не во дворце, в качестве главы государства, а в темницах Святой Маргариты и Шпильберга¹¹¹, в качестве патриота, разве он не открывает другую, более высокую сторону человеческой природы? Вместо верующего итальянского католика, который был все же скорее жертвой, чем борцом, Селин мог бы напомнить высокопоставленному узнику Елисейского дворца другого узника, который четыре десятилетия провел в тюрьмах Франции, прежде чем сыновья и внуки его тюремщиков дали одному из парижских бульваров его имя: Огюст Бланки. Значит, что-то заложено в человеке, что способно поднять его над самим собою?

Только потому, что за алтарями фальшивого альтруизма служат многочисленные и хорошо оплачиваемые жрецы, Селин отворачивается от великодушия и героизма, от больших замыслов и надежд, от всего, что выводит человека из тюремной ночи замкнутого "я". Кажется, будто беспощадный к себе моралист отталкивается от собственного отражения в зеркале, разбивает стекло, ранит руки. Такая борьба изнуряет его, но не открывает просвета. Безнадежность ведет к покорности. Примирение открывает дверь академии. Подрыватели литературных основ уже не раз кончали под куполом бессмертия.

В музыке книги есть многозначительный диссонанс. Отвергая не только настоящее, но и то, что должно прийти ему на смену, художник поддерживает то, что есть. Постольку Селин, хочет он или не хочет, союзник Пуанкаре. Но, обнажая ложь, он внушает потребность в более гармоническом будущем. Пусть сам Селин считает, что из человека вообще ничего хорошего не выйдет; самая напряженность его пессимизма заключает в себе дозу противоядия.

Селин, как он есть, вышел из французской действительности и французского романа. Ему не приходится стыдиться своей родословной. Французский гений нашел в романе непревзойденное выражение. Начиная с Рабле¹¹², тоже врача, разветвляется на протяжении четырех столетий великленная генеалогия мастеров эпической прозы: от жизнерадостного утробного смеха до безжизненности и отчаяния, от яркого рассвета до глубин ночи. Второй книги с таким отвращением к лжи и с таким неверием в правду Селин не напишет. Диссонанс должен разрешиться. Либо художник примирится с мраком, либо увидит зарю.

Л. Троцкий

Принкипо

10 мая 1933 г.

Письмо английской левой оппозиции

Дорогие товарищи!

Вы приступили к изданию маленького печатного ежемесячника "Красный флаг"¹¹³. Скромный шаг вперед сделан. Надо надеяться, что за ним последуют другие.

Состояние коммунизма в Британии не находится ни в каком соответствии со степенью разложения британского капитализма. Одни лишь консервативные традиции британской политики, в том числе и рабочей, явно недостаточны для объяснения этого факта. Мы выразим только бесспорную истину, если скажем: больше всего и, увы, успешнее всего препятствовало успехам коммунизма за последние годы руководство британской компартии. Правда, оно действовало не самостоятельно, а лишь слепо следуя указке верхушки Коминтерна. Но это обстоятельство не снимает ответственности с британской коммунистической бюрократии и, во всяком случае, не уменьшает причиненных ею бедствий.

Изучение и критическая проверка политики британской компартии за последние восемь-десять лет представляют в высшей степени важную задачу с точки зрения воспитания самой левой оппозиции. Надо внимательно просмотреть и проработать официальные издания партии за этот период и установить, чему партийное руководство учило в области главных стратегических проблем: отношение к лейбористам, к трэд-юнионам, к движению меньшинства; к колониальным революциям; политика единого фронта; отношение к независимой рабочей партии и пр. Один уже подбор наиболее ярких цитат в хронологическом порядке обнаружил бы не только вопиющие противоречия "генеральной линии", но и внутреннюю логику этих противоречий, т. е. метания центристской бюрократии между оппортунизмом и авантюризмом. Каждый из тактических зигзагов отталкивал коммунистов, сочувствующих и возможных друзей то вправо, то влево, то, наконец, в болото индифферентизма. Можно сказать без преувеличения, что британская компартия, превратившаяся политически в проходной двор, сохраняла свое влияние лишь на ту часть пролетариата, которую разложение капитализма и реформизма насильственно толкало в ее сторону.

Наряду с новым печатным органом, вы располагаете литографированным (и притом прекрасно литографированным) бюллетенем "Коммунист"¹¹⁴. Было бы чрезвычайно желательно отводить в этом издании как можно большее место освещению политики британской компартии в указанном выше направлении, как и дискуссии по поводу спорных вопросов внутри самой левой оппозиции. Упорно стремясь к расширению нашего воздействия на рабочих, нам необходимо в то же время заботиться о теоретическом и политическом вооружении наших собственных рядов. Впереди большая и трудная дорога. Нам нужны для нее первоклассные кадры.

От всей души желаю вам успеха.

Л. Троцкий

Принкипо

19 мая 1933 г.

Что с Раковским?

Вопрос о судьбе Раковского окутан трагической таинственностью. Можно считать установленным, что Раковский не находится более в Барнауле, в месте старой своей ссылки. На основании сведений из двух разных источников, оппозиционного и "официального", т. е. связанного со сталинцами, можно считать установленным, что больной Раковский был доставлен из Барнаула в Москву. Оппозиционный источник сообщал далее, будто Раковский умер в кремлевской больнице. Согласно "официальному" источнику, Раковский подвергся операции и выздоровел. Через "Юманите" Сталин в глухой форме опроверг сообщение о смерти Раковского. О дальнейшей его судьбе правящие сферы не сообщают, однако, ничего. Известная телеграмма Ройтера из Москвы гласила, что Раковский "занимается медицинской практикой в Якутской области". Ройтер этого не мог выдумать: сообщение было ему, очевидно, подсказано в Москве. Как связать эти факты воедино? Доставка Раковского из Барнаула в кремлевскую больницу должна, как будто, свидетельствовать о чрезвычайном участии к Раковскому. Почему же, в таком случае, после операции Раковский не только не был отправлен на юг, чего давно уже требовали врачи, но и не возвращен в Барнаул, а выслан в убийственные для него условия Полярного Круга? Никаких сведений, объясняющих это противоречие, у нас нет. Мы вынуждены выдвинуть гипотезу, которая нуждается в проверке. Во всяком случае, она нам кажется сегодня вытекающей из всех обстоятельств.

Болезнь Раковского совпала по времени с новым приливом антитроцкистского бешенства, с одной стороны, и с теми закулисными переговорами, которые привели к новой капитуляции Зиновьева и Каменева, с другой стороны. Из текста заявлений Каменева и Зиновьева ясно видно, до какой степени Сталину необходимы авторитетные свидетельства против левой оппозиции. Можно вполне допустить, что сталинцы пытались использовать болезнь Раковского, чтобы вынудить у него то или другое заявление. С этой целью Раковский был, очевидно, доставлен в привилегированную больницу Кремля, т. е. поставлен в условия, о которых ссыльный не может и мечтать. Операция была произведена и, как сообщают, благополучно. После этого Сталин должен был - это вполне отвечает нравственному облику Сталина - предъявить Раковскому политический счет к уплате. Раковский должен был - это вполне отвечает нравственному облику Раковского - с негодованием отклонить предъявленный ему счет. Вот почему старый борец не вернулся в Барнаул, а оказался выброшен за Полярный Круг.

Мы не видим другого объяснения. У сталинцев есть все возможности опровергнуть нашу гипотезу. Мы будем нетерпеливо ждать опровержения. Или может быть наша гипотеза слишком... оптимистична, и сталинцы сочтут более выгодным для себя промолчать?

Л. Троцкий

Принкипо

25 мая 1933 г.

[Письмо Я.Франкелю¹¹⁵]

26 мая [1]933 г.

Дорогой Ян!

Итак, антифашистский конгресс перенесен в Париж¹¹⁶. Это большой подарок. Мы здесь надеемся, что у вас мобилизованы все силы и что ни один мандат не пропадет даром.

Самым важным теперь я считаю мобилизацию всякого рода сочувствующих и полусочувствующих организаций. Помимо делегатов конгресса, можно было бы организовать делегации по специальным вопросам. Боюсь только, что уже поздно... Так, например, организация Снивлита могла бы послать специальную делегацию по поводу Раковского, Виктора Сержа¹¹⁷ и других, с одной стороны, Чен Дусю, с другой. Я опасаясь, что Интернациональный Секретариат не отдает себе достаточного отчета в том, насколько для нас важно на такого рода конгрессе выступать не изолированно, а иметь известное прикрытие, по крайней мере, в отдельных вопросах. По вопросу о Викторе Серже надо бы мобилизовать хоть небольшую группу французских писателей. Может быть, по вопросу о Раковском и Викторе Серже согласились бы выступить в той или другой форме Монатт, Шамбеллан и К||? Даже не принимая участия в работах съезда, они могут направить съезду делегацию или, в крайнем случае, письмо, которое затем можно публиковать в печати. Я думаю, что по вопросу о Раковском и Викторе Серже можно было бы обратиться также к Росмеру и его друзьям с предложением проявить инициативу. Незачем делать это официально. Шварц¹¹⁸ или кто-нибудь другой мог бы возбудить вопрос в частном порядке. Не надо ничего упускать из вида в таком остром положении: всякий лишний голос, всякая связь, всякий документ, напоминающий о Раковском, упрочит наше положение на конгрессе и может облегчить судьбу Раковского.

Обращаю ваше внимание еще на следующее обстоятельство: какой-то из наемных негодяев опубликовал в "Рундшау"¹¹⁹, будто Т[роцкий] донес на Димитрова как на участника взрыва Софийского собора (что-то в этом роде). Даже противно говорить об этом. Я хотел было сперва написать полемическую заметку, но отвращение к этой сволочи помешало мне написать ее. Думаю все же, что надо в той или другой форме воспользоваться конгрессом, чтобы заклеить эту систему подлой клеветы, применяемой действительными доносчиками.

Я несколько раз писал о том, что терроризм и авантюризм не раз являлись на смену оппортунизму сталинской бюрократии. Мысль сама по себе не нова. Давно сказано, что анархизм является расплатой за грехи оппортунизма. Только оппортунистическая пассивная политика в 1923 году в Германии и в Болгарии привела в 1924 году к революционным авантюрам в Болгарии и Эстонии¹²⁰. Для политической оценки совершенно безразлично, кто руководил авантюристическими действиями. Делать из этого кляузу о доносе и связывать с арестом Димитрова в Берлине¹²¹ могут только отпетые негодяи.

Желая повредить мне, эти субъекты вредят на самом деле Димитрову. И

немецкий, и болгарский прокуроры, разумеется, ухватятся обеими руками за кляузу сталинцев: смотрите, скажут они, Т[роцкий] признал в печати, что Димитров имеет отношение ко взрыву Софийского собора. Правда, я нигде и никогда об этом не говорил и говорить не мог, ибо никакого отношения Димитров к этому делу не имел. Но прокурорам незачем выуживать такое свидетельство из моих статей. Им достаточно того, что сообщают на этот счет сталинцы. Весьма вероятно, что подлая кляуза сталинцев именно и рассчитана на такой эффект: подсказать прокуратуре и белогвардейской печати ссылку на Т[роцкого] по делу о взрыва Софийского собора. Разумеется, ни один белогвардеец, если он захочет воспользоваться всем этим враньем, не скажет: "Т[роцкий], по словам сталинцев, признал то-то и то-то". Он просто скажет: "Т[роцкий] признал то-то и то-то", - ибо это выглядит гораздо убедительнее и выгоднее.

Разумеется, если сталинцы будут себя на конгрессе держать сколько-нибудь прилично, то нам незачем поднимать на конгрессе столь острый вопрос. Но вполне возможно, что вся эта штука специально подготовлена к конгрессу. Необходимо вооружиться заранее. Может быть, подготовить маленький листок и пр.

Оказывается, что мое письмо о САП122 до сих пор не переведено на немецкий язык. Может быть, оно было переведено в Париже? В таком случае пошлите его немедленно Отто123 в Швейцарию (для них вопрос очень важен, в связи с Шафхаузенем)124.

Ш[юслер]125 приехал сюда вот уже четвертый день. Ван126 захворал и проф[ессор] Гассен предложил ему на несколько дней лечь в больницу для установления диагноза. Со вчерашнего дня Ван во французской больнице.

[Л.Д.Троцкий]

Ответы на вопросы г. Сименона127, представителя газеты "Пари-Суар"128

1. Нет, я меньше всего думаю, что раса является решающим фактором эволюции ближайшей эпохи. Раса есть сырой антропологический материал, - неоднородный, нечистый, смешанный (микстум композиум)129, - материал, из которого историческое развитие создало полуфабрикат наций... Классы, социальные группировки и вырастающие на их основе политические течения будут решать судьбу новой эпохи. Я не отрицаю, разумеется, значения расовых качеств и отличий, но в процессе эволюции они совершенно отступают на задний план перед техникой труда и техникой мысли. Раса есть статический и пассивный элемент, а история есть динамика. Каким образом сравнительно неподвижный элемент может определять собою движение и развитие? Все расовые отличия склоняются перед мотором внутреннего сгорания, не говоря уже о митральезе130.

Когда Гитлер собирался устанавливать государственный строй, адекватный истинной северогерманской расе, он не нашел ничего лучшего, как совершить плагиат у южнолатинской расы. В свою очередь Муссолини в борьбе за власть

использовал - хотя и с другого конца - социальное учение немца, или немецкого еврея, Маркса, которого он за два-три года до того называл "нашим общим бессмертным учителем". Если наци предлагают ныне, в XX веке, от истории, от социальной динамики, от культуры вернуться к "расе", то почему не отойти еще глубже назад: ведь антропология есть только часть зоологии. Кто знает: может быть, в царстве антропитеков расисты нашли бы наиболее высокие и бесспорные внушения для своего творчества?

2. Я не думаю, что группировки государств будут идти по признаку диктатуры и демократии. Если изъять тонкий слой профессиональных политиков, нации, народы, классы не живут политикой. Государственные формы - только средство определенных, преимущественно экономических задач. Разумеется, известная однородность государственных режимов предрасполагает к сближению и облегчает его. Но решают в последней инстанции материальные соображения: экономические интересы и военные расчеты.

3. Считаю ли я полосу фашистских (Италия, Германия) и квазибонапартистских (Польша, Югославия, Австрия...) диктатур эпизодической и скоро проходящей? Увы, я не могу примкнуть к такому оптимистическому прогнозу. Фашизм порожден не "психозом" или "историей" (как утешают салонные теоретики, вроде графа Сфорца), а глубочайшим экономическим и социальным кризисом, который беспощаднее всего разъедает тело Европы. Нынешний конъюнктурный кризис только обострил органические болезненные процессы. Конъюнктурный кризис уступит неизбежно место конъюнктурному оживлению, - ждать этого осталось, во всяком случае, меньше, чем ждали. Но общее положение Европы не станет многим лучше. После каждого кризиса мелкие и слабые предприятия слабеют еще более или вовсе падают; сильные становятся еще сильнее. Раздробленная Европа представляет комбинацию мелких предприятий, враждующих между собою, по сравнению с экономическим гигантом С[оединенных] Штатов. Положение Америки сейчас очень тяжелое: даже доллар стал на одно колено. Тем не менее в результате нынешнего кризиса соотношение мировых сил изменилось в пользу Америки и в ущерб Европе.

То обстоятельство, что старый континент в целом теряет свое бывшее привилегированное положение, ведет к чрезвычайному обострению антагонизмов между европейскими государствами, а внутри государств - между классами. Разумеется, в разных странах эти процессы имеют разную силу напряжения. Но я говорю об общей исторической тенденции. Рост социальных и национальных противоречий и объясняет, на мой взгляд, происхождение и сравнительную устойчивость диктатур.

В пояснение своей мысли позволю себе сослаться на то, что мне довелось говорить несколько лет тому назад по вопросу о том, почему и надолго ли демократии уступают место диктатуре. Разрешите привести дословно цитату из статьи, написанной 25 февраля 1929 г.¹³²:

"Указывают иногда, что мы имеем тут дело с отсталыми и незрелыми государствами. Вряд ли это объяснение применимо к Италии. Но и в тех случаях, где оно верно, оно ничего не объясняет. В XIX веке считалось

законом, что отсталые страны поднимаются по лестнице демократии. Почему же ХХ век толкает их на путь диктатуры? ...Демократические учреждения показали, что не выдерживают напора современных противоречий, то международных, то внутренних, чаще - тех и других вместе. Хорошо ли это или дурно, но это факт. По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Перегрузка тока все чаще обнаруживается в разных пунктах европейской сети. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры. Первыми поддаются, конечно, наиболее слабые выключатели".

Когда эти строки писались, во главе Германии стояло еще социал-демократическое правительство. Ясно, что дальнейший ход событий в Германии, которую никто не назовет отсталой страной, никак не мог поколебать моей оценки.

Правда, за это же время революционное движение снесло в Испании не только диктатуру Примо де Ривера¹³³, но и монархию. Такого рода встречные потоки неизбежны в историческом процессе. Но на Пиренейском полуострове внутреннее равновесие еще далеко не достигнуто. Новому испанскому режиму еще только предстоит доказать свою устойчивость.

4. Фашизм, особенно германский национал-социализм, несет Европе несомненную опасность военных потрясений. Может быть, я, со стороны, ошибаюсь, но мне кажется, что эта опасность недооценивается в полном своем объеме. Если брать перспективу не месяцев, а лет - вряд ли десятилетий, - то я считаю военный взрыв со стороны фашистской Германии совершенно неизбежным. Именно этот вопрос может стать решающим для судьбы Европы. Я надеюсь, впрочем, на эту тему высказаться в ближайшее время в печати.

* * *

Вы находите, что я мрачно оцениваю положение? Я стараюсь лишь делать выводы из фактов, руководствуясь не логикой симпатий и антипатий, а логикой объективного процесса. Что наша эпоха не является временем мирного и спокойного процветания и политического комфорта, этого, надеюсь, не нужно доказывать. Но пессимистической моя оценка может показаться лишь в том случае, если мерить ход истории слишком коротким мериллом. Все большие эпохи выглядели вблизи очень мрачно. Механика прогресса, надо признать, весьма несовершенна. Но нет никакого основания думать, что Гитлеру или комбинации Гитлеров удастся навсегда или хотя бы на десятки лет дать этой механике задний ход. Они обломают много зубьев, перегнут много рычагов, могут на ряд лет отбросить Европу назад. Но я не сомневаюсь, что человечество найдет в конце концов свою дорогу. Порукой за это - все прошлое.

Л. Троцкий

Принкипо

6 июня 1933 г.

P. S. (Не для печати) - я позволю себе напомнить, что мои ответы на вопросы должны быть напечатаны дословно и полностью без всяких изменений, либо же не напечатаны вовсе. Разумеется, редакция вправе дать от себя любой комментарий.

Л. Т[роцкий]

[Письмо Р.Молинье]

M.R.Molinier

8 июня [1]933 г.

Дорогой товарищ!

Я не собираюсь вмешиваться во внутренние дела группы Милля. У меня нет ни времени, ни возможности заниматься организационными и личными конфликтами в каждый момент их зарождения и развития. Я тем менее склонен вмешиваться в последние конфликты, что к этому делу имеет отношение Ш.134 Охотно верю, что он был осторожен и прочее, но это не меняет дела: история имеет свою преэминентность, начиная с Берлина. В ней под разным углом участвует ряд лиц, и я не вижу для себя никакого основания связываться в это дело, если не буду к этому вынужден объективными обстоятельствами.

Самое печальное, конечно, это увядание "Веритэ", которая вышла на двух страницах. Терять средства и силы на пленумы и пр., нарушая интересы "Веритэ", есть преступление. Но я и здесь крайне затрудняюсь высказаться и давать советы, так как с русским "Бюллетенем" происходит совершенно то же самое. Много времени тратится на игру в политику, а большое политическое дело остается без внимания. Между двумя номерами все связи теряются, все счета приходят в расстройство и каждый раз приходится начинать сначала. Так издание жить не может.

Я считаю также абсолютно невозможным злоупотреблять Бэмом. Если "Бюллетень" после четырех лет существования не может найти собственный источник, то он должен прекратить свое существование.

Жалобы на безразличие других групп и лиц мне кажутся совершенно неправильными. Издание, выходящее случайно и по вдохновению, не может рассчитывать на правильную поддержку. Только издание, выходящее правильно, в начале и конце каждого месяца, при правильной переписке и отчетности, может побуждать и других к тому или другому содействию.

У нас развился уже худший из бюрократизмов: бюрократизм вокруг пустого места. Сходятся и рассуждают по несколько часов насчет недостатков X. или грехов Y., и не заменить ли X. другим лицом, и как это устроить, и куда кого послать... и все это вокруг пустого места. Если бы каждый занимался своими национальными делами как следует, то и интернациональный организм был бы гораздо здоровее.

Досье Фишера не послано по небрежности, что очень досадно. Но практического значения это не должно было бы иметь, так как в

добросовестности их счетов я не сомневаюсь. Во всяком случае, я попрошу досье немедленно разыскать и сегодня же важнейшие документы послать в оригинале или в копии.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову]135

10/VI/1933 [г.]

При сем посылаю следующие статьи и письма: "Что такое историческая объективность", "После 1 мая в Австрии", "Письмо Х.Г.Раковского" с маленьким предисловием, "4 августа", "Письмо англ[ийской] левой оппозиции", "Ответы на вопросы г. Сименона", "Левая оппозиция и САП", "Гитлер и разоружение", "Немецкая катастрофа". (Последние две статьи были написаны для бурж[уазной] прессы, но, вероятно, ко времени выхода "Бюл[летеня]" будут уже в печати). Посылаю вам все эти материалы заранее: через несколько дней я уйду и чтобы не было на первых порах затруднений, посылаю вам все те материалы, которые должны будут войти в "Бюллет[ень]" No 35, а также общий список материалов (и тех, которые вам были посланы заранее, и тех, которые посылаются сейчас), чтобы в случае нехватки или неясностей у вас было время запросить. Л.Д.[Троцкий] вам даст, конечно, своевременно точные указания насчет содержания номера и насчет печатания двух статей бурж[уазной] прессы. Советую вам, на всякий случай, в письме к Л.Д.[Троцкому] перечислить все материалы, которые у вас есть, и справиться, что именно может и что не должно войти в "Бюл[летень]". Я здесь оставляю список все посланного вам.

Надо приобрести книгу Романа Гуля136: "Ворошилов, Буденный137, Блюхер, Котовский138". Изд. "Парабола", Берлин, 1933 г.

М.П[евзнер]

[Письмо А.Д.Кауну]

18 июня 1933 г.

Дорогой Александр Давыдович!

С запозданием отвечаю на ваше письмо от 6 мая.

По соглашению с нью-йоркскими друзьями я обратился официально к здешнему американскому консульству с просьбой о визе в С[оединенные] Штаты на два-три месяца с научными целями. Прилагаю копию своего обращения139. Она не предназначена для печати, но она поможет вам ориентироваться в общем направлении дела. Истмен пишет, что он пустит мое письмо в газету лишь в том случае, если окажется, что без содействия "общественного мнения" администрация визы мне все равно не даст.

Соображения насчет того, что момент сейчас "неблагоприятный", кажутся мне неправильными. Нет никакого основания надеяться на то, что у властей не будет в дальнейшем хлопот. Между тем новая администрация окончательно утратит "свежесть", т. е. свое единственное преимущество перед старой

администрацией.

Насчет русского "Бюллетеня" я написал своевременно в Париж. Надеюсь, что вы уже получили последние номера. "Бюллетень" сейчас выходит реже из-за денежных затруднений. На всякий случай посылаю вам одновременно с этим письмом последний номер "Бюллетеня".

Признаюсь, я не читал книги Вильямса¹⁴⁰ о русской революции и не имел ее под руками во время своей работы. Весьма возможно, что я неполно осветил эпизод с телефонной станцией; несмотря на то, что я использовал все доступные русские материалы, эпизод этот остался для меня самого несколько туманным. Я был бы очень рад уточнить его в новом издании.

Ваши замечания насчет рецензии Вернадского¹⁴¹ заинтересовали меня, и я достал оттиск из "Каррент Хистори". Должен сказать, что фактическая сторона рецензии вызвала у меня возмущение: с какой неряшливостью иные цеховые ученые пишут о событиях, фактах и датах революции! На нескольких страничках у Вернадского несчетное число ошибок!

[Л.Д.Троцкий]

Немецкие перспективы

1. Бюрократический оптимизм

После пожара трудно устраиваться заново. Еще труднее после большего политического поражения по-новому определять свой путь. Партии неохотно признают себя битыми, особенно если в поражении есть добрая доля их собственной вины. Чем больше размеры поражения, тем труднее политической мысли передвинуться на новые позиции, выработать новую перспективу и подчинить ей направление и темп дальнейшей работы.

История военного дела, как и история революционной борьбы, знают большое число дополнительных поражений, явившихся результатом того, что руководство, не оценив размеров основного поражения, пыталось прикрыть его несвоевременными наступлениями. В войне такого рода преступные попытки ведут к массовому истреблению живой силы, уже морально подорванной предшествующими неудачами. В революционной борьбе жертвой авантюры гибнут наиболее боевые элементы, уже оторванные предшествующими поражениями от массы.

Решимость доводить наступление до конца и способность вовремя признать поражение и ударить отбой составляют две нераздельные стороны зрелой стратегии. Такое сочетание встречается нечасто. Не бывало в сущности в истории большого революционного поражения, после которого, по крайней мере, часть вождей не пыталась бы звать вперед, наперекор изменившейся обстановке. После революции 1848 года Маркс и Энгельс сурово отмежевались от тех эмигрантов, которые хотели попросту перешагнуть через поражение, как через случайный эпизод. После победы царизма над революцией 1905 года Ленин оказался вынужден порвать с частью своих единомышленников, пытавшихся по-прежнему держать курс на вооруженное восстание. В способности быстро перевооружаться при каждом повороте событий состоит вообще важнейшее

качество марксистской школы революционного реализма.

Образцы стратегической слепоты, выдающей себя за мужество, дает нам школа эпигонов большевизма. Если выбор примеров затруднителен, то только по причине их обилия. После того как осенью 1923 года немецкая коммунистическая партия очистила противникам поле боя и внесла этим глубокое замешательство в ряды пролетариата, руководство Коминтерна объявило в Германии курс на вооруженное восстание. В течение последовавших двух лет политика мелких авантюр истрепала нервы пролетарского авангарда больше, чем крупное поражение. Когда Чан Кайши, в котором руководство Коминтерна упорно видело своего верного союзника, разгромил в апреле 1927 года рабочих Шанхая¹⁴², в второй "союзник", Ван Цзинвей, утопил в крови движение крестьян, президиум Коминтерна счел своевременным объявить, что китайская революция "поднялась на более высокую ступень". Вытекавший отсюда курс на восстание привел к героической аванюре в Кантоне в декабре 1927 года и к ряду менее крупных, но достаточно зловещих попыток, трагически завершивших собою китайскую революцию.

Нынешняя катастрофа в Германии является, несомненно, величайшим в истории поражением рабочего класса. Тем неотложнее сейчас крутой поворот стратегии; но тем упорнее, с другой стороны, сопротивление партийной бюрократии. Она называет "пораженцами" не тех, которые вызвали поражение, - ей пришлось бы назвать себя, - а тех, которые из факта поражения делают необходимые политические выводы. Борьба, которая разворачивается сейчас вокруг вопроса о перспективах политического развития Германии, имеет исключительное значение для судеб Европы и всего мира.

Социал-демократию мы в данной связи оставим в стороне: отвратительное гниение этой партии не оставляет ей никакой возможности даже для маневров бюрократического престижа. Вожди и не пытаются притворяться, будто у них есть идеи или планы. После того как они окончательно потеряли головы политически, их забота направлена на то, чтобы спасти свои головы физически. Свое бесславное поражение эти люди подготовили всей своей политикой с начала империалистской войны. Попытка старого правления, эмигрировавшего за границу, спасти партию осуждена заранее: ни один революционер не пойдет на суровую борьбу в подполье под руководством заведомых банкротов. Раз пробудившись, политическая мысль в рядах социал-демократии проложит себе новый путь. Но это пока еще дело завтрашнего дня. Политический интерес представляет сейчас лишь ориентация коммунистической партии. Как массовая организация она разбита наголову. Но сохранился центральный аппарат, который издает нелегальную и эмигрантскую литературу, созывает антифашистские конгрессы и вырабатывает планы борьбы против диктатуры наци. Все пороки разбитых штабов находят ныне в этом аппарате свое непревзойденное выражение.

"Фашисты - калифы на час, - пишет официальный орган Коминтерна, - их победа - не прочная победа, за которой скоро последует пролетарская революция... Борьба за диктатуру пролетариата стоит в Германии в порядке дня". Непрерывно откатываясь, сдавая все позиции, теряя собственных

сторонников, аппарат продолжает твердить, что антифашистская волна растет, что настроение поднимается, что нужно готовиться к восстанию если не завтра, то через несколько месяцев. Оптимистическая фразеология стала для разбитого командования средством политического самосохранения. Опасность фальшивого оптимизма тем больше, чем глубже внутренняя жизнь немецкого пролетариата погрузилась во тьму: нет ни профсоюзов, ни парламентских выборов, ни членских взносов, ни тиража газет - никакие вообще цифры не контролируют последствий ошибочной политики и не смущают покоя вождей.

2. Созревание революции или углубление контрреволюции?

Главный довод в пользу утешительного прогноза состоит в том, что Гитлер "не выполнит обещаний". Как будто Муссолини нужно было выполнить свою фантастическую программу, чтобы продержаться свыше десяти лет у власти! Революция - не автоматическое наказание для обманщиков, а сложное социальное явление, которое возникает лишь при наличии ряда исторических условий. Напомним о них еще раз. Растерянность и расколотость господствующих классов; возмущение мелкой буржуазии, утрата ею веры в существующий порядок; возрастающая боевая активность рабочего класса, наконец, правильная политика революционной партии, - таковы непосредственные политические предпосылки революции. Налицо ли они?

Имущие классы Германии находились в течение последних лет в состоянии жесточайшей междоусобицы. Сейчас все они - пусть скрепя сердце, - подчиняются фашизму. Антагонизм между аграриями и промышленниками, как и между отдельными группами промышленников, не исчез; но есть инстанция, которая повелительно регулирует все антагонизмы.

Мелкая буржуазия Германии кипела в течение последнего периода котлом. Даже в ее националистическом бесновании был элемент социальной опасности. Сейчас она объединена вокруг правительства, поднявшегося на ее спине, и дисциплинирована чисто военной организацией, вышедшей из ее среды. Промежуточные классы стали главной опорой порядка. Вывод неоспорим: поскольку дело идет о крупной и мелкой буржуазии, предпосылки революционной развязки отошли в прошлое или, что то же, в неопределенное будущее.

В отношении рабочего класса дело обстоит не менее ясно. Если несколько месяцев тому назад он оказался по вине своего руководства неспособен к обороне своих могущественных легальных позиций от наступления контрреволюции, то теперь, на другой день после разгрома, он неизмеримо менее подготовлен к наступлению на могущественные легальные позиции национал-социализма. Материальные и моральные факторы резко и глубоко изменили соотношение сил к невыгоде пролетариата. Или это еще нужно доказывать? Не более благоприятно обстоит дело и в области руководства: коммунистическая партия не существует, ее аппарат, лишенный свежего воздуха критики, задыхается в глубокой внутренней борьбе. В каком же смысле можно говорить, что "борьба за диктатуру пролетариата стоит в Германии в порядке дня"? Что здесь понимается под "днем"?

Нетрудно предвидеть искренние и лицемерные обличения нашего пессимизма, неверия в творческие силы революции и пр. Дешевые упреки! Не хуже других мы знаем, что фашизм защищает исторически проигранное дело. Методы его могут дать грандиозный, но неустойчивый результат. Смирить при помощи насилия можно лишь пережившие себя классы. Пролетариат же является главной производительной силой общества. Его можно на время разгромить, но закабалить его навсегда невозможно. Гитлер обещает "перевоспитать" рабочих. Но он вынужден применять педагогические приемы, которые не годятся даже для дрессировки собак. О непримиримую враждебность рабочих фашизм неминуемо разобьет себе голову. Но как и когда? Общее историческое предвиденье не снимает жгучих вопросов политики: что нужно делать - и особенно чего не нужно делать - сейчас, чтоб подготовить и ускорить крушение национал-социализма?

Расчет на немедленное революционизирующее действие фашистских репрессий и материальных лишений представляет собой образец вульгарного материализма. Конечно, "бытие определяет сознание". Но это вовсе не означает механической и непосредственной зависимости сознания от внешних обстоятельств. Бытие переломляется в сознании по законам сознания. Одни и те же объективные факты могут оказывать различное, иногда противоположное, политическое действие в зависимости от общей обстановки и предшествующих событий. Так, в ходе развития человечества репрессии неоднократно вызывали революционное возмущение. Но после торжества контрреволюции репрессии не раз погашали последние вспышки протеста. Экономический кризис способен ускорить революционный взрыв, и это бывало в истории не раз; но, обрушившись на пролетариат после тяжкого политического поражения, кризис может лишь усилить явления распада. Скажем конкретнее: от дальнейшего углубления промышленного кризиса мы отнюдь не ждем для Германии непосредственных революционных последствий. Правда, длительное промышленное оживление не раз в истории давало перевес оппортунистическим течениям в пролетариате. Но после долгого периода кризиса и реакции повышающаяся конъюнктура может, наоборот, поднять активность рабочих и толкнуть их на путь борьбы. Мы считаем этот вариант во многих отношениях более вероятным.

Однако центр тяжести сейчас не в конъюнктурном прогнозе. Тяжеловесные психологические повороты многомиллионных масс требуют длительных сроков: из этого надо исходить. Перелом конъюнктуры, столкновения в среде имущих классов, международные осложнения могут оказать и окажут свое действие на рабочих. Но внешние события не могут отменить попросту внутренние закономерности массового сознания, не могут позволить пролетариату одним скачком перенестись через последствия поражения и открыть с размаху свежую страницу в книге революционной борьбы. Если бы даже, благодаря исключительно благоприятному сочетанию внешних и внутренних обстоятельств, начало поворота обнаружилось в исключительно короткий срок, скажем, через год-полтора, оставался бы еще полностью вопрос о нашей политике в течение ближайших двенадцати или двадцати четырех месяцев, когда контрреволюция будет еще

делать дальнейшие завоевания. Нельзя развернуть реалистическую тактику без правильной перспективы. Нельзя иметь правильную перспективу, не поняв, что в Германии происходит сейчас не назревание пролетарской революции, а углубление фашистской контрреволюции. Поистине, это не одно и то же!

3. Критика ошибок как орудие возрождения

Бюрократия, в том числе и революционная, слишком легко забывает, что пролетариат - не только объект, но и субъект политики. Ударами по голове наци хотят превратить рабочих в гомункулов¹⁴³ расизма. Руководство Коминтерна рассчитывает, наоборот, что удары Гитлера сделают рабочих послушными коммунистами. Рабочие - не глина в руках горшочника. Они не начинают каждый раз историю сначала. Ненавидя и презирая наци, они меньше всего склонны, однако, вернуться к той политике, которая подвела их под петлю Гитлера. Рабочие чувствуют себя обманутыми и преданными собственным руководством. Они не знают, что нужно делать, но знают, чего не нужно повторять. Они невыразимо истерзаны и хотят вырваться из дьявольского круга путаницы, угроз, лжи и бахвальства, отойти в сторону, уклониться, выждать, отдохнуть от необходимости решать непосильные вопросы. Им нужно время, чтобы зажили раны разочарований. Обобщенное название этого состояния: политический индифферентизм. Массы впадают в озлобленную пассивность. Часть, притом немалочисленная, ищет укрытия в фашистских организациях. Недопустимо, конечно, ставить на одну доску рекламный переход на сторону фашизма отдельных политиков и безымянное вступление рабочих в принудительные организации диктатуры: в первом случае дело идет о карьеризма; во втором - о защитной окраске, о подчинении "хозяину". Но все же факт массового перехода рабочих под знамя со свастики является непререкаемым свидетельством чувства безвыходности, охватившего пролетариат. Реакция проникла в кости революционного класса. Это не на один день.

В этой общей обстановке крикливая партийная бюрократия, которая ничего не забыла и ничему не научилась, представляет явный политический анахронизм. От официальной непогрешимости рабочих тошнит. Вокруг аппарата растет пустота. Рабочий не хочет, чтобы его в дополнение к кнуту Гитлера подстегивали кнутом фальшивого оптимизма. Он хочет правды. Вопиющее несоответствие официальной перспективы и действительного хода вещей вносит лишь дополнительный элемент деморализации в ряды передовых рабочих.

То, что называют радикализацией масс, есть сложный молекулярный процесс коллективного сознания. Чтобы снова выбраться на дорогу, рабочим нужно прежде всего понять, что произошло. Радикализация немислима, если масса не ассимилировала собственное поражение, если, по крайней мере, ее авангард не переоценил критически прошлое и не поднялся над поражением на новую ступень.

Сейчас этот процесс еще на начинался. Сама аппаратная пресса вынуждена, меж двух оптимистических возгласов признавать, что не только в деревне наци продолжают укреплять свои позиции, изгоняя коммунистов и накаляя до бела ненависть крестьян к рабочим, но что и в промышленности идет, притом без

всякого сопротивления, вытеснение последних еще оставшихся там рабочих-коммунистов. Во всем этом нет ничего неожиданного. Кто разбит, тот несет последствия.

Перед лицом этих фактов бюрократия в поисках опоры для оптимистической перспективы перебрасывается от свойственного ей субъективизма к законченному фатализму. Пусть настроение масс даже падает - национал-социализм все равно будет вскоре взорван на воздух собственными противоречиями. Вчера еще считалось, что все партии Германии, от наци до социал-демократии включительно, представляют лишь разновидности фашизма, выполняющие общую программу. Теперь все надежды направлены на противоречия в правящем лагере. Конфликт между Гитлером и Гугенбергом занял такое место, на какое тщетно претендовал в свое время антагонизм между Гитлером и Вельсом. Столкновение боевых отрядов наци (S. A.)¹⁴⁴ и их заводских комитетов с правительством Гитлера считается не только неизбежным, но и близким: расчет ведется на недели и месяцы. Реформист и фашист - близнецы; зато разочарованный фашист и фашист, добравшийся до власти, - антиподы.

Новые ошибки политического расчета не менее грубы, чем старые. "Оппозиция" старых партий капитала национал-социализму есть не более, как инстинктивное сопротивление больного, которому военный фельдшер рвет гнилой зуб. Только что полученные телеграммы говорят о занятии полицией всех помещений немецко-национальной партии¹⁴⁵. События идут по маршруту. Конфликт Гугенберга с Гитлером окажется лишь эпизодом в ходе сосредоточения всей власти в руках Гитлера. Чтобы выполнить свое назначение, фашизм должен слиться с государственным аппаратом.

Весьма вероятно, что многие из фашистских боевиков уже и сейчас недовольны: им не позволили даже пограбить, как следует. Но какие бы острые формы ни принимало такое недовольство, оно не может стать серьезным политическим фактором. Правительственный аппарат будет бить непокорных преторианцев¹⁴⁶ по частям, реформировать ненадежные отряды, подкупать верхушку. Отрезвление широких масс мелкой буржуазии, вообще говоря, совершенно неизбежно. Но оно будет происходить одновременно и в разных формах. Вспышки недовольства могут в отдельных случаях предшествовать возвращению обманутых фашизмом низших слоев в состояние маразма. Ждать отсюда самостоятельной революционной инициативы во всяком случае не приходится.

Национал-социалистические завкомы неизмеримо меньше зависят от рабочих, чем зависели в свое время реформистские завкомы. Правда, в атмосфере начинающегося оживления даже фашистские завкомы могли бы стать пунктами наступления рабочих: 9 (22) января 1905 года созданная царской охранкой рабочая организация стала на день рычагом революции¹⁴⁷. Но сейчас, когда немецкие рабочие проходят через мучительные разочарования и унижения, бессмысленно было бы ждать, что они ввяжутся в серьезную борьбу под руководством фашистских чиновников. Завкомы будут подбираться сверху и дрессироваться в качестве агентуры по обману и усмирению рабочих.

Не надо самообольщений! Поражение, прикрытое иллюзиями, означает гибель. Спасение - в ясности. Лишь немилосердная критика собственных пороков и ошибок может подготовить великий реванш.

4. Правильная перспектива и реалистическая политика

Можно считать установленным на опыте, что немецкий фашизм работает ускоренными темпами по сравнению с итальянским: не только благодаря тому что Гитлер опирается на готовый опыт Муссолини, но прежде всего по причине более высокой социальной структуры Германии и большей остроты ее противоречий. Отсюда допустимо вывести заключение, что национал-социализм у власти будет скорее изнашиваться, чем его итальянский предтеча. Но перерождаясь и разлагаясь, национал-социализм сам собой не может свалиться. Его надо опрокинуть. Изменение политического режима нынешней Германии неосуществимо без восстания. Правда, к восстанию сейчас нет прямого и непосредственного подхода; но какими бы извилистыми путями ни пошло развитие, оно неизбежно приведет к восстанию.

На самостоятельную революционную политику мелкая буржуазия, как известно, не способна. Но политика и настроения мелкой буржуазии не безразличны для судьбы созданного при ее содействии режима. Разочарование и недовольство промежуточных классов превратят национал-социализм, как превратили уже фашизм, из народного движения в полицейский аппарат. Как бы ни был он силен сам по себе, он не может заменить живого потока контрреволюции, проникающего во все поры общества. Бюрократическое перерождение фашизма означает поэтому начало его конца.

На этой ступени должно, однако, обнаруживаться новое затруднение: под действием поражений у пролетариата гипертрофируются задерживательные центры. Рабочие становятся осторожны, недоверчивы, выжидательны. Пусть вулканическое извержение реакции прекратилось. Но застывшая лава фашистского государства слишком грозно напоминает о пережитом. Таково политическое положение нынешней Италии. Заимствуя терминологию экономической конъюнктуры, можно сказать, что разочарование и недовольство мелкобуржуазной реакции готовят момент, когда острый кризис рабочего движения переходит в депрессию, которая должна будет затем на известном этапе уступить место оживлению. Пытаться предугадать сейчас, как, когда и под какими лозунгами оживление начнется, было бы пустым занятием: даже стадии экономического цикла имеют каждый раз "неожиданный" характер, тем более этапы политического развития.

Для организма, перенесшего тяжелую болезнь, особенно важен правильный уход. У рабочих, по которым прокатился каток фашизма, авантюристская тактика должна неизбежно вызвать рецидив апатии. Так преждевременный биржевой ажиотаж нередко влечет за собой рецидив кризиса. Пример Италии показывает, что состояние политической депрессии, особенно при ложном революционном руководстве, может затянуться на годы. Правильная политика требует не навязывать пролетариату искусственный маршрут, а выводить перспективу и

лозунги борьбы из живой диалектики движения. Благоприятные внешние толчки могут чрезвычайно сократить отдельные стадии процесса: вовсе не обязательно, чтобы депрессия длилась годы, как в Италии! Однако перескочить через органические этапы массового подъема нельзя. Ускорить, не пытаясь перескочить, - здесь все искусство реалистического руководства! Раз вырвавшись из-под свинцовой плиты фашизма, рабочее движение может уже в сравнительно короткий срок принять широкий размах. Только после этого и только под руководством пролетариата недовольство мелкой буржуазии сможет получить прогрессивный политический характер и восстановить благоприятную обстановку для революционной борьбы.

Господствующим классам придется столкнуться с оборотной стороной этого процесса: потеряв опору в мелкой буржуазии, фашистское государство окажется крайне ненадежным аппаратом угнетения. Политикам капитала придется ориентироваться заново. Противоречия среди имущих классов станут прорываться наружу. Перед фронтом переходящих в наступление масс у Гитлера окажется ненадежный тыл. Так сложится непосредственно революционная ситуация, возвещающая последний час национал-социализма.

* * *

Прежде, однако, чем пролетариат снова сможет ставить перед собою большие задачи, он должен подвести баланс прошлому. Самая его общая формула: старые партии погибли. Небольшое меньшинство рабочих уже сейчас говорит: нужно готовить новую партию. Отвратительная дряблость социал-демократии и преступная безответственность официального лжебольшевизма будут выжжены в огне борьбы. Господа наци толковали о расе воинов. Пробьет час, когда фашизм столкнется с несокрушимой расой революционных борцов.

Л. Троцкий

Принкипо

22 июня 1933 г.

Ответы на вопросы Алис Юз, корреспондентки "Нью-Йорк Верлд Телеграмм"148

1. Гитлер одержал над немецким пролетариатом большую победу. Обе руководящие партии, социал-демократическая и коммунистическая, потерпели крушение. Но пролетариат Германии по-прежнему остается главным фактором хозяйства и прогресса. Ни завоевать рабочих, ни истребить их Гитлер не сможет. Фашизм не устраняет социальных противоречий. Беря их под пресс, он накапливает их и тем подготавливает взрыв. Если на словах национал-социализм ставит себе задачей растворить все классы, партии и группы в нации, то практически он воспитывает народные массы в духе беспощадной гражданской войны. Фашистская реакция может затянуться на несколько лет, но реванш рабочего класса неизбежен.

2. Сегодня Гитлер воевать не может: Германия разоружена, а наци вооружены только для внутренней войны. Гитлер может вооружить Германию только при помощи Италии и Англии. Свое право на их помощь он надеется завоевать, выступая в качестве охранителя Европы от большевизма. В этом смысле вся политика Гитлера ориентирована против Советского Союза. Можно ли считать опасность войны непосредственной? Это зависит от того, в какой мере и в какой срок Гитлеру удастся заручиться помощью Лондона.

3. В июле 1914 года ключ к позиции был в руках Англии. Если бы ее правительство категорически заявило о своем нейтралитете или, наоборот, предупредило о своем вмешательстве на стороне Франции и России, война была бы если не избегнута, то отсрочена. Но правительство Великобритании предпочитало в критические дни не говорить ни да, ни нет и этим подтолкнуло обе стороны к войне.

Ключ к европейской ситуации и сейчас находится в значительной мере в руках лондонского кабинета. Отказ принять слишком "жесткое" определение нападающей стороны выражает и на этот раз стремление не говорить ни да, ни нет и сохранять, таким образом, в своих руках ключ к будущей войне.

4. Из этих общих условий вытекает, мне кажется, с полной ясностью значение политики Соединенных Штатов для ближайшего будущего Европы. Чем более открытую и категорическую позицию займет Вашингтон, тем сильнее сократится поле для двусмысленных и гибельных по своим последствиям маневров Лондона. Немедленное восстановление нормальных связей между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет, помимо всего прочего, означать тяжелую гирю на мирной чаше весов.

5. Вопросы советского хозяйства слишком сложны, чтобы на них можно было ответить в рамках интервью. Критика хозяйственной политики фракции Сталина дана в ряде работ левой оппозиции, в частности, в замечательных статьях моего друга Х.Г.Раковского, бывшего председателем Совета Народных Комиссаров Украины, затем советским послом в Лондоне и Париже. Несмотря на то, что статьи Раковского, написанные им в ссылке, где он находится сейчас, распространялись в отдельных рукописных экземплярах, они не раз оказывали большое влияние на официальную политику.

Основные ошибки правящей фракции (они очень тяжелы) вытекают из того, что она при помощи бюрократического аппарата пытается заменить инициативу, творчество и критику трудящихся масс. Коллективизация является единственным путем спасения для крестьянства, для сельского хозяйства, для страны. Но в области коллективизации, как и во всех других областях, незыблемое завоевание может дать лишь сознательное творчество самих масс, а не бюрократическое командование. Разногласия между оппозицией и правящей фракцией очень важны и имеют исключительную практическую важность. Но они разворачиваются на тех основах, какие заложены Октябрьской революцией и советским режимом.

Вернуть Россию от советского режима назад, к капитализму, можно было бы не иначе, как путем грандиозной и кровавой контрреволюции, которая, в свою

очередь, не осуществима без военной интервенции - разумеется, при том условии, что интервенция окажется победоносной. Интервенция означала бы страшный удар для экономики и культуры не только Советского Союза, но и всей Европы, даже всего мира. Этим и объясняется стремление советского правительства избежать войны на западе, как и на востоке, хотя бы и ценой очень далеко идущих уступок. Если бы, однако, Гитлер получил возможность произвести опыт интервенции, то - я лично ни на минуту не сомневаюсь в этом - она закончилась бы крушением национал-социализма.

Л. Троцкий

Принкипо

4 июля 1933 г.

Фашизм и лозунги демократии

1. Верно ли, что Гитлер разрушил "демократические предрассудки"?

Апрельская резолюция Президиума ИККИ "О современном положении в Германии"¹⁴⁹ войдет, надо думать, в историю как окончательное свидетельство несостоятельности Коминтерна эпигонов. Резолюция увенчивается прогнозом, в котором все пороки и предрассудки сталинской бюрократии достигают кульминации. "Установление открытой фашистской диктатуры, - гласит резолюция жирным шрифтом, - разбивая все демократические иллюзии в массах и освобождая массы из-под влияния социал-демократии, ускоряет темп развития в Германии пролетарской революции".

Фашизм, оказывается, неожиданно локомотивом истории: он разбивает демократические иллюзии, он освобождает массы из-под влияния социал-демократии, он ускоряет развитие пролетарской революции. Сталинская бюрократия возлагает на фашизм выполнение тех основных задач, справиться с которыми сама она оказалась совершенно не способна.

Теоретически победа фашизма несомненно является доказательством того, что демократия исчерпала себя; но практически фашистский режим консервирует демократические предрассудки, возрождает их вновь, прививает их молодежи и даже способен придать им на короткое время высшую силу. В этом и состоит одно из важнейших проявлений реакционной исторической роли фашизма.

Доктринеры мыслят схемами. Массы мыслят фактами. Рабочий класс воспринимает события не как эксперименты в пользу того или другого "тезиса", а как живые изменения в судьбе народа. Победа фашизма на весах политического развития весит в миллионы раз больше, чем тот прогноз, который из нее вытекает для неопределенного будущего. Если бы из несостоятельности демократии выросло господство пролетариата, то развитие общества, как и развитие массового сознания, сделало бы огромный прыжок вперед. Но так как на деле из несостоятельности демократии выросла победа фашизма, то сознание масс - на время, конечно, - откатывается далеко назад. Разгром веймарской конституции Гитлером так же мало может покончить с демократическими иллюзиями масс, как мало поджог Рейхстага Герингом¹⁵⁰ способен выжечь

парламентский кретинизм.

2. Пример Испании и Италии

Фашизм и демократия, слышали мы четыре года подряд, не исключают, а дополняют друг друга. Каким же образом победа фашизма может раз навсегда ликвидировать демократию? Хорошо бы услышать на этот счет разъяснение Бухарина, Зиновьева или "самого" Мануильского.

Военно-полицейскую диктатуру Примо де Ривера Коминтерн объявил фашизмом. Но если победа фашизма означает окончательную ликвидацию демократических предрассудков, как же объяснить, что диктатура Примо де Ривера уступила место буржуазной республике? Правда, режим Ривера был далек от фашизма. Но он имел во всяком случае то общее с фашизмом, что возник в результате банкротства парламентарного режима. Это не помешало ему, однако, когда обнаружилась его собственная несостоятельность, уступить место демократическому парламентаризму.

Можно попытаться возразить, что испанская революция по своим тенденциям является пролетарской революцией и что только социал-демократам в союзе с другими республиканцами удалось задержать ее развитие в стадии буржуазного парламентаризма. Но это соображение, правильное само по себе, только ярче подтверждает нашу мысль: если буржуазным демократам удалось парализовать революцию пролетариата, то именно благодаря тому, что под гнетом "фашистской" диктатуры демократические иллюзии не ослабели, а окрепли.

Исчезли ли в течение десяти лет деспотии Муссолини "демократические предрассудки" в Италии? Так склонны изображать дело сами фашисты. В действительности же демократические иллюзии приобрели новую силу. За этот период успело подняться новое поколение, которое политически никогда не жило в условиях свободы, но зато слишком хорошо знает, что такое фашизм: это сырой материал для вульгарной демократии. Организация "Справедливость и свобода"¹⁵¹ не без успеха распространяет в Италии нелегальную демократическую литературу. Идеи демократии находят, следовательно, сторонников, готовых жертвовать собою. Даже плоские общие места либерального монархиста графа Сфорца распространяются в виде нелегальных брошюр. Так далеко отброшена Италия за эти годы назад!

Почему в Германии фашизм призван сыграть роль, прямо противоположную той, какую он сыграл в Италии, остается непостижимым. Или "Германия не Италия"? Победоносный фашизм является на самом деле не локомотивом истории, а гигантским ее тормозом. Как политика социал-демократии подготовляла торжество Гитлера, так режим национал-социализма неизбежно ведет к подогреванию демократических иллюзий.

3. Может ли возродиться социал-демократия?

Немецкие товарищи свидетельствуют, что социал-демократические рабочие и даже многие социал-демократические бюрократы "разочаровались" в демократии. Из критических настроений реформистских рабочих мы должны извлечь все, что

можно, в интересах их революционного воспитания. Но надо в то же время ясно понять действительный объем "разочарования" реформистов в демократии. Социал-демократические бонзы поругивают демократию, чтобы оправдать себя. Не желая признавать, что они оказались презренными трусами, не способными бороться даже за созданную ими демократию и за свои нагретые места в ней, эти господа перелагают ответственность с себя на бесплотную демократию. Радикализм, как видим, не только дешевый, но и насквозь фальшивый! Стоит буржуазии поманить "разочарованных" завтра пальчиком, и они, сломя голову, бросятся в новую коалицию. В массе социал-демократических рабочих пробуждается, конечно, и действительное отвращение к обманам и миражам демократии. Но в каких размерах? Большая половина семи-восьми миллионов социал-демократических избирателей находится в состоянии растерянности, мрачной пассивности и капитуляции перед победителями. Тем временем под пятой фашизма будет формироваться новое пролетарское поколение, для которого веймарская демократия - историческое предание. По какой же линии пойдет политическая кристаллизация в рабочем классе? Это зависит от многих условий, в том числе, конечно, и от нашей политики.

Исторически не исключена прямая, непосредственная смена фашистского режима рабочим государством. Для осуществления этой возможности необходимо, чтобы в процессе борьбы против фашизма сложилась могущественная нелегальная коммунистическая партия, под руководством которой пролетариат мог бы захватить власть. Все, что можно сделать в направлении такого результата, должно быть сделано. Но надо все же сказать, что создание в подполье такого рода революционной партии мало вероятно, во всяком случае, заранее ничем не обеспечено. Недовольство, возмущение, брожение в массах будут с известного момента расти гораздо быстрее, чем подпольное формирование партийного авангарда. А всякая неясность в сознании масс пойдет неизбежно на пользу демократии.

Это вовсе не значит, что Германии после падения фашизма предстоит снова пройти долгую школу парламентаризма. Предшествующего политического опыта фашизм не сотрет, еще меньше он способен изменить социальную структуру нации. Ждать новой большой демократической эпохи в развитии Германии было бы глубочайшим заблуждением. Но в революционном пробуждении масс демократические лозунги неизбежно составят первую главу. Даже если бы дальнейший ход борьбы вообще не дал возродиться демократическому государству и на один день, - это вполне возможно, - сама борьба не может развернуться в обход демократических лозунгов! Революционная партия, которая попыталась бы перескочить через эту стадию, сломала бы себе ноги.

С этой общей перспективой тесно связан вопрос о социал-демократии. Появится ли она снова на сцене? Старая организация погибла безвозвратно. Но это вовсе не значит, что социал-демократия не может возродиться под новой исторической маской. Оппортунистические партии так же легко падают и разваливаются под ударами реакции, как и легко восстанавливаются при первом политическом оживлении. В России мы это видели на примере меньшевиков и

эсеров. Немецкая социал-демократия может не только возродиться, но и получить большое влияние, если революционная пролетарская партия вместо диалектического отношения к лозунгам демократии противопоставит им доктринерское "отрицание". Президиум Коминтерна в этой области, как и во всех других, остается бескорыстным помощником реформизма.

4. Брандлерианцы углубляют сталинцев

Путаница в вопросе о демократических лозунгах наиболее глубокомысленно проявилась в программных тезисах оппортунистической группы Брандлера-Тальгеймера (по вопросу о борьбе с фашизмом). Коммунистическая партия, гласят тезисы, "должна объединять проявления недовольства всех (!) классов против фашистской диктатуры". (Геген ден Штром 152, стр. 7, слово "всех" подчеркнуто в подлиннике.) В то же время тезисы настойчиво предупреждают: "Частичные лозунги не могут быть буржуазно-демократического рода". Между этими двумя положениями, из которых каждое ошибочно, есть непримиримое противоречие. Прежде всего совершенно невероятно звучит формула об объединении "недовольства всех классов". Русские марксисты злоупотребляли некогда такой формулой в борьбе с царизмом. Из этого злоупотребления выросла меньшевистская концепция революции, примененная впоследствии Сталиным в Китае. Но в России дело шло по крайней мере о столкновении буржуазной нации с сословной монархией. В каком же смысле можно говорить о борьбе "всех классов" буржуазной нации против фашизма, который является орудием крупной буржуазии против пролетариата? Поучительно было бы видеть, как Тальгеймер, фабрикант теоретических пошлостей, будет объединять недовольство Гугенберга, - а он тоже недоволен, - с недовольством безработного. Как, с другой стороны, возможно объединять движение "всех классов", не становясь на почву буржуазной демократии? Поистине классическое сочетание оппортунизма со словесным ультралиберализмом!

Движение пролетариата против фашистского режима будет принимать все более массовый характер по мере того, как мелкая буржуазия будет разочаровываться в фашизме, изолируя имущие верхи и государственный аппарат. Задача пролетарской партии будет состоять в том, чтобы использовать ослабление гнета со стороны мелкобуржуазной реакции в целях повышения активности пролетариата и чтобы направить затем активность пролетариата на путь политического завоевания низших слоев мелкой буржуазии.

Правда, рост недовольства промежуточных слоев и рост сопротивления рабочих создаст трещину в блоке имущих классов и побудит их "левый фланг" искать связи с мелкой буржуазией. Задача пролетарской партии по отношению к "либеральному" флангу имущих будет, однако, состоять не в том, чтобы включить его в блок "всех классов" против фашизма, а наоборот, в том, чтобы сразу же объявить ему решительную борьбу за влияние на низы мелкой буржуазии.

Под какими политическими лозунгами пойдет эта борьба? Диктатура Гитлера непосредственно выросла из веймарской демократии. Представители мелкой

буржуазии собственноручно передали Гитлеру мандат на диктатуру. Если допустить очень благоприятное и быстрое развитие фашистского кризиса, то требование созыва рейхстага со включением в него всех изгнанных депутатов может в известный момент объединить рабочих с широкими слоями мелкой буржуазии. Если кризис вспыхнет позже и память о рейхстаге успеет стереться, большую популярность может приобрести лозунг новых выборов. Мы не говорим, что развитие должно непременно пойти по этому пути. Достаточно того, что такой путь возможен. Связывать себе руки в отношении этапных демократических лозунгов, которые могут быть навязаны нам мелкобуржуазными союзниками и отсталыми слоями самого пролетариата, было бы гибельным доктринерством.

Брандлер-Тальгеймер считают, однако, что мы должны выступать только "за демократические права для трудящихся: право собраний, союзов, свобода печати, право коалиции и стачек". Чтобы еще больше подчеркнуть свой радикализм, они прибавляют: "Эти требования надлежит строго (!) отличать от буржуазно-демократических требований всеобщих демократических прав". Нет фигуры более жалкой, чем оппортунист, который берет в зубы нож ультрарадикализма!

Свобода собраний и печати только для трудящихся мыслима не иначе, как при диктатуре пролетариата, т. е. при национализации зданий, типографий и проч. Возможно, что диктатуре пролетариата придется в Германии применять исключительные законы против эксплуататоров: это зависит от исторического момента, от международных условий, от соотношения внутренних сил. Но отнюдь не исключено, что, завоевав власть, рабочие Германии окажутся достаточно могущественными, чтобы представить свободу собраний и печати даже вчерашним эксплуататорам, разумеется, в соответствии с их действительным политическим влиянием, а не с размерами их кассы: касса будет экспроприрована. Таким образом, даже для периода диктатуры пролетариата нет основания заранее принципиально ограничивать свободу собраний и печати только трудящимися. К такому ограничению пролетариат может оказаться вынужденным; но это не вопрос принципа. Вдвойне нелепо выдвигать подобное требование в условиях нынешней Германии, когда свобода печати и собраний существует для всех, кроме трудящихся. Пробуждение пролетарской борьбы против фашистской каторги будет идти, по крайней мере на первых порах, под лозунгами: дайте и нам, рабочим, право собраний и печати. Коммунисты поведут, конечно, и на этой стадии пропаганду в пользу советского режима, но они будут в то же время поддерживать всякое действительно массовое движение под демократическими лозунгами и, где смогут, будут брать на себя инициативу такого движения.

Между режимом буржуазной демократии и режимом пролетарской диктатуры нет третьего режима, "демократии трудящихся". Правда, испанская республика назвала себя "республикой трудящихся" даже в тексте конституции. Но это есть формула политического шарлатанства. Брандлерианская формула демократии "только для трудящихся" да еще в соединении с тактикой объединения "всех классов" как бы специально рассчитана на то, чтобы спутать и сбить революционный авангард в важнейшем вопросе: как и в каких пределах

приспособляться к движению мелкобуржуазных и отсталых рабочих масс, какие им делать уступки в вопросах о темпе движения и очередных лозунгах, чтобы тем успешнее спланировать пролетариат под знаменем его собственной революционной диктатуры.

* * *

На Седьмом съезде РКП в марте 1918 г. Ленин при обсуждении программы партии, вел решительную борьбу против Бухарина, который считал, что на парламентаризме надо раз навсегда поставить крест, так как он исторически "исчерпан". "Мы должны... - отвечал ему Ленин, - писать новую программу советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад - утопия... При всяком откидывании назад, если классовые враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, мы будем идти к тому, что опытом завоевано, - к советской власти..."¹⁵³

Ленин выступал против доктринерского антипарламентаризма даже по отношению к стране, которая уже завоевала советский режим: нельзя связывать себе руки, - учил он Бухарина, - ибо нас могут отбросить назад, на уже покинутые нами позиции. В Германии не было и нет пролетарской диктатуры, зато есть диктатура фашизма; Германия отброшена назад даже от буржуазной демократии. Заранее отказываться в этих условиях от использования демократических лозунгов и буржуазного парламентаризма значит очищать поле для социал-демократии новой формации.

Л. Троцкий

Принкипо

14 июля 1933 г.

Набросок

Все мировое рабочее движение подошло к поворотному пункту. Разрушаются старые могущественные организации пролетариата. Совершенно очевидно, что этот объективный исторический поворот не может остаться без глубокого влияния на политику левой оппозиции. Дело идет, конечно, не об наших программных и стратегических принципах, которые остаются незыблемыми, а о наших тактических и организационных методах, и, в первую голову, о нашем отношении к Коминтерну.

Наше положение "фракции", исключенной из Коминтерна, не могло длиться вечно. В этом мы отдавали себе ясный отчет всегда. Либо изменение политики и режима Коминтерна должны были открыть нам возможность вернуться в состав его национальных секций, либо наоборот: дальнейшее перерождение Коминтерна должно было поставить нас перед задачей создания новых партий и нового Интернационала.

Мы всегда ставили этот вопрос в зависимость от больших исторических событий, которые должны были подвергнуть сталинский Коминтерн окончательной

проверке. В качестве таких возможных событий не раз назывались в нашей литературе: новая империалистская война, в которой должна будет обнаружиться стойкость и боеспособность Коминтерна; попытка контрреволюционного переворота в СССР; открытая попытка фашизма овладеть властью в Германии и прочее. Разумеется, заранее никак нельзя было предвидеть, какое из этих событий наступит раньше, каковы будут размеры банкротства той или другой секции, какое влияние окажет это банкротство на другие секции и на Коминтерн и проч. и проч. Вот почему наш прогноз мог иметь только условный, факультативный, а не категорический характер.

Можно, конечно, не сомневаться, что если бы контрреволюции удалось опрокинуть советскую власть, сталинская бюрократия во всем мире рассыпалась бы в 24 часа. К счастью, до этого еще далеко. Сила сопротивления советского режима, несмотря на губительную политику сталинской бюрократии, очень велика. И сегодня, как и вчера, было бы преступлением заранее отказываться от надежды на то, что советский режим продержится, несмотря на все трудности, до начала пролетарской революции на Западе. Во всяком случае, в этом направлении должны мы по-прежнему направлять все наши усилия.

Ход событий развернулся таким образом, что решающему испытанию Коминтерн подвергся не на вопросе о Советском Союзе или о войне, а на вопросе о способности Коминтерна оказать сопротивление фашизму. Проверка эта произошла в Германии, в стране с самым многочисленным пролетариатом и с самой сильной коммунистической партией. Не могло быть заранее никакого сомнения в том, что результаты этой проверки получат решающее значение, - притом не только для германской компартии, но и для Коминтерна в целом, ибо, во-первых, германская компартия действовала под непосредственным руководством Коминтерна; во-вторых, фашистская опасность имеет интернациональный характер, следовательно, судьба других секций, как и Коминтерна в целом, непосредственно зависит от тех выводов, какие они способны сделать из немецкого урока.

Наши немецкие единомышленники в первый момент воспротивились выдвиганию лозунга новой партии. Но уже очень скоро внутреннее состояние официальной партии, ее внутренний режим показали, что, несмотря на значительные силы и средства аппарата и на революционную преданность многих низовых работников, партия идет к неизбежному, полному и окончательному крушению, ибо, как показывает пример Италии, условия нелегальной работы беспощадно и сравнительно скоро карают ложную политику.

Признав необходимость и своевременность лозунга новой партии в Германии, наша немецкая секция в лице тов. Бауера¹⁵⁴ первой поставила вопрос о пересмотре нашего отношения к Коминтерну в целом. Голос тов. Бауера ни в каком случае не являлся одиноким. С того времени, как Президиум Коминтерна ответил на немецкую катастрофу постыдной резолюцией 5 апреля и маскарадным съездом Мюнценберга-Барбюса¹⁵⁵, во многих секциях, если не во всех, товарищи все решительнее начали ставить вопрос о необходимости пересмотра нашего отношения к Коминтерну в целом. Судьба сталинских партий в Австрии и

Болгарии естественно снимала с порядка дня вопрос о "реформе" этих партий. Некоторые швейцарские товарищи считали, что швейцарская компартия сойдет со сцены вместе с германской. Политбюро нашей греческой секции поставило вопрос о необходимости провозглашения самостоятельной партии. В том же направлении шли письма тов. Гурова.

Можно сказать с уверенностью, что пересмотр нашего отношения к Коминтерну назрел не только объективно, но и субъективно. Камнем преткновения оставался, однако, для многих товарищей вопрос об СССР. Так как мы во всей нашей предшествующей пропаганде тесно связывали судьбу Коминтерна с судьбой СССР, то наши противники могут попытаться истолковать наш организационный разрыв с Коминтерном как своего рода разрыв с советским государством. Выше уже сказано, почему такое толкование в корне ложно. Факт таков, что советское государство, несмотря на все свои бюрократические извращения и ложную хозяйственную политику, остается и сегодня государством социализации земли, фабрик, заводов и коллективизации крестьянского хозяйства. В то же время Коминтерн утратил всякую революционную силу и обнаружил полную неспособность возродиться. Не крушение советского государства увлекло за собой Коминтерн, а наоборот: крушение Коминтерна угрожает увлечь за собой советское государство. Таким образом, создание новых коммунистических партий и подлинного Коммунистического Интернационала становится все более неотложным не только с точки зрения революционных задач пролетариата в капиталистических странах, но и с точки зрения спасения, сохранения и возрождения СССР. В такой постановке вопроса нет решительно ничего надуманного или искусственного: она вытекает из действительной последовательности событий, которая никогда полностью не совпадает и не может совпадать с теоретическими прогнозами.

Чем скорее наши секции рассмотрят вопрос во всей его широте и чем полнее и решительнее объявят необходимость разрыва с бюрократией Коминтерна, тем шире мы сможем развернуть нашу работу. Последствия великой катастрофы развиваются очень быстро, выдвигают новые вопросы и требуют на них ясного ответа. Прежде всего это относится к развитию левых социалистических организаций. Они тоже стоят под давлением новейших событий и под напором масс, которые толкают их на путь политического самоопределения. Мы можем и должны занять в этом процессе крупное место и помочь левым социалистическим организациям стать на подлинно большевистские рельсы.

Двадцать седьмого августа в Париже собирается конференция левых социалистических организаций, на которой должен раздастся и наш голос. Было бы безнадежным, реакционным сектанством, если бы мы стали требовать от этих организаций, чтобы они признали себя фракцией гбнущего сталинского Коминтерна. Такая постановка вопроса дала бы только возможность наиболее консервативным вождям этих организаций скомпрометировать нас в глазах своих сторонников в качестве безнадежных сектантов. Наша политика должна иметь совершенно иной характер. В полном соответствии со всей обстановкой мы должны заявить этой конференции, что разногласие относительно Коминтерна

ныне ликвидировано. Необходимость новой интернациональной организации совершенно очевидна. Мы вполне готовы дружно сотрудничать, даже объединиться со всеми теми организациями или группами, которые действительно хотят строить Интернационал на основах Маркса и Ленина. Сняв таким образом устаревшие разногласия, мы сможем поставить перед левыми социалистическими организациями на обсуждение принципы левой оппозиции в полном объеме. Это позволит нам несомненно сделать большой шаг вперед.

Ввиду исключительной ответственности предстоящих решений, секретариат считает необходимым созвать в возможно короткий срок пленум¹⁵⁶, который должен будет выработать, в частности, инструкции для поведения нашей делегации на конференции левых социалистических и коммунистических организаций. Разумеется, инструкции пленума будут иметь лишь предварительный характер, поскольку вся наша интернациональная организация еще не успеет к этому времени высказаться. Окончательное решение по поводу новой ориентации большевиков-ленинцев должна будет вынести наша интернациональная конференция.

[Л.Д.Троцкий]

7 августа 1933 г.

Заявление для печати

Со времени моего переезда во Францию¹⁵⁷ пресса не раз сообщала то о моих переговорах с Литвиновым¹⁵⁸ и другими агентами советского правительства, то о моих попытках в этом направлении, оставшихся безрезультатными. Все эти сообщения ложны с начала до конца. Не было и нет ничего, что могло бы дать хоть косвенное оправдание этим вымыслам.

Л. Т[роцкий]

[9 августа 1933 г.]

Правлению Независимой рабочей партии Великобритании

Уважаемые товарищи,

Вы опубликовали мой копенгагенский доклад о русской революции в виде брошюры. Я могу, разумеется, только радоваться тому, что вы сделали мой доклад доступным британским рабочим. Предисловие Джеймса Макстона¹⁵⁹ тепло рекомендует книжку вниманию социалистических читателей. Я могу быть только благодарным за эту рекомендацию.

В предисловии заключается, однако, мысль, против которой я считаю себя обязанным возразить. Макстон заранее отказывается входить в оценку тех разногласий, которые отделяют меня и моих единомышленников от правящей ныне в СССР фракции: "Это вопрос, - пишет он, - который только русские социалисты компетентны решать". Этими немногими словами ниспровергается начисто интернациональный характер социализма как научной доктрины и как революционного движения. Если социалисты (коммунисты) одной страны

неспособны, не компетентны, следовательно, не в праве решать жизненные вопросы борьбы социалистов (коммунистов) других стран, то пролетарский Интернационал лишается прав и возможностей существования.

Я позволю себе сверх того утверждать, что, формально воздерживаясь от суждений по поводу борьбы, расколовшей русских большевиков, Макстон, может быть не желая этого, высказывается все же в прикрытом виде по существу спора, притом в пользу сталинской фракции, ибо в нашей борьбе с ней дело идет как раз о том, является ли социализм национальным или интернациональным делом. Признавая возможность теоретического и практического разрешения вопросов социализма в национальных рамках, Макстон признает правоту сталинской фракции, которая опирается на теорию "социализма в одной стране".

На самом деле споры между русскими большевиками не являются только русскими спорами, как конфликты между Рабочей партией, Независимой рабочей партией и Коммунистической партией Великобритании не являются только британскими конфликтами. Дело идет о судьбе не только нынешнего Коминтерна, но пролетарского интернационала вообще. По линии водораздела между "социализмом в одной стране" и интернациональным социализмом идет группировка сил не только в СССР, но и далеко за его пределами. Секции подлинных интернационалистов, исходящих из теории перманентной революции, имеются сейчас почти во всех странах мира. Число и влияние их растет. Я считаю, что по основным вопросам борьбы между нами и сталинистами каждый член НРП не только может, но и обязан выработать себе самостоятельное мнение. Со своей стороны я готов каждому британскому социалисту, каждому британскому рабочему оказать посильное содействие - печатно, письменно или устно - в изучении спорных вопросов Интернационала.

Я буду вам очень благодарен, если вы опубликуете это письмо в вашем органе.

С тов[арищеским] приветом

[Л.Д.Троцкий]

[9 августа 1933 г.]

В Интернациональный Секретариат:

О недопустимом образе действий тов. А. Нина

Дорогие товарищи,

Последние письма и документы, исходящие от руководимого тов. Нином ЦК испанской секции, вызывают чувство, которое трудно иначе назвать, как возмущением. Прежде всего поражает тон этих писем: самые острые обвинения, бросающиеся направо и налево; оскорбительные выражения, употребляемые без тени основания и нередко переходящие в прямую брань. Один этот тон свидетельствует, насколько тов. Нин и его ближайшие друзья чужды духу революционного товарищества и элементарной личной ответственности. Так писать

могут только люди, лишенные всякой внутренней дисциплины, притом по адресу организации, которую они считают в душе чужой и враждебной.

"Обвинения", выдвигавшиеся группой А. Нина, опровергались десятки раз. Представитель этой группы был на предконференции, где имел возможность изложить все свои претензии и обвинения. Каков был результат? Политика тов. Нина и его друзей была осуждена всеми без исключения секциями интернациональной левой оппозиции. Казалось бы, один этот факт должен был сделать тов. Нина и его друзей, по крайней мере, несколько осторожней. Вместо этого они удваивают и утраивают оскорбления и ругательства, направленные по существу против всей интернациональной левой оппозиции.

Я сейчас хочу коснуться только одного пункта: группа Нина отваживается обвинять интернациональную оппозицию в том, что она будто бы незаконно устранила из своих рядов Росмера, Ландау и проч. Между тем документы и факты свидетельствуют о прямо противоположном: Росмер хотел добиться удаления из Лиги неугодных ему товарищей, причем оказался в Лиге в маленьком меньшинстве; после этого он покинул Лигу. Я лично находился по поводу этого инцидента в постоянной переписке с Нином, сообщал ему обо всех шагах, которые предпринимал, чтобы удержать Росмера от явно ошибочного шага, продиктованного не революционными соображениями, а личной капризностью. Нин, несмотря на свою дружбу с Росмером, писал мне, что "правота не на стороне Росмера". На мои неоднократные письменные вопросы Нину, нельзя ли предпринять какие-либо дополнительные шаги, чтоб удержать Росмера от ошибочного шага, Нин не предложил решительно ничего, признав тем, что все возможные меры были исчерпаны.

То же самое относится и к Ландау. Никто, как известно, не предлагал исключать его. От него лишь требовали, чтобы он принял участие в демократически созванной конференции немецкой секции. Мною была внесена по этому вопросу крайне примирительная по содержанию и тону резолюция, к которой Нин присоединился в письменной форме "полностью и целиком". Известно, что Ландау "исключил" после этого большинство немецкого ЦК и отказался от участия в конференции, где он должен был остаться в безнадежном меньшинстве.

В качестве члена тогдашнего Интернационального бюро Нин участвовал во всей нашей политике и нес за нее полную ответственность. Сейчас он, не приводя ни фактов, ни документов, перелагает ответственность с Росмера и Ландау на Интернациональную левую оппозицию, забывая или умалчивая о своей собственной ответственности. Как назвать такой образ действий?

Допустим на минуту, что Нин пришел позже к выводу об ошибочности нашего образа действий в отношении Росмера, Ландау и проч. Он должен был бы сказать: "Мы сделали такую-то и такую-то ошибку: мы должны ее так-то и так-то исправить". Это был бы вполне законный путь. Нужно только ясно сказать, как исправить "ошибку". Группы Росмера и Ландау имеют свои издания и развивают в них взгляды, которые в ряде существенных вопросов все больше расходятся с нашими взглядами. Если вопрос о Росмере и Ландау выдвигается не

для интриги, а для практической цели: вернуть группы Росмера и Ландау в состав интернациональной левой оппозиции, то обязанность тов. Нина должна была бы состоять в том, чтобы подвергнуть оценке их взгляды и сделать определенный вывод: совместимы ли эти взгляды со взглядами большевиков-ленинцев; требуются ли с нашей стороны определенные уступки и какие именно, или же наоборот, Росмер и Ландау должны отказаться от определенных взглядов и методов, чтобы примкнуть к левой оппозиции. Такая серьезная, принципиальная и вместе [с тем] практическая постановка вопроса открывала бы возможность обсуждения и, может быть, тех или других практических шагов. Нынешний же образ действия Нина показывает, что он ни о каких практических результатах не заботится: ему нужен лишь искусственный повод для инсинуаций по адресу интернациональной левой оппозиции.

Все это тем более печально, что такой нелояльный образ действий нужен тов. Нину для прикрытия собственных политических шатаний и целой серии ошибок, которые помешали испанской левой оппозиции завоевать то положение, возможность которого открывалась условиями революции. Сейчас в результате в корне неправильной политики тов. Нина испанская секция не растет, а слабеет. К несчастью, обсуждение политических вопросов с тов. Нином ни к чему не приводит: он всегда уклоняется, дипломатничает, не говорит ни да, ни нет или еще хуже, отвечает товарищам на политические доводы личными инсинуациями.

Я прошу вас довести настоящее мое письмо до сведения всех секций, начиная с испанской. Я очень хотел бы, чтобы письмо дошло до сведения всех наших друзей в Южной Америке; они тем теснее примкнут к нашей международной организации и тем с большим успехом будут работать на своей национальной почве, чем скорее убедятся в ложности и вредности политики тов. Нина.

С ком[мунистическим] приветом

Л. Троцкий

10 августа 1933 г.

Сталин готовится вероломный удар против большевиков-ленинцев

На съезде работников просвещения в Реймсе советские делегаты, не найдя доводов для оправдания насилий над товарищами Раковским, Виктором Сержем и многими другими, заявили: скоро в СССР будет процесс, который покажет участие троцкистов в саботаже и контрреволюционной работе. Таков запасный "аргумент", который делегат получил на дорогу из сталинской канцелярии. Ссылаясь на московское радио, буржуазные газеты сообщали после этого, что на Украине действительно арестовано несколько десятков "троцкистов" по обвинению в саботаже и государственной измене: все они предаются чрезвычайному суду.

Всякому мыслящему человеку ясно заранее, что большевики-ленинцы, именуемые "троцкистами", могут иметь к экономическому саботажу рабочего государства еще меньше отношения, чем германские коммунисты к поджогу

рейхстага. Левая оппозиция всегда неизменно поддерживала индустриализацию страны не только теоретически, но и в практической работе. Хозяйственные успехи советского государства она считала и считает своими успехами. Она боролась и борется только против ложного экономического руководства бесконтрольной бюрократии.

Если на Украине арестованы действительно саботажники, то они не имеют и не могут иметь никакого отношения к левой оппозиции. Если на Украине арестованы сторонники левой оппозиции, то они не имеют и не могут иметь никакого отношения к саботажу. Обвинение "троцкистов" в контрреволюционных действиях может быть основано лишь на "амальгаме", т. е. на преступной комбинации лиц, не имеющих ничего общего между собой.

Уже в 1927 году агент ГПУ из бывших офицеров Врангеля предложил комсомольцу, сочувствующему левой оппозиции, свою "техническую помощь", - и на основании этой провокации большевики-ленинцы были обвинены в связи... не с агентами ГПУ, а с врангелевским офицером. Сейчас дело идет о преступлении гораздо более крупного масштаба. Сталину неотложно нужны расстрелы мнимых троцкистов за действительные преступления или действительных троцкистов за мнимые преступления, чтобы оправдать репрессии против безупречных революционеров, которые уже около шести лет содержатся им в тюрьмах и ссылке.

Даже по редким официальным сведениям о ходе чистки партии можно видеть, что левая оппозиция неискоренима: в разных местах страны, на глазах у ответственных партийных работников группируются и действуют "троцкисты". Своими скудными разоблачениями "Правда" показывает, что левая оппозиция окружена атмосферой сочувствия, иначе местные коммунисты и местные контрольные комиссии не нуждались бы в понуканиях и угрозах для исключения "троцкистов". Не менее явны и очевидны успехи левой оппозиции на международной арене. Сталинцы знают не хуже нас о крупнейших завоеваниях большевиков-ленинцев в среде международного пролетарского авангарда. Бюрократия в великой тревоге. Необходимо что-то предпринять, и притом немедленно! Но что именно? Пуститься в область дискуссий было бы заведомо безнадежным делом, от которого выиграли бы только большевики-ленинцы. Нет, нужны сильно действующие средства! Сталина не останавливает даже то, что своей новой амальгамой он чрезвычайно затрудняет мировому пролетариату борьбу против амальгамы Гитлера. В обоих случаях дело идет о головах пролетарских революционеров.

Задача левой оппозиции - своевременно предупредить передовых рабочих всего мира о готовящемся преступлении. Отравленное оружие надо повернуть против отравителей. Вместе с тем надо зорко следить, чтоб законное возмущение бонапартистскими методами не отвратило окончательно симпатий мирового пролетариата от советского государства. Защиту наследия Октябрьской революции пролетарский авангард должен взять на себя - против сталинской бюрократии!

[23 августа 1933 г.]

Строительство нового Интернационала и политика единого фронта. (К предстоящей конференции левосоциалистических

и коммунистических организаций в Париже)161

Конфиденциально

1. Строительство нового Интернационала предполагает совместную работу и все более тесную организационную связь революционных политических организаций (партий) на основе программы, отвечающей на все задачи нашей эпохи.

2. Политика единого фронта предполагает соглашение рабочих организаций, политических, профессиональных и проч[их], независимо от их принципиальной позиции, во имя определенной практической цели, следовательно, не постоянное сотрудничество, а сговор от случая к случаю, на известный срок, определяемый характером самой цели.

3. Никакая революционная пролетарская партия не сможет вести правильную политику на международной арене, если не будет строго различать систематическую работу по построению нового Интернационала и эпизодические, хотя бы и очень важные, соглашения "единого фронта".

4. Вести с успехом политику единого фронта в международном масштабе (борьба против фашизма, бойкот гитлеровской Германии, борьба против военной опасности вообще, против интервенции в СССР, в частности) можно лишь в том случае, если существует тесно сплоченное интернациональное ядро, т. е. союз нескольких пролетарских партий на прочной программной основе и с ясной политической перспективой. Только такого рода союз, представляющий первую стадию развития нового Интернационала, способен мобилизовать более массовые организации во имя тех или других боевых задач.

5. Предполагаемый состав парижской конференции основан несомненно на смешении двух задач: построения нового Интернационала и создания единого фронта. Идти дальше по этому пути с закрытыми глазами значило бы растворять революционные пролетарские партии в бесформенном конгломерате организаций, не знающих ясно, чего они хотят. Такой путь был бы одинаково губительным и для нового Интернационала и для задач единого фронта.

6. Чтобы внести ясность во взаимоотношения различных организаций, принимающих участие в парижской конференции или еще только подлежащих приглашению, ядро революционных организаций должно было бы немедленно объединиться на определенном программном документе, который формулирует общие им принципы и открыто ставит задачу создания нового Интернационала. Проект такой Декларации должен быть обсужден, переработан и подписан уже до открытия конференции. Есть все основания рассчитывать на то, что по крайней мере четыре организации: АСП, РСР, ОСП и ЛО162 могут объединиться на таком Заявлении.

7. Нет надобности гадать о том, присоединятся ли к такому Заявлению немедленно шведская коммунистическая партия (Кильбом163), норвежская организация Мот Даг164 и Независимая рабочая партия Великобритании. Если они не присоединятся сейчас, то Декларация станет могучим орудием воздействия на них в дальнейшем. Сфера влияния Декларации будет расти вместе с формированием нового Интернационала. Через некоторое время, скажем, через два месяца Декларация будет заменена Манифестом нового Интернационала.

8. Совершенно очевидно, что Норвежская рабочая партия ни в каком случае не может принять нашей Декларации, которая противоречит всей ее политике. Но это вовсе не значит, что мы должны отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Норвежской рабочей партией. Нужно лишь в основу отношений с ней положить не программу нового Интернационала, а общие методы единого фронта. Так, например, в борьбе за созыв мирового конгресса рабочих организаций НРП может, если захочет, занять свое место.

9. Если бы британская Независимая рабочая партия, шведская партия Кильбома и проч[ие] отказались ныне присоединиться к нашей Декларации, отношения с ними на данной стадии были бы так же отношениями единого фронта, что, конечно, не исключает присоединения этих организаций к новому Интернационалу на следующей стадии.

10. Ленинбунд, например, не мог бы присоединиться к нашей декларации ввиду непримиримого разногласия по вопросу о характере советского государства и наших обязанностей по отношению к нему. Делать в этой области уступки теории тов. Урбанса насчет "государственного капитализма" значило бы обесценивать всю нашу Декларацию и подготавливать внутренние взрывы в основном ядре нового Интернационала.

11. Можно не останавливаться здесь на оценке других организаций и групп, примыкающих или тяготеющих к парижской конференции. Некоторые из них не представляют никакого интереса, ни с точки зрения революционных кадров, ни с точки зрения массовых организаций. Так, пюписты165 способны лишь скомпрометировать всякое объединение, которое стало бы их долго терпеть в своих рядах. Но эти второстепенные вопросы разрешатся сами собой без труда при усвоении правильной основной линии.

12. Итак, начать надо с Декларации четырех (или хотя бы трех) наиболее близких друг к другу организаций. Было бы ошибкой пытаться с самого начала согласовать текст Декларации с британской Независимой рабочей партией, партией Кильбома и проч.: такой образ действий привел бы лишь к бесчисленным заседаниям, поправкам, переговорам, колебаниям, - и инициатива передовых организаций растворилась бы в общей бесформенности. Важнейшее правило стратегии и тактики: чтоб одержать верх над нерешительностью других организаций, надо, чтобы собственная организация проявила решительность; чтобы победить чужие колебания, надо перестать колебаться самому. Если ИЛП166 (НРП) или партия Кильбома будут согласны с нашей Декларацией не во всем, они смогут присоединиться к ней с определенными ограничениями, дополнениями и проч. за собственной подписью. Всякий передовой рабочий будет

в таком случае иметь перед собой ясную карту наших политических отношений. Ничего лучшего мы не можем желать. Дипломатия и игра в прятки нам чужды. Новый Интернационал может строиться только на честном высказывании того, что есть.

Г. Гуров

24 августа 1933 г.

Заявление¹⁶⁷

Нижеподписавшиеся организации в полном сознании лежащей на них исторической ответственности решили объединить свои усилия для совместной работы над¹⁶⁸ возрождением революционного пролетарского движения в международном масштабе. В основу своей деятельности они полагают следующие принципы¹⁶⁹.

1) Смертельный кризис империалистического капитализма, не оставляя никакого места для политики реформизма (социал-демократия, второй Интернационал, профсоюзная бюрократия), ставит ребром¹⁷⁰ задачу революционной борьбы за завоевание власти и установление пролетарской диктатуры как единственного пути¹⁷¹ для¹⁷² преобразования капиталистического общества в социалистическое.

2) Задача пролетарской революции по самому существу своему имеет интернациональный характер. Переноса революцию из страны в страну¹⁷³, пролетариат может построить законченное социалистическое общество только на основах мирового разделения труда и мирового сотрудничества. Нижеподписавшиеся решительно отвергают теорию "социализма в одной стране", как подрывающую самые основы пролетарского интернационализма.

3) Третий¹⁷⁴ Интернационал, выросший из Октябрьской революции, заложивший основы революционной¹⁷⁵ политики в эпоху империализма и давший мировому пролетариату первые уроки революционной борьбы за власть, пал жертвой своей рабской зависимости от советской бюрократии, переродившейся в духе национализма и центризма.

4) Наступление фашизма в Германии явилось высшим испытанием для рабочего класса¹⁷⁶ в лице его организаций. Социал-демократия получила возможность еще раз подтвердить то определение, которая дала ей Роза Люксембург: "смердящий труп". Очищение рабочего движения от организаций, идей и методов реформизма является основным условием победы над капитализмом¹⁷⁷.

5) С не меньшей силой немецкие события обнаружили¹⁷⁸ крушение Третьего¹⁷⁹ Интернационала как результат ложной в корне политики сталинской бюрократии. Нынешний Коминтерн способен лишь помогать реформизму и тормозить революционный подъем пролетариата.

6) Положение мирового капитализма, ужасающий кризис, ввергающий народные массы в небывалую нищету, революционное движение революционных колониальных масс, перспектива¹⁸⁰ нового цикла¹⁸¹ войн, несущая с собой

угрозу гибели всей человеческой культуры - таковы условия, повелительно требующие сплочения пролетарского авангарда в новый Интернационал. Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтобы этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным.

7) Готовые к сотрудничеству со всеми теми организациями, группами, фракциями, которые на деле развиваются от ревормизма или бюрократического центризма (сталинизма) в сторону революционной марксистской политики¹⁸³, нижеподписавшиеся категорически заявляют в то же время, что новый Интернационал должен исключать какое бы то ни было примиренчество по отношению к реформизму или центризму, какие бы то ни было планы насчет объединения 2-го и 3-го Интернационалов, какую бы то ни было уклончивость в вопросах о¹⁸⁴ восстании, пролетарской диктатуре, советской форме государства и пр.

8) По своим социальным основам, по безусловно господствующим формам собственности СССР¹⁸⁵ остается сегодня рабочим или социалистическим государством¹⁸⁶. Защиту советского государства от империализма и внутренней контрреволюции новый Интернационал напишет на своем знамени, как одну из важнейших задач.

Революционная¹⁸⁷ защита СССР¹⁸⁸ может быть успешной только при условии полной независимости самих пролетарских организаций от советской бюрократии¹⁸⁹, неумолимого¹⁹⁰ разоблачения ее ложных методов перед лицом рабочих масс.

10) Новый Интернационал, как и партии, входящие в него, должны построить всю свою внутреннюю жизнь на основах [...] ¹⁹¹ Нижеподписавшиеся создают путем делегирования своих представителей Постоянную комиссию, поручая ей:

- а) выработку программного манифеста как хартии нового Интернационала;
- б) подготовку критического обзора современного рабочего движения и лице всех его организаций и направлений;
- в) выработку тезисов по всем основным вопросам революционной стратегии пролетариата;
- г) представительство нижеподписавшихся организаций перед лицом внешнего мира.

[Л.Д.Троцкий]

[До 26 августа 1933 г.]

По поводу предполагаемого участия в Парижской конференции так называемой Партии "пролетарского единства" (пюписты)

В приглательном циркуляре секретаря интернационального комитета тов. Джона Пэттона говорится о "полном банкротстве Второго и Третьего Интернационалов и примыкающих к ним партий". Отсюда совершенно ясно вытекает

необходимость создания новых партий и нового Интернационала.

То же циркулярное письмо называет, однако, в числе участников парижской конференции "партию пролетарского единства" (пюписты), которая пишет на своем знамени "объединение Второго и Третьего Интернационалов", или, пользуясь выражением тов. Пэттона, объединение банкротов. Ясно, что из такого объединения ни в каком случае не может проистечь оздоровление рабочего движения. Уже этого непримиримого противоречия в постановке задач (не говоря о других чертах пюпистов) достаточно, чтобы признать, что пюпистам ни в каком случае не место в наших рядах.

[Л.Д.Троцкий]

[26 августа 1933 г.]

Куда идет НРП Великобритании?

Из последних политических решений Национального Совета Независимой Рабочей Партии совершенно ясно вытекает, что после своего разрыва с реформистами партия продолжает двигаться влево. Родственные процессы наблюдаются во многих странах: внутри социал-демократических партий формируется левое крыло, которое на дальнейшей стадии откалывается от партии и пытается собственными силами проложить себе революционный путь. В этих процессах отражается, с одной стороны глубокий кризис капитализма и неразрывно связанного с ним реформизма и, с другой стороны, - неспособность Коминтерна группировать вокруг себя революционные течения пролетариата.

В Англии положение осложняется, однако, небывалой до сих пор комбинацией. В то время как в других странах Коминтерн продолжает третировать левосоциалистические организации как "левых социал-фашистов" и "наиболее опасных контрреволюционеров", между Независимой рабочей партией и компартией Британии установилось постоянное сотрудничество. Каким способом вожди Коминтерна связывают это сотрудничество с теорией "левого социал-фашизма" остается загадкой. В июльском номере теоретического органа Коминтерна Феннер Броквей192, вновь назначенный секретарь НРП, именуется по-прежнему "контрреволюционером". Почему британская компартия заключила на этот раз единый фронт не только с низами, но и с верхами, причем верхи эти оказываются к тому же "контрреволюционерами", а единый фронт заключен не для отдельного практического действия, а для совместной работы вообще, - распутать эти противоречия не дано ни одному смертному. Но если оставить принципы в стороне, то дело объясняется достаточно просто: в исключительно благоприятных условиях Великобритании Коминтерн при помощи губительной политики Англо-русского комитета, "третьего периода", "социал-фашизма" и проч. умудрился полностью изолировать и обессилить свою британскую секцию; с другой стороны, глубокий социальный кризис британского капитализма толкнул НРП резко влево; не заботясь ни о последовательности, ни о логике обескураженный вконец Коминтерн обеими руками ухватился на этот раз за предложенный ему союз.

Можно и должно было бы приветствовать и горячо поддерживать сотрудничество НРП и компартии, если бы оно не было основано на умолчаниях, недоговоренности и двусмысленности с обеих сторон.

О компартии Национальный Совет отзывается так: "Она революционна по взглядам, как и мы". Это все, что мы узнаем по части оценки компартии и ее политики. Каждый серьезный и вдумчивый рабочий неизбежно спросит: зачем же две партии, если они придерживаются одинаково революционных взглядов? Этот рабочий еще более удивится, когда узнает, что вожди одной из этих одинаково революционных партий считают вождей другой партии "контрреволюционерами" и "левыми социал-фашистами". Может быть, Национальный Совет НРП воздерживается от критической оценки своего союзника, чтобы не подорвать самого союза? Но союз революционных организаций, основанный не на открытой взаимной критике, а на дипломатии будет опрокинут первым порывом политической бури, как картонный домик.

Тезисы Национального Совета объясняют блок с компартией, во-первых, как шаг на пути единого фронта, во-вторых, как этап на пути создания большой революционной партии. Каждый из этих двух доводов имеет свой вес; но поставленные механически рядом, они противоречат друг другу. Тезисы повторяют, что единый фронт должен охватить все и всякие организации пролетариата, поскольку они захотят принять участие в борьбе: Лейбор Парти, трэд-юнионы, даже "кооперативную партию"¹⁹³. Но мы хорошо знаем, притом не из литературы, а из трагического опыта германской катастрофы, что Коминтерн отвергает единый фронт с реформистскими ("социал-фашистскими") организациями. Как же НРП собирается в союзе с компартией строить единый фронт с реформистскими организациями: только снизу и под заранее гарантированным руководством коммунистической бюрократии? На этот вопрос ответа нет.

Упомянув вскользь о том, что блок с компартией уже оттолкнул вправо некоторые секции "официального движения", Национальный комитет выражает надежду на то, что такого рода предрассудки можно победить активным участием в повседневной борьбе. То обстоятельство, что реакционные предрассудки лидеров Лейбор Парти или Генерального совета трэд-юнионов не пугают вождей НРП, делает последним только честь. К несчастью, однако, дело идет не только о предрассудках. Когда коммунистическая бюрократия объявляет реформизм и фашизм близнецами, то она дает не только ложную критику реформистских вождей, но и законно возмущает реформистских рабочих. В тезисах говорится, правда, что критика реформизма должна отвечать реальным обстоятельствам и толкать реформистских рабочих вперед, а не отбрасывать их назад; но о компартии в этой связи не упоминается ни словом. Как же быть все-таки с теорией социал-фашизма? И как на этой теории строить политику единого фронта? Замолчать подобные вопросы в резолюции не значит устранить их из жизни. Открытая дискуссия могла бы, может быть, побудить компартию занять правильную позицию, дипломатическая же уклончивость только накапливает противоречия и подготавливает новую катастрофу при ближайшем массовом

движении.

Не определяя своего принципиального отношения к официальному коммунизму (сталинизму), тезисы Национального совета останавливаются на полпути и в своем отношении к реформизму. Критиковать реформистов надо как консервативных демократов, а не как фашистов, но бороться с ними по этому поводу надо отнюдь не менее непримиримо, ибо британский реформизм есть сейчас главный тормоз на пути освобождения не только британского, но и европейского пролетариата. Политика единого фронта с реформистами обязательна, но пределы ее ограничены по необходимости частными задачами, особенно же оборонительными боями. Не может быть и речи о том, чтобы совершить социалистическую революцию путем единого фронта с реформистскими организациями. Основная задача революционной партии состоит в том, чтобы освободить рабочий класс от влияния реформистов. Ошибка бюрократии Коминтерна не в том, что важнейшее условие победы пролетариата она видит в руководстве революционной партии, - это безусловно правильно, - а в том, что, будучи неспособна завоевать доверие рабочих масс в повседневной борьбе, начиная в качестве меньшинства, со скромных ролей, она требует доверия авансом, предъявляет пролетариату ультиматумы и взрывает попытки единого фронта на том основании, что другие организации несогласны добровольно вручить ей маршалский жезл. Это не марксистская политика, а бюрократический саботаж. Надежная и устойчивая победа пролетарской революции - повторим еще раз - возможна лишь при том условии, если революционная, т. е. действительно коммунистическая, партия успеет до переворота завоевать прочное доверие большинства рабочего класса. Этот центральный вопрос почти совершенно не нашел освещения в тезисах. Почему? Из "такта" по отношению к союзнику? Не только. Есть более глубокие причины. Недостаточная ясность тезисов в отношении единого фронта вытекает из незаконченного представления о методах пролетарской революции. Тезисы говорят о необходимости "вырвать контроль над экономической системой и государством у капиталистического класса и передать его рабочему классу". Как разрешить эту грандиозную задачу? На этот центральный вопрос нашей эпохи тезисы отвечают голой фразой: "Это может быть достигнуто только посредством единого действия рабочего класса". Борьба за власть и диктатура пролетариата остаются абстракциями, которые без труда растворяются в бесформенных перспективах единого фронта...

В области готовых революционных формул бюрократия британской компартии вооружена неизмеримо лучше. В этом сейчас и состоит ее перевес над руководством НРП. И надо прямо сказать: этот поверхностный, чисто формальный перевес может в данных условиях привести к ликвидации НРП без какой бы то ни было выгоды для компартии и революции. Объективные условия уже не раз толкали в сторону британской секции Коминтерна десятки и даже сотни тысяч рабочих; но руководство Коминтерна оказывалось способным лишь разочаровать их и отбросить назад. Если бы сегодня вся Независимая рабочая партия в целом вступила в ряды компартии, уже в течение ближайших месяцев треть новых членов вернулась бы в Лейбор Парти, другая треть была бы исключена за

"примиренчество по отношению к троцкизму" и другие подобные же преступления, наконец, последняя треть, разочарованная во всех своих ожиданиях, впала бы в полный индифферентизм. В результате эксперимента компартия оказалась бы более слабой и изолированной, чем сейчас.

Чтобы предохранить рабочее движение Англии от этой новой опасности, у НРП есть только один способ: освободиться от всякой неясности и недоговоренности в отношении путей и методов социалистической революции и стать действительно революционной партией пролетариата. В этой области незачем изобретать новое: все основное сказано, и хорошо сказано, первыми четырьмя конгрессами Коминтерна. Вместо того чтобы кормиться бюрократическими суррогатами эпигонов, нужно засадить всех членов НРП за изучение резолюций первых четырех конгрессов Коминтерна. Этого одного, однако, мало. Надо открыть в партии дискуссию по поводу уроков последнего десятилетия, ознаменованного борьбой между сталинской бюрократией и левой оппозицией. Содержанием этой борьбы явились важнейшие этапы мирового революционного движения: экономические и политические задачи СССР; проблема китайской революции; политика Англо-русского комитета; методы "третьего периода"; теория социал-фашизма и политика единого фронта; вопросы партийной демократии; причины германской катастрофы. Мимо этого грандиозного цикла проблем нельзя пройти. Это не русские вопросы, а интернациональные¹⁹⁴.

Революционная партия в нашу эпоху не может не быть интернациональной. Каково же на этот счет положение НРП? Вступив в союз с компартией, НРП не определила своей интернациональной позиции. Она порвала со Вторым Интернационалом и заключила соглашение с Третьим, но она входит также в "Трудовое объединение" левых социалистических партий. Это объединение, в свою очередь, не однородно. В нем есть элементы, тяготеющие к большевизму, но есть и элементы, тянущие к Норвежской рабочей партии, т. е., по существу, к социал-демократии. Какую позицию во всех этих вопросах занимает НРП? Собирается ли она разделить судьбу исторически уже осужденной бюрократии Коминтерна; хочет ли попытаться удержаться на промежуточной позиции (это значило бы окольными путями вернуться к реформизму) или же намерена принять участие в построении нового Интернационала на основах, заложенных Марксом и Лениным?

Для серьезного читателя ясно, что наша критика меньше всего внушена враждебными чувствами к НРП. Наоборот, мы слишком ясно понимаем, что, если бы эта партия бесславно сошла со сцены, делу социализма нанесен был бы новый жестокий удар. Между тем такая опасность существует, и она не за горами. В нашу эпоху нельзя долго задерживаться на промежуточных позициях. Спасти НРП для пролетарской революции может только полная политическая ясность. Задача этих строк - помочь революционной ясности проложить себе дорогу.

Л. Троцкий

28 августа 1933 г.

Резолюция   пленума   Интернациональной   левой
оппозиции

(большевики-ленинцы)¹⁹⁵ по поводу конференции левых социалистических и оппозиционных коммунистических организаций в Париже 27-28 авг[уста] 1933 г.

Проект

1. Самый факт конференции 14 партий, организаций и групп крайне разнородного характера и направления явился результатом глубочайшего кризиса социалистического и коммунистического движения, точнее сказать, плодом крушения не только Второго, но - в другой исторической плоскости и по другим причинам - и Третьего Интернационала.

2. Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы новый Интернационал строился организациями, исходящими из глубоко различных и даже противоположных принципиальных основ. Левая оппозиция принимала участие в конференции под собственным знаменем с целью содействия принципиальному размежеванию с реформистами и центристами и сближению действительно однородных революционных организаций.

3. Единственно реальным, но зато исключительно важным результатом конференции является Декларация, подписанная четырьмя организациями (левая оппозиция, САП, две голландские партии: РСР и ОСР) и представляющая собой первый открытый шаг на пути построения нового Интернационала на принципиальных основах Маркса и Ленина.

4. Пленум отдает себе ясный отчет в том, что четыре названные организации различного политического происхождения не могут в течение нескольких дней достигнуть полного единства в основных принципах, тактических методах и организационных приемах. Во всяком случае, достигнутый результат дает достаточные основания рассчитывать на то, что дальнейшая работа этих организаций над программным манифестом и тактическими документами даст возможность не только обеспечить необходимое единомыслие, но и привлечь под знамя нового Интернационала ряд других революционных организаций и фракций.

5. Пленум считает необходимым немедленно приступить к выработке программных документов и к созданию делового секретариата, который мог бы уже в процессе редактирования манифеста и резолюций вступать в сношения с сочувствующими организациями, дабы их мнения, предложения и критика могли найти свое отражение в тексте программных документов.

6. Своему представителю в программной комиссии пленум поручает руководствоваться теми основными соображениями, которые изложены в Декларации большевиков-ленинцев, оглашенной на парижской конференции 27-28 августа¹⁹⁶.

* * *

7. Что касается решений, вынесенных разношерстным большинством конференции и насквозь проникнутых печатью этой разношерстности, то пленум большевиков-ленинцев не считает возможным брать на себя за эти решения

политическую ответственность¹⁹⁷. Поскольку вынесенные решения могут привести к тем или другим практическим действиям (например, в деле бойкота гитлеровской Германии), левая оппозиция готова, в соответствии с обстоятельствами, принять в таких действиях активное участие, отвечающее ее общим принципиальным позициям.

На почве практических действий левая оппозиция будет неизменно стремиться к тесному сближению с наиболее родственными ей партиями и организациями. Только при этом условии широкая и смелая политика единого фронта во имя актуальных политических задач будет питать работу по построению нового Коммунистического Интернационала.

* * *

Пленум призывает все секции интернациональной левой оппозиции отдать себе ясный отчет в исторической важности сделанного шага.

Неотложная задача сейчас: придать "Декларации 4-х" как можно более широкое распространение в коммунистических, социалистических, профсоюзных и особенно юношеских рядах. Через газеты, прокламации, афиши, в речах и беседах надо популяризовать и истолковывать смысл Декларации. Не щадя усилий, надо поднимать пролетарский авангард на создание нового Интернационала.

Декларация большевиков-ленинцев, оглашенная на конференции, заканчивается словами: "Наша революционная ответственность неизмеримо велика. Пусть же наша творческая работа поднимется на уровень этой ответственности!" Отдадим себе ясный отчет в том, что эти слова относятся прежде всего к самим большевикам-ленинцам!

Пленум Интерн[ационального] Секр[етариата]

31 августа 1933 г.

[Записка Л.Л.Седова¹⁹⁸]

24-го утром "Болгария" должна была прийти в Marseille¹⁹⁹. По соглашению (и за специальную плату)²⁰⁰ с пароходным обществом и властями друзьям Л.Д.[Троцкого] разоешили до прихода п[аро]х[ода] в порт снять Л.Д.[Троцкого] и Н.И.[Седову] с парохода на моторной лодке в открытом море. Капитан парохода был обществом предупрежден по радио. Местом высадки был выбран друзьями Л.Д.[Троцкого] Касис в 15 (?) приблизительно километрах от Marseilles. Моторную лодку друзья хотели снять в Сиота - еще дальше, в 6-8 километрах - с тем, чтобы не обращать на себя внимание в Касисе и дать ложный след. В Сиота не удалось найти подходящей лодки. Таковую нашли в Касис (владелец Panchetti...) Друзья совершили небольшую поездку по морю с тем, чтобы испытывать качества лодки, ознакомиться с местом и пр. Лодку сняли с 6-ти часов утра следующего дня. Не только о цели путешествия, но и о направлении хозяину ничего не было сказано. Сняли лодку на полдня, дали аванс (от него хозяин настойчиво отказывался), предложили запастись резервом

горючего. Друзья Л.Д.[Троцкого] в другом месте и в половине шестого утра на двух автомобилях были уже в Касисе. Автомобили были поставлены в укромное место вблизи места предполагаемой высадки. Хозяин пришел одновременно с нами, не было матроса, но побежали будить. Между тем, мотор не хотел работать. Крутил ручку хозяин (без особых усилий), изо всех сил крутили друзья. Мотор не работал. Друзья начали волноваться. Один побежал искать другую лодку, другой начал проверять с хозяином мотор [...]201 Удалось обнаружить, что не действует зажигание. Поведение хозяина стало еще более подозрительным (он давал совсем другие объяснения). Видно было, что он не хочет ехать. По пристани взволнованно ходила его жена. Матрос также явно умышленно (?) опаздывал...

Что случилось?

Вместе с 2-мя друзьями на лодке должен был ехать представитель Сюрте Женераль202; задачей его было визировать паспорта приезжих и сообщить Л.Д.[Троцкому] отмену постановления о высылке (1916 г.)203. Он заявил хозяину о своем служебном положении. Тогда - и то не сразу, хозяин еще повозился минут десять с мотором. Он хватил себя кулаком по голове и громко выругался: "Эх, я, идиот, я... забыл дома угли (!) от динамо-машины". Тут же все выяснилось. В эти же дни в Тулоне шел нашумевший процесс убийц собственника моторной лодки, нанятый на прогулку, он был убит и лодка продана. Panchelli, запуганный под впечатлением этого процесса, не спал всю ночь и решил не ехать. Станный характер клиентов: 2 молодых человека, без дам; необычный час поездки; распросы о том, может ли лодка уйти далеко в море, ее ход и др[угие] вопросы не "туристического" характера - все это еще более усилило подозрительность хозяина и матроса. Друзья были приняты за возможных убийц. В этом он открыто признался.

[Л.Л.Седов]

[Август 1933 г.]

По поводу Парижской конференции 27-28 августа

Конференция закончилась. Мы не располагаем еще ни протоколами, ни даже окончательным текстом резолюции. Тем не менее основные итоги уже можно подвести. Итоги эти вполне благоприятны для левой оппозиции. Это лучше всего проверяется сопоставлением того, чего мы ждали, с тем, что получили. В предварительных обсуждениях и в переписке мы все сходились на том, что, если нам удастся собрать под ясным и отчетливым документом в пользу нового Интернационала четыре или хотя бы три подписи, это будет огромный шаг вперед. Мы получили четыре подписи, на которые рассчитывали, под документом, который составляет единственный реальный результат конференции и который может и должен получить историческое значение.

Этого крупнейшего результата мы добились не благодаря каким-либо случайным комбинациям или искусным маневрам (в этой области у нас были,

наоборот, кое-какие ошибки), а благодаря тому, что сделанный нами шаг исторически назрел полностью. Несмотря на десять лет мировой травли и клеветы против левой оппозиции; несмотря на то, что эта клевета оставила следы даже в сознании противников сталинизма, в том числе в рядах социал-демократических рабочих; несмотря на все это, три организации, ведущие за собой несколько десятков тысяч рабочих, не нашли другого пути, как объединиться с нами на общем документе, предлагающем долгую и упорную борьбу. В стене, которая окружала левую оппозицию, пробита широкая брешь. Мы можем с уверенностью ждать, что новые и новые организации и фракции, толкаемые на революционный путь всей обстановкой, будут с каждым месяцем все больше убеждаться, что единственное знамя, под которым может сплываться пролетарский авангард, - это знамя большевизма-ленинизма.

Декларация четырех названа выше единственным серьезным плодом парижской конференции. Что касается расплывчатых решений большинства, то они не имеют будущего. Это не трудно понять, если остановиться на составе конференции. Если делегаты четырех организаций, подписавших декларацию, составляли левое крыло, то крайний правый фланг составляли представители Норвежской рабочей партии, которая стремится к созданию скандинавского "Интернационала" путем союза со шведской и датской социал-демократией и потому опасается скомпрометировать себя соседством с коммунистами. Нужно быть безнадежно наивным человеком или, еще хуже, беспринципным комбинатором, чтобы надеяться на союз и сотрудничество с такого рода насквозь оппортунистической партией или с теми мелкими группами, которые к ней тяготеют, как французские пюписты, итальянские максималисты, каталонская федерация Маурина, польская группа д-ра Крука²⁰⁴ или совсем юмористическая партия Штейнберга²⁰⁵ (бывшего "наркома").

Урбанс представлял на конференции то немногое, что осталось от Ленинбунда. Если Урбанс при всех своих добрых революционных намерениях что-нибудь доказал за последние годы, так это свою полную неспособность к коллективной работе, с одной стороны, и к систематическому мышлению, с другой. Уже одна его смехотворная теория "государственного капитализма", берущая за одни скобки СССР, Соединенные Штаты, Германию Гитлера и Италию Муссолини, исключает возможность совместной работы с ним по созданию нового Интернационала.

Особняком стоят шведская Независимая коммунистическая партия (Кильбом) и британская Независимая рабочая партия. Обе эти организации находятся на перепутье. Шведская партия представляет собой слишком солидную рабочую организацию, чтоб она могла следовать политике Брандлера-Тальгеймера, основанной полностью на лакейской надежде: авось, Мануильский помилует и призовет к власти. С другой стороны, партия Кильбома, по-видимому, еще сильно заражена правыми тенденциями и особенно недоверием к левой оппозиции. Мы спокойно будем выжидать дальнейшего развития этой организации. Нынешней своей промежуточной позиции она удержать не может. Она должна будет сделать выбор. Мы должны помочь ей сделать правильный выбор.

То же самое, хотя и в других условиях, относится к британской НРП. Если партия Кильбома колеблется между правой и левой коммунистической оппозицией, то НРП колеблется между Коминтерном и новым Интернационалом. Может быть, и не сразу, но бюрократы Коминтерна неизбежно толкнут НРП на путь нового Интернационала. Раньше или позже мы встретимся с этой партией, по крайней мере, с ее революционным ядром.

Совершенно очевидно, что решения, вынесенные столь разношерстным большинством, могут иметь лишь платонический, декоративный характер. Сейчас есть немало охотников "осуждать" Второй Интернационал и кричать о его банкротстве, чтобы на практике вести политику оппортунизма. Немало есть охотников кричать о банкротстве Третьего Интернационала, чтобы на деле вести политику закулисного коббинаторства, которая по духу очень близка бюрократическому центризму. Передовым рабочим не только недостаточно голых осуждений II и III Интернационалов, им мало и голого признания необходимости нового Интернационала. Нужно ясно сказать, о каком Интернационале идет речь: о реставрации жалкого "Интернационала" номер два с половиной или об объединении международного пролетарского авангарда на основе революционной программы, действительно отвечающей задачам нашей эпохи. Вырабатывать такую программу в обществе Транмеля206, Луи Селье, Маурина [и] прочих или хотя бы поддерживать фикцию общей с ними интернациональной организации значит вместо необходимой спасительной ясности сеять хаос и идейную деморализацию.

Нельзя пройти мимо того, что два наших союзника (немецкая САП и голландская ОСП) входят не только в блок четырех, подписавших Декларацию, но и в Комитет большинства (наряду с двумя представителями британской НРП и одним представителем норвежской партии). Мы, левая оппозиция, не можем ждать и не ждем от этого комитета ничего положительного. Мы считаем явным противоречием участие двух наших союзников (САП и ОСП) в Комитете. РСРП (партия тов. Снивлита) в Комитет не входит и считает крупной политической ошибкой голосование представителя ОСП и САП за резолюцию большинства, которая способна только сеять иллюзию и сбивать с пути. Но было бы совершенно неправильным, если бы мы на этом основании отказались от искренней попытки сотрудничества с названными двумя союзниками. Их участие в блоке с нами есть завтрашний день. Их участие в "Комитете" есть вчерашний день.

Революционная непримиримость состоит не в том, чтобы требовать априорного признания нашего "руководства", предъявляя по каждому поводу союзникам ультиматумы и грозя разрывом, снятием подписей и проч. Такие приемы мы предоставляем, с одной стороны, сталинским бюрократам, с другой - некоторым нетерпеливым союзникам. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что разногласия между нами и нашими союзниками возникнут еще не раз. Но мы надеемся, более того, мы уверены, что ход событий обнаружит на деле невозможность участвовать одновременно в принципиальном блоке четырех и беспринципном блоке большинства. Не прибегая ни к каким неуместным "ультиматумам", мы сохраняем, однако, за собой полное право не только

выступать под собственным знаменем, но и открыто высказывать нашим союзникам наше мнение по поводу того, что мы считаем их ошибками. От союзников мы ждем такой же прямоты. Наш союз от этого только окрепнет.

* * *

На очереди стоит сейчас выработка программного документа. Манифест нового Интернационала должен дать общую картину современного капиталистического мира (как и Советского Союза), его экономики, политики и международных отношений. Все потрясения нашей эпохи (войны, кризисы, припадки фашистского варварства) должны быть объяснены как результат запоздания пролетарской революции. Ответственность за запоздание должна быть возложена на Второй и на Третий Интернационалы. Особая глава манифеста должна быть посвящена картине упадка обоих Интернационалов. Вывод: задачи пролетарской революции, как и задачи спасения СССР требуют создания нового Интернационала. Заключительные главы должны наметить программу борьбы нового Интернационала.

Выработка такого документа есть задача ближайших двух-трех месяцев. Достоинно разрешить столь ответственную задачу можно только коллективным путем. Необходимо, чтобы все секции левой оппозиции, прежде всего в лице своих правлений, высказались, какие идеи, принципы, лозунги, требования они считали бы необходимым включить в манифест. Хотя дело идет о документе интернационального характера, но в нем должны найти выражение и наиболее важные национальные задачи. Крайне желательна присылка различных политических документов и вообще письменных и печатных материалов, которые могут помочь при выработке тех или других частей манифеста.

* * *

Секции левой оппозиции приложат, разумеется, все свои силы к тому, чтобы как можно шире распространить и популяризировать Декларацию четырех. Десятки тысяч, сотни тысяч революционных рабочих вздохнут с облегчением, узнав, что есть выход из политического тупика. Надо ковать железо, пока горячо!

Г. Гуров

1 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]207

3 сент[ября] 1933 [г.]

Милая, родная Наталочка, как мне мучительно хочется иметь твою старую карточку, нашу общую карточку, когда мы были молоды, но особенно твою... Милая, родная Наталочка, ты в Париже - Раймон [Молинье] привез мне письмо твое, я очень спешно прочитал его, так как Р[аймон] уезжает через полчаса к поезду, - я спешу написать тебе несколько строк... День твоего отъезда был неблагоприятный, нездоровилось, сильно потел... Заходил в твою комнату,

искал тебя, трогал твои вещи... принял немного adalin'u на ночь, - второй день был тоже не очень хорош... Сегодня гораздо лучше... У меня Штернберг, три дня подряд, большие разговоры, много лишней болтовни, но в общем полезно, мы начали совместно писать Манифест, он написал здесь 10 стр[аниц], которые я разошлю: это начало, а главное связывает САП, втягивает их в "4 Инт[ернационал]". Был у меня сегодня Куродо208 - часа два говорили о политике, час - о рыбной ловле и об охоте (он знаток дела!).

Жанна209 и Вера210 очень ухаживают за мной, чересчур, готовят изысканные обеды и пр[очее]. С Левоу211 был пока мало (Штернберг, Куродо, диктовка!).

Милая Наталочка, то, что у меня отмирает память на лица (и раньше слабая) очень остро иногда тревожит меня. Молодость давно отошла... но я неожиданно заметил, что и воспоминание о ней отошло: живое воспоминание о лицах... твой образ, Наталочка, молодой, мелькает и исчезает, я не могу его фиксировать, остановить... Очевидно, большое влияние на нервную систему и на память оказали все же годы травли... А в то же время умственно я не чувствую себя уставшим или ослабевшим. Очевидно, мозг стал скупым, экономным, - и вытесняет прошлое, чтобы справиться с новыми задачами. Я часто в постели, прежде чем уснуть... уже совсем засыпая... делаю усилие припомнить твое лицо на лестнице rue Lalando, 4212 - где я тебя первый раз увидел - первый раз, Наталочка - мелькнет чистое свежее нежное лицо с пушком, со внутренней духовной жизнью под кожей... страстное и целомудренное лицо - мелькнет, как радостное пятно, и исчезнет... Милая, милая моя.

Надо кончать... еще только 5 минут остается. Не беспокойся обо мне. Мне лучше. Надеюсь, скоро доктор придет. Погода стоит хорошая. Питаюсь хорошо, довольно много фруктов.

Обнимаю твою голову, целую твои ручки, лечи их, Наталочка, лечи хорошо, не спеши, милая, родная.

Твой [Л.Д.Троцкий]

Посылаю не перечитывая

Еще раз о британской НРП

После короткого промежутка я снова возвращаюсь к политике Независимой рабочей партии. Повод для этого дает Заявление делегации НРП на парижской конференции: оно позволяет вынести ясное представление, как об общем направлении НРП, так и о той стадии, на которой она ныне находится.

Делегация считает необходимым созвать мировой конгресс "всех" революционных партий, начиная с тех, которые примыкают к Третьему Интернационалу. "Если Третий Интернационал окажется неспособен изменить свою тактику и организацию, наступит время заняться образованием нового Интернационала". В этой фразе выражена самая суть нынешней политики НРП. Сдвинувшись решительно влево, в сторону коммунизма, члены этой партии не хотят верить, что Коммунистический Интернационал, располагающий

многочисленными кадрами, материальными и техническими средствами, погиб для революционного движения. Надо сделать, говорят они, еще одну проверку того, способен или неспособен Коминтерн изменить свою политику.

Такая постановка вопроса неправильна, даже наивна. Способность или неспособность партии определяется не на конгрессе, где на один-два дня съезжаются разные группы и организации, а в повседневной борьбе, особенно же в дни больших опасностей, ответственных решений и массовых действий. После победы Гитлера, за которую Коминтерн несет прямую ответственность, руководство Коминтерна не только не исправило своей политики, наоборот, усугубило ее губительные методы. Эта историческая проверка весит в тысячу раз больше, чем все те заявления, которые представители Коминтерна могли бы сделать на каком бы то ни было конгрессе. Нельзя забывать, что конгрессы представляют собой элементы "парламентаризма" в самом рабочем движении. Будучи неизбежен и необходим парламентаризм не может дать ничего принципиально нового, сверх того, что реально завоевано в массовой борьбе. Это относится не только к парламентаризму буржуазного государства, но и к "парламентским" учреждениям самого пролетариата. Надо ориентироваться по реальной деятельности рабочих организаций и не ждать никаких чудес от проектируемого мирового конгресса.

Левая оппозиция в течение десяти лет (1923-1933) действовала как фракция Коминтерна, надеясь своей систематической критикой и своим активным участием в жизни Коминтерна и его секций добиться оздоровления его политики и его режима. У левой оппозиции имеется, таким образом, грандиозный опыт интернационального характера. Не было ни единого большого исторического события, которое не вынуждало бы левую оппозицию противопоставлять свои лозунги и методы лозунгам и методам бюрократии Коминтерна. Борьба вокруг вопросов советского хозяйства и режима ВКП по поводу китайской революции, Англо-русского комитета и проч. и проч. долго оставалась сравнительно малоизвестной рабочим партиям Запада²¹³. Но две главы борьбы прошли на глазах передовых рабочих всего мира: они относятся к теории и практике "третьего периода" и стратегии Коминтерна в Германии.

Если левую оппозицию можно в чем-либо обвинить, то никак не в нетерпеливом разрыве с Коминтерном. Только после того как германская партия, собиравшая миллионы голосов, оказалась неспособной противопоставить Гитлеру хотя бы малейшее сопротивление, а Коминтерн отказался признать не только ложность своей политики, но и самый факт поражения пролетариата (на самом деле победа Гитлера есть величайшее поражение пролетариата в мировой истории!) и заменил анализ собственных ошибок и преступлений новой кампанией травли и клеветы против действительных марксистов, - только после этого мы сказали: этих людей ничто уже больше не спасет. Для мирового пролетариата германская катастрофа и роль в ней Коминтерна неизмеримо важнее, чем всякие организационные маневры, конгрессы, уклончивые заявления, дипломатические соглашения и проч. Исторический суд над Коминтерном произнесен. Апелляции на приговор нет.

Членам НРП, которая только недавно стала на революционный путь, история Коминтерна почти незнакома. К тому же ни одна организация не учится только по книжкам и архивам. НРП хочет самостоятельно проделать опыт, который уже проделан другими в гораздо более широком масштабе. Если дело ограничилось только потерей нескольких месяцев, с этим можно было бы примириться, несмотря на то, что каждый месяц в наше время стоит иных годов. Опасность, однако, в том, что, стремясь "проверить" Коминтерн путем сближения с ним, НРП сама может незаметно для себя стать на путь Коминтерна и - погубить себя.

Важнейшим вопросом пролетарской политики в Великобритании, как и в большинстве других старых капиталистических стран, остается вопрос о профессиональных союзах. Ошибки Коминтерна в этой области неисчислимы. Немудрено: неспособность партии установить правильные отношения с классом ярче всего обнаруживаются в области профессионального движения. Вот почему я считаю необходимым подробнее остановиться на этом вопросе.

Профессиональные союзы сложились в период роста и подъема капитализма. Они имели своей задачей повышение материального и культурного уровня пролетариата и расширение его политических прав. Эта работа, насчитывающая за собой в Англии более столетия, придала трэд-юнионам в среде пролетариата огромный авторитет. Упадок британского капитализма в условиях заката мировой капиталистической системы подорвал почву под реформистской работой трэд-юнионов. Капитализм может дальше держаться, только снижая уровень жизни рабочих. Профессиональные союзы должны в этих условиях либо превратиться в революционные организации, либо стать помощниками капитала в усиленной эксплуатации рабочих. Трэд-юнионистская бюрократия, которая благополучно разрешила свой собственный социальный вопрос, стала на второй путь. Весь накопленный авторитет трэд-юнионов она направила против социалистической революции и даже против всяких попыток рабочих сопротивляться наступлению капитала и реакции.

Важнейшей задачей революционной партии стало отныне: освободить рабочих от реакционного влияния трэд-юнионистской бюрократии. В этой решающей области Коминтерн обнаружил полную несостоятельность. В 1926-1927 годах, прежде всего в период стачки углекопов и генеральной стачки, следовательно, во время худших измен Генерального совета трэд-юнионов, Коминтерн униженно заискивал перед высокопоставленными штрейкбрехерами, прикрывал их своим авторитетом перед массами и помог им удержаться в седле: так был нанесен смертельный удар "движению меньшинства". Испугавшись плодов своей работы, бюрократия Коминтерна ударилась в крайность ультрарадикализма. Гибельные сумасбродства "третьего периода" порождены были стремлением маленького коммунистического меньшинства действовать так, как если бы за ним стояло большинство. Изолируя себя все более от рабочего класса, компартия противопоставила трэд-юнионам, охватывающим миллионы рабочих, свои собственные профорганизации, очень покорные руководству Коминтерна, но отделенные пропастью от рабочего класса. Лучшей услуги трэд-юнионистской

бюрократии нельзя было оказать! Если бы она располагала Орденом Подвязки, она должна была бы украсить им всех вождей Профинтерна и Коминтерна.

Трэд-юнионы выполняют сейчас, как сказано, не прогрессивную, а реакционную роль. Но они все еще охватывают миллионы рабочих. Не надо думать, что рабочие слепы и не видят изменения исторической роли трэд-юнионов. Но что делать? Революционный выход жестоко скомпрометирован в глазах левого крыла рабочих зигзагами и авантюрами официального коммунизма. Рабочие говорят себе: трэд-юнионы плохи, но без них станет, пожалуй, еще хуже. Это психология тупика. Тем временем трэд-юнионная бюрократия все смелее преследует революционных рабочих, все более нагло заменяет внутреннюю демократию самоуправством клик, превращая по существу трэд-юнионы в своего рода концентрационные лагеря для рабочих при падающем капитализме.

В этих условиях легко возникает мысль: нельзя ли перескочить через трэд-юнионы? Нельзя ли заменить их какими-либо свежими, неподкупными организациями вроде революционных профсоюзов, заводских комитетов, Советов и прочего? Приципиальная ошибка подобных попыток состоит в том, что большую политическую проблему: как освободить рабочие массы от влияния бюрократии трэд-юнионов - они подменяют организационными экспериментами. Недостаточно указать массам новый адрес. Надо найти массы там, где они находятся, и повести их за собой.

Нетерпеливые "левые" говорят иногда: завоевать трэд-юнионы все равно невозможно, ибо бюрократия полностью подчиняет внутренний режим организации интересам своего самосохранения, прибегая к низменным уловкам, насилиям и прямым мошенничествам в духе парламентской олигархии в эпоху гнилых местечек²¹⁴. К чему же тратить напрасно время и силы? Рассуждение это сводится в сущности к отказу от действительной борьбы за массы под предлогом порочного характера трэд-юнионной бюрократии. По этому пути можно пойти и дальше: не отказаться ли в самом деле вообще от революционной работы ввиду репрессий и провокаций со стороны государственной бюрократии? Приципиальной разницы здесь нет, ибо бюрократия трэд-юнионов окончательно стала частью капиталистического аппарата, хозяйственного и государственного. Нелепо думать, что против трэд-юнионистской бюрократии удастся работать с ее собственной помощью или хотя бы с ее согласия. Поскольку она защищается травлей, преследованиями, исключениями, прибегая нередко к помощи государственной власти, надо уметь работать в трэд-юнионах конспиративно, находя общий язык с массой, но не выдавая себя преждевременно бюрократии. Как раз в нынешнюю эпоху, когда реформистская бюрократия пролетариата сама превратилась в экономическую полицию капитала, революционная работа в профсоюзах, разумно и систематически поставленная, может дать решающие результаты в сравнительно короткий срок.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что революционной партии обеспечено полное овладение трэд-юнионами для целей социалистического переворота. Вопрос стоит не так просто. Аппарат трэд-юнионов завоевал себе огромную независимость от масс. Бюрократия имеет возможность удерживать свои позиции

долгое время после того, как настроение масс повернется против нее. Но именно такое положение, когда масса уже враждебна трэд-юнионной бюрократии, а бюрократия имеет еще возможность фальсифицировать мнение организации и саботировать перевыборы, как нельзя более благоприятно для создания заводских комитетов, Советов и других организаций ad hoc²¹⁵, т. е. для неотложных потребностей данного момента. Даже в России, где профессиональные союзы и в отдаленной степени не имели могущественной традиции британских трэд-юнионов, Октябрьский переворот произошел при преобладании меньшевиков в правлении профсоюзов. Потеряв массы, эти правления были еще способны саботировать перевыборы аппарата, но уже бессильны саботировать пролетарскую революцию.

Подготавливать уже сейчас мысль передовых рабочих к созданию заводских комитетов и Советов в момент острого перелома обстановки совершенно необходимо. Но было бы величайшей ошибкой практически "играть" с лозунгом заводских Советов, утешая себя "этой идеей" за отсутствием реальной работы и реального влияния в трэд-юнионах. Противопоставить существующим трэд-юнионам абстракцию Советов значит восстановить против себя не только бюрократию, но и массы и тем лишить себя возможности подготовить почву для созданию Советов.

Коминтерн приобрел на этот счет немалый опыт: создавая послушные, т. е. чисто коммунистические, профсоюзы, он враждебно противопоставил свои секции рабочим массам и обрек себя на полное бессилие: такова одна из важнейших причин крушения германской компартии. Правда, британская компартия, насколько я осведомлен, возражает против лозунга рабочих Советов при настоящих условиях. Внешним образом это похоже на реалистическую оценку обстановки. На самом деле британская секция Коминтерна отрицает лишь одну форму политического авантюризма в пользу другой, более исторической. Теория и практика социл-фашизма и отрицание политики единого фронта создают непреодолимые препятствия для работы в трэд-юнионах, ибо каждый трэд-юнион есть, по самому существу своему, арена длительного единого фронта революционных партий с реформистскими и с беспартийными массами. Поскольку британская компартия, даже после германской трагедии, оказалась неспособной переучиться и перевооружиться, постольку союз с ней может потянуть на дно и НРП, которая только недавно вступила в период революционной учебы.

Лжекоммунисты сошлются, конечно, на последний конгресс трэд-юнионов, который заявил, что не может быть общего фронта с коммунистами против фашизма. Было бы, однако, величайшим легкомыслием принимать эту мудрость за последний вердикт истории. Трэд-юнионные бюрократы могут позволять себе такие хвастливые формулы только потому, что им непосредственно не угрожает сейчас ни фашизм, ни коммунизм. Когда над головой трэд-юнионов окажется занесен молот фашизма, то при правильной политике революционной партии массы трэд-юнионов проявят неудержимое стремление к союзу с революционным крылом и увлекут за собой на этот путь даже известную часть аппарата. Наоборот, если бы коммунизм превратился в решающую силу, угрожая Генеральному Совету

потерей мест, почестей и доходов, то господа Ситрин и К|| заключили бы блок с Мосли и К|| против коммунистов. Так, русские меньшевики и эсеры в августе 1917 года совместно с большевиками дали отпор генералу Корнилову. Через два месяца, в октябре, они уже боролись рука об руку с корниловцами против большевиков. А в первые месяцы 1917 года, когда господа реформисты были еще сильны, они декламировали точь-в-точь, как Ситрин и К||, - о невозможности для них союза ни с правой, ни с левой диктатурой.

Революционная пролетарская партия должна быть спаяна ясным пониманием своих исторических задач: это предполагает научно обоснованную программу. В то же время революционная партия должна уметь создать правильные отношения с классом: это предполагает политику революционного реализма, одинаково далекую от оппортунистической расплывчатости и от сектантской замкнутости. Под углом зрения этих двух критериев, внутренне связанных между собой, НРП должна пересмотреть свои отношения к Коминтерну, как и ко всем другим течениям и организациям рабочего класса. Дело идет прежде всего о судьбе самой НРП.

Л. Троцкий

4 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

6 сент[ября] 1933 [г.]

Милая моя Наталочка, второго письма нет от тебя, я жду, что скажут доктора... Наш доктор приехал сюда вчера, - сегодня он меня исследовал впервые, занялся всякими анализами и пр[очее]. Он очень, очень внимателен и, по-видимому, серьезный врач, знает свое дело, - а главное очень-очень хочет сделать все, что можно, крайне добросовестно организует дело всяких анализов, все мои рассказы (о болезнях) стенографирует для себя. Мне приятно, что свой человек, преданный, бескорыстный... Он поселился в пансионе возле нас и собирается оставаться столько времени, сколько понадобится для наблюдения. Уже в Париже, по дороге сюда, он подготовил себе лабораторию для исследований... Таким образом, Наталочка, с этой стороны ты совершенно не должна беспокоиться: лучших условий вообще не может быть - хороший и преданный врач, который занят только мною. Это значит, что ты должна теперь в своих планах руководствоваться исключительно соображениями о твоём собственном здоровье, отнюдь не спешить приехать сюда. Самое лучшее было бы, если бы ты из Парижа переехала прямо на новую квартиру216. Во всяком случае необходимо, чтоб ты оставила за собой последнее слово в отношении квартиры, то есть ты должна до подписания договора с хозяином одобрить выбор. Переедем мы прекрасно без тебя. Мне трудно писать, так к[ак] у меня пальцы исколоты (для анализа крови)... (Сердце и легкие в хорошем состоянии!)

Я ограничиваюсь сегодня немногими строками. Поэтому все очень хорошо. Жанна и Вера очень внимательны. У Левы все хорошо. Саре217 лучше.

Твой Л[ев] Очень крепко целую твои руки, пусть они поправляются и будь здорова, не спеши.

[Л.Д.Троцкий]

Успех или неудача?

1. Достижения и затруднения советского хозяйства

Дала ли хозяйственная работа советского правительства успех или, наоборот, привела к неудаче? За этим вопросом скрывается другой: действительны ли вообще экономические методы советского государства? Читатель ждет обычно односложного ответа: да или нет. Мы отказываемся дать такой ответ. Построение нового общества не есть разрешение изолированной статистической или технической задачи. Дало идет о плановом приспособлении всех отраслей хозяйства друг к другу и всех их вместе - к человеческим потребностям. Согласовывать приходится не статические, а динамические величины. Для такого рода задачи ни одна книжка, ни один человеческий мозг - ни даже "трест мозгов" - не заключает в себе готовых формул. Одной лишь творческой фантазии, хотя бы и вооруженной техническими расчетами специалистов, здесь недостаточно. Дело идет о жизни общества в целом, о самых глубоких его функциях, о самых элементарных его потребностях. Достигнуть государственной гармонии - хотя бы и на началах коллективной собственности и планового руководства, охватывающего все стороны хозяйства, - можно только в результате неопределенно долгого периода усилий, опыта, ошибок, кризисов, реформ и перестроек.

Как распределить живую рабочую силу нации между разными отраслями хозяйства? Какую единицу измерения принять для человеческих потребностей? Какую часть народного дохода предназначить на потребление и какую выделить для расширения производства? Как распределить потребительный фонд между городом и деревней; между разными категориями промышленного труда и администрации? Эти основные вопросы едва намекают на гигантские трудности системы планирования, которая в своем идеальном достижении должна представлять конвейер, охватывающий все производительные функции общества в бесконечной сложности их внутренних взаимоотношений.

Обозревая задачи планирования, нельзя оставлять в стороне вопрос, который имеет, в последнем счете, решающее значение: мировое распределение труда. Поскольку планирование есть дело рук правительственных органов, оно по необходимости ограничивается, по крайней мере на данной стадии, государственными границами. Между тем производительные силы человечества давно переросли национальные рамки. В пределах одного государства нельзя планировать экспорт и импорт. Повышение хозяйственного уровня СССР не ослабляет, а, наоборот, усиливает его связь с мировым рынком. Здесь система планирования упирается в альтернативу: автаркия²¹⁸ или расширение радиуса планирования на другие государства, на всю нашу планету. Идея автаркии во всех своих разновидностях, в том числе и идея замкнутого социализма в

отдельной стране, является реакционной утопией. Человечество не откажется от мирового разделения труда. Остается расширение планирования за пределы национальных границ путем соглашения национальных планов. Проблема исключительной трудности и длительности.

Было бы в корне ошибочно понимать наши слова как скептицизм в отношении планового начала. Нет, мы видим в нем единственный творческий принцип нашей эпохи. Но мы решительно отвергаем дилетантски-спортивное отношение к вопросу о построении социалистического хозяйства. В короткий, намеченный по произволу срок этой задачи разрешить нельзя: тут требуется работа поколений. Если в такой оценке и есть элемент скептицизма, то он направлен не против возможностей и способностей человечества, а против неумеренных претензий бюрократии.

Сказанным определяется до некоторой степени наше отношение к результатам первого пятилетнего плана и к перспективам второго. Трудно сказать, кто более насилует действительность: те ли, которые трубят о безукоризненном выполнении первой пятилетки, или те, которые кричат о ее полном провале. По самой сути дела не могло быть и речи о том, чтобы первая, еще крайне примитивная, гипотеза планового хозяйства на 5 лет вперед, - уравнение с огромным количеством неизвестных, - оказалась "выполнена" в буквальном смысле слова. Действительный процесс выполнения навсегда останется тайной как вследствие полной переделки плана в процессе его выполнения, так и вследствие отсутствия устойчивой денежной единицы для ценностного измерения достигнутых результатов. Отчасти под действием недоброжелательной критики противников, отчасти под влиянием внутренних политических потребностей, советские власти сделали для себя вопрос[ом] престижа утверждать, будто план выполнен почти на сто процентов. Но почему же, возражают злорадно - и к сожалению, не без основания - многочисленные противники, уровень жизни масс столь далеко отстоит от норм, намеченных планом? Откуда острые продовольственные и иные затруднения?

Если подходить к результатам первой пятилетки с точки зрения промышленно-технических достижений: новых заводов, энергетических станций и проч., то материальные результаты, даже независимо от статистических показателей, способны поразить воображение. В сущности, человечество впервые увидело, какие гигантские возможности таит в себе современная техника, даже по отношению к крайне отсталой стране, при условии централизованного и планового применения рабочей силы. Если, однако, подойти к делу с точки зрения повседневных потребностей населения, то не трудно прийти к пессимистическим выводам. Этот контраст свидетельствует о глубоких внутренних диспропорциях хозяйства, отчасти унаследованных от прошлого, отчасти явившихся результатом неправильного распределения сил и средств. Нельзя забывать ни на минуту, что плановое руководство является обоюдоострым оружием: оно может преодолевать диспропорции хозяйства, но способно и накапливать их. Сосредоточив в своих руках все рычаги хозяйственного управления, государство может достигать на одном полюсе головокружительных

результатов, оставляя на другом полюсе без удовлетворения самые насущные нужды. Это не довод против планового начала. Но это довод в пользу критического отношения к плановому началу.

Степень успешности первой пятилетки определяется, в частности, тем, в какой мере она подготовила условия для нового плана. На этот счет было посеяно особенно много иллюзий. Вторая пятилетка была первоначально рассчитана на совершенно фантастические темпы (30-40%) ежегодного прироста национального дохода! Автор этих строк, начиная с 1929 года, предупреждал в печати, что преувеличенные ритмы первой пятилетки должны неизбежно накопить диспропорции, за которые придется расплачиваться резким снижением роста во второй пятилетке. В 1932 году мы предлагали отодвинуть приступ ко второй пятилетке, посвятив 1932 год генеральному ремонту советского хозяйства, т. е. заполнению пробелов, смягчению диспропорций, преодолению противоречий. Предложение формально не было принято Москвой. Но фактически второй пятилетний план не применяется, - вряд ли он существует сегодня даже на бумаге! Ритмы хозяйственного роста чрезвычайно снижены. Понадобятся серьезные реформы в советском хозяйстве и в самих методах планирования, чтобы сделать возможным дальнейший устойчивый рост при высоких коэффициентах. Только очень поверхностные или заведомо пристрастные критики могут в этих приливах и отливах хозяйственного процесса, как и в ошибочных расчетах советской бюрократии, открывать "банкротство" планового хозяйства. Нельзя формирование нового общественного режима оценивать, как спортивный рекорд!

2. Политика СССР и Соединенные Штаты Америки

Самая реалистическая оценка результатов пятилетки и всего вообще советского хозяйства может быть выражена, по нашему мнению, в такой фразе: уже один тот факт, что первый опыт государственного планирования в отсталой и изолированной стране не закончился крушением, а открыл новые возможности, представляет собой несомненную историческую победу. Принципиальное значение победы будет тем неоспоримее, чем меньше мы будем преувеличивать размеры конкретных хозяйственных достижений.

Прежде всего надо помнить, что Советскому Союзу, наследнику нищеты и варварства, пришлось при помощи плановых методов бороться за тот материальный уровень, который в передовых капиталистических странах был превзойден уже в условиях свободной конкуренции. И сегодня еще Советы по размерам национального дохода на душу населения чрезвычайно отстают от передовых стран, особенно от Соединенных Штатов. Нет надобности пояснять, в какой мере экономическая и культурная отсталость затрудняет и замедляет применение планового начала.

Наибольшие трудности оказались, разумеется, в области сельского хозяйства. Здесь же совершены и наибольшие ошибки. Раздробленность и примитивность крестьянского производства открывали широкий простор для административных опытов и увлечений. Эпоха их далеко еще не закончилась и

сегодня. Процент коллективизированных крестьянских хозяйств превосходит первоначальную плановую цифру (20%) по крайней мере в три раза; но о повышении крайне низкой производительности сельскохозяйственного труда, несмотря на далеко продвинувшуюся механизацию, пока еще говорить не приходится. Не разрешенной остается и задача распределения дохода, которая имеет решающее значение для производства вообще, для сельского хозяйства в особенности: именно способ распределения готовых продуктов должен давать стимул к повышению производительности труда. Коллективизация в целом не вышла еще из стадии первых опытов. Приходится пожалеть, что для этих опытов сразу взяты были слишком широкие масштабы.

По общему правилу можно, следовательно, сказать, что успехи планирования наиболее очевидны в тех областях, где решающую роль играет централизованная государственная инициатива при активной поддержке наиболее передовых частей рабочего класса. Наименьшие экономические эффекты пятилетка дала пока в тех областях, которые требуют участия больших человеческих масс, особенно крестьянских, и предполагают систематическое повышение их культурного и технического уровня. Противоречие между городом и деревней есть самая тяжелая часть наследия царизма, который сочетал в своей экономике кочевое варварство с новейшей техникой. Рост советской промышленности подготовил первые предпосылки для реорганизации земледелия и оздоровления взаимоотношений города и деревни в будущем. Но самые успехи промышленности были приобретены ценою обострения взаимоотношений между городом и деревней в настоящем. Здесь приходится расплачиваться не только за историческое прошлое, но и за свежие грехи советской бюрократии, которая слишком торопливо замещает культурно-экономические факторы чисто административными.

По этой линии разворачиваются в течение последних лет глубокие разногласия между так называемой "оппозицией", к которой принадлежит автор этих строк, и правящей ныне фракцией. Новый общественный строй не может быть, по нашему несокрушимому убеждению, создан по готовым чертежам бюрократии. План есть только рабочая гипотеза. Выполнение плана означает неизбежно его радикальную переделку теми массами, жизненные интересы которых находят свое выражение в плане. Бесконтрольная бюрократия будет неизбежно накапливать противоречия и диспропорции. Только организованное трудящееся население, активно участвующее в выработке и проведении плана, способно своевременно сигнализировать об его недостатках и достигать их исправления. Плановое начало без действительной активной и гибкой советской демократии в городе и деревне таит в себе величайшие опасности административного авантюризма. Острые продовольственные и иные затруднения должны быть признаны непосредственным результатом происшедшей за последние годы бюрократизации советского режима. Но эта большая тема, в которой экономика связывается тесным узлом с политикой, не входит непосредственно в рамки нашей статьи.

Ждать уже в ближайшие месяцы и годы осуществления экономической гармонии на территории бывшей царской России было бы наивнейшей утопией. Утверждать, что в СССР уже "осуществлен социализм" значит издеваться над фактами и идеями. Главная работа еще впереди. Противоречия и кризисы еще неизбежны. Чтобы не впасть в малодушие и уныние, нужно успехи и неудачи планового строительства рассматривать в большой исторической перспективе, измеряющейся не годами, а рядом десятилетий.

Либеральный капитализм в эпоху своего подъема и расцвета разрешил проблему хозяйственных пропорций посредством свободной игры спроса и предложения и периодических колебаний конъюнктуры. Современный, монополистский капитализм при всем могуществе своих технических средств беспомощно уперся в проблему пропорций, которая стоит перед ним как проблема "сбыта". Национализация средств производства и обращения создала в СССР предпосылки для планового разрешения проблемы пропорций. Автоматическая игра спроса и предложения заменяется учетом, статистическим предвидением, административным руководством. Материальные и психологические трудности не исчезли при этом, а оказались переведены на язык планового руководства. Если капитализм складывался и рос в течение столетий, то новое плановое хозяйство требует по крайней мере нескольких десятилетий, чтобы выработать и проверить свои основные методы и воспитать необходимые кадры руководителей и исполнителей. Задача вполне разрешима - не нужно только объявлять ее уже разрешенной.

Она тем менее может считаться разрешенной, что, несмотря на национализацию средств производства и монополию внешней торговли, Советский Союз отнюдь не отделен от остального мира непроницаемой стеной. Ход его экономического строительства в огромной степени зависит от того, что станет в течение ближайших десятилетий с хозяйством Европы и всего мира, которое бьется ныне в конвульсиях ужасающего кризиса. Здесь мы подходим вплотную к вопросу о возможных экономических взаимоотношениях Советского Союза и Соединенных Штатов С[еверной] Америки.

При коренном различии социальных систем американское хозяйство имеет с советским хозяйством две общие черты: грандиозность масштабов и концентрированный характер средств производства, по крайней мере в промышленности. При смелости и проницательности с обеих сторон экономическое сотрудничество может получить на этих основах небывалый в истории размах.

Новые хозяйственные методы, применяемые сейчас в Соед[иненных] Штатах, основаны на государственном планировании при сохранении частной собственности на средства производства²¹⁹. Входить в оценку этих методов здесь не место. Проверка будет дана опытом. Ясно, однако, что даже при самых благоприятных результатах опыта внутреннее планирование должно упереться в вопросы внешней торговли. Поддается ли она контролю разума? Лондонская конференция²²⁰ дала на этот счет красноречивый ответ. Отказаться от развития экспорта означало бы для Соед[иненных] Штатов отказаться от развития вообще. Между тем на карте мировой торговли есть сектор, который допускает

планирование уже сейчас. Это торговля с СССР. С карандашом в руках можно наметить схему взаимоотношений между двумя гигантскими государствами, гипотетический план обмена, развертывающегося по системе спирали.

При всех недочетах и противоречиях советское хозяйство позволяет гораздо лучше заглядывать вперед, чем, скажем, насквозь больное хозяйство Германии. У американского правительства, которое силою вещей стало сейчас неизмеримо ближе к вопросам хозяйства, чем стояло какое-либо правительство заокеанской республики, имеются, при условии установления нормальных дипломатических отношений, достаточные возможности для правильного и систематического ознакомления со всеми процессами советского хозяйства, а следовательно, и для определения "коэффициентов риска", заложенных в американско-советских экономических отношениях. Если на нашей потрясенной неурядицами планете, в атмосфере новых военных опасностей и кровавых потрясений, остается еще хозяйственный опыт, который заслуживает того, чтоб его проделать до конца, так этот опыт советско-американского сотрудничества.

Л. Троцкий

7 сентября 1933 г.

[Письмо М.Либеру]221

New York

7 сент[ября] 1933 [г.]

Либеру

1. Чек на 1070 фр[анков] получен.

2. Посылаю вам книгу Николаевского222 "Азеф" на немецком языке. Автор - серьезный исследователь революционного движения. Его книга основана на крайне добросовестном изучении архивов и материалов. В то же время она представляет собою своего рода уголовный роман. Я думаю, что книга может найти в Америке значительный сбыт. Может быть, вам удастся найти для нее издателя? Книга во всех отношениях заслуживает этого. Я готов со своей стороны оказать будущему издателю содействие в деле "рекламирования" книги. У меня есть также русский экземпляр книги, который я немедленно вышлю вам, если дело устроится и если перевод будет сделан с русского оригинала.

3. По поводу книги о Ленине223 вам вкратце уже написано. Предлагаемые Ф.В.224 условия значительно хуже условий, предлагаемых английским издателем, который хочет иметь также американские права. Я согласился бы отделить американские права от английских лишь при значительном улучшении предложенных вами условий. Именно: а) аванс должен быть повышен минимум до 5.000 долларов, б) ввиду полной неизвестности относительно судьбы доллара вся сумма должна быть выплачена единовременно при заключении договора или же, в случае рассрочки, автор должен быть застрахован от дальнейшего падения доллара, в) рассрочка мыслима в таком виде: при заключении договора и не позже 1 января издательство уплачивает 2500 долларов, первого июля 1934 г. издательство уплачивает 2500 дол[ларов].

4. Я начинаю сдавать рукопись переводчику по частям с 1 июля 1934 г. и заканчиваю сдачу 1 января 1935 г.

5. В качестве компенсации издателю (на случай смерти и проч.) я могу заранее предоставить все авторские права на будущие издания моей автобиографии и "Истории русской революции" в Америке.

6. Общий размер книги не менее 400 страниц и не более моей автобиографии.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

8 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка, от тебя - после первого письма - ничего нет. Беспокоит меня, не пропало ли твое письмо (некоторые письма приходят со странными запозданиями). Возможно, конечно, что ты так "забегалась" - без квартиры? - что и написать не могла. У меня все довольно благополучно. Доктор делает мне по утрам уколы мышьяка со стрихнином: нашел, что у меня только 4.100 красн[ых] кров[яных] шариков вместо 5.000 (на опред[еленную] единицу объема - забыл какую). В отношении малярии и гриппа он исходит приблизительно из отрицания обоих и пытается доискаться, в чем дело. Подагру он также "отрицает": редкая болезнь, преимущественно английская; но здесь вопрос терминологии, - немцы, как и французы, не злоупотребляют именем подагры для разных, хотя и родственных процессов. Доктор разрешил мне персики и груши, сам принес хороших фруктов, принес Nijol (вместо Lactobil225), Nijol, по-видимому, действительно лучше... Темп[ература] около 37½, потею, но меньше, - чай днем перестал пить, чтобы не потеть. Сплю неплохо, диктую, с собаками провожу час-полтора, в четыре приема. Американск[ий] агент пишет, что статьи идут хорошо, требует продолжения. Я вчера послал две небольшие статьи. От анг[лийского] изд[ателя] ответа еще нет: возможно, что опять задержалось письмо, как в прошлый раз. Есть письмо от Фишера: ничего нового, ждет, боится.

Говорят, что 15 сент[ября] кончается лето. Куродо приезжал сюда и приглашал на охоту - он знаток дела. Но у меня охота к охоте как-то пропала: думаю, временно. Просто обильное потение смыло с меня всякие грешные страсти.

Из Лиги слухи не очень хороши; но дело не только в интригах: правление совершенно игнорирует организацию, аристократически-деляческий душок (Навилль-Раймон). Придется им, по-видимому, на этот раз пострадать... Получил очень милое письмо от Анри [Молинье], но еще не ответил ему. Если увидишь его, передай ему мой горячий привет. Очень дельное письмо от Вана (о состоянии Лиги). Прерываю: надо мерить температуру. Может быть, сегодня и не удастся больше написать. Будь здорова, родненькая, пиши о себе, хоть немножко, но почаще. Очень хочется узнать о лечении.

Твой

Л.[Троцкий]

Еще раз о Парижской конференции

(Шаг вперед или шаг вправо)

Когда движение переходит на новую, более высокую стадию, всегда находятся элементы, которые отстаивают вчерашний день. Более широкая перспектива пугает их. Они не видят ничего, кроме трудностей и опасностей.

Товарищи, присутствовавшие на одном из собраний большевиков-ленинцев, передают мне такую примерно критику одного из участников: "На парижской конференции мы не сделали никаких завоеваний; дело свелось к переговорам и соглашениям между верхами; такая политика не может иметь революционного значения; совместный документ, подписанный "верхушками" четырех организаций, означает в сущности уклон в сторону социал-демократии..." Так как эта критика - правда в очень преувеличенной форме - лишь передает сомнения и тревогу известной части товарищей (по всем данным, небольшого меньшинства), то надо остановиться на приведенных выше доводах серьезно.

"Переговоры велись только между верхушками". Что означает этот аргумент? Конференции и съезды всегда состоят только из верхушек, т. е. из представителей. Свести в одно место всех членов левой оппозиции, САП, РСР, ОСП задача невыполнимая. Как можно достигать соглашения между организациями без переговоров между представителями, т. е. "верхами"? В этом пункте критика явно лишена какого бы то ни было смысла.

Или, может быть, автор критики хотел сказать, что представители организаций, подписавших общую декларацию, не выражали мнения низов? Разберем и этот довод. В отношении САП всем известно, что рядовые члены партии давно стремятся не только к сближению, но даже к полному слиянию с нами, тогда как верхи уклонялись до последнего времени и тормозили, боясь оторваться от возможных союзников справа. Что же означает в таком случае тот факт, что верхи увидели себя вынужденными подписать совместно с нами в высшей степени ответственный документ? Ответ ясен: давление низов влево, т. е. в нашу сторону, стало так сильно, что вождям САП пришлось повернуться лицом в нашу сторону. Кто умеет правильно толковать политические факты и симптомы, тот скажет: это огромная победа. Вывод этот сохраняет всю свою силу независимо от того, насколько умело и искусно велись переговоры между верхами. Не переговоры решили дело, а вся предшествующая работа левой оппозиции.

С ОСП (Голландия) дело обстоит приблизительно таким же образом. Эта организация совершенно не была связана с нами. Года два тому назад она находилась в блоке с Зейдевицем и Розенфельдом. Сегодня она сблизилась с ними. Ясно, что вожди этой организации никогда бы не пошли на такой шаг, если бы не было решительной тяги низов влево.

Несколько иначе обстоит дело с РСР (Снивлит). Здесь дружественные

отношения существуют уже довольно давно. Многие товарищи знают, какую активную поддержку оказывали левой оппозиции Сливлит и его друзья во время копенгагенского совещания и особенно во время амстердамского конгресса против войны. Организационно оформить политическую близость мешал вопрос о Коминтерне²²⁶. Когда мы высказались за новый Интернационал, разделявшая нас перегородка пала. Разве не очевидно, что наша ориентация сразу же дала в этом случае конкретный и ценный результат?

Месяца три тому назад (15 июня) мы писали гипотетически о том, что в среде левосоциалистических группировок мы могли бы, вероятно, при более широкой и решительной политике найти немало союзников. Месяц-полтора тому назад мы высказывали предположение, что разрыв с Коминтерном должен будет чрезвычайно облегчить приток в нашу сторону революционных группировок социал-демократического происхождения. Неужели же не ясно, что парижская конференция подтвердила оба эти предположения, притом в таких размерах, каких мы два-три месяца тому назад сами не ожидали? Жаловаться в этих условиях на то, что все свелось будто бы к переговорам "верхов", и утверждать, что новый союз не имеет революционного значения, значит обнаруживать полное непонимание основных процессов, происходящих ныне в пролетарском авангарде.

Но особенно странно (говоря мягко) звучит довод о том, что мы делаем поворот в сторону... примирения с социал-демократией! Так клеветают на нас сталинцы, притом не первый день. Какие основания переносить эти "доводы" внутрь нашей собственной организации? Присмотримся, однако, ближе к делу. Парижская конференция была созвана не нами. За ее состав и порядок дня мы не несем ни малейшей ответственности. Мы явились на эту конференцию, чтобы изложить там нашу точку зрения. Может быть, наша Декларация заключала какие-нибудь уступки социал-демократии? Пусть кто-нибудь решится это сказать! Декларация, подписанная четырьмя организациями, не содержит в себе, разумеется, нашей программы. Но она ясно намечает путь Четвертого Интернационала на основе непримиримой борьбы с социал-демократией, полного разрыва с бюрократическим центризмом и решительного осуждения всяких попыток в духе Интернационала номер два с половиной. Где же тут уступка социал-демократии?

Декларация четырех не дает, и по обстоятельствам дела не могла дать, ответа на все вопросы программы и стратегии. Строить новый Интернационал на основе одной только этой Декларации, разумеется, невозможно. Но мы и не собираемся это делать. В самой Декларации ясно сказано, что подписавшиеся под ней организации обязуются в короткий срок выработать программный манифест, который должен будет стать основным документом нового Интернационала. К этой работе должны быть привлечены все наши секции, все три основные союзные организации, как и все сочувствующие группы и элементы. Собираемся ли мы в этом Манифесте делать уступки социал-демократии? Декларация большевиков-ленинцев, оглашенная на конференции, ясно говорит, на каких основах мы думаем строить Манифест: решения четырех конгрессов

Коминтерна, "21 условие"²²⁷, "11 пунктов" левой оппозиции. Будут ли у нас на этой почве серьезные разногласия с союзниками, покажет будущее. Если разногласия обнаружатся, мы серьезно поборемся за свои взгляды. В принципиальных вопросах мы до сих пор не обнаруживали излишней уступчивости. Где же основание для разговоров о повороте в сторону социал-демократии?

Те же критики прибавляют еще и следующий аргумент: новый Интернационал можно строить только на волне революционного движения; ныне же, в атмосфере упадка, всякие попытки в этом направлении заранее обречены на крушение. Этот глубокомысленный исторический довод целиком заимствован у бесплодного схоласта Суварина (который, - увы! - насколько знаю, успел тем временем описать дугу в 180 градусов). Необходимость разрыва со Вторым Интернационалом и необходимость подготовки Третьего была провозглашена большевиками осенью 1914 года, т. е. в обстановке ужасающего распада социалистических партий. И тогда было не мало мудрецов, говоривших об "утопичности" (словом "бюрократизм" тогда еще не злоупотребляли) лозунга Третьего Интернационала. Каутский пошел даьше в своем знаменитом афоризме: "Интернационал есть орудие мира, а не войны". По существу дела, ту же мысль высказывают и цитированные выше критики: "Интернационал есть орудие подъема, а не упадка". Интернационал нужен пролетариату всегда и при всяких условиях. Если Интернационала сегодня нет, об этом надо сказать громко и немедленно же приступить к подготовке нового Интернационала. Как скоро удастся его поставить на ноги, зависит, конечно, от всего хода классовой борьбы, от упадка или подъема рабочего движения и проч. Но и во время самого тяжелого упадка надо готовиться к будущему подъему, давая собственным кадрам правильную ориентацию. Фаталистические жалобы на объективный упадок чаще всего отражают собственный субъективный упадок.

Возьмем для сравнения конференции в Циммервальде и Кинтале. Они вошли в историю, как необходимые ступени между Вторым Интернационалом и Третьим. Что представляли из себя эти конференции на деле? Они состояли по необходимости только из "верхов" (всякая конференция состоит из верхов). По количеству непосредственно представленных рабочих они были слабее парижской конференции. Большинство в Циммервальде и Кинтале составляли правоцентристские элементы (Ледебур²²⁸, не решавшийся еще голосовать против военного бюджета, Гофман²²⁹, Бурдерон²³⁰, Мергейм, Гримм²³¹, Аксельрод, Мартов и проч.). Ленин счел возможным подписать манифест всей конференции, несмотря на всю неопределенность этого документа²³².

Что касается циммервальдской левой, то она была чрезвычайно слаба. После разгрома думской фракции большевиков и местных организаций большевистская партия во время войны не была сильнее нынешней левой оппозиции. Остальные левые группы были несравненно слабее трех наших нынешних союзников. Общее положение рабочего движения в условиях войны казалось совершенно безнадежным. Тем не менее большевики, как и группа "Нашего слова"²³³, с самого начала войны взяли курс на Третий Интернационал. Без этого курса невозможна была бы Октябрьская революция.

Повторяем: Ленин считал возможным в тогдашних условиях подписать вместе с Ледебуром, Бурдероном, Гриммом и Мартовым манифест против войны. Большевики-ленинцы не подписали сейчас резолюции большинства парижской конференции и не возьмут на себя, разумеется, никакой ответственности за это большинство. Уж не была ли политика Ленина в Циммервальде и Кинтале... поворотом в сторону социал-патриотизма? Можно возразить, что ныне, в условиях мира, нужен еще более строгий отбор, чем во время войны. Правильно! Ледебур и Бурдерон рисковали, подписывая манифест Циммервальда, а Транмель и К|| занимаются своими маневрами (правую руку - скандинавской социал-демократии, мизинец левой руки - парижской конференции) без малейшего риска. Именно поэтому мы и отказались подписывать бессодержательную резолюцию парижского большинства. Где уж тут уступки социал-демократии?

Однако два наших союзника - возразит нам критик - подписали резолюцию большинства, показав тем, что они еще не сделали окончательного выбора. Совершенно верно! Но мы и не берем на себя ответственности за наших союзников, как и они не берут на себя ответственности за нас. Условия нашего соглашения формулированы точно и доступны ныне всем. В какую сторону сделают свой окончательный выбор наши союзники, покажет будущее. Мы хотим помочь им сделать правильный выбор. Одно из важнейших правил революционной стратегии гласит: следи за союзником так же, как и за противником. Такое же право мы даем, конечно, и союзникам по отношению к нам. Взаимная критика на началах полного равноправия. В этом нет и следа какой-либо закулисной дипломатии верхов; все делается и будет делаться на глазах масс, под их контролем, в целях воспитания масс и в целях воспитания верхов посредством контроля масс. Других путей и методов революционной политики вообще не существует.

* * *

Есть и другие правила революционной политики, о которых не мешает напомнить: не пугайся зря и не пугай без основания других; не выдумывай ложных обвинений; не ищи капитуляции там, где ее нет; не тащи организацию назад, когда она готовится двинуться вперед; не заменяй марксистское обсуждение беспринципной склокой. Долгий опыт показывает, что как раз в такие моменты, когда организация готовится из тесного закоулка выйти на более широкую арену, всегда находятся элементы, которые приросли к своему закоулку, знают всех соседей и соседок, привыкли передавать все закоулочные новости и слухи и заниматься страшно важными делами "низвержения министерств" в своем собственном закоулке. Эти консервативные и сектантские элементы страшно боятся, что на более широкой арене их искусство не найдет себе применения. Они хватают поэтому колесницу за колеса, пытаются повернуть их назад и оправдывают свою, по существу реакционную работу, страшно "революционными" и "принципиальными" доводами. Мы пытались выше взвесить эти доводы на весах марксистской диалектики. Пусть товарищи сами решают, каков оказался вес.

Г. Гуров

[10 сентября 1933 г.]

[Письмо Н.И.Седовой]

11 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка, получил твоё второе письмо, и обрадовало, и огорчило меня. Обрадовало тем, что ты в благополучных условиях, спокойна (физически), отдыхаешь. Огорчило тем, что ты собираешься уехать, не дождавшись врача. Ведь придется через 10 дней снова ехать в Париж? Стоит ли возвращаться? Вера и Жанна справляются, даже дежурят по очереди (приспособились), - так что успевают читать. Мое состояние без больших перемен (как осенью 1923 и затем 1924 года). Доктор здесь, он очень внимателен, продлил свой отпуск, выстукивает меня, исследует кровь и все прочее, носит мне лекарства и фрукты... но теряется в догадках, как и Гетье²³⁴, как и берлинские доктора. Не думаю, чтобы он открыл "секрет". Надо надеяться, что пройдет при более спокойном образе жизни. Надо уменьшить свидания, переговоры и пр. Я уж принял меры.

Сегодня Лева уезжает по делам (в Париж), и я хочу послать тебе это письмецо. Мне кажется, тебе ни в коем случае не возвращаться сюда, если только не неудобно оставаться дольше. Но ведь вряд ли "неудобно"? Меня очень огорчает мысль, что ты вернешься преждевременно, и все будет по-старому. Если ты останешься там, я тоже за это время поправлюсь (наверняка!).

Погода здесь склоняется к осени. Кругом много стреляют: охотники! Есть пролетная дичь: перепела и пр[очее]. Меня совсем не тянет... Сейчас опять был доктор (он приходит 3-4 раза в день, фотографирует нас и пр[очее]). Его план: остаться для уколов (всего 11), - следовательно еще 3-4 дня, затем составить план дальнейшего лечения (он имеет в виду и клинику). Не знаю, удастся ли в клинике (со стороны "конспирации")²³⁵. Посмотрим...

Милая, милая моя, спокойнее было бы на Принкипо, сейчас уже недавнее прошлое кажется лучше, чем было, - а ведь мы так надеялись на Францию... "окончательная" ли это старость, или только временный чересчур крутой спуск, после которого еще будет подъем (некоторый...). Посмотрим...

Вчера приезжали ко мне двое пожилых рабочих и один учитель. Был и Навилль (он сегодня вечером уезжает). Я чувствовал себя усталым, и беседа была малозначительна. Но я с любопытством смотрел [на] пожилых провинциальных рабочих...

Надо кончать, Наталочка, так как перед отъездом Левы и Навилля еще предстоят разговоры.

Прилагаю письмецо для А.К. [Клячко]²³⁶.

Наталочка, ты в сущности ничего не написала о своем физическом самочувствии: хоть немного отдохнула? Ты уехала очень усталой и ослабшей... Милая, милая... обнимаю крепко твою родную голову, плечи твои целую и руки...

Твой
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

12 сент[ября] 1933 [г.]

Ната, милая, сегодня получил твое третье письмо (заказное), где ты настаиваешь на своем возвращении 15-18-го. Не знаю, что и сказать. Доводы ты приводишь серьезные; с другой стороны, боюсь, что второй раз не скоро выберешься. Врач наш уезжает отсюда 16-го. Если ты хочешь его застать, то надо приехать к этому дню. Но это лишь в том случае, если ты решишь вообще не оставаться там до конца месяца. Доктор делает все, что может, - но он не может сделать больше того, что сделали Гетье, Александров²³⁷, немецкие профессора. У меня та самая история, к[о]т[о]рая была в 1923-1926 гг. и которая, если память меня не обманывает, совсем прекратилась в течение 1927-1933 гг. Я хочу - по соглашению с доктором - провести три дня в полном покое без свиданий, бесед, диктовок и пр[очее]. Не думайте, пожалуйста, Наталочка, что мое состояние "плохо", - но т|| нет-нет и дает о себе знать. Надо прибегнуть к тому решительному средству, о к[о]т[о]ром мы с тобой говорили, т[о] е[сть] к абсолютному отдыху.

Сегодня у меня был американец, сочувствующий; он был у нас в прошлом году вместе с другом, Солоу...²³⁸ Разговаривали часа три. Сегодня вечером придет, кажется, Гурбиль²³⁹. Но на этом - конец. Завтра с утра - покой.

Жанна и Вера ко мне очень внимательны, я ни в чем не нуждаюсь и не испытываю никаких неудобств... Только Вас нет, Наталочка, но я себя всегда, когда тоскливо без Вас, утешаю тем, что ты отдыхаешь и немножко набираешься сил... Навилль провел здесь два дня, мы поговорили и поспорили изрядно, но расстались друзьями: он стал, по-моему, гораздо лучше. Ты скажи Дениз [Навилль], что я был очень рад Навиллю и остался доволен результатами беседы...

Насчет предположения С. Конст.²⁴⁰, что у меня пот и пр[очее] от нервов, я с доктором говорил. Конечно, "нервы" поднимают т||-у и "бросают в пот". Но все же должен быть какой-то органический процесс: одни нервы не дают температуры, это было общее мнение всех врачей, и в Москве, и в Берлине...

Доброе утро, Наталочка, письмо вчера не ушло, слишком поздно было, уйдет сегодня утром. Я принял адалин, спал хорошо, отдохнул, сегодня буду лежать и читать... Будь здорова, Наталочка, крепко-крепко обнимаю тебя.

Твой
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[13 сент[ября] 1933 [г.]

Милая Наталочка,

только что получил письмецо от Левы, - он пишет, что ты замечательно поправилась, "никакого сравнения" с тем, что было... А.К.[Клячко] согласна оставаться с тобой дольше... При этих условиях было бы прямо-таки преступлением для тебя возвращаться сюда. Поскольку дело идет обо мне, о моем здоровье, - лучше ухаживать за мной невозможно (сегодня мне приготовили совсем "необыкновенный" обед, - я уж сердился, сердился...). Сегодня я целый день лежу, чувствую, что мне это полезно; полежу еще несколько дней (читаю). Не беспокойся обо мне нисколько, для моего душевного состояния неизмеримо лучше сознавать, что ты отдыхаешь и крепнешь. Мне было бы теперь неизмеримо тяжелее, если бы я видел тебя рядом, без сна, с больными руками. Оставайся, Наталочка, до новой квартиры, отдохни, ты должна упрочить свою поправку.

Ни о чем другом сейчас писать не могу. Крепко-крепко обнимаю тебя.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

15 сент[ября] 1933 г.]

Родненькая Наталочка, сегодня получил твое (четвертое) письмо от 12 сент[ября] с "разговором" С.К. по поводу необходимости для тебя поехать на 15 дней в Нормандию. Я отправил тебе телеграмму о своем самочувствии: гораздо лучше. Я переселился совсем в твою комнату и сейчас (8 ч[асов] вечера) пишу на маленьком столике у кровати, с той стороны, где я сплю. Три дня лежу (одетым), читаю, дремлю, выхожу только собак покормить, но и тут все готовят для меня Жанна, Вера, Крепо241. 13-го самая высокая t || вечером - 37 ||, 14-го - 36,8 ||, сегодня, 15-го - 36,6 ||, я перестал потеть, аппетит хороший, кормят меня изысканно (они обе мастерицы и щеголяют своим искусством). Доктор по коже на животе определил, что я сильно исхудал и требует, чтобы я пополнил, рекомендует мучные блюда и пр[очее], это-де нужно для повышения сопротивляемости организма. Ем много фруктов, д[окто]р разрешил персики и груши... Уколы мышьяка и стрихнина заканчиваются (завтра, кажись, последний раз). Словом, все идет благополучно. Нужно будет лишь постепенно входить в работу, с перерывами для отдыха.

16 сент[ября]. Сегодня у меня день не очень хороший, но не в смысле температуры, пота и пр[очее] (этого совершенно нет), - скорее малярийное состояние: хуже спал, легкая головная боль, - сейчас лучше. Я себя совсем не принуждаю к работе, целый день почти лежал, отчасти в твоей комнате, отчасти в саду. Доктор собирается уезжать. Он уже пробыл здесь 12 дней.

Надо сдавать на почту. Крепко-крепко тебя обнимаю, Наталочка, будь здорова, поправляйся, набирайся сил.

Письмо тебя застигнет, очевидно, уже в Нормандии.

Твой, крепко твой, Наталочка.

[Л.Д.Троцкий]

Британской секции большевиков-ленинцев

Дорогие товарищи,

Я еще не имею вашего письма, в котором вы мотивируете ваше отрицательное отношение ко вступлению в НРП. Но я хочу, не откладывая дела, попытаться рассмотреть принципиальные соображения за и против вхождения. Если окажется, что письмо ваше дает дополнительные доводы, я напишу вам вторично.

НРП в нынешнем своем состоянии является левоцентристской партией. Она состоит из ряда фракций и оттенков, которые знаменуют разные этапы эволюции от реформизма к коммунизму. Могут ли большевики-ленинцы входить в состав центристской партии? На такой общий вопрос отрицательный ответ напрашивается сам собой. Между тем большевики-ленинцы входят в состав официальных компартий, которые мы давно уже, и с полным основанием, объявили центристскими организациями. В течение ряда лет мы считали себя марксистскими фракциями центристских партий. Категорический ответ: да, да - нет, нет, оказывается недостаточен и в данном случае. Марксистская партия должна, разумеется, стремиться к полной независимости и к высшей однородности. Но в процессе своего формирования марксистской партии приходится нередко действовать в качестве фракции центристской и даже реформистской партии. Так, большевики в течение ряда лет принадлежали к одной партии с меньшевиками. Так, Третий Интернационал лишь постепенно вышел из недр Второго.

Центризм, как мы уже не раз говорили, представляет собой общее наименование для крайне разнообразных течений и группировок, располагающихся между реформизмом и марксизмом. При каждой центристской группировке надо мысленно ставить стрелку, указывающую направление ее развития: справа налево или слева направо. Бюрократический центризм при всех своих зигзагах имеет крайне консервативный характер, отвечающий его социальной опоре: советской бюрократии. В течение десятилетнего опыта мы пришли к выводу, что бюрократический центризм не приближается и не способен приблизиться к марксизму, из рядов которого он вышел. Именно поэтому мы порвали с Коминтерном.

В то время как официальные компартии ослабевали и разлагались, от реформистского лагеря, численно чрезвычайно выросшего, отделились в ряде стран левые фланги. Они тоже имеют центристский характер, но они движутся влево и, как свидетельствует опыт, способны к развитию и поддаются марксистскому воздействию. Не забудем еще раз, что из такого рода организаций возник в свое время Третий Интернационал.

Ярким примером сказанного выше является история германской САП. Несколько сот коммунистов, отколовшихся от брандлерианской оппозиции и вступивших в САП, в течение сравнительно короткого времени оказались во главе этой организации, состоящей преимущественно из бывших социал-демократических рабочих. Мы критиковали в свое время группу

Вальхера²⁴²-Фрелиха²⁴³, Томаса²⁴⁴ и других не за то, что они решились вступить в левоцентристскую партию, а за то, что они вступили в нее без законченной программы и без собственного органа. Наша критика была и остается правильной. САП и сейчас еще несет на себе следы неоформленности. Некоторые ее вожди и сейчас еще считают марксистскую непримиримость "сектантством". На самом деле, если бы рядом с САП не стояла левая оппозиция со своей принципиальной критикой, положение коммунистов внутри САП было бы несравненно более трудным: без постоянно действующей идеологической лаборатории ни одна революционная группа жить не может. Но факт все же остается фактом: движение центристской партии (САП) влево было настолько решительным, что коммунистическая группа, даже без законченной платформы и собственного органа, оказалась во главе партии.

История САП - не случайность и не исключение. В течение ряда лет Коминтерн всей своей политикой преграждал социал-демократическим рабочим выход на революционную дорогу. Ужасающий кризис капитализма и триумфальное шествие фашизма при абсолютном бессилии обоих Интернационалов дали толчок левоцентристским организациям в сторону коммунизма: это одна из важнейших предпосылок для создания новых партий и нового Интернационала.

НРП теоретически совершенно беспомощна. Это дает перевес официальной компартии. В этом опасность. Здесь открывается поле для вмешательства нашей британской секции. Мало иметь правильные идеи. Надо уметь в решительный момент показать их силу передовым рабочим. Насколько я могу судить отсюда, возможность воздействия на дальнейшее развитие НРП в целом еще не упущена. Но еще несколько месяцев - НРП окончательно попадет в зубчатые колеса сталинской бюрократии и погибнет, оставив тысячи разочарованных рабочих. Надо действовать, и притом немедленно!

Входить в НРП имеет смысл лишь в том случае, если поставить себе целью помочь этой партии, т. е. революционному большинству ее, превратиться в подлинно марксистскую партию. Разумеется, такое вхождение было бы недопустимым, если бы Центральный комитет НРП потребовал от наших друзей отречения то своих идей или от открытой борьбы за эти идеи в партии. Но вполне допустимо взять на себя обязательство бороться за свои взгляды на основе партийного устава и в рамках партийной дисциплины. Огромное преимущество левой оппозиции в том, что у нее есть теоретически разработанная платформа, мировой опыт и международный контроль. Опасаться, при этих условиях, что британские большевики-ленинцы растворятся бесследно в НРП нет ни малейшего основания.

Некоторые товарищи указывают на то, что НРП очень ослабела и что за старым фасадом скрывается полуразвалившееся здание. Это весьма возможно. Но это не довод против вхождения. В нынешнем своем виде НРП явно не жизнеспособна. Она слабеет и теряет членов, не только правых, но и левых, потому что руководство не имеет ясной политики и не способно воспитать в партии уверенность в своих силах. Удержать НРП от дальнейшего распада можно, только привив ей марксистские взгляды на задачи нашей эпохи, в частности

марксистскую оценку сталинской бюрократии. Выполнить такую работу могут только большевики-ленинцы. Но для этого они должны смело опрокинуть перегородку, которая отделяет их сегодня от революционных рабочих НРП.

Если бы аппарат НРП не допустил все же нашу секцию в ряды партии, это было бы лучшим доказательством того, что руководство за спиной партии окончательно подчинилось сталинской бюрократии: в этом худшем случае мы получили бы в руки сильное оружие против верхушки и завоевали бы сочувствие рядовых членов НРП.

Можно возразить, что малочисленность нашей британской секции не позволит ей сыграть по отношению к НРП ту роль, которую группа Вальхера-Фрейлиха сыграла по отношению к САП. Возможно. Но если даже НРП суждено распасться, большевики-ленинцы могут спасти для революции значительное ядро партии. Не нужно к тому же забывать, что группа Вальхера-Фрейлиха стояла совершенно изолированно, тогда как наши британские друзья могут в своей работе рассчитывать на международную помощь.

Я очень опасаюсь, что наших британских друзей, по крайней мере некоторых из них, удерживает от вхождения в НРП опасение злорадной критики со стороны сталинцев. Нет ничего хуже в революционной политике, как руководствоваться чисто внешними, поверхностными критериями или страхом перед общественным мнением бюрократии, только потому что мы в прошлом были с ней связаны. Надо определять свой путь в зависимости от глубоких течений в пролетарском авангарде, больше надеяться на силу собственных идей и поменьше оглядываться на сталинскую бюрократию.

Г. Гуров

16 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

17 сент[ября] 1933 г.]

Наталочка, родненькая, - сегодня Лева пишет, что ты уезжаешь в Нормандию, - я очень рад, что это устроилось, у меня по этому случаю праздничное настроение, несмотря на кое-какие неприятные вести (Раймон [Молинье] ведет себя безобразно во внутренних делах Лиги). С другой стороны, хорошее письмо от I.L.P. (Нез[ависимой] раб[очей] п[артии] Англии), показывающее, что там для нас далеко не все упущено.

Сегодня вечером, - через 2 ч[аса] - уезжает доктор. Он оставил мне кучу медикаментов и письменных наставлений. Письмо это я посылаю через него Лева... Ты сюда уж не приедешь, Наталочка, как я надеюсь, - чем скорее найдут они новую квартиру, тем лучше. Хотелось бы книги свои получить и все прочее. Ты могла бы с Левой посмотреть то, что они найдут наиболее подходящее. Милая Наталочка, где ты теперь, - одна или с А.К.? - как тебе там? как спишь по ночам? Какое настроение? Обо мне не беспокойся, - я до твоего приезда обещаю окончательно и полностью стабилизироваться.

Погода здесь стоит хорошая, наши купаются, вода теплая...

Милая, милая, - (только что прервал письмо для ужина, Жанна позвала, скоро доктор придет за письмами, пора кончать... Еще ряд писем надо закончить). Крепко тебя обнимаю, мою родную Наталочку, мою единственную, мою вечную Наталочку.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Совсем как в юности, не хочется запечатывать письмо, хочется найти особенно нежные слова, которые передали бы тебе хоть немножко, как мне хочется видеть, слышать и обнять тебя, Наталочка...

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Пленуму Интернационального Секретариата

Дорогие товарищи!

Работа Интернационального Секретариата получает сейчас международное значение: помимо прежних задач объединения многочисленных секций и направления их революционной работы, Секретариат (пленум) становится сейчас представителем всей левой оппозиции в "четверном союзе", поднявшем знамя нового Интернационала. Секретариат должен отныне внимательно следить за деятельностью союзников, обмениваться с ними опытом и критикой, участвовать в выработке программы нового Интернационала, вести переговоры с сочувствующими организациями и проч., и т. д. Выполнить эти исторические задачи Секретариат может лишь при условии действительной сплоченности внутри и всесторонней поддержки со стороны всех секций. Всякий серьезный большевик-ленинец с негодованием отвергнет беспринципные инсинуации по адресу Секретариата, подрыв его авторитета и прямое нарушение его постановления. Сильные руководящие центры не падают с неба. Они складываются на опыте по мере роста и созревания самих организаций. Элементарным условием формирования сильного центра является марксистское отношение к принципу централизма, к авторитету руководства и к дисциплине.

Пленум (Секретариат) взял на себя ответственность за новый курс нашей политики и через особую делегацию принял участие в работах парижской конференции. Достаточно только серьезно вдуматься в смысл этого факта и в открытые им перспективы, чтобы понять, какое гигантское значение приобретает руководящий интернациональный орган большевиков-ленинцев в нынешних условиях! Тем беспощаднее должна быть осуждена и пресечена всякая попытка к ослаблению Интернационального Секретариата и к подрыву его авторитета, ибо это равносильно попытке разоружения большевиков-ленинцев перед лицом союзников, как и врагов.

Вы признали несовместимым с принадлежностью к Интернациональному Секретариату работу одного из его членов, направленную к дискредитированию Интернационального Секретариата и к прямому нарушению его постановлений²⁴⁵.

Ни один серьезный революционер не оспорит правильности и необходимости вашего постановления. Руководить может только тот, кто сам умеет подчиняться. Члены Интернационального Секретариата должны подавать пример дисциплины, а не брать на себя преступную инициативу ее нарушения.

Интернациональный Секретариат выбран на полномочном собрании представителей секций. Правления секций выбраны демократическим путем. Ни у кого нет ни малейшего права отрицать, что пленум (Интернациональный Секретариат) выражает действительную волю нашей интернациональной организации.

В случае сомнений насчет правомочности Секретариата и его большинства у Секретариата есть простой способ разрешить вопрос: изложить положение, как оно есть, всем секциям и запросить их мнения. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что подавляющее большинство секций поддержит большинство нынешнего Секретариата и призовет к порядку дезорганизаторов. Если бы и этого оказалось мало, остается еще один путь: созвать представителей всех наших секций для рассмотрения спорных вопросов и для вынесения решений, которые сделали бы в дальнейшем невозможным злостный саботаж центральной, т. е. наиболее ответственной работы отдельными группами и лицами.

Если те и другие группы, предпочитающие анархическую федерацию демократическому централизму, останутся при этом за порогом нашей организации, это не мешает нам развиваться, расти и идти вперед. Все те группы, которые откалывались от большевиков-ленинцев, влечат жалкое существование, без надежд и перспектив. Пусть это послужит предостережением тем, которые слишком легко относятся к проблемам организационной дисциплины!

Прошу вас верить, что моя поддержка всецело и полностью обеспечена Интернациональному Секретариату в лице его законного большинства.

С коммунистическим приветом

Г. Гуров

18 сентября 1933 г.

Пора кончать!

19 августа пленум вынес решение огромной политической ответственности: о разрыве с Коминтерном и о курсе на Четвертый Интернационал. Первым результатом новой ориентации явился принципиальный документ четырех организаций, открывающий эру подготовки нового Интернационала. Следующим результатом явилось присоединение к интернациональной организации большевиков-ленинцев голландской Революционной социалистической партии, насчитывающей около тысячи членов и опирающейся на профессиональную организацию с 25-ю тысячами членов. В ряде стран (Англия, Швеция, Чехословакия, Швейцария...) новая ориентация открывает широкие перспективы. Вся наша предшествующая работа имела только подготовительный характер. Мы в полном смысле слова вступаем в новую эпоху, чтобы из кружков пропаганды стать боевыми политическими организациями пролетариата.

В этих условиях открылась дискуссия во французской Лиге. Ряд причин:

затяжной характер распада французской компартии, обилие элементов революционного разложения (групп, сект и клик без идей и без будущего), многочисленность национальных эмигрантских групп, на которых разложение коммунизма отразилось особенно тяжело - все эти причины, наряду с недостатком последовательного и выдержанного руководства, привели к тому, что внутренняя жизнь в Лиге почти с самого ее возникновения представляла ряд кризисов, которые ни разу не поднимались до принципиального уровня, но отличались крайней ожесточенностью, отравляли атмосферу организации и отталкивали серьезных рабочих, несмотря на их сочувствие идеям оппозиции.

Нынешний кризис Лиги, несмотря на свое внешнее сходство с предшествующими кризисами, по крайней мере на первой стадии, глубоко отличается от них тем, что совпадает с большим поворотом во всей политике нашей интернациональной организации. Неизмеримое прогрессивное значение новой ориентации состоит, в частности, в том, что она позволяет проверить старые группировки, тенденции и отдельных работников не случайным, субъективным методом, а безошибочным объективным критерием, вытекающим из всего хода нашего развития. Каковы бы ни были источники недовольства, конфликтов, личных трений и проч., все старые разногласия по необходимости вынуждены группироваться ныне вокруг основной альтернативы: вперед, на широкую арену IV Интернационала, - или назад, к мелким кружкам, варящимся в собственном соку.

Нежизнеспособные, сектантские элементы Лиги, как и других секций, чувствуют, что почва уходит у них из-под ног. Выход на широкую арену пугает их, ибо вся их психология приспособлена к атмосфере замкнутых кружков. Одни из этих защитников кружковщины открыто восстают против новой ориентации, открывая в ней тенденцию ко Второму Интернационалу: под прикрытием формул ультрарадикализма, заимствованных у сталинцев, скрывается капитуляция перед лицом новых задач, новых трудностей и новых перспектив. Другие признают новую ориентацию на словах, но определяют свою политику совершенно независимо от новой ориентации, вступают в блок с ее противниками или выдвигают мелкие критерии вчерашнего дня, как если бы во внешнем мире и в нашей политике ничего не изменилось. Колеблющиеся говорят: "Новая ориентация ничего практически не изменит во Франции". Глубочайшая ошибка! Несмотря на большую медленность и отсталость внутренней дифференциации, во французском рабочем движении накопились многочисленные революционные элементы, которые ждут нового знамени и новой организации. Нынешняя борьба на социалистических верхах отражает лишь глубокие перегруппировки в самом рабочем классе. Знамя нового Интернационала станет огромной притягательной силой и для революционных рабочих Франции: нужно только крепко и уверенно взять это знамя в свои руки!

Неоценимое значение новой ориентации для Лиги, - повторим снова, - состоит в том, что она позволяет сразу отбросить в сторону все случайное, личное, второстепенное, поставить ребром принципиальные вопросы и отделить безошибочно жизнеспособные и творческие элементы от безнадежных продуктов

кружковщины.

Вопросы внутреннего режима Лиги, методов работы и состава руководства не отпадают, конечно, и теперь; наоборот, получают еще большее значение, чем раньше. Но отныне все эти вопросы неотделимы от вопроса о новой ориентации. Было бы жалкой реакционной попыткой строить или перестраивать внутреннюю организацию Лиги в стороне и независимо от основных задач нового периода. К руководству Лигой, как и всякой другой секцией, могут и должны быть отныне допущены только такие элементы, которые поняли смысл новой ориентации, положили ее в основу всей своей деятельности, готовы сломить все препятствия на новом пути и воодушевленным стремлением вести организацию вперед, не позволяя внутренним реакционерам тащить ее назад.

В тесной связи с новой ориентацией надо по-новому поставить вопросы организации, дисциплины и руководства.

Несомненно, что руководство Лиги, как и ряда других секций, не усвоило себе необходимых методов постоянной идейной связи с организацией, постоянной и своевременной информации всех членов организации о намечающихся крупных шагах, тактических изменениях и проч. Этот крупный недостаток в работе ведет неизбежно к отрыву правления от организации, порождает излишние недоразумения и конфликты и задерживает политическое воспитание членов. Правильная и своевременная информация есть основа партийной демократии.

Не менее вредное влияние в развитии Лиги имела другая черта руководства: пассивная терпимость в отношении заведомо чужеродных элементов и дезорганизаторских актов. Революционная организация не может развиваться, не очищая себя, особенно в условиях легальной работы, где под знамя революции становятся нередко случайные, чуждые или разложившиеся элементы. Так как левая оппозиция развивалась к тому же в борьбе с чудовищным бюрократизмом, то многие квазиоппозиционеры пришли к мысли, что внутри оппозиции "все позволено". В Лиге и на ее периферии сложились нравы, не имеющие ничего общего с нравами революционной пролетарской организации. Отдельные группы и лица легко меняют свою политическую позицию или вообще не заботятся о ней, посвящая свое время и силы дискредитации левой оппозиции, личным дрызгам, инсинуациям и организационному саботажу. Еврейская группа является в течение трех лет образцом такой "политики". Безднаказанность этой группы и сходных с ней элементов должна быть поставлена в тяжелую вину правлению французской Лиги, как проявление недопустимой слабости и организационной расплывчатости.

Всякую меру обороны организации от разлагающих влияний, всякий призыв к дисциплине, всякую репрессию некоторые члены наших собственных организаций именуют "сталинизмом". Этим они лишь показывают, насколько им чуждо понимание как сталинизма, так и духа подлинно революционной организации. История большевизма есть с первых его шагов история воспитания организации в духе железной дисциплины. Большевики первоначально именовались "твердыми", меньшевики - "мягкими", ибо первые стояли за суровую революционную дисциплину, вторые заменяли ее взаимной снисходительностью,

попустительством, расплывчатостью. Организационные методы меньшевизма враждебны пролетарской организации не менее, чем сталинский бюрократизм. Еврейская группа и связанные с нею элементы проповедают и насаждают чисто меньшевистское представление об организации, о дисциплине и руководстве. Подобные нравы к лицу клубу Суварина и другим "демократическим" (по духу - социал-демократическим) организациям. Большевики-ленинцы отвергают демократию без централизма, как выражение мелкобуржуазной сущности. Чтобы справиться с новыми задачами, нужно каленым железом выжечь анархистские и меньшевистские методы из организации большевиков-ленинцев.

Мы делаем большой революционный поворот. В такие моменты внутренние кризисы и отколы совершенно неизбежны. Пугаться этого значило бы заменять революционную политику мелкобуржуазным сентиментализмом и личным комбинаторством. Лига проходит через первый кризис под знаменем больших и ясных революционных критериев. Откол части Лиги в этих условиях будет большим шагом вперед. Он отметет все больное, искалеченное и негодное, он даст урок шатающимся и бесхарактерным элементам, он закалит лучшую часть молодежи, он оздоровит внутреннюю атмосферу, он откроет перед Лигой новые большие возможности. То, что будет потеряно - отчасти лишь временно, - будет уже на ближайшем этапе возмещено сторицей. Лига получит, наконец, возможность превратиться в боевую организацию передовых рабочих.

[Л.Д.Троцкий]

18 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

19 сент[ября] 1933 [г.]

Это письмо Лева забыл (я ему напоминал!)²⁴⁶.

19 сент[ября]. Милая моя Наталочка, сегодня у меня был трудный день, но хороший: острые и горячие споры с Р.М[олинье] в присутствии и при участии Левы, Бласко, Эрвина²⁴⁷, Лезуаля и всех наших, здешних. Я много говорил, моментами очень резко, но не обидно, а по-отечески, и это всеми чувствовалось. Настроение создалось слитности, внимания, - и я почувствовал себя... стариком-учителем. Позже Левусятка²⁴⁸ пришел ко мне в спальню, сперва несколько незначительных фраз, потом я сказал что-то о себе, он припал головой к моему плечу, обнял: "Папочка, я крепко люблю тебя". Совсем маленький. Я крепко обнял его и прижался щекой к его голове. Он почувствовал, что я взволнован, и на цыпочках вышел из комнаты... Потом опять была внизу, в столовой, беседа, но уже совсем не политическая, наоборот, спокойная и "задушевная" по тону. Все глаза так хорошо смотрели на меня, и я опять почувствовал себя "старцем", - но без горечи, а с теплотой, слегка разве с грустью. Во время этой беседы я часто ловил на себе горящие глаза Левусятки. Выглядит он не очень хорошо: бледен, землистый цвет лица. Сейчас Лезуаль и Бласко уехали (поездом), Раймон, Лева и Бауэр уезжают завтра утром в автомобиле. Мне жаль, что Лева уезжает: ко мне здесь очень

хорошо относятся, но все-таки нет никого совсем своего.

Устал все же от сегодняшнего дня и хочу лечь спать: сейчас половина десятого. Спокойной ночи, Наталочка моя, родненькая, хорошо ли спишь ты? С адалином или без? Будь здорова, будь спокойна.

Твой

Л.[Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

20 [сентября 1933 г.]

Ночью просыпаясь, часто звал тебя вслух: Наталочка, где ты? Гете говорит, что старость не возвращает нас в детство, а застаёт еще настоящими детьми. После того, как я днем чувствовал себя вроде "мудрого старца", я ночью чувствовал себя покинутым мальчиком, который зовет свою маму.

Будьте здоровы, Наталочки милые.

[Л.Д.Троцкий]

В Интернациональный Секретариат

ОЧЕНЬ СПЕШНО

Дорогие товарищи!

Прилагаю проект циркулярного письма по вопросу о работе в профсоюзах²⁴⁹. Было бы хорошо, если бы вы с теми или другими изменениями, если они окажутся необходимыми, разослали это письмо секциям от вашего собственнoго имени. Если вы сочтете полезным устроить расширенное совещание для обсуждения этого письма, то я советовал бы привлечь на такое совещание тов. Шваба²⁵⁰, как знаток этого вопроса (он может подать несколько полезных практических советов). Если почему-то окажется неудобным разослать письмо от имени Интернационального Секретариата, прошу разослать за подписью Г.Г[урова].

[Л.Д.Троцкий]

22/9/[19]33 [г.]

[Письмо Н.И.Седовой]

22 сент[ября 1933 г.]

Милая Наталочка, со слов Левы я понял, что ты живешь сейчас "кое-как", вернее сказать, плохо: без хорошего стола и без ванны. Очень это огорчительно. Одним отдыхом не поправишься. Слевой и Раймоном [Молинье] мы тут обсуждали такой план: не устроиться ли нам вместе с тобой (мне предварительно "обновиться") в хорошем пансионе, без "свиты", - только Henri²⁵¹ жил бы в этом же пансионе (ему нужно отдохнуть) - недели на две, на время розысков новой квартиры и пр[очее]. Меня эта мысль очень привлекает... Отдохнуть нам обоим было бы хорошо, в двух маленьких комнатах, тихо-тихо.

Хорошо. если бы это удалось!..

Сотрудничество в "Neue Weltbuhre"²⁵² я прекратил или, вернее, приостановил, - ввиду двусмысленного поведения редакции. Послать Севушке²⁵³ деньги придется отсюда.

От англ[ийского] изд[ателя] окончательного ответа все еще нет. Я пока еще не беспокоюсь: он должен переписываться с Америкой, может быть и на дачу уехал, - вся предшествующая переписка, ведшаяся по его инициативе, исключает разрыв. Но все-таки я предпочел бы иметь контракт в руках. Параллельно америк[анский] агент ведет переговоры насчет книги о Кр[асной] Армии (резерв).

Океан светит и шумит в окно, как и на Принкипо, но только там море было свое, домашнее, а с Атл[антическим] океаном не вышло у меня ни малейшей дружбы.

Только что Сара принесла мне письмо, к[от]т[о]рое я дал Леве для тебя и которое он забыл здесь. Я перед его отъездом спрашивал его: "Ты не забудь мое письмо маме." Он ударил себя по карману и сказал: "Нет, нет, не забуду".

Письмо пролежало у меня три дня.

Милая, Наталочка, крепко тебя обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

23 сент[ября] 1933 г.]

Милая Наталочка, я тебе действительно не ответил на записку с "просьбами". Крем Жанна взяла уже до записки, только халата в чемодане нет, но я отлично обхожусь без теплого халата, заменяя его купальным цветным халатом. Теплые туфли я извлек из чемодана. Жанна мне говорила, что Сара много говорит о своем отъезде, и ставила вопрос, кем заменить ее. Жанна называла дочь Парижанина. Но та в советском учреждении получает, несомненно, довольно высокое жалованье и имеет устойчивое положение: какой ей смысл переходить к нам?

Боюсь, что инструкция твоя насчет "огорода" свяжет поиски и ограничит число подходящих домов. Лучше хорошую квартиру без огорода, чем плохую - с огородом. Лева и Раймон могут инструкцию насчет огорода принять слишком категорически.

Сейчас 8.30 вечера. Я сижу один, в кресле, в углу твоей комнаты, на ночном столике лампа стоячая из моей комнаты, окно приоткрыто, океан шумит, хотя ветер утих, вся молодежь, в том числе и новый, Шмидт²⁵⁴, внизу. Сегодня написал Henry о Раймоне, написал довольно сурово, предупреждая, что это - "последний раз". Сегодня начал новое лечение против малярии - новый немецкий препарат - лечение длится пять дней. От этого лечения пить хочется.

У Веры, в сущности, милый характер: несмотря на тяжелую работу, она всегда весела, слегка кокетлива, ко мне чрезвычайно внимательна. Жанна посуровее, хотя в последнее время разговаривает, даже слегка "калякает" со мной (я ее немножко приучил). Обе очень хорошо кормят меня.

24 [сентября.] Снова пишу в кресле, в углу спальни, на колене... Новый

наш охранитель, немецкий студент²⁵⁵, хорошо играет на рояле. Это вносит в дом новую струю. Я сквозь пол слушал, хоть смутно, но приятно. В газетах ("Возрождение"²⁵⁶ из советск[ой] печати) было вчера сообщение, что троцкисты "вместе с правыми и всякими мошенниками" овладели Свердловским советом; 24 человека исключено. Очень интересное сообщение; но что за ним скрывается в действительности?

Океан шумит за окном, дождь сегодня выпадал раза три в течение дня, осень... Как странно, что мы с тобой во Франции живем в разных концах. Вот чего мы с тобой не представляли, когда ехали сюда. Соскучился я по тебе, очень-очень соскучился, много "мечтаю" о тебе. Но теперь уж недолго. Пора мне ложиться, Наталочка, - пока засну, поговорю мысленно с тобой. Стар я становлюсь, Наталочка...

Надо отправить. Крепко-крепко обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

СССР и Коминтерн

Французские телеграммы сообщают, будто Вашингтон собирается признать советское правительство только де факто. Другие сведения говорят о предстоящем вскоре признании де юре. Очевидно, имеются еще колебания. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что идея полупризнания или признания в рассрочку связана, главным образом, с вопросом о Коминтерне. Америка вступила в период глубоких социальных сдвигов. В этих условиях вмешательство Коминтерна должно казаться особенно опасным. Между тем в известных кругах считается незыблемым и сейчас, что признать СССР значит, в сущности, признать Коминтерн. Мы считаем себе вправе сказать, что такой взгляд является глубочайшим анахронизмом, который держится только потому, что люди, особенно профессиональные политики, неохотно вдумываются в новые факты, раз последние противоречат их предрассудкам.

Советское правительство с первых дней своего существования протестовало против попыток отождествлять его с Коминтерном. Юридически эти протесты были безупречны: несмотря на общность идеалов, две организации имели под собой различные национальные и интернациональные основы и формально оставались в своей деятельности независимы друг от друга. Но государственных деятелей Европы и Америки это юридическое разграничение не успокаивало. Они ссылались на фактическую связь между советским правительством и Третьим Интернационалом. Во главе обеих этих организаций стояли одни и те же лица. Ни Ленин, ни его ближайшие сотрудники не скрывали и не хотели скрывать своего руководящего участия в жизни Коммунистического Интернационала. Если советское правительство того времени считало возможным идти на очень большие материальные жертвы в интересах сохранения мирных отношений с капиталистическими государствами, то советская дипломатия имела строжайшую директиву: не вступать ни в какие разговоры относительно Коммунистического

Интернационала, нахождения его центра в Москве, участия в нем руководящих членов правительства и проч. В этой области уступки считались столь же, если не еще более недопустимыми, чем в области основных принципов советского режима: системы правления, национализации средств производства, монополии внешней торговли и проч. Когда Чичерин заикнулся в письме на имя Ленина о возможности сделать Вильсону некоторые уступки в отношении избирательного права советской республики, то Ленин письменно же ответил контрпредложением: отправить Чичерина на время в санаторию ввиду явного нарушения его политического равновесия²⁵⁷. Нетрудно представить себе, как ответил бы Ленин, если бы кто-либо из советских дипломатов решился предложить те или другие уступки капиталистическим партнерам за счет Коминтерна! Насколько помню, таких предложений, хотя бы и в замаскированном виде, никто никогда не делал.

Отстаивая в период Брест-Литовских переговоров необходимость принятия немецкого ультиматума в интересах сохранения советской республики, Ленин неоднократно повторял: "ставить на карту завоевания Октябрьской революции явно безнадежной войне неразумно: другое дело, если бы речь шла о спасении немецкой революции, - там мы, в случае нужды, должны были бы рискнуть судьбою советской республики, ибо немецкая революция неизмеримо важнее нашей". Так же, в основном, смотрели на дело и другие деятели советской республики. Их речи и статьи достаточно цитировались в свое время в доказательство органической связи между советским правительством и Коминтерном. Доводы де юре не действовали поэтому на консервативных политиков Европы и Америки: они ссылались на положение де факто.

Однако с того времени, когда идеи Ленина и его ближайших соратников были определяющими идеями советской республики и Коминтерна, утекло много воды. Изменились обстоятельства, изменились люди: полностью обновился правящий слой СССР, старые идеи и лозунги вытеснены новыми. То, что составляло некогда существо дела, превратилось почти что в безобидную обрядность. Зато прочно сохранились основанные на воспоминаниях убеждения кое-каких государственных людей Запада насчет нерасторжимой связи между советским правительством и Коминтерном. Пора пересмотреть этот взгляд. В нынешнем раздираемом противоречиями мире есть слишком много реальных оснований для вражды, чтобы искать искусственные поводы для ее разжигания. Пора понять, что, несмотря на употребляемые в торжественных случаях ритуальные фразы, советское правительство и Коминтерн живут сейчас в различных плоскостях. Нынешние вожди СССР не только не собираются приносить национальные жертвы в пользу германской и вообще мировой революции, но не останавливаются ни на минуту перед такими действиями и заявлениями, которые наносят тягчайшие удары Коминтерну и рабочему движению в целом. Чем больше СССР упрочивает свое международное положение, тем глубже становится разрыв между советским правительством и международной революционной борьбой.

Наиболее яркими моментами в жизни Коминтерна являлись его конгрессы, неизменно происходившие в Москве. Здесь, в обмене международного опыта и в

столкновении разных тенденций, формировались основные программные воззрения и тактические методы. Определяющее участие советских вождей в политике Коминтерна убедительнее всего обнаруживалось именно на этих конгрессах. Ленин открыл и закрыл Первый конгресс Коминтерна. Ему принадлежали наиболее ответственные доклады на Втором конгрессе. На Третьем конгрессе он возглавлял борьбу против ошибочной политики Зиновьева, Бела Куна и других. Едва оправившись от первого приступа болезни, Ленин читал на Четвертом конгрессе доклад о новой экономической политике Советов²⁵⁸. Его мысль была так же ясна, как всегда, но моментами кровеносные сосуды изменяли ему, и он делал томительные перерывы... Может быть, позволено будет для полноты картины отметить, что программные манифесты первых двух конгрессов написаны автором этих строк и что докладчиком по основным тактическим вопросам на Третьем и Четвертом конгрессах был народный комиссар по военным и морским делам.

К сказанному надо еще прибавить, что конгрессы Коминтерна происходили в те времена ежегодно. За первые четыре года существования Третьего Интернационала (1919-1922) произошло четыре конгресса. Это и есть эпоха Ленина. Со времени Четвертого конгресса прошло одиннадцать лет. За весь этот период имели место всего два конгресса: один в 1924, другой в 1928 г. Вот уже пять с половиной лет, как конгрессы Коминтерна не собираются вовсе. Одна эта голая хронологическая справка лучше всяких рассуждений освещает действительное положение вещей. В годы гражданской войны, когда советская республика была со всех сторон окружена колючей проволокой блокады и поездка в советскую Россию связана была не только с трудностями, но и с прямыми опасностями для жизни, конгрессы собирались ежегодно. За последние же годы, когда поездки в СССР стали совершенно прозаическим делом, Коминтерну пришлось совсем отказаться от конгрессов. Им на смену пришли тесные совещания бюрократических верхов, лишённые и тени того значения, которое имели многолюдные, демократически выбиравшиеся конгрессы. Но и в этих закрытых совещаниях чиновников ни один из ответственных руководителей Советского Союза не принимает более участия. Работами Коминтерна Кремль интересуется лишь в той мере, какая необходима, чтобы оградить интересы СССР от каких-либо компрометирующих действий и заявлений. Дело идет уже не об юридическом разграничении компетенций, а о политическом разрыве.

Ту же мысль можно было бы очень убедительно проследить на эволюции внешней политики Кремля. Ограничимся противопоставлением исходного момента советской дипломатии и ее сегодняшнего дня. Брест-Литовский мир Ленин назвал "передышкой", т. е. короткой паузой в борьбе советского государства с мировым капитализмом. Красная армия официально и открыто признавалась таким же орудием этой борьбы, как и Коммунистический Интернационал. Нынешняя внешняя политика Советского Союза не имеет ничего общего с этими принципами. Высшим достижением советской дипломатии является женевская формула, дающая определение нападения и нападающей стороны²⁵⁹, причем формула эта распространяется не только на взаимоотношения Советского Союза и его

соседей, но и на взаимоотношения капиталистических государств между собой. Советское правительство официально стало, таким образом, на охране политической карты Европы, какой она вышла из Версальской лаборатории. Ленин считал, что исторический характер войны определяется теми социальными силами, которые противостоят друг другу на полях сражений, и теми политическими целями, которые они преследуют. Нынешняя советская дипломатия исходит полностью из консервативного принципа охраны статус кво. Ее отношение к войне и воюющим сторонам определяется не революционным критерием, а юридическим признаком: кто первый преступил чужие границы. Защита национальной территории против нападающей стороны санкционируется, таким образом, советской формулой и для капиталистических стран. Хорошо ли это или плохо, мы разбираться не станем. Задача этой статьи вообще не в том, чтобы критиковать политику нынешнего Кремля, а в том, чтобы показать глубокую принципиальную перемену всей международной ориентации советского правительства и этим устранить фиктивные препятствия к признанию СССР.

Перспектива построения социализма в отдельной стране отнюдь не голая фраза: это практическая программа, в одинаковой степени захватывающая экономику, внутреннюю политику и дипломатию. Вопросы международной революции, а с ними и Коминтерн, отходили тем более на задний план, чем решительнее советская бюрократия укреплялась на позициях национального социализма. Всякая новая революция есть уравнение со многими неизвестными, следовательно, заключает в себе элемент большого политического риска. Нынешнее советское правительство из всех сил стремится застраховать свое внутреннее строительство от риска, связанного не только с войнами, но и с революциями. Его международная политика из интернационально-революционной превратилась в национально-консервативную.

Правда, ни перед лицом своих, ни перед лицом иностранных рабочих советское руководство не может открыто провозгласить то, что есть. Оно связано идейным наследием Октябрьской революции, которое составляет источник его авторитета в рабочих массах. Но если покровы традиции сохранились, то содержание ее выветрилось. Советское правительство разрешает рудиментарным органам Коминтерна сохранять свою резиденцию в Москве. Но оно не позволяет им более собирать международные конгрессы. Не рассчитывая больше на помощь иностранных коммунистических партий, оно ни в малейшей степени не считается с их интересами в своей внешней политике. Достаточно сослаться на характер недавнего приема, оказанного французским политическим деятелям в Москве, чтобы противоречие между эпохой Сталина и эпохой Ленина ударило в глаза!

Как раз в тот час, когда пишутся эти строки, свежий номер французского официоза "Temps" (24 сентября) приносит в высшей степени знаменательную корреспонденцию из Москвы. "Платонические надежды на мировую революцию выражаются (в правящих кругах СССР) тем более энергично, чем более от них отказываются на практике". Газета уточняет: "Со времени устранения Троцкого, который со своей теорией перманентной революции представлял подлинную интернациональную опасность, советские правители примкнули со Сталиным к

политике построения социализма в отдельной стране, не ожидая проблематической революции в остальном мире". Газета настойчиво предостерегает от ошибки ту часть французских политиков, которые все еще склонны подменять сегодняшние реальности призраками прошлого. Не забудем, что дело идет не о случайном издании, а о самом влиятельном и насквозь консервативном органе правящего класса Франции. Жорес метко сказал некогда о "Temps": "это буржуазия, ставшая газетой".

Из всех мировых правительств американское непримиримее всего отстаивало до сих пор в отношении Советов принцип капиталистического "легитимизма". Вопрос о Коминтерне играл при этом решающую роль: достаточно вспомнить о комиссии сенатора Гамильтона Фиша²⁶⁰. Если, однако, почтенный сенатор следит за живыми фактами, которые не требуют никаких свидетельских показаний, ибо говорят сами за себя, то он должен по примеру "Temps" прийти к выводу, что внешняя политика советского правительства не создает более ни малейших препятствий для признания его не только де факто, но и де юро.

Л. Троцкий

24 сентября 1933 г.

Американской секции

Копии: другим секциям

Дорогие товарищи,

Вопрос о работе в профессиональных союзах сохраняет во всех странах исключительное значение. В Соединенных Штатах он становится впервые во весь рост, когда вся экономическая и политическая жизнь страны потрясена и когда правительственная политика дает толчок росту профессиональных союзов. Вряд ли правительственный либерализм по отношению к союзам продержится долго (как и вся вообще нынешняя "плановая" политика)²⁶¹; но, во всяком случае, можно наверняка сказать, что либерализм государственной администрации по отношению к трэд-юнионам ни на минуту не превратится в либерализм трэд-юнионной бюрократии по отношению к коммунистам. Наоборот, не только реакционная банда Грина и К||, но и бюрократия "прогрессивных" трэд-юнионов удвоит преследования революционного крыла, чтобы показать Белому Дому, что она вполне заслуживает доверия и поддержки. Величайшая опасность состоит в том, что в нынешний период великого брожения масс и роста трэд-юнионов коммунисты снова дадут себя изолировать от рабочих организаций. Трэд-юнионной бюрократии тем легче осуществить эту задачу, что своей нелепой политикой ультиматизма, командования и бессилия сталинская бюрократия жестоко скомпрометировала коммунизм в глазах рабочих, - и эта компрометация распространяется неизбежно и на нас.

Там, где коммунистов выбрасывают или могут начать завтра выбрасывать из союзов, не только допустимо, но и обязательно не разворачивать преждевременно коммунистического знамени и вести революционную работу "анонимно". Можно возразить, что такой образ действий заключает в себе известные опасности:

скрывая свое знамя от масс, организация может сама незаметно отвыкнуть от собственного знамени. Приспособление к врагу и к предрассудкам массы заключает в себе опасность оппортунистического перерождения. Все это совершенно правильно. Партия в целом должна действовать с развернутым знаменем и все вещи называть своими именами. Но мы говорим в данном случае не о партии (Лиге), а об определенных ее отрядах, работающих внутри враждебных профсоюзов. Это не одно и то же. Коммунисты в профсоюзах не могут, разумеется, ни в каком случае дезавуировать партию, т. е. делать заявления, противоречащие ее программе и ее решениям. Но коммунист в профсоюзе вовсе не обязан говорить всегда все, что говорит партия в целом. Коммунист в профсоюзе не обязан называть себя вслух коммунистом. Партия (Лига) может и должна в своей печати, на народных собраниях, на митингах стачечников и вообще трэд-юнионных рабочих договорить то, чего не могут сказать в данное время коммунисты внутри трэд-юнионов. Необходимо провести разумное разделение труда, при котором разные части партийной организации дополняют друг друга.

Не может быть, конечно, и речи о том, чтобы коммунисты в трэд-юнионах по собственному произволу определяли свою политику внутри трэд-юнионов; партийная организация в целом должна решать, какие формы приспособления к обстановке трэд-юнионов допустимы и целесообразны. Чем более стеснена революционная работа в трэд-юнионах, тем строже и систематичнее должен быть контроль партии над своими членами в трэд-юнионах. Но этот контроль может и в большинстве случаев должен быть при нынешних условиях строго секретным.

Правда, и при условии такого контроля урезанная работа в трэд-юнионах может вести к сужению кругозора и снижению революционного уровня. Противодействовать этому можно только одним способом: коммунисты не должны быть только трэд-юнионистами, но должны одновременно выполнять вне трэд-юнионов партийную работу, хотя бы секретно, чтобы не скомпрометировать себя в трэд-юнионах.

Сталинцы во многих случаях заявляли, что "согласны" работать в трэд-юнионах лишь при том условии, если им дадут предварительно права коммунистических фракций. Смешное "условие"! Требовать от трэд-юнионной бюрократии, которая изгоняет коммунистов, чтобы она добровольно обставила их работу с необходимым комфортом, угрожая ей в противном случае стачкой, т. е. отказом от революционной работы - явная бессмыслица! Нужно уметь работать в профсоюзах без комфорта и без разрешения бюрократии.

Разумеется, коммунисты должны быть объединены во фракцию, но эта фракция, работающая на основании строгой внутренней дисциплины, вовсе не должна выступать открыто как фракция, если условия для этого не благоприятны (а в подавляющем большинстве случаев дело обстоит именно так).

Партия (Лига) должна иметь, разумеется, платформу трэд-юнионной работы для данного периода. Эту платформу надо уметь переводить на язык трэд-юнионных масс, чтобы тем вернее вести эти массы вперед. Опасность так называемого "хвостизма" (серьезная и большая опасность!) будет устранена тем

лучше, чем полнее и решительнее партия в целом будет дополнять работу своих трэд-юнионных фракций.

Совершенно ясно, с другой стороны, что столь осторожный характер работа в трэд-юнионах будет нести до тех пор, пока коммунистам не удастся показать рабочим, что они не сталинские бюрократы, не тупые ультиматисты, а дельные, серьезные классовые борцы, на которых можно положиться, которым следует доверять. Чем больше будет расти влияние коммунистической фракции в профсоюзах, тем смелее и открытее она будет разворачивать свое партийное знамя.

Мы твердо надеемся на то, что эти основные соображения встретят полное сочувствие с вашей стороны.

[Л.Д.Троцкий]

25 сентября 1933 г.

[Письмо британским сторонникам]

Копия

Британской секции

25 сентября 1933 г.

Дорогие товарищи,

Тов. Пэтон предложил мне поместить мои статьи о НРП в журнале "Аделфи"²⁶². Мой ответ будет ясен из прилагаемой копии.

Вы получили, наверное, выписку из протокола Пленума И[нтернационального] С[екретариата], из которой ясно, что предложение о вступлении в НРП было принято Пленумом единогласно. Мне непонятно, кто мог доставить вам столь ложную информацию. Во всяком случае, не тов. Витте²⁶³, который принимал активное участие в заседании Пленума и голосовал за общее предложение. Само собой разумеется, я далек от той мысли, что единогласное мнение Пленума обязывает вас подчиниться. Пленум вынес не готовое решение, а предложение, но предложение было серьезно обдумано и обсуждено, и вынесено единогласно.

Тов. Феннер Броквей просил моего разрешения на напечатание в "Нью Лидер"²⁶⁴ статьи тов. Смита²⁶⁵. Представляю изложение моей беседы с ним²⁶⁶. Я, разумеется, изъявил согласие. Таким образом вы получите представление об общем характере беседы, которая, впрочем, почти на сто процентов совпадала с содержанием посланных вам моих статей.

Я продолжаю думать, что судьба нашей британской секции на ближайшие годы зависит от правильного отношения к НРП. Еще Шекспир советовал вовремя пользоваться приливом, чтобы не оставаться на всю жизнь на отмели. Я с большим нетерпением и беспокойством ожидаю вашего окончательного решения по этому вопросу.

С товарищеским приветом

Л.Т[роцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

25 сент[ября 1933 г.]

Где ты, Наташа? Опять горит лампа на ночном столике, вся комната во мраке, снизу звуки пианино, через окно шумит океан. Сегодня с утра дождь, потом яркое солнце, я гулял во дворе, лежал на скамье...

Третий день лечения против малярии, - без хинина: никакого шума в ушах, никаких вообще субъективных признаков того, что я "лечусь". Аппетит прекрасный. Через два дня это лечение кончается.

Где ты, Наталочка? Ужасно далеко. Мне кажется моментами, что я забыл твое лицо. Эта мысль вообще ужасно преследует меня за последние месяцы, со смерти З[ины]. Очень-очень хочу видеть тебя. Скоро, может быть, нам удастся поселиться вместе.

26-го. Наталочка, я получил от Лух'а Фуртмюллера²⁶⁷ замечательное письмо: очень-очень умное, прекрасно написанное литературно, и страшно меня растрогавшее и напряженным изысканием молодой мысли, и отношением ко мне лично. Я лежал (в виде исключения) в своей комнате на диване и читал письмо в чрезвычайном волнении, в котором сочетались и высшая отрада, и острая грусть: письмо внушало уверенность, что дело наше будет продолжено, и в то же время навевало мысль, что оно будет продолжено без нас. Письмо это было им послано в конце июля и случайно открыто в куче бумаг в комнате Жанны (не по ее, по-видимому, вине, конечно). Где и как письмо пространствовало 2 м[е]с[я]ца, не могу понять. А он, бедняга, волновался. Я ему даже послал телеграмму сегодня о том, что письмо прочитал только теперь и что немедленно отвечу.

27-го. Получил от тебя письмо (вместе с письмом для Веры, хорошо, что ты ей написала). Вчера приехал неожиданно Анри: условиться об отдыхе в благоприятном месте. Сегодня в 10 1/2 часа утра он уже уехал. Это прекрасный человек, умный и дельный. Я сейчас занят по уши: готовлю всякие проекты постановлений и решений, хочу непременно сегодня вечером все это отправить.

Напрасно ты, Наталочка, милая, беспокоишься: я ни разу не озяб. Полутеплое белье я нашел в шкафу; к тому же здесь вовсе не холодно, я сижу сейчас в парусиновой куртке при обоих настеж открытых окнах, и мне жарко.

И Лева, и Жанна, видимо, очень рассеянные люди. Леве необходимо все же хоть немного упорядочить свои приемы. У него нет даже записной книжки (к[о]т[о]рая должна лежать всегда в одном и том же кармане), он записывает на клочках, сует в разные карманы, теряет, нервничает.

Письмо я дал ему из рук в руки и попросил: "не забудь, пожалуйста". Потом перед отъездом спросил: "Не забудешь передать письмо?" Он хлопнул себя рассеянно по карману: "Нет, нет, что ты..." Он, видимо, переоделся. Я не сержусь, Наталочка, но ему необходимо дисциплинировать себя... Не огорчайся...

Крепко, крепко обнимаю и целую тебя, моя родненькая.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

По поводу попыток гальванизировать труп Контрольной Комиссии. (Проект постановления Исполнительной комиссии Лиги)

Исполнительная комиссия назначила в свое время Контрольную Комиссию ad hoc, исключительно для рассмотрения сплетен, распространявшихся против некоторых товарищей врагами Лиги и проникших даже внутрь Лиги. В состав Комиссии были избраны три товарища, которым был хорошо известен бесчестный характер инсинуаций. Во главе Комиссии был поставлен тов. Витте, который не только не порицал действия оклеветанных товарищей, но официально взял на себя ответственность за эти действия в качестве члена Пленума.

Назначенная Контрольная Комиссия оказалась, однако, неработоспособной. В течение нескольких месяцев она ни разу не собралась. Никакого расследования сплетен и инсинуаций она не производила.

Ввиду обнаружившейся несостоятельности временной Контрольной Комиссии Пленум как высший орган большевиков-ленинцев вынес по вопросу о сплетнях категорическое постановление. Тем самым Контрольная Комиссия, не существовавшая фактически, была ликвидирована и формально.

Однако после того как члены Комиссии, и прежде всего тов. Витте, оказались вовлечены в бесприципную борьбу против Лиги и Пленума И[нтернационального] С[екретариата], они сделали попытку [...]268

Исполнительная комиссия с негодованием и отвращением осуждает такой недостойный образ действий и предупреждает, что будет каленым железом выжигать подобные нравы мелкобуржуазной и люмпенпролетарской коррупции из своих рядов.

[Л.Д.Троцкий]

27 сентября 1933 г.

Проект устава пленума Интернационального Секретариата

1. Пленум получает свой мандат от расширенного Пленума или от интернациональной конференции и действует на основе общих директив.

2. Все вопросы разрешаются в Пленуме большинством голосов и обязательны для всех нижестоящих организаций и прежде всего для членов самого Пленума.

3. Члены Пленума, оставшиеся в меньшинстве, имеют право довести свое особое мнение до сведения правлений всех секций. Разумеется, вынесенное решение приводится в действие немедленно, причем члены меньшинства обязаны подавать пример несокрушимой дисциплины.

4. В отношении вопросов исключительной важности члены меньшинства Пленума могут потребовать созыва расширенного Пленума. В случае, если большинство Пленума считает созыв расширенного Пленума нецелесообразным или неосуществимым по материальным причинам, меньшинство Пленума может потребовать опроса правлений всех секций. Решение большинства правлений секций является обязательным.

Приложение

Ввиду того что представитель бельгийской секции²⁶⁹ проживает в другом городе, представляется необходимым урегулировать взаимоотношения таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить участие представителя бельгийской секции в разрешении важнейших вопросов, с другой стороны, чтобы из-за переписки не задерживать текущей работы и наиболее неотложных решений.

Ввиду этого Пленум постановляет:

1. Все документы по подлежащим разрешению вопросам должны своевременно сообщаться представителю бельгийской секции.

2. Раз (два раза) в месяц происходят заседания с участием бельгийского делегата, на которых подлежат разрешению наиболее важные принципиальные вопросы.

3. В промежутках между двумя такими заседаниями голос бельгийского представителя учитывается по наиболее важным и не терпящим отлагательства вопросам.

4. Вся текущая работа ведется парижской коллегией Пленума.

5. Во всех вопросах, требующих немедленного решения, независимо от их важности, парижская коллегия может выносить решения за собственной ответственностью.

[Л.Д.Троцкий]

27 сентября 1933 г.

По поводу нарушений тов. Витте основных организационных принципов

большевизма (демократического централизма)

Проект

(После точного перечисления всех незаконных действий Витте)

Представляется совершенно невероятным, что в своей деятельности тов. Витте ссылается на демократию. Оставим даже в стороне характер "демократии" в его собственной секции. Во всяком случае один из основных принципов демократии есть подчинение решению большинства. И[нтернациональный] С[екретариат], хорош ли он или плох, избран представителями важнейших секций и отражает, следовательно, точку зрения большинства нашей интернациональной организации. Оставшись в меньшинстве в Пленуме, Витте имел право довести свою точку зрения до правления всех секций, чтобы таким образом подготовить на будущей интернациональной конференции или новом расширенном Пленуме изменение состава И[нтернационального] С[екретариата] или его политики. Такое поведение было бы вполне совместимо с принципами демократического централизма. Вместо этого Витте обратился к Лиге с призывом не выполнять решений демократически избранного Центра. Такой образ действий есть одновременно и нарушение демократии и попрание централизма. Другими словами, поведение тов. Витте абсолютно не совместимо с большевистскими принципами

организации.

На заседании Пленума Витте прямо говорил: "господа, секция вас покидает, секция - это я". Одни эти слова достаточно характеризуют политические и организационные методы В[итте] и установленный им режим в г[реческой] секции. Однако В[итте] явно переоценивает свои возможности и силы, игнорируя объективное положение вещей. Если бы даже ему удалось на основании принципа: "секция - это я" (принципа бонапартского, а не марксистского) временно оторвать г[реческую] секцию, этот акт не мог бы не привести к глубокому брожению внутри секции. Рабочие хотели бы узнать, как и почему их оторвали от интернациональной оппозиции, которая до сих пор давала им основные идеи и политические директивы. Уже и в предшествующие годы произошло не мало отколов от г[реческой] секции, причем весьма вероятно, что одной из важнейших причин этих отколов являлся принцип "секция - это я". Можно не сомневаться, что идеи марксизма-ленинизма, противопоставленные методам Витте, вызовут в г[реческой] секции новую дифференциацию. Вокруг Витте останется лишь небольшая чисто национальная секта, которая, подобно секте Ландау и К||, будет влачить безнадежное существование в стороне от тех больших перспектив, которые сейчас открываются перед нами.

Анализируя историю конфликта Витте с нашей интернациональной организацией, можно установить следующий момент: Витте явно привык командовать своей национальной секцией, сводя элементы демократии к минимуму. С этими навыками он прибыл для центральной работы. Обстоятельства скоро выяснили, однако, что его национального опыта совершенно недостаточно для задач самостоятельного интернационального руководства. Само по себе это не составляет непоправимого бедствия, И[нтернациональный] С[екретариат] в целом состоит из сравнительно молодых работников, которым приходится учиться на опыте. Условием такого учения является дружная коллективная работа. Но тов. Витте привез с собой готовый принцип: "И[нтернациональный] С[екретариат] - это я". Когда он наткнулся на естественное сопротивление, он поставил себе задачей овладеть И[нтернациональным] С[екретариатом] в целом при помощи закулисных организационных действий. Так, он стал систематически и планомерно за спиной Интернационального Секретариата и Исполнительной комиссии Лиги, раздувать все виды недовольства, компрометировать И[нтернациональный] С[екретариат], не останавливаясь перед сообщением заведомо неправильных сведений и проч.

В этой работе Витте объединился с наиболее беспринципными и недисциплинированными элементами, которые по существу имеют очень мало общего с идеями большевиков-ленинцев и только потому оставались в нашей среде, что их дезорганизаторская и в значительной мере деморализующая работа слишком долго оставалась безнаказанной. Даже во время своей кратковременной поездки в Лондон Витте сделал попытку противопоставить британскую секцию нашей интернациональной организации и ее руководящему центру. С этой целью он заявил, в частности, британским товарищам, будто предложение о вступлении в НРП исходит от отдельных лиц, а вовсе не от Пленума. Между тем Пленум при

активном участии Витте принял единогласное заключение по этому вопросу (соответственная выписка из протокола прилагается)²⁷⁰. Не помнить этого постановления тов. Витте не мог, ибо он официально взял на себя его проведение, т. е. его защиту перед британскими товарищами.

Один этот пример, наряду с приведенными выше, дает достаточное представление о тех методах, к каким прибегает тов. Витте. Во имя какой цели? Он заявляет, что его не отделяют никакие политические разногласия от левой оппозиции. Такие заявления мы слышали десятки раз от Росмера, Ландау, Фрея, Милля и проч. Все они согласны были принять "идеи" левой оппозиции с тем, чтобы это не обязывало их на практике ни к последовательной политике, ни к искренней коллективной работе, ни к революционной дисциплине. Такого рода отношение к идеям левой оппозиции характеризует не большевика-ленинца, а мелкобуржуазного попутчика. Присутствие подобных элементов в нашей организации, вообще говоря, до известного времени неизбежно; лучшие из них постепенно перевоспитаются в пролетарской среде, худшие будут извергнуты. Но совершенно очевидно, что мелкобуржуазным попутчикам, притом проникнутым мыслью: "организация - это я", не место в руководящем органе нашей интернациональной организации.

Товарищ Витте ведет широкую агитацию против Пленума И[нтернационального] С[екретариата], обвиняя его в неработоспособности и проч. Мы отнюдь не склонны закрывать глаза на недостатки и прорехи в нашей работе. Мы намерены сделать все, чтобы улучшить работу И[нтернационального] С[екретариата] во всех отношениях. Мы просим, однако, товарищей не забывать, что в составе Пленума нет ни одного платного работника, который мог бы посвящать делам И[нтернационального] С[екретариата] все свое время. Нет также и технических работников для переписки или размножения документов.

Как ни велики, однако, недочеты в нашей работе, Витте меньше, чем кто бы то ни было, имеет право бросать нам упреки. До сентября тов. Витте был в течение [нескольких] месяцев платным перманентным секретарем. По признанию всех товарищей, именно в этот период И[нтернациональный] С[екретариат] почти совершенно не существовал, письма оставались без ответа, большинство секций жаловалось на отсутствие каких бы то ни было директив. Мы не считаем оправданием Витте то обстоятельство, что он все свое время посвящал закулисной агитации.

Пленум И[нтернационального] С[екретариата] неоднократно обращался к тов. Витте с напоминанием о его обязанностях и с предложением ввести свою оппозицию в легальные рамки. Витте отвечал на такие товарищеские напоминания и призывы только усилением своей дезорганизаторской деятельности. Дальше такое состояние не может быть терпимо. Пленум не может допустить того, чтобы один из его членов систематически и сознательно нарушал дисциплину и призывал к этому же подчиненные организации.

Пленум постановляет: считать невозможным дальнейшее сотрудничество с Витте; возложить на тов. Витте всю ответственность за такой результат; осудить тов. Витте перед лицом всей интернациональной оппозиции; призвать

нашу реческую секцию заменить Витте другим товарищем, действительно стоящим на основе организационных принципов большевизма.

[Л.Д.Троцкий]

28 сентября 1933 г.

[Письмо Н.И.Седовой]

28 сент[ября] 1933 г.]

Наталочек, Наталочек, мой далекий. Сегодня целый день буря, казалось, снесет дом. Я додиктовал наконец большую статью для "Бюллетеня" и вообще для нашей печати, завтра закончу обработку и пошлю Лева. Кажется, вышло неплохо - по вопросу, к[о]т[о]рый очень волнует теперь нашу публику: остается ли еще СССР рабочим государством?271

Получил кучу писем от лиц, желающих видеть меня: американская журналистка, сочувствующая коммунизму, швейцарский товар[ищ] Ост, нем[ецкий] писатель Толлер272, страсбургский редактор, 2 бельгийских т[овари]ща (Варекен273 - он тебе кланяется - и еще один). Чи-жа-ло274 становится, а отказывать невозможно. Большинство визитов придется, однако, на время после отдыха. Ван завтра уезжает на конференцию, письмо это передам, вероятно, через него, авось не потеряет. Неровность моего почерка объясняется тем, что я пишу на колене, в угловом кресле, которое возлюбил. Сара очень хорошо поправилась, рожица почти цветущая. У Веры прекрасный характер: работает, как невольница, но всегда весела и приветлива, Жанна работает не меньше, но она как-то рассеяннее и угрюмее, хотя за последнее время стала относиться ко мне не совсем, как к учреждению, а немножко как к старшему члену семьи, что ли... Мальчики обносились и заработались до чертиков, особенно Ван, "технократ". Обыкновенно по вечерам я читаю в углу газеты, но сегодня их не принесли: газетчик ликвидировался за отсутствием публики, придется ездить, очевидно, на вокзал. Еще присовокупляю, милая Наталочка, что я сижу в теплых туфлях и ни разу еще здесь не озяб, чего и Вам желаю.

Малярное свое лечение я закончил, завтра начинаю принимать укрепляющее средство: фосфор со стрихнином. Чувствую себя удовлетворительно, голова вполне ясная, только сплю не очень хорошо. Но отдых, надеюсь, вернет и сон.

Хочу сейчас написать еще несколько слов Лине Сем[еновне] Клячко об ее сыне: ей приятно будет услышать хороший отзыв.

Только что сошел вниз, снес газеты, - Шмидт как раз садился за пианино, я остался в столовой со всеми... Passionata...275 стыдно, я чуть-чуть там не расплакался, нет выше этой музыки, - хотя, что я знаю о музыке, Наталочка. Удастся ли тебе в Париже послушать настоящую музыку? Боюсь только, что не засну, очень меня взволновала музыка. Какой мир носил в себе Бетховен, - и какое оставил наследство! Эррио написал книгу о Бетховене276, мне кажется, такой филистер не может понять фигуру Бетховена (хотя что, собственно, я знаю о Бетховене?..)

29 сент[ября]. Вот я опять проснулся, еще открылся новый день, хочу сейчас работать над статьей, а после нее написать (до отъезда) о романе Мальро²⁷⁷. Будь здорова, Наталочка, не будь такой грустной, по письмам твоим (и по редкости их) вижу, что ты чувствуешь себя физически скорее плохо и вообще как будто угнетена. Милая моя, милая, будь здорова.

Твой
Л.[Троцкий]

Британской секции большевиков-ленинцев

2 октября 1933

Дорогие товарищи,

Я получил копию вашего письма от [...]278 сентября. Позволяю себе высказать по вопросу о вступлении в НРП некоторые дополнительные соображения.

1. Мы не преувеличиваем значения НРП. В политике, как и в физическом мире, все относительно. По сравнению с вашей маленькой группой НРП - большая организация. Ваш маленький рычаг недостаточен для воздействия на Лейбор Парти, но может произвести большой эффект в отношении НРП.

2. Мне кажется, что Вы склонны немножко смотреть на НРП глазами сталинской партии, т. е. преувеличивать число мелкобуржуазных элементов и преуменьшать пролетарскую часть партии. Но если даже считать, что рабочих всего 10% (явное преуменьшение, ибо вы игнорируете провинцию), то и тогда окажется 1000 революционно настроенных рабочих. На самом деле гораздо больше.

3. Скачок от тысячи до 10000 гораздо легче, чем скачок от сорока до тысячи.

4. Вы говорите о преимуществах воздействия на НРП извне. Взятые в широком историческом масштабе, ваши доводы бесспорны, но бывают исключительные, повторяющиеся положения, которые надо уметь использовать при помощи исключительных мер. Революционные рабочие НРП сегодня еще держатся за свою партию. Их ни в каком случае не может привлекать перспектива примкнуть к группе в 40 человек, принципы которой им малоизвестны. Если они разочаруются в течение ближайшего года в НРП, они пойдут не к вам, а к сталинцам, которые сломают им позвоночник.

Если вы вступаете в НРП, чтобы работать над большевистским преобразованием партии (т. е. ее революционного ядра), то рабочие отнесутся к вам как к товарищам, сотрудникам, а не как к противникам, которые хотят извне расколоть партию.

5. Если бы дело шло к сложившейся однородной партии с устойчивым аппаратом, вхождение было бы не только бесцельно, но и пагубно. Но состояние НРП совсем иное: аппарат неоднороден и потому предоставляет разным течениям большую свободу. Революционная часть партии жадно ищет ответов. Оставаясь самостоятельной, группа ваша является в глазах рабочих только маленьким

конкурентом сталинцев. Внутри партии вы гораздо успешнее можете сделать рабочим прививку против сталинизма.

6. Я думаю (это мое личное мнение), что даже отказавшись от собственного органа, вы с успехом сможете использовать орган НРП, как "Нью Лидер", так и дискуссионный орган. Американский "Милитант" может с успехом дополнить вашу работу, как и интернациональный "Бюллетень".

7. Должны ли все члены группы войти в НРП? Это вопрос чисто практический. (Если товарищи, работающие в компартии Великобритании, имеют широкое поле деятельности, они могут и дальше оставаться в ней. Хотя я лично думаю, что полезный эффект их работы был бы в несколько раз выше в НРП в настоящих условиях).

8. Войдете ли вы в НРП как фракция или индивидуально, это вопрос чисто формальный. По существу вы, конечно, будете фракцией, подчиняющейся общей дисциплине. Перед вступлением вы делаете открытое заявление: "Наши взгляды известны, мы основываемся на принципах большевизма-ленинизма и сложились как часть Интернациональнойлевой Оппозиции. Ее идеи мы считаем единственной основой, на которой может быть воздвигнут новый Интернационал. Мы вступаем в НРП, чтобы убедить членов партии на повседневной практической работе в правильности наших идей и в необходимости для НРП примкнуть к инициаторам нового Интернационала".

9. В каком смысле такое заявление может уменьшить престиж вашей группы? Мне это непонятно.

Разумеется, наш Интернациональный Секретариат не имел и не имеет в виду заставить вас голым приказом войти в НРП. Если вы сами не убедитесь в полезности такого шага, то ваше вхождение не принесет никакой пользы. Шаг исключительно ответственный, и его надо хорошо обдумать и взвесить. Цель настоящего письма, как и предшествующих моих писем, помочь вашей дискуссии.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

Редакции "Нью Лидер"

2 октября 1933 г.

Дорогие товарищи,

В номере "Дейли Уоркер" 279 от 14 сентября я нашел письмо тов. С.А.Смита, который защищает НРП от обвинения в том, будто ее делегация в Париже участвовала в построении Интернационала 2 1/2280. У меня нет никакого основания вмешиваться в эту полемику по существу. Но я не могу не отметить того, что из письма тов. Смита можно сделать вывод, будто в Париже действительно было положено основание Интернационалу 2 1/2, хотя и без участия НРП. Я считаю необходимым рассеять перед аудиторией "Нью Лидер" всякие недоразумения на этот счет.

На Парижской конференции действительно участвовали некоторые организации, занимающие промежуточное положение между 2-м и 3-м

Интернационалами. Таковы: Норвежская рабочая партия, французская ШЮП, итальянские максималисты и проч. Но как раз все эти организации высказались против нового Интернационала. В пользу создания нового Интернационала, но не 2 1/2, а Четвертого, высказались четыре организации: Интернациональная левая оппозиция, Социалистическая рабочая партия Германии и две голландские социалистические партии: Независимая и Революционная.

Я горячо советую читателям "Нью Лидер", как впрочем, и читателям "Дейли Уоркер", ознакомиться с Декларацией названных организаций "О необходимости нового Интернационала и его принципах"²⁸¹. Здесь я приведу только один параграф из одиннадцати.

Пар[аграф] 8. "Готовые к сотрудничеству со всеми теми организациями, группами, фракциями, которые на деле развиваются от реформизма или бюрократического центризма (сталинизма) в сторону революционной марксистской политики, ниже подписавшиеся категорически заявляют в то же время, что новый Интернационал должен исключать какое бы то ни было примиренчество по отношению к реформизму или центризму. Необходимое единство рабочего движения не может быть достигнуто смешением революционных и реформистских взглядов или приспособлением к сталинской политике, но только через преодоление политики обоих обанкротившихся Интернационалов. Чтобы новый Интернационал был достоин своих задач, он не должен допускать никаких уклонов от революционных принципов в вопросах восстания, пролетарской диктатуры, советской формы государства и т. д."

В заключение позволяю себе сказать, что Интернациональная левая оппозиция (большевики-ленинцы) стоит гораздо дальше от принципов центризма (номер 2 1/2), чем нынешний барбюсированный Коминтерн.

С революционным приветом

Л.Троцкий

[Письмо Н.И.Седовой]

3 окт[ября] 1933 г.]

Наталочка, я не писал тебе дня три, отчасти ожидая писем от тебя, отчасти ожидая тебя самое, отчасти из-за статьи, к[о]т[о]рую заканчивал. Не знаю, что скажет молодежь (они в большинстве своем слишком беглые читатели), а мне кажется, что статья удалась...

Сегодня после завтрака (час дня) получил от тебя сразу два письма, от 29 и 1 окт[ября] с приложением двух открыток. Спасибо, Наталочка! Чтобы не забыть: Отто привез из Чехосл[овакии] в Париж фотограф[ические] карточки и медикамент для меня. Не растащили бы карточки и не потеряли бы медикамент (очень важный!!). Я еще, впрочем, Леве напишу.

В П[ачука] к врачу я нисколько не стремлюсь, совсем наоборот. Забота моя одна: ликвидировать как можно скорее [дела] здесь, чтобы освободить Ж[анну] и В[еру]!

Если Анри приедет раньше, тем лучше!

Погода здесь стоит великолепная: теплая (я в парусине при откр[ытых] окнах), тихая. Время от времени пробежит совсем летний дождь... Хочу еще здесь написать статью о романе Мальро (до отъезда).

Последние дни отвечал на письма, много написал, а все еще остается много писем неотвеченных. Корреспонденция пугает меня своими размерами. А ведь только начинается...

Я раньше просил Анри привезти сюда парикмахера, потом отменил это, сейчас колеблюсь. Во всяком случае, хорошо бы иметь краску для волос. Может быть ты, Наталочка, что-нибудь присоветуешь на этот счет Леве или Анри?..

Завтра как будто гости будут: Вареекен, один или с кем-нибудь. И швейцарский товарищ (не то мужчина, не то женщина) собирался приехать в самом начале окт[ября]. Остальные - позже. Хочу сейчас продиктовать еще циркуляр для пленума.

Оказывается, скоро едут на почту, а я хочу еще продиктовать письмо Леве. Прости, родненькая, что письмо вышло такое беглое, я хотел просто дать о себе знать - ввиду перерыва в три дня, - а написать лучше не мог, т[ак] к[ак] писал днем, с перерывами.

Будь здорова, скоро-скоро увидимся.

Обнимаю. Твой

Л.[Троцкий]

О предстоящей конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи (в Амстердаме 9-10 декабря 1933 г.) 282

Очень важно и спешно!

Всем секциям и юношеским организациям большевиков-ленинцев

Проект

Дорогие товарищи!

Мы прилагаем при сем копию циркулярного письма, разосланного голландским Социалистическим союзом молодежи, примыкающим к дружественной нам партии ОСП. Дело идет о созыве через два месяца международной конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи. Мы придаем этой инициативе исключительное значение. Крушение обоих Интернационалов тяжелее всего отражается на молодежи, как на слабейшем звене пролетарской армии. Возрождение интернационального рабочего движения и создание нового Интернационала немыслимо без пробуждения, сплочения, интернационального объединения, революционно-теоретического и боевого воспитания пролетарской молодежи. Конференция в Амстердаме может и должна стать важным этапом на этом пути.

Из приложенного циркулярного письма явствует, что в конференции должны принять участие очень разнообразные по своей политической физиономии организации и группы революционной молодежи. Мы считаем такого рода состав на данной стадии не только неизбежным, но и политически правильным. Дело

идет не о каких-либо сложившихся партиях с окостеневшей бюрократией. Все организации молодежи, перечисленные в циркулярном письме, или, по крайней мере, подавляющее большинство их, находятся в процессе формирования, прodelывают эволюцию в сторону коммунизма и еще только ищут своего теоретического и политического самоопределения. На такого рода юношеской конференции молодые большевики-ленинцы могут выполнить работу неизмеримой важности.

Два месяца срок небольшой. Необходимо немедленно же приступить к подготовке достойного участия в конференции наших секций. Интернациональный секретариат создал при себе с этой целью особую Центральную комиссию под председательством одного из членов Секретариата с участием представителей коммунистической молодежи трех национальных секций: в руках этой комиссии будет сосредоточена вся подготовительная работа под общим руководством Интернационального секретариата.

Мы рекомендуем правлениям национальных секций создать при себе подобного же рода национальные комиссии, с тем чтобы они немедленно же приступили к работе.

Первая задача состоит в серьезной проработке предложенного голландскими товарищами порядка дня, в подготовке проектов резолюций, в дополнении порядка дня новыми вопросами, в выработке политических и организационных предложений и проч. Все такого рода предложения, хотя бы и очень кратко, должны немедленно посылаться Центральной комиссии по указанному ниже адресу. Желательно в то же время, ввиду краткости времени, чтобы каждая секция немедленно рассылала свои предложения другим секциям, что, конечно, не освободит Центральную комиссию от рассылки необходимых материалов.

Желательно, чтобы как можно большее число наших секций и групп послали своих представителей на конференцию. Мы вынуждены, однако, заранее предупредить, что каждая секция должна будет сама покрыть расходы по поездке. Некоторые секции могут соединять свои усилия для посылки одного общего делегата. Вполне допустима, разумеется, передача мандата товарищу, живущему за границей, если он близко знаком с жизнью данной секции и выражает ее точку зрения.

В тех случаях, где материальные трудности помешают посылке делегата, необходимо выработать собственное приветствие конференции с кратким отчетом о работе среди молодежи и с кратким изложением общей принципиальной позиции.

Мы не сомневаемся, что в разных странах существуют организации, группы и фракции молодежи, которые еще не вошли в перечень голландских товарищей, но которые с полным успехом могут быть приглашены к участию в конференции. Мы предлагаем вам немедленно установить такие организации в вашей стране, сообщить о них голландской организации для официального их приглашения и в то же время уже немедленно начать с ними предварительные переговоры об их участии в конференции.

Когда первые подготовительные шаги будут сделаны и национальная комиссия достаточно овладеет вопросом, крайне желательно созвать, где

возможно, открытые собрания революционной молодежи на тему: "Интернациональная конференция молодежи в Амстердаме". На таких собраниях желательно проводить краткие резолюции, указывающие на необходимость сплочения пролетарской молодежи на революционных основах марксизма.

Важнейшим пунктом порядка дня является 4-й: "Основные принципы и формы интернационального сотрудничества". По этому вопросу должен быть выработан проект программной декларации, которая должна будет в своем дальнейшем развитии стать хартией нового Интернационала молодежи. Мы приглашаем все секции без исключения внести те или другие предложения по этому вопросу. Со своей стороны, мы считаем совершенно необходимым вынести особую резолюцию по вопросу "Революционная молодежь и теория марксизма". Важнейшей задачей большевиков-ленинцев на данной, первоначальной, стадии интернационального движения молодежи будет поставить со всей решительностью вопрос о том, что Четвертый Интернационал, если он хочет стоять на высоте задач нашей эпохи, должен быть построен на гранитном фундаменте марксистской теории. Именно молодежи должно быть привито понимание неопределимого значения марксистской теории как орудия революционной практики. Недооценке значения теории, тем более пренебрежительному отношению к теории в рядах молодежи (такие настроения характерны для организаций в духе "Двухсполовинного" [Интернационала]) должен быть дан товарищеский по форме, но непримиримый по существу отпор.

Вопрос о борьбе с фашизмом и с войной займет по необходимости важное место в работах конференции. Здесь мы должны с особой отчетливостью выдвинуть ленинские принципы революционной стратегии в противовес реформистскому и австро-марксистскому капитулянтству, центристской половинчатости всех видов и маскарадной "политике" Барбюса-Мюнценберга, которая своей ложью и фальшью, внешними эффектами и пустотой особенно губительна для революционного движения молодежи.

Таковы важнейшие соображения и указания, которые мы можем дать вам в настоящий момент. Мы твердо рассчитываем на вашу инициативу и настойчивость в подготовительной работе. Дело идет о вопросе - это можно сказать без преувеличения - исторической важности! Большевики-ленинцы могут и, следовательно, обязаны сыграть крупную роль в создании нового Интернационала молодежи.

Мы надеемся, что не позже, как через три дня по получении настоящего письма вы пришлете нам краткое сообщение о ваших планах, возможностях и об уже предпринятых вами практических шагах по подготовке к конференции.

Интернациональный Секретариат

6 октября 1933 г.

Что такое национал-социализм?

Наивные умы полагают, что королевское звание сидит в самом короле, в его горностаевой мантии и короне, в его костях и жилах. На самом деле

королевское звание есть взаимоотношение между людьми. Король только потому король, что через его особу преломляются интересы и предрассудки миллионов людей. Когда эти взаимоотношения размываются потоком развития, король оказывается лишь поношенным мужчиной с отвислой нижней губой. Об этом мог бы, по свежим впечатлениям, порассказать тот, кто назывался некогда Альфонсом XIII.

От вождя божьей милостью вождь милостью народа отличается тем, что вынужден сам проложить себе дорогу, по крайней мере, помочь обстоятельствам открыть себя. Но все же вождь есть всегда отношение между людьми, индивидуальное предложение в ответ на коллективный спрос. Споры насчет личности Гитлера тем острее, чем больше ищут тайну его успеха в нем самом. Между тем трудно найти другую политическую фигуру, которая в такой мере была бы узлом безличных исторических сил. Не всякий ожесточенный мелкий буржуа мог бы стать Гилером, но частица Гитлера сидит в каждом ожесточенном мелком буржуа.

Быстрый рост германского капитализма до войны отнюдь не означал простого уничтожения промежуточных классов; разоряя одни слои мелкой буржуазии, он заново создавал другие: ремесленников и лавочников - вокруг заводов, техников и администраторов - внутри заводов. Но, сохраняясь и даже возрастая численно - старая и новая мелкая буржуазия составляет не многим менее половины германского народа, - промежуточные классы лишились последней тени самостоятельности, жили на периферии крупной индустрии и банковской системы, питались крохами со стола монопольных трестов и картелей и идейными подачками их традиционных теоретиков и политиков.

Поражение воздвигло на пути германского империализма стену. Внешняя динамика превратилась во внутреннюю. Война перешла в революцию. Социал-демократия, помогавшая Гогенцоллерну довести войну до ее трагического конца, не дала пролетариату довести до конца революцию. 14 лет ушли на постоянные извинения веймарской демократии в собственном существовании. Коммунистическая партия звала рабочих на новую революцию, но оказалась неспособной руководить ею. Немецкий пролетариат прошел через подъемы и крушения войны, революции, парламентаризма и псевдобольшевизма. Одновременно с тем как старые партии буржуазии исчерпали себя вконец, динамическая сила рабочего класса оказалась подорвана.

Послевоенный хаос бил по ремесленникам, торговцам и служащим не менее жестоко, чем по рабочим. Сельскохозяйственный кризис разорял крестьян. Упадок средних слоев не мог означать их пролетаризацию, поскольку пролетариат сам выделял гигантскую армию хронических безработных. Пауперизация мелкой буржуазии, чуть прикрытая галстуком и чулками искусственного шелка, разъедала все официальные верования и прежде всего доктрину демократического парламентаризма.

Множественность партий, холодная горячка выборов, непрерывные смены министерств осложняли социальный кризис калейдоскопом бесплодных политических комбинаций. В атмосфере, накаленной войной, поражением,

репарациями, инфляцией, рурской оккупацией, кризисом, нуждой и ожесточением, мелкая буржуазия поднялась против всех старых партий, которые обманули ее. Острые обиды маленьких собственников, не выходящих из банкротства, их академических сыновей без должности и клиентов, их дочерей без приданого и женихов, требовали порядка и железной руки.

Знамя национал-социализма было поднято выходцами из низшего и среднего командного слоя старой армии. Украшенные знаками отличий офицеры и унтер-офицеры не могли поверить, что их героизм и страдания не только пропали даром для отечества, но и не дают им самим особых прав на благодарность. Отсюда их ненависть к революции и пролетариату. Они не хотели в то же время мириться с тем, что банкиры, промышленники, министры снова возвращают их на скромные места бухгалтеров, инженеров, почтовых чиновников и народных учителей. Отсюда их "социализм". На Изере²⁸³ и под Верденом²⁸⁴ они научились рисковать собою и другими и разговаривать языком команды, который сильно импонировал тыловому мелкому буржуа. Так эти люди стали вождями.

В начале своей политической карьеры Гитлер выделялся, может быть, только большим темпераментом, более громким голосом, более уверенной в себе умственной ограниченностью. Он не внес в движение никакой готовой программы, если не считать жажды мести оскорбленного солдата. Гитлер начал с обид и жалоб - на условия Версаля, на дороговизну жизни, на отсутствие почтения к заслуженному унтер-офицеру, на происки банкиров и журналистов моисеева закона²⁸⁵. Разоряющихся, утопающих, людей с рубцами и свежими синяками в стране нашлось достаточно. Каждый из них хотел стучать кулаками по столу. Гитлер умел это делать лучше других. Правда, он не знал, как поправить беду. Но его обличения звучали то как команда, то как мольба, обращенная к немилостивой судьбе. Обреченные классы, подобно безнадежно больным, не устают варьировать свои жалобы и выслушивать утешения. Все речи Гитлера были настроены по этому камертону. Сентиментальная бесформенность, отсутствие дисциплины мысли, невежество при пестрой начитанности - все эти минусы превращались в плюсы. Они давали ему возможность объединять в нищенской суме национал-социализма все виды недовольства и вести массу туда, куда она его толкала. Из собственных первоначальных импровизаций в памяти агитатора сохранялось то, что встречало одобрение. Его политические мысли являлись плодом ораторской акустики. Так происходил отбор лозунгов. Так уплотнялась программа. Так из сырого материала формировался "вождь".

Муссолини с самого начала сознательнее относился к социальной материи, чем Гитлер, которому полицейский мистицизм какого-нибудь Меттерниха²⁸⁶ ближе, чем политическая алгебра Макиавелли²⁸⁷. Муссолини умственно смелее и циничнее. Достаточно того, что римский атеист лишь пользуется религией как полицией или юстицией, тогда как его берлинский коллега действительно верит в особое покровительство Провидения. Еще в то время, когда будущий итальянский диктатор считал Маркса "нашим общим бессмертным учителем", он не без искусства защищал теорию, которая видит в жизни современного общества прежде всего взаимодействие двух основных классов: буржуазии и пролетариата.

Правда, писал Муссолини в 1914 г., между нами пролегают очень многочисленные промежуточные слои, которые образуют как бы "соединительную ткань человеческого коллектива"; но "в периоды кризиса промежуточные классы притягиваются, смотря по их интересам и их идеям, к одному или другому из основных классов". Очень важное обобщение! Как научная медицина вооружает возможностью не только лечить больного, но и кратчайшим путем отправить здорового к праотцам, так научный анализ классовых отношений, предназначенный его творцом для мобилизации пролетариата, дал возможность Муссолини, когда он перекинулся в противоположный лагерь, мобилизовать промежуточные классы против пролетариата. Гитлер совершил ту же работу, переведя методологию фашизма на язык немецкой мистики.

Костры, на которых сгорает нечестивая литература марксизма, ярко освещают классовую природу национал-социализма. Пока наци действовали как партия, а не [как] государственная власть, они почти не находили подступа к рабочему классу. С другой стороны, крупная буржуазия, даже та, которая поддерживала Гитлера деньгами, не считала его партию своей. Национальное "возрождение" полностью опиралось на промежуточные классы, наиболее отсталую часть нации, тяжелый балласт истории. Политическое искусство состояло в том, чтобы спаять мелкую буржуазию единством враждебности к пролетариату. Что нужно сделать, чтобы стало лучше? Прежде всего придавить тех, которые внизу. Бессильная перед крупным капиталом мелкая буржуазия надеется отныне разгромом рабочих вернуть себе социальное достоинство.

Наци называют свой переворот узурпированным именем революции. На самом деле в Германии, как и в Италии, фашизм оставляет социальную систему нетронутой. Взятый сам по себе переворот Гитлера не имеет права даже на имя контрреволюции. Но его нельзя рассматривать изолированно: он является завершением цикла потрясений, которые начались в Германии в 1918 году. Ноябрьская революция, передавшая власть рабочим и солдатским Советам, была, по своей основной тенденции, пролетарской. Но стоявшая во главе пролетариата партия вернула власть буржуазии. В этом смысле социал-демократия открыла эру контрреволюции, прежде чем революция успела довести свою работу до конца. Однако до тех пор пока буржуазия зависела от социал-демократии, следовательно, от рабочих, режим сохранял элементы компромисса. Между тем международное и внутреннее положение немецкого капитализма не оставляло больше места для уступок. Если социал-демократия спасла буржуазию от пролетарской революции, то пришла очередь фашизма освободить буржуазию от социал-демократии. Переворот Гитлера - только заключительное звено цепи контрреволюционных сдвигов.

Мелкий буржуа враждебен идее развития, ибо развитие идет неизменно против него: прогресс не принес ему ничего, кроме неоплатных долгов. Национал-социализм отвергает не только марксизм, но и дарвинизм²⁸⁸. Наци проклинаят материализм, ибо победы техники над природой означали победу крупного капитализма над мелким. Вожди движения ликвидируют "интеллектуализм" не столько потому, что сами обладают интеллектами второго

и третьего сорта, но прежде всего потому, что их историческая роль не допускает доведения ни одной мысли до конца. Мелкому буржуа нужна высшая инстанция, стоящая над материей и над историей и огражденная от конкуренции, инфляции, кризиса и продажи с молотка. Эволюции, экономическому мышлению, рационализму - двадцатому, девятнадцатому и восемнадцатому векам - противопоставляется национальный идеализм как источник героического начала. Нация Гитлера есть мифологическая тень самой мелкой буржуазии, ее патетический бред о тысячелетнем царстве на земле.

Чтобы поднять нацию над историей, ей дается опора расы. История рассматривается как эманация расы. Качества расы конструируются безотносительно к изменяющимся социальным условиям. Отвергая "экономическое мышление" как низменное, национал-социализм спускается этажом ниже: от экономического материализма он апеллирует к зоологическому материализму.

Теория расы, как бы специально созданная для претенциозного самоучки, ищущего универсальный ключ ко всем тайнам жизни, выглядит особенно плачевно в свете истории идей. Чтобы создать религию истинно германской крови, Гитлеру пришлось из вторых рук позаимствовать идеи расизма у француза, дипломата и писателя-дилетанта графа Гобино²⁸⁹. Политическую методологию Гитлер нашел готовой у итальянцев. Муссолини широко использовал марксову теорию классовой борьбы. Сам марксизм явился плодом сочетания немецкой философии, французской истории и английской экономики. Проследить ретроспективно генеалогию идей, даже наиболее реакционных и тупоумных значит не оставить от расизма ни следа.

Безмерная скудность национал-социалистической философии не помешала, разумеется, университетской науке вступить на всех парусах в фарватер Гитлера, когда его победа достаточно определилась. Годы веймарского режима были для большинства профессорской черни временем смуты и тревоги. Историки, экономисты, юристы и философы терялись в догадках о том, какой из борющихся критериев истины настоящий, т. е. какой из лагерей окажется в конце концов хозяином положения. Фашистская диктатура устраняет сомнения Фаустов²⁹⁰ и колебания Гамлетов²⁹¹ университетской кафедры. Из сумерек парламентской относительности наука снова вступает в царство абсолютов. Эйнштейну²⁹² пришлось разбить свой шатер за пределами Германии.

В плане политики расизм есть надутая и хвастливая разновидность шовинизма в союзе с френологией. Как разорванное дворянство находило утешение в благородстве своей крови, так пауперизованная мелкая буржуазия упивается сказками об особых преимуществах своей расы. Достоинно внимания то, что вождями национал-социализма являются не германские немцы, а выходцы из Австрии, как сам Гитлер, из бывших балтийских провинций царской империи, как Розенберг²⁹³, из колониальных стран, как нынешний заместитель Гитлера по управлению партией Гесс²⁹⁴. Нужна была школа варварской национальной возни на культурных окраинах, чтобы внушить "вождям" те идеи, которые нашли впоследствии отклик в сердцах наиболее варварских классов Германии.

Личность и класс - либерализм и марксизм - зло. Нация - добро. Но у

порога собственности эта философия выворачивается наизнанку. Только в личной собственности - спасение. Идея национальной собственности - исчадие большевизма. Обогащая нацию, мелкий буржуа ничего не хочет отдавать ей. Наоборот, он ждет, чтобы нация его самого наделила собственностью и оградила ее от рабочего и от судебного пристава. К несчастью, третий рейх не даст мелкому буржуа ничего, кроме новых налогов.

В области современного хозяйства, международного по связям, безличного по методам, принцип расы кажется выходцем со средневекового кладбища. Наци заранее идут на уступки: чистота расы, которая в царстве духа удостоверяется паспортом, в области хозяйства должна доказываться главным образом деловитостью. В современных условиях это значит: конкурентоспособностью. Через заднюю дверь расизм возвращается к экономическому либерализму, освобожденному от политических свобод.

Практически национализм в хозяйстве сводится к бессильным при всей своей грубости взрывом антисемитизма. От современной экономической системы наци отвлекают в качестве нечистой силы ростовщический или банковский капитал: как раз в этой сфере еврейская буржуазия занимает, как известно, крупное место. Склоняясь перед капитализмом в целом, мелкий буржуа объявляет войну злему духу наживы в образе польского еврея в длинном кафтане и нередко, без гроша в кармане. Погром становится высшим доказательством расового превосходства.

Программа, с которой национал-социализм пришел к власти, - увы, - весьма напоминает еврейский "универсальный" магазин в глухой провинции: чего тут нет - по низким ценам и еще более низкого качества! Воспоминания о "счастливых" временах свободной конкуренции и смутные предания об устойчивости сословного общества; надежды на возрождение колониальной империи и мечты о замкнутом хозяйстве; фразы о возвращении от римского права к старонемецкому и ходатайства об американском моратории; завистливая вражда к неравенству в виде особняка и автомобиля и животный страх перед равенством в виде рабочего в кепке и без воротника; беснование национализма и страх перед мировыми кредиторами... Все отбросы интернациональной политической мысли пошли на пополнение духовной сокровищницы новонемецкого мессианизма.

Фашизм открыл для политики дно общества. Не только в крестьянских домах, но и в небоскребах городов рядом с XX веком живет и сегодня X или XIII. Сотни миллионов людей пользуются электрическим током, не переставая верить в магическую силу жестов и заклинаний. Римский папа по радио проповедует о чуде превращения воды в вино. Звезды кинематографа гадают у гадалок. Авиаторы, управляющие чудесными механизмами, созданными гением человека, носят под свитером амулеты. Какие неисчерпаемые резервы тьмы, невежества и дикости! Отчаяние подняло их на ноги, фашизм дал им знамя. Все то, что при беспрепятственном развитии общества должно было бы быть выброшено из национального организма в виде экскрементов культуры, сейчас прорвалось через горло: капиталистическую цивилизацию рвет непереваренным варварством. Такова физиология национал-социализма.

Немецкий фашизм, как и итальянский, поднялся к власти на спине мелкой буржуазии, которую он превратил в таран против рабочего класса и учрежденной демократии. Но фашизм у власти - меньше всего правительство мелкой буржуазии. Наоборот, это самая беспощадная диктатура монополистского капитала. Муссолини прав: промежуточные классы не способны на самостоятельную политику. В периоды великих кризисов они призваны доводить до абсурда политику одного из двух основных классов. Фашизму удалось двинуть их на службу капитала. Такие лозунги как огосударствление трестов и упразднение нетрудовых доходов, по приходе к власти сразу оказались за бортом. Наоборот, партикуляризм немецких "земель", опиравшийся на особенности мелкой буржуазии, очистил место капиталистически-полицейскому централизму. Каждый успех внутренней и внешней политики национал-социализма будет неминуемо означать дальнейшее подавление мелкого капитала крупным.

Программа мелкобуржуазных иллюзий не отменяется; она просто отрывается от действительности и растворяется в ритуальных действиях. Объединение всех классов сводится к полусимволике трудовой повинности и к конфискации "в пользу народа" рабочего праздника 1 мая. Охранение готического шрифта в противовес лагинскому есть символический реванш за гнет мирового рынка. Зависимость от интернациональных, в том числе и еврейских, банкиров, не смягчается ни на иоту; зато запрещено резать животных по ритуалу талмуда. Если дно ада вымощено добрыми намерениями, то мостовые третьего рейха выстилаются символами.

Сводя программу мелкобуржуазных иллюзий к голому бюрократическому маскараду, национал-социализм поднимается над нацией, как наиболее чистая форма империализма. Надежды на то, что правительство Гитлера не сегодня-завтра падет жертвой своей внутренней несостоятельности, совершенно ложны. Программа необходима была наци, чтоб прийти к власти; но власть служит Гитлеру вовсе не для того, чтоб выполнять программу. Задания ставит ему монополистский капитал. Насильственная концентрация всех сил и средств народа в интересах империализма - подлинная историческая миссия фашистской диктатуры, - означает подготовку войны, а эта задача в свою очередь не терпит никакого внутреннего сопротивления и ведет к дальнейшей механической концентрации власти. Фашизм нельзя ни реформировать, ни уволить в отставку. Его можно только опрокинуть. Политическая орбита режима наци упитается в альтернативу: война или революция?

Л. Троцкий

Принкипо, 10 июня 1933 г.

P. S. Близится первая годовщина диктатуры наци. Все тенденции режима успели принять явный и отчетливый характер. "Социалистическая революция", которая рисовалась мелкобуржуазным массам как необходимое дополнение к национальной революции, официально ликвидирована и осуждена. Братство классов нашло свою кульминацию в том, что имущие в особо назначенный правительством день отказываются в пользу неимущих от ор-девра²⁹⁵ и десерта.

Борьба с безработицей свелась к тому, что полуголодную порцию делят на две части. Остальное есть задача унифицированной статистики. Плановая автаркия является просто новой стадией экономического распада.

Чем бессильнее полицейский режим наци в области хозяйства, тем более он вынужден переносить свои усилия в область внешней политики. Это вполне отвечает внутренней динамике германского капитализма, агрессивного насквозь. Внезапный поворот наци в сторону миролюбивых заявлений мог удивить только совершенных простаков. Какой другой метод остается в распоряжении Гитлера, чтобы перенести ответственность за внутренние бедствия на внешних врагов и накопить под прессом диктатуры взрывчатую силу империализма? Эта часть программы, открыто намеченная еще до прихода наци к власти, выполняется сейчас с железной последовательностью на глазах всего мира. Срок новой европейской катасторфы определяется временем, необходимым для вооружения Германии. Дело идет не о месяцах, но и не о десятилетиях. Немногих лет достаточно, чтоб Европа оказалась вновь ввергнута в войну, если Гитлеру не помешают своевременные внутренние силы самой Германии.

[Л.Д.Троцкий]

2 ноября 1933 г.

Вместо предисловия

Наши бельгийские друзья обратились ко мне с просьбой дать предисловие для брошюры, характеризующей политическое положение в Бельгии и задачи пролетариата. Я должен признать, что не имел возможности за последние годы следить изо дня в день за внутренней жизнью Бельгии. Я постараюсь, конечно, восполнить этот пробел. Но сегодня я во всяком случае не счел бы себя вправе высказаться с необходимой конкретностью по поводу актуальных, практических вопросов борьбы бельгийского пролетариата. В этом нет, однако, и надобности. Наши бельгийские товарищи, как показывает настоящая брошюра, умеют без помощи извне определять свой путь.

Вместо предисловия я хочу высказать несколько общих соображений о политическом положении Европы и вытекающих отсюда задачах пролетарского авангарда. Сказанное ниже относится и к Бельгии, поскольку общий кризис капитализма, рост фашизма и опасность войны накладывают решающую печать на внутреннюю жизнь всех стран Европы.

Победа национал-социализма в Германии привела в других европейских странах к усилению в пролетариате не коммунистических, а демократических тенденций. В особо яркой форме мы видим это на примере Англии и Норвегии. Но тот же процесс происходит несомненно и в ряде других стран. Весьма вероятно, в частности, что социал-демократия Бельгии пройдет в ближайший период через новый политический подъем. Что реформизм является худшим тормозом исторического развития и что социал-демократия обречена на крушение, - это для нас азбука. Но одной азбуки мало. Надо уметь различать конкретные этапы политического процесса. В общем историческом упадке реформизма, как и капитализма, неизбежны периоды временного подъема. Лампа, прежде чем

потухнет, вспыхивает всегда очень ярко. Формула: либо фашизм, либо коммунизм - совершенно верна, но лишь в последнем историческом счете. Пагубная политика Коминтерна, поддержанная авторитетом рабочего государства, не только скомпрометировала революционные методы, но и дала возможность социал-демократии, запятнанной преступлениями и изменами, снова поднять над рабочим классом знамя демократии как знамя спасения.

Десятки миллионов рабочих до глубины души встревожены опасностью фашизма. Гитлер показал им снова, что значит разгром рабочих организаций и элементарных демократических прав. Сталинцы утверждали в течение последних лет, что между демократией и фашизмом нет разницы, что фашизм и социал-демократия - близнецы. Рабочие всего мира на трагическом опыте Германии убедились в преступной нелепости таких речей. Отсюда дальнейший упадок сталинских партий в условиях исключительно благоприятных для революционного крыла. Отсюда же стремление рабочих держаться за свои массовые организации и за свои демократические права. Благодаря десятилетней преступной политике сталинизированного Коминтерна политическая проблема стоит перед сознанием миллионных рабочих масс не в виде решающей антитезы: диктатура фашизма или диктатура пролетариата, а в виде гораздо более примитивной и расплывчатой альтернативы: фашизм или демократия.

Надо брать исходное политическое положение, как оно есть, не делая себе никаких иллюзий. Разумеется, мы всегда остаемся верны себе и своему знамени; мы всегда и при всяких условиях открыто говорим, кто мы, чего хотим, куда идем. Но мы не можем механически навязать массам нашу программу. Опыт сталинцев на этот счет достаточно красноречив. Вместо того, чтобы сцепить свой паровоз с поездом рабочего класса и ускорить его движение вперед, сталинцы пускают свой паровоз с громким свистом навстречу поезду пролетариата, задерживают его движение вперед, а иногда сшибаются с ним, причем от маленького паровоза остается один лом. Результат такой политики налицо: в одних странах пролетариат стал беззащитной жертвой фашизма, в других странах он отброшен назад, на позиции реформизма.

О серьезном и длительном возрождении реформизма не может быть, разумеется, и речи. Дело идет, собственно, не о реформизме в широком смысле слова, а об инстинктивном стремлении рабочих охранять свои организации и свои "права". От этих часто оборонительных и консервативных позиций рабочий класс может и должен в процессе борьбы перейти в революционное наступление по всей линии. Наступление должно, в свою очередь, сделать массу восприимчивой к большим революционным задачам и, следовательно, к нашей программе. Но, чтобы достигнуть этого, надо уметь пройти открывающийся ныне период обороны вместе с массой, в ее первых рядах, не растворяясь в ней, но и не отрываясь от нее.

Сталинцы (и их жалкие подражатели, брандлерманцы) объявили демократические лозунги под запретом для всех стран мира: для Индии, которая не совершила еще своей освободительной национальной революции; для Испании, где пролетарскому авангарду еще только предстоит найти пути превращения

ползучей буржуазной революции в социалистическую; для Германии, где разбитый и распыленный пролетариат лишен всего, что он завоевал за последнее столетие; для Бельгии, пролетариат которой не сводит глаз со своей восточной границы и, подавляя глубокое недоверие в душе, поддерживает партию демократического "пацифизма" (Вандервельде²⁹⁶ и К||-). Голое отрицание демократических лозунгов сталинцы выводят абстрактным путем из общей характеристики нашей эпохи как эпохи империализма и социалистических революций. В такой постановке вопроса нет и грана диалектики! Демократические лозунги и иллюзии не отменяются декретом. Надо, чтобы масса прошла через них и изжила их в опыте боев. Задача авангарда состоит в том, чтобы сцепить свой паровоз с поездом массы. В нынешней оборонительной позиции рабочего класса нужно найти динамические элементы; нужно заставить массу делать выводы из ее собственных демократических посылок; нужно углублять и расширять русло борьбы. И на этом пути количество переходит в качество.

Напомним еще раз, что в 1917 году, когда большевики были уже неизмеримо сильнее каждой из нынешних секций Коминтерна, они продолжали требовать скорейшего созыва Учредительного собрания, снижения возрастного ценза, избирательных прав для солдат, выборности чиновников и проч. и проч. Главный лозунг большевиков "Вся власть Советам" означал с апреля до сентября 1917 года: вся власть социал-демократии (меньшевикам и эсерам). Когда реформисты заключили правительственную коалицию с буржуазией, большевики выдвинули лозунг "Долой министров-капиталистов". Это опять означало: рабочие, заставьте меньшевиков и эсеров взять в свои руки всю власть! Политический опыт единственной победоносной пролетарской революции искажен и оболган сталинцами до неузнаваемости. Наша задача и здесь состоит в том, чтобы восстановить факты и сделать необходимые выводы для сегодняшнего дня.

Мы, большевики, считаем, что действительным спасением от фашизма и войны является революционное завоевание власти и установление пролетарской диктатуры. Вы, рабочие-социалисты, не согласны встать на этот путь. Вы надеетесь не только спасти завоеванное, но и продвинуться вперед на путях демократии. Хорошо! Пока мы не убедили вас и не привлекли на нашу сторону, мы готовы пройти с вами этот путь до конца. Но мы требуем, чтобы борьбу за демократию вы вели не на словах, а на деле. Все признают - каждый по-своему, - что в нынешних условиях необходимо "сильное правительство". Заставьте же вашу партию открыть действительную борьбу за сильное демократическое государство. Для этого надо прежде всего смести вон все остатки феодального государства. Избирательное право надо дать всем мужчинам и женщинам, достигшим 18-ти лет, в том числе и солдатам армии. Полное сосредоточение законодательной и исполнительной власти в одних руках одной палаты! Пусть ваша партия откроет серьезную кампанию под этими лозунгами, пусть поднимет на ноги миллионы рабочих, пусть через натиск масс овладеет властью. Это было бы, во всяком случае, серьезной попыткой борьбы с фашизмом и войной. Мы, большевики, сохранили бы за собой право разьяснять рабочим недостаточность

демократических лозунгов; мы не могли бы взять на себя политической ответственности за социал-демократическое правительство, но мы честно помогли бы вам в борьбе за такое правительство; вместе с вами мы отбивали бы все атаки буржуазной реакции. Более того, мы обязались бы перед вами не предпринимать революционных действий, выходящих за пределы демократии (действительной демократии), пока большинство рабочих не стало бы сознательно на сторону революционной диктатуры.

Таково должно быть в ближайший период наше отношение к социалистическим и беспартийным рабочим. Заняв вместе с ними исходные позиции демократической обороны, мы должны сразу же придать этой обороне серьезный пролетарский характер. Надо твердо сказать себе: мы не допустим того, что произошло в Германии. Надо, чтобы каждый передовой рабочий насквозь проникся мыслью: не позволить фашизму поднять голову. Надо постепенно и настойчиво окружать рабочие дома, редакции и клубы кольцом пролетарской защиты. Надо столь же настойчиво окружать все очаги фашизма (редакции газет, клубы, фашистские казармы и проч.) кольцом пролетарской блокады. Надо заключать боевые соглашения политических, профессиональных, культурных, спортивных, кооперативных и иных рабочих организаций о совместных действиях по обороне всех учреждений пролетарской демократии. Чем более серьезный и вдумчивый, чем менее крикливый и хвастливый характер будет иметь эта работа, тем скорее она завоеует доверие пролетарских масс, начиная с молодежи, и тем вернее она приведет к победе.

Таковыми представляются мне основные черты действительно марксистской политики в ближайший период. В разных странах Европы эта политика примет, конечно, различную форму в зависимости от национальных обстоятельств. Внимательно следить за изменением обстановки и за сдвигами в сознании масс и выдвигать на каждом новом этапе лозунги, вытекающие из всей обстановки, - в этом и состоит задача революционного руководства!

Л. Троцкий

7 ноября 1933 г.

[Письмо американским издателям Саймону и Шустеру]²⁹⁷

Саймон и Шустер

Вы спрашиваете, какие книги, по моему мнению, заслуживают издания в Америке. Первым делом, хочу назвать молодого французского писателя Мальро...²⁹⁸

Этот роман не хочет быть только произведением словесного мастерства²⁹⁹. Он ставит большие проблемы человеческой судьбы. В300 условиях социального и культурного кризиса, охватившего весь мир, вопросы³⁰¹, всегда волновавшие человека и большое искусство: жизнь и смерть, любовь и героизм, личность и общество - с новой остротой встают перед творческим сознанием³⁰². Из этого источника только и может обновиться современное искусство, истощившее себя в поисках чисто формальных достижений.

Мальро в последнем счете индивидуалист и пессимист. Подобное³⁰³ ощущение мира и жизни мне психологически³⁰⁴ чуждо, чтобы не сказать³⁰⁵ враждебно. Но в³⁰⁶ пессимизме Мальро, поднимающемся до отчаяния, заложено героическое начало. Мальро берет своих интерн[ациональных] героев на фоне революции. Театром личных драм является Шанхай 1927 года. Автор близко знает китайскую революцию по собственному опыту. Но в романе нет ни этнографии, ни истории. Это роман человеческих судеб³⁰⁷ и личных страстей, которым революция сообщает³⁰⁸ предельную силу³⁰⁹ напряжения. Индивидуалист и пессимист³¹⁰ поднимается в конце концов над индивидуализмом³¹¹ и пессимизмом. Только большая сверхличная цель, за которую человек готов заплатить ценою своей жизни, придает смысл личному существованию. Таков последний смысл³¹² романа, чуждого философской дидактичности и остающегося с начала до конца подлинным произведением искусства.

[...]313

Именно в Соединенных Штатах, где грозный кризис привычных условий существования безжалостно подкапывает чисто эмпирическое отношение к жизни, роман Мальро должен, мне кажется, найти многочисленных читателей.

Л.Троцкий

9 ноября 1933 г.

Замечания по поводу декларации "Активно-социалистического фронта"³¹⁴

1. Совершенно не ясно, что должен представлять собой по мысли инициаторов активно-социалистический фронт: постоянный блок существующих рабочих партий или новую партию? По-видимому, это не вполне ясно и самим инициаторам. Если дело идет о новой партии, то какова ее программа, каковы принципы стратегии и тактики? Если дело идет о соглашении существующих партий, то каких именно и на почве каких конкретных задач? Из некоторых мест декларации можно сделать вывод, что дело идет о постоянном соглашении всех существующих рабочих организаций для разрешения всех задач классовой борьбы. Но такой постоянный блок, неизбежно лишаящий самостоятельности всех участников, ничем по существу не отличается от партии, хотя бы и "сверхпартийной". Снова возникает вопрос: где же программа?

2. Причину поражения германского пролетариата декларация видит в негодном руководстве. Само по себе это бесспорно, но негодность декларация сводит к недостаточной "активности". Всякая сила характеризуется также и своим направлением. Об этом в декларации ни слова. Активность - по какой линии, во имя каких целей, какими методами?

Масса и аппарат, - гласит декларация, - были в Германии превосходны, несостоятельным оказалось только руководство. Это неправильная, чисто механическая постановка вопроса. Аппарат есть группировка людей на основе определенных идей и методов (программа и тактика). Каким образом аппарат мог быть "превосходен", если идеи и методы руководства оказались никуда не годны? Между массой и аппаратом, между аппаратом и руководством не

механическая, а диалектическая связь: они воздействуют друг на друга и воспитывают друг друга: при негодном руководстве аппарат не может быть превосходным; при плохом аппарате масса не может быть подготовлена к революционной борьбе.

3. Декларация говорит о "злосчастном расколе" рабочего движения. Здесь опять обнаруживается непонимание значения программы и тактики партии. Раскол есть продукт непримиримости программ. Может ли быть речь о нашем единстве с фашистскими рабочими организациями? Авторы декларации признают, надеемся, что нет. Но разногласие между марксистской и реформистской политикой не менее непримиримо, хотя и располагается в другой плоскости. Вся политика социал-демократии как партии направлена на сохранение, упрочение, лечение, оздоровление капиталистического государства. Политика революционной партии направлена на ниспровержение капиталистического государства. Каким же образом эти две партии могут объединиться?

Противоположность программ не исключает, однако, возможности временного единого фронта там, где дело идет об обороне от общего врага, угрожающего непосредственно обеим партиям. Задачи и методы совместных действий должны быть совершенно ясно и точно определены.

4. Совершенно нельзя согласиться с декларацией в отношении той решающей роли, которая отводится психотехнике, заменяющей по существу политику. Единственный пример успешного завоевания власти пролетариатом дала Россия. Между тем большевистская партия руководилась не психотехникой, а марксистскими принципами политики. Декларация много говорит о мужестве, энтузиазме, самопожертвовании, противопоставляя их экономическим интересам пролетариата. Противопоставление это совершенно не научно. Энтузиазм масс вызывается не психотехническими приемами, а ясной постановкой революционных задач. При наличии правильной политики технические методы и формы агитации имеют, конечно, свое значение. Но и относительно психотехники декларация не дает сколько-нибудь серьезных новых или ценных указаний. В конце концов все сводится к нескольким символам. Этого мало для побед.

Крайне любопытно, что для общего фронта декларация предлагает "три стрелки" и возглас "свобода". Но ведь эта социал-демократическая символика не помешала ни партии, ни железному фронту обнаружить полную свою внутреннюю гнилость. Три стрелки есть сейчас знак политического банкротства. Было бы наивно думать, что под этим знаком пролетарская революция будет собирать свои батальоны.

5. Вместо политической программы действий декларация предлагает "психологическое перемирие" в рабочем классе. Кто нарушит перемирие, кто позволит себе оскорбительные выражения по адресу другого "социалиста", тот будет объявлен предателем. Замечательное решение вопроса! Предателем можно отныне объявлять лишь того, кто невежливо выражается; если же Гильфердинг служит капиталистическим министром финансов или Гжезинский расстреливает рабочих, то их надо называть не предателями, а многоуважаемыми товарищами.

6. Свою психотехнику авторы пытаются обосновать на рефлексологии

Павлова³¹⁵. Что Павлов является гениальным психофизиологом, совершенно бесспорно. Но попытки самого Павлова механически переносить свои выводы в область политики не давали ничего, кроме реакционной путаницы. Подменять законы массовой борьбы законами индивидуальных рефлексов и ставить на место Маркса Павлова никуда не годится. (Позволю себе сослаться на свою полемику против Павлова в этом именно вопросе)³¹⁶.

7. Величайшая ошибка думать, что социал-демократия и компартия выживут и останутся во главе пролетариата. Исторический опыт и наблюдения величайших учителей пролетариата (Маркса, Энгельса, Ленина) одинаково свидетельствуют о том, что политическая катастрофа, ответственность за которую ложится на революционную партию, убивает данную партию и навсегда сводит ее со сцены.

Никакими вспрыскиваниями психотехники нельзя спасти социал-демократию. Нужна новая партия на основах Маркса и Ленина, с учетом всего международного опыта за последние десятилетия. Нужен новый, Четвертый Интернационал!

Л. Троцкий

13 ноября 1933 г.

Ответы на вопросы Аниты Бреннер³¹⁷, "New York Times"

1. Я считаю совершенно ложными всякого рода теории, которые пытаются объяснить кризис временными или случайными причинами, вроде последствий войны, националистического поветрия, ложной таможенной или валютной политики и проч. Все эти факты и процессы могут, конечно, обострить кризис, но они сами имеют производный характер. Сама война явилась попыткой (прежде всего со стороны германского капитала) предотвратить надвигающийся грандиозный кризис. Основная причина нынешнего кризиса в том, что производительные силы современного общества вступили в непримиримое противоречие как с частной собственностью на средства производства, так и с национальными границами государств. Производительные силы требуют плановой организации в общеевропейском, а затем и в мировом масштабе. Без этого и до этого возможны и неизбежны, конечно, конъюнктурные колебания; ближайшее же ухудшение конъюнктуры скоро приведет к новому, может быть, еще более болезненному кризису. Вся суть в том, что мы имеем сейчас не просто один из конъюнктурных кризисов нормального капиталистического цикла, нет, мы вступили в социальный кризис капитализма как системы. Все попытки опровергнуть или затушевать этот факт являются безнадежными.

2. Нет³¹⁸.

3. Нет.

4. Дело идет непосредственно не о "демократии", а о частной собственности на средства производства. Система планового хозяйства несовместима с системой частной собственности.

5. При помощи таких и подобных мер можно, может быть, продолжить конвульсии капиталистической системы, но нельзя вернуть ей жизнеспособность.

6. Ответ вытекает из сказанного выше.

7. О полном успехе говорить нельзя. Противоречия советского хозяйства еще очень велики и в некоторых отношениях даже обострились. Но только слепой может не видеть грандиозной силы планового метода, опирающегося на национализированную собственность.

8. СССР не есть еще ни коммунистическое, ни социалистическое государство. Это переходная система от капитализма к социализму, причем до социализма остается еще долгий и трудный исторический путь.

9. Практическое доказательство того, что возможна успешная хозяйственная работа без капиталистического класса.

10. Ошибки советского правительства многочисленны. Я их многократно критиковал в печати и затруднился бы здесь выделить самую крупную. Но несмотря на эти ошибки, СССР остается провозвесником новой общественной системы и серьезным фактором мира.

11. Гитлера надо опрокинуть. Этого нельзя сделать без революции. Нужно, чтобы массы оправились от поражения. Нужно, чтобы во главе масс стала новая революционная партия. Все это требует известного времени.

12. Это единственное, что ему остается в смысле "разрешения" внутренних вопросов. Охраняя капитализм, который он обещал разрушить, Гитлер вынужден отвлекать внимание масс от социальных вопросов к национальным и расовым.

13. Безусловно.

14. Большая война (я не говорю о превентивной малой войне) вряд ли возможна в Европе ранее трех-четырёх лет, необходимых для полного вооружения Германии. Но зато по истечении этого срока война станет неизбежной. На Дальнем Востоке, где японская военная камарилья совершенно потеряла голову, война возможна в любой час. Я считаю, что сближение между Соединенными Штатами и Советским Союзом должно образумить милитаристов Токио и в этом смысле является фактором мира.

15. Вся история человечества подошла к поворотному пункту, в том числе и история Соединенных Штатов. Впереди предстоят великие потрясения и трудности, может быть, даже временный упадок культуры. Но я не сомневаюсь, что человечество поднимется в конце концов на новую высоту.

16. Поколений.

Л. Троцкий

13 ноября 1933 г.

Ответы на вопросы Берлина, "Jewish Periodical" 319, New York

Что нужно для успешной борьбы с гитлеризмом? Прежде всего надо понять, что это большая и трудная задача, которой нельзя разрешить одними лишь средствами коммерческого бойкота. Вопрос разрешится внутри Германии. Внутренние противоречия гитлеровского режима велики, но они могут найти два разных выхода: война или революция.

В случае войны, которую Гитлер упорно и систематически подготавливает, судьба режима будет связана с судьбой войны. Но всякому мыслящему человеку

ясно сейчас, что в новой войне может погибнуть не только фашизм, но и культура Европы. А это была бы слишком дорогая цена!

Предотвратить войну может только революционное низвержение режима наци. В этом смысле я и говорю, что вопрос о Гитлере будет решен внутри Германии. В противоположность легкомысленным чиновникам Коминтерна, я не жду скорой революции в Германии. Катастрофа, которая обрушилась на германский пролетариат, слишком грандиозна. Разбиты не только его организации, но и его политические надежды. После таких страшных поражений народные массы нуждаются в значительном сроке, чтобы снова собраться с силами.

Одновременно пойдет создание новой пролетарской партии. Вы спрашиваете, не могут ли сохранить свое историческое место социал-демократия и компартия? Нет, не могут. Рабочий класс прощает своим вождям многие ошибки, но он не может простить и не простит чудовищных преступлений социал-демократии и позорного банкротства так называемой компартии. Вся история свидетельствует, что революционная партия, оказавшаяся несостоятельной в большом историческом испытании, сходит со сцены или, по крайней мере, теряет руководящую роль. Немецкий пролетариат будет собирать свои ряды под новым знаменем. Он будет строить новую партию и участвовать в строительстве нового Интернационала.

Этим я вовсе не хочу сказать, что вся предшествующая работа социал-демократии и компартии попросту вычеркивается из истории. Миллионы и миллионы рабочих социал-демократов и коммунистов мучительно размышляют сейчас над всем, что произошло, и вырабатывают себе, опираясь на свои старые знания, новый образ мыслей. Эта невидимая подпольная работа происходит на заводах, в тюрьмах и в концентрационных лагерях. Не случайно же три миллиона голосов под небывалым еще в мировой истории политическим террором ответили вчера Гитлеру: нет! Число это будет расти. Революционные борцы будут крепнуть и закаляться. Не так быстро, как мы бы хотели, но с железной необходимостью Германия идет навстречу величайшей революции.

Чем могут - спрашиваете вы - американские рабочие помочь борьбе немецкого пролетариата с фашизмом? Главная помощь может и должна состоять в борьбе с фашизмом на почве самой Америки. Немцы составляют значительную часть населения Соединенных Штатов. Гитлер хочет превратить их в закваску для американского фашизма. Трудящиеся массы Америки должны с величайшим вниманием следить за этим процессом. Надо, чтобы каждый американский рабочий сказал себе: мы не дадим фашистам поднять голову! Мало сказать - надо сделать. Надо окружить кольцом оборонительных боевых организаций каждый очаг фашистской заразы. Надо беспощадно пресекать в корне каждую попытку фашистов завладеть улицей, разгромить газету или разогнать собрание.

Национал-социализм неразрывно связан с погромным антисемитизмом. Для еврейской части населения США вопрос о развитии фашизма в Америке имеет, таким образом, кровное значение. Надеяться на то, что американская "конституция" является сама по себе гарантией против фашизма, было бы чистейшим ребячеством. Пример Италии и особенно Германии должен же чему-нибудь научить взрослых людей. Только массовая борьба против фашизма

способна приостановить его развитие. В этом смысле еврейское трудящееся население Америки может ждать действительной защиты только от мощного развития рабочего движения в Соединенных Штатах.

[Л.Д.Троцкий]

13 ноября 1933 г.

Проект [письма Интернационального Секретариата британской секциилевой оппозиции]

Британской секции

Дорогие товарищи,

Муниципальные выборы в Англии имеют крайне важное симптоматическое значение. Они показывают громадный рост Лейбор партии и упадок влияния, по крайней мере относительного, как НРП, так и компартии. В условиях исключительно благоприятных для революционного крыла Коминтерн не крепнет, а слабеет. Это явление имеет не национальный, а интернациональный характер. Выборы в Норвегии и в Швейцарии обнаруживают ту же тенденцию. Эти факты полностью подтверждают диагноз, поставленный нами после победы фашизма в Германии. Крушение Коминтерна происходит гораздо быстрее, чем крушение партий Второго Интернационала. Это вполне понятно, если принять во внимание, что в Германии оказался скомпрометированным непосредственно революционный выход из положения. Социал-демократия временно получает даже новый прилив сил. В последнем счете эти свежие массы взорвут социал-демократию и создадут основу для построения действительно революционной партии. Но для этого необходима правильная политика левого крыла, начиная с большевиков-ленинцев.

Так называемая Британская компартия есть труп. Связывать себя с этим трупом значит обрекать себя на гниение. Эта опасность, насколько мы можем судить, все более угрожает НРП. Вместо того чтобы повернуться лицом к Лейбор партии, НРП повернулась лицом к Коминтерну.

Можно, правда, возразить, что НРП совсем недавно еще оторвалась от Лейбор партии и что мы оценивали это как шаг вперед. Совершенно правильно! Мы и сейчас очень далеки, разумеется, от того, чтоб предлагать НРП вернуться в состав Лейбор партии и подчиняться ее дисциплине.

Такая политика была бы полной изменой по отношению к революционным задачам, стоящим перед британским пролетариатом. Но совершенно очевидно, что НРП может выполнить серьезную работу лишь в том случае, если она станет рычагом революционного воздействия на массы Лейбор партии и трейд-юнионов.

Надо ясно понять, что в нынешних условиях связь НРП с компартией не спасет последнюю, но зато наверняка погубит первую. Руководство Коминтерна абсолютно не поняло и не способно понять урока последних больших событий. Сталинская бюрократия уже и не ставит перед собой по существу больших исторических задач, требующих завоевания большинства пролетариата. В борьбе за свои посты и свое жалование эти чиновники заботятся лишь о том, чтобы кое-как поддержать свое существование, перехватив сотню или тысячу рабочих у

НРП. Прямая обязанность большевиков-ленинцев повернуть НРП спиной к Коминтерну и лицом к Лейбор парти. Этого нельзя, однако, достигнуть, не заняв самим ясной и отчетливой позиции в вопросе о компартии. Мы ждем поэтому от вас сообщения о том, какие выводы сделала ваша организация для своей собственной деятельности из последних муниципальных выборов.

Интернациональный Секретариат

14 ноября 1933 г.

В Интерн[ациональный] Секретариат

15 ноября 1933 [г.]

Дорогие товарищи,

В письме ко мне, копию которого, как и копию моего ответа, я при сем прилагаю³²¹, тов. Вальхер изображает дело так, будто я единолично, вопреки "коллективному" мнению всех остальных требую, чтобы дискуссионный орган опирался на декларацию четырех. У меня нет, разумеется, ни малейшего желания действовать в этом вопросе, как и в других, от личного моего имени. Вы знаете историю вопроса. По вашему общему желанию я беседовал подробно с тов. Г.322 Я со всей настойчивостью доказывал ему, что немисливо приступить к изданию без предварительной платформы. Тов. Г. в принципе согласился со мной и готов был (таково мое твердое впечатление) принять декларацию четырех, как основу издания. Он хотел лишь посоветоваться со своими друзьями. Противником декларации четырех выступил, таким образом, не Г., стоявший ранее в стороне от нас, а Вальхер, один из подписавших декларацию четырех. Вся политика Вальхера состоит из такого рода экивоков. Я думаю, что по этому вопросу Секретариат должен вынести свое решение. Совершенно очевидно, что без нас журнал не осуществится, ибо ни Г., ни Вальхер не захотят все же передать журнал Брандлеру-Тальгеймеру. Надо заставить Вальхера сделать выбор между нами и брандлерянами. Это единственный способ сдвинуть вообще дело с мертвой точки. Нам надо здесь проявить полную твердость, так как уступчивостью мы до сих пор только усиливали колебания Вальхера. Решение вытекает, мне кажется, совершенно ясно из всех обстоятельств дела.

а) Интернациональный Секретариат не считает возможным связать себя заранее участием в органе, платформа которого и состав редакции не определены заранее.

б) В качестве минимальной платформы И[нтернациональный] С[екретариат] предлагает декларацию четырех.

в) Состав редакции должен обеспечить действительное и систематическое проведение этой платформы, что не исключает, разумеется, самых широких рамок для дискуссии.

г) Так как издание должно служить подготовке Четвертого Интернационала, то с момента создания устойчивого интернационального центра журнал должен стать его официальным органом.

С ком[мунистическим] приветом

[Л.Д.Троцкий]

Бельгийской секции большевиков-ленинцев

Дорогие товарищи!

С большим интересом прочитал я No 10 вашего внутреннего бюллетеня, заключающий в себе протокол переговоров с "коммунистами-интернационалистами". Я радовался тому, как правильно ставили наши друзья вопросы. С другой стороны, речи тов. Энно (Hennaut) производили на меня самое плачевное впечатление. Он представляет собою, по крайней мере в нынешнем своем состоянии, законченный образец теоретической и политической растерянности. Ни по одному вопросу он не вносит ничего, кроме сомнений, колебаний и опасений. Самое убийственное состояние для человека, который хочет быть революционером!

Четыре конгресса Коминтерна? Но в них было "что-то" неправильное, раз результаты получились столь плачевные. Что же именно было неправильно? Энно этого не знает. Он предлагает искать какую-то неведомую ему "ошибку". На самом деле ошибка целиком на стороне самого Энно. Он думает, что судьба Коминтерна определялась не борьбой живых социальных сил, а какой-то первоначальной "ошибкой", которую нужно открыть - точно дело идет о математическом расчете. Почему не пойти дальше и не сказать: три Интернационала исходили из учения Маркса и все три потерпели крушение; надо, следовательно, найти "основную ошибку" у Маркса. Можно пойти еще дальше этого и сказать, что, несмотря на науку, люди продолжают страдать и бедствовать; ясно: в науке заложена какая-то "основная ошибка". Вопрос берется не исторически, не диалектически, а догматически, в духе католической церкви, которая все бедствия человечества объясняет первородным грехом. Теория Суварина в отношении Коминтерна и есть теория первородного греха. А Энно - увы - стал учеником бесплодного схоласта Суварина.

По словам того же Энно (т. е. Суварина), наша политическая линия в Германии была ошибочна с начала до конца. Нужна порядочная... смелость, чтоб сделать такое утверждение! В чем же состояла наша ошибка? Не в нашем анализе, не в нашем прогнозе, не в наших директивах, а в том, что мы призывали коммунистов-рабочих давить на свою партию, чтобы заставить ее встать на путь правильной политики. Вместо этого мы должны были бы сказать рабочим: не тратьте усилий, Коминтерн все равно погиб. В то же время Энно считает, что для создания нового Интернационала время не созрело. Что же надо было предложить практически немецким рабочим? Махнуть рукой на старый Интернационал, но и не строить нового. Оставалось отправиться домой спать. Нашу ошибку эти безжизненные педанты видят в том, что мы, не скрывая от рабочих ничего, в то же время не обескураживали их, а старались помочь им извлечь из обстановки все, что можно было из нее извлечь. Каждый вождь стачки поступает таким образом. Иначе он не вождь, а презренный капитулянт!

Путь спасения для Энно состоит в открытии "дискуссии" с Сувариним, бордигистами, Урбансом и прочими безнадежными трупами. Как будто эта дискуссия не ведется уже в течение последних лет; как будто она не подверглась проверке событиями; как будто эти события не развели нас в разные стороны; как будто принципиальная дискуссия за столом "конференции" может что-нибудь прибавить к политическому опыту, освещенному долгой теоретической борьбой!

Надо посмотреть, говорит Энно, нет ли "чего-нибудь" правильного у Суварина и у всех других "коммунистических" групп и группочек. Сам Энно не решается ясно и точно сказать, что именно он у них нашел правильного. Он рекомендует "искать". Но вся наша работа из дня в день и состоит в том, что мы ищем для каждого вопроса наиболее правильный ответ. У нас выработались свои методы, у нас есть свои ответы, у нас есть своя критика чужих взглядов. Энно не подвергает всей этой огромной коллективной работы своей собственной оценке, он проходит мимо всего того, что нами сделано, и предлагает заняться "поисками" и "дискуссией", как будто мы сегодня только родились на свет. Бесплодная позиция, насквозь пропитанная духом суваринизма!

Особенно наивны речи о том, что наше участие в парижской конференции, где мы "сидели за одним столом" с пюписстами и проч., представляет собой "оппортунистическую ошибку". Критерием Энно является, таким образом, не единство марксистских принципов, а... единство стола! Он ни словом не говорит о содержании нашей Декларации и о нашей резолюции, которая собрала четыре подписи. Он забывает или не умеет понять, что мы сохранили полную независимость действий и полную свободу критики по отношению к нашим союзникам. То обстоятельство, что САП и ОСП голосовали за бессодержательную и потому насквозь фальшивую резолюцию семи, показывает, конечно, что наши союзники не достигли необходимой марксистской ясности. Но ведь мы первые указали на этот факт открыто в печати и - совместной работой, как и критикой - поможем нашим союзникам достигнуть необходимой ясности.

Доводы Энно против борьбы за Четвертый Интернационал не менее ошибочны и безжизненны, чем все остальные его рассуждения. "Для создания Третьего Интернационала, - говорит он, - понадобилась война и русская революция". Многие повторяют эту формулу, не вдумываясь в ее содержание. Война не облегчила, а наоборот, чудовищно затруднила революционную работу, особенно интернационального характера. Все скептики а'ля324 Энно считали поэтому "несвоевременным" и даже "бессмысленным" лозунг Третьего Интернационала во время войны. Сейчас фашизм играет до известной степени ту роль, какую в 1914-1918 гг. играла война, тем более, что фашизм prepares новую войну. Но - говорит Энно - для создания Коминтерна понадобилась еще и русская революция. Замечательное откровение! А разве русская революция упала с неба? Для пролетарской победы в Октябре нужна была партия большевиков, проникнутая не духом Сталина-Каменева (март 1917 года)³²⁵, а духом Ленина. Другими словами, нужно было, чтобы Ленин в самом начале войны, в самых трудных и неблагоприятных условиях открыл борьбу за Третий Интернационал, не считаясь

со скептиками, нытиками и путаниками. Создание Коммунистического Интернационала произошло не на Первом конгрессе 1919 года (это чисто формальный акт), а в процессе предшествующей подготовительной работы, под открытым знаменем Третьего Интернационала. Из этой исторической аналогии выводы для нашей нынешней работы вытекают сами собой.

Этим письмом я ни в малейшей степени не собираюсь вторгаться в ваши переговоры. Если группа Энно или часть ее примкнет к нашей секции, я буду только радоваться. Но в корне ложна мысль Энно, будто условием дальнейших успехов является объединение всех оппозиционных осколков Третьего Интернационала. Эти осколки надо взвешивать и оценивать не по их имени и не по их претензиям, а по их действительному теоретическому и политическому содержанию. У кого есть что сказать, тот не дожидается неведомой всеобщей конференции, а излагает свои мысли в виде программы, тезисов, статей и речей. Кто апеллирует к будущей спасительной конференции, которая должна "что-то" найти, "что-то" открыть, тот показывает лишь, что у него никаких мыслей нет. Я не сомневаюсь, что это для вас так же ясно, как и для меня.

С горячим пожеланием успеха

Г. Гуров

16 ноября 1933 г.

Послесловие к французскому изданию книги "Моя жизнь" 326

Эта книга была написана около четырех лет назад. С того времени немало воды утекло. Необходимо посвятить хоть несколько строк последнему периоду моей жизни. Четыре с половиной года моей третьей эмиграции, до последнего переселения во Францию, протекли в Турции, на острове Принкипо. Это были годы теоретической и литературной работы, главным образом над историей русской революции. Связь с друзьями по родине оказалась, разумеется, нарушенной, хотя далеко не в такой степени, как хотели и надеялись вожди правящей фракции. Для достижения полной моей изоляции в Турции они не останавливались ни перед какими средствами. Блюмкин, убивший в 1918 году германского посла Мирбаха и ставший впоследствии одним из работников моего военного секретариата, посетил меня тайно в Константинополе с целью наладить доставку в СССР издаваемого мною "Бюллетеня оппозиции". По возвращении в Москву он имел неосторожность или несчастье довериться лицу, которое выдало его. Блюмкин был расстрелян. Это не единственная жертва.

11 января 1933 г. я отправил из Турции Центральному комитету партии письмо³²⁷, из которого привожу здесь несколько строк:

"Я считаю необходимым сообщить вам, как и почему моя дочь покончила самубийством. В конце 1930 года вы, по моей просьбе, разрешили моей туберкулезной дочери Зинаиде Волковой временно выехать в Турцию для лечения. Я тогда не предполагал, что за этим либерализмом скрывается задняя мысль. В январе 1931 года дочь моя прибыла сюда с пневмотораксом на обоих легких. После ее десятимесячного пребывания в Турции удалось - при постоянном

сопротивлении советских заграничных представительств - добиться для нее разрешения выехать на лечение в Германию. Больная поправлялась и мечтала о том, чтобы вместе с мальчиком вернуться в СССР, где у нее остались ее девочка и муж, которого Сталин держит в ссылке, как большевика-ленинца.

20 февраля 1932 года вы опубликовали декрет, которым не только я, моя жена и наш сын, но также и дочь моя, Зинаида Волкова, лишились прав гражданства СССР. За границей, куда вы отпустили ее с советским паспортом, моя дочь только лечилась. Она не принимала и по состоянию здоровья не могла принимать никакого участия в политической борьбе. Лишение ее гражданства было голым и бессмысленным актом мести по отношению ко мне. Для нее же лично этот акт означал разрыв с маленькой дочерью, мужем, всеми друзьями, всей привычной жизнью. Ее психика, и без того потрясенная - сперва смертью младшей сестры, затем собственной болезнью - потерпела новый удар, тем более тяжкий, что совершенно неожиданный и решительно ничем с ее стороны не вызванный. Врачи-психиатры заявили единодушно, что только скорейшее возвращение в обычные условия, к семье, к труду могут спасти ее. Но именно эту возможность спасения отнимал ваш декрет от февраля 1932 года. Удар оказался для больной невыносимым. 5 января она отравила себя газом. Ей было 32 года.

В 1928 году моя младшая дочь, Нина, мужа которой Сталин заключил в изолятор и держит там уже в течение пяти лет, слегла вскоре после моей высылки в Алма-Ату, в больницу. У нее обнаружилась скоротечная чахотка. Чисто личное письмо ее ко мне без малейшего отношения к политике вы продержали свыше 70 дней, так что мой ответ уже не застал ее в живых. Она скончалась 28 лет.. Я ограничиваюсь этим сообщением, без дальнейших выводов. Для выводов время наступит. Их сделает возрожденная партия."

Несмотря на все преимущества Турции как места ссылки изоляция в более широком смысле все же не удалась. Сосланных и заточенных русских друзей заменили иностранные, не менее верные. Из разных стран приезжали на Принкипо молодые товарищи, чтобы провести в нашей семье несколько месяцев, иногда год и более. Среди них были французы, немцы, чехословаки, англичане, американцы, китайцы, индусы. Новые личные связи и дружба, облегчавшие наше существование на маленьком острове, явились частным выражением новой политической группировки в рабочем движении. Русская левая оппозиция получила постепенно международный характер. Возникли десятки национальных секций и изданий. Выросла большая литература на всех языках цивилизованного человечества. К тому моменту, как пишутся эти строки, движение левой оппозиции окончательно порвало с Коминтерном и выдвинуло задачу подготовки нового, Четвертого Интернационала...

Здесь скептик неизбежно прервет меня.

- Сколько лет вы принадлежали ко Второму Интернационалу?

- С 1897 по 1914 год, следовательно, свыше 17-ти лет.

- А затем?

- Затем разрыв со Вторым Интернационалом в самом начале войны и около

пяти лет борьбы за новый Интернационал, учрежденный в 1918 году.

- К Третьему Интернационалу вы принадлежали, следовательно 14 лет?

- Примерно так.

- Теперь собираетесь строить Четвертый? Не похоже ли это на верчение белки в колесе?

- Нет, не похоже. Все развитие человечества идет не по прямой, а по сложной кривой, ибо путь определяется не циркулем и линейкой, а борьбой живых сил, которые тянут в разные стороны. Историческая орбита рабочего класса не составляет исключения. За каждый большой успех пролетариат, единственно прогрессивный класс современного человечества, платит ценою новых поражений, разочарований и отступлений. Второй Интернационал выполнил в свое время большую воспитательную работу. Но он погубил себя ограниченным духом национализма и реформизма. Когда капитализм из эпохи подъема вошел в эпоху стагнации, из-под политики реформ оказалась вырвана почва. С другой стороны, национальные границы стали тесны для хозяйственного развития: социал-патриотизм получил насквозь реакционный характер. На смену Второму Интернационалу пришел Третий. Октябрьская революция была его историческим крещением. Но и революция есть глубоко противоречивый процесс, этапы которого обусловлены обстоятельствами времени и места. Из революции вышел новый правящий слой, который защищает и в то же время искажает созданную революцией общественную систему при помощи мер самого близорукого, ограниченного и консервативного бюрократизма. Авторитетом Октябрьской революции советская бюрократия подчинила себе Коммунистический Интернационал, обезличила и обессилила его. За последние годы он не принес пролетариату ничего, кроме удушающего полицейского режима, убийственных ошибок и тяжелых поражений. В результате он вопреки своей воле помог временному возрождению осужденных историей социал-демократических партий. Неистово борясь против них на словах и уступая им поле не деле, он открыл ворота небывалой в истории реакции. Победа немецкого фашизма обусловлена комбинированными капитуляциями Второго и Третьего Интернационалов.

Такие преступления не прощаются. Партии, виновные в политической катастрофе, обречены на слом. Из нынешней страшной реакции пролетариат раньше или позже снова выйдет на революционную дорогу. Но он будет собирать свои фаланги под новым знаменем. В этом исторический смысл подготовки Четвертого Интернационала. Пусть господа скептики злорадствуют и издеваются. История не делается скептиками. Во всяком случае, не для скептиков написана эта книга.

[Л.Д.Троцкий]

16 ноября 1933 г.

Интернациональному Секретариату

Дорогие товарищи,

Посылаю вам проект письма ко всем партиям и рабочим организациям по

поводу единого фронта против фашизма³²⁸. Я избегаю выражения "единый фронт" как слишком скомпрометированного разными толкованиями. Прежде всего нам необходимо сговориться в своей собственной среде и с союзниками. Сделать это надо без всякой огласки. Когда предварительное соглашение будет достигнуто, письмо надо выпустить от какой-либо "нейтральной" организации, пожалуй, лучше всего от НАС³²⁹. При такой инициативе можно собрать во Франции некоторое количество синдикальных подписей. После этого могут начать присоединяться партии и другие организации.

Если вы согласны с планом, перешлите предложение Снивлиту, чтобы выяснить прежде всего, можно ли надеяться на подпись НАСа.

Важность этого дела не требует пояснений. Мы таким путем подвергнем новому испытанию НРП в Англии, шведов, организацию Шафхаузен и пр. Нужно только, чтобы дело не исходило официально от нас. Мы появимся на сцену на следующей стадии.

[Л.Д.Троцкий]

22 ноября 1933 г.

[Письмо В.Буриану]³³⁰

22 ноября 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан,

В отношении чешского издания моей "Истории" я повинен в непростительной путанице. Распоряжение всеми иностранными изданиями моей "Истории" я передал в свое время издательству Пфемферта в Берлине, которое прекрасно справилось со своей задачей. Пфемферт вел давно уже переговоры и с чешскими издательствами. Но все это происходило в столь давние времена и, главное, отделено от сегодняшнего дня такими грандиозными событиями, что я, признаться, совершенно забыл обо всех этих обстоятельствах и в суматохе, в числе многих других писем, подписал полномочие для вас. Разумеется, у меня нет и не может быть ни малейшего мотива сожалеть об этом, поскольку дело идет лично о вас. Но я совершил явную, хотя и несознательную нелояльность по отношению к тов. Пфемферту.

Как исправить дело? Положение облегчается тем, что в обоих случаях дело идет, по-видимому, об одном и том же издателе Войвом. Разумеется, издательство должно принять ваш перевод, который должен быть оплачен в первую голову. Но договор должен быть подписан Пфемфертом, если это еще не поздно. Очень, очень прошу вас достигнуть на этот счет необходимого согласования с Александрой Ильиничной Пфемферт.

Крепко жму руку.

[Л.Д.Троцкий]

Чего хочет Гитлер?

Гитлер хочет мира. Его речи и интервью на эту тему построены по новой схеме: война не способна разрешить ни одного вопроса, война грозит

истреблением лучших рас, война несет с собой гибель культуры. Классическая аргументация пацифизма, насчитывающая не одну сотню лет! Тем утешительнее, если рейхсканцлеру удалось уже убедить кое-каких иностранных журналистов в своей безусловной искренности. Правда, другой пацифист, в искренности которого во всяком случае не может быть сомнения, Карл Осецкий³³¹, мог бы спросить, почему, собственно, он продолжает пребывать в концентрационном лагере, если его основную тему старательно, хотя и не очень талантливо, развивает нынешний глава правительства? Но Осецкий для того и изолирован, чтобы не задавать неудобных вопросов.

Убедительность доводов Гитлера - в их массивности. Все министры, все ораторы, все газеты клянутся в том, что Третья Империя призвана осуществить братство народов. Если национал-социалистическая Германия сплошь обучится владеть оружием, то только для того, чтобы закалить свою ненависть к нему. Даже фон Папен, который еще только 13 мая нынешнего года проповедовал, что истинному немцу полагается умирать молодым на поле брани, а не от старческого склероза, не устает ныне повторять, что нет ничего достойнее, как мирно испустить дух среди внуков и правнуков.

Народы Европы страстно хотят сохранения мира. Неудивительно, если они пытаются с надеждой прислушиваться к массивной аргументации Берлина. Преодолеть сомнения, однако, не легко. Многие спрашивают: а как же быть, например, с автобиографией Гитлера³³², которая целиком построена на идее непримиримости интересов Германии и Франции? Успокоительное объяснение гласит: автобиография писалась в тюрьме, когда нервы автора были не в порядке, и лишь по явной оплошности министра пропаганды³³³ эта неуравновешенная книга продолжает служить основой национального воспитания до сего дня. После того как вопрос о "равноправии" будет разрешен в пользу Третьей Империи, Гитлер подготовит к печати новое, более удовлетворительное издание. Если книга называлась до сих пор "Моя борьба", причем главным объектом "моей борьбы" был Версальский договор, то в будущем автобиография будет называться, очевидно, "мой мир" и к ней будет приложена экспертиза национал-социалистических врачей в том, что нервы Гитлера в полном порядке. А Лейпцигский процесс³³⁴ показывает, что судебно-медицинская экспертиза наци имеет право на неограниченное доверие.

Если бы на свете существовали только искренность и миролюбие, то жизнь была бы, вероятно, сплошной отрадой. К несчастью, рядом с этими добродетелями живут еще глупость и доверчивость. И читая ежедневно мировую прессу, подчас говоришь себе, что перевес как-будто начинает склоняться в сторону доверчивой глупости. Кому придется за нее расплачиваться?

Автор этих строк уже попытался однажды привлечь внимание читателей к замечательному политическому документу, именно к "Открытому письму" Гитлера рейхсканцлеру фон Папену³³⁵. К сожалению, наш слабый голос явно не дошел по назначению. "Открытое письмо" не стало, как мы того желали, настольной книгой каждой редакции и дипломатической канцелярии. А между тем оно этого вполне заслуживает. Опубликованные недавно секретные документы немецкой

пропаганды тоже очень поучительны, нет спора. Но они имеют неудобства секретности. Всегда можно заподозрить подделку. "Открытое письмо" не секретный документ. Это брошюра, официально выпущенная партией наци 16 октября 1932 года, за три месяца до прихода Гитлера к власти. Его нервная система успела к тому времени, надо думать, вполне восстановиться после испытаний 1923 года. Гитлер уже чувствовал себя почти у руля. Ему оставалось еще только свалить последнее препятствие. Правящие классы смотрели на него с надеждой, но не без боязни. Больше всего они опасались авантюры "романтического" шовинизма. Цель "Открытого письма" состояла в том, чтобы заверить верхи имущих классов, бюрократию, генералитет, ближайшее окружение Гинденбурга, что он, Гитлер, в противовес легкомысленному реваншарду Папену, будет идти к своей цели с величайшей осторожностью. "Открытое письмо" заключало в себе законченную систему внешней политики, которая только сейчас получает все свое значение. Выход Германии из Лиги Наций был встречен во всем мире как неожиданная и неразумная импровизация; между тем в "Открытом письме" совершенно точно указано, почему Германия должна будет покинуть Женеву и как надо будет обставить этот разрыв. Исключительная ценность письма состоит в том, что Гитлер, еще вынужденный в те дни бороться и полемизировать, неосторожно обнажил секретные пружины своей будущей внешней политики. Исходная позиция письма та же, что и в автобиографии: интересы Германии и Франции совершенно непримиримы; Франция не может добровольно согласиться на изменение соотношения сил в пользу Германии; Германия не может добиться "равноправия" путем дискуссий на международных конференциях, чтобы международная дипломатия признала право Германии на вооружение, надо, чтобы немцы предварительно вооружились. Но именно поэтому нельзя, подобно Папену, требовать вслух вооружения Германии. Это лозунг "народного движения", но ни в каком случае не дипломатии. Ответственное правительство, - т. е. правительство Гитлера, а не Папена, - должно требовать только разоружения Франции. А так как Франция ни в каком случае не сможет на это пойти, то Германия должна будет покинуть Лигу Наций, чтобы тем самым развязать себе руки. Для войны? Нет. Германия пока еще слишком слаба, чтобы правительство ее могло говорить в ближайшее время другим языком, кроме языка пацифизма. Ссылаясь на "опасность", грозящую ей с востока, и используя антагонизмы между государствами Запада, Германия должна воссоздавать базу своего милитаризма постепенно, переходя от общего к частному и специальному. Для этой работы нужен национальный заговор молчания: Осецких прежде всего под замок! Ответственное правительство само должно взять в руки инструмент пацифизма. Таким путем удастся в течение нескольких лет подготовить коренное изменение в соотношении сил. После этого можно будет от "моего мира" снова перейти к "моей борьбе" и даже к "моей войне".

Таков план Гитлера. Этот план вытекает из всей обстановки как международной, так и внутренней. Гитлер сам позаботился дать человечеству ключ - или, употребляя более подходящее выражение, отмычку - к своей будущей международной политике. При всем уважении к свидетельским показаниям двух

растроганных журналистов, мы предпочитаем опираться на показание самого Гитлера, подкрепленное внушительной системой прямых и косвенных улик.

Из фактов, даже неизбежно установленных, можно делать разные практические выводы. На политику Гитлера можно ответить по-разному. В задачу настоящей статьи меньше всего входит намерение давать вершителям судеб Европы какие бы то ни было советы: они, вероятно, сами знают, что им нужно делать. Но предпосылкой реалистической политики, каковы бы ни были ее цели и методы, является ясное понимание обстановки и ее движущих сил. Надо видеть то, что есть. Гитлер покинул Женеву не в порядке нервной импровизации, в точном соответствии с холодно взвешенным планом. Гитлер обеспечил себе "национальный" заговор молчания. Он ведет работу в направлении радикального изменения соотношения военных сил. Именно сейчас, когда эта работа уже начата, но еще далеко не дала решающих результатов, Гитлеру необходима величайшая осторожность на европейской арене. Никого не пугать, никого не раздражать, наоборот, широко раскрывать объятия. Гитлер готов все заборы военных заводов оклеить пацифистскими речами и пактами о ненападении. Париж стоит мессы³³⁶! Если нужна ясная, простая, не дипломатическая формула пацифического наступления германского правительства, то она такова: на ближайшие два-три года Гитлеру необходимо во что бы то ни стало, какую угодно ценой избежать превентивной войны со стороны своих противников. В этих пределах его пацифизм вполне искренен. Но только в этих пределах.

Л. Троцкий

23 ноября 1933 г.

Политический процесс без политической оси

Процесс о поджоге рейхстага подвигается к развязке. Какое решение будет указано судьям сверху? Положение правительства не легкое. Если искать политических прецедентов, то естественнее всего остановиться на деле Дрейфуса во Франции, процессе Бейлиса³³⁷ в царской России. Благодаря закрытым дверям военного суда, капитана Дрейфуса, несмотря на отсутствие доказательств, удалось отправить на Чертов остров. В процессе Бейлиса, шедшем при открытых дверях и при активном участии прессы, власти оказались бессильны добиться обвинения случайного еврейского приказчика в убийстве христианского мальчика. Но суд вынес решение в том смысле, что убийство могло быть произведено с ритуальными целями. Не окажется ли Гитлер вынужден вдохновиться классическим постановлением киевской юстиции? За невозможностью хоть чем-нибудь подкрепить обвинение против случайно захваченных коммунистов лейпцигский суд может объявить доказанным, что преступление совершено коммунистической партией через нераскрытых преступников. Конечно, Гитлеру очень хотелось бы повесить Димитрова. Но правительству, которое спекло свои каштаны в пламени рейхстага, важнее всего доказать, что пожар был делом коммунистов, если не этих, то других. Такова задача. Однако именно в своем политическом аспекте лейпцигский процесс слабее всего. Обвинение не только

фальшиво юридически, но и абсурдно политически.

С какой целью коммунистическая партия подожгла рейхстаг? Официальный ответ гласит: она подала сигнал к восстанию. От многократного употребления эта формула как бы приобрела подобие содержания. На самом деле она пуста. Сигнал только в том случае является сигналом, если смысл его ясен тем, для которых сигнал предназначен. Так, во время Октябрьского восстания в Петрограде руководителями условлено было заранее, что крейсер "Аврора" даст холостой выстрел, когда на шпице Петропавловской крепости появится красный фонарь. Если Зимний дворец не сдастся в ответ на холостой выстрел, то откроет боевую стрельбу артиллерия Петропавловской крепости. Красный фонарь был сигналом для артиллеристов "Авроры", холостой выстрел "Авроры" - для артиллеристов крепости. Здесь сигнализация имела совершенно определенное техническое назначение, понятное тем, для кого она предназначалась.

Из самого существа дела ясно, что подача сигнала должна быть как можно более проста, технически легко осуществима. Орудие сигнала должно быть тут же, под рукой руководителей. Одно дело - фонарь, другое дело - поджог рейхстага. Мыслимо ли рассчитывать на то, что удастся в любой момент, когда это понадобится, поджечь рейхстаг и что пожар не будет тут же потушен, а успеет развиваться? Подобное предприятие связано с слишком большим числом неизвестных, чтобы его можно было избрать в качестве простого "сигнала"!

Допустим, однако, что по причинам, которые нам не приходят в голову и которых никто до сих пор даже не пытался объяснить, коммунистическое командование решило гигантским костром в центре столицы возвестить час наступления. Чтобы достигнуть поставленной себе цели, центральный штаб должен был, во всяком случае, заранее предписать районным штабам немедленно выступить на улицу с оружием в руках, как только купол рейхстага окажется охвачен пламенем. В тайну поджога должны были быть заранее посвящены очень многие лица. Да и вообще, столь могучая сигнализация, как горящее здание парламента, могла быть рассчитана не на единицы, - для них достаточно телефона, - а на тысячи, если не на десятки и сотни тысяч. Каким же образом эта важнейшая сторона дела полностью потонула в судебном мраке? Из рядов коммунистической партии десятки тысяч успели со времени пожара перебежать к наци, спасаясь от террора. Такие перебежчики фигурировали и на процессе в качестве главных свидетелей обвинения. В некоторых концентрационных лагерях большинство заключенных голосовало за Гитлера. Если среди "раскаявшихся" не нашлось не только сотен и тысяч, но даже единиц, чтобы раскрыть перед судом тайну сигнала, то это неопровержимо свидетельствует о том, что такой тайны не было. Вывод ясен: сигнал, о котором никто не знает, не есть сигнал. Горящий купол рейхстага ничего не возвещал и ни к чему не призывал.

Но, может быть, дело шло не о техническом, а так сказать о "моральном" сигнале? Задача поджигателей, скажет прокурор, состояла в том, чтобы дерзким боевым актом поднять настроение масс и толкнуть их на путь восстания. Другими словами, поджог был не сигналом в собственном смысле слова, а актом революционного терроризма. Однако и эта версия не выдерживает дуновения

критики. Если бы дело еще шло о штабе наци или, скажем, о полицейской префектуре, поджог здания мог бы иметь подобие политического смысла при условии, разумеется, если бы он сопровождался другими заранее обеспеченными наступательными действиями. Но пожар рейхстага, как "нейтрального" здания, открытого всем партиям, решительно ничего не мог сказать массам. Огонь мог ведь возникнуть и по случайным причинам. Каким образом и почему зарево над куполом парламента должно было вызвать у масс самопроизвольную ассоциацию о немедленном восстании?

Подготавливая то или другое покушение, террористическая партия, как, например, русские социалисты-революционеры в эпоху царизма, больше всего озабочена тем, чтоб сделать свой удар наиболее ясным и притягательным для народных масс. Уже до террористического акта партия выпускала воззвания, в которых стремилась сосредоточить ненависть населения на данном лице или учреждении. Самый акт сопровождался изданием прокламаций, разъясняющих его революционный смысл. Ни одного из этих необходимых условий политического террора мы не находим в конце февраля в Берлине. Коммунисты занимались в те дни агитацией в пользу выборов в рейхстаг, а никак не в пользу сожжения рейхстага. Ни в ночь пожара, ни после того не появилось в Германии ни одной прокламации, которая объясняла бы массам смысл загадочного события. Не мудрено, если кроме Геринга и его агентов, никто не истолковал пожар в качестве сигнала к восстанию.

Игнорируя самую суть политического террора, прокурор утверждает, что коммунистическая партия, как и все вообще преступники, естественно стремится скрыть свое участие в преступлении. С таким же успехом можно было бы сказать, что Герострат³³⁸, вознамерившись прославить себя сожжением храма в Эфесе, пытался в то же время скрыть свое имя, чтобы не нести ответственности за поджог. Раз нет организации, берущей на себя открыто ответственность за акт разрушения, объясняющей его смысл и призывающей массы к действию, остается только обгоревший зал заседаний, но исчезает политический акт. Не по разуму усердная прокуратура выдергивает из политического процесса его политическую ось. Штаб восстания так же мало может подать народным массам анонимный сигнал к восстанию, как не может правительство анонимно объявить войну. С другой стороны, революционная партия, которая выходит на улицу, чтобы с оружием в руках опрокинуть существующий строй, не побоится взять на себя ответственность за сожженные пюпитры и ковры, если это нужно по ходу восстания.

Здесь открывается естественный переход к личному составу "поджигателей". Их пять: безработный голландец³³⁹, председатель коммунистической фракции рейхстага³⁴⁰ и три болгарских коммуниста³⁴¹. Прежде всего навязывается вопрос: почему сигнал к восстанию немецких рабочих дали четыре иностранца? Свидетель обвинения пытался дать объяснение этой загадке: выдвинув вперед иностранцев, коммунистическая партия хотела таким образом "отвлечь внимание". Мы возвращаемся к тому же абсурду: партия, которая должна была в целях восстания сосредоточить на себе внимание масс,

занималась тем, что "отводила от себя внимание". Но если задача состояла в том, чтобы, совершив политически анонимный и потому бесцельный поджог, скрыть свое участие в нем, то зачем и почему в деле оказался замешан председатель коммунистической фракции, т. е. наиболее видный и ответственный представитель партии в стенах рейхстага, - притом не в качестве одного из политических руководителей террора, а в качестве прямого поджигателя?

Еще более поразительным, если возможно, является участие в поджоге Димитрова, старого революционера, который был генеральным секретарем болгарских профессиональных союзов уже в 1910 году, когда автор этих строк впервые встретился с ним в Софии. Димитров, по его заявлению на суде, поселился в Берлине, чтобы с большим удобством заниматься болгарскими делами и именно поэтому избегал какого бы то ни было касательства к деятельности германской партии. Даже у врагов нет основания сомневаться в его словах. Не трудно понять, что ответственный политик, направлявший из Берлина работу своей партии в Болгарии, не стал бы подвергать себя риску ареста и высылки из-за второстепенного участия в немецких делах. Для Болгарии Димитров был единственным, для Германии он мог быть лишь одним из многих. Но если даже оставить в стороне это неопровержимое само по себе соображение, остается вопрос: неужели же немецкая коммунистическая партия не могла найти в помощники Люббе никого, кроме члена президиума Коммунистического Интернационала? Участие Димитрова было бы, может быть, еще объяснимым, если бы целью ставилось не "отвлечь внимание от партии", а, наоборот, показать, что пожар есть дело всего Коммунистического Интернационала в целом. А так как Димитров, как и два других болгарина, прибыли в Германию из Москвы, то их участие в поджоге рейхстага должно было заодно уж обнаружить перед всем миром руку Советов. Если такая демонстрация кому-либо и нужна была, то во всяком случае не германским коммунистам и не Москве. Почему же выбор пал на Димитрова? И чей это выбор? Надо признать, что с точки зрения политических целей процесса это самый несчастный из всех возможных выборов.

В руках организаторов судебного процесса имелись совершенно исключительные средства инсценировки: неограниченное число свидетелей обвинения, готовых показать все, что им прикажут; панический страх потенциальных свидетелей защиты; полное отсутствие критики со стороны печати; полное подчинение полиции, прокуратуры, судей и даже адвокатуры директивам власти. Казалось бы, при таких условиях успех любого обвинения обеспечен заранее. И, однако же, вопрос вошел в свою третью, "политическую" стадию как заведомо проигранное Гитлером дело. Разгадка очень проста: коммунистическая партия Германии не шла к восстанию. Она потерпела крушение не в бою, как Парижская Коммуна в 1871 году³⁴², как русский пролетариат в 1905 году, - она оказалась неспособной к бою. Если не считать чисто символического призыва ко "всеобщей стачке", печатного клочка бумаги, на который не откликнулся ни один человек, компартия была и осталась пассивным объектом в трагических событиях, изменивших лицо Германии. Кто еще сомневается в этом, пусть прочтет письмо Марии Реезе³⁴³, популярной

коммунистической депутатки рейхстага: она порвала со своей партией именно потому, что та оказалась бессильной не только на наступление, но и на оборону, ничего не предвидела, ничего не подготовила и не имела ни возможности, ни повода подавать массам революционные сигналы.

Если бы на месте этой партии была другая, способная к обороне, она могла бы выбрать разные пути и методы борьбы, но никакой из них не вел бы через поджог рейхстага. Если бы революционная партия решила, вопреки всем доводам политического смысла, поджечь рейхстаг, она не привлекла бы к этому делу таинственного голландского безработного, с которым трудно объясниться и на которого нельзя положиться; председателя парламентской фракции, всегда находящегося на виду у всех; члена президиума Коммунистического Интернационала, олицетворяющего "Москву" и двух молодых болгар, не знающих немецкого языка. Наконец, если бы коммунистическая партия подожгла рейхстаг через посредство такой фантастической группы поджигателей, она должна была бы по крайней мере объяснить рабочим политический смысл поджога. Никакие свидетельские показания, никакие "улики", никакая брань Геринга не способны помочь внутренней политической несостоятельности обвинения. Пусть прокурор с бесстыдством, которое его отличает в этом бесстыдном процессе, утверждает: это было. Несокрушимая политическая логика возражает: этого не могло быть!

Л. Троцкий

26 ноября 1933 г.

Всем членам греческой секции Международной лиги

большевиков-ленинцев

Уважаемые товарищи!

Конфликт, который противопоставил греческую секцию всем остальным секциям международной Лиги коммунистов, привел затем с железной необходимостью к острой внутренней борьбе в самой греческой секции. Ввиду огромной важности этого вопроса я считаю своим долгом высказать вам с полной откровенностью свою точку зрения.

Меня поразило прежде всего, что ваш ЦК в течение ряда месяцев не отвечал на письма Интернационального Секретариата, игнорировал все его запросы и предложения, т. е. держал себя так, как если бы он фактически и юридически порвал уже с Интернациональной Лигой. Незачем говорить, что я очень обрадовался письму большинства вашего ЦК от 10 марта, видя в нем выражение желания товарищей Витте, Маноса³⁴⁴ и др. восстановить прерванную ими международную связь. К сожалению, содержание письма разочаровывает в высшей степени. Письмо написано в духе неслыханной вражды и крайнего ожесточения. Интернациональный Секретариат, который состоит из представителей важнейших секций, третируется в письме как враг и злоумышленник. Чем объяснить это? Если есть разногласия, нужно их добросовестно обсудить, устно и печатно, с соблюдением товарищеских

отношений. На это в письме нет и намека. Насквозь отравленный тон письма мог быть объясним лишь в том случае, если большинство вашего ЦК решило порвать с Международной Лигой большевиков-ленинцев. Но я отказываюсь этому верить. Попытка большинства ЦК представить дело так, будто его удары направляются только против И[нтернационального] С[екретариата], совершенно несостоятельна. И[нтернациональный] С[екретариат] состоит из представителей важнейших европейских секций. Если греческая секция там не представлена, о чем я лично очень жалею, то только потому, что финансовые трудности не позволяют вашей секции содержать ее представителя за границей. Мы имеем такой И[нтернациональный] С[екретариат], какой отвечает нашей силе. Наши важнейшие секции сделали за последний период в ряде стран крупные успехи. Перед нами открываются великие перспективы. Разумеется, И[нтернациональный] С[екретариат] не претендует на непогрешимость, но критика может быть дружеская, которая имеет своей задачей улучшение общей работы, может быть критика враждебная, стремящаяся разрушить организацию. Письмо большинства вашего ЦК насквозь проникнуто духом враждебности. Оно направлено не против И[нтернационального] С[екретариата], а против всей нашей международной организации, против всех наших секций.

Откуда этот дух вражды? Первоначально конфликт возник, как известно, внутри Интернационального Секретариата и французской секции. Греческая секция этим конфликтом непосредственно не была затронута. Ход событий не замедлил принести проверку конфликта как в Интернациональном Секретариате, так и во французской Лиге. После того как французская Лига очистилась от разложившихся элементов, она получила возможность развернуть широкую работу. Именно после исключения беспринципного меньшинства Лига стала лицом к массовой работе. Ее успехи в этой области очень значительны, ее влияние на широкие круги передовых рабочих непрерывно растет. Наоборот, отколовшаяся под влиянием тов. Витте группа уже раскололась и продолжает распадаться. Никакой политической деятельности она не ведет. Таковы факты. Против фактов бессильны отвлеченные рассуждения.

Как обстоит дело в отношении Интернационального Секретариата? В течение долгого времени все секции без исключения жаловались на пассивность Секретариата, который, несмотря на наличие перманентного секретаря, не вел даже текущей переписки. За последние месяцы, несмотря на усилившиеся материальные трудности и отсутствие перманентного секретаря, работа ведется систематически. Интернациональный Секретариат не только поддерживает правильную переписку со всеми секциями, но он издал ряд номеров "Бюллетеня", выработал проект программных тезисов по вопросу о войне, издал Манифест345, провел международную юношескую конференцию и пр. Таковы факты. Если подходить к этим фактам добросовестно, без фракционной предвзятости, без личного ожесточения, то невозможно не признать, что Интернациональный Секретариат сделал за последнее полугодие огромный шаг вперед.

То обстоятельство, что тов. Витте занял внутри Интернационального Секретариата и внутри французской Лиги ошибочную позицию, само по себе еще

не составляет, конечно, преступления. Кто не ошибался в политической работе?

Но после того как ошибочная позиция оказалась опровергнутой несомненными и бесспорными фактами, настаивать на ней дальше и пытаться перенести ее на другие секции значит уже ставить личную амбицию выше интересов революции и социализма. Это совершенно недопустимо. В таких случаях рядовые члены должны поправить своих вождей.

Вторая стадия борьбы развернулась уже внутри греческой секции. Здесь мне трудно судить, ибо я не читаю, к сожалению, по-гречески. Но большинство вашего ЦК пишет, что дело в Греции идет о защите тех самых "принципов", которые тов. Витте проводил в И[нтернациональном] С[екретариате] и во французской Лиге. Если так, то для меня не может быть сомнения в том, что это ложные принципы, которые уже потерпели крушение. Я говорю, конечно, не о том периоде, когда тов. Витте был согласен с нашим международным руководством по всем основным вопросам и не претендовал ни на какую особую личную политику. Если в тот период были те или другие частные разногласия (а они, несомненно, были), то это общие ошибки нашего руководства. Я имею в виду последний период, когда тов. Витте, начав с мелких и второстепенных вопросов, неожиданно противопоставил себя нашему общему руководству и всем нашим важнейшим секциям. Здесь дело шло уже не о частных ошибках, а о принципиальной ошибке линии тов. Витте. После опыта с французской Лигой ни для одного марксиста, знакомого с фактами, не может быть на этот счет ни малейшего сомнения.

С целью найти объяснение своей враждебной политике по отношению к международной Лиге, большинство вашего ЦК ссылается на раскол 1903 года (!!) между большевиками и меньшевиками³⁴⁶. Разношерстная группа, отколовшаяся под руководством тов. Витте от французской Лиги, в своей Декларации тоже ссылается на 1903 год (см. № 1 "Интернационала"³⁴⁷ от 11/XI, 1933). Таким образом, мы имеем здесь своего рода систему, которую нельзя иначе назвать, как системой превентивного раскола, ибо, кто ссылается на 1903 год, тот тем самым признает, что дело идет о непримиримых разногласиях и что единственным выходом является раскол. Согласны ли с этим выводом члены нашей греческой фракции?

Большинство вашего ЦК говорит, что борьба идет из-за организационных принципов. Каковы же эти принципы? Во Франции тов. Витте защищал на деле право каждого члена не подчиняться дисциплине своей организации; право члена Секретариата вести за спиной Секретариата политику, направленную против Секретариата; право меньшинства организации не подчиняться решению подавляющего большинства конференции, словом, худшие принципы индивидуализма и анархизма. В Греции, насколько я могу судить, большинство ЦК отстаивает и проводит сейчас принципы прямо противоположные, отказывая меньшинству в правах и в возможностях свободно защищать свою политику перед лицом всех членов организации. Таким образом, индивидуалистический анархизм превратился в свою противоположность, т. е. в бюрократический централизм. Но обе эти крайности, вообще легко переходящие одна в другую, не имеют ничего общего с

большевизмом, который строит организацию на принципах демократического централизма, притом не только в национальном, но и в интернациональном масштабе.

В истолковании опыта 1903 года большинство вашего ЦК полностью ошибается. Организационные принципы не являются самостоятельными. Через организационные формы проявляется политика; через политику раскрывается программа; через программу находит свое выражение наша теория. Бывает, притом нередко, что еще не развившиеся, еще бесформенные политические и программные разногласия обнаруживаются сначала только в организационной области. Так было в 1903 году. Но именно поэтому большевики не считали тогда допустимым раскол. Наоборот, они требовали сохранения единства, дисциплины и честно созванного съезда. Только после того как глубокие разногласия обнаружались в области политики и программы, началось действительное формирование двух фракций, приведшее к их окончательному расколу в 1912 г.³⁴⁸, т. е. через 9 лет после съезда 1903 года!

Какой отсюда вывод? Он совершенно ясен: одних организационных конфликтов недостаточно для определения глубины разногласий; долг каждого революционера сохранять единство организации на основе демократического централизма. Именно этого требует Интернациональный Секретариат. Ссылка на 1903 год, прибавлю еще, совершенно невыгодна для большинства вашего ЦК. Меньшевики начали в 1903 г. с отставания архидемократических принципов, приближавшихся порою к анархизму. Я лично написал в ту пору ряд ошибочных статей против централизма, хотя никогда все же не заходил так далеко, как, например, тов. Витте в отношении к французской Лиге. Когда те же меньшевики захватили в следующем году при помощи Плеханова большинство в центральных учреждениях партии³⁴⁹, они сразу переменили курс, начали командовать партией сверху и всеми средствами противодействовали созыву нового партийного съезда. После нескольких месяцев борьбы большевики оказались вынуждены создать, помимо ЦК и против ЦК, свой собственный центр для созыва съезда. Я твердо надеюсь, что большинство вашего ЦК не пойдет по пути меньшевиков и обеспечит единый съезд.

Мы видим, следовательно, что если правильно и серьезно истолковать уроки 1903 года, то придется прийти к следующим заключениям:

а) При данной стадии разногласий, т. е. пока они не вышли из области организационных конфликтов, нельзя еще сделать вывод ни о глубине разногласий, ни об их дальнейшей судьбе.

б) Необходимо поэтому, с одной стороны, сохранять единство организации, с другой - принять все меры к серьезной и честной проверке разногласий в области не только организации, но политики и программы.

в) Достигнуть обеих этих целей можно только методом демократического централизма, т. е. посредством широкой дискуссии честно созванного съезда, подчинения меньшинства большинству.

г) Лояльная партийная дискуссия предполагает, что обе группировки на равных правах доводят до сведения всей партии свои взгляды на спорные

вопросы как печатно, так и устно; каждая ячейка должна иметь возможность выслушать как представителя большинства ЦК, так и представителя меньшинства ЦК. Эту возможность должен обеспечить ЦК партии. Так всегда и неизменно делалось в большевистской партии до ее бюрократического вырождения.

д) Съезд партии должен быть зеркалом партии. Это значит: раз в организации возникла дискуссия по платформам, съезд должен быть созван на основах пропорционального представительства. Это азбука рабочей демократии, которую обязан соблюдать каждый честный революционер.

е) Наша организация не только по имени, но и по существу своему является интернациональной. Это значит, она ставит не только национальную дисциплину выше местной, но и интернациональную дисциплину выше национальной. Отсюда вытекает, в частности, необходимость своевременно доставить тезисы обеих борющихся групп всем нашим секциям, дабы они до съезда имели возможность высказать свое мнение. Так наша организация поступала всегда.

Насколько я могу судить по письмам, таково же мнение Интернационального Секретариата.

Я не сомневаюсь, что подавляющее большинство членов вашей секции дорожит своей связью с Интернациональной Лигой. Разрыв этой связи означал бы возвращение в национальные рамки, утрату международного горизонта, отказ от международного разделения труда в области революционной теории и революционной практики. Вы не допустите вашу секцию до такой катастрофы, за которой открылась бы полная гибель. Вы призовете ваш ЦК восстановить правильные товарищеские отношения с И[нтернациональным] С[екретариатом] и при его содействии подготовить демократически организованный съезд. Только так можно выйти из кризиса. В этой работе вы можете без сомнения рассчитывать на горячую поддержку всех наших секций. На этом пути желаю вам успеха от всей души.

/Нам поистине незачем возвращаться к 1903 году. С того времени наш опыт стал неизмеримо богаче. В развитии самой левой оппозиции можно найти ряд конфликтов, которые начинались с организационных обвинений по адресу нашей международной организации, приводили к разрыву с ней, несмотря на все наши усилия сохранить единство, и обнаруживали, что острое организационное недовольство чаще всего было выражением национальной ограниченности, непонимания международного сотрудничества. Я не буду, однако, настаивать на этих примерах, так как я хочу надеяться, что никто из ваших руководителей не захочет пойти по безнадежному пути Ландау, Веля, Миля, Лакруа и т. п./350

Да здравствуют греческие большевики-ленинцы!

Да здравствует наша Международная Лига!

Да здравствует Четвертый Интернационал!

Ваш Г. Гуров

[Ноябрь 1933 г.]

О боевом соглашении пролетарских организаций против фашизма³⁵¹

Нижеподписавшиеся организации обращаются ко всем рабочим партиям, профессиональным союзам, спортивным, образовательным и иным организациям рабочего класса с нижеследующим предложением.

Опыт Германии показал, какую судьбу готовит европейскому и мировому пролетариату дальнейшее развитие фашизма. Между тем в политике рабочих организаций не произошло никаких изменений со времени разгрома германского пролетариата. Одинаковые причины вызывают неизбежно одинаковые следствия. Если рабочие организации не сделают необходимых практических выводов из опыта германской катастрофы, ближайшие годы будут годами окончательного разгрома мирового пролетариата.

Мы далеки от мысли предлагать слияние пролетарских партий, отказ от внутренней борьбы в рабочем классе и проч. Такие предложения явно утопичны. При наличии глубоких принципиальных разногласий, расколы и внутренняя борьба в рядах пролетариата совершенно неизбежны. Практически дело может идти только о соглашении разных организаций [о борьбе] против общего врага. Не поступаясь ни своей самостоятельностью, ни правом взаимной критики, рабочие организации должны заключить друг с другом боевое соглашение против фашизма. Дело идет при этом прежде всего о защите основного орудия пролетариата: его организаций. Эта задача одинаково ясна и близка каждому организованному рабочему, независимо от общего политического направления его организации.

Не позволить фашистам проникнуть на заводы и фабрики; не дать им выходить на улицы с целью подготовительных маневров; пресечь в корне всякие попытки с их стороны взрывать рабочие собрания, громить рабочие газеты, клубы и проч., - такова простейшая и вместе с тем повелительнейшая программа соглашения организаций рабочего класса.

Боевое соглашение предполагает, разумеется, со стороны всех участников соблюдения боевой дисциплины; но это будет дисциплина лишь в отношении определенных практических действий, притом в тех рамках, какие каждая из организаций заранее согласится добровольно признать.

Организационные формы, как и практические методы боевого соглашения, неизбежно весьма разнообразны в зависимости от национальных и локальных условий. Уже создание общего информационного бюро в качестве первого шага может представить значительные выгоды. В борьбе с фашизмом, как и всякой вообще борьбе, крайне важно знать своевременно действительные силы, средства и планы противника. Только таким путем будут воспитаны боевые штабы, способные мобилизовать массы для обороны, а затем и для наступления. Нет никакого сомнения в том, что широкое боевое объединение, опирающееся на партии и профессиональные союзы разных направлений, привлечет к себе доверие и сочувствие неорганизованных рабочих и трудящихся вообще и уже этим одним затруднит проникновение фашистской отравы в среду угнетенных классов.

Мы призываем каждую рабочую организацию, местную, национальную или интернациональную, которая в принципе согласна с основной мыслью настоящего

письма, подписаться под ним, сопроводив в случае желая свою подпись критическими замечаниями, поправками или дополнительными предложениями. Таким образом получится анкета среди рабочих организаций, которая сама по себе будет иметь большое значение для взаимной ориентировки. На основании данных этой анкеты можно будет предпринять необходимые дальнейшие шаги.

[Л.Д.Троцкий]

[Ноябрь 1933 г.]

Замечания по поводу тезисов тов. Ладислауса Порцольда³⁵²

1. Совершенно неоспоримо, что старые споры "между Лениным и Троцким" о перспективах русской революции имеют лишь исторический интерес и что принадлежность к левой оппозиции ни в каком случае не связана с тем или другим отношением к этим спорам. Кто хочет, однако, занять в этих спорах определенную позицию, тот должен изучить их в связи с конкретным ходом классовой борьбы и тогдашними революционными группировками в России.

2. Эпигоны извлекли из старых споров, проходивших через разные стадии, некоторые общие правила революционной стратегии и формулировали их в виде антитезы ленинизма и троцкизма. Здесь дело идет уж не об истории, а о сегодняшнем и завтрашнем дне. Тов. Порцольд заявляет о своей солидарности (по крайней мере, в основном) с теми стратегическими принципами, которые сталинцы объявили "троцкизмом", но которые на деле являются применением марксизма к условиям нашей эпохи. Эта солидарность, поскольку она проверена опытом, гораздо важнее разногласий по поводу давно ликвидированного спора.

3. Поскольку, однако, тов. Порцольд возвращается в своих тезисах к историческому спору, он делает в этой части ряд ошибок. "В действительности, - пишет он, - падение царизма было фактически делом рабочих и крестьянских масс". В этом Порцольд видит правоту Ленина против меня. Но на этот счет у нас и спора не было. Уже в полемике с Радеком я пытался разъяснить, что всякая "великая", т. е. истинно народная революция, была и остается делом пролетарских (предпролетарских) и крестьянских (мелкобуржуазных) масс. Этот тезис представлял общую почву в споре. Вопрос был в том, какой класс займет руководящее положение и, следовательно, окажется у власти.

Порцольд признает, что русский пролетариат действительно оказался у власти раньше, чем пролетариат Западной Европы, но напоминает, что это произошло не "в революции против царизма, а во второй революции против буржуазии". Что это значит? Под буржуазной революцией русские марксисты, заслуживающие этого имени, понимали прежде всего разрешение аграрного вопроса. Эта мысль - в отличие от либералов и меньшевиков - составляла общую основу позиции Ленина и Троцкого. (См. Протоколы IV съезда партии)³⁵³. То обстоятельство, что имущие классы, в том числе и феодальные, до великих князей включительно, в целях самосохранения отказались в феврале (провизорно) от монархии, являлось одним из таких эпизодов, которых не может предвидеть никакой прогноз. После отречения Николая II³⁵⁴ в центре

политической жизни, наряду с войной, стоял вопрос о земле, т. е. о буржуазно-демократической революции. Именно на основе этой революции пролетариат пришел к власти.

4. Из сказанного вытекает, что в таких странах, где, несмотря на отсталость, расчленение на три основных класса (буржуазия, мелкая буржуазия, пролетариат) прошло через всю нацию (Китай, Индия), национально-освободительная и буржуазно-демократическая революция не может быть доведена до конца без диктатуры пролетариата. Тем самым между буржуазной и социалистической революцией устанавливается непрерывность (перманентность). Революция в Китае проходила через ряд этапов; не менее сложным и извилистым будет ее путь и в Индии. Мы будем, конечно, следить за каждым этапом и анализировать его. Но стратегический прогноз имеет своей задачей не предугадывать конкретные этапы и эпизоды, а выделить основную тенденцию революционного развития. Эту основную тенденцию дает формула перманентной революции. Она опирается на три положения:

а) национальная буржуазия, пытающаяся эксплуатировать революцию на первых ее шагах (Гоминьдан, Ганди), при дальнейшем развитии революции неизбежно окажется по другую сторону баррикады, вместе с феодальными классами и империалистическими угнетателями;

б) мелкая буржуазия (крестьянство) не способна более играть руководящую роль в буржуазной революции и, следовательно, стать у власти. Отсюда вытекает отказ от концепции буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства;

в) под диктатурой пролетариата буржуазно-демократическая революция перерастает в социалистическую, которая может окончательно победить только как звено международной революции.

Нарушение этих принципов принесло уже величайшие бедствия в Китае, Индии, Японии и др[угих] странах.

5. Теория перманентной революции опровергнута, по мнению тов. Порцольда, тем фактом, что крестьянство не опрокинуло диктатуру пролетариата в течение 16 лет, вопреки старым опасениям Троцкого. И этот довод бьет мимо цели. Не только до Октябрьской революции, но и после нее Ленин десятки раз высказывал ту мысль, что без скорой поддержки западного пролетариата советская власть будет опрокинута. Дело шло об эмпирической оценке многочисленных и противоречивых факторов: календарные прогнозы тут невозможны. Если, благодаря целому ряду сопутствующих обстоятельств, советская власть продержалась 16 лет в отдельной стране, то это так же мало говорит против международного характера пролетарской революции, как и против того, что устойчивость пролетарской диктатуры тем меньше, чем многочисленнее крестьянство.

6. Тов. Порцольд очень близко подходит к давно уже опровергнутому доводу Бухарина, что в международном масштабе соотношение рабочих и крестьян не более благоприятно, чем в границах СССР. Это схоластика! Вопрос решается не социальной статикой, а динамикой, не средним процентом рабочих для всего

мира, а той последовательностью, в которой отдельные страны втягиваются в революцию. Если бы, например, брандлеровское руководство в 1923 году не сорвало революцию в Германии, статистическое соотношение пролетариата и крестьянства в мировом масштабе не изменилось бы, конечно; но силы пролетарской революции возросли бы в несколько раз. Советская Германия втянула бы в революцию Европу. Превращение Европы в социалистическую крепость изменило бы соотношение сил во всем мире. Отсталые страны втягивались бы в революцию в наиболее благоприятных условиях, контрреволюционные потрясения были бы неизмеримо менее опасны.

7. По вопросу о социализме в отдельной стране тов. Порцольд дает ряд двусмысленных формулировок. Начать с того, что он приводит без комментариев знаменитую цитату из статьи Ленина 1915 года о возможности "победы социализма сперва в некоторых или даже в одной единственной стране"³⁵⁵. Из этой цитаты выросла, как известно, вся теория Сталина. Между тем в литературе левой оппозиции неопровержимо доказано, что под "победой социализма" Ленин понимал в данном случае, как и во многих других, завоевание власти рабочим классом, т. е. создание социалистического государства, а не построение социалистического общества. Или у тов. Порцольда есть на этот счет малейшее сомнение? Пусть вчитается в цитату: она их рассеет.

8. Тов. Порцольд пытается свести вопрос о социализме в отдельной стране к чистой абстракции. Без интервенции извне и без контрреволюции внутри техника Советов продолжала бы расти, благосостояние и культура масс поднимались бы непрерывно, и социализм был бы осуществлен. Но, признает тов. Порцольд, эта абстрактная возможность... неосуществима ввиду крайнего обострения классовых противоречий в мировом масштабе. "Отсталость" России, по его мнению, здесь не при чем: национальную отсталость можно было бы преодолеть, если бы не обострение классовой борьбы во всем мире.

Но в том ведь и дело, что преодоление отсталости требует больших сроков, а развитие мировой классовой борьбы вовсе не предоставляет СССР какие-либо неограниченные сроки. Преодоление отсталости налагает к тому же страшные тяготы на трудящиеся массы; тот факт, что русские рабочие не едят досыта через 16 лет после революции, пугает рабочих других стран, затрудняет развитие мировой революции и увеличивает опасности для СССР.

9. Как вообще понимать абстрактную "возможность" построения социализма в отдельной стране? Если бы на свете существовала только одна Россия, то она в 1917 году не совершила бы Октябрьской революции. Если мысленно устранить мировое хозяйство после Октябрьского переворота, то предоставленная самой себе Россия вернулась бы к капитализму, ибо в рамках Советского Союза капитализм далеко еще не исчерпал своих возможностей: в области производства советский режим ведь только "догоняет" капиталистические страны. Диктатура пролетариата в СССР поддерживается тем, что мировое хозяйство, частью которого является русский капитализм, уперлось в тупик. Но отсюда же грозят диктатура и смертельные опасности (фашизм).

10. "Не возможность социализма в `одной' стране составляет действительный вопрос, а интернациональное единство революционной классовой борьбы". В этой формуле Порцсольд превращает интернациональное единство в такую же абстракцию, в какую раньше превратил построение социализма в одной стране. Если внушать рабочим, что - при отсутствии военной интервенции - обеспечена полная и окончательная победа социализма в СССР, то вопрос о мировой революции теряет свое значение, а внешняя политика сводится к тому, чтоб избежать интервенции. На этом пути сталинская бюрократия погубила Коминтерн и может погубить советское государство. Теория социализма в отдельной стране и интернациональное единство пролетарской борьбы на деле исключают друг друга.

11. Бюрократизм в СССР есть не моральный и не технический, а социальный, т. е. классовый, факт. Борьба социалистических и капиталистических тенденций приняла главным образом характер борьбы между общими интересами, представленными государством, и личными, потребительскими интересами крестьян, чиновников, самих рабочих. Преодоление классовых противоречий означает в данных условиях согласование общих производственных интересов с личными потребительскими интересами, причем, на данной стадии развития, личный интерес остается еще основной движущей силой хозяйства.

Удалось ли это согласование? Нет! Рост бюрократизма отражает собой рост противоречия между частным и общим интересом. Представляя "общие" интересы, бюрократия отождествляет их в значительной мере со своими собственными интересами. Разграничительную линию между общим и частным она проводит под углом зрения своих частных интересов. Это создает еще большее напряжение антагонизмов и, следовательно, ведет к дальнейшему росту бюрократизма. В основе этих процессов лежит отсталость СССР и его изолированность в капиталистическом окружении.

12. Эмпирики говорят: за 16 лет советская власть сделала большие успехи; если и дальше пойдет так, то социализм будет наверняка построен. На это мы отвечаем: если "и дальше пойдет так", то процесс неизбежно приведет ко внутреннему взрыву, вероятнее всего при помощи внешнего толчка, но, может быть, и без него. Военная интервенция, вообще говоря, опасна лишь постольку, поскольку, во-первых, найдет внутри СССР крайнее напряжение противоречий и поскольку, во-вторых, военная интервенция может пробить брешь для интервенции дешевых капиталистических товаров. Оба эти обстоятельства показывают, что проблема социализма не разрешена и, поскольку дело идет не о царстве абстракции, а о царстве действительности, без интернациональной революции не будет разрешена.

13. Из этих соображений некоторые мудрецы делают тот вывод, будто мы отнимаем у русских рабочих "перспективу". Иные идут еще дальше и обвиняют нас в том, что мы отрицаем полезность и необходимость социалистического строительства в СССР: к чему, в самом деле, раз из строительства все равно (!) ничего (!) не выйдет. Вряд ли стоит отвечать на такого рода пошлости. Если я говорю, что человеческий организм не может долго продержаться без

притока свежего воздуха, то этим я не отрицаю ни пользы пищи, ни важности желудка, как органа пищеварения.

14. СССР и Коминтерн. То, что тов. Порцольд говорит о зависимости Коминтерна от политических интересов советской бюрократии, в общем правильно, и, вопреки утверждению тов. Порцольда, неоднократно высказывалось в литературе левой оппозиции. Однако и в этой области тов. Порцольд допускает если не ошибки, то двусмысленные формулировки. Так, он говорит о том, что советская бюрократия искусственно переносила свои внутренние споры на Коминтерн. Если оставить в стороне преступные методы бюрократии (удушение критики, обман, фальсификации, уголовные амальгамы, подкупы), то остается все же тот факт, что фракционные группировки внутри ВКП имели по самой своей сути интернациональное значение. Особенно это относится к левой оппозиции. Она возникла, правда, непосредственно на почве русских вопросов: темпы индустриализации и партийный режим. Но и эти вопросы не могли не получить сразу интернационального значения. Проблема бюрократизма прямо и непосредственно затрагивала Коминтерн. В 1924-1925 гг. борьба развернулась уже целиком по вопросу о немецкой революции ("Уроки Октября")³⁵⁶. В 1926 году борьба обостряется вокруг вопросов об Англо-русском комитете и перевороте Пилсудского в Польше³⁵⁷. 1927 год стоит целиком под знаком китайской революции. Через все эти годы проходит борьба вокруг вопросов о "рабоче-крестьянских партиях" для Востока, о Крестинтерне (куда он, к слову сказать, девался?) и проч.

1928 год - борьба вокруг программы Коминтерна. 1929-1933: ультралевизна в хозяйственной политике СССР, "третий период", испанская революция, проблемы фашизма. КПГО прошла мимо важнейших вопросов интернациональной революционной стратегии, и это, к сожалению, до сих пор крайне отрицательно отражается на руководстве САП.

15. Центризм. Тов. Порцольд делает большую методологическую ошибку, когда отказывается признавать "русское" будто бы деление коммунистического лагеря на левых, центристов и правых. В России, по его мнению, правые действительно ликвидированы, на Западе же процент ликвидаторов среди правых не велик: "об этом красноречиво говорит тот факт, что лучшие элементы КПГО приблизились через посредство САП к левой оппозиции". Все эти соображения, независимо от того, верны ли они или не верны по существу, не опровергают, а подтверждают нашу классификацию и, в частности, деление центристов на правых и левых. Чтобы САП могла приблизиться к идеям левой оппозиции, ее рядовым членам нужно было отколоться от левого крыла социал-демократии, а ее вождам нужно было порвать с брандлерианцами. Идеологически этот процесс, однако, еще не завершен.

Если тов. Порцольд хочет сказать, что не все брандлерианцы погибли для революции, то мы это охотно допускаем. Но чтобы стать на путь революции (в данных исторических условиях - на путь нового Интернационала), им надо порвать с правоцентристскими и вообще центристскими чертами и методами (пренебрежительное отношение к теории; недостаточное внимание к

интернациональной организации; игнорирование проблем революционной стратегии или их подмена вопросами тактики и проч. и проч.).

Как общее правило можно установить: антипатию к термину центризм и ко всяким дальнейшим подразделениям центризма питают те течения, которые либо сами принадлежат к центризму, либо не освободились еще окончательно от его идейной расплывчатости.

16. Крушение германской социал-демократии и германской компартии открыло целую эпоху распада, брожения и новой кристаллизации в пролетарском авангарде. Но "брожение" означает в данном случае не что иное, как прохождение через промежуточные или центристские стадии развития. Идет ли дело в каждом данном случае о распаде или о новой революционной кристаллизации, определяется направлением данного движения: слева направо, справа налево и пр. Отсюда необходимость различения левого центризма, правого центризма и т. д. Эти определения не имеют в себе, разумеется, ничего абсолютного. Но при всей своей относительности они совершенно необходимы для марксистской, а не вульгарно-эмпирической ориентации. Отказываться от них пролетарский политик может так же мало, как моряк - от карты и компаса.

17. Возьмем два примера: Норвежскую рабочую партию и Шведскую независимую коммунистическую партию.

НРП проделывает курс от центризма к реформизму. Чтобы совершить эту эволюцию без внутренних потрясений, Транмель нуждался в маскировке и прикрытии. Такое прикрытия давала ему связь с независимыми социалистическими партиями других стран. Сейчас, когда он чувствует себя более прочно в седле, он собирается, по-видимому, поблагодарить своих стремленных пинком ноги: эту историю мы наблюдали не раз.

Подписание вождями САП и ОСП совместно с Транмелем резолюции об общей борьбе за возрождение революционного (!) движения есть тяжелая оппортунистическая ошибка, которая вызвана вульгарно-эмпирическим, комбинаторским подходом к задаче собирания сил, без марксистской оценки тенденций и направления их развития.

Шведская независимая коммунистическая партия эволюционирует, насколько я могу судить на основании крайне недостаточных данных, от брандлерианской позиции влево. Разумеется, каждый революционер-интернационалист будет всеми силами стремиться к тому, чтобы эта эволюция привела к сближению и объединению на принципиальном фундаменте нового Интернационала. Но недопустимо выдавать пожелания за факты, отождествляя возможный завтрашний день с сегодняшним. Шведская партия не только голосовала за общую с Транмелем резолюцию, но и отказалась подписать декларацию в пользу Четвертого Интернационала. Правда, вожди партии заявляют, что, будучи в принципе согласны с необходимостью нового Интернационала, они считают "преждевременным" его провозглашение. На самом деле за этой позицией скрывается центристская половинчатость. Дело сейчас идет не о провозглашении нового Интернационала, а о провозглашении необходимости нового

Интернационала и о формулировке его основных принципов пред лицом мирового рабочего класса.

В этих условиях САП и ОСП, подписывая левой рукой декларацию нового Интернационала, а правой - совместную декларацию с Транмелем, Балабановой, Полем Луи358 и пр., препятствуют установлению необходимой ясности, подают колеблющимся новый пример колебания, задерживают революционное развитие Шведской компартии, как и ряда других организаций. Нельзя руководствоваться одним лишь стремлением захватить как можно шире. Надо иметь перед собой политическую карту и компас. Массовое количество явится только в результате принципиального качества.

18. Тов. Порцсольд совершенно прав, когда настаивает на том, чтобы секции бывшей левой оппозиции перестали себя чувствовать только оппозицией или только вспомогательными отрядами русской оппозиции. Они должны действовать как кадры (часть кадров) новых национальных партий и нового Интернационала. Тов. Порцсольд выгодно отличается в этом вопросе от тех эмпириков, которые не понимают авангардной роли левой оппозиции, ибо руководствуются по существу трэд-юнионистским критерием (критерием голого числа), а не марксистским критерием, который исходит из решающей роли теории, принципов, методов.

19. Ошибочна мысль тов. П[орцсольда], будто мы должны составить особый каталог мертвых и живых секций Коминтерна. Этот вопрос освещен в нашей дискуссии достаточно. Если в той или другой стране мы сможем в дальнейшем завоевать большинство национальной секции Коминтерна, то не идеей "реформы", а открытым строительством нового Интернационала. Так, Третий Интернационал завоевал в свое время большинство французской социал-демократии.

20. Совершенно верно, что в литературе левой оппозиции не разработан ряд важнейших вопросов новейшей экономики и политики. Такая разработка предполагает рост кадров, привлечение новых сил, более широкое разделение труда, в том числе и теоретического.

С другой стороны, не надо упускать из виду, что теоретическая работа других направлений, как и непосредственное развитие мировой экономики и политики, не принесли за последнее десятилетие ничего, что находилось бы в противоречии с основными программными и стратегическими положениями левой оппозиции и с ее революционной перспективой. В этом величайшая гарантия успешности дальнейшего строительства.

Л. Троцкий

4 декабря 1933 г.

[Письмо Коммунистической лиге США]

5 дек[абря] 1933 г.

Ам[ериканская] Лига

Дорогие товарищи,

Тов. Вейсборд извещает нас, что переговоры об объединении не дали

положительного результата и требует допущения его в ряды нашей интернациональной организации. Мы понимаем, разумеется, что у вас должны были быть серьезные причины для отклонения включения группы Вейсборда в состав вашей секции. С другой стороны, мы не можем с интернациональной точки зрения оттолкнуть группу, которая за последний год значительно приблизилась к нам. Единственным выходом, который резервирует будущее, является признать группу В[ейсборда] сочувствующей организацией и дать ей совещательный голос. При этом мы считаем необходимым поставить группе В[ейсборда] два условия: 1) Она должна отказаться от открытых нападений (в печати, на собраниях) на Лигу. Это не исключает, разумеется, товарищеской критики в дискуссионном бюллетене с обеих сторон. 2) Она должна условиться с Лигой о разделении труда во избежание излишних конфликтов.

Вообще же обе организации сохраняют полную независимость, Лига остается по-прежнему секцией большевиков-ленинцев для Америки. Дальнейший опыт подскажет будущие шаги. Мы не сомневаемся, что с вашей стороны не встретится возражений против такого решения.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Интернациональному секретариату]

5 декабря 1933 [г.]

Интернац[иональный] Секретариат

Из переговоров между американской Лигой и группой Вейсборда, по-видимому, ничего не выйдет. Вейсборд считает переговоры законченными и настаивает на том, чтоб его организация была принята в состав Интернациональной Лиги. Я думаю, что нам необходимо ввести категорию сочувствующих организаций и допускать их с совещательным голосом. Действительно ли вина за несостоявшееся объединение ложится целиком на группу Вейсборда, мы отсюда судить не можем. Провал переговоров может объясняться до некоторой степени, по крайней мере, и внутренними отношениями в американской Лиге. Вейсборд развивает известную деятельность, выпустил печатную брошюру в пользу нового Интернационала, ведет пропаганду в пользу наших принципов. При этих условиях было бы неправильно отталкивать организацию, которая в течение последнего года приблизилась к нам. Я думаю, что надо признать группу Вейсборда сочувствующей под условием: не вести против Лиги открытой борьбы (в печати, на собраниях) и сговариваться с Лигой по возможности о разделении труда во избежание ненужных конфликтов. Разумеется, такой режим может иметь лишь временный характер. Окончательное решение будет вынесено на основе опыта.

Во всяком случае, американскую Лигу надо предупредить об этом проекте заранее (в случае вашего согласия).

Прилагаю проект письма для американской Лиги³⁵⁹.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Буриану]360

8-го декабря 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан,

Только что получил ваши два письма (русское и немецкое). Я полностью согласен с вашим предложением относительно издания "1905 года"361. Книгу на русском языке постараюсь вам послать как можно скорее с указанием, что надо выбросить (я думаю, придется исключить олень многое), чтобы избежать повторения.

Очень спешу и ограничиваюсь этими немногими словами.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Натану]

12 декабря 1933 г.

Дорогой тов. Натан,

Я не ответил вам на ваше последнее письмо. С того времени много воды утекло... и Палестина была за это время ареной крупных событий. И фашистский переворот в Германии, и арабско-еврейская борьба в Палестине представляют собой новые очень яркие подтверждения того, что еврейский вопрос неразрешим в рамках капитализма. Я не знаю, восстановится ли еврейство как нация. Но несомненно, что материальные условия для существования еврейства в качестве самостоятельной нации может создать только пролетарская революция. "Ничьей" земли на нашей планете нет или почти нет. Создание территориальной основы для еврейства мыслимо только - в Палестине или в другом месте - посредством передвижки больших человеческих масс. Такие задачи будут по силам только победоносному социализму на основах добровольного соглашения или интернационального третейского суда. Тупик немецкого еврейства, как и тупик сионизма, неразрывно связан с тупиком капитализма. Только в ясном сознании этой связи еврейские рабочие могут найти страховку от пессимизма и отчаяния...

Вы знаете, вероятно, что наша группировка (бывшая левая оппозиция) стала на путь новых пролетарских партий и нового Интернационала. Надеюсь, вы читали последний номер "Бюллетеня". На всякий случай посылаю вам экземпляр. Как настроена в этом вопросе ваша организация?

Не знаю, известно ли вам, что организация молодежи голландской Независимой социалистической партии созывает в конце января или в феврале международную конференцию революционной молодежи. Участие примут главным образом организации, стремящиеся к созданию нового Интернационала молодежи. Но доступ на конференцию открыт и таким организациям, которые не стали еще на путь нового Интернационала. Не думаете ли вы, что ваша молодежь могла бы принять участие в этой конференции? Я попрошу во всяком случае переслать вам соответственные документы.

Верно ли, что на Палестину кризис почти не распространяется?

Буду очень рад получить от вас несколько строк и узнать о настроении палестинских рабочих.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Буриану]362

19 декабря 1933 г.

Дорогой тов[арищ] Буриан

В силу несчастных обстоятельств я непростительно запоздал с высылкой вам книги "1905". Если бы я знал заранее, что предполагается издание "1905" вместе с "Историей русской революции", я бы в обеих книгах произвел некоторую перегруппировку материала. Сейчас я несколько связан и вынужден предложить очень значительные сокращения. Нужно выпустить все теоретическое вступление (стр. 17-61), кроме того, надо выпустить все теоретические "приложения" (стр. 247-309). Кроме того, надо исключить кое-что из предисловия 1922 года. Впрочем, предисловие я несколько переработаю и приспособлю его к чешскому изданию. Вы переводите лишь предисловие к первому изданию (1909 года)363 - стр. 10-14.

Описание побега (туда и обратно)364 мало подходит для исторического труда, но решение вопроса об этом я предоставляю вам и издателю совместно. Мне кажется, лучше выкинуть эту часть (стр. 361-422). В крайнем случае, издательство могло бы сделать дополнительные выпуски, отметив, что это не часть истории революции, а литературная иллюстрация или исторический документ. Вот, кажется, и все.

[Л.Д.Троцкий]

Предисловие к чешскому изданию

Издательство выразило пожелание выпустить для чешской читающей публики мою "Историю русской революции" (1917 г.) вместе с моей старой работой о революции 1905 года. Я не мог не приветствовать этот замысел, благодаря которому преемственность исторического развития, как и единство политической мысли, должны выступить с наибольшей отчетливостью.

Считаю, однако, долгом заранее предупредить, что две книги, отделенные промежутком в четверть века, при всем единстве сходной теоретической позиции весьма различны по характеру изложения. История 1905 года представляет собой скорее набросок, в котором личные наблюдения и воспоминания занимают доминирующее место. История 1917 года представляет собой результат длительного и кропотливого исследования. Но так как революция 1905 года сама по себе была лишь эскизом революции 1917 года, то эскизный характер изложения как бы находит в этом свое объективное оправдание.

Моей обязанностью перед читателем было устранить повторения. Я исключил из "Истории 1905 года" всю вступительную социологическую часть, так как

вопросы, которым она была посвящена, более полно и, позволю себе сказать, более зрело разработаны в "Истории 1917 года".

Книга о 1905 годе впервые появилась на немецком языке в 1909 году. По-русски она была напечатана лишь в 1922 году. Я сохраняю в этом издании - правда, со значительными сокращениями - оба старых предисловия, которые помогут чешскому читателю найти для настоящей книги необходимую историческую перспективу.

Л. Троцкий

Франция,

19 декабря 1933 г.

Четвертый Интернационал и война

Подготовка новой войны

1. Историческая безвыходность капитализма находит на международной арене не менее яркое выражение, чем внутри каждой из капиталистических стран.

Те причины, которые вызвали последнюю империалистическую войну, достигли сейчас неизмеримо большего напряжения, чем в середине 1914 года. Страх перед последствиями новой войны есть единственный фактор, который сдерживает волю империализма. Но сила этого тормоза ограничена. Напряжение внутренних противоречий толкает одну страну за другой на путь фашизма, который, в свою очередь, не может держаться у власти иначе, как подготавливая новые международные взрывы. Все правительства боятся войны. Но ни у одного из правительств нет свободы выбора. Без пролетарской революции новая мировая война неизбежна.

2. Европа, арена величайшей из войн, непрерывно идет к упадку. Распад Лиги Наций³⁶⁵ явился выражением неспособности капиталистической Европы сомкнуть свои ряды ни против СССР, ни против Америки.

Официальный пацифизм Лиги Наций являлся прикрытием, главным образом, французской политики: лучший военный теоретик Клаузевиц³⁶⁶ давно знал, что победитель всегда за мир. Пацифизм Франции означает попросту стремление охранить награбленное. Преимущества победы и большой добычи выражаются в том, что французский империализм, прикрывая себя во внешней политике пацифизмом, во внутренней мог позволить себе роскошь сохранения демократии.

3. Толкаемый своими невыносимыми противоречиями и последствиями поражения, немецкий капитализм оказался вынужден сорвать с себя смирительную рубашку демократического пацифизма и выступает сейчас как главная угроза версальской системе. Группировка государств на европейском континенте идет пока еще главным образом по линии победителей и побежденных. Италия занимает положение вероломного посредника, чтобы в решающий момент продать свою дружбу более сильной стороне, как она это сделала во время прошлой войны. Англия пытается сохранить свою "независимость" - тень былой "блестящей

изолированности"³⁶⁷ - в надежде использовать антагонизмы в Европе и противоречия между Европой и Америкой. Но правящей Англии все менее удаются ее замыслы. Запуганная распадом своей империи, революционным движением в Индии, неустойчивостью своих позиций в Китае, британская буржуазия является сейчас, пожалуй, самым ожесточенным врагом Советского Союза.

4. Наибольшие изменения война и послевоенный период произвели во внутреннем и международном положении Соединенных Штатов Северной Америки. Гигантский экономический перевес над Европой и, следовательно, над миром позволял буржуазии Соединенных Штатов выступать в первый период после войны в качестве беспристрастной "умиротворительницы", охранительницы "свободы морей" и "открытых дверей". Торгово-промышленный кризис обнаружил, однако, со страшной силой нарушение старого равновесия и потребность в новом, которое не может быть достигнуто иначе, как путем передела мира, подрыва гегемонии Франции в Европе, оттеснения Великобритании, разгрома Японии, закабаления Советского Союза.

Экономический перевес Соединенных Штатов не исчез, разумеется, и сейчас, наоборот, потенциально он даже возрос вследствие дальнейшего распада Европы; но старые формы, в которых этот перевес выражался (промышленная техника, торговый баланс, незыблемый доллар, задолженность Европы) утратили свою действительность: высокая техника не находит применения, баланс неблагоприятен, доллар в упадке, долгов не платят. Перевес Соединенных Штатов должен найти свое выражение в новых формах, путь к которым может открыть только война.

Лозунг "открытых дверей" в Китае оказывается бессильным против нескольких японских дивизий. Продолжая по инерции дискуссию об освобождении Филиппин, американские империалисты на самом деле готовятся создать себе территориальную базу в Китае, чтобы на следующем этапе поставить вопрос об Индии. Капитализм Соединенных Штатов вплотную упирается в те задачи, которые толкнули Германию 1914 года на путь войны. Мир уже поделен? Надо переделить его. Для Германии дело шло о том, чтобы "организовать Европу". Соединенным Штатам надо "организовать мир". История вплотную подводит человечество к вулканическому извержению американского империализма.

5. Запоздалый японский капитализм, питающийся соками отсталости, нищеты и варварства, толкается невыносимыми внутренними язвами и болячками на путь непрерывных разбойничьих захватов. Отсутствие собственной промышленной базы и крайняя шаткость всей социальной системы делают японский капитализм наиболее агрессивным и необузданным. Но будущее покажет, что за этой жадной агрессивностью слишком мало реальных сил. Япония первой способна подать сигнал войны; но из Японии же может раньше, чем из других стран, прозвучать сигнал революции.

6. Было бы, однако, слишком рискованным делом гадать, откуда и когда именно раздастся первый выстрел. Под влиянием советско-американского соглашения³⁶⁸, как и внутренних трудностей, Япония может временно отступить; но те же обстоятельства могут, наоборот, заставить японскую камарилью

поспешить с ударом, пока не поздно. Решится ли французское правительство на "превентивную" войну, и не превратится ли она при содействии Италии во всеобщую свалку? Или же, наоборот, выжидая и лавируя, не даст ли Франция Гитлеру достаточный срок для полного вооружения, после чего война станет механической неизбежностью? Не окажется ли снова зачинщиком войны Балканский полуостров? Или, может быть, инициативу перехватят на этот раз придунайские страны?

Множественность факторов и переплет враждующих сил исключают возможность конкретного прогноза. Но общая тенденция развития совершенно ясная - послевоенный период превратился в простой промежуток между двумя войнами, и этот промежуток исчезает на наших глазах. Разговоры о разоружении сменились практикой бешеного вооружения. Новая великая война стучится в двери. Она будет более ожесточенной, более истребительной, чем ее предшественница. Отношение к надвигающейся войне становится тем самым центральным вопросом пролетарской политики.

СССР и империалистская война

7. Взятое в историческом масштабе противоречие между мировым империализмом и Советским Союзом неизмеримо глубже антагонизмов, противопоставляющих отдельные капиталистические страны друг другу. Но классовое противоречие между рабочим государством и государствами капитала изменяет свою остроту в зависимости от эволюции рабочего государства и ряда других обстоятельств. Чудовищное развитие советского бюрократизма и тяжелые условия жизни трудящихся чрезвычайно понизили притягательную силу СССР в отношении мирового рабочего класса. Жестокие поражения Коминтерна и национально-пацифистская внешняя политика советского правительства не могли, в свою очередь, не ослабить опасений мировой буржуазии. Наконец, новое обострение внутренних противоречий капиталистического мира вынуждает правительства Европы и Америки подходить на данном этапе к СССР не с точки зрения основного вопроса: капитализм или социализм? - а с точки зрения конъюнктурной роли советского государства в борьбе империалистических сил.

Выражением этой международной обстановки и явились договоры о взаимном ненападении, признание СССР вашингтонским правительством и проч. Настойчивые усилия Гитлера легализовать вооружение Германии ссылками на "восточную опасность" не находят пока сочувствия, особенно со стороны Франции и ее сателлитов именно потому, что революционная опасность коммунизма, несмотря на чудовищный кризис, потеряла свою остроту. Дипломатические успехи Советского Союза объясняются, таким образом, - по крайней мере, наполовину - чрезвычайным ослаблением международной революции.

8. Гибельной ошибкой было бы, однако, считать, что военная интервенция против Советского Союза вообще снята с повестки дня. Если конъюнктурная острота отношений смягчилась, то остается во всей силе противоречие социальных систем. Безостановочный упадок капитализма будет толкать буржуазные правительства на путь радикальных решений. Каждая большая война,

независимо от ее исходных мотивов, поставит ребром вопрос о военной интервенции в СССР с целью переливания свежей крови в склеротические жилы капитализма.

Охрана Советского Союза от ударов со стороны капиталистических врагов, независимо от условий и непосредственных причин столкновения, есть элементарный и повелительный долг каждой честной рабочей организации.

"Национальная оборона"

9. Классической ареной капитализма стало созданное им в борьбе со средневековым партикуляризмом национальное государство. Но едва успев сложиться, оно уже начало превращаться в тормоз для экономического и культурного развития. Противоречие между производительными силами и рамками национального государства, в сочетании с основным противоречием - между производительными силами и частной собственностью на средства производства - и образуют кризис капитализма как мировой социальной системы.

10. Если бы можно было одним ударом смести все государственные границы, то производительные силы, даже при капитализме, могли бы еще в течение известного периода - правда, ценой неисчислимых жертв - подниматься на более высокий уровень. При уничтожении частной собственности на средства производства производительные силы, как показывает опыт СССР, могут даже в рамках одного государства достигнуть более высокого развития. Но только уничтожение как частной собственности, так и барьеров между нациями способно создать условия для новой экономической системы: социалистического общества.

11. Защита национального государства, прежде всего в балканизированной Европе, родине национального государства, является в полном смысле реакционной работой. Национальное государство со своими границами, паспортами, денежной системой, таможами и армией на защите таможен стало чудовищной помехой на пути экономического и культурного развития человечества. Задачей пролетариата является не защита национального государства, а его полная и окончательная ликвидация.

12. Заповедь национальной обороны исходит из того догмата, что национальная солидарность классов стоит выше классовой борьбы. На самом деле ни один имущий класс никогда не признавал защиты отечества как такового, т. е. при всех и всяких условиях, а лишь прикрывал этой формулой защиту своего привилегированного положения в отечестве. Свергнутые господствующие классы всегда становились "пораженцами", т. е. всегда готовы были восстанавливать свое привилегированное положение при помощи иностранного оружия.

13. Если бы нынешнее национальное государство представляло собой прогрессивный фактор, то его надо было бы защищать независимо от политической формы и уже независимо от того, кто первый "начал" войну. Бессмысленно смешивать вопрос об исторической функции национального государства с вопросом о "виновности" данного правительства. Можно ли отказаться спасать пригодный для жизни дом только потому, что пожар возник по неосторожности или по злему умыслу владельца? Но в том-то и дело, что

данный дом пригоден не для жизни, а только для умирания. Чтобы народы могли жить, дом национального государства нужно снести до основания.

14. "Социалист", проповедующий национальную оборону, представляет собой мелкобуржуазного реакционера на службе загнивающего капитализма. Не связывать себя с национальным государством во время войны, руководствоваться не военной картой, а картой классовой борьбы может лишь та партия, которая объявила национальному государству непримиримую войну уже во время мира. Только поняв до конца объективно-реакционную роль империалистического государства, пролетарский авангард может стать неуязвимым для всех видов социал-патриотизма. Это значит: действительный разрыв с идеологией и политикой "национальной обороны" возможен только под углом зрения международной пролетарской революции.

15. Рабочий класс не относится безразлично к своей нации. Наоборот, именно потому, что история поручает ему взять в свои руки ее судьбу, он отказывается доверить дело ее свободы и независимости империализму, который "спасает" нацию только для того, чтобы завтра же подвергнуть ее новым смертельным опасностям во имя интересов ничтожного эксплуататорского меньшинства.

16. Используя нацию для своего развития, капитализм нигде, ни в одном углу мира, не разрешил полностью национального вопроса. Границы версальской Европы проведены по живому телу наций. Чистейшей утопией является мысль о такой перекройке капиталистической Европы, чтобы границы государств совпадали с границами наций. Мирным путем ни одно из государств не уступит ни пяти своей земли. А новая война заново перекроила бы Европу в зависимости от военной карты, а не в соответствии с границами наций. Задача полного национального самоопределения и мирного сотрудничества всех народов Европы может быть разрешена лишь на основе экономического объединения Европы, очищенной от буржуазного господства. Лозунг Советских Соединенных Штатов Европы есть лозунг спасения не только для балканских и придунайских народов, но и для народов Германии и Франции.

17. Особое и притом большое место занимает вопрос о колониальных и полуколониальных странах Востока, которые только еще борются за независимое национальное государство. Их борьба прогрессивна вдвойне: вырывая отсталые народы из азиатчины, партикуляризма и иностранной кабалы, она наносит могучие удары государствам империализма. Но нужно заранее отдать себе ясный отчет в том, что запоздалые революции в Азии, Африке и Южной Америке не способны открыть новую эпоху процветания национального государства. Освобождение колоний окажется только грандиозным эпизодом в мировой социалистической революции, как запоздалый демократический переворот в России, которая тоже была полуколониальной страной, оказался лишь вступлением к социалистическому перевороту.

Национальная проблема сливается с социальной. Только завоевание власти мировым пролетариатом может обеспечить действительную и незыблемую свободу развития для всех наций нашей планеты.

Защита демократии

18. Ложь национальной обороны прикрывается во всех случаях, где это возможно, дополнительной ложью защиты демократии. Раз марксисты и сейчас, в империалистическую эпоху, не отождествляют демократию с фашизмом и готовы в любой момент дать отпор фашизму, наступающему на демократию, не должен ли пролетариат и в случае войны поддерживать демократические правительства против фашистских?

Грубый софизм! Демократию от фашизма мы защищаем при помощи организаций и методов пролетариата. В противовес социал-демократии мы не передоверяем этой защите государству буржуазии ("Staat, greif zu!"³⁶⁹). Но если мы останемся в непримиримой оппозиции к самому "демократическому" правительству во время мира, можем ли мы брать на себя хотя бы тень ответственности за него во время войны, когда все подлости и преступления капитализма получают наиболее зверское и кровавое выражение?

19. Современная война между великими державами означает не столкновение между демократией и фашизмом, а борьбу двух империализмов за передел мира. Война неизбежно должна к тому же принять интернациональный характер, причем в обоих лагерях окажутся как фашистские (полуфашистские, бонапартистские и проч.), так и "демократические" государства. Республиканская форма французского империализма не мешает ему в мирное время опираться на военно-буржуазную диктатуру в Польше, Югославии и Румынии, как не помешает в случае надобности восстановить Австро-Венгерскую монархию в качестве барьера против соединения Австрии с Германией.

Поддержка рабочей партией "своего" национального империализма ради его демократической фирмы означала бы отказ от самостоятельной политики и шовинистическую деморализацию рабочих, т. е. разрушение того единственного фактора, который способен спасти человечество от гибели.

20. Борьба за демократию во время войны будет означать прежде всего борьбу за сохранение рабочей печати и рабочих организаций против разнузданности военной цензуры и военных властей. На почве этих задач революционный авангард будет искать единый фронт с другими рабочими организациями - против собственного "демократического" правительства, но ни в каком случае не единения со своим правительством против враждебной страны.

21. Империалистическая война стоит над вопросом о форме государственной власти капитала. Она ставит перед каждой национальной буржуазией вопрос о судьбе национального капитализма и перед буржуазией всех стран - вопрос о судьбе капитализма вообще. Только так должен ставить вопрос и пролетариат: капитализм или социализм, торжество одного из империалистических лагерей или пролетарская революция.

Оборона мелких и нейтральных государств

22. Идея национальной обороны, особенно если она совпадает с идеей защиты демократии, легче всего может обмануть рабочих мелких и нейтральных

стран (Швейцария, отчасти Бельгия, скандинавские страны...), которые, будучи неспособны к самостоятельной политике захватов, придают защите своих национальных границ характер неоспоримого и абсолютного догмата. Как раз на примере Бельгии мы видим, однако, как естественно формальный нейтралитет сменяется системой империалистических соглашений и как неизбежно война за "национальную оборону" приводит к аннексионистскому миру. Характер войны определяется не ее исходным моментом, изолированно взятым ("нарушение нейтралитета", "вторжение врага" и проч.), а главными движущими силами войны, всем ее развитием и теми результатами, к которым она в конце концов приводит.

23. Можно легко поверить, что швейцарская буржуазия не возьмет на себя инициативу войны. В этом смысле она имеет больше формальных прав, чем какая-либо другая буржуазия, говорить о своей оборонительной позиции. Но с того момента, как Швейцария окажется ходом событий вовлеченной в войну, она включится в борьбу мировых сил, одинаково преследующих империалистические цели. Если нейтралитет окажется нарушен с двух сторон, швейцарская буржуазия объединится с более сильной из двух нападающих сторон, независимо от того, на ком лежит большая ответственность за нарушение нейтралитета и в каком лагере больше "демократии". Так, в последней войне Бельгия, союзница царизма, отнюдь не покинула лагеря Антанты, когда та по ходу войны нашла выгодным нарушить нейтралитет Греции.

Только совсем тупой мелкий буржуа швейцарского захолустья может серьезно воображать, будто мировая война, в которую он втянут, есть средство для защиты независимости Швейцарии. Война не оставит никаких следов от швейцарского нейтралитета, как предшествующая война смела нейтралитет Бельгии. Сохранится ли после войны Швейцария как государственное целое, хотя бы утратившее свою самостоятельность, или же будет поделена между Германией, Францией и Италией, это зависит от ряда европейских и мировых факторов, в ряду которых "национальная оборона" швейцарцев занимает ничтожное место.

Мы видим, таким образом, что и для нейтральной, демократической, лишенной колоний Швейцарии, где идея национальной обороны предстает перед нами в наиболее своем чистом виде, законы империалистической эпохи не делают исключения. На требование буржуазии: примкнуть к политике национальной обороны, швейцарский пролетариат должен ответить политикой классовой обороны, чтобы перейти затем в революционное наступление.

Второй Интернационал и война

24. Угнетенные классы, не сознавшие своих интересов и привыкшие к жертвам, принимают лозунг "национальной обороны" за чистую монету, т. е. за абсолютный долг, стоящий будто бы над классами. Основное историческое преступление партий Второго Интернационала состоит в том, что они питают и закрепляют рабские инстинкты угнетенных при помощи идей патриотизма.

Если европейский пролетариат не опрокинет буржуазию на исходе великой войны; если человечество извивается ныне в муках кризиса; если новая война

грозит превратить города и деревни в груды развалин, то главная вина за эти преступления и бедствия лежит на Втором Интернационале.

25. Политика национал-патриотизма сделала массы идеологически беззащитными перед лицом фашизма. Если во время войны надо отречься от классовой борьбы во имя интересов нации, то надо отказаться от "марксизма" и в эпоху великого хозяйственного кризиса, который грозит "нации" не менее, чем война. Монополизировав идею нации, фашизм объявил классовую борьбу преступной даже и во второстепенных случаях. Идею национального единства он превратил в ручные и ножные кандалы для пролетариата.

26. Немецкая социал-демократия поддерживала внешнюю политику Гитлера до тех пор, пока Гитлер не выгнал ее. Окончательная замена демократии фашизмом обнаружила, что социал-демократия остается патриотической лишь до тех пор, пока политический режим обеспечивает ей барыши и привилегии. Оказавшись в эмиграции, бывшие гогенцоллернские патриоты сразу выворачиваются наизнанку и готовы приветствовать превентивную войну французской буржуазии против Гитлера. Второй Интернационал без всякого затруднения амнистировал Вельса и К||, которые завтра же, если немецкая буржуазия поманит их пальцем, снова обернутся пламенными патриотами.

27. Французские, бельгийские и проч[ие] социалисты ответили на немецкие события откровенным союзом со своей буржуазией в деле "национальной обороны". В то время как официальная Франция вела "маленькую", "незаметную", но исключительную по подлости войну против Марокко³⁷⁰, французская социал-демократия и реформистские синдикаты рассуждали на своих съездах о негуманности войн вообще, понимая под этим преимущественно войну реванша со стороны Германии. Партии, которые поддерживают зверства колониального разбоя, где дело идет лишь о новых барышах, поддержат с закрытыми глазами всякое национальное правительство в большой войне, где дело будет идти о судьбе буржуазной республики.

28. Несовместимость социал-демократической политики с историческими задачами пролетариата в настоящее время несравненно глубже и острее, чем накануне империалистической войны. Борьба с рабскими инстинктами и патриотическими суевериями масс означает прежде всего непримиримую борьбу против Второго Интернационала как организации, как партии, как программы, как знамени.

Советская дипломатия и Коминтерн

29. После завоевания власти пролетариат сам становится на позицию "защиты отечества". Но под этой формулой скрывается совершенно новое историческое содержание. Изолированное рабочее государство - не самодавляющее целое, а лишь плацдарм мировой революции. В лице СССР пролетариат защищает не национальные границы, а социалистическую диктатуру, временно сдавленную национальными границами. Только глубокое понимание того, что пролетарская революция не может найти завершение в национальных рамках; что без победы пролетариата в важнейших странах все успехи социалистического

строительства в СССР обречены на крушение; что ни для одной из стран нет спасения вне международной революции; что социалистическое общество может быть воздвигнуто только на основе международного сотрудничества, - только это несокрушимое, в плоть и кровь перешедшее убеждение способно создать надежную основу для революционной пролетарской политики во время войны.

30. Внешняя политика Советов, исходящая из теории социализма в отдельной стране, построена на двух идеях: всеобщего разоружения и взаимного отказа от нападения. Что советскому правительству в поисках дипломатических гарантий приходится прибегать к чисто формалистической постановке вопроса войны и мира, это вытекает из условий капиталистического окружения. Но эти методы приспособления к врагу, навязанные слабостью международной революции и в значительной мере предшествующими ошибками самой советской власти, никак нельзя возводить в универсальную систему. Между тем, действия и речи советской дипломатии, давно переступившей черту допустимого практического оппортунизма, составили священную и неприкосновенную основу международной политики Коминтерна и стали источником грубейших пацифистских иллюзий и социал-патриотических заблуждений.

31. Разоружение не есть средство против войны, ибо, как мы видим на опыте той же Германии, эпизодическое разоружение есть только этап на пути к новому вооружению. Возможность нового, притом очень быстрого, вооружения заложена в современной промышленной технике. "Всеобщее" разоружение, даже если бы оно было осуществимо, означало бы только усиление военного перевеса наиболее могущественных промышленных стран. "Разоружение на 50%" есть путь не к полному разоружению, а к более совершенному вооружению на 100%. Выдвигать разоружение как "единственное действительное средство предотвращения войны" значит обманывать рабочих во имя общего фронта с мелкобуржуазными пацифистами.

32. Нельзя ни на минуту оспаривать право советского государства в тех или других договорах с империалистами определять с наивозможной точностью понятие нападения. Но попытаться превратить эту условную юридическую формулу в верховный регулятор международных отношений значит подменять революционный критерий консервативным, сводя международную политику пролетариата к защите капиталистического статус кво³⁷¹.

Мы не пацифисты. Революционную войну мы считаем таким же средством пролетарской политики как и восстание. Наше отношение к войне определяется не юридической формулой "нападения", а тем, какой класс ведет войну и во имя каких целей. В столкновениях государства, как и в борьбе классов, "нападение" и "оборона" составляют вопрос практической целесообразности, а не юридической или этической нормы. Голый критерий нападения создает опору для предательской политики гг. Леона Блюма, Вальдервельде и проч., которые, благодаря Версалю, имеют возможность охранять империалистическую добычу под видом охранения мира.

33. Пресловутая формула Сталина: "Ни одной пяди чужой земли не хотим, ни одного вершка своей земли не отдадим", представляет консервативную

политику status quo, в корне противоречащую наступательному характеру пролетарской революции. Идеология социализма в отдельной стране ведет неотвратимо к заглушевыванию реакционной роли национального государства, к примирению с ним, к идеализации его, к принижению значения революционного интернационализма.

34. Вожди Коминтерна оправдывают политику советской дипломатии тем, что рабочее государство должно использовать противоречия в лагере империалистов. Это само по себе бесспорное положение нуждается, однако, в конкретизации.

Внешняя политика каждого класса есть продолжение и развитие его внутренней политики. Если пролетариат у власти должен различать и использовать противоречия в лагере своих внешних врагов, то пролетариат, борющийся за власть, должен уметь различать и использовать противоречия в лагере своих внутренних врагов. То обстоятельство, что Коминтерн оказался абсолютно неспособен понять и использовать противоречие между реформистской демократией и фашизмом, привело непосредственно к величайшему поражению пролетариата и вплотную придвинуло опасность новой войны.

Использование противоречий в среде империалистических правительств должно, с одной стороны, совершаться не иначе, как под углом зрения международной революции. Защита СССР мыслима только при полной независимости международного пролетарского авангарда от политики советской дипломатии, при полной свободе разоблачения ее национально-консервативных методов, которые направляются против интересов международной революции, а тем самым и против интересов Советского Союза.

35А. Советское правительство меняет нынешний свой курс в отношении Лиги Наций³⁷². Коминтерн, как всегда, рабски повторяет слова и жесты советской дипломатии. Всякого рода "ультра-левые" пользуются этим поворотом, чтоб лишний раз причислить СССР к буржуазным государствам. Социал-демократия в зависимости от национальных соображений истолковывает "примирение" СССР с Лигой Наций то для доказательства буржуазно-национального характера политики Москвы, то, наоборот, для реабилитации Лиги Наций и всей вообще идеологии пацифизма. Марксистская точка зрения и в данном вопросе не имеет ничего общего ни с одной из мелкобуржуазных оценок.

Наше принципиальное отношение к Лиге Наций не отличается от отношения к данному отдельному империалистскому государству, входящему или не входящему в Лигу Наций. Маневрирование советского государства между антагонистическими группировками империализма предполагает маневренную политику и по отношению к Лиге Наций. Пока Япония и Германия входили в состав Лиги, эта последняя грозила стать ареной соглашения важнейших империалистических хищников за счет СССР. С выступлением из Лиги Наций Японии и Германии, главных и наиболее непосредственных врагов Советского Союза, Лига превратилась отчасти в блок союзников и вассалов французского империализма, отчасти в арену борьбы между Францией, Англией и Италией. И при данных условиях у правительства СССР вряд ли есть практические основания вступать в Лигу Наций и связывать себе руки на завтрашний день. Но та или другая комбинация с

Лигой Наций может оказаться навязанной рабочему государству, лавирующему между одинаково враждебными ему, по существу империалистическими, государствами.

Отдавая себе вполне реалистический отчет в сложившейся обстановке, пролетарский авангард должен вместе с тем выдвигать на первый план следующие соображения:

а) необходимость [для] СССР через 16 с лишком лет после Октябрьского переворота искать сближения с Лигой Наций и прикрывать это сближение абстрактными формулами пацифизма есть результат крайнего ослабления международной пролетарской революции и тем самым международных позиций СССР;

б) абстрактные пацифистские формулировки советской дипломатии и ее комплименты по адресу Лиги Наций не имеют ничего общего с политикой международной пролетарской партии, которая не берет на себя за них никакой ответственности, наоборот, вскрывает их пустоту и фальшь, чтобы тем вернее мобилизовать пролетариат на основе ясного понимания реальных сил и реальных антагонизмов.

35Б. Было бы бесплодной задачей пытаться заранее определить "пределы" лавирования СССР между разными группировками империализма: практически вопрос зависит от силы самого СССР, следовательно, от его внутренней и внешней политики, и еще более - от силы мирового пролетариата. При том положении, которое сложилось сейчас, совершенно нельзя считать исключенным в случае войны союз СССР с империалистическим государством или с империалистической группировкой против другой группировки. Давлением обстоятельств такого рода союз может стать железной необходимостью, не переставая, однако, от этого быть величайшей опасностью как для самого СССР, так и для мировой революции.

Международный пролетариат не откажется от защиты СССР и в том случае, если последний окажется вынужден к военному союзу с одними империалистами против других. Но в этом случае еще более, чем во всяком другом, международный пролетариат обеспечит свою полную политическую независимость от советской дипломатии и тем самым от бюрократии Коминтерна. Оставаясь решительным и беззаветным защитником рабочего государства в борьбе с империализмом, международный пролетариат не станет, однако, союзником империалистических союзников СССР. Такого рода политика должна будет неизбежно столкнуться с рядом трудных задач и противоречивых положений. Исчерпать их заранее одной какой-либо формулой невозможно. Победить противоречия можно будет только согласованными действиями интернационального масштаба.

35В. Пролетариат страны, находящейся в союзе с СССР, сохранит полностью и целиком свою непримиримую враждебность по отношению к империалистическому правительству собственной страны. В этом смысле не будет разницы с политикой пролетариата страны, воюющей против СССР. Но в характере практических действий могут оказаться значительные различия, вызываемые конкретной обстановкой войны. Было бы, например, абсурдно и преступно, если бы в случае

войны между СССР и Японией американский пролетариат саботировал отправку американского оружия для СССР или для союзных с СССР частей Китая. Между тем такого рода действия - стачки, саботаж и проч. - были бы совершенно обязательны для пролетариата страны, воюющей против СССР.

Непримиримая пролетарская оппозиция против империалистского союзника СССР должна была бы развиваться на почве, с одной стороны, классовой внутренней политики, с другой стороны, империалистических целей данного правительства, вероломного характера его "союза", его спекуляций на буржуазный переворот в СССР³⁷³ и проч. Политика пролетарской партии в "союзной", как и во враждебной, империалистической стране должна, следовательно, направляться на революционное низвержение буржуазии и овладение властью. Только таким путем можно создать действительный союз с СССР и спасти первое рабочее государство от крушения.

35Г. Внутри СССР война против империалистической интервенции породит несомненно взрывы подлинного боевого энтузиазма. Все противоречия и антагонизмы окажутся как бы преодоленными или, по крайней мере, отодвинутыми. Вышедшие из революции молодые поколения рабочих и крестьян обнаружат на полях сражений огромную динамическую силу. Централизованная промышленность, несмотря на все свои прорехи и недочеты, обнаружит крупные преимущества в деле обслуживания войны. Правительство СССР создало несомненно значительные продовольственные запасы, которых хватит на первый период войны. В генеральных штабах империалистических государств отдают себе, конечно, ясный отчет в том, что в лице Красной армии они встретят могущественного противника, борьба с которым потребует долгих сроков и страшного напряжения сил.

35Д. Но именно затяжной характер войны раскроет неизбежно противоречия переходного хозяйства СССР с его бюрократическим планированием. Грандиозные новые предприятия могут во многих случаях оказаться мертвым капиталом. Под влиянием острой потребности государства в предметах первой необходимости империалистические тенденции крестьянского хозяйства получают значительное подкрепление, и центробежные силы внутри колхозов будут расти с каждым месяцем войны. Господство бесконтрольной бюрократии превратится в военную диктатуру. Отсутствие живой партии как политического контролера и регулятора приведет к чрезвычайному накоплению и обострению противоречий. В раскаленной атмосфере войны можно ждать резких сдвигов в сторону индивидуалистических принципов в сельском хозяйстве и в кустарной промышленности, привлечения иностранных "союзных" капиталов, брешей в монополии внешней торговли, ослабления государственного контроля над трестами, обострения конкуренции между трестами, их столкновения с рабочими и проч. По линии государственной эти процессы могут означать завершение бонапартизма с соответственным переворотом или рядом переворотов в отношениях собственности. Другими словами, в случае долгой войны, при пассивности мирового пролетариата, внутренние социальные противоречия в СССР не только могли бы, но должны были бы привести к буржуазно-бонапартистской контрреволюции.

Вытекающие отсюда политические выводы совершенно очевидны:

- а) спасти СССР, как рабочее государство, в случае долгой затяжной войны может только пролетарская революция на Западе;
- б) подготовка пролетарской революции в "союзных", как и во враждебных странах, мыслима только при полной независимости мирового пролетарского авангарда от советской бюрократии;
- в) беззаветная поддержка СССР против империалистических армий должна идти рядом с революционной марксистской критикой военной и дипломатической политики советского правительства и с формированием внутри СССР подлинно революционной партии коммунистов-интернационалистов.

Коминтерн и война

36. Утратив в вопросе о войне принципиальную линию, Коминтерн колеблется между пораженчеством и социал-патриотизмом. В Германии борьба с фашизмом превратилась в базарную конкуренцию на почве национализма. Лозунг "национального освобождения", поставленный рядом с лозунгом "социального освобождения", грубо искажает революционную перспективу и во всяком случае исключает пораженчество. В вопросе о Саарской области компартия начала с рабского пресмыкательства перед идеологией национал-социализма и лишь путем внутренних расколов отодвинулась от нее.

Какой лозунг выдвигает германская секция Коминтерна в случае войны: "поражение Гитлера - меньшее зло?" Но если лозунг национального освобождения был верен и при "фашистах" Мюллере и Брюнинге, каким образом мог он утратить свою силу при Гитлере? Или же национальные лозунги годны только для мирного времени, а не для войны? Поистине, Коминтерн сделал все, чтобы запутать себя и рабочих до конца.

37. Революционное бессилие Коминтерна есть прямое следствие его пагубной политики. После германской катастрофы политическое ничтожество компартий успело обнаружиться во всех странах, где они подвергались какому-нибудь испытанию. Нужно ли доказывать, что французская секция, которая оказалась совершенно неспособна поднять на ноги хотя бы несколько десятков тысяч рабочих против колониального разбоя в Африке, окажется еще более несостоятельной в минуту так называемой "национальной опасности"?

38. Борьба против войны, немислимая без революционной мобилизации широких рабочих масс города и деревни, требует в то же время непосредственного влияния на армию и флот, с одной стороны, на транспорт, с другой. Но влияние на солдат немисливо без влияния на рабочую молодежь. Влияние в области транспорта предполагает крепкие позиции в профессиональных союзах. Между тем Коминтерн при содействии Профинтерна утратил все позиции в профессиональном движении и отрезал себе доступ к рабочей молодежи. Говорить при этих условиях о борьбе против войны значит заниматься пусканием мыльных пузырей. Иллюзиям не должно быть места: в случае империалистского наступления на СССР Коминтерн обнаружит себя как круглый нуль.

"Революционный" пацифизм и война

39. Мелкобуржуазный ("левый") пацифизм как самостоятельное явление исходит из того, будто можно особыми, специальными средствами обеспечить мир вне классовой борьбы пролетариата. Пацифисты внушают статьями и речами "отвращение к войне", поддерживают индивидуальный отказ от военной службы, проповедуют бойкот и всеобщую стачку (вернее: миф о всеобщей стачке) против войны. Особо "революционные" пацифисты не прочь даже говорить о восстании против войны. Но, все вместе и каждый в отдельности, они понятия не имеют о неразрывной связи восстания с классовой борьбой и с политикой революционной партии. Восстание для них не задача долгих и систематических усилий, а литературная угроза по адресу правящего класса.

Эксплуатируя естественное миролюбие народных масс и не давая ему правильного выхода, мелкобуржуазные пацифисты превращаются в конце концов в бессознательную опору империализма. В случае войны пацифистские "союзники" в подавляющем большинстве своем окажутся в лагере буржуазии и используют тот авторитет, который создала им реклама Коминтерна, в целях патриотической дезорганизации пролетарского авангарда.

40. Организованный Коминтерном Амстердамский конгресс против войны, как и Парижский конгресс против фашизма, являются классическими примерами подмены революционной классовой борьбы мелкобуржуазной политикой показных демонстраций, эффектных парадов, потемкинских деревень³⁷⁵. На другой день после шумных протестов против войны вообще разношерстные элементы, искусственно соединенные закулисной режиссурой, рассыпаются в разные стороны и оказываются неспособными ударить пальцем о палец против данной войны.

41. Подмена единого пролетарского фронта, т. е. боевого соглашения рабочих организаций, блоком коммунистической бюрократии с мелкобуржуазными пацифистами, где на одного честного путаника приходится десяток карьеристов, приводит к полному эклектизму в вопросах тактики. Конгрессы Барбюса-Мюнценберга вменяют себе в особую заслугу сочетание всех видов "борьбы" против войны: гуманитарных протестов, индивидуального отказа от военной службы, воспитания "общественного мнения", всеобщей стачки и даже восстания. Методы, которые в жизни находятся в непримиримом противоречии и могут практически проводиться только в борьбе друг с другом, изображаются как элементы гармонического целого. Русские "социалисты-революционеры", проповедовавшие в борьбе против царизма "синтетическую тактику": союз с либералами, индивидуальный террор и массовую борьбу, представляли собой образчик серьезной группировки по сравнению с вдохновителями амстердамского блока. Рабочие должны, однако, твердо помнить, что большевизм вырос на борьбе против народнической эклектики!

Мелкая буржуазия и война

42. Борьба с опасностью войны может легче всего приблизить к рабочим крестьян и низы городского населения, для которых война не менее губительна, чем для пролетариата. Только на этом пути и можно, вообще говоря,

предупредить войну посредством восстания. Но крестьяне еще неизмеримо менее, чем рабочие, дадут привлечь себя на революционный путь при помощи абстракций, готовых шаблонов и голой команды. Эпигоны ленинизма, которые в 1923-1924 годах произвели переворот в Коминтерне под лозунгом "лицом к крестьянству", обнаружили полную неспособность привлечь под знамя коммунизма не только крестьян, но и сельских рабочих. Крестинтерн незаметно скончался даже без надгробного слова. Столь хвастливо возвещавшееся "завоевание" крестьянских масс в отдельных странах оказывалось каждый раз эфемерным, если не просто выдуманным. Именно в области крестьянской политики банкротство Коминтерна приняло особенно убедительный характер, хотя по существу дела оно явилось лишь неизбежным результатом разрыва между Коминтерном и пролетариатом.

Крестьянство встанет на путь революционной борьбы против войны только в том случае, если убедится на деле в способности рабочих руководить этой борьбой. Ключ к победе находится, следовательно, на фабриках и заводах. Революционный пролетариат должен стать действительной силой, прежде чем крестьянство и городской мелкий люд сомкнут свои ряды.

43. Мелкая буржуазия города и деревни не однородна. Привлечь на свою сторону пролетариат может только ее низшие слои, беднейших крестьян, полупролетариев, маленьких чиновников, уличных торговцев, угнетенный и рассеянный люд, который в силу всех условий своего существования лишен возможности вести самостоятельную борьбу. Над этим широким пластом мелкой буржуазии поднимаются ее верхи, тяготеющие к средней и крупной буржуазии и выделяющие из себя политических карьеристов, то демократического и пацифистского, то фашистского типа. Эти "дурные пастыри" прибегают к самой разнузданной демагогии как к наиболее верному средству набить себе позже цену в глазах крупной буржуазии.

44. Преступление Коминтерна состоит в том, что борьбу за революционное влияние на действительную мелкую буржуазия, т. е. на ее плебейские массы, он подменяет театральными блоками с ее фальшивыми пацифистскими вождями. Вместо того чтобы дискредитировать последних, он укрепляет их авторитетом Октябрьской революции и делает угнетенные низы мелкой буржуазии политической жертвой ее изменнических верхов.

Революционный путь к крестьянству лежит через рабочих. Чтобы завоевать доверие деревни, надо, чтобы передовые рабочие вернули себе самим доверие к знамени пролетарской революции. Достигнуть этого можно только правильной политикой вообще, правильной антиимпериалистской политикой, в частности.

Революционная политика против войны

45А. Первым условием успеха является воспитание кадров партии в правильном понимании всех условий империалистской войны и всех политических процессов, ей сопутствующих. Горе той партии, которая ограничивается в этом жгучем вопросе общими фразами и абстрактными лозунгами! Кровавые события обрушатся ей на голову и раздавят ее.

Необходимо создание специальных кружков для изучения политического опыта войны 1914-1918 годов (идеологическая подготовка войны империализмом; дезинформация общественного мнения штабами через патриотическую прессу; роль антитезы: оборона-нападение; группировки в пролетарском лагере, изоляция марксистских элементов, необходимость плыть "против течения" и проч. и проч.).

45Б. Для революционной партии особенно критическим является самый момент возникновения войны. Буржуазная и социалистическая пресса в союзе с радио и кинематографом обрушат на трудящихся потоки шовинистической отравы. Самая революционная и закаленная партия не сможет в такой момент устоять полностью. Нынешняя насквозь фальсифицированная история большевистской партии служит не для того, чтобы реалистически подготовить передовых рабочих к испытанию, а для того чтобы усыпить их вымышленной идеальной схемой.

Несмотря на то, что царская Россия не могла быть причислена ни к демократиям, ни к носительницам культуры, ни, наконец, к обороняющейся стороне, большевистская фракция Думы совместно с меньшевистской фракцией огласила в начале войны социал-патриотическую декларацию, разбавленную розовым пацифизмом-интернационализмом³⁷⁶. На судебном процессе фракции³⁷⁷ все обвиняемые депутаты, кроме Муранова³⁷⁸, как и их теоретический руководитель Каменев, категорически отмежевались от пораженческой теории Ленина³⁷⁹. Нелегальная работа партии почти замерла. Лишь постепенно стали появляться революционные прокламации, которые, отнюдь не выдвигая пораженческих лозунгов, призывали рабочих под знамя интернационализма. Первые два года войны изрядно подкопали патриотизм масс и сдвинули партию влево. Но Февральская революция, превратив Россию в демократию, породила новую могущественную волну "революционного" патриотизма. В подавляющем большинстве своем верхи большевистской партии не устояли и на этот раз. Сталин и Каменев дали в марте 1917 г. центральному органу партии социал-демократическое направление. На этой основе во всей стране произошло сближение, а в большинстве городов и прямое слияние большевистских и меньшевистских организаций. Понадобились протесты наиболее закаленных и чутких революционеров, главным образом передовых рабочих Петрограда, понадобился приезд Ленина в Россию и его непримиримая борьба против социал-патриотизма, чтобы партия выравняла свой интернациональный фронт.

Изучение этого исторического опыта имеет незаменимое воспитательное значение для передовых рабочих: оно показывает им страшный напор буржуазного общественного мнения, который им придется преодолевать, и учит их в то же время не поддаваться, не складывать оружия, не терять духа, несмотря на полную изолированность в начале войны. Не менее тщательно надлежит изучать борьбу политических группировок в пролетариате других стран как воевавших, так и нейтральных. Особенно важен опыт борьбы Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Германии, где события развивались по другому направлению, чем в России, но в конечном счете приводят к тому же выводу: надо учиться плыть против течения.

46. Необходимо тщательно следить за происходящей ныне патриотической подготовкой пушечного мяса; за дипломатическим фехтованием, которое имеет задачей перебросить ответственность на противную сторону; за вероломными формулами социал-патриотов, готовящих себе мост от пацифизма к милитаризму; за пустыми лозунгами "коммунистических" вождей, которые в первый же день войны окажутся не менее растеряны, чем немецкие "вожди" в ночь поджога рейхстага.

Необходимо внимательно подбирать наиболее характерные вырезки из правительственных и оппозиционных статей и речей, сопоставляя их с опытом прошлой войны; предугадывать, в каком направлении пойдет дальнейшая работа по обману народа; подкреплять затем свои предвидения свидетельством фактов; приучать пролетарский авангард самостоятельно ориентироваться в событиях, чтобы не дать застигнуть себя врасплох.

47. Необходимо через хорошо подготовленных рабочих поднять вопрос о военной опасности и борьбе против нее во всех без исключения организациях пролетариата и в рабочей печати, требуя ясных и конкретных ответов на вопрос: что делать?

48. Чтобы завоевать доверие молодежи, надо не только объявить смертельную борьбу растлению душ социал-демократией и тупому бюрократизму Коминтерна, но и создать на деле международную организацию, действительно опирающуюся на критическую мысль и революционную самостоятельность пролетарской молодежи.

Чтобы завоевать революционные позиции в профессиональных союзах и других массовых рабочих организациях, надо беспощадно порвать с бюрократическим ультиматизмом, брать рабочих, где они есть и как они есть, и вести их вперед от частных задач к общим, от обороны к наступлению.

Только таким путем можно действительно объединить вокруг революционного знамени рабочий класс, начиная с его молодежи, проложить себе путь в капиталистические казармы и поднять на ноги всех угнетенных.

49. Борьба против войны может лишь в том случае получить подлинно широкий, массовый, народный характер, если в ней примет участие работница, крестьянка, трудящаяся женщина. Буржуазное перерождение социал-демократии, как и бюрократическое вырождение Коминтерна, тяжелее всего ударили по наиболее угнетенным и бесправным слоям пролетариата, т. е. прежде всего по работницам. Пробудить их, завоевать их доверие, указать им верную дорогу значит мобилизовать против милитаризма революционные страсти наиболее угнетенной части человечества.

50. Поскольку пролетариат оказывается неспособным помешать войне посредством революции - а это единственный способ помешать войне, - рабочие вместе со всем народом вынуждены участвовать в армии и войне. (Индивидуалистические и анархические лозунги отказа от военной службы, дезертирства, саботажа в корне противоречат методам пролетарской революции). Но, как на фабрике передовой рабочий чувствует себя рабом капитала, готовящим свое освобождение, так и в капиталистической армии он сознает себя

рабом империализма. Вынужденный сегодня отдавать свои мышцы и даже жизнь, он не отдает своего революционного сознания. Он остается борцом, учится владеть оружием, разъясняет и в окопах классовый смысл войны, группирует недовольных, связывает их в ячейки, является проводником идей и лозунгов партии, внимательно следит за изменениями настроения масс, за упадком патриотической волны, за ростом возмущения, чтобы в критический момент поднять солдат на поддержку рабочих.

51. В тех случаях, когда дело идет о борьбе капиталистических стран, пролетариат каждой из них решительно отказывается жертвовать во имя военной победы буржуазии своими историческими интересами, которые совпадают в последнем счете с интересами нации. Формула Ленина: "поражение есть меньшее зло" означает не то, что поражение собственной страны есть меньшее зло по сравнению с поражением противной стороны, а то, что военное поражение, вызванное развитием революционного движения, неизмеримо выгоднее для пролетариата, чем военная победа, обеспеченная "гражданским миром". Победоносная пролетарская революция не только исправит причиненные поражением бедствия, но и создаст окончательную гарантию от дальнейших войн и поражений. Это диалектическое отношение к войне является важнейшим элементом революционного воспитания, а, следовательно, и борьбы против войны.

52. Превращение империалистской войны в гражданскую является той общей стратегической задачей, которой должна быть подчинена вся работа пролетарской партии во время войны.

Последствия Франко-прусской войны 1870-[18]71 гг. 380, как и империалистской бойни 1914-1918 гг. (Парижская коммуна, Февральская и Октябрьская революции в России, революции в Германии и Австро-Венгрии, восстания в ряде воюющих стран) непрерываемо свидетельствуют о том, что современная война между капиталистическими нациями ведет за собой войну классов внутри каждой нации и что задача революционной партии состоит в том, чтобы подготовить в этой последней войне победу пролетариата.

Опыт 1914-1918 годов свидетельствует, что лозунг мира отнюдь не противоречит стратегической формуле Ленина, наоборот, развивает огромную революционную силу, особенно при затяжке войны. Пацифистский, т. е. обманывающий, усыпляющий, расслабляющий характер лозунг мира имеет лишь в том случае, когда им жонглируют демократические и иные политики; когда попы возносят молебствия в пользу скорейшего прекращения бойни; когда "друзья человечества", в том числе и социал-патриоты, слезливо убеждают свои правительства поскорее заключить мир "на началах справедливости". Но лозунг мира не имеет ничего общего с пацифизмом, когда он поднимается из рабочих кварталов и траншей, переплетается с лозунгом братания солдат неприятельских армий и объединяет угнетенных против угнетателей. Революционная борьба за мир, принимающая все более массовые и смелые формы, является одним из важнейших путей "превращения империалистской войны в гражданскую".

Четвертый Интернационал и война

53. Борьба против войны предполагает революционное орудие борьбы, т. е. партию. Ее теперь нет ни в национальном, ни в интернациональном масштабе. Революционную партию надо создать, опираясь на весь опыт прошлого, в том числе и на опыт Второго и Третьего Интернационалов. Отказ от прямой и открытой борьбы за новый Интернационал означает сознательную или бессознательную поддержку двух существующих Интернационалов, из которых один активно поддерживает войну, а другой способен только разлагать и ослаблять пролетарский авангард.

54. В рядах компартий остается, правда, немало честных революционных рабочих. Упорство, с каким они цепляются за Коминтерн, объясняется во многих случаях революционной преданностью, не нашедшей правильного пути. Привлечь их под знамя нового Интернационала можно, однако, не уступками, не приспособлением к привитым им предрассудкам, а, наоборот, последовательным разоблачением губительной международной роли сталинизма (бюрократического централизма). Особенно ярко и непримиримо надо ставить ныне вопросы войны.

55. Необходимо в то же время внимательно следить за внутренней борьбой в реформистском лагере и своевременно привлекать левосоциалистические группировки, развивающиеся в сторону революции, к борьбе против войны. Важнейшим критерием для определения тенденций данной организации является ее отношение к национальной обороне и к колониям, особенно в тех случаях, когда буржуазия данной страны владеет колониальными рабами. Только полный разрыв с официальным общественным мнением в наиболее жгучем вопросе о "защите отечества" означает переход или, по крайней мере, начало перехода с буржуазной позиции на пролетарскую. Сближение с такого рода левыми организациями должно сопровождаться дружественной критикой всякой половинчатости в их политике и совместной разработкой всех теоретических и практических проблем войны.

56. В лагере рабочего движения подвизается немало политиков, которые признают, по крайней мере на словах, крушение Второго и Третьего Интернационалов, но в то же время считают, что "сейчас не время" приступать к строительству нового Интернационала. Такая позиция характеризует не революционного марксиста, а размагниченного сталинца или разочарованного реформиста. Революционная борьба не терпит перерыва. Условия для нее могут быть сегодня неблагоприятны; но революционер, который не умеет плыть против течения, не революционер. Сказать, что строительство нового Интернационала "несвоевременно", то же самое, что объявить несвоевременной классовую борьбу, в частности борьбу против войны. Пролетарская политика не может не ставить себе в нынешнюю эпоху интернациональных задач. Интернациональные задачи не могут не требовать сплочения интернациональных кадров. Откладывать эту работу нельзя ни на один день, не капитулируя перед империализмом.

57. Когда именно разразится война и в какой стадии она достигнет строительства новых партий и Четвертого Интернационала, этого, разумеется, никто не предскажет. Надо все сделать, чтобы подготовка пролетарской

революции шла быстрее, чем подготовка новой войны. Весьма возможно, однако, что милитаризм и на этот раз обгонит революцию. Но и такой путь, сулящий великие жертвы и бедствия, ни в каком случае не снимает с нас обязанности немедленно строить новый Интернационал. Превращение империалистской войны в пролетарскую революцию пойдет тем быстрее, чем дальше продвинется наша подготовительная работа, чем более прочные революционные кадры окажутся в начале войны, чем более планомерно они поведут работу во всех воюющих странах, чем увереннее их работа будет опираться на правильные стратегические, тактические и организационные принципы.

58. Империалистская война первым же своим ударом раздробит старческий хребет Второго Интернационала и расколется на части его национальные секции. Она окончательно обнаружит пустоту и бессилие Коминтерна. Но она не пощадит и все те половинчатые, центристские группировки, которые уклоняются от проблемы Интернационала, ищут чисто национальных корней, не доводят ни одного вопроса до конца, лишены перспективы и лишь временно питаются брожением и растерянностью в рабочем классе.

Глубокие корни в национальную почву может пустить в нашу эпоху только та организация, которая опирается на интернациональные принципы и входит в состав мировой партии пролетариата. Борьба против войны означает ныне борьбу за Четвертый Интернационал!

[Л.Д.Троцкий]

27 декабря 1933 г.

[Письмо британским сторонникам]

27 декабря 1933 [г.]

Большинству Британской секции.

Меньшинству Британской секции.

Дорогие товарищи!

Присланные вами документы, прежде всего протоколы собрания членов 17 декабря, показывают нам, что вопрос о вхождении в НРП привел к расколу вашей секции. Что касается существа вопроса, то мы высказывались в течение последних месяцев неоднократно и не считаем нужным повторять наши соображения. Несмотря на полное единодушие, которое царило по вопросу о необходимости вашего вступления в НРП, как в самом Интернациональном Секретариате, так и в руководящих органах большинства наших секций, мы избегали в этом важном вопросе прибегать к доводам формальной дисциплины. Ответственность за вынесенное большинством решение, как и за раскол, лежит, таким образом, на самой британской секции.

Мы не считаем возможным в настоящий момент рвать ни с одной из двух расколовшихся частей. Мы хотим и впредь помогать каждой из них в работе, чтобы ускорить проверку разногласий на опыте, и тем подготовить новое объединение.

Мы категорически требуем от обеих групп сосредоточить все свои усилия в

той работе, какую каждая добровольно признала наиболее плодотворной, и строжайше воздерживаться от нетоварищеской полемики и от таких действий, которые могут повредить работе другой группы.

Ненормальный факт параллельного существования двух групп может иметь, конечно, лишь временный характер. Мы будем внимательно следить за деятельностью каждой из них, чтобы подготовить окончательное решение о дальнейшей судьбе британской секции, которое будет вынесено либо интернациональной конференцией, либо одним из расширенных пленумов.

С полным пожеланием успеха в работе обеим группам
[Л.Д.Троцкий]

Предложение делегации коммунистов-интернационалистов381

На августовской конференции в Париже сложился блок четырех организаций (трех национальных и одной интернациональной) с целью подготовки сплочения международного пролетарского авангарда в новый Интернационал. Общая резолюция четырех организаций гласила:

"Нижеподписавшиеся обязуются приложить все свои силы к тому, чтоб этот Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным".

Той же резолюцией четыре организации обязывались создать Постоянную комиссию и приступить к выработке программных документов нового Интернационала.

Уже вскоре после парижской конференции сделаны были попытки, не ограничиваясь блоком, перейти на путь слияния соответственных организаций: между САП и секцией коммунистов-интернационалистов - в Германии, между ОСП и РСП - в Голландии. Обе эти попытки не привели на данной стадии к поставленной цели. Сам по себе этот факт не заключает в себе ничего обескураживающего. Если оказалось невозможным осуществить объединение сразу, то его надо добросовестно подготовить путем принципиальной дискуссии, с одной стороны, практических соглашений - с другой. Было бы, разумеется, совершенно непростительно, чтобы не сказать преступно, становиться на путь отчужденности и враждебности только потому, что полное слияние оказалось недостижимым в данный момент.

Создание Постоянной комиссии оказалось до сих пор не достигнуто в значительной мере вследствие указанных выше причин: внимание сосредоточивалось, главным образом, на вопросе о полном объединении. Мы считаем, однако, что именно теперь, когда перспектива полного объединения приняла более затяжной характер, создание Постоянной комиссии становится совершенно неотложным. На данной стадии нашей совместной работы комиссия не могла бы еще претендовать на роль руководящего политического центра, но она могла бы и должна была бы обеспечить постоянный обмен информацией, статьями и проч.; готовить совещания, подобные настоящему; облегчать практическую совместную работу во всех случаях, где это возможно, наконец, следить за

тем, чтобы дискуссия велась в лояльных, товарищеских формах.

В области выработки программных документов сделаны до сих пор существенные подготовительные работы.

Помимо Резолюции четырех, которую мы считаем документом первостепенной политической важности, до настоящего времени в нашем портфеле имеются:

а) набросок, посвященный вопросу об экономических и социальных причинах крушения реформизма (представлен членом САП);

б) тезисы об эволюции американского капитализма (правление американской Лиги коммунистов-интернационалистов);

в) "Четвертый Интернационал и СССР" (русская секция большевиков-ленинцев);

г) ряд работ, посвященных отдельным проблемам революции или положению в отдельных странах (фашизм и демократия - итальянская секция коммунистов-интернационалистов; "положение в Бельгии" - бельгийская секция коммунистов-интернационалистов и проч.).

д) проект платформы слияния ОСП и РСР, хотя этот документ и не привел непосредственно к практической цели, но он сохраняет все свое принципиальное значение, намечая будущий путь.

Если выработка программных документов будущего Интернационала идет медленнее, чем мы первоначально предполагали и хотели, то она все [же] непрерывно идет вперед. Во всяком случае, мы можем с полной уверенностью сказать себе, что ведущиеся нами работы программно-технического характера являются единственными принципиальными работами, подготовляющими новое международное сплочение пролетариата. Все, что дали за этот период Второй и Третий Интернационалы, представляет собой документы бюрократического самооправдания, лишенные какой бы то ни было теоретической или революционной ценности.

Мы считаем, что дальнейшую работу над программными документами надо организовать более правильно. С этой целью надо создать "Бюллетень" четырех организаций, посвященный информации и дискуссии. Этот "Бюллетень" должен проложить дорогу будущему теоретическому органу.

Мы придаем очень большое значение инициативе, которую проявила ОСП в лице своей организации молодежи в деле созыва интернациональной конференции молодежи. Факты свидетельствуют, что рабочая молодежь в разных странах гораздо сочувственнее относится к идее Четвертого Интернационала, чем те официальные партии, к которым эта молодежь примыкает. Не нужно пояснять, что это обстоятельство в самом себе заключает важный залог наших будущих успехов. Одной из важнейших задач блока четырех, в частности данного совещания, является помочь нашим организациям молодежи созвать как можно более широкую интернациональную конференцию, которая должна стать важным этапом на пути создания нового Интернационала молодежи.

Таковы те задачи, которые мы, со своей стороны, ставим перед настоящим совещанием.

Делегация Интернациональной Лиги коммунистов-интернационалистов

(б[ольшевиков]-л[енинцев])

30 декабря 1933 г.

Всем секциям Лиги коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев)

Интернациональный Секретариат принял в одном из последних заседаний тезисы "Четвертый Интернационал и война"³⁸². Незачем пояснять всю важность того вопроса, которому посвящены тезисы. Все основные принципы большевиков-ленинцев заново освещены здесь под углом зрения надвигающейся военной опасности.

Мы не рассматриваем этот документ как окончательный. В ближайшем номере нашего Бюллетеня будут напечатаны проекты или наброски тезисов, относящихся к вопросу о войне, и разрабатывающих, в частности, более конкретно вопрос о связи войны с фашизмом. Одобрив тезисы "Четвертый Интернационал и война", Интернациональный Секретариат прежде всего имел в виду установить незыблемо нашу собственную позицию в вопросах о "национальной обороне", "защите демократии" и проч. Последние недели показали, что даже в наши ряды (Швейцария) проникли социал-патриотические тенденции. Незачем говорить, что в области этого коренного вопроса организация большевиков-ленинцев не допустит не только принципиальной неясности, но и малейшей снисходительности.

Мы выражаем твердую уверенность в том, что все секции издадут эти тезисы на соответственных языках. Отнестись к программным тезисам, как к простой политической статье, было бы совершенно недопустимо и свидетельствовало бы только о поверхностном отношении к вопросам программы и стратегии. Нужно тщательно изучать тезисы, подвергать их обсуждению пункт за пунктом, указывать пробелы, неправильные или недостаточно ясные формулировки, требовать конкретизации, выдвигать дополнительные вопросы. Только те наши сторонники, которые внимательно изучат и критически продумают тезисы, окажутся достаточно вооружены для дальнейшей политической работы в связи с опасностью войны.

Мы твердо рассчитываем на то, что, опираясь на эти тезисы, наши секции смогут с возрастающим успехом воздействовать на внутреннюю жизнь секций Второго и Третьего Интернационалов, подвергая их позиции ясной и продуманной критике и требуя точных ответов на вопрос, что делать.

Интернациональный Секретариат

30 декабря 1933 г.

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому]³⁸³

Из полученного мною письма:

"Вчера я встретил знакомую, приехавшую недавно из М[оск]вы. Она мне очень интересно рассказывала, как она до поездки в СССР ничего о троц[кис]тах не знала, считала их ренегатами, контрреволюционерами и т. д.

Только там она столкнулась с партийцами, которые ее в этом разубедили! Ей приходилось часто сталкиваться с людьми этого лагеря - у нее получилось впечатление, что их (тр[оцкист]ов) там должно быть очень много. Узнав, что она приехала из-за границы, многие спрашивали, что она знает о Л.Д.[Троцком], что он пишет, правда ли, что он хворает, и т.д. У нее было впечатление, что на нее смотрят с упреком, потому что она ничего рассказать не смогла. Хочу подчеркнуть, что эта знакомая ничего не знает о моих настроениях"...

(Она возвращается и хочет связаться со мною).

Л.[Седов]

При сем список книг Бернштейна³⁸⁴. Большинство дорого и, думаю, не интересно. Жду ответа.

Л.[Седов]

[Не датировано]1934

[Письмо В.Буриану]³⁸⁵

1-го января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Отвечаю на ваше письмо от 27 декабря.

1. Я вполне понимаю, что путаница с переговорами, происшедшая по моей вине, создала затруднения и задержку. Надеюсь все же, что вам удастся в скором времени заключить договор. Если издатель согласится уплатить некоторый аванс, то было бы хорошо получить его поскорее для покрытия январского "дефицита". Но если это неосуществимо или трудно осуществимо, то я найду другие пути.

2. Посылаю вам некролог Луначарского³⁸⁶ для помещения в чешской печати. Желательно, однако, чтобы статья появилась не ранее, чем в "Вельтбюне".

3. Что касается издательства брошюры, то здесь есть известные затруднения. Такое издательство уже организовалось, насколько я знаю, в Праге (как для немецких, так и для чешских брошюр), и уже получило санкцию Интернационального секретариата. Как тут быть? Я отсюда не могу в это дело вмешаться, чтобы не вышло новой путаницы.

4. В случае выдачи издательством книги каких-либо сумм для меня, прошу 15% переслать Пфемферту.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего.

[Л.Д.Троцкий]

Национализм и хозяйство

Итальянский фашизм провозгласил священный эгоизм нации единственным творческим фактором. Сведя человеческую историю к нации, германский национал-социализм свел вдобавок нацию к расе, расу к крови. Но и в тех странах, которые в политике не поднялись или не упали до фашизма, проблемы хозяйства все более приурочиваются к рамкам нации. Не все решаются написать

открыто на своем знамени автаркию. Но практическая политика везде направлена на то, чтобы как можно более герметически отгородиться от мирового хозяйства. Всего каких-нибудь два десятилетия тому назад школьные учебники внушали, что мировое разделение труда, заложенное в естественных и исторических условиях развития человечества, является могущественным фактором богатства и культуры. Теперь мировой обмен оказывается источником всех бедствий и опасностей. Назад, домой, к национальному очагу! Надо исправить не только ошибку адмирала Перри³⁸⁷, который пробил брешь в японской "автаркии", но и более значительную ошибку Христофора Колумба³⁸⁸, которая так неумеренно раздвинула арену человеческой культуры.

Непреодолимая ценность нации, открытая Муссолини и Гитлером, противопоставляется ложным ценностям девятнадцатого века: демократии и социализму. Мы здесь опять попадаем в непримиримое противоречие со старыми учебниками и, что еще хуже, с незыблемыми фактами истории. Только злонамеренное невежество может оперировать голым противопоставлением нации и либеральной демократии. На самом деле, все освободительные движения новой истории, начиная хотя бы с борьбы Голландии за независимость³⁸⁹, имели одновременно национальный и демократический характер. Пробуждение угнетенных и раздробленных наций, их борьба за объединение своих разрозненных частей и за независимость от чужого ига были невозможны без борьбы за политическую свободу. На переломе от XVIII века к XIX, в грозе и буре демократической революции, сложилась французская нация. В ряде войн и революций XIX века сложились итальянская и германская нации. Мощное развитие североамериканской нации, получившей свое крещение в освободительном восстании XVIII века³⁹⁰, было окончательно обеспечено победой северных штатов на южными в гражданской войне³⁹¹. Не Муссолини и не Гитлер открыли нацию. Патриотизм в его новом, точнее буржуазном, смысле есть продукт XIX века. Национальное сознание французского народа, пожалуй, наиболее консервативное и устойчивое, и сегодня еще питается из источников демократической традиции.

Но экономическое развитие человечества, опрокинувшее средневековый партикуляризм, не остановилось на национальных рамках. Параллельно с формированием национального хозяйства рос мировой обмен. Тенденция развития выражалась в том, что центр тяжести, по крайней мере для передовых стран, передвигался от внутреннего рынка к внешнему. Если для XIX века было знаменательно слияние судьбы нации и судьбы хозяйства, то основной тенденцией нашего века является возрастающее противоречие между хозяйством и нацией. В Европе это противоречие приняло совершенно невыносимую остроту.

Наиболее динамический характер имело развитие германского капитализма. Если в середине XIX столетия немецкому народу стало тесно в клетках нескольких десятков феодальных отечеств, то уже через четыре десятилетия после создания империи германская промышленность задыхалась в рамках национального государства. Одной из главных причин мировой войны явилось стремление германского капитала вырваться на более широкую арену. В качестве эфрейтора Гитлер сражался в 1914-1918 годах не во имя объединения немецкой

нации, а во имя сверхнациональной, империалистической программы, которая выражалась знаменитой формулой: "организовать Европу". Объединенная под властью германского милитаризма Европа должна была стать плацдармом для более широкой задачи: организовать планету.

Германия не составляла, однако, исключения. Она лишь в более напряженной и агрессивной форме выражала тенденцию каждого национального капиталистического хозяйства. Результатом столкновения этих тенденций и явилась война. Правда, как всякое грандиозное историческое потрясение, война подняла различные исторические вопросы и дала мимоходом толчок национальным революциям в более отсталых частях Европы (царская Россия, Австро-Венгрия). Но это были лишь запоздалые отголоски эпохи, отошедшей в прошлое. По сути своей война имела империалистский характер. Истребительными, разрушительными, варварскими методами она пыталась разрешить прогрессивную историческую задачу: организацию хозяйства на всей той арене, которая подготовлена мировым разделением труда.

Незачем говорить, что война не разрешила этой задачи. Наоборот, она еще больше раздробила Европу. Она углубила взаимозависимость Европы и Америки и вместе с тем их антагонизм. Она дала толчок самостоятельному развитию колоний и в то же время обострила зависимость метрополий от колониальных рынков. Все противоречия прошлого оказались в результате войны еще более обостренными. На это можно было полузакрывать глаза в те первые годы, когда Европа при содействии Америки производила генеральный ремонт своего разгромленного хозяйства. Но восстановление производительных сил неминуемо означало потенцирование всех тех бедствий, которые привели к войне. Нынешний кризис, синтезируя в себе все капиталистические кризисы прошлого, означает прежде всего кризис национального хозяйства.

Лига Наций пыталась не разрешенную войной задачу перевести с языка милитаризма на язык дипломатических соглашений. Если Людендорфу не удалось "организовать Европу" мечом, то Бриан сделал попытку создать "Соединенные Штаты Европы" при помощи вкрадчивого дипломатического красноречия. Но непрерывный ряд политических, экономических, финансовых, таможенных и валютных конференций лишь развернул панораму несостоятельности правящих классов пред неотложной и жгучей задачей нашей эпохи.

Теоретически задача формулируется так: каким образом обеспечить экономическое единство европейской территории при полной свободе культурного развития населяющих ее народов? Каким образом включить объединенную Европу в согласованное хозяйство всего мира? Решение этого вопроса лежит не на пути обожествления нации, а, наоборот, на пути полного освобождения производительных сил от оков, налагаемых на них национальным государством. Между тем правящие классы Европы, деморализованные банкротством как военных, так и дипломатических методов, подходят ныне к задаче с противоположного конца, т. е. пытаются насильственно подчинить хозяйство пережившему себя национальному государству. Миф о ложе Прокруста³⁹² воспроизводится в грандиозных размерах. Вместо того чтобы расчистить перед новой техникой

достойную ее арену, правители рубят и режут живой организм хозяйства по частям.

Муссолини провозгласил в недавней программной речи смерть "экономического либерализма", т. е. царства свободной конкуренции. Сама по себе мысль не нова. Эпоха трестов, синдикатов, консорциумов давно уже оттеснила свободную конкуренцию на черный двор. Но тресты еще менее мирятся с ограниченным национальным рынком, чем предприятия либерального капитализма. Новая монополия пожирала конкуренцию по мере того, как мировое хозяйство подчиняло себе национальный рынок. Экономический либерализм пережил себя одновременно с экономическим национализмом. Попытки спасти хозяйство, привив ему трупный яд национализма, приводят к тому заражению крови, которое носит название фашизма.

Исторический подъем человечества направляется стремлением с наименьшей затратой труда достигать возможно большего количества благ. Эта материальная основа культурного роста дает вместе с тем самый глубокий критерий для оценки социальных режимов и политических программ. Закон производительности труда имеет такое же значение в сфере человеческого общества, как закон тяготения - в сфере механики. Исчезновение переживших себя социальных формаций прошлого было ничем иным, как проявлением этого безжалостного закона, который обусловил победу рабства над каннибализмом, крепостного труда - над рабским, вольнонаемного - над крепостным. Закон производительности труда пролагает себе дорогу не прямолинейно, а противоречиво, порывами и толчками, скачками и зигзагами, преодолевая географические, антропологические и социальные преграды. Оттого в истории так много "исключений", которые являются в действительности лишь специфическими преломлениями "правила".

В течение XIX века борьба за высшую производительность труда шла преимущественно в форме свободной конкуренции, которая поддерживала динамическое равновесие капиталистического хозяйства через циклические колебания конъюнктуры. Но конкуренция, именно благодаря своей прогрессивной исторической роли привела к чудовищной концентрации трестов, синдикатов, консорциумов, которая означает в то же время концентрацию всех экономических и социальных противоречий. Свободная конкуренция похожа на курицу, высидевшую не утенка, а крокодила. Не мудрено, если ей не под силу справиться со своим детенышем.

Экономический либерализм пережил себя окончательно. Его могикане все менее уверенно вызывают к автоматической игре сил. Нужны новые методы, чтобы установить соответствие между небоскребами трестов и человеческими потребностями. Нужны коренные изменения в структуре хозяйства и общества. Но новые методы приходят в столкновение со старыми навыками и, что неизмеримо важнее, со старыми интересами. Закон производительности труда конвульсивно бьется о им же созданные преграды. В этом и состоит сущность грандиозного кризиса современной хозяйственной системы.

Застигнутые врасплох разрушительными тенденциями национального и

интернационального хозяйства, консервативные политики и теоретики начинают склоняться к тому выводу, что главной причиной бедствий является слишком высокое развитие техники. Трудно придумать более трагический парадокс! Французский политик и финансист Кайо видит спасение в искусственных ограничениях машинизма. Так, просвещеннейшие представители либеральной доктрины неожиданно вдохновляются настроениями тех темных рабочих, которые сто лет тому назад громили ткацкие станки. Прогрессивная задача: как приспособить арену хозяйства и социальные отношения к новой технике, выворачивается наизнанку: как обуздать и обкарнать производительные силы, чтобы приспособить их к старой национальной арене и старым социальным отношениям. По сю, как и по ту сторону океана тратится немало умственной энергии на разрешение фантастической задачи: как снова загнать крокодила в куриное яйцо. Новейший экономический национализм безоговорочно осужден своей ретроградностью: он задерживает и снижает производительную силу человека.

Политика замкнутого хозяйства означает искусственное сжатие тех отраслей промышленности, которые могли бы с успехом оплодотворять хозяйство и культуру других стран. Одновременно тенденция к автаркии означает искусственное насаждение таких отраслей, которые не находят для себя благоприятных условий в национальной почве. Фикция экономической независимости порождает, таким образом, тяжелые накладные расходы в двух направлениях.

Сюда присоединяется инфляция. В качестве космополитического эквивалента золото стало в течение XIX века основой всех денежных систем, заслуживающих этого имени. Отказ от золотого размена разрывает мировое хозяйство на части еще с большим успехом, чем таможенные стены. Как выражение расстройств внутренних пропорций хозяйства и его международных связей, инфляция усиливает в свою очередь это расстройство, помогая ему из функционального стать органическим. Так, "национальная" денежная система увенчивает пагубную работу экономического национализма.

Наиболее бесстрашные представители этой школы утешают себя тем, что, став при замкнутом хозяйстве беднее, нация станет "дружнее" (Гитлер) или что подводы к внешним конфликтам уменьшатся вместе с упадком значения мирового рынка. Такие надежды показывают лишь, что доктрина автаркии не только реакционна, но и насквозь утопична. Очаги национализма являются на самом деле лабораториями грозных столкновений: империализм, как голодный тигр, отступил в свое национальное логово перед новым гигантским прыжком.

Теории экономического национализма, даже опирающиеся будто бы на "вечные" законы расы, на самом деле отражают только отчаянную обстановку мирового кризиса. Классический пример того, как из горькой нужды делается добродетель! Пассажиры потерпевшего крушение поезда, ежась на скамьях захолустной станции, стоически заверяют друг друга, что комфорт деморализует тело и душу. Но все вместе и каждый в отдельности мечтают о паровозе, который доставит их туда, где можно расправить члены меж двух свежих простынь. Непосредственная забота делового мира во всех странах состоит

сейчас в том, чтоб как-нибудь продержаться, выжить, хотя бы и в состоянии анабиоза³⁹³, на жестком ложе национального рынка. Но все эти невольные стойки³⁹⁴ мечтают о мощном паровозе новой мировой конъюнктуры.

Придет ли он? Конъюнктурные прогнозы затруднены сейчас, если не невозможны, вследствие структурных нарушений всей экономической системы. Старые промышленные циклы, подобно биениям сердца в здоровом организме, отличались устойчивыми ритмами. После войны мы уже не наблюдали правильной смены конъюнктур: старое сердце дает перебои.

К этому надо присоединить политику так называемого "государственного капитализма". Толкаемая нетерпеливыми интересами и социальными опасностями, государственная власть вторгается в хозяйственную жизнь при помощи исключительных мероприятий, последствий которых она сама в большинстве случаев не способна предвидеть. Но если оставить в стороне перспективу взрыва новой войны, которая должна была бы опрокинуть надолго как стихийную работу экономических сил, так и сознательные попытки планового регулирования, то можно с полной уверенностью предвидеть перелом от кризиса и депрессии к оживлению, даже если бы нынешние благоприятные симптомы в Англии, отчасти в Соединенных Штатах, оказались на поверку той ранней ласточкой, которая еще не делает весны.

Разрушительная работа кризиса должна достигнуть, если уже не достигла, того пункта, когда обедневшему человечеству необходима новая масса товаров. Задымят трубы, завертятся колеса. И когда оживление обнаружится с достаточной очевидностью, деловой мир быстро стряхнет с себя оцепенение, забудет немедленно уроки вчерашнего дня и во всяком случае с презрением отбросит прочь аскетические теории вместе с их авторами.

Было бы, однако, величайшей иллюзией надеяться на то, что размах предстоящего оживления будет соответствовать глубине нынешнего кризиса. Мы уже знаем: в детстве, зрелости и старости сердце бьется по-разному. Во времена подъема капитализма кризисы имели мимолетный характер, и временное снижение производства с избытком возмещалось уже на ближайшей стадии. Не то теперь! Мы вошли в эпоху, когда конъюнктурные подъемы мимолетны, а кризисы приобретают все большую и большую глубину. Тощие коровы поглощают без остатка тучных³⁹⁵ и все же режут от голода.

Тем больше наступательного нетерпения обнаружат все капиталистические государства, как только барометр мирового хозяйства станет подниматься вверх. Борьба за внешние рынки получит небывалую остроту. Благочестивые соображения о преимуществах автаркии будут сразу же отброшены, мудрые планы национальной гармонии полетят под стол. Это относится не только к германскому капитализму с его взрывчатой динамикой или к запоздалому, нетерпеливому и жадному капитализму Японии, но и к могущественному в своих новых противоречиях капитализму Америки.

Соединенные Штаты представляли собой наиболее совершенный тип капиталистического развития. Относительное равновесие внутреннего рынка, казавшегося неисчерпаемым, обеспечило им огромный технический и

экономический перевес над Европой. Но самый факт вмешательства Америки в войну явился выражением уже нарушенного внутреннего равновесия. В свою очередь, те изменения, которые война внесла в структуру Соединенных Штатов, сделали для американского капитализма вопросом жизни и смерти выход на мировую арену. Многие говорят за то, что этот выход должен принять исключительно драматические формы.

Закон производительности труда имеет решающее значение для взаимоотношений Америки и Европы, вообще для определения дальнейшего места Соединенных Штатов в мире. Та высшая форма, которую янки дали закону производительности труда, называется: конвейер, стандарт, серийное производство. Найдена, казалось, архимедова точка, которая дает возможность перевернуть мир. Но старая планета не хочет, чтобы ее переворачивали. Все защищается против всех, ограждаясь барьерами таможен и штыков. Европа не покупает товаров, не платит долгов и к тому же вооружается. Голодная Япония при помощи жалких пяти дивизий захватывает целое государство³⁹⁶. Самая высокая в мире техника оказывается вдруг бессильной против препятствий, опирающихся на гораздо более низкую технику. Закон производительности труда как бы теряет силу.

Но это только так кажется. Основной закон человеческой истории неминуемо возьмет реванш над производными и второстепенными явлениями. Американский капитализм должен будет раньше или позже сделать попытку проложить себе дорогу на протяжении всей нашей планеты. Какими методами? Всеми методами. Высокий коэффициент производительности означает также и высокий коэффициент разрушительного действия. Проповедь войны? Меньше всего. Мы ничего не проповедуем. Мы лишь пытаемся анализировать мировую обстановку и делать выводы из законов экономической механики. Нет ничего хуже умственной трусости, которая поворачивается спиной к фактам и тенденциям, раз они противоречат нашим идеалам или предрассудкам.

Только в исторических рамках мирового развития можно найти для фашизма надлежащее место. Он не заключает в себе ничего творческого, ничего самостоятельного. Его историческая миссия - довести до абсурда теорию и практику экономического тупика. Демократический национализм вел в свое время человечество вперед. Он и сейчас еще способен играть прогрессивную роль в колониальных странах Востока. Но фашистский национализм упадка не несет ничего, кроме гибели. Он подготавливает не умиротворение хозяйства в национальных рамках, а вулканические взрывы и грандиозные столкновения на мировой арене. Все, что наблюдалось по этой части за последние 25-30 лет, покажется идилической увертюрой по сравнению с той адской музыкой, которая надвигается на нас. Дело идет на этот раз не о временном снижении хозяйства, а о полном его разгроме и о крушении всей нашей культуры, если только трудящееся и мыслящее человечество окажется неспособным своевременно овладеть своими собственными производительными силами и дать им правильную организацию в европейском и мировом масштабе.

Л. Троцкий

4 января 1934 г.

За Четвертый Интернационал!

(Письмо члену британской Независимой рабочей партии)

Мне сообщают, что НРП за последний период значительно ослабела. Число членов ее упало будто до четырех тысяч. Возможно, даже весьма вероятно, что эти сведения преувеличены. Но общая тенденция их не кажется мне невероятной. Скажу более: руководство НРП несет значительную долю ответственности за ослабление организации, перед которой все условия открывали и - хочу надеяться - открывают еще и сейчас широкую перспективу.

Если рабочий, едва пробудившийся для политической жизни, ищет массовой организации, не различая еще ни программы, ни тактики, он естественно примкнет к Лейбор Парти. Рабочий, который разочарован в реформизме и возмущен предательствами его политических и тред-юнионистских вождей, пытался не раз - пытается отчасти и сейчас - примкнуть к компартии, за спиной которой он видит образ Советского Союза. Где же тот рабочий, который примкнет к НРП? И какие именно политические побуждения заставят его сделать этот шаг?

Мне кажется, что вожди НРП сами себе до сих пор не ответили ясно на этот кардинальный вопрос. Рабочая масса интересуется не оттенками, не деталями, а большими событиями, ясными лозунгами, далеко видимым знаменем. Как же на счет знамени обстоит дело у НРП? Неблагополучно. Я говорю это с большим сожалением. Но это надо сказать. Было бы плохой услугой по отношению к вашей партии замалчивать или приукрашивать факты.

НРП оторвалась от Лейбор Парти. Это было правильно. Если НРП хотела стать революционным рычагом, то нельзя было допустить, чтобы рукоятка этого рычага находилась в руках прожженных оппортунистов и буржуазных карьеристов. Полная и безусловная политическая и организационная независимость революционной партии есть первое условие ее успеха.

Но, оторвавшись от Лейбор Парти, необходимо было сейчас же повернуться к ней лицом. Не для того, конечно, чтобы ухаживать за ее вождями, делать им кисло-сладкие комплименты или хотя бы замалчивать их преступные действия, - нет, только бесхарактерные центристы, воображающие себя революционерами, ищут дорогу к массе, приспособляясь к ее вождям, подлаживаясь к ним и заверяя их на каждом шагу в своей дружбе и преданности. Такого рода политика есть покатая дорожка в болото оппортунизма. К реформистским массам надо искать пути не через благосклонность их вождей, а против вождей. Ибо оппортунистические вожди представляют не массу, а лишь ее отсталость, ее рабские инстинкты, наконец, ее растерянность. Но у массы есть и другие, прогрессивные, революционные черты, которые стремятся найти себе политическое выражение. Завтрашний день массы ярче всего противопоставляется ее вчерашнему дню в борьбе программ, партий, лозунгов вождей. Инстинктивно

рабочая масса всегда за "единство". Но кроме классового инстинкта есть политический разум. Тяжелый опыт учит рабочих, что разрыв с реформистами есть предпосылка действительного единства, которое возможно только в революционном действии. Политический опыт учит тем лучше и скорее, чем тверже, последовательнее, увереннее, ярче революционная партия истолковывает его массам.

Ленинский метод единого фронта и политическое братание с реформистами исключают друг друга. Временные практические боевые соглашения с массовыми организациями, хотя бы во главе их и стояли наихудшие реформисты, неизбежны и обязательны для революционной партии. Длительные политические союзы с реформистскими вождями под неопределенной программой, без конкретных обязательств, без участия самих масс в боевых действиях представляют худший вид оппортунизма. Классическим образцом такого деморализующего союза навсегда останется Англо-русский комитет.

Одним из важнейших мостов к массам являются тред-юнионы, где можно и должно работать, нисколько не подлаживаясь к вождям, наоборот, непримиримо борясь с ними, открыто или конспиративно, смотря по обстоятельствам. Но и помимо тред-юнионов есть бесчисленные пути для участия в повседневной жизни масс - на заводе, на улице, в спортивной организации, даже в церкви и кабаке, при условии внимательнейшего отношения к тому, как масса чувствует и мыслит, как реагирует на события, чего ждет, на что надеется, как и почему дает обманывать себя реформистским вождям. Внимательнейшее и неутомимое прислушивание к массе требует, однако, со стороны революционной партии не пассивного подлаживания к ней ("хвостизм"), а, наоборот, противопоставления на каждом шагу ее рассудка ее предрассудку.

Было бы неправильно, в частности, игнорировать или преуменьшать значение парламентской работы. Парламент не может, разумеется, превратить капитализм в социализм, как и улучшить положение пролетариата в гниющем капиталистическом обществе. Но революционная работа в парламенте и в связи с парламентом может, особенно в Англии, оказать большое содействие делу подготовки и воспитания масс. Одно мужественное восклицание Макговерна³⁹⁷ сразу освежило и встряхнуло одураченных или усыпленных благочестивыми, ханжескими, плоскими речами Леенсбери³⁹⁸, Гендерсона и других господ из лакейской "оппозиции его величества".

К несчастью, НРП, став самостоятельной партией, повернулась лицом не к тред-юнионам и Лейбор Парти, вообще не к массе, а к компартии, которая в течение ряда лет доказала полностью и целиком свое бюрократическое тупоумие и абсолютную неспособность подойти к классу. Если даже немецкая катастрофа ничему не научила этих людей, то на дверях Коминтерна надо поместить ту же надпись, что и над входом в ад: "Lasciate ogni speranza"³⁹⁹ ("Оставь надежду" ...).

НРП далеко не освободилась еще от недостатков левого крыла Лейбор Парти (теоретическая бесформенность, отсутствие ясной программы, революционных методов, крепкой организации) и в то же время поспешила взять на себя

ответственность за неизлечимые пороки компартии. Ясно, что новые революционные рабочие не примкнут при таком положении к НРП, скорее уже многие из ее старых членов, потеряв терпение, покинут ее. Если уходят полуреформисты, мелкобуржуазные радикалы, пацифисты, остается только пожелать им счастливого пути. Но иное дело, если уходят неудовлетворенные революционные рабочие.

* * *

Особенно ярко и отчетливо причины ослабления НРП представляются нам, если подойдем к вопросу под интернациональным углом зрения, который в нашу эпоху имеет решающее значение. Порвав со Вторым Интернационалом, НРП приблизилась к Третьему, но не примкнула к нему. НРП повисла попросту в воздухе. Между тем каждый мыслящий рабочий хочет принадлежать к такой партии, которая занимает определенную международную позицию: в нерасторжимой связи с единомышленниками в других странах он видит подтверждение правильности собственной позиции. НРП входит, правда, в так называемое лондонское Бюро400. Но основная черта этого Бюро состоит, к несчастью, в отсутствии всякой позиции. Достаточно сказать, что к Бюро примыкает Норвежская рабочая партия, которая под руководством вероломного оппортуниста Транмеля все более явно идет по социал-демократическому пути. Транмелю и К|| временный союз с НРП и другими левыми организациями нужен был только для того, чтобы усыплять свое собственное левое крыло и постепенно подготовить себе дорогу во Второй Интернационал. Сейчас Транмель приблизился к пристани.

К лондонскому Бюро примыкают, с другой стороны, Социалистическая рабочая партия Германии и Независимая соц[иалистическая] партия Голландии. Обе эти организации стоят на точке зрения Четвертого Интернационала. Их принадлежность к лондонскому Бюро отражает лишь их вчерашний день. Мы, коммунисты-интернационалисты (левая оппозиция), считали и считаем крупной ошибкой наших союзников, САП и ОСП, тот факт, что они до сих пор не порвали открыто и решительно с Транмелем и вообще с лондонским Бюро. Мы не сомневаемся, однако, что час такого разрыва близок.

В каком же положении находится НРП? Входя в лондонское Бюро, она тем самым является союзницей Транмеля, т. е., по существу дела, Второго Интернационала. Через САП и ОСП она является как бы союзницей или полусоюзницей Четвертого Интернационала. Не слишком ли много Интернационалов для одной партии? Может ли английский рабочий разобраться в этой путанице?

На парижской конференции делегаты НРП говорили, что они еще не отказались от надежды привлечь Коминтерн к участию в создании более широкого революционного Интернационала. Неужели ответ до сих пор еще не получен? Сколько же времени нужно руководящим товарищам НРП, чтобы понять, что Коминтерн не способен сделать ни шагу вперед, что он окончательно окостенел, что как революционная партия он мертв. Если НРП хочет и дальше ждать чудес, т. е. жить надеждами на Коминтерн или оставаться в стороне от основных исторических течений, то ее собственные члены неизбежно утратят к ней

доверие.

Та же судьба ожидает и шведскую Независимую коммунистическую партию. Боясь ошибиться, она воздерживается от всякого решения, не понимая, что это и есть самая большая ошибка. Есть немало вообще политиков, которые высшей мудростью считают выжидание и уклончивость. "Не спешите с Четвертым Интернационалом, говорят они: теперь еще не время". Но ведь дело идет не о бюрократическом "провозглашении" нового Интернационала, а о непрерывной борьбе за его подготовку и создание. "Не спешить" значит практически терять время. "Авось, новый Интернационал не понадобится, авось, случится чудо. Авось..." Эта политика, которая кажется кое-кому очень реалистической, является худшим видом утопизма, сотканным из пассивности, косности и надежд на чудеса. Если шведская Независимая партия не стряхнет с себя своих мнимореалистических суеверий, то она будет чахнуть, слабеть и в конце концов окажется разорвана между тремя Интернационалами.

"Но ведь массы, - так возражают нам некоторые мнимые реалисты, - пугаются нового Интернационала, как нового раскола!" Это вполне естественно. Испуг масс перед новой партией и новым Интернационалом есть отражение (одно из отражений) великой катастрофы, страшного поражения, разочарования масс, их растерянности, их неуверенности в себе. Как долго будут длиться эти настроения зависит, главным образом, от хода событий; но до некоторой степени и от нас самих. За ход событий мы не несем ответственности, но за собственное поведение отвечаем целиком. Преимущество авангарда над массами в том, что мы теоретически осветили ход событий и предвидим дальнейшие его этапы. Бесформенная, пассивная тоска по "единству" будет получать удар за ударом. Гнилость Второго и Третьего Интернационалов будет обнаруживаться на каждом шагу. События будут подтверждать наш прогноз и наши лозунги. Но надо, чтобы мы сами не боялись открыто развернуть свое знамя уже сейчас.

Лассаль говорил, что революционеру нужна "физическая сила мысли". Ленин любил повторять эти слова, хотя вообще не очень любил Лассаля. Физическая сила мысли состоит в том, чтоб продумать обстановку и перспективу до конца и, сделав необходимые практические выводы, защищать их уже решительно, смело, непримиримо, не пугаясь чужого испуга, не склоняясь перед предрассудками, хотя бы и массовыми, а опираясь на объективный ход развития.

НРП Великобритании должна теперь же стать под знамя Четвертого Интернационала, - иначе она сойдет со сцены, не оставив следа.

Л. Троцкий

5 января 1934 г.

Письмо в редакцию "Пэпл" 401

В редакцию "Пэпл"

В номере вашей газеты от 16 декабря 1933 г. приводится мой отзыв о перспективах, открывающихся перед бельгийской рабочей партией, и о той позиции, которую должны занять по отношению к ней другие политические

группировки пролетариата.

В речи де Мана⁴⁰² на конгрессе вашей партии приводится мой отзыв о "Плане труда" со ссылкой на мой призыв поддерживать этот план ("Пэпл", 25 декабря). Ни в том, ни в другом случае не приводятся мои подлинные слова и не указано, где и когда они были мною произнесены или написаны. Насколько ссылки ошибочны, видно хотя бы из того, что в момент, когда де Ман произносил свою речь, я не имел еще случая где бы то ни было сказать ни слова о "Плане труда".

Если редакция считает, что мое мнение об этом "плане" может представить интерес для бельгийских рабочих, читателей "Пэпл", - а двукратная ссылка на меня дает мне некоторое право так думать, - то я готов высказать на столбцах "Пэпл" свою оценку "Плана труда" и связанных с ним экономических и политических проблем. Я думаю, что мог бы это сделать с необходимой полнотой в рамках двух или трех статей. Поскольку пролетарских читателей может интересовать лишь такая критика, которая высказана с полной откровенностью, мое предложение предполагает готовность с вашей стороны предоставить мне полную свободу изложения.

Так как мы принадлежим к двум непримиримым течениям политической мысли, то вы, разумеется, несколько не обязаны предоставлять место моим статьям. Но и советское правительство, в состав которого я в то время входил, не было обязано предоставить Вандервельде право защиты на советской территории, в Москве, террористов, совершавших покушения на представителей советской власти⁴⁰³. Мы предоставили, однако, такое право по соображениям политической целесообразности. Может быть, и вы сочтете целесообразным вместо неправильных ссылок на меня дать возможность мне самому высказаться перед вашей аудиторией.

Л. Троцкий

9 января 1934 г.

"План труда".

Бельгийской секции коммунистов-интернационалистов

(большевиков-ленинцев)

Дорогие товарищи!

Нет надобности говорить вам, что я с величайшим вниманием изучал в течение последних дней присланные вами газеты, журналы, протоколы, письма и проч. Благодаря прекрасному подбору материала я имел возможность в сравнительно короткий срок ознакомиться как с вопросом в целом, так и с существом разногласий, возникших в вашей организации. Строго принципиальный и свободный от всяких личных заострений характер вашей дискуссии дает самое выгодное представление об общем духе вашей организации, об ее морально-политическом уровне. Остается выразить горячее пожелание, чтобы

этот дух не только сохранился и укрепился в бельгийской секции, но стал бы господствующим во всех наших секциях без изъятия.

Те соображения, которые я хочу высказать дальше по существу спорного вопроса, не могут претендовать ни на полноту, ни на законченность. Я удален от театра действий. Такой важный фактор, как настроение масс, нельзя уяснить себе по одним газетам и документам: нужно пощупать пульс рабочих собраний, что мне, увы, недоступно. Однако, поскольку дело идет [об] общих принципиальных советах, положение наблюдателя со стороны имеет, может быть, некоторые преимущества, так как дает возможность отвлечься от деталей и сосредоточиться на главном.

Перехожу теперь к существу дела.

Прежде всего - это я считаю центральным пунктом - я не вижу оснований, которые заставляли бы нас отказаться от лозунга: "Пусть бельгийская рабочая партия берет власть!" Когда мы выдвигали впервые этот лозунг, мы все, конечно, отдавали себе ясный отчет в характере бельгийской социал-демократии, которая не хочет и не умеет бороться, которая привыкла в течение десятилетий играть роль буржуазного тормоза при пролетарском паровозе, которая боится власти вне коалиции, ибо буржуазный союзник ей необходим, чтобы иметь возможность отклонять требования рабочих. Все это мы знали. Но мы знали также, что не только капиталистический режим в целом, но и его парламентская государственная машина вошла в стадию острого кризиса, который заключает в себе возможность как быстрых (сравнительно) смен настроений народных масс, так и быстрое чередование парламентских и правительственных комбинаций. Если принять во внимание, что бельгийская социал-демократия вместе с реформистскими синдикатами безусловно господствует в пролетариате при полном ничтожестве бельгийской секции Коминтерна и при крайней слабости революционного крыла, то совершенно ясно, что вся политическая обстановка должна подсказывать пролетариату мысль о социал-демократическом правительстве. Мы заранее считали, что создание такого правительства было бы несомненным шагом вперед. Не в том, разумеется, смысле, что правительство Вандервельде, де Мана и К||- способно сыграть прогрессивную роль в деле смены капитализма социализмом, а в том смысле, что опыт социал-демократического правительства имел бы в данных условиях весьма прогрессивное значение для развития революционного сознания пролетариата. Лозунг социал-демократического правительства рассчитан, таким образом, не на какую-либо исключительную конъюнктуру, а на более или менее длительный политический период. Отказаться от этого лозунга мы могли бы лишь в том случае, если бы социал-демократия - до своего прихода к власти - начала быстро ослабевать, уступая свое влияние революционной партии; но, увы, сегодня такая перспектива является чисто теоретической. Ни общая политическая обстановка, ни соотношение сил внутри пролетариата ни в каком случае не оправдывают отказ от лозунга - власть социал-демократии!

Во всяком случае, не план де Мана, высокопарно называемый "Планом труда" (вернее бы назвать: план обмана тружеников), может нас побудить

отказаться от центрального политического лозунга данного периода. "План труда" должен явиться новым (или подновленным) орудием буржуазно-демократического (или хотя бы полудемократического) консерватизма. Но вся суть в том, что исключительная острота обстановки, крайнее приближение опасностей, угрожающих самому существованию социал-демократии, вынуждают ее против ее воли хвататься за обоюдоострое оружие, весьма рискованное с точки зрения демократического консерватизма.

Потеряно навсегда динамическое равновесие капитализма. Трещит и рушится равновесие парламентской системы. И наконец - это звено той же цепи - начинает шататься консервативное равновесие реформизма, который для спасения буржуазного режима вынужден публично отречься от него. Такая обстановка таит в себе большие революционные возможности (наряду с опасностями). Мы не должны отказываться от лозунга власти социал-демократии, а, наоборот, придать этому лозунгу как можно более боевой и острый характер.

Незачем в нашей среде говорить, что в агитации за этот лозунг не должно быть и тени фальши, притворства, смягчения противоречий, дипломатничания, фальшивого или условного доверия. Предоставим левым социал-демократам пускать в дело масло и мед (в духе Спаака404). Мы будем по-прежнему применять уксус и перец.

В присланных мне материалах встречается то мнение, что рабочие массы относятся к "Плану труда" с полным безразличием, вообще находятся в стадии угнетенности и что в этих условиях лозунг "власть социал-демократам" способен только породить иллюзии, чтобы затем вызвать разочарование. Не имея возможности составить себе отсюда ясное представление о настроении бельгийского пролетариата в лице разных его слоев и групп, я вполне допускаю, однако, возможность известной нервной усталости и пассивности рабочих. Но, во-первых, само это настроение не является окончательным: оно должно иметь скорее выжидательный, чем безнадежный характер. Никто, конечно, в нашей среде не думает, что бельгийский пролетариат уже на годы не способен к борьбе. Настроений горечи, ненависти, ожесточения накопилось в его среде очень много, и они ищут выхода. Чтобы спастись от гибели, самой социал-демократии необходимо некоторое движение рабочих. Ей нужно поугагать буржуа, чтоб сделать их сговорчивей. Она, конечно, смертельно боится того, что движение перерастет через ее голову. Но при полном ничтожестве Коминтерна, слабости революционных групп, социал-демократия под свежим влиянием немецкого опыта ждет непосредственной опасности справа, а не слева. Без этих предпосылок лозунг "власть социал-демократии" вообще не имел бы никакого смысла.

Что план де Мана и связанная с ним агитация социал-демократии сеют иллюзии и вызовут разочарования, в этом ни для кого из нас не может быть сомнения. Но социал-демократия, ее влияние в пролетариате и ее план, ее рождественский съезд, ее агитация являются объективными фактами: ни устранить их, ни перескочить через них мы не можем. Наша задача двойная: во-первых, разъяснить передовым рабочим политический смысл "плана", т. е.

расшифровывать маневры социал-демократии на всех этапах; во-вторых, показывать как можно более широким кругам рабочих на деле, что, поскольку буржуазия пытается препятствовать осуществлению плана, мы боремся рука об руку с ними, чтобы помочь им проделать опыт. Мы разделяем все трудности борьбы, но не ее иллюзии. Наша критика иллюзий должна, однако, не закреплять пассивность рабочих, не давать ей мнимое теоретическое оправдание, а, наоборот, толкать рабочих вперед. При этих условиях неизбежное разочарование в "Плане труда" будет означать не углубление пассивности, а, наоборот, переход рабочих на революционный путь.

Самому "плану" я хочу в ближайшие дни посвятить особую статью. Здесь ввиду крайне спешного характера этого письма я вынужден ограничиться немногими словами. Прежде всего, я считаю неправильным сближение этого плана с экономической политикой фашизма. Национализация кредита и известных отраслей тяжелой и энергетической промышленности не включает в себе ничего фашистского. Поскольку фашизм выдвигает (до завоевания власти!) лозунги национализации в целях борьбы со "сверхкапитализмом", он просто обкрадывает фразеологию социалистической программы. В плане де Мана мы имеем - при буржуазном характере социал-демократии - программу государственного капитализма, которую сама социал-демократия выдает, однако, за начало социализма и которая действительно может превратиться в начало социализма - против социал-демократии.

В пределах самой экономической программы ("План труда") мы должны, по моему мнению, выдвинуть на первое место три пункта:

а) О выкупе. Абстрактно рассуждая, социалистическая революция не исключает всех и всяких видов выкупа капиталистической собственности. Маркс высказывался некогда в том смысле, что хорошо было бы "откупиться от этой банды" (от капиталистов). До мировой войны это было еще более или менее возможно. Но если принять во внимание нынешнее расстройство экономической системы, национальной и мировой, и обеднение народных масс, то выкуп представляется пагубной операцией, которая должна была бы на первых же порах создать для нового режима совершенно непосильные тяготы. Это мы можем и должны - с цифрами в руках - сделать понятным каждому рабочему.

б) Наряду с экспроприацией без выкупа мы должны выдвинуть лозунг рабочего контроля. Вопреки де Ману (см. *Le mouvement syndicale belge* 405, 1933, No 11, стр. 297), национализация и рабочий контроль вовсе не исключают друг друга. Даже если бы правительство было архилевое и преисполненное лучших намерений, мы будем стоять за контроль рабочих над производством и обращением: мы не хотим бюрократического управления национализированной промышленностью, мы требуем прямого участия в контроле и управлении самих рабочих через заводские комитеты, профессиональные союзы и проч. Только так мы заложим в рамках государственного капитализма опорные базы пролетарской диктатуры в хозяйстве.

в) План ничего не говорит о земельной собственности как таковой. Здесь необходим лозунг, рассчитанный на сельскохозяйственных рабочих и беднейших

крестьян. По этому сложному вопросу я постараюсь, однако, высказаться особо.

Теперь необходимо перейти к политической стороне плана. Здесь, естественно, выдвигаются два вопроса: а) методы борьбы за осуществление плана (в частности, вопрос о легальности и нелегальности) и б) отношение к мелкой буржуазии города и деревни.

В своей программной речи, напечатанной в органе синдикатов, де Ман категорически отвергает революционную борьбу (всеобщую стачку и восстание). Да и можно ли ждать от этих людей иного? Каковы бы ни были отдельные оговорки и поправки, предназначенные, главным образом, для утешения левых простачков, официальная позиция партии остается позицией парламентарного кретинизма. По этой линии должны направляться главные удары нашей критики, - не только против партии в целом, но и против ее левого крыла (смотри ниже). Эта сторона вопроса - о методах борьбы за национализацию - одинаково резко и правильно подчеркивается обеими сторонами в вашей дискуссии, так что мне незачем на ней дольше останавливаться.

Отмечу только один "маленький" пункт. Могут ли эти люди всерьез думать о революционной борьбе, когда они в душе являются... монархистами? Большая ошибка думать, будто королевская власть в Бельгии есть фикция. Во-первых, эта "фикция" стоит денег и должна была бы быть устранена уже по соображениям экономии. Но не в этом главная сторона дела. В эпоху социального кризиса призраки нередко обрастают плотью и наливаются кровью. Ту самую роль, которую в Германии на наших глазах сыграл Гинденбург, стремленной Гитлера, в Бельгии может сыграть король - по примеру и образцу своего итальянского коллеги. Ряд жестов бельгийского короля за последний период явно намечают этот путь. Кто хочет бороться против фашизма, должен начать с борьбы за ликвидацию монархии. Нельзя позволять социал-демократии в этом вопросе прятаться за всякими уловками и оговорками.

Революционная постановка вопросов стратегии и тактики вовсе не значит, однако, что наша критика не должна проникнуть вслед за социал-демократией и в ее парламентское убежище. Новые выборы предстоят лишь в 1936 году: до этого времени капиталистическая реакция, в союзе с голодом, может трижды свернуть шею рабочему классу. Этот вопрос необходимо со всей резкостью ставить перед рабочими социал-демократами. Чтобы ускорить новые выборы, есть только один путь: сделать невозможным функционирование нынешнего парламента посредством резкой оппозиции, переходящей в парламентскую обструкцию. Вандервельде, де Мана и К^{||} надо бичевать не только за то, что они не развивают революционной внепарламентской борьбы, но и за то, что их парламентская деятельность ни в какой мере не служит подготовке, приближению и осуществлению их собственного "Плана труда". Противоречие и фальшь в этой области будут наиболее понятны среднему социал-демократическому рабочему, который не дорос еще до понимания методов пролетарской революции.

Вопрос об отношении к промежуточным классам имеет не меньшее значение. Смешно было бы обвинять реформистов за то, что они хотят завоевать мелкую буржуазию и как бы становятся тем "на путь фашизма". И мы хотим завоевать

мелкую буржуазию. Это одно из важных условий полного успеха пролетарской революции. Но... il y a fagots et fagots⁴⁰⁶, как говорит Мольер⁴⁰⁷. Уличный разносчик или бедный крестьянин есть мелкий буржуа. Но и профессор, средний чиновник с орденом, средний инженер - тоже мелкий буржуа. Между ними надо выбирать. Капиталистический парламентаризм (а другого парламентаризма не существует) привел к тому, что господа адвокаты, чиновники, журналисты выступают как патентованные представители голодающих ремесленников, уличных торговцев, маленьких чиновников и полупролетарских крестьян. А финансовый капитал водит за нос или просто подкупает парламентариев из среды мелкобуржуазных адвокатов, чиновников и журналистов.

Когда Вандеревльде, де Ман и К|| говорят о привлечении на сторону плана мелкой буржуазии, то они имеют в виду не ее массы, а ее патентованных "представителей", т. е. развращенных агентов финансового капитала. Когда мы говорим о завоевании мелкой буржуазии, то мы имеем в виду освобождение эксплуатируемых низов народа от его патентованных политических предателей. Ввиду отчаянного положения мелкобуржуазных масс населения старые мелкобуржуазные партии (демократические, католические и проч.) трещат по всем швам. Фашизм понял это. Он не искал и не ищет коалиции с обанкротившимися "вождями" мелкой буржуазии, а вырывает из-под их влияния массы, т. е. выполняет по-своему, в интересах реакции, ту работу, которую в России выполняли большевики в интересах революции. Именно так стоит сейчас вопрос и в Бельгии. Мелкобуржуазные партии или мелкобуржуазные фланги крупнокапиталистических партий обречены на исчезновение вместе с парламентаризмом, который создает для них необходимые подмости. Весь вопрос в том, кто поведет за собой угнетенные и обманутые мелкобуржуазные массы: пролетариат под революционным руководством или фашистская агентура финансового капитала.

Подобно тому, как де Ман не хочет революционной борьбы пролетариата и боится смелой оппозиционной политики в парламенте, которая могла бы привести к революционной борьбе, - точно так же он не хочет и боится действительной борьбы за мелкобуржуазную массу. Он понимает, что в ее толще кроются огромные запасы протеста, ожесточения, ненависти, могущие превратиться в революционную страсть, в грозные "эксцессы", т. е. в революцию. Вместо этого де Ман ищет парламентских союзников, потрепанных демократов, католиков, кумовьев справа, которые нужны ему как опора против возможных революционных "эксцессов" пролетариата. Эту сторону вопроса мы должны уметь разъяснять реформистским рабочим на повседневном опыте фактов. За тесный революционный союз пролетариата с угнетенными мелкобуржуазными массами города и деревни, но против правительственной коалиции с политическими "представителями" и предателями мелкой буржуазии!

Некоторые товарищи высказываются в том смысле, что самое выступление социал-демократии с "Планом труда" должно встряхнуть промежуточные классы и при пассивности пролетариата облегчить работу фашизма. Разумеется, если пролетариат не будет бороться, то фашизм победит. Эта опасность вытекает,

однако, не из плана, а из большого влияния социал-демократии и слабости революционной партии. Длительное участие немецкой социал-демократии в буржуазном правительстве проложило дорогу Гитлеру. Чисто пассивное воздержание Блюма от участия в правительстве тоже создаст предпосылки для роста фашизма. Наконец, провозглашение наступления на финансовый капитал без соответственной массовой революционной борьбы неизбежно ускорит работу бельгийского фашизма. Дело, следовательно, не в плане, а в предательской функции социал-демократии и в гибельной роли Коминтерна. Но поскольку общее положение и, в частности, судьба германской социал-демократии навязали младшей бельгийской сестре политику "национализации", постольку наряду со старыми опасностями открываются новые революционные возможности. Было бы величайшей ошибкой не видеть их. Надо уметь поразить врага его же собственным оружием.

Использовать новые возможности можно только при условии, если неутомимо выдвигать перед рабочими фашистскую опасность. Чтобы осуществить какой бы то ни было план, надо сохранить и укрепить рабочие организации. Надо, следовательно, прежде всего оградить их от фашистских банд. Худшей глупостью является надежда на то, что демократическое государство, хотя бы и возглавляемое социал-демократией, спасет от фашизма, запретив ему декретом организоваться, вооружаться и проч. Никакие полицейские запрещения не помогут делу, если сами рабочие не научатся справляться с фашизмом. Организация пролетарской обороны, создание дружин рабочей милиции является неотложной и первейшей задачей. Кто не поддерживает этого лозунга и не проводит его на деле, тот не заслуживает имени пролетарского революционера.

* * *

Теперь еще остается сказать о нашем отношении к левым социал-демократам. Здесь я меньше всего хочу сказать что-нибудь окончательное, ибо я не имел возможности следить до сих пор за эволюцией этой группировки. Но то, что я прочитал за последние дни (серия статей Спаака, его речь на съезде партии и проч.), произвело на меня неблагоприятное впечатление.

Когда Спааку надо охарактеризовать взаимоотношение между легальной и нелегальной борьбой, он в качестве авторитета цитирует... Отто Бауера, т. е. теоретика легальной и нелегальной импотенции. "Скажи мне, кто твои учителя, и я тебе скажу, кто ты". Но оставим область теории, обратимся к актуальным политическим вопросам.

Спаак принял за основу кампании план де Мана и голосовал за него без всяких оговорок. Можно сказать: Спаак не хотел дать Вандервельде и К|| возможности довести сейчас дело до раскола, т. е. выбросить из партии слабое, еще не организованное левое крыло; Спааг отступил, чтобы лучше прыгнуть. Может быть, таковы намерения Спаака, но судят политика не по намерениям, а по действиям. Осторожное поведение Спаака на конгрессе, его обязательство со всей решительностью бороться за выполнение плана, его

заявление о соблюдении дисциплины были бы сами по себе вполне понятны, если принять во внимание место левой оппозиции в партии. Но Спаак сделал нечто другое: он выразил моральное доверие Вандервельде и политически солидаризировался с де Маном в отношении не только абстрактных целей плана, но и конкретных методов борьбы.

Особенно недопустимый характер имели слова Спаака о том, что мы-де не можем требовать от вождей партии, чтобы они открыто сказали нам о своем плане действий, о своих силах и проч. Почему не можем? Из-за конспирации? Но если у Вандервельде и де Мана и есть конспирация, то не с революционными рабочими против буржуазии, а с буржуазными политиками против рабочих. Да никто и не требует оглашения конспиративных тайн на съезде! Нужно дать общий план мобилизации масс и перспективу борьбы. Своим заявлением Спаак прямо-таки помог Вандервельде и де Ману уклониться от ответа на важнейшие вопросы стратегии. Здесь уже можно по праву говорить о конспирации вождя оппозиции с вождями большинства против революционных рабочих. Тот факт, что Спаак увлек на путь центристской доверчивости и "Социалистическую гвардию молодежи", еще более отягощает его вину.

Брюссельская федерация внесла на съезде "левую" резолюцию по поводу конституционной и революционной борьбы. Резолюция очень слаба, имеет юридический, а не политический характер, написана адвокатом, а не революционером (если де буржуазия нарушит конституцию, то и мы...). Вместо серьезной постановки вопроса о подготовке революционной борьбы, "левая" резолюция преподносит литературную угрозу по адресу буржуазии. Но что произошло на конгрессе? После пустейших заявлений де Мана, который, как мы знаем, считает революционную борьбу вредным мифом, брюссельская федерация покорно сняла свою резолюцию. Люди, которые так легко удовлетворяются пустыми и лживыми фразами, не могут почитаться серьезными революционерами. Наказание не замедлило. На другой же день "Пэпль" комментировал резолюцию съезда в том смысле, что партия будет строго придерживаться конституционных рамок, т. е. будет "бороться" в тех пределах, какие ей укажет финансовый капитал при содействии короля, судей и полиции. Орган левых "Аксион Социалист"⁴⁰⁸ буквально ударился поэтому в слезы: ведь вчера же, только вчера, "все" были единодушны на счет брюссельской резолюции, почему же сегодня?.. Смешные причитания! "Вчера" левых обманули, чтобы побудить их снять резолюцию. А "сегодня" тертые бюрократические ловкачи дали злополучной оппозиции щелчок по носу. Поделом! Так всегда делаются эти дела. Но это только цветочки - ягодки будут впереди.

Не раз уже бывало, что социал-демократическая оппозиция развивала чрезвычайно левую критику, пока это ее ни к чему серьезному не обязывало. Но когда наступали ответственные часы (массовое стачечное движение, угроза войны, опасность государственного переворота и проч.), так оппозиция немедленно же спускала знамя, открывала запятанным вождям партии новый кредит доверия и доказывала тем, что она сама - плоть от плоти реформизма. Сейчас социалистическая оппозиция в Бельгии подвергается первому серьезному

испытанию. Приходится сказать, что она сразу же сильно поскользнулась. Мы должны внимательно и без предвзятости следить за ее дальнейшими шагами, не преувеличивая в критике, не сбиваясь на нелепую трескотню о "социал-фашизме", но и не делая себе никаких иллюзий насчет действительного теоретического и боевого закала этой группировки. Чтобы помочь лучшим элементам левой оппозиции продвинуться вперед, надо открыто высказывать то, что есть.

* * *

Я очень спешу с этим письмом, дабы оно могло оказаться в ваших руках еще до совещания 14 января: отсюда неполнота и, может быть, недостаточная систематичность изложения. В заключение позволю себе выразить горячую уверенность в том, что ваша дискуссия закончится дружным решением, которое обеспечит полное единство действий. Вся обстановка предопределяет в ближайший период серьезный рост вашей организации. Если вожди социал-демократической оппозиции капитулируют окончательно, руководство революционным крылом пролетариата ляжет целиком на вас. Если, наоборот, левое крыло реформистской партии продвинется вперед, в сторону марксизма, вы найдете в его лице боевого союзника и мост к массам. При условии ясной и единодушной политики ваш успех полностью обеспечен. Да здравствует бельгийская секция большевиков-ленинцев!

Г. Г[уров]

9 января 1934 г.

САП, ЛКИ409 и Четвертый Интернационал

Дорогие товарищи,

Ваше письмо от 27 декабря затрагивает несколько вопросов как частных, так и общих. Я постараюсь на них ответить с возможной полнотой.

Вам известна история возникновения и развития САП. Оппозиционное крыло социал-демократии после раскола с партией получило возможность прогрессивного развития. Меньшинство брандлерянцев, отколовшись от своей организации, получило возможность движения вперед. Эти две группы сбилизались как своими положительными (разрыв со старой бюрократией), так и своими отрицательными сторонами (теоретическая неоформленность, отсутствие ясной стратегической концепции и проч.). Эволюция САП была, однако, механически оборвана переворотом наци. Отсюда у некоторых вождей САП сложилось совершенно неправильное представление как о политическом значении их собственного опыта, так и об условиях формирования революционной партии вообще.

Борьба САП против Коммунистической лиги имеет уже не прогрессивный, а консервативный характер: это борьба за сохранение своей неоформленности, за свое право не додумывать политические идеи до конца. Как всегда бывает в таких случаях, в сознании товарищей из САП эта борьба переломляется, как

борьба против нашего "сектантства". Революционная организация, кадры которой не впитали в плоть и в кровь стратегические уроки последнего десятилетия, не будет в нынешних условиях обладать необходимой силой сопротивления разрушительным тенденциям и во всяком случае окажется неспособной вести за собой действительные массы.

Для определения сектантства вожди САП пользуются не марксистским, а тред-юнионистским критерием, т. е. мерилom голого числа, "массы". Им чуждо понимание законов перехода принципиального качества в массовое количество; они не задумывались над необходимыми для такого перехода объективными и субъективными предпосылками.

Почему - так говорят нередко товарищи из САП - левая оппозиция при правильных принципах, марксистском анализе событий и проч[ем] так изолирована? Ясно: ей не хватает искусства помолчать о собственных принципах и приспособиться к чужим. Эта аргументация до конца разоблачает антиисторическое, антидиалектическое, вульгарное мышление самих критиков. Наши великие учителя Маркс и Энгельс были с 1850 до 1864 года в условиях ужасающей политической изоляции. Русские революционеры с Лениным во главе были жестоко изолированы с 1907 до 1912 года, и уже в начале 1914 года изоляция приняла почти герметический характер. Наши маловдумчивые критики упускают следующие немаловажные факты:

а) русская левая оппозиция, которая выражала наиболее последовательно динамические тенденции русского пролетариата, должна была ослабевать по мере того как из революции выросла бюрократия, которая оттесняла пролетариат на задний план;

б) левая оппозиция, которая выражала связь Октябрьской революции с международной, должна была ослабевать по мере того как обнаруживалась слабость международной революции;

в) левая оппозиция получила первый жестокий удар сейчас же вслед за капитуляцией германской компартии в 1923 году; поражение польского пролетариата и английской всеобщей стачки в 1926 году, ослабляя мировой пролетарский авангард, ослабляло левую оппозицию, авангард этого авангарда; крушение китайской революции в 1927 году окончательно склонило чашу весов в пользу теории и практики "социализма в отдельной стране"; наконец, если не останавливаться на целом ряде промежуточных событий того же типа, германская катастрофа 1933 года нанесла жесточайший удар мировому пролетариату. На фоне этих небывалых исторических поражений оппозиция могла своим теоретическим анализом воспитывать немногочисленные кадры, но не вести за собою массы.

г) Упадок и деморализация Коминтерна не могли не компрометировать в глазах широких рабочих масс все революционные группировки, особенно связанные с Коминтерном своим происхождением.

д) Наконец, надо присоединить одиннадцатилетнюю кампанию клеветы, организованную сталинской бюрократией во всем мире. Вряд ли во всей политической истории человечества можно найти травлю столь богатую финансовыми средствами и аппаратом, столь систематическую и упорную, столь

отравленную по содержанию и в то же время прикрытую авторитетом первого рабочего государства.

На все эти "мелочи" вожди САП закрывают глаза. Они забывают к тому же указать, где та другая революционная группировка, рядом с нами, которая за этот период обнаружила способность вести за собой массы? Если те или другие организации, в частности и сама САП, имели частные, часто эмпирические, по сути дела, эпизодические и поэтому крайне неустойчивые "успехи", то они в этом в огромной степени обязаны критической и политической работе левой оппозиции.

Наконец - практически сейчас это самое важное, - сотни и тысячи фактов показывают тому, кто умеет разбираться в политических симптомах, что левая оппозиция уже прорвала кольцо блокады, что ее идеи самыми различными путями проникают в самые разнообразные круги рабочего класса и готовят торжество революционного марксизма на новой исторической ступени. К числу таких симптомов относится и поведение самой САП. Если правой рукой она вместе с Транмелем подписала двусмысленную дипломатическую и потому вредную резолюцию, то левой рукой она сочла себя вынужденной подписать вместе с нами декларацию в пользу Четвертого Интернационала - единственный прогрессивный революционный документ последнего периода. Разумеется, этот документ не произвел сразу чудес: но он проложит себе дорогу, несмотря даже на колебания тех или других из числа подписавших его.

Чтобы обосновать свое право на идейную неоформленность, вожди САП изобрели особую теорию, которую можно формулировать словами: "не высказывать то, что есть". Этот принцип, противоречащий всему тому, чему нас учили Маркс, Энгельс, Ленин и чему нас учит наш собственный опыт, основан на бессознательном или полубессознательном смешении педагогически-агитаторского подхода к данной группе, в данном частном случае, с принципиальной позицией партии по отношению к пролетариату, другим партиям, историческим событиям. На собрании рабочих монархистов и католиков я буду с осторожностью подходить к алтарю и трону. Но в программе партии и во всей ее политике отношение к религии и монархии должно быть сформулировано с полной отчетливостью. На собрании реформистского профессионального союза я, как член союза, могу быть вынужден не все договаривать; но партия в целом в своих газетах, публичных собраниях, брошюрах, воззваниях обязана договорить все. Если полицейские условия вынуждают легальную печать к осторожным формулировкам, партия обязана иметь также и нелегальную прессу. Когда марксисты требуют "высказывать то, что есть", то они имеют в виду не каждую отдельную речь в той или иной специальной обстановке, а политику партии в целом. Партия, которая по "тактическим" соображениям скрывает свою позицию, не есть революционная партия, ибо она отталкивает передовых рабочих, приспособляясь к предрассудкам отсталых. Между тем перевоспитать отсталых можно только через передовых.

Даже и на отдельном собрании, при всем необходимом такте в подходе к данной группе, нельзя забывать, что в ее среде имеются рабочие разных

уровней и что если необходимо приспособляться к отсталым в способе изложения, то недопустимо приспособлять к ним политическую позицию. Так, например, не может быть сейчас ни одного массового политического собрания, где революционный марксист не обязан был бы в той или другой форме выдвинуть идею Четвертого Интернационала. Даже если сегодня этот лозунг захватит всего несколько единиц, это все же неизмеримо важнее и плодотворнее, чем повторять общие фразы или давать хотя бы и правильную критику, но без ясных и обязывающих выводов. Во всяком случае никакие "тактические" соображения не могут позволить брататься и лобызаться пред лицом рабочих с политическими мошенниками и предателями.

Важнейшие стратегические уроки десятилетия мы формулировали в виде известных вам 11 пунктов. Эти конспективные тезисы опираются на долгую коллективную работу международной левой оппозиции. Прежде чем рассуждать о "сектантстве", надо определить свое отношение к основным проблемам, сформулированным в 11 пунктах. Именно этого мы всегда требовали от товарищей из САП и продолжаем требовать сегодня. Без точной критики нашей принципиальной позиции и вытекающих из нее методов, обвинение в "сектантстве" остается пустым звуком.

Если бы вожди САП изучили по документам, продумали, продискутировали трагический опыт Англо-русского комитета, имевший историческое значение, они не проделывали бы теперь опыт своего "немецко-норвежского комитета", бледной копии печального оригинала. Можно было бы без труда показать, что все доводы в защиту беспринципного и безнадежного блока с Транмелем представляют собой лишь повторение, почти дословное, доводов Сталина, Бухарина, Лозовского в защиту блока с Перселем и Ситриным. Невнимание к теории, которая есть только обобщенная практика прошлого, мстит за себя жестоко и в данном случае.

От некоторых наших союзников можно иногда слышать такой упрек: левая оппозиция достаточно реалистически анализирует обстановку и выдвигает правильные лозунги; но почему же она с такой "сектантской" непримиримостью относится к организациям, стоящим вне Второго и Третьего Интернационалов? Почему она требует от них "стопроцентного" марксизма? За этим очень характерным упреком скрывается целое мирозерцание, в котором вряд ли найдется хотя бы 51% марксизма. Революционная партия должна, конечно, самым внимательным образом изучать объективную обстановку, чтобы не принимать собственных желаний за настроения массы. Но партия может использовать объективные условия и завоевать руководство массой лишь при условии собственной принципиальной сплоченности, боевого единодушия, несокрушимой дисциплины. Партия пролетариата есть главнейший исторический инструмент нашей эпохи. Инструмент должен быть сделан из лучшей стали, хорошо закален, остро наточен. Только при наличии такого инструмента можно с успехом работать над сырым историческим материалом. Реалистическое изучение объективных условий, с одной стороны, непримиримая строгость в отношении собственной партии, с другой, представляют собой две органически нераздельные стороны марксизма. Без научной ориентировки, без учета

состояния масс, без внимания к внешним препятствиям возможна лишь политика сектантства и авантюризма. Без повседневной борьбы за принципиальную чистоту и непримиримость партии возможно только мелкобуржуазное барахтанье в волнах истории.

Вы знаете, вероятно, что вместе с моими ближайшими немецкими друзьями я стоял за скорейшее слияние с САП, надеясь на то, что совместный опыт, наряду со взаимной критикой, ускорит воспитание объединенной организации. Но вожди САП, после первых колебаний, уклонились от слияния. Ближайшим поводом послужил для них вопрос о Норвежской рабочей партии (или о Лондонском бюро, что практически одно и то же). Для того чтобы иметь возможность продолжать свой безрадостный роман с Транмелем, они отказались от слияния с нами.

Чтобы прикрасить эту неприглядную действительность, выдвинута была особая "теория": чрезмерное влияние отдельного "лица", опасность "личного" режима и проч. С точки зрения марксизма, лица вредны или полезны в зависимости от того, какие идеи и методы они представляют. К несчастью или к счастью ни у кого из нас нет в распоряжении других средств, кроме средств идейного воздействия: т. е. ни государственной власти, ни связанной с ней кассы, ни наемной агентуры. В этих условиях мнимый страх перед "лицом" есть на самом деле страх перед определенными идеями. Полувраждебность по отношению к принципам левой оппозиции идет рука об руку со стремлением сохранить свое право на бесформенность, которая будто бы способна развить большую притягательную силу для "масс".

Для оправдания тяги к Транмелю, Маурину и им подобным (разумеется, о, разумеется, в интересах "масс") была пущена в оборот легенда, будто мы ставим себе целью "скомпрометировать" вождей САП и оторвать от них их сторонников. Разумеется, всякая идеологическая и политическая борьба заключает в себе опасность понижения авторитета тех вождей, которые упорствуют в ошибках и прикрывают доводами *ad hominem*⁴¹⁰ (от личности) свою половинчатость. Именно потому я и настаивал на слиянии, чтобы необходимая дискуссия могла развиваться спокойно и дружественно в рамках одной организации. Мысль о каких-либо искусственных мерах для "компрометирования" и "устранения" вождей САП настолько нелепа, что на ней не стоит и останавливаться. Мы слишком хорошо знаем, как мы сейчас бедны квалифицированными революционными работниками и меньше всего склонны поэтому искусственно уменьшать их число. Да и какие к этому могут быть мотивы? На самом деле, те товарищи, которые не хотят расстаться со своей половинчатостью, ощущают критику половинчатости как злонамеренную личную критику. Так бывает всегда.

Так или иначе, но слияние на данной стадии оказалось неосуществимым. Наша немецкая секция должна, разумеется, вернуть себе полную организационную свободу. Означает ли это разрыв с САП в области подготовки Четвертого Интернационала? Нет, это было бы очень неправильным. Формирование нового Интернационала есть очень сложный процесс, в котором деятельность Международной коммунистической лиги займет, как я надеюсь, большое место, но

все же не единственное. Вы выражаете пожелание, чтобы Лига стала осью кристаллизации всех тех революционных элементов, которые порвали со Вторым и Третьим Интернационалами. Эта формулировка правильна, но, как вы понимаете сами, не полна. Надо еще прибавить молодежь, не принадлежащую ни к одному из Интернационалов и составляющую великий резерв будущего. Но и присоединение групп, откалывающихся от старых Интернационалов, нельзя себе представлять слишком прямолинейно. Ведь и члены САП откололись от двух старых Интернационалов, приблизились к нам, но остановились нерешительно на известном расстоянии от нас. Значит ли это, что мы должны отказаться от попыток совместной работы с ними? Это было бы действительно сектантством, в духе бордигистов, которые думают так долго сосать свой собственный палец, пока история не одумается и не призвет их руководить ею. Пропаганда идей левой оппозиции, рекрутирование новых и новых сторонников, лиц и групп в ряды Коммунистической лиги, агитация в массах под лозунгом Четвертого Интернационала, воспитание собственных кадров, углубление теоретических позиций, - такова наша основная работа в ближайший исторический период. Но эта работа не исключает сближения, соглашения, блока с приближающимися к нам организациями, которые хотят работать над созданием нового Интернационала.

Правда, вожди САП за последнее время все больше проявляют дружелюбие направо, по отношению к центристам и даже реформистам, и недружелюбие по отношению к нам. Если бы эволюция и дальше пошла по тому же направлению, то это означало бы, конечно, разрыв САП с нами, а вместе с тем и неизбежное крушение самой САП, ибо, как уже сказано выше, силой сопротивления разлагающим тенденциям нашей эпохи может обладать только принципиально закаленная организация, стоящая под международным контролем. Я не думаю, однако, что дело с САП обстоит безнадежно. Если не помогли или не достаточно помогли наши доводы, то спасительное действие должны оказать действия "друзей" справа. Можно не сомневаться, что Транмель и К|| дадут в ближайшее время несколько предметных уроков утопистам, которые думают, что искусным лавированием можно превратить врагов в друзей.

Объявить уже сегодня новый Интернационал созданным было бы незаконной претензией, чтобы не сказать авантюризмом. Вы этого, конечно, и не требуете. Мы лишь воздвигаем фундамент и строим леса. Но над этими лесами мы теперь же, немедленно поднимаем знамя Четвертого Интернационала, дабы все знали, какое именно здание возводится. Если кто-нибудь из участников строительства придет завтра к выводу, что работа ему не по силам или не по вкусу, мы пожалеем и - продолжим воздвигать стены. Мы готовы во всех практических вопросах идти на разумные уступки в интересах согласованной работы: но судьбу Четвертого Интернационала мы нисколько не ставим в зависимость от доброй воли тех или других союзников.

Сейчас мы вырабатываем документы по основным вопросам пролетарской стратегии, в первую голову - об отношении к войне. Мы приложим все усилия к тому, чтобы добиться в этом вопросе единодушия с нашими союзниками. Если это не удастся, мы выпустим документы от собственного имени. Жизнь не ждет.

Давать своевременно марксистские ответы на события это значит строить новый Интернационал.

Какова должна была бы быть ваша позиция в местных условиях? Я думаю надо начать с принципиального самоопределения. Так как дела стоят сегодня (не по нашей вине), вам надо выбирать между лигой и САП. Из вашего письма видно, что ваша группа не определила своей позиции в вопросе о Норвежской рабочей партии, Лондонском бюро и проч. Между тем эти и аналогичные им вопросы будут в течение ближайших месяцев служить пробным камнем для определения правильной марксистской линии. Вы обязаны определить свою позицию. Разумеется, не непременно в 24 часа: нужно изучить документы, собрать необходимую информацию, сопоставить сегодняшний вопрос с опытом Англо-русского комитета и проч. Если всего этого окажется мало, придется отложить окончательное решение до новых событий, которые принесут проверку. В том, что новые события будут в этом вопросе, как и во всех больших вопросах, работать за коммунистов-интернационалистов, у меня лично нет ни малейшего сомнения. Незачем говорить, что я хотел бы заразить этой уверенностью и вас, чтобы привлечь вас полностью в наши ряды.

С интернациональным коммунистическим приветом

Л. Троцкий

11 января 1934 г.

Резолюция И[нтернационального] С[екретариата] по поводу постановления Национального Комитета большинства британской секции от 17 декабря 1933 года⁴¹¹

Большинство британской секции выразило пожелание, чтобы его постановление было разослано всем секциям. Так как это постановление заключает в себе ряд серьезных ошибок, то мы считаем необходимым снабдить его нижеследующими критическими замечаниями.

Нац[иональный] комитет развивает главным образом ту мысль, что в организации должна соблюдаться дисциплина, основанная на подчинении меньшинства большинству. В таком общем виде мысль эта настолько же бесспорна, как и бессодержательна. Дисциплина не падает с неба. Ее надо воспитать. Подлинная дисциплина возможна лишь при условии авторитетного руководства, которое на ряде важных этапов доказало свою способность правильно оценивать обстановку и делать необходимые практические выводы. Британская секция одна из самых молодых секций; число членов ее не достигло сорока. Работа ее сводилась, главным образом, к индивидуальной пропаганде. При этих условиях не могло быть и речи о создании крепкого авторитетного руководства; путь к нему еще очень долгий путь.

Выдвигая на первый план вопрос формальной дисциплины, очень важный и сам по себе, Нац[иональный] комитет забывает, что дисциплина не ограничивается национальными рамками. И[нтернациональный] С[екретариат], представляющий все наши секции, которые насчитывают сейчас несколько тысяч

членов, высказался единогласно за вхождение британской секции в НРП. Опираясь на поддержку всех секций в этом вопросе, И[нтернациональный] С[екретариат] мог поставить вопрос с самого начала в плоскости формальной дисциплины. Почему он этого не сделал? Именно потому, что, оценивая заранее малую политическую опытность британской секции, он хотел избежать всего, что могло бы вызвать острый конфликт и поставить британскую секцию вне нашей организации. Наоборот, И[нтернациональный] С[екретариат] хотел дать возможность британской секции с наименьшими потрясениями перейти от чисто кружкового, пропагандистского периода к более широкой политической деятельности. К сожалению, Нац[иональный] комитет не понял британской обстановки, проявил сектантский консерватизм и довел дело до раскола. Политическая ответственность за раскол лежит полностью на большинстве, которое пренебрегло единодушными указаниями нашей интернациональной организации. К этому надо прибавить, что поведение Нац[ионального] комитета затрудняет сейчас выполнение своей задачи и меньшинству, солидарному в спорном вопросе с подавляющим большинством нашей интернациональной организации.

Особенно неприятно поражает тот тон, каким Нац[иональный] комитет говорит о других секциях и о нашей интернациональной организации в целом. Везде наблюдается будто бы непонимание принципов большевизма, отсюда - фракционные столкновения и проч. В противоположность этому один лишь Нац[иональный] комитет британской секции проводит правильную организационную политику. Непонимание реальных политических пропорций, характеризующее всякую консервативную группу, чрезвычайно опасно для дальнейшего развития группы большинства. Устранять фракционную борьбу посредством раскола - очень простое искусство, которое, однако, не имеет ничего общего с большевизмом и с марксизмом вообще, а является продуктом эпигонской карикатуры на большевизм. Именно такими методами Коминтерн погубил все секции и себя. Британская компартия была всегда самой слабой частью Коминтерна; наши британские товарищи не имели другого опыта, кроме опыта британской компартии, с тем большим вниманием они должны относиться к голосу других секций, которые работают на более широкой арене и накопили гораздо более значительный опыт.

Так или иначе, раскол есть факт. Раскол означает, что между двумя группами нет никаких организационных отношений. Не может быть и речи о том, чтобы Нац[иональный] комитет контролировал работу меньшинства, ибо такой контроль сделал бы эту работу невозможной. Обе группы примыкают отныне к интернациональной левой оппозиции на равных правах, при полной независимости друг от друга. Судьба каждой из групп определится ее дальнейшей работой. И[нтернациональный] С[екретариат] будет тщательно следить за деятельностью каждой из групп, с тем чтобы подготовить, если окажется возможным, их объединение на новой политической ступени.

Интернациональный Секретариат

23 января 1934 г.

[Письмо В.Буриану]412

23 января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Получил ваше письмо от 17-го января и сейчас же отвечаю на него. Я считаю заключенный договор вполне приемлемым и очень рад, что дело с успехом доведено до конца.

Что касается первого гонорара, то отчисленные⁴¹³ 15% А.И.Пфемферт должны быть посланы по следующему адресу: [...]414

Что касается фотографий, то, к сожалению, весь наш запас сгорел во время пожара на Принкипо. Много фотографий из эпохи русской революции имеется здесь у одного любителя-француза, но я не знаю, согласится ли он предоставить их в распоряжение издательства. Я еще наведу об этом справки.

Что касается назначения денег за статьи, то я предоставляю вопрос решить [...]415, который уже не раз протестовал против личных соглашений в этом вопросе. Я должен признать, что эти протесты с организационной точки зрения вполне основательны. Решение Секретариата вам будет сообщено немедленно.

Седьмой том Ленина вам будет послан завтра же, т. е. одновременно с этим письмом.

Ваш

Л.Троцкий

Комитету меньшинства британской секции

На ваше письмо от 7 января

Я полностью согласен с предложением И[нтернационального] С[екретариата], которое вы подвергаете критике в вашем письме от 5 января.

Мы все были согласны в том, что британская секция как таковая должна прекратить самостоятельное организационное существование после своего вхождения в НРП. Но вы раскололись. Вопрос сейчас идет не о секции, а о ее части. Существование организации большевиков-ленинцев вне НРП ни в каком случае не может вам мешать, раз вы открыто заявляете, что раскололись с этой организацией и вообще не связаны с ней и не подчиняетесь ее дисциплине. Такое заявление, вполне отвечающее действительному положению вещей, должно тем ярче показать всякому члену НРП лояльность ваших намерений.

Вы пишете, что вам неясны ваши будущие взаимоотношения с большинством секции. Из письма секретариата совершенно ясно, что не предполагается никаких организационных взаимоотношений.

Вы до сих пор еще не вошли в НРП, и, по-видимому, не сделали даже попытки в этом направлении. Это показывает, что вы теряете время из-за совершенно фиктивных соображений. Можете ли вы требовать от И[нтернационального] С[екретариата], чтобы он порвал с большинством секции, когда вы еще совсем не доказали делом, что можете действительно войти в НРП

и развернуть там полезную работу? А если НРП вас почему-либо не примет? Тогда вам необходимо будет снова объединиться с большинством секции. Совершенно неправильно поэтому требовать разрыва с той группой, которая остается вне НРП.

Ваша критика проекта декларации, предложенного И[нтернациональным] С[екретариатом], не кажется мне правильной. Прежде всего, И[нтернациональный] С[екретариат] вовсе не хотел, разумеется, связывать вас в каждом слове. Вместо того, чтобы затевать переписку и терять время, вы должны были сами внести в декларацию те или другие изменения. Но и по существу ваша критика пунктов "б" и "ф" не кажется мне правильной. Вы утверждаете, что у вас есть и другие разногласия с большинством, кроме отношения к НРП. Возможно. Но другие разногласия ни в каком случае не вызывали раскола. Только вопрос о НРП придал разногласиям чрезвычайную остроту. Для самой НРП важнее всего именно это разногласие. Наконец, И[нтернациональный] С[екретариат], разумеется, не стал бы возражать, если бы вы прибавили: "а также разногласия по некоторым другим вопросам". Нецелесообразно заводить переписку из-за таких деталей.

Еще менее серьезно возражение по пункту "ф". Никакого обязательства за большинство вы на себя не берете. Утверждать заранее, что они неспособны учиться на опыте, неправильно. Если не все научатся, то, может быть, часть, и проч.

Раскол может быть оправдан только вашим реальным успехом внутри НРП, иначе раскол окажется крупнейшей ошибкой, ответственность за которую ляжет на вас. В этом вы себе должны отдать совершенно ясный отчет. Вы должны в данный момент забыть о существовании большинства секции, войти в НРП и развернуть энергичную работу. Тогда все затруднения разрешатся сами собой.

С горячим пожеланием успешной работы

[Л.Д.Троцкий]

23 января 1934 [г.]

Серьезный успех!

Превращение "Нашего слова" в еженедельник есть крупный успех не только революционного крыла немецкой эмиграции, не только строящейся новой партии немецкого пролетариата, но и Четвертого Интернационала. Сила "Нашего слова" в том, что оно одновременно служит национальной и интернациональной задаче.

Некоторые мудрецы, ничего не понявшие в характере нашего века и ничему не научившиеся из побед и поражений пролетариата, пробуют рассуждать так: сперва построим национальную партию, а потом на твердом надежном фундаменте воздвигнем Интернационал. Это звучит чрезвычайно осторожно, серьезно, солидно, но на самом деле свидетельствует о филистерской близорукости. Возрождающееся революционное рабочее движение не начинает историю сначала, у него грандиозное прошлое, в основных своих чертах одинаковое для всех стран. Пролетариат всего мира был в течение десятилетий объединен Вторым

Интернационалом и профессиональными союзами. После войны мировой пролетарский авангард объединился под знаменем Третьего Интернационала. Не только мировой кризис, фашизм, опасность войны, но и упадок Коминтерна имеют международный характер. Ясно, что передовые пролетарские элементы во всех странах должны под действием одних и тех же общих причин искать выхода в одном и том же направлении. Могут ли они в таком случае отказываться от установления международных связей, от совместной разработки программных и стратегических вопросов, от обмена политическим опытом, наконец, от взаимной практической поддержки уже на первых шагах своей работы?

Некоторые мудрые тихоходы идут еще дальше и говорят: "Мы не хотим раскалывать свои ряды из-за вопросов о характере советского государства, о стратегии Коминтерна в китайской революции, о политике Англо-русского комитета и проч. и проч.; мы хотим "просто" помочь рабочим нашей страны вести классовую борьбу". Так рассуждают, например, инициаторы новой рабочей партии в Соединенных Штатах (СПЛА416 - Мосте417 и К||). Подобных же взглядов придерживаются вожди шведской Независимой коммунистической партии (Кильбом и др.), британской Независимой партии (Феннер Броквей и др.) и пр. Еще ниже, пожалуй, стоят в этом вопросе авторы немецкой брошюры "Начать заново". Можно ли представить себе врача, который сказал бы, что ему нет дела до основных теорий анатомии, физиологии, патологии, что он не хочет спорить и ссориться из-за новейших теорий рака или малярии, предпочитая "просто" лечить окружающих его больных. Такому жалкому тупице ни один мыслящий рабочий не вручил бы жизнь своего ребенка или свою собственную. Ни один капиталист, с другой стороны, не поручит строить большой завод инженеру, который не впитал в плоть и кровь основные теории технологии. Только в области политики, даже "революционной" политики, невежественное знахарство продолжает претенциозно выступать против научного метода. Трудно подчас бывает поверить, что "Манифест коммунистической партии" написан 85 лет тому назад!

Спорные вопросы, раскалывающие сейчас мировое рабочее движение, имеют не эпизодический, не тактический, а принципиальный, стратегический и тем самым интернациональный характер. Как бы ни были велики национальные особенности той или иной страны, но они определяют в нашу эпоху лишь тактику, а не стратегию рабочего класса. Значение тактики, разумеется, огромное; в последнем счете, вся стратегия разлагается на тактику. Но нельзя сделать ни одного правильного тактического шага, не имея стратегического компаса в руках. Нельзя ориентироваться в национальной обстановке, не оценив теоретически мировую обстановку, не сделав выводов из интернационального опыта рабочего класса, не наметив интернациональной перспективы, т. е. программы нового Интернационала.

Когда глубокомысленные люди говорят: "не спешите, теперь еще не время для Четвертого Интернационала", они с таким же успехом могли бы сказать: "не спешите, теперь еще не время для классовой борьбы". Ибо дело идет не о формальном моменте "провозглашения" нового Интернационала, а о строительстве

новой партии не как изолированного национального целого, а как составной части Интернационала.

Маленькое "Наше слово" есть сейчас единственный орган на всем поле немецкого рабочего движения, который правильно, серьезно, по-марксистски понял взаимозависимость тактики и стратегии национальной партии и нового Интернационала. Именно в этом лежит основной залог его успеха. В эпоху распада, брожения, растерянности политическая половинчатость может иногда одерживать крупные успехи, которые больше всего удивляют и ослепляют ее самое; но эти успехи не надежны, они исчезают вместе с политической конъюнктурой, которая их породила. Успехи "Нашего слова" другого порядка: это успехи метода, системы, марксистской ясности. Эти успехи крепки.

Друзья "Нашего слова" обязаны приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить еженедельный выход газеты, обогатить ее содержание, увеличить формат, расширить распространение, облегчить проникновение в Германию и подготовить, наряду с "Нашим словом", издание теоретического ежемесячника для разработки основных вопросов нашей эпохи, т. е. программы Четвертого Интернационала.

Горячий привет редакции, сотрудникам, администрации, читателям и друзьям "Нашего слова"!

Л.Троцкий

23 января 1934 г.

[Письмо В.Буриану]418

26-го января 1934 г.

Дорогой тов. Буриан,

Посылаю вам рукопись двух статей, которые на-днях будут напечатаны в ближайшем номере русского "Бюллетеня". Обе эти статьи не годятся для буржуазной печати. Но, может быть, они в том или другом виде пригодятся чешским товарищам. В качестве брошюры статья о XIII-ом пленуме419, пожалуй, слишком коротка.

Не можете ли вы мне сказать, что случилось с товарищем Шкандера420 и его группой? Одно время Шкандера находился со мной в активной переписке, переводил и издавал статьи и проч., а затем совершенно исчез с горизонта. Не случилось ли с ним чего-нибудь плохого?

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Клингу]

28 января 1934 г.

Дорогой тов. Клинг,

Я был очень рад узнать из Вашего письма, что вы за последний год стали активным работником американской Лиги и членом редакционной коллегии "Унзер Камф".

В Париже сейчас находится один из наиболее активных представителей нашей польской еврейской организации. Я с ним виделся один раз. Подробно говорил с ним о положении в Польше, а также о работе среди еврейских рабочих, и, в частности, передал ему вашу мысль об известной централизации пропаганды среди еврейских рабочих. Я говорю о пропаганде, так как активной политической деятельности в разных странах централизовать, разумеется, нельзя. Варшавский товарищ обещал подумать над этим вопросом и внести свои предложения в И[нтернациональный] С[екретариат]. О дальнейшем ходе этого дела вы будете, разумеется, извещены.

Что касается еврейского вопроса в целом, то он сейчас меньше, чем какой бы то ни было другой вопрос, может быть решен в порядке "реформ". Еврейский вопрос стал сейчас, как никогда, составной частью мировой пролетарской революции.

Что касается Биробиджана⁴²¹, то судьба его связана со всей дальнейшей судьбой Советского Союза. Дело здесь идет, во всяком случае, не о разрешении еврейского вопроса в целом, а лишь о попытке его разрешения для известной части евреев, живущих в СССР. Еврейский вопрос, вследствие всей исторической судьбы еврейства, интернационален. Он не может быть разрешен посредством "социализма в отдельной стране". Еврейские рабочие могут и должны в условиях нынешних гнуснейших и подлейших антисемитских преследований и погромов почерпнуть⁴²² революционную гордость в сознании того, что судьба еврейского народа может быть разрешена только полной и окончательной победой пролетариата.

С коммунистическим приветом

Ваш

Л.Троцкий

[Письмо Ф.Глассу]⁴²³

29 янв[аря] 1934 [г.]

Глассу

Дорогой товарищ,

Ваше письмо от 20 декабря и ваш доклад о положении в Китае представляют для нас огромный интерес. Я постараюсь использовать ваш доклад в том или другом виде для нашей интернациональной печати. Может быть, также для немецкого еженедельника "Ди Нейе Вельтбюне", редакция которого сочувствует нам.

О том, что тов. Гарольд Айзекс⁴²⁴, редактор "Чайна Форум"⁴²⁵, сочувствует левой оппозиции, я слышал уже раньше от приезжавших летом американцев, но только от вас я получил вполне определенные сведения.

Как ни трудно себе создать мнение по практическим вопросам издали, но я думаю все же, что вы правы, поскольку стремитесь как можно дольше продержаться в "Чайна Форум". До каких пределов можно, однако, идти в области компромиссов? Это очень деликатный вопрос. Если у вас есть серьезные

надежды на создание собственной базы, то допустимо, мне кажется, идти и на очень значительные уступки сталинцам, чтобы не сдать им преждевременно важные позиции, но если на собственную базу надежд нет, а сталинцы нажимают и повышают требования, то было бы политически неразумно держаться за жизнь ценой утраты смысла жизни.

В таком случае можно было бы, может быть, "покинуть с честью", т. е. выпустить последний боевой номер в духе левой опп[озиции]. Таковы самые общие соображения, кот[орые] я могу высказать отсюда и которые, вероятно, окажутся запоздавшими, пока дойдут до вас.

Я с благодарностью принимаю ваше в высшей степени ценное для меня предложение держать меня в курсе дел. Я пишу сейчас книгу о Ленине, в которой будет отведено значительное место влиянию личности и идей Ленина на Востоке. Может быть, вы или ваши друзья могли бы сообщить мне на этот счет какие-нибудь архивные факты и вообще материалы.

Мы разрабатываем сейчас программу Четвертого Интернационала, первоначально в виде тезисов по отдельным важнейшим вопросам. Незачем говорить, что вопросы Дальнего Востока, включая и империалистические антагонизмы на Тихом океане, должны занять в нашей программе важнейшее место. Ваш доклад о Китае я рассматриваю как первый вклад в эту работу. Крайне желательно, чтобы вы и тов. Айзекс дали в форме тезисов характеристику империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Если вы посетите Японию и Манчжурию, как сообщает тов. Аберн426, то крайне важно иметь от вас фактические данные и принципиальную оценку положения в этих странах.

Без вашего согласия мы не назовем вашего имени ни в одном из наших изданий, дабы не помешать "Чайна Форум".

Горячий привет вам и пожелание всяких успехов.

[Л.Д.Троцкий]

Красная Армия

Так называемый "ход событий", т. е. безличный фактор, в нужных случаях помогающий ответственным политикам установить свое алиби, явно ведет человечество навстречу новой войне. Два ее возможных очага обозначились уже с грозной отчетливостью: Дальний Восток и Центральная Европа. В обоих вариантах, которые могут, впрочем, легко слиться воедино, Советский Союз будет неизбежно вовлечен в водоворот событий. Эта перспектива ставит перед каждым мыслящим человеком, независимо от его симпатий и антипатий, вопрос: что представляет собою Красная Армия? Между тем политические страсти и тенденциозная информация слишком часто превращают этот вопрос в неразрешимую загадку.

Автор настоящих строк имел ближайшее отношение к строительству и воспитанию Красной Армии в первые семь лет ее существования; он наблюдал живым глазом и по первоисточникам за ее развитием в следующие четыре года;

за последний период, т. е. за пять лет эмиграции, он мог следить за ее эволюцией уже только в качестве внимательного читателя. Незачем напоминать, что факт вынужденной эмиграции связан с резко критическим отношением автора к политике нынешнего правящего слоя советской бюрократии. Отнюдь не уклоняясь от собственных выводов и оценок, автор хочет прежде всего дать читателю в немногих строках основные материальные и психические элементы проблемы и вооружить его некоторыми общими критериями, которые дали бы ему увидеть реальность Красной Армии под покровом "загадки".

Структура и численность

Не считая двух допризывных возрастов (19-20 лет), Красная Армия включает в себя 19 призывов, с 21 года до 40 лет: 5 лет действительной службы и 14 лет запаса первой и второй очереди. Это значит, что сегодня еще в состав военнообязанных входят 4 младших возраста империалистической войны, 3 младших возраста гражданской войны - на самом деле больше, ибо призывались нередко двадцати и даже девятнадцатилетние - и 12 возрастов, прошедших или проходящих военное обучение в условиях мирного времени.

Население СССР, вырастая почти на 3 миллиона душ в год, приближается сейчас к 170 миллионам. Один призывной возраст составляет уже около 1.300.000 человек. Самая строгая браковка, физическая и политическая, оставляет за бортом не более 400.000 душ. Постоянная армия с 2-летним сроком службы должна была бы, следовательно, значительно превышать 2 миллиона! Такой ноши не выдержит, однако, при нынешней военной технике никакое хозяйство. Мысль советского правительства с самого начала направлялась в сторону территориально-милиционной системы. Уже на 8-ом съезде большевистской партии весной 1919 г. в постановлении, принятом по военному докладу автора настоящей статьи, говорилось: "Самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного военного обучения рабочих и крестьян в условиях, близких к повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельскохозяйственного труда создавало бы самую здоровую основу для армии, полки и дивизии которой совпадали бы с заводами, уездами и пр. ... К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем".

Но у милиции в ее чистом виде есть своя ахиллесова пята. Чтобы поднять территориальную армию на ноги, нужно определенное число недель и даже месяцев на мобилизацию. В течение этого критического периода границы страны нуждаются в прикрытии. Сочетание территориально-милиционной системы с постоянной армией продиктовано, таким образом, положением страны, имеющей необъятные открытые границы на расстоянии 10.000 километров одна от другой. Пропорции, в каких осуществляется ныне взаимодополнение двух систем, дались не сразу, и продолжают изменяться под влиянием роста техники и опыта.

Царская постоянная армия, заключавшая 1.300.000 неграмотных в большинстве и плохо вооруженных солдат, во время войны совершенно растворилась в 18 миллионах мобилизованных. Цепь поражений, затем две

революции 1917 г. смели эту армию с лица земли. Советам пришлось строить заново. Начав со 100 тысяч, Красная Армия выросла в ходе гражданской войны до 5 миллионов. Именно на этой полевой армии путем последовательных сокращений формировалась постоянная, или "кадровая" Красная Армия. Она насчитывает сейчас всего 562.000, а с войсками ГПУ 620.000 солдат при 40.000 офицеров. Сокращения производились с таким расчетом, чтобы армия, сохраняя все свое значение в качестве боевого прикрытия, была способна к максимальному дальнейшему развертыванию. Так, пехотная дивизия насчитывает в мирное время всего 6-7 тысяч солдат, т. е. около трети состава военного времени. Но именно поэтому Красная Армия может ежегодно принимать в свои ряды не более 260.000 новых солдат, которые, в зависимости от рода войск, обязаны прослужить от 2 лет в пехоте до 4 лет во флоте. Остальные новобранцы, свыше 600 тысяч, должны были бы вливаться полностью в территориальные войска, где срок обучения длится 8-11 месяцев. Но и для чисто милиционных частей нужны постоянные кадры: около 1.500 человек на стрелковую дивизию, т. е. меньше 10% состава военного времени. Чтобы охватить весь наличный человеческий материал, одни лишь кадры территориальных дивизий должны были бы превысить нынешнюю численность армии (620.000), причем страна опять-таки оказалась бы без боевого прикрытия. По этой причине кадры территориальных частей рассчитаны на то, чтобы ежегодно принять в себя немногим более 200.000 душ. Избыток, 300-400 тысяч молодых людей каждый год, должен обучаться военному делу под руководством тех же кадров, но вне штатных воинских частей, в импровизированных учебных батальонах и полках. Эта последняя категория военнообязанных до сих пор далеко не целиком подверглась положенной шестимесячной военной обработке и лишь за самое последнее время охватывается с большей полнотой. Юноши 19 и 20 лет проходят, опять-таки вне армии, так называемую допризывную подготовку в общем в течение двух месяцев. Остается упомянуть повторительные сборы, военно-химическое обучение гражданского населения, в том числе и женщин, и быстро развивающийся военный спорт. Исключительное место в этой области занимает общественная организация "Друзей обороны" (Осоавиахим)427, насчитывающая 12 миллионов человек. Допризывная подготовка, учебные сборы, вневойсковое обучение, территориальные части, казарменная армия - таковы основные элементы сложной, в известном смысле "эkleктической" системы. В осенние месяцы, когда созывается переменный состав территориальных дивизий и производится повторительный сбор, под знаменами оказывается до полутора миллиона человек.

Давать детальную характеристику Красной Армии по родам войск значило бы загромождать работу теми приблизительными цифрами, которые можно без труда найти в общедоступных справочниках. Общая структура войсковых частей определяется более непосредственно военной техникой, чем социальным режимом. Советская дивизия приближается к тому среднему типу, который сложился после войны в передовых армиях всего мира. Нелишне, пожалуй, отметить, что общая численность Красной Армии мирного времени до известной степени эластична.

Военный комиссариат имеет право задерживать в случае надобности солдат дополнительно на 4 месяца. "Эклектичный" характер системы вообще открывает возможность уплотнять наиболее угрожаемые участки, не выходя из рамок мирного времени. Так, не было бы ничего неожиданного, если бы оказалось, что, укрепляя бетоном Амурскую границу и подступы к Уссурийской железной дороге, военное ведомство создавало для защиты укрепленных позиций специальные новые боевые единицы.

О возможных размерах армии военного времени можно дать лишь самые общие ориентировочные данные. Недавние расчеты советского штаба исходили из безоружной и более или менее "дружественной" Германии. Появление французских или английских войск на русском военном театре было и остается, уже по географическим причинам, маловероятным. Удар с Запада мог, следовательно, быть нанесен лишь через посредство непосредственных соседей СССР: Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии при материальной поддержке более могущественных противников. В первый период войны пограничные страны могли бы выставить в совокупности около 120 пехотных дивизий. Исходя из общей гипотетической численности вражеских армий в 3.500.000 человек, мобилизационный план Красной Армии должен был обеспечить на западной границе армию первой очереди примерно в 4 миллиона душ. На каждую тысячу воюющих необходимо в течение года войны посылать 750 на заполнение брешей. Два года войны должны были бы извлечь из страны, если не принимать во внимание возвращающихся из лазаретов в строй, около 10 миллионов человек.

Расчеты эти, крайне условные и раньше, сейчас в значительной мере повисают в воздухе: Германия лихорадочно вооружается и притом в первую очередь - против СССР; наоборот, промежуточные государства второй и третьей величины, сохраняя в общем свои колеблющиеся позиции, стремятся перестраховаться путем сближения с восточным соседом. Но так как в основу новых расчетов может пока что быть положен лишь большой вопросительный знак, то старые данные сохраняют интерес и сейчас. Что касается Дальневосточного фронта, то там, по всем условиям военного театра, дело может идти, по крайней мере в ближайшие 2-3 года, о сотнях тысяч, а не о миллионах бойцов.

Комбинированный характер военной системы имеет своим последствием качественную разнородность составных элементов Красной Армии и ее многомиллионного запаса. Однако сам по себе этот факт не заключает в себе какой-либо особой опасности: действующая армия представляет собою конвейер, который постепенно втягивает полуобработанный материал и доделывает его на ходу. Одно несомненно во всяком случае: мобилизационная способность СССР ограничивается не людскими, а техническими ресурсами.

Военная техника

С 1928 по 1933 г. официальный военно-морской бюджет поднялся с 744 миллионов до 1450, т. е. ровно вдвое. Расходы, ложащиеся на местные советские органы и на общественные организации (Осоавиахим и пр.), сюда не включены. Что касается капитальных вложений в военную промышленность, то они

проходят по сметам ВСНХ, а не военного ведомства.

Индексы советской промышленности стали сейчас общим достоянием цивилизованного мира. Правда, поражающие воображение цифры роста наталкивались не раз на то возражение, что диспропорции между разными отраслями хозяйства чрезвычайно поражают коэффициент полезного действия новых промышленных гигантов. Автор тем менее склонен недооценивать такую критику, что сам он неоднократно выдвигал ее против излишне оптимистических официальных отчетов. Но применительно к интересующему нас вопросу этот аргумент требует серьезных ограничений. Во-первых, глубокое нарушение всех пропорций, внутренних и интернациональных, есть сейчас закон всей мировой экономики. Во-вторых, именно под углом зрения военных надобностей общий вопрос о равновесии мирного хозяйства теряет добрую долю своей остроты. Мобилизация, вторгающаяся в хозяйство сверху и насильственно подчиняющая его себе, есть сама по себе организованное нарушение всех пропорций мирного времени. Для целей войны государственная централизация представит, во всяком случае, громадные преимущества, которые должны далеко перевесить конъюнктурные и даже органические диспропорции хозяйства. Сосредоточивая в своих руках экономические и военные планы, советская власть имеет к тому же полную возможность своевременно заложить предпосылки будущей милитаризации в само оборудование важнейших предприятий.

Некоторую опору для оценки военно-промышленных усилий советской власти за последние годы можно почерпнуть в заявлении Сталина о том, что первый пятилетний план был выполнен не на 100%, а на 94%, главным образом вследствие вынужденного перевода значительного числа заводов с мирного производства на военное. Официальный баланс пятилетки ("94% плана") может быть оспорен и был оспорен автором этих строк. Но нас интересует здесь другая сторона дела. Сталин считает возможным гласно оценивать в 6% валовой продукции тот ущерб, который получился в результате приспособления мирных заводов к военным нуждам. Мы получаем косвенную, но яркую характеристику дополнительных жертв на оборону: 6% составляют примерно 6 миллиардов, что в 4 раза превосходит самостоятельный годовой бюджет Красной Армии!

В отношении артиллерийского переоборудования решающие успехи были достигнуты уже до 1932 года. Главные усилия последних 2 лет направлялись на производство грузовых и броневых автомобилей, танков и самолетов. В отношении строительства танков точкой отправления могут служить данные о производстве тракторов, которые к тому же и сами по себе достаточно важны для армии. Тракторостроение, исходившее почти от нуля, сделало в течение первой пятилетки гигантский скачок вперед. К началу этого года в стране имелось уже свыше 200 тысяч тракторов; годовая производительность заводов превышает сейчас 40.000. Строительство танков идет параллельно, достигая, как показывают одни официальные смотры и маневры, очень внушительных размеров. Мобилизационные расчеты Красной Армии исходят из необходимости 30-45 танков на километр активного фронта. По словам народного комиссара по военным и морским делам Ворошилова, "вполне современные танки имеются в

достаточном количестве". Мы не видим оснований сомневаться в правильности этого заявления.

Тот же Ворошилов в докладе на недавнем съезде партии⁴²⁸ счел возможным огласить одну черту, ярко характеризующую рост советской военной техники: в 1929 году на каждого солдата приходилось в среднем 2,6 механических лошадиных сил, в 1933 году - 7,74, т. е. в три раза больше. На возможное возражение, что речь здесь идет о кадровой армии мирного времени, последует ответ, что речь здесь идет также и о промышленности мирного времени. Мобилизация людей будет происходить параллельно и в соответствии с мобилизацией машин. Соотношение между живой и механической силой Красной Армии, по крайней мере в количественном отношении, можно считать стоящим на уровне передовых армий Запада.

В результате большой войны морской флот оказался, как известно, сведен к более чем скромным размерам: от 548.000 тоннажа в 1917 г. осталось в 1923 г. всего 82.000. И сейчас еще флот, успевший, правда, подняться до 140.000 тонн, может претендовать лишь на вспомогательную роль в области сохранения морских границ. Военная промышленность делает, однако, значительные усилия к укреплению материальной части флота, в частности, подводными лодками.

Несравненно более выдающееся место занимает авиация. В течение гражданской войны на службе Красной Армии имелось до 300 самолетов, в большинстве устаревших и потрепанных. Строительство авиации приходилось начинать почти на пустом месте при содействии преимущественно немецкой техники и немецких инженеров. Сеть гражданской авиации, в которую за период первой пятилетки было вложено до 300 миллионов рублей, развернулась до 50.000 километров, на протяжении которых было переброшено в 1932 г. 40.000 пассажиров и свыше 2.000 тонн грузов. Сами по себе эти цифры, конечно, невысоки, но важен коэффициент роста. Вторая пятилетка рассчитана на тысячи самолетов и миллионы пассажиров. В 1932 г. было произведено около 2.300 самолетов и 4.000 моторов, как для военной, так и для гражданской авиации. В 1933 году число это было, несомненно, значительно превзойдено. Делегация французских техников, сопровождавшая в СССР осенью прошлого года министра авиации Кота⁴²⁹, была, по словам официоза "Le Temps", весьма скупого на похвалы по адресу СССР, "изумлена и восхищена" достигнутыми успехами. Французские специалисты имели, в частности, возможность убедиться, что Красная Армия производит тяжелые бомбовозы, способные действовать без посадки по радиусу в 1.200 километров: в случае войны на Дальнем Востоке все политические и военные центры Японии оказываются под ударом из Приморья. В начале марта лондонская "Daily Mail"⁴³⁰ сообщала, что в СССР выпускается по одному тяжелому бомбардировщику в день и что принятыми мерами обеспечено строительство в год до десяти тысяч аэропланов. Нет надобности разъяснять, что демонстративный характер сообщения продиктован соображениями внутренней британской политики. Но в цифрах "Daily Mail" мы не видим ничего фантастического. Более отсталым участком остается морская авиация, где все еще господствуют иностранные образцы. Но и здесь за последний период

отмечаются большие достижения.

В своем отчете Комиссии разоружения Лиги Наций правительство СССР показало на 1 января 1932 года 750 самолетов в армии. Если принять эту цифру как минимальную, - а она во всяком случае не преувеличена, - и если исходить из того, что коэффициент роста авиации значительно превосходил за последние три года средний коэффициент, указанный Ворошиловым для военной техники в целом (200%), - а в этом вряд ли может быть сомнение, - то нетрудно прийти к выводу, что в армии и флоте состоит ныне свыше 2500 действующих самолетов. Ту же примерно цифру мы получим и другим путем. По проникшим уже в печать данным, пятилетний план Красной Армии предусматривает на 1935 год 63 авиационных полка, способных одновременно выдвинуть на линию огня 5.000 самолетов. Так как этот план выполняется с особенной настойчивостью, в частности и при помощи покупок за границей, то нетрудно нанести на бумагу кривую роста, которая покажет для 1934 г. примерно 2500-3000 самолетов. Во всяком случае, потенциальная производительная мощность авиационной промышленности на стороне Советов неизмеримо выше, чем на стороне Японии.

Авиация неразрывно связана с химией, следовательно, с той отраслью промышленности, которая в царской России почти отсутствовала. В течение первой пятилетки в химическую промышленность вложено было полтора миллиарда рублей. Общий размер валовой химической продукции составил в прошлом году 1 3/4 миллиарда. Производство серной кислоты выросло по сравнению с временами царизма в 5 раз, производство суперфосфатов - в 25 раз.

Не секрет, что советское правительство, как, впрочем, и все правительства мира, не верило ни на минуту повторным "запрещениям" химической войны⁴³¹. Уже с 1921 года первые советские лаборатории удушливых и иных веществ работали систематически на основе все более обширной международной информации и с привлечением квалифицированных специалистов. Работа эта не приостанавливалась ни на один день. В этой наиболее таинственной и зловещей из областей предсказывать труднее всего. Не греша против осторожности, можно все же, думается, сказать одно: против каких-либо катастрофических сюрпризов со стороны военной химии (прибавим к ней и военную бактериологию) Красная Армия вооружена если не лучше, то и не хуже передовых армий Запада.

Данные о выдающихся количественных достижениях в области производства пушек, пулеметов, автомобилей, танков, самолетов требуют, однако, ответа на дополнительный вопрос: как обстоит дело с качеством военной продукции? Общеизвестно, что рекордные промышленные цифры достигались нередко путем резкого ухудшения советских изделий. Тухачевский⁴³², один из тех командиров Красной Армии, которые с наибольшим вниманием относятся к сложным требованиям научной техники, выступил на последнем съезде партии с осторожной по тону, но очень решительной по существу критикой дефектов серийного производства. Утверждение "Daily Mail", будто боевые советские аэропланы превосходят английские, находится в прямом противоречии с недавними заявлениями не только Тухачевского, но и Ворошилова. Можно считать

бесспорным, что советский авиационный мотор отстает еще от лучших западных типов.

Чтобы в вопросе о качестве советской техники устранить преувеличения, со знаком минус, как и со знаком плюс, необходимо не упускать из виду некоторые соображения общего характера. В течение первой пятилетки, в значительной степени и сейчас, главное внимание правящих сфер было и остается сосредоточено на тех отраслях промышленности, которые вырабатывают средства производства. Здесь не только количественные, но и качественные достижения значительно выше, чем в области производства предметов потребления. Как это ни невероятно, но турбина или трансформатор делаются в СССР лучше, чем сапог или деревянный стол. Ткацкий станок по общему правилу лучше того ситца, который на нем выделывается. В капиталистическом режиме качество обиходных изделий обеспечивается давлением потребителей на предпринимателей через рынок. При плановом хозяйстве конкуренция может быть заменена только организованным контролем потребителей. Фактическая диктатура советской бюрократии, в том числе и трестовской, чрезвычайно ослабляет функцию массового контроля. Крайне низкое качество предметов обихода показывает, как далек еще советский режим от осуществления тех социальных задач, которые он себе ставит. Раньше или позже борьба населения за доброкачественные товары направится против господства бесконтрольной администрации. Но там, где заказчиками, если не потребителями, являются влиятельные группировки самой правящей бюрократии, где трест работает не на распыленного потребителя, а на другие тресты, где приемка заказа обставлена, следовательно, известными гарантиями, качество продукции и сейчас уже является удовлетворительным. Самый влиятельный заказчик - несомненно, военное ведомство. Немудрено, если машины истребления выше по качеству не только чем предметы потребления, но и чем средства производства.

* * *

Может показаться поразительным, но на самом деле это так: слабым пунктом в снабжении Красной Армии являются в настоящее время не пушки и снаряды, не танки, не самолеты, не газы, а лошади. Параллельно с бурной индустриализацией и лихорадочным строительством тракторов число лошадей в стране упало с 33,5 миллионов в 1928 году до 16,6 миллионов в настоящий момент - ровно в два раза. Вина за этот удар по народному хозяйству ложится целиком на непродуманную и неподготовленную политику в области коллективизации крестьянских хозяйств. 200 с лишним тысяч тракторов с общей мощностью в 3,1 миллиона лошадиных сил, еще далеко не покрыли убыль 17 миллионов лошадей. Между тем, несмотря на моторизацию транспортных и боевых средств, потребность современной армии в лошадях почти не изменилась: как и во времена Наполеона⁴³³, на трех солдат нужна одна лошадь. Научившись производить у себя дома авиамоторы и магнето, советское правительство оказалось вынуждено за последние годы прикупать для армии лошадей за границей.

Но как ни тяжело для хозяйства падение коневодства, было бы неправильно переоценивать значение этого обстоятельства для хода возможной войны, особенно на Востоке. Полевая армия в миллион солдат потребовала бы трехсот тысяч лошадей. Это количество, как и дальнейшее пополнение убыли конского состава, во всяком случае, обеспечены. Нужно прибавить, что правительство, хоть и со значительным запозданием, приняло ряд мер к восстановлению конского хозяйства.

Вопрос о лошади не стоит, однако, особняком. За тот же период и по той же причине страна потерпела не менее тяжкий уклон в крупном и мелком скоте и прошла через чрезвычайные продовольственные затруднения. В мировой печати не раз делались отсюда поспешные выводы о полной невозможности для Советов вести даже и оборонительную войну. Нельзя оспаривать того, что чрезвычайная уступчивость, проявленная советской дипломатией по отношению к Японии до осени прошлого года, продиктована была в числе других причин продовольственными затруднениями. Последний год показал, однако, что острота этого кризиса определялась преходящими обстоятельствами. Один хороший урожай сразу повысил продовольственный уровень страны. Но даже и при неудовлетворительном урожае правительство страны со 170-миллионным населением и фактической монополией хлебной торговли всегда будет иметь возможность произвести мобилизацию необходимых для фронта продовольственных ресурсов, - разумеется, в ущерб остальному населению; но гражданское население всех стран в случае новой большой войны, не может вообще надеяться ни на что, кроме как на голод и отравленные газы. В нынешнем году, благодаря обильному урожаю, военно-продовольственные базы на Дальнем Востоке во всяком случае значительно пополнены. Нет никаких оснований думать, что в отношении какого-либо из видов снабжения Красная Армия могла бы оказаться застигнутой врасплох.

Красная Армия как продукт революции

Начиная с 1918 года, Красная Армия вобрала в себя 50.000 царских офицеров, составлявших 40% командного состава, и около 200.000 унтер-офицеров, игравших в гражданской войне огромную роль. После победоносного завершения гражданской войны уволено было в запас около 80.000 командиров. Бывшие царские офицеры не составляют ныне в Красной Армии и 10%. Их вытеснили красные командиры, прошедшие через революцию и советские военные школы. Тысячи новых офицеров формируются ежегодно в нескольких десятках средних военных школ и академий.

Партия, комсомол, профессиональные союзы, администрация национализированной промышленности, кооперации, колхозов, совхозов воспитывают неисчислимые кадры молодых администраторов, привыкающих оперировать людскими и товарными массами и отождествлять себя с государством: они являются неоценимым резервуаром командного состава. Высшая допризывная подготовка учащейся молодежи создает другой самостоятельный резервуар. Студенчество группируется в особые учебные батальоны, иногда

полки, не входящие в штаты армии. В случае мобилизации эти учебные части могут с успехом развернуться в ускоренные школы командного состава. Окончивший высшее учебное заведение должен прослужить в кадровых войсках 9 месяцев (в морском и воздушном флотах - 1 год), после чего подвергается испытанию на звание командира запаса. Лица со средним образованием допускаются к аналогичным экзаменам после 12 месяцев службы (во флоте - через 2 года). Чтобы оценить размеры этого резервуара, надо пояснить, что число студентов обоего пола доходит сейчас до полумиллиона при ежегодном выпуске около 40.000, а число учащихся средних учебных заведений достигает 7 миллионов.

Младших командиров ("унтерофицеров") приходится готовить в числе 100.000, из красноармейской массы в течение действительной службы при помощи особого 9-месячного курса в полковых школах. Воспитание унтерофицеров в территориальных частях представляет известные затруднения. Но помимо сохранения в кадровой армии добровольцев-сверхсрочных, в распоряжении военного комиссариата, опирающегося на ряд вспомогательных организаций, есть достаточно средств для широкого и интенсивного воспитания унтерофицерских кадров, в том числе и из учащейся молодежи.

В литературе русского эмигрантского офицерства, а отчасти и в военной иностранной литературе принято не без пренебрежения говорить о стратегии гражданской войны. У автора, которому в течение трех лет приходилось изо дня в день вести борьбу против недисциплинированности, дилетантизма и всех видов анархии, сопровождавших гражданскую войну, нет никаких побуждений идеализировать организационный или оперативный уровень Красной Армии в те суровые годы. Нельзя, однако, не видеть, что они были для армии годами великого исторического крещения. Отдельные рядовые солдаты, унтерофицеры, прапорщики и поручики сразу поднимались над массой, обнаруживая таланты организаторов или военачальников, и закаляли свою волю в борьбе большого размаха. Этим самоучкам приходилось наступать и отступать, бить и быть битыми, и в конце концов удалось победить. Лучшие из них затем много и прилежно учились. Среди высших начальников, прошедших сплошь через гражданскую войну, 80% окончили академии или специальные курсы усовершенствования. Среди старшего командного состава около 50% получили высшее военное образование, остальные - среднее. Военная теория дала им дисциплину мысли, но не убила дерзания, закаленного бурными маневрами гражданской войны. Этому поколению сейчас от 35 до 45 лет, - возраст равновесия физических и душевных сил, когда смелая инициатива опирается на опыт, но еще не подавляется им.

Красный командир может получить батальон после 8 лет службы, полк - на 13 году, дивизию - после 17 лет. Для военных академиков сроки еще более сокращены. Французскую делегацию поражала молодость командного состава советской авиации: среди генералов воздуха немало лиц, едва переваливших за 30 лет. Служебные продвижения производятся лишь за отличия по службе: повышение в порядке очереди совершенно устранено. Эта система обеспечивает

не только самый молодой командный состав в мире, но и отбор наиболее активных и способных среди молодежи.

Половина красноармейцев и 70% командиров состоят в партии или комсомоле. Высший командный состав почти сплошь партийный. В случае мобилизации процент коммунистов, правда, сильно понизится, но все же не настолько, чтобы расшатать политический костяк армии. В какой мере правящая ныне партия может быть названа большевистской или коммунистической - вопрос особый. Но эта партия, как она есть, придает несомненное политическое единство армии.

Пока царские офицеры занимали в командном слое главное место, они дублировались политическими комиссарами с неограниченными полномочиями. Вытекавшую отсюда систему двоевластия приходилось терпеть как меньшее зло, ибо прежде всего необходимо было завоевать доверие революционной армии к командному составу и спаять ее единством новой доктрины. Кромвель⁴³⁴ отвечал в свое время педантам, пренебрежительно отзывавшимся о военной подготовке большинства его офицеров: "Зато они хорошие проповедники!" И при помощи командиров из ремесленников и торговцев Кромвель разбил блестящее королевское офицерство. Красная Армия при системе двоевластия справилась с врагами не хуже Кромвеля. Сейчас, благодаря тому, что командиры стали коммунистами, а коммунисты - командирами, проведен столь необходимый в армии принцип единоначалия. Офицер и "проповедник" сливаются в одном лице.

Характер красного командного состава, как и армии в целом, нельзя понять вне тех больших исторических событий, которые преобразовали психику всего народа, вернее целой семьи народов. Старого русского солдата, воспитанного в патриархальных условиях деревенского "мира", отличала больше всего слепая стадность. То, что полухвалебно, полупрезрительно называлось на Западе "славянской душой", было отражением бесформенного и варварского русского средневековья. "Христолюбивая" армия, которая создала некогда вокруг царизма ореол могущества, была до костей пропитана традициями рабства. В давно прошедшие времена, в обстановке полуфеодальной Европы, эта армия могла иметь свои преимущества как наиболее законченный образец господствовавшего везде типа. Суворов⁴³⁵, генералиссимус Екатерины II⁴³⁶ и Павла⁴³⁷, был неоспоримым мастером армии крепостных рабов. Великая французская революция навсегда ликвидировала военное искусство старой Европы и царской России. С того времени царизм записал еще, правда, в свою историю гигантские территориальные хищения, но побед над армиями цивилизованных наций он уже больше не знал. Нужна была цепь великих поражений и потрясений, чтобы переплавить в их огне национальный характер. Только на этой новой социальной и психологической основе могла сложиться Красная Армия. Ее боец отличается от царского солдата несравненно резче, чем наполеоновский гвардеец - от солдата Бурбонов. Культ пассивности и примиренной капитуляции перед препятствиями сменился культом политического и социального дерзания и технического американизма. От "славянской души" осталось лишь литературное воспоминание.

Пробужденная народная энергия сказывается в большом и малом, прежде всего в росте культуры. Незначительный процент неграмотных новобранцев систематически убывает; из своих рядов Красная Армия не выпускает ни одного неграмотного. В армии и вне ее наблюдается бурное развитие всех видов спорта. В одной Москве в этом году 50.000 рабочих, служащих и учащихся получили значок отличия за хорошую стрельбу. Армия все более становится на лыжи, что по условиям климата имеет неопределимое военное значение. В области парашютизма, безмоторного планирования, авиации молодежь достигает больших успехов. Советские рекордные полеты в стратосферу в памяти у всех. Эти вершины характеризуют всю горную цепь достижений.

Чтобы оценить всю силу Красной Армии, нет надобности ни в малейшей идеализации того, что есть. Говорить о благоденствии народов Советского Союза по меньшей мере рано. Еще слишком много нужды, горя, несправедливости, а, следовательно, и недовольства. Но мысль о том, будто советские народные массы склонны ждать помощи от армий Микадо или Гитлера, не может быть оценена иначе, как бред. Несмотря на все трудности переходного режима, политическая и нравственная спайка народов СССР достаточно крепка, во всяком случае крепче, чем у вероятных врагов. Сказанное вовсе не означает, что война, хотя бы и победоносная, была бы в интересах Советского Союза. Наоборот, она далеко отбросила бы его назад. Но сохранение мира зависит по крайней мере от двух сторон. Надо брать факты как они есть: война не только не исключена, она почти неизбежна. Кто умеет и хочет читать в книге истории, тот поймет заранее, что если русскую революцию, длящуюся с приливами и отливами уже почти тридцать лет (с 1905 г.), заставят направить свой поток в русло войны, она развернет грозную и сокрушительную силу.

Дальний Восток

Военные силы, сосредоточенные на Дальнем Востоке в месяцы крайнего обострения японо-советских отношений, поражают на первый взгляд своей незначительностью. Японский военный министр Хаяси⁴³⁸ говорил 3 февраля, что его правительство содержит в Маньчжурии лишь 50.000 солдат, тогда как Советы сосредоточили на своей ближайшей границе 100.000 человек и 300 аэропланов. Опровергая Хаяси, Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией⁴⁵⁹, утверждал, что японцы сосредоточили в Маньчжурии на самом деле 130.000, больше трети своей активной армии, плюс 115.000 солдат Манчжоу-Го, итого 245.000 при 500 самолетах. В то же время Блюхер заверял, что советские вооруженные силы не уступают японским. По масштабам великой войны дело идет почти что о партизанских отрядах.

Свойства дальневосточного театра (необъятные и крайне пересеченные пространства, редкость населения, плохие пути сообщения, отдаленность от основных баз) исключают сосредоточение миллионных масс, сплошной и глубокий фронт, позиционную войну. В русско-японской войне 1904-[19]05 гг.⁴⁴⁰ участвовало с русской стороны 320.000 солдат, а к концу, т. е. к полному разгрому царской армии, - 500.000. Японцы едва достигли этого числа. Царской

армии не хватало не транспорта, не численности, а умения. Военная техника с того времени неизменно изменилась. Но основные свойства военного театра на Востоке остались те же. Маньчжурия является для Японии промежуточной базой, которая отделена от основных баз морем. Японский флот господствует на море, но не под водой и не в воздухе. Морской транспорт связан с опасностями. Китайское население Маньчжурии враждебно японцам. Миллионных масс Япония не сможет сосредоточить на дальневосточном театре, как и Советы. Новейшая техника будет по необходимости сочетаться с тактическими методами прошлого. Для Забайкалья и Приморья стратегия Наполеона, пожалуй, даже Аннибала⁴⁴¹, сохраняет добрую долю своей силы. Рейды крупных кавалерийских соединений будут вносить решительные изменения в военную карту. Японские железные дороги в Маньчжурии будут подвергаться большим опасностям, чем советская линия, идущая вдоль Амура. При действии разрозненных отрядов, при конных рейдах в тылу противника громадная работа выпадет на долю новой техники в лице авиации как средства разведки, связи, транспорта и бомбардировки. Поскольку вообще война в Приморье и Приамурье будет носить подвижной и маневренный характер, исход ее будет в решающей степени зависеть от способности отдельных отрядов к самостоятельным действиям, от инициативы низших начальников, от находчивости каждого отдельного солдата, предоставленного самому себе. Во всех этих отношениях Красная Армия должна, на наш взгляд, превосходить японскую по крайней мере настолько же, насколько в 1904-[19]05 годах японская превосходила царскую.

Как показали события истекшего года, Токио не решается сейчас начать. Между тем каждый новый год будет менять соотношение сил к невыгоде Японии. Уже развитие Кузнецкой военно-промышленной базы⁴⁴² освобождает дальневосточный фронт от необходимости опираться на европейский тыл. Радикальная реконструкция пропускной способности дороги Москва-Хабаровск путем проведения второй колеи поставлена советским правительством в качестве первоочередной задачи на 1934 год. Наряду с этим приступили к строительству железнодорожной линии от Байкальского озера к низовьям Амура⁴⁴³, на протяжении 1,400 километров. Новая магистраль должна пройти через богатейший район углей Буреи и руды Хингана⁴⁴⁴. Программа нового промышленного строительства должна превратить область Буреи, отстоящую всего на 500 километров от Хабаровска, т. е. в десять раз ближе Кузнецкого района, в самостоятельную промышленную военно-техническую базу Дальнего Востока. Гигантские работы транспортного и промышленного характера в сочетании со значительными экономическими льготами, предоставленными населению Дальнего Востока, должны привести к быстрому заселению этого края, что окончательно вырвет почву из-под сибирских планов японского империализма.

И тем не менее внутреннее положение Японии делает войну почти неизбежной, как она, несмотря на все предостерегающие голоса, оказалась неотвратимой для царизма тридцать лет тому назад. Не будет парадоксом сказать, что, возникнув, война на Дальнем Востоке окажется либо очень короткой, почти молниеносной, либо весьма затяжной. Цель Японии - захват

Дальнего Востока и по возможности значительной части Забайкалья - сама по себе требует очень больших сроков. Война могла бы кончиться скоро только при том условии, если бы Советскому Союзу удалось решительно и надолго сокрушить японское наступление в самом начале. Для разрешения этой оборонительной задачи авиация дает Советам оружие неопределимой силы.

Нет надобности быть адептом "интегральной" авиационной войны, т. е. верить в перенесение решающих боевых операций в воздух, чтобы признать, что при известных условиях авиация несомненно способна разрешить проблему войны, радикально парализовав наступательные операции противника. Именно такова обстановка на Дальнем Востоке. Когда Хаяси жаловался на сосредоточение советской авиации в Приморье, он этим выдал вполне объяснимую тревогу правящих кругов Японии, политические центры которой, военно-промышленные конгломераты, важнейшие военные базы открыты ударам красных воздушных флотилий. Имея Приморье как базу, можно при помощи авиации дальнего действия внести величайшие разрушения в жизненные центры островной империи. Даже если сделать маловероятное допущение, что Япония выдвинет воздушный флот равной или превосходящей силы, опасность для островов окажется только ослабленной, но не устраненной. Нельзя создать непроходимый воздушный барьер, прорывы будут слишком часты, а каждый прорыв чреват большими последствиями.

Решающее значение в этой дуэли будет иметь не материально-технический перевес, который несомненно существует на стороне советской авиации и который в ближайшее время может только возрасти, а относительное географическое расположение сторон. В то время, как почти все японские центры открыты нападению с воздуха, японская авиация не может ответить сколько-нибудь равносильными ударами: не только до Москвы, но и до Кузнецкого бассейна (6-7.000 километров!) нельзя долететь без посадки. Между тем ни в Приморской области, ни в Восточной Сибири нет таких жизненных центров, разгром которых мог бы оказать решающее или хотя бы существенное влияние на ход войны. Преимущества положения, помноженные на более могущественную технику, дадут Красной Армии перевес, который трудно выразить в каком-либо точном коэффициенте, но который может приобрести решающее значение.

Если бы, однако, советская авиация оказалась неподготовленной для разрешения грандиозной задачи третьего измерения, центр тяжести операций был бы перенесен на плоскость, причем вступили бы в силу законы дальневосточного театра; главный из этих законов именуется: медленность. Для внезапного захвата Приморья срок явно упущен. Сейчас Владивосток представляет собою серьезно укрепленную позицию, которая может стать Верденом тихоокеанского побережья. Пытаться взять крепость можно только с суши, для чего понадобилась бы, пожалуй, дюжина дивизий, в 2 1/2 - 3 раза больше, чем для обороны. Даже в случае окончательной удачи эта операция может отнять месяцы и тем предоставить неопределимый дополнительный срок в распоряжение Красной Армии. Продвижение японцев на Запад требовало бы огромных подготовительных

работ: сооружения промежуточных баз, прокладки железных дорог и подъездных путей. Сами успехи Японии на этом пути создавали бы возрастающие затруднения, ибо Красная Армия отступала бы на свои базы, а японцы растекались бы в негостеприимном пространстве, имея за своей спиной порабощенную Маньчжурию, задавленную Корею и враждебный Китай. Затяжная война открывала бы возможность формирования в глубоком тылу у японцев Китайской армии при содействии советской техники и советских инструкторов.

Но здесь мы входим уже в область мировых отношений в подлинном смысле слова, со всеми таящимися в них возможностями, опасностями и неизвестными величинами. Многие из приведенных выше соображений и расчетов оказались бы, конечно, опровергнуты, если бы война продлилась ряд лет и вынудила советы поставить под ружье 20 миллионов душ. Слабейшим звеном после транспорта или наряду с транспортом, оказалось бы в этом случае, вероятно, советское сельское хозяйство, основные проблемы которого еще далеки от разрешения. Однако как раз в перспективе большой войны совершенно недопустимо брать вопрос об СССР изолированно, т. е. вне прямой связи со всей мировой обстановкой. Каковы будут группировки стран на Востоке и на Западе? Окажется ли осуществимой военная коалиция Японии и Германии? Найдут ли СССР союзников, и кого именно? Что станет со свободой морских путей? Каково будет продовольственное и вообще экономическое положение Японии? Очутится ли Германия в новом кольце блокады? Какою окажется относительная устойчивость режимов воюющих стран? Число этих вопросов можно было бы умножить. Все они неотвратимо вытекут из обстановки мировой войны, но ответить на них априорно никому не дано. Ответ будет найден в самом ходе взаимного истребления народов, и этот ответ может оказаться беспощадным приговором для всей нашей цивилизации.

Л.Троцкий

13 марта 1934 г.

Большевики-ленинцы - мировому пролетариату. За Четвертый Интернационал!445

Мы, представители коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев) СССР, Германии, Франции, Англии, Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Соединенных Штатов, Южной Америки, Китая и ряда других государств, обращаемся к вам, пролетарии всех стран, в час грозной исторической опасности с настоящим призывом.

После разгрома австрийского пролетариата446 и кровавых боев на улицах Парижа447 стало ясным и слепым: старые методы борьбы, рассчитанные на мирное развитие, исчерпали себя до конца. Загнивающему капитализму не остается ничего другого, как разгромить пролетариат, разрушить его организации, растоптать его волю, превратить его в безропотного раба. Буржуазия не хочет и не может ждать того часа, когда у пролетариата окажется 51% парламентских мандатов. Вопрос решается силой. Финансовый капитал организует и вооружает

фашистские банды. Муссолинизм - не итальянское, а мировое явление. Гангрена варварской реакции охватывает одну страну за другой. На очереди стоит ныне Франция. 6 февраля было первой репетицией фашистского бандитизма. В Англии готовятся те же явления. В Америке условий для фашизма меньше, чем в Европе.

Какое чудовищное унижение!

Пролетариат - единственный творческий класс современного общества. От него зависит вся жизнь страны, ее хозяйство и культура. Вместе с полупролетарскими массами, вождем которых он призван стать, пролетариат составляет подавляющее большинство цивилизованного человечества. Он воодушевлен великим социальным идеалом. На протяжении всей новой истории, и в последние дни снова в Австрии, он показал, что способен на великий бескорыстный героизм. И тем не менее фашизм, опирающийся на худшие, наиболее деморализованные элементы мелкой буржуазии, на человеческую пыль, на отрешья нации, одерживает одну победу за другой.

Где причина?

Вот вопрос, который сверлит сознание каждого рабочего. Ответ написан огненным языком самих событий: причина в негодности руководства. Пролетариат предан, разрознён и обессилен сверху. Основная вина лежит на социал-демократии, на Втором Интернационале. Пока дело ограничивалось мирными парламентскими и профсоюзными стычками и сделками, рабочим массам незаметно было, что в штабах сидят ограниченные чиновники, бывшие реформисты и полуреволюционеры, ставшие консервативными мелкими буржуа, наконец, прямые изменники. Этим вождям (Вельсу и Гильфердингу, Вандервельде и де Ману, Леону Блюму и Реноделю⁴⁴⁸, Ленсбэри и Гендерсону, Роберту Гримму и пр.) мысли и чувства буржуазных министров, банкиров, журналистов, профессоров неизмеримо ближе, чем мысли и чувства пролетариев, безработных, бедняков-крестьян, голодных подростков, вырастающих на мостовой.

Но тяжкая вина лежит также и на Третьем Интернационале, который высоко поднялся под знаменем Октябрьской Революции, но, падая со ступеньки на ступеньку, превратился из революционного пролетарского авангарда в окостеневший бюрократический аппарат. Сталинский Коминтерн руководил революцией в Китае и погубил ее. Коминтерн вывел революционных рабочих во всем мире из профессиональных союзов, изолировал левое крыло и спас тем консервативную профсоюзную бюрократию от крушения. Коминтерн заключает блоки с отдельными буржуазными пацифистами, болтунами и карьеристами и отказывается от совместных действий с массовыми пролетарскими организациями. Сталинское руководство Коминтерна говорит мировому пролетариату: "Признай заранее и без возражений мое командование, иначе я буду взрывать боевое единство твоих рядов и саботировать оборону против фашизма". Такова была в течение 1929-1932 гг. политика самой могущественной секции Коминтерна, германской компартии, и эта политика привела к победе Гитлера. В Австрии компартия благодаря цепи преступлений и ошибок Коминтерна так и не сумела поднять головы. Наконец, сейчас, несмотря на все трагические уроки, компартии во Франции, Англии и других странах продолжают рабски повторять

преступную политику германских сталинцев. Марсель Кашен в сочетании с Леоном Блюмом дадут неизбежно тот же результат, какой дал Тельман в сочетании с Вельсом. На этом пути рабочих ожидает полная, окончательная катастрофа.

Плодом великого Октябрьского переворота в России явилось Советское государство. Оно показало, какие силы и возможности таятся в пролетариате. Советское государство остается и сегодня плотью от нашей плоти и костью от наших костей. На защиту Советского государства в трудный час мы призываем стать грудью каждого честного рабочего!

Но под гнетом мирового империализма, внутренних трудностей и ошибок руководства над рабочими и крестьянскими советами поднялась могущественная бюрократия, которая создала религию своей непогрешимости. Самовластие бесконтрольной бюрократии представляет ныне величайшую угрозу для дальнейшего развития братских народов СССР и для торжества мирового социализма. Созданный Лениным Коммунистический Интернационал погиб жертвой своей рабской зависимости от переродившейся советской бюрократии.

Где же выход?

Надо строить новую партию и новый Интернационал. Эти слова сегодня звучат еще для многих, как голос "сектантства" или "отчаяния". Между тем лозунг нового Интернационала диктуется всей обстановкой, как на мировой арене, так и в каждой отдельной стране. Другого пути нет. Можно ли в самом деле исправить и возродить разъединенную насковозь преступлениями и изменами социал-демократию? Война и все события после войны отвечают: нет! Не лучше обстоит дело и с Третьим Интернационалом. Мы, большевики-ленинцы, называвшиеся ранее левой оппозицией, свыше 10 лет пытались возродить Коминтерн, вернуть его на путь Маркса и Ленина. Грандиозные события во всех частях света подтвердили наши предостережения и наши призывы. Тщетно! Консервативные идеи и сплоченные интересы привилегированного бюрократического строя оказались сильнее всех уроков истории. Перестроить аппарат Коминтерна через посредство масс невозможно, ибо этот аппарат не зависит от масс.

Второй и Третий Интернационалы исчерпали себя.

Сейчас они являются только помехами на пути пролетариата. Нужно создавать революционную организацию, отвечающую характеру новой исторической эпохи и ее задачам. Нужно новое вино вливать в новые меха. Нужно строить подлинно революционную партию в каждой стране и новый Интернационал.

* * *

Мыслящий рабочий не может не признавать железной логики этого вывода. Но его точат сомнения, порожденные еще слишком свежими разочарованиями. Новая партия? Это значит - новый раскол. Между тем пролетариату больше всего необходимо единство. Таков самый простой довод, чаще всего нашептываемый робостью мысли перед великими трудностями.

Неверно, - отвечаем мы, - будто пролетариату нужно единство само по себе. Ему нужно революционное единство классовой борьбы. В Австрии почти

весь пролетариат был объединен под знаменем социал-демократии; но эта партия учила рабочих капитуляции, а не борьбе. Австрийские рабочие показали, что умеют драться. С ними [вместе] храбро дралась и часть старых вождей. Но за поражение несет ответственность партия в целом. Оппортунистическое "единство" оказалось путем к гибели. В Бельгии партия Вандервельде, де Мана и К|| ведет за собой подавляющее большинство рабочего класса. Но какая цена этому "единству", если насквозь развращенный генеральный штаб пролетарской армии ползает на животе перед королевской властью, перед патриотическим епископом, перед либеральным бургомистром, перед всеми представителями классового врага! В маленькой Норвегии руководимая Транмелем оппортунистическая партия, объединившая на выборах 45% голосов, повторяет все преступления австрийской социал-демократии, парализует пролетариат и расчищает, таким образом, дорогу для норвежского фашизма. Такого рода единство означает петлю на шее рабочего класса.

Нам нужно действительное, боевое, революционное единство: для отпора фашизму, для защиты нашего права на существование, для непримиримой борьбы с господством буржуазии, - за полное завоевание власти, за диктатуру пролетариата, за рабочее господство, за Соединенные Штаты советской Европы, за Мировую социалистическую республику. Социал-демократия душой и телом предана буржуазному режиму. Коминтерн доказал делом свою полную неспособность объединять массы во имя революционных задач. Пролетариату остается либо навсегда протянуть шею в рабское ярмо, более страшное, чем ярмо средневековья, либо выковывать новое орудие для своего революционного освобождения.

"Где гарантия, что новый Интернационал не потерпит в свою очередь крушения?"

Жалкий, филистерский вопрос! Заранее данных гарантий в революционной борьбе нет и быть не может. Рабочий класс поднимается вверх по ступеням, которые он сам рубит в горной породе. Нередко он срывается на несколько ступеней вниз, нередко динамит противника взрывает готовые ступени или сами они рушатся, потому что сделаны из рыхлого материала. После каждого падения надо вставать; после каждого спуска надо подниматься; каждую разрушенную ступень надо заменять двумя новыми.

Гарантия успеха - если уж говорить о "гарантиях" - в том, что мы обогащены опытом Второго и Третьего Интернационалов, которые, прежде чем потерпеть крушение, сослужили большую службу пролетариату. Мы стоим на плечах наших предшественников. В этом наше великое преимущество. Мы собираем всех тех, кто уже сегодня понял гибельность политики двух переживших себя бюрократических аппаратов. Правильность наших методов, наших прогнозов и наших лозунгов неопровержимо доказана всем ходом исторического развития за последние 10 лет, т. е. за период перерождения и распада Коммунистического Интернационала. Правильная теория и правильная политика неизбежно проложат себе дорогу и соберут под своим знаменем большинство мирового пролетариата. Только так выковывается революционное единство.

Но здесь мы слышим новое возражение, на первый взгляд наиболее убедительное: "Четвертый Интернационал сложится нескоро, между тем фашистская чума надвигается во всех странах семимильными шагами; время ли теперь разъединять рабочие ряды?" На это мы отвечаем: для объединения рядов в непосредственной борьбе существует ленинская политика единого фронта. Только благодаря правильному применению этой политики большевизм победил в октябре 1917 года. Маркс и Ленин не боялись раскалывать бюрократические и оппортунистические партии, сплавляя подлинных революционеров в независимую партию авангарда, - и в то же время Маркс и Ленин готовы были для защиты сегодняшних интересов пролетариата вступить в практическое соглашение с любой массовой организацией. Мудрость и сила ленинизма - в теоретической и политической непримиримости партии, с одной стороны, в реалистическом отношении к классу со всеми его организациями и группировками, с другой стороны. Ленинизм не пытался командовать пролетариатом сверху, но и никогда не растворялся в массе, - именно поэтому он завоевал руководство пролетариатом.

Да, фашизм сейчас во всем мире надвигается семимильными шагами. Но в чем его сила? В растерянности рабочих организаций, в панике рабочей бюрократии, в вероломстве вождей. Достаточно пролетариату одной страны дать реакционной сволочи беспощадный отпор и, перейдя в наступление, завладеть властью, как наступление фашизма сменится паническим отступлением и распадом. Между СССР и Советской Францией диктатура наци не продержалась бы и двух недель. Муссолини не замедлил бы последовать в преисподнюю за Гитлером. Отпор возможен и необходим, из активной обороны родится наступление. Надо отбросить колебания и отодвинуть в сторону колеблющихся, - они присоединятся позже, - надо, чтобы авангард авангарда уже сегодня сплотил на международной арене свои ряды. Потрясенные и взбудораженные неслыханными бедствиями и опасностями массы жаждут ответа и требуют руководства. Это руководство надо создать!

Величайшая из опасностей - опасность новой войны.

Все слышат глухой подземный шум близкого нового столкновения народов. Вожди социал-демократии и профсоюзные бюрократы в качестве патриотов, т. е. наемников империализма, готовятся снова стать поставщиками пушечного мяса для своих капиталистических господ. Под видом "защиты отечества" они готовят истребление народов. Тем временем Коминтерн пустыми выкриками и ругательствами заменяет революционную мобилизацию масс города и деревни и при помощи маскарадных съездов тщетно пытается прикрыть свое бессилие. Предотвратить новую войну или опрокинуть ее последствия на голову эксплуататоров пролетариат может не иначе, как радикально перегруппировав свои ряды на новых основах, под знаменем нового Интернационала. Небольшое инициативное меньшинство может сыграть в условиях войны решающую роль. Вспомним Либкнехта, вспомним Розу Люксембург, вспомним Ленина!

Только жалкие филистеры могут говорить о нашем "сектантстве". Готовить завтрашний день - не сектантство, а революционный реализм. Всем рабочим

организациям мы предлагаем конкретную программу действий на основе единого пролетарского фронта. Активную самооборону пролетариата мы ставим как центральную задачу сегодняшнего дня. Сила против силы! Рабочая милиция есть единственное орудие в борьбе с бандами фашизма, к которым официальная полиция раньше или позже придет на помощь.

Но рабочая милиция - не для парадов и театральных забав, а для суровой борьбы. Рабочая милиция - вооруженный кулак пролетариата. Двумя ударами отвечать на удар. Вести войну на истощение и на истребление. Не давать фашистскому врагу поднять голову. Преследовать его по пятам.

Всеобщая стачка во Франции 12 февраля была внушительным предостережением, но не более того. Почуввав опасность, враг удвоил, утроил, удесятирил усилия. Отстоять свои позиции и завоевать новые рабочие Франции, как и всего мира, смогут не иначе, как путем героических боев. Революционная оборона должна стать великой школой наступления. Рабочие Франции показали, что в их крови не потухло пламя революций, завершившихся Парижской Коммуной. Но одной готовности к борьбе, как свидетельствует Австрия, недостаточно. Нужно умение, нужна организация, нужен план, нужен штаб.

12 февраля, в день всеобщей стачки и мощных демонстраций, рабочие Франции навязали на 24 часа единый фронт двум бюрократическим аппаратам. Но это была импровизация, а для победы нужна организация. Естественным аппаратом единого фронта в боевые дни является пролетарское представительство, депутаты от заводов и цехов, от рабочих кварталов и профессиональных союзов: советы. задолго до того, как стать органами власти, советы являются революционными аппаратами единого фронта. В честно избранных советах меньшинство подчиняется большинству. В эту сторону ведет властная логика борьбы. В эту сторону надо направить сознательные усилия.

Франция пролетариата стоит сейчас на исторической очереди. Во Франции снова решаются судьбы не только Франции, но и Европы, в последнем счете всего мира. Если бы фашизму удалось сломить французский пролетариат, вся Европа окрасилась бы в черную краску. И, наоборот, победа французского пролетариата в нынешних условиях далеко превзошла бы по своему историческому значению даже Октябрьскую победу пролетариата в России.

Рабочие всего мира!

Лучше и вернее всего вы можете помочь французскому пролетариату непримиримой борьбой против вашей собственной буржуазии. Отбирайте под огнем неприятеля самых бесстрашных, самых дальновзорких, самых преданных и сплавляйте их в отряды Четвертого Интернационала. Зовите и ведите трудящиеся, угнетенные и безработные массы на борьбу. Проникайте во все организации! Разъясняйте, будите, сплавляйте. Не теряйте ни дня, ни часа.

ЗА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРОЛЕТАРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ПЕЧАТИ!

ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА!

ЗА ОСНОВНОЕ ПРАВО - НА КУСОК ХЛЕБА!

ПРОТИВ РЕАКЦИИ! ПРОТИВ БОНАПАРТИСТСКОЙ ПОЛИЦЕЙЩИНЫ! ПРОТИВ
ФАШИЗМА!

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МИЛИЦИЮ!

ЗА ВООРУЖЕНИЕ РАБОЧИХ!

ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ РЕАКЦИИ!

ПРОТИВ ВОЙНЫ - ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ!

ЗА НИЗВЕРЖЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА!

ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА!

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО!

* * *

ПРОЛЕТАРИИ ОБОИХ ПОЛУШАРИЙ!

Первый Интернационал дал вам программу и знамя. Второй Интернационал поднял на ноги великие массы. Третий Интернационал показал пример смелого революционного действия. Четвертый Интернационал даст мировую победу!

ПЛЕНУМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО СЕКРЕТАРИАТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИГИ КОММУНИСТОВ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
(большевиков-ленинцев)

Женева, март 1934 года

(Переведено с французского,

В е р н о : Сер.)

/Dictated by L.T[rotsky] directly. Note about translation from French
inserted because of security reasons/

/This information is from JvH/449

[Письмо Н. И.Седовой]450

Милая Наталочка, пишу страшно спешно. Раймон решил более не заезжать сюда, ехать прямо в Париж. В четверг, надеюсь, ты будешь уже здесь. Природа и климат очень хороши. Не знаю, как быть насчет моей одежды: парусина здесь не в ходу, буду выделяться, летнее пальто мое и шляпа тоже чрезмерно выделяются (у пальто подкладка сечется совсем), - пожалуй, нужно захватить и тяжелые ботинки для прогулок - или не стоит?

Ты сама решишь, да можно и позже, по почте, разрешить кое-какие из этих трудностей.

Обнимаю тебя крепко.

Привет и поцелуй Ж[анне] и Л[еве].

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Апрель 1934 г.]

[Письмо М.Парижанину]451

9 июля 1934 [г.]

Дорогой тов. Парижанин,

Спасибо за последнюю книжку "Humbles"⁴⁵² и приложение "Superbes"⁴⁵³. Под вой шакалов дружеские голоса вдвойне отраднее. Наталье Ивановне статьи вашего журнала доставляют нравственное удовлетворение и это радует меня.

Я работаю над своей книгой о Ленине, не отрываясь. Мне надо было бы сидеть в Национальной библиотеке⁴⁵⁴ и наводить бесчисленные справки, - увы, это недоступно. Друзья доставляют книги в мое уединение большими пакетами, это создает затруднения и промедление. Далеко не всегда можно достать то, что нужно. Но я надеюсь все же, что серьезных пробелов не будет.

Посылаю через Ридера для вас первые две главы: вы, ведь, надеюсь, попрежнему согласны переводить эту работу?

Горячий привет вам и вашим друзьям.

[Л.Д.Троцкий]

Советы в Америке?

- Не думаете ли вы, что наша NRA⁴⁵⁵ готовит почву для ваших советов?

Вопрос из уст Купера прозвучал для Трошина неожиданно. Пароход сильно покачивало, и Трошин чувствовал себя не на высоте. Чуть заметная ирония в тоне Купера слегка задела его. Он ответил не без раздражения:

- Когда вы решите заводить советы, рекомендую вам выработать для них собственный стандарт: Наш вам не подойдет.

Оба были инженеры, связанные если не дружбой, то приятельскими отношениями еще со времени войны, когда Трошин, чистокровный москвич, работал в качестве эмигранта на заводах Чикаго. Купер, чистокровный янки, уже четвертый год состоял на советской службе. Сейчас оба ехали в Америку в составе миссии по заказам. Каждый уважал в другом знания, опыт и талант, но и видел изъян: Трошин представлялся Куперу техническим мечтателем и немножко дилетантом; Купер казался Трошину упрямым эмпириком. Спорили они нередко, но никогда не переходили в область политики - отчасти из такта, отчасти по осторожности. Разговоры первых трех дней совместной езды на пароходе прошли в старых тонах: вперемежку с обменом пароходными впечатлениями рассуждали о предстоящих в Америке заказах. Купер в сотый раз обвинил Трошина в варварском пристрастии к "гигантизму", Трошин отвечал в тон, что крылья американской технической мысли изрядно подсечены кризисом. Только на четвертый день, прочитав захваченную с собой в дорогу книжку о NRA, Купер задал неожиданный вопрос насчет американских советов. Может быть, приближение к родным берегам развязало ему язык.

- Американские советы, - продолжал Трошин уже более благожелательно, - будут отличаться от русских советов не менее, чем Соединенные Штаты Рузвельта отличаются от России Николая II. Если, конечно, вообще допустить, с вашего позволения, что советы когда-либо возникнут в Америке.

- Сделаем совместно такое фантастическое допущение. Как вы, Трошин,

представляете себе возникновение у нас советов? И как они будут выглядеть? И как мы, янки, - поглядите, пожалуйста, на меня, - уложимся на это прокрустово ложе?

- Советская Америка не могла бы появиться на свет иначе, чем появилась независимая и демократическая Америка: путем революции. При этом вы побили изрядное количество посуды: это в вашем темпераменте. Я думаю, Купер, что вы лично приняли бы весьма энергичное участие в драке, хотя я и не вполне уверен, на какой стороне.

- Ваше замечание, Трошин, есть неслыханный по дерзости намек на то, что я - человек без принципов?

- О, к чему же так строго... Вы, конечно, считаете себя непоколебимым индивидуалистом. Но вы с бешеной энергией (о таланте я умалчиваю) работали в советской промышленности, не как спец, а как спортсмен; я не хочу, как видите, обидеть вас именем энтузиаста. Никогда нельзя знать, какую шутку сыграет с вами при наступлении больших событий ваш темперамент и ваш эмпиризм. Одно несомненно: вместе с другими вы будете бить посуду. Однако накладные издержки вашей революции, если не в абсолютных цифрах, то в процентах, будут совершенно ничтожны по сравнению с тем, что было у нас. Вы удивлены? Но гражданскую войну, дружище, ведут не верхние 5-10%, которые сосредоточивают в своих руках 90% национальной собственности, - для этого они слишком малочисленны и слишком любят комфорт, - свою армию контрреволюция может составить лишь из мелких собственников. Однако ваши фермеры и мелкий люд городов могут поддержать и революцию, если только она окажется способна открыть им перспективу спасения. Нынешний кризис внес чрезвычайные опустошения во все промежуточные слои и нанес сокрушительный удар фермерству, уже достаточно ослабленному в предшествующее десятилетие. Трудно было бы ждать со стороны этих классов, которым, увы, нечего терять, большого политического сопротивления революции, при условии, разумеется, что новый режим поведет по отношению к ним разумную и дальновидную экономическую политику. Прочно овладев командными высотами - банками и основными отраслями промышленности и транспорта - советское правительство предоставит фермерам, а также мелким промышленникам и торговцам неопределенно долгий срок на размышление и принятие окончательного решения. Дальнейшее будет зависеть от успехов национализированной промышленности. Здесь я жду от вас настоящих чудес, Купер. "Технократия" осуществима только при советском режиме, когда будут сняты перегородки частной собственности. Самые смелые проекты комиссии Гувера по стандартизации и рационализации⁴⁵⁶ покажутся детской забавой по сравнению с новыми возможностями. Национальная промышленность будет построена по схеме конвейера: это и есть план, перенесенный с отдельного предприятия на все хозяйство. Издержки производства окажутся сокращены не в два, а в пять и более раз. Покупательная сила фермерского доллара быстро возрастет. Для начала этого достаточно. Но советы не преминут создать и свои собственные образцовые сельскохозяйственные предприятия гигантского масштаба как школу добровольной коллективизации. Ваши фермеры - отличные

калькуляторы, если не статистики. Каждый из них выведет в свое время нужный ему сравнительный баланс: оставаться ли ему и дальше изолированным звеном или включиться в общую цепь? Одновременно с этим советы отведут в своем промышленном плане достаточно широкое место для всех жизнеспособных средних и мелких предприятий: эти последние будут получать от государства, от местных советов, от кооперативов обеспеченные заказы, необходимые кредиты и сырье. Постепенно и без всякого принуждения они будут втягиваться в круговорот обобществленного хозяйства. Те педагогические методы воздействия на мелкую буржуазию, которые оказались не по плечу советам нашей отсталой страны с преобладанием полунищего и неграмотного крестьянства, окажутся вполне применимы в Соединенных Штатах. Незачем пояснять вытекающие отсюда выгоды: развитие получит более плавный характер, сократятся накладные расходы социальных конфликтов, повысится коэффициент культурного роста.

- Вы забываете нашу англосаксонскую религиозность, важнейшую опору социального консерватизма?

- Нельзя, Купер, задавать задачу с противоречащими друг другу данными. Если вы хотите представить себе перспективу американских советов, вы должны исходить из того, что давление социального кризиса, как не раз бывало в истории, окажется сильнее всех психологических тормозов: одни из них быстро перегорят, другие будут перестроены в соответствии с обстоятельствами... Не забывайте, что в самой Евангелии⁴⁵⁷ есть афоризмы, похожие на динамит.

- А что вы сделаете, позвольте осведомиться, с верхами нашего капиталистического мира?

- Я надеюсь на вашу изобретательность, Купер. В распоряжении тех, которые на захотят мириться с новым режимом, вы, вероятно, представите живописный остров, пожизненную ренту и право устраиваться, как желают сами.

- Вы очень великодушны, Трошин!

- Это моя слабость, Купер.

- Но вы как будто не принимаете в расчет возможности военной интервенции, которая способна весьма повысить "накладные расходы" советской революции. Не воображаете ли вы, оптимистический Трошин, что Япония, Великобритания и другие капиталистические страны молча примут советский переворот в Америке?

- Им ничего другого не останется, Купер. Раз вы допускаете, по крайней мере в теории, такое углубление социального кризиса, которое приведет к установлению советов в Соединенных Штатах, самой могущественной крепости капитала, то вы обязаны допустить однородные процессы и в других странах. Полуфеодалная Япония выйдет из строя, по всей вероятности, еще до того, как в Америке установятся советы. Тот же прогноз надо распространить и на Великобританию... Во всяком случае безумием была бы самая мысль об отправке королевского британского флота против советской Америки! Какой-нибудь десант в южной половине континента? Безнадежное предприятие, которое не вышло бы за пределы второстепенного военного эпизода! Через несколько месяцев, может быть, уже недель после установления у нас советского режима - заметьте себе

это твердо, Купер - государства центральной и южной Америки оказались бы притянуты нашей федерацией, как опилки - магнитом. Та же участь постигла бы и Канаду. Движение народных масс в этих странах было бы настолько непреодолимым, что величайший объединительный процесс совершился бы в короткий срок и с ничтожными жертвами. Я готов держать пари, что к первой годовщине возникновения первого американского совета ваш континент превратится в Советские Соединенные Штаты Северной, Центральной и Южной Америки. Доктрина Монро⁴⁵⁸ впервые получила бы вполне законченное, хотя и непредвиденное ее автором выражение. Что касается столицы, Купер, то ее придется перенести в Панаму.

- Вот как?... Но вы мне не ответили: готовит ли Рузвельт пришествие советов или нет?

- Вы слишком проникательны, Купер, чтоб задавать такой вопрос. NRA хочет справиться с трудностями не для разрушения, а, наоборот, для укрепления капиталистического строя. Советы могут возникнуть не из голубого орла⁴⁵⁹, а из непобежденных им трудностей. Самые "левые" профессора вашего brains trust ⁴⁶⁰ - не революционеры (revolutionists), а лишь встревоженные консерваторы. Ваш президент ненавидит "системы" и "общие идеи". Между тем, советский режим есть воплощенная система, общая идея в действии.

- Хорошо. Вы благополучно преобразовали конституцию нового света от Аляски до мыса Горн, обеспечили наше международное положение и переместили нашу столицу. Прежде чем поблагодарить вас за этот геркулесов труд, я хотел бы все-таки знать, не придется ли после всего этого мне, инженеру Куперу, с привычками к ростбифу, сигаре и автомобилю сесть на голодный паек, носить два башмака разной формы, читать в одной и той же навязанной мне газете одни и те же стандартные фразы, выбирать в совет тех, кого мне укажут сверху, голосовать за решения, уже принятые без меня, держать свои действительные мысли про себя и под страхом ссылки хвалить každодневно посланного мне судьбою вождя. Если так, то я заранее возвращаю билет на право входа в этот рай, чтоб укрыться на одном из тихоокеанских островов, который вы милостиво предоставите вырождающейся расе индивидуалистов.

- Не спешите укрываться на острове, Купер, вы там погибнете с тоски. Каким образом можете вы очутиться на голодном пайке, если сегодня вы вынуждены искусственно ограничивать площадь посева и размеры производства? В России приходится в течение вот уже скоро двух десятилетий почти заново создавать основные отрасли производства. У вас в Америке, наоборот, могущественные технические средства парализованы кризисом и требуют применения. Успехи планового начала достигались и достигаются у нас за счет повседневного потребления масс; у вас, наоборот, сам план возрождения хозяйства должен с первых шагов исходить из быстрого роста потребления народа. Нигде изучение внутреннего рынка - банками, трестами, отдельными предпринимателями, купцами, коммерческими агентами, фермерами - не достигло такого развития, как в Соединенных Штатах. Советское правительство начнет с уничтожения коммерческой тайны; оно объединит и обобщит методы

капиталистической калькуляции, превратив их в методы хозяйственного учета и плана. С другой стороны, культурный и требовательный потребитель не допустит невнимания к себе. Сочетание демократической кооперации, государственной торговой сети и частной торговли обеспечит гибкую систему обслуживания потребностей населения. Ваш ростбиф вам обеспечен, Купер, без перебоев.

- Под квитанцию за тремя подписями?

- Нет, в обмен на звонкую монету. Вашему доллару, заметьте себе, предстоит в регулировании советского хозяйства решающая роль. В корне неверно противопоставлять плановое хозяйство денежному. "Регулируемые" деньги - да простят меня ваши радикальные профессора - есть академическая фикция, которая неминуемо ведет к расшатыванию внутренних пропорций во всех отраслях хозяйства, причем расстройство принимает молекулярный характер, деформируя самые глубокие и интимные процессы обращения и производства.

- Но в Советском Союзе?..

- У нас, увы, из горькой нужды делают официальную добродетель. Отсутствие устойчивого, т. е. золотого, рубля является важной причиной многих бедствий и болезней нашего хозяйства. Действительное регулирование заработной платы, цен на жизненные продукты и качество товаров немислимо без твердой денежной системы. Шаткий рубль в плановом хозяйстве - то же, что изменчивые лекала в серийном производстве. Конечно, когда социалистический режим на основе большого опыта научится мерами одной лишь административной техники обеспечивать свое экономическое равновесие, деньги потеряют значение измерителя и регулятора, они превратятся в простые квитанции, вроде трамвайных или театральных билетов; при дальнейшем росте социалистического богатства отпадает необходимость даже и в этих квитанциях: когда всего будет хватать с избытком для всех, не понадобится больше контроль над индивидуальным потреблением. Америка достигнет такого уровня, несомненно, раньше всех. Но прийти к безденежному хозяйству можно не иначе, как обеспечив предварительно динамическую гармонию всех социальных функций. Нельзя разрешить такую грандиозную задачу посредством одного лишь административного наития и поощрительных речей по радио. Плановое хозяйство на первых своих стадиях, т. е. в течение ряда лет, еще более нуждается в твердой денежной единице, чем либеральный капитализм. Кто начинает с регулирования денежной единицы в целях регулирования всего хозяйства, тот очень похож на человека, пытающегося поднять в воздух обе ноги...

- Вы намекаете, Трошин, на нашу современную денежную политику?

- Я ни на что не намекаю. Я хочу только сказать, что Советская Америка будет располагать достаточно могущественным золотым фундаментом для незыблемого доллара. Какое неоценимое преимущество! Вы знаете, Купер, наши коэффициенты роста: 20-30 % в год! Но вы знаете и слабую сторону этой небывалой динамики: технически-производственным результатам далеко не соответствует полезный экономический эффект. Одной из причин диспропорции является вынужденное подчинение нашей денежной системы административному субъективизму. Вы будете избавлены от этого зла. Доллар американских советов

окажется подкован на все четыре ноги. Ваши коэффициенты роста будут не только технически, но и экономически далеко превосходить наши. Последствия ясны: материальный, а следовательно, и культурный уровень населения станет повышаться на десятки процентов в год.

- Трошин, если вы хотите меня осчастливить тремя, даже четырьмя парами стандартных штанов не по мерке и принудительной подпиской на полное собрание сочинений Фостера...

- Вы снова намекаете, Купер, на незавидное положение нашего массового потребителя. Мне ли против этого спорить? Причины недостатка и плохого качества предметов потребления мною уже отмечены: нищее наследство старого режима, низкий культурный уровень крестьянства, необходимость создавать средства производства за счет фондов потребления, хроническая денежная инфляция и наконец - last but not least⁴⁶¹ - бюрократизм.

- Скажите: чудовищный бюрократизм, Трошин.

- Да, чудовищный бюрократизм, Купер. Но вы вовсе не обязаны воспроизводить его. Недосток насущных жизненных благ порождает у нас борьбу всех против всех из-за лишнего фунта хлеба, из-за метра ситца. Бюрократия выступает как примирительница, как всеильный третейский судья. Но вы неизмеримо богаче и без труда сможете обеспечить страну всем необходимым. Потребности, вкусы и привычки вашего населения не таковы, чтоб бюрократия могла бесконтрольно распоряжаться национальным доходом. Организация социалистического хозяйства как средство для наилучшего удовлетворения человеческих потребностей захватит за живое все наше население и вызовет в нем группировку новых течений и партий, со страстной борьбой между ними...

- Вы плохой большевик, Трошин. Вы говорите о борьбе партий при советском режиме. На вас вредно действует приближение к капиталистическим берегам. Вы перерождаетесь на моих глазах. Вы за демократию или за диктатуру?

- Я за советскую демократию, Купер. Советы - очень пластичная и гибкая правительственная форма, и в этом одно из их преимуществ; но именно поэтому советы не могут совершать чудес, они лишь преломляют через себя давление социальной среды. Бюрократизация наших советов как результат политической монополии одной партии, тоже превратившейся в бюрократический аппарат, есть результат исключительных трудностей развития социалистических пионеров в бедной и отсталой стране. В свою очередь бюрократизация режима пагубно отражается на нашем хозяйстве, на нашей литературе, на нашем искусстве, на всей нашей культуре. Американские советы я представляю себе в высшей степени полнокровными. Диктатура? Конечно, сторонники капиталистического режима не найдут себе места в советах. Нелегко, признаюсь, представить себе Генри Форда председателем совета в Детройте. Но на основах советского режима не только возможна, но и неизбежна широкая борьба интересов, программ и группировок. Годовой, пятилетний, десятилетний планы хозяйства; системы народного образования; проведение великих магистралей; преобразование

фермерского хозяйства; приобщение Южной Америки к высшим техническим и культурным достижениям; проблема стратосферических сообщений; проблема улучшения расы - каждая из этих задач будет создавать соревнование доктрин и школ, борьбу группировок при выборах в советы, страстную полемику в газетах и на собраниях.

- Пахнет свободой печати, Трошин. Берегитесь!

- Неужели же вы думаете, Купер, что монополизация печати в руках правящей бюрократической верхушки СССР есть норма? Нет, это только временное уродство, какими бы историческими обстоятельствами оно не вызывалось.

- Но сосредоточение всех типографий, всех фабрик бумаги, всех средств транспорта в руках государства автоматически передаст и у нас всю прессу в руки правительства, которое не преминет, конечно, установить догмат своей непогрешимости.

- Национализация средств печатания есть чисто отрицательная мера. Она означает лишь, что частный капитал не может больше решать, какое издание надо поставить: прогрессивное или реакционное, "сухое" или "мокрое", пуританское или порнографическое. Как распределять и применять обобществленные средства печати, - этот важный вопрос вашим советам придется решать заново. Отправным критерием может служить распределение голосов при выборах в советы. Каждая группировка граждан будет иметь право на печатные средства, соответствующие ее численности. Тот же принцип будет применен к залам для собраний, к радио и пр. Идеиные коллективы, а не индивидуальные чековые книжки будут решать вопрос о направлении и духе изданий. Вы скажете, что при таком порядке новое идейное течение, новая философская или эстетическая школа, еще не имеющие за собой поддержки числа, не найдут для себя ни бумаги, ни линописа. Аргумент, не лишенный интереса! Но он означает лишь, что новой идее при всяком режиме приходится и придется доказывать свои права на существование. При советском режиме это будет во всяком случае легче, чем ныне. Богатая советская Америка сможет выделять грандиозные фонды для открытий, изобретений, экспериментов во всех областях человеческого творчества, материального и духовного. Ни смелые архитекторы и скульпторы, ни новаторы-поэты, ни дерзкие философы не окажутся в обиде. А я думаю, не скрою от вас, Купер, что янки призваны в ближайшую эпоху сказать новые слова также и в тех областях, в которых они оставались до последнего времени учениками Европы. Я недаром провел четыре года в вашей стране, главным образом на ваших заводах, чтоб суметь понять, какой сдвиг ваша техника произвела в судьбах человечества. Не иначе как с презрением я могу относиться к тому фальшиво высокомерному тону, в каком принято в известных кругах Европы говорить об "американизме", особенно со времени нынешнего кризиса. В известном смысле я готов даже сказать, что только американизм положил окончательный водораздел между средневековьем и новой историей человечества. Но вы покоряли природу так бурно и страстно, что не имели времени ни обновить методы вашей теоретической мысли, ни выработать собственное искусство. Вы росли и богатели по законам простого силлогизма.

Непрерывные материальные успехи создали у вас на старых пуританских дрожжах религию практического рационализма. Оттого вы остались невосприимчивы к Гегелю, к Марксу, в сущности, и к Дарвину. Вы удивляетесь, Купер? Между тем сожжение дарвиновских лжеучений баптистскими жрецами Теннесси (Tennessee) только в грубой форме выразило отвращение большинства американцев к доктрине эволюции. Дело здесь не в одних религиозных предубеждениях, а в общем складе мысли. Атеистические янки проникнуты рационализмом не менее, чем квакеры⁴⁶². Правда, ваш рационализм не имеет в себе ничего беспощадного, картезианского⁴⁶³, якобинского: он ограничен и смягчен вашим эмпиризмом и вашим морализмом. Но в таком виде ваш философский метод еще более отстает от вашей техники и от вашего исторического призвания. Вы в сущности впервые сталкиваетесь ныне по-настоящему с теми социальными противоречиями, которые складываются за спиной людей. Вы победили природу при помощи орудий, созданных вашим гением; но вы поставлены на колени вашими собственными орудиями. Невыносимые бедствия, выросшие, наперекор всем предвидениям, из невиданного богатства, учат вас той истине, что силлогизм Аристотеля⁴⁶⁴ не охватывает законов развития общества. Вы вошли, наконец, в школу диалектики, и вошли крепко; возврата назад, к методологии XVII и XVIII веков, для вас уже нет. Не жалеете об этом, Купер! Прививка диалектики к крепкому стволу вашей мысли обещает превосходные плоды. Я заранее предвкушаю их. В области обобщающей мысли, поэзии, всех вообще искусств вы призваны в ближайшие десятилетия сделать большой вклад. Он будет стоять на уровне вашей техники, которая, впрочем, сама еще не осознала полностью заложенные в ней неизмеримые возможности... В то время как романтические тупицы национал-социализма мечтают восстановить расу Тевтобургского Леса⁴⁶⁵ во всей ее первобытной чистоте, или, вернее, грязи, вы, американцы, овладев своим хозяйством и культурой, примените истинно научные методы также и в области воспроизводства человеческих поколений; из вашего тигеля рас выйдет через сотню лет новый человек, достойный, наконец, этого имени.

- Вы серьезно надеетесь на это, Трошин?

- Я надеюсь на большее: на третьем году советской власти вы перестанете жевать chewing gum⁴⁶⁶. Истинно говорю вам: Andrew Jackson⁴⁶⁷ войдет в царство небесное, если этого захочет. А он не может этого не хотеть.

- Вы очень великодушны к нашему завтрашнему дню, Трошин. Но не воображайте в своем высокомерии, что вы убедили меня. В вас сидит поэт, испорченный хорошим инженером. Вы слишком легко справились на словах с опасностью советского бюрократизма, Трошин... Но чу! Гонг зовет нас обедать. Я уничтожу вас завтра. От вашей хваленой диалектики посыплется пух и перья.

Л.Троцкий

17 августа 1934 [г.]

По поводу письма т. Икслагора⁴⁶⁸ из Капштадта⁴⁶⁹

Утверждение, что Биробиджан есть "левый сионизм" кажется мне совершенно

неправильным. Сионизм отвлекает рабочих от классовой борьбы несбыточными надеждами на еврейское государство при капиталистических условиях. Но рабочее государство обязано создать для евреев, как и для всякой другой нации, наиболее выгодные условия культурного развития. Это значит, в частности: предоставить всем тем евреям, которые пожелают иметь свои школы, свою печать, свои театры и пр., особую область для самоуправления и развития. Так же точно поступит и международный пролетариат, когда он станет хозяином всего земного шара. Никакого спасения в национальной области - наоборот, всестороннее материальное содействие культурным потребностям всех национальностей и этнических групп. Если тем или другим национальным группам суждено сойти со сцены (в национальном смысле), то это должно произойти в порядке естественного процесса, а не в результате тех или других территориальных, экономических или административных затруднений и препятствий.

Л.Троцкий

22 сент[ября] 1934 г.

Куда идет Франция?

На этих страницах мы хотим объяснить с передовыми рабочими о том, какая судьба ждет Францию в ближайшие годы. Под Францией мы подразумеваем не биржу, не банки, не тресты, не правительство, не генералитет, не духовенство, - это все угнетатели Франции, - а рабочий класс и эксплуатируемое крестьянство.

Крушение буржуазной демократии

После войны произошел ряд революций, одержавших блестящие победы: в России, в Германии, Австро-Венгрии, позже - в Испании. Но только в одной России пролетариат полностью захватил власть в свои руки, экспроприровал своих эксплуататоров и сумел благодаря этому создать и сохранить рабочее государство. Во всех других случаях пролетариат, несмотря на победу, останавливался по вине своего руководства на полдороге. В результате этого власть ускользала из его рук и, передвигаясь слева направо, становилась добычей фашизма. В ряде других стран власть попала в руки военной диктатуры. Ни в одной из этих стран парламент не оказался в силах примирить классовые противоречия и обеспечить мирный ход развития. Спор разрешался с оружием в руках.

Правда, у нас, во Франции, долго думали, что фашизм не может иметь к нам никакого отношения. У нас ведь республика, все вопросы решает суверенный народ посредством всеобщего голосования. Но 6 февраля несколько тысяч фашистов и роялистов, вооруженных револьверами, кастетами и бритвами, навязали стране реакционное правительство Думерга, под покровительством которого фашистские банды продолжают расти и вооружаться. Что готовит нам завтрашний день?

Правда, во Франции, как и в некоторых других странах Европы (в Англии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Скандинавских государствах) существуют еще парламенты, выборы, демократические свободы или их остатки. Но во всех этих странах классовая борьба обостряется в том же направлении, в каком она развивалась раньше в Италии и Германии. Кто утешает себя фразой: "Франция - не Германия", тот безнадежен. Во всех странах действуют ныне одни и те же исторические законы: это законы капиталистического упадка. При дальнейшем сохранении средств производства в руках кучки капиталистов обществу спасения нет. Оно осуждено идти от кризиса к кризису, от нужды к нищете. В разных странах последствия одряхления и распада капитализма оказываются в разной форме и развиваются неодинаковым темпом. Но суть процесса не одна и та же везде. Буржуазия довела свое общество до полного банкротства. Она не способна обеспечить народу ни хлеб, ни мир. Именно поэтому она не может больше терпеть демократический порядок. Она вынуждена подавлять рабочих при помощи физического насилия. Но справиться с недовольными рабочими и крестьянами одной полицией невозможно. Пускать армию в ход против народа слишком часто нельзя: она начнет разлагаться и кончит тем, что большая часть солдат перейдет на сторону народа. Крупный капитал вынужден поэтому создавать особые вооруженные банды, специально дрессированные против рабочих, как известные породы собак дрессируются против дичи. Историческое назначение фашизма состоит в том, чтобы подавить рабочий класс, разгромить его организации, задушить политическую свободу в тот час, когда капиталисты оказываются уже неспособны править и господствовать при помощи демократической механики.

Человеческий материал фашисты находят главным образом в среде мелкой буржуазии. Она вконец разорена крупным капиталом. При нынешнем общественном строе спасения для нее нет. Но она не знает и другого выхода. Ее недовольство, возмущение, отчаяние фашисты отвращают от крупного капитала и направляют на рабочих. Можно сказать, что фашизм есть операция вывиха мозгов мелкой буржуазии в интересах ее злейших врагов. Так крупный капитал сперва разоряет средние классы, затем при помощи наемной агентуры фашистских демагогов натравливает впавшую в отчаяние мелкую буржуазию на пролетариат. Только такими разбойничьими средствами буржуазный режим и способен еще держаться. До каких пор? До тех пор, пока его не опрокинет пролетарская революция.

Начало бонапартизма во Франции

Во Франции движение от демократии к фашизму задержалось пока на первом этапе. Парламент еще существует, но прежней власти он не имеет и никогда больше не вернет ее себе. Перепуганное насмерть большинство парламента призвало после 6 февраля к власти Думерга, спасителя, третейского судью. Его правительство стоит над парламентом. Оно опирается не на "демократически" избранное большинство, а прямо и непосредственно на бюрократический аппарат, на полицию и армию. Именно поэтому Думерг не может терпеть никакой свободы

для чиновников и вообще служащих государства. Ему нужен покорный и дисциплинированный бюрократический аппарат, на вершине которого он мог бы стоять без опасения свалиться. Парламентское большинство вынуждено склоняться перед Думергом из страха перед фашистами и перед "общим фронтом". Сейчас много пишут о предстоящей "реформе" конституции, о праве роспуска палаты депутатов и прочее. Все эти вопросы имеют лишь юридический интерес. В политическом смысле вопрос уже разрешен. Реформа совершилась без поездки в Версаль. Появление на открытой арене вооруженных фашистских банд дало возможность агентам крупного капитала подняться над парламентом. В этом и состоит сейчас сущность французской конституции. Все остальное - иллюзии, фразы или сознательный обман.

Нынешняя роль Думерга (как и его возможных преемников, вроде Тардьё) не нова. Сходную роль при других условиях играли Наполеон I и Наполеон III. В этом состоит суть бонапартизма: опираясь на борьбу двух лагерей, он при помощи бюрократически-военной диктатуры спасал "нацию". Наполеон I представлял бонапартизм буйной молодости буржуазного общества. Бонапартизм Наполеона III относится к тому времени, когда у буржуазии уже появилась лысина. В лице Думерга мы видим синильный бонапартизм буржуазного заката. Правительство Думерга означает первую ступень перехода от парламентаризма к бонапартизму. Для поддержания равновесия Думергу необходимы справа от него фашистские и иные банды, которые доставили ему власть. Требовать от него, чтоб он распустил - не на бумаге, а в действительности - Лигу патриотов⁴⁷², Огненный крест⁴⁷³, королевских громил⁴⁷⁴ и прочее, значит требовать, чтоб он подрубил сук, на котором сидит. Временные колебания в ту или другую сторону, разумеется, возможны. Так, преждевременное выступление фашизма могло бы вызвать на правительственных верхах некоторый сдвиг "влево". Думерга сменил бы на время не Тардьё, а Эррио. Но, во-первых, нигде не сказано, что фашисты произведут преждевременную попытку переворота. Во-вторых, кратковременный сдвиг влево на верхах не изменит общего направления развития, а разве лишь отодвинет несколько развязку. Назад, к мирной демократии дороги уже нет. Развитие ведет неминуемо, неотвратно, к столкновению между пролетариатом и фашизмом.

Долговечен ли бонапартизм?

Сколько времени может продержаться нынешний переходный, бонапартистский режим? Или иначе сказать: сколько времени останется еще у пролетариата для подготовки к решающему бою? На этот вопрос нельзя, конечно, ответить точно. Но некоторые данные можно все же установить для оценки быстроты развития всего процесса. Важнейшим элементом для суждения является вопрос о дальнейшей судьбе радикальной партии⁴⁷⁵.

Возникновением своим нынешний бонапартизм обязан, как сказано, началу гражданской войны между крайними политическими лагерями. Свою главную материальную опору он находит в полиции и армии. Но у него есть и политическая опора слева: это партия радикал-социалистов. Базу этой массовой

партии составляет мелкая буржуазия города и деревни. Верхушку партии образуют "демократические" агенты крупной буржуазии, которые изредка давали народу мелкие реформы, а чаще всего - демократические фразы, спасали его каждый день (на словах) от реакции и клерикализма, а во всех важных вопросах вели политику крупного капитала. Под угрозой фашизма, а еще больше пролетариата радикал-социалисты оказались вынуждены перебежать из лагеря парламентской "демократии" в лагерь бонапартизма. Как верблюд под бичом погонщика, радикализм стал на все четыре колена, чтобы дать капиталистической реакции усестыя меж его горбов. Без политической поддержки радикалов правительство Думерга было бы в настоящее время еще невозможно.

Если сравнивать французское развитие с германским, то правительство Думерга (и его возможных преемников) будет соответствовать правительствам Брюнинга-Папена-Шлейхера, которые заполнили промежуток между веймарской демократией и Гитлером. Есть однако и разница, которая политически может получить огромное значение. Германский бонапартизм выступил на сцену, когда демократические партии растаяли, а наци успели вырасти в громадную силу. Три "бонапартистских" правительства в Германии, имея очень слабую собственную политическую опору, балансировали на веревке, протянутой над пропастью меж двумя враждебными лагерями: пролетарским и фашистским. Все три правительства скоро свалились. Лагерь пролетариата оказался к тому времени расколот, неподготовлен к борьбе, обманут и предан вождями. Наци почти без боя захватили власть.

Французский фашизм еще не представляет сейчас массовой силы. Наоборот, у бонапартизма есть хоть и не очень надежная и устойчивая, но массовая опора в лице радикалов. Между этими двумя фактами существует внутренняя связь. По социальному характеру своей опоры радикализм есть партия мелкой буржуазии. А фашизм может стать массовой силой, только завоевав мелкую буржуазию. Другими словами: во Франции фашизм может развиваться прежде всего за счет радикалов. Процесс этот происходит уже и сейчас, но он находится еще в первоначальной стадии.

Роль партии радикалов

Последние кантональные выборы дали те результаты, каких можно и должно было ждать заранее: выиграла фланги, т. е. радикалы и рабочий блок, потерял центр, т. е. радикалы⁴⁷⁶. И выигрыши, и потери пока невелики. Если бы дело шло о парламентских выборах, те же явления приняли бы, несомненно, более значительные размеры. Наметившиеся сдвиги имеют для нас значение не сами по себе, а лишь как симптомы изменения в настроении масс. Они показывают, что мелкобуржуазный центр уже начал таять в пользу двух крайних лагерей. Это значит, что остатки парламентского режима будут все более и более подмываться; крайние лагеря будут расти; столкновение между ними приближаться. Нетрудно понять, почему этот процесс совершенно неотвратим.

Партия радикалов есть та партия, при помощи которой крупная буржуазия

поддерживала надежды мелкой буржуазии на постепенное и мирное улучшение ее положения. Такая роль радикалов была возможна лишь до тех пор, пока экономическое положение мелкой буржуазии оставалось сносным, терпимым, пока она не подвергалась массовому разорению, пока у ней сохранялась надежда на будущее. Правда, программа радикалов всегда оставалась пустой бумажкой. Никаких серьезных социальных реформ в пользу трудящихся радикалы не проводили и не могли проводить - этого не позволила бы им крупная буржуазия, в руках которой все действительные рычаги власти: банки и биржа, большая пресса, верхи бюрократии, дипломатия, генералитет. Но кое-какие мелкие подачки, особенно в провинциальном масштабе, радикалы время от времени отторговывали в пользу своих клиентов и этим поддерживали иллюзии народных масс. Так продолжалось до последнего кризиса. Сейчас для самого отсталого крестьянина становится ясно, что дело идет не об обычном скоро проходящем кризисе, как бывало не раз до войны, а о кризисе всей социальной системы. Нужны какие-то смелые и решительные меры. Какие? Этому крестьянин не знает. Никто этого ему как следует не сказал.

Капитализм довел средства производства до такой высоты, что они оказались парализованы нищетой народных масс, разоренных тем же капитализмом. Тем самым вся система вошла в эпоху упадка, разложения, гниения. Капитализм не только не может давать трудящимся новые социальные реформы или хотя бы мелкие подачки, он вынужден отнимать и старые. Вся Европа вступила в эпоху экономических и политических контрреформ. Политика грабежа и удушения масс вызывается не капризами реакции, а разложением капиталистической системы. Это есть основной факт, который должен быть усвоен каждым рабочим, если он не хочет, чтоб его дурачили словесными побрякушками. Именно поэтому реформистские, демократические партии распадаются и хиреют одна за другой во всей Европе. Такая же судьба ожидает и французских радикалов. Только совсем пустые люди могут думать, будто капитуляция Даладьё⁴⁷⁷ или прислужничество Эррио перед крайней реакцией являются результатом случайных, временных причин или недостатков характера у этих плачевных вождей. Нет! Большие политические явления должны всегда иметь глубокие социальные причины. Распад демократических партий есть универсальное явление, которое коренится в распаде самого капитализма. Крупная буржуазия говорит радикалам: "Мне теперь не до шуток! Если вы не перестанете кокетничать с социалистами и заигрывать с народом, обещая ему всякие небылицы, то я призову фашистов. Помните, что 6 февраля - только первое предупреждение!" И после этого радикальный верблюд становится на все четыре колена. Ничего другого ему и не остается.

Но радикализм не спасется таким путем. Связывая на глазах всего народа свою судьбу с судьбой реакции, он неизбежно ускоряет свою гибель. Утрата голосов и мандатов при кантональных выборах есть только начало. Дальше процесс крушения радикальной партии пойдет все быстрее и быстрее. Весь вопрос в том, кому на пользу пойдет это неудержимое и неизбежное крушение: пролетарской революции или фашизму? Кто раньше, шире, смелее предьявит

средним классам более убедительную программу, и - это важнее всего - кто завоеует их доверие, доказав им словом и делом, что он способен сломить все препятствия на пути к лучшему будущему: революционный социализм или фашистская реакция? От этого вопроса зависит судьба Франции на много лет. Не только Франции, но и всей Европы. Не только Европы, но и всего мира.

"Средние классы", радикальная партия и фашизм

Со времени победы наци в Германии во французских "левых" партиях и группах много разглагольствуют о необходимости держаться поближе к "средним классам", чтобы преградить дорогу фашистам. Фракция Реноделя и К^{||} отделилась от социалистической партии со специальной целью ближе держаться к радикалам. Но в тот самый час, когда Ренодель, живущий идеями 1848 года⁴⁷⁸, протянул обе руки Эррио, у последнего руки оказались заняты: одну держал Тардьё, другую - Луи Марен⁴⁷⁹.

Из этого, однако, меньше всего следует, будто рабочий класс может повернуться спиной к мелкой буржуазии, предоставив ее своей участи. О нет! Сближение с крестьянством и с мелким городским людом, привлечение их на нашу сторону есть необходимое условие успешной борьбы с фашизмом, не говоря уж о завоевании власти. Надо только правильно поставить задачу. А для этого надо ясно понять, какова природа "средних классов". Нет ничего опаснее в политике, особенно в критические периоды, как повторять общие формулы, не исследуя, какое под ними социальное содержание.

Современное общество состоит из трех классов: крупной буржуазии, пролетариата и "средних классов", или мелкой буржуазии. Взаимоотношение этих трех классов и определяет в последнем счете политическое положение в стране. Основными классами общества являются крупная буржуазия и пролетариат. Только у этих двух классов может быть ясная и последовательная самостоятельная политика. Мелкая буржуазия отличается экономической несамостоятельностью и социальной неоднородностью. Верхние слои ее непосредственно переходят в крупную буржуазию. Нижние слои сливаются с пролетариатом и падают даже до положения люмпен-пролетариата. Сообразно своему экономическому положению мелкая буржуазия не может иметь самостоятельной политики. Она всегда колеблется между капиталистами и рабочими. Ее собственный верхний слой толкает ее вправо; ее нижние, угнетенные и эксплуатируемые слои способны в известных условиях резко повернуть влево. Этими противоречивыми взаимоотношениями разных слоев "средних классов" определялась всегда путаная и насквозь несостоятельная политика радикалов, их колебания между картелем⁴⁸⁰ и социалистами, чтобы успокоить низы, и национальным блоком⁴⁸¹ с капиталистической реакцией, чтобы спасти буржуазию. Окончательное разложение радикализма начинается с того момента, когда крупная буржуазия, сама в тупике, не позволяет ему больше колебаться. Мелкая буржуазия в лице разоряемых масс города и деревни начинает терять терпение. Она становится во все более враждебные отношения к своим собственным верхним слоям; она убеждается на деле в несостоятельности и вероломстве своего политического

руководства. Бедный крестьянин, ремесленник, мелкий торговец убеждаются на деле, что их отделяет пропасть от всех этих мэров, адвокатов, политических дельцов вроде Эррио, Даладьё, Шотана⁴⁸² и К||, которые по условиям жизни и взглядам являются крупными буржуа. Этим разочарованием мелкой буржуазии, ее нетерпением, ее отчаянием и пользуется фашизм. Его агитаторы клеймят и проклинают парламентскую демократию, которая помогает карьеристам и взяточникам, но ничего не дает мелким труженикам. Они, эти демагоги, грозят кулаками по адресу банкиров, крупных торговцев, капиталистов. Эти слова и жесты вполне отвечают чувствам мелкого собственника, попавшего в безвыходное положение. Фашисты проявляют смелость, выходят на улицу, наступают на полицию, пытаются силой разогнать парламент. Это импонирует мелкому буржуа, впадшему в отчаяние. Он говорит себе: "Радикалы, среди которых слишком много мошенников, окончательно продались банкирам; социалисты давно обещают уничтожить эксплуатацию, но от слов никогда не переходят к делу; коммунистов и вовсе понять нельзя: сегодня одно, завтра другое; надо попробовать, не помогут ли фашисты".

Неизбежен ли переход средних классов в лагерь фашизма?

Ренодель, Фроссар⁴⁸³ и им подобные возражают, будто мелкая буржуазия предана больше всего демократии и именно поэтому будет держаться за радикалов. Какое чудовищное заблуждение! Демократия есть лишь политическая форма. Мелкая буржуазия заботится не о скорлупе ореха, а об его ядре. Она ищет спасения от нищеты и гибели. Раз демократия оказалась бессильна - к черту демократию! Так рассуждает или чувствует каждый мелкий буржуа. В растущем возмущении низших слоев мелкой буржуазии ее собственными верхними, "образованными", муниципальными, кантональными и парламентскими слоями, заключается основной социальный и политический источник фашизма. К этому надо прибавить зависть академической молодежи, придавленной кризисом, к преуспевающим адвокатам, профессорам, депутатам и министрам. И здесь, следовательно, низы мелкобуржуазной интеллигенции восстанут против ее верхов.

Значит, переход мелкой буржуазии на путь фашизма неизбежен, неотвратим? Нет, такой вывод был бы постыдным фатализмом. Что действительно неизбежно, неотвратимо, так это гибель радикализма и всех тех политических группировок, которые свяжут с ними свою судьбу. В условиях капиталистического упадка не остается больше места партии демократических реформ и мирного "прогресса". Каким бы путем ни пошло дальнейшее развитие Франции, радикализм все равно сойдет со сцены, отвергнутый и оплеванный мелкой буржуазией, которую он окончательно предал. Что наше предсказание отвечает действительности, в этом каждый мыслящий рабочий будет отныне убеждаться на основании фактов и опыта каждого дня. Новые выборы будут приносить радикалам поражения. От них будут отходить слой за слоем народные массы снизу, группы перепуганных карьеристов - сверху. Отколы, расколы, измены будут следовать непрерывной чередой. Никакие маневры и блоки не спасут радикальной партии. Она потянет за собой на дно и "партию" Реноделя-Деа⁴⁸⁴ и К||. Гибель радикальной партии есть

неотвратимый результат того факта, что буржуазное общество не может больше справляться со своими затруднениями при помощи так называемых демократических методов. Раскол между низами мелкой буржуазии и ее верхами неотвратим.

Но это вовсе не значит, что следовавшие за радикализмом массы должны неминуемо перенести свои надежды на фашизм. Правда, наиболее развращенная, деклассированная и жадная часть молодежи средних классов уже сделала свой выбор в этом направлении. Из этого резервуара формируются главным образом фашистские банды. Но тяжелые мелкобуржуазные массы города и деревни еще не сделали выбора. Они колеблются перед великим решением. Именно потому, что они колеблются, они пока еще продолжают, но уже без доверия, голосовать за радикалов. Это состояние колебания и раздумья будет, однако, длиться не годы, а месяцы. Политическое развитие получит в ближайший период лихорадочный темп. Мелкая буржуазия только в том случае отвергнет демагогию фашизма, если поверит в действительность другого пути. Но другой путь есть путь пролетарской революции.

Верно ли, что мелкая буржуазия боится революции?

Парламентские рутинеры, считающие себя знатоками народа, любят повторять: "Не надо пугать средние классы революцией, они не любят крайностей". В таком общем виде это утверждение совершенно ложно. Конечно, мелкий собственник стоит за порядок, пока дела его идут сносно и пока он надеется, что завтра они пойдут лучше. Но когда эта надежда утеряна, он легко приходит в бешенство и готов пуститься на самые крайние меры. Иначе как он мог бы опрокинуть демократическое государство и привести фашизм к победе в Италии и Германии? Отчаявшийся мелкий люд видит в фашизме прежде всего боевую силу против крупного капитала и верит, что, в отличие от рабочих партий, которые работают только языком, фашизм пустит в ход кулак, чтобы установить больше "справедливости". А крестьянин и ремесленник по-своему реалисты: они понимают, что без кулака дело не обойдется. Неверно, трижды неверно, будто нынешняя мелкая буржуазия потому не идет за рабочими партиями, что боится "крайних мер". Как раз наоборот. Низы мелкой буржуазии, ее главные массы, видят в рабочих партиях только парламентские машины, не верят силе рабочих партий, их способности к борьбе, их готовности довести на этот раз борьбу до конца. А если так, то стоит ли сменять радикализм на его левых парламентских собратьев? Вот как рассуждает или чувствует разоренный и возмущенный полусобственник. Без понимания этой психологии крестьян, ремесленников, служащих, маленьких чиновников и пр. - психологии, вытекающей из социального кризиса - невозможно выработать правильную политику.

Мелкая буржуазия экономически зависима и политически раздроблена. Она не может поэтому иметь самостоятельную политику. Она нуждается в "вожде", который внушал бы ей доверие. Этого вождя - индивидуального или коллективного, т. е. лицо или партию - может ей дать один из основных классов, т. е. либо крупная буржуазия, либо пролетариат. Фашизм объединяет и

вооружает раздробленные массы, из "человеческой пыли" - мы пользуемся выражением Троцкого⁴⁸⁵ - он создает боевые отряды. Этим он дает мелкой буржуазии иллюзию ее самостоятельной силы. Ей начинает казаться, что она действительно будет командовать государством. Немудрено, если эти надежды и иллюзии ударяют ей в голову!

Но мелкая буржуазия может найти вождя и в лице пролетариата. Она показала это в России, отчасти в Испании. Она тяготела к этому в Италии, Германии, Австрии. Но партии пролетариата оказались там не на высоте исторической задачи. Чтобы повести за собой мелкую буржуазию, пролетариат должен завоевать ее доверие. А для этого он должен сам доверять своим силам. Ему нужна ясная программа действия и готовность бороться за власть всеми доступными ему средствами. Сплоченный революционной партией для решительной и беспощадной борьбы пролетариат говорит крестьянству и мелкому люду городов: "Я борюсь за власть; вот моя программа; я готов договориться с вами насчет изменений в этой программе; силу я буду применять только против крупного капитала и его лакеев, а с вами, тружениками, я хочу заключить союз на основе определенной программы". Такой язык крестьянин поймет. Нужно только, чтобы он поверил в способность пролетариата овладеть властью. А для этого нужно очистить единый фронт от всякой половинчатости, нерешительности, от веры в фразу; нужно понять обстановку и серьезно встать на путь революционной борьбы.

Союз с радикалами был бы союзом против средних классов

Рендель, Фроссар и им подобные всерьез воображают, что союз с радикалами есть союз со "средними классами" и, следовательно, барьер против фашизма. Эти люди ничего не видят, кроме парламентских теней. Они игнорируют реальную эволюцию масс и гонятся за пережившей себя радикальной партией, которая тем временем поворачивается к ним задом. Они думают, что в эпоху великого социального кризиса союз пришедших в движение классов можно заменить блоком со скомпрометированной и обреченной на гибель парламентской кликой. Действительный союз пролетариата и средних классов есть вопрос не парламентской статистики, а революционной динамики. Этот союз надо создать, выковать в борьбе.

Вся суть нынешнего политического положения состоит в том, что отчаявшаяся мелкая буржуазия начинает сбрасывать с себя иго парламентской дисциплины и опеку консервативной "радикальной" клики, которая всегда обманывала народ, а ныне окончательно предала его. Связываться в этой обстановке с радикалами значит осуждать себя на презрение масс и толкать мелкую буржуазию в объятия фашизма, как единственного спасителя.

Рабочая партия должна заниматься не безнадежными попытками спасти партию банкротов; наоборот, она должна всеми силами ускорять процесс освобождения масс от радикального влияния. Чем ревностнее и смелее она будет выполнять эту работу, тем вернее и скорее она подготовит союз рабочего класса с мелкой буржуазией. Надо брать классы в их движении. Надо равняться

по их голове, а не по их хвосту. История сейчас работает быстро. Горе тому, кто отстанет!

Когда Фроссар отказывает социалистической партии в праве разоблачать, ослаблять, разлагать радикальную партию, то он выступает как консервативный радикал, а не как социалист. Только та партия имеет права на историческое существование, которая верит в свою программу и стремится весь народ объединить под своим знаменем. Иначе это не историческая партия, а парламентская котерия⁴⁸⁶, клика карьеристов. Не только право, но элементарный долг партии пролетариата состоит в том, чтобы освободить трудящиеся массы от губительного влияния буржуазии. Эта историческая задача получает сейчас особую остроту, ибо радикалы более, чем когда-либо, стремятся прикрыть работу реакции, убаюкивают и обманывают народ и тем готовят победу фашизма. Левые радикалы? Но они так же фатально капитулируют перед Эррио, как Эррио перед Тардьё.

Фроссару хочется надеяться на то, что союз социалистов с радикалами приведет к "левому" правительству, которое разоружит фашистские организации и спасет республику. Трудно придумать более уродливую смесь демократических иллюзий и полицейского цинизма. Когда мы говорим, - об этом подробно ниже, - что нужна рабочая милиция, Фроссары и их подголоски возражают: "С фашизмом нужно бороться не физическими, а идеологическими мерами." Когда мы говорим: только смелая революционная мобилизация масс, возможная не иначе, как в борьбе с радикализмом, способна вырвать почву из-под ног у фашизма, те же люди нам возражают: "Нет, спасти нас может только полиция правительства Даладьё-Фроссара".

Жалкий лепет! Ведь радикалы имели власть, и если они добровольно уступили ее Думергу, то не потому, что им не хватало помощи Фроссара, а потому, что они испугались фашизма, испугались крупной буржуазии, которая погрозила им роялистской бритвой, а еще больше испугались пролетариата, который начал подниматься против фашизма. В довершение скандала сам Фроссар, испугавшийся испуга радикалов, советовал Даладьё капитулировать! Если допустить на минуту, - допущение явно невероятное! - что радикалы согласились бы порвать союз с Думергом для союза с Фроссаром, фашистские банды, на этот раз при явном содействии полиции, выступили бы в тройном числе на улицу, а радикалы вместе с Фроссаром немедленно же полезли бы под столы или спрятались бы в министерских уборных.

Но сделаем еще одно фантастическое допущение: полиция Даладьё-Фроссара "разоружает" фашистов. Разве это решает вопрос? А кто разоружит саму полицию, которая правой рукой будет отдавать фашистам то, что отберет у них левой? Комедия полицейского разоружения только поднимет авторитет фашистов, как борцов против капиталистического государства. Удары по фашистским бандам могут быть действительны лишь постольку, поскольку эти банды одновременно изолируются политически. Между тем гипотетическое правительство Даладьё-Фроссара ничего не даст ни рабочим, ни мелкобуржуазным массам, ибо не сможет посягнуть на основы частной собственности. А без экспроприации

банков, крупных торговых предприятий, ключевых отраслей промышленности, транспорта, без монополии внешней торговли и ряда других глубоких мер ничем невозможно помочь ни крестьянину, ни ремесленнику, ни мелкому торговцу. Своей пассивностью, своим бессилием, своей лживостью правительство Даладье-Фроссара вызвало бы бури возмущения в мелкой буржуазии и окончательно толкнуло бы ее на путь фашизма, если бы... если бы такое правительство было возможно.

Надо, однако, признать, что Фроссар не одинок. В тот самый день (24 октября), когда умеренный Жиромский выступил в "Populaire"⁴⁸⁷ против попытки Фроссара возродить картель, Кашен выступил в "Humanit" с защитой идеи блока с радикал-социалистами. Он, Кашен, восторженно приветствует тот факт, что радикалы высказались за "разоружение" фашистов. Правда, радикалы высказываются за разоружение всех и всяких, в том числе и рабочих организаций. Правда, в руках бонапартистского государства такая мера направилась бы главным образом против рабочих. Правда, "разоруженные" фашисты на другой же день получили бы двойное количество оружия, не без помощи полиции. Но к чему огорчать себя мрачными размышлениями? Каждый человек нуждается в надежде. И вот Кашен идет по стопам Вельса и Отто Бауэра, которые тоже ждали в свое время спасения от разоружения, произведенного полицией Брюнинга и Дольфуса. Совершив очередной переворот⁴⁸⁸ на 180°, Кашен отождествляет радикал-социалистов со средними классами. Угнетенных крестьян он видит не иначе, как сквозь призму радикализма. Союз с мелкими трудящимися собственниками он представляет себе не иначе, как в виде блока с теми парламентскими дельцами, которые начинают, наконец, терять доверие мелких собственников. Вместо того, чтоб питать и разжигать начавшееся возмущение крестьянина и ремесленника на путь союза с пролетариатом, Кашен собирается подпереть радикальных банкротов авторитетом "общего фронта" и тем толкнуть возмущение мелкобуржуазных низов на путь фашизма.

Теоретическая неряшливость всегда жестоко мстит за себя в революционной политике. "Антифашизм", как и "фашизм" - это у сталинцев не конкретные понятия, а два больших пустых мешка, куда они суют все что попало. Думерг для них "фашист", как раньше "фашистом" был Даладье. На самом деле Думерг есть капиталистический эксплуататор фашистского крыла мелкой буржуазии, как Эррио - эксплуататор радикальной мелкой буржуазии. Сейчас эти две системы сочетались в бонапартистском режиме. Думерг тоже по-своему "антифашист", ибо он предпочитает военно-полицейскую диктатуру крупного капитала гражданской войне с неизвестным исходом. Из страха перед фашизмом и еще больше перед пролетариатом "антифашист" Даладье примкнул к Думергу. Но режим Думерга немислим без существования фашистских банд. Элементарный марксистский анализ показывает таким образом полную несостоятельность мысли о союзе с радикалами против фашизма! Сами радикалы позаботятся доказать на деле фантастичность и реакционность политических мечтаний Фроссара и Кашена.

Рабочая милиция и ее противники

Чтобы бороться, надо сохранять и укреплять орудия и средства борьбы: организации, прессу, собрания и пр. Всему этому фашизм грозит прямо и непосредственно. Он еще слишком слаб, чтобы приступить к прямой борьбе за власть; но он достаточно силен, чтобы попытаться бить пролетарские организации по частям, закалять в этих нападениях свои банды и сеять в рабочих рядах уныние и недоверие к своим силам. При этом фашизм находил себе бессознательных помощников в лице всех тех, которые говорят о недопустимости или безнадежности "физической борьбы" и требуют от Думерга разоружения его фашистской гвардии. Ничто так не опасно пролетариату, особенно в нынешних условиях, как сладкая отравка ложных надежд. Ничто так не повышает наглости фашистов, как дряблый "пацифизм" рабочих организаций. Ничто так не подрывает доверия к пролетариату со стороны средних классов, как выжидательная пассивность, как отсутствие воли к борьбе.

"Populaire" и особенно "Humanit" каждый день пишут: "Единый фронт - барьер против фашизма", "Единый фронт не допустит..", "Фашисты не посмеют..", и так без конца. Это фразы. Надо прямо сказать рабочим, социалистам и коммунистам: не позволяйте легкомысленным, безответственным журналистам и ораторам убаюкивать вас фразами. Дело идет о наших головах и о будущем социализма. Не нам отрицать значение единого фронта. Мы проповедовали его тогда, когда вожди обеих партий были против него. Единый фронт открывает огромные возможности. Но не более того. Сам по себе единый фронт ничего не решает. Решает только борьба масс. Единый фронт окажется великолепной вещью, если коммунистические отряды прибегут на помощь социалистическим - и наоборот - в случае нападения фашистских банд на "Populaire" или "Humanit". Но для этого пролетарские боевые отряды должны существовать, обучаться, упражняться, вооружаться. Если же организации обороны, т. е. рабочей милиции, нет, то сколько бы "Populaire" и "Humanit" ни писали статей о всемогуществе единого фронта, обе газеты окажутся беззащитными перед первым хорошо подготовленным нападением фашистов. Попробуем критически взвесить "доводы" и "теории" противников рабочей милиции, которые очень многочисленны и влиятельны в обеих рабочих партиях.

- Нам нужна самозащита масс, а не милиция, - говорят они нередко. Но что такое "самозащита масс"? Без боевой организации, без специальных кадров, без вооружения? Перекидывать на неорганизованные, неподготовленные, предоставленные самим себе массы оборону от фашизма значило бы сыграть роль неизмеримо более низкую, чем роль Понтия Пилата⁴⁸⁹. Отрицать роль милиции, значит отрицать роль авангарда. К чему тогда партия? Без поддержки масс милиция - ничто. Но без организованных боевых отрядов самая героическая масса будет разбита по частям фашистскими бандами. Противопоставлять милицию самозащите - бессмыслица. Милиция есть орган самозащиты.

- Призывать к организации милиции, - говорят некоторые, правда, наименее серьезные и честные противники, - значит заниматься "провокацией". Это не довод, а ругательство. Если необходимость обороны рабочих организаций

вытекает из всей обстановки, как же можно не призывать к созданию милиции? Может быть, нам хотят сказать, что создание "провоцирует" фашистов на нападения, а правительство - на репрессии? Тогда это насквозь реакционный аргумент. Либерализм всегда говорил рабочим, что своей классовой борьбой они "провоцируют" реакцию. Реформисты повторяли это обвинение по адресу марксистов. Меньшевики - по адресу большевиков. Эти обвинения сводятся в последнем счете к той глубокой мысли, что, если бы угнетенные не шевелились, то угнетатели не были бы вынуждены бить их. Это философия Толстого и Ганди, но никак не Маркса и Ленина. Если "Humanit" хочет и впредь развивать учение о "непротивлении злу насилием", то ей следовало бы символом своим избрать не серп и молот, эмблему октябрьской революции, а ту благочестивую козу, которая питает Ганди своим молоком.

- Но вооружение рабочих уместно только в революционной ситуации, которой еще нет! - Этот глубокомысленный довод означает, что рабочие должны давать бить себя до тех пор, пока ситуация не станет революционной. Вчерашние проповедники "третьего периода" не хотят видеть того, что творится у них перед глазами. Сам вопрос о вооружении встал практически только потому, что "мирная", "нормальная", "демократическая" ситуация уступила место бурной, критической и неустойчивой, которая может одинаково перейти как в революционную, так и в контрреволюционную. Эта альтернатива зависит прежде всего от того, позволят ли передовые рабочие безнаказанно громить себя по частям или же будут на каждый удар отвечать двумя ударами, поднимая дух угнетенных и объединяя их вокруг себя. Революционная ситуация не падает с неба. Она складывается при активном участии революционного класса и его партии.

Французские сталинцы ссылаются теперь на то, что милиция не оберегла от поражения немецкий пролетариат. Еще вчера они вообще отрицали поражение в Германии и утверждали, что политика германских сталинцев была правильна с начала до конца. Сегодня они видят все зло в немецкой рабочей милиции (Rote Front)⁴⁹⁰. Так из одной ошибки они попадают в противоположную, не менее чудовищную. Милиция не решает вопроса сама по себе. Необходима правильная политика. Между тем политика сталинизма в Германии ("социал-фашизм - главный враг", раскол профсоюзов, заигрывание с национализмом, путчизм) фатально вела к изоляции пролетарского авангарда и к его крушению. При куда не годной стратегии никакая милиция не могла спасти положение.

Вздор, будто организация милиции сама по себе ведет на путь авантюры, провоцирует врага, заменяет политическую борьбу физической и прочее. За всеми этими фразами нет ничего, кроме политической трусости. Милиция как крепкая организация авангарда есть на самом деле наиболее надежное средство против авантюры, против индивидуального терроризма, против кровавых стихийных вспышек. Милиция есть в то же время единственное серьезное средство свести к минимуму ту гражданскую войну, которую фашизм навязывает пролетариату. Как только рабочие, невзирая на отсутствие "революционной ситуации", проучат несколько раз по-свойски патристических папенькиных сынков, рекрутирование

новых фашистских банд сразу станет неизмеримо труднее.

Но тут запутавшиеся стратеги выдвигают против нас еще более поразительные доводы. Протицируем дословно. "Если мы отвечаем на револьверные выстрелы фашистских банд такими же револьверными выстрелами, - пишет "Humanit" (23 окт[ября]), - мы теряем из виду то, что фашизм есть продукт капиталистического режима, и что, борясь против фашизма, мы должны метить во всю систему". Трудно в нескольких строках нагромоздить больше путаницы и ошибок. Нельзя обороняться от фашистов, потому что они представляют собою... "продукт капиталистического режима". Это значит, что надо вообще отказаться от борьбы, ибо все современные социальные бедствия представляют собою "продукт капиталистической системы", Когда фашисты убивают революционера или поджигают здание пролетарской газеты, рабочие должны философски констатировать: "Увы, убийства и пожары - продукт капиталистической системы," и разойтись со спокойной совестью по домам. Боевая теория Маркса подменяется фаталистической прострацией, выгодной только классовому врагу. Разорение мелкой буржуазии есть, разумеется, продукт капитализма. Рост фашистских банд есть, в свою очередь, продукт разорения мелкой буржуазии. Но, с другой стороны, и рост нищеты и ожесточения пролетариата есть тоже продукт капитализма, а милиция, в свою очередь, есть продукт обострения классовой борьбы. Почему же у "марксистов" из "Humanit" фашистские банды являются законным продуктом капитализма, а рабочая милиция - незаконным продуктом... троцкистов? Решительно ничего нельзя понять!

Надо, говорят нам, целиться сразу в "систему". Каким образом: через головы людей? Однако же фашисты в разных странах начинали с револьверных выстрелов, а кончали разгромом всей "системы" рабочих организаций. Как же иначе приостановить вооруженное наступление врага, если не вооруженной обороной, чтобы затем в свою очередь перейти в наступление?

Правда, "Humanit" признает теперь на словах оборону, но только как "самооборону масс": милиция вредна потому, что отрывает, видите ли, боевые отряды от массы. Но почему же у фашистов существуют самостоятельные вооруженные отряды, которые не отрываются от реакционной массы, а наоборот, своими правильно организованными ударами поднимают дух массы и укрепляют ее решимость? Или, может быть, пролетарская масса по своим боевым качествам ниже деклассированной мелкой буржуазии?

Запутавшись вконец, "Humanit" начинает колебаться: оказывается, что самозащита масс нуждается в создании особых "групп самозащиты". На место отвергнутой милиции ставятся специальные группы, или отряды. Похоже сперва, будто разница только в имени. Правда, и название, предложенное "Humanit", никуда не годится. Можно говорить о "самозащите масс", но нельзя говорить о "группах самозащиты", ибо группы имеют своей целью защищать не сами себя, а рабочие организации. Однако дело, разумеется, не в названии. "Группы самозащиты" должны, по мнению "Humanit", отказаться от употребления оружия, чтобы не впасть в "путчизм". Эти мудрецы третируют рабочий класс как

ребенка, которому нельзя давать в руки бритву. К тому же бритвы, как известно, представляют монополию *camelots du roi*, которые, являясь законным "продуктом капитализма", опрокинули при помощи бритв "систему" демократии. Как же, однако, "группы самозащиты" станут защищаться от фашистских револьверов? Очевидно, "идеологически". Иначе сказать: им ничего не останется, как прятаться. Не имея подходящего предмета в руках, они должны будут искать "самозащиты" в ногах. А фашисты будут тем временем безнаказанно громить рабочие организации. Хотя пролетариат и потерпит при этом страшное поражение, зато он окажется неповинен в "путчизме". Ничего, кроме отвращения и презрения, не вызывает эта трусливая болтовня под флагом "большевизма"!

Еще во время блаженной памяти "третьего периода", когда стратеги "Humanit" бредили баррикадами, "завоевывали" каждый день улицу и называли "социал-фашистами" всех, кто не разделял их нелепостей, мы предсказывали: как только эти люди обожгут себе кончики пальцев, они станут самыми крайними оппортунистами. Предсказание подтвердилось ныне полностью. В то время, как в социалистической партии крепнет и растет движение в пользу милиции, вожди так называемой компартии бегают с пожарной кишкой, чтобы охладить стремление передовых рабочих строиться в боевые колонны. Можно ли представить себе более гибельную и деморализующую работу?

Надо строить рабочую милицию

В рядах социалистической партии приходится слышать иногда такое возражение: "Милицию нужно строить, но о ней не нужно говорить вслух". Можно только приветствовать тех товарищей, которые серьезно озабочены тем, чтобы оградить практическую сторону дела от непрошенных глаз и ушей. Но слишком наивно думать, будто можно создать милицию незаметно, тайно, меж четырех стен. Нам нужны десятки, а затем и сотни тысяч бойцов. Они появятся лишь в таком случае, если миллионы рабочих и работниц, а вслед за ними и крестьян, поймут необходимость милиции и создадут вокруг добровольцев атмосферу горячего сочувствия и активной поддержки. Конспирация может и должна окутывать только техническую сторону дела. Что же касается политической кампании, то она должна развертываться открыто, на собраниях, на заводах, на улицах и площадях.

Основными кадрами милиции должны быть промышленные рабочие, связанные по месту работы, знающие друг друга и могущие оградить свои боевые отряды от проникновения агентов врага гораздо лучше и вернее, чем самые высокие бюрократы. Конспиративные штабы без открытой мобилизации масс в минуту опасности бессильно повиснут в воздухе. Нужно, чтобы все рабочие организации принялись за дело. В этом вопросе не может быть разграничительной линии между рабочими партиями и синдикатами. Рука об руку они должны мобилизовать массы. Тогда успех рабочей милиции будет обеспечен полностью.

Но где же рабочим взять оружие? - возражают трезвые "реалисты", т. е. перепуганные филистеры. Ведь у классового врага - ружья, пушки, танки, газы, самолеты. А у рабочих - сотни револьверов и перочинные ножи?

В этом возражении все сваливается в кучу, чтобы запугать рабочих. С одной стороны, наши мудрецы отождествляют вооружение фашистов с вооружением государства, с другой - они обращаются к государству с просьбой разоружить фашистов. Замечательная логика! На самом деле их позиция ложна в обоих случаях. Во Франции фашисты еще далеко не овладели государством. 6 февраля они находились в вооруженном конфликте с полицией государства. Неправильно поэтому говорить о пушках и танках, когда дело идет непосредственно о вооруженной борьбе с фашистами. Фашисты, разумеется, богаче нас, им легче купить оружие. Но рабочие многочисленнее, решительнее, самоотверженнее - по крайней мере, когда чувствуют твердое революционное руководство. Помимо других источников, рабочие могут вооружаться за счет фашистов, систематически разоружая их. Это сейчас один из самых серьезных видов борьбы с фашизмом. Когда рабочие арсеналы начнут пополняться за счет фашистских складов, банки и тресты станут осторожнее жертвовать на вооружение своей разбойничьей гвардии. Можно даже допустить, что в этом случае - но только в этом случае - встревоженные власти действительно начнут препятствовать вооружению фашистов, чтобы не доставить дополнительный источник вооружения рабочим. Давно известно: только революционная тактика порождает, в виде побочного продукта "реформы" или правительственные уступки.

Но как же разоружать фашистов? Конечно, этого нельзя сделать посредством одних только передовых статей. Нужно создать боевые дружины. Нужно создать штабы милиции. Нужно поставить хорошо службу разведки. Тысячи добровольных информаторов и пособников придут со всех сторон, когда узнают, что дело поставлено нами серьезно. Нужна воля к революционному действию⁴⁹¹.

Но фашистское оружие - не единственный, разумеется, источник. Во Франции свыше миллиона организованных рабочих. Вообще говоря, это очень мало. Но этого вполне достаточно, чтобы положить начало рабочей милиции. Если партии и синдикаты вооружат только одну десятую часть своих членов, это уже создаст милицию в 100.000 человек. Можно не сомневаться, что число добровольцев на другой же день после воззвания "единого фронта" далеко превысило бы это число. Отчисления партий и союзов, добровольные сборы и пожертвования дали бы возможность в течение месяца-двух обеспечить оружием 100-200 тысяч рабочих бойцов. Фашистская сволочь скоро поджала бы хвост. Вся перспектива развития стала бы неизмеримо благоприятнее.

Ссылаясь на отсутствие оружия и на другие объективные причины в объяснение того, почему до сих пор не приступили к созданию милиции, значит обманывать себя и других. Главное препятствие, можно сказать, единственное препятствие коренится в консервативном и пассивном характере руководящих рабочих организаций. Вожди-скептики не верят в силу пролетариата. Они надеются на всякие чудеса сверху вместо того, чтоб дать выход революционной энергии снизу. Сознательные рабочие должны заставить своих вождей либо приступить немедленно к созданию рабочей милиции, либо уступить свое место более молодым и свежим силам.

Вооружение пролетариата

Стачка немыслима без пропаганды и агитации, но также и без пикетов, которые, где могут, действуют убеждением, а где вынуждены, прибегают к физической силе. Стачка есть простейшая форма классовой борьбы, которая всегда сочетает в разной пропорции "идеологические" приемы с физическими. Борьба с фашизмом есть в основе своей политическая борьба, которая нуждается, однако, в милиции, как стачка в пикетах. По существу дела, пикет и есть зародыш рабочей милиции. Кто считает, что надо отказаться от "физической" борьбы, тот должен отказаться от всякой борьбы, ибо дух не живет без плоти.

По великолепному выражению военного теоретика Клаузевица, война есть продолжение политики другими средствами. Это определение относится полностью и к гражданской войне. Физическая борьба есть только "другое средство" политической борьбы. Нельзя противопоставлять их друг другу, ибо нельзя по произволу приостановить политическую борьбу, когда она силой внутренней необходимости превращается в физическую борьбу. Долг революционной партии - предвидеть заранее неизбежность превращения политики в открытое военное столкновение и изо всех сил готовиться к этому моменту, как готовятся к нему господствующие классы.

Милицейские отряды для обороны от фашизма есть первое слово на пути вооружения трудящихся, но не последнее. Наш лозунг: вооружение пролетариата и революционных крестьян. Народная милиция должна в конце концов охватить всех трудящихся. Выполнить эту программу полностью можно будет только в рабочем государстве, в руки которого перейдут все средства производства, а следовательно, и средства истребления, т. е. все оружие и все заводы, производящие оружие.

Однако прийти к рабочему государству нельзя с голыми руками. О мирном, конституционном пути к социализму могут теперь говорить только политические инвалиды вроде Ренделя. Конституционный путь перерыл окопами, в которых засели фашистские банды. Таких окопов немало впереди. Буржуазия не остановится и перед десятком государственных переворотов при помощи полиции и армии, лишь бы не допустить пролетариат к власти. Рабочее, социалистическое государство не может быть создано иначе, как путем победоносной революции. Всякая революция подготавливается ходом экономического и политического развития, но она всегда разрешается открытым вооруженным столкновением враждебных классов. Революционная победа становится возможной лишь благодаря долгой политической агитации, воспитательной работе, организации масс. Но и само вооруженное столкновение должно быть подготовлено задолго. Рабочие должны знать, что им придется драться не на жизнь, а на смерть. Они должны стремиться к оружию, как к залогоу своего освобождения. В такую критическую эпоху, как нынешняя, партия революции должна неутомимо проповедовать рабочим необходимость вооружения и должна делать все, чтоб обеспечить вооружение по крайней мере пролетарского

авангарда. Без этого победа немислима.

Последние крупные избирательные победы британской Labour Party нисколько не ослабляют сказанного. Если предположить даже, что ближайшие парламентские выборы дадут рабочей партии абсолютное большинство, - что во всяком случае не обеспечено; если допустить далее, что партия действительно вступит на путь социалистических преобразований, - что маловероятно, - она немедленно же встретит на своем пути такое бешеное сопротивление верхней палаты, короля, банков, биржи, бюрократии, большой прессы, что раскол во фракции станет неизбежным, и левое, более радикальное крыло окажется парламентским меньшинством. Одновременно с этим фашистское движение получит небывалый размах. Напуганная муниципальными выборами британская буржуазия уже и сейчас, несомненно, деятельно готовится ко внепарламентской борьбе, тогда как верхи рабочей партии убаюкивают пролетариат избирательными успехами и вынуждены, к несчастью, глядеть на британские события через розовые очки Жана Лонге⁴⁹². На самом деле британская буржуазия навяжет пролетариату тем более жестокую гражданскую войну, чем меньше вожди Labour Party готовятся к ней.

- А где же вы возьмете оружие для всего пролетариата? - снова возражают скептики, которые свою внутреннюю несостоятельность принимают за объективную невозможность. Они забывают, что тот же вопрос стоял перед всякой революцией на всем протяжении истории. И тем не менее победоносные революции отмечают важнейшие этапы в развитии человечества.

Пролетариат производит оружие, перевозит его, строит здания, где оно содержится, охраняет эти здания от самого себя, служит в армии и создает все ее оборудование. Не замки и не стены отделяют оружие от пролетариата, а привычки повиновения, гипноз классового господства, националистическая отравка. Стоит разрушить эти психологические стены - и никакие каменные стены не устоят. Стоит пролетариату захотеть оружия - и он найдет его. Задача революционной партии - пробуждать в нем эту волю и облегчать ее осуществление.

Но тут Фроссар и сотни других перепуганных парламентаров, журналистов и синдикальных чиновников выдвигают свой последний, самый тяжеловесный довод: разве могут вообще серьезные люди надеяться на успех физической борьбы после трагического опыта в Австрии и Испании? Подумайте о нынешней технике: танки! Газы!! Аэропланы!!! Этот аргумент показывает лишь, что некоторые "серьезные люди" не только ничему не хотят учиться, но со страху позабывают даже то немного, что знали раньше. История последних двадцати лет особенно ярко свидетельствует, что основные вопросы во взаимоотношениях между классами, как и между нациями, решаются физической силой. Пацифисты долго надеялись, что рост военной техники сделает невозможной войну. Филистеры уже много десятков лет повторяют, что рост военной техники делает невозможной революцию. Однако войны и революции идут своим чередом. Никогда не было столько революций, в том числе и победоносных, как со времени последней войны, раскрывшей всю мощь военной техники.

Под видом новейших откровений Фроссар и К|| преподносят старые клише, заменив лишь ссылку на автоматические ружья и митральезы ссылкой на танки и бомбардировочные самолеты. Мы отвечаем: за каждой машиной стоят люди, которые связаны не только техническими, но и социальными и политическими связями. Когда историческое развитие ставит перед обществом неотложную революционную задачу, как вопрос жизни и смерти; когда налицо есть прогрессивный класс, с победой которого связано спасение общества, тогда сам ход политической борьбы открывает перед революционным классом самые разнообразные возможности - то парализовать военную силу врага, то прямо овладеть ею, хотя бы отчасти. Сознанию филистера эти возможности представляются всегда "счастливой случайностью", которая больше не повторится. На самом деле в самых неожиданных сочетаниях, но вполне закономерно по существу такого рода возможности открываются в каждой великой, т. е. истинно народной революции. Но победа не дается все же сама собою. Чтобы использовать благоприятные возможности, нужна революционная воля, железная решимость победить, смелое и дальновзорное руководство.

"Humanit" на словах признает лозунг "вооружения рабочих", но только для того, чтобы отказаться от него на деле. Сейчас, в настоящий период, по утверждению этой газеты, недопустимо выдвигать лозунг, который уместен только "во время полного революционного кризиса". Опасно заряжать ружье, - говорит слишком "осторожный" охотник, - пока не показалась дичь. Но когда дичь покажется, заряжать будет поздно. Неужели же стратеги "Humanit" думают, что во время "полного революционного кризиса" они смогут без подготовки мобилизовать и вооружить пролетариат? Чтобы достать много оружия, нужно хоть некоторое количество оружия. Нужны боевые кадры. Нужно несокрушимое стремление масс овладеть оружием. Нужна неустанная подготовительная работа, не в гимнастических залах только, а в неразрывной связи с сегодняшней борьбой масс. Это значит: нужно немедленно строить милицию и в то же время вести пропаганду в пользу всеобщего вооружения рабочих и революционных крестьян.

Но поражения в Австрии и в Испании...

Бессилие парламентаризма в условиях кризиса всей социальной системы капитализма так очевидно, что вульгарные демократы в рабочем лагере (Рендель, Фроссар и их подражатели) не находят ни одного довода, чтобы защитить свои окостеневшие предрассудки. Тем охотнее хватаются они за все неудачи и поражения на революционном пути. Ход их мыслей таков: если чистый парламентаризм не открывает выхода, то и с вооруженной борьбой дело обстоит не лучше. Поражения пролетарских восстаний в Австрии и в Испании являются сейчас для них, разумеется, излюбленным доводом. На самом деле в критике революционного метода теоретическая и политическая несостоятельность вульгарных демократов обнаруживается еще ярче, чем в защите ими методов гниющей буржуазной демократии.

Никто не говорит, что революционный метод автоматически обеспечивает

победу. Решает не голый метод, а его правильное применение, марксистская ориентировка в событиях, сильная организация, завоеванное долгим опытом доверие масс, проницательное и смелое руководство. Исход каждой данной битвы зависит от момента и условий столкновения, от соотношения сил. Марксизм очень далек от мысли, будто вооруженное столкновение есть единственный революционный метод, или панацея, пригодная при всяких условиях. Марксизм вообще не знает фетишей, ни парламентарных, ни инсurreкционных. Все хорошо на своем месте и в свое время. Одно можно сказать с самого начала: на парламентском пути социалистический пролетариат нигде и никогда еще не завладевал властью и даже не приближался к ней. Правительства Шейдемана, Германа Мюллера, Макдональда не имели ничего общего с социализмом. Буржуазия подпускала социал-демократов и лейбористов к власти лишь на том условии, что они будут защищать капитализм от его врагов. И они ревностно выполняли это условие. Чисто парламентарный, антиреволюционный социализм нигде и никогда не приводил к социалистическому министерству; зато он с успехом воспитывал презренных ренегатов, эксплуатировавших рабочую партию для министерской карьеры: Мильеран⁴⁹³, Бриан, Вивiani⁴⁹⁴, Лаваль⁴⁹⁵, Поль Бонкур⁴⁹⁶, Марке⁴⁹⁷.

С другой стороны, доказано историческим опытом, что революционный метод может привести к завоеванию власти пролетариатом: Россия - в 1917 г., Германия и Австрия - в 1918 г., Испания - в 1930 г.⁴⁹⁸ В России была сильная большевистская партия, которая в течение долгих лет готовила революцию и сумела прочно овладеть властью. Реформистские партии в Германии, Австрии и Испании не готовили революцию и не руководили ею, а претерпевали ее; испугавшись власти, которая против их воли попала к ним в руки, они добровольно передали ее буржуазии. Таким путем они подорвали доверие пролетариата к самим себе, и еще более - доверие мелкой буржуазии к пролетариату. Подготовив условия роста фашистской реакции, они пали ее жертвой.

Гражданская война, сказали мы вслед за Клаузевицем, есть продолжение политики, только другими средствами. Это значит: результат гражданской войны только на 1/4, если не на 1/10, зависит от хода самой гражданской войны, от ее технических средств, от чисто военного руководства; на 3/4, если не на 9/10 - от политической подготовки. В чем же состоит политическая подготовка? В революционном сплочении масс; в освобождении их от рабских надежд на милость, великодушие, лояльность "демократических" рабовладельцев; в воспитании революционных кадров, умеющих презирать официальное общественное мнение и способных проявить по отношению к буржуазии хоть десятую долю той беспощадности, какую буржуазия проявляет по отношению к трудящимся. Без такого закала гражданская война, когда обстоятельства навяжут ее, - а они ее все равно навяжут, - развернется в самых неблагоприятных для пролетариата условиях, будет зависеть от многих случайностей, причем даже в случае военной победы власть может ускользнуть из рук пролетариата. Кто не предвидит, что борьба классов неизбежно ведет к вооруженному восстанию, тот

слеп. Но не менее слеп и тот, кто за вооруженным столкновением и его исходом не видит всей предшествующей политики борющихся классов.

В Австрии потерпел поражение не метод восстания, а австромарксизм, в Испании - беспринципный парламентарный реформизм. В 1918 году австрийская социал-демократия за спиной пролетариата передала завоеванную им власть буржуазии. В 1927 г. она не только трусливо отшатнулась от пролетарского восстания⁴⁹⁹, которое имело все шансы на победу, но направила рабочий Шуцбунд⁵⁰⁰ против восставших масс. Этим она подготовила победу Дольфуса. Бауэр и К^{||} говорили: "Мы хотим мирного развития; но если враги потеряют голову и нападут на нас, тогда..." Эта формула кажется очень "мудрой" и "реалистической". К сожалению, по этому австро-марксистскому шаблону строит свои рассуждения и Марсо Пивер⁵⁰¹. "Если... тогда." На самом деле эта формула представляет логику для рабочих: она их успокаивает, усыпляет, обманывает. "Если" означает: формы борьбы зависят от доброй воли буржуазии, а не от абсолютной непримиримости классовых интересов. "Если" означает: если мы будем мудры, осторожны, уступчивы, то и буржуазия будет лояльна, и все обойдется мирно. Гонимая за призраком "если", Отто Бауэр и другие вожди австрийской с[оциал]-д[емократии] пассивно отступали перед реакцией, сдавали ей одну позицию за другой, деморализовали массы, снова отступали, пока не оказались окончательно загнаны в тупик; здесь, на последнем редуте, они приняли сражение и - потеряли его.

В Испании события шли иным путем, но причины поражения в основном те же самые. Социалистическая партия, подобно русским эсерам и меньшевикам, разделила власть с республиканской буржуазией, чтоб помешать рабочим и крестьянам довести революцию до конца. В течение двух лет социалисты у власти помогали буржуазии отделяться от масс крохами аграрных, социальных и национальных реформ. Против наиболее революционных слоев народа социалисты применяли репрессии. Результат был двойной. Анархо-синдикализм, который при правильной политике рабочей партии растаял бы в огне революции как воск, на самом деле окреп и сплотил вокруг себя боевые слои пролетариата. На другом полюсе социально-католическая демагогия искусно использовала недовольство масс буржуазно-социалистическим правительством. Когда социалистическая партия оказалась достаточно скомпрометированной, буржуазия отбросила ее от власти и перешла в наступление по всему фронту. Социалистической партии пришлось обороняться в тех крайне неблагоприятных условиях, какие подготовила ее собственная предшествующая политика. Буржуазия имела уже массовую опору справа. Анархо-синдикалистские вожди, совершившие в течение революции все ошибки, какие только доступны этим профессиональным путаникам, отказались поддержать восстание, руководимое предателями - "политиками". Движение получило не всеобщий, а спорадический характер. Правительство направляло удары на отдельные шахматные клетки. Так навязанная реакцией гражданская война закончилась поражением пролетариата.

Из испанского опыта нетрудно сделать вывод против социалистического участия в буржуазном правительстве. Вывод сам по себе бесспорный, но

совершенно недостаточный. Мнимый австро-марксистский "радикализм" нисколько не лучше испанского министриализма. Разница между ними техническая, а не политическая. Оба ждали, что буржуазия ответит им "лояльностью" на "лояльность". И оба довели пролетариат до катастрофы. В Испании, как и в Австрии, потерпели поражение не методы революции, а оппортунистические методы в революционной обстановке. Это не одно и то же!

* * *

Мы не останавливаемся здесь на политике Коминтерна в Австрии и Испании, отсылая читателя к комплектам "Verit" за прошлые годы и к ряду изданных нами брошюр. В исключительно благоприятной политической обстановке австрийская и испанская компартии, обремененные теорией "третьего периода", "социал-фашизма" и пр., оказались обречены на полную изоляцию. Компрометируя методы революции авторитетом "Москвы", они преграждали вместе с тем путь подлинно марксистской, подлинно большевистской политике. Основное свойство революции в том, что она подвергает быстрой и беспощадной проверке все доктрины и все методы. Наказание следует почти немедленно за преступлением. Ответственность Коминтерна за поражения пролетариата Германии, Австрии, Испании неизмерима. Недостаточно вести "революционную" (на словах) политику. Нужна правильная политика. Другого секрета победы еще никто не выдумал.

Единый фронт и борьба за власть

Мы уже сказали: единый фронт социалистической и коммунистической партий заключает в себе грандиозные возможности. Если он только серьезно захочет этого, он станет завтра хозяином Франции. Но он должен этого захотеть.

То обстоятельство, что Жуо и вообще бюрократия С.Ж.Т. остаются вне единого фронта, охраняя свою "самостоятельность", как бы противоречит нашим словам. Но это только на первый взгляд. В эпоху великих задач и великих опасностей, поднимающих на ноги массы, перегородки между политическими и синдикальными организациями пролетариата стираются. Рабочие хотят знать, как им спастись от безработицы и фашизма, и они очень мало заботятся о "независимости" Жуо от пролетарской политики (от буржуазной политики Жуо - увы - весьма зависим). Если пролетарский авангард в лице Единого фронта наметит правильный путь борьбы, то все межевые знаки, установленные синдикальной бюрократией, будут опрокинуты живым пролетарским потоком. Ключ к позиции сейчас у Единого фронта. Если он этим ключом не воспользуется, он сыграет ту же печальную роль, какую неизбежно сыграл бы в русской революции единый фронт меньшевиков с эсерами, если бы... если бы им не помешали большевики.

Мы говорим не о социалистической и коммунистической партиях в отдельности, потому что политически обе они отказались от самостоятельности в пользу Единого фронта⁵⁰². Раз две рабочие партии, жестоко конкурировавшие в прошлом, отказались критиковать друг друга и отвоевывать друг у друга сторонников, тем самым они перестали существовать как отдельные партии.

Ссылка на сохранившиеся "принципиальные разногласия" не меняет дела. Раз принципиальные разногласия не проявляются откровенно и активно в такой ответственный момент, как ныне, то они тем самым политически перестают существовать; они похожи на клад, покоящийся на дне океана. Закончится ли совместная работа слиянием или нет, мы не предугадываем. Но для данного периода, имеющего решающее значение в судьбах Франции, Единый фронт действует как одна несовершенная партия, построенная на принципе федерации.

Чего хочет Единый фронт? Он до сих пор этого не сказал массам. Борьбы с фашизмом? Но Единый фронт до сих пор не разъяснил даже, как он думает бороться с фашизмом. К тому же чисто оборонительный блок против фашизма был бы, может быть, достаточен в том случае, если бы во всем остальном обе партии сохраняли полную самостоятельность. Но нет, мы имеем такой Единый фронт, который охватывает почти всю открытую деятельность обеих партий и исключает их взаимную борьбу за большинство пролетариата. Из этого положения надо сделать все выводы. Первый и важнейший из них: борьба за власть. Целью Единого фронта может быть лишь правительство Единого фронта, т. е. правительство социалистов и коммунистов, министерство Блюма-Кашена. Это надо сказать открыто. Если Единый фронт берет себя всерьез, - а только при этом условии его возьмут всерьез народные массы, - он не может уклониться от лозунга завоевания власти. Какими средствами? Всеми средствами, какие ведут к цели. Единый фронт не отказывается от парламентской борьбы. Что он пользуется парламентом прежде всего для того, чтобы раскрыть бессилие парламента и разъяснить народу, что нынешнее правительство имеет внепарламентскую базу и что опрокинуть его можно только могущественным движением масс. Борьба за власть означает использование всех возможностей, какие открывает полупарламентарно-бонапартистский режим, чтобы опрокинуть этот режим революционным напором, чтобы заменить буржуазное государство рабочим государством.

Последние кантональные выборы дали рост социалистических и особенно коммунистических голосов. Сам по себе этот факт ничего не решает. Германская компартия накануне своего крушения имела несравненно более бурный приток голосов. Новые широкие слои угнетенных толкаются влево всей обстановкой, даже независимо от политики крайних партий. Французская коммунистическая партия выиграла больше голосов, ибо по традиции она, несмотря на нынешнюю свою консервативную политику, остается "крайней левой". Массы показывают этим свое стремление дать рабочим партиям толчок влево, ибо массы неизмеримо левее своих партий. О том же самом свидетельствуют и революционные настроения социалистической молодежи. Не надо забывать, что молодежь представляет собою чуткий барометр своего класса и его авангарда! Если Единый фронт не выйдет из пассивности, или еще хуже, начнет недостойный роман с радикалами, "слева" от Единого фронта начнут усиливаться анархисты, анархо-синдикалисты и подобные им группировки политического распада. Одновременно усилится индифферентизм, предтеча катастрофы. Зато с другой стороны, если Единый фронт, обеспечив свой тыл и свои фланги от фашистских

бандитов, откроет широкое политическое наступление под лозунгом завоевания власти, он встретит такой могущественный отклик, который превзойдет самые оптимистические ожидания. Не понимать этого могут лишь опустошенные болтуны, для которых великие движения масс навсегда останутся книгой за семью печатями.

Не программа пассивности, а программа революции

Борьба за власть должна исходить из той основной идеи, что, если сопротивление против дальнейшего ухудшения положения масс на почве капитализма еще возможно, то никакое действительное улучшение их положения немисливо без революционного вторжения в права капиталистической собственности. Политическая кампания Единого фронта должна опираться на хорошо разработанную переходную программу, т. е. систему мероприятий, которые - при рабочем и крестьянском правительстве - должны обеспечить переход от капитализма к социализму⁵⁰³.

Но программа нужна не для успокоения совести, а для революционного действия. Какая цена программе, если она остается мертвым документом? Бельгийская рабочая партия приняла, например, широкообещательный план де Мана со всякими "национализациями"; но какой от этого толк, если она не хочет ударить пальцем о палец для его осуществления? Программы фашизма фантастичны, лживы, демагогичны. Но фашизм ведет бешеную борьбу за власть. Социализм хочет выдвинуть самую научную программу; но ценность ее будет равна нулю, если авангард пролетариата не развернет смелой борьбы за овладение государством. Социальный кризис в политическом выражении своем есть кризис власти. Старый хозяин общества - банкрот. Нужен новый хозяин. Если революционный пролетариат не овладеет властью, ею неотвратимо овладеет фашизм!

Программа переходных требований для "средних классов" может, конечно, получить большое значение, если эта программа будет отвечать, с одной стороны, действительным нуждам средних классов, с другой - потребностям движения к социализму⁵⁰⁴. Но опять-таки, центр тяжести сейчас не в особой программе. Программ "средние классы" видали много. Им нужно доверие к тому, что программа будет выполнена. В тот момент, когда крестьянин скажет себе: "На этот раз рабочая партия, видимо, не отступит", - дело социализма будет выиграно. А для этого необходимо проявить на деле несокрушимую готовность сломить на нашем пути все препятствия.

Способы борьбы нет надобности изобретать: они даны всей историей мирового рабочего движения. Концентрированная кампания рабочей печати, бьющей в одну точку; подлинно социалистические речи с парламентской трибуны не в качестве ручных депутатов, а в качестве вождей народа; использование всех избирательных кампаний с революционными целями; непрерывные митинги, куда массы приходят не просто послушать ораторов, а получить очередные лозунги и директивы; создание и укрепление рабочей милиции; умело организованные манифестации, сметающие с улиц реакционные банды; стачки

протеста; открытая кампания за объединение и расширение рамок профсоюзов под знаком решительной классовой борьбы; упорные и хорошо рассчитанные действия для завоевания армии на сторону народа; более широкие стачки; более могущественные манифестации; всеобщая стачка трудящихся города и деревни; всеобщее наступление на бонапартистскую власть во имя власти рабочих и крестьян.

Для подготовки победы еще есть время. Фашизм еще не стал массовым движением. Неизбежный распад радикализма будет, однако, означать сужение базы под бонапартизмом, рост крайних лагерей и приближение развязки. Дело идет не о годах, а о месяцах. Срок этот, конечно, нигде не записан. Он зависит от борьбы живых сил, в первую очередь от политики пролетариата и его Единого фронта. Потенциальные силы революции во много раз превосходят силы фашизма и всей вообще объединенной реакции. Скептиков, считающих, что дело погибло, надо немилосердно гнать из рабочих рядов. Низы жадно откликаются на каждое смелое слово, на каждый действительный революционный лозунг. Низы хотят борьбы.

Не умничанье парламентариев и журналистов, а законная и творческая ненависть угнетенных к угнетателям есть сейчас единственно прогрессивный фактор истории. Надо повернуться лицом к массам, к самым глубоким их слоям. Надо возвать к их страстям и к их разуму. Надо отвергнуть ту фальшивую "осторожность", которая есть псевдоним трусости и которая на великих исторических поворотах равносильна предательству. Единый фронт должен взять своим девизом формулу Дантона: "Смелости, еще раз смелости, и опять смелости!"

Правильно понять обстановку и сделать из нее все практические выводы, - смело, бесстрашно, до конца, - значит обеспечить победу социализма.

"Веритэ"

11 октября 1934 г.

Украинским товарищам в Канаде. Редакции "Робитничи висти"505

Дорогие друзья!

С большим интересом и горячим сочувствием я слежу за вашими усилиями распространить среди украинских пролетариев в Канаде идеи и методы нефальсифицированного марксизма (ленинизма).

Теория и практика "социализма в отдельной стране" находится в особенно остром противоречии с интересами украинского пролетариата. Основная причина, задерживающая развитие богато одаренного украинского народа, - его национальное расчленение, которое сопровождалось и ныне сопровождается в капиталистических странах жестоким национальным угнетением. Октябрьская революция дала несомненно могущественный толчок развитию украинской культуры. Но если трудящиеся массы Советского Союза терпят много ущерба в своем развитии от нынешнего советского бюрократизма, то украинские рабочие и крестьяне продолжают свех того тяжело страдать вследствие своего

национального расчленения. Какая огромная выгода получилась бы, если бы украинский народ был целиком объединен в Советской Украине! Какое мощное развитие получила бы украинская культура! Принести украинскому народу полное национальное объединение и освобождение может только европейская и международная революция, начиная с Польши. Передовые украинские рабочие меньше, чем какие бы то ни было другие рабочие, могут мириться с теорией "социализма в отдельной стране". Эта консервативная теория не открывает перед ними даже перспективы национального освобождения, которая является, однако, элементарной предпосылкой социалистического общества. Вот почему я с радостью наблюдаю ваши усилия разъяснить украинским рабочим, что их судьба, как и судьба всего трудящегося украинского народа, кровно и неразрывно связана не только с судьбой Советского Союза, но и с судьбой международной пролетарской революции.

Я очень жалею, что не могу написать вам это письмо по-украински. Хотя с детства я знал украинский язык и упивался стихами великого Шевченко⁵⁰⁶, заучивая их наизусть; хотя и сейчас я понимаю вашу печать, но мой собственный украинский словарь слишком беден, чтобы я мог решиться писать непосредственно по-украински. Надеюсь, однако, что эти строки дойдут до вас в хорошем украинском переводе.

Братски преданный вам

Л.Т[роцкий]

20 октября 1934 г.

[Письмо М.Истмену]⁵⁰⁷

т[оварищу] М.Истмену

2/XI 1934 [г.]

Дорогой друг,

Вы должны принять во внимание, что я получаю письма с большим запозданием (хуже, чем на Принкипо!), но не имею секретаря и для отправки писем должен ждать оказии. На скорые ответы рассчитывать нельзя!

Найти какую-нибудь подходящую цитату из самого себя я затрудняюсь: ведь я еще не вышел из юности Ленина. Боюсь, что книга разрастется. Не издать ли двумя томами: 1 т. - молодость Ленина, примерно до 1905 г., а 2-й т. 1905-1924 гг.? Это дало бы мне возможность лучше обработать теоретическую часть. К январю я доставил бы первый том, примерно 250 страниц. Как Вы думаете?

Теперь щекотливый вопрос о плате. Лучше всего было бы - ей-богу - ввести почасовую плату: оказалось бы наверняка, что моя плата за час значительно ниже хорошей оплаты переводчика, если вычесть, конечно, расходы на получение книг, выписок в библиотеках (на расстоянии), работу сына и пр. Нынешнее мое финансовое положение крайне неблагоприятно. Книга поглощает у меня 12 часов в день почти непрерывного труда. Тираж "Истории" совсем не оправдал ожиданий (помните, вы уверяли, что книга с лихвой покроет все

расходы и пр.). Боюсь, что с "Лениным" будет еще хуже; мир стал беднее. Вот почему я сейчас абсолютно лишен возможности брать на себя какие бы то ни было денежные обязательства. В таком категорическом смысле я писал Либеру с самого начала, считая Ваше участие в работа исключенным. Только благоприятная перемена рынка и серьезный успех книги могли бы позволить мне впоследствии выделить часть моего гонорара - разумеется, не в таком размере, как на "Историю". Но сейчас я, к великому своему сожалению, не свожу концов с концами, несмотря на в два-три раза более скромный образ жизни, чем на Принкипо.

Переписчик пошлет Вам дополнительные и необходимые поправки к первым двум главам - получились новые материалы, которые позволят, в частности, исправить одну грубую ошибку (возраст матери).

К следующим главам поправок не будет: наибольшие трудности представляли две первые главы за недостатком достоверных данных.

Крепко жму руку. Привет Р.508

Ваш

Л.Т[роцкий]

Ответы на вопросы Луизы Брайант509

- Верно ли, что Вы во Франции занимались строительством IV Интернационала?

- Мой ответ зависит от того, что понимать под словом "строительство". По всем условиям моего существования во Франции я не мог заниматься "строительством", поскольку не участвовал в политической жизни страны. Но верно, что, как до приезда во Фр[анцию], так и во время пребывания во Фр[анции] я опубликовал ряд статей, развивающих ту мысль, что и II и III Интерн[ационалы] исчерпали свои исторические миссии, стали тормозом мирового рабочего движения и должны будут уступить свое место IV Инт[ернационалу], одинаково независимому как от реформизма, так и от советской бюрократии.

- Как же Вы думаете этого достигнуть?

- Дело идет вовсе не о моих личных усилиях. В нескольких десятках стран, в том числе в С[оединенных] Шт[атах], Канаде, Кубе, почти во всех странах Ю[жной] Америки существуют сплоченные пропагандистские группы, которые можно назвать пионерами IV Интер[национала]. Одни ведут самостоятельное существование, другие входят в качестве фракций в более массовые партии. В общем эти инициативные организации уже сейчас несравненно однороднее и сильнее, чем иниц[иативные] группы III Инт[ернационала] в годы империалистической войны.

- Вы считаете, следовательно, что советская бюрократия неспособна более руководить международным рабочим движением? Почему?

- Она стала привилегированным слоем, который требует от рабочих только повиновения. Но революц[ионная] дисциплина не имеет ничего общего со слепым повиновением. Советская бюрократия стала чисто национальной и консервативной

силой. Рабочее движение имеет интернациональный и революционный характер. Руководимый советской бюрократией Коминтерн в течение последних девяти лет давал рабочему классу одни поражения.

- Вы считаете, следовательно, что интересы СССР и интересы рабочего движения других стран противоположены?

- Нет, Вы меня неверно поняли. Нельзя отождествлять советское государство как новую общественную систему с советской бюрократией как социальным наростом на этой системе. Интересы советской бюрократии во многом противоречат интересам советского государства.

- В каком смысле считаете Вы политику советской бюрократии консервативной?

- В том самом смысле, в каком ее считает консервативной руководящая французская печать. Посмотрите хотя бы "Temps"! Советская дипломатия защищает status quo, тогда как революционное движение стремится его ниспровернуть.

- Но, может быть, советская дипломатия лишь временно вынуждена приспособляться к статус кво?

- Так ей самой казалось сначала. Но время изменило ее психологию. Мы, марксисты, считаем, что сознание определяется бытием. Условия существования бесконтрольного привилегированного слоя, привыкшего только командовать, приводят к тому, что он неизбежно становится консервативным. Советские дипломаты, политики и журналисты делают на каждом шагу такие заявления, какие были совершенно невозможны, если бы авторы их думали о том, что их слушают также и рабочие массы всего мира.

- Считаете ли Вы сближение СССР и Франции реальным?

- Да, в силу указанных только что причин оно может получить вполне реальный характер.

- Думаете ли Вы, что убийство сербского короля⁵¹⁰ есть дело рук венгерского и итальянского правительств, как утверждают "Populaire" и "Humanit"?

- Вполне допускаю закулисное участие этих правительств в лице тех или других органов. Но рассматривать хорватских и македонских террористов как простых агентов фашистского правительства совершенно нелепо. Террористы преследуют цели собственного национального освобождения и ищут при этом опоры в антагонизмах между государствами. Это старая традиция, особенно на Балканах. В борьбе против турок балканские революционеры не раз хранили свои бомбы в царских консульствах, что не мешало этим террористам при первом удобном случае выступать в качестве непримиримых врагов царизма.

- Каковы будут, по вашему мнению, последствия террористического акта?

- Из трудно предсказать. Индивидуальный терроризм есть авантюристская тактика, последствий которой почти никогда нельзя предвидеть.

- Считаете ли Вы возможной войну в Европе в ближайшие год-два?

- Я ее не считаю исключенной.

- Чем Вы лично заняты в настоящее время?

- Я пишу книгу о Ленине, историю его жизни и изложение его теории и стратегии. Книга поглощает мое время целиком.

[Л.Д.Троцкий]

(Декабрь 1934 г.)

Примечания

1 Бернштейнизм - комплекс социально-экономических и политических взглядов германского социал-демократа Э.Бернштейна и его последователей, которые Ленин и другие левые социал-демократы оценивали термином "ревизионизм", придавая ему резко отрицательный смысл.

2 Троцкий имеет в виду городок Кротон-на-Гудзоне, где в 20-30-е годы каждое лето собирались ньюйоркские радикалы. Истмен жил и работал здесь, когда он переводил на английский язык книги Троцкого.

3 Имеется в виду доклад Сталина 7 января 1933 г. "Итоги первой пятилетки" на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7-12 января 1933 г. См.: Сталин И. Соч. - Т. 13. - С. 161-215).

4 У Троцкого оговорка. Он имел в виду не продовольственный налог, а продовольственную разверстку периода военного коммунизма.

5 Кронштадтское восстание - вооруженное выступление моряков и гражданского населения военноморской крепости Кронштадт 28 февраля - 18 марта 1921 г., являвшееся продолжением волнений рабочих Петрограда в конце зимы. Восстание было проявлением массового недовольства населения, в частности военных моряков, всевластием компартии, которая, по их убеждениям, изменила своим обещаниям и установила антинародную диктатуру. Были выдвинуты лозунги "Советы без коммунистов" и "Власть Советам, а не партии". Выдвигались требования свободы торговли и отмены продразверстки. 1 марта 1921 г. кронштадтцы приняли резолюцию с требованиями перевыборов Советов тайным голосованием, свободы слова и прессы для рабочих и крестьян, свободы рабочих профсоюзов и крестьянских организаций, освобождения заключенных деятелей социалистических партий, предоставления крестьянам возможности свободно распоряжаться своей землей и т. д. Стихийное недовольство большевистской диктатурой было в Кронштадте настолько всеобщим, что выступление поддержала часть большевистской организации крепости. Первая попытка захватить Кронштадт атакой с материка провалилась. В конечном счете восстание было подавлено в крови Красной Армией при участии делегатов X съезда РКП(б) под непосредственным руководством М.Н.Тухачевского. Руководитель восстания С.М.Петриченко вместе с частью восставших (около 8 тыс. человек) ушел в Финляндию. Многие участники выступления были расстреляны.

6 См.: Ленин В.И. Письмо к съезду. - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С. 344.

7 Имеется в виду "Sozialistische Arbeiterzeitung" ("Социалистическая рабочая газета") - орган Социалистической рабочей партии Германии.

8 Брошюра Троцкого "Sowjetwirtschaft in Gefahr" была впервые выпущена в Берлине в 1932 г. В следующие годы была опубликована в ряде других стран на разных языках. На русском языке появилась в виде статьи "Советское хозяйство в опасности. (Перед второй пятилеткой)". - Бюллетень оппозиции. - 1932. - No 31. - С. 2-13.

9 Троцкий неточен. В 1922 г. "левая оппозиция" еще не существовала.

10 Имеется в виду "Die Permanente Revolution" - бюллетень германской секции Интернациональной левой оппозиции (1931-1933). Прекратил выход после прихода к власти нацистов.

12 Гугенберг Альфред (1865-1951) - германский промышленник и газетный магнат, в 1928-1933 гг. председатель правой Немецкой национальной народной партии. В январе 1933 г. стал в правительстве Гитлера министром продовольствия. Выражение "правительство Гитлера-Гугенберга" показывает, что Троцкий воспринял образование правительства во главе с Гитлером 30 января 1933 г. не как установление нацистской диктатуры, а как образование крайне правого конституционного кабинета, что соответствовало действительности. В правительство входили всего два нациста (кроме Гитлера министр внутренних дел В.Фрик). Большинство постов занимали беспартийные.

13 Распространенные суждения о мелкобуржуазном характере нацистской партии не подтверждаются анализом документов, как не подтверждается и бытовавшее в коммунистической среде мнение, что нацисты являлись орудием монополистического капитала. Нацисты смогли обеспечить себе поддержку во всех слоях общества от рабочих и крестьян до крупных предпринимателей.

14 Штернберг Фриц - в 1933 г. член Социалистической рабочей партии Германии, экономист. В сентябре 1933 г. посетил Троцкого во Франции. Между ними шли переговоры о подготовке Штернбергом экономической части программы нового Интернационала. Однако при обсуждении конкретных вопросов возникли разногласия. Вскоре Штернберг порвал с Троцким. После второй мировой войны Штернберг опубликовал воспоминания о встрече с Троцким ("Survey". - 1963. - No 47. - P. 146-159).

15 Термины происходят от французских слов *defence* (оборона) и *offence* (наступление).

16 Прилагаемая рукопись предствляет собой первую часть брошюры для социал-демократических рабочих. Вторая часть будет выслана завтра (несколько больше, чем сегодня, по размеру). Часть посылаемой сегодня рукописи можно в виде отдельной статьи напечатать в "Перманенте". Я предлагаю напечатать в виде статьи "Пакт о взаимном нападении" (начиная с 4-й страницы и до конца рукописи). Эта статья будет иметь злободневный характер. 23 февраля 1933 г. В Берлин. - Примеч. автора.

17 Веймарская республика - государственно-политический режим в Германии в 1919-1933 гг., созданный на базе Веймарской конституции 1919 г., носившей демократический характер.

18 Имеется в виду брошюра Л.Д.Троцкого "Die Wendung der Komintern und die Lage in Deutschland". - Berlin, 1930). На русском языке см.: Поворот

Коминтерна и положение в Германии. - Бюллетень оппозиции. - 1930. - No 17-18. - С. 45-54.

19 "Vorwärts" ("Вперед") - германская газета, центральный орган социал-демократической партии в 1876-1933 гг. Возобновила выход в 1948 г. в Западной Германии. Выходит по настоящее время. С 1989 г. является общегерманской газетой.

20 25 июля 1932 г. был подписан договор между СССР и Польшей об отказе от агрессии. Аналогичные пакты были подписаны тогда же СССР с Эстонией, Латвией и Финляндией, а 28 ноября 1932 г. с Францией.

21 Штампфер Фридрих (1874-1967) - деятель Социал-демократической партии Германии. Редактор ее газеты "Vorwärts".

22 Имеется в виду договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Германией, подписанный 24 апреля 1926 г. Договор был пролонгирован в июне 1931 г.

23 Мюллер Герман (1876-1931) - германский социал-демократ. С 1906 г. член правления партии. В 1918-1919 гг. член Совета народных уполномоченных (правительства). В 1919-1920 гг. министр иностранных дел. В 1923 и 1928-1930 гг. рейхсканцлер (глава правительства).

24 Ашингер - собственник промышленного предприятия в Берлине.

25 Носке Густав (1868-1946) - германский социал-демократ. Член Совета народных уполномоченных во время Ноябрьской революции 1918 г. В феврале 1919 - марте 1920 г. военный министр. Руководил подавлением попытки коммунистического путча в январе 1919 г.

26 Гжезинский Альберт (1879-1948) - германский социал-демократ. В конце 20-х годов полицейский комиссар Берлина. Приказал разогнать первомайскую демонстрацию 1929 г. с применением оружия, что дало повод германским коммунистам значительно активнее использовать в пропаганде сталинскую оценку социал-демократии как "социал-фашизма".

27 Кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн (1859-1941) - германский император и прусский король в 1888-1918 гг. Был свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. В следующие годы жил в Голландии.

28 Людендорф Эрх (1865-1937) - германский генерал. Во время первой мировой войны руководил военными действиями на восточном фронте. В 1916-1918 гг. фактически командовал всеми вооруженными силами Германии. Руководил вместе с Гитлером "пивным путчем" в Мюнхене в ноябре 1923 г.

29 Гренер Карл Эдуард (1867-1939) - германский генерал и политический деятель. С 1918 г. генерал-квартирмейстер. В 1919 г. ушел в отставку. Был министром путей сообщения, министром обороны, министром внутренних дел. Выступал против инфильтрации нацистов в вооруженные силы. Автор нескольких книг по военной истории.

30 Железный фронт сопротивления фашизму был образован в декабре 1931 г. в качестве коалиции Социал-демократической партии, ее молодежной организации, Всеобщего германского рабочего союза (объединения профсоюзов) и "рейхсбаннера" (отрядов самообороны социал-демократов). Существовал до

прихода к власти нацистов. Попытка привлечь к "железному фронту" католическую Партию центра окончилась неудачей.

31 Вельс Отто (1873-1939) - германский социал-демократ. Военный комендант Берлина в конце 1918 - начале 1919 г. Был одним из руководителей подавления вооруженного коммунистического выступления в январе 1919 г. Был председателем социал-демократической фракции рейхстага перед приходом к власти нацистов.

32 Имеется в виду Ф.Эберт.

33 Брейтшейд Рудольф (1874-1944) - германский социал-демократ, депутат рейхстага в начале 30-х годов. После установления нацистской диктатуры эмигрировал во Францию. В 1941 г. был выдан правительством Петена германским властям. Погиб в концлагере Бухенвальд.

34 После VI конгресса Коминтерна (1928) компартии начали создание фактически сепаратных профсоюзных организаций, вносящих раскол в профсоюзное движение. РГО (Красная профсоюзная оппозиция) Германии формально входила в объединение профсоюзов, но фактически являлась самостоятельной организацией.

35 Зейдевиц Макс (1892 - ?) - германский левый социал-демократ, депутат рейхстага. Исключен из партии в 1931 г. Был одним из основателей Социалистической рабочей партии. В 1933 г. эмигрировал в Швецию. После второй мировой войны возвратился в Восточную Германию, стал членом Социалистической единой партии и занимал административные посты в Германской Демократической Республике.

36 Лейпарт Теодор (1867-1947) - германский социал-демократ и профсоюзный деятель, председатель Всеобщего германского рабочего союза. После второй мировой войны, находясь в восточной части страны, примкнул к Социалистической единой партии.

37 4 августа 1914 г. социал-демократическая фракция германского рейхстага проголосовала за одобрение военного бюджета правительства Германии, поддержав этим военные усилия своей страны. Голосование противоречило предвоенным решениям этой партии и Второго Интернационала о борьбе против войны и милитаризма. В этот же день французская и бельгийская социалистические партии выступили с заявлениями о поддержке своих правительств в войне.

38 Эльзас-Лотарингия (точнее Эльзас и Лотарингия) - две исторические провинции на востоке Франции, в бассейне Рейна и Мозеля. Главные города Страсбург и Нанси. Области входили в состав Священной Римской империи. В XVI в. Эльзас, а в XVIII в. Лотарингия перешли к Франции. В 1871 г. они были отторгнуты Германией и возвращены Франции в 1919 г. В 1940 г. аннексированы нацистской Германией и освобождены в 1944 г.

39 Мальмеди - городок в Бельгии на германской границе. До 1919 г. входил в состав Германии. Согласно Версальского мирного договора 1919 г. район Мальмеди вместе с районом г. Эйпена (округ Эйпен-Мальмеди) был передан Бельгии.

40 Верховный суд Германии находился в г. Лейпциге. Именно в нем происходил провокационный судебный процесс по делу о поджоге рейхстага в сентябре-декабре 1933 г.

41 Международная предварительная конференция Интернациональной левой оппозиции состоялась в Париже 4-8 февраля 1933 г. Она утвердила написанный Троцким в декабре 1932 г. документ "Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы" (Бюллетень оппозиции. - 1933. - № 33. - С. 12-18). В документ были включены "11 пунктов", суммировавших политическую платформу сторонников Троцкого. Пункт 10 предусматривал реформирование Коминтерна. Летом 1933 г. Троцкий написал дополнение к этому пункту, содержащее утверждение о необходимости создания нового Интернационала.

42 Для опубликования только во внутренних "Бюллетенях". - Примеч. автора. См.: Интернациональная левая оппозиция, ее задачи и методы. (К предстоящей интернациональной конференции). - Бюллетень оппозиции. - 1933. - № 33. - С. 12-18.

43 Свабек Арне (1890-1986) - один из основателей Коммунистической партии Соединенных Штатов. В конце 20-х годов стал сторонником Троцкого и был исключен из партии. Участвовал в деятельности Коммунистической лиги и Социалистической рабочей партии США. В 1967 г. покинул Социалистическую рабочую партию и стал сторонником маоизма.

44 Цитируется сборник статей Л.Д.Троцкого "Что и как произошло?" (Париж, 1929. - С. 49-50).

45 Нириг Скотт (1883 - 1983) - американский писатель и журналист, политолог. Автор многочисленных книг по социально-политическим вопросам радикально-демократической направленности. В данном случае имеется в виду брошюра С.Нирига: Fascism. - New York, 1933.

46 Диаграмма в архивном тексте отсутствует.

47 Вельзевул - в Новом Завете Библии имя главы демонов.

48 Цитируется статья Л.Д.Троцкого "Поворот Коминтерна и положение в Германии". - Бюллетень оппозиции. - 1930. - № 17-18. - С. 47.

49 Цитируется статья Л.Д.Троцкого "Ключ к международному положению - в Германии". - Бюллетень оппозиции. - 1932. - № 25-26. - С. 6.

50 Имеется в виду Эрнст Тельман. Цитируется выступление Тельмана на XI пленуме Исполкома Коминтерна (25 марта - 14 апреля 1930 г.). Пленум рассмотрел, в частности, вопрос о положении и задачах компартии Германии. 14 сентября 1930 г. в Германии состоялись выборы в рейхстаг, на которых нацисты провели 107 депутатов, получив 6,4 млн голосов.

51 ИЛО - Интернациональная левая оппозиция.

52 Статья Л.Д.Троцкого "Трагедия немецкого пролетариата. Немецкие рабочие поднимутся. Сталинизм - никогда!" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1933. - № 34. - С. 7-11.

53 Слухи о Раковском в 1933 г. - его болезни, хирургической операции, отправлении в Якутск, попытке бегства и, наконец, смерти не имели под собой никаких оснований. Они, по всей видимости, распространялись советскими

властями, тогда как Раковский продолжал находиться в ссылке в Барнауле. Но с самого начала 1933 г. он был полностью отрезан ОГПУ от внешнего мира. Сведения о нем стали появляться только после того, как 20 февраля 1934 г. в печати было опубликовано его заявление о подчинении воле партии.

54 Раковски Георги (1821-1867) - болгарский национальный революционер и писатель. Основал в 1861 г. Первый Болгарский легион. Был организатором (1866-1867 гг.) партизанских отрядов для борьбы против турецкого ига. В поэтических произведениях воспел национально-освободительную борьбу. Был дедом Х.Г.Раковского.

55 Вазов Иван (1850-1921) - болгарский писатель. Автор патриотических стихов, цикла поэм "Эпопея забытых" (1881-1884), романа "Под игом" (1889-1890), посвященных национально-освободительной борьбе. Выступал также с рассказами и драматическими произведениями.

56 Антифашистский конгресс в Праге не состоялся. Он был проведен в Париже.

57 Бурбоны - королевская династия во Франции, Испании и Италии. Французские Бурбоны правили в 1589-1792, 1814-1815 и 1815-1830 гг.

58 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Сигнал тревоги" (Бюллетень оппозиции. - 1933. - № 33. - С. 1-10), в которой был дан анализ положения в СССР.

59 Хук Сидней (1902-1989) - американский философ, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). С 1973 г. сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира. Странник "демократического социализма". В 30-е годы был членом Американской рабочей партии и казначеем Американского комитета помощи заключенным и депортированным большевикам. Автор ряда работ с критическим анализом марксизма и идеологических основ коммунизма. Хук прошел сложный путь от активного коммуниста, симпатизировавшего оппозиционерам, до одного из ведущих участников атак на левые силы во время маккартизма в США.

60 Профессор Сидней Хук, Колумбийский университет, Отделение [...], Нью-Йорк, Н[ью] Й[орк] (англ.)

61 Имеется в виду книга С.Хука: Towards the Understanding of Karl Marx: A Revolutionary Interpretation. - New York, 1933.

62 Ферзен Л. (настоящие фамилия и имя Сендон Энрике Фернандес) - один из лидеров испанской группы сторонников Троцкого. В 1934 г. выступил против предложения Троцкого о вхождении его сторонников в Испанскую социалистическую рабочую партию. Позже, однако, присоединился к этой партии.

63 4-8 февраля 1933 г. в Париже состоялась международная предконференция организаций Интернациональной левой оппозиции. Встрече было дано такое название, так как предполагалось создать более широкую и представительную конференцию в том же году. Создать таковую конференцию не удалось.

64 КПГО - Коммунистическая партия Германии (оппозиция) - официальное наименование группы Г.Брандлера, которую Троцкий считал "правой"

коммунистической группой, родственной течению, представленному в ВКП(б) Бухариным, Рыковым, Томским и др.

65 Имеется в виду Кантонское (Гуанчжоуское) восстание 11-13 декабря 1927 г. Было организовано под непосредственным руководством эмиссаров Коминтерна Гейнца Неймана и Виссариона (Бесо) Ломинадзе. Ответственность за восстание взяла на себя компартия Китая. Направленное против власти Гоминьдана, восстание носило авантюристический характер и было легко подавлено.

66 Имеется в виду деятельность англо-русского профсоюзного комитета в 1925-1927 гг.

67 Дольфус Энгельберт (1892-1934) - австрийский государственный деятель. Федеральный канцлер и министр иностранных дел с 1932 г. Один из лидеров Христианско-социальной партии. Был убит сторонниками аншлюсса (присоединения Австрии к Германии).

68 Адлер Макс (1873-1937) - австрийский философ, социал-демократ. Один из теоретиков австро-марксизма.

69 Австро-марксизм - система взглядов австрийской социал-демократии в конце XIX - начале XX в. Получил выражение в работах К.Реннера, О.Бауэра, М.Адлера, Ф.Адлера и других деятелей. Австромарксисты занимали левые позиции в международной социал-демократии. Они особенно были известны своей программой культурно-национальной автономии, с помощью которой считали возможным разрешить национальные противоречия, в частности в многонациональной Австро-Венгерской империи.

70 Даннеберг Роберт (1885-1942) - австрийский социал-демократический деятель, юрист. Секретарь Социал-демократической партии во второй половине 20-х - 30-е годы. Автор ряда популярных книг по вопросам социалистической теории. Арестован нацистами в 1938 г., скончался в концлагере Освенцим..

71 Зейц Карл (1869-1950) - деятель Социал-демократической партии Австрии. Мэр Вены до 1934 г. Был также губернатором Венской провинции.

72 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 350.

73 Секретное письмо Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 марта 1933 г. см.: Троцкий Л. Дневники и письма. - М. , 1994. - С. 54-56.

74 Конникова Антуанетта (1869-1946) - русская революционерка, участница учредительного конгресса Второго Интернационала. Позже эмигрировала в США, жила в Бостоне. Член компартии США до 1928 г. Была исключена из партии за поддержку Троцкого. Позже являлась членом Коммунистической лиги США.

75 Ванцлер Джозеф (псевдоним Райт Джон) (1902-1956) - деятель Коммунистической лиги США. Переводил работы Троцкого на английский язык. Автор дискуссионной статьи о положении на Кубе, опубликованной в "The Militant" 28 сентября 1933 г., которую Троцкий счел односторонней.

76 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

77 "Unzer Wort" ("Наше слово") - еженедельная газета германских сторонников Троцкого, находившихся в эмиграции после прихода к власти нацистов. Газета нелегально ввозилась в Германию.

78 Речь идет, по-видимому, о Карле Фридберге (псевдоним Эрде) (1896-1979) - германском коммунисте, исключенном из партии. С 1930 г. Фридберг был сторонником Троцкого. В августе 1933 г. он посетил Троцкого во Франции. Фридберг руководил международными связями германских оппозиционеров-коммунистов.

79 Речь идет о компартии Германии.

80 Имеется в виду попытка коммунистического восстания в г. Гуанчжоу (Кантоне) в декабре 1927 г.

81 Речь идет о террористическом акте, организованном в церкви Св. Воскресения в Софии (Болгария) руководством нелегальной компартии 16 апреля 1925 г. В это время в церкви происходило отпевание убитого генерала Георгиева, на котором должны были присутствовать царь Борис III и премьер-министр А.Цанков. Несколько десятков человек были убиты, но царь и премьер не пострадали. За взрывом последовала серия бессудных убийств коммунистических деятелей, представителей левой интеллигенции и других лиц.

82 Речь идет о Клементе Рудольфе (1910-1938) - немецком студенте, стороннике Троцкого. Клемент был секретарем Троцкого на Принкипо в 1933 г. и затем во Франции. Во второй половине 30-х годов он продолжал работать в альтернативных коммунистических организациях во Франции. Был убит агентами советских спецслужб, по-видимому, в качестве своего рода угрозы Троцкому.

83 Речь идет о Жане ван Хейженоорте.

84 О каком предстоявшем съезде идет речь, установить не удалось.

85 Очевидно, речь идет о П.Франке.

86 Имеется в виду судебный процесс над Генрикусом Снивлитом, которого голландские власти обвинили в подстрекательстве к мятежу военных моряков. Во время процесса Снивлит был избран в парламент и получил депутатскую неприкосновенность.

87 Селин Луи-Фердинанд (настоящие фамилия и имя Дестош Шарль) (1894-1961) - французский врач, писатель и драматург, профессор. Автор многочисленных романов и повестей социально-психологического жанра. Стал известным благодаря роману "Путешествие вглубь ночи" (1932).

88 Луи-Фердинанд Селин. "Путешествие вглубь ночи". Париж, Деноель и Стеель (фр.)

89 Латинский квартал - район Парижа, в котором находятся Сорбонна (Парижский университет) и Пантеон (место захоронения великих людей). Латинский квартал - место сходов парижских студентов.

90 Дантон Жорж Жак (1759-1794) - деятель Французской революции 1789-1799 гг., один из руководителей якобинцев. С 1793 г. занимал позицию, примиренческую по отношению к жирондистам. Был осужден революционным трибуналом и гильотинирован.

91 Лебрен Альбер (1871-1950) - французский политический деятель. Был сенатором. В 1932-1940 гг. президент Франции. Был лишен власти после капитуляции Франции перед гитлеровской Германией. В 1944 г. признал Шарля де

Голля временным президентом Франции.

92 Френология - теория, согласно которой на основании краниологических данных (то есть системы измерений черепа с помощью антропологических инструментов) можно, якобы, судить о психологических особенностях человека.

93 Людвиг Эмиль (1881-1948) - немецкий писатель и публицист. Автор книг о Гете, Наполеоне I, Бисмарке, Иисусе Христе. В декабре 1931 г. посетил СССР и имел беседу со Сталиным. В 1945 г. Людвиг завершил своей роман о Сталине, заявив себя в нем в качестве непримиримого противника социализма, но не опубликовал это произведение, скорее всего побоявшись мести советского диктатора.

94 Речь идет об оккупации Рурской промышленной области Германии французскими и бельгийскими войсками 1 января 1923 г. Цель оккупации состояла в том, чтобы заставить Германию исправно вносить репарационные платежи. Правительство Германии ответило провозглашением пассивного сопротивления - призывом к прекращению всей экономической деятельности. Возникла чудовищная инфляция (1 марта 1923 г. 1 доллар продавался за 4,6 млн марок). Последствием экономических неурядиц стал серьезный политический кризис. Франко-бельгийские войска были выведены из Рура после утверждения плана Дауэса, реулировавшего вопрос о германских репарациях, в 1924 г.

95 Третья республика во Франции - республиканский государственный строй, существовавший со времени свержения Наполеона III в 1870 г. и закрепленный серией конституционных законов в 1875 г. Третья республика была ликвидирована в результате капитуляции Франции перед нацистской Германией в 1940 г.

96 Декарт Рене (1596-1650) - французский философ, математик и физик. С 1629 г. жил в Нидерландах. Заложил основы аналитической геометрии, сформулировал закон сохранения движения, был автором теории, объяснявшей движение небесных тел вихревым движением частиц. Материю он отождествлял с пространством, движение сводил к перемещению тел. Был родоначальником рационализма и сторонником учения о врожденных идеях.

97 Орден Белого Слона - награда Датского королевства. Им награждались главы дружественных государств.

98 Елисейский дворец - резиденция президента Франции. Находится на Елисейских полях - одной из главных магистралей Парижа.

99 Сильвио Пеллико (1789-1854) - итальянский писатель, национальный революционер, карбонарий. 15 лет провел в австрийском заключении. Автор автобиографических записок "Мои темницы" (1832).

100 Масонство или франкомасонство (от французского слова franc maon - вольный каменщик) - нравственно-политическое течение, возникшее в начале XVIII в. в Англии и получившее распространение во многих других странах. Масоны объединялись в ложи, заимствуя традиции у средневековых цехов строителей-каменщиков. Они стремились создать тайную организацию с целью мирного объединения человечества. В масонские ложи входили политические деятели многих стран, стремившиеся зачастую использовать их в своих целях.

101 Архимед (ок. 287 - 212 до н. э.) - древнегреческий ученый. Жил в г. Сиракузы (Сицилия). Разработал методы нахождения площадей, поверхностей и объемов фигур и тел. Применил математические методы к статике и гидростатике, в частности сформулировал знаменитый закон, получивший его имя. Автор многих изобретений. Был организатором инженерной обороны Сиракуз против римлян.

102 "Cocit gnrale" - банк, основанный в 1864 г. Был национализирован в 1946 г., в 1987 г. реприватизирован.

103 Панама - обычное условное наименование жульнической аферы правления французской компании, созданной в 1879 г. для строительства Панамского канала на перешейке того же наименования в его наиболее узкой части на территории Колумбии. Хищения и злоупотребления привели к тяжелому финансовому положению компании. Она пыталась преодолеть его при помощи подкупа министров, парламентариев, редакторов газет. В 1888 г. компания потерпела крах, разорив десятки тысяч держателей акций. Начавшееся строительство канала было прервано. Оно было возобновлено в 1901 г. Соединенными Штатами. В переносном смысле слова "панамой" называют любое крупное политическое или финансовое мошенничество.

104 Процесс Дрейфуса (дело Дрейфуса) - сфабрикованное в 1894 г. реакционерами и антисемитами судебное дело по ложному обвинению офицера французского генерального штаба еврея Альфреда Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, Дрейфус был приговорен к пожизненной каторге. Борьба вокруг дела Дрейфуса привела к политическому кризису. В 1899 г. он был помилован, а в 1906 г. реабилитирован.

105 Дело Рошетта и дело газеты "Франк" - скандалы, связанные с коррупцией в Третьей республике.

106 Марк Аврелий (121-180) - римский император с 161 г. Восстановил римский протекторат над Арменией и захватил Месопотамию. Автор философского сочинения "Наедине с собой".

107 Куртуазность (от французского слова *courtois* - учтивый, рыцарский) - традиция придворного рыцарства, восходящая к XII-XIV вв. Элементами куртуазности считались воинские подвиги, рыцарская честь, служение даме.

108 Аргонавты - в древней мифологии герои, отправившиеся на корабле "Арго" под руководством Ясона в Колхиду за золотым руном, которое охранялось драконами. В данном случае Троцкий применяет термин саркастически.

109 Бурбонский дворец в Париже на площади Конкорд был сооружен в 1722 г. После возникновения Третьей республики во дворце заседал французский парламент. Дворец является резиденцией парламента по настоящее время.

110 Имеется в виду Французская Академия - объединение выдающихся представителей национальной культуры, науки, а также политических деятелей. Основана в 1635 г. Имеет постоянный состав ("бессмертные"). Основная задача - совершенствование французского языка, издание французских словарей. Является составной частью Института Франции - основного официального научного учреждения страны (входят также четыре другие академии).

111 Темницы Св. Маргариты и Шпильберга - австрийские тюрьмы, описываемые в автобиографии Сильвио Пеллико.

112 Рабле Франсуа (1494-1553) - французский писатель. Роман Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль" (1532) - крупнейший памятник культуры Французского Возрождения. В гротескной форме в нем раскрываются образы, навеянные фольклором (великаны Гаргантюа и Пантагрюэль, философ-правдоискатель Панург и др.)

113 "The Red Flag" ("Красный флаг") - бюллетень небольшой английской коммунистической группы, отказавшейся от вхождения в Независимую рабочую партию. Выходил в 1933-1935 гг.

114 "The Communist" - бюллетень британской коммунистической оппозиционной группы, руководимой Мартином Апхемом. Выходил в первой половине 30-х годов.

115 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

116 Европейский антифашистский конгресс состоялся в Париже 4-6 июня 1933 г. в зале "Плейель". Фактически он был проведен под эгидой компартии. Инициаторами конгресса были писатель А.Барбюс и председатель Международной рабочей помощи В.Мюнценберг. После конгресса возникло объединенное антифашистско-антивоенное движение "Амстердам-Плейель" (имелся в виду состоявшийся ранее антивоенный конгресс в Амстердаме).

117 Серж (настоящая фамилия Кибальчич) Виктор (1890-1947) - потомок известного русского изобретателя и революционера Н.И.Кибальчича. Родился в Бельгии. В юности был анархистом. Был приговорен к пятилетнему тюремному заключению. После 1917 г. выступил в поддержку советской России, приехал в Петроград, стал большевиком, работал в Коминтерне. В 1927 г. был исключен из партии и арестован, но вскоре освобожден. Поддержал Троцкого. В 1933 г. был вновь арестован и освобожден в 1936 г. благодаря ходатайству Ромена Роллана. Выехал в Бельгию, где присоединился к Интернациональной левой оппозиции. Вел активную переписку с Троцким. Постепенно от Троцкого отошел. Автор "Мемуаров революционера" и нескольких книг по истории революции в России, а также книги о Троцком, написанной в соавторстве с его вдовой Н.И.Седовой.

118 Шварц - псевдоним Л.Л.Седова.

119 "Rundschau" ("Обозрение") - информационный бюллетень Коминтерна. Выходил на немецком языке с 1933 г. взамен бюллетеня "Internationale Presse-Korrespondenz".

120 В отношении Болгарии Троцкий ошибся: он имел в виду организацию взрыва в софийской церкви Св.Воскресения 16 апреля 1925 г. Эстонской авантюрой он называет Перводекабрьское восстание 1924 г. в Таллинне, организованное коммунистами, которое не было подготовлено и было легко подавлено властями.

121 Г.Димитров находился в Германии нелегально в качестве руководителя Западноевропейского бюро Коминтерна, был арестован в начале марта 1933 г. и обвинен в поджоге здания германского рейхстага, которое произошло 27 февраля того же года.

122 Имеется в виду документ "Левая оппозиция и САП", опубликованный в данном томе, с. 142-152.

123 Отто - швейцарский сторонник Троцкого. В марте 1933 г. посетил Троцкого в Турции совместно с деятелем Коммунистической лиги США А.Свабеком.

124 Шафхаузен - кантон в Швейцарии, в котором в 1930 г. вся организация компартии поддержала правую оппозицию. В 1933 г. Троцкий получил информацию об интересе к деятельности Интернациональной левой оппозиции в Шафхаузене, связанном с приходом нацистов к власти в Германии.

125 По-видимому, имеется в виду Шюсслер Отто (1905-1984) - немецкий сторонник Троцкого, деятель лейпцигской оппозиционной группы. В 1932-1933 гг. был секретарем и охранником Троцкого на о. Принкипо.

126 Речь идет о Жане ван Хейженоорте.

127 Сименон Жорж (1903-1989) - французский писатель и журналист. Автор детективно-психологических романов и автобиографических книг. В июне 1933 г. посетил Троцкого на о. Принкипо и затем опубликовал интервью с ним в газете "Paris soir" ("Вечерний Париж") 16 июня 1933 г.

128 Газета "Paris soir" - французская ежедневная газета. Выходила в 1923-1940 гг.

129 *Mixim compositum* (лат.) - смесь разнородных частиц.

130 Митральеза - французское название картечицы в XIX в., а затем станкового пулемета.

131 Антропитеки - древние люди, предшественники современного человека.

132 Цитируется сборник статей Л.Д.Троцкого "Что и как произошло?" (Париж, 1929. - С. 49-50).

133 Примо де Ривера Эстелья Мигель (1870-1930) - испанский генерал, с сентября 1923 г. глава правительства и фактический диктатор Испании (до января 1930 г.)

134 Возможно, имеется в виду О.Шюсслер.

135 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 360.

136 Гуль Роман Борисович (1896-1986) - русский писатель и журналист. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. Автор многочисленных романов, повестей, рассказов, воспоминаний, исторической публицистики, в том числе книг о М.А.Бакуanine, Е.Азефе, Ф.Э.Дзержинском.

137 Буденный Семен Михайлович (1883-1973) - советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Командовал конным корпусом и Первой Конной Армией во время гражданской войны. После войны занимал ряд высших военных постов. Во время советско-германской войны проявил отсутствие способностей военачальника, однако после войны его продолжили прославлять как полководца. Он был трижды удостоен звания героя Советского Союза.

138 Котовский Григорий Иванович (1881-1925) - советский военный деятель. Участник гражданской войны в Молдавии, командир кавалерийской бригады, дивизии и корпуса.

139 Копия в архиве отсутствует.

140 Вильямс Альберт Рис (1883-1962) - американский публицист. В июне 1917 - августе 1918 г. находился в России. Участвовал в гражданской войне на стороне советской власти. Автор книг: "Ленин: Человек и его дело" (1918), "Народные массы в русской революции" (1921), "Русские: Страна, народ и за что он сражается" (1943).

141 Вернадский Георгий Владимирович (1887-1973) - русский историк, сын академика В.И.Вернадского. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. С 1927 г. профессор Йельского университета (США). В эмиграции опубликовал многочисленные исследования по истории средневековой Руси, российского государства и права, истории Украины, а также труды с анализом развития России после 1917 г. Автор пятитомной "Истории России".

142 У Троцкого, по-видимому, оговорка. Речь идет не о "разгроме Шанхая", а о событиях в районе г. Нанкин. В марте 1927 г. к Нанкину подошли войска Гоминьдана. Во время волнений в городе было убито несколько иностранцев. Город был занят армией Гоминьдана, но после этого Нанкин был обстрелян английскими военными судами. 11 апреля 1927 г. Великобритания, Франция, США, Япония и Италия выступили с нотой, в которой требовали наказать виновников нападения на иностранцев в Нанкине. 18 апреля в Нанкине было сформировано новое правительство Гоминьдана без участия коммунистов. Что же касается Шанхая, то там 12 апреля 1927 г. были разоружены рабочие отряды.

143 Гомункул (гомункулус) (от лат. *Homunculus* - человек) - по представлениям средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое, якобы, можно получить искусственно, в пробирке.

144 Штурмовые отряды (*Sturmabteilungen*, SA) - полувоенные соединения Национал-социалистической партии Германии в 1921-1945 гг., орудие расправы с противниками нацизма. После "ночи длинных ножей" (30 июня 1934 г.), когда Гитлер расправился с непокорными руководителями штурмовых отрядов, СА в основном потеряли влияние.

145 Имеется в виду Немецкая национальная народная партия А.Гугенберга.

146 Преторианцы (преторианская гвардия) - в Древнем Риме охрана полководцев, затем императорская гвардия. Преторианцы активно участвовали в дворцовых переворотах. В переносном смысле - наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

147 Речь идет о созданной Г.А.Гапоном организации "Собрание русских фабрично-заводских мастеровых Санкт-Петербурга".

148 "New York World Telegram" ("Ньюйоркская ежедневная телеграмма") - ежедневная газета, выходившая в 1931-1950 гг.

149 В резолюции Президиума Исполкома Коминтерна "О современном положении в Германии" (апрель 1933 г.) была предпринята попытка оправдать политику компартии Германии и Коминтерна в период перед приходом к власти нацистов и всю ответственность за этот факт возложить на руководство социал-демократии.

150 Имеется в виду поджог германского рейхстага 27 февраля 1933 г. В

большинстве работ, посвященных этому событию, которые были написаны болгарскими, немецкими, советскими, американскими историками как марксистского, так и других направлений, поджог рейхстага рассматривался как заранее подготовленная нацистами провокация. В последнее время появился, однако, ряд работ, содержащих обоснованные суждения, что рейхстаг был подожжен маньяком-одиночкой Маринусом ван дер Люббе (принятая версия фамилии голландского люмпена, подлинная фамилия которого была ван дер Леббе). Герман Геринг (1893-1946) - германский нацистский деятель. Во время первой мировой войны военный летчик. С 1922 г. руководитель штурмовых отрядов. С 1933 г. глава правительства Пруссии и имперский министр авиации. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни. Покончил жизнь самоубийством. Согласно мнению ряда авторов, рейхстаг был подожжен отрядом штурмовиков, проникших в него через подземный ход из резиденции главы прусского правительства, то есть резиденции Геринга. В настоящее время эта версия убедительно опровергнута германскими и другими исследователями.

151 "Справедливость и Свобода" - антифашистское итальянское движение, основанное в Париже в 1920 г. Руководитель Карло Росселли. Движение пыталось сочетать идеи либерализма и социализма, отвергая марксизм, необходимость классовой борьбы и революции. Во время второй мировой войны активно участвовало в организации партизанского движения. После войны прекратило существование.

152 "Gegen den Storm" ("Против бури" - нем.). Так назывался сборник, изданный в 1933 г. в эмиграции коммунистической группой Г.Брандлера.

153 См.: Ленин В.И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии. - Соч., изд. 5-е. - Т. 36. - С. 53-54.

154 Бауэр Эуген (настоящие фамилия и имя Аккеркнехт Эрвин) (1906-1988) - участник германской коммунистической оппозиции. В 1933-1934 гг. член Интернационального Секретариата оппозиции. В 1934 г. перешел в Социалистическую рабочую партию.

155 Имеется в виду международный антифашистский конгресс.

156 19 августа 1933 г. состоялся пленум Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции, на котором было принято решение обратиться с воззванием о создании нового Интернационала.

157 Вместе с женой Н.И.Седовой, М.Шахтманом, секретарями ван Хейженоортом, Клементом и Сарой Вебер Троцкий на пароходе выехал во Францию 17 июля 1933 г. и 24 июля прибыл в Марсель. По прибытии ему была передана официальная бумага об отмене приказа о его высылке из страны в 1916 г. и о разрешении въезда во Францию.

158 Литвинов Максим Максимович (настоящие фамилия и имя Валлах Меир) (1876-1951) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1890 г. С 1918 г. член коллегии наркомата иностранных дел РСФСР, в 1920 г. полпред РСФСР в Эстонии, с 1921 г. заместитель наркома, в 1930-1939 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1941-1943 гг. посол в США. Затем был отстранен от работы, хотя формально числился заместителем министра иностранных дел.

159 Макстон Джеймс (1885-1946) - лидер Независимой рабочей партии Великобритании в 30-е годы, пацифист. Одобрил Мюнхенское соглашение с Германией в 1938 г.

160 Онкен - один из многих псевдонимов Троцкого.

161 Конференция независимых левосоциалистических и коммунистических организаций состоялась в Париже 27-28 августа 1933 г. На конференции сформировались три группы - группа, подписавшая "декларацию четырех", левые центристы (британская Независимая рабочая партия, шведская Независимая коммунистическая партия) и правые (Норвежская рабочая партия, Французская партия пролетарского единства, итальянские социалисты-максималисты, Независимая социалистическая партия Румынии и группа российских левых эсеров). Конференция приняла решение с призывом к созыву международного конгресса всех революционных социалистических партий и организаций. Конференция отказалась присоединиться к призыву "декларации четырех" о создании IV Интернационала.

162 АСП - Рабочая социалистическая партия Германии (обычно ее именуют сокращенно САП - Sozialistische Arbeiterpartei), РСП - Рабочая социалистическая партия Голландии, ОСМП - Объединенная социалистическая партия Голландии, ЛО - Левая оппозиция.

163 Кильбом Карл (1885-1961) - лидер шведской Независимой коммунистической партии, исключенной из Коминтерна в 1929 г. Партия была переименована в Социалистическую партию Швеции в 1934 г.

164 "Мот Даг" ("Рассвет") - норвежская центристская группа, в которую входили бывшие коммунисты, исключенные из компартии.

165 Пюписты - члены французской Партии пролетарского единства - существовавшей в течение короткого времени в первой половине 30-х годов мелкой группы во французском рабочем движении.

166 ILP - Independent Labor Party (англ.) - Независимая рабочая партия Великобритании.

167 Hoover Institution Archive, B.I.Nicolaevsky Collection, box 351. Написанный Троцким проект заявления был одобрен лишь частью партий, участвовавших в Парижской конференции 27-28 августа 1933 г. Он вошел в историю как "декларация четырех". В окончательный текст документа были внесены существенные изменения (см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 12-13).

168 Слово "для" исправлено на "над".

169 Слово "пункты" исправлено на "принципы".

170 Вычеркнуты слова "перед международным пролетариатом".

171 Слово "способа" исправлено на "пути".

172 Вычеркнуто слово "превращения".

173 Слова "Восставая и завоевывающая власть в отдельных странах, перенося революцию из страны в страну" вычеркнуты и восстановлено "Перенося революцию из страны в страну".

174 Слово "Коммунистический" заменено словом "Третий".

- 175 Слово "пролетарский" заменено словом "революционный".
- 176 Вычеркнуто "и его ор".
- 177 Слова "революционного подъема" заменены словами "победы над капитализмом".
- 178 Вычеркнуто слово "полное".
- 179 Слово "Коммунистического" заменено словом "Третьего".
- 180 Слово "угроза" заменено словом "перспектива".
- 181 Слово "ряда" заменено словом "цикла".
- 182 Слова "Нижеподписавшиеся организации намерены с самым товарищеским вниманием относиться к" заменены словами "готовые к сотрудничеству".
- 183 Вычеркнуты слова "Все такого рода прогрессивные организации очень скоро убедятся на опыте, что их место в наших рядах. С другой стороны,"
- 184 Вычеркнуто слово "демократии".
- 185 Слова "Советское государство" заменено словом "СССР".
- 186 Вычеркнуты слова "хотя и крайне ослабленным губительной политикой сталинской бюрократии".
- 187 Вычеркнуто слово "пролетарская".
- 188 Слова "Советского государства" заменены словом "СССР".
- 189 Вычеркнуты слова "и дипломатии".
- 190 Слово "беспощадного" заменено словом "неутомимого".
- 191 В оригинале пропуск.
- 192 Броквей Арчибалд Феннер (1888-1988) - секретарь Независимой рабочей партии Великобритании в 30-е годы и председатель ее Лондонского бюро.
- 193 Кооперативная партия Великобритании - небольшая партия, коллективный член Лейбористской партии. Рассматривала постепенное кооперативное объединение населения как путь к созданию в конечном счете социалистического общества.
- 194 См. Декларацию левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на парижской конференции. - Примеч. автора. Декларация опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1933. - No 36-37. - С. 12-13.
- 195 Окончательный текст резолюции см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. Пленум Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции, состоявшийся 19 августа 1933 г., одобрил решения, принятые предварительной конференцией оппозиции в феврале 1933 г.
- 196 Заявление делегации Интернациональной левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Парижской конференции 27-28 августа 1933 г. "Крушение обоих Интернационалов" см.: Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 14-17.
- 197 Занимая эту позицию, пленум делает лишь употребление из того права, которое самой конференцией представлено всем участвующим партиям до 15 октября: ратифицировать или, наоборот, отклонить резолюции конференции. - Примеч. автора.
- 198 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 303.
- 199 Marseille (фр.) - Марсель.

200 Если я упоминаю об этом, то для того, чтобы показать, что дело организовано не полицией. Всякий имеет право остановить п[аро]х[од] за определенную плату. - Примеч. автора.

201 Несколько слов причитать не удалось.

202 Sret Gnrale (Служба всеобщей безопасности) - французская политическая полиция.

203 Троцкий жил во Франции в 1914-1916 гг. в качестве военного корреспондента российской газеты "Киевская мысль". В основном он занимался, однако, изданием российской социал-демократической газеты "Наше слово". В сентябре 1916 г. он был выслан из Франции за антивоенную пропаганду. Он выехал в Испанию, а затем в США и возвратился в Россию в мае 1917 г. Постановление о высылке Троцкого из Франции оставалось в силе и было отменено, как уже отмечалось (см. примеч. 157), только в 1933 г.

204 Крук Иозеф (Шая) (1898-1942) - польский социалистический деятель, руководитель небольшой центристской группы под названием Независимая социалистическая рабочая партия. Позже стал сионистом, в 1939 г. бежал в Палестину.

205 Имеется в виду российская Партия левых социалистов-революционеров (левых эсеров), которая образовалась в результате раскола партии эсеров в 1917 г. и окончательно оформилась непосредственно после Октябрьского переворота. Издавала газету "Земля и воля". Левые эсеры вошли в коалицию с большевиками. Представители партии вступили в правительство Ленина и другие органы советской власти, заняв второстепенные посты. Лидерами партии были М.А.Спиридонова, Б.Д.Камков, М.А.Натансон, П.П.Прошьян. Левые эсеры выступили против Брестского мира. В июле 1918 г. лидеры партии были арестованы и партия фактически запрещена. Разрозненные группы левых эсеров в 1918 и 1920 гг. присоединились к большевистской партии. Партия продолжала функционировать в эмиграции, примкнув к Социалистическому Рабочему Интернационалу, в деятельности которого участвовал И.Г.Штейнберг. Штейнберг Исаак Захарович (1888-1957) в декабре 1917 - марте 1918 г. был наркомом юстиции РСФСР. После разрыва левых эсеров с большевиками участвовал в подпольной деятельности. Затем эмигрировал. Жил в Германии, Франции, США. Возглавлял группу левых эсеров, входивших во Второй с Половиной Интернационал. Затем участвовал в деятельности Социалистического Рабочего Интернационала. Автор книги "От Февраля к Октябрю 1917".

206 Транмель Мартин (1879-1967) - деятель норвежского социалистического движения. В 1918-1921 гг. секретарь Норвежской рабочей партии, сторонник вступления в Коминтерн. Позже центрист. Под его руководством партия в 1923 г. покинула Коминтерн. В 1921-1946 гг. член руководства Центрального объединения профсоюзов Норвегии.

207 В первые месяцы своего пребывания во Франции Троцкий жил в местечке Сен-Пале вблизи г. Руайана. В начале сентября 1933 г. Н.И.Седова выехала в Париж для консультаций с врачами в связи с заболеванием рук. В Париже она пробыла около месяца.

208 Куродо Марсель - водитель такси во французском городе Руайян, коммунист. Симпатизировал Троцкому. Осенью 1933 г. посещал Троцкого в Сен-Пале.

209 Мартен де Пейлер Жанна (1897-1961) - жена Р.Молинье, ставшая затем женой Л.Л.Седова. Была членом компартии Франции с 1921 г. В 1929 г. исключена из партии за сочувствие идеям Троцкого.

210 Ланис Вера (1906- ?) - в 1933 г. сожительница Р.Молинье. Родом из Бессарабии. Владела русским языком. Во время пребывания Троцкого во Франции вместе с Ж.Мартен вела домашнее хозяйство в его доме.

211 Речь идет о Л.Л.Седове.

212 Rue Lavando 4 (ул. Лавандо 4) - место в Париже, где произошла первая встреча Л.Д.Троцкого и Н.И.Седовой в 1902 г. Поженились они в следующем году.

213 Борьба эта запечатлена, однако, в ряде исследований и документов, опубликованных отчасти и на иностранных языках. Для английских товарищей имеют большое значение издания американской Лиги (Пионер Паблшерс). Кто хочет серьезно изучить десятилетнюю борьбу левой оппозиции за преобразование и оздоровление Коминтерна, тот должен изучить все эти документы. - Примеч. автора. "Pioneer Publishers" - издательство, выпускавшее литературу Коммунистической лиги США. Существует по настоящее время, издавая главным образом литературу неотроцкистских организаций.

214 "Гнилые местечки" - обезлюдившие в конце XVIII - начале XIX в. в условиях промышленной революции деревни и городки в Англии, сохранившие вплоть до избирательной реформы 1832 г. представительство в парламенте, что отвечало интересам земельной аристократии.

215 Ad hoc (лат.) - относящееся именно к данному случаю или созданное специально для данной цели.

216 В начале октября 1933 г. Троцкий поехал в поселок Багнер де Бигор в Пиринеях, где провел три недели отдыха, продолжая, однако, переписку и работу над книгой о Ленине. Затем он переехал в г. Барбизон под Парижем.

217 Речь идет о Вебер Сара (1900-1976) - деятельнице оппозиционного коммунистического движения. Она была женой деятеля компартии США Луиса Джекобса, ставшего затем участником Коммунистической лиги США. В конце 1933-1934 г. Сара Вебер являлась секретарем Троцкого.

218 Автаркия - политика хозяйственного обособления страны. Являлась официальной экономической доктриной германского национал-социализма.

219 Троцкий имеет в виду политику "нового курса", проводившуюся в США с 1933 г., в условиях экономического кризиса, новым президентом страны Ф.Д.Рузвельтом. Весьма неточно называть эту политику "государственным планированием при сохранении частной собственности". Включавший в себя несколько государственных программ (по оздоровлению промышленности, восстановлению сельского хозяйства, сокращению безработицы, установлению твердого курса доллара, введению социального обеспечения и урегулированию отношений с профсоюзами), "новый курс" был направлен не на планирование, а

на введение осторожных мер государственного регулирования в экономической и социальной областях.

220 Имеется в виду международная экономическая конференция в Лондоне 12 июня - 27 июля 1933 г. На конференции был поставлен вопрос об отмене долгов и репараций, связанных с первой мировой войной. Предлагалось заключить международное соглашение о стабилизации валют. Правительство США отнеслось к этим предложениям отрицательно. Конференция завершилась, не приняв никаких решений.

221 Либер Максим - в первой половине 30-х годов американский литературный агент Троцкого. Работал в Нью-Йорке.

222 Николаевский Борис Иванович (1887-1966) - российский социал-демократ и видный историк. Меншевик. Член РСДРП(о) с 1918 г. В 1918-1921 гг. член петроградской комиссии по проверке архивов охранки. В 1919-1921 гг. директор Архива истории революционного движения в Москве. В 1921-1922 гг. находился в заключении, а затем был выслан из страны. Некоторое время являлся представителем Института Маркса-Энгельса в Берлине. В 1933 г. активно содействовал спасению архивов германской социал-демократии от нацистов. Автор многочисленных исследовательских трудов по истории русского революционного движения. Во второй половине 30-х годов работал в Амстердамском международном институте социальных исследований. В 1940 г. переехал в США. Был сотрудником Гуверовского Института войны, революции и мира. Являлся куратором собственно коллекции, переданной им в этот институт. Книга Николаевского о провокаторе Евно Азефе вышла несколькими изданиями. Последнее издание: Nicolaevsky B. Aseff the Spy: Russian Terrorist and Police Stool. - Hattiesburg, 1969 (первое издание: Nicolaevsky B. Aseff: Russian Juda. - London, 1934).

223 Напомним, что книга Троцкого о Ленине так и не была написана. Автору удалось написать только первые разделы и отдельные фрагменты следующих глав, которые публикуются в последнем томе данного издания.

224 Речь идет об американском издательстве, с которым вел переговоры литературный агент Троцкого.

225 Nijol, Lactobil - названия лекарств.

226 Разногласия по вопросу о профсоюзах, по-видимому, утратили свою прежнюю остроту, если не окончательно сошли на нет. - Примеч. автора.

227 21 условие приема в Коминтерн - документ, написанный Г.Е.Зиновьевым и позже приписанный В.И.Ленину (последний действительно редактировал и дополнял текст). Условия были утверждены II конгрессом Коминтерна в 1920 г. в качестве барьера, преграждавшего допуск в Интернационал партиям, не желавшим беспрекословно выполнять директивы большевистского руководства. В числе условий были требования безоговорочного разрыва компартий с реформизмом и центризмом, безоговорочной поддержки советской России, введения "демократического" централизма как организационной основы, установления жесткой дисциплины. Коминтерн рассматривался как всемирная компартия. Каждая партия должна была принять наименование: Коммунистическая

партия такой-то страны, секция Коммунистического Интернационала.

228 Ледебур Георг (1850-1947) - германский социал-демократ. Один из основателей и лидеров Независимой социал-демократической партии Германии. В 30-е годы выступал за единый фронт социалистов и коммунистов.

229 Гофман Адольф - германский социал-демократ. Участвовал в Циммервальдской конференции 1915 г.

230 Бурдерон Альбер (1859-1930) - французской профсоюзный деятель, секретарь синдиката бондарей. В годы первой мировой войны стоял на пацифистских позициях. Участвовал в Циммервальдской конференции 1915 г. После войны поддерживал реформистское руководство Всеобщей конфедерации труда.

231 Гримм Роберт (1881-1958) - швейцарский социал-демократ. В 1915-1919 гг. председатель Циммервальдского объединения. В 1945-1946 гг. председатель парламента Швейцарии.

232 Кстати: кое-какие мудрецы ни к селу, ни к городу вспоминают "августовский блок" 1912 года, имевший чисто национальные рамки, но оставляют без внимания международную конференцию в Циммервальде, аналогия с которой напрашивается сама собой. - Примеч. автора. Августовский блок - объединение нескольких групп РСДРП, в состав которого вошли часть меньшевиков, бундисты, небольшая группа сторонников Л.Д.Троцкого, который был инициатором объединения. Блок прекратил существование в 1914 г.

233 "Наше слово" - ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1914-1916 гг. Издатели, включая Троцкого, защищали антивоенные позиции, несмотря на цензуру. Газета была закрыта французскими властями и Троцкий депортирован в сентябре 1916 г.

234 Гетье Федор Александрович (1863-1938) - русский врач, терапевт. Главный врач Басманной, а затем Боткинской больниц. Один из основателей Лечебно-санитарного управления Кремля. Был личным врачом В.И.Ленина и его семьи, врачом Л.Д.Троцкого и его семьи в 20-е годы.

235 В Сен-Пале, Багнер де Бигор и затем с 1 ноября 1933 г. в г. Барбизоне Троцкий жил полулегально, скрываясь от нежелательных посетителей, предохраняя себя от вовлечения во внутривнутриполитические тяжбы во Франции. Разумеется, его настоящее имя и место пребывания были известны властям. Однако в апреле 1934 г. его пребывание в Барбизоне стало по чистой случайности известно общественности и вокруг него разгорелись политические страсти. Троцкий был вынужден переехать в Париж, затем в отдаленную деревушку в Альпах, а в июле 1934 г. в Домейн, вблизи Гренобля, где находился около года. В июне 1935 г. Троцкий переехал в Норвегию.

236 Письмо в архиве отсутствует.

237 Александров - врач, лечивший Троцкого в Москве.

238 Солоу Герберт (1903-1964) - радикальный американский журналист. Посетил Троцкого в Турции в 1932 г. Симпатизировал левой оппозиции. В первой половине 30-х годов был членом Рабочей партии США. Активно выступал в защиту Троцкого во время московских политических судебных процессов периода

"большого террора" 1936-1938 гг. Позже порвал с левыми и стал редактором популярного американского журнала "Fortune" ("Судьба").

239 Гурбиль Жан - секретарь ячейки французской компартии в г. Руайян. Во второй половине 1933 г., будучи оппозиционно настроенным к сталинистскому руководству партии, регулярно посещал Троцкого в Сен-Пале.

240 По-видимому, речь идет о сестре А.Е.Клячко.

241 Крепо Ивон (1912 - ?) - французский сторонник Троцкого, руководитель молодежной организации Коммунистической лиги Франции. В 1946 г. порвал с последователями Троцкого. Затем был членом нескольких центристских групп.

242 Вальхер Якоб (1887-1970) - деятель германского коммунистического движения, журналист. По происхождению рабочий-металлист. В 1924-1926 гг. работал в Профинтерне. С 1927 г. находился на партийной работе в Германии. Был депутатом рейхстага. Исключен из компартии за участие в группе Брандлера. Являлся членом Социалистической рабочей партии. Во время второй мировой войны находился в США. После войны возвратился в Восточную Германию. Был членом Социалистической единой партии. В 1949 г. исключен из партии, в 1956 г. восстановлен.

243Фрелих Пауль (1884-1953) - лидер меньшинства в германской коммунистической оппозиции. С 1932 г. один из руководителей Социалистической рабочей партии. В 1933 г. эмигрировал. После войны возвратился в Западную Германию. Присоединился к Социал-демократической партии. Под его редакцией был издан ряд сочинений Р.Люксембург.

244 Томас (настоящие фамилия и имя Рейх Яков) (1886-1956) - функционер Коминтерна. Работал в Германии в 20-е годы. Был членом компартии, поддержал Брандлера. В 1932 г. перешел в Социалистическую рабочую партию. Эмигрировал в Прагу после прихода к власти нацистов.

245 Речь идет об итальянце Марио Бавассано (1895-1964), выступавшем под псевдонимом "Джанко".

246 Строка приписана после написания письма.

247 Речь идет о Э.Аккеркнехте.

248 Имеется в виду Л.Л.Седов.

249 Проект не публикуется. См.: НУ.НЛ. - bMS Russ 13. - Т-7996.

250 Шваб Джим - псевдоним Я.Вальхера.

251 Имеется в виду А.Молинье.

252 "Die Neue Weltbne" ("Новая всемирная трибуна") - газета германских политэмигрантов. Выходила в Праге в 1933-1939 гг. Являлась преемником газеты К.Осецкого "Weltbne".

253 Имеется в виду внук Л.Д.Троцкого Сева Волков.

254 Шмидт - германский сторонник Троцкого, его секретарь во Франции в 1933 г.

255 Имеется в виду Шмидт.

256 "Возрождение" - газета на русском языке, выходившая в 20-30-е годы в Париже. Формально была независимой, но финансировалась полпредством СССР и

проводила соответствующий курс.

257 См.: Ленин В.И. В.М.Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). - Соч., изд. 5-е. - Т. 54. - С. 136.

258 На IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.) Ленин выступил с докладом "Пять лет российской революции и перспективы мировой революции".

259 В феврале 1933 г. правительство СССР внесло на рассмотрение конференции по разоружению, созванной Лигой Наций, предложение об определении агрессии. Указывалось, какие действия следует считать агрессией, перечислялись известные уже поводы, использовавшиеся нападавшими странами, для оправдания нападения. Конференция не приняла советского предложения.

260 Фиш Гамильтон (1888 - 1996) - член Палаты представителей США, а затем сенатор в 1919-1944 гг. Выступал против признания СССР и сотрудничества с ним, за изоляционистскую политику США. Во время второй мировой войны был инициатором создания воинских частей в составе афроамериканцев. В 1944 г. потерпел поражение на выборах и сошел с исторической сцены.

261 Речь идет о политике "нового курса" Ф.Рузвельта.

262 "Adelphi" - английский журнал. Выходил в 1923-1954 гг.

263 Витте (настоящие фамилия и имя Гиотопулос Деметриус) (1901-1965) - греческий коммунистический деятель, сторонник Троцкого, лидер группы архивомарксистов. В 1932-1933 гг. был членом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции. В 1933 г. порвал с Троцким.

264 "The New Leader" ("Новый руководитель") - английская газета. Орган Независимой рабочей партии.

265 Смит Чарлз Эдрю (1895 - ?) - врач, член Независимой рабочей партии Великобритании. По поручению руководства своей партии посетил Троцкого в Сен-Пале и взял у него интервью, опубликованное газетой "The New Leader" (1933, October 13th).

266 Приложение отсутствует.

267 Фуртмюллер Люкс (1880-1951) - германский сторонник Троцкого, эмигрант. В годы второй мировой войны и после нее жил в США. См. письмо Троцкого Фуртмюллеру: HU.NL. - bMS Russ 13. - T-8223.

268 Предложение не окончено.

269 Видимо, имеется в виду Леон Лезуаль.

270 Выписка в архиве отсутствует.

271 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Классовая природа Советского государства. (Проблемы Четвертого Интернационала)". - Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 1-12.

272 Толлер Эрнст (1893-1939) - германский писатель-экспрессионист, активный участник рабочего движения. В 1919 г. был членом правительства Баварской Советской Республики. С 1933 г. находился в эмиграции.

273 Верекен Жорж (1896-1978) - бельгийский сторонник Троцкого, лидер крайне левого крыла в бельгийской секции Интернациональной левой оппозиции. В 1935 г. осуществил в секции раскол, отказавшись одобрить вступление в

Бельгийскую рабочую партию. В 1938 г. отказался поддержать создание Четвертого Интернационала.

274 "Чи-жа-ло" - искажение слова "тяжело".

275 По всей видимости, Троцкий имел в виду сонату Бетховена для фортепиано "Апассионата".

276 Речь идет о книге Э.Эррио "Жизнь Бетховена", изданной на французском языке в Париже в 1929 г. и неоднократно переиздававшейся в разных странах.

277 Статья Троцкого "Задуманная революция" (о романе А.Мальро "Завоеватели") впервые была опубликована в качестве одного из приложений к книге: Trotsky L. La révolution permanente. - Paris, 1932. Новую статью о творчестве писателя Троцкий, по-видимому, не написал.

278 Дата пропущена.

279 "Daily Worker" ("Ежедневный рабочий") - английская газета, орган компартии Великобритании. Выходила в 1930-1966 гг.

280 2 Интернационал - организация, официально называвшаяся Международным объединением социалистических партий. Была создана на учредительной конференции в Вене в феврале 1921 г. Объединение рассматривалось как временное и должно было послужить инструментом для создания единого Интернационала. В качестве непосредственных были выдвинуты задачи защиты русской революции, ликвидации Версальского договора и освобождения колониальных народов. 2 Интернационал существовал два года. В начале 1923 г. было принято решение о его слиянии с II Интернационалом, которое произошло на объединительном конгрессе в Гамбурге 21-26 мая 1923 г. Объединенная международная организация получила наименование Социалистический Рабочий Интернационал.

281 Декларация четырех партий "О необходимости нового Интернационала и его принципах" была подписана Интернациональной коммунистической лигой, Революционной социалистической партией и Независимой социалистической партией Голландии и Социалистической рабочей партией Германии 26 августа 1933 г., накануне открытия в Париже конференции независимых левых социалистических партий и коммунистических групп. Остальные партии и организации, участвовавшие в конференции, декларацию не поддержали.

282 Конференция революционно-социалистических и коммунистических молодежных организаций была открыта 9 декабря 1933 г. в Амстердаме. Однако она была разогнана полицией. Конференция состоялась 28 февраля 1934 г. в Бельгии. Она приняла резолюцию с призывом вести борьбу за создание нового Интернационала.

283 Изер - река на юге Франции. Троцкий ошибся - во время первой мировой войны на Изере военных действий не было.

284 Верден - крепость на реке Мез (Маас). В феврале-декабре 1916 г. в районе Вердена происходили ожесточенные бои. Германские войска пытались прорвать фронт французской армии, но встретили ожесточенное сопротивление. Обе стороны понесли тяжелые потери. В декабре 1916 г. французские войска

восстановили положение, существовавшее перед началом немецкого наступления.

285 Имеются в виду евреи.

286 Меттерних Клеменс (1873-1859) - австрийский государственный деятель, князь. Министр иностранных дел и фактический глава правительства в 1803-1821 гг., канцлер в 1821-1848 гг. Противник объединения Германии. Один из организаторов Священного союза Австрии, Пруссии и России.

287 Макиавелли Никколо (1469-1527) - итальянский политический мыслитель и писатель. Автор трактата "Государь", в котором выступал за сильную государственную власть. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.

288 Дарвинизм - теория эволюции органического мира Земли, основанная на воззрениях Чарлза Роберта Дарвина (1809-1882) - английского естествоиспытателя, автора труда "Происхождение видов путем естественного отбора" (1859). Согласно Дарвину, эволюция основана на изменчивости, наследственности и естественном отборе.

289 Гобино Жозеф Артюр де (1816-1882) - французский социолог и писатель, один из основоположников расизма. Автор этнографических работ по Востоку.

290 Фауст - герой немецких народных легенд и произведений мировой литературы и искусства. Прототипом был легендарный доктор Иоганнес Фауст - бродячий астролог, якобы живший в конце XV - первой половине XVI в. Ходили легенды о союзе Фауста с дьяволом (Мефистофилем). Всемирно известны "Фауст" И.В.Гете, одноименная опера Гуно, "Доктор Фаустус" Т.Манна.

291 Гамлет - герой одноименной трагедии У.Шекспира. Его имя стало символом человека, полного внутренних противоречий и сомнений. Отсюда термин "гамлетизм".

292 Эйнштейн Альберт (1879-1955) - физик-теоретик, один из основоположников современной физики. Жил в Германии, в 1933 г. эмигрировал в США. Создал частную и общую теорию относительности. Автор трудов по фундаментальным проблемам физики. Лауреат Нобелевской премии (1921).

293 Розенберг Альфред (1893-1946) - деятель Национал-социалистической партии Германии. С 1923 г. редактор ее газеты "Flkischer Beobachter" ("Народный наблюдатель"). С 1933 г. руководил внешнеполитическим отделом партии. С 1941 г. министр по делам оккупированных территорий. Один из идеологов нацизма. Автор книги "Миф XX века" (1930), рассматривавшейся как идейное обоснование нацизма. Казнен по приговору Международного трибунала в Нюрнберге.

294 Гесс Рудольф (1894-1987) - деятель Национал-социалистической партии Германии. С 1925 г. личный секретарь Гитлера, с 1933 г. заместитель Гитлера по партии. В мае 1941 г. перелетел в Великобританию с предложением мира. Был интернирован. На Нюрнбергском процессе 1945-1946 гг. симулировал потерю памяти. Был приговорен к пожизненному заключению. Покончил самоубийством в берлинской тюрьме "Шпандау".

295 Horse d'oevre (О-девр - фр.) - закуска, подаваемая перед более

обильной едой.

296 Вандервельде Эмиль (1866-1938) - бельгийский социалист, адвокат. С середины 90-х годов XIX в. руководитель Бельгийской рабочей партии. С 1900 г. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Неоднократно был министром (многостанных дел, юстиции и т. д.)

297 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 351.

298 Название романа пропущено. Очевидно, имеется в виду роман А.Мальро "Королевская дорога" (1930).

299 Слово "искусства" исправлено на "мастерства".

300 Вычеркнуто слово "нынешних".

301 Слово "проблемы" исправлено на "вопросы".

302 Зачеркнуто слово "Именно".

303 Слово "Это" исправлено на "Подобное".

304 Зачеркнуто слово "совершенно".

305 Зачеркнуты слова "и психологически".

306 Зачеркнуто слово "этом".

307 Слово "личных" исправлено на "человеческих".

308 Зачеркнута часть слова "идей".

309 Зачеркнуто "и".

310 Зачеркнуто "Мальро".

311 Зачеркнуто слово "над".

312 Зачеркнуты слова "этого замечательного".

313 Зачеркнута подпись "Л.Троцкий".

314 Активно-социалистичеакый фронт - группа политэмигрантов из Германии, проживавших во Франции. Четкого оформления не получила и почти сразу после создания прекратила существование. Проект программы этой группы предусматривал использование психологии как политического оружия.

315 Павлов Иван Петрович (1849-1936) - российский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. Академик Петербургской Академии Наук с 1907 г., затем академик АН СССР. Лауреат Нобелевской премии (1904).

316 Троцкий полемизировал с Павловым в 1923 г. в "Письме академику И.П.Павлову" и статье "К первому всероссийскому съезду научных работников" (Соч. - Т. 21. - М., 1927. - С. 260, 264-266).

317 Бреннер Анита (1905 - 1974) - американская писательница и журналистка. Родилась в Мексике. С 1910 г. жила в США. Автор ряда произведений о Мексиканской революции XX в. Корреспондент газеты "The New York Times".

318 Отсутствие вопросов не дает возможности в этом и в некоторых других случаях уяснить смысл ответов.

319 Берлин - корреспондент американского журнала "Jewish Periodical" ("Еврейская периодика").

320 Речь идет о результатах референдума 12 ноября 1933 г. в Германии, на котором 93% голосовавших одобрили выход Германии из Лиги Наций, объявленный Гитлером 14 октября.

321 См.: HU.HL. - bMS Russ13. - T-10748.

322 О ком идет речь, установить не удалось.

323 Энно Адемар (1899-1977) - бельгийский коммунист. В середине 20-х годов краткое время был генеральным секретарем партии и редактором ее газеты. В конце 20-х годов исключен из партии за поддержку Троцкого. В 1930 г. был инициатором создания Бельгийской лиги коммунистов-интернационалистов. Вскоре порвал с Троцким.

324 A'la (фр.) - подобно.

325 Имеется в виду позиция Сталина и Каменева непосредственно после Февральской революции 1917 г. в России. Она состояла в необходимости условной поддержки Временного правительства в том случае, если его политика будет соответствовать интересам социал-демократии. Позиция Сталина и Каменева была близка к курсу меньшевиков. Апрельская конференция большевиков 1917 г. согласилась с ленинской концепцией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и отказалась от какой-либо поддержки Временного правительства.

326 См.: Trotsky L. Ma vie. - Paris, 1930. - 3 vol.

327 Письмо Л.Д.Троцкого ЦК ВКП(б) от 11 января 1933 г. см.; Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 33. - С. 29-30.

328 Проект письма Интернационального Секретариата партиям и рабочим организациям по поводу единого фронта, подготовленный Троцким, см.: On a Fighting Agreement of Proletarian Organizations against Fascism. - Writings of Leon Trotsky. Supplement (1929-33). - New York, 1979. - P. 334-336.

329 Национальная рабочая организация (НАС) - небольшая левая профсоюзная организация в Голландии, основанная в 1893 г. В 30-е годы поддерживала связь с Революционно-социалистической партией Голландии, руководимой Х.Снивлином.

330 Hoover Institution Archives, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

331 Осецкий Карл фон (1889-1938) - германский публицист. Автор острых политических статей, разоблачавших национал-социалистов. Погиб в концлагере Дахау. Лауреат Нобелевской премии (1936).

332 Имеется в виду книга Гитлера "Моя борьба" (1925).

333 Имеется в виду Геббельс Иозеф (1897-1945) - один из лидеров Национал-социалистической партии Германии и нацистского режима. В 20-е годы примыкал к левому крылу нацистов, позже стал ближайшим сторонником Гитлера. С 1933 г. до конца нацистской власти министр просвещения и пропаганды. В 1944 г. имперский уполномоченный по тотальной мобилизации. Когда Гитлер покончил жизнь самоубийством (30 апреля 1945 г.), в течение двух суток был рейхсканцлером. После вступления советских войск в Берлин также покончил жизнь самоубийством.

334 Лейпцигский процесс 21 сентября - 23 декабря 1933 г. - судебная провокация, организованная нацистами по делу о поджоге здания германского рейхстага 27 февраля 1933 г. В качестве обвиняемых фигурировали председатель Западноевропейского бюро Коминтерна Георгий Димитров (нацисты

не знали, что он занимает этот пост), его помощники болгары Благой Попов и Васил Хаджитанев (на суде Танев), председатель коммунистической фракции германского рейхстага Эрнст Торглер и голландец Маринус ван дер Люббе (точнее Леббе), который и был собственно поджигателем или участником поджога. Он был приговорен к смертной казни. Остальных подсудимых суд был вынужден оправдать. Г.Димитров вел себя мужественно и использовал суд для разоблачения нацизма. Вопрос о том, действительно ли нацисты подожгли рейхстаг или лишь умело использовали поджог, до настоящего времени остается дискуссионным, но большинство современных исследователей пришли к выводу, что единственным поджигателем был ван дер Люббе, а нацистские руководители воспользовались случаем для расправы с оппозицией.

335 Открытое письмо Гитлера рейхсканцлеру Ф.Папену от 16 октября 1932 г. было издано в том же году отдельной брошюрой. Текст см.: Hitler A. Reden, Schriften, Anordnungen. - Bd. V. - Munchen, 1998. - S. 29-63. В письме по существу дела излагалась правительственная программа Национал-социалистической партии.

336 "Париж стоит мессы" - легендарное высказывание французского короля Генриха IV (Генриха Наваррского) (1553-1610, король с 1589 г. официально, с 1594 г. фактически). Во время религиозных войн он был главой гугенотов. После перехода в католицизм в 1593 г. был признан королем. В 1598 г. издал Нантский эдикт, завершивший религиозные войны. Католицизм оставался государственной религией, но гугеноты получили свободу вероисповедания. В переносном смысле выражение "Париж стоит мессы" означает выгодный компромисс.

337 Процесс Бейлиса (дело Бейлиса) - антисемитское дело, сфабрикованное в Киеве в 1913 г. Еврей М.Т.Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве христианского ребенка Вышинского. Расследование и суд сопровождались выступлениями протеста по всей стране. Бейлис был оправдан.

338 Герострат - грек из г. Эфес (Малая Азия), стремившийся обессмертить и действительно обессмертивший свое имя актом сожжения в 356 г. до н. э. храма Артемиды Эфесской, считавшегося одним из семи чудес света. В переносном смысле Герострат - честолюбец, готовый любой, даже самой скандальной, ценой добиться славы.

339 Речь идет о Маринусе ван дер Люббе (Леббе) - голландском безработном, арестованном 27 февраля 1933 г. в горящем здании германского рейхстага в Берлине и обвиненном вместе с Г.Димитровым и другими в поджоге рейхстага. Был единственным, чью вину Лейпцигский суд признал доказанной. Был приговорен к смертной казни и гильотинирован.

340 Речь идет о Торглере Эрнсте (1893-1963) - деятеле Коммунистической партии Германии. В 1933 г. Торглер был председателем коммунистической фракции рейхстага. Он был одним из подсудимых на Лейпцигском судебном процессе по делу о поджоге рейхстага. Был оправдан, но находился в заключении до 1935 г. Затем освобожден и сотрудничал с нацистскими властями. Был исключен из компартии в 1935 г. После второй мировой войны был членом

Социал-демократической партии Германии.

341 Речь идет о Г.Димитрове, Б.Попове и В.Хаджитаневе, привлеченных нацистами к суду по делу о поджоге рейхстага.

342 Парижская Коммуна - захват власти в Париже во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. политическими группами, стоявшими на социалистических и радикальных позициях. Парижская Коммуна фактически возникла 18 марта 1871 г. и была официально провозглашена 28 марта после выборов в Совет Коммуны. В Совете шла острая борьба между большинством (бланкисты и неоякобинцы) и меньшинством (в основном прудонисты). 28 мая Коммуна была разгромлена армией, сохранявшей верность правительству Адольфа Тьера, находившемуся в Версале. Попытки последовать примеру Парижской Коммуны в провинциальных городах были незначительны и легко разбиты. В марксистско-ленинской традиции повторялось произвольное утверждение В.И.Ленина, что Парижская Коммуна была первым опытом диктатуры пролетариата.

343 Реезе Мария (1889-1958) - деятельница компартии Германии, депутат рейхстага. В 1933 г. порвала с компартией и присоединилась к левой оппозиции. В 1934 г. перешла к нацистам.

344 Манос - греческий коммунист-оппозиционер, участник группы Витте.

345 По-видимому, речь идет о резолюции пленума Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции в августе 1933 г. о создании Четвертого Интернационала и временном изменении названия международного объединения на Лигу коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев).

346 Имеется в виду появление течений большевиков и меньшевиков на II съезде РСДРП в 1903 г. Разногласия проявились при обсуждении устава партии, первый параграф которого был принят в формулировке, против которой резко выступил Ленин. Однако при выборах центральных органов партии (ЦК и редакция центрального печатного органа) победу одержали сторонники Ленина, откуда и пошло название обоих течений.

347 "L'Internationale" - созданный в 1933 г. журнал Союза коммунистов - группы, отколовшейся в 1931 г. от Французской коммунистической партии. Существовал, как и группа, краткое время.

348 Имеется в виду V конференция РСДРП 5-17 января 1912 г., проходившая в Праге. Принимали участие большевики. Конференция приняла резолюцию об исключении из партии ликвидаторов. Троцкий неточен в том смысле, что на Пражской конференции окончательный раскол партии не произошел. Он имел место после Февральской революции 1917 г. и был зафиксирован Апрельской конференцией большевиков в том же году.

349 После II съезда РСДРП в руководящих партийных органах (ЦК, редакция центрального печатного органа, Партийный Совет) шла борьба за преобладание между большевиками и меньшевиками. В начале 1904 г. Плеханов, совместно с Мартовым и Аксельродом, стали представителями газеты "Искра" в Партийном Совете, по существу дела обеспечив преобладание меньшевиков над большевиками в центральных партийных органах. Ленин фактически был отстранен от участия в ЦК.

350 Текст в косых скобках в оригинале вычеркнут.

351 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

352 Порцсольд Ладислаус - германский коммунист. Был близок к группе Брандлера. В начале 30-х годов сблизился со сторонниками Троцкого.

353 IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся 10-25 апреля 1906 г. в Стокгольме. Съезд обсудил вопросы о пересмотре аграрной программы, современном моменте и классовых задачах пролетариата, отношении к Государственной Думе, вооруженном восстании и др. На съезде в соответствии с требованиями Второго Интернационала произошло объединение большевиков и меньшевиков. В состав РСДРП были приняты Социал-демократия Королевства Польского и Литвы и Бунд.

354 Николай II (1868-1918) - последний российский император (1894-1917). Был свергнут Февральской революцией 1917 г. Находился в ссылке в Тобольске, а затем в Екатеринбурге. Был расстрелян вместе с семьей и близкими по приказу высших большевистских властей (Ленин, Свердлов), оформленному решением Уральского Совета.

355 См.: Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. - Соч. - изд. 5-е. - Т. 26. - С. 354-355.

356 Работа Л.Д.Троцкого "Уроки Октября" была опубликована в качестве предисловия к т. 3 его собрания сочинений, посвященному событиям 1917 г. ("От Февраля к Октябрю") в 1925 г. В качестве брошюры была выпущена в Ленинграде в 1924 г., то есть до публикации тома, а затем многократно переиздавалась. Одной из важнейших тем работы были уроки революционных выступлений в Германии и Болгарии в 1923 г.

357 Переворот Пилсудского - военный переворот в Польше в мае 1926 г., приведший к установлению авторитарной власти маршала И.Пилсудского.

358 Луи Поль (1872-1948) - французский историк-социалист. Автор книг по истории национального рабочего социалистического и профсоюзного движения, а также по истории международного рабочего движения.

359 См. предыдущий документ.

360 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

361 Работа Л.Д.Троцкого о революции 1905 г. была впервые выпущена в 1906 г. ("Наша революция: Итоги и перспективы"). В 1910 г. вышло немецкое издание ("Russland in der Revolution. - Dresden, 1910). Затем работа неоднократно переиздавалась. В Советской России была впервые издана в 1922 г. под названием "1905".

362 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

363 Троцкий неточен. Книга вышла в 1910 г. (см. примеч. 361).

364 Брошюра Л.Д.Троцкого "Туда и обратно" была издана в Петербурге в 1907 г. и переиздана в 1919 г. Затем была включена в книгу "1905".

365 Германия покинула Лигу Наций 14 октября 1933 г. в знак протеста против отказа западных держав согласиться на ее равенство в вооружениях. Япония ушла из Лиги Наций ранее - 27 мая 1933 г., после оглашения доклада комиссии Литтона, признавшего, что она совершила агрессию против Китая.

366 Клаузевиц Карл (1780-1831) - немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (1818). Участвовал в войнах с Францией. В 1818-1830 гг. начальник военного училища в Берлине. В работе "О войне" разработал ряд принципов стратегии и тактики, сформулировал положение о войне как о продолжении политики иными средствами.

367 Политика "блестящей изоляции" Великобритании - внешнеполитический курс британских правящих кругов во второй половине XIX в. Заключался в отказе от участия в длительных международных соглашениях. Благодаря этому Великобритания сохраняла свободу действий с целью укрепления своих международных позиций.

368 Имеется в виду дипломатическое признание СССР правительством Ф.Рузвельта и установление советско-американских дипломатических отношений, а затем подписание торгового соглашения в 1933 г.

369 "Staat, greif zu!" (нем.) - "Государство, будь эффективным!"

370 Война Франции против национально-освободительного движения в Марокко началась в апреле 1925 г. в связи с тем, что восставшие племена риффов провозгласили Республику Рифф. Военные действия велись совместно с испанскими войсками. В Марокко была направлена 200-тысячная армия. Восстание в основном было подавлено к весне 1926 г., но сопротивление отдельных риффских племен продолжалось еще длительное время.

371 Status quo, status quo ante (лат.) - сложившееся положение, положение, существовавшее перед войной или перед другим крупным событием.

372 Имеется в виду подготовка к присоединению СССР к Лиге Наций (СССР вошел в Лигу Наций 18 сентября 1934 г.). Это означало крупное изменение направленности советской внешней политики. В предыдущие годы советская пропаганда не жалела красок для изображения международной организации в самом неприглядном свете в качестве "агентуры империалистических государств Антанты". Однако приход нацистов к власти в Германии привел к повороту внешней политики СССР. После принятия в Лигу Наций СССР стал членом Совета этой организации и принял участие в ее коллективных мерах против агрессии.

373 Так в тексте.

374 Саар (Сарская область) - земля (автономная область) в составе Пруссии (с 1871 г. в составе Германской империи). В 1919 г. была передана под управление Лиги Наций (угольные копи Саара были отданы Франции). В 1935 г. после плебисцита Саар был возвращен Германии. В настоящее время входит в состав Федеративной Республики Германии.

375 Потемкинские деревни - термин, который обозначал попытки российского государственно-политического деятеля князя Г.А.Потемкина-Таврического ввести в заблуждение императрицу Екатерину II с тем, чтобы создать у нее впечатление процветания северного Причерноморья, захватом которого у Турции и освоением которого он руководил. В переносном смысле - создание иллюзии процветания при фактическом отсутствии такового.

376 В начале августа 1914 г. социал-демократическая фракция IV Государственной Думы, в которую входили большевики и меньшевики, выступила с

декларацией, которая осуждала войну и призывала международный пролетариат бороться за ее прекращение. Декларация была оглашена на заседании Думы.

377 Большевистские депутаты IV Государственной Думы были арестованы в конце 1914 г. во время нелегальной конференции под Петроградом, созванной для обсуждения тезисов В.И.Ленина о войне (Ленин занял в них пораженческую позицию). В 1915 г. депутаты были приговорены (вместе с Каменевым, также арестованным во время конференции) к ссылке в Сибирь. Меншевики продолжали участвовать в работе Думы.

378 Муранов Матвей Константинович (1873-1959) - советский деятель. Социал-демократ с 1904 г. Депутат IV Государственной Думы. После Октябрьского переворота 1917 г. работал в аппарате ЦК РКП(б). В 1923-1934 гг. член Верховного Суда СССР.

379 В начале первой мировой войны Ленин объявил, что война носит империалистический и несправедливый характер с обеих сторон. Он выдвинул лозунги поражения своего правительства в империалистической войне и превращения империалистической войны в войну гражданскую.

380 Франко-прусская война 1870-1871 гг. была войной между Францией, стремившейся сохранить свою гегемонию в Европе и препятствовавшей объединению Германии, и Пруссией, стремившейся к объединению с рядом других германских государств, которые в войне выступали совместно с ней. В сентябре 1870 г. французская армия потерпела поражение под Седаном. Император Франции Наполеон III, командовавший армией, сдался в плен. Прусские войска оккупировали часть французской территории. Война завершилась подписанием Франкфуртского мира, по которому Германия (ее воссоединение произошло в 1871 г.) получила Эльзас, Восточную Лотарингию и 5 млрд франков контрибуции.

381 Проект Л.Д.Троцкого.

382 См. выше, с. 530-579.

383 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 306

384 Речь идет о библиотеке Э.Бернштейна, скончавшегося в 1932 г.

385 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

386 Статья Л.Д.Троцкого "Анатолий Васильевич Луначарский" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1934. - No 38-39. - С. 19-20.

387 Пэрри Мэтью Колбрайт (1794-1858) - военно-морской деятель США, коммодор (1841). Под угрозой военных действий вынудил правительство Японии подписать договор 1854 г., положивший конец изоляции Японии от внешнего мира и открывший японские порты для американских судов.

388 Колумб Христофор (1451-1506) - мореплаватель. Родился в Генуе. Руководил испанскими экспедициями для поиска кратчайшего пути в Индию. В 1492 г. достиг острова Сан-Саольвадор. Эта дата считается датой открытия Америки.

389 Речь идет о Нидерландской революции 1566-1609 гг., сочетавшей антифеодальную борьбу с национально-освободительным восстанием против Испании. Началом революции было Иконоборческое восстание 1566 г., за которым последовал ряд других восстаний и создание Утрехтской унии (1579). Революция

завершилась освобождением от испанского господства северных провинций (территории современных Нидерландов) и образованием Республики Соединенных Провинций.

390 Имеется в виду революция в Северной Америке XVIII в. (война североамериканских колоний за независимость от Великобритании).

391 Имеется в виду гражданская война в США между прогрессивным капиталистическим Севером и рабовладельческим Югом в 1861-1865 гг.

392 Ложе Прокруста (Прокрустово ложе) - в греческой мифологии ложе, на которое разбойник Прокруст укладывал свои жертвы - путников, оказавшихся в его руках. Тому, кому ложе было коротко, он обрубал ноги; тех, кому оно было длинно, - вытягивал. В переносном смысле Прокрустово ложе - искусственная мерка, не соответствующая сущности явления.

393 Анабиоз - состояние организма, при котором резко замедляются все жизненные процессы, что способствует выживанию в крайне неблагоприятных условиях.

394 Стоики - сторонники стоицизма (от греческого слова, обозначающего портик - галерею с колоннами в Афинах, где учил основатель течения Зенон. Возникло в III в. до н. э. Сторонниками позднего стоицизма были древнеримские философы Сенека, Эпикур, Марк Аврелий. В основе учения - представление о мире как о живом организме, пронизанном творческим первоогнем. Этика стоицизма, согласно которой все люди - граждане космоса как мирового государства, равны перед законом, пользовалась большим влиянием в эпоху Возрождения. Стоицизмом называют также стойкость и мужество в жизненных испытаниях.

395 Имеется в виду библейское сказание о толковании сна фараона Египта находившимся в тюрьме рабом Иосифом, согласно которому тощие коровы - это неурожайные годы, а тучные - урожайные. Для подготовки к неурожайным годам следовало копить запасы провизии (Бытие, 41).

396 Имеется в виду агрессия Японии против Китая.

397 Макговерн Джон (1887-1968) - деятель Независимой рабочей партии Великобритании. Участвовал в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев. В 1947 г. порвал с Независимой рабочей партией. В последние двадцать лет жизни занимал резко выраженную антикоммунистическую позицию.

398 Ленсбери Джордж (1859-1940) - британский политический деятель, лейборист, депутат парламента, редактор газеты "Daily Herald" ("Ежедневный глашатай"). В 1935 г. выступил против санкций Лиги Наций против агрессии фашистской Италии в Эфиопии по пацифистским соображениям.

399 "Lasciate ogni speranza" (ит.) - "Оставьте все надежду".

400 Лондонское бюро (известно также под названиями Интернациональное бюро революционно-социалистических партий и Лондонско-Амстердамское бюро) - международное объединение, зародившееся в 1934 г. и оформившееся в 1935 г. Являлось организацией центристских партий, не связанных с Социалистическим Рабочим Интернационалом и выступавших против создания нового Интернационала. В объединение входили Независимая рабочая партия Великобритании, Норвежская

рабочая партия, Социалистическая рабочая партия Германии, Независимая социалистическая партия Голландии.

401 "Peuple" ("Народ") - бельгийская ежедневная газета, центральный орган Бельгийской рабочей партии.

402 Ман Хенрик де (1885-1953) - руководитель правого крыла Бельгийской рабочей партии. В 1933 г. выдвинул "рабочий план" преодоления экономического кризиса. Этот план был поддержан профсоюзами и имел последователей в других странах.

403 Эмиль Вандервельде участвовал в московском процессе 1922 г. над лидерами партии эсеров вместе с другими зарубежными адвокатами. Однако они были вынуждены выступить против многочисленных нарушений правопорядка в зале суда, а также вокруг него и покинуть Москву.

404 Спаак Поль-Анри (1899-1972) - один из лидеров Бельгийской рабочей партии, неоднократно министр иностранных дел. В 1957-1961 гг. был Генеральным секретарем НАТО. В молодости примыкал к левому крылу Социалистической рабочей партии Бельгии и сотрудничал с Троцким.

405 "La mouvement syndicale belge" ("Бельгийское профсоюзное движение") - бельгийский журнал, связанный с Рабочей партией Бельгии.

406 "Il y a fagots et fegots" (фр.) - слова Мольера (драма "Медичи"). Буквально: "Есть вязанки хвороста и вязанки хвороста", то есть "Существуют различные вязанки хвороста". Ирония в том смысле, что между лицами, входящими в определенный класс, имеются различия, что в у каждой категории людей имеются свои особенности.

407 Мольер (настоящие фамилия и имя Поклен Жан Батист) (1622-1673) - французский драматург, актер, реформатор сценического искусства. Создал жанр социально-бытовой комедии. Творчество Мольера оказало огромное воздействие на развитие мировой драматургии и театра.

408 "Action Socialiste" - газета Движения революционных социалистов Бельгии в первой половине 30-х годов.

409 Правильно ИКЛ (ICL, International Communist League) - Международная коммунистическая лига - название Интернациональной коммунистической оппозиции с 1933 г.

410 Ad hominem (лат.) - буквально "к человеку" - аргументация, обращенная к человеческим предрассудкам или эмоциям, не носящая логического характера.

411 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

412 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

413 Слово "зачисленные" исправлено на "отчисленные".

414 Адрес пропущен.

415 Фамилия густо зачеркнута. Прочитать ее не удалось. Скорее всего речь идет о Ф.Пфемферте.

416 Имеется в виду Socialist Worker Party (SWP) (Социалистическая рабочая партия). Аббревиатура неточна.

417 Масте Абрахам Джоаннес (1885-1967) - священник, руководитель

Рабочей партии США, которая в 1934 г. слилась с Коммунистической лигой США под названием Рабочая партия. В 1936 г. Мэсте порвал с этой партией и перешел на религиозно-пацифистские позиции.

418 Hoover Institution Archive, В.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

419 XIII пленум Исполкома Коминтерна состоялся в декабре 1933 г. Пленум сохранил тактику "класс против класса", полагая, что мировой кризис приведет к дальнейшим потрясениям капиталистической системы. Несмотря на приход нацистов к власти в Германии, оценка социал-демократии как "социал-фашизма" не была отменена. В то же время на пленуме было дано определение фашизма, которое несколько суживало это понятие и в дальнейшем послужило базой для обоснования курса Коминтерна на создание народного фронта.

420 Шкандера (Скандера) Вацлав (1902- ?) - один из лидеров коммунистической оппозиционной организации в Праге.

421 Биробиджан - центр Еврейской автономной области в Хабаровском крае. Создание еврейской автономии в 1934 г. в глухом углу страны, не имевшем никакого отношения к еврейскому населению, находилось в прямом противоречии с большевистской концепцией ассимиляции евреев с окружающим населением, на которой, в частности, весьма энергично ранее настаивал Сталин.

422 Так в тексте.

423 Гласс Франк (1901-1988) - южноафриканский коммунист. Был исключен из компартии за поддержку Троцкого. Выехал в Китай в качестве журналиста, где в течение ряда лет участвовал в революционном движении под именем Ли Фучжен.

424 Айзекс Гаролд (псевдоним Роберстс) (1910-1986) - американский журналист, сочувствовавший компартии. В 1932-1934 гг. находился в Китае, где издавал журнал "China Forum". В 1934 г. перешел на сторону Троцкого. Автор книги "Трагедия Китайской революции" (1938). Троцкий написал к этой книге предисловие.

425 "China Forum" ("Китайский форум") - еженедельный журнал на английском языке. Выходил в 1932-1934 гг. под редакцией Г.Айзекса в Китае. Поддерживал компартию. Прекратил выход в связи с переходом Айзекса на позиции поддержки Троцкого.

426 Аберн Мартин (1898-1949) - деятель компартии США со времени ее основания в 1919 г. Был исключен из партии за поддержку Троцкого. Участвовал в создании Коммунистической лиги США. Затем был деятелем Социалистической рабочей партии, с которой порвал в 1940 г. и принял участие в основании Рабочей партии, одним из лидеров которой оставался до смерти.

427 Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству) - квазиобщественная организация, существовавшая в СССР в 1927-1948 гг.

428 Речь идет о XVII съезде ВКП(б), состоявшемся 26 января - 10 февраля 1934 г. Съезд рассмотрел второй пятилетний план и другие вопросы. Был принят новый устав ВКП(б). Сталинская пропаганда навала этой съезд "съездом победителей".

429 Кот Пьер (1895-1977) - французский политический деятель, радикал, затем беспартийный. В 1933-1935 гг. министр. После второй мировой войны примкнул к коммунистам, став одним из организаторов инициированного Москвой всемирного движения сторонников мира. Лауреат Международной Сталинской премии мира (1953).

430 "Daily Mail" ("Ежжневная почта") - английская газета. Основана в 1896 г. Выходит в Лондоне и Манчестере.

431 В 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении применения химического оружия как оружия массового поражения.

432 Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937) - советский военный деятель, маршал Советского Союза (1935). Командовал войсками Красной Армии во время гражданской войны в военных действиях против Деникина и в советско-польской войне 1920 г. Руководил подавлением Кронштадтского восстания 1921 г. и крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1921-1922 гг. В 1925-1928 гг. начальник штаба Красной Армии. С 1931 г. заместитель председателя Реввоенсовета. С 1934 г. заместитель, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны. Автор трудов по военной теории. Арестован во время "большого террора" и расстрелян как руководитель фиктивного "военного заговора".

433 Имеется в виду Наполеон I (Наполеон Бонапарт).

434 Кромвель Оливер (1599-1658) - деятель Английской революции XVII в., руководитель движения индепендентов (независимых). Один из организаторов парламентской армии, одержавшей победы в двух гражданских войнах. С 1650 г. лорд-генерал. В 1653 г. установил режим военной диктатуры - протекторат и стал лордом-протектором.

435 Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730 - 1800) - российский полководец, генералиссимус (1799). Одержал многочисленные победы в войнах с Турцией и Францией. Разработал наступательную стратегию, которую успешно применял в сражениях.

436 Екатерина II (1729-1796) - российская императрица с 1762 г. При Екатерине окрепло российское государство, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ и польские земли. Было разгромлено крестьянское восстание Пугачева (1773-1775).

437 Павел I (1754-1801) - российский император с 1796 г. Вводил прусские порядки в армии. Ограничил дворянские привилегии. Был убит заговорщиками.

438 Хаяси Сенжуро (1876-1943) - японский генерал, военный министр (1934-1935), премьер-министр (1937).

439 Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была сформирована в 1929 г. в связи с обострением советско-китайских отношений. В 1929-1938 гг. ею командовал В.К.Блюхер. После его расстрела армия была расформирована.

440 Русско-японская война 1904-1905 гг. происходила за господство в Северо-Восточном Китае и в Корее. Россия потерпела ряд поражений. Война завершилась Портсмутским мирным договором, подписанным в США, по которому

Россия лишилась Южного Сахалина, Курильских островов и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним (Дайреном).

441 Аннибал (Ганнибал) (247 или 246 до н. э. - 183 до н. э.) - карфагенский полководец. В ходе Второй Пунической войны (218-201 до н. э.) совершил переход через Альпы, одержал ряд побед над римлянами, в частности при Каннах (216 до н. э.). В 202 г. был побежден римлянами.

442 Кузнецкая военно-промышленная база - промышленная область в районе города Новокузнецк (Кемеровская область), развитие которой началось в первой пятилетке. Основными промышленными объектами были разработка угольного бассейна и строительство металлургического комбината, введенного в действие в 1932 г.

443 БАМ (Байкало-Амурская магистраль) - второй магистральный железнодорожный выход СССР к Тихому океану. Строительство было начато в первой пятилетке, но прекращено и возобновлено только в 1974 г.

444 Буря - река на Дальнем Востоке, левый приток Амура. Малый Хинган - горная система на Дальнем Востоке в пределах России и Китая. Угольные и металлургические месторождения Буреи и Малого Хингана оказались скудными и их активная разработка начата не была.

445 Проект, подготовленный Л.Д.Троцким.

446 На протяжении 1933 г. правительство канцлера Дольфуса в Австрии постепенно сокращало политические и гражданские права населения, устанавливая авторитарный режим. В феврале 1934 г. Социал-демократическая партия Австрии призвала рабочих к всеобщей стачке. 11-16 февраля 1934 г. в Вене имели место столкновения рабочих и их вооруженной организации Шуцбунд с правительственными войсками и полицией. Выступление было разгромлено. Несколько сот человек были убиты. Правительство объявило Социал-демократическую партию вне закона.

447 Троцкий преувеличивает, упоминая о "кровавых боях в Париже". 6 февраля 1934 г. правые экстремистские организации предприняли поход на Бурбонский дворец (место работы Палаты депутатов). Пользуясь недовольством дороговизной, коррупцией и спекуляцией, они стремились вызвать стихийное возмущение населения для дестабилизации обстановки и собственного прихода к власти. Левые силы призвали парижан к сопротивлению. В нескольких местах произошли вооруженные стычки. Вступление правых явилось стимулом к созданию единого фронта левых сил, а затем к образованию народного фронта, зачатки которого проявились уже в проведении 12 февраля 1934 г. всеобщей забастовки протеста против правой опасности.

448 Ренодель Пьер (1871-1935) - французский политический деятель, социалист, руководитель газеты "L'Humanit" ("Человечество") в 1915-1918 гг. Позже независимый.

449 Продиктовано непосредственно Л[ьвом] Т[роцким]. Замечание о переводе с французского включено по соображениям безопасности. (Это информация Ж[ана] в[ан] Х[ейженнорта]. - Англ.

450 В верхней части письма приписано зеленым карандашом почерком

Н.И.Седовой: "1934, апрель".

451 Hoover Institution Archive, B.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

452 "Humbles" ("Покорные") - журнал, издававшийся М.Парижанином.

453 "Superbes" ("Великолепные") - приложение к журналу "Humbles".

454 Имеется в виду Французская национальная библиотека - основное хранилище и депозитарий печатных изданий Франции.

455 NRA (National Recovery Administration) - Национальная администрация оздоровления - чрезвычайная государственная организация, созданная Ф.Рузвельтом в 1933 г. для реализации закона о восстановлении промышленности, принятого в том же году в условиях экономического кризиса. Закон предусматривал создание отраслевых хозяйственных групп и введение в них "кодексов честной конкуренции", которые должны были стимулировать промышленное развитие.

456 Очевидно, имеется в виду одно из подразделений корпорации по восстановлению финансов, созданной президентом США Г.Гувером в начале 1932 г. для преодоления экономического кризиса. В числе мер намечались стандартизация и рационализация производства. Существенных результатов деятельность корпорации не дала.

457 Евангелия - раннехристианские сочинения о "земной жизни" Иисуса Христа. Различают канонические (от Марка, Матфея, Луки и Иоанна) Евангелия, которые входят в Новый Завет и апокрифические (не признанные). Сложились в конце I - начале II в.

458 Доктрина Монро - внешнеполитическая программа правительства США, провозглашенная в 1823 г. в послании президента Джеймса Монро конгрессу. Декларировался принцип взаимного невмешательства стран американского и европейского континентов во внутренние дела друг друга. Одновременно провозглашалась необходимость присоединения к США новых территорий и фактически оправдывалась возможная экспансия в Латинской Америке.

459 Имеется в виду американский (известный также как лысый или белоголовый) орел, являющийся государственной эмблемой США. Изображение орла имеется на американских долларах. В этом смысле его скорее следовало бы называть не голубым, а зеленым орлом.

460 Brain trust (англ. - мозговой трест, неофициальная консультативная группа, образованная Ф.Рузвельтом после избрания президентом США в 1932 г. "Мозговой трест" разрабатывал реформы "нового курса", проводившегося Рузвельтом в следующие годы.

461 Last but not least (англ.) - последнее по месту, но не по значению.

462 Квакеры - члены религиозной христианской общины, основанной в XVII в. в Англии. Общины квакеров получили распространение в США и Великобритании. Они отвергают институт священников, церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

463 Картезианство - направление в философии и естествознании XVII-XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Р.Декарта (его латинизированное имя Картезий). Основа картезианства - дуализм (разделение

мира на две самостоятельные субстанции - протяженную и мыслящую).

464 Аристотель был создателем силлогистики - учения о логической дедукции, в котором рассматриваются рассуждения в форме силлогизмов, то есть двух посылок, объединенных общим термином, за которым следует логическое заключение.

465 Тевтобургский Лес - горная гряда в составе Везерских гор (Германия). В Тевтобургском Лесу германские племена во главе с Арминием уничтожили римские легионы, что остановило продвижение римлян на Рейн.

466 Chewing gum (англ.) - жевательная резинка.

467 Джексон Эндрю (1767-1845) - президент США (1829-1837). Стремился к установлению в стране так называемой "джексоновской демократии" - расширению прав низших слоев общества.

468 Икслагор - иммигрант из России, проживавший в г. Капштадт (Южно-Африканский Союз). Член компартии. В конце 20-х годов был исключен из нее за поддержку Троцкого. В следующие годы член группы сторонников Троцкого.

469 Hoover Institution Archive, B.I.Nicolaevsky Collection, box 353.

470 Вычеркнуто слово "область".

471 Синильный - старческий (от английского слова senile).

472 Лига патриотов (Патриотическая лига, Молодые патриоты) - правая националистическая и монархическая организация во Франции. Руководитель Пьер Теттенже. Была образована в середине 20-х годов. Было запрещена после прихода к власти народного фронта в 1936 г.

473 Огненные кресты - правая националистическая организация во Франции. Создана в 1927 г. как военнизированная организация бывших фронтовиков на средства парфюмерного фабриканта Ф.Коти. Руководитель полковник Франсуа де ля Рокк. Организация пользовалась антикапиталистической демагогией. Являлась главной движущей силой выступления правых сил в Париже в феврале 1934 г. Была запрещена правительством народного фронта в 1936 г.

474 Имеется в виду "Camelots du roi" (буквально "королевские разносчики", "разносные торговцы", то есть уличные торговцы, получившие королевскую лицензию). Так называлась ультраправая военнизированная организация, название которой обычно переводится "Королевские молодцы".

475 Французская радикальная партия (правильное название Партия радикалов и радикал-социалистов) - политическая партия, образованная в конце XIX в. Выражала интересы средних слоев. Представители партии многократно входили в правительство.

476 В первом случае Троцкий под радикалами имеет в виду правых экстремистов, во втором случае Радикальную партию.

477 Даладьё Эдуар (1884-1970) - французский политический деятель, член Радикальной партии. Многократно был министром. Премьер-министр в 1933-1934 и 1938-1940 гг.

478 Революция 1848 г. во Франции - демократическая революция, свергнувшая монархию и установившая республиканский строй. Началась в

феврале 1848 г. На выборах в Законодательное собрание в мае того же года победила "Партия порядка". В декабре 1848 г. президентом был избран Луи Бонапарт, организовавший в 1851 г. государственный переворот, а через год после этого провозгласивший себя императором. Под идеями революции 1848 г. Троцкий имеет в виду демократические идеи, которые он считает "буржуазными".

479 Марен Луи (1871-1960) - французский правый политический деятель, в течение многих лет депутат парламента.

480 Картель (часто именуется также левым блоком) - соглашение радикалов, республиканцев и социалистов Франции о сотрудничестве, заключенное в начале 1924 г. В мае 1924 г. после парламентских выборов было образовано правительство Картеля. В 1924-1925 гг. правительство возглавлял Э.Эррио. Его правительство провело некоторые реформы (частичная амнистия политических заключенных, признание права государственных служащих на объединение в профсоюзы и др.) При преемниках Эррио (с апреля 1925 г.) были подписаны Локарнские договоры, гарантировавшие западную границу Германии. В июне 1926 г. к власти пришло правое правительство Национального единения во главе с Р.Пуанкаре. В правительство вошли радикалы.

481 Национальный блок во Франции был образован в 1919 г. В него вошли ряд правых и центристских партий и организаций. Примкнула также партия радикалов. Программа Национального блока предусматривала строгое выполнение Версальского договора с Германией, объединение граждан в рамках "социального и религиозного мира", защиту цивилизации против большевизма, сотрудничество буржуазии и пролетариата, проведение финансовой реформы. На выборах 1919 г. Национальный блок одержал победу и стоял у власти до 1924 г.

482 Шотан Камиль (1885-1963) - французский политический деятель, один из руководителей Радикальной партии. Премьер-министр в 1930, 1933-1934 и 1937-1938 гг.

483 Фроссар Луи-Оскар (1889-1946) - деятель французского социалистического и коммунистического движения. Член Социалистической партии с 1905 г. Во время первой мировой войны стоял на центристско-пацифистских позициях. В 1920 г. поддержал коммунистическое крыло Социалистической партии и после образования компартии в 1920 г. стал ее генеральным секретарем (до 1923 г.). В 1921 г. подверг критике политику Коминтерна, в частности по вопросу о едином фронте. В январе 1923 г. вышел из партии. Пытался создать альтернативную коммунистическую организацию, но вскоре отказался от этого и возвратился в Социалистическую партию. Избирался депутатом парламента. С середины 30-х годов занимал министерские посты. После оккупации Франции Германией занимался журналистской деятельностью. Когда Франция была освобождена, привлекался к суду как коллаборационист, но был оправдан. Опубликовал книги "От Жореса до Ленина" (1930) и "Под сенью Жореса" (1943).

484 Деа Марсель (1894-1955) - французский профессор философии и правый политический деятель. Сочувствовал германскому нацизму. После оккупации Франции в 1940 г. коллаборационист. В 1941 г. основал партию Народное национальное собрание, являвшуюся одной из основных коллаборационистских

организаций. Участвовал в организации Легиона французских добровольцев, посланном на германо-советский фронт. В 1944 г. член правительства Виши. В том же году бежал в Италию, где скрывался до смерти.

485 Статья была опубликована в качестве редакционной в газете "La Verit" 9 ноября 1934 г.

486 Котерия (от французского слова coterie) - группа лиц с общими интересами. Обычно термин применяется в отношении политической партии или группы, иногда с презрительно-уничижительным оттенком, имеющим смысл "клика".

487 "Populaire" ("Народная") - ежедневная французская газета, центральный орган Социалистической партии. Выходила в 1918-1970 гг.

488 Так в тексте. Имеется в виду поворот.

489 Понтий Пилат - римский наместник Иудеи в 26-36 гг. Отличался жестокостью. Согласно Новому Завету, приказал распять Иисуса Христа.

490 Rot Front (Красный Фронт) - сокращенное наименование Союза красный фронтовиков - вспомогательной организации, основанной компартией Германии в 1924 г. Представляла собой вооруженную организацию партии, сосредоточенную в промышленных районах. В 1929 г. численность составляла около 100 тыс. человек. Организация вступала в кровавые столкновения с полицией и вооруженными формированиями правых партий, в частности со штурмовыми отрядами нацистов. В 1929 г. была запрещена и существовала нелегально до 1933 г.

491 В "Humanit" от 30 октября Вайан-Кутюрье очень неплохо доказывает, что требовать разоружения фашистов от правительства бессмысленно, что разоружить их может только движение масс. Так как речь идет, очевидно, не об "идеологическом", а о физическом разоружении, то мы хотим надеяться, что "Humanit" признает ныне необходимость рабочей милиции. Мы готовы искренно приветствовать каждый шаг сталинцев на правильном пути.

... Но увы, 1 ноября Вайан-Кутюрье делает решительный шаг назад: разоружать фашистов будет не Единый фронт, а полиция Думерга, "под давлением и контролем" Единого фронта. Замечательная идея: без революции, одним лишь "идеологическим" давлением превратить бонапартистскую полицию в исполнительный орган пролетариата! К чему завоевание власти, когда тех же результатов можно достигнуть мирным путем? "Под давлением и контролем" Единого фронта Жермен-Мартен национализирует банки, а Маршандо посадит в "Санте" реакционных заговорщиков, начиная со своего коллеги Тардье. Идея "давления и контроля", взамен революционной борьбы, не выдумана Вайаном-Кутюрье, она позаимствована им у Отто Бауэра, Гильфердинга и русского меньшевика Дана. Назначение этой идеи: отвращать рабочих от революционной борьбы. На самом деле в сто раз легче разгромить фашистов собственными руками, чем руками враждебной полиции. А когда Единый фронт станет достаточно могуществен, чтобы "контролировать" аппарат государства, - следовательно, после захвата власти, никак не раньше, - он попросту разгонит буржуазную полицию и поставит на ее место рабочую милицию. - Примеч. автора.

Вайян-Кутюрье Поль (1892-1937) - французский политический деятель и писатель, коммунист. С 1926 г. главный редактор газеты "Юманите". Жермен-Мартель (правильно Жермен Мартель) - французский политический деятель, занимал министерские посты. "Санте" - тюрьма в Париже.

492 Лонге Жан (1876-1938) - французский политический деятель, руководитель центристского крыла Социалистической партии. Внук К.Маркса. Во время первой мировой войны пацифист. Выступал против военной интервенции в советской России. В 30-е годы сторонник сплочения сил, выступавших против нацизма и войны.

493 Мильеран Александр (1859-1943) - французский политический деятель. В конце XIX в. один из руководителей социалистического движения. В 1899 г. вошел в правительство Вальдека-Руссо в качестве министра. Этот "казус Мильерана" (первое в истории вхождение социалиста в "буржуазное" правительство), который породил "термин" "мильеранизм", вызвал острую борьбу тенденций в международном социалистическом движении. Революционные течения остро осуждали этот поступок как форму политического сотрудничества с буржуазией. В 1904 г. Мильеран был исключен из Социалистической партии и продолжал политическую деятельность как независимый. В 1920-1924 гг. был президентом Франции.

494 Вивиани Рене (1863-1925) - французский политический деятель, социалист. Депутат парламента в 1893-1902 гг. Неоднократно входил в правительство в качестве независимого социалиста. В начале первой мировой войны премьер-министр. Был представителем Франции в Лиге Наций в 1920-1921 гг. С 1922 г. сенатор.

495 Лаваль Пьер (1883-1945) - французский политический деятель, премьер-министр в 1931-1932 и 1935-1936 гг. Министр иностранных дел в 1934-1935 гг. В 1942-1944 гг. глава коллаборационистского правительства Виши. Казнен как национальный предатель.

496 Поль-Бонкур Жозеф (1873-1972) - французский социалист. Занимал различные министерские посты (иностраннх дел, труда, военный министр). Был постоянным представителем Франции в Лиге Наций. Автор ряда книг по социально-политической тематике и воспоминаний.

497 Марке Адриен (1884-1955) - французский политический деятель, неосоциалист, мэр г. Бордо. В 1934 г. министр труда в правительстве Г.Думерга. В следующие годы перешел на правоконсервативные позиции.

498 Троцкий оговорился. Имеется в виду революция 1931 г.

499 Речь идет о вооруженных столкновениях в Вене 15-16 июля 1927 г. Перед этим Венский уголовный суд оправдал группу членов правой вооруженной организации Хеймвер, совершивших нападение на рабочую демонстрацию и убивших двух ее участников. В столкновениях с правыми силами и полицией участвовала вооруженная организация Социал-демократической партии Австрии Шуцбунд. Выступление было подавлено.

500 Шуцбунд (Союз обороны) - 20-30-е годы военнизированная организация Социал-демократической партии Австрии, созданная в 1923 г. для борьбы против

реакции, в защиту республики. Шуцбундовцы активно участвовали в вооруженных столкновениях в Вене в 1927 и 1934 гг. После выступления 1934 г. многие из них эмигрировали в СССР. Значительная часть была арестована и расстреляна во время "большого террора".

501 Пивер Марсо (1895-1958) - руководитель левой группы во Французской социалистической партии. В 1938 г. стал инициатором образования Рабоче-крестьянской социалистической партии.

502 27 июля 1934 г. был подписан пакт о единстве действий Коммунистической и Социалистической партий Франции, предусматривавший борьбу за роспуск и разоружение "фашистских" лиг, защиту демократических свобод, отмену чрезвычайных декретов, против подготовки войны и др. Предусматривалось создание Комитетов координации действий. Этот пакт стал основой народного фронта, образованного в следующем году и пришедшего к власти в 1936 г.

503 На содержании самой программы мы здесь не останавливаемся, отсылая читателей к нашей брошюре "Programme d'Action", которая представляет собой проект такой переходной программы. - Примеч. автора. Имеется в виду брошюра: Trotsky L. Programme d'action. -Paris, 1937.

504 В "Ecole emancipe" т. Ж.Серрэ опубликовал интересный вопросник по поводу экономического положения разных слоев крестьянства и их политических тенденций. Народные учителя могли бы стать незаменимыми агентами Единого фронта в деревне и сыграть в ближайший период историческую роль. Но для этого они должны выйти из своей скорлупы. Поистине, время неблагоприятно для маленьких экспериментов в маленьких лабораториях. Революционные учителя должны вступить в социалистическую партию, чтобы укрепить ее революционное крыло и связать ее с крестьянскими массами. Преступно упускать время! - Примеч. автора. Серрэ Жильбер - один из лидеров французской Унитарной федерации учителей, связанной с компартией. "Ecole emancipe" ("Освобожденная школа") - журнал этой федерации. В августе 1934 г. совместно с другими деятелями учительской коммунистической организации Серрэ участвовал в дискуссии с Троцким.

505 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 303.
"Робітничі вісті" ("Рабочие известия") - канадская профсоюзная газета на украинском языке.

506 Шевченко Тарас Григорьевич (1814-1861) - украинский поэт и художник. Из семьи крепостных. В 1847 г. был арестован за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе и отправлен рядовым в Оренбургский округ. После окончания службы жил в Петербурге. Автор многочисленных поэм, стихотворений, пьесы "Назар Стодоля".

507 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 307.

508 Скорее всего речь идет о Дунаевской (девичья фамилия Шпигель) Рае (1910-1987) - американской стороннице Троцкого, дочери русских эмигрантов. Позже, в 1937-1938 гг. Дунаевская была секретарем и стенографисткой Троцкого в Мексике.

509 Брайант Луиза (1890-1936) - американская журналистка. В 1917 г. находилась в России вместе со своим мужем Джоном Ридом. Была автором публицистической книги "Шесть красных месяцев в России" (1919).

510 Речь идет об убийстве в Марселе югославского короля Александра I Карагеоргиевича, а также министра иностранных дел Франции Луи Барту, осуществленном хорватской националистической организацией усташей и Внутренней македонской революционной организацией, членом которой был убийца Владо Черноземский.

Указатель имен

Аберн М.
Адлер М.
Адлер Ф.
Айзекс Г.
Аксельрод П.Б.
Александр I Карагеоргиевич
Александров
Альфонсо XIII
Аристотель
Арминий
Архимед
Ашингер
Балабанова А.
Барбес А.
Барту Л.
Бауэр О.
Бауэр Э. (Аккеркнехт Э.)
Бебель А.
Бейлис М.Т.
Берлин
Бернштейн Э.
Бетховен Л.
Бисмарк О.
Бласко (Треско П.)
Блюм Л.
Блюхер В.К.
Бонифаций VII
Борис III
Бородин М.М.
Брайант Л.
Брандлер Г.

Брейтшейд Р.
Бреннер А.
Бриан А.
Броквей А.Ф.
Брюнинг Г.
Буденный С.М.
Бурбоны
Бурдерон А.
Буриан В.
Бухарин Н.И.
Бэм
Вазов И.
Вайан-Кутюрье П.
Вальхер Я.
Ван см. Хейженоорт Ж. Ван
Вандервельде Э.
Ван Цзинвей
Ванцлер Д.
Вареекен Ж.
Вебер С.
Вейсборд А.
Вель см. Соболевичус П.
Вельс О.
Вера см. Ланис В.
Вернадский В.И.
Вкрнадский Г.В.
Вивиани Р.
Вильгельм II
Вильямс А.Р.
Витте
Войовой
Волков С.
Ворошилов К.Е.
Врангель П.Н.
Вышинский
Г.
Ганди М.К.
Ганнибал
Гапон Г.А.
Гендерсон А.
Георгиев
Геринг Г.
Герострат
Гесс Р.

Гессен
Гете И.В.
Гетье В.А.
Гжезинский А.
Гильфердинг Р.
Гинденбург П.
Гитлер А.
Гласс Ф.
Гобино Ж.А.
Гофман А.
Гренер К.Э.
Гримм Р.
Гувер Э.
Гугенберг А.
Гуль Р.Б.
Гурбиль Ж.
Гуров см. Троцкий Л.Д.
Даладые Э.
Дан Ф.И.
Даннеберг Р.
Дантон Ж.Ж.
Дарвин Р.Ч.
Дауэс Ч.Г.
Деа М.
Декарт Р.
Деникин А.И.
Джекобс Л.
Джексон Э.
Димитров Г.
Дольфус Э.
Дрейфус А.
Думерг Г.
Дунаевская Р.
Екатерина II
Жанна см. Мариен де Пейлер Ж.
Жермен М.
Жорес Ж.
Жуо Л.
Засулич В.И.
Зейдовиц М.
Зейц К.
Зиновьев Г.Е.
Икслагор
Истмен М.

Кайо Ж.
Каменев Л.Б.
Камков Б.Д.
Каун А.Д.
Кашен М.
Кибальчич Н.И.
Кильбом К.
Клаузевиц К.
Клемент Р.
Клинг Л.
Клячко А.К.
Клячко С.К.
Коллонтай А.М.
Колумб Х.
Колчак А.В.
Конникова А.
Корнилов Л.Г.
Кот П.
Коти Р.
Котовский Г.И.
Крепо И.
Криспин А.
Кромвель О.
Крук И.
Кун Б.
Куродо М.
Лаваль П.
Лакруа (Гарсиа Л.Ф.)
Ландау К.
Ланис В.
Лассаль Ф.
Лебрен А.
Ледебур Г.
Лезуаль Л.
Лейпарт Т.
Ленин В.И.
Ленсбери Д.
Либер М.
Либкнехт В.
Либкнехт К.
Линколн А.
Литвинов М.М.
Ломинадзе В.В.
Лонге Ж.

Луначарский А.В.
Луи П.
Людвиг Э.
Людендорф Э.
Люббе (Леббе) М. ван дер
Люксембург Р.
Маймон
Макговерн Д.
Макиавелли Н.
Макстон Д.
Мальро А.
Ман Х. де
Манн Т.
Манос
Мануильский Д.З.
Марен Л.
Марк Аврелий
Марке А.
Маркс К.
Мартен де Пейлер Ж.
Мартов Л.
Маслов А.
Масте А.Д.
Маурин Х.
Мергейм А.
Меттерних К.
Милль М.
Мильеран А.
Молинье А.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Мольер
Монатт П.
Монро Д.
Мосли О.
Муранов М.К.
Муссолини Б.
Мюллер Г.
Мюнценберг В.
Навилль Д.
Навилль П.
Наполеон I
Наполеон III
Натан

Натансон М.А.
Нейман Г.
Николаевский Б.И.
Николай II
Нин А.
Нириг С.
Носке Г.
Онкен см. Троцкий Л.Д.
Осецкий К.
Отто
Павел I
Павлов И.П.
Папен Ф.
Парижанин М.
Певзнер М.И.
Пеллико С.
Перре Р.
Перри М.К.
Петриченко С.М.
Пивер М.
Пилсудский И.
Плеханов Г.В.
Поль-Бонкур Ж.
Понтий Пилат
Попов Б.
Порцсольд Л.
Потемкин Г.А.
Потресов А.Н.
Примо де Ривера Э.М.
Прошьян П.П.
Пуанкаре Р.
Пфемферт А.И.
Пфемферт Ф.
Пьер см. Франк П.
Пэтон Д.
Рабле Ф.
Раковский Г.
Раковский Х.Г.
Реезе М.
Рейх Я.
Реннер К.
Ренолдель П.
Рид Д.
Розенберг А.

Розенфельд К.
Рокк Ф. де ля
Росмер А.
Роселли К.
Рошетт
Рудольф см. Клемент Р.
Рузвельт Ф.Д.
Рыков А.И.
Свабек А.
Свердлов Я.М.
Седов Л.Л.
Седова Н.И.
Селин Л.-Ф.
Селье Л.
Сенека
Серрэ Ж.
Серж В.
Сименон Ж.
Ситрин У.М.
Смит С.А.
Смит Ч.Э.
Снивлит Г.
Соболевичус Р.
Солоу Г.
Спаак П.А.
Спиридонова М.А.
Сталин И.В.
Суварин Б.
Суворов А.В.
Сунь Ятсен
Сфорца К.
Тальгеймер А.
Тардье А.
Тельман Э.
Толлер Э.
Томас см. Рейх Я.
Томский М.П.
Торглер Э.
Транмель М.
Тухачевский М.Н.
Тьер А.
Урбанс Г.
Устрик А.
Ф.В.

Ферзен Л.
Филипп IV
Фиш Г.
Фишер Р.
Форд Г.
Фостер У.
Франк П.
Франкель Я.
Френкель Л.
Фрелих П.
Фридберг К.
Фрик В.
Фроссар Л.-О.
Фуртмюллер Л.
Хаджитанев В. (Танев)
Хаяси С.
Хейженнорт Ж. Ван
Хук С.
Цанков А.
Чан Кайши
Ш.
Шамбеллан М.
Шахтман М.
Шварц см. Седов Л.Л.
Шааб см. Вальхер Я.
Шевченко Т.Г.
Шейдеман Г.
Шекспир У.
Шкандера В. (Скандера)
Шмидт
Шотан К.
Штампфер Ф.
Штейнберг И.З.
Штернберг Ф.
Шустер
Шюessler О.
Э. см. Энно А.
Э. см. Фридберг К.
Эберт Ф.
Эйнштейн Э.
Энгельс Ф.
Энно А.
Эпикур
Эррио Э.

Юз А.
Hennot см. Энно А.
Jackson A. см. Джексон Э.
Molinier R. см. Молинье Р.
Ponchelli

Указатель географических названий

Австрия
Австро-Венгрия
Азия
Алма-Ата
Альпы
Аляска
Америка
Америка Северная
Америка Центральная
Америка Южная
Амстердам
Амур
Англия см. Великобритания
Арктика
Армения
Атлантический океан
Африка
Багнер де Бигор
Байкал
Барбизон
Барселона
Берлин
Барнаул
Бельгия
Бессарабия
Биробиджан
Болгария
Бостон
Британия см. Великобритания
Брюссель
Буря
Везерские горы
Великобритания
Вена

Верден
Версаль
Германия
Голландия
Горн, мыс
Гренобль
Греция
Гуанчжоу
Дальний Восток
Детройт
Домейн
Европа
Европа Западная
Женева
Забайкалье
Изер
Индия
Иркутск
Испания
Италия
Иудея
Канада
Канны
Кантон см. Гуанчжоу
Капштадт
Касис
Каталония
Кембридж
Киев
Китай
Колумбия
Константинополь
Корея
Кронштадт
Кротон-на-Гудзоне
Куба
Кузнецкий промышленный район
Лейпциг
Лондон
Лотарингия
Мальмеди
Маньчжурия
Марокко
Марсель

Мез (Маас)
Месопотамия
Мозель
Москва
Нанкин
Нидерланды см. Голландия
Норвегия
Нормандия
Нью-Йорк
Палестина
Пало-Алто
Панама (Панамский канал)
Париж
Пачука
Петербург
Пиренейский полуостров
Польша
Прага
Примортье
Принкипо
Причерноморье
Пруссия
Реймс
Рейн
Рим Древний
Ричмонд
Россия
Руайян
Румыния
Рур
Саар (Саарская область)
Сан-Сальвадор
Святой Елены остров
Седан
Сен-Пале
Сибирь
Сиота
Сиракузы
Сицилия
София
Средиземное море
СССР
Стокгольм
США

Таллинн
Тевтобургский Лес
Теннесси
Тихий океан
Турция
Украина
Урал
Франция
Хабаровск
Хабаровский край
Хинган Малый
Циммервальд
Чертов остров
Шанхай
Шафхаузен
Швейцария
Швеция
Эйпен
Эльзас
Эстония
Эфес
Югославия
Якутск
Якутская область
Япония
Marseille см. Марсель
New York см. Нью-Йорк

Содержание

Предисловие 2

1933

Письмо в редакцию газеты "The Militant". 3 января 22
Опасность термидора. (К последней речи Сталина). 11 января 23
Советское хозяйство в опасности. (Письмо в редакцию "САЦ").
26 января 38
Привет немецким большевикам-ленинцам. 2 февраля 45
Правлению левой оппозиции в Германии. 6 февраля 46
Беседа с социал-демократическим рабочим: О едином
фронте обороны. 24 февраля 50
Изъятые страницы из тезисов предконференции, не
вошедшие в русский "Бюллетень". Об испанской

секции левой оппозиции. Февраль 89
По поводу положения в Американской лиге.
(Интернациональному Секретариату). 7 марта 95
Германский фашизм у власти, причины и перспективы.
10 марта 104
Германия и СССР. (В порядке информации секций ИЛЮ).
17 марта 111
Письмо болгарским единомышленникам. 21 марта 116
Экономическое наступление контрреволюции и профсоюзы.
Заявление делегатов, примыкающих к Международной
левой оппозиции (большевиков-ленинцев) на Пражском
конгрессе против фашизма. Март 118
Письмо А.Д.Кауну. 6 апреля 124
Письмо С. Хуку. 10 апреля 126
По поводу проекта резолюции правления немецкой секции
о новой партии. 21 апреля 129
Всем членам испанской левой оппозиции. 24 апреля 136
Левая оппозиция и САП. 27 апреля 142
Ответ австрийским левым социал-демократам. 3 мая 152
Письмо в редакцию "Бюллетеня оппозиции". 3 мая 157
Письмо А.Конниковой. 6 мая 158
Письмо Л.Френкелю. 8 мая 160
Селин и Пуанкаре. 10 мая 162
Письмо английской левой оппозиции. 19 мая 182
Что с Раковским? 25 мая 185
Письмо Я. Франкелю. 26 мая 187
Ответы на вопросы г. Сименона, представителя газеты
"Пари-Суар". 6 июня 191
Письмо Р.Молинье. 8 июня 198
Письмо М.И.Певзнер Л.Л.Седову. 10 июня 200
Письмо А.Д.Кауну. 18 июня 201
Немецкие перспективы. 22 июня 203
Ответы на вопросы Алис Юз, корреспондентки "Нью Йорк
Верлд Телеграмм". 4 июля 222
Фашизм и лозунги демократии. 14 июля 226
Набросок. 7 августа 239
Заявление для печати. 9 августа 246
Правлению Независимой рабочей партии Великобритании.
9 августа 247
В Интернациональный Секретариат. О недопустимом
образе действий тов. А.Нина 10 августа 250
Сталин готовится вероломный удар против
большевиков-ленинцев. 23 августа 254
Строительство нового Интернационала и политика

единого фронта. (К предстоящей конференции левосоциалистических и коммунистических организаций в Париже). 24 августа 258

Заявление. До 26 августа 263

По поводу предполагаемого участия в Парижской конференции так называемой Партии "пролетарского единства" (пюписты).

26 августа 267

Куда идет НРП Великобритании? 28 августа 268

Резолюция пленума Интернациональной левой оппозиции (большевики-ленинцы) по поводу конференции левых социалистических и оппозиционных коммунистических организаций в

Париже 27-28 августа 1933 г. Проект. 31 августа 278 Записка Л.Л.Седова.

Август 282

По поводу Парижской конференции 27-28 августа. 1 сентября 284

Письмо Н.И.Седовой. 3 сентября 292

Еще раз о британской НРП. 4 сентября 294

Письмо Н.И.Седовой. 6 сентября 306

Успех или неудача? 7 сентября 308

Письмо М.Либеру. 7 сентября 321

Письмо Н.И.Седовой. 8 сентября 323

Еще раз о Парижской конференции. (Шаг вперед или шаг вправо). 10 сентября 325

Письмо Н.И.Седовой. 11 сентября 336

Письмо Н.И.Седовой. 12 сентября 338

Письмо Н.И.Седовой. 13 сентября 340

Письмо Н.И.Седовой. 15 сентября 341

Британской секции большевиков-ленинцев. 16 сентября 343

Письмо Н.И.Седовой. 17 сентября 349

Пленуму Интернационального Секретариата. 18 сентября 351

Пора кончать! 18 сентября 354

Письмо Н.И.Седовой. 19 сентября 361

Письмо Н.И.Седовой. 20 сентября 363

В Интернациональный Секретариат. 22 сентября 364

Письмо Н.И.Седовой. 22-23 сентября 364

СССР и Коминтерн. 24 сентября 368

Американской секции. 25 сентября 379

Письмо британским сторонникам. 25 сентября 383

Письмо Н.И.Седовой. 25 сентября 385

По поводу попыток гальванизировать труп Контрольной Комиссии. (Проект постановления Исполнительной Комиссии Лиги). 27 сентября 388

Проект устава пленума Интернационального Секретариата. 27 сентября 389

По поводу нарушений тов. Витте основных организационных принципов большевизма (демократического централизма). 28 сентября 392

Письмо Н.И.Седовой. 28-29 сентября 398

О предстоящей конференции революционно-социалистической и коммунистической молодежи (в Амстердаме 9-10 декабря 1933 г.). 6 октября 409

Что такое национал-социализм? 10 июня, 2 ноября 415

Вместо предисловия. 7 ноября 432

Письмо американским издателям Саймону и Шустеру. 9 ноября 440

Замечания по поводу декларации "Активно-социалистического фронта". 13 ноября 442

Ответы на вопросы Аниты Бреннер, "New York Times". 13 ноября 447

Ответы на вопросы Берлина, "Jewish Periodical", New York 451

Проект письма Интернационального Секретариата британской секциилевой оппозиции. 14 ноября 454

В Интернациональный Секретариат. 15 ноября 457

Бельгийской секции большевиков-ленинцев. 16 ноября 459

Послесловие к французскому изданию книги "Моя жизнь". 16 ноября 465

Интернациональному Секретариату. 22 ноября 471

Письмо В.Буриану. 22 ноября 472

Чего хочет Гитлер? 23 ноября 474

Политический процесс без политической оси. 26 ноября 480

Всем членам греческой секции Международной лиги большевиков-ленинцев. Ноябрь 490

О боевом соглашении пролетарских организаций против Фашизма. Ноябрь 502

Замечания по поводу тезисов тов. Ладислауса Порцольда. 4 декабря 505

Письмо Коммунистической лиге США. 5 декабря 522

Письмо Интернациональному Секретариату. 5 декабря 523

Письмо В.Буриану. 8 декабря 524

Письмо Натану. 12 декабря 525

Письмо В.Буриану. 19 декабря 527

Предисловие к чешскому изданию. 19 декабря 528

Четвертый Интернационал и война. 27 декабря 530

Письмо британским сторонникам. 27 декабря 579

Предложение делегации коммунистов-интернационалистов. 30 декабря 581

Всем секциям Лиги коммунистов-интернационалистов (большевиков-ленинцев). 30 декабря 586

Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому. Дата не установлена 587

1934

- Письмо В.Буриану. 1 января 589
Национализм и хозяйство. 4 января 590
За Четвертый Интернационал! (Письмо члену
британской Независимой рабочей партии). 5 января 606
Письмо в редакцию "Пэпл". 9 января 615
"План труда". Бельгийской секции
коммунистов-интернационалистов
(большевиков-ленинцев). 9 января 617
САП, ЛКИ и Четвертый Интернационал. 11 января 637
Резолюция Интернационального Секретариата
по поводу постановления Национального Комитета
большинства Британской секции от 17 декабря 1933 г.
23 января 652
Письмо В.Буриану. 23 января 656
Комитету меньшинства британской секции. 23 января 658
Серьезный успех! 23 января 660
Письмо В.Буриану. 26 января 665
Письмо Л.Клингу. 28 января 666
Письмо Ф.Глассу. 29 января 667
Красная Армия. 13 марта 670
Большевики-ленинцы - мировому пролетариату. За
Четвертый Интернационал! 705
Письмо Н.И.Седовой. Апрель 720
Письмо М.Парижанину. 9 июля 721
Советы в Америке? 17 августа 722
По поводу письма т. Икслагора из Капштадта. 28 сентября 742
Куда идет Франция? 11 октября 743
Украинским товарищам в Канаде. Редакции "Робитнички висти".
20 октября 804
Письмо М.Истмену. 2 ноября 806
Ответы на вопросы Луизы Брайант. Декабрь 808
Примечания 813
Указатель имен 918
Указатель географических названий 936

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 8

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felstinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 8

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Восьмой том "Архива Л.Д.Троцкого" охватывает 1935-1937 гг.

В жизни и деятельности Троцкого это был весьма динамичный период, связанный, в частности, с постоянными его перемещениями в пределах Франции, затем - с переездом в Норвегию и, наконец, - в Западное полушарие, в далекую Мексику. По существу дела, именно в эти годы началась сталинская охота на Троцкого, которая вначале привела к его изгнанию из Франции, а затем из Норвегии и завершилась убийством в августе 1940 г.

Хотя в этот период политическая и литературная активность Троцкого продолжала оставаться весьма высокой, ее характер стал изменяться, а в течение последних месяцев 1936 г., когда Троцкий находился под арестом в Норвегии, он фактически был отрезан от своих сторонников, и документация этих месяцев незначительна.

С одной стороны, Троцкий окончательно и решительно взял курс на полный организационный разрыв с официальным коммунистическим движением, на создание Четвертого Интернационала как четко оформленного международного коммунистического объединения. С другой стороны, он фактически все больше отходил от организационных усилий в этой области, которые легли на плечи его последователей, учеников, истолкователей его воли, естественно транслировавших "троцкистские" установки в своей собственной интерпретации, вступавших в острые конфликты друг с другом по вопросам, которые им самим казались принципиальными, но зачастую по существу дела были лишь проявлением борьбы за личное влияние, первенство и превосходство.

В отличие от предыдущих лет, когда Троцкий мог распределять свое время более или менее равномерно между работой над историко-политическими книгами,

мемуарами и другими объемистыми произведениями, с одной стороны, и текущей организационно-политической перепиской и публицистическими выступлениями, с другой стороны, теперь переписка отошла на задний план. Что же касается документации 1937 г., то она в основном была сосредоточена на самозащите Троцкого в связи с фальшивыми обвинениями по его адресу, которые выдвигались на московских судебных фарсах в августе 1936 и январе 1937 гг., в советской прессе и в заявлениях прихвостней Москвы из различных политических лагерей - как левых, так и правых - в западноевропейских странах. Разумеется, эта самозащита строилась на сравнительно широком историко-социологическом базисе, свидетельствующем о дальнейшей эволюции взглядов Троцкого на советскую действительность.

Продолжая отстаивать взгляд, что в СССР сохраняются основы власти рабочего класса и что все еще существует социалистическая перспектива, ибо государственная собственность на средства производства не отменена, Троцкий фактически своими оценками конкретной ситуации в СССР далеко отошел от этого общего положения.

Основное его внимание в анализе внутренней ситуации в СССР привлекали теперь не социально-экономические, а сугубо политические явления, события, факты. Он приходил к выводу о полном изменении характера власти. "Бюрократии удалось фактически ликвидировать большевистскую партию, как и советы, сохранившиеся лишь по имени, - писал он в начале 1935 г. - Власть перешла от масс, от советов, от партии к централизованной бюрократии, от нее - к замкнутой верхушке, и, наконец, - к одному лицу, как воплощению бесконтрольной бюрократии".

Лишь формально оговариваясь, да и то далеко не всегда, что капиталистическая контрреволюция в СССР все еще не победила, Троцкий подчеркивал глубокое перерождение партии и государства за последние 10-12 лет, то есть с того времени, когда умер Ленин, а сам он был отстранен от властных позиций.

Вновь и вновь Троцкий пытался провести решающий водораздел между характером власти в первые пять-шесть лет после Октябрьской революции и современной ситуацией. При этом он полностью игнорировал сходные или общие черты обоих периодов и всячески раздувал или даже измышлял отличия. Советским Союзом правит теперь привилегированная каста, подчеркивал он, полагая, что было бы весьма поучительно подсчитать, какую часть национального дохода поглощает этот слой. "Но эта статистика принадлежит к числу величайших государственных тайн".

Троцкий все более утверждался в выводе, что в СССР возникла тоталитарная система власти. Используя термин, впервые примененный публицистами к положению в Италии после установления там в 1922 г. фашистского режима Муссолини, лидер оппозиционного коммунистического движения воспринимал и пропагандировал эту дефиницию не как научную категорию, а как хлесткое выражение и, главное, понимал ее крайне зауженно. Он не видел, что тоталитаризм представляет собой единую

социально-экономическую, политическую и культурно-идеологическую систему, в которой все ее составные элементы и функции неотделимы друг от друга, что только в неразрывной связи друг с другом они обеспечивают относительную эффективность и стойкость режима.

Троцкий понимал тоталитаризм в СССР применительно к сталинскому террору 1936-1937 гг. лишь как "отсутствие малейшей свободы критики, военное подчинение подсудимых, следователей, прокуроров, судей одному и тому же лицу и полную монолитность прессы, которая своим монотонным волчьим воем устрашает и деморализует обвиняемых и все общественное мнение". Как видим, в таком подходе доминировала красноречивая публицистика, а не объективный анализ.

На Троцкого все большее впечатление производило сходство между режимом Сталина в СССР и национал-социалистическим режимом Гитлера в Германии. Пытаясь, правда, отбиться от критиков указанием на отличия социальной базы обоих режимов (в это он был прав, ибо сохранение частной собственности в Германии при власти нацистов предопределило ее "правототалитарный вариант", обусловивший, в свою очередь, целый ряд конкретных особенностей¹), Троцкий в то же время показал многие общие черты власти Сталина и Гитлера.

Особое внимание он обращал на "религию вождя", которая, как он писал, "так унижительно сближает нынешний советский режим с режимом Гитлера". Разумеется, при этом ни словом не говорилось о "вождизме" как общей черте коммунистической власти, о том, что эта самая "религия вождя" зародилась еще в годы гражданской войны и адресовалась не только Ленину, но и ему самому, хотя, конечно, без тех зловеще-карикатурных черт, которые она постепенно приобрела в сталинское время.

Несколько позже, в связи с московскими шоу-процессами 1936-1937 гг., была подмечена еще одна весьма важная общая черта сталинизма и гитлеризма, которая определялась как "психотехника фашизма" - непрерывность, монолитность и массивность лжи. В этом Троцкий верно уловил одну из базисных черт пропаганды тоталитарных режимов, которая позже применительно к Германии, но в то же время с явной экстраполяцией на СССР, была рассмотрена А.А.Галкиным².

Л.Д.Троцкий был одним из тех, кто, разумеется, со своих субъективных позиций, в качестве защитника своей чести и достоинства, своего прошлого и настоящего, но полностью опираясь на факты и документы, начал разностороннее разоблачение "кухни" сталинского террора, который в 1936-1937 гг. приобрел глобальные черты.

Находясь под арестом в Норвегии во второй половине 1936 г., лидер оппозиционного коммунистического движения не имел возможности непосредственно откликнуться на первый крупный судебный фарс в Москве периода "большого террора" - процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими видными коммунистическими деятелями в августе 1936 г. (составители смогли включить в данный том документы 1936 г., завершающиеся июнем этого года). Но, прибыв в Мексику, Троцкий все свои усилия с января 1937 г. сосредоточил

на подготовке статей, заявлений, интервью, вскрывавших существенные черты сталинского террора.

Советский суд определялся им как "инквизиционный", и в этом Троцкий был прав лишь частично, ибо никогда Святая Инквизиция не достигала таких "высот" в сознательной лжи, фабрикации вымыслов, нахождении способов превратить обвиняемых в соучастников террора, как советский суд - "самый гуманный суд в мире", по ироническому определению одного из послевоенных кинокеров (фильм "Берегись автомобиля").

Троцкий, однако, смог выявить целый ряд характерных черт судебных фарсов. Он с полным основанием писал, что на скамью подсудимых попадают очень немногие - лишь те деморализованные жертвы, которые пытаются спасти свои жизни ценой моральной гибели. А все те арестованные, которые отказывается каяться под диктовку палачей, расстреливаются во время следствия. Не менее четко определялся и характер "открытых" политических процессов. Они, писал Троцкий, не имеют ничего общего с судом: "это чисто театральные инсценировки с заранее распределенными ролями и абсолютным 'фюлером' в качестве режиссера". Эта оценка полностью подтверждалась уже в то время зарубежными наблюдателями, имевшими возможность посещать московские процессы, и была разносторонне обоснована зарубежными и российскими аналитиками через много лет³.

Будучи твердо убежденным в своей правоте и стремясь внушить это убеждение мировому общественному мнению, Троцкий настаивал на создании авторитетной международной следственной комиссии, которая изучила бы выдвигавшиеся по его адресу (а, стало быть, и по адресу всех подсудимых на московских судебных процессах) обвинения. В случае признания этой комиссией хотя бы косвенной его вины, хотя бы в небольшой части того, что было ему инкриминировано, он изъявлял готовность добровольно отдаться в руки палачей из советских спецслужб.

В связи с этим он обращал внимание, что требует не доверия, а проверки. "Слепого доверия требуют тоталитарные режимы с непогрешимым 'вождем' во главе: все равно, идет ли дело о фашисте Гитлере или о бывшем большевике Сталине".

С акцентом на московские шоу-процессы не только расширялось сопоставление сталинского режима с национал-социалистическими порядками в Германии, но и углублялась типология тоталитаризма в целом. Каким путем Сталин достигает своих целей? - ставил вопрос Троцкий и давал ответ: "При помощи тоталитарного режима, монолитной прессы, монолитной партии, герметически закрытых ящиков для подсудимых, монолитности следователей, судей и адвокатов и постоянной возможности расстреливать без огласки любого, кто попытается отстоять правду и свою честь".

Комиссия, образования которой требовал Троцкий, была создана под председательством известного американского ученого, философа и психолога, профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк) Джона Дьюи. Она провела несколько выездных заседаний в Койоакане, в доме, где проживал Троцкий, и

после тщательного и всестороннего рассмотрения обвинений, предъявленных Троцкому и его сыну Л.Л.Седову, пришла к единодушному заключению: не виновны. Опубликованные тогда же и переизданные через много лет протоколы заседаний комиссии Дьюи являются важным источником изучения "большого террора" в СССР и многих других проблем, но, к сожалению, все еще слабо используются исследователями⁴.

Поразительно, но в условиях неуклонного укрепления становившейся все более неограниченной кровавой диктатуры Сталина в СССР Троцкий не только сохранял политический оптимизм, но даже резко усилил позитивные прогнозы в отношении перспектив развития СССР. По-видимому, они не были вполне искренними, ибо в наличии был огромный комплекс фактов, свидетельствовавших, что в реально обозримых условиях ни о каком изменении режима говорить не приходится, по крайней мере при жизни Сталина, который только приближался к своему 60-летию и не только сохранял отведенные ему не очень внушительные физические силы, но и свойственную ему весьма мощную дьявольскую хитрость.

Троцкий же неоднократно повторял, что Сталину не удалось, мол, убить оппозицию, раздавить критическую мысль, что он грубо просчитался, что последствия этого просчета будут фатальными для его диктатуры.

Московские процессы без каких-либо к тому оснований оценивались как "агония сталинизма". "Политический режим, который вынужден прибегать к таким методам, обречен. В зависимости от внешних и внутренних обстоятельств агония может длиться дольше или меньше. Но никакая сила в мире уже не спасет Сталина и его систему. Советский режим либо освободится от бюрократического спрута, либо будет увлечен им в бездну". Разумеется, можно было бы возразить, учитывая оговорку по поводу "внешних и внутренних обстоятельств", что Троцкий применял термин "агония" фигурально, имея в виду лишь неопределенную историческую перспективу. Но весь комплекс его статей и заявлений 1937 года, включенных в этот том, свидетельствует, что он навязывал своим сторонникам представление о неизбежности краха сталинизма в самом близком времени. Об этом он, например, заявил на весь мир в своем интервью корреспонденту газеты "Чикаго Дейли Ньюз" О'Брайену 3 марта 1937 г.

Собственно говоря, в условиях, когда международное влияние СССР и, следовательно, личное влияние Сталина в международном истеблишменте усиливались, когда советский диктатор согласился, наконец, на сотрудничество компартий с другими политическими силами в рамках народного фронта, когда появились на свет союзные договоры СССР с Францией и Чехословакией (1935), а политические силы, шедшие за Троцким, продолжали оставаться незначительной горсткой, иная трактовка событий была бы самоубийственной для движения сторонников Троцкого.

Он вновь и вновь выражал уверенность, что "немногие десятки тысяч" его сторонников, которые существовали в то время (их он преувеличивал по крайней мере на порядок), вскоре превратятся в могучую армию. Однажды статью, посвященную "Манифесту Коммунистической партии" К.Маркса и Ф.Энгельса, написанную осенью 1937 г. ("Манифест" появился на свет в феврале 1848 г.),

Троцкий даже завершил совершенно нелепой, анекдотической фразой о том, что к сотой годовщине этого труда (то есть через четыре месяца) Четвертый Интернационал (который, добавим, организационно в это время еще и не существовал) "станет решающей революционной силой на нашей планете"! Впрочем, почувствовав, скорее всего, всю нелепость, одиозность этого высказывания, он через два месяца в ответах на вопросы парижского еженедельника заменил пресловутые четыре месяца на "ближайшее десятилетие", в течение которого Четвертый Интернационал станет, мол, "решающей исторической силой".

Часть документации, включенной в данный том, посвящена анализу ситуации в международном масштабе и в отдельных странах, взаимоотношениям групп последователей Троцкого с другими социалистическими политическими организациями.

Его внимание, в отличие от предыдущих лет, почти не привлекала Германия, ибо автор, очевидно, понимал факт стабилизации нацистской диктатуры, нереальность ее свержения в ближайшее время, да и информация о положении в Германии поступала к нему почти исключительно только в форме газетных корреспонденций.

Некоторые материалы посвящены событиям в Испании, где в 1936 г. к власти пришел народный фронт и вскоре началась гражданская война. Документы свидетельствуют, что Троцкий поддерживал в Испании связь только с незначительными группами своих сторонников, которые не пользовались сколько-нибудь заметным политическим влиянием, несмотря на традиционное предрасположение испанцев к левым силам (единственная более или менее оформленная группа была в Барселоне).

Что же касается Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), которую в политических целях сталинисты в то время именовали "троцкистской" (эта оценка довольно прочно вошла в историческую литературу то ли в силу той же политической предвзятости, то ли, скорее всего, в результате недостаточного знания авторами существа дела), то Троцкий не только не рассматривал эту партию в числе организаций Четвертого Интернационала, но подвергал сокрушительной критике ее политические установки, в частности сотрудничество с народным фронтом.

Пристальное внимание уделялось в рассматриваемый период событиям во Франции. Причины этого состояли не только в том, что именно в этой стране впервые зародилось, а затем приняло наиболее жизнеспособные формы народнофронтское движение (к последнему Троцкий относился крайне отрицательно как к проявлению "оппортунизма" компартий, продиктованного интересами сталинской клики), но также в широком движении низов населения, которое особенно рельефно проявилось в массовых забастовках в июне 1936 г. Значение этих забастовок и их результатов Троцкий переоценивал. Он писал о "великой июньской волне". Полагая, что народный фронт представляет собой "коалицию пролетариата с империалистической буржуазией", что программа его является "шарлатанской", он в то же время выступил инициатором так

называемого "французского поворота".

Под этим термином понималось вступление "большевиков-ленинцев", то есть последователей Троцкого, во французскую Социалистическую партию (СФИО), которое им оценивалось как "смелый организационный шаг". Представляется, что, какие бы доводы ни выдвигал Троцкий в обоснование этой акции, которая по существу дела являлась его собственной инициативой, подчеркивая, что его сторонники во Франции сохраняют свои лозунги, внутреннее единство и дисциплину, обеспечивают себе таким способом выдвижение в самый "центр пролетарского авангарда", "французский поворот" был явным свидетельством того, что Троцкий все больше осознавал крушение надежд на создание своей мощной самостоятельной организации даже во Франции, где был европейский центр его движения.

Лозунг Четвертого Интернационала все более приобретал ритуальный характер, несмотря или даже в результате тех утопическо-оптимистических прогнозов Троцкого, о которых мы упоминали выше.

"Французский поворот", как и многие другие политические инициативы Троцкого, завершился провалом. Через непродолжительное время его сторонники были изгнаны из СФИО или сами покинули ее ряды и продолжали владеть достаточно жалкое существование. В условиях назревания второй мировой войны, ловкого обращения советского руководства и руководимого им Коммунистического Интернационала к антифашистским, антивоенным, общедемократическим лозунгам революционное "вспышкопускательство" малых групп "троцкистов" ситановилось все более чуждым массам населения европейских стран, США, да и других регионов мира.

Будучи весьма внимательным аналитиком, Троцкий просто не мог не понимать этих политических сдвигов. В одном из его писем, публикуемом в этом томе, отмечалось, что "буржуазные круги, даже и `либеральные', ненавидят нас гораздо больше, чем сталинцев". Это было совершенно справедливо, но относилось не только к буржуазным кругам. "Троцкистов" начинали если не ненавидеть, то, по крайней мере, чуждаться их, и массы рабочих, в том числе те их части, которые находились под влиянием СФИО, то есть партии, к которой они недавно весьма ненадолго присоединились, и других социалистических и социал-демократических партий.

В томе публикуется небольшая группа документов, связанных с перипериями личной жизни Л.Д.Троцкого в Мексике в 1937 г. Привлекают внимание письма жене Н.И.Седовой во второй половине июля этого года, когда на почве ревности между супругами произошла размолвка, и Троцкий уехал из Койоакана "на отдых". Испытывая чувство раскаяния перед женой (или пытаясь убедить самого себя, что он раскаивается), которая в полном смысле слова в течение многих лет являлась жертвой его политических пристрастий и амбиций, сама не осознавая этого, Лев пытался оправдаться, в том числе и с помощью того, что он сам именовал в письме от 19 июля "гусарским стилем", включая нецензурную лексику.

Троцкий отрекся от своей недогой пассивности - известной мексиканской

художницы Фриды Кало - жены его покровителя в этой стране Диего Риверы. Впрочем, порой он переходил в наступление на супругу, пытаясь даже найти ее вину в собственном "рецидиве" - то есть возобновлении тяги к особам прекрасного пола молодого возраста.

Троцкий был уже пожилым человеком. Он приближался к 60-летию. В условиях, когда он становился все более очевидной мишенью не только политических, но и физических актов насилия со стороны Сталина и его агентуры, он все чаще проявлял склонность подвести общие итоги своей жизни. Такого рода высказывания несколько раз встречаются в данном томе. По-видимому, вполне искренний фанатизм звучал в его словах: "...Через все превратности и потрясения я пронес, к счастью, склонность и готовность спокойно посмеяться над злоключениями своей личной жизни".

Имея в виду кликушество Кагановича, кричавшего на каком-то московском собрании "Смерть Троцкому!", Лев Давидович писал: "Если московская клика думает запугать меня такими угрозами и заставить меня замолчать, то она ошибается. Не потому что я недооценивал силы и средства ГПУ (Троцкий продолжал употреблять термин ГПУ, хотя еще в 1934 г. на его месте появился НКВД - Ю.Ф. и Г.Ч.): нет, я очень хорошо понимаю, что убить меня из-за угла гораздо легче, чем доказать мою `связь` с Гитлером. Но есть обязанности, которые неизмеримо выше соображений о личной безопасности. Это знает каждый хороший солдат".

Все это было действительно так.

Некоторые фрагменты, которые встретит в этом томе читатель, свидетельствуют, насколько ложны всякого рода слухи и сплетни о богатстве, роскошном образе жизни Троцкого и т. п., которые начали распространять сталинисты еще в 30-е годы и продолжают повторять безответственные авторы по наши дни. В письме жене (июль 1937 г.) он рассказывал, что очень боится поломать заимствованную им удочку, Ибо: "Удочка на форель стоит не дешево (кажется, около 5 долларов)". Комментарии здесь вряд ли необходимы.

*

Как и в предыдущие тома, в данный том включены статьи, заявления, интервью, письма и некоторые другие документы Троцкого. Публикуются также отдельные письма Л.Л.Седова.

Почти все документы заимствованы из Архива Л.Д.Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета (США). Несколько документов взяты из Коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (Пало-Алто, Калифорния, США). Поискные данные указаны только в отношении материалов Гуверовского института.

На русском языке публикуемые материалы ранее не издавались. Часть из них была опубликована на английском, французском и немецком языках. Но во всех этих случаях названные документы в данном издании переданы по архивным первоисточникам.

Том завершается примечаниями и указателями имен и географических

названий.

Как и в предыдущих томах, документы отобраны для издания доктором исторических наук Ю.Г.Фельштинским. Вся археографическая работа проведена Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. Ими же написаны предисловие, примечания, составлены указатели имен и географических названий. В подготовке примечаний, связанных с событиями в Китае, принимал участие доктор исторических наук А.В.Панцов.

Нам приятно вновь выразить сердеченую признательность администрациям архивных учреждений, давшим любезное разрешение на публикацию документов из их фондов.

1 Подробно об этом идет речь в книге одного из авторов настоящей работы: Чернявский Г.И. Тень Люциферова крыла: Большевизм и национал-социализм. Сравнительно-исторический анализ. - Харьков: Око, 2003.

2 Галкин А.А. Германсий фашизм. - М.: Наука, 1989. - С. 342 и др.

3 См., например: Duranty W. Th Kremlin and the People. - London: Hamilton, 1942. - P. 84; Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. - New York: Oxford University Press, 1990; Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. - М.: Грегори-Пейдж, 1995 и мн. др.

4 The Case of Leon Trotsky: Report of Hearings on the Charges Made against Him in the Moscow Trials. - New York, 1969.

Предисловие

ко второму английскому изданию

" Терроризм и коммунизм "1

Эта книга написана в 1920 году в вагоне военного поезда², в разгар гражданской войны. Читатель должен иметь перед глазами эту обстановку, если хочет верно понять не только основное содержание книги, но и ее злободневные намеки, особенно же ее тон.

Книга направлена полемически против Карла Каутского. Молодому поколению это имя говорит немного, хотя сам Каутский остается нашим современником: недавно он праздновал свою 80-ую годовщину. Каутский пользовался некогда в рядах Второго Интернационала огромным авторитетом как теоретик марксизма.

Война очень быстро обнаружила, что его марксизм был лишь методом пассивного истолкования исторического процесса, но не методом революционного действия. Пока классовая борьба протекала в мирных берегах парламентаризма, Каутский, как и тысячи других, позволял себе роскошь революционной критики и смелых перспектив: практически это ни к чему не обязывало. Но когда война и послевоенная эпоха поставили проблемы революции ребром, Каутский окончательно занял позицию по ту сторону баррикады. Не порывая с фразеологией марксизма, он стал прокурором пролетарской революции, адвокатом пассивности, пресмыкательства и капитуляций перед империализмом.

В довоенную эпоху Карл Каутский и вожди Британской рабочей партии³ стояли, казалось, на разных полюсах Второго Интернационала. Наше поколение, которое было тогда молодым, в борьбе с оппортунизмом Макдональда, Гендерсона и братии не раз пользовалось оружием из арсеналов Каутского. Правда, мы и в те времена шли гораздо дальше, чем того хотел нерешительный и двусмысленный учитель. Роза Люксембург, ближе других знавшая Каутского, уже до войны беспощадно разоблачала маргариновый характер его радикализма. Новейшая эпоха внесла в положение во всяком случае полную ясность: политически Каутский принадлежит к одному лагерю с Гендерсоном; если первый продолжает прибегать к цитатам из Маркса, а второй предпочитает псалмы царя Давида⁴, это различие индивидуальных привычек нисколько не нарушает их солидарности. Все основное, что в этой книге сказано против Каутского, можно, таким образом, почти без ограничений перенести на вождей британских трэд-юнионов и Рабочей партии.

Одна из глав книги посвящена так называемой австрийской школе марксизма (Отто Бауэр, Карл Реннер⁵ и др.). По сути дела, эта школа выполняла ту же функцию, что и Каутский: при помощи стерилизованных формул марксизма она прикрывала политику оппортунистической прострации и трусливо отгораживалась от смелых решений, которых неотвратимо требовал ход классовой борьбы. События принесли беспощадную проверку каутскианству, как и австро-марксизму. Могущественные некогда социал-демократические партии Германии и Австрии, вознесенные против их собственной воли революционным движением 1918 года на вершину власти, добровольно сдавали по частям свои позиции буржуазии, пока не оказались ею беспощадно раздавлены. История этих двух партий является неоценимой иллюстрацией к вопросу о роли революционного и контрреволюционного насилия в истории.

В интересах преемственности я сохраняю за книгой то заглавие, под которым вышло первое английское издание: "В защиту терроризма". Необходимо, однако, сразу оговорить, что заглавие это, принадлежавшее издателю, а не автору, слишком широко и способно даже подать повод к недоразумениям. Дело вовсе не идет о защите "терроризма" как такового. Меры принуждения и устрашения, вплоть до физического истребления противников, в неизмеримо большей степени служили до сих пор и продолжают служить делу реакции в лице переживших себя эксплуататорских классов, чем делу исторического прогресса в лице пролетариата. Присяжные моралисты, осуждающие "терроризм" вообще, имеют, в сущности, в виду революционные действия угнетенных, стремящихся к

освобождению. Лучший пример тому - г. Рамзей Макдональд. Он неумолимо осуждал насилие во имя вечных заветов морали и религии. Но когда распад капиталистической системы и обострение классовой борьбы поставили и для Англии в порядок дня революционную борьбу пролетариата за власть, Макдональд перешел из лагеря рабочих в лагерь консервативной буржуазии с такой же простотой, с какой пассажир переходит из купе для курящих в купе для некурящих. Сейчас благочестивый противник терроризма поддерживает при помощи аппарата насилия "мирный" режим безработицы, колониального гнета, вооружений и подготовки новых войн.

Настоящая работа далека, следовательно, от мысли защищать терроризм вообще. Она защищает историческую правомерность пролетарской революции. Основная мысль книги: история не выдумала до сих пор другого способа вести человечество вперед, как противопоставляя каждый раз консервативному насилию переживших себя классов революционное насилие прогрессивного класса.

Неизлечимые фабианцыб повторяют, конечно, что, если доводы этой книги верны для отсталой России, то они совершенно неприменимы к передовым странам, особенно к старым демократиям, как Великобритания. Эта утешительная иллюзия могла бы, пожалуй, иметь подобие убедительности лет 15 или 10 тому назад. Но с того времени волна фашистских или военно-полицейских диктатур затопила большую часть европейских государств. На другой день после высылки из Советского Союза, 25 февраля 1929 г., я писал - не в первый, впрочем, раз - по поводу положения в Европе: "Демократические учреждения показали, что не выдерживают напора современных противоречий, то международных, то внутренних, чаще - тех и других вместе... По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Перегрузка тока все чаще обнаруживается в разных пунктах европейской сети. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры. Первыми поддаются, конечно, наиболее слабые выключатели. Но ведь сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает, а растет. Вряд ли есть основания утешать себя тем, что процесс захватил только периферию капиталистического мира. Подагра начинается с большого пальца ноги, но начавшись, доходит до сердца"⁷.

За истекшие после написания этих строк шесть лет "короткие замыкания" диктатуры произошли в Германии, Австрии и Испании; в этой последней стране - после недолгого революционного расцвета демократии. Все те же демократические иллюзионисты, которые пытались истолковать итальянский фашизм как эпизодическое явление, возникшее в сравнительно отсталой стране в результате послевоенного психоза, встретили самое немилосердное опровержение со стороны фактов. Из больших европейских стран парламентарный режим сохраняется ныне еще только во Франции и в Англии. Но после проделанного Европой опыта нужна совершенно исключительная доза слепоты, чтобы считать

Францию и Англию огражденными от гражданской войны и диктатуры. 6 февраля 1934 г. французский парламентаризм получил первое предостережение.

Чрезвычайно поверхностна мысль, будто относительная устойчивость британского политического режима определяется давностью парламентских традиций и в возрастании этой давности автоматически черпает силу сопротивления. Нигде не доказано, что старые вещи при прочих равных условиях прочнее новых. На самом деле британский парламентаризм держится лучше других в условиях кризиса капиталистической системы только потому, что былое господство над миром позволило правящим классам Великобритании скопить несметные богатства, которые ныне продолжают скрашивать их черные дни. Иначе сказать: британская парламентская демократия держится не мистической силой традиции, а жировыми отложениями, оставшимися в наследство от эпохи преуспевания.

Дальнейшая судьба британской демократии зависит не от ее внутренних свойств, а от судьбы британского и вообще мирового капитализма. Если бы правящие знахари и чудотворцы действительно открыли секрет омоложения капитализма, вместе с ним омолодилась бы, несомненно, и буржуазная демократия. Но мы не видим основания верить знахарям и чудотворцам. Уже последняя империалистическая война явилась выражением и вместе с тем доказательством того исторического факта, что мировой капитализм исчерпал свою прогрессивную миссию до конца. Развитие производительных сил упирается в два реакционных барьера: частную собственность на средства производства и границы национального государства. Без устранения этих двух барьеров, то есть без сосредоточения средств производства в руках общества и без организации планового хозяйства, способного постепенно охватить весь мир, экономический и культурный упадок человечества предопределен. Дальнейшие короткие замыкания реакционных диктатур распространились бы в этом случае неизбежно и на Великобританию: успехи фашизма являются лишь политическим выражением распада капиталистической системы. Другими словами: и для Англии не исключена такая политическая обстановка, когда какой-нибудь фат, вроде Мосли, сможет по примеру своих наставников Муссолини и Гитлера сыграть историческую роль.

Со стороны фабианцев может последовать возражение в том смысле, что у английского пролетариата есть полная возможность овладеть властью парламентским путем, произвести легально, мирно и постепенно все необходимые изменения в капиталистической системе и тем самым не только сделать ненужным революционный терроризм, но и вырвать почву из-под ног контрреволюционного авантюризма. Такого рода перспектива приобретает на первый взгляд особую убедительность в свете крупнейших избирательных успехов Рабочей партии. Но только на первый и притом очень поверхностный взгляд. Фабианскую перспективу надо считать, к сожалению, заранее исключенной. Я говорю "к сожалению", потому что мирный, парламентский переход к новому общественному строю представлял бы, несомненно, очень серьезные преимущества с точки зрения интересов культуры, а следовательно, и социализма. Но нет ничего более

пагубного в политике, как принимать желательное за возможное. С одной стороны, избирательная победа Рабочей партии вовсе еще не означала бы сосредоточения в ее руках действительной власти. С другой стороны, рабочая партия и не стремится к полноте власти, ибо в лице своих верхов не хочет экспроприации буржуазии. Гендерсоны, Ленсбери и пр[очие] не имеют в себе ничего от великих реформаторов общества: они просто мелкобуржуазные консерваторы, и только. Мы видели социал-демократию у власти в Австрии и Германии. В Англии мы также дважды наблюдали так называемое рабочее правительство. Социал-демократические правительства стоят сейчас во главе Дании и Швеции. Во всех этих случаях ни один волос не упал с головы капитализма. Правительство Гендерсона-Ленсбери ничем не отличалось бы от правительства Германа Мюллера в Германии. Оно не посмело бы наложить руку на собственность буржуазии и было бы обречено на попытки мелких реформ, которые, разочаровывая рабочих, раздражали бы буржуазию: крупные социальные реформы неосуществимы в условиях падающего капитализма. Рабочие все настойчивее требовали бы от правительства более решительных мер. В парламентской фракции рабочей партии выделилось бы революционное крыло; правое крыло все более открыто тяготело бы к капитуляции по примеру Макдональда. Для противовеса рабочему правительству и для предупреждения революционных действий со стороны масс крупный капитал стал бы усиленно поддерживать фашистскую организацию (что он начал делать уже сейчас). Корона, палата лордов, буржуазное меньшинство палаты депутатов, бюрократия, военный и морской штабы, банки, тресты, большая печать сплотились бы в контрреволюционный блок, всегда готовый привлечь на помощь регулярным вооруженным силам банды Мосли или другого более пригодного авантюриста. Иными словами, "парламентская перспектива" роковым образом вела бы на путь гражданской войны, которая грозила бы принять тем более затяжной, жестокий и невыгодный для пролетариата характер, чем менее руководство рабочей партии было бы к ней подготовлено.

Вывод отсюда тот, что британский пролетариат не должен рассчитывать ни на какие исторические привилегии. Ему придется бороться за власть революционным путем и удерживать ее в руках, подавляя ожесточенное сопротивление эксплуататоров. Другого пути к социализму нет. Проблемы революционного насилия, или "терроризма", сохраняют, следовательно, практический интерес и для Англии. Такова причина, по которой я согласился на новое английское издание этой книги.

*

На Генуэзской конференции (1922 г.)⁸ французский представитель Кольра заявил: "Советская Россия, которая привела страну к границе экономического краха, не имеет права учить другие народы социализму". Сейчас он, конечно, затруднился бы повторить эти слова. Советский Союз успел с того времени практически показать, насколько велики экономические возможности, заложенные в национализации средств производства. Эта демонстрация тем более

убедительна, что дело идет об отсталой стране без резервной армии квалифицированных рабочих и техников.

В период гражданской войны, когда писалась эта книга, советы стояли еще под знаком "военного коммунизма"⁹. Этот режим был не "иллюзией", как утверждали впоследствии не раз филистеры, а железной необходимостью. Дело шло о распределении нищих запасов, главным образом для нужд войны, и о поддержании для тех же целей хоть минимального производства без возможности оплачивать труд. Военный коммунизм выполнил свою миссию, поскольку сделал возможной победу в гражданской войне. "Иллюзиями", насколько здесь вообще уместно это слово, можно скорее назвать те хозяйственные расчеты, которые связывались с развитием мировой революции. Общее и безраздельное убеждение всей партии в тот период состояло в том, что скорая победа пролетариата на Западе, начиная с Германии, откроет грандиозные технические и культурные возможности и тем позволит от военного коммунизма непосредственно перейти к социалистическому производству. Идея пятилетних планов была в этот период не только сформулирована, но для некоторых областей хозяйства и технически разработана.

Задержка в развитии революции на Западе внесла глубокое изменение в хозяйственные методы советов. Открылся период новой экономической политики. Он привел, с одной стороны, к общему оживлению хозяйства, с другой - к возрождению мелкой буржуазии, особенно кулачества. Советская бюрократия впервые почувствовала себя менее зависимой от пролетариата. Она стояла теперь "между классами", регулируя их взаимоотношения. Вместе с тем она утрачивала постепенно доверие и интерес к западному пролетариату. С осени 1924 г. Сталин в полном противоречии с традицией партии и с тем, что он сам писал еще весной того же года, выдвигает впервые теорию "социализма в отдельной стране". Бухарин дополняет ее теорией "постепенного вставания кулака в социализм". Сталин и Бухарин идут рука об руку.

Трудности революции, лишения, жертвы, гибель лучших рабочих во время гражданской войны, медленность хозяйственных успехов вызвали тем временем неизбежную реакцию в массах населения. Упадок надежды на европейских рабочих повысил зависимость русских рабочих от собственной бюрократии. С другой стороны, реакция усталости в массах способствовала дальнейшему росту независимости государственного аппарата. Опираясь на консервативные силы мелкой буржуазии и эксплуатируя поражения мирового пролетариата и упадочные настроения советских масс, сталинская фракция, этот штаб бюрократии, производит разгром так называемой левой оппозиции ("троцкисты"). Октябрьская революция вступает в стадию бюрократического перерождения.

Однако кулак вовсе не прельщается перспективой "мирного вставания в социализм". Он хочет восстановления свободы торговли. Он сосредоточивает в своих руках запасы хлеба и отказывает в них государству. Он требует расплаты по векселям, выданным ему бюрократией во время борьбы с левой оппозицией. Из союзника он становится врагом.

Бюрократия вынуждена обороняться. Она открывает поход против кулака,

которого она вчера отрицала, и против правого крыла партии, своего союзника по борьбе с левой оппозицией. Новый политический курс, открывшийся в 1928 году, ярко обнаружил зависимость советской бюрократии от экономических основ, заложенных октябрьским переворотом. Упираясь и сопротивляясь, она вынуждена была встать на путь индустриализации и коллективизации. Она впервые открывает при этом те неизмеримые производственные возможности, которые обеспечены сосредоточением средств производства в руках государства.

Крупные, хотя крайне несогласованные успехи пятилетнего плана, естественно, подняли самоуверенность бюрократии. Коллективизация миллионов мелких крестьян создала для нее одновременно новую социальную базу. Поражения мирового пролетариата, рост фашистских и бонапартистских диктатур в Европе содействовали успеху доктрины "социализма в отдельной стране". Бюрократии удалось фактически ликвидировать большевистскую партию, как и советы, сохранившиеся лишь по имени. Власть перешла от масс, от советов, от партии к централизованной бюрократии, от нее - к замкнутой верхушке, и наконец - к одному лицу, как воплощению бесконтрольной бюрократии.

Многих наблюдателей поражает и отталкивает "религия вождя", которая так унизительно сближает нынешний советский режим с режимом Гитлера. "Партия" здесь, как и там, имеет одно-единственное право: соглашаться с вождем. Партийные съезды являются лишь парадами заранее обеспеченного единогласия. Чем же советский порядок лучше фашистского? - спрашивают демократы, пацифисты, идеалисты, неспособные глядеть глубже политической надстройки. Нимало не защищая бюрократической карикатуры на советский режим, мы отвечаем, однако, на такую одностороннюю его критику указанием на его социальную базу. Режим Гитлера является последней, поистине отчаянной формой самообороны гниющего и распадающегося капитализма. Режим Сталина является уродливой бюрократической формой самообороны строящегося социализма. Это не одно и то же.

Поскольку советская бюрократия вынуждена собственными интересами охранять границы и учреждения СССР от внешних и внутренних врагов и заботиться о развитии национализированных производительных сил, постольку она имеет право на поддержку мирового рабочего класса. Но суть в том, что задачи экономического и культурного строительства чем дальше, тем меньше могут разрешаться бюрократическими методами. Распределение производительных сил и средств совершается ныне на глаз начальства, по команде сверху, без участия трудящихся в решении вопросов, от которых зависят их труд и их жизнь. Диспропорции и несоответствия в хозяйстве накапливаются. Повышение жизненного уровня масс происходит крайне медленно, неравномерно, далеко отставая от технических достижений и затрат трудовой энергии. Так, экономические успехи, временно укрепившие самодержавие бюрократии, в дальнейшем своем развитии все больше направляются против нее.

Социалистическое хозяйство должно служить для всестороннего удовлетворения человеческих потребностей. Разрешить такую проблему нельзя путем голого командования. Чем выше производительные силы, чем сложнее

техника, чем сложнее потребности, тем необходимее широкая и свободная творческая инициатива организованных производителей и потребителей. Социалистическая культура предполагает высшее развитие человеческой личности. Продвигаться на этом пути можно не путем стандартизованного пресмыкательства перед безответственными "вождями", а лишь посредством сознательного и критического участия всех в социалистическом творчестве. Молодые поколения нуждаются в самостоятельности, которая вполне совместима с твердым руководством, но исключает полицейское командование. Так бюрократический режим, подавивший советы и партию, приходит во все более явное противоречие с основными потребностями развития хозяйства и культуры.

Рабочее государство существует впервые в истории. Ни формы, ни методы его, ни этапы, через которые оно должно пройти, не могли и не могут быть predetermined заранее. Буржуазное общество развивалось в течение столетий и пришло к господству, сменяя десятки политических режимов. Можно с достаточным основанием рассчитывать, что социалистическое общество достигнет полного развития несравненно более коротким и экономным путем. Но было бы все же жалкой иллюзией воображать, будто "просвещенная бюрократия" способна довести на уздечке человечество до социализма по прямой линии. Рабочее государство еще не раз обновит свои методы, прежде чем раствориться в коммунистическом обществе. Та большая историческая реформа, которая стоит ныне на очереди, требует освобождения советского государства от бюрократического абсолютизма, иными словами: восстановления творческой роли советов на новой, более высокой хозяйственной и культурной основе. Эта задача неразрешима без борьбы рабочих масс против узурпаторской бюрократии.

Историческая роль государственного насилия естественно меняется вместе с изменением характера рабочего государства. Поскольку бюрократическое насилие, как бы жестоко оно подчас ни было, ограждает социальные основы нового режима, постольку оно исторически оправдано. Но защита советского государства и защита позиций бюрократии в советском государстве - не одно и то же. Чем дальше, тем циничнее бюрократия прибегает к террору против партии и рабочего класса для ограждения своих экономических и политических привилегий. Она заинтересована, разумеется, в том, чтобы свою кастовую самооборону выдавать за ограждение высших интересов социализма. Отсюда возрастающая фальшь официальной идеологии, отвратительный культ вождей и прямой обман рабочих масс посредством политических и судебных подлогов.

Особенно преступный характер имеет политика советской бюрократии в отношении международного пролетариата. Отказавшись по существу давно уже от надежд на мировую революцию, бюрократия держит секции Коммунистического Интернационала в чисто военном подчинении, превращая их во вспомогательные органы для своей дипломатии. Революционная защита Советского Союза давно уже подменена адвокатской защитой всех действий правящей советской верхушки. Вожди Коминтерна все больше обнажаются перед рабочими, как независимые от масс чиновники.

Казавшаяся столь внушительной германская коммунистическая партия при

столкновении с серьезной опасностью оказалась политическим нулем. Слепое подчинение не есть доблесть революционера. Коминтерн опустошен, обезличен, обездушен. Если в Англии, несмотря на исключительно благоприятные условия, коммунистическая партия остается незначительной организацией без влияния, без авторитета, без будущего, то ответственность за это ложится прежде всего на советскую бюрократию.

Вся обстановка в Англии готовит революционную развязку. Благоприятный перелом экономической конъюнктуры, сам по себе возможный и даже неизбежный, имел бы по необходимости лишь эпизодический характер и скоро уступил бы место новому жестокому кризису. На капиталистическом пути спасения нет. Приход к власти Рабочей партии будет иметь лишь то прогрессивное значение, что снова обнаружит, притом несравненно ярче, чем до сих пор, несостоятельность методов и иллюзий парламентаризма в условиях распада капиталистической системы. Тем самым необходимость новой, подлинно революционной партии раскроется во всей своей остроте. Британский пролетариат войдет в эпоху политического кризиса и теоретической критики. Проблемы революционного насилия встанут перед ним во весь рост. Доктрина Маркса и Ленина впервые найдет массовую аудиторию. В этих условиях, может быть, и настоящая книга не окажется лишней.

Л.Троцкий

10 января 1935 г.

Кто защищает СССР и кто помогает Гитлеру?

(Незаконченная статья)

Соглашаясь голосовать за империалистическую армию, если она "очистится" от фашистов, французские сталинцы показывают этим, что дело идет для них, как и для Блюма, не о защите Советского Союза, а о французской "демократии". Они поставили себе отныне высокую цель: насадить чистую демократию в офицерском корпусе версальской армии (версальской в смысле Коммуны и в смысле Версальского мира). Каким путем? Посредством правительства Даладье. "Sovjets partout!", "Daladier au pouvoir!"¹⁰. Но почему же великий демократ Даладье, который два года был военным министром (1932-1934), не позаботился очистить армию от фашистов, бонапартистов и роялистов? Не потому ли, что сам Даладье еще не очистился тогда в живительном источнике "народного фронта"? Пусть "Юманите" со свойственной ей глубиной и честностью объяснит нам эту загадку. Пусть заодно ответит на вопрос: почему Даладье капитулировал при первом натиске вооруженной реакции в феврале 1934 года? Мы ответим за "Юманите"! Потому что партия радикалов есть самая жалкая, трусливая, лакейская из всех партий финансового капитала. Стоит гг. де Венделю¹¹, Шнейдеру¹², Ротшильд¹³, Мерсье¹⁴ и К|| топнуть ногой, - радикалы всегда станут на колени: сперва Эррио, а немного спустя и Даладье.

Допустим однако, что на этот раз правительству "народного фронта"

удастся для демонстрации, т. е. для обмана масс, уволить из армии несколько второстепенных реакционеров и распустить (на бумаге) несколько бандитских лиг. Что изменится в природе? Армия останется по-прежнему важнейшим орудием империализма. Генеральный штаб армии останется по-прежнему штабом военного заговора против трудящихся. Во время войны наиболее реакционные, решительные и беспощадные элементы получают в офицерском корпусе решающий перевес. Пример Италии и Германии показывает, что империалистическая война есть для офицерства высшая школа фашизма.

*

Как быть далее в тех странах, относительно которых неизвестно, какую позицию займут они в войне: за или против СССР? Так, британские лейбористы и трэд-юнионисты уже сегодня парализуют борьбу против собственного империализма, ссылаясь на то, что Великобритании, может быть, придется защищать СССР. Эти политические мошенники ссылаются, конечно, на Сталина не только с успехом, но и с полным основанием. Если французские сталинцы обещают хвастливо "контролировать" внешнюю политику своего империализма, то британские лейбористы могут предъявить тот же довод. А что делать польскому пролетариату, буржуазия которого связана союзом с Францией и дружбой с Гитлером?

Гражданский мир (Union sacrée¹⁵) означает низкопробное прислуживание социалистов перед империализмом, совершающим наиболее подлую и кровавую работу. Какие политические последствия имеет ползание на патриотическом брюхе, показала последняя война. Социал-патриотические вожди вышли из школы "гражданского мира" совершенно раздавленными, политически опустошенными, без веры, без мужества, без чести и совести. Об этом свидетельствует вся послевоенная история рабочего движения. Рабочие Германии и Австрии завладели после войны властью, но социал-демократические вожди вернули эту власть генералам и капиталистам. Если бы вожди французского пролетариата не вышли из войны жалкими политическими инвалидами, Франция была бы сегодня страной социализма. Гражданский мир 1914-1918 гг. спас гниющий капитализм на целые десятилетия и обрек народы на неслыханные жертвы и страдания. Гражданский мир 1914-1918 гг. в интересах собственной "нации" подготовил новую империалистическую войну, грозящую полным истреблением нации. Под каким бы предлогом социал-патриоты ни готовили новый "гражданский мир" ("национальная оборона", "защита демократии", "защита СССР"), результатом новой измены явилось бы крушение всей современной культуры.

*

Деморализованная бюрократия Коминтерна органически неспособна противостоять патриотическому напору буржуазии во время войны. Вот почему все эти трусы: Кашены, Жанмоты, Шмерали... рады уцепиться за любой повод, который может прикрыть их капитуляцию перед бешеным разгулом патриотического "общественного мнения". Таким поводом - не причиной, а только поводом -

является для них "защита СССР". По своей политической физиономии Дорио ничем не отличается от Кашена или Дюкло: он продукт той же школы. Но мы видели, как легко Дорио порывает с идеей защиты СССР, чтобы прийти к программе "соглашения с Гитлером", хотя для каждого младенца в St. Denis¹⁶ должно быть ясно, что соглашение французской буржуазии с Гитлером может быть направлено только против СССР. Мы видим: стит этим господам поссориться со сталинской бюрократией, и они сразу поворачиваются спиной к советскому государству. Этим политикам не хватает мелочи: позвончика. Ползание на брюхе перед сталинской кликой было для них только тренировкой для пресмыкательства перед собственным империализмом.

С отличающим этих людей бесстыдством они немедленно переходят в наступление против революционных интернационалистов, обвиняя их в... поддержке Гитлера. Они забывают, что опрокинуть Гитлера может только немецкий пролетариат. Сейчас он, правда, ослаблен, раздроблен, придавлен всей тяжестью преступлений социал-демократии и Коминтерна. Но он поднимется. Ободрить его и помочь ему подняться можно только одним: развитием революционной борьбы в международном масштабе, прежде всего во Франции. Каждое патриотическое заявление Блюма, Жиромского, Тореза и пр. дает новое питание теории расизма (национализма) и, в последнем счете, укрепляет Гитлера. Наоборот, марксистская, большевистская непримиримая политика мирового пролетариата - во время мира, как и во время войны - нанесет смертельный удар фашизму, ибо покажет на деле, что судьбу человечества решает борьба классов, а не борьба наций. Нужно ли еще это доказывать? С того времени, как Третий Интернационал, вслед за Вторым, окончательно подменили международную классовую борьбу мнимой "всеобщее" борьбой против Гитлера, он фактически только помогал Гитлеру. Об этом свидетельствуют ныне неопровержимые факты и цифры: рост национал-социализма в Австрии, плебисцит в Саарской области, последние выборы в Богемии. Борьба против фашизма посредством национализма будет лишь подливать масла в огонь! И наоборот, первые серьезные успехи пролетарской революции во Франции, в Бельгии, в Чехословакии - в любой стране - прозвучат для Гитлера, как похоронный звон. Кто не понимает этой азбуки, тот пусть занимается чем угодно, но только не проблемами социализма!

Знать заранее, каков будет ход войны, если слабость пролетариата позволит ей разразиться, мы не можем. Фронты будут передвигаться. Границы государств будут нарушаться: в этом и состоит война. При нынешнем могуществе авиации все границы будут нарушаться и все национальные территории будут попираяться и опустошаться. Только прямые реакционеры (называющие себя иногда социалистами и даже коммунистами) могут в этих условиях призывать пролетариат к защите "собственных" национальных границ в союзе с "собственной" буржуазией. Действительная задача пролетариата состоит на самом деле в том, чтобы воспользоваться военными затруднениями буржуазии, низвергнуть ее в пропасть и ликвидировать заодно национальные границы, которые душат хозяйство и культуру.

В первый период войны буржуазия сильнее всего. Но она неизменно слабее с каждым новым месяцем бойни. И наоборот, пролетариат, если его авангард сохранит с самого начала полную независимость от патриотических шакалов, будет крепнуть и усиливаться не по дням, а по часам. Не военные фронты решат, в конечном счете, судьбу войны, а тот социальный фронт, который проходит между буржуазией и пролетариатом. Те насилия, обиды и бедствия, которые причинит народам война, сможет поправить только победоносная революция. Она покончит не только с Гитлером, но и с империализмом, который неизбежно порождает фашизм. Она спасет СССР не только от внешних опасностей, но и от тех внутренних противоречий, которые порождают варварскую диктатуру сталинской клики. Пролетарская революция объединит наш разрозненный и обескровленный континент, спасет гибнущую культуру, создаст Социалистические Соединенные Штаты Европы. Она перекинется на почву Америки и поднимет на ноги угнетенные народы Востока. Она объединит все человечество в социалистическом хозяйстве и гармонической культуре.

Л.Троцкий

(Январь 1935 г.)

Новая эра "советской демократии"

Перевести для "La Verit"

Чтобы хотя отчасти перекрыть отталкивающее впечатление, произведенной расправой Сталина над политическими противниками под видом борьбы с террористами, возведена великая демократическая реформа: колхозники в качестве членов социального общества уравниваются в правах с промышленными рабочими. Лакеи кричат по этому поводу о наступлении царства истинной демократии (а что же было до вчерашнего дня?).

Неравенство избирательных прав рабочих и крестьян имело социальные причины. Диктатура пролетариата в крестьянской стране нашла свое необходимое и открытое выражение в избирательных привилегиях рабочих. Неравенство прав предполагало, во всяком случае, наличие прав. Советский строй дал трудящимся действительную возможность определять судьбы страны. Политическая власть сосредоточилась в руках авангарда - партии. Через Советы и профессиональные союзы партия всегда стояла под давлением масс. Этим давлением партия подчиняла себе советскую демократию.

Чистейший вздор, будто крестьянство успело социально переовоспитаться за два-три года коллективизации. Антагонизм города и деревни сохраняет еще всю свою остроту. Диктатура и сейчас немислима без гегемонии пролетариата над крестьянством. Но неравенство политических прав рабочих и крестьян потеряло свое реальное содержание, поскольку бюрократия окончательно отняла политические права и у тех, и у других. С точки зрения механики бонапартистского режима распределение избирательных округов не имеет ровно никакого значения. Бюрократия могла бы дать крестьянству в десять раз больше голосов, чем рабочему - результат получился бы тот же, ибо все вместе и

каждый в отдельности имеют в конце концов одно единственное право: подавать голос за Сталина.

Тайное голосование может на первый взгляд представиться действительной уступкой. Но кто решится выставлять свою кандидатуру против официального списка? Ведь выбранный "тайным голосованием" оппозиционер будет немедленно после выборов объявлен классовым врагом. Тайное голосование, таким образом, ничего существенного изменить не может.

Вся реформа представляет собою бюрократическую маскировку, не более. Сама необходимость такой маскировки безошибочно свидетельствует о возрастающем обострении отношений между бюрократией и трудящимися массами. Ни рабочим, ни крестьянам не нужны демократические фикции. Пока Сталин держит обе руки на горле пролетарского авангарда, все конституционные реформы останутся бонапартистским шарлатанством.

Л.Т[роцкий]

10 февраля 1935 г.

[Заметка]17

Мною ли написан этот документ?

Память моя ничего мне на этот счет не говорит. Анализ текста не позволяет прийти к окончательному выводу.

Кое-что общее с моими воззрениями (отчасти и со стилем) в документе есть; хотя как раз наиболее для моих тогдашних писаний характерные мысли выражены крайне угловаты, хуже, чем я должен был бы их выразить.

Еще важнее то обстоятельство, что в тексте встречаются мысли, мне безусловно чуждые и даже плохо вяжущиеся с остальным текстом. Достаточно прочесть мою полемику против Череванина, относящуюся, по-видимому, к тому же периоду, чтобы убедиться в этом.

Вывод (гипотетический).

Либо документ был написан лицом, стоящим между мною и меньшевиками (например, Стрельским¹⁸), либо мой первоначальный текст был подвергнут меньшевистской правке (в ЦК?).

Л. Троцкий

21 февраля 1935 г.

Замечания по поводу проекта тезисов (Draft thesis)

Коммунистической лиги Южной Африки¹⁹

Тезисы написаны несомненно на основании серьезного изучения как экономических и политических условий Южной Африки, так и литературы марксизма и ленинизма, в частности - большевиков-ленинцев. Серьезный научный подход ко всем вопросам является одним из важнейших условий успеха для революционной организации. Пример наших южноафриканских друзей снова

подтверждает, что в нынешнюю эпоху только большевики-ленинцы, т. е. последовательные пролетарские революционеры, серьезно относятся к теории, анализируют действительность, учатся сами прежде чем учить других. Сталинская бюрократия давно подменила марксизм сочетанием невежества и наглости.

На нижеследующих строках я хочу сделать некоторые замечания по поводу проекта тезисов, которые должны служить программой для Коммунистической Лиги Южной Африки. Я ни в каком случае не противопоставляю эти замечания тексту тезисов. Мое знакомство с условиями Южной Африки слишком недостаточно, чтобы я мог претендовать на вполне законченное мнение по ряду практических вопросов. Только в некоторых случаях мне приходится высказывать свое несогласие с отдельными положениями проекта. Но и тут, насколько я могу судить издалека, у нас нет принципиальных разногласий с авторами тезисов; дело идет скорее о некоторых преувеличенных полемических формулировках в борьбе с пагубной национальной политикой сталинизма. Но в интересах дела не замазывать даже и неточности формулировок, а наоборот, подвергнуть их открытому обсуждению, чтоб достигнуть наиболее ясного и безупречного текста. Такова цель дальнейших строк, продиктованных стремлением оказать южноафриканским большевикам-ленинцам хоть некоторое содействие в той большой и ответственной работе, к которой они приступили.

*

Южноафриканские владения Великобритании представляют "доминион" лишь под углом зрения белого меньшинства. С точки зрения черного большинства Южная Африка есть рабская колония.

Никакой социальный переворот (в первую очередь аграрная революция) немислим при сохранении владычества британского империализма в южноафриканском доминионе. Низвержение британского владычества в Ю[жной] Африке является одинаково необходимым для торжества социализма как в Ю[жной] Африке, так и в самой Великобритании.

Если, как можно предполагать, революция начнется ранее в Великобритании, английская буржуазия потерпит поражение тем скорее в метрополии, чем меньшую опору она сможет найти в колониях и доминионах, в том числе в таком важном для нее владении, как Южная Африка. Борьба за изгнание британского империализма, его орудий и агентов, входит таким образом необходимой частью в программу южноафриканской пролетарской партии.

Низвержение владычества британского империализма в Ю[жной] Африке может явиться результатом военного поражения Великобритании и распада империи: в этом случае южноафриканские белые могут еще в течение некоторого, вряд ли продолжительного времени сохранять свое господство над черными. Другой вариант, который на деле может оказаться связан с первым вариантом, - это революция в Великобритании и в ее владениях. Три четверти населения Южной Африки (почти 6 миллионов из почти 8) составляют черные. Победоносная революция, немислимая без пробуждения туземных масс, даст им в свою очередь

то, чего им так не хватает теперь: веру в свои силы, повышенное сознание личности, рост культуры. При этих условиях Южноафриканская республика станет прежде всего "черной" республикой: это не исключает, разумеется, ни полного равноправия белых, ни братских отношений между двумя расами (что зависит главным образом от поведения белых); но совершенно очевидно, что определяющую печать на государство наложит подавляющее большинство его населения, освобожденное от рабской зависимости.

Поскольку победоносная революция радикально изменит отношения не только между классами, но и между расами и обеспечит черным то место в государстве, какое отвечает их численности, постольку социальная революция в Южной Африке будет иметь также и национальный характер. У нас нет ни малейшего основания закрывать глаза на эту сторону вопроса или преуменьшать ее значение. Наоборот, пролетарская партия должна и на словах и на деле открыто и смело взять разрешение национальной (расовой) проблемы в свои руки. Однако разрешать национальную проблему пролетарская партия может и должна своими методами.

Историческим оружием национального освобождения может быть только классовая борьба. Коминтерн, начиная с 1924 г., превратил программу "национального освобождения" колониальных народов в пустую демократическую абстракцию, возвышающуюся над реальностью классовых отношений. Для борьбы с национальным гнетом разные классы освобождаются (на время!) от материальных интересов и становятся простыми "антиимпериалистическими" силами. Для того, чтобы эти бесплотные "силы" дружно выполнили порученную им Коминтерном задачу, им обещается в награду бесплотное "национально-демократическое" государство (с неизбежной ссылкой на ленинскую формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства").

Тезисы указывают на то, что в 1917 г. Ленин открыто и раз навсегда ликвидировал формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства" в качестве необходимого будто бы условия для разрешения аграрного вопроса. Это совершенно верно. Но во избежание недоразумений надо прибавить: а) Ленин всегда говорил о революционной буржуазно-демократической диктатуре, а не о бесплотном "народном" государстве; б) для борьбы за буржуазно-демократическую диктатуру он предлагал не блок всех "антицаристских сил", а проводил самостоятельную классовую политику пролетариата. "Антицаристский" блок был идеей русских эсеров и левых кадетов, т. е. партий мелкой и средней буржуазии. С ними большевизм вел всегда непримиримую борьбу.

*

Когда тезисы говорят, что лозунг "черная республика" одинаково вреден (equally harmful) для дела революции, как и лозунг "Южная Африка для белых", то с этой формулировкой мы не можем согласиться: на стороне белых дело идет о поддержании полного угнетения; на стороне черных - о первых шагах к освобождению. Полное и безусловное право черных на самостоятельность мы

должны признать со всей решительностью и без всяких оговорок. Только на основе совместной борьбы против господства белых эксплуататоров можно воспитывать и укреплять солидарность черных и белых тружеников. Возможно, что черные признают после победы ненужным создание отдельного черного государства в Южной Африке; конечно, мы не станем им навязывать государственный сепаратизм; но пусть они сделают это признание свободно, на основе собственного опыта, а не из-под палки белых насильников. Пролетарские революционеры не должны никогда забывать о праве угнетенных национальностей на самоопределение, включая и полное отделение, и об обязанности пролетариата угнетательской нации защищать это право, если нужно, с оружием в руках!

Тезисы совершенно правильно подчеркивают тот факт, что разрешение национального вопроса в России принесла Октябрьская революция. Национально-демократические движения сами по себе были бессильны справиться с национальным гнетом царизма. Только благодаря тому, что движения угнетенных национальностей, как и аграрное движение крестьянства, дали возможность пролетариату овладеть властью и установить свою диктатуру, национальный вопрос, как и аграрный, нашел смелое и решительное разрешение. Но само сочетание национальных движений с борьбой пролетариата за власть оказалось политически возможным только благодаря тому, что большевистская партия на протяжении всей своей истории вела непримиримую борьбу с великорусскими угнетателями, поддерживая всегда и без оговорок право угнетенных наций на самоопределение вплоть до отделения от России.

*

Политика Ленина в отношении угнетенных наций не имела, однако, ничего общего с политикой эпигонов. Большевистская партия защищала право самоопределения угнетенных наций методами классовой пролетарской борьбы, отвергая начисто шарлатанские "антиимпериалистические" блоки с многочисленными мелкобуржуазными "национальными" партиями царской России (P.P.S.20, партия Пилсудского в царской Польше; дашнаки²¹ - в Армении; украинские националисты²²; сионисты - у евреев и пр., и пр.). Большевизм всегда беспощадно разоблачал эти партии, как и русских "социалистов-революционеров", их половинчатость и авантюризм, особенно же ложь их надклассовой идеологии. Своей непримиримой критики он не приостанавливал даже тогда, когда условия навязывали ему те или другие эпизодические, строго практические соглашения с ними. О каком-либо перманентном союзе под знаменем "антицаризма" не могло быть и речи. Только благодаря непримиримой классовой политике большевизму удалось в условиях революции отбросить в сторону

меньшевиков, эсеров, национальные мелкобуржуазные партии и сплотить вокруг пролетариата массы крестьянства и угнетенных национальностей.

*

"Мы не должны, - говорят тезисы, - конкурировать с Африканским Национальным Конгрессом²³ в области националистических лозунгов с целью завоевать туземные массы". Мысль сама по себе верна, но она требует конкретизации. Не будучи ближе знаком с деятельностью Национального Конгресса, я могу лишь по аналогии наметить нашу политику в отношении к нему, причем отмечаю заранее свою готовность внести в свои предложения все необходимые поправки.

1) Большевики-ленинцы становятся на защиту Конгресса, каков он есть, во всех тех случаях, когда он подвергается ударам со стороны белых насильников и их шовинистических агентов в рядах рабочих организаций.

2) Большевики противопоставляют прогрессивные и реакционные тенденции в программе Конгресса.

3) Большевики разоблачают перед туземными массами неспособность Конгресса добиться осуществления даже своих собственных требований вследствие его поверхностной, соглашательской политики и развивают в противовес Конгрессу программу классовой революционной борьбы.

4) Отдельные, эпизодические соглашения с Конгрессом, если они навязываются обстановкой, допустимы лишь в рамках строго определенных практических задач, при сохранении полной независимости собственной организации и свободы политической критики.

*

Тезисы выдвигают в качестве главного политического лозунга не "национально-демократическое государство", а южноафриканский "Октябрь". Они доказывают, притом с полной убедительностью: а) что национальный и аграрный вопрос в Ю[жной] Африке в основе своей совпадают; б) что оба эти вопроса могут быть разрешены только революционным путем; в) что революционное разрешение этих вопросов ведет неотвратимо к диктатуре пролетариата, руководящего туземными крестьянскими массами; г) что диктатура пролетариата откроет эру советского режима и социалистического строительства. Этот вывод есть краеугольный камень всего здания программы. Здесь у нас полная солидарность.

Но к этой общей "стратегической" формуле надо подвести массы через посредство ряда "тактических" лозунгов. Выработать их на каждом данном этапе можно только на основании анализа конкретных условий жизни и борьбы пролетариата и крестьянства и всей внутренней и международной обстановки. Не вдаваясь в эту область, я хотел бы лишь вкратце остановиться на взаимоотношении национальных и аграрных лозунгов.

Тезисы несколько раз подчеркивают, что на первое место следует выдвигать не национальные, а аграрные требования. Это очень важный вопрос, заслуживающий серьезного внимания. Отодвигать или ослаблять национальные лозунги с той целью, чтобы не отталкивать белых шовинистов в среде рабочего класса, было бы, разумеется, преступным оппортунизмом, абсолютно чуждым авторам и сторонникам тезисов: это совершенно ясно вытекает из самого текста

тезисов, проникнутых духом революционного интернационализма. О тех социалистах, которые борются за привилегии белых, тезисы прекрасно говорят: "Этих "социалистов"... мы должны признать величайшими врагами революции". Остается другое объяснение, которое мимоходом указывается в самом тексте: отсталые туземные крестьянские массы гораздо непосредственнее ощущают аграрный гнет, чем национальный. Это вполне возможно (большинство черных - крестьяне; главная масса земель - в руках белого меньшинства). В своей борьбе за землю русские крестьяне долго надеялись на царя и упорно уклонялись от политических выводов. Из традиционного лозунга революционной интеллигенции "Земля и воля" мужик долго принимал только первую половину. Понадобились десятки лет аграрных волнений и воздействия городских рабочих, чтобы крестьянин связал оба лозунга вместе.

Вряд ли паупер²⁴ и раб банту²⁵ питает большие надежды на британского короля или на Макдональда. Но его крайняя политическая отсталость выражается также и в отсутствии у него национального самосознания. В то же время он очень остро ощущает земельную и фискальную кабалу. В этих условиях пропаганда может и должна исходить прежде всего из лозунгов аграрной революции, чтобы шаг за шагом на основе опыта борьбы приводить крестьян к необходимым политическим и национальным выводам. Если эти гипотетические соображения верны, то дело идет не о самой программе, а лишь о том, какими путями провести эту программу в сознание туземных масс.

При малочисленности революционных сил и крайней разбросанности крестьянства воздействовать на него, по крайней мере в ближайший период, можно будет главным образом, если не исключительно, через передовых рабочих. Тем важнее воспитать этих последних в духе ясного понимания значения аграрной революции для исторической судьбы Южной Африки.

Пролетариат страны состоит из отсталых черных париев и из привилегированной высокомерной касты белых. В этом величайшая трудность всего положения. Экономические потрясения эпохи загнивающего капитализма, как правильно указывают тезисы, должны сильно расшатать старые перегородки и облегчить работу революционного сплочения. Во всяком случае худшим преступлением со стороны революционеров было бы идти на малейшие уступки привилегиям и предрассудкам белых. Кто дал мизинец черту шовинизма, тот пропал. Революционная партия должна перед каждым белым рабочим ставить альтернативу: или с британским империализмом и с белой буржуазией Южной Африки - или с черными рабочими и крестьянами против белых феодалов и рабовладельцев и их агентов в среде самого рабочего класса.

Низвержение британского господства над черным населением Южной Африки не будет, разумеется, означать экономического и культурного разрыва с бывшей метрополией, если последняя сама освободится от угнетающих ее империалистических хищников. Через посредство тех белых, которые на деле, в общей борьбе, свяжут свою судьбу с судьбой нынешних колониальных рабов, Советская Англия сможет оказывать могущественное экономическое и культурное влияние на Южную Африку, уже не на основе господства, а на началах

пролетарской взаимопомощи.

Но может быть, еще важнее будет то воздействие, которое Советская Южная Африка окажет на весь черный материк. Помочь неграм догнать белую расу, чтоб рука об руку с нею подниматься на новые высоты культуры, - такова будет одна из грандиознейших и благороднейших задач победоносного социализма.

*

В заключение я хочу сказать несколько слов по вопросу о легальной и нелегальной организации (Concerning the Constitution of the Party)²⁶.

Тезисы правильно подчеркивают неразрывную связь между организацией, программой и тактикой партии. Организация должна обеспечивать выполнение всех революционных задач, дополняя легальный аппарат нелегальным. Никто, разумеется, не предлагает создавать нелегальный аппарат для таких функций, которые в данных условиях могут быть выполнены легальными органами. Но каждый раз в условиях надвигающегося политического кризиса надо создавать резервные нелегальные ячейки, которые смогут развернуться в случае надобности. Некоторая, притом очень важная часть работы не может ни при каких условиях быть выполнена открыто, т. е. на глазах классовых врагов.

Однако важнейшей - для данного периода - формой нелегальной или полуполигальной работы революционеров является работа в массовых организациях, прежде всего трэд-юнионах. Вожди трэд-юнионов представляют собою неофициальную полицию капитала; они ведут безжалостную борьбу против революционеров. Надо уметь работать в массовых организациях, не попадая под удары реакционного аппарата. Это очень важная, для данного периода - важнейшая часть нелегальной работы. Революционная группа в трэд-юнионе, научившаяся на опыте всем необходимым правилам конспирации, сумеет перевести свою работу на нелегальное положение, когда этого потребуют обстоятельства.

Л.Троцкий

20 апреля 1935 г.

Центристская алхимия или марксизм?

(К вопросу о S.A.P.)

Внутренние группировки в Германии и международные вопросы

Политическая жизнь Германии настолько сдавлена, последствия поражения так остро чувствуются массами, что различные группировки в рабочем классе лишены пока еще возможности развернуться вширь и вглубь и обнаружить заложенные в них тенденции. Тем большее значение для воспитания передовых рабочих получают в такие периоды: во-первых, политическая эмиграция; во-вторых, международные проблемы. Сказанное отнюдь не имеет целью умалить значение внутренних организаций и внутренних проблем немецкого рабочего движения. Преимущество и непрерывность революционной мысли и

революционного воспитания, даже в самые глухие периоды - великое благо, которое приносит затем плоды сторицей в периоды революционного подъема. Именно теперь, в тисках диктатуры наци, воспитаются кадры стальных борцов, которые наложат свою печать на судьбу Германии. Мы хотели бы лишь со всей силой подчеркнуть ту мысль, что немецкие товарищи сейчас более, чем когда-либо, должны рассматривать свои внутренние отношения и группировки не изолированно, а в связи с жизнью тех стран, где революционные проблемы стоят в более развернутом и ясном виде. Совершенно очевидно, например, что крупный успех большевиков-ленинцев в одной из нефашистских стран Европы сейчас же отразился бы живительно на судьбе нашей секции в Германии. Нельзя забывать также и то, что политические вопросы нефашистских стран для Германии - не только прошлое, но в значительной мере и будущее: немецкому пролетариату многое придется начинать сначала и повторять снова, только в несравненно более короткие сроки.

С соответственными изменениями сказанное относится, конечно, и к другим организациям. Без перспективы, без ясных лозунгов КПП ведет все же значительную нелегальную работу: этот факт свидетельствует, как многочисленен несмотря на все слои революционных рабочих, которые не хотят сдаваться. Не зная другого знамени, они группируются под знаменем КПП. Сюда надо прибавить и классовый "фактор". Деньги сами по себе еще не обеспечивают, конечно, победы. Но в течение достаточно долгого времени они могут поддерживать существование организации, даже обреченной на слом.

С другой стороны, общая придавленность политической жизни в Германии и крайне узкие пределы рабочего движения не позволяют КПП обнаружить и довести до конца свои ложные тенденции. Организация, агитация, как и ошибки, остаются пока еще в неразвернутом виде. Но КПП не стоит особняком. Все фигуры связаны сейчас на европейской доске теснее, чем когда-либо. Многие заставляют думать, что гибельная и преступная политика французской компартии нанесет жестокий удар КПП, прежде чем эта последняя сама успеет подкопать свои нелегальные организации. Верить в возрождение Коминтерна сейчас еще меньше оснований, чем год или два назад.

Из этого вовсе не вытекает, однако, будто нужно повернуться спиной к нелегальным организациям КПП. Наоборот, скорее можно сказать, что наши немецкие друзья уделяли этим организациям слишком мало внимания, неизмеримо меньше, во всяком случае, чем маленькой S.A.P. Правильно ли это?

Ответ на этот вопрос немислим без точных критериев. Чего наши товарищи искали у S.A.P.? Арены для своей деятельности? Очевидно, нет: в качестве арены S.A.P., насчитывающая пару тысяч членов, слишком тесна. КПП скорее может служить "ареной", не говоря уж о том молодом поколении рабочих, которое впервые пробуждается к политической жизни под кнутом Гитлера. Остается другая возможность: S.A.P. как союзница, как единомышленница. Разумеется, слияние обеих организаций представляло бы совершенно очевидные выгоды для дальнейшей революционной работы. Но для слияния нужно единомыслие - не в частных и второстепенных, а в основных вопросах. Есть ли оно?

Вожди S.A.P. часто говорят, что "в сущности" у них те же взгляды, что и у нас, но только они умеют лучше, реалистичнее, "умнее" защищать наши взгляды. Если бы дело обстояло так, то раскол был бы чистейшим безумием: в рамках единой организации вожди S.A.P. научили бы нас более умело и успешно развивать наши общие взгляды. Но, к несчастью, это не так. Вожди S.A.P. клеветают на самих себя. Если они после долгих колебаний уклонились от объединения в национальных рамках; если они затем порвали с нами интернациональную связь, то для этого должны быть очень серьезные причины. Они есть. Нас разделяют не оттенки тактики, а основные вопросы. Было бы смешно и недостойно после проделанного опыта закрывать на это глаза. Разногласия между нами и S.A.P. целиком укладываются в рамки противоречия между марксизмом и центризмом.

На следующих ниже строках я не собираюсь сказать ничего нового. Я хочу лишь подвести итоги опыту целого политического периода, особенно последних полутора лет. Нет ничего полезнее для политического воспитания, как проверять принципы в свете фактов, своевременно оцененных или даже заранее предсказанных. Если я прошу у читателей этой статьи внимания к подробному анализу политической природы S.A.P., то отнюдь не для того, чтобы открыть период новых переговоров, а скорее для того, чтобы попытаться закрыть его. Вожди S.A.P. нам не единомышленники и не союзники, а противники. Опыт сближения с ними исчерпан, по крайней мере, для ближайшего периода. Разумеется, нельзя, особенно со стороны, категорически высказаться против тех или других совместных действий в самой Германии. Но наши немецкие единомышленники должны, думается мне, устанавливать свои взаимоотношения с S.A.P. не только в зависимости от большего или меньшего совпадения взглядов в области неразвернутых внутренних немецких вопросов гитлеровского подполья (в сумерках фашизма все кошки подчас кажутся серыми), но и в зависимости от той роли, которую S.A.P. играет или пытается играть на международной арене.

*

Может, пожалуй, показаться странным, что мы посвящаем маленькой организации сравнительно большую работу. Но суть в том, что вопрос о S.A.P. гораздо больше самой S.A.P. Дело идет в последнем счете о правильной политике по отношению к центристским тенденциям, которые сейчас играют всеми цветами радуги и на всем поле рабочего движения. Надо помешать консервативным центристским аппаратам, унаследованным от прошлого, задержать революционное развитие пролетарского авангарда: в этом задача!

Баланс конференции I.A.G.27

В Париже состоялась, после полуторалетнего промежутка, конференция I.A.G. (международного сотрудничества революционно-социалистических организаций). Что дала эта конференция? Этому нам до сих пор никто по существу не сказал. В отчете S.A.P. ("Neue Front" 28, март 1935 г.) можно, правда, найти недурные профили некоторых участников конференции; но

совершенно нельзя найти ответа на вопрос: для чего созывалась конференция и что она принесла? Отчет о конференции составлен не по-марксистски, т. е. не с целью вскрыть все наличные тенденции и противоречия, а по-центристски, - замазать разногласия и представить, что все обстоит благополучно.

Академические тезисы о мировом положении были приняты "единогласно". Почему, в самом деле, не повторить еще раз общие формулы насчет распада капитализма и пр.? Это звучит радикально, но ни к чему не обязывает. Такие формулы за годы мирового кризиса стали дешевым товаром. Попыталась, однако, ли резолюция о "мировом положении" высказать ту маленькую истину, что N.A.P.29, собравшая 45% голосов, следовательно, имеющая за собой несомненное большинство в населении, могла бы, если бы хотела, превратить Норвегию в рабочую крепость, вдохнуть своим примером революционное мужество в массы Скандинавии и стать важным фактором в развитии Европы? Ведь N.A.P. - все еще член I.A.G.! Несмотря на это, - нет, именно потому, - конференция обошла вопрос о N.A.P., а занялась другими, более "высокими" вопросами. Разве будущий "государственный человек" Кильбум мог допустить бестактную, сектантскую критику своих соседей? Никогда! А Шваб, разве он мог огорчить Кильбума? Нет! Лучше поговорить о распаде капитализма "вообще". Таков дух этой конференции. И таков дух отчета S.A.P.

Резолюция конференции о войне, по докладу старого центриста Феннера Броквея, вождя I.L.P., звучит очень радикально. Но давно известно, что в вопросе о войне самые крайние оппортунисты, особенно из маленьких организаций или из "нейтральных" и малых, не воюющих государств, склонны бывают к чрезвычайному радикализму. Разумеется, и в маленьких организациях, и в "нейтральных" странах могут быть подлинные революционеры; но чтобы отличить их от оппортунистов, надо взять их повседневную политику, а не праздничную резолюцию о (чужой) войне. Голосование Кильбума за всеобщую стачку и за восстание против войны совершенно обесценивается оппортунистической политикой того же Кильбума в Швеции. И если бы обстоятельства втянули Швецию в войну, то Кильбум наверняка сделал бы практические выводы не из академической резолюции I.A.G., а из собственной оппортунистической политики. Разве не видали мы сотни таких примеров? Между тем об оппортунистической политике шведской партии, самой большой организации в составе I.A.G. после N.A.P., ни одна из резолюций не говорит, конечно, ни слова.

Какой вес имеет подпись Дорио³⁰ под радикальной резолюцией о войне, если Дорио "в интересах мира" рекомендует своей дипломатии: "разговаривайте с Гитлером"! Не союз с СССР, а соглашение с Гитлером - такова программа Дорио. Мы, впрочем, не знаем даже, как голосовали Кильбум и Дорио: по вопросу о войне было три воздержавшихся, а покрытый лаком отчет "Neue Front" умалчивает о том, кто воздержался и почему. Зачем давать читателю возможность разбираться в фактах и приходиться к выводу, что не все обстоит благополучно? Мы увидим дальше, что когда сама S.A.P. перешла от академической резолюции о войне "вообще" к вопросу о "борьбе за мир" в

нынешних условиях, все высокие слова полетели к черту: S.A.P. предложила конференции вторую резолюцию, "практическую", насквозь проникнутую духом пацифистского филистерства.

Нельзя поэтому без возмущения читать слова "Neue Front" о том, что "ленинская теория и практика (!) нашла и в вопросе о войне своих единственных (!) и истинных (!!)" защитников в партиях I.A.G.". Задачу всякого рода резолюций Ленин видел в том, чтобы экзаменовать оппортунистов, не оставляя им лазеек, выводить их на чистую воду, ловить их на противоречии между словом и делом. "Революционную" резолюцию, за которую могли голосовать оппортунисты, Ленин считал не успехом, а обманом и преступлением. Задачу всяких конференций он видел не в том, чтоб вынести "приличную" резолюцию, а в том, чтоб произвести отбор борцов и организаций, которые не предадут пролетариат в трудные часы. Методы руководства S.A.P. прямо противоположны методам Ленина.

Делегация S.A.P. внесла на конференцию проект принципиальной резолюции. Как все документы S.A.P., проект представляет собрание общих "радикальных" мест с тщательным обходом наиболее острых вопросов. Все же этот документ затрагивает несравненно ближе текущую работу партии, чем академические тезисы о мировом положении.

Какая судьба постигла проект S.A.P.? Читаем: "Представленный конференции проект принципиальной резолюции не мог быть поставлен на голосование из-за отсутствия времени (!) и (?) потому что некоторые (?) партии не имели ранее возможности (!) им заняться". Для марксиста одна эта фраза стоит целых томов. Конференция откладывалась с месяца на месяц, собралась после полугодового промежутка, в течение которого произошли грандиозные события; дезориентированный авангард пролетариата требует ясных ответов... И что же? У конференции не нашлось времени (!) для принятия принципиальной резолюции.

Второй аргумент ("и") ничуть не лучше: некоторые партии (какие?) не имели возможности (почему?) подумать над теми принципами, какими должно руководиться рабочее движение в нашу эпоху. Чем же вообще занимаются эти "некоторые партии"? Никто не знает. "Некоторые" партии не находят нужным тратить время на принципиальные вопросы. У конференции тоже нет времени этим заняться. Можно ли придумать более удручающее, более убийственное, более унижительное свидетельство о бедности?

На самом деле плачевный баланс конференции объясняется не недостатком времени, а разнородностью ее состава с преобладанием право-центристских комбинаторов. Такою же разнородностью отличаются "некоторые" из примыкающих к I.A.G. партий. Отсюда внутренняя необходимость: не трогать наиболее острых, т. е. наиболее важных и неотложных вопросов. Молчать о принципах - единственный принцип I.A.G.

*

Напомним, что Интернациональный Пленум большевиков-ленинцев в резолюции

13 сентября 1933 г. дал следующую оценку предпоследней конференции I.A.G., состоявшейся в августе 1933 г.: "Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы новый Интернационал строился организациями, исходящими из глубоко различных и даже противоположных основ... Что касается решений, вынесенных разношерстным большинством конференции и насквозь проникнутых печатью этой разношерстности, то Пленум большевиков-ленинцев не считает возможным брать на себя за эти решения политическую ответственность"³¹. Кто не делает себе никаких иллюзий, тому не приходится впоследствии терять их!

"Глубокая проблематика" центризма

Конференция отклонила резолюцию голландских делегатов, товарищей Снивлита и Шмидта³², в пользу Четвертого Интернационала. Среди отклонивших была, конечно, и делегация S.A.P. Присмотримся ближе к путаным объяснениям "Neue Front".

Оказывается: делегаты S.A.P. согласны были подписать резолюцию голландцев, если она не будет поставлена на голоса, а останется лишь как "пожелание подписавшихся организаций". Но пожелание предполагает волю. Кто изъявляет пожелание, тот хочет осуществить свою волю. На конференции это достигается голосованием. Казалось бы, делегаты S.A.P. должны были бы предоставить [право] голосовать против резолюции тем, которые по существу против Четвертого Интернационала. Но нет, Шваб голосует против не потому, что он против, а потому, что другие против. Впрочем, большинство не голосует против, а... трусливо воздерживается. Это не мешает Дорио писать, что конференция "осудила троцкистскую идею Четвертого Интернационала". Можно во всем этом что-нибудь понять? Но подождите: это только начало.

Резолюция голландцев, оказывается, отличается "полным отвлечением от нынешней реальной ситуации" и "непониманием глубокой проблематики задачи". Допустим. Тогда почему же делегация S.A.P. соглашалась подписать такую жалкую резолюцию? Шваб, видимо, не очень ценит свою подпись (он уже доказал это, впрочем, в 1933 году!).

В чем же все-таки состоит позиция S.A.P. по существу? "Возвешение нового Интернационала, - читаем мы, - несмотря на свою объективную необходимость, - покамест по субъективным причинам невозможно". Прежде всего здесь сознательно, т. е. недобросовестно смешаны "возвешение нового Интернационала" и возвешение необходимости борьбы за Четвертый Интернационал. Мы требуем не первого, а второго.

В чем состоит, однако, "глубокая проблематика" вопроса? Объективно новый Интернационал необходим; но субъективно он невозможен. Проще говоря: без нового Интернационала пролетариат будет раздавлен; но массы еще не понимают этого. В чем же другом состоит задача марксистов, как не в том, чтобы поднимать субъективный фактор на уровень объективного, приближать сознание масс к пониманию исторической необходимости; проще сказать: разъяснять массам их собственный интерес, которого они еще не понимают? "Глубокая проблематика" центристов есть глубокая трусость перед великой и

неотложной задачей. Вожди S.A.P. не понимают значения сознательного революционного действия в истории.

"Neue Front" приводит нам в поучение довод Дорио: невозможно "игнорировать настоящего состояния масс". Зачем же сам Дорио порвал с компартией, за которой во всяком случае стоят неизмеримо бльшие массы, чем за Дорио? Абстрактный, пустой аргумент от неизвестных "масс" есть жалкий софизм, за которым скрывается несостоятельность вождей. Беспартийные, т. е. самые многочисленные "массы" стоят вне всяких Интернационалов. Партийные "массы" в преобладающем числе состоят во Втором и Третьем Интернационале, а вовсе не в I.A.G.; недаром Жиромский требует, чтобы организации I.A.G. вернулись на старые квартиры, к "массам". За I.A.G. никаких масс нет. Вопрос состоит не в том, что думают сегодня массы, а в том, в каком духе и направлении господа вожди собираются воспитывать массы.

В партиях I.A.G. против Четвертого Интернационала сопротивляются на самом деле не массы, а вожди. Почему? По той самой причине, по которой они сопротивляются принципиальной резолюции. Они не хотят ничего, что ограничивало бы их центристскую свободу колебаться. Они хотят независимости от марксизма. По вполне понятным соображениям, они именуют марксизм "троцкистской идеей Четвертого Интернационала".

Вожди S.A.P. нашли общий язык со всеми, кроме голландцев. В отчете полемика ведется только против Снивлита и Шмидта. Ни слова критики против оппортунистов, составлявших большинство конференции! Разве из одного этого не очевидно, что Шваб и К|| представляют собою центристов, повернувшихся спиной - к марксистам, лицом - к оппортунистам?

"Разоружение" или... кастрация?

Помимо всех прочих достижений, конференция открыла "борьбу" за мир. Какими методами? Старонемецкими: она создала... новый ферейн³³, ферейн друзей мира. Этот "ферейн" состоит пока что из представителей трех (целых трех!) партий и называется Инициативным Комитетом (каких партий, по обыкновению, не сказано). Этот инициативный комитет имеет своей задачей создать новый "ферейн", который будет называться - внимание! - Всемирным комитетом по борьбе за мир. Уже одно это имя приведет в трепет империалистов. Задачей всемирного комитета по борьбе за мир является, как сообщает "Neue Front", "введение и выполнение весь мир охватывающего массового движения за истинное (а-а!) разоружение и мир". Как водится, S.A.P. внесла особую резолюцию "для распространения интернациональной борьбы за мир". Как водится, конференция оказалась не в состоянии принять и эту резолюцию (очевидно, за недостатком времени). Но раз создан комитет из целых трех человек, то самое главное сделано. Шваб прав: конференция "дала все, что в данной ситуации было возможно". К этому меланхолическому замечанию мы готовы присоединиться.

Не принятая конференцией резолюция S.A.P. "для борьбы за мир" представляет - надо ей отдать справедливость - самый жалкий документ

оппортунистической мысли, какой нам приходилось встречать за последнее время. Для его авторов не существует ни истории марксизма, ни вековой борьбы направлений в рабочем классе, ни свежего опыта войн и революций. Эти алхимики открывают заново свой философский камень.

Мы уже знаем из "Neue Front", что центральным лозунгом будущей "весь мир охватывающей" борьбы является "истинное разоружение". Лозунг Литвинова "правилен", вина Литвинова лишь в том, что он обращается со своим лозунгом "только к правительствам". Так наши алхимики, не подозревая того, опрокидывают мимоходом все завоевания революционного опыта и марксистской теории. Кто сказал, что лозунг разоружения правилен? Каутский эпохи упадка, Леон Блюм, Литвинов, Отто Бауэр, "сам" Бела Кун. Но как смотрели на этот вопрос Маркс, Энгельс, Ленин, Третий Интернационал в эпоху подъема? Об этом ни слова. Между тем, Энгельс противопоставлял программе разоружения программу народной милиции и требовал - о ужас! - военного обучения учащейся молодежи. Ленин непримиримо клеймил малейшую уступку идее "разоружения". В 1916 г. в специальной статье для юношества Ленин разъяснял, что, пока существуют гнет и эксплуатация, оружие останется необходимым фактором в отношениях между классами, как и между государствами. Буржуазия милитаризует сегодня молодежь. "Завтра, - писал он, - она приступит, пожалуй, к милитаризации женщин. Мы должны сказать по этому поводу: тем лучше... тем ближе к вооруженному восстанию против капитала". Проклинать войну и требовать разоружения? Женщины революционного класса никогда "не помирятся с такой позорной ролью. Они будут говорить своим сыновьям: "... Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев..." Ленин поясняет: "Угнетенный класс, который не стремится к тому, чтобы научиться владеть оружием, иметь оружие, - такой угнетенный класс заслуживал бы лишь того, чтобы с ним обращались, как с рабами"³⁴. (К сведению рабов Коминтерна!) В те же дни Ленин записывал у себя в тетради по-немецки: "Разоружение - это кастрация. Разоружение - это реакционно-христианская иеремиада. Разоружение - не борьба против империалистической реальности, а бегство из нее в следующую после победоносной социалистической революции заманчивую будущность".

Не в том беда, следовательно, что советская дипломатия предложила капиталистическим правительствам разоружение; беда и преступление в том, что Коминтерн, а ныне - S.A.P. превратили это предложение в лозунг для пролетариата. На самом деле надо было использовать эксперимент советской дипломатии для раскрытия и разъяснения нереальности, фальши, иллюзорности как буржуазного, так и социалистического пацифизма.

Если бы даже, в силу определенного исторического сочетания обстоятельств, те или другие капиталистические правительства оказались вынуждены произвести в той или другой форме "разоружение", эта военно-дипломатическая "реформа" ни в какой мере не обеспечивала бы мира. Тезисы большевиков-ленинцев "Четвертый Интернационал и война"³⁵ говорят, в числе прочего: "Разоружение не есть средство против войны, ибо, как мы видим

на опыте той же Германии, эпизодическое разоружение есть только этап на пути к новому вооружению. Возможность нового, притом очень быстрого, вооружения заложена в современной промышленной технике. "Всеобщее" разоружение, даже если бы оно было осуществимо, означало бы только усиление военного перевеса наиболее могущественных промышленных стран... Выдвигать разоружение как "единственное действительное средство предотвращения войны" значит обманывать рабочих во имя общего фронта с мелкобуржуазными пацифистами". Этот пункт направлен непосредственно против сталинцев. Но он целиком относится и к S.A.P.³⁶

Допустим, что Маркс, Энгельс, Ленин и их ученики, большевики-ленинцы, ошибались. Но почему теоретики S.A.P. не потрудились даже объяснить нам, в чем именно состоит ошибка учителей? Наши новаторы просто переступили молча, без комментариев, через революционную традицию марксизма в одном из важнейших вопросов. Как объяснить этот поразительный факт? Очень просто. Наши алхимики не интересуются ни теорией, ни историческим опытом, ни традицией. Они руководствуются глазомером, нюхом, здравым смыслом. В каждом отдельном случае они хотят открыть философский камень³⁷.

Остается еще прибавить, что требование разоружения капиталистических государств для избежания войны стоит в той же самой политической плоскости, что и требование разоружения фашистских лиг для избежания физической классовой борьбы. Оба "требования" вытекают из мелкобуржуазной трусости и служат не для разоружения буржуазии, а для деморализации пролетариата.

"Борьба за мир"

Итак, в центре резолюции S.A.P. стоят, говоря словами Ленина, "добренькие, гуманные и почти левые фразы о мире, разоружении и т. п." Тот самый комитет, который будет создан при помощи комитета, уже созданного на конференции I.A.G., должен будет развернуть "большую борьбу за мир". Большую!..

Переступая через сектантское понятие классовой борьбы, резолюция обращается к "противникам (!) войны всего мира". Политическое понятие "противника войны" не значилось до сих пор в марксистском словаре. Профессиональные "противники войны" - квакеры, толстовцы³⁸, гандисты³⁹; затем: салонные пацифисты, демократические болтуны, жонглеры и шарлатаны. Марксисты - классовые враги буржуазии и империалистических войн; но они сторонники национально-освободительных и революционных войн, в том числе и наступательных. Неужели вожди S.A.P. ничего не слышали об этом? Или они успели опровергнуть эти устарелые воззрения? Где, в каких книгах и статьях?

Та часть резолюции, которая посвящена описанию будущей деятельности будущего "весь мир охватывающего" Комитета представляет собой совершенно непревзойденный клубок фразерства. Для противодействия военной подготовке Комитет должен будет "привлечь специалистов (!) и собрать все в этом (!) смысле, хотя сегодня еще (!) вне организованной связи действующие силы (?) для совместной и плановой работы". "Специалисты" и не названные по имени

"силы" должны будут употребить "тягу к миру, живущую в миллионах и миллионах людей, как рычаг для проведения весь мир охватывающего и носимого народными массами всех стран антивоенного движения..." И т. д. и т. п.

Правительства, которые захотят подавить весь мир, охватывающее движение за мир, должны будут быть "морально осуждены и заклеены". Крайне действенное средство против Гитлера, Муссолини и пр. Либеральные правительства будут, вероятно, получать похвальные аттестаты. В запасе у S.A.P. есть еще "всеобщий экономический бойкот" против особо плохих правительств. Чтобы бойкот был действительно "всеобщим", Всемирному комитету мира придется вступить, однако, в союз с пацифистскими банками и трестами, и, наоборот, "осудить" тех капиталистов, которые наживаются на войне. Но и это еще не весь арсенал S.A.P. Резолюция рекомендует, по примеру "опыта, сделанного в Англии с пацифистской стороны", устраивать демонстративные "народные голосования". Следовало бы еще прибавить петиции, обращенные в генеральные штабы. Тогда мир окажется действительно охвачен со всех сторон!

"Демократический контроль"

"Комитет" S.A.P. будет бороться за "интернациональный демократический контроль над военными приготовлениями" и для этой цели - слушайте, слушайте! - он создаст в каждой стране "специальные комиссии". После этого Гитлеру ничего не останется, как утопиться в ведре воды, которую он без труда сможет выжать из резолюции S.A.P.

"Демократический (!) контроль (!) над приготовлениями к войне". Даже Гендерсон не мог бы сказать лучше! Особенно хорошо это звучит в настоящее время под пером немецкого социалиста. Где вы, прекрасные дни Веймара⁴⁰? Ваша тень ожила в правлении S.A.P.

Во время последней войны в Англии существовал "Ферейн демократического контроля" (так именно и назывался: Union of Democratic Control⁴¹), под руководством известного левого либерала Мореля⁴². Ленин писал по этому поводу в 1916 г.: "Только неразвитость политических отношений и отсутствие политической свободы в Германии мешает тому, чтобы в ней так скоро и легко, как в Англии, образовалась буржуазная Лига мира и разоружения с программой Каутского"⁴³. S.A.P. считает, очевидно, что ныне политические отношения в Германии достаточно "развились" для создания демократического Verein а с программой Мореля-Каутского-Шваба.

- Но ведь мы же стоим за демократические лозунги, - попробует, пожалуй, возразить автор резолюции, который кое-что схватил у большевиков-ленинцев, но плохо понял. - Да, революционеры защищают даже самые жалкие остатки демократических свобод, пока не могут перейти в наступление для захвата власти. Но революционеры вовсе не обещают превратить эти жалкие остатки в весь мир охватывающее царство демократического контроля при помощи "особых комиссий", состоящих неизвестно из кого. Защищать реальные демократические траншеи пролетариата в революционной борьбе - это одно. Строить воздушные демократические замки после утраты всех демократических траншей - это совсем

другое. Именно по этой линии проходит водораздел между революционным реализмом и иллюзорным пацифизмом.

*

Резолюция S.A.P. - нимало не оригинальна: это простая подделка под Коминтерн. К чему, в самом деле, создавать этот весь мир охватывающий комитет, когда он уже создан? Его имя - Амстердам-Плейель! Он объединяет всех специалистов и все "силы": Барбюса, весь мир охватывающего Мюнценберга, индусских либералов, мелких демагогов, крупных болтунов, английских лордов и американских вдов, - словом, "все силы", страдающие болезнью, которая называется "тягой к миру"... Этот комитет фабрикует гораздо более красноречивые документы, чем S.A.P., так как в распоряжении Мюнценберга находятся самые лучшие специалисты... Великий план Шваба и К|| есть провинциальная, ремесленная подделка под бюрократическую авантюру сталинцев. При помощи звонкой монеты сталинцы устраивают, по крайней мере, пышные парады (устраивали вчера; завтра вряд ли устроят), I.A.G. и этого не сможет. Из ее комитета не выйдет никакого нового комитета. Мир, пожалуй, совсем и не заметит, что он охвачен.

*

В политике Коминтерна, как и реформистов, не случайно господствуют ныне чисто отрицательные формулировки, как антиимпериализм, антифашизм, антивоенная борьба, без классовых определений, без революционной программы действий. Такие формулировки совершенно необходимы для политики маскарадных блоков (Антиимпериалистическая лига, антифашистский и антивоенный комитет, Амстердам-Плейель и пр.). Все эти блоки, конгрессы и комитеты имеют задачей прикрыть пассивность, трусость, несостоятельность в разрешении тех задач, которые составляют самую суть классовой борьбы пролетариата. Вслед за сталинцами и реформистами на тот же путь стала и I.A.G. Те же вожди садятся на другие стулья в надежде на то, что массы не узнают их и побегут к ним. Этот отказ от себя есть добровольное признание своей негодности.

Новый "Циммервальд"?

Некоторые товарищи рассуждают так: вожди S.A.P., конечно, не марксисты; но ведь Третий Интернационал тоже возник не сразу; ему предшествовали конференции в Циммервальде и Кинтале, причем Ленин принимал в них участие, бок о бок с центристами. Не есть ли I.A.G. - новый "Циммервальд"? В этом рассуждении не менее четырех фундаментальных ошибок.

Во-первых. Циммервальд происходил во время войны. Подавляющее большинство центристов, которые в мирное время говорили о борьбе за мир и о разоружении, перешли в первый день войны в лагерь национализма. Лишь ничтожное меньшинство довоенных центристов, отдельные единицы, проявили готовность к совещанию с "врагами" своей страны. Таким образом, состав Циммервальда подвергся жестокому отбору условий войны.

Во-вторых. Кроме России и отчасти Германии (Р.Люксембург, К.Либкнехт) ни в одной из стран не было в то время настоящих революционеров, понявших задачи борьбы до конца. Социал-демократы, втягивавшиеся в борьбу против войны (не будущей войны, не войны вообще, а данной, сегодняшней войны), проходили тогда почти поголовно через центристскую стадию. Для первого шага не было других политических партнеров.

В третьих. В условиях войны, когда вступление в связь рабочих организаций воюющих стран каралось как преступление, сам факт нелегально собравшейся интернациональной конференции, даже независимо от ее решений, становился политическим событием и революционным сигналом.

В четвертых. Ленин участвовал в конференции не для примирения с центристами, не для вынесения пустопорожних "резолуций", а для борьбы за принципы большевизма. Как только сложилась "циммервальдская левая", Ленин, несмотря на ее крайнюю слабость (она была неизмеримо слабее нынешней интернациональной организации большевиков-ленинцев), поставил вопрос о разрыве с Циммервальдом. Разрыв оттянулся вопреки воле Ленина, который, однако, не ошибся в своей оценке: большинство участников Циммервальда оказалось вскоре в рядах Второго Интернационала.

Наше нынешнее положение в корне отлично от тогдашнего. Войны еще нет. 99% реформистов и центристов, источающих ныне пацифистские фразы ("против войны", "за разоружение"), окажутся в новой войне на стороне своих правительств. Революционный отбор нужен сейчас, в мирное время, вдвойне более строгий. Критерии отбора: ясность теории и соответствие между теорией и практикой. Вожди, которые, отправляясь на "международную" конференцию, забывают захватить с собою свои "принципы" (ведь это же не портсигар и не спички!), не дают ни малейших гарантий революционного поведения во время войны.

К тому же 1935-ый год - не 1915-ый. Мы имеем за собою опыт войны и Циммервальда. Швабы, Кильбумы, Дорио и пр. - не дети и даже не юноши. Они были руководящими деятелями Коминтерна. Если из опыта последних двадцати лет они сделали не революционные, а центристские и пацифистские выводы, то надо искать других союзников.

Наконец, не надо забывать и того, что мы уже побывали однажды в этом "Циммервальде" мирного времени: в августе 1933 г. мы приняли участие в конференции I.A.G., которая отказалась даже поставить на голосование нашу резолюцию о Четвертом Интернационале. Предлог: "Участники недостаточно знакомы с ней". Прошло полтора года. Попытка Снивлита-Шмидта дала тот же результат. Не пора ли, наконец, сделать выводы?

Во всех странах имеются сейчас действительно революционные организации и группы, сложившиеся в борьбе с реформизмом и сталинизмом. Число и сила их растут. Бешеная травля и клевета врагов закаляет их. Их идейный багаж проверен на грандиозных исторических событиях. Этого совершенно не было во время последней войны. Большевикам незачем объединяться с центристскими верхами ("объединяться"... раз в полтора года на конференции!).

Бессодержательные интернациональные парады нам не нужны. Революционеры должны не кокетничать на конференциях с центристами, а вести против них неутомимую повседневную работу в своих собственных странах и съезжаться на свои собственные, революционные интернациональные конференции, где не пускают мыльных пузырей, а обсуждают и решают вопросы классовой борьбы.

Из истории формирования руководства S.A.P.

Чтобы правильно оценить политическую физиономию данной группы, надо знать ее прошлое. Руководство S.A.P. вышло из состава правой оппозиции Германской компартии (Брандлер, Тальгеймер, Вальхер и др.). В 1923 г. эта группа руководила партией и в условиях величайшего революционного кризиса, связанного с оккупацией Рура, обнаружила свою полную несостоятельность. Вина за упущение революционной ситуации лежит не на "массах", как уверяли оппортунистические вожди, а на фракции Брандлера-Вальхера, которая в самые критические месяцы колебалась и упускала время, перекладывая революционные обязанности на "исторический процесс". После того, как революционная ситуация превратилась в контрреволюционную, руководство проявляло, как водится, фальшивый оптимизм ("революция близится!") и вообще всей своей дальнейшей политикой показало, что совершенно не поняло своей "ошибки" 1923 г., вошедшей огромной вехой в историю победы германского фашизма.

Вся оппортунистическая политика Коминтерна (стратегия китайской революции, "рабоче-крестьянские партии" на Востоке, Англо-русский комитет, "Крестинтерн", курс на кулака в СССР, борьба с марксизмом под видом борьбы с "троцкизмом") проходила при участии или прямой поддержке фракции Брандлера-Вальхера. Дело шло не о мелких тактических эпизодах, а о стратегии пролетариата в событиях грандиозного исторического масштаба.

Мы вовсе не хотим сказать, что группа, несущая на себе такой тяжелый груз оппортунистических преступлений против революции, осуждена раз навсегда: история знает немало примеров, когда революционеры становились оппортунистами, а оппортунисты революционерами. Но, во всяком случае, переход на путь революционной политики должен был для представителей школы Брандлера-Тальгеймера означать глубокий внутренний кризис, переоценку ценностей, разрыв с собственным прошлым. Откол группы Вальхера в связи с его вступлением в S.A.P.⁴⁴, от группы Брандлера, которая продолжала смиренно и тщетно надеяться на милость сталинской бюрократии, создал более благоприятные условия для пересмотра Вальхером и другими собственного прошлого. Трагический разгром германского пролетариата сделал такой пересмотр необходимым и неотложным. И действительно, группа Вальхера, занявшая руководящее положение в S.A.P. накануне эмиграции, качнулась влево.

Именно к этому периоду относятся попытки большевиков-ленинцев побудить руководство S.A.P. пересмотреть в свете новых событий опыт 1923 года в Германии, опыт китайской революции, англо-русского комитета и пр. Вожди S.A.P. проявили ко всем этим вопросам минимальный интерес. Наша теоретическая настойчивость казалась им сектантским "расщеплением волос".

Коминтерну они вменяли в вину, по крайней мере, до последнего ультра-оппортунистического поворота, один-единственный грех: ультра-левизну. Они никак не могли переварить определение бюрократического центризма. Слово центризм вообще плохо действует на их нервы. И тем не менее, под свежим впечатлением банкротства Второго и Третьего Интернационалов в Германии, группа Вальхера дошла до признания необходимости приступить к строительству Четвертого Интернационала.

В августе 1933 г. руководство S.A.P. подписало вместе с нами известную "резолюцию четырех". "В полном сознании лежащей на них исторической ответственности" вожди S.A.P. заявили вместе с нами: "Нижеподписавшиеся обязуются приложить все силы к тому, чтобы этот (четвертый) Интернационал сложился в возможно короткий срок на незыблемом фундаменте теоретических и стратегических принципов, заложенных Марксом и Лениным".

Эта резолюция была крайней левой точкой, до которой под ударом событий докатилось руководство S.A.P. После этого маятник центризма стал откатываться вправо. Не снимая открыто своей подписи под резолюцией, вожди S.A.P. открыли подспудную, двусмысленную, нелояльную борьбу против идеи Четвертого Интернационала. Причина? "Троцкисты хотят немедленно объявить новый Интернационал". Заранее предвидя возможность подобных инсинуаций со стороны центристских тихоходов, особая Декларация большевиков-ленинцев на конференции I.A.G. в августе 1933 заявила:

"Курс на новый Интернационал диктуется всем ходом развития. Это не значит, однако, что мы предлагаем провозгласить новый Интернационал немедленно... Никто не может предсказать сейчас, сколько времени пройдет до создания нового Интернационала. Это зависит не только от объективного хода событий, но и от наших усилий".

Кажется, ясно? Отчетливое письменное заявление не оставляло, как будто, никакого места для глупеньких инсинуаций и клевет. Да, наконец, если бы кто-нибудь другой предложил неправильный, поспешный, авантюристский путь, разве это может изменить содержание моей собственной задачи?

На самом деле руководство S.A.P. отнеслось к Декларации в пользу Четвертого Интернационала так же поверхностно, несерьезно, словесно, как центристы вообще относятся к теоретическим принципам. Мысль у них была при этом такая: "Мы подпишем этот очень приятный документ, чтобы иметь дружественное прикрытие левого фланга; а продолжать будем то же, что делал Зейдевиц и что делали мы сами до сих пор, т. е. искать союзников справа". План был, что и говорить, замечательный. Но он сорвался на том, что ленинцы не согласились играть роль почетного революционного караула при оппортунистических сделках. Отсюда разрыв.

Опыт с N.A.P.

Положение ярче всего осветилось на вопросе об N.A.P. (Норвежская Рабочая партия). Нисколько не преувеличивая международной роли S.A.P., мы, однако, устойчиво указывали на то, что ее блок с N.A.P. через посредство

I.A.G. помогает оппортунистическому руководству N.A.P. умирять собственную левую оппозицию. Именно для этого и только для этого вожди N.A.P. поддерживали "компрометирующие" связи слева. Мы предсказывали, что Транмель бесцеремонно порвет с I.A.G., как только достигнет пристани: "Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan..."⁴⁵. Мы рекомендовали вождям S.A.P. вдуматься в опыт Англо-русского комитета, который в течение 1925-1927 гг. буквально свернул шею многообещающему оппозиционному движению (minority movement⁴⁶) в британских трэд-юнионах. С каким самодовольством отмахивались от наших доводов вожди S.A.P.: "Массы... Массы... Массы... Исторический процесс..." Мы не удивлялись: если бы центристы понимали взаимоотношение между "массами" и авангардом, между авангардом и руководством, между "историческим процессом" и инициативой меньшинства, они не были бы центристами.

События сложились еще более ярко и убедительно, чем мы предсказывали. Прямо и непосредственно из рядов I.A.G. вожди N.A.P. пересели на скамьи правительства и первым делом обеспечили цивильный лист короля⁴⁷. "Исторический процесс" умеет шутить злые шутки! А между тем остается неоспоримым, что вожди S.A.P. порвали с группировкой Четвертого Интернационала именно для того, чтобы беспрепятственно поддерживать дружбу с вождями N.A.P. и им подобными.

Заметьте, что мы, злые "сектанты", не ставили никаких ультиматумов Швабу и К||. Мы говорили нашим временным центристским полусоюзникам: "Вам мало опыта Англо-русского комитета? Хорошо, сделайте ваш опыт с Транмелем; мы будем терпеливо ждать результатов, сохраняя за собой лишь полную свободу критики". Но именно этого вожди S.A.P. не могли терпеть. Политика центристских комбинаций требует дипломатических кулис; додумать собственные мысли до конца и открыто высказать то, что есть, значит убить центристские иллюзии в самом зародыше. Правда, чтобы "обезоружить" нас, они тоже "критиковали" Транмеля; но ровно настолько, чтобы не обнаружить перед читателями гниль и фальшь своего союза с Транмелем; они гневно рычали, как влюбленные голуби. Гораздо важнее, однако, то, что для норвежских рабочих существовал только факт союза N.A.P. с целым рядом "революционных" иностранных партий, стоящих вне Второго Интернационала: под флагом этого союза "вожди" N.A.P. отлично обделывали свои дела. А так как вождям S.A.P. было слишком неудобно признать перед собственными сторонниками, что они порвали полусоюз с революционерами ради союза с оппортунистами, то они пустили в оборот глупенькую сплетню: "Троцкисты хотят в ближайший четверг провозгласить Четвертый Интернационал"; тогда как S.A.P. в качестве разумной, осторожной, чуждой авантюры особы хочет... Чего она, впрочем, хочет?.. Выйти замуж за "исторический процесс". Адрес этого знатного и богатого жениха хорошо известен старым опытным центристским свахам.

Сейчас вожди S.A.P. больше всего озабочены тем, чтобы заставить рабочих забыть всю историю с N.A.P. К чему поднимать старые вопросы? Транмель все равно уходит от нас... к счастью, без шума. У нас много немецких дел... Гитлер... Опасность войны... И пр. и пр. Нет, мы не позволим этим хитрецам

спрятать под стол позорный провал их позорной политики в отношении N.A.P. Мы их заставим отдать рабочим отчет. Мы призовем передовых рабочих разобраться до конца в вопросе: кто оказался прав, мы или S.A.P.?

Большевики-ленинцы в Германии тем более обязаны провести энергичную кампанию по этому вопросу, что новый скандальный опыт ничему не научил самодовольных стратегов из S.A.P. Наоборот, они сдвинулись еще дальше вправо, в путаницу, в болото. В глубине души они считают, что они оттолкнули Транмеля своей неумеренной левизной (под злокозненным влиянием "троцкистов"). О, теперь они поведут себя иначе. Кильбума они уже не выпустят из объятий, что бы он ни совершал. Что же мешает этим людям учиться на собственных ошибках? Прочно сложившаяся, насквозь консервативная центристская политическая психология.

Пагубная роль S.A.P. в стокгольмском бюро молодежи

В области юношеского движения группировка сложилась - по крайней мере, до сегодняшнего дня - несколько иначе, чем в I.A.G.; но политика вождей S.A.P. и здесь имеет тот же самый, т. е. беспринципный, комбинаторский характер, особенно вредный в среде революционной молодежи. Стокгольмское бюро в нынешнем его составе создано было при помощи фиктивных величин: великого призрака N.A.P. и маленькой клики де Кадта48, которая "представляла O.S.P. (Голландия). S.A.P. объединилась с тенью N.A.P. и с вполне реальным мелкобуржуазным филистером де Кадтом (против большевиков все союзы хороши!), чтобы захватить руководство стокгольмским бюро в свои руки. Надо сказать правду: молодые ленинцы проявили на конференции недопустимую уступчивость. Они недостаточно прониклись пониманием важнейшей черты центризма: его постоянной готовности подставить ножку революционерам или нанести им удар в спину, чтоб сохранить милость оппортунистов.

На последней конференции I.A.G. представитель стокгольмского бюро молодежи обличал т. Снивлита и Шмидта в сектантстве, и чтобы дать им урок "реализма", этот молодой комбинатор голосовал за две резолюции сразу: голландскую, за 4-ый Интернационал, и S.A.P. - против Четвертого Интернационала. Терпеть такое издевательство над принципами, значило бы топтать ногами элементарные требования революционной гигиены!

Французский "Бюллетень" Стокгольмского бюро (No 1, апрель 1935 г.) представляет собой новый политический скандал. Передовая статья как бы специально написана для того, чтоб запутать, сбить с толку и обмануть читателей. Перечень примыкающих организаций в статье построен на двусмысленностях и фикциях: чудовищно преувеличено оппортунистическое крыло, сознательно замолчаны, кроме американского "Спартак", все организации молодежи большевиков-ленинцев. Господа центристы всегда стесняются показываться в "приличном" (т. е. оппортунистическом) обществе рядом с революционными союзниками!

Задача Стокгольмского бюро определена чисто отрицательно: "Его задача не в том, чтобы приготовить новый раскол". На это Жиромский справедливо

отвечает: но сам факт существования Бюро есть раскол, ибо группировка молодежи идет отныне не по двум, а по трем осям. Предлагать новую "ось" можно и должно лишь в том случае, если старые оси не годятся, а новая - надежна, солидна, отвечает своему историческому назначению. Беда, однако, в том, что никакой своей оси у центризма нет и быть не может.

"С социалистической молодежью Испании, - говорит передовица с полной неожиданностью, - Стокгольмское бюро требует (!) нового Интернационала". Не спешите, однако, радоваться. Послав воздушный поцелуй испанцам, наш дипломат вспоминает о Дорио, о пюпистах, о Жиромском, о всех пророках "полного единства" и немедленно прибавляет: "Его (Стокгольмское бюро) задача - добиться одного-единственного и истинного Интернационала". Значит, не новый Интернационал, а объединение двух старых. Значит, S.A.P. принципиально высказывается за единство с реформистами и патриотами, совершенно в духе своего учителя Милеса⁴⁹.

А вот Ленин, на которого "Neue Front" так неуместно ссылается, учил, что "единство с оппортунистами есть союз рабочих со 'своей' национальной буржуазией и раскол интернационального рабочего класса". Что скажут насчет этого вожди S.A.P.? Разумеется, временная организационная связь с оппортунистами в определенных, конкретных условиях может быть навязана обстоятельствами. Но делать из нее принцип есть измена, есть прежде всего отказ от интернационального единства пролетариата, ибо во время войны оппортунисты снова разрушат ту фикцию, которую они зовут Интернационалом и которую они в мирное время поддерживают для утешения центристских простачков. "Всеобщее", "полное" единство означает худший раскол в самых трудных условиях.

Несколькими строками ниже читаем: "Этот Интернационал будет результатом исторического процесса и сможет формироваться лишь действиями масс". Очень хорошо! Но зачем же вы мешаетесь не в свое дело: вы ведь не уполномочены на это ни "историческим процессом", ни "массами"?.. Автор статьи является законченным учеником русских меньшевиков, которые были в старое время виртуозами по части сочетания "революционных" формул с практикой фатализма и прострации. Но насколько же ученики из S.A.P. грубее, слабее и беспомощнее таких классиков левого центризма, как покойный Мартов!

Задача задач сейчас - подготовить кадры ленинской молодежи, поднять их на уровень задач нашей эпохи. В этой области нужна особая теоретическая ясность, идейная честность, непримиримость к оппортунизму и дипломатии. Политика S.A.P. в Стокгольмском бюро есть прямое издевательство над основными требованиями революционного воспитания наших преемников! Этого терпеть нельзя.

Интернационал No 2 1/2?

Те оптимисты, которые надеются на "эволюцию" I.A.G., должны ответить себе на вопрос: как и почему эта эволюция должна идти влево, а не вправо? Исходные позиции участников I.A.G. далеки от марксизма. Кильбум, Дорио,

пописты, Маурин (мелкобуржуазный каталонский националист) являются открытыми противниками ленинизма. В текущей работе эти партии не оказывают друг на друга ни малейшего влияния. Раз в полтора года их делегаты съезжаются, чтоб обнаружить "недостаток времени" для обсуждения принципиальных вопросов. Как же должно, в конце концов, произойти "возрождение рабочего движения" и прежде всего возрождение самих членов I.A.G.? Единственный ответ гласит: "милостью исторического процесса".

Но исторический процесс "создает" все: и большевизм, и центризм, и реформизм, и фашизм. "Массовые акции" тоже бывают разные: пилигримство в Лурд50, плебисцит наци, голосование за реформистов, патриотические манифестации, стачки под руководством предателей, наконец, революционные бои, обреченные на поражение вследствие центристского руководства (Австрия, Испания). Вопрос перед нами стоит пока что совсем другой, именно: какое содержание собирается вносить в "исторический процесс" и в будущие "действия масс" маленькая пропагандистская организация, именуемая S.A.P.? Смешно приделывать себе пышный павлиний хвост из будущих (!) массовых действий, чтобы отвлечь внимание от отсутствия ясных мыслей в голове. Прошлое руководящей группы S.A.P. (1923 г.!) совсем не таково, чтобы мы могли верить на слово в ее способность руководить революционными массами. Во всяком случае, на данной, подготовительной стадии вожди S.A.P. должны доказать свое право на руководство правильной теоретической позицией, ясностью и последовательностью революционной линии. Увы, этих качеств у них нет и следа!

Не имея собственной оси, они пытаются "комбинировать" чужие оси, идущие в разных, даже противоположных направлениях. N.A.P. есть, по существу, партия Второго Интернационала. I.L.P. нерешительно тяготеет к Третьему. Голландская партия твердо стоит за Четвертый. Дорио и пописты - за "полное единство". А алхимики из S.A.P. уверяют немецких рабочих, что из столь разнообразных элементов получится как раз то, что надо.

Теоретически говоря, вторичное возникновение Интернационала No 2 1/2, конечно, не исключено. Но ввиду наличия печального первого опыта такого рода и особенно ввиду крайнего обострения классовой борьбы, второй опыт окажется гораздо слабее и ничтожнее первого. Этот прогноз находит уже достаточное подтверждение в короткой истории I.A.G., центробежные силы которой оказывались до сих пор сильнее всяких центристских формул. Напомним еще раз свежие факты.

N.A.P. - серьезная оппортунистическая партия: буржуазия даже доверяет ей управление своим государством. Вот почему N.A.P. порвала с S.A.P. Большевики-ленинцы - серьезная революционная организация: у них своя традиция и свои принципы. Вот почему S.A.P. порвала с большевиками. Клика де Кадта (O.S.P.), на которую опирался Шваб, при первой серьезной пробе покинула революционные ряды. С руководящей группой Шмидта, действительно стоящей за Четвертый Интернационал, Шваб не находит общего языка. Американскую Рабочую Партию (Muste) Шваб и его друзья считали почти "своей"

организацией; между тем Рабочая партия объединилась с нашей секцией. Шваб почти вовлек бельгийца Спаака в I.A.G. Но Спаак неожиданно стал министром своего короля. Так же будет и впредь. Центристские дипломаты I.E.P. не спасут своей партии от дальнейшего распада. Внутренняя дифференциация неизбежна и в шведской партии (Кильбум). Чтобы утвердиться ныне в рабочем движении, нужны более, чем когда-либо, ясные принципы и отчетливое знамя, различимое издалека.

Негодные лощманы в бурную погоду

Вожди S.A.P. поддерживают во Франции центристов типа Жиромского и Дорио против большевиков-ленинцев. При этом они нашептывают им о нашем "сектантстве", нетерпимости, склонности раскалывать волос на четыре части и пр. и пр. ("Не думайте, ради бога, что мы похожи на этих фанатиков, о нет..."). Они закрывают глаза только на одно: что большевики-ленинцы - единственная группа, которая дала своевременно правильный анализ обстановки и тенденций ее развития; которая сделала из своего анализа все необходимые практические выводы и которая действительно непримиримо борется против повального легкомыслия "вождей", их безответственности, надежд на чудо. Разница вовсе не в том, что Жиромские и Дорио, отчасти и Пивер, "добрее", "шире", "реалистичнее" большевиков. Нет, разница, вернее, беда, в том, что они не понимают характера обстановки, не смеют по-марксистски раскрыть глаза, не имеют решимости сделать необходимые революционные выводы. Другими словами, Жиромский, Дорио, отчасти и Пивер переживают то самое политическое состояние, какое Брандлер, Вальхер и К|| переживали в 1923 году. Влияние вождей S.A.P. в этих условиях тем более опасно, что для борьбы против революционной политики они не без ловкости эксплуатируют марксистский словарь и даже пользуются готовыми формулами большевиков-ленинцев.

Эту новую, важнейшую стадию борьбы вождей S.A.P. против большевиков-ленинцев надо внимательно и серьезно продумать до конца: ставка на этот раз слишком велика.

Во всех тех странах, где фашизм еще только наступает, главная опасность состоит вовсе не в "пассивности" масс, а в том, что реформисты и центристы разных оттенков продолжают тормозить мобилизацию пролетариата. "Объективно", говоря языком "Neue Front", революционный отбор необходим. "Субъективно" он невозможен... поскольку центристы, боясь разрыва с реформистами и с самими собою, не смеют стать на революционный путь и в свое оправдание ссылаются на "массы". При этом центристы ведут борьбу против ленинцев. Мы имеем здесь те же самые группировки, те же соотношения и даже те же аргументы, что и в вопросе о Четвертом Интернационале. Не случайно: это только две стороны одного и того же вопроса. Когда дело идет о строительстве Интернационала, центристы из S.A.P. - именно они, а не мы - мыслят абстрактно, отвлекаясь от исторической действительности: как-нибудь, когда-нибудь дело сделается, рабочее движение "обновится". Им кажется, что у них имеется неограниченный кредит времени. Но когда вопрос стоит о фашизме или войне, обманывать себя и

других труднее, ибо перспектива из далекой и расплывчатой становится близкой и отчетливой. Фашизм наступает теперь, и наступает своим собственным темпом, независимым от центристских расчетов. Надо давать отпор революционными средствами теперь же, немедленно. Надо не приспособляться к субъективному состоянию соседей справа, ссылающихся на "массы", а открыто разьяснять массам объективную остроту опасности. Кто действительно выполняет эту работу, тот тем самым готовит Четвертый Интернационал; у того нет и не может быть оснований прятать свое знамя. Это две стороны одного и того же дела.

Что касается вождей S.A.P., то они, поскольку имеют влияние, скажем, во Франции, направляют его везде и всюду на поддержку центристов, которые топчутся на месте, и против большевиков, которые высказывают то, что есть, т. е. вскрывают требования объективного положения вещей. Реакционный характер работы вождей S.A.P. в этом случае выступает особенно ясно, ибо дело идет об объективной опасности, которая надвигается железными шагами. Вожди S.A.P. повторяют в новых условиях ту же роковую ошибку, которой поражена была их злосчастная политика в Германии в 1923 г.: у них нет решимости сделать практические революционные выводы, когда этого неотложно требует объективная обстановка.

Цель настоящей статьи и состоит прежде всего в том, чтобы рассеять какие бы то ни было иллюзии насчет пригодности вождей S.A.P. для руководства революционным движением масс. Не потому, чтобы они были лично неспособными людьми. Нет, в этой группе есть умные, серьезные и заслуженные деятели, искренне преданные интересам пролетариата. Они могут дать неплохой совет по поводу профессионального движения или избирательной агитации в сравнительно спокойную эпоху. Но по складу своей мысли они остаются на поверхности явлений. Они ищут линию наименьшего сопротивления. Они закрывают глаза на реальные препятствия. Они абсолютно неспособны уловить логику борьбы в период революционного - или контрреволюционного прилива. Они трагически доказали это в 1923 г.; с тех пор они, как свидетельствует все их поведение в годы эмиграции, ничему не научились. Закоренелые центристы, политики золотой середины, комбинаторы, они в трудных и ответственных условиях безнадежно теряются, утрачивают свои положительные черты и играют отрицательную роль. Наше предупреждение сводится к короткой формуле: при всех своих несомненных достоинствах вожди S.A.P. - никуда не годные лоцманы в бурную погоду. А Европа стоит под знаком бурь.

Большевики-ленинцы и Четвертый Интернационал

Единственная организация, которая планомерно развивалась за последние годы - наша, большевиков-ленинцев. Оба Интернационала знают только поражения, упадок, развал; в области теории они пали ниже нуля. Рядом с ними стояла несколько лет тому назад очень внушительная организация правой коммунистической оппозиции (Брандлер - Тальгеймер - Вальхер). От этой организации остались сегодня лишь осколки: кадры S.A.P. представляют собой один из этих осколков.

Интернациональная организация большевиков-ленинцев возникла только весной 1930 г. на очень еще слабом и неустойчивом фундаменте. Короткая история работы ленинцев была в то же время историей внутренней идейной борьбы. Целый ряд лиц и групп, искавших у нас приюта от жизненных невзгод, успели, к счастью, покинуть наши ряды. Бельгийская секция и сейчас еще проходит через острый кризис. Будут, несомненно, кризисы и впредь. Филистеры и снобы, не знающие, как складывается революционная организация, пожимали иронически плечами по поводу наших "расколов" и "отколов". Между тем в итоге наша организация выросла численно, создала секции в большинстве стран, закалилась идеологически, возмужала политически. В наши ряды за этот период вступила голландская революционно-социалистическая партия (Снивлит). Голландская O.S.P., очистившись от клики де Кадта (неизменный союзник Шваба против нас), объединилась затем с R.S.P. на марксистской платформе. В Америке Рабочая партия (организация Muste) объединилась с нашей секцией на строго принципиальных основах. Французские большевики-ленинцы, совершившие очень смелый организационный шаг (вступление в социалистическую партию⁵¹), стоят сейчас со своими лозунгами в центре пролетарского авангарда Франции. Нельзя не указать также на новую бешеную кампанию против "троцкистов" в СССР, где подпольная работа большевиков неизмеримо труднее, чем даже в Италии или Германии. Десятки, если не сотни тысяч исключений из партии, массовые аресты и высылки свидетельствуют, что сталинская бюрократия живет в постоянном страхе перед неискоренимыми симпатиями к нашему знамени. При первых революционных успехах на Западе мы сразу соберем в СССР богатую жатву.

Большевики-ленинцы далеки от самодовольства: об этом достаточно свидетельствуют наши внутренние дискуссии. Мы готовы учиться у всех, у кого можно чему-нибудь поучиться. Наши многочисленные издания во всех частях света свидетельствуют, что наши секции учатся прилежно и с успехом. Жизненность нашей интернациональной организации, ее способность к развитию, ее готовность преодолевать собственные слабости и болезни доказана полностью.

Наши голландские друзья (большинство партии) считают еще, видимо, нужным оставаться в I.A.G. Пусть проделают этот опыт! Мы не сомневаемся в том выводе, который они сделают завтра. Но было бы ошибочно откладывать даже на один лишний день работу по дальнейшему строительству Четвертого Интернационала. Если революционные марксисты всех стран, конечно, вместе с нашими голландскими друзьями теперь же создадут интернациональное объединение под своим собственным знаменем, они ускорят неизбежный распад I.A.G., как и двух старых Интернационалов, и станут центром притяжения для всех действительно революционных группировок пролетариата.

"Личные влияния" и личные... инсинуации

Бывает часто, что личной борьбе пытаются придать принципиальный характер. Но бывает и наоборот: когда неудобно вести принципиальную борьбу,

то ее прикрывают личные соображения. У Шваба есть десяток объяснений того, почему он и его друзья могут работать с оппортунистами, но не могут работать с большевиками: у нас, видите ли, слишком сильно "личное влияние"; слишком мал "противовес" и пр. и пр. Сделаем над собой усилие и остановимся на этом доводе.

Чрезмерное личное влияние X или Y, если оно действительно существует, можно (длжно) ослабить одним-единственным способом: противопоставляя ложным и недостаточно продуманным взглядам X или Y другие взгляды, более правильные, лучше сформулированные. Этот путь открыт всякому: у нас нет ни цензуры, ни бюрократии, ни ГПУ, ни кассы для коррупции. Вопрос о "личных влияниях" может, таким образом, разрешаться лишь попутно, в результате политического сотрудничества, столкновения мнений, проверки их опытом и пр. Кто ставит вопрос о "личных влияниях" как самостоятельный вопрос, который должен быть разрешен какими-то особыми средствами, в стороне от идейной борьбы и политической проверки, тот не найдет в своем арсенале никаких других средств, кроме... сплетни и интриги.

Нетрудно поэтому понять, что страдание "личным влиянием" является результатом центристской неспособности дать бой в плоскости принципов и методов. Чье-либо "личное влияние" ненавистно и враждебно нам, когда оно стоит на службе враждебных нам идей. Всех революционных учителей пролетариата, больших и малых, обвиняли в чрезмерном личном влиянии те, кто не разглядел их взглядов. Все центристы, все путаники, избегающие ясной, открытой, смелой, честной, идейной борьбы, всегда ищут побочного, случайного, личного, психологического оправдания тому отнюдь не случайному факту, что сами они оказываются в союзе с оппортунистами против революционеров.

В действительности ни одна организация не обсуждает вопрос так открыто и демократически, на глазах у друзей и врагов, как наша. Мы можем себе это позволить только потому, что не заменяем анализа фактов и идей комбинаторством и дипломатией. Проще сказать: мы не обманываем рабочих. Но как раз наш принцип: высказывать то, что есть, больше всего ненавистен вождям S.A.P., ибо политика центризма невысказана без замалчиваний, уловок и... личных инсинуаций.

Выводы

В течение длительного периода мы проделали - лояльно и терпеливо, но вполне безрезультатно - опыт сближения с руководством S.A.P. Именно благодаря методическому характеру нашего опыта мы получили возможность измерить всю глубину центристского консерватизма этой группы. В нашей критике мы захватили только часть спорных вопросов. Но и сказанного, надеемся, достаточно, чтобы опровергнуть до основания наивные или лицемерные утверждения, будто между нами и S.A.P. разногласия касаются только частных тактических или "личных" вопросов. Нет, разногласия охватывают основные вопросы теории, стратегии, тактики и организации, причем за последний

период, после временных левых колебаний Шваба и его друзей, эти разногласия чрезвычайно возросли и вышли наружу.

Руководство S.A.P. представляет классический тип консервативного центризма.

1. Оно не умеет ни понять революционную ситуацию, ни использовать ее (1923 г. в Германии; нынешняя политика в Западной Европе).

2. Оно не усвоило себе азбуку ленинской революционной стратегии на Востоке (события в Китае в 1925-[19]27 гг.).

3. Вместо борьбы за массы оно гоняется за их оппортунистическими вождями, поддерживая последних против революционной части масс (англо-русский комитет, N.A.P.).

4. Оно подменяет революционную диалектику безжизненным автоматизмом и фатализмом (упования на "исторический процесс").

5. Оно относится с презрением закоренелых эмпириков к теории и принципам, ставя на первое место дипломатию и комбинирование.

6. Понимание роли партии и революционного руководства оно заимствовало не у большевиков, а у "левых" социал-демократов, меньшевиков.

7. Оно выносит академические "левые" резолюции, чтобы развязать себе и другим руки для оппортунистической работы: противоречие между мыслью и словом, между словом и делом - главная язва центризма - разъедает всю политику S.A.P.

8. Несмотря на огромный разлив центристских течений в нынешнюю критическую эпоху, руководство S.A.P. игнорирует самое понятие центризма, прикрывая таким путем от марксистской критики своих союзников и прежде всего себя самого.

9. Оно заискивает перед правыми и ведет нелояльную борьбу против левых, тормозя процесс освобождения пролетарского авангарда от влияний реформизма и сталинизма.

10. В странах, где фашизм надвигается семимильными шагами, руководство S.A.P. своей борьбой против единственно последовательной революционной организации помогает центристам усыплять пролетариат.

11. В жгучем вопросе войны оно окончательно подменило ленинизм пацифизмом ("разоружение", "мирная офензива", "демократический контроль" и пр.).

12. Оно подписало программную резолюцию за Четвертый Интернационал, чтобы вести против него борьбу на деле.

13. В руководимой им I.A.G. оно держит курс на Интернационал 2 1/2.

Ясно: работу сплочения революционных сил под знаменем Четвертого Интернационала надо вести помимо S.A.P. и против S.A.P.

Л.Троцкий

24 апреля 1935 г.

[Заметка о взаимоотношениях правительства СССР и Коминтерна]

Во время муниципальной избирательной кампании во Франции в конце апреля

у министра иностранных дел Лавалья вышла своеобразная стычка с коммунистической партией в избирательном округе той коммуны, где Лаваль состоит мэром. Коммунисты обвиняли Лавалья в нежелании подписать соглашение с Советским Союзом и тем обеспечить мир. В особой афише Лаваль, с одной стороны, упрекал "les representants qualifiés ou non, de la troisième internationale"⁵² в том, что они свирепо нападают на него как раз во время переговоров с Советами, в то же время отказывая своим противникам в праве говорить от имени советского правительства. Эта избирательная стычка интересует нас лишь постольку, поскольку она вынесла на минуту на площадь тот деликатный вопрос, который, по всей видимости, занимал и занимает не последнее место в дипломатических переговорах западноевропейских государств с Москвой: вопрос о взаимоотношении советского правительства и Третьего Интернационала.

За последние 16 лет, т. е. со дня основания Коминтерна, в Европе и Америке установилась прочная традиция отождествлять его с советским правительством. Это отождествление, разумеется, не случайное, имело две версии: русская белая эмиграция объявила "антинациональное" кремлевское правительство агентурой Интернационала; наоборот, иностранные правительства и особенно пресса объявляли Интернационал просто агентурой национальной советской дипломатии. Как бы логичны ни были те чисто юридические доводы, при помощи которых Кремль опровергал обе эти версии, противники нисколько не чувствовали себя убежденными: они знали, что основателем и вдохновителем Интернационала был Ленин, глава советского правительства; что решающую роль в жизни Интернационала, как и советского государства, играла большевистская партия в лице своего Центрального Комитета, который формировал не только Совет Народных Комиссаров, но и Президиум Коминтерна. В сравнении с этими фактами вопрос о денежных субсидиях иностранным секциям со стороны большевистской партии отступает на второй план.

Известно, с какой чувствительностью и раздражительностью относилось к этому вопросу правительство Великобритании. Внимательное чтение официального сообщения по поводу результатов визита Идена в Москву⁵³ позволяет и без помощи британской печати догадаться, что вопрос о дальнейшей судьбе Коминтерна, настойчиво выдвигавшийся лордом [в] частной печати, и вызвал достаточно успокоительные разъяснения советского правительства. Избирательная афиша французского министра внутренних дел, отказывающая французским коммунистам в праве говорить от имени советского правительства, ставит как бы новую веху в вопросе, немало волновавшем также и официальное общественное мнение Франции. Изрядная доля иронии, сквозящая в афише мэра Aubervilliers⁵⁴, не ослабляет того факта, что французский министр иностранных дел выступает в самом процессе переговоров с политическим заявлением, смысл которого можно выразить примерно так: нет никаких оснований опасаться того, что французские коммунисты могут оказать какое-нибудь влияние на будущие взаимоотношения между Парижем и Москвой.

Скажем сразу: мы думаем, что французский министр иностранных дел

совершенно прав в своем утверждении. Мы имеем при этом в виду не юридическую сторону дела, которая осталась, пожалуй, неизменною; а политическую, которая за последние 10-12 лет изменилась в корне.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее мая 1935 г.]

По поводу письма М.Пивера

Письмо Марсо Пивера по поводу исключения вождей революционной сенской молодежи, несмотря на похвальную цель этого письма, заключает в себе ряд неправильных идей, которые в своем развитии могут привести к серьезным ошибкам. Предупредить молодых товарищей против этих ошибок - прямой долг марксиста.

Сам Пивер обвиняет наших друзей в большой "психологической ошибке", которую они совершают, присваивая себе имя "большевиков-ленинцев". Так как "первоначальный большевизм", по Пиверу, отрицает демократическую структуру партии, равенство для всех тенденций и пр., то самим своим именем большевики-ленинцы дают партийной бюрократии орудие против себя. Другими словами: "психологическая ошибка" состоит в недостаточном приспособлении к психологии... партийной бюрократии.

Это рассуждение Пивера представляет собою серьезнейшую политическую ошибку, даже ряд ошибок. Неверно, будто "первоначальный большевизм" отвергал демократическую структуру партии. Я выставляю прямо противоположное утверждение: не было и нет более демократической партии, чем партия Ленина. Эта партия строилась снизу. Она зависела только от передовых рабочих. Она не знала скрытой, замаскированной, но тем более губительной диктатуры буржуазных "друзей" пролетариата, карьеристов-парламентариев, аферистов-мэров, салонных журналистов, - всей этой паразитической братии, которая позволяет низам партии "свободно", "демократически" разговаривать, но сама держится цепко за аппарат и в конечном счете делает всегда то, что хочет. Этого рода партийная бюрократия есть не что иное, как слепок буржуазного демократического государства, которое тоже позволяет народу "свободно" разговаривать, но реальную власть предоставляет горсти капиталистов. Пивер делает величайшую политическую ошибку, идеализируя и приукрашивая лицемерную и вероломную "демократию" SFIO55, которая на деле тормозит и парализует революционное воспитание рабочих, подавляя их голоса дружным хором муниципальных советников, парламентариев и пр., которые насквозь пропитаны эгоистическими мелкобуржуазными интересами и реакционными предрассудками. Задача революционера, даже если ход развития вынуждает его работать в одной организации с оппортунистами, этими политическими эксплуататорами пролетариата, состоит не в том, чтобы принимать покровительственную окраску и усваивать по отношению к агентам буржуазии тон ложного дружелюбия, а в том, чтобы как можно ярче, резче, непримиримее противопоставлять себя перед лицом масс всем оппортунистам, патриотам, насквозь буржуазным "социалистам".

Выбирать и решать будут, в последнем счете, не Блюмы и Жиромские, а массы, миллионы эксплуатируемых. По ним надо равняться, для них строить партию. Беда Пивера в том, что он до сих пор не оборвал моральной пуповины, связывающей его с мирком Блюмов и Жиромских. При всякой новой okazji он оглядывается на этих своих "друзей" и тревожно щупает их пульс. Такой же политики - ложной, иллюзорной, не реалистической - он требует и от большевиков-ленинцев. Они должны, видите ли, отказаться от собственного имени. Почему? Разве это имя отпугивает рабочих? Наоборот, если так называемые "коммунисты", несмотря на все совершенные ими измены и преступления, удерживают под своим знаменем значительную часть пролетариата, то только потому, что они все еще представляются массам носителями традиций Октябрьской революции. Рабочие не боятся ни большевизма, ни ленинизма. Они лишь спрашивают себя (и хорошо делают!): подлинны ли это большевики или поддельные? Долг последовательных пролетарских революционеров - не отказываться от имени большевиков, а доказать массам на деле свой большевизм, т. е. революционную последовательность и беззаветную преданность делу угнетенных.

Но зачем же, - настаивает Пивер, - наклеивать себе на пупок этикетку вместо того, чтобы "suivre les enseignements qu'il comporte"⁵⁶? Но ведь сам Пивер тоже носит "этикетку" социалиста. В области политики, как и в других областях человеческой деятельности, нельзя обходиться без "этикеток", т. е. возможно точных названий и определений. Имя "социалиста" не только недостаточно, но прямо обманчиво, ибо социалистами называют себя во Франции все, кому не лень. Своим именем большевики-ленинцы говорят всем и каждому, что теорию их составляет марксизм; что это - не извращенный и протитуированный "марксизм" реформистов (а la Поль Фор, Ж. Лонге и пр.), а подлинный марксизм, восстановленный Лениным и применяемый им к основным вопросам эпохи империализма; что они опираются на опыт Октябрьской революции, развитый в решениях первых четырех конгрессов Коминтерна; что они солидарны с той теоретической и политической работой, которую проделала "левая оппозиция" Коминтерна (1923-1932), наконец, что они стоят под знаменем борьбы за Четвертый Интернационал. В политике имя есть знамя. Кто откажется сегодня от революционного имени в угоду Леону Блюму и К^{||}, тот столь же легко откажется завтра от красного знамени в пользу трехцветного⁵⁷. Совершенно аналогичную политическую ошибку делает Пивер и в вопросе о новом Интернационале, когда он провозглашает право каждого социалиста надеяться на лучший Интернационал - "avec ou sans changement de numbraux"⁵⁸. Эта не очень уместная ирония насчет "номера" (вполне, увы, в духе филистеров из SAP) представляет политическую ошибку того же типа, что и ирония насчет "этикетки". Политически вопрос стоит так: может ли мировой пролетариат вести с успехом борьбу против войны, фашизма, капитализма под руководством реформистов или сталинцев (т. е. советской дипломатии)? Мы отвечаем: не может. Второй и Третий Интернационалы исчерпали себя и стали помехами на пути революционной борьбы. "Реформировать" их нельзя, так как весь состав

руководства в корне враждебен задачам и методам пролетарской революции. Кто понял до конца крушение двух старых Интернационалов, тот не может не поднять знамя нового Интернационала. "Avec ou sans changement de numraux"? Эта фраза лишена смысла. Не случайно три старых интернационала оказались "перенумерованы". Каждый "номер" означает определенную эпоху, программу и методы действия. Новый интернационал должен явиться не суммой двух трупов, как мечтает старый социалист Жиромский, обнаруживший в себе неожиданное призвание "защищать СССР", а живым отрицанием этих трупов и в то же время продолжением совершенной ими исторической работы. Другими словами: дело идет о Четвертом Интернационале. "Номер" означает здесь определенную перспективу и программу, т. е. знамя. Пусть филистеры иронизируют по этому поводу. Подражать им не следует.

Неприязнь к "этикеткам" и "номерам" в политике так же вредна, как неприязнь к точным терминам в науке. В том и другом случае мы имеем перед собою безошибочный симптом недостаточной ясности в самих мыслях. Ссылки на "массы" служат в таких случаях только прикрытием собственных колебаний. Рабочий, который еще верит Вандервельде или Сталину, конечно, будет врагом Четвертого Интернационала. Рабочий, который понял, что Второй и Третий Интернационалы мертвы для дела революции, немедленно станет под наше знамя. Именно поэтому было бы преступлением прятать это знамя под стол.

*

Пивер ошибается, когда думает, будто большевизм непримирим с существованием фракций. Принцип большевистской организации есть демократический централизм, обеспечивающий полную свободу критики и группировок, как и железную дисциплину действия. История большевистской партии есть в то же время история внутренней борьбы идей, группировок и фракций. Правда, весной 1920 г. 59, в момент страшного кризиса, голода, холода, острого недовольства масс, X съезд большевистской партии, насчитывавшей к тому времени уже 17 лет существования, запретил фракции. Но мера эта считалась самими инициаторами исключительной, временной, и применялась ЦК в высшей степени осторожно и эластично. Действительное подавление фракций началось лишь с победой бюрократии над пролетарским авангардом и скоро привело к фактической смерти партии. Четвертый Интернационал, разумеется, не потерпит в своих рядах механической "монолитности". Наоборот, он имеет одной из важнейших своих задач возродить на более высоком историческом уровне революционную демократию пролетарского авангарда. Большевики-ленинцы рассматривают себя как одну из фракций строящегося Интернационала. Они вполне готовы работать рука об руку с другими действительно революционными фракциями. Но они категорически отказываются приспособлять свою политику к психологии оппортунистических клик и отречься от собственного знамени.

Л. Троцкий

7 августа 1935 г.

[Письмо Ф.Броквею]

Дорогой тов. Феннер Броквей,

Я очень рад тому, что товарищ Айзекс удовлетворил Вас своими сообщениями о Китае. Он действительно хорошо осведомлен о положении в стране и очень добросовестно относится к собиранию материалов, что, увы, встречается не часто.

Большое спасибо за присылку "Нью Лидер". Я получал и раньше Вашу газету, но неправильно, через Париж, с большими запозданиями. Во всяком случае, я внимательно следил за "Нью Лидер", особенно в течение последних месяцев.

Не так давно я получил брошюрку "What the ILP stands for"⁶⁰, в которой собраны важнейшие документы Вашей партии. Плодом моего изучения этих документов явилась статья для нашего американского органа "Нью Интернэйшенал"⁶¹. Я надеюсь, что Вы получаете это издание. Во всяком случае, я попрошу немедленно выслать Вам несколько оттисков статьи, как только она будет переведена и напечатана.

Статьи "Нью Лидер" по вопросу о нападении Муссолини на Эфиопию и, в частности, по вопросу о политике британского правительства в этом деле, прекрасны. Если развивать основную идею этих статей до конца, то получится политика Ленина и Либкнехта во время войны. Лучших образцов мы найти не можем. Но... эта политика совершенно несовместима, на мой взгляд, с нынешним отношением НРП к Коминтерну и его британской секции. Резолюции 17-го конгресса представляют наиболее злокачественную из всех социал-патриотических отрав. Думать, что можно создать Интернационал совместно с этими отравителями, значит фактически прикрывать социал-патриотизм новейшего и опаснейшего образца. Не случайно Ленин и Либкнехт уже в начале войны провозгласили необходимость Третьего Интернационала: Ленин - в 1914 году, Либкнехт - в 1915 г. Борьба против войны может быть только интернациональной. В вопросе об Интернационале нет места ни иллюзиям, ни дипломатии.

Простите, что я позволил себе высказаться по вопросу, по которому Вы вовсе не спрашивали моего мнения. Моя критика НРП продиктована отнюдь не какой-либо предвзятой враждебностью, а наоборот, сочувственным вниманием к ее эволюции и искренним желанием ее успеха на пути революционного марксизма. Надвигающаяся война может временно изолировать интернационалистов и создать для них тягчайшие условия политического существования. Выдержать бешеный напор буржуазного общественного мнения (не говорю уж о репрессиях) они смогут лишь при наличии двух условий: а) полной ясности своих позиций, б) тесной интернациональной связи между собою.

С братским приветом

Л.Троцкий

17 сентября 1935 [г.]

Британская независимая рабочая партия и борьба за Четвертый Интернационал

На полдороге

Если исключить голландскую Революционно-социалистическую партию, стоящую под знаменем IV Интернационала, то можно с уверенностью сказать, что среди партий, примыкающих к Амстердамско-Лондонскому бюро, британская НРП стоит на левом фланге. В отличие от САП, которая за последний период сдвинулась вправо, в сторону вульгарнейшего мелкобуржуазного пацифизма, НРП проделала, несомненно, серьезное развитие влево. Разбойничий поход Муссолини на Эфиопию обнаружил это с несомненностью. По вопросу о Лиге Наций, о роли в ней британского империализма и о "мирной" политике Лейбор Парти "Нью Лидер" опубликовал, пожалуй, лучшие статьи во всей рабочей печати. Но если одна ласточка не делает весны, то и несколько хороших статей еще не определяют политику партии. По вопросу о войне сравнительно легко занять "революционную" позицию; но крайне трудно сделать из этой позиции все необходимые теоретические и практические выводы. Между тем к этому именно сводится задача.

Скомпрометированный опытом 1914-1918 годов, социал-патриотизм нашел сейчас новый источник питания в виде сталинизма. Буржуазный шовинизм получает благодаря этому возможность развить бешеную атаку против революционных интернационалистов. Колеблющиеся элементы, так называемые центристы, неизбежно капитулируют перед натиском шовинизма накануне войны или в начале ее. Разумеется, они будут прикрываться при этом ссылкой на "единство", на необходимость не отрываться от массовых организаций и проч. Формулы лицемерия, которые служат центристам для прикрытия их трусости перед буржуазным общественным мнением, очень разнообразны, но назначение их одно: прикрыть капитуляцию. "Единство" с социал-патриотами - не временное сосуществование с ними в общей организации в целях борьбы с ними, а единство как принцип есть единство с собственным империализмом и, следовательно, открытый разрыв с пролетариатом других национальностей. Центристский принцип единства во что бы то ни стало есть подготовка самого злокачественного раскола по линиям империалистических противоречий. Мы видим уже сегодня во Франции, как группа "Спартак", переводящая идеи САП на французский язык, проповедует во имя "единства" с массами политическую капитуляцию перед Блюмом, который был и остается главным агентом французского империализма в среде рабочего класса.

После разрыва с Лейбор Парти НРП вступила в близкую связь с британской компартией и через нее с Коминтерном. Острые денежные затруднения, которые испытывает "Нью Лидер" и сейчас, показывают, что НРП сумела сохранить свою полную материальную независимость от советской бюрократии и ее методов коррупции. Этому можно только радоваться. Тем не менее связь с компартией не

прошла бесследно: наперекор своему имени НРП не стала действительно независимой, а превратилась как бы в довесок к Коминтерну. Она не уделяла необходимого внимания массовой работе, которая невозможна вне профессиональных союзов и Лейбор Парти; взамен этого она увлекалась Амстердам-Плейельским маскарадом, Антиимпериалистической лигой и другими суррогатами революционной работы. В результате она представлялась рабочим коммунистической партией второго сорта. Столь невыгодное положение НРП не было случайным: оно определялось отсутствием у нее твердой принципиальной базы под ногами. Ни для кого не секрет, что сталинизм долго импонировал вождям НРП своими штампованными формулами, которые представляют жалкий бюрократический фальсификат ленинизма.

Попытка, которую сделал свыше двух лет тому назад автор этих строк объяснить с вождями НРП в нескольких статьях и письмах, не привела к результату: наша критика Коминтерна казалась, несомненно, в тот период вождям НРП "предвзятой" и продиктованной "фракционными", пожалуй, даже "личными" мотивами. Не оставалось ничего другого, как предоставить слово времени. Последние два года были для НРП бедны успехами, но богаты опытом. Социал-патриотическое вырождение Коминтерна, прямое следствие теории и практики "социализма в отдельной стране", стало из предвидения живым и неоспоримым фактом. Поняли ли вожди НРП смысл этого факта? Готовы ли и способны ли они сделать из него все необходимые выводы? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшая судьба НРП.

От пацифизма к пролетарской революции - такова, несомненно, общая тенденция развития НРП. Но это развитие далеко еще не нашло законченной программы. Хуже того, не без влияния старых и опытных оппортунистических комбинаторов из немецкой САП, вожди НРП как бы остановились на полдороге и топчутся на месте.

В следующих ныне критических строках мы хотим остановиться преимущественно на двух вопросах: на отношении НРП ко всеобщей стачке в связи с борьбой против войны и на позиции НРП в вопросе об Интернационале. И там, и здесь мы найдем элементы половинчатости: в вопросе о всеобщей стачке половинчатость принимает форму безответственной радикальной фразы; в вопросе об Интернационале - половинчатость останавливается перед радикальным решением. Между тем марксизм и ленинизм, как его прямое продолжение, совершенно не мирятся ни со склонностью к радикальной фразе, ни с боязнью радикальных решений.

Различные категории всеобщей стачки

Вопрос о всеобщей стачке имеет длинную и богатую историю, как теоретическую, так и практическую. Между тем вожди НРП действуют так, как если бы им первым пришла в голову мысль о всеобщей стачке в качестве средства предотвратить войну. В этом их величайшая ошибка. Именно в вопросе о всеобщей стачке нельзя импровизировать. Мировой опыт борьбы за последние 40 лет в самом основном подтвердил то, что говорил о всеобщей стачке Энгельс

в конце прошлого века, главным образом на основании опыта чартистов, отчасти бельгийцев. Предупреждая австрийских социал-демократов против слишком легкого отношения ко всеобщей стачке, Энгельс писал Каутскому 3 ноября 1893 г.: "Ты сам говоришь, что баррикады устарели (они могут, однако, снова стать полезными, когда армия на 1/2 или на 2/5 станет социалистической, и дело будет идти о том, чтоб дать ей возможность повернуть штыки), но политическая стачка должна либо сейчас же победить, одной только угрозой (как в Бельгии, где армия была очень шаткой), или же должна закончиться колоссальным фиаско, или наконец прямо вести на баррикады"⁶². Эти сжатые строки дают, кстати сказать, замечательное выражение взглядам Энгельса на ряд вопросов. Сколько было споров по поводу знаменитого предисловия Энгельса к марксовой "Классовой борьбе во Франции" (1895 г.)⁶³ - предисловия, смягченного и урезанного в свое время в Германии по цензурным соображениям. Сотни и тысячи раз филистеры разных мастей утверждали за последние 40 лет, будто "сам Энгельс" раз навсегда отверг старые, "романтические" методы уличного боя. Но незачем обращаться к прошлому: достаточно прочитать сегодняшние необыкновенно невежественные и плоские писания на этот счет Поля Фора, Лебаб⁶⁴ и проч., для которых уже самый вопрос о вооруженном восстании есть "бланкизм". Между тем, если Энгельс что отвергал, так это, во-первых, путчи, т. е. несвоевременные вспышки небольшого меньшинства, и, во-вторых, устарелые, т. е. несоответствующие новым техническим условиям, формы и методы уличного боя. В цитируемом письме Энгельс мимоходом, как бы говоря о чем-то само собой разумеющемся, поправляет Каутского: баррикады "устарели" лишь в том смысле, что буржуазная революция отошла в прошлое, а для социалистических баррикад время еще не настало. Нужно, чтобы армия на 1/3 или, еще лучше, на 2/5 (конечно, эти цифры даны лишь для иллюстрации) прониклась симпатиями к социализму, тогда восстание не будет "путчем", тогда баррикада снова получит права гражданства, - конечно, не баррикада 1848 года, а новая "баррикада", но служащая той же цели: задержать наступление армии на рабочих, дать солдатам возможность и время почувствовать силу восстания и тем самым создать наиболее выгодные условия для перехода армии на сторону восставших. Как далеки эти строки Энгельса - не юноши, а 73-летнего старика! - от тупоумного и реакционного отношения к баррикаде как к "романтике". Каутский удосужился опубликовать это замечательное письмо только теперь, в 1935 г.! Без прямой полемики с Энгельсом, которого он до конца никогда не понимал, Каутский в особом примечании самодовольно поясняет, что сам он в конце 1893 года опубликовал статью, в которой "развивал выгоды демократически-пролетарского метода борьбы в демократических странах по сравнению с политикой насилия". Эти слова о "выгодах" (будто пролетариат имеет свободу выбора!) звучат особенно хорошо в наши дни, когда политика Веймарской демократии, не без участия Каутского, раскрыла до конца все свои... невыгоды. Чтобы не оставлять никакого места для сомнений о своем отношении ко взглядам Энгельса, Каутский присовокупляет: "Я выступал за ту самую политику, которую я отстаиваю

сегодня." Чтобы отстаивать "ту самую политику", Каутскому пришлось только перейти в чехословацкое подданство⁶⁵: кроме паспорта, ничто не изменилось.

Но вернемся к Энгельсу. В отношении политической стачки он различает, как мы видели, три случая:

1) Правительство пугается всеобщей стачки и уже в самом начале, не доводя дела до открытого столкновения, идет на уступки. Энгельс указывает на "шаткое" состояние армии в Бельгии как на основное условие успеха бельгийской всеобщей стачки (1893 г.). Нечто подобное, но в более грандиозном масштабе, произошло в России в октябре 1905 года. После несчастного исхода русско-японской войны царская армия была или, по крайней мере, казалась крайне ненадежной. Смертельно напуганное стачкой петербургское правительство пошло на первые конституционные уступки (манифест 17 октября 1905 г.)⁶⁶.

Совершенно очевидно однако, что, не прибегая к решающим боям, правящий класс может пойти лишь на такие уступки, которые не затрагивают основ его господства. Так именно и обстояло дело в Бельгии и в России. Возможны ли такие случаи в будущем? Они неизбежны в странах Востока. Они менее вероятны, вообще говоря, в странах Запада, хотя вполне возможны и здесь как частные эпизоды развертывающейся революции.

2) Если армия достаточно надежна и правительство чувствует себя уверенно; если политическая стачка провозглашена сверху и в то же время рассчитана не на решающие бои, а на "испуг" врага, то она легко может оказаться простой авантюрой и обнаружить свою несостоятельность. К этому надо прибавить: после первых опытов всеобщей стачки, которые самой новизной своей действовали на воображение как народных масс, так и правительств, прошло - если оставить в стороне полузабытых чартистов - несколько десятилетий, в течение которых стратеги капитала накопили огромный опыт. Вот почему всеобщая стачка, особенно в старых капиталистических странах, требует тщательного марксистского учета всех конкретных обстоятельств.

3) Остается, наконец, та всеобщая стачка, которая, по выражению Энгельса, "прямо ведет на баррикады". Такого рода стачка может дать как полную победу, так и поражение. Но уклонение от боя, когда бой навязывается объективной обстановкой, ведет неизбежно к самому губительному и деморализующему из всех возможных поражений. Исход революционной, инсurreкционной всеобщей стачки⁶⁷ зависит, конечно, от соотношения сил, в состав которого входит очень большое число факторов: классовое расчленение общества, удельный вес пролетариата, настроение низов мелкой буржуазии, социальный состав и политические настроения армии и проч. Не последнее место в числе условий занимает, однако, правильное революционное руководство, ясное понимание условий и методов всеобщей стачки и ее перехода в открытую революционную борьбу.

Классификацию Энгельса не надо, разумеется, брать догматически. В нынешней Франции вопрос, несомненно, идет не о частичных уступках, а о власти: революционный пролетариат или фашизм? Рабочие массы хотят борьбы. Но

руководство тормозит, обманывает и деморализует рабочих. Всеобщая стачка может вспыхнуть так же, как вспыхнули движения в Тулоне и Бресте. В этих условиях, независимо от своего непосредственного результата, всеобщая стачка будет, конечно, не "путчем", а необходимым этапом в борьбе масс, необходимым средством освободиться от предательского руководства и создать в самом рабочем классе предварительные условия победоносного восстания. В этом смысле вполне правильна политика французских большевиков-ленинцев, выдвинувших лозунг всеобщей стачки и выясняющих условия ее победы. Против этого лозунга выступают спартакисты, французские кузены САП, которые уже теперь, в начале борьбы, начинают играть роль штрейкбрехеров.

Следует прибавить, что Энгельс не указал еще одной "категории" всеобщей стачки, образец которой дали нам Англия, Бельгия, Франция, как и некоторые другие страны: дело идет о таких случаях, где руководители стачки заранее, т. е. до боя, сговариваются о ее ходе и исходе с классовым врагом. Парламентарии и тре-юнионисты видят в известный момент необходимость дать выход накопившемуся возмущению масс или попросту вынуждены вприпрыжку примкнуть к движению, которое вспыхнуло помимо них. В таких случаях они забегают с черного крыльца к правительству и берут у него разрешение на руководство всеобщей стачкой, причем обязуются закончить ее как можно скорее и без повреждения государственной посуды. Иногда, далеко не всегда, им удается при этом выторговать заранее ничтожные уступки, которые должны служить для них самих фиговым листком. Так действовал Генеральный совет британских тред-юнионов (Т.У.С.)⁶⁸ в 1926 г. Так действовал в 1934 г. Жуо. Так они будут действовать и впредь. Разоблачение этих бесчестных махинаций за спиной борющегося пролетариата входит необходимой частью в подготовку всеобщей стачки.

Всеобщая стачка как средство задержать войну ("to stop war")⁶⁹

К какому же из типов относится та всеобщая стачка, которую НРП намечает специально на случай мобилизации, как средство приостановить войну в самом начале?⁷⁰ Скажем заранее: к самому непродуманному и самому несчастному из всех возможных типов. Мы не хотим этим сказать, что революция ни в каком случае не может совпасть с мобилизацией или с началом войны. Если в стране развивается широкое революционное движение; если во главе его стоит революционная партия, пользующаяся доверием масс и способная идти до конца; если потерявшее голову правительство, несмотря на революционный кризис или именно вследствие такого кризиса, бросается очертя голову в военную авантюру, то мобилизация может послужить могущественным толчком для масс, привести ко всеобщей стачке железных дорог, к братанию мобилизованных с рабочими, к захвату важных узловых пунктов, к столкновению восставших с полицией и реакционными частями войска, к учреждению местных советов рабочих и солдат, наконец, к полному низвержению правительства и, следовательно, к предотвращению войны. Такой случай теоретически возможен. Если "война, - по

словам Клаузевица, - есть продолжение политики другими средствами", то и борьба против войны есть продолжение всей предшествующей политики революционного класса и его партии. Отсюда вытекает: всеобщая стачка может встать в порядок дня как средство борьбы против мобилизации и войны только в том случае, если все предшествующее развитие страны поставило революцию и вооруженное восстание в порядок дня. Взятая же как "специальное" средство борьбы против мобилизации, всеобщая стачка явится чистой авантюрой. Если оставить в стороне возможный, но все же исключительный случай, когда правительство бросается в войну, чтобы спастись от непосредственно угрожающей революции, то останется как общее правило, что как раз до, во время и после мобилизации правительство чувствует себя наиболее сильным и, следовательно, наименее склонным позволить запугать себя всеобщей стачкой. Патриотические настроения, сопровождающие мобилизацию, в сочетании с военным террором делают само проведение всеобщей стачки, по общему правилу, безнадежным. Наиболее отважные элементы, которые, не учтя обстановки, рванутся в борьбу, окажутся раздавленными. Поражение и частичное истребление авангарда надолго затруднит революционную работу в атмосфере недовольства, порождаемого войною. Вызванная искусственно стачка должна неизбежно оказаться путчем и помехой на пути революции.

В своих тезисах, принятых в апреле 1935 г., НРП пишет: "Политика партии имеет в виду всеобщую стачку, чтобы остановить войну, и социальную революцию на случай, если война произойдет." Поразительно точное, но - увы - совершенно фиктивное обязательство! Всеобщая стачка здесь не только отделяется от социальной революции, но и противопоставляется ей как специфическое средство "остановить войну". Это старая концепция анархистов, давно разбитая жизнью. Всеобщая стачка без победоносного восстания не может "задержать войну". Если в условиях мобилизации невозможно восстание, то невозможна и стачка.

В одном из следующих параграфов читаем: "НРП вызовет всеобщую стачку против британского правительства, если эта страна окажется каким бы то ни было путем вовлечена в нападение на Советский Союз..." Если всеобщей стачкой можно предупредить всякую войну, то тем более, конечно, нужно приостановить войну против СССР. Но мы здесь входим в царство иллюзий: вписать в тезисы всеобщую стачку в качестве наказания за определенное уголовное преступление правительства значит впасть в грех радикальной фразы. Если бы всеобщую стачку можно было вызвать по желанию, то лучше всего было бы вызвать ее сегодня, чтобы помешать британскому правительству душить Индию и сотрудничать с Японией в удушении Китая. Вожди НРП ответят нам, конечно, что они не в силах это сделать. Но ничто не дает им права обещать, будто они окажутся в силах вызвать всеобщую стачку в день мобилизации. А если смогут, то почему ограничиваться стачкой? На самом деле поведение партии во время мобилизации вытечет из ее предшествующих успехов и изо всей обстановки в стране. Целью же революционной партии должна явиться не изолированная всеобщая стачка как специальное средство "остановить войну", а пролетарская

революция, в которую всеобщая стачка войдет неизбежным или весьма вероятным составным элементом.

Н.Р.П. и Интернационал

НРП порвала с Лейбор парти главным образом ради независимости своей парламентской фракции. Мы не входим здесь в обсуждение вопроса, правилен ли был разрыв в данный момент и извлекла ли из него НРП ожидавшиеся ею выгоды. Мы думаем, что нет. Но остается фактом, что для всякой революционной организации в Англии отношение к массам, к классу почти совпадает с отношением к Лейбор парти, опирающейся на трэд-юнионы. Вопрос о том, действовать ли в данное время внутри Лейбор парти или вне ее, не есть принципиальный вопрос, а вопрос реальных возможностей. Во всяком случае, без сильной фракции внутри трэд-юнионов, а следовательно, и внутри Лейбор парти, НРП и сегодня обречена на бессилие. Между тем НРП в течение долгого времени придавала гораздо большее значение "единому фронту" с ничтожной компартией, чем работе в массовых организациях. Политику оппозиционного крыла в Лейбор парти вожди НРП считают неправильной по совершенно неожиданным соображениям: хотя "они (оппозиционеры) критикуют руководство и политику партии, но, ввиду сплошных голосований (коллективных мандатов) и формы организации партии они не могут изменить ни личного состава, ни политики Исполнительного комитета и парламентской фракции в течение такого срока, чтобы оказать сопротивление реакции, фашизму и войне" (стр. 8). Политика оппозиции Лейбор парти из рук вон плоха. Но это значит лишь, что нужно противопоставить ей внутри Лейбор парти другую, правильную, марксистскую политику. Это нелегко? Конечно! Но надо уметь до поры до времени скрывать свою работу от полицейских глаз лорда Ситрина и его агентов. Марксистской фракции не удастся изменить структуру и политику Лейбор парти? С этим мы совершенно согласны: бюрократия не сдастся. Но революционерам может и должно удастся, действуя извне и изнутри, завоевать десятки и сотни тысяч рабочих. Критика, которую НРП направляет против левой фракции в Лейбор парти, имеет явно искусственный характер. С гораздо большим основанием можно сказать, что маленькая НРП, связавшись со скомпрометированной компартией и тем отделившись от массовых организаций, не имеет никаких шансов превратиться в массовую партию "в течение такого срока, чтобы оказать сопротивление капиталистической реакции, фашизму и войне".

В национальных рамках НРП считает, таким образом, необходимым независимое существование революционной организации уже в данную минуту. Марксистская логика требует, казалось бы, перенести это рассуждение также и на интернациональную арену. Борьба против войны и за революцию немислима вне Интернационала. Если НРП считает необходимым свое собственное существование рядом с компартией и, следовательно, против компартии, то тем самым она признает необходимость создания - против Коминтерна - нового Интернационала. Но этого вывода НРП не смеет сделать. Почему?

Если бы НРП считала, что Коминтерн возможно реформировать, она обязана была бы вступить в его ряды, чтобы работать над этой реформой. Если же НРП

убедились, что Коминтерн неисправим, тогда она обязана вместе с нами приступить к борьбе за Четвертый Интернационал. НРП не делает ни того, ни другого. Она останавливается на полдороге. Она намерена поддерживать "дружеское сотрудничество" с Коминтерном. Если она будет приглашена на ближайший конгресс Коминтерна - так буквально гласят апрельские тезисы этого года! - она будет там защищать свою позицию и интересы "единства революционного социализма". НРП ждала, следовательно, "приглашения" в Интернационал. Это значит, что по отношению к Интернационалу у нее психология гостя, а не хозяина. Но Коминтерн не пригласил НРП. Что же делать после этого?

Надо прежде всего понять, что действительно независимые рабочие партии - независимые не только от буржуазии, но и от обоих обанкротившихся Интернационалов - могут строиться не иначе, как в тесной международной связи друг с другом, на основе одних и тех же принципов, при условии живого обмена опытом и бдительного взаимного контроля. Мысль о том, что раньше должны сложиться национальные партии (Какие? На каких основах?) и лишь затем сплотиться в новый интернационал (как же обеспечить при этом их общую принципиальную базу?), представляет собою карикатурный отголосок истории Второго Интернационала: и Первый, и Третий Интернационалы строились иначе. Ныне же, в условиях империалистической эпохи, после того, как пролетарский авангард всех стран мира проделал гигантский общий опыт многих десятилетий, в том числе и опыт крушения двух Интернационалов, абсолютно немыслимо строить новые, марксистские, революционные партии вне прямой связи с таким же строительством в других странах. А это и есть строительство Четвертого Интернационала.

"Интернациональное бюро рев[олюционно]-соц[иалистического] единства" (I.A.G.)

Правда, НРП имеет в резерве некое интернациональное объединение: Лондонское бюро (I.A.G.). Есть ли это начало нового Интернационала? Нет, ни в каком случае. НРП решительнее всех других участников высказывается против "раскола": недаром же бюро отколовшихся организаций написало на своем знамени... "единство". С кем? Сама НРП очень желала бы, чтобы все революционно-социалистические организации и все секции Коминтерна объединились в один общий Интернационал и чтобы этот Интернационал имел хорошую программу. Добрыми пожеланиями вымощен ад. Позиция НРП тем более безнадежна, что внутри самого лондонского объединения никто ее не разделяет. С другой стороны, Коминтерн, сделав из теории социализма в отдельной стране социал-патриотические выводы, ищет ныне союза с сильными реформистскими организациями, а вовсе не со слабыми революционными группами. Апрельские тезисы НРП утешают нас: "Зато они (т. е. другие организации лондонского объединения) согласны, что вопрос о новом интернационале является ныне теоретическим (!) и что форма (!), которую примет восстановленный интернационал, будет зависеть от событий (!) и от развития действительной борьбы рабочего класса" (стр. 20). Замечательное рассуждение! НРП предлагает

объединить "революционно-социалистические организации" с секциями Коминтерна; но ни те, ни другие не желают и не могут желать этого объединения. "Зато", утешает себя НРП, революционно-социалистические организации согласны... с чем? С тем, что сейчас еще нельзя предвидеть, какую "форму" примет восстановленный Интернационал. По этому поводу сам вопрос об Интернационале ("Пролетарии всех стран, объединяйтесь!") объявляется "теоретическим". С таким же правом можно объявить теоретическим вопрос о социализме, ибо неизвестно, какую форму он примет; к тому же социалистическую революцию нельзя совершить при помощи "теоретического" Интернационала.

Вопрос о национальной партии и вопрос об Интернационале стоят для НРП в двух разных плоскостях. Опасность фашизма и войны требует, как мы слышали, немедленной работы над созданием национальной партии. Что же касается Интернационала, то это вопрос... "теоретический". Ни в чем другом оппортунизм не обнаруживается так явно и неоспоримо, как в этом принципиальном противопоставлении национальной партии и Интернационала. Знамя "революционно-социалистического единства" должно лишь прикрыть зияющий пробел в политике НРП. Не вправе ли мы сказать, что Лондонское объединение есть временный приют для колеблющихся, для беспризорных, или для тех, кто надеется быть "приглашенными" в один из существующих Интернационалов?

Н.Р.П. и Коминтерн

Признавая за компартией "революционный и теоретический базис", НРП отмечает в ее поведении "сектанство". Эта характеристика поверхностна, одностороння, в основе своей прямо не верна. О каком "теоретическом базисе" говорит НРП? О "Капитале" Маркса, о сочинениях Ленина, о резолюциях первых конгрессов Коминтерна или же об эклектической программе Коминтерна, принятой в 1928 г., о злосчастной теории "третьего периода" и "социал-фашизма", наконец, о последних социал-патриотических откровениях?

Вожди НРП делают вид (по крайней мере, так было до вчерашнего дня), будто Коминтерн сохранил теоретическую базу, заложенную Лениным. Они отождествляют, другими словами, ленинизм и сталинизм. Правда, они не решаются сказать это прямо. Но, обходя молчком огромную критическую борьбу, которая развернулась сперва внутри Коминтерна, а затем за его пределами; отказываясь изучить борьбу "левой оппозиции" (большевиков-ленинцев) и определить к ней свое отношение, вожди НРП оказываются в области вопросов мирового движения отсталыми провинциалами. Этим они отдают дань худшей из традиций островного рабочего движения. На самом деле никакой теоретической базы у Коминтерна нет. Да и какая может быть теоретическая база, когда вчерашние вожди, как Бухарин, объявляются "буржуазными либералами", вожди третьего дня, как Зиновьев, заключаются в тюрьму, как "контрреволюционеры", а Мануильские, Лозовские, Димитровы, как и сам Сталин, никогда вообще не отягощали себя теоретическими вопросами.

Не менее ошибочна фраза насчет "сектанства". Бюрократический центризм,

который пытается командовать рабочим классом, не есть сектантство, а специфическое преломление самодержавия советской бюрократии. Обжегши себе пальцы, эти господа сегодня униженно пресмыкаются перед реформизмом и патриотизмом. Вожди НРП поверили на слово вождям САП (плохие советники!) насчет того, что если бы не "ультра-левое сектантство", то Коминтерн стоял бы вполне на высоте. Тем временем Седьмой конгресс⁷¹ отказался от последних остатков "ультра-левизны"; но в результате этого Коминтерн не поднялся выше, а опустился еще ниже, потеряв всякие права на самостоятельное политическое существование. Ибо для политики блоков с буржуазией и патриотического разращения рабочих партии Второго Интернационала во всяком случае более пригодны: у них серьезный оппортунистический стаж, и они меньше возбуждают подозрительность буржуазных союзников.

Не думают ли вожди НРП, что им после Седьмого конгресса необходимо радикально пересмотреть свое отношение к Коминтерну? Если нельзя реформировать Лейбор парти, то еще неизмеримо меньше шансов реформировать Коминтерн. Тогда не остается ничего другого, как строить новый Интернационал. Правда, в составе коммунистических партий имеется и по сей день немало честных революционных рабочих. Но их-то и надо вывести из трясины Коминтерна на революционную дорогу.

"Советы рабочих депутатов" и новый Интернационал

НРП включает в свою программу и революционное завоевание власти, и диктатуру пролетариата. После событий в Германии, Австрии и Испании эти лозунги навязываются сами собою. Но это вовсе не значит, что за ними во всех случаях скрывается подлинно революционное содержание. Жиромские всех стран не стесняются сочетать "диктатуру пролетариата" с самым низкопробным патриотизмом, причем подобное шарлатанство все больше входит в моду. Вожди НРП - не социал-патриоты. Но до тех пор, пока они не взорвут мостов к сталинизму, их интернационализм сохранит полуплатонический характер.

Апрельские тезисы НРП позволяют нам подойти к тому же вопросу под новым углом зрения. Два особых параграфа тезисов (27 и 28) посвящены будущим британским советам рабочих депутатов. Ничего ошибочного они в себе не заключают. Но необходимо отметить, что советы как таковые являются лишь организационной формой, отнюдь не каким-либо незыблемым принципом. Маркс и Энгельс дали теорию пролетарской революции, в частности на анализе Парижской Коммуны, но ни слова не сказали при этом о советах. В России существовали эсеровские и меньшевистские, т. е. антиреволюционные советы. В Германии и Австрии советы стояли в 1918 г. под руководством реформистов и патриотов и сыграли контрреволюционную роль. Осенью 1923 года в Германии роль советов фактически выполняли заводские комитеты, которые могли бы вполне обеспечить победу революции, если бы не трусливая политика компартии под руководством Брандлера и К^{||}. Таким образом, лозунг советов как организационной формы не имеет сам по себе принципиального характера. Мы не возражаем, разумеется, против включения советов, как "всеохватывающих организаций" (all-inclusive

organizations)⁷² (стр. 11) в программу НРП. Нужно только, чтоб этот лозунг не стал фетишем, или еще хуже - пустой фразой, как у французских сталинцев ("власть Даладье!" - "советы повсюду!").

Но нас интересует другая сторона вопроса. ¶ 28 тезисов гласит: "Рабочие советы возникнут в своей окончательной форме в действительном революционном кризисе, но партия должна последовательно подготавливать их организацию" (подчеркнуто нами). Приняв это к сведению, сравним отношение НРП к будущим советам и ее же отношение к будущему Интернационалу: ошибочность позиции НРП предстанет перед нами с особой яркостью. В самом деле: по поводу Интернационала мы слышали общие места в духе САП: "Форма, которую примет восстановленный интернационал, будет зависеть от исторических событий и развития действительной борьбы рабочего класса". На этом основании НРП делает вывод, что вопрос об Интернационале является чисто "теоретическим", т. е., на языке эмпириков, нереальным. В то же время нам говорят: "Рабочие советы возникнут в своей окончательной форме в действительном революционном кризисе, но партия должна последовательно подготавливать их организацию". Трудно запутаться более безнадежно! В вопросе о советах и в вопросе об Интернационале НРП применяет прямо противоположные методы рассуждения. В каком же случае она ошибается? В обоих. Тезисы опрокидывают реальные задачи партии с ног на голову. Советы представляют организационную форму, и только форму. "Подготавливать" советы нельзя иначе как посредством правильной революционной политики во всех областях рабочего движения: никакой особой, специфической "подготовки" советов не существует. Совсем иначе обстоит дело с Интернационалом. Если советы могут возникнуть только в условиях революционного кипения миллионов масс, то Интернационал необходим всегда: и в праздники, и в будни, во время наступления, как и отступления, во время мира, как и войны. Интернационал вовсе не есть "форма", как вытекает из ошибочной насквозь формулы НРП. Интернационал есть прежде всего программа и вытекающая из нее система стратегических, тактических и организационных методов. Вопрос о британских советах волею исторических обстоятельств отодвинут на неопределенное время. Вопрос же об Интернационале, как и вопрос о национальных партиях, не может быть отложен ни на один час: это в сущности две разные стороны одного и того же вопроса. Без марксистского интернационала национальные организации, даже самые передовые, обречены на ограниченность, на шатания, на беспомощность; передовые рабочие вынуждены питаться суррогатами интернационализма. Объявлять строительство Четвертого Интернационала "чисто теоретическим", т. е. ненужным делом, - значит трусливо отречься от основной задачи нашей эпохи. В этом случае лозунги революции, диктатуры, советов и пр. теряют 9/10 своего значения.

Преимущества предвидения над "изумлением"

В "Нью Лидер" от 30 августа напечатана прекрасная статья: "Не доверяйте правительству!" (Don't trust government!⁷³). Статья показывает, как опасность "национального единства" надвигается вместе с опасностью войны. В

то время как злополучные вожди САП призывают подражать британским пацифистам (буквально!), "Нью Лидер" пишет: "Оно (британское правительство) эксплуатирует в действительности энтузиазм в пользу мира, чтобы подготовить британский народ для империалистической войны". Эти напечатанные жирным шрифтом строки с полной точностью выражают политическую функцию мелкобуржуазного пацифизма: давая платонический выход страху масс перед войной, пацифизм позволяет империализму тем легче превратить эти массы в пушечное мясо. "Нью Лидер" клеймит патриотическую позицию Ситрина и других социал-империалистов, которые (со ссылками на Сталина) садятся верхом на спину Ленсбери⁷⁴ и других пацифистов. Но та же статья выражает свое "изумление" по поводу того, что британские коммунисты поддерживают политику Ситрина в вопросе о Лиге Наций и ее "санкциях" против Италии (astounding support of labour line⁷⁵). "Изумление" статьи представляет ахиллесову пяту всей позиции НРП. Когда какое-нибудь отдельное лицо "изумляет" нас своими неожиданными поступками, то это значит лишь, что мы плохо знаем действительный характер этого лица. Неизмеримо хуже, когда политик вынужден признать свое "изумление" перед действиями политической партии, более того, целого Интернационала: ибо британские коммунисты выполняют лишь постановления Седьмого конгресса Коминтерна. Вожди НРП "изумлены" только потому, что они не сумели понять до сих пор подлинный характер Коминтерна и его секций. Между тем, марксистская критика Коминтерна имеет за собой 12-летнюю историю. С того времени, как советская бюрократия сделала своим символом веры теорию "социализма в отдельной стране" (1924 г.), большевики-ленинцы предсказали неизбежность националистического и патриотического перерождения секций Коминтерна и затем критически прослеживали этот процесс на всех его этапах. Только потому, что вожди НРП игнорировали критику нашего направления, они и оказались застигнуты событиями врасплох. Право "изумляться" перед лицом крупных событий есть прерогатива пацифистского и реформистского мелкого буржуа. Марксист, особенно претендующий на руководящую роль, должен не изумляться, а предвидеть. Не в первый раз в истории, отметим мимоходом, марксистская подозрительность оказалась проницательнее, чем центристская доверчивость.

НРП покинула могущественную Лейбор парти из-за ее реформизма и патриотизма. И сейчас, возрождая Вилкинсон, "Нью Лидер" пишет, что независимость НРП полностью оправдывается патриотической позицией Лейбор парти. Но что же сказать тогда о длительном романе НРП с британской компартией, которая идет сейчас в хвосте Лейбор парти? Что сказать о стремлении НРП слиться с Коминтерном, который в социал-патриотическом оркестре играет сейчас первую скрипку? Вы "изумляетесь", товарищи Макстон, Феннер Броквей и др.? Этого мало для руководства партией. Чтобы перестать изумляться, надо критически оценить пройденный путь и сделать выводы на будущее.

Еще в августе 1933 года делегация большевиков-ленинцев в особой Декларации официально предложила всем участникам Лондонского объединения, в

том числе и НРП, обсудить совместно с нами основные стратегические проблемы нашей эпохи и определить, в частности, свое отношение к нашим программным документам. Но вожди НРП сочли ниже своего достоинства заниматься этим делом. К тому же они боялись скомпрометировать себя общением с организацией, которая является предметом особенно бешеной и подлой травли со стороны московской бюрократии: не забудем, что вожди НРП все время ждали "приглашения" от Коминтерна. Ждали и не дождались...

Неужели же вожди НРП отважатся и после Седьмого конгресса представить дело так, будто британские сталинцы только по недоразумению, только на миг оказались оруженосцами малопочтенного лорда Ситрина? Такие увертки были бы недостойны революционной партии. Мы хотели бы надеяться, что вожди НРП поймут, наконец, закономерность полного и безвозвратного крушения Коминтерна как революционной организации и сделают из этого факта все необходимые выводы. Они очень просты:

Выработать марксистскую программу.

Повернуться спиной к вождям компартии, лицом - к массовым организациям.

Стать под знамя Четвертого Интернационала.

На этих путях мы пошли бы с НРП рука об руку.

Л.Троцкий

18 сентября 1935 г.

Предисловие к норвежскому изданию⁷⁶

Эти строки пишутся в Норвегии, или, чтобы быть более точным, - в муниципальной больнице Осло⁷⁷. Неожиданная глава! Можно предвидеть иногда большие исторические события, но трудно предсказать этапы собственной судьбы. Помню, когда французское правительство выслало меня во время войны из Франции в Испанию за недостаточно горячий патриотизм по отношению к царю и к Антанте, а правительство Альфонса XIII арестовало меня без объяснения причин, я со смехом спрашивал себя, лежа на койке "образцовой" мадридской тюрьмы: как и почему я попал сюда? Неожиданная глава! Но более серьезный ответ гласил: как ни причудлива орбита моей личной жизни, но она складывается в последнем счете под действием таких тяжеловесных исторических факторов, как войны, революции и контрреволюции. Надо уметь брать свою судьбу такой, какую ее выковывает молот событий... И не будет преувеличением, если я скажу, что в мадридской тюрьме за книгой я чувствовал себя, право же, не хуже, чем через год-два в Смольном или в Кремле.

С тех пор прошло почти двадцать лет: немаленький срок в жизни отдельного человека, тем более, что в жизни всего человечества эти два десятилетия были туго набиты грандиозными событиями. Но через все превратности и потрясения я пронес, к счастью, склонность и готовность спокойно посмеяться над злоключениями своей личной жизни. И тот факт, что приближающаяся 18-ая годовщина Октябрьской революции застигает меня на больничной койке в норвежской столице, меньше всего способен побудить меня

"обижаться" на исторический процесс или жаловаться на собственную участь. Правда, переход от нынешнего, вконец исчерпавшего себя общественного строя к новому, более гармоническому, совершается несравненно медленнее, чем ожидалось и чем хотелось бы; консерватизм и легковерие масс, тупость и измены вождей отбрасывают человечество назад, причиняя ему неисчислимые дополнительные жертвы, - но победа нового строя и новой культуры обеспечена, а это главное. *Fais ce que tu dois, advienne que pourra...*78

*

Моя первая эмиграция была настолько краткой (октябрь 1903 г. - февраль 1905 г.), что не может быть, в сущности, названа эмиграцией: просто молодой русский революционер между двумя периодами подпольной работы, между двумя тюрьмами и двумя ссылками в царской России провел полтора года в Зап[адной] Европе, где в кругу старших эмигрантов двух поколений (Плеханов и Аксельрод, Ленин и Мартов...) учился марксизму и революционной политике.

Моя вторая эмиграция длилась десять лет. Она совпала с черным реакционным провалом между двумя русскими революциями (1905 г. и 1917 г.). В последней своей части эта вторая эмиграция пришлось на годы войны, разъединившей, отравившей шовинизмом и отбросившей далеко назад мировой рабочий класс.

Третья эмиграция, после года ссылки в Центральной Азии, началась в январе 1929 г. и длится уже почти семь лет. Эти годы характеризуются страшным обострением капиталистических противоречий во всем мире, ростом и наступлением фашизма, величайшими поражениями европейского пролетариата (Германия, Австрия, Испания...). В этом параллелизме периодов личной жизни и периодов исторического развития нет ничего случайного. Судьба многих революционных поколений, не только в России, но во всех странах, знавших глубокие социальные потрясения, по этой кривой: от тюрьмы и изгнания до власти и от власти до тюрьмы и изгнания.

Одно возражение напрашивается тут, однако, само собою: ведь в Советском Союзе контрреволюция не победила; там общественное развитие идет и сегодня на основах, заложенных Октябрьской революцией; между тем, в третью свою эмиграцию автор этой книги вынужден был отправиться именно из Советского Союза, в создании которого он сам принимал участие. Как объяснить это противоречие?

В нем нет ничего загадочного. Капиталистическая контрреволюция в Советском Союзе не победила, это верно. Но только очень близорукие или прямо заинтересованные люди могут не видеть того глубокого перерождения, которое претерпели за последние 10-12 лет партия, совершившая Октябрьскую революцию, и государство, созданное победоносным рабочим классом. Советским Союзом правит сейчас бюрократия. Она сосредоточила в своих руках неограниченную власть и неисчислимые материальные привилегии. Было бы, отметим мимоходом, очень поучительно подсчитать, какую часть национального дохода поглощает правящая привилегированная каста; но эта статистика принадлежит к числу

величайших государственных тайн. Освободившись окончательно от контроля масс и поднявшись высоко над бесправным обществом трудящихся, бюрократия должна была неизбежно выделить из своей среды третейского судью, вершителя судеб, абсолютного и непогрешимого "вождя". В этой насквозь византийской идеологии находит свое высшее (вернее, низшее) выражение претензия бюрократии на роль вечной, несменной и хорошо оплачиваемой опекуниши народа. Но режим просвещенного абсолютизма не имеет и не может иметь ничего общего с режимом рабочего государства, тем более "бесклассового, социалистического общества".

Технические, экономические и культурные успехи Советского Союза грандиозны. Этот факт стоит для нас вне спора. Успехи были обеспечены национализацией средств производства и героическим напряжением трудящихся масс. Но только так называемые "Друзья СССР"⁷⁹ (на самом деле друзья верхов советской бюрократии) способны думать, будто режим единоличной диктатуры и бюрократической безнравственности, режим беспощадного подавления критической мысли передовых рабочих может вызываться потребностями социалистического строительства. На самом деле бонапартистский произвол, вызываемый борьбой бюрократии за свое самосохранение, приходит во все большее и большее противоречие с потребностями строящегося нового общества. Чувствуя неустойчивость своих позиций перед лицом экономически и культурно растущих народных масс, бюрократия устанавливает в своей среде систему круговой поруки и беспощадно расправляется со всяким, кто осмелится усомниться в божественном... то бишь в "революционном" происхождении узурпированных ею привилегий. Отсюда жесточайшие репрессии против десятков тысяч старых и молодых революционеров, остающихся верными знамени Октябрьской революции. В этом смысле я могу сказать, что моя третья эмиграция совпадает с периодом глубокой бюрократической реакции в Советском Союзе.

Выход этой книги в издательстве Норвежской рабочей партии не означает, разумеется, ни того, что партия берет на себя ответственность за взгляды автора, ни того, что автор отказался от взглядов, которые он выработал в течение почти сорокалетней политической деятельности. Читатель понимает, разумеется, что ни о том, ни о другом не может быть и речи! Вместе с тем автор считает своим долгом выразить свою благодарность издательству, которое, несмотря на глубокие разногласия, сочло возможным довести эту книгу до сведения норвежского читателя.

Дописывая настоящее предисловие, я не могу не отметить, что пребывание мое в больнице Осло дало мне неожиданную и исключительную возможность ближе соприкоснуться с определенной категорией норвежских граждан: врачами, сестрами, больничными служащими и служительницами. Со стороны всех этих людей я не встречал ничего, кроме внимания, участия, простой и искренней человечности. О своем пребывании в больнице Осло я сохраню теплое воспоминание до конца своих дней.

На столике, за которым я пишу эти строки, лежит больничное Евангелие на норвежском языке. 37 лет тому назад на столике моей одиночной камеры в одесской тюрьме - мне было тогда еще 20 лет - лежала та же книга на

нескольких европейских языках. Сравнивая параллельные тексты, я упражнялся в лингвистике: стиль Евангелия и тщательность перевода очень облегчают изучение иностранных языков. Я не могу, к сожалению, никому обещать, что новая встреча со старой и хорошо знакомой книгой может оказать содействие спасению моей души. Но зато чтение норвежского текста Евангелия может помочь мне овладеть языком страны, которая оказала мне гостеприимство и литературу которой я научился ценить и любить с молодых лет.

Л.Троцкий

Oslo,

Kommunale Sykehus80,

1 октября 1935 г.

Фридрих Энгельс в новых письмах

Karl Kautsky. Aus der Fruhzeit des Marxismus. Engels Briefwechsel mit Kautsky. 1935. Obbis - Verlag. Prag. 416 s.81

Переписка Энгельса - Каутского

В этом году исполнилось сорок лет со дня смерти Фридриха Энгельса, одного из двух авторов "Коммунистического Манифеста". Другой из авторов назывался Карл Маркс. Годовщина отмечена, в частности, тем, что Карл Каутский, перевалив за 81 год жизни, опубликовал, наконец, свою переписку с Энгельсом. Письма самого Каутского сохранились, правда, лишь в виде исключения; зато письма Энгельса дошли до нас почти все. Новые письма не открывают нам, разумеется, нового Энгельса. Его огромная международная переписка, поскольку она сохранилась, уже вся или почти вся опубликована; его жизнь достаточно исследована. И тем не менее для всякого, кто серьезно интересуется политической историей последних десятилетий прошлого века, ходом развития марксистских идей, судьбами рабочего движения, наконец, личностью Энгельса, книга представляет исключительно ценный подарок.

При жизни Маркса Энгельс, по собственному выражению, играл вторую скрипку. Но со времени последней болезни своего соратника и особенно после его смерти он в течение 12-ти лет непосредственно и неоспоримо руководил концертом мирового социализма. К этому времени Энгельс давно уже освободился от своих коммерческих дел, был в материальном смысле вполне независим и все свое время отдавал приведению в порядок и изданию литературного наследия Маркса, собственным научным исследованиям и огромной переписке с левыми вождями рабочего движения всех стран. На этот последний период жизни Энгельса (1881-1895) и падает переписка его с Каутским.

Единственная в своем роде по цельности и ясности фигура Энгельса подвергалась в дальнейшем - такова логика борьбы - многочисленным толкованиям: достаточно напомнить, что во время последней войны Эберт, Шейдеман и пр. изображали Энгельса добрым немецким патриотом, а публицисты Антанты - пангерманистом. В этом отношении, как и в других, письма помогают очистить образ Энгельса от тенденциозных наслоений. Но не в этом их суть.

Письма замечательны главным образом для характеристики человека. Не будет преувеличением, если мы скажем, что каждый новый человеческий документ, касающийся Энгельса, дорисовывает его лучше, выше, обаятельнее, чем мы знали его до того.

Второй из двух корреспондентов также имеет права на наш интерес. С первой половины 80-х годов Каутский выдвигается на роль официального теоретика германской социал-демократии, которая, в свою очередь, становится руководящей партией Второго Интернационала. Как Энгельс - при жизни Маркса, Каутский при жизни Энгельса играет в лучшем случае вторую скрипку, на большой дистанции от первой. После смерти Энгельса авторитет ученика быстро возрастает, и в эпоху первой русской революции (1905 г.) достигает апогея... В своих комментариях к переписке Каутский рассказывает, с каким волнением он появился впервые в домах Маркса и Энгельса. Такое же волнение испытывали четверть века спустя многие молодые марксисты - в частности, автор настоящей статьи - поднимаясь по лестнице скромного чистенького дома во Фриденау под Берлином, где много лет проживал Каутский. Он считался тогда, по крайней мере в теоретических вопросах, самым крупным и бесспорным авторитетом Интернационала. Противники величали его "папой" марксизма.

Но высокий авторитет Каутского держался недолго. Большие события последней четверти века нанесли ему сокрушительный удар. Во время войны и после нее Каутский олицетворял собою раздраженную растерянность. Окончательно подтвердилось то, о чем немногие догадывались и ранее, именно, что его марксизм имел по существу академический, созерцательный характер. Когда в апреле 1889 года Каутский пишет Энгельсу из Вены, во время стачки: "Мои мысли больше на улице, чем за письменным столом" (стр. 242), то эта фраза, даже под пером молодого Каутского, кажется неожиданной и почти фальшивой. Его операционным полем оставался всю жизнь письменный стол. Уличные события он воспринимал как помеху. Популяризатор доктрины, истолкователь прошлого, защитник метода - да; но не человек действия, не революционер, не наследник духа Маркса и Энгельса.

Переписка не только полностью вскрывает коренное различие двух фигур, но и обнаруживает совершенно неожиданно, по крайней мере, для позднейшего поколения, тот антагонизм, который существовал между Энгельсом и Каутским и привел в конце концов к разрыву личных отношений.

"Генерал"

Военная проницательность Энгельса, опиравшаяся не только на обширные специальные познания, но и на общую способность синтетической оценки обстоятельств и сил, дала ему возможность во время франко-прусской войны опубликовать в лондонском "Пель-Мель"⁸² замечательные военные обозрения, которые молва приписывала одному из высших военных авторитетов того времени (господа "авторитеты", вероятно, не без удивления поглядывали на себя в зеркало). В кругу друзей Энгельс получил шуточную кличку Генерала. Этим именем подписан ряд его писем к Каутскому.

Энгельс не был оратором, или, может быть, не имел случая стать им. Он даже относился к "ораторам" с оттенком пренебрежения, считая не без основания, что они склонны банализировать мысль. Но Каутский вспоминает Энгельса как замечательного собеседника с неистощимой памятью, замечательной находчивостью и меткостью слова. К сожалению, сам Каутский - посредственный наблюдатель и совсем не художник: из своих писем Энгельс выступает неизмеримо ярче, чем из комментариев и воспоминаний Каутского.

Отношения Энгельса к людям, чуждые сентиментальности или иллюзий, были проникнуты насковзь пронизательной простотой и поэтому глубоко человечны. В его присутствии за вечерним столом, где сходились представители разных стран и континентов, как бы сам собою исчезал контраст между изысканной радикальной графиней Шак⁸³ и совсем неизысканной русской нигилисткой⁸⁴ Верой Засулич. Щедрость личности хозяина дома выражалась также и в этой счастливой способности подняться самому и поднять других над всем второстепенным и внешним, нисколько не поступаясь при этом ни своими взглядами, ни даже своими привычками.

Напрасно было бы у этого революционера искать черт богемы, столь нередких в среде радикальной интеллигенции. Энгельс не терпел неряшливости и небрежности ни в крупном, ни в малом. Он любил точность мысли и точность в расчетах, точность выражения и точность печатания. Когда немецкий издатель пытался изменить его правописание, Энгельс потребовал выправить заново несколько печатных листов. "Я так же мало, - писал он, - позволю навязывать мне орфографию, как и жену" (стр. 147). В этой сердитой и в то же время шуточной фразе Энгельс встает перед нами, как живой!

Помимо родного языка, которым он владел как виртуоз, Энгельс свободно писал по-английски, по-французски, по-итальянски, читал по-испански и почти на всех славянских и скандинавских языках. Его философских, экономических, исторических, естественно-исторических, филологических и военных знаний хватило бы на добрый десяток ординарных и экстраординарных профессоров. Но и за вычетом всего этого у него осталось его главное сокровище: окрыленная мысль.

В июне 1884 года, когда Бернштейн и Каутский, поддаваясь симпатиям и антипатиям самого Энгельса, жаловались ему на начинающееся засилие в партии всякого рода "образованных" филистеров, Энгельс отвечал им: "Главное дело - ни в чем не уступать, но сохранять при этом полное спокойствие духа" (стр. 119). Если сам Генерал не всегда сохранял "спокойствие духа" в буквальном смысле слова, - наоборот, он умел великолепно вскипать, - то он всегда быстро поднимался над временными злоключениями, возвращая себе необходимое равновесие мыслей и чувств. Стихия этой личности - оптимизм с доброй приправой юмора по отношению к себе и своим и - иронии по отношению к врагам. В оптимизме Энгельса нет и крупинцы самодовольства: само слово это отскакивает от его образа. Подпочвенные источники жизнерадостности крылись, конечно, в счастливом, гармоническом темпераменте: но этот темперамент насковзь пронизан мыслью, которая несла в себе высшую из радостей: радость

творческого познания.

Оптимизм Энгельса одинаково распространялся и на политические вопросы, и на личные дела. После любого поражения он сейчас же находил обстоятельства, которые подготавливают новый подъем, и после каждого жизненного удара он умел встряхнуться и глядеть вперед. Таким он сохранился до конца. Ему приходилось иногда неделями лежать, чтобы избавиться от грыжи, которую причинило ему падение с лошади во время "джентльменской" охоты на лисиц. Старые глаза подчас отказывались служить при искусственном свете, без которого и днем не обойтись при лондонских туманах. Только вскользь упоминает Энгельс о своих недомоганиях в объяснение каких-нибудь задержек и тут же обещает, что на днях все "пойдет лучше", и тогда работа закипит вовсю.

В одном из писем Маркса упоминается, что Энгельс имел привычку при разговоре игриво подмигивать глазом. Это ободряющее "подмигивание" проходит через всю переписку Энгельса. Человек долга и глубоких привязанностей меньше всего похож на аскета. Он любит природу, искусство во всех его видах, общество умных и веселых людей с участием женщин, шутку и смех, хороший ужин, хорошее вино, хороший табак. Ему не претит подчас даже утробный юмор Рабле, который охотно ищет своих вдохновений ниже грудобрюшной преграды. Вообще ничто человеческое ему не чуждо. Нередки в его корреспонденции упоминания о том, что новый год, счастливые выборы в Германии, его собственный день рождения, а иногда и события меньшего масштаба были вспрыснуты в его доме несколькими бутылками хорошего вина. Изредка мы наталкиваемся на жалобу Генерала по поводу того, что он вынужден лежать на софе "вместо того, чтобы выпивать с вами..., ну, что отсрочено, то не потеряно" (стр. 335). Автору этих строк перевалило за 72 года. Через несколько месяцев в прессу проник ложный слух о тяжком заболевании Энгельса. 73-летний Генерал пишет: "Ну-с, по поводу чрезвычайного упадка сил и ежечасно ожидаемой кончины мы опорожнили разные бутылки" (стр. 352).

Эпикурец85? Но второстепенные "дары жизни" никогда не имели над этим человеком власти. Зато его подлинно захватывали за живое семейные нравы дикарей, или загадки ирландской филологии, всегда в неразрывной связи с грядущими судьбами человечества. Он мог позволить себе тривиальную шутку только в обществе нетривиальных людей. Под его юмором, иронией, жизнерадостностью всегда чувствовался нравственный пафос - без малейших фраз и поз, глубоко скрытый, но тем более подлинный и всегда готовый на жертву. Коммерсант, владелец фабрики, охотничьей лошади и домашнего винного погреба был революционным коммунистом до мозга костей.

Душеприказчик Маркса

Каутский несколько не преувеличивает, когда говорит в своих комментариях к переписке, что во всей мировой истории нельзя найти примера, когда бы два человека с такими могучими темпераментами и с такой идейной независимостью, как Маркс и Энгельс, оставались в течение всей своей жизни

столь неразрывно связанными развитием своих мыслей, своей общественной деятельностью и личной дружбой. Энгельс был легче на подъем, подвижнее, предприимчивее, разнообразнее; Маркс - тяжеловеснее, упорнее, суровее к себе и другим. Сам звезда первой величины, Энгельс признавал умственный авторитет Маркса с такой же простотой, с какой он устанавливал все вообще свои личные и политические отношения.

Совместная работа двух друзей - вот где это слово звучит полным звуком! - заходила так глубоко, что провести окончательную линию водораздела между их произведениями никогда не удастся. Однако неизмеримо важнее чисто литературного сотрудничества то духовное общение между ними, которое никогда не прекращалось: они либо переписывались изо дня в день эпиграмматически, понимая друг друга с полуслова, либо вели столь же эпиграмматические беседы в дыму сигар. В течение четырех десятков лет Маркс и Энгельс в постоянной борьбе с официальной наукой и традиционными предрассудками заменяли друг друга общественное мнение.

Материальную помощь Марксу Энгельс рассматривал как важнейший политический долг; ради этого, главным образом, он и закабалил себя на много лет "проклятой коммерцией", в сфере которой он действовал столь же успешно, как и во всех других: его состояние росло, а вместе с тем росло и благосостояние семьи Маркса. После его смерти Энгельс перенес все свои заботы на его дочерей. Старая прислуга Марксов, неразрывно сросшаяся со всей семьей, Елена Демут⁸⁶ перешла к этому времени хозяйкой в дом Энгельса. Он относился к ней с нежной преданностью, делился всеми интересами, какие были ей доступны, и после ее смерти жаловался, что ему не хватает ныне ее советов не только в личных, но и в партийных делах. Почти все свое состояние, составлявшее, кроме библиотеки, обстановки и проч., сумму в 30.000 фунт[ов] стерлингов, Энгельс завещал дочерям Маркса.

Если в молодые годы Энгельс ушел в тень текстильной промышленности Манчестера, чтоб дать Марксу возможность работать над "Капиталом", то теперь, стариком, он без жалоб и, можно уверенно сказать, без сожаления отодвинул в сторону собственные исследования, чтобы проводить годы над разборкой иероглифических рукописей Маркса, над тщательным просмотром переводов и не менее тщательной корректурой его произведений почти на всех европейских языках. Нет, в этом "эпикурейце" сидел совсем необыкновенный стоик!

Сообщения о ходе работ над литературным наследством Маркса составляют один из наиболее постоянных мотивов в переписке Энгельса с Каутским, как и с другими единомышленниками. В письме к матери Каутского⁸⁷ (1885 г.), небызвестной в то время писательнице тенденциозных романов, Энгельс выражает надежду на то, что старая Европа снова придет, наконец, в движение: "Я хочу лишь надеяться, - прибавляет он, - что она оставит мне еще время закончить 3-ий том "Капитала", а после этого пусть действует!" (стр. 206) Из этой полушутливой фразы ясно видно, какое значение придавал он "Капиталу"; но видно и другое: революционное действие стоит для него над всякой книгой,

даже и над "Капиталом". 3 декабря 1891 г., т. е. через шесть лет, Энгельс объясняет Каутскому свое длительное молчание: "Виною в том третий том, над которым я снова потею". Он не только разбирает по убийственной рукописи главы о денежном капитале, банках и кредите, но и штудирует попутно соответствующую литературу. Правда, он знает заранее, что сможет оставить рукописи в большинстве случаев такими, как они вышли из-под пера Маркса; но своими вспомогательными исследованиями он хочет обеспечить себя от промахов при редактировании. Ко всему этому еще бездна мелких технических забот! Энгельс переписывается по поводу того, нужна или не нужна в таком-то месте текста запятая, и особо благодарит Каутского за открытую им в рукописи буквенную опisku. Это не педантизм, это - добросовестность, для которой нет ничего безразличного, когда речь идет о научных итогах жизни Маркса.

От слепого преклонения перед текстом Энгельс, однако, дальше, чем кто бы то ни было. Просматривая изложение экономической теории Маркса, сделанное французским социалистом Девилем⁸⁸, Энгельс часто впадал, по собственным словам, в искушение вычеркивать или исправлять отдельные фразы, которые на проверку оказывались... фразами самого Маркса. Но суть в том, что "в оригинале они, благодаря всему предшествующему, подвергались ясному ограничению. У Девиля же принимали абсолютно всеобщее и тем самым неправильное значение" (стр. 95). В немногих словах здесь дана классическая характеристика столь обычных злоупотреблений с готовыми формулами учителя ("magister dixit"⁸⁹).

Но и это еще не все. Энгельс не только расшифровывает, обрабатывает, переписывает, корректирует и комментирует второй и третий тома "Капитала", - он зорко охраняет память Маркса от враждебных покушений. Консервативный прусский социалист Робертус⁹⁰ и его почитатели утверждали, что Маркс использовал научное открытие Робертуса без ссылок на него, т. е. совершил, другими словами, плагиат. "Какое чудовищное невежество нужно, - пишет Энгельс Каутскому в 1884 г., - чтобы утверждать нечто подобное" (стр. 140). И Энгельс заново штудирует ненужного ему Робертуса, чтобы во всеоружии опровергнуть обвинение.

В письмах к Каутскому находит не менее яркое отражение и эпизод с известным немецким экономистом Brentano⁹¹, обвинившим Маркса в ложном цитировании Gladstone⁹². Кто, как не Энгельс, знал научную скрупулезность Маркса, который к каждой, даже и абсурдной идее противника относился с таким же вниманием, с каким бактериолог относится к болезнетворной бацилле. Упрек в избытке добросовестности десятки раз встречается в письмах Энгельса к Марксу и к общим друзьям. Немудрено, если все другие работы отодвигаются ради гневного опровержения Brentano.

Энгельс носился с мыслью написать биографию Маркса. Никто не мог бы написать ее так, как он, ибо она, по необходимости, должна была бы явиться в значительной степени автобиографией самого Энгельса. "К этой работе, - пишет он Каутскому, - о которой я давно уже думаю с радостью, я приступлю сейчас же, как только смогу" (стр. 382). Энгельс обещает себе не отвлекаться: "Мне

74 года - я должен торопиться". И сейчас еще нельзя без горечи думать о том, что Энгельсу не удалось "поторопиться" и выполнить свой замысел.

Для готовившегося в Швейцарии народного олеографического портрета⁹³ Маркса Энгельс дал через Каутского описание своего умершего друга в красках: "Настолько смуглый, насколько это вообще возможно для южного европейца, без большой румяности на щеках... Усы черные как смоль, с белыми волосками, а волосы на голове и борода снежно-белые" (стр. 149). Из этого описания становится яснее, почему Маркса в семье и в кругу друзей называли Мавром.

Учитель вождей

В первые два года переписки Энгельс пишет в обращении: "Дорогой господин Каутский" (слово "товарищ" еще не пользовалось признанием); после первого сближения в Лондоне обращение сокращается до двух слов: "Дорогой Каутский"; с марта 1884 года Энгельс переходит с Бернштейном и Каутским, каждый из которых был моложе его на 25 лет, на "ты". "С 1883 года, - пишет не без основания Каутский, - Энгельс рассматривал Бернштейна и меня как наиболее надежных представителей Марксовой теории" (стр. 93). В переходе на ты скрывалось несомненное расположение учителя к молодым ученикам. Но действительной близости внешняя фамильярность не означала: мешало ей главным образом то, что и Каутский, и Бернштейн были изрядно пропитаны филистерством. Во время их долгого пребывания в Лондоне Энгельс помог им усвоить марксистский метод. Но он не мог привить им ни революционной воли, ни смелой мысли. Ученики были и остались детьми другого духа.

Маркс и Энгельс пробудились в бурную эпоху и прошли через революцию 1848 года уже как сложившиеся бойцы. Каутский и Бернштейн сформировались в течение сравнительно мирного промежутка между той эпохой войн и революций, которая тянулась от 1848 до 1871 года, и той, которая, открывшись русской революцией 1905 года и мировой войной 1914 года, далеко еще не закончилась и сейчас. Всю свою долгую жизнь Каутский умел уклоняться от выводов, которые грозили нарушить его умственный или физический покой. Он не был революционером, и это безнадежно отдаляло его от красного Генерала.

Да и помимо этого они были слишком различны. При непосредственном общении Энгельс, несомненно, только выигрывал: его личность была богаче и привлекательнее всего того, что он писал и делал. Ни в каком случае нельзя сказать того же о Каутском. Лучшие из его книг гораздо умнее его самого. При личном общении он сильно терял. Может быть, этим объясняется отчасти тот факт, что Роза Люксембург, которая жила бок о бок с Каутским, разглядела его филистерство раньше Ленина, несмотря на то, что уступала Ленину в политической проницательности. Но это относится уже к более позднему времени.

Из переписки совершенно очевидно, что не только в политической, но и в теоретической области между учителем и учеником всегда оставалась незримая перегородка. О работах Франца Меринга или Георгия Плеханова Энгельс, вообще скупой на похвалы, отзывался иногда с восторгом ("Ausgerechnet!"⁹⁴).

Каутского он одобряет всегда сдержанно, а под критикой его чувствуется оттенок раздражения. Как и Маркса при первом появлении Каутского в его доме, Энгельса отталкивали всезнайство и пассивное самодовольство молодого венца. Как легко находил он ответы на самые сложные вопросы! Правда, Энгельс сам склонен бывал к поспешным обобщениям; но у него зато были орлиные крылья и орлиный взор, а с годами он все больше перенимал у Маркса беспощадную к себе научную добросовестность. Каутский же при всех своих способностях был человеком золотой середины.

"Девять десятых нынешних немецких писаний, - так предостерегал учитель ученика, - составляют писания о других писаниях" (стр. 139). Это значит: нет исследования живой действительности, нет движения мысли вперед. По поводу работ Каутского по вопросам первобытной истории Энгельс пытается внушить ему, что в этой большой и темной области сказать что-нибудь действительно новое можно не иначе, как изучив вопрос до конца. "Иначе, - прибавляет он довольно безжалостно, - книги, подобные 'Капиталу', были бы гораздо чаще" (стр. 85).

Через год (20 сентября 1884 г.) Энгельс снова ставит Каутскому в упрек "аподиктические утверждения⁹⁵ в таких областях, где ты сам не чувствуешь себя твердым" (стр. 144). Эта нота проходит через всю переписку. Упрекая Каутского в вульгарном осуждении "абстракции", - без абстрактного мышления нет мышления вообще, - Энгельс дает классическое определение животворной и мертвящей абстракции. "Маркс сводит имеющееся в вещах и отношениях общее содержание к его наиболее всеобщему мысленному выражению; его абстракция воспроизводит, следовательно, лишь в мысленной форме содержание, уже заложенное в самих вещах. Робертус же создает себе более или менее несовершенное мысленное выражение и мерит вещи этим понятием, по которому они должны равняться" (стр. 144). Девять десятых ошибок человеческого мышления укладывается в эту формулу. Через одиннадцать лет в последнем своем письме Каутскому Энгельс, отдавая должное его исследованию о "предтечах социализма", снова делает автору упрек в склонности к "общим местам там, где имелся пробел в изучении". "В отношении стиля ты, чтоб оставаться популярным, впадаешь то в тон передовой статьи, то в тон школьного учителя" (стр. 388). Нельзя выразиться более метко о литературной манере Каутского!

В то же время умственная щедрость учителя по отношению к ученику поистине неистощима. Важнейшие статьи плодovitого автора он прочитывает в рукописи, и каждое из его критических писем содержит неоценимые указания, плод серьезных размышлений, а иногда и изысканий. Известная работа Каутского "Классовые противоречия во французской революции", переведенная почти на все языки цивилизованного человечества, тоже прошла, как оказывается, через умственную лабораторию Энгельса. Большое письмо его, посвященное социальным группировкам в эпоху Великой революции XVIII века и, заодно, - применению материалистического метода к историческим событиям, представляет собой один из самых великолепных документов человеческой мысли. Оно слишком сжато и каждой своей формулой предполагает слишком значительный багаж знаний, чтобы

войти в обиход массового чтения; но кто серьезно продумывал динамику классовых отношений в революционную эпоху, как и общие проблемы материалистического истолкования событий, - для того этот столь долго лежавший под спудом документ останется навсегда источником не только теоретического поучения, но и эстетического наслаждения.

Развод Каутского и конфликт с Энгельсом

Каутский утверждает - не без задней мысли, как увидим, - что Энгельс плохо разбирался в людях. Несомненно, Маркс был в гораздо большей мере "ловцом человек". Он лучше умел играть на их сильных и слабых сторонах и доказал это, например, своей нелегкой работой в крайне разношерстном Генеральном совете Первого Интернационала. Однако именно переписка Энгельса как нельзя лучше свидетельствует, что, если он не всегда счастливо маневрировал в личных отношениях, то это вытекало из его бурной непосредственности, но никак не из неумения распознавать людей. Сам Каутский, очень близорукий в вопросах психологии, приводит в качестве примера упрямую защиту Энгельсом друга дочери Маркса - Эвелинга⁹⁶, который оказался при несомненных способностях мало достойной личностью. Осторожно, но очень настойчиво Каутский стремится внушить ту мысль, что в отношении к нему лично Энгельс не проявил психологической чуткости. С этой целью и поднят, собственно, вопрос о способности Энгельса разбираться в людях.

Всю свою жизнь Энгельс особенно бережно относился к женщине, как угнетенной вдвойне. Этот энциклопедически образованный гражданин мира был женат на простой текстильной работнице, ирландке, а после ее смерти сошелся с ее сестрой. Его нежность к обеим была поистине замечательной. Недостаточный отклик Маркса на смерть Мэри Бернс, первой жены Энгельса, вызвал облачко в их отношениях, видимо, первое и последнее за 40 лет их дружбы. К дочерям Маркса Энгельс относился так, как если бы они были его собственными детьми; но в то время как сам Маркс, видимо, не без влияния своей жены, пытался вмешиваться в сердечные дела своих дочерей, Энгельс осторожно давал ему понять, что эти дела не касаются никого, кроме самих участников. Особенной любовью Энгельса пользовалась младшая дочь Маркса Элеонора⁹⁷. Ее другом стал Эвелинг, женатый человек, порвавший со своей первой семьей: это обстоятельство создавало вокруг "незаконной" четы атмосферу удушливого, истинно британского лицемерия. Мудрено ли, если Энгельс взял под свою крепкую защиту Элеонору и ее друга, даже независимо от его моральных качеств? Элеонора боролась за свою любовь к Эвелингу, пока хватало сил. Энгельс не был слеп, но он считал, что вопрос о личности Эвелинга касается прежде всего Элеоноры. За собою он оставлял лишь долг защищать ее от лицемерия и злословия. "Руки прочь!" - упрямо говорил он благочестивым филистерам. В конце концов Элеонора не выдержала ударов личной жизни и покончила с собою.

Каутский ссылается на то, что Энгельс поддерживал Эвелинга также и в политике. Но это объясняется попросту тем, что Элеонора, как и Эвелинг,

действовали политически под прямым руководством Энгельса. Правда, деятельность их далеко не дала ожидавшихся результатов. Но и деятельность их антагониста Гайндмана⁹⁸, за которого продолжает держаться Каутский, также закончилась крушением. Причину неудачи первых марксистских попыток надо искать в объективных условиях Англии, прекрасно вскрытых тем же Энгельсом. Его личная неприязнь к Гайндману питалась, в частности, тем, что тот упорно замалчивал имя Маркса, оправдываясь нелюбовью англичан к иностранным авторитетам. Энгельс, однако, подозревал, что в самом Гайндмане сидит "самый шовинистический Джон Буль"⁹⁹, какой только есть" (стр. 140). Каутский пытается отвести подозрения Энгельса на этот счет, как будто позорное поведение Гайндмана в войне - об этом у Каутского ни слова! - не обнаружило его злокачественный шовинизм до конца. Насколько же Энгельс и тут оказался проницательнее!

Однако главный пример "неумения" Энгельса разбираться в людях относится к жизни самого Каутского. В опубликованной ныне переписке большое, если не центральное, место занимает развод Каутского со своей первой женой¹⁰⁰. Это щекотливое обстоятельство и удерживало, видимо, Каутского так долго от выпуска старых писем в свет. Весь эпизод ныне впервые становится достоянием печати... Молодая чета Каутских прожила свыше трех лет в Лондоне в постоянном и безоблачном общении с Энгельсом и его домочадцами. Весть о разводе Карла и Луизы Каутских, происшедшем почти сейчас же после их переезда на континент, буквально потрясла Генерала. Все ближайшие друзья оказались помимо своей воли как бы моральными арбитрами в этом конфликте. Энгельс сразу и безоговорочно встал на сторону жены и не изменил этой позиции до конца.

В письме от 17 октября 1888 года Энгельс отвечает Каутскому: "Прежде всего следовало взвесить различие в положении женщины и мужчины при нынешних условиях... Мужчина только в самом крайнем случае, только после зрелого размышления, только при полной ясности относительно необходимости этого дела может предпринять этот наиболее крайний шаг, но и то в самой осторожной и мягкой форме" (стр. 227). В устах Энгельса, который хорошо знал, что сердечные дела касаются лишь самих заинтересованных, эти фразы звучат несколько неожиданной нравоучительностью. Но не случайно, однако, он направлял их по адресу Каутского... У нас нет ни возможности, ни основания пытаться разобраться в брачном конфликте, все элементы которого нам недоступны. Сам Каутский почти воздерживается от комментариев к своей давно ушедшей в прошлое семейной истории. Из его осторожных замечаний должно, однако, вытекать, что Энгельс определил свою позицию под односторонним влиянием Луизы. Но откуда взялось это влияние? Во время развода обе стороны оставались в Австрии. Как и в случае с Элеонорой, Каутский явно обходит суть дела. По всей своей натуре Энгельс был склонен - по крайней мере, при прочих равных условиях - встать на защиту слабейшей стороны. Но, очевидно, в его глазах и "прочие" условия не были равны. Сама возможность "влияния" на него Луизы говорит в ее пользу. Наоборот, в фигуре Каутского были черты, которые

явно отталкивали Энгельса. Он мог молчать об этом, пока сношения ограничивались вопросами теории и политики. Но оказавшись по инициативе самого Каутского вовлеченным в его семейный конфликт, он без особого снисхождения высказал то, что думал. Взгляды человека и его нравы, как известно, совсем не одно и то же. В марксисте Каутском Энгельс явно чувствовал венского мелкого буржуа, самодовольного, эгоистичного и изрядно консервативного. Отношение к женщине - одно из важнейших мерил мужской личности. Энгельс считал, очевидно, что в этой области марксист Каутский нуждается еще в некоторых прописях буржуазного гуманизма. Прав был Энгельс или нет, но именно так объясняется его поведение.

В сентябре 1889 года, когда развод стал уже фактом, Каутский, желая, очевидно, показать, что он совсем не так черств и эгоистичен, неосторожно писал Энгельсу о своем "сострадании" к Луизе. Но именно это слово вызвало новый взрыв возмущения в ответ: "Луиза во всем этом деле держалась с таким героизмом и с такой женственностью... - гремел разгневанный Генерал, - что если вообще кого-либо следовало бы пожалеть, то конечно, не Луизу" (стр. 248). Эти беспощадные слова, следующие сейчас же за более примирительной фразой: "Вы двое только одни компетентны, и что вы одобряете, то мы - другие - должны принять" (стр. 248), дают безошибочный ключ к позиции Энгельса в конфликте и очень неплохо освещают всю его фигуру.

Дело с разводом сильно затянулось, так что Каутский оказался вынужден провести в Вене целый год. Вернувшись в Лондон (осенью 1889 г.), он уже не нашел у Энгельса того теплого приема, к которому привык. Мало того, Энгельс как бы демонстративно пригласил Луизу хозяйкой в свой дом, осиротевший со смертью старой Елены Демут. Луиза вышла вскоре вторично замуж и жила в доме Энгельса вместе со своим мужем. Наконец, Луизу Энгельс сделал одной из своих наследниц. В своих привязанностях Генерал был не только великодушен, но и упорен.

21 мая 1895 г. за десять недель до смерти больной Энгельс по случайному в сущности поводу написал Каутскому крайне раздраженное письмо, полное желчных упреков. Каутский категорически заверяет, что упреки были неосновательны. Возможно. Но на свою попытку рассеять подозрения старика ответа он не получил. 6 августа Энгельса не стало. Каутский пытается объяснить трагический для него разрыв состоянием болезненной раздражительности учителя. Объяснение явно недостаточное. Письмо Энгельса, наряду с гневными упреками, включает в себе суждения о сложных исторических проблемах, дает доброжелательную оценку последней научной работы Каутского и вообще свидетельствует о высокой ясности духа. К тому же мы знаем от самого Каутского, что перемена в отношениях наступила лет за 7 до разрыва и сразу приняла недвусмысленный характер.

В январе 1889 года Энгельс еще твердо рассчитывал сделать Каутского и Бернштейна литературными душеприказчиками Маркса и своими собственными. В отношении Каутского он, однако, скоро отказался от этой мысли. Уже отданные ему для разборки и переписки рукописи ("Теории прибавочной стоимости")

Энгельс под явно искусственным предлогом вытребовал обратно. Это произошло в том же 1889 г., когда о болезненной раздражительности не было еще и речи. О причинах того, почему Энгельс вычеркнул Каутского из числа своих литературных душеприказчиков, мы можем высказать только догадку; но она властно вытекает из всех обстоятельств дела. Сам Энгельс, как мы знаем, относился к изданию литературного наследия Маркса как к главному делу своей жизни. У Каутского этого отношения не было и в помине. Молодой плодовитый писатель был слишком занят самим собою, чтобы отдавать рукописям Маркса то внимание, какого требовал для них Энгельс. Может быть, старик опасался даже, что много пишущий Каутский вольно или невольно использует отдельные мысли Маркса для собственных "открытий". Только так можно объяснить замену Каутского Бебелем, теоретически гораздо менее подходящим, но зато пользовавшимся полным доверием Энгельса. К Каутскому этого доверия не было.

Если мы до сих пор слышали от Каутского, что Энгельс, в отличие от Маркса, был плохим психологом, то в другом месте своих комментариев Каутский берет уже обоих своих учителей за общие скобки: "Большими знатоками людей, - пишет он, - видимо, они не были оба" (стр. 44). Эта фраза кажется невероятной, если вспомнить богатство и несравненную меткость личных характеристик, рассеянных не только в письмах и памфлетах Маркса, но и в его Капитале. Можно сказать, что Маркс по отдельным признакам устанавливал человеческий тип, как Кювье¹⁰¹ по челюсти - животное. Если Маркс не разгадал в 1852 году венгерско-прусского провокатора Бангия (Bangya)¹⁰², - единственный пример, на который ссылается Каутский! - то это лишь доказывает, что Маркс не был ни ясновидящим, ни хиромантом и мог делать ошибки в оценке людей, особенно случайно подвернувшихся. Своим утверждением Каутский явно стремится ослабить впечатление от неблагоприятного отзыва, который Маркс дал о нем после первого и последнего с ним свидания. В полном противоречии с собою Каутский пишет двумя страницами ниже, "что Маркс очень хорошо владел искусством обращения с людьми, это он наиболее блестящим образом показал, несомненно, в Генеральном Совете Интернационала." (стр. 46) Остается спросить: как можно руководить людьми, тем более "блестяще", не умея распознавать их характер? Нельзя не прийти к выводу, что Каутский плохо подвел итоги своим отношениям с учителями!

Оценки и прогнозы

В письмах Энгельса рассыпаны характеристики отдельных лиц и афористические суждения о событиях мировой политики. Ограничимся немногими примерами. "Парадоксальный беллетрист Шоу¹⁰³, - как беллетрист, очень талантливый и остроумный, как экономист и политик - абсолютно негодный" (стр. 338). Отзыв 1892 года и сейчас сохраняет всю свою силу. Известный журналист В.Т.Стэд¹⁰⁴ характеризуется как "совершенно взбалмошный парень, но блестящий делец" (стр. 298). О Сиднее Веббе Энгельс отзывается кратко: "ein echter britischer politician"¹⁰⁵ (истинно британский политикан). Из всех

отзывов Энгельса это, может быть, самый неприязненный.

В январе 1889 года, в разгар буланжистской кампании во Франции, Энгельс писал: "Избрание Буланже¹⁰⁶ приводит положение во Франции к кризису. Радикалы... превратили себя в слуг оппортунизма и коррупции и этим буквально вскормили буланжизм" (стр. 231). Эти строчки поражают своей свежестью - стоит только сегодня буланжизм заменить фашизмом.

Теорию об "эволюционном" превращении капитализма в социализм Энгельс бичует, как "благочестиво-жизнерадостное `врастание' старого свинства в социалистическое общество". Эта эпиграмматическая формула предвосхищает итог прений, которые заняли впоследствии долгие годы.

В том же письме Энгельс обрушивается на речь социал-демократического депутата Фольмара¹⁰⁷ "с ее... излишними и сверх того неправомочными заверениями, что социал-демократы не останутся в стороне, если отечество подвергнется нападению, - будут, следовательно, помогать защищать аннексию Эльзаса-Лотарингии..." Энгельс требовал, чтоб руководящие органы партии публично дезавуировали Фольмара. Во время великой войны¹⁰⁸, когда немецкие социал-патриоты трепали имя Энгельса на все лады, Каутский не догадался опубликовать эти строки. К чему? Война и без того доставила ему слишком много беспокойств.

1 апреля 1895 г. Энгельс протестует против того употребления, которое сделал из его предисловия к марксовой "Классовой борьбе во Франции" центральный орган партии "Форвертс". При помощи пропусков статья так искажена, - возмущается Энгельс, - "что я оказываюсь миролюбивым поклонником законности во что бы то ни стало". Он требует устранить во что бы то ни стало "это постыдное впечатление" (стр. 383). Энгельс, которому шел в это время 75-ый год, явно не успел отрешиться от революционных увлечений молодости!

*

Если уж говорить об ошибках Энгельса в людях, то в качестве примера следовало бы привести не неопрятного в личных делах Эвелинга и не шпиона Бангия, а виднейших вождей социализма: Виктора Адлера, Геда, Бернштейна, самого Каутского и многих других. Все они, без исключения, обманули его ожидания, правда, уже после его смерти. Но именно этот повальный характер "ошибки" свидетельствует, что дело шло совсем не о проблемах индивидуальной психологии.

О германской социал-демократии, которая делала быстрые успехи, Энгельс писал в 1884 г., как о партии, "свободной от всякого шовинизма в наиболее опьяненной победой стране Европы" (стр. 154). Позднейший ход развития показал, что Энгельс слишком прямолинейно рисовал себе будущий ход революционного развития. Он не предвидел прежде всего того мощного капиталистического расцвета, который начался как раз после его смерти и длился до кануна империалистической войны: именно в течение этих пятнадцати лет экономического полнокровия произошло полное оппортунистическое

перерождение руководящих кругов рабочего класса. Оно полностью раскрылось в войне и привело в конце концов к постыдной капитуляции перед национал-социализмом.

По словам Каутского, Энгельс еще в 80-ые годы считал, будто бы, что германская революция "сперва приведет к власти буржуазную демократию, и лишь затем - социал-демократию", в противовес чему он, Каутский, уже тогда предвидел, что "ближайшая немецкая революция может быть только пролетарской" (стр. 190). Но замечательно, что в связи с этим старым, вряд ли правильно воспроизводимым разногласием Каутский совсем не ставит вопроса о том, какою же была в действительности немецкая революция 1918 года? Иначе ему пришлось бы сказать: революция эта была пролетарской; она сразу вручила власть социал-демократии; но эта последняя при участии самого Каутского вернула власть буржуазии, которая оказавшись неспособной удержать власть, призвала на помощь Гитлера.

Историческая действительность неизмеримо богаче возможностями и переходными этапами, чем самое гениальное воображение. Политические прогнозы ценны не тем, что они совпадают с каждым этапом действительности, а тем, что они помогают разбираться в ее подлинном развитии. Под этим углом зрения Фридрих Энгельс выдержал экзамен истории.

Л.Троцкий

Oslo, Kommunale Sykehus

15 октября 1935 г.

Сектантство, центризм и Четвертый Интернационал

Смешно было бы отрицать наличие сектантских тенденций в нашей среде. Они обнаружены целым рядом дискуссий и отколов. Да и как не быть элементам сектантства в идейном течении, которое непримиримо противостоит всем господствующим в рабочем классе организациям и подвергается во всем мире чудовищным, совершенно небывалым преследованиям? На наше "сектантство" по каждому поводу охотно указывают реформисты и центристы, причем чаще всего они имеют в виду не наши слабые, а наши сильные стороны: серьезное отношение к теории; стремление продумать каждую политическую обстановку до конца и дать ясные лозунги; нашу ненависть к тем "легким" и "удобным" решениям, которые сегодня избавляют от забот, но зато на завтра готовят катастрофу. Обвинение в сектантстве со стороны оппортунистов есть чаще всего похвала.

Курьез, однако, в том, что в сектантстве нас обвиняют нередко не только реформисты и центристы, но и противники "слева", заведомые сектанты, которых можно было бы в этом качестве демонстрировать в любом музее. Причиной их недовольства нами является наша непримиримость к ним самим, наше стремление очиститься от сектантских болезней детства и подняться на более высокую ступень.

Человеку поверхностному может казаться, что слова: сектант, центрист и пр. являются просто полемическими кличками, которыми противники обмениваются

за недостатком других, более подходящих ругательств. Между тем понятие сектантства, как и понятие центризма, имеет в марксистском словаре вполне определенный смысл. На открытых им законах движения капиталистического общества марксизм построил научную программу. Огромное завоевание! Однако мало создать правильную программу. Надо, чтобы ее принял рабочий класс. Сектант же останавливается по сути дела на первой половине задачи. Активное вмешательство в реальную борьбу рабочих масс подменяется для него отвлеченной пропагандой марксистской программы.

Каждая рабочая партия, каждая фракция проходит на первых порах период чистой пропаганды, т. е. воспитания кадров. Кружковый период марксизма неизбежно прививает навыки абстрактного подхода к проблемам рабочего движения. Кто не умеет своевременно перешагнуть через рамки этой ограниченности, тот превращается в консервативного сектанта. Жизнь общества представляется ему большой школой, а сам он в ней - учителем. Он считает, что рабочий класс должен, оставив все свои менее важные дела, сплотиться вокруг его кафедры: тогда задача будет решена.

Хотя бы сектант в каждой фразе клялся марксизмом, он является прямым отрицанием диалектического материализма, который исходит из опыта и к нему возвращается. Сектант не понимает диалектического взаимодействия готовой программы и живой, т. е. несовершенной, незаконченной борьбы масс. По методам своего мышления сектант является рационалистом, формалистом, просветителем. На известной стадии развития рационализм прогрессивен: он направляется критически против слепого предания, против суеверий (XVIII век!). Прогрессивная стадия рационализма повторяется в каждом большом освободительном движении. Но с того момента, когда рационализм (абстрактный пропагандизм) направляется против диалектики, он становится реакционным фактором. Сектантство враждебно диалектике (не на словах, а на деле) в том смысле, что оно становится спиной к действительному развитию рабочего класса.

Сектант живет в сфере готовых формул. Жизнь проходит мимо него, чаще всего не замечая его; но иногда она попутно дает ему такой щелчок, что он поворачивается на 180° вокруг своей оси и продолжает нередко идти по прямой линии, только... в противоположном направлении. Разлад с действительностью вызывает у сектанта потребность в постоянном уточнении формул. Это называется дискуссией. Для марксиста дискуссия - важное, но служебное средство классовой борьбы. Для сектанта дискуссия - самоцель. Чем больше, однако, он дискутирует, тем больше реальные задачи ускользают от него. Он похож на человека, который удовлетворяет жажду соленой водой: чем больше он пьет, тем сильнее жажда. Отсюда постоянное раздражение сектанта. Кто ему подсыпал соли? Наверное, "капитулянты" из Интернационального Секретариата. Сектант видит врага во всяком, кто пытается разъяснить ему, что активное участие в рабочем движении требует постоянного изучения объективных условий, а не высокомерного командования с сектантской кафедры. Анализ действительности сектант заменяет клеузой, сплетней, истерией.

Центризм является в известном смысле антиподом сектантства: он не выносит точных формул, ищет путей к действительности помимо теории. Но вопреки известной формуле Сталина, "антиподы" часто оказываются... "близнецами". Отрешенная от жизни формула пуста. Живая действительность вне теории неуловима. Так оба они - сектант и центрист - уходят в конце концов с пустыми руками и объединяются... на чувстве враждебности к подлинному марксисту.

Сколько раз встречался нам самодовольный центрист, который считает себя "реалистом" только потому, что пускается в плавание без всякого идейного багажа и отдается каждому встречному течению! Он не понимает, что принципы для революционного пловца - не мертвый груз, а спасательный круг. Сектант же, по общему правилу, вообще не хочет пускаться в плавание, дабы не замочить свои принципы. Он сидит на берегу и читает нравоучения потоку классовой борьбы. Но нередко отчаявшийся сектант бросается очертя голову в воду, хватается за центриста и помогает ему утонуть. Так было, так будет.

*

В нашу эпоху разложения и разброда можно в разных странах встретить немало кружков, которые усвоили себе марксистскую программу, чаще всего путем заимствования у большевиков, но превратили затем свой идейный багаж в большую или меньшую окаменелость.

Возьмем для примера лучший образец этого типа, именно, бельгийскую группу, руководимую товарищем Вареекеном. 10 августа орган этой группы "Спартакус" 109, заявил о ее присоединении к IV Интернационалу. Это заявление следует приветствовать. Но нужно в то же время сказать заранее, что Четвертый Интернационал обрек бы себя на гибель, если бы сделал уступки сектантским тенденциям.

Вареекен был в свое время непримиримым противником вступления французской Коммунистической лиги в Социалистическую партию. Греха в этом нет: вопрос был новый, шаг рискованный, разногласия вполне допустимы. В известном смысле допустимы, по крайней мере, неизбежны, и преувеличения в идейной борьбе. Так, Вареекен предсказывал неизбежную гибель международной организации большевиков-ленинцев в результате ее "растворения" во втором интернационале. Мы бы предложили Вареекелю перепечатать сегодня его прошлогодние пророческие документы в "Спартакус". Но не в этом главная беда. Хуже то, что в своей нынешней декларации "Спартакус" лишь уклончиво отмечает, что французская секция "в значительной мере, скажем даже, в большой мере" оставалась верна своим принципам. Если бы Вареекен действовал как марксистский политик, он сказал бы ясно и точно, в чем именно наша французская секция отошла от своих принципов, и дал бы прямой и открытый ответ на вопрос о том, кто же оказался прав: сторонники вхождения или противники?

Еще неправильнее отношение Вареекена к нашей бельгийской секции, вступившей в реформистскую Рабочую партию. Вместо того, чтобы изучать опыт

работы в новых условиях и критиковать реальные шаги, если они заслуживают критики, Вареекен продолжает жаловаться на условия той дискуссии, в которой он потерпел поражение. Дискуссия была, видите ли, неполной, недостаточной, нелояльной: Вареекен не удовлетворил своей жажды соленой водой. В Лиге вообще нет "настоящего" демократического централизма! Лига проявила по отношению к противникам вступления... "сектанство". Разве не ясно, что у т. Вареекена не марксистское, а либеральное понимание сектанства: в этом пункте он явно сближается с центристами? Неправда, будто дискуссия была недостаточна: она велась в течение ряда месяцев, устно и печатно, притом в интернациональном масштабе. После того, как Вареекену не удалось убедить других в том, что лучшая революционная политика есть топтание на месте, он отказался подчиниться решениям национальной и интернациональной организаций. Представители большинства не раз говорили Вареекену: если опыт покажет, что мы сделали неправильный шаг, мы общими силами исправим ошибку. Неужели же после 12-ти лет борьбы большевиков-ленинцев у вас нет настолько доверия к собственной организации, чтобы сохранить дисциплину действия даже и в случае тактических разногласий? Вареекен не внял дружественным и терпеливым доводам. После вступления большинства бельгийской секции в Рабочую партию группа Вареекена естественно очутилась вне наших рядов. Вина в этом на ней самой, и только на ней.

Если вернуться к вопросу по существу, сектанство т. Вареекена выступает во всей своей догматической неприглядности. Как же так, - возмущался Вареекен, - Ленин говорил о разрыве с реформистами, а бельгийские большевики-ленинцы вступают в реформистскую партию! Но Ленин имел в виду разрыв с реформистами как неизбежный результат борьбы с ними, а не как спасительный акт независимо от места и времени. Раскол с социал-патриотами ему нужен был не для спасения собственной души, а для отрыва масс от социал-патриотизма. В Бельгии профессиональные союзы слиты с партией, бельгийская партия есть по существу организованный рабочий класс. Разумеется, вхождение революционеров в БРП не только открывало возможности, но и налагало ограничения. При пропаганде марксистских идей приходится считаться не только с легальностью партии (обе эти легальности, к слову сказать, в значительной мере совпадают). Приспособление к чужой "легальности" заключает в себе, вообще говоря, несомненную опасность; но это не останавливало большевиков даже от использования царской легальности: в течение ряда лет большевики вынуждены были называть себя на собраниях профессиональных союзов и в легальной печати не социал-демократами, а "последовательными демократами". Правда, это не обошлось даром: к большевизму примкнуло изрядное число элементов, которые были лишь более или менее последовательными демократами, но никак не интернациональными социалистами; однако, дополняя легальную работу нелегальной, большевизм справился с затруднениями. Конечно, "легальность" Вандервельде, де Мана, Спаака и других лакеев бельгийской банкократии налагает очень тяжелые ограничения на марксистов и тем порождает опасности. Но для борьбы с

опасностями реформистского пленения у марксистов, еще недостаточно сильных для создания собственной партии, есть свои методы: точная программа, постоянная фракционная связь, интернациональная критика и проч. Правильно судить о деятельности революционного крыла в реформистской партии можно лишь, если оценивать динамику развития. Вареекен не делает этого по отношению к фракции "Action socialiste revolutionnaire"¹¹⁰, как и по отношению к "Verit". Иначе он не мог бы не признать, что ASR проделала за последний период очень серьезное движение вперед. Каковы будут окончательные итоги, сейчас еще предсказать нельзя. Но вхождение в БРП уже оправдано опытом.

*

Расширяя и обобщая свою ошибку, Вареекен утверждает, что существование отдельных мелких групп, отколовшихся на разных этапах от нашей интернациональной организации, есть доказательство наших сектантских методов. Так реальные отношения опрокидываются вниз головой. На самом деле на первых порах к большевикам-ленинцам примкнуло немалое количество элементов анархического и индивидуалистического склада, вообще неспособных к организационной дисциплине, а иногда и просто неудачников, не сделавших карьеры в Коминтерне. Борьбу против "бюрократизма" эти элементы понимали примерно так: никаких решений никогда не выносить, а вместо этого учредить "дискуссию" как перманентное занятие. Можно сказать с полным правом, что большевики-ленинцы проявили очень много, может быть, слишком много терпения к такого рода одиночкам и группам. Только с того времени, как сложилось международное ядро, которое стало помогать национальным секциям очищать свои ряды от внутреннего саботажа, начался действительный и систематический рост нашей международной организации.

Возьмем несколько примеров групп, отколовшихся от нашей международной организации на разных этапах ее развития.

Французский журнал "Que faire"¹¹¹ является поучительным образцом сочетания сектантства с эклектикой. В важнейших вопросах журнал излагает взгляды большевиков-ленинцев, переставляя запятые и делая нам строгие критические замечания. В то же время в журнале ведется безнаказанная защита социал-патриотических пошлостей под видом дискуссии и под прикрытием "защиты СССР". Как и почему интернационалисты из "Que faire", порвав с большевиками, уживаются мирно с социал-патриотами, этого они и сами не могут объяснить. Ясно, однако, что при таком эклектизме "Que faire" меньше всего способен ответить на вопрос, что делать (que faire). В одном лишь согласны и интернационалисты, и социал-патриоты: ни в каком случае в 4-ый Интернационал! Почему? Нельзя "отрываться" от коммунистических рабочих. Тот же довод мы слышим от САП: не отрываться от социал-демократических рабочих. И здесь антиподы оказываются близнецами. Курьез, однако, в том, что ни с какими рабочими "Que faire" не связан, и по самой своей сущности связаться не может.

О группах "Internationale"¹¹² или "Proletaire"¹¹³ можно сказать еще меньше. Они тоже составляют свои взгляды на основании последних номеров "Verit" с приправой критических импровизаций. Никаких перспектив революционного роста у них нет; но они обходятся без перспектив. Вместо того, чтобы учиться в рамках более серьезной организации (учиться трудно), эти не любящие дисциплины и очень претенциозные "вожди" хотят учить рабочий класс (это им кажется легче). В минуты трезвого размышления они должны сами видеть, что само существование их как "независимых" организаций есть чистейшее недоразумение.

В Соединенных Штатах можно назвать группы Филда и Вейсборда. Филд по всему своему политическому складу - буржуазный радикал, усвоивший себе марксистские экономические воззрения. Чтобы стать революционером, Филду надо было бы ряд лет поработать в революционной пролетарской организации в качестве дисциплинированного солдата; между тем он начал с того, что решил создать "свое собственное" рабочее движение. Заняв позицию "влево" от нас (как же иначе?), Филд вскоре вступил в дружественные отношения с САП. Анекдотическое приключение с Бауэром, как видим, вовсе не является случайным. Стремление встать влево от марксизма фатально заводит в центристское болото.

Вейсборд, несомненно, ближе к революционному типу, чем Филд. Но вместе с тем он представляет наиболее чистый образец сектанта. Он абсолютно неспособен соблюдать пропорции ни в идеях, ни в действиях. Из каждого принципа он делает сектантскую карикатуру. Поэтому даже правильные идеи становятся в его руках орудием дезорганизации собственных рядов.

Незачем останавливаться на подобных же группах в других странах. Они откололись от нас не потому, что мы были нетерпимы или нетерпеливы, а потому, что они сами не хотели и не умели идти вперед. Со времени откола они успели лишь обнаружить свою несостоятельность. Попытки их объединиться друг с другом в национальном или интернациональном масштабе ни разу не привели к результату: сектантству свойственна только сила отталкивания, но не сила притягивания.

Какой-то чудак подсчитал, сколько у нас было "расколов", и насчитал, кажется, несколько десятков. В этом он видел убийственную улику против нашего плохого режима. Курьез состоит в том, что в самой САП, торжественно опубликовавшей эти исчисления, произошло за немногие годы ее существования больше расколов и отколов, чем во всех наших секциях вместе взятых. Сам по себе этот факт, однако, ни о чем не говорит. Нужно брать не голую статистику расколов, а диалектику развития. После всех своих расколов САП осталась крайне разнородной организацией, которая не выдержит первого напора больших событий. Еще в большей мере это относится к лондонскому "Бюро революционного социалистического единства", раздираемому непримиримыми противоречиями: его завтрашний день будет состоять не из "единства", а из одних расколов. Между тем, организация большевиков-ленинцев, очищаясь от сектантских и центристских тенденций, не только сплавивалась общими идеями, не только

росла численно, не только укрепляла свою международную связь, но и нашла путь к слиянию с родственными ее по духу организациями (Голландия и С.Ш.С.А.114). Попытки САП взорвать голландскую партию (справа, через Молинаара115!) и американскую (слева, через Бауэра!) привели лишь ко внутреннему сплочению обеих партий. Можно с уверенностью предсказать, что параллельно с распадом лондонского бюро будет идти все более быстрый рост организаций Четвертого Интернационала.

*

Как сложится новый Интернационал, через какие этапы он пройдет, какую окончательную форму он примет, - этого сейчас никто не может предсказать; да в этом нет и надобности: события укажут. Но начать надо с предъявления программы, которая отвечает задачам нашей эпохи. На основе этой программы надо группировать единомышленников, пионеров нового Интернационала. Другого пути не может быть.

"Коммунистический Манифест" Маркса-Энгельса, направленный непосредственно против всех видов утопически-сектантского социализма, со всей силой указывает, что коммунисты не противопоставляют себя реальному рабочему движению, а участвуют в нем, как авангард. В то же время сам "Манифест" был программой новой партии, национальной и интернациональной. Сектант удовлетворяется программой как рецептом спасения. Центрист руководится знаменитой (по существу, бессмысленной) формулой Эдуарда Бернштейна: "Движение - все, конечная цель - ничто". Марксист выводит научную программу из движения, взятого в целом, чтобы затем применить эту программу к каждому конкретному этапу движения.

Первые шаги нового Интернационала, с одной стороны, затруднены старыми организациями и их обломками, с другой - облегчены грандиозным опытом прошлого. Процесс кристаллизации, очень трудный и мучительный на первых порах, будет в дальнейшем иметь порывистый и быстрый характер. Нынешние международные события имеют неизмеримое значение для формирования революционного авангарда. На свой манер Муссолини - надо это признать - "помог" делу Четвертого Интернационала116. Большие конфликты сметают все половинчатое и искусственное, и, наоборот, укрепляют все жизнеспособное. В рядах рабочего движения война оставляет место только для двух течений: социал-патриотизма, не останавливающегося ни перед каким предательством, и смелого, идущего до конца революционного интернационализма. Именно поэтому центристы, боящиеся надвигающихся событий, ведут бешеную борьбу против Четвертого Интернационала. Они по-своему правы: выжить и развернуться в грохоте великих потрясений сможет только та организация, которая не только очищала свои ряды от сектантства, но и систематически воспитывала их в духе презрения ко всякой идейной половинчатости и трусости.

Л.Троцкий

22 октября 1935 г.

Уроки Октября

От редакции¹¹⁷

Настоящая статья написана для французской газеты "Революция"¹¹⁸, органа парижской организации революционной молодежи. Как читатели убедятся из содержания статьи, главная цель ее - показать на опыте Октябрьской революции гибельный характер политики "народного фронта" во Франции, как и в других странах. Нетрудно, разумеется, возразить, что в России 1917 года дело шло о революционной ситуации, которой нет еще в сегодняшней Франции. Но такой довод бьет мимо цели не только потому, что все элементы революционной ситуации во Франции налицо, но и потому, что партия большевиков и в глухие годы реакции решительно и непримиримо выступала против тенденции меньшевиков к блоку с кадетами. Политика большевиков и меньшевиков в 1917 году полностью выросла из их предреволюционной тенденции.

Уроки Октября

Предложение Фреда Зеллера¹¹⁹ дать статью для "Революции" по поводу 18-ой годовщины Октябрьского переворота я не мог принять иначе, как с полной готовностью. Конечно, "Революция" - не "большая" ежедневная газета, а всего лишь стремится стать еженедельной. Высокопоставленные бюрократы могут по этому поводу делать презрительные гримасы. Но мне приходилось много раз наблюдать, как "могущественные" организации с "могущественной" прессой рассыпались в пыль под напором событий и как, наоборот, маленькие организации с технически слабой прессой в короткое время превращались в решающую историческую силу. Будем твердо надеяться, что именно такая судьба ждет вашу газету и вашу организацию.

В 1917 году Россия переживала острейший социальный кризис. Но можно сказать с уверенностью на основании всех уроков истории, что, если бы не было налицо партии большевиков, неизмеримая революционная энергия масс израсходовалась бы бесплодно в отдельных взрывах и великие потрясения закончились бы злейшей контрреволюционной диктатурой. Движущей силой истории является борьба классов. Однако слепой силы возмущения угнетенному классу недостаточно. Ему нужна правильная программа, крепкая партия, надежное и мужественное руководство, - не героев салонной и парламентской фразы, а революционеров, готовых идти до конца. Таков важнейший из уроков Октябрьской революции.

Не забудем, однако, что в начале 1917 года большевистская партия вела за собою лишь незначительное меньшинство трудящихся. Не только в солдатских, а и в рабочих советах большевистские фракции составляли обычно лишь 1-2%, в лучшем случае - 5%. Господствующие партии мелкобуржуазной демократии (меньшевики и так называемые "социалисты-революционеры") вели за собой, по меньшей мере, 95% рабочих, солдат и крестьян, участвовавших в борьбе. Большевиков вожди этих партий называли то сектантами, то... агентами германского кайзера. Но нет, большевики не были сектантами! Все их внимание было направлено на массы, причем не на верхний только слой, а на самые

глубокие, самые угнетенные миллионы и десятки миллионов, о которых парламентские болтуны обычно забывают. Именно для того, чтобы повести за собой пролетариев и полупролетариев города и деревни, большевики считали необходимым резко отделиться от всех фракций и группировок буржуазии, начиная с тех фальшивых "социалистов", которые по сути дела состоят агентами буржуазии.

Патриотизм является важнейшей частью той идеологии, при помощи которой буржуазия отравляет классовое сознание угнетенных и парализует их революционную волю, ибо патриотизм означает подчинение пролетариата "нации", на которой верхом сидит буржуазия. Меньшевики и соц[иалисты]-революционеры были патриотами: до Февральского переворота - наполовину замаскированными, после Февраля - открытыми и явными. Они говорили: "У нас теперь республика, притом самая свободная в мире: даже солдаты у нас организованы в советы; эту республику мы должны защищать от германского милитаризма". Большевики отвечали: "Бесспорно, российская республика является сейчас самой демократической; но эта поверхностная политическая демократия может завтра же рассыпаться прахом, ибо она держится на капиталистическом фундаменте. До тех пор, пока трудящийся народ под руководством пролетариата не экспроприрует собственных помещиков и капиталистов и не порвет грабительские договоры с Антантой, мы не можем считать Россию нашим "отечеством" и не можем брать на себя ее защиту". Противники негодовали: "Тогда вы не просто сектанты, а агенты Гогенцоллерна! Вы предаете ему российскую, французскую, английскую и американскую демократии!" Но сила большевиков состояла в том, что они умели презирать патриотические софизмы трусливых "демократов", которые называли себя социалистами, а на самом деле стояли на коленях перед капиталистической собственностью.

Судьей в споре являлись трудящиеся массы, и их приговор чем дальше, тем больше склонялся в пользу большевиков. И немудрено. Советы объединяли тогда вокруг себя все те пролетарские, солдатские и крестьянские массы, которые пробудились для борьбы, и от которых зависела судьба страны. "Единый фронт" меньшевиков и соц[иалистов]-революционеров господствовал в советах и фактически имел в своих руках власть. Буржуазия была политически совершенно парализована, потому что 10 миллионов солдат, измученных войною, стояли во всеоружии на стороне рабочих и крестьян. Но вожди "единого фронта" больше всего боялись "испугать" буржуазию и "оттолкнуть" ее в лагерь реакции. Единый фронт не решался прикоснуться ни к империалистической войне, ни к банкам, ни к помещичьему землевладению, ни к заводам и фабрикам. Он топтался на месте, источал из себя общие фразы, а массы теряли терпение. Мало того: меньшевики и эсеры прямо передали власть партии кадетов, отвергнутой трудящимися и ненавистной им. Кадеты представляли собою империалистическую буржуазную партию, опирающуюся на верхи "средних классов", но во всех основных вопросах остававшуюся верной интересам "либеральных" собственников. Кадетов можно сравнить, пожалуй, с французскими радикалами: та же социальная опора, т. е. "средние классы"; та же "левая" программа; те же влияния между

"народом" и финансовым капиталом; то же убаюкивание народа пустыми фразами и та же верная служба интересам империализма. Как и у радикалов, у кадетов были свое правое и свое левое крыло: левое - чтобы морочить народу голову; правое - чтобы делать "серьезную" политику. Меньшевики и эсеры думали найти поддержку средних классов посредством союза с кадетами, т. е. с эксплуататорами и обманщиками средних классов; этим самым социал-патриоты подписали себе смертный приговор.

Привязав себя добровольно к колеснице буржуазии, вожди меньшевиков и соц[иалистов]-революционеров уговаривали трудящихся отложить экспроприацию собственников на будущее, а пока что... умирать на фронте за "демократию", т. е. за интересы той же буржуазии. "Нельзя отталкивать кадетов в лагерь реакции", - повторяли оппортунисты, как попугаи, на бесчисленных митингах. Но массы не хотели и не могли этого понять. Ведь они же отдали все свое доверие единому фронту меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров"; они готовы были в любой момент поддержать единый фронт с оружием в руках против буржуазии. Между тем партии единого фронта, заручившись доверием народа, призвали к власти буржуазную партию, а сами прятались за ее спину. Трусости и вероломства пробужденная революционная масса никогда не прощает. Сперва петербургские рабочие, за ними - пролетариат всей страны, за пролетариатом - солдаты, а за солдатами - крестьяне в течение нескольких месяцев убедились на опыте, что большевики были правы. Так в течение немногих месяцев кучка "сектантов", "авантюристов", "заговорщиков", "агентов Гогенцоллерна" и проч. и проч. превратилась в руководящую партию миллионов пробужденного народа. Верность революционной программе, непримиримая вражда к буржуазии, решительный разрыв с социал-патриотами, глубокое доверие к революционной силе масс - таковы важнейшие уроки Октября.

Вся большая пресса, включая газеты меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров"¹²⁰, вела бешеную, поистине небывалую в истории травлю против большевиков. Тысячи и тысячи тонн газетной бумаги покрывались сообщениями о том, что большевики находятся в связи с царской полицией, что они получают из Германии золото вагонами, что Ленин скрылся на немецком аэроплане и проч. и проч. В первые месяцы после Февраля этот водопад клеветы оглушил массы. Матросы и солдаты не раз грозили взять Ленина и других вождей большевизма на штыки. В июле 1917 года кампания клеветы достигла высшего напряжения. Многие сочувствующие левые и полулевые, особенно из среды интеллигенции, испугались напора буржуазного общественного мнения. Они говорили: "Большевики, конечно, не агенты Гогенцоллерна, но они сектанты; они бестактны; они провоцируют демократические партии; с ними невозможно работать". Такова была, например, господствующая мелодия в большой ежедневной газете Максима Горького¹²¹, вокруг которого объединялись всякого рода центристы, полубольшевики-полуменьшевики, теоретически очень левые, но страшно боящиеся разрыва с меньшевиками и эсерами. А закон таков: кто боится разрыва с социал-патриотами, тот неизбежно становится их агентом.

Тем временем в массах происходил прямо противоположный процесс. Чем

больше они разочаровывались в социал-патриотах, которые ради дружбы с кадетами предавали интересы народа, тем внимательнее они прислушивались к речам большевиков и тем более убеждались в их правоте. Рабочему на заводе, солдату в окопе, голодающему крестьянину становилось теперь ясно, что капиталисты и их прислужники так бешено клеветают на большевиков именно потому, что большевики непоколебимо преданы интересам угнетенных. Вчерашнее негодование солдата или матроса против большевиков переплавлялось сегодня в горячую преданность им и беззаветную готовность следовать за ними до конца. И наоборот: ненависть масс к кадетской партии неизбежно переносилась на ее союзников: меньшевиков и "соц[иалистов]-революционеров". Кадетов социал-патриоты не спасли, но себя погубили. Окончательный перелом в массах, происшедший в течение 2-3 месяцев (август-сентябрь), подготовил возможность Октябрьской победы. Большевики овладели советами, а советы - властью.

*

Господа скептики могут сказать: но ведь Октябрьская революция привела в конце концов к торжеству бюрократии: стоило ли ее совершать? Этому вопросу следовало бы посвятить особую статью, а, может быть, и две. Здесь скажем кратко: история идет вперед не по прямой линии, а по кривой; за гигантским скачком вперед следует, как после артиллерийского выстрела, откат. Но история все же идет вперед. Советский бюрократизм есть, несомненно, злокачественная язва, угрожающая и завоеваниям Октябрьской революции, и мировому пролетариату. Но кроме бюрократического абсолютизма в СССР есть и кое-что другое: национализация средств производства, плановое хозяйство, коллективизация земледелия, которые, несмотря на чудовищный вред бюрократизма, ведут страну экономически и культурно вперед, в то время как капиталистические страны откатываются назад. Освободить Октябрьскую революцию из тисков бюрократизма может только развитие международной революции, победа которой действительно обеспечит построение социалистического общества.

Наконец, - и это немаловажно, - Октябрьская революция важна и тем, что дала ряд неоценимых уроков мировому рабочему классу. Если пролетарские революционеры Франции твердо усвоят эти уроки, они будут непобедимы.

Л.Троцкий

4 ноября 1935 г.

Э.Эррио, политик золотой середины

Эдуард Эррио, мэр Лиона, министр без портфеля, представляет сейчас центральную фигуру французской политической жизни. Это место он занимает не столько, может быть, по размерам своей личности, сколько по той политической функции, которую он выполняет в своей партии, а партия - в стране. Выводя свою родословную от якобинцев (одно из многих недоразумений!), радикалы представляют средние классы Франции, т. е. основную массу ее населения.

Социальный кризис, наступивший во Франции позже, чем в других странах, означает прежде всего кризис средних классов, а следовательно, и их политического представительства: в этом и состоит, собственно, реальная основа кризиса парламентской демократии. Средние классы недовольны и даже ожесточены. Верхи их тянут к фашизму, низы - к революции. Положение радикалов становится все более неустойчивым. Но костер, как известно, ярче всего вспыхивает перед тем, как потухнуть. Радикалы сейчас больше, чем когда бы то ни было, стоят в фокусе политики. За ними настойчиво, даже назойливо ухаживают справа и слева. Вожди радикалов заседают в правительстве Лавалья и ставят свои имена под драконовскими финансовыми декретами. В то же время радикальная партия в целом участвует в "Народном фронте", который мечет риторические молнии против правительства Лавалья и его декретов. Консервативный официоз "Le Temps" ежедневно апеллирует к патриотизму Эррио и к его испытанной рассудительности. "L'Humanité", орган коммунистов (очень благоразумных, очень умеренных, очень патриотических коммунистов), с такой же правильностью слагает гимны в честь демократизма Эррио, его республиканской верности и его дружбы к Советскому Союзу. Эррио, несомненно, очень чувствителен к похвалам "Le Temps" и не может не морщиться от неуклюжих похвал "Юманите". Но у него в партии два крыла. Одно восходит к банкам, другое спускается к крестьянам. Эдуарду Эррио приходится "делать хорошую мину при плохой игре". Долго ли, однако, протянется двусмысленная игра? Долго ли еще мэръ Лиона останется центральной политической фигурой Франции?

*

Ораторское искусство Франции так богато классическими образцами, готовыми формулами и привычными ассоциациями, что чрезвычайно трудно, особенно по выправленным и наполовину мертвым протоколам, выделить ораторскую индивидуальность на плотном фоне национальной традиции. После смерти Жореса, атлетического и страстного мастера, который хотел свести идеи с философских небес на покрытую преступлениями землю, лучшим оратором Франции считался "очарователь" Бриан, который, оправдывая себя, льстил порокам и слабостям других. Что касается Эррио, которому многие после смерти Бриана отводят первое место, то у него нет ни сокрушительной патетики Жореса, ни ласкающей вкрадчивости Бриана. Оратор честно отражает радикального политика: он прозаичен. Его красноречие ходит скорее в туфлях, - правда, прочных, - чем на котурнах¹²². Удовлетворяя свои высшие запросы в области литературы и музыки, Эррио высвобождает здравый смысл для политики и даже для трибуны. Если у этого оратора есть поза, то это поза простоты, без доверчивости, но и без активного вероломства.

Здравый смысл был бы, однако, слишком тесен, если бы не был одобрен сентиментальностью. Эррио охотно придает своим доводам вид личной исповеди и никогда не забывает напомнить о своей искренности. Если он прибегает к иронии, то настолько смягченной оговорками, что она кажется другим видом

добродушия. Свидетели отмечают, что в случае надобности Эррио умеет вызывать слезы, в том числе и свои собственные. Но это те слезы, которые, облегчая душу, своевременно высыхают. На всем его стиле лежит неизгладимый оттенок внушительной, но не очень уверенной в себе золотой середины. Крупный парламентский оратор, без сомнения, но не великий.

На почву здравого смысла Эррио становится сознательно и настойчиво. Он не без основания видит - по крайней мере, видел до вчерашнего дня - источник своей силы в том, что мыслит и чувствует как "все" - не считая, разумеется, тех, которые мыслят иначе. Это "средний француз", но более крупного масштаба, так сказать, первый среди равных: он наделен даром отчетливого изложения, разносторонним, преимущественно гуманитарным образованием, сильным голосом и обнадеживающей фигурой. Этого немало. Но этого, может быть, все же недостаточно.

Лучший педагог не тот, который сходит к ученикам с высот, а тот, который поднимается вместе с ними на новую ступень. Сила Эррио как оратора заключается в такого рода педагогической непосредственности общения со слушателями. Секрет ее, однако, в том, что у Эррио нет какой-либо социальной концепции или политической перспективы. Вместе с аудиторией он пытается выбраться из затруднений при помощи ресурсов здравого смысла, и слушателям часто должно казаться, что их вождь вслух думает за них.

Эррио, несомненно, искренне убежден, что логика цивилизованного мелкого буржуа есть не только общезападная, но и общечеловеческая логика. Он рассуждает так, как если бы посредством доводов можно было привести к одному знаменателю все противоречия. Он проповедует и поучает. "Мы покинули школьные скамьи!" - бросил ему однажды Тардьё. И эта неучтивая реплика вызывает гул одобрения в правом секторе, где гораздо лучше знают, чего хотят. Политика была бы очень простым делом, если бы ее можно было свести к системе логических аргументов. В действительности она состоит в столкновении социальных и национальных интересов. Но здесь кончаются права здравого смысла и убедительность Эррио как оратора.

В борьбе за доверие среднего француза Эррио больше всего озабочен, чтобы его, ввиду его "левой" репутации, не принимали за импровизатора, за дилетанта, или, хуже того, за мечтателя. "Что касается меня, - говорит он, - то у меня мало вкуса к синтезу... истинный метод перед лицом всех усложнений - это применять столь свойственный французам метод анализа, который расчленяет..." Философская тирада звучала в свое время как недружелюбный намек на Бриана, который изучение вопроса заменял чутьем. Эррио, несомненно, подражает Пуанкаре в прилежном подборе цитат и в классификации документов. Но нумерованные доводы нотариуса - излюбленный прием Пуанкаре - имеют мало общего со школой Паскаля¹²³ и Декарта: это еще не анализ. А кроме того, политика, в отличие от упражнений в семинариях, вовсе не исчерпывается анализом и синтезом: политика есть искусство больших решений. Анализ и синтез лишь ориентируют волю. Но ясно, что оратор не может дать того, чего нет у политика: воли к действию.

Часто апеллируя то к своей политической, то к своей личной совести, Эррио при случае прибавляет: "Впрочем, это одно и то же". Так ли? Политика радикализма есть на самом деле политика постоянных внутренних конфликтов: слово у него расходится с делом, намерение с результатом. Причина двойственности лежит, однако, не в "личной совести" вождей, а в характере социальной опоры.

Поднимаясь на одном фланге до крупной буржуазии и спускаясь на другом до пролетариата, мелкобуржуазный радикализм обречен на роль неустойчивого центра. Те объективные противоречия, которые он пытается преодолеть, раздирают рикошетом его собственные ряды. Внутри радикальной партии место центра пытается по-прежнему удержать за собой Эррио. Он становится благодаря этому точкой приложения всех центробежных сил современного общества. Опасаясь скатиться влево, он недвусмысленно тянет вправо. Но там все места уже заняты партиями и политиками, которым крупная буржуазия доверяет больше, чем Эррио. Слева же стоят социалисты в тесном содружестве с вылинявшими коммунистами.

Несколько лет тому назад Эррио пришлось отложить в сторону свое благодушие и вступить в ожесточенную драку с социалистическими "друзьями", чтобы обеспечить себе в качестве мэра маленькое большинство в лионском муниципалитете. В парламенте социалисты оказывали радикалам двусмысленную поддержку с расчетом вытеснить их из деревень, как уже вытеснили из городских центров. С правого крыла не переставали приглашать Эррио примкнуть к буржуазной концентрации. Но Эррио пытался сперва устоять: ведь цель "национальных" зазываний, на которых специализировался Temps, состоит в том, чтоб "окружить радикалов и задушить их".

"Я вам говорю без озлобления, - обращался Эррио к правому сектору палаты, прежде чем дал "окружить" себя, - что вы ошибаетесь". Оратор тут же поворачивается к левому крылу: "Я вам говорю дружески: и вы ошибаетесь". Такова симметрия золотой середины. Но она неустойчива в нашу эпоху, которая не выносит симметрии. Стоит Эррио оказаться на заседании собственной фракции, как он опять вынужден поочередно поворачиваться лицом к обоим флангам, главным образом, впрочем, к левому, со словами: "Вы ошибаетесь". Политик средней линии, он не находил бы самого себя, если бы не мог отталкиваться от флангов.

По разным поводам, не всегда счастливым, Эррио приглашает противников признать, что у него и его партии нет, по крайней мере, недостатка в "мужестве". Опять иллюзия! Если под мужеством понимать не личную смелость, а политическую решимость на большие действия, то французский радикализм представляет прямое отрицание мужества. Причина и здесь лежит вне отдельных лиц: характеры вождей подбираются и воспитываются в соответствии с тем историческим делом, которому они служат.

Социальные отношения Франции, особенно рядом с Германией, казались очень устойчивыми. При всей своей калейдоскопичности, политика третьей республики долго оставалась равна самой себе. Причина устойчивости в слабом

движении хозяйства и населения. Франция сберегает, накапливает, пускает деньги в оборот, но не меняет своих производственных основ. В хорошие месяцы и годы она далеко выдвигает свои золотые щупальца, чтобы, однако, сразу стянуть их, как только в мировой атмосфере почувствуется тревога. Это мудрость негативная, оборонительная и к тому же вступающая во все большее противоречие с европейской гегемонией страны. Мировая политика Франции есть прежде всего политика ее финансов. Средний француз, который отдает радикалам свои голоса, а банкам - свои сбережения, чувствует себя беспомощным в океане мировой политики, с его приливами и отливами, встречными течениями и водоворотами. Решающее слово здесь принадлежит банкирам и промышленным магнатам. В столкновении с ними радикализм теряет последние остатки мужества.

Придя к власти в 1924 году и подвергшись жестокому обстрелу со скамей парламентской правой, особенно со стороны тяжелой индустрии и банков, Эррио успокаивал и оправдывался: "Выше всякой теории я ставлю интересы страны". С научной точки зрения эта формула поражает своей наивностью. "Теория", т. е. программа партии, по назначению своему должна быть не чем иным, как до конца продуманным выражением "интересов страны". Противопоставляя теорию "интересам", Эррио признавал уже десять лет назад, что радикальная программа при всей своей умеренности не находит себе места в послевоенной действительности.

Кризис франка и государственных финансов в 1924 г. сразу поставил радикальное правительство лицом к лицу со всей системой финансового капитала. Биржа делала вид, что страшно боится радикалов. На самом деле Эррио смертельно испугался биржи: поэтому он и заклинал не брать его программу всерьез. В конце концов Эррио уступил свое место Пуанкаре. Вместе со своим антагонистом Тардьё Эррио провел два года в министерстве концентрации, которое покинул затем лишь по категорическому требованию партии, против собственной воли, "со смертью в душе". По всему своему складу Эррио предпочел бы иметь авторитетных представителей крупного капитала в своем правительстве, а не в оппозиции. Но затруднение в том, что политики биржи предпочитают иметь свое правительство с Эррио в качестве заложника, как в 1926-[19]28 гг., и снова сегодня, а не в качестве колеблющегося суперарбитра между интересами крупной буржуазии и иллюзиями мелкой, как в 1924 и в 1932 году.

Тот факт, что Пуанкаре оказался в критическую минуту столь авторитетным для банков, укрепил навсегда его авторитет в душе Эррио. Вождь радикалов не упускал впоследствии ни одного случая, чтобы не повторить, иногда два или три раза в одной речи, о своем глубоком преклонении перед Пуанкаре. Можно ли себе представить якобинца, который почтительно склоняется перед авторитетом... Неккера¹²⁴? Между тем Эррио продолжает считать себя якобинцем.

Призывая в декабре 1932 г. к уплате по американскому векселю, Эррио напоминал, что он вынужден лишь нести последствия чужой политики. Когда

парламент проявил намерение не платить, Эррио воскликнул: "Другой, может быть, сможет завтра связать нить. Я буду помогать ему извне". "Связывать нить" пришлось, однако, самому Эррио. Шло ли дело о внешней политике или о внутренней, Эррио в качестве кратковременного министра-председателя начинал с неизменной ссылки на обстановку, которую он застал и которая предопределяет его путь. Точно кто-то другой решает за него каждый раз, что именно ему нужно делать. Разгадка проста: логика французского империализма могущественнее симпатий "среднего француза". Когда радикалы приходят к власти, они вынуждены защищать те же интересы, которым служит и национальный блок. Им остается лишь свобода выбора информации.

Высший довод Эррио против тех, которые противились очередному взносу, гласил: "Вы собираетесь из-за 480 миллионов франков разбить соглашение свобод против диктатур". Это звучит неплохо в политической акустике Франции. Но соглашение "трех великих демократий" остается лишь благочестивым пожеланием радикалов. Фактом же являлся в те дни - остается с некоторой трещиной и сейчас - союз Франции с тремя реакционными диктатурами: Польшей, Румынией и Югославией. Пацифистский адвокат или педагог в качестве министра обречен проводить политику, которая ему не по душе. Естественно, если радикальные депутаты недовольны своими министрами, а радикальные избиратели - своими депутатами. Столь же естественно, если недовольство тех и других обречено на бессилие. Сводя сложную механику к простейшей формуле, придется сказать: в больших вопросах мелкий буржуа фатально вынужден склоняться перед крупным.

Вскоре после падения своего второго министерства Эррио раскрыл афинскому телеграфному агентству высший смысл своей политики: "То, что я защищаю в моих последних речах, - это мораль Платона". В лице "горячо любимой" Греции Эррио приветствовал родину своей доктрины: "Я пожертвовал собою, чтобы остаться верным идеалу". Пожертвование собою имело, в сущности, не столь трагический характер: теснимый социалистами и собственной фракцией Эррио предпочел почетно свалиться на международном вопросе в ожидании того неизбежного момента, когда палата остынет от последних выборов и передвинет свой центр тяжести вправо. Может показаться на первый взгляд парадоксальным, что евангелие философского идеализма адресовано было Греции Венизелоса¹²⁵ и Цалдариса¹²⁶, которая вряд ли может служить образцом в вопросе об уплате долгов. Но нельзя не признать, что добрые намерения Эррио в отношении Уолл стрит действительно сохранили на этот раз... платонический характер.

Было бы ошибкой думать, что чрезмерно возвышенная мотивировка парламентского поражения есть просто неудачный оборот. Нет, философия абсолютных ценностей входит необходимым элементом в душевное хозяйство Эррио. Подчиняясь вчерашнему дню с чисто консервативной покорностью, Эррио примиряет противоречие между своей "теорией" и навязываемой ему политикой в надзвездных пустотах философии: этот метод имеет то преимущество, что не повышает накладных расходов. Как самому Платону, "божественному" идеалисту с широкими плечами, культ чистой идеи не мешал вести торговлю оливковым маслом

и третировать рабов подобно рабочему скоту, так преклонение перед вечной моралью не препятствует Эррио поддерживать систему Версаля. Тем и хорош платонизм, что позволяет вести два независимых текущих счета: один для духа, другой для материи. Если бы мы не боялись оскорбить в г. Эррио человека добрых нравов и вольтерьянца¹²⁷, мы сказали бы, что им руководят в последнем счете, те же психологические мотивы, которые побуждают великосветскую католичку раздваиваться между адюльтером и церковью.

С историей Эррио обращается примерно так же, как с философией: он черпает в ней скорее нравственные утешения, чем уроки действия. Такой метод позволяет ему, как это ни невероятно, вести свою генеалогию от революционеров 1793 года! Радикалы считают, что из традиций якобинизма они полнее всего ассимилировали антиклерикализм и патриотизм. Но антиклерикализм давно перестал быть боевой доктриной: дело сводится к мирному разделению труда между светской республикой и католической церковью. Что касается патриотизма, то у якобинцев он был неразрывно связан с провозглашением революционного принципа и с его защитой против феодальной Европы. Патриотизм Эррио не возвещает никакой новой идеи и тесно примыкает к патриотизму Тардьё. Тени Робеспьера и Сен-Жюста¹²⁸ потревожены напрасно. Недаром сам Пуанкаре покровительственно отзывался об Эррио: "Этому человеку свойственны национальные реакции".

Ссылки на якобинцев имеют у Эррио всегда беспредметный характер. Когда же ему нужны исторические образцы, он цитирует охотнее "великого либерала" Ламартина¹²⁹ и даже герцога де Бролья¹³⁰. В одной из парламентских речей Эррио ссылаясь на банальную фразу Людовика XV¹³¹ в доказательство... миролюбия "французского духа"! Идеалисты вообще обращаются с историей, как с оптовым складом моральных прописей. Обращение к Ламартину, впрочем, наименее случайно. Напыщенный поэт был не только фальшивым историком жирондистов, но и их эпигоном в политике. Радикализм Эррио не имеет ничего общего с Горой¹³²; это тот же жирондизм, но прошедший через огонь 1848 и 1871 годов и сжегший в нем остатки иллюзий.

*

Эррио был бы, несомненно, идеальным мэром Франции, если бы ему не мешали мировые противоречия, войны и опасности войн, репарации и долги, немецкий и итальянский фашизм, - словом, все то, что составляет физиономию нашей эпохи, не говоря уже о кризисе и безработице, недовольстве чиновников, диктаторских претензиях Тардьё, вооруженных отрядах полковника де ла Рокка и вероломной дружбе Блюма.

Положительная программа Эррио, от которой сам он так легко отрекается, состоит из блеклых принципов либерализма в жидком растворе "социализма": индивидуальная инициатива и индивидуальная свобода прежде всего; но - "в социальной среде, гармонизированной государством"; "производитель и потребитель должны понять, что их интересы солидарны"; "крестьянин и рабочий - братья". Если прибавить бесплатность обучения и светский характер школы,

то программа внутренней политики будет почти исчерпана. Над ее фронтоном возвышенная лучезарная идея "прогресса" и образ Франции со светочем в руке.

Во внешней политике формулы Эррио, если возможно, еще менее определены. "Соглашение трех великих демократий"; "мир создают, веря в него"; "из дискуссии рождается всегда примирение"; "нужны не общие идеи - нужно изучение фактов". За подобными афоризмами средний француз предполагает программу действий; на самом деле за ними не кроется ничего, кроме растерянности перед сложностью мировой обстановки.

Творческой мысли было бы тщетно искать у радикального вождя, религией которого является выжидательная осторожность. Бриан отлично обходился без категорического императива и вообще без философских идей; зато его беззаботная находчивость подсказывала ему в нужных случаях если не творческие идеи, то широкие и эластичные формулы. Достаточно вспомнить, - сейчас это уже звучит как исторический анекдот, - что 15 сентября 1929 года за дипломатическим завтраком, где собрались представители 27 государств, Бриан предложил приступить к созданию Соединенных Штатов Европы. Вот жест, на который Эррио не способен! Не потому, чтобы он был враждебен идее Соединенных Штатов Европы, если угодно, - всего мира. Прекрасная идея, высокая идея! Но слишком высокая, чтобы ее можно было вмешивать в практическую политику.

Послевоенная театральная дипломатия непрерывных личных контактов, ускоряемых самолетами, и женевских дискуссий: без выводов, но с аплодисментами, как бы специально создана для отвлечения внимания от все туже затягивающихся узлов. Своим личным встречам с бывшим британским премьером Макдональдом Эррио придавал чрезвычайное политическое значение: так создается и обновляется "взаимное понимание". Чем меньше высокие собеседники доводят свои мысли до конца, чем чаще ссылаются со вздохом на свои парламенты и общественное мнение, чем больше вопросов откладывают до следующего раза, тем теснее становится обоим в пределах трех измерений эмпирической политики: Макдональд искал утешений в Старом и Новом Завете¹³³, Эррио - в светском богословии идеализма.

Внимательного иностранца не может не поражать то чрезмерное место, какое в речах французских политиков всех направлений занимают заверения в любви к Франции. И при самом большом словесном мастерстве трудно для одной и той же мысли находить каждый раз новое выражение: неудивительно, если повторные патриотические признания утомляют своим однообразием. Эррио считал однажды нужным присовокупить, что его любовь к Франции является "чувством глубоким, но скрытым и целомудренным". Протокол отмечает: "смех справа". Действительно: трудно считать чувство скрытым, если его целомудрие удостоверяется с парламентской трибуны.

Патриотическая декламация, не делающая чести столь изошренному вообще французскому вкусу, вытекает не столько из законной гордости грандиозной ролью, какую Франция играла в истории человечества, - такого рода чувство могло бы быть действительно более сдержанным, - сколько из тревоги за

нынешнее мировое положение Франции, явно не отвечающее ее реальным силам. Исторические воспоминания служат лишь материалом для патриотической риторики; жизненным нервом ее является неумолчная и острая тревога, которой неспособны скрыть взаимные призывы к хладнокровию и самообладанию.

Эррио, конечно, всегда стоял за разоружение. Но материальному разоружению должно предшествовать моральное. Кроме того: действительный мир может быть основан только на безопасности. А безопасность нуждается в крепкой французской армии. Впредь до разумного сокращения вооружений народы должны видеть гарантию мира в оружии Франции. Кто не соглашается с этим, тот обнаруживает злую волю.

Чрезвычайно вообще сдержанный оратор, Эррио не находит достаточно резких слов по адресу нечестивцев, которые сомневаются в миролюбии Франции и ее правительства. Мы, со своей стороны, ни на минуту не сомневаемся в неподдельности пацифизма Эррио. Нужно только прибавить: это пацифизм победителя. Если не считать воинственных кочевников, победитель всегда склонен к пацифизму, притом тем решительнее, чем больше его победа и чем большими жертвами она оплачена. Формула насыщенного пацифизма проста: побежденный должен примириться со своей участью и не мешать победителю пользоваться плодами победы. Наполеон после каждой новой успешной кампании хотел, чтобы его оставили в покое. И если ему приходилось снова воевать, то только потому, что раздавленные им не хотели мириться с тиранией победителя. Если бы маленький капрал не относился столь презрительно к идеологии, он мог бы без труда свою заботу о мире поставить под знак Платона.

На конференции по разоружению (в каком столетии это происходило?) Эррио торжественно заявил: "Мы находимся здесь, чтобы провозгласить наше отвращение ко всякому империализму, открытому и замаскированному". Эти слова звучали бы убедительнее, если бы оратор дал себе труд пояснить, что он понимает под империализмом. Не будем пускаться в теоретические определения: простого напоминания о наиболее бесспорных признаках империализма для нас достаточно. Принудительное удержание отсталых стран на положении эксплуатируемых колоний есть самая явная, хотя далеко не единственная форма империализма. Насколько мы знаем, Эррио никогда не собирался отказываться от колониальных владений Франции. Насильственное противодействие объединению какой-либо нации в границах национального государства (вопрос об аншлюссе¹³⁴ и коридоре¹³⁵); укрепление собственной гегемонии посредством военной и финансовой поддержки явно антинародных правительств в других странах (Польша, Румыния, Сербия) - если все это не империализм, то империализма вообще не существует на свете.

Захваты и насилия перестают для Эррио быть захватами и насилиями, раз они санкционированы давностью или, еще лучше, международными трактатами. Решают не моральные, не философские соображения; решает патриотический интерес: империализмом называется все то, что противоречит интересам Франции. Империалистов следует поэтому искать всегда за ее границами.

Чем меньше Эррио склонен к практическим уступкам в пользу побежденных

противников, тем щедрее он оказывался в области философских репараций. Так, на той же конференции по разоружению он ссылался на Иммануила Канта¹³⁶, который в своем проекте вечного мира предвидел... Лигу Наций. О кенигсбергском мыслителе пришлось бы очень пожалеть, если бы он не предвидел ничего лучшего. Но сам факт апелляции к Канту очень характерен: вопрос переносится, по обычаю, из реальной области в трансцендентальную, а сверх того ссылка на немецкого классика должна была побудить немцев к миролюбию. К сожалению, осталось неразъясненным, предвидел ли Кант в системе вечного мира также и Версальский договор.

Философская цитата, однако, не помогла. Гитлер утвердился на развалинах веймарской демократии. Вооружение Германии вошло грозной реальностью в искусственный режим Версальской Европы. Британская дипломатия подняла голову, снова почувствовав себя в излюбленной роли арбитра. Муссолини, опираясь на вооружения Гитлера, предъявил Франции ультиматум: свободные руки в Африке как залог дружбы. Лаваль уступил. Прежде, однако, чем итало-эфиопский конфликт успел покончить с независимостью Эфиопии, или, наоборот, подпилить клыки итальянскому фашизму, он нанес жестокий удар международному положению Франции. Ее континентальная гегемония оказалась сразу под знаком вопроса. Метания между Италией и Англией вскрыли тяжелую международную зависимость французского империализма с его слишком узкой демографической и экономической базой. Кризис международного положения Франции осложняет ее и без того глубокий внутренний кризис, вырывая почву из-под ног империалистического пацифизма Эррио. Нельзя ли, однако, прочнее опереться на Москву?

После того, как большевики отбили все попытки интервенции и справились с внутренними противниками, интерес Эррио к Советам окрасился в цвет воспоминаний об эпохе якобинского террора. Во время посещения Советской республики в 1922 году Эррио беседовал с большевиками - не как единомышленник, конечно, но почти как доброжелатель, как наследник Горио¹³⁷, который умеет "понять" большевиков. Он интересовался хозяйственными и культурными мероприятиями революции, но более всего - успехами Красной армии. В советском календаре стоял еще очень тяжелый год, но гражданская война была закончена, и потрясенная страна уже начала подниматься. Сильно сокращенная в численности армия почистилась, приделась и выглядела так, что по крайней мере в Москве ее можно было показать иностранному гостю. Эррио посещал, насколько помню, военные школы и казармы. Политика немислима без коварства: были отданы заранее распоряжения, чтобы во время пребывания Эррио в военном комиссариате караульный батальон прошел с песней под самыми окнами кабинета, в котором проходил прием. Надо сказать, что батальон, состоявший под особым попечением тогдашнего главнокомандующего Каменева¹³⁸, большого любителя солдатского пения, числился образцовой частью. Расчет на "национальные реакции" демократического политика не обманул нас. Когда от первого залпа солдатских голосов зазвенели стекла, Эррио приподнял в кресле свою тяжелую фигуру и сразу же обнаружил, что ему знакомы не только мелодия,

но и текст.

В беседе гость умело обходил острые вопросы, опасаясь задеть предрассудки большевистских варваров. Его собеседнику не чуждо было опасение разойтись с "вечными законами" демократической мифологии. Темы Версальского мира или еще свежей тогда интервенции Антанты были явно непригодны для безобидного обмена мнений. Оставалась область признаний, впрочем, вполне добросовестных, в симпатиях к французской культуре. В заключение беседы Эррио с шутливой любезностью справился, когда я думаю снова посетить Париж. Я напомнил, что осенью 1916 года был "навсегда" выслан из Франции.

В течение дельнейших лет отношение Эррио к Советам постепенно ухудшалось. В годы сотрудничества с Пуанкаре он сурово осуждал режим, который так долго не хочет отказаться от методов диктатуры. Однако по мере того, как в Германии креп воинственный национализм, Эррио снова обнаруживал более благожелательный подход к Советскому Союзу. "Как демократ, правнук революции, которая подчас обаграла кровью руки, я отказываюсь покрывать проклятиями и сарказмами эту Россию, которая работает над созданием нового режима". Да будет, впрочем, известно: он, Эррио, ныне так же далек от коммунизма, как раньше - от царизма; но он не сомневается, что большевистский режим создаст в конце концов мелких крестьянских собственников: на них и на их армию сможет опереться Франция. А к этому, в конце концов, и сводится ведь задача мировой истории.

Так Эррио стал осторожным, но настойчивым проповедником военной дружбы с Советским Союзом. Он делал это, надо сказать прямо, без энтузиазма, скорее, понукаемый горькой необходимостью. В конце концов крупная буржуазия допустила франко-советское соглашение¹³⁹ в тех рамках, в каких оно терпимо для Англии и не противоречит дружбе с Италией. Будущее покажет, что это значит на деле. Во всяком случае, лионский мэр не без лукавства носит звание "друга СССР". Правда, коллективизация нанесла некоторый удар его консервативным упованиям на крепкого крестьянина; но зато советская дипломатия стала гораздо мудрее, осторожнее, солиднее. Вслед за советской дипломатией - и французская коммунистическая партия. На последнем конгрессе радикалов Эррио демонстративно говорил о своем друге Литвинове ("Да, мой друг Литвинов"). Это не препятствует ему, конечно, оставаться в министерстве Лавалея, который с гораздо большей уверенностью и с большим правом говорит: "Мой друг Муссолини". Не исключено и то, что Эррио станет преемником Лавалея и переведет дружбу с Муссолини на свой собственный счет. Надолго ли?

Здесь не место заниматься политическими гаданиями, тем более, что личный вопрос Эррио неотделим от вопроса о будущем Франции и всей Европы. Однако можно сказать с уверенностью: политические фланги будут и далее поглощать центр. Радикалы обеспечивали равновесие парламентских качелей лишь до тех пор, пока в стране сохранялось относительное социальное равновесие. Эти счастливые дни прошли безвозвратно. Избирательная победа Эррио (май 1932 г.) послужила как бы только для того, чтобы обнаружить полную несостоятельность его партии перед лицом надвигающихся внутренних и внешних

катастроф. Радикальные вожди сменяли друг друга во главе правительства, чтобы тем ярче обнаружить жалкую растерянность всех группировок партии. 6 февраля 1934 г. самый "левый" из радикалов, Даладье, бесславно капитулировал перед уличной манифестацией фашистов и роялистов. Он не хотел, видите ли, гражданской войны. На самом деле он широко раскрыл перед ней ворота. Язык фактов неоспорим. Медленнее, чем другие европейские страны, Франция идет навстречу великим потрясениям. Первой их жертвой станет радикализм. Как бы ни выглядела грядущая эпоха, она не будет эпохой золотой середины.

Л. Гроцкий

Вексал140,

7 ноября 1935 г.

Предисловие к брошюре Фреда Зеллера

"Французская революционная молодежь на повороте"

Надо горячо приветствовать появление этой небольшой работы. Секретарь Сенской организации молодежи, активный член социалистической партии тов. Зеллер, вместе с широкими кругами молодежи проделал за последний период в высшей степени важный путь: от централизма к марксизму. Изобразить этот путь в предисловии нет надобности: пусть читатель обратится к самой брошюре; он, может быть, сделает лучше всего, если раньше прочитает изложение Зеллера, дающее ценный фактический и политический материал, а затем уже обратится к этому предисловию, которое ставит своей задачей сделать наиболее неотложные выводы.

Исключение вождей парижской молодежи и руководящей группы "Веритэ" (большевиков-ленинцев) из Социалистической партии представляет собою факт крупного значения. Во всех странах Европы происходит сейчас политическая перегруппировка ввиду надвигающейся опасности. По этой линии началось размежевание в пролетариате. Как самые левые вожди буржуазии отбрасывают прочь демократический парламентаризм, когда дело идет о защите собственности, так оппортунисты попирают ногами партийную демократию, когда их социал-патриотизм оказывается под угрозой со стороны революционных интернационалистов. Здесь гвоздь вопроса! Что партийные верхи нарушили все "статуты" и все "нормы" демократии, это неопровержимо доказал Марсо Пивер, который сам продолжает, как известно, верить в статуты, как некоторые наивные "республиканцы" верят в незыблемость буржуазной демократии.

Традиционные социал-патриоты (Леон Блюм, Леба, Жиромский и проч.) после опыта великой войны "за демократию" попали в крайне затруднительное положение. Они боялись пораженческой критики коммунистов и недоверия масс. Отсюда их стремление обойти вопрос о национальной обороне, отложить его подальше: когда разразится война, застигнув снова трудящихся врасплох, тогда гораздо легче будет под прикрытием военной цензуры приковать партию и пролетариат к колеснице национальной обороны. И вдруг - о счастье! Советская

дипломатия приходит окончательно к выводу, что реформистская бюрократия рука об руку с радикальными буржуа гораздо полезнее и надежнее в качестве союзника, чем революционный пролетариат. Из Москвы раздается команда: равняться по социал-патриотам и, вместе с ними, по радикалам, по левой партии французского империализма. Какой приятный сюрприз: Сталин обеими руками посадил Блюма в седло национальной обороны. Правда, он сделал при этом слишком энергичное движение, так что Блюм испугался даже, как бы не свалиться по другую сторону лошади. Отсюда укоризненные статьи Блюма: "Нельзя же так грубо, надо действовать более осторожно, не надо пугать левых..." VII-ой Конгресс Коминтерна вял увещаниям Блюма и напустил в социал-патриотическую резолюцию максимум тумана. Чего же желать еще? "Единый фронт" почти бесшумно скользил к национальному единению. И вдруг слева раздался резкий, даже угрожающий голос протеста, притом не только со стороны большевиков-ленинцев (ведь это "чужеродное тело"!), но и со стороны большинства парижской молодежи. Спорить с ней по существу? Увы - это нелегко. Где найти доводы в защиту нового патриотического предательства? Что противопоставить революционному интернационализму? Жиромский попытался выдвинуть на первое место необходимость защиты СССР. Еще Гед, видите ли, поучал, что нужно оборонять русскую революцию... Но над этим доводом, особенно в устах Жиромского, смеется не только молодежь, начинают смеяться и пионеры. Мы знаем, как Гед защищал французскую демократию: он стал министром империалистического правительства во время войны. Эти же методы - по существу, если не по форме - имеют в виду и Жиромские, когда говорят о защите СССР. На это революционная молодежь, вместе с большевиками-ленинцами отвечает: СССР мы будем защищать так же, как и себя самих, т. е. непримиримой революционной борьбой против собственной буржуазии.

Так как доводы самого левого, самого крайнего из фаланги социал-патриотов не произвели ни малейшего действия, - молодежь за К.Либкнехта, а не за Жиромского, - то что же оставалось? Задушить, исключить, раздавить! Если отбросить в сторону мишуру фраз, то исключение революционных интернационалистов представляет собою акт патриотической полиции в целях подготовки национального единения на случай войны.

Наивные люди возражают: тут есть какое-то недоразумение! Ведь сам Шошуа, новый национальный секретарь молодежи, - "тоже" интернационалист, ведь он "тоже" против национальной обороны, а между тем он стоял за исключение Фреда Зеллера и его товарищей. Очевидно, виноват... Зеллер. На самом деле "интернационалисты" типа Шошуа для того и существуют в природе, чтобы помогать Леону Блюму вводить в заблуждение доверчивых людей. Тот "интернационалист", который свою дружбу с социал-патриотической бюрократией ставит выше обязанностей революционного действия, есть на деле только левое звено империалистической цепи. Финансовый капитал нуждается в известные моменты в Даладье, в Гендерсоне, даже в Ленсбери, чтоб прикрыть свои намерения и успокоить массы. Когда обстановка меняется, финансовый капитал прогоняет Даладье, заменяя его Думергом или Лавалем. Так и

социал-патриотическая бюрократия для известных операций в известные периоды нуждается в Шошуа, чтобы затем на следующем этапе, если он попробует раскрыть рот, сместить его и даже исключить. Кто не понял этой хитрой механики, тот - будь у него даже седая борода - остается в политике слепым котенком.

Центристы из так называемой "Революционной левой" поучительно заявляют: но ведь и мы тоже ведем борьбу против идей социал-патриотизма, однако нас не исключают; ошибка в том, что большевики-ленинцы и Фред Зеллер с его товарищами не ограничились идейной борьбой, а перешли на личности, позволив себе нападки на "обожяемых вождей" партии. Этот довод не нов, но он заслуживает внимания. В то время, как социал-патриоты своими аппаратными репрессиями готовят и облегчают будущие полицейские репрессии против пораженцев, центристские резонеры, желая или не желая того, дают бюрократии аргументы для оправдания исключений. Заметим себе это твердо!

"Надо бороться с идеями, а не с вождями!" Да ведь это классический довод "левых" меньшевиков против Ленина в эпоху войны. Немцы говорят на этот счет: нельзя вымыть шубу, не замочив шерсти. Ведь идеи не висят в воздухе; носителями идей являются живые люди, которые объединяются в организации и выдвигают своих вождей. Как же можно бороться против буржуазных идей, не борясь против тех вождей, которые защищают эти идеи внутри пролетариата и собираются снова заклать его на алтаре патриотизма? Кто не хочет, как Шошуа и ему подобные, удовлетворяться по воскресеньям игрой на флейте интернационализма в запертой комнате для утешения собственной души, кто серьезно относится к лозунгу Маркса-Энгельса: "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!", - тот обязан открыто и мужественно сказать французским рабочим: Леон Блюм, Марсель Кашен, Леон Жуо, Монмуссо и К|| ведут вас по гибельной дороге! Пусть Марсо Пивер разъяснит молодежи: имеет ли социалист право - с точки зрения статуты и принципов партийной демократии - сказать своей партии правду, т. е. что ее "обожяемые вожди" готовят новую измену? Как будто бы имеет... Что касается нас, то мы думаем, что долг революционного интернационализма стоит выше всех обязательств по отношению к партийной бюрократии и ее "дисциплине".

Леон Блюм, Жиромский и прочие отнюдь не удовлетворились борьбой против идей Маркса и Ленина, а открыли бешеную кампанию против молодых вождей, защищающих эти идеи. Такова неизбежная логика борьбы. Но этого не хотят понять центристы. Левые меньшевики потому только восставали против "сектантских" методов Ленина, что, будучи на словах интернационалистами, они на деле чувствовали свою неразрывную связь с социал-патриотическими вождями Второго Интернационала. Так и резонеры из "Революционной левой", наблюдая исключения интернационалистов, мечутся между обоими флангами, но кончают неизменно тем, что отмежевываются от... исключаемых. Почему? Потому что исключаемые им ближе политически.

При ваших "сектантских" методах (т. е. при методах Маркса и Ленина) - поучают они - мы никогда не пришли бы к организационному единству. Между тем

"массы стремятся к единству", а мы не должны "отрываться от масс". Здесь перед нами вся аргументация злополучных вождей САП141, которые, к слову сказать, никогда не имели за собой масс, не имеют их теперь и никогда не будут иметь в будущем. Массам, отвечаем мы, нередко свойственно инстинктивное стремление к единству; но авангарду пролетариата свойственно сознательное стремление к единству на революционной основе. Какую же из этих тенденций должны поддержать революционные марксисты? В Англии, например, организационное единство рабочего класса уже давно налицо. Но оно означает в то же время его политическое единство с империалистической буржуазией. Изменник Макдональд сидит в консервативном правительстве Болдуина; патриот-пацифист Гендерсон до конца дней своих представлял консервативное правительство в Лиге Наций; майор Эттли142, новый вождь Лейбор партии, стоит за империалистические санкции, назначаемые Лигой Наций под диктовку лондонской биржи. "Организационное единство" является в этих условиях заговором рабочей бюрократии против основных интересов пролетариата. А разве в Бельгии дело обстоит хоть на волос лучше? В дни Бреста и Тулона четыре бюрократических аппарата (Соц[иалистической] партии, Компартии, Генер[альной] конфедерации труда143 и Унитарн[ой] конфедерации144) были совершенно "едины" в удушении восстания и в его оклеветании - ради дружеской улыбки радикалов. Единый фронт во Франции с самого начала превращен в орудие сотрудничества с буржуазией. Организационное слияние двух партий, если бы оно осуществилось, означало бы при нынешних условиях только подготовку национального единения. Жуо с Монмуссо уже осуществили профсоюзное единство, обеспечив интересы своих аппаратов, но запретив фракции, т. е. приняв заранее меры к удушению революционного социализма. Когда центристы вслед за правыми начинают слишком много декламировать о единстве, марксист обязан насторожиться: единство кого с кем? Во имя чего? Против кого? Без ясного определения целей и задач лозунг единства может стать худшей западней. Марксисты выступают за единство подлинных революционеров, за сплочение воинствующих интернационалистов, которые одни только способны повести пролетариат на путь социалистической революции.

Это не сектанство. Марксисты лучше других умеют находить путь к массам, а те, которые еще не умеют, научатся завтра. Именно в этой области школа Ленина есть великая школа. Если социал-патриоты придут к организационному соглашению между собою (а это не так просто!), революционеры - и вне единой партии, и внутри ее, смотря по обстоятельствам - поведут непримиримую борьбу за освобождение рабочих от идей и вождей реформизма, сталинизма, социал-патриотизма, т. е. против Второго и Третьего Интернационалов, которые стали агентурой Лиги Наций. Борьба за независимую политику пролетариата, за сплочение его авангарда на марксистской программе, за интернациональную связь рабочих против империализма - это и есть борьба за Четвертый Интернационал.

В приливах и отливах нашей эпохи, в больших поражениях и разочарованиях, в росте консервативной советской бюрократии старшее

поколение обоих Интернационалов в большинстве своем израсходовалось, опустошилось, впало в протрацию. Строительство нового Интернационала главной своей тяжестью ложится на молодое поколение. Препятствия велики, задачи грандиозны. Но именно в борьбе с великими препятствиями формируются и закаляются боевые кадры. Сенская федерация молодежи, а за нею и провинция, могут и должны занять в этой работе почетное место. Побольше веры в себя, в свои силы и будущее! Пусть филистеры скулят по поводу бестактностей, резкостей и преувеличений молодежи! Кадры революционной партии еще никогда не воспитывались ни в балетной школе, ни в дипломатической канцелярии. Революция не только "бестактна", но и беспощадна, когда нужно. Поэтому господа буржуа и ненавидят ленинизм (со сталинизмом они уживаются неплохо). Социал-патриоты переводят страх буржуазии на язык "санкций", исключая из партии молодых большевиков, а центристские филистеры проклинают по этому поводу... Четвертый Интернационал. Не надо этим смущаться. Все эти процессы происходят в тонком слое бюрократии и рабочей аристократии. Надо глядеть глубже в массы, которые томятся в цепях кризиса, ненавидят своих рабовладельцев, хотят борьбы, способны на борьбу, и в Тулоне и Бресте сделали уже свою первую вылазку. Этим массам нужны не пустые причитания о единстве, не фальшивый "такт" салонов, а ясные лозунги и мужественное руководство. Пожелаем же, чтоб брошюра Зеллера послужила делу воспитания молодых кадров нового Интернационала!

Л.Троцкий

Вексал,

7 ноября 1935 г.,

18 годовщина Октябрьской Революции

Народный фронт¹⁴⁵ и комитеты действия

"Народный фронт" есть коалиция пролетариата с империалистической буржуазией в лице радикальной партии и более мелкой гнили того же рода. Коалиция распространяется как на парламентскую, так и на внепарламентскую область. В обеих областях радикальная партия, сохраняя за собой полную свободу действий, грубо ограничивает свободу действий пролетариата.

Сама радикальная партия находится в процессе упадка. Каждые новые выборы показывают уход от нее избирателей вправо и влево. Наоборот, социалистическая и коммунистическая партии - за отсутствием подлинно революционной партии - усиливаются. Общая тенденция трудящихся масс, в том числе и мелкобуржуазных, совершенно ясна: влево. Ориентировка вождей рабочих партий не менее очевидна: вправо. В то время, как массы своими голосованиями и своей борьбой хотят опрокинуть партию радикалов, вожди единого фронта, наоборот, стремятся спасти ее. Собрав доверие рабочих масс на основании "социалистической" программы, вожди рабочих партий добровольно уступают затем львиную долю этого доверия радикалам, которым сами рабочие массы совершенно не доверяют.

"Народный фронт" в нынешнем своем виде представляет вопиющее попрание не только рабочей, но и формальной, т. е. буржуазной, демократии. Большинство радикальных избирателей не участвуют в борьбе трудящихся, и, следовательно, в Народном фронте. Между тем, радикальная партия занимает в этом Фронте не только равноправное, но и привилегированное положение; рабочие партии вынуждены ограничивать свою деятельность программой радикальной партии: с наибольшей откровенностью проводят эту идею циники из "Юманите"! Последние выборы в сенат особенно ярко обнаружили привилегированное положение радикалов в Народном фронте. Вожди компартии открыто хвастались тем, что они отказались в пользу непролетарских партий от нескольких мест, принадлежавших по праву рабочим. Это значит попросту, что Единый фронт восстановил частично имущественный избирательный ценз в пользу буржуазии.

"Фронт" есть, по замыслу, организация прямой и непосредственной борьбы. Где дело идет о борьбе, там каждый рабочий стоит десятка буржуа, хотя бы и примкнувших к Единому фронту. С точки зрения революционной боеспособности фронта избирательные привилегии должны были бы быть предоставлены не радикальным буржуа, а рабочим. Но в привилегиях, в сущности, нет надобности. Народный фронт защищает "демократию"? Пусть же он начнет с ее применения в своих собственных рядах. Это значит: руководство народным фронтом должно прямо и непосредственно отражать волю борющихся масс.

Как? Очень просто: через посредство выборов. Пролетариат никому не запрещает бороться рядом с ним против фашизма, бонапартистского правительства Лавала, военного заговора империалистов и всех других видов угнетения и подлости. Единственное, чего сознательные рабочие требуют от своих действительных или возможных союзников, - это чтобы они боролись на деле. Всякая группа населения, действительно участвующая в борьбе на данном ее этапе и готовая подчиняться общей дисциплине, должна на равных правах влиять на руководство Народным фронтом.

Каждые двести, пятьсот или тысяча граждан, примыкающих в данном городе, квартале, заводе, в казарме, в деревне к Народному фронту, должны во время боевых действий выбрать своего представителя в местный Комитет действия. Все участники борьбы обязуются признавать его дисциплину.

Последний конгресс Коминтерна в резолюции по докладу Димитрова высказался за желательность образования выборных Комитетов действия как массовой опоры Народного фронта. Это, пожалуй, единственно прогрессивная мысль во всей резолюции. Но именно поэтому сталинцы ничего не делают для ее осуществления. Они не могут на это решиться, не разрывая классового сотрудничества с буржуазией.

Правда, принять участие в выборах Комитетов действия могут не только рабочие, но и служащие, чиновники, бывшие участники войны, ремесленники, мелкие торговцы и мелкие крестьяне. Таким образом, Комитеты действия как нельзя лучше отвечают задачам борьбы пролетариата за влияние на мелкую буржуазию. Но зато они чрезвычайно затрудняют сотрудничество рабочей

бюрократии с буржуазией. Между тем Народный фронт в нынешнем его виде есть не что иное, как организация классового сотрудничества между политическими эксплуататорами пролетариата (реформисты и сталинцы) и политическими эксплуататорами мелкой буржуазии (радикалы). Действительно, массовые выборы Комитетов действия должны автоматически вытеснить буржуазных дельцов (радикалов) из рядов Народного фронта и тем самым взорвать на воздух преступную политику, продиктованную Москвой.

Было бы, однако, ошибкой думать, что можно просто в известный день и час призвать пролетарские и мелкобуржуазные массы к выбору Комитетов действия на основе определенного устава. Такой подход был бы чисто бюрократическим и потому бесплодным. Выбрать Комитет действия рабочие могут только в том случае, если они сами участвуют в каком-либо действии и испытывают потребность в революционном руководстве. Дело идет не о формально-демократическом представительстве всех и всяких масс, а о революционном представительстве борющихся масс. Комитет действия есть аппарат борьбы. Незачем гадать заранее, какие именно слои трудящихся окажутся привлечены к созданию Комитетов действия: границы борющихся масс определяются в самой борьбе.

Величайшая опасность во Франции состоит в том, что революционная энергия масс израсходуется по частям, в отдельных взрывах, как Тулон, Брест, Лимож, и уступит место апатии. Только сознательные изменники или безнадежные тупицы способны думать, что при нынешнем положении можно удерживать массы в неподвижности до тех пор, пока их не облагодетельствует сверху правительство Народного фронта. Стачки, протесты, уличные столкновения, прямые восстания совершенно неизбежны в нынешней обстановке. Задача пролетарской партии состоит не в том, чтобы тормозить и парализовать эти движения, а в том, чтобы объединять их и придать им наивысшую силу.

Реформисты и сталинцы больше всего боятся испугать радикалов. Аппарат Единого фронта вполне сознательно играет роль дезорганизатора по отношению к самочинным движениям масс. А левые типа Марсо Пивера лишь прикрывают этот аппарат от возмущения масс. Спасти положение можно лишь в том случае, если помочь борющимся массам в процессе самой борьбы создать новый аппарат, отвечающий потребностям момента. В этом и состоит назначение Комитетов действия. Во время борьбы в Тулоне и Бресте рабочие без колебаний создали бы местную боевую организацию, если бы их к этому призвали. На другой день после кровавой расправы в Лиможе рабочие и значительная часть мелкой буржуазии, несомненно, обнаружили бы готовность создать выборный Комитет для расследования кровавых событий и для их предупреждения в будущем. Во время движения в казармах летом этого года, против "рабио" (продления срока службы), солдаты, не задумываясь, выбрали бы ротные, полковые и гарнизонные Комитеты Действия, если бы им подсказали этот путь. Такие случаи представляются и будут представляться на каждом шагу. Чаще в местном, но нередко и в национальном масштабе. Задача состоит в том, чтоб не упустить ни одного такого случая. Первое условие для этого: ясно понимать самим значение

Комитетов действия, как единственного средства сломить антиреволюционное сопротивление партийных и синдикальных аппаратов.

Значит ли это, что Комитеты действия заменяют партийные и синдикальные организации? Было бы нелепо так ставить вопрос. Массы входят в борьбу со всеми своими идеями, группировками, традициями и организациями. Партии продолжают жить и бороться. При выборах в Комитеты действия каждая партия будет естественно стремиться провести своих сторонников. Решать Комитеты действия будут по большинству голосов (при наличии полной свободы партийных и фракционных группировок). В отношении к партиям Комитеты действия могут быть названы революционным парламентом: партии не исключаются, наоборот, они необходимо предполагаются; в то же время они проверяются в действии, и массы учатся освобождаться от влияния гнилых партий.

Значит, Комитеты действия - это просто Советы? При известных условиях Комитеты действия могут превратиться в Советы. Было бы, однако, неправильно называть Комитеты действия этим именем. Ныне, в 1935 г., народные массы привыкли со словом "Советы" соединять представление об уже завоеванной власти; но до этого во Франции пока еще не близко. Русские Советы на первых своих шагах были совсем не тем, чем стали впоследствии, и даже назывались в те времена нередко скромным именем Рабочих или Стачечных комитетов. Комитеты действия на нынешней своей стадии имеют задачей объединить оборонительную борьбу трудящихся масс Франции и тем дать этим массам сознание собственной силы для будущего наступления. Дойдет ли дело до подлинных Советов, зависит от того, развернется ли нынешняя критическая ситуация во Франции до последних революционных выводов. Это зависит не только, разумеется, от воли революционного авангарда, но и от ряда объективных условий; во всяком случае, массовое движение, упершееся ныне в барьер Народного фронта, не двинется вперед без Комитетов действия.

Такие задачи, как создание рабочей милиции, вооружение рабочих, подготовка всеобщей стачки, останутся на бумаге, если этими задачами не займется сама борющаяся масса в лице своих ответственных органов. Только выросшие из борьбы Комитеты действия могут обеспечить действительную милицию, насчитывающую не тысячи, а десятки тысяч бойцов. Только Комитеты действия, охватившие важнейшие центры страны, смогут выбрать момент для перехода к более решительным методам борьбы, руководство которой будет принадлежать им по праву.

*

Из намеченных выше положений вытекает ряд выводов для политической деятельности пролетарских революционеров во Франции. Первый из этих выводов касается так называемой "Революционной (?) левой". Эта группировка характеризуется полным непониманием законов движения революционных масс. Сколько бы центристы ни болтали о "массах", они всегда ориентируются на реформистский аппарат. Повторяя те или другие революционные лозунги, Марсо Пивер подчиняет их абстрактному принципу "организованного единства", которое

на деле оказывается единством с патриотами против революционеров. В то время, как для революционных масс вопросом жизни и смерти является разбить противодействие объединенных социал-патриотических аппаратов, левые центристы "единство" этих аппаратов рассматривают как абсолютное благо, стоящее над интересами революционной борьбы.

Строить Комитеты действия может лишь тот, кто до конца понял необходимость освободить массы от предательского руководства социал-патриотов. Между тем Пивер цепляется за Жиромского, который цепляется за Блюма, который, вместе с Торезом, цепляется за Эррио, который цепляется за Лаваля. Пивер входит в систему Народного фронта (недаром на последнем Национальном Совете партии он голосовал за постыдную резолюцию Блюма!), а Народный фронт входит, как крыло, в бонапартистский режим Лаваля. Крушение бонапартистского режима неизбежно. Если руководству Народного фронта (Эррио-Блюм-Кашен-Торез-Жиромский-Пивер) удастся устоять на ногах в течение всего ближайшего решающего периода, то бонапартистский режим неизбежно уступит свое место фашизму. Условием победы пролетариата является ликвидация нынешнего руководства. Лозунг "единства" становится при этих условиях не только глупостью, но и преступлением. Никакого единства с агентами французского империализма и Лиги Наций! Их вероломному руководству надо противопоставить революционные Комитеты действия. Строить эти комитеты можно, только беспощадно разоблачая антиреволюционную политику так называемой "Революционной левой" во главе с Марсо Пивером. Иллюзиям и сомнениям на этот счет не может быть, разумеется, места в наших рядах.

Л.Троцкий

26 ноября 1935 г.

[Письмо французским сторонникам]

3 дек[абря 19]35 [г.]

Дорогие товарищи,

1) Разногласия, которые отделяют вас от группы "Коммуна"146, являются, как показывает письмо тов. Франка, совершенно непримиримыми. Отвечать Франку нет надобности. Он не привел ни одного нового аргумента, все, что он говорит, сказано давно сапистами и пиверистами. Это есть капитуляция перед социал-демократической волной. Кто этого не понимает, тот не марксист. Приближение войны дало (временно) социал-патриотам мощное оружие против интернационалистов. Отсюда - исключение ленинцев. Отсюда - трусливая капитуляция Пивера (голосование за резолюцию Блюма по вопросам общей политики; молчание на Национальном совете по поводу исключений и пр.). Наконец, отсюда же страх неустойчивых элементов в нашей собственной среде перед "изоляцией" и стремление во что бы то ни стало удержаться рядом с центристами и как можно меньше отличаться от них. Никакого другого политического содержания в поведении Молинье и Франка нет. Они капитулируют перед социал-патриотической волной. Все остальное - пустые фразы, не имеющие

никакой цены в глазах серьезного марксиста.

2) Я думаю, что большинство ЦК французской секции проявило недопустимую снисходительность к оппортунистическим тенденциям Молинье и Франка (я уж не останавливаясь на преступно авантюристском образе действий Молинье). Снисходительность можно психологически объяснить стремлением сохранить единство и проч. В этом отношении роль центральной группы тов. Руса¹⁴⁷ была вполне положительной, - поскольку дело касалось борьбы клик и лиц. Но примиренчество стало серьезной ошибкой с того момента, как капитулянтские и центристские тенденции группы Молинье обнаружались полностью. В сто раз лучше прямой, открытый и честный разрыв, чем двусмысленные уступки тем, которые капитулируют перед социал-патриотической волной.

3) О постыдном воззвании "Коммуны" я сказал уже все, что мог. Из новых писем трудно разобрать, будет ли выходить "Коммуна" или же "Революция" будет превращена в "массовый орган". Но не этот вопрос получает сейчас решающее значение. Если даже фирма "Коммуны" будет похоронена, то остается вопрос, в чьих руках будет "Революция" и на основе какой программы она будет издаваться?

4) Недопустимая уступчивость по отношению к центристам-капитулянтам (Молинье, Франк) явно запутала молодежь. Зеллер уезжал отсюда с добрыми намерениями провести энергичную кампанию а) за слияние его группы с большевиками-ленинцами, б) за присоединение Сенской организации молодежи к Открытому письму. Теперь Зеллер сбит окончательно, как я сужу по его письму. С одной стороны, ему говорят: "В Сенской антанте мы все согласны, теперь фракции больше не нужны". С другой стороны, его убеждают, что сливать надо сразу всех: б[ольшевиков]-л[енинцев], группу Зеллера, оппозиционных сталинцев, оппозиционных членов Социального фронта¹⁴⁸ и проч. И проч. Даже отсюда совершенно ясно видно, что возможности очень велики, но оппортунистические стратегии вместо серьезной и систематической организационной работы успокаивают себя пустыми фразами, радужными перспективами и проч.

а) Что значит: "Мы, сенская молодежь, теперь во всем согласны"? В чем согласны? Разве Сенская организация приняла платформу большевиков-ленинцев? Разве она примкнула к Откр[ытому] письму¹⁴⁹? Разве этот вопрос дискутировался и разве можно придавать серьезное значение самым революционным лозунгам, если люди не поняли необходимости новой партии, а следовательно, и нового Интернационала? Между тем, на недавнем конгрессе Зеллера заставили отказаться от лозунга Четверт[ого] Интернационала. Кто заставил? Уж не большевики ли ленинцы? С такими лучше рвать, ибо они только компрометируют это имя. В то время как голландская партия подавляющим большинством выбрасывает сапистов во имя IV Интернац[ионала], в то время как американская партия объявляет разрыв дружественных отношений с САП, обвиняя ее в измене IV Интернационалу, в то время как в британской НРП открывается решительная кампания за IV Интернационал, в то время как Вальтер Дож¹⁵⁰ внутри партии Вандервельде выдвигает впервые перспективу IV Интернационала,

во Франции после исключения находятся, с позволения сказать, большевики-ленинцы, которые "стесняются" этого лозунга и мешают Зеллеру поднять кампанию за IV Интернационал в Сенской антанте. Надо сказать прямо и открыто: кто сейчас не ведет открытой борьбы за революционную партию, национальную и интернациональную, тот капитулирует или готовится капитулировать перед социал-патриотизмом. С такими людьми надо рвать беспощадно.

б) Когда придет час, надо будет произвести слияние с оппозиционными сталинцами и со всеми другими революционными группировками, но не на основе... равного представительства в редакции - без принципов, без знамени (метод Молинье) - а на основе определенной программы. Такой минимальной программой является Открытое письмо. Прежде чем присоединять сталинцев и проч., надо завоевать Сенскую антанту для IV Интернационала. Кто противодействует этому или тормозит эту работу, тот капитулирует или собирается капитулировать перед волной социал-патриотизма.

в) Лакмусовой бумажкой для испытания революционного направления является сейчас отношение к так называемой "революционной левой". В ее рядах, вероятно, есть потенциальные революционеры. Но каждое направление определяется своей программой и своим руководством. Марсо Пивер является левым прикрытием Блюма и всего народного фронта. Кто не разоблачает Марсо Пивера, тот капитулирует или подготавливает капитуляцию перед Леоном Блюмом. "Революционная политика" в рамках дисциплины Леона Блюма есть в настоящий момент, после исключения б[ольшевиков]-л[енинцев], - шарлатанство и обман. Верно ли, что Марсо Пивер, голосовавший за политическую резолюцию Блюма, приглашен к сотрудничеству в "Революции"? Если верно, то это знаменует стремление прикрыться центризмом, т. е. прятать свое знамя.

Колебания, опыты, попытки, прощупывания были в известный период неизбежны. Но после того, как направления определились в результате свирепой борьбы по основным вопросам нашего времени (война и IV Интернационал), - теперь тащить революционеров к блоку с Марсо Пивером - значит совершать реакционную работу, значит включаться в социал-патриотический фронт.

г) Всякая критическая эпоха порождает во множестве временные течения и контртечения, в которых оппортунисты и авантюристы плавают, захлебываются и тонут. Нужна выдержка, серьезная революционная кристаллизация пойдет только по правильной марксистской оси. Шумиха "Коммуны" через несколько недель будет, вероятно, позабыта или же пойдет прямо на пользу социал-патриотам. А систематическая борьба под знаменем IV Интернационала пойдет своим чередом. Именно сейчас проверяются убеждения и закрепляются характеры. Надо уметь перешагнуть через политический труп бывш[его] противника, если он капитулирует перед социал-патриотизмом или лакеями социал-патриотизма, что несколько не лучше. Если мы перешагнули в свое время, когда были неизмеримо слабее, через Зиновьева, Каменева, Раковского и др[угих] старых и выдающихся революционеров, то тем легче мы сейчас перешагнем через клику капитулянтов, постыдно отрекающихся от собственного знамени.

Л.Троцкий

3 декабря 1935 г.

P.S. Только что получил циркулярное письмо от 24 ноября 1935 года без всякой подписи, но зато с возгласом "Да здравствует `Коммуна`!" Мы уже знаем, что это за "Коммуна", под знаменем которой собирается группа, члены которой почему-то не сочли нужным подписать свои имена. Весь документ состоит из организационных дрызг и кляуз, которых не члену Центр[ального] Комитета невозможно даже и проверить. Но в такой проверке нет, в сущности, и надобности. Своим беспринципным кляузным характером документ достаточно говорит сам за себя. Меняя в корне позицию, отказываясь от основных лозунгов ленинизма, попирая ногами его методы, соединяясь за спиной организации и ее руководящих учреждений (национальных и интернациональных) с прямыми противниками ленинизма, выпуская в свет постыдное воззвание в пользу "Коммуны", достойное самого Мориса Паза, - центристские капитулянты не могут и не пытаются привести ни одного принципиального соображения в защиту своей измены. "Выступим на арену", - заканчивают они свое изложение. На какую арену? На арену оппортунизма.

Каждый серьезный марксист отбросит кляузный документ и рассмотрит существо вопроса, т. е. отношение к центризму, с одной стороны, ленинизму, с другой.

Оппортунистические тенденции Молинье возникли не вчера и не составляли тайны ни для кого из нас. Участие Молинье в руководящей работе оправдывалось до тех пор, пока его контролировали и поправляли другие товарищи, более прочно стоящие на базе принципов марксизма. С того момента, как Молинье вырвался из-под национального и интернационального контроля и попытался свои авантюристические импульсы превратить в "направление", он немедленно же попал обеими ногами в болото оппортунизма. Это болото он высокопарно называет ареной.

Л.Т[роцкий]

[Письмо А.Цилиге]151

24.12.1935 г.

Дорогой товарищ Цилига,

Посылаю это письмо через Париж, чтобы одновременно информировать тамошних друзей (у меня сейчас нет русского переписчика). Знаете ли Вы иностранные языки? Какие именно?

1. Выделить вопрос о товарищах Дедиче¹⁵², Драгиче¹⁵³ и Хеберлинге¹⁵⁴ можно лишь в том случае, если у Вас есть для этого особые пути (сербская дипломатия, влиятельные родственники названных лиц и пр.). На этот счет я ничего не знаю. Во всяком случае, даже если у Вас имеются особые "ходы", задерживать из-за этого общую кампанию нет смысла: она только поможет частичным требованиям.

2. Инициативный комитет следовало бы немедленно создать в Праге хотя бы

из 3-5 лиц. Нельзя ли в качестве председателя привлечь немецкого журналиста Вилли Шламма¹⁵⁵, редактора "Еуропеише Хефте"¹⁵⁶? Через него, может быть, найдете кого-либо из чехов? Вы также должны, конечно, войти. Может быть, т. Зейпольд, бывший депутат прусского ландтага.

3. Этот комитет должен разослать меморандум (типа Вашего письма¹⁵⁷, но для более широкой и менее осведомленной публики) на трех языках ряду лиц по заранее составленному списку. Этот список помогут составить наши друзья во всех странах, прежде всего в Праге и в Париже. Я отсюда окажу всякое содействие.

4. Основным "аппаратом" по распространению меморандума, поиску подходящих лиц, сочувствующих изданию, и пр., являются, естественно, большевики-ленинцы в разных странах. Их надо прежде всего заинтересовать. Для них достаточно Вашего первого письма: оно уже переписано и переводится. Если Вы хотите произвести в нем какие-либо изменения или подписать его псевдонимом (есть ли, однако, в этом смысл?), напишите об этом немедленно в Париж (о том, что надо вычеркнуть указание на вашу педагогическую деятельность, уже написано мною отсюда).

5. Начинать с книжки об СССР¹⁵⁸ непрактично: уйдет много времени, да и не так просто без подготовки найти издателя. Если же провести предварительную кампанию с минимумом успеха и популяризовать при этом Ваше имя, то издатель, наверное, найдется. Книжку надо писать немедленно, чтобы она была готова в надлежащий момент.

6. Возвращаюсь к меморандуму. Он должен быть составлен в спокойных, но твердых тонах. "Мы" (составители) не враги Советского Союза. Но правящая бюрократия, пользуясь безнаказанностью, совершает тягчайшие преступления. - Дать картину преследований (аресты, изолятор, ссылки и пр.), представить выпукло дело сербских и вообще иностранных товарищей. - Обрисовать кратко дело Зиновьева, Каменева, как осужденных по явно подложному обвинению¹⁵⁹. - Другие примеры. - Требования: создать международную комиссию для проверки актов террора по отношению к революционерам.

Один проект меморандума будет составлен в Париже. Другой попробуйте составить в Праге (при участии Шламма, если он согласится). Письмо для него при сем прилагаю. Если в ход будут пущены два меморандума, беды не будет, н а о б о р о т.

7. В Париже может (должен!) возникнуть одновременно самостоятельный инициативный комитет, с которым Пражский комитет войдет немедленно в связь.

8. Очень серьезный вопрос: как быть с меньшевиками? Разумеется, Интернациональная комиссия расследования (когда она будет создана) должна была бы заняться и ими. Но до этого еще далеко. Пока дело идет только об агитации. В этой стадии участие меньшевиков было бы только вредным. Несмотря на нынешнюю меньшевистскую международную политику сталинизма, репутация русских меньшевиков в сознании мирового пролетариата остается безнадежной с 1917 г. Их участие только оттолкнуло бы ценных союзников.

9. От вас впервые я узнаю, что анархисты в тюрьмах и ссылке столь

многочисленны. Теоретически это вполне объяснимо. Как быть, однако, с анархистами при постройке комитетов защиты пленников Сталина? В Европе анархизм в упадке (хотя может возродиться). Вряд ли найдутся сколько-нибудь "представительные" фигуры для комитетов. Скорее уже полуанархисты (синдикалисты) во Франции. Во всяком случае, это не принципиальный вопрос.

10. Вопрос об общей оценке СССР надо вовсе выделить (устранить) из кампании. Иначе она может оказаться взорванной с самого начала. Позволю себе дать Вам личный совет: не ангажироваться сразу публично в этом вопросе, как потому, что вам придется играть в кампании видную роль, так и потому (это уж чисто личное мнение), что только отойдя от гнусностей сталинской бюрократии, Вы сможете - на необходимом расстоянии - выработать более "социологическую" (объективную), менее "моралистическую" (субъективную) оценку всего противоречивого режима СССР в целом.

11. Ваш приезд в Норвегию вряд ли мог бы повредить мне, и мы с Н.И.[Седовой] были бы очень рады повидать Вас. С точки зрения интересов кампании, было бы, однако, неизмеримо выгоднее, если бы Вы приехали по сле первых шагов, прощупывания разных лиц, создания первых инициативных комитетов и выработки меморандумов. Иначе при моей изолированности (не говоря уже о вашей) наши беседы и планы могли бы повиснуть в воздухе. Необходима хоть первая подготовительная работа.

Н.И.[Седова] горячо благодарит Вас за письмо.

Жму крепко руку, желаю бодрости и здоровья.

Ваш

Л.Т[роцкий]

Фракции и Четвертый Интернационал

Работа по построению Четвертого Интернационала развивается уже сейчас на значительно более широкой основе, чем работа по созданию фракции большевиков-ленинцев. Весьма возможно и даже вероятно, что некоторые из тех элементов, перевоспитание которых оказалось не под силу тесной фракции, будут ассимилированы более широкой международной группировкой. Не все, конечно, а те, которые способны учиться, т. е. прежде всего проверять свои взгляды на опыте классовой борьбы. С этой точки зрения вполне правильно дать место под знаменем Четвертого Интернационала также и тем организациям, которые порвали с нами на одном из предшествующих этапов. Мы вступили лишь в подготовительный период истории Четвертого Интернационала.

Толкаемые разложением реформизма и сталинизма, обострением классовой борьбы и приближением военной опасности, группы разного происхождения будут стучаться в двери Четвертого Интернационала. Необходима будет по отношению к ним очень убедительная, дальновидная и гибкая политика. На первых порах необходимо будет открыть известный кредит группам с сектантскими или левоцентристскими тенденциями и пережитками. Но этот кредит не может быть, разумеется, ни неограниченным, ни вечным. Четвертый Интернационал не

позволит никому - в этом мы не сомневаемся - играть ни с принципами, ни с дисциплиной. Но эту дисциплину нельзя декретировать заранее: ее надо выковать в совместной борьбе, она должна опираться на продуманный и критически проверенный коллективный опыт подавляющего большинства участников. В этом смысле следует признать, что присоединение группы "Спартакус" к Четвертому Интернационалу есть положительный факт. Он открывает этой группе серьезные шансы освободиться от грехов сектанства и тем самым обещает вернуть в наши ряды бескорыстных и преданных работников.

Вопрос о фракциях внутри революционной партии получает сейчас, при формировании нового Интернационала, огромное значение. Между тем как раз в этом вопросе годы господства Коминтерна внесли ужасающую смуту и деморализацию. В Коминтерне фракции запрещены, причем это полицейское запрещение опирается будто бы на традицию большевизма. Правда, в марте 1920 г. 160 особым постановлением X съезда партии фракции были запрещены. Но сама необходимость этого постановления показывает, что в предшествующий период, т. е. в течение тех 17-ти лет, когда большевизм возник, рос, крепнул и пришел к власти, фракции составляли часть легальной жизни партии. Так оно и было на деле. На Стокгольмском съезде партии (1906 г.), где фракция большевиков снова объединилась с фракцией меньшевиков, внутри большевиков по важнейшему вопросу об аграрной программе были две фракции, открыто боровшиеся на съезде: большинство большевиков под руководством Ленина выступало за национализацию земли, считая, что эта мера, не стесняя капиталистического развития, облегчит на дальнейшем историческом этапе социалистическую работу пролетариата. Сталин, выступавший на съезде под именем Ивановича, принадлежал к небольшой группе так называемых "разделистов", отстаивавших немедленный раздел земли между мелкими собственниками и ограничивавших таким образом революцию заранее фермерско-капиталистической перспективой. Об этом интересном эпизоде, бросающем яркий свет на многие позднейшие события, официальная историография тщательно молчит. В 1907 году в большевизме идет острая фракционная борьба по вопросу о бойкоте Третьей Государственной Думы. Из сторонников бойкота выросла затем фракция "ультиматистов". Сторонники бойкота разбились затем на две фракции, которые в ближайшие годы вели ожесточенную борьбу против фракции Ленина не только в рамках "объединенной партии", но и в рамках большевистской фракции. Обостренная борьба большевизма против ликвидаторства порождает затем внутри большевизма примиренческую фракцию, к которой принадлежали видные практики того времени: Рыков, Дубровинский¹⁶¹, Сталин и др. Борьба с примиренцами дотягивается до самой войны. Август 1914 года открывает период группировок в большевизме по линии отношения к войне и ко Второму Интернационалу. Одновременно слагается фракционная группа противников национального самоопределения (Бухарин, Пятаков и др.). Острая фракционная борьба внутри большевизма в первый период после февральской революции и накануне Октябрьского переворота сейчас уже достаточно известна (см., напр[имер], Л.Троцкий "История русской революции"). После завоевания

власти острая фракционная борьба разыгрывается вокруг вопроса о Брест-Литовском мире. Создается фракция левых коммунистов с собственным фракционным органом (Бухарин, Ярославский и проч.). В дальнейшем формируются фракции "демократического централизма" и "рабочей оппозиции", которые переплетаются с группировками по вопросу о профессиональных союзах. Только Десятый съезд, собравшийся в условиях блокады и голода, страшной нужды, растущего крестьянского недовольства и первых шагов к НЭПу, развязывавшему мелкобуржуазные политические и экономические тенденции, только этот Десятый съезд в столь исключительных условиях, когда дело шло о жизни и смерти революции, счел возможным прибегнуть к такой исключительной мере, как запрещение фракций. Можно относиться к решению Десятого съезда как к тяжелой необходимости; но в свете позднейших событий совершенно ясно: запрещение фракций завершает особую героическую историю большевизма и готовит его бюрократическое вырождение. С 1923 года эпигоны переносят запрещение и удушение фракционной борьбы с правительственной партии в СССР на молодые секции Коминтерна и тем обрекают их на вырождение, прежде чем они успели вырасти и сформироваться.

Значит ли это, однако, что революционная партия пролетариата должна или может представлять собою простую сумму фракций? Чтобы лучше ответить на этот вопрос, возьмем для сравнения французскую социалистическую партию, которая узаконила фракции в своем составе, введя для всех партийных выборов принцип пропорционального представительства. В этом смысле французская секция Второго Интернационала долгое время и не без успеха выдавала себя за наиболее чистое выражение "партийной демократии". Формально это так и есть, вернее, так и было, но как чистая демократия буржуазного общества прикрывает собою фактическое господство верхушки собственников, так и наиболее идеальная демократия Второго Интернационала прикрывает собою господство неофициальной, но могущественной фракции: парламентских и муниципальных карьеристов. Эта фракция, прочно держащая в своих руках аппарат, позволяет левым фракциям говорить очень революционные речи, но при одном условии: чтобы они сами не брали себя всерьез. Но как только действительно марксистская фракция, у которой слово и дело идут заодно, начинает вскрывать фальшь партийной бюрократии, аппаратная фракция немедленно же становится на путь исключений.

Кстати сказать, некоторые сектантские пороки, предвещавшие, что вхождение в СФИО приведет к деморализации нашей секции, к ее капитуляции перед реформизмом, теперь обнаруживают силу своего пророческого дара в противоположном направлении: вот, видите, - вас исключают. Так как большевики вошли в реформистскую партию не для приспособления, а для борьбы, то столкновение с правящей фракцией было предопределено заранее. Приближение военной опасности и социал-патриотический поворот Коминтерна ускорили конфликт и сразу придали ему исключительную остроту. Если социал-патриоты исключают революционеров, а не революционеры социал-патриотов, то тут виною соотношение сил, насчет которого никто себе не делал ни малейших иллюзий.

Вступлением в социалистическую партию можно было достигнуть кое-чего, но отнюдь не всего. Достигнут серьезный рост влияния нашей французской секции, вокруг ее лозунгов и идей идет фактическая борьба фракций внутри обеих рабочих партий. Борьба интернационализма и социал-патриотизма поставлена с замечательной ясностью. Что касается организационных итогов, то их еще подводить рано: борьба внутри французской социалистической партии еще далеко не закончилась.

Находятся мудрецы (нередко это прежние противники вхождения), которые говорят: большевики-ленинцы держали себя внутри социалистической партии слишком неосторожно, выдвигая, напр[имер], лозунг Четвертого Интернационала и проч., и привели, таким образом, к преждевременным исключениям. Эта ошибка политического зрения встречается в политике очень часто; успехи - настолько привлекательная вещь, что хотелось бы, чтобы они развивались без перерыва. При этом легко упускать из виду, что существует на свете противник, у которого есть глаза и уши. Только совсем безнадежные простаки могут думать, что Блюма и К|| испугал лозунг Четвертого Интернационала. Наша секция стояла под этим лозунгом еще до вступления в социалистическую партию, распространяла тезисы "Война и Четвертый Интернационал" и проч. Для оппортунистов и социал-патриотов это всегда остается второстепенным вопросом, из-за которого они совсем не склонны проливать кровь. Вздор! Только приближение военной опасности и открытая измена Коминтерна, чрезвычайно укрепившая позиции социал-патриотизма, по крайней мере на ближайшее время, заставили Леона Блюма и К|| перейти в наступление. Уже на конгрессе в Мизюле Блюм откровенно сказал: единство со сталинцами, но без вас. Правда, он взял позже назад свои слова, но извинение имело чисто дипломатический характер, а вырвавшаяся из уст угроза выражала существо его политики. Думать, что те или другие "неосторожные" выражения, к тому же неизбежные в острой борьбе, могли играть в вопросе об исключениях серьезную роль, значит слишком поверхностно и легкомысленно оценивать противника. Как раз Леону Блюму и К|| нелегко дается исключение ввиду традиционного мифа партийной демократии. Если руководящая клика решила на исключение, понимая традиционный миф демократии, значит, у нее есть для этого серьезные и неотложные причины. Повод же найти нетрудно: не только у Муссолини, но и у Блюма всегда есть про запас свой Уал-уал162. Когда САПисты и их ученики спартакисты ссылаются по поводу исключения на лозунг Четвертого Интернационала, то они играют роль мелких адвокатов Блюма и только.

Именно свежий опыт французской социалистической партии доказывает, что партия не может быть простой суммой фракций. Партия может терпеть те фракции, которые не преследуют целей, прямо противоположных ее собственным целям. Традиционная левая во французской социалистической партии безобидно топталась на месте. Ее терпели. Более того: ее поощряли. Маргаринового революционера Жиромского Блюм никогда не величал иначе, как "мой друг". Этот титул, дававшийся одновременно и Фроссару (до его открытой измены), означает: человек, необходимый для прикрытия правящей клики, слева или

справа. Но ленинцев, у которых слово не расходится с делом, демократия социал-патриотической партии вынести не может.

Революционная партия предполагает определенную программу и тактику. Это заранее ставит определенные и очень отчетливые пределы внутренней борьбе тенденций и группировок. Сейчас, после крушения Второго и Третьего Интернационалов, межевые знаки получают особенно яркий и отчетливый характер. Сама принадлежность к Четвертому Интернационалу не может не быть ограничена определенным количеством условий, в которых должен резюмироваться весь предшествующий опыт рабочего движения. Но если рамки внутренней идейной борьбы этим заранее ограничиваются, то сама борьба в рамках общих принципов вовсе не отрицается. Она неизбежна. В определенных пределах она плодотворна. Не дискуссия, конечно, дает основное содержание партии, а борьба. Где непрерывная дискуссия питается сама собой, там возможны только гниение и распад. Но где дискуссия опирается на совместную борьбу, критически освещает ее и готовит ее новые этапы, там она необходимый элемент развития. Дискуссия по серьезным вопросам немыслима без группировок; но при нормальных условиях они рассасываются затем организмом партии, особенно благодаря новому опыту, который всегда дает наилучшую проверку политическим разногласиям. Превращение группировок в устойчивые фракции есть само по себе тревожный синдром, который знаменует либо полную непримиримость борющихся тенденций, либо показывает, что партия в целом зашла в тупик. Предотвратить такое положение нельзя, конечно, голым запрещением фракций: бить по симптомам не значит лечить болезнь. Только правильная политика и здоровый внутренний режим могут предотвратить превращение временных группировок в окостеневшие фракции.

Здоровый режим в огромной степени зависит от руководства партии, от его способности своевременно прислушиваться к голосу критики. Упрямая политика бюрократического "престижа" губительна для развития пролетарской организации, а вместе с тем и для авторитета руководства. Но доброй воли одного руководства недостаточно. Оппозиционная группировка также несет ответственность за характер внутрипартийных отношений. Во фракционной борьбе с реформистами революционеры прибегают нередко к крайним средствам, хотя, по общему правилу, реформисты во фракционной борьбе действуют гораздо более непримиримо и решительно. Но тут дело идет с обеих сторон о подготовке разрыва в наиболее выгодных условиях. Кто переносит подобные методы внутрь революционной организации, тот обнаруживает либо политическую незрелость и отсутствие чувства ответственности, либо свой анархический индивидуализм, чаще всего прикрытый сектантскими принципами, либо, наконец, свою чуждость революционной организации.

Чувство меры во фракционной борьбе растет вместе с повышением зрелости организации и авторитета ее руководства. Когда Верекек изображает дело так, что "сектанты" исключили его за верность принципам марксизма, то мы можем только пожалеть плечами. На самом деле группа Верекекена проявила политическую незрелость, отколовшись от организации, которая в течение ряда лет доказала

свою верность принципам марксизма. Если Вереекен имеет сейчас возможность примкнуть к работе по строительству Четвертого Интернационала, то он обязан этой возможности прежде всего той интернациональной организации, от которой он, в силу сектантской запальчивости, откололся.

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1935 г.]

1936

[Письмо А.Цилиге]

10 января 1936 г.

Дорогой товарищ Цилига,

Я и сам опасался, что чрезвычайная краткость моего письма может породить некоторые недоразумения. Спешу по возможности рассеять их настоящим, более детальным письмом.

Разумеется, наиболее острая и неотложная цель кампании: помочь революционным жертвам бонапартистской бюрократии. Но вы должны иметь в виду, что эта цель стоит перед нами по крайней мере уже в течение 7 лет, т. е. со времени нашей высылки в Турцию. Мы делали целый ряд попыток и по разоблачению преступных жестокостей по отношению к революционерам, и по собиранию средств. Результаты были всегда очень скромные. Этот опыт надо учесть. Причины наших поражений? Они ясны: буржуазные круги, даже и "либеральные", ненавидят нас гораздо больше, чем сталинцев (возьмите хотя бы русскую белую печать); социал-демократия раньше, до поворота Коминтерна, не прочь была использовать отдельные разоблачения, но никогда не оказывала ни малейшей помощи, ибо мы ей чужды и враждебны; радикальные интеллигенты втянуты в "Общество Друзей России" и в значительной мере подкуплены бюрократией (даровые поездки, княжеские приемы на юбилеях, соответственные гонорары, несмотря на отсутствие литературной конвенции, и проч. и проч.). Прибавьте к этому бешеную контрагитацию сталинской печати, богатой деньгами и всякими видами отравы. К рабочим массам мимо реформистских и сталинских аппаратов пробираться нам было очень трудно. Причина наших неудач, следовательно, не техническая, не организационная, не неясность цели, и проч., а чисто политическая. Если мы хотим иметь практические успехи, то нам необходимо сломить или хотя бы ослабить политические препятствия.

Сейчас обстановка стала несколько более благоприятной для предпринимаемой кампании. В глазах известной части радикальной интеллигенции Коминтерн скомпрометировал себя своими поворотами. Внутри соц[иал]-демократических партий разных стран возникли левые фракции. Мы сами как международная организация стали сильнее. Но все же отдельных радикальных интеллигентов, левых соц[иал]-демократов (центристов) и б[ольшевиков]-л[енинцев] слишком недостаточно в качестве базы для практической помощи. Надо попытаться через новых союзников и полусоюзников захватить более широкие круги, прежде всего рабочих. Каким путем? Надо

заронить в них сомнение в сталинской "юстиции". Надо сказать им: перед вами серия подлогов. Вас обманывают. Мы беремся вам это доказать. Создайте комиссию, которая потребует у Москвы объяснения по всем тем пунктам, на которые мы вам укажем. Такая постановка вопроса понятна и доступна среднему мыслящему рабочему. На эту почву могут встать честные чиновники профессиональных союзов. Прецедент был: в 1921 г. мы допустили Вандервельде и К^{||} к участию в процессе эсеров-террористов¹⁶³. Как ответит на такие требования Москва, покажет будущее. Ответ Москвы будет зависеть от количества требующих. Во всяком случае, политическая кампания такого рода есть необходимая предпосылка, а в дальнейшем - необходимый аккомпанемент всех и всяких практических шагов по конкретной помощи.

В числе "практических" лозунгов вы лично выдвигаете требование свиданий с заключенными. Это совершенно правильно. Можно было бы даже выдвинуть требование списка всех заключенных иностранцев (революционеров) и потребовать свидания прежде всего с ними. Но ведь это же и есть требование "контроля": ибо Сталин и Ягода отлично понимают, какова может быть политическая цель таких свиданий. Но приблизиться к осуществлению этой частной, конкретной задачи нельзя иначе, как на пути политической агитации, дискредитации сталинской бюрократии, привлечения политического сочувствия к заключенным. Другого пути нет. Ваша аналогия с комитетами помощи жертвам германского фашизма и политически и практически может только повредить. Против Гитлера все рабочие организации, и реформистские, и сталинские, вся радикальная интеллигенция, еврейская буржуазия, франкмасонство и проч. Здесь политические посылки для практических комитетов уже налицо. А в нашем деле их надо только создать, притом в той самой среде, которая, сочувствуя СССР, переносит это сочувствие и на бюрократию. Вы сами очень хорошо анализируете положение в отношении Чехословакии. Вам необходимо перенести ваш анализ - с теми или другими изменениями - на весь остальной "демократический" мир. Тогда станет ясно, что без серьезной политической кампании никакие практические задачи (кроме совсем мелких или случайных, индивидуальных) не будут разрешены. "Реформы" и тут могут явиться только в результате "революционной борьбы".

Стремление к блоку с меньшевиками и эсерами я считаю практически вредным. И те, и другие представляют бессильные эмигрантские группы с позорным прошлым и без какого бы то ни было будущего, а потому и без всякого влияния на рабочее движение Европы или Америки. Дело, таким образом, могло бы идти о блоке с изолированными и скомпрометированными кликами, которые только скомпрометировали бы вас в глазах тех кругов, к которым вы хотите обращаться. Меньшевики получают, видимо, известные суммы от с[оциал]-д[емократических] партий и никакой кампании не ведут: реформисты как бы платят им за молчание, ибо сейчас все партии Второго Интерн[ационала] ищут дружбы с СССР. Блок с меньшевиками был бы сочетанием оппортунизма с донкихотством, т. е. самым худшим из сочетаний: политический урон и ни гроша прибыли. Вы ссылаетесь на мою оценку сталинского режима как бонапартизма.

Ведь по отношению к бонапартизму, говорите вы, мелкобуржуазно-демократическая оппозиция меньшевиков и эсеров прогрессивна. Почему бы не прибавить кадетов, которые тоже называют себя "республиканско-демократическим объединением" и с которыми эсеры находятся в союзе? Очевидно, я очень плохо сформулировал свои мысли о бонапартизме, если они поддаются такому истолкованию. Бонапартизм есть специфическая форма власти, как и демократия. Но для марксиста форма власти, взятая изолированно, без социального базиса, ничего не говорит и ничего не решает. Демократия? Мы сейчас же спрашиваем: демократия - для кого и против кого? Мы отличаем античную демократию от буржуазной, и эту последнюю от рабочей. То же и с бонапартизмом. Цезаризм был (если не бояться анахронистических выражений) бонапартизмом античного мира. Историческое развитие показало (этого еще не знали ни Маркс, ни Ленин), что бонапартизм возможен и на социальных основах пролетарской революции. Мелкобуржуазно-демократическая оппозиция тянет не вперед, к пролетарской демократии и отмиранию государства, ибо это немыслимо без развития мировой революции; мелкобуржуазная оппозиция тянет назад от социального фундамента октябрьской революции - к капиталистическому фундаменту. Ожидание новой "февральской" революции к лицу Керенскому, но не нам. Все говорит за то, что пролетариату придется в конце концов сбрасывать сталинскую бюрократию путем революции. Но это будет политическая революция пролетариата на основах национализированных средств производства, а не социальная контрреволюция мелкой буржуазии, которая способна только расчистить почву для крупного капитала. Именно в этом смысле я и предостерегал против субъективистских, не классовых оценок советского режима. То, что вы пишете о бонапартизме, подтверждает мои опасения, и я считаю долгом вам это сказать со всей откровенностью.

Эти разногласия я предлагал выделить из предстоящей политической кампании. Вы с этим согласны. Прекрасно! Остается проверить на практике, в какой мере эти разногласия, хотя бы и невысказанные, могут помешать совместной работе. Я думаю, что мешать не должны. Если бы вы сочли необходимым - на собственный страх и риск - сделать попытку соглашения с меньшевиками и эсерами, то вы очень скоро сами вынуждены были бы остановиться, чтобы не оказаться переброшенными в лагерь белой эмиграции, которая не имеет никакого доступа к рабочему движению, и следовательно, не способна развернуть какую бы то ни было кампанию и добиться нужных нам практических результатов.

Кстати, из ваших же слов вытекает, что даже и в изоляторах большевики и меньшевики не соприкасаются друг с другом. Разве это случайно, что ли? Во всяком случае, я могу только горячо присоединиться к вашему намерению систематически ориентироваться в европейском положении и в здешних оценках СССР, прежде чем занимать по этому вопросу позицию открыто и во всеуслышание. Что касается нас, то мы будем очень терпеливы (это я во всяком случае обещаю вам) ко всем вашим самостоятельным поискам в разных направлениях: вы сами потом подведете необходимые итоги и встретите с нашей

стороны полную готовность к дружному сотрудничеству.

[Л.Д.Троцкий]

Измена Испанской "Рабочей партии марксистского единства"¹⁶⁴

Испанская организация "левых коммунистов", которая всегда была путаной организацией, объединилась после бесчисленных шатаний вправо и влево на центристской программе с Каталонской Федерацией Маурина в партию "марксистского (?) единства". Введенные этим именем в заблуждение, некоторые наши издания писали об этой новой партии, как о приближающейся к IV Интернационалу. Нет ничего опаснее, как преувеличивать собственные силы при помощи... доверчивого воображения. Действительность все равно не замедлит принести жестокое разочарование!

Газеты сообщают, что в Испании все "левые" партии: и буржуазные, и рабочие, составили избирательный блок на основе общей программы, которая, разумеется, ничем не отличается от программы французского "Народного фронта" и всех других шарлатанских программ того же типа. Мы находим тут и "реформу трибунала конституционных гарантий", и строгую поддержку "принципа авторитета" (!), и "освобождение юстиции от всех влияний политического и экономического порядка" (освобождение капиталистической юстиции от влияния капитала!), и прочее в том же роде. Программа констатирует отклонение национализации земли буржуазными республиканцами, участниками блока, но "зато", наряду с обычными дешевыми обещаниями в пользу крестьян (кредит, повышение цен на сельскохозяйственные продукты и проч.) провозглашает "оздоровление" (!) промышленности и покровительство мелкой промышленности и мелкой торговле. Далее следует неизбежный "контроль над банками", причем, так как буржуазные республиканцы, согласно тексту программы, отвергают рабочий контроль, то дело идет о контроле над банками... самих банкиров через посредство их парламентских агентов, вроде Асанья и ему подобных. Наконец, внешняя политика Испании будет следовать "принципам и методам Лиги Наций". Чего же больше?

Под этим постыдным документом подписаны представители двух левых буржуазных партий, Социалистической партии, социалистической Конфедерации труда, Коммунистической партии (ну конечно!), социалистической молодежи (увь!), "синдикалистской партии" (Пестания), и наконец, "Рабочей партии марксистского единства" (Хуан Андраде¹⁶⁵). Большинство этих партий стояло во главе испанской революции в годы ее подъема и сделало все от них зависящее, чтобы предать и растоптать ее. Новостью является подпись партии Маурина-Нина-Андраде. Бывшие испанские "левые коммунисты" превратились попросту в охвостье "левой" буржуазии. Трудно представить себе более унижительное падение!

Несколько месяцев тому назад вышла в Мадриде из печати книга Хуана Андраде "Реформистская бюрократия и рабочее движение", где с цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина и других авторов разбираются причины развращения

рабочих бюрократов. Хуан Андраде дважды присылал мне свою книгу, оба раза с очень теплыми посвящениями, в которых он называет меня своим "вождем и учителем". Этот факт, который в других условиях мог бы, конечно, только порадовать меня, заставляет меня теперь с тем большей решительностью заявить публично, что я никогда и никого не учил политической измене. А поведение Андраде есть не что иное, как измена пролетариату в интересах союза с буржуазией.

Нелишне упомянуть по этому поводу, что испанские "левые коммунисты", как указывает само их название, корчили из себя при каждом подходящем случае непримиримых революционеров. Они, в частности, грозно осуждали французских большевиков-ленинцев за их вступление в Социалистическую партию. Никогда и ни в каком случае! Вступить одновременно в массовую политическую организацию, чтобы непримиримо бороться в ее рядах против реформистских вождей за знамя пролетарской революции - это оппортунизм; а заключить политический союз с вождями реформистской партии на основе заведомо бесчестной программы, служащей для обмана масс и прикрытия буржуазии, - это доблесть! Можно ли больше унижить и проституировать марксизм?

"Партия марксистского единства" принадлежит к пресловутому лондонскому объединению "революционно-социалистических партий" (бывшее I.A.G.). Руководство этим объединением находится сейчас в руках Феннера Броквея, секретаря Независимой рабочей партии. Мы уже писали, что, несмотря на застарелые и, по-видимому, неизлечимые пацифистские предрассудки Макстона и др., НРП заняла в вопросе о Лиге и ее санкциях честную революционную позицию, и всякий из нас с удовлетворением читал прекрасные статьи в "Нью Лидер". На последних парламентских выборах Независимая рабочая партия отказала даже в избирательной поддержке лейбористам, именно по причине их поддержки Лиги Наций. Сам по себе этот отказ был тактической ошибкой. Где Независимая партия не могла выставить собственных кандидатов, она должна была поддержать лейбориста против консерватора. Но это все же частность. Во всяком случае, не могло быть и речи о каких-либо "общих программах" с лейбористами. Интернационалисты должны были избирательную поддержку связать с разоблачением пресмыкательства британских социал-патриотов перед Лигой Наций и ее "санкциями".

Мы позволяем себе поставить Феннера Броквею вопрос: что же, собственно, означает тот "Интернационал", секретарем которого он сам является? Британская секция этого "Интернационала" отказывает в простой избирательной поддержке рабочим кандидатам, если они стоят за Лигу Наций. Испанская секция заключает блок с буржуазными партиями на общей программе поддержки Лиги Наций. Можно ли дальше зайти в области противоречий, путаницы и несостоятельности? Войны еще нет, а секции лондонского "Интернационала" уже сейчас тянут в прямо противоположные стороны. Что же с ними станет, когда наступят грозные события?

Но вернемся к испанской партии "марксистского единства". Какая ирония в названии: "марксистское единство"... с буржуазией. Испанские "левые

коммунисты" (Андрей Нин, Хуан Андраде и др.) не раз отбивались от нашей критики их соглашательской политики ссылкой на наше непонимание "особых условий" Испании. Обычный довод всех оппортунистов, ибо первая обязанность действительного пролетарского революционера состоит в том, чтоб особые условия своей страны перевести на интернациональный язык марксизма, который доступен и за пределами собственной страны¹⁶⁷. Но сейчас нет надобности в этих теоретических доводах. Испанский блок верхушек рабочего класса с левой буржуазией не включает в себе ничего "национального", ибо ничуть не отличается от "народного фронта" во Франции, Чехословакии, Бразилии или Китае. "Партия марксистского единства" лишь рабски проводит ту политику, которую VII конгресс Коминтерна навязал всем своим секциям, совершенно независимо от их "национальных особенностей". Действительное отличие испанской политики состоит на этот раз лишь в том, что к блоку с буржуазией официально примкнула и секция лондонского Интернационала. Тем хуже для нее. Что касается нас, то мы предпочитаем ясность. В Испании найдутся, несомненно, подлинные революционеры, которые беспощадно разоблачат измену Маурина, Нина, Андраде и К|| и положат начало испанской секции Четвертого Интернационала!

Л.Троцкий

22 января 1936 г.

Предисловие¹⁶⁸

Эта книжка состоит из нескольких статей, написанных в разное время в течение последних двух с половиной лет. Точнее сказать: с выступления фашистско-бонапартистско-роялистской коалиции 6 февраля 1934 года до грандиозной массовой стачки в конце мая - начале июня 1936 г. Какая грандиозная политическая амплитуда! Вожди Народного фронта склонны, конечно, приписывать заслугу происшедшего сдвига влево предусмотрительности и мудрости своей политики. Но это не так. Трехпартийный картель оказался третьестепенным фактором в ходе политического кризиса. Коммунисты, социалисты и радикалы ничего не предвидели и не направляли: они претерпевали события. Неожиданный для них удар 6 февраля 1934 года заставил их, вопреки вчерашним лозунгам и доктринам, искать спасения в союзе друг с другом. Столь же неожиданная майско-июньская стачка 1936 г.¹⁶⁹ наносит этому парламентскому сплочению неисцелимый удар. То, что на поверхностный взгляд может казаться апогеем Народного фронта, является в действительности его агонией.

Ввиду того, что отдельные части брошюры появлялись врозь, отражая разные этапы переживаемого Францией кризиса, читатель найдет на этих страницах неизбежные повторения. Устранить их значило бы полностью нарушить конструкцию каждой из частей и, что гораздо важнее, вытравить из всей работы ее динамику, отражающую динамику самих событий. Автор предпочел сохранить повторения. Они могут оказаться даже не бесполезными для читателя. Мы живем

в эпоху повальной ликвидации марксизма на официальных верхах рабочего движения. Самые вульгарные предрассудки служат теперь официальной доктриной политическим и профессиональным вождям французского рабочего класса. Наоборот, голос революционного реализма звучит в этой искусственной акустике, как голос "сектантства". Тем настойчивее надо повторять и повторять основные истины марксистской политики перед аудиторией передовых рабочих.

В тех или других частных утверждениях автора читатель, может быть, найдет отдельные противоречия. Мы их не устрояем. На самом деле эти мнимые "противоречия" представляют только подчеркивание разных сторон одного и того же явления на разных этапах процесса. В общем брошюра, как нам кажется, выдержала испытание событий и, может быть, окажется способна облегчить их понимание.

Дни великой стачки будут, несомненно, иметь и ту заслугу, что проветрят затхлую, застоявшуюся атмосферу рабочих организаций, очистив ее от миазмов реформизма и патриотизма "социалистического", "коммунистического" и "синдикалистского" образцов. Разумеется, это произойдет не сразу и не само собою. Предстоит упорная идеологическая борьба на основе суровой борьбы классов. Но дальнейший ход кризиса покажет, что только марксизм позволяет своевременно разбираться в переплете событий и предвидеть их дальнейшее развитие.

Февральские дни 1934 г. отметили первое серьезное наступление объединенной контрреволюции. Майско-июньские дни 1936 г. знаменуют первую могучую волну пролетарской революции. Эти две вехи предопределяют два возможных пути: итальянский и русский. Парламентская демократия, именем которой действует правительство Блюма, будет стерта в порошок меж двух великих жерновов. Каковы бы ни были предстоящие отдельные этапы, переходные комбинации и группировки, частичные наступления и отступления, тактические эпизоды, - выбирать отныне придется только между фашизмом и пролетарской революцией. Таков смысл настоящей работы.

Л.Троцкий

10 июня 1936 г.

Приложение.

Предисловие к немецкому изданию 170

Первоначальный вариант

Эта книжка состоит из трех частей, написанных в разное время в течение последних двух лет. Две первые части появились в свое время в виде специальных выпусков французской газеты "Веритэ"; последняя часть написана в самые последние дни как предисловие к новому французскому изданию "Терроризм и коммунизм". Но это относится лишь к форме. По существу же работа представляет одно целое, выраженное заглавием книжки.

Ввиду того, однако, что отдельные части появлялись врозь и отражали

разные этапы кризиса, переживаемого Францией, читатель найдет на этих страницах нередкие повторения. Устранить их, значило бы нарушить конструкцию каждой из частей и, что еще важнее, вытравить из работы ее динамику, отражавшую динамику самих событий. Автор предпочел сохранить повторения. Они могут оказаться даже не бесполезны сами по себе. Мы живем в эпоху повальной ликвидации марксизма на официальных верхах рабочего движения. Самые чудовищные предрассудки, самые вульгарные суеверия служат теперь официальной доктриной политическим и профессиональным организациям пролетариев. Наоборот, азбука марксизма звучит сейчас как парадокс, как фантастика, как голос сектантства. Давно сказано, что повторение есть мать учения. Может быть, повторения этой книжки позволят читателю усвоить кое-какие истины классовой борьбы, заглушаемые базарной музыкой "народных фронтов".

Против реакции ревизионизма, который ничего не может принести пролетариату, кроме поражений и унижений, мы выступаем с революционной ортодоксией. Пусть Сталины и Димитровы борются с Вандервельде, Блюмами и Отто Бауэрами. Мы остаемся с Марксом и Лениным.

Л.Троцкий

31 марта 1936 г.

P.S. Я не имел, к сожалению, возможности просмотреть перевод. Твердо верю, что он со [...]171

[Письмо Босовичу]172

6 апреля 1936 г.

Дорогой товарищ Босович,

Я получил ваше первое письмо в свое время, а теперь и второе с приложением "Открытого письма товарищей Подолинского, Терена и Гармаша". То обстоятельство, что я Вам не ответил своевременно на ваше первое письмо, лежит у меня на совести тяжелым укором. В оправдание свое должен сослаться на то, что за последние месяцы я много хворал и даже два раза вынужден был лечиться в клинику. Вследствие больших перерывов в работе из-за болезни у меня накопились залежи всяких невыполненных обязательств. Так, я задержал на несколько месяцев новое издание "Истории [русской] революции" в Америке, не написав своевременно новое предисловие. Сейчас я очень напряженно работаю над этим предисловием, которое составляет, в сущности, небольшую книгу под заглавием "Что такое СССР и куда он идет?"¹⁷³ Я считаю эту работу очень важной, так как без правильного понимания тех процессов, которые происходят в СССР, нельзя ответить ни на один из вопросов мирового рабочего движения, в частности и на национальный вопрос. В своей недавней статье об интервью Сталина с Роем Говардом¹⁷⁴ я попытался мимоходом хотя бы указать на связь между украинским вопросом и международной политикой советской бюрократии. Такая связь существует и во всех других плоскостях: экономической, политической, культурной и проч. Вот почему я считаю необходимым прежде всего закончить свою работу об СССР. Она отнимет у меня еще несколько

недель. Только после этого я смогу подойти к вашим письмам по существу. Должен вас, однако, предупредить, что от развития украинского национального вопроса, как в советской, так и в западной Украине, я за последние годы чрезвычайно отстал. За все время моей третьей эмиграции мне не пришлось, к сожалению, ни разу встретиться с каким-либо украинским товарищем, который мог бы в живой беседе ввести в курс наиболее жгучих вопросов нынешней украинской политики. Библиотеки под рукою здесь нет, украинских изданий я не получаю. Все это вместе создает для меня большие затруднения. Во всяком случае, через несколько недель я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы ответить по существу на ваши письма, как и на открытое письмо трех названных выше товарищей.

Горячо желаю вам успеха в вашей работе.

С революционным приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Л.Л.Седова Н.И.Седовой]175

16.IV [19]36 [г.]

Милая мамочка,

Получил твое письмо от 12.IV. Ты уже несколько раз поднимала вопрос о том, что П[апа] был по существу прав (в том числе и в своем резком письме Д.176 и пр.). Я отмалчивался, хотя и хотелось тебе написать, что не хотел тебя, мамочка, огорчать. Но я, мамочка, с тобой, к сожалению совсем, совсем не согласен. Наоборот, мне кажется, что все Папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями - трудными беспримерно - углубляются. Его нетерпимость, горячность, дерганье, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить - усиливаются. Причем это не только "личное", а прямо какой-то "метод", и вряд ли хороший метод в организационной работе. Что делать? Ничего, терпеть, если можно так сказать. Ибо основное не в этом, это пустяки по сравнению с основным, с тем, чем является Папа не только для меня, конечно. И если я все-таки решил тебе написать, то потому только, повторяю, что чувствую себя к этому как бы "вынужденным". Неверно, что Папа был прав в деле с "Коммун[ой]"177. Неверно. Если Папа через несколько недель после разрыва пришел к выводу, что нужно примирение - значит раскол был неправилен, значит нужно было вести не непримиримую линию в отношении Р.М[олинье] и К|| до разрыва, а идти на компромисс. Разрыв же с Р.М[олинье] - пусть не так, как это считал наилучшим Папа, был проделан с его согласия, больше, при его нажиме. Ты пишешь: "Переоценили свои силы". Да. Но разве мы только переоценили? Если бы П[апа] правильно оценил эти силы, мог ли он толкать на разрыв? Нет, ответственность и вина общая. Наша больше тем, что мы сидим здесь "конкретно" на месте. П[апина] больше тем, что с него больше спрашивается.

Ты пишешь насчет П[апиного] предложения "арбитража", "сколько было указаний" и пр. Мамочка, но дело ведь совсем не в этом. Ты пишешь так

потому, что ты вне нашей жизни. Организация состоит из живых людей - избитая, но верная фраза. Нельзя живую организацию в течение нескольких недель бешено настроить на разрыв, разжечь в ней чувство борьбы, непримиримости с тем, чтобы перестроить ее предложением об арбитраже или другим "указанием". Нет, борьба, особенно острая, сопровождающаяся разрывом, имеет свою логику. Остановиться сразу и резко изменить курс не легко, почти невозможно. Это требует времени, терпения, спокойствия. И это должен был бы понимать и Папа, организация не машина; ей можно в любой момент дать ход назад. Конечно, досадно терять время и силы - но друг[их] путей нет - остальное горячность, дергание и пр. Т. е. то, что делал Папа (и делает слишком часто) и что, в частности, отражало его недопустимо резкое письмо ко мне¹⁷⁸. Недопустимое в особенности потому, что письмо не равно равному, а написано, когда знаешь, что тебе так или даже 1/10 от "так" не ответят. И это все также связано с друг[им] недостатком, серьезным недостатком в политике. П[апа] никогда не признает свою неправоту, даже свое участие в общей неправоте. Поэтому он не терпит критики. Когда ему говорят или пишут то, с чем он не согласен, он это либо игнорирует, либо отвечает¹⁷⁹ резкостями. Все привыкли к тому, что Папе лучше не писать или не говорить о том, с чем он не согласен. Нет, мамочка, это не метод. (Я не говорю о том, когда Папа "ухаживает" за кем-нибудь, - это совсем другое дело).

Но возвращаюсь к франц[узскому] делу. Как политик, П[апа] должен был бы конкретно оценить и наши силы, и наши возможности. Знать, что ему идти на разрыв с Р.М[олинье] и К[...], то, что этот разрыв будет иметь свою логику, что дело имеешь пусть с плохими (какие есть, лучших пока нет, поэтому нельзя их топтать), но с живыми людьми; раз направив их на резкую борьбу, остановить их по команде, "по указанию" нельзя и пр. И пр. Отсюда, если разрыв не был все же ошибкой и лишь новый авантюристический поворот "Коммуны" сделал слияние неизбежным, то надо все же понимать, что освоение этого требует для организации времени и требует со стороны П[апы] спокойного, терпеливого и¹⁸⁰ дружеского отношения к товарищам. Необходимо, чтобы вопрос был решен в Папиной голове, надо, чтобы он прошел через головы остальных. Бешенство же дает кажущееся ускорение дела, кажущееся, но не понятное, не завоеванное проводится плохо и противоречиво, но "зато" нарушает всякую возможность нормальных организационных, товарищеских и личных отношений. Вообще же в организац[ионных] вопросах Папа склонен к крайностям и переменам. Сперва рубит, потом клеит.

После нескольких бешеных писем о R.Well'e и Well'ю (Berlin) Папа написал ему вдруг примирительное письмо, которое я, к счастью, не передал, ибо на след[ующий] день Well перешел к сталинцам. Таких и подобных фактов больше чем много, и в каждом случае, к несчастью, Папа немедленно же ищет виновников - действительных или мнимых, ибо он об этом даже не задумывается, они ему нужны для собственной разрядки...

Людей же надо беречь. Скучно это, я знаю, но что делать. Ругать их надо, и крепко, но не переходя известной черты, но и беречь - они ведь на

каждом углу не стоят, их мало, они нужны.

Возьмем вопрос о Секретариате. Плох он, работает плохо и пр. И пр. Все это верно. Но разве это позиция? Если плохи люди, надо их заменить лучшими, если эти плохие все же лучше других еще более плохих или если друг[ие] обстоятельства мешают заменить этих - нельзя их ругать и ругать, презрительно игнорировать или оскорблять или раздавать им пинки... Я писал Папе год тому назад, что этот С[екретаря]т к настоящей работе не способен, что надо искать другие выходы. Если этих выходов нет - надо терпеть, а не давать затрещины при всяком случае. Что это дает? Делу, работе, этим товарищам - ничего. Известное удовлетворение самому Папе? Нет, это неправильно.

Взять вопрос о Р.М[олинье]. Надо честно сказать, что П[апа] (и не он один) ошиблись, что поддержка систематическая Р.М[олинье] в прошлом была неправильна. Папа этого никогда не сделает, а будет искать очень остроумных и тонких доводов, чтобы доказать, что все было правильно.

Перо. Он скрыл от меня, что получил телеграмму [...]181 и поехал182. Это, конечно, возмутительно. Тем не менее Папино поведение по отношению к нему тоже было неправильно. Перо, как член общей организации, имел право на другое отношение, несмотря на свои недостатки, "невыносимость" и пр.

Не стоит больше писать. Организационные и личные отношения (последние в нашей среде являются лишь частью первых) не являются Папиной личной сильной стороной, и в этой области - и только в этой области - нет у него "правоты", хотя хотелось бы, чтобы и здесь он был прав - да нет этого. Лично я хотел бы как можно скорее развязаться с редактором183. Я несколько лет жизни потерял, зарывшись в бумаги, письма, переводы, пересылку. Мало чему научился, не было времени ни читать, ни "развиваться", а пользы для дела вышло ой как мало, пинков же много184.

Вот сегодня в письме Теодору Папа целит два камня на "богемистых и умников" и на "безответственных". Анонимно. Тягостно как-то письма эти читаются - "кто" имеется в виду: Дилаиль, Гего или кто другой. Или когда по французским делам Папа демонстративно - чтобы унижить других - пишет Фишеру, который во франц[узких] делах ушами хлопает и активного участия не принимает. Или когда по русским делам Папа писал Адольфу - всем было неприятно, и тем, кому пишет Папа, и тем, кому не пишет. Это какие-то будавочные уколы. Зачем?185

Не огорчайся из-за этого письма, мамочка, я уже очень давно пришел к этим выводам, - но ведь не это основное, что делает Папу единственным, незаменимым - для нас сегодня, для многих и многих других позже.

Всегда твой
[Л.Л.Седов]

К общетвенному мнению трудящихся всего мира!186

Вопрос о судьбе Советского Союза близок каждому мыслящему рабочему. 170

миллионов душ совершают величайший в истории опыт социального освобождения. Крушение нового режима означало бы страшный удар развитию всего человечества. Но именно отсюда вытекает обязанность честного, т. е. критического, отношения ко всем тем сложным процессам и противоречивым явлениям, которые наблюдаются в жизни Советского Союза.

Самым тревожным признаком внутренней жизни СССР являются, несомненно, продолжающиеся жестокие расправы - в большинстве своем не над сторонниками капиталистической реставрации, а над революционерами, которые вступили в тот или другой конфликт с руководящим слоем. За последние месяцы в мировую печать проникли многочисленные сообщения об исключительно тяжелых репрессиях против оппозиционных членов самой правящей партии, а также иностранных коммунистов, если те не могут рассчитывать на защиту посольства собственной страны. Тюрем оказывается уже недостаточно. Концентрационные лагеря получили такое развитие, какого они никогда не имели в годы гражданской войны. Ответом заключенных на невыносимые преследования являются все учащающиеся коллективные и индивидуальные голодовки и самоубийства. Многочисленные трагические факты засвидетельствованы лицами, заслуживающими полного доверия и готовыми предстать перед любой инстанцией для подтверждения своих показаний. Критическая мысль отказывается совместить эти факты с официальным утверждением, что социалистическое общество установлено в СССР "окончательно и бесповоротно".

5 июня "Правда", руководящая газета СССР, возвестила о принятии Центральным Комитетом правящей партии проекта новой конституции, "самой демократической в мире"¹⁸⁷. Передовая статья, комментирующая это в высшей степени важное решение, возвещает в то же время новые еще более страшные репрессии против оппозиционеров. Вопрос настолько важен, что мы считаем необходимым привести дословно заявление "Правды" как непосредственного рупора правящих кругов. Указав на "грандиозные победы социализма", нашедшие свое выражение в новой конституции, газета тут же требует "повышения бдительности" против "классово враждебных социализму сил". Было бы, однако, ошибкой думать, что речь идет о сторонниках восстановления монархии, дворянства или буржуазии. Наоборот, рядом декретов, а затем и соответствующими параграфами новой конституции окончательно устранено неравенство граждан по признаку их социального происхождения. Согласно официальным разъяснениям, социалистическое общество настолько окрепло, что может уже не бояться выходцев из дворянской и буржуазной среды. Что же касается "классово враждебных социализму сил", против которых требуются повышенные кары, то "Правда" говорит на этот счет следующее:

"Борьба продолжается. Бессильные для прямого нападения, остатки контрреволюционных групп, белогвардейцев всех мастей, особенно троцкистско-зиновьевской, не отказались от своей подлой шпионской, диверсантской и террористической работы. Твердой рукой мы будем и впредь бить и уничтожать врагов народа, троцкистских гадов и фурий, как бы искусно они ни маскировались".

Эти слова говорят сами за себя. Публикуя "самую демократическую в мире" конституцию, правящая группа Советского Союза обещает в то же время "уничтожать" сторонников определенного течения социалистической мысли, обвиняя их в таких преступлениях, как "шпионская, диверсантская (?) и террористическая работа". Обвинение имеет заведомо бредовый характер. Оно ничуть не лучше обвинения средневековых еретиков в вызывании засухи и эпидемий или обвинения евреев в употреблении христианской крови. Но угроза истребления не теряет от этого своей страшной реальности.

Так называемое "троцкистское" течение носит интернациональный характер и издает книги и газеты не менее чем на 15 языках. Можно различно относиться к этому течению, сочувствовать ему или, наоборот, осуждать его, но всякий мыслящий рабочий, всякий серьезный человек способен из бесспорных документов убедиться в том, что дело идет о революционной группировке, ставящей своей задачей освобождение трудящихся. Так, во время июньских событий в Париже французская буржуазная пресса единодушно травила "троцкистов" за разжигание стачек, а печать Коминтерна обвиняла их в стремлении искусственно вызвать революцию. Можно ли хоть на минуту поверить, что одно и то же течение, руководимое одними и теми же идеями и лицами, стремится во всех капиталистических странах опрокинуть власть буржуазии, а в СССР - восстановить капитализм при помощи "шпионской, диверсантской и террористической работы"?

Каждый бескорыстный друг СССР, т. е. друг советских трудящихся масс, должен сказать себе: в официальных объяснениях заключена явная и очевидная неправда. Открыто готова физическое истребление своих идейных противников, правящая группа не находит ни одного серьезного и веского слова в объяснение или в оправдание этой расправы. Можно ли пассивно и молчаливо терпеть такое положение?

Мы, нижеподписавшиеся, заявляем перед лицом общественного мнения всего мира: неправда, будто "троцкисты" и "зиновьевцы" стремятся или могут стремиться к восстановлению капитализма; неправда, будто они имеют или могут иметь какое-либо отношение к шпионским проискам или террористическим покушениям контрреволюции; неправда, будто их деятельность направлена или может быть направлена против социализма. Но зато безусловная правда, вытекающая из всей литературы вопроса, что "троцкисты" являются противниками политики правящей советской группы, противниками все более растущего социального неравенства в СССР, противниками восстановления офицерской касты и прежде всего противниками неограниченной власти и неограниченных привилегий бюрократии. Не советский пролетариат карает своих "классовых врагов", а советская бюрократия в борьбе за свою власть и свои привилегии истребляет ту группу, которая пытается выразить протест и недовольство трудящихся масс.

Мы, нижеподписавшиеся, берем на себя полную ответственность за наши слова, которые могут в любой момент и без труда быть проверены: нужно только, чтоб советское правительство дало возможность беспристрастной

международной комиссии свободно ознакомиться на месте с действительными или мнимыми преступлениями троцкистов, зиновьевцев и других оппозиционных групп. Ничего иного мы не хотим.

Всякая рабочая организация, всякая прогрессивная общественная группа, всякая честная газета, всякий друг трудящихся заинтересованы в полном и бесспорном выяснении этого жгучего вопроса. Надо поднять завесу над непрерывной серией трагедий. Надо добиться расследования. Надо раскрыть правду, всю правду до конца. В рабочих организациях, на собраниях, в печати надо поднять и поддержать требование посылки в СССР беспристрастной, авторитетной для всех комиссии с целью расследования действительных причин ужасающих репрессий бюрократии над революционерами, как троцкистами и зиновьевцами, так и представителями других течений. Если советской бюрократии нечего скрывать в этом деле перед лицом мирового рабочего класса, то она должна пойти навстречу такому требованию.

[Л.Д.Троцкий]

[После 5 июня 1936 г.]

По поводу "программного" письма тов. Цилиги от 14 мая 1936 г.

1) Заявление т. Цилиги, будто я ставлю "ультиматум", требуя от него "капитуляции", "отказа от своей линии" и проч., совершенно неправильно и представляет собой чистейшее недоразумение. Я являюсь редактором определенного издания¹⁸⁸, за которое несу политическую ответственность. При печатании статей я руководствуюсь и содержанием статьи, и личностью сотрудника, и его политическими связями. Это мое право и моя обязанность. Я считаю абсолютно вредным и принципиально недопустимым для "Бюллетеня" иметь общих сотрудников с "Социалистическим Вестником". Может быть, моя позиция ложна. Но при чем же тут требование капитуляции? Или "отказа от своих мнений"?

2) Из первых же моих писем т. Цилига должен был уяснить себе, что я ни в малейшей степени не разделял и не разделяю его иллюзий насчет способов и методов борьбы в интересах ссыльных и заключенных. Чтобы добиться результата, надо найти путь к массовым организациям. Но именно для этого не надо связывать себя с такими группами, которые всей своей прошлой и настоящей деятельностью отрезали себя навсегда от масс и могут своим участием только скомпрометировать кампанию. Сумма будет меньше, если в число слагаемых включить отрицательные величины. Между тем, внимание Цилиги направляется преимущественно на отрицательные величины.

3) По мнению Цилиги, для Сталина было бы "страшным ударом" мое совместное выступление с меньшевиками "перед европейским пролетариатом против сталинских преследований за свободу слова, печати, организаций для русского пролетариата". На самом деле нельзя было бы сделать Сталину и, что не менее важно, мировой реакции лучшего подарка. Цилига великодушно готов оставить без рассмотрения вопрос о том, правильны ли были репрессии Ленина и

Троцкого против меньшевиков. При этом он столь же великодушно забывает о репрессиях эсеро-меньшевистского правительства против Ленина и Троцкого (обвинение в службе Гогенцоллернам). Мыслящие рабочие не разделят ни великодушия Цилиги, ни его забывчивости. Репрессии меньшевиков против нас не были случайностью, как и наши репрессии против меньшевиков. Завтра Блюм будет сажать в тюрьму наших единомышленников во Франции. Выступить совместно с меньшевиками значит путать все карты, оплевывать и прошлое, и будущее и вносить деморализацию в авангард авангарда. Разоблачения самого Цилиги, которые, кстати сказать, только благодаря б[ольшевикам]-л[енинцам] получили известную огласку, в том числе и в буржуазной печати, на три четверти лишатся своего морального веса после появления статьи Цилиги в "Соц[иалистическом] в[естнике]". Сталинцы на любом рабочем собрании скажут: вот вам ваш ультра-левый Цилига - как только оказался за границей, немедленно побратался с меньшевиками.

4) Нужно ли защищать меньшевиков, анархистов и проч., которых преследует Сталин? Нужно. Вести политику народного фронта во Франции, готовить объединение двух Интернационалов на платформе социал-патриотизма и в то же время держать в СССР меньшевиков в тюрьме значит вести подлую, бесчестную игру, которая служит для прикрытия бонапартистов перед рабочими. Но защищать меньшевиков и анархистов нужно собственными методами, не являясь со скомпрометированными и безнадежно изолированными группами. В тысячу раз лучше напечатать статью в буржуазной газете, которую читают рабочие, чем в "Соц[иалистическом] в[естнике]".

5) Тот факт, что Сталин держит в тюрьме безобидных меньшевиков для собственной маскировки, т. е. для прикрытия своих репрессий налево, показывает, насколько скомпрометированы меньшевики в сознании русских рабочих. Мало того. К ним немногим лучше относятся партии Второго Интернационала. Ни Блюм, ни Вандервельде не вступаются теперь за арестованных меньшевиков. Это показывает, в какой мере меньшевики скомпрометированы перед мировым пролетариатом. Какой же смысл имеет блок с этой отрицательной величиной? Цилига видит в этом недопустимый "национальный подход": с другими партиями Второго Интернационала соглашения возможны, дескать, а с меньшевиками - нет. Этот аргумент, как, впрочем, и все другие, показывает, насколько формалистически подходит Цилига ко всем вопросам. Принципиальной разницы между меньшевиками и другими социал-демократами нет, но русские меньшевики политически ликвидированы Октябрьской революцией, а французских еще только надо ликвидировать. Пока меньшевики были силой, т. е. имели опору в рабочих, мы вступали с ними в соглашение против Корнилова, несмотря на то, что сами еще сидели в меньшевистской тюрьме. Соглашение с меньшевиками имело чисто практический характер, и если бы во время борьбы с Корниловым любой большевик напечатал в меньшевистском органе статью, он был бы немедленно исключен из партии. Но после того, как русские меньшевики, благодаря такому "национальному" эпизоду, как Октябрьская революция, оказались политически ликвидированы в международном масштабе, поддерживать

их прямо или косвенно своим политическим авторитетом значит совершать реакционный акт, т. е. преступление по отношению к международному и русскому пролетариату. Сказанное вовсе не исключает совместной борьбы с французскими меньшевиками против французского Корнилова - до тех пор, пока французские меньшевики представляют собою организацию.

б) Тов. Цилига рассуждает так, как если бы политическая жизнь нашей международной организации началась только со дня его приезда за границу. Нет, это не так. У нас есть свои взгляды, методы и традиции. И раз т. Цилига обратился со своими статьями в наш орган, то он должен был считаться с нашими взглядами, нашими методами и нашими традициями. Тов. Цилига предлагает "дискуссию". О чем? Для дискуссии нужен и серьезный политический повод. Нужен, по крайней мере, документ, излагающий в систематической форме новую точку зрения. Цилига ссылается на Сапронова, Смирнова 189 и др. Этих старых и серьезных революционеров мы знаем давно. Мы работали с ними вместе. Мы порвали с ними на известных вопросах. Все это сопровождалось дискуссией. Аналогичные взгляды в новых условиях формулировались за границей бельгийцем Энно, немцем Урбансом и целым рядом других лиц. У нас с ними была в свое время очень серьезная и обширная дискуссия. Во Франции есть группы, которые откололись от нас, в значительной мере по тем же самым вопросам, которые теперь выдвигает т. Цилига. Знаком ли он со всей этой литературой? Боюсь, что нет. Иначе он не требовал бы дискуссии по вопросам, с которыми мы покончили давно.

Разумеется, старые вопросы могут в новой обстановке встать по-новому. Но тогда нужно показать, в чем это новое состоит. Между тем т. Цилига лишь повторяет старое, повторяет гораздо менее систематически и убедительно, чем делали его предшественники и, не ознакомившись даже с нашей идейной историей, требует, чтобы мы начали сначала.

Резюмирую: наши разногласия с т. Цилигой гораздо глубже и непримиримее, чем ему кажется. У нас сами методы мышления различны. Откровенно говоря, я думаю, что по методу мышления Цилига гораздо ближе к меньшевикам, чем к нам, и что его тяга к ним не случайна. Разумеется, если, проделав известный опыт в новых условиях, т. Цилига убедится в ошибочности своей коалиции с Даном и заявит об этом открыто, я буду рад убедиться в ошибочности своей собственной оценки политической физиономии Цилиги, и нашему сотрудничеству на страницах "Бюллетеня" не будет препятствий, несмотря на разногласия по важным вопросам и несмотря на то, что "Бюллетень" - не дискуссионный орган. Но это вопрос будущего. Что касается настоящего, то я считаю совершенно исключенным одновременное сотрудничество в "Соц[иалистическом] вестнике" и в "Бюллетене оппозиции". Я уверен, что по этому вопросу в рядах б[ольшевиков]-л[енинцев] не может быть и нет никаких разногласий.

Л. Троцкий

3 июня 1936 г.

Дополнение к замечаниям по поводу письма т. Цилиги

Письмо настолько противоречит марксистскому методу политики, что нелегко даже найти наиболее важные опровержения. Цилига говорит: если с Блюмом против фашистов, то почему не с Даном против сталинской "реакции"? Одну сторону этого "довода" я уже кратко рассмотрел, а вот другая сторона. Блюм по сравнению с фашистами представляет меньшее зло. Но можно ли сказать, что меньшевики представляют меньшее зло по сравнению со сталинцами? Ни в коем случае. Если бы мы имели в СССР выбор только между сталинцами и меньшевиками, мы должны были бы, конечно, выбрать сталинцев, ибо меньшевики способны лишь послужить ступенькой для буржуазии, которая разрушила бы плановое хозяйство и установила бы в стране режим, представляющий сочетание истинно русского фашизма с китайским экономическим хаосом. Страна оказалась бы экономически отброшена на полстолетия назад. Плановое начало есть единственное спасение независимости СССР и ее будущего. Сталинцы тоже готовят взрыв планового хозяйства, но у них другие сроки: мы можем надеяться, что пролетариату удастся справиться с бюрократией, прежде чем она сама взорвет и обобщественные формы собственности. Кому угодно, пусть называет советский режим "государственным капитализмом", но как показывают все пять частей света, только этот режим способен еще развивать производительные силы. Не видеть этого факта из-за подлостей бюрократии, значит быть либеральчиком, а не марксистским революционером.

Новый революционный подъем и задачи IV Интернационала

1. Июньская стачка открывает новый период во внутреннем развитии Франции и Бельгии¹⁹⁰. Она вызовет, несомненно, не только дальнейшее обострение классовой борьбы в этих странах, но также, с тем или другим запозданием, массовые движения на протяжении значительной части Европы, в том числе и в Великобритании, возможно - и за океаном. Испанская революция выходит таким образом из изолированности.

2. Июньская стачка показала, сколько возмущения и готовности к борьбе скопилось под обманчивой корой пассивности в пролетарских массах города и деревни за годы кризиса и реакции. Она раскрыла сочувствие к борьбе рабочих со стороны широких масс городской мелкой буржуазии и крестьянства. Она обнаружила, наконец, крайнюю неустойчивость всего режима, неуверенность в себе господствующих классов, их метания между Леоном Блюмом и де ла Рокком. Эти три условия: готовность к борьбе всего пролетариата; острое недовольство низов мелкой буржуазии; разброд в лагере финансового капитала, - представляют основные предпосылки пролетарской революции.

3. Боевое выступление масс приняло и на этот раз характер всеобщей стачки. Частные, корпоративные требования, важные сами по себе, явились для передовых рабочих необходимым средством, чтобы после долгого периода неподвижности поднять и сплотить против буржуазии и ее государства как можно более широкие массы. Всеобщая стачка, открывающая период революционных боев,

не может не сочетать в себе корпоративные и частные требования с общими, хотя бы еще не ясно выраженными задачами всего класса. В этом сочетании - ее сила, залог спайки между авангардом и глубокими резервами класса.

4. Наша французская секция за последние годы поставила всеобщую стачку в центре своей пропаганды. В отличие от всех остальных партий и группировок, говорящих от имени рабочего класса, французские большевики-ленинцы своевременно оцекили положение как предреволюционное, правильно поняли симптоматическое значение стачечных взрывов в Бресте и Тулоне и под непрерывными ударами оппортунистов и социал-патриотов (Соцпартии, Компартии, С.Ж.Т.) при противодействии центристов Марсо Пивера и пр.) готовили своей агитацией всеобщую стачку. На плодородной почве горсть семян дает большие всходы. Так в условиях социального кризиса и возмущения масс небольшая организация, бедная материальными средствами, но вооруженная правильными лозунгами, оказала неоспоримое влияние на ход революционных событий. Бешеная травля большевиков-ленинцев со стороны всей капиталистической, социал-демократической, сталинской и синдикальной печати, как и репрессии полиции и судей Леона Блюма, служат внешним полдтверждением этой истины.

5. Ни одна из официальных рабочих организаций во Франции, как и в Бельгии, не хотела борьбы. Стачки возникали против воли синдикатов и обеих партий. Только поставленные перед свершившимся фактом, официальные вожди "признавали" стачку, чтобы тем скорее задуть ее. Между тем, дело шло пока о сравнительно "мирном" движении под частичными лозунгами. Можно лишь на минуту сомневаться в том, что во время открытой борьбы за власть аппараты Второго и Третьего Интернационалов, подобно партиям русских эсеров и меньшевиков в 1917 г., окажутся целиком в распоряжении буржуазии против пролетариата? Необходимость нового Интернационала как мировой партии пролетарской революции снова и неоспоримо доказана событиями во Франции и Бельгии.

6. Тем не менее прямым и непосредственным последствием великой июньской волны является исключительно быстрый рост старых организаций. Факт этот исторически вполне закономерен. Так, меньшевики и эсеры лихорадочно росли после февральской революции 1917 г., которой они, как социал-патриоты, не хотели во время войны; германская демократия быстро разбухла после революции 1918 г., которая пришла против ее воли. Прежде чем обнаружить свою несостоятельность перед всем классом, оппортунистические партии становятся на короткое время прибежищем самых широких масс. Быстрый рост социалистической и особенно "коммунистической" партий во Франции является верным симптомом революционного кризиса в стране и готовит в то же время смертельный кризис партий Второго и Третьего Интернационалов.

Не меньшее значение имеет неслыханно быстрый рост профессиональных союзов во Франции. Увеличивая по видимости вес и значение объединенного реформистско-сталинского синдикального штаба (Жуо, Ракамон¹⁹¹ и пр.), прилив новых миллионов рабочих и служащих подкапывает на самом деле сам фундамент консервативного синдикального аппарата.

7. Большие массовые движения - лучшая проверка для теорий и программ. Июньская стачка показывает, насколько ложны ультра-левые, сектантские теории насчет того, будто профсоюзы вообще "отжили" свое время и должны быть заменены другими организациями или же будто наряду со старыми, консервативными профсоюзами нужно строить новые, "настоящие". На самом деле в революционную эпоху борьба за экономические требования и социальное законодательство не прекращается, наоборот, получает небывалый размах. Свежие сотни тысяч и миллионы рабочих, вливающиеся в профсоюзы, разрушают рутину, расшатывают консервативный аппарат, позволяют революционным партиям строить в союзах свои фракции, завоевывать влияние и успешно бороться за руководящую роль в профессиональном движении. Революционная партия, которая неспособна вести в массовых организациях систематическую и успешную работу, окажется еще менее способна создавать свои собственные профсоюзы. Все попытки такого рода обречены на крушение.

8. Вопреки заверениям вождей Второго и Третьего Интернационалов, нынешний капитализм уже неспособен ни дать работу всем рабочим, ни повысить жизненный уровень работающих. Издержки социальных реформ финансовый капитал перелажает на самих же рабочих и на мелкую буржуазию путем повышения цен, открытой или замаскированной инфляции, налогов и пр. Сущность нынешнего "этатизма", государственного вмешательства - в "демократических", как и в фашистских странах - состоит в том, чтобы спасти загнивающий капитализм ценою снижения жизненного и культурного уровня народа. Другого пути на основе частной собственности нет. Программы народных фронтов Франции, Испании, как и программа бельгийской коалиции¹⁹², представляют заведомый мираж и обман, подготовку нового разочарования рабочих масс.

9. Полная безнадежность положения мелкой буржуазии в условиях загнивающего капитализма приводит к тому, что - вопреки постыдным теориям "социальной гармонии" Леона Блюма, Вандервельде, Димитрова, Кашена и К|| - социальные реформы в пользу пролетариата, неустойчивые и обманчивые сами по себе, ускоряют разорение мелких собственников города и деревни, толкая их в объятия фашизма. Серьезный, глубокий и длительный союз пролетариата с мелкобуржуазными массами в противовес парламентским комбинациям с радикальными эксплуататорами мелкой буржуазии возможен только на основах революционной программы, т. е. захвата власти пролетариатом и переворота в отношениях собственности в интересах всех трудящихся. "Народный фронт", как коалиция с буржуазией, есть тормоз революции и предохранительный клапан империализма.

10. Первый шаг к союзу с мелкой буржуазией есть разрыв блока с буржуазными радикалами во Франции и Испании, с католиками и либералами - в Бельгии и пр. Эту истину необходимо на основании опыта разъяснить каждому социалистическому и коммунистическому рабочему. Такова центральная задача момента. Борьба против реформизма и сталинизма есть на данный момент борьба прежде всего против блока с буржуазией. За честное единство трудящихся, против бесчестного единства с эксплуататорами! Долой буржуа из народного

фронта! "Долой министров-капиталистов!"

11. О дальнейших сроках революционного развития сейчас возможны только предположения. Благодаря исключительным условиям (поражения в войне, крестьянская проблема, большевистская партия), русская революция совершила свое восхождение - от низвержения абсолютизма до завоевания власти пролетариатом - в течение 8 месяцев. Но и за этот короткий срок она знала апрельскую вооруженную манифестацию, июльское поражение в Петрограде и попытку Корнилова произвести контрреволюционный переворот в августе. Испанская революция длится с приливами и отливами уже пять лет. За этот период рабочие и бедные крестьяне Испании обнаружили такой великолепный политический инстинкт, развернули столько энергии, самоотверженности, героизма, что государственная власть давно уже была бы в их руках, если бы руководство хоть сколько-нибудь соответствовало политической обстановке и боевым качествам пролетариата. Истинными спасителями испанского капитализма явились и остаются не Замора, не Асанья¹⁹³, не Хиль Роблес¹⁹⁴, а вожди социалистических, коммунистических и анархо-синдикалистских организаций.

12. То же самое относится ныне к Франции и Бельгии. Если бы партия Леона Блюма была действительно социалистической, она могла бы, опираясь на массовую стачку, низвергнуть в июне буржуазию почти без гражданской войны, с минимальными потрясениями и жертвами. Но партия Блюма есть буржуазная партия, младшая сестра гнилого радикализма. Если бы в свою очередь "коммунистическая" партия имела что-либо общее с коммунизмом, она с первого дня стачки исправила бы свою преступную ошибку, разорвала бы своей гибельный блок с радикалами, призвала бы рабочих к созданию заводских комитетов и советов и установила бы тем самым в стране режим двоевластия, как кратчайший и наиболее надежный мост к диктатуре пролетариата. Но аппарат коммунистической партии есть на самом деле лишь одно из орудий французского империализма. Ключем к дальнейшей судьбе Испании, Франции, Бельгии является проблема революционного руководства.

13. Тот же вывод вытекает полностью из уроков международной политики, в частности, из так называемой "борьбы против войны". Социал-патриоты и центристы, особенно французские, в оправдание своего прислужничества Лиге Наций ссылались на пассивность масс, в частности на их неготовность применять бойкот к Италии во время ее разбойничьего нападения на Абиссинию¹⁹⁵. Тем же доводом пользуются для прикрытия своей прострации пацифисты типа Макстона. В свете июньских событий становится особенно ясно, что массы не реагировали на международные провокации империализма только потому, что их обманывали, усыпляли, тормозили, парализовали, деморализовали их собственные руководящие организации. Если бы советские профессиональные союзы подали в свое время пример бойкота Италии, движение, как степной пожар, неминуемо охватило бы всю Европу, весь мир и сразу стало бы грозным для империалистов всех стран. Но советская бюрократия запретила и подавила какую бы то ни было революционную инициативу, заменив ее пресмыкательством Коминтерна перед Эррио, Леоном Блюмом и Лигой Наций. Проблема международной политики

пролетариата, как и внутренней, есть проблема революционного руководства.

14. Всякое подлинно массовое движение освежает атмосферу, как гроза, и попутно разрушает всякого рода политические фикции и двусмысленности. Жалким и ничтожным оказывается в свете июньских событий лозунг "объединения" двух Интернационалов, которые и так уже достаточно объединены в предательстве интересов пролетариата, или домашние рецепты Лондонского бюро (2), которое колеблется между всеми возможными направлениями и всегда выбирает худшее.

Июньские события обнаружили заодно полную несостоятельность анархизма и так называемого "революционного синдикализма". Ни тот, ни другой, поскольку они вообще существуют на земле, не предвидели событий и ничего не сделали для их подготовки. Пропаганда всеобщей стачки, заводских комитетов, рабочего контроля велась политической организацией, т. е. партией. Иначе и не может быть. Массовые организации рабочего класса остаются бессильны, нерешительны, растеряны, если их не вдохновляет и не ведет вперед тесно сплоченный сознательный авангард. Необходимость революционной партии доказана с новой силой.

15. Так все задачи революционной борьбы неуклонно ведут к одной: созданию нового, подлинно революционного руководства, стоящего на уровне задач и возможностей нашей эпохи. Прямое участие в движении масс, смелые, до конца доведенные классовые лозунги, ясная перспектива, самостоятельное знамя, непримиримость к соглашателям, беспощадность к предателям - это и есть путь IV Интернационала. Смешно и нелепо рассуждать о том, своевременно ли его "основывать". Интернационал не "основывают", как кооператив, а создают в борьбе. На вопрос педантов о "своевременности" ответили июньские дни. Дальнейшим спорам места нет.

16. Буржуазия ищет реванша. Новый социальный конфликт, сознательно готовящийся в штаб-квартирах крупного капитала, примет несомненно на первых шагах своих характер крупной провокации или серии провокаций по адресу рабочих. Одновременно идет усиленная подготовка "распущенных" фашистских организаций. Столкновение двух лагерей во Франции, в Бельгии, в Испании безусловно неизбежно. Чем больше вожди народногo фронта "примиряют" классовые противоречия и тушат революционную борьбу, тем более взрывчатый и конвульсивный характер она получит в ближайший период, чем больше жертв она причинит, тем менее защищенным окажется пролетариат перед лицом фашизма.

17. Секции Четвертого Интернационала ясно и отчетливо видят эту опасность. Они открыто предупреждают о ней пролетариат. Они учат авангард организовываться и готовиться. Вместе с тем они с презрением отбрасывают политику умывания собственных рук; они отождествляют свою судьбу с судьбой борющейся массы, какие бы тяжкие удары ни пали на нее в ближайшие месяцы и годы. Они участвуют в каждом акте борьбы, чтобы внести в него как можно больше ясности и организованности. Они неутомимо призывают к созданию заводских комитетов и советов. Они связываются с лучшими рабочими, выдвинутыми движением вверх, и рука об руку с ними строят новое революционное руководство. Своим примером и своей критикой они ускоряют

формирование революционного крыла в старых партиях, сближаются с ним в процессе совместной борьбы и увлекают его на путь Четвертого Интернационала.

Участие в живой борьбе всегда на передовой линии огня, работа в профессиональных союзах и строительство партии идут одновременно, взаимно оплодотворяя друг друга. Все боевые лозунги: рабочий контроль, рабочая милиция, вооружение рабочих, правительство рабочих и крестьян, социализация средств производства, - неразрывно связываются с созданием рабочих, крестьянских и солдатских советов.

18. Тот факт, что в момент массовой борьбы французские большевики-ленинцы сразу оказались в центре политического внимания и ненависти классовых врагов, отнюдь не является случайным, наоборот, безошибочно предсказывает будущее. Большевизм, который кажется сектантством филистерам всех мастей, сочетает на самом деле идейную непримиримость с величайшей чуткостью в отношении движения масс. Сама идейная непримиримость есть не что иное, как очищение сознания передовых рабочих от рутинности, косности, нерешительности, т. е. воспитание авангарда в духе самых смелых решений, подготовка его к участию в массовой борьбе не на жизнь, а на смерть.

19. Ни одна революционная группировка в мировой истории не стояла еще перед таким страшным давлением, как группировка IV Интернационала. "Коммунистический манифест" Маркса-Энгельса говорил об объединившихся против коммунизма силах "папы и царя... французских радикалов и немецких полицейских". Из этого списка выпал только царь. Но сталинская бюрократия представляет ныне неизмеримо более грозное и вероломное препятствие на пути мировой революции, чем некогда самодержавный царь. Авторитетом Октябрьской революции и знаменем Ленина Коминтерн прикрывает политику социал-патриотизма и меньшевизма. Мировая агентура ГПУ уже сейчас, рука об руку с полицией "дружественных" империалистических стран, ведет систематическую работу против Четвертого Интернационала. В случае наступления войны объединенные силы империализма и сталинизма обрушат на революционных интернационалистов неизмеримо более свирепые преследования, чем те, какие генералы Гогенцоллерна совместно с социал-демократическими палачами обрушили в свое время на Люксембург, Либкнехта и их сторонников.

20. Секции Четвертого Интернационала не пугаются ни грандиозности задач, ни ожесточенной ненависти врагов, ни даже своей собственной сегодняшней малочисленности. Уже сейчас борющиеся массы, еще не сознавая того, стоят гораздо ближе к нам, чем к своим официальным вождям. Под ударами надвигающихся событий в рабочем движении будет идти все более быстрая и глубокая перегруппировка. Во Франции социалистическая партия окажется скоро вытеснена из рядов пролетариата. В коммунистической партии надо с уверенностью ждать расколов. В профсоюзах создастся могущественное левое течение, восприимчивое к лозунгам большевизма. В иной форме, но одинаковые же по существу процессы произойдут и в других странах, вовлеченных в

революционный кризис. Организации революционного авангарда выйдут из изолированности. Лозунги большевизма станут лозунгами масс. Ближайшая эпоха будет эпохой Четвертого Интернационала.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее июня 1936 г.]

Испанский урок

Европа превратилась в огромную и очень суровую школу для пролетариата. В одной стране за другой разыгрываются события, которые требуют от рабочих великих жертв кровью, но которые до сих пор приводили к победе врагов пролетариата (Италия, Германия, Австрия...). Политика старых рабочих партий показывает, как нельзя руководить пролетариатом, как нельзя подготовить победу.

Гражданская война в Испании сейчас, когда пишутся эти строки, еще не закончилась. Рабочие всего мира страстно ждут вести о победе испанского пролетариата. Если эта победа, как мы твердо надеемся, будет одержана, придется сказать: рабочие победили на этот раз, несмотря на то, что их руководство сделало все для того, чтоб подготовить поражение. Тем больше чести и славы испанским рабочим!

Социалисты и коммунисты принадлежат в Испании к Народному фронту, который однажды уже предал революцию, но благодаря рабочим и крестьянам одержал снова победу и создал в феврале "республиканское" правительство¹⁹⁶. Через шесть месяцев после этого "республиканская" армия выступает в поход против народа¹⁹⁷. Выходит так, что правительство Народного фронта содержало на народные деньги офицерскую касту, снабжало ее авторитетом, властью, оружием, отдавало ей под команду молодых рабочих и крестьян, - и все это для того, чтобы облегчить ей подготовку разгрома рабочих и крестьян.

Мало того: и сейчас, во время гражданской войны, правительство Народного фронта делает все, что может, чтобы затруднить победу. Гражданская война ведется, как известно, не только военными, но и политическими мерами. В чисто военном смысле испанская революция пока еще слабее врага. Ее сила в том, что она может поднять на ноги большие массы. Она может даже отнять у реакционного офицерства его армию: для этого надо только серьезно и смело выдвинуть программу социальной революции. Нужно провозгласить, что земля, заводы, фабрики переходят отныне от капиталистов к народу. Нужно на деле приступить к осуществлению этой программы в тех районах, где власть в руках рабочих. Фашистская армия не выдержала бы действия такой программы в течение 24 часов: солдаты связали бы своих офицеров по рукам и ногам и доставили бы их в ближайшие штабы рабочей милиции. Но буржуазные министры не могут допустить такой программы. Тормозя социальную революцию, они заставляют рабочих и крестьян проливать в десять раз больше крови в гражданской войне. В довершение всего эти господа надеются после победы снова разоружить рабочих и потребовать от них уважения к священным законам частной

собственности. Такова подлинная суть политики Народного фронта. Все остальное - фразы и ложь!

Сейчас многие сторонники Народного фронта укоризненно покачивают головами по адресу мадридских правителей: "Как же это они не досмотрели? Почему они не произвели вовремя чистку армии? Почему не приняли необходимых мер?" Особенно много таких критиков во Франции, где, однако, политика вождей Народного фронта ничем решительно не отличается от политики их испанских коллег. Несмотря на суровый испанский урок, можно сказать заранее, что правительство Леона Блюма никакой серьезной чистки армии не произведет. Почему? Потому что рабочие организации находятся в коалиции с радикалами, следовательно, в плену у буржуазии.

Наивно плакаться по поводу того, что испанские республиканцы, или социалисты, или коммунисты чего-то недоглядели, что-то прозевали. Дело совсем не в дальнорзости того или другого министра или вождя, а в общем направлении политики. Рабочая партия, которая вступает в политический союз с радикальной буржуазией, тем самым отказывается от борьбы с капиталистическим милитаризмом. Буржуазное господство, т. е. сохранение частной собственности на средства производства, немисливо без поддержки эксплуататоров военной силой. Офицерский корпус представляет собой гвардию капитала. Без этой гвардии буржуазия не продержалась бы и одного дня. Подбор людей, их обучение и воспитание делают офицерство в целом непримиримым врагом социализма. Отдельные исключения не в счет. Так обстоит дело во всех буржуазных странах. Опасность не в военных крикунах и демагогах, которые выступают открыто, как фашисты; неизмеримо грознее тот факт, что весь офицерский корпус при приближении пролетарской революции окажется палачом пролетариата. Выбросить 100 или 500 реакционных агитаторов из армии значит оставить, по существу дела, все по-старому. Офицерский корпус, в котором сосредоточены вековые традиции порабощения народа, надо распустить, раскассировать, разгромить целиком и без остатка. Казарменную армию, которой командует офицерская каста, надо заменить народной милицией, т. е. демократической организацией рабочих и крестьян. Другого решения нет. Но такая армия несовместима с господством эксплуататоров, больших и малых. Могут ли буржуазные республиканцы согласиться на подобную меру? Ни в каком случае. Правительство Народного фронта, т. е. правительство коалиции рабочих с буржуазией, есть по самой своей сути правительство капитуляции перед бюрократией и офицерством. Таков величайший урок испанских событий, оплачиваемый ныне тысячами человеческих жизней.

Политический союз рабочих вождей с буржуазией прикрывается защитой "республики". Испанский опыт показывает, как выглядит эта защита на деле. Слово "республиканец", как и слово "демократ", есть сознательное шарлатанство, служащее для прикрытия классовых противоречий. Буржуа бывает республиканцем до тех пор, пока республика охраняет частную собственность. Рабочие же пользуются республикой для того, чтобы низвергнуть частную собственность. Другими словами: республика теряет всякую цену для буржуа в

тот момент, когда она начинает приобретать цену в глазах рабочего. Радикалы не могут вступать в блок с рабочими партиями, не обеспечив себе опору в лице офицерского корпуса. Недаром во главе военного министерства во Франции встал Даладье. Французская буржуазия уже не раз доверяла ему этот пост, и он никогда не обманывал ее. Поверить, что Даладье способен очистить армию от фашистов и реакционеров, другими словами, разогнать офицерский корпус, могут только люди типа Мориса Паза или Марсо Пивера. Но их никто не берет всерьез.

Но тут нас перебивает возглас: "Как можно распустить офицерский корпус? Ведь это значит разрушить армию и оставить страну безоружной перед лицом фашизма. Гитлер или Муссолини только этого и ждут!" Все эти доводы хорошо известны. Так рассуждали русские кадеты, эсеры и меньшевики в 1917 году. Так рассуждали вожди испанского Народного фронта. Испанские рабочие наполовину верили этим рассуждениям, пока не убедились на опыте, что ближайший фашистский враг сидит в испанской армии. Недаром наш старый друг Карл Либкнехт учил: "Главный враг - в собственной стране!"

"Юманите" слезно молит очистить армию от фашистов. Но какая цена этим мольбам? Вотировать деньги на содержание офицерского корпуса, состоять в союзе с Даладье и через него с финансовым капиталом, поручать Даладье армию и в то же время требовать, чтоб эта насквозь капиталистическая армия служила "народу", а не капиталу, - значит либо впасть в полный идиотизм, либо сознательно обманывать трудящиеся массы.

"Но не можем же мы остаться без армии, - повторяют социалистические и коммунистические вожди, - ведь мы же должны защищать нашу демократию и вместе с нею Советский Союз от Гитлера!" После испанского урока нетрудно предвидеть последствия этой политики как для демократии, так и для Советского Союза. Выбрав благоприятный момент, офицерский корпус рука об руку с распущенными фашистскими лигами перейдет в наступление против трудящихся масс и, если одержит над ними победу, разгромит жалкие остатки буржуазной демократии и протянет руку Гитлеру для совместной борьбы против СССР.

Нельзя без возмущения и прямого отвращения читать статьи "Попюлера" и "Юманите" по поводу испанских событий. Эти люди ничему не учатся. Они не хотят учиться. Они сознательно закрывают глаза на факты. Для них главный урок состоит в том, что нужно во что бы то ни стало сохранить "единство" народного фронта, т. е. единство с буржуазией, дружбу с Даладье.

Конечно, Даладье - великий "демократ". Но можно ли сомневаться хотя на минуту, что, помимо официальной работы в министерстве Блюма, он ведет большую неофициальную работу - в генеральном штабе, в офицерском корпусе? Там сидят люди серьезные, которые умеют глядеть в глаза фактам, а не упиваться пустой риторикой в духе Блюма. Там готовятся ко всяким неожиданностям. Даладье, несомненно, сговаривается с военными вождями о необходимых мерах на тот случай, если рабочие проявят революционную активность. Генералы, конечно, охотно идут навстречу Даладье. А между собою генералы говорят: "Потерпим Даладье, пока не справимся с рабочими, а там

поставим более крепкого хозяина". Тем временем социалистические и коммунистические вожди повторяют изо дня в день: "Наш друг Даладье." Рабочий должен ответить им: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты!" Люди, которые доверяют армию старому агенту капитала Даладье, недостойны доверия рабочих.

Конечно, пролетариат Испании, как и Франции, не хочет оставаться безоружным перед лицом Муссолини или Гитлера. Но чтобы отстоять себя от них, нужно разгромить врага в собственной стране. Нельзя опрокинуть буржуазию, не слолив офицерский корпус. Нельзя сломить офицерский корпус, не опрокинув буржуазию. В каждой победоносной контрреволюции офицерство играло решающую роль. Каждая победоносная революция, если она имела глубокий социальный характер, разрушала старое офицерство. Так поступила Великая французская революция в конце 18 века. Так поступила Октябрьская революция 1917 года. Чтобы решиться на такую меру, нужно перестать ползать на коленях перед радикальной буржуазией. Нужно создать подлинный союз рабочих и крестьян - против буржуазии, в том числе и радикальной. Нужно довериться силе, инициативе, мужеству пролетариата. Он сумеет завоевать на свою сторону солдат. Это будет настоящий, а не поддельный союз рабочих, крестьян и солдат. Такой союз создается и закаляется сейчас в огне гражданской войны в Испании. Победа народа будет означать конец Народному фронту и начало Советской Испании. Победоносная социальная революция в Испании неизбежно перебросятся на остальную Европу. Для фашистских палачей в Италии и Германии она неизмеримо страшнее, чем все дипломатические и все военные союзы.

Л.Троцкий

30 июля 1936 г.

[Письмо Л.Л.Седова А.Цилиге]198

19 октября [193]6 [г.]

Уважаемый товарищ,

Как мы вам уже сообщили при устной беседе, мы лишены возможности напечатать ваше письмо в "Бюллетене", ибо оно затрагивает вопрос, который непосредственно и близко интересовал Редактора199, лишённого, как вы знаете, возможности, высказаться по затрагиваемому вами вопросу.

Чтобы попытаться по крайней мере довести до его сведения ваше письмо, вы должны были бы дать нам перевод его на немецкий или франц[узский] язык, ибо письма и документы к нему на русском языке не допускаются200.

Что касается подтверждения в "Бюллетене" получения вашего письма, как мы о том вам обещали, - это не удалось в нынешнем номере по техническим причинам. Мы это следуем в след[ующем] номере, если вы будете настаивать201. С ком[мунистическим] приветом. Редакция.

[Отрывок из незаконченной статьи]

Вооружение Германии²⁰² и итальянское нападение на Абиссинию положили конец послевоенной эпохе и официально открыли новую предвоенную эпоху. Июньское стачечное движение во Франции и Бельгии открывает новую эпоху революционного приюта. Все оппортунистические, социал-патриотические и центристско-пацифистские партии рабочего класса попадают в тиски между надвигающейся войной и надвигающейся революцией. Первыми будут раздавлены в этих тисках промежуточно-центристские организации, объединяющиеся вокруг так называемого Лондонского бюро.

События последних двух лет полностью и исчерпывающе подтвердили марксистскую оценку партий, объединенных вокруг Лондонского бюро, как консервативных центристских организаций, неспособных противостоять напору реакции и шовинизма и обреченных в нашу эпоху сдвигаться вправо. Простой перечень фактов не оставляет на этот счет места никаким сомнениям.

1. SAP, вдохновительница лондонского объединения, вызвала раскол в голландской Революционной социалистической партии с единственной целью повернуть ее на путь центризма, вступила в "народный фронт" немецкой эмиграции, самый бесчестный и обманчивый из всех народных фронтов, взяла на себя вероломную защиту сталинской бюрократии против большевиков-ленинцев и фактически ведет борьбу только и исключительно против Четвертого Интернационала.

2. ILP сделала попытку занять в итало-абиссинском конфликте принципиально правильную позицию. Однако пацифистско-парламентский клика Макстона, видящая в партии лишь свой технический аппарат, путем грубого ультиматума повернула партию на путь пацифистской прострации и приняла одновременно исключительный закон против фракций, т. е. фактически против революционного марксистского крыла. В вопросе об СССР ILP ведет отождествление Октябрьской революции и бонапартистской бюрократии, рекламирует, в частности, сикофантскую компиляцию²⁰³ Веббов, которая способна только обмануть рабочих относительно действительных путей и методов пролетарской революции.

3. Испанская партия марксистского единства выдвинула платформу "демократической социалистической революции" и тем начисто отреклась от теории Маркса, Ленина и от опыта Октябрьской революции, одинаково показавших, что пролетарская революция не может развиваться в рамках буржуазной демократии, что "синтез" буржуазной демократии и социализма есть не что иное как социал-демократия, т. е. организованное предательство исторических интересов пролетариата. В полном соответствии со своей платформой испанская партия оказалась во время последних выборов в антимарксистском единстве с партией Асаньи: в составе народного фронта, т. е. в хвосте партий левой буржуазии. Последняя критика народного фронта со стороны вождей партии не ослабляет их преступлений ни на волос, ибо революционные партии познаются по тому, как они действуют в критические моменты, а не по тому, что они сами про себя говорят на другой день после событий. За все годы испанской революции позиция Маурина-Нина обнаружила

полную неспособность перейти от мелкобуржуазной фразы к пролетарскому действию.

Во Франции блок с Дорио и Марсо Пивером против Четвертого Интернационала очень скоро раскрыл свой реакционный характер: Дорио, под покровительством которого собиралась последняя конференция Лондонского бюро, перешел вскоре со своей организацией в лагерь реакции. Марсо Пивер состоит теперь агентом для левых поручений при Леоне Блюме, который через буржуазную полицию конфискует революционную рабочую газету и через буржуазный суд преследует сторонников Четвертого Интернационала.

На последнем конгрессе NAP (май 1936 г.), единственной массовой организации, примыкавшей к Лондонскому бюро, не разделось ни одного голоса против разрыва этой партии с Лондонским бюро. Этот красноречивый факт является неопровержимым свидетельством того, что принадлежность к Лондонскому бюро имеет чисто внешнее, показное значение, никого ни к чему не обязывает, никак не отражается на внутренней жизни отдельных организаций и потому не способна даже формировать в нем подобие левого крыла.

Партии Лондонского бюро не имеют ни самостоятельной доктрины, ни самостоятельной политики. Они размещаются и колеблются между левым крылом Второго Интернационала и Третим Интернационалом в его последнем новейшем фазисе (народный фронт, блок буржуазии для защиты СССР, защита демократического отечества и пр.). В этом смысле он представляет новое издание Интернационала 2 в уменьшенном формате.

За последние два года лондонское бюро не заняло ясной революционной позиции ни по одному вопросу, ничем не оплодотворило рабочее движение и не только не вызвало враждебного внимания Второго и Третьего Интернационалов, - наоборот, сблизилось с ними в травле Четвертого Интернационала.

Сейчас, когда два старых Интернационала так близко сходятся друг с другом, существование промежуточного Интернационала становится совершенно бессмысленным.

Когда призрак новой войны стал наполняться плотью и кровью, Лондонское бюро, руководимое SAP, вместо вопроса о программе, большевистской политике, об отборе революционных кадров, выбросило ничего не говорящий лозунг "Новый Циммервальд!" Все те, которые пугаются революционных трудностей, связанных с опасностями войны, поспешили ухватиться за исторический призрак. Прошло несколько месяцев, и сами инициаторы забыли о своем изобретении. Между тем опасность войны и задача строительства нового Интернационала на гранитном фундаменте принципов остается во всей своей силе.

Можно спокойно оставить без особого рассмотрения шведскую партию, которая не выходит за пределы провинциального пацифизма, и тем более группы в Польше, Румынии, Болгарии, лишенные какого бы то ни было качественного или количественного значения. Примыкающее к Лондонскому бюро Стокгольмское бюро молодежи ведет политику SAP, то есть двойственности и фальши, особенно деморализующую и губительную в отношении нового революционного поколения. Физиономия Стокгольмского бюро лучше всего характеризуется тем, что для

беспрепятственного продолжения своей дружественной политики по отношению к худшим оппортунистическим, патриотическим группировкам, оно сочло необходимым исключить из своих рядов представителя большевиков-ленинцев, который был в меньшинстве и не требовал для себя ничего, кроме права свободной критики. Этим актом вожди Лондонского и Столгольмского бюро доказали наглядно даже для слепых, что революционерам нет и не может быть места в рядах этих организаций.

Интересы Четвертого Интернационала, т. е. пролетарской революции, исключают какое бы то ни было сближение, какую бы то ни было снисходительность и терпимость по отношению к партиям, группам и лицам, которые на каждом шагу злоупотребляют именами Маркса, Энгельса, Ленина, Люксембург, Либкнехта для целей, прямо противоположных идеям и примеру этих учителей и борцов.

Вожди важнейших организаций Лондонского бюро не юноши и не новички. У всех у них долгое прошлое оппортунизма, пацифизма и центристских шатаний. Ни война, ни Октябрьская революция, ни разгром германского и австрийского пролетариата или предательский поворот Коминтерна, ни приближение новой войны ничему не научили их, наоборот, деморализовали. Возлагать надежды на их революционное перевоспитание нет ни малейшего основания.

Прямой обязанностью пролетарских революционеров является систематическое и непримиримое разоблачение половинчатости и двойственности Лондонского бюро, как ближайшей и непосредственной помехи на пути дальнейшего строительства Четвертого Интернационала.

[Л.Д.Троцкий]

[Июль 1936 г.]

1937

Ответы на поставленные мне вопросы о Литвинове²⁰⁴

1) С Литвиновым я встретился впервые осенью 1902 года в Цюрихе, где он временно заведовал экспедицией "Искры". Он показался мне тогда больше дельцом, т. е. вел конторские книги (не бог весть какие), надписывал адреса и пр. Но и помимо этого в нем было нечто деляческое. Мне показалось также, что он был недоволен своей работой, как слишком технической и маленькой. Может быть, это было ошибочное впечатление. Помню, встретил он нас, молодых посетителей экспедиции, не очень дружелюбно. Надо прибавить, что киевские беглецы составляли тогда среди эмиграции своего рода аристократию.

О тогдашних отношениях Литвинова с Лениным ничего сказать вам не могу.

Вы, конечно, знаете, что в "Пролетарской революции" напечатана обширная переписка Ленина и Крупской с Литвиновым, относящаяся, правда, к несколько

более позднему времени.

2) Блюменфельд²⁰⁵ я знал довольно хорошо. Это был живой, горячий и упрямый человек, весьма преданный делу. С Засулич он был очень дружен, а у Веры Ивановны [Засулич] было хорошее чутье на людей. Рассказывал ли мне Блюменфельд о поведении Литвинова в киевской тюрьме? Не помню. Что случилось с Блюменфельдом - не знаю.

3) О поведении Литвинова на съезде заграничной лиги²⁰⁶ вскоре после 2 съезда партии - совершенно не помню. Литвинов был в то время малозаметной фигурой и вряд ли мог особенно выделиться на съезде лиги. Во всяком случае, протоколы лиги были в свое время напечатаны, а в последние годы перепечатаны, кажется, в той же "Пролетарской революции". К сожалению, у меня этих изданий нет.

4) Что импонировало Литвинову в Ленине? Думаю, что характер, решимость, твердость. Сам Литвинов, несомненно, отличается крепким характером. Помню, Ленин как-то шутя сказал о нем: "Самый крокодилистый из наших дипломатов". Правда, Ленин сказал это с укором по поводу какой-то излишней уступки Литвинова: смотрите, мол, самый крокодилистый, а все-таки сдал...

5) Крохмаль²⁰⁷ был типичнейшим представителем той мелкобуржуазной интеллигенции, которая органически тяготела к меньшевикам. Если вас интересуют внешние черты, то могу сообщить следующее: Крохмаль был высокого роста, сильно заикался, и это мешало ему как оратору. По профессии он был адвокатом. В обывательском смысле неглупый человек, более образованный, чем Литвинов, но несомненно уступающий ему в характере. Что с ним стало? В 1917 году он был, кажется, правым меньшевиком. Оставался ли в России при советской власти, жив ли сейчас или нет, - не знаю.

Марьяна Гурского²⁰⁸ я знал сравнительно мало. Он производил впечатление хорошего и честного, но малосамостоятельного человека.

6) Землячку²⁰⁹ я знал очень хорошо, даже прозвище ее "Землячка" дано ей было мною. Я жил в Верхоленске²¹⁰ во время приезда туда Землячки и ее мужа Александра Берлина²¹¹. О том, что он собирается покончить самоубийством, мы знали и по очереди дежурили в его комнате, когда он переселился отдельно от Землячки. Помню, на столе у него я увидел настроганные пластинки свинца: это он сам изготовил пулю для своего охотничьего ружья, из которого и убил себя. Под видом двоюродного брата я отвозил после этого Землячку в Иркутск. О том, что самоубийство Берлина имело какое-либо отношение к его тюремным переживаниям, - я не знал. Наша верхоленская колония ссыльных объясняла самоубийство чисто личными причинами.

7) Брошюру Соломона²¹² я прочитал по обязанности, когда собирал материал для биографии Ленина. В этой брошюре нет ни одного верного факта, ни одного честного сообщения: грубая и глупая ложь, которая иногда кажется истерической. Соломон приписывает Ленину свои собственные филистерские пошлые, в частности, антисемитские взгляды и настроения. В суждениях о людях Ленин был очень осторожен, хорошо зная, как оценки переходят из уст в уста. Не может быть и речи о том, чтобы Ленин сообщал Соломону свой взгляд на

Литвинова: этого последнего Ленин, во всяком случае, ценил гораздо выше, чем болтливый, лживый и хвастливый дурачок Соломона.

8) Участвовал ли Литвинов на лондонском съезде? Не помню. Это, во всяком случае, очень легко установить по протоколам съезда, которые в советский период перепечатаны с расшифровкой всех псевдонимов. Насколько помню, никакой открытой роли Литвинов на съезде не играл. Не знаю также, имел ли он отношение к переговорам с Фелсом²¹³. Сомневаюсь. Переговоры велись Плехановым, Лениным, вообще именитыми людьми. Вообще, насчет отношения Литвинова к лондонскому съезду решительно ничего вспомнить не могу: если он и был там, то сколько-нибудь заметной роли не играл.

9) В той идейной борьбе, которая развернулась во время мировой войны среди русской эмиграции, Литвинов никакой роли не играл. Живя в Париже, я совершенно не знал, что Литвинов работал в царском военно-промышленном комитете²¹⁴. О Литвинове вспомнили (в частности, и я), когда он на конференции в Лондоне выступил с заявлением от большевистской партии: очевидно, к этому времени Ленин снова завоевал его. Чичерин в начале войны был социал-патриотом и писал во все концы, в том числе и мне, множество писем. В отличие от Литвинова, он принимал активнейшее участие в идейной борьбе среди русской эмиграции. В 1915 году Чичерин перешел на интернационалистическую позицию и активно сотрудничал в "Нашем слове". Литвинов, насколько помню, никогда никаких статей не писал и в публичных прениях не участвовал. Своеобразным и в своем роде недурным оратором (хотя с ужасной дикцией) он стал уже в процессе своей дипломатической карьеры. Пишет ли он свои речи сам? У меня нет оснований сомневаться в этом.

10) Какое влияние имел Радек в Наркоминделе? Влияния в собственном смысле он не имел никогда. По самому складу своему Радек не может иметь влияния. Он только журналист, очень умелый, очень начитанный, очень хлесткий, но не более того. Он может быть очень полезен партии, фракции или отдельному лицу. Но всерьез его никогда не брали. В Наркоминделе он мог быть полезен, с одной стороны, как информатор, с другой стороны, как рупор.

11) Мог ли Чичерин совместно с ГПУ вести интригу против Литвинова? К сожалению, я не могу отрицать такой возможности. Чичерин сильно деморализовался в последние годы. Его отношения с Литвиновым были остро враждебны. Письма, которые они писали друг о друге в Политбюро, имели исключительно резкий и оскорбительный характер. В то же время Чичерин, уже в силу своих дипломатических обязанностей, был тесно связан с ГПУ. Категорически, однако, ответить на ваш вопрос я не могу.

12) Литвинов не принимал участия во внутривнутрипартийной борьбе, как по отсутствию идейных интересов, так и по осторожности. В воздвигнутой против меня травле он активной роли не играл, но неизменно шел с большинством, стараясь при этом компрометировать себя как можно меньше. К Сталину он относился с острой враждебностью, как к выскочке и пр. Сталин больше опирался на Чичерина и Карахана - противников Литвинова. Как произошло окончательное примирение - не знаю. Оно, несомненно, совпало с моментом

замены Чичерина Литвиновым на посту Наркоминдела.

13) Мне не ясно, о какой книге Александра Вы говорите. Кто этот Александров? Ольминский²¹⁵? Если так, то могу лишь сказать, что всеми его работами надо пользоваться с осторожностью: марксизмом он не овладел и был всегда склонен к парадоксам.

Л.Троцкий

Мексика,

16 января 1937 г.

Ответы на вопросы редакции "El Tiempo"²¹⁶

Вы ставите ряд вопросов, касающихся Советского Союза. Ответ на них потребовал бы целой книги. Такую книгу я написал во время моего пребывания в Норвегии. Она называется "Преданная революция" и вышла два месяца тому назад во Франции. Сегодня я получил телеграмму из Нью-Йорка о том, что корректура закончена и что книга выйдет в ближайшие дни на английском языке. Тех, кто интересуется моим мнением о нынешнем экономическом, социальном, политическом и культурном положении Советского Союза, я могу только отослать к этой книге. Одна из ее глав посвящена интересующему вас вопросу о новой советской конституции. Вывод мой таков: все, что есть в этой конституции исторически прогрессивного, заключалось полностью и целиком в старой конституции, выработанной под руководством Ленина. То, что отличает новую конституцию от старой, - это стремление закрепить и увековечить огромные экономические привилегии и неограниченную диктатуру советской бюрократии.

Вы спрашиваете меня о суде над 16-ю²¹⁷. Об этом вопросе я заканчиваю сейчас небольшую книгу²¹⁸, в которой надеюсь доказать всякому критическому и честному человеку, что московский суд представляет собой величайшую фальсификацию в политической истории всего мира. Такие исторически известные процессы, как знаменитое дело Бейлиса в царской России, дело Дрейфуса²¹⁹ во Франции, дело о поджоге рейхстага в Германии представляют собой детскую забаву по сравнению с процессом 16-ти. А впереди еще новые процессы... Чем больше растут привилегии правящей советской касты, тем более свирепо она вынуждена подавлять каждый голос критики и оппозиции. Она не может, однако, открыто карать перед лицом народа своих противников за то, что они требуют большего равенства и большей свободы. Она вынуждена выдвигать против оппозиционеров фальшивые обвинения. Для меня было ясно уже с 1927 года, что бюрократия будет в дальнейшем подбрасывать оппозиции всякого рода чудовищные преступления, а для того, чтобы правда не прорвалась наружу, будет все больше и больше душить самостоятельность народных масс. Развивая эти мысли, я писал 4 марта 1929 г.: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр."²²⁰ Эти строчки были напечатаны ("Бюллетень оппозиции", номер 1-2) почти за шесть лет до убийства Кирова²²¹. За эти годы я в десятках статей и в

сотнях писем призывал своих друзей и единомышленников к величайшей осторожности в отношении провокаторов ГПУ. В этом смысле московский процесс не явился для меня неожиданностью. О том, как он готовился и как были исторгнуты так называемые "признания" у несчастных подсудимых, рассказано в ряде брошюр, вышедших за последние месяцы. Назову следующие: Леон Седов (мой сын): "Le Livre Rouge sur le proces de Moscou"²²² ("Красная книга о московском процессе"). Виктор Серж "16 Fusilles"²²³. (Виктор Серж - выдающийся революционер и замечательный французский писатель). На английском языке вышла в Нью-Йорке книжка М.Шахтмана "The Moscow Trial - the Greatest Frame-up in History", Pioneer Publishers, N[ew] Y[ork]²²⁴. Эта книжка пользуется большим успехом, и я могу ее рекомендовать всякому, кто хочет серьезно и честно ознакомиться с московским процессом. Фридрих Адлер, секретарь Второго Интернационала и, следовательно, мой политический противник, сравнил московский процесс со средневековыми процессами ведьм. Адлер очень метко напоминает о том, что святейшей инквизиции всегда удавалось вызывать "чистосердечные покаяния" у всех, заподозренных в колдовстве. Побывав в руках инквизиторов, каждая "ведьма" рассказывала подробно, как она провела последнюю ночь с дьяволом на ближайшей горе. ГПУ применяет более утонченные методы, отвечающие эпохе воздухоплавания и радиовещания, но по существу покаяния исторгнуты методами нравственных пыток, длившихся в течение нескольких лет. Подробнее об этом я говорю в своей новой книжке.

Вы спрашиваете, не связан ли московский процесс с антисемитизмом. Несомненно, связан! На это очень пронизательно указал в печати Франц Пфемферт, немецкий писатель и издатель, ныне эмигрант. Кто близко следит за внутренней жизнью Советского Союза, кто читает советские газеты от строки до строки и между строк, для того давно уже ясно, что советская бюрократия в еврейском вопросе, как и во всех других вопросах, ведет двойную игру. На словах она, разумеется, выступает против антисемитизма. Темных погромщиков она не только предаст суду, но иногда и расстреливает. В то же время она систематически эксплуатирует антисемитские предрассудки для того, чтоб компрометировать каждую оппозиционную группу. В искусственном подборе подсудимых, в характеристике их социального положения, в комментариях к политическим судебным процессам всегда и неизменно сквозит та мысль, что оппозиция есть измышление еврейской интеллигенции. Надо прямо сказать: в этой области сталинская бюрократия в более тонкой форме возродила традицию царской бюрократии. Экономическое и культурное развитие всех других национальностей Советского Союза столь же тяжело страдает от диктатуры бонапартистской бюрократии.

Попытки представить меня и моих друзей врагами СССР вздорны и бесчестны. Я не отождествляю Советский Союз с выродившейся бюрократической кастой. Я верю в будущее Советского Союза, который справится с бюрократией и довершит дело, начатое Октябрьской революцией.

[Л.Д.Троцкий]

19 января 1937 [г.]

Семнадцать новых жертв ГПУ225

1. Извещение о том, что 23 января откроется судебная расправа над новыми 17 жертвами ГПУ, было сделано только 19 января, за четыре дня до суда. Обвинительный акт неизвестен до сих пор. Цель этого образа действий состоит в том, чтобы снова застигнуть общественное мнение врасплох, не дать возможности прибыть нежелательным иностранцам и особенно помешать мне, главному обвиняемому, своевременно опровергнуть новую фальсификацию.

2. Четыре названных по имени обвиняемых - старые революционеры, члены центрального комитета эпохи Ленина. Пятаков в течение не менее 12 лет являлся фактическим руководителем промышленности. Он объявлен организатором промышленного саботажа. Радек был наиболее аутентичным глашатаем внешней политики СССР. Он объявлен организатором военной интервенции. Сокольников226 командовал армией в эпоху гражданской войны, восстанавливал советские финансы в период НЭПа и был послом в Лондоне. Он объявлен агентом Гитлера. Серебряков227 был одним из строителей партии и секретарем ЦК, руководителем южного фронта гражданской войны вместе со Сталиным. Он объявлен изменником. Все Политбюро и почти весь Центральный Комитет героической эпохи революции (за вычетом Сталина) объявлены сторонниками восстановления капитализма. Кто этому поверит?

3. Пятаков и Серебряков в 1923-[19]27 гг. действительно были моими ближайшими единомышленниками. Радек - в течение 1926-[19]27 гг. Сокольников был короткое время связан с оппозиционной группой Зиновьева, Каменева и вдовы Ленина Крупской. Все четверо отреклись от оппозиции в течение 1927-[19]28 гг. Их разрыв со мной был полным и окончательным. Я клеймил их открыто как политических перебежчиков. Они повторяли все официальные клеветы против меня. В 1932 году мой сын, тогда берлинский студент, встретил на Унтер-ден-Линден Пятакова, который немедленно отвернул голову. Сын бросил ему вдогонку: предатель. Этот мелкий эпизод характеризует действительные отношения между капитулянтами и троцкистами. Даже в тюрьмах ГПУ они остаются двумя непримиримыми лагерями. ГПУ оперировало до сих пор только с капитулянтами, которых оно с 1928 года месит, как тесто, вырывая у них какие угодно признания.

15 ноября я писал норвежскому правительству: "Советское правительство не считает возможным требовать моей выдачи. Заговор с моим участием ведь `доказан'... Почему же не предъявить эти доказательства норвежской юстиции?.. Недоверие всего цивилизованного человечества к московскому процессу было бы устранено одним ударом. Этого, однако, они не сделали. Почему? Потому что все это дело есть хладнокровно подстроенный подлог, неспособный выдержать и легкого прикосновения свободной критики".

В том же письме, конфискованном норвежским правительством, говорилось далее: "Московский процесс в зеркале мирового общественного мнения есть

страшное фиаско... Правящая клика не может перенести этого. Как после крушения первого кировского процесса (январь 1935), она вынуждена была подготовить второй, так теперь, для поддержания своих обвинений против меня, она не может не открывать новые покушения, заговоры и пр."228 Предстоящий процесс необходим прежде всего для того, чтобы попытаться исправить скандальные противоречия, анахронизмы и прямые бессмыслицы процесса 16-ти.

Чтобы лучше вооружиться для подготовки нового процесса, ГПУ организовало ночной набег на мой архив в Париже²²⁹. Факт этот, отраженный своевременно всей французской печатью, заслуживает серьезнейшего внимания. 10 октября я письмом через норвежскую полицию рекомендовал сыну, проживающему в Париже, сдать мои бумаги в научный институт на сохранение, т. к. мои архивы представляют мою главную защиту против фальсификаций и клевет. Едва сын успел сдать первую часть архива в парижское отделение голландского исторического института, как агенты ГПУ произвели 7 ноября ночью набег на институт, выжгли дверь и похитили 85 килограммов моих бумаг, не тронув ни денег, ни каких-либо других вещей и бумаг. Можно ждать, что похищенные документы послужат опорой для подлогов и фальсификаций в новом процессе. Считаю необходимым предупредить, что у меня имеются копии всех похищенных писем и документов.

В том же письме норвежскому правительству я заранее указывал еще одну цель будущего процесса. В тюрьмах и ссылке находятся с 1928 года сотни действительных троцкистов, оставшихся открытыми противниками бюрократии. Их нельзя привлечь по делу Кирова, убитого в 1934 году. Их нельзя привлечь за саботаж промышленности, ибо они живут вне хозяйства, без работы и без куска хлеба. Процесс 16-ти устанавливает эпоху террора лишь с 1932 года. Остается предполагать, что ГПУ исторгнет у обвиняемых признания в каких-либо преступных замыслах, относящихся к периоду 1923-[19]27 гг.: тогда можно будет истребить действительные кадры оппозиции.

"Человека с улицы" больше всего поражают признания подсудимых, которые выступают ревностными помощниками ГПУ. Немногие представляют себе те ужасающие формы нравственной и полуфизической пытки²³⁰, которым подвергаются обвиняемые в течение многих месяцев, а иногда и лет.

Фридрих Адлер, секретарь Второго Интернационала, мой политический противник, метко сравнивает московские процессы со средневековыми процессами ведьм. В руках инквизиции каждая заподозренная в колдовстве женщина кончала чистосердечным покаянием в своих греховных сношениях с дьяволом. Методы ГПУ - пытка неизвестностью и страхом. Разрушив нервную систему, сломив волю, растоптав достоинство, ГПУ исторгает в конце концов у обвиняемых любые признания, продиктованные заранее самими организаторами подлога. В заканчиваемой мною книжке²³¹ я надеюсь до конца раскрыть технику "добровольных признаний", которая составляет ныне самую основу сталинской юстиции. Я покажу вместе с тем, что каждое из этих признаний рассыпается в прах при малейшем соприкосновении с фактами, документами, свидетельскими показаниями и логикой.

Часть этой критической работы уже проделана. Кто хочет понять предстоящий новый процесс, тот должен ознакомиться, по крайней мере, с одной из следующих двух работ: Леон Седов (мой сын) - Ле ливр руж сюр ле просе де Моску, Пари (на французском языке), или Макс Шахтман - Ды Москоу Траел - ды грейтест фрейм оп ин истори (на английском языке).

Обвинения против меня лично, сохраняя неизменно характер подлогов, варьируются в зависимости от дипломатических комбинаций советского правительства. В моих руках номер московской "Правды" от 8 марта 1929 года, где я изображаюсь как агент британского империализма. Та же "Правда" от 2 июля 1931 года на основании грубо подделанных "факсимиле" объявляла меня союзником Пилсудского. Когда я 24 июля 1933 года переселился во Францию, московская печать и вся пресса Коминтерна утверждали, что целью моего приезда является помочь Даладьё, тогдашнему министру-президенту, организовать военную интервенцию против Советского Союза. Наконец, в течение последнего периода я оказываюсь союзником Гитлера и сотрудником Гестапо. ГПУ рассчитывает на легковерие, на невежество, на короткую память. Ложный расчет! Я вышел, наконец, из норвежского заточения. Я принимаю вызов фальсификаторов. Не сомневаюсь, что мексиканское правительство, столь великодушно оказавшее мне гостеприимство, не помешает мне прояснить перед мировым общественным мнением всю правду о величайших подлогах ГПУ и его вдохновителей.

В течение всего предстоящего процесса я остаюсь в распоряжении честной и беспристрастной печати.

Л.Троцкий.

Койоакан,

Д.Ф.232

20 января 1937 г. 18 час.

Новый процесс

Еще только несколько дней тому назад я говорил представителям мексиканской прессы, что моим горячим желанием является жить как можно более уединенно, как можно меньше занимать собою общественное внимание и посвятить все свое время книге о Ленине. Но новый московский процесс вынудил меня снова обратиться к печати, прежде всего к мексиканской. Я глубоко и непосредственно заинтересован в том, чтобы общественное мнение страны, оказавшей мне гостеприимство, не было восстановлено против меня систематической кампанией лжи и клеветы. Между тем, для меня нет ни малейшего сомнения в том, что новый процесс, который начинается завтра в Москве, главной своей целью имеет опорочить меня в глазах мирового общественного мнения. Я вынужден прибегнуть к содействию "Эль Насиональ" 233, чтобы прояснить действительное положение вещей. Я революционер. Я марксист. В марте этого года исполняется 40 лет, как я непрерывно участвую в революционном рабочем движении. Правящая советская верхушка, видящая во мне

своего "врага номер первый", хочет убедить весь мир, что я по неведомым причинам изменил идеалам всей своей жизни, стал врагом социализма, сторонником капиталистической реставрации, вступил в союз с германскими фашистами и применяю методы террора. Согласно последним телеграммам, обвинительный акт обвиняет моих сторонников в СССР в саботаже промышленности, в военном шпионаже в пользу Германии и даже в попытках массового истребления рабочих, работающих на оборону. Когда читаешь эти строки, кажется, что попал в дом буйно помешанных.

На самом деле я остаюсь по-прежнему горячим сторонником всех социальных завоеваний Октябрьской Революции. Но я являюсь в то же время непримиримым противником стремления новой правящей касты монополизировать завоевания революции в своих собственных эгоистических целях. Правящая ныне группа говорит: "Государство - это я!"²³⁴ Но оппозиция не отождествляет советского государства со Сталиным. Если бы я считал, что при помощи индивидуального террора или саботажа промышленности можно ускорить социальный прогресс и улучшить положение народных масс, я бы не побоялся открыто выступить с пропагандой этих идей. В течение всей своей жизни я привык говорить то, что думаю, и делать то, что говорю. Но я всегда считал и считаю теперь, что индивидуальный террор содействует скорее реакции, чем революции, и что саботаж хозяйства подрывает основы всякого прогресса. ГПУ и его вдохновитель Сталин побрасывает мне бессмысленные идеи и чудовищные методы борьбы с единственной целью: скомпрометировать меня в глазах рабочих масс СССР и всего мира.

В начале 1921 года, когда Зиновьев выдвинул кандидатуру Сталина в генеральные секретари партии²³⁵, Ленин говорил: "Не советую: этот повар будет готовить только острые блюда". Ленин, конечно, тогда не предвидел, что блюда сталинской кухни достигнут такой неслыханной остроты. Почему и зачем Сталин ставит эти отвратительные процессы, которые только компрометируют Советский Союз в глазах всего мира? С одной стороны, правящая советская верхушка говорит, что социализм в СССР уже построен и что началась эра счастливой жизни; а с другой стороны, те же люди утверждают, что все сотрудники Ленина, старые большевики, вынесшие на своих плечах революцию, все члены старого большевистского Центрального Комитета, все, за исключением одного Сталина, стали врагами социализма и сторонниками Гитлера. Разве это не вопиющая бессмыслица? Разве можно выдумать более злостную клевету не только на несчастных обвиняемых, но и на большевистскую партию в целом и на Октябрьскую революцию? Такими методами правящая клика хочет заставить каждого рабочего и крестьянина думать, что критиковать деспотизм бюрократии, ее произвол, ее привилегии, ее злоупотребления значит быть агентом фашизма. Сталин вынужден готовить все более острые и отравленные блюда по мере того, как в народных массах нарастает недовольство новым абсолютизмом и новой аристократией. Новый московский процесс есть безошибочный симптом острого политического кризиса, который нарастает в СССР.

Из числа подсудимых, имена которых названы в сегодняшних телеграммах, я

хорошо и близко знаю семь человек: Радека, Пятакова, Сокольникова, Серебрякова, Муралова, Богуславского²³⁶ и Дробниса²³⁷. Все они играли крупнейшую роль в большевистской партии и в революции, все они принадлежали в течение известного периода к оппозиции, все они, может быть, кроме Муралова, который просто отошел от политики, капитулировали в 1928-[19]29 гг. перед бюрократией. Между оппозиционерами и капитулянтами в СССР царит самая непримиримая вражда. Ни с одним из обвиняемых я после 1928 года не имел ни прямых, ни косвенных сношений. Я рассматривал и рассматриваю капитулянтов как непримиримых политических противников. Я не сомневаюсь, однако, ни на минуту, что ни одно из названных мною лиц не могло заниматься ни терроризмом, ни саботажем, ни шпионажем. Если сами подсудимые признают свои мнимые преступления, то только потому, что следственные методы ГПУ имеют инквизиторский характер: всякий обвиняемый, который отказывается дать те показания, которых от него требуют, расстреливается ГПУ без суда. На скамью подсудимых попадают только те обвиняемые, воля которых окончательно сломлена и которые согласились заранее дать показания, продиктованные суду.

Можно ли спасти 17 новых жертв ГПУ? Я не знаю этого. Это в огромной степени зависит от мирового общественного мнения. Если трудящиеся массы, демократическая печать, все вообще прогрессивные партии и группировки поднимут своевременно голос протеста, то им удастся, может быть, спасти на этот раз 17 новых подсудимых.

Что касается меня лично, то я готов перед любым свободным и беспристрастным судом, перед любой независимой следственной комиссией доказать при помощи неоспоримых фактов, писем, документов, свидетельских показаний, что московские процессы против "троцкистов" представляют собой самую ужасающую фальсификацию и что подлинными преступниками являются не обвиняемые, а обвинители.

Л.Троцкий

Койоакан,

Д.Ф. 22 января 1937 года

Три поправки

Сообщение, будто обвиняемый Муралов - муж Коллонтай, неправильно. Муралов - ветеран революции 1905 года, участник гражданской войны, бывший командующий войсками Московского Военного Округа. Уже много лет, как он совершенно отошел от политики.

*

Разоблачающий характер имеет одна деталь обвинения. Согласно процессу 16-и, покушение готовилось на всех "вождей", кроме Молотова. Почему? Потому что у Молотова, как можно было видеть сквозь строки печати, были трения со Сталиным. Недавно, как видно из речей и статей, произошло примирение. Сталин согласился поэтому предоставить ореол мученика также и Молотову²³⁸. Список

будущих "жертв" террора составлялся не в вымышленном террористическом центре, а в тайниках ГПУ.

*

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на участие в заговоре многих десятков старых опытных революционеров и несмотря на их союз с Германией и Японией, все террористические покушения организовывались в стиле водевиля и заканчивались неизбежной неудачей. Один Киров был действительно убит в декабре 1934 года. Но я тогда же, основываясь на официальных данных, доказал в печати, что убийство Кирова было организовано при содействии агентов-provokatorov с ведома начальника ленинградского ГПУ Медведя²³⁹.

Л.Троцкий.

23 января 1937 г.

Правда о "добровольных признаниях"

Новый процесс, как гласит первая телеграмма, основывается снова на "добровольных" признаниях подсудимых. Где во всей мировой истории можно найти пример, чтобы террористы, изменники, шпионы в течение многих лет вели свою преступную работу, а затем все, как по команде, каялись бы в своих преступлениях? Только инквизиционный суд способен достигать таких результатов. Все подсудимые, которые отказываются каяться под диктовку, расстреливаются еще во время следствия. На скамью подсудимых попадают лишь те деморализованные жертвы, которые пытаются спасти жизнь ценою моральной смерти. Главным свидетелем против меня выступает на этот раз, видимо, Радек. В декабре 1935 года я написал ему, будто бы, письмо о необходимости союза с японцами и немцами. Заявляю: 1. Всякие сношения с Радеком я прервал в 1928 г. Переписка, приведшая к окончательному разрыву, у меня на руках. За последние 8 лет я писал о Радеке не иначе, как в тоне презрения.

2. Радек - талантливый журналист, не политик. Никто из руководителей партии не брал никогда Радека всерьез. На съезде партии 1918 г. Ленин дважды повторил: "Сегодня Радек нечаянно сказал серьезную мысль". Таково было наше общее отношение к Радеку даже в годы хороших личных отношений. Почему я выбрал Радека в качестве доверенного лица? Почему Зиновьев, Каменев и Смирнов, люди несравненно более ответственные и серьезные, ни словом не упоминали об этом письме и моих планах расчленения СССР?

3. Радек сносился со мной будто бы через корреспондента "Известий" Владимира Ромма²⁴⁰. Я первый раз слышу это имя. С этим лицом я не имел никаких связей: ни прямых, ни косвенных. Телеграмма гласит, что Ромм арестован. Пусть Ромм немедленно покажет на суде, когда и где он встречался со мной или с моими уполномоченными. Пусть опишет квартиру, обстановку и внешность, мою или моих уполномоченных. Пусть при этом не повторит ошибки подсудимого Гольцмана²⁴¹, который встретился будто бы с моим сыном в Копенгагене, где сын никогда не был, в отеле Бристоль, разрушенном в 1917

году.

Все эти "детали" отступают, однако, на второй план перед основной бессмыслицей обвинения. Никто не посмеет отрицать, что в моих практических действиях, в литературных работах и обширной переписке наблюдается на протяжении сорока лет единство революционной мысли на основе марксизма. Может ли взрослый и не слабоумный человек допустить хоть на минуту, что я способен вступить в союз с Гитлером против СССР и придунайских стран или в союз с японским милитаризмом против Китая и СССР? Бессмыслица обвинения превышает даже его подлость! Но именно поэтому оно потерпит крушение. Пресса Коминтерна, т. е. пресса ГПУ, будет извергать клевету. Независимая и честная пресса поможет мне прояснить правду. Доводами, свидетельскими показаниями, документами, наконец, делом всей своей жизни я вооружен неизмеримо лучше, чем все прокуроры ГПУ. Правительство Мексики, оказавшее мне великодушное гостеприимство, не помешает мне, я твердо надеюсь, довести разоблачение грандиозных московских преступлений до конца.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.

23 января 1937 года

Почему этот процесс оказался необходим

Новый московский процесс вызывает в широких общественных кругах изумление. Между тем уже первый процесс готовил второй. Главные обвиняемые по нынешнему процессу были названы обвиняемыми по процессу 16-ти. Это значит: ГПУ готовило себе резерв. Если бы первый процесс убедил весь мир, не понадобилось бы второго. Но в политическом смысле первый процесс, несмотря на 16 трупов, потерпел жестокое фиаско. Тем самым сделался необходимым второй процесс. Необходимо понять, что недоверие, вызванное первым процессом, распространяется все шире и шире и проникает неизбежно в СССР. Политическая судьба правящей верхушки и, в частности, личная диктатура Сталина, находятся в прямой зависимости от того вывода, который сделает мировое общественное мнение: верно ли, что Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие являются союзниками Гестапо, агентами иностранного империализма и прочее? Или же Сталин, в борьбе за личное господство, прибег к методам, которые набросили бы тень даже на Цезаря Борджиа²⁴²? Так, и только так стоит сейчас вопрос. Сталин ведет большую и крайне рискованную игру. Но он уже не свободен в своих действиях. Борьба против оппозиции (всякой оппозиции) основывалась в течение 14 лет на лжи, клевете, травле, подлогах. Этот процесс представлял геометрическую прогрессию. Предпоследним ее членом был процесс Зиновьева. Он скомпрометировал Сталина. Тем самым понадобился новый процесс, чтоб перекрыть фиаско.

Процесс 16-ти был сосредоточен на терроризме. Новый процесс, насколько видно по первым телеграммам, отводит первое место уже не терроризму, а соглашению троцкистов с Германией и Японией о дележе СССР, саботаже

промышленности и даже попыткам истребления рабочих (!). Нам говорили, что показания Зиновьева, Каменева и др. были добровольны, искренни и отвечали фактам. Зиновьев и Каменев требовали для себя смерти. Зиновьев и Каменев взваливали на меня главное руководство террором. Почему же они ничего не сказали о планах расчленения СССР или разрушения военных заводов? Могли ли они, вожди так называемого троцкистско-зиновьевского центра, не зная того, что знают будто бы нынешние подсудимые, люди второй категории? Здесь перед нами уже из первых телеграмм обнажается ахиллесова пята нового процесса. Для мыслящего человека ясно, что новая амальгама²⁴³ построена в промежутке между первыми откликами мировой печати на расстрел 16-и и 23 января.

По существу, в новом обвинении, как и в старом, нет ни единого слова правды. Гигантский подлог построен по тому же типу, как строятся шахматные задачи. Считаю необходимым еще раз напомнить, что, начиная с 1927 года, я не переставал предупреждать оппозицию о том, что в борьбе деспотической касты над народом неизбежно приведет Сталина к кровавым амальгамам²⁴⁴. 4 марта 1929 года я писал в органе русской оппозиции: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр."²⁴⁵ В этом смысле московские процессы не застали меня врасплох.

Я сохраняю за собой право ответить на все "разоблачения" нового процесса детальными опровержениями. В настоящий момент я еще раз требую - не во имя собственных интересов, а во имя элементарной политической гигиены - создания международной следственной комиссии из безупречных и незаинтересованных общественных деятелей разных стран. Такой комиссии я предоставляю всю свою переписку с 1928 года. В ней нет пробелов. В связи с моими книгами и статьями моя переписка дает полную картину моей политической мысли и деятельности. 7 ноября прошлого года ГПУ попыталось, правда, ограбить мои архивы. Но ему удалось захватить лишь незначительную часть. У меня имеются копии. Я снова повторяю свой вызов организаторам фальсификации: если у них есть доказательства, пусть они не боятся света, пусть примут бой перед лицом международной следственной комиссии и свободной печати. Я со своей стороны берусь доказать перед этой комиссией, что Сталин является организатором величайших политических преступлений в мировой истории.

Л.Троцкий.

Койоакан, Д.Ф.

23 января 1937 г.

Три дополнения

Пятаков ложно утверждает, что посетил меня в Осло. Список пассажиров, прилетевших в Осло на аэроплане из Берлина в декабре 1935 года, установить не трудно. Если Пятаков приезжал под собственной фамилией, то об этом оповестила бы вся норвежская пресса. Следовательно, он приехал под чужим

именем? Под каким? Все советские сановники за границей находятся в постоянной телеграфной и телефонной связи со своими посольствами, полпредствами и ни на час не выходят из-под наблюдения ГПУ. Каким образом Пятаков мог совершить свою поездку неведомо для советских представительств в Германии в Норвегию? Пусть опишет внутреннюю обстановку моей квартиры. Видел ли он мою жену? Носил ли я бороду или нет? Как я был одет? Вход в мою рабочую комнату шел через квартиру Кнутсена²⁴⁶, и все наши посетители без исключения знакомились с семьей наших хозяев. Видел ли их Пятаков? Видели ли они Пятакова? Вот часть тех точных вопросов, при помощи которых на сколько-нибудь честном суде было бы легко доказать, что Пятаков повторяет вымысел ГПУ.

*

Тот же Пятаков показывает, что в 1932 году встречался с моим сыном в Берлине. Доказать, что встречи не было, вообще гораздо труднее, чем доказать, что она была (если она действительно была). Однако счастливое обстоятельство позволило мне еще раз в Норвегии во время новосибирского процесса²⁴⁷ доказать, что и это показание Пятакова ложно. Сын действительно встретил Пятакова на Унтер-ден-Линден и бросил на него такой взгляд молодого негодования, что Пятаков отвел взгляд; сын вдогонку крикнул ему: "Предатель!" Условия интернирования позволили жене и мне письменно сообщить этот факт нашему норвежскому адвокату через полицейскую цензуру. Сын сообщил тот же факт адвокату независимо от нас. Ясно, что при такой "встрече" не могло быть и речи о каких-либо политических сношениях.

*

Пятаков и Радек показывают, что они образовали параллельный или резервный, "чисто троцкистский" центр ввиду недоверия Троцкого к Зиновьеву и Каменеву. Трудно выдумать худшее объяснение. Я действительно не доверял Зиновьеву и Каменеву после их капитуляции. Но я еще меньше доверял Радеку и Пятакову. Радека никто не брал всерьез как политическую фигуру. О Пятакове я еще задолго до его покаяния (конец 1927 г.) не раз говорил: "Если придет Бонапарт, Пятаков возьмет портфель и спокойно отправится в канцелярию". "Параллельный центр" выдуман потому, что понадобился новый процесс с новыми обвиняемыми и новыми преступлениями.

*

Пятаков и другие обвиняемые берут на себя обвинение в саботаже: расстройстве заводов, взрыве мин²⁴⁸, разрушении поездов, отравлении рабочих и пр. и пр. Бесконтрольное бюрократическое хозяйство в сочетании со стахановской системой²⁴⁹ приводит к многочисленным авариям, взрывам и другим катастрофам в промышленности. Сталин хочет использовать процесс для того, чтобы ответственность за преступления бюрократии возложить на троцкистов, которые играют ныне в СССР ту же роль, что марксисты и евреи в фашистской

Германии.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

24 января 1937 г.

Заявление по поводу обвинительного акта и первых показаний подсудимых

Я заявляю:

1. Я никогда никому не давал и по своим взглядам не мог давать террористических поручений и вообще рекомендовать этот метод борьбы.
2. Я оставался и остаюсь непримиримым противником фашизма, как и японского милитаризма.
3. С германскими или японскими официальными лицами мне приходилось встречаться, лишь когда я был членом советского правительства. С 1928 года я не встречался ни с одним представителем Германии или Японии и не имел с ними ни прямых, ни косвенных связей или сношений.
4. Я никому не рекомендовал и не мог рекомендовать союз с фашизмом или с японским милитаризмом против СССР, против Соединенных Штатов, против придунайских или балканских стран.
5. Я никому не рекомендовал и не мог рекомендовать таких чудовищных и бессмысленных преступлений, как саботаж промышленности, разрушение железных дорог или истребление рабочих. Сама необходимость опровергать такие обвинения после 40 лет работы в рядах рабочего класса вызывает во мне только физическое отвращение.
6. С 1928 года я не имел никаких сношений с Радеком, не писал ему никаких писем и не давал никаких инструкций.
7. Я не имел никогда никаких связей с Владимиром Роммом, который служил будто бы посредником между мной и Радеком. Только из последних телеграмм я узнал, что Ромм был корреспондентом "Известий" в Вашингтоне.
8. Я не пересылал никаких писем через Шестова²⁵⁰ Пятакову, никогда не видел Шестова и ничего о нем не знаю.
9. Пятаков никогда не приезжал ко мне в Норвегию и потому не мог иметь со мной никаких разговоров.
10. Пятаков не имел и не мог иметь никаких политических или личных сношений со мной или с моим сыном после 1928 г.
11. Из 17 обвиняемых я знал в прошлом и помню теперь только 7: Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова, Муралова, Дробниса, Богуславского. Ни с одним из них я не имел за годы последней эмиграции (1929-1937) никаких сношений: ни политических, ни личных; ни прямых, ни косвенных.
12. Имена остальных десяти обвиняемых не говорят мне решительно ничего. Ни с одним из них я не имел никаких сношений.

*

Благодаря особым условиям своего существования за границей и характеру своей работы я имею полную возможность при помощи многочисленных свидетелей, документов, писем и пр. неопровержимо доказать перед беспристрастной международной комиссией полную ложность и абсурдность всех выдвинутых против меня обвинений и всех относящихся ко мне показаний московских обвиняемых, несчастных жертв инквизиционного суда. Я имею право требовать, и я требую, чтобы рабочие и демократические организации всех стран создали следственную комиссию, авторитет которой стоял бы выше всяких подозрений. Дело идет не только обо мне и моем сыне, не только о сотнях других жертв, но и о достоинстве мирового рабочего движения и о судьбе Советского Союза.

*

Я прошу все независимые и честные органы печати перепечатать настоящее заявление.

Л.Троцкий

24 января 1937 г.

Мдивани

Московские процессы имеют характер адского конвейера. На процессе 16-ти были мимоходом названы Пятаков, Радек и др. Этого было достаточно для постройки новой амальгамы. На процессе Пятакова и Радека в таком же порядке названы Мдивани и Раковский. Впереди предстоят, следовательно, новые процессы и новые "параллельные" центры. Неужели грубость этой механики не откроет глаза всему миру?

Начиная с 1922 года Мдивани, старый большевик, руководил влиятельной фракцией грузинских большевиков, которая вела борьбу против бюрократизма Орджоникидзе, агента Сталина, и требовала большей свободы для культурной самостоятельности грузинского народа. Больной Ленин стоял полностью и целиком на стороне Мдивани и его группы. У меня есть по этому поводу ряд писем Ленина. Так, 6 марта 1923 г., т. е. накануне последнего удара, Ленин писал Мдивани и его друзьям: "Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дезержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением. Ленин"251. После смерти Ленина началась кампания против меня и вместе с тем против грузинских большевиков. Место старых революционеров заняли выскочки и ничтожные сателлиты. Сталин пользуется московскими процессами для истребления своих противников и даже своих бывших противников в Грузии и на Кавказе вообще. Заявление, будто Мдивани и его друзья хотели отделения Грузии от СССР, так же ложно, как и обвинение "троцкистов" в союзе с Германией и Японией. Знамя патриотизма эксплуатируется и в данном случае для истребления врагов личной диктатуры.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

25 января 1937 г.

В дни московского процесса

1. Какова цель "заговора"?

Преступление может быть ужасным, чудовищным, грандиозным. Таковы преступления Макбета²⁵². Таковы преступления Цезаря Борджиа. Таковы преступления Сталина в московских процессах. Но если преступник - не сумасшедший, то преступления должны иметь личную или политическую цель. Радек и Пятаков каются в ужасающих преступлениях. Но беда в том, что их преступления не имеют никакого смысла. При помощи террора, саботажа и союза с империалистами, они хотели будто бы восстановить в СССР капитализм. Зачем? В течение всей своей жизни они боролись с капитализмом. В бесчисленных речах и статьях они доказывали до последнего дня неизмеримые преимущества советского режима над капитализмом. Наконец, их мнимая заговорщическая деятельность (1932-1936) совпала с годами страшного мирового кризиса, безработицы, роста фашизма и пр. Убедились ли Радек и Пятаков именно в этот период в преимуществах капитализма? Об этом телеграммы не сообщают ничего. Подсудимые, видимо, ни слова не говорят о том грандиозном внутреннем перевороте, который в них будто бы произошел. Немудрено: им нечего сказать. Такого переворота не было и по всем условиям быть не могло.

Может быть, ими руководили личные причины: жажда власти, жажда наживы? Но оба они занимали до последнего дня крайне высокие советские посты и вели соответственный образ жизни: прекрасные квартиры, дачи, автомобили и пр. Ни при каком другом режиме Пятаков и Радек не могли надеяться занять более высокое положение.

Но, может быть, они жертвовали собою из дружбы ко мне, иначе сказать, хотели отомстить Сталину за мое изгнание? Нелепая гипотеза! Своими действиями, речами, статьями за последние 9 лет Радек и Пятаков показали, что из бывших друзей они стали моими отъявленными врагами. Все те иностранные журналисты в Москве, которые прославляли Сталина и чернили меня, имели своими вдохновителями Дюранти²⁵³ и Радека. Можно ли в таком случае поверить, чтобы эти люди отказались от социализма, т. е. от всего дела своей жизни, и поставили впридачу на карту свои головы только для того, чтобы отомстить за меня?

Наконец, в качестве акта мести можно было бы еще понять террористические акты против правящей верхушки (хотя для всякого разумного политика было ясно, что террористические акты будут означать прежде всего истребление оппозиции). Но нет, обвиняемые не удовлетворялись личным террором, они хотели... восстановления капитализма, причем так страстно к этому стремились, что вступили в связь с германским фашизмом и японским милитаризмом! Думали ли они, что я могу вместе с ними занять руководящее положение при капиталистическом режиме? Подобный вопрос даже трудно сформулировать в членораздельном виде, до такой степени бессмысленна политическая основа процесса.

"Покаяния" Радека, Пятакова и других сразу получают, однако, смысл, если забыть о личности подсудимых, об их психологии, об их целях и задачах, а помнить только об интересах бюрократической верхушки, о личных целях Сталина, который пользуется подсудимыми, как механическими орудиями. Нынешняя советская система построена на принципе: "Государство - это я!"; "Социализм - это я!" Кто борется против Сталина, тот тем самым борется против социализма. Эта мысль внушается непрерывно народным массам СССР. Критика деспотизма и привилегий бюрократии равносильна союзу с врагами социализма. Сталин стоит над критикой, над партией, над государством: значит, сменить его можно только убийством. Всякий оппозиционер приравнивается тем самым к террористу. Такова внутренняя логика бонапартизма. Показания подсудимых, несостоятельные фактически и бессмысленные с точки зрения психологии самих обвиняемых, становятся, однако, вполне разумными с точки зрения интересов и психологии правящей клики. Свои интересы и свою психологию Сталин навязывает подсудимым при помощи террора. Такова простая разгадка механики московских процессов.

2. Показания Радека

Показания подсудимых рассыпаются в прах при сопоставлении с фактами, документами, хронологией, логикой. По словам Радека, я писал ему о необходимости убийства Сталина, Кирова, Ворошилова и расчленении СССР. Такие письма предполагают, во всяком случае, полную солидарность и доверие друг к другу. Но ни того, ни другого не было. Радек импонировал только иностранным журналистам. Никто из вождей большевистской партии никогда не брал Радека всерьез как революционера. Ленин относился к нему с нескрываемой иронией. В ссылке в 1928 году все мои друзья писали о Радеке в тоне полного недоверия²⁵⁴. Все эти письма имеются у меня. После его капитуляции недоверие превратилось в презрение. Я могу документально доказать, что относился к Радеку не только как к капитулянту, но и как к предателю. Летом 1929 года меня посетил в Константинополе бывший член моего военного секретариата Блюмкин, находившийся в то время в Турции. По приезду в Москву Блюмкин рассказал о свидании Радеку. Радек немедленно выдал его. В то время ГПУ еще не дошло до обвинений в терроризме. Тем не менее Блюмкин был расстрелян без суда и без огласки. Вот что я опубликовал тогда же в издающемся за границей "Бюллетене" русской оппозиции на основании писем из Москвы от 25 декабря 1929 г.: "Нервная болтливость Радека хорошо известна. Сейчас он совершенно деморализован, как и большинство капитулянтов... Потеряв последние остатки нравственного равновесия, Радек не останавливается ни перед какой гнусностью." Дальше Радек называется "опустошенным истериком". Корреспонденция подробно рассказывает, как "после беседы с Радеком Блюмкин увидел себя преданным"²⁵⁵. Разве так пишут о союзнике, о доверенном лице?

Борясь за свою жизнь, Радек заявляет ныне на суде, что сам он не разделял моих преступных предложений. Мог ли я писать о терроре и пр[очем] человеку, в солидарности которого я не был заранее глубоко убежден; хуже

того, лицу, которое запятнало себя в моих глазах не только капитуляцией, но и выдачей Блюмкина²⁵⁶, не говоря о сотнях отравленных статей против меня, моих взглядов и моих единомышленников?

Радек заявил на суде, что "покаялся" лишь после того, как "покаялись" все остальные. Здесь ключ к инквизиционной механике покаяний: кто не каялся, того расстреливали в процессе следствия. Куда девались обвиняемые: Аркус²⁵⁷, Гавен²⁵⁸, Карев²⁵⁹, Куклин²⁶⁰, Медведев²⁶¹, Путна²⁶², Федотов²⁶³, Шаров²⁶⁴, Гаевский²⁶⁵, Рютин, Шацкий²⁶⁶ и десятки других? Большинство их расстреляны в порядке следствия за отказ выполнять на суде роль по тексту Сталина. Другие подвергаются лабораторной обработке. Таковы причины, почему Радек после попыток моральной самообороны счел себя в декабре вынужденным взять на себя недостойную роль лжесвидетеля против себя самого и особенно против меня. Его поведение на суде свидетельствует, что он вовсе не ищет смерти; нет, он не утратил надежды спастись. Невероятно после процесса Зиновьева? Невероятно лишь для тех, кто в столовой спокойно ест бифштекс.

Радек пересылал мне будто бы письма, заделанные в переплет книг. Радек, насколько знаю, сам не переплетчик. Значит, в Москве должен быть искусный переплетчик, который выполнял столь секретные поручения Радека. Почему же этот переплетчик не фигурирует на суде? Почему Радек не назвал его по имени? Почему ни прокурор, ни председатель не спросили Радека об этом обстоятельстве, которое в глазах всякого юриста получает крупнейшее значение? Очень просто: потому что председатель суда и прокурор помогают Радеку прикрывать фактическую несостоятельность его "покаяний". Без такого содействия весь процесс был бы невозможен!

3. Владимир Ромм

Я совершенно не знаю Владимира Ромма и не имел с ним никаких сношений. Не знаю, каким именем он подписывает свои корреспонденции. За годы моего последнего изгнания (1929-1937) я, кстати сказать, никогда не выписывал "Известий" и видел отдельные номера лишь случайно. За жизнью СССР я слежу по "Правде". Этот факт легко доказать по почтовым регистрам. Между тем, если бы Владимир Ромм был моим доверенным лицом, я должен был бы интересоваться его корреспонденциями из Вашингтона.

В качестве свидетеля меж двух штыков, Ромм показал о своей роли как посредника между Радеком и мной; так, он передавал мне будто бы от Радека пять писем в переплете книг. Неясно, о чем была в этих письмах речь? Столь же неясно, как Ромм, проживая в Соединенных Штатах, выполнял функцию посредника. Может быть, мистические книги шли по маршруту Москва-Вашингтон-Осло? В таком случае заговор должен был отличаться очень спокойным темпом. Возможно, впрочем, что неясность в этой части создается сжатостью телеграмм.

Тот же Ромм, фигурирующий почему-то в качестве свидетеля, а не обвиняемого, показал, что имел со мной свидание в "темной аллее парка возле Парижа". Что за неопределенный адрес! Путем нескольких вопросов на суде было

бы нетрудно доказать, что Ромм лжет под осторожную и неуверенную диктовку ГПУ. Я не жил в Париже. В течение немногих месяцев я жил в 55 километрах от Парижа²⁶⁷; мое действительное имя было известно только 2-3 высшим чиновникам полиции, которые хотели посредством строгого инкогнито предотвратить фашистские или сталинистские манифестации и покушения. Адрес мой был известен только ближайшим друзьям, которые составляли в то же время мою охрану. Спрашивается: каким образом, т. е. через кого именно, Ромм вошел со мной в связь? Пусть назовет посредника. Мало того, как он нашел путь к этому посреднику? Через кого он условился о свидании в парке? В каком именно парке? Имел ли он план, на котором была нанесена "темная аллея"? Прибыл ли я пешком или в автомобиле? Один или в сопровождении охраны? Какого числа произошло свидание? Ромм не может забыть такой важной даты. Какова была моя внешность? Со своей стороны, на основании своих писем, дневников и свидетельств участников моей охраны я могу с достаточной точностью установить, где именно я находился в день вымышленного свидания: в 55 километрах от Парижа или в 700 километрах, в департаменте Изер, где я провел большую часть своего пребывания во Франции. Внимание, которое мне уделяет печать, обилие врагов, вообще условия моего существования в эмиграции делают для меня совершенно невозможным отрываться от моего окружения и совершать таинственные путешествия в безымянную "темную аллею". Кто хочет в этом убедиться, пусть познакомится хотя бы с нынешними условиями моего существования в Мексике!

Нетрудно, однако, догадаться, почему Ромм не называет ни числа, ни адреса, ни посредника. ГПУ слишком обожгло себе пальцы на процессе 16-и, где подсудимый Гольцман точно указал дату и место свидания с мнимым "посредником", именно, с моим сыном: 23-25 ноября 1932 г., в отеле Бристоль. Между тем, точными официальными данными (телеграфное предписание французского премьера Эррио, виза на паспорте, свидетельские показания и пр.) мой сын доказал, что вовсе не был в Копенгагене. Что касается отеля "Бристоль", то ГПУ открыло его по старому изданию Бедекера²⁶⁸: на самом деле "Бристоль" был разрушен еще в 1917 году. Немудрено, если на этот раз ГПУ предпочитает "темные аллеи". При помощи таких плутней эти люди хотят доказать... мою связь с Гестапо.

Л.Троцкий

Мексика,

25 января 1937 г.

ГПУ за работой на интернациональном фронте

Телеграммы сообщают об убийстве в Париже русского журналиста Дмитрия Навашина²⁶⁹, который слишком много знал о московском процессе. Это не первый акт энергичного содействия Сталину-Вышинскому со стороны ГПУ, - и не последний. 7 ноября агенты ГПУ похитили в Париже 85 килограммов моих архивов. 24 января они убили в Париже Навашина. Я опасаюсь, что в качестве

следующей жертвы намечен мой сын Лев Седов, написавший "Красную книгу" о московском процессе и фигурирующий теперь в качестве "врага номер два" правящей советской клики. Я считаю нужным открыто предупредить об этом мировое общественное мнение.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.

25 января 1937 г.

Раковский

Обвиняемый Дробнис играет на нынешнем процессе роль главного агента ГПУ по подготовке новых обвиняемых. В числе прочих Дробнис назвал Раковского, как соучастника в террористическом заговоре. Судьба Раковского глубоко трагична. Мы связаны были с ним дружбой более 30 лет. Из всех обвиняемых обоих процессов он стоял ко мне ближе всех. Сосланный в 1928 г. в Сибирь, Раковский держался, несмотря на болезнь и возраст (ему сейчас 60 лет) крепче и дольше всех других. Он сделал даже попытку бежать, был схвачен и ранен и в конце концов капитулировал в 1934 году, на 6 лет позже других.

На процессе 16-и было "установлено", будто первые инструкции о терроре я дал в 1932 г. Но никак нельзя было понять, почему эти инструкции я дал "капитулянтам", ведшим против меня войну, а не Раковскому, который оставался тогда верен знамени оппозиции. Уже один тот факт, что Раковский не был назван как член ни основного центра, ни "параллельного", ни "резервного", являлся в глазах мыслящих людей лучшим доказательством того, что ни одного из этих центров никогда не существовало. ГПУ решило теперь исправить первоначальную ошибку. Дробнис назвал Раковского. Старый, сломленный жизнью борец не уйдет от своей участи.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

25 января 1937 г.

Денежные источники заговора

Пятаков показал, будто мой сын Седов подстрекал его взять взятку от двух промышленных предприятий, чтобы финансировать троцкистское движение. Пятаков упустил, однако, сообщить, когда именно, от каких заводов и какую сумму он получил и кому именно передал: все признания подсудимых отличаются преднамеренной неопределенностью, ибо каждое конкретное указание, особенно относящееся к заграничной территории, рискует немедленно встретить сокрушительные опровержения.

Еще важнее другая сторона дела: Пятаков, как и другие обвиняемые, говорит о союзе троцкистов с Германией и Японией. Казалось бы, при подобном союзе Германия и Япония должны были бы прежде всего снабдить троцкистов деньгами. Принимая во внимание личность "союзников" и широту замысла, троцкисты должны были бы получить миллионы. Но вдруг оказывается, что

заговор финансировался при помощи взяток, которые Пятаков брал будто бы у каких-то заводов по рекомендации моего сына, который в 1932 г. был молодым берлинским студентом. Отмечу вскользь, что так называемое троцкистское движение жило и живет исключительно на средства своих участников и не выходит из постоянного финансового кризиса. Издание русского "Бюллетеня" и пр. оплачивалось из моих литературных гонораров. Денежные отчеты всех "троцкистских" организаций могут быть без труда предъявлены международной следственной комиссии. Может быть, секции Коминтерна сделают заодно то же самое?

Ни председатель суда, ни прокурор, видимо, ни разу не задали Пятакову и другим обвиняемым вопроса: в чем конкретно выражался союз с Гестапо? Кто и через кого вел сношения? Какие денежные или технические средства выдало Гестапо и кому именно? Какое применение нашли эти средства? Достаточно было бы поставить и несколько углубить эти вопросы, чтоб легенда о Гестапо рассыпалась прахом. Но именно поэтому ни прокурор, ни председатель суда не задавали неудобных вопросов. Московский суд есть общество взаимного покровительства во лжи.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

26 января 1937 г.

"Добровольные" признания подсудимых

Поток покаяний продолжается. Обгоняя друг друга и помогая прокурору, обвиняемые берут на себя наихудшие преступления. Дешевые психологи пытаются объяснить это свойствами "славянской души". Как будто русские революционеры, в том числе террористы, не умели мужественно защищать свои убеждения перед судом! Но в том-то и дело, что на скамье подсудимых сидят не террористы по убеждению, а "террористы" по назначению. ГПУ сказало им: "Гитлер хочет мобилизовать против нас буржуазию всего мира под лозунгом защиты порядка от анархии. Мы должны показать французской, британской и американской буржуазии, что сам Гитлер не останавливается перед союзом даже и с Троцким! Кроме того, литературная деятельность Троцкого за границей ослабляет СССР (сталинская клика отождествляет себя с СССР). Только вы, бывшие троцкисты, можете помочь нам скомпрометировать Троцкого". Те из обвиняемых, которые упорствуют, систематически расстреливаются в процессе следствия. Не удивительно, если на скамье подсудимых оказываются только усердные помощники прокурора. Подсудимый Богуславский заверял суд, что делает свои признания совершенно добровольно: и это заявление входит, разумеется, в первоначальный договор между обвинителями и обвиняемыми. Только полной покорностью и славословием по адресу палачей несчастные жертвы надеются спасти свою жизнь. Многие заставляют думать, что они ошибутся в своих расчетах.

Саботаж промышленности

Наиболее невероятными и чудовищными кажутся признания Пятакова, Серебрякова, Богуславского и других обвиняемых в преднамеренном разрушении заводов, взрыве мин, убийстве рабочих. Кто внимательно следит за экономической жизнью СССР, без труда угадает действительный источник этих обвинений и "признаний". За период стахановского движения эксплуатация рабочих чрезвычайно возросла. Всякое сопротивление потогонной системе бюрократия объявила "саботажем". При недостаточной квалификации инженеров и рабочих чрезмерная погоня за высокой выработкой [ведет] к порче машин, взрывам шахт, многочисленным железнодорожным крушениям и всяким другим авариям и катастрофам. Ясно, в какой мере эти явления должны были обострить недовольство рабочих масс. Бюрократии необходим поэтому козел отпущения за каждое из содеянных ею преступлений. ГПУ распределило промышленные катастрофы последнего периода между отдельными обвиняемыми. Так за преступления бюрократии в течение стахановского периода ответственность перекалдывается - на троцкизм.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

26 января 1937 г.

Муралов

Обвиняемый Муралов показал, что он был дружен со мной и оставался мне верен даже в тот период, "когда Каменев и Зиновьев бежали, как крысы". В этой части Муралов, мой старый товарищ по гражданской войне, говорит правду. Но его мимолетное замечание, помимо его воли, бросает убийственный свет на процесс 16-и. В самом деле: согласно всему обвинению, капитуляция Зиновьева и Каменева имела чисто тактические цели, т. е. служила конспиративным целям, причем после капитуляции мое сотрудничество с Зиновьевым и Каменевым стало будто бы еще более тесным на основе терроризма. Муралов же, которого заставляли в самый последний момент, накануне процесса, еще не успел войти в свою роль. Он говорит поэтому тем самым языком, каким говорили все "троцкисты", именно, что Зиновьев и Каменев "бежали, как крысы". Но какое же могло быть террористическое сотрудничество с людьми, которых троцкисты рассматривают как изменников и дезертиров?

Так при внимательном чтении телеграмм в каждом признании можно открыть не только яд, но и противоядие.

Л.Троцкий.

Койоакан, Д.Ф.,

26 января 1937 г.

Арест Сергея Седова²⁷⁰, моего младшего сына.

Вчера, 26 января, я ответил на вопросы одного из агентств:

Наш младший сын, Сергей Седов, бывший преподаватель Технологического

Института, ученый, который никогда не был связан с политикой, был арестован ГПУ в 1934 г. только потому, что он мой сын, и мы находимся в полной неизвестности о его участи.

Сегодня, 27 января, мы узнаем из телеграмм, что мой сын снова арестован за покушение на отравление рабочих газом. Я не завидую человеку, который способен вообразить подобное преступление...

Ему теперь 28 лет. На столе матери лежит всегда его книга, посвященная двигателям. У нас произошло то, что часто бывает в политических семьях: старший сын шел с отцом, а младший, из оппозиции к старшему, отошел от политики. В отроческие годы он был выдающимся спортсменом, затем стал математиком и инженером, преподавателем Технологического института.

Арест Сергея есть ответ на мои политические разоблачения. Это личная месть вполне в духе Сталина.

Югославский революционер Цилига, которому после пяти лет заключения в тюрьмах Сталина удалось, как иностранцу, вырваться на волю, рассказывает, как еще в 1930 г. (за 4 года до убийства Кирова) ГПУ хотело заставить моряка взять на себя вину в подготовке покушения на Сталина. Каждый день его подвергали нравственным пыткам. Когда моряк стал сходить с ума, его оставили в покое.

Что они сделают с Сергеем? Его будут подвергать нравственной пытке с целью исторгнуть признание в чудовищном и немыслимом преступлении. Такое признание им нужно против меня. Они могут довести Сергея до безумия. Они могут расстрелять его. Сталин уже убил косвенно двух моих дочерей. Он подвергает страшной травле моего старшего сына и моих зятьев. Он может убить младшего сына, как он убьет еще десятки, сотни людей, только чтобы набросить тень на меня и помешать мне говорить правду о преступлениях, которые душат ныне СССР.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

27 января 1937 г.

Важное заявление Троцкого

Сегодня утром т. Троцкий заявил журналистам, что в 19 часов по мексиканскому времени он сделает исключительно важное и в то же время очень простое и конкретное предложение московскому суду, которое позволит и суду, и общественному мнению всего мира в течение 48 часов проверить надежность показаний обвиняемых и добросовестность обвинительного акта, как и процесса в целом²⁷¹. Троцкий заранее просит мировую печать уделить этому предложению необходимое внимание и место.

Для газет вечерних или дневных передавали это сообщение заранее, чтобы вызвать внимание²⁷².

27 января 1937 г.

Мое конкретное предложение московскому суду

Все обвинение построено исключительно на признаниях обвиняемых; ни одной улики в распоряжении суда нет. Вопрос заключается, следовательно, в том, правдивы ли признания обвиняемых или же они являются результатом вынужденного соглашения обвиняемых и обвинителей. От разрешения этой основной загадки зависит судьба всего процесса и мировая репутация московского правосудия, с одной стороны, того течения, к которому я принадлежу, с другой. Нет и не может быть слишком больших усилий, чтобы вскрыть правду. Достижимо ли это? Вполне достижимо и притом без больших затруднений. Вопрос стоит так: отвечают ли субъективные показания объективным фактам или являются продуктом злонамеренной конструкции вне времени и пространства? Я предлагаю немедленно, пока суд не закончился, выделить наиболее яркое и важное признание и подвергнуть его немедленно фактической проверке. На это понадобится вряд ли более 48 часов.

Дело идет о показаниях Пятакова. Он сообщил, будто посетил меня в Норвегии в декабре 1935 г. для конспиративных переговоров. Пятаков прилетел будто бы из Берлина в Осло на самолете. Огромное значение этого показания очевидно. Я не раз заявил и заявляю снова, что Пятаков, как и Радек, были за последние 9 лет не моими друзьями, а моими злейшими и вероломными врагами и что о переговорах и свиданиях между нами не могло быть и речи. Если будет доказано, что Пятаков действительно посетил меня, моя позиция окажется безнадежно скомпрометированной. Наоборот, если я докажу, что рассказ о посещении ложен с начала до конца, то скомпрометированную окажется система "добровольных признаний". Если даже допустить, что московский суд выше подозрений, то под подозрением остается подсудимый Пятаков. Его показания необходимо проверить. Это нетрудно. Немедленно, пока Пятаков не расстрелян, надо предъявить ему ряд следующих точных вопросов.

1. В какой именно день Пятаков приехал из Москвы в Берлин? (Декабрь 1935 г.) С какой официальной целью? Пятаков - слишком крупная фигура, чтобы совершать поездки незаметно для советских властей. День его отъезда известен в его комиссариате. Об его приезде не могла не писать германская печать.

2. Явился ли Пятаков в берлинское полпредство? С кем виделся?

3. Когда и как он вылетел из Берлина в Осло? Если в Берлин он мог приехать открыто, то из Берлина он должен был выехать тайно (нельзя же допустить, что само советское правительство посылало Пятакова для заговора с Троцким).

4. По какому паспорту вылетел Пятаков из Берлина? Как достал фальшивый паспорт? Получил ли он норвежскую визу?

5. Если допустить на минуту, что Пятаков совершил путь из Берлина в Осло легально, то о его прибытии писала бы, несомненно, вся норвежская печать. Каким норвежским властям он нанес в этом случае официальные визиты?

6. Если Пятаков прибыл в Осло нелегально, то как удалось ему скрыться от советских учреждений в Берлине и Осло? (Всякий советский сановник за

границей остается в постоянной телеграфной и телефонной связи с представительствами СССР). Как он объяснил свое исчезновение после возвращения?

7. В каком часу прибыл Пятаков в Осло? Ночевал ли в городе? В каком отеле? (Надеемся, что не в отеле "Бристоль"). Известная норвежская газета "Афтенпостен"²⁷³ утверждает, что в период, указанный Пятаковым, ни один иностранный самолет не прибыл в Осло. Это, должно быть, правда!

8. Предупредил ли он меня о прибытии телеграммой? (Легко проверить на телеграфе в Осло и Хенефоссе).

9. Как Пятаков разыскал меня в деревне Вексал? Какими средствами передвижения пользовался?

10. Путь из Осло ко мне - минимум два часа; разговор длился, по словам Пятакова, 3 часа, обратный путь 2 часа. Декабрьские дни коротки. Пятаков неминуемо должен был переночевать в Норвегии, снова: где? В каком отеле? Как уехал из Осло: на поезде, пароходе, аэроплане? Куда?

11. Все мои посетители подтвердят, что пройти ко мне можно было только через посредство членов семьи наших хозяев Кнутсенов или моих секретарей, дежуривших перед моей комнатой. С кем именно встретился Пятаков?

12. Как уехал Пятаков вечером из Вексала на станцию Хенефосс: в автомобиле нашего хозяина Кнутсена или в такси, вызванном по телефону из Хенефосса? В обоих случаях отъезд, как и приезд, не мог обойтись без свидетелей.

13. Виделся ли Пятаков с моей женой? Была ли она в тот день дома? (Поездки жены в Осло к врачам легко проверить).

К этому надо прибавить, что внешность Пятакова легко запоминается: высокий блондин рыжего оттенка, в очках, правильные черты, высокий лоб, худой (в 1927 г., когда я видел его в последний раз, он был очень худ).

Не только юрист, но всякий мыслящий человек поймет решающую важность этих вопросов для проверки показаний Пятакова. Советское правительство имеет полную возможность воспользоваться услугами норвежской юстиции (оно обязано было сделать это до суда). Авторитетные норвежские политические деятели могут сейчас, не ожидая инициативы московского суда, создать специальную комиссию для расследования обстоятельств "приезда" Пятакова в Норвегию. Попутно эта комиссия может расследовать вопрос о незнакомом мне Шестове, который показал, будто получил для передачи от меня Пятакову письменные инструкции и провез их заделанными в подошву своего ботинка. Когда, как и при каких обстоятельствах посетил меня Шестов? Какой норвежский сапожник заделывал мои инструкции в подметку Шестова? Как Шестов разыскал сапожника-конспиратора? И пр. и пр.

Согласятся ли председатель суда и прокурор задать Пятакову перечисленные выше вопросы? Их поведение в этом случае должно решить судьбу процесса в глазах мирового общественного мнения.

Л.Троцкий
Койоакан,

27 января 1937 г., 11 час.

Мифическая поездка Пятакова

Объяснения Москвы по поводу мифической поездки Пятакова в Осло представляют собой ряд жалких уверток. Организаторы процесса не подготовились к моим вопросам: они надеялись, что я буду в дни суда сидеть под замком. Рассмотрим вкратце данные Москвой наспех ответы:

1. Пятаков выехал в Берлин "около десятого декабря и во всяком случае в первой половине месяца". Уже эта поразительная неточность выдает нечистую совесть. Покидая Москву, Пятаков должен был особым приказом по Комиссариату сдать свои обязанности своему заместителю. На приказе должны быть отмечены не только число, но и час. Почему же Москва скрывает точную дату?

2. Пятаков прибыл в Берлин с "официальным поручением". Но тогда германские власти, как и советские представители в Берлине, должны знать точно день и час его прибытия. Этот факт не могла ни в каком случае замолчать немецкая пресса. Почему же Москва так застенчиво говорит о "первой половине декабря"? Почему? Потому что господа фальсификаторы боятся, что их календарь разойдется с моим календарем (мои поездки на отдых, дни болезни, мои посещения врачей в Осло и пр.) Мы требуем точных дат!

3. В Берлине Пятаков встретился с моим представителем в "Тиргартене". (Заметим в скобках: Владимир Ромм встретился с моим представителем в темной аллее под Парижем; Пятаков встретился с моим представителем в берлинском парке: после того, как ГПУ обожгло себе пальцы на копенгагенском отеле, оно отдает предпочтение уединенным аллеям). Чтобы подготовить такую встречу, я должен был заранее знать день прибытия Пятакова в Берлин, а мой уполномоченный должен был знать час появления Пятакова в темной аллее. Как предупредил меня Пятаков: телеграммой? Каков адрес и текст телеграммы?

4. Мой представитель вручил Пятакову немецкий паспорт. Прекрасно! Но на какое имя? Об этом решающем обстоятельстве Москва молчит. Многозначительное молчание! Нетрудно, однако, проверить список всех немцев, прибывших в Осло "в первой половине декабря".

5. С аэродрома Пятаков в автомобиле отправился на свидание со мной. Езда длилась только тридцать минут. Значит, свидание состоялось не у меня на квартире, в Вексале, куда надо было ехать около двух часов. Где же состоялось свидание? Мне адрес неизвестен. Но он должен быть известен шоферу, а, следовательно, и Пятакову. Об этом ни слова. Пусть ГПУ назовет адрес.

6. В Осло Пятаков приехал будто бы в 3 часа пополудни. Поездка в автомобиле длилась 30 минут. Разговор со мной, по одной версии, три часа, по другой - два часа. На аэроплане он ночью улететь не мог. Провести декабрьскую ночь в Норвегии на открытом воздухе вряд ли возможно. Где же Пятаков ночевал? Пусть назовет отель!

7. Московское сообщение ничего не говорит о том, как Пятакову удалось скрыться на значительный срок от заграничных советских учреждений. Такое

исчезновение не удавалось еще ни одному советскому сановнику. (на этот счет существуют строжайшие правила!)

Первые шаги расследования в Норвегии позволили депутату К.Кнутсену установить, что "в первой половине декабря" в Осло вообще не прилетал ни один иностранный самолет. Как быть с этим неприятным обстоятельством? Чрезвычайно опасаясь, что ГПУ поторопится расстрелять Пятакова, чтобы предупредить дальнейшие неудобные вопросы и лишиться возможности будущую международную следственную комиссию потребовать от Пятакова точных объяснений.

Я выбрал показания Пятакова лишь как наиболее яркий и простой пример. Нетрудно будет показать, что остальные показания, особенно поскольку они касаются меня, построены на таких же жалких подлогах и увертках.

Л.Троцкий

Койоакан,

29 января 1937 г., 11 час.

Как и почему советские граждане обвиняют себя в преступлениях,

которые они не совершили?

Самый простой и, на первый взгляд, наиболее убедительный для меня способ защиты против московских обвинений был бы такой: "Обвиняемые не троцкисты, а с 1928 г. заклятые враги троцкизма. Как известно всякому политически грамотному человеку, вот уже почти десять лет, как я не только не несу за Радека и Пятакова никакой ответственности, но, наоборот, множество раз бичевал их как изменников марксизма. Действительно ли эти беспринципные люди, разочаровавшись в надеждах и запутавшись в интригах, дошли до последней степени падения, - я знать не могу. Во всяком случае, мне совершенно ясно, что они хотят вымолить у Сталина помилование, скомпрометировав меня". В таком объяснении нет ни одного слова неправды. Называть подсудимых, моих заклятых врагов, "троцкистами" могут только невежды или адвокаты Сталина. Я давно уже не имею никаких сведений о личной жизни, деятельности и интригах этих людей. Они действительно хотели на процессе спасти себя посредством моей политической ликвидации. Все это верно. Но это только половина правды, а, следовательно, неправда. Несмотря на все сказанное, я знаю, я убежден, я не сомневаюсь, что главная часть обвиняемых, т. е. те старые большевики, которых я в течение многих лет знал в прошлом (Зиновьев, Каменев, Мрачковский, Пятаков, Радек, Муралов и т. д.), не совершили и не могли совершить ни одного из тех преступлений, в которых они каялись. Людям наивным или неосведомленным такое утверждение кажется непонятным, парадоксальным и, во всяком случае, лишним. "Зачем, - говорят они, - Троцкий осложняет свою собственную защиту защитой своих злейших врагов от них же самих? Разве это не донкихотство?" Нет, это не донкихотство. Чтоб положить конец московскому конвейеру подлога, нужно

вскрыть политическую и психологическую механику "добровольных признаний". Некоторые юристы, как англичанин Притт²⁷⁴, как француз Розенмарк²⁷⁵, строят свою защиту Сталина и ГПУ именно на согласованности (на самом деле иллюзорной) признаний подсудимых. К чему, в самом деле, следствие, вещественные доказательства, свидетельские показания, если подсудимые сами, в одиночку или хором, требуют, чтобы им за их преступления прострелили шейные позвонки?

Такого рода рассуждение в лучшем случае поверхностно. Вряд ли можно во всей истории найти такие политические процессы, где бы вся процедура опиралась на повальные признания всех подсудимых, которые действуют, как ревностные помощники прокурора. Если даже допустить на минуту, что эти старые опытные политики совершили ряд чудовищных и бессмысленных преступлений, их поведение все равно остается непонятым, чудовищным, фантастическим. Преступник может сознаться под давлением улик или свидетельских показаний. Но ни того, ни другого нет. Отсутствие улики есть такая же загадка, как и повальный характер признаний. Нам говорят о чудовищной комбинации преступлений, с разветвленной сетью преступных организаций, с целым рядом "центров", основным, параллельным и резервным. Эта грандиозная машина, в союзе с Гестапо и японским штабом, действует в течение ряда лет, располагая многими сотнями исполнителей в разных частях страны. За этот период произведены многие десятки тысяч обысков и арестов в среде оппозиции. Казалось бы, ГПУ, перлюстрирующее письма, подслушивающее телефонные разговоры, не связанное никакими правовыми ограничениями, должно было бы располагать до настоящего времени грандиозным музеем вещественных доказательств. Ничего подобного нет и в помине: ни одного письма, ни одного документа, не говоря уже о пулеметах, бомбах и адских машинах. Гг. Притты и Розенмарки даже не ставят перед собою вопроса о том, как объяснить эту тайну. На самом деле, у ГПУ есть, конечно, десятки тысяч оппозиционных документов и писем. Но они не подходят к замыслу. Они не отвечают теме. Они могут только разрушить впечатление от покаяний. Объективные факты не отвечают субъективным конструкциям²⁷⁶. Московские процессы порочны в самой своей основе, ибо под монотонными покаяниями невозможно обнаружить какую бы то ни было материальную основу. Но откуда все же берутся покаяния? Каким образом они вымогаются? История не начинается с процесса 16-и. Для того, кто внимательно следил за эволюцией сталинского режима, ложные самообвинения жертв ГПУ не являются загадкой. До августа 1936 г. Зиновьев и Каменев калялись публично не менее десяти раз, причем их покаяния располагаются в виде своего рода геометрической прогрессии. Все обвиняемые, имена которых мне известны, принадлежали ранее к оппозиции, затем испугались раскола или преследований и решили во что бы то ни стало вернуться в ряды партии. За бывшими вождями оппозиции шли по тому же пути тысячи и тысячи рядовых членов. Правящая клика требовала от них признать, что их программа ложна и, в частности, что политика Троцкого противна интересам пролетариата. Ни один из серьезных оппозиционеров не думал этого. Наоборот, все они были уверены в

том, что развитие доказало правоту оппозиции. Тем не менее они подписали в конце 1927 года заявление, в котором ложно возводили на себя обвинение в "уклонах", "ошибках", несовершенных преступлениях против партии и возвеличивали новых вождей, к которым не питали уважения. В эмбриональной форме перед нами здесь уже заложены целиком будущие московские процессы.

Первой капитуляцией дело, однако, не ограничилось. Наоборот, она, как уже сказано, открывала геометрическую прогрессию покаяний. Режим становился все более тоталитарным, борьба с оппозицией все более бешеной, обвинения против оппозиции - все более чудовищными. Политических дискуссий бюрократия допустить не могла, ибо дело шло о защите ее произвола и привилегий. Чтобы сажать оппозиционеров в тюрьмы, ссылая их и расстреливать, недостаточно было провозгласить, что у оппозиции ложная программа. Нужно было обвинить оппозицию в стремлении расколоть партию, разложить армию, низвергнуть советскую власть. Чтобы подкрепить эти обвинения перед народом, бюрократия вытягивала на свет божий вчерашних капитулянтов, одновременно в качестве свидетелей и обвиняемых. Кто из них отказывался подписать новые самообвинения, новые самоклеветания, тому отвечали: "Значит, ваше покаяние было неискренне!", после чего следовали снова тюрьма и ссылка. Так капитулянты превращались постепенно в профессиональных лжесвидетелей против оппозиции и против себя самих задолго до того, как дело дошло до судебных процессов. Во всех покаянных заявлениях неизменно фигурировало мое имя как "врага номер первый" советской бюрократии: без этого документ не имел силы. Сперва дело шло лишь о моих "социал-демократических" тенденциях; на следующем этапе требовалось заявление о том, что моя политика объективно ведет к контрреволюционным последствиям. Еще через несколько месяцев следовало утверждение, что я являюсь "объективно" агентом буржуазии, еще дальше, - что я состою де факто, если не де юре в союзе с буржуазией против СССР. Всякий из капитулянтов, который на новом этапе пытался сопротивляться, ссылаясь на свою работу и свое послушание, встречал один и тот же ответ: "Все ваши предшествующие заявления были неискренны, раз вы не хотите помочь партии (т. е. бюрократии) против Троцкого. Вы тайный враг партии". Так последовательные покаяния становились ядром на ногах у каждого капитулянта и тянули его на дно²⁷⁷.

Время от времени злосчастных капитулянтов снова арестовывали или ссылали, по совершенно ничтожным или фиктивным поводам: задача состояла в том, чтобы разрушить нервную систему, убить личное достоинство, сломить волю. После каждой новой репрессии новую амнистию можно было получить только ценою нового, вдвойне унижительного самообвинения. Требовалось заявлять в печати: "Я признаю, что обманывал в прошлом партию, что держал себя в отношении советской власти нечестно, что был фактическим агентом буржуазии, но отныне я окончательно разрываю с троцкистскими ренегатами..." и т. д. Так совершалось шаг за шагом "воспитание" (точнее сказать: деморализация) десятков тысяч членов партии, а косвенно и всей партии обвиняемых, как и обвинителей, в течение 11 лет (1923-1934). За эти годы успел выработаться

ритуал, согласно которому люди публично оплевывали себя якобы в интересах партии, а в сущности для того, чтобы отстоять свое местечко в рядах бюрократии. Правящей клике этот постыдный ритуал нужен был для того, чтобы в зародыше заглушить всякое движение критической мысли.

Убийство Кирова (декабрь 1934 г.) придало процессу растления партийной совести новую, небывалую ранее остроту. В свое время я доказал в печати и берусь доказать перед любой беспристрастной комиссией, что покушение на Кирова готовилось с ведома Сталина агентами ГПУ для того, чтобы вовлечь в это дело оппозицию (метод полицейской "амальгамы") и затем раскрыть покушение накануне его осуществления. Выстрел Николаева²⁷⁸, у которого были, очевидно, свои мотивы, раздался, однако, раньше, чем амальгама была закончена. После ряда колебаний, противоречивых и лживых заявлений, бюрократии пришлось ограничиться полумерой, именно, "признанием" Зиновьева, Каменева и других в том, что на них лежит "моральная ответственность" за убийство Кирова. Это "добровольное" заявление было исторгнуто простым аргументом: "Если вы не поможете нам задушить оппозицию, возложив на нее хотя бы моральную ответственность за террористические акты, вы обнаружите тем свое фактическое сочувствие оппозиции и террору, и мы с вами поступим как с худшими врагами". Перед бывшими оппозиционерами на каждом новом этапе вставала одна и та же альтернатива: либо отказаться от всех прежних капитуляций и вступить в безнадежный конфликт с бюрократией, не имея ни программы, ни организации, ни личного авторитета; либо сделать еще шаг вниз, взвалить на себя и на других еще большие гнусности и возложить за все это ответственность на меня. Такова эта отвратительная прогрессия падений. Если установить ее приблизительный "коэффициент", то можно заранее предвидеть характер капитуляции на следующем этапе. Я не раз проводил эту операцию в печати.

"Маленькая" оплошность ГПУ, за которую Киров поплатился головой, не остановила, разумеется, Сталина. Вокруг трупа Кирова он решил построить новый процесс, чтобы от моральной ответственности оппозиции перейти к фактической и юридической. Терроризированный Зиновьев шел на все, Каменев сопротивлялся. Тогда для Каменева устроили новый, специальный суд при закрытых дверях (июль 1935 г.), где его поставили лицом к лицу с призраком смерти. Каменев сдался. Отныне подготовка нового процесса велась в широком масштабе. Кандидатов в подсудимые было достаточно в тюрьмах Сталина. Тем, кто соглашался взять на себя вину в терроре и скомпрометировать себя, обещано было сохранение жизни, а через некоторое время и полное помилование. За пять дней до суда Сталин провел особый закон, дающий приговоренным к смерти за террор право апелляции: надо было поддержать надежду и у подсудимых до конца²⁷⁹. Зиновьев, Каменев и другие выпили чашу унижений до дна. После этого их обманули, поставив к стенке.

Сталин предусмотрителен. Уже во время процесса 16-и ГПУ заставило Радека и Пятакова напечатать в "Правде" статьи, в которых признавалась правильность обвинения и требовалась казнь подсудимых²⁸⁰. Радек и Пятаков

отлично знали, что поддерживают ("в интересах партии") ужасающий судебный подлог, но они не догадывались, что своими статьями затягивают петлю на собственной шее. После того, как они признали, что вожди и бывшие вожди оппозиции (Троцкий, Зиновьев и пр.) способны не только на скрытый, трусливый террор из-за угла, но и на союз с Гестапо, Радек и Пятаков преградили себе все пути отступления: чем они, в самом деле, лучше Зиновьева, Каменева или Смирнова?

Если бы процесс Зиновьева убедил мировое общественное мнение в том, что я тайный террорист и союзник Гитлера, не потребовалось бы, вероятно, второго процесса. Но, несмотря на все усилия заграничных адвокатов ГПУ, дело Зиновьева-Каменева вызвало возмущение, недоверие или, по крайней мере, недоумение. Именно поэтому и понадобился новый, более "убедительный" процесс. Радек и Пятаков явились естественными корифеями новой инсценировки. Конечно, после процесса 16-и у них было меньше иллюзий относительно собственной судьбы, чем у Зиновьева и Каменева. Но что этим морально раздавленным людям оставалось делать? Им приходилось выбирать между верной и немедленной смертью во дворе тюрьмы и между бледным проблеском надежды. Сталин передавал им, несомненно, через следователей ГПУ: "Зиновьева, Каменева и других мы не могли не расстрелять, ибо это были затаенные враги; вашему раскаянию мы больше доверяем и сделаем все, чтобы спасти вас и вернуть позже к работе". В подкрепление к этим доводам ГПУ расстреливало тех обвиняемых, которые проявляли упорство.

Механика, как видим, сама по себе несложна. Она требует лишь для своего осуществления тоталитарного режима, т. е. отсутствия малейшей свободы критики, военного подчинения подсудимых, следователей, прокуроров, судей одному и тому же лицу и полной монолитности прессы, которая своим монотонным волчьим воем устрашает и деморализует обвиняемых и все общественное мнение. К этому надо прибавить постоянную возможность расстрелять без суда всякого подсудимого, который пытается внести диссонанс.

Московские процессы состоялись не потому, что ГПУ раскрыло следы какого-либо заговора и накрыло преступников; также и не потому, что внезапно охваченные угрызениями совести преступники - все до одного - добровольно повинились в совершенных преступлениях. Нет, московские процессы состоялись потому, что в распоряжении ГПУ есть неограниченное количество людей, которых оно в зависимости от политических потребностей может по своему усмотрению месить как тесто; людей, которые воспитаны в системе ложных покаяний и вынуждены принять на себя любое преступление, чтобы доказать свою "искренность" и попытаться спасти себя. Московские процессы не имеют ничего общего с судом; это чисто театральные инсценировки с заранее расписанными ролями и с абсолютным "фюрером" в качестве режиссера. Политическая цель: убить оппозицию, раздавить того, кто говорит от ее имени и отравить раз навсегда самые источники критической мысли. Достигла ли бюрократия своей цели? Нет. Сталин грубо просчитался. Последствия этого просчета будут фатальны для его диктатуры. Мы это увидим в недалеком будущем.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
29 января 1937 г.

Конвейер подлога за работой

Телеграммы об арестах следуют непрерывно. Арестованы Бухарин и Рыков, бывшие вожди бывшей правой оппозиции. Томский, самый замечательный рабочий, которого выдвинула большевистская партия, не арестован только потому, что покончил с собой, чтобы избежать последнего унижения. Бухарин и Рыков давно подчинились; но они слишком много знают; они слишком хорошо понимают механику подлога; они могут многое рассказать. Крупская, вдова Ленина, несмотря на все предшествующие унижения, окружена, несомненно, непроницаемым кордоном ГПУ. Арестован Белобородов, вождь уральских рабочих, бывший член ЦК и министр внутренних дел. Причина: Белобородов слишком много знает. Арестованы Раковский, Мдивани и много других. Выслана в Сибирь бывшая жена Каменева, моя сестра²⁸¹, пожилая и больная женщина: она, конечно, не ведет борьбы, но она знает и может рассказать. Арестован Сергей Седов: только потому, что он мой сын. Арестовываются вообще сыновья и дочери казенных и арестованных. Младшее поколение опасно тем, что может попытаться отомстить за физическую или моральную смерть отцов. У арестованных сыновей есть невесты или жены, у тех есть братья... Так работает этот страшный конвейер. Сталин уже не может остановиться. Он похож на человека, который пьет соляной раствор, чтобы утолить жажду.

Потрясает чудовищный характер обвинений, источником которых может явиться лишь фантазия садиста: удушение рабочих газами, намеренные крушения поездов, отравление населения бактериями и прочее в том же роде. Чтобы найти хоть отдаленную аналогию, нужно вернуться к средним векам, когда ведьм обвиняли в распространении эпидемий, а евреев - в употреблении христианской крови. Известно, что ведьмы, еретики и евреи чистосердечно каялись в руках святейшей инквизиции во всех своих преступлениях. Той же цели достигает и Сталин. Каким путем? При помощи тоталитарного режима, монолитной прессы, монолитной партии, герметически замкнутых ящиков для подсудимых, монолитности следователей, судей и адвокатов и постоянной возможности расстрелять без огласки любого, кто пытается отстоять правду и свою честь.

Непосвященному кажется непонятным, как можно заставить взрослого человека обвинить самого себя в том, что он совершал крушения поездов по предписанию Троцкого. На самом деле механика таких признаний дьявольски проста. Наркому путей сообщения Кагановичу нужны высокие достижения, слишком высокие для техники транспорта: отсюда ряд грандиозных крушений. Нет ничего легче, как расстрелять стрелочника, начальника поезда или начальника железной дороги. Такие расстрелы совершаются регулярно после каждого крушения. Сейчас ГПУ применяет в отношении наиболее видных железнодорожных и

промышленных деятелей другой метод. "Мы тебя расстреляем за крушение поезда, за взрыв мины и пр[очее] в 24 часа; но если ты согласен заявить, что ты совершил крушение по наущению Троцкого в интересах Японии, ты спасешь свою жизнь". Это все. Это страшно просто. Но это действует. Упорствующих выводят несколько раз в день из камеры в тот двор, который служит для расстрела, и затем возвращают в камеру. Это очень просто. Но это действует. Каленого железа не применяют. Вероятно, не применяют и специальных медикаментов. Достаточно "морального" воздействия. К тому же все предшествующие покаяния пролагают путь последующим. Так действует этот дьявольский конвейер.

Л.Троцкий

29 января 1937 г.,

Койоакан, Д.Ф.

Требование моей выдачи

В московских официальных кругах начинают намекать, правда, в очень неопределенной форме, на возможность требования моей выдачи. Я горячо приветствую эту идею. Более того, я требую, со своей стороны, от московского правительства, чтобы оно предъявило такое требование. Уже во время процесса 16-ти я требовал от Москвы предъявления доказательств норвежской юстиции, в целях моей выдачи. Выступая в качестве свидетеля перед норвежским судом 11 декабря 1936 г. по делу о нападении фашистов на мою квартиру²⁸² я под судебной присягой разоблачил перступный московский судебный подлог. К несчастью, двери суда были закрыты. Я готов повторить эту работу гораздо более обстоятельно при открытых дверях - перед мексиканским судом. Лучшего исхода я не могу себе представить.

Обращение к Лиге Наций

Особая комиссия юристов при Лиге Наций вырабатывает статуты будущего интернационального суда против террористов (начало восходит к убийству югославского короля Александра и французского министра Барту). 22 октября 1936 года я послал этой комиссии заявление²⁸³, в котором писал, что будущий трибунал, помимо защиты правительственных интересов от террористических покушений, "должен обладать возможностью вступаться также за интересы частных лиц, против которых по чисто политическим соображениям выдвинуто ложное обвинение в терроризме..."

Таково сейчас мое положение. Я убежден, что советское правительство, требовавшее моей высылки из Норвегии и тем причинившее мне и моей семье великий ущерб, ни в коем случае не обратится к международному трибуналу, когда последний будет создан. Потому что открытое судебное рассмотрение могло бы лишь разоблачить преступные махинации ГПУ. В этих условиях я в качестве потерпевшего должен иметь возможность обратиться к интернациональному трибуналу. Если заинтересованное правительство откажется принимать участие в судебном расследовании, то выдвинутое им обвинение со

всеми его международными последствиями должно быть аннулировано". Ввиду условий интернирования мое письмо комиссии Лиги Наций было подписано не мною лично, а моим адвокатом. За № 3А/15105/15085 секретариат Лиги Наций известил моего адвоката о получении моего заявления. Оно и сегодня остается в силе. Как только международный трибунал против терроризма будет создан, я предприиму все необходимые легальные шаги к тому, чтобы выдвинутые против меня обвинения были рассмотрены в полном объеме.

Л.Троцкий

Койоакан, Л.Ф.,

29 января 1937 г.

Прокурор Вышинский²⁸⁴

Прокурор Вышинский - не только прокурор, но и символ. Самой судьбою он призван защищать Октябрьскую революцию от старых большевиков. В 1905 году Вышинский был короткое время меньшевиком, затем бросил политику и помирился с режимом царизма. В 1917 году, после низвержения царя, он снова перекрашивается в меньшевика, ведет бешеную борьбу против Октябрьской революции, а после ее победы исчезает на три года с политического горизонта: Вышинский выжидает. Только в 1920 году этот господин вступает в партию большевиков. Ныне он спасает Октябрьскую революцию от всех тех, которые ее совершили. Отмечу мимоходом, что большинство советских послов и других высоких администраторов имеют биографию, вполне аналогичную биографии Вышинского. Ныне все они служат большевизму за хорошее жалованье.

Будут ли подсудимые расстреляны?

Вышинский требует головы всех обвиняемых. Он играет наверняка: приговор был составлен уже до начала процесса. Возможно, что два-три подсудимых будут пощажены, чтобы избежать чрезмерной "монолитности". Главные обвиняемые будут, во всяком случае, приговорены к смертной казни. Будут ли они действительно расстреляны? Расстрел произведет ужасающее впечатление на общественное мнение и окончательно запятнает Сталина, как Каина, в глазах мирового рабочего класса. С другой стороны, помиловать подсудимых, обвиненных в преступлениях, неизмеримо более тяжких, чем преступления Зиновьева-Каменева, значило бы показать всему миру, что весь суд есть презренная комедия. Такова альтернатива, перед которой стоит Сталин. Помилование представляет еще одну громадную опасность. До тех пор, пока обвиняемые живы, рабочее движение будет добиваться пересмотра дела, свидания с осужденными, их допроса международной следственной комиссией и прочее. Эта опасность для Сталина слишком велика! Вот почему я склоняюсь к мысли, что Сталин скорее всего прикажет расстрелять подсудимых, которым он во время следствия обещал сохранить жизнь²⁸⁵. Недаром Ленин говорил о Сталине: "Он заключит гнилой компромисс, а потом обманет".

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,
29 января 1937 г.

Сталин отступает?

Сегодня утром я писал по поводу предстоящего вердикта: "Возможно, что два-три подсудимых будут пощажены, чтоб избежать чрезмерной "монолитности". Главные обвиняемые будут, во всяком случае, приговорены к смертной казни". Последняя телеграмма гласит, что пощажены 4 подсудимых, на 25 % больше, чем я предполагал²⁸⁶. Но, признаться, я не ждал, что в число привилегированных попадут Радек и Сокольников. Насколько можно было понять из телеграмм, оба они взяли на себя, подобно Зиновьеву и Каменеву, террор, но сверх того еще и государственную измену. Сокольников каялся в том, т. е. клеветал на себя, будто он передавал японскому дипломату военные секреты. Почему же Радек и Сокольников отделались тюрьмой? Объяснение одно: они слишком известны на Западе и Востоке. Здесь нельзя не видеть частичного отступления Сталина (нельзя ни минуты сомневаться в том, что приговоры решались в Политбюро и сообщались Ульриху²⁸⁷ по секретному телефону) перед мировым общественным мнением. Сталин не только не расстрелял Радека и Сокольникова, но даже не приговорил их к расстрелу. Это - отступление, выражающее чувство неуверенности. 13 приговорены к смерти, на первом месте Пятаков. Возможно, что среди неизвестных нам подсудимых имеются действительные шпионы, притянутые к делу для амальгамы. Но Пятаков, Серебряков, Муралов, Богуславский, Дробнис виноваты в терроре и шпионаже не больше, чем Радек и Сокольников. Почему же этим расстрел? Напомним, что они обвинялись сверх того в организации промышленного саботажа. Очевидно, в рабочих массах накопилось негодование по поводу многочисленных катастроф, стоивших многих сотен жизней. Здесь нужны искупительные жертвы. Отсюда приговор к смерти.

Л.Троцкий
Койоакан, Д.Ф.,
29 января 1937 г.
20 час.

Речь для киножурнала²⁸⁸

Уважаемые слушатели!

Вы легко поймете, если свое краткое обращение к вам я начну с выражения горячей признательности мексиканскому народу и тому, кто с таким достоинством и мужеством его возглавляет, президенту Карденасу²⁸⁹. В условиях, когда против меня и членов моей семьи выдвинуты были чудовищные, непостижимые, немислимые обвинения; когда моя жена и я сидели под замком норвежского правительства без возможности защищаться, мексиканское правительство открыло нам дверь в эту прекрасную страну и сказало: "На этой почве вы можете свободно защищать ваши права и вашу честь". Не симпатия моим

взглядам руководила при этом президентом Карденасом, а верность своим собственным взглядам: тем большей признательности заслуживает его акт демократического гостеприимства, столь редкого в наши дни!

Московская судебная инсценировка еще не успела закончиться, когда из Осло раздалась первые оглушительные опровержения. Главное признание главного обвиняемого Пятакова состояло в том, будто он прилетел ко мне на аэроплане в декабре 1935 г., чтобы получить от меня преступные инструкции. Но вот компетентные норвежские власти установили, что в период, указанный Пятаковым, ни один иностранный аэроплан не опускался на аэродром Осло! Не было моего свидания с Пятаковым, не было инструкций, - был и есть подлог. Все судопроизводство Сталина построено на фальшивых признаниях, исторгнутых инквизиционными методами новейшего типа в интересах правящей клики. В истории не было преступлений, более страшных по замыслу и исполнению, чем московские процессы Зиновьева-Каменева и Пятакова-Радека. За этими процессами стоит не коммунизм, не социализм, а сталинизм, т. е. деспотия безответственной бюрократии над народом! Какова сейчас моя главная задача? Обнаружить правду. Раскрыть всему миру глаза на московские процессы. Показать и доказать, что подлинники преступники рядятся в тогу обвинителей. Каков ближайший этап на этом пути? Создание американской, европейской, а затем и интернациональной следственной комиссии из лиц, пользующихся неоспоримым авторитетом и общим доверием. Я обязуюсь представить такой следственной комиссии все свои архивы, многие тысячи личных и циркулярных писем, в которых ход моей мысли и деятельности отражается изо дня в день без всяких пробелов. Мне нечего скрывать! Сотни свидетелей, находящихся за границей, обладают неопределимыми фактами для освещения московских подлогов. Работа следственной комиссии должна, на мой взгляд, закончиться большим контрпроцессом. Где именно? Пусть этот вопрос решит общественное мнение. Контрпроцесс необходим, чтобы очистить атмосферу от бацилл лжи, клеветы, фальсификации, подлога, источником которых является ГПУ, упавшее до методов Гестапо. От независимой печати, от всех честных граждан я жду помощи в раскрытии правды. Уважаемые слушатели! Можно по-разному относиться к моим взглядам и моей сорокалетней политической деятельности. Но беспристрастное расследование подтвердит, что на моей чести - человека и политика - нет ни одного пятна. В глубоком сознании своей правоты я горячо приветствую граждан Нового Света!

Л.Троцкий.

30 января 1937 г.

Приемы антисемитизма

По поводу ареста моего младшего сына Сергея проскользнуло сообщение о том, что советская пресса разоблачает, что действительная фамилия арестованного не Седов, а Бронштейн. Сам по себе вопрос не имеет, казалось бы, никакого значения, но тенденция разоблачений совершенно ясна. Дело

обстоит на самом деле следующим образом: с 1902 года я нес неизменно фамилию Троцкого. Ввиду моей нелегальности дети были при царизме записаны по фамилии матери - Седовы. Чтобы не заставлять их менять фамилию, к которой они привыкли, я при советской власти принял для гражданских целей фамилию Седова (по советским законам муж может, как известно, принимать фамилию жены). Советский паспорт, по которому я, моя жена и наш старший сын были высланы за границу, выписан на фамилию Седовых. Сыновья мои, таким образом, никогда не назывались Бронштейнами. Зачем же понадобилось сейчас извлечь эту фамилию? Совершенно ясно: ввиду ее еврейского звучания. К этому надо прибавить, что сын обвиняется ни более ни менее как в покушении на истребление рабочих. Так ли уже это далеко от обвинения евреев в употреблении христианской крови?

Л.Троцкий

30 января 1937 г.

Конструкция процесса

Сквозь умолчания и искажения официозных телеграмм ТАССа уже можно раскрыть действительную конструкцию процесса, по крайней мере в общих чертах. Кроме своей основной задачи: раздавить оппозицию, процесс должен был попутно расправиться с рядом руководителей советской промышленности, особенно военной. Все обстоятельства заставляют думать, что в военной промышленности обнаружены чудовищные злоупотребления, беспорядки, обман государства. Весьма вероятно, что в этой атмосфере процветал иностранный шпионаж. Сам Пятаков, я не сомневаюсь в этом, не имел к хищениям и другим преступлениям того же рода никакого отношения. Но он - глава ведомства. У Сталина была, следовательно, полная возможность привлечь Пятакова к ответственности и расстрелять его.

Хаос и злоупотребления в промышленности не новы для меня. Еще до обоих московских процессов я доказывал в своей книге "Преданная Революция", что режим бюрократического деспотизма не может не иметь губительного влияния на плановое хозяйство, которое нуждается в свежем воздухе советской демократии, т. е. в критике и контроле. Военная промышленность - наиболее замкнутая и бесконтрольная область. Там все пороки произвола, фаворитизма и хищничества развернулись, несомненно, в наиболее отвратительных формах.

Из 17 подсудимых 13 мне даже по имени не известны. Есть ли среди них прямые агенты Германии и Японии? Вполне возможно. Было бы невероятно, если бы Гестапо и токийский генеральный штаб не подкупили советских бюрократов. Во всяком случае, в числе подсудимых есть несколько человек, которые лично и персонально повинны в разрушении промышленности. Они руководствовались, главным образом, карьерными соображениями: дать как можно больше продукции, не заботясь ни об ее качестве, ни о судьбе машин, ни о жизни рабочих. Им грозили расстрелы.

Задача ГПУ состояла в том, чтобы дело о злоупотреблениях в военной промышленности, на железных дорогах и пр. соединить с делом против

троцкистов: классический метод судебной амальгамы. От преступных или небрежных руководителей промышленности, над головой которых уже висел дамоклов меч, ГПУ потребовало, чтобы они признали себя троцкистами, обещая им, разумеется, смягчение участи. С другой стороны, от бывших троцкистов (Пятаков, Радек и пр.), давно ставших моими заклятыми врагами, ГПУ потребовало, чтобы они, вопреки очевидности, объявили себя моими друзьями. Затем оставалось только установить связь этих мнимых "друзей", с одной стороны, с преступными руководителями военной промышленности, с другой стороны - со мной лично.

Первая задача была легка, ибо соглашение и сговор между подсудимыми происходили в стенах ГПУ: показания дополнялись, согласовывались, исправлялись и переписывались, пока не была достигнута необходимая "гармония". Вторая часть задачи оказалась неизмеримо более трудной.

Авиационная связь

Как установить связь подсудимых с человеком, который живет за границей, на виду у общественного мнения, под контролем иностранной прессы и полиции и который к тому же постоянно излагает свои взгляды в книгах, статьях и письмах? Здесь оказалось наиболее деликатное звено всей цепи. Признаться в личной связи со мной поручено было двум невольным корифеям процесса: Пятакову, представителю индустриальной группы обвиняемых, и Радеку, на которого возложена была миссия дать политическое обоснование заговору.

Великие замыслы часто разбиваются о маленькие препятствия. Радек показал, будто сносился со мной через некоего Владимира Ромма. Незачем сейчас возвращаться к смехотворному рассказу Ромма о свидании со мной ночью в неизвестном парке под Парижем, куда я, не боясь ни западни, ни провокации, явился будто бы на свидание с совершенно не знакомым мне человеком без охраны. Возьмем другое, гораздо более внушительное, на первый взгляд, свидетельство: именно, рассказ главного обвиняемого Пятакова о его специальной поездке ко мне в Норвегию для получения от меня инструкций в духе террора, саботажа и государственной измены. Средний человек, привыкший к мирным и спокойным отношениям, должен неминуемо сказать себе: не мог же Пятаков выдумывать на самого себя обвинения, которые грозят ему смертью! На этом простом соображении здравого смысла построен весь расчет организаторов процесса. Между тем тот же Пятаков нечаянно доказал, что дело идет о явном и неоспоримом подлоге. Пятаков прилетел ко мне будто бы в середине декабря 1935 г. на аэроплане из Берлина в Осло. Но власти аэродрома Осло после расследования официальных протоколов, заявляют на весь мир: ни один иностранный самолет не спускался на аэродроме Осло в течение всего декабря 1935 г.! ГПУ выбрало, как видим, плохой месяц. Я не знал еще этого факта, когда поставил свои 13 вопросов Пятакову и московскому суду²⁹⁰. Но я не сомневался тогда ни на минуту, что, если расчленишь огульные лжесвидетельства на конкретные обстоятельства времени и места, то фальсификация должна неизбежно обнаружиться. Разумеется, не в СССР, где ГПУ

немедленно расстреляет всякого, кто попытается представить какое-либо опровержение! Но я живу уже 8 лет за границей. Все обстоятельства, относящиеся ко мне, могут быть открыто и свободно проверены. В этом сила моей позиции, и в этом безнадежная слабость сталинской махинации, несмотря на ее грандиозный размах.

Крушение подлога

Раз не прилетал аэроплан из Берлина, значит Пятаков не имел со мной свидания и не получал инструкций; значит несчастный Пятаков солгал, т. е. повторил ложь, продиктованную ему ГПУ. Я не знаю, что теперь скажет Москва. Прокурор Вышинский со свойственной ему находчивостью может, конечно, сказать, что преступные инструкции Троцкого "известны" и из других источников, независимо от декабрьского полета Пятакова. Но если инструкции "известны", зачем Пятакову было ехать за ними? Зачем ему было лететь на воображаемом аэроплане? Кто поверит всей вообще исповеди Пятакова, если в простом и элементарном факте, который составляет основной узел его свидетельства, Пятаков солгал? Мало того: если ГПУ может принуждать Пятакова, старого большевика, члена ЦК, высокого администратора, к грубым лжесвидетельствам, то что же сказать о менее выдающихся обвиняемых?

Беда Сталина в том, что ГПУ не может распоряжаться климатом Норвегии, международным движением аэропланов, а также движением моей мысли, характером моих связей и ходом моих действий. Вот почему грандиозный подлог, неосторожно поднятый под небеса, упал с несуществующего аэроплана на землю и разбился вдребезги. Но если обвинение в отношении меня, главного обвиняемого, вдохновителя, организатора, руководителя заговора, построено на грубом лжесвидетельстве, то чего стоит вся остальная стряпня? Ведь Пятаков сделал ложный донос не только на меня, но и на себя. То же самое относится и к Радеку. Все эти "лжетроцкисты" - в процессе 16-и, как и в процессе 17-и - служат только ступеньками, чтобы добраться до меня. ГПУ свалилось ныне со всех своих ступенек. Что же остается в конце концов от процесса? Остаются злоупотребления в военной промышленности, анархия на железных дорогах, фашистский или японский шпионаж и т. д. Но политическую ответственность за эти преступления несет, конечно, не троцкизм, а правящая бюрократия.

Прибавим еще, что если я обвиняюсь в передаче преступных инструкций Пятакову, то арестованный ныне в Красноярске сын мой Сергей Седов, далекий от политики, безупречный инженер, обвиняется в том, что, выполняя инструкции Пятакова, он готовил массовое отравление рабочих... Что сказать по этому поводу?

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

30 января 1937 г.

Сталин уступил мировому общественному мнению Радека, Сокольников и еще двух обвиняемых, чтобы тем увереннее расстрелять остальных. После тех обвинений, которые он заставил обвиняемых возвести на себя, он не мог не расстрелять их. Он должен был расстрелять Пятакова уже для того, чтобы приостановить расследование о его поездке в Осло на воображаемом аэроплане. Он должен был расстрелять остальных, чтобы подкрепить свое право на расстрел Пятакова. Он должен был убить их, чтобы дать удовлетворение тому "общественному мнению" в СССР, которое он обманул и деморализовал. Обвиняемые, которых я знаю, - Радек, Сокольников, Пятаков, Богуславский, Дробнис, Муралов, Серебряков, - давно стали моими непримиримыми противниками и выступали на процессе, как мои заклятые враги. Но перед лицом всего человечества я восклицаю из глубины своей души: эти люди неповинны ни в одном из тех преступлений, которые ГПУ заставило их взять на себя. Эти люди - жертвы ужасающей политической системы, в которой не осталось больше ни совести, ни чести. Вдохновитель и организатор этой системы - Сталин. Имя Каина навсегда останется за ним.

Л.Троцкий.

Койоакан,

31 января 1937 г.

Помилованные

Радек и Сокольников пощажены. К тому времени, когда эти строки появятся в печати, известна будет окончательная судьба остальных. Трудно решить, однако, чья судьба лучше: расстрелянных или помилованных. В каждом из помилованных правая верхушка видит опасность, своего рода разрывную бомбу: в тюрьме они могут раскрыть правду обо всей закулисной стороне процесса. Эта опасность будет становиться тем острее, чем больше развернется международная борьба за пересмотр московских амальгам.

В 1931 году в Москве был разыгран процесс меньшевиков²⁹¹, также полностью основанный на "добровольных" признаниях. Двое подсудимых, Суханов и Громан²⁹², известные писатели, пользовавшиеся доверием и уважением, "признались" на суде в своей принадлежности к международному заговору вместе с Леоном Блюмом и другими вождями Второго Интернационала в целях организации военного вторжения в СССР. Суханов и Громан были "помилованы" и заключены в тюрьму. Однако обещанное вскоре освобождение не наступало. Обманутые жертвы ГПУ рассказывали в тюрьме всем, кому можно, о том, как у них исторгли ложные самообвинения и как им обещали полное освобождение. Суханов объявил голодовку, которая длилась несколько недель, после чего Суханов, как и Громан, исчезли из тюрьмы. Где они сейчас? Никто не знает. По всей видимости, во время подготовки процесса Зиновьева ГПУ попросту прикончило Суханова и Громана, дабы они не разоблачали механику "добровольных признаний". Не могли ли бы общества "Друзей СССР", "Лиги прав человека"²⁹³ и другие организации попытаться узнать, куда девались Суханов и Громан?

Ждет ли Радека и Сокольников лучшая судьба? Мы в этом не уверены. Радек не умеет держать секретов: это всем известно, а между тем каждое неосторожное слово Радека представляет собой огромную опасность для Сталина. Вот почему мы затрудняемся ответить на вопрос, чья судьба трагичнее: расстрелянных или помилованных.

Л.Троцкий

Койоакан,

31 января 1937 г.

"Народ" требует казней

Московская бюрократия мобилизовала сотни тысяч людей на Красной площади, чтобы торжествовать свою победу. В первые годы революции грандиозные манифестации действительно выражали настроение самих масс: лозунги, символы, восторг, как и гнев, - все было импровизировано, все шло снизу. Сейчас манифестации на Красной площади выражают лишь могущество бюрократии. Рабочий идет на демонстрацию так же, как и на работу, чаще всего под наблюдением тех же лиц и озираясь на тех же доносчиков.

Еще в большей степени это относится к "единодушным" резолюциям, требующим головы всех обвиняемых и моей впридачу. Участие в официальных митингах уже давно имеет принудительный характер. В 1925-1928 гг. большинство рабочих, согласно популярному тогда выражению, "голосовало ногами", т. е. убегало с собрания до голосования. Но в следующие годы установлено было у дверей дежурство секретных агентов ГПУ: всякий, пытавшийся ускользнуть, лишался работы и нередко арестовывался. Немудрено, если все предлагаемые сверху резолюции принимаются "единогласно". Этим я вовсе не хочу отрицать того, что наиболее отсталые массы населения действительно обмануты московскими процессами при помощи монолитной прессы и монолитного радио и что Сталин, подражая методам Гитлера, не без успеха эксплуатирует "предвоенные" настроения в интересах личной диктатуры.

Л.Троцкий

Койоакан,

31 января 1937 г.

Каганович предрекает мою гибель

Каганович, шурина Сталина²⁹⁴, является несомненно одним из главных организаторов московских амальгам. (Сталин, естественно, предпочитает в таких острых случаях действовать через доверенное лицо). Каганович заинтересован к тому же в последнем процессе непосредственно, так как возглавляемое им ведомство, благодаря показным успехам и авантюристическим "темпам", стало ареной крушений и катастроф. Напомним еще раз, что побочной, но крайне важной задачей процесса было взвалить ответственность за все ошибки, неудачи и преступления бюрократии в области хозяйства на

оппозиционеров, которые давно уже вытеснены из хозяйства и лишены даже куска хлеба. Каганович, лучше чем кто бы то ни было, знает, что обвинения против меня сфабрикованы в кабинете Сталина и что в этих обвинениях нет ни единого слова правды. Но именно поэтому Каганович кричал 29 января на московских собраниях: "Смерть Троцкому!" Если московская клика думает запугать меня такими угрозами и заставить меня замолчать, то она ошибается. Не потому, чтобы я недооценивал силы и средства ГПУ: нет, я очень хорошо понимаю, что убить меня из-за угла гораздо легче, чем доказать мою "связь" с Гитлером. Но есть обязанности, которые неизмеримо выше соображений о личной безопасности. Это знает каждый хороший солдат. А я - старый солдат революции. К тому же и успешное убийство не опровергнет моих разоблачений. У меня есть друзья. На свете немало мужественных и честных людей. Истина восторжествует!

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.,

31 января 1937 г.

Я обвиняю Д.Притта и Р.Розенмарка

Нсмотря на свои пышные титулы ("К.С., М.Р.")²⁹⁵, британский адвокат Д.Н.Притт есть "юридический" агент ГПУ. От всего мира Москва скрывала до последних дней предстоящий процесс Зиновьева-Каменева. Притта, наоборот, заблаговременно пригласили на этот процесс: уже до открытия бесчестной судебной комедии ГПУ не сомневалось, следовательно, в будущей благополучной "экспертизе" беспристрастного королевского советника. ГПУ не ошиблось. Еще не отзвучали выстрелы в затылок ложно осужденных 16 жертв ГПУ, как Притт опубликовал брошюру "The Zinoviev Trial"²⁹⁶, в которой самодовольство не способно прикрыть нечистой совести. Брошюра служит за границей главным средством защиты ГПУ и продается в разных странах по очень дешевой цене. Насколько дешево она обошлась Москве, вопрос особый.

Еще хуже, если возможно, роль французского адвоката Розенмарка, который, неизвестно по какой причине выступил в качестве высшего авторитета по вопросам "революционного" судопроизводства и политической морали. Притт действует, по крайней мере, от собственного имени и берет на себя лично риск своей неблагоприятной миссии. Розенмарк не имеет и этого "мужества": он действует под прикрытием французской Лиги прав человека (!). На страницах ее органа напечатан был 15 ноября 1936 г., во время моего заключения в Норвегии, беспримерно циничный "доклад" Розенмарка, оправдывающий жалкими софизмами московскую амальгаму в целом и заявляющий, что во всякой другой стране Троцкий был бы приговорен к расстрелу. Я заявляю: общественное мнение должно приговорить и приговорит г. Розенмарка к вечному позору!

За свои тяжкие обвинения против Притта и Розенмарка я готов нести ответственность перед любым независимым судом, как и перед авторитетной международной следственной комиссией. Пусть международные агенты и "друзья"

ГПУ всех родов оружия будут осторожнее: процесс против них открыт и будет доведен до конца!

Л.Троцкий

1 февраля 1937 г. 11 час.

Письмо Анжелике Балабановой

Мексика, 3 февраля 1937 г.

Милая Анжелика!

Вчера получил Ваше письмо, прочитал его и, представьте себе, не понял, кто пишет; подписи не разобрал, показалось: "Ох! Ответьте!" Еще раз прочитал: почерк знакомый, слова знакомые, а догадаться не могу. Наконец, спохватился: да ведь это же Анжелика! И чистосердечно обрадовался, если вообще в это подлое время можно еще радоваться. Разумеется, я ни на минуту не сомневался, что в вопросе о борьбе со сталинскими гнусностями вы будете полностью и целиком с нами. Как раз после Вашего письма вскрыл другое письмо из Нью-Йорка, где говорится о Вас и немножко о Вашем... пессимизме. Этому письму я не поверил. Возмущение, негодование, отвращение - да. Пожалуй, временная усталость, - все это человеческое, слишком человеческое, - но я не верю, что Вы могли впасть в пессимизм. Это не в Вашей натуре. Что значит пессимизм? Пассивная и плаксивая обида на историю. Разве можно на историю обижаться? Надо ее брать, как она есть, и когда она разрешается необыкновенными свинствами, надо месить ее кулаками. Только так и можно прожить на свете. Да зачем Вам об этом говорить, милая Анжелика? Вы и сами об этом знаете. Главный вывод, по-моему, из всего происшедшего таков: надо строить на новом месте из свежих элементов, из молодежи.

Вы упоминаете о Будине²⁹⁷, как о моем "личном друге". Тут недоразумение. Я видел Будина 30 лет тому назад на международном конгрессе, затем встречался с ним во время короткого пребывания в Соединенных Штатах. Только и всего. Он всегда стоял очень вправо от меня. Каково было его отношение к Октябрьской революции в первые годы? Не имею понятия. Предполагаю, что он должен был сильно приблизиться к Советскому Союзу в период его бюрократического перерождения. Никаких связей у меня с ним в эти годы не было (т. е. за эти 19 лет). Если московские процессы образуют его, я буду, конечно, рад. О Курте Розенфельде говорить не стоит: тут слишком пахнет бутербродом.

Вы пишете, что Вам впервые в жизни "стыдно" за происходящее у нас. Чувство стыда испытываешь, когда считаешь данный круг, данную группу хоть немножко "своими". С этим чувством надо покончить. Бюрократия - чуждый и враждебный нам мир. "Стыдиться" за их сверхчеловеческие подлости мы можем так же мало, как за пьяные дебоши в непотребном заведении. Надо твердо прийти к выводу о необходимости строить новый чистый дом на новом месте, из новых кирпичей: тогда пройдет чувство "стыда" за обитателей старого дома, ставшего непотребным.

У Натальи Ивановны грипп. Она Вам сердечно кланяется и обнимает Вас. Я также.

[Л.Д.Троцкий]

Непонятный полемический выпад г.Трояновского²⁹⁸

С величайшим изумлением я читаю в сегодняшних мексиканских газетах телеграмму из Вашингтона о направленной против меня полемической статье советского посла Трояновского, который утверждает, будто в своих сообщениях я сам "признал" существование заговора с целью убийства Сталина (!); будто я даже мотивировал необходимость этого заговора словами: "Единственное средство избавиться от Сталина есть убийство". Нужно было совершенно потерять равновесие - я говорю не о дипломате, а о журналисте Трояновском, - чтобы прибегнуть к такому неслыханному доводу. Нужно, далее, полное неуважение к американской печати, чтобы предположить, что она стала бы печатать сообщения, заключающие в себе прямой призыв к убийствам. На самом деле, в соответственном сообщении, как очевидно для всякого беспристрастного читателя, я разъяснял политическую психологию правящей группы. Сталин, писал я, считает себя несменяемым, бесконтрольным "вождем" совершенно так же, как Гитлер; Сталин полагает, что нет и не может быть никаких легальных средств для его смещения, что никакими конституционными или партийными средствами нельзя изменить ни политику, ни состав руководства. Поэтому, заключает он, оппозиция, если она хочет добиться своей цели, должна прибегнуть к террору. Всякая оппозиция состоит поэтому - для господ из ГПУ - из потенциальных террористов. Всякая политическая критика есть первый шаг к убийству Сталина и его сотрудников. После этого вступает в свои права Вышинский и отождествляет первый шаг с последним. Оппозиционеры автоматически приравниваются к террористам. Я говорил, следовательно, не о программе оппозиции, не о ее планах и тем менее о планах несчастных капитулянтов (Зиновьев, Пятаков и др.). Нет, я говорил только и исключительно о внутренней логике деспотизма, бонапартизма или сталинизма.

Троцкисты (действительные троцкисты, а не подставные куклы ГПУ) вовсе не считают Сталина священным, незаменимым и пожизненным вождем. Рост благосостояния и культурности советских масс приводит их в непримиримое противоречие с бонапартизмом. В этом суть нынешнего кризиса в СССР. Перед лицом этого гигантского политического процесса, т. е. возрастающего антагонизма между народом и бюрократией, террористические акты представляют собой жалкие и бессильные авантюры отчаявшихся одиночек. Сталина может с успехом заменить Ворошилов, Ворошилова Каганович и т. д. Только движение самого народа может ликвидировать нынешний пагубный политический режим СССР.

Русский царь был несменяемым и наследственным. Его министры были бесконтрольны. Часть русской интеллигенции считала, что избавиться от царизма можно только путем террористических актов (партия "социал-революционеров"). В свою очередь, царская бюрократия склонна была в

каждом революционере видеть террориста. Только постепенно нам, русским марксистам, представителям рабочего класса, удалось в постоянной борьбе с террористическим авантюризмом, показать, что наш метод борьбы не имеет ничего общего с убийствами министров и вождей.

Признаться, мне неясен сам источник ошибки журналиста Трояновского. Сам он, как и большинство нынешних советских послов и советских сановников в течение 1914-1920 гг., был непримиримым противником Ленина и Октябрьской революции. В годы гражданской войны г. Трояновский был одним из вождей меньшевистской партии. Но в отличие от партии эсеров, которая убила Володарского²⁹⁹, Урицкого³⁰⁰, ранила двумя пулями Ленина³⁰¹, покушалась взорвать мой военный поезд и пр., меньшевики, и вместе с ними г. Трояновский, никогда не прибегали к мерам террора, несмотря на свою непримиримую вражду с советской властью. Значит, возможна оппозиция и без терроризма? Такова наша оппозиция - не против власти советов, а против бюрократического деспотизма, который задушил советы.

Я не смею сомневаться в безукоризненном джентльменстве г. Трояновского как дипломата; но в области марксизма и журналистики он проявляет удручающее смешение понятий. И я позволю себе поставить вопрос: если г. Трояновский перед лицом мирового общественного мнения и демократической прессы позволяет себе столь неслыханное искажение моих ясных и простых слов, то что же делается в тайниках ГПУ, где работают Ежовы³⁰², Ягоды и Вышинские?

Трояновский ссылается далее на то, что, находясь на расстоянии 5 тысяч миль от Москвы, я не могу судить, были ли признания подсудимых исторгнуты при помощи моральных пыток или нет. Я не думаю, со своей стороны, что политическая пронизательность и правдивость зависят от географических расстояний: в противном случае положение самого г. Трояновского тоже оказалось бы крайне неблагоприятным. Система моральных пыток началась не в 1936 г., а с конца 1923 года и в особо грубой форме с 1926 г. Я ее наблюдал очень близко. Я сам переживал ее изо дня в день. Я ее характеризовал в сотнях документов и статей. Многие из них напечатаны в "Бюллетене русской оппозиции", который издается за границей в течение 8 лет. Я могу прислать комплект г. Трояновскому, и он легко убедится, что в "Бюллетене" напечатаны многочисленные корреспонденции из СССР, особенно за период 1929-1932 [гг.], в которых подробно и точно рассказывается о тех моральных пытках, которым подвергались оппозиционеры, в частности Зиновьев, Каменев, И.Н.Смирнов и др. Кстати сказать, этот "Бюллетень" даст неоценимые материалы международной следственной комиссии.

4 марта 1929 года, когда еще и речи не было о будущих московских процессах, я, анализируя политику Сталина, писал: "Сталину остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восстания и пр." Эти строки опубликованы 8 лет тому назад! С тех пор я не раз повторял свое предупреждение в печати. Московская фальсификация не застигла меня врасплох.

Г[осподин] Трояновский в качестве журналиста лучше всего опроверг бы меня, если бы затребовал из Москвы ответы на 13 вопросов, предъявленных мною Пятакову, в частности и в особенности на следующий вопрос: на каком аэроплане Пятаков прилетел ко мне из Берлина в Осло в середине 1935 г., раз в этом месяце в Осло не прилетало вообще ни одного иностранного аэроплана? Каким образом, далее, подсудимый Гольцман видел в Копенгагене моего сына в ноябре 1932 года, тогда как французские дипломатические телеграммы и визы (у меня есть копии) неоспоримо доказывают, что мой сын находился в это время в Берлине? Г[осподин] Трояновский знает, что на показаниях Гольцмана и Пятакова держится вся моя связь с мнимыми заговорщиками. Ясный, точный ответ хотя бы на эти два вопроса произвел бы поэтому гораздо большее впечатление на общественное мнение, чем злоупотребление цитатами из моих сообщений.

Л.Троцкий

Койоакан, Д.Ф.

4 февраля 1937 г.

Ответы на вопросы м[адам] Титайна303

1. Я считаю французскую публику достаточно интеллигентной, чтобы схватить на лету основную бессмыслицу московских обвинений. Политическая цель процессов - представить троцкистов тайными союзниками фашизма против демократий. Вместо доказательств применяется психотехника фашизма: непрерывность, монолитность и массивность лжи. Для французской публики, думается мне, небезынтересны были бы следующие факты. 13 декабря 1931 года Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом сделал следующее заявление: "Если уж говорить о наших симпатиях к какой-либо нации, то, конечно, надо говорить о наших симпатиях к немцам". Далее: "В политике СССР нет ничего такого, о чем можно бы сказать, что это является признанием версальской системы". "Мы никогда не были гарантами Польши и никогда ими не станем". "Наши дружественные отношения с Германией остаются такими же, какими были до сих пор". Чтобы придать особый вес своим словам, Сталин прибавил: "Имеются политики, которые сегодня обещают или заявляют одно, а на следующий день либо забывают, либо отрицают то, о чем они заявляли и при этом даже не краснеют. Так мы не можем поступать"³⁰⁴.

Оба собеседника успели, как известно, изменить свои взгляды: Эмиль Людвиг из немца стал швейцарцем, а Сталин забыл о своих "симпатиях" к немцам, о своей вражде к версальской системе и вполне готов стать "гарантом Польши". Вопрос о том, какие политики краснеют и какие не краснеют, меня при этом не занимает. Я должен, однако, обратить ваше внимание на то, что до конца 1933 года московская пресса, а, следовательно, и ее тень, пресса Коминтерна, называла меня не иначе как "мистер" Троцкий и изображала меня британским и американским агентом. Я мог бы представить целый том собственных цитат. Вы можете поглядеть хотя бы на номер "Правды" от 8 марта 1929 года (он у меня в руках), где целая страница посвящена доказательству

того, что я являюсь защитником британского империализма (тогда он еще в Москве не назывался "британской демократией"), в частности, устанавливалась моя полная солидарность с Уинстоном Черчиллем и даже его секретарем Бутби... в деле охраны версальского мира. Статья заканчивалась словами: "Ясно, за что платит ему буржуазия десятки тысяч долларов!"

Та же "Правда" от 2 июля 1931 года при помощи грубо подделанных факсимиле - вот эти факсимиле! - объявляла меня союзником Пилсудского и, так сказать, неофициальным... "гарантом Польши". Но есть факт еще более яркий: 24 июля 1933 года я въехал во Францию благодаря разрешению, которое дал мне тогдашний министр-президент Даладье. Дайте себе, пожалуйста, труд просмотреть тогдашнюю "Юманите", печать Коминтерна и советскую печать. Право, такая затрата времени вознаградится полностью! "Юманите" называла меня не иначе, как агентом французского империализма, в частности агентом радикал-фашиста Даладье и социал-фашиста Леона Блюма по подготовке военной интервенции в СССР. Сейчас это кажется невероятным! Но мы уже слышали от Сталина, что на свете имеются политики, которые сегодня забывают то, что говорили вчера и при этом... "даже не краснеют".

Таким образом, обвинения против меня и моих сторонников были и остаются лишь отрицательным дополнением политических и дипломатических зигзагов Москвы. Сейчас, когда Сталин заботится о союзе с Францией, я неминуемо должен быть превращен в агента Германии и Японии. Все эти перемены моей политической ориентации происходят без малейшего участия с моей стороны. Но зато я всегда заранее продвигу и предсказываю их в печати.

Московские процессы являются лишь драматической инсценировкой статей "Правды" и Коминтерна. Чтобы заставить людей поверить заведомой бессмыслице, Сталин расстреливает десятки ни в чем не повинных людей, доведя их предварительно инквизиционными методами до последней степени унижения.

К сказанному добавлю: мой сын Сергей, молодой советский инженер, арестован по обвинению в подготовке... массового отравления рабочих. Одно это обвинение бросает трагический и в то же время разоблачающий свет на московские процессы и юстицию Сталина.

2. На ваш второй вопрос я дал подробный ответ в своей недавно вышедшей книге "Преданная революция", издание Грассе. Насколько я могу судить, книга вызвала к себе благожелательное внимание со стороны французского общественного мнения.

3. Является ли франко-советский пакт "счастливым" или "злополучным" для французского народа? Я не назову его ни счастливым, ни злополучным, но неизбежным. Кстати сказать, во время моего пребывания во Франции я в ряде статей, напечатанных в "Ентрансижан"305, "Оевр"306 и "Анналь", развивал мысль о возрастающей опасности миру со стороны Германии и Японии и о необходимости франко-советского сближения: как видите, я очень хорошо маскировал свой союз с Гитлером и Микадо.

4. Война порождается не конфликтом "фашизма" и "демократии", а более глубокими социальными причинами. Фашистская Италия может во время войны

оказаться на стороне Франции. Точно так же и Польша. Нынешний Советский Союз не имеет ничего общего с демократией, ни буржуазной, ни пролетарской. Международные комбинации определяются экономическими интересами, а не политическими формами. Думаю ли я, что Европа идет к войне? Да, я так думаю. Только сами народы могут спасти себя и цивилизацию.

5. С Францией я был тесно связан в разные периоды своей жизни и вне Франции я продолжаю по возможности следить за французской литературой: в этой области гегемония Франции остается неоспоримой. Во время нашего интернирования в Норвегии мы прилежно читали с женой Жюля Ромена³⁰⁷, несравненного художника, и других французских авторов. Замечательная книжка А.Жида "Retour de l'URSS"³⁰⁸ принесла мне большое нравственное удовлетворение.

6. Эволюция французской политики? На эту тему в Париже вышло собрание моих статей "Куда идет Франция?"³⁰⁹ Я остаюсь целиком на почве высказанных там воззрений. Я не был сторонником политики Леона Блюма в то время, когда сталинцы называли его "социал-фашистом". Я не являюсь сторонником Блюма и теперь, когда сталинцы стали его карикатурными последователями.

7. Сколько у меня сторонников во всем мире? Я затрудняюсь дать точные цифры, тем более, что в рабочем классе происходят ныне непрерывные сдвиги и, наряду с единомышленниками, имеются полуединомышленники, четверть-единомышленники и пр. Думаю, что сейчас дело идет о немногих десятках тысяч. Последние московские процессы нанесут, несомненно, смертельный удар Коминтерну и возродят марксистскую тенденцию, под знаменем которой я стою.

8. Мои проекты? Основной мой проект при приезде в Мексику состоял в том, чтобы клеветники и фальсификаторы оставили меня в покое. Но этот проект оказался неосуществимым. Вместо того, чтобы заниматься научной и литературной работой, т. е. прежде всего закончить свою книгу о Ленине, я оказался вынужден заниматься разбором московских подлогов. В ближайшее время выйдет моя книга о двух последних процессах и о моем интернировании с женой в Норвегии³¹⁰. Я надеюсь вскоре вернуться к книге о Ленине. Одновременно с этим я хочу изучать испанский язык, историю и экономику Мексики. В этой прекрасной стране мы собираемся оставаться до тех пор, пока мексиканский народ готов будет оказывать нам гостеприимство.

Л.Троцкий

11 февраля 1937 г.

[Речь, адресованная митингу в Чикаго]³¹¹

Уважаемые слушатели, товарищи и друзья!

Среди ваших ораторов имеются представители разных течений социалистической, коммунистической и демократической мысли Чикаго и Соединенных Штатов вообще. Я не сомневаюсь, однако, что подавляющее большинство среди вас, если не все, являются искренними сторонниками

Октябрьской революции и непоколебимыми защитниками Советского Союза. Позвольте вам прежде всего сказать, что так называемые троцкисты в СССР, т. е. мои действительные единомышленники, а не мнимые "троцкисты" по назначению ГПУ окажутся в час опасности самыми надежными, самыми мужественными

защитниками Октябрьской революции от покушений фашизма. На этих людей можно твердо положиться, это не чиновники, а революционеры, которые долгими годами тюрьмы и ссылки доказали свою преданность знамени и свою самоотверженность.

Враги рабочего класса во всем мире пытаются использовать московские процессы для того, чтоб скомпрометировать не только Советский Союз, но и саму идею социализма в глазах народных масс. Такова, прежде всего, политика желтой печати Херста. Некоторые радикальные ханжи делают отсюда тот вывод, что надо отказаться от разоблачений и замолчать. Как будто дело в разоблачениях, а не в самих процессах. Как будто опасность состоит в диагнозе врача, а не в той болезни, которая втайне разъедает организм. Долой ханжество! Лечение социальных бедствий начинается с открытого высказывания того, что есть. Московских процессов нельзя вычеркнуть из истории. Они не упали с неба. Они не выдуманы Сталиным. Они порождены интересами и духом новой паразитической касты, которая угрожает всем завоеваниям величайшей из Революций и которая в то же время под фирмой Коминтерна разлагает мировое рабочее движение.

Именно для того, чтобы оградить трудящиеся массы от разочарования, чтобы спасти честь социализма и его будущее, надо научить рабочих ясно различать глубокие внутренние противоречия в Советском Союзе: его великие завоевания и его варварское наследие; его социалистические возможности и его социальные язвы. Советская бюрократия говорит: "Государство - это я! Социализм - это я!" Мировая реакция пытается, со своей стороны, преступления бюрократии изобразить как преступления социализма. Мы, революционные марксисты, говорим: "Бюрократия - не революция, а болезненный нарост на революции". Причина нароста - в изолированности Советского Союза, в его отсталости, в бедности народа, в тяжких поражениях мирового пролетариата. Если дать этому наросту беспрепятственно развиваться, он высосет все живые соки организма и превратится в новый господствующий класс, который окончательно растопчет социальные завоевания Революции.

Иные люди хотели бы вечно колебаться, чтобы не брать на себя ответственности. "Почему, - говорят они, - мы должны верить Троцкому больше, чем Сталину?" Такая постановка вопроса ложна в корне. Слепого доверия требуют тоталитарные режимы с непогрешимым "вождем" во главе: все равно, идет ли дело о фашисте Гитлере или о бывшем большевике Сталине. Я не требую доверия! Я предлагаю проверку. Путь проверки очень прост. Надо создать следственную комиссию из авторитетных представителей рабочего движения, научной мысли, юриспруденции, литературы и искусства. Я пользуюсь вашим митингом, чтобы повторить снова: если эта комиссия признает, что я прямо или косвенно виновен хотя бы в небольшой части тех чудовищных преступлений,

которые Сталин пытается возложить на меня, - я добровольно отдамся в руки палачей ГПУ.

Я вынужден, однако, предупредить вас заранее: Сталин этого вызова не примет. Он не может его принять. Он предпочитает нанимать бюрократов из Коминтерна и других субъектов с гибкой совестью для внесения заразы в умы. Но если Сталин отступит перед следственной комиссией, вы не отступите. Если Сталин неспособен доказать, что его обвинения правдивы, то мы можем доказать, что они ложны. Пусть слабонервные или слишком осторожные "друзья" СССР отходят к сторонке³¹²! Они нам не нужны. Среди них много карьеристов и болтунов. Кто в критические моменты отходит в сторону, тот предаст рабочее движение в трудные часы. Слава и честь тем искренним защитникам Советского Союза, которые смело и открыто выступают против преступлений советской бюрократии. Они завоевуют доверие и уважение подавляющего большинства рабочих и честных граждан вообще. Они спасут для будущего знамя социализма, поруганное советской бюрократией. Они помогут советскому народу разбить новый деспотизм и восстановить рабочую демократию. Помочь народу можно только правдой. Граждане и друзья! Потребуйте властно создания международной следственной комиссии. Поддержите ее всем вашим авторитетом. Долой отраву лжи! Долой подлоги! Да здравствует правда! Да здравствует социализм!

Л.Троцкий.

11 февраля 1937 г.,

Койоакан, Д.Ф.

Крушение показаний Владимира Ромма

Владимир Ромм, бывший корреспондент "Известий" в Вашингтоне, показал на последнем процессе, будто встретился со мной в аллее парка под Парижем. Американские агентства не дали в свое время деталей встречи. Московские газеты с отчетом о процессе еще не дошли. Только сегодня из письма сына я узнал, что моя мнимая встреча с Роммом произошла, по отчету "Правды", в июле 1933 г. Эта дата сразу обнаружила всю фальсификацию! 24 июля 1933 года мы прибыли с женой и секретарями из Турции в Марсель, где были встречены друзьями и представителями французской полиции, которые немедленно отправили нас - не в Париж, а на берег Атлантического океана, в курорт Руайан, у устья Жиронды. О нашем прибытии префект департамента Жиронды был немедленно извещен из Парижа секретной телеграммой. Мы жили в Руайане, как и вообще во Франции, инкогнито. Наши бумаги свидетельствовались только старшими чиновниками Сюрете националь в Париже. Заболев еще на пароходе, я провел в Руайане около двух месяцев на положении больного, под наблюдением врача. В Руайане меня посетили свыше 30 друзей из разных стран: около двадцати парижан, семь голландцев, два бельгийца, два итальянца, один англичанин, один швейцарец и т. д. Все они приезжали в Руайан именно потому, что я, как по состоянию здоровья, так и по полицейским причинам не мог приехать в

Париж. Хозяин дачи подтвердит, несомненно, что мы провели в его доме время с 25 июля до начала октября. Отмечу, что в первый же день нашего прибытия на даче вспыхнул небольшой пожар, который привлек к нам внимание соседей. К концу сентября мы с женой в сопровождении двух друзей и, опять-таки, с ведома полиции, отправились из Руайана в Пиренеи, где прожили три недели в Баньере, откуда затем, уже в конце октября, прибыли в городок Барбизон, в двух часах езды от Парижа. Таким образом, полицейские записи и показания многочисленных свидетелей, среди которых есть люди с известными именами, как французский писатель Мальро, как голландский депутат Снивлит, как бывший секретарь британской Независимой рабочей партии Паттон и другие, могут с безусловной точностью доказать, что время с конца июля до конца сентября я на положении больного провел на юге Франции, в сотнях километров от Парижа.

Между тем Владимир Ромм показал, что видел меня... в июле под Парижем, в Булонском лесу. Как объяснить эту новую фатальную ошибку ГПУ? Очень просто: ГПУ не знало, где я нахожусь, а "заговорщик" Ромм не знал больше того, что знало ГПУ. Не надо забывать, что в тот период отношения между советским правительством и французским были крайне натянуты. В Москве называли меня не иначе, как агентом Великобритании и Франции. Советская печать утверждала даже, будто я прибыл во Францию с тем, чтобы помочь тогдашнему премьеру Даладьё (нынешнему военному министру) в деле организации... военного вторжения в СССР. Между ГПУ и французской полицией не могло быть, следовательно, близких отношений. ГПУ знало обо мне только то, что печаталось в газетах. Между тем из Марсея мы отправились в Руайан под строгим секретом, так что французская печать немедленно утратила наш след. ГПУ исходило, очевидно, из предположения, что непосредственно из Марсея я направился в Париж и уже оттуда, может быть, в провинцию. Чтобы не промахнуться, ГПУ выбрало первые дни нашего приезда во Францию, т. е. конец июля, для моего мнимого свидания с Роммом в Булонском лесу. Но тут-то ГПУ как раз и ошиблось: как уже сказано, я сразу отправился в Руайан и в течение двух месяцев не покидал его. Похоже на то, что злой рок преследует ГПУ каждый раз, когда оно пытается устроить своим жертвам свидания со мной или вообще внести крупицу точности в бесформенный поток признаний. Гольцман выбрал в Копенгагене отель "Бристоль", разрушенный за 15 лет перед тем, как место встречи с моим сыном, который как раз находился в это время (ноябрь 1932 г.) в Берлине³⁰⁵. Пятаков прилетел в Осло на аэроплане в такое время (декабрь 1935 г.), когда в Осло не прилетал ни один иностранный аэроплан. Наконец, Владимир Ромм встретился со мной в аллее Булонского леса в то время, когда я лежал больной на расстоянии 600 километров от Парижа.

Все эти обстоятельства могут быть с абсолютной точностью доказаны перед любой следственной комиссией. Это убедительнее, чем размышления г.Дюранти о "русской душе".

Л.Троцкий

15 февраля 1937 г.,

Койоакан, Д,Ф.

Об Испании³¹³

Шведская партия Кильбума никогда не принадлежала к "троцкистам". Какова ее политика в испанском вопросе, мне неизвестно. "Юманите" по примеру Сталина причисляет к троцкистам всех тех, которые могут помочь так или иначе скомпрометировать троцкизм: на этом принципе построены московские процессы. Партия Кильбума могла возбудить неудовольствие Коминтерна тем, что выразила свое недоверие к сталинскому правосудию. Но по этому методу пришлось бы подавляющее большинство цивилизованного человечества причислить к "троцкистам".

Давал или не давал я "инструкции" поддерживать республиканский фронт волонтерами? Я вообще не даю "инструкций". Я высказываю свое мнение в статьях. Отказывать в поддержке испанским республиканским войскам могут только трусы, изменники или агенты фашизма. Элементарнейший долг каждого революционера - бороться против банд Франко, Муссолини и Гитлера.

На левом фланге правительственной коалиции и наполовину в оппозиции стоит партия ПОУМ. Эта партия не является "троцкистской". Я неоднократно критиковал ее политику, несмотря на мою горячую симпатию к героизму, с каким члены этой партии, особенно молодежь, борются на фронте. ПОУМ совершила ошибку, приняв участие в избирательной комбинации "народного" фронта: под прикрытием этой комбинации генерал Франко в течение ряда месяцев безнаказанно готовил восстание, которое опустошает ныне Испанию. Революционная партия не имела право ни прямо, ни косвенно брать на себя ответственность за политику слепоты и попустительства. Она обязана была призывать массы к бдительности. Руководство ПОУМ совершило вторую ошибку, вступив в коалиционное каталонское правительство: чтобы сражаться рука об руку с другими партиями на фронте, нет надобности брать на себя ответственность за ложную правительственную политику этих партий. Ни на минуту не ослабляя единого военного фронта, надо уметь политически собирать массы под революционным знаменем.

В гражданской войне еще неизмеримо более, чем в обычной войне, политика господствует над стратегией. Роберт Эдвард Ли³¹⁴ был как полководец талантливее Гранта³¹⁵, но программа ликвидации рабства обеспечила победу Гранта. В нашей трехлетней гражданской войне перевес военного искусства и военной техники был нередко на стороне противника, но победила в конце концов большевистская программа. Рабочий ясно знал, за что он сражается. Крестьянин долго колебался, но, сравнив на опыте два режима, поддержал в конце концов большевиков.

В Испании сталинцы, задающие на верхах тон, выдвинули формулу, к которой примкнул и премьер Кабальеро³¹⁶: сперва военная победа, а затем социальная реформа. Я считаю эту формулу губительной для испанской революции. Не видя на деле коренной разницы двух социальных программ, трудящиеся массы, особенно крестьяне, впадают в индифферентизм. При этом условии фашизм

неизбежно победит, ибо чисто военный перевес на его стороне. Смелые социальные реформы представляют собой главнейшее оружие гражданской войны и основное условие победы над фашизмом.

Политика Сталина, который в революционных ситуациях всегда обнаруживал себя оппортунистом, диктуется страхом напугать французскую буржуазию, особенно те "двести фамилий", которым французский народный фронт объявил некогда войну... на бумаге. Политика Сталина в Испании повторяет не столько даже политику Керенского в 1917 г., сколько политику Эберта-Шейдемана в германской революции 1918 г. Победа Гитлера явилась расплатой за политику Эберта-Шейдемана. В Германии расплаты пришлось ждать 15 лет. В Испании она может прийти раньше, чем через пятнадцать месяцев.

Не будет ли, однако, социальная и политическая победа испанских рабочих и крестьян означать европейскую войну? Такие пророчества, продиктованные реакционной трусостью, ложны в корне. Европейская война надвигается сейчас с неумолимой силой. Если фашизм победит в Испании, Франция окажется в таких тисках, из которых ей не вырваться. Диктатура Франко означала бы неминуемое ускорение европейской войны в наиболее тяжелых для Франции условиях. Незачем говорить, что новая европейская война грозила бы обескровлением и упадком французской расы и тем самым неизмеримым ущербом культуре всего человечества.

Победа испанских рабочих и крестьян, наоборот, потрясла бы режим Муссолини и Гитлера. Благодаря своему герметическому, тоталитарному характеру фашистские режимы производят впечатление несокрушимости. На самом деле они при первом серьезном испытании станут жертвой внутренних разрывов. Победоносная русская революция подточила режим Гогенцоллерна. Победоносная испанская революция подточит режим Муссолини и Гитлера. Уже по одному этому победа испанских рабочих и крестьян сразу обнаружила бы себя как могущественный фактор мира.

Задача подлинных испанских революционеров состоит в том, чтобы, укрепляя и усиливая военный фронт, сбросить политическую опеку советской бюрократии, дать массам смелую социальную программу, вызвать наружу неистощимые источники энтузиазма масс, обеспечить победу революции и тем самым поддержать дело мира. Только в этом спасение Европы!

Л.Троцкий

18 февраля 1937 г.

Редактору "Нью Йорк Таймс"

Сэр:

В редакционных комментариях по поводу моего заявления о показаниях Владимира Ромма (свидание в Булонском лесу в конце 1933 года) вы на основании номеров "Таймс" за соответственный период, даете в высшей степени ценную фактическую справку (N[ew] Y[ork] Times, 17 фев[раля]), которая, делая честь точности ваших корреспондентов, подтверждает в то же самое время полностью мое изложение условий моего приезда во Францию и пребывания в ней.

Позвольте мне сделать лишь одно пояснительное замечание. Вы пишете в указанных комментариях, что я был позже выслан из Франции за "несоблюдение обязанностей нейтральности". И в этой части ваш корреспондент совершенно правильно передал сообщение, данное печати из министерства внутренних дел после горячей кампании реакционной и "коммунистической" печати, требовавшей моей высылки из Франции. Но это сообщение осталось без практических последствий: я прожил после того в департаменте Изер еще свыше года под строжайшим инкогнито, но без каких бы то ни было конфликтов с французскими властями. Я уехал в Норвегию по собственному выбору и желанию.

[Л.Д.Троцкий]

[Не ранее 18 февраля 1937 г.]

Господину председателю Совета министров Франции

Господин председатель!

Вам, несомненно, известно, что я и мой сын в числе прочих других лиц обвиняемся советскими властями в преступных действиях, направленных против жизни вождей СССР, против безопасности советского государства и против безопасности Франции. Ни одно из этих обвинений уже ввиду их грандиозности и большого числа жертв не может оставлять безразличным ни одного мыслящего человека на нашей планете. Но обвинение в союзе с Германией против СССР и Франции не может не привлечь Вашего непосредственного внимания, как главы французского правительства. К этому присоединяются специальные обстоятельства, которые делают, на мой взгляд, вмешательство компетентных французских властей совершенно необходимым и неизбежным. Мой сын Лев Седов, один из главных обвиняемых, проживает и ныне во Франции и состоит тем самым под покровительством французских законов. На последнем процессе (Радека, Пятакова и др.) некоторые обвиняемые и свидетели указали, что часть заговора разыгралась на французской территории. Так, свидетель Владимир Ромм показал, будто он встречался с моим сыном и со мной во Франции и получал от меня директивные письма, в которых я рекомендовал убийство советских вождей, содействие ускорению ближайшей войны и победе в ней фашизма. Та часть "заговора", которая развернулась будто бы на территории французской республики, легче всего может быть проверена французскими властями, а так как инкриминируемые мне и сыну действия направлены против безопасности Франции, то уклонение французских властей от расследования не могло бы быть понято иначе, как полное и категорическое доверие их к московским процессам.

Позволю себе выразить уверенность, что задача французских следственных властей не составила бы больших трудностей. Важнейшим элементом в показаниях Ромма является его рассказ о встрече со мной в Булонском лесу, происшедшей будто бы в конце июля 1933 года, т. е. сразу по моем приезде во Францию: 24 июля 1933 г. Я высадился в Марселе. [Я заявил] в ньюйоркской газете "Таймс" в феврале [1937 г.], что берусь неопровержимо доказать свое алиби и тем самым ложность показаний Ромма. В конце июля [1933 г.], как и в следующие

затем три месяца, я не был и не мог быть в Париже, т. к. в качестве больного находился в деревне Saint-Palais подле Руайана, куда направился непосредственно из марсельской пристани. В "Таймс" я заявил с известной осторожностью, что не менее тридцати человек посетили меня в Saint-Palais и могут выступить в качестве свидетелей. После того я произвел еще более тщательные розыски в своей памяти и в своих бумагах и могу выставить сейчас не менее 49 свидетелей, не считая французских полицейских властей в Париже, Марселе, Шарант-Инфериере, которые знали мой маршрут и место моего жительства.

Большинство свидетелей проживает во Франции, меньшинство в близлежащих странах: Бельгии, Голландии и Англии. Со своей стороны я готов дать все необходимые показания как здесь, в Мексике, через французскую миссию, так и во Франции, куда готов явиться по первому требованию, чтобы отвечать перед французским судом за действия, якобы совершенные на французской территории и направленные против жизненных интересов Франции.

В ожидании решения Вашего правительства приношу Вам выражение своих изысканных чувств.

Л.Троцкий

Мексика,

26 февраля 1937 г.

Предисловие к английскому изданию книги "Сталинская школа фальсификации"

Потрясшие весь мир московские процессы означают агонию сталинизма. Политический режим, который вынужден прибегать к таким методам, обречен. В зависимости от внешних и внутренних обстоятельств агония может длиться дольше или меньше. Но никакая сила в мире уже не спасет Сталина и его систему. Советский режим либо освободится от бюрократического спрута, либо будет увлечен им в бездну.

Эта книга ничего не говорит о московских процессах, которым целиком посвящена моя новая работа, "Преступления Сталина"³¹⁷. Однако московские судебные амальгамы не свалились с небес, а явились закономерным продуктом прошлого, т. е. прежде всего "сталинской школы фальсификаций". Настоящая книга окажется, надеюсь, полезной для всякого, кто захочет понять идеологический и политический генезис московских процессов. Без знания генезиса ничего вообще на свете, в том числе и подлога, понять нельзя.

Вступать сейчас со сталинцами в теоретические споры было бы полным анахронизмом. Люди - я имею в виду, конечно, вождей, а не обманутых и растерянных последователей - полностью и окончательно порвали с марксизмом и бросаются конвульсивно от одной эмпирической формулы к другой, приспособляясь к потребностям правящей советской касты. Но остается несомненным историческим фактом, что подготовка кровавых судебных подлогов

началась с "маленьких" исторических искажений и "невинной" фальсификации цитат. Бюрократии нужно было приспособить большевизм к своим собственным потребностям. Этого нельзя было сделать иначе, как вытравив из него душу. Революционную суть большевизма бюрократия назвала "троцкизмом". Так она создала ось, вокруг которой начала наматывать в дальнейшем свои фальсификации во всех сферах теории и практики.

В политической области инициатива такой работы - этого нельзя замолчать - принадлежала покойному Зиновьеву, герольду борьбы с троцкизмом в 1923-1925 гг. Но уже к концу 1925 г. Зиновьев испугался последствий собственной инициативы и перешел в ряды оппозиции. Дальнейшее слишком хорошо известно. В экономической области теоретическое оружие против троцкизма выковал Бухарин: "недооценка крестьянства", "сверхиндустриализация" и пр. Судьба Бухарина также известна: официальный защитник чистого ленинизма был вскоре объявлен "буржуазным либералом", затем помилован, сейчас он в тюрьме дожидается суда.

Крупнейшее место в борьбе против "троцкизма" занимали исторические вопросы. Дело шло при этом как об истории развития России в целом, так и особенно об истории большевистской партии и Октябрьской Революции. Самым авторитетным советским историком надлежит, безусловно, признать покойного М.Н.Покровского³¹⁸. В течение ряда лет он со свойственной ему порывистостью вел борьбу как против моих общих взглядов на историю России, так и, в частности, против моей концепции Октябрьской Революции. Все, что писалось другими "коммунистическими" критиками на эту тему, являлось лишь перепевом мыслей Покровского. Отдавая должное эрудиции, добросовестности и таланту покойного ученого, нельзя не сказать, что Покровский не овладел методом марксизма и вместо анализа непрерывного взаимодействия всех элементов исторического процесса давал механические конструкции ad hoc, для каждого случая, мало заботясь об их диалектической связи между собою. Несколько лет тому назад такая оценка звучала как святотатство. Покровский был высшим авторитетом советской науки. Его школа господствовала неограниченно. Его учебники или учебники его учеников расходились в миллионах экземпляров. Незадолго до смерти его чествовали как законодателя в царстве научной мысли. Но уже в 1935 г. приступлено было к внезапному, но тем более радикальному пересмотру его наследия. В течение нескольких месяцев Покровский был полностью разжалован, уничтожен, дискредитирован. От скамьи подсудимых его спасла, пожалуй, лишь своевременная кончина. Было бы, разумеется, нелепо ждать, что школа Покровского ликвидирована в интересах марксизма. Нет, Покровский обвинен в недостатке патриотизма, в неуважении к прошлому России, в недостатке национальной гордости!

В чем же выражалась теоретическая работа самого Сталина? Ни в чем. Он только эксплуатировал своих теоретических попутчиков в интересах новой правящей касты. В историю "мысли" он войдет лишь как организатор величайшей школы фальсификаций. Но именно этим Сталин вернее и полнее всего выражает идеологическую физиономию нового правящего слоя. Каждая теоретическая формула антитроцкизма (шло ли дело о Зиновьеве, о Бухарине или о Покровском)

становилась уже на ближайшем этапе невыносимой обузой для новых господ положения. Официальная "теория" превращена ныне в белый лист бумаги, на котором несчастные теоретики почтительно обводят контуры сталинского сапога. Удаляясь семимильными шагами от своего большевистского прошлого, бюрократия сперва пожирала на каждом этапе своих собственных теоретиков. Сейчас ей этого уже мало: она не может помириться на меньшем, как истребление всего старого поколения большевиков. Таково завершение советского Термидора!

*

В этом томе собрано немало материалов для политической характеристики четырех человек, возглавлявших два последних московских процесса: Зиновьева-Каменева, с одной стороны, Радека-Пятакова - с другой. Предшествующие политические и теоретические блуждания обеих пар чрезвычайно облегчают понимание их поведения на суде, - как, с другой стороны, судебные процессы бросают багровый свет на предшествующие зигзаги этих несчастных жертв ГПУ.

Зиновьев и Каменев были инициаторами борьбы против меня в 1923 году. Пятаков и Радек - первый на три четверти, второй наполовину - состояли в лагере оппозиции. В 1926 году Зиновьев и Каменев примкнули к оппозиции; одновременно Радек и Пятаков укрепились в своем оппозиционном кредо. В ноябре 1927 года Зиновьев и Каменев повернули на путь капитуляции. За ними последовали сперва Пятаков, затем Радек.

Призрак троцкизма был впервые выдвинут "тройкой" (Зиновьевым, Каменевым и Сталиным) в 1924 году. В 1926 году Зиновьев рассказал на собрании оппозиционного центра, как "тройка" решила искусственно оживить старые, дореволюционные, давно забытые разногласия между Лениным и мною, чтобы, прикрывшись призраком троцкизма, повести борьбу против Троцкого. Этот рассказ Зиновьева запечатлен в письмах Радека (25 декабря 1927 г.) и Пятакова (2 января 1928 г.), которые читатель найдет в этой книге. Оба письма написаны в те дни, когда Зиновьев и Каменев для оправдания своей капитуляции снова выдвинули уже разоблаченный ими призрак троцкизма, тогда как Радек и Пятаков пытались еще удержаться на старой позиции. Но уже в течение ближайшего года Пятаков, а за ним и Радек должны были прибегнуть к официальной легенде о троцкизме, чтобы подготовить и оправдать собственную капитуляцию. В этих фактах идеологической деморализации находило свое выражение растущее социальное давление бюрократии.

Старых обвинений ("перманентная революция", "недооценка крестьянства" и пр.) было слишком недостаточно для разгрома оппозиции, а затем и ее физического искоренения. Открылась эпоха уголовных амальгам, сперва мелких и частичных, затем все более чудовищных. Серия покаяний Зиновьева-Каменева, возрастая в геометрической прогрессии, привела их в августе 1936 года на скамью подсудимых по обвинению в убийстве Кирова, т. е. в преступлении, к которому они имели во всяком случае меньше отношения, чем Сталин. В дни суда над Зиновьевым и Каменевым Радек и Пятаков разразились необыкновенно

гнусными статьями, в которых, притворяясь, будто верят обвинению, требовали для подсудимых смерти. Но уж очень скоро и тот, и другой попали сами на скамью подсудимых и оказались вынуждены сделать признания, которые в чудовищности своей неизмеримо превосходят мнимые преступления Зиновьева-Каменева. Вывод? С историей хитрить нельзя, особенно в эпохи великих потрясений.

*

Как можно, однако, поверить, - говорят наивные люди, - что Сталин оказался способен на столь страшный подлог, что он нашел для этого подлога штат исполнителей, включая сюда и самих обвиняемых, и не встретил в то же время никакого сопротивления ни со стороны ближайших сотрудников, ни в судебном аппарате? Удивляться этому могут лишь те, которые проспали всю предшествующую эволюцию СССР. Процесс отбора и воспитания аппарата в духе сталинской школы фальсификаций длится уже четырнадцатый год. Хоть и в фрагментарной форме, в этой книге собраны многочисленные и аутентичные документы, характеризующие различные этапы закабаления партии, разращения аппарата и отравления совести правящего слоя во имя насквозь фальшивой "монолитности". Те бесчисленные теоретические подделки и исторические подлоги, о которых говорится на этих страницах, представляют собою в сущности не что иное, как серию эскизов и набросков к тем адским фрескам, которыми Сталин потряс совесть всего мира. Контрольные комиссии, уже начиная с 1924 г., привыкли требовать от бывших оппозиционеров ложных признаний. По примеру Зиновьева, Каменева, Радека и Пятакова многие тысячи капитулянтов привыкли делать ложные заявления. Печать публиковала об этих заявлениях статьи, которым ни их авторы, ни посвященные читатели не верили ни на минуту. В каждом новом издании сочинений Ленина примечания подвергались радикальной переработке: минусы заменялись плюсами, плюсы - минусами. В энциклопедических словарях и других справочниках каждые год-два заново переделывались биографии и перестраивались на новый лад недавние события - с целью возвеличения одних и уничтожения других. Тысячи писателей, историков, экономистов пишут в СССР по команде не то, что думают. Профессора университетов и школьные учителя вынуждены менять наспех написанные учебники, чтобы приспособляться к очередному этапу официальной лжи. Дух инквизиции, насквозь пронизывающий атмосферу страны, питается, как уже сказано, глубокими социальными источниками. Для обоснования своих привилегий правящая каста приспособливает теорию, которая имеет своей целью устранение всяких привилегий. Ложь является поэтому основным идеологическим цементом бюрократии. Чем непримиримее становится противоречие между ней и народом, тем грубее становится ложь, тем более нагло она превращается в уголовную фальсификацию и судебный подлог. Кто не понял этой внутренней диалектики сталинского режима, тот не поймет и московских процессов.

*

Агония сталинизма означает агонию Коминтерна. Эта международная организация является сейчас главным внутренним препятствием на пути освобождения рабочего класса. Отбор людей без чести и совести принял в Коминтерне столь же ужасающие размеры, как и в государственном аппарате СССР. "Вожди" по назначению сменяют "убеждения" по телеграфному приказу. Они организуют кампании клеветы против Зиновьева, который был их непререкаемым авторитетом, против Бухарина, которого они объявляли своим вождем, против Радека, которого они вчера еще почтительно цитировали в борьбе против троцкизма. Чиновники Коминтерна представляют во всех отношениях - теоретическом, политическом и моральном - тип, прямо противоположный типу революционера. Они держатся за Сталина, который в свою очередь нуждается в них для поддержания своей тирании в СССР. Московские процессы до конца раскрывают внутреннюю гниль Коминтерна. После периода смущения и колебаний неизбежен его быстрый распад, который может наступить значительно скорее, чем крушение сталинской системы в Советском Союзе. Второй Интернационал успел в ряде стран тесно связаться с Коминтерном в период его полного загнивания. Крушение Коминтерна нанесет неизбежно жестокий удар социал-демократии. Но это не значит, что мировой пролетариат останется без руководства. Ценою страшных поражений и жертв, главная ответственность за которые ложится на советскую бюрократию, пролетарский авангард найдет свой исторический путь. Все более уверенно он будет смыкать свои ряды под знаменем Четвертого Интернационала, который уже сегодня поднимается на плечах своих предшественников.

Л.Троцкий.

3 марта 1937 г.

Ответы на вопросы O'Brian (Chicago Daily News)319

Вопрос: Коротко, что по Вашему мнению нужно было бы знать американцам о нынешней ситуации в России и о Вашем к этому отношении?

Ответ: Прежде всего, было бы величайшей ошибкой с экономической, дипломатической и военной стороны отождествлять Советский Союз с ныне правящей группой. Клика Сталина, как показывают московские процессы, вступила в стадию агонии. Советский Союз будет жить и развиваться. На новых социальных основах, заложенных Октябрьской революцией, он создаст режим подлинной демократии и станет величайшим фактором мира в социальном освобождении человечества.

Вопрос: В какой степени заслуживает доверия Уолтер Дюранти?

Ответ: Корреспонденции г. Дюранти, как и его книга об СССР³²⁰, не заслуживают никакого доверия. Дюранти прибыл в Москву, когда началась ликвидация революции. В противовес таким американским журналистам, как Джон Рид³²¹ и другие, которые проявили великую преданность революции и народам Советского Союза, Дюранти и ему подобные связаны только с бюрократией, вернее с правящей кликой, рупором которой они являются. Защищая Сталина, эти

господа защищают себя.

Вопрос: Поворачивает ли нынешний режим в России от марковского социализма к государственному капитализму?

Ответ: Ответ на третий вопрос дан в моей книге "Преданная революция". Проблема так сложна, что я затрудняюсь резюмировать ее в нескольких строках.

Вопрос: Каково отношение мексиканского правительства к Вашему пребыванию здесь?

Ответ: Со стороны мексиканского правительства я не встречал ничего, кроме благожелательности и гостеприимства. Я горжусь тем, что нахожусь под покровительством страны, которая с наибольшим мужеством и решительностью выступила на защиту испанской революции.

Вопрос: Считаете ли Вы, что Вы лично находитесь в опасности, и если да, то с чьей стороны исходит эта опасность?

Ответ: Что советская бюрократия сперва лишила меня гражданства, а затем объявила вне закона, известно всем. Какие дальнейшие практические меры она предпримет, покажет будущее.

Вопрос: Кому вы обязаны Вашим переездом и нахождением здесь?

Ответ: Инициатива моего переселения в Мексику принадлежит моему великому другу Диего Ривера³²². Его инициатива с первых слов встретила чрезвычайно благожелательное отношение со стороны господина президента Карденаса и членов его правительства. Заявления, которые пускались из Европы, будто я предпочитал оставаться интернированным в Норвегии, представляют собой грубый вымысел. Я с величайшей благодарностью принял предложенную мне визу в надежде целиком отдаться литературной работе под благословенным небом этой страны. Последний московский процесс нарушил мои намерения, вынудив меня выступить с разоблачениями перед лицом мирового общественного мнения. Но я надеюсь, что серия кровавых подлогов скоро кончится и что я смогу целиком обратиться к систематической научной литературной работе.

Вопрос: Считаете ли Вы, что Мексика коммунистическая в том же смысле, что и Советский Союз?

Ответ: Я считаю грубейшим извращением отождествлять режим Мексики с режимом СССР. Мексика имеет свою историю, свою особую национальную и социальную структуру и свою особую программу. Нет большего преступления, как шаблонизирование в области политики!

[Л.Д.Троцкий]

3 марта 1937 г.

Феннер Броквей как Притт No 2

Секретарь британской Независимой рабочей партии Феннер Броквей спешит на помощь Притту, королевскому советнику, со своим планом спасения московских фальсификаторов. Притт No 1 попытался разрешить задачу юридически. Притт No 2 ставит задачу политически. Международное

расследование по поводу московских процессов, по мнению Феннера Броквея, недопустимо, ибо оно может причинить "ущерб России и коммунистическим кругам". Феннер Броквей признает, таким образом, заранее, что беспристрастная проверка не сможет подтвердить московские обвинения и оправдать расстрелы. Наоборот, Броквей уверен, что из честного и открытого расследования может вытечь только "ущерб" для клики Сталина и для "коммунистических кругов". Именно поэтому Притт No 2 предлагает организовать "расследование отношения (!) Троцкого к рабочему движению". Другими словами: вместо установления объективной истины относительно чудовищных уголовных обвинений Броквей предлагает тенденциозный политический процесс против своего идейного противника. При этом Броквей считает себя - а кому же знать Броквея лучше, чем ему самому? - заранее отмеченным перстом судьбы, чтобы взять на себя подобного рода инициативу. Он великодушно намечает и будущее жюри из "четырёх или пяти людей", которые обладают "объективными аналитическими умами". В качестве кандидатов Броквей называет: австрийского социал-демократа Отто Бауэра, датского (шведского?) адвоката Брантинга³²³, вождя социалистической партии Соединенных Штатов Нормана Томаса³²⁴ и... "хорошего француза". Эта выбранная Броквеем комиссия, которую он надеется, по собственным словам, обеспечить необходимыми финансами, должна вынести суждение о "роли троцкизма в рабочем движении". Трудно представить себе затею, более смехотворную и в то же время более... интриганскую!

Мое "отношение к рабочему движению", если оставить в стороне сорок лет моей революционной работы, выражается ныне в следующей формуле: Руководящие аппараты 2-го и 3-го Интернационалов стали прямым препятствием на пути эмансипации пролетариата. Если новая война надвигается на человечество с неумолимой силой, то ответственность за это ложится полностью на руководство 2-го и 3-го Интернационалов. Я считаю неизбежным и необходимым создание нового Интернационала на основах программы, которая изложена и обоснована в моих книгах и статьях, как и в работах моих единомышленников. В то же время так называемые троцкисты всегда и везде готовы поддержать любой практический шаг Второго или Третьего Интернационалов против фашизма и реакции вообще, поскольку дело идет о действительных актах борьбы, а не о дешевых парадах, мишурных спектаклях всеобщего единения и всяком вообще пускании пыли в глаза. С бюрократическим шарлатанством и с "демократическим" пустословием мы не имеем ничего общего!

За эти идеи я борюсь совершенно открыто. Мои противники имеют полное право и полную возможность подвергать меня самой суровой критике. Из этого права они делали до сих пор широкое употребление. Я никогда на это не жаловался. Борьба ведется из-за высших целей человечества. Разрешить непримиримые разногласия может только дальнейший ход исторического процесса. Я спокойно жду его вердикта. Если, однако, Броквей вместе с Отто Бауэром и с анонимным "хорошим французом" хотят предвосхитить приговор истории, я могу лишь пожелать им полного успеха. Такие попытки делаются не в первый раз.

Гг. Феннеры Броквей и Отто Бауэры не раз судили Ленина, особенно с 1914

по 1917 г., и позже, чтобы совместно с русскими меньшевиками признать его сектантом, раскольником, дезорганизатором рабочего класса и помощником контрреволюции. Подобные же господа в союзе с "хорошими французами" и столь же "хорошими" немцами середины 19-го столетия десятки раз осуждали и уничтожали Маркса и Энгельса. Я готов претерпеть ту же участь, которой многократно подвергались мои великие учителя.

План Броквея принимает, однако, заведомо бесчестный характер с того момента, где он юридическое расследование об уголовных обвинениях и о судебных процессах, вернее, о величайших в мире подлогах, пытается подменить политической фракционной интригой, чтобы предотвратить таким образом "ущерб" для Сталина и его агентов. Здесь передовые рабочие скажут: стоп! Страхи Броквея, из какого бы источника они ни питались, не помешают правде восторжествовать над ложью!

Относительно кандидатов, намечаемых Броквеем для его политической интриги, я могу сказать следующее. За последние годы я написал с десяток статей, в которых в дружественной форме пытался разъяснить самому Феннеру Броквею и его друзьям, что их беспринципная политика, извивающаяся вправо и влево под кнутом Сталинтерна, неизбежно погубит Независимую рабочую партию. Сейчас этот прогноз, увы, получил полное подтверждение. Отто Бауэра я знаю в течение 30 лет как бесхребетного политика, который всегда приспосабливается к классовому врагу: к покойной Габсбургской монархии³²⁵, к австрийской буржуазии, к Вильсону, к Антанте и который именно поэтому стал главным виновником за разгром австрийского пролетариата. Еще в 1922 году Бауэр считал, что советская диктатура задерживает "прогресс", который, по его тогдашнему мнению, требовал возвращения России на путь капитализма. Сейчас Бауэр склонился перед советской бюрократией, которая задерживает прогресс на путях социализма. Анализ гнилой политики Отто Бауэра изложен в десятке моих работ. Бауэр даже не пытался никогда отвечать на них. Я ничего не могу сказать о Брантинге, который рекомендуется в качестве "адвоката", хотя дело идет не об юридических, а о теоретических и политических проблемах. Что касается Нормана Томаса, то он никогда не скрывал своих разногласий со мною, как и у меня нет основания преуменьшать их глубинную [...]326. Однако Норман Томас считает, что, как бы глубоки ни были разногласия и какую бы политическую остроту ни принимала борьба тенденций и фракций, существуют недопустимые, преступные, отравленные методы, которые одинаково угрожают всем фракциям пролетариата. Без очищения рабочих рядов от террора, саботажа, шпионажа и пр., - если они есть! - или от подлогов, фальсификаций, подлых судебных убийств, - а они есть несомненно! - рабочее движение в целом обречено гангрене. Здесь у меня есть общая почва с Норманом Томасом и со всеми теми, которые серьезно относятся ко внутренней морали рабочего движения. С Броквеем такой общей почвы нет и быть не может. В качестве политика Феннер Броквей может как угодно судить о троцкизме: это его право. Но в качестве Притта No 2 он должен встретить беспощадный отпор!

Л.Троцкий.

Койоакан,
6 марта 1937 г.

[Заявление об интервью А.Мальро]

Интервью Андре Мальро в "Националь" по поводу Испании, Франции, московских процессов и Андре Жида имеют глубоко официальный характер, как, надо думать, и сама поездка Мальро в Соединенные Штаты.

Когда Мальро отдает дань признания мужественной и дальновзоркой политике президента Карденаса в отношении испанской революции, не я, конечно, буду против этого возражать. Я могу только выразить сожаление по поводу того, что инициатива Мексики не нашла поддержки. Гораздо более двусмысленный характер имеют резкие слова Мальро по адресу Леона Блюма. Не мне его защищать. Но во всех основных вопросах, касающихся Испании, Сталин вел и ведет ту же политику, что и Блюм. Похоже на то, что ответственность за последствия этой политики в Москве собираются взвалить на одного только Блюма. Однако не в освещении этих вопросов состоит миссия Мальро: подобно многим другим дипломатам, особенно неофициальным, Мальро меньше всего говорит о том, что его больше всего занимает. Нью-Йорк сейчас - центр движения за пересмотр московских процессов, что является, к слову сказать, единственным средством предупредить новые судебные убийства. Незачем пояснять, в какой мере это движение тревожит организаторов московских амальгам. Они готовы на все и всякие меры, чтобы приостановить движение. Поездка Мальро входит в число этих мер.

В 1927 году Мальро состоял в Китае на службе Коминтерна, и является одним из тех, на кого ложится ответственность за удушение китайской революции. В своих двух романах Мальро, не желая того, дал убийственную картину политики Коминтерна в Китае. Но он не сумел из собственного опыта сделать необходимых выводов.

Мальро, как и Андре Жид, принадлежит к друзьям СССР. Но между ними огромная разница, притом не только в размерах таланта. Андре Жид - совершенно независимый характер, наделенный огромной проницательностью и тем интеллектуальным героизмом, который позволяет каждую вещь называть по имени. Без этой способности можно болтать о революции, но служить ей нельзя. Мальро, в отличие от Жида, органически неспособен к нравственной независимости. Его романы сплошь посвящены героизму, но сам он не обладает этим качеством и в минимальной мере. Он рожден быть официозом. В Нью-Йорке он призывает забыть обо всем, кроме испанской революции. Забота об испанской революции не помешала, однако, Сталину истребить десятки старых революционеров. Сам Мальро покинул Испанию для того, чтобы в Соединенных Штатах вести кампанию в защиту судебной работы Сталина-Вышинского. К этому надо прибавить, что политика Коминтерна в Испании полностью повторяет его гибельную политику в Китае. Такова неприукрашенная правда!

Л.Троцкий

8 марта 1937 г.

Несколько конкретных вопросов к господину Мальро³²⁷

Грубость выражений - общая черта сталинского лагеря - не меняет существа дела. Я совсем не говорил, что Мексика была единственной страной, оказавшей помощь Испании. Я сказал, что Мексика сделала максимум того, что могла, и что это поняли все народы. Каковы бы ни были ближайшие судьбы испанской революции, в сердцах испанского народа навсегда останется благодарность народу Мексики. Великодушная и проницательная политика всегда в конце концов приносит плоды.

В противовес Мексике советская бюрократия сделала минимум того, что могла сделать: именно, ровно столько, чтобы не скомпрометировать себя безнадежно в глазах пролетариата. К этому надо прибавить, что политика, которую сталинская бюрократия навязывает испанской революции, является в полном смысле слова гибельной. Она привела уже к страшным поражениям в ряде стран. Однако спорить по поводу проблем революции с г. Мальро нет основания: еще в 1931 г. я писал в "Nouvelle Revue Francaise"³²⁸, что Мальро ничего не вынес из опыта китайской революции и не усвоил азбуки марксизма. С тех пор он не сделал ни шагу вперед.

Гораздо актуальнее та специальная миссия, которую г. Мальро выполняет ныне в Соединенных Штатах. Он прибыл, чтобы заявить: московские процессы - это "личный" вопрос Троцкого; не стоит заниматься "личной" судьбой старой большевистской гвардии, когда в порядке дня стоят столь важные "политические" проблемы, как испанская революция. Здесь г. Мальро выдает себя целиком. Защитники московских судебных подлогов делятся на три группы. Первая повторяет, как попугай, формулы обвинительного акта, прибавляя к ним ругательства; таковы "журналисты" Коминтерна, выполняющие прямые поручения ГПУ. Этим людям никто не берет всерьез и никто не питает к ним уважения. Вторая группа, притворяясь беспристрастной, пытается оправдать московские процессы при помощи абстрактных доводов и софизмов. Другими словами: под видом "чисто юридического анализа" эти люди перекрашивают то, что происходило на судебной сцене, решительно отказываясь заглянуть за кулисы. Между тем, весь подлог подготовлен в течение ряда лет за кулисами, и на сцене разыграна лишь та часть трагического спектакля, которая специально предназначена для обмана общественного мнения. Эта "чисто юридическая" защита может быть с полным правом названа приттизмом по имени британского адвоката Притта. Однако и эта система успела себя скомпрометировать. Остается третий путь, именно: отвлечь общественное мнение от подлогов и массовых убийств при помощи патетических ссылок на другие задачи. Такова миссия г. Мальро и ему подобных.

Разве не чудовищно, в самом деле, его утверждение, будто московские процессы являются моим "личным" делом? Одно из двух: либо обвинения верны, и все старое поколение большевистской партии, кроме небольшой клики Сталина,

действительно повернуло на путь фашизма, - тогда этот симптом свидетельствует о невероятно глубоком кризисе всей советской системы. Либо же обвинение ложно, и тогда факт небывалых в истории судебных подлогов говорит о том, что бюрократический аппарат прогнал насквозь. В обоих случаях советское государство представляется, таким образом, тяжело больным. Его надо лечить. Его надо спасать. Какими средствами? Прежде чем определить терапию, надо установить диагноз. Надо сказать то, что есть. Надо выяснить правду. Я могу лишь с соболезнованием относиться к тем людям, которые видят в этом "личный вопрос". Нельзя в связи с этим не отметить следующее маленькое противоречие: когда я высказываюсь по политическим вопросам, друзья Сталина во всех странах поднимают крик: "Его надо выслать за вмешательство в политику!" Когда же я защищаюсь против подлогов, те же друзья кричат: "Смотрите, его интересуют не политические, а личные вопросы!" На этих господ трудно угодить.

Чтобы еще ярче обнаружить действительную функцию г. Мальро, я задам ему перед лицом мирового общественного мнения несколько вполне конкретных вопросов. Куда девались старые большевики Куклин и Гертик³²⁹, обвинявшиеся вместе с Зиновьевым, но не появившиеся на скамье подсудимых? Верно ли, что они, вместе с десятками других, были расстреляны в процессе судебного следствия за нежелание петь по нотам прокурора? Куда девался Сосновский, старый большевик, друг Ленина и замечательный писатель? Верно ли, что он задушен за сопротивление подлогам? Список этот я продолжу, когда получу первый ответ.

Г[осподин] Мальро хвалится тем, что всегда "защищал" антифашистов. Нет, не всегда, а лишь в тех случаях, когда это совпадало с интересами советской бюрократии. Г[осподин] Мальро никогда не защищал тех антифашистов (итальянцев, болгар, югославов, немцев), которые доверились гостеприимству советской бюрократии, но за критику деспотизма и привилегий попали затем в руки ГПУ. Где находятся три югославских революционера (Дедич, Dragitsch, Haeberling)? Где находится Ценци Мюзам, подруга известного анархистского поэта и борца Эриха Мюзам³³⁰, замученного наци? Где находятся итальянские и испанские революционеры (Gezzi, Gaggi, Merino, Caligaris), освобождения которых не раз уже требовали те самые испанские милиционеры, о которых так печется г. Мальро? Может быть, заодно г. Мальро сообщит нам полный список всех тех антифашистов, в частности, болгар, которые были убиты без следствия и суда в числе первых 104 человек, расстрелянных "по поводу" убийства Кирова, но вне всякой связи с этим убийством?

Есть ли связь между этими преступлениями советской бюрократии и ее политикой на Пиренейском полуострове и во всем мире? Я утверждаю, что такой связи не может не быть. Одна и та же бонапартистская политика приводит в разных областях к одинаково губительным последствиям. Но если г. Мальро отказывается понимать эту связь, он все же не может не ответить на поставленные мною конкретные вопросы. Или, может быть, его друзья в Москве откажут ему в информации? Такой отказ будет подтверждением худших обвинений

против советской бюрократии.

Л.Троцкий

Мексика, 1

3 марта 1937 г.

[Письмо американским издателм Ферреру и Райнгарту]

Ferrer & Rinehart

New York

Ферер и Райнгарт. Издатели.

Милостивые государи!

Я с большим удовольствием и пользой читаю сейчас изданную Вами книгу "Американский город" Чарльза Ромпефра Уокера³³¹. Книга оригинальна по замыслу и прекрасна по исполнению. Трудно, мне кажется, с бльшим искусством и с большей простотой (искусство и простота здесь совпадают) ввести читателя в круг самых глубоких и самых интимных социальных проблем Северной Америки. Книга незаменима, в частности, для иностранца, который хочет изучить и понять Соединенные Штаты. Горячо желаю книге Уокера широкого распространения и, в частности, перевода на иностранные языки.

Л.Троцкий

13 марта 1937 г.

[Письмо Ф.Айслеру]

Дорогой товарищ Френсис Айслер!

Я с благодарностью получил Вашу книгу "Два первых московских процесса". Не написал Вам сразу, так как раньше хотел прочитать Вашу книгу. Сердечно поздравляю Вас с этой работой. Тщательностью и добросовестностью анализа, в котором юриспруденция счастливо сочетается с политикой, книга должна произвести большое впечатление на каждого серьезного и мыслящего читателя, в частности и в особенности - на юриста. От всей души желаю Вашей книге самого широкого распространения. Я хотел бы еще пожелать Вам серьезного разбора со стороны противников. Но такое пожелание, к несчастью, утопично. На доводы мысли сталинцы способны отвечать только ругательствами. Это не помешает, однако, правде проложить себе дорогу.

С горячим товарищеским приветом

Л.Троцкий

13 марта 1937 г.

Ответы на вопросы м[истера] С.Волоса, корреспондента еврейской ежедневной газеты "Форвард"³³² в Нью-Йорке

1. Конституции вообще не могут изменить режим. Они лишь записывают на бумаге действительное соотношение сил. В СССР соотношение сил за последние

десять лет окончательно изменилось в пользу привилегированной бюрократии и в ущерб трудящимся классам. Новая Конституция освящает это новое соотношение сил. Она официально закрепляет власть в руках бюрократии, которая выступает в тексте Конституции под псевдонимом "Коммунистической партии". При новой Конституции еще более, чем при старой, всякий, кто покушается на права и привилегии бюрократии, будет объявляться троцкистом и ставиться вне закона.

2. Сталин - только инструмент в руках новой правящей касты. Его личная мстительность, разумеется, играет известную роль. Но истребление старого поколения большевиков диктуется интересами привилегированных верхов бюрократии.

3. В своей книге "Преданная революция" я старался показать, что называть советский режим "государственным капитализмом" ненаучно и неправильно. Формы собственности, созданные Октябрьской революцией, еще сохранились. На этой основе - при благоприятных международных и внутренних условиях - возможно развитие социализма. Однако рост бюрократии расшатывает и ослабляет новые формы собственности, поскольку бюрократия все более самоуправно распоряжается производительными силами страны и поглощает все большую часть национального дохода. Экономический режим СССР имеет переходный характер, т. е. представляет собою известный этап между капитализмом и социализмом, ближе к капитализму, чем к социализму. Этот переходный режим, однако, все более извращается паразитизмом бюрократии. В политическом смысле режим представляет собою историческую разновидность бонапартизма. Дальнейшее развитие бюрократического самодержавия грозит подорвать формы собственности, созданные Октябрьской революцией, и отбросить страну далеко назад. Низвержение бонапартистской бюрократии является поэтому важнейшим условием дальнейшего движения СССР к социализму.

4. Страшные поражения мирового пролетариата, вызванные ложной политикой II и III Интернационалов, являются причиной силы советской бюрократии. Русские рабочие видят сейчас выбор только между Гитлером и Сталиным. Скрепя сердце, они мирятся со Сталиным. Бонапартизм Сталина питается ростом реакции в Европе.

5. Сдельная работа улучшила положение верхов рабочего класса, создав новую рабочую аристократию. Что касается положения основной массы рабочих, то сдельная плата ухудшила его, по крайней мере относительно, а во многих случаях и абсолютно³³³.

6. Обе тенденции играли роль при создании Биробиджана. При режиме советской демократии Биробиджан мог бы, несомненно, сыграть серьезную национально-культурную роль в жизни советского еврейства. При бонапартистском режиме, питающем антисемитские традиции, Биробиджан грозит выродиться в своего рода советское гетто.

7. Революция против советской бюрократии станет мыслима лишь после того, как европейскому пролетариату удастся нанести первые серьезные удары фашизму и капиталистической реакции вообще. Возможно, что режим Сталина, несмотря на свое явное ослабление, будет держаться до тех пор, пока будут

держаться режимы Муссолини и Гитлера. Я думаю, что все три недолговечны.

8. Какие бы то ни было планы на этот счет являются сейчас преждевременными.

9. Я во всех отношениях удовлетворен своим пребыванием в Мексике. Как со стороны народа, так и со стороны властей я не встречал ничего, кроме великодушного гостеприимства. К сожалению, последний московский процесс мешал мне до сих пор ближе познакомиться со страной и изучить испанский язык. Я надеюсь наверстать упущенное в ближайшем будущем.

10. Мои друзья в Нью-Йорке систематически извещали меня о позиции "Форварда" в отношении московских судебных подлогов. Я очень ценю ту объективную информацию, которую давал и дает "Форвард" в этом вопросе своим читателям. Мне незачем здесь напоминать о глубоком различии наших принципиальных позиций. Однако все части рабочего класса и трудящихся масс вообще заинтересованы в том, чтобы идейная борьба не отравлялась отвратительной клеветой, фальсификациями, подлогами и судебными убийствами. Именно поэтому я надеюсь, что "Форвард" и в дальнейшем уделит свои страницы работам следственной комиссии³³⁴, возглавляемой профессором Дьюи³³⁵.

11. Я в высшей степени удовлетворен первым этапом работ ньюйоркской комиссии. Отчет о проведенном ею расследовании появится в ближайшее время в печати. Всякий мыслящий человек сможет сравнить стенографический отчет московского суда со стенографическим отчетом следствия в Койоакане. Я ни на минуту не сомневаюсь, что истина проложит себе дорогу через все препятствия.

Л.Троцкий

27 апреля 1937 г.

[Письмо А. Голдману]³³⁶

Мексика, 28 апреля 1937 г.

Адвокату А.Голдману. Чикаго.

Копия: Г.Новаку³³⁷, секретарю Комитета.

Дорогой друг!

К вопросу о саботаже мы должны внести в Комиссию исключительно ценные материалы, полученные из Копенгагена. Главную часть этих материалов представляют показания и документы инженера Виндфельда Гансена³³⁸. Дело идет не о воспоминаниях и объяснениях задним числом, а об аутентичных документах, характеризующих различные этапы развития советской химической промышленности. Я лично г. В.Гансена никогда не встречал и не находился с ним ни в какой связи. Представленные им документы (его письма и меморандумы) рисуют его самого, как в высшей степени лояльного, вдумчивого и проницательного человека. Лучшего свидетеля-эксперта по вопросу о саботаже Комиссия не могла бы себе и пожелать.

В.Гансен ниспровергает версию о саботаже просто тем, что излагает по документам ход развития одной из важнейших отраслей химической промышленности (удобрения). Изложение В.Гансена вполне совпадает с теми

объяснениями, которые мы с вами представили субкомиссии в Койоакане. Но документы В.Гансена имеют то преимущество, что они на одном частном примере вскрывают ложную конструкцию обвинения с полной конкретностью и убедительностью.

Крайне желательно, чтобы Комиссия поручила обследование этого вопроса компетентным экспертам-химикам. Те же эксперты могли бы дать свое заключение также и по вопросу о взрыве в шахте "Центральная"339 (чрезвычайно важное заявление, сделанное по этому поводу представителями французской федерации углекопов, мы уже предъявили Комиссии). Всестороннее освещение вопроса о саботаже имеет огромное значение, т. к. под прикрытием этого фальшивого обвинения бюрократия расстреливает тысячи неугодных ей лиц в разных частях страны. В Соединенных Штатах можно найти многих рабочих и инженеров, которые годами работали в Советском Союзе и могут дать чрезвычайно важные показания по пункту о саботаже.

Возвращаясь к В.Гансену, хочу еще отметить следующее: при изучении так называемого "стенографического" отчета340 я несколько раз спрашивал себя: почему ГПУ заставило Граше341 обвинить в саботаже и шпионаже В.Гансена и двух других датчан, не играющих в процессе никакой роли и упоминаемых мимоходом только в показаниях одного Граше? После ознакомления с документами В.Гансена загадка разъяснилась сама собою: ГПУ боялось возможных показаний и разоблачений этого компетентного свидетеля и потому попыталось скомпрометировать его заранее. Не сомневаюсь, однако, что и в этом пункте результаты получатся прямо противоположные тем, к которым стремилось ГПУ.

С искренним приветом
[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Китаину]

Мексика, 28 апреля 1937 г.

Дорогой тов. Китаин!

Простите, что не ответил Вам сразу: в связи с Комиссией мы все это время были здесь очень заняты. Я вполне понимаю важность тех сообщений, которые Вы могли бы сделать как человек, проработавший шесть лет в СССР, притом как раз в те годы, к которым относятся обвинения в саботаже и пр. Вы жалуетесь на то, что Вам трудно излагать огромный запас Ваших наблюдений и впечатлений. В этом и состоит беда, что рабочие, имеющие неоценимый жизненный опыт, не владеют пером. Выход, думается мне, из этого затруднительного положения может быть такой: кто-либо из товарищей, владеющих пером, может и должен помочь Вам сформулировать наиболее важные из Ваших наблюдений и впечатлений. Прежде всего Вы могли бы написать Ваши показания для следственной комиссии - об условиях существования рабочих вообще, о режиме на заводах и в особенности о так называемом "саботаже". Я пишу по этому поводу тов. Ванслеру342 который, я надеюсь, найдет способ помочь Вам выработать необходимый документ для Комиссии, а может быть, и для

нашей печати.

С крепким товарищеским приветом

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо участникам III съезда Революционной социалистической молодежи Франции]343

Дорогие товарищи!

Ваш съезд, несмотря на скромные размеры вашей организации, имеет крупнейшее политическое значение, недоступное пониманию напыщенных парламентариев, бюрократических карьеристов, филистеров и евнухов, ибо вы и только вы олицетворяете революционное будущее французского рабочего движения.

Политическая организация, которая находится в постоянных неладах со своей молодежью, обречена на гибель. Такова судьба французской социалистической партии. Она вся насквозь проникнута фальшью. Марсо Пивер отличается от Жиромского и от Леона Блюма только рецептом фальши. В 1934 году эти господа выработывали программу, в которой провозглашали своей задачей "разбить аппарат буржуазного господства". На самом деле они стремятся разбить позвоночник пролетариату в целях упрочения буржуазного господства. Немудрено при этих условиях, если социалистическая партия, хвастающая внутренним режимом демократии, вынуждена на деле систематически отсекал от себя революционные элементы молодежи, отражающей надежды, требования и нетерпение нового поколения рабочего класса.

Нисколько не лучше обстоит в этом отношении дело и у так называемой "коммунистической" партии. Трудно в истории рабочего движения найти другой пример столь быстрого и столь ужасающего вырождения! "Наша партия достигла ныне зрелости", - заявил не так давно г. Торез, достойный представитель той политической зрелости, которая как две капли воды похожа на гниение. "Коммунистическая" партия представляет здание в несколько этажей. Сверху - "зрелая", т. е. насквозь прогнившая бюрократия без принципов, без чести и без совести. Под нею - слой интеллигенции, мелкой буржуазии, чиновников, полуидеалистов, полукарьеристов, всех этих Ромэн Ролланов, Мальро344 и прочей братии. Эти господа хотят иметь звание революционеров, не порывая со своей буржуазией; числиться интернационалистами, сохраняя верность национальному империализму. Все это обеспечивает им Коминтерн, нередко - с приплатой. Дальше идут рабочие массы, которые продолжают группироваться вокруг коммунистической партии в силу исторической инерции. В их среде есть, конечно, много искренних и мужественных борцов, особенно среди молодежи. В эту сторону вам необходимо обратить главное внимание!

"Коммунистическая" партия располагает чрезвычайно могущественными ресурсами для убаюкивания, обмана и держания в узде своих членов. Однако этих ресурсов при нынешних условиях хватит ненадолго. Противоречие между программой и практической деятельностью, противоречие между командой

советской бюрократии и интересами французского пролетариата имеют слишком глубокий и жгучий характер, чтобы господам Торезам, Вайанам-Кутюрье, Дюкло³⁴⁵ и пр[очим] фокусникам удалось долго удерживать в равновесии трехэтажное здание своей партии. Можно заранее предсказать, что ее распад начнется с молодежи. Здесь вас ожидает большая жатва!

Идея, если она отвечает потребностям исторического развития, сильнее самой могущественной организации. У этих господ, у лжесоциалистов, как и у лжекоммунистов, есть большие организации, унаследованные от прошлого, но у них нет идеи. Их программы - фикция. Они живут дипломатией и двусмысленностью, сеют ложь и фальшь.

Ваша организация слаба. Но у вас есть идея. Ваша программа отвечает характеру нынешней эпохи. Она правильно выражает основные исторические интересы пролетариата. Все великие события будут подтверждать вашу программу. При помощи беспощадной критики, настойчивой пропаганды, смелой агитации вы разрушите старые, внутренне прогнившие организации, которые стали главными препятствиями на пути революционного движения. Вот почему, дорогие товарищи, ваш маленький съезд имеет большое значение. Вы должны проникнуться насковозь сознанием той великой миссии, которую история возлагает на ваши молодые плечи.

Лжесоциалисты вас исключают, лжекоммунисты подвергают вас бесчестной травле, бонапартистская клика в Москве организует против ваших единомышленников небывалые в истории преследования, прикрывая их чудовищными судебными подлогами. На первый взгляд есть явная диспропорция между скромными размерами вашей организации, как и всех вообще секций IV Интернационала, и между гигантским размахом преследований, травли и клеветы. Однако это противоречие только кажущееся. Паразитическая бюрократия обладает изощренным инстинктом самосохранения, и она отдает себе безошибочный отчет в той опасности, которую представляет для нее маленький авангард, объединенный научной программой, спаянный внутренней солидарностью и способный на высшее самоотвержение. Вы бросаете от себя тень вперед, в будущее, и эта тень уже сегодня в десять, в сто раз больше размеров вашей организации. Преследования и клевета врагов придают вам необходимый закал и готовят вас для великих задач и испытаний, которые предстоят вам в будущем.

Пример Испании показывает, какой неисчерпаемый резервуар героизма и самоотвержения таится в недрах пролетариата. Испанские рабочие могли бы за шесть лет революции обеспечить не одну, а десять побед. Им нехватает партии, которая стояла бы на уровне их героизма и объективных требований истории. Отсюда поражение за поражением. На уроке этих поражений нужно учиться. Мы видим в Испании, как анархистские вожди, не понявшие идеи диктатуры пролетариата, оказываются в критический момент не чем иным, как экзальтированными либералами. Мы видим, с другой стороны, в лице ПОУМ левый центризм на практике, в действии. Центризм есть промежуточное течение между реформизмом и революцией. Однако революционная обстановка не допускает ничего промежуточного. Отсюда трагическая и печальная судьба ПОУМа. Своими

словами, формулами, статьями он разогревал революционные страсти масс. Своей нерешительностью, двойственностью, колебаниями, отсутствием ясной программы он лишил себя возможности дать массам твердое революционное руководство, без которого победа невозможна.

В ваших собственных рядах нашлось некоторое число колеблющихся или сентиментальных революционеров, которые из симпатии к испанской революции готовы были закрывать глаза на трагические и преступные ошибки руководства. Запомним твердо, товарищи: это не наша политика. Мы обязаны открыто говорить то, что есть, и называть каждую вещь своим именем. Рабочему классу нужна полная правда, как бы горька она ни была.

Я твердо надеюсь на то, что ваш съезд пройдет под знаком уверенности в своем будущем и в то же время - беспощадной критики всех недостатков и слабостей настоящего. Чего часто нехватало революционным организациям во Франции, - это внимания к деталям, системы, правильной организации, начиная с правильной финансовой отчетности и тщательной корректуры изданий. Великое качество французского рабочего класса - дух инициативы и импровизации, который не раз обнаруживался в истории с таким неподражаемым блеском. Надо дать этому пролетариату научную, до конца продуманную программу и точную, безошибочно работающую организацию.

"Это трудно!" - скажут, может быть, слабые духом. Конечно, трудно! Социалистическая эмансипация пролетариата - вообще трудное дело. Но среди вас, надеюсь, слабых духом нет. Я обращаюсь с этим письмом к мужественным, сильным, смелым и готовым идти до конца.

Вне IV Интернационала нет исторического пути. Идите по этому пути без колебаний. Победа вам обеспечена!

Л.Троцкий

Койоакан,

22 мая 1937 г.

Нужен боевой, революционный, критический марксистский журнал

Общее социальное развитие все более толкает рабочие массы Соединенных Штатов на путь борьбы. Традиционная идеология американизма во всех ее разновидностях рухнет вместе с перспективой вечного капиталистического преуспеяния. Все классы общества испытывают потребность в новой ориентировке. Лабораторией идеологии является интеллигенция. Однако она оказывается неспособной выполнить свою историческую функцию. Правда, значительные группы американской интеллигенции отошли за последние годы от традиционных предрассудков "американизма". Но они не нашли ни правильного пути, ни надежного метода. Политическая радикализация означала для них прежде всего огульное, некритическое признание "русского опыта". Между тем изолированное рабочее государство успело увенчаться чудовищным бюрократическим аппаратом, деспотическим, жадным и невежественным. Коммунистический Интернационал стал в свою очередь бездушным орудием в руках

Кремля и главным тормозом революции в Испании, как и в других странах.

Рабочее движение Соединенных Штатов, несмотря на свой широкий размах, лишено программы и научной доктрины. Американская интеллигенция не имеет по-прежнему корней в массах, которым она неспособна ничего предложить и которые поэтому не предъявляют на нее спроса. Так в поисках новой ориентировки квазиреволюционная интеллигенция без доктрины и социальной опоры не находит ничего лучшего, как становиться на колени перед советской бюрократией. Освободившись наполовину от традиционной буржуазной идеологии, она попадает в плен мертвящей духовной инквизиции.

Не только политика, но и наука, литература, искусство - все обязано служить оправданию, упрочению, возвеличиванию бонапартистской диктатуры. Всякая самостоятельная мысль преследуется, как худшая опасность. Творить разрешается только по команде. Немудрено, если вскрытые революцией источники духовного творчества быстро иссякли. Экономика, политика, социология не произвели ни одной книги, которая могла бы занять место в библиотеке человечества. Философия выродилась в постыдную схоластику. Литература, живопись, архитектура, музыка, которые могли бы достигнуть новых высот на службе социализма, поражены клеймом бесплодия. Дело не ограничивается пределами СССР. Через посредство Коминтерна все средства приводятся в движение, чтобы унижить, оскотить, закабалить освободительное движение в любой стране. Авторитет Октябрьской революции подменяется авторитетом непогрешимого "вождя" и дополняется небывалой в истории системой подкупа. Капральство, византийство, ханжество, иезуитство, ложь и фальшь отравляют атмосферу, которую дышат радикальные элементы интеллигенции вместе с передовыми рабочими. Деморализующая работа мирового масштаба прикрывается знаменем "защиты СССР".

Журнал "Нью Массес"³⁴⁶ представляет в своем ничтожестве выражение этой системы. Менее яркой, но не менее убедительной иллюстрацией нового сервилизма радикальной интеллигенции является судьба "Нэйшн" и "Нью Рипаблик"³⁴⁷. У нас нет основания идеализировать прошлое этих журналов. Но нельзя отрицать, что в своей демократической ограниченности они выполняли все же прогрессивную роль. За последние годы они формально перешли с демократической позиции на полумарксистскую, т. е. как бы совершили шаг вперед! На деле же экс-демократические органы попали в вассальные отношения к "Нью Массес", который является ни чем иным, как официозом ГПУ.

Решающим фактором исторического будущего в Соединенных Штатах, как и в других странах, явится революционная рабочая партия. Не станем предрешать, какими путями и в каких формах она сложится. Наш журнал не берет на себя ответственной задачи строить ее. Наши цели скромнее. Прежде чем строить, надо очистить площадь от хлама и мусора. Надо вывести радикальное крыло американского общественного мнения из тупика. Надо освободить его от жандармского режима. Надо вырвать марксизм из тисков инквизиции. Надо снова отвоевать свободу критики и творчества. Надо восстановить в правах честность, искренность, правду. Надо вернуть революционной мысли ее

независимость, ее достоинство, ее веру в себя.

С чего начать? Прежде всего с подлинного марксистского журнала, не связанного никакими другими обязательствами, кроме обязательств теоретической честности. Марксизм по самому существу своему есть критика, которая не останавливается ни перед какими табу. Долой идолопоклонничество! Нужно остро отточить все режущие и колющие орудия мысли. Нужно не стесняться брать в руки бич, чтобы прогонять с трибуны пророков по найму, сикофантов, клянущихся лакеев, загримированных революционерами, презренных карьеристов, заменяющих убеждения и знания безнаказанной клеветой.

Потревоженные царедворцы будут вопить, что мы потрясаем основы СССР, ослабляем демократию и служим фашизму. Мы заранее отвечаем на эти вопли презрением, которое без труда найдет для себя оружие иронии и сарказма в тех случаях, когда оно не ограничится пинком ноги. Все живое изнашивается и обновляется. Больше всего нуждается в обновлении окостеневшая революция. Мы не имеем ничего общего с привилегированным концентрационным лагерем "друзей СССР". Мы стоим полностью на почве советского режима. Мы ненавидим его эксплуататоров, его паразитов, его могильщиков. В интересах СССР и мирового пролетариата мы объявляем непримиримую войну сталинскому бонапартизму и его международным лакеям. Вавилонское пленение³⁴⁸ революционной мысли не может и не будет длиться вечно. Московские судебные подлоги знаменуют начало конца. Мы хотим ускорить крушение полицейского командования над авангардом Запада и Востока. В этом главная задача проектируемого нами издания. Мы не закрываем глаза на трудности. Наша эпоха ставит грандиозные проблемы во всех областях человеческого творчества. Готовых решений нет. Марксизм означает анализ живого исторического процесса. Свободный анализ предполагает неизбежность разногласий на основах самого марксизма. Нашему журналу будет чужд дух мертвого догматизма. На его страницах столкнутся разные оттенки революционной мысли. Свободная трибуна займет в нем видное место. Редакция приложит все свои силы, чтобы своевременно подвести итог каждой дискуссии.

Мы начинаем нашу работу со скромными силами и средствами, но с несокрушимой верой в будущее. Наши задачи имеют международное значение. Мы рассчитываем поэтому на международное содействие. Через все препятствия и наперекор всем трудностям мы намерены довести нашу работу до конца!

[Л.Д.Троцкий]

29 мая 1937 г.

Вынужденное заявление

Господин Ломбардо Толедано³⁴⁹ в ряде публичных выступлений приписывает мне акты вмешательства во внутреннюю жизнь Мексики (в частности например, призыв... ко всеобщей стачке). В такого рода утверждениях нет ни слова правды. Г[осподин] Толедано не может этого не знать. Не из внимания к автору инсинуаций, а из уважения к общественному мнению Мексики я считаю необходимым повторить снова: добровольно данное мною обязательство о

невмешательстве во внутреннюю жизнь страны, оказавшей мне гостеприимство, я выполняю с абсолютной добросовестностью. Всякое утверждение, от кого бы оно ни исходило, о прямом или косвенном участии моем в мексиканской политике (хотя бы только в виде частных бесед, советов и пр.) представляет заведомую и сознательную ложь. Незачем пояснять, где находятся источники этой лжи и кому служат ее распространители. Если я не привлекал до сих пор лжецов и клеветников к суду, то только потому, что хотел и хочу избежать сенсационных процессов: перед мексиканским общественным мнением стоят другие, неизмеримо более важные задачи.

Тот же г. Толедано заявляет, что своей критикой советского правительства я служу фашизму. Здесь дело идет уже о внутренней политике СССР, а не Мексики. Вряд ли имеет смысл вдаваться в полемику с г. Толедано по поводу вопросов, в которых он ничем решительно не доказал своей компетентности. Скажу кратко: наилучшую помощь фашизму - в Германии, Италии, Испании, как и во всем мире - оказывает сейчас правящая советская клика, как общим направлением своей политики, так и своими бесчестными методами. Худшими врагами социализма, революции и советского народа являются так называемые "друзья" правящей советской клики. К их числу я отношу г. Толедано. Учиться у этих господ, как защищать социализм и революцию, я не собираюсь, как не думаю отвечать на их дальнейшие инсинуации.

Л.Троцкий

26 июня 1937 г.

Письмо Анжелике Балабановой

Мексика, 6 июля 1937 г.

Дорогая Анжелика!

Сердечное Вам спасибо за внимание к моему здоровью. Оно не так хорошо, как было бы желательно, но и не так плохо, как могло быть. Сейчас я уезжаю на некоторое время на отдых и надеюсь поправиться.

Ваше принципиальное письмо я в свое время получил. Не ответил я на него отнюдь, разумеется, не из-за недостатка внимания. Но я убедился из письма, что теоретические и политические разногласия наши настолько велики, что полемика в виде частных писем способна только вносить огорчение, отнюдь не содействовать сближению. А так как я сохранил к Вам старые личные симпатии, то я и решил не пускаться в полемику.

То, что Вы пишете сейчас по поводу американских "троцкистов", кажется мне в высшей степени неопределенным. В Комитете, как и вокруг Комиссии, идет неизбежная борьба разных политических группировок. В такой борьбе всегда есть излишества, ошибки и прямые глупости. Поскольку мог, я старался смягчать трения, чтоб обеспечить работу расследования в наиболее благоприятных условиях. Что касается вопроса о социалистической партии, положение оказывается иным. Там дело идет не об отдельном конкретном вопросе (расследование московских процессов), а о программе и обо всей политике.

Борются разные тенденции. Борются не на жизнь, а на смерть. В Испании ПОУМисты исключают троцкистов, а сталинцы и социалисты арестуют ПОУМистов. Разумеется, эта борьба не может не найти острого отражения внутри всех рабочих организаций, в том числе и Социалистической партии Америки. Вы пишете, что политические разногласия Вас не интересуют, что Вы возмущены "интригами". Такой постановки вопроса я не могу ни признать, ни понять. Для меня вопрос решается именно политическими разногласиями. Что Вы называете "интригами" и кого вы называете "лучшими людьми", мне не ясно. В письме я не нахожу ни одного конкретного факта, ни одного имени, ни одного примера, не говоря уже о политических принципах, которые Вы сознательно устраняете. Вы пишете, что политическая борьба может повлиять на работу Комиссии. Может быть. Но неужели же я могу требовать от своих единомышленников, чтобы они отказались от своих взглядов или от борьбы за них в рабочем движении для того, чтобы "не раздражать" того или другого члена Комиссии? Этого, надеюсь, Вы от меня требовать не станете.

Прибавлю еще одно соображение: сталинские подлоги разоблачают ныне сами себя. Всякий, кто прямо или косвенно связан с ними, будет посрамлен. Наоборот, кто хоть косвенно принимал участие в разоблачении подлогов, будет гордиться этим. Участие в работе Комитета или Комиссии я не могу поэтому рассматривать как "одоление" Троцкому или троцкистам. Я не требую, чтобы Норман Томас менял свои идеи или методы. Но и со своей стороны не собираюсь жертвовать в пользу Нормана Томаса ни крупицей своих взглядов или методов.

Вот все, что я могу Вам по этому поводу сказать.

На всякий случай прилагаю копию своих ответов на вопросы Венделина Томаса³⁵⁰, т. к. они имеют некоторое отношение к затронутым Вами вопросам.

Крепко жму руку и желаю Вам бодрости и здоровья.

Наталья Ивановна сердечно обнимает Вас.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]351

[7 июля 1937 г.] 352

Милая Наталочка, только что закончил свое "вооружение". Никто ни о чем не был предупрежден. Заехали в одно имение - по ошибке. По ошибке там... пообедали. Потом переехали в другое имение, где будто нас ждали. Никто не ждал. Но все-таки приняли дружественно и сделали... что можно. Не уверен, выйдет ли что-нибудь. Разве что хозяин приедет и наладит. Пока что на бивуаке, но духа не теряю. Будь здорова и спокойна, как я спокоен. Обнимаю крепко.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

8/VII [1937 г.]

Милая моя, пишу на другой день утром по приезде. Спал с перерывами, но не плохо, без всяких снотворных. Сейчас большая слабость, но слабость отдыха, ничего тревожного. Надеюсь, что все будет хорошо. Поправляйся, успокойся, спи хорошо, лечи глаза, думай обо мне без тревоги. Крепко обнимаю. Твой. Крепко твой.

P.S. Фрида³⁵³ прислала через Сиксто³⁵⁴ целую аптечку. Поблагодари ее при случае.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[9 июля 1937 г.]³⁵⁵

Милая Наталочка, еще одну ночь проспал здесь. Посылаю открытку с оказией. Телеграммы посылавать нелегко. Отдыхаю. Желудок сразу исправился. Одиночество полное. Сижу или лежу. Будь спокойна, лечись, не тревожься обо мне совершенно. Обнимаю крепко.

Твой Л.[Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

10 июля [1937 г.]

Наталочка, милая, где ты? Надеюсь, у тебя все хорошо. Пишу тебе пятое или шестое письмецо, - пишу без всякого напряжения: гуляю очень мало (слабость и дождь); поэтому тянет немножко к перу. Надеюсь сегодня иметь от тебя весть. Хотел бы знать хоть немножко, как ты живешь, хорошо ли спишь, много ли выходишь? Некоторое рассеяние для тебя, мне кажется, сейчас необходимая форма отдыха. Вчера утро было без дождя, сегодня дождь с утра. Кожаная pokrышка годится только на соломенную шляпу соответственного размера. Но это сейчас не важно: о рыбной ловле нет и речи, как и об охоте (да и не тянет). Нервы все же отдыхают, а это главное. Долго ли выдержи здесь, видно будет.

И Сиксто и Казас³⁵⁶ очень-очень стараются. Готовит (неплохо) та полная женщина, которую мы с тобой видели здесь. Обнимаю крепко.

Твой

Л.[Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[10 июля 1937 г.]³⁵⁷

Милая моя, пишу чаще, чем думал. Тихо, дождь. Слабость такая, что ходить не хочется: слабость отдыхающего организма. Много сплю. Мысли и чувства приглушены и смутны. Так лучше. Надеюсь окрепнуть на этом пути. Беспокоит меня, как у тебя... Сегодня гулял впервые около часу. Сикст старается изо всех сил.

Сейчас пятый час вечера, после дождя, пойду посижу во дворе в обществе старого индюка и старого петуха (они меня навещают). Будь здорова, моя милая, будь спокойна, поправляйся, остальное приложится.

Обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

11/VII [1937 г.]

Наталочка, сегодня какой-то перелом произошел. Утром, вытираясь спиртом, я засмеялся - и удивился: чему? Предшествующие дни смеха не было совсем, только приглушенная грусть. На утренней прогулке ноги не подкашивались: значит, окреп. Погода с утра стояла прекрасная. На прогулке встретил меня Gomez, племянник Landero³⁵⁸, привез удочку. Я половил немножко (поймал 2 штуки). Вернулся домой около 12 (первый раз!) и сел писать тебе. Вдруг гости: Фрида в сопровождении Марина³⁵⁹ и того же Gomez[a]. Фрида сказала, что ты "не могла" приехать. В первую минуту мне очень жалко стало, а потом понял, что ты права. Восемь-девять часов езды (во время которой ты чувствовала бы, что стесняешь спутников), пять часов пребывания здесь, на людях, ничего не оставили бы, кроме чувства усталости и неудовлетворенности...

Нет, мы увидимся иначе...

Гости (все три) обедали со мной, причем много пили и оживленно разговаривали по-испански (я участвовал, когда мог). После обеда Гомес повел нас всех показывать бывшие мины и главную усадьбу (парадные покои, цветники - роскошь), по дороге смотрели базальтовое ущелье... Никаких достойных внимания разговоров не было, кроме сообщения о тебе. После наспех выпитого кофе Фрида с Мариным уехали, чтобы доехать засветло (дорога плоха). Сейчас, после их отъезда, я засел за это письмо, при стеариновых свечах (в комнате темно, небо снова обложено). Визит (обед, поездка, осмотры, разговоры) утомил меня немножко, но, надеюсь, не нарушит начавшегося перелома к лучшему. Фрида мне "хорошо" говорила о тебе - о концерте, о синема³⁶⁰ - может быть, слишком "оптимистически", чтобы успокоить меня, но все же мне показалось, что и у тебя маленький поворот к лучшему. Или это неверно? От тебя пока не было ни одной весточки, но это меня не пугает, мы так условились (береги глаза!). Как твое обоняние? Фрида сказала, что ты получила от меня 2 письма (из пяти) - хорошо и то. Надеюсь, и остальные дойдут. Дождь снова льет, как из ведра. Завтра утром отмечу, как спал, не выбил ли меня сегодняшней "необычный" день из колеи (надеюсь, что нет!). Письмо имеет, как видишь, чисто описательный характер. Но мне кажется, оно исчерпывает все, что тебя может интересовать. В общем, от посещения осталось такое впечатление: напрасно меня потревожили.

12-го, 7 ч[асов] утра (утро прекрасное), спал неплохо, не хуже, чем в

предшествующую ночь. Прежней слабости и тяжести в теле не ощущаю. Очевидно, поворот (я все время опасался, что слабость сменится повышенной температурой). Ближайшие дни определяют положение окончательно. Обнимаю тебя крепко, милая моя.

Твой

Л.[Д.Троцкий]

Жаль, что нет щеточки для ногтей (при рыбной ловле набивается грязь).

[Письмо Н.И.Седовой]

[12 июля 1937 г.]

Отправляю письмо во вторник утром (13-го?). Прекрасный день. Я спокоен. Приеду на день в четверг или пятницу. Читай письмо спокойно, жизнь моя, как я сейчас спокоен³⁶¹.

Понедельник.

Наталочка, Ната, боюсь, ты спрашиваешь себя с тревогой: почему я тебя не вызываю сюда. Три причины, малая, средняя и большая. Здесь грязновато, постельное белье плохое, кровати узенькие, одному трудно повернуться, в дождливые и пасмурные дни трудно без электричества. Но это "малая" причина. Мне кажется, что тебе надо отдохнуть от меня, пожить "самостоятельно", заняться собою, - глаза, обоняние, туалет, - посвятить временно себя себе самой. Это средняя причина. А главная - та, что я не уверен в себе, т[о] е[сть] не уверен в том, что не помешаю твоему отдыху. Первые дни были днями протрации, но я все жил нашим вчерашним днем, т[о] е[сть] нашими муками воспоминаний, и муками моего мучительства, только в очень ослабленном, заглушенном виде. И все же, милая моя, прости, что пишу тебе об этом, - у меня непрерывно вертелись в голове всякие "незаданные" или "неотвеченные" вопросы...

Только что получил твое первое письмо. Спасибо, родная моя, - но боюсь, что слишком много пишешь. Вижу, что "отчет" Фриды был тенденциозный (я так и подозревал это). Не вижу ясно из письма твоего, как сама ты смотришь на свою скорую поездку сюда. Умолчание твое объясняю тем, что ты предоставляешь инициативу мне, как и было говорено при прощании. Из слов Ф[риды] выходило, что ты не могла с нею поехать. Из твоего письма вытекает скорее, что ты собиралась приехать. Возможно, что был какой-нибудь "маневр"... Ну, да дело не в этом.

Вопрос об обонянии страшно беспокоит меня. Не созвать ли консилиум? Мне кажется это необходимым. Думаешь ли ты, что могла бы поправиться здесь со мною? Если думаешь, если надеешься, то приезжай. Приезжай, Наталочка... Читая твое письмо, я заплакал. Милая, милая... Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, я и сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли теперь мучиться над тем, что и как было свыше 20 лет тому назад³⁶²? Над деталями? И тем не менее какой-нибудь ничтожный вопрос встает передо мною с такой силой, как если бы от ответа на него зависела вся наша

жизнь... И я бегу к бумаге - написать вопрос. Наталочка, я со стыдом, с ненавистью к себе пишу тебе об этом. Я несомненно окреп, но вместе с тем стал несколько хуже спать. Письмо твое принесло мне радость, нежность (как я люблю тебя, Ната, - моя единственная, моя вечная, моя верная, моя любовь и моя жертва!..) - но вместе с тем и слезы, - слезы жалости, раскаяния и... мучительства. Я сожгу, Наталочка, свои глупые, жалкие, ростовщические "вопросы". Приезжай!..

Нет, я не пошлю тебе сейчас этого письма, я подожду второй вести от тебя. Я еще проверю себя... Сегодня с 9-11 ловил рыбу (поймал... одну штуку себе на обед). С 11 - до 1 ч[аса] сидел в chaise-longue363 во дворе, читал, отдыхал, ждал писем. В 1 ч[ас] обедал. Потом немножко читал. Пробовал заснуть (в первые дни я спал после обеда 1-2 часа). При помощи брома удалось задремать на несколько минут. Потом (около 3-х) сел писать это письмо... В 3 1/2 получилась почта: твое письмо и газета, сейчас около 4-х, скоро дадут чай. К вечеру как будто собирается дождь. Утро было прекрасное.

Я пользуюсь удочкой Ландеро (или его племянника Gomez[a] и очень боюсь ее сломать. Удочка на форель стоит недешево (кажется, около 5 долларов), но придется, пожалуй, купить, если решить мне оставаться здесь еще недели две. Что ты сейчас делаешь, Ната, - в понедельник, 4 часа пополудни? О, если бы я мог еще внести в твою жизнь хоть немного радости... Я встаю после каждых двух-трех строк, шагаю по своей комнате и плачу - слезами укора себе, благодарности тебе, а, главное, слезами застигнувшей нас врасплох старости.

Я спрашиваю себя: смею ли я посылать тебе это письмо и подвергать новым испытаниям твои глаза... о, твои глаза, Наташа, в которых отражалась вся моя молодость, вся моя жизнь!.. "Старость, - сказала ты раз в Домже364... - это когда нет перспектив". А в то же время мы так свежи душами, мы оба, Ната, и особенно ты, нетленная моя...

Может быть, лучше было бы выдержать программу: телеграммы или коротенькие открытки вместо писем, - ничего не воротись, дать залечиться ранам.

Визит Золингера365 меня совсем не радует. Что я с ним буду делать? Лучше пусть уж приезжает целая компания (Бахи366, Рюле367), это легче, чем один человек.

Вот я представил себе, как ты приезжаешь ко мне и как молодо прижимаются друг к другу наши губы, наши души, наши тела. Буквы кривы от слез, Наталочка, но разве есть что-нибудь выше этих слез? И все же я возьму себя в руки. Перелом (к новому размягчению) принесло твое письмо. Завтра, кажется, поеду на прогулку верхом. Буду, во всяком случае, ловить рыбу. Ты приедешь ко мне. Мы еще проживем, Наталочка...

5 ч. 40 мин. Только что совершил неожиданную прогулку в автомобиле - 3-4 километра - до соседней деревни, где есть, как оказывается, почтовое отделение, действующее 3 раза в неделю: это все же лучше, чем через посредников. Сообщу тебе немедленно адрес. В деревне меня узнали, один парень приветствовал поднятым вверх сжатым кулаком, девицы улыбались,

старухи смотрели с тревогой.

У Казаса с девицами знакомство, так что приветливые улыбки, надо думать, относились больше к нему, чем ко мне.

Мы еще поживем, Наташа!..

7 ч. 30 м. вечера.

Только что ушел наш "почтовый" камион³⁶⁸ в Пачуку. Я сильно колебался, отправлять или не отправлять это письмо. Камион тем временем ушел. Я поступлю так: завтра (вторник) отправлю это письмо, а сам приеду на сутки в Койоакан в четверг или пятницу, сейчас после получения тобою этого письма. Так письмо меньше расстроит тебя, и мы совместно решим, что нам дальше делать: ехать ли вдвоем и прочее]. Да и наиболее спешные бумаги я немножко посмотрю. Это хороший план. А главное, я тебя крепко-крепко обниму. Наталочка, родная, милая... Ах, твоя т|| ужасно беспокоит меня. Хочу кончить на этом, чтоб завтра утром отправить письмо. Обнимаю тебя.

Твой

Л.[Д.Троцкий]

Это письмо получилось после приезда Л.[Д.Троцкого]. Вместо 24-х часов он остался здесь три дня и три ночи. Приехал в среду-четверг утром, уехал в воскресенье утром. "Нет, мы с тобой встретимся иначе"... Встреча оказалась не такой, какой мы ее ждали. Все было испорчено посторонним обстоятельством³⁶⁹.

[Письмо Н.И.Седовой]

Воскресенье, 2.30 ч. дня [18/VII 1937 г.]

Наталочка, только что приехали, еще не разложил вещей, но хочется немедленно написать тебе. Телефонировал тебе из дома Д[иего]³⁷⁰, боюсь, то, что сказал, не отвечало твоему настроению, но мне хотелось выразить тебе, до какой степени я с тобой. Всю дорогу настроение было тихое, грустное, усталое, окрашенное нежностью по отношению к тебе. Только в один момент меня схватил за сердце вопрос... я решил все писать тебе... "а вдруг кто-нибудь постучится (постучался) в б-скую дверь, в сумерки? Ведь там всегда можно было ждать посетителя"³⁷¹. Меня охватил страх за ту, которая сидела там... В таком состоянии прошло минут 10, потом успокоился на том, что решил написать тебе об этой своей запоздалой тревоге...

Только что мне принесли твое письмо от 12 июля. Спасибо, Ната, но не пиши пока так много...

В Пачуке закупают провизию. Был праздник, процессии, музыка, жара, пыль. Я не выходил из авто. Чувствовал себя отдельно от всего окружающего - с тобою.

Теперь о визите. Встретила меня Ф[рида], - Д[иего] был в ателье, где фотограф производил снимки с его картин.

Я первым делом попросил позволения тебе протелефонировать. - Ф[рида] тем временем послала за Д[иего].

Только я сел, раздался телеф[онный] звонок: это жена Марина справлялась у Ф[риды], когда тебя можно застать (хочет отнести цветы). Меня поразило, как недоброжелательно Ф[рида] с ней разговаривала.

Пока пришел Д[иего], Ф[рида] сказала мне, что собирается уезжать.

- Не в Нью-Йорк ли?

- Нет, для этого у меня нет денег. Куда-нибудь около Веракрус.

Пришел Д[иего] с попугаем на голове. Разговаривали стоя, так как Д[иего] спешил к фотографу, да и я спешил. Ф[рида] что-то сказала Д[иего], который с улыбкой перевел мне: "Она говорит, что если бы не было так поздно, она проводила бы Вас до Пачука, а вернулась бы на автобусе". - Ни о чем подобном она не говорила, когда мы минуты 3 дожидались Д[иего].

Почему она сказала это ему?

Он перевел мне ее слова очень дружелюбно, вообще был очень мил.

Я сказал: Что вы, что вы, возвращаться в автобусе!..

Ф[рида]: Все равно уж поздно (?) ...

Проводили меня оба до авто и дружески простились.

Прости за подробности, но может быть, они тебя заинтересуют хоть немножко...

В комнате у себя нашел выбитые стекла (окно откидное упало, очевидно). Что-нибудь предпримем для починки. Ел в пути вареную кукурузу (Пачука) и банан.

Сейчас, видимо, готовят не то обед, не то ужин. - Только что пообедал. Перед обедом съел с благодарностью приготовленный тобою бутерброд (так я ел, бывало, в поезде, в пути на рефераты, приготовленные тобою для меня продукты). Сейчас хочу попробовать отдохнуть.

Все будет хорошо. Ната, Ната, все будет хорошо, только ты поправляйся, окрепни: ты еще понесешь меня на своих плечах дальше, как несла всю жизнь.

6 ч[асов] вечера. Спал после обеда 1 1/2 часа. Сейчас все тело налито сном. Хочу сдать это письмецо. Крепко и нежно обнимаю тебя.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Только что, когда я уже заделывал письмо, ко мне нагрянули визитеры: Ландеро и с ним еще человек 15, мужчины, дамы, одна девочка, все родственники, члены семьи Ландеро. Я их занимал в течение 10-15 минут и, ей-Богу, Наталочка, провалиться мне на этом месте - "очаровал" всех, особенно же дам. Надо прибавить, что, не зная о визите, я вышел в спущенных (не застегнутых на коленях) спортивных брюках, без галстука и в теплых туфлях (ни слова преувеличения!). И несмотря на это, столь ослепительный успех!

Обнимаю крепко

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

19/VII 1937 [г.] (утро)

Наталочка, много раз звал тебя вслух вечером и ночью. Принял два раза ериван - для верности, так как лег около 10, а встать должен был в 6, из-за рыбной ловли. Встал вовремя, ловля была очень удачная, поймал несколько средней величины и две огромных форели, причем одна великолепно защищалась, два раза прыгала чуть не на метр над водой. Во время ловли думал о тебе. Записал свои мысли в дневник³⁷² (писал уже два раза, вчера и сегодня).

Удочку исправили плохо, а для новой купили плохую нитку: пришлось из двух делать одну (попробуем поправить дело в Пачуке). Я вспомнил, что вчера даже не поблагодарил Ф[риду] за "намерение" проводить меня и вообще держал себя невнимательно. Написал сегодня ей и Д[иего] несколько приветливых слов. На окнах моих надувается твой бывший сарафан, как твоё знамя на новой территории. Милая!..

Я с удовольствием думаю о том, как будем с тобой здесь гулять и ловить рыбу. Может быть, поедем верхом кататься. Но тебе нужно иметь для этого брюки? Или нет?

Хочу сегодня начать заниматься. Физически чувствую себя несравненно лучше, чем в первый приезд. Лампа хороша: вчера вечером я писал при ее свете дневник. Сейчас мне надо еще умыться и натереться. Наталочка, поправляйся и приезжай сюда. Но приезжай не раньше, как сделаешь все необходимое по линии медицины: зуб, очки, обоняние. Боюсь, что здешние холодные ночи и утра опасны для тебя, пока не исчез окончательно грипп и не вернулось обоняние. Не делай ни одного опрометчивого шага! Лучше потерпеть, чем вызвать рецидив.

Носи очки непрерывно, думай, что это есть перстень, надетый мною на твой палец, не разлучайся с ними.

Надо умываться, но никак не могу оторваться от бумаги.

Будь здорова, моя милая, будь здорова.

Твой

Лев [Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

Это письмо отправляю другим путем³⁷³

19/VII 1937 [г.], 13 часов

Сейчас буду обедать. После того, как отправил тебе письмо, мылся. Около 10 1/2 приступил к чтению старых газет (для статьи), читал, сидя в chaise longue под деревьями, до настоящей минуты. Солнце я переношу хорошо, но для глаз утомительно. Нужны, очевидно, темные очки. Но как их купить без меня? Почти невыносимо. В воскресенье Ландеро хотели пригласить меня на завтрак, но я спасся, приехав сюда поздно. Возможно, что такое приглашение последует в следующее воскресенье. Имей это в виду, если приедешь сюда до воскресенья: платье и пр[очее]. Мне придется, видимо, ехать, как есть: к столь знаменитому бандиту они отнесутся снисходительно, но жена бандита -

как-никак дама, одним словом, леди, в задрипанном виде ей не полагается ездить к лордам. Прошу сурьезно учесть! Сейчас буду есть собственноручно пойманную рыбу, потом залягу отдыхать часика на два, затем совершу прогулку.

Физическое самочувствие хорошее. Моральное - вполне удовлетворительное, как видите, из юнкерского (58-летний юнкер!) тона этого письма.

Обедать не зовут. В среду поеду, вероятно, в Пачука - отправить письма, поговорить по телефону или послать, в случае надобности, телеграмму. Опасаюсь, что не застану тебя дома. Но я смогу провести в Пачука часа 2-3 и дожждаться тебя. Могу приехать до 9 часов утра и, следовательно, застигнуть тебя наверняка, если ты не будешь уже в Корнавана. Кстати: ты говорила, что поедешь дня на два. Этого абсолютно недостаточно. Надо оставаться до восстановления обоняния. Здесь на этот счет условия неблагоприятные.

Обедал. Лежа, читал Temps. Заснул (недолго). Сейчас 3 1/2. Через 1/2 часа чай. Отложить прогулку? А вдруг дождь. Пожалуй, пойду сейчас. Наталочка, что вы делаете теперь? Отдыхаете (от меня)? Или у тебя операция? Опять флюс? Как бы хотелось, чтоб ты оправилась полностью. Как бы хотелось для тебя крепости, спокойствия, немножко радости.

С тех пор, как приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный хуй. Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я, весь, - помимо него, - с нежностью думаю о старой, милой пизде. Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко ебать тебя и языком, и хуем. Простите, Наталочка, эти строчки, - кажется, первый раз в жизни так пишу Вам.

Обнимаю крепко, прижимая все тело твое к себе.

Твой

Л.[Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

19 июля 1937 [г.]

19/VII, 8 ч. вечера. Ездил в Huesca (кажется, так), за три километра сдавать "юнкерское" письмо (получила ли?), вернулся, ходил по открытому коридору, думал о тебе, конечно, - легко поужинал и пишу при свете лампы. Тянет к письму и к дневнику, особенно вечером, а, с другой стороны, боюсь разогреть себя писанием: это не даст уснуть.

Я оборвал только что письмо, чтобы записать несколько строк в дневнике. Я пишу его только для тебя и для себя. Мы вместе сможем уничтожить его. Я вспомнил вот что. В Главконцеском³⁷⁴ работала Вишняк, беспартийная. Муж ее был официальный большевик. Вишняк к нему относилась, видимо, критически, к официальному курсу - с ненавистью, ко мне лично - с симпатией. Раза два-три она сообщала мне секреты из официальной кухни, которые узнавала через мужа (секреты второстепенные, ибо и муж ее был на второстепенных ролях). Под влиянием того, что ты говорила, мне вспоминается, что - после того, как я уже покинул [Глав]концеском - она меня письменно, на французском языке, без

подписи предупредила о том, что ходят "слухи", будто меня собираются прикончить, или: "лучше всего было бы его нечаянно прикончить". Эти слухи связывались с выстрелом милиционера по моему автомобилю 7 ноября 1927 г. (помнишь?). Я слышал об этом из других источников. Мне приходит в голову: не это ли письмо мне передал Сермукс? Вишняк хорошо знала его по Главконцескому. Об условиях передачи письма и его уничтожении ничего не помню. Но весьма вероятно, что я немедленно уничтожил его, чтобы не подвести Вишняк и не испугать тебя... Весьма возможно, что письмо кончалось словами: "прошу немедленно уничтожить", или что-нибудь в этом роде. История эта, как видишь, не дает мне покою...

Боюсь, слишком много пишу тебе - работа для твоих глаз. На этом остановлюсь, читаю "Temps", хотя писать при этом свете легче, чем читать.

20 июля. Встал в 7 часов. Писал дневник (свыше 7 стр[аниц]) - только для тебя. После завтрака поеду верхом. Сейчас буду читать "Temps".

12, 30 минут. Испытание я выдержал выше всяких ожиданий: проехал десять километров верхом - рысью, галопом, карьером - наравне с тремя заправскими кавалеристами (Казас и Сиксто служили в кавалерии). Чувствовал себя очень уверенно. Какая прекрасная панорама! Пишу после отдыха в 10 минут. Встряска для организма первоклассная. Софья Андреевна [Толстая]³⁷⁵ пишет о своем Льве³⁷⁶: ему 70 лет, проехал 40 верст верхом, а после того "отнесся ко мне страстно". Молодчина этот "старый хрен в толстовке"! Но надо сказать, что, если вообще он способен был в 70 лет ездить верхом и любить, то именно прогулка должна была настроить его "страстно": помимо общей встряски организма - специфическое трение... Женщина, которая сидит на лошади по-мужски, должна, по-моему, испытывать полное удовлетворение.

Однако, после сегодняшнего опыта я совершенно отказываюсь от мысли увидеть тебя верхом: лошади горячие, слишком опасно...

Только что получил письмо и посылку. Очки для чтения у меня есть, это запасные. Письмо твое, вернее, два письма, от 13-го и 18-го и 19-го, только что прочитал с волнением и нежностью, с любовью, с тревогой, но и с надеждой. Наталочка. Сомнение с меня перешло на тебя. Нельзя сомневаться! Мы не смеем сомневаться. Ты поправишься. Ты окрепнешь. Ты помолодеешь. "Все люди ужасно одиноки по существу", - пишешь ты. Эта фраза резанула меня по сердцу. Она и есть источник мучительства. Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаенными твоими мыслями и чувствами. Это невозможно... я знаю, знаю, Наталочка, - но мы все же приближаемся к этому моментами через большие страдания.

Поблагодари за меня Рут³⁷⁷ и передай всем привет. Завтра (среда) утром еду в Пачука говорить с тобой по телефону. Там отправлю это письмо. Напишу, вероятно, еще в течение дня.

Самочувствие днем хорошее. Ночью менее удовлетворительное. Но все же я окреп. Сегодняшняя верховая езда показала это. Много читаю (газеты), готовлюсь к статье.

Пусть Берни³⁷⁸ напишет Уокеру³⁷⁹, что я смогу ответить ему лишь 26 или 27-го.

Ты пишешь: в старости внешний вид зависит от настроения. У тебя это было и в молодости. На другой день после первой нашей ночи ты была очень печальна и выглядела старше себя на 10 лет. В счастливые часы ты походила на мальчика-фавна³⁸⁰. Эту способность изменяться ты сохранила на всю жизнь. Ты поправишься, Наталочка, не теряй бодрости.

Сейчас около 4.

Я пообедал и отдохнул. Собирается дождь, и я пишу в крытой галерее. Верховая езда отразилась только в седалищных мышцах: чуть-чуть ноют. Но какой это здоровый спорт! Я опасался влияния на кишечник, - ни малейшего!

Перечитал вторично твое письмо. "Все люди ужасно одиноки по существу", - пишешь ты, Наталочка. Бедная, моя старая подруга. Милая моя, возлюбленная. Но ведь не только же одиночество у тебя было и есть, не только одиночество, ведь мы живем еще друг для друга. Поправляйся! Наталочка!

Не знаю, как быть при отъезде. Хозяйке надо бы какой-нибудь подарочек. Пожалуй, и управляющему другого имения (он лошадей посылает). Может быть, что придумаешь, а также привезешь или пришлешь 2-3 фотографии? Надо работать. Крепко обнимаю, целую глаза, целую руки, целую ноги.

Твой старый

[Л.Д.Троцкий]

Все тревожные мысли и чувства записываю в дневник - для тебя. Так лучше, чем тревожить тебя в письмах. В дневнике я излагаю спокойнее, и ты можешь спокойнее прочесть. То, что записываю в дневнике, нимало не омрачает напряжения моей нежности к тебе. Еще хотел сказать (это не упрек, ничуть, ни капли), что мой "рецидив" (как ты пишешь) вызван до известной степени твоим рецидивом. Ты как бы продолжаешь (даже написать трудно!) соперничать, соревноваться... С кем? Она для меня - никто³⁸¹. Ты для меня - все. Не надо, Ната, не надо, не надо, умоляю тебя. Если у тебя что-либо неблагополучно, я из Пачуки выеду прямо в Койоакан. Но надеюсь, у тебя все благополучно (относительно, конечно). Я сидел вчера на солнце, сегодня ехал верхом под солнцем, - температура у меня вполне нормальная, скорее пониженная. Нет, физически я окреп, и морально крепну. Скажу, что в дневнике я отошел от того эпизода, который занимал нас все последнее время. Я и в этом уже вижу большой прогресс.

НА-ТА! НА-ТА! Поправляйся, НА-ТА-ЛОЧ-КА!

Твой старый пес

21, среда, утро, 9 1/2, на почте в Пачука. По дороге говорил с тобой по телефону. Прости и спасибо. Мне кажется, что я успокоился. Могу, во всяком случае, ждать свидания. Оставайся в Пачука не менее недели. Если я приеду 27 к вечеру, будет достаточно. Ты можешь приехать 28, 29 или 30.

Я могу навестить тебя в Куернавана. Не спеши. Поправляйся. Это самое главное. Я несомненно окреп. Нужно, чтобы и ты поправилась. Тогда все изживем, переживем - Ната, Ната, поправляйся.

Привет и горячую благодарность Рите³⁸². Она милая. Хорошо, что она с тобой.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

Предисловие к испанскому изданию³⁸³

Эта книга писалась в тот период, когда могущество советской бюрократии казалось незыблемым, а ее авторитет - неоспоримым. Опасность со стороны германского фашизма естественно повернула симпатии демократических кругов Европы и Америки в сторону Советов. Английские, французские и чехословацкие генералы присутствовали на маневрах Красной Армии и воздавали хвалы ее офицерам, ее солдатам, ее технике. Хвалы эти были вполне заслужены. Имена генералов Якира³⁸⁴ и Уборевича³⁸⁵, командовавших Украинским и Белорусским военными округами, с уважением назывались в те дни на страницах мировой печати. В маршале Тухачевском³⁸⁶ вполне основательно видели будущего генералиссимуса. В то же время многочисленные "левые" иностранные журналисты, притом не только господа типа Дюранти, но и вполне добросовестные люди, с восторгом писали о новой советской конституции, как о "самой демократической в мире".

Если бы эта книга появилась сразу после ее написания, многие выводы ее казались бы парадоксальными, или, еще хуже, продиктованными личным пристрастием. Но некоторые "случайности" судьбы автора привели к тому, что книга вышла в разных странах со значительным запозданием. За это время успела разыгаться серия московских процессов, потрясших весь мир. Вся старая большевистская гвардия подвергнута физическому истреблению. Расстреляны организаторы партии, участники Октябрьской революции, строители советского государства, руководители промышленности, герои гражданской войны, лучшие генералы Красной Армии, в том числе названные выше Тухачевский, Якир и Уборевич³⁸⁷. В каждой из отдельных республик Советского Союза, в каждой из областей, в каждом районе происходит кровавая чистка, не менее свирепая, чем в Москве, но более анонимная. Под аккомпанемент массовых расстрелов, сметающих с земли поколение революции, идет подготовка "самых демократических в мире" выборов³⁸⁸. В действительности, предстоит один из тех плебисцитов, секрет которых так хорошо известен Гитлеру и Геббельсу. Будет ли иметь Сталин за себя 100%, или "только" 98,5%, зависит не от населения, а от предписания, данного сверху местным носителям бонапартистской диктатуры. Будущий московский "рейхстаг" имеет своим назначением - это можно предсказать заранее - короновать личную власть Сталина, под именем ли полномочного президента, пожизненного вождя, несменяемого консула, или - кто знает? - императора. Во всяком случае, слишком усердные иностранные "друзья", певшие гимны сталинской "конституции", рискуют попасть в затруднительное положение. Мы заранее выражаем им наше соболезнование.

Истребление революционного поколения и беспощадная чистка среди молодежи свидетельствуют о страшном напряжении противоречия между бюрократией и народом. Мы пытались в настоящей книге дать социальный и политический анализ этого противоречия, прежде чем оно так бурно прорвалось наружу. Те выводы, которые могли казаться всего год тому назад парадоксальными, сегодня стоят перед глазами человечества во всей своей трагической реальности.

Некоторые из официальных "друзей", усердие которых оплачивается полновесными червонцами, как, впрочем, и валютой других стран, имели бесстыдство упрекать автора в том, что его книга помогает фашизму. Как будто кровавые расправы и судебные подлоги не были известны мировой реакции без этой книги! На деле советская бюрократия является сейчас одним из самых злокачественных отрядов мировой реакции. Отождествлять Октябрьскую революцию и народы СССР с правящей кастой значит предавать интересы трудящихся и помогать реакции. Кто действительно хочет служить делу освобождения человечества, тот должен иметь мужество глядеть в глаза правде, как бы горька она ни была. Эта книга говорит о Советском Союзе правду. Она проникнута духом непримиримой вражды к новой касте насильников и эксплуататоров. Тем самым она служит действительным интересам трудящихся и делу социализма.

Автор твердо рассчитывает на сочувствие мыслящих и искренних читателей в странах Латинской Америки!

Л.Троцкий

5 августа 1937 г.

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому]

Приложение.

Без номера (у меня нет архива под руками)389.

Париж, 6 августа [19]37 г.

Дорогой папа, получил твое письмо от 15 ибля, которое очень долго было в пути.

Сегодня я, наконец, выезжаю из Парижа. Чтобы не откладывать поездки, я напишу показание о Копенгагене390 на новом "месте". Это задержит его на несколько дней - не больше. Архивы мои запакованы, увезены и пр. - поэтому я ограничусь точным перечислением доказательств и свидетелей, без цитат.

Письма из России. Поскольку речь идет о письмах наших товарищей (в подавляющем большинстве ссыльных) - их у меня вообще нет. Все эти письма находятся у вас. Они получались в 1929-[19]30 гг., в начале 1931 г. я был уже в Берлине. К этому времени переписка сошла почти на нет. (Мы даже подозревали Ландау, что он их перехватывает, ибо адреса были Саши Мюллера, Швальбаха и др[угих] его людей; об этом даже имеется переписка между тобою, мною и Миллем. Подозрения как будто не подтвердились). Дальнейшие письма, если и получались, то лишь эпизодически и изредка; они должны быть,

повторяю, у вас. Начиная с 1931 г. прекратившаяся переписка заменялась рядом моих встреч, о которых я вам, вероятно, всегда писал. Были также отчеты иеностранцев. Были письма отдельных приезжих. Например, Тензова, ряд писем которого у меня сохранилось. В них идет речь: о делах торговых (плохо торгуем), о том, что товарищи требуют более решительных действий: призывов к стачкам, о слухах, что хотят захватить архив, о настроениях и пр. Наибольшее число таких писем, отчетов, встреч и пр. падает на 1932 год, на вторую половину года. Но я не вижу никакой возможности составить диаграмму этих часто случайных писем, встреч и отчетов - в большинстве без дат и от которых лишь частично остались следы в архивах. К тому же тебя, по-видимому, интересует переписка с нашими людьми, активно ведшаяся в 1929-[19]31 гг. и только. Начиная с 1933 г. (Париж) и эти случайные письма и встречи фактически сошли на нет. Я переписывался с Платоном [Волковым]³⁹¹, с А.Л.Соколовской³⁹². Получил - через парижский муниципалитет - письмо от ссыльного Трегубова - с просьбой о помощи (копию недавно послал вам) и с указанием нескольких особенно нуждающихся товарищей. Им были посланы деньги (или посылки). Трегубов подтвердил, остальные нет. Летом 1933 г. в Париже и у тебя был американец, приехавший из СССР. В остальные годы у меня было несколько редких встреч с приезжими из России, в большинстве с иностранцами. Они либо составляли корреспонденции, либо я их составлял с их слов. Все эти встречи были очень редкое явление, всегда случайного характера. Не знаю, хватит ли тебе этих сведений.

Посылаю тебе: циркуляр администрации "Бюллетеня" от 1933 [г.] - может быть пригодится.

Показание помощника Оскара Кона (в двух экземплярах, второй эвентуально для американской комиссии). Оно настолько бессодержательно, что я его не заверил (он почти ничего не помнит).

Посылаю также два твоих письма от 1935 г. с предвидением будущих амальгам. Этим письма, кажется, вам уже были посланы.

Важно: Пришли, пожалуйста, несколько твоих последних, удачных снимков. Они нужны для издателей. Это срочно.

Посылаю также увеличенный снимок, сделанный в Берлине Пфем[фертом], открытки, посланной мною в СССР.

Это пока все

Во время моего отсутствия меня будет заменять Тьен³⁹³, находящийся со мной в самой тесной связи, так что адрес действителен и поручения могут быть выполнены, как если бы я был в Париже. Тьен заслуживает абсолютного доверия во всех отношениях, вместе с Паульсеном³⁹⁴ они с исключительной преданностью все свои силы и время дают работе. Если бы не двое этих товарищей (Паульсен наш главный администратор по всей работе и по "Бюллетеню", в частности), с работой было бы очень плохо.

Впрочем, сообщение это имеет достаточно платонический характер: ко времени получения от тебя ответа, я, вероятно, уже буду обратно в Париже.

[Л.Л.Седов]

Роман Вольфа Вайса "Я признаюсь"395

Автор романа - молодой немецкий коммунист, работавший несколько лет в России и оставшийся полностью на официальной "линии". В 1935 году, когда ГПУ готовило "троцкистские" процессы, Вайс был неожиданно арестован наряду с целым рядом других немцев. Задача ГПУ состояла в том, чтобы найти среди арестованных немцев (эмигрантов-коммунистов, инженеров и пр.) подходящих подсудимых или свидетелей для будущих процессов. Для этого нужно было заставить арестованных признать себя агентами Гестапо и союзниками троцкистов.

Роман Вайса посвящен главным образом его пребыванию в тюрьме ГПУ и методам допроса. Было бы величайшей ошибкой делать из сказанного тот вывод, будто мы имеем перед собою публицистическое, агитационное произведение, имеющее целью опорочить инквизиционные методы ГПУ. Нет, роман Вайса есть художественное произведение высокой ценности. Автор не занимается агитацией. Он не делает никаких политических выводов или обобщений. Он рассказывает, что он видел и что переживал. Произведение написано в третьем, а не в первом лице: как роман, а не как мемуары. Художественная и психологическая ценность произведения очень высоки. Именно поэтому, замечу мимоходом, роман наносит страшный удар инквизиционным методам ГПУ.

Стиль автора отвечает характеру его переживаний: это нервный, прерывистый, местами конвульсивный стиль. Переводчик должен очень хорошо знать немецкий и английский языки и быть искусным стилистом.

Диего Ривера, которому я изложил содержание романа, чрезвычайно заинтересовался им и выразил желание дать около 25 иллюстраций к этой книге. Незачем пояснять, какую ценность иллюстрации великого мастера способны придать изданию.

Если бы, далее, издатель нашел нужным, я готов был бы дать к книге предисловие. Сам по себе роман не нуждается в пояснениях. Но так как имя автора неизвестно, то предисловие, может быть, могло бы оказаться излишним. Лично я склонен, впрочем, думать, что иллюстрации Диего Ривера совершенно достаточны для успеха книги.

Л.Троцкий

13 августа 1937 г.

Интервью, данное "Mexico al Dia"396

1. Моя борьба со Сталиным имеет глубокие социальные корни. Октябрьская революция произведена была в интересах трудящихся масс - против всех привилегированных. Однако по историческим причинам, в обсуждение которых мы здесь не можем входить, над массами рабочих и крестьян поднялся новый привилегированный слой: всемогущая советская бюрократия. Сталин является ее вождем. Так называемые "троцкисты" борются за интересы трудящихся против

новых угнетателей. Если бы господство бюрократии утвердилось окончательно, тогда все завоевания Октябрьской революции были бы уничтожены. Наоборот, если трудящимся удастся свергнуть правящую касту, тогда страна сможет развиваться в сторону социализма. Борьба имеет, следовательно, непримиримый характер. Окончательный исход ее зависит как от внутренних, так и от международных причин.

2. Новая конституция СССР представляет попытку юридически закрепить бесконтрольное господство правящей клики и ее вождя. Конституция имеет бонапартистский характер, т. к. пытается неограниченную власть прикрыть фальшивым плебисцитом.

3. О внутренних опасностях отвечено уже выше. Внешние опасности связаны с надвигающейся войной. Ведя непрерывную борьбу против народа, советская бюрократия ослабляет оборону страны. Об этом свидетельствует, в частности, недавняя позорная капитуляция Москвы перед Японией в вопросе об Амурских островах³⁹⁷. Ликвидация сталинской диктатуры властно диктуется также и интересами обороны страны.

4. Я закончил книгу о московских процессах под заглавием "Преступления Сталина". Сейчас я возвращаюсь к работе над биографией Ленина.

5. Единственное полное удовлетворение дает человеку мысль. Умственная работа сравнительно мало зависит от внешних обстоятельств. Если под руками есть книги, бумага и перо, этого достаточно для того, чтоб формулировать выводы собственного жизненного опыта или опыта других и тем участвовать в подготовке будущего. Неправильно поэтому было бы сказать, что я отказался от политики. Я не участвую в текущей политике, в частности я не вмешиваюсь во внутреннюю жизнь той страны, которая оказала мне великодушное гостеприимство. Но моя литературная деятельность, посвящена ли она теории или истории, всегда имеет в виду дальнейшие судьбы человечества и стремится оказать освободительному движению трудящихся посильное содействие. В этом широком смысле слова вся моя деятельность имеет политический характер.

В течение сорока лет моей революционной борьбы я стоял у власти около восьми лет. В течение этого периода я несколько не чувствовал себя счастливее. Равным образом я не вижу основания относиться к своему изгнанию, как к личному несчастью. Изгнание вытекло из условий революционной борьбы и в этом смысле является естественным логическим звеном моей жизни.

6. Моя нынешняя жизнь мало отличается от той, которую я вел в Кремле: она посвящена работе. О характере этой работы наиболее существенное сказано выше. Я полностью удовлетворен условиями своего пребывания в Мексике. Правда, агенты Сталина (мне незачем называть их по имени) делают, что могут, чтобы отравить мое существование и здесь. Но долгий опыт научил меня относиться к ним с равнодушием, к которому примешивается крупичка презрения.

Прибавлю в заключение, что значительная часть моего времени посвящена содействию работе Международной Следственной Комиссии по поводу московских процессов. Я предоставил в распоряжение Комиссии несколько сот оригинальных документов, главным образом писем, и свыше ста свидетельских показаний.

Заседания пленарной комиссии откроются 17 сентября. Работы подкомиссий - в Нью-Йорке и Париже - идут непрерывно: проверка документов, допросы свидетелей и пр. Комиссии состоят не из "троцкистов", а из моих политических противников. Но, разумеется, это не агенты ГПУ, а честные и безупречные люди. Прибавлю, что Комиссия неоднократно приглашала в свой состав представителей московского правительства, Коминтерна и "друзей СССР". Все они трусливо отказывались от участия, чтобы иметь затем возможность кричать о "пристрастности" Комиссии. Я надеюсь, что в работах пленарной Комиссии примут участие также и авторитетные представители мексиканского общественного мнения.

В начале сентября выходит в Нью-Йорке стенографический отчет заседаний следственной подкомиссии в Койоакане (600 печатных страниц)³⁹⁸. За ним последует второй том, заключающий в себе все представленные Комиссии документы³⁹⁹. Международная Следственная Комиссия будет иметь таким образом возможность построить свои заключения на гранитном фундаменте строго проверенных фактов. Я не сомневаюсь ни на минуту, что приговор Комиссии и мирового общественного мнения будет убийственен для сталинской бюрократии и ее "друзей".

Уверенность в собственной правоте и борьба за торжество истины над ложью и фальсификацией приносят самое высокое удовлетворение, какое доступно человеку. Я исполнен живейшей благодарности мексиканскому народу и его правительству, которые дали мне возможность в критический период моей жизни беспрепятственно вести борьбу против самого чудовищного из политических подлогов.

Л.Троцкий

16 августа 1937 г.

Интервью, данное "Sunday Sun of Sydney"⁴⁰⁰

1. Япония хочет превратить Китай в свою "Индию". Чтоб обеспечить господство над этой гигантской страной, нужно западную часть Тихого океана превратить в Японское море. Австралия замыкает это будущее "Японское море" с юга. Японии необходимо найти опорную базу в Австралии.

Стратегическое положение вашего континента не может не разжигать аппетиты японских милитаристов. Вы живете слишком далеко и от Великобритании, и от Соединенных Штатов. Ближайшая британская морская база Сингапур может иметь только вспомогательное и временное значение.

Помимо этих чисто военных соображений, притягательная сила Австралии сама по себе очень велика. На Японских островах приходится более 175 человек населения на квадратный километр. В Австралии около одного человека. Австралия богата разными видами сырья, которого не хватает Японии. Каждый австралиец, включая и грудных младенцев, потребляет в среднем около ста килограммов мяса в год, тогда как на итальянца приходится всего 15 килограммов (пышный национализм Муссолини имеет, как видим, очень постный

характер), а на японца приходится совсем микроскопическая величина.

Не будет преувеличением сказать, что судьба Австралии, по крайней мере на 50%, решается ныне в Шанхае и вообще в Китае. Поддержка освободительной борьбы китайского народа против японских хищников представляет одно из важнейших условий защиты независимости Австралии и Новой Зеландии.

2 и 3. Я не могу, к сожалению, похвалиться близким знакомством с социальной и политической жизнью Австралии. Мне никогда не приходилось бывать в Австралии, и я не имел возможности следить за ее прессой. Однако русская и мировая литература, посвященная экономическим условиям Австралии, ее социальному законодательству, достаточно обильна. Наши народники, в частности, часто цитировали Австралию и Новую Зеландию как образец нового социального режима. Незачем говорить, что я с интересом следил за вашим социальным законодательством, возможность которого обусловлена естественными богатствами страны, с одной стороны, системой протекционизма, с другой.

Я не думаю, однако, что ваше законодательство создает особый тип социального развития, принципиально отличный от других капиталистических стран. Решающее значение имеет вопрос о формах собственности. Капиталистическая конкуренция ведет также и в Австралии, как свидетельствует статистика, к концентрации собственности в форме финансового капитала и к возрастающему углублению социальных противоречий. Отсюда раньше или позже должны вытечь соответственные политические последствия.

Несомненно, социальные отношения Австралии более устойчивы, чем в большинстве других стран, особенно европейских. Но это устойчивость не абсолютная и не вечная. Ближайший мировой кризис, которого следует ждать через два-три года, когда военные программы великих держав приблизятся к завершению, потрясет и Австралию. Ближайшая война, которой, - увы! - видимо, остается недолго ждать, неизбежно вовлечет и Австралию в свой водоворот. Эти перспективы не очень отрадны, но они отвечают действительности, и было бы преступным легкомыслием закрывать на них глаза.

4. Политика Гитлера есть политика агрессивного империализма. Политика Сталина есть политика самосохранения новой привилегированной касты. Гитлер ищет "дружбы" Великобритании. Сталин ищет военного союза с Францией и через Францию сближения с Великобританией. Если эти планы не удадутся, союз Гитлера со Сталиным станет не только возможностью, но и неизбежностью... если только Гитлер и Сталин удержат до того времени власть. Я за это не ручаюсь.

5. Большевицкая партия в годы гражданской войны рассматривала террор как неизбежное временное орудие, сопутствующее, как свидетельствует история, каждой революции. Задачей этого террора было освободить народ от старых насильственных оков и расчистить пути для развития социалистического общества.

Нынешний террор советской бюрократии имеет не революционный, а реакционный характер. Его задача - помочь формированию нового правящего класса и прежде всего оградить всемогущую советскую бюрократию от всякой

оппозиции, от всякой критики.

6. Вопрос о моем возвращении в СССР не есть личный вопрос. Я не могу заменить Сталина во главе нынешнего государственного аппарата, который имеет насквозь реакционный и антинародный характер. Но я твердо надеюсь на то, что народы СССР, проделавшие в нынешнем столетии три революции, найдут способы покончить с деспотизмом сталинской бюрократии и расчистить пути для свободного социалистического развития. Вся моя деятельность преследует эту цель.

Л.Троцкий

17 августа 1937 г.

Ответы на вопросы Алвина М. Джозефи⁴⁰¹, "Нью-Йорк Гералд Трибюн"⁴⁰², Нью-Йорк

1. В настоящее время много людей в Америке очень заинтересовано окончательным исходом испанской гражданской войны. Изучающими этот вопрос делается много попыток предвидеть ее финал. Каков, по вашему мнению, будет окончательный исход этой борьбы, и чем мотивируется ваше мнение? Как скоро, думаете вы, наступит конец?

1. Лучшими помощниками генерала Франко⁴⁰³ являются Негрин⁴⁰⁴ и его союзник Сталин. При помощи реакционной социальной политики и не менее реакционных репрессий они убивают освободительные надежды испанских крестьян и революционный энтузиазм рабочих. Только этим объясняются военные неудачи республиканцев и затяжной характер войны. Народ видит все меньше и меньше разницы между программами и режимами обоих воюющих лагерей. Голое противопоставление "демократии" фашизму очень мало говорит уму и сердцу масс, особенно во время войны, когда в обоих лагерях царит фактически военная диктатура. Рабочие и крестьяне способны на величайшие жертвы, если ясно знают, за что борются. Гражданская война побеждает прежде всего смелой социальной программой. Если бы "республиканцы" могли иметь такую программу и немедленно приступили к ее осуществлению на занимаемой ими территории, девять десятых всего населения Испании были бы охвачены могучим революционным порывом, и генерал Франко со своими бандами безжизненно повис бы в воздухе. Правительство Негрина-Сталина, которое в тылу ведет войну с рабочими и крестьянами, неспособно обеспечить военную победу. Но даже если допустить, что Негрин одержит победу над Франко, из такой чисто военной победы выросла бы новая военная диктатура, мало чем отличающаяся от диктатуры Франко. Без социальной революции победа фашизма или полуфашистского милитаризма в Испании совершенно неизбежна, независимо от хода военных операций.

Если гражданская война в нынешнем ее виде затянется на длительный период при возрастающем безразличии народных масс, она может закончиться деморализацией обоих воюющих лагерей и компромиссом генеральских верхушек с целью установления совместной военной диктатуры.

2. Считаете ли вы, что существует какой-либо легальный или моральный базис для итальянского и германского вмешательства в союзе с восставшими?

2. Не понимаю, о каком "легальном" или "моральном" базисе для итальянской или германской интервенции⁴⁰⁵ в Испании может вообще идти речь! Реальным "базисом" фашистской интервенции являлись: вероломно-выжидательная политика Великобритании, трусливо-бессильная политика Леона Блюма во Франции и рабская зависимость политики Сталина от Лондона и Парижа. Правительства Берлина и Рима имели достаточно случаев убедиться, что речи о международной борьбе демократии против фашизма представляют собой чистейшее шарлатанство. На самом деле борьба ведется за стратегические позиции в Средиземном море и за испанское сырье. Рим и Берлин ничуть не испугались поэтому мнимого "единого демократического фронта" и решились на чисто разбойничье вторжение во внутреннюю жизнь Испании. Мы имеем здесь репетицию будущей мировой войны, в которой принципы "демократии" будут играть еще меньшую роль, чем в нынешней борьбе держав вокруг Испании.

3. Считали ли бы вы, что существует какой-либо легальный или моральный базис для английского, французского или русского вмешательства в союзе с лоялистами?

3. Разумеется, для оказания помощи законному испанскому правительству у Англии, Франции или СССР было неизмеримо больше "легальных" оснований, чем у Муссолини или Гитлера - для помощи мятежному генералу. Но, как сказано выше, роли великих держав ни в малейшей степени не определяются моральными или юридическими принципами. Советская бюрократия хочет на спине испанского народа завоевать доверие французской и английской буржуазии. Военная помощь со стороны СССР была поэтому заранее обусловлена обязательством испанского правительства вступить в открытую борьбу против революционных рабочих и крестьян. ГПУ перенесло свой аппарат на почву Испании для истребления всех сторонников пролетарской революции. Убийство анархиста Дуррути⁴⁰⁶, Андрея Нина и других вождей ПОУМа (которые, к слову сказать, не имели ничего общего с троцкизмом) было организовано советскими агентами ГПУ под руководством консула Антонова-Овсенко, по непосредственным инструкциям из Москвы. Сталин говорит Лондону и Парижу: "Вы можете положиться на меня!"

4. По поводу Германии и Италии: считаете ли вы вероятной продолжительность фашистского режима в этих двух странах? Как долго, сказали бы вы, эти режимы могут существовать? Каков, по вашему мнению, будет финал этих режимов? Какая социальная система наследует фашизму?

4. Фашистские режимы возникли прежде всего в тех странах, где социальные противоречия достигли особенной остроты. Фашизм подавил эти противоречия, но не устранил их. Раньше или позже они должны прорваться наружу. Лучшим помощником фашизма является, повторяю, нынешний Коминтерн, который парализует рабочие массы чудовищными тактическими зигзагами по команде из Москвы и систематически деморализует международный революционный авангард, отучая рабочих "вождей" мыслить или просто подкупая их. Возрождение действительного революционного Интернационала, независимого как

от буржуазных правительств, так и от реакционной московской дипломатии, быстро вернет рабочим массам доверие к себе самим и пробудит революционное движение в Германии и Италии. В случае мировой войны фашистские правительства в первый период могут обнаружить перевес над своими противниками, но внутренние социальные противоречия быстро примут в Германии и Италии, лишенных к тому же сырья и продовольствия, неслыханную остроту. Война опрокинет много режимов. Но первыми ее жертвами - это можно сказать с уверенностью - явятся режимы Муссолини и Гитлера. На смену им может прийти только политическое господство рабочего класса и социалистическое переустройство общества.

5. Считаете ли вы, что внутренние дела Германии и Италии могут принудить их углубляться все больше и больше в испанскую борьбу?

5. Я не думаю, что Германия и Италия слишком углубятся в испанскую борьбу: это грозило бы конфликтом между ними самими; между тем, на данной стадии они заинтересованы в демонстрации своей солидарности. Поскольку дело идет о борьбе против социалистической революции в Испании, Гитлер и Муссолини не могут желать лучшего жандарма, чем Сталин. Наконец, степень вмешательства определяется закулисными международными группировками, в частности стремлением Гитлера не слишком отталкивать Великобританию. Однако точные предсказания на этот счет вряд ли возможны.

6. Перед лицом фашизма во всем свете не верите ли вы в единый фронт всех либеральных групп? Готовы ли вы принять участие в таком едином фронте, помогая тем самым разрушению мирового фашизма?

6. Из всего сказанного выше вытекает с достаточной ясностью, что я ни на минуту не верю в возможность и эффективность международного союза "либеральных групп" для борьбы с фашизмом. Опыт Италии, Германии, Австрии и других стран свидетельствует, что "либеральные группы" совершенно бессильны в борьбе с фашизмом, который выдвигает против них демагогическую социальную программу и обрекает их на полное ничтожество. Борьба с фашизмом можно только на почве действительной, серьезной, революционной социальной программы, способной сплотить не только пролетариат, но и угнетенные массы мелкой буржуазии. Поскольку "либеральные группы" являются противниками революционной программы, постольку они способны лишь парализовать инициативу масс и толкать их в лагерь фашизма. Формула "антифашизма" очень удобна для жонглирования господ депутатов, профессоров, журналистов и просто салонных болтунов. Рабочему, безработному, бедняку-крестьянину, разоренному фермеру или обанкротившемуся мелкому торговцу, вообще подавляющему большинству населения голая формула "антифашизма" не говорит решительно ничего. Шумиха всякого рода "антифашистских" парадов, банкетов, коалиций и пр. и пр. способна только сеять иллюзии и облегчать работу реакции. Стереть с лица земли египетскую язву фашизма могут только миллионы и десятки миллионов трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых. Но им нужна для этого революционная программа и революционная организация.

7. Почему существуют разногласия между лидерами испанского

республиканского правительства?

7. Политические разногласия в так называемом "республиканском" лагере Испании прямо или косвенно определяются антагонизмом классовых интересов. Правительство Негрина хочет во что бы то ни стало спасти режим частной собственности. Как показывают разгромы рабочих организаций, аресты, подложные обвинения, расстрелы из-за угла или в спину, охрана интересов капитала неизмеримо важнее для Негрина, чем соблюдение принципов демократии. Испанские крестьяне, наоборот, хотят получить землю. Рабочие хотят избавиться от эксплуатации путем экспроприации средств производства. Во время революции социальные антагонизмы достигают крайнего напряжения. Каждому политику приходится выбирать: с буржуазией и с правительством Негрина против рабочих и крестьян или с рабочими и крестьянами - против Негрина. Ларго Кабальеро не хочет рвать с рабочими, но боится рвать с буржуазией. Отсюда его колеблющаяся ("центристская") политика. Анархистские рабочие массы Каталонии хотят социальной революции, хотя идеи их на этот счет смутны. Но анархистские вожди при первом столкновении с суровой действительностью выбросили вон свой анархизм и стали вульгарными буржуазными министрами. Вожди ПОУМа стояли "в принципе" за социалистическую революцию, но на деле боялись оторваться от анархистских вождей. Вместо того, чтобы смело стать во главе революционных масс, вожди ПОУМа колебались, выжидали, заключали верхушечные блоки, вступали в реакционные министерства и тем дезориентировали массы. Ложной политикой рабочих организаций объясняется тот факт, что испанский пролетариат, несмотря на свои исключительные боевые качества, которые могли ему дважды и трижды обеспечить полную победу, видел до сих пор одни только поражения. Без подлинно революционной партии пролетариат не может прийти к победе.

8. Могу ли я спросить, что по вашему мнению важнее: выиграть сначала войну или же провести социальные реформы еще до ее окончания?

8. Вопрос, на мой взгляд, неправильно поставлен. Опыт испанской войны, как и всех великих гражданских войн, в том числе и в Соединенных Штатах, в 60-х годах прошлого века, показывает, что нельзя выиграть гражданскую войну без открытого провозглашения и фактического осуществления программы великих социальных реформ. Кто обещает массам реформы после окончания войны, тот обманывает массы, и тому массы законно не верят. Именно поэтому правительство Негрина-Сталина и терпит постыдные поражения.

9. Почему разногласия между лоялистскими лидерами не могут быть отложены до победного окончания войны?

9. Разногласия касаются вопроса о том, как вести войну: при помощи полицейского террора над массами или при помощи мер социальной революции. "Отложить" эти разногласия до конца войны значит предоставить правительству Негрина полную свободу для подготовки катастрофы, т. е. военного поражения и торжества фашизма.

10. Если бы России пришлось руководить объединенным фронтом против мирового фашизма и вступить в войну с Германией и Италией, согласны ли вы

были бы принять участие в такой борьбе и предложить Сталину ваше содействие?

10. Если бы СССР оказался в войне с фашистским государством, то все мои сторонники, все вообще действительные революционеры из всех сил поддерживали бы в этой войне СССР и Красную Армию, несмотря на сталинскую диктатуру. Так, в августе 1917 года большевики боролись в первых рядах против восстания реакционного генерала Корнилова, несмотря на существование правительства Керенского.

11. Надеетесь ли вы когда-либо примириться со Сталиным или же это вне всякой возможности?

11. Сталин является вождем привилегированной бюрократии и новой аристократии выскочек и потому на международной арене выступает как чисто реакционный фактор. О примирении моем с такой политикой и с теми, кто ее проводит, не может быть и речи.

12. Хотели бы вы вернуться в Россию? Надеетесь ли вы когда-либо вернуться?

12. Я не могу ставить этот вопрос в чисто сентиментальной плоскости: все зависит от политических условий. Я не сомневаюсь, что трудящиеся массы СССР низвергнут тираническую диктатуру деморализованной бюрократии. Разумеется, я готов принять участие в такого рода освободительной борьбе.

13. Могу ли я спросить, какие реформы или изменения произвели бы вы в случае вашего возвращения в Россию и получения необходимых полномочий?

13. Дело идет не обо мне лично, а о той программе, которую трудящиеся массы СССР должны осуществить и несомненно осуществят после низвержения нынешней бонапартистской диктатуры. Важнейшие реформы, на мой взгляд, таковы: восстановление самой широкой советской демократии и легализация борьбы партий; ликвидация несменяемой бюрократической касты путем выборности всех чиновников; выработка хозяйственных планов при прямом участии самого населения и в его интересах; устранение вопиющих и оскорбительных форм неравенства; ликвидация чинов, орденов и всех других отличий нового советского дворянства; радикальное изменение внешней политики в духе принципов интернационализма. Одной из частных, но важных мер я считаю гласный и открытый пересмотр всех последних судебных процессов, реабилитацию невиновных, суровую кару для организаторов подлога.

14. Имеете ли вы какое-либо заявление, которое я мог бы взять с собой, касающееся политического, экономического или социального положения в Соединенных Штатах?

14. Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, т. к. я строго придерживаюсь принципа невмешательства во внутреннюю жизнь не только Мексики, но и ее могущественного соседа - Соединенных Штатов.

Л.Троцкий

23 августа 1937 г.

P.S. Настоящие ответы должны быть напечатаны полностью и дословно. В противном случае они должны быть мне возвращены.

Л.Т[роцкий]

Не для печати, только для членов организаций

Всем организациям, примыкающим к Четвертому Интернационалу. Проверка идей и людей на опыте Испанской революции

Испанская революция имеет в глазах передовых рабочих громадное значение не только как историческое событие первостепенной важности, но и как высшая школа революционной стратегии. Идеи и люди подвергаются исключительно важной, можно сказать, безошибочной проверке. Обязанностью каждого серьезного марксиста является изучение не только событий революции, но и тех политических позиций, какие различные группировки и отдельные работники в нашей собственной среде занимают по отношению к испанским событиям.

Т[оварищ] Вэр407 и т[оварищ] Снивлит.

В этом письме я хотел бы остановиться на одном частном, но в высшей степени поучительном примере, именно, на позиции т. Вэра, одного из руководящих работников нашей бельгийской секции. Вэр выступал докладчиком по испанскому вопросу на заседании Центрального Комитета Революционной Социалистической Партии в конце июня этого года. Отчет о его докладе, напечатанный во Внутреннем Бюллетене бельгийской секции за июнь-июль, очень краток, всего около 25 строк, но он дает тем не менее достаточно ясную картину ошибок тов. Вэра, очень опасных как для нашей бельгийской секции, так и для всего Интернационала.

Тов. Снивлит, вождь голландской Р.С.А.П.408, полностью солидаризировался, как известно, с политикой ПОУМа и тем ясно обнаружил, как далеко он отошел от революционного марксизма. Что касается тов. Вэра, то дело обстоит несколько иначе. Вэр осторожнее. Его рассуждения и раньше и теперь пересыпаны оговорками: "с одной стороны", "с другой стороны". Он занимает по отношению к ПОУМу "критическую" позицию, заимствуя многие аргументы из нашего общего арсенала. По существу же его центристская позиция гораздо более способна внести смуту в наши ряды, чем позиция тов. Снивлита. Необходимо поэтому подвергнуть взгляды Вэра внимательной критике.

Оптимистический фатализм как черта центризма

Вэр делал свой доклад до разгрома ПОУМа и до бандитского убийства его вождей агентами Сталина в Испании (Антонов-Овсеенко и др.) Память Нина и его соратников мы будем непримиримо защищать против клеветы московских и иных негодяев. Но трагическая гибель Нина не может изменить наших политических оценок, которые диктуются историческими интересами пролетариата, а не сентиментальными соображениями.

Тов. Вэр уже в течение длительного времени совершенно ошибочно оценивал ПОУМ, считая, что под давлением событий эта партия должна, так сказать, "автоматически" эволюционировать влево и что наша политика в Испании должна ограничиваться "критической" поддержкой ПОУМа. События совершенно не подтвердили этого фаталистического и оптимистического прогноза, который

крайне характерен для центристского, а не марксистского мышления. Достаточно здесь напомнить, что тем же фаталистическим оптимизмом проникнута была вся официальная политика ПОУМа, руководство которого так же приспособлялось к анархистским вождям в надежде, что они автоматически встанут на путь пролетарской революции, как Вэр приспособлялся к вождям ПОУМа. Все эти ожидания потерпели полное крушение: события отбросили анархистских вождей, как и лидеров ПОУМа, не влево, а вправо. Вместо того, чтобы открыто признать ошибочность своей политики, Вэр хочет отступить незаметно на новую позицию, которая отличается от вчерашней еще большей путаностью.

Характеристика ПОУМа

В противоположность С.Н.Т.409 и Ф.А.И.410, существующих десятки лет, -так начинает Вэр свой доклад, - "ПОУМ - недавнего происхождения, разнороден, левая в нем слаба". Эта характеристика представляет радикальное осуждение не только позиции Снивлита, но и всей предшествующей политики самого Вэра. Ибо где обещанная нам эволюция влево? В то же время эта характеристика ПОУМа отличается преднамеренной неопределенностью. "Левая слаба". Слово "левая" здесь ничего не означает. Идет ли речь о марксистской фракции ПОУМа или о левоцентристской? Вэр сознательно не хочет отвечать на этот вопрос. Мы ответим за него: последовательной марксистской фракции после исключения "троцкистов" в ПОУМе нет вообще. Но даже и левоцентристская фракция слаба. В этом Вэр прав. Но это значит лишь, что после шести лет опыта революции политика ПОУМа определяется правыми центристами. Такова неприкрашенная правда.

Тов. Вэр "критикует" ПОУМ

Послушаем теперь, как Вэр критикует ПОУМ.

"Ошибки ПОУМа: присоединение к народному фронту во время выборов. Он исправил эту ошибку 19 июля 411 путем вооруженной борьбы. Вторая ошибка: участие в правительстве и роспуск комитетов. Но после выхода из правительства в ПОУМе совершилось идейное очищение".

Все это напоминает, на первый взгляд, марксистскую критику. На самом деле Вэр пользуется стерилизованными обрывками марксистской критики не для того, чтоб разоблачить, а, наоборот, чтобы прикрыть оппортунистическую политику ПОУМа - и свою собственную. Прежде всего бросается в глаза, что речь идет у нашего критика об отдельных "ошибках" ПОУМа, а не о марксистской характеристике всей его политики. "Ошибки" могут быть у всякой организации. Ошибки были у Маркса, ошибки были у Ленина, у большевистской партии в целом. Но эти ошибки своевременно исправлялись благодаря правильности основной линии. У ПОУМа дело идет не об отдельных "ошибках", а о неревolutionной, центристской, т. е. по существу дела оппортунистической основной линии. Иначе сказать: у революционной партии "ошибки" являются исключением; у ПОУМа исключением являлись отдельные правильные шаги.

19 июля 1936 г.

Вэр напоминает нам, что ПОУМ участвовал 19 июля 1936 г. в вооруженной борьбе. Еще бы! Не участвовать в этой борьбе, захватившей весь пролетариат, могла бы только контрреволюционная организация: никто из нас, конечно, не квалифицировал так ПОУМ. Но каким образом участие в борьбе масс, которые навязали в те дни свою политику и анархистам, и социалистам, и поумистам, могло "исправить ошибку" участия в народном фронте? Нисколько! Борьба 19 июля, несмотря на фактическую победу рабочих, закончилась экивоком двоевластия только потому, что ни одна организация не имела необходимой ясности в голове и необходимого мужества, чтобы довести борьбу до конца. Участие ПОУМа в Народном фронте было не случайной "ошибкой", а безошибочным признаком его оппортунистического характера. В июльские дни изменилась лишь внешняя обстановка, но не характер центристской партии. ПОУМ приспособлялся к рабочему восстанию, как за несколько месяцев перед тем он приспособлялся к избирательной механике Народного фронта. Левый зигзаг центризма дополняет правый зигзаг, но вовсе не "исправляет" его. И во время левого зигзага ПОУМ полностью сохранял свою половинчатую позицию и тем самым готовил будущую катастрофу.

Участие в правительстве

"Вторая ошибка, - говорит Вэр, - участие в правительстве и роспуск комитетов." Откуда же появилась эта "вторая ошибка", если участие в июльском восстании "исправило" предшествующую ложную политику? На самом деле участие в правительстве было очередным зигзагом, вытекавшим из центристской природы партии. Тов. Снивлит писал, что он "понимает" это участие. Увы, эта двусмысленная формула показывает лишь, что Снивлит не понимает законов классовой борьбы в эпоху революции. Июльские дни 1936 г., когда каталонский пролетариат при правильном руководстве мог бы без дополнительных усилий и жертв захватить всю власть и открыть эпоху диктатуры пролетариата во всей Испании, закончились, в значительной мере по вине ПОУМа, режимом двоевластия, т. е. временным расчленением власти между пролетариатом (комитеты) и буржуазией в лице ее лакеев (лидеры сталинцев, анархистов и социалистов). Интерес рабочих состоял в том, чтобы уничтожить как можно скорее опасный экивок путем передачи всей власти комитетам, т. е. испанским советам. Наоборот, задача буржуазии состояла в том, чтобы во имя "единой власти" уничтожить комитеты. Участие Нина в официальном правительстве явилось составной частью плана буржуазии, направленного против пролетариата. Если Снивлит "понимает" это, тем хуже для него. Вэр осторожнее: он говорит об участии в правительстве, как о "второй ошибке". Недурная "ошибка", состоящая в прямой поддержке правительства буржуазии против рабочих комитетов!

"Но, - спешит прибавить Вэр, чтобы обломать лезвие своей критики, - после выхода из правительства в ПОУМе совершилось идейное очищение". Это прямая неправда, которую Вэр сам опроверг уже цитированной нами выше

характеристикой ПОУМа как разнородной партии, в которой "левая слаба". Какое же это "идейное очищение", после которого даже левый центризм составляет в партии слабое меньшинство? Или, может быть, под "очищением" надо понимать... исключение большевиков-ленинцев?

Критика Интернационального Секретариата

Вэр заходит еще дальше по пути адвокатской защиты центризма. Перечислив "ошибки" ПОУМа, он для соблюдения симметрии немедленно перечисляет "ошибки" Интернационального Секретариата. Приведем снова дословную цитату:

"Ошибки И[нтернационального] С[екретариата]: десять дней после 19 июля в Париже не имели позиции. Не видели важности событий. Не принимали участия в брюссельской конференции⁴¹²: слишком дословно применяли парижскую резолюцию. Следовало воспользоваться этой okazji, чтобы толкнуть ПОУМ в сторону революционной политики. Отрезали себя от Нина, опубликовав письмо Троцкого".

Не веришь своим глазам, читая это нагромождение "обвинений"! У И[нтернационального] С[екретариата] могли, конечно, быть те или другие практические упущения и даже политические ошибки. Но ставить их на один уровень с оппортунистической политикой ПОУМа можно разве лишь для того, чтобы взять на себя неуместную роль третейского судьи между враждебной нам партией и нашей собственной международной организацией. Здесь тов. Вэр обнаруживает не в первый раз убийственное отсутствие чувства пропорции. Присмотримся, однако, ближе к его обвинениям.

"Десять дней" после 19 июля И[нтернациональный] С[екретариат] не имел позиции! Допустим, что это правильно. В чем была причина: в недостатке информации, в чрезмерной осторожности? Вэр не объясняет. Разумеется, лучше иметь "позицию" немедленно. Но при одном условии: если это правильная позиция. И[нтернациональный] С[екретариат] есть высшее административное учреждение. Он должен быть очень осторожен в занятии политической позиции, тем более, что он непосредственно не руководил и не мог руководить борьбой в Испании. Но если И[нтернациональный] С[екретариат] "через десять дней" не имел позиции, то т. Вэр через год после 19 июля занимает совершенно ложную позицию. Это неизмеримо хуже!

Конференция в Брюсселе

Нужно было, видите ли, снова участвовать в жалкой и ничтожной брюссельской конференции центристов, чтобы "толкать ПОУМ" в сторону революционной политики. Воздействовать на ПОУМ надо, оказывается, не в Барселоне, а в Брюсселе. Не перед лицом революционных масс, а в закрытом помещении конференции. Как будто мы первый раз встречаемся с вождями ПОУМа! Как будто мы в течение шести лет не пытались "толкать" их на путь революционной политики. Все методы и все пути были нами испробованы: обширная переписка, послышки делегатов, организационная связь, многочисленные статьи и целые брошюры, наконец, публичная критика. Однако вместо того,

чтобы перейти на путь марксистской политики, вожди ПОУМа, испугавшиеся неумолимых требований революции, окончательно вступили на путь центризма. Все это для Вэра, очевидно, случайности, не имеющие значения. Зато огромное значение должна была иметь... центристская конференция в Брюсселе, где Вэр перед одним или двумя вождями ПОУМа произнес бы речь, которая в лучшем случае повторяла бы то, что сотни раз говорилось и писалось до конференции. В тов. Вэре и на этот раз центрист дополняется сектантом. Для сектанта высшим моментом жизни является собственное самоопределение на 1001-й конференции!

Письмо Троцкого⁴¹³

Наконец, последнее обвинение: опубликование письма Троцкого. Письмо, насколько знаю, действительно не предназначалось для опубликования. Но нужно же поистине утратить последние остатки политического чутья, чтобы видеть в опубликовании этого письма важный фактор в определении наших отношений с ПОУМом. Письмо квалифицировало участие в блоке с буржуазией, как измену пролетариату. Верно это или неверно? Мы никогда не заподозривали чистоты намерений Нина. Но политическая оценка его участия в Народном фронте как акта измены была совершенно правильна. Каким образом, однако, опубликование этого письма могло "отрезать" нас от Нина? Ведь мы и до письма были достаточно отрезаны от него, и не случайно: вся его политика шла вразрез с нашей. Нин не по капризу порвал с нами за три года до опубликования письма Троцкого. Или, может быть, Вэр хочет сказать, что после выборов Нин эволюционировал в нашу сторону, но что опубликование письма помешало его эволюции? Иного смысла слова Вэра иметь не могут, если они вообще имеют хоть тень смысла. На самом деле, как мы знаем, Нин и его друзья продолжали считать свое участие в Народном фронте, а затем в правительстве правильным и даже требовали возобновления этого участия. Дело шло и тут не об "ошибке", а о политической линии. Наконец, если допустить даже, что ПОУМ понял "ошибку" участия в Народном фронте, то каким образом опубликование письма с резкой характеристикой этой ошибки могло помешать эволюции ПОУМа? Хочет ли Вэр сказать (что-нибудь он хочет же сказать!), что Нин так обиделся на письмо, что решил вернуться на прежнюю неправильную позицию? Но такое мнение слишком оскорбительно для Нина, который руководствовался политическими идеями, а не соображениями мелкого личного самолюбия.

Таковы те "ошибки" И[нтернационального] С[екретариата], которые Вэр ставит на одну доску с центристской политикой ПОУМа. Этим он показывает лишь, что он сам занимает позицию "третьей стороны" между марксизмом и центризмом.

Подготовка к майским дням (1937)⁴¹⁴

Дальше Вэр переходит к майским событиям этого года.

"Можно констатировать, - говорит он, - что ПОУМ ожидал их и вооружался. Размах событий застиг партию врасплох. Но какая угодно партия была бы

застигнута врасплох".

Что ни фраза, то ошибка, притом не случайная ошибка, а продукт ложной политической линии. "Предвидеть" майские события и готовиться к ним можно было только одним-единственным путем: объявив непримиримую борьбу правительствам Каталонии и Испании; отказывая им в каком бы то ни было политическом сотрудничестве; противопоставляя свою партию всем остальным партиям, т. е. их руководящим центрам, в частности и в особенности, руководству С.Н.Т. (профессиональных союзов). Ни на минуту не позволять массам смешивать революционных вождей с лакеями буржуазии! Такого рода непримиримая политика, наряду, разумеется, с активным участием в военной борьбе и в революционных движениях масс, обеспечила бы ПОУМу непререкаемый авторитет в среде всех рабочих, прежде всего анархистских, составляющих большинство каталонского пролетариата. Вместо этого ПОУМ требовал возвращения своих вождей в состав контрреволюционного правительства и в то же время заверял в каждом номере "Батайа", будто рабочие могут без боя взять власть. ПОУМ выдвигал даже с этой целью игрушечный проект особого съезда, созванного буржуазным правительством для... передачи власти рабочим и крестьянам. Именно поэтому ПОУМ оказался застигнут врасплох, и майские события стали для него лишь новым этапом на пути к катастрофе. "Но, - восклицает Вэр, - любая партия была бы застигнута врасплох". Эта невероятная фраза снова показывает, что Вэр не знает разницы между центристской и марксистской партией. Можно, правда, признать, что действительно массовое восстание перерастает в той или другой степени каждую революционную партию. Но разница именно в степени: количество и здесь переходит в качество. Центристская партия захлебывается в событиях и тонет в них, а революционная партия в конце концов овладевает ими и обеспечивает победу.

"Оборона, а не наступление"

"4 и 5 мая, - продолжает Вэр, - его (ПОУМа) политика была правильна. Оборона, а не наступление. Идти к захвату власти было бы авантюрой в условиях момента. Великой ошибкой ПОУМа было сеять иллюзии во время отступления и выдавать поражение за победу".

Вы видите, с какой аптекарской точностью Вэр взвешивает и уравнивает "правильные" действия и "ошибки" ПОУМа? Однако все рассуждение его представляет сплошную ошибку. Кто и где сказал, что идти в мае на захват власти было бы авантюрой? Не таково, прежде всего, было мнение самого ПОУМа. Ведь еще накануне он уверял рабочих, что, как только они захотят, они возьмут власть без боя. Рабочие "захотели". Где же тут авантюра? Элемент подлой провокации со стороны сталинцев имеет с интересующей нас точки зрения второстепенное значение. Все опубликованные после событий отчеты показывают, что при сколько-нибудь серьезном и уверенном в себе руководстве победа майского восстания была бы обеспечена. В этом смысле ПОУМ был прав, когда говорил, что рабочие могут захватить власть, если "захотят". Он забывал лишь прибавить: к несчастью, у вас нет

революционного руководства. ПОУМ потому и только потому не мог повести каталонский пролетариат в революционное наступление, что вся его предшествующая политика сделала его неспособным на такую инициативу.

"Июльские дни" 1917 г. и "майские дни" 1937 г.

Здесь тов. Вэр может, однако, возразить нам: "Но ведь и большевики в июле 1917 года не решились на захват власти, а ограничились обороной, выведя массы из огня с возможно наименьшими жертвами. Почему же эта политика оказывается непригодной для ПОУМа?" Разберем этот довод. Товарищи Снивлит и Вэр очень любят напоминать нам, что Испания - "не Россия", что нельзя применять повсюду "русские" методы и пр. Такого рода абстрактные поучения производят совсем несерьезное впечатление. Худо ли, хорошо ли, но мы старались в течение истекших шести лет анализировать конкретные условия испанской революции. В самом начале ее мы предупреждали, что не следует ждать быстрого темпа развития событий по образцу русского 1917 года. Наоборот, мы пользовались аналогией с Великой французской революцией, которая, начиная с 1789 года, прошла через ряд этапов, прежде чем достигла в 1793 году своей кульминации. Но именно потому, что мы не привыкли шаблонизировать исторические события, мы не считаем возможным переносить тактику большевиков в июле 1917 года в Петербурге на майские события 1937 года в Каталонии. "Испания - не Россия". Черты различия слишком очевидны.

Вооруженная манифестация петербургского пролетариата вспыхнула уже через четыре месяца после начала революции, через три месяца после того, как большевистская партия развернула подлинно большевистскую программу (апрельские тезисы Ленина). Подавляющая масса населения гигантской страны едва начала выходить из февральских иллюзий. На фронте стояла 12-миллионная армия, до которой только начали докатываться слухи о большевиках. В этих условиях изолированное восстание петербургского пролетариата подвело бы его неминуемо под разгром. Надо было выиграть время. Этой обстановкой определялась тактика большевиков.

В Испании майским событиям предшествовали не четыре месяца, а шесть лет революции. Массы всей страны проделали гигантский опыт. Они давно утратили иллюзии 1931 года, как и подогретые иллюзии Народного фронта. Они успели много раз показать во всех частях страны, что готовы идти до конца. Если бы пролетариат Каталонии захватил власть в мае 1937 года, - как он ее фактически захватил в июле 1936 года, - он нашел бы поддержку во всей Испании. Буржуазно-сталинская реакция не нашла бы и двух полков для подавления каталонских рабочих. На территории, занятой Франко, не только рабочие, но и крестьяне повернулись бы в сторону пролетарской Каталонии, изолировали бы фашистскую армию и внесли бы в нее неудержимое разложение. Вряд ли какое-либо иностранное государство решилось бы при этих условиях бросить на раскаленную испанскую почву свои полки. Интервенция стала бы фактически невозможной, или, по крайней мере, менее опасной.

Разумеется, во всяком восстании есть элемент неизвестности и риска. Но

весь дальнейший ход событий показал, что даже в случае поражения положение испанского пролетариата было бы неизмеримо более благоприятно, чем сейчас, не говоря уж о том, что революционная партия навсегда обеспечила бы свое будущее.

На чем же основывает Вэр свое категорическое заявление, что захват власти в Каталонии был бы при данных условиях "авантюрой"? Решительно ни на чем, кроме... желания оправдать импотенцию центризма и заодно свою собственную политику, которая была и остается только левой тенью центризма.

Вэр защищает исключение большевиков-ленинцев

Заключительные строки отчета стоят на уровне всего доклада. "В ПОУМе нет демократии, говорят нам; но если бы бордигисты хотели прийти к нам, - возражает Вэр, - мы их приняли бы без сомнения, но без права фракции". Кто это говорит? Адвокат центризма или революционер, причисляющий себя к большевикам-ленинцам? Понять нелегко. Демократия ПОУМа вполне удовлетворяет Вэра. Оппортунисты исключают из своей партии революционеров. Вэр говорит: оппортунисты правы, т. к. зловредные революционеры устраивают фракции. Напомним еще раз то, что Вэр говорил о ПОУМе вначале: партия "недавнего происхождения, разнородная, левая в ней слаба". Из этой "разнородной" партии, которая вся, в сущности, состоит из фракций и подфракций, ПОУМ исключает не прямых реформистов, не мелкобуржуазных каталонских националистов и, конечно, не центристов, а только большевиков-ленинцев. Казалось бы, ясно? Между тем, "большевик-ленинец" Вэр одобряет реакционные репрессии центристов. Его занимает, видите ли, юридический вопрос о праве фракций, а не политический вопрос об их программе и тактике. В глазах марксиста революционная фракция внутри центристской партии есть положительный факт; сектантская или оппортунистическая фракция в революционной партии есть отрицательный факт. То обстоятельство, что Вэр сводит вопрос к голому праву фракций на существование, показывает лишь, что он совершенно утратил линию водораздела между центризмом и марксизмом. Действительный марксист сказал бы так: "Говорят, что в ПОУМе нет демократии. Это неправильно. Демократия там есть - для правых, для центристов, для путаников, но не для большевиков-ленинцев". Другими словами: объем демократии ПОУМа определяется реальным содержанием центристской политики, в корне враждебной революционному марксизму.

Непростительная выходка

Но Вэр не останавливается и на этом. В интересах защиты ПОУМа он прибегает к прямой клевете (иначе нельзя сказать!) на наших единомышленников в Каталонии. "Секция б[ольшевиков]-л[енинцев] в Барселоне, - говорит он, - была образована из карьеристов и авантюристов". Читая, не веришь глазам! Кто это говорит: социал-демократ? Сталинец? Буржуазный враг? Нет, это говорит ответственный деятель нашей бельгийской секции. Вот что значит упорствовать в ошибках, обнаруженных всем ходом событий! Завтра агенты ГПУ в Барселоне,

если в их руки попадет бельгийский Бюллетень, скажут: "По признанию самого Вэра, б[ольшевики]-л[енинцы] - карьеристы и авантюристы. Надо с ними соответственным образом расправиться!" Я думаю, что долгом всех наших секций является заявить, что мы с негодованием отвергаем недопустимую выходку тов. Вэра, и что всем нашим международным авторитетом мы поддержим нашу молодую барселонскую организацию. Прибавлю тут же: как показывает ее программное воззвание от 19 июля этого года, наши барселонские товарищи неизмеримо глубже и серьезнее понимают задачи революции, чем Вэр. Действительная "ошибка" Интернационального Секретариата состоит, пожалуй, в том, что он не осудил до сих пор заявление Вэра и не потребовал такого осуждения от нашей бельгийской секции.

Надо еще раз помочь тов. Вэру вернуться на правильный путь

Мы меньше всего намерены обострять разногласия. Мы наблюдали тов. Вэра в разных условиях и на разных этапах развития бельгийской секции и международной организации. Мы все научились ценить преданность тов. Вэра делу рабочего класса, его энергию, его готовность бескорыстно отдавать этому делу все свои силы. Молодые рабочие должны этому учиться у тов. Вэра. Но что касается его политической позиции, то она, к сожалению, чаще всего отстоит на несколько метров вправо или влево от марксистской линии, причем тов. Вэр не привык щадить тех, которые остаются на этой линии. В прошлом нам приходилось бороться преимущественно с сектантскими тенденциями тов. Вэра, которые причинили бельгийской секции немало вреда. Но и тогда для нас не было тайной, что сектантство есть только бутон, из которого всегда может развернуться цветок оппортунизма. Перед нами теперь исключительно яркое подтверждение этого закона политической ботаники. Тов. Вэр проявлял сектантство во второстепенных или формально-организационных вопросах, чтоб повернуть к оппортунизму в политическом вопросе гигантского исторического значения.

Внутренняя жизнь Четвертого Интернационала основана на принципах демократии. Тов. Вэр из этой демократии делает очень широкое, иногда даже анархическое применение. Однако преимущество режима демократии состоит в том, что подавляющее большинство, опираясь на опыт и на товарищескую дискуссию, может свободно формулировать свое авторитетное мнение и своевременно призвать к порядку меньшинство, вступившее на опасный путь. Такова лучшая услуга, которую можно сейчас оказать нашей бельгийской секции, а заодно и голландской.

Крукс415

24 августа 1937 г.

Послесловие416

Беседа по поводу китайских дел велась на английском языке, а так как я владею им очень плохо, стенограмма не могла точно выразить мои мысли.

Исправить или дополнить английскую запись у меня, к сожалению, нет никакой возможности. К тому же положение со времени беседы значительно изменилось. 11-ого августа, когда происходила беседа, было еще неясно, как далеко зайдет конфликт между Японией и Китаем⁴¹⁷. В настоящее время конфликт превратился в открытую войну, хотя, правда, и сейчас еще трудно сказать, по крайней мере отсюда, будут ли военные действия приостановлены каким-либо компромиссом или же, наоборот, развернутся в большую войну.

1) Во всяком случае, вопрос о самостоятельных, "антияпонских" организациях представляется сейчас более актуальным, чем несколько недель тому назад. И сейчас мне, однако, кажется, что наши единомышленники не могут брать на себя инициативу создания "антияпонских" организаций, без более точного определения их целей. Гораздо правильнее, кажется мне, пытаться создавать "военные" организации на классовой основе для выполнения той работы, которую в соответственном случае должны были бы выполнять профессиональные союзы. Например, если с данного завода несколько рабочих отправились на войну, нужно и должно создать группу для поддержания с ними связи и для оказания им и их семьям материальной и моральной поддержки. Такую же работу следует производить в деревнях, стараясь создать для этого особый рабочий центр в городе. Такие рабочие и крестьянские союзы помощи ушедшим на войну могут и должны настаивать перед буржуазными политическими организациями и перед революционными органами на оказании помощи семьям революционных солдат и так далее.

2) Было бы неправильно думать, что война сразу парализует экономическое оживление в стране. Наоборот, есть все основания полагать, что война вызовет в ряде отраслей промышленности лихорадочное оживление. К этому надо прибавить, что огромное пространство Китая, особенно юг и запад, останется не только вне поля военного действия, но и в значительной мере вне прямого влияния факторов войны. Можно, таким образом, ожидать, что промышленное оживление продолжится, особенно если войну будет финансировать Великобритания, Соединенные Штаты или Советский Союз. Зависимость армии и правительства от внутреннего производства должна чрезвычайно повысить роль и значение китайских промышленных рабочих. Все отрасли промышленности, особенно те, которые непосредственно работают на оборону, будут загребать большие барыши. Эта обстановка откроет широкие возможности для экономической борьбы рабочих. Правительству придется быть более осторожным в своих репрессиях, чтобы не нарушить хода военной промышленности. Разумеется, негодяи из Гоминьдана и не меньшие негодяи из сталинской партии будут кричать, что экономическая борьба во время войны антипатриотична. Однако рабочие массы вряд ли будут сочувствовать таким голосам, особенно если действительные революционеры сумеют разоблачить огромные прибыли капиталистов и хищничество интендантов и всяких других чиновников. Разумеется, вся эта работа не только не будет наносить ущерба войне, но, наоборот, будет служить ей поддержкой. Война против Японии может лишь в том случае принять действительно национальный характер, если буржуазии не

удастся взвалить всю тяжесть ее на трудящиеся массы. Вот почему огромное значение приобретают такие требования, как рабочий контроль над промышленностью, особенно над военной промышленностью, чтобы не только контролировать прибыли, но и препятствовать капиталистам поставлять в армии плохие и недоброкачественные продукты и изделия. Повседневная жизнь во время войны даст сотни и тысячи поводов для организации разного рода обществ и комитетов, в которых рабочие будут действовать рядом со студентами и мелкой буржуазией вообще. Нужно только, чтобы такие организации всегда имели перед собою хотя бы узкую, но вполне конкретную программу, связанную интересами армии и трудящихся. Незачем повторять, что рабочие-революционеры, активно участвующие в войне и в обслуживании войны, не могут и не должны брать на себя ни малейшей ответственности за буржуазное правительство. Авангард пролетариата остается и во время войны в непримиримой позиции к буржуазии. Его задача состоит в том, чтобы, опираясь на опыт войны, сплотить рабочих вокруг революционного авангарда, сплотить крестьян вокруг рабочих и тем подготовить подлинное рабоче-крестьянское правительство, т. е. диктатуру пролетариата, ведущего за собою миллионы крестьян.

С точки зрения указанной цели огромное значение имеет сохранение тесной связи с революционным рабочим внутри армии (обязательная переписка, посылки продуктов), всякого рода братания между рабочими, крестьянами и солдатами и прочее и прочее.

Таковы те короткие дополнительные замечания, которые я могу прибавить к нашей беседе от 11 августа.

[Л.Д.Троцкий]

3 сентября 1937 г.

Лицемерие под маской "беспристрастия".

Еще раз о Феннере Броквее

"Лондонское Бюро Революционных Социалистических Партий" было приглашено, наряду со 2-ым и 3-им Интернационалами, принять участие в Международной Комиссии Расследования по поводу московских процессов. 21 мая Феннер Броквей ответил от имени Бюро отказом. Мы приводим соответствующую часть его ответа дословно.

"Интернациональное Бюро не может оказать поддержки американской следственной комиссии или быть представлено в ней, ибо оно считает, что сделана была роковая ошибка, когда инициативу расследования взял на себя комитет, который сам определяет себя, как 'Комитет Защиты Троцкого'".

Выходит так, что Лондонское Бюро криво заинтересовано в успехе расследования и, если отказывается помочь делу, то только потому, что оно начато Комитетом "защиты". Мистер Броквей указывает однако, кто собственно должен был взять на себя инициативу расследования: новый начальник ГПУ Ежов? Секретарь Коминтерна Димитров? Королевский советник Притт? Секретарь

Лондонского бюро Феннер Броквей? Или, наконец, епископ кентерберийский? Наиболее "беспристрастным" из всех перечисленных кандидатов является, надо думать, сам Броквей. Однако именно он, как видно из его февральского письма к американскому социалисту Аллену⁴¹⁸, не только не собирался взять на себя инициативу расследования, но изо всех сил старался помешать инициативе других, причем ссылаясь не на интересы беспристрастия, а на интересы московской бюрократии. Вот что писал Броквей Аллену: расследование может причинить "ущерб России и коммунистическим кругам". Не поразительно ли? В письме, не рассчитанном на опубликование, Броквей неосторожно выступал, как член "Комитета Защиты" Сталина, Димитрова, Вышинского и Ягоды. Я тогда же указал на это в печати. Броквей не ответил ни словом. Прошло несколько месяцев. В письме от 28 мая Броквей снова выступает против расследования, но уже с совершенно другой аргументацией. По существу же он остается и теперь членом негласного "Комитета Защиты" фальсификаторов против их жертв.

Подозрение, которое Броквей от имени Лондонского Бюро пытается набросить на расследование, лишено какого бы то ни было юридического или морального основания. Нью-йоркский Комитет только инициатор дела, причем суть его инициативы состояла именно в том, чтобы при содействии других организаций обеспечить объективное и добросовестное расследование через особую Международную Комиссию, совершенно независимую от инициаторов.

Состав ньюйоркского Комитета неоднороден. В него входят лица, которые с самого начала понимали абсурдность и подлость московских обвинений. Другие члены не имели на этот счет готового мнения, но были встревожены или возмущены "тоталитарным" характером московского правосудия и тем фактом, что норвежские "социалистические" лакеи ГПУ заперли меня на замок как раз в тот момент, когда мне больше всего необходима была свобода для защиты не только себя, но и сотен других. Конечно, если бы ньюйоркский Комитет состоял из лицемеров, он мог бы назвать себя Комитетом для "защиты вечных основ морали". Но он предпочел действовать открыто. Под "защитой Троцкого" Комитет имел и имеет в виду не прикрытие союза Троцкого с Гитлером, а предоставление Троцкому возможности гласно опровергнуть возведенные на него обвинения. Только! И этого вполне достаточно.

Члены Комитета понимали с самого начала не хуже Феннера Броквея, что вердикт Международной Комиссии только в том случае будет иметь авторитет, если расследование будет обставлено всеми необходимыми гарантиями полноты и объективности, в частности участием в Комиссии представителей различных направлений политической мысли. Комитет начал с гласного приглашения представителей московского правительства, Коминтерна, "друзей СССР", Второго Интернационала, лондонского Бюро и прочих. Дело шло, разумеется, не о политической или моральной оценке сталинизма, троцкизма, большевизма или марксизма: ни одно политическое направление не согласится становиться объектом оценки межпартийной комиссии, и никакая разумная комиссия не возьмет на себя такой непосильной задачи. Оценка политических направлений дается массами в политической борьбе. Окончательный вердикт выносит история.

Задача расследования Международной Комиссии состояла и состоит лишь в проверке определенных юридических обвинений против определенных лиц. Политические выводы из вердикта Комиссии каждое направление будет делать по-своему. Тем обязательнее было участие в расследовании для всякой организации, заинтересованной в выяснении правды. Однако прямые и косвенные агенты и "друзья" ГПУ и друзья этих друзей наотрез отказались: одни из них, в духе первого письма Феннера Броквея, ссылались на недопустимость причинять ущерб Сталину и его Коминтерну; другие же, в стиле второго письма Феннера Броквея, находили будущую комиссию недостаточно "беспристрастной". И те, и другие с полным основанием боялись расследования. А Лондонское Бюро прикрывало их тыл.

Чтобы ярче раскрыть недостойную роль этого Бюро, возьмем другой, более свежий пример. Гангстеры ГПУ убили в Испании Андрея Нина, вождя ПОУМ. Нин был моим противником. Наоборот, Феннер Броквей считал Нина своим единомышленником. Если бы Лондонское Бюро и другие "беспристрастные" Понтии Пилаты выступили с расследованием московских подлогов немедленно после процесса Зиновьева-Каменева, ГПУ, может быть, не решилось бы пустить в оборот заведомо ложное обвинение вождей ПОУМа в сотрудничестве с генералом Франко. Но этого сделано не было. "Беспристрастные" охраняли ГПУ. В результате Нин убит, убиты десятки и сотни других. ПОУМ разгромлен. Упущенного не воротить. Но не думают ли все же господа Броквей, что наступил час для международного расследования преступлений ГПУ в Испании: подлогов, разгромов и убийств? Или, может быть, они жаждут инициативы расследования от стерилизованных жрецов беспристрастия? Пусть Броквей укажет мне их адрес и номер телефона: я немедленно обращусь к ним. Если же, как я подозреваю, их не существует в природе, пусть Лондонское Бюро возьмет на себя инициативу расследования. Пусть по примеру ньюйоркского Комитета обратится ко всем существующим рабочим Интернационалам и к отдельным выдающимся деятелям науки, литературы и искусства, известным своей честностью и неподкупностью. Если кто-нибудь скажет, что Феннер Броквей сделал "роковую ошибку", взяв на себя инициативу расследования вместо того, чтобы предоставить дело Сталину или Негрину, каждый разумный и честный человек назовет такого "обвинителя" постыдным лицемером.

В заключение считаю нужным напомнить еще об одном немаловажном обстоятельстве. В том же февральском письме, в котором он выражал трогательную заботу об интересах Сталина, Ягоды и Димитрова, Ф.Броквей предлагал создать международную комиссию для расследования... моей политической деятельности, причем по странной "опрометчивости" намеревался включить в эту комиссию Нормана Томаса, Отто Бауэра, Брантинга и других моих заклятых политических врагов. Сама мысль об "официальной" оценке политической деятельности лица или партии через посредство... следственной комиссии представляет собой такой абсурд, о котором можно говорить только на страницах провинциального журнала. Этого не мог, конечно, не понимать и Феннер Броквей. Но он пытался использовать кровавые московские амальгамы для

того, чтобы нанести удар ненавистному ему большевизму ("троцкизму"), причем свою фракционную борьбу пытался прикрыть мантией беспристрастного "расследования": специалисты морали любят, как известно, ловить рыбу в мутной воде.

Мы, "аморальные" большевики, поступаем иначе. Политику Нина мы критиковали открыто при его жизни. Мы не изменили нашей оценки после его смерти. Но так как мы ни на минуту не сомневались в неподкупности этого пролетарского борца, то мы готовы сделать все для реабилитации его имени и для беспощадного клеймения его палачей. Мы заранее заявляем Феннеру Броквею и всем другим специалистам морали, что ни один из наших друзей и единомышленников не попытается использовать расследование по поводу убийства Нина для сведения счетов с политикой Нина. Для борьбы с оппортунизмом и центризмом нам нет надобности прикрываться "комиссией", созданной для совсем других целей. Такие приемы мы предоставляем Тартюфам⁴¹⁹ идеалистической морали. Мы же, грубые материалисты, предпочитаем "крапиву звать крапивой и глупостью глупцов дела". Удары противникам мы наносим открыто и за собственной ответственностью.

Л.Троцкий

Койоакан,

5 сентября, 1937.

Ответы на вопросы по поводу положения в Испании⁴²⁰

1. Разница между Негриным и Франко есть разница между гнивающей буржуазной демократией и фашизмом.

2. Везде и всегда, где революционные рабочие не в силах опрокинуть непосредственно буржуазный режим, они защищают от фашизма даже и гнивающую буржуазную демократию.

3. Рабочие защищают буржуазную демократию не методами буржуазной демократии (Народные фронты, коалиционные правительства и пр.), а своими методами, т. е. методами революционной классовой борьбы. Так, участвуя в военной борьбе против фашизма, они защищают в то же время от правительства буржуазной демократии свои собственные организации, права и интересы.

4. Буржуазная демократия гнивает вместе с капитализмом, который ее породил. Самый факт восстания фашизма против буржуазной демократии свидетельствует, что дни последней сочтены. Восстановление или возрождение буржуазной демократии не может быть поэтому программой пролетариата. Защита буржуазной демократии против фашизма есть только тактический эпизод, подчиненный стратегической задаче: опрокинуть буржуазную демократию и установить диктатуру пролетариата.

5. Коалиция с буржуазией под именем Народного фронта, участие в правительстве Народного фронта или политическая поддержка такого правительства, отход от самостоятельной агитации и организации во имя революционного низвержения революционного правительства⁴²¹, способны, в

лучшем случае, продлить агонию буржуазной демократии и тем вернее подготовить торжество фашизма. Не только политика Сталина и социалистов, этих прямых лакеев контрреволюции, но и политика вождей CNT и ПОУМа являлась и остается гибельной с точки зрения интересов пролетариата.

6. Но если верно, что правительство Негрина-Сталина, как и правительство Франко, являются цепными собаками капитала; если верно, что политика Негрина-Сталина ведет к торжеству фашизма, то совершенно неверно делать отсюда вывод, что в борьбе между армиями Негрина-Сталина и Франко пролетариат занимает нейтральную позицию. Испанский, как и международный пролетариат, заинтересован а) в военном разгроме Франко; б) в такой политике пролетариата во время гражданской войны, которая готовила бы скорейшее низвержение правительства Негрина-Сталина.

7. Можно привести такое возражение: во время войны между двумя буржуазными государствами революционный пролетариат, независимо от политического режима, стоит на позиции: "поражение собственного правительства есть меньшее зло". Не применима ли эта политика и к гражданской войне, в которой борются два буржуазных правительства друг против друга? Нет, неприменима. В войне между буржуазными государствами дело идет об империалистических завоеваниях, а не о борьбе демократии или фашизма. В испанской гражданской войне дело идет именно о борьбе демократии и фашизма. Для капитала между демократией и фашизмом нет серьезной разницы: он пользуется для своих целей демократией или фашизмом в зависимости от обстоятельств. Но для мелкобуржуазных агентов капитала: вождей социал-демократии, сталинцев, анархистов - демократия означает источник существования и влияния; фашизм - гибель. Революционный пролетариат не должен валить оба воюющих лагеря в одну кучу, наоборот, он должен использовать их борьбу в своих интересах. Сделать это он может не политикой "нейтралитета", а нанося главные удары врагу No 1, именно, фашизму.

8. Франко - открытый, явный, непосредственный и смертельный враг, ненавидимый подавляющим большинством рабочих и крестьян. Негрин, Сталин, Кабальеро и К|| - менее открытые, более замаскированные враги, ведущие за собой миллионы рабочих и крестьян. С Франко возможна только физическая борьба. С Негриным физическая борьба пока еще невозможна: ее надо готовить политически. Главная форма подготовки: обвинение в плохом ведении войны. Причина: служение капиталу.

9. Можно сказать, что два империалистических лагеря (Италия-Германия, с одной стороны, Англия-Франция-СССР, с другой) ведут борьбу на почве Пиренейского полуострова и что гражданская война в Испании является только "эпизодом" этой борьбы. В смысле исторической тенденции это верно. Но нельзя отождествлять историческую тенденцию с конкретным ходом гражданской войны. Вмешательство империалистических государств имеет, бесспорно, огромное влияние на развитие событий в Испании, но до сих пор не изменило их основного смысла, как борьбы между лагерем демократии и лагерем фашизма.

10. Если гражданская война затянется, то разница между воюющими

лагерями может свестись к нулю. Это верно. Но только может. Пока еще не свелась. Надо использовать ту обстановку, какая есть. Возможно и другое: под влиянием поражений Негрин-Сталин окажутся вынуждены идти на уступки, как Негрин в августе. Мы используем уступки для низвержения Негрина.

11. Если бы Л.Кабальеро открыл борьбу против Негрина, как многие ожидали, мы приняли бы в этой борьбе активное участие, не неся новой ответственности, обвиняя Л.Кабальеро в недостатке решительности и пр. Но Кабаллеро трусливо сбежал за границу от собственной армии и от анархистских рабочих (U.G.T.)⁴²², которые толкали его на путь борьбы. Побег этого водевильного героя разрушает много иллюзий и открывает больше простора для революционеров. Ведя войну против Франко, надо политически мобилизовать массы против Негрина.

Саботаж и бойкот. Пароход с оружием для Франко и для Негрина. Кто будет топить? Но ведь Негрин будет этим оружием истреблять и революционеров? 9 фашистов и 1 революционер. У Франко: 10 рабочих и крестьян.

12 Волонтеры для Негрина? Собирать деньги? Абсурд! Помочь нашим единомышленникам. Посылка людей для революционной работы.

13. Комитеты помощи, митинги, трэд-юнионы. Посылать профсоюзам, не правительству. Помощь стачечникам через стачечный комитет, хотя бы и реформистский. Лозунг: "Ни победы, ни поражений!"; им: "Мы не оборонцы и не пораженцы", - ложный принципиально, гибельный политически. Он лишен какой бы то ни было агитационной силы. Это лозунги для клуба имени Понтия Пилата, а не для революционной партии. Мы за победу над Франко. Мы за защиту рабочих организаций и завоеваний революции (социализации, коллективизации) от Франко. Мы оборонцы. Пораженцами являются Негрин и К||. Мы участвуем в войне против Франко как лучшие солдаты. В то же время в интересах победы над фашизмом, мы ведем пропаганду социалистической революции и готовим низвержение пораженческого правительства Негрина. Только такая постановка вопроса даст нам доступ к массам.

[Л.Д.Троцкий]

14 сентября 1937 г.

Койоакан

[Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому]

Париж, 17 сентября 1937 г.

Дорогой друг,

Вчера утром я вернулся на свое постоянное местожительство (с некоторым запозданием, ибо простудился). Вчера же послал вам телеграмму об убийстве Людвиг⁴²³ (заявление его было вам своевременно послано). Надеюсь, что вы его получили.

Речь идет об одном из резидентов Г[ПУ]⁴²⁴ за границей, кажется представлявшего учреждение в Англии, Бельгии и Голландии и связавшего[ся] со Снеив[литом] несколько месяцев тому назад.

В качестве первых информации прилагаю коммюнике для прессы

по-французски, написанное [Виктором] Сержем и ни [к] черту не годное. Ни слова о значении акта, об ответственных и пр. (Серж безнадежный литератор). Заметки по-русски составлены Эт[ьеном]. Русский язык не его родной.

Я должен прежде всего сказать, что во всем этом деле Снив[лит] несет немалую долю ответственности. С самого начала и вплоть до последнего времени я делал безуспешные попытки вступить в непосредственную связь с Людвигом и наткнулся на сопротивление и саботаж Снив[лита]. Под самыми разнообразными предложениями он оттягивал установление связи, кормил меня обещаниями и обманывал. Я отложил свой отъезд в отпуск на неделю в ожидании свидания, но Снив[лит] почему-то отменил его и отложил на несколько недель. А когда свидание, наконец, было назначено, хотя и в невозможных для меня условиях и в городе, было уже слишком поздно. Если я пишу об этой отвратительной стороне дела, то потому, что под практическим углом зрения она сохраняет все свое значение. В живых осталась жена, тесно работавшая вместе с мужем, посвященная во все его дела, в распоряжении которой находятся не только самые интересные сведения, но и архивы и записки и пр[очее] погибшего⁴²⁵. Вместе со Сни[влитом] она была в Париже, но он заявил, что не даст мне возможности ее увидеть. Нагло стуча кулком по столу, он кричал Эт[ьену], что он является единственным посредником и никому не позволит и пр. Когда Эт[ьен], которому случайно удалось повидать жену (по оплошности Сержа, который имеет доступ к этому делу по милости Сни[влита] и пользуется оным не в интересах дела, а мелкого литературного тщеславия), пытался заговорить с ней на ее родном языке, он был грубо оборван Снив[литом]. После увещеваний Снив[лит] согласился назначить мне свидание, но за несколько часов до того уехал вместе с женой Людвига из Парижа. Как выяснилось, Снив[лит] заранее узнал, что он уедет и просто обманул нас. Все его стремления направлены к тому, чтобы нажить на этом деле политический капитал, напечатать все, что можно, в своем провинциальном "Факеле"⁴²⁶ и пользоваться женой Людвига и ее сведениями как разменной монетой в интригах против нас и пр. Подлец!

При создавшихся условиях мне вряд ли удастся установить связь с женой и получить от нее интересующие нас сведения. Я еще не знаю - обдумываю, - как я буду реагировать на поведение Снив[лита]. Вероятно, напишу ему крайне резкое письмо и пригрожу ему тем, что осведомлю всех товарищей о его поведении, если он немедленно не изменит его. Но вряд ли это поможет, тем более, что он единственный человек, которого знает жена, и в ее нынешнем состоянии она неспособна оказать никакого сопротивления. Единственная возможность, по крайней мере надежда, - это ваше энергичное и немедленное вмешательство, написать ей непосредственно, может быть даже протелеграфировать, поставив ряд вопросов и высказав необходимость непосредственной личной связи со мной. Ей можно писать на всех языках, например, по-русски. В этом случае Снив[лит] не сможет прочесть письма, но передаст ли он его по назначению, - тоже неизвестно. Причем нет сомнений, что как перед Людвигом, так и перед его женой Сни[влит] выступает в качестве представителя IV [Интернационала], вашего друга и пр.

Если бы оказалось возможным, я считал бы крайне желательным приезд жены в город, где работает международная комиссия. Она могла бы стать важнейшим свидетелем, ибо всего несколько месяцев тому назад покинула Москву, прекрасно знает работу Г[ПУ], в том числе и подготовку процессов и пр. и пр. Теперь, после гибели мужа, она по-видимому склонна пойти на все. (Ее "жить не хочу", насколько я понял, не есть страх за свою жизнь, а желание жить, чтобы отомстить, т. е. предать гласности все, что она знает, и показать образ своего мужа, который, по ее словам, был исключительным революционером). Ей несомненно грозит сейчас серьезная опасность и в какой мере Снив[лит] способен охранить ее, - весьма сомнительно. И с этой точки зрения связь ее с нами была бы ценна для нее, как и наличие связи с нами ее мужем могло бы, может быть, предотвратить его гибель.

Насколько можно пользоваться сведениями, сообщенными в прилагаемой записке -- не знаю, надо, во всяком случае, соблюдать осторожность. Знаю, например, что о деле Грил[евича]427 (п. 1) она настоятельно просила ничего не сообщать, ибо это может скомпрометировать источник информации.

На этом я пока кончаю. Ты, вероятно, получишь одновременно или в ближайшие дни письмо от Снив[лита] по этому вопросу. Он, во всяком случае, обещался тебе подробно написать, но выполнит ли, в какой форме, с каким цензурными сокращениями и пр. -- неизвестно.

На твои письма отвечу со следующим пароходом, и вообще напишу о разных вопросах. Письма и статьи получены. "Бюллетень" выходит на днях.

У нас здесь довольно сложный переплет и очень трудные условия для работы. В связи со взрывами идет травля иностранцев, обыски и пр., пока мы не перестроились, негде приткнуться, ряд наших материалов конфискован и [...]428

[Л.Л.Седов]

[Письмо Д.Лондон]429

Джоан Лондон

Дорогой товарищ!

Не без чувства смущения я должен признаться, что только в последние дни, т. е. с запозданием в тридцать лет, я в первый раз прочитал "Железную пядь" Джека Лондона430. Книга произвела на меня - говорю без преувеличения - большое впечатление. Не своими художественными качествами: форма романа есть здесь только оправа для социального анализа и прогноза. Автор преднамеренно экономит в применении художественных средств. Его самого интересует не индивидуальная судьба его героев, а судьба человеческого рода. Этим я совсем не хочу, однако, уменьшить художественную ценность произведения, особенно последних его глав, начиная с Чикагской коммуны. Картина гражданской войны разворачивается в мощные фрески. Но не это все же главное. Книга поразила меня смелостью и независимостью исторического предвидения.

Мировое рабочее движение стояло в конце прошлого и в начале нынешнего

столетия под знаком реформизма. Раз навсегда казалась установленной перспектива мирного и непрерывного прогресса, расцвета демократии и социальных реформ. Правда, первая русская революция оживила радикальное крыло германской социал-демократии и придала на время динамическую силу анархо-синдикализму во Франции. "Железная пята" несет на себе несомненный отпечаток 1905 года. Но к тому времени, когда эта замечательная книга вышла в свет, в России утвердилось уже господство контрреволюции. На мировом фронте поражение русского пролетариата дало возможность реформизму не только вернуть временно утраченные позиции, но и полностью подчинить себе организованное рабочее движение. Достаточно напомнить, что именно за следующие семь лет (1907-1914) международная социал-демократия окончательно созрела для своей подлой и постыдной роли во время мировой войны.

Джек Лондон не только творчески воспринял толчок, данный первой русской революцией, но и сумел в ее свете заново продумать судьбу капиталистического общества в целом. Именно те проблемы, которые тогдашний официальный сталинизм считал окончательно похороненными: рост богатства и могущества на одном полюсе, нищеты и страданий - на другом; накопление социальной ненависти и ожесточения; неотвратимая подготовка кровавых катаклизмов, - все эти вопросы Джек Лондон прочувствовал с такой неустрашимостью, которая снова и снова заставляет с изумлением спрашивать себя: когда это написано? Неужели до войны?

Надо особо выделить ту роль, которую Джек Лондон отводит в дальнейших судьбах человечества рабочей бюрократии и аристократии. Благодаря их поддержке американской плутократии удастся не только разгромить восстание трудящихся, но и удержать свою железную диктатуру в течение трех следующих столетий. Не будем с поэтом спорить насчет срока, который не может не казаться нам чрезмерно долгим. Дело здесь, однако, не в пессимизме Лондона, а в его страстном стремлении встряхнуть убаюканных рутиной, заставить их открыть глаза и увидеть то, что есть, и то, что надвигается. Художник смело пользуется приемами гиперболы. Он доводит заложенные в капитализме тенденции гнета, жестокости, зверства, предательства до их крайнего выражения. Он оперирует столетиями, чтобы измерить тираническую волю эксплуататоров и изменническую роль рабочей бюрократии. Но его наиболее "романтические" гиперболы в последнем счете гораздо реалистичнее, чем бухгалтерские расчеты так называемых "трезвых политиков".

Нетрудно представить себе, с каким снисходительным недоумением официальная социалистическая мысль того времени относилась к грозным пророчествам Джека Лондона. Если дать себе труд просмотреть тогдашние рецензии на "Железную пята" в немецких "Нейе Цайт"⁴³¹ и "Форвертс"⁴³², австрийских "Кампф"⁴³³ и "Арбейтер Цейтунг"⁴³⁴ и других социалистических изданиях в Европе и Америке, то нетрудно было бы убедиться, что тридцатилетний "романтик" видел неизмеримо яснее и дальше, чем все тогдашние вожди социал-демократии, вместе взятые. Но Джек Лондон выдерживает в этой области сравнение не только с реформистами и центристами. Можно сказать с

уверенностью, что в 1907-м году ни один из революционных марксистов, не исключая Ленина и Розы Люксембург, не воображал себе с такой полнотой зловещую перспективу союза между финансовым капиталом и рабочей аристократией. Этого одного достаточно, чтобы определить удельный вес романа.

Фокусом книги является, бесспорно, глава "Ревущий зверь из бездны". В то время, когда появился роман, эта апокалиптическая глава должна бы казаться пределом гиперболы. Между тем, последующая действительность едва ли не превзошла ее. А ведь последнее слово классовой борьбы еще далеко не сказано! "Зверь из бездны" - это доведенный до крайней степени угнетения, унижения и вырождения народ. Кто сейчас отважится говорить по этому поводу о пессимизме художника? Нет, Лондон - оптимист, только зрячий и зоркий. "Вот в какую бездну столкнет вас буржуазия, если вы не справитесь с ней!" - такова его мысль. Сегодня она звучит неизмеримо актуальнее и острее, чем тридцать лет тому назад. Еще более поражает, однако, поистине пророческое предвидение тех методов, при помощи которых Железная Пята будет поддерживать свое господство над раздавленным человечеством. Лондон проявляет великолепную свободу от реформистски-пацифистских иллюзий. От демократии и мирного прогресса в его картине будущего не остается и следа. Над массой обездоленных возвышаются касты рабочей аристократии, преторианской армии, всепроникающего полицейского аппарата с финансовой олигархией во главе. Читая, не веришь глазам: ведь это же картина фашизма, его экономики, его государственной техники, его политической психологии! (Особенно замечательны страницы 299, 300 и примечание на странице 301). Факт неоспоримый: уже в 1907 году Лондон предвидел и описал фашистский режим, как неизбежный результат поражения пролетарской революции. Каковы бы ни были отдельные "ошибки" романа, - а они есть, - мы не можем не преклоняться перед мощной интуицией революционного художника.

Я пишу эти строки наспех. Очень опасаясь, что обстоятельства не позволят мне дать сколько-нибудь законченную оценку Джека Лондона. Постараюсь со временем прочитать и другие его книги, посланные вами, и высказаться о них. Вы можете делать из моих писем то употребление, которое сами найдете нужным. Горячо желаю вам успеха в вашей работе над биографией вашего великого отца.

С товарищеским приветом
Л.Троцкий
16 октября, 1937
Койоакан

90 лет Коммунистического Манифеста

(Предисловие к первому изданию "Манифеста" на языке африкаанс435)

Трудно поверить, что остается всего 10 лет до столетнего юбилея

"Манифеста Коммунистической Партии"! Этот гениальнейший из всех памфлетов мировой литературы поражает и ныне своей свежестью. Наиболее важные его части кажутся написанными вчера. Поистине, молодые авторы (Марксу было 29 лет, Энгельсу - 27) сумели заглянуть так далеко вперед, как не заглядывал никто до них и, пожалуй, никто после них.

Уже в предисловии к изданию 1872 г. Маркс и Энгельс заявили, что, несмотря на устарелость некоторых второстепенных частей "Манифеста", они не считают себя вправе изменять первоначальный текст, так как за истекшие 25 лет "Манифест" успел стать историческим документом. С того времени прошло еще 65 лет. Отдельные части "Манифеста" еще более отошли в прошлое. Мы постараемся в сжатой форме установить в этом "Предисловии", как те идеи "Манифеста", которые полностью сохранили свою силу до сегодняшнего дня, так и те, которые нуждаются ныне в серьезных изменениях или дополнениях.

1. Материалистическое понимание истории, только незадолго перед тем открытое Марксом и примененное в "Манифесте" с законченным мастерством, полностью выдержало испытание событий и удары вражеской критики и составляет ныне одно из наиболее драгоценных орудий человеческой мысли. Все другие истолкования исторического процесса утратили всякое научное значение. Можно сказать с уверенностью, что нельзя в наше время быть не только революционным борцом, но и просто политически грамотным человеком, не усвоив себе материалистическое понимание истории.

2. Первая глава "Манифеста" открывается словами: "История всех существовавших до сих пор обществ есть история классово́й борьбы". Это положение, как важнейший вывод из материалистического понимания истории само стало немедленно объектом классово́й борьбы. Против теории, которая на место "общего блага", "национального единства" и "вечных истин и морали" поставила в качестве движущей силы борьбу материальных интересов, велись особенно ожесточенные атаки со стороны реакционных лицемеров, либеральных доктринеров и идеалистических демократов. К ним присоединились позже, уже из среды самого рабочего движения, так называемые ревизионисты, т. е. проповедники пересмотра ("ревизии") марксизма в духе сотрудничества и примирения классов. Наконец, в наше время на тот же путь стали практически презренные эпигоны Коминтерна ("сталинцы"): политика так называемых "народных фронтов" целиком вытекает из отрицания законов классово́й борьбы. Между тем, именно эпоха капитализма, доведшая все социальные противоречия до крайнего выражения, является высшим теоретическим торжеством "Коммунистического Манифеста".

3. Анатомию капитализма как определенной стадии в экономическом развитии общества Маркс дал в законченном виде в своем "Капитале" (1867). Но уже в "Коммунистическом Манифесте" твердым резцом проведены основные линии будущего анализа: оплата рабочей силы в размерах, необходимых для ее воспроизводства; присвоение капиталистами прибавочной стоимости; конкуренция как основной закон общественных отношений; разорение промежуточных классов, т. е. городской мелкой буржуазии и крестьянства; концентрация богатств в руках все меньшего числа собственников на одном полюсе, численный рост

пролетариата на другом; подготовка материальных и политических предпосылок социалистического режима.

4. Жестокому обстрелу подверглось положение "Манифеста" о тенденции капитализма снижать жизненный уровень рабочих и даже превращать их в пауперов. Против так называемой "теории обнищания" выступали попы, профессора, министры, публицисты, социал-демократические теоретики и вожди трэд-юнионов. Они неизменно открывали растущее благосостояние трудящихся, выдавая рабочую аристократию за пролетариат или принимая временную тенденцию за всеобщую. Тем временем развитие даже наиболее могущественного, именно североамериканского, капитализма превратило миллионы рабочих в пауперов, содержащихся за счет государственной, муниципальной или частной благотворительности.

5. В противовес "Манифесту", который изображал торгово-промышленные кризисы как ряд возрастающих катастроф, ревизионисты заверяли, что национальное и интернациональное развитие трестов обеспечит контроль над рынком и постепенно приведет к победе над кризисами. Конец прошлого и начало нынешнего столетия действительно отличались столь бурным развитием капитализма, что кризисы казались только "случайными" заминками. Но эта эпоха отошла в безвозвратное прошлое. В последнем счете правота и в этом вопросе оказалась на стороне "Манифеста".

6. "Современная государственная власть есть только Комитет, заведующий общими делами всей буржуазии". В этой сжатой формуле, которая вождям социал-демократии казалась публицистическим парадоксом, заключена на самом деле единственно научная теория государства. Созданная буржуазией демократия не есть пустая оболочка, в которую, как одинаково думали Бернштейн и Каутский, можно мирно вложить любое классовое содержание. Буржуазная демократия может служить только буржуазии. Правительство "народного фронта" во главе с Блюмом или Шотаном⁴³⁶, Кабальеро или Негриным есть только "комитет", заведующий общими делами всей буржуазии". Когда такой "комитет" плохо справляется с делами, буржуазия прогоняет его пинком ноги.

7. "Всякая классовая борьба есть политическая борьба". "Организация пролетариата, как класса, [есть]⁴³⁷ тем самым его организация в политическую партию". От понимания этих исторических законов долго уклонялись - пытаются уклоняться и сейчас, - с одной стороны, трэд-юнионисты, с другой, - анархо-синдикалисты. "Чистый" трэд-юнионизм попал ныне под сокрушительный удар в своем главном убежище: Соединенных Штатах. Анархо-синдикализм потерпел непоправимое поражение в своей последней цитадели: Испании. "Манифест" и здесь оказался прав.

8. Пролетариат не может завоевать власти в рамках законов, установленных буржуазией. "Коммунисты... объявляют открыто, что их цели могут быть достигнуты только посредством насильственного низвержения всего существовавшего до сих пор общественного порядка". Реформизм пытался объяснить это положение "Манифеста" незрелостью движения того времени и недостаточностью развития демократии. Судьба итальянской, германской и

длинного ряда других "демократий" показывает, что "незрелостью" отличались идеи самих реформистов.

9. Для социалистического преобразования общества необходимо, чтобы рабочий класс сосредоточил в своих руках такую власть, которая способна сломить все политические препятствия на пути нового строя. "Пролетариат, организованный в качестве господствующего класса", - это и есть диктатура. В то же время это есть единственно реальная пролетарская демократия. Ее ширина и глубина зависят от конкретных исторических условий. Чем большее число государств вступит на путь социалистической революции, тем более свободные и гибкие формы будет иметь диктатура, тем шире и глубже будет рабочая демократия.

10. Международное развитие капитализма предопределило международный характер революции пролетариата. "Объединенные действия, по крайней мере, цивилизованных стран являются одним из первых условий его освобождения". Дальнейшее развитие капитализма так тесно связало все части нашей планеты, "цивилизованные" и "нецивилизованные", что проблема социалистической революции полностью и окончательно приняла мировой характер. Советская бюрократия попыталась в этом основном вопросе ликвидировать "Манифест". Бонапартистское перерождение советского государства явилось убийственной иллюстрацией ложности теории социализма в отдельной стране.

11. "При исчезновении в ходе развития классовых различий и при сосредоточении всего производства в руках ассоциированных индивидуумов, общественная власть теряет политический характер". Иначе сказать: государство отмирает. Остается общество, освободившееся от смиренной рубашки. Это и есть социализм. Обратная теорема: чудовищный рост государственного насилия в СССР свидетельствует, что общество отдалается от социализма.

12. "У рабочих нет отечества". Эти слова "Манифеста" не раз расценивались филистерами как агитационная бутада⁴³⁸. На самом деле они дали пролетариату единственно мыслимую директиву в вопросе о капиталистическом "отечестве". Нарушение этой директивы Вторым Интернационалом привело не только к четырехлетнему разрушению Европы, но и к нынешнему застою мировой культуры. Ввиду надвигающейся новой войны, которой измена Третьего Интернационала расчистила дорогу, "Манифест" и сейчас остается самым надежным советником в вопросе о капиталистическом "отечестве".

*

Мы видим, таким образом, что небольшое произведение двух молодых авторов продолжает давать неизменные указания в самых важных и острых вопросах освободительной борьбы. Какая другая книга способна хоть отдаленно померяться в этом отношении с "Коммунистическим Манифестом"? Однако это вовсе не значит, что после 90 лет беспримерного развития производительных сил и величайших социальных боев "Манифест" не нуждается ни в поправках, ни в дополнениях. Революционная мысль не имеет ничего общего с

идолопоклонством. Программы и прогнозы проверяются и исправляются в свете опыта, который является высшей инстанцией для человеческой мысли. В поправках и дополнениях нуждается и "Манифест". Однако эти поправки и дополнения, как свидетельствует тот же исторический опыт, могут быть с успехом сделаны, только исходя из метода, положенного в основу "Манифеста". Мы попытаемся показать это на важнейших примерах.

1. Маркс учил, что никакой общественный строй не сходит со сцены, пока не исчерпает своих творческих возможностей. "Манифест" бичует капитализм за задержку развития производительных сил. Однако в тот период, как и в дальнейшие десятилетия, эта задержка имела лишь относительный характер: если бы во второй половине XIX века хозяйство могло быть организовано на началах социализма, темпы его роста были бы неизмеримо выше. Это теоретически бесспорное положение не отменяет, однако, того факта, что производительные силы продолжали расти в мировом масштабе вплоть до мировой войны. Только последние двадцать лет, несмотря на новейшие завоевания науки и техники, открыли эпоху прямого застоя и даже упадка мирового хозяйства. Человечество начинает проживать накопленный капитал, а ближайшая война грозит надолго разрушить самые основы цивилизации. Авторы "Манифеста" рассчитывали, что капитализм пойдет на слом задолго до того, как из относительно реакционного превратился в абсолютно реакционный режим. Такое превращение окончательно определилось лишь на глазах нынешнего поколения и превратило нашу эпоху в эпоху войн, революций и фашизма.

2. Ошибка Маркса-Энгельса в исторических сроках вытекала, с одной стороны, из недооценки заложенных в капитализме дальнейших возможностей, с другой стороны, из переоценки революционной зрелости пролетариата. Революция 1848 г. не превратилась в социалистическую, как рассчитывал "Манифест", но раскрыла перед Германией возможность грандиозного капиталистического расцвета в дальнейшем. Парижская Коммуна показала, что пролетариат не может вырвать у буржуазии власть, не имея во главе закаленной революционной партии. Между тем, дальнейший длительный период капиталистического подъема привел не к воспитанию революционного авангарда, а, наоборот, к буржуазному перерождению рабочей бюрократии, которая стала, в свою очередь, главным тормозом пролетарской революции. Этой "диалектики" авторы "Манифеста", само собою, еще совершенно не могли предвидеть.

3. Капитализм для "Манифеста" - царство свободной конкуренции. Говоря о возрастающей концентрации капитала, "Манифест" еще не делает необходимого вывода о монополии, которая стала господствующей формой капитала нашей эпохи и важнейшей предпосылкой социалистического хозяйства. Только позже, в "Капитале", Маркс установил тенденцию к превращению свободной конкуренции в монополию. Научную характеристику монополистического капитализма дал Ленин в своем "Империализме".

4. Опираясь преимущественно на образец "промышленной революции" в Англии, авторы "Манифеста" слишком прямолинейно представляли себе процесс ликвидации промежуточных классов как сплошную пролетаризацию ремесла, мелкой

торговли и крестьянства. На самом деле стихийные силы конкуренции далеко не довели этой своей в одно и то же время прогрессивной и варварской работы. Капитал разорял мелкую буржуазию гораздо скорее, чем пролетаризировал ее. К тому же сознательная политика буржуазного государства давно уже направляется на искусственное поддержание мелкобуржуазных слоев. Рост техники и рационализация крупного производства, порождая органическую безработицу, препятствуют пролетаризации мелкой буржуазии с противоположного конца. В то же время развитие капитализма чрезвычайно усилило рост армии техников, администраторов, торговых служащих, словом, так называемого "нового среднего сословия". В результате промежуточные классы, об исчезновении которых "Манифест" говорит в столь категорических словах, составляют даже в такой высокоиндустриальной стране, как Германия, около половины населения. Однако искусственное сохранение давно переживших себя мелкобуржуазных слоев несколько не смягчает социальных противоположностей, наоборот, придает им особую болезненность и является, наряду с перманентной армией безработных, наиболее злокачественным выражением загнивания капитализма.

5. Рассчитанный на революционную эпоху "Манифест" заключает в себе (конец II главы) 10 требований, отвечающих периоду непосредственного перехода от капитализма к социализму. В "Предисловии" 1872 г. Маркс и Энгельс объявили эти требования частично устаревшими и во всяком случае имеющими лишь второстепенное значение. Реформисты ухватились за эту оценку, истолковывая ее в том смысле, будто переходные революционные требования навсегда уступили свое место социал-демократической "программе-минимум", не выходящей, как известно, за пределы буржуазной демократии. На самом деле авторы "Манифеста" совершенно точно указали главную поправку к своей переходной программе, именно: "Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и привести ее в движение для собственных целей". Поправка направлялась, другими словами, против фетишизма буржуазной демократии. Капиталистическому государству Маркс противопоставил позже государство типа Коммуны. Этот "тип" принял в дальнейшем гораздо более отчетливую форму советов. Сейчас не может быть революционной программы без советов и без рабочего контроля. Во всем остальном 10 требований "Манифеста", казавшихся в эпоху мирной, парламентской деятельности "архаическими", возвратили себе ныне целиком свое актуальное значение. Наоборот, безнадежно устарела социал-демократическая "программа-минимум".

6. В обоснование надежды на то, что "немецкая буржуазная революция... может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции", "Манифест" ссылается на более продвинувшиеся вперед общие условия европейской цивилизации, по сравнению с Англией XVII и Францией XVIII века и на значительно более развитый пролетариат. Ошибка этого прогноза состояла не только в сроке. Революция 1848 г. уже через несколько месяцев обнаружила, что именно при более развитых условиях ни один из буржуазных классов не способен довести революцию до конца: крупная и средняя буржуазия слишком связана с землевладельцами и скована страхом перед массами; мелкая буржуазия

слишком расслоена и в руководящих верхах своих слишком зависима от крупной буржуазии. Как показало все дальнейшее развитие в Европе и Азии, буржуазная революция, изолированно взятая, вообще не может быть более завершена. Полная чистка общества от феодального хлама мыслима только при том условии, если пролетариат, освободившись от влияния буржуазных партий, способен стать во главе крестьянства и установить свою революционную диктатуру. Тем самым буржуазная революция переплетается с первым этапом социалистической, чтобы в дальнейшем раствориться в ней. Национальная революция становится при этом звеном международной. Преобразование экономических основ и всех отношений общества принимает перманентный (непрерывный) характер.

Для революционных партий отсталых стран Азии, Латинской Америки и Африки ясное понимание органической связи демократической революции с диктатурой пролетариата и тем самым с международной социалистической революцией является вопросом жизни и смерти.

7. Показывая, как капитализм втягивает в свой водоворот отсталые и варварские страны, "Манифест" ничего не говорит еще о борьбе колониальных и полуколониальных народов за свою независимость. Поскольку Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция, "по крайней мере, в цивилизованных странах", есть дело ближайших лет, постольку вопрос о колониях решался для них сам собою, в результате самостоятельного движения угнетенных народов, а в результате победы пролетариата в метрополиях капитализма. Вопросы революционной стратегии в колониальных и полуколониальных странах совершенно не затронуты поэтому в "Манифесте". Между тем эти вопросы требуют самостоятельных решений. Так, например, совершенно очевидно, что, если "национальное отечество" стало худшим историческим тормозом в развитых капиталистических странах, то оно остается еще относительно прогрессивным фактором в отсталых странах, которым приходится бороться за независимое существование. "Коммунисты везде поддерживают, - гласит "Манифест", - всякое революционное движение против существующих общественных и политических условий". Движение цветных рас против империалистических угнетателей есть одно из самых важных и могущественных движений против существующего строя и потому требует полной, безоговорочной, беззаветной поддержки со стороны пролетариата белой расы. Заслуга развития революционной стратегии угнетенных народов принадлежит главным образом Ленину.

8. Наиболее устаревшей частью "Манифеста" - не по методу, а по материалу - является критика "социалистической" литературы первой половины девятнадцатого века (III глава) и определение позиции коммунистов по отношению к различным оппозиционным партиям (IV глава). Течения и партии, перечисленные в "Манифесте", были так радикально сметены революцией 1848 г. или последовавшей за ней контрреволюцией, что даже названия их теперь приходится искать в историческом словаре. Однако и в этой своей части "Манифест" нам сейчас ближе, пожалуй, чем предшествующему поколению. В эпоху расцвета Второго Интернационала, когда марксизм казался безраздельно господствующим, идеи домарковского социализма могли считаться окончательно

отошедшими в прошлое. Не то сейчас. Разложение социал-демократии и Коминтерна порождает на каждом шагу чудовищные идеологические рецидивы. Одряхлевшая мысль как бы впадает в детство. В поисках спасительных формул пророки упадочной эпохи открывают заново доктрины, давно уже похороненные научным социализмом.

Что касается вопроса об оппозиционных партиях, то здесь истекшие десятилетия внесли наиболее глубокие изменения не только в том смысле, что старые партии давно вытеснены новыми, но и в том, что сам характер партий и их взаимоотношения радикально изменились в условиях империалистической эпохи. Манифест должен быть дополнен поэтому важнейшими документами первых четырех конгрессов Коминтерна, основной литературой большевизма и решениями конференций Четвертого Интернационала.

*

Выше мы уже напомнили, что никакой общественный строй не сходит, по Марксу, со сцены, прежде чем не исчерпает заложенные в нем возможности. Однако и переживший себя общественный строй не уступает без сопротивления свое место новому. Смена общественных режимов предполагает самую суровую форму классовой борьбы, т. е. революцию. Если пролетариат оказывается по тем или другим причинам неспособен смелым ударом свергнуть переживший себя буржуазный строй, то финансовому капиталу в борьбе за свое неустойчивое господство не остается ничего другого, как превратить разоренную и деморализованную им мелкую буржуазию в погромную армию фашизма. Буржуазное перерождение социал-демократии и фашистское перерождение мелкой буржуазии связаны между собою, как причина и следствие.

Сейчас Третий Интернационал с гораздо большей разнузданностью, чем Второй, выполняет во всех странах работу обмана и деморализации трудящихся. Избивая авангард испанского пролетариата, разнузданные наемники Москвы не только расчищают дорогу фашизму, но и выполняют добрую долю его работы. Затяжной кризис международной революции, который все более превращается в кризис человеческой культуры, сводится в основе своей к кризису революционного руководства.

Как преемник великой традиции, в которую "Манифест Коммунистической Партии" входит самым драгоценным звеном, Четвертый Интернационал воспитывает новые кадры для разрешения старых задач. Теория есть обобщенная действительность. В честном отношении к революционной теории находит свое выражение страстное стремление перестроить социальную действительность. Тот факт, что на Юге черного материка наши единомышленники впервые перевели "Манифест" на язык африканеров, является одним из наглядных подтверждений того, что марксистская мысль живет ныне только под знаменем Четвертого Интернационала. Ему принадлежит будущее. К сотой годовщине "Коммунистического Манифеста" Четвертый Интернационал станет решающей революционной силой на нашей планете.

Л.Троцкий

30 октября, 1937 г.

Койоакан

Предстоящие сенсационные процессы

Во Франции и Швейцарии предстоят в ближайшие месяцы сенсационные процессы, связанные с преступной деятельностью ГПУ на мировой арене. Следствие ведется, по-видимому, с энергией. Ряд фактов установлен уже с полной незыблемостью. Один из новых фактов - длительная подготовка покушения против Льва Седова, моего сына, проживающего в Париже. Швейцарка Рената Штейнер⁴³⁹ участвовала в подготовке убийства Игнатия Райсса возле Лозанны. Теперь выясняется, что в течение более года до этого убийства Штейнер со связанным с нею русским белогвардейцем Смиренским⁴⁴⁰ занималась наблюдением над Л.Седовым, готовя похищение моих документов и похищение самого Льва Седова. Смиренский и Штейнер сняли квартиру рядом с Седовым (rue Lacretelle, 28)⁴⁴¹ так, что балконы отстояли всего на метр один от другого. В ноябре прошлого года Смиренский вместе с другими агентами, имена которых преждевременно оглашать, похитили 65 килограммов моих архивов, сданных Седовым на хранение Институту социальной истории. Преступление осталось нераскрытым, несмотря на то, что французская полиция не сомневалась, что нити похищения ведут в Москву. В январе этого года террористы ГПУ пытались устроить Льву Седову такую же западню в Мюльгаусене, какую они 8 месяцев спустя устроили Игнатию Райссу в Лозанне. От имени моего швейцарского адвоката Льва Седова несколько раз настойчиво вызывали телеграммой и по телефону приехать в Мюльгаусен для переговоров о процессе против клеветников в швейцарской печати. Только случайное обстоятельство помешало Седову выехать в Мюльгаусен, где его на вокзале ждали Штейнер и Смиренский. Нынешние показания Штейнер показали, от какой опасности Седов спасся в январе, т. е. как раз в те дни, когда в Москве готовился второй большой процесс (Пятакова-Радека). Слежка за Седовым не прекращалась затем до августа, когда Штейнер, Смиренский и другие получили свыше неожиданно приказ выследить и убить Игнатия Райсса. Кремль считал это убийство наиболее неотложным, опасаясь разоблачений со стороны своего бывшего ответственного агента. Новое предписание, как известно, удалось: Райсс был убит 4 сентября. Но арест Штейнер привел к разоблачению террористической организации ГПУ во Франции. Сейчас уже для судебных властей нет сомнения в том, что целый ряд нераскрытых ранее преступлений (убийство русского экономиста Навашина в Булонском лесу в Париже, похищение генерала Миллера⁴⁴² и прочее) совершены той же организацией, которая похитила мои архивы, убила Райсса и готовила убийство Льва Седова. Именно в связи со всеми этими преступлениями я рекомендовал французским властям по телеграфу допросить по крайней мере в качестве свидетеля Жака Дюкло, члена политбюро французской коммунистической партии, вице-президента палаты депутатов и долголетнего агента ГПУ. Позволяю себе прибавить, что те "друзья СССР", которые на самом деле являются

друзьями ГПУ, должны ждать в ближайшие месяцы крайне неприятных для себя разоблачений.

[Л.Д.Троцкий]

16 ноября 1937 г.

Койоакан

Редакции "Challenge"443

Дорогие друзья!

Вы предлагаете мне принять участие в вашей кампании против войны. Позвольте мне ограничиться немногими словами.

Чтобы бороться против войны, надо ясно понять причины, которые вызывают войну. Надо знать законы развития современного, т. е. империалистического общества. Марксистская оценка войны и способов борьбы с ней нашли свое выражение в программной брошюре Интернационального Секретариата "Война и Четвертый Интернационал". Надо сделать эту брошюру предметом внимательного и серьезного изучения в кружках молодежи.

Борьба против войны неотделима от классовой борьбы пролетариата. Непримируемость классового сознания есть первое условие успешной борьбы против войны. Худшими вредителями классового сознания и саботажниками революционной борьбы являются в настоящее время так называемые "коммунисты". Эти субъекты "борются" против войны только... в Германии, Италии и в Японии, т. е. в тех странах, где они не имеют никакого значения. Зато в так называемых демократических странах, т. е. там, где буржуазия позволяет им мирно существовать, так называемые "коммунисты" являются сейчас главными агитаторами в пользу империалистической войны.

Свою предательскую работу эти господа прикрывают пацифистскими съездами, банкетами и парадами. Совместно с парламентскими карьеристами, попами разных церквей и скучающими либеральными дамами они возносят время от времени мольбы к небесам о мире. Ничего, кроме отвращения, не может вызвать этот салонный базарный пацифизм у каждого мыслящего рабочего. Вот почему борьба против войны должна начинаться и кончаться разоблачением предательской роли Коминтерна, окончательно ставшего агентом империалистической буржуазии. Второй Интернационал, разумеется, не лучше. Но он более скомпрометирован и потому менее опасен. Наиболее циничскую и постыдную работу он предоставляет ныне Коминтерну, который в Испании выступает уже как прямой и открытый палач революции.

Бороться против войны значит прежде всего строить новый Интернационал, упрочивать его ряды, закалять его кадры.

Горячо желаю вам успеха в этой работе.

[Л.Д.Троцкий]

17 ноября 1937 г.

Койоакан

На помощь А.П.П.444!

Нынешний кризис⁴⁴⁵ должен, по всей видимости, вызвать огромные перемены во всем мире и прежде всего, пожалуй, в Соединенных Штатах Северной Америки. Уже кризис 1929 г. нанес серьезный удар традиционным идеологиям американизма и породил потребность в новой ориентировке. Экономическое оживление последних лет несколько ослабило теоретические поиски и социальную критику. Возникли надежды на то, что прерванный кризисом процесс экономического роста опять восстановится. Но раньше, чем можно было ждать, пробил час нового кризиса. Он начался с более низкого уровня, чем кризис 1929 г., и развивается более быстрым темпом. Он показывает, что дело идет не о случайной заминке и даже не о конъюнктурном кризисе, а об органическом кризисе всей капиталистической системы. Вот почему можно с уверенностью предсказать, что во всех областях человеческой идеологии - в экономике, политике, философии, литературе, искусстве - откроется эпоха смелой критики, смелого творчества. Революционная мысль в Америке с неизмеримо большей настойчивостью и страстностью, чем ранее, начнет изучать различные социальные доктрины, чтобы разрешить вопрос о судьбе Соединенных Штатов и капиталистической системы в целом.

Можно ждать, с другой стороны, что буржуазные издательства, которые выпускали время от времени радикальные произведения в твердой уверенности, что Соединенные Штаты иммунизированы от действия "разрушительных" идей, станут в ближайшие годы гораздо более осторожными, т. е. реакционными, и подвергнут полному остракизму⁴⁴⁶ революционную теоретическую мысль.

Нельзя возлагать в этом отношении никаких надежд на издательство так называемой коммунистической партии. Чем дальше, тем враждебнее она становится в теории. Немудрено: каждая страница революционных классиков обличает нынешнюю политику Коминтерна. Подлог и фальсификация стали его основными методами во всех областях. Нельзя доверять ни одной книге, ни одной статье, ни одной цитате, выходящей из печати Коминтерна. Раньше или позже все эти издания будут занесены в индекс под общим названием: "Библиотека псевдо-марксизма и лжи".

Что касается социалистической партии, то о ней вообще не приходится говорить в связи с проблемами теоретической мысли. Эта партия живет вульгарными общими местами. Ее лидеры питают органическое отвращение к научному анализу. Внимание к революционной теории является в их глазах безошибочным признаком сектанства, если не формой помешательства.

В этих условиях необходимость в революционном издательстве, независимом как от капитала, так и от советской бюрократии, совершенно очевидна. "Пайонир Публишерс" поставило себе с самого начала задачу: создать серьезную библиотеку революционной мысли для передовых рабочих и радикальной интеллигенции. На этом пути издательством сделаны были за последние годы первые шаги. Они встретили явное и обнадеживающее сочувствие. Но остается сделать неизмеримо больше, чем сделано. Многие говорят за то, что центр

социально-революционной и революционно-философской мысли переместится в ближайший период в Америку. Под ударами кризисов и социальных потрясений здесь поднимается поколение революционных теоретиков, способных сказать самостоятельное новое слово. Тем более важно создать для этой пробуждающейся социальной критики прочную опору в виде издательства, не связанного никакими другими соображениями и обязательствами, кроме стремления открыть перед человечеством новые пути развития. Издательство "Пайонир Публишерс" может совершить большое историческое дело. Наша общая обязанность - помочь ему.

Л.Троцкий

27 ноября, 1937 г.

Койоакан

Письмо в редакцию газеты "The New York Times"

Редактору "Нью-Йорк Таймс":

Милостивый государь!

В номере вашей газеты от 28 ноября вы напечатали статью господина Натаниела Пфедфера "Разбит ли Китай, или война только началась?" Автор, хорошо знакомый с положением дел на Дальнем Востоке, дает прекрасный анализ общего положения. Его вывод: Япония может одержать длинную серию частных побед, но не может выиграть войны. На стороне Китая: пространство, время, человеческие массы, национально-освободительный характер войны. Автор совершенно прав, когда говорит, что против массовой партизанской войны со стороны Китая Япония окажется в конце концов бессильной и потерпит, прибавим мы, не только финансовое и экономическое, но и социальное крушение. К сожалению, в этой картине не хватает важного политического элемента, именно взаимоотношения между китайским правительством и народом. Для того, чтобы превратить войну в национальную, т. е. мобилизовать и направить инициативу и самоотвержение миллионов китайских рабочих и крестьян, нужно, чтобы правительство доверяло народу или чтобы оно, по крайней мере, меньше боялось собственных вооруженных рабочих и крестьян, чем японских насильников. Имеется ли это условие налицо? В этом, к несчастью, можно сомневаться.

Автор не упоминает еще об одном важном факторе, именно о политике советского правительства. Москва доставляла Испании оружие, требуя в обмен подавления инициативы и самостоятельности массовых организаций. Результаты налицо: Франко не одержал победы, но Сталин-Негрин потерпели поражение. Есть все основания опасаться, что Москва ту же политику применяет ныне в Китае. Вот почему к выводам вашего сотрудника приходится внести существенное ограничение: Микадо идет навстречу ужасающей катастрофе, если его не спасут Чан Кайши и Сталин.

Л.Троцкий

3 декабря 1937 г.

Телеграмма в комиссию Дьюи

Комиссия судила и осудила московский суд. Тем самым Комиссия осудила систему, которой этот суд служил. Комиссия никого не приговорила ни к смерти, ни к тюремному заключению. Однако нельзя представить себе более страшный приговор. Комиссия говорит вершителям судеб великой страны: вы совершили подлог, чтобы оправдать истребление ваших политических противников. Вы попытались обмануть трудящихся всего мира. Вы недостойны представлять то дело, которому служите на словах!

Комиссия, включающая в свой состав людей различных политических взглядов, не могла преследовать политических целей. Она хотела лишь установить правду. Однако ее вердикт имеет неизмеримое политическое значение. Методы лжи, клеветы, подлога, которые отравляют внутреннюю жизнь СССР и мировое общественное движение, пулучили сегодня страшный удар. Пусть официальные "друзья" СССР и прочие лжерадикальные ханжи пугают нас тем, что приговором Комиссии воспользуется реакция. Неправда! Никогда и нигде правда не служила реакции. Никогда и нигде прогресс не питался ложью.

Комиссия наносит удар московской бюрократии. Но сама эта бюрократия стала главным тормозом прогресса в Советском Союзе. Стремясь служить правде и только правде, Комиссия послужила освободительной борьбе человечества. Работа Комиссии, как и имена ее участников, отныне принадлежат истории.

Я не позволю себе выразить Комиссии благодарность, ибо это значило бы придать личный оттенок работе, которая имеет историческое значение. Правда - творческая, движущая и революционная сила. Слава Комиссии, которая послужила торжеству правды.

[Л.Д.Троцкий]

В ночь с 7 на 8 декабря 1937 г.

В редакцию "Социалист Аппил"447.

Два слова о партийном режиме

За последние месяцы я получил от нескольких неизвестных мне, по-видимому, молодых товарищей письма по поводу внутреннего режима революционной партии. Некоторые из этих писем жалуются на "недостаток демократии" вашей организации, на засилие "вождей" и прочее. Отдельные товарищи предлагают мне дать "ясную и точную формулу демократического централизма", которая исключала бы ложные толкования.

Ответить на эти письма нелегко. Ни один из моих корреспондентов не пытается даже показать ясно и конкретно, на живых примерах, в чем именно состоят нарушения демократии. С другой стороны, насколько я, человек стоящий в стороне, могу судить на основании вашей газеты и ваших "Бюллетеней", дискуссия ведется в вашей организации с полной свободой. "Бюллетени" заполняются главным образом представителями меньшинства. Мне рассказывали, что то же самое происходит на дискуссионных собраниях. Решения еще не

вынесены. Они будут, очевидно, вынесены на свободно избранной конференции. В чем же могли проявиться нарушения демократии? Это трудно понять. Иногда по тону писем, т. е. главным образом по бесформенности жалоб, мне кажется, что жалующиеся просто недовольны тем, что, несмотря на демократию, они оказываются в меньшинстве. По собственному опыту я знаю, что это бывает неприятно. Но при чем же тут нарушения демократии?

Не думаю также, чтобы я был способен дать такую формулировку демократического централизма, которая "раз навсегда" устраняла бы недоразумения и ложные толкования. Партия - живой организм. Она развивается в борьбе со внешними препятствиями и со внутренними противоречиями. Злокачественное разложение Второго и Третьего Интернационалов в суровых условиях империалистической эпохи создает для Четвертого Интернационала еще небывалые в истории трудности. Их нельзя преодолеть какой-либо магической формулой. Режим партии не падает с неба в готовом виде, а постепенно слагается в борьбе. Над режимом стоит политическая линия. Прежде всего надо правильно определить стратегические задачи и тактические методы для их разрешения. Организационные формы должны соответствовать стратегии и тактике. Только правильная политика может обеспечить здоровый партийный режим. Это не значит, разумеется, что партийное развитие не выдвигает самостоятельных организационных задач. Но это значит, что формула демократического централизма должна неизбежно находить разное выражение в партиях разных стран и на разных этапах развития одной и той же партии.

Демократия и централизм вовсе не находятся в отношении друг друга в какой-либо постоянной пропорции. Все зависит от конкретных обстоятельств, от политического положения в стране, от силы партии и ее опыта, от общего уровня ее членов, от авторитета, который успело завоевать руководство. Перед конференцией, когда дело идет о выработке политической линии на ближайший период, демократия торжествует над централизмом. Когда дело идет о политическом действии, централизм подчиняет себе демократию. Эта последняя снова предъявляет права, когда партия испытывает потребность критически проверить свои собственные действия. Равновесие между демократией и централизмом устанавливается в живой борьбе, моментами нарушается и затем снова восстанавливается. Зрелость каждого члена партии выражается, в частности, в том, что он не требует от партийного режима больше, чем тот способен дать. Плох тот революционер, который определяет свое отношение к партии отдельными полученными им щелчками по носу. Разумеется, со всякой отдельной ошибкой руководства, несправедливостью и прочим, надо бороться. Но эти "несправедливости" и ошибки надо оценивать не сами по себе, а в связи с общим развитием партии, как в национальном, так и в международном масштабе. Правильный глазомер и чувство пропорции - в политике вещь чрезвычайно важная. Кто склонен муху или даже зайца превращать в слона, тот может причинить много вреда и себе и партии. Несчастье таких людей, как Олер448, Филд, Вейсборд и другие, состоит в отсутствии глазомера.

Сейчас немало полуреволюционеров, усталых от поражений, боящихся

трудностей, молодых стариков, у которых больше сомнений и претензий, чем воли к борьбе. Вместо того, чтобы серьезно разобраться в существе политических вопросов, такие элементы ищут панацеи, жалуются по каждому поводу на режим, требуют от руководства чудес или пытаются заглушить внутренний скептицизм ультралевой трескотней. Боюсь, что из таких элементов, если они не возьмут себя в руки, не выйдет хороших революционеров. Не сомневаюсь, с другой стороны, что молодое поколение рабочих сумеет оценить программное и стратегическое содержание Четвертого Интернационала по достоинству и будет становиться под его знамя во все большем и большем числе. Каждый действительный революционер, подмечающий прорехи партийного режима, должен прежде всего сказать себе: "Надо привлечь в партию десяток свежих рабочих!" Молодые рабочие призовут к порядку господ скептиков, резонеров, нытиков и пессимистов. Только на этом пути в секциях Четвертого Интернационала установится здоровый партийный режим.

Л.Троцкий

8 декабря 1937 г.

Койоакан

Невозвращенцы

Два выдающихся советских сановника в течение одной недели порвали с московским правительством, обвинили его гласно в организации фальшивых процессов и в убийстве сотен старых революционеров, в том числе выдающихся советских дипломатов. Первый из двух сановников, Александр Бармин⁴⁴⁹, доброволец во время гражданской войны, под конец бригадный генерал и воспитанник генерального штаба. После демобилизации переходит в ведомство внешней торговли, а затем иностранным дел. В последний период Бармин выполнял обязанности советского министра в Греции. Вторым, Вальтер Кривицкий⁴⁵⁰, имеет за собой 19 лет партийной и советской работы. В последний период он был начальником научного института военной индустрии. Этот институт является мозгом военной техники. Все изобретения, улучшения, технические секреты проходят через научный институт. Бармин и Кривицкий, по собственным словам, уже давно начали сомневаться в правильности политики сталинского правительства. Оба они были тесно связаны с десятками тех сановников, которые вдруг были объявлены шпионами, арестованы и расстреляны. Этому обвинению Бармин и Кривицкий поверить не могли, так как они слишком хорошо знали доросовестность и преданность делу своих бывших начальников и сотрудников.

Многие удивляются, почему советские дипломаты, военные атташе, один за другим добровольно возвращаются по требованию Москвы в объятия ГПУ. Бармин и Кривицкий объясняют причины такого послушания. Отказаться вернуться - значит быть убитыми из-за угла, как убит был Игнатий Райсс, ответственный заграничный представитель Коминтерна и ГПУ. После колебаний Бармин и Кривицкий решились, однако, на полный разрыв с Москвой. В отличие от Райсса

они не пытались жить инкогнито. Наоборот, оба обратились к французскому правительству, к мировому общественному мнению с открытым заявлением о разрыве с Москвой и о своем превращении в политических эмигрантов. Этот смелый шаг дает им чрезвычайно важную защиту. Об Игнати Райссе мировое общественное мнение узнало лишь после того, как он был убит. Наоборот, Бармин и Кривицкий известны всему миру уже сейчас. ГПУ 10 раз задумается, прежде чем решится на новое преступление.

Незачем пояснять, что во всех советских представительных органах за границей, особенно в секретных организациях ГПУ, царит сейчас величайшая тревога. Пример Бармина и Кривицкого чрезвычайно заразителен. Можно с уверенностью предсказать, что ближайший период будет иметь целый ряд новых разрывов с Москвой. Так китайская стена, которую Сталин создал между СССР и всем миром при помощи привилегированной пограничной охраны и полицейских собак, дает трещины и открывает брешь. Бармин и Кривицкий глубоко преданы делу октябрьской революции и советскому народу. В отличие от наемных "друзей", они доказали это делом всей своей жизни. Поставленные перед необходимостью выбора, они, после колебаний, встали на защиту народа против сталинской клики. Симптоматическое значение этого факта огромно. Он подтверждает то, что мы сказали полтора года тому назад: с московских процессов началась агония сталинского режима.

Л.Троцкий

9 декабря 1937 г.

Койоакан

Ответы на вопросы представителя парижского еженедельника "Марин" 451

Вы поставили мне ряд очень острых политических вопросов. Мои ответы на эти вопросы расходятся, пожалуй, на 180 градусов с направлением вашего журнала. Я могу поэтому ответить на ваши вопросы только при том условии, что мои ответы будут напечатаны полностью и без всяких изменений. Смею думать, что это отвечает также интересам ваших читателей: если они могут вообще интересоваться моими взглядами, то, разумеется, лишь в неурезанном и неискаженном виде.

Я стою на позиции Четвертого Интернационала, который является единственной революционной организацией нашей эпохи. Основные элементы нашего анализа мировой обстановки таковы:

Капитализм со времени последней войны окончательно вступил в стадию упадка и разложения. Человечество сейчас беднее, чем в 1913 г. Завоевание науки и техники в условиях упадочного капитализма означает только рост "технологической" безработицы, разорение средних классов и чудовищную концентрацию богатства. Нынешний кризис начался на более низком уровне, чем предшествующий, и развивается более быстрым темпом. В свое падение капитализм увлекает буржуазную демократию: эту роскошь капитализм мог позволять себе только в эпоху своего подъема. Смешно говорить о том, что

особые "традиции" или "национальный характер" Франции или Англии способны оградить их от фашизма. Основным фактором человеческой истории являются не "традиции" и не "национальный характер", а развитие производительных сил. Там, где это развитие приостанавливается, самые почтенные учреждения и традиции рассыпаются прахом. Об этом свидетельствует вся история человеческой цивилизации.

Современная техника окончательно переросла частную собственность на средства производства и границы национального государства. Производительные силы человечества задыхаются в этих оковах. Именно этим определяется характер нашей эпохи как эпохи социальных потрясений, больших и малых войн, революций и контрреволюций. Наша планета не успокоится, пока производительные силы и средства не будут сделаны общественной собственностью и организованы по научному плану, сперва в национальном, затем в европейском, наконец, в мировом масштабе. Такая реорганизация немыслима без экспроприации капиталистов, т. е. без социалистической революции.

В Бельгии г. де Ман обещал осуществить плановое хозяйство без революции и потрясений. Мы с самого начала оценивали эти сообщения как политическое шарлатанство. Оценка была сурова, но события полностью подтвердили ее. Г[осподин] де Ман стал заурядным министром упадочного правительства.

Не лучше судьба г. Леона Блюма. Он предложил "отложить" мысли о социальной революции (политики этого типа всегда откладывают то, что не отложено), а "пока что" заняться программой великих социальных реформ. Я тогда же писал, что эта политика, идущая по линии наименьшего сопротивления, есть самая слепая и самая утопическая. Упадочный капитализм не вмещает больше социальных реформ и потому одной рукой отнимает то, что дает другой. Правительство Блюма явилось правительством реформистского банкротства и ничем более. В июле 1936 г. один, правда, не очень серьезный социалистический политик писал в "Популэр": "Ныне все осуществимо". Это было совершенно правильно! Правительство Блюма, благодаря могущественному натиску масс и полной растерянности капиталистов, могло бы осуществить национализацию хозяйства с наименьшими потрясениями и жертвами. Но это была, конечно, чисто теоретическая "возможность", так как она предполагала однородное и мужественное революционное правительство, а не коалицию парламентских резонеров. Немудрено, если грандиозная историческая возможность оказалась упущенной. Внешняя политика г. Блюма, особенно в отношении Испании, была проникнута тем же принципом: откладывать и тем накапливать трудности. Это называется "борьбой за мир". В результате правительство Блюма только сумело подготовить новый период внутренних и международных потрясений.

Ничего другого так называемый Народный фронт вообще дать не может. Радикалы представляют собою, несмотря на несколько старомодные наряды и жесты, левый фланг финансового капитала и ничего более. Они способны на всякие реформы, которые... не затрагивают господства капитала. Это значит,

что они не способны более ни на какие реформы. Социалисты, если бы они и хотели, не могли бы дать больше того, что согласны дать радикалы. Что касается так называемых коммунистов, то я затрудняюсь найти достаточно парламентские выражения для характеристики этой партии: в истории невозможно найти другой пример такого сочетания демагогии и сервилизма. В последнем счете Народный фронт есть блок буржуазии и пролетариата. Когда слагающие силы тянут в разные стороны, то диагональ параллелограмма приближается к нулю. Это есть графическая формула правительств Народного фронта.

В Испании правительства Кабальеро-Негрин-Сталина не без успеха задушили социалистическую революцию; но при этом не только растоптали демократию, заменив ее постыдной диктатурой ГПУ, но и обеспечили ряд крупных успехов Франко. Опять-таки позволяю себе сослаться на то, что еще в апреле 1931 г. я писал: "Испанская революция не может удержаться на демократическом этапе; она завершится либо диктатурой пролетариата, либо торжеством фашизма"⁴⁵². События, думается мне, не опровергли этого прогноза.

Политика Народного фронта во Франции, как и в Испании, ничем решительно не отличается от политики германской социал-демократии, которая тоже неумолимо строила свой "народный фронт" с демократами и с католическим центром. Именно эта политика внутреннего бессилия и топтания на месте (равнодействующая "0") и привела к торжеству Гитлера.

Правда, в тот период (он назывался почему-то "третьим") так называемые коммунисты и слушать не хотели о каких-либо совместных действиях даже с другими рабочими организациями. Доктрина Сталина гласила: "Социал-демократия и фашизм - близнецы, а не антиподы". К фашистам причислялись гг. Даладье, Леон Блюм и даже сам Жиромский. С того времени Коминтерн вывернулся наизнанку: "фашисты" переименованы в "антифашистов". Но от этого не стало лучше. Вчерашний Коминтерн саботировал борьбу пролетариата, препятствуя сплочению его сил. Нынешний Коминтерн саботирует борьбу, подчиняя пролетариат контролю буржуазии. Методы разные, результат тот же.

Могущественный рост профессиональных союзов Франции отразил непреодолимое стремление масс к изменению социальных условий. Бюрократия г. Жуо при поддержке сталинцев направила все усилия аппарата на то, чтобы застопорить естественное и неизбежное развитие борьбы и тем подготовить будущие конвульсии. Так называемая "независимость" оказалась пригодной только для того, чтобы подчинить синдикаты контролю радикалов и еще глубже загнать общество в тупик.

Общий вывод: Европа более, чем какая-либо другая часть света, идет в ближайшие годы навстречу внутренним и международным взрывам. Все партии порядка, все партии реформы, все силы "демократии" и "пацифизма" как бы сговорились на том, чтобы разнуздать международную анархию и гражданскую войну. В этом и выражается исторический тупик капитализма. На постыдных московских процессах меня пытались представить как организатора "заговора" с целью провоцировать мировую войну. Не знаю, право, что я мог бы, если бы даже задавался такой целью, прибавить к той работе, которую ведут силы

империализма при прямом и косвенном содействии Второго, Третьего и Профессионального Интернационалов⁴⁵³?

Все три организации пережили себя, как пережила себя буржуазная демократия, как пережил себя капитализм. Они все обречены на слом. Четвертый Интернационал есть партия международной социалистической революции. Его сила в том, что он не делает себе сладеньких иллюзий насчет дальнейшего хода истории. Его основное правило: высказывать открыто то, что есть. Он пытается также предвидеть то, что будет и, как свидетельствуют факты, не без успеха. Четвертый Интернационал воспитывает новые революционные кадры и помогает им подняться на уровень задач нашей эпохи. Банкротство Второго и Третьего Интернационалов подготавливает условия быстрого подъема Четвертого. В течение ближайшего десятилетия он станет решающей исторической силой.

Вы спрашиваете, не достиг ли все же Сталин своими судебными подлогами своих внутренних целей? Я этого не думаю. Сами процессы явились выражением невыносимых внутренних противоречий. Я об этом говорю со всей необходимой подробностью в своих двух последних книгах: "Преданная революция" и "Преступления Сталина". Сталин, несомненно, не предвидел, что судебные подлоги вызовут такое страшное потрясение всей правительственной системы. Но у него не было другого выбора. Растущий размах "чистки" показывает, что даже в рядах бюрократии недовольство распространяется по спирали. Когда число жертв (расстрелы, тюрьма, ссылка) исчисляются десятками тысяч, то сотни тысяч и миллионы не могут не знать правды. Постановление Международной Комиссии в Нью-Йорке, объявляющее московские процессы судебным подлогом, не может не проникнуть в СССР: через радио, через иностранные газеты, получаемые в советских редакциях, через советских граждан за границей, через иностранных гостей в СССР. Новые и новые разоблачения будут подкреплять вердикт Комиссии. Правда проложит себе дорогу через все препятствия.

После ответа на Ваши вопросы позвольте мне поставить Вам вопрос: не знаете ли Вы, как чувствуют себя после постановления Комиссии председатель Лиги прав человека г. Баш⁴⁵⁴ и его несравненный юрист г. Розенмарк? Я им, во всяком случае, не завидую.

[Л.Д.Троцкий]

Койоакан,

20 декабря 1937 г.

Примечания

1 Первое издание книги Л.Д.Троцкого "Терроризм и коммунизм" вышло в 1920 г. в Петрограде. Книга была выпущена Госиздатом.

2 Троцкий был назначен наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета в середине марта 1918 г. (одновременно он был освобожден от обязанностей наркома по иностранным делам). В августе по его приказу был создан его личный бронепоезд, который перевозил его по фронтам гражданской войны. Поезд был своеобразным передвижным штабом и одновременно агитационным центром, имевшим свою типографию и выпускавшим газету "В пути". Имелись также телеграф и радиостанция, электростанция, гараж, баня. Поезд был расформирован в начале 1921 г. В своей автобиографии Троцкий называл этот поезд военно-административным, политическим и боевым учреждением.

3 Имеется в виду Лейбористская партия Великобритании.

4 Давид - царь Израильско-Иудейского царства в конце II в. - ок. 950 г. до н. э. Создал государство со столицей в Иерусалиме. По библейской легенде, будучи юношей-пастухом, победил великана Голиафа. Давид считался крупным поэтом и композитором. Ему приписываются многие древние псалмы (произведения религиозной лирики).

5 Реннер Карл (1870-1950) - один из лидеров Социал-демократической партии Австрии и идеологов австромарксизма. В 1918-1920 гг. федеральный канцлер. В 1945 г. глава временного правительства, а затем до своей смерти президент Австрии.

6 Фабианцы - члены Фабианского общества - организации, созданной в Великобритании в 1884 г. В числе основателей был писатель Д.Бернард Шоу. Организация пропагандировала идею постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ - отсюда название по имени древнеримского полководца Фабия Максима (III в. до н. э.), прозванного Кунктатором (Медлителем).

7 См.: Троцкий Л.Д. Что и как произошло? Шесть статей для мировой буржуазной печати. - Париж, 1929. - С. 49-50.

8 Генуэзская конференция 10 апреля - 19 мая 1922 г. - международная конференция по экономическим и финансовым вопросам. Участвовали 29 стран, в том числе РСФСР и пять британских доминионов. На заседаниях и особенно в кулуарах конференции обсуждался вопрос об основах экономических взаимоотношений между РСФСР и остальными участниками. Во время конференции был заключен Рапальский договор РСФСР и Германии, предусматривавший отказ от взаимных экономических претензий, принцип наибольшего благоприятствования в торговле и восстановление дипломатических отношений.

9 Военный коммунизм - внутренняя политика большевистской власти в условиях гражданской войны 1918-1920 гг. Опиралась на представление о возможности введения коммунизма диктаторскими методами. Основными компонентами были: национализация крупной, средней промышленности и

значительной части мелких предприятий; продовольственная диктатура и продразверстка, предусматривавшие насильственное отобрание зерна и других видов продовольствия у крестьян; государственное распределение продуктов по карточкам на основе классового признака; всеобщая трудовая повинность; уравниловка в оплате труда; военно-административная система в руководстве всей жизнью общества с применением жесточайших насильственных мер, включая заложничество и бессудные смертные казни. В 1921 г. большевики вынуждены были отменить политику военного коммунизма и ввести так называемую новую экономическую политику (нэп).

10 "Sovjet partout!", "Daladier ou pouvoir!" (фр.) - "Советы повсюду!", "Даладье к власти!".

11 Де Вендели - влиятельная семья крупных французских предпринимателей, занятых главным образом в металлургической промышленности.

12 Шнейдеры - финансово-промышленная группа Франции. Сложилась в XIX веке. До второй мировой войны центром группы был военно-промышленный концерн "Шнейдер-Крезе", основанный в 1836 г. (черная металлургия, машино-, судо- и автомобилестроение, электроника).

13 Ротшильды - финансовая группа в Западной Европе. Основатель М.А.Ротшильд (Франция, XVIII век). Активны британская и французская ветви. Сферы деятельности - банковское дело, горнорудная, нефтяная промышленность, металлургия.

14 Мерсье - династия французских предпринимателей. Возникла в первой половине XIX века, основав предприятия хлопчатобумажной промышленности. В XIX в. члены семейства участвовали в правых политических организациях. Э.Мерсье в начале 30-х годов принимал участие в подготовке реформы конституции в авторитарном направлении, в финансировании экстремистских правых организаций.

15 Union sacrée (фр.) - священный союз.

16 St. Denis (Сен-Дени) - пригород Парижа, мэром которого был Ж.Дорио.

17 Hoover Institution Archive, B.I.Nicolaevsky Collection, box 504.

18 Возможно, имеется в виду Стрелков Р.Е. (1875- ?) - публицист и литератор, находившийся в 1900-1914 гг. в эмиграции и сотрудничавший в зарубежных социал-демократических изданиях. После 1917 г. работал в советских хозяйственных органах.

19 Выдержка из замечаний Л.Д.Троцкого по поводу тезисов Коммунистической лиги Южной Африки, опубликованных в "Бюллетене оппозиции". - 1935. - No 44. - С. 15-16.

20 PPS (ППС) - Польская социалистическая партия.

21 Дашнаки - члены партии Дашнакцутюн (Союз) - армянской национальной

партии, основанной в 1890 г. Партия ставила целью с помощью западноевропейских держав и России добиваться автономии Западной Армении в составе Турции. После 1917 г. Дашнакцутюн выступала за создание самостоятельного армянского государства. В мае 1918 - ноябре 1920 г. являлась правившей партией независимой Армении вплоть до захвата страны Советской Россией. После установления большевистской власти была запрещена и существовала в эмиграции. В настоящее время является одной из основных партий Армении.

22 Имеются в виду украинские партии различной политической ориентации, выступавшие после Октябрьского переворота 1917 г. за восстановление государственной независимости Украины. Они входили в состав Центральной Рады (Совета), власть которой весной 1918 г. распространилась на большую часть территории Украины. Наиболее значительными из них были Украинская партия социалистов-революционеров и Украинская социал-демократическая рабочая партия, от которой в 1918 г. откололось левое крыло - так называемые "боротьбисты". 29 апреля 1918 г. Рада была разограна немецкими оккупационными войсками, поставившими у власти гетмана Скоропадского. В ноябре 1918 г. национальные партии образовали свое правительство - Директорию, которая существовала до 1920 г., хотя еще в апреле 1919 г. была изгнана с основной части территории Украины.

23 Африканский национальный конгресс - политическая организация коренного населения Южноафриканского Союза (ныне Южноафриканская республика). Основан в 1912 г. с задачей ликвидации всех проявлений расизма и демократического переустройства общества.

24 Пауперы - бедняки, нищие (от лат. pauper - бедный).

25 Банту - общее название народов Центральной и Южной Африки, говорящих на языке семьи банту (суахили, коса, зулу, свази и др.).

26 Concerning the Constitution of the Party (англ.) - касательно статуса партии.

27 Internationale Arbeiter Gemeinsanschaft - IAG (нем.) - Международное рабочее сообщество - первоначальное наименование Лондонского (Лондонско-Амстердамского) бюро, которое позже стало официально именоваться Международным бюро рабочих социалистических партий. Создано в 1935 г. Представляло собой объединение нескольких социалистических партий, не примыкавших к Социалистическому рабочему интернационалу и выступавших против формирования IV Интернационала. Наиболее значительными участниками объединения были Социалистическая рабочая партия Германии, Независимая рабочая партия Великобритании, Рабочая партия марксистского объединения Испании.

28 "Neue Front" ("Новый фронт") - бюллетень Социалистической рабочей партии Германии. Издавался в эмиграции во Франции в середине 30-х годов.

29 NAP - Норвежская рабочая партия - партия социалистического характера, в 1919 г. вступившая в Коммунистический Интернационал и вышедшая из него в 1923 г. В середине 30-х годов, порвав с Социалистическим рабочим

интернационалом, присоединилась к Лондонско-Амстердамскому бюро. В 1935 г. стала правящей партией. Правительство этой партии предоставило Троцкому право убежища, но после первого московского судебного фарса периода большого террора (август 1935 г.) приняло решение об интернировании Троцкого.

30 Дорио Жак (1898-1945) - французский политический деятель. С 1923 г. генеральный секретарь Коммунистического союза молодежи. Член Политбюро компартии. В 1934 г. исключен из партии в связи с его протестами против подчинения партии Коминтерну и советскому руководству. В 1936 г. основал Французскую народную партию, близкую по своему характеру к германским национал-социалистам. Во время второй мировой войны активно помогал оккупантам.

31 См.: Решение Пленума Интернациональной Левой Оппозиции (б.-л.) по поводу конференции левых социалистических и оппозиционных коммунистических организаций в Париже 27-28 августа 1933 года. - Бюллетень оппозиции. - 1933. - No 36-37. - С. 18.

32 Шмидт Петрус Иоганнес (1896-1952) - голландский социалист. Журналист. Являлся председателем Революционной социалистической рабочей партии Голландии.

33 Ferein (нем.) - союз.

34 См.: Ленин В.И. О лозунге "разоружения". - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 30. - С. 153.

35 Тезисы "Четвертый Интернационал и война", написанные Троцким, были изданы в Женеве на русском языке в 1934 г. Вслед за этим документ был опубликован на ряде других языков.

36 Когда большевики-ленинцы сформулировали свою позицию в вопросе о войне в проекте тезисов ("Четвертый Интернационал и война"), они доставили своевременно проект в рукописи вождам S.A.P. и пригласили их принять участие в обсуждении. Обещание было дано, но ответа не последовало. Вождям S.A.P., очевидно, "не хватило времени". Им всегда нехватает времени для проблем революции. А кроме того: что скажет Транмель? Что скажет Кильбум?.. Читатель видит на этом примере, что мы проделали серьезный опыт с S.A.P. - Примеч. автора.

37 Философский камень - субстанция, нахождение которой считалось главной целью средневековой алхимии. С помощью философского камня предполагалось найти способы превращения неблагородных металлов в золото и серебро, получения эликсира долголетия, лекарств против всех болезней и т. д.

38 Толстовцы - участники религиозно-утопического общественного движения второй половины XIX - начала XX в. (небольшие группы толстовцев сохранились и в следующие десятилетия), проповедовавшие учение Л.Н.Толстого о преобразовании общества путем морально-религиозного самоусовершенствования. Толстовцы пытались создать производственные общины, некоторые из которых

существовали длительное время.

39 Гандисты - сторонники М.К.Ганди.

40 Имеется в виду Веймарская республика в Германии.

41 Union of Democratic Control (англ.) - Союз демократического контроля.

42 Морель Юджин (1873-1924) - английский писатель и журналист, в последние годы жизни лейбористский депутат Палаты общин. Работал в Африке. В 1904 г. был инициатором создания Ассоциации реформ в Конго. Ассоциация разоблачала ужасы эксплуатации туземцев на каменоломнях этой страны.

43 См.: Ленин В.И. Соч. - Изд.5-е. - Т. 30. - С. 246.

44 Кстати. Один из вождей группы спрашивал в свое время письмом мое мнение относительно вступления в S.A.P. Я отвечал: высказаться принципиально против такого вступления нельзя; весь вопрос в том, под каким знаменем происходит вступление и во имя каких целей. - Примеч. автора.

45 "Der Mohr hat seine Schlligkeit getan..." (нем.) - "Мавр сделал свое дело..." - цитата из драмы "Заговор Фиеско в Генуе" И.Ф.Шиллера.

46 Minority movement (англ.) - Движение меньшинства - левое течение в тред-юнионах Великобритании, возникшее в 1924 г. Не порывая с Амстердамским Интернационалом, оно по существу дела примыкало к руководимому Коминтерном Профинтерну. Прекратило существование после прекращения массовой забастовки в Великобритании в мае 1926 г

47 Цивильный лист короля - сумма, предусмотренная государственным бюджетом на содержание монарха и его двора.

48 Де Кадт Жак (1897-1988) - деятель компартии Голландии. В 1932 г. вышел из партии и перешел в Независимую социалистическую партию Голландии. Руководимая им группа постепенно эволюционировала от резко враждебного отношения к сторонникам Троцкого к совместным с ними действиям.

49 Милес - псевдоним Левенхайма Вальтера - руководителя небольшой центристской группы "Новое начало", образованной в Социал-демократической партии Германии в 1931 г. В 1933 г. эмигрировал, присоединился к Социалистической рабочей партии.

50 Лурд - город на юге Франции, место паломничества католиков, связанное с тем, что, согласно легенде, в 1858 г. жительнице этого города явилась Богородица.

51 Л.Д.Троцкий рекомендовал своим сторонникам вступить в Социалистическую партию Франции в 1934 г. в условиях резкого обострения социально-политической борьбы и развертывания движения за народный фронт. Социалистическая партия (СФИО) рассматривалась как массовая партия рабочих, федерация различных групп и организаций, в рамках которой "левая оппозиция" могла бы, по мнению Троцкого, способствовать превращению этой партии в революционную. Этот "французский поворот", как стали именовать названный курс, результатов не дал: сторонники Троцкого оставались в СФИО в незначительном меньшинстве и вскоре были исключены или были вынуждены сами ее покинуть.

52 "Les representants qualifiés ou non, de la Troisième Internationale" (фр.) - "представителей Третьего Интернационала, организованных или нет".

53 Иден Энтони (1897-1977) - британский государственный деятель, консерватор. Министр иностранных дел в 1935-1938, 1940-1945, 1951-1955 гг. В качестве министра в 1935 г. посетил СССР. В 1955-1957 гг. премьер-министр.

54 Aubervilliers (Обервилль) - городок в окрестностях Парижа. Мэром его в 30-е годы был П.Лаваль.

55 Section Française de l'Internationale Ouvrière (SFIO) - Французская Секция Рабочего Интернационала - официальное наименование Французской социалистической партии.

56 "Suivre les enseignements qu'il comporte" (фр.) - "Следовать учению, которое это содержит" (то есть содержит социализм).

57 Трехцветное знамя - французский государственный флаг. Представляет собой полотнище, состоящее из трех вертикальных полос - синей, белой и красной.

58 "Avec ou sans changement de numéros" (фр.) - "С изменением нумерации или без него".

59 Троцкий оговорился. Он имел в виду весну 1921 г.

60 "What the ILP Stands For" (англ.) - "За что выступает НРП".

61 "The New International" ("Новый Интернационал") - журнал Социалистической рабочей партии США. Выходил в 1934-1958 гг. Был органом этой партии до апреля 1940 г. Произошедший в партии раскол привел к тому, что журнал перешел в руки группы М.Шахтмана, отколовшейся от партии.

62 См.: Marx K., Engels F. Werke. - Bd. 39. - S. 161.

63 См.: Marx K., Engels F. Werke. - Bd. 22. - 509-527.

64 Леба Жан-Батист (1878-1944) - французский политический деятель, член Социалистической партии. В 1932-1936 гг. депутат парламента. Мэр г. Рубэ. Министр правительства народного фронта. После оккупации страны гитлеровской Германией был арестован и отправлен в концлагерь, где скончался.

65 К.Каутский эмигрировал в Чехословакию и принял чехословацкое гражданство (именно гражданство, так как подданства в республиках не бывает) после прихода нацистов к власти в Германии.

66 Манифест 17 октября 1905 г. "Об усовершенствовании государственного порядка" был издан российским императором Николаем II в условиях демократической революции. Он провозгласил гражданские свободы и создание парламента - Государственной Думы.

67 Под инсurreкционной стачкой (инсurreкция - восстание) Троцкий понимал стачку, непосредственно перераставшую в вооруженное восстание.

68 T.U.C. (Tread Union Congress) (англ.) - Конгресс тред-юнионов.

69 To stop war (англ.) - остановить войну.

70 См. "What the I.L.P. Stands For", сборник основных документов партии. - Примеч. автора.

71 VII конгресс Коминтерна состоялся в Москве 25 июля - 25 августа 1935 г. С основным докладом "Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма" выступил Георгий Димитров. По его докладу была принята резолюция, выдвинувшая задачи создания народного фронта антифашистских сил и единого фронта рабочих организаций. Рассмотрены были также вопрос о задачах Коминтерна в связи с подготовкой новой мировой войны (докладчик П.Тольятти) и другие вопросы. Курс народного фронта оказался недолговечным, к 1938 г. от него отказались почти все компартии, хотя в решениях Президиума Исполкома Коминтерна и руководящих органов отдельных партий он продолжал ритуально пропагандироваться

72 All-inclusive organizations (англ.) - всеохватывающие организации.

73 Don't trust government (англ.) - не доверяйте правительству.

74 Ленсбери Джордж (1859-1940) - британский политический деятель, лейборист. В 1910-1912 гг. и 1922-1940 гг. член парламента. В 1929-1931 гг. министр общественных работ. В 1931-1935 гг. председатель Лейбористской партии.

75 Astonishng support of labour line (англ.) - удивительная поддержка лейбористской линии.

76 Предисловие к норвежскому изданию книги Л.Д.Троцкого "Моя жизнь".

77 Л.Д.Троцкий находился на лечении в муниципальной больнице Осло в течение трех недель с 19 сентября по 10 октября 1935 г.

78 Fais ce que tu dois, advienne que pourra (фр.) - Делай то, к чему ты стремишься.

79 Имеются в виду Общества друзей СССР, созданные в 30-е годы во многих странах. Формально они были беспартийными, но фактически находились под руководством и финансировались компартиями и советскими властями.

80 Kommunale Sykehus (норв.) - муниципальная больница.

81 Карл Каутский. Из ранних времен марксизма: Переписка Энгельса с Каутским. 1935. - Издательство "Оббис". - Прага. - 416 с. Научное издание: Engels F. Briefwechsel mit Karl Kautsky. - Wien, 1955.

82 "The Pall Mall Gazette" - английская консервативная газета, получившая название по одной из улиц Лондона, где находился дворец Сент-Джеймс и ряд аристократических клубов. Выходила в 1865-1920 гг.

83 Гильом-Шак Гертруда (1845-1905) - германская общественная деятельница. Участвовала в движении за права женщин, являлась одним из организаторов пролетарского женского движения. С 1886 г. жила в Англии, краткое время в доме Энгельса. Позже перешла на позиции анархизма.

84 Нигилисты - собирательное название людей и групп, отрицавших общепризнанные ценности общественной жизни, культуры, морали. В России термин получил распространение после появления романа И.С.Тургенева "Отцы и дети" (1862), главный герой которого именовался нигилистом. В российской

публицистике второй половины XIX в. термин имел как позитивную (у сторонников революционных течений), так и негативную (у консерваторов) окраску.

85 Эпикурейцы - сторонники эпикуреизма - учения, вытекавшего из идей древнегреческого философа Эпикура (IV-III вв. до н. э.). Эпикурейцы проповедовали жизнь без страданий, безмятежность духа, избавление от страха смерти и суеверий.

86 Демут Елена (1823-1890) - домоправительница семьи К.Маркса. После смерти Маркса жила в доме Энгельса.

87 Каутская Минна (1837-1912) - австрийская писательница, мать К.Каутского. Переписывалась с Ф.Энгельсом.

88 Девиль Габриэль (1854 - ?) - французский публицист, социал-демократ, член Рабочей партии. Написал и выпустил популярное изложение "Капитала", а также других трудов К.Маркса. В начале XX в. отошел от рабочего движения.

89 Magister dixit (лат.) - учитель сказал. Это выражение означает, что соответствующее высказывание следует понимать и принимать точно и беспрекословно, так как оно произнесено (или написано) непререкаемым авторитетом. В большинстве случаев выражение употребляется в ироническом смысле.

90 Робертус-Ягетцов Иоганн-Карл (1805-1875) - прусский консервативный экономист, идеолог крупного юнкерства. В 1848-1849 гг. руководил течением Центра в прусском Национальном собрании. Теоретик так называемого "государственного социализма".

91 Брентано Луйо (1844-1931) - германский экономист. Считал возможным преодоление классовый борьбы и социальных противоречий в рамках капитализма.

92 Гладстон Уильям Юарт (1809-1898) - британский политический деятель, лидер Либеральной партии с 1868 г. Неоднократно был премьер-министром.

93 Олеография - примитивная по способу исполнения многокрасочная литография (рисунок, полученный путем отпечатки с плоской поверхности камня) с картины, написанной масляными красками.

94 Ausgerechnet (нем.) - великолепно.

95 Аподиктические утверждения - мнения, высказанные в качестве бесспорных утверждений.

96 Эвелинг Эдвард (1851-1898) - один из организаторов Социалистической лиги Великобритании (1884). Активный участник профсоюзного движения. Переводчик сочинений Маркса и Энгельса на английский язык. Любовник дочери Маркса Элеоноры.

97 Маркс Элеонора (1855-1898) - деятельница британского социалистического движения, дочь К.Маркса, любовница Э.Эвелинга. Участвовала в создании Социалистической лиги в 1884 г. и в движении "новых тред-юнионов".

98 Гайндман Генри Мейер (1842-1921) - один из создателей британской Демократической федерации в 1881 г. (с 1884 г. Социал-демократическая федерация) и Британской социалистической партии в 1911 г. В 1916 г. вышел из партии, осудившей его националистические взгляды.

99 Джон Буль - традиционное ироническое прозвище англичанина, прежде всего зажиточного представителя среднего класса.

100 Каутская Луиза (урожденная Штрассер) (1860-1950) - австрийская социалистка, первая жена К.Каутского (до 1889 г.). Секретарь Энгельса с 1890 г. Участница международных конгрессов II Интернационала.

101 Кювье Жорж (1769-1832) - французский зоолог. Ввел понятие "типа", установил принцип "корреляции органов", на основе которого занимался реконструкцией строения вымерших животных.

102 Бангия Янош (Иоганн) (1817-1868) - венгерский журналист и офицер, участник революции 1848-1849 гг. Был тайным агентом полиции. Позже находился на турецкой военной службе под именем Мехмеда Бея.

103 Имеется в виду Джордж Бернард Шоу.

104 Стэд Уильям Томас (1849-1912) - английский журналист, либерал. Редактор "The Pall Mall Gazette" в 1883-1889 гг.

105 "Ein echter britisher politician (нем.) - "Истинно британский политик". Слова "britisher politician" Энгельс иронически написал на английском, а не на немецком языке.

106 Буланже Жорж (1837-1891) - французский генерал. В 1886-1887 гг. военный министр. В 1887-1889 гг. возглавлял шовинистическое движение под лозунгами реваншистской войны против Германии, пересмотра республиканских конституционных законов и роспуска парламента. Движение получило название буланжизма.

107 Фольмар Георг (1859-1922) - деятель германского социалистического и профсоюзного движения, реформист. Несколько раз избирался депутатом рейхстага.

108 Имеется в виду первая мировая война.

109 "Spartacus" ("Спартак") - бюллетень группы Жоржа Вереекена в Бельгии. Группа несколько раз присоединялась к Интернациональной левой оппозиции и порывала с ней в связи с конкретными политическими вопросами.

110 "Action socialiste revolutionnaire" ("Революционно-социалистическое действие") - бюллетень левого крыла Бельгийской рабочей партии. До 1935 г. издавался под названием "Action socialiste".

111 "Que faire" ("Что делать") - небольшая центристская группа, образовавшаяся в компартии Франции в 1934 г. Группа выпускала бюллетень под тем же названием. Она выступала за единый фронт с Социалистической партией. Руководители группы Андре Ферре и Жорж Каган были исключены из компартии.

112 "L'Internationale" - журнал Союза коммунистов - небольшой группы, образованной в 1933 г. в результате ее откола от французской компартии в 1931 г.

113 "Proletaire d'Avant-Garde" - бюллетень, публиковавшийся небольшой

группой, отколовшейся от организации французских сторонников Троцкого в 1934 г. после ее решения о вступлении в Социалистическую партию.

114 Имеются в виду США.

115 Молинаар Жан - деятель голландского социалистического движения, руководитель Революционной социалистической молодежной лиги. В 1935 г. был инициатором раскола этой организации. После оккупации нацистами Голландии был арестован, отправлен в концлагерь, где скончался.

116 Имеется в виду агрессия Италии против Эфиопии (Абиссинии).

117 Текст "От редакции" написан Троцким. Статья была опубликована газетой "The New Militant" 30 ноября 1935 г. Первоначально она предназначалась для французского бюллетеня "Revolution".

118 "Revolution" - бюллетень молодежной социалистической организации департамента Сена (Франция). Находился под влиянием сторонников Троцкого. После исключения руководителя этой организации из Социалистической партии бюллетень стал органом молодежной организации сторонников Троцкого во Франции.

119 Зеллер Фред (1912 - ?) - деятель французской социалистической молодежной организации департамента Сена. В 1935 г. исключен из партии. Встречался с Троцким во время его пребывания во Франции. Сотрудничал в газете "Revolution".

120 Во избежание недоразумения отметим, что эта антимарксистская партия не имела ничего общего с революционным социализмом. - Примеч. автора.

121 Имеется в виду газета "Новая жизнь".

122 Котурны - сандалии на толстой подошве у древнегреческих и древнеримских актеров с целью увеличения их роста. Слово стало нарицательным для обозначения ложного и показного величия.

123 Паскаль Блез (1623-1662) - французский философ, математик и физик. Сконструировал суммирующую машину. Сформулировал закон об одинаковости передачи давления жидкости во всех направлениях. Развивал идеи о трагичности человеческого существования, находящегося между бесконечностью и ничтожеством.

124 Неккер Жак (1732-1804) - министр финансов Франции в 1777-1781 и 1788-1790 гг. Сыграл значительную роль в подготовке созыва Генеральных штатов в 1789 г. и тем самым в подготовке революции 1789-1799 гг. Был инициатором ряда реформ.

125 Венизелос Элефтериос (1864-1936) - греческий политический деятель, неоднократно премьер-министр. С 1935 г. в эмиграции.

126 Цалдарис Панайотис (1884-1973) - греческий политический деятель, умеренный монархист. Премьер-министр в октябре 1932 - январе 1933 г.

127 Вольтерьянцами, в частности в России в конце XVIII - XIX в., называли идейных последователей Вольтера - сторонников борьбы против реакционного мракобесия, критиков феодально-абсолютистской системы.

128 Сен-Жюст Луи (1767-1794) - деятель французской революции 1789-1799 гг., якобинец. Член Комитета общественного спасения периода якобинской

диктатуры, соратник Робеспьера. Казнен после термидорианского переворота 1794 г.

129 Ламартин Альфонс (1790-1869) - французский писатель, историк и политический деятель. Член временного правительства в 1848 г. Автор "Истории жирондистов" (1847), в которой подверг критике политику якобинцев и выступил в качестве апологета жирондистского политического течения в революционном лагере революции 1789-1799 гг.

130 Де Брольи - династия французских герцогов. Основатель Виктор-Франсуа (1718-1804). Автор, видимо, имеет в виду Виктора де Брольи (1785-1870) либо Альбера де Брольи (1821-1901) - французских политических деятелей монархического направления.

131 Людовик XV Бурбон (1710-1774) - французский король с 1715 г.

132 Гора - другое название течения якобинцев во французской революции 1789-1799 гг. Наименование было связано с тем, что в Конвенте они занимали верхние скамьи.

133 Старый и Новый Заветы (точнее Ветхий и Новый Заветы) в совокупности составляют Библию (буквально по-гречески - книги) - сборник сочинений, созданных в VIII в. до н. э. - II в. н. э. (мифы и легенды, исторические повествования, лирика, религиозная поэзия и др.). Лежат в основе богословия и догматики иудаизма (Ветхий Завет в христианстве или Тора в иудаике) и христианства (обе части).

134 Аншлусс (нем. Anschluss - присоединение) - политика присоединения Австрии к Германии, проводившаяся правыми кругами Германии после первой мировой войны. Завершилась захватом Австрии гитлеровской Германией в марте 1838 г.

135 Имеется в виду Польский Коридор (Данцигский Коридор) - территория на границе с Германией, полученная Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. и давшая ей доступ к Балтийскому морю.

136 Кант Иммануил (1724-1804) - немецкий философ. Автор книг "Критика чистого разума", "Критика практического разума" и др., в которых он обосновывал учение о непознаваемых "вещах в себе" и познаваемых явлениях, создающих возможность бесконечного опыта.

137 Горио Франсуа (1761-1794) - участник французской революции 1789-1799 гг. Оратор из среды парижских санкюлотов (неимущих). Член Конвента. Участник восстания 1793 г., приведшего к установлению власти якобинцев. Арестован и казнен вместе с Робеспьером и другими лидерами якобинцев непосредственно после термидорианского переворота 1794 г.

138 Каменев Сергей Сергеевич (1891-1936) - советский военный деятель. Во время первой мировой войны командовал полком царской армии. После Октябрьского переворота перешел на сторону большевиков. В 1918-1919 гг. командовал войсками Восточного фронта, в 1919-1924 гг. был командующим вооруженными силами РСФСР (СССР), в 1924-1937 гг. заместителем наркома по военным и морским делам. С 1924 г. начальник управления противовоздушной обороны СССР.

139 Речь идет о франко-советском договоре, подписанном 2 мая 1935 г. Договор предусматривал консультации при угрозе нападения на одну из сторон и обязательство оказания немедленной помощи стране, подвергшейся нападению.

140 Вексал - поселок возле города и железнодорожной станции Хоннифос в Норвегии, на расстоянии около 50 км от Осло. Здесь с июля 1935 г. до начала сентября 1936 г. Троцкий жил в доме деятеля Норвежской рабочей партии Конрада Кнутсена. 2 сентября 1936 г. Троцкий под полицейским конвоем был перевезен в поселок Харум, в 30 км к югу от Осло, где он был интернирован в небольшом доме, арендованном министерством внутренних дел Норвегии именно для этой цели. Под домашним арестом он находился вплоть до выезда в Мексику 19 декабря 1936 г.

141 Довольно многочисленные эмигрантские круги Социалистической рабочей партии Германии (S. A. P.) играют сейчас роль тормоза в рабочем движении разных стран. - Примеч. автора.

142 Эттли Клемент Ричард (1883-1967) - британский политический деятель, лейборист. Премьер-министр в 1945-1951 гг.

143 Обычно в русском языке именуют Всеобщей конфедерацией труда.

144 Обычно в русском языке именуют Унитарной всеобщей конфедерацией труда.

145 Речь идет о народном фронте во Франции.

146 "La Commune" - газета, издававшаяся группой членов французской Лиги большевиков-ленинцев во главе с Р.Молинье с декабря 1935 г. За нарушение дисциплины, выразившееся в издании собственной газеты, Молинье и другие члены группы были исключены из организации.

147 Рус Жан (1908-1985) - французский адвокат, член Социалистической партии. В 30-е годы сторонник Троцкого. Был членом Интернационального Секретариата Интернациональной левой оппозиции.

148 Социальный фронт - политическая организация, основанная Ж.Дорио после его исключения из компартии. Существовал до 1936 г., когда Дорио создал Французскую народную партию.

149 Имеется в виду документ "За Четвертый Интернационал: Открытое письмо всем революционным пролетарским организациям и группировкам". - Бюллетень оппозиции. - 1935. - No 44. - С. 1-5.

150 Дож Вальтер (1907-1944) - бельгийский социалист, лидер одной из малых социалистических организаций. В 1936 г. был одним из основателей Социалистической рабочей партии Бельгии. Руководил ею до оккупации Бельгии германскими войсками в 1940 г.

151 Цилига Анте (Антон) (1896 - 1992) - деятель коммунистического движения Югославии. Член Политбюро компартии с 1925 г. Находился в эмиграции в СССР. Был арестован в 1930 г., но освобожден и смог выехать из СССР в 1935 г. Опубликовал несколько книг и брошюр с разоблачением советского режима. В конце 30-х годов вступил в острую полемику с Троцким, обвиняя его в подавлении Кронштадтского восстания 1921 г.

152 Дедич Мустафа (псевдоним Виктор Соловьев) - деятель компартии

Югославии. Был секретарем комитета профсоюзов в Герцеговине (г. Мостар). Политэмигрант в СССР. В 1930 г. арестован за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б) и приговорен к трем годам заключения. Находился в Верхнеуральском политизоляторе. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

153 Драгич Станко (псевдоним И.Б.Ковалев) - деятель компартии Югославии, член ЦК КПЮ, секретарь партийной организации в Загребе. Эмигрант в СССР. Арестован за сочувствие объединенной оппозиции. Приговорен к заключению на три года. Находился в Верхнеуральском политизоляторе. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

154 Хеберлинг Стефан (псевдоним В.Суслов) - деятель компартии Югославии. Был членом комитета компартии Воеводины в г. Нови Сад. Эмигрант в СССР. Арестован за сочувствие объединенной оппозиции. Был отправлен в ссылку на Урал на три года. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

155 Шламм Вилли (1904-1978) - австрийский коммунист. Исключен из партии в 1929 г. за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б). В 1933 г. организовал издание журнала "Der Neue Weltbühne", являвшееся продолжением журнала "Weltbühne". Затем журнал выходил под названием "Europische Hefte".

156 "Europische Hefte" ("Европейские тетради") - журнал на немецком языке демократического и антинацистского характера. Выходил в Праге в 1934-1935 гг.

157 Письмо А.Цилиги опубликовано под заголовком "Сталинские репрессии в СССР" в журнале: Бюллетень оппозиции. - 1936. - № 47. - С. 1-4.

158 Имеется в виду книга, которую готовил Цилига и которая вышла позже: Ciliga A. The Russian Enigma. - London, 1940.

159 Зиновьев, Каменев и другие бывшие деятели объединенной оппозиции были арестованы в середине декабря 1934 г. по обвинению в организации убийства С.М.Кирова. 15-16 января 1935 г. состоялся суд над ними и другими лицами (всего 19 человек). Подсудимые были признаны виновными в создании нелегального "московского центра" и несли, якобы, морально-политическую ответственность за убийство Кирова. Зиновьев был приговорен к десяти годам заключения, Каменев - к пяти, остальные - к различным срокам от 5 до 10 лет заключения.

160 Троцкий ошибся. Речь идет о марте 1921 г.

161 Дубровинский Иосиф Федорович (1877-1913) - российский революционный деятель, большевик. Участник революции 1905-1907 гг.

162 Ироническое высказывание, связанное с тем, что перед нападением Италии на Эфиопию на границе Эфиопии итальянцами провоцировались различные инциденты. Серьезный конфликт произошел 5 декабря 1934 г. у оазиса Уал-Уал в эфиопской провинции Огаден на границе Итальянского Сомали. Итальянцы применили танки и авиацию. Эфиопия обратилась с жалобой в Лигу Наций, но Совет Лиги ограничился лишь предложением об арбитраже и отложил рассмотрение вопроса по существу. Невмешательство объяснялось позицией Великобритании и Франции, особенно последней, которая готова была оказать содействие

итальянской экспансии в Африке в обмен на поддержку Франции в европейских делах. 7 января 1935 г. министр иностранных дел Франции П.Лаваль подписал с Муссолини договор относительно европейских проблем (независимость Австрии, недопустимость германских вооружений и др.). Франция фактически признала заинтересованность Италии в Эфиопии.

163 Трoцкий ошибся. Процесс над эсерами был в 1922 г.

164 Рабочая партия марксистского объединения Испании (ПОУМ) была основана в 1935 г. в результате разрыва Испанской левой оппозиции с Л.Д.Троцким. Партия образовалась на основе объединения Левого оппозиции с Рабочим и крестьянским блоком, стоявшим на позиции сотрудничества с другими левыми силами. В 1936 г. ПОУМ вошла в народный фронт, в котором стояла на левом фланге, выступая за проведение социалистических преобразований. В мае 1937 г. партия приняла участие в фактически спровоцированном властями народного фронта по подказке советских агентов вооруженном выступлении в Барселоне. После его подавления лидеры ПОУМ были арестованы. Руководитель партии А.Нин был похищен из заключения агентами советских спецслужб во главе с А.Орловым и убит. В октябре 1938 г. состоялся суд над другими руководителями ПОУМ, которые без каких бы то ни было доказательств были признаны виновными в измене и шпионаже. Они были объявлены "троцкистами", хотя с Троцким их ничего не связывало. Большинство активных работников ПОУМ было расстреляно. Ошибочная традиция считать ПОУМ "троцкистской организацией" сохраняется во многих исторических работах по настоящее время.

165 Андраде Родригес Хуан (1897-1981) - испанский коммунист. В 1930 г. порвал с компартией, был одним из основателей ПОУМ. Член ее ЦК. Позже возвратился в компартию. После гражданской войны в Испании эмигрировал в СССР. Работал в вузах Ленинграда.

166 Имеюся в виду санкции Лиги Наций против Италии в связи с ее агрессией против Эфиопии.

167 В поисках оправдания своей политики Маурин - Нин ссылаются на испанский избирательный закон, крайне затрудняющий самостоятельные кандидатуры для молодой партии (см. резолюцию ЦК, "Баталла", № 234). Но это довод не имеет никакой цены. Избирательная техника не может оправдать предательской политики в виде выставления общей программы с буржуазией. - Примеч. автора. "La Batalla" ("Борьба") - центральная газета ПОУМ. Выходила в Барселоне в 1934-1937 гг. Была запрещена правительством народного фронта.

168 Предисловие предназначалось для сборника статей Л.Д.Троцкого "Ou va la France? - Paris, 1936.

169 В конце мая - первой половине июня 1936 г., после победы народного фронта на парламентских выборах, во Франции произошли забастовки, охватившие около 12 тыс. предприятий. Участвовало свыше 2 млн рабочих и служащих. Основными требованиями были увеличение заработной платы, введение 40-часовой рабочей недели, заключение коллективных договоров, введение оплачиваемых отпусков. Забастовки сопровождались занятием предприятий. Сформированное 4 июня правительство народного фронта во главе с Л.Блюмом выступило в качестве

посредника. 7 июня было пописано так называемое Матиньонское соглашение (подписано в отеле "Матиньон" в Париже) между Всеобщей конфедерацией труда и Всеобщей конфедерацией французских предпринимателей, согласно которому заработная плата увеличивалась в среднем на 12%, признавались профсоюзы в качестве юридических лиц, была введена 40-часовая рабочая неделя, признан принцип кооперативных договоров для всех частных предприятий, вводились оплачиваемые отпуска. Вслед за этим соответствующие законы были проведены через парламент.

170 Имеется в виду книга Л.Д.Троцкого "Wohin geht Frankreich?" - Antwerp, 1936.

171 Предложение не дописано.

172 Автор письма, как и названные в нем ниже Подолинский, Терен и Гармаш, являлись членами украинской группы сторонников Троцкого в Канаде.

173 Названная книга Л.Д.Троцкого была издана в 1937 г. под заголовком "Преданная революция" с подзаголовком "Что такое СССР и куда он идет?" Под названием "Что такое СССР и куда он идет?" книга была выпущена на русском языке в Париже в 1971 г. IV Интернационалом.

174 Говард Рой (1883-1964) - американский журналист и предприниматель, создатель газетно-журнального комплекса Скриппс-Говарда. Говард проинтервьюировал Сталина 1 марта 1936 г. Интервью привлекло внимание во всем мире, так как Сталин объявил, что приписываемая ему цель мировой революции является "комическим недоразумением". См. статью Троцкого об этом интервью: Троцкий Л. Заявления и опровержения Сталина. - Бюллетень оппозиции. - 1936. - No 49. - С. 1-4.

175 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsry Collection, box 366.

176 Письмо Л.Д.Троцкого, адресованное "Д.", было написано 7 января 1936 г. Д. - первая буква слова Диг, одного из псевдонимов Л.Л.Седова. В письме содержалась критика деятельности Л.Л.Седова по руководству "Бюллетенем оппозиции" в Париже.

177 Имеется в виду газета Р.Молинье "La Commune".

178 Очевидно, имеется в виду "письмо Д."

179 Вычеркнуто слово "грубостями".

180 Вычеркнуто слово "доброжелательного".

181 Одно слово прочитать не удалось.

182 Телеграмму Л.Д.Троцкого Р.Перо от 19 марта 1936 г. см.: HU.NL, bMS Russ 13, EP 9505. Сведения об этом лице обнаружить не удалось.

183 Л.Л.Седов имеет в виду свою работу в качестве редактора "Бюллетеня оппозиции".

184 Последующая часть письма написана на полях предыдущих страниц.

185 Абзац расшифрован с большим трудом. Фамилии и имена, идентифицировать которые не удалось, возможно, переданы не точно.

186 Документ представляет собой проект воззвания, написанного от имени Интернационального Секретариата Лиги коммунистов-интернационалистов.

187 Конституция официально была утверждена 5 декабря 1936 г. VIII

чрезвычайным съездом Советов СССР.

188 Имеется в виду "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)".

189 Имеется в виду В.М.Смирнов.

190 Речь идет о забастовке во Франции, завершившейся подписанием Матиньонского соглашения, и аналогичных событиях в Бельгии.

191 Ракамон Жюль (1895-1966) - французский профсоюзный деятель, секретарь Унитарной всеобщей конфедерации труда в 1923-1935 гг., секретарь объединенной Всеобщей конфедерации труда в 1935-1953 гг.

192 После VII конгресса Коминтерна народные фронты были созданы в ряде стран. В Испании, Франции и Чили были образованы правительства народного фронта. В основном народные фронты прекратили существование в 1938 г., когда по команде из Москвы коммунисты возобновили атаки на социал-демократов как главного своего врага.

193 Асанья Мануэль (1880-1940) - испанский государственный деятель, в 1931-1933 гг. и 1936 г. глава правительства. В 1936 г. был избран президентом и оставался им до окончания гражданской войны в 1939 г. Затем находился в эмиграции.

194 Хиль Роблес Хосе Мария (1898-1980) - испанский политический деятель, в 30-е годы возглавлял Испанскую конфедерацию автономных правых (СЕДА). В 1935-1936 гг. министр. В начале гражданской войны поддерживал франкистов, но вскоре перешел в оппозицию и эмигрировал. Возвратился в Испанию в 1953 г. Выступал за восстановление монархии.

195 Фашистская Италия совершила нападение на независимую африканскую страну Эфиопию (Абиссинию) 3 октября 1935 г. Несмотря на крайнюю слабость эфиопской армии, военные действия продолжались до мая 1936 г. 9 мая 1936 г. король Италии Виктор-Иммануил издал декрет о присоединении Эфиопии к Италии. Лига Наций осудила агрессию, объявила о введении экономических санкций против Италии, но последовательно их не проводила. Великобритания и Франция в декабре 1935 г. заключили соглашение, объективно способствовавшее аннексии Эфиопии Италией.

196 Народный фронт в Испании был образован в январе 1936 г. Вошли Социалистическая партия, компартия, социалистический и коммунистический союзы молодежи, Республиканская Левая, Республиканский союз, Католическая Левая, ПОУМ, Федерация анархистов, другие мелкие партии, профсоюзное объединение Всеобщий союз трудящихся. На выборах в кортесы (парламент) 16 февраля 1936 г. народный фронт добился победы. Он получил 268 мест против 205 мест правых и центристских партий. Было образовано правительство народного фронта в составе Республиканской Лево́й и Республиканского союза под председательством Мануэля Асанья.

197 Речь идет о мятеже генерала Франсиско Франко, организовавшего вооруженное выступление против правительства народного фронта. Мятеж начался 17 июля 1936 г. в Марокко и вслед за этим охватил Галисию, Наварру, часть Каталонии и Андалузии. Центральная часть страны осталась под властью правительства народного фронта. Мятеж генерала Франко был началом

гражданской войны, продолжавшейся до 1939 г. В 1939 г. в стране была установлена диктатура Франко.

198 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 364.

199 Имеется в виду Л.Д.Троцкий. Речь идет о создании комитета или комитетов защиты политических заключенных в СССР с участием российских меньшевиков-эмигрантов, против чего Троцкий резко возражал.

200 После судебного процесса над Зиновьевым, Каменевым и другими в августе 1936 г. по требованию правительства СССР министерство юстиции Норвегии отдало распоряжение о помещении Троцкого, его жены и сотрудников под арест, который продолжался вплоть до выезда Троцкого в Мексику в конце 1936 г. Фактически политические контакты Троцкого в эти месяцы были прерваны.

201 Подтверждение получения письма Цилиги в "Бюллетене оппозиции" помещено не было.

202 В марте 1935 г. Гитлер в нарушение Версальского мирного договора объявил о введении всеобщей воинской повинности, создании постоянного вермахта и признал существование германских военно-воздушных сил, также запрещенных договором. В мае 1935 г. было заключено соглашение между Великобританией и Германией, которое дало право Германии иметь крупные военные корабли. В марте 1936 г. германские вооруженные силы оккупировали демилитаризованную Рейнскую область.

203 Сикофантская компиляция - донос, клевета, шантаж. Слово сикофант происходит от греческих слов, охрачающих "фига" ("смоква") и "доношу". По-видимому, так назывались лица, доносившие о запрещенном вывозе смоквы из Аттики. Вскоре так стали называть профессиональных доносчиков.

204 Вопросы были поставлены журналистом Чарлзом Маламутом.

205 Блюменфельд Иосиф Соломонович (1865 - ?) - социал-демократ, сотрудник группы "Освобождение труда", а затем "Искры". По профессии наборщик. В "Искре" заведовал типографией и транспортом. В 1903 г. примкнул к меньшевикам. Работал в социал-демократических организациях в России и за границей. В 1917 г. участвовал в организации меньшевистского издательства "Рабочая печать". После 1917 г. отошел от политической деятельности.

206 Заграничная лига русских социал-демократов действовала с центром в Женеве в 1901-1905 гг. Она объединяла заграничные отделы печатных органов социал-демократов - "Искры", "Зари" и "Социал-демократа". II съезд РСДРП (1903) объявил Лигу единственным представителем партии за границей. После съезда в Лиге преобладали меньшевики.

207 Крохмаль В.Н. - меньшевик. В 1917 г. революционный оборонец. С марта 1917 г. член Организационного комитета меньшевистской партии. С августа 1917 г. кандидат в члены ЦК РСДРП (объединенной). Член Исполкома Петроградского Совета.

208 Гурский Марьян Григорьевич (1874 - ?) - социал-демократ, с 1903 г. меньшевик. Был членом Заграничной лиги русских социал-демократов.

209 Землячка (настоящая фамилия Залкинд) Розалия Самойловна (1876-1947) - советский партийный и государственный деятель. Социал-демократка с 1896 г. Во время гражданской войны была на политической работе в Красной Армии. Отличалась крайней жестокостью. По ее распоряжениям (совместно с ее любовником венгром Белой Куном) были казнены сотни российских офицеров, сдавшихся Красной Армии в Крыму в 1920 г. под обещание помилования. В 1926-1933 гг. работала в наркомате рабоче-крестьянской инспекции. В 1939-1947 гг. являлась заместителем председателя Совнаркома СССР.

210 Осенью 1900 г. Л.Д.Троцкий, арестованный в 1898 г., был сослан в Восточную Сибирь. Вначале он находился в поселке Усть-Кут, но вскоре был переведен в поселок Верхоленск Иркутской губернии - известное место уголовной и политической ссылки, где отбывали наказание декабристы, народники, социал-демократы. В 1902 г. Троцкий бежал из ссылки и вскоре после этого эмигрировал.

211 Берлин Александр - киевский студент, муж Р.С.Землячки. Был арестован и сослан в Верхоленск. Покончил самоубийством в ссылке.

212 Соломон Георгий Александрович (настоящая фамилия Исецкий) (1868 - ?) - участник российского революционного движения. Социал-демократ. После Октябрьского переворота 1917 г. был на советской службе. В 1918-1919 гг. секретарь полпредства РСФСР в Германии. С 1920 г. работал в наркомате внешней торговли. В 1921-1923 гг. директор советской торговой фирмы в Великобритании "Аркос". В августе 1923 г. стал невозвращенцем. В 1930 г. выпустил в Париже книгу "Среди красный вождей", а в 1931 г. там же брошюру "Ленин и его семья. (Ульяновы)". Далее следы теряются.

213 Имеется в виду американец (а не англичанин, как полагают многие авторы) Фелс Джозеф (1854-1914), предоставивший деньги на возвращение в Россию делегатов V съезда РСДРП в 1907 г.

214 Военно-промышленные комитеты - общественные организации, созданные в 1915 г. по инициативе промышленников для мобилизации промышленности на военные нужды. При комитетах были созданы рабочие группы. Председателем Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде был А.И.Гучков. В значительной мере благодаря военно-промышленным комитетам было налажено массовое производство вооружения и боеприпасов. Комитеты фактически прекратили существование после Февральской революции 1917 г. и были официально ликвидированы большевиками в 1918 г.

215 Ольминский (псевдоним Александров) Михаил Степанович (1863-1933) - участник российского революционного движения, публицист. Социал-демократ с 1898 г. (до этого был народником). С 1918 г. член редколлегии газеты "Правда". В 1920-1924 гг. руководитель Истпарта. Был председателем Общества старых большевиков. Автор ряда книг по истории революционного движения в России.

216 "El Tiempo" ("Темп") - мексиканская газета. Выходила с 1834 г.

217 Речь идет о судебном фарсе - процессе над 16 лицами (Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Мрачковский, Тер-Ваганян, И.Н.Смирнов и др.),

происходившем в Москве 19-24 августа 1936 г. На суде все обвиняемые "чистосердечно признались" в совершенно фантастических преступлениях, якобы совершенных ими, сохраняя, видимо, зыбкую надежду на то, что их оставят в живых ценой политического самоубийства. Надежда осталась тщетной. Все подсудимые были приговорены к смертной казни и расстреляны.

218 Имеется в виду книга: Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris, 1937.

219 Дело Дрейфуса - дело по ложному обвинению офицера французского Генерального штаба А.Дрейфуса в шпионаже в пользу Германии, сфабрикованном в 1894 г. Дрейфус был приговорен к пожизненной каторге. Обвинение носило антисемитский характер. Под давлением общественного мнения Дрейфус был в 1899 г. помилован и в 1906 г. реабилитирован.

220 См.: Бюллетень оппозиции. - 1929. - No 1-2. - С. 2.

221 Первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) С.М.Киров был убит в коридоре Смольного (здание горкома или обкома партии) или, по некоторым данным, в собственном кабинете 1 декабря 1934 г. Л.В.Николаевым. Некоторые факты свидетельствуют, что убийство было организовано спецслужбами, по всей видимости, по личному приказу или намеку Сталина, хотя неопровержимые доказательства этого не обнаружены. В книге: А.Кирилина. Неизвестный Киров: Мифы и реальность. - Спб., М., 2001 - приводятся данные с помощью которых автор пытается поставить под сомнение версию о наличии заговора с целью убийства Кирова. Некоторые из приводимых ею материалов заслуживают внимания, однако рассуждения автора не убедительны.

222 Sedov L. Livre rouge sur le procs de Moscou: Documents recuilles et rdigs par L.Sedov. - Paris, [1937].

223 Serge V. 16 fusills ou va la Rvolution: Zinoviev, Kamenev, Smirnov. - Paris, [1937].

224 Shachtman M. The Moscow Trial - the Contest Frame-Up in History. - New York, 1937.

225 Речь идет о судебном фарсе по делу так называемого "параллельного троцкистского центра" 23-30 января 1937 г. Основными подсудимыми являлись Г.Л.Пятаков, К.Б.Радек, Н.Я.Сокольников, Н.И.Муралов. Большинство подсудимых были приговорены к смертной казни и сразу после суда расстреляны. Радек и Сокольников были приговорены к тюремному заключению, но убиты через некоторое время (к заключению были приговорены также В.В.Арнольд и М.С.Стороилов). В этом и в ряде других мест текста Троцкий употребляет устаревший термин ГПУ. На самом деле, ОГПУ было ликвидировано в 1934 г. Тогда же был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), который и стал основным орудием картательной политики большевистской власти и лично Сталина.

226 Сокольников (настоящая фамилия Бриллиант) Григорий Яковлевич (1889-1939) - советский государственный деятель. В 1918 г. глава советской делегации на переговорах с Германией. Подписал Брестский мир. С 1920 г.

председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР. В 1922-1926 гг. нарком финансов. Арестован во время "большого террора". На процессе в январе 1937 г. приговорен к заключению. Убит в тюрьме.

227 Серебряков Леонид Петрович (1890-1937) - деятель революционного движения России. В 1919-1920 гг. секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. комиссар Главного управления путей сообщения. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем сослан. В 1930 г. после разрыва с оппозицией восстановлен в партии. С 1931 г. начальник Центрального управления шоссейных дорог и автотранспорта. В 1936 г. вновь исключен из партии и арестован. На процессе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

228 Заявляя, что его письмо правительству Норвегии от 15 ноября 1936 г. было конфисковано, то есть изъято этим же правительством (это является очевидной нелепостью), Троцкий, видимо, имеет в виду, что власти изъяли черновик письма и запретили его публикацию. Действительно, в архиве Троцкого этого документа нет. 18 ноября Троцкому было передано официальное заявление министерства юстиции Норвегии, запрещавшее ему принимать участие в каких бы то ни было международных печатных изданиях, а также поддерживать связь с адвокатами за рубежом. 10 ноября Троцкий сообщил сыну, что министерство юстиции конфискует все его письма, касающиеся личной защиты в связи с обвинениями на московских процессах (Hoover Institution. Secretariat International of Communists-Leninists Collection).

229 В начале ноября 1936 г. Л.Л.Седов передал на хранение в Парижский филиал Международного института социальной истории (Амстердам) часть архива Л.Д.Троцкого, за что получил 15 тыс. франков (незначительную по тому времени сумму). Архивные документы принял руководитель филиала известный историк Б.И.Николаевский. Но основная часть архива, находившаяся в Париже, была передана на хранение на квартиру сотрудника Л.Л.Седова М.Зборовского (оказавшегося агентом советских спецслужб). В ночь на 7 ноября произошло ограбление филиала, часть бумаг Троцкого была похищена. Ограбление было организовано советской агентурой, безусловно, по "наводке" Зборовского, но, по-видимому, без его личного участия. Ценных документов среди захваченных материалов не было. Можно предположить, что ограбление было инсценировано, чтобы повысить доверие Седова к Зборовскому, который исправно передавал в Москву копии находившихся у него документов.

230 Политические заключенные в советских тюрьмах, согласно многочисленным свидетельствам, подвергались не "полуфизическим пыткам", а жесточайшим избиениям и другим физическим мукам, то есть пыткам в полном смысле слова, причем по личным приказам Сталина.

231 Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris, 1937.

232 D.F. (Distrito Federal - исп.) - Федеральный округ.

233 "El Nacional" - мексиканская газета. Выходила в Мехико.

234 "Государство - это я!" - высказывание, приписываемое французскому королю Людовику XIV Бурбону (1638-1712, король с 1643). Смысл высказывания:

то, что хорошо и полезно для властителя, хорошо и полезно для страны.

235 Троцкий ошибся. Речь идет о 1922 г.

236 Богуславский Михаил Соломонович (1886-1937) - участник революционного движения в России, член еврейских социалистических организаций с 1905 г., большевик к 1917 г. После Октябрьского переворота 1917 г. занимал различные посты в государственных и партийных органах Украины. С 1924 г. председатель Малого Совнаркома СССР. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из ВКП(б) и затем отправлен в Новосибирск, где работал в советских органах. В 1930 г. после покаяния восстановлен в ВКП(б). Был начальником строительства завода горного оборудования в Новосибирске. В 1936 г. арестован, на судебном фарсе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

237 Дробнис Яков Наумович (1890-1937) - участник революционного движения в России, социал-демократ с 1906 г. Один из основателей КП(б) Украины. С 1923 г. член административно-финансовой комиссии при Совнарком Украины. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. Исключен из партии в декабре 1927 г. и затем сослан. В 1930 г. после покаяния восстановлен в партии. Работал в наркомате путей сообщения СССР. Арестован в 1936 г., на судебном фарсе в январе 1937 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

238 Имеются данные о том, что в первой половине 1936 г. один из ближайших приспешников Сталина В.М.Молотов находился в опале вождя. Когда Сталину предоставили список лиц, которых, якобы, собирались убить заговорщики (в списке были фамилии Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и др.), Сталин, по сведениям А.Орлова, высокопоставленного сотрудника НКВД, бежавшего в США, собственной рукой вычеркнул фамилию Молотова. Однако вскоре гнев, вызванный, очевидно, тем, что Молотов как глава правительства недостаточно рьяно участвовал в организации "большого террора", сменился милостью. На суде над Зиновьевым, Каменевым и другими в августе 1936 г. был объявлено, что Молотов также был намечен заговорщиками в жертвы, и даже в 1934 г. была предпринята попытка покушения на его жизнь в г. Прокопьевске (Кузбасс), где с этой целью была, якобы, организована автомобильная катастрофа. На самом деле его автомобиль всего лишь сошел с дороги и правые колеса наклонились в сторону канавы (ни один из пассажиров не пострадал).

239 Медведь Филипп Демьянович (1890-1937) - сотрудник советских спецслужб. В первой половине 30-х годов начальник Ленинградского областного управления ОГПУ (затем НКВД). Был обвинен в пренебрежении служебными обязанностями, что привело к убийству С.М.Кирова. Медведь был снят с должности и отправлен в концлагерь. Тем не менее там его сделали начальником Южного горно-промышленного управления Дальстроя. В 1937 г. расстрелян.

240 Ромм Владимир (1896-1936) - корреспондент газеты "Известия" в Женеве (1930-1933), а затем в Вашингтоне. Был арестован в 1936 г., когда он находился в СССР, и обвинен в том, что являлся, якобы, связным "антисоветских групп" с Троцким. Расстрелян без суда.

241 Когда была разоблачена версия о том, что подсудимый на процессе

1936 г. Е.С.Гольцман встречался с Л.Л.Седовым в Копенгагене в отеле "Бристоль" (этот отель, как оказалось, был демонтирован еще в 1917 г.), была изобретена другая версия, согласно которой встреча состоялась, якобы, не в отеле, а в кафе "Бристоль" в другом районе города.

242 Борджа (Борджиа) - знатный род, игравший значительную роль в Италии в XV - начале XVI в. Цезарь (Чезаре) Борджиа (1475-1507) был кардиналом католической церкви, ушел в отставку после убийства его брата (в этом убийстве он, по-видимому, непосредственно участвовал). Являлся затем герцогом в г.Урбино и в других городах, стал известен хладнокровными убийствами своих врагов. Отличался злобностью, решительностью и дальновидностью. Считается, что по его образу Н.Макиавелли создал свое произведение "Государь".

243 Троцкий называл "амальгамой" на судебных процессах периода "большого террора" широко применявшуюся НКВД практику, когда рядом с подсудимыми, занимавшими в прошлом высокие партийные и государственные посты, рассаживали различных второстепенных лиц, в частности откровенных провокаторов и уголовников, пытаясь представить дело таким образом, что они составляли с главными подсудимыми единую группу. Еще одним направлением "амальгамы" были попытки связать воедино различные политические тенденции - монархизм, "фашизм", меньшевизм, правый социал-демократизм, различные бывшие группировки в компартии и т. д.

244 Так в тексте.

245 Троцкий неточен. В "Бюллетене оппозиции", который начал выходить в июле 1929 г., нет ни одного материала от 4 марта того же года.

246 Кнутсен Конрад (1883-1969) - деятель Норвежской рабочей партии, редактор ее газеты. В доме Кнутсена Троцкий проживал в Норвегии до ареста и помещения под домашнее заключение.

247 19-22 ноября 1936 г. в Новосибирске был проведен судебный процесс в военной коллегии Верховного суда СССР по делу о саботаже на шахтах и заводах Новосибирска и Кемерово. Обвиняемые "признавались" в преступных связях с видными бывшими оппозиционерами, в частности с Н.И.Мураловым и Г.Л.Пятаковым. Среди обвиняемых находился германский инженер Стиклинг, с помощью которого спецслужбы пытались обосновать связь "троцкистов" с германскими нацистами и свой замысел представить Троцкого в качестве агента гестапо.

248 Мины - шахты (от термина на английском и французском языках mine).

249 Стахановская система (стахановское движение) - организованное в пропагандистских целях движение специально подобранных местными коммунистическими организациями рабочих за повышение производительности труда и лучшее использование техники. Получило название по фамилии Стаханова Алексея Григорьевича (1905-1977) - забойщика в г. Кадиевка (Донбасс). В августе 1935 г. он установил рекорд по добыче угля, перевыполнив норму во много раз. Для "стахановцев" создавались особые условия труда, заранее обеспечивавшие их успех. В среднем же к повышению производительности труда

движение не привело, вызвав лишь плохо скрываемое раздражение рабочих по адресу "стахановцев".

250 Шестов Алексей Александрович (1896-1937) - агент НКВД в Западной Сибири. Работал в Кузбассе управляющим цинковым рудником. Был обвиняемым на январском судебном фарсе 1937 г. Расстрелян.

251 Записку Ленина Мдивани, Махарадзе и другим грузинским коммунистам см.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 54. - С. 330. Записка связана с тем, что Г.К.Орджоникидзе ударил одного из грузинских деятелей, назвавшего его "ишаком Сталина", а комиссия, рассматривавшая это дело, во главе с Ф.Э.Дзержинским, взяла Орджоникидзе под защиту. Сталин, по мнению Ленина, нес политическую ответственность за этот инцидент. Политбюро ЦК РКП(б) 25 января 1923 г. утвердило выводы комиссии Дзержинского. Ленин запросил все эти материалы и стал на сторону грузинских коммунистов, которые "добивались справедливости". Письмо свидетельствовало о назревании серьезного конфликта между Лениным и другими членами Политбюро, который не получил развития в связи с новым инсультом, поразившим Ленина и окончательно выведшим его из сознательной деятельности.

252 Макбет (? - 1057) - полулегендарный шотландский король с 1040 г. Пришел к власти, убив короля Дункана I. Погиб в битве с сыном Дункана Малколмом. Легенда о Макбете легла в основу сюжета одноименной трагедии У.Шекспира.

253 Дюранти Уолтер (1884-1957) - американский журналист, корреспондент газеты "Нью-Йорк Таймс" в Москве в 1913-1939 гг. Постоянный житель Москвы в 1921-1934 гг. В корреспонденциях второй половины 30-х годов оправдывал "большой террор" в СССР. Корреспонденции Дюранти отличались сенсационностью, а многие из них - также циничностью и лживостью.

254 Троцкий весьма неточен. Документы свидетельствуют об активном и равноправном участии К.Б.Радека в объединенной оппозиции, в том числе в ссылке. Эта активность продолжалась вплоть до капитуляции Радека в 1929 г. Троцкий и другие ссыльные оппозиционеры вели с ним активную переписку, которая по крайней мере внешне свидетельствует о взаимном уважении и отнюдь не о "полном недоверии". Некоторые документы, связанные с оппозиционной деятельностью Радека помещены в первых томах данного издания.

255 В связи с арестом и расстрелом Блюмкина высказывалось недоказанное предположение, что он был предан Радеком. Это мнение, в частности, обосновывалось в письме "Как и за что Сталин расстрелял Блюмкина", опубликованном на подписью "Н." в "Бюллетене оппозиции". - 1930. - No 9. - С. 9-10.

256 Современные исследования не подтверждают того факта, что Радек выдал Блюмкина (см., например: Велов А.С. Вхождение в терроризм: Одиссея Блюмкина. - М., 1998).

257 Супруги Аркус Григорий и Анна были арестованы в 1936 г. по обвинению в том, что принимали в своем доме врагов народа. Г.Аркус был начальником иностранного отдела Госбанка СССР. Обвинение пыталось обосновать

его связь с Троцким. Г.Аркус был расстрелян без суда. А.Аркус была отправлена в концлагерь на пять лет.

258 Гавен Юрий (Георгий) Петрович (настоящие имя, фамилия и отчество Дауман Ян Эрнестович) (1884-1936) - советский государственный деятель, социал-демократ с 1902 г. В 1921-1924 гг. был председателем ЦИК Крымской АССР. С 1924 г. работал в Госплане. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

259 Карев Г.А. - советский историк. Работал в Ленинграде. Арестован в 1936 г. Упомянут на судебном фарсе по делу Зиновьева, Каменева и других как один из организаторов убийства Кирова. Расстрелян без суда.

260 Ку克林 Александр Сергеевич (1876-1936) - участник российского революционного движения, социал-демократ с 1903 г. После Октябрьского переворота 1917 г. большевик. Был членом Петроградского (Ленинградского) обкома партии. Участник "новой оппозиции" 1925 г. и объединенной оппозиции 1926-1927 гг. Был исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. и сослан. Восстановлен в партии после покаяния. Работал в Москве. Вновь исключен из партии в декабре 1934 г. и арестован. В 1935 г. приговорен к тюремному заключению. Расстрелян без суда.

261 Медведев С.П. (1885-1937) - участник российского революционного движения. В первые годы после Октябрьского переворота председатель профсоюза металлистов, участник рабочей оппозиции. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

262 Путна Витовт Казимирович (1893-1937) - советский военный деятель, комкор (1935). Во время гражданской войны комиссар, а затем начальник артиллерийской дивизии. После войны был военным атташе в ряде стран. Расстрелян в 1937 г. вместе с Тухачевским и другими военными деятелями.

263 Федотов Иван Кузьмич (1900-1936) - директор Горьковского педагогического института. Арестован в начале 1936 г. Рассматривался как важный свидетель обвинения на предстоявшем суде над Зиновьевым, Каменевым и другими лицами. Был вынужден признаться в своем участии в "заговоре", но на суде не появился. Скорее всего от своих показаний отказался. Был расстрелян без суда.

264 Шаров Ю.В. - обвиняемый на процессе Зиновьева, Каменева и других в январе 1935 г. Приговорен к заключению.

265 Гаевский - участник гражданской войны. После войны занимал партийные и государственные посты. Его фамилия упоминалась на судебном фарсе 1936 г. по делу Зиновьева, Каменева и других. Но ни в качестве обвиняемого, ни как свидетель на суде он не появился. Был расстрелян без суда.

266 Шацкин Лазарь Абрамович (1902-1937) - советский партийный деятель. Большевик с 1917 г. В 1919-1922 гг. первый секретарь ЦК РКСМ. Затем был на партийной работе. Был исключен из партии в 1930 г. как один из лидеров не существовавшего "право-левацкого блока". Неоднократно подвергался арестам.

Расстрелян без суда.

267 Троцкий жил в Барбизоне, в 55 км от Парижа, с начала ноября 1933 г. Место его пребывания было известно властям, но общественности не сообщалось. В середине апреля 1934 г. в результате недоразумения место нахождения Троцкого стало широко известно. Он был вынужден уехать из Барбизона и с этого времени до выезда в Норвегию часто менял место жительства.

268 Бедекер Карл (1801-1859) - германский издатель. В 1827 г. основал издание путеводителей по разным странам. Фирма, носившая его имя, по настоящее время продолжает выпускать серию путеводителей "Бедекер".

269 Навишин Дмитрий (? - 1937) - французский экономист русского происхождения. Был консультантом крупных корпораций и директором Банка Северной Европы. Убит в Париже, предположительно, агентами НКВД.

270 Напомним, что младший сын Троцкого С.Л.Седов в политической деятельности не участвовал. Арестован в 1935 г. Находился в концлагере, затем в ссылке. В 1937 г. вновь арестован. Расстрелян без суда.

271 Речь идет о следующем документе.

272 Приписка, сделанная от руки.

273 "Aftenposten" - норвежская газета консервативного направления. Выходит с 1860 г. по настоящее время. 25 января 1937 г. эта газета опубликовала сообщение, что в декабре 1935 г. ни один гражданский самолет не совершал посадки на аэродроме Келлер, куда, якобы, прилетел Пятаков в середине декабря 1935 г. для встречи с Троцким.

274 Притт Дэнис Ноуэл (1887-1972) - английский юрист, член Лейбористской партии. Депутат Палаты депутатов. В 1933-1969 гг. председатель Британского общества культурных связей с СССР. Являлся послушным апологетом политического курса Сталина во всех его поворотах, а затем исполнителем воли преемников Сталина. Был председателем просоветской Международной ассоциации юристов-демократов. Полностью поддержал советские власти во время "большого террора" и вторжения советских войск в Финляндию в 1939 г.

275 Розенмарк Герман Раймон (1885-1950) - французский юрист, адвокат. Сочувствовал коммунистам. Был деятелем французской Лиги прав человека, через которую организовал кампанию в поддержку обвинений, выдвинутых на московских судебных фарсах 1936-1938 гг.

276 Чтобы убедиться в вопиющем противоречии между "признаниями" и явлениями внешнего мира, необходимо прочитать по крайней мере одну из следующих книжек: Л.Седов [...], Макс Шахтман [...] - Примеч автора. Названия книг пропущены.

277 См. об этом мою книгу "Преданная революция", написанную до процесса 16-ти. - Примеч. автора.

278 Николаев Леонид Васильевич (1904-1934) - низовой партийный работник в Ленинграде. Был, по-видимому, убийцей С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. Был обвинен в связях с Зиновьевым и Каменевым и расстрелян. Существует версия, что Николаев убил Кирова из ревности как любовника своей жены М.Драуле, причем совершил убийство во время полового акта Кирова со своей супругой.

279 За пять дней до суда над Зиновьевым, Каменевым и др., 1 августа 1936 г. было принято постановление ЦИК СССР о введении открытого судопроизводства с участием адвокатов, о предоставлении приговоренным права подавать апелляции о помиловании в течение 72 часов после вынесения приговора. По-видимому, Зиновьеву, Каменеву и другим арестованным было обещано сохранить жизнь в награду за "чистосердечные признания", и они поддались на этот обман. Однако все подсудимые на судебном фарсе в августе 1936 г. были расстреляны сразу же после вынесения приговора, не дожидаясь 72-часового срока. Прощения о помиловании у них приняты не были.

280 Статьи Радека, Пятакова и других бывших оппозиционеров в "Правде" с требованиями казни Зиновьева, Каменева и других появились 21, 24 и 26 августа 1936 г. Аналогичный характер носила и статья генерального секретаря Коминтерна Г.Димитрова "Защищать подлых террористов - значит помогать фашизму".

281 Речь идет о Каменево (девичья фамилия Бронштейн) Ольге Давидовне (1880-1941) - первой жене Л.Д.Каменева, сестре Л.Д.Троцкого. В первой половине 20-х годов Каменево работала в Наркомате просвещения РСФСР, а затем являлась председателем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В конце 20-х годов была отстранена от работы. Подвергалась арестам. Вновь была арестована в 1937 г. Расстреляна в Орловской тюрьме в сентябре 1941 г.

282 В ночь на 5 августа 1935 г. группа норвежских правых экстремистов в отсутствие Троцкого совершила нападение на его квартиру в доме Кнутсена. По их последующим заявлениям, цель налета состояла в том, чтобы получить доказательства нарушения Троцким условий его пребывания в Норвегии. 11 декабря 1936 г. суд рассмотрел дело по поводу этого вторжения. По требованию министерства юстиции, процесс происходил при закрытых дверях. В течение нескольких часов Троцкий давал показания, используя суд для разоблачения выдвинутых против него и других коммунистических деятелей обвинений на судебном процессе в Москве в 1936 г. По существу дела, суд оправдал правых экстремистов, приговорив их к незначительным наказаниям.

283 См.: Writings of Leon Trotsky (1935-36). - New York, 1977. - P. 443. Письмо было подписано Michael Puntervold. 31 марта 1938 г. Троцкий направил второе письмо в Лигу Наций по тому же вопросу, на этот раз раскрыв псевдоним своего первого письма (Writings of Leon Trotsky /1935-38/. - New York, 1976. - P. 311-313).

284 Вышинский Андрей Януариевич (1883-1954) - советский государственный деятель. В 1903-1920 гг. меньшевик, затем большевик. В 1933-1939 гг. заместитель генерального прокурора, а затем генеральный прокурор СССР. В

1940-1953 гг. занимал посты заместителя наркома (министра) иностранных дел, а затем министра иностранных дел. В 1953-1954 гг. постоянный представитель СССР в Организации Объединенных Наций. Вышинский стяжал известность своей ролью обвинителя-палача на московских судебных фарсах 1936-1938 гг. и "теоретическими" выкладками по поводу признаний обвиняемых как "царицы доказательств" и роли принуждения в правосудии. За эти "заслуги" он был удостоен в 1939 г. звания академика.

285 В этот же день, 29 января 1937 г., Троцкий узнал о приговоре в Москве и написал заметку, публикуемую ниже.

286 На судебном фарсе в январе 1937 г. Радек, Сокольников и еще двое второстепенных подсудимых были приговорены не к расстрелу, а к длительному тюремному заключению. Все они были позже убиты без суда.

287 Ульрих Василий Васильевич (1889-1951) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1910 г. В 1918 г. был начальником финансового отдела наркомата внутренних дел РСФСР. С 1919 г. председатель главного военного трибунала внутренних войск. В 1921-1952 гг. председатель военной коллегии Верховного суда РСФСР (СССР). Председательствовал на всех крупных провокационных "открытых" судебных процессах второй половины 30-х годов, полностью пренебрегая логикой и правосудием. Имел звание генерал-полковника. С 1951 г. профессор военно-юридической академии.

288 Записанная 30 января 1937 г. речь Л.Д.Троцкого для киножурнала по существу дела была началом подготовки к работе комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого, Седова и других лиц на московских судебных процессах 1936-1938 гг.

289 Карденас Ласаро (1895-1970) - мексиканский военный и государственный деятель. Участник революции 1910-1917 гг. Занимал различные министерские посты. В 1934-1940 гг. президент Мексики.

290 См. выше, с. 331-334.

291 Имеется в виду состоявшийся в марте 1931 г. судебный процесс над членами не существовавшего Союзного бюро ЦК РСДРП, члены которого (14 человек, в том числе находившиеся перед этим на ответственной советской службе Суханов и Громан) были обвинены в шпионаже и вредительстве и приговорены к различным срокам заключения. Почти все они были расстреляны во время "большого террора".

292 Громан Владимир Густавович (1874-1940) - российский политический деятель, ученый, экономист, статистик. Меньшевик, член Первой Государственной Думы России. После Октябрьского переворота 1917 г. пошел на службу к большевикам. Во второй половине 20-х - начале 30-х годов был членом Президиума Государственной плановой комиссии. В 1931 г. арестован. Был одним из главных обвиняемых на судебном процессе по делу Союзного бюро РСДРП. Был приговорен к заключению. Расстрелян без суда во время "большого террора".

293 Лиги прав человека - общественные организации, проводившие расследования случаев нарушения прав человека в различных странах и регионах. Наиболее значительной была французская Лига. Ее председателем во

второй половине 30-х годов являлся Виктор Баш. В 1937 г. Лига создала комиссию для расследования московских процессов, которая отказалась заслушать показания Л.Д.Троцкого и Л.Л.Седова. Доклад комиссии содержал попытку оправдать "большой террор" в СССР.

294 Распространенные утверждения, что Каганович был шурином Сталина, что сестра или племянница Кагановича была женой или любовницей Сталина, ошибочны.

295 Королевский советник и член парламента. - Примеч. автора. М. Р. (Member of Parliament - англ.) - член парламента.

296 Pritt D.N. Moscow Trial (1936). - London, 1936. См. также: Pritt D.N. At the Moscow Trial. - New York, 1937.

297 Будин Луис (1874-1952) - в начале XX в. был социал-демократом, участвовал в Штутгартском конгрессе Второго Интернационала (1907). Встречался с Троцким в 1917 г. в Нью-Йорке.

298 Трояновский Александр Антонович (1882-1955) - участник революционного движения в России с 1904 г., меньшевик. Большевик с 1923 г. Был полпредом в Японии в 1927-1933 гг. и в США в 1933-1939 гг.

299 Володарский В. (настоящие фамилия, имя и отчество Гольдштейн Моисей Маркович) (1891-1918) - деятель российского революционного движения. Меньшевик, затем член межрайонной группы. Большевик с 1917 г. В 1918 г. комиссар по делам печати, пропаганды и агитации в Петрограде. Убит эсером.

300 Урицкий Моисей Соломонович (1873-1918) - деятель российского революционного движения. Большевик с 1917 г. С июля 1917 г. член ЦК РСДРП(б). С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК и нарком внутренних дел Северной области. Руководил развязыванием большевистского террора в Петрограде. Убит эсером Л.А.Канегиссером.

301 Покушение на Ленина произошло 30 августа 1918 г. Считалось, что в Ленина стреляла эсерка Ф.Е.Каплан (Ройтман). Покушение было использовано для ширококомаштабного развертывания "красного террора". В настоящее время опубликована обширная литература, свидетельствующая, что Каплан являлась, по-видимому, лишь подставной фигурой. В исследовании редактора-составителя данного издания выдвигается и обосновывается мнение, что покушение было результатом внутренней борьбы в большевистском руководстве, в частности конкуренции между Лениным и Свердловым (Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе: - М., 1999. - С. 176-226).

302 Ежов Николай Иванович (1895-1940) - советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1917 г. В 20-30-е годы занимал различные посты в партийном аппарате. С 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комиссии партийного контроля. В 1936-1938 гг. нарком внутренних дел СССР, генеральный комиссар государственной безопасности СССР. Смещенный с этих постов в декабре 1938 г., недолгое время был наркомом водного транспорта, а затем исчез. Ежов был одним из главных приспешников Сталина в организации "большого террора", который по его фамилии часто весьма неточно называют "ежовщиной" (термин был выгоден Сталину после перехода от "большого

террора" к "меньшему террору"). Ежов был арестован в апреле 1939 г. В феврале 1940 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни и сразу же расстрелян.

303 Титайна - французская журналистка. Ответы Троцкого были опубликованы в теоретическом органе его французских сторонников "Quatriem Internationale" (1937, март-апрель).

304 Все эти цитаты взяты из официального советского издания: "Ленин и Сталин о советской конституции". [М., 1936], стр. 146 и 147. - Примеч, автора.

305 "L'Intransigent" ("Непримиримый") - ежедневная газета. Выходила в Париже в 1880-1948 гг. Стояла на радикально-республиканских позициях.

306 "Oeuvre" ("Труд") - французская газета. Выходила в 1914-1944 гг.

307 Ромен Жюль (1885-1972) - французский писатель. Автор многотомной эпопеи "Люди доброй воли" (1932-1946), посвященной современной Франции. Придерживался консервативных взглядов.

308 Жид Андре (1869-1951) - французский писатель. Автор романов, содержащих критику социальных условий жизни людей. В середине 30-х годов считался другом СССР. После посещения СССР в 1936 г. издал книгу "Возвращение из СССР", в которой реально осветил пороки советского общества, за что коммунистическая пропаганда объявила его "антисоветчиком". Лауреат Нобелевской премии (1947).

309 См.: Trotsky L. Ou va la France? - Paris, 1936.

310 Видимо, имеется в виду книга: Trotsky L. Les ctimes de Staline. - Paris, 1937.

311 Речь была адресована митингу протеста против московских процессов, созванному в Чикаго 14 февраля 1937 г. Организаторами были американские сторонники Троцкого. Была принята резолюция с требованием создать международную комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых на московских процессах.

312 Так в тексте.

313 Публикуемый ниже материал представляет собой ответы на вопросы, заданные представителем французского агентства Гавас.

314 Ли Роберт Эдвард (1807-1870) - американский генерал. Командовал армией южан во время гражданской войны 1861-1865 гг.

315 Грант Улис Симпсон (1825-1885) - американский генерал, главнокомандующий

армией Севера во время гражданской войны 1861-1865 гг. В 1869-1877 гг. президент США от Республиканской партии.

316 Ларго Кабальеро Франциско (1869-1946) - испанский политический деятель, член Социалистической рабочей партии. В 1918-1937 гг. генеральный секретарь Всеобщего союза трудящихся. В 1932-1935 гг. председатель партии. Премьер-министр в 1936-1937 гг. После гражданской войны эмигрировал.

317 Имеется в виду книга: Trotsky L. Les crimes de Staline. - Paris, 1937. В следующие годы книга была издана на многих языках.

318 Покровский Михаил Николаевич (1868-1932) - советский историк и государственный деятель, академик (1929). Социал-демократ с 1905 г. С 1918 г. заместитель наркома просвещения РСФСР. Автор "Русской истории с древнейших времен" (5 тт.). Труды Покровского рассматривались в качестве эталона марксистско-ленинского освещения исторического процесса. Однако через три года после его смерти, в 1935 г., по команде Сталина его работы стали подвергаться грубой и оскорбительной критике, как "вульгарное извращение марксизма", причем эта атака осуществлялась в первую очередь руками историков - бывших учеников и соратников Покровского. Кампания была связана с ростом великодержавных настроений сталинской группы и ее стремлением найти исторические оправдания своего курса.

319 "The Chicago Daily News" ("Чикагские ежедневные новости") - американская газета. Выходила в 1882-1982 гг.

320 До второй мировой войны У.Дюранти написал три книги об СССР: Duranty W. Red Economics. - Boston, 1932; *ibid.* I Write as I Please. - New York, 1935; *ibid.* One Life, One Kopeck: A Novel. - New York, 1937. Какая из этих книг имеется в виду, установить невозможно.

321 Рид Джон (1887-1920) - американский журналист и политический деятель. Во время первой мировой войны военный корреспондент в Европе. Свидетель Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде. Автор книги об этом перевороте "Десять дней, которые потрясли мир" (1919). Один из организаторов компартии США в 1919 г.

322 Ривера Диего (1886-1957) - мексиканский живописец и общественный деятель. Был членом компартии с 1922 г. В середине 20-х годов порвал с коммунистами и поддержал Троцкого, но в 40-е годы вновь возвратился к коммунистам. Автор циклов росписей в общественных зданиях Мехико и других городов.

323 Брантинг Георг (1887-1965) - шведский адвокат, сын видного политического деятеля, лидера Социал-демократической партии Карла Яльмара Брантинга. Был апологетом судебных фарсов в Москве в 1936-1938 гг.

324 Томас Норман - деятель Социалистической партии США. Выступал с резкой критикой Троцкого.

325 Габсбургская монархия - Австрийская (Австро-венгерская) империя, которой правила династия Габсбургов (с 1282 г. герцоги, с 1453 г. эрцгерцоги, с 1804 г. императоры).

326 В тексте пропуск или, возможно, описка. В последнем случае вместо "глубинную" следует читать "глубину".

327 Статья написана в ответ на письмо А. Мальро в связи с заявлением

Л.Д.Троцкого от 8 марта 1937 г. Письмо было опубликовано 13 марта 1937 г. в газете "The New York Times".

328 Имеется в виду статья Л.Д.Троцкого "Задушенная революция (о романе А.Мальро "Завоеватели)", опубликованная в качестве приложения в книге Троцкого "Перманентная революция" на французском языке (1932).

329 Гертик Артем Моисеевич (1879-1936) - социал-демократ с 1902 г. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1929 г. восстановлен. Работал в Объединенном научно-техническом издательстве. На судебном процессе по делу об убийстве Кирова в январе 1935 г. приговорен к десяти годам заключения. Расстрелян во время "большого террора".

330 Мюзам Эрх (1878-1934) - немецкий писатель. Автор бунтарских сатирических пьес и стихотворений, посвященных выступлениям рабочих. После прихода к власти нацистов был отправлен в концентрационный лагерь, где скончался.

331 Уокер Чарлз (1893-1974) - американский социолог, профессор Йельского университета. Один из редакторов журнала "Atlantic Monthly". Автор книги: Walker Ch. R. American City. - New York, 1936.

332 "Форвард-Форвертс" - ньюйоркская газета на языке идиш и русском языке. Выходит с 1897 г. по настоящее время. До второй мировой войны носила социалистический характер.

333 Относительное и абсолютное обнищание рабочих - концепция Маркса (по его мнению, объективный закон), согласно которой в капиталистическом обществе постоянно происходит ухудшение экономического положения рабочих (абсолютное обнищание) и уменьшается доля рабочих в национальном доходе (относительное обнищание). Ошибочность концепции абсолютного обнищания стала очевидной уже в конце XIX - начале XX века, что констатировал один из ведущих марксистов Э.Бернштейн. После второй мировой войны стало ясным, что и относительное обнищание прекратилось, в частности в связи с тем, что значительная часть рабочего класса слилась со средними слоями населения.

334 Тотчас же после прибытия в Мексику в январе 1937 г. Троцкий потребовал создания международной комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых против него, его сына Л.Л.Седова и других деятелей на московских судебных фарсах. Соответствующая комиссия действительно вскоре была сформирована в составе известного философа и педагога Джона Дьюи (США, председатель), германского социал-демократа и биографа К.Маркса Отто Рюле, американских журналистов Бенджамина Столберга и Сьюзен Ла Фоллет, специалиста по Латинской Америке Карлтона Билса (США), бывшего члена Исполкома Коминтерна Альфреда Росмера, бывшего члена германского рейхстага коммуниста Венделина Томаса, профессора социологии университета штата Висконсин (США) Эдварда Росса, американского литературного критика Джона Чемберлена, латиноамериканского анархистского деятеля Карло Треска, мексиканского журналиста Франсиско Замора.

335 Дьюи Джон (1859-1952) - американский философ и педагог, один из

ведущих представителей философии прагматизма, профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк). Создатель так называемой педоцентрической теории обучения. Возглавлял международную комиссию по расследованию обвинений, выдвинутых на московских судебных фарсах 1936-1937 гг.

336 Голдман Алберт (1897-1960) - чикагский адвокат, коммунист. В начале 30-х годов порвал с компартией и поддержал Троцкого. В 1934 г. вступил в Социалистическую партию США.

337 Новак Джордж (1905- ?) - участник социалистического движения в США. С 1933 г. поддерживал Троцкого. Секретарь американского комитета защиты Троцкого в 1936-1938 гг.

338 Винвелд (в некоторых источниках Виндфельд) Гансен - датский инженер. Несколько раз посещал СССР и краткое время работал в советский химической промышленности. Был обвинен в саботаже. Ему удалось покинуть СССР и он дал показания комиссии Д.Дьюи.

339 Взрыв в шахте "Центральная" в г. Кемерово произошел 23 сентября 1936 г. Директор шахты Носков и несколько других работников, а вслед за ними управляющий Кемеровским строительным трестом Б.О.Норкин были арестованы. По указанию свыше местные деятели НКВД сфабриковали версию о "троцкистском гнезде" в Западной Сибири, связанном с заместителем наркома тяжелой промышленности Г.Л.Пятаковым. Последовал суд в Новосибирске, а затем обвинения, связанные с Западной Сибирью, фигурировали на судебном фарсе в Москве в январе 1937 г., одним из главных обвиняемых на котором был Пятаков.

340 См.: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. - М., 1937.

341 Граше (в некоторых документах Храше) Иван Иосифович (1890-1937) - обвиняемый на суде в Новосибирске в ноябре 1936 г. по сфабрикованному делу о саботаже на промышленных предприятиях Западной Сибири. Австриец по происхождению, Граше в середине 30-х годов был сотрудником иностранного отдела главного управления химической промышленности наркомата тяжелой промышленности СССР. Являлся тайным агентом НКВД. Граше сообщил суду, что он был, якобы, связным между группой, руководившей саботажем, и японскими спецслужбами. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

342 Ванслер Джозеф (1902-1956) - участник движения сторонников Троцкого в США с 1933 г. Член ЦК Социалистической рабочей партии с 1939 г. Под именем Джон Райт переводил работы Троцкого на английский язык. Автор ряда работ о положении в СССР. Письмо Троцкого Ванслеру от 29 апреля 1937 г. с просьбой о помощи Китаину см.: НУ.НЛ. bMS Russ 13, EP 10901.

343 Революционная социалистическая молодежь Франции - организация, находившаяся под влиянием сторонников Троцкого. Летом 1937 г. в организации произошел раскол и она потеряла влияние.

344 Троцкий ошибся. Ни Р.Роллан, ни А.Мальро никогда не были членами компартии.

345 Дюкло Жак (1896-1975) - деятель французского коммунистического движения с 1920 г. В 1935-1943 гг. член Исполкома Коминтерна. Автор

апологетических книг по истории рабочего и коммунистического движения.

346 "New Masses" ("Новые массы") - американский ежемесячный левый журнал. Находился под влиянием компартии. Выходил в 1926-1948 гг.

347 "New Republic" ("Новая республика") - американский еженедельник. Находился под влиянием левосоциалистического, а затем коммунистического движения. Выходил в 1914-1969 гг.

348 Проводится аналогия с периодом в истории древних евреев (586-539 гг. до н. э.), когда после взятия Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором II часть евреев была переселена в Вавилонию. Они были возвращены в Палестину после завоевания Вавилонии персидским царем Киром II.

349 Ломбардо Толедано Висенте (1894-1968) - мексиканский политический и профсоюзный деятель, президент Конфедерации трудящихся Латинской Америки (1938-1963), руководитель Социалистической народной партии Мексики, основанной им в 1948 г. Наряду с коммунистами, был активным проводником просоветского курса в Мексике и в целом в Латинской Америке.

350 Томас Венделин - один из руководителей восстания моряков в Вильгельмсгафене (Германия) в 1918 г. Затем был коммунистом. Депутат рейхстага в 1920-1929 гг. Член международной комиссии по расследованию московских процессов 1936-1937 гг. В августе 1937 г. подверг критике взгляды Троцкого, заявив об общих чертах большевизма (троцкизма) и сталинизма.

351 В начале июля 1937 г. в условиях напряжения, возникшего во взаимоотношениях между Троцким и его женой в связи с его любовной историей с Фридой Кало, супруги решили на время расстаться. 7 июля Троцкий выехал на гасиенду Ландеро вблизи Сан Мигель Регла примерно в 150 км на северо-восток от Мехико. Н.И.Седова осталась в Койоакане. 26 или 27 июля Троцкий возвратился в Койоакан. Он попросил Ф.Кало вернуть ему его письма, адресованные ей, что и было сделано. Письма, видимо, были уничтожены.

352 Дата письма установлена по почтовому штампу. Штамп почтового отделения отправителя оторван. Сохранился штамп почтового отделения в Койоакане, где письмо было получено 9 июля.

353 Кало Фрида (1900-1953) - мексиканская художница-модернистка, жена Д.Риверы. Недолгое время была любовницей Л.Д.Троцкого в начале его пребывания в Мексике, что послужило, по-видимому, одной из причин, но не главной, разрыва Риверы с Троцким.

354 Сиксто - шофер Д.Риверы.

355 Дата письма установлена по штампу на обороте конверта. Штамп отправки оторван. Штамп получения - 10 июля 1937 г.

356 Казас Жезус - лейтенант мексиканской полиции. Руководил отрядом полицейских, охранявших дом на Авенида Лондрес в Койоакане, где проживал Троцкий.

357 Дата письма установлена по штампу на обороте конверта.

358 Ландеро - хозяин гасиенды возле г. Сан Мигель Регло, где в июле

1937 г. жил Троцкий.

359 Марин - американский сторонник Троцкого, сотрудник бюллетеня "The Socialist Appeal"

360 Cinema (англ.) - кино.

361 Приписано между верхними строками основного текста.

362 По всей видимости, Троцкий имеет в виду свлю интимеую связь во время гражданской войны в России с Клер Шеридан - британским скульптором, племянницей У.Черчилля.

363 Chaise longue (фр.) - кушетка, шезлонг.

364 Домже - местечко под Парижем, куда выезжали Л.Д.Троцкий и Н.И.Седова во время пребывания во Франции в начале XX в.

365 Золингер - германский адвокат. Упоминался в т. 2 данного издания в качестве защитника интересов Троцкого во время его судебного дела против издателя Шумана. После прихода нацистов к власти Золлингер эмигрировал в Мексику, где встречался с Троцким.

366 Речь идет о Бахе Фрице (1897- ?) и его супруге. Ф.Бах - германский экономист. После прихода нацистов к власти эмигрировал в Мексику. Был профессором университета в г. Мехико и директором национального управления статистики. Поддерживал дружеские связи с Троцким.

367 Рюле Отто (1874-1943) - германский социал-демократ. Член рейхстага во время первой мировой войны. Голосовал против военных кредитов. Экономист, автор биографии К.Маркса. После установления нацистской диктатуры эмигрировал в США. Троцкий сотрудничал с ним, находясь во Франции, а затем в Мексике. Рюле был членом международной комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых на московских судебных процессах 1936-1937 гг.

368 Камион - грузовик (camion - фр.).

369 Этот абзац написан на обороте последнего листа простым карандашом почерком Н.И.Седовой.

370 Имеется в виду Д.Ривера.

371 Сокращение, как и намек в целом, не ясны.

372 Из этих слов и ряда следующих мест вытекает, что в 1937 г. Троцкий вел дневник, который до настоящего времени не обнаружен. Возможно, после гибели Л.Д.Троцкого он был уничтожен Н.И.Седовой. В пользу этого свидетельствует несколько упоминаний Троцкого в письмах Седовой, что он вел дневник только для нее.

373 Приписка Л.Д.Троцкого.

374 Главный концессионный комитет республики (Главконцеском) был образован после издания декрета Совнаркома РСФСР от 23 ноября 1920 г. о разрешении заключать концессионные договоры с целью привлечения иностранного капитала в Россию. Л.Д.Троцкий возглавлял Главконцеском после его снятия с поста наркома по военным и морским делам (снят в январе и назначен в мае 1925 г.). С поста председателя Главконцескома Троцкий был снят после его исключения из ЦК ВКП(б) в октябре 1927 г.

375 Толстая София Андреевна (девичья фамилия Берг) (1844-1919) - жена

Л.Н.Толстого, автор издания: Толстая С.А. Дневники. - М., 1928-1936. - Тт. 1-4.

376 Имеется в виду Л.Н.Толстой.

377 Имеется в виду Рут Агелофф - американская сторонница Троцкого. Она принимала техническое участие в работе комиссии Д.Дьюи. Благодаря ее косвенной непроизвольной помощи агент НКВД Р.Меркадер, вступивший в интимную связь с ее сестрой Сильвией Агелофф, смог проникнуть в дом Троцкого.

378 Возможно, речь идет о Бернхаме Джеймсе (1905-1987) - профессоре философии и руководителе секции сторонников Троцкого в Социалистической партии США (затем Социалистической рабочей партии). В 1940 г. Бернхам покинул партию, а затем перешел на консервативные позиции.

379 Уокер Чарлз (1893-1974) - американский врач и писатель.

380 Фавн - в римской мифологии бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.

381 В предыдущих письмах содержались намеки на интимные отношения Троцкого с Ф.Кало. Здесь о них, как и о том, что эти отношения прерваны, сказано более откровенно.

382 Рита Яковлевна - машинистка Троцкого в Мексике в 1937-1938 гг.

383 Предисловие было подготовлено к книге: Trotsky L. Le revolucion traicionada. -

Santjago de Chile, 1937 (Buenos Aires, 1938).

384 Якир Иона Эммануилович (1896-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны командовал дивизией и группой войск. В 1925-1937 гг. командовал войсками ряда военных округов. Арестован в 1937 г. и расстрелян вместе с группой высших военных деятелей по приговору внесудебной инстанции.

385 Уборевич Иероним Петрович (1896-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны командовал армиями. В 1922 г. военный министр Дальневосточной республики. С 1925 г. командовал войсками ряда военных округов. Арестован и расстрелян в 1937 г. в числе группы высших военных деятелей.

386 Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937) - советский военный деятель. Большевик с 1918 г. Во время гражданской войны командовал армиями на ряде фронтов, командовал Западным фронтом во время советско-польской войны 1920 г. Руководил беспощадным подавлением крестьянского восстания в Тамбовской губернии и Кронштадтского восстания военных моряков в 1921 г. В 1925-1928 гг. начальник штаба Красной Армии. С 1934 г. заместитель, а с 1936 г. первый заместитель наркома обороны. Арестован в 1937 г. и расстрелян по фальшивому обвинению в руководстве подготовкой государственного переворота.

387 Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Путна и другие высшие военные руководители были арестованы в конце мая 1937 г. по ложному обвинению в заговоре. У всех них путем жесточайших пыток были вырваны признательные показания в "совершенных преступлениях". По официальным сообщениям, их судило специальное присутствие военной коллегии Верховного

суда СССР. 11 июня 1937 г. все они были приговорены к смертной казни и расстреляны. По всей видимости, никакого суда не было вообще.

388 Выборы в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. впервые проводились на основе формально демократической, а по существу дела являвшейся демагогическим юридическим прикрытием зрелого тоталитаризма "сталинской конституции" 1936 г. "Выборы без выбора" привели к тому, что из голосовавших 96,8% избирателей 98,6% проголосовало на "блок коммунистов и беспартийных".

389 Приписка Л.Д.Троцкого.

390 По всей видимости, речь идет о фиктивной встрече между Л.Л.Седовым и Е.С.Гольцманом, подсудимым на судебном фарсе в Москве в августе 1936 г., которая, якобы, происходила в отеле "Бристоль" в Копенгагене в 1932 г. Встреча не могла состояться, так как этот отель был разрушен еще в 1917 г.

391 Волков Платон Иванович (1898-1936) - муж дочери Л.Д.Троцкого Зинаиды. Участник объединенной оппозиции 1926-1927 гг. В 1927 г. был исключен из ВКП(б) и в 1928 г. сослан. В следующие годы подвергался арестам. Был расстрелян во время "большого террора".

392 Соколовская Александра Львовна (1872-1937) - участница революционного движения в России, народница, затем социал-демократка. Первая жена Л.Д.Троцкого, мать его дочерей Нины и Зинаиды. Арестована в 1935 г. и расстреляна во время "большого террора".

393 Имеется в виду Этьен. Этьен - псевдоним Зборовского Марка (выступал также под псевдонимом Тюльпан) (1908-1990) - эмигранта из русской части Польши, проживавшего в 30-е годы во Франции. С 1934 г. Зборовский был агентом НКВД. Он был внедрен в число ближайших сотрудников Л.Л.Седова, полным доверием которого пользовался. В 1941 г. эмигрировал в США. Был разоблачен в 1955 г. сенатской подкомиссией Джозефа Маккарти и приговорен к тюремному заключению за дачу ложных показаний.

394 Паульсен Л. - псевдоним Л.Эстрин (Даллин).

395 Вайс Вольф - немецкий коммунист. Работал в СССР, был арестован, бежал из заключения и смог выехать на Запад, где он опубликован роман о своем пребывании в советских застенках под названием "Я признаюсь".

396 "Mexico Al Dia" ("Ежедневный Мехико") - мексиканская газета. Выходит с 1928 г. по настоящее время. Троцкий дал интервью корреспонденту этой газеты Антонио Эскивелю.

397 Речь идет о вооруженном инциденте, происшедшем в конце июня - начале июля 1937 г. между советскими и японскими войсками на границе между СССР и Маньчжоу-Го на реке Амур. Инцидент начался с того, что советские пограничники высадились на спорных островах и захватили несколько маньчжурских золотоискателей, обвинив их в нарушении границы. Между частями Красной Армии и японской Квантунской армией начались вооруженные столкновения. Были потоплены несколько советских сторожевых катеров. Инцидент завершился соглашением о взаимном выводе войск со спорных островов. Однако вскоре после увода советских частей японцы заняли эти острова, не

встретив вооруженного сопротивления.

398 Стенографический отчет заседания следственной подкомиссии в Койоакане см.: The Case of Leon Trotsky: Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials by the Preliminary Commission of Inquiry. - New York, 1937; second printing, 1969.

399 Второй том материалов следственной подкомиссии (документы) издан не был. Иногда в качестве второго тома рассматривается доклад комиссии: Not Guilty: Report of the Commission of Inquire to the Charges Made Against Leon Trotsky in Moscow Trials. - New York, 1938.

400 "Sunday Sun of Sydney" (правильное нащзвание: "Sunday Sun and Guardian") ("Воскресное солнцу Синея" или "Воскресное солнце с страж") - австралийская газета. Выходила в 193-1953 гг.

401 Джозефи Алвин М. (1915-1979) - американский писатель и журналист, корреспондент газеты "The New York Herald Tribune". Джозефи принят требование Троцкого, что интервью должно быть опубликовано полностью и в точном соответствии с текстом. Газета интервью не опубликовала, но через год Джозефи опубликовал извращенный и сокращенный текст интервью в газете "Кеп" (май 1938 г.), опустив все вопросы и ответы, касавшиеся Испании.

402 "The New York Herald Tribune" ("Ньюйоркский глашатай и трибуна") - ежедневная газета. Выходит с 1924 г. по настоящее время.

403 Франко Баамонде Франсиско (1892-1975) - испанский военный и государственный деятель, генерал. В 1936 г. возглавил мятеж против правительства народнго фронта. Глава государства в 1939-1975 гг.

404 Негрин Хуан Лопес (1894-1956) - испанский политический деятель, член Социалистической рабочей партии, последний премьер-министр Испанской республики в годы гражданской войны (1937-1939). После поражения республиканцев эмигрировал. В 1939-1945 гг. глава испанского республиканского правительства в эмиграции.

405 После начала военного мятежа во главе с генералом Франко 17 июля 1936 г. правительства западных держав объявили о невмешательстве в испанские дела. Германия и Италия оказали мятежникам военную помощь, а затем начали прямую интервенцию. В ноябре 1936 г. Франко подписал с Италией секретный договор о сотрудничестве, аналогичный договор был заключен в марте 1937 г. с Германией. На стороне мятежников сражалось приблизительно 150 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев.

406 Дуррути Думанге Вентура (1896-1936) - руководитель испанских анархистов. Участвовал в анархистских бунтах в 1932 и 1933 гг. Во время гражданской войны присоединился к Народному фронту. Основал Комитет антифашистской милиции Каталонии и руководил им. Убит на фронте при невыясненных обстоятельствах.

407 Вэр - бельгийский сторонник Троцкого. Лицо под этой фамилией более в документах не встречается. Возможно, эту фамилию использовал в качестве псевдонима Ж.Вареекен.

408 Революционная социалистическая рабочая партия Голландии (РСАП) была

секцией Международной левой оппозиции. Образовалась в 1935 г. в результате слияния Независимой социалистической партии во главе с Питером Шмидтом и Революционной социалистической партии во главе с Генрикусом Снивлитом. В следующие годы у партии возникли разногласия с Троцким и она не участвовала в основании IV Интернационала в 1938 г.

409 Confederation National del Trabajo (C.N.T.) - (Национальная конфедерация труда Испании) - профсоюзное объединение, руководимое анархо-синдикалистами.

410 Федерация анархистов Иберии (ФАИ) - испанская политическая организация. Основана в 1927 г. испанскими анархистами - эмигрантами во Франции. Существует по настоящее время.

411 Речь идет о подавлении контрреволюционного мятежа в Мадриде и других городах Испании, в частности в Каталонии, где ПОУМ занимала сравнительно прочные позиции.

412 Речь идет о состоявшейся летом 1936 г. в Брюсселе конференции партий, входивших в Лондонско-Амстердамское бюро. На конференции обсуждался вопрос об оказании помощи республиканской Испании.

413 См. настоящий том, с. 382-385.

414 Имеется в виду вооруженное выступление в Барселоне против Провинциального совета (Генералидата), принявшего решение о введении военного положения в Каталонии. В выступлении участвовали анархисты и сторонники ПОУМ. По существу дела, выступление было спровоцировано властями по подказке советских агентов во главе с А.Орловым. Выступление было жестоко подавлено, после чего власти организовали кровавую расправу с анархистами и поумовцами.

415 Крукс - псевдоним Л.Д.Троцкого.

416 См. беседу Л.Д.Троцкого с Ли Фучженом 11 августа 1937 г. - HU. NL, BMS Russ 13, EP 15720.

417 7 июля 1937 г. японские войска атаковали китайские части у моста Люгоучао около Пекина, начали вторжение в Северный Китай, а затем распространили военные действия на другие районы страны. Японо-китайская война продолжалась до завершения второй мировой войны в 1945 г.

418 Аллен Денвер - член Социалистической партии США. Выступал против расследования обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских судебных фарсах 1936-1937 гг.

419 "Тартюф, или Обманщик" - комедия Мольера (1664), разоблачавшая ханжество и лицемерие в среде духовенства.

420 Кем были заданы вопросы, не ясно.

421 У Троцкого оговорка. Имеется в виду низвержение не революционного, а реакционного правительства.

422 Unin General de Trabajadores (U. G. T.) (Всеобщий союз трудящихся) - испанское профсоюзное объединение, связанное с Социалистической рабочей партией.

423 Людвиг - один из псевдонимов советского разведчика Порецкого Натана

Марковича (наиболее известный псевдоним Игнатий Райсс) (1899-1937). Порецкий являлся резидентом НКВД в Западной Европе в 1937 г., отказался возвратиться в СССР и выступил с заявлением о поддержке Троцкого. В сентябре 1937 г. он был убит в Швейцарии агентами советских спецслужб во главе с С.Ефроном (мужем Марины Цветаевой).

424 Л.Л.Седов продолжал употреблять термин ГПУ, которое не существовало с 1934 г. Речь идет о резиденте НКВД.

425 Позже вдова Порецкого опубликовала мемуары: Poretsky E. K. Our Own People: A Memoir of Ignace Reiss and His Friends. - Ann Arbor, 1956.

426 Имеется в виду "De Nieuwe Fakkel" ("Новый Факел") - газета голландских сторонников Троцкого, выходившая во второй половине 30-х годов.

427 Имеется в виду дело германского сторонника Троцкого Антона Грилевича в Чехословакии, где он был обвинен в связи с Гестапо, однако освобожден, так как доказал, что обвинение носило провокационный характер и было связано с "большим террором" в СССР.

428 Документ обрывается.

429 Лондон Джоан - дочь писателя Джека Лондона.

430 Лондон Джек (настоящие фамилия и имя Гриффит Джон) (1876-1916) - американский писатель. Сочувствовал социалистическим идеям. В романе "Железная пята" (1908) выразил утопические представления о грядущем тоталитарном господстве буржуазии. Автор рассказов и повестей, высмеивавших мещанство и описывавших тяжелые физические и моральные испытания людей.

431 "Neue Zeit" ("Новое время") - журнал Социал-демократической партии Германии. Выходил под редакцией К.Каутского, а затем Г.Кунова в 1891-1923 гг.

432 "Vorwärts" ("Вперед") - центральная газета Социал-демократической партии Германии в 1876-1878, 1890-1933 и с 1948 г. по настоящее время.

433 "Der Kampf" ("Борьба") - ежемесячный журнал Социал-демократической партии Австрии. Выходил в 1907-1938 гг.

434 "Arbeiter Zeitung" ("Рабочая газета") - орган австрийской социал-демократии в 1889-1899 гг. Редакторами были Ф.Адлер, Л.Каутская и др. Название было использовано при издании бюллетеня Революционных социалистов Австрии в 30-е годы.

435 Язык африкаанс, или бурский язык - язык африканеров (буров) - белого населения Южноафриканского союза (Южноафриканской республики). Возник в результате слияния нескольких нидерландских диалектов с немецким и английским языками, а также некоторыми местными диалектами. Письменность на основе латинского алфавита.

436 Шотан Камиль (1885-1963) - французский политический деятель, один из руководителей Радикальной партии. Неоднократно был премьер-министром.

437 Вставка Л.Д.Троцкого.

438 Агитационная бутада - агитация на основе обмана с использованием словесной бутафории, то есть фикции, представляемой в качестве подлинных фактов.

439 Штейнер Рената (1908-1986) - агент НКВД в Швейцарии. Участница убийства И.Райсса.

440 Смиренский Дмитрий Павлович (1897-1938) - бывший белогвардеец, агент НКВД, убийца И.Райсса. После возвращения в СССР был арестован и расстрелян.

441 Улица Лакретелль в Париже.

442 Миллер Евгений Карлович (1867-1937) - российский военный деятель, генерал-лейтенант (1915). Один из руководителей белого движения, генерал-губернатор и командующий войсками Северной области (1919-1920 гг.). С 1920 г. в эмиграции. С 1930 г. председатель Русского общевоинского союза. Захвачен агентами НКВД в Париже при посредстве эмигранта-provokatora генерала Скоблина, вывезен в Москву и расстрелян.

443 "Challenge of Youth" ("Молодежный вызов") - газета Юношеской народной социалистической лиги США с 1936 г. С 1938 г. издавалась в качестве органа секции IV Интернационала в США. Выходила до весны 1940 г.

444 American Pioneer Publishers (APP) - издательство, публиковавшее книги Л.Д.Троцкого на английском языке и другую радикальную левую литературу. Существовало в 1931-1965 гг. На смену ему пришли издательства "Merit Publishers", а затем "Pathfinder Press".

445 Во второй половине 1937 г. начался экономический спад, поразивший прежде всего экономику США, Великобритании и Франции, менее значительно Германию, Италию и Японию в связи с перестройкой их экономики на военные рельсы. В 1937-1938 гг. объем промышленного производства сократился на 16%. Наблюдался и кризис сельского хозяйства. Крупные страны пытались преодолеть кризис с помощью системы заградительных пошлин, валютных блоков и зон. Это в еще большей степени обострило межгосударственные противоречия.

446 Остракизм (от греч. Ostrakon - черепок) - в VI-V вв. до н. э. изгнание отдельных граждан в Древних Афинах и других греческих городах по решению народных собраний (обычно на 10 лет). Каждый гражданин писал на черепке имя лица, по его мнению, опасного для народа. В переносном смысле слова остракизм - гонение.

447 "Socialist Appeal" ("Социалистический призыв") - газета левого крыла Социалистической партии США в 1937-1941 гг. После изгнания левого крыла из партии газета стала органом основанной в конце 1937 г. Социалистической рабочей партии.

448 Олер Ньюго - участник социалистического движения в США. Руководил группой Рабочей партии, которая выступила против вступления этой организации в Американскую социалистическую партию. Был исключен в 1935 г. и сформировал Социалистическую рабочую лигу.

449 Бармин Александр Григорьевич (1885-1987) - советский государственный служащий. Большевик с 1917 г. Во время гражданской войны комбриг. Находился на дипломатической работе. В 1937 г. во время пребывания в Греции в качестве советского поверенного в делах получил вызов в СССР. Поняв, что с ним намерены расправиться, бежал на Запад. Опубликовал книгу

воспоминаний. Был консультантом ЦРУ. Во время второй мировой войны служил рядовым в армии США. С 1953 г. заведовал русской службой "Голоса Америки".

450 Кривицкий Вальтер Германович (настоящие фамилия, имя и отчество Гинзберг Самуил Гершевич) (1899-1941) - советский разведчик. Работал в Германии, Италии, Швейцарии, Австрии. Резидент советской военной разведки в Западной Европе с 1936 г. С декабря 1937 г. невозвращенец. Передал западным спецслужбам ценную информацию о советской шпионской деятельности. Выпустил книгу на эту тему (1939). В 1941 г. покончил жизнь самоубийством или был убит в Вашингтоне, возможно, агентами НКВД.

451 "Magianne" - французский ежемесячный литературный и политический журнал, выходивший во второй половине 30-х годов. Поддерживал народный фронт.

452 Эта мысль наиболее отчетливо выражена в письме Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 апреля 1931 г. - Бюллетень оппозиции. - 1931. - No 21-22. - С. 17.

453 Имеется в виду Амстердамский Интернационал (Международная федерация профсоюзов) - профсоюзное объединение, созданное реформистскими деятелями в 1919 г. на конференции в Амстердаме (Голландия). Фактически прекратил существование с началом второй мировой войны. Официально распущен в 1945 г.

454 Баш Виктор (1863-1944) - французский философ и общественный деятель. Председатель французской Лиги прав человека и гражданина во второй половине 30-х годов. Деятель народного фронта. Многократно выступал с оправданием "большого террора" в СССР.

Указатель имен

Агелофф Р.

Агелофф С.

Адлер В.

Адлер Ф.

Адольф

Айслер Ф.

Аксельрод П.Б.

Александр Карагеоргиевич

Александров

Аллен Д.
Альфонс XIII
Андрате Д.Х.
Антонов-Овсеенко В.Д.
Аркус А.
Аркус Г.
Арнольд В.В.
Асанья М.
Бакаев И.П.
Балабанова А.И.
Бангия Я.
Бармин А.Г.
Бауэр О.
Бах Ф.
Баш В.
Бауэр О.
Бебель А.
Бедекер К.
Бейлис М.
Белобородов А.Г.
Берлин А.
Бернхам Д.
Бернштейн Э.
Билс К.
Блюм Л.
Блюменфельд И.С.
Блюмкин Я.Г.
Богуславский М.С.
Болдуин С.
Бонапарт
Борджиа Ц.
Босович
Брандлер Г.
Брантинг Г.
Брантинг К.Я.
Брентано Л.
Бриан А.
Броквей Ф.
Брольи де А.
Брольи де В.
Брольи де В.Ф.
Будин Л.
Буланже Ж.
Бухарин Н.И.

Вайян-Кутюрье П.
Вайс В.
Вандервельде Э.
Вальхер Я.
Вандель де
Ванслер Д.
Вареекен Ж.
Вебб Б.
Вебб С.
Вейсборд А.
Велов А.С.
Вель Р.см. Соболевичус Р.
Венизелос Э.
Виктор-Иммануил
Вилкинсон Э.
Вишняк
Володарский В.
Волос С.
Вольтер
Ворошилов К.Е.
Вышинский А.Я.
Вэр
Гавен Ю. (Г.) П.
Гаевский
Галкин А.А.
Гайндман Г.М.
Ганди М.К.
Гансен В.
Гармаш
Габсбурги
Гего
Гед Ж.
Гендерсон А.
Гертик А.М.
Гильом-Шак Г. .
Гитлер А.
Гладстон У.Ю.
Говард Р.
Гогенцоллерны
Голдман А.
Гольцман Е.С.
Горио Ф.
Горький М.
Грант У.С.

Граше (Храше) И.И.
Грилевич А.
Грин У.
Громан В.Г.
Гурский М.Г.
Гучков А.И.
Д. см. Седов Л.Л.
Дан Ф.И.
Даладзе Э.
Девиль Г.
Дедич М.
Декарт Р.
Демут Е.
Джозефи А.М.
Драгич С.
Дзержинский Ф.Э.
Дилаиль
Димитров Г.
Доже В.
Дорио Э.
Дрейфус А.
Дробнис Я.Н.
Дубровинский И.Ф.
Думерг Г.
Дункан I
Дуррути Д.Б.В.
Дьюи Д.
Дюранти У.
Евдокимов Г.Е.
Ежов Н.И.
Енно А.
Ефрон С.
Жид А.
Жиromский Ж.
Жорес Ж.
Жуо Л.
Замора Ф.
Засулич В.И.
Зборовский М.
Землячка Р.С.
Зеллер Ф.
Зиновьев Г.Е.
Золлингер
Иванович см. Сталин И.В.

Иден Э.
Кабальеро Л.К.
Каган Ж.
Каганович Л.М.
Кадг де Ж.
Казус Ж.
Кало Ф.
Каменев Л.Б.
Каменев С.С.
Каменева О.Д.
Канегиссер Л.А.
Каплан (Ройтман) Ф.Е.
Карахан Л.М.
Карденас Л.
Карев Г.А.
Каутская Л.
Каутская М.
Каутский К.
Кашен М.
Керенский А.Ф.
Кильбум К.
Кир П
Кирилина А.
Киров С.М.
Клаузевиц К.
Корк А.И.
Кнутсен К.
Коллонтай А.М.
Кольра
Кон О.
Корнилов Л.Г.
Кривицкий В.Г.
Крохмаль В.Н.
Крукс см. Троцкий Л.Д.
Крупская Н.К.
Кун Б.
Кювье Ж.
Лаваль П.
Ландау К.

Ла Фоллет С.
Леба Ж.Б.
Ленин В.И.
Ли Р.Э.

Либкнехт К.
Литвинов М.М.
Ли Фучжень
Лозовский А. (С.А.)
Лонге Ж.
Лондон Джек
Лондон Джоан
Людвиг см. Райсс И.
Людовик XIV Бурбон
Макбет
Макдональд Д. Р.
Макстон Д.
Макиавелли Н.
Малколм
Мальро А.
Мануильский Д.З.
Марин
Маркс К.
Маркс Э.
Мартов Ю.О. (Л.)
Маурин И.
Махарадзе Ф.И.
Мдивани П.Г.
Медведев С.П.
Медведь Ф.Д.
Меринг Ф.
Меркадер Р.
Мерсье
Милес
Миллер Е.К.
Милль М.
Молинаар Ж.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Мольер
Монмуссо Г.
Морель Ю.
Мосли О.
Мрачковский С.В.
Муралов Н.И.
Муцсолини Б.
Мусте А.
Мюзам Ц.
Мюзам Э.

Мюллер А.
Мюллер Г.
Мюнценберг В.
Навуходоносор II
НеккерЖ.
Негрин Х.Л.
Николаев Л.В.
Николаевский Б.И.
Николай II
Нин А.
Новак Д.
Норкин Б.О.
Носков
Олер Н.
Ольминский М.С.
Орджоникидзе Г.К.
Орлов А.
Паз М.
Панцов А.В.
Паскаль Б.
Паульсен см. Эстрин (Даллин) Л.
Пивер М.
Платон
Плеханов Г.В.
Подолинский
Покровский М.Н.
Притт Д.Н.
Пуанкаре Р.
Пфемфер Н.
Пфемферт Ф.
Путна В.К.
Пятаков ГЮ.) Л.
Радек К.Б.
Райнгарт
Райсс И.
Ракамон Ж.
Раковский К. (Х.Г.)
Реннер К.
Ривера Д.
Рид Д.
Рита Яковлевна
Робеспьер М.
Робертус-Ягетцов И.К.
Розенмарк Г.Н.

Розенфельд К.
Рокк де ла
Роллан Р.
Ромен Ж.
Ромм М.
Росмер А.
Ротшильд
Рус Ж.
Рюле О.
Рыков А.И.
Рютин М.Н.
Седов Л.Л.
Седов С.Л.
Седова Н.И.
Сен-Жюст Л.
Серебряков Л.П.
Серж В.
Ситрин У.М.
Скоропадский П.П.
Смиренский Д.П.
Смирнов И.Н.
Смирнов В.М.
Снивлит Г.
Соболевичус Р.
Соколовская А.Л.
Сокольников Г.Я.
Соломон Г.А.
Спаак П.А.
Сталин И.В.
Стаханов А.Г.
Стиклинг
Столберг Б.
Стрельский
Стрелков Р.Е.
Строилов М.С.
Стэд В.Т.
Суварин Б.
Суханов Н.Н.
Тальгеймер А.
Тардье А.
Твен М.
Тензов
Теодор
Терен

Тер-Ваганян В.А.
Титайна
Толедано Л.В.
Толстая С.Ф.
Толстой Л.Н.
Томас В.
Томас Н.
Торез М.
Транмель М.
Троцкая З.Л.
Троцкая Н.Л.
Троцкий Л.Д.
Трегубов
Треска К.
Трояновский А.А.
Тургенев И.С.
Тухачевский М.Н.
Уборевич И.П.
Ульрих В.В.
Уокер Ч.Р.
Урицкий М.С.
Фабий Максим
Фелс
Фельштинский Ю.Г.
Ферре А.
Феррер
Филд В.
Фольмар Г.
Франк В.
Франко Б.Ф.
Фроссар Л.О.
Хеберлинг С.
Хиль Роблес Х.М.
Цалдарис П.
Цветаева М.И.
Цилига А.
Чан Кайши
Череванин Ф.А.
Чемберлен Д.
Чернявский Г.И.
Черчилль У.Л.С.
Чичерин Г.В.
Шаров Ю.В.
Шахтман М.

Шацкин Л.А.
Шваб
Шейдеман Ф.
Шеридан К.
Шестов А.А.
Шиллер И.Ф.
Шламм В.
Шмераль Б.
Шмидт П.И.
Шнейдер
Шолем В.
Шотан К.
Шоу Л.Б.
Шошуа
Штейнер Р.
Шуман Г.
Эберт Ф.
Эвелинг Э.
Эйдеман Р.П.
Энгельс Ф.
Энно А.
Эпикур
Эррио Э.
Эстрин (Даллин) Л.
Этли К.Р.
Этьен см. Зборовский М.
Ягода Г.Г.
Якир И.Э.
Ярославский Е.М.
Calgaris
Conquest R.
Dragitsch см. Драгич С.
Duranti W. см. Дюранти У.
Gaggi
Gomez
Heberling см. Хеберлинг С.
Merino
Muste A. см. Мусте А.
Nicolaevsky V.I. см. Николаевский Б.И.
O'Brian
Sedov L. см. Седов Л.Л.
Serge V. см. Серж В.
Schachtman M. см. Шахтман М.
Well R. см. Соболевичус Р.

Указатель географических названий

Абиссиния см. Эфиопия
Австралия
Австрия
Австро-Венгрия
Азия
Азия Центральная
Америка
Америка Латинская
Амстердам
Амур
Амурские острова
Англия см. Великобритания
Армения
Армения Западная
Аттика
Афины Древние
Африка
Африка Центральная
Африка Южная
Баньер
Барбизон
Барселона
Бельгия
Берлин
Биробиджан
Богемия
Болгария
Бразилия
Брест
Булонский лес
Вавилония
Вашингтон
Веймар
Вексал
Великобритания

Вена
Венгрия
Веракрус
Верхоленск
Вильгельмсгафен
Воеводина
Генуя
Германия
Герцеговина
Голландия
Греция
Грузия
Дальний Восток
Дания
Домже
Донбасс
Европа
Европа Восточная
Европа Западная
Европа Северная
Загреб
Иберия
Иерусалим
Израильско-Иудейское царство
Индия
Иркутск
Иркутская губерния
Испания
Италия
Итальянское Сомали
Кадиевка
Калифорния
Канада
Кемерово
Кинталь
Китай
Китай Северный
Койоакан
Конго
Копенгаген
Крым
Кузбасс
Ленинград
Лион

Лимож
Лозанна
Лондон
Лотарингия
Лурд
Мадрид
Маньчжоу-Го см. Маньчжурия
Маньчжурия
Марсель
Мексика
Мехико
Москва
Мостар
Мюльгаузен
Нови Сад
Новая Зеландия
Новосибирск
Норвегия
Нью-Йорк
Обервилль
Осло
Пало-Алто
Париж
Пачука
Пекин
Петроград см. Ленинград
Пиренеи
Пиренейский полуостров
Польский (Данцигский) Коридор
Польша
Прага
Прокопьевск
Рейнская область
Рим
Россия
Руайян
Рубэ
Румыния
Саарская область
Сан Мигель Регла
Сан-Пале
Сен-Дени
Сена, департамент
Сербия

Сибирь
Сибирь Восточная
Сибирь Западная
Сингапур
СССР
США
Тамбовская губерния
Тулон
Турция
Уал-Уал
Украина
Украина Западная
Уральск
Усть-Кут
Финляндия
Франция
Харум
Хенефосс
Циммервальд
Цюрих
Чехословакия
Чикаго
Чили
Шанхай
Шарант-Инфериер
Швейцария
Швеция
Эльзас
Эфиопия
Югославия
Южно-Африканский Союз
Южно-Африканская республика см. Южно-Африканский Союз
Япония
Aubervilliers см. Обервилль
Berlin см. Берлин
Huesca
New York см. Нью-Йорк
Saint-Palais см. Сан-Пале
St.Denis см. Сен-Дени

Содержание

Предисловие 2

1935

Предисловие ко второму английскому изданию "Терроризм и коммунизм".

10 января 18

Кто защищает СССР и кто помогает Гитлеру? (Неоконченная статья).

Январь 33

Новая эра "советской демократии". 10 февраля 38

Заметка. 21 февраля 40

Замечания по поводу проекта тезисов (Draft thesis) Коммунистической лиги Южной Америки. 20 апреля 41

Центристская алхимия или марксизм? (К вопросу о S.A.P.). 24 апреля 52

Заметка о взаимоотношениях правительства СССР и Коминтерна.

Не ранее мая 94

По поводу письма М.Пивера. 7 августа 96

Письмо Ф.Броквею. 17 сентября 102

Британская независимая рабочая партия и борьба за Четвертый

Интернационал. 18 сентября 104

Предисловие к норвежскому изданию. 1 октября 127

Фридрих Энгельс в новых письмах. 15 октября 132

Сектантство, центризм и Четвертый Интернационал. 22 октября 158

Уроки Октября. 4 ноября 170

Э.Эррио, политик золотой середины. 7 ноября 177

Предисловие к брошюре Фреда Зеллера "Французская революционная молодежь на повороте". 7 ноября 197

Народный фронт и комитеты действия. 26 ноября 205

Письмо французским сторонникам. 3 декабря 213

Письмо А.Цилиге. 24 декабря 218

Фракции и Четвертый Интернационал. Декабрь 222

1936

Письмо А.Цилиге. 10 января 232

Измена Испанской "Рабочей партии марксистского единства". 22 января 237

Предисловие. 31 марта 242

Письмо Босовичу. 6 апреля 245

Письмо Л.Л.Седова Н.И.Седовой. 16 апреля 247

К общественному мнению трудящихся всего мира. После 5 июня 252

По поводу "программного" письма тов. Цилиги от 14 мая 1936 г.

3 июня 256

Новый революционный подъем и задачи IV Интернационала.
Не ранее июня 262
Испанский урок. 30 июля 273
Письмо Л.Л.Седова А.Цилиге. 19 октября 280
Отрывок из незаконченной статьи. Июль 280

1937

Ответы на поставленные мне вопросы о Литвинове. 16 января 286
Ответы на вопросы редакции "El Tiempo". 19 января 291
Семнадцать новых жертв ГПУ. 20 января 294
Новый процесс. 22 января 299
Три поправки. 23 января 303
Правда о "добровольных признаниях". 23 января 304
Почему этот процесс оказался необходим. 23 января 306
Три дополнения. 24 января 309
Заявление по поводу обвинительного акта и первых показаний
подсудимых. 24 января 311
Мдивани. 25 января 313
В дни московского процесса. 25 января 315
ГПУ за работой на интернациональном фронте. 25 января 322
Раковский. 25 января 323
Денежные источники заговора. 26 января 324
"Добровольные" признания подсудимых. 26 января 325
Муралов. 26 января 327
Арест Сергея Седова, моего младшего сына. 27 января 328
Важное заявление Троцкого. 27 января 329
Мое конкретное предложение московскому суду. 27 января 330
Мифическая поездка Пятакова. 29 января 334
Как и почему советские граждане обвиняют себя в преступлениях,
которые они не совершили? 29 января 336
Конвейер подлога за работой. 29 января 345
Требование моей выдачи. 29 января 347
Прокурор Вышинский. 29 января 349
Сталин отступает? 29 января 351
Речь для киножурнала. 30 января 352
Приемы антисемитизма. 30 января 354
Конструкция процесса. 30 января 355
13 расстерянных. 31 января 360
Помилованные. 31 января 361
"Народ" требует казней. 31 января 362
Каганович предрекает мою гибель. 31 января 363
Я обвиняю Д.Притта и Р.Розенмарка. 1 февраля 364
Письмо Анжелике Балабановой. 3 февраля 366

Непонятный полемический выпад г. Трояновского. 4 февраля 367
Ответы на вопросы мадам Титайна. 11 февраля 372
Речь, адресованная митингу в Чикаго. 1 февраля 376
Крушение показаний Владимира Ромма. 15 февраля 379
Об Испании. 18 февраля 382
Редактору "Нью Йорк Таймс". Не ранее 18 февраля 386
Господину председателю Совета министров Франции. 26 февраля 386
Предисловие к английскому изданию книги "Сталинская школа
фальсификации". 3 марта 389
Ответы на вопросы O'Brian (Chicago Daily News). 3 марта 396
Феннер Броквей как Притт No 2. 6 марта 399
Заявление об интервью А.Мальро. 8 марта 403
Несколько конкретных вопросов к господину Мальро. 8 марта 405
Письмо американским издателям Ферреру и Рейнгарту. 13 марта 409
Письмо Ф.Айслеру. 13 марта 409
Ответы на вопросы мистера Волоса, корреспондента еврейской
ежедневной газеты "Форвард" в Нью-Йорке. 27 апреля 410
Письмо А.Голдману. 28 апреля 413
Письмо Китаину. 28 апреля. 415
Письмо участникам III съезда Революционной социалистической
молодежи Франции. 22 мая 416
Нужен боевой, революционный, критический марксистский журнал.
29 мая 421
Вынужденное заявление. 26 июня 425
Письмо Анжелике Балабановой. 6 июля 426
Письмо Н.И.Седовой. 7 июля 429
Письмо Н.И.Седовой. 8 июля 429
Письмо Н.И.Седовой. 9 июля 430
Письмо Н.И.Седовой. 10 июля 430
Письмо Н.И.Седовой. 10 июля 431
Письмо Н.И.Седовой. 11 июля 431
Письмо Н.И.Седовой. 12 июля 433
Письмо Н.И.Седовой. 18 июля 437
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 440
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 441
Письмо Н.И.Седовой. 19 июля 443
Предисловие к испанскому изданию. 5 августа 448
Письмо Л.Л.Седова Л.Д.Троцкому. 6 августа 450
Роман Вольфа Вайса "Я признаюсь". 13 августа 453
Интервью, данное "Mexico al Dia". 16 августа 455
Интервью, данное "Sunday Sun of Sydney". 1 августа 458
Ответы на вопросы Алвина М.Джозефи, "Нью Йорк Геральд Трибюн",
Нью-Йорк. 23 августа 461
Всем организациям, примыкающим к Четвертому Интернационалу.

Проверка идей и людей на опыте Испанской революции. 24 августа 470
Послесловие. 3 сентября 487
Лицемерие под маской "беспристрастия". Еще раз о Феннере Броквее.
5 сентября. 490
Ответы на вопросы по поводу положения в Испании. 14 сентября 496
Письмо Л.Л.Седова Л.Л.Троцкому. 17 сентября 500
Письмо Д.Лондон. 16 октября 504
90 лет Коммунистического Манифеста. (Предисловие
к первому изданию "Манифеста" на языке африкаанс). 30 октября 508
Предстоящие сенсационные процессы. 16 ноября 522
Редакции "Challenge". 17 ноября 524
На помощь А.П.П.! 27 ноября 525
Письмо в редакцию газеты "The New York Times". 3 декабря 528
Телеграмма в комиссию Дьюи. В ночь с 7 на 8 декабря 529
В редакцию "Социалист Аппил". Два слова о партийном режиме.
8 декабря 530
Невозвращенцы. 9 декабря 534
Ответы на вопросы парижского еженедельника "Марын". 20 декабря 536
Примечания 543
Указатель имен 620
Указатель географических названий 638

Л.Д.Троцкий. Архив в 9 томах:

Том 9

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Email: Yuri.Felshtinsky@verizon.net

Date: 29 Sep 2005

Архив Л. Д. Троцкого. Том 9

Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский

Предисловие, примечания, указатели Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского

Предисловие

Предлагаемый девятый том завершает документальную публикацию "Архив Л.Д.Троцкого". В него включены материалы последних лет жизни Л.Д.Троцкого - 1938-1940 гг. - вплоть до его убийства агентом советских тайных служб Р.Меркадером в августе 1940 г. по личному приказу большевистского диктатора.

В эти годы Троцкий, живя в Мексике, стремился сохранить связи со своими сторонниками в других странах, особенно в США и в Западной Европе, активизировать контакты с Латинской Америкой. Он продолжал выступать в качестве руководителя определенного течения в международном социалистическом движении, которое идентифицировалось с его именем и все чаще называло себя троцкистским. Против этого Троцкий не отказывался, хотя и подчеркивал тождественность этого течения с ленинизмом.

Но и переписка с представителями этого движения, и публицистические выступления, и директивные материалы становились все более скудными. Троцкий все менее тщательно вникал в жизнь и деятельность организаций и движений своих сторонников. Он, естественно, не мог по объективным причинам принять участия в учредительной конференции IV Интернационала (Париж, сентябрь 1938 г.), ибо вероятность получения им французской визы была исключена. Но он и не уделил этой конференции того внимания, которое привлек бы подобный форум, если бы его проводили несколькими годами ранее. Троцкий лишь подготовил приветственный адрес конференции, но... не от своего имени, а для мексиканского художника Диего Риверы, причем это обращение носило не политический, а в основном эстетический характер и было озаглавлено "Революционное искусство и IV Интернационал".

Основное внимание в последние годы жизни Троцкого занимали подготовка

книги о Сталине, которая так и не была завершена, а в последние месяцы жизни - с конца мая 1940 г., почти до самого момента последнего покушения на его жизнь, приведшего к гибели, - разоблачение первого, неудавшегося бандитского нападения на дом Троцкого с целью его убийства, которое произошло в ночь на 24 мая 1940 г., было подготовлено агентами НКВД и непосредственно возглавлялось другим мексиканским художником Давидо Сикейросом совместно с советским боевиком Иосифом Григулевичем, ставшим позже весьма именитыми ученым-историком и членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Поистине, бандиты на советской спецслужбе были подчас интеллектуальными личностями!

В публицистике Троцкого этих лет по-прежнему весьма значительное место занимали события и социально-политические процессы, происходившие в СССР. Как и в предыдущие годы, автор придерживался мнения, что в СССР сохранялись возможности восстановления "рабочего государства", ибо государственная собственность не была отменена, государству продолжали принадлежать основные средства производства.

В то же время для характеристики политического режима у себя на родине Троцкий применял термин "тоталитаризм", все смелее проводил параллели между властью Гитлера в Германии и диктатурой Сталина в СССР. "Экономические основы, созданные Октябрьской революцией, еще, к счастью, не разрушены окончательно, - констатировал он в июле 1938 г. - Но политический режим уже полностью получил тоталитарный характер. Советская бюрократия, изнасиловавшая революцию, хочет, чтобы народ считал ее непогрешимой".

Через два месяца в связи с погромом, учиненным Сталиным в офицерско-генеральском корпусе, отмечалось: "Тоталитарная бюрократия сосредоточивает в своих руках две функции: власти и администрирования. Эти две функции пришли ныне в острое противоречие. Чтобы обеспечить хорошее администрирование, нужно ликвидировать тоталитарную власть. Чтобы сохранить власть Сталина, нужно гробить самостоятельных администраторов, военных и штатских". Полагая, что Советским Союзом продолжает управлять "привилегированная каста" (но ни в коем случае не новый господствующий класс), Троцкий проводил сопоставление с практикуемыми ею методами и приходил к выводу, что они весьма схожи с методами фашизма (в соответствии со сложившейся традицией термин "фашизм" применялся весьма расширительно, и в данном случае адресовался прежде всего национал-социалистической Германии).

Особое негодование вызывала личность советского диктатора. Личная антипатия к Сталину давно уже превратилась у Троцкого в откровенную ненависть (чувства их обоих были адекватными, но возможности, увы, различными!). Троцкий теперь не скупился на самые убийственные эпитеты по адресу Сталина и его власти, что, между прочим, свидетельствовало о постепенной и весьма обоснованной утрате им уверенности в своем завтрашнем дне. Сталинизм - это сифилис рабочего движения, говорилось в одном документе. Это проказа, провозглашалось вскоре в новом тексте. В одном месте Сталин именуется "московским фюрером", в другом - "московским папой" (по

аналогии с главой католической церкви).

Как и некоторые другие, наиболее компетентные и опытные политические наблюдатели, Троцкий сразу же дал верную оценку характера внешнеполитического раздела доклада Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г., определив его как "предложение руки и сердца Гитлеру". В заметке "Постскрипtum к статье `Капитуляция Сталина" (24 марта 1939 г.), комментируя захват нацистской Германией Чехии и превращение Словакии в марионеточное государство, Троцкий не исключал, что при бурном темпе развития мировых антагонизмов положение может радикально измениться в ближайшее время. "Но сегодня похоже на то, что Сталин пробует играть с Гитлером в четыре руки". Эта оценка полностью подтвердилась и усилилась после заключения 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Троцкий, разумеется, понятия не имел о подписании тогда же дополнительного секретного протокола, в котором тоталитарные режимы договорились о разделе восточной части Европейского континента. Но тот факт, что Сталин превратился в "адъютанта Гитлера" был для него совершенно неоспоримым.

Вполне естественно, что оценки политического режима в СССР переносились на подчиненное ему международное коммунистическое движение - компартии сравнивались с фашистскими организациями, а Коммунистический Интернационал именовался "Сталинтерном".

Тем не менее факт соучастия Советского Союза в германской агрессии, захват им восточной части Польши, нападение на Финляндию, а затем захват трех стран Балтии не дали Троцкому оснований для пересмотра своей общей оценки характера социально-экономического строя в СССР. Более того, он считал, что в форме захвата новых территорий на этих землях происходят революционные процессы - навязанные сверху, деформированные, но, тем не менее, соответствовавшие, якобы, интересам трудящегося населения.

По этому поводу в среде сторонников Троцкого развернулись весьма оживленные дискуссии. Группа руководителей Социалистической рабочей партии (СРП) США, участвовавшей в Четвертом Интернационале (Макс Шахтман, Мартин Аберн и др.), решительно осудив советскую агрессию, выступила с призывом отказаться от лозунга защиты СССР. Троцкий со свойственной ему язвительностью и резкостью осудил эту, как он полагал, группу мелкобуржуазных интеллигентов. В результате конфликтов в СРП произошел раскол, и ее влияние, и без того невысокое, упало до совершенно незначительной величины.

Троцкий внимательнейшим образом следил за развитием начавшейся нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. второй мировой войны. "Я не вижу сейчас никакой силы в мире, которая могла бы задержать развитие этого процесса, т. е. родов войны. Новая страшная бойня неумолимо надвигается на человечество", - прогнозировал он еще за год до начала войны.

Его суждения и прогнозы были, разумеется, окрашены в цвета идеологической догматики, в частности по поводу того, что война приведет к

новому революционному взрыву, к полному краху мирового империализма и т. п.

Насколько в сознании лидера коммунистического оппозиционного движения причудливо сочетались обоснованные прогнозы и утопические схемы, свидетельствует следующее высказывание 1938 г.: "Во время войны исчезнет всякое различие между империалистической 'демократией' и фашизмом. Во всех странах будет царить беспощадная военная диктатура. Немецкие рабочие и крестьяне будут так же погибать, как французские или английские. Голод, эпидемии, одичание сметут различие политических режимов и границы государств. Нынешние средства истребления так чудовищны, что человечество не выдержит, вероятно, и нескольких месяцев войны. Отчаяние, возмущение, ненависть толкнут народные массы всех воюющих стран на восстание с оружием в руках. Социалистическая революция непредотвратима".

Но вместе с тем подчас высказывались и более или менее трезвые и точные прогнозы и предположения. Уже через три недели после немецкой атаки на Польшу Троцкий предрекал, что "при затяжной войне Гитлер идет к величайшей катастрофе. Но весь вопрос в сроках и темпах. На пути к пропасти Гитлер может не только разгромить Польшу, но и нанести СССР тяжкие удары, которые будут стоить кремлевской олигархии головы". Впрочем, вполне обоснованные прогнозы вновь и вновь сочетались с совершенно невероятными предположениями. Таким было, например, весьма пессимистическое мнение о судьбе евреев не только в случае войны, но и независимо от нее (писалось это в декабре 1938 г.): "Можно без труда представить себе, что ждет евреев в самом начале будущей мировой войны. Но и без войны дальнейшее развитие мировой реакции означает почти с неизбежностью физическое уничтожение еврейства".

Несмотря на идеологическую предвзятость, порой совершенно открыто провозглашалась политическая целесообразность, оговариваемая, естественно, весьма общими идеологемами. Ставя, например, вопрос, какую позицию должен занять мировой рабочий класс в случае гипотетического военного конфликта "демократической" Великобритании с "фашистской" Бразилией (в обоих случаях кавычки поставлены Троцким, хотя мы бы также их использовали, если бы их не было в оригинале), он отвечал: "...Я буду в данном случае на стороне фашистской Бразилии", ибо ее победа "даст толчок национальному и демократическому сознанию страны".

Часть документов предлагаемого тома связана с пребыванием в Западной Европе нескольких "невозвращенцев" - отказавшихся выехать в СССР бывшего советского дипломата А.Бардина, видных разведчиков В.Кривицкого, И.Порецкого (Райсса, Людвиг) и его жены Елизаветы Порецкой. Эти материалы свидетельствуют, что Троцкий возлагал немалые надежды на использование названных лиц в политических интересах IV Интернационала, прежде всего с точки зрения той уникальной информации о положении дел в СССР, которой эти лица располагали и могли предоставить.

О контактах с названными лицами, находившимися в 1938-1939 гг. в основном во Франции (кроме Порецкого, который в 1937 г. был убит агентами НКВД в Швейцарии), речь шла, в частности, в переписка Троцкого с

М.Зборовским (Этьеном) и Л.Эстрин, которые после смерти в 1938 г. сына Троцкого Л.Л.Седова осуществляли в Париже издание "Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)" - по существу дела личного периодического органа Троцкого на русском языке.

Троцкий, обычно ведший себя весьма осторожно и даже подозрительно, во взаимоотношениях с ними проявлял полное доверие. Лилия Эстрин этого доверия заслуживала (впрочем, она была в основном техническим работником). Что же касается Зборовского, то он был тайным агентом НКВД, с помощью которого советские спецслужбы проникали в самые сокровенные секреты международного движения сторонников Троцкого. Тем более показательно послушное, буквальное следование Зборовского указаниям Троцкого даже в тех случаях, когда речь шла о случайном недоразумении, например в описке, обнаруженной в письме шефа (с одним таким случаем мы встретимся в томе).

Некоторые из этих материалов связаны с обстоятельствами смерти Л.Л.Седова. Представляется, однако, имея в виду истинный характер личности и деятельности Марка Зборовского, что они не столько освещают последние дни жизни сына Троцкого, сколько искажают их действительную картину. По всей видимости, Зборовский не был физическим убийцей Седова в парижской больнице, куда он попал с приступом аппендицита и где ему сделали успешную операцию, через несколько дней после которой он внезапно скончался. Но каким-то образом Этьен приложил руку к ликвидации Седова. Сам же факт убийства, которое Зборовский и Эстрин решительно отрицали, действительно имел место скорее всего по "наводке" Этьена. Это подтверждает бывший ответственный сотрудник советских спецслужб Петр Дерябин, бежавший на Запад, которому говорили в КГБ, что Седов действительно был ликвидирован московскими агентами¹. Косвенно эти сведения подтверждает в своих воспоминаниях и вдова И.Порецкого, свидетельствующая, что за Седовым и другими коммунистическими отступниками постоянно наблюдали агенты НКВД С.Ефрон (муж М.Цветаевой), Д.Смиренский, Р.Шнайдер².

Вряд ли в полной мере прав бельгийский сторонник Л.Д.Троцкого Ж.Вареекен, писавший в своих мемуарах: "Путем искусных маневров и изобретательных трюков они (агенты НКВД - Ю.Ф. и Г.Ч.) смогли превратить неизбежные политическые различия в обычные ссоры и личную борьбу, морально и физически ликвидируя как революционных лидеров, так и, когда их миссия завершалась, самих агентов"³. НКВД не был настолько всесильным, конфликты и дразги были постоянно присущи движению последователей Троцкого, как и любой иной политической или идеологической секте, склонной, согласно американской поговорке, которую любил повторять Троцкий, к расщеплению волос. Но сам по себе факт активнngo использования конфликтов советскими агентами, безусловно, имел место.

Проживая в Мексике, Троцкий внимательно следил за бурными политическими перипетиями, свойственными развитию этой страны во второй половине 30-х годов, в частности связанными с национализацией по инициативе президента Ласаро Карденаса нефтяных и других природных богатств.

Троцкий формально соблюдал свое обязательство не вмешиваться во внутренние дела Мексики. Многократно выступая в печати по вопросам, связанным с мексиканскими сюжетами, он публиковал свои статьи без подписи, под псевдонимами или даже за подписью Диего Риверы. Сохранение подлинников в архиве, лишь часть из которых публикуется в данном томе, позволяет установить авторство Троцкого бесспорно. Обилие, фактическое преобладание публицистических выступлений, посвященных Мексике, а также другим латиноамериканским странам, свидетельствует, что в определенной мере Троцкий в последние годы жизни стал превращаться из международного в регионального деятеля, причем в деятеля того региона, языками которого он не владел и о котором имел не весьма глубокие знания.

Покровительство Риверы, краткий, но бурный роман с его молодой женой, талантливой художницей Фридой Кало, встречи с известным французским писателем-сюрреалистом Андре Бретоном, недолгое время поддерживавшим организации сторонников Троцкого, стимулировали эстетические интересы лидера коммунистического оппозиционного движения, получившие выражение в нескольких эссе, публикуемых в данном томе. Обращают на себя внимание некоторые пассажи, которые звучали неординарно и даже парадоксально для Троцкого. Так, в статье "За свободное революционное искусство!" (июль 1938 г.) он провозглашал: "Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить социалистический режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить анархический режим индивидуальной свободы. Никакой власти, никакого принуждения, ни малейших следов командования!" Были ли эти и подобные им высказывания выражением искреннего поворота к плюрализму в области художественной культуры или же они являлись лишь тактическим ходом, продиктованным общением с выдающимися творцами? Весь строй мышления, политических и организационных концепций Троцкого свидетельствует, на наш взгляд, в пользу второго предположения.

Почти все материалы с конца мая 1940 г. связаны с расследованием бандитского нападения на дом Троцкого в ночь на 24 мая того же года. То, что сталинские агенты готовят покушение на его жизнь, он понимал и в предыдущие годы. Сталин готовит против него "другие меры, гораздо более действенные", - был убежден Троцкий еще в феврале 1938 г. Московский заказ состоит в том, чтобы "создать благоприятную атмосферу для расправы" - в самой Мексике, писал он в сентябре.

После же покушения 24 мая 1940 г. Троцкому стало полностью ясно, что советский диктатор, приговоривший его к смерти, полон решимости привести свой приговор в исполнение в самом близком времени. Директива о нападении 24 мая могла исходить только из Кремля, только лично от Сталина, через заграничную агентуру советских спецслужб, убеждал он мексиканские следственные власти и общественное мнение. Тайные московские агенты бесспорно готовят новое покушение, разъяснял он.

Может быть, именно потому, что Троцкий связывал напрямую имя

"кремлевского горца" с подготовкой его убийства, мексиканские следственные органы действовали весьма осторожно, и главный бандит Сикейрос отделался, как это ни чудовищно звучит, легким испугом. Через много лет, в 1960 г., этот художник в штатском бессовестно врал: "Наша главная цель или глобальная задача всей операции состояла в следующем: захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития. Мы считали, что смерть Троцкого или кого-либо из его сообщников не остановит развития троцкизма как международного движения"⁴.

Бежав из Мексики с помощью чилийского коммуниста поэта Пабло Неруды, Сикейрос уже тогда вводил мир в заблуждение, утверждая, что намеревался не убить Троцкого, а только выразить протест против его пребывания в Мексике⁵.

Эта ложь именитого сталинца опровергается многими документами, с которыми читатель встретится в данном томе.

В конце тома публикуются предисловие и фрагменты книги Троцкого о Ленине, над которой он работал в течение ряда лет, но так и не вышел за пределы подготовки первоначального варианта первых разделов. Важной особенностью публикуемых текстов является стремление представить молодого Ульянова в развитии, в процессе перехода от народничества к марксизму. Такой подход был развит современной западной историографией, представители которой подчас ссылаются на взгляды Троцкого.

*

В предлагаемый том, как и в предыдущие, вошли статьи, заявления, интервью, письма, беседы Л.Д.Троцкого. Включены также несколько писем Л.Эстрина и М.Зборовского, адресованных Троцкому.

Почти все публикуемые документы хранятся в Архиве Л.Д.Троцкого (Хогтонская библиотека Гарвардского университета). Отдельные документы взяты из Коллекции Б.И.Николаевского в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США) и из Коллекции Ч.Маламута в Бахметьевском архиве (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США).

На русском языке материалы ранее не публиковались, но часть из них была издана на английском, французском и немецком языках. Все они здесь приведены в соответствии с архивными первоисточниками.

В конце тома публикуются примечания и указатели имен и географических названий.

Редактором-составителем тома является доктор исторических наук Ю.Г.Фельштинский. Предисловие, примечания, указатели подготовлены Ю.Г.Фельштинским и доктором исторических наук Г.И.Чернявским. Ими же проведена археографическая работа над текстом в соответствии с теми методами, которые были нами сформулированы во вступительной статье ко всему изданию (см. т. 1). В работе над текстами, связанными с историей Китая, принимал участие доктор исторических наук А.В.Панцов.

Мы вновь выражаем глубокую благодарность администрациям архивов, предоставивших нам право публикации документов из их фондов.

-
- 1 Deriabin P., Bagley T.H. KGB: Masters of the Soviet Union. - New York, 1990. - P. 262.
  - 2 Poretzky E. Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends. - Ann Arbor, 1969. - P. 238.
  - 3 Vareeken G. The KGB in the Trotskyist Movement. - Clapham, 1976. - P. 355.
  - 4 Енко К. и Т. Частная жизнь вождей: Ленин, Сталин, Троцкий. - М., 2000. - С. 369.
  - 5 Andrew Ch., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. - New York, 1990. - P. 170.
  - 6 См., например: Pomper Ph. Lenin, Trotsky, and Stalin: The Intelligentsia and Power. - New York, 1990. - P. 21-50.

1938

Предисловие¹

Скажем сразу: одного того обстоятельства, что автор этой книги принадлежит к школе исторического материализма, было бы совершенно недостаточно, чтобы завоевать наши симпатии к его работе. В нынешних условиях марксистская этикетка способна была бы внушить нам скорее недоверие, чем предвзятое расположение. В тесной связи с перерождением советского государства марксизм прошел за последние полтора десятилетия через период небывалого упадка и унижения. Из орудия анализа и критики он стал орудием низкопробной апологетики. Вместо исследования фактов он занимается подбором софизмов в интересах высоких заказчиков.

В китайской революции 1925-1927 гг. Коминтерн играл очень большую роль, которую эта книга изображает с достаточной полнотой. Тщетно стали бы мы, однако, искать в библиотеке Коминтерна книгу, которая пыталась бы дать сколько-нибудь законченное представление о китайской революции. Зато мы найдем десятки "конъюнктурных" произведений, покорно отражающих отдельные зигзаги Коминтерна, вернее, советской дипломатии в Китае, и подчиняющих каждому зигзагу факты и общую концепцию. В противоположность этой литературе, которая ничего, кроме интеллектуального отвращения, вызывать не может, книга Айзекса представляет с начала до конца научный труд. Она основана на добросовестном изучении огромного количества источников и пособий. Айзекс отдал этой работе более двух лет. Надо прибавить, что он провел до того около 6 лет в Китае, в качестве журналиста и наблюдателя китайской жизни.

Автор этой книги подходит к революции как революционер, и он не видит основания скрывать это. В глазах филистера революционная точка зрения почти

равносильна отсутствию научной объективности. Мы думаем как раз наоборот: вскрыть объективную динамику революции способен только революционер, разумеется, при условии, что он вооружен научным методом. Познающая мысль вообще не созерцательна, а активна. Элемент воли необходим для проникновения в тайны природы и общества. Как хирург, от ланцета которого зависит человеческая жизнь, гораздо внимательнее различает ткани организма, так и революционер, если он серьезно относится к своей задаче, вынужден с предельной добросовестностью исследовать строение общества, его функции и рефлексы.

Чтобы понять нынешнюю войну между Японией и Китаем, необходимо точкой исхода взять вторую китайскую революцию. В обоих этих случаях мы встречаем не только одни и те же силы, но зачастую одни и те же фигуры. Достаточно сказать, что фигура Чан Кайши занимает в этой книге центральное место. В часы, когда пишутся эти строки, трудно еще предсказать, когда и каким образом японо-китайская война будет завершена. Но исход нынешнего столкновения на Дальнем Востоке будет во всяком случае иметь лишь провизорный характер². Мировая война, которая надвигается с непреодолимой силой, пересмотрит китайскую проблему, как и все остальные проблемы колониальных владений. В этом ведь и будет состоять действительная задача второй мировой войны: размежевать заново планету в соответствии с новым соотношением империалистских сил. Главной ареной борьбы будет, конечно, не Средиземное море, лохань лилипутов, и даже не Атлантический океан, а бассейн Тихого океана. Важнейшим объектом борьбы будет Китай, почти четверть человечества. Судьба Советского Союза - второй большой ставки в грядущей войне - также будет до некоторой степени решаться на Дальнем Востоке. Готовясь к этой схватке титанов, Токио пытается ныне обеспечить себе как можно более широкий плацдарм на азиатском континенте. Великобритания и Соединенные Штаты тоже не теряют времени. Можно, однако, с уверенностью предсказать, - и это признают, в сущности, нынешние вершители судеб, - что и мировая война не будет последней инстанцией: она поведет за собой новый ряд революций, которые пересмотрят не только решения войны, но и те условия собственности, которые порождают войны.

Эта перспектива, надо признать, очень далека от идиллии. Но Клио³, муза истории, никогда не принадлежала к обществу пацифистских дам. Старшее поколение, прошедшее через войну 1914-1918 гг. не справилось ни с одной из своих задач. Оно оставляет в наследство новому поколению ношу войн и революций. Эти наиболее значительные и трагические события человеческой истории часто шли рядом. Теперь они готовятся окончательно образовать фон грядущих десятилетий. Остается пожелать, чтобы новое поколение, которое не может по произволу выскочить из унаследованных им условий, научилось, по крайней мере, лучше понимать законы своей эпохи. Для ознакомления с китайской революцией 1925-1927 гг. оно не найдет сегодня лучшего руководства, чем эта книга.

При всем неоспоримом величии англосаксонского гения нельзя не видеть,

что именно в англосаксонских странах хуже всего понимают законы революций. Это объясняется, с одной стороны, тем, что само явление революции в этих странах относится к давно прошедшему прошлому и вызывает у официальных "социологов" снисходительную улыбку, как шалости детства. С другой стороны, столь характерный для англосаксонского мышления прагматизм меньше всего пригоден для понимания революционных кризисов.

Английская революция XVII века, как и французская - XVIII, имели своей задачей рационализировать структуру общества, т. е. очистить его от феодальных сталактитов и сталагмитов⁴ и подчинить законам свободной конкуренции, которые в ту эпоху казались законами "здорового смысла". Пуританская революция рядилась при этом в библейские наряды, обнаруживая тем чисто детскую неспособность понять свой собственный смысл. Французская революция, оказавшая значительное влияние на прогрессивную мысль Соединенных Штатов, руководствовалась формулами чистого рационализма. Здравый смысл, который еще боится себя и прибегает к маске библейских пророков, или секуляризованный здравый смысл, который рассматривает общество, как продукт разумного "договора", являются до настоящего времени основными формами англосаксонского мышления в области философии и социологии.

Между тем реальное историческое общество построено не по Руссо⁵, на разумном "договоре", и не по Бентаму⁶, на принципе "общей пользы", а сложилось "иррационально", на противоречиях и антагонизмах. Чтобы революция стала неизбежна, классовые противоречия должны достигнуть предельного напряжения. Именно эта историческая фатальность столкновения, зависящего не от доброй или злой воли, а от объективного взаимоотношения классов, и делает революцию, наряду с войной, наиболее драматическим выражением "иррациональной" основы исторического процесса.

"Иррациональный" - не значит, однако, произвольный. Наоборот, в молекулярной подготовке революции, в ее взрыве, в ее подъеме, в ее упадке заложена глубокая внутренняя закономерность, которую можно познать и в основном предвидеть заранее. Революции, как не раз говорилось, имеют свою логику. Но это не логика Аристотеля, и еще меньше прагматическая полулогика "здорового смысла". Это более высокая функция мысли: логика развития и его противоречий, т. е. диалектика.

Упорство англосаксонского прагматизма и его враждебность диалектическому мышлению имеют, таким образом, свои материальные причины. Как поэт не может постигнуть диалектику чувств по книгам, без собственных переживаний, так благополучное общество, отвыкшее от потрясений и привыкшее к непрерывному "прогрессу", неспособно понять диалектику собственного развития. Однако слишком очевидно, что эта привилегия англосаксонского мира отошла в прошлое. История собирается дать Великобритании, как и Соединенным Штатам, серьезные уроки диалектики.

*

Автор этой книги пытается вывести характер китайской революции не из

априорных определений и не их исторических аналогий, а из живого строения китайского общества и динамики его внутренних сил. В этом главная методологическая ценность книги. Читатель ее не только вынесет более связное представление о ходе событий, но, что еще важнее, научится понимать их основные социальные пружины. Только на этой основе можно правильно оценивать политические программы и лозунги борющихся партий, которые являются наиболее демонстративными, но не самостоятельными, и в последнем счете, не решающими элементами процесса.

По своим непосредственным целям незавершенная китайская революция является "буржуазной". Однако этот термин, который употребляется как простой отзвук буржуазных революций прошлого очень мало, в сущности, подвигает нас вперед. Чтобы историческая аналогия не превратилась в ловушку для мысли, необходимо проверять ее в свете конкретного социального анализа. Каковы те классы, которые борются в Китае? Каковы взаимоотношения этих классов? В каком направлении изменяются эти взаимоотношения? Каковы объективные, т. е. продиктованные ходом развития, задачи китайской революции? На плечи каких классов ложится разрешение этих задач? Какими методами эти задачи могут быть разрешены? Именно на эти вопросы отвечает книга Айзекса.

Колониальные и полуколониальные, следовательно, отсталые страны, составляющие значительно большую половину человечества, чрезвычайно отличаются друг от друга по степени отсталости, представляя историческую лестницу от кочевого быта и даже людоедства до новейшей индустриальной культуры. Сочетания крайностей характеризуют в той или иной степени каждую из отсталых стран. Однако иерархия отсталости, если позволено такое выражение, определяется удельным весом элементов варварства и культуры в жизни каждой из колониальных стран. Экваториальная Африка далеко отстоит от Алжира, Парагвай - от Мексики, Абиссиния - от Индии или Китая. При общей их экономической зависимости от метрополий империализма политическая зависимость носит в одних случаях характер открытого колониального рабства, в других прикрывается фикцией государственной самостоятельности (Китай, Латинская Америка).

В аграрных отношениях отсталость находит свое наиболее органическое и жестокое выражение. Ни одна из этих стран не проделала сколько-нибудь глубоко своей демократической революции. Половинчатые аграрные реформы рассыпаются полукрепостническими отношениями, которые неизбежно возрождаются на почве нищеты и гнета. Аграрное варварство идет всегда рука об руку с бездорожеством, разобщенностью провинций, "средневековым" партикуляризмом, отсутствием национального сознания. Очищение социальных отношений от остатков старого и от наслоений нового феодализма является важнейшей задачей во всех этих странах.

Однако осуществление аграрной революции немислимо при сохранении зависимости от иностранного империализма, который одной рукой насаждает капиталистические отношения, а другой поддерживает и воссоздает все формы рабства и крепостничества. Борьба за демократизацию общественных отношений и

создание национального государства неразрывно переходит, таким образом, в открытое восстание против иностранного господства.

Историческая отсталость означает не простое воспроизведение развития передовых стран, Англии или Франции, с запозданием на сто, двести или триста лет, а порождает совершенно новую, "комбинированную" социальную формацию, в которой последние завоевания капиталистической техники и структуры внедряются в отношения феодального и дофеодального варварства, преобразуют и подчиняют их себе, создавая своеобразное соотношение классов.

Ни одна из задач "буржуазной" революции не может быть разрешена в этих запоздалых странах под руководством "национальной" буржуазии, ибо последняя сразу поднимается на иностранных помочах как чуждый и враждебный народу класс. Каждый этап в ее развитии лишь теснее связывает ее с иностранным финансовым капиталом, агентурой которого она, по существу, является. Мелкая буржуазия колоний, ремесленная и торговая, первая падает жертвой неравной борьбы с иностранным капиталом, впадает в экономическое ничтожество, деклассируется, пауперизируется и не может думать о самостоятельной политической роли. Крестьянство, наиболее многочисленный и разобщенный, наиболее отсталый и угнетенный класс, способно на местные восстания и партизанские войны, но нуждается в руководстве более передового и централизованного класса для того, чтобы эта борьба поднялась до общенационального уровня. Задача такого руководства естественно ложится на колониальный пролетариат, который с первых шагов противостоит не только иностранной, но и своей, национальной буржуазии.

Из конгломерата провинций и племен, связанных географическим соседством и бюрократическим аппаратом, капиталистическое развитие сделало Китай некоторым подобием экономического целого. Революционное движение масс впервые перевело это возросшее единство на язык национального сознания. В стачках, аграрных восстаниях и военных походах 1925-1927 гг. родился новый Китай. В то время, как связанные со своей и иностранной буржуазией генералы умели только раздирать страну на части, китайские рабочие стали носителями непреодолимого стремления к национальному единству. Это движение представляет несомненную аналогию с борьбой французского третьего сословия против партикуляризма или с позднейшей борьбой немцев и итальянцев за национальное объединение. Но в отличие от первоначальных стран капитализма, где проблема национального единства ложилась на мелкую буржуазию, отчасти под руководством крупной буржуазии и даже помещиков (Пруссия!), в Китае главной движущей и потенциально руководящей силой выступил в этом движении пролетариат. Но именно этим он создавал для буржуазии ту опасность, что руководство объединенным отечеством окажется не в ее руках. Патриотизм на всем протяжении истории был неразрывно связан с властью и собственностью. Правящие классы никогда не останавливались в случае опасности перед раздроблением собственной страны, если при этом могли сохранить власть над одной из ее частей. Нет поэтому ничего удивительного, если китайская буржуазия в лице Чан Кайши повернула в 1927 г. свое оружие против

пролетариата, носителя национального единства. Изображение и объяснение этого поворота, занимающее центральное место в книге Айзекса, дает ключ к пониманию основных проблем китайской революции, как и нынешней китайско-японской войны.

Так называемая "национальная" буржуазия терпит все виды национального унижения до тех пор, пока может надеяться сохранить свое привилегированное существование. Но с того момента, когда иностранный капитал ставит своей задачей безраздельно овладеть всеми богатствами страны, колониальная буржуазия вынуждена вспомнить о "национальных" обязанностях. Под давлением масс она может оказаться даже ввергнутой в войну. Но это будет война против одного из империализмов, наименее сговорчивого, с надеждой перейти на службу к другому, более великодушному. Чан Кайши борется против японских насильников лишь в тех пределах, которые ему указаны его великобританскими или американскими покровителями. Довести до конца освободительную борьбу против империализма способен только тот класс, которому нечего терять, кроме своих цепей.

Развитые выше соображения об особом характере "буржуазных" революций в исторически запоздалых странах ни в каком случае не являются продуктом одного лишь теоретического анализа. Уже до второй китайской революции (1925-1927 гг.) они прошли через грандиозную историческую проверку. Опыт трех русских революций (1905 г., февраль 1917 г., октябрь 1917 г.) имеет для XX века не меньшее значение, чем опыт Франции имел для XIX. Для понимания новейших судеб Китая читателю необходимо иметь перед глазами борьбу концепций в русском революционном движении, ибо эти концепции оказывали и оказывают прямое и притом могущественное влияние на политику китайского пролетариата, и косвенное - на политику китайской буржуазии.

Именно вследствие своей исторической отсталости царская Россия оказалась единственной европейской страной, где марксизм как доктрина и социал-демократия как партия получили мощное развитие еще до буржуазной революции. Естественно, если проблема соотношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм или между буржуазной революцией и социалистической подверглась теоретической разработке именно в России. Первым поставил эту проблему в начале 80-х годов прошлого столетия родоначальник русской социал-демократии Плеханов. В борьбе против так называемого народничества, этой разновидности социалистического утопизма, Плеханов установил, что Россия не имеет никаких оснований рассчитывать на привилегированные пути развития; что, подобно "профанным" нациям, она должна будет пройти через стадию капитализма и что именно на этом пути она завоеует режим буржуазной демократии, необходимой для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм. Плеханов не только отделял буржуазную революцию как очередную задачу от социалистической революции, которая отодвигалась им в неопределенное будущее, но и рисовал для каждой из этих революций совершенно отличную комбинацию сил. Буржуазную революцию пролетариат совершает в союзе с либеральной буржуазией и тем помогает расчистить путь для

капиталистического прогресса; через ряд десятилетий, на высоком уровне капиталистического развития, пролетариат совершает социалистическую революцию в прямой борьбе против буржуазии.

Ленин - правда, не сразу - пересмотрел эту доктрину. С гораздо большей силой и последовательностью, чем Плеханов, он выдвинул в начале этого столетия аграрный вопрос, как центральную проблему буржуазной революции в России. Вместе с тем он пришел к выводу, что либеральная буржуазия враждебна экспроприации помещичьего землевладения и именно поэтому стремится к компромиссу с монархией на основе конституции прусского образца. Плехановской идее союза пролетариата с либеральной буржуазией Ленин противопоставил идею союза пролетариата с крестьянством. Задачей революционного сотрудничества этих двух классов он объявил установление "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", как единственного средства очистить царскую империю от феодально-полицейского хлама, создать свободное фермерство и проложить дорогу развитию капитализма по американскому образцу. Формула Ленина представляла огромный шаг вперед, поскольку, в отличие от формулы Плеханова, правильно указывала центральную задачу революции, а именно демократический переворот аграрных отношений, и столь же правильно намечала единственно реальную комбинацию классовых сил для разрешения этой задачи. Но до 1917 г. мысль самого Ленина оставалась связана традиционной концепцией "буржуазной" революции. Подобно Плеханову, Ленин исходил из того, что только после "доведения буржуазно-демократической революции до конца" станут в порядок дня задачи социалистической революции, причем именно Ленин, в противовес сфабрикованной позже эпигонами легенде, считал, что после завершения демократического переворота крестьянство, как крестьянство, не сможет оставаться союзником пролетариата. Свои социалистические надежды Ленин возлагал на сельскохозяйственных батраков и полупролетаризированных крестьян, продающих свою рабочую силу.

Слабым пунктом в концепции Ленина было внутренне противоречивое понятие "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Политический блок двух классов, интересы которых только частично совпадают, исключает диктатуру. Ленин сам подчеркивал основное ограничение "диктатуры пролетариата и крестьянства", когда открыто называл ее буржуазной. Он хотел этим сказать, что ради сохранения союза с крестьянством пролетариат должен в ближайшую революцию отказаться от непосредственной постановки социалистических задач. Но это именно означало бы, что пролетариат отказывался от диктатуры. В чьих руках должна была в таком случае сосредоточиться революционная власть? В руках крестьянства? Но оно меньше всего способно на такую роль.

Эти вопросы Ленин оставлял без ответа до своих знаменитых тезисов 4 апреля 1917 г. Только здесь он впервые порвал с традиционным понятием "буржуазной революции" и с формулой "буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства". Он провозгласил борьбу за диктатуру пролетариата, как единственное средство довести до конца аграрную революцию

и обеспечить свободу угнетенных национальностей. Но режим пролетарской диктатуры по самой природе своей не может ограничивать себя рамками буржуазной собственности. Господство пролетариата автоматически ставит в порядок дня социалистическую революцию, которая в этом случае не отделена от демократической каким-либо историческим периодом, а непрерывно связана с нею, точнее сказать, органически вырастает из нее. Каким темпом пойдет социалистическое преобразование общества и каких рубежей оно достигнет уже в ближайший период, будет зависеть не только от внутренних, но и от внешних условий. Русская революция есть только звено международной. Такова была в основных чертах сущность концепции перманентной (непрерывной) революции. Именно эта концепция обеспечила Октябрьскую победу пролетариата.

Но такова зловещая ирония истории: опыт русской революции не только не помог китайскому пролетариату, но наоборот, - в реакционно искаженной форме, - стал одним из главных препятствий на его пути. Коминтерн эпигонов начал с того, что канонизировал для стран Востока ту формулу "демократической диктатуры пролетариата и крестьянства", которую Ленин под влиянием исторического опыта признал негодной. Как всегда бывает в истории, пережившая себя формула послужила для того, чтобы прикрыть политическое содержание, прямо-таки противоположное тому, какому эта формула в свое время служила. Массовый, плебейский, революционный союз рабочих и крестьян, закрепленный через свободно избранные советы как непосредственные органы действия Коминтерн подменил бюрократическим блоком партийных центров. Право представлять в этом блоке крестьянство неожиданно получил Гоминьдан, т. е. насквозь буржуазная партия, кровно заинтересованная в сохранении капиталистической собственности не только на средства производства, но и на землю. Союз пролетариата и крестьянства был расширен до "блока четырех классов": рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и так называемой "национальной" буржуазии. В таком блоке руководство не могло не принадлежать наиболее консервативной его части, т. е. буржуазии. Другими словами, Коминтерн принял отброшенную Лениным формулу только для того, чтобы открыть дорогу политике Плеханова, притом в наиболее зловредной, ибо замаскированной форме.

В оправдание политического подчинения пролетариата буржуазии теоретики Коминтерна (Сталин-Бухарин) ссылались на факт империалистического гнета, который толкает будто бы к союзу "все прогрессивные силы страны". Но именно такова была в свое время аргументация русских меньшевиков с той разницей, что место империализма у них занимал царизм. На деле подчинение Гоминьдану китайской коммунистической партии означало разрыв ее с движением масс и прямую измену их историческим интересам. Так под непосредственным руководством Москвы была подготовлена катастрофа второй китайской революции.

Многим политическим филистерам, которые в политике склонны научный анализ заменять догадками "здравого смысла", споры русских марксистов о природе революции и о динамике ее классовых сил казались простой схоластикой. Исторический опыт обнаружил, однако, глубоко жизненное значение

"доктринерских формул" русского марксизма. Кто не понял этого еще и сегодня, того книга Айзекса может многому научить. Политика Коминтерна в Китае убедительно показала, во что превратилась бы русская революция, если бы меньшевики и эсеры не были своевременно сброшены большевиками. Концепция перманентной революции получила в Китае новое подтверждение, на этот раз не в виде победы, а в виде катастрофы.

Было бы, разумеется, недопустимо отождествлять Россию и Китай. При наличии важных общих черт различия слишком очевидны. Но нетрудно убедиться, что эти различия не ослабляют, а, наоборот, усиливают основные выводы большевизма. В известном смысле царская Россия тоже являлась колониальной страной, и это выражалось в преобладающей роли иностранного капитала. Но русская буржуазия пользовалась неизмеримо большей независимостью от иностранного империализма, чем китайская: Россия сама была империалистской страной. При всей своей скудности русский либерализм имел значительно более серьезные традиции и опорные базы, чем китайский. Влево от либерализма стояли сильные мелкобуржуазные партии, революционные или полуреволюционные по отношению к царизму. Партия социалистов-революционеров сумела найти значительную опору в крестьянстве, главным образом, в верхних его слоях. Социал-демократическая партия (меньшевики) вела за собой широкие круги городской мелкой буржуазии и рабочей аристократии. Именно эти три партии - либералы, социалисты-революционеры и меньшевики - долго готовили и окончательно сформировали в 1917 г. коалицию, которая в тот период еще не называлась "народным фронтом", но несла все его черты. В противовес этому большевики, начиная с кануна революции 1905 г., занимали непримиримую позицию по отношению к либеральной буржуазии. Только эта политика, достигшая высшего своего выражения в "пораженчестве" 1914-1917 гг., и позволила большевистской партии завоевать власть.

Отличия Китая от России: несравненно большая зависимость китайской буржуазии от иностранного капитала, отсутствие самостоятельных революционных традиций у мелкой буржуазии, массовая тяга рабочих и крестьян к знамени Коминтерна - требовали еще более непримиримой, если возможно, политики, чем в России. Между тем китайская секция Коминтерна по команде Москвы отреклась от марксизма, признав реакционно-схоластические "принципы Сунь Ятсена", и вступила в состав Гоминьдана, подчинившись его дисциплине, другими словами, пошла гораздо дальше по пути подчинения буржуазии, чем когда-либо заходили русские меньшевики или социалисты-революционеры. Та же гибельная политика повторяется ныне в обстановке войны с Японией.

Каким образом вышедшая из большевистской революции бюрократия может применять в Китае, как и во всем мире, методы, в корне противоположные большевизму? Ответить на этот вопрос ссылками на неспособность или невежество тех или других лиц было бы слишком поверхностно. Суть дела в том, что вместе с новыми условиями существования бюрократия усвоила себе новые методы мышления. Большевистская партия руководила массами. Бюрократия стала командовать ими. Возможность руководства большевики завоевали тем, что

правильно выражали интересы масс. Бюрократия вынуждена прибегать к командованию, чтобы обеспечить свои интересы против масс. Метод командования, естественно, распространился и на Коминтерн. Московские лидеры стали всерьез воображать, что могут заставить китайскую буржуазию идти влево от ее интересов, а китайских рабочих и крестьян - вправо, по диагонали, начертанной из Кремля. Между тем сама суть революции состоит в том, что эксплуатируемые, как и эксплуататоры, дают своим интересам наиболее крайнее выражение. Если бы враждебные классы могли двигаться по диагонали, не нужна была бы гражданская война. Вооруженная авторитетом Октябрьской революции и Коминтерна, не говоря уж о неисчерпаемых финансовых ресурсах, бюрократия превратила молодую китайскую коммунистическую партию в самый важный момент революции из двигателя в тормоз. В отличие от Германии и Австрии, где бюрократия имела возможность переложить часть ответственности за поражение на социал-демократию, в Китае социал-демократии не было. Китайскую революцию монополюльно погубил Коминтерн.

Господство Гоминьдана на значительной части китайской территории было бы невозможно без могущественного национально-революционного движения масс 1924-[192]7 гг. Разгром этого движения, с одной стороны, сосредоточил власть в руках Чан Кайши, с другой, обрек Чан Кайши на полумеры в борьбе с империализмом. Понимание хода китайской революции имеет, таким образом, самое непосредственное значение для понимания хода японо-китайской войны. Историческая работа получает тем самым актуальнейшее политическое значение.

Война и революция будут переплетаться в ближайшей истории Китая. Замысел Японии: закабалить навсегда или по крайней мере надолго гигантскую страну при помощи господства над ее стратегическими позициями, характеризуется не только жадностью, но и тупоумием. Япония пришла слишком поздно. Раздираемая внутренними противоречиями империя Микадо не может повторить историю британского восхождения. С другой стороны, Китай далеко ушел вперед от Индии 17-18 веков. Старые колониальные страны все с большим успехом ведут ныне борьбу за свою национальную независимость. При этих исторических условиях, даже если бы нынешняя война на Дальнем Востоке закончилась победой Японии и если бы самой победительнице удалось избежать в ближайшие годы внутренней катастрофы, - а и то, и другое ни в малой мере не обеспечено, - господство Японии над Китаем измерялось бы очень коротким периодом, может быть, лишь немногими годами, необходимыми для того, чтобы дать новый толчок экономической жизни Китая и мобилизовать заново его рабочие массы.

Уже сейчас крупные японские тресты и концерны тянутся по следам армии, чтобы делить еще не обеспеченную добычу. Токийское правительство пытается в плановом порядке регулировать аппетиты финансовых клик, рвущих на части северный Китай. Если бы Японии удалось задержаться на завоеванных позициях в течение каких-нибудь десяти лет, это означало бы прежде всего лихорадочную индустриализацию северного Китая в военных интересах японского империализма. Быстро возникли бы новые железнодорожные линии, шахты, электростанции,

горные и металлургические предприятия, хлопковые плантации. Поляризация китайской нации получила бы лихорадочный толчок. Новые сотни тысяч и миллионы китайских пролетариев были бы мобилизованы в кратчайший срок. С другой стороны, китайская буржуазия попала бы в еще большую зависимость от японского капитала и еще менее, чем в прошлом, оказалась бы способной стать во главе национальной войны, как и национальной революции. Лицом к лицу с иностранным насильником оказался бы численно возросший, социально окрепший, революционно возмужавший китайский пролетариат, признанный вождем китайской деревни. Ненависть к иностранному поработителю - могущественный революционный цемент. Новая национальная революция будет, надо думать, поставлена в порядок дня еще при жизни нынешнего поколения. Чтобы разрешить лежащую на нем задачу, авангард китайского пролетариата должен усвоить до конца уроки второй китайской революции. Книга Айзекса может послужить ему в этом смысле незаменимым пособием. Остается пожелать, чтобы она была переведена на китайский, как и на другие иностранные языки.

Л.Троцкий

5 января 1938 г.

Койоакан

[Письмо Д.Макдоналду7]

Mr. Dwight MacLonald

"Partisan Review"8

New York, N[ew] Y[ork]9

20 января 1938 г.

Дорогой г. Макдоналд,

Я буду с вами говорить с полной откровенностью, так как умалчивание или неискренняя полупохвала означали бы неуважение к вам и к вашему предприятию.

Мое общее впечатление таково, что редакторы "Партизан Ревью" - способные, образованные и интеллигентные люди, но что им нечего сказать. Они ищут таких тем, которые неспособны никого задеть, но зато мало способны кому-нибудь что-нибудь дать. Я никогда не наблюдал и не слышал, чтобы группа с такого рода настроениями имела успех, т. е. завоевала влияние и оставила в истории мысли какой-либо след.

Заметьте: я совершенно не касаюсь содержания ваших идей (хотя бы уже потому, что из вашего журнала я их не вижу). "Независимость" и "свобода" есть два пустых места. Но я готов допустить, что "независимость" и "свобода", как вы их понимаете, представляют какие-то действительные культурные ценности. Прекрасно! Но тогда нужно защищать их с мечом или, по крайней мере, с бичом в руке. Каждое новое художественное или литературное направление (натурализм10, символизм11, футуризм12, кубизм13, экспрессионизм14 и пр. и пр.) начиналось со "скандала", било старую почтенную посуду и подставляло многим незыблемым авторитетам синяки. Это вытекало вовсе не только из поисков рекалмы (хотя и в этом недостатка не

было). Нет, у этих людей - у художников, как и у литературных критиков - было что сказать. У них были друзья, у них были враги, они боролись и именно этим доказали свое право на существование.

Что касается вашего издания, то оно, кажется, главным образом хочет доказать свою респектабельность. Вы обороняетесь от сталинцев, как благонравные молодые люди, которых обижают уличные нахалы. "Зачем на нас нападают, - жалуетесь вы, - ведь мы хотим только одного: жить и жить давать другим?" Такого рода направление не может иметь успеха.

Разумеется, есть немало разочарованных "друзей СССР" и вообще унылых интеллигентов, которые, обжегшись один раз, больше всего боятся ангажироваться. Эти люди будут вам посылать тепловатые и сочувственные письма, но они не обеспечат успеха журнала, ибо серьезный успех никогда еще не опирался на политическую, культурную и эстетическую дезориентацию.

Я хотел бы надеяться, что это лишь временное состояние и что издатели "Партизан Ревью" перестанут бояться самих себя. Я должен, однако, сказать, что намеченный вами сборник отнюдь не способен укрепить эти мои надежды. Вы ставите вопрос о марксизме так, как если бы вы начинали историю с чистой страницы. Самое заглавие сборника звучит страшно претенциозно и в то же время бессодержательно. Большинство авторов, которых вы приглашаете, всем своим прошлым доказали - увы! - свою полную неспособность к теоретическому мышлению. Некоторые из них являются политическими покойниками. Как можно покойникам поручать решение того, жив ли марксизм? Нет, я категорически отказываюсь от участия в такого рода предприятии.

Надвигается мировая война. Внутренняя политическая борьба во всех странах имеет тенденцию превратиться в гражданскую войну. Во всех областях культуры и идеологии действуют токи самого высокого напряжения. Вы же, видимо, хотите создать маленький культурный монастырь, оградившись от внешнего мира скептицизмом, агностицизмом¹⁵ и респектабельностью. Такое предприятие не открывает никаких перспектив.

Весьма возможно, что тон этого письма поркажется вам резким, недопустимым и сектантским. В моих глазах это было бы лишь дополнительным доказательством того, что вы хотите издавать мирный журнальчик, а не принимать активное участие в духовной жизни нашей эпохи. Если, наоборот, вы считаете, что мой "сектантский" тон не является препятствием для дальнейшего обмена мнений, то я целиком и полностью остаюсь к вашим услугам.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо руководству Революционной социалистической рабочей партии Голландии]

Копия: Всем секциям Четвертого Интернационала с просьбой о напечатании.

Редакциям DE NIEWE FAKKEL и DE INTERNATIONALE¹⁶

Уважаемые товарищи!

Вы неоднократно оказывали мне честь, публикуя мои статьи. Я не

сомневаюсь поэтому, что вы не откажетесь напечатать нижеследующее краткое письмо.

С самого начала существования вашей партии я расходился с ее руководителями, и прежде всего с т. Снивлитом, по всем основным вопросам. Фактически руководство РСАП стояло все время в непримиримой оппозиции ко всем остальным секциям Четвертого Интернационала, причем в течение последних двух лет разногласия непрерывно обострялись.

В полном согласии с подавляющим большинством нашей международной организации я считал и считаю гибельной политику Снивлита в области профессионального движения.

Я считал и считаю, что отношение руководства РСАП к политике "Народного фронта" оставалось все время двусмысленным, т. е. прикрито, а иногда и открыто оппортунистическим.

Политика т. Снивлита в вопросе о ПОУМе находится в полном противоречии с азбукой классовой борьбы и причинила несомненный ущерб испанской революции и Четвертому Интернационалу.

Политика т. Снивлита в русском вопросе была и остается ложной по существу и нелояльной по отношению к русским большевикам-ленинцам.

Я считал и считаю оппортунистической парламентскую деятельность Снивлита.

Я считал и считаю недопустимым совершенно нетоварищеское отношение руководства РСАП ко всем другим секциям и к Интернациональному Секретариату.

Я считал и считаю, что во всех основных столкновениях т. Снивлита с Интернациональным Секретариатом политическая правота была целиком на стороне этого последнего.

Интернациональный Секретариат десятки раз предлагал вашему Центральному Комитету открыть честную дискуссию по спорным вопросам. Вы упорно отказывались от выполнения этого элементарного долга по отношению к вашей собственной партии. Вместо дискуссии ваш Центральный Комитет прибег к исключению из организации действительных сторонников Четвертого Интернационала. Эта мера не может означать ничего другого, как подготовку разрыва с Четвертым Интернационалом и переход в лагерь "левых" социал-демократов, объединенных вокруг Лондонского Бюро.

На свое последнее письмо т. Снивлиту от 2 декабря 1937 г. 17 с запросом о том, намерена ли ваша партия участвовать в международной конференции, я не получил ответа. Еще важнее тот факт, что без ответа остались официальные запросы Интернационального Секретариата.

Настоящее письмо, подводящее итог пятилетним попыткам сотрудничества, товарищеской критики, взаимного объяснения и сближения, имеет своей целью открыто сказать то, что есть. Каждый должен нести ответственность за свою политическую линию. Судить будут члены вашей партии и всех секций Четвертого Интернационала. С революционным приветом

Л.Троцкий

21 января 1938 г.

Койоакан

Интернациональному Секретариату.

По поводу карикатуры на пораженчество

(Копия: всем секциям Четвертого Интернационала)

В своем письме к товарищу Вану (2 января 1938 г.)¹⁸ я допускал возможность того, что в стенографическом отчете ("Case of Leon Trotsky") допущены какие-либо неточные выражения (у меня не было в тот момент книги под руками). Ни один здравомыслящий и добросовестный человек не станет к тому же искать ответа на основные проблемы нашей политики во время войны в беглом устном замечании во время недельных прений. Сейчас я, однако, с удовольствием вижу, что мой ответ Столбергу передан в стенограмме достаточно правильно и находится в полном соответствии с нашими программными тезисами ("Четвертый Интернационал и война").

Мне нет, однако, надобности возвращаться к этому вопросу. Товарищ Б. Ст[олберг] написал на эту тему по-немецки статью "К вопросу о задачах пролетариата в войне". Я самым горячим образом рекомендую эту статью вниманию всех товарищей. Так как статья не заключает в себе никакой "внутренней" полемики, то она, на мой взгляд, может и должна быть напечатана всеми нашими изданиями. Прекрасная статья товарища Б. Ст[олберга] снова показывает, что у нас выросли новые очень серьезные марксистские кадры. Меня лично эта статья полностью освобождает от необходимости полемизировать против новейших писаний т. Вареекена, в которых нет ничего, кроме схоластики и казуистики.

По поводу статьи т. Б. Ст[олберга] я позволю себе только одно частное замечание. Б. Ст[олберг] проводит совершенно правильное принципиальное различие между революционным пораженчеством по отношению к собственному империалистическому правительству и актами прямого военного саботажа в интересах другой страны (рабочего государства, колониальной страны и пр.). Однако вряд ли правильно в число актов такого рода включать "массовое дезертирство". Дезертирство революционного характера может стать массовым лишь при условии огромного влияния революционной партии. Но такое состояние армии и страны уже само собою означало бы приближение или наступление революции. Вряд ли было бы в этих условиях допустимо отрывать революционный авангард армии от ее массы во имя эпизодической военной помощи военному государству или угнетенной стране. О "массовом дезертирстве" приходится в этом случае сказать то же, что и в других: оно либо невозможно, либо излишне и вредно. Я надеюсь, что немецкий текст статьи Б. Ст[олберга] разослан всем секциям и будет переведен на другие языки. Крук

26 января 1938 г.

Пятое колесо

8-17 декабря в Париже заседал конгресс так называемого Интернационала Рабочей Ассоциации (АИТ)19, представляющей анархо-синдикалистские группировки разных стран. Единственную серьезную секцию этого Интернационала составляет, как известно, испанская СНТ. Все остальные организации (шведская, португальская, французская, латиноамериканские) по объему своему совершенно незначительны. Разумеется, и малочисленная организация может иметь большое значение при условии самостоятельной революционной позиции, предвосхищающей будущее развитие классовой борьбы. Но, как видно из краткого отчета напечатанного в Информационном Бюллетене АИТ (№ 67 немецкого издания), чрезвычайный конгресс в Париже закончился полной победой политики Гарсиа Оливера²⁰, т. е. политики капитуляции перед буржуазией.

За последний год в кое-каких анархистских изданиях, особенно во французских, встречалась робкая критика действий испанской СНТ. Основания для этой критики имеются вполне достаточные: вместо того, чтоб строить безгосударственный коммунизм, вожди СНТ стали министрами буржуазного государства! Это обстоятельство не помешало, однако, парижскому конгрессу АИТ "одобрить линию СНТ". В свою очередь вожди испанского анархо-синдикализма разъяснили конгрессу, что, если они изменили социалистической революции в интересах спасения буржуазии, то произошло это исключительно вследствие "...недостаточной солидарности международного пролетариата". Конгресс не выдумал ничего нового: все реформистские изменники всегда возлагали вину за свои измены на пролетариат. Если социал-патриоты поддерживают свой "национальный" милитаризм, то не потому, конечно, что они - лакеи капитала, а потому, что массы не созрели "еще для действительного интернационализма". Если вожди профессиональных союзов выступают, как штрейкбрехеры, то это потому, что массы "не созрели" для борьбы.

О революционной критике на парижском конгрессе отчет не говорит ни слова. В этом отношении, как и во многих других, господа анархисты полностью имитируют буржуазных либералов. К чему посвящать чернь в разногласия среди высших сфер? Это может лишь потрясти авторитет анархо-буржуазных министров. Весьма вероятно, что в ответ на "левую" критику со стороны французских анархистов этим последним напомнили их собственное поведение во время империалистической войны. Мы уже слышали от кое-каких анархистских теоретиков, что во время таких "исключительных обстоятельств", как война и революция, приходится отказываться от принципов собственной программы. Подобные революционеры очень похожи на те непромокаемые плащи, которые пропускают воду только под дождем, т. е. в "исключительных" обстоятельствах, а в сухую погоду выполняют свои функции с полным успехом.

Решения парижского конгресса стоят полностью на уровне политики Гарсиа Оливера и ему подобных. Вожди АИТ постановили обратиться ко Второму, Третьему и Амстердамскому Интернационалам с предложением о создании "единого международного антифашистского фронта". О борьбе с капитализмом ни слова!

Средствами борьбы объявляются: "бойкот фашистских товаров" и... "давление на демократические правительства": самые надежные пути для освобождения пролетариата! Очевидно, с целью "давления" вождь Второго Интернационала Блюм стал премьером "демократической" Франции и сделал все, чтобы раздавить революционное движение французского пролетариата. Вместе со Сталиным Блюм помог Негрину-Прието при содействии Гарсиа Оливера задушить социалистическую революцию испанского пролетариата. Жуо принимал во всех этих операциях самое активное участие. Единый фронт трех Интернационалов для борьбы с революционным пролетариатом существует, таким образом, уже давно. В этом фронте вожди СНТ занимали не очень видное, но достаточно постыдное место!

Парижский конгресс означает перенесение измены испанского анархизма на весь международный анархизм. Это нашло, в частности, свое выражение в том, что отныне генерального секретаря АИТ назначает испанская СНТ. Другими словами, генеральным секретарем будет отныне чиновник испанского буржуазного правительства.

Господа анархистские и полуанархистские теоретики и полутеоретики, что вы скажете на все это? Согласны ли вы по примеру испанских анархо-синдикалистов играть роль пятого колеса в телеге буржуазной демократии? Многие из анархистов чувствуют себя, конечно, не совсем ловко. Но чтобы победить эту неловкость, они меняют тему разговора. Зачем, на самом деле, заниматься Испанией или парижским конгрессом АИТ, когда можно поговорить... о Кронштадте²¹ или о Махно²²? Самые животрепещущие темы!

Анархистский Интернационал не хочет, видимо, в своем разложении и упадке отстать от Второго и Третьего Интернационалов. Что ж, тем скорее честные рабочие-анархисты перейдут на позиции Четвертого Интернационала.
Л.Троцкий

27 января 1938 г.

Койоакан

[Письмо Н.И.Седовой²³]

[12 февраля 1938 г.]

Милая Ната, все благополучно, последнюю ночь (первую здесь) спал хорошо. Хозяева очень милы. Но задерживаться здесь очень все же не придется. Нужно думать "о будущем".

Хорошо бы мне сюда: 1) пальто (если привезли), 2) мое cache-nez²⁴, 3) мой пояс (опять болит поясница).

Очень спешу: хозяин ждет. Обнимаю.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[13 февраля 1938 г.]

Милая Ната, здесь все хорошо. И хозяин, и хозяйка очень милы и заботливы. С этой стороны живу я не хуже, чем дома. Работаю с увлечением и успешно: немного напоминает времена тюремной одиночки, где тоже временами хорошо работалось. То, что я с Рэй²⁵ закончил статью, вышло очень хорошо и кстати...

Передай Рэй мой нежный привет, также Вану и Джо²⁶ (без "нежности"?).

Ты забыла уложить мою бритву, так что я не мог до сих пор побриться. Ну, да это ничего, отдых для кожи. Хозяин обещал дать свой прибор (ножички я получил, как и все остальное). Не знаю, что означает баночка с каким-то косметиком?..

До сих пор ни разу не гулял: нужно пальто, так как довольно холодновато. Об этом я уж писал. Новоприехавшие²⁷ производят неплохое впечатление, особенно он, хотя он и не член орг[анизации]. Он, видимо, приехал, чтобы "убедиться".

Надо, чтобы Джо немедленно дал ему мою статью о Кронштадте²⁸ и прислал мне его отзыв (если возможно, критику, вопросы и пр[очее]).

Самое лучшее, если бы они могли поселиться у нас. У них денег месяца на два, они хотели бы остаться месяца на три. Если бы они поселились у нас, у них хватило бы месяцев на 4-5. Вопрос об охране был бы разрешен, к тому же две машины - огромные преимущества, особенно в связи со вторым домом. Разумеется, надо проверить их (его) настроение, - он немножко похож на "аристократа". Если с этой стороны препятствий нет, то надо решать поскорее. Здесь, я думаю, я мог бы еще остаться дня два, maximum, три.

Все-таки хозяйке хлопот со мной много. Как-нибудь ты дай понять, насколько я доволен и благодарен.

А что предполагается дальше? По-моему, короткая поездка в Т.29, дня на два-три, а там уже решать, в зависимости от обстоятельств: возвращаться или ехать дальше. Письмо от Левы ты, конечно, читала: гораздо бодрее, чем прошлое. В-ра³⁰, видимо, никак нельзя принимать. Как бы он не устроил какой-нибудь гадости Леве: напиши ему об этом немедленно.

Как с зубным врачом? Меня что-то ломит сегодня вечером. Надеюсь, пройдет. Будь здорова. Обнимаю крепко. Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

15/II 1938 [г.]

Милая Ната, сегодня мне доставили пальто, письмо и пр[очее]. У пальто рукава слегка коротковаты, но можно удлинить. Я принял бриллиантин за целебную мазь и намазал себе... нос. Как будто помогло, хотя щипало изрядно. До сих пор не выходил еще из комнаты, но умудрился немножко простудиться (писал возле окна). Сплю хорошо (со снотворным), но просыпаюсь в 7 ч., что в сущности нормально. Работаю хорошо, рукопись выросла втрое, выйдет изрядная брошюра³¹. План поездки меня пугает: будет дорого стоить. Ам[ерикан]цы не

знают ни стран, ни отелей. Значит, нужно еще кого-нибудь взять (Кас[ас]?!). У ам[ериканцев] денег мало. Останавливаться в отелях с клопами... беда, хорошие отели стоят дорого. Г.32 предлагает еще такую комбинацию: съездить в Т[аксако] на несколько дней, потом опять вернуться к нему. Но я фактически совершенно привязываю его жену к дому: она не может выйти за ворота! Злоупотреблять этим невозможно.

Свободно ли Т[аксако]? Если да, следовало бы отправиться в пятницу, что ли. До того времени я надеюсь закончить статью. Из Т[аксако] можно совершить еще двухдневную поездку, так что вместе составит около 2 недель.

Надо отдавать письмо. Будь здорова. Обнимаю крепко.

Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Н.И.Седовой]

[16 февраля 1938 г.]

Милая Ната, отвечаю тебе и Вану, чтобы не писать отдельно по-французски. Я представляю себе чрезвычайную трудность путешествия с двумя ам[ериканцами] и К[азасом]! - рестораны, отели, - никто ничего не знает, расходы огромные, во всем неопределенность; кроме того, изменение внешности, следовательно, последний ресурс становится известен К[азасу]. Вызывается ли все это необходимостью? По-моему, еще нет. Можно поехать на 3-4 дня в Т[аксако]. Если за это время не будет разрешена проблема с квартирантом, я смогу провести еще две-три ночи у Г[идальго] (или у Кр.33 одну, одну-две у Г[идальго], чтоб не слишком отягощать их). Сегодня 16. Можно бы выехать в Т[аксако] 18-го, оставаться там до 21 или 22-го, затем вернуться либо прямо на Ав. Londres34, либо сюда, с тем чтобы домой поехать 24-25-го. Это выйдет гораздо дешевле и без ликвидации последнего ресурса (внешность). Больше всего меня пугают расходы, так как сведения из Н[ью]-Йорка неблагоприятные и будут ухудшаться (кризис!). Кроме того, не надо забывать подозрений против Каз[аса]. Многие полицейские могут по Каз[асу] узнать меня (да он и не будет скрывать от полицейских).

Если ехать, то только со своими. Но один мекс[иканец] необходим. А его нет (подходящего). Вот почему я против путешествия вообще, особенно же с Каз[асом]. Но я до сих пор не вижу, свободно ли Т[аксако]? Туда можно бы поехать с двумя амер[иканцами], Джо и Каз[асом], пустив слух, что мы поехали в Мичуакан35.

Ехать ли тебе в Т[аксако]? Есть доводы за и против. Решай сама.

Покупать мне ничего не надо.

Спешу кончать, чтоб передать Г[идальго].

Будь здорова. Крепко обнимаю. Твой

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Зборовского и Л.Эстрин Л.Д.Троцкому]

Париж, 17 февраля 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович,

Очень тяжело Вам писать сегодня, Вы можете себе представить наше состояние и все то, что мы пережили за последние дни. Мы - ближайшие друзья Левы (Этьен и Леля) - находились все время в клинике. Вы, вероятно, знаете краткие подробности по телеграмме³⁶, и поэтому мы хотим Вам обо всем написать. Подробное экспозе³⁷⁻³⁸ врача, постоянно пользовавшего Леву, при сем прилагается. Врач этот - невестка Лели, опытный специалист по внутренним болезням (немецкой школы). Как Вы понимаете, самым серьезным вопросом был вопрос о его безопасности в клинике. Поместить его в официальный французский госпиталь было невозможно, так как он должен был бы там предъявить свои бумаги, и инкогнито его было бы моментально раскрыто. Пришлось остановиться на частной клинике. Перевозить пришлось очень срочно, так как требовалась немедленная операция. Врач Левы, отдавая себе отчет в сложности положения его, после долгих розысков вместе с Жанной выбрал клинику Мирабо, куда Лева был немедленно перевезен и помещен под именем Мартен. В тот же вечер операция была произведена одним из лучших парижских хирургов - доктором Тальгеймером, сотрудником проф. Госсе. Кроме того, при операции присутствовали: ассистент-хирург доктор Симков, французский врач русского происхождения (только ему одному было сообщено врачом Левы имя пациента). Сделано это было потому, что он пользуется абсолютным доверием и что он должен был все организовать в клинике), постоянный врач Левы и директор клиники, дававший наркоз. Операция прошла хорошо, у него даже не было рвоты после наркоза. Первые четыре дня прошли нормально, его навещали ежедневно три врача, Жанна бывала ежедневно и Леля была три раза. Он был немного слаб, но настолько рассчитывал на свои силы, что условился в воскресенье (6.2.) с Лелей, что она с Этьеном придет в понедельник, после обеда, чтобы обсудить все срочные дела. Как вы увидите из приложенного экспозе, положение резко изменилось к худшему в ночь с воскресенья на понедельник. Несмотря на ряд принятых экстренных мер (переливание крови, вторая операция и т. д.), спасти его не удалось, и он скончался в среду, 16 февраля в 10.56 утра. Во вторник и в среду, в качестве обсерватора³⁹ со стороны организации при совещаниях врачей присутствовал и доктор Розенталь, отец Жерара. Рус просил его пригласить.

Когда Лева заболел, Жанна потребовала, чтобы никому из товарищей не было известно о болезни Левы, опасаясь, что могут узнать его местонахождение. Несмотря на это, Этьен конфиденциально поставил в известность Кларта⁴⁰, как члена С.И.⁴¹ (9.2, - т. е. в день первой операции). Когда положение ухудшилось, мы во вторник официально поставили в известность обо всем Кларта и просили его предупредить ответственных товарищей. Во вторник же вечером Жанна вызвала Р.М[олинье], который оставался в клинике и взял Ж[анну] под свою опеку. В среду в клинике появились, с одной стороны, Анри [Молинье] и Брош, а с другой, Жерар

(который был и накануне), Кларт, Боатель⁴², Про (Б. из Грен[обля])⁴³, Маргарита Росмер. Так как уже во вторник появились некоторые сомнения относительно правильности хода болезни⁴⁴ (Жанна допускала возможность отравления, несмотря на категорические уверения всех врачей, в том числе и старика Розенталя, что это совершенно исключено), и для подтверждения правильности диагноза все сошлись на том, что должно быть сделано вскрытие. Анри М[олинье] предложил, чтобы мы занялись организацией вскрытия, похорон и т. д., а они займется Жанной. Эта часть была поручена Кларту и Жерару. Жанна вместе с обоими М[олинье] ушла и через некоторое время вернулась обратно. Анри М[олинье] сообщил, что у Жанны имеется последняя воля Левы. Собравшимся ответственными товарищам из ПОИ⁴⁵ (мы оба также присутствовали) Р.М[олинье] предъявил последнюю волю Левы, датированную 9-м февраля, в день операции, написанную им собственноручно, но чрезвычайно неровным почерком. На основании этой последней воли все вещи, принадлежащие Леве, включая и документы, являются собственностью Жанны. Наши товарищи были потрясены этим завещанием, да и мы были очень удивлены, так как у нас неоднократно были разговоры с Левой на эту тему. Дело в том, что Лева нам заявил полгода тому назад, что он составил завещание, в котором указано, что собственником всех его архивов является Вы. Передавая архивы в руки Жанны, находящейся всецело под влиянием группы Мол[инье], он лишил организацию всякого контроля над судьбой этих документов. Надо заметить, что Анри М[олинье] сразу же сказал, что все будет отправлено Вам, но мы лично, зная М[олинье], не можем иметь полной уверенности в этом. Во всяком случае доступ к тем бумагам, которые находятся в ведении Жанны, для нас закрыт.

Мы, как ближайшие сотрудники Левы, можем дать Вам полный отчет о документах, оставшихся после Левы. 1. Главный архив Левы, состоявший из оригинальных документов, связанных с Вашей и его деятельностью (весь старый архив) находится в надежном месте, переданный теперь в ведение Жанны (на основании последней воли). 2. Весь материал, связанный с процессами - документы, газетные вырезки, переписка со всеми комитетами по делам процессов; все издательские дела; частная переписка Левы (также вся переписка его с Н.И.[Седовой]); адреса, некоторые особо секр[етные] вещи; копия переписки Вашей с Вл[адимиром] Иль[ичем]; комплекты "Правды", начиная с 1933 г.; манускрипты "Преданной революции" и "Преступлений Сталина" и разных статей Ваших - находятся сейчас также в ведении Жанны. 3. Архив, опись которого при сем прилагаем, является текущей перепиской за последние два года, находится в надежном месте в нашем ведении (Жанне о существовании этого архива неизвестно). 4. Ваша переписка с Р.М[олинье], Франком и др., а также папки со старыми издательскими делами, предназначенные Левой для пересылки Вам, также находятся в нашем ведении (Ж[анне] неизвестны). 5. Вся администрация "Бюллетеня" (переписка, картотека, адреса и т. д.) в нашем ведении (Ж[анне] неизвестна). О существовании всех этих архивов мы поставили в известность Политбюро и С.И. (Мы забыли еще упомянуть, в пункте 2, что там имеется важный материал о ГПУ, который Лева собирал на основании рассказов

знакомых). Для составления описи материалов пп. 1 и 2 Политбюро предлагает организовать комиссию из трех человек: один представитель С.И., один Жанны и один из нас, как ближайших сотрудников Левы. Эти записи должны быть Вам пересланы для решения судьбы бумаг. Вопрос о "Бюллетене" мы выделяем особо, а относительно п.п. 3 и 4 мы ждем Ваших распоряжений.

Так как остался ряд текущих дел: их переписка с разными товарищами, которые Вам известны, то мы предлагаем для продолжения этой переписки наши услуги, так как мы знаем все эти вопросы в деталях. И какого бы рода поручения у Вас ни были бы, Вы можете всегда рассчитывать на нас: мы будем точно, срочно и аккуратно все выполнять.

"Бюллетень". До сих пор дело происходило следующим образом: Лева ведал редакционной частью, и мы ему помогали. Что же касается административной части, то ею всецело ведала Леля, так же, как и техническим выпуском "Бюллетеня" (корректур, верстка и т. д.). С точки зрения финансовой, представляется значительно более целесообразным оставить издание органа в Париже: 1. Мы платим за лист (16 стр. - 1.000 экз.) 900 франков, причем нам предоставляется кредит. 2. Количество подписчиков в Европе в последнее время увеличилось, они аккуратно обслуживаются и деньги взыскиваются вовремя. 3. Организованное нами общество "Друзей `Бюллетеня" дает регулярно почти половину расходов на номер, так что нам никакие субвенции⁴⁶ не нужны. 4. налажена регулярная продажа "Бюллетеня" в киосках и книжных магазинах немедленно после выхода номера. Что касается редакционной части "Бюллетеня", то ясно, что мы можем быть только исполнителями Ваших распоряжений. Мы можем дополнять "Бюллетень" свежим информационным материалом по актуальным вопросам. В Вашем письме от 21.1.1938 г. 7/52/1647 Вы ставите четыре условия. П. 1 может быть выполнен только при том условии, если мы будем иметь вовремя от Вас материал. П. 2 само собой разумеется принимается, пп. 3 и 4 отпадают, так как все это уже попало в № 62-63. Мы ждем Вашего решения по этому вопросу. Если Вы решите перенести издание в Америку, мы немедленно вышлем все материалы по указанному Вами адресу, мы бы очень хотели выпустить здесь хотя бы еще один номер, посвященный Лева. В этом же номере мы хотели бы поместить все Ваши последние статьи.

Из срочных дел - остаются еще Б., В. и дама⁴⁸. Лева еще успел повидаться с В. и показать ему те части письма Вашего, которые касаются его поездки к К.⁴⁹ Предварительно обсудив этот вопрос, мы втроем пришли к следующему выводу: от В. должен быть получен письменный ответ на все Ваши вопросы. Устные его ответы, по-нашему, не являются достаточной гарантией. Он обещал Вам обо всем написать, но до сих пор письма этого не дал, несмотря на наше напоминание. Он уверяет, что пишет теперь книгу и что уже много написал. Мы с ним знакомы, и связь не прервана. В. ждет Вашего мнения относительно его первых статей, которые Вам были посланы некоторое время тому назад. Он не хочет браться за книгу до того, пока он не будет знать Вашего мнения об этих статьях, стоит ли ему писать книгу?

Дама уже написала часть брошюры, но остается открытым вопрос о

редактировании этой брошюры. То же относится и к книге В. - сам он ее отделать никак не может. Ждем Ваших указаний.

Лева очень беспокоился по поводу того, что у Вас произошла досадная ошибка в статье о Енукидзе⁵⁰. Он был снят с поста секретаря ЦИКа и исключен из партии не в 1936 г., а в 1935 г., так что никакого отношения к вопросу о помиловании Зиновьева-Каменева не мог иметь.

Нам удалось сегодня достать очень интересные сведения - не предназначенные для печати, - которые мы посылаем Вам при сем.

Хотите ли Вы получать вырезки из "Последних новостей", в которых приводятся часто интересные выдержки из разных советских журналов ("Парт[ийное] строительство"⁵¹ и др.), которые за границей получить очень трудно.

Нужно срочно послать в Прагу за Вашей подписью письмо с требованием прекращения ведения тамошних процессов⁵². С этим делом получился большой конфуз, но Вы ведь в курсе дела.

Что касается договора Ридера-Грассе⁵³, то мы не в курсе дела, но постараемся срочно выяснить этот вопрос (если нам Ж[анна] даст доступ к этим досье) и Вам ответить на него.

Шлем Вам наше глубокое сочувствие и сердечный привет.

P.S. У нас нет под рукой копии договора с Институтом⁵⁴, но и Ник[олаевский], и я помним, что в договоре сказано, что Вы имеете право использовать эти документы в цитатах в Ваших трудах, но не можете их продавать никому другому. Вы имеете право в течение десяти лет выкупить эту переписку, внеся те 10.000 фр. (а может быть, это было и 15.000, я нетвердо помню), которые были получены за этот архив. Описей фотографий у нас тоже нет под рукой - не то их 87, не то 79 (но одна из этих цифр верна). После десяти лет - переписка переходит в собственность Института.

Б. знает очень много о целом ряде лиц, упомянутых в процессах. Он был лично близко связан с Гольцем⁵⁵, Роммом, Пуш.⁵⁶ был вместе с Рыжим⁵⁷ в Берлине и т. д. Его сведения очень ценны. Он согласен, чтобы их опубликовали вместе с материалами Комиссии, но не хочет, чтобы это шло через чужие руки. Здешний комитет на него произвел скверное впечатление - "болтуны", говорит он, и он не хочет им давать. Может быть, Вы напишете через нас ему, или же в письме нам, но так, чтобы мы могли ему показать это место, что его показания очень важны, они будут опубликованы, попадут в надежные руки и, если он хочет, они могут быть доставлены только Вам в собственные руки. Писать он один не может, раньше ему помогал Л[ева], теперь нужно ему также обеспечить помощь, иначе он ничего не напишет.

Вчера вечером власти в отсутствие Ж[анны] забрали десять пакетов - очевидно, все самое существенное с квартиры.

[М.Зборовский, Л.Эстрин]

23 февр[аля] 1938 [г.]

Дорогие друзья!

Вы были (и остаетесь) друзьями Левика, следовательно, вы и наши друзья. Совсем недавно вы выражали в письмах тревогу за его безопасность. Но никто тогда не думал, что удар придет с той стороны, с какой он пришел... Последнее письмо от него было от 4 февр[аля]. Мы все еще ждем от него дальнейших писем. Последний No "Бюллетеня" кажется нам тоже письмом от него. Далекая звезда, когда потухнет, еще долго продолжает посылать свой свет... Но возможно, что больше писем не будет. Он должен был ждать нового парохода, но мог заболеть (и, вероятно, заболел) раньше. Мы все еще не знаем, когда он заболел и сколько времени болел, мы ничего не знаем, кроме того, что было в газетах. Мы ждем от вас подробного рассказа о всем, что произошло. Всякая деталь представит для нас большую ценность. Напишите, что можете...

В No 62-63 очень хороши статьи: "Верх[овный] Совет преторианцев", "Ворошилов на очереди", очень метка статья "Следствие об убийстве т. И[гнатия] Р[айсса]"

Мы посылаем вам статью о Л.Седове⁵⁹. Она писалась в эти дни мною (Л.Д.[Троцким]) в постоянном общении с матерью Л[евы]. Необходимо посвятить ближайший номер целиком Седову. Может выйти эта статья, и вы, вероятно, со своей стороны дадите статьи, заметки, фотографию, описание похоронной манифестации (с фотографией?), все, словом, что сможете дать.

Какова, на ваш взгляд, будет теперь судьба "Бюллетеня"? Есть ли возможность продолжать его издание в Париже? Напишите, пожалуйста, подробно. В каком отношении состоят к "Бюл[етеню]" новые "невозвращенцы"?

Следовало бы теперь на каждом дальнейшем No "Бюллетеня", под заголовком, печатать:

Лев Седов - издатель с июля 1929 г. по февраль 1938 г.

Надеемся, что посылаемая краткая биография его выйдет также по-немецки, по-французски и на других языках. Наш общий долг - увековечить образ Седова в памяти молодого поколения рабочих. Мы очень-очень надеемся на полное ваше содействие, дорогие друзья, и крепко обнимаем вас.

Ваши Наталия, Л.Троцкий.

Вынужденное заявле ние

Г[осподин] Ломбардо Толедано и его клика после длительной и тщательной подготовки сделали попытку злостно обмануть общественное мнение этой страны. Те "материалы", которыми они оперировали на февральском конгрессе Конфедерации профессиональных союзов (СТМ), не представляют ничего нового: это материалы Ягоды-Ежова-Вышинского. Это материалы Сталина. На основании этих данных расстреляны тысячи людей, виновных только в том, что они ненавидят диктатуру кремлевской клики и презирают ее адвокатов и лакеев. "Материалы", которыми пользуется г. Ломбардо Толедано для того, чтобы обмануть мексиканское общественное мнение, получили должную оценку в

постановлении Международной следственной комиссии в Нью-Йорке. По своему нравственному росту, по своему прошлому, по безупречности своей репутации, по своей личной незаинтересованности, каждый член этой Комиссии, начиная с ее председателя доктора Джона Дьюи, несколькими головами превосходит Ломбардо Толедано и ему подобных. Комиссия пункт за пунктом отвергла все обвинения Ягоды, Ежова, Вышинского, Сталина и их международных лакеев. 21-ый параграф вердикта гласит: "Комиссия находит, что прокурор Вышинский фантастически фальсифицировал роль Троцкого до, во время и после октябрьской революции". Именно эта "фантастическая фальсификация" лежит в основе клевет г. Толедано и его помощников.

Моя действительная политика доступна всем. Она изложена в моих книгах и статьях. В СССР я, как и в Октябре 1917 г., защищаю интересы и права рабочих и крестьян - против новой аристократии, ненасытной и тиранической. В Испании я защищаю те методы борьбы с фашизмом, которые обеспечили победу советов в гражданской войне (1917-1920 гг.), и отвергаю гибельные методы Коминтерна, которые обеспечили победу фашизма в Германии, Австрии и других странах и подготавливают победу генерала Франко. Во всем мире я защищаю непримиримые методы борьбы против империализма, которые применяли Ленин, Роза Люксембург и Карл Либкнехт, мои старые соратники и друзья, и отвергаю методы нынешнего насквозь прогнившего Коминтерна, который ползает на четвереньках перед "демократическим" империализмом, предавая интересы колониальных и полуколониальных народов ради кастовых выгод советской бюрократии. Таковы мои взгляды. Изменить их я не собираюсь. За эти взгляды я несу полную ответственность.

Вступать после постановления Международной следственной комиссии в политические или юридические препирательства с г. Ломбардо Толедано у меня нет основания. Но обманутым им людям я сумею разъяснить правду. Именно этого Толедано и его клика боятся. Вся их махинация на конгрессе, как совершенно открыто обнаружили сами ее авторы, преследует одну-единственную цель: зажать мне рот.

Они действуют, конечно, не по своей инициативе. Их вдохновитель сидит в Москве. Приговор Международной Комиссии; опубликование стенограммы следствия в Койоакане; разоблачения бывших ответственных агентов Кремля: Рейсса, Бармина, Вальтера Кривицкого, как и многие другие факты последнего года, нанесли кремлевской клике неисцелимый удар. Моя последняя книга "Преступления Сталина" уже вышла на нескольких языках. Она выйдет, надеюсь, и на испанском языке. Во всем мире прогрессивное общественное мнение все с большим отвращением поворачивается против Сталина. Вот чем объясняется бешеное стремление ГПУ заставить меня замолчать.

Г[осподин] Ломбардо Толедано и его клика ошибаются, однако, если думают, что им удастся выполнить данное им поручение. Многие более сильные пробовали разрешить эту задачу раньше, но без успеха. Царь четыре года приучал меня к молчанию в тюрьме и дважды в Сибири. Кайзер Вильгельм приговорил меня заочно к тюрьме за то, что я не хотел молчать в Швейцарии во

время войны. Французские союзники царя выслали меня в 1916 г. из Франции за то же преступление. Альфонс XIII посадил меня в мадридскую тюрьму, чтобы заставить меня замолчать. Британские империалисты посадили меня с той же целью в канадский концентрационный лагерь. Адвокат Керенский, которому тоже удавалось обманывать в течение известного времени значительную часть общественного мнения, пробовал зажать мне рот в петербургских "Крестах". Но на страницах истории записано, что я не научился молчать по приказу. Зато за 40 лет революционной борьбы я видел в рядах рабочего движения немало карьеристов, которые умеют не только молчать, но и клеветать по заказу.

Если бы я хотел молчать о преступлениях кремлевской бюрократии против рабочих и крестьян, она подняла бы меня высоко на своем щите, и гг. Ломбардо Толедано всего мира пресмыкались бы передо мной, как они пресмыкаются ныне перед кликой Кремля. Норвежские социал-демократы, старшие братья Толедано по духу, нашли только один способ заставить меня молчать против ГПУ: посадить меня в тюрьму. Но за меня ответил книгой мой сын, тот самый, которого заставила ныне замолчать только смерть. Сталин, который понимает больше, чем его агенты, не сомневается, что Толедано не удастся принудить меня к молчанию, подогретой старой клеветой. Именно поэтому Сталин готовит другие меры, гораздо более действенные. Но для своих предприятий, о которых будет в свое время рассказано, Сталину нужно предварительно отравить общественное мнение. Для этой работы ему нужен Ломбардо Толедано.

Несколько месяцев тому назад этот господин утверждал на публичном собрании, что я готовлю всеобщую стачку против правительства Мексики в интересах фашизма. В свою очередь г. Лабордебо - отчасти помощник Толедано по клевете, отчасти его хозяин - утверждал после того на публичной манифестации, что я состою в заговоре с "фашистскими генералами". Ответом на эти "обвинения" был общий презрительный смех. Но этих господ смутить нельзя. Они отбросили одни обвинения, чтобы немедленно выдвинуть другие. Клеветайте, клеветайте, говорят французы, всегда что-нибудь останется!

Господа клеветники продолжают строить свою игру на обвинении меня в том, будто я нарушаю свое обязательство о невмешательстве во "внутреннюю политику Мексики". Импорт из Москвы и перевод на испанский язык гнусных клевет этих господ отождествляют... с внутренней политикой Мексики. Заявляю: никто никогда от меня не требовал, и я никогда никому не обещал отказаться от защиты своей политической чести от клеветников и своих идей - от противников. Я обязался перед правительством генерала Карденаса не вмешиваться во внутреннюю политику этой страны в общечеловеческом понимании слова "политика". Это обязательство я выполняю с абсолютной добросовестностью. Но если на улицах этой столицы кто-нибудь засунет руку в мой карман, чтобы похитить мои документы и письма, то я считаю себя вправе схватить преступную руку. И пусть обладатель руки не кричит после этого, что я вмешиваюсь во "внутреннюю политику" Мексики. Ломбардо Толедано пытается похитить нечто большее: мою политическую честь, и требует при этом, - о, демократ, о, революционер! - чтобы мне силой воспрепятствовали называть его

действия и его самого теми именами, каких они заслуживают.

Я никогда не касался политической программы и публичных функций г. Толедано, ни его ссылок на Ленина, которые относятся к области произвольной юмористики. Я и сейчас оставляю в стороне вопрос о том, при помощи каких махинаций Толедано подсунил конгрессу профессиональных союзов решение по вопросу, о котором подавляющее большинство делегатов не имело ни малейшего представления. Но совершенно очевидно, что, когда г. Толедано при помощи подложных материалов мобилизует против меня, частного лица, политического изгнанника, не имеющего никакого отношения к профессиональным союзам Мексики, целый конгресс, - с одной-единственной целью: заставить меня замолчать или отнять у меня право убежища, - то он, г. Толедано, действует не как представитель внутренней политики Мексики, а как агент внешней политики ГПУ. Пусть же несет ответственность за эту свою малодостойную функцию!

*

Читатели этих строк без труда поймут, что ни нынешние обстоятельства моей личной жизни, ни общий характер моей работы отнюдь не располагают меня заниматься г[осподи]ном Толедано. Но дело идет в данном случае о чем-то совершенно другом, именно об общественном мнении страны, которая оказала мне и моей жене гостеприимство и которую я за истекший год научился ценить и любить. Поэтому и только поэтому я вижу себя вынужденным ответить настоящим заявлением на широко подготовленную клевету мексиканских агентов Сталина. Л.Троцкий

24 февраля 1938 г.

Койоакан

Мораль и политика

Никто так долго не говорит о здоровье, как больные. Русские "социалисты-революционеры" весь свой социализм строили на нравственном начале ("истина и справедливость"). Большевики никогда не переставали обличать аморальность большевиков. Лучший из меньшевиков, Мартов, посвятил некогда этому вопросу большую брошюру⁶¹. Однако в середине 1917 г., когда большевики стали вытеснять меньшевиков и социалистов-революционеров из Советов и профессиональных союзов, эти рыцари морали организовали грандиозный подлог, объявив вождей большевизма агентами немецкого штаба. Только дальнейший подъем революции помешал им довести подлог до кровавой развязки. Сталинские обвинения против троцкистов представляют собою прямой плагиат у Керенского и Церетели, которым не нужно было быть ни учениками Игнатия Лойолы⁶², ни диалектиками, чтобы заниматься подлогами против пролетарского авангарда.

В 1919 г. Эберт, Носке, Шейдеман, - все сплошь представители здравого

смысла и уравновешенной "общечеловеческой" морали - бешено травили революционеров и в союзе с монархическим офицерством убили Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Союзниками Сталина в Испании являются добродетельные буржуазные социалисты типа Негрина-Прието, буржуазные "идеалисты" типа Компаниса⁶³, наконец, анархисты, т. е. носители самых высоких нравственных правил, какие можно найти в энциклопедическом словаре. Все они, однако, поддерживают, покрывают или терпят чудовищные и отвратительные преступления ГПУ. А "друзья" республиканской Испании вроде "Nation", застенчиво опуская глаза, объясняют, что "единство прогрессивных сил" требует союза с палачами революции.

Разница официальных доктрин только резче обнаруживает тождество приемов борьбы у идеалистов февральской революции, у оппортунистов германской социал-демократии, у гангстеров сталинской бюрократии - и у их испанских союзников всех цветов нравственной радуги.

Можно расширить поле аргументации и показать, что процесс о поджоге рейхстага был организован берлинскими ненавистниками материалистической диалектики в полном соответствии с доктриной Вышинского. Греческий генерал Метаксас⁶⁴ организовал на себя покушение и арестовал затем всех вождей оппозиции без всяких справок с Гераклитом и Гегелем. Сомнительно даже, чтобы в распоряжении доблестного афинского генерала имелся сокращенный учебник "сталинизма".

Если все другие партии так же неразборчивы в средствах, как и большевики, но лишь не признаются в этом вслух, то приходится прийти к пессимистическому выводу, что истинная мораль нашла свое убежище только в грудной клетке Якова Вальхера и еще двух-трех избранных. Состояние политического мира оказывается чуть-чуть лучше, чем Содомы и Гоморры⁶⁵, ибо, что касается центристских "праведников", то они по самой природе своей являются мелкими интриганами и плутами.

Мораль сталинизма - если допустимо ставить эти два слова рядом - вытекает не из принципов пролетарской революции (большевизма), а представляет законный продукт империалистической деморализации. Сама советская бюрократия - только передаточный механизм империализма. Правда, ГПУ далеко превосходит все другие режимы цинизмом и обнаженностью преступлений. Но это вытекает из грандиозной амплитуды событий, потрясших Россию. Во всяком случае, для того, чтобы советская бюрократия приступила к систематическому истреблению большевиков, она сама должна была окончательно порвать внутренние связи с большевизмом.

На протяжении последних 15 лет мы систематически следили за ретроградной эволюцией советской бюрократии: от большевизма к центризму и от централизма к оппортунизму, притом к самому злокачественному из всех, именно к бюрократическому оппортунизму империалистической эпохи.

*

Способность теоретического мышления есть не готовый "дар природы", а

искусство, которому надо учиться, как столярному ремеслу или игре на скрипке. На это можно возразить, что не каждый человек является столяром или скрипачом, но все люди "мыслят".

*

Но мы не слышали, чтоб Маркс или Энгельс пересмотрели свою оценку Коммуны. Эти "аморалисты" - лучшие нравственные образцы человеческой расы - так и умерли нераскаянными. Известно, что друзья называли Маркса "мавром". Попики из Лондонского бюро должны бы наименовать его кафром⁶⁶, ибо, как видим, он полностью разделял "кафрскую мораль" большевиков.

*

Однако было бы ошибкой думать, что "здравый смысл" пытается переступить свои законные пределы под влиянием бескорыстного тщеславия. Нет, он преследует весьма практические цели. В качестве мелкого буржуа здравый смысл не только простак, но и плут. Насилие над революционной моралью и пренебрежение к ее хронологии понадобились только для того, чтобы помочь реакционному палачу против его революционных жертв. Хотя моралисты, отброшенные на вторую линию защиты, и вынуждены ставить знак равенства между троцкизмом и сталинизмом, но на самом деле, т. е. практически, они сами принадлежат к тому же политическому лагерю, что и Сталин, и находятся в прямом или косвенном союзе с Третьим Интернационалом и в смертельной борьбе с Четвертым.

[Л.Д.Троцкий]

[Январь -февраль 1938 г.]

Телеграмма⁶⁷

Троцкий считал бы крайне желательным разъяснить в последних статьях некоторые конкретные моменты процесса⁶⁸: покаяния врачей Кремля, мнимое покушение Бухарина на Ленина и пр. Просим немедленного ответа.

В "Таймс", март [...] ⁶⁹, по ошибке сказано, что Раковский подвергался допросу в течение 90 часов. У Троцкого речь идет в этом месте о Мрачковском, казненном в августе 1936 г. В "Таймс", 7 марта, редакция назвала Алксниса⁷⁰ и Гамарника⁷¹ маршалами. Этого звания они не имели.

[Л.Д.Троцкий]

[8 марта 1938 г.]

Обращение к митингу⁷²

Изнутри позиций, завоеванных пролетариатом, Сталин наносит социализму такие удары, каких не наносил еще никто. Если кто саботирует экономическое и культурное развитие СССР, то это Сталин. Если кто подкапывает военную мощь СССР, то это Сталин. Если кто отравляет ряды революционного авангарда изменой и предательством, то это Сталин. Если бы объединенная мировая реакция хотела найти агента по собственному выбору, она не нашла бы ничего

лучшего, чем Сталин. Московские процессы представляют единственную в истории попытку обмануть все человечество. Однако, если нет предела подлости, то есть предел доверчивости. Затуманенная мысль и поруганная совесть пробуждаются. Прогрессивное человечество готовится извергнуть из себя отраву сталинизма. Мысленно я и моя подруга Наталья присутствуем на вашем митинге протеста и возрождения. Мы видим в ваших рядах образ Льва Седова, павшего на посту борца. С нами или без нас вы доведете освободительную борьбу до конца.

Троцкий

9 марта 1938 г.

Письмо73

Дорогие друзья!

В дни московского процесса лондонская газета "Дейли Экспресс" просила меня дать специально предназначенную для нее статью о процессе. Посылая по телеграфу статью, я никак не думал, что она из Лондона вернется в Нью-Йорк и появится в печати Херста.

Пусть добродетельные ханжи, поддерживающие Сталина-Вышинского, приходят по этому поводу в ужас. Меня это мало трогает. Дело шло вовсе не о литературном "сотрудничестве" с Херстом. Моя и моих сотрудников задача состояла в том, чтобы по всем доступным нам каналам ввести в мировой оборот как можно большее количество фактов и доводов против палачей и тем попытаться остановить их руку. Если бы мне пришлось расклеивать плакаты, предупреждающие население о холере, я одинаково пользовался бы стенами школы, церкви, кабака, игорного дома и даже худших заведений. Л.Троцкий

13 марта 1938 г.

[Письмо Ф.Кирчвей]

Frida Kirchway, Editor

The Nation

20 Vesey Street

New York City, N[ew] Y[ork]74

13/3/38 [г.]

Mrs.75 Фрида Киршвей, "Nation"

Милостивая государыня!

Письмом от 20 декабря 1937 г. Вы предложили мне дать для "Nation" статью, излагающую мою "философию". Я отвечаю Вам с запозданием по ряду причин, которые здесь нет надобности перечислять.

Во время московских процессов, где при помощи несчастных жертв ГПУ пятналось и чернилось мое имя, имя Льва Седова, моего покойного сына и моих единомышленников, Вы занимали позицию, которую в лучшем случае можно назвать позицией благожелательного нейтралитета по отношению к фальсификаторам, клеветникам и палачам. Некоторые из Ваших ближайших сотрудников, вроде

небезызвестного Луиса Фишера, выступали как прямые литературные агенты Сталина - Вышинского - Ягоды - Ежова. Вы сами, сударыня, с шумом вышли из "Комитета защиты Троцкого", когда Вам показалось, что расследование комиссии, возглавляемой д-ром Дьюи, способно бросить тень на целомудрие сталинской Фемиды⁷⁶.

Обращаясь ко мне теперь с предложением изложить для "Nation" мою "философию", Вы, очевидно, пришли к выводу, что выдвинутые против меня обвинения подложны. Заявили ли Вы об этом открыто? Московские подлоги не упали, однако, с неба. Объяснили ли Вы вашим читателям, что вы не поняли своевременно смысла московских процессов, ибо за весь последний период ложно оценивали эволюцию правящей клики Кремля? Отмежевались ли вы от торговцев ложью типа Уолтера Дюранти и Луиса Фишера, которые в течение ряда лет систематически обманывали американское общественное мнение и тем облегчили работу московских фальсификаторов и палачей?

Вы опубликуете, надеюсь, на страницах "Nation" это письмо, которое составляет существенный элемент моей "философии".

Л.Т[роцкий]

13 марта 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

16 марта 1938 г.

Дорогие друзья,

Отвечаю на ваш No 21 от 4 марта. Во-первых, на полученные от вас письма Наталья Ивановна еще не способна ответить: она слишком подавлена и слаба. Она очень вам благодарна за все сообщения и подробности и напишет как только оправится.

2) Статью о Л.Седове вы, конечно, получили. Она предназначена была для "Бюллетеня" и для французского издания. Мы надеемся, что французский перевод будет очень тщательно и хорошо отредактирован с литературной стороны. Надо, чтобы книжка хоть до некоторой степени была достойна лица, которому она посвящена. Мы надеемся, что вы примете все необходимые меры.

3) Дня два тому назад мы послали кое-какие материалы для "Бюллетеня" по поводу процесса. Я постараюсь в ближайшие 2-3 дня выслать еще коротенькие статьи: о процессе и о невозвращенцах⁷⁷. Надеюсь, что они придут вовремя.

4) Поведение Вальтера [Кривицкого] свидетельствует, что мундир ГПУ носят многие меньшевики, кадеты и пр. Когда они порывают со Сталиным, обнаруживается их подлинная политическая физиономия, без мундира.

5) Относительно статей товарища Бармина. Они прибыли в такой момент, когда у нас здесь была большая тревога (попытка покушения того типа, который был применен в Болгарии против Солоневичей). Я вынужден был на известное время покинуть квартиру без рукописей и документов. Затем пришла весть о смерти Левы, потом процесс. В этих условиях очень трудно было посвятить время рукописи Бармина⁷⁸. К тому же из письма Левы я понял, что переговоры о

напечатании ведутся непосредственно из Парижа и что с моей стороны требуется скорее мнение, чем практические шаги. Я успел прочитать только первую половину рукописи. Написано хорошо и интересно, но скорее для русского читателя, чем для иностранцев, ибо изложение предполагает слишком многое известным. Для того, чтобы вышла книга, следует дать ей политическую оправку. Для этого необходимо порыться в советских газетах соответственных годов и связать личные воспоминания и характеристики с наиболее яркими эпизодами и поворотами советской политики, особенно советской дипломатии. Думаю, что иначе американцы не возьмут книги. Нужно не забывать двух обстоятельств: а) ужасающий кризис на книжном рынке; б) огромное количество книг об СССР. Так как книга не заключает в себе никаких сенсационных разоблачений, то она может встретить интерес иностранцев-американцев лишь в том случае, если даст им возможность понять некоторые пружины советской дипломатии.

Во всяком случае, я готов принять любые практические шаги, если они от меня требуются. Нужно только, чтобы товарищ Бармин ясно сформулировал свои планы и намерения в отношении этой книги.

б) Само собою разумеется, что я с величайшей готовностью прочту работу Д.79 и помогу всем, чем смогу. Заранее хочется сказать: чем больше конкретных подробностей, тем лучше. Передайте автору горячий привет от Н.И.[Седовой] и от меня. Мы получили коротенькое немецкое письмо с искренней благодарностью. Не ответили до сих пор потому, что вообще еще очень трудно отвечать. Д. понимает это лучше всех других, ибо ее постиг столь же тяжкий удар, как и нас.

7) Я бы очень хотел иметь сведения о финансовых источниках "Бюллетеня". В этом отношении нужно соблюдать величайшую осторожность, чтоб не стать жертвой провокации со стороны ГПУ.

[Л.Д.Троцкий]

Жрецы полуправды

"The Nation" и "The New Republic"

Наиболее плачевную и недостойную роль в американской печати играют сейчас "Нэйшен" и "Нью Рипаблик". Эти газеты претендуют на роль оракулов "либерального" общественного мнения. Своих идей у них нет. Социальный кризис, открывшийся в 1929 г. и застигший "либералов" врасплох, заставил их ухватиться за СССР, как за якорь спасения. В популяризации успехов планового начала и в осторожном противопоставлении его капиталистической анархии эти господа нашли временно свое призвание. У них по-прежнему не было никакой самостоятельной программы действий для Соединенных Штатов; зато они могли ныне идеализированным образом СССР прикрывать свою собственную растерянность. На деле "дружба" с Москвой означала примирение буржуазного либерализма с бюрократией, задушившей Октябрьскую революцию. Чем больше росли привилегии нового правящего слоя и чем он становился консервативнее в защите своих привилегий, тем больше росло число его друзей среди буржуазных

интеллигентов и либеральных снобов, отдающих дань моде. Вдохновителями этих настроений стали Уолтер Дюранти и Луис Фишер, прямые сикофанты советской олигархии. Под их указку ограниченные профессора, посредственные поэты, адвокаты, не успевшие стать знаменитыми, честолюбивые вдовы и просто скучающие дамы стали всерьез принимать свою дружбу с советским посольством в Вашингтоне за служение интересам Октябрьской революции. Многие из них проявили готовность защищать Советский Союз до последней капли крови... конечно, не своей, а "троцкистов". В героический период революции представителем прогрессивного американского общественного мнения в Москве был Джон Рид. В это время Уолтер Дюранти сидел в Риге в качестве профессионального клеветника на революцию и ее вождей. За последние годы Дюранти стал главным звеном между советской бюрократией и "либеральным" общественным мнением Соединенных Штатов. Нравственный контраст между Джоном Ридом и Уолтером Дюранти хорошо отражает политическое противоречие между большевизмом и сталинизмом. Если руководители "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" умудрились не понять этого противоречия, то потому, что мелкие торговцы ложью типа Дюранти или Луиса Фишера им неизмеримо родственнее по духу, чем героический Джон Рид⁸⁰.

Можно ли удивляться, если нынешняя бюрократия Кремля пришлась демократическим оракулам несравненно больше по душе, чем революционная партия Ленина? Как раньше они не понимали законов революции, так теперь они не понимают законов реакции. Они надеялись, что бюрократия, не без их благотворного воздействия, будет становиться все более уважаемой и "гуманной". Из голов этих людей до сих пор еще не выветрилась вера в непрерывный и автоматический прогресс. Они не сумели сделать никаких выводов даже из того факта, что демократическая мелкая буржуазия, плотью от плоти которой они являются, в течение нескольких лет превратилась в Германии в армию фашизма. Еще менее способны были они понять злокачественную эволюцию советской бюрократии.

Жалок тот, кто на больших исторических поворотах ограничивается эмпирическими догадками вместо того, чтобы проникнуть в имманентную логику классовой борьбы. В психологическом смысле подсудимые - только инструменты в руках инквизиции ГПУ. В историческом смысле инквизитор Сталин - только инструмент в руках бюрократии, попавшей в тупик. Сама бюрократия есть лишь инструмент мирового империалистического давления. Советские массы ненавидят бюрократию. Мировой империализм считает ее пройденным этапом и готовится опрокинуть ее. Бюрократия хочет обмануть массы. Она хочет обмануть мировой империализм. Она лжет на два фронта. Чтобы правда не вышла наружу или не проникла извне внутрь, она никого не выпускает из страны и никого не выпускает в нее. Она окружает СССР невиданным в мире частоколом пограничной охраны и неисчислимой сворой пограничных собак. Период, когда мировой империализм подвергал советскую страну блокаде, давно отошел в прошлое. Теперь блокаду вокруг СССР организует сама советская бюрократия. Из революции она вынесла только культ полицейского насилия. Она думает, что при

помощи сыскных собак можно изменить курс истории. Она борется за свое существование с таким концентрированным бешенством, с каким не боролся еще ни один из правящих классов истории. На этом пути она за короткий срок дошла до преступлений, до которых не успел еще дорасти даже фашизм. В этой диалектике Термидора демократические оракулы ничего не понимали, ничего не понимают и - не станем делать себе иллюзий - ничего не поймут. Иначе они вынуждены были бы немедленно закрыть "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" и тем опрокинуть равновесие солнечной системы!

Так как термидорианская реакция выросла из революции, то "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" неизменно стремились доказать, что революция и реакция - это одно и то же. факты били в глаза: оракулы закрывали глаза на факты. Они систематически одобряли или, по крайней мере, замалчивали ту работу фальсификаций, лжи, подкупа, которую сталинская бюрократия совершала во всем мире. Они прикрывали расправу над оппозиционерами, которая длится уже 15 лет. Между тем в предостережениях недостатка не было. Литература левой оппозиции достаточно богата на всех языках. В течение 15 лет она показывала шаг за шагом, как методы бюрократии входили во все большее противоречие с потребностями нового общества; как бюрократия, вынужденная маскировать свои корыстные интересы, не только усваивала механику лжи всех господствующих классов, но, ввиду остроты положения в стране, едва вышедшей из революции, придавала этой механике неслыханно отравленный характер. На неоспоримых фактах и документах мы показывали, как из термидорианской реакции выросла целая школа фальсификаций - сталинская школа, которая отравила собою все сферы общественной идеологии; мы разъясняли, как и почему именно Сталин ("повар острых блюд", по определению Ленина уже в марте 1921 г.) стал вождем жадной и консервативной касты узурпаторов революции; мы предсказали московские процессы за 10 лет до того, как они возникли, и разъяснили для самых отсталых, что судебные подлоги являются лишь конвульсиями термидорианской агонии. Наконец, в 1937 г. Международная комиссия в Нью-Йорке, состоящая из людей морально авторитетных и привыкших к критическому мышлению, подвергла обвинения Сталина-Вышинского терпеливому и тщательному анализу. Она не нашла в них ничего, кроме лжи, фальсификаций, подлогов. Она заявила об этом открыто на весь мир. Вердикт Комиссии был в сущности предназначен для среднего "человека с улицы", для фермера, мелкого торговца, для малоразвитого рабочего, словом, для того большинства, которому условия существования отказывают в необходимом образовании и кругозоре. От редакторов "Нэйшен" и "Нью Рипаблик", этих патентованных учителей народа, можно было бы требовать, казалось, хоть немножко собственного критического смысла. Они могли бы, например, вспомнить из старых школьных учебников, как термидорианская реакция во Франции объявила якобинцев "роялистами" и "агентами Питта"⁸¹, чтобы оправдать кровавую расправу над ними в глазах масс. От профессиональных моралистов можно бы, казалось, ждать хоть немножко нравственного чутья. Разве моральное перерождение советской бюрократии не било в нос? Увы, у моралистов не оказалось даже простого обоняния!

Московские процессы не только застigli эту публику врасплох, но и надолго нарушили безмятежность ее духа. Сборник всех статей "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" по поводу трех больших процессов - какая это была бы панорама ограниченности, самовлюбленности, лицемерия и, прежде всего, растерянности. Нет, этого они не ждали! Как это могло бы случиться? Однако, если им не хватает пронизательности и чутья, то чувство самосохранения жреческой касты свойственно им в высшей мере. Отныне все их поведение определялось заботой о том, чтобы замести следы, т. е. не дать заметить верующим, что внутри оракула сидели все время не очень дальновзоркие жрецы. Теоретически эти фарисеи с негодованием отбрасывают принцип "цель оправдывает средства", не понимая, что великая историческая цель автоматически отменяет недостойные средства. Зато для поддержания традиционных мелких предрассудков и особенно собственного авторитета в глазах простаков они всегда готовы прибегать к уловкам и подлогам мелкого масштаба.

Сперва они попытались открыто выполнить долг "друзей", т. е. адвокатов ГПУ. Но это оказалось слишком рискованно. Они поспешно перешли на позицию философского агностицизма и дипломатического невмешательства. Они объявили процессы "загадочными". Они воздерживались от суждения. Они предостерегали от преждевременных заключений. "Мы не можем извне ничего решить". "Полная истина вскроется, может быть, через 100 лет". "Мы не должны вмешиваться в дела советской юстиции". Словом, в уклончивой форме они пытались примирить мировое общественное мнение с теми подлостями, которые творились в Москве. Эти люди хотели во что бы то ни стало остаться в дружбе с палачами революции, не беря на себя, однако, прямой ответственности за подлоги ГПУ. Но и на этой второй линии демократическим лицемерам не удалось долго продержаться. Под ударами разоблачений они еще более снизили тон: конечно, обвинения явно невероподобны, но... но под ними все же "что-то" скрывается. "Мы не со сталинцами, но мы не верим и троцкистам". Истину представляют только праведники из "Нэйшен" и "Нью Рипаблик". Если они были слепы вчера и позавчера, то это лучшая гарантия того, что они отлично видят сегодня. "Под московскими обвинениями что-то скрывается". Еще бы! Если правящая клика истребляет все, что осталось от большевистской партии, значит, у нее для этого имеются повелительные причины. Искать эти причины надо, однако, в объективных интересах бюрократии, а не в речах Вышинского и не в подлогах Ежова. Но мы уже знаем: диалектика классовой борьбы остается для этих эмпириков книгой за семью печатями. Чего можно требовать и ждать от философов и публицистов, которые ничего не предвидели, ничего не видели и которых процессы застigli полностью врасплох? Обанкротившимся оракулам ничего не остается, как делить вину пополам: 50 процентов возложить на палача, 50 процентов на его жертву. Мелкий буржуа стоит посередине и рассуждает по формуле: "с одной стороны" и "с другой стороны". Если капиталисты слишком неуступчивы, то рабочие слишком требовательны. Эту линию золотой середины "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" доводят лишь до логического конца, когда половину своей нравственной лимфы расходуют на ГПУ, другую

половину - на действительных и мнимых "троцкистов". В результате либеральный американец узнает от своих учителей, что Зиновьев и Каменев были только наполовину террористами; что Пятаков саботировал промышленность только шесть месяцев из двенадцати; что Бухарин и Рыков состояли шпионами всего лишь двух, а не четырех стран; и что Сталин является всего лишь полуфальсификатором и полунегодяем. Каин82? Может быть, Каин, но не больше как на 50 процентов.

Их философия отражает их мирок. По своей социальной природе они - интеллигентные полубуржуа. Они питаются полумыслями и получувствами. Они хотят лечить общество полумерами. Считая исторический процесс слишком неустойчивым предприятием, они никогда не ангажируются больше, чем на 50%. Так эти люди, живущие полуправдой, т. е. худшей формой лжи, стали подлинным тормозом для действительно прогрессивной, т. е. революционной мысли.

Какой-нибудь "Нью Массес" есть просто мусорный ящик, который сам предостерегает против себя своим собственным запахом. "Нэйшен" и "Нью Рипаблик" гораздо более "благопристойны", "благообразны" и менее... ароматны. Но тем более опасны. Лучшая часть нового поколения американской интеллигенции может выйти на широкую историческую дорогу лишь при условии полного разрыва с оракулами "демократической" полуправды.

Л.Троцкий

19 марта 1938 г.

Койоакан

Важное свидетельство

25 марта президент Рузвельт заявил представителям печати, что Соединенные Штаты по-прежнему остаются страной убежища для всех подвергающихся политическим или религиозным преследованиям, как, напр[имер], "католики в Барселоне, антифашисты в Италии, троцкисты в России, евреи, протестанты и католики в Германии и Австрии..." Каждый мыслящий человек поймет то значение, какое получает в этой связи упоминание о "троцкистах в России". Никто не заподозрит президента Соединенных Штатов в симпатиях к так наз[ываемому] "троцкизму". Но дело идет вовсе не об этом. Дело не идет также и о простом праве убежища. Ибо, если бы троцкисты были хоть на 1% тем, чем их изображает московская юстиция, они не могли бы претендовать на право убежища. Ни одна страна не станет раскрывать своих ворот людям, которые под прикрытием фальшивых политических лозунгов занимаются шпионажем, саботажем, отравлениями и тому подобными преступлениями. К тому же во время двух последних процессов московские обвинители особенно старались доказать, что "троцкисты" находятся в соглашении с Японией против Соединенных Штатов. Если, несмотря на все это, президент С[оединенных] Ш[татов] назвал "троцкистов" в числе тех преследуемых политических течений, которые могут рассчитывать на право убежища в С[оединенных] Ш[татах], то это значит лишь, что Рузвельт не верит московским обвинениям. Политический и моральный вес

этого факта тем больше, что Рузвельт выражает в данном случае твердо сложившееся убеждение подавляющего большинства цивилизованного человечества.

Л.Т[роцкий]

29 марта 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

14 апреля 1938 г.

Дорогие товарищи:

1) Получили No 64 "Бюллетеня", который хорошо сделан. Н.И.[Седова] очень сильно тронули статьи П.Т.83 и Э.Р.84: они искренно и хорошо написаны.

К сожалению, есть все же опечатки. Так, в некрологе на странице 8, 16 строка, сказано: "психических поражений". Между тем должно быть: "психических поранений". Это неприятная опечатка; следовало бы исправить в ближайшем номере. В статье по поводу процесса говорится: "вендетта"85 вместо "мечь". В русском языке слово "вендетта" не употребляется (впрочем, может быть, это было в прошлом номере, я не могу сейчас найти).

2) Посылаем вам проект "Переходной программы"86. Этот проект должен быть напечатан также в "Бюллетене". Ввиду больших размеров документа можно разбить его на две или даже на три части. Можно также выпустить двойной номер за два месяца. Вы сами решите в зависимости от хода событий. Из этого документа можно (но не обязательно) выделить теперь же главу об СССР: "Положение СССР и задачи переходной эпохи" и напечатать ее в ближайшем номере, если рукопись придет достаточно рано, в чем я, впрочем, сомневаюсь.

Эта рукопись должна быть напечатана без подписи, как официальный проект программы. Если проект в ближайшие дни будет одобрен Камилом87 и его друзьями, то он должен быть напечатан в "Бюллетене", как и в других изданиях от их имени. В противном случае документ должен быть напечатан, как проект редакции "Бюллетеня". Об этом надо условиться с Камилом.

3) В ближайшие 2-3 месяца вы не должны ждать от меня новых больших статей. Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине88 и закончить книгу о Ленине. Все мое время, по крайней мере в течение ближайших месяцев, будет посвящено этой работе. Во всяком случае, я о "Бюллетене" не забуду.

4) Для книги о Сталине мне нужна будет ваша помощь. Послезавтра я вышлю вам список всей литературы по Сталину, какая у меня имеется. Уже сейчас могу сказать, что у меня нет книги Барбюса89. Не знаю, не было ли в архиве Льва специальных папок, касающихся Сталина? Книга будет носить исторический, биографический и психологический характер, а не теоретико-полемический. Может быть, вы сами выскажете какие-либо предложения или предложите какие-либо материалы?

Я вам сейчас не отвечаю на все ваши последние вопросы, так как очень спешу. Работа над проектом программы отняла у нас всех здесь много времени.

Послезавтра надеюсь написать более подробно.

Крепко жму ваши руки

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо В.Сержу]

15 апреля 1938 г.

Дорогой Виктор Львович!

Мы с Н.И.[Седовой] с благодарностью получили в свое время ваше письмо, посвященное смерти сына, и с благодарностью читали вашу теплую статью о нем⁹⁰.

В вашем письме вы затрагиваете мимоходом вопрос о наших разногласиях и называете их "второстепенными". С этим я, к сожалению, согласиться никак не могу. Если разногласия между большевизмом и меньшевизмом являются второстепенными, то что же означает в таком случае слово "первостепенный"? "Revolution Proletarienne"⁹¹ есть орган мелкобуржуазного прудонизма⁹²-синдикализма. Если оставить в стороне гуманитарные и либеральные протесты против казней, подлогов и пр., то "Р[евольюсьон] П[ролетарьен]" является совершенно реакционным органом, который только отвлекает известную группу лиц от рабочего движения. Если ваши разногласия с нами второстепенны, то почему же вы сотрудничаете не в наших изданиях, а в изданиях, смертельно враждебных нам по самому существу своей программы? В десятках статей и писем я доказывал, что политика ПОУМ есть, в лучшем случае, политика Мартова. Вы никогда не отвечали ни на один из моих аргументов. Зато вы в критический момент публично солидаризировались с ПОУМом и взяли на себя ответственность за его политику. Так можно действовать лишь, когда сознательно идешь навстречу полному разрыву и непримиримой борьбе. Как же можно при этом говорить о "второстепенных" разногласиях?

Банкроты анархизма, объединившиеся с буржуазией и со сталинцами против рабочих, не нашли ничего лучшего для прикрытия своего банкротства, как открыть международную кампанию по поводу... Кронштадта. Вместо того, чтоб заклеить предателей революции и фальсификаторов истории, вы немедленно же выступили на их защиту. Ваши оговорки и смягчения не улучшают дела, а только ухудшают. Наши враги получают возможность говорить: "Даже Виктор Серж, у которого с Троцким только второстепенные разногласия, и тот признает, что..." и т. д. Другими словами: вы заняли позицию не на правом фланге Четвертого Интернационала, а на левом фланге его непримиримых противников. Между тем все эти ПОУМы являются лишь пузырями на поверхности исторического потока. Действительно революционным фактором ближайшего периода будет только Четвертый Интернационал.

Я очень жалею, что вы не поставили ваш превосходный талант на службу этому действительно прогрессивному движению. Со своей стороны я и сейчас

готов сделать все, чтобы создать все условия сотрудничества. "Второстепенные" разногласия действительно второстепенны, неизбежны и не могли бы помешать сотрудничеству. Но при одном условии: если вы сами для себя решите, что вы принадлежите к лагерю Четвертого Интернационала, а не к лагерю его противников.

Искренний привет от Н.И.[Седовой].

Крепко жму вашу руку и желаю всего лучшего.

Ваш Л.Д.[Троцкий]

Необходимое пояснение

Речь эта, как показывает дата, относится к 1925 г., когда автор еще твердо надеялся на то, что советская бюрократия преодолит тенденции бюрократизма и создаст исключительно благоприятную обстановку для развития научной мысли. В силу ряда исторических причин эта надежда до сих пор не оправдалась. Наоборот, советское государство подверглось за истекшие после того 13 лет полному бюрократическому окостенению и приняло тоталитарный характер, тлетворный для развития науки и искусства. В силу жестокой иронии истории действительный марксизм стал ныне в Советском Союзе наиболее запретной из всех доктрин. В области общественной науки скованная советская мысль не только не сказала нового слова, но наоборот, впала в жалкую схоластику. Тоталитарный режим оказывает губительное влияние также и на развитие естественных наук. Тем не менее, развитые в этой речи соображения сохраняют свою силу и в той части, которая касается взаимоотношений между социальным режимом и научной мыслью. Их нужно приурочивать, однако, не к сегодняшнему советскому государству, продукту перерождения и разложения, а к тому социалистическому государству, которое вырастет из дальнейшей победоносной борьбы международного рабочего класса.

Л.Т[роцкий]

18 апреля 1938 г.

К "Д.И.Менделеев и марксизм"93

Редактору газеты "Дейли Гералд"

Милостивый государь!

В словаре всех цивилизованных народов существует слово цинизм. Как классический пример обнаженного цинизма следовало бы отныне ввести во все энциклопедии защиту британским правительством интересов клики капиталистических эксплуататоров. Я не ошибусь поэтому, если скажу, что мировое общественное мнение с величайшим интересом ждет голоса Британской рабочей партии по поводу возмутительной роли британской дипломатии в вопросе об эксплуатации правительством Мексики акционерной нефтяной компании "Агила".

Юридическая сторона вопроса ясна ребенку. В целях эксплуатации

естественных богатств Мексики британские империалисты поставили себя под покровительство и вместе с тем под контроль мексиканских законов и мексиканских властей. Никто не вынуждал к этому господ капиталистов ни военным насилием, ни дипломатическими нотами. Они действовали вполне добровольно и сознательно. Теперь г. Чемберлен⁹⁴ и лорд Галифакс хотят заставить человечество поверить, что британские капиталисты обязались признавать законы Мексики лишь в тех пределах, в каких сами найдут это нужным. При этом случайно оказывается, что совершенно беспристрастное истолкование мексиканских законов Чемберленом-Галифаксом буква в букву совпадает с истолкованием заинтересованных капиталистов. Британское правительство не может, однако, отрицать того, что в истолковании законов Мексики компетентны только мексиканское правительство и высший суд этой страны. Лорду Галифаксу, который питает такие симпатии к законам и судам Гитлера, мексиканские законы и суды могут казаться несправедливыми. Но кто дал британскому правительству право контроля над внутренней политикой и судопроизводством независимого государства? В этом вопросе уже заключена часть ответа: британское правительство, привыкшее распоряжаться сотнями миллионов колониальных рабов и полурабов, пытается те же методы применить и в отношении Мексики. Встретив мужественное сопротивление, оно поручает своим юристам придумать наспех аргументы, в которых юридическая логика заменена империалистическим цинизмом.

Экономическая и социальная сторона проблемы столь же ясна, как и ее правовая сторона. Административный комитет вашей партии поступил бы, на мой взгляд, правильно, если бы создал специальную комиссию для изучения того, что британский и вообще иностранный капитал внес в Мексику и что он извлек из нее. Такая комиссия могла бы в короткий срок представить британскому обществу потрясающий баланс экономической эксплуатации! Небольшая клика британских магнатов в полном смысле слова выкачивает жизненные соки Мексики, как и ряда других отсталых или слабых стран. Чистейшим фарисейством являются торжественные речи о внесении иностранным капиталом "цивилизации", о его содействии развитию народного хозяйства и пр. Дело идет в действительности о расхищении естественных богатств страны. Природе нужны были многие миллионы лет, чтоб заложить в почву и под почву Мексики золото, серебро и нефть. Иностранные империалисты хотят расхитить эти богатства в возможно короткий срок, пользуясь дешевой рабочей силой и покровительством своей дипломатии и своего флота. Посетите любой центр горной промышленности: сотни миллионов долларов, извлекаемые иностранным капиталом из почвы, ничего, ровно ничего не дают культуре страны: ни дорог, ни зданий, ни городского благоустройства. Даже помещения самих кампаний похожи нередко на казармы. Зачем, в самом деле, расходовать мексиканскую нефть, мексиканское золото, мексиканское серебро на нужды далекой и чужой Мексики, когда на получаемые барыши можно строить дворцы, музеи, театры в Лондоне или в Монако? Таковы эти цивилизаторы! Взамен исторгаемых богатств они оставляют дыры в мексиканской земле и расстроенное здоровье мексиканских рабочих.

Ноты британского правительства ссылаются на "международное право". Даже ирония опускает бессильно руки перед этим доводом. О каком международном праве идет речь? Очевидно, о том, какое восторжествовало в Эфиопии, и которому британское правительство готовится дать свою санкцию. Очевидно, о том самом праве, которое самолеты и танки Муссолини и Гитлера возвещают в Испании уже второй год при неизменной поддержке британского правительства. Это последнее вело бесконечные переговоры об уходе из Испании иностранных "добровольцев". Наивное общественное мнение долго воображало, что дело идет о приостановлении интервенции иностранных фашистских бандитов. На самом деле британское правительство требовало от Муссолини одного: чтобы он увел свои войска от Испании после того, как он обеспечит победу Франко. В этом случае, как во всех других, задача состояла не в том, что защищать "международное право" или "демократию", а в том, чтобы оградить интересы британских капиталистов в испанской горной промышленности от возможных покушений со стороны Италии.

В Мексике британское правительство проводит, в основном, ту же политику, что в Испании; только в отношении Испании - в пассивной форме, в отношении Мексики - в активной. Мы присутствуем сейчас при первых шагах этой активности. Во что она развернется дальше? Этого сейчас никто не может предсказать. Чемберлен этого еще не знает и сам. Одно можно утверждать с уверенностью: дальнейшее развитие политики покушений британского империализма на независимость Мексики будет в огромной степени зависеть от поведения британского рабочего класса. Здесь нельзя отделяться неопределенными формулами. Нужна твердая решимость, чтоб парализовать преступную руку империалистского насилия. Я кончаю поэтому, как начал: мировое общественное мнение ждет твердого голоса Британской рабочей партии!

P.S. Некоторые империалистические газеты пытались представить меня инициатором экспроприации. Такой вздор не заслуживает даже опровержения. Обо всех этапах борьбы группы иностранных капиталов против мексиканских законов я как частное лицо пользующееся гостеприимством этой страны, узнавал из газет. Но этого было слишком достаточно, чтоб составить себе мнение. Высказать вслух это мнение есть элементарный долг каждого участника освободительной борьбы пролетариата.

Л.Т[роцкий]

22 апреля 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

25 апреля 1938 г.

Дорогие товарищи!

1) Посылаю вам для "Бюллетеня" новую работу "Их мораль и наша"95. Статья велика и может либо составить двойной номер "Бюллетеня" либо быть

напечатана в двух номерах. Предоставляю это на ваше усмотрение. Можно напечатать эту статью раньше, а "переходную программу" позже, уже после конференции⁹⁶ со всеми вытекающими поправками. Вы должны будете решить сами эти вопросы в зависимости от обстоятельств.

2) Я считаю, что вы имеете от меня теперь материал на 4 месяца. За это время я, может быть, пошлю короткие статьи на актуальные политические темы. Но вы ничего от меня не ждите.

3) Очень желательно было бы привлечь Бармина к участию в "Бюллетене". Согласен ли он на это? Предложите ему, пожалуйста, если он желает вступить в прямую переписку со мною. Я буду этому очень рад.

4) В Вашем письме вы указываете, какие конспиративные поправки вы внесли в корреспонденцию, чтобы сделать автора неукзнауемым. Такие сообщения представляют явную неосторожность, так как письма могут по дороге читаться агентами ГПУ.

5) Ваш план создать русский клуб, конечно, очень привлекателен. Весь вопрос в подборе людей. Как относится к этой идее т. Бармин? Его участие представляется мне очень важным. Его имя получило теперь большую известность. К нему могут обращаться колеблющиеся советские люди за границей и пр. Было бы даже желательно указать на это в той или другой форме в самом "Бюллетене", разумеется, если сам Бармин согласен с этим.

6) Я работаю параллельно над книгами о Сталине и о Ленине и весьма надеюсь на ваше сотрудничество.

Жму руку

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Зборовского и Л.Эстрин Л.Д.Троцкому]

25 апреля 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович,

Мы уже давно без известий от Вас и даже еще не знаем Вашего мнения относительно № 64 "Бюллетеня", хотя и послали Вам уже № 65 и должны начать готовить № 66. Ждем от Вас материалов и указаний.

1. Немедленно по выходе № 65 "Бюллетеня" нам позвонил В.[Кривицкий] и попросил о свидании. Мы встретились с ним, он спросил, кто является автором статьи о невозвращенцах (мы не сочли нужным скрывать от него, что это Ваша статья). "Для меня очень важно, что написано в 'Бюллетене'. Мне стыдно за Л.Д.[Троцкого], что он написал такую статью. Очевидно, он плохо информирован". После этого он выразил желание написать Вам подробное письмо при условии, что кроме нас обоих и Вас лично никто этого письма не увидит. Мы не считали возможным отказать ему в посредничестве и условились с ним встретиться. Во время первой встречи с ним он продиктовал несколько страниц черновика письма к Вам и очень обстоятельно, в течение многих часов разговаривал с нами и объяснил нам, о чем он хочет Вам написать. Это нечто вроде исповеди, из которой Вам станет ясна психология его, Райсса, и всего

их окружения (так он, по крайней мере, думает). Поскольку письмо В.[Кривицкого] подробно изложит его точку зрения, мы не считаем целесообразным передавать Вам содержание нашего разговора с ним. Он просил Вам передать, что письмо его следует с ближайшей почтой.

2. Из следственных документов по делу об убийстве Людвиг [Порецкого] удалось выяснить следующее:

а. Убийцы - Аббиат⁹⁷ и Мартинья⁹⁸ - в феврале 1937 г. были в Мексике. Полиции не удалось установить, зачем они туда поехали. Считаю нужным обратить внимание на то обстоятельство, что они поехали туда сразу же после Вашего приезда.

б. Аббиат, хотя и француз, но русского происхождения. До 1920 г. они жили в Петрограде. Сестра его оставалась в Ленинграде до 1929 г., где была замужем за неким Ерикаловым (Василий). После развода со своим мужем в 1929 г. она выехала за границу. Жила все время в Париже. В октябре 1937 г. (сразу же после убийства) она уехала обратно в Москву, где находится сейчас, переписывается с матерью регулярно. Интересен тот факт, что письма ее опускаются в почтовый ящик в Париже. Адрес ее в Москве: Л.А.Керзон, 13 улица Фрунзе, квартира 50.

3. В Амстердаме объявился Пятигорский⁹⁹. Он говорит, что выехал в начале 1938 г. из Москвы. У него австрийский паспорт. Ведь он же в свое время был близок к вам? Странно, что его выпустили. Нет ли тут какой-нибудь провокации?

Во франц[узской] прессе появилось сообщение, что агент ГПУ, некий Жорж Минк, выехал в Мексику для организации покушения.

Сердечный привет Н.И.[Седовой] и Вам. Крепко жмем руку.

[М.Зборовский, Л.Эстрин]

Проблема Labor Party

Вопрос о Labor Party никогда не был для революционных марксистов вопросом "принципа". Мы всегда исходили из конкретной политической обстановки и тенденций ее развития. Несколько лет тому назад, до кризиса 1929 г. и даже позже, до возникновения СИО100, можно было надеяться на то, что революционная, т. е. большевистская, партия будет развиваться в Соединенных Штатах параллельно с радикализацией рабочего класса и успеет своевременно стать во главе его. В этих условиях было бы бессмыслицей заниматься абстрактной пропагандой в пользу неизвестной "Рабочей партии". Положение с того времени, однако, радикально изменилось. Могущественно выросшие профессиональные союзы в условиях углубляющегося кризиса капитализма толкаются и будут толкаться все более неудержимо на путь политической борьбы и тем самым - на путь сплочения в Labor Party. Если многие официальные вожди трэд-юнионов, несмотря на повелительный голос обстановки и возрастающее давление масс, сохраняют более чем сдержанную позицию в вопросе о Labor Party гораздо большую остроту, чем во все

предшествующие периоды¹⁰¹. Тем не менее можно с достаточной уверенностью предсказать, что сопротивление бюрократии окажется сломленным. Революционная организация, которая заняла бы по отношению к этому прогрессивному движению отрицательную или нейтрально выжидательную позицию, обрекла бы себя на изоляцию и сектантское вырождение. Социалистическая рабочая партия (секция Четвертого Интернационала) отдает себе ясный отчет в том, что в силу ряда неблагоприятных исторических причин ее собственное развитие отстало от радикализации широких слоев американского пролетариата и что именно в силу этого проблема создания Labor Party ставится всем ходом развития в порядок дня. СРП не ограничивается, однако, подобно сталинцам, ловстонистам и пр., абстрактным лозунгом Рабочей или Рабоче-Фермерской партии, отвергает беспринципные верхушечные комбинации под прикрытием этого лозунга, а выдвигает систему переходных ценностей, чтоб оплодотворять ими массовое движение в пользу Labor Party.

Сохраняя свою полную организационную и политическую независимость, СРП ведет систематическую и непримиримую борьбу против консервативной трэдюнионской бюрократии, которая противится созданию Labor Party или стремится превратить ее во вспомогательное орудие одной из буржуазных партий. Разъясняя и пропагандируя в профессиональных союзах, на собраниях и пр. свою программу переходных требований, СРП неутомимо разоблачает на живом опыте масс реформистские и пацифистские иллюзии трэдюнионской бюрократии и ее социал-демократических и сталинских союзников.

Когда и как сложится Labor Party и через какие этапы и расколы она пройдет, покажет будущее. Защищая Labor Party от атак буржуазии, СРП не берет и не возьмет на себя, однако, за эту партию никакой ответственности. На всех этапах ее развития СРП занимает по отношению к Labor Party критическую позицию, поддерживает прогрессивные тенденции против реакционных и вместе с тем непримиримо критикует половинчатый характер прогрессивных (центристских) течений. Для СРП Labor Party должна стать, с одной стороны, передаточным механизмом для воздействия на более широкие круги рабочих. По самому существу, Labor Party может сохранить прогрессивное значение лишь в течение сравнительно короткого переходного периода. Дальнейшее обострение революционной ситуации неизбежно взорвет оболочку Labor Party и позволит СРП сплотить под знамена Четвертого Интернационала революционный авангард американского пролетариата.

[Л.Д.Троцкий]

Апрель 1938 г.

[Письмо М.Зборовскому]

15 мая 1938 г.

Дорогой товарищ,

1. Помимо мелких статей или документов я послал вам за последние недели две большие работы: "Агония капитализма..." 102 и "Их мораль и наша". Я уже

писал вам, что, по моему мнению, лучше начать с "Морали". Если у вас есть ценные корреспонденции, то "Мораль" можно разбить на два номера.

2. Составление номеров и техника производят вполне благоприятное впечатление.

3. Французский перевод статьи об Л.Седове плох, очень много искажений смысла. Видно, что перевод производился либо совершенно неопытным переводчиком, либо крайне спешно и неряшливо. Это ужасно досадно. Желательно, разумеется, чтобы статья о морали вышла также по-французски, но при условии очень тщательного и безукоризненного перевода. В противном случае лучше и совсем не выходить.

4. Те анекдоты, которые ходят по Москве, следовало бы опубликовать в "Бюллетене".

5. Письма от Кривицкого я не получил. Факт его сотрудничества в "Социалистическом вестнике" является в моих глазах демонстрацией разрыва с большевизмом, т. е. марксизмом. Можно сотрудничать, вернее сказать, нельзя не сотрудничать при нынешних условиях даже в консервативной буржуазной прессе: здесь цели ясны всякому и никто не смешает данного автора с данной газетой. Но когда бывший представитель ГПУ на другой день после разрыва начинает сотрудничать в органе меньшевиков, то это не может быть понято иначе, как акт солидаризации с меньшевиками. Покровительственное замечание редакции, что, мол, автор еще не вполне отказался от предрассудков большевизма, имеет крайне унижительный для Кривицкого характер.

6. Я получил французскую книгу Цилиги¹⁰³. Это по самой природе своей провинциальный меньшевик, только экзальтированный. Книга дает очень мало новых фактов. В теоретическом и политическом отношении совершенно несостоятельна и заключает в себе ряд недостойных вылазок против бывших товарищей Цилиги по тюрьме, как, например, Солнцев и другие.

7. Передайте, пожалуйста, товарищу Бармину, что я был бы очень рад вступить с ним в прямую переписку. Сообщите ему мой адрес и пусть он мне напишет свой.

8. Теперь о самом главном, т. е. о вашем возможном содействии моей работе по Сталину. Так как американские товарищи тоже занимаются розысками и подбором материала, то я предлагаю установить хотя бы грубое разделение труда, именно по хронологической линии: американцы будут подбирать материалы главным образом до 1925 года, а парижане с 1925 года до сегодняшнего дня. Разумеется, это не исключает того, что вы сможете мне доставлять материалы, относящиеся и к первому периоду, если эти материалы вам более доступны, чем американцам. Что касается последнего периода, т. е. после 1925 года, то мне нужны наиболее важные факты, статьи, речи или, по крайней мере, важнейшие цитаты, характеризующие все этапы и зигзаги политики Сталина.

[Л.Д. Троцкий]

Надо учиться думать

(Дружеский совет по адресу некоторых ультра-левых)

Некоторые профессионалы ультра-левой фразы пытаются во что бы то ни стало "исправить" тезисы Интернационального Секретариата Четвертого Интернационала о войне в соответствии со своими застарелыми предрассудками. Особенным нападкам подвергается то место тезисов, где говорится, что, оставаясь во всех империалистических странах в непримиримой оппозиции к своему правительству во время войны, революционная партия будет, однако, в каждой стране сообразовывать свою практическую политику с внутренней обстановкой и международными группировками, строго различая при этом рабочее государство от буржуазного государства, колониальную страну от империалистической страны.

"Пролетариат капиталистической страны, находящейся в союзе с СССР¹⁰⁴, - гласят тезисы, - сохранит полностью и целиком свою непримиримую враждебность по отношению к империалистическому правительству собственной страны. В этом смысле не будет разницы с политикой пролетариата страны, воюющей против СССР. Но в характере практических действий могут оказаться значительные различия, вызываемые конкретной обстановкой войны" (стр. 22, пар[аграф] 44)¹⁰⁵.

Ультра-левые считают, что это положение, правильность которого доказана всем ходом развития, является исходной точкой... социал-патриотизма¹⁰⁶. Так как отношение к империалистическим правительствам должно быть "одинаково" во всех странах, то эти стратеги запрещают видеть какие бы то ни было различия за пределами собственной империалистической страны. Теоретическая основа их ошибки заключается в том, что они пытаются установить для политики во время войны принципиально другие основания, чем для политики во время мира.

Допустим, что во французской колонии Алжире вспыхивает завтра восстание под знаменем национальной независимости и что итальянское правительство, движимое своими империалистическими интересами, готовится отправить восставшим оружие. Каково должно быть в этом случае поведение итальянских рабочих? Я намеренно беру пример восстания против демократического империализма и вмешательства в пользу восставших со стороны фашистского империализма. Должны ли итальянские рабочие воспрепятствовать отправке корабля с оружием для алжирцев? Пусть какой-нибудь ультра-левый посмеет ответить на этот вопрос утвердительно. Каждый революционер, заодно с итальянскими рабочими и с восставшими алжирцами, с негодованием отвергнет такой ответ. Если бы даже в фашистской Италии разразилась в это время всеобщая стачка моряков, и в этом случае стачечники должны были бы сделать исключение в пользу тех судов, которые несут помощь восставшим колониальным рабам; иначе они были бы жалкими трэдунионистами, а не пролетарскими революционерами.

Одновременно с этим французские моряки, даже если у них в порядке дня не стояло бы никакой стачки, были бы обязаны приложить все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать отправке оружия против восставших. Только такая

политика итальянских и французских рабочих была бы политикой революционного интернационализма.

Не значит ли это, однако, что итальянские рабочие смягчают в данном случае свою борьбу против фашистского режима? Ни в малейшей степени. Фашизм может оказать "помощь" алжирцам только для того, чтобы ослабить своего врага Францию и наложить затем свою хищную руку на ее колонию. Революционные итальянские рабочие ни на минуту не забудут об этом. Они будут призывать алжирцев не доверять вероломному "союзнику" и сами будут в то же время продолжать непримиримую борьбу против фашизма, "главного врага внутри собственной страны". Только таким образом они могут вызвать доверие к себе со стороны восставших, помочь самому восстанию и укрепить собственные революционные позиции.

Если сказанное верно по отношению к мирному времени, то почему оно становится ложным во время войны? Всем известно положение знаменитого немецкого военного теоретика Клаузевица: война есть продолжение политики, только другими средствами. Эта глубокая мысль естественно влечет за собой вывод: борьба против войны есть продолжение общей пролетарской борьбы мирного времени. Разве пролетариат отвергает и саботирует в мирное время все действия и мероприятия буржуазного правительства? Даже во время стачки, охватывающей целый город, рабочие принимают меры к тому, чтобы в их собственные кварталы доставлено было продовольствие, чтобы не остаться без воды, чтобы не пострадали больницы и проч. Такие меры диктуются не оппортунизмом по отношению к буржуазии, а заботой об интересах самой стачки, о симпатии к ней городских низов и проч. Эти элементарные правила пролетарской стратегии мирного времени сохраняют всю свою силу и на время войны.

Непримиримое отношение к буржуазному милитаризму вовсе не означает, что пролетариат при всех случаях вступает в борьбу со своей "национальной" армией. Рабочие во всяком случае не будут мешать солдатам, занятым тушением пожара или спасением утопающих во время наводнения; наоборот, будут действовать бок о бок с солдатами и брататься с ними. Но дело не ограничивается только случаями стихийных бедствий. Если бы французские фашисты попытались сегодня устроить переворот, а правительство Даладье оказалось бы вынуждено двинуть против фашистов войска, то революционные рабочие, соблюдая полную политическую самостоятельность, боролись бы против фашистов рядом с этими войсками. Таким образом, в целом ряде случаев рабочие оказываются вынужденными не только допускать и терпеть, но и активно поддерживать практические меры буржуазного правительства.

В девяноста случаях из ста рабочие действительно ставят минус там, где буржуазия ставит плюс. В десяти случаях они вынуждены, однако, поставить тот же знак, что и буржуазия, но со своим собственным штемпелем, в котором выражается их недоверие к буржуазии. Политика пролетариата вовсе не выводится автоматически из политики буржуазии, только с обратным знаком - в этом случае каждый сектант был бы великим стратегом; нет, революционная

партия должна самостоятельно ориентироваться каждый раз во внутренней, как и в международной обстановке, находя те решения, которые лучше отвечают интересам пролетариата. Это правило относится к периоду войны так же, как и к периоду мира.

Представим себе, что в течение новой европейской войны бельгийский пролетариат завоюет власть раньше, чем пролетариат Франции. Гитлер попытается, несомненно, подавить пролетарскую Бельгию. Чтобы прикрыть свой собственный фланг, французское буржуазное правительство может оказаться вынуждено помочь бельгийскому рабочему правительству оружием. Бельгийские советы ухватятся, разумеется, за это оружие обеими руками. Но, может быть, французские рабочие, руководствуясь принципом пораженчества, обязаны помешать своей буржуазии отправить оружие в пролетарскую Бельгию? Так рассуждать могли бы только прямые изменники или круглые идиоты.

Французская буржуазия может послать оружие пролетарской Бельгии только под страхом величайшей военной опасности и только в надежде справиться затем с пролетарской революцией своим собственным оружием. Для французских рабочих, наоборот, пролетарская Бельгия была бы величайшей опорой в борьбе против собственной буржуазии. Исход борьбы решился бы в конечном счете соотношением сил, причем правильная политика входит в это соотношение сил как очень важный фактор. Ближайшей задачей революционной партии было бы использовать противоречие между двумя империализмами, французским и германским, для спасения пролетарской Бельгии.

Ультралевые схоласты мыслят не конкретными понятиями, а пустыми абстракциями. В такую пустую абстракцию они превратили идею пораженчества. Они не представляют себе жизненно ни хода войны, ни хода революции. Они ищут герметически закупоренную формулу, которая не пропускала бы свежего воздуха. Но такая формула не способна дать никакой ориентировки пролетарскому авангарду.

Политика пораженчества имеет своей задачей довести классовую борьбу до ее высшей формы: гражданской войны. Но эта задача может быть разрешена лишь путем революционной мобилизации масс, т. е. путем расширения, углубления, обострения тех революционных методов, которые составляют содержание классовой борьбы "мирного" времени. Пролетарская партия отнюдь не прибегает к каким-либо искусственным методам вроде поджогов складов, взрывов, железнодорожных крушений и проч., чтоб вызвать поражение своего правительства. Если бы даже она могла иметь успех на этом пути, военное поражение вовсе не вело бы в этом случае к революционному успеху, который может быть обеспечен только самостоятельным движением пролетариата. Революционное пораженчество означает лишь, что в своей классовой борьбе пролетарская партия не останавливается ни перед какими "патриотическими" соображениями, ибо поражение собственного империалистического правительства, вызванное или ускоренное революционным движением масс, есть неизмеримо меньшее зло по сравнению с его победой, оплаченной национальным единством, т. е. политической прострацией пролетариата. В этом весь смысл

пораженчества, и этого смысла вполне достаточно.

Приемы борьбы меняются, конечно, когда борьба входит в открыто революционную стадию. Гражданская война есть война, и в этом качестве имеет свои законы. В гражданской войне неизбежны взрывы складов, крушения поездов и все другие виды военного "саботажа". Целесообразность их решается чисто военными соображениями: гражданская война продолжает революционную политику, но другими, именно военными средствами.

Могут быть, однако, во время империалистической войны случаи, когда революционная партия будет обязана прибегнуть к военно-техническим мерам, хотя бы они непосредственно и не вытекали еще из революционного движения собственной страны. Так, если дело идет об отправке оружия или солдат против рабочего государства или восставшей колонии, то не только методы бойкота и стачки, но и методы прямого военного саботажа могут оказаться вполне целесообразными и обязательными. Применение или неприменение таких мер будет вопросом практических возможностей. Если бы бельгийские рабочие, завоевав власть во время войны, имели своих военных агентов на германской почве, то обязанностью этих агентов было бы не останавливаться ни перед какими техническими средствами, чтобы задержать войска Гитлера. Совершенно очевидно, что и революционные немецкие рабочие обязаны (если только в состоянии) выполнить эту задачу в интересах бельгийской революции, независимо даже от общего хода революционного движения в самой Германии.

Пораженческая политика, т. е. политика непримиримой классовой борьбы во время войны, не может быть, следовательно, "одинаковой" во всех странах, как не может быть одинаковой политика пролетариата в мирное время. Только Коминтерн эпигонов установил такой режим, при котором партии всех стран шагают одновременно с левой ноги. В борьбе с этим бюрократическим кретинизмом мы не раз доказывали, что общие принципы и задачи должны осуществляться в каждой стране соответственно с ее внутренними и внешними условиями. Этот принцип сохраняет всю свою силу также и в военное время.

Те ультралевые, которые не хотят мыслить по-марксистски, т. е. конкретно, будут застигнуты войной врасплох. Их политика во время войны явится гибельным завершением их политики мирного времени. Первые же пушечные залпы либо отбросят ультралевых в политическое небытие, либо толкнут их в лагерь социал-патриотизма по тем же причинам, по которым испанские анархисты, голые отрицатели государства, оказались во время войны буржуазными министрами. Чтобы вести правильную политику во время войны, нужно учиться правильно думать во время мира.

Крукс

20 мая 1938 г.

Грозный урок

Так называемые "профессиональные союзы" СССР хотели вступить в международную федерацию профессиональных союзов. В Осло этот вопрос должен

был решиться окончательно. Сегодняшние телеграммы сообщают, что решение оказалось отрицательным. Большинством 14 против 4 голосов международная федерация отклонила ходатайство советских "профсоюзов". В составе меньшинства голосовали: два представителя Франции, представитель Испании, представитель Мексики. Решение имеет крупнейшее международное значение и заключает в себе грозный урок по адресу Москвы.

На первый взгляд может показаться непонятным, каким образом профессиональный Интернационал отказался включить в свои ряды советские профсоюзы, насчитывающие 22 миллиона членов. На самом деле, однако, никаких профессиональных союзов в СССР нет. Под именем профессионального союза понимается рабочая организация, основанная на принципе демократии и имеющая задачей защиту интересов рабочих. Советский "профсоюзный" аппарат представляет собой только особый отдел политической полиции для борьбы с рабочими в интересах поддержания привилегий и всевластия советской бюрократии. Генеральный секретарь советских "профессиональных союзов" Шверник¹⁰⁷ является просто полицейским адъютантом Сталина и назначен этим последним на свой пост совершенно независимо от воли советских рабочих.

Стремление Москвы включить свою профсоюзную полицию в ряды

Амстердамского Интернационала диктуется международными интересами кремлевской бюрократии и не имеет решительно ничего общего с интересами и задачами мирового рабочего движения. Через посредство Шверника и ему подобных Сталин стремится деморализовать и подкупать отдельных вождей в разных странах в более широком масштабе, чем до сих пор. Одним он продает помощь так называемой "коммунистической партии" в интересах их политических амбиций и планов; другим он просто платит чистоганом. Ничего, кроме разврата, деморализации и бесчестия, профсоюзная полиция Сталина не может внести в ряды мирового рабочего движения.

Московские процессы вызвали глубокое возмущение в рабочих массах всего мира. Более проникательные деятели профессионального движения поняли, какая ужасающая гниль скрывается за вывеской московской "социалистической" бюрократии. Вот почему даже те из деятелей профсоюзного движения, которые еще год-два тому назад склонялись к "дружбе" с Москвой, сегодня отскочили в сторону, чтобы не оказаться скомпрометированными в объятиях ГПУ.

Французские делегаты голосовали за Москву по чисто дипломатическим соображениям, вытекающим не из интересов рабочего движения, а из комбинаций французской дипломатии. Испанские профессиональные союзы попали за период гражданской войны полностью в когти ГПУ. В Испании проведена была "чистка" по типу московской. Чистка эта не остановилась даже перед изгнанием Ларго Кабалеро, бывшего министра-президента и секретаря социалистических профсоюзов. Голос Испании есть, таким образом, голос самой Москвы. Что касается голоса представителя Мексики, то я могу воздержаться здесь от комментариев, так как общественное мнение этой страны гораздо более компетентно в этом вопросе, чем я.

Одно можно сказать с полной уверенностью: сегодняшнее число друзей Кремля более многочисленно, чем их завтрашнее число. Каждый новый месяц будет разоблачать ужасающую гниль кремлевской олигархии. Не только истинные друзья советского народа, но и все вообще мыслящие политики будут во все возрастающем числе поворачиваться спиной к узурпаторам октябрьской революции, которые грабят, душат и уничтожают трудящиеся массы. Таков смысл голосования в Осло. Это грозный урок по адресу московской бюрократии и последнее предостережение по адресу ее неосторожных или недостаточно бескорыстных "друзей".

Л.Троцкий
20/V 1938 [г.]

[Письмо Ч.Маламуту]

Троцкий - Маламуту
22 мая 1938 г.

Уважаемый товарищ,

Большое Вам спасибо за присланные книги, они мне в высшей степени необходимы.

Как обстоит дело с Вашей книгой о Литвинове¹⁰⁸? Если Вам нужна моя помощь в отношении этой работы, то я к Вашим услугам.

Крепко жму руку

Ваш

Л.Д.[Троцкий]

Еще раз о товарищах Снивлите и Вареекене

I

Вопрос о неправильном поведении т. Снивлита в деле Райсса был мною поставлен в частном, строго конфиденциальном письме к тов. Снивлиту. Задачей моей было дать возможность самому Снивлиту понять политическую ошибку, которую он совершил.

Тов. Вареекен счел нужным притянуть это конфиденциальное письмо к дискуссии брюссельской организации о политике голландской РСП. Другими словами, тов. Вареекен во фракционных целях совершил явное злоупотребление по отношению к моему письму. После этого он жалуется на засорение принципиальной борьбы неправильными "методами". Но раз вопрос поставлен открыто, я вынужден дать объяснения.

Первая ошибка Снивлита состояла в том, что он совершенно ложно оценил политическую и практическую обстановку вокруг дела Райсса и оказался неспособен дать тов. Райссу необходимые советы. Об этом, не называя Снивлита, я говорил в статье "Трагический урок"¹⁰⁹, которая была напечатана на разных языках, в том числе и в органе бельгийской секции. Повторять свои доводы я здесь не буду. Вальтер Кривицкий и А.Бармин применили тот именно образ действий, который рекомендовался в статье "Трагический урок".

Результаты пока что оказались неизмеримо более благоприятные, как в политическом отношении, так и в отношении личной безопасности.

Вторая ошибка Снивлита состояла в том, что огромной важности политический факт (разрыв Райсса с Москвой) он подчинил второстепенным соображениям о приоритете своей организации, своей газеты, своей фирмы. Он не только не посоветовался с представителями русской секции, в частности со мною, о том, какой избрать путь, - наоборот, он всячески и под разными предлогами оттягивал свидание Райсса с Седовым.

Кто знает политическую позицию Снивлита и его способы действия, тот без труда поймет, что Снивлит руководствовался при этом враждой к нашей международной организации. Райсс обратился к Снивлиту не как к Снивлиту, а как к представителю Четвертого Интернационала. Он видел в Снивлите посредника с нашей международной организацией, в частности со мною. Снивлит не мог или не хотел ему сказать, что он на самом деле уже порвал с нашей организацией и ведет в международном масштабе борьбу против нее. Не объясняя Райссу создавшейся обстановки, Снивлит маневрировал, оттягивал и изо всех сил препятствовал встрече и сближению Райсса с нами. Двусмысленное положение Снивлита по отношению к 4-ому Интернационалу создало для Снивлита вдвойне двусмысленное положение перед лицом Райсса.

Если бы Райсс знал, что Снивлит находится в состоянии борьбы против Четвертого Интернационала, он нашел бы, несомненно, другие пути, и, может быть, нам удалось бы своевременно подать ему правильный политический совет.

Здесь мы подходим к нашей собственной коллективной вине: мы слишком долго допускали двусмысленное поведение Снивлита, т. е. давали ему возможность на открытой арене выступать в качестве одного из вождей Четвертого Интернационала и в то же время игнорировать нашу международную организацию и подкапываться под нее всеми доступными ему средствами. Революционная организация не имеет права допускать таких двусмысленностей, ибо они всегда могут привести к тяжким и даже трагическим последствиям.

Этот урок надо серьезно учесть. Мы можем проявлять величайшее дружелюбие и терпение по отношению к партиям и группам, которые стоят вне нашей международной организации, но развиваются в нашем направлении. Мы можем и должны проявлять величайшее терпение при обсуждении вопросов внутри нашей организации. Но мы не можем допускать двойной бухгалтерии, т. е. давать нашим идейным противникам право прикрываться именем Четвертого Интернационала и в то же время на каждом шагу нарушать его внутреннюю дисциплину и топтать ногами элементарный долг солидарности.

Этот урок показывает, в частности, что надо отбросить раз и навсегда смешное и неуместное словечко "для Четвертого Интернационала". Наша организация и есть организация Четвертого Интернационала. Кто этого не хочет понять, тот может до поры до времени сохранять свою самостоятельность. Но мы не можем никому позволить оставаться одной ногой внутри нашей организации, а другой ногой за ее пределами, чтобы тем свободней наносить нам удары.

II

Попытка Вареекена по чисто фракционным соображениям обелить Снивлита за счет Седова является в полном смысле слова недостойной. Фактическая сторона дела прекрасно изложена товарищами Этьеном и Паульсен в их письме, которое напечатано в бельгийском "Бюллетене" РСРП No 14. Нужно быть либо слепым, либо насквозь недобросовестным человеком, чтобы после этого письма, состоящего из точных фактов и цитат, выносить резолюции в стиле Вареекена.

После бесчисленных проволочек Снивлита совершенно больной Седов оказался не в силах 6 сентября выехать в Реймс на свидание с Райссом, о чем предупредил Снивлита. Но последний со свойственной ему манерой провозгласил: "теперь или никогда". В письме ко мне Снивлит с иронией говорит о благоговейном отношении к "каникулам" в Париже. На эту же тему упражняется и Вареекен. На самом деле Седов никогда не знал каникул, хотя работал для движения не меньше, а больше многих других. Если он оказался вынужден выехать на две недели из Парижа, то только потому, что его физическое состояние стало невыносимым: факт, обнаруженный врачами, когда Седову пришлось бороться со смертью. Ссылка на "каникулы" Седова не только недостойна, но и бессмысленна, ибо 6 сентября, когда назначено было свидание в Реймсе, Райсс оказался уже убит. Следовательно, физическая неспособность Седова явиться на свидание не имела ни малейшего влияния на судьбу Райсса. Первое свидание Райсса со Снивлитом произошло 10 июля (или июня?) Между этим первым свиданием и намеченным свиданием в Реймсе Райсс находился большей частью в Париже, т. е. там же, где и Седов. То, что они за это время не встретились, лежит полностью на ответственности Снивлита. Все письма Седова, относящиеся к этому делу, у меня в руках. Если понадобится, я их опубликую.

Ошибки Снивлита в деле Райсса не случайны. Снивлит совершенно порвал с революционной концепцией. Он ко всем вопросам подходит с точки зрения маленького бюрократического аппарата. Снивлит не марксист, а трэд-юнионист. Его занимают лишь интересы его собственного маленького предприятия: НАС. Партия для него - только дополнение НАС110, а фирма Четвертого Интернационала - только парадное прикрытие. Во время последней международной конференции в 1936 г. Снивлит в качестве делегата в городе П[ариже] бойкотировал заседания конференции под тем предлогом, что я в письме к конференции позволил себе критиковать политику Снивлита. Такое неуважение к братским делегациям достаточно показывает, что Снивлит внутренне чужд нашему движению. Точно так же и к делу Райсса Снивлит подошел не с точки зрения общих задач революционной борьбы, а под углом зрения второстепенных интересов своего маленького предприятия. Защищать поведение Снивлита в этом деле способны только фракционные адвокаты.

III

Тов. Вареекен ведет борьбу против "фракционности". Это почти стало его специальностью. Он хочет запретить большевикам вести "фракционную" работу в центристской партии ПОУМ. Он хочет запретить членам Четвертого

Интернационала вести фракционную работу в центристской партии Снивлита. Он "нефракционно" заботится о репутации нечистоплотного интригана Эйфеля¹¹², с которым публично порвала даже секта Олера. Наконец, всякую критику собственной политики Вареекен объявляет "фракционностью". Не чудовищно ли это? Для революционера марксистская фракция в оппортунистической партии есть плюс; центристская фракция в революционной партии есть минус. Тот голландский большевик, который отказался бы вести "фракционную" (какой ужас!) работу против Снивлита, вероломно порвавшего с нашей организацией, был бы изменником, а не революционером. Неужели же это не ясно?

Самое замечательное, однако, то, что наиболее неутомимую фракционную работу в 4-ом Интернационале ведет именно Вареекен. Со своей маленькой фракцией он откололся от нашей бельгийской и международной организации, когда бельгийская секция временно вступила в Социалистическую партию. Фракционная и насквозь нелояльная критика Вареекена мешала нашей бельгийской секции развернуть более успешную работу внутри Социалистической партии. Вернувшись затем в организацию, Вареекен соединялся со всеми ультралевыми и многими центристскими противниками большевизма в разных странах. Вместе со Снивлитом он поддерживал Олера и Масте против нашей американской секции. Где теперь Олер? Где Масте? Между тем наша американская секция сделала крупнейшие успехи - против Вареекена и его международной фракции.

Все наши попытки вызвать Снивлита на честную дискуссию разбивались об упорное сопротивление этого трэджюнионистского бюрократа. А Вареекен каждый раз находил какой-нибудь повод, чтобы встать на защиту оппортуниста Снивлита против марксизма. О, конечно, Вареекен со Снивлитом "не во всем согласен", но это не мешает ему всегда поддерживать Снивлита, как и вообще всех тех, которые готовятся покинуть или покидают 4-ый Интернационал. Вареекен всех их дружески провожает до дверей, а иногда и сам выходит за дверь, чтобы затем вернуться и обвинять 4-ый Интернационал в плохих методах...

IV

Следовало бы составить именной список всех тех дезертиров и перебежчиков, которым в свое время Вареекен отдавал свое сочувствие. Следовало бы составить, с другой стороны, список всех тех верных и непреклонных революционеров, в борьбе с которыми Вареекен никогда не стеснялся в выборе средств. Защищая ПОУМ, он называл наших самоотверженных испанских единомышленников авантюристами. Защищая Снивлита, он пытается набросить тень на Седова. Во Франции он пытается ставить на одну и ту же доску нашу секцию и группу Молинье. Он уже обеспокоился, не обижают ли Диего Ривера невинного Эйфеля. По отношению к Интернациональному Секретариату Вареекен усвоил себе совершенно недопустимый тон. Что все это значит?

Только на днях наш "беспристрастный" и "нефракционный" Вареекен обвинил меня чуть ли не на весь мир в том, что я "не признаю" бельгийскую организацию. Каковы основы обвинения? Письмо Диего Ривера было послано на адрес Лезуаля, а не Вареекена. Но я к отправке этого письма не имел ни

малейшего отношения и вообще не заведу адресами. Тов. Ван подробно объяснил это в своем недавнем заявлении. Этот маленький эпизод дает меру лояльности Вареекена и основательности бросаемых им обвинений. Причем замечательно, что обвинения направляются неизменно не против ультралевых или центристов, а против тех, кто защищает марксистскую линию Четвертого Интернационала.

Нет, дело не в мнимых плохих "методах" И[нтернационального] С[екретариата], а в самом существе взглядов Вареекена. В своей организационной борьбе он далеко отошел от принципов марксизма. Большевицкая позиция стесняет и давит его на каждом шагу. Вареекене не по себе. Такова причина, почему он жалуется на наши "методы", атакуя революционеров и защищая оппортунистов.

Интернациональная конференция окажет, по моему мнению, величайшую услугу нашей бельгийской секции, если даст надлежащую оценку фракционной работе Вареекена, в национальном и в интернациональном масштабе. Мы обвиняем Вареекена не в том, что он "фракционер", - быть фракционером против оппортунизма и сектанства почетно! - а в том, что он утратил принципиальную почву под ногами; в том, что он стоит во главе антимарксистской фракции, которая играла и играет роль тормоза в развитии Четвертого Интернационала. Будем надеяться, что если интернациональная конференция скажет это вслух, то ее предостережение пробудит тов. Вареекена радикально пересмотреть свою позицию и особенно свои недопустимые методы.

V

Как ни важен, однако, личный вопрос о тов. Вареекене, несравненно важнее вопрос о судьбе нашей бельгийской секции в целом. В ее развитии наступил, по-видимому, временный застой. Насколько можно судить издали, причиной этого зстоя является в значительной мере неправильная политика тов. Вареекена, который концентрирует внимание партии в совершенно ложном направлении. Чтоб облегчить бельгийской секции выход на широкую дорогу, необходимы, на мой взгляд, следующие меры:

1. Надо разъяснить всем членам секции гибельность синдикальной политики Сливита и ее полную несовместимость с задачами революционной партии. Кто хочет строить или поддерживать свои собственные карикатурные профсоюзы, тому не место в 4-ом Интернационале.

2. Главной и основной задачей бельгийской секции должна быть систематическая, упорная, серьезная работа внутри реформистских профсоюзов. Всякое уклонение от этой работы, каковы бы ни были поводы и предлоги, должно рассматриваться как дезертирство с поля борьбы.

3. Через посредство профессиональных союзов надо проникнуть во внутреннюю жизнь социалистической партии, тесно связаться с социалистическими рабочими и подчинить приемы своей агитации внутренней жизни массовых рабочих организаций.

4. Надо проникнуть таким же образом внутрь организаций рабочей молодежи.

5. Газета должна в гораздо большей мере, чем теперь, отражать внутреннюю жизнь массовых организаций и отвечать на их внутренние запросы.

6. Поднятие теоретического уровня секции есть необходимое условие для предохранения ее от влияния сектантских и центристских уклонов отдельных руководителей. С этой целью необходимо создать серьезный теоретический ежемесячник на французском языке. Ввиду того, что такое предприятие пока еще не под силу одной бельгийской секции, следовало бы, может быть, поставить один общий теоретический журнал для всех стран французского языка.

Объективные условия для развития бельгийской секции крайне благоприятны. Нужно только своевременно устранить субъективные препятствия.

Л.Троцкий

23 мая 1938 г.

[Письмо Л.Эстрин]

26 мая 1938 г.

Дорогой товарищ,

Вчера получили от вас письмо No 27. Вы совершенно не упоминаете о вашем физическом состоянии после "аварии". Из этого мы заключаем, что вы оправились и, конечно, очень рады этому.

По поводу книги о Сталине. Обращаться к Суварину вряд ли удобно. Скорее уж можно было бы обратиться к Николаевскому, если есть связь с ним. То, что мне особенно необходимо, это речи и статьи Сталина, начиная с 1925 года, даже с 1923-ьего. У Николаевского имеются, насколько знаю, все вырезки. Если, однако, вам удобнее взять материалы у Суварина, то я возражать не буду, при условии, однако, чтобы обращение к нему исходило не от меня.

Мне необходимо сейчас навести следующую справку: в 1910 году вышла в Женеве книжка "Аркомед. Из рабочего движения на Кавказе". В 1923 г. книжка была переиздана в Москве¹¹³. Кто автор книжки? Кем книжка была издана в Женеве? В Париже очень легко выяснить этот вопрос.

Если ту или иную статью или речь Сталина нельзя достать во временное пользование (не больше чем на 6 недель, включая и пересылку), то может быть, можно было бы сделать выписки в Париже? Разумеется, трудность в выборе наиболее характерных мест. Но я не сомневаюсь, что вы и товарищ Этьен хорошо разрешили бы эту задачу. Весь вопрос только в расходовании времени и сил.

То же самое относится к статьям во французской периодической печати, особенно в больших журналах. Разумеется, необходимые расходы на это будут покрыты.

Рукопись книги я должен сдать не позже чем через пять месяцев. Это значит, что материалы должны быть в моих руках не позже чем через два месяца. Особенно важно просмотреть в библиотеке комплекты "Правды" и "Известий", начиная с 1925 года. Как вам, разумеется, ясно, меня особенно интересуют этапы политики Сталина в разных вопросах, зигзаги и повороты.

Статья Эльзы¹¹⁴ о Молчанове¹¹⁵ очень интересная (я лично о Молчанове

ничего не знал), но опасаясь, что в буржуазной печати поместить не удастся, так как интерес к процессам прошел, к тому же статья написана в слишком революционном духе. Я думаю, что эту статью следовало бы напечатать в "Бюллетене" полностью, или хотя бы главную часть¹¹⁶.

Когда вы писали ваше письмо, вы еще не получили статью "Их и наша мораль". Эта статья может изменить ваши планы насчет составления номера. Думаю, что статья сейчас важнее проекта программы, т. е. неотложней. Во всяком случае, решайте сами.

Крепко жму руку.

Копия Ю.Вензлеру

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо А.Кагану¹¹⁷]

27 мая 1938 г.

Дорогой тов. Каган,

Я получил Ваши выписки вместе с письмом от 19 мая. Большое спасибо за выписки, которые очень интересны. Переписывать всю статью нет надобности, так как эти цитаты, думается, исчерпывают суть дела. Имеете ли вы вообще комплект "Красной нови"¹¹⁸? В таком случае было бы хорошо, если бы вы просмотрели его с точки зрения политической эволюции Сталина, вернее его зигзагов и методов его борьбы с оппозицией. За всякую справку такого рода буду вам очень благодарен, так как у меня здесь очень мало литературы, а книгу о Сталине я должен закончить в течение ближайших пяти месяцев.

Вы простите меня за то, что я в свое время не ответил на ваше первое письмо с приложением рукописи. Это время было у меня очень тревожное и неблагоприятное: только этим и объясняется мое молчание.

Тов. Сара Вебер сообщила мне, что вы очень внимательно относитесь к русскому "Бюллетеню". Большое вам спасибо. Теперь, когда главного организатора "Бюллетеня" больше нет, "Бюллетень" нуждается во внимании и заботе товарищей больше, чем когда бы то ни было.

Крепко жму вашу руку.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо бельгийскому стороннику]

"За" Четвертый Интернационал? Нет, Четвертый Интернационал!

Дорогой товарищ!

Вам кажется преждевременным "провозглашение" Четвертого Интернационала. Вы считаете более "скромным" и более правильным сохранить название "движение за 4-ый Интернационал". Я никак не могу с этим согласиться. Это название казалось мне педантским, неуместным и слегка смешным еще два года тому назад, когда оно было впервые принято. Опыт последних двух лет вполне

показал ошибочность этого названия. Лучшее доказательство этого в том, что оно совершенно не прижилось. Никто не называет нас так. Буржуазная пресса, Коминтерн, социал-демократы - все в один голос говорят просто о Четвертом Интернационале. Никто не употребляет словечка "за". Наши собственные организации, за небольшими исключениями, поступают точно так же, называя себя секциями Четвертого Интернационала. Во всяком случае, так поступают французы, немцы, русские, американцы, мексиканцы, кубинцы и проч. Только Снивлит и Вареекен сделали из словечка "за" свое знамя. Но как раз этот факт лучше всего подчеркивает ошибочность старого названия, которое подавляющему большинству оказалось совершенно ненужным.

Вы совершенно согласны со мной, что Четвертый Интернационал строится только нами, что никакая другая группировка неспособна выполнить эту задачу и не возьмется за нее. С другой стороны, я меньше всего склонен закрывать глаза на то, что наш Интернационал еще молод и слаб. Но это не основание отказываться от собственного имени. В цивилизованных обществах человек носит одно и то же имя в детстве, в зрелости и в старости, и это имя сливается с его индивидуальностью.

Словечко "за" вам кажется выражением политической скромности. Мне оно кажется выражением нерешительности и неуверенности в себе. Революционная партия, которая не уверена в своем собственном значении, не может вызвать доверия к себе со стороны масс. То обстоятельство, что классовые враги, как и широкие круги рабочих, уже говорят о нас, как о Четвертом Интернационале, показывает, что они доверяют этой "фирме" больше, чем некоторые скептики или полускептики в наших собственных рядах.

Вам кажется, что название "Четвертый Интернационал" мешает приблизиться к нам сочувствующим или полусочувствующим организациям. Это в корне неправильно. Привлечь к себе мы можем только правильной и отчетливой политикой. А для этого нужно иметь организацию, а не туманное пятно. Наши национальные организации называются партиями или лигами. Ведь можно сказать и тут, что "прокламирование" Революционно-социалистической партии в Бельгии затрудняет приближение к ней сочувствующих или полусочувствующих группировок. Если соблюдать принцип "скромности", то следовало бы нашу бельгийскую партию, например, назвать "движением за революционно-социалистическую партию". Но на такое смешное название не согласится, думаю, и товарищ Вареекен. Почему же мы к интернациональной организации должны применять другие принципы, чем к национальной? Недостойно марксиста иметь два разных мерила: одно для национальной политики, а другое - для интернациональной.

Несомненно, в Бельгии, как и во всякой другой стране, могут возникнуть сочувствующие группы, еще не согласные сегодня вступить формально в наши ряды. Мы должны быть готовы установить с ними дружественные отношения и, если они пожелают, включить их в рамки Четвертого Интернационала на правах сочувствующих организаций, т. е. с совещательным голосом.

Вы указываете на то, что мы еще не дали теоретического анализа новейшей

стадии империализма и пр. Но если это довод против "провозглашения" Четвертого Интернационала, то это не меньший довод против существования национальных партий. Опять две мерки! Между тем несомненно, что Четвертый Интернационал в целом гораздо лучше вооружен теоретически и гораздо больше застрахован от шатаний, чем каждая из национальных секций в отдельности.

Отношение между теорией и практикой имеет не односторонний, а двусторонний, т. е. диалектический характер. Мы вооружены теоретически достаточно для действия, во всяком случае, неизмеримо лучше всех других организаций. Наше действие будет толкать вперед нашу теоретическую работу, пробуждать и привлекать новых теоретиков и пр. Четвертый Интернационал никогда не выйдет из наших рук в готовом и законченном виде, как Минерва из головы Юпитера¹¹⁹. Он будет расти и развиваться теоретически, как и практически.

Напомню, что Союз Коммунистов¹²⁰ был создан Марксом-Энгельсом до того, как они написали "Коммунистический Манифест". Первый Интернационал был создан до появления первого тома "Капитала". Второй Интернационал - до опубликования всех томов "Капитала"¹²¹. Третий Интернационал в лучший свой период существовал без законченной программы. И т. д.

Исторический процесс не ждет появления "последнего", "законченного", "исчерпывающего" марксистского исследования. Мы должны были занять позицию по отношению к испанской революции, не дожидаясь марксистских трудов об Испании. Война призовет нас к ответу независимо от того, выпустят ли наши теоретики один, два или три тома исследования. Как нельзя отложить войну до изобретения самого совершенного оружия, так нельзя отложить революцию и Четвертый Интернационал до появления самого совершенного теоретического труда. Теория очень важна. Но педантский фетишизм теории никуда не годится.

Парадокс состоит в том, что те, которые называют себя "за Четвертый Интернационал", на самом деле ведут все более острую борьбу против Четвертого Интернационала. На примере Снивлита это особенно ясно: он "за" ПОУМ и "за" Лондонское Бюро, а для того, чтобы сохранить равновесие, он сверх того еще "за" 4-ый Интернационал. Такой путаницы нам не нужно. Политика Снивлита только компрометирует 4-ый Интернационал, как в голландском, так и в международном масштабе. В Испании политика Снивлита приняла форму прямого штрейкбрехерства в самый критический момент. И все это прикрывается словечком "за"! Политика Вареекена есть только 51% политики Снивлита. Немногим иначе обстоит дело с Масловым. Все они "за". На самом деле все они ведут борьбу против основных принципов Четвертого Интернационала, озираясь направо и налево в поисках таких же союзников, которые помогли бы им опрокинуть эти принципы. Этого мы никак не можем допустить. Мы обязаны проявлять величайшее внимание ко всем колеблющимся и незрелым рабочим группировкам, развивающимся в нашу сторону. Но мы не можем делать принципиальных уступок сектантски-центристским лидерам, которые не хотят признавать ни международной организации, ни дисциплины.

Значит, вы хотите монолитный интернационал? - возразит мне кто-то в

священном ужасе. Нет, меньше всего! - спокойно отвечу я на такое подозрение. Вся история Четвертого Интернационала и каждой его секции в отдельности показывает постоянную, непрерывную и свободную борьбу точек зрения и тенденций. Но, как свидетельствует тот же опыт, эта борьба сохраняет здоровый характер лишь постольку, поскольку все участники ее сознают себя членами одной и той же национальной и интернациональной организации, у которой есть своя программа и свой устав. Мы можем, с другой стороны, вести товарищескую дискуссию с группами, стоящими вне нашей организации. Но, как показывает опыт Снивлита и Вареекена, дискуссия неизбежно принимает отравленный характер, когда некоторые лидеры одной ногой стоят в нашей организации, а другой вне ее. Допустить развитие такого режима и дальше - значило бы, совершить самоубийство.

По совокупности этих соображений я полностью и целиком стою за то, чтоб мы сами себя называли так, как нас называют и рабочие, и классовые враги: именно 4-ый Интернационал.

Л.Троцкий

31 мая 1938 г.

Койоакан

Революционное искусство и Четвертый Интернационал

Международной конференции Четвертого Интернационала¹²²

Дорогие товарищи!

Чрезвычайно сожалею, что неблагоприятные обстоятельства не позволяют мне принять участие в конференции, от которой передовые рабочие всего мира ждут ответа на наиболее жгучие вопросы своей освободительной борьбы.

Я достаточно, однако, знаком с той дискуссией, которая в разных странах развернулась по основным вопросам рабочего движения, и с теми документами, которые представлены на ваше рассмотрение, чтобы иметь право заявить о полной моей солидарности с той работой, которую вы призваны выполнить.

Никогда еще в течение своей истории пролетариат не был так подло обманут и предан своими руководящими организациями, как ныне, 25 лет спустя после начала первой мировой войны и немного лет, а может быть, и месяцев перед началом второй мировой войны.

Чтобы человечество не погибло и не сгнило, пролетариату необходимо пронизательное, честное и бесстрастное революционное руководство. Никто не может дать ему этого руководства, кроме Четвертого Интернационала, опирающегося на весь опыт предшествующих побед и поражений.

Позвольте мне, однако, взглянуть на историческую миссию Четвертого Интернационала не только глазами пролетарского революционера, но и глазами художника, каким я являюсь по своей профессии. Я никогда, впрочем, не разделял этих двух сфер деятельности. Кисть никогда не служила мне игрушкой для собственной забавы или для забавы имущих классов. Я всегда стремился по мере сил давать в красках выражение страданиям, надеждам и борьбе трудящихся

масс, ибо под этим углом зрения я подхожу к жизни, а, следовательно, и к искусству, которое является ее неотъемлемой частью. Нынешний безвыходный кризис капитализма означает кризис всей человеческой культуры, в том числе и искусства. Спасение культуры - в обновлении общества. Вся мировая обстановка толкает сколько-нибудь одаренных и отзывчивых художников на путь революционного творчества. Но увы, этот путь загражден разлагающимися трупами реформизма и сталинизма.

Если авангард мирового пролетариата ищет руководства, то передовое искусство ищет новой перспективы и новой надежды. Между тем так называемый Коммунистический Интернационал, не дающий пролетариату ничего, кроме поражений и унижений, все еще продолжает командовать духовной жизнью и художественным творчеством левого крыла международной интеллигенции.

Плоды этого командования имеют особенно отталкивающий характер внутри СССР, т. е. там, где революционное творчество должно было бы достигнуть наиболее высокого расцвета. Диктатура реакционной бюрократии задушила или протушила духовное творчество целого поколения. Нельзя без физического отвращения глядеть на снимки советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные кистью, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют "великих" и "гениальных" вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия. Искусство сталинской эпохи войдет в историю как наиболее наглядное выражение глубочайшего упадка пролетарской революции.

Обогатить искусство новыми перспективами и новыми возможностями способен только новый подъем революционного движения. Четвертый Интернационал не может, конечно, ставить себе задачей "руководить" искусством, т. е. давать ему заказы или предписывать методы. Такое отношение к искусству могло придти в голову только взбесившейся от самовластия московской бюрократии. Искусство, как и наука, не только не ищет командования, но по самому своему существу не выносит его. Художественное творчество имеет свои внутренние законы - даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Революционное искусство несовместимо с ложью, фальшью и духом приспособления. Поэты, художники, скульпторы, музыканты сами найдут свои пути и свои методы, если революционное движение масс развеет тучи скептицизма и пессимизма, которые обволакивают ныне горизонт человечества. Новое творческое поколение должно убедиться на деле, что в лице старых Интернационалов гниет лишь вчерашний день человечества, но не его завтрашний день.

Социал-демократический интернационал, как показывает свежий и постыдный опыт правительства Леона Блюма во Франции, остается вспомогательным аппаратом буржуазии, который призывается на службу в наиболее трудные минуты для выполнения наиболее грязной работы, особенно для подготовки новой империалистической бойни.

Роль Третьего Интернационала, если возможно, еще преступнее и зловреднее, ибо он прикрывает свою службу империализму украденным

авторитетом Октябрьской революции и большевизма. На почве Испании сталинизм особенно показал, что в отношении пролетарской революции он взял на себя ту роль международного жандарма, какую царизм играл по отношению к буржуазным революциям.

Подобно бюрократии двух лжемарксистских Интернационалов, анархистская бюрократия успела стать плотью от плоти буржуазного общества. Своей позорной политикой в Испании официальный анархизм убедительно показал рабочим массам всего мира, что они не имеют больше права надеяться на него.

Революционное искусство немыслимо без правды и свободы. Но без тех же условий немыслимо и революционное движение пролетариата. Четвертый Интернационал начал с беспощадной критики всякой условности, фальши, рутины и надутых авторитетов. Он объединяет вокруг себя во все возрастающем числе цвет мирового рабочего класса и уже начал привлекать к себе симпатии лучших представителей творческой интеллигенции. Упадок мирового хозяйства, как и загнивание культуры, могут быть остановлены только международной пролетарской революцией. В фокусе подготовки этой революции уже сейчас стоит Четвертый Интернационал. Правильное руководство, которое он несет пролетариату, - залог будущих побед. Во имя революции, как и во имя неразрывно с ней связанной культуры, я горячо приветствую вашу конференцию.

[Л.Д.Троцкий от имени Д.Риверы]

1 июня 1938 г.

Тоталитарная бюрократия и искусство

Октябрьская революция дала великолепный толчок искусству во всех областях. Бюрократическая реакция, наоборот, задушила художественное творчество тоталитарной рукой. Немудрено! Даже придворное искусство абсолютной монархии было основано на идеализации, но не на фальсификации. Между тем, официальное искусство Советского Союза - а другого искусства там нет - основано на грубой фальсификации, в самом прямом и непосредственном смысле слова. Цель фальсификации - возвеличение "вождя", искусственная фабрикация героического мифа. Совсем недавно, 27 апреля этого года, правительственный официоз "Известия" напечатал снимок с новой картины, изображающей Сталина как организатора тифлисской забастовки в марте 1902 года¹²³. Но, как гласят давно опубликованные документы, Сталин сидел в это время в тюрьме, притом не в Тифлисе, а в Батуми. На этот раз ложь слишком была в глаза. "Известиям" пришлось на другой день извиняться за печальное недоразумение. Что случилось с картиной, оплаченной из государственных средств, неизвестно. Десятки, сотни, тысячи книг, фильмов, полотен, скульптур закрепляют и возвеличивают такие "исторические" эпизоды, которых никогда не было. Так, во многих картинах, относящихся к Октябрьской революции, изображается никогда не существовавший "революционный центр" со Сталиным во главе. Алексей Толстой¹²⁴, в котором царедворец переселил художника, пишет роман, прославляющий военные подвиги Сталина и Ворошилова в

Царицыне. На самом деле, как свидетельствуют документы, Царицынская армия - одна из двух дюжин армий революции - играла самую плачевную роль. Нельзя без физического отвращения, смешанного с ужасом, глядеть на снимки с советских картин и скульптур, в которых чиновники, вооруженные кистью, под надзором чиновников, вооруженных маузерами, прославляют "великих" и "гениальных" вождей, лишенных на самом деле искры гениальности или величия. Искусство сталинской эпохи войдет в историю как наиболее наглядное выражение глубочайшего упадка пролетарской революции.

Дело не ограничивается, однако, пределами СССР. В поисках новой ориентировки квазиреволюционная интеллигенция Запада под видом запоздалого признания Октябрьской революции стала на колени перед советской бюрократией. Художники с характером и гением остались, конечно, в стороне. Но тем назойливее выползли на передний план всякого рода неудачники, карьеристы, бездарности. Несмотря на свой широкий охват, все это милитаризованное движение не породило до сих пор ни одного произведения, которое способно было бы пережить автора или его кремлевских вдохновителей.

Однако вавилонское пленение революционного искусства не будет длиться вечно. Позорное крушение трусливо-реакционной политики Народных фронтов в Испании и Франции, с одной стороны, московские судебные подлоги, с другой, знаменуют приближение великого поворота не только в области политики, но и в области революционной идеологии. Обогатить искусство новыми возможностями способен только новый подъем освободительного движения человечества. Революционная партия не может, конечно, ставить себе задачей "руководить" искусством. Такая претензия могла прийти в голову только взбесившейся от самовластия московской бюрократии. Искусство, как и наука, не только не ищет командования, но по самому своему существу не выносит его. Художественное творчество имеет свои внутренние законы - даже и тогда, когда сознательно служит общественному движению. Революционное искусство несовместимо с ложью, фальшью и духом приспособления. Поэты, художники, скульпторы, музыканты сами найдут свои пути и свои методы, если революционное движение масс развеет тучи скептицизма и пессимизма, которые обволакивают ныне горизонт человечества. Первым условием такого возрождения и подъема является низвержение удушающей опеки кремлевской бюрократии.

Л.Троцкий

10 июня 1938 г.

Койоакан

Грубая фальсификация

В редакцию "Ла Флеш" 125

Уважаемый г-н редактор!

В № 116 "Ла Флеш", который я получил с естественным запозданием, за подписью г-на Андре Монтаня изложено в выдержках письмо, которое Бухарин написал будто бы вскоре после смерти Ленина некоему Илье Британу. Этот

последний, по словам г. Монтаня, был выслан из России за "речь, благоприятную Троцкому". Для всякого, кто хоть немного знает обстоятельства и участников, не может представлять ни малейшего сомнения в том, что дело идет не о письме Бухарина, а о грубой, злостной и невежественной подделке. Имя г-на Ильи Британа я лично впервые узнал из статьи г-на Андре Монтаня. Если публикация исходит от Ильи Британа (когда именно?), то его роль в аппарате пропаганды белых эмигрантов или фашистской Германии не может оставлять места сомнениям. Не исключено, однако, что письмо сфабриковано ГПУ как "документальное" дополнение к тем показаниям, которые исторгаются тоталитарной инквизицией Сталина. Сейчас немало случаев, когда очень трудно отличить стиль ГПУ от стиля Гестапо. Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно знать даты и другие обстоятельства. Во всяком случае дело идет о заведомой и явной фальсификации, и нужно полное отсутствие критического чутья, чтобы не обнаружить это с первого взгляда.

Примите уверение в совершенном уважении.

Л.Троцкий

12 июня 1938 г.

[Письмо А.Кагану]

14 июня 1938 г.

Дорогой товарищ Каган,

Я вижу, что вы очень серьезно взялись за работу и чувствую большую благодарность за это. Присланное вами конспективное изложение статьи Стецкого¹²⁶ великолепно и окажет мне большую услугу. Очевидно, эта статья из "Красной нови" (у вас по ошибке сказано "Красная нива"). Не думаю, чтобы вы нуждались в каких-либо дополнительных указаниях. Мне нужны точные даты, точные и характерные цитаты, относящиеся к борьбе Сталина с оппозицией, к его общей политике, к его противоречиям с самим собой и проч. Очень важны, в частности, факты, характеризующие и зигзаги международной политики, как по линии советской дипломатии, так и по линии Коминтерна.

Еще раз спасибо.

[Л.Д.Троцкий]

Нет, это не одно и то же!

В "Воркерс Ейдж"¹²⁷ от 11 июня напечатана статья в защиту многолетнего прислужничества Ловстона и К|| перед термидорианской бюрократией. Статья показывает лишний раз, что эти люди неисправимы.

В своей работе о морали я отметил преступное отношение Брандлера и Ловстона к московским процессам. Ловстон отвечает на это: да, мы ошиблись, но и Троцкий ошибался по отношению к процессу меньшевиков 1931 г.¹²⁸ В чем же разница?

Надо объяснить кратко этим господам, в чем разница.

Меньшевики являются консервативной мелкобуржуазной партией, связанной с империализмом. В Октябрьской революции они объединялись с буржуазией против пролетариата. Во время гражданской войны правое крыло меньшевиков стояло на стороне империалистов (Майский¹²⁹, Трояновский и многие другие), даже с оружием в руках. Меньшевики-эмигранты в Париже считают своим другом и вождем Леона Блюма, приказчика трестов, палача колониальных народов. В этих условиях различные формы блока русских меньшевиков, особенно в лице отдельных представителей и групп, с империалистами политически вполне возможны в настоящем и будущем, как были возможны в прошлом.

Подсудимые меньшевистского процесса 1931 года были малоизвестными или совсем неизвестными людьми, политическое прошлое которых не давало никаких гарантий, а политические взгляды которых в момент процесса оставались совершенно неизвестными.

Если в силу указанных обстоятельств я допускал возможность того, что те или другие меньшевики или бывшие меньшевики оказались действительно запутаны в империалистических интригах и комбинациях, то я, однако, вовсе не выступал при этом как защитник сталинской бюрократии и сталинской юстиции; наоборот, я продолжал непримиримую борьбу против московской олигархии.

С процессами против "троцкистов" дело обстояло, с позволения г. Ловстона, несколько иначе. Всем своим прошлым эта группировка показала, что она мало склонна к дружбе с буржуазией и империализмом.

Литература "троцкистов" была и остается доступной всем. Зиновьев, Каменев - фигуры интернационального значения. Думаю, что Ловстон лично достаточно знал их. Обвинение против них было политически и психологически бессмысленно.

Процессы "троцкистов" происходили через пять лет после процесса против меньшевиков. За эти пять лет наша литература успела разоблачить термидорианскую бюрократию с ее методами подлогов и амальгам до конца.

Не знать и не видеть всего этого мог только тот, кто не хотел знать и видеть. Именно к этой категории принадлежали Брандлер, Ловстон и их друзья. Они ни на минуту не верили тому, что Троцкий, Зиновьев, Каменев, Смирнов, Радек, Пятаков и другие являются контрреволюционными террористами, союзниками фашистов и пр.: Ловстон и К|| - никуда не годные марксисты, но никто не считает их идиотами. Они знали отлично, что дело идет о грандиозном подлоге. Но так как в своей мелкобуржуазной, трусливой и консервативной политике они прочно связали свою судьбу с репутацией термидорианской бюрократии, то они попытались идти за ней до конца в надежде на то, что Сталину удастся изнасиловать мировое общественное мнение. Они рассчитывали в душе, что за такую услугу Кремль их в конце концов "признает" и "призовет". Только тогда, когда они увидели, что московский обер-фальсификатор позорно провалился, они отошли в сторонку и вполголоса признали свою "маленькую" ошибку.

Во Франции в конце прошлого века обвинили еврея офицера Дрейфуса в шпионаже. Дрейфус представлял никому не известную фигуру. Можно было быть

вполне честным человеком, демократом, социалистом, противником антисемитизма и проч., - и в то же время допускать, что Дрейфус действительно шпион: такие случаи в офицерстве совсем не редки. Другое дело - стать на защиту французского генерального штаба и всякой реакционной сволочи и принять участие в антисемитской газетной кампании. Между этими двумя "ошибками" есть некоторая разница, господа из "Воркерс Эйдж"! Одна ошибка имеет эпизодический характер, другая органически вытекает из гнилой насквозь политики.

Я пишу это не для Ловстона и его клики. Эти люди безнадежны. В течение 15 лет они были только тенью различных групп советской бюрократии: Ловстон был зиновьевцем с Зиновьевым, бухаринцем - с Бухариным, сталинцем - со Сталиным. В течение 15 лет он повторял все клеветы и фальсификации против так называемых "троцкистов". Его братание с Вышинским и Ягодой в 1936 году явилось естественным звеном этой недостойной цепи. Перевоспитать Ловстона нельзя. Но в рядах так называемых ловстонистов есть, несомненно, и вполне искренние люди, систематически вводимые в заблуждение. Для них я пишу эти строки.

Л.Троцкий

Койоакан

18 июня 1938 г.

[Письмо В.Кагану]

19 июня 1938 г.

Дорогой товарищ Коган!

"Красной нови" у нас нет совсем. Ваша ссылка на статью Трайнина¹³⁰ с требованием выдачи террористов меня очень заинтересовала. Было бы хорошо сгруппировать все материалы, касающиеся этого вопроса: инициатива создания трибунала при Лиге Наций, выступление Литвинова, статьи советской печати и проч. Вы могли бы, может быть, написать на эту тему статью для "Нью Интернэйшонал"¹³¹; в то же время материал был бы мне очень полезен для моей книги.

У нас имеются только следующие номера "Большевика"¹³²: NoNo 24 за 1934 год, за 1935 г. NoNo 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 18.

Л.Д.Троцкий]

[Письмо С.Вебер (Джекобс) Л.Эстрин]¹³

25 июня 1938 г.

Дорогая Леля!

Если вы меня потихоньку и ругаете за долгое молчание, то вполне правы. Не знаю, почему мне так трудно писать. До отъезда сюда (а отъезд произошел как-то скоростижно) была занята хлопотами по дому, разными поручениями Л.Д.[Троцкого] и т. п. А по приезде сюда все со дня на день откладывала

письмо вам, и так проходили недели... Приехала я сюда с намерением пробыть не более шести месяцев. Что будет по истечении этого периода, не знаю. Вернется ли Рая сюда, не знаю. Да если бы даже ее личные дела позволили провести ей еще шесть месяцев здесь, то это все равно Л.Д.[Троцкого] не устраивает, да кроме того, ее знание русского языка не вполне достаточно. Но все это вопрос еще нескольких месяцев, а пока будем надеяться, что что-нибудь "устроится".

Мексиканский климат на мне совсем не отразился. А живем мы здесь, в этом тихом синем доме за высокими каменными стенами, как в крепости или... в монастыре. Живем почти в полной изоляции от окружающего населения, без какого бы то ни было контакта с местной жизнью. День заполнен работой, а по вечерам, особенно теперь, в эту несносную полосу дождей, тоскливо по более активной жизни, да и, по правде сказать, по мужу. Даже и работа не помогает...

Что сказать вам о Наталье Ивановне [Седовой] и Л.Д.[Троцком]? Продолжают (вот уж который год?) жить в изгнании, оторванные от активной жизни. Каждый день приносит новые известия об убитых, затравленных, замученных в советской (?) России. Для нас это в большинстве случаев только имена, для них это живые люди, друзья, соратники. О Сереже почти не упоминают. Что с ним? Живет ли еще, или замучен где-нибудь в сталинских подвалах? А трагический конец Левы? Разве это можно забыть? Правда жизнь идет вперед... Л.Д.[Троцкий] весь отдался работе (работает с раннего утра до поздней ночи), каждая минута его времени, его мышления отданы ей; он, видимо, сознательно горе свое запрятал куда-то в тайники души своей. Но я нашла его таким замкнутым, молчаливым... Редки прежние шутки, нет смеха, нет улыбки. Наталии Ивановне не дано творческое дарование, не дана также эта сверхчеловеческая способность с утра до позднего вечера отдаваться умственной работе. Ей труднее. Она больше сама с собой. Да еще все время мучает мысль, как погиб Лева. Не верится, что все это как-то совершилось "естественно". Да и страшно тяжело за Жанну.

Вы знаете, Леля, еще в бытность мою в Нью-Йорке меня так неприятно поразило, так больно резануло заявление Жерара в прессе, что, мол, нет подозрений в связи со смертью Левы. Даже если бы мы были в этом стопроцентно уверены, то зачем было давать такое заявление прессе, а потом все же решаться на вскрытие? А потом эта совершенно невозможная заметка в "Ля Лютт"134 насчет побоища с членами фракции Молинье. Зачем притянули имя Жанны, зачем назвали ее "Молинье"? Зачем это все, кому это нужно? Зачем сейчас еще травить эту несчастную, убитую горем женщину гнусными инсинуациями? Я видела, когда этот номер газеты прибыл сюда, как Наталия Ивановна втихомолку плакала, стараясь подавить рыдания... Что теперь? Ведется ли еще какое-нибудь расследование?

[С.Вебер]

[Письмо М.Зборовскому]

26 июня 1938 г.

Дорогой товарищ,

Получены материалы и "Бюллетень". Большое спасибо за все. Может быть, не стоило печатать мою статью "За 20 лет"135, написанную для американской печати: читателям дневника она не дает ничего нового. Но это не так уж важно. Позор и трижды позор, что Кривицкий и другие не дают статей для "Бюллетеня", приберегая их для меньшевиков. И эти люди считали себя вчера большевиками! На деле они были буржуазными чиновниками Сталина, не больше.

Мне в высшей степени пригодились выписки из Иремашвили136. Я считаю его воспоминания заслуживающими в основном полного доверия. Суварин обошел его с недоверием. Не потому ли просто, что Суварин не знает немецкого языка? Иремашвили на пять лет раньше рассказал то, что официальные мемуаристы и биографы подтвердили затем прямо или косвенно, чаще всего путем красноречивых умолчаний. Что вам известно об Иремашвили? Почему вы считаете его не заслуживающим доверия? Только потому, что этот бывший меньшевик стал национал-социалистом? Сообщите, пожалуйста, на этот счет все, что вы знаете.

Я очень благодарен Николаевскому за его готовность оказать содействие и на этот раз. Со своей стороны, я был бы очень рад быть ему полезным в каком-либо отношении. Может быть, ему нужны какие-нибудь американские книги, журналы и справки? Я охотно сделаю все, что смогу.

Разговоры о том, что я не протестовал против обвинения Дана, просто смешны. Я не протестовал против обвинения Росмера, Истмена, Суварина и многих других. Та работа, которую мы провели через комиссию в Нью-Йорке, имеет не личный, а общий характер и распространяется на всех оклеветанных. Что касается лично Дана, то только идиоты могут верить, что он связан с Гестапо (или не помню с кем).

Из Нью-Йорка редакции "Бюллетеня" послано нечто вроде морального мандата. Я к этому целиком присоединяюсь. Думаю, что в делегации могут участвовать два товарища и даже три, смотря по обстановке и по тем условиям, какие установит "начальство"137.

При выписке из речей и статей Сталина очень важно обратить особое внимание на следующие вопросы:

- а) китайская революция,
- б) англо-русский комитет,
- в) программа Коминтерна,
- г) Третий период ("близнецы"138 и проч.)

Нет надобности переписывать статьи целиком, достаточно выбрать центральный пункт, точно указав дату и прочее (выписки из Иремашвили сделаны великолепно). К ближайшему номеру "Бюллетеня" я надеюсь дать вам еще короткую статью о разгроме Красной Армии, в виде передовой139. В общем же вы материалами отсюда обеспечены вполне.

Жму руку.

Ваш

Л.Д.[роцкий]

[Письмо М.Зборовскому]

4 июля 1938 г.

Дорогой товарищ,

Я нашел юридическое подтверждение того, что Сталин в молодости был тесно связан с Иремашвили. Это обстоятельство имеет огромное значение для первых глав моей книги. Я начинаю с беспокойством спрашивать себя, все ли выписано из книги Иремашвили, что представляет интерес? Из Вашего письма видно, что вы относились к автору с недоверием и поэтому могли оставить без внимания те или другие детали. Между тем, я считаю его вообще самым основательным и правдивым из всех авторов воспоминаний о молодости Сталина. Я бы очень просил еще раз просмотреть книжку и выписать то, что было опущено при первом просмотре. Простите за беспокойство, но дело очень важно.

Прилагаемую статью пустите передовой - без подписи¹⁴⁰.

Надо сделать общую заметку: "Перепечатка статей из "Бюллетеня" без поименного согласия редакции будет преследоваться по закону"¹⁴¹. Это касается прежде всего Молинье.

Жму крепко руку

Ваш

Л.Д.[Троцкий]

[Письмо Л.Эстрин С.Вебер]¹⁴²

Париж, 5 июля 1938 г.

Дорогая Сара,

Получила ваше письмо No 13 - 67/7 со статьей "Мексика и британский империализм"¹⁴³ для "Бюллетеня". Кроме того, получила ваше письмо от 10 июня о мандате русской секции на предстоящую конференцию¹⁴⁴. Все высказанные вами пожелания будут, само собой разумеется, учтены. Делегат с достаточно обоснованным мандатом будет послан.

Что касается русской группы, то до сих пор по ряду чисто технических причин не удалось созвать первого организационного собрания. Оно во всяком случае будет созвано на днях. Возможно, что по-настоящему группа приступит к работе только после летнего перерыва, так как некоторые товарищи уезжают. Во всяком случае мы будем Вас все время держать в курсе этого дела.

Посылаем Вам дальнейшие материалы для Л.Д.[Троцкого] Надеемся, что нам удастся сегодня закончить просмотр "Пролетарской революции". Как видите, "Пролетарская революция" дала довольно много интересного и существенного материала.

Посылаем также немецкий текст статьи Эльзы¹⁴⁵ для "Бюллетеня". Статью эту также поместят в "IV Интернационал" и, надеемся, также в "Нью Интернейшионал" (мы послали ее Яну [Франкелю]), и, если выйдет немецкий

орган, то и там. В статье этой не указаны два существенных факта: 1. что ГПУ донесло на Райсса швейцарской и французской полиции, сообщив все его клички, паспорта и пр., изобразив его сомнительной личностью, агентом Гестапо, чтобы потом иметь алиби. Что это сделало ГПУ - не подлежит никакому сомнению, так как помимо ГПУ никто ведь не мог знать ни его паспортов, ни его имен - ничего. 2. ГПУ дало определенное распоряжение убить Эльзу и овладеть записками Райсса. Не вышло же это не по вине ГПУ, а по чисто техническим причинам.

Послали вам вчера книгу стихов о Сталине и брошюру Казем-Бека¹⁴⁶ (младорос). Книгу стихов нам удалось одолжить на шесть недель, просим ее сразу же по просмотре вернуть. Ведь надолго эта книга все равно не может понадобиться. Просто для того, чтобы дать представление о высоком качестве поэзии в честь "любимого вождя", общем виде книги, а особенно портрета, мы ее Вам посылаем. Проследите, пожалуйста, за тем, чтобы книга эта была возвращена не позднее конца августа. Брошюру, конечно, возвращать не надо. Мы ее купили для Л.Д.[Троцкого]

Все жду от Вас обещанного письма.

Крепко жму руку

[Л.Эстрин]

Да, забыла вам еще написать, что Таров¹⁴⁷ высылает копию своего манускрипта для Л.Д.[Троцкого]. Л.Д.[Троцкий] в курсе тех историй, которые у нас были с Т[вровым] из-за его манускрипта. После этого он обращался уже ко всем, вплоть до Н[иколаев]ского, который хотел ему помочь. Но издательство, ознакомившись с его манускриптом, отказалось взять его "вследствие бездарности". Однако Т[аров] не желает этому верить, считает, что это всю козни против него, на самом же деле он пишет превосходно.

[Письмо Ч.Маламуту]¹⁴⁸

6 июля 1938 г.

Уважаемый товарищ Маламут,

Спасибо за все присланное. Одну книжку я вам возвращаю обратно, так как я получил второй экземпляр. Материалы будут возвращены по использованию.

Насчет моей критики сталинского участия в тифлисской экспроприации у вас явное недоразумение, вытекающее из излишнего доверия к Суварину. Но об этом не стоит здесь распространяться, так как я подробно выскажусь в четвертой или пятой главе книги¹⁴⁹.

Еще раз большое спасибо.

С сердечным приветом

[Л.Д.Троцкий]

P.S. Если вам удобно, вы можете, разумеется, писать мне по-английски.

Ответы на вопросы г. Ола Апенес¹⁵⁰

Вы желаете иметь от меня заявление для газеты "Афтенпостен" по поводу интервью, данных господином Ломбардо Толедано во время его пребывания в Осло, и по поводу телеграммы, напечатанной в "Афтенпостен" из Москвы от 10 июня, по поводу предстоящего процесса советских дипломатов¹⁵¹.

Ваша газета относится ко мне с открытой враждебностью, которую она выражает в возможно грубой форме. Я считаю, что враждебность вашей газеты вполне заслужена мною. Я могу ответить на ваши вопросы только при том условии, если мой ответ будет напечатан полностью и целиком, включая и это предисловие. Что касается комментариев вашей газеты, то они для меня безразличны.

Начинаю с процесса дипломатов. Я не знаю, будет ли действительно инсценирован этот процесс, в котором Якубовичу¹⁵², по словам вашей газеты, предстоит играть главную роль. Если это верно, то роль Якубовича определяется не его фигурой, политически третьестепенной, а условиями политической географии: он был посланником в Норвегии, где я провел полтора года. Из названных возможных обвиняемых я хорошо знал в свое время бывшего посла в Берлине и Токио Юренева¹⁵³; бывшего посла в Варшаве и генерального консула в Барселоне Антонова-Овсенко; бывшего главу военной секции комиссариата иностранных дел генерала Геккера¹⁵⁴. Но я совершенно не знал Якубовича. Возможно, конечно, что я когда-либо встречался с ним в Москве на каких-либо официальных заседаниях. Но я совершенно этого не помню. Во всяком случае, во время моего пребывания в Норвегии ни мне, ни Якубовичу не могла придти в голову сама мысль о каких-либо сношениях или связях между нами. Мой покойный адвокат Пунтервольд¹⁵⁵ рассказывал мне во время моего заключения в Хуруме "из достоверных источников", что Якубович держал себя в высшей степени агрессивно в норвежском департаменте иностранных дел и стучал кулаком по столу, требуя сперва моего заключения, а затем моей высылки из Норвегии. Первого он достиг, во втором ему было отказано. Вот все, что я знаю - из вторых рук - о деятельности Якубовича в Норвегии.

Весьма возможно, что Якубович привлечен с единственной целью: исправить промах со знаменитым аэропланом Пятакова, который опустился будто бы на аэродроме Келлер. Показание Пятакова, совершенно фантастическое и крайне неряшливо сфабрикованное, было в свое время опровергнуто норвежской печатью. Советская юстиция до сих пор не оправилась от этого удара. Возможно, что на Якубовича будет возложена обязанность преподнести человечеству какую-нибудь новую версию путешествия. Якубович может рассказать, что Пятаков ошибся в отношении географии или что он сознательно скрыл действительные условия перелета с целью спасти какого-либо соучастника, может быть того же Якубовича. Нам дадут новую схему событий, в которой, конечно, окажутся новые прорехи. Штопать эти прорехи московская юстиция будет, однако, уже после смерти Якубовича. Все это, разумеется, только мои предположения. Но я их считаю весьма вероятными, если процесс дипломатов действительно состоится.

Что касается интервью, которое Ломбардо Толедано дал "Арбайтерблад" 25 мая, то оно одинаково компрометирует и газету, и ее осведомителя. В своем интервью Ломбардо Толедано, как и в большинстве других своих выступлений, не говорит ни слова правды. Он искажает факты не только в целях политической клеветы, но и бескорыстно, очевидно, в силу органической потребности.

По словам Толедано, Диего Ривера "пригласил" меня в Мексику для того, чтоб я... делал рекламу вокруг имени Риверы. Разве эти слова не характеризуют целиком духовный рост и мораль самого Толедано?

На вопрос о том, имеются ли у меня в Мексике друзья, Толедано ответил: "У него было, может быть, пятеро друзей, когда он прибыл. Теперь только два: Диего Ривера и его жена". Это не помешало тому же Толедано на публичном митинге в Мексике заявить, что я готовлю генеральную стачку против правительства генерала Карденаса. В каком же из двух случаев г-н Толедано лгал? На это я вынужден ответить: как обычно, он лгал в обоих случаях.

Толедано позволил себе издеваться над "судом", который устроили будто бы в Койоакане мои "друзья". Он вдается при этом в фантастические детали о том, как хозяйка дома, Фрида Ривера, угощала судей и свидетелей чаем (очевидно, в целях подкупа). Во всем этом нет ни слова правды. В Койоакане не было никакого суда. Сюда приезжала на неделю следственная комиссия для выслушивания меня как свидетеля. Стенографические протоколы заседаний следственной комиссии опубликованы в виде книги "Дело Льва Троцкого" в 500 страниц. Простое знакомство с этой книгой разоблачает ложь г-на Ломбардо Толедано с начала до конца.

Только что вышел из печати полный текст приговора Международной следственной комиссии под заглавием "Невиновны"¹⁵⁶. Приведем прежде всего состав судей:

Джон Дьюи, председатель комиссии, известный американский философ, заслуженный профессор Колумбийского университета, международный авторитет по вопросам педагогики;

Джон Чемберлен, американский писатель, долгое время состоявший литературным критиком "Нью Йорк Таймс", лектор Колумбийского университета по вопросам журнализма;

Эдвард Росс, глава американских социологов, заслуженный профессор университета Висконсин;

Беджамин Столберг, известный американский публицист по вопросам рабочего движения;

Карло Треска, лидер американского анархо-синдикализма, издатель журнала "Эль Мартело"¹⁵⁷;

Сузанна Лафолетт, секретарь комиссии, известная писательница, редактор радикальных журналов;

Альфред Росмер, известный деятель французского рабочего движения, член исполнительного комитета Коммунистического Интернационала в 1920-[19]21 [г]г., главный редактор "Юманите" в 1923-[19]24 годах;

Отто Рюле, старый деятель левого крыла германской социал-демократии,

сподвижник Карла Либкнехта, автор биографии Карла Маркса;

Венделин Томас, бывший лидер восстания немецких моряков 7 ноября 1918 года¹⁵⁸, впоследствии коммунистический депутат рейхстага (1920-[19]24);

Франциско Замора, бывший член Исполнительного комитета Мексиканской конфедерации труда, профессор политической экономии, выдающийся публицист марксистского направления.

В качестве юридического советника комиссии фигурировал Джон Финерти, известный в Соединенных Штатах либеральный адвокат.

Все участники комиссии имеют за собой долгое и заслуженное прошлое в разных областях общественной жизни, науки и политической деятельности. Все они защищали в свое время Октябрьскую революцию от клеветы реакции. Многие из них принимали участие в кампаниях по поводу сенсационных процессов Сакко-Ванцетти¹⁵⁹, Тома Муни¹⁶⁰ и др. Если не считать А. Росмера, который в известные периоды был политически связан со мною, все остальные участники комиссии, как ее либеральное большинство, так и марксистское меньшинство, являлись и остаются противниками так называемого "троцкизма". Ни одного из них я никогда не встречал до начала расследования.

Комиссия работала чрезвычайно напряженно свыше 8-ми месяцев, допросила непосредственно и через посредство особой парижской подкомиссии многочисленных свидетелей, изучила многие сотни документов и сформулировала свое окончательное заключение в приговоре, занимающем 422 страницы убогистого текста.

Каждый пункт обвинения против Троцкого и Седова, каждое "признание" московских обвиняемых, каждое показание свидетелей разобрано с исчерпывающей полнотой в отдельных параграфах. Текст приговора заключает в себе 247 таких параграфов.

Нет никакой возможности, разумеется, в настоящем заявлении исчерпать содержание книги, которая навсегда останется памятником идейной честности, юридической и политической проницательности и неутомимого трудолюбия. Все те факты, даты, свидетельства, аргументы, которые рассеяны на страницах официальных стенографических отчетов московского суда, в критических и полемических произведениях друзей ГПУ и его противников, подвергнуты здесь тщательному анализу. Все сомнительное отсеяно, установлены лишь незыблемые факты, из которых сделаны незыблемые выводы. Они уже известны.

Параграф 246 гласит: "На основе всех данных, исследованных здесь, и всех установленных выводов, мы находим, что процессы в августе 1936 и в январе 1937 года были судебными подлогами".

Параграф 247 и последний гласит: "На основе всех данных, исследованных здесь, и всех установленных выводов, мы находим, что Лев Троцкий и Лев Седов невиновны".

Этой книги ни Ломбардо Толедано, ни другим агентам Сталина не удастся вычеркнуть уже из оборота мирового общественного мнения. Об ее несокрушимые аргументы друзья и адвокаты ГПУ обломают себе зубы. Приговор вынесен и апелляции на него нет. На лбу Сталина выжжена печать: организатор

величайшего судебного подлога в мировой истории!

*

Л.Л.Седов, положивший все силы на вскрытие истины о московских судах, не дожидаясь появления этой исторической книги. Он имел, во всяком случае, удовлетворение познакомиться с кратким текстом приговора, опубликованным в прошлом году. Теперь правда об обвинителях Седова окончательно вскрыта. Остается вскрыть правду об его убийцах. Мы не сложим рук, пока не доведем эту работу до конца!

[Л.Д.Троцкий]

7 июля 1938 г.

В редакцию газеты "Vida" 161

Я искренне благодарю редакцию "Vida" за сделанное мне предложение высказать свое мнение о задачах мексиканского учительства. Мое пока еще слишком недостаточное знакомство с жизнью этой страны не позволяет мне сформулировать конкретные практические суждения. Но есть одно общее соображение, которое я позволю себе высказать здесь.

В отсталых странах, к которым принадлежит не только Мексика, но в значительной мере еще и нынешний СССР, деятельность учителя есть не просто профессия, а высокая миссия. Задача культурного воспитания состоит в пробуждении и развитии критической личности в угнетенных и придавленных массах. Необходимым условием для этого является критически развитая личность самого учителя. Кто не имеет твердо выработанных убеждений, тот не может быть наставником народа. Вот почему тоталитарный режим во всех его видах - в государстве, в синдикате, в партии - наносит непоправимые удары делу культуры и просвещения. Там, где убеждения предписываются сверху, как военная команда, учитель теряет духовную личность и не может внушать ни детям, ни взрослым уважения и доверия к своей проповеди. Так обстоит сейчас дело не только в фашистских странах, но и в СССР. Экономические основы, созданные Октябрьской революцией, еще, к счастью, не разрушены окончательно. Но политический режим уже полностью получил тоталитарный характер. Советская бюрократия, изнасиловавшая революцию, хочет, чтобы народ считал ее непогрешимой. Эту задачу: обманывать народ по примеру попов она возлагает на учителя. Чтобы задушить в нем голос критики, она вводит тоталитарный режим в профессиональном союзе учителей. Поставленные во главе союзов полицейские чиновники поднимают бешеную кампанию клеветы и травли против всякого критически мыслящего учителя, как против контрреволюционера, "троцкиста" и "фашиста". Кто не сдается, того душит ГПУ. Мало этого. Советская бюрократия стремится распространить тот же режим на весь свет. Она имеет во всех странах своих агентов, которые пытаются насадить тоталитарный режим внутри профессиональных союзов других стран. Такова самая страшная опасность, угрожающая делу революции и культуры, особенно в молодых и отсталых странах, где население и без того слишком привыкло подчиняться феодальной, церковной

и империалистической команде.

Наиболее горячее пожелание, которое я могу высказать, состоит в том, чтобы мексиканское учительство не допустило в своем профсоюзе тоталитарного режима с его свитой лжи, клеветы, травли и удушения критической мысли. Только честная, лояльная, идейная борьба может обеспечить выработку твердых продуманных убеждений. Только вооруженное такими убеждениями учительство способно завоевать незыблемый авторитет и выполнить свою высокую историческую миссию.

Л.Троцкий

Пацкуаро162

10 июля 1938 г.

Новое преступление ГПУ?

Вчера мои друзья сообщили из Парижа в Нью-Йорк по телефону об исчезновении Рудольфа Клемента163, немецкого эмигранта в Париже. Клемент, бывший гамбургский студент, состоял в течение двух лет на Принкипо и во Франции моим секретарем. Это образованный молодой человек 28 лет, свободно владеющий несколькими языками. Он продолжал оказывать мне из Парижа большое содействие в моей литературной работе. Так же, как Эрвин Вольф164, мой бывший чехословацкий секретарь, Клемент принимал активное участие в разоблачении московских судебных подлогов и тем вызвал ожесточенную ненависть к себе со стороны ГПУ.

Парижские друзья сообщают, что они получили от Клемента из Перпиньяна копию его письма, адресованного мне. Я этого письма еще не получил. Но из предшествующих писем Клемента явно видно, что он не собирался никуда уезжать. Парижские друзья предполагают, что Клемент похищен ГПУ, так же, как в свое время Эрвин Вольф. Если это так, то вполне возможно, что ГПУ увезло его насильственно в Испанию для кровавой расправы. Я колебался, передавать ли эти сведения печати до окончательной проверки. Но так как каждый упущенный час может грозить гибелью моему молодому другу, то я считаю своим долгом уже сейчас опубликовать полученные мною сведения.

Л.Троцкий

18 июля 1938 г.

Койоакан

К конференции Лиги американской социалистической молодежи165

Революционная партия не может не опираться на молодежь. Можно даже сказать, что революционный характер партии проверяется прежде всего ее способностью привлекать под свое знамя рабочую молодежь. Основные качества социалистической молодежи - я имею в виду настоящую молодежь, а не двадцатилетних стариков - состоят в готовности целиком и беззаветно отдавать себя делу социализма. Без героического самоотвержения, мужества,

решительности история вообще не движется вперед.

Но одного самоотвержения мало. Нужно ясное понимание путей развития и методов действия. Это дается только теорией и живым опытом. Самый горячий энтузиазм остывает и выдыхается, если не находит своевременной опоры в ясном понимании законов исторического развития. Сколько раз приходилось наблюдать, как молодые энтузиасты, набив себе шишки на лбу, становились мудрыми оппортунистами, как разочарованные ультралевые оказывались через короткий срок консервативными бюрократами, подобно тому, как остепенившиеся браконьеры превращаются нередко в отличных жандармов. Накопить знания и опыт и в то же время не растерять боевого духа, революционного самоотвержения, готовности идти до конца - такова задача воспитания и самовоспитания революционной молодежи.

Революционная непримиримость - драгоценное качество, когда она направлена против оппортунистического приспособления к буржуазии, против теоретической половинчатости и дряблой выжидательности всякого рода бюрократических и салонных социалистов и коммунистов типа Браудера, Нормана Томаса, Ловстона и тому подобных. Но "непримиримость" превращается в свою противоположность, когда она служит сектантам и путаникам платоническим утешением за их неспособность связаться с массами.

Верность идейному знамени есть необходимое и основное качество подлинного революционера. Но горе тому, у кого эта "верность" превращается в доктринерское упрямство, в повторение готовых, раз навсегда заученных формул, без уменья прислушиваться к жизни и откликаться на ее требования. Подлинная марксистская политика означает проведение идей пролетарской революции во все более широкие массы, через вечно изменяющиеся, всегда новые и часто неожиданные сочетания исторических условий.

Главным врагом внутри пролетариата остается, разумеется, оппортунизм, особенно его наиболее порочная и злокачественная форма - сталинизм, этот сифилис рабочего движения. Но для успешной борьбы с оппортунизмом необходимо разделиться с пороками сектантства, доктринерства и фразерства в собственных рядах. История Четвертого Интернационала, в том числе и в Соединенных Штатах, дала нам на этот счет немало уроков: надо уметь понять их и воспользоваться ими. Древние греки выводили пьяных илотов¹⁶⁶, чтобы отвратить свою молодежь от алкоголя. Все эти Олеры, Филды, Вареекены и К|| являются илотами сектантства, которые выделывают свои прыжки и гримасы как бы со специальной целью: отвадить нашу молодежь от бесплодного и надоедливого сектантства.

Остается пожелать, чтоб ближайшая конференция Лиги стала новым значительным этапом на пути накопления политического опыта на гранитной основе марксистской программы. Только при этом условии будет обеспечена судьба того великого исторического движения, одним из передовых отрядов которого является Лига молодежи.

Л.Троцкий

18 июля 1938 г.

Койоакан

По поводу моего нового заговора

За 18 месяцев моего пребывания в этой гостеприимной стране я оказался повинен в целом ряде грозных заговоров.

Несколько месяцев тому назад г-н Толедано на митингах заявлял, что я готовлю всеобщую стачку против правительства г[енера]ла Карденаса. Не больше и не меньше!

Вождь коммунистической партии (его зовут, кажется, Лаборде) заявил на публичной манифестации, что я состою в фашистском заговоре с генералами Седильо¹⁶⁷ и... Вилларелем¹⁶⁸.

На следующий день каждый из господ обвинителей отбрасывал свое собственное обвинение, как окурочок папиросы, забывал о нем сам и переходил к новым измышлениям.

Сейчас в порядке дня поставлена моя каникулярная поездка в Паскаро, Хикилпан, Гвадалахару и Морелию. Теперь меня обвиняют не в подготовке всеобщей стачки и фашистского переворота, а в... путешествии по Мексике, проживании в отелях, встречах и разговорах с мексиканскими гражданами. Да, все эти преступления я действительно совершил! Прибавлю, я их совершил с большим удовольствием.

Со стороны различных слоев населения: рабочих, учителей, военных, артистов, государственных и муниципальных властей - я не встречал ничего, кроме внимания и гостеприимства, которые вообще так ярко характеризуют мексиканцев. В Паскаро несколько учителей, явившихся к Диего Ривера и ко мне по собственной инициативе, беседовали со мной о положении в СССР, и в частности о народном образовании. Я излагал им те же взгляды, какие не раз высказывал в своих книгах и статьях. Чтобы обеспечить необходимую точность изложения, я дал им письменное заявление, которое при сем прилагаю¹⁶⁹. Ни один из этих учителей, насколько знаю, не считал и не называл себя "троцкистом".

В Хикилпане, Гвадалахаре и Морелии у меня таких встреч, к сожалению, не было, так как в каждом из этих пунктов я провел лишь несколько часов.

В Гвадалахаре операционным полем моего "заговора" были правительственный дворец, университет и сиротский дом, где я рассматривал фрески Ороско¹⁷⁰. Ко мне подходили многие лица, чтобы попросить автограф или просто пожать руку. Некоторых я шутя спрашивал, как и учителей в Паскаро: "Вы не боитесь приближаться к контрреволюционеру и фашисту?" На это я получал почти неизменный ответ: "Ни один разумный человек этому не верит". Незачем говорить, что этот ответ доставлял мне большое нравственное удовлетворение.

Что касается моей конспирации с д-ром Атлем¹⁷¹, то я могу лишь сказать, что я впервые узнал его имя из последних "разоблачений". Я никогда не встречался с д-ром Атлем и не имею чести знать его.

Не сомневаюсь, что и это мое заявление, заключающее в себе опровержение нового фальшивого доноса, будет истолковано доносчиками, как "вмешательство во внутреннюю жизнь Мексики". Но этот прием никого не обманет. Я дал определенное обязательство правительству этой страны, т. е. правительству генерала Карденаса, а не правительству Ломбардо Толедано. Никто мне не говорил, что на г-на Толедано возложено наблюдение за моим поведением. Я никогда не обязывался молчать по поводу клеветы и клеветников. Я сохраняю за собой право, как в своем доме, так и во время поездок, дышать мексиканским воздухом, встречаться с гражданами этой страны, вступать с ними в беседу, посещать памятники искусства и в тех случаях, когда я нахожу это нужным, клеймить гласно и по имени тех "демократов", "социалистов" и "революционеров", которые - о, позор! - взяли на себя поручение добиться путем лжи и клеветы моей выдачи в руки ГПУ.

Л.Троцкий

19 июля 1938 г.

Койоакан

За свободное революционное искусство!¹⁷²

Не будет преувеличением сказать, что никогда еще человеческой культуре не угрожало столько опасностей, как ныне. Вандалы при помощи своих варварских, т. е. очень скудных, средств, разрушали античную культуру в одном уголке Европы. Ныне вся мировая культура, объединенная единством исторической судьбы, поставлена под удар со стороны реакционных сил, вооруженных всей новейшей техникой. Мы имеем в виду не только надвигающуюся войну. Уже сейчас, в мирное время, положение науки и искусства стало совершенно невыносимым.

Мы ни на минуту, разумеется, не солидаризируемся со столь популярным ныне лозунгом "ни фашизма, ни коммунизма", который отвечает природе консервативного и запуганного филистера, цепляющегося за остатки "демократического" прошлого. Подлинное искусство, т. е. такое, которое не удовлетворяется перепевами готовых образцов, а стремится дать выражение внутренним запросам современного человека и человечества, не может не быть революционным, т. е. не стремиться к полной и радикальной перестройке общества, чтобы освободить из цепей духовное творчество и дать возможность всему человечеству подняться на те высоты, которых в прошлом достигали только одинокие гении. Мы признаем вместе с тем, что путь к новой культуре может проложить только социальная революция. Если мы отвергаем тем не менее какую бы то ни было солидарность с правящим ныне в СССР слоем, то именно потому, что в наших глазах он является не представителем коммунизма, а его вероломным и наиболее опасным врагом.

Мы признаем, разумеется, за революционным государством право оборонять себя от прогрессивной буржуазной реакции¹⁷³ также и в том случае, когда она прикрывается знаменем науки или искусства. Но между этими вынужденными и

временными мерами революционной самообороны и между претензией командовать умственным творчеством общества пролегает пропасть. Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить социалистический режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить анархический режим индивидуальной свободы. Никакой власти, никакого принуждения, ни малейших следов командования! Отдельные ассоциации ученых и коллективы артистов, работающих над выполнением неведомых дотоле грандиозных задач могут возникать и развивать плодотворную работу только на основе свободного творческого содружества, без малейшего принуждения извне.

Из всего сказанного ясно вытекает, что, отстаивая свободу творчества, мы отнюдь не проповедуем политического индифферентизма и далеки от мысли воскрешать так называемое "чистое" искусство, которое обычно служит грязным целям реакции. Нет, мы слишком высокого мнения о функции искусства, чтоб отказывать ему во влиянии на общество. Высшей задачей искусства в нашу эпоху мы считаем его сознательное и активное участие в подготовке революции. Однако художник может служить освободительной борьбе только в том случае, если он субъективно проникся ее социальным и индивидуальным содержанием, если он впитал ее смысл и пафос в свои нервы и свободно ищет для своего внутреннего мира художественное воплощение.

Цель настоящего воззвания - найти почву для объединения революционных работников искусства для борьбы за революцию методами искусства и для защиты самого искусства от узурпаторов революции. Мы глубоко убеждены, что объединение на этой почве возможно для представителей далеко расходящихся эстетических, философских и политических школ. Марксисты могут идти здесь рука об руку с анархистами, при условии, что те и другие непримиримо порывают с реакционной полицейщиной, представлена ли она Иосифом Сталиным или его вассалом Гарсия Оливером.

Многие тысячи одиноких мыслителей и артистов, голос которых заглушается отвратительной трескотней милитаризованных фальсификаторов, рассеяны по всему миру. Сотни маленьких местных журналов пытаются сгруппировать вокруг себя молодые силы, которые ищут новых путей, а не субсидий. Всякую прогрессивную тенденцию в искусстве фашизм клеймит как вырождение. Всякое свободное творчество сталинисты объявляют фашизмом. Независимое революционное искусство должно сплотиться для борьбы с реакционной травлей и заявить во всеуслышание свои права на существование. Такова цель той Международной федерации независимого революционного искусства, которую мы считаем необходимым создать.

Мы никому не собираемся навязывать отдельные мысли этого воззвания, которое мы сами рассматриваем лишь как первый шаг на новом пути. Всех деятелей искусства, всех друзей и защитников его, которые признают основную цель настоящего воззвания, мы просим немедленно откликнуться. Мы обращаемся с тем же призывом ко всем существующим независимым изданиям левого крыла, которые готовы принять участие в создании Международной федерации и в

обсуждении ее задач и методов действия.

Начав с международной переключки путем печати и переписки, мы перейдем к небольшим съездам областного и национального масштаба. На следующем этапе нам удастся созвать мировой конгресс, который положит официальное основание Международной Федерации.

За свободное искусство для революции!

За революцию для освобождения искусства!

Подписи _____

Адреса для сношений: 174

25 июля 1938 г.

Окончательный приговор

В издании "Харпер" вышел на днях том в 422 страницы, заключающий в себе подробно мотивированный приговор Международной комиссии в Нью-Йорке по поводу обвинений, выдвинутых против Льва Троцкого и его сына Льва Седова. Книга носит название "Невиновны", которое резюмирует сущность вынесенного комиссией приговора.

Ввиду того, что "друзья" и агенты ГПУ сделали во всех странах все, что могли, для того, чтобы подорвать или скомпрометировать работу Международной комиссии, я позволяю себе обратить внимание общественного мнения в Мексике на тот отзыв, который дала о приговоре одна из самых больших в мире газет "Нью-Йорк Гералд Трибюн": [...]175

Никто, надеемся, не отважится утверждать, что "Гералд Трибюн" является "троцкистским" органом. Наоборот, во всех политических вопросах "Гералд Трибюн" неизменно защищала политику Сталина от нашей критики. Тем более решающее значение имеет тот вывод, к которому пришла газета на основании работ комиссии под председательством д-ра Дьюи. Мировое общественное мнение уже сбросило с глаз повязку, и никому не удастся повязать ее вновь.

Л.Троцкий

31 июля 1938 г.

Важнейшие выводы

1. Фашизм является самой зверской и отвратительной формой империализма. Но это вовсе не значит, что трудящиеся классы и угнетенные народы должны мириться с империализмом, когда он надевает на себя демократическую маску. Латиноамериканские народы не хотят попасть под команду японского, итальянского или германского империализма. Но это вовсе не значит, что Мексика может терпеть контроль британского или североамериканского империализма над своими естественными богатствами или над своей национальной политикой. Трудящиеся классы и отсталые народы не хотят быть задушены ни фашистским, ни "демократическим" палачом.

2. Япония пытается превратить Китай в колонию. Италия и Германия

протягивают руку к французским и британским колониям. В этом смысле они являются "агрессорами". Но это вовсе не значит, что трудящиеся классы и угнетенные народы призваны защищать колониальные владения Франции, Великобритании, Голландии, Бельгии и проч. Задача подлинных революционеров состоит в том, чтобы ликвидировать колониальные рабовладельческие режимы. Наш лозунг: право всех наций на самоопределение - не на словах, а на деле, полное и действительное освобождение всех колоний!

3. Будущее человечества неразрывно связано с судьбой Индии, Китая, Индокитая, Латинской Америки и Африки. Активное сочувствие, дружба и поддержка подлинных революционеров, социалистов, честных демократов полностью на стороне этих народов, составляющих большинство человечества, а не на стороне их угнетателей, под какими бы политическими масками они ни выступали. Кто активно или хотя бы пассивно поддерживает колониальный режим под предлогом защиты собственной "демократии", тот злейший враг трудящихся классов и угнетенных народов. С тем нам не по пути!

4. Мы всей душой с испанским народом в его борьбе против фашизма. Но элементарным условием победы испанской революции является изгнание ГПУ из республиканской Испании и беспрепятственное развитие революционной инициативы испанских рабочих и крестьян. Только таким образом массы испанского народа могут быть снова мобилизованы против внутренних и внешних фашистов; только таким образом из-под ног Франко будет вырвана социальная и военная почва.

5. Для отсталых стран путь сопротивления фашизму есть прежде всего путь революционной борьбы за национальную независимость и за радикальное преобразование аграрных отношений. Без аграрной революции нет ни национальной независимости, ни спасения от фашизма. Кто препятствует экспроприации земельных владений и естественных богатств в интересах крестьян и всего народа, тот содействует фашизму. Общих фраз о дружбе и демократии мало. Надо занять ясную позицию: с магнатами капитала и с их показной "демократией" - или с подлинной демократией рабочих, крестьян и угнетенных народов.

6. Тот мексиканский социалист или демократ, который способен верить "пацифизму" блока сталинской бюрократии и империалистической демократии, в лучшем случае отличается политической слепотой. Господа же вроде Ломбардо Толедано, которые стремятся подчинить рабочий класс Мексики блоку ГПУ и империалистических пацифистов, являются прямыми изменниками не только по отношению к классовым интересам мексиканского пролетариата, но и по отношению к национальным интересам мексиканского народа.

Если Мексика даст себя увлечь на путь политики Ломбардо Толедано, т. е. добровольно превратится в разменную монету между Кремлем и Белым домом, то это будет означать гибель не только мексиканской демократии, но и национальной независимости страны.

7. Мексиканский народ не может и не хочет допустить перенесения на свою почву испанских методов - не только методов Франко, но и методов Сталина.

Рука об руку с сотнями миллионов угнетенных цветных рас, рука об руку с сотнями миллионов трудящихся в империалистических странах, рабочие и крестьяне Мексики будут бороться за мир, свободу, независимость и процветание своей страны, как и за счастье всего человечества.

[Л.Д.Троцкий]

[Июль 1938 г.]

Конгресс против войны и фашизма

Чтобы отдать себе ясный отчет в значении Конгресса против войны и фашизма¹⁷⁶, необходимо исходить из следующих обстоятельств:

1. Конгресс организован ГПУ по заданию Сталина, в его дипломатических целях. Участники Конгресса делятся на шесть групп: а) секретные агенты Кремля, в том числе наиболее ответственные агенты ГПУ; б) члены различных вспомогательных организаций Коминтерна, молодежи и проч.; в) либеральные и радикальные интеллигенты, чиновники профессиональных союзов и проч., получающие прямые или косвенные подачки Москвы; г) агенты "демократических" правительств; д) тайные агенты фашистских правительств; е) всякого рода дилетанты, пацифистские дамы, искатели и искательницы популярности и проч. Решающую роль играет, разумеется, первая группа. Вторая группа подчинена первой на началах военной дисциплины. Третья группа во всех щекотливых случаях сознательно закрывает глаза. Четвертая и пятая группы преследуют цели разведки. Шестая группа ничего не понимает и привлекается для того, чтобы служить прикрытием для всех остальных.

2. Большинство этих "пацифистов" являются патриотическими политиками империалистических стран. Когда эти господа говорят о "демократии" или "культуре", они имеют в виду исключительно свою империалистическую демократию и свою империалистическую культуру. Так например, г-н Жуо, которого Ленин печатно называл не иначе, как изменником, считает само собой разумеющимся, что 60 миллионов колониальных рабов Франции должны в будущей войне умирать за "демократию" своих рабовладельцев. Британские, как и североамериканские "пацифисты" защищают мир ровно и постольку и до тех пор, поскольку и пока в нем заинтересованы их империалистические отечества. При этом все они смотрят в глубине души на колониальные и полуколониальные народы, как на исторический навоз, предназначенный для удобрения их демократии и их культуры.

3. Рабочие и крестьяне всех стран, разумеется, честно и искренне хотят мира. Достигнуть его можно, однако, только революционной борьбой против империалистических правительств. Именно для того, чтобы парализовать революционную антиимпериалистическую борьбу, Жуо и ему подобные организуют "народные фронты", т. е. подчиняют пролетариат "левому" крылу империалистической буржуазии. Это дает возможность империалистам прикрываться пацифистскими конгрессами и готовить новую войну, в которой будут прежде всего растоптаны все отсталые и слабые народы и государства.

4. Привилегированные империалистические страны (Соединенные Штаты, Великобритания, Франция) считают демократию своей монополией и вовсе не склонны поддерживать демократию и прогресс в более отсталых, слабых странах. Англия предпочитает иметь в Испании генерала Франко, который попадет неизбежно в финансовую зависимость от лондонских банков и предоставит им более льготные и устойчивые условия эксплуатации, чем могла бы сделать испанская демократия. Вашингтонское правительство отлично уживается с некоторыми латиноамериканскими диктатурами, превращая их в свое покорное орудие. Непозволительно поэтому говорить о демократии "вообще". Империалистическая демократия полностью направлена против демократии отсталых и слабых, колониальных и полуколониальных народов.

5. Империалистические "пацифисты" в мирное время не скупаются на великодушные фразы, а в случае конфликта становятся на сторону своего правительства и говорят народным массам: "Мы сделали все для сохранения мира, но непримиримость Мексики (или другого противника) обрекла на неуспех наши усилия". Империалистические пацифисты остаются пацифистами только в свободное время. С момента конфликта или войны они все становятся открытыми адвокатами своего национального империализма.

6. Международная политика Сталина, основанная на угнетении народов СССР, в общем и целом совпадает или стремится совпасть с политикой демократических империалистов. Сталин ищет сближения с нынешними правительствами Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. В этих целях он превратил соответственные секции Коминтерна в социал-империалистические партии. Сталин стремится доказать правящим классам наиболее могущественных стран, что он не угрожает их империалистическим интересам. Сталин может проводить подобную политику, только жертвуя интересами мирового рабочего класса и всех колониальных и полуколониальных народов. Недопустимо себя обманывать условными фразами и остатками старых революционных лозунгов. Сталин поддерживает в колониальных и полуколониальных странах "революционную" и "национальную" политику ровно в тех пределах, чтоб испугать заинтересованную империалистическую страну и показать ей высокую ценность своей дружбы. Самый яркий пример в новом свете - Соединенные Штаты и Мексика. Действительная цель Сталина - завоевать доверие и дружбу Белого Дома. В этой игре Мексика - только одно из средств. Сталин стремится показать, что он может, если захочет, стать очень опасен для Соединенных Штатов в Мексике и вообще в Латинской Америке. Но все это для того, чтобы продать затем интересы Мексики и Латинской Америки североамериканскому империализму на соответственных условиях.

7. Не лучше обстоит дело и с борьбой против фашизма. Сейчас нет надобности рассуждать об этом вопросе теоретически. Достаточно указать на живой пример Испании. Никто так не помог Франко, как блок Сталина с империалистическими "демократиями". Чтобы доказать свою консервативную надежность английской и французской буржуазии, Сталин при содействии испанских Толедано, Лаборде и проч[их] и при помощи аппарата ГПУ задушил

испанскую аграрную революцию и социалистическое движение рабочих. Этим и только этим была создана возможность победы Франко.

8. Испанский опыт - только репетиция. Та же опасность грозит и другим странам. На вопросе нефти и земли ясно обнаруживается антагонизм интересов Мексики и двух наиболее могущественных империалистических "демократий". Мексика в данном случае выступает как представительница всех угнетенных, отсталых, эксплуатируемых народов. Империалистические демократы будут при случае, особенно на парадных конгрессах, разглагольствовать о политике "доброе соседство"¹⁷⁷, о мире, дружбе народов и проч. Это не мешает им в случае острого столкновения интересов оказаться на стороне своих империалистических правительств. Что касается Сталина, то в интересах дружбы с империалистическими "демократиями" он не задумается ни на минуту предать любую колониальную или полуколониальную страну.

9. Созыв Конгресса в Мексике задуман, заказан и организован Москвой. Ввиду крайне обостренных отношений с Японией Сталин хочет именно теперь показать свою потенциальную силу на границе Соединенных Штатов. Он как бы играет револьвером, давая понять, что дуло его может быть направлено против Вашингтона, но что он готов в любой момент этот револьвер взять на предохранитель или даже открыть из него стрельбу в противоположном направлении в полном согласии с североамериканским или великобританским военными штабами. Такова суть дела. Все остальное - фразы, декламация, жесты.

[Л.Д.Троцкий]

[Июль 1938 г.]

Что с Рудольфом Клементом?

Сегодня, первого августа утром, мною получено письмо, написанное, по-видимому, рукою Клемента на немецком языке. Письмо датировано 14-ым июля и шло, по-видимому, через Париж и Нью-Йорк. Почерк письма безусловно похож на почерк Клемента, но носит крайне неровный, болезненный, лихорадочный характер. Письмо подписано почему-то "Фредерик". По содержанию своему письмо представляется одним из самых фантастических документов, какие мне пришлось держать в своих руках. Начать с обращения: все предшествующие письма Клемента, в том числе и написанные всего несколькими днями ранее, начинались словами: "Дорогой товарищ" или "Дорогой Л.Д." (мои инициалы). Последнее письмо начинается словами "Господин Троцкий". С начала до конца письмо представляет собой бессвязное нагромождение обвинений против Четвертого Интернационала, меня лично и моего покойного сына. Обвинения двух родов: одни - явно продиктованы ГПУ (неизбежный "блок" с фашизмом и связь с Гестапо!); другой ряд обвинений касается отдельных эпизодов внутренней жизни Четвертого Интернационала и как бы должен объяснить внезапную перемену позиции Клемента. Самое поразительное в том, что содержание письма находится во всех своих деталях в прямом и явном противоречии с сотнями писем, которые

тот же Клемент писал до самых последних дней мне лично и общим друзьям. Письмо написано так, как если бы прошлого совершенно не было. Так мог писать лишь человек, физически и морально связанный по рукам и ногам, под диктовку других людей, которые совершенно не знают прошлого Клемента, но хотят использовать его для своих целей. Теоретически можно было бы еще допустить, что Клемент сошел с ума; но в этом случае остается загадкой, почему его бред заключает в себе элементы всем известных "обвинений" ГПУ. Не надо ни на минуту забывать, что Клемент, который близко знал жизнь и работу Четвертого Интернационала, особенно глубоко возмущался этими "обвинениями", причем его возмущение нашло неподдельное выражение во многих его письмах. Клемент принимал активное участие в разоблачениях московских процессов, и эта работа опять-таки запечатлена во многочисленных письмах и документах.

Всего вероятнее, разумеется, что письмо написано в тисках ГПУ, и что Клемент в страхе за свою жизнь или за жизнь близких ему людей, наконец, под действием каких-либо медикаментов покорно выписывал то, что ему приказывали, не заботясь об исправлении явных бессмыслиц. Может быть даже, Клемент с полной готовностью включал эти бессмыслицы, чтоб заранее скомпрометировать таким образом замысел ГПУ. Во всяком случае, тот факт, что письмо написано и переслано мне, свидетельствует о том, что это дело будет иметь еще какое-то продолжение. Главной загадкой остается, разумеется, сам факт исчезновения Клемента. Где он? Что с ним? На письме нет никакого указания места, откуда оно отправлено. Письмо переходило, видимо, из города в город: на внутреннем конверте значатся лишь мои инициалы. О почтовой орбите этого письма я наведу, разумеется, все необходимые справки.

Письмо кончается словами: "У меня нет намерения открыто выступать против вас". Незачем говорить, что я больше всего желал бы, чтобы несчастный Клемент получил возможность говорить и действовать "открыто", если... если он еще жив. Фотоснимок с письма я немедленно пересылаю в распоряжение французских властей и нью-йоркской комиссии д-ра Дьюи. Будем надеяться, что это таинственное дело будет раскрыто и освещено до конца!

Л.Троцкий

1 августа 1938 г.

Койоакан

[Письмо Ч.Маламута Л.Д.Троцкому]178

Маламут - Троцкому

5 августа 1938 г.

Дорогой Лев Давыдович!

В "Правде" от 10 октября 1920 г. есть статья Сталина под заглавием: "Политика Советской власти по национальному вопросу в России"179, приблизительно в четыре столбца. Нужна ли она вам?

В "Правде" от 31 октября 1920 г. имеется письмо в редакцию И.Майского от 20 октября 1920 г. из Иркутска, в котором он освещает свою прежнюю

деятельность, кается и кончает следующими словами: "Я считаю своим долгом отдать свои силы и энергию работе на пользу и укрепление Советской Республики. С товарищеским приветом. И.Майский". Понадобится ли Вам это?

Прилагаю выдержки из "Известий" и из "Правды" 1920 г., которые, надеюсь, вам пригодятся.

Сегодня мне вернули письмо, адресованное мною Гансену, в котором я уведомлял тов. Вебер о получении мною первой главы вашей рукописи. Я надеюсь выслать вам перевод на днях.

Ваш
Malamuth

[Письмо С.Нанжо]

ПИСЬМО

Господину С.Нанжо,

Представителю газет "Токио-Ничиничи" и "Осака-Маиничи"

Отель "Монтехо"

Пасео де ла Реформа, 240

Мексико Сити, Мексика

Милостивый государь!

Я с удовольствием высказал бы свои взгляды относительно положения на Дальнем Востоке, как вообще взаимоотношений между СССР и Японией, перед обширной аудиторией представляемых вами газет. Однако я опасаясь, что препятствия, стоящие на этом пути, совершенно непреодолимы. Как я вижу из списка ваших вопросов, ваша газета рассчитывает, что мои ответы могут быть использованы в интересах внешней политики Японии или ее внутреннего режима. К такому выводу руководители вашей газеты могли прийти лишь на основании ложной информации советской печати. Мои действительные взгляды не имеют ничего общего с тем, что говорит об этом московская печать.

В борьбе между Японией и Китаем я стою полностью и целиком на стороне Китая. При всей непримиримости моего отношения к сталинскому режиму я считаю, что в столкновении между СССР и Японией СССР представляет прогресс, а Япония - худшую реакцию. Я не сомневаюсь, что в ближайшем военном конфликте большого масштаба Япония потерпит социальную и политическую катастрофу, подобную той, которую потерпела царская Империя во время Великой войны.

Вот мои действительные взгляды, которые я был бы готов развить и обосновать для сведения японского народа, который насильственно удерживается в состоянии полного неведения. Но я очень сомневаюсь, чтобы ваши газеты согласились напечатать правдивое освещение положения на Дальнем Востоке.

Если я ошибаюсь на этот счет, я, разумеется, с полной готовностью признаю свою ошибку. Но в таком случае я попрошу у вас полных и точных гарантий того, что мои ответы на ваши вопросы будут напечатаны полностью и без малейших изменений.

Л.Троцкий
7 августа 1938 года
Койоакан, Мексика

Ответы Диего Риверы на вопросы представителя "United Press" о предстоящем панамериканском рабочем конгрессе¹⁸⁰

1. Самое тесное объединение рабочих американского материка является жизненной необходимостью. Только такое единство может обеспечить влияние рабочих каждой американской страны как во внутренней, так и во внешней политике. В частности, только твердая и решительная политика объединенного пролетариата может воспрепятствовать вовлечению Америки в войну. Достигнет ли этой задачи предстоящий конгресс? Я в этом сомневаюсь.

2. Разные элементы ставят себе разные цели при созыве панамериканского рабочего конгресса. Рабочие массы полуинстинктивно стремятся к объединению и независимой политике. Некоторые из лидеров преследуют совершенно другие цели. От имени мексиканского пролетариата выступает в качестве режиссера г-н Ломбардо Толедано. Это "чистый" политик, чуждый рабочему классу и преследующий свои личные цели. Амбиция г-на Толедано состоит в том, чтобы на спине рабочих подняться к власти мексиканского президента. Преследуя эту цель, Толедано тесно связал свою судьбу с судьбой кремлевской олигархии. Оттуда он получает инструкции и всякого рода помощь. Москва подчинила мексиканских коммунистов г-ну Толедано, т. е. его борьбе за власть. Недавняя поездка Толедано в Соединенные Штаты и Европу, как и предстоящие в сентябре конгрессы, имеют одной из своих целей создать трамплин для Толедано. В этой области Толедано работает полностью рука об руку с Москвой. Можно не сомневаться, что в предстоящих конгрессах в Мексике примут участие все международные агенты Москвы, явные и тайные.

3. Результат конгресса будет зависеть в огромной степени от того, удастся или не удастся Ломбардо Толедано подчинить американское рабочее движение команде московских шефов. Я убежден, что не удастся: связав свою судьбу с ГПУ, Ломбардо Толедано готовит катастрофу своей политики и своей карьеры.

4. Вряд ли на конгресс может проникнуть оппозиция. Конгресс не состоит из делегатов, выбранных массами. Задачи конгресса не обсуждались массами. Подготовительная работа совершается за кулисами, причем агентура ГПУ выполняет главную часть работы. В результате есть все основания думать, что конгресс будет конгрессом тщательно отобранной рабочей бюрократии. Я буду рад, если ошибусь.

5. Г[осподин] Грин ложно изображает конгресс, как "революционный", для того, чтоб оправдать свою собственную реакционную политику. Грин не хочет объединения рабочих всей Америки, потому что сам он представляет рабочую аристократию Соединенных Штатов и презрительно относится к индо-американским рабочим¹⁸¹.

6. Какие цели преследует Льюис своим участием в конгрессе, я сказать пока не могу. Это выяснится из его поведения на самом конгрессе. Совершенно ясно, однако, что Ломбардо Толедано и другие агенты Москвы, североамериканские, как и мексиканские, имеют своей задачей подчинить СНО директивам Москвы. Этот вопрос имеет сейчас для московской дипломатии решающее значение. Дело идет о превращении рабочих организаций всей Америки в покорный инструмент Сталина и его ГПУ. С этой целью Коминтерн, как известно, резко переменял свою политику: Браудер¹⁸² стал рузвельтистом, Толедано - карденасистом. Но это лишь для того, чтобы усыпить противника. Их действительная задача - проникнуть какой угодно ценой в государственный аппарат. Именно поэтому Москва поддерживает амбиции Толедано. Если бы эти цели были достигнуты, это означало бы в полном смысле слова катастрофу для американского рабочего класса и американской культуры. Мы не хотим превращения Мексики в Каталонию, где наемники ГПУ не хуже фашистов душат сейчас все, что есть честного и самостоятельного в пролетариате и интеллигенции. Как уже сказано, я твердо надеюсь, что этот замысел потерпит фиаско. ГПУ и его методы слишком скомпрометированы, в частности, благодаря расследованию ньюйоркской комиссии под руководством д-ра Дьюи.

Американский рабочий класс найдет свои собственные пути и методы объединения для защиты своих исторических интересов.

[Л.Д.Троцкий]

7 августа 1938 г.

Ответы на вопросы¹⁸³

1. Даже злейшие противники президента Рузвельта не решаются отрицать за ним исключительную личность. Он обладает, несомненно, более выдающимися личными качествами, чем современные диктаторы: Муссолини, Гитлер, не говоря уже о Сталине. Я тем охотнее признаю это, что между моей программой и программой г-на Рузвельта - целая пропасть.

2. Эти меры имеют чисто паллиативный характер¹⁸⁴. Дальнейшее экономическое развитие Соединенных Штатов парализовано частной собственностью. Социальные реформы представляют в этих условиях расходование накоплений на смягчение наиболее острых социальных язв. Ясно, что этот метод не открывает широкой перспективы. Программа, которая хочет сохранить в неизблемости основы капитализма, не может дать выход из кризиса.

Вы спрашиваете, как бы я действовал на месте г-на Рузвельта? Но я не мог бы быть на его месте: мы выражаем разные исторические интересы. Г-н Рузвельт хочет настолько облегчить положение трудящихся, чтоб спасти капиталистическую систему. Я же вижу единственный выход в том, чтоб раз навсегда ликвидировать ее.

3. Во время ближайшей большой войны фашистские режимы первыми потерпят крушение. Гипотетически можно установить такой порядок для последовательных катастроф: Япония, Италия, Германия. Фашизм оказался временным историческим

средством подавить непримиримые внутренние противоречия. Во время войны они прорвутся наружу с такой силой, которой, пожалуй, еще не знала история человечества. На смену фашизму придет социалистическая революция.

4. Экономическое могущество Англии давно уже перестало отвечать гигантским размерам ее империи. Интересы метрополии и ее владений глубоко противоречивы во всех частях света. Первый период войны может временно сблизить различные части Империи силою инстинкта самосохранения; но к концу войны Великобритания неизбежно распадется на части, что в свою очередь вызовет социальное потрясение в Англии.

5. Вторичное крушение испанской демократии в течение шести лет показывает с необыкновенной убедительностью, что рамки демократии стали слишком узки для разрешения социального вопроса. Капитализм может в дальнейшем поддерживать свое существование только при помощи открытого военного насилия. Так как Кабальеро, Гарсия Оливер, Негрин и Сталин помешали испанскому пролетариату овладеть властью для социалистической революции, то государство неизбежно попало в руки Франко. Только политические слепцы могли не предвидеть этого исхода.

6. Расцвет американской демократии опирался на расцвет американского капитализма. Естественно, если неисцелимый кризис капитализма превратился в не менее тяжкий кризис демократии.

7. Да, я думаю, что мэр Хейг¹⁸⁵ имеет очень большое политическое значение, далеко превосходящее его собственную, очень банальную и ограниченную личность. Своими действиями Хейг говорит, что капиталистический режим не может быть дальше огражден мерами демократии. Правда, сам Хейг отрицает фашистский характер своей политики. Но он имел предшественника, который говорил прозой, не догадываясь об этом. Число подражателей Хейга будет неизбежно расти. Конституционными средствами справиться с фашизмом нельзя, потому что он оперирует в другой плоскости.

8. Делать предсказания насчет сроков я не берусь. Во всяком случае, нынешнее напряженное положение не может длиться годами. Развязка должна начаться в короткий срок. Она может принять форму либо войны, либо революции. В данный момент война кажется более близкой, чем революция. Но война, несомненно, повлечет за собой революцию.

9. Новое поколение трудящихся и интеллигенции вступает в сознательную жизнь при совершенно исключительных исторических условиях: кризис мировой экономической системы, распад демократии, крушение социалистического и коммунистического интернационалов, гниение советской бюрократии, надвигающаяся опасность войны. Спасти цивилизацию в этих условиях могут только исключительно смелые революционные средства. Чтобы открыть эти средства, нужно критически пересмотреть все старое наследство. Вот почему я думаю, что новое поколение будет отличаться большой смелостью мысли и воли. Оно отбросит философию полумер. Оно захочет иметь полные ответы на вопросы нашей эпохи и оно приложит все силы, чтобы претворить эти ответы в жизнь. Только при этом условии человечество сможет двигаться вперед.

Л.Троцкий

18 августа 1938 г.

Свобода печати и рабочий класс.

Заявление редакции "Ключа" 186

Перевод с испанского 187

В Мексике открыта кампания против реакционной печати. Во главе кампании стоит правление СТМ188, вернее сказать, лично г-н Ломбардо Толедано. Задача кампании состоит в том, чтобы "обуздать" реакционную печать, поставить ее под демократическую цензуру или запретить совсем. В качестве действующей армии приводятся синдикально организованные рабочие. Бессильные демократы, развращенные опытом сталинской Москвы, во главе с "друзьями" ГПУ аплодируют этой кампании, которую нельзя назвать иначе, как самоубийственной. Нетрудно, в самом деле, предвидеть, что если бы кампания привела к практическим результатам в духе Ломбардо Толедано, то последствия этого всей тяжестью легли бы на плечи рабочего класса. Теория и исторический опыт одинаково свидетельствуют, что все и всякие ограничения демократии в буржуазном обществе неизменно направляются в конце концов против пролетариата, как и все и всякие налоги перелаживаются на плечи трудящихся. Демократия имеет лишь ту ценность для пролетариата, что позволяет свободно развиваться его классовой борьбе. Прямым изменником является поэтому тот рабочий "вождь", который вооружает буржуазное государство исключительными средствами для контроля над общественным мнением и, в частности, над печатью. При обострении классовой борьбы буржуа разных оттенков в конце концов сговорятся между собой и направят все исключительные законы, все ограничительные правила, все виды "демократической" цензуры против рабочего класса. Кто этого не понял до сих пор, тот должен был бы убираться вон из рабочих рядов!

Но ведь диктатура рабочего класса вынуждена бывает прибегать к исключительным мерам, в частности против реакционной печати, возразит кто-нибудь из "друзей" СССР. Такое возражение означает прежде всего отождествление рабочего и буржуазного государства: будучи полукOLONиальной страной, Мексика является тем не менее буржуазным, отнюдь не рабочим государством. Однако и с точки зрения интересов диктатуры пролетариата запрещение буржуазных газет или цензура над ними вовсе не является "программой", "принципом", идеальным режимом. Такая мера может явиться лишь неизбежным временным злом. Став у власти, пролетариат может в известный период оказаться вынужденным прибегнуть к исключительным мерам против буржуазии, когда она находится в состоянии восстания против рабочего государства. В этом случае ограничение рабочей печати идет рука об руку со всеми другими приемами открытой гражданской войны. Если против классового врага приходится направлять артиллерию и авиацию, то нельзя тому же врагу позволить иметь в военном лагере пролетариата свои собственные очаги

информации и агитации.

Однако и в этом случае исключительные меры, если они превращаются в длительный режим, заключают в себе опасность полной бесконтрольности и политической монополии для рабочей бюрократии и могут стать одним из источников ее возрождения. Живой пример налицо. То отвратительное подавление свободы слова и печати, которое проводится ныне в Советском Союзе, не имеет ничего общего с интересами диктатуры пролетариата. Наоборот, оно направлено на ограждение интересов новой правящей касты против оппозиции со стороны рабочих и крестьян. Именно московской бюрократии и хотят подражать господа Ломбардо Толедано, которые отождествляют свой карьеризм с интересами социализма.

Действительная задача пролетарского государства состоит вовсе не в том, чтобы взять общественное мнение в полицейские тиски, а в том, чтобы освободить общественное мнение от гнета капитала. Это может быть достигнуто только передачей собственности на средства производства, в том числе и на средства типографского производства, в руки всего общества. После проведения этой основной социалистической меры все течения общественного мнения, которые не сражаются против диктатуры пролетариата с оружием в руках, должны сохранить возможность открыто высказываться. Рабочее государство обязано предоставлять необходимые технические средства (типографии, бумаги, транспорт и прочее) в таких размерах, которые соответствуют численности данного течения в стране. То обстоятельство, что сталинская бюрократия монополизировала в своих руках печать, является одним из важнейших источников загнивания государственного аппарата и грозит полным крушением всех завоеваний Октябрьской революции.

Если искать примеров губительного влияния Коминтерна на рабочее движение разных стран, то нынешняя кампания Ломбардо Толедано является одним из самых ярких примеров такого рода. Толедано и его единомышленники пытаются, во-первых, перенести на режим буржуазной демократии методы и приемы, которые в известных условиях и временно могут быть неизбежны при режиме диктатуры пролетариата; во-вторых, они заимствуют эти меры на самом деле не у диктатуры пролетариата, а у бонапартистских узурпаторов. Другими словами, они отравляют и без того больную буржуазную демократию трупным ядом разлагающейся советской бюрократии.

Худосочная мексиканская демократия находится всегда в смертельной опасности как со стороны иностранного империализма, так и со стороны его внутренних реакционных агентов, в руках которых сосредоточены наиболее распространенные органы печати. Но только слепцы или глупцы могут думать, что можно освободить рабочих или крестьян от влияния реакционных идей, запретив реакционную печать. На самом деле только полная свобода слова, печати, собраний может создать благоприятные условия для развития революционного рабочего движения. С реакционной печатью необходима непримиримая борьба. Но рабочие не могут заменить свою собственную борьбу, которую они должны вести через посредство своих организаций и своей печати,

полицейским кулаком буржуазного государства. Сегодня это государство может относиться "благожелательно" к рабочим организациям. Завтра оно может попасть, и несомненно попадет, в руки наиболее реакционных элементов буржуазии. В этом случае все ограничительное законодательство обрушится на рабочих. Забывать об этом могут только авантюристы, которые руководствуются соображениями сегодняшней минуты. Важнейший способ борьбы против буржуазной печати состоит в развитии рабочей печати. Но, разумеется, желтые газеты типа "Эль Популар"¹⁸⁹ неспособны выполнить эту задачу. Они не являются ни рабочей, ни революционной, ни даже честной демократической печатью. "Эль Популар" служит личным видам Ломбардо Толедано, который в свою очередь служит сталинской бюрократии. Ее методы: ложь, клевета, травля, подлог, - являются вместе с тем и методами Толедано. Ни программы, ни идей у него нет. Совершенно естественно, если газета такого типа не может захватить за живое рабочие массы и вытеснить из рабочих кварталов буржуазную печать.

Мы приходим таким образом к непреложному выводу, что борьба против буржуазной печати должна начаться с очищения рабочей печати от недостойных вождей, в частности - с освобождения рабочей печати из-под опеки Ломбардо Толедано и прочих буржуазных карьеристов. Мексиканским пролетариям нужна честная печать, которая выражала бы их нужды, защищала бы их интересы, расширяла бы их кругозор и готовила бы социалистическую революцию в Мексике. Такова позиция "Ключа". Недостойным бонапартистским претензиям Толедано мы объявляем непримиримую войну. На этом пути мы ждем поддержки всех передовых рабочих, всех марксистов и всех подлинных демократов.

Редакция "Ключа"
[Л.Д.Троцкий]
21 августа 1938 г.

Письмо¹⁹⁰

Дорогие друзья!

Мы получили только что из Соединенных Штатов, из абсолютно надежного источника, следующие сведения, которые просим вас опубликовать как можно более широко. Наш источник не решался по соображениям осторожности обратиться непосредственно к вам и предпочел обратиться сюда. Но вы можете смело заявить, что получили сведения на месте, в Нью-Йорке.

*

Несколько месяцев тому назад Лаборде, лидер мексиканской сталинской партии, "уехал в Москву". Так сообщала, по крайней мере, вся мексиканская печать. На самом деле Лаборде нелегально оставался все это время в Соединенных Штатах. Его задача, как видно будет из дальнейшего, состояла в том, чтобы использовать подготовку сентябрьских конгрессов в Мексике¹⁹¹ для решительного удара против Троцкого, Диего Ривера и их друзей. В связи с работой сенатской комиссии полиция напала, видимо, на след Лаборде. Таково, по крайней мере, было впечатление вождей компартии, которые смертельно

испугались международного скандала и компрометации нью-йоркской агентуры ГПУ. Лаборде получил приказ немедленно покинуть Соединенные Штаты. Нет основания думать, что он отправился в СССР. Наоборот, есть данные, что он тайно вернулся в Мексику, где сохраняет инкогнито, чтобы поддерживать версию о своем пребывании в СССР.

Мексиканская компартия подчинена ныне полностью вождям компартии Соединенных Штатов и через этих последних получает все приказы из Москвы. Объясняется этот странный порядок очень просто. В Мексике нет советских учреждений, и агенты ГПУ в Мексике, не имея дипломатического прикрытия, вынуждены к строжайшей конспирации; они совершенно воздерживаются поэтому от прямого общения с местной компартией, опасаясь, что в ней есть немало агентов полиции. В Соединенных Штатах важнейшие агенты ГПУ пользуются неприкосновенностью и имеют возможность передавать наиболее секретные инструкции тем немногим вождям компартии, которые пользуются безусловным доверием ГПУ. Эти доверенные лица передают, в свою очередь, инструкции в Мексику.

Последняя инструкция, которую получил Лаборде в середине августа, состояла в том, чтобы усилить в Мексике кампанию преследований против Троцкого и его друзей, не ограничиваясь политическими и бюрократическими мерами, а переходя к "прямому действию" (подлинное выражение). Что значит "прямое действие", нетрудно догадаться в связи с рядом убийств троцкистов во Франции, Швейцарии и особенно Испании.

Центральный Комитет мексиканской компартии успел уже сообщить в Нью-Йорк, что он приступил к выполнению полученных инструкций. Было созвано строго конспиративное собрание, в котором участвовали лишь некоторые из членов ЦК и организаторы "боевых действий", в том числе два или три иностранца, прибывшие в Мексику в связи с подготовкой конгресса "против войны и фашизма". На этом заседании докладчик (по-видимому, сам Лаборде) требовал не только удесятерить политическую кампанию против троцкистов, но и подготовить необходимую атмосферу для "физической ликвидации Троцкого и некоторых его друзей" (подлинное выражение). В отношении "политической" кампании докладчик обещал полное материальное содействие со стороны министра просвещения г-на Васкес Вела¹⁹² и его ближайших помощников. Параллельную кампанию, по словам докладчика, ведет секретарь профессиональных союзов Ломбардо Толедано, который во время недавнего путешествия в Европу получил все необходимые материальные средства (в частности, клеветнический фильм против Троцкого). Среди депутатов конгресса имеется значительное количество иностранных агентов ГПУ, главная задача которых в том, чтобы создать в Мексике "благоприятную атмосферу" для выполнения последних московских инструкций.

*

Повторяем еще раз: мы, безусловно, ручаемся за достоверность нашего источника. Вы можете смело начать кампанию, притом со всей необходимой

энергией, привлекая к этому делу всех наших друзей. Очень важно не терять ни минуты. Необходимо, в частности, пригласить представителей мексиканской печати в Нью-Йорк и передать им изложенные выше факты.

Хансен¹⁹³

4 сентября 1938 г.

11.10 утра

Тоталитарные пораженцы Кремля

Княгиня Радзивилл (См. "Liberty"¹⁹⁴ от 3 сентября 1938 г.) считает Сталина "самым осведомленным человеком в Европе". С этим никак нельзя согласиться. Сталин, который не читает ни на одном иностранном языке, знает о внешнем мире только то, что ему в русском переводе сообщают его агенты. Каждый из этих агентов больше всего боится показаться в Кремле пессимистом, или - боже упаси - пораженцем. Вследствие этого агенты собирают только те материалы, которые подтверждают последние слова самого Сталина. Таким образом, больше, чем кто-либо из правителей Европы, Сталин живет в мире, который он сам для себя строит. Только по этой причине оказались возможны, в частности, те фантастические и чудовищные московские процессы, которые должны были, по замыслу, показать миру мощь Сталина, а на самом деле раскрыли его слабость.

Начиная с 1933 г., международное значение СССР стало быстро подниматься. Не раз приходилось тогда слышать от европейских журналистов те суждения, которые княгиня Радзивилл повторяет с запозданием на несколько лет. "Кремль держит в своих руках судьбы Европы". "Сталин стал международным арбитром" и проч. Как ни преувеличена была эта оценка и в те дни, но она исходила из двух несомненных факторов: обострения мировых антагонизмов и возрастающей мощи Красной армии. Относительный успех первой пятилетки, вытекавшая отсюда оптимистическая оценка второй пятилетки, осязательные для всех успехи индустриализации, создавшие для армии и флота промышленную базу, преодоление прогрессивного паралича железнодорожного транспорта, первые благоприятные урожаи на колхозной основе, рост количества скота, смягчение голода и нужды - таковы были внутренние предпосылки успехов советской дипломатии. К этому периоду относятся слова Сталина "жить стало лучше, жить стало веселее"¹⁹⁵. Трудящимся массам жить стало действительно немножко легче. Бюрократии жить стало значительно веселее. Крупная доля национального дохода уходила тем временем на оборону. Численность армии мирного времени с 800 тысяч была доведена до полутора миллионов. Возрождался флот. За годы советского режима успел сложиться новый командный состав, от лейтенантов до маршалов. К этому надо прибавить политический фактор: оппозиция, левая, как и правая, была разгромлена. Победа над оппозицией как бы находила свое объективное оправдание в экономических успехах. Власть Сталина казалась незыблемой. Все вместе превращало советское правительство если не в арбитра Европы, то, во всяком случае, в крупный международный фактор.

Два последние года не оставили от этой ситуации камня на камне.

Удельный вес советской дипломатии сейчас ниже, чем в самые критические месяцы первой пятилетки. Лондон не только повернулся лицом к Риму и Берлину, но и требует, чтобы Париж повернулся спиной к Москве. Свою политику изоляции СССР Гитлер имеет таким образом возможность проводить ныне через посредство Чемберлена. Если Франция не отказывается от договора с СССР, то она свела его к роли второстепенного резерва. Потеряв веру в московскую опору, третья республика неотступно следует по пятам Англии. Консервативные французские патриоты не без горечи жалуются, что Франция стала "последним доминионом" Великобритании. Италия и Германия, с согласия того же Чемберлена, собираются прочно утвердиться в Испании, где совсем еще недавно Сталин казался - и не только самому себе - вершителем судеб. На Дальнем Востоке, где Япония встретила неожиданные для себя затруднения грандиозного масштаба, Москва оказалась бессильна на что-нибудь большее, чем пограничные стычки, притом всегда по инициативе Японии.

Искать причину упадка международной роли советов за последние годы в примирении или смягчении международных противоречий никак не приходится: каковы бы ни были эпизодические и конъюнктурные колебания, империалистические страны фатально идут к мировой войне. Вывод ясен: банкротство Сталина на мировой арене есть прежде всего результат внутреннего развития СССР. Что же, собственно, случилось в самом Советском Союзе в течение двух последних лет, что превратило могущество в бессилие? Хозяйство как будто продолжает расти, промышленность, несмотря на так называемый "саботаж", продолжает хвалиться успехами, урожай повышается, военные запасы накапливаются, Сталин успешно справляется с внутренними врагами. В чем же дело?

Не так давно мир судил о Советском Союзе почти исключительно по цифрам советской статистики. Эти цифры, правда, с тенденциозными преувеличениями, свидетельствовали о несомненных успехах. Предполагалось, что за бумажной завесой цифр скрывается возрастающее благополучие народа и власти. Оказалось совсем не так. Процессы хозяйства, политики и культуры являются в последнем счете отношениями между живыми людьми, группами, классами. Московские судебные трагедии обнаружили, что эти отношения из рук вон плохи, вернее сказать, невыносимы.

Армия есть квинтэссенция режима; не в том смысле, что она выражает только "лучшие" его качества, а в том, что положительным, как и отрицательным тенденциям общества она придает наиболее концентрированное выражение. Когда противоречия и антагонизмы режима достигают известной остроты, они начинают подрывать армию изнутри. Обратное заключение: если армия, наиболее дисциплинированный орган господствующего класса, начинает раздираться внутренними противоречиями, то это - безошибочный признак нестерпимого кризиса в самом обществе.

Экономические успехи Советского Союза, укрепившие в известный момент его армию и его дипломатию, больше всего подняли и укрепили правящий бюрократический слой. Никакой класс и никогда в истории не сосредоточивал в

своих руках в столь короткий срок такого богатства и могущества, какие сосредоточила бюрократия за годы двух пятилеток. Но именно этим она поставила себя в возрастающее противоречие с народом, который прошел через три революции и опрокинул царскую монархию, дворянство и буржуазию. Советская бюрократия сосредоточивает в себе ныне, в известном смысле, черты всех этих низвергнутых классов, не имея ни их социальных корней, ни их традиций. Она может отстаивать свои чудовищные привилегии только организованным террором, как она может обосновывать свой террор только ложными обвинениями и судебными подлогами. Выросши из хозяйственных успехов, самодержавие бюрократии стало главным препятствием на пути этих успехов в дальнейшем. Рост страны немислим дальше без общего роста культуры, т. е. без самостоятельности каждого и всех, без свободной критики и свободного исследования. Эти элементарные условия прогресса необходимы армии еще в большей мере, чем хозяйству, ибо в армии реальность или фиктивность статистических данных проверяется кровью. Между тем политический режим СССР окончательно приблизился к режиму штрафного батальона. Все передовые и творческие элементы, которые действительно преданы интересам хозяйства, народного просвещения или народной обороны, неизменно попадают в противоречие с правящей олигархией. Так было в свое время при царизме; так происходит, но несравненно более быстрым темпом, сейчас при режиме Сталина. Хозяйству, культуре, армии нужны инициаторы, строители, творцы. Кремлю нужны верные исполнители, надежные и беспощадные агенты. Эти человеческие типы - агента и творца - непримиримо враждебны друг другу.

В течение последних 15-ти месяцев Красная армия лишилась почти всего своего командного состава, который рекрутировался первоначально в годы гражданской войны (1918-1920), затем обучался, квалифицировался, пополнялся в течение следующих 15-ти лет. Радикально обновленный и непрерывно обновляемый офицерский корпус Сталин поставил под гласный полицейский надзор, осуществляемый новыми комиссарами. Тухачевский, и с ним цвет командного состава, погибли в борьбе против полицейской диктатуры над офицерством Красной армии.

Во флоте, где сильные и слабые стороны армии принимают особенно концентрированный характер, истребление высшего офицерства имело еще более повальный характер, чем в сухопутной армии. Нельзя не повторить еще раз: вооруженные силы СССР обезглавлены. Аресты и расстрелы продолжаются. Между Кремлем и офицерским корпусом идет затяжная дуэль, в которой право стрелять принадлежит только Кремлю. Причины трагической дуэли имеют не временный и не случайный характер, а органический характер. Тоталитарная бюрократия сосредоточивает в своих руках две функции: власти и администрирования. Эти две функции пришли ныне в острое противоречие. Чтобы обеспечить хорошее администрирование, нужно ликвидировать тоталитарную власть. Чтобы сохранить власть Сталина, нужно громить самостоятельных и способных администраторов, военных, как и штатских.

Институт комиссаров, введенный впервые в период строительства Красной

армии из ничего, означал по необходимости режим двойного командования. Неудобства и опасности такого порядка были совершенно очевидны и тогда, но они рассматривались, как меньшее и притом временное зло. Сама необходимость двоеначалия в армии выросла из крушения царской армии и из условий гражданской войны. Что же означает новое двоеначалие¹⁹⁶: первый этап крушения Красной армии и начало новой гражданской войны в стране?

Комиссары первого призыва означали контроль рабочего класса над чуждыми и в большинстве своем враждебными военными специалистами. Комиссары новой формации означают контроль бонапартистской клики над военной и гражданской администрацией и через нее над народом. Комиссары первой эпохи вербовались из серьезных и честных революционеров, действительно преданных делу социализма. Командиры, вышедшие в большинстве своем из рядов старого офицерства или унтерофицерства, плохо разбирались в новых условиях и в лице лучших своих представителей сами искали совета и поддержки комиссаров. Не без трений и конфликтов двоеначалие привело в тот период к дружному сотрудничеству.

Совсем иначе обстоит дело теперь. Нынешние командиры выросли из Красной армии, неразрывно связаны с ней и имеют завоеванный годами авторитет. Наоборот, комиссары вербуются из бюрократических сынков, которые не имеют ни революционного опыта, ни военных знаний, ни нравственного капитала. Это чистый тип карьеристов новой школы. Они призваны командовать только потому, что они олицетворяют "бдительность", т. е. полицейский надзор Сталина над армией. Командиры относятся к ним с заслуженной ненавистью. Режим двоеначалия превращается в борьбу политической полиции с армией, причем на стороне полиции стоит центральная власть.

Исторический фильм разворачивается в обратном порядке, и то, что было прогрессивной мерой революции, возрождается в качестве отвратительной реакционной карикатуры. Новое двоеначалие проходит через государственный аппарат сверху донизу. Во главе армии номинально стоит Ворошилов, народный комиссар, маршал, кавалер орденов и прочая, и прочая. Но фактическая власть сосредоточена в руках ничтожного Мехлиса¹⁹⁷, который по непосредственным инструкциям Сталина переворачивает армию вверх дном. То же происходит в каждом военном округе, в любой дивизии, в каждом полку. То же в морском и воздушном флотах. Везде сидит свой Мехлис, агент Сталина и Ежова, и насаждает "бдительность" вместо знания, порядка и дисциплины. Все отношения в армии получили зыбкий, шаткий, плавучий характер. Никто не знает, где кончается патриотизм, где начинается измена. Никто не уверен, что можно, чего нельзя. В случае противоречия в распоряжениях командира и комиссара всякий вынужден гадать, какой из двух путей ведет к награде, какой - к тюрьме. Все выжидают и тревожно озираются по сторонам. У честных работников опускаются руки. Плуты, воры и карьеристы обделывают свои делишки, прикрываясь патриотическими доносами. Устои армии расшатываются. В большом и малом воцаряется запустение. Оружие не числится и не проверяется. Казармы принимают грязный и нежилой вид. Протекают крыши, не хватает бань, на

красноармейцах грязное белье. Пища становится все хуже по качеству и не подается в положенные часы. В ответ на жалобы командир отсылает к комиссару, комиссар обвиняет командира. Действительные виновники прикрываются доносами на вредителей. Среди командиров усиливается пьянство; комиссары соперничают с ними в этом отношении. Прикрытый полицейским деспотизмом режим анархии подрывает ныне все стороны советской жизни; но особенно гибелен он в армии, которая может жить только при условии правильности режима и полной прозрачности всех отношений. Такова, в частности, причина, почему в этом году отменены большие маневры.

Диагноз ясен. Рост страны и особенно рост ее новых потребностей несовместим с тоталитарной мерзостью и потому обнаруживает тенденцию вытеснять, выталкивать, выпирать бюрократию из всех областей. Процесс этот не нашел еще открытого политического выражения, но тем более он глубок и неотвратим. В области техники, хозяйства, науки, культуры, обороны люди опыта, знания, авторитета автоматически оттесняют назад агентов сталинской диктатуры, в большинстве своем невежественных и циничных, типа Мехлиса и Ежова. Когда Сталин обвиняет ту или другую часть аппарата в утрате "бдительности", он этим говорит: вы заботитесь об интересах хозяйства, науки или армии, но вы не заботитесь о моих интересах! В таком же положении находится каждый из агентов Сталина во всех областях страны и на всех ярусах бюрократической башни. Бюрократия может поддерживать дальше свою власть не иначе, как подрывая все основы хозяйственного и культурного прогресса. Борьба за тоталитарную власть превратилась в истребление лучших людей страны ее наиболее развращенными отбросами.

К счастью для СССР, внутреннее положение его потенциальных врагов, крайне напряженное уже сейчас, будет становиться в ближайший период все более и более критическим. Но это не меняет анализа внутреннего положения СССР: тоталитарная система Сталина стала подлинным очагом культурного саботажа и военного пораженчества.

Сказать это вслух есть элементарный долг по отношению к народам СССР и мировому общественному мнению. Политика, тем более военная, не мирится с фикциями. Есть категория "друзей", которые предпочитают верить на словах агентам Кремля. Мы пишем не для них, а для тех, которые в надвигающуюся грозную эпоху предпочитают глядеть действительности прямо в глаза.

Л.Троцкий

12 сентября 1938 г.

Да или нет?

8 сентября известный чикагский адвокат Альберт Голдман сообщил печати о заговоре ГПУ в связи с конгрессом в Мексике. Главным очагом заговора был, по словам Голдмана, Нью-Йорк, куда под чрезвычайным секретом вызван был лидер мексиканской сталинской партии Хернан Лаборде. Чтобы лучше скрыть свое участие в заговоре против Троцкого и его друзей, Лаборде пустил слух, будто

он уезжает на несколько месяцев в СССР. На самом деле он находился все время в Нью-Йорке, в тесной связи с наиболее ответственными представителями ГПУ в Соединенных Штатах. Под их руководством Лаборде разрабатывал кампанию травли и клеветы против Троцкого и его друзей. Практической целью кампании являлось либо добиться высылки Троцкого из Мексики, т. е. фактической выдачи его в руки палачей ГПУ, либо создать благоприятную атмосферу для расправы над ним в самой Мексике. Таков был московский заказ. Голдман - очень опытный и серьезный юрист; если он сообщил печати эти сведения, значит, они исходят из безупречного источника. Во всяком случае, в момент, когда Голдман сделал свои разоблачения, Лаборде неожиданно обнаружился в Мексике. Я говорю "неожиданно", потому что в печати о его возвращении не появилось ни слова. Откуда же приехал Лаборде? Действительно ли он был в СССР? Это нетрудно проверить по визам в его паспорте. Или же Лаборде, как гласит источник Голдмана, находился тайно в Соединенных Штатах? С какой целью? Никто не заподозрит Лаборде в том, что он готовил переворот против режима Соединенных Штатов. Что же он делал там? И почему он вернулся под строжайшим секретом к моменту открытия съездов в Мексике?

Г-н Лаборде имеет полную возможность опровергнуть сообщение Алберта Голдмана. Для этого ему нужно только ясно ответить: где именно он находился в последние месяцы? В Москве или в Нью-Йорке?

Никакие увертки не помогут. Столь же мало поможет молчание. Общественное мнение заставит заговорщиков ясно и точно ответить на вопрос: скрывался ли Лаборде в Соединенных Штатах, да или нет? И если да, то с какой целью?

14 сентября 1938 г.

Фактические замечания [Л.Эстрин] к письму Л.Д.[Троцкого] следователю (от 25.8.[19]38 г.)198

П. 3. Доктор Симков, насколько известно, никогда не был владельцем клиники199. Клиника принадлежит доктору Жирмунскому, а Симков лишь изредка помещает туда своих пациентов, которые в состоянии платить так много. Клиника эта (Мирабо) частная, занимает большой дом, имеет разные отделения, начиная с хирургического и кончая родильным. Всякие французские врачи - хирурги, гинекологи и акушеры - помещают туда своих больных.

Л.Д.[Троцкий] спрашивает, знал ли Симков, кто такой его пациент. Но ведь Л.Д.[Троцкий] имеет ясный ответ на это в моих показаниях. Там сказано, что Симков знал, кто его пациент и дал слово никому об этом не говорить.

Почему Симков обращался к Лева по-русски? Но Лева все время только и говорил по-русски с кем только было можно.

П. 4. Доктор Жирмунский, директор клиники, считался, по сведениям полиции, "сочувствующим большевикам". Не знаю, каковы сведения полиции, но они, по всей видимости, неправильны. Жирмунский в настоящее время человек аполитичный. В дни своей ранней молодости он был эсером - так, по крайней

мере, мне о нем сказал кто-то из его знакомых. Выехал он из России не то в 1926, не то в 1927 г., когда выезд из России не был затруднен - это он мне лично сказал. Знаю, что он человек деловой, вывез все свои деньги из России и здесь открыл клинику.

Почему Симков ему не сказал имени больного, совершенно ясно - он был связан словом, и тут нет вопроса ни доверия, ни недоверия к Жирмунскому. Жирмунский, как и Тальгеймер²⁰⁰, узнали о том, кто их пациент, лишь во вторник, 15.2, утром, когда им об этом сказала Ж[анна Молинье], чтобы еще больше убедить их в том, что должны быть сделаны сверхчеловеческие усилия для спасения Л[ьва Седова], созданы консилиумы и пр. Помню, что после операции мы слевой еще говорили о том, что фамилия Мартен²⁰¹ удачно выбрана, это может быть и француз, живущий в России и говорящий по-русски, фамилия не слишком ярко выраженная французская. Поэтому Жирмунскому могло и не показаться странным, что Мартен говорит по-русски.

П. 6. Симков - совершенно аполитичный человек, решительно ничего не смыслящий в политике (см. п. 8). Он натурализован во Франции, но считает себя русским. Состоит членом общества врачей имени Мечникова²⁰². Общество это аполитичное, создано оно для защиты профессиональных интересов русских эмигрантов - врачей и для связи с французской профессиональной организацией врачей. В него входят все русские врачи в Париже без различия взглядов, от правых до социалистов включительно. В этом обществе никогда никакие политические вопросы не обсуждались. На редких заседаниях бывают доклады на научные темы и рассматриваются текущие профессиональные дела. Недавно крайне правые врачи - черносотенцы и антисемиты - вышли из этого общества, считая, что оно слишком "ожидовело". Симков выступал всегда против антисемитов (он, между прочим, еврей) - вот все, что о нем известно. Все русские врачи должны записываться в это общество, так как членство дает им неофициальное право практики среди эмигрантов - русских и немецких.

Медицинское издание "Эвр Хируржикал Франко-Рюс" никому из опрошенных мною лиц неизвестно, никто из знакомых мне врачей никогда его не видел. Быть может, это недоразумение и дело идет о их госпитале, в котором работает Симков. Называется он "Опиталь Хируржикаль Франко-Рюс". Это русский госпиталь, построенный на средства русских благотворителей для лечения русских эмигрантов.

П. 8. О декларации Симкова по поводу исчезновения его детей. Идею эту, что троцкисты похитили его детей, как месть за смерть Л[ьва Седова], внушила ему полиция. Она чрезвычайно энергично убеждала его в этом. Он даже не знал, что такое троцкисты, слышал только, что это революционная партия. Когда он сказал полиции, что троцкисты ведь революционеры, они не станут делать таких вещей, полицейский чиновник на него грозно посмотрел и сказал: "Вы, наверное, сами троцкист". Симков вызвал к себе мою невестку, попросил ее разъяснить ему, кто такие троцкисты, и спросил, нельзя ли его связать с Н[иколаев]ским, чтобы он ему, как историк и специалист, разъяснил роль троцкистов.

*

Теперь несколько слов о том, как возникла идея поместить Л[ьва Седова] в эту больницу. Когда я писала свои показания, все детали мне не были известны, поэтому я не включила этого в мои показания. Потом, когда я начала расспрашивать обо всех подробностях, я установила следующее: положение было таково, что нельзя было терять ни единой минуты. Сам Лева признавал это и сказал: он пер темпоризер, иль фо ажир!²⁰³ Моя невестка и мой брат - оба врачи, не имеющие официального права практики во Франции. Они не имеют почти никаких связей с французскими врачами. Связаны они были лишь с одним очень хорошим хирургом, фамилия которого Лейбовиси. Моя невестка сказала Жанне, что она знает только Лейбовиси и предлагает вести Леву немедленно к нему в клинику. Жанна на это ответила, что слышала, что Лейбовиси - сталинец, и поэтому Леву туда вести нельзя. Тогда моя невестка сказала Жанне, что кроме Лейбовиси никого из французских хирургов она не знает, и спросила, не знает ли Жанна кого-нибудь из врачей, через которого можно было бы поместить Леву в клинику. Жанна сказала, что никого из врачей до вечера достать не может, а в любую, первую попавшуюся клинику вести Леву нельзя - это опасно как с точки зрения ГПУ, так и с точки зрения медицинской. Тогда моя невестка, считая, что нельзя терять ни минуты, предложила Жанне и Лева, что она поедет к русскому хирургу Симкову, которого она и брат мой знают, которому они доверяют, и с ним поговорит, как все это устроить. Жанна и Лева дали свое согласие, и они оба - моя невестка и мой брат - поехали к Симкову, с которым и договорились обо всем, взявши с него обязательство никому об этом не говорить ни слова.

[Л.Эстрин]

19.9.[19]38 [г.]

Интервью с представителями кубинской прессы²⁰⁴

В политике самое важное и самое трудное, на мой взгляд, это определить, с одной стороны, те общие задачи, которые определяют жизнь и борьбу всех стран современного мира; с другой стороны, открыть особое сочетание этих законов в каждой отдельной стране. Нынешнее человечество, все без исключения, от британских рабочих до абиссинских кочевников, живет под гнетом империализма. Этого нельзя забывать ни на минуту. Но это вовсе не значит, что империализм проявляется во всех странах одинаково. Нет, одни страны являются чемпионами империализма, а другие - его жертвами. Это есть самая основная линия водораздела между современными нациями и государствами. Под этим и только под этим углом зрения надо рассматривать, в частности, столь актуальный вопрос о фашизме и демократии.

Демократия для Мексики, например, означает стремление полуколониальной страны вырваться из кабальной зависимости, дать землю крестьянам, поднять индейцев на более высокую ступень культуры и т. д. Другими словами,

демократические задачи Мексики имеют прогрессивный и революционный характер. А что означает "демократия" в Великобритании? Сохранение того, что есть, т. е. прежде всего сохранение господства метрополии над колониями. То же самое по отношению к Франции. Знамя демократии прикрывает здесь империалистское господство привилегированного меньшинства над угнетенным большинством.

Точно так же нельзя говорить и о "фашизме вообще"! В Германии, Италии, Японии фашизм и милитаризм есть орудие жадного, голодного и потому агрессивного империализма. В латиноамериканских странах фашизм есть выражение самой рабской зависимости от иностранного империализма. Надо под политической формулой уметь находить экономическое и социальное содержание.

Сейчас в некоторых кругах интеллигенции пользуется популярностью мысль об "объединении всех демократических государств" против фашизма. Я считаю эту идею фантастической, химерической, способной только обмануть народные массы, особенно слабые и угнетенные народы. Можно ли, в самом деле, хоть на минуту поверить тому, что Чемберлен, Даладье или Рузвельт готовы или способны вести войну во имя абстрактного принципа "демократии"? Если бы великобританское правительство так любило демократию, оно давно должно было бы дать свободу Индии. То же относится и к Франции. Великобритания предпочитает в Испании диктатуру Франко политическому господству рабочих и крестьян, ибо Франко будет гораздо более покорным и надежным агентом британского капитализма. Англия и Франция без сопротивления отдали Гитлеру Австрию, но если бы он прикоснулся к их колониям, война была бы неизбежна. Вывод отсюда такой: нельзя бороться против фашизма, не борясь против империализма. Колониальные и полуколониальные страны должны бороться прежде всего против того империализма, который их непосредственно подавляет, независимо от того, носит ли он маску фашизма или демократии.

В странах Латинской Америки лучший, наиболее верный метод борьбы против фашизма - это аграрная революция. Только потому, что Мексика сделала на этом пути серьезные шаги, восстание генерала Седильо повисло в воздухе. Наоборот, жестокие поражения республиканцев в Испании объясняются тем и только тем, что правительство Асаньи в союзе со Сталиным подавило там аграрную революцию и самостоятельное движение рабочих. Консервативная, тем более реакционная, социальная политика в слабых и полуколониальных странах означает в полном смысле слова измену национальной независимости.

Вы спросите меня, чем же объясняется, что советское правительство, вышедшее из Октябрьской революции, подавило революционное движение в Испании? Ответ прост: над Советами успела подняться новая привилегированная каста бюрократии, крайне консервативная, жадная и тираническая. Эта бюрократия не доверяет массам и боится их. Она ищет сближения с господствующими классами, особенно с "демократическими" империалистами. Чтобы доказать им свою зрелость, Сталин готов играть роль жандарма во всем мире. Сталинская бюрократия и ее агентура Коминтерн представляют сейчас величайшую опасность для независимости и прогресса слабых и колониальных народов.

Я слишком мало знаю Кубу, чтобы позволить себе о вашем отечестве самостоятельное мнение. Вы лучше меня можете судить, какие из высказанных выше соображений применимы к положению Кубы. Что касается лично меня, то я позволю себе выразить надежду на то, что мне удастся посетить жемчужину Антильских островов²⁰⁵ и ближе познакомиться с вашим народом, которому я через вашу газету посылаю самые горячие и искренние пожелания.

Л. Троцкий

21 сентября 1938 г.

Койоакан, Мексика

Беседа тов. Троцкого с аргентинским делегатом тов. Фосса²⁰⁶

Тов. Фосса был делегирован Комитетом синдикальных свобод на созывающуюся в Мексике конференцию латиноамериканских синдикатов (профессиональных союзов). Комитет синдикальных свобод группирует вокруг себя 28 организаций, в том числе 24 независимых профессиональных союзов. Каждая из этих организаций в отдельности выдала тов. Фосса письменный мандат. Несмотря на это, заправила латиноамериканского синдикального объединения не допустили тов. Фосса на конференцию. Как не допустили? Очень просто: заперли перед ним двери. Какова причина? Причина не сложная. Тов. Фосса входил некоторое время в аргентинскую коммунистическую партию, но поднял голос протеста против московских судов. Этого оказалось достаточно для того, чтобы заслуженный деятель профессионального движения был объявлен врагом народа, "троцкистом" и проч. Из Буэнос-Айреса сталинцы немедленно уведомили Ломбардо Толедано о приезде на конгресс опасного делегата, который не верит в непорочную чистоту Сталина, Вышинского, Ежова и прочих фальсификаторов. Когда ГПУ приказывает, Толедано повинется. В этом и состоит ныне его главная роль в рабочем движении. Как это ни невероятно, буржуазный адвокат Ломбардо Толедано закрыл двери синдикальной конференции перед рабочим Фосса, честным аргентинским революционером. Пролетариям Мексики остается только кричать: "Да здравствует тоталитарный режим! Да здравствует наш фюрер, Адольф Толедано²⁰⁷!"

23 сентября тов. Фосса посетил тов. Троцкого и в течение продолжительной беседы поставил ему ряд важных вопросов. Мы публикуем ниже эти вопросы вместе с ответами тов. Троцкого.

Фосса. Какое развитие примет, по вашему мнению, нынешняя ситуация в Европе?

Троцкий. Возможно, что дипломатии удастся еще и на этот раз достигнуть гнилого компромисса. Но его хватит не надолго. Война неизбежна, притом в недалеком будущем. Один международный кризис следует за другим. Эти конвульсии похожи на родовые схватки надвигающейся войны. Каждая новая схватка имеет более жестокий и угрожающий характер. Я не вижу сейчас никакой силы в мире, которая могла бы задержать развитие этого процесса, т. е. родов войны. Новая страшная бойня неумоимо надвигается на человечество.

Разумеется, своевременное революционное выступление международного пролетариата могло бы парализовать разойничью работу империалистов. Но надо смотреть правде в глаза. Рабочие массы Европы в подавляющем большинстве находятся под руководством Второго и Третьего Интернационалов. Вожди Амстердамского Интернационала профессиональных союзов полностью поддерживают политику Второго и Третьего Интернационалов и входят вместе с ними в так называемые "народные фронты". Политика "народных фронтов", как показывают примеры Испании, Франции и других стран, состоит в подчинении пролетариата левому крылу буржуазии. Между тем, вся буржуазия капиталистических стран, и правая, и "левая", насквозь пропитана шовинизмом и империализмом. "Народный фронт" служит для того, чтобы превратить рабочих в пушечное мясо для империалистской буржуазии. Только для этого, и больше ни для чего. Второй, Третий и Амстердамский Интернационалы являются сейчас контрреволюционными организациями, которые ставят главной своей задачей тормозить и парализовать революционную борьбу пролетариата против "демократического" империализма. До тех пор пока преступное руководство этих Интернационалов не сброшено, рабочие будут бессильны оказать сопротивление войне. Такова горькая, но неопровержимая правда. Надо уметь смотреть ей в глаза, а не утешать себя иллюзиями и пацифистской болтовней. Война неизбежна!

Фосса. Каково будет ее влияние на борьбу в Испании и на движение мирового пролетариата?

Троцкий. Чтобы правильно понять характер будущих событий, нужно прежде всего отбросить ложную и насквозь фальшивую теорию, будто будущая война развернется между фашизмом и "демократией". Нельзя ничего придумать глупее и лживее этой идеи. Империалистские "демократии" разъединены противоречиями своих интересов во всех частях мира. Фашистская Италия может легко оказаться в одном лагере с Великобританией и Францией, если потеряет веру в победу Гитлера. Полуфашистская Польша может пристать к одному или другому лагерю, в зависимости от предоставленных ей выгод. В ходе войны французская буржуазия может заменить свою "демократию" фашизмом для того, чтобы держать в покорности рабочих и заставить их воевать "до конца". Фашистская Франция, как и "демократическая", одинаково защищала бы свои колонии с оружием в руках. Новая война будет иметь гораздо более открытый грабительский, империалистский характер, чем война 1914-1918 гг. Империалисты сражаются не из-за политических принципов, а из-за рынков, колоний и сырья, из-за господства над миром и его богатствами.

Победа любого из империалистских лагерей означала бы окончательное закабаление всего человечества, наложение двойных цепей на нынешние колонии, слабые и отсталые народы, в том числе на народы Латинской Америки. Победа любого из империалистических лагерей означала бы рабство, нищету, закат человеческой культуры.

Где же выход, спрашиваете вы? Я лично не сомневаюсь ни на минуту, что новая война вызовет международную революцию против господства хищных капиталистических клик над человечеством. Во время войны исчезнет всякое

различие между империалистской "демократией" и фашизмом. Во всех странах будет царить беспощадная военная диктатура. Немецкие рабочие и крестьяне будут так же погибать, как и французские или английские. Голод, эпидемии, одичание сметут различие политических режимов и границы государств. Нынешние средства истребления так чудовищны, что человечество не выдержит, вероятно, и нескольких месяцев войны. Отчаяние, возмущение, ненависть толкнут народные массы всех воюющих стран на восстание с оружием в руках. Социалистическая революция непредотвратима. Победа мирового пролетариата положит конец войне и разрешит попутно испанский вопрос, как и все другие больные вопросы Европы и других частей света.

Те рабочие "вожди", которые хотят приковать пролетариат к военной колеснице империализма, прикрытого маской "демократии", являются злейшими врагами и худшими изменниками трудящихся. Надо учить рабочих ненавидеть и презирать агентов империализма, ибо они отравляют сознание трудящихся; надо разъяснять рабочим, что фашизм - только одна из форм империализма, что бороться надо не с внешними симптомами болезни, а с ее органическими причинами, т. е. капитализмом.

Фосса. Какова перспектива мексиканской революции? Как вы смотрите не обесценение денег в связи с экспроприацией земли и нефтяных богатств²⁰⁸?

Троцкий. Я не могу останавливаться на этих вопросах с необходимой подробностью. Экспроприация земли и естественных богатств является для Мексики абсолютно необходимой мерой национальной самообороны. Без удовлетворения насущных нужд крестьянства ни одна индо-американская страна не сохранит своей независимости. Понижение покупательной силы денег является одним из результатов начавшейся империалистской блокады против Мексики. Материальные лишения в борьбе неизбежны. Спасти без жертв нельзя. Капитулировать перед империализмом значило бы обречь естественные богатства страны на расхищение и народ - на упадок и вымирание. Разумеется, рабочие организации должны заботиться о том, чтобы рост дороговизны не ложился главной своей тяжестью на трудящихся.

Фосса. Что вы скажете по вопросу об освободительной борьбе народов Индо-Америки и задачах будущего? Каково ваше мнение об апризме²⁰⁹?

Троцкий. Я недостаточно близко знаком с жизнью отдельных индо-американских стран, чтобы позвонить себе конкретные ответы по всем поставленным вами вопросам. Для меня во всяком случае ясно, что внутренние задачи этих стран не могут быть разрешены без одновременной революционной борьбы против империализма. Агенты Соединенных Штатов, Англии, Франции (Льюис, Жуо, Толедано, сталинцы) пытаются подменить борьбу против империализма борьбой против фашизма. Мы наблюдали их преступные усилия на недавнем конгрессе против войны и фашизма. В странах Индо-Америки агенты "демократического" империализма особенно опасны, ибо они скорее способны обмануть массы, чем откровенные агенты фашистских бандитов. Я возьму наиболее простой и яркий пример. В Бразилии господствует ныне полуфашистский режим²¹⁰, к которому каждый революционер не может относиться иначе, как с

ненавистью. Допустим, однако, что завтра Англия вступает в военный конфликт с Бразилией. Я спрашиваю вас, на чьей стороне будет в этом конфликте мировой рабочий класс? Отвечаю за себя лично: я буду в данном случае на стороне "фашистской" Бразилии против "демократической" Великобритании. Почему? Потому что в конфликте между ними дело вовсе не будет идти о демократии и фашизме. Если Англия победит, она посадит в Рио-де-Жанейро другого фашиста и наложит на Бразилию двойные цепи. Наоборот, если победит Бразилия, то даст могущественный толчок национальному и демократическому сознанию страны и поведет к низвержению диктатуры Варгаса²¹¹. Поражение Англии нанесет в то же время удар британскому империализму и даст толчок революционному движению британского пролетариата. Нужно иметь поистине пустую голову, чтоб сводить мировые антагонизмы и военные конфликты к борьбе между фашизмом и демократией. Под всеми масками надо уметь различать эксплуататоров, рабовладельцев и хищников!

Во всех индо-американских странах проблема аграрной революции неразрывно связана с антиимпериалистской борьбой. Сталинцы предательски парализуют ныне и ту и другую борьбу. Для Кремля индо-американские страны - только разменная монета в расчетах с империалистами. Сталин говорит Вашингтону, Лондону и Парижу: "Признайте меня равноправным союзником, и я помогу вам справиться с революционным движением в колониях и полуколониях: для этого у меня на службе имеются сотни агентов вроде Ломбардо Толедано". Сталинизм стал проказой мирового освободительного движения.

Я недостаточно знаю апризм, чтоб высказать окончательное суждение. В Перу деятельность этой партии имеет нелегальный характер и потому трудно поддается наблюдению. Представители АПРА на сентябрьском конгрессе против войны и фашизма в Мексике занимали, насколько я могу судить, достойную и правильную позицию, вместе с делегатом Пуэрто-Рико. Остается только пожелать, чтобы АПРА не стала добычей сталинцев, ибо это парализовало бы освободительную борьбу в Перу. Думаю, что соглашения с апристами для определенных практических задач возможны и желательны при условии полной организационной независимости.

Фосса. Какие последствия будет иметь война для индо-американских стран?

Троцкий. Несомненно, что оба империалистских лагеря будут стремиться втянуть индо-американские страны в водоворот войны, чтобы окончательно закабалить их после войны. Пустая "антифашистская" трескотня только подготавливает почву для агентов одного из империалистских лагерей. Чтобы встретить мировую войну подготовленными, революционные партии Индо-Америки должны теперь же занять вдвойне непримиримую позицию по отношению ко всем империалистским группировкам. На почве борьбы за самосохранение народы Индо-Америки должны теснее сомкнуться друг с другом.

В первый период войны положение слабых стран может оказаться очень трудным. Но империалистские лагеря будут ослабевать и выдыхаться с каждым месяцем. Их ожесточенная борьба друг с другом позволит колониальным и полуколониальным странам поднять голову. Это относится, разумеется, и к

индо-американским странам; они смогут добиться полного освобождения, если во главе народных масс будут стоять подлинно революционные, антиимпериалистские партии и профессиональные союзы. Из трагических исторических условий нельзя выбраться при помощи хитрости, звонких фраз и мелкой лжи. Нужно говорить массам правду, всю правду и только правду.

Фосса. Каковы на ваш взгляд задачи и методы профессиональных союзов?

Троцкий. Чтобы профессиональные союзы оказались способны сплотить, воспитать, мобилизовать пролетариат для освободительной борьбы, они должны быть очищены от тоталитарных методов сталинизма. Профессиональные союзы должны быть открыты для рабочих всех политических направлений при условии дисциплины в действии. Кто превращает профессиональные союзы в орудие посторонних целей (особенно в орудие сталинской бюрократии и "демократического" империализма), тот неизбежно раскалывает рабочий класс, ослабляет его и открывает двери реакции. Полная и честная демократия внутри союзов является важнейшим условием демократии в стране.

В заключение я прошу вас передать мой братский привет рабочим Аргентины. Не сомневаюсь, что они не верят ни на йоту тем отвратительным клеветам, которые сталинская агентура распространяет во всем мире против меня и моих друзей. Борьба, которую Четвертый Интернационал ведет против сталинской бюрократии, есть продолжение великой исторической борьбы угнетенных против угнетателей, эксплуатируемых против эксплуататоров. Международная революция освободит всех угнетенных, в том числе и рабочих СССР.

26 сентября 1938 г.

[Письмо Л.Эстрин]

29 сентября 1938 г.

Дорогой товарищ Л[ола],

Последним номером мы довольны тут. Хорошо, что вы включили воззвание польских б[ольшевиков]-л[енинцев]²¹². Жаль, что прекратилась информация со стороны. На странице 19-ой у вас сказано: "Перепечатка статей без поименного согласия редакции будет преследоваться по закону"²¹³. Что значит "поименного"? Это неприятный ляпсус.

Вам послано довольно много материалов. Сейчас посылается еще статья. Думаю, что документы совещания дадут вам много материалов²¹⁴. Нужно только позаботиться о безукоризненном переводе.

Большое спасибо за материалы к "Сталину". Итак, И[ремашвили] вспоминает, что Сталин в 1904 году был большевиком. Думаю, что он ошибается в хронологии: это самая обычная ошибка во всех мемуарах. В ноябрьской конференции большевиков 1904 года²¹⁵, как ясно вытекает из книги Берия²¹⁶ (третье издание у нас есть), Сталин не участвовал, в созданное конференцией бюро не вошел. В третьем съезде большевиков (апрель 1905 г.) не участвовал и проч. - все это было бы абсолютно невозможным, если бы он был в 1904 г.

сколько-нибудь видным большевиком на Кавказе, особенно в Тифлисе, где большевики числились единицами.

Во всяком случае, период, кончающийся 1906-ым годом, можно ликвидировать, я работаю теперь над периодом 1907-1917. По вопросу об участии Сталина во всяких экспроприациях и в боевых действиях нет решительно никакого материала. Возможно, впрочем, что его и вообще нельзя найти.

Надо подумать, как быть с "Бюллетенем" на случай войны. На сей раз грозу, видимо, пронесло. Но вне всякого сомнения, ненадолго. В случае войны придется перенести "Бюллетень" в Нью-Йорк. Советую обдумать этот вопрос и принять некоторые подготовительные меры, например, заранее переслать в Нью-Йорк список абонентов, агентов и проч., чтобы потом не оказаться застигнутыми врасплох.

[Л.Д.Троцкий]

[Запись для памяти]

Из рассказов приезжего иностранца, много лет прожившего в СССР и хорошо владеющего русским языком:

1. Урна бывшего главкома С.С.Каменева убрана из кремлевской стены - символический акт, разоблачающий причастность бывшего главкома к какому-то военному заговору. Военных заговоров вообще как будто бы было много. Рядом с домом, в котором жил рассказчик, помещалось общежитие для офицеров, новый дом. Теперь этот дом, в связи с арестами, почти совершенно опустел.

2. Количество погибших от голода и коллективизации крестьян определяется в 20 миллионов человек.

3. Говорят, что в Москве один арестованный на десять человек. Были произведены большие аресты среди рабочих. В кругах московских рабочих началось сильное движение протеста после второго процесса, начались разговоры, на "вечеринках", устраиваемых рабочими, только и говорили об этих процессах и выражали свое возмущение ими. После этого пошли большие аресты. По-настоящему волна внутривластной террора началась только после второго процесса.

4. Ягода будто бы был смещен за то, что отказался подготовить процесс правых. Это он организовал оправдание Бухарина и Рыкова после процесса Зиновьева-Каменева, представив соответствующие документы.

5. Считают, что Орджоникидзе отравлен и дело не обошлось без участия доктора Левина²¹⁷. Орджоникидзе был решительно против процесса против Пятакова и будто бы взял к себе детей Пятакова после его расстрела.

6. Смерть Горького "ускорена" по распоряжению Сталина. Горький был в последнее время оппозиционно настроен. Убраны все близко стоявшие к нему люди, они исчезли из всех редакций и т. д.

7. Рассказчик присутствовал на первых двух процессах. В отчет о первом процессе попало далеко не все.

а. Все подсудимые произвели на него очень тяжелое впечатление. Зиновьев

был без воротничка, нечесаный. Каменев был багрово-красный, но все же сохранял свой профессорский вид.

б. Когда подсудимых спросили, признают ли они себя виновными, то и Зиновьев и Каменев, прежде чем ответить на вопрос, спросили у председателя суда, - получено ли их заявление от такого-то числа. Лишь получив положительный ответ, и тот, и другой ответили - виновны.

в. Мрачковский рассказывал подробно о своем свидании со Сталиным. Сталин ни единым словом не упомянул о его прошлом, говорили с ним только о работе и планах работы, и у Мрачковского создалось впечатление, что прошлое совершенно забыто.

г. Иван Никитич [Смирнов] вел себя действительно очень мужественно. Он всем своим поведением ясно показывал, что пошел на какую-то сделку, но дальше - ни гугу. При рассказе о том, как он получил террористические директивы, создалось впечатление, что И.Н.[Смирнов] передает свое завещание - убейте собаку!

д. Когда Радек после произнесения речи вернулся на свое место, Дробнис встал и пожал ему руку (как в парламенте после удачной речи).

е. На втором процессе зашла речь о том, что Норкин имел связь с неким Давидсоном, оказавшимся шпионом. Норкин протестовал и сказал: это на меня бросает тень. На вопрос Вышинского, читал ли он обвинительный акт и не считает ли Норкин, что обвинительный акт на него бросает тень, Норкин ничего не ответил. Но Вышинский поспешил прибавить - впрочем, мы вас и не обвиняем в связи с Давидсоном. Рассказчик приводит это как пример того, что заранее все точно оговорено и все придерживаются "договора".

[Л.Д.Троцкий]

[Сентябрь 1938 г.]

[Записка М.Зборовского]

Неделю спустя после убийства Л[юдвиг] в Лозанне жена его вместе с Сн[ивлитом] приехала в Париж. Благодаря В[иктору] С[ержу] мне удалось ее повидать и присутствовать при разговоре В.С[ержа] с ней.

Общее впечатление

Жена Л[юдвиг] польского происхождения, производит впечатление очень энергичной женщины, человека, прекрасно осведомленного с работой Л[юдвиг] и с работой ГПУ вообще. В вечер, когда я ее видел, она была совершенно под влиянием удара, говорила довольно несистематически и все время возвращалась к одному: "Я хочу жить". Часто производила впечатление затравленного человека. С одной стороны, она уверена, что ее тоже убьют (зная, что она знала все то, что было известно Л[юдвигу]), с другой стороны, она считает, что, может быть, "они" думают, что она совершенно затерроризирована и будет молчать, и поэтому оставят ее в покое. В настоящий момент она совершенно не может рассуждать спокойно и самостоятельно и подчиняется во всем Сн[ивлиту],

который имеет на нее колоссальное влияние. Это единственный человек, который оказался около нее, когда она потеряла мужа, и оказал ей моральную помощь. Ее планы на будущее: поехать с Сн[ивлитом] в Гол[ландию], успокоиться немного, обеспечить воспитание своего мальчика (11 лет) и посвятить все свое время расшифровке и публикации (вместе с Сн[ивлитом]) документов и записок, оставленных Л[юдвигом], пополняя их своими сведениями.

Как был убит Л[юдвиг]

Порывая с ГПУ, Л[юдвиг] написал ряду своих товарищей, предлагая им сделать то же самое. Никто не ответил, кроме некоей Гертруды Шпильбах (урожд[енная] Нейгебауер), работницы ГПУ в Риме, с которой он работал в течение 20 лет и которую он сам завербовал, и одного работника ГПУ в Англии, который должен был приехать к Л[юдвигу] 7/9 для переговоров. По мнению жены Л[юдвиг], Г.Ш[ильбах] в самом деле искренно колебалась (доказательством этого является тот факт, что после расстрела Зин[овьева] и Кам[енева] во время разговоров с Л[юдвигом] она была очень потрясена, даже плакала). 3/4 Г.Ш[ильбах] приехала в Швейцарию на встречу, назначенную ей письменно Л[юдвигом]. При встрече присутствовала жена Л[юдвиг]. Г.Ш[ильбах] заявила Л[юдвигу], что она совершенно с ним согласна, что она порывает с ГПУ, только не знает, что делать в будущем. Л[юдвиг] ей ответил, что необходимо присоединиться к IV [Интернационалу], покончить с прошлым, а дальше видно будет. Г.Ш[ильбах] предложила Л[юдвигу] поужинать на следующий день вместе в одном из ресторанов Лозанны. Л[юдвиг] сказал ей шутя, что у него уже нет денег, на это Г.Ш[ильбах] ответила, что у нее еще остались кое-какие деньги и она его приглашает. Жена Л[юдвиг] уехала в Монтрэ, Л[юдвиг] должен был 4/9 встретиться еще раз с Г.Ш[ильбах], поужинать с ней и поехать в Реймс, а Г.Ш[ильбах] должна была в воскресенье приехать к жене Л[юдвиг]. Прощаясь с женой, Л[юдвиг] ей сказал, что Г[ертруда] производит на него очень странное, непонятное впечатление.

(Следующее известно жене Л[юдвиг] по сообщению полиции). Л[юдвиг] и Г[ертруда] поужинали вместе, затем вышли на улицу. Было уже поздно, прохожих не было. Они хотели взять автомобиль, но в это время подъехал другой автомобиль, из которого выскочил человек и матраком 218 ударил Л[юдвиг] по голове. Затем его втащили в этот автомобиль и там его убили. Как видно, он перед смертью защищался, так как в его руке нашли волосы Г.Ш[ильбах]. В автомобиле нашли пальто с пометкой мадридского магазина. Полиция думает, что в убийстве принимало участие 7 человек (2 женщины и 5 мужчин).

Г.Ш[ильбах] скрылась, но оставила свои вещи в гостинице. Среди них найдено несколько снимков Г[ертруды], которые жена Л[юдвиг] опознала. Снимки эти разосланы полиции разных стран. Установлено наблюдение в портах за советскими пароходами.

Полиция идентифицировала еще одного участника убийства - Кондратьева (белый эмигрант), который возбудил подозрение полиции тем, что он несколько часов вертелся на одном месте (на вокзале в день убийства), полиция

проверила его бумаги, но так как они оказались в порядке, его не задержали. (Жена Л[юдвиг] говорит, что для такого рода дел за границей ГПУ всегда берет б[ывших] белогвардейцев).

Что рассказывает жена Л[юдвиг]

Как я уже сказал, жена Л[юдвиг] говорит очень несистематически, нервно, сбивается, перескакивает с одного вопроса на другой, так как она еще не пришла в себя от постигнувшего ее удара. Постараюсь по пунктам изложить ее сообщения.

1) Дело Гр[игулевича] в Праге построено Ежовым. Она знает все подробности от человека, который участвовал в этом деле. Ст[алин] ежедневно спрашивает Еж[ова], как идет дело Гр[игулевича]. Л[юдвиг] оставил об этом подробные заметки.

2) Весь заграничный аппарат ГПУ перестраивается. Всех старых работников отзывают обратно и там арестовывают и расстреливают по подозрению в троцкизме. Арестованы или расстреляны: Уншлихт219, Сташевский220, Брун221, Вальтер222, Рудзут223 и др. На вопрос: в самом деле эти люди троцкисты? - она отвечает, что все вообще против Сталина, даже те, которые готовы всегда все подписать и восхвалять Сталина. В душе же все его ненавидят. Она лично знает нескольких человек из заграничного аппарата, которые отказались или откажутся вернуться. Некоторые, боясь за свою жизнь, некоторые из идеологических соображений. Убийство Л[юдвиг] должно было затерроризировать всех этих людей, для этого оно и было совершено.

3) Во время процесса Пятакова она находилась в Москве. Она знает ряд подробностей о том, как этот процесс был построен.

4) Дело чекиста Бруна.

Брун был с 1924 г. в душе троцкистом, но не говорил этого. ГПУ это было известно. Несколько месяцев перед процессом Зин[ovieва] его сняли с заграничной работы (причина: конкуренция между Ягодой и Ежовым) и поручили ему расследовать дела немецких колонистов, которых нужно было присоединить к процессу Зин[ovieва]. Он должен был получать "показания". Брун лично знал нескольких из этих людей, кроме того, не верил в этот процесс. Ясно, "показаний" у него не было. Бруна и его жену арестовали, обвиняя в недостатке бдительности, нерешительности.

5) К процессу Зин[ovieва] должны были присоединить чекиста поляка Макса Фридмана224. Потребовали от него "признания". Фридман отказался. Он был расстрелян без всякого суда.

6) Почему сознаются? Те, которые на это идут (меньшинство) считают, что все равно придется умереть. Не сознаться - расстреляют, сознаться - может быть, удастся выскочить. Некоторые из верности партии. Физических пыток в ГПУ нет. Только моральные.

7) Ей известна закулисная обработка последней книги Фейхтвангера225. В связи с Фейхтвангером в СССР поют частушку следующего содержания: Чего Сталин побаивается? Как бы этот еврей не оказался Жидом226.

Вообще жена Л[юдвига] рассказывает очень неохотно. Винават в этом Сн[ивлит], который считает себя посредником между ней и миром. Он забрал все документы, которые оставил Л[юдвиг], и хочет опубликовать их в своей гол. газете. Он ни за что не хотел согласиться на встречу жены Л[юдвига] с ЛЛ.[Седовым], обещал сам придти на свидание к ЛЛ.[Седову] в 3 часа на следующий день, а уехал в этот же день, в 8 ч. утра. В.С[ерж] считает, что он сделал нарочно, что назначая через меня свидание с Л.Л.[Седовым], он заранее знал, что не пойдет. Причина, по словам В.С[ержа], что Сн[ивлит] кровно обижен.

На все вопросы, которые я задавал, жена Л[юдвига] отвечала: "Все это я рассказала Сн[ивлиту] и расскажу ему, и через него вы можете все узнать".

8) Дело Чербинчича. (Ранен во время перестрелки на площади Денфер-Рошере в Париже; полиция не раскрыла причин перестрелки). Чербинчич, агент ГПУ, считался провокатором, и ГПУ решило его убить. Сначала предлагали это сделать жене Л[юдвига], но она как будто отказалась. Весной 1937 г. его пытались убить на площади Денфер-Рошере, но только ранили. После выхода из госпиталя Чербинчич исчез.

[М.Зборовский]

[Сентябрь 1938 г.]

Из рассказов В.227

1. О "борьбе с антисемитизмом". В трамвай входит гепеур ярко выраженного еврейского типа. Он намечает жертву - типичного русского интеллигента, которому он начинает наступать на ноги, теснить его и всячески приставать к нему, пока тот не выходит из себя и не говорит что-нибудь относительно его еврейского происхождения. Гепеур зовет милиционера и составляет протокол по обвинению в антисемитизме.

2. О допросе Мрачковского. Допрос этот вел лично Слуцкий²²⁸, так как все попытки других следователей его сломить ни к чему не привели. Слуцкий был пущен как тяжелая артиллерия. Допрос этот, продолжавшийся 90 часов, носил поистине драматический характер. Мрачковский сначала ругался, говорил: "Сволочи вы все, шкурники, бюрократы. Я революционер, родился в тюрьме и пр., а вы кто? И Сталин сволочь, и пр." Слуцкий ему доказывал, что он такой же революционер, как и Мрачковский, что он также сражался во время гражданской войны, что он старый партиец и выполняет волю партии. Мрачковский ему не верил, разорвал на себе рубаху и стал показывать ему свои рубцы от ран, полученных во время гражданской войны. Но и Слуцкий порвал на себе рубаху и показал рубцы от ран на животе. Слуцкий говорил ему: "Ты должен сознаться, партия этого от тебя требует, ты должен спасти партию". А Мрачковский долго не сдавался. Когда Слуцкий ему предложил покурить, он крикнул: "Сволочь, подкупаешь меня, как старые жандармы!" Слуцкий ему просто сказал: "Мы оба с тобой отсюда живые не выйдем, если ты не сдашься". Лишь после многих часов душевных бесед со Слуцким тот почувствовал, что у него

постепенно устанавливается контакт с Мрачковским. И в конце концов Мрачковский сказал: "Зови И.Н.Смирнова." Вызвали И.Н.[Смирнова]. Мрачковский упал к нему на шею, заплакал и сказал: "Иван Никитич, придется сознаться". Иван Никитич, рассердившись, крикнул: "Не в чем мне сознаться, ничего я не делал, сволочь Сталин и сознаться я ни в чем не буду". Все уговоры Мрачковского, что нужно спасти партию, не помогли. Иван Никитич не сдался и был уведен обратно. После этого Мрачковский опять впал в тяжелое состояние, и Слуцкому заново пришлось его обрабатывать, пока он его окончательно не сломил. Этот рассказ со слов Слуцкого также известен даме²²⁹, так что им можно спокойно оперировать.

3. В ГПУ вдруг появляется никому не известный человек. Он имеет кабинет, никто не знает, кто он, что он делает. Никто никогда не видит, чтоб он работал. Он ходит из угла в угол, заходит в разные комнаты, подслушивает все разговоры и решительно ничего не делает. Никто не спрашивает, кто он, но между собою говорят: очевидно, он по ночам расстреливает, а днем подслушивает. И это считается там в порядке вещей.

4. Ежов заставляет людей часами ждать в приемной, пока он их примет. А потом выясняется, что у него кто-то сидит, кому он рассказывает анекдоты.

5. Случай с Тимошкиным. (Это, правда, весьма незначительно, но чрезвычайно характерно, и Лева даже хотел об этом напечатать целую главу в книге В.[Кривицкого], так и назвав ее - "Тимошкин", так как считал случай весьма интересным и показательным). В ГПУ появился неизвестный человек, весьма скромного вида. Никто на него не обращал внимания. Он ничего не делал, только ходил из угла в угол. Однажды он подошел к Слуцкому и спросил, скоро ли он получит комнату. Слуцкий, полагая, что имеет дело с незначительным человеком, сказал: комнат нет. Тимошкин на это спокойно ответил: хорошо, я скажу Коле. Слуцкий сразу же забеспокоился и спросил у Ежова, нужно ли давать Тимошкину комнату. Ежов сказал: обязательно, это мой хороший приятель, и рассказал Слуцкому, при каких условиях он подружился с Тимошкиным. Было это во время гражданской войны. Ежов ехал в теплушке, где также находился и Тимошкин. Воздух в теплушке был совершенно невозможный: вонь стояла отчаянная. Никак не могли понять, в чем дело. Ежов приказал основательно обыскать всю теплушку, и под нарами, где спал Тимошкин, нашли пакет - источник этой вонючки. Тимошкину, оказывается, лень было ходить в уборную. Ежов рассвирепел, кинулся с револьвером на Тимошкина и хотел тут же пристрелить его. Его оттащили... и с тех пор пошла их дружба. Слуцкий после этого рассказа дал Тимошкину не только комнату, но и целую квартиру. А перед ним все стали заискивать. (Известно также и даме).

6. Об аресте Макса, племянника Уншл[ихта]. Макс был лучшим другом В.[Кривицкого] Также дружен он был и с неким Алексеем - вместе учились в университете, вместе работали в одном учреждении, вообще всегда были вместе. Комната Макса находилась рядом с комнатой В[альтера], и он всегда по возвращении с работы заходил к Максиму (в 2 или 3 часа ночи). Было это в мае 1937 г., когда В[альтер] в последний раз был в Москве. Возвращаясь как-то с

работы, В[альтер] ночью хотел опять зайти к Макс, но его что-то удержало, и он решил: поздно, лучше я зайду завтра. Оказывается, в ту же ночь у Макса был продолжительный обыск, и он был арестован. Рано утром, в 7 часов утра, жена Макса в ужасном виде явилась к В[альтеру]. Они тотчас же позвонили Алексею, сказав ему, что случилось. Алексей немедленно повесил трубку, ничего не ответив. В[альтер] решил, что это недоразумение, не может Алексей так реагировать, и еще раз позвонил ему попозже на службу. Алексей был очень сух, сказал, что об этом деле ни с кем не желает разговаривать и не советует В[альтеру] вмешиваться. Жену Макса в тот же день выбросили из комнаты. Она осталась совершенно без средств. Вещи все были задержаны. Она попыталась взять с собой небольшую лейку230 - аппарат, чтобы его заложить, но при выходе ее обыскали и этот аппарат у нее отобрали.

7. В здании ГПУ никогда нельзя открыть окна, ни в тюрьме, ни в комнате следователей, ни в архивах - нигде.

8. Передач больше не принимают. Арестованным можно передавать только 50 рублей в месяц. Слишком много арестованных, чтобы еще возиться с передачами. Этими передачами люди проверяют, жив ли еще арестованный. Политических отправляют в ссылку вместе с уголовными.

[Сентябрь 1938 г.]

Что означает борьба против троцкизма?

По поводу Ломбардо Толедано и других агентов ГПУ

Два вопроса

Меня спрашивают в порядке писем и бесед, чем объясняется та борьба, которая ведется в Советском Союзе между сталинцами и троцкистами и почему в других странах, в частности в Мексике, некоторые деятели рабочего движения отвлекаются от своей работы для того, чтобы вести кампанию клеветы против меня лично, несмотря на мое невмешательство во внутреннюю жизнь Мексики. Я очень благодарен за постановку этих вопросов, так как они дают мне повод ответить публично как можно яснее и точнее.

Не личные причины

Прежде всего надо ясно понять, что, когда ведется большая политическая борьба, в которую вовлечены десятки и сотни тысяч людей, то совершенно недопустимо объяснять такую борьбу какими-либо "личными" причинами. Существует немало поверхностных людей или интриганов, которые объявляют борьбу троцкистов и сталинцев мотивами личного честолюбия. Это явная бессмыслица. Личное честолюбие может руководить отдельным политиком. Между тем в СССР погибли и продолжают погибать тысячи и тысячи людей, которых называют "троцкистами". Неужели же они отдают свое благополучие, свою свободу, свою жизнь и нередко жизнь своих близких ради честолюбия одного лица, именно Троцкого? С другой стороны, также нелепо предполагать, что

политика сталинцев объясняется личным честолюбием Сталина. К тому же борьба давно вышла за пределы СССР. Чтобы правильно понять смысл борьбы, которая раздирает ныне рабочее движение всего мира, надо прежде всего отбросить болтовню о личных мотивах и постараться вникнуть в те исторические причины, которые породили эту борьбу.

Цель Октябрьской революции.

Всему миру известны хотя бы в общих чертах причины и задачи Октябрьской революции, которая произошла в России в 1917-м году. Это была первая победоносная революция угнетенных масс, руководимых пролетариатом. Целью революции было уничтожить эксплуатацию и классовое неравенство, создать новое, социалистическое общество на основе общественного владения всеми землями, шахтами, заводами во имя разумного и честного распределения продуктов труда между всеми членами общества. Когда мы совершали эту революцию, многие социал-демократы (реформисты, оппортунисты вроде Льюиса, Жуо, Ломбардо Толедано, Лаборде и пр.) говорили нам, что из этого ничего не выйдет, что Россия слишком отсталая страна, что коммунизм в ней невозможен и пр. Мы отвечали на это: разумеется, отдельно взятая Россия является слишком отсталой и малокультурной страной, чтобы можно было в ней одной построить коммунистическое общество; но, возражали мы, Россия не одна, на свете есть более передовые капиталистические страны, где техника и культура гораздо более высоки, где пролетариат гораздо более развит. Мы, русские, начнем социалистическую революцию, т. е. сделаем первый смелый шаг вперед, а немецкие, французские, английские рабочие вступят в революционную борьбу вскоре после нас, завоюют власть в своих странах и затем помогут нам своей техникой и своей более высокой культурой. Под руководством пролетариата более передовых стран и отсталые народы (Китай, Индия, Индо-Америка) вступят на новую социалистическую дорогу. Так постепенно мы придем к созданию социалистического общества на международной арене.

Наши надежды на скорую пролетарскую революцию в Европе, как известно, не оправдались. Почему? Не потому, что рабочие массы не хотели революции; наоборот, после великой бойни народов 1914-1918 годов пролетариат во всех европейских странах рвался в бой против империалистической буржуазии и вполне готов был захватить власть в свои руки. Кто же помешал этому? Руководители, вожди, консервативные рабочие бюрократы, господа типа Льюиса и Жуо, учителя Ломбардо Толедано.

Предательская роль социал-демократии

Для успешного ведения своей борьбы рабочий класс вынужден создавать свои организации: профессиональные союзы и политическую партию. Таким образом над эксплуатируемой массой поднимается целый слой рабочей бюрократии, секретарей профессиональных союзов, организаторов, депутатов, журналистов и пр. Они все возвышаются над рабочими, как по материальным условиям своей жизни, так и по политическому влиянию. Далек не все из них

сохраняют внутреннюю связь с рабочим классом и верность его интересам. Многие, слишком многие рабочие бюрократы начинают больше глядеть вверх, чем вниз; начинают сближаться с буржуазией; забывают о страданиях, бедствиях и надеждах трудящихся масс. В этом причина многих поражений рабочего класса. И раньше в истории бывало уже не раз, что вышедшие из народного движения партии и организации подвергались полному перерождению. Так было в свое время с христианской церковью, которая началась как движение рыбаков, плотников, угнетенных рабов, а привела к созданию могущественной, богатой и жестокой церковной иерархии. Так случилось на наших глазах и с партиями Второго Интернационала, с так называемой социал-демократией. Она постепенно оторвалась от действительных интересов пролетариата и срослась с буржуазией. Во время войны социал-демократия поддерживала во всех странах свой национальный империализм, т. е. интересы грабительского капитала, предавая интересы трудящихся и колониальных народов. Когда начались во время войны революционные движения, то социал-демократия, та самая партия, которая должна была руководить восстанием рабочих, на самом деле помогала буржуазии усмирить рабочее движение. Измена в собственном штабе парализовала пролетариат. Вот почему надежды на европейскую и мировую революцию после прошлой войны не оправдались. Буржуазия сохранила в своих руках богатства и власть.

Только в России, где существовала действительно революционная партия большевиков, пролетариат победил и создал рабочее государство. Но Советский Союз оказался изолирован. Рабочие более богатых и культурных стран не смогли прийти ему на помощь. Положение русского пролетариата, несмотря на победу, оказалось поэтому очень трудным.

Могущество советской бюрократии

Если бы техника в России была высока как в Германии или как в Соединенных Штатах, то социалистическое хозяйство с самого начала дало бы достаточно продуктов, чтобы обеспечить все нормальные потребности народа. В этом случае советская бюрократия не могла бы играть большой роли, ибо при высокой технике и уровень культуры масс был бы более высоким, и рабочие никогда не позволили бы бюрократии командовать ими. Но Россия была бедной, отсталой, некультурной страной, к тому же разоренной годами империалистической и гражданской войн. Вот почему национализация земли, фабрик и шахт, хотя и обнаружила свои огромные экономические выгоды, не могла дать скоро, не может дать и до сих пор еще необходимого количества продуктов, которые удовлетворяли бы жизненные потребности народа. А где продуктов мало, там возникает неизбежная борьба из-за этих продуктов. Во время борьбы в дело вмешивается бюрократия, судит, распоряжается, одним дает, у других отнимает. Конечно, при этом бюрократия не забывает и о себе. Надо помнить, что в СССР дело идет не только о партийной и профессиональной бюрократии, но и о государственной. В ее руках - распоряжение всеми национализированными имуществами, полицией, судами, армией и флотом.

Заведование хозяйством и распределение продуктов дало советской бюрократии возможность сосредоточить все могущество в своих руках, отбросив от власти трудящиеся массы. Так в стране Октябрьской революции поднялась над массами новая привилегированная каста, которая управляет страной теми же приблизительно методами, что и фашизм. О свободе народа, о свободе собраний, печати нет и речи. Рабочие и крестьянские советы не играют больше никакой роли. Вся власть в руках бюрократии. Командует глава этой бюрократии Сталин.

Буржуазный характер бюрократии.

О приближении к социалистическому равенству в СССР нет и речи. Верхний слой бюрократии в материальном отношении живет так, как крупная буржуазия в капиталистических странах. Средний слой живет примерно, как средняя буржуазия. Наконец, рабочие и крестьяне живут в условиях гораздо более тяжелых, чем условия рабочих и крестьян в передовых странах. Такова неприукрашенная правда.

Можно сказать: значит, Октябрьская революция была ошибкой? Такое мнение было бы, однако, в корне ложным. Революция не есть результат деятельности отдельного лица или отдельной партии. Революция вырастает из всего исторического развития, когда народные массы не в силах больше выносить старый гнет. Октябрьская революция дала все же огромные завоевания. Она национализировала средства производства и позволила при помощи планового хозяйства более быстро развивать производительные силы. Это огромный шаг вперед. Все человечество учится на этом опыте. Октябрьская революция дала огромный толчок сознанию народных масс, пробудила в них самостоятельность и дух инициативы. Если положение трудящихся тяжкое, то оно все же во многих отношениях лучше, чем было при царизме. Нет, Октябрьская революция не была "ошибкой". Но в изолированной России она не могла дать осуществления главной цели, т. е. братского социалистического общества. Эта задача остается еще целиком впереди.

Борьба рабочих против бюрократии.

Так как на спине пролетариата СССР поднялся новый паразитический слой, то борьба масс естественно направляется против бюрократии, как главного препятствия на пути к социализму. В свое оправдание бюрократия объявляет, что социализм уже "осуществлен" ею. На самом деле социальный вопрос разрешен только для бюрократии, ибо она живет весьма недурно. "Государство - это я, - рассуждает бюрократия, - раз мне хорошо, значит все в порядке". Не удивительно, если народные массы, которые не выходят из нужды, испытывают чувство вражды и ненависти к новой аристократии, которая пожирает значительную часть продуктов их труда.

Под видом защиты интересов социализма бюрократия защищает на самом деле свои собственные интересы и беспощадно душил и истребляет всякого, кто поднимает голос критики против угнетения и ужасающего неравенства в Советском Союзе. Бюрократия поддерживает Сталина потому, что он с наибольшей

твердостью, решительностью и беспощадностью защищает ее привилегированное положение. Кто этого не понял, тот не понял ничего.

Борьба бюрократии против "троцкистов"

Совершенно естественно, если рабочие, которые в течение 12-ти лет (1905-1917) совершили три революции, глубоко возмущены этим режимом и не раз пытались осадить бюрократию. Этих недовольных, критикующих, протестующих представителей рабочего класса называют в Советском Союзе "троцкистами", потому что их борьба соответствует той программе, которую я защищаю в печати. Если бы бюрократия боролась за интересы народа, то она могла бы перед лицом масс карать своих противников за их действительные, а не мнимые "преступления". Но так как бюрократия борется на самом деле за свои собственные интересы против народа и его верных друзей, то естественно, что она не может открыто говорить о причинах бесчисленных преследований, арестов и казней. Так называемым троцкистам бюрократия вменяет в вину чудовищные преступления, которых они никогда не совершали и не могли совершить. Чтобы расстрелять своего противника, защищающего кровные интересы рабочих, бюрократия объявляет его попросту "агентом фашизма". Никакого контроля над действиями бюрократии нет. Во время тайного следствия, которое ведется в духе святейшей инквизиции, у обвиняемых исторгаются признания в небывалых преступлениях. Таков характер тех московских процессов, которые потрясли весь мир. В результате этих процессов вышло так, будто вся старая большевистская гвардия, все то поколение, которое вместе с Лениным проделало великую борьбу для завоевания власти рабочим классом, состояло сплошь из шпионов и агентов буржуазии. Вслед за этим истреблены были лучшие представители следующего поколения, которые вынесли на своих плечах тяжесть гражданской войны (1918-1921 гг.).

Неужели же Октябрьскую революцию совершали агенты фашизма? Неужели же гражданской войной рабочих и крестьян руководили предатели? Нет, это грязная клевета на революцию и большевизм! Разгадка клеветы в том, что именно большевики с серьезным революционным прошлым первыми протестовали против новой бюрократической касты с ее чудовищными привилегиями. Смертельно испуганная оппозицией бюрократия вступила в беспощадную борьбу с представителями старой большевистской партии и в конце концов подвергла их почти поголовному истреблению. Такова неприукрашенная правда.

Иностранные агенты Сталина

Для того, чтобы поддержать свой авторитет за границей, чтобы выдать себя за представительницу трудящихся, за защитницу социализма, чтобы обманывать рабочих всего мира, московская бюрократия содержит во всех странах большое количество агентов. На это расходуются десятки миллионов долларов. Многие из этих секретных агентов являются деятелями рабочего движения, чиновниками профессиональных союзов или так называемых "коммунистических" партий, у которых на самом деле не осталось ничего

коммунистического. Обязанности наемных агентов Кремля состоят в том, чтобы обманывать трудящихся, изображать преступления советской бюрократии как "защиту социализма", клеветать на передовых русских рабочих, которые борются против бюрократии, чернить подлинных защитников трудящихся как агентов фашизма. "Да ведь это же гнусная роль!" - воскликнет каждый честный рабочий. Да, это гнусная роль, - подтвердим мы со своей стороны.

Ломбардо Толедано - агент ГПУ

Одним из наиболее усердных и беззастенчивых агентов московской бюрократии является секретарь СТМ (Мексиканской федерации труда) Ломбардо Толедано. Его недостойная деятельность разворачивается на глазах у всех. Он защищает Сталина, его насилия, его измены, его провокаторов и палачей. Немудрено, если Толедано является злым врагом троцкизма: такова должность этого господина! Полтора года тому назад начала свою работу Международная комиссия по расследованию московских процессов. Толедано в числе других сталинцев был приглашен в состав этой комиссии: "Предъявляйте ваши обвинения, давайте ваши доказательства!" Толедано, однако, уклонился под лживым и трусливым предлогом: комиссия, видите ли, "не беспристрастна". Но почему же "беспристрастный" Толедано не воспользовался случаем доказать публично "пристрастие" комиссии? Потому что у него не было и тени доказательств тех клевет, которые он повторяет по приказу Москвы. Международная комиссия, состоящая из неподкупных людей, известных всему миру, опубликовала отчет о своих работах в двух томах, заключающих свыше 1.000 страниц. Все документы изучены, десятки свидетелей допрошены. Каждая ложь и клевета рассмотрена под микроскопом. Комиссия признала единогласно, что все обвинения против меня и моего покойного сына Льва Седова представляют злонамеренный подлог, организованный Сталиным. Что ответили Сталин и его агенты? Ничего, ни единого слова. Несмотря на это, Толедано продолжает поддерживать и распространять подложные московские обвинения, дополняя их новыми и новыми клеветами собственного изобретения. "Да ведь это же бесстыдство!" - воскликнет каждый честный человек. Совершенно верно, это неслыханное бесстыдство!

Как ГПУ обмануло конгресс СТМ

В феврале этого года на конгрессе СТМ вынесена была резолюция против Троцкого и "троцкистов". Резолюция повторяет слово в слово фальшивые "обвинения" сталинского прокурора Вышинского, который до революции был адвокатом нефтяников на Кавказе и давно уже разоблачен как отъявленный негодяй. Каким образом могло случиться, что конгресс рабочей организации вынес такую недостойную резолюцию? Прямая ответственность за это ложится на Ломбардо Толедано, который действовал в данном случае не как секретарь профессиональных союзов, а как агент секретной полиции Сталина, ГПУ.

Незачем говорить, что я лично решительно ничего не имею против того, чтобы мексиканские рабочие организации составили себе мнение и вынесли свое

заключение о "троцкизме" как о политическом течении. Но для этого нужно открытое и честное обсуждение вопроса: таково элементарное требование рабочей демократии. Перед конгрессом надо было поставить вопрос о троцкизме на обсуждение всех профессиональных союзов. Надо было дать сторонникам "троцкизма" возможность высказаться перед рабочими. Раз на конгрессе собирались к тому же судить меня лично, то простая добросовестность требовала пригласить меня на конгресс для объяснений. На самом деле махинация, продиктованная из Москвы, была подготовлена не только за моей спиной, но и за спиной мексиканских рабочих. Никто заранее не знал, что на конгрессе будет поставлен вопрос о Троцком и троцкизме. В интересах Сталина Толедано конспирировал против мексиканских рабочих. Делегаты конгресса не имели никаких материалов. Их застigli врасплох при помощи военной хитрости. Постыдную резолюцию Толедано провел таким же путем, как Сталин, Гитлер или Геббельс проводят свои "всемирные" решения. Подобный образ действий выражает "тоталитарное" презрение к рабочему классу. В то же время Толедано требует, чтоб правительство Мексики зажало мне рот, т. е. лишило меня возможности защищаться от клеветы. Таков этот рыцарь "демократии" Ломбардо Львиное Сердце²³¹!

Обвинения собственной фабрикации Толедано

Дело не ограничивается, однако, повторением официальных фальсификаций московского прокурора Вышинского. Толедано пускает в ход и собственную фантазию. Вскоре после моего прибытия в Мексику он публично заявил, что я готовлю... всеобщую стачку против правительства генерала Карденаса. Бессмыслица этого "обвинения" ясна всякому разумному человеку. Но Толедано не остановился перед бессмыслицей: Москва требует усердия и покорности. Тот же Толедано заявлял в Мексике, в Нью-Йорке, в Париже, в Осло, что у меня во всей Мексике всего десять друзей, потом - пять, потом - только два друга. Если так, каким же образом мог я пытаться организовать всеобщую стачку и заговоры? С другой стороны: куда девались мои правые "друзья": фашисты, "золотые рубашки"²³² и пр.? Умственный уровень обвинений Толедано не отличается, как видим, от уровня тех судебных обвинений, которые обрушиваются в Москве на головы противников бюрократии. Но у Толедано нет собственного ГПУ, которое при помощи револьвера защищает от критики. Вот почему ему следовало бы быть осторожнее!

Клеветник Лаборде

Другой мексиканский агент ГПУ Лаборде, лидер так называемой "коммунистической" (кто поверит?) партии, заявил осенью прошлого года на торжественном митинге, в присутствии многочисленной публики и председателя республики, что я вступил в тайный союз (прошу внимания!) с генералом Седильо и Васконселосом²³³ - разумеется, в целях фашистского переворота. Компрометируя себя и бесчестя собственную партию, Лаборде решился бросить такое поистине идиотское обвинение только потому, что ему, как и Толедано,

приказано было сделать это из Москвы, где давно уже утратили всякую меру не только морали, но логики и психологии. Ученик не может быть выше учителя своего. Агент ГПУ неволен в своих действиях, он вынужден выполнять приказания хозяина. Иначе партия Лаборде будет немедленно лишена московской субсидии и рассыплется, как карточный домик.

Еще пример клеветы

Летом этого года я совершил поездку по Мексике с целью ближе познакомиться со страной, оказавшей мне и моей жене великодушное гостеприимство. В газете Толедано "Эль Популар" появилось сообщение, будто во время этой поездки я вступал в сношения с контрреволюционерами, в частности с доктором Атлем, сторонником фашизма. Я заявил в прессе, что не имею о докторе Атле никакого понятия. Мое категорическое опровержение несколько не помешало господину Толедано печатать заметки и карикатуры, изображающие меня в обществе доктора Атля. Что же это значит? Толедано - адвокат; он знает, что такое "клевета" и "ложный донос"; он знает, что ничто так не порочит человека, как сознательное клеветничество, продиктованное личными интересами. Как можно пасть так низко? Жертвовать собственной репутацией рабочего деятеля и порядочного человека? У самого Толедано, вероятно, кошки скребут на сердце. Но он встал на наклонную плоскость, скользит и не может остановиться. ГПУ не так легко выпускает свои жертвы из когтей...

Можно возразить, что я придаю слишком много значения личности Толедано. Но это будет неверно. Толедано не личность, а тип. Таких, как он, много: целая наемная армия, дрессированная Москвой! На примере Толедано я разоблачаю эту армию, которая сеет в общественном мнении микробы лжи и цинизма.

СТМ здесь ни при чем

Каждый раз, когда я вынужден опровергать очередную клевету Толедано и Лаборде, эти господа принимаются кричать, что я являюсь... врагом Мексиканской федерации труда. Поистине неоценимый аргумент! Свои махинации они совершают без ведома рабочих. А когда их ловят с поличным, они пытаются спрятаться за спину рабочих. Какие рыцари! Какие герои!.. И какие жалкие софисты! Как могу я, человек, который сорок два года сознательной жизни отдал рабочему движению, относиться враждебно к пролетарской организации, борющейся за улучшение судьбы трудящихся? Но Толедано не есть СТМ, и СТМ не есть Толедано. Хороший ли Толедано синдикальный чиновник или нет, об этом должны судить мексиканские рабочие. Но когда Толедано становится на защиту палачей ГПУ против лучших русских рабочих, тогда я выступаю открыто и говорю рабочим Мексики и всего мира: Толедано вероломно обманывает вас в интересах кремлевской клики. Не верьте ему!

Школа ГПУ

Методы Толедано те же, что и методы московских процессов. Суть этих методов состоит в том, чтобы подменять политические разногласия уголовными романами; выдумывать чудовищные комбинации, чтобы поражать воображение неопытных людей; лгать и клеветать; клеветать и лгать. В Москве мне приписывали тайное свидание с фашистским министром Гессом (которого я никогда в жизни не видел и с которым я не мог, разумеется, иметь никаких сношений); здесь, в Мексике, мне приписывают свидание с доктором Атлем, о котором я не имею ни малейшего понятия. Такова школа ГПУ. Но есть все же разница. Зажавши рот всем критикам, выставив подложных свидетелей, ГПУ имеет возможность исторгать у подсудимых ложные признания; в противном случае их расстреливают в застенке, без следствия и суда. В Мексике господин Толедано не имеет еще возможности применять такого рода расправу. Правда, он широко пользуется сфабрикованными в Москве фальсификациями, как например, насквозь ложный и постыдный фильм "Ленин в Октябре"²³⁴. Но этого одного недостаточно. Человечество не состоит из одних глупцов. Есть немало людей, которые умеют думать. Поэтому клевету Толедано можно разоблачить. И мы доведем это разоблачение до конца!

Предъявите доказательства, господа клеветники!

Я предлагаю расследовать публично утверждения Толедано насчет подготовки мною всеобщей стачки против правительства генерала Карденаса, насчет моей "связи" с Седильо и с Васконселесом, насчет моих тайных встреч с доктором Атлем и пр. и пр. Здесь мы имеем перед собою крайне благоприятный случай, когда установить правдивость или лживость конкретных утверждений не составит большого труда. Господин Толедано, который столь ревностно защищает московское правосудие, оказал бы Сталину огромную услугу, если бы доказал здесь, в Мексике, правоту своих собственных обвинений против меня. Я предлагаю создать беспристрастную комиссию для гласного расследования обвинений Толедано. Карты на стол! Предъявите ваши доказательства, господа клеветники!

Но не будем делать себе иллюзий: Толедано не примет вызова; он не посмеет его принять: он не может предстать перед беспристрастной комиссией, которая станет неизбежно орудием разоблачения ГПУ и его агентов. Доказательства? Какие доказательства могут быть у клеветника? У него есть злая воля и нечистая совесть. Больше у него нет ничего!

Ключ к московским процессам

Из сказанного выше каждый мыслящий человек сделает простой вывод: если в Мексике, где живы еще свобода печати и право убежища, агент Сталина позволяет себе бросать столь абсурдные и столь бесчестные обвинения, требуя при этом, чтобы обвиняемому зажали рот, то что же могут позволить себе другие агенты Сталина, работающие в СССР, где всякая критика, всякая оппозиция, всякое слово протеста задушены тисками тоталитарного режима? Помимо и против своей воли Толедано доставил общественному мнению ключ к московским процессам. Надо вообще сказать, что не в меру усердные друзья

опаснее врагов.

Идея сильнее клеветы

Оппортунистам и карьеристам всех цветов радуги не нравятся мои идеи. Я считал бы для себя худшим позором, если бы мои идеи нравились этой братии. Угнетенные не могут освободиться под руководством оппортунистов и карьеристов. Пусть же попробуют эти господа открыто атаковать мои идеи. Я принадлежу к Четвертому Интернационалу и не прячу своего знамени. Четвертый Интернационал - единственная международная партия, которая ведет действительную борьбу против империализма, фашизма, гнета, эксплуатации и войны. Только эта молодая растущая организация выражает действительные интересы мирового пролетариата. Именно поэтому она ведет непримиримую борьбу против развращенной бюрократии старых шовинистических Интернационалов: Второго и Третьего. Отсюда бешеная ненависть к "троцкизму" со стороны оппортунистов, авантюристов и самодовольных карьеристов. Где может, кремлевская клика убивает наших борцов (Эрвин Вольф, Лев Седов, Рудольф Клемент и другие). Где не может, она клеветает на них. Недостатка в деньгах и наемных агентах у нее нет. И тем не менее она обречена на позорное крушение. Революционные идеи, отвечающие потребностям исторического развития, снесут все преграды. Клеветники разобьют себе головы о несокрушимую правду.

Л.Троцкий

9 октября 1938 г.

Койоакан

Свободная трибуна

Проблема нового Интернационала

Банкротство Второго и Третьего Интернационалов как организаций международного пролетариата стоит для подлинных марксистов вне спора. Из орудия освобождения трудящихся и эксплуатируемых экс-коммунистический Интернационал вслед за социал-демократией стал орудием "демократического" империализма. Проблема нового Интернационала является ныне важнейшей проблемой международного пролетарского авангарда.

Мы печатаем в настоящем номере "Клаве" несколько документов, связанных с недавней мировой конференцией Четвертого Интернационала или относящихся к деятельности отдельных его секций. Мы надеемся, что эти документы вызовут живой обмен мнений в среде мексиканских марксистов, как и вообще в среде марксистов испанского языка. Новый Интернационал не может создаваться при помощи энциклик. Каждый его шаг вперед должен быть результатом научного исследования, свободной критики и коллективной работы мысли.

В No 1 "Клаве" мы поместили проект тезисов по вопросу о развитии Латинской Америки. Проект этот принадлежит тов. Диего Ривера (что по оплошности не было отмечено). Им же составлен печатаемый в этом номере

проект тезисов по вопросу об американских индейцах²³⁵. Присоединяясь в основном к этим тезисам, редакция настойчиво предлагает своим читателям и друзьям приступить к внимательному обсуждению обоих проектов.

"Клаве" издается не для развлечения и легкого чтения. Марксизм есть научная доктрина. Чтобы овладеть им, нужна серьезная и настойчивая работа мысли. Мы рекомендуем передовым рабочим читать статьи нашего журнала в кружках, причем менее подготовленные кружки должны были бы приглашать руководителей. Чтение каждой статьи должно сопровождаться обменом мнений. Те или другие выводы, критические замечания, вопросы, предложения необходимо в письменном или в устном виде доводить до сведения редакции. Мы обещаем заранее, что редакция отнесется ко всякому критическому голосу с величайшим вниманием.

"Клаве"

11 октября 1938 г.

Нашим друзьям и читателям!

Первый номер "Клаве" был встречен с несомненным сочувствием передовыми рабочими и революционными интеллигентами Мексики. Все революционеры - подлинные революционеры, а не фразеры, интриганы и карьеристы - изголодались по марксистскому печатному слову. События нашей эпохи грандиозны и сложны. Мексика и Латинская Америка в целом не могут вырваться из водоворота мировых событий. В Испании марксистская литература подавлена, притом не только на территории Франко, но и на территории Негрина-Сталина. Из всех стран испанского языка марксистское слово может ныне раздаваться с необходимой свободой почти только в одной Мексике. Это международное положение передает мексиканским марксистам руководящую роль не только в отношении Латинской Америки, но и в отношении самой Испании, включая и возрастающую испанскую эмиграцию во все страны Старого и Нового света. Кому много дано, с того много спросится. На мексиканских марксистов налагаются историей серьезные и ответственные обязательства.

Так называемая "коммунистическая" партия Мексики подверглась такому же разложению, что и все секции Коминтерна. Из партии пролетарского авангарда она окончательно стала партией консервативной мелкой буржуазии. Часть мелкой буржуазии, как известно, ждет спасения от римского папы. Другая, более авантюристская часть, ждет спасения от московского фюрера. Теоретическая ценность сталинизма немногим выше, чем теоретическая ценность католицизма. Недаром недавняя московская энциклопедия требует братания сталинцев с католиками. И недаром бездарный и невежественный орган сталинцев сменил имя "Мачете", напоминая о компрометирующем прошлом, на почетное имя "Голос Мексики"²³⁶, которое носил некогда орган католической реакции.

Литература, которую Ломбардо Толедано издает на средства СТМ, хотя и не в интересах СТМ, немногим выше католико-"коммунистических" проповедей Лаборде и К||. Марксизм есть научная доктрина и в то же время руководство к

действию. Чтобы правильно пользоваться этой доктриной, нужно добросовестное изучение фактов в их возникновении и развитии. В нашу эпоху особенно важно научное изучение мировых тенденций империализма, наиболее могущественного ныне исторического фактора, который определяет судьбу народов передовых, как и отсталых, и угрожает похоронить культуру человечества в бездне новой войны. Клика Ломбардо Толедано не знает азбуки марксизма и не испытывает ни малейшей потребности познакомиться с ней. Задача этих господ состоит в том, чтобы нахватанными там и сям формулами марксизма прикрыть перед рабочими наготу своих амбиций, appetitов и интриг. Литература такого типа компрометирует само имя марксизма и отравляет прогрессивное общественное мнение.

В этих условиях подлинная марксистская трибуна необходима и важна вдвойне. Нужно вернуть научному социализму его действительный облик. Первый номер нашего издания был воспринят всеми мыслящими революционерами, как глоток свежего воздуха в затхлой атмосфере лжемарксистских имитаций и фальсификаций. Сочувственный отклик друзей и читателей укрепляет наши силы и придает нам двойную уверенность для продолжения нашего дела.

*

Многие читатели жаловались, однако, на плохую технику нашего издания, на неудобный формат, слишком мелкий шрифт и проч. Мы признаем эти жалобы вполне справедливыми. Главная причина технических недочетов "Клаве" - скудость наших средств. Мы не получаем субсидий ни от римского, ни от московского папы, ни вообще от каких бы то ни было таинственных источников. В отличие от некоторых лжемарксистских изданий, мы можем дать нашим читателям отчет в каждом расходуемом нами сантиме²³⁷. К сожалению, этих сантимов мало. Они состояются из взносов ближайших участников журнала и его друзей. В твердой уверенности, что круг этих друзей будет непрерывно расширяться, мы обращаемся к ним с просьбой, нет, с требованием об идейном и материальном содействии. При этом условии нам удастся не только расширить и углубить содержание нашего издания, но и придать ему более совершенный технический вид.

Друзья "Клаве", слово за вами!

[Л.Д.Троцкий]

11 октября 1938 г.

О задачах синдикального движения в Латинской Америке

В сентябре в Мехико проходил съезд представителей рабочих синдикатов нескольких стран Латинской Америки, приведший к созданию так называемой "латиноамериканской федерации синдикатов"²³⁸. Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом заявить перед рабочими Латинской Америки и всего мира, что этот съезд, подготовленный за спиной масс, был односторонне подтасован во имя задач, не имеющих ничего общего с интересами латиноамериканского

пролетариата, наоборот, в корне враждебных этим интересам. Созданная на этом съезде "федерация" представляет собой не объединение организованного пролетариата нашего континента, а политическую фракцию, тесно связанную с московской олигархией.

В самой Мексике на этот съезд не были ни приглашены, ни допущены СЖТ239, Каса дель Пуэбло240, КРОМ241. Тов. Матео Фосса, прибывший из Буэнос-Айреса с мандатом от 24 независимых синдикатов, не был допущен на конгресс только потому, что он является противником сталинизма. В каждой латиноамериканской стране можно указать синдикальные организации, которые были заранее и преднамеренно устранены от подготовки конгресса, чтоб не нарушать его политической однородности, т. е. его покорности сталинизму.

Большинство делегатов синдикального конгресса принимали также участие в конгрессе против войны и фашизма, где имели возможность полностью раскрыть свою политическую физиономию. Все они голосовали за пустые резолюции о борьбе с фашизмом, но решительно отвергали, кроме представителей Пуэрто-Рико и Перу, борьбу с империализмом. Эта политика характеризует полностью московскую бюрократию, которая ввиду угрозы со стороны Гитлера ищет доверия и дружбы империалистических демократий: Франции, Великобритании и Соединенных Штатов. Рабочие массы Латинской Америки, видящие в фашизме своего смертельного врага, не могут, однако, ни на минуту отказываться от непримиримой революционной борьбы против империализма, хотя бы и прикрытого демократической маской. Вот почему пролетариату и народам Латинской Америки со сталинской бюрократией не по пути! Мы никогда не забудем и не простим того, что во имя дружбы с французской и английской буржуазией сталинская бюрократия задушила революционное движение испанских рабочих и крестьян.

"Демократический" империализм, который в Латинской Америке неизмеримо сильнее фашистского, пытается, и не без успеха, создать в наших странах путем подкупа, подачек, привилегий свою политическую агентуру, притом не только в среде буржуазии, буржуазной бюрократии и мелкобуржуазной интеллигенции, но и в верхнем слое рабочих. Такого рода развращенные элементы рабочей бюрократии или рабочей "аристократии" питают нередко по отношению к покровительствующему им империализму не пролетарские, не революционные, а рабские или лакейские чувства. Агенты кремлевской олигархии эксплуатируют эти чувства для того, чтоб помирить латиноамериканский пролетариат с "демократическими" рабовладельцами.

К этому надо прибавить, что в Мексике, где синдикаты находятся, к несчастью, в прямой зависимости от государства, синдикальная бюрократия пополняется нередко из рядов буржуазной интеллигенции, адвокатов, инженеров и проч., не имеющих ничего общего с рабочим классом и только стремящихся использовать синдикальные организации в интересах личного материального благополучия или полицейской карьеры. Стремясь прикрыть свою грубо эгоистическую политику от рабочих, эти буржуазные карьеристы выступают обычно как "антифашисты" и "друзья СССР", а по существу дела являются агентами англосаксонского империализма.

Чтобы держать профессиональные союзы в руках своей фракции, они свирепо топчут рабочую демократию и душат всякий голос критики, выступая как прямые гангстеры по отношению к тем организациям, которые борются за революционную независимость пролетариата от буржуазного государства и от иностранного империализма. Раскалывая таким образом профессиональное движение, внося чрезвычайное ожесточение в борьбу разных его тенденций, агенты Сталина ослабляют пролетариат, деморализуют его, подрывают демократию в стране и на деле расчищают дорогу фашизму. Мексиканский адвокат Ломбардо Толедано, избранный секретарем организованной им самим латиноамериканской федерации, является наиболее ответственным руководителем этой преступной политики.

Мы, нижеподписавшиеся, являемся горячими и убежденными сторонниками объединения латиноамериканского пролетариата, как и его теснейшей связи с пролетариатом Соединенных Штатов Северной Америки. Но эта задача, как видно из изложенного, остается еще полностью неразрешенной. Созданная в сентябре фракционная политическая организация является не помощью, а препятствием на пути к разрешению этой задачи.

Подлинное объединение латиноамериканского пролетариата может и будет достигнуто, по нашему глубокому убеждению, на нижеследующих основах:

1. Полная независимость профессионального движения от собственного буржуазного государства, как и от иностранного империализма, фашистского или "демократического";
2. Революционная программа классовой борьбы;
3. Очищение профессионального движения от мелкобуржуазных карьеристов, чуждых рабочему классу;
4. Объединение в каждой стране всех классовых профессиональных союзов на основах рабочей демократии, т. е. свободной и братской идейной борьбы внутри союзов при строгом подчинении меньшинства большинству и железной дисциплине в области действия;
5. Честная подготовка латиноамериканского конгресса профессиональных союзов при активном участии самих масс, т. е. при свободном и серьезном обсуждении задач латиноамериканского пролетариата и методов его борьбы.

Наш пролетариат должен выступить на историческую арену, чтобы взять в свои руки судьбу Латинской Америки и обеспечить ее будущее. Объединенный пролетариат привлечет на свою сторону десятки миллионов индоамериканских крестьян, уничтожит разделяющие нас враждебные границы и объединит две дюжины республик и колониальных владений под знаменем Рабочих и Крестьянских Соединенных Штатов Латинской Америки.

Мы ставим эту программу на обсуждение всех рабочих организаций нашего континента. Слово за вами, революционные рабочие Латинской Америки.

[Л.Д.Троцкий]

11 октября 1938 г.

Леон Жуо и Ломбардо Толедано

Несравненный Леон Жуо на пацифистском конгрессе в Мехико кричал: "Мы собрались для борьбы с фашизмом, а не с империализмом". Это значило: надо помешать Гитлеру захватить французские колонии, но нельзя мешать французским рабовладельцам "мирно" грабить своих колониальных рабов. После капитуляции Франции и Англии перед Гитлером²⁴² Жуо нашел новое, свежее и верное средство спасения: созвать международную конференцию... разоружения. "Не исключая и Гитлера", - прибавляет этот несравненный анархо-империалист. К сожалению, Жуо очень похож на хитрого зайца, который рекомендует волку отправиться вместе с ним к дантисту для удаления клыков. Таким постыдным финалом заканчивается многолетняя пацифистская кампания Москвы! Во сколько десятков миллионов долларов обошлись русским рабочим все эти банкеты, конгрессы, парады, путешествия Леонов Жуо и пасторские послания Ромэна Роллана?

Толедано в "Футуро"²⁴³ начал вежливо и осторожно отмежевываться от Жуо, - после того, как мексиканские сторонники Четвертого Интернационала опубликовали неожиданно для Толедано отзывы Ленина о Жуо (неожиданно - ибо Толедано не имеет никакого понятия ни о Ленине, ни о Марксе). Может быть, однако, Толедано соблаговолит ясно и точно ответить рабочим: в чем именно и с кем он сходится? В чем и с кем расходится? Одобряет ли политику Сталина? Какова вообще его программа?

Ручаемся заранее: Толедано не ответит ни на один из этих вопросов. Почему? Ему нечего ответить. Он гол, как король Андерсена²⁴⁴.

[Л.Д.Троцкий]

22 октября 1938 г.

"Трагедия китайской революции"

В прошлом месяце вышла на английском языке книга Айзекса (502 стр.) под этим заглавием²⁴⁵. Книга, дающая историю китайской революции, представляет исключительное явление современной марксистской литературы. Автор прекрасно знаком с вопросом. Он провел несколько лет в Китае в качестве активного и серьезного наблюдателя и отчасти участника событий. Международная литература, которая легла в основу его труда, поистине огромна. Автор свободно владеет методом исторического материализма и пишет ясным, точным и убедительным языком. Книга должна стать настольной для всех, кто действительно интересуется судьбой Китая и судьбой его революции. Цель настоящей заметки - обратить на книгу тов. Айзекса внимание всех товарищей. Остается выразить надежду, что книга появится вскоре на других языках. Прежде всего необходим ее перевод на китайский язык.

Л.Троцкий

23 октября 1938 г.

Койоакан.

"Новая эра мира?"²⁴⁶

Чемберлен провозгласил эту формулу: мюнхенское соглашение²⁴⁷ открыло "новую эру мира". Никогда еще, пожалуй, политика не была так эмпирична, слепа, не жила в такой степени сегодняшним днем, не спешила так удовлетворяться эфемерными результатами, как ныне. Объяснение состоит в том, что руководители мировых судеб, особенно европейских, боятся заглянуть в завтрашний день. Каждая успокоительная формула, как бы пуста она ни была, находит благодарный спрос. "Новая эра мира"? Выходит, будто все трения и конвульсии европейской политики определялись существованием лоскутной Чехословакии или отсутствием дружеских бесед между правителями Германии и Англии. Воистину, можно прийти в ужас от доверчивости и терпеливости общественного мнения, которому с самых авторитетных трибун преподносятся такого рода слащавые банальности!

Напомним азбуку. Сущность современного мирового кризиса определяется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, классический капитализм свободной торговли превратился в монополистский капитализм и давно перерос границы национальных государств. Отсюда - погоня за иностранными рынками для товаров и капиталов, борьба за источники сырья и, как увенчание всего этого - колониальная политика. Второй исторический фактор состоит в неравномерности экономического, политического и военного развития различных стран. Старые метрополии капитала, как Англия и Франция, остановились в своем развитии. Выскочки, как Германия, Соединенные Штаты, Япония, далеко продвинулись вперед. Вследствие радикального и лихорадочного изменения в соотношении сил приходится все чаще пересматривать карту мира. Мюнхенское соглашение ничего не изменило в этих основных условиях.

Прошлая война началась со стороны Германии под лозунгом: "Говорят, что мир уже поделен? В таком случае надо переделить его". Двадцать лет, прошедших после войны, с новой силой обнаружили несоответствие удельного веса главных европейских государств и их доли в мировой добыче на основе Версальского договора. Наивное общественное мнение было поражено слабостью, какую обнаружили европейские демократы во время последнего кризиса; международный престиж фашизма несомненно вырос. Дело, однако, вовсе не в "демократии" как таковой, а в экономическом удельном весе Англии и особенно Франции в мировом хозяйстве. Нынешний экономический фундамент этих двух "демократий" совершенно не соответствует объему и богатству их колониальных империй. С другой стороны, динамика германского хозяйства, временно парализованная Версальским миром, восстановилась и снова начинает расшатывать и опрокидывать пограничные столбы. Мы не говорим особо об Италии, ибо судьбы войны и мира не в ее руках. До прихода Гитлера к власти Муссолини был тише воды ниже травы. В борьбе за мировое господство он и впредь обречен на роль сателлита.

Англия и Франция боятся каждого мирового сотрясения, ибо завоевать они не могут ничего, а потерять могут все. Отсюда их паническая уступчивость. Но частичные уступки обеспечивают лишь короткие передышки, не устраняя и не ослабляя основной источник конфликтов. В результате мюнхенского соглашения

европейская база под Германией расширилась, под ее противниками сузилась. Если брать всерьез слова Чемберлена, то получается, что ослабление демократий и усиление фашистских государств... открывает "эру мира". Глава консервативного правительства явно не хотел этого сказать. Впрочем, что именно он хотел сказать, не вполне ясно, по-видимому, и ему самому.

Про новую "эру мира" можно было бы говорить с некоторым правом, если бы потребности германского капитализма в сырье и рынках сбыта были удовлетворены присоединением "братьев по крови" или возросшим влиянием Германии в Центре и на Юго-Востоке Европы. На самом деле присоединение Саарской области, Австрии²⁴⁸ и Судетов только разжигает наступательные тенденции немецкого хозяйства. Искать разрешения его внутренних противоречий германский империализм вынужден на мировой арене. Не случайно поэтому генерал фон Эпп²⁴⁹, будущий министр будущих колоний, немедленно после наступления "эры мира" возвестил по поручению Гитлера требование возвращения Германии ее прежних колониальных владений. Чемберлен собирает, как утверждают некоторые голоса, сделать "символический" жест, именно, возратить Германии не все, - о, конечно, нет! - а некоторые из ее бывших владений и удовлетворить честолюбие Гитлера, возведя Германию снова в разряд колониальных держав.

Все это звучит ребячеством, если не издевательством. Германия владела незначительными колониями до мировой войны; но ей стало так тесно в старых пределах, что она стремилась через войну вырваться на настоящую арену мировой эксплуатации. Возвращение ей ее старых заморских владений на разрешит поэтому ни одной из задач германского капитализма. Колониальные клочки Гогенцоллерна нужны Гитлеру только как опорные пункты в борьбе за "настоящие" колонии, т. е. за передел мира. Но этот передел не может быть произведен иначе, как путем ликвидации британской и французской империй.

Колониальные державы второго и третьего порядка будут ликвидированы попутно. Истребительный закон концентрации распространяется в такой же мере на мелкие рабовладельческие государства, как и на мелких капиталистов внутри государств. Весьма вероятно поэтому, что следующая попытка соглашения четырех держав будет произведена за счет колоний Голландии, Бельгии, Испании, Португалии. Но это означало бы опять лишь короткую передышку.

Что дальше? Темп, в котором Германия предъявляет свои требования, никак нельзя назвать медленным и терпеливым. Если бы даже Англия и Франция решились на самоликвидацию в рассрочку, это лишь придало бы германскому наступлению новую силу. К тому же Соединенные Штаты не могли бы остаться спокойным наблюдателем столь явного нарушения мирового "равновесия". Перспектива оказаться лицом к лицу с Германией, владычицей мировых колоний и великих путей, ни в каком случае не может улыбаться североамериканскому колоссу. Вот почему он будет со все большей силой подталкивать Англию и Францию не к уступчивости, а к сопротивлению. А тем временем токийский принц Коноэ²⁵⁰ возвещает необходимость "пересмотра всех договоров в интересах справедливости", т. е. в интересах Японии. Тихий океан никак не обещает быть

в ближайшие десять лет купелью мира.

В добрые старые времена только Англия мыслила континентами. Но она мыслила медленно, в столетиях. В нынешнюю эпоху все империалистические государства научились мыслить материками. Но время измеряется уже не столетиями, а десятилетиями и даже годами. В этом состоит подлинный характер нашей эпохи, которая и после мюнхенского свидания остается эпохой разнузданного и неистовствующего империализма. Пока народы не смиряют его, он будет все чаще перекраивать нашу окровавленную планету.

Состояние германского хозяйства требует от Гитлера как можно скорее реализовать свою военную силу. Армия, наоборот, требует оттяжки, ибо она не готова к войне: это - новая армия, где не все еще слажено, не все пригнано в надлежащей пропорции. Но противоречие между этими двумя требованиями измеряется не десятилетиями, а одним-двумя годами, может быть, даже месяцами. Демонстративная мобилизация, которую Гитлер произвел во время чехословацкого кризиса, имела целью пробу нервов правящих классов Англии и Франции. Эта проба удалась, с точки зрения Гитлера, на славу. Его сдерживающие центры, не слишком прочные и раньше, окончательно ослаблены. Ослаблено сопротивление германского генералитета и руководителей германского хозяйства. Сделан решительный шаг в сторону войны.

Второй раз Гитлер не сможет повторить свой блеф. Но он использует, несомненно, эффект столь удачного эксперимента в противоположном направлении. Во время нового кризиса он попытается создать вокруг мобилизации иллюзию простой угрозы, видимость нового блефа, чтобы на самом деле обрушиться на противников соединенной силой своих армий. Тем временем господа дипломаты снова разогревают идею... ограничения вооружений. За дипломатами тянутся пацифисты (по основной профессии - социал-империалисты) типа Жуо и К||, требуя полного разоружения. Недаром русский поэт сказал: "Тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман"²⁵¹. Впрочем, эти господа обманывают не столько себя, сколько народ.

Войну 1914-1918 гг. государственные люди называли, в утешение народам, "последней войной". С того времени это выражение получило иронический характер. Можно не сомневаться, что через короткий срок той же горькой иронией будет окрашено и выражение Чемберлена "новая эра мира". Будем смотреть на будущее открытыми глазами. Европа идет к войне, а с ней вместе - все человечество.

Л.Троцкий

4 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

8 ноября 1938 г.

Дорогие друзья!

Получил биографию Сталина, написанную "татариним Имамом"²⁵². Думаю, что

сей татарин есть Беседовский (может быть, в союзе с Кривицким или Бардиным). Большое спасибо за книгу. Получил сегодня вырезки и письмо No 33 А.

Что касается процесса жены генерала Миллера²⁵³, то, разумеется, наши друзья не могут и не должны ни прямо, ни косвенно участвовать в этом деле. Отдельных лиц могут, разумеется, вызвать официально, в качестве свидетелей. В этом случае, насколько я понимаю, законы не позволяют уклониться от дачи показаний. Но схема показаний должна быть точно разработана заранее. Необходимо прежде всего заявить, что внутренних счетов между белыми и ГПУ мы не знаем, что из среды белых вербуются агенты-убийцы, и где кончается провокация, где начинается "белая оппозиция", нам невозможно судить. Что же касается конкретных показаний по поводу убийств наших людей, то думаю, следует вообще отказаться от ответа на эти вопросы со ссылкой на то, что расследование по данным делам еще не закончено и что наши сведения составляют в этом смысле тайну судебного следствия. Думаю, что такой образ действия вполне возможен, ибо согласен с фактами и с законами. Нужно, разумеется, хорошо обсудить вопрос с адвокатами. Что же касается подготовительных действий к суду, то категорически отказаться вступать в какие бы то ни было соглашения с белыми, сделать это, если возможно, в письменной форме. Таково мое твердое мнение.

Крепко жму руку
[Л.Д.Троцкий]

Программа борьбы или программа приспособления?

По поводу письма Айиа де ла Торре²⁵⁴

В аргентинском журнале "Кларидад"²⁵⁵ за август 1938 года напечатано программное письмо Айиа де ла Торре по поводу положения в Перу. Мы не склонны прилагать к этому документу социалистический или марксистский критерий. Айиа де ла Торре выступает в письме как демократ, только как демократ, и мы обязаны поэтому подойти к письму прежде всего под демократическим углом зрения. Хороший демократ лучше плохого социалиста. К сожалению, именно под этим углом зрения письмо Айиа де ла Торре производит совершенно неопределенное впечатление.

Те внешние опасности, которые грозят латиноамериканским странам, Айиа де ла Торре ограничивает, видимо, исключительно Италией, Германией и Японией. Он имеет в виду не империализм вообще, а только одну его разновидность: фашизм. Он прямо заявляет: "Конечно, все мы думаем, что в случае нападения мы имеем Соединенные Штаты, опекунов нашей свободы, для того, чтобы защищать нас". Что это: ирония? Нет, не ирония. Говоря о возможностях вторжения фашистских "агрессоров" на Латиноамериканский континент, автор поясняет: "Пока Соединенные Штаты остаются бдительны и сильны, эти опасности не являются близкими, но остаются все же опасностями". Яснее сказать нельзя! Вождь АПРА ищет сильного покровителя.

Для Айтиа де ла Торре Соединенные Штаты существуют только в качестве "опекуна свободы". Мы же видим в них наиболее близкую и в историческом смысле наиболее грозную империалистическую опасность. Мы не хотим этим сказать, что правительства стран Латинской Америки не имеют права пользоваться в интересах самосохранения антагонизмами разных империалистических стран и группировок. Но одно дело - тактическое использование подобных антагонизмов от случая к случаю, в зависимости от конкретных обстоятельств; другое дело - стратегический расчет на Соединенные Штаты, как на постоянного защитника. Эту оппортунистическую позицию мы считаем не только неправильной, но и глубоко опасной, так как она создает ложную перспективу и препятствует главной задаче: революционному воспитанию народа.

В каком смысле Соединенные Штаты могут быть названы "опекунами" свободы эксплуатируемых ими народов? Только в том смысле, что Вашингтон готов "защищать" страны Латинской Америки от европейского (или японского) господства; но каждый акт подобной "защиты" будет означать полное закабаление "защищенной" страны Соединенными Штатами. Пример Бразилии показывает, что для высоких "опекунов" дело вовсе не идет о "свободе". После государственного переворота в Бразилии²⁵⁶ отношения между Вашингтоном и Рио де Жанейро не ухудшились, а, наоборот, стали теснее. Причина та, что Вашингтон видит в диктатуре Варгаса более покорное и надежное орудие интересов американского капитала, чем революционной демократии. Такова по существу позиция Белого Дома по отношению ко всему южному континенту.

Может быть, Айтиа де ла Торре исходит просто из той мысли, что империалистическое господство Соединенных Штатов есть "меньшее зло"? Но тогда так и надо говорить: демократическая политика требует ясности. Однако как долго это зло будет оставаться меньшим? Игнорировать этот вопрос значит вести слишком азартную игру. Соединенные Штаты стоят под действием тех же исторических законов, что и европейские метрополии капитализма. "Демократия" Соединенных Штатов является в настоящее время только формой их капитализма. Ввиду ужасающего загнивания североамериканского капитализма демократия не помешает "опекунам свободы" развернуть в ближайшем будущем крайне агрессивную политику, направленную прежде всего против стран Латинской Америки. Это надо сказать ясно, отчетливо, твердо и именно эту перспективу положить в основу революционной программы.

Некоторые из вождей АППРА заявляют, как это ни невероятно, что союз АППРА и вообще латиноамериканских национально-революционных партий с революционным пролетариатом Соединенных Штатов и других империалистических стран не имеет "практического" значения, так как рабочие этих стран не "интересуются" будто бы положением колониальных и полуколониальных народов. Эту точку зрения мы считаем в полном смысле слова самоубийственной. Колониальным народам не быть свободными до тех пор, пока жив империализм. А опрокинуть империалистическую буржуазию угнетенные народы могут только в союзе с международным пролетариатом. Нельзя не видеть, что позиция наиболее оппортунистических

вождей АПРА в этом основном вопросе подтверждается письмом Айиа де ла Торре. Кто считает американскую империалистическую буржуазию "опекуншей" свободы колониальных народов, тот не может, разумеется, искать союза с североамериканскими рабочими. Недоверчивая оценка международного пролетариата в колониальном вопросе неизбежно вытекает из стремления не раздражать "демократическую" империалистическую буржуазию, особенно буржуазию Соединенных Штатов. Кто рассчитывает найти союзника в Рузвельте, тот не может, разумеется, стать союзником международного пролетарского авангарда. Здесь - основной водораздел между политикой революционной борьбы и политикой беспринципного приспособления.

Айиа де ла Торре настаивает на необходимости объединения стран Латинской Америки и заканчивает свое письмо формулой: "Мы, представители объединенных провинций Южной Америки". Сама по себе идея безусловно правильна. Борьба за Соединенные Штаты Латинской Америки неотделима от борьбы за национальную независимость каждой из латиноамериканских стран. Однако надо ясно и точно ответить на вопрос, какими путями можно достигнуть такого объединения. Из крайне расплывчатых формулировок Айиа де ла Торре можно сделать вывод, что он надеется убедить нынешние правительства Латинской Америки добровольно объединиться... не под "опекой" ли Соединенных Штатов? На самом деле, достигнуть этой великой цели можно только революционным движением народных масс против империализма, в том числе и "демократического", и против его внутренних агентов. Это трудный путь. Но другого пути нет.

Отметим еще, что в письме, имеющем программный характер, нет ни слова о Советском Союзе. Видит ли Айиа де ла Торре в СССР защитника колониальных и полуколониальных стран, их друга и союзника, или же вместе с нами считает, что при нынешнем своем режиме Советский Союз представляет величайшую опасность для слабых, отсталых и полузависимых народов? Умолчание Айиа де ла Торре вызывается опять-таки явно оппортунистическими соображениями. Он хочет, видимо, держать СССР в "резерве", на случай, если не помогут Соединенные Штаты. Но кто стремится приобрести слишком много друзей, тот теряет обычно и тех немногих, которых имеет.

Таковы те мысли, которые вызываются письмом вождя АПРА, даже если ограничиться только демократическим критерием. Ошибочны ли наши выводы? Мы охотно выслушаем возражения представителей АПРА. Мы хотели бы только, чтоб эти возражения были более точны и конкретны, менее уклончивы и дипломатичны, чем письмо Айиа де ла Торре.

Диего Ривера²⁵⁷

9 ноября 1938 г.

По поручению ГПУ

В течение тех двадцати месяцев, что я пользуюсь гостеприимством этой страны, г. Толедано и его сообщники и помощники сделали на мой счет публично

целый ряд фантастических утверждений:

что я сотрудничаю с фашистами в этой стране и в других странах;

что я готовил всеобщую стачку для низвержения правительства генерала Карденаса;

что я был связан с заговором Седильо;

что я вступил в тайные сношения с доктором Атлем;

что я руковожу и движением оппозиционных учителей;

что я внушил статьи генерала Абелардо Родригеса²⁵⁸ в целях собирательной кампании и пр. и пр. и пр.

После первого же утверждения такого рода я ходатайствовал письменно перед правительством о назначении официального расследования. Правительство не нашло, однако, никаких оснований для расследования.

Я несколько раз в печати называл заявления г. Толедано и его сообщников (Лаборде и пр.) сознательной клеветой и ложным доносом. Цель этой кампании клеветы - лишить меня права убежища и дать возможность ГПУ захватить меня в свои руки.

В последний раз я еще публично предложил г. Толедано представить доказательства своих утверждений беспристрастной комиссии, которая могла бы быть назначена правительством Мексики или, например, Амстердамским центром международной организации профессиональных союзов. Вместо того, чтобы ясно и точно ответить на мой вызов, г. Толедано на митинге 8 ноября разразился потоком грубых ругательств и прибавил к старым клеветам несколько новых.

Я не вхожу здесь в политическую полемику с г. Толедано. Скажу лишь кратко: если считать людей типа Керенского-Толедано и К|| "революционерами", то я, конечно, "контрреволюционер" и горжусь этим. Но вопрос совсем не в этом. Вопрос в том, готовил ли я стачку против правительства генерала Карденаса; вступал ли я в заговор с фашистами; имел ли связь с Седильо; встречался ли тайно с доктором Атлем и пр. и пр. Да или нет? Если я все это действительно делал, то я не имею права на гостеприимство этой страны. Если же ничего этого не было, то Толедано - злостный клеветник, который по поручению ГПУ систематически обманывал общественное мнение Мексики.

Так и только так стоит вопрос. Публичные ругательства свидетельствуют только об отсутствии собственного достоинства. Доказательств они заменить не могут.

Я еще раз говорю рабочим, крестьянам и всем гражданам этой великодушной страны: то, что Толедано вам рассказывает обо мне, есть сознательная ложь.

Не верьте ему!

Л.Троцкий

9 ноября 1938 г.

Койоакан

Минус на минус дает плюс

В своей речи в Беяс Артес²⁵⁹ 8 ноября Толедано заявил: (точная

цитата)260. Надо думать, что отчет о речи в "Эль Популяр" редактирован самим оратором с необходимой тщательностью. По категоричности своей приведенное заявление не оставляет желать ничего лучшего: "Если я не сумасшедший..." Попробуем, однако, проверить господина Толедано. В газете "Универсаль" от такого-то числа в отчетах о речи Толедано на публичном митинге говорится: (точная цитата). В четырех газетах мы встречаем ту же самую фразу. Ясно, что отчет имеет если не официальный, то официозный характер. Ни отчет в целом, ни интересующая нас фраза, в частности, никогда не были отвергнуты г. Толедано. В (таких-то) газетах напечатано было мною 26 июня 1937 г. опровержение, в котором говорится: (точная цитата). И после этого Толедано не выступил с опровержением. Понадобилось полтора года, прежде чем г. Толедано в своей новой речи счел нужным заявить, что он "не сумасшедший" и что подобных утверждений он не делал. Он неправ и на этот раз. Факты и тексты говорят другое. Опровержения г. Толедано, как видим, отличаются той же точностью, что и его утверждения. Но минус на минус дает плюс.

Толедано не желает расследования своих обвинений посредством беспристрастной комиссии. Взамен этого он сам начал опровергать себя. Я лично не имею возражений против этого метода и охотно принимаю к сведению, что обвинять меня в стремлении вызвать всеобщую стачку против правительства генерала Карденаса могут только сумасшедшие. Прибавлю лишь, что и другие выдвинутые против меня обвинения имеют ту же ценность.

[Л.Д.Троцкий]

10 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо А.Голдману]

Адвокату Альберту Гольдману

Чикаго

Дорогой друг!

Я хочу обратиться к вам за помощью в той сложной интриге, которую плетет вокруг меня сталинская агентура. Вы знаете, что нью-йоркская газета "Daily News"261 печатает уже, кажется, в третий раз, передовые статьи с упоминанием о том, будто политика экспроприаций правительства генерала Карденаса является... продуктом моих советов. Незачем объяснять абсурдность этого утверждения. Но на тот случай, если бы дело дошло до процесса, сообщаю вам: я не имел ни одного свидания с генералом Карденасом, не вел никаких бесед [ни] с ним, ни с членами его правительства ни прямо, ни через посредников, и моя переписка с властями ограничивалась формальными вопросами, связанными с моим пребыванием в Мексике. Авторы инсинуаций в Daily News и других изданиях прекрасно знают самостоятельность и решительность характера генерала Карденаса, который не нуждается в моих "советах", чтобы проводить свою собственную политику. Незачем, с другой стороны, говорить, что та программа, которую я отстаиваю, чрезвычайно далека

от программы мексиканского правительства. Всякий грамотный человек это знает. Ни один честный человек не станет это оспаривать. Но мы имеем дело с людьми, хотя и грамотными, но заведомо бесчестными.

Первоначальная моя мысль была та, что интрига ведется со стороны обиженных собственников, ищущих путей так или иначе "скомпрометировать" мексиканское правительство. Я думаю и сейчас, что эта нить в интриге есть. Но другая нить, главная, ведет к сталинцам. Эти господа ведут свою игру одновременно по двум направлениям. Здешние агенты ГПУ начали с того, что обвинили меня в публичных речах и статьях (Толедано, Лаборде) в том, что я готовлю восстание против генерала Карденаса в союзе с фашистскими генералами и пр. Бессмыслица этих выдумок была, однако, слишком ясна для всех, и интрига по этой линии очень скоро себя исчерпала. (В минуту просветления или в минуту неосторожности сам Толедано признал, что подобное обвинение могут выдвигать лишь... сумасшедшие). Правда, люди, которым нечего терять, продолжают и дальше повторять прежний вздор. Но главное внимание ГПУ перенесено в другую плоскость. Теперь оказывается, если верить Толедано, что я сам стремлюсь вызвать впечатление, будто я являюсь... советником при правительстве генерала Карденаса. Низость, как и глупость, не имеет, как видите, предела! Нужно ли объяснять вам, насколько я дорожу убежищем в Мексике и насколько я заинтересован в том, чтобы правительство ни на минуту не усомнилось в полной моей лояльности? Из каких соображений стал бы я выдавать себя за то, чем я не являюсь и чем не стремлюсь ни в малейшей степени быть? Очевидно, из интересов... честолюбия. Клеветники здесь полностью выдают свой собственный умственный и нравственный рост!

Из хорошо осведомленного источника я получил сообщение, что вдохновителем статей "Daily News" является некий X, член сталинской партии в Соединенных Штатах и сотрудник Federated Press²⁶². Я прилагаю здесь письменное показание по этому вопросу, которое пока не подлежит огласке. Механика провокации совершенно ясна: с одной стороны, сталинские агенты передают заведомо фальшивые сообщения в "Daily News", пользуясь злой волей реакционной газеты крупных собственников; с другой стороны, появление этих статей используется (через Толедано и К||) с целью вызвать впечатление, будто я сам являюсь их вдохновителем. Наконец, дополнительная "прибыль" этих господ состоит в том, что мои возражения и опровержения они немедленно истолковывают, как мое "вмешательство" во внутреннюю жизнь Мексики. Нет предела низости! Вся механика провокации носит на себе совершенно отчетливый штемпель, состоящий из трех букв: ГПУ. Этот же штемпель можно легко различить на медных лбах господ клеветников.

Цель настоящего письма состоит в том, чтоб поставить перед вами, дорогой друг, юридический вопрос: дает ли мне возможность законодательство Соединенных Штатов открыть процесс против "Daily News" и попутно вывести провокаторов на свежую воду? Я надеюсь, существует статья, карающая газетчиков за распространение заведомо ложных сведений с целью причинить определенному лицу материальный и моральный ущерб. А дело идет о немалом

ущербе: вся эта шайка стремится лишить меня и мою жену убежища в Мексике и толкнуть нас в руки палачей ГПУ. Прибавлю, что в последней статье "Daily News" (N[ew] Y[ork]), October 29, 1938, утверждается, будто продажа мексиканской нефти Японии и Италии происходит по моей рекомендации, причем целью моей является... нанесение военного ущерба Советскому Союзу. Это утверждение явно стремится опорочить мою политическую честь и, как я полагаю, полностью подходит под уголовные статьи американского законодательства, ограждающего моральные и материальные интересы человека и гражданина.

Сердечно преданный вам

Л.Троцкий

11 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо редакции одной из мексиканских газет]²⁶³

Вы спрашиваете меня, каково было мое личное участие в убийстве Распутина²⁶⁴ и в казни Николая II? Удивляюсь, что эти вопросы, давно принадлежащие истории, могут сейчас интересовать периодическую печать. Дела давно минувших дней... К убийству Распутина я не имел, разумеется, ни малейшего отношения. Распутин был убит 30 декабря 1916 г. В это время я находился на пароходе, который вез меня и мою семью из Испании в Соединенные Штаты. Уже географическая дистанция показывает, что я не мог участвовать в этом предприятии. Но были и серьезные политические причины. С индивидуальным террором русские марксисты не имели ничего общего; они были организаторами революционного движения масс. На самом деле убийство Распутина было произведено элементами придворного характера. Непосредственно в убийстве участвовали: ультра-реакционный депутат Думы²⁶⁵, монархист Пуришкевич²⁶⁶, князь Юсупов²⁶⁷, родственник царской семьи, и другие лица такого же склада; кажется, в подготовке убийства ближайшее участие принимал один из великих князей, Дмитрий Павлович²⁶⁸. Целью всех этих заговорщиков было спасти монархию, устранив "дурного советника". Нашей целью было опрокинуть монархию со всеми ее советниками. Мы занимались не авантюрами индивидуальных убийств, а подготовкой революции. Убийство Распутина, как известно, не спасло монархии. Оно предшествовало революции всего на два месяца.

Что касается казни царя, то здесь дело обстояло совершенно иначе. Николай II был арестован еще Временным правительством, содержался сперва в Петербурге, затем был выслан в Тобольск. Но Тобольск - мелкий город, без промышленности и без рабочих, не являлся достаточно надежной резиденцией для царя: можно было ждать со стороны контрреволюционеров попыток освобождения его, чтобы его именем возглавить белое движение. Советская власть перевела царя из Тобольска в Екатеринбург (на Урале), один из важнейших промышленных центров. Здесь можно было быть уверенным, что надзор за царем будет достаточно твердый. Царская семья жила в частном доме, пользуясь достаточной

свободой. Предполагалось - но это был лишь план - организовать гласный и открытый суд над царем и царицей. Однако ход гражданской войны решил иначе. Белые банды окружили Екатеринбург и с часу на час могли ворваться в город. Их главной задачей было освобождение царской семьи. В этих условиях местный Совет решил предать казни царя и его семью²⁶⁹. Я лично в это время находился на другом участке фронта и, как это ни странно, о происшедшей казни узнал только через неделю, если не позже. В водовороте событий факт казни не произвел на меня большого впечатления. Я никогда не интересовался вопросом о том, "как" это произошло. Должен прибавить, что специфический интерес к судьбе коронованных или экс-коронованных особ заключает в себе изрядную долю рабских инстинктов. Во время гражданской войны, которую вызвали русские помещики и капиталисты при содействии иностранных империалистов, погибли сотни тысяч людей. Если в их числе пали члены династии Романовых, то в том нельзя не видеть справедливого возмездия за все преступления царской монархии. Мексиканцы, которые расправились с императором Максимилианом²⁷⁰, имеют на этот счет недурную традицию.

[Л.Д.Троцкий]

14 ноября 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

Дорогие друзья!

Получил ваше письмо No 34 с выписками и с запросом по поводу дела Цилиги. Обвинение против Цилиги как руководителя балканской секции Парижского центра троцкистов есть верх бессмыслицы. Цилига, как вы знаете, не является ни в каком смысле троцкистом. Так его не рассматривал никогда ни мой сын, Лев Седов, ни я. У меня есть обширная корреспонденция, посвященная этому вопросу. Я отказался даже печатать статьи Цилиги в русском "Бюллетене" ввиду его полного политического расхождения с нашей линией. С другой стороны, французская книга Цилиги, посвященная Советскому Союзу, заключает в себе, особенно во второй половине, ряд крайне враждебных отзывов по адресу той организации, к которой я принадлежу. Авторы статьи в "Корреспонданс"²⁷¹ не только бесчестны, но и невежественны. Конечно, надо приложить все усилия к тому, чтобы помочь Цилиге доказать ложность обвинений. Большое значение имели бы в этом отношении письма Левы соответственного периода, так как они доказали бы без труда, что он в Югославии не был. Я опасюсь, однако, что собрать и просмотреть их к сроку не удастся. Может быть, можно на этом основании требовать отложения процесса?

Что касается присланной вами цитаты о Кронштадте (доставленной Сувариным), то она нуждается в дополнительных расследованиях. Я представляю себе дело так. Приказ о подавлении мятежа, разумеется, был подписан мною и опубликован в Ленинграде²⁷². Возможно, что это создало впечатление о моем прибытии в Ленинград. Возможно даже, что такие слухи сознательно пускались в

ход, чтобы запугать мятежников. У меня о посещении Ленинграда 5 марта не сохранилось решительно никакого воспоминания²⁷³. Но это не имеет ни малейшего значения. Действительная работа подавления мятежа началась 16 марта, когда я был в Москве; это можно доказать на основании протоколов съезда, московских газет и пр. Таким образом, кто говорит, что я лично "подавлял" восстание и подавил его, тот во всяком случае говорит неправду, независимо от того, был ли я 5 марта в Петербурге или нет. Даже [...]274 наступление отрядов Красной армии, начавшееся 8 марта, - несомненно, в мое отсутствие, - ничего не дало, никакого подавления не произошло, никакие "жестокости" не были произведены; а действительное подавление, начавшееся 16 марта, было заведомо произведено без моего участия. Вопрос сводится, следовательно, к тому, был ли я действительно 5 марта, проездом с Урала в Москву, в Петербурге и подписал ли я ультиматум о сдаче Кронштадта в Петербурге или в Москве? Это вопрос десятистепенный, не имеющий ни малейшего политического значения. Но и он еще подлежит проверке. Весьма возможно, что цитируемое примечание основано на недоразумении.

(В случае надобности вы сможете процитировать эти строки в "Бюллетене".)

Может быть, это письмо (первая часть) пригодится т. Жерару?

[Л.Д.Троцкий]

14 ноября 1938 г.

Из литературы центризма

Родриго Гарсия Тревиньо. *El Pacto de Munich y la Tercera Internacional*²⁷⁵

Эта книжка издана обществом студентов-марксистов. Как показывает само название, Общество ставит себе задачей изучение марксизма. Можно было бы только приветствовать такую благую цель в наши дни полного протитуирования марксистской доктрины, если бы Общество отнеслось к своей задаче с необходимой серьезностью. К сожалению, предисловие к брошюре, написанное и подписанное всеми членами Общества, этой серьезности совершенно не обнаруживает. Было бы недопустимо придирается к молодым людям, которые не успели еще ознакомиться с азбукой марксизма, если бы они отдавали себе сами трезвый отчет в состоянии своих познаний. Неосведомленность естественна в известном возрасте и преодолевается учением. Но беда, если невежество соединяется с самомнением, если люди вместо того, чтобы прилежно учиться, пытаются учить других. Между тем такой именно характер имеет, к несчастью, предисловие издателей. Отметим главные ошибки: перечислить все нет возможности.

Предисловие пытается установить взаимоотношение между развитием революционной теории и разными этапами в развитии буржуазного общества. Намерение вполне почтенное; но для того, чтобы выполнить его, нужно знать историю буржуазного общества и историю идеологий. Наши авторы не знают ни

того, ни другого. Они начинают с утверждения, что в середине прошлого века буржуазия "консолидировала свое политическое господство на мировой арене и открыла этап империализма" и что отсюда возникло творчество Маркса и Энгельса в области доктрины и политики. Все это ложно с начала до конца. В середине прошлого столетия буржуазия была еще очень далека от "политического господства на мировой арене". Не забудем, что "Коммунистический Манифест" был написан накануне революции 1848 г. После поражения этой революции немецкая буржуазия оставалась национально раздробленной, под гнетом многочисленных династий. Буржуазная Италия не была ни свободна, ни объединена. В Соединенных Штатах буржуазии предстояло еще только пройти через гражданскую войну для объединения национального (буржуазного) государства. В России абсолютизм и крепостное право господствовало полностью и т. д. и т. д.

Говорить, с другой стороны, что в середине прошлого века открылась эпоха империализма, значит не иметь никакого понятия ни о прошлом веке, ни об империализме. Империализм есть экономическая система и политика, внутренняя и внешняя, монополистского (финансового) капитала. В середине прошлого века существовал лишь "либеральный" капитализм, т. е. капитализм свободной конкуренции, который еще только стремился создать для себя политическую форму демократии. Тресты, синдикаты, концерны широко формируются в 80-х годах прошлого века, постепенно завоевывая господствующие позиции. Политика империализма в научном смысле слова открывается на переломе прошлого и нынешнего столетий. Если бы авторы прочитали хотя бы известную книжку Ленина об империализме²⁷⁶, они не сделали бы таких вопиющих ошибок. Между тем, они ссылаются на Ленина. Как это понять?

Однако этим серия печальных недоразумений только открывается. Цитируя, очевидно, из вторых рук, то положение Ленина, что империализм есть "последний этап капитализма", наши авторы пытаются дополнить и углубить Ленина. "...Наше поколение, - пишут они, - может, в свою очередь, интерпретируя Ленина, установить научно, что фашизм есть последняя фаза, последняя ступень империализма, последний этап буржуазного режима". Волосы встают на голове, когда читаешь эти претенциозные строки. "Наше поколение" должно учиться, прежде чем учить. Империализм является последним этапом капитализма в объективном, экономическом смысле: империализм довел производительные силы до высшего мыслимого на основах частной собственности расцвета и запер дорогу их дальнейшему развитию; тем самым он открыл эру капиталистического загнивания. С другой стороны, централизовав производство, империализм создал важнейшую экономическую предпосылку для социалистического хозяйства. Таким образом, характеристика империализма, как последнего этапа капитализма, опирается на диалектику развития производительных сил и имеет строго научный характер.

Аналогичный вывод, который пытаются сделать наши авторы: "Фашизм есть последний этап империализма", не имеет решительно никакого экономического содержания. Фашизм есть прежде всего политический режим, как увенчание

режима экономического загнивания. Вырастая из упадка производительных сил, фашизм не открывает никакой возможности их дальнейшего развития. Империализм являлся исторической необходимостью. Маркс предвидел наступление царства монополий. Фашизма предвидеть было нельзя, ибо он не обусловлен экономической необходимостью в диалектическом, а не механическом смысле этого слова. Так как пролетариат оказался в силу исторических причин не способен своевременно овладеть властью и перенять хозяйство, чтобы перестроить его на социалистических началах, то загнивающее капиталистическое общество не могло дальше существовать иначе, как заменив буржуазную демократию фашистской диктатурой. В то время как империализм выступил на арену как высшая форма капитализма, фашизм являлся шагом назад, политическим регрессом, началом впадения общества в варварство.

Наши авторы попадают пальцем в небо, когда в доказательство своего открытия ("фашизм - последний этап капитализма") цитируют слова Маркса о том, что никакое общество не сходит со сцены прежде, чем не разовьет до конца заложенные в нем производственные возможности. В том-то и дело, что империализм еще накануне прошлой мировой войны исчерпал свои творческие возможности. Буржуазное общество не сошло своевременно со сцены, ибо никакое пережившее себя общество не сходит само по себе со сцены: революционный класс должен его опрокинуть. Второй Интернационал, а затем Третий помешали этому. Отсюда и только отсюда фашизм. Нынешний кризис человеческой культуры есть результат кризиса пролетарского руководства. Революционный класс не имеет еще партии, которая обеспечила бы своим руководством разрешение основной проблемы нашей эпохи: завоевание власти международным пролетариатом.

*

Из того обстоятельства, что империализм достиг своей "высшей" (!) стадии, фашизма, наши авторы делают вывод о необходимости обновления революционной доктрины. Эту задачу они себе ставят. Они предпочитают начать с критики доктрины III Интернационала. Им, по-видимому, совершенно неизвестна та огромная критическая работа, которая произведена в этой области международной фракцией большевиков-ленинцев за последние пятнадцать лет, особенно же со времени китайской революции, т. е. с 1925-1927 гг. Авторы предисловия позволяют себе совершенно недопустимую развязность и легкомыслие по отношению к единственному марксистскому течению нашей эпохи. Вот что они говорят по поводу IV Интернационала: "Для нас неоспоримо, что в интернациональных вопросах (IV Интернационал) совершает ошибки, - назовем их так, - которые лишают его прав воюющей стороны в качестве группы авангарда. Прочитируем - только чтобы напомнить - похвалы Троцкого известным адвокатам Кабрера²⁷⁷ и де ла Фуенте²⁷⁸". И это все. Такого рода "оценка" могла возникнуть только в головах, отравленных микробами сталинизма. IV Интернационал есть единственная организация, которая дала марксистский анализ всех событий и процессов последнего исторического периода:

термидорианского перерождения СССР, китайской революции, польского переворота Пилсудского, переворота Гитлера в Германии, поражения австрийской социал-демократии, политики "третьего периода" Коминтерна, политики "народных фронтов", испанской революции и пр. Что знают обо всем этом наши авторы? Видимо, решительно ничего. Чтобы показать "несостоятельность" IV Интернационала, они цитируют... "похвалы" Троцкого по адресу Кабрера и де ла Фуенте. Эпизод с Кабрера состоял в том, что этот умный консервативный адвокат разглядел фальсификацию московских судебных процессов, в то время как кое-какие "левые" группы верили им. Троцкий обратил внимание общественного мнения на совершенно правильный юридический анализ Кабрера. И только! Было бы нелепо видеть в этом какую-либо политическую солидарность. Наши студенты-"марксисты" до сих пор ничего - ничего! - не сказали о московских процессах, жертвой которых пала партия Ленина. Не стыдно ли при этих условиях прятаться за Кабрера? Сталинизм сознательно создает такого рода пугала для малых детей. Кабрера! О ужас! Между тем, с точки зрения революционного марксиста, между Кабрера и Толедано разница совсем невелика. Оба они стоят на почве буржуазного общества и несут на себе его черты. Принимать Толедано за социалиста могут только совершенно не оперившиеся птенцы. Толедано опаснее и вреднее, ибо прикрывается маской социалиста. Что касается де ла Фуенте, то мы вообще не знаем, о чем идет речь. Не объяснят ли нам развязные авторы?

Во всяком случае, не может быть ничего более легкомысленного и недостойного, как оценивать историческую роль международной организации, насчитывающей тысячи жертв, на основании десятистепенного газетного эпизода. По существу дела, авторы предисловия подлаживаются к сталинизму. В этом вся суть: они обещают подвергнуть "самостоятельной" критике все доктрины, а на самом деле стоят на коленях перед затхлыми и гнилыми кругами сталинской бюрократии. Чтобы легализовать свои печальные упражнения в марксизме, они считают уместным лягнуть троцкизм. Надо, впрочем, сказать, что этот "метод" самостраховки характерен для всех трусливых мелкобуржуазных интеллигентов нашего времени.

*

Что касается работы Тревиньо (доклада и статей), то положительной чертой их является стремление вырваться из паутины сталинизма и толеданизма, который представляет худшую форму сталинизма, худшую, ибо еще более поверхностную, неувимую, трескучую, пустую. Беда Тревиньо состоит в том, что он думает и пишет так, как если бы история начиналась с ним самим. Марксист подходит ко всем явлениям, в том числе и идеям, в их развитии. Сказать: "назад к Ленину" или "назад к Марксу" - значит сказать очень мало. Нельзя ныне вернуться к Марксу мимо Ленина, т. е. мимо той громадной работы применения, разъяснения и развития марксизма, которая совершена под руководством Ленина. После того, как Ленин отошел от работы, прошло уже полтора десятилетия: исторический период, до краев наполненный громадными

мировыми событиями! За это время формально взятый "ленинизм" разбился на два крыла: сталинизм, официальную идеологию и практику паразитарной советской бюрократии, и на революционный марксизм, который противники называют "троцкизмом". Все мировые события теоретически прошли через эти два "фильтра". Между тем, Тревиньо считает своим правом - правом субъективиста, а не марксиста - игнорировать реальное идеологическое развитие, выражающееся в непримиримой борьбе двух течений. Сам он, не сознавая того, пытается отдельными осколками нашей критики, с большим запозданием. Дело, конечно, не в запоздании самом по себе: всему молодому поколению придется с запозданием пройти через школу IV Интернационала. Беды в этом нет. Беда, однако, в том, что Тревиньо пытается свою критику приспособить к официальной "доктрине" сталинизма. Он пытается из революционных идей сделать дружелюбные "примечания" к консервативным пацифистским и социал-империалистическим общим местам и банальностям. Он хочет убедить Коминтерн в своих добрых намерениях и в преимуществах разжиженного марксизма (центризма) над откровенным оппортунизмом. Между тем, задача революционера - не в перевоспитании сталинской бюрократии (безнадежно!), а в воспитании рабочих в духе непримиримого недоверия к ней.

Мы не станем здесь входить в детальную оценку брошюры Тревиньо, иначе нам пришлось бы делать примечания к каждой странице и к каждой строке. Тревиньо неправ даже тогда, когда он прав. Мы хотим этим сказать, что даже правильные отдельные замечания, а их немало, включены им в рамки неправильной концепции, неправильной перспективы, так как автор остается по существу центристом. На этой позиции устоять нельзя. Прямой долг Тревиньо состоит в том, чтоб радикально пересмотреть свой политический багаж, сопоставив свои половинчатые поправки к сталинизму с ясными, точными формулировками IV Интернационала. Только тогда он может выйти на дорогу из центристского тупика.

Когда Тревиньо перечисляет случайно выхваченные "ошибки" IV Интернационала для того, чтобы оценить это движение в целом, и приходит к чудовищному выводу, что это движение играло "контрреволюционную" роль, то он в сущности совершенно так же, как и злополучные авторы предисловия, пытается приспособиться к своим вчерашним союзникам и единомышленникам, он со страхом оглядывается на бонапартистов Кремля, он принимает покровительственную окраску. Его отдельные критические замечания по отношению к отдельным второстепенным эпизодам отдельных секций IV Интернационала могут быть правильны или неправильны (в главном они неправильны). Но сам подход к вопросу ложен. Задача и обязанность серьезного марксиста состоит в том, чтоб выделить основное, принципиальное, коллективное и на этом обосновать свое суждение. Мы боимся, однако, что Тревиньо попросту незнаком с литературой IV Интернационала. Дилетантизм, поверхностность и отсутствие теоретической добросовестности широко распространены ныне в рядах интеллигентов, в том числе и тех, которые считают себя "марксистами". Таков результат гнета мировой реакции, в том числе и сталинизма. Но нельзя сделать шага вперед без

возвращения к традиции марксистской научной добросовестности.

Когда Ломбардо Толедано со свойственной ему грацией спрашивает, когда и где представители IV Интернационала писали что-нибудь о фашизме, то мы можем только с соболезнованием пожать плечами. IV Интернационал возник и вырос в борьбе против фашизма. С 1929 г. мы предсказывали победу Гитлера, если Коминтерн будет продолжать свою политику "третьего периода". На эту тему большевиками-ленинцами написано большое количество статей, брошюр и книг на разных языках. Если Толедано не имеет о них понятия, то это в порядке вещей.

Но Тревиньо? Неужели и он склонен говорить о том, чего не знает?

В 1933 г. мы заявили публично: если победа Гитлера, обеспеченная политикой Кремля, ничему не научит Коминтерн, значит он мертв. И так как победа Гитлера ничему не научила Коминтерн, то мы сделали все выводы: мы основали IV Интернационал. Мелкобуржуазные квази-марксисты, никуда не годные даже в качестве демократов, воображают, что борьба с фашизмом состоит в декламации на собраниях и конгрессах. Действительная борьба с фашизмом неотделима от классовой борьбы пролетариата против основ капиталистического общества. Фашизм не есть экономически неизбежный этап. Но он и не простая "случайность". Он есть результат неспособности выродившихся и насквозь прогнивших партий пролетариата обеспечить победу социализма. Борьба против фашизма есть поэтому прежде всего борьба за новое революционное руководство международного пролетариата. В этом - историческое значение работы IV Интернационала. Только под этим углом зрения его можно понять и оценить!

Познавательная сторона марксизма неразрывно связана с его активной стороной. В нашу эпоху разнузданной реакции, осложненной гниением того, что было некогда Коминтерном, быть марксистом можно только при наличии непоколебимой воли, идейного и политического мужества, способности плыть против течения. Этих качеств мы от души пожелаем Тревиньо. Если он покончит с нерешительностью и колебаниями, он будет иметь возможность оказать серьезные услуги делу революционного марксизма.

Л.Амаго279

15 ноября 1938 г.

Открытое письмо

сенатору Аллену (Henry J. Allen), бывшему губернатору Канзаса280

Милостивый государь!

27 июля вы сделали мне честь посетить меня в Койоакане. Я не добивался этой чести. Я даже, признаться, попытался уклониться от нее. Но вы были настойчивы. Так как у меня не оказалось свободного времени до вашего отъезда из Мексики, то вы присоединились к экскурсии Общества сближения с Латинской Америкой - The Committee on Cultural Relations with Latin America281. Так среди друзей Мексики оказался неожиданно один из ее активных врагов.

Позволю себе сказать, что фигура сенатора Аллена резко выделялась на

нашем скромном собеседовании на Авенида Лондрес. По каждому его замечанию, по выражению лица, по интонации голоса видно было, что этот человек полностью застрахован от малейшей способности сочувствовать нуждам угнетенных классов и народов; что он насквозь пропитан интересами верхов капиталистического общества и империалистической ненавистью ко всякому освободительному движению.

Вы участвовали в общей беседе, господин сенатор. Вернувшись в Штаты, вы дали ряду газет статьи, посвященные вашему визиту в Мексику и ко мне, в частности. 22 ноября Вы вернулись к тем же вопросам в своей речи на годовичном обеде нью-йоркской торговой палаты²⁸². Вы преследуете вашу цель с несомненной настойчивостью. В чем эта цель состоит? Начнем со статей. Вы нашли, согласно вашим словам, мой двор мокрым, - это был сезон дождей, - мою речь слишком сухой. Я далек от мысли спорить против этих оценок. Но вы пошли дальше. Вы попытались тенденциозно исказить то, что я вам говорил в присутствии 40 человек. Этого я вам не могу позволить. Вы упоминаете иронически, что вопросы, поставленные мне членами экскурсии, относились к сфере "расщепления волос марксовой доктрины"; "ни один из вопросов не касался Мексики", прибавляете вы многозначительно. Совершенно верно: я заранее просил руководителя экскурсии, доктора Губерта Геринга, не включать мексиканской политики в круг дискуссии. Совсем не потому, разумеется, чтобы я хотел этим прикрыть, как вы намекаете, какие-то свои "конспирации", а только потому, что я не хотел давать врагам повода для лишних инсинуаций (их и без того достаточно). Но вы, господин сенатор, бесстрашно взяли быка за рога и поставили мне вопрос, ради которого вы, по собственным словам, и нанесли мне визит, именно: "Господин Троцкий, как вы оцениваете нового коммунистического вождя президента Карденаса в сравнении с коммунистическими вождями России?" Причем я ответил вам как будто бы так: "Он действительно более прогрессивен, чем некоторые из них". Позвольте вам сказать, господин сенатор, что это неправда. Если бы вы задали мне такой вопрос в присутствии сорока интеллигентных и мыслящих людей, все они, вероятно, весело рассмеялись бы, и я несомненно участвовал бы в их общем смехе. Но таким вопросом вы себя не скомпрометировали. И такого ответа я вам не давал.

На самом деле я лишь пытался в беседе вернуть слову "коммунизм" его действительное значение. В настоящее время реакционеры и империалисты называют "коммунизмом" (иногда "троцкизмом") все то, что им не по нраву. Наоборот, московская бюрократия коммунизмом именуется все то, что служит ее интересам. Вскользь, в виде примера, я заметил: хотя Сталин и носит имя коммуниста, но ведет на деле реакционную политику; правительство Мексики, которое ни в малейшей степени не является коммунистическим, ведет прогрессивную политику. Это была единственная фраза, сказанная мною на этот счет. Ваша попытка приписать мне характеристику мексиканского правительства, как "коммунистического", ложна и бессмысленна, хотя, может быть, и полезна для ваших целей.

Колониальные и полуколониальные страны или страны колониального

происхождения проходят с запозданием период национально-демократического, а не "коммунистического" формирования. История, правда, не повторяется. Мексика вошла в демократическую революцию в другую эпоху и в других условиях, чем первенцы истории. Но в плане исторической аналогии можно все же сказать, что Мексика проходит через ту стадию развития, через которую Штаты, например, проходили, начиная с революционной войны за независимость и кончая гражданской войной против рабства и сепаратизма. За эти три четверти столетия формировалась североамериканская нация на буржуазно-демократических основах. Освобождение негров, т. е. экспроприация рабовладельцев, считалось и объявлялось всеми Алленами того времени попранием божественных заповедей, и, что несравненно хуже, нарушением прав собственности, т. е. коммунизмом и анархизмом. Однако с научной точки зрения остается бесспорным, что руководимая Линкольном гражданская война была не началом коммунистической, а лишь завершением буржуазно-демократической революции.

Научный исторический анализ меньше всего, однако, интересует вас, господин сенатор. Вы явились ко мне с тем, чтобы, как видно из ваших собственных слов, найти в моих словах что-либо, что могло бы пригодиться вам для вашей кампании против мексиканского правительства. Так как ничего подходящего вы не нашли, то вы занялись выдумками. Рука об руку с газетой "Daily News" вы развиваете ту мысль, что я являюсь вдохновителем мер экспроприации собственности иностранцев и готовлю... переустройство Мексики на коммунистических началах. Вы прямо пишете о "троцкистском коммунистическом государстве"! Во время вашего пребывания в этой стране вы могли бы легко узнать от ваших единомышленников (вы сами упоминаете о "секретных" свиданиях с ними), насколько далеко я стою от мексиканской политики. Но это вас не останавливает. В доказательство того, что Мексика готовится превратиться в "троцкистское государство", вы ссылаетесь на возрастающую роль мексиканских профессиональных союзов и на личную роль Ломбардо Толедано, причем заканчиваете свою статью ("Геральд Трибюн", 29 октября) следующими замечательными словами: "Толедано провел некоторое время в России и является последователем Троцкого". Толедано - последователь Троцкого! Дальше идти некуда! Всякий грамотный человек в Мексике и очень много грамотных людей в других странах будут от души смеяться, прочитав эту фразу, как смеялся я, как смеялись мои друзья, которым я ее показывал. Генерал Карденас как "новый коммунистический вождь", Троцкий, как вдохновитель мексиканской политики, Толедано как последователь Троцкого... Прибавим еще: сенатор Аллен как авторитет по вопросам Мексики!

Вы явились, господин сенатор, в мой дом, как лазутчик нефтяного капитала. Не будем спрашивать себя, насколько достойна эта роль вообще. У нас с вами слишком разные мерилы. Однако и лазутчики бывают разных категорий. Одни собирают точно, тщательно, "добросовестно" - по-своему - необходимые сведения и сообщают их хозяину. Вы поступаете иначе. Вы выдумываете сведения, которых вам не хватает. Вы действуете, как недобросовестный лазутчик!

Теорию о моей зловещей роли во внутренней жизни Мексики вы выдвинули с тройной целью: во-первых, натравить империалистические круги Соединенных Штатов против мексиканского правительства как, якобы, "коммунистического"; 2) ударить по национальному самолюбию Мексики при помощи бессмысленной легенды о влиянии иностранца-эмигранта на политику страны; 3) затруднить мое личное положение в Мексике. Как высокомерный империалист до мозга костей вы молчаливо исходите при этом из мысли, что Мексика неспособна без чужой помощи решать свои собственные задачи. Вы жестоко ошибаетесь, г. сенатор! Государственные люди буржуазных стран были в революционную эпоху по общему правилу, несравненно выше их нынешних государственных людей. Вы сами, господин сенатор, считаете себя, видимо, призванным руководить латиноамериканскими странами. Между тем ваши статьи и речи обнаруживают такую узость горизонта, такое своекорыстие, такую реакционную ограниченность, что вызывают почти соболезнование.

В начале вашего банкета епископ Уильям Маннинг²⁸³ молился Всевышнему о ниспослании всем членам торговой палаты сочувствия к преследуемым и освобождения от расовых предрассудков ("New York Times", 23 ноября). Между тем, я спрашиваю себя: мыслимо ли было бы для вас написать статью, исполненную столь же легкомысленных обвинений по отношению, например, к Канаде? Я отвечаю: нет, это было бы невозможно. Вы были бы осторожнее, внимательнее и потому добросовестнее. Но вы считаете вполне допустимым нанизать серию бессмыслиц по адресу Мексики. Чем объясняется эта разница вашего отношения к Канаде и к Мексике? Смею думать, что расовым высокомерием империалиста. Молитва епископа Маннинга явно не помогла вам, господин сенатор!

Реакционеры думают, что революции искусственно вызываются революционерами. Чудовищное заблуждение! Эксплуатируемые классы и угнетенные народы толкаются на путь революций рабовладельцами типа господина Аллена. Эти господа с большим успехом расшатывают существующий порядок вещей!

Л.Троцкий

2 декабря 1938 г.

Койоакан

Заявление Галисия²⁸⁴ и К||-

В своем заявлении Галисия говорит, что он "подчиняется" решению IV Интернационала. Но это значит лишь, что он либо не понял этого решения, либо лицемерит, либо соединяет непонимание с лицемерием. Решение IV Интернационала требует полной и радикальной перемены политики. Если бы Галисия понял необходимость нового курса, он не написал бы своего бессмысленного и преступного заявления.

Как все мелкобуржуазные индивидуалисты анархического склада, Галисия апеллирует к демократии. Он требует, чтобы Интернационал обеспечивал полную свободу его индивидуальности. Он совершенно забывает о централизме. Между

тем, для революционера демократия есть только один элемент организации; другим не менее важным элементом является централизм, ибо без централизма невозможно революционное действие. Демократия обеспечивает свободу обсуждения, централизм обеспечивает единство действий. Мелкобуржуазные болтуны ограничиваются критикой, протестами, разговорами. Вот почему они апеллируют к демократии, неограниченной и абсолютной, игнорируя права централизма.

В чем состоит нарушение демократии по отношению к Галисии? В течение долгого времени Галисия и его группа попирали основные принципы IV Интернационала в отношении профессиональных союзов. Если в чем-либо Интернационал был повинен, так это в излишнем терпении. Когда Галисии стало ясно, что Интернационал не сможет больше терпеть политики мелкобуржуазного дилетантизма и интриганства, тогда Галисия распустил секцию IV Интернационала! Ни больше, ни меньше! Распустить революционную организацию - значит, постыдно капитулировать перед противниками и врагами, значит предать знамя. Что сделал в этом случае Интернационал? Он послал в Мексику делегацию из трех высокоавторитетных и пользующихся международным уважением североамериканских товарищей для того, чтобы расследовать дело на месте и попытаться убедить членов мексиканской секции в необходимости изменить свою политику²⁸⁵. Когда Галисия увидел, что, несмотря на его преступные действия, IV Интернационал согласен оказать ему известный моральный кредит, Галисия немедленно же провозгласил мексиканскую Лигу "восстановленной". Этим он снова показал, что для него организация есть не орудие классовой борьбы, а орудие его личных комбинаций, т. е. обнаружил свою природу мелкобуржуазного авантюриста.

Представители 12 секций собрались на международный конгресс. Факты внутренней борьбы мексиканской Лиги были им известны давно из печати. В этих фактах не было для них ничего нового. Галисия, как уже сказано, только повторяет в карикатурной форме действия Вареекена, Молинье, Эйфеля и им подобных. Конгресс имел перед собой все документы Галисии и доклад делегации Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов. Перед конгрессом не было никаких загадок. На основании этого материала лучшие представители IV Интернационала вынесли свои суждения. "Этот бюрократизм!" - кричит Галисия. Почему бюрократизм? Какими другими путями можно было в данных условиях вынести суждения? Или же Галисия требует, чтобы Интернационал вообще не смел рассматривать проблемы мексиканского движения? Обвинение в бюрократизме есть в данном случае клевета сектантской клики, которая не считается ни с марксистской доктриной, ни с коллективным опытом IV Интернационала, ни с авторитетом его международных конгрессов.

Галисия пытается представить дело так, будто он стремится вести революционную политику, между тем как "бюрократия" IV Интернационала препятствует ему в этом; будто эта бюрократия хочет притупить классовую борьбу в Мексике; будто в преследовании этой цели бюрократия применяет методы удушения, попирает "демократию", не выслушивает Галисию и его друзей

и т. д. и тому подобное. Все это с начала до конца неправда. Всем своим поведением Галисия обнаружил, что он не революционер, ибо революционер есть прежде всего человек действия. Галисия не имеет ни малейшего понятия о действии, не стремится к действию, наоборот, воздерживается от участия во всякой серьезной борьбе. Во время митингов, которые устраивают сталинцы и толеданисты для борьбы против так называемого "троцкизма", Галисия всегда блистает отсутствием. К чему, в самом деле, подвергать себя риску в открытой борьбе? К чему организовывать ударные группы для самозащиты, для протеста, для того, чтобы заявить о своем существовании? Гораздо проще оставаться в стороне и атаковать "бюрократов" IV Интернационала. Сектантское интриганство всегда идет рука об руку с политической пассивностью. Это снова подтверждается и на примере Галисии и его группы.

Галисия утверждает, что IV Интернационал стремится будто бы заставить его действовать в союзе с буржуазией и правительством Мексики. Это есть повторение гнусных сплетен Эйфеля. "Революционеры" типа Эйфеля отличаются главным образом воздержанием от революционной борьбы. Они ведут паразитическое существование. У них всегда тысяча объяснений и доводов в пользу воздержания и пассивности. Их политическая жизнь состоит в том, что они клеветают на революционеров, участвующих в классовой борьбе. Галисия принадлежит к этой школе.

Допустим, однако, на одну минуту, что в силу каких-либо особых условий Интернационал решил бы применять к Мексике более "мирные", более "осторожные" методы в интересах интернациональной борьбы в целом. Как должен был поступить в этом случае мексиканский революционер? Он должен был бы решить, правильны или неправильны директивы Интернационала, продиктованные заботой об общих интересах движения, т. е. отвечают ли эти директивы поставленной цели. Между тем Галисия и его группа даже не пытаются объяснить, почему же Интернационал "навязывает" им политику, которую они считают оппортунистической. Или же они хотят сказать, как Эйфель, Эллер и К||, что наш Интернационал вообще оппортунистичен? Нет, они говорят, что Интернационал делает недопустимое исключение для Мексики. Однако они не анализируют этого "исключения", не говорят, вызывается ли оно действительно международными интересами или нет. Другими словами, они не пытаются встать на интернациональную точку зрения. Они остаются и в этом вопросе мелкобуржуазными националистами, а не интернациональными марксистами.

Верно ли, однако, что Интернационал предписывает для Мексики другие способы борьбы? Требуется союз с буржуазией и правительством? Нет, это ложь с начала до конца, ложь, выдуманная не Галисией, а Эйфелем, Эллером и тому подобными интриганами и сектантами. Беда в том, что Галисия не понимает, что значит классовая борьба против буржуазии и правительства. Он считает, что совершенно достаточно издавать раз в месяц или в два поверхностную газетку и в ней ругать правительство, чтобы выполнить свой марксистский долг. В этом и состояла до сих пор вся его р-р-революционная деятельность. Между тем в Мексике более, чем где-либо, борьба против буржуазии и ее правительства

состоит прежде всего в освобождении профессиональных союзов от государственной зависимости. Профессиональные союзы формально охватывают в Мексике весь пролетариат. Марксизм состоит в руководстве классовой борьбы пролетариата. Классовая борьба требует независимости пролетариата от буржуазии. Следовательно: классовая борьба в Мексике должна быть направлена на отвоение независимости профессиональных союзов от буржуазного государства. Это требует от марксистов сосредоточения всех усилий внутри профессиональных союзов против сталинистов и толеданистов. Все остальное есть пустяки, болтовня, интрига, мелкобуржуазный обман и самообман. Этим обманом и самообманом занимается Галисия не первый день.

Работа в профессиональных союзах, значит работа в пролетарских союзах. Разумеется, участие в союзе учителей необходимо; но это есть организация мелкобуржуазной интеллигенции, неспособной играть самостоятельной роли. Кто не принимает систематического участия в работе пролетарских профессиональных союзов, тот для IV Интернационала является балластом.

Когда Галисия с таинственным видом намекает, что ему мешают вести революционную политику против буржуазии, то он, очевидно, имеет в виду свой печальный опыт "борьбы" против дороговизны. Галисия выпустил, как известно, бессмысленную афишу с призывом ко "всеобщей стачке", "саботажу", "прямому действию", не объясняя, как он думает организовать всеобщую стачку, не имея ни малейшего влияния в профессиональных союзах; не объясняя, что означает "саботаж" и к какому именно "прямому действию" он призывает. Все воззвание походило на провокацию по отношению к рабочим. Но при отсутствии малейшего влияния и при отсутствии заботы об этом влиянии провокация имела не трагический, а юмористический характер. Для Галисии дело сводится не к тому, чтобы вовлечь ту или другую часть массы в действительную борьбу, а к тому, чтобы выкрикнуть несколько ультралевого фраз вне связи с действительной жизнью класса. Смесь сектантства, авантюризма и цинизма в высшей степени характерна для известной категории мелкобуржуазных псевдо-революционеров. Но при чем тут марксизм? При чем тут IV Интернационал?

Ни по одному принципиальному вопросу Галисия не представил до сих пор своих тезисов, контртезисов или поправок. Со свойственным ему идейным паразитизмом он ограничивается тем, что подхватывает здесь и там слухи, сплетни, переводит на испанский язык ультралевого статьи против IV Интернационала со всех концов света, вступает в сношения с врагами IV Интернационала, не берет на себя прямой ответственности ни за что, ни за кого, а выполняет только роль обиженного дезорганизатора. Разве этот тип имеет что-либо общее с типом революционного борца?

Грубые и несправедливые атаки Галисии против Диего Ривера входят необходимой частью в его мелкобуржуазную политику. Тот факт, что артист мирового значения полностью и целиком принадлежит к нашему движению, представляет для нас огромную ценность. Известно, как высоко Маркс ценил принадлежность к Интернационалу немецкого поэта Фрейлиграта²⁸⁶, хотя Фрейлиграт ни по своей революционности, ни по своим художественным данным не

мог сравниться с Риверой. То же самое приходится сказать об отношении Ленина к Горькому, который в революционном отношении представлял всегда туманное пятно. Маркс и Ленин исходили из того, что Фрейлиграт и Горький своим артистическим творчеством служат огромную службу делу пролетариата, а своей поддержкой партии повышают ее мировой авторитет. Тем более мы должны ценить участие Диего Ривера в IV Интернационале! Смешно и преступно было бы возлагать на великого артиста бюрократическую повседневную работу, отрывая его от художественного творчества; еще более преступно прикрывать ошибки собственной организации постоянными личными атаками против Риверы. Это характеризует полностью завистливую, интриганскую, мелкобуржуазную психологию Галисии и ему подобных.

Кто поддерживает Галисию на международной арене? Молинье, который перепечатывает его документы и дает ему свои документы для перепечатки; Вареекен, который опирается на Галисию во всех своих заявлениях; Олер, который поощряет Галисию и К||, дружески похлопывая их по плечу и советуя идти до конца, т. е. до открытого разрыва с Интернационалом. К какому же лагерю, в конце концов, принадлежит сам Галисия? К лагерю IV Интернационала или к лагерю его врагов? Галисия заявляет о "подчинении", видимо, только для того, чтобы оставаться внутри IV Интернационала и вести разлагающую политику.

Галисия считает возможным намекать, что конгресс IV Интернационала руководствовался какими-то закулисными или личными соображениями. Большинство наших организаций ведут нелегальное или полулегальное существование, связанное с чрезвычайными жертвами и требующее поэтому чрезвычайного идеализма и героизма. И вот оказывается, что эти организации послали своих делегатов для того, чтобы осудить Галисию на основании каких-то недостойных соображений. Можно ли больше выдать свою собственную природу? Не показывает ли Галисия, что он есть только раздраженный мелкий буржуа?

Галисия позволяет себе сблизить IV Интернационал со Сталинтерном. На самом деле сам Галисия - законный продукт Сталинтерна. Бюрократы или кандидаты в бюрократы делятся, по общему правилу, на удовлетворенных и неудовлетворенных. Первые применяют самые бешеные репрессии для охранения своих постов. Вторые прикрывают бешеной левой фразой свою собственную узвленную амбицию. Один тип легко переходит в другой, как легко браконьер становится жандармом. Но если Галисия считает возможным заподозрить конгресс IV Интернационала в недостойных мотивах, то что вообще связывает его с этой организацией?

*

Какие выводы вытекают из изложенного? Галисия явно не понял смысла решений нашего международного конгресса, как он явно не понял смысла и духа IV Интернационала. Неудивительно, что он не понял значения своих собственных ошибок. Он продолжает и усугубляет эти ошибки. Он игнорирует наш

Интернационал во имя солидарности со всякими центристскими и ультралевыми кликами. Вот почему, на наш взгляд, решение, принятое о нем на международном конгрессе, сегодня уже недостаточно; оно должно быть дополнено. Невозможно принимать Галисию в организацию на основе его явно фальшивого "признания" решений конгресса. Эти решения не допускают старой политики Галисии и его группы. Можно еще дать полгода Галисии на размышление, оставив его пока за порогом мексиканской секции IV Интернационала. Если за эти полгода Галисия поймет, что IV Интернационал есть революционная организация, основанная на определенных принципах действия, а не дискуссионный клуб, созданный для мелкобуржуазных интеллигентов, то он снова найдет путь в организацию; в противном случае он навсегда останется за ее порогом. Что касается остальных членов группы Галисии, то они могут войти в организацию только на основе действительного, а не дипломатического признания решений конгресса. В противном случае организация будет строиться без них. Таково наше предложение.

[Л.Д.Троцкий]

5 декабря 1938 г.

S.O.S.287!

К вопросу о положении во Франции

Империалистическая Франция окончательно вошла в критическую стадию. Парламентарный режим явно обречен. Франция должна будет превратиться либо в страну фашистской диктатуры, либо в социалистическую республику. Третьего не дано.

В 1936 г. революционное движение французских рабочих получило грандиозный размах. Глупцы думали, что стачечное движение явилось результатом деятельности "Народного фронта". Как раз наоборот: нарастающий напор масс и возникшая отсюда революционная опасность вызвали, как и в Испании, создание Народного фронта.

Каждая революция, даже в стране, которая проделала дюжину революций, начинается с наивных иллюзий и блаженной доверчивости: новым поколениям приходится учиться заново. Народный фронт во Франции поставил себе ту же задачу, которую в России в марте 1917 г. поставила себе так называемая "коалиция" из кадетов, меньшевиков и социалистов-революционеров: задержать революцию на ее первом этапе. Разница та, что реформистская бюрократия во Франции (социалисты, коммунисты, синдикалисты) неизмеримо могущественнее, чем она была в России в 1917 г. На поддержку французскому Народному фронту к тому же выступил Кремль от имени Октябрьской революции, победившей против русского Народного фронта. Наконец, революционная партия во Франции неизмеримо слабее, чем была в России.

Благодаря этим условиям французской коалиции несомненно удалось затормозить и до известной степени сказать заранее нельзя. Если глубоко и

надолго, то Народный фронт, уже безнадежно расколотый, будет окончательно сметен, и во Франции воцарится реакционная диктатура. Если же, как можно твердо рассчитывать, движение, временно придавленное Народным фронтом, проложит себе выход, оно может завершиться и завершится победой социализма. Третьего не дано.

Нынешние официальные руководители пролетариата, они же организаторы Народного фронта: Жуо, Леон Блюм, Торез и К^{||} являются подлинными могильщиками парламентарной демократии. Никто сейчас не помогает фашизму так, как эти насквозь прогнившие "столпы" Третьей республики. Об "опасности" для империалистической демократии говорить поздно: она обречена, она пойдет на слом. Но и французский рабочий класс в величайшей опасности.

Преуменьшать ее было бы преступно. Но столь же преступно было бы преуменьшать силы французского пролетариата, его боевые традиции, его талант революционной импровизации. В его толще рассеяны тысячи и тысячи революционных элементов. Французская секция IV Интернационала успела воспитать серьезные кадры. Надвигающаяся опасность неизбежно будет толкать влево один слой рабочего класса за другим. Передовым элементам пролетариата конгресс IV Интернационала дал революционную программу. Чего им не хватает, так это взаимной связи, централизованной организации, технических и материальных средств. Надо окружить революционных рабочих Франции атмосферой международного сочувствия и активной поддержки. Фашизм готовит гражданскую войну. Важным нервом всякой войны являются деньги. Надо прийти французской секции IV Интернационала на помощь деньгами. Эта обязанность далеко выходит за круг одних лишь членов IV Интернационала. Все друзья свободы и социализма обязаны прийти на помощь передовым рабочим Франции.

Есть ли еще время? Все говорит за то, что есть. Во Франции нет сильной фашистской партии. Правда, такой многочисленной организации, какою была партия Гитлера еще до завоевания власти, во Франции не будет: это не в традициях и не в нравах страны. Организация гораздо меньшей численности способна во Франции увлечь отчаявшиеся и обескураженные мелкобуржуазные массы на реакционный переворот. Но все же нынешняя организационная слабость французского фашизма является чрезвычайно важным козырем в руках партии революции. До того, как назреет окончательно фашистский переворот, должен неминуемо пройти известный срок, ряд месяцев, может быть, год, может быть, два.

За этот срок даже молодая революционная партия может совершить чудеса. Нужно подать сигнал тревоги. Нужно открыть международную кампанию против надвигающейся фашистской катастрофы во Франции. Нужно понять и разъяснить массам, что катастрофу, как и в Германии, подготавливают партии Второго и Третьего Интернационалов. Нужно придать мужества, смелости, инициативы революционному авангарду Франции. Нужно открыть международный сбор в революционный фонд французского пролетариата. Инициативу должны подать передовые элементы Соединенных Штатов. Нужно заглянуть вперед и увидеть надвигающуюся опасность, как она есть. Во Франции решается судьба мирового

пролетариата, в том числе и пролетариата Северной Америки. Нужно напрячь все силы, не теряя ни одного дня. Героические задачи требуют героических средств!

Л.Троцкий

8 декабря 1938 г.

Койоакан

Еврейская буржуазия и революционная борьба

Патер Кофлин²⁸⁸, который, видимо, стремится показать, что абсолютная идеалистическая мораль не мешает человеку быть величайшим мошенником, заявил по радио, что я получал в свое время на революцию крупные суммы денег от еврейской буржуазии в Соединенных Штатах. Я уже ответил в печати, что это неправда. Я не получал этих денег не потому, разумеется, что отказывался от финансовой поддержки революции, а потому, что еврейская буржуазия не оказывала этой поддержки. Еврейская буржуазия остается верна принципу: не давать и теперь, когда дело идет о ее собственной голове. Задыхающийся в своих противоречиях капитализм направляет бешеные удары против еврейства, причем часть этих ударов падает и на еврейскую буржуазию, несмотря на все ее прошлые "заслуги" перед капитализмом. Меры филантропического характера по отношению к беженцам становятся все менее и менее действительны по сравнению с гигантскими размерами бедствий, обрушивающихся на еврейский народ.

Сейчас на очереди стоит Франция. Победа фашизма в этой стране означала бы грандиозное усиление реакции и чудовищный рост погромного антисемитизма во всем мире, прежде всего в Соединенных Штатах. Число стран, изгоняющих евреев, непрерывно возрастает. Число стран, способных принять их, убывает. Одновременно возрастает ожесточение борьбы. Можно без труда представить себе, что ждет евреев в самом начале будущей мировой войны. Но и без войны дальнейшее развитие мировой реакции означает почти с неизбежностью физическое истребление еврейства.

Палестина оказалась трагическим призраком, Биробиджан - бюрократическим фарсом. Кремль отказывается принимать изгнанников. "Антифашистские" конгрессы старых леди и молодых карьеристов не имеют ни малейшего значения. Сейчас более, чем когда-либо, судьба еврейского народа - не только политическая, но и физическая судьба - неразрывно связана с освободительной борьбой международного пролетариата. Только смелая мобилизация рабочих против реакции, создание рабочей милиции, прямой физический отпор бандам фашизма, повышение веры в себя, активности и смелости всех угнетенных могут вызвать перелом в соотношении сил, приостановить мировую волну фашизма и открыть новую главу в истории человечества.

Четвертый Интернационал первым предупредил об опасности фашизма и первым указал пути спасения. Четвертый Интернационал призывает еврейские народные массы не делать себе никаких иллюзий, а смотреть грозной действительности прямо в глаза. Спасение - только в революционной борьбе.

"Нервом" революционной борьбы, как и войны, являются деньги. Прогрессивные и дальновзоркие элементы еврейства обязаны прийти на помощь революционному авангарду. Время не терпит. День сейчас равен месяцу и даже году. Что делаешь, делай скорей!

Л.Троцкий

22 декабря 1938 г.

Койоакан

[Письмо М.Зборовскому и Л.Эстрин]

22 декабря 1938 г.

С новым годом!

Дорогие друзья!

Я с большим огорчением убедился, что у меня нет книжки Шумяцкого "Туруханка. (Очерки из жизни ссыльных Туруханского края 1908-1916 годов)"²⁸⁹. Книжка вышла, должно быть, в 1925 или 1924 году. У меня есть только выписка из рецензии об этой книжке, но выписок из самой книжки нет, а между тем, по всей видимости, она представляет большой интерес. Нельзя ли разыскать ее в Нью-Йорке или Париже? Буду очень благодарен, дело крайне спешное.

Посылаются вам также и статьи, написанные не для "Бюллетеня" (на всякий случай). Статья о Франции может пойти передовой²⁹⁰ (как перевод из "Лютт увриер", может быть, - для осторожности).

Читал письмо Александровой²⁹¹ в меньш[евистском] журнале. Что она думает делать дальше? Не собирается ли додумать свои правильные мысли до конца? (Ее статьи о литературе отличались свежестью тона от зауспокойных завываний Дана, Абрамовича и К||). Нет ли у вас путей к Александровой?

Я еще не заключил договора с Граззет²⁹² на "Сталина". Если заключу, то хотел бы дать право на "бон-а-тире"²⁹³ Паульсену²⁹⁴ и Дениз Навиль (вместе). Я был бы очень рад, если бы они согласились. Тогда был бы контроль над переводчиком.

Не думаю, чтоб тоталитарный режим установился во Франции так скоро, как вы опасаетесь. Но береженого бог бережет...

Все посланные вами книги получили. Я послал Н[иколаев]скому 4 (кажется) книги; надеюсь, что он получил.

Все взятое у него будет в сохранности возвращено.

Мне, может быть, придется предложить одному научному учреждению в С[оединенных] Шт[атах]²⁹⁵ европейского агента по собиранию материалов о русской революции. Работа, конечно, платная. Согласится ли Н[иколаев]ский взять на себя? Работа может стать интересной и значительной. Пока это еще не окончательно. Но нужно принципиальное согласие.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо М.Пиверу]

Дорогой товарищ Пивер!

Признаюсь, я приступил к этому письму не без колебаний. Не только потому, что наши политические мнения далеко не совпадают, но, главным образом, потому, что сама мысль обратиться из далекой страны к политическому деятелю Франции по вопросу, касающемуся Франции, может показаться неуместной. Однако я отбросил эти сомнения. Положение является настолько критическим, судьба пролетариата Франции и всей Европы, в значительной степени - всего мира в такой мере зависит от дальнейшего хода событий во Франции; основные элементы положения настолько ясны, даже на большом расстоянии, что я считал бы недопустимым не сделать попытку объясниться с вами сейчас, когда не все еще потеряно.

Развитие во Франции шло в течение последних трех-четырёх лет медленнее, чем можно было ожидать в 1934-1935 годах, когда я писал брошюру "Куда идет Франция?" Реальная действительность всегда богаче возможностями, поворотами, осложнениями, чем теоретический прогноз. Но общий ход событий не внес все же ничего принципиально нового по сравнению с нашей концепцией. Не стану здесь на этом останавливаться, так как вопросу посвящена моя последняя статья "Час решения близится"²⁹⁶, которая, надеюсь, появится вскоре на французском языке (на всякий случай прилагаю копию к этому письму). Развитие явно близится к развязке. Развязкой может быть только установление фашистской, на первых порах предфашистской (бонапартистской) диктатуры военного типа, или - победа пролетариата. Не думаю, что на этот счет у нас с вами есть разногласия. Не думаю также, что есть разногласия насчет сроков: год-два, по-моему, максимальный срок, который остается до "окончательной", т. е. на долгие годы непоправимой развязки.

Что может спасти положение во Франции - это создание подлинного революционного авангарда из нескольких тысяч человек, ясно понимающих обстановку, совершенно свободных от влияния буржуазного и мелкобуржуазного ("социалистического", "коммунистического", "анархо-синдикалистического" и пр.) общественного мнения и готовых идти до конца. Такой авангард сумеет найти дорогу к массам. За последние десять-пятнадцать лет мы не раз видели, как под ударами больших событий рассыпаются в прах большие традиционные партии и их группировки вроде Железного фронта (без железа), Народного фронта (без народа) и пр. Не разбивается и не рассыпается только то, что скреплено ясными, отчетливыми, непримиримыми революционными идеями.

Я не имею возможности близко следить за деятельностью вашей партии, не знаю ее внутреннего состава и потому воздерживаюсь от оценки. Но я знаю другие партии Лондонского бюро, которые существуют не первый год. Я спрашиваю себя: может ли ваша партия идти навстречу грандиозным задачам рука об руку с Феннером Броквеем, Вальхером, Снивлитом, Брандлером и другими почтенными инвалидами, которые не только не доказали ничем своей способности ориентироваться в революционных событиях, но, наоборот, многократно доказали свою абсолютную неспособность к революционному действию, а в последующие

годы - столь же абсолютную неспособность научиться чему-либо на собственных ошибках. Лучшей группой в этой среде был ПОУМ. Но разве не ясно теперь, что страх ПОУМа перед мелкобуржуазным общественным мнением Второго и Третьего Интернационалов и особенно анархистов явился одной из главных причин крушения испанской революции?

Одно из двух: либо французский пролетариат, обманутый и обессиленный Блюмом, Торезом, Жуо и К||, будет застигнут врасплох и раздавлен без сопротивления, как пролетариат Германии, Австрии и Чехословакии... Но об этом варианте незачем рассуждать: рабская прострация не требует никакой стратегии. Либо же в остающийся период авангард французского пролетариата еще поднимет голову, сплотит вокруг себя массы и окажется способен как на сопротивление, так и на наступление. Но этот вариант предполагает подъем массовых надежд, веры в себя, страстей, гнева по отношению к врагам, что все среднее, промежуточное, бесформенное будет отброшено в сторону и развеяно по ветру. Только революционеры, готовые идти до конца, способны возглавить подлинное восстание масс, ибо массы прекрасно отличают колебания от беззаветной решимости. Для восстания массам нужно твердое руководство. А без такого восстания гибель неминуема, притом в очень короткий срок.

Я не вижу другого пути к формированию революционного авангарда во Франции, как объединение вашей партии с секцией IV Интернационала. Я знаю, что между двумя организациями ведутся переговоры о слиянии, и от меня далека мысль вмешиваться в эти переговоры или подавать отсюда конкретные советы. Я подхожу к вопросу с более общей точки зрения. То обстоятельство, что переговоры имеют длительный и затяжной характер, кажется мне крайне тревожным фактом, именно симптомом несоответствия между объективной обстановкой и состоянием умов даже в самых передовых рядах рабочего класса. Я был бы счастлив узнать, что я ошибаюсь.

Вы несете большую ответственность, т. Пивер, очень похожую на ту ответственность, которая лежала на Андрее Нине в первые годы испанской революции. Вы можете дать большой толчок событиям вперед. Но вы можете и оказаться в фатальной роли тормоза. В моменты острого политического кризиса личная инициатива способна оказать большое влияние на ход событий. Необходимо только твердо решиться на одно: идти до конца!

Я надеюсь, что вы правильно оцените побуждения, руководившие мною при написании этого письма, и горячо желаю вам успеха на пути пролетарской революции.

Л.Троцкий

22 декабря 1938 г.

Койоакан

К позорному столбу!

По поводу последнего конгресса СЖТ

Если у кого-либо еще были какие-то иллюзии насчет характера руководства СЖТ, то последний конгресс этой организации не оставил от этих иллюзий ничего. Если кто-либо еще мог вчера надеяться, что руководство СЖТ способно эволюционировать в прогрессивном направлении, то сегодня над этими надеждами нужно поставить крест. Господин Рамирес²⁹⁷ и его сподвижники с похвальной откровенностью показали всю глубину своего вырождения и падения. На политическом языке вряд ли можно найти подходящие термины для того, чтобы охарактеризовать нынешнюю политическую физиономию этой клики. Ввиду приближающейся избирательной кампании и связанных с нею сделок и подачек вожди СЖТ внезапно отrekliсь от своего маргаринового "анархизма" и "интернационализма" ради национального буржуазного государства. Под предлогом борьбы со сталинизмом они продают организацию пролетариата худшей буржуазной реакции, состоящей в услужении у иностранного империализма. По отношению к нефтяным и иным капиталистам Рамирес открыто выступает ныне как агент второй степени. Никто не оказывал и не мог оказать такой услуги Ломбардо Толедано и всей вообще сталинской агентуре, как правящая клика СЖТ.

Подавляющее большинство рядовых членов этой организации, разумеется, не имеют никакого представления о той предательской интриге, которая была сфабрикована за их спиной. Рабочие являются лишь жертвой личных и групповых происков господ "вождей". Но тем преступнее и постыднее тот реакционный переворот, который получил свое завершение на последнем конгрессе СЖТ и открыл эру подлинной и открытой политической проституции.

Клеветники из сталинского лагеря распространяют сплетню, будто IV Интернационал и близкие ему группы склонны к политическому блоку с верхушкой СЖТ. Мы отбрасываем эту сплетню, как и все другие, с естественным отвращением. Элементарный долг революционного марксиста состоит в том, чтобы вести систематическую работу в массовых организациях пролетариата, в первую очередь в профессиональных союзах. Этот долг распространяется на СТМ, на СЖТ и на все вообще профессиональные организации. Но упорная работа внутри союзов, воспитание рядовых членов в духе революционного марксизма, как небо от земли, далеки от политики авантюристских блоков с развращенной синдикальной верхушкой. Кто дает черту палец, тот легко потеряет руку. Ни один революционный марксист не даст не только пальца, но и ногтя нынешней правящей клике СЖТ. Непримируемая борьба с нею перед лицом рабочего класса есть элементарный революционный долг. Г[осподина] Рамиреса и его сподвижников пролетарский авангард должен навсегда пригвоздить к позорному столбу!

*

Клика Толедано-Лаборде организует против СЖТ физические преследования: нападения на помещения и собрания, технический саботаж радиопередач и пр. Такого рода гангстеризм, введенный в обиход мирового рабочего движения Сталиным, не имеет ничего общего с подлинной борьбой против реакции, а является лишь упрощенным способом сведения счетов между разными кликами

рабочей бюрократии. Задача революционной политики состоит не в том, чтобы механически помешать реакционному синдикальному вождю высказываться, а в том, чтобы научить массы не доверять реакционным вождям и изгонять их.

Нельзя не отметить снова, что сталинцы, подражая своему учителю, все более нагло и открыто применяют для своих целей всякого рода "тоталитарные" репрессии; но не имея в Мексике власти, они вынуждены ограничиваться внутренней борьбой в рабочем классе. Тоталитарные методы в буржуазном государстве, т. е. в обществе, основанном на частной собственности, представляют, однако, не что иное, как фашизм. В этом смысле приемы Толедано-Лаборде являются расчисткой пути для фашистской диктатуры. Всякие ограничения демократии в буржуазном обществе неизбежно падают в конце концов всей своей тяжестью на рабочий класс. Подлинными предтечами фашизма в Мексике являются не только Рамирес, агент открытой реакции, но и сталинцы Лаборде и Толедано. Не нужно, однако, думать, что они добьются этим снисхождения у той фашистской диктатуры, которую они готовят. Нет, в случае ее победы они попадут в концентрационный лагерь, если своевременно не сбегут. Может быть, в концентрационном лагере им удастся, наконец, понять смысл тех предупреждений, которые мы им делаем не в первый раз.

[Л.Д.Троцкий]

31 декабря 1938 г.

Вопрос о революционном насилии

Законодательство и законодатели отличаются крайне консервативным характером. Они отражают в историческом смысле вчерашний день. Это особенно ярко видно на вопросе о насилии. Юридическая конструкция обвинения такова: насилие может быть допустимо в тоталитарных странах, но в демократиях, где народ имеет полную возможность выразить свою волю, насилие, призыв к насилию, подготовка революционного насилия представляют тяжкие преступления.

Я не буду говорить о том, в какой мере экономические условия демократии действительно допускают свободное выражение народной воли. Здесь не место для развития марксистских взглядов на этот вопрос, которые сформулированы в решении первых четырех конгрессов Коминтерна и в ряде теоретических и политических работ, в том числе и моих. Занимает здесь чисто юридическая сторона вопроса. С этой точки зрения приходится сказать, что современное законодательство против революционного насилия оставило совершенно без всякого внимания опыт трех великих государств: Италии, Германии и Испании, не говоря о десятке более мелких государств. Между тем, этот опыт неоспоримо показал, что, когда угнетенные классы угрожают приблизиться к завоеванию государственной власти демократическими путями, незадолго до этого наиболее решительный фланг господствующих классов ниспровергает демократию, причем господствующие классы поддерживают это ниспровержение.

Проницательный консерватор должен был бы, по моему мнению, поддерживать Коминтерн, т. к. главным тормозом рабочего движения является сейчас,

несомненно, Коминтерн. Основные черты этой организации прямо противоположны чертам революционной партии. Ленин любил повторять: "Кто в политике верит на слово, тот безнадежный идиот". Это сильно сказано, но правильно по существу. Вся политика, вся организация Коминтерна основана на безусловном и слепом доверии вождям. Это значит, другими словами, что Коминтерн воспитывает политических идиотов. Такая партия может, разумеется, принести временные затруднения и беспокойства, но она совершенно не опасна для существующего строя. Она стала тормозом борьбы рабочего класса и главным препятствием на пути революции.

Является ли Коминтерн агентурой московского правительства? Ответ зависит от того, как понимать слово "агентура". В политическом смысле партия Коминтерна несомненно является агентурой Кремля. В аппарате Коминтерна есть, несомненно, немало лиц, которые являются прямыми агентами Кремля и состоят на особом жаловании. В Центральном Комитете каждой секции Коминтерна есть, насколько я знаю, доверенный агент ГПУ. Но, разумеется, эти лица скрывают свою особую функцию от собственной партии, даже от собственного Центрального Комитета. Назвать каждого коммуниста агентом Москвы можно лишь в том смысле, в каком каждого католика можно назвать агентом римского папы.

В мексиканской печати появились телеграммы из Соединенных Штатов о моих будущих показаниях перед вашингтонской комиссией Палаты депутатов по поводу деятельности мексиканских и испано-американских коммунистов, в частности в связи с вопросом о нефти. В этих сообщениях говорится, будто я в течение нескольких лет передавал агентам упомянутой выше комиссии документы, будто меня посещал в Мексике представитель этой комиссии и пр. Все это сообщение представляет чистейший вымысел с начала до конца.

Я действительно получил телеграмму от упомянутой комиссии. Совершенно независимо от политической тенденции председателя этой комиссии я не считал возможным уклониться от выступления в качестве свидетеля в публичном расследовании.

Дело шло, таким образом, о моих показаниях насчет развития сталинизма, а вовсе не о внутренней жизни испано-американских стран, с которой я, к сожалению, очень мало знаком. Никаких документов, касающихся деятельности испано-американских коммунистов или вопросов о нефти, у меня никогда не было и нет, следовательно, я не мог передавать их упомянутой комиссии. Ни один из ее представителей не посещал меня в Мексике. К разоблачениям действительных или мнимых планов испано-американских коммунистов я не имел и не имею никакого отношения.

Если бы мне действительно пришлось фигурировать в качестве свидетеля перед комиссией Палаты представителей, то именно по тем вопросам, на которые ссылается приведенная выше телеграмма за подписью господина Мэттиса²⁹⁸. Все остальное представляет, как уже сказано, продукт измышления в погоне за дешевой сенсацией.

[Декабрь 1938 г.]

Редакция "Клаве" читателям

Наш журнал не предназначен для легкого чтения. Марксистская теория есть руководство к действию. Мы хотим иметь читателей, которые изучают марксизм, которые учатся мыслить по-марксистски для того, чтобы действовать, как пролетарские революционеры.

Вопросы, стоящие сейчас перед мировым рабочим классом, крайне сложны. Мы стараемся давать на эти сложные вопросы как можно более ясные и простые ответы. Тем не менее мы отдаем себе отчет в том, что среднему рабочему понимание многих статей нашего журнала недоступно. Выходом из положения является создание небольших кружков для чтения "Clave".

Пролетарский революционер серьезно относится ко всем вопросам и прежде всего к вопросу о собственном теоретическом воспитании. Каждую статью надо подвергать всестороннему обсуждению. Свои сомнения или возражения надо точно формулировать и направлять в редакцию журнала. Постоянное общение между редакцией и читателями является основным условием правильного направления журнала и его тесной связи с классовой борьбой пролетариата.

Вместе с тем мы ждем от наших читателей материальной помощи. Мы уже заявляли, что в распоряжении редакции нет никакого фонда. Если наш журнал вам нужен, друзья и читатели, докажите это делом: вербуйте подписчиков, продавайте шире отдельные номера, собирайте ежемесячные взносы, укрепляйте фундамент "Clave"!

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1938 г.]

Наш журнал и президентская кампания

Некоторые читатели спрашивают нас, какова политика нашего журнала в президентской кампании²⁹⁹? Мы отвечаем: наш журнал не принимает участия в борьбе кандидатур. Не вследствие, разумеется, анархических предрассудков о неучастии в политике: как выглядит это "неучастие" на деле, мы не раз видели во Франции, в Испании и в самой Мексике. Нет, мы стоим за самое активное участие рабочих в политике. Но за самостоятельное участие. Сейчас в Мексике нет ни одной рабочей партии, ни одного профессионального союза, которые вели бы самостоятельную классовую политику и способны были бы выставить самостоятельную кандидатуру. В этих условиях нам не остается ничего, кроме как ограничиться марксистской пропагандой и подготовкой будущей самостоятельной партии мексиканского пролетариата.

[Л.Д.Троцкий]

[Декабрь 1938 г.]

Куда идет ПСОП?300

Дорогой друг!

Спешу ответить на ваше письмо от 24 января, которое дало мне важную информацию о положении дел в ПСОП. Я нахожу необходимым высказаться по поводу тех соображений, которые развил в беседе с вами Марсо Пивер.

Он заявил о "полной солидарности" со мной в оценке общего положения во Франции. Незачем говорить, что я высоко ценю такое заявление. Но оно все же недостаточно. Для возможности совместной деятельности нужно не только единство оценки - нужны одни и те же практические выводы, по крайней мере, наиболее существенные. По поводу июньских дней 1936 г. Марсо Пивер писал: "Теперь все возможно". Это была прекрасная формула. Она означала: с этим пролетариатом можно идти до конца, т. е. взять прямой курс на завоевание власти. В те же приблизительно дни я писал: "Французская революция началась". Общая посылка с Марсо Пивером у нас была таким образом налицо. Но именно поэтому я не мог понять, каким образом Марсо Пивер мог оказывать Блюму хотя бы условное, хотя бы ограниченное доверие, хотя бы полудоверие, когда было совершенно ясно, что этот консервативный и трусливый буржуа, дезертир с ног до головы, способен вести пролетариат только к поражениям и унижениям?

Но не будем возвращаться к прошлому. Возьмем нынешнее положение. Вопрос о франк-масонстве имеет в моих глазах огромное политическое и симптоматическое значение. В эпоху глубочайшего революционного кризиса, который переживает сейчас Франция и который ставит перед пролетариатом ребром вопрос о борьбе за власть, элементарной и неотложной обязанностью революционных вождей является порвать все политические и моральные связи с предательскими вождями радикализма и официального "социализма", которые все будут против рабочих.

Я не знаю, масон ли Даладье; но Шотан масон, и с ним, вероятно, ряд других министров. Спрашивается, как можно всерьез восставать против подлой политики "Народного фронта", т. е. против политического подчинения пролетариата радикальной буржуазии, и в то же время оставаться в блоке с вождями радикальной буржуазии, - с этими устричками и ставискарками³⁰¹, которые в качестве масонов ставят себе задачей "нравственное" возрождение человечества? Перед лицом такого вопиющего противоречия каждый рабочий вправе сказать: "Эти социалисты не верят сами в социалистическую революцию, иначе они не могли бы оставаться в дружбе с вождями того класса, против которого они будто бы готовят революцию!"

Благодаря счастливой или несчастливой случайности (не знаю, как сказать) мне довелось довольно близко наблюдать уголок франк-масонства во время моего пребывания в Ивере. Я жил в доме у франк-масона; его гости в большинстве случаев принадлежали к масонству. Среди моих молодых друзей был масон, вскоре порвавший с масонством. Я могу поэтому исходить не только из общих соображений, совершенно бесспорных самих по себе, но и из живых

наблюдений над ролью масонства в политической жизни французской провинции.

Верхний слой - радикалы, или "социалисты", адвокаты, депутаты, карьеристы, циники, для которых ложи - только избирательный аппарат. В масонских ложах Гренобля рабочих нет или почти нет, зато заметное место занимают мастера, низший административный персонал. Я знал одного из контрэмэтров³⁰² и имел интересные сведения о другом. Главной заботой их было отделиться от рабочих, попасть в "хорошее общество", послушать образованных людей. Они смотрели с искренним благоговением на адвокатов и профессоров, которые преподносили им гуманитарные и пацифистские банальности. Заправила лож, играющая роль в муниципальной и политической жизни Гренобля при помощи масонского ритуала подчиняют себе мелкобуржуазную клиентуру и небольшую группку рабочей или полуробочей аристократии. Некоторые из этих господ сами не входят в масонство, а дергают нитки из-за кулис. В масонстве сосредоточены все те паразитические черты, которые столь отталкивают ныне от Второго Интернационала, как и от Третьего. Можно ли рвать с социал-демократией и Коминтерном и оставаться в то же время связанным с худшей карикатурой обоих, именно с франк-масонством?

Революция требует человека полностью и целиком. Крайне подозрительны те революционеры, которые не находят удовлетворения своим политическим и моральным запросам в революционной пролетарской партии и ищут чего-то "лучшего", "высшего" в обществе радикальных буржуа. Чего именно ищут они? Пусть объяснят это рабочим открыто! Самое трудное, но и самое важное в такую эпоху, какую переживает Франция, - это освободиться от влияния буржуазного общественного мнения, внутренне порвать с ним, не бояться его травли, лжи, клеветы, как и презирать его похвалы, его заискивания. Только при этом условии можно обеспечить себе необходимую свободу действий, своевременно подслушать революционный голос массы и стать во главе ее для решительного наступления. Между тем, франк-масонство по самому существу своему есть предохранительный клапан против революционных тенденций. Известный (очень небольшой) процент честных идеалистов в составе лож увеличивает опасность масонства.

Вот почему я вынужден прийти к заключению, что Марсо Пивер не делает из своих революционных посылок необходимых выводов. А это опаснее всего в революционную эпоху. Именно вследствие своей неспособности сделать необходимые практические выводы и разбил себе голову ПОУМ. Вся беда, видимо, в том, что Марсо Пивер и сейчас удовлетворяется своим радикальным анализом обстановки, но останавливается в нерешительности перед теми революционными задачами, которые из этого анализа вытекают.

В связи со сказанным я с большой тревогой оцениваю те упреки и обвинения, которые Марсо Пивер выдвигает против некоторых членов ПОИ, вошедших в настоящее время в ПСОП. Они позволяют себе, по его словам, "грубые нападки", употребляют "неправильный тон", отталкивают своей "резкостью" и пр. и пр. Я далек от мысли разбирать отдельные примеры, которых я не знаю и знать отсюда не могу. Допускаю, что могли быть в том или

другом случае бестактные выступления. Но разве это может иметь серьезное политическое значение в глазах революционера? С тех пор, как существует рабочее движение, на представителей левого крыла (на Маркса, на Энгельса, на Ленина, на Р.Люксембург, на Карла Либкнехта) всегда падали обвинения в дурном тоне, в резкости и бестактности. Объясняется это, с одной стороны, тем, что социалисты, которые не порвали до конца с предрассудками буржуазного общественного мнения и которые сами чувствуют двойственность своего положения, чрезвычайно болезненно воспринимают всякую критику. Таков психологический закон! С другой стороны, те, которые в отчаянной борьбе с господствующими партиями усвоили себе непримиримые революционные взгляды, склонны всегда, особенно в критической обстановке, как ныне, проявлять нетерпение, настойчивость, раздражение по отношению к центристским элементам, которые колеблются, выжидают, уклоняются и теряют время. Полемический диалог между этими двумя типами проходит через всю историю революционного движения.

Указывать на демократию внутри партии и в то же время жаловаться на "тон" кажется мне не очень последовательным. Демократия находит свое ограничение в централизме, т. е. в необходимости единства действий. Но заявлять: так как у нас демократия, то не смей слишком широко разевать рот и говорить тоном, который мне не нравится, - это неправильно. Революционерам еще более не нравится тон уклончивости, тон подлаживания, тон увещаний по адресу Блюма. В обоих этих случаях тон неразрывно связан с самим содержанием политики. Об этом содержании и нужно говорить!

Если бы кто-либо из бывших членов ПОИ нарушил дисциплину ПСОП, я понял бы не только обвинения, но и исключение из партии. Каждая организация вправе оберегать свою дисциплину. Но когда я слышу обвинения в том, что Х и У слишком неучтиво защищали свои взгляды и этим заставили уйти из партии двух "очень ценных" товарищей, то я прихожу в полное недоумение. Чего стоит тот революционер, который покидает партию только потому, что кто-то резко критиковал его взгляды? Чувствительные мелкие буржуа, которые смотрят на партию, как на салон, как на клуб друзей или как на масонскую ложу, не годятся для революционной эпохи. Если они не выдерживают критических замечаний, то этим они только показывают свою внутреннюю несостоятельность: таким людям нужен лишь какой-либо благовидный предлог, чтобы покинуть баррикаду.

Революционеры, которые открыто, хотя бы и резко, высказывают свое мнение, неопасны для ПСОП. Опасны для нее беспринципные интриганы, люди, способные к маскировке, готовые прикрыться любыми идеями, защищающие сегодня одно, завтра другое, авантюристы типа Раймона Молинье, которые пытаются обеспечивать свое влияние не идейной борьбой, а методами закулисных интриг. Опасны самовлюбленные и насквозь бесплодные сектанты типа бельгийца Вареекена, которым партия нужна лишь как аудитория для их соловьиных трелей. Преимущество IV Интернационала в том, что от таких элементов он систематически очищался. Этого же надо пожелать и ПСОП!

Я не останавливаюсь здесь на вопросе о ПОУМ: кто серьезно относится к делу, тот обязан дать ответ на нашу критику ПОУМа. События полностью подтвердили ее. Об ПР (Нез[ависимой] Раб[очей] П[артии]) и вовсе говорить не стоит: по сравнению с Макстоном и К|| покойный вождь меньшевиков Мартов был подлинным революционером. А ведь мы хотим учиться у Ленина, а не у Мартова. Не так ли, Марсо Пивер?

ПСОП откололась от оппортунистической партии слева, притом в очень ответственный и критический момент. В составе ПСОП, как мне пишут, преобладают рабочие. Оба эти обстоятельства являются очень ценным залогом возможного революционного развития партии. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, ПСОП должна пройти через стадию самой широкой, смелой, никакими внешними и посторонними соображениями не связанной дискуссии. Дело идет не о тоне критики, а об ее содержании. Дело идет не о личном самолюбии, а о судьбе французского пролетариата. Ближайшие месяцы, даже недели покажут, вероятно, может ли и хочет ли ПСОП вступить на путь марксизма, т. е. большевизма: эти два понятия полностью совпадают для нашей эпохи.

Крепко жму руку

Ваш

Л.Троцкий

14 февраля 1939 г.

Койоакан

Карл Маркс

Родился 5 мая 1818 г. в Трире, в Германии, в семье еврейского либерального адвоката, принявшей протестантство в 1824 г. Окончив юридический факультет, М[аркс] женился в 1843 г. на Женни Вестфален, вышедшей из реакционной аристократической семьи, но мужественно делившей судьбу революционного борца. Осенью 1843 г. М[аркс] переехал в Париж для издания революционного журнала³⁰³ и здесь впервые встретился с Фридрихом Энгельсом, связавшись с ним нерасторжимой дружбой. Весной 1847 г. М[аркс] и Энгельс примкнули в Брюсселе к тайному "Союзу коммунистов" и по его поручению составили "Манифест Коммунистической Партии" (1848 г.), первое научное обоснование программы пролетариата. После мартовского переворота 1848 г. М[аркс] встал в Кельне во главе "Новой Рейнской Газеты"³⁰⁴. Выброшенный контрреволюцией из Германии и Франции, М[аркс] уехал в Лондон, где жил с семьей до смерти. Только благодаря неутомимой поддержке Энгельса М[аркс] мог подготовить к печати первый том "Капитала" (1867 г.) и закончить вчерне следующие три тома, главный труд своей жизни. В 1864 г. основан был в Лондоне под руководством М[аркс] 1-й Интернационал. Научная работа М[аркса] неразрывно сочеталась с революционной борьбой. 2 декабря 1881 г. умерла Женни М[аркс]. 14 марта 1883 г. М[аркс] навеки заснул в своем рабочем кресле. С его смертью человечество стало, по выражению Энгельса, ниже на

голову. М[аркс] похоронен на кладбище Хайгейт в Лондоне.

[Л.Д.Троцкий]

26 февраля 1939 г.

Невежество - не орудие революции.

По поводу скандальной статьи в "Trinchera Aprista"305

В № 3 нашего издания напечатана была статья т. Диего Ривера по поводу программного письма Айиа де ла Торре306. Статья т. Ривера, как могли убедиться все наши читатели, ставила чрезвычайно важные вопросы, притом в высшей степени спокойным тоном. К нашему величайшему изумлению, один из журналистов АПРА, некий Гильермо Леон307, ответил статьей, которую иначе нельзя назвать, как наглой и непристойной. Вместо ответа по существу поставленных принципиальных вопросов г. Леон считает возможным атаковать Диего Ривера как человека и художника, позволяя себе личные инсинуации, списанные с заборов желтой журналистики. Есть ли надобность защищать Диего Ривера от глупых и грязных атак?

С комическим высокомерием Леон в каждой строчке именуется т. Ривера "художником", как если бы в этом слове заключалось ужасное осуждение. Чтобы увеличить вес своей иронии, - иронии бессильного филистера, - г. Леону следовало бы говорить о "великом художнике": ибо если плохо быть художником, то несравненно хуже быть гениальным. Вслед за Толедано и другими буржуазными "социалистами" Леон обвиняет Ривера в том, что он продает свои картины буржуазии. Кто же, кроме буржуазии, может покупать картины в капиталистическом обществе? Зависая от буржуазии в силу социальных отношений, подавляющее большинство художников идейно закабалены буржуазией. Ривера представляет факт исключительный в том отношении, что сохраняет полную моральную независимость от буржуазии. Именно в этом его право на уважение со стороны каждого рабочего-социалиста и каждого честного демократа. Но Леон не относится ни к той, ни к другой категории.

Леон начинает с возмущения по поводу того, что т. Ривера подходит к Айиа де ла Торре, как к демократу. Леон видит в этом нечто вроде оскорбления и клеветы. Айиа де ла Торре, - восклицает он, - "не демократ, а революционер". Нельзя совершенно понять, что означает это противопоставление. Демократ может быть противопоставлен, с одной стороны, стороннику монархии или фашистской диктатуры; с другой стороны и в другой плоскости - социалисту. Но противопоставить демократа революционеру - почти то же, что противопоставить блондина адвокату. Демократ во Франции или в Соединенных Штатах, разумеется, не может быть революционером. Он стоит за сохранение того, что есть; он консерватор. Но демократ отсталой страны, находящейся под двойным гнетом империализма и полицейской диктатуры, как Перу, не может не быть революционером, если он серьезный и последовательный демократ. Именно эту мысль и развивает Ривера. Он не обвиняет Айиа де ла

Торре в том, что тот выступает в своем программном письме не как социалист, а как защитник демократии. Ривера условно принимает эту позицию и пытается доказать, - по нашему мнению, с полным успехом, - что Айиа де ла Торре выступает как непоследовательный демократ. Вот на это и надо было ответить.

Айиа де ла Торре называет Соединенные Штаты "опекунами нашей свободы" и обещает в случае фашистской опасности (а Бенавидес308 (президент-диктатор Перу) - не опасность?) обратиться к этим "опекунам" за помощью. Т[оварищ] Д.Ривера справедливо осудил эту идеализацию североамериканского империализма. Что отвечает Леон? Он бранится, ссылается некстати на Ленина, цитирует другие заявления де ла Торре, снова бранится, но так и не объясняет, почему накануне конференции в Лиме вождь апризма счел нужным вместо разоблачения действительной роли Соединенных Штатов изображать их - точь-в-точь, как Толедано в "Футуро" - в виде филантропической насадки, охраняющей латиноамериканских цыплят (в том числе нежного цыпленка Бенавидеса) от заокеанского коршуна. Такое подкрашивание действительности недопустимо под пером демократа угнетенной страны.

У революционных марксистов могут быть практические соглашения с революционными демократами, но именно с революционными, т. е. с такими, которые рассчитывают на массы, а не на высокопоставленных насадок. В глазах марксиста АПРА, разумеется, не социалистическая организация, ибо она не является классовой организацией революционного пролетариата. АПРА есть организация буржуазной демократии в отсталой полуколониальной стране. По своему социальному типу, по своим историческим целям и в значительной мере по своей идеологии она стоит между русскими народниками ("социалистами-революционерами") и китайским Гоминьданом. Русские народники были гораздо богаче "социалистической" доктриной и "социалистической" фразеологией, чем АПРА. Это не мешало им оставаться мелкобуржуазными демократами, которые, несмотря на самоотвержение и героизм своих лучших борцов, оказались не в силах выполнить даже демократические задачи. "Социалисты-революционеры" выдвинули аграрную программу. Но, как и все мелкобуржуазные партии, оказались пленниками либеральной буржуазии, этой доброй "насадки", и в конце концов предали крестьянство в революции 1917 г. Этого исторического примера забывать нельзя. Демократ, который сеет доверие к империалистическим "опекунам", может принести угнетенным народам лишь горькие разочарования.

Т[оварищ] Диего Ривера утверждает в своих тезисах, как и в статье, что полного и окончательного освобождения угнетенные народы могут достигнуть только путем революционного низвержения империализма и что эта задача осуществима лишь силами мирового пролетариата в союзе с колониальными народами. На эту бесспорную для всякого марксиста мысль Леон обрушивается потоком бранных выражений и некоторым подобием доводов. Оставляя брань в стороне, попытаемся выделить ядро его аргументации. Пролетариат империалистических стран, говорит Леон, не проявляет ни малейшего интереса к борьбе колониальных народов, которые должны поэтому идти своей собственной

дорогой. Ставить судьбу отсталых стран в какую бы то ни было зависимость от борьбы пролетариата передовых стран значит впасть в... "пораженчество". (Оставляем в стороне бессмысленность этой характеристики: ни идей, ни терминологии марксизма Леон не понимает). В доказательство своей мысли он приводит пример: Мексика экспроприировала нефтяные предприятия, - разве это не шаг на пути освобождения страны от империалистической зависимости? Между тем этот шаг был сделан без всякого участия пролетариата Соединенных Штатов или Великобритании. Этот свежий пример показывает, по мнению Леона, что колониальные и полуколониальные страны могут добиться полного освобождения независимо от поведения международного пролетариата.

На самом деле все это рассуждение обнаруживает, что публицист АПРА не понимает азбуки того вопроса, который является основным для его партии, именно, вопроса о взаимоотношении между империалистическими и полуколониальными странами. Совершенно верно, что Мексика сделала шаг вперед к своей экономической независимости, экспроприировав нефтяные предприятия. Но Леон закрывает глаза на то, что Мексика в качестве продавца продуктов нефти сейчас же попала - не могла не попасть - в зависимость от других империалистических стран. Какие формы примет или может принять эта новая зависимость, - на этот счет история еще не сказала своего последнего слова.

Можно ли, с другой стороны, утверждать, что данный конкретный акт - экспроприация нефтяных предприятий - окончательно обеспечен? К несчастью, этого утверждать нельзя. Военное и даже чисто экономическое давление извне, при неблагоприятной для Мексики международной конъюнктуре, т. е. при дальнейших поражениях и отступлениях мирового пролетариата, может вынудить страну сделать шаг назад. Отрицать такую возможность было бы пустым бахвальством. Представлять себе будущность Мексики, как и любой другой колониальной или полуколониальной страны, в виде постоянного накопления реформ и завоеваний, вплоть до полного и окончательного освобождения, могут только жалкие утописты. Так, социал-демократы, эти классические оппортунисты, долго надеялись, что путем непрерывного развития мирных реформ им удастся преобразовать капиталистическое общество и достигнуть полного освобождения пролетариата. На деле оказалось, что путь реформ действителен только до известного пункта, когда господствующий класс, почувствовав опасность, переходит в открытое контрнаступление. Борьба может разрешиться только революцией или контрреволюцией. В ряде капиталистических стран накопление демократических реформ привело не к социализму, а к фашизму, ликвидировавшему все социальные и политические завоевания прошлого. Тот же диалектический закон распространяется и на освободительную борьбу угнетенных народов. При благоприятных условиях они могут сравнительно мирно достигнуть известных завоеваний, облегчающих борьбу за дальнейшую самостоятельность. Но это вовсе не значит, что такие частные завоевания будут продолжаться непрерывно, до полного освобождения. В Индии британский империализм после ряда второстепенных уступок готовится ныне не только поставить точку, но и повернуть колесо реформ назад. Освободить Индию может только открытая

революционная борьба индусских рабочих и крестьян рука об руку с английским пролетариатом.

Такова одна сторона вопроса. Но у него есть и другая. Почему мексиканскому правительству удалось успешно, по крайней мере, для данного периода, провести экспроприацию? Прежде всего благодаря антагонизму между Соединенными Штатами и Великобританией. Можно было не опасаться непосредственного активного вмешательства Великобритании. Но этого мало. Совершая экспроприацию, мексиканское правительство считало невероятным вооруженное вмешательство также и со стороны северного соседа. На чем основывался этот расчет? На нынешнем курсе Белого Дома: "Нью Дил"³⁰⁹ во внутренних отношениях сопровождается политикой "доброго соседа" во внешних отношениях.

Леон явно не понимает, что нынешняя политика Белого Дома определяется глубоким кризисом американского империализма и ростом радикальных тенденций в рабочем классе. Наиболее яркое выражение эти новые тенденции нашли до сих пор в возникновении СИО (Комитете Индустриальной Организации). Г[осподин] Леон жалуется на то, что СИО не интересуется судьбой Перу. Это означает, вероятно, что касса СИО отказывается субсидировать АПРА. Со своей стороны мы нимало не склонны закрывать глаза на то, что политическое сознание вождей СИО не возвышается над уровнем левого крыла консервативной партии Рузвельта, а в некоторых отношениях спускается ниже этого плачевного уровня. Тем не менее факт возникновения СИО отражает огромный сдвиг в чувствах и мыслях американских рабочих. Влиятельная часть буржуазии, представителем которой является Рузвельт, говорит (или говорила вчера): "Прежними методами править нельзя; нужно идти на соглашения, нужно делать частичные уступки для того, чтобы сохранить основное, т. е. частную собственность на средства производства". Это и есть Нью Дил". Та же политика распространяется Рузвельтом на международные отношения, особенно на отношения с Латинской Америкой: уступать в частных вопросах, чтобы не потерять главного. Именно эта политическая конъюнктура и сделал возможной экспроприацию нефти в Мексике без военной интервенции и экономической блокады. Другими словами, мирный шаг на пути экономической эмансипации стал возможен благодаря более активной, более наступательной политике широких кругов североамериканского пролетариата. Дело идет, как видим, совсем не о том, "сочувствуют" или "не сочувствуют" Льюис³¹⁰ и К|| АПРА или перуанскому народу вообще: эти господа не видят дальше своего носа и сочувствуют только самим себе. Дело идет даже не о том, в какой мере сами американские рабочие понимают сегодня связь своей освободительной борьбы с борьбой угнетенных народов. Как бы ни плачевно обстояло пока дело на этот счет, остается несомненным и притом крайне важным фактом, что обострение классовой борьбы пролетариата Соединенных Штатов чрезвычайно облегчило экспроприацию нефтяных предприятий мексиканским правительством. Этой внутренней логики классовой борьбы, этой взаимозависимости внутренних и внешних факторов г. Леон, как типичный мелкий буржуа, совершенно, разумеется, не понимает.

Было бы, разумеется, в корне ошибочно делать из сказанного выше тот вывод, что политика Соединенных Штатов будет и дальше развиваться непрерывно по тому же направлению, открывая латиноамериканским народам все более и более широкие возможности мирного освобождения. Наоборот, можно заранее предсказать, притом с полной уверенностью, что политика "Нью Дил" и "доброго соседа", не разрешив ни одного вопроса и никого не удовлетворив, только разожжет требовательность и наступательный дух американского пролетариата и латиноамериканских народов. Обострение классовой борьбы породило "Нью Дил". Дальнейшее обострение классовой борьбы убьет "Нью Дил", дав внутри буржуазии перевес крайне реакционным, наступательным, фашистским тенденциям. Политика "доброго соседа" неизбежно сменится, вероятно, в довольно близком будущем, политикой бронированного кулака, который может прежде всего оказаться направленным против Мексики. Закрывать глаза на эту перспективу могут только мелкобуржуазные слепцы и фразеры типа Ломбардо Толедано или Леона. Годом раньше или позже вопрос станет ребром: кто хозяин на этом континенте - империалисты Соединенных Штатов или трудящиеся массы всех населяющих Америку народов? Вопрос этот по самому существу своему может быть разрешен только открытым столкновением классовых сил, т. е. революцией, вернее, революциями. В этих боях против империализма будет участвовать, с одной стороны, пролетариат Соединенных Штатов, который не может не вести этой борьбы во имя собственного самосохранения, с другой стороны, латиноамериканские народы, которые, борясь за свое освобождение, тем самым поддерживают борьбу пролетариата Соединенных Штатов.

Из сказанного ясно, что мы отнюдь не рекомендуем ни латиноамериканским народам пассивно дожидаться революции в Соединенных Штатах, ни американскому пролетариату сложить руки до победы латиноамериканских народов. Кто пассивно дожидается, тот ничего не дожидается. Борьбу нужно вести непрерывно, развивать и углублять ее, в зависимости от реальных исторических условий. Но нужно в то же время ясно понимать взаимозависимость двух главных потоков современной борьбы против империализма. Только слившись на известном этапе воедино, они могут обеспечить окончательное торжество.

Это не значит, конечно, что Льюис и Грин сделаются чемпионами социалистической федерации американского континента. Нет, они останутся, несомненно, до конца в лагере империализма. Это не значит также, что весь пролетариат Соединенных Штатов научится видеть в освобождении латиноамериканских народов свою собственную задачу. Это не значит также, что латиноамериканские народы поймут до конца общность своих интересов с интересами североамериканского пролетариата. Но сам факт параллельной борьбы будет означать объективный союз между ними, может быть неоформленный, но очень активный союз. Этот союз окажется, разумеется, тем более действительным и плодотворным, чем раньше и лучше авангард американского пролетариата - на Севере, в Центре и на Юге - поймет необходимость самого тесного революционного сотрудничества в борьбе против общего врага. Вскрыть, разъяснить и организовать эту связь - в этом и состоит одна из важнейших

задач IV Интернационала.

*

Разобранный нами пример показывает достаточно общий теоретический и политический уровень г. Леона. Вряд ли стоит останавливаться после этого на всех остальных его суждениях. Отметим лишь два важнейших.

Леон приписывает нам ту мысль, будто СССР является империалистической страной. Ничего подобного в статье Диего Ривера, разумеется, нет. Мы говорим лишь, что в борьбе за самосохранение советская бюрократия превратилась в последний период в агентуру "демократического" империализма. Чтобы завоевать его симпатии, она готова на всякие предательства по отношению к рабочему классу и угнетенным народам. Поведение сталинцев на пацифистском конгрессе в Мексике (сентябрь 1938 г.) полностью обнаружило их измену колониальным и полуколониальным народам. Ведь именно поэтому левые апристы встали в острую оппозицию к сталинскому большинству конгресса. Согласен ли с этим Леон или не согласен? Когда этот господин с важным видом заявляет, что (в отличие от нас?) он не является "врагом СССР", то мы можем только презрительно пожать плечами. Что означает для Леона СССР? Географическое понятие или социальное явление? Если он имеет в виду "советское" общество, то он должен понять, что это общество насквозь противоречиво. Нельзя быть другом народов СССР, не будучи врагом "советской" бюрократии. Все так называемые "друзья" Кремля, как не раз доказывал Л.Д.Троцкий, являются вероломными врагами освободительной борьбы рабочих и крестьян СССР.

Леон обвиняет нас, конечно, в том, что мы "разъединяем" силы республиканской Испании в борьбе против фашизма. Этим он лишним раз обнаруживает свое реакционное тупоумие. С самого начала испанской революции, и особенно с начала открытой гражданской войны, революционные марксисты доказывали, что победа возможна только на основе социалистической программы: нужно немедленно дать крестьянам землю, экспроприировать банки и тресты, дать рабочим освободиться от капиталистической эксплуатации. При этих условиях испанская революция была бы непобедимой. Адвокаты и лакеи помещиков, банкиров, капиталистов и попов отвечали на это: "Не нарушайте единства!" Во имя "единства" эксплуатируемых с эксплуататорами всякое революционное движение рабочих и крестьян подавлялось беспощадно. Все действительные социалисты и революционные анархисты подвергались клевете, заточению, истреблению. Главную роль при этом играло сталинское ГПУ. "Не нарушайте единства" - жертв с палачами! Мы видим теперь результаты этой предательской политики. Обманутые рабочие и крестьяне повернулись спиной к республиканцам, впали в отчаяние, в апатию, в индифферентизм. Именно это обеспечило победу Франко. Кто теперь, после падения Барселоны³¹¹, повторяет, что "троцкисты" проповедуют разъединение республиканской Испании, тот тем самым показывает, что он является агентом испанских помещиков, капиталистов, банкиров и попов. Этого одного достаточно, чтобы заставить нас открыто сказать перуанским рабочим: "Не верьте субъектам, подобным Леону: эти

консервативные мелкие буржуа не понимают логики классовой борьбы и потому совершенно неспособны руководить вами в вашей борьбе за национальную и социальную эмансипацию; ничего, кроме поражения, они принести вам не могут!"

Думаем, что сказанного довольно. Ругательства и инсинуации Леона - не доводы. Наглость не смягчает невежества. А невежество - не орудие революции!

"Клаве"312

[Февраль]

Жуо и Толедано

Несравненный Леон Жуо телеграфировал несравненному Ломбардо Толедано грозный запрос: правда ли, что правительство Мексики собирается сдавать нефтяные концессии Японии и другим фашистским странам? Ведь это означало бы усиление военной мощи фашистов и новые катастрофы на мировой арене; мирные города в пламени, тысячи жертв и пр. Толедано голосом провинившегося школьника ответил: "Нет, нет, никогда Мексика таких концессий не даст!" Еще совсем недавно тот же Толедано клялся: "Нет, никогда Мексика не будет продавать свою нефть фашистам; Англия не сможет прожить без мексиканской нефти!" и пр. Эти господа думают, что пустой декламацией можно разрешить жизненные экономические проблемы! Если бы у Толедано было хоть немного - не говорим революционного смысла, но хотя бы национального достоинства (а гражданину угнетенной страны не мешает заpastись национальным достоинством) - он ответил бы Леону Жуо пинком ноги. Жуо есть прямой агент французского и британского империализма. Франция вслед за Британией бойкотируют мексиканскую нефть, чтобы поддержать империалистических собственников против полукOLONиальной страны. И Франция, и Бельгия применяют авиацию для умирения освободительных движений в своих колониях. Как смеет Жуо в этих условиях разевать рот? Борьбаться против фашистских и вообще империалистических злодейств, в частности против обстрела мирных городов, могут и должны честные рабочие и крестьяне, не запятнавшие себя ни прямо, ни косвенно участием в подобных преступлениях. Но Жуо, цепная собака империалистического капитала, - как смеет он выступать в качестве учителя и цензора Мексики? Дело в том, что Жуо знает, с кем имеет дело. Он смотрит на Толедано не как на представителя рабочих масс угнетенной страны, а как на агента французского (увы, покойного) "Народного фронта", т. е. как на второстепенного агента "демократического" империализма. И Жуо не ошибается!

[Л.Д.Троцкий]

[Февраль 1939 г.]

Марксизм и современность313

Что мы предлагаем читателю?

Эта книга в небольшом объеме излагает основы экономического учения Маркса словами самого Маркса. В конце концов, никому до сих пор не удавалось

лучше самого Маркса изложить теорию трудовой стоимости. Сокращение первого тома "Капитала", закладывающего фундамент всей экономической системы Маркса, произведено тщательно и с большим знанием дела г. Отто Рюле. Устранялись прежде всего устаревшие примеры и иллюстрации, цитаты из произведений, которые имеют сейчас лишь исторический интерес, полемика против писателей, ныне забытых, наконец, многочисленные документы: парламентские акты, отчеты фабричных инспекторов и пр., которые, как ни важны они для понимания определенной эпохи, не могли найти здесь места в сжатом изложении, преследующем не исторические, а теоретические цели. В то же время г. Отто Рюле сделано было все, чтобы сохранить непрерывность в развитии научного анализа и единство литературного изложения. Логическая дедукция, как и диалектические переходы мысли, нигде, надеемся, не нарушены. Разумеется, этот экстракт требует внимательного и вдумчивого чтения. Для облегчения читателей Отто Рюле снабдил текст резюмирующими заголовками на полях.

Некоторые рассуждения Маркса, особенно в первой, наиболее трудной главе, могут показаться неискушенному читателю излишними умствованиями, раскалыванием волоса на четыре части или "метафизикой". На самом деле такое впечатление создается вследствие непривычки научно подходить к слишком привычным явлениям. Товар стал таким всепроникающим, обычным, знакомым элементом нашего повседневного существования, что усыпленная мысль не останавливается даже перед вопросом: почему люди отдают важные и нужные для жизни предметы в обмен на кружки золота или серебра, не имеющие никакого полезного применения? Дело не ограничивается товаром. Все вообще категории (основные понятия) рыночного хозяйства кажутся понятными без анализа, сами собой разумеющимися, как бы составляющими естественную основу отношений между людьми. На самом деле реальностями хозяйственного процесса являются: труд человека, сырые материалы, орудия, машины, разделение труда, необходимость распределения готовых продуктов между участниками трудового процесса и пр. Что же касается таких категорий, как "товар", "деньги", "заработная плата", "капитал", "прибыль", "налоги" и пр., то они являются полумистическими отражениями в головах людей разных сторон непонятного и неподконтрольного им процесса хозяйства. Чтобы расшифровать их, необходим тщательный научный анализ.

В Соединенных Штатах, где про человека, который владеет миллионом, говорят, что он "стоит" миллион, рыночные понятия проникли в головы прочнее, чем где бы то ни было. Здесь до самого последнего времени очень мало задумывались над существом экономических отношений. В стране, где создана самая могущественная хозяйственная система, теоретическая экономия остается чрезвычайно бедной. Только нынешний глубокий кризис американского хозяйства ставит ребром перед общественным мнением основные проблемы капиталистического общества. Во всяком случае, кто не преодолел привычки воспринимать без критики готовые идеологические отражения хозяйственного развития, кто не продумал следом за Марксом сущность товара как основной клеточки капиталистического организма, тот окажется навсегда неспособен

научно осмыслить самые важные и острые явления нашей эпохи.

Метод Маркса

Создав науку как познание объективных закономерностей природы, человек долго и упорно пытался выключить из науки себя самого, установив для себя особые привилегии в виде мнимых взаимоотношений со сверхчувственными силами (религия) или с вечными нравственными правилами (идеализм). Маркс окончательно и навсегда лишил человека этих одиозных привилегий, взглянув на него как на естественное звено в процессе развития материальной природы; на человеческое общество - как на организацию производства и распределения; на капитализм - как на этап в развитии человеческого общества.

Маркс не ставил себе целью открыть "вечные законы" хозяйства. Он отрицал такие законы. История развития человеческого общества есть история смены разных систем хозяйства, действующих каждая по своим законам. Переход от одной системы к другой определялся всегда ростом производительных сил, т. е. техники и организации труда. До известного момента социальные перемены носят количественный характер, не изменяя основ общества, т. е. господствующих форм собственности. Но наступает момент, когда выросшие производительные силы не могут больше вмещаться в старых формах собственности; тогда происходит радикальное изменение социального строя, сопровождающееся потрясениями. Первобытная коммуна сменялась или дополнялась рабством; на смену рабству шел крепостной строй с его феодальной надстройкой; торговое развитие городов привело в Европе в XVI столетии к капиталистическому строю, прошедшему затем через несколько стадий. В "Капитале" Маркс изучает не хозяйство вообще, а капиталистическое хозяйство, которое имеет свои собственные законы. К другим экономическим системам автор обращается лишь попутно для выяснения особенностей капитализма.

Самодовлеющее хозяйство первобытной крестьянской семьи не нуждается в "политической экономии": здесь господствует, с одной стороны, сила природы, с другой - сила традиции. Замкнутое натуральное хозяйство греков или римлян, основанное на рабском труде, направлялось волею рабовладельца, "план" которого, опять-таки, непосредственно определялся законами природы и рутиной. То же можно сказать и о средневековом поместье, с его крепостными крестьянами. Экономические отношения во всех этих случаях были ясны и прозрачны в своей первобытной грубости. Иначе обстоит дело с современным обществом. Оно разрушило старые замкнутые связи и унаследованные приемы труда. Новые экономические отношения связали города и деревни, провинции и нации. Разделение труда охватило всю планету. Разрушив традицию и рутину, эти связи сложились, однако, не по определенному плану, а помимо сознания и предвидения людей, как бы за их спиной. Взаимозависимость отдельных людей, групп, классов, наций, вытекающая из разделения труда, никем не направляется и не руководится. Люди работают друг на друга, не зная друг друга, не спрашивая друг друга о потребностях, в надежде, даже в уверенности, что их отношения урегулируются сами собою. И в основном они достигают, вернее,

достигали своего.

Искать причины закономерностей капиталистического общества в субъективном сознании - в намерениях и планах - его членов совершенно невозможно. Объективные закономерности капитализма сложились прежде, чем наука стала серьезно задумываться над ними. Подавляющее большинство людей не имеет и сегодня понятия о законах, управляющих капиталистическим хозяйством. Вся сила метода Маркса состоит в том, что он подошел к экономическим явлениям не под субъективным углом зрения отдельных лиц, а под объективным углом зрения развития общества, как целого, подобно тому, как естествоиспытатель подходит к улью или к муравейнику.

Решающее значение для экономической науки имеет то, что и как люди делают, а не то, что они сами думают о своих действиях. В основе общества лежат не религия и мораль, а природа и труд. Метод Маркса материалистичен, так как идет от бытия к сознанию, а не наоборот. Метод Маркса диалектичен, так как и природу, и общество рассматривает в их развитии, а развитие - в постоянной борьбе противоречивых сил.

Марксизм и официальная наука

Маркс имел предшественников. Классическая политическая экономия (Адам Смит³¹⁴, Давид Рикардо³¹⁵) достигла расцвета в тот период, когда капитализм еще не успел состариться и не боялся завтрашнего дня. Маркс отдавал обоим великим классикам дань глубокого признания. Однако основная ошибка классической экономики состояла в том, что она видела в капитализме нормальное состояние человечества, а не исторический этап в развитии общества. Маркс начал с критики этой политической экономии, вскрыл ее ошибки, как и противоречия самого капитализма, и показал неизбежность его крушения. Роза Люксембург очень метко сказала, что экономическое учение Маркса есть дитя классической экономики, но такое дитя, рождение которого стоило матери жизни.

Наука развивается не в герметически замкнутом кабинете ученого, а в живом обществе. Все интересы и страсти, раздирающие общество, влияют на развитие науки, особенно политической экономии, науки о богатстве и бедности. Борьба рабочих против капиталистов заставила теоретиков буржуазии повернуться спиной к научному анализу системы эксплуатации и заняться голым описанием экономических фактов, изучением экономического прошлого и, что неизмеримо хуже, прямой фальсификацией действительности с целью оправдания капиталистического режима. Экономическая доктрина, которая преподается ныне в официальных учебных заведениях и проповедуется в буржуазной прессе, дает немало важного фактического материала, но совершенно неспособна и не хочет охватить экономический процесс в целом, чтобы раскрыть его законы и перспективы. Официальная политическая экономия мертва. Действительное познание капиталистического общества можно получить только через "Капитал" Маркса.

Закон трудовой стоимости

Основной связью людей в современном обществе является обмен. Всякий продукт труда, вступающий в процесс обмена, становится товаром. Маркс начинает исследование с товара, чтоб из этой основной клеточки капиталистического общества вывести те общественные отношения, которые объективно сложились на основе обмена независимо от воли людей. Только на этом пути и возможно разрешить основную загадку: каким образом в капиталистическом обществе, где каждый думает за себя и никто за всех, удается достигнуть необходимых для жизни пропорций между разными отраслями хозяйства.

Рабочий продает свою силу, фермер вывозит свои продукты на рынок, ростовщик или банкир дает займы, лавочник подбирает ассортимент товаров, промышленник строит завод, спекулянт покупает и продает ценные бумаги, - у каждого свои соображения, свой частный план, своя забота о заработке или барыше. Тем не менее из этого хаоса индивидуальных стремлений и действий складывается некоторое хозяйственное целое, правда, негармоничное, противоречивое, однако дающее возможность обществу не только существовать, но и развиваться. Это означает, что хаос не есть все же хаос, что он как-то регулируется, если не сознательно, то автоматически. Понять механизм, при помощи которого разные стороны хозяйства приводятся в относительное равновесие, значит вскрыть объективные законы капитализма.

Разумеется, те законы, которые управляют различными сферами капиталистического хозяйства, - заработной платой, ценой, земельной рентой, прибылью, процентом, кредитом, биржей, - очень многочисленны и сложны. Но в последнем счете они сводятся к одному закону, который Марксом вскрыт и прослежен до конца: это закон трудовой стоимости, который и является основным регулятором капиталистического хозяйства. Сущность этого закона проста. Общество располагает известным резервуаром живой рабочей силы. Приложенная к природе, эта сила создает продукты, необходимые для удовлетворения человеческих потребностей. Вследствие разделения труда между самостоятельными производителями продукты принимают форму товаров. Товары обмениваются друг на друга в известной пропорции, сперва непосредственно, затем через посредство золота или денег. Основное свойство товаров, которое делает их в известном отношении равными друг другу, есть затраченный на них человеческий труд - абстрактный труд, труд вообще - основа и мерило стоимости. Если разделение труда между миллионами разобщенных производителей не приводит к распаду общества, то потому, что товары обмениваются в соответствии с затраченным на них общественно необходимым рабочим временем. Принимая и отвергая товары, рынок, как арена обмена, решает, заключается ли в них общественно необходимый труд или нет и устанавливает, таким образом, необходимую обществу пропорцию товаров разного рода, а, следовательно, и распределение рабочей силы по разным профессиям.

Действительные процессы рынка неизмеримо сложнее, чем показано выше в немногих строках. Так, опираясь на трудовую стоимость, цены значительно

уклоняются от нее, как вверх, так и вниз. Причины этих отклонений разъяснены Марксом полностью в третьем томе, который характеризует "процесс капиталистического производства, взятый в целом". Однако как ни велики в индивидуальных случаях расхождения цен и стоимостей товаров, сумма всех цен равняется сумме всех стоимостей, ибо в конце концов в распоряжении общества имеются только те стоимости, которые созданы человеческим трудом, и цены не могут выскочить из этого ограничения, в том числе и монопольные цены трестов: где труд не создал новой стоимости, там и Рокфеллер³¹⁶ ничего не возьмет.

Неравенство и эксплуатация

Но если товары обмениваются друг на друга по количеству вложенного в них труда, то каким образом из равенства получается неравенство? Маркс разрешил эту загадку, вскрыв особое свойство одного из товаров, который лежит в основе всех других товаров, именно рабочей силы. Владелец средств производства, капиталист, покупает рабочую силу. Как и все другие товары, она оценивается по количеству вложенного в нее труда, т. е. тех средств потребления, которые необходимы для существования и размножения рабочего. Но потребление этого товара - рабочей силы - состоит в работе, т. е. создании новых стоимостей. Количество этих стоимостей выше тех, которые рабочий сам получает и которые он расходует для своего содержания. Капиталист покупает рабочую силу, чтобы эксплуатировать ее. Эта эксплуатация и является источником неравенства.

Ту часть продукта, которая служит для покрытия издержек самого рабочего, Маркс называет необходимым продуктом; ту часть, которую рабочий вырабатывает сверх этого, - прибавочным продуктом. Прибавочный продукт вырабатывал уже раб, иначе рабовладельцу незачем было бы содержать рабов. Прибавочный продукт вырабатывал крепостной, иначе крепостное право не имело бы смысла для помещиков. Прибавочный продукт, но в гораздо большем объеме, вырабатывает наемный рабочий, иначе капиталисту незачем было бы покупать рабочую силу. Классовая борьба и есть не что иное, как борьба за прибавочный продукт. Кто владеет прибавочным продуктом, тот хозяин положения, тот владеет богатством, тот владеет государством, у того ключ к церкви, к суду, к науке и к искусству.

Конкуренция и монополия

Отношения между капиталистами, эксплуатирующими рабочих, определяются конкуренцией, которая надолго становится основной пружиной капиталистического прогресса. Крупные предприятия имеют над мелкими технические, финансовые, организационные, экономические и не в последнем счете политические преимущества. Большой капитал, способный эксплуатировать большее число рабочих, выходит неизбежно победителем из борьбы. Такова непреложная основа процесса концентрации и централизации капиталов.

Толкая вперед развитие техники, конкуренция постепенно пожирает не

только промежуточные слои, но и себя самое. Над трупами и полутрупами мелких и средних капиталистов поднимается все меньшее число все более могущественных капиталистических владык. Так из "честной", "демократической", "прогрессивной" конкуренции неотвратно вырастает "вредная", "паразитическая", "реакционная" монополия. Ее господство стало обнаруживаться с 80-х годов прошлого столетия и окончательно сложилось на переломе двух веков, прошлого и нынешнего. Сейчас победу монополии вынуждены открыто признавать даже наиболее официальные представители буржуазного общества. Конкуренция, как ограничивающее влияние, жалуется бывший генеральный прокурор Соединенных Штатов г. Каммингс³¹⁷, постепенно оказалась вытесненной, и на широком поле остается только "как призрачное воспоминание о когда-то существовавших условиях". Между тем в то время, когда Маркс в порядке прогноза, впервые вывел монополию из внутренних тенденций капитализма, конкуренция считалась в буржуазном мире вечным законом природы.

Вытеснение конкуренции монополией означает начало загнивания капиталистического общества. Конкуренция была творческой пружиной капитализма и историческим оправданием капиталиста. Устранение конкуренции означает тем самым превращение собственников-акционеров в социальных паразитов. Конкуренция требовала известных свобод, либеральной атмосферы, режима демократии, торгового космополитизма. Монополия нуждается в возможно более авторитарной власти, в таможенных стенах, в "своих собственных" источниках сырья и аренах сбыта (колониях). Последним словом загнивания монополистического капитала является фашизм.

Концентрация богатств и рост классовых противоречий

Капиталисты и их адвокаты всячески стремятся скрыть подлинные размеры концентрации богатств от глаз народа, как и от глаз налоговой инспекции. Вопреки очевидности буржуазная пресса все еще пытается поддержать иллюзию "демократического" распределения капиталов. Самостоятельных предпринимателей, пользующихся наемной рабочей силой, в Соединенных Штатах, - возражает марксистам "New York Times", - от 3 до 5 миллионов. Акционерные компании представляют, правда, - нельзя не согласиться, - более концентрированный капитал, чем три-пять миллионов самостоятельных предпринимателей, но все же в Соединенных Штатах имеется "полмиллиона акционерных компаний". Подобного рода игра с огульными или со средними цифрами служит не для выяснения, а для сокрытия того, что есть.

С начала войны до 1923 г. число заводов и фабрик упало в С[оединенных] Ш[татах] со 100 до 98,7%, тогда как масса промышленной продукции возросла со 100 до 156,3%. В годы бурного подъема (1923-1929), когда, казалось, обогащались "все", число предприятий упало со 100 до 93,8%; продукция же возросла со 100 до 113%. Однако концентрация предприятий, связанных своими тяжеловесными материальными телами, далеко отстает от концентрации их душ, т. е. собственности. В 1929 г. в Соединенных Штатах действительно было свыше 300 тысяч нефинансовых акционерных компаний, - в этом "New York Times"

права; нужно лишь прибавить, что 200 из них, т. е. 0,07% общего числа, контролировали непосредственно 49,2% актива всех акционерных обществ; четыремя годами позже этот % поднялся уже до 56, а за годы администрации Рузвельта - несомненно, еще выше. Внутри 200 руководящих акционерных обществ действительное господство принадлежит опять-таки небольшому меньшинству. Сенатский комитет установил в феврале 1937 г., что решения двенадцати самых больших компаний являются за последние 20 лет директивами для большей части американской промышленности. Директоров этих компаний приблизительно столько же, сколько членов правительства в Вашингтоне; но директора неизмеримо могущественнее!

Те же процессы наблюдаются в банковской и страховой системе. Пять крупнейших страховых обществ в Соединенных Штатах пожирают не только остальные общества, но и многие банки. Общее число банков сокращается, главным образом, в форме так называемых "слияний", по существу поглощений. Размер оборотов быстро возрастает. Над банками поднимается олигархия сверхбанков. Банковский капитал срастается с промышленным капиталом в финансовый сверхкапитал. Если допустить, что концентрация промышленности и банков пойдет и дальше тем же темпом, как за последнюю четверть столетия, - на самом деле темп концентрации возрастает, - то в течение ближайшей четверти столетия монополисты захватят в свои руки хозяйство страны полностью и без остатка.

Мы пользуемся статистикой Соединенных Штатов только потому, что она точнее и ярче. По существу, процесс концентрации имеет интернациональный характер. Через различные этапы капитализма, через фазы конъюнктурных циклов, через все политические режимы, через мирные периоды, как и через периоды вооруженных столкновений, шел и идет безостановочно процесс сосредоточения все больших богатств во все меньшем числе рук. В годы великой войны, когда народы истекали кровью, когда государства самой буржуазии оказались раздавлены под тяжестью долговых обязательств; когда денежные системы валились в бездну, увлекая за собою средние классы, - монополисты чеканили из крови и грязи неслыханные барыши. Наиболее могущественные компании Соединенных Штатов увеличили за годы войны свои активы в два, три, четыре и более раз и повысили свои дивиденды на 300, 400, 900 и более процентов.

В 1840 г., за восемь лет до опубликования Марксом и Энгельсом "Манифеста коммунистической партии", известный французский писатель Алексис Токвиль³¹⁸ писал в своей книге об американской демократии: "Великие богатства исчезают, число малых состояний возрастает". Эта мысль повторялась много раз, сперва в отношении Соединенных Штатов, затем в отношении других молодых демократий, Австралии и Новой Зеландии. Взгляд Токвиля был, разумеется, ошибочным уже и для того времени. Но настоящая концентрация богатств началась после американской гражданской войны, накануне которой Токвиль умер. В начале нынешнего столетия 2% населения Соединенных Штатов владели уже более, чем 1/2 всего богатства страны; в 1929 г. те же 2%

владели 3/5 национального богатства. На долю 36.000 богатых семейств приходилось при этом столько же дохода, сколько на долю 11 миллионов средних и бедных семейств. Во время кризиса 1929-1933 годов монополистским предприятиям не пришлось прибегать к общественной благотворительности; наоборот, они еще выше поднялись над общим упадком национального хозяйства. Во время последовавшего затем рахитического промышленного подъема на дрожжах "Нью Дил" монополисты опять-таки снимали жирные сливки. Число безработных уменьшилось в лучшем случае с 20 миллионов до 10; в то же время верхушка капиталистического общества - не более 6.000 взрослых - пожинала фантастические дивиденды: так с цифрами в руках показал Роберт Джексон³¹⁹, первый помощник генерального прокурора.

Ф.Лундберг³²⁰, при всей своей научной добросовестности, достаточно консервативный экономист, пишет в своей нашумевшей книге: "Соединенные Штаты находятся в настоящее время во владении и под господством иерархии из 60 богатейших семейств, подpiraемых не более, чем 90 семействами меньшего богатства". К ним можно прибавить еще третий ярус, в виде примерно 350 семейств с доходом свыше 100 тысяч долларов в год. Господствующее положение в этой среде принадлежит первой группе в 60 семейств, которая подчиняет себе не только рынок, но и все рычаги государства. Она составляет подлинное правительство, "правительство денег в демократии доллара".

Так абстрактное понятие "монополистский капитал" наливается для нас плотью и кровью: оно означает распоряжение экономическими и политическими судьбами великого народа со стороны небольшого числа семейств, связанных узами родства и свойства в замкнутую капиталистическую олигархию. Нельзя не признать, что марксов закон концентрации поработал на славу!

Не устарело ли учение Маркса?

Вопросы о конкуренции, концентрации богатств и монополии естественно вызывают вопрос о том, представляет ли в наши дни экономическая теория Маркса только исторический интерес, как, например, теория Адама Смита, или же продолжает сохранять актуальное значение. Критерий для ответа на этот вопрос прост: если теория правильно оценивает ход развития и предвидит будущее лучше других теорий, то она остается самой передовой теорией нашего времени, хотя бы ей отроду было уже несколько десятилетий.

Известный немецкий экономист Вернер Зомбарт³²¹ выступал в начале своей карьеры как почти марксист; подверг затем ревизии все революционные, наиболее неприятные для буржуазии стороны учения Маркса, а к концу своей карьеры, в 1928 г., противопоставил "Капиталу" свой "Капитализм", переведенный на многие языки и являющийся, пожалуй, наиболее популярным произведением буржуазной экономической апологетики новейшей эпохи. Отдавая дань платонического признания учению автора "Капитала", Зомбарт пишет в то же время: "Карл Маркс предсказывал: во-первых, возрастающую нищету наемных рабочих; во-вторых, всеобщую "концентрацию" с исчезновением класса ремесленников и крестьян; в-третьих, катастрофическое крушение капитализма.

Ничто из всего этого не наступило".

Ошибочному прогнозу Маркса Зомбарт противопоставляет свой "строгий научный" прогноз. "Капитализм будет, - по его словам, - преобразовываться внутренне в том же направлении, в каком он уже начал преобразовываться во время своего апогея: старея, он будет становиться все более спокойным, степенным, разумным". Попробуем хоть в самых основных чертах проверить, кто прав: Маркс ли с его катастрофическим прогнозом или Зомбарт, который от имени всей буржуазной экономики обещает, что дела устроятся "спокойно, степенно и разумно". Читатель согласится, что вопрос достоин внимания.

"Теория обнищания"

"Накопление богатства на одном полюсе, - писал Маркс за 60 лет до Зомбарта, - есть в то же время накопления нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт, как капитал". Этот тезис Маркса под именем "теории обнищания" подвергался постоянным атакам со стороны демократических и социал-демократических реформистов, особенно в период 1896-1914 гг., когда капитализм быстро развивался и делал известные уступки рабочим, особенно их верхнему слою. После мировой войны, когда напуганная собственными преступлениями и Октябрьской революцией буржуазия встала на путь рекламных социальных реформ, значение которых тут же сводилось на нет инфляцией и безработицей, прогрессивное преобразование капиталистического общества казалось реформистам и буржуазным профессорам полностью обеспеченным. "Покупательная сила наемного труда, - уверял в 1923 г. Зомбарт, - выросла в прямом отношении к расширению капиталистического производства".

На самом деле экономическое противоречие между пролетариатом и буржуазией обострялось в самые благополучные периоды капиталистического развития, когда повышение жизненного уровня известных, иногда широких слоев трудящихся маскировало для поверхностных глаз уменьшение доли пролетариата в национальном доходе. Так, прежде чем впасть в прострацию, промышленная продукция Соединенных Штатов выросла с 1920 г. до 1930 г. на 50%, тогда как сумма, выплаченная в заработной плате, поднялась только на 30%, что означало, вопреки утверждению Зомбарта, огромное снижение доли труда в национальном доходе. С 1930 г. начинается грозный рост безработицы, а с 1933 г. - более или менее систематическая помощь безработным, которые в виде пособий получают вряд ли больше половины того, что теряют в виде заработной платы. От иллюзии непрерывного "прогресса" всех классов не осталось и следа. Относительное снижение уровня жизни масс сменилось абсолютным снижением. Рабочие экономят на скудных развлечениях, затем на одежде, наконец, на пище. Изделия и продукты среднего качества заменяются плохими; плохие - худшими. Профессиональные союзы похожи на человека, который пытается держаться на быстро спускающемся эскалаторе.

При населении, составляющем 6% человечества, Соединенные Штаты

сосредотачивают в своих руках 40% богатства всего мира. Однако треть населения, по признанию самого Рузвельта, недостаточно ест, плохо одевается и живет в недостойных человека условиях. Что же говорить о менее привилегированных странах? История капиталистического мира со времени последней войны дала неопровержимое подтверждение так называемой "теории обнищания". Рост социальной полярности общества признается ныне не только каждым компетентным статистиком, но даже и теми государственными людьми, которые знают правила арифметики.

Фашистский режим, который лишь доводит до крайнего выражения черты упадка и реакции, свойственные империалистическому капитализму вообще, сделался необходимым именно потому, что загнивание капитализма отняло возможность поддерживать иллюзии относительно повышения жизненного уровня пролетариата. Фашистская диктатура означает открытое признание тенденции обнищания, которую все еще пытаются замаскировать более богатые империалистические демократии. Муссолини и Гитлер с такой ненавистью преследуют марксизм именно потому, что их собственный режим является наиболее зловещим подтверждением марковского прогноза. Цивилизованный мир негодовал или притворялся негодующим, когда Геринг со свойственным ему тоном палача и буффона объявил, что пушки важнее масла, или когда Калиостро³²²-Казанова³²³-Муссолини рекомендовал рабочим Италии приучиться потуже стягивать пояса на черных рубашках³²⁴. Но разве не то же, по существу, происходит в империалистических демократиях? Масло везде уходит на смазку пушек. Рабочие Франции, Англии, Соединенных Штатов научились стягивать пояса и без черных рубашек. В богатейшей стране мира миллионы рабочих превращены в пауперов, живущих на счет государственной, муниципальной или частной благотворительности.

Резервная армия и новый подкласс безработных

Резервная армия составляет необходимую составную часть социальной механики капитализма, как запас машин и сырых материалов на складах заводов или готовых продуктов в магазинах. Без резерва рабочей силы было бы невозможно ни общее расширение производства, ни приспособление капитала к периодическим приливам и отливам промышленного цикла. Из общей тенденции капиталистического развития: возрастания постоянного капитала (машины и сырье) за счет переменного капитала (рабочей силы) Маркс делает вывод: "Чем больше общественное богатство..., тем больше относительное перенаселение, или промышленная резервная армия..., тем обширнее постоянное перенаселение..., тем больше официальный, признанный властями пауперизм. Это - абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления".

Этот тезис, неразрывно связанный с "теорией обнищания" и в течение десятилетий объявлявшийся "преувеличенным", "тенденциозным" и "демагогическим", стал теоретически безупречным оттиском действительности. Нынешнюю армию безработных нельзя уже назвать "резервной" армией, потому что в основной своей массе она не может больше надеяться вернуться к труду,

наоборот, должна пополняться все новыми и новыми безработными. Загнивающий капитализм взрастил целое поколение юношества, которое никогда не знало работы и не имеет надежды получить ее. Этот новый подкласс, расположенный между пролетарием и полупролетарием, вынужден жить за счет общества. Подсчитано, что в течение девяти лет (1930-1938) безработица вырвала из хозяйства Соединенных Штатов свыше 43 миллионов рабочих человеко/лет. Если учесть, что в 1929 г., на вершине подъема, в Соединенных Штатах было 2 миллиона безработных, и что за 9 лет число потенциальных рабочих возросло на 5 миллионов, то общее число потерянных человеко/лет надо считать несравненно выше. Социальный режим, пораженный такой язвой, есть смертельно больной режим. Правильный диагноз болезни был установлен уже свыше семидесяти лет тому назад, когда сама болезнь была еще в зародыше.

Упадок промежуточных классов

Цифры, иллюстрирующие концентрацию капитала, тем самым показывают, что удельный вес мелкой буржуазии в производстве и ее доля в национальном доходе непрерывно падали, мелкая собственность либо полностью поглощалась крупной либо деградировала и лишалась всякой самостоятельности, становясь простым атрибутом непосильного труда и безвыходной нужды. Правда, одновременно развитие капитализма чрезвычайно увеличило рост армии техников, администраторов, торговых служащих, адвокатов, врачей, словом, так называемого "нового среднего сословия". Однако этот слой, рост которого не составлял уже тайны для Маркса, имеет мало общего со старой мелкой буржуазией, которая владела собственными средствами производства как подлинным залогом экономической независимости. "Новое среднее сословие" более непосредственно зависит от капитала, чем рабочие, погонщиком которых оно в значительной мере является. К тому же в его среде тоже наблюдается ныне чрезвычайное перепроизводство, влекущее за собой социальную деградацию.

"Надежная статистическая информация, - говорит столь далекое от марксизма лицо, как уже цитированный бывший генеральный прокурор Каммингс, - обнаруживает, что широкое число промышленных единиц совершенно исчезли и что здесь происходило прогрессивное устранение мелкого делового чиновника как фактора в американской жизни". Однако же, возражают Зомбарт и многие другие до него и после него, "всеобщая концентрация с исчезновением класса ремесленников и крестьян", вопреки Марксу, до сих пор не наступила. Трудно сказать, что перевешивает в этом доводе: легкомыслие или недобросовестность. Как всякий теоретик, Маркс начинал с выделения основных тенденций в их чистом виде: иначе вообще нельзя было бы понять судьбу капиталистического общества. Сам Маркс умел, однако, при конкретном анализе рассматривать живые явления, как результат комбинации разных исторических факторов. Законы Ньютона³²⁵ не опровергаются тем, что скорости падения тел различны в разной среде, или что орбиты планет подвергаются возмущениям.

Чтобы понять так называемую "живучесть" мелкой буржуазии, нужно учесть то обстоятельство, что две тенденции: разорение промежуточных слоев и

превращение разоряемых в пролетариев, развиваются неодинаковым темпом и не в одинаковых масштабах. Из возрастающего перевеса машины над рабочей силой вытекает, что процесс разорения мелкой буржуазии должен чем дальше, тем больше опережать процесс пролетаризации; на известном уровне этот последний должен вовсе приостановиться и даже получить задний ход.

Как действие законов физиологии дает разные результаты в развивающемся и в дряхлеющем организме, так и законы марксовой экономики проявляются по-разному в расцветающем и загнивающем капитализме. Особенно ярко это различие обнаруживается на взаимоотношении города и деревни³²⁶. Земледельческое население Соединенных Штатов, убывая по отношению ко всему населению, продолжало в абсолютных цифрах возрастать до 1910 г., когда оно составляло свыше 32 миллионов. В течение следующих 20 лет оно, несмотря на быстрый рост населения страны, падает до 30,4 миллионов, т. е. почти на 1,6 миллиона. Но в 1935 г. оно снова поднимается до 32,8 миллионов, возрастая по сравнению с 1930 г. на 2,4 миллиона. Этот неожиданный на первый взгляд поворот колеса ни в малейшей степени не опровергает, однако, ни тенденции роста городского населения за счет сельского, ни тенденции размывания промежуточных классов, зато тем ярче характеризует загнивание капиталистической системы в целом. Рост сельского населения в период острого кризиса 1930-1935 гг.³²⁷ объясняется попросту тем, что почти 2 миллиона человек городского населения, точнее говоря, голодающих безработных, переселились в деревню, на покинутые фермерами участки или на фермы своих родственников и близких, чтобы посвятить свою отвергнутую обществом рабочую силу продовольственному натуральному хозяйству и влачить полуголодное существование вместо голодного.

Дело идет, таким образом, не о жизнеспособности, не об устойчивости мелких фермеров, ремесленников, торговцев, а об абсолютной безвыходности их положения. Мелкая буржуазия представляет не залог будущего, а несчастный и печальный пережиток прошлого. Оказавшись неспособен ликвидировать ее до конца, капитализм оказался способен довести ее до последней степени унижения и бедствий. Фермер отказывается не только от ренты на свой участок земли и от прибыли на вложенный им капитал, но и от доброй доли своей заработной платы. Равным образом и мелкий люд городов влачит существование между экономической жизнью и смертью. Мелкая буржуазия не пролетаризируется только потому, что она пауперизируется. В этом так же трудно открыть довод за капитализм, как и против Маркса.

Промышленные кризисы

Конец прошлого и начало нынешнего столетия отличались столь бурным развитием капитализма, что циклические кризисы казались только "случайными" заминками. В годы почти всеобщего капиталистического оптимизма критики Маркса заверяли, что национальное и интернациональное развитие трестов, синдикатов и концернов несет с собой планомерный контроль над рынком и предвещает полную победу над кризисами. По словам Зомбарта, кризисы уже до

войны были "устранены" механикой самого капитализма, так что "проблема кризисов оставляет нас сегодня почти индифферентными". Сейчас, всего через 10 лет, эти слова звучат, как неуместное издевательство, тогда как старый прогноз Маркса лишь в наши дни обнаруживает всю свою трагическую убедительность. В организме с отравленной кровью каждая эпизодическая болезнь имеет тенденцию принимать хронический характер; так, особенно тяжелую форму принимают кризисы в загнивающем организме монополистического капитала.

Замечательно, что капиталистическая пресса, пытающаяся полуотрицать существование монополий, пользуется, с другой стороны, этими монополиями для полуотрицания капиталистической анархии. Если 60 семейств контролируют экономическую жизнь Соединенных Штатов, - иронически пишет "Нью-Йорк Таймс", - значит эта жизнь развивается по плану, а не хаотически. Довод бьет мимо цели. Ни одной из своих тенденций капитализм не способен довести до конца. Как концентрация богатств не упраздняет мелкой буржуазии, так монополия не ликвидирует конкуренции, а лишь наваливается на нее сверху и уродует ее. "План" каждого из 60 семейств, как и отдельные комбинации этих планов, преследует вовсе не согласование разных отраслей хозяйства между собою, а лишь повышение прибыли данной монополистской клики за счет других клик и за счет всего народа. Пересечение таких планов в конце концов только углубляет анархию народного хозяйства. Монополистская диктатура и хаос не исключают, а дополняют и питают друг друга.

Кризис 1929 г. разразился в Соединенных Штатах через год после того, как Зомбарт заявил о полной индифферентности его "науки" к самой проблеме кризисов. С высот подъема, которого не видел мир, хозяйство Соединенных Штатов сверглось в бездну чудовищной прострации. В дни Маркса никто еще не мог представить себе конвульсий такого размаха! Национальный доход Соединенных Штатов впервые поднялся в 1920 г. до 69 миллиардов³²⁸, чтобы уже в следующем году упасть до 50 миллиардов, т. е. на 27%. В результате преуспевания ближайших лет национальный доход поднялся в 1929 г. до высшей своей точки, 81 миллиарда, чтобы в 1932 г. упасть до 40 миллиардов, т. е. более чем вдвое! В течение 9 лет, 1930-1938 гг., потеряно около 43 миллионов человеко/лет труда и 133 миллиарда долларов национального дохода, если считать нормами труд и доход 1929 г., когда было "всего" 2 миллиона безработных. Если все это не анархия, то что же может означать это слово вообще?

"Теория крушения"

Успехи капитализма со времени смерти Маркса до мировой войны почти полностью подчинили себе умы и сердца буржуазной интеллигенции и рабочей бюрократии. Идея постепенного прогресса ("эволюции") казалась раз навсегда обеспеченной; идея революции представлялась простым пережитком варварства. Прогнозу Маркса о возрастающей концентрации капитала, об обострении классовых противоречий, об углублении кризисов и о катастрофическом крушении

капитализма противопоставлялись не частичные поправки и уточнения, а качественно противоположный прогноз: о более равномерном распределении национального дохода, о смягчении классовых противоречий и о постепенном реформировании капиталистического общества. Жан Жорес, самый выдающийся из демократических социалистов классической эпохи, надеялся постепенно заполнить политическую демократию социальным содержанием. В этом состояло существо реформизма. Таков был альтернативный прогноз. Что осталось от него?

Жизнь монополистического капитализма нашей эпохи есть цепь кризисов. Каждый кризис есть катастрофа. Необходимость спастись от этих частичных катастроф при помощи таможенных стен, инфляции, повышения государственных расходов и долгов подготавливает новые, более глубокие и универсальные кризисы. Борьба за рынки, за сырье, за колонии делает неизбежными военные катастрофы. Все вместе готовит революционные катастрофы. Поистине нелегко согласиться с Зомбартом, что стареющий капитализм становится все более "спокойным, степенным и разумным". Скорее уж можно сказать, что он теряет последние остатки рассудка. Во всяком случае, неоспоримо, что "теория крушения" одержала победу над теорией мирного развития.

Загнивание капитализма

Как ни дорого обошелся обществу контроль рынка через частные и общие кризисы, человечество до известного этапа, примерно до мировой войны, росло, развивалось и богатело. Частная собственность на средства производства оставалась в ту эпоху относительно прогрессивным фактором. Ныне слепой контроль закона ценности отказывается служить. Развитие человечества уперлось в тупик. Несмотря на новейшие завоевания технической мысли, материальные производительные силы не растут. Самым ярким и безошибочным признаком упадка является мировой застой в строительной промышленности, как результат приостановки новых вложений в основные отрасли хозяйства. Капиталисты разучились попросту верить в будущее собственной системы. Стимулирование строительства со стороны государства означает повышение налогов и сужение "несвязанного" национального дохода, тем более, что главная часть новых государственных сооружений непосредственно служит военным целям.

Маразм принял особенно болезненный и унижительный характер в наиболее древней, наиболее связанной с основными потребностями человека области, именно в сельском хозяйстве. Не довольствуясь теми препятствиями, какие частная собственность в ее наиболее реакционной форме, именно мелкая земельная собственность, ставит развитию земледелия, капиталистические правительства видят себя нередко призванными искусственно ограничивать производство при помощи законодательных и административных мер, перед которыми остановилось бы в испуге цеховое ремесло эпохи упадка. В историю будет записано, что правительство самой могущественной капиталистической страны выдавало фермерам премии за сокращение пашни, т. е. за искусственное уменьшение и без того падающего национального дохода³²⁹. Результаты были

налицо: при грандиозных производственных возможностях, обеспеченных опытом и наукой, сельское хозяйство не выходит из гнилостного кризиса, а число голодных, подавляющее большинство человечества, продолжает расти быстрее, чем население нашей планеты. Защиту строя, который дошел до такого разрушительного безумия, господа консерваторы считают разумной политикой; социалистическую борьбу против этого безумия они объявляют разрушительным утопизмом.

Фашизм и "Нью Дил"

Два метода спасения империализма борются ныне на мировой арене: фашизм и "Нью Дил", во всех их разновидностях. Фашизм основывает свою программу на разгроме рабочих организаций, на уничтожении социальных реформ и на полной ликвидации демократических прав во избежание возрождения классовой борьбы пролетариата. Фашистское государство официально узаконивает деградацию рабочих и пауперизацию мелкой буржуазии во имя спасения "нации" и "расы": под этим высокомерным именем фигурирует загнивающий капитализм.

Политика "Нью Дил", пытающаяся путем подачек рабочей и фермерской аристократии спасти империалистскую демократию, доступна в широком объеме только очень богатым нациям и в этом смысле является американской политикой *par excellence*³³⁰. Часть расходов этой политики правительство пыталось переложить на монополистов, убеждая их поднять заработную плату и сократить рабочий день, чтоб таким путем повысить покупательную силу населения и расширить производство. Леон Блум пробовал переводить ту же проповедь на французский язык низшей школы. Тщетно! Французский капиталист, как и американский, производит не для производства, а для прибыли. Он всегда готов сократить производство, даже уничтожить готовые продукты, если при этом повысится его собственная доля в национальном доходе.

Программа "Нью Дил" тем более противоречива, что, читая проповеди магнатам капитала о преимуществах обилия над скудостью, правительство выдает премии за сокращение производства. Нельзя больше запутаться! Своим критикам правительство отвечает вызовом: попробуйте сделать лучше. Но это значит лишь, что на основах капитализма положение безвыходно.

Начиная с 1933 г., т. е. в течение последних шести лет, федеральное правительство, штаты и муниципалитеты³³¹ выдали безработным около 15 миллиардов долларов пособий: сумма, совершенно недостаточная сама по себе и представляющая лишь меньшую половину потерянной заработной платы, но в то же время колоссальная при падающем национальном доходе. В течение 1938 г., который был годом относительного экономического оживления, государственный долг Соединенных Штатов повысился на 12 миллиардов и перевалил за 38 миллиардов долларов, на 12 миллиардов выше наиболее высокой точки к началу войны. А дальше? Нельзя жить без конца за счет прошлых поколений. Политика "Нью Дил", с ее фиктивными достижениями и реальным ростом государственного долга ведет неизбежно к бешеной капиталистической реакции и грандиозному взрыву империализма. Она направляется, иначе сказать, в те же каналы, по

которым протекает политика фашизма.

Знахарство

Среди капиталистов и их идеологов царит величайшая растерянность. Многие из них, правда, метко критикуют политику фашизма, как и политику "Нью Дил". Но - в этом Вашингтон, как и Берлин, прав - никто ничего не способен предложить взамен. Кризис капиталистической системы выражается, в частности, в том, что крайне трезвые и деловые в своей сфере люди, переходя в область общих вопросов, становятся фантастическими знахарями.

Деньги должны играть подчиненную роль, содействуя "перемещению" благ - поучает Генри Форд; между тем они командуют хозяйством и тормозят его: "Хвост виляет собакой"; "Пора нашим финансовым инженерам создать лучшую модель". Автомобильный король не понимает, что деньги сосредотачиваются у него самого. Пугаясь собственного отражения, Форд требует, чтоб инженеры изготовили ему другое, более приветливое финансовое зеркало. Курьез состоит в том, что в поисках чудодейственных денег американский магнат ошупью возвращается к идеям французского мелкобуржуазного социалиста Прудона, которого Маркс подверг уничтожающей критике тогда, когда Генри Форд еще не успел родиться.

Пример Форда показывает, кстати сказать, что наживать деньги - это одно, а понимать их социальную функцию - совсем другое. Форд - не исключение. Относясь к Марксу с высокомерным пренебрежением, магнаты капитала остаются в области экономической теории невежественными знахарями. Увы, от них немногим отличаются и патентованные политики!

Аномалия или правило?

Г[осподин] Икес332, секретарь внутренних дел в Вашингтоне, считает "одной из самых удивительных аномалий во всей истории" тот факт, что Америка, демократическая по форме, является аристократической по существу: "Америка - страна господства большинства, но контролируемая, по крайней мере, до 1933 г. (!), монополиями, которые, в свою очередь, контролируются ничтожным числом держателей акций". Диагноз поставлен правильно, за исключением намека на то, что с пришествием Рузвельта господство монополий прекратилось или ослабело. Но то, что Икес называет "одной из самых удивительных аномалий во всей истории", является на самом деле непререкаемой нормой капитализма. Владычество сильных над слабыми, немногих над многими, эксплуататоров над трудящимися представляют основной закон буржуазной демократии. Что отличает Соединенные Штаты от других стран - это лишь большой размах и большая обнаженность противоречий капитализма. Отсутствие феодального прошлого, богатая природа, энергичное и предприимчивое население, - словом, все те преимущества, которые предвещали непрерывное развитие демократии, обеспечили на самом деле фантастическую концентрацию богатств.

Обещая на этот раз довести борьбу до победы над монополиями, Икес

неосторожно ссылаясь на Томаса Джефферсона, Эндрю Джексона, Авраама Линкольна, Теодора Рузвельта³³³ и Вудро Вильсона, как на предшественников Франклина Рузвельта. "Практически, - говорил он 30 декабря 1937 г., - все наши величайшие исторические фигуры знамениты именно своей настойчивой и мужественной борьбой, имевшей задачей предупредить и контролировать сверхконцентрацию богатств и власти в немногих руках". Из слов самого оратора вытекает, однако, что плодом "настойчивой и мужественной борьбы" явилось полное господство плутократии над демократией.

Икес считает почему-то, что на этот раз победа будет обеспечена, если народ поймет, что борьба идет "не между "Нью Дил" и средним просвещенным деловым человеком, но между "Нью Дил" и бурбонами 60-ти семейств³³⁴, которые подвели остальных деловых людей в Соединенных Штатах под террор своего господства". Авторитетный оратор не поясняет, каким образом удалось "бурбонам" подчинить себе всех просвещенных деловых людей, несмотря на демократию и противодействие "величайших исторических фигур". Рокфеллеры, Моргань³³⁵, Меллоны³³⁶, Вандербильты³³⁷, Гуггенхаймы³³⁸, Форды и К^{||} не вторглись в Соединенные Штаты извне, как Кортес³³⁹ вторгся в Мексику: они органически выросли из "народа", точнее из класса "просвещенных промышленников и торговцев" и стали в соответствии с прогнозом Маркса естественным увенчанием капитализма. Если молодая и крепкая демократия не приостановила в свое время концентрации богатств, когда процесс только еще начался, можно ли поверить хоть на минуту, что загнивающая демократия способна ослабить классовые антагонизмы, достигшие крайнего предела? Опыт "Нью Дил", во всяком случае, не дает повода для оптимизма. Опровергая обвинения крупных капиталистов против правительства, Роберт Джексон, высоко официальная правительственная фигура, показал с цифрами в руках, что в период Рузвельта прибыли магнатов капитала достигли такой высоты, о какой они разучились мечтать в последний период президентства Гувера, из чего вытекает, во всяком случае, что борьба Рузвельта против монополий увенчивается не большим успехом, чем борьба всех его предшественников.

Считая своим призванием охранять основы капитализма, реформаторы, естественно, оказываются бессильны обуздать его законы мерами экономической полиции. Им не остается ничего другого, кроме морализирования. Мистер Икес, подобно другим министрам и публицистам "Нью Дил", кончает тем, что призывает монополистов не забывать о совести и о принципах демократии. Чем это лучше молитв о даровании дождя? Взгляд Маркса на владельца средств производства гораздо научнее. "Как капиталист, - читаем в "Капитале", - он представляет собою лишь персонифицированный капитал. Его душа - душа капитала. Но у капитала одно-единственное жизненное стремление..., создавать прибавочную стоимость". Если бы поведение капиталиста определялось качествами его индивидуальной души или лирическими излияниями г[осподина] министра, невозможны были бы ни средние цены, ни средняя заработная плата, ни бухгалтерия, ни капиталистическое хозяйство в целом. Бухгалтерия, однако, благополучно существует и является ценным доводом в пользу

материалистического понимания истории.

Судебное знахарство

"Если мы не уничтожим монополию, - говорил в ноябре 1937 г. уже знакомый нам бывший генеральный прокурор Каммингс, - монополия найдет способ уничтожить большую часть наших реформ и в конце концов понизит общий уровень нашей жизни". Приводя яркие цифры в доказательство того, что "тенденция недопустимой концентрации богатства и экономического контроля является несомненной", Каммингс оказался в то же время вынужден признать, что законодательная и судебная борьба с трестами до сих пор ни к чему не привела. "Трудно установить, - жаловался он, - преступное намерение, когда дело идет об экономическом результате". Вот именно! Хуже того: судебная борьба против трестов произвела "еще хуже запутанную путаницу". Этот счастливый плеоназм³⁴⁰ неплохо выражает бессилие демократической юстиции в борьбе с марксовым законом ценности. Нет основания думать, что г. Франк Морфи³⁴¹, преемник Гомера Каммингса, окажется счастливее в разрешении задачи, сама постановка которой свидетельствует о безнадежном знахарстве в сфере экономического мышления.

Вернуть вчерашний день

Нельзя не согласиться с профессором Льюисом Дугласом³⁴², бывшим директором бюджета при Рузвельте, когда он обвиняет правительство в том, что "нападая на монополию в одном поле, оно усиливает монополию во всех других областях". Да иначе, по самому существу дела, и быть не может. Правительство, по Марксу, есть исполнительный комитет господствующего класса. Монополисты представляют ныне сильнейшую часть господствующего класса. Правительство не может бороться против монополии вообще, т. е. против класса, волею которого оно правит. Нападая на один вид монополии, оно должно искать союзника в монополиях другого вида. В союзе с банками и легкой промышленностью оно может наносить эпизодические удары трестам тяжелой промышленности, которые, впрочем, не перестают от этого наживать фантастические барыши.

Сам г. Л. Дуглас официально знахарству противопоставляет не науку, а лишь другой вид знахарства. Источник монополии он видит не в капитализме, а в протекционизме и в соответствии с этим спасение общества открывает не в ликвидации частной собственности на средства производства, а в снижении таможенных тарифов. "Если свобода рынков не будет восстановлена, - предвещает он, - сомнительно, чтобы свобода всех учреждений - предприятий, слова, воспитания, религии - могла сохраниться". Другими словами: без восстановления свободы международного оборота демократия, где и поскольку она еще сохранилась, должна будет уступить место революционной или фашистской диктатуре. Но свобода международной торговли немыслима без свободы внутренней торговли, т. е. без конкуренции. А свобода конкуренции немыслима при господстве монополии. К сожалению, г. Дуглас, как и г. Икес,

как и г. Джексон, как и г. Каммингс, как и сам г. Рузвельт, не потрудились сообщить нам свой рецепт против монополистского капитализма и тем самым против революции или тоталитарного режима.

Свобода торговли, как и свобода конкуренции, как и процветание мелкой буржуазии, есть невозвратимое прошлое. Вернуть вчерашний день есть сейчас единственная рецептура демократических реформаторов капитализма: дать больше "свободы" мелким и средним промышленникам и торговцам, изменить в их пользу денежную и кредитную системы, освободить рынок от командования трестов, устранить с биржи профессиональных спекулянтов, восстановить свободу международного оборота и т. д. без конца. Господа реформаторы мечтают даже о том, чтоб ограничить машинизм и наложить запрет на технику, которая нарушает социальное равновесие и причиняет много беспокойств. Выдающийся американский ученый сказал по этому поводу с горькой усмешкой, что, очевидно, благополучия можно достигнуть, лишь вернувшись к счастливой амебе или, по крайней мере, к довольной свинье.

Р.Милликен и марксизм

Однако сам этот ученый, г. Роберт Милликен³⁴³, тоже глядит, к сожалению, не вперед, а назад. Защищая науку, он говорил 7 декабря 1937 г.: "Статистика Соединенных Штатов показывает, что процент населения с оплачиваемым трудом систематически повышался в течение последних пятидесяти лет, когда наука наиболее быстро применялась". Эту защиту капитализма под видом защиты науки нельзя назвать счастливой. Именно в течение последнего полувека "порвалась связь времен"³⁴⁴, и взаимоотношение между экономикой и техникой резко переменялось. Период времени, названный Милликеном, включает как апогей капиталистического подъема, так и начало капиталистического упадка. Замалчивать начавшийся во всемирном масштабе упадок значит выступать апологетом капитализма. Отвергая мимоходом социализм при помощи доводов, которые не сделали бы чести и г. Форду, Милликен поучает, что никакая система распределения не может удовлетворить потребности человека без повышения объема производства. Бесспорно! Жаль, однако, что знаменитый физик не объяснил миллионам американских безработных, как им принять участие в повышении национального дохода. Абстрактная проповедь спасительности индивидуальной инициативы и высокой производительности труда во всяком случае не даст работы безработным, не заполнит бюджетного дефицита и не выведет хозяйство из тупика.

Что характеризует Маркса - это универсальность его гения, способность в разных областях понимать явления и процессы в их внутренней связи. Не будучи специалистом в естествознании, он одним из первых понимал значение великих открытий в этой области, например, теории дарвинизма. Это преимущество обеспечивала за Марксом не только сила его интеллекта, но и сила его метода. Естественники буржуазного образа мыслей думают, что они возвышаются над социализмом. Между тем, пример Р.Милликена снова показывает, что в области социологии они остаются безнадежными знахарями. Им надо учиться у Маркса

научному мышлению.

Производственные возможности и частная собственность

В своем послании Конгрессу в начале 1937 г.³⁴⁵ президент Рузвельт выразил пожелание довести национальный доход до 90 или 100 миллиардов долларов, не указывая, однако, какими путями. Сама по себе эта программа крайне скромна. В 1929 г., когда насчитывалось почти 2 миллиона безработных, национальный доход достиг 81 миллиарда долларов. Чтобы осуществить и даже далеко превзойти программу Рузвельта, нужно было бы только привести полностью в движение наличные производительные силы. Машины, сырые материалы, рабочие, - все имеется налицо, не говоря уже о потребности населения в продуктах. Если тем не менее план остается невыполним, - а он невыполним, - то только потому, что капиталистическая собственность пришла в полное противоречие с потребностями общества в расширении производства. Известное правительственное исследование "Национальный обзор возможной производственной способности" ("National survey of potential product capacity")³⁴⁶ пришло к выводу, что стоимость продуктов и услуг, потребленных в 1929 г., составляла около 94 миллиардов долларов, считая по розничным ценам. Между тем, если бы использованы были все наличные производственные возможности, то эта стоимость поднялась бы до 135 миллиардов, что составило бы в среднем на каждую семью 4.370 долларов в год, - сумма, вполне достаточная для обеспечения достойной и удобной жизни. К этому нужно прибавить, что расчет "Национального обзора" исходит из наличной производственной организации Соединенных Штатов, как она сложилась в результате анархической истории капитализма. Если же переоборудовать само оборудование, исходя из единого социалистического плана, то производственные расчеты могли бы быть значительно превзойдены, и всему населению мог бы быть обеспечен уровень высокого жизненного комфорта при крайне коротком рабочем дне.

Для спасения общества не нужно, следовательно, ни приостанавливать развитие техники, ни закрывать заводы, ни премировать фермеров за саботаж земледелия, ни превращать третью часть рабочих в пауперов, ни призывать маньяков в качестве диктаторов. Ни одна из этих мер, являющихся возмутительным глумлением над интересами общества, не нужна. Зато необходимо неотложно отделить средства производства от их нынешних паразитических собственников и организовать хозяйство по разумному плану. При этом условии сразу открылась бы возможность радикального излечения язв общества. Все работоспособные нашли бы работу. Часы работы прогрессивно убывали бы. Потребности всех членов общества находили бы возрастающее удовлетворение. Слова "нужда", "кризис", "эксплуатация" выпали бы из словаря. Человечество переступило бы наконец через порог подлинной человечности.

Неизбежность социализма

"Вместе с уменьшающимся постоянно числом магнатов капитала..., -

говорит Маркс, - возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют". Это и есть социалистическая революция. Проблема переустройства общества не есть у Маркса рецепт, продиктованный субъективными тенденциями автора; она вытекает, как железная историческая необходимость, с одной стороны, из мощно выросших производительных сил, с другой, - из невозможности организовать дальше эти силы по произволу закона стоимости.

Умствования некоторых интеллигентов на тему о том, что, вопреки учению Маркса, социализм не неизбежен, а только возможен, лишены какого бы то ни было содержания. Маркс не хотел, разумеется, сказать, что социализм наступит независимо от воли и действий людей: такая мысль была бы просто абсурдом. Маркс предсказывал, что из экономического развала, которым неизбежно должно завершиться развитие капитализма, - этот развал налицо, - не может быть другого выхода, кроме обобществления средств производства. Производительные силы нуждаются в новом организаторе и новом хозяине. А так как бытие определяет сознание, то Маркс не сомневался, что рабочий класс ценою ошибок и поражений разберется в реальной обстановке и сделает из нее раньше или позже необходимые практические выводы.

Что обобществление созданных капитализмом средств производства должно представить огромные экономические выгоды, доказано ныне не только теорией, но и опытом СССР, как ни ограничен этот опыт. Правда, капиталистическая реакция не без искусства пользуется режимом Сталина как пугалом против идей социализма. На самом деле Маркс никогда не говорил, что социализм может быть осуществлен в одной, притом отсталой стране. Продолжающаяся нужда народных масс в СССР, всемогущество привилегированной касты, поднявшейся над народом и его нуждой, наконец, дикий произвол бюрократии являются результатом не социалистических методов хозяйства, а изолированности и отсталости СССР в кольце капиталистического окружения. Приходится скорее изумляться тому, что в этих исключительно неблагоприятных условиях плановое хозяйство успело обнаружить свои неопределимые преимущества.

Все спасители капитализма, и демократического, и фашистского типа, пытаются ограничить или, по крайней мере, замаскировать власть магнатов капитала именно для того, чтобы избежать "экспроприации экспроприаторов". Все они признают, и многие открыто высказывают, что неудача их реформаторских попыток должна неизбежно привести к социалистической революции. Все они успели, однако, показать, что их методы спасения капитализма представляют реакционное и бессильное знахарство. Прогноз Маркса о неизбежности социализма полностью подтверждается, таким образом, методом от обратного.

Неизбежность социалистической революции

Программа "технократии", расцветшая в период великого кризиса 1929-1932 гг.³⁴⁷, исходила из той правильной мысли, что рационализировать хозяйство можно лишь посредством союза техники, стоящей на высоте науки, и власти, стоящей на службе общества. Однако такой союз возможен лишь, если освободить и технику, и власть из рабства частной собственности. Здесь-то и открывается великая революционная задача. Чтобы освободить технику из кабалы частных интересов и поставить власть на службу обществу, нужно "экспроприировать экспроприаторов". Совершить эту работу способен лишь могущественный класс, заинтересованный в собственном освобождении и противостоящий монополистам-экспроприаторам. Только в союзе с пролетарской властью квалифицированный слой техников может построить действительно научное и действительно народное, т. е. социалистическое, хозяйство.

Самое лучшее было бы, конечно, если бы эту цель можно было осуществить мирным, постепенным, демократическим путем. Однако переживший себя строй никогда не уступает без сопротивления свое место новому. Если в свое время молодая, полная сил демократия оказалась неспособна предотвратить захват богатства и власти плутократией, то можно ли ждать, что одряхлевшая и опустошенная демократия окажется способна преобразовать строй, основанный на неограниченном господстве 60-ти семейств? Теория и история учат, что смена общественных режимов предполагает высшую форму классовой борьбы, т. е. революцию. Даже рабство не могло быть ликвидировано в Соединенных Штатах без гражданской войны. "Сила является акушером каждой старой общественной формы, которая беременна новой". Никому еще не удалось опровергнуть Маркса в этом основном пункте социологии классового общества. Путь социализму может открыть только социалистическая революция.

Марксизм в Соединенных Штатах

Североамериканская республика дальше всех ушла в области техники и организации производства. На этом фундаменте будут строить не только сами американцы, но и все человечество. Однако разные стороны общественного процесса у одной и той же нации имеют разные ритмы в зависимости от особых исторических условий. При грандиозном превосходстве технологии экономическая мысль Соединенных Штатов остается крайне отсталой, как на правом, так и на левом фланге. Джон Льюис держится примерно тех же взглядов, что и Франклин Рузвельт. Однако по характеру поста, который занимает Льюис, его общественная функция несравненно более консервативна, чтобы не сказать реакционна. В известных американских кругах склонны отвергать ту или другую радикальную теорию без малейшей научной критики, объявляя ее попросту "не американской". Где искать разграничительный критерий? Христианство было импортировано в Соединенные Штаты вместе с логарифмами³⁴⁸, поэзией Шекспира, идеями прав человека и гражданина и некоторыми другими немаловажными продуктами человеческой мысли. В этом же ряду стоит ныне и марксизм.

Секретарь земледелия, Генри Уоллес³⁴⁹, обвинил в печати автора этих строк в "крайне не американской догматической узости" и противопоставил русскому догматизму оппортунистический дух Джефферсона, который умел мириться с противником. Г[осподин] Уоллес не догадывается, видимо, что политика компромисса не есть функция бесплотного национального духа, а продукт материальных условий. Быстро богатеющая нация имеет достаточные резервы для соглашений между враждебными классами и партиями. Когда, наоборот, социальные противоречия обостряются, почва под компромиссом исчезает. Америка была свободна от "догматической узости" только потому, что у нее было много девственных пространств, неисчерпаемые источники естественных богатств и безграничная, казалось, возможность обогащения. Правда, и при этих условиях дух компромисса не предотвратил гражданской войны, когда пробил для нее час. Во всяком случае, те материальные условия, которые составляли основу "американизма", ныне все более уходят в прошлое. Отсюда глубокий кризис традиционной американской идеологии.

Эмпирическое мышление, ограничивающееся разрешением частных задач от случая к случаю, казалось совершенно достаточным не только в буржуазных, но и в рабочих кругах, пока марксов закон стоимости думал за всех. Но ныне этот закон пришел в непримиримое противоречие с самим собою. Вместо того, чтобы двигать хозяйство вперед, он подкапывает его основы. Компромиссное, эклектическое мышление с его философским увенчанием, прагматизмом, становится совершенно недостаточным, а недоброжелательное отношение к марксизму, как к "догме", - все более несостоятельным, реакционным и прямо смешным. Безжизненной, окостеневшей "догмой" стали, наоборот, традиционные идеи "американизма": они не порождают ничего, кроме ошибок и растерянности. Тем временем экономическое учение Маркса приобрело для Соединенных Штатов особую жизненность и актуальность. Хотя "Капитал" опирается на интернациональный материал, по преимуществу английский, но в своей теоретической основе представляет собою анализ чистого капитализма как такового. Несомненно, что наиболее приближается к этому идеальному типу тот капитализм, который вырос на девственной, неисторической почве Америки.

С позволения г. Уоллеса, Америка развивалась экономически не по принципам Джефферсона, а по законам Маркса. В таком признании столь же мало обидного для национального самолюбия, как и в признании того, что Америка вращается вокруг солнца по законам Ньютона. Чем дольше, однако, в Соединенных Штатах игнорировали Маркса, тем более повелительный характер принимает его учение в настоящее время. "Капитал" дает безошибочный диагноз болезни и незаменимый прогноз. В этом смысле учение Маркса гораздо более проникнуто новым "американизмом", чем идеи Гувера и Рузвельта, Грина и Льюиса.

Правда, в Соединенных Штатах имеется обширная оригинальная литература, посвященная кризису американского хозяйства. Поскольку добросовестные экономисты дают объективную картину разрушительных тенденций американского капитализма, их исследования, независимо от теоретических предпосылок,

которые чаще всего отсутствуют, кажутся прямыми иллюстрациями теории Маркса. Консервативная традиция сказывается, однако, в том, что авторы упорно воздерживаются от последних выводов, ограничиваясь мрачными пророчествами или нравоучительными банальностями: "страна должна понять", "общественное мнение должно серьезно отнестись" и пр. Эти книги похожи на нож без лезвия или на компас без стрелки.

В Соединенных Штатах были, правда, марксисты и в прошлом. Но это были марксисты особого рода, вернее, трех особых родов. Во-первых, выброшенные из Европы эмигранты, которые делали что могли, но не находили отголоска; во-вторых, отдельные американские группы вроде "делионитов"³⁵⁰, которые ходом вещей и своими ошибками превращались в секты; в-третьих, дилетанты, привлеченные Октябрьской революцией и сочувствовавшие марксизму, как экзотическому учению, мало имеющему отношение к Соединенным Штатам. Время всех этих категорий прошло. Открывается эпоха независимого классового движения пролетариата и в то же время - подлинного марксизма. Америка и в этом отношении несколькими прыжками нагонит и перегонит Европу. Передовая техника и передовая социальная структура проложат себе дорогу в области доктрины. Лучшие теоретики марксизма появятся на почве Соединенных Штатов. Маркс станет наставником передовых американских рабочих. Сокращенное изложение первого тома станет для них только ступенькой к полному Марксу.

Л.Троцкий

26 февраля 1939 г.

Койоакан

Предатели Индии

Мы печатаем в этом номере статью Стэнли о политическом положении в Индии³⁵¹. Статья с большой убедительностью вскрывает угнетательскую политику, которую развивает британская "демократия", чтобы не допустить демократии в Индии. Население Англии 40.000.000. Население Индии - 370.000.000. Чтобы поддержать демократию у империалистической нации в 40.000.000 необходимо душить нацию в 370.000.000. Такова суть империалистической демократии.

Освободить Индию может только победоносная революция. Индусская буржуазия, тесно связанная с британским капиталом, боится революции. Буржуазная индусская интеллигенция боится своей буржуазии. Вместо подготовки народной революции эти господа проповедуют все тот же "народный фронт", т. е. союз перепуганных либералов с перепуганными демократами разной окраски. В этой работе сталинцы стоят, конечно, на первом месте. Чтобы затормозить революционное движение масс против прямого и непосредственного врага, британского империализма, эти господа ведут агитацию... против японской опасности. Таким примером они надеются завоевать симпатии британских рабовладельцев к индийской демократии, а заодно и к... Сталину, который мечтает о союзе с британской буржуазией. Колониальные народы - разменная

монета в расчетах бонапартистской олигархии с империалистическими демократиями.

Л.Д.Троцкий

4 марта 1939 г.

Идеальное зеркало капитализма³⁵²

В период выхода первого тома "Капитала" мировое господство британской буржуазии оставалось еще неоспоримым. Абстрактные законы товарного хозяйства находили естественно наиболее законченное, т. е. наименее зависимое от влияний прошлого, воплощение в той стране, в которой капитализм достиг наивысшего развития. Опираясь в своем анализе главным образом на Англию, Маркс имел в виду не только Англию, но весь капиталистический мир. Англия служила ему, как лучшее для того времени зеркало капитализма.

Ныне от британской гегемонии остались лишь воспоминания. Преимущества капиталистического первородства превратились в свою противоположность. Техническая и экономическая структура Англии обветшала. Мировое положение страны держится на унаследованной от прошлого колониальной империи, а не на живом экономическом потенциале. Именно этим и объясняется, кстати сказать, столь поразившая всех христианская уступчивость Чемберлена по отношению к международному гангстеризму фашистов. Английская буржуазия не может не отдавать себе отчета в том, что ее мировое положение пришло в полное противоречие с ее экономическим упадком и что новая война грозит привести к полному распаду Британской империи. Такова же, по существу, экономическая основа "пацифизма" Франции.

В своем быстром капиталистическом подъеме Германия, наоборот, использовала преимущества своей исторической запоздалости, вооружившись наиболее совершенной в Европе техникой. При узости национальной базы и бедности источниками сырья динамический капитализм Германии естественно превратился в наиболее взрывчатый фактор так называемого мирового равновесия. Эпилептическая идеология Гитлера является лишь отражением эпилепсии германского капитализма.

При ряде неопределимых преимуществ исторического характера Соединенные Штаты располагали для своего развития неизмеримо большей ареной и несравненно большими естественными богатствами, чем Германия. Оттеснив далеко назад Великобританию, североамериканская республика стала к началу нынешнего столетия главной твердыней мировой буржуазии. Все заложенные в капитализме возможности нашли здесь наивысшее доступное им развитие. Нигде на нашей планете буржуазия не прибавит уже ничего к тому, что ею достигнуто в республике доллара, которая стала для XX столетия совершенным зеркалом капитализма.

По тем же причинам, по которым Маркс предпочел опираться в своем изложении на английскую статистику, английские парламентские отчеты, английские "Синие книги" и пр., мы пользовались для нашего скромного

"Введения" материалами преимущественно из экономической и политической жизни Соединенных Штатов. Можно было бы, разумеется, без труда привести аналогичные факты и цифры из жизни любой другой капиталистической страны, но это не прибавило бы ничего существенного: выводы остались бы те же, лишь иллюстрации оказались бы менее яркие.

Экономическая политика Народного фронта во Франции была, по меткому выражению одного из ее финансистов, приспособлением "Нью Дила" "для лилипутов". Совершенно очевидно, что при теоретическом анализе неизмеримо выгоднее иметь дело с циклопическими, чем с лилипутскими масштабами. Именно грандиозность опыта Рузвельта показывает, что спасти мировую капиталистическую систему могло бы разве лишь чудо. Но как раз развитие капиталистического производства приостановило производство чудес. Заклинаний и молитв много, чудес нет. Между тем ясно, что, если бы где-либо вообще можно было ждать чуда омоложения капитализма, то именно в Соединенных Штатах. Но омоложение не совершилось. Что не удалось циклопам, еще менее может удалиться лилипутам. В обосновании этого простого вывода - смысл нашей экскурсии в область американского хозяйства.

Метрополии и колонии

"Страна промышленно более развитая, - говорит Маркс в предисловии к "Капиталу", - показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего". Эту мысль нельзя, однако, ни в каком случае понимать буквально. Рост производительных сил и углубление социальных противоречий являются, несомненно, уделом каждой страны, вступившей на путь буржуазного развития. Однако неравномерность темпов и уровней, проходящая через все развитие человечества и имеющая в основе своей как естественные, так и исторические причины, не только приняла при капитализме особенно острый характер, но и породила сложные взаимоотношения зависимости, эксплуатации и угнетения между странами разного экономического типа.

Лишь меньшинство стран проделало полностью то планомерное и логическое развитие от ремесла через мануфактуру к фабрике, которое Маркс подвергает такому детальному анализу. Торговый, промышленный и финансовый капитал вторгся в отсталые страны извне и наполовину разрушал первобытные формы туземного хозяйства, наполовину подчинял их мировой промышленной и банковской системе Запада. Под бичом империализма колонии и полукolonии оказывались вынуждены перепрыгивать через промежуточные стадии и в то же время искусственно удерживались на известном уровне. Развитие Индии не повторяло развития Англии, а служило дополнением к нему. Однако, чтобы понять комбинированный тип развития запоздалых и зависимых стран, как Индия, нужно всегда иметь перед глазами ту классическую схему, которую Маркс извлек из развития Англии. Во всяком случае, закон трудовой стоимости одинаково руководит калькуляциями спекулянтов лондонского Сити и меновыми операциями в глухих уголках Хайдерабада³⁵³; во втором случае он принимает лишь более простые и менее мошеннические формы.

Неравномерность развития создала огромные преимущества для передовых стран, которые все, хотя и в разной степени, развивались за счет отсталых, эксплуатируя их, превращая их в колонии или, по крайней мере, отнимая у них возможность проникнуть в ряды капиталистической аристократии. Богатства Испании, Голландии, Англии, Франции создавались не только прибавочным трудом их собственного пролетариата, не только разорением их собственной мелкой буржуазии, но и систематическим грабежом заокеанских владений. Эксплуатация классов дополнялась и потенцировалась эксплуатацией наций.

За счет колониальной сверхприбыли буржуазия метрополии получала возможность создавать привилегированное положение для собственного пролетариата, особенно для его верхних слоев. Без этого сколько-нибудь устойчивый режим демократии был бы совершенно невозможен. В своем развернутом виде буржуазная демократия явилась и продолжает оставаться формой управления, доступной лишь наиболее аристократическим, наиболее эксплуататорским нациям. Античная демократия была основана на рабстве, империалистическая - на колониальном грабеже.

Соединенные Штаты, формально почти не имеющие колоний, на самом деле представляют собою самую привилегированную из всех наций истории. Активные выходцы из Европы завладели богатейшим континентом, истребили туземное население, захватили лучшую часть Мексики и сосредоточили в своих руках львиную долю мировых богатств. Накопленные в таких условиях жировые отложения продолжают служить и ныне, в эпоху упадка, для смазки рычагов и колес демократии.

Теоретический анализ, как и свежий опыт истории, одинаково свидетельствуют, что степень развития демократии и ее устойчивость обратно пропорциональны силе напряжения классовых противоречий. В менее привилегированных странах (Россия, с одной стороны, Германия, Италия и пр. - с другой), не имевших возможности создавать многочисленную и устойчивую рабочую аристократию, демократия не получила развития и сравнительно легко уступила свое место диктатуре. Однако продолжающийся прогрессивный паралич капитализма подготавливает ту же судьбу и демократиям наиболее привилегированных и богатых наций: разница только в сроках. Неудержимое ухудшение положения трудящихся делает для буржуазии все менее и менее возможным предоставлять массам право участия в политической жизни, даже в ограниченных рамках буржуазного парламентаризма. Всякое иное объяснение происходящего на наших глазах процесса вытеснения демократии фашизмом есть идеалистическая фальсификация действительности, обман или самообман.

Разрушая демократию в старых метрополиях капитала, империализм препятствует в то же время возникновению демократии в отсталых странах. Если ни одна из колоний или полуколоний не довела до конца в новую эпоху своей демократической революции, прежде всего в области аграрных отношений, то ответственность за это ложится полностью на империализм, ставший главным тормозом экономического и политического прогресса. Расхищая естественные богатства отсталых стран и сознательно задерживая их самостоятельное

промышленное развитие, монополистические магнаты и их правительства оказывают в то же время финансовую, политическую и военную поддержку наиболее реакционным, паразитическим, полуфеодалным группам туземных эксплуататоров. Искусственно охраняемое аграрное варварство является наиболее зловещей язвой современного мирового хозяйства. Освободительная борьба колониальных народов, перепрыгивая через промежуточные ступени, превращается по необходимости в антиимпериалистическую борьбу и тем сочетается с борьбой пролетариата метрополий. Колониальные восстания и войны еще более расшатывают в свою очередь устои капиталистического мира и делают еще менее возможным чудо его возрождения.

Плановое мировое хозяйство

Двойная историческая заслуга капитализма в том, что он высоко поднял технику и связал экономическими узами все части света. Этим заложены материальные условия для планомерного использования всех ресурсов нашей планеты. Однако этой насущной задачи капитализм разрешить не в состоянии. Очагами его экспансии остаются замкнутые национальные государства с их таможнями и армиями. Между тем производительные силы давно переросли границы национального государства, превратив его тем самым из прогрессивного исторического фактора в невыносимый тормоз. Империалистические войны означают не что иное, как взрывы производительных сил против ставших для них слишком тесными государственных границ. Программа так называемой автаркии не имеет ничего общего с возвратом к самодовлеющему замкнутому хозяйству. Она означает подготовку национальной базы для новой войны.

После подписания Версальского мира земной шар считался в основном поделенным. События последнего периода напомнили, что на нашей планете есть еще не захваченные или не вполне захваченные земли. Италия поработила Абиссинию. Япония пытается завладеть Китаем. Не дожидаясь возвращения прежних колоний, Германия превращает в колонию Чехословакию. Италия вторглась в Албанию³⁵⁴. Под знак вопроса поставлена судьба Балканского полуострова. Соединенные Штаты встревожены вторжением "посторонних" в Латинскую Америку. Борьба за колонии остается органической частью политики империалистического капитала. Полный раздел мира не завершает этот процесс, а лишь ставит в порядок дня вопрос о новом переделе мира в соответствии с изменившимся соотношением империалистических сил. Такова действительная причина нынешних вооружений, дипломатических конвульсий и военных группировок.

К области шарлатанства или тупоумия относятся все попытки представить ближайшую войну как столкновение между идеями демократии и фашизма. Политические формы меняются, капиталистические аппетиты остаются. Если бы по обеим сторонам Ла Манша установился завтра фашистский режим, - вряд ли кто отважится отрицать такую возможность, - парижский и лондонский диктаторы так же мало могли бы отказаться от своих колониальных владений, как Муссолини и Гитлер - от своих колониальных притязаний. Бешеная и безнадежная борьба за

новый передел мира неотвратно вытекает из смертельного кризиса капиталистической системы.

Частичные реформы и заплатки не помогут. Историческое развитие подошло к одному из тех решающих этапов, когда только прямое вмешательство масс способно снести реакционные преграды и заложить основы нового режима. Отмена частной собственности на средства производства есть первая предпосылка планового хозяйства, т. е. внесение разума в сферу отношений между людьми, сперва в национальном, затем - в мировом масштабе. Раз начавшись, социалистическая революция будет передвигаться из страны в страну с неизмеримо большей силой, чем ныне передвигается фашизм. Примером и помощью передовых народов будут увлечены на путь социализма отсталые. Падут прогнившие насквозь таможенные шлагбаумы. Раздирающие Европу и весь мир противоречия найдут свое естественное и мирное разрешение в рамках Социалистических Соединенных Штатов Европы, как и остальных частей света. Освобожденное человечество поднимется во весь свой рост.

Л.Троцкий

18 апреля 1939 г.

Койоакан.

Постскрипtum к статье "Капитуляция Сталина"³⁵⁵

После вступления Гитлера в Прагу естественно вспыхнули слухи о возвращении Сталина в лоно демократий. Но не исключено и то, что Гитлер вступал в Прагу³⁵⁶, имея уже в руках доказательства охлаждения Сталина к "демократиям". Уступка Гитлера не принадлежавшей ему Карпатской Украины Венгрии³⁵⁷ есть довольно демонстративный отказ от планов Великой Украины. Надолго ли - другой вопрос. Во всяком случае приходится считать вероятным, что Сталин заранее знал о судьбе Карпатской Украины и потому с такой уверенностью отрицал опасность Советской Украине со стороны Гитлера. Создание общей границы Польши и Венгрии может быть законно истолковано как проявление "доброй воли" Гитлера по отношению к СССР. Надолго ли - другой вопрос. При нынешнем темпе развертывания мировых антагонизмов завтра положение может радикально измениться. Но сегодня похоже на то, что Сталин пробует играть с Гитлером в четыре руки.

Л.Т[роцкий]

24 марта 1939 [г.]

О Лаборде и троцкистах вообще³⁵⁸

"Голос Мексики" высказал уверенность, что последнее трагическое железнодорожное крушение³⁵⁹ было делом рук реакции, и, в частности, Троцкого. Несмотря на всю серьезность источника, в первый момент это сообщение показалось нам маловероятным. Однако, вспомнив о московских процессах, где троцкисты были избличены самими собою в преступлениях еще

более чудовищных, мы решили произвести собственными скромными силами тщательное расследование. Оно принесло нам успех гораздо больший, чем мы рассчитывали вначале. Утверждение "Голоса Мексики" подтвердилось полностью. "Троцкий нам друг, но истина нам дороже". Попавшие в наши руки документы с несомненностью устанавливают, что главным организатором железнодорожного крушения должен быть признан живущий в Койоакане конспиратор. Нам удалось попутно также выяснить его главных сообщников. Оказалось, что свои наиболее преступные распоряжения Троцкий отдает - через кого бы вы думали? - Эрнана Лаборде. Многим это может показаться невероятным, так как Лаборде известен, как главный враг троцкизма в Мексике. Однако рассуждать таким образом способны лишь заведомо наивные люди и гнилые примиренцы, которые не дают себе отчета в дьявольском двурушничестве троцкистов. Подобно Радеку, Пятакову и десяткам других, которые открыто вели бешеную травлю против Троцкого, а на самом деле были его тайными агентами, Эрнан Лаборде лишь прикрывается сталинизмом, чтобы тем решительнее совершать подрывную троцкистскую работу. Доказательства? Их слишком много. Возьмем наиболее простое и ясное. Многие граждане не раз выражали удивление по поводу того, что во главе коммунистической партии Мексики стоит лицо, чьи речи, заявления и даже доносы несут на себе клеймо исключительной глупости. На самом деле лишь слепая простота может принимать эту глупость за чистую монету. Выполняя дьявольский замысел Четвертого Интернационала, Эрнан Лаборде напускает на себя глупость, чтобы тем вернее скомпрометировать Коминтерн. Пусть все, везде и всюду говорят, что во главе мексиканской секции Коминтерна стоит человек без ума и без совести! Маска глупости нужна коварному троцкисту для того, чтобы тем лучше совершать свою подрывную работу.

Что касается непосредственного участия Лаборде в подготовке крушения, то оно доказано полностью. В ящике нашего письменного стола имеются две гайки, отвинченные Лаборде в ночь накануне крушения. Дактилоскопия с несомненностью устанавливает отпечатки пальцев мексиканского троцкиста. Впрочем, вряд ли понадобятся эти вещественные доказательства. Подобно остальным двурушникам, Лаборде собирается публично покаяться в своих преступлениях, чтобы понести за них заслуженное наказание. Как нам сообщают из достоверных источников, Вышинский уже прислал ему билет первого класса для совершения поездки в Москву. Будем надеяться, что на этот раз Лаборде не задержится инкогнито в Соединенных Штатах, а действительно поступит в объятия ГПУ. Это лучшее, что он может сделать в интересах рабочего движения. После того, как товарищ Берия совершит над ним ритуальную хирургическую операцию, редакторы "Голоса Мексики" посвятят своему бывшему учителю и другу прочувствованный некролог, который будет заканчиваться словами: "Погибла еще одна бешеная собака троцкизма. Да здравствует Сталин, отец народов!" И вся "коммунистическая" партия Мексики единодушно ответит: "Аминь!"

[Л.Д.Троцкий]

[Март 1939 г.]

[Статья без заголовка]360

В промышленности в отсталых странах решающую роль играет иностранный капитал. Отсюда относительная слабость национальной буржуазии по сравнению с национальным пролетариатом. Это создает специфические условия государственной власти. Правительство лавирует между иностранным капиталом и внутренним, между слабой внутренней буржуазией и относительно сильным пролетариатом. Это придает правительству своего рода бонапартистский характер. Оно как бы возвышается над классами. На самом деле оно может править, либо превращаясь в орудие иностранного капитализма и держа пролетариат в цепях пролетарской диктатуры, либо заигрывая с пролетариатом, идя ему на уступки и тем завоевывая возможность некоторой свободы по отношению к иностранным капиталистам. Сейчас политика находится во второй стадии; высшим ее достижением является экспроприация железных дорог и нефтяных предприятий.

Эти меры относятся целиком к области государственного капитализма. Однако в полукOLONIALной стране государственный капитализм находится под высоким давлением иностранного частного капитала и его правительств и может держаться только при активной поддержке рабочих. Он пытается поэтому, не выпуская из рук реальной власти, возложить на рабочие организации значительную долю ответственности за ход производства в национальных отраслях промышленности.

Какова должна быть в этом случае политика рабочей партии? Разумеется, было бы губительной ошибкой, прямым обманом, утверждать, что путь к социализму ведет не через пролетарскую революцию, а через национализацию буржуазным государством отдельных отраслей промышленности и передачу их в руки рабочих организаций. Но речь идет не об этом. Буржуазное правительство само произвело национализацию и вынуждено требовать участия рабочих в управлении национализированной промышленностью. Можно, разумеется, уклониться, ссылаясь на то, что без обладания властью пролетариатом участие в руководстве предприятиями государственного капитализма не может дать социалистических результатов. Однако такого рода негативная политика революционного крыла не была бы понята массой и укрепила бы позиции оппортунистов. Дело идет для марксистов не о том, чтобы руками буржуазного государства строить социализм, а о том, чтобы использовать открывающиеся позиции внутри государственного капитализма и двинуть вперед революционное развитие рабочих.

Участие в буржуазном парламенте тоже не может дать больших положительных результатов, тоже ведет при известных условиях к деморализации рабочих депутатов. Однако это не довод для революционеров в пользу антипарламентаризма.

Было бы неправильно отождествлять политику участия рабочих в управлении национализированной промышленностью с участием социалистов в буржуазном правительстве (так называемый министриализм). Все члены правительства связаны узлами солидарности. Партия, представленная в правительстве, отвечает

за его политику в целом. Участие в управлении отдельной отраслью промышленности оставляет полную возможность политической оппозиции. В тех случаях, когда рабочие представители составляют в правлении меньшинство, они имеют полную возможность протоколировать и публиковать свои предложения, отвергнутые большинством, доводить их до сведения рабочих и пр.

Участие профсоюзов в руководстве национализированной промышленностью можно сравнить с участием социалистов в муниципалитетах, где социалисты завоевывают иногда большинство и вынуждены руководить крупным муниципальным хозяйством при господстве буржуазии в государстве и сохранении буржуазных законов собственности. Реформисты в муниципалитетах пассивно приспосабливаются к этому буржуазному режиму. Революционеры делают в муниципальной области все что можно в пользу рабочих и в то же время на каждом шагу учат рабочих, что муниципальная политика бессильна без завоевания власти в государстве. Разница, правда, в том, что в области муниципальной рабочие завоевывают известные позиции при помощи демократических выборов. В области национальной промышленности правительство само приглашает их занять определенные посты. Но эта разница имеет чисто формальный характер. В обоих случаях буржуазия вынуждена очистить рабочим известные сферы деятельности. Рабочие пользуются этим в своих интересах.

Было бы легкомыслием закрывать глаза на опасности, вытекающие из руководящей роли профессиональных союзов в национальной промышленности. Основу опасности составляет сращивание верхушек профессиональных союзов с аппаратом государственного капитализма, превращение уполномоченных пролетариата в заложников буржуазного государства. Но как ни велика эта опасность, она составляет лишь своеобразную часть общей опасности, вернее, общей болезни, именно буржуазного перерождения аппаратов профессиональных союзов [...]361 являются в подавляющем большинстве случаев политическими агентами буржуазии и ее государства. В национализированной промышленности они могут стать и уже становятся прямыми административными агентами. Против этого, однако, нет другого рецепта, как борьба за независимость рабочего движения вообще, в частности путем формирования внутри профессиональных союзов сплоченных революционных ядер, способных при сохранении единства профессионального движения бороться за классовую политику и за революционный состав руководящих органов.

Опасность другого рода состоит в том, что банки и другие капиталистические предприятия, от которых в экономическом смысле зависит данная отрасль национальной промышленности, могут принимать и будут принимать специфические меры саботажа, чтобы подорвать, скомпрометировать, разбить рабочее государство. Реформистские лидеры будут пытаться парировать эту опасность путем рабочего приспособления к требованиям своих капиталистических контрагентов, в частности банков. Революционные лидеры, наоборот, из саботажа банков будут делать вывод о необходимости экспроприации банков и создании единого национального банка, как расчетной палаты всего хозяйства. Разумеется, этот вопрос должен быть неразрывно

связан с вопросом о завоевании власти рабочим классом.

Разные капиталистические предприятия, национальные и иностранные, и государственные учреждения будут неизменно вступать в заговор для подрыва рабочего руководства национализированной промышленности. Со своей стороны, рабочие организации, руководящие разными отраслями национальной промышленности, должны объединяться между собою, чтобы обмениваться опытом, поддерживать друг друга экономически, совокупными силами воздействовать на правительство, на условия кредита и пр. Разумеется, такого рода Центральное Бюро рабочих правлений национализированных отраслей должно находиться в теснейшей связи с профессиональными союзами.

Подводя итог, можно сказать, что эта новая область работы таит в себе как большие возможности, так и большие опасности. Опасности состоят в том, что государственный капитализм через посредство прирученных профессиональных союзов может держать в узде рабочих, жестоко их эксплуатировать и парализовать их сопротивление. Революционные возможности состоят в том, что, опираясь на свои позиции в исключительно важных отраслях промышленности, рабочие могут повести атаку на все твердыни капитала и на буржуазное государство. Какая из этих возможностей победит и в какой именно срок? Этого, конечно, нельзя предсказать. Это зависит полностью от борьбы внутри рабочего класса различных течений, от опыта самих рабочих, от мировой обстановки. Во всяком случае, использовать эту новую форму деятельности в интересах рабочего класса, а не рабочей аристократии и бюрократии можно только при одном условии: при наличии революционной марксистской партии, которая внимательно изучает все формы деятельности рабочего класса, критикует все уклонения, воспитывает и организует рабочих, завоевывает влияние в профессиональных союзах и обеспечивает революционные рабочие представительства в национализированной промышленности.

[Л.Д.Троцкий]

12 мая 1939 [г.]

В редакцию "Июнь 1936 г."362

Уважаемые товарищи!

По поводу того, что "Лют Увриер"363, бельгийская газета Четвертого Интернационала, не напечатала или не сразу напечатала одно из бесчисленных опровержений Виктора Сержа, ваша газета сочла возможным говорить "об ихней и нашей морали", иначе сказать, обвиняла рабочую газету в недостойном поступке. Я не думаю, что это обвинение было правильно. Разумеется, всякая честная газета обязана исправить допущенную ею фактическую ошибку, особенно если дело идет об интересах третьего лица. Но никакая газета не обязана открывать свои столбцы для пропаганды взглядов, которые она считает ложными. Под видом "опровержений" В.Серж развивает попросту свои идеи, которые, впрочем, он сам очень затрудняется привести в порядок...

Марксистским изданиям приходится нападать на многих врагов и

противников. Если каждый из них захочет по этому поводу защищать свои взгляды на столбцах рабочей газеты, то рабочие попросту лишатся своего органа. Виктор Серж имеет полную возможность защищать свои взгляды в тех изданиях, которые с ним солидарны.

Но если вы всерьез относитесь сами к вашему взгляду на мораль рабочей печати, то вы, надеюсь, напечатаете это мое опровержение статьи Пивера, посвященной "троцкизму"³⁶⁴. Мой ответ оказался длинным, ибо труднее распутывать вопрос, чем запутывать его. Но длина статьи помешать, разумеется, не может, так как нравственное обязательство не измеряется сантиметром. Длинную статью можно напечатать в нескольких номерах, тем более, что атаки на "троцкизм" проходят через многие выпуски вашей газеты.

В подкрепление своего права на напечатание этого опровержения я позволю себе сослаться еще и на то, что, в отличие от Виктора Сержа я защищаю не чисто личные и непрерывно меняющиеся взгляды, а программу международной организации, которая имеет свою революционную традицию, своих сторонников во всех частях света и многие тысячи жертв в СССР.

С большевистским приветом

Л.Троцкий

15 июня 1939 г.

Койоакан

Троцкизм и ПСОП

С большим интересом я взял в руки газету ПСОП от 9 июня 1939 года со статьей Марсо Пивера "ПСОП и троцкизм". Я полагал, что Пивер решился наконец подвергнуть конкретному анализу разногласия, которые отделяют его от Четвертого Интернационала. Увы, с первых же строк меня постигло разочарование: Пивер даже не попытался стать на почву марксистской теории и классовой политики. Вся его критика "троцкизма" остается в плоскости психологии, морализирования и рецептов хорошего тона. Пивер явно уклоняется от серьезной дискуссии по основным вопросам рабочего движения. Я постараюсь показать это, терпеливо проанализировав все мысли и даже оттенки мыслей, которые заключены в программной по теме статье Пивера.

"Претензия на гегемонию"

Пивер соглашается на сотрудничество с "троцкизмом", но лишь при том условии, если последний откажется от "претензий на гегемонию" и встанет на путь "доверчивого сотрудничества между всеми элементами, которые мужественно порвали с социал-патриотизмом и национал-коммунизмом". Противопоставление сотрудничества "претензиям на гегемонию" сразу возбуждает подозрение. Участие разных течений в одной партии предполагает, несомненно, веру в то, что удастся друг друга убедить, друг у друга научиться. В случае наличия разногласий всякое течение, которое питает доверие к своим взглядам, стремится завоевать большинство: в этом ведь и состоит механика партийной демократии. Какая другая "гегемония" возможна в демократической партии,

кроме завоевания большинства на сторону своих идей? Разве на последнем съезде ПСОП Пивер и его друзья не стремились захватить большинство? Разве они его не захватили? Разве они этим не утвердили свою "гегемонию" в партии? Разве им можно это поставить в упрек? Аргументация Пивера показывает, что "гегемонию" своего течения он считает нормой и законом, а стремление другого течения завоевать большинство нарушением нормы, преступлением, хуже того троцкизмом. Где же тут демократия?

"Фракционные методы"

Объявляя таким образом "гегемонию" в партии своей монополией, Пивер требует тут же, чтобы троцкисты "откинули фракционные методы". Это требование, повторяющееся несколько раз, звучит особенно неожиданно под пером политика, который настойчиво подчеркивает демократический характер своей организации. Что такое фракция? Временное неуставное, свободное объединение внутри партии более тесных единомышленников с целью в возможно более короткий срок убедить партию в правильности своих взглядов. Возникновение фракции неизбежно даже в самой зрелой и единодушной партии - в результате распространения ее влияния на новые слои, возникновения новых проблем, резкого поворота обстановки, ошибок руководства и пр. С точки зрения монолитизма, фракционная борьба есть "зло"; но это неизбежное зло и, во всяком случае, это неизмеримо меньшее зло, чем запрещение фракций. Нередко наблюдаются, правда, особенно в молодых партиях, попытки создания фракций без достаточных принципиальных основ: вследствие политической незрелости, по соображениям личного честолюбия, карьеризма и пр. Задача руководства в этих случаях в том, чтобы, не прибегая к полицейским мерам, обнаружить пустоту таких затей и тем скомпрометировать их перед общественным мнением партии. Только так можно создать глубокую привязанность к партии, когда временные конфликты, хотя бы и очень острые, не грозят единству. Существование фракций вызывает, конечно, трения и расход сил, но это - неизбежные издержки режима демократии. Умелое и авторитетное руководство стремится к тому, чтобы свести фракционные трения к минимуму. Это достигается правильной политикой, проверяемой коллективным опытом; лояльным отношением к оппозиции; постепенно накапливаемым авторитетом руководства, но вовсе не запрещением фракций, которое способно лишь придать борьбе лицемерный и отравленный характер. Кто запрещает фракции, тот тем самым ликвидирует партийную демократию и делает первый шаг к тоталитарному режиму.

Насаждение "ячеек"

Дальше Пивер требует от "троцкистов" отказаться от "создания ячеек по команде извне". Сама возможность такого "требования" опирается на явное смешение понятий. Сам Пивер считает, несомненно, долгом каждого члена ПСОП организовывать ячейки внутри профессиональных союзов для завоевания большинства рабочих. Поскольку эти ячейки стоят под ударами клики Жуо, шпионов Сталина и Сюртэ Насиональ365, они вынуждены вести тайное

существование. ПСОП как партия сохраняет, надеюсь, в своих руках руководство этими ячейками "извне". Если бы ПСОП отказалась от таких методов работы внутри профессиональных союзов, внутри партии Блюма, внутри партии Сталина, она тем самым отказалась бы от борьбы за "гегемонию" в рабочем классе, т. е. от своей революционной миссии. Надеюсь, этого нет? В чем же тогда разногласие? Пивер просто пугает себя и партию ужасами большевистского метода "ячеек", совершенно не вдумываясь в существо проблемы.

Но, может быть, речь идет не об этом, а о "троцкистских" ячейках внутри самой ПСОП? Тогда мы имеем простую перифразу обвинения во фракционности. Однако в этом случае говорить о насаждении ячеек совершенно неправильно, ибо дело идет об открытом политическом сотрудничестве и столь же открытой идеологической борьбе двух течений. Разумеется, если бы идеологическая борьба была заменена бюрократической репрессией, "троцкисты" не только имели бы право, но были бы обязаны, по моему мнению, прибегнуть к методу тайных ячеек. На войне по-военному! Но ответственность за тайные ячейки легла бы в этом случае на тоталитарную бюрократию.

"По команде извне"

Как понимать "команду извне"? Пивер и здесь не называет ни лиц, ни учреждений, ни фактов (очевидно, в интересах "хорошего тона"). Можно, однако, предположить, что он хочет сказать: "по команде Троцкого". К этой инсинуации прибегают многие за неимением серьезных аргументов. Но что, собственно, значит в этом случае "команда"? Сталинская бюрократия командует силою власти и денег. Аппарат Блюма командует силою своей связи с буржуазной республикой. Ни денег, ни ГПУ, ни связей с буржуазией у троцкистов нет. Каким образом здесь возможно "командование"? Дело идет просто о солидарности в основных вопросах. К чему же инсинуация?

Не лучше обстоит дело со словом "извне". Намек на посторонних? На иностранцев? В чем состоит преступление этих иностранцев? В том, что они высказывают свое мнение, подают совет? Когда в революционной партии идет серьезная борьба, она неизбежно порождает интернациональные отклики. Представители одного и того же течения в разных странах естественно стремятся поддержать друг друга. Что здесь плохого или преступного? Наоборот, в этом выражается интернационализм. Не порицать надо за это "троцкистов", а, наоборот, учиться у них!

Образец "товарищеского" тона

Пивер требует далее от троцкистов отказа от "средств давления (?), коррупции (??) или систематического издевательства". Что означают "средства давления"? Аппарат партии в руках Пивера, и методы аппаратного давления Пиверу совсем не чужды. У оппозиции нет ничего, кроме идей. Хочет ли Пивер запретить идеологическое давление? Слово "коррупция" имеет на политическом языке очень определенный смысл: подкупность, карьеризм и пр. Думаю, что Четвертый Интернационал является последней из организаций, которую можно

обвинить в таких грехах. Остается еще "систематическое издевательство". Опыт показывает, что чем менее определены взгляды данного деятеля, тем он нетерпимее к критике, тем легче резкий аргумент кажется ему "издевательством". Избыток чувственности есть выражение внутренней неуверенности. В качестве вождя партии Пивер должен показывать пример "доверчивого сотрудничества", между тем сам он позволяет себе писать о "коррупции". Будем думать, что у Пивера просто перо поскользнулось не в ту сторону и что он найдет случай поправить самого себя.

Большевизм и фракции

Отказывая оппозиции в праве бороться за большинство ("гегемонию") в партии и запрещая в согласии с этим фракции, т. е. попирая элементарные начала демократического режима, Пивер имеет неосторожность противопоставлять демократию ПСОП большевистскому централизму. Рискованное противопоставление! Вся история большевизма была историей свободной борьбы течений и фракций. В разные периоды в большевизме боролись бойкотисты, антибойкотисты, отзовисты, ультиматисты, примиренцы, сторонники "пролетарской культуры", сторонники и противники вооруженного восстания в Октябре, сторонники и противники Брест-Литовского мира, левые коммунисты, сторонники и противники официальной военной политики и т. д. и т. д. Большевистскому ЦК не могли прийти в голову требовать от противника, чтобы он "отказался от фракционных методов", если противник считал, что политика ЦК ложна. Терпимость и лояльность по отношению к оппозиции составляла важнейшие черты ленинского руководства.

Большевистская партия запретила, правда, фракции на 10-м съезде, в марте 1921 г.366, в момент смертельной опасности. Можно спорить, было это правильно или нет. Дальнейший ход развития, во всяком случае, показал, что это запрещение явилось одним из исходных моментов вырождения партии. Бюрократия сделала вскоре из понятия "фракции" пугало, чтобы не позволять партии ни мыслить, ни дышать. Так сложился тоталитарный режим, режим, убивший большевизм. Разве не поразительно, что Пивер, любящий разговаривать о демократии, свободе критики и пр., заимствует не у молодого большевизма его живую, активную и творческую демократию, а у упадочного большевизма - его бюрократический страх перед фракциями?

Дисциплина действия

Коррективом фракционной борьбы является дисциплина действия. Партия - не клуб, а боевой союз. Если бы Пивер сказал, что "троцкисты" нарушают дисциплину действия, это был бы серьезный аргумент. Но Пивер этого не говорит, значит этого нет.

Фракция Пивера

Требование "откинуть фракционные методы" тем более непозволительно, что сам Пивер, располагающий "гегемонией", имеет, несомненно, также свою фракцию, свои секретные совещания (напр[имер], о борьбе с троцкизмом) и пр.

Разница только в том, что "троцкизм" наносит удары направо, а Пивер налево.

Четвертый Интернационал и фракции

В полном противоречии с действительностью Пивер изображает режим Четвертого Интернационала как режим монолитности и слепого повиновения. Трудно придумать карикатуру более фантастическую и менее добросовестную. Четвертый Интернационал никогда не запрещал фракций и не собирается их запрещать. Фракции в нашей среде бывали и есть. Спор всегда идет о содержании идей каждой фракции, а не об ее праве на существование. С точки зрения большевистских понятий о партийной демократии я считал бы прямо-таки скандальным обвинять противника, находящегося в меньшинстве, во "фракционных" методах вместо того, чтобы вступить с ним в спор по существу. Если разногласия серьезны, то фракционные методы оправданы. Если разногласия несерьезны, противник окажется скомпрометированным. Результатом фракционной борьбы может явиться либо более глубокое принципиальное сближение, либо раскол. Никаких других путей, если не считать тоталитарного режима, никто еще не выдумал.

Проверка на конкретном вопросе

По вопросу о вхождении в ПСОП, например, в среде "троцкистов" меньше всего можно было открыть "монолитность" или "слепое повиновение". Французские товарищи долго и страстно обсуждали вопрос и в конце концов раскололись. Каково было мое личное отношение к делу? Скажу откровенно: я колебался. Несколько месяцев тому назад я высказался в частном письме скорее отрицательно. Это не помешало влиятельной группе французских товарищей под руководством Руса, войти в ПСОП. Думаю, что они оказались правы.

Часть нашей французской секции явно обнаружила организационный консерватизм и сектантство. Было бы удивительно, если бы в среде гонимой и преследуемой крайней левой оппозиции не появлялись в нынешних политических условиях такие тенденции. Что Четвертый Интернационал борется с сектантством, притом с возрастающим успехом, подтверждают неоспоримые факты. Раскол, конечно, печальный эпизод, но только эпизод. Если ПСОП будет развиваться в революционном направлении (а мы этого от души желаем), она привлечет в свой состав и отколовшуюся часть "троцкистов". Если ПСОП под давлением буржуазии, социал-патриотов и сталинцев вытеснит "троцкистов", единство будет восстановлено вне ПСОП.

"Партия - начальник"

Обобщая свои взгляды на партию, Пивер пишет: "Понятию партии - начальника, своего рода централизованного генерального штаба, который готовит в тайне конспирации так называемое (?) революционное действие, мы предпочитаем понятие партии, широко открытой в сторону реального движения масс, предоставляющей революционному авангарду все возможности прямого контакта с наиболее широкими слоями рабочего и крестьянского пролетариата".

Как всегда, Пивер остается в области абстракций и туманных оборотов речи. О какой "партии-хозяине" идет речь? О старой большевистской партии? Если так, почему он этого не скажет прямо? Можно ли воспитывать рабочих анонимными намеками? К тому же эти намеки ложны по существу. В истории не было партии, которая при глубокой внутренней демократии отличалась бы такой чуткостью, смелостью и гибкостью в подходе к массам, как большевистская партия. Пивер еще только обещает установить связь с "наиболее широкими слоями", большевистская же партия на деле объединила миллионы для победы. О каких, кстати, "тайных конспирациях" столь презрительно говорит Пивер: не о подготовке ли Октябрьского восстания? Но тогда он просто повторяет то, что твердили всегда либералы, меньшевики и эсеры.

Только большевизм создал революционную партию
Организационные взгляды не имеют, конечно, самостоятельного характера. Но через них и только через них выражается до конца программная и тактическая позиция. Для дилетантов из бывшего парижского журнала "Массы"³⁶⁷ и им подобных организационные вопросы сводятся к тому, чтобы обеспечить свою "гегемонию" в журнальчике и оградить себя от неприятной критики: дальше этого они не идут. Организация социал-демократии была и есть целиком приспособлена к избирательным задачам. До сих пор только большевизм сумел найти формы организации для революционной борьбы за власть. Отмахиваться от большевизма при помощи общих фраз, не имея за собой никакого другого революционного опыта, недопустимо, легкомысленно, недостойно. Так нельзя воспитывать рабочих!

Роза Люксембург
В подкрепление своих организационных взглядов (вернее, их отсутствия) Пивер цитирует, конечно, Люксембург. Но это мало подвигает нас вперед. У Розы можно многому поучиться; но ее организационные взгляды были самым слабым местом ее позиции, ибо резюмировали ее ошибки в сфере теории и политики. В Германии Роза не сумела создать революционную партию или фракцию, и этот факт был одной из причин крушения революции 1918-1919 гг. (см. об этом В.Гелд в "Унзер Ворт" No [...]368). Что касается польской партии Розы Люксембург³⁶⁹, то под влиянием событий революции она вынуждена была перестроиться по большевистскому образцу. Эти исторические факты куда важнее цитат!

Троцкизм в 1904 г.
В 1904 году я написал брошюру "Наши политические задачи"³⁷⁰, которая в организационной области развивала взгляды, очень близкие взглядам Розы Люксембург (Суварин сочувственно цитирует эту брошюру в своей биографии Сталина). Однако весь дальнейший опыт показал мне, что Ленин в этом вопросе был прав против Розы Люксембург, как и против меня. Марсо Пивер противопоставляет "троцкизму" 1939 г. троцкизм 1904 г. Но ведь с того

времени в одной лишь России произошли три революции. Неужели же мы за эти 35 лет так-таки ничему не научились?

"Либертарные" посулы

Чтобы откомендовать свой демократизм с лучшей стороны, Пивер обещает, что его "метод построения социализма будет не авторитарным, а либертарным". Нельзя не усмехнуться с горечью по поводу этой пышной и туманной фразы. Означает ли формула либертарного социализма анархию, т. е. отказ от диктатуры пролетариата? Но ведь Пивер считает себя марксистом, а не прудонистом и не бакунистом. Диктатура пролетариата по самому существу своему "авторитарна", иначе она не была бы диктатурой. Разумеется, есть пределы "авторитарности", т. е. есть различие внутреннего режима диктатуры. Если Пивер хочет сказать, что он будет стремиться к тому, чтобы советы, как органы диктатуры, сохраняли как можно более широкую внутреннюю демократию, то он повторит лишь то, за что "троцкисты" вели борьбу с 1923 г. Однако чтобы обещание Пивера звучало убедительно, ему следовало бы уже сейчас не топтать внутрипартийную демократию по примеру Л.Блюма и П.Фора, отказывая меньшинству в его законнейших правах, запрещая оппозиционные фракции и сохраняя монополию "гегемонии" для своей фракции; следовало бы, другими словами, установить хотя бы десятую часть той демократии, которой отличалась большевистская партия в условиях царского подполья и в первые годы Советского режима. Пока этого нет, обещание "либертарных" благ в неопределенном будущем не имеет большой цены. Оно немножко напоминает обещание загробного воздаяния за страдания в этом мире.

Таковы организационные взгляды Пивера. Они фактически означают разрыв с партийной демократией и замену демократического централизма бюрократическим, т. е. гегемонией аппарата над идеями. Мы увидим сейчас, что в области доктрины, программы и политики дело обстоит не лучше.

Одностороннее требование

Пивер требует, как мы уже знаем, "доверчивого" сотрудничества со всеми теми элементами, которые "мужественно" порвали с социал-патриотизмом и национал-коммунизмом. В принципе, мы готовы принять такое требование. Но, к сожалению, сам Пивер нарушает его вопиющим образом. Большевизм порвал со всеми видами патриотизма на четверть века раньше ПСОП. Однако Пивер вовсе не обнаруживает "доверчивого отношения" к большевизму. Троцкисты, доказавшие революционный характер своего интернационализма борьбой и бесчисленными жертвами, обязаны доверять Пиверу; но Пивер вовсе не обязан доверять троцкистам. Правило Пивера: доверие - направо, угрозы и репрессии - налево. Но ведь это - правило Леона Блюма, только передвинутое на несколько градусов.

Разрыв с социал-патриотизмом

Интернационализм несомненно является основной предпосылкой

сотрудничества. Наши французские товарищи очень серьезно отнеслись к разрыву ПСОП с социал-патриотической партией Блюма, иначе они не вступили бы в ПСОП. Но изображать дело так, будто раскол с коррумпированной партией автоматически разрешает все проблемы, неправильно. Надо после разрыва выработать революционную программу, правильно определить своих друзей и врагов. Руководство ПСОП этого не сделало. И не случайно: оно далеко еще не перерезало старой пуповины.

Франк-масонство

Беда в том, что вожди ПСОП не порвали "мужественно" с социал-патриотизмом, ибо не порвали с масонством, этим важнейшим резервуаром империалистического патриотизма. На днях я получил прекрасную брошюру Пьера Бэйли "Да, франк-масонство есть опасность". Отбросив прочь психологически-философскую размазну, которая не имеет ни малейшей ценности, ибо в течение всего своего развития масонство ни в науку, ни в философию не внесло ни одной крупинки, автор подошел к вопросу по-марксистски, т. е. с классовой точки зрения. На основании документов самого масонства он неопровержимо показал его империалистическую, реакционную и деморализующую роль³⁷¹.

Брошюра Бэйли является, кстати сказать, лучшим доказательством того, что, в отличие от всех других фракций и групп, наши товарищи умеют подходить к важнейшим проблемам как пролетарские революционеры. Даже тот маленький факт, что буржуазно-сентиментальная и пустая брошюра Николич очень хорошо отпечатана, тогда как серьезная работа Бэйли издана на mimeографе³⁷², недурно иллюстрирует социальное положение центристских и революционных идей.

Социал-пацифизм

Нет, Пивер вовсе не порвал "мужественно" с социал-патриотизмом и его разновидностью социал-пацифизмом, - иначе он не заключил бы против нас союз с Макстоном, вождем британской НРП. Между революционным марксизмом и империалистическим пацифизмом Макстона - пропасть. Феннер Броквей слегка полее Макстона. Но, как показывает вся история Независимой рабочей партии, Макстон во всех критических случаях угрожает своей отставкой, а Феннер Броквей немедленно становится на колени перед Макстоном. Можно закрывать на это глаза. Но факты остаются. Пусть Пивер объяснит рабочим, что именно связывает его с Макстоном против Четвертого Интернационала. "Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты".

Снивлит

Пивер идет рука об руку со Снивлитом, который всю свою политику за последние годы строил на том, чтобы - упаси боже - не привести в дурное настроение голландское правительство и не лишить свою сектантскую профсоюзную организацию государственной субвенции. Мы десятки раз требовали,

чтобы партия Снивлита выработала политическую платформу, чтобы Снивлит в качестве депутата выдвигал боевые лозунги, чтобы агитация в массах велась в революционном духе. Снивлит систематически уклонялся, чтобы не рвать с консервативным правительством. Каким "тоном" этот демократ разговаривал с молодыми товарищами, об этом лучше не упоминать. Когда конференция Четвертого Интернационала собралась, наконец, поставить вопрос о голландской секции ребром, Снивлит покинул нашу организацию и, разумеется, стал жаловаться на наши плохие "методы". У Пивера методы, конечно, лучше: замалчивая капитулянтскую политику Снивлита, он направляет свои громы против троцкистов.

ПОУМ

Пивер стремится защитить личную память Андрея Нина от подлой клеветы, и это, разумеется, прекрасно. Но когда он изображает политику Нина в качестве революционного образца, то нельзя назвать это иначе, как преступлением по отношению к пролетариату. В разгар революционной войны между классами Нин вступил в буржуазное правительство, целью которого было уничтожить рабочие комитеты, основу пролетарского правительства. Когда эта контрреволюционная цель оказалась достигнута, Нин был изгнан из буржуазного правительства. Вместо того чтобы признать после этого совершенную гигантскую ошибку, партия Нина требовала восстановления коалиции с буржуазией. Посмеет ли Пивер опровергать это? Решают не слова, а факты. Политика ПОУМ определяется капитуляцией перед буржуазией во все критические моменты, а не той или другой цитатой из речи или статьи Нина. Коалиция с буржуазией во время социалистической революции - большего преступления вообще не может быть.

Вместо того чтобы беспощадно разоблачать эту гибельную политику, Пивер перепечатывает для оправдания ее старые статьи Курта Ландау. Как и Нин, Ландау пал жертвой ГПУ. Но самое горячее сочувствие жертвам сталинских палачей не освобождает от обязанности говорить рабочим правду. Ландау, как и Нин, был разновидностью левого меньшевизма, учеником Мартова, а не Ленина. Поддерживая ошибки Нина, а не нашу критику этих ошибок, Ландау, как и Виктор Серж, как и Снивлит, как и Пивер, сыграл по отношению к испанской революции печальную роль. Внутри ПОУМ поднимает сейчас голову левая оппозиция (Хосе Ребулл и его друзья). Долг марксистов - помочь ей довести свою критику до конца. Между тем Пивер поддерживает худших консерваторов ПОУМ, вроде Горкина. Нет, Пивер не сделал выводов из своего разрыва с Блюмом!

"Практические результаты"

С неуместным высокомерием Пивер говорит о том, что "практические результаты", достигнутые троцкизмом, слишком незначительны, чтобы заставить его менять свою точку зрения. Каким, однако, образом в эту эпоху всеобщей реакции революционная партия может стать массовым движением? Сейчас, благодаря явному банкротству двух старых Интернационалов, положение становится для революционеров благоприятнее. Один из признаков: откол ПСОП

от партии Блюма. Но ведь мы-то начали нашу борьбу задолго до этого. Если бы Пивер мыслил критически, он понял бы, что без долгой предварительной работы "троцкистов" он и сегодня еще, вероятно, не откололся бы от Блюма. С широкой исторической точки зрения, ПСОП в целом есть лишь побочный продукт борьбы троцкизма. Неужели Пивер считает и этот "практический результат" незначительным?

Реакция и "троцкизм"

То обстоятельство, что сталинцы, как и буржуазная полиция, всякую тенденцию влево называют троцкизмом, показывает, что вся сила мировой реакции в последнем счете обрушивается на Четвертый Интернационал. ГПУ содержит многочисленный штат агентов, с одной стороны, для слежки, подлогов и убийств, с другой - для внесения конфликтов и расколов в наши ряды. В истории не было еще революционного течения, которое подверглось бы таким преследованиям, как наше. Реакция прекрасно понимает, что опасность - в Четвертом Интернационале. Только благодаря его непримиримой критике и пропаганде центристы начинают шевелиться, левые центристы отделяются от правых, правые отмежевываются от открытых социал-патриотов. Пивер верно сказал несколько лет тому назад, что борьба против троцкизма есть верный признак реакции. Жаль, однако, что эта реакция увлекает в свои ряды и его самого.

Внутренняя сила Четвертого Интернационала

Международная организация Брандлера, Ловстона и пр., казавшаяся во много раз сильнее нас, рассыпалась в прах. Союз Вальхера, Норвежской рабочей партии и самого Пивера разбился вдребезги. Лондонское бюро приказало долго жить. А Четвертый Интернационал через все трудности и кризисы непрерывно растет, имеет свои организации в нескольких десятках стран, сумел созвать в труднейших условиях, под террором ГПУ (убийство Клемента!) международный съезд, выработал свою программу, которой никто до сих пор даже не попытался противопоставить что-либо равноценное. Пусть Пивер попытается назвать марксистские издания, которые по своему теоретическому уровню могли бы быть поставлены рядом с "Нью Интернейшенел", "Клаве", "Унзер Ворт" и другими органами Четвертого Интернационала.

Все левые группировки, вращавшиеся вокруг Лондонского бюро, и прочие представляют собой разнообразные осколки прошлого, без общей программы, со старыми навыками и неисцелимыми болезнями. Четвертый Интернационал развивается как группировка новых, свежих элементов на основе общей программы, выросшей из всего опыта прошлого, непрерывно проверяемой и уточняемой. По подбору своих кадров Четвертый Интернационал имеет огромные преимущества над Третьим. Эти преимущества вытекают как раз из труднейших условий борьбы в эпоху реакции. Третий Интернационал формировался быстро, ибо многие "левые" легко и охотно примыкали к победоносной революции. Четвертый Интернационал группируется под ударами поражений и преследований.

Идейная связь, которая создается в таких условиях, необычайно прочна. Но темп роста получается, по крайней мере, в первый период, медленным.

Критерий дилетанта

Виктор Серж говорит: "Нельзя по желанию построить Интернационал, достойный этого имени". Какая самодовольная и вместе с тем пустая фраза! Можно подумать, что у Сержа в кармане имеются все мерки для Интернационала, точно для брюк. А национальную партию, "достойную этого имени", можно построить "по желанию"? Отвечает ли, например, ПСОП меркам Сержа? Люди, которые подходят к делу с такими внешними критериями, показывают тем самым, что Интернационал для них - торжественное и пышное учреждение, нечто вроде храма. Когда великолепное здание будет выстроено (Кем? Как?), тогда они вступят под его своды. Мы относимся к делу иначе. Интернационал для нас - необходимый инструмент пролетариата, как и национальная партия. Этот инструмент надо строить, улучшать, оттачивать. Это мы и делаем. Мы не ждем, что кто-нибудь сделает за нас эту работу. Мы призываем всех революционеров принять участие в этой работе - теперь, немедленно, не теряя ни часу. Когда Четвертый Интернационал станет "достойным этого имени" в глазах господ литераторов, дилетантов, скептиков, тогда к нему присоединиться будет нетрудно. Тогда Виктор Серж (этот или другой?) напишет книгу, в которой докажет (с лирикой, со слезой!), что самое лучшее и героическое время Четвертого Интернационала было тогда, когда он - без сил, без средств - вел борьбу против бесчисленных врагов, в том числе - мелкобуржуазных скептиков.

Наша секция в С[оединенных] Штатах

Пусть Пивер не спешит с выводами. ПСОП еще очень далека от массовой партии и не успела проверить свою силу сопротивления давлению империализма. С другой стороны, отдельные наши секции не только доказали свою жизненность, но и выходят на арену массовой борьбы. В наиболее могущественной капиталистической стране Соединенных Штатов Рабочая социалистическая партия из общества пропаганды, каким она была в течение ряда лет, становится на наших глазах боевым фактором рабочей политики. Борьба против фашизма и борьба против войны возглавляется американской секцией Четвертого Интернационала. Главный из агитаторов фашизма патер Кофлин вынужден был недавно одну из своих радио-речей посвятить этой американской секции и ее борьбе за создание рабочей самообороны. Социалистическая рабочая партия ведет серьезную работу в профсоюзах, имеет прекрасную газету, выходящую два раза в неделю, серьезный ежемесячный журнал, газету для молодежи (два раза в месяц) и оказывает крупную идейную и материальную помощь другим секциям.

В Бельгии

Наша секция в Бельгии, почти сплошь пролетарская по составу, собрала на выборах около 7.000 голосов. Каждый такой голос в обстановке реакции и шовинизма стоит сотни голосов реформистских партий. Пусть Пивер не спешит

подводить итоги. Пусть лучше внимательно прочтает заявление наших бельгийских товарищей, выбранных в Фленю. Но увы! Вместо того, чтобы искать связи с бельгийской Революционно-социалистической партией, Пивер прислушивается к банкротам и сектантам. Уже не Вареекен ли со Снивлитом и Виктором Сержем прокладывают путь к массам?

Голос из Сайгона

По поводу выборов в колониальный совет 30 апреля этого года большевики-ленинцы пишут мне из Сайгона (Индокитай): "Несмотря на постыдную коалицию буржуа всех мастей со сталинцами, мы одержали блестящую победу. Эта победа была тем более трудна, что сознание избирателей было затемнено в течение месяцев туманной пропагандой центристской группы 'Октябрь'... Мы шли на борьбу с широко развернутым знаменем Четвертого Интернационала... Теперь больше, чем когда-либо, - продолжает письмо, - мы понимаем значение не только программы Четвертого Интернационала, но и борьбы 1925, 1926, 1927 и 1928 гг. против теории и практики социализма в одной стране, борьбы против антиимпериалистической Лиги и других парадных комитетов, Амстердам, Плейель и пр."

Этот голос революционных рабочих из Сайгона имеет неизмеримо большее значение, чем голоса всех Лондонских бюро и квази-"Марксистских центров". Передовые рабочие угнетенной страны присоединяются к преследуемому Интернационалу. На опыте собственной борьбы они поняли значение нашей программы, и они сумеют за нее постоять. Особенно ценно и важно заявление о том, что передовые сайгонские рабочие поняли смысл борьбы левой оппозиции в течение 1925-1928 годов. Только преемственность идей создает революционную традицию, без которой политическая партия колеблется, как тростник под ветром.

В Англии и Франции

В старых колониальных странах, Англии и Франции рабочая бюрократия, непосредственно заинтересованная в колониальной сверхприбыли, могущественнее и консервативнее, чем где бы то ни было, и революционным массам здесь исключительно трудно поднять голову. Этим объясняется особая медленность развития секций Четвертого Интернационала в этих странах. От эволюции ПСОП зависит в значительной степени, удастся ли революционерам уже в ближайшие месяцы пробить серьезную брешь в стене измены и предательства. Но как бы ни обстояло дело на этот счет, общий ход развития не оставляет места сомнениям. Когда наиболее угнетенные слои в Англии и Франции вырвутся на открытую арену, они не остановятся на промежуточных позициях, а усвоят ту программу, которая отвечает глубине и остроте нынешних социальных противоречий.

"Догма"

Пивер не хочет или не умеет понять, что наша несокрушимая сила - в нашей теоретической последовательности и непримиримости. "Троцкий допускает

в свою организацию, - пишет Пивер, - только таких членов, которые принимают как догму (?), следовательно, без дискуссии (?), систематическую ссылку на принципы, выработанные в течение первых четырех конгрессов Коммунистического Интернационала. Наша концепция партии совсем иная". Поддаваясь всякого рода сомнительным влияниям, Пивер пытается свести движение Четвертого Интернационала к одному лицу: "Троцкий допускает в свою организацию..." Пивер не может не знать, что левая оппозиция с самого начала включала в себя цвет большевистской партии: закаленных подпольных революционеров, героев гражданской войны, лучших представителей молодого поколения, сотни и сотни образованных марксистов, которые сделали бы честь любой партии. Десятки тысяч "троцкистов" погибли мучительной смертью. Неужели же только потому, что "Троцкий допускает" или не допускает? Надо такие пошлости предоставить Брандлеру, Вальхеру, Ловстону, Снивлиту и им подобным циникам... Но вернемся к "догме". Разногласия в большевистской партии развернулись после первых четырех конгрессов Коминтерна, решения которых выработывались при ближайшем участии будущих руководителей "левой оппозиции". Резкий поворот в сторону оппортунизма был санкционирован пятым конгрессом. Не отказываясь от революционной традиции, величайшей, какую знает человеческая история, мы, однако, лишь исходили из первых четырех конгрессов, но вовсе не ограничивались ими; мы наблюдали, изучали, обсуждали, критиковали, выработывали лозунги, шли вперед. Я могу сослаться в доказательство на наши теоретические журналы, внутренние бюллетени, десятки программных книг и брошюр, вышедшие за последние 15 лет. Может быть, Пивер назовет нам хоть одну серьезную критическую работу противников, которая осталась бы без ответа с нашей стороны? Может быть, у самого Пивера и его друзей есть неучтенная нами критика решений первых четырех конгрессов? Где она?

В той же статье Пивер требует от троцкистов, "чтобы они приняли хартию, структуру, правила, решения большинства и обязались выполнять их без упущения". Само по себе это требование законно. Но значит ли это, что хартия ПСОП, ее структура, правила и пр. - "догма"? Или "догмой" являются только программные решения первых четырех конгрессов?

Китайские тени

Пивер рассуждает так: надо найти, вскрыть и отбросить те черты, особенности, недочеты классического большевизма, за которые впоследствии уцепился сталинизм. Это рассуждение формалистично и безжизненно. Сталинизм ухватился вовсе не непременно за худшие черты большевизма. Самоотвержение есть прекрасное качество революционера. Некоторые из подсудимых на московских процессах несомненно руководствовались духом самоотвержения: отдать свою жизнь и даже репутацию во имя "обороны СССР". Значит ли это, что вместо самоотвержения нужно насаждать эгоизм? Можно на это ответить: надо развивать способность критики. Но это общее место. Большевики отнюдь не были менее способны к критике, чем их нынешние критики. Но объективные исторические условия сильнее субъективных. Когда в изолированной и отсталой

стране новая бюрократия поднимается над революционным классом и душит его авангард, она по необходимости пользуется формулами и традициями большевизма, воспитанными им качествами и методами, наполняя их, однако, противоположным социальным содержанием. Ленин вслед за Марксом учил, что на первой стадии социализма элементы неравенства еще неизбежно сохраняются. Бюрократия превратила эту мысль в оправдание своих грабительских привилегий. Неужели же надо из-за этого злоупотребления отвергнуть безусловно правильную мысль Маркса?

Диалектика классовой борьбы на протяжении всей истории совершала подобные превращения, подмены, перелицовки: такова судьба христианства, протестантизма, демократии и пр. Такова, в частности, судьба франк-масонства. Оно возникло в 17 столетии³⁷³, как реакция мелкой буржуазии против разлагающего духа капиталистического индивидуализма, и пыталось возродить идеализированную мораль цехового "братства". В ходе классовой борьбы оно стало затем орудием крупной буржуазии, чтобы дисциплинировать и подчинить своим целям мелкую буржуазию. Нельзя брать принципы вне социальной реальности, вне тех классов, какие являются их носителями.

Та критика большевизма, которую Пивер развивает вслед за Виктором Сержем и другими, не заключает в себе ни грамма марксизма. Материалистический анализ она подменяет игрой китайских теней.

За гегемонию научной мысли

Серьезный революционер, который предвидит, какие ответственные решения придется принимать партии в критические часы, остро чувствует свою ответственность в подготовительный период, тщательно, придирчиво анализирует каждый факт, каждое понятие, каждую тенденцию. Революционер похож в этом отношении на хирурга, который не может отделяться общими фразами насчет анатомии, а должен точно знать размещение костей, мускулов, нервов, сухожилий и их переплет, чтобы не сделать ни одного ложного движения ланцетом. Архитектор, медик, химик отнеслись бы с возмущением к предложению не уточнять научных понятий и формул, не претендовать на "гегемонию" законов механики, физиологии или химии, а примирительно относиться к другим взглядам, хотя бы и ошибочным. Между тем такова именно позиция Пивера. Не входя в существо программных разногласий, он повторяет общие фразы насчет того, что ни одно из течений "не может претендовать на то, что заключает в себе истину". И поэтому? Поэтому нужно жить и жить давать другим. Такого рода афоризмы ничему хорошему не могут научить передового рабочего; вместо мужества и чувства ответственности они способны лишь сеять безразличие и расслабленность. Четвертый Интернационал ведет борьбу против знахарства - за научное отношение к проблемам пролетарской политики. Революционная страсть в борьбе за социализм неотделима от интеллектуальной страсти в борьбе за истину.

Большевизм или меньшевизм?

Пиверу кажется, что мы являемся представителями догматизма и рутины, а он - представителем критической мысли. На самом деле в своей критике "троцкизма" Пивер повторяет старые формулы меньшевиков, не прибавляя к ним ни одного свежего слова. А ведь меньшевизм тоже подвергся проверке, и немалой. Большевистская партия победоносно руководила величайшей революцией; оказавшись изолированной, она не выдержала давления враждебных исторических сил. Иными словами: русский большевизм оказался не в силах заменить собою международный рабочий класс. Меньшевизм же не внес в революцию ничего, кроме прострации и предательства. Левый меньшевизм в лице Мартова означал честную растерянность и бессилие. Историческая задача, поставленная Октябрем, не разрешена. Основные силы, участвующие в борьбе, те же. Выбор идет не между "троцкизмом" и ПСОП, а между большевизмом и меньшевизмом. Идти от большевизма вперед мы готовы. Пятиться назад - не согласны.

Программа Четвертого Интернационала

Пивер нашел нужным вернуться к "четырем конгрессам" в июне 1939 года, когда мы уже успели далеко уйти вперед. На нашей последней международной конференции осенью прошлого года принята программа переходных требований, отвечающая задачам нынешней эпохи. Знаком ли Пивер с этой программой? Как он к ней относится? Мы, со своей стороны, ничего так не желаем, как критики. Каким угодно "тоном", но по существу!

Вот конкретное предложение, которое я позволяю себе сделать "извне": немедленно приступить к обсуждению и выработке международной программы пролетариата и создать специальное издание для международной дискуссии по этому вопросу. В основу этого обсуждения предлагаю положить программу Четвертого Интернационала "Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала". Но, разумеется, наш Интернационал готов будет принять за основу обсуждения и другой проект, если он будет представлен. Может быть, Пивер и его друзья примут это предложение? Оно, несомненно, подвинуло бы нас вперед!

*

Я разобрал статью Пивера с тщательностью, которая может некоторым показаться излишней и утомительной. Кое-кому "тон" снова покажется слишком резким. Но я думаю все же, что подробное, точное и ясное объяснение гораздо больше свидетельствует о стремлении к сотрудничеству, чем дипломатические экивоки, дополняемые угрозами и инсинуациями. Я хотел бы, чтобы над этим задумался не только Марсо Пивер, но и Даниэль Герен³⁷⁴. Надо перестать питаться опустошенными формулами вчерашнего дня. Надо встать на путь серьезного и честного обсуждения программы и стратегии нового Интернационала.

Л.Троцкий

25 июля 1939 г.

Койоакан

Индия перед империалистской войной.

Письмо передовым рабочим Индии

Дорогие друзья!

Великие и грозные события надвигаются с неумолимой силой. Человечество живет в ожидании войны, которая вовлечет в свой кровавый водоворот, конечно, и колониальные страны и будет иметь огромное значение для их дальнейшей судьбы. Агенты великобританского правительства изображают дело так, будто война будет вестись из-за принципов "демократии", которые необходимо спасти от фашизма. Все классы и все народы должны сплотиться вокруг "мирных", "демократических" правительств, чтобы дать отпор фашистам - агрессорам: тогда "демократия" будет спасена и мир укреплен навсегда. Эта проповедь построена на сознательной лжи. Если британское правительство действительно озабочено процветанием демократии, то у него есть простая возможность доказать это: пусть даст полную свободу Индии. Право на национальную независимость есть одно из основных демократических прав. Но на самом деле лондонское правительство готово отдать все демократии мира за одну десятую часть своих колоний.

Если индусский народ не хочет остаться навсегда рабом, то он должен разоблачить и прогнать фальшивых проповедников, которые утверждают, будто единственный враг народов - это фашизм. Гитлер и Муссолини - бесспорно злейшие враги трудящихся и угнетенных, кровавые палачи, заслуживающие величайшей ненависти трудящихся и угнетенных всего мира. Но они являются в первую голову врагами германского и итальянского народов, на спине которых они сидят. Угнетенные классы и народы, как учили Маркс, Энгельс, Ленин, Либкнехт, должны всегда искать главного врага в собственной стране, в лице своих непосредственных угнетателей и эксплуататоров. Таким врагом для Индии в первую голову является британская буржуазия. Низвержение британского империализма нанесло бы страшный удар всем угнетателям, в том числе и фашистским диктаторам. В конце концов империалисты отличаются друг от друга по форме, но не по существу. Германский империализм, лишенный колоний, надевает грозную маску фашизма с торчащими наружу клыками. Сытый британский империализм, имеющий громадные колонии, прикрывает свои клыки маской демократии. Но это - демократия только для метрополии, для 45 миллионов душ, вернее для правящей буржуазии в метрополии. Индия лишена не только демократии, но и самых элементарных прав национального существования. Империалистская демократия есть, следовательно, демократия рабовладельцев, питающаяся жизненными соками колоний. Между тем Индия хочет иметь свою собственную демократию, а не служить навозом для рабовладельцев.

Кто хочет покончить с фашизмом, с реакцией, со всеми видами угнетения, должен низвергнуть империализм. Другого пути нет. Эта задача не может быть,

однако, разрешена мирными средствами: переговорами и увещаниями. Никогда еще в истории рабовладельцы не освобождали добровольно своих рабов. Только смелая и решительная борьба индусского народа за свое экономическое и национальное освобождение может сделать Индию свободной.

Индусская буржуазия на революционную борьбу не способна. Она тесно связана с британским капиталом и зависит от него. Она дрожит за свою собственность. Она боится масс. Она ищет во что бы то ни стало компромисса с британским империализмом и усыпляет индусские массы надеждами на реформу сверху. Вождем и пророком этой буржуазии является Ганди. Ложный вождь и фальшивый пророк! Ганди и ему подобные развивают ту теорию, что положение Индии будет все более улучшаться, что ее свободы будут все более расширяться, что на пути мирных реформ Индия придет постепенно к положению доминиона, а потом может быть и к полной независимости. Вся эта перспектива в корне ложна. Империалистские классы могли давать уступки колониальным народам, как и собственным рабочим, только до тех пор, пока капитализм поднимался в гору, пока у эксплуататоров была твердая надежда на дальнейший рост их барышей. Сейчас об этом не может быть и речи. Мировой капитализм находится в упадке. Положение всех империалистских наций становится все более трудным, противоречия между ними - все более обостренными. Чудовищные вооружения поглощают все большую долю национальных доходов. Империалисты не могут больше делать серьезных уступок ни собственным трудящимся массам, ни колониям. Наоборот, они принуждены прибегать ко все более зверской эксплуатации. В этом и выражается смертельный кризис капитализма. Чтобы отстоять свои колонии, рынки и концессии от Германии, Италии и Японии, лондонское правительство готово уложить миллионы людей. Можно ли, не лишившись рассудка, надеяться на то, что эта жадная и свирепая финансовая олигархия добровольно даст Индии свободу?

Правда, на смену консервативному правительству может прийти правительство так называемой Рабочей партии. Но это ничего не изменит. В колониальном вопросе рабочая партия, как свидетельствуют все ее прошлое и ее нынешняя программа, ничем не отличается от консерваторов. Рабочая партия на деле выражает не интересы рабочего класса, а лишь интересы британской рабочей бюрократии и аристократической верхушки рабочего класса. Это тот слой, которому буржуазия имеет возможность давать жирные подачки благодаря тому, что сама она нещадно эксплуатирует колонии, в первую голову Индию. Британская рабочая бюрократия в партии, как и в тред-юнионах, непосредственно заинтересована в эксплуатации колоний. Она и думать не хочет об освобождении Индии. Все эти господа Эттли, Ситрины и К|| в любую минуту готовы заклеить революционное движение индусского народа как "измену", как помощь Гитлеру и Муссолини и прибегнуть к военным мерам для его подавления.

Нисколько не лучше политика нынешнего Коминтерна. Правда, 20 лет тому назад Третий или Коммунистический Интернационал был создан как подлинно революционная организация. Одной из его важнейших задач являлось освобождение колониальных народов. Однако от этой программы сейчас остались

одни воспоминания. Вожди Коминтерна давно уже стали простым орудием московской бюрократии, которая задушила советские рабочие массы и превратилась в новую аристократию. В рядах коммунистических партий разных стран, в том числе и Индии, есть, разумеется, немало честных рабочих, студентов и пр.; но не они определяют политику Коминтерна. Решающее слово принадлежит Кремлю, который руководствуется интересами не угнетенных, а новой аристократии в СССР.

Сталин и его клика ради союза с империалистическими правительствами полностью отказались от революционной программы освобождения колоний. Это открыто признал на последнем съезде сталинской партии в Москве в марте этого года Мануильский, один из вождей Коминтерна. "Коммунисты выдвигают, - говорил он, - на первый план борьбу за осуществление права на самоопределение народов, поработанных фашистскими государствами. Они требуют свободного самоопределения Австрии..., Судетской области..., Кореи, Формозы³⁷⁵, Абиссинии..." А как же дело обстоит с Индией, Индо-Китаем, Алжиром и другими колониями Англии и Франции? На это представитель Коминтерна отвечает: "Коммунисты... требуют у империалистических правительств так называемых буржуазно-демократических государств немедленного (!) радикального (!) улучшения материального положения трудящихся масс колоний, и предоставления колониям широких демократических прав и свобод" (Правда, № 70, 12 марта 1939 г.). Другими словами, в отношении колоний Англии и Франции Коминтерн полностью перешел на позицию Ганди и вообще соглашательской колониальной буржуазии. Коминтерн окончательно отказался от революционной борьбы за независимость Индии. Он "требует" (на коленях) "предоставления" Индии британским империализмом "демократических свобод". Особенно лживо и цинично звучат слова о "немедленном радикальном улучшении материального положения трудящихся масс колоний". Нынешний упадочный, гниющий, разлагающийся капитализм вынужден все более ухудшать положение рабочих в самой метрополии. Как же он может улучшить положение трудящихся в колониях, из которых он вынужден выжимать все соки, чтобы поддерживать свое собственное равновесие? Улучшение положения трудящихся масс в колониях возможно лишь путем полного низвержения империализма.

Но Коминтерн идет еще дальше по пути предательства. Коммунисты, по словам Мануильского, "осуществление права на отделение подчиняют... интересам разгрома фашизма". Иными словами: в случае войны между Англией и Германией из-за колоний, индусский народ должен поддерживать своих нынешних рабовладельцев, британских империалистов, т.е. проливать кровь не за свое собственное освобождение, а за сохранение господства лондонской биржи над Индией. И эти продажные негодяи осмеливаются ссылаться на Маркса и Ленина! На самом деле учителем и вождем их является Сталин, глава новой бюрократической аристократии, палач большевистской партии, душитель рабочих и крестьян.

*

Свою политику прислужничества британскому, французскому и северо-американскому империализму сталинцы прикрывают формулой "народного фронта". Какое издевательство над народом! "Народный фронт" есть только новое название для старой политики, сущность которой состоит в сотрудничестве классов, в коалиции пролетариата с буржуазией. Во всякой коалиции руководство оказывается неизбежно в руках правого фланга, т.е. в руках имущего класса. Индусская буржуазия, как уже сказано, хочет мирной сделки, а не борьбы. Коалиция с буржуазией ведет к отказу пролетариата от революционной борьбы с империализмом. Политика коалиции означает топтание на месте, выжиданье, ложные надежды, пустые маневры и интриги. В результате этой политики в рабочих массах неизбежно начинается разочарование, крестьяне отворачиваются от пролетариата и впадают в апатию. Политикой коалиции была загублена германская революция, австрийская революция, китайская революция, испанская революция³⁷⁶. Та же опасность грозит и революции в Индии, где сталинцы, под видом "народного фронта", проводят политику подчинения пролетариата буржуазии. Это означает на деле отказ от революционной аграрной программы, отказ от вооружения рабочих, отказ от борьбы за власть, отказ от революции.

Разумеется, в случае, если индусская буржуазия окажется вынуждена сделать хотя бы малейший шаг на пути борьбы против британского произвола, пролетариат поддержит этот шаг. Но он поддержит его своими собственными методами: массовыми собраниями, смелыми лозунгами, стачками, манифестациями и более решительными боевыми действиями в зависимости от соотношения сил и обстановки. Но именно для этого пролетариату нужны свободные руки. Полная независимость от буржуазии необходима пролетариату прежде всего для воздействия на крестьян, главную массу населения Индии. Только пролетариат способен выдвинуть смелую революционную аграрную программу, поднять и сплотить десятки миллионов крестьян и повести их в бой против туземных угнетателей и британского империализма. Союз рабочих и беднейших крестьян есть единственно честный, единственно надежный союз, который способен обеспечить окончательную победу индусской революции.

*

Все вопросы мирного времени сохраняют свою силу и во время войны, только получают неизмеримо более острое выражение. Прежде всего чрезвычайно возрастет эксплуатация колоний. Метрополии будут не только отнимать у колоний продовольствие и сырье, но и мобилизовать в огромных количествах колониальных рабов, чтобы те умирали на полях сражений за своих рабовладельцев. Тем временем колониальная буржуазия будет пристраиваться к военным поставкам и, разумеется, откажется от оппозиции во имя патриотизма и барышей. Ганди уже сейчас подготавливает почву для такой политики. "Надо терпеливо подождать конца войны, - будут твердить эти господа, - тогда Лондон вознаградит нас за оказанную нами помощь". На самом деле после войны империалисты, чтобы восстановить разрушения и опустошения, будут вдвое и

втрое больше эксплуатировать трудящихся, как у себя дома, так и особенно в колониях. В этих условиях не сможет быть и речи о новых социальных реформах в метрополии или о даровании свобод колониям. Двойные цепи рабства - таков будет неизбежный результат войны, если народные массы Индии будут следовать политике Ганди, сталинцев и их друзей.

Война может, однако, принести Индии, как и другим колониям, не двойное рабство, а, наоборот, полную свободу: условием для этого является правильная революционная политика. Индусский народ должен с самого начала отделить свою судьбу от судьбы британского империализма. Угнетатели и угнетенные стоят по разные стороны траншей. Никакой помощи рабовладельцам! Наоборот, надо использовать те грандиозные затруднения, какие принесет с собой война всем правящим классам, чтобы нанести им смертельный удар. Так должны действовать угнетенные классы и угнетенные народы во всех странах, независимо от того, прикрываются ли господа империалисты демократическими или фашистскими масками.

Чтобы осуществить такую политику, нужна революционная партия, опирающаяся на авангард пролетариата. Такой партии в Индии еще нет. Четвертый Интернационал предлагает для такой партии свою программу, свой опыт, свое содействие. Основные условия для такой партии: полная независимость от империалистской демократии, от Второго и Третьего Интернационалов и от национальной индусской буржуазии.

В ряде колониальных и полуколониальных стран секции Четвертого Интернационала существуют уже и успешно развиваются. На первом места среди них стоит несомненно наша секция во французском Индокитае, ведущая непримиримую борьбу против французского империализма и мистификаций "народного фронта". "Сталинские вожди, - пишет газета сайгонских рабочих "Борьба" от 7 апреля этого года, - сделали еще один шаг на пути измены. Сбрасывая свои маски революционеров, они стали чемпионами империализма и открыто высказываются против освобождения угнетенных колониальных народов". Благодаря своей смелой революционной политике, сайгонские пролетарии, принадлежащие к Четвертому Интернационалу, на выборах в колониальный совет в апреле этого года одержали блестящую победу над блоком правительственной партии и сталинцев.

Такую же политику должны проводить и передовые рабочие британской Индии. Надо отбросить фальшивые надежды и оттолкнуть фальшивых друзей. Надо надеяться только на себя, на свои революционные силы. Борьба за национальную независимость, за самостоятельную индусскую республику неразрывно связана с аграрной революцией, с национализацией банков и трестов и с рядом других экономических мер, которые должны поднять жизненный уровень страны и сделать трудящиеся массы хозяевами собственной судьбы. Выполнить эти задачи способен лишь пролетариат в союзе с крестьянством.

На первых порах революционная партия будет, конечно, маленьким меньшинством. Зато она, в отличие от других партий, будет отдавать себе ясный отчет в обстановке и бесстрашно идти к своей великой цели. Нужно во

всех промышленных центрах и городах создавать группы рабочих, стоящих под знаменем Четвертого Интернационала. В эти группы надо допускать только тех интеллигентов, которые полностью перешли на сторону пролетариата. Чуждые сектантской замкнутости революционные пролетарии - марксисты должны принимать активное участие в работе профессиональных союзов, просветительных обществ, Социалистической партии конгресса³⁷⁷, всех вообще массовых организаций, везде оставаясь крайним левым крылом, везде подавая пример мужества в действиях, везде терпеливо и по-товарищески выясняя свою программу рабочим, крестьянам и революционным интеллигентам. Грядущие события будут помогать индусским большевикам-ленинцам, обнаруживая перед массами правильность их пути. Партия будет быстро расти и закаляться в огне. Позвольте мне выразить твердую надежду на то, что революционная борьба за освобождение Индии развернется под знаменем Четвертого Интернационала.

С горячим товарищеским приветом

Л. Троцкий

25 июля 1939 г.

Койоакан

Новый большой писатель

Jean Malaquais, Les Javanais, roman. Editions Denoel, Paris³⁷⁸, 1939

Хорошо, что на свете существует не только политика, но и искусство. Хорошо, что искусство неисчерпаемо в своих возможностях, как сама жизнь. В известном смысле искусство богаче жизни, ибо может преувеличить и преуменьшить, наложить яркие краски, и, наоборот, ограничиться серым карандашом, может один и тот же объект повернуть с разных сторон и осветить разным светом. Наполеон был один. Его художественных воспроизведений великое множество.

Петропавловская крепость и другие царские тюрьмы так тесно сблизили меня с французскими классиками, что затем я в течение свыше трех десятилетий более или менее правильно следил за выдающимися новинками французской литературы. Даже в годы гражданской войны я в вагоне своего военного поезда имел свежий французский роман³⁷⁹. После высылки в Константинополь у меня собралась небольшая библиотечка новейшей французской литературы, которая сгорела со всеми моими книгами в марте 1931 года. Однако за самые последние годы интерес к роману ослабел, если не исчез совсем. Слишком большие события прокатились над нашей землей, отчасти и над моей головой. Художественная выдумка стала казаться пресной, почти тривиальной. Первые тома эпопеи Жюлья Ромена я читал с интересом. Последние книги, особенно посвященные изображению войны, показались мне бледным репортажем. Война, видимо, вообще не вмещается в искусство. Батальная живопись чаще всего просто глуповата. Но дело не только в этом. Как слишком острая кухня притупляет вкус, так нагромождение исторических катастроф притупляет интерес к литературе. Однако на днях я снова имел случай повторить: хорошо, что на свете существует

искусство.

Неизвестный мне французский автор, Жан Малакэ, прислал мне свою книгу под загадочным названием "Явайцы". Роман посвящен Андре Жиду. Это немножко насторожило меня. Жид слишком отошел от нас вместе с той эпохой, которую он отражал в своих неторопливых и комфортабельных исканиях. Даже недавние его произведения читаются, хотя и с интересом, но скорее, как человеческие документы безвозвратного прошлого. Однако уже с первых страниц для меня стало ясно, что Малакэ совершенно независим от Жида. Автор вообще независим, и в этом его сила, особенно драгоценная в наше время, когда литературная зависимость всех видов стала правилом. Имя Малакэ мне ничего не говорило, если не считать названия одной из парижских улиц. "Явайцы" - первый роман автора; в качестве других произведений названы книги, еще только находящиеся "в подготовке". Однако эта первая книга сразу внушает мысль: имя Малакэ надо твердо запомнить.

Автор молод и страстно любит жизнь. Но он уже умеет соблюдать между собою и жизнью необходимую художественную дистанцию, как раз такую, чтобы не захлебнуться в собственном субъективизме. Любить жизнь поверхностной любовью дилетанта - есть дилетанты жизни, как есть дилетанты искусства - небольшая заслуга. Любить жизнь с открытыми глазами, с незатихающей критикой, без иллюзий, без прикрас, такую, как она есть, за то, что в ней есть, и еще больше за то, чем она может стать - это в своем роде подвиг. Дать этой любви к жизни художественное выражение, когда дело идет о самом низшем социальном пласте - это большая художественная заслуга.

На юге Франции двести человек добывают олово и серебро из доживающей свой век шахты, хозяин которой, англичанин, не хочет делать затрат на новое оборудование. В стране немало гонимых иностранцев, без визы, без бумаг, на плохом счету у полиции. Они совсем не требовательны в отношении жилищ и условий безопасности и готовы работать за любую плату. Шахта со своим населением париев образует замкнутый мирок, как бы остров, за которым укрепилось имя Явы, вернее всего потому, что словом "явайский" французы нередко обозначают непонятное, экзотическое.

Почти все национальности Европы, да и не одной Европы, представлены в Яве. Белые русские, неизвестной окраски поляки, итальянцы, испанцы, греки, чехи, словаки, немцы, австрийцы, арабы, армянин, китаец, негр, украинский еврей, финн... Среди всех этих метеков³⁸⁰ только один француз, жалкий неудачник, высоко держит знамя третьей республики. В бараке, примыкающем к стене сгоревшего давно завода, живут три десятка одиноких, из которых почти каждый ругается на другом языке. Жены остальных, набранные во всех концах света, еще более увеличивают вавилонскую путаницу.

Десятки явайцев проходят перед нами, на каждом из них отблеск потерянного отечества, каждый убедителен как личность и без помощи автора, по крайней мере, видимой, стоит на своих ногах. Австриец Карл Мюллер, который тоскует по Вене и зубрит английские спряжения³⁸¹; Ганс, сын немецкого вице-адмирала Ульриха фон Таупфена, бывший морской офицер,

участник восстания моряков в Киле; армянин Албудизян, который впервые на Яве досыта поел и даже напился пьян; русский агроном Бельский с полувменяемой женой и безумной дочерью; старый горняк Поцони, потерявший у себя в Италии в шахте сыновей и одинаково охотно беседующий со стеной, с соседом по работе и с камнем на дороге; "доктор Магнус", бросивший университет на Украине накануне окончания, чтобы не жить, как другие; американский негр Хилари Ходж, который чистит по воскресеньям свои лакированные ботинки, памятник прошлого, но никогда не надевает их; бывший русский торговец Блутов, выдающий себя за бывшего генерала, чтобы привлечь клиентов в свой будущий ресторан. Впрочем, Блутов умирает до начала романа; остается его вдова, занимающаяся ворожбой.

Члены разбитых семей, искатели приключений, случайные участники революций и контрреволюций, осколки национальных движений или национальных катастроф, изгнанники всякого рода, мечтатели и воры, трусы и почти герои, люди без корней, блудные сыны нашей эпохи, - таково население Явы, "плавучего острова, прицепленного к хвосту дьявола". "Ни одного квадратного вершка на всей поверхности земного шара, - говорит Ганс фон Таупфен, - куда бы поставить твою маленькую ножку; а за вычетом этого ты свободен, только за пределами границы, за пределами всех границ". Жандармский унтерофицер Карбони, ценитель хороших сигар и тонкого вина, закрывает на обитателей острова глаза. Временно они действительно оказываются "за пределами всех границ". Но это не мешает им по-своему жить. Люди спят на мешках с соломой, нередко не раздеваясь, много курят, много пьют, питаются хлебом и сыром, чтобы больше отложить на вино, редко моются, от них едко пахнет потом, табаком и алкоголем.

В романе нет ни центральной фигуры, ни единой завязки. В известном смысле главным героем является сам автор, но он не появляется на сцене. Повесть охватывает период в несколько месяцев и, как и сама жизнь, состоит из эпизодов. Несмотря на экзотичность среды, книга далека от фольклора, этнографии или социологии. Это в подлинном смысле слова роман, кусок жизни, ставший искусством. Можно подумать, что автор преднамеренно выбрал изолированный "остров", чтобы тем отчетливее представить человеческие характеры и страсти. Они не менее значительны здесь, чем в любом слое общества. Люди любят, ненавидят, плачут, вспоминают, скрежещут зубами. Тут есть рождение ребенка в семье поляка Варского и торжественные крестины, есть смерть, отчаяние женщин, похороны; есть, наконец, любовь проститутки к доктору Магнусу, который не знал до сих пор женщин. Этот щекотливый эпизод пахнет мелодрамой; но автор с честью выходит из испытания, которому он сам подверг себя.

Через книгу проходит история двух арабов, двоюродных братьев, Алахасида бен Калифа и Дауда Хаима. Нарушая раз в неделю закон Магомета, они пьют по воскресеньям вино, но скромно, три литра, чтобы накопить свои пять тысяч франков и вернуться к своим семьям в департамент Константин. Это не настоящие, а временные явайцы. Но вот Алахасид убит во время обвала в шахте.

История попыток Дауда получить из сберегательной кассы свои деньги навсегда врезывается в память. Араб ждет часами, просит, надеется, снова терпеливо ждет. У него в конце концов конфискуют сберегательную книжку, потому что она написана на имя Алахасида, единственного из двух, который умел подписывать свое имя. Эта маленькая трагедия написана превосходно!

Мадам Мишель, хозяйка пивной, наживается постепенно на этих людях, но не любит и презирает их. Не только потому, что она не понимает их шумных бесед, но и потому, что они слишком расточительно дают на чай, слишком легко снимаются с места, неизвестно куда: пустые люди, не заслуживающие доверия. Наряду с пивной, в жизни Явы большое место занимает, разумеется, ближайший дом терпимости. Малакэ рисует его подробно, беспощадно и вместе с тем замечательно человечно.

Явайцы глядят на мир снизу, ибо опрокинуты навзничь на самое дно общества; к тому же они вынуждены ложиться на спину и на дне шахты, чтобы рубить или сверлить камень над собою. Это особая перспектива. Малакэ хорошо знает ее законы и умеет пользоваться ими. Работа в шахте изображена скупой, без утомительных деталей, но с замечательной силой. Так не напишет художник-наблюдатель, хотя бы он десять раз спускался в шахту за техническими подробностями, которыми столь любит щеголять, например, Жюль Ромен. Так может написать лишь бывший шахтер, оказавшийся большим художником.

Хотя и с социальной подоплекой, роман ни в каком случае не имеет тенденциозного характера. Он ничего не доказывает, ничего не пропагандирует, как многие произведения нашего времени, когда слишком многие подчиняются команде также и в области искусства. Роман Малакэ - "только" художественное произведение. И в то же время мы на каждом шагу чувствуем конвульсии нашей эпохи, самой грандиозной и чудовищной, самой значительной и деспотической, какую знала до сих пор человеческая история. Сочетание непокорного лиризма личности со свирепым эпосом эпохи создает, пожалуй, главное очарование этого произведения.

Незаконный режим длился годами. Директор англичанин без одного глаза и без руки, всегда пьяный, угощал в затруднительные моменты жандармского бригадира вином и сигаретами. Явайцы без бумаг продолжали работать в опасных штольнях, напивались у мадам Мишель, а при встрече с жандармами прятались на всякий случай за деревьями. Но всему наступает конец.

Механик Карл, сын венского булочника, бросил самовольно работу в ангаре, гуляет под солнцем по прибрежному песку, слушает морскую волну, переключается со встречными деревьями. В поселке соседнего завода работают французы. У них свои домики, с водой и электричеством, свои куры, кролики и свой салат. На этот оседлый мир Карл, как и большинство явайцев, взирает без зависти, скорее с оттенком презрения. Они "потеряли чувство простора, но приобрели чувство собственности". Карл сорвал прут и рассекает им воздух, ему хочется петь, но у него нет голоса и он свистит. Тем временем в шахте происходит обвал, убито двое: русский Малинов, который отвоевал будто бы у

большевиков Нижний Новгород, и араб Алахасид бен Калифа. Джентльмен Яковлев, бывший первый ученик московской консерватории, совершает грабеж у русской старухи Софии Федоровны, вдовы мнимого генерала, колдуньи, накопившей несколько тысяч франков. Карл случайно заглядывает в открытое окно, и Яковлев наносит ему удар поленом по голове. Так в жизнь Явы врывается катастрофа, ряд катастроф. Отчаяние старухи беспредельно и отвратительно. Она поворачивается спиной к миру, отвечает бранью на вопросы жандарма, сидит на полу без пищи, без сна, день, два, три, раскачиваясь из стороны в сторону в собственных нечистотах, окруженная роем мух.

Грабеж вызывает заметку в газете: Где консулы? Почему не бодрствуют? Жандарм Карбони получает циркуляр о необходимости строжайшей проверки иностранцев. Ликер и сигареты Джона Кэригана на этот раз не действуют. "Мы во Франции, господин директор, и мы должны сообразовываться с французскими законами". Директор вынужден телеграфировать в Лондон. Ответ гласит: закрыть шахту. Ява прекращает свое существование. Явайцы рассеиваются, чтобы скрыться в новых щелях.

Малакэ чужда литературная чопорность: он не избегает ни крепких слов, ни терпких сцен. Нынешняя литература, особенно французская, вообще позволяет себе на этот счет неизмеримо больше, чем осужденный ригористами старый натурализм эпохи Золя. Было бы смешным педантством мудрствовать на тему, хорошо это или плохо. Жизнь стала более обнаженной и беспощадной, особенно со времени мировой войны, которая разрушила не только многие соборы, но и многие условности; литературе не остается ничего, как равняться по жизни. Но какая разница между Малакэ и другим французским писателем, который прославился несколько лет тому назад книгой исключительной откровенности! Я говорю о Селине. Никто до него не писал о потребностях и функциях бедного человеческого тела с такой физиологической настойчивостью. Но рукой Селина водит ожесточенная обида, которая опускается до клеветы на человека. Художник, врач по профессии, как бы хочет внушить нам, что человеческое существо, которое вынуждено совершать такие низменные отправления, ничем не отличается от собаки или осла, кроме разве большей хитрости и мстительности. Это ненавистническое отношение к жизни подрезало крылья искусству Селина: дальше первой книги он не пошел. Почти одновременно с Селином быстро прославился другой скептик Мальро, который искал для своего пессимизма оправдания не внизу, в физиологии, а наверху, в проявлениях человеческого героизма. Мальро дал одну или две значительные книги. Но ему не хватает внутреннего стержня, он органически стремится прислониться к внешней силе, к установленному авторитету. Отсутствие творческой независимости отравляет его последние произведения ядом фальши и делает их негодными к употреблению.

Малакэ не боится низменного и вульгарного в нашей природе, ибо, несмотря на все, человек способен к творчеству, к порыву, к героизму, - и они вовсе не бесплодны. Как все подлинные оптимисты, Малакэ любит человека за заложенные в нем возможности. Горький когда-то сказал: "Человек - это звучит гордо!" Малакэ не повторил бы, может быть, столь дидактической фразы.

Но именно такое отношение к человеку проходит через весь его роман. У таланта Малакэ есть два надежных союзника: оптимизм и независимость.

Мы назвали только что Максима Горького, другого певца босяков. Параллель напрашивается сама собою. Я живо помню, как поразил читающий мир первый большой рассказ Горького "Челкаш" (1895 г.). Из социального подполья молодой бродяга сразу выступил на арену литературы мастером. В дальнейшем творчестве Горький, в сущности, не поднимался над уровнем своего первого рассказа. Малакэ не менее поражает уверенностью первого выступления. О нем нельзя сказать: подающий надежды. Он законченный художник. В старых школах новичков пропускали через жестокие испытания, - пинки, запугивания, издевательства, - чтобы в кратчайший срок дать им необходимый закал. Вот такой закал дала Малакэ, как до него Горькому, сама жизнь. Она швыряла их из стороны в сторону, била об землю и спиной, и грудью и после такой обработки выбросила готовыми мастерами на писательскую сцену.

Но какая в то же время огромная разница между их эпохами, между их героями, между их художественными приемами! Босяки Горького - это не отстой старой городской культуры, а вчерашние крестьяне, которых еще не впитал в себя новый промышленный город. Бродяги весенней поры капитализма, они отмечены печатью патриархальности и почти наивности. Политически еще совсем молодая Россия была беременна в те дни своей первой революцией. Литература жила тревожными ожиданиями и преувеличенными восторгами. Босяки Горького окрашены предреволюционным романтизмом. Полстолетия не прошло даром. Россия и Европа пережили ряд политических потрясений и самую страшную из войн. Большие события несли с собой большой опыт, главным образом горький опыт поражений и разочарований. Бродяги Малакэ - продукт зрелой цивилизации. Они смотрят на мир менее удивленными, более искушенными глазами. Они не национальны, а космополитичны. Босяки Горького странствовали от Балтийского моря до Черного или до Сахалина. Явайцы не знают государственных границ; они одинаково свои или одинаково чужие в шахтах Алжира, в лесах Канады или на кофейных плантациях Бразилии. Лиризм Горького - певучий, иногда сентиментальный, часто декламаторский. Не менее напряженный по существу, лиризм Малакэ гораздо более сдержан по форме и дисциплинирован иронией.

Французская литература, консервативная и исключительная, как и вся французская культура, медленно ассимилирует новые слова, которые сама же творит для всего мира, и достаточно замкнута для иностранных влияний. Правда, со времени войны во французскую жизнь вошла струя космополитизма. Французы стали больше ездить, лучше изучать географию и иностранные языки. Моруа ввел в литературу стилизованного англичанина, Поль Моран³⁸² - ночные кафе всех частей света. Однако на этом космополитизме - несмыслимая печать туризма. Совсем иное дело Малакэ. Он не турист. Из страны в страну он передвигался обычно способом, который не одобряется ни железнодорожными компаниями, ни полицией. Он кочевал под всеми географическими широтами, работал, где мог, подвергался преследованиям, голодал и впитывал в себя впечатления нашей планеты вместе с атмосферой шахт, плантаций и дешевых

пивных, где международные пари щедро расходуют свой скудный заработок.

Малакэ - аутентичный французский писатель; он владеет французской техникой романа, самой высокой в мире, не говоря уже о совершенстве языка. Но он не француз. Я заподозрил это при чтении романа. Не потому, чтобы в тоне повествования чувствовался иностранец, посторонний наблюдатель. Нет, где на страницах книги выступают французы, это подлинные французы. Но в подходе автора - не к Франции только, а к жизни вообще - чувствуется "яванец", поднявшийся над Явой. Это несвойственно французам. Несмотря на все потрясения последней четверти столетия, они слишком оседлы, устойчивы в привычках, в традициях, чтобы взглянуть на мир глазами бродяги. На мой письменный запрос автор ответил, что по происхождению он поляк. Об этом следовало догадаться без запроса. Введение романа сосредоточено на силуэте польского юноши, почти мальчика, с льняными волосами, голубыми глазами, жадностью к впечатлениям, с втянутым от голода животом и неблаговоспитанной привычкой сморкаться в пальцы. Это Манек Бриля. Он покидает Варшаву под полом вагона-ресторана, с мечтой о Томбукту³⁸³. Если это не сам Малакэ, то его брат по крови и духу. Манек провел в странствиях больше десяти лет, многому научился и возмужал; но не растратил душевной свежести, а, наоборот, накопил ненасытную жадность к жизни, о чем непрерывно свидетельствует его первая книга. Будем ждать второй. Паспорт Малакэ, видимо, и сейчас еще не в полном порядке. Но литература уже дала ему все права гражданства.

Л.Троцкий

7 августа 1939 г.

Койоакан

Предисловие к украинскому изданию³⁸⁴

Украинские друзья в Канаде предложили мне издать мои последние статьи по украинскому вопросу отдельной брошюрой. Разумеется, это предложение я принял с большой радостью. Я прошу лишь украинских читателей помнить, что они имеют перед собой не систематическое изложение украинского вопроса в его целом, а лишь попытку обоснования центральной политической задачи момента.

Статьи написаны до наступления Германии на Польшу³⁸⁵. Но это, на мой взгляд, вовсе не делает статьи устаревшими. В известном смысле наоборот: превращение Польши в театр военных действий и сближение Берлина с Москвою³⁸⁶ придает украинскому вопросу исключительную остроту. Германская ориентация части украинцев обнаруживает одновременно и свою реакционность, и свой утопизм. Остается лишь революционная ориентация. Война бешено ускоряет развитие. Чтоб не быть застигнутыми врасплох событиями, необходимо своевременно занять ясную позицию по украинскому вопросу.

Л.Троцкий

Койоакан

6 сентября 1939 г.

Москва мобилизует

Москва мобилизует, и все спрашивают себя: против кого? Этому не знает еще сегодня и Кремль. Одно ясно: германо-советский пакт облегчил разгром Польши, но совершенно не обеспечил нейтралитет Советскому Союзу. Польская армия оказалась слабее, чем многими предполагалось. Сейчас в Париже и Лондоне, несомненно, с интересом и без чрезмерной тревоги наблюдают продвижение германских войск к границам Советского Союза. Дружба Сталина с Гитлером требует дистанции. Полный разгром Польши может оказаться фатальным для германо-советского пакта. Упершись в границы Украины и Белоруссии, Гитлер предложит Сталину придать их свежей "дружбе" более активный характер. Одновременно он сможет обратиться к Парижу и Лондону с предложением дать германской армии возможность двигаться дальше на Восток и изъявит полную готовность обязаться при этом в течение 25 или 50 лет (Гитлер охотно меняет пространство на время) не поднимать вопроса о колониях. В тисках двойного шантажа Сталину придется сделать окончательный выбор. Ввиду приближения этого критического часа Кремль мобилизует. Чтобы оставить обе возможности открытыми, радиостанции Москвы дают на русском языке сведения, благоприятные западным демократиям, на немецком языке - благоприятные Германии. Трудно придумать более символическое выражение двойственности кремлевской политики и личного характера Сталина. В какую сторону разрешится эта двойственность?

Сталин понимает, конечно, то, что понял даже экс-кайзер Вильгельм: именно, что при затяжной войне Гитлер идет навстречу величайшей катастрофе. Но весь вопрос в сроках и темпах. По пути к пропасти Гитлер может не только разгромить Польшу, но и нанести СССР тяжкие удары, которые будут стоить кремлевской олигархии головы. Свою голову эти господа ценят выше всего. Для ее спасения они могут оказаться вынужденными пойти гораздо дальше по пути с Гитлером, чем они хотели в момент заключения пакта.

Препятствием на этом пути является, правда, крайняя непопулярность союза с фашистами в народных массах Советского Союза. На это прямо намекал в последней речи Молотов³⁸⁷, когда жаловался, что "упрощенная пропаганда" (т. е. вчерашняя пропаганда Коминтерна против фашизма) породила даже в СССР недоброжелательность к германо-советской комбинации. Об этом же свидетельствуют и упомянутые радиовещания на русском языке. Но с общественным мнением собственной страны Сталин надеется справиться при помощи дополнительных чисток: враждебность русских рабочих и крестьян, в отличие от враждебности Гитлера, остается еще безоружной... Так, начав с роли интенданта при Гитлере, Сталин может оказаться его полупленником, полусоюзником.

Но не может же Кремль совершить новый резкий поворот, порвав советско-германский пакт и повернувшись в последнюю минуту против Гитлера? Для этого нужны были бы уже в ближайшее время очень серьезные военные успехи Франции и Англии плюс радикальное изменение закона о нейтралитете в Соединенных Штатах³⁸⁸. Вряд ли и в этом случае Кремль сразу вступил бы в

открытую войну с Гитлером. Но сосредоточение значительных сил Красной армии на западной границе позволило бы Сталину отклонить совершенно неизбежные новые домогательства Гитлера.

Связывать вопрос о направлении московской политики с идеями международного рабочего класса, задачами социализма, принципами демократии и пр. могут лишь совершенно безмозглые болтуны, либо же наемные агенты Кремля. На самом деле московская политика полностью определяется борьбой правящей олигархии за самосохранение. Выбор пути будет обусловлен материальным соотношением сил двух лагерей и ходом военных операций в ближайшие недели. Вернее, может быть, сказать не "выбор пути", а направление ближайшего зигзага.

Л.Троцкий

11 сентября 1939 г.

Койоакан

[Письмо Н.Бушу]389

30 сент[ября] 1939 г.

Дорогой господин Буш!

Я Вам очень признателен за лестные слова о моей статье³⁹⁰ и рад тому, что вы сохранили благоприятное воспоминание о нашей общей работе.

Вторую статью я пошлю в русском оригинале моему постоянному переводчику господину Маламуту, который доставит вам лучший перевод, чем мы можем сделать здесь.

Основное содержание второй статьи: преступления (подлоги, ложные обвинения, убийства, в частности, отравления, доведение противника до самоубийства) как обычный метод политики Сталина. Последнее письмо, написанное, точнее, продиктованное Лениным перед вторым ударом, было письмо к Сталину о разрыве с ним личных и товарищеских отношений³⁹¹. Необходимо привести известную фотографию, изображающую больного Ленина и Сталина на скамье в Горках. Эта фотография представляет замечательный документ: Сталин заставил снять себя на скамье с Лениным, который уже порвал с ним все отношения, но неспособен был обороняться.

Центральный эпизод, вокруг которого все остальное будет вращаться - это сообщение Сталина в Политбюро о том, что Ленин потребовал доставить ему яду, так как он чувствовал, что идет навстречу второму удару³⁹². Эпизод этот никогда не был опубликован и освещается новым светом после московских процессов. Роль ядов в жизни сталинского Кремля ярко обнаружилась на московском процессе в марте 1938 г. По этому процессу были расстреляны самые доверенные врачи Кремля (старики Левин, Плетнев³⁹³ и Казаков³⁹⁴), в качестве "отравителей". Их обвиняли, в частности, в том, что они ускорили смерть писателя Горького. На процессе раскрылась атмосфера, аналогию которой можно найти только в эпоху разложения Рима или в эпоху Возрождения. Я дам краткие сопоставления с эпохой Нерона и Борджиа. Статью можно будет даже назвать

"Борджиа в Кремле". Мне думается, что следовало бы дать фотографии более выдающихся большевиков, которые пали жертвой мстительности Сталина (убиты по суду, убиты тайно, отравлены, доведены до самоубийства).

Известное место в статье займет Ягода, бывший начальник ГПУ, который в течение 10 лет был главным инструментом Сталина по части убийств, отравлений и пр., а затем сам был расстрелян, как виновник неслыханных преступлений. Следовало бы дать его фотографию.

Большую часть статьи займут факты, эпизоды, личные характеристики. Основная мысль будет такова:

Сталин - единственный персонаж человеческой истории, который стал известен по имени в собственной стране только после того, как стал диктатором. Более законченного продукта "машины" нет и не может быть! В то же время непрерывная серия убийств, подлогов, самоубийств и пр. свидетельствует о внутреннем разложении машины, продуктом которой является Сталин, и предрекают его трагическую гибель³⁹⁵.

[Л.Д.Троцкий]

[Письмо Ч.Маламуту]

L.T[rotsky] to Molamuth. October 14, 1939³⁹⁶

Дорогой товарищ Маламут!

Посылаю вам первую часть рукописи³⁹⁷. Вторую и последнюю часть вышлю завтра воздушной почтой.

Перевод должен быть сдан в редакцию не позже 21 числа. Надеюсь, что Вы справитесь с этим делом. О гонораре я пишу Бушу, члену редакции.

Немедленно по переводе вышлите мне, пожалуйста, воздушной почтой копию первой части, а затем второй части, чтобы в случае каких-либо недоразумений я мог воздушной почтой или даже телеграммой внести необходимые поправки.

Возможно, что редакция захочет сделать какие-либо сокращения. Я не возражаю против этого, так как я обязался не переходить за пределы 4.500 слов. К вопросу о сокращениях хорошо было бы привлечь товарища Шахмана, который хорошо знает исторические материалы и может быть очень полезен.

В одной из глав статьи имеются цитаты из стенографического отчета о московском процессе в феврале 1938 г. (Бухарин, Рыков, Ягода и пр.).

Для удобства перевода я достал здесь английскую стенограмму процесса³⁹⁸ и на полях рукописи указываю карандашом страницы, на которых Вы можете найти соответственные цитаты.

Жму сердечно руку.

[Л.Д.Троцкий]

14 октября 1939 г.

Койоакан.

Референдум и демократический централизм

Мы требуем референдума по вопросу о войне, потому что мы хотим парализовать или ослабить империалистический централизм. Но можем ли мы признать референдум как нормальный метод разрешения вопросов в нашей собственной партии? На этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно.

Кто стоит за референдум, тот тем самым признает, что решение партии есть просто арифметическая сумма решений местных организаций, каждая из которых вынуждена по необходимости ограничиваться собственными силами и собственным ограниченным опытом. Кто стоит за референдум, тот должен стоять и за императивные мандаты³⁹⁹; т. е. за право каждой местной организации обязать своего представителя на партийном съезде голосовать определенным образом. Кто признает императивные мандаты, тот тем самым отрицает значение партийных съездов, высших органов партии. Вместо съезда достаточно завести счетчика голосов. Партия как централизованное целое при этом исчезает. При референдуме почти совсем устраняется влияние более передовых местных организаций, более опытных и дальновзорких товарищей из столицы или промышленных центров на менее опытных в отсталой провинции и т. д.

Мы стоим, разумеется, за то, чтобы каждый вопрос всесторонне обсуждался и голосовался каждой партийной организацией, каждой партийной ячейкой. Но вместе с тем каждый делегат, выбранный местной организацией, должен иметь право взвесить на партийном съезде все доводы по существу и голосовать, как ему подскажет его политическое сознание. Если он голосует на съезде против делегировавшего его большинства местной организации и если после съезда он не сумеет убедить свою организацию в своей правоте, то организация может в следующий раз лишить его своего политического доверия. Такие случаи неизбежны. Но они представляют собою несравненно меньшее зло, чем системы референдума или императивных мандатов, которые полностью убивают партию как целое.

[Л.Д.]Т[роцкий]

21 октября 1939 г.

К вопросу о рабочей самообороне

Каждое государство есть принудительная организация господствующего класса. Социальный режим устойчив до тех пор, пока господствующий класс остается способен через государство навязывать свою волю эксплуатируемым классам. Важнейшими орудиями государства являются полиция и армия. Капиталисты отказываются (правда, далеко не полностью) от содержания своих частных армий в пользу государства, чтобы таким образом препятствовать рабочему классу создавать свою собственную вооруженную силу. До тех пор, пока капитализм идет вверх, государственная монополия вооруженной силы воспринимается как нечто естественное даже угнетенными классами. До прошлой мировой войны международная социал-демократия даже в лучшие свои периоды совсем не поднимала вопроса о вооружении рабочих, более того, отвергала такого рода идею, как романтический отголосок далекого прошлого.

Только в царской России молодой пролетариат начал уже в первые годы этого столетия прибегать к вооружению своих боевых отрядов. В этом наиболее ярко обнаруживалась неустойчивость старого режима. При помощи своих нормальных органов, т. е. полиции и армии, царская монархия оказывалась все менее способна регулировать общественные отношения и все чаще вынуждена была прибегать к помощи добровольческих банд (черные сотни, погромы евреев, армян, студентов, рабочих и пр.). В ответ на это рабочие, как и различные национальные группы, начали строить свои отряды самообороны. Эти факты означали начало революции.

В Европе вопрос о вооруженных рабочих отрядах встал только к концу войны; в Соединенных Штатах - еще позже. Во всех без исключения случаях капиталистическая реакция первой начинала и начинает прибегать к созданию особых боевых организаций, наряду с полицией и армией буржуазного государства. Объясняется это тем, что буржуазия более предусмотрительна и беспощадна, чем пролетариат. При напряжении классовых противоречий она уже не полагается полностью на собственное государство, поскольку его руки все же связаны до некоторой степени "демократическими" нормами. Появление "добровольческих" боевых организаций, имеющих своей целью физическое подавление пролетариата, есть безошибочный симптом начавшегося распада демократии, вследствие невозможности регулировать старыми методами классовые противоречия.

Надежды реформистских партий Второго и Третьего Интернационалов и профессиональных союзов на то, что органы демократического государства защитят их от фашистских банд, везде и всегда оказывались иллюзией. Во время острых кризисов полиция неизменно сохраняет по отношению к контрреволюционным бандам позицию дружественного нейтралитета, если не прямого содействия. Однако крайняя живучесть демократических иллюзий приводит к тому, что рабочие с большим запозданием приступают к организации собственных боевых отрядов. Название "самооборона" полностью отвечает их назначению, по крайней мере в первый период, так как нападение неизменно исходит со стороны банд контрреволюции. Стоящий за их спиной монополистский капитал открывает против пролетариата превентивную войну, чтобы сделать его неспособным на социалистическую революцию.

Процесс зарождения и развития рабочих отрядов самообороны неразрывно связан со всем ходом классовой борьбы в стране и потому отражает ее неизбежные обострения и смягчения, приливы и отливы. Революция надвигается на общество не непрерывно, а в виде ряда конвульсий, разделенных различными, иногда длительными промежутками, в течение которых политические отношения настолько смягчаются, что сама идея революции как бы теряет свою реальность. В соответствии с этим лозунг отрядов самообороны то встречает сочувственный отголосок, то звучит как бы в пустыне, чтобы через некоторое время снова приобрести популярность.

Особенно ярко можно проследить этот противоречивый процесс во Франции в течение последних лет. В результате ползучего экономического кризиса реакция

перешла в открытое наступление в феврале 1934 года. Фашистские организации быстро росли. С другой стороны, идея самообороны приобретала популярность в рабочих рядах. Даже реформистская социалистическая партия вынуждена была в Париже создать некоторое подобие самообороны. Политика "народного фронта", т. е. полной протрации рабочих организаций перед буржуазией, отодвинула в неопределенное будущее опасность революции и дала возможность буржуазии снять фашистский переворот с порядка дня. Более того, освободившись от непосредственной внутренней опасности и оказавшись лицом к лицу с возрастающей опасностью извне, французская буржуазия немедленно же стала эксплуатировать факт "спасения" демократии в империалистических целях. Снова было провозглашено, что ближайшая война будет войной за демократию. Политика официальных рабочих организаций приняла открыто империалистический характер. Секция Четвертого Интернационала, сделавшая в 1934 году серьезный шаг вперед, почувствовала себя в следующий период изолированной. Лозунг рабочей самообороны повис в воздухе. От кого, в самом деле, обороняться? Ведь "демократия" торжествует по всей линии... В нынешнюю войну французская буржуазия вступила под знаменем "демократии" и при поддержке всех официальных рабочих организаций, что позволило "радикал-социалисту" Даладьё сразу же установить "демократическое" подобие тоталитарного режима. Вопрос об организации самообороны возродится в рядах французского пролетариата вместе с ростом революционного отпора против войны и империализма. Дальнейшее политическое развитие Франции, как и других стран, неразрывно связано ныне с войной. Рост недовольства масс породил на первых порах жесточайшую реакцию сверху. На помощь буржуазии и ее государственной власти придет милитаризованный фашизм. Вопрос об организации самообороны встанет перед трудящимися, как вопрос жизни и смерти. На этот раз в руках рабочих окажутся, надо думать, в достаточном количестве ружья, пулеметы и пушки.

Однородные явления, хотя и в менее яркой форме, обнаружили и в политической жизни Соединенных Штатов. После того, как рузвельтовское преуспевание, обманув ожидания, уступило место осенью 1937 г. вертикальному упадку, реакция начала выступать в открытой и боевой форме. Провинциальный городской голова Хейг сразу стал "национальной" фигурой. Погромные проповеди патера Кофлина приобрели широкий отголосок. Демократическая администрация и ее полиция отступали перед бандами монополистского капитала. В этот период идея боевых отрядов для защиты рабочих организаций и печати явно начала встречать отклик среди наиболее сознательных рабочих и наиболее угрожаемых прослоек мелкой буржуазии, в частности еврейской.

Новое экономическое оживление, начавшееся в июле 1938 г. в несомненной связи с ростом вооружений и империалистической войной, возродило доверие 60 семейств к своей "демократии". К этому прибавилась, с другой стороны, опасность вовлечения Соединенных Штатов в войну. Сейчас не время для потрясений! Все части буржуазии сближаются на политике осторожности и сохранения "демократии". Положение Рузвельта в конгрессе укрепляется. Хейг и патер Кофлин отходят далеко на задний план. Одновременно комиссия Дайеса⁴⁰¹,

которую в 1937 году не брали всерьез ни справа, ни слева, приобретает за последние месяцы значительный авторитет. Буржуазия снова "против фашизма, как и против коммунизма", она хочет показать, что может справиться со всякими "крайностями" парламентским путем.

При этих условиях лозунг рабочей самообороны не мог не потерять притягательной силы. После обнадеживающего начала организация самообороны как бы попала в тупик. В одних местах трудно привлечь к делу внимание рабочих. В других, где рабочие успели вступить в самооборону в значительном числе, руководители не знают, какое дать применение энергии рабочих. Интерес к делу падает. Во всем этом нет ничего неожиданного или загадочного. Вся история организаций рабочей самообороны состоит в смене периодов подъема и упадка. И те, и другие отражают спазмы социального кризиса.

*

Из общих исторических условий нашей эпохи, как и из ее конкретных колебаний, вытекают задачи пролетарской партии в области рабочей самообороны. Вовлечь сравнительно широкие круги рабочих в боевые отряды неизмеримо легче в тех условиях, когда банды реакции непосредственно нападают на рабочие пикеты, профессиональные союзы, печать и пр. Когда же буржуазия считает более разумным отказаться от нерегулярных банд и выдвигает на передний план методы "демократического" властвования над массами, интерес рабочих к организации самообороны неизбежно понижается. Так происходит именно теперь. Значит ли, однако, что в этих условиях мы должны отказаться от задачи вооружения рабочего авангарда? Ни в каком случае. Сейчас, во время начавшейся мировой войны, мы более, чем когда-либо, исходим из неизбежности и близости международной пролетарской революции. Эта основная идея, отличающая Четвертый Интернационал от всех других рабочих организаций, определяет всю нашу деятельность, в том числе и в отношении организации отрядов самообороны. Это не значит, однако, что мы не считаемся с конъюнктурными колебаниями в экономике, как и в политике, с временными приливами и отливами. Если исходить лишь из одной общей характеристики эпохи, игнорируя ее конкретные этапы, легко впасть в схематизм, сектантство или донкихотство. При каждом серьезном повороте событий мы приспосабливаем свои основные задачи к изменившимся конкретным условиям данного этапа. В этом и состоит искусство тактики.

Нам необходимы будут партийные кадры, специализированные в военном деле. Они должны поэтому продолжать свою практическую и теоретическую работу также и теперь, во время "отлива". Теоретическая работа должна состоять в изучении опыта военных боевых организаций большевиков, ирландских и польских революционных националистов, фашистских организаций, испанской милиции и пр. Необходимо составить образцовую программу занятий и библиотеку по этим вопросам, устраивать лекции и пр.

Штабная работа должна также продолжаться непрерывно. Необходимо собирать и изучать выписки из газет и другие сведения относительно всякого

рода контрреволюционных организаций, а также национальных группировок (евреи, негры и пр.), которые могут в критический момент сыграть революционную роль. Сюда же относится чрезвычайно важная часть работы, посвященная обороне против ГПУ. Именно ввиду исключительно трудного положения, в которое попал Коминтерн и в значительной степени заграничная агентура ГПУ, опирающаяся на Коминтерн, можно ждать со стороны ГПУ бешеных ударов по Четвертому Интернационалу. Надо уметь разгадать их и предупредить их вовремя!

Наряду с этой тесной работой, рассчитанной на чисто партийные элементы, необходимо создавать более широкие, открытые организации для различного рода частных целей, так или иначе связанных с будущими военными задачами пролетариата. Сюда относятся различного рода спортивные рабочие организации (атлетов, боксеров, стрелков и пр.), наконец, певческие и музыкальные общества. При перемене политической обстановки все эти подсобные организации могут послужить непосредственным фундаментом для более широких отрядов рабочей самообороны.

*

В этом наброске программы действий мы исходим из той мысли, что политические условия данного момента, прежде всего ослабление давления внутреннего фашизма, отводят узкие рамки для работы в области самообороны. Так оно и есть, поскольку дело идет о создании чисто классовых боевых отрядов. Решительный поворот в пользу рабочей самообороны наступит только при новом крушении демократических иллюзий, которое в условиях мировой войны должно наступить скоро и принять катастрофические черты.

Но зато, с другой стороны, война открывает теперь же, немедленно, такие возможности для обучения рабочих военному делу, о которых в мирное время нельзя было и думать. И не только война, но и период, непосредственно предшествующий войне.

Всех практических возможностей предвидеть заранее нельзя; но они будут, несомненно, становиться с каждым днем все шире, по мере того, как будут расти вооруженные силы страны. Надо сосредоточить на этом деле самое пристальное внимание, создав для этой цели особую комиссию (или поручить это дело штабу самообороны, соответственно пополнив его).

Прежде всего надо широко использовать интерес к военным проблемам, пробужденный войною, и организовать ряд лекций по вопросу о современных родах оружия и тактических приемах. Для этого рабочие организации могут привлекать военных специалистов, совершенно не связанных с партией и ее целями.

Но это лишь первый шаг. Надо использовать правительственную подготовку к войне для обучения военному делу как можно большего числа членов партии и профессиональных союзов, находящихся под ее влиянием.

Сохраняя полностью нашу основную задачу: создание классовых боевых отрядов, надо крепко связать разрешение этой задачи с теми условиями,

которые создает империалистическая подготовка к войне. Ничем не поступаясь из своей программы, надо разговаривать с массой на ее языке. "Мы, большевики, тоже хотим защищать демократию, но не такую, которой командуют 60 некоронованных королей. Очистим прежде нашу демократию от магнатов капитала, тогда будем защищать ее до последней капли крови. Вы, не большевики, готовы защищать и эту демократию? Но надо, по крайней мере, уметь защищать ее как следует, чтобы не явиться слепым орудием в руках 60 семейств и преданных им буржуазных офицеров. Рабочий класс должен учиться военному делу, чтобы выдвинуть из своей среды как можно большее число офицеров".

"Надо потребовать, чтоб государство, которое завтра предъявит спрос на рабочую кровь, дало сегодня рабочим возможность как можно лучше овладеть военной техникой, дабы достигнуть военных результатов с наименьшей затратой человеческих жизней".

"Одной лишь постоянной армии и ее казарм для этого недостаточно. Нужно, чтобы рабочие имели возможность обучаться военному делу при своих заводах, фабриках, шахтах, в определенные часы, оплачиваемые капиталистами. Если рабочим суждено отдавать свои жизни, буржуазные патриоты могут пойти хоть на маленькие материальные жертвы".

"Нужно, чтобы государство выдало каждому способному носить оружие рабочему ружье и устроило в доступных рабочим местах тиры и полигоны для обучения военному делу".

Наша агитация по поводу войны и вся наша политика в связи с войною должна быть одинаково далека как от уступок империализму, так и от пацифизма. "Эта война - не наша война. Ответственность за нее ложится целиком на капиталистов. Но поскольку мы еще не в силах опрокинуть их и вынуждены сражаться в рядах их армии, мы обязаны научиться владеть оружием возможно лучше!" Женщины-работницы должны также иметь право на ружье. Как можно большее число их должно иметь возможность за счет капиталистов изучить ремесло сестры милосердия. Подобно тому, как каждый рабочий, эксплуатируемый капиталистом, стремится как можно лучше овладеть техникой производства, так и каждый пролетарский солдат империалистической армии должен как можно лучше овладеть искусством войны, чтоб уметь при изменившихся условиях применить его в интересах рабочего класса.

Мы не пацифисты, нет. Мы революционеры. И мы знаем, что ожидает нас впереди.

Не пацифист

[Л.Д.Троцкий]

25 октября 1939 г.

[Письмо Д.Кеннану]

Com. J.P.Cannon

Communist League

126 East 16 theatre

New York City

Дорогой т. Кеннон!

Лидеры оппозиции⁴⁰² до сих пор не принимали боя в принципиальной плоскости и несомненно попытаются уклониться от этого и впредь. Нетрудно поэтому догадаться, что они скажут по поводу прилагаемой статьи⁴⁰³. В статье, - скажут они, - много правильных азбучных истин, мы их совершенно не оспариваем, но статья не отвечает на жгучие "конкретные" вопросы, Троцкий слишком далеко стоит от партии, чтобы судить правильно. Не все мелкобуржуазные элементы, - скажут они, - с оппозицией; не все рабочие - с большинством. Некоторые прибавят, вероятно, что статья приписывает им такие взгляды, которых они никогда не высказывали.

Под ответами на "конкретные" вопросы оппозиционеры понимают рецептуру поваренной книги для эпохи империалистической войны. Такой поваренной книги я писать не собираюсь. Но из нашего принципиального отношения к основным вопросам мы всегда сумеем вынести правильное решение каждого частного вопроса, как бы запутан он ни был. На вопросе о Финляндии⁴⁰⁴ оппозиция обнаружила именно свою неспособность отвечать на конкретные вопросы.

"Чистых" по составу фракций не бывает. Мелкобуржуазные элементы имеются по необходимости в каждой рабочей партии и фракции. Но вопрос в том, кто задает тон. У оппозиции тон задают мелкобуржуазные элементы. Неизбежное обвинение в том, что статья "приписывает" оппозиции взгляды, которых она никогда не выражала, объясняется бесформенностью и противоречивостью взглядов оппозиции, которые не терпят прикосновения критического анализа. На самом деле статья не приписывает лидерам оппозиции ничего от себя, она только доводит до конца некоторые их мысли. Разумеется, мне приходится наблюдать развитие борьбы со стороны. Но общие очертания борьбы со стороны виднее.

Крепко жму руку

Л.Троцкий.

15 декабря 1939 г.

Койоакан.

P.S. Я бы стоял за перенесение принципиальной полемики со страниц "Бюллетеня" на страницы "Нью Интернейшенел" и "Социалист"⁴⁰⁵. Выгода двойная: 1) учиться будет более широкий круг читателей; 2) писатели будут стараться писать более серьезно. Скрывать внешнюю фракционную борьбу и невозможно, и нет основания.

Л.Троцкий

[Письмо Ч.Маламуду]⁴⁰⁶

Дорогой т. Маламут,

Посылаю окончание главы о 1917 г.

Глава о гражданской войне (большая) через две недели407.

С искренним приветом

Л.Троцкий

30 декабря 1939 г.

Койоакан.

С новым годом!

1940

Открытое письмо тов. Бернаму408

Дорогой товарищ!

Мне сообщают, что по поводу моей статьи о мелкобуржуазной оппозиции409 вы выразились в том смысле, что не намерены спорить со мной о диалектике, а будете спорить о "конкретных политических вопросах". "Я давно уже перестал заниматься религиозными вопросами," - прибавили вы иронически. В свое время я уже слышал эту фразу от Макса Истмена.

Есть ли логика в отождествлении логики и религии?

Насколько я понимаю, ваши слова означают, что диалектика Маркса, Энгельса и Ленина относится к области религии. Каков смысл этого утверждения? Диалектика, напоминаю еще раз, есть логика развития. Как инструментальная мастерская на заводе служит для снабжения инструментом всех цехов, так и логика необходима для всех областей человеческого знания. Если вы не считаете логику вообще религиозным предрассудком (к сожалению, противоречивые писания оппозиции все больше наводят на эту грустную мысль), то какую именно логику вы признаете? Я знаю две системы логики, заслуживающие внимания: логику Аристотеля410 (формальную логику) и логику Гегеля (диалектику)411. Логика Аристотеля исходит из неизменных предметов и явлений. Научное мышление нашей эпохи изучает все явления в рождении, преобразовании и распаде. Думаете ли вы, что движение наук, включая дарвинизм, марксизм, современную химию и пр., не оказало никакого влияния на формы нашего мышления? Думаете ли вы, другими словами, что в мире, где все изменяется, силлогизм412 является единственно неизменным и вечным? Евангелие святого Иоанна413 начинается со слов: "Вначале был Логос", т. е. вначале был Разум, или Слово (разум, выраженный в слове, т. е. силлогизм). У Иоанна силлогизм является одним из литературных псевдонимов бога. Если вы считаете,

что силлогизм неизменен, т. е. не имеет ни происхождения, ни развития, значит он и для вас является продуктом божественного откровения. Если же вы признаете, что логические формы нашего мышления развиваются в процессе нашего приспособления к природе, то потрудитесь сказать, кто именно после Аристотеля изучил и описал дальнейшее движение логики. Пока вы этого не разъяснили, я позволяю себе утверждать, что отождествлять логику (диалектику) с религией значит обнаруживать полную неосведомленность и поверхностность в основных вопросах человеческого мышления.

Может ли революционер не бороться с религией?

Допустим, однако, что вы правы в вашем более чем смелом суждении. Дело от этого не станет для вас лучше. Религия, как вы, надеюсь, согласитесь, отвлекает от действительного знания к мнимому, от борьбы за лучшую судьбу - к ложным надеждам на загробное воздаяние. Религия есть опиум для народа. Кто не борется против религии, тот недостойн называться революционером. По какому же праву вы отказываетесь бороться против диалектики, раз вы считаете, что она есть разновидность религии?

Вы давно покончили, по вашим словам, с религиозными вопросами. Но ведь вы покончили только для себя. А кроме вас существуют еще все остальные. Их довольно много. Мы, революционеры, никогда не "кончаем" с религиозными вопросами, ибо задача для нас состоит в том, чтобы освободить от влияния религии не только себя, но и массы. Если диалектика есть религия, как же можно отказываться от борьбы с опиумом внутри собственной партии?

Или, может быть, вы хотите сказать, что религия не имеет политического значения? Что можно быть религиозным человеком и в то же время последовательным коммунистом и революционным борцом? Вряд ли вы рискнете на такое утверждение. Разумеется, мы со всей осторожностью отнесемся к религиозным предрассудкам отсталого рабочего. Если он хочет бороться за нашу программу, мы его примем в партию; но в то же время наша партия будет настойчиво воспитывать его в духе материализма и атеизма. Если вы согласны с этим, как же вы можете отказываться от борьбы против "религии", разделяемой, насколько знаю, подавляющим большинством членов вашей собственной партии, которые интересуются теоретическими вопросами? Вы явно забыли об этой важнейшей стороне вопроса.

Среди образованных буржуа есть немало людей, которые лично порвали с религией, но свой атеизм держат исключительно для собственного употребления; они думают про себя, а нередко говорят и вслух, что народу полезно иметь свою религию. Неужели же вы стоите на этой точке зрения по отношению к вашей собственной партии? Неужели этим объясняется ваш отказ вступать с нами в объяснение по поводу философских основ марксизма? Тогда под видом презрения к диалектике у вас звучит нота презрения к партии.

Не возражайте, что я опираюсь на фразу, сказанную вами в частной беседе, и что публично вы не занимаетесь ниспровержением диалектического материализма. Это неверно. Крылатая фраза служит мне лишь для иллюстрации.

По разным поводам вы, где представляется случай, заявляете о своем отрицательном отношении к той доктрине, которая составляет теоретическую основу нашей программы. Это всем в партии известно. В статье об "отступающих интеллигентах", написанной вами совместно с Шахманом и напечатанной в теоретическом органе партии⁴¹⁴, категорически заявлено, что вы отвергаете диалектический материализм. Неужели же партия не имеет права знать, почему именно? Неужели же вы думаете, что в Четвертом Интернационале редактор теоретического органа может ограничиться голым заявлением: "Я решительно отвергаю диалектический материализм", как если бы дело шло о папиресе: "Благодарю вас, я не курю". Вопрос о правильной философской доктрине, т. е. о правильном методе мышления, имеет решающее значение для революционной партии, как хорошая инструментальная мастерская имеет решающее значение для производства. Защищать старое общество при помощи материальных и интеллектуальных методов, унаследованных от прошлого, еще возможно. Ниспровергнуть старое общество и построить новое совершенно немислимо без предварительной критической проверки ходячих методов. Если партия заблуждается в самых основах своего мышления, ваша прямая обязанность указать ей правильный путь. Иначе ваше поведение будет неизбежно истолковано, как пренебрежительное отношение академика к пролетарской организации, которая-де все равно неспособна воспринять действительно "научную" доктрину. А что может быть хуже этого?

Поучительные примеры

Кто знаком с историей борьбы тенденций внутри рабочих партий, тот знает, что переход в лагерь оппортунизма и даже буржуазной реакции нередко начинался с отвержения диалектики. Мелкобуржуазные интеллигенты считают диалектику наиболее уязвимым местом марксизма и в то же время спекулируют на том, что рабочим гораздо труднее проверить разногласия в философской области, чем в политической. Этот давно известный факт имеет силу доказательства от опыта. Нельзя также скинуть со счетов другой, еще более важный факт, именно, что все великие и выдающиеся революционеры - прежде всего Маркс, Энгельс, Ленин, Люксембург, Франц Меринг - стояли на почве диалектического материализма. Неужели все они неспособны были отличить науку от религии? Не слишком ли много высокомерия с вашей стороны, тов. Бернам?

Крайне поучителен пример Бернштейна, Каутского и Франца Меринга. Бернштейн категорически отрицал диалектику, как "схоластику" и "мистику". Каутский относился к вопросу о диалектике безразлично, вроде тов. Шахмана. Меринг был неутомимым пропагандистом и защитником диалектического материализма. В течение десятилетий он следил за всеми новинками философии и литературы, неутомимо разоблачая реакционную сущность идеализма, неокантианства⁴¹⁵, утилитаризма⁴¹⁶, всех видов мистицизма и пр. Политическая судьба этих трех лиц достаточно известна. Бернштейн дожил свою жизнь как тупой мелкобуржуазный демократ. Каутский из центриста превратился в вульгарного оппортуниста. Что касается Меринга, то он умер революционным

коммунистом.

В России три очень видных академических марксиста: Струве⁴¹⁷, Булгаков⁴¹⁸ и Бердяев, начали с отрицания философской доктрины марксизма, а кончили реакцией и православной церковью. В Соединенных Штатах Истмен, Сидней Хук и их друзья борьбой против диалектики прикрыли свое превращение из попутчиков пролетариата в попутчиков буржуазии. Можно было бы привести десятки подобных примеров из жизни других стран.

Пример Плеханова, как бы являющийся исключением, на самом деле лишь подтверждает правило. Плеханов был замечательным пропагандистом диалектического материализма, но за всю свою жизнь не имел случая принять участия в реальной классовой борьбе. Его мышление было оторвано от действия. Революция 1905 г., а затем война, отбросив его в лагерь мелкобуржуазной демократии, заставили его фактически отказаться от диалектического материализма. Во время мировой войны Плеханов уже открыто выступал проповедником кантовского категорического императива⁴¹⁹ в области международных отношений: "Не делай другим того, чего не хочешь себе" и пр. Пример Плеханова показывает лишь, что диалектический материализм сам по себе еще не делает человека революционером.

Шахтман ссылается, с другой стороны, на то, что Либкнехт оставил после себя написанное в тюрьме произведение против диалектического материализма. В тюрьме приходят в голову разные мысли, которые нельзя проверить путем общения с другими людьми. Либкнехт, которого никто не считал теоретиком, в том числе и он сам, стал для мирового рабочего движения символом героизма. Если кто-либо из американских противников диалектики проявит в случае войны подобную же независимость от патриотизма и личную самоотверженность, мы отдадим ему должное как революционеру. Но вопрос о диалектическом методе этим не разрешится.

К каким окончательным выводам пришел бы сам Либкнехт на воле, неизвестно. Во всяком случае прежде, чем печатать свою работу, он, несомненно, показал бы ее более компетентным друзьям, именно Францу Мерингу и Розе Люксембург. Весьма вероятно, что по их совету он просто бросил бы рукопись в печь. Допустим, однако, что вопреки совету людей, далеко превосходивших его в области теории, он решил бы все же напечатать свою работу. Меринг, Люксембург, Ленин и другие, конечно, не предложили бы исключить его за это из партии; наоборот, решительно вступились бы за него, если бы кто-либо сделал столь нелепое предложение. Но в то же время они не заключили бы с ним философского блока, а решительно отмежевались бы от его теоретических ошибок.

Совсем иначе, как видим, держит себя тов. Шахтман. "Смотрите, - говорит он в поучение молодежи. - Плеханов был выдающимся теоретиком диалектического материализма, а оказался оппортунистом; Либкнехт был замечательным революционером, а усомнился в диалектическом материализме". Этот довод, если он вообще имеет смысл, означает, что революционеру диалектический материализм просто не нужен. Искусственно выдернутыми примерами Либкнехта и

Плеханова Шахтман подкрепляет и "углубляет" мысль своей прошлогодней статьи, именно, что политика независима от метода, так как метод отделен от политики счастливым даром непоследовательности. Ложно истолковав два "исключения", Шахтман пытается опрокинуть правило. Если так аргументирует "сторонник" марксизма, как же должен аргументировать противник? Ревизия марксизма переходит здесь в прямую ликвидацию его; более того: в ликвидацию всякой доктрины и всякого метода.

Что вы предлагаете взамен?

Диалектический материализм не есть, конечно, вечная и неизменная философия. Думать иначе значило бы противоречить духу диалектики. Дальнейшее развитие научной мысли создаст, несомненно, более глубокую доктрину, в которую диалектический материализм войдет лишь как строительный материал. Нет, однако, основания ждать, что эта философская революция будет произведена еще при загнивающим буржуазном режиме. Не говоря уже о том, что Марксы рождаются не каждый год и не каждое десятилетие, задача жизни и смерти пролетариата состоит сейчас не в том, чтобы по новому истолковать мир, а в том, чтобы перестроить его от основания до вершины. Мы можем ждать в ближайшую эпоху великих революционеров действия, но вряд ли новых Марксов. Только на основах социалистической культуры человечество почувствует потребность пересмотреть идейное наследство прошлого и, несомненно, далеко опередит нас не только в области хозяйства, но и в области интеллектуального творчества. Режим бонапартистской бюрократии СССР преступен не только тем, что создает возрастающее неравенство во всех областях жизни, но и тем, что принижает интеллектуальную деятельность страны до уровня разнузданных болванов ГПУ.

Допустим, однако, что вопреки нашему предположению пролетариату посчастливится выдвинуть в нынешнюю эпоху войн и революций нового теоретика или новую плеяду теоретиков, которые превзойдут марксизм и, в частности, поднимут логику над материалистической диалектикой. Разумеется, все передовые рабочие будут учиться у новых учителей, а старики будут заново переучиваться. Но ведь пока что это - музыка будущего. Или я ошибаюсь? Может быть, вы укажете мне те произведения, которые должны заменить пролетариату систему диалектического материализма? Если бы они у вас были под руками, вы, разумеется, не отказались бы вести борьбу против опиума диалектики. Но их нет. Пытаясь дискредитировать философию марксизма, вы ничего не предлагаете взамен.

Представьте себе молодого врача-дилетанта, который начинает разъяснять вооруженному ланцетом хирургу, что нынешняя анатомия, неврология и пр. никуда не годятся, что в них много неясного и незаконченного, что только "консервативные бюрократы" могут на основе этих мнимых наук пускать в ход ланцет и т. д. Думаю, что хирург пригласит безответственного коллегу покинуть операционный зал. Мы тоже, тов. Бернам, не поддадимся дешевым издевательствам над философией научного социализма. Наоборот, сейчас, когда

ходом фракционной борьбы вопрос поставлен ребром, мы скажем, обращаясь ко всем членам партии, особенно к молодежи: остерегайтесь проникновения буржуазного скептицизма в ваши ряды! Помните, что социализм не нашел до сих пор более высокого научного выражения, чем марксизм. Помните, что методом научного социализма является диалектический материализм. Возьмитесь серьезно за книжки! Изучайте Маркса, Энгельса, Франца Меринга, Плеханова, Ленина. Это во сто раз важнее для вас, чем изучать тенденциозные, бесплодные и немножко смешные трактаты о консерватизме Кеннона. Пусть нынешняя дискуссия вызовет хотя бы тот положительный результат, что молодежь постарается заложить в своих головах серьезный теоретический фундамент для революционной борьбы!

Мнимый политический "реализм"

Дело, однако, у вас не ограничивается диалектикой. Слова вашей резолюции о том, что вы теперь не ставите на разрешение партии вопрос о природе Советского государства, означают на самом деле, что вы ставите этот вопрос если не юридически, то теоретически и политически. Не понимать этого могут только младенцы. Та же фраза имеет и другой смысл, гораздо более одиозный и опасный. Она означает, что вы отделяете политику от марксистской социологии. Между тем в этом для нас существо дела. Если можно давать правильное определение государства, не пользуясь методом диалектического материализма; если можно правильно определять политику, не давая классового анализа государства, то спрашивается: к чему вообще марксизм?

Расходясь между собой насчет классовой природы Советского государства, вожди оппозиции сходятся на том, что внешнюю политику Кремля надо называть "империалистической" и что СССР не надо поддерживать "безусловно". Замечательно содержательная платформа! На тот случай, что враждебная "клика" поставит на съезде вопрос о природе советского государства ребром (какое преступление!), вы заранее согласились... не соглашаться между собою, т. е. голосовать по-разному. В британском "национальном" правительстве⁴²⁰ был такой прецедент, когда министры "согласились не соглашаться", т. е. голосовать по-разному. У министров его величества было, однако, то преимущество, что они хорошо знали природу своего государства и могли себе позволить роскошь разногласия по второстепенным вопросам. У вождей оппозиции дело обстоит хуже. Они позволяют себе роскошь расходиться по основному вопросу, чтобы проявлять солидарность по второстепенным. Если это марксизм и принципиальная политика, то я не знаю, что такое беспринципное комбинаторство.

Вам, видимо, кажется, что отвергая дискуссии о диалектическом материализме и о классовой природе Советского государства во имя "конкретных" вопросов, вы действуете, как реалистический политик. Этот самообман вытекает из вашего недостаточного знакомства с историей борьбы фракций в рабочем движении за последние полвека. Во всех без исключения принципиальных конфликтах марксисты неизменно стремились повернуть партию лицом к основным проблемам доктрины и программы, считая, что только при этом

условии "конкретный" вопрос найдет свое законное место и законные пропорции. Наоборот, оппортунисты разных оттенков, особенно те из них, которые успели потерпеть несколько поражений в области принципиальной дискуссии, неизменно противопоставляли классовому марксистскому анализу "конкретные" конъюнктурные оценки, которые они, как водится, формулировали под давлением буржуазной демократии. Это распределение ролей проходит через десятилетия фракционной борьбы. Оппозиция, уверяю вас, не выдумала ничего нового. Она продолжает традицию ревизионизма в теории, оппортунизма - в политике.

В конце прошлого столетия ревизионистские попытки Бернштейна, подпавшего в Англии под влияние англосаксонского эмпиризма и утилитаризма - самой жалкой из всех философий! - были беспощадно отбиты. После этого немецкие оппортунисты сразу почувствовали отвращение к философии и социологии. На съездах и в печати они не уставали возмущаться марксистскими "педантами", которые заменяют "конкретные политические вопросы" общими принципиальными рассуждениями. Прочитайте протоколы германской социал-демократии конца прошлого и начала нынешнего столетия - и вы сами поразитесь, до какой степени мертвые держат, по французскому выражению, в своих объятиях живых!

Вам небезызвестно, какую огромную роль сыграла "Искра" в развитии русского марксизма. Она начала с борьбы против так называемого "экономизма"⁴²¹ в рабочем движении и против народничества (партия эсеров). Главное возражение "экономистов" состояло в том, что "Искра" витает в области теории, тогда как они, "экономисты", хотят руководить конкретным рабочим движением. Главный довод социалистов-революционеров был таков: "Искра" хочет создать школу диалектического материализма, тогда как мы хотим низвергнуть царское самодержавие. Надо сказать, что народники-террористы очень серьезно относились к своим словам: с бомбой в руках они жертвовали собственной жизнью. Мы возражали им: "Бомба в известных случаях прекрасная вещь, но прежде всего надо достигнуть ясности в собственной голове". Исторический опыт показал, что величайшей в истории революцией руководила не та партия, которая начала с бомб, а та, которая начала с диалектического материализма.

Когда большевики и меньшевики входили еще в одну партию, перед каждым съездом и на самом съезде неизменно велась ожесточенная борьба по поводу порядка дня. Ленин предлагал начать с таких вопросов, как выяснение природы царской монархии, определение классового характера революции, оценка переживаемого этапа революции и пр. Мартов и Дан, вожди меньшевиков, неизменно возражали: мы не социологический клуб, а политическая партия; нам необходимо сговориться не о классовой природе царской монархии, а о "конкретных политических задачах". Я цитирую по памяти, но не рискую ошибиться, так как эти споры повторялись из года в год и получили стереотипный характер. Прибавлю, что за мной лично есть по этой части немало грехов. Но с того времени я кое-чему научился.

Любителям "конкретных политических вопросов" Ленин неизменно разъяснял,

что наша политика имеет не конъюнктурный, а принципиальный характер; что тактика подчинена стратегии; что главное значение всякой политической кампании состоит для нас в том, чтобы подвести рабочих от частных вопросов к общим, т. е. воспитать их в понимании природы современного общества и характера его основных сил. Большевикам всегда нужно было замазать принципиальные разногласия в своей неустойчивой среде путем умолчаний, тогда как Ленин, наоборот, ставил принципиальные вопросы ребром. Нынешняя аргументация оппозиции против философии и социологии в пользу "конкретных политических вопросов" есть запоздалое повторение аргументов Дана. Ни одного нового слова! Как жалко, что Шахтман уважает марксистскую принципиальность только тогда, когда она созревает для архивов!

Особенно неловко и неуместно апелляция от марксистской теории к "конкретным политическим вопросам" звучит в ваших устах, тов. Бернам, ибо не я, а вы подняли вопрос о характере СССР и тем самым вынудили меня поставить вопрос о методе, при помощи которого определяется классовый характер государства. Правда, вы взяли вашу резолюцию обратно. Но этот фракционный маневр лишен какого бы то ни было объективного значения. Вы делаете ваши политические выводы из вашей социологической предпосылки, хотя вы временно и спрятали ее в ваш портфель. Шахтман делает те же политические выводы из отсутствия социологической предпосылки: он приспосабливается к вам. Аберн⁴²² пытается одинаково использовать и спрятанную предпосылку и отсутствие предпосылки для своих "организационных" комбинаций. Таково реальное, а не дипломатическое положение в лагере оппозиции. Вы выступаете, как антимарксист; Шахтман и Аберн - как платонические марксисты. Что хуже, решить нелегко.

Диалектика нынешней дискуссии

Естественно, перед лицом дипломатического фронта противников, со спрятанными предпосылками и без предпосылок, мы, "консерваторы", отвечаем: плодотворный спор о "конкретных вопросах" возможен только в том случае, если вы ясно скажете, из каких классовых предпосылок вы исходите. Мы не обязаны ограничиваться теми темами спора, которые вы искусственно избрали. Если кто-нибудь предлагает мне обсудить с ним "конкретные" вопросы: о вторжении советского флота в Швейцарию или о размерах хвоста у бронкской ведьмы, то я имею право поставить предварительные вопросы: имеется ли у Швейцарии морское побережье и существуют ли ведьмы вообще?

Всякая серьезная дискуссия разворачивается от частного, даже случайного - к общему и основному. Если поводы и непосредственные мотивы дискуссии представляют интерес, то чаще всего лишь симптоматический. Реальное политическое значение имеют те принципиальные проблемы, которые дискуссия поднимает в своем развитии. Некоторым интеллигентам, желавшим обличить "бюрократический консерватизм" и похвалиться своей "динамичностью", кажется, что вопросы о диалектике, марксизме, природе государства, централизме подняты "искусственно" и что дискуссия приняла "ложное" направление. Дело

однако в том, что дискуссия имеет свою объективную логику, которая совсем не совпадает с субъективной логикой отдельных лиц и группировок. Диалектический характер дискуссии вытекает из того, что ее объективный ход определяется живым столкновением противоположных тенденций, а не предвзятым логическим планом. Материалистическая основа дискуссии состоит в том, что в ней преломляются давления разных классов. Таким образом, нынешняя дискуссия в Социалистической рабочей партии, как и исторический процесс в целом, развивается - с вашего позволения, т. Бернам, или без него - по законам диалектического материализма. Спрятаться от этих законов нельзя.

"Наука" - против марксизма и "эксперименты" - против программы

Обвиняя противную сторону в "бюрократическом консерватизме" (голая психологическая абстракция, поскольку под этим "консерватизмом" не показаны определенные социальные интересы), вы требуете в вашем документе⁴²³ заменить консервативную политику "критической и экспериментальной политикой - словом, научной политикой" (стр. 32). Эта на первый взгляд невинная и бессодержательная при всей своей напыщенности фраза заключает в себе целое откровение. Вы не говорите о марксистской политике. Вы не говорите о пролетарской политике. Вы говорите об "экспериментальной", "критической", "научной" политике. Откуда эта претенциозная и сознательно неопределенная терминология, столь необычная в наших рядах? Я вам скажу. Она представляет результат вашего приспособления, т. Бернам, к буржуазному общественному мнению и приспособления Шахмана и Аберна к вашему приспособлению. Марксизм в широких кругах буржуазной интеллигенции вышел из моды. Притом, говоря о марксизме, можно быть принятым, упаси боже, за диалектического материалиста. Лучше избегать этого скомпрометированного слова. Чем заменить его? Конечно, "наукой", даже "Наукой" с прописной буквы, а наука, как известно, основана на "критике" и "экспериментах". Это звучит солидно, без узости, без сектантства, по-профессорски. С этой формулой можно выступить в любом демократическом салоне.

Перечитайте, пожалуйста, еще раз вашу собственную фразу: "На место консервативной политики мы должны поставить смелую, гибкую, критическую и экспериментальную политику - словом, научную политику". Лучше нельзя сказать! Но это как раз та формула, которую все мелкобуржуазные эмпирики, ревизионисты и, не в последнем счете, политические авантюристы противопоставляют "узкому", "ограниченному", "догматическому" и "консервативному" марксизму.

Бюффон⁴²⁴ сказал когда-то, что стиль - это человек. Политическая терминология - не только человек, но и партия. Терминология есть один из элементов классовой борьбы. Не понимать этого могут только безжизненные педанты. В ваших документах вы тщательно вытравляете - именно вы, т. Бернам - не только такие термины, как диалектика и материализм, но и марксизм. Вы выше этого. Вы человек "критической" и "экспериментальной" науки. По той же самой причине вы избрали ярлык "империализма" для внешней политики Кремля.

Это нововведение служит вам для того, чтобы отмежеваться от слишком стеснительной терминологии Четвертого Интернационала, создав менее "сектантские", менее "религиозные", более свободные формулы, общие вам - счастливая случайность! - с буржуазной демократией.

Вы хотите экспериментировать? Позвольте вам, однако, напомнить, что рабочее движение имеет долгую историю, в которой нет недостатка в опыте и, если угодно, в экспериментах. Этот дорого оплаченный опыт кристаллизовался в виде определенной доктрины, того самого марксизма, имя которого вы тщательно избегаете. Прежде чем дать вам право на эксперименты, партия имеет право спросить: каким методом вы будете пользоваться? Форд вряд ли позволит экспериментировать у себя на заводе человеку, который не усвоил необходимых выводов из предшествующего развития промышленности и бесконечного ряда уже проделанных экспериментов. К тому же экспериментальные лаборатории на заводах тщательно отделены от массового производства. Неизмеримо менее допустимы знахарские эксперименты в области рабочего движения, хотя бы и под знаменем анонимной "науки". Для нас наукой рабочего движения является марксизм. Социальную науку без имени, Науку с большой буквы мы предоставляем в полное распоряжение Истмена и ему подобных.

Я знаю, что вы спорите с Истменом, и в некоторых вопросах спорите прекрасно. Но вы спорите с ним, как с представителем вашего круга, а не как с агентом классового врага. Вы это ярко обнаружили в вашей с Шахтманом статье, закончив ее неожиданным приглашением по адресу Истмена, Хука, Лайонса⁴²⁵ и других выступить с изложением их позиции на страницах "Нью Интернейшенел". Вы не побоялись даже того, что они могут поставить вопрос о диалектике и тем выбить вас из позиции дипломатического молчания.

20 января прошлого года, следовательно, задолго до дискуссии, я настаивал в письме к тов. Шахтману на необходимости внимательно следить за внутренними процессами в сталинской партии. "Это в тысячу раз важнее, - писал я, - чем приглашать Истмена, Лайонса и других представлять свои индивидуальные испарения. Я немножко удивился, почему вы дали место последней ничтожной и наглой статье Истмена. В его распоряжении имеются: `Harper's Magazine'<sup>426</sup>, `Modern Monthly'⁴²⁷, `Common Sense'⁴²⁸ и пр. Но я совершенно поражен тем, что вы лично приглашаете этих господ пачкать не столь многочисленные страницы 'Нью Интернейшенел'. Увековечение этой полемики может интересовать некоторых мелкобуржуазных интеллигентов, но не революционные элементы. Мое глубокое убеждение, что известная реорганизация 'Нью Интернейшенел' и 'Социалист Эппил' необходима: подальше от Истмена, Лайонса и т. д.; поближе к рабочим и в этом смысле к сталинской партии".

Как всегда в таких случаях, Шахтман ответил невнимательно и небрежно. Практически вопрос разрешился тем, что приглашенные вами враги марксизма отказались принять приглашение. Эпизод заслуживает, однако, пристального внимания. С одной стороны, вы, т. Бернам, при поддержке Шахтмана приглашаете буржуазных демократов для дружеских объяснений на страницах партийного органа. С другой стороны, вы при поддержке того же Шахтмана отказываетесь

вступать со мною в спор по поводу диалектики и классовой природы Советского государства. Не значит ли это, что вы вместе с вашим союзником Шахтманом слегка повернулись лицом к буржуазным полупротивникам и спиной к своей собственной партии?

Аберн давно уже склоняется к той мысли, что марксизм - очень почтенная доктрина, но что хорошая оппозиционная комбинация есть более реальная вещь. Тем временем Шахтман скользит и скользит вниз, утешая себя шутками. Полагаю, однако, что сердце у него щемит. Когда Шахтман докатится до известной точки, он, надеюсь, встряхнется и начнет подниматься вверх. Пожелаем, чтобы его "экспериментальная" фракционная политика послужила, по крайней мере, на пользу "Науке".

"Бессознательный диалектик"

Воспользовавшись моим замечанием о Дарвине, Шахтман сказал про вас, как мне пишут, что вы являетесь "бессознательным диалектиком". В этом двусмысленном комплименте есть доля истины. Всякий человек является в той или другой степени диалектиком, в большинстве случаев бессознательным. Каждая хозяйка знает, что некоторое количество соли придает супу приятный вкус, а новая горсть делает суп несъедобным. Неграмотная крестьянка руководствуется, следовательно, в отношении супа гегелевским законом о переходе количества в качество. Таких примеров из жизненной практики можно привести несчетное число. Даже животные делают свои практические заключения не только на основе аристотелевского силлогизма, но и на основе гегелевской диалектики. Так, лисица знает, что четвероногие и пернатые питательны и вкусны. При виде зайца, кролика, курицы лисица рассуждает: данное существо принадлежит к тому типу, который вкусен и питателен и - пускается в погоню за жертвой. Здесь перед нами полный силлогизм, хотя лисица, надо думать, не читала Аристотеля. Однако когда та же лисица встречает впервые животное, которое превосходит ее размерами, например, волка, она быстро соображает, что количество переходит в качество, и пускается наутек. Ясно: ногам лисицы свойственны гегелевские тенденции, хотя и не вполне сознательные. Все это показывает, к слову сказать, что приемы нашего мышления, как формально логические, так и диалектические, являются не произвольными конструкциями нашего интеллекта, а выражают реальные взаимоотношения самой природы. В этом смысле космос насквозь проникнут "бессознательной" диалектикой. Но природа на этом не остановилась. Она потратила немало усилий на то, чтобы свои внутренние взаимоотношения перевести на язык сознания лисицы и человека, затем дала возможность человеку обобщить эти формы сознания и превратить их в логические (диалектические) категории, создав тем самым возможность более глубокого проникновения в окружающий нас мир.

До сих пор наиболее совершенное выражение законам диалектики, господствующим в природе и обществе, дали Гегель и Маркс. Несмотря на то, что Дарвин не интересовался проверкой своих логических методов, его гениальный эмпиризм поднялся в области естествознания до величайших

диалектических обобщений. В этом смысле Дарвин, как я сказал в прошлой статье, был "бессознательным диалектиком". Однако Дарвина мы ценим не за то, что он не сумел подняться до диалектики, а за то, что он, несмотря на свою философскую отсталость, объяснил нам происхождение видов. Энгельс, кстати сказать, возмущался ограниченным эмпиризмом дарвиновского метода, хотя он, как и Маркс, сразу понял величие теории естественного отбора. Зато Дарвин, увы, до конца жизни не понял значение социологии Маркса. Если бы Дарвин выступил против диалектики или материализма в печати, Маркс и Энгельс обрушились бы на него с двойной силой, чтобы не позволить ему прикрывать своим авторитетом идеологическую реакцию.

В адвокатском заявлении Шахмана насчет того, что вы являетесь "бессознательным диалектиком", ударение надо поставить на слове бессознательный. Цель Шахмана (тоже, отчасти, бессознательная) состоит в том, чтобы защитить блок с вами путем принижения диалектического материализма. По существу дела Шахман говорит: разница между "сознательным" и "бессознательным" диалектиком не так уж важна, чтобы из-за этого стоило поднимать борьбу. Так Шахман стремится дискредитировать марксистский метод.

Беда, однако, этим не ограничивается. Бессознательных или полубессознательных диалектиков на свете очень много. Некоторые из них прекрасно применяют материалистическую диалектику в политике, хотя никогда не занимались вопросами метода. Нападать на таких товарищей было бы действительно педантским тупоумием. Совсем иначе обстоит дело с вами, т. Бернам. Вы состоите редактором теоретического органа, задачей которого является воспитание партии в духе марксистского метода. Между тем вы являетесь сознательным противником диалектики, а вовсе не бессознательным диалектиком. Если бы вы даже с успехом применяли диалектику в политических вопросах, как уверяет Шахман, т. е. обладали бы диалектическим "инстинктом", мы все равно вынуждены были бы открыть против вас борьбу, потому что ваш диалектический инстинкт как индивидуальное качество нельзя привить другим, а сознательный диалектический метод можно в той или другой степени сделать достоянием всей партии.

Диалектика и Дайес

Если у вас даже есть диалектический инстинкт, - я не берусь об этом судить, - то он изрядно придавлен академической рутинной и интеллигентским высокомерием. То, что мы называем классовым инстинктом рабочего, сравнительно легко принимает форму диалектического подхода к вопросам. О таком классовом инстинкте у буржуазного интеллигента не может быть и речи. Только путем сознательного преодоления своей мелкобуржуазности оторванный от пролетариата интеллигент может подняться до марксистской политики. К сожалению, Шахман и Аберн делают все, чтоб перегородить вам этот путь. Своей поддержкой они оказывают вам очень плохую услугу, т. Бернам!

При содействии вашего блока, который можно назвать "Лигой фракционного ожесточения", вы делаете одну ошибку за другой: в философии, в социологии, в

политике, в организационной области. Ошибки ваши не случайны. Вы берете каждый вопрос изолированно, вне его связи с другими вопросами, вне его связи с социальными факторами и независимо от международного опыта. Вам не хватает диалектического метода. Несмотря на ваше образование, вы выступаете в политике, как знахарь.

В вопросе о комиссии Дайеса ваше знахарство проявилось не менее ярко, чем в вопросе о Финляндии. В ответ на мои доводы в пользу необходимости использовать этот парламентский орган вы ответили, что вопрос решают не принципиальные соображения, а какие-то особые, вам одному известные обстоятельства, от определения которых вы, однако, воздержались. Я вам скажу, каковы эти обстоятельства: ваша идеологическая зависимость от буржуазного общественного мнения. Хотя буржуазная демократия в лице всех своих секторов несет полную ответственность за капиталистический режим, включая и комиссию Дайеса, она в интересах того же капитализма вынуждена стыдливо отводить глаза от слишком откровенных органов режима. Простое разделение труда! Старый обман, который, однако, продолжает оказывать свое действие! Что касается рабочих, на которых вы неопределенно ссылаетесь, то одна часть из них, и очень значительная, находится, как и вы, под влиянием буржуазной демократии. Зато средний рабочий, не зараженный предрассудками рабочей аристократии, будет с радостью приветствовать каждое смелое революционное слово перед лицом классового врага. И чем реакционнее учреждение, в котором происходит схватка, тем полнее будет удовлетворение рабочего. Это доказано всем историческим опытом. Сам Дайес, своевременно испугавшийся и отскочивший назад, показал, насколько ложна была ваша позиция. Всегда лучше заставить отступить врага, чем самому спрятаться без боя!

Но здесь я вижу негодующую фигуру Шахмана, который пытается остановить меня жестом протеста: "Оппозиция не ответственна за взгляд Бернама на комиссию Дайеса, вопрос этот не имел фракционного характера" и пр. Все это я знаю. Не хватало бы, в самом деле, чтобы вся оппозиция высказалась за совершенно бессмысленную в данном случае тактику бойкота. Достаточно и того, что в духе бойкота высказался тот из лидеров оппозиции, который имеет свои мнения и открыто высказывает их. Если вы вышли из того возраста, когда спорят о "религии", то признаюсь, я считал, что весь Четвертый Интернационал вышел из того возраста, когда абсентеизм⁴²⁹ считается самой революционной из всех политик. Помимо отсутствия метода, вы обнаружили в данном случае явный недостаток политического чутья. Революционер не нуждался бы в данной обстановке в долгих рассуждениях, чтобы сделать прыжок через открытую врагам дверь и использовать ситуацию до конца. Для тех членов оппозиции, которые вместе с вами высказались против участия в комиссии Дайеса - а их число не так мало - следовало бы, по-моему, создать особые подготовительные курсы, чтобы разъяснить им элементарные истины революционной тактики, которая не имеет ничего общего с мнимо радикальным абсентеизмом интеллигентских кружков.

"Конкретные политические вопросы"

Слабее всего оппозиция как раз в той области, где она изображает себя особенно сильной: в области злободневной революционной политики. Это относится прежде всего к вам, т. Бернам. Беспомощность перед большими событиями проявилась у вас, как и у всей оппозиции, особенно ярко в вопросах о Польше, Прибалтике⁴³⁰ и Финляндии. Шахтман нашел сперва камень мудреца: устроить в оккупированной Польше одновременное восстание против Гитлера и Сталина. Решение было великолепно, жаль только, что Шахтман лишен был возможности заняться его практическим выполнением. Передовые рабочие в Восточной Польше имели право сказать: "Из Бронкса⁴³¹, может быть, очень удобно устраивать одновременное восстание против Гитлера и Сталина в оккупированной войсками стране; здесь, на месте, это труднее; мы хотели бы, чтобы Бернам и Шахтман ответили нам на "конкретный политический вопрос": что нам делать до будущего восстания?" Тем временем советское командование призывало крестьян и рабочих захватывать землю и заводы. В жизни оккупированной страны этот призыв, поддержанный силою оружия, имел огромное значение. Московские газеты были переполнены сообщениями о беспредельном "энтузиазме" рабочих и крестьянской бедноты. К этим сообщениям можно и должно подходить с законным недоверием: во вранье недостатка не было. Но нельзя все же закрывать глаза на факты: призыв расправляться с помещиками и изгонять капиталистов не мог не породить подъема духа в загнанном, придавленном украинском и белорусском крестьянине и рабочем, которые в польском помещике видели двойного врага.

Парижский орган меньшевиков, который солидарен с буржуазной демократией Франции, а не с Четвертым Интернационалом, прямо говорит, что продвижение Красной армии сопровождалось волной революционного подъема, отголоски которого проникли даже в крестьянские массы Румынии. Показаниям этого органа придают особый вес тесные связи меньшевиков с бежавшими из Польши вождями еврейского Бунда⁴³², Польской социалистической партии⁴³³ и других враждебных Кремлю организаций. Мы были поэтому совершенно правы, когда говорили большевику в Восточной Польше: "Вместе с рабочими и крестьянами, впереди их веди борьбу против помещиков и капиталистов; не отрывайся от масс, несмотря на все их иллюзии, как русские революционеры умели не отрываться от масс, еще не освободившихся от надежд на царя (Кровавое воскресенье 22 января 1905 г.); просвещай массы в процессе борьбы, предупреждай их против наивных надежд на Москву, но не отрывайся от них, сражайся в их лагере, старайся расширить и углубить их борьбу, придать ей как можно большую самостоятельность: только так ты подготовишь будущее восстание против Сталина". Ход событий в Польше полностью подтвердил эту директиву, которая являлась продолжением и развитием всей нашей предшествующей политики, в частности, в Испании.

Так как между положением в Финляндии и в Польше нет принципиальной разницы, то у нас не может быть основания менять директиву. Однако

оппозиция, не понявшая смысла событий в Польше, пытается теперь ухватиться за Финляндию, как за новый якорь спасения. "Где в Финляндии гражданская война? Троцкий говорил о гражданской войне. Ничего подобного мы не слышали" и пр. Вопрос о Финляндии оказывается для оппозиции принципиально отличным от вопроса о Западной Украине и Белоруссии. Каждый вопрос рассматривается изолированно, вне связи с общим ходом развития. Опровергаемая ходом событий оппозиция каждый раз ищет опоры в каких-либо случайных, второстепенных, временных и конъюнктурных обстоятельствах.

Означают ли крики об отсутствии гражданской войны в Финляндии, что оппозиция приняла бы нашу политику, если бы в Финляндии действительно развернулась гражданская война? Да или нет? Если да, то этим самым оппозиция осуждает свою политику в отношении Польши, ибо там она, несмотря на гражданскую войну, ограничивалась отказом от участия в событиях в ожидании одновременного восстания против Сталина и Гитлера. Ясно, т. Бернам, что вы и ваши союзники не продумали этого вопроса до конца.

Как обстоит, однако, дело с моим утверждением насчет гражданской войны в Финляндии? В момент открытия военных действий можно было предполагать, что Москва хочет при помощи "маленькой" карательной экспедиции добиться смены правительства в Гельсингфорсе⁴³⁴ и установить с Финляндией те же отношения, что и с другими Прибалтийскими странами. Назначение правительства Куусинена в Териоках⁴³⁵ показало, однако, что планы и цели Москвы другие. Появились сообщения о создании финской "Красной армии". Разумеется, дело могло идти только о небольших формированиях, насаждаемых сверху. Появилась программа Куусинена. Появились первые телеграммы о разделе крупных земельных владений между бедными крестьянами. В совокупности своей эти сообщения свидетельствовали о приступе Москвы к организации гражданской войны. Разумеется, это гражданская война особого типа. Она не возникает самопроизвольно из народных глубин. Она не ведется под руководством финской революционной партии, опирающейся на массы. Она вносится извне на штыках. Она контролируется бюрократией Москвы. Все это мы знаем, и об этом мы писали, когда речь шла о Польше. Но тем не менее дело идет именно о гражданской войне, об апелляции к низам, к бедноте, о призыве их экспроприировать богачей, изгонять их, арестовывать и пр. Я не знаю для этих действий другого имени, как гражданская война.

"Но ведь гражданская война в Финляндии не развернулась, - возражают вожди оппозиции, - значит, ваши расчеты не оправдались". При поражении и отступлении Красной армии, отвечаем мы, гражданская война в Финляндии под штыками Маннергейма⁴³⁶ не могла, разумеется, получить развития. Этот факт есть аргумент не против меня, а против Шахтмана, ибо показывает, что в первый период войны, когда дисциплина армий еще крепка, организовывать восстание, да еще на два фронта, гораздо легче из Бронкса, чем из Териок.

Поражения первых отрядов Красной армии мы не предвидели; мы не могли предвидеть, какая степень безголовости и деморализации царит в Кремле и на верхах обезглавленной Кремлем армии. Но все-таки дело идет пока лишь о

военном эпизоде, который не может определять нашу политическую линию. Если бы Москва после первого неудачного опыта вообще отказалась от дальнейшего наступления на Финляндию, то и сам вопрос, который сегодня застилает от глаз оппозиции всю мировую обстановку, был бы снят с порядка дня. Но вряд ли на это есть надежда. Если бы, с другой стороны, Англия, Франция и Соединенные Штаты, опираясь на Скандинавию, помогли Финляндии военной силой, то финляндский вопрос растворился бы в войне между СССР и империалистическими странами. В этом случае, надо полагать, даже большинство оппозиционеров вспомнило бы о программе Четвертого Интернационала.

Однако оппозицию сейчас интересуют не эти два варианта: прекращение наступления со стороны СССР или начало войны между СССР и империалистическими демократиями. Оппозицию интересует изолированный вопрос о вторжении СССР в Финляндию. Из этого и будем исходить. Если второе наступление, как надо полагать, будет лучше подготовлено и проведено, то продвижение Красной армии вглубь страны снова поставит вопросы гражданской войны в порядок дня, притом более широко, чем во время первой, позорно провалившейся попытки. Наша директива, следовательно, сохраняет полную силу, пока в порядке дня остается сам вопрос.

Что предложит, однако, оппозиция в случае успешного вторжения Красной армии в Финляндию и развития гражданской войны в этой стране? Об этом оппозиция, видимо, совершенно не думает, ибо она живет изо дня в день, от случая к случаю, цепляется за эпизоды, за отдельные фразы из передовой статьи, питается симпатиями и антипатиями, создавая себе, таким образом, суррогат платформы. Слабость эмпириков и импрессионистов всегда особенно наглядно проявляется при подходе к "конкретным политическим вопросам".

Теоретическая растерянность и политический абсентеизм

Во всех шатаниях и метаниях оппозиции, как они ни противоречивы, есть две общие черты, которые проходят от высот теории к самым мелким эпизодам политики. Первая общая черта - отсутствие цельной концепции. Оппозиционные лидеры отрывают социологию от диалектического материализма. Они отрывают политику от социологии. В области политики они отрывают наши задачи в Польше от нашего опыта в Испании; наши задачи по отношению к Финляндии - от нашей позиции по отношению к Польше. История превращается в ряд исключительных случаев, политика - в ряд импровизаций. Мы имеем в полном смысле распад марксизма, распад теоретического мышления, распад политики на основные элементы. Эмпиризм и его молочный брат импрессионизм господствуют по всей линии. Вот почему идеологическое руководство принадлежит вам, т. Бернам, как противнику диалектики, как эмпирику, который не стесняется своего эмпиризма.

В шатаниях и метаниях оппозиции есть другая общая черта, тесно связанная с первой, именно тенденция к воздержанию от активности, к самоустранению, к абсентеизму, разумеется, под прикрытием архирадикальных фраз. Вы - за низвержение Гитлера и Сталина в Польше, Сталина и Маннергейма - в Финляндии. А до этого вы одинаково отвергаете обе стороны, другими

словами, выводите себя из борьбы, в том числе и из гражданской войны. Ссылка на отсутствие гражданской войны в Финляндии есть только случайный, переходный аргумент. Если гражданская война развернется, оппозиция постарается ее не заметить, как она пыталась ее не заметить в Польше, или заявит, что, так как политика московской бюрократии имеет "империалистический" характер, то "мы" в этом грязном деле участия не принимаем. Гонясь на словах за "конкретными" политическими задачами, оппозиция фактически ставит себя вне исторического процесса. Ваша позиция, т. Бернам, в отношении комиссии Дайеса заслуживает внимания именно потому, что она есть яркое выражение все той же тенденции растерянного абсентеизма. Ваш руководящий принцип все тот же : "Благодарю вас, я не курю".

Впасть в растерянность может, конечно, всякий человек, всякая партия, даже всякий класс. Но для мелкой буржуазии растерянность, особенно перед лицом больших событий, является неизбежным и, так сказать, органическим состоянием. Интеллигенция стремится свое состояние растерянности перевести на язык "науки". Противоречивая платформа оппозиции отражает мелкобуржуазную растерянность в переводе на высокомерный язык интеллигенции. Пролетарского тут нет ничего.

Мелкая буржуазия и централизм

В области организационной ваши взгляды так же схематичны, эмпиричны, не революционны, как и в области теории и политики. Как Столберг ищет с фонарем идеальную революцию, которая не сопровождалась бы никакими эксцессами и заключала бы в себе гарантию против термидора и контрреволюции, так вы ищете идеальную партийную демократию, которая обеспечивала бы всегда и всем возможность говорить и делать все, что им приходит в голову, и страховала бы партию от бюрократического вырождения. Вы упускаете из виду мелочь, именно, что партия - не арена для утверждения свободных индивидуальностей, а инструмент пролетарской революции; что только победоносная революция способна предотвратить вырождение не только партии, но и самого пролетариата и современной цивилизации в целом. Вы не видите того, что наша американская секция больна не избытком централизма, - об этом смешно и говорить, - а чудовищными злоупотреблениями и извращениями демократии со стороны мелкобуржуазных элементов. В этом - корень нынешнего кризиса.

Рабочий проводит день на заводе. Для партии у него остается сравнительно мало часов. На собрании он хочет узнать самое главное: правильную оценку положения и политический вывод. Он ценит тех вождей, которые делают это в наиболее ясной и отчетливой форме и идут в ногу с событиями. Мелкобуржуазные, особенно деклассированные элементы, оторванные от пролетариата, вращаются в пестрой и замкнутой среде. Для политики или ее суррогата у них много времени. Они судачат, передают всякого рода мелочи и сплетни о том, что происходит на "верхах" партии. Они всегда находят себе вождя, который посвящает их во все "тайны". Дискуссия - это их стихия. Им никакой демократии недостаточно. Они ищут для своих словопрений четвертое

измерение. Они нервничают, вертятся в заколдованном круге и утоляют жажду соленой водой. Хотите знать, в чем организационная программа оппозиции? В поисках четвертого измерения партийной демократии. Практически это значит - похоронить политику под дискуссией и централизм - под анархией интеллигентских кружков. Когда несколько тысяч рабочих вступят в партию, они сурово призовут мелкобуржуазных анархистов к порядку. Чем скорее это произойдет, тем лучше!

Выводы

Почему я обращаюсь к вам, а не к другим вождям оппозиции? Потому что вы являетесь идеологическим вождем блока. Фракция т. Аберна, лишенная программы и знамени, нуждается в прикрытии. Одно время прикрытием явился Шахтман, затем Масте со Спектором⁴³⁷, теперь вы, Шахтман приспособляется к вам. Вашу идеологию я считаю выражением буржуазного влияния на пролетариат.

Некоторым товарищам тон настоящего письма покажется, может быть, слишком резким. Между тем, признаюсь, я сдерживал себя изо всех сил. Дело ведь идет не больше и не меньше как о попытке отвергнуть, опрокинуть, дисквалифицировать теоретические основы нашего движения, его политические принципы и организационные методы.

По поводу моей прошлой статьи⁴³⁸ т. Аберн, как передают, сказал: "Это - раскол". Такого рода отзыв показывает лишь, что Аберну не хватает привязанности к партии и к Интернационалу; он - человек кружка. Во всяком случае угрозы расколом не помешают нам давать марксистскую оценку разногласий. Для нас, марксистов, дело идет не о расколе, а о воспитании партии. Я твердо надеюсь, что ближайший съезд даст ревизионистам непримиримый отпор.

Съезд должен, по моему мнению, категорически заявить, что в своих попытках отделить социологию от диалектического материализма и политику от социологии вожди оппозиции порывают с марксизмом и становятся проводниками мелкобуржуазного эмпиризма. Подтверждая полностью и целиком свою верность марксистской доктрине, политическим и организационным методам большевизма, обязывая редакции своих официальных изданий развивать и защищать эту доктрину и эти методы, партия предоставит, разумеется, и впредь страницы своих изданий тем своим членам, которые считают, что способны внести нечто новое в доктрину марксизма. Но она не допустит игры в прятки с марксизмом и легкомысленного издевательства над ним.

Политика партии имеет классовый характер. Без классового анализа государства, партий, идеологических течений невозможна правильная политическая ориентировка. Партия должна осудить как вульгарный оппортунизм попытку определять политику в отношении СССР от случая к случаю, независимо от вопроса о классовом характере Советского государства.

Распад капитализма, порождая острое недовольство в среде мелкой буржуазии и толкая низшие слои ее влево, открывает широкие возможности, но и заключает в себе серьезные опасности. Четвертому Интернационалу нужны только

те выходцы из мелкой буржуазии, которые полностью порвали со своим социальным прошлым и окончательно перешли на точку зрения пролетариата.

Этот теоретический и политический переход должен сопровождаться фактическим разрывом со старой средой и установлением тесной связи с рабочими, в частности посредством участия в вербовке и воспитании пролетариев для своей партии. Выходцы из мелкобуржуазной среды, которые оказываются неспособны найти себе место в пролетарской среде, должны по истечении известного времени переводиться из членов партии в сочувствующие.

Непроверенным в классовой борьбе членам партии не давать ответственных постов. Как бы ни был даровит и предан социализму выходец из буржуазной среды, прежде чем стать учителем он должен поучиться у рабочего класса. Молодых интеллигентов надо не ставить во главе интеллигентской молодежи, а посылать на несколько лет в провинцию, в чисто пролетарские центры, на суровую практическую работу.

Классовой программе партии должен соответствовать классовый состав. Американская секция Четвертого Интернационала будет пролетарской или ее не будет вовсе.

*

Т[оварищ] Бернам! Если мы согласимся с вами насчет этих принципов, то мы без труда найдем правильную политику в отношении Польши, Финляндии и даже Индии. Вместе с тем обещаю со своей стороны помочь вам вести борьбу против всех проявлений бюрократизма и консерватизма. Таковы, по-моему, условия выхода из нынешнего кризиса.

С большевистским приветом

Л.Троцкий

7 января 1940 г.

Койоакан

[Заявление для печати]

Я буду очень благодарен за опубликование следующего заявления.

На митинге сталинистов 10 января в театре "Hidalgo" ораторы, в частности, прибывший из С[оединенных] Шт[атов] Форд⁴³⁹, говорили о махинации депутата Дайеса против Мексики и назвали мое имя как лица, помогающего Дайесу. Считаю необходимым заявить, что ораторы и на этот раз сознательно лгали. Я прилагаю при сем копию моей переписки с комиссией Дайеса⁴⁴⁰. О Мексике в этой переписке не было ни слова. Комиссия палаты депутатов С[оединенных] Шт[атов]⁴⁴¹ имела намерение пригласить меня в качестве свидетеля по вопросу об истории сталинизма и лжесвидетельстве против меня Браудера и Фостера. Не надо больших усилий мысли, чтоб понять, что у меня не может быть ни принципиальных, ни личных мотивов помогать американским нефтяным магнатам, интересы которых защищает Дайес, против мексиканского народа. К тому же пред[седатель] комис[сии] Дайес, поняв, что от меня не

будет помощи для его реакционных целей, отказался, как известно, от своего приглашения.

Новейшее измышление агентов ГПУ относятся к той же категории, что и их старые сообщения: о моем участии в подготовке генеральной стачки против правительства генерала Карденаса; о моей связи с генералом Седильо; о моей тайной встрече в Морелии с д-ром Атлем, о моей связи с какими-то еврейскими буржуа в Мексико, наконец, о моем тайном участии в нынешней президентской кампании.

Ступив на почву Мексики, я добровольно обязался не вмешиваться ни во внутреннюю, ни во внешнюю политику страны. Кто утверждает противоположное, тот лжет!

Может быть, гг. лжецы примут наконец мое старое предложение: передать вопрос об их клеветах на рассмотрение беспристрастной общественной комиссии?

[Л.Д.Троцкий]

[12 января 1940 г.]

Партия и руководство

Я не рассматриваю личность, особенно политическую личность, как раз навсегда данную и неизменную величину. В отношении Молинье я рассчитывал, разумеется, не на свое личное влияние, а на влияние партии по мере того, как будет меняться ее социальный состав. Ничто так не дисциплинирует мелкобуржуазных политиков с авантюристической чертой, как твердое большинство рабочих с серьезным и деловым подходом к вопросам политики. "Пролетаризация" нашей французской секции, как и других, шла, однако, слишком медленно. Однако я и сейчас не считаю, что они погибли безнадежно. Когда партия окрепнет, она, может быть, сможет указать им настоящее место в своих рядах.

[Л.Д.Троцкий]

[Январь 1940 г.]

[Письмо Ч.Маламуту]

Дорогой товарищ Маламут!

Посылаю вам рукопись предполагаемой книги⁴⁴². Текст состоит из 12 статей и предисловия (предисловие будет Вам послано на русском языке, если соглашение с издателем будет достигнуто). Издатель может судить о книге на основании тех статей, которые переведены на английский язык. Я прошу Вас перечитать текст, чтобы устранить возможные недоразумения.

Статьи перенумерованы. Сомнение относительно порядка имеются только относительно двух статей: "Соединенные Штаты Европы" и "Что такое национал-социализм?" Так как я не имею под руками первой статьи и не знаю ее даты, то я не уверен, какая из этих статей пойдет второй, а какая третьей (расположение статей должно иметь строго хронологический порядок). Статью о

"Соединенных Штатах Европы", которая была напечатана либо в "Милитант", либо в "Нью Интернейшенел", для меня разыскивают.

Насколько я помню, статья "Что такое национал-социализм?" была в свое время напечатана также и на английском языке. Английской рукописи у меня, к сожалению, нет. Эту статью разыскивают в Нью-Йорке, и вы получите ее английский текст, если его найдут: в противном случае статью придется перевести (в случае, если соглашение будет достигнуто).

Статья No 4 "На пороге новой мировой войны" была напечатана в виде двух статей: первая часть в "Либерти", вторая часть в каком-то ежемесячнике (через Куртис [и] Браун443).

Я помню, что рукопись этой статьи подверглась некоторым литературным изменениям (по соглашению со мной). Кроме того, во вторую часть статьи была внесена вставка. Было бы очень хорошо проверить рукопись по печатному тексту и внести все необходимые поправки.

Статья No 6 "Новая эра мира", по-видимому, не была переведена на английский язык. Ее следует перевести, если судьба книги обеспечена.

Я посылаю одновременно другую копию т. Ванцлеру, который собирается в случае отрицательного ответа Харпера вступить в переговоры с другими издательствами. Прошу Вас действовать в контакте с ним. Он найдет, несомненно, недостающий английский текст некоторых статей. Надо действовать с большой энергией, чтобы книжка могла появиться еще до летних каникул. Это, на мой взгляд, вполне возможно.

Ваш

Л.Троцкий

7 апреля 1940 г.

Койоакан

P.S. Когда издатель определит свои условия, Вы определите свои.

Л.Т[роцкий]

Русские (переводные) статьи пришлю через день-два.

Мелкобуржуазные моралисты и пролетарская партия

Дискуссия в Рабочей Социалистической Партии С[оединенных] Ш[татов] прошла при полной свободе. Подготовка к конференции⁴⁴⁴ была абсолютно лояльна. Меньшинство участвовало в конференции, признав тем самым ее законность и правильность. Большинство предлагало меньшинству все гарантии борьбы за свои взгляды после конференции. Меньшинство требовало свободы обращения к массам через голову партии. Большинство, разумеется, отвергло эту чудовищную претензию. Тем временем меньшинство произвело за спиной партии какие-то темные махинации и овладело "Нью Интернейшенел", который издавался усилиями всей партии и Четвертого Интернационала. Надо еще прибавить, что в редакции этого органа большинство соглашалось отвести меньшинству из пяти мест два. Но возможно ли интеллигентской "аристократии" оставаться в рабочей партии в меньшинстве? Ставить на одну доску профессора

и рабочего - ведь это "бюрократический консерватизм"!

В своей статье против меня Бернам разъяснял мне недавно, что социализм есть "нравственный идеал". Это, разумеется, не очень ново. На морали основывался в начале прошлого века "истинный немецкий социализм"⁴⁴⁵, с критики которого начали свою деятельность Маркс и Энгельс. В начале нынешнего столетия русские социал-революционеры выдвинули "нравственный идеал" в противовес материалистическому социализму. Увы, эти носители морали оказались отъявленными мошенниками в области политики. В 1917 г. они окончательно предали рабочих буржуазии и иностранному империализму.

Долгий политический опыт приучил меня к тому, что когда мелкобуржуазный профессор или журналист говорит о высокой морали, нужно крепко придерживать рукой карманы. Так случилось и на этот раз. Во имя "нравственного идеала" мелкобуржуазный интеллигент украл из кармана партии теоретический орган. Таков живой образчик организационных методов этих новаторов, моралистов и борцов за демократию.

Что "образованный" мелкий буржуа считает партийной демократией? Такой режим, когда он может говорить и писать, что хочет. Что "образованный" мелкий буржуа считает "бюрократизмом"? Такой режим, когда пролетарское большинство устанавливает демократическими методами свои решения и свою дисциплину. Запомните это твердо, рабочие!

Мелкобуржуазное меньшинство СРП откололось от пролетарского большинства на почве борьбы против революционного марксизма. Бернам объявил диалектический материализм несовместимым с его затхлой "наукой". Шахтман объявил революционный марксизм безразличным с точки зрения "практических задач". Аберн поспешил пристроить свою лавочку к антимарксистскому блоку. Теперь эти господа называют похищенный ими у партии журнал "органом революционного марксизма". Разве это не идейное шарлатанство? Пусть читатели потребуют от редакции напечатать единственное программное произведение меньшинства, именно статью Бентама "Наука и стиль". Если бы редакторы не собирались подражать купцу, который выпускает гнилой товар под высоким ярлыком, то они обязаны были бы напечатать эту статью. Тогда все увидели бы, о каком именно "революционном марксизме" идет речь. Они не посмеют, однако, это сделать. Они стыдятся показать свое действительное лицо. Бернам умеет прятать свои слишком откровенные статьи и резолюции в карман, а Шахтман умеет быть адвокатом чужих взглядов за отсутствием собственных.

Уже первые "программные" статьи украденного органа обнаруживают полностью легковесие и пустоту новой антимарксистской группировки, которая выступает под именем "третьего лагеря". Что это за штука? Есть лагерь капитала, есть лагерь пролетариата. Не есть ли "третий лагерь" - убежище мелкой буржуазии? По существу, так оно и есть. Но как всегда, мелкая буржуазия прикрывает свой "лагерь" бумажными цветами риторики. Послушаем! Лагерь: Франция и Англия. Другой лагерь: Гитлер и Сталин. Третий лагерь: Бернам с Шахтманом. Четвертый Интернационал находится в лагере Гитлера (Сталин давно открыл это). Новый великий лозунг: путаники, пацифисты, все,

обиженные судьбою, собирайтесь в "третий" лагерь!

На беду, буржуазный мир вовсе не исчерпывается двумя воюющими лагерями. Как быть со всеми нейтральными и полунейтральными странами? Как быть с Соединенными Штатами? Куда поместить Италию и Японию? Скандинавские государства? Индию? Китай? Мы имеем в виду не революционных индусских или китайских рабочих, а Индию и Китай, как угнетенные страны. Из ученической схемы трех лагерей выпадает мелочь: колониальный мир, большая половина человечества!

Индия участвует в империалистической войне на стороне Великобритании. Значит ли это, что у нас к Индии - не к индусским большевикам, а к Индии - то же отношение, что и к Великобритании? Если на свете, кроме Шахмана и Бернама, существуют только два империалистических лагеря, то куда спрашиваем мы, девать Индию? Марксист скажет, что, несмотря на вхождение Индии в состав Британской империи и участие в империалистической войне, несмотря на предательскую политику Ганди и других национальных вождей, мы относимся к Индии совсем не так, как к Англии. Мы защищаем Индию против Англии. Почему же мы не можем относиться к СССР иначе, чем к Германии, несмотря на союз Сталина с Гитлером? Почему мы не можем защищать более прогрессивные социальные формы, способные развиваться, против реакционных, способных только гнить? Не только можем, но и обязаны! У теоретиков украденного журнала вместо классового анализа - механическая конструкция, привлекающая мелкобуржуазных интеллигентов своей мнимой симметричностью. Подобно тому, как сталинцы свое прислужничество национал-социализму прикрывают крепкими словами против империалистических демократий, так Шахман и К|| свою капитуляцию перед мелкобуржуазным общественным мнением С[оединенных] Штатов прикрывают фразеологией "третьего лагеря". Как будто "третий лагерь" (Партия? Клуб? Лига утерянных надежд? "Народный фронт"?) не обязан иметь правильной политики по отношению к мелкой буржуазии, профессиональным союзам, к Индии и к СССР!

Еще совсем на днях Шахман называл себя в печати "троцкистом". Если это - троцкизм, то я во всяком случае не троцкист. С нынешними идеями Шахмана, не говоря уж о Бернаме, я не имею ничего общего. Я активно сотрудничал в "Нью Интернейшенел", протестуя против теоретического легкомыслия Шахмана и его беспринципных уступок надутому мелкобуржуазному педанту Бернаму. Но тогда партия и Интернационал держали обоих в узде. Сейчас напор мелкобуржуазной демократии разнуздал их. К их новому журналу у меня может быть лишь то же отношение, что ко всем остальным мелкобуржуазным подделкам под марксизм. Что касается их "организационных методов" и политической "морали", то они не вызывают во мне ничего, кроме отвращения.

Если бы за спиной Шахмана стояли сознательные агенты классового врага, то и они не могли бы посоветовать ему сделать ничего другого, кроме того, что он сделал. Он объединился с антимарксистами для борьбы с марксизмом. Он помог сплотить мелкобуржуазную фракцию против рабочих. Он отказался

воспользоваться внутрипартийной демократией, чтобы честно попытаться убедить рабочее большинство. Он произвел раскол в условиях мировой войны. В довершение всего он прикрыл этот раскол мелким и грязным скандалом, как бы специально предназначенным для того, чтобы дать пищу врагам. Таковы эти "демократы", такова их "мораль".

Но все это им не поможет. Они - банкроты. Несмотря на предательства шатких интеллигентов и дешевые издевательства демократических кумушек, Четвертый Интернационал пойдет своей дорогой, создаст и воспитает подлинный отбор пролетарских революционеров, которые понимают, что такое партия, что такое верность знамени и что такое революционная дисциплина.

Передовые рабочие! Ни на грош доверия "третьему фронту" мелкой буржуазии!

Л.Троцкий

23 апреля 1940 г.

Койоакан

Ответы на вопросы представителя газеты "Критика" в Буэнос-Айресе и двух газет в Колумбии

Я считаю необходимым совершенно устранить из вашего списка те вопросы, которые касаются внутренней политики Мексики, т.к. не намерен давать материала ни агентам нефтяных компаний, ни агентам ГПУ, которые одинаково утверждают, будто я вмешиваюсь во внутреннюю жизнь этой страны. Я охотно отвечу на вопросы, касающиеся условий моего личного существования в Мексике, на вопросы о ГПУ, а также на вопросы о программе, которую я защищаю.

Я пользовался до сих пор и продолжаю пользоваться неизменным покровительством мексиканских властей. У меня не было и нет никаких личных отношений ни с одним из членов правительства. В Мексике я изгнанник, а не политик. У меня нет поэтому - я отвечаю на ваш вопрос - никаких оснований думать, что предстоящая в этом году смена президента может оказать влияние на мое пребывание в этой стране. Я получил право убежища не как политический сторонник генерала Карденаса (к личности которого я питаю глубокое уважение) и не потому, что генерал Карденас считал необходимым оказывать покровительство Четвертому Интернационалу. Об этом нет, разумеется, и речи. Но в этом случае, как и в целом ряде других, в особенности в отношении Испании, правительство Мексики показало, что оно относится к принципу права убежища более серьезно, чем правительства Европы и Соединенных Штатов. Правительство Мексики дало мне право убежища не из симпатии к "троцкизму", а из уважения к своим собственным принципам. Мексиканские власти хорошо осведомлены, что за 3 1/4 года моего пребывания здесь я стоял совершенно в стороне от внутренней политики страны. У меня нет никакого основания опасаться, что новая администрация будет относиться к праву убежища иначе, чем нынешняя.

Ни для кого, разумеется, не секрет, что за кулисами и отчасти на

открытой сцене ведется систематическая кампания - с одной стороны, агентами иностранного капитализма, с другой - агентами ГПУ - в пользу высылки меня из Мексики, или, вернее сказать, в пользу отдачи меня в руки палачей ГПУ. Эта кампания не имеет никакого отношения ко внутренней политике Мексики: она целиком диктуется из Кремля. Я несколько раз предлагал господам клеветникам беспристрастную публичную комиссию расследования. Ни один из моих "обвинителей" не откликнулся. Да и что могут они предъявить общественному расследованию? Ничего, кроме приказов ГПУ. Немудрено, если эти обвинения потеряли всякий кредит в общественном мнении и, смею думать, в правительственных кругах.

Вот вам свежая иллюстрация политических приемов Коминтерна и "друзей". Я пишу: Соединенные Штаты неизбежно вмешаются в войну. Агенты Кремля, они же второстепенные агенты Гитлера, делают немедленно вывод: "Троцкий проповедует вмешательство Соединенных Штатов в войну против Германии и, следовательно, против СССР". Выходит так, что я через прессу Четвертого Интернационала пытаюсь внушить Уолл-стриту⁴⁴⁶ и Белому дому⁴⁴⁷ определенную политику. Не бессмыслица ли это? Я никогда не занимался и не занимаюсь увещеваниями по адресу правительств капитала. Я анализирую взаимоотношения капиталистических классов и делаю выводы. Я стою лицом не к империализму, а к рабочим и предупреждаю их относительно тех шагов, которые вынуждены будут предпринять капиталистические правительства, повинувшись своим собственным интересам. В 1937 г. я писал о близости мировой войны. Значит ли это, что я проповедовал мировую войну? Когда экономист предсказывает надвигающийся кризис, значит ли это, что он проповедует кризис? Эти господа находятся на таком плачевном теоретическом уровне, что с ними вообще невозможна никакая полемика.

Недавно они ухватились за комиссию депутата Дайеса в Соединенных Штатах, производящую расследование о коммунизме и фашизме. Получив приглашение дать показания перед комиссией, я выразил согласие. Следовательно... я - агент американского империализма. Эти господа побили все рекорды низости и глупости! Так называемая "Комиссия Дайеса" есть комиссия американской Палаты депутатов. Эта парламентская комиссия производит открытое расследование на глазах всего мира. Совершенно недопустимо, с моей точки зрения, для человека, уважающего общественное мнение, уклониться от дачи показаний в качестве свидетеля. Политические цели Дайеса прямо противоположны моим целям. Напомню, однако, что Дайес является членом той самой демократической партии, к которой принадлежит Рузвельт, а сталинцы еще на днях ползали перед Рузвельтом на коленях. Для меня Рузвельт и Дайес только разные оттенки одной и той же империалистической партии, с которой я не могу иметь ничего общего.

Перед комиссией Дайеса выступали господа Браудер и Фостер, вожди американской коммунистической партии, причем в своих показаниях они позволяли себе самую чудовищную клевету на меня. Тем менее было у меня основания отказаться от использования комиссии для разоблачения клеветы и клеветников.

Политическая мысль, которую я хотел развить перед комиссией, такова: империалистические правительства должны не преследовать Коминтерн, а, наоборот, оказывать ему всякое покровительство, потому что Коминтерн стал сейчас главным тормозом мирового рабочего движения, главной опорой мировой реакции.

Когда Дайес, человек, видимо, ограниченный и невежественный, узнал поближе о моих действительных взглядах, он поспешил отказаться от своего приглашения. Казалось бы, один этот отказ вырывает почву из-под клеветы. Однако господа клеветники не останавливаются: они вынуждены выполнить данное им поручение.

Лидеры Коминтерна и агенты ГПУ неизменно требуют, даже от империалистических правительств, репрессивных мер против своих противников как справа, так и слева. Эта политика самоубийственна. Так, французская секция Коминтерна под руководством французских агентов ГПУ вела систематическую борьбу за изгнание и аресты своих противников, за закрытие враждебных ей газет и пр. В течение известного времени эти господа имели успех. Но сейчас они пожинают плоды своей собственной долготелней работы. Никто не облегчил г. Даладьё в такой мере расправу над так называемой коммунистической партией⁴⁴⁸, как предшествующая работа сталинской агентуры во Франции. Я этим, разумеется, ни в малейшей мере не собираюсь защищать г. Даладьё, который ведет войну в "защиту демократии" в других странах, попирая эту демократию в собственной стране. Как коммунисты подготовили репрессии Даладьё, так Даладьё готовит ныне торжество фашизма во Франции. Но это уже иной вопрос.

В чем, спрашиваете вы, опасность или вред ГПУ?

Прежде всего в том, что через так называемые коммунистические партии, которые ни с марксизмом, ни с коммунизмом не имеют ничего общего, ГПУ подчиняет широкие слои международного рабочего движения интересам Кремля. На официальном языке это называется "защита СССР". На самом деле речь идет о помощи тоталитарной олигархии против народов СССР.

Задачи ГПУ вне СССР те же в основном, что и внутри страны: бороться за поддержание тоталитарного режима бюрократии, за ее власть, доходы и престиж, вербовать "друзей" при помощи вещественных и полувещественных аргументов и истреблять врагов при помощи клеветы и убийства из-за угла.

Деятельность ГПУ внутри страны нашла наиболее яркое и наиболее отталкивающее свое выражение в московских процессах против троцкистов. Эти судебные подлоги, небывалые в истории, освещены до конца в двух томах, в общем свыше тысячи страниц, изданных комиссией под руководством известного американского философа-педагога Джона Дьюи⁴⁴⁹. Всякий, кто хочет познакомиться с адской кухней ГПУ, должен внимательно изучить эти два тома. Незачем говорить, что сталинцы и их "друзья" не обмолвились об этом замечательном по своей объективности и тщательности исследовании ни одним словом. Немудрено: им ответить нечего.

Деятельность ГПУ за границей нашла свое выражение в ряде убийств и покушений. Один из заграничных руководителей ГПУ генерал Кривицкий выпустил недавно том своих разоблачений на английском языке⁴⁵⁰. Я полагаю, что эта книга появится и на испанском языке.

Но ужаснее всех этих индивидуальных преступлений та коррупция, которую ГПУ систематически вносит в ряды рабочих, подбирая и воспитывая особый тип "вождей", подобострастных по отношению к верхам, наглых по отношению к низам.

Вожди Коминтерна и агенты ГПУ борьбу свою против меня и моих единомышленников прикрывают тем, что зачисляют нас в контрреволюционеры. Все зависит от того, что считать революцией. Коминтерн задушил китайскую революцию 1927 г. и сделал все для торжества Гитлера в Германии. Своей палаческой политикой в Испании Коминтерн поддерживает и приукрашивает ужасающие международные преступления Гитлера, "великого друга" Сталина. Кто считает все это революцией, тот, разумеется, должен отнести меня к контрреволюционерам. Можно переименовать черное белым и белое черным, - характер красок от этого не изменится. На деле нынешний Коминтерн стал во всех больших вопросах, во всех странах, во всех частях света союзником или помощником контрреволюции. Немудрено, если руководящий состав Коминтерна состоит из людей, которые по самому типу своему прямо противоположны типу революционера.

Революционер немислим без независимости характера, преданности делу рабочего класса, способности к самопожертвованию, готовности оставаться в период реакции в меньшинстве, чтобы готовить кадры для нового революционного подъема. Революционер говорит массам правду, ибо единственная основа революции состоит в политическом сознании масс. Обнаженная правда есть самый революционный фактор политики. Между тем вожди Коминтерна - лжецы по профессии. Они лишены малейшей самостоятельности, живут и дышат постольку, поскольку могут держаться за Кремль или за национальную буржуазию. Они меняют свои взгляды по приказу и заматают следы при помощи клеветы и травли. Нельзя без отвращения читать, как эти господа клянутся Марксом и Лениным. Кто читал переписку Маркса, кто имеет хоть какое-нибудь понятие о политической и моральной физиономии Ленина, тот знает, с какой брезгливостью оба они относились к фатам и снобам, к паразитам революционных движений, к авантюристам, которые совершают карьеру на спине рабочего класса.

Как бороться против ГПУ?

Если вопрос относится к правительствам, то я не способен дать ответа: правительства сами знают, как им бороться с ГПУ; я не являюсь советником ни одного из существующих правительств. Другое дело, если речь идет о рабочем движении. Очистить его от влияния ГПУ - путь один: систематическое, непримиримое, беспощадное разоблачение преступлений Кремля на мировой арене.

Нелепо было бы говорить о борьбе с ГПУ при помощи террора. Разумеется, от террористических актов наемных бандитов ГПУ надо уметь защищаться с

оружием в руках. Но суть вопроса не в этом. Агенты ГПУ не были бы опасны, если бы ни опирались на аппарат Коминтерна и на обман рабочих лидерами Коминтерна. Надо из-под ног ГПУ вырвать опору Коминтерна. Надо разоблачить и разрушить тот тоталитарный заговор против мирового рабочего класса, который называется Коминтерном. Освобождение пролетарских рядов от лжи и отравы сталинизма есть первое условие возрождения рабочего класса. Прийти к социализму пролетариат может только через политический труп Коминтерна.

Несколько слов об испанских изгнанниках

Если политика Кремля в Испании была преступна, то его отношение к испанским изгнанникам, в значительной мере жертвам его собственной политики, преступно вдвойне. Кремль боится допустить испанских эмигрантов на советскую территорию, потому что после поражения революционеры обыкновенно учатся думать. С другой стороны, Кремль рассчитывает, что в лице рассеянных по всей земле изгнанников он найдет дешевых агентов для самых опасных поручений. Этим объясняется недопущение испанских изгнанников в СССР. Мировой пролетариат сумеет сделать из этой варварской политики необходимые выводы.

В отношении испанских беженцев господствует вообще ужасающее неравенство. Так называемые коммунисты (сталинцы), не столько рядовые бойцы, сколько бюрократы, пользуются покровительством Коминтерна и дружественных ему организаций. Буржуазные республиканцы и связанные с ними социалисты имеют свои связи и свои богатые источники. Но есть третья категория: сторонники Четвертого Интернационала, рядовые члены ПОУМа, анархисты группы Дуррути, словом, неофициальные группировки, гонимые и преследуемые. Многие из них были перебиты войсками Франко; другая часть была истреблена агентурой ГПУ; третья часть находится ныне в концентрационных лагерях, без средств, без поддержки, без возможности вырваться в более благоприятные условия. Между тем эти бойцы заслуживают внимания и поддержки не менее всех остальных. Если бы мне удалось при помощи этих строк обратить на них внимание действительных друзей испанского народа, я был бы глубоко удовлетворен.

Вы спрашиваете о моей программе?

Программу Четвертого Интернационала, которая является в то же время моей программой, можно было бы охарактеризовать двумя словами: революционный интернационализм. Оба империалистических лагеря, находящихся сейчас в борьбе, нам одинаково чужды. Их война, каков бы ни был ее исход, неспособна разрешить ни одной из тех задач, которые ее породили. Умиротворить нашу планету можно только при помощи плановой организации хозяйства на мировой арене. Осуществить мировую федерацию и разумную систему хозяйства, которая использует богатства нашей планеты в интересах всего человечества, способен только социалистический режим. Прийти к социалистическому режиму можно только через низвержение империализма посредством пролетарской революции. Вот почему Четвертый Интернационал именуется "Мировой партией

социалистической революции".

Статьи мои, развивающие программу Четвертого Интернационала, я охотно предоставляю всякому честному рабочему изданию, прежде всего, разумеется, изданиям Четвертого Интернационала во всех странах. На испанском языке эти статьи чаще всего появляются в ежемесячном марксистском органе "Клаве", который издается в Мексике.

[Л.Д.Троцкий]

[Апрель 1940 г.]

Добровольное признание

Некоторые друзья спрашивали меня за последние дни, почему я публично не ответил на формальное включение меня вождями так называемой "коммунистической" партии в число участников "контрреволюционного заговора" в Мексике. По мнению моих друзей, мое молчание может быть ложно истолковано мало осведомленными людьми. Я этому не верю. Кремль и его Коминтерн полностью обнажили за последние годы свои методы лжи, цинизма, предательства, фальсификации и дали спасительный урок общественному мнению всего мира. Мои мексиканские обвинители являются только маленькими бледными тенями кремлевского Сверх-Борджия.

Вместо опровержения я ограничусь на этот раз добровольными признаниями, по образцу тех, которые приняты на московских процессах. На съезде "коммунистической" партии в Мексике было заявлено, что "троцкисты" финансировали г. Лаборде - того самого, который требовал моего ареста, изгнания из Мексики и предания в руки ГПУ. Признаю: я действительно финансировал, по мере сил, Лаборде и К||, чтобы помочь им как можно скорее скомпрометировать себя и своих кремлевских господ. Однако новые лидеры компартии, разоблачающие мое участие в заговоре, умалчивают о том обстоятельстве, что я продолжаю финансировать также и их, притом в удвоенном размере, так как, по моим расчетам, они должны с двойным усердием продолжать плодотворную деятельность г. Лаборде. Я очень жалею, что не могу платить им больше, но в моем распоряжении нет государственной кассы.

Отмечу мимоходом, что другая, менее значительная группа развлекала за последнее время общественное мнение сообщениями на ту тему, что я поддерживаю международную политику Сталина и готовлю объединение Третьего Интернационала с Четвертым. Должен заявить во избежание недоразумений, что этим шутам я ничего не плачу. Они компрометируют себя совершенно бескорыстно.

Л.Троцкий

Койоакан

8 мая 1940 г.

Предложение профессиональным клеветникам из "Футуро" и "Популяр"

Журнал "Футуро" и газета "Популяр" систематически пускают про меня в оборот сведения заведомо клеветнического характера (подготовка всеобщей стачки против генерала Карденаса, связь с Седильо, связь с неким д[окто]ром Атлем, участие в избирательной кампании, участие в контрреволюционном заговоре и пр. и пр. и пр.). В последнее время они особенно настаивают на моих тайных сношениях с комиссией Дайеса в Соединенных Штатах "против мексиканского народа" (см. "Популяр", 13 мая). Опровергать здесь все эти "обвинения" нет смысла, ибо в обвинениях нет содержания, нет конкретных фактов, нет даже точно сформулированной клеветы. К тому же после каждого опровержения с моей стороны с точными ссылками на документы господ обвинители, обладающие медными лбами, продолжают повторять те же обвинения, или - прямо противоположные (сегодня: "агент фашизма"; завтра - "агент империалистических демократий"). Я не вхожу также в оценку нравственной личности "обвинителей", вчерашних бесстрашных борцов против фашизма, сегодня - его пресмыкающихся адвокатов. Не это меня интересует. Однако я имею, надеюсь, право требовать от публичных обвинителей публичных доказательств.

В течение 3 1/2 лет моего пребывания в Мексике я неоднократно предлагал этим господам передать все их "обвинения" беспристрастной общественной комиссии для публичного рассмотрения. Я готов в любой день и час предстать перед такой же комиссией, если она будет создана мексиканскими властями, председателем ПРМ451 или другим авторитетным и беспристрастным учреждением. Я ни разу до сих пор не получил ответа на это предложение. Я повторяю его снова и тут же предсказываю: господа обвинители не пойдут на это. Они не смеют пойти на это. У них нет ничего: ни фактов, ни данных, ни даже обдуманного обвинения. Они просто лгут, потому что их кремлевский хозяин приказал им вести против меня травлю, и каждый из них старается показать, что он делает это более нагло, чем его конкурент.

После опубликования этого формального предложения, которое я делаю в последний раз, я буду ждать 72 часа их ответа. После этого, надеюсь, всякий честный человек будет иметь право называть этих господ презренными клеветниками.

Л.Троцкий

Койоакан

14 мая 1940 г.

[Письмо государственным служащим Мексики]

Г[осподину] Прокурору республики

Г[осподину] Начальнику полиции, генералу Нуньезе452

Г[осподину] Секретарю внутренних дел

Во время допроса меня представителем прокуратуры 24 мая мне в числе других был задан вопрос, кого именно я подозреваю, как организатора покушения453. Я ответил: Иосифа Сталина. Я дал подробные объяснения того, каковы методы организации ГПУ в иностранных государствах. Эта часть моих

показаний не была совершенно включена в протокол, очевидно, по соображениям международного этикета или, может быть, по соображениям технического процессуального характера. Но так как власти заинтересованы прежде всего в раскрытии преступления, то я считаю своим долгом дополнить здесь краткий протокол моих показаний теми соображениями, которые, по моему убеждению, имеют большое, даже решающее значение для общего направления следствия.

Прежде всего необходимо установить, что покушение могло исходить только из Кремля, только от Сталина, через заграничную агентуру ГПУ. Сталин в течение последних лет расстрелял сотни моих действительных или предполагаемых друзей. Он фактически истребил всю мою семью, кроме меня, моей жены и одного внука. За границей он через своих агентов убил одного из бывших руководителей ГПУ Игнатия Райсса, который публично заявил себя моим сторонником. Факт этот установлен французской полицией и швейцарским судом. Те же агенты ГПУ, которые убили Игнатия Райсса, преследовали по пятам моего сына в Париже. 7 ноября 1936 г. агенты ГПУ вторглись ночью в помещение научного института в Париже и похитили часть моего архива. Два моих бывших секретаря, Эрвин Вольф и Рудольф Клемент, были убиты агентами ГПУ: первый в Испании, второй в Париже. Все театральные процессы в Москве в течение 1936-[19]37 гг. имели своей последней целью добиться моей выдачи в руки ГПУ. Перечень этих преступлений можно было бы значительно увеличить. Все они имели своей целью добиться моего физического уничтожения. За всеми этими действиями стоит Сталин. Орудием в его руках является широко разветвленная за границей советская секретная полиция, так называемое ГПУ. Отрицать эти общеизвестные факты или подвергать их малейшему сомнению могут только люди, заинтересованные в сокрытии следов преступления.

Я не хочу этим сказать, что исключена возможность участия в покушении также агентов Гестапо, тайной полиции Гитлера. В настоящее время ГПУ и Гестапо представляют собою до известной степени сообщающиеся сосуды; возможно и вероятно, что в их распоряжении имеются в отдельных случаях одни и те же агенты для рискованных поручений. Из гласных заявлений ответственных представителей германского правительства видно, что Гестапо рассматривает меня как опасного врага. Сотрудничество обеих секретных полиций в данном покушении вполне возможно. Но руководящая роль принадлежит во всяком случае ГПУ, так как для Сталина вопрос о моей деятельности представляет неизмеримо больший интерес, чем для Гитлера.

Организация ГПУ за границей имеет свою традицию и твердо установленные правила. Ряд очень видных работников ГПУ (генерал Вальтер Кривицкий, Игнатий Райсс и другие) порвали за последние годы с ГПУ и сделали ряд чрезвычайно важных разоблачений. На эти разоблачения, как и на другие доступные мне источники, я опираюсь в дальнейшей характеристике некоторых методов ГПУ.

Прежде всего необходимо установить со всей категоричностью, что деятельность ГПУ тесно переплетается с деятельностью Коминтерна, вернее, аппарата Коминтерна, его руководящих элементов и наиболее доверенных членов. Для своей деятельности ГПУ нуждается в легальном или полулегальном прикрытии

и в сочувственной среде для набора агентов: такой средой и таким прикрытием являются так называемые "коммунистические" партии.

Общая схема заграничной организации ГПУ такова. В Центральный Комитет каждой секции Коминтерна входит ответственный руководитель ГПУ в данной стране. О его работе в качестве представителя ГПУ знает обыкновенно только генеральный секретарь партии и еще одно-два наиболее доверенных лица. Остальные члены Центрального Комитета имеют возможность только догадываться об исключительном положении данного члена ЦК. У меня нет никаких специальных сведений, касающихся постановки этой работы в Мексике. Но я не сомневаюсь, что в отношении методов организации ГПУ Мексика не представляет исключения.

В качестве члена Центрального Комитета национальный резидент ГПУ имеет возможность вполне легально подходить ко всем членам партии, изучать их характеры, подбирать их для определенных поручений, постепенно втягивать их в шпионскую или террористическую работу, то апеллируя к их партийному долгу, то действуя посредством подкупа.

Вся эта механика была широко раскрыта во Франции и Швейцарии в связи с убийством Игнатия Райсса и подготовкой террористических актов против моего покойного сына и других лиц. В отношении Соединенных Штатов Вальтер Кривицкий показал, что сестра генерального секретаря американской секции Коминтерна Браудера состояла по рекомендации своего брата в качестве секретного агента. Этот пример представляет не исключение, а норму.

Все заставляет думать, что главные организаторы покушения явились из-за границы. Возможно, что они покинули Мексику после подготовки предприятия и распределения ролей, накануне самого покушения. Такой способ действий обычен для ГПУ, которое, в качестве государственного органа, чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы не оставлять следов.

Иностранные эмиссары ГПУ, приезжающие в данную страну с определенным поручением, действуют всегда через национального резидента ГПУ, упомянутого члена Центрального Комитета компартии: без этого иностранные эмиссары лишены были бы возможности ориентироваться в национальных условиях и найти необходимых исполнителей. Иностранный эмиссар вместе с национальным резидентом и наиболее доверенными сотрудниками разрабатывают общий план предприятия, изучают списки возможных сотрудников и постепенно втягивают их в тайну своего замысла. В этой технической работе национальному резиденту и его секретному штабу принадлежит решающая роль.

У меня нет никаких данных о действительной роли полицейского унтер-офицера Казаса и пяти полицейских, которые под его начальством несли внешнюю охрану дома. Я знаю только, что эти лица арестованы. Нельзя поэтому считать исключенным, что они были вовлечены в заговор: ГПУ располагает такими средствами убеждения, принуждения и подкупа, как, пожалуй, никакое другое учреждение в мире. Полицейским могли систематически внушать, что я являюсь врагом мексиканского народа; им могли обещать в известных условиях карьеру; им могли, наконец, предложить исключительно высокую плату за определенные услуги. Но иностранные агенты не могли бы найти прямого

подступа к мексиканским полицейским; нужны были национальные агенты. Этих национальных агентов деморализации, подкупа и подготовки террористического акта надо искать в Центральном Комитете коммунистической партии и вокруг этого Центрального Комитета.

Для ГПУ имеет, далее, большое политическое значение вопрос о подготовке общественного мнения к террористическому акту, особенно если дело идет об убийстве лица, известного широким кругам национального и интернационального общественного мнения. Эта часть работы возлагается неизменно на коммунистическую печать, коммунистических ораторов и так называемых "друзей СССР". С этой точки зрения следствие, как мне кажется, не может не обратить внимания на работу газет "El Popular", "La voz de Mxico" и некоторых сотрудников "El Nacional"⁴⁵⁴. Я имею в виду, разумеется, не политическую критику моих взглядов, так как такая критика, хотя бы и самая суровая, является элементарным демократическим правом каждого и всякого. Но ни "La voz de Mxico", ни "El Popular" никогда такой критикой не занимались. Их специальностью, как и специальностью некоторых ораторов, в частности г. Ломбардо Толедано, в течение трех с половиною лет моего пребывания в Мексике было распространение невероятных по своей грубости и фантастичности клевет против меня. Напомню, что меня десятки раз обвиняли в преступных связях со всеми реакционными кругами Мексики и других стран; в одной из своих публичных речей г. Толедано заявил, что я готовлю всеобщую стачку против правительства генерала Карденаса; в "Machete"⁴⁵⁵, а затем в "La voz de Mxico" меня обвиняли из недели в неделю в подготовке государственного переворота в Мексике, в тайной связи с генералом Седильо и рядом других действительных или мнимых контрреволюционеров, в тайных свиданиях с неким доктором Атлем, в сотрудничестве с немецкими фашистами в Мексике и т. д. и пр. В самое последнее время "Futuro", "El Popular", как и "Voz de Mxico", стали систематически повторять, что я нахожусь в тайных сношениях с реакционным депутатом Дайесом в Соединенных Штатах и передаю ему сведения, направленные против интересов Мексики. Все эти обвинения внутренне бессмысленны, ибо приписывают мне действия, не только в корне противоположные моим взглядам и делу всей моей жизни, но и моим непосредственным интересам, ибо я должен был бы лишиться рассудка, чтоб совершать нелояльные действия по отношению к мексиканскому правительству, оказавшему мне столь великодушное гостеприимство.

Напомню, что я через печать неоднократно обращался к обвинителям с предложением передать дело в беспристрастную следственную комиссию, созданную либо правительством, либо ПРМ, с целью гласного расследования всех предъявляемых мне обвинений. Ломбардо Толедано и вожди компартии всегда уклонялись от принятия моего предложения.

Нельзя не поставить вопрос: почему г. Ломбардо Толедано и вожди мексиканской коммунистической партии считают себя обязанными распространять обо мне систематически клевету с явной целью очернить меня в глазах властей и общественного мнения Мексики? Лично эти господа не могут иметь ко мне

вражды, так как я никогда не имел с ними ни личных, ни политических отношений или конфликтов. Они действуют с таким упорством и бесстыдством только потому, что им это приказано. Кто мог приказать им это? Очевидно, хозяин Кремля Иосиф Сталин.

Я не хочу этим сказать, что г. Ломбардо Толедано и вожди компартии прямо и непосредственно участвовали в подготовке покушения на меня. ГПУ проводит в этой области строгое разделение труда. Более известным лицам поручается задача систематической клеветы. Менее известным, но более серьезным агентам поручается задача убийства. Однако г. Ломбардо Толедано не является неопытным юношей, который действует только по легкомыслию. Ему прекрасно известны методы ГПУ, в частности систематическое преследование, которому я, члены моей семьи и мои друзья подверглись и подвергаются во всех частях света и во всех странах. Для Толедано не секрет, что ГПУ стремится к моему физическому уничтожению. Таким образом, я имею полное право сказать, что, занимаясь систематически отравленной клеветой против меня, г. Ломбардо Толедано морально участвовал в подготовке террористического акта. Толедано в качестве свидетеля представлял бы большой интерес для следствия.

Не может быть, далее, ни малейшего сомнения в том, что бывшие и нынешние вожди компартии осведомлены о том, кто именно является национальным резидентом ГПУ в Мексике. Я позволю себе также высказать предположение, что (?) Давид Сикейрос⁴⁵⁶, который участвовал в гражданской войне в Испании в качестве крайне активного сталинца, не может не быть осведомлен о наиболее видных деятелях ГПУ испанской, мексиканской и других национальностей, которые прибыли в разное время в Мексику через Париж. Допрос бывшего и нынешнего генеральных секретарей компартии, а также г. Сикейроса в качестве свидетелей, несомненно, мог бы осветить подготовку покушения и состав его участников.

Прошу принять уверение в моих лучших чувствах.

[Л.Д.Троцкий]

27 мая 1940 г.

Необходимый дополнительный вопрос для Д.Серрано⁴⁵⁷

В своих показаниях Давид Серрано отзывался о Сикейросе, Пухоле⁴⁵⁸ и других участниках покушения с величайшим презрением, как о людях, с которыми он лично и его партия не могут иметь ничего общего.

В газете "Популяр" от 4 января 1939 г. напечатана телеграмма из Барселоны от 2 января на имя СТМ, No 0, синим, на желтой бумаге.

Хусто, секретарио де организасион⁴⁵⁹, есть не кто иной, как сам Давид Серрано. Телеграмма устанавливает, таким образом, его тесное сотрудничество с Пухолем. Кто таков Тальявера, секретарь агитации и пропаганды? В "Популяр" упоминается некий Антонио Тальявера, шофер. Идет ли речь о нем, или же под псевдонимом Тальявера скрывается какое-нибудь другое лицо из числа участников покушения 24 мая? Вопрос этот заслуживает особого расследования. Но близость

между Серрано и Пухоль, адъютантом Сикейроса, можно считать вполне доказанной.

[Л.Д.Троцкий]

[Конец мая 1940 г.]

Толедано продолжает опять поручение ГПУ

Да, я публично назвал теорию "автопокушения" глупой и фантастической. Брат Ломбардо Толедано заявляет по этому поводу, что я оскорбил полицию, в частности лично генерала Нуньеза, со стороны которого - замечу мимоходом - я никогда не встречал ничего, кроме внимания и защиты.

Заявление представляет грубую фальсификацию. Ни полиция в целом, ни ее глава нигде не высказывали гипотезы автопокушения. Такая гипотеза, вернее, такое утверждение, было высказано теми изданиями, которые имеют своемыслие защищать, прикрывать и оправдывать преступления Сталина и его ГПУ. Известные чиновники полиции сочли лишь своим долгом проверить также и это утверждение. Но обязанность полиции проверять всякие варианты не лишает меня права считать утверждение Толедано и его друзей-конкурентов из компартии абсурдным и фантастическим. Или же, может, господин депутат хочет, чтобы гипотезы о том, что я мобилизовал 20 вооруженных людей, связал полицию, похитил одного из членов своей охраны, учинил пожар в своем доме и ранил своего внука - все для целей, которых никто не умеет даже разъяснить членораздельно, чтобы я признал эту гипотезу плодом зрелых и честных усилий тонкой юридической мысли?

Во время моей беседы с журналистами я ответил на прямые вопросы, что хотя и не могу согласиться с образом действия Салазара⁴⁶⁰ в отношении моих сотрудников, однако не сомневаюсь ни на минуту, что мексиканская полиция руководствуется в своем расследовании одним лишь стремлением раскрыть истину.

Цель новой инсинуации двойная: 1) восстановить полицию против жертвы покушения и тем помочь покушавшимся; 2) добиться, если возможно, моей высылки из Мексики, т. е. выдачи в руки ГПУ. Позволю себе прибавить: если внимательно расследовать пути всякого рода ложных слухов и доносов, пускаемых в оборот из таинственных и полутаинственных источников, то можно очень близко подойти к штабу заговорщиков.

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

Редактору газеты "Эль Насиональ"

Милостивый государь!

Изучая внимательно отклики столичной прессы на покушение 24 мая, я натолкнулся в вашей уважаемой газете в номере от 27 мая на заметку под заглавием "Троцкий противоречит себе". Заметка мне приписывает три разные

версии по поводу того, как я спасся от пуль, и даже по поводу того, в какой из комнат я провел ночь. Это сообщение представляет злостную выдумку с начала до конца. В моих показаниях не было и не могло быть и тени противоречия. Ваша редакция стала попросту жертвой тенденциозной, чтобы не сказать преступной, информации, источник которой нужно искать очень близко от источника покушения.

Заметка начинается словами: "Наблюдатели делают различные комментарии по поводу заявлений, сделанных экс-комиссаром и т. д." ("Ель Насиональ", 27 мая, вторая секция, вторая страница). Вы оказали бы, несомненно, большую услугу и следствию, и общественному мнению, если бы точнее указали, кто именно эти "наблюдатели", которые сообщили вам фальшивые сведения. Такими "наблюдателями" не могли быть ни члены моего дома, ни следователи. Никаких посторонних "наблюдателей" быть не могло. Не идет ли дело попросту о каком-нибудь журналисте, который ничего не наблюдал, но зато выдумал по заказу ГПУ? Злонамеренный характер сообщения продиктован недвусмысленной целью: обмануть следствие и подготовить почву для гипотезы "автопокушения".

Не сомневаюсь, что вы оцените полностью важность этих обстоятельств и не замедлите дать необходимые разъяснения.

Ваш покорный слуга

Л.Троцкий

[6 июня 1940 г.]

О Ломбардо Толедано

В той функции, которую г. Толедано выполняет лично, именно в функции иностранного агента Кремля, Толедано систематически прячется за спину мексиканской рабочей организации, достойной всякого уважения. На мои совершенно точные обвинения, направленные против ряда злонамеренных клевет, он отвечает заявлением от имени СТМ, в котором утверждается, что сам Толедано никогда будто бы не занимался мною лично, а всегда лишь в качестве секретаря СТМ. Это явная и очевидная бессмыслица. Только абсолютные монархи и тоталитарные диктаторы отождествляют себя с государством. В рабочем движении такие отождествления неуместны. К перечисленным мною раньше ложным доносам против меня со стороны г. Толедано я считаю нужным прибавить, что во время своего последнего путешествия по Европе Толедано в разных странах, именно в Соединенных Штатах, Франции и Норвегии, давал интервью, посвященные мне лично, причем в этих интервью он неутомимо повторял, что я страдаю "манией преследования" и что мексиканская полиция принимает, к сожалению, воображаемую опасность за реальную. В качестве примера Толедано ссылался на то, что полиция приказала срезать ветви деревьев на улице возле моего дома, чтобы не дать террористам перелезть через стену внутрь двора. Я не думаю, чтобы рабочие СТМ были заинтересованы в вопросе о моем доме и о тех деревьях, по которым агенты ГПУ могут пробраться в мой двор. В каком качестве Толедано считал нужным издеваться над мерой предосторожности,

предпринятой мексиканской полицией? В качестве секретаря СТМ? Не думаю. В качестве бескорыстного друга ГПУ? Думаю, что так.

Продиктованное г. Толедано заявление СТМ от 6 июня повторяет старую версию, что я страдаю "манией преследования". После 24 мая это звучит совсем неубедительно. Хуже того: это звучит подозрительно. Почему Толедано с такой настойчивостью охраняет девственную репутацию ГПУ от довольно основательных подозрений? Неужели же по должности секретаря СТМ? Предполагаю, что в статутах СТМ о такой обязанности ничего не сказано.

Заявление Толедано, выпущенное под псевдонимом СТМ, пытается внушить ту мысль, что "авто-покушением" я хотел доказать существование в Мексике... пятой колонны. Зачем мне это нужно, не сказано. На самом деле следствие знает, что я с самого начала утверждал, что инициаторы и главные организаторы покушения прибыли, по всей вероятности, из-за границы, по приказу ГПУ и что само покушение ни в коем случае не является продуктом внутренней мексиканской политики. Отрицая явное и очевидное вмешательство ГПУ, именно Толедано приписывает покушение мистической "пятой колонне".

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

О Роберте Шелдоне⁴⁶¹

Ввиду того места, которое мой бывший сотрудник Роберт Шелдон занимает сейчас во внимании широких кругов, я считаю необходимым высказать следующие соображения:

Роберт Шелдон был мне рекомендован американскими друзьями, которым я давно привык доверять. Имена этих друзей я сообщил полиции. Во всех условиях покушения нет таких данных, которые могли бы убедить меня в том, что Шелдон был соучастником нападавших. Я считаю себя не вправе поддерживать подозрение против лица, труп которого может быть найден завтра или послезавтра.

Если, однако, в интересах чисто логического анализа допустить, что Шелдон был агентом врага, то это по существу не меняет ни характера покушения, ни задач следствия. Кто были остальные 20-ть покушавшихся, их тайные сообщники и вдохновители? Кто дал им поручение?

Если Шелдон был агентом ГПУ и остался жив, то почему он молчит? Собирается ли он на всю жизнь уйти в подполье? Не проще ли было бы для него публично заявить, что никакого покушения не было, а было "авто-покушение"? Такое заявление моего собственного секретаря оказало бы неизмеримо большую поддержку версии авто-покушения, чем писания всех других адвокатов ГПУ, включая Толедано. Разумеется, ложное заявление рисковало бы быть опрокинуто дальнейшим ходом следствия. Но подобный риск не останавливает других пропагандистов теории авто-покушения. Главной задачей для них является внести смуту в общественное мнение и выиграть время. С другой стороны, заявлением об авто-покушении Шелдон мог бы попытаться облегчить свою собственную ответственность перед властями не только Мексики, но и

Соединенных Штатов. То обстоятельство, что Шелдон до сих пор не сделал такого заявления, укрепляет меня в мысли, что он пал жертвой покушения. Верна ли эта гипотеза или нет, основная задача следствия остается во всей своей силе. Если Шелдон был сообщником, то чьим именно? Если он был орудием, то кто им руководил? ГПУ или мистическая "пятая колонна"?

[Л.Д.Троцкий]

[Начало июня 1940 г.]

[Заявление мексиканским полицейским властям]

Милостивый государь!

Запоздание с этим документом вызвано частыми перерывами работы в связи с расследованием.

Я писал эти страницы с полной свободой, как если бы я их писал для самого себя. Опасаюсь однако, что некоторые существенные мысли высказаны только в виде коротких намеков, без доказательств. Недостатка в доказательствах у меня нет. Но я не хотел слишком удлинять документ.

Прибавлю здесь и одно соображение, которое ввиду его недостаточно обоснованного характера я не решился включить в текст меморандума.

Расследование производится одновременно разными полицейскими организациями не в сотрудничестве, а до известной степени в конкуренции друг с другом. Может быть, в этом имеется и положительная сторона. Но мне пришлось наблюдать больше отрицательную сторону такого параллелизма. Отрицательная сторона состоит не только в том, что расходуется много лишних сил на одну и ту же работу, но и в том, что в процессе соперничества каждая группа стремится выдвинуть какую-либо сторону дела в противовес другой группе и создает таким образом свою собственную, иногда искусственную, конструкцию. Мне приходилось сталкиваться в числе расследователей с людьми наблюдательными, умными и способными. Но мне казалось иногда, что их работа не объединена на основе общего плана, разделения функций и периодической проверки добытых ими сведений под руководством одного лица, охватывающего проблему в целом.

Я наблюдал, однако, только маленькую часть всего следствия, притом как заинтересованная сторона; возможно поэтому, что мои впечатления были односторонними.

Этот документ имеет, разумеется, неофициальный характер и ни в коем случае не предназначен для публикации. Я посылаю Вам его в двух экземплярах. Вы можете сделать из них то употребление, которое найдете нужным.

Примите и пр.

Л.Троцкий

9 июня 1940 г.

Койоакан, Д.Ф.

По поводу ответа директора "Националь"

Вопрос, достойный внимания следствия

В моем письме от 6 июня 462 я поставил редакции "Националь" вопрос об источнике информации, напечатанной в газете 27 мая под заглавием: "Г[осподин] Троцкий противоречит себе". Ответ директора "Националь" не разъяснил этого вопроса, а, наоборот, еще более затемнил его. Заметка интересует меня не под углом зрения той клеветы, которая в ней заключалась: я успел привыкнуть к клевете. Но данная клевета представляет объективный интерес с точки зрения полного раскрытия покушавшихся и пособников.

Директор "Националя" разъясняет мне, что основой для заметки послужили репортерские отчеты о покушении в газетах "Универсаль" 463, "Эксельсиор" 464 и "Пренса" 465 в течение 24, 25 и 26 мая. На основании этих репортерских отчетов директор "Националя" устанавливает противоречия в вопросе о том, где я провел ночь покушения и как я спасся от выстрелов.

Что в репортерских отчетах было много противоречий, ошибок, путаницы, это совершенно несомненно. Но если репортеры противоречат друг другу, а иногда и самим себе, то из этого вовсе не вытекает, что я себе противоречу. Г[осподин] директор "Националя" делает вид, будто верит, что репортеры опираются только на мои слова, что они правильно поняли мои слова, что правильно их записали, что газеты их правильно воспроизвели. Словом, он устанавливает тождество между мною и репортерами. В этом заключается первая и явная фальшь его рассуждения. Каждый грамотный человек знает, что репортерские отчеты, особенно о волнующих событиях, всегда грешат противоречиями. Когда три репортера описывают пожар, то нередко получается впечатление, что дело идет о трех разных пожарах. Это вовсе не вызывается злой волей или недобросовестностью: сама работа репортеров, всегда спешная, нервная, торопливая, связанная с погоней за сенсацией, питающаяся непроверенными слухами, неизбежно порождает недоразумения, преувеличения и ошибки. На каком же основании г. директор "Националя" противоречия репортеров приписал мне?

Он ссылается, правда, на то, что я не "опровергал" эти сообщения. Это - вторая фальшь его рассуждения. В первые дни после покушения у меня не было времени не только опровергать, но и читать газеты. В моем доме одни агенты полиции сменяли других, наводя справки, собирая сведения и пр. Я считал более важным давать точные сведения следствию, чем гоняться за противоречиями газетных отчетов.

К тому же цитируемые директором "Националь" репортерские отчеты в большинстве своем вовсе даже не ссылаются на меня. И не случайно. В самое утро покушения, 24 мая, я заявил журналистам в присутствии полковника Салазара, что отказываюсь давать какие бы то ни было сведения, связанные с покушением, чтобы прямо или косвенно не помешать следствию. Полковник Салазар тут же, при журналистах, выразил мне благодарность. И действительно до вечера 31 мая я воздерживался от интервью, заявлений или опровержений.

Только убедившись, что известная часть прессы прилагает чудовищные усилия для того, чтобы сбить следствие с правильного пути, я, предупредив полковника Салазара, созвал вечером 31 мая представителей печати.

Сказанное, надеюсь, полностью объясняет, почему я не мог нести ни малейшей ответственности за противоречия репортеров, которые получили в большинстве случаев свои сведения из вторых и третьих рук или строили их на основании собственных догадок.

В тех самых репортерских отчетах, которые цитирует г. директор "Насионаля", говорится, например, что Наталия Седова - моя дочь, Гертруда Шюсслер406 - моя жена... На самом деле дочери у меня нет, а женой моей является Наталия Седова. Если в таком простом вопросе репортеры сделали две ошибки (я мог бы привести еще десятки подобных примеров), то что же говорить о таком драматическом эпизоде, как нападение ночью 20-ти вооруженных человек? Почему директор "Насионаля" не сделал вывод, что я вводил в заблуждение полицию, называя Наталью Седову своей дочерью, а Гертруду Шюсслер своей женой? Потому, очевидно, что это было бы абсурдом. Но не меньшим абсурдом является приписывание мне противоречий в вопросе о том, где именно я находился во время покушения.

Отождествление репортерских ошибок с моими "противоречиями" заключает в себе третью фальшь, наиболее возмутительную. В самом деле: если репортеры дают ложные сведения, то это может быть объяснено простой ошибкой. Но я не мог ошибиться насчет того, где именно я находился под выстрелами. Если я в этом вопросе "противоречил себе", значит, дело шло с моей стороны о сокрытии преступления. Почему же г. директор "Насионаля", вместо того чтобы предположить естественную ошибку того или другого репортера, предпочел предположить преступление с моей стороны? Какие у него для этого основания?

Нетрудно понять при этом, о каком именно преступлении шла речь. Мои "противоречия" должны были означать, что я сам произвел покушение на себя и запутался в своих показаниях полиции. Именно к этому сводится сущность заметки "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Для этого она и была напечатана.

Третья фальшь прикрыта четвертой фальшью. Если бы в заметке было просто сказано, что отчеты репортеров о покушении дают противоречивые сведения и что редакция на этом основании сделала вывод о противоречиях Троцкого, то всякий мыслящий читатель немедленно сказал бы, что вывод неоснователен и недобросовестен. Именно поэтому заметка начинается со слов: "Наблюдатели делают разные комментарии" по поводу "серьезных противоречий" Троцкого. Кто эти наблюдатели: репортеры? Но они не делают никаких "комментариев" о моих мнимых противоречиях. Они просто противоречат друг другу. Кто же эти "наблюдатели"? Сама редакция "Насионаля"? Почему же она скрывает свое лицо за анонимными "наблюдателями"? Как видим, заметка сознательно отредактирована так, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и следственные власти. Авторы заметки делают вид, будто у них имеются какие-то серьезные источники. Между тем у них нет ничего, кроме злой воли.

Но на этом дело не кончается. За пятой фальшью следует шестая. Из разъяснений директора "Националя" можно сделать вывод, будто редакция на основании репортерских отчетов сама сделала вывод о моих противоречиях. На самом деле это не так. Та же клеветническая заметка появилась 27 мая в другой газете, беспристрастие которой давно известно, именно, в "Популяр". Текст в обеих газетах совершенно тождественный. Только в "Популяр" заметка напечатана на первой странице, под кричащим заголовком, а в "Националь" - на второй странице второй секции - более скромным шрифтом. Невозможно допустить, что две редакции сделали одновременно одни и те же выводы и изложили их одними и теми же словами, независимо друг от друга. Как же объяснить в таком случае появление тождественной заметки в двух газетах? Очевидно, заметка исходит из одного и того же источника. Какого именно? Здесь гвоздь вопроса! Может быть, редакция "Националь", сделав свои "выводы", переслала их в "Популяр"? Это мало правдоподобно. Роль "Националь" в этом деле не активная, а пассивная. Скорее можно допустить, что заметка из "Популяр" была переслана в "Националь". Еще вероятнее, что заметка была сфабрикована в третьем пункте, где хорошо знали, чего хотели, и не стеснялись в выборе средств. Я высказываю уверенность, что заметка исходила из источников, близких к ГПУ, и имела целью сбить следствие с правильного пути.

Крайне важна в этой связи дата опубликования заметки: 27 мая. Те агенты ГПУ, которым поручено было замечать следы, держали себя первые два дня с большой осторожностью, опасаясь, очевидно, что виновники покушения будут арестованы с часу на час. Но за три дня главные организаторы покушения могли успешно покинуть Мексику с заранее заготовленными паспортами. ГПУ могло рассчитывать, что покушение не будет раскрыто вообще, и считало поэтому своевременным пустить в оборот версию о "самопокушении": раз не удалось убить врага физически, надо попробовать убить его морально. С этой целью г. "наблюдатели" пустили 27 мая в оборот заметку: "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Что "Популяр" напечатал эту заметку с полной готовностью, удивляться не приходится: клевета выражала его собственную линию. Но почему заметку счел необходимым напечатать и "Националь"? Этому г. директор нам не объяснил.

Чтобы избежать недоразумений, скажу, что я вовсе не думаю, будто редакция "Националь" ставила себе сознательной целью навести следствие на ложный след. Редакция просто не отдавала себе достаточного отчета в собственных действиях. Так как дело шло о маленькой услуге друзьям-сталинцам за счет моей политической чести, то редакция не задумываясь напечатала клеветническую заметку. Она производила такие операции не раз и раньше (в случае нужды я докажу это без труда). Все мои попытки - замечу мимоходом - установить с редакцией "Националь" корректные отношения неизменно разбивались о предвзятую враждебность редакции.

Что маневр с заметкой "Троцкий себе противоречит" не прошел безрезультатно, вытекает из всей последовательности событий. Именно в

течение 27 мая совершился явный поворот во всем направлении следствия. Если у отдельных агентов полиции и раньше могли быть какие-либо подозрения или сомнения насчет моих действий, то заметка в "Насиональ" дала этим сомнениям подобие авторитетной санкции. Тайнственный штаб, сфабриковавший заметку, отнял у полиции два дня ценнейшего времени. Вспомним то внушение, которое сделал генерал Нуньез члену Центрального Комитета сталинской партии г. Рамирез-и-Рамирез, публично утверждавшему, что дело идет об "авто-покушении". В свое оправдание Рамирез ссылаясь на "ошибку стенографии". Но если бы следствие выяснило, что заметка 27 мая написана тем же г. Рамирез-и-Рамирез или кем-либо из его близких политических друзей, то ссылаться на ошибки стенографии было бы уже невозможно. Мы имели бы перед собой неопровержимое доказательство заговора с целью обмануть власти и помочь террористам.

Директор "Насиональ" поставил мне на вид, что я плохо знаю испанский синтаксис (это, к сожалению, верно), что в моем письме есть описка (и это верно), и дал мне целый ряд других наставлений. Но, к сожалению, он не разъяснил: почему редакция сочла возможным публично заподозрить меня в чудовищном преступлении, не имея на это ни малейших данных? Почему редакция не сослалась на репортерские отчеты, а спряталась за спину тайнственных "наблюдателей"? Каким образом одна и та же заметка появилась одновременно в двух газетах? Из какого источника исходила заметка? Думаю поэтому, что дополнительные разъяснения со стороны директора "Насионаля" могли бы оказать существенное содействие раскрытию преступления 24 мая.

Л.Троцкий

12 июня 1940 г.

Койоакан

P.S. Я не предназначаю это письмо для печати, так как публичная полемика вряд ли чем-нибудь обогатила бы общественное мнение, особенно теперь, в период международных затруднений, избирательной кампании и пр., когда у народа и правительства этой страны имеются другие задачи и интересы. Но так как следствие продолжается, то я считаю необходимым направить это письмо органам следствия и в копии директору "Насионаля". Разумеется, если г. директор сочтет по собственной инициативе нужным продолжить эту полемику в печати, то у меня лично не будет ни малейшего основания противиться этому.

Л.Троцкий

[Письмо министру внутренних дел, прокурору и следственным органам Мексики]

В отношении Давида Серрано необходимо поставить следующие вопросы:

1. Знаете ли Вы по-русски?

2. Где научились русскому языку? Были ли в России?

3. Если были, то сколько времени? (По моим сведениям, Серрано пробыл в России около шести лет).

4. Что именно вы делали в России?
5. Находились ли Вы в каких-либо отношениях с ГПУ?
6. Может ли он сообщить, что случилось в Москве с мексиканцем Эвелио Падильо? (Который исчез в одну прекрасную ночь навсегда).
7. Когда и откуда именно Давид Серрано направился в Испанию?
8. Кто рекомендовал его и кто дал ему разрешение?
9. В каком полку и в каком чине служил Серрано? (Можно считать несомненным, что он служил либо в одной из интернациональных бригад, либо в знаменитом пятом полку⁴⁶⁸). Интернациональные бригады и особенно пятый полк являлись прямой жандармерией Сталина. Во время гражданской войны они вели путем непрерывных убийств свою собственную гражданскую войну, истребляя в лагере республиканцев врагов и противников Сталина.
10. Наблюдал ли Серрано деятельность ГПУ в Испании? Состоял ли он в каких-нибудь отношениях с ГПУ в Испании?
11. Знал ли он в Испании Сикейроса?
12. Знал ли он в Испании Листера⁴⁶⁹, К.Контрераса⁴⁷⁰ и Кампезино⁴⁷¹? (Все три являлись начальниками пятого полка. Все три были известны как наиболее жестокие палачи ГПУ в Испании. Карлос Контрерас входил в состав почетного президиума последнего съезда КПМ).
13. Когда и каким путем Серрано вернулся из Испании?
14. Привез ли он с собой какие-нибудь аттестации о своем поведении во время гражданской войны? (Для того, чтобы партия могла включить его в Центральный Комитет, а затем и в Политбюро, он должен был привезти из Испании крайне [...] ⁴⁷² рекомендации. Были ли эти рекомендации устные или письменные, и от кого они исходили?)
15. На какие средства жил Давид Серрано? Находится ли он на жаловании партии? Каковы размеры этого жалования?
16. Каковы финансовые источники партии? Сколько членов партии являются платными чиновниками партии? Существует ли партия исключительно на членские взносы или же получает материальную помощь от более сильных партий? От каких именно? Известно ли Серрано, что Кремль со времени основания Третьего Интернационала поддерживал деньгами более слабые и молодые партии других стран, в том числе и Мексики? Продолжается ли этот порядок и теперь? Или же субсидирование прекратилось? Если прекратилось, то с какого времени и по какой причине?

С какого времени изменилось направление "Вос де Мехико", с какого времени изменился состав редакции? Это было во всяком случае до партийного съезда. Кто же изменил направление и редакцию органа партии? Во всяком случае, не партия. Если бы орган зависел от партии и содержался партией, то перемена редакции и направления за спиной партии была бы невозможна. Ясно, направление изменилось по приказанию каких-то сил, независимых от партии и стоящих над партией и имеющих право распоряжаться органом, который формально считается органом партии. На этот вопрос необходимо иметь ответ Давида Серрано.

В своем показании Давид Серрано возлагал ответственность за покушение не только на Альфарио Сикейроса, но и на Лаборде, Кампа⁴⁷³, Герреро⁴⁷⁴, Лобато⁴⁷⁵ и других, связанных с "троцкизмом". Может ли Давид Серрано объяснить, в чем именно выражалась связь Лаборде, Кампо, Герреро и Лобато с "троцкизмом"? Известно ли Давиду Серрано, что названные им лица вели самую жестокую борьбу против Троцкого и "троцкизма", требовали изгнания Троцкого из Мексики, приписывали ему всякого рода преступления, и в собраниях, где они выступали, раздавались крики: смерть Троцкому? Как же понимать тот факт, что, с одной стороны, эти лица вели бешеную кампанию против Троцкого и "троцкизма", а с другой стороны, по заявлению Серрано, были связаны с "троцкизмом"? Какие у него имеются доказательства этой связи? Каких свидетелей он может привести?

Не может ли Давид Серрано указать, откуда взялись деньги на покушение? Если партия, как он утверждает, подозревала Сикейроса с самого начала, то она не могла не поставить вопроса, кто дал Сикейросу такое поручение и кто снабдил его необходимыми денежными и техническими средствами? Каково было заключение партии по этим вопросам?

[Л.Д.Троцкий]

[12 июня 1940 г.]

Г[осподину] Министру Внутренних Дел (Секретарю Гобернасион⁴⁷⁶)

Г[осподину] Прокурору Республики

Г[осподину] генералу Нуньезу

[Заявление]

В "Эль Популар" от 12 июня в статье г. Фелипе Сантоса, на странице третьей, говорится: "Данные, которые Дайес имеет, по его словам, насчет "этого заговора", получены им от Троцкого..." и т. д. Никогда никаких сведений комиссии Дайеса я не давал. Клевету ГПУ на этот счет я уже дважды опровергал публично. Г[осподин] Фелипе Сантос несомненно знает, что его сообщения - ложь. Редакция "Популяра" тоже знает, что г. Фелипе Сантос сознательно лжет. Тем не менее редакция считает нужным снова повторить давно опровергнутую клевету.

Я не хочу апеллировать к печати, чтобы не вносить излишних элементов раздражения в общественное мнение, которое занято сейчас более важными и насущными для Мексики вопросами. Но так как цель цитированной статьи явно состоит в том, чтобы восстановить против меня не только общественное мнение, но и следственные власти, и тем оказать содействие террористам, то я считаю своим долгом направить это опровержение заинтересованным мексиканским властям.

Л.Троцкий

13 июня 1940 г.

Койоакан

Опять "Нейшен"!

Я вижу, что "Нейшен", запятнавшая себя своим поведением в деле московских судебных процессов, поспешила и на этот раз поддержать фантастическую и глупую версию ГПУ по поводу покушения 24 мая. Все оказываются виноваты: генерал Алмазан⁴⁷⁷, "реакция", может быть, сам Троцкий, но никак не Сталин. Тем временем мексиканская полиция раскрыла виновных: все они, как на грех, агенты Сталина. Какое подлое рептильное племя, эти "радикалы" из "Нейшен"! Но они не уйдут от кары: мы научим американских рабочих ценить их по заслугам, т. е. презирать их.

Л.Т[роцкий]

18 июня 1940 г.

Койоакан

Труп Р.Шелдона

Труп Боба Шелдона Харта есть трагическое опровержение тех клевет и фальшивых подозрений против него, которые с большим искусством распространялись убийцами и их друзьями с целью обмана следствия. Полицейские власти, которые не могли по обязанности не отнестись со всей серьезностью и к этому подозрению, проявили поистине замечательную энергию в деле раскрытия истины. ГПУ не есть простая шайка гангстеров: это международный отбор агентов, воспитанных в долгой традиции преступлений и вооруженных неограниченными денежными и техническими средствами. По самым скромным исчислениям, одна техническая подготовка покушения в Мексико-сити, не считая подкупов и расходов в других странах, стоила не менее 50.000 песо!

Раскрытие преступлений ГПУ представляет поэтому огромные трудности. Ни в какой другой стране мира - ни во Франции, ни в Швейцарии, ни в Испании - ни одно из многочисленных преступлений ГПУ не было раскрыто с такой полнотой, с какой раскрывается на наших глазах покушение 24 мая в Мексике. Труп Боба Шелдона бросает, несомненно, дополнительный свет на все пружины этого сложного заговора.

В двух своих воззваниях ЦК "коммунистической" партии повторял, что участие Шелдона бросает "подозрительный" свет на все покушение. На самом деле проникновение агента Сталина в мой дом могло бы только означать, что ГПУ удалось обмануть доверие моих нью-йоркских друзей, рекомендовавших мне Р.Шелдона. Всем посвященным известно, что ГПУ наводняет рабочие организации и государственные учреждения во всем мире своими наемными агентами. На это тратятся ежегодно десятки миллионов долларов. Но версия о Шелдоне - агенте ГПУ - рассыпалась прахом. Труп есть убедительный аргумент. Боб погиб потому, что стоял на дороге убийц. Он погиб за те идеи, которые исповедовал. На его памяти нет никакого пятна.

Quid prodest^{477a} - гласит старое и мудрое правило римского права. Кто был заинтересован в том, чтобы клеветать на Боба Шелдона и обманывать

следственные власти? Ответ ясен: ГПУ и его агенты. Вот почему расследование источника ложных и фальшивых показаний относительно Боба несомненно раскроет один из штабов заговора.

Боб не первый из близких мне людей пал от руки наемных убийц Сталина. Я оставляю в стороне членов моей семьи, двух дочерей и двух сыновей, доведенных ГПУ до гибели. Я не говорю о тысячах моих единомышленников, подвергшихся физическому истреблению в СССР и других странах. Но если ограничиться лишь моими секретарями в разных странах, то окажется, что из их числа доведены преследованиями до самоубийства, расстреляны ГПУ или убиты наемными агентами были до сих пор семь человек: М.Глазман⁴⁷⁸, Г.Бутов⁴⁷⁹, Я.Блюмкин, Н.Сермукс, И.Познанский, Р.Клемент, Э.Вольф. В этом списке Роберт (Боб) Шелдон Харт занимает восьмое, но, боюсь, не последнее место.

После этого пусть политические агенты ГПУ говорят о моей "мании преследования"!

Л.Троцкий

25 июня 1940 г.

Койоакан

[Заявление]

В некоторых газетах мне приписывается "новое обвинение", направленное против г. Н.Бассольса⁴⁸⁰. Это неверно. На самом деле в своих показаниях судье 24 июня я лишь рассказал, что в день покушения 24 мая я назвал Б.Бассольса следственным властям в числе других лиц, которые могли бы пролить свет на преступление. За протекший месяц следственные власти проделали грандиозную работу по проверке всех следов и подозрений. Эта работа продолжается и сегодня. Никакого самостоятельного следствия я не веду и вести не могу. У меня нет, следовательно, основания выдвигать "новые обвинения" кроме тех, которые выдвинуты и выдвигаются мексиканской полицией под непосредственным руководством Салазара.

[Л.Д.Троцкий]

25 июня 1940 г.

[Письмо Д.С.Харту]

Mr. Jesse S. Harte

1450 Broadway

New York City, N.Y.481

Я, моя жена, мои сотрудники склоняемся в глубоком трауре перед горем матери и отца нашего дорогого Боба. Единственное утешение в эти горькие часы, что разоблачена подлая клевета на Боба, клевета при помощи которой убийцы пытались скрыть свое убийство. Как герой, Боб погиб за те идеи, в которые верил.

Н. и Л. Троцкие,

Джо Хансен, Гаролд Робинс,

Чарлз Корнел, Джек Купер,
Отто Шюсслер, Уолтер О Рурке482
25 июня 1940 г.

Обвинители или обвиняемые?

"Эль Популярь", а вслед за ним "Эль Футуро" обратились к прокуратуре с требованием привлечь меня к суду по обвинению в "диффамации". Я могу, со своей стороны, только приветствовать это решение. В течение трех с половиной лет я неоднократно приглашал эти издания передать их "обвинения" против меня либо на рассмотрение беспристрастной комиссии, назначенной либо самим правительством, либо ПРМ. Я никогда не встречал со стороны гг. "обвинителей" отклика. Нынешнее решение редакций "Эль Популярь" и "Футуро" передать дело на рассмотрение компетентных властей есть запоздалое принятие моего старого предложения. Я не могу желать ничего лучшего, как вмешательства мексиканского суда в это дело.

Совершенно так же, как организаторы покушения 24 мая и их "друзья" пустили в оборот слух, что я совершил "самопокушение", так люди, непрерывно клеветавшие на меня в течение нескольких лет в интересах Сталина и по приказу ГПУ, пытаются ныне обвинить меня в клевете. Могу заверить общественное мнение заранее, что редакторы "Популярь" и "Футуро" встретят меня во всеоружии и из обвинителей превратятся в обвиняемых.

Л.Троцкий.

27 июня 1940 г.

Койоакан

[Письмо секретарю министерства внутренних дел Мексики И.Г.Теллезу483]

Милостивый государь г. Секретарь Игнацио Гарсиа Теллез!

Я позволю себе утруждать Ваше внимание вопросом о моих архивах. Вскоре после 7 ноября 1936 г., когда ГПУ похитило в Париже в Институте социальной истории 65 кг моих архивов, различные научные учреждения США обратились ко мне с предложением передать им наиболее ценную в историческом смысле часть моих архивов. Мой адвокат г. Альберт Гольдман вел по этому поводу длительные переговоры с библиотекой, основанной бывшим президентом Гербертом Гувером484, с Чикагским университетом и с университетом Гарвард. В конце концов договор был заключен с Гарвардским университетом такого-то числа485.

Нападение 24 мая поставило вопрос о моих архивах с особенной остротой, так как нападавшие действовали не только при помощи пулеметов, но и при помощи зажигательных бомб с явной целью уничтожить мои архивы, рукописи и пр.

В те недели, когда характер покушения был еще не ясен и возбуждались даже сомнения, не шло ли дело об "авто-покушении", я не позволял себе утруждать Ваше внимание таким вопросом, чтобы не дать возможности

противникам заподозрить меня в том, будто я пытаюсь "удалить" мои архивы из Мексики. Но теперь, когда характер преступления совершенно ясен, я позволю себе обратиться к Вам по этому делу, которое имеет характер неотложный: я связан своей подписью под контрактом, и директор библиотеки Гарвардского университета настаивает на скорейшем получении архивов, как явствует из прилагаемой копии его письма.

Во избежание каких бы то ни было недоразумений считаю необходимым сообщить, что дело идет об архивах советского периода моей деятельности и о моей переписке, кончающейся декабрем 1936 г., т. е. до моего въезда в Мексику. Что касается писем, рукописей и документов за время моего пребывания в Мексике, то они полностью останутся со мной до тех пор, пока я буду пользоваться гостеприимством этой страны.

Я ходатайствую о том, чтобы Секретариат Внутренних Дел прислал в мой дом компетентных чиновников, знающих иностранные языки, в том числе и русский, и чтобы эти чиновники просмотрели мои архивы, подлежащие отправке. Одновременно в моем доме будет находиться представитель посольства Соединенных Штатов, которое обязалось перед Гарвардским университетом оказать полное содействие в пересылке рукописей. После просмотра всех бумаг рукописи будут в присутствии представителей Вашего министерства и посольства Соединенных Штатов заделаны в герметические ящики во избежание их вскрытия на границе.

Прибавлю еще, что находясь в библиотеке Гарвардского университета, мои архивы будут во всякое время доступны представителям мексиканского правительства. Один этот факт исключает возможность каких бы то ни было тенденциозных истолкований передачи архива Гарвардскому университету.

В твердой надежде на Ваше содействие, которым я с благодарностью пользовался в ряде других случаев, честь имею подписаться Вашим покорнейшим слугой.

Прилагаю к настоящему письму текст договора, который по минованию надобности покорнейше прошу вернуть мне⁴⁸⁶.

[Л.Д.Троцкий]

3 июля 1940 г.

"Футуро", "Популяр", "Вос де Мексико" и агенты ГПУ

Необходимые дополнительные разъяснения к моим показаниям 2 июля

Чтобы показать, насколько "Эль Популяр", "Футуро" и "Вос де Мехико" вправе обвинять меня в диффамации, я выбираю на этот раз одно из этих изданий, именно, "Эль Футуро". Мотивы выбора таковы: "Футуро" выходит не ежедневно, а раз в месяц; следовательно, редакция имеет полную возможность тщательно выбирать своих сотрудников и обдумывать свои статьи. Директором издания является г. Ломбардо Толедано; в редакционный комитет, наряду с Виктором Вийасеньором⁴⁸⁷ и Луисом Фернандесом дель Кампо, входит г.

Александро Каррильо⁴⁸⁸, директор "Эль Популар". Таким образом, все, что может быть сказано и доказано относительно "Эль Футуро", с удвоенной и утроенной силой относится к "Эль Популар", не говоря уже о "Ля Вос де Мехико". На два последних издания я буду поэтому здесь ссылаться лишь попутно, оставляя за собой право вернуться к этому вопросу в дальнейшем.

Я далек от мысли входить здесь в теоретическую или политическую полемику с руководителями "Футуро", которые считают меня "контрреволюционером". Их политические мнения и оценки меня не интересуют. Я обвиняю "Футуро" не в том, что это беспринципное издание не имеет ничего общего с марксизмом, пролетарским коммунизмом или традициями Октябрьской революции, а в том, что в течение трех с половиной лет моего пребывания в Мексике это издание систематически печатало обо мне клеветнические статьи и пускало в оборот заведомо ложные обвинения, сфабрикованные в лабораториях ГПУ и переведившиеся на испанский язык агентами ГПУ или при содействии агентов ГПУ. Я обвиняю "Эль Футуро" в том, что, несмотря на неоднократные предложения мои представить доказательства своих заведомых клевет беспристрастной правительственной или общественной комиссии, журнал уклонялся от этого под недостойными предлогами. Я обвиняю "Футуро" в том, что этот журнал посредством своей злонамеренной травли участвовал в моральной подготовке покушения, во многих случаях при содействии будущих участников покушения. Я обвиняю "Эль Футуро" в том, что после покушения 24 мая он всеми доступными ему мерами помогал покушавшимся замести следы преступления, порочил меня ложными и бессмысленными обвинениями в "авто-покушении" и тем препятствовал объективному расследованию. Я обвиняю "Футуро" в том, что, продолжая и ныне, во время судебного следствия, свою недостойную кампанию лжи, клевет и фальсификаций, журнал фактически участвует в подготовке второго покушения, которое, несомненно, готовится агентами ГПУ. Я обвиняю, следовательно, "Футуро" в том, что в вопросах, касающихся меня, моей семьи, моих друзей, "Эль Футуро" является агентурой ГПУ.

Участие "Футуро" в моральной подготовке покушения

В деле выбора примеров и доказательств злонамеренной клеветы против меня со стороны "Футуро" я наталкиваюсь на два затруднения: избыток материала и нравственное отвращение. Чтобы экономить время суда, я ограничусь немногими примерами, выбирая те из них, которые требуют наименьшего числа цитат и комментариев.

В выпуске "Футуро" за март 1940 г. напечатана статья некоего Оскара Крейдта Абеленды "Ля сигнификасион дель троцкизмо"⁴⁸⁹, в которой, в числе многого другого, заключаются следующие утверждения:

ЦИТАТЫ:

[...]490

Никто на свете, кроме инквизиторов ГПУ, не осмеливался никогда обвинять меня в связи с Гестапо или с секретной полицией Соединенных Штатов! Несмотря

на чудовищную бессмыслицу обвинения, разбивающегося о самое себя, я настоял три года тому назад на рассмотрении московских судебных подлогов международной комиссией из одиннадцати высокоавторитетных лиц, в подавляющем большинстве моих непримиримых политических противников, под председательством всемирно известного философа и педагога Джона Дьюи. В составе этой комиссии, работавшей при открытых дверях, были также представители коммунистических партий Соединенных Штатов и Мексики, адвокат с[еверо]американской компартии г. Бродский и г. Ломбардо Толедано. По сигналу из Москвы они, разумеется, отказались. В результате годовой работы московские обвинения были разоблачены Комиссией д-ра Джона Дьюи как величайший в истории юридический подлог. Два тома работ комиссии в общем свыше 1.000 страниц я имею честь приложить при сем. Во всей мировой печати московский судебный подлог поддерживается сейчас только и исключительно органами, находящимися в прямом распоряжении ГПУ.

В отношении политического смысла обвинений, заключавшихся в статье Абеленды, я вынужден сказать здесь несколько слов в целях определения закулисного источника, вдохновляющего "Эль Футуро". В течение всей своей политической жизни я был и остаюсь непримиримым противником империализма, под какими бы политическими масками он не скрывался. Никто не укажет ни одного моего действия и не найдет ни одной моей строки, которые противоречили бы этой позиции. Когда Кремль готовил союз с "демократиями" и Коминтерн пресмыкался перед ними, забывая о колониях, я напоминал рабочим о том, что эти демократии являются империалистическими. В ответ на это ГПУ травило меня как агента Гитлера, а "Эль Футуро" изображал меня в многочисленных карикатурах не иначе, как со свастикой. Когда Сталин неожиданно заключил пакт с Гитлером, а я обличал раздел Польши и вторжение в Финляндию, ГПУ изображало меня агентом британского и североамериканского империализма. Статья Абеленда, как и ряд других статей "Футуро", представляют только интерпретацию клевет ГПУ.

Кто же такой г. Оскар Крейдт Абеленда, автор цитированной статьи? "Парагваец, профессор Рабочего университета", как он сам себя рекомендует, он состоит в то же время сотрудником "Ля Вос де Мехико", и притом сотрудником особой категории. Именно Абеленда дал в "Вос де Мехико" отчет о секретной дискуссии на пленуме Национального Комитета партии, хотя сам Абеленда не является членом Центрального Комитета. Я считаю себя вправе предположить, что он является сверх-членом. Одной статьи его "Ля сигнификасион дель троцкизм" достаточно, чтобы узнать в нем агента ГПУ.

Во главе "Эль Футуро" стоят люди, достаточно грамотные политически и юридически, чтобы понимать действительный смысл статьи г. Абеленда. Г[осподин] Ломбардо Толедано и Вийасеньор не верят, разумеется, ни одному слову этой статьи. Почему же они компрометируют себя печатанием подобных пасквилей? Ответ на это может быть только один: потому что их отношения к Кремлю обязывают их печатать против меня всякие низости, исходящие от ГПУ. И эти господа обвиняют меня в диффамации, когда я называю их политической

функцию по имени, как функцию агентов ГПУ!

Статья г. Абеленды иллюстрирована на странице 35-й карикатурой против меня. Автор карикатуры скрыл свое имя под иероглифом. Однако сравнение с другими карикатурами в журнале позволяет заключить, что перед нами дело рук Луиса Ареналя⁴⁹¹, убийцы Роберта Шелдона Харта.

Исключительно важна дата напечатания статьи Абеленды: март 1940 г., т. е. момент, когда Коммунистическая партия провозгласила на своем съезде новый "антитроцкистский" поход и когда подготовка к покушению шла уже полным ходом.

Невозможно закрывать глаза перед очевидностью: статья Абеленды в "Футуро", чистка Коммунистической партии с участием Абеленды, техническая подготовка покушения с участием членов Коммунистической партии имеют один общий источник, и этим источником является ГПУ, могущественная международная агентура Кремля.

*

Мелкие лжи поражают своей настойчивостью. Почти в каждом номере "Футуро" можно найти ту или другую клевету против меня. Приведу один образчик. "Эль Популар" и "Ля Вос де Мехико" сообщали о моих тайных контрреволюционных связях с генералом Седильо, с д-ром Атлем, генералом Е.Акоста и многими другими. Я опроверг эти фантастические сообщения в печати. По этому поводу "Эль Футуро" пишет:

ЦИТАТА.[...]492

Здесь мы имеем ложь в химически чистом виде. На первый взгляд ложь может показаться мелкой. Но эта мелкая ложь на службе крупной цели. "Эль Футуро" хочет внушить мысль, что я участвую в избирательной кампании на стороне реакции. Заслуживает внимания дата этой лжи: январь 1940 г., месяц, когда началась техническая подготовка покушения.

Сотрудничество террористических агентов ГПУ на страницах "Эль Футуро"

Приводимый ниже неполный перечень статей и рисунков свидетельствует, что будущие участники покушения или их ближайшие друзья, заподозренные полицией и подвергавшиеся аресту или допросу в связи с покушением 24 мая, занимали на страницах "академического" журнала (издание Рабочего Университета!) очень видное место. В качестве сотрудников мы находим имена А.Д.Серрано, Д.А.Сикейроса, Луиса Ареналя, Анжелики Ареналь, сестры Луиса и жены Д.А.Сикейроса, Нестора Санчеса Хернандеса, Феликса Герреро Мехи. Одни из них прямо атакуют меня, как Луис Ареналь и Нестор Санчес Хернандес, своим карандашом и пером прежде, чем атаковать меня пулеметом и револьвером; другие, более осторожные, предпочитают не называть меня по имени или скрываться под псевдонимами. Помимо выше [названных] террористических агентов ГПУ, мы встречаем среди постоянных сотрудников имена лиц, неоднократно называвшихся во время расследования: Леопольдо Мендеса, Енрике Рамиреса-и-Рамиреса (один из авторов теории самопокушения), Андреса Гарсиа

Сальгадо и др. Список сотрудников "Эль Футуро" непоколебимо свидетельствует, таким образом, что "пистолеры" ГПУ не были в этой среде инородными фигурами. Наоборот, они составляли плоть от ее плоти и кость от ее костей.

Особенно ярко это сказывается на вопросе о фигуре Сикейроса, не только художника, но и политика. Сейчас, после неудачи, его вчерашние друзья и сотрудники пытаются взвалить на него всю ответственность и изобразить его "педантом" ("педант" с пулеметом!), "невменяемым" и даже "сумасшедшим". Но вчера дело обстояло иначе. В выпуске "Эль Футуро" за май 1939 г., в "Эль Перфиль дель Мес"⁴⁹³ находим, с одной стороны, очередную атаку против меня, а затем следующие строки:

[...]494

Д.А.Сикейрос прославляется в этих строках не только как артист⁴⁹⁵, но и как политическая фигура, не оцененная по достоинству черствой мексиканской полицией. Эта патетическая апология Сикейроса принадлежит, видимо, перу г. Алехандро Каррильо, директора "Эль Популар", который грозит посадить меня в тюрьму за... диффамацию.

Праздничный майский No за 1939 г. представляет собою замечательный политический документ. На первом месте большой портрет Л.Толедано и его статья. В отделе "Эль Перфиль дель Мес" один из анонимных художников (Луис Ареналь?) изображает, как Диего Ривера изгоняет Троцкого за невзнос квартирной платы⁴⁹⁶. В том же отделе - ода в честь Сикейроса. Статья Виктора Мануэля Вийасеньора в защиту внешней политики Кремля. Статья Нестора Санчеса Хернандеса, обличающая союз троцкизма с наци. Рисунок Луиса Ареналья. Статья Алехандро Каррильо. Этот перечень говорит сам за себя.

Дело идет здесь не о гипотезах, не о психологических догадках и подозрениях, а о неоспоримых фактах, запечатленных на страницах самого "Футуро". Руководители этого журнала связаны тесным сотрудничеством с наиболее видными участниками покушения 24 мая. Редакция "Футуро" участвовала в моральной подготовке покушения, прежде чем часть ее сотрудников совершила нападение на мой дом, похитила и убила Роберта Харта, пыталась убить меня, мою жену и нашего внука.

"Эль Футуро" после покушения 24 мая

В No за июль этого года, в неподписанном редакционном обзоре "Эль Перфиль дель Мес", на странице 24-ой, читаем:

[...]497

В фактической части этой статьи нет ни слова правды. Я решительно ни в чем себе не противоречил. Да и бессмысленно допустить, что человек, способный готовить на глазах у полиции гигантское "авто-покушение", окажется неспособен объяснить, где он спал во время нападения. В СССР всякий, кто посмел бы указать на подобное противоречие в подлоге ГПУ, был бы немедленно расстрелян. В Мексике этого, к счастью, нет. Редакторам "Футуро" следовало бы поэтому быть осторожнее. Но будучи бессмысленным, их обвинение остается крайне тяжким: я организовал, по их утверждению, покушение на себя с

целью... спровоцировать интервенцию Соединенных Штатов в Мексике. Не больше и не меньше! С какой целью могу я желать нападения на Мексику, под покровительством которой я живу? Почему, далее, Соединенные Штаты должны вмешаться в результате покушения на чуждого им русского изгнанника, которому сами Соединенные Штаты не открывают дверей? Понять ничего нельзя. Клевета оторвалась здесь от всех условий места и времени. Но злая воля налицо. Если бы клевета "Футуро" была принята всерьез властями, это должно было бы повести для меня и моей семьи к самым трагическим последствиям.

В отношении преступления 24 мая "Эль Футуро" ведет ту же вероломную политику, что и "Эль Популар" и "Вос де Мехико". К этому надо прибавить, что в нью-йоркском еженедельнике "Де Найшен" от 8 июня помещена статья об авто-покушении Хари Блока, который живет в Мексике и самым тесным образом связан с группой "Футуро". При самой строгой осторожности нельзя не усмотреть прямого соглашения редакций "Футуро", "Эль Популар" и "Вос де Мехико" с целью возложить на меня ответственность за преступление, совершенное сотрудниками этих изданий. Таков неумолимый вывод из фактов. Пусть после этого директора "Эль Футуро", "Эль Популар" и "Ля Вос де Мехико" обвиняют меня в диффамации!

Л.Троцкий

Койоакан

5 июля 1940 г.

Дополнительные заявления к протоколу от 2 июля 498

"Жилые подвалы"

К моим ответам на вопросы г. Павона Флореса считаю необходимым сделать следующие дополнительные заявления.

По поводу того, что в начале следствия, когда речь могла идти только о гипотезах, я высказал подозрения относительно одного из политических друзей г. Флореса, этот последний выступает в качестве моего сурового обвинителя. В том же заседании, однако, он счел возможным высказать подозрение, что я был своевременно предупрежден одним из участников о предстоящем покушении, именно Робертом Хартом, и что я скрыл это от следствия. Другими словами, г. Флорес публично заподозрил меня в тяжелом преступлении, притом не в начале расследования, не в ответ на прямые вопросы следственных властей, но в момент, когда общий характер преступления уже полностью выяснен, и после того, как я в присутствии самого г. Флореса представил подробные объяснения относительно интересующего его вопроса. Необходимо в то же время не забывать, что г. Флорес выступает в качестве защитника одного из обвиняемых в тяжелом преступлении; я же выступаю в качестве жертвы этого преступления.

Но если г. Флорес не имеет и не может иметь ни тени фактических доказательств, то следовало бы предполагать, что его чудовищное подозрение опирается по крайней мере на убедительные аргументы логического или

психологического характера. Увы, также и с этой точки зрения его подозрение представляет полную бессмыслицу.

Вопрос г. Флореса о том, имеются ли в доме "жилые" подвалы, позволял предполагать, будто я проводил вообще свои ночи в подвале. Из дальнейшего однако выяснилось, что идея г. Флореса была совершенно другая: будучи предупрежден, по его мнению, Робертом Хартом, я провел в подвале только небольшую часть ночи на 24 мая. Но для этого не было совсем необходимо располагать "жилым" подвалом: чтобы избежать смерти, вполне возможно было провести полчаса в курятнике или даже в ящике с дровами.

Внутренняя несостоятельность конструкции г. Флореса не останавливается, однако, на этом. По мысли г. адвоката, единственное употребление, которое я сделал из предупреждения относительно предстоящего покушения, состояло в том, что я спрятался в "жилом" подвале (не было ли бы, однако, менее глупым спрятаться в подвале нежилом, и потому менее доступном?). Другими словами, я предоставил собственной участи всех обитателей дома, включая моего внука, которого покушавшиеся пытались убить. Есть ли в этом хоть частица здравого смысла? Не ясно ли, что, если бы я был действительно предупрежден о покушении моим ближайшим сотрудником, я принял бы меры совсем другого характера? Я первым делом известил бы генерала Нуньеза; мобилизовал бы своих друзей и с помощью полиции приготовил бы солидную западную гангстерам ГПУ. Мой бедный друг Роберт Харт сохранил бы в этом случае свою жизнь. Именно таким путем действовал бы, разумеется, каждый разумный человек. Г[осподин] Флорес предпочитает, однако, приписать мне поведение не только преступное, но и бессмысленное, опасное для меня и для моих друзей, но благоприятное или, по крайней мере, менее неблагоприятное для ГПУ. Нельзя, правда, не признать, что нынешнее положение ГПУ в высшей степени плачевно.

Почему я ждал покушения?

Почему именно я с начала этого года с особенной уверенностью ждал покушения? Отвечая 2 июля на этот вопрос г. Павона Флореса, я указал, в частности, на съезд Коммунистической партии Мексики, происходивший в марте этого года и провозгласивший курс на истребление "троцкизма". Чтобы сделать мой ответ более ясным, необходимы дополнительные уточнения.

Так как практическая подготовка покушения началась в январе этого года и так как известное время требовалось на предварительные обсуждения и выработку плана, то можно с уверенностью сказать, что "приказ" о покушении был доставлен в Мексику не позже, как в ноябре-декабре 1939 г.

Как видно из "Ля Вос де Мехико", кризис руководства партии начался как раз с этого времени. Толчок кризису был дан извне партии, и сам кризис развивался сверху вниз. Неизвестно кем был выработан особый документ, так называемые "Материалы" для дискуссии, опубликованные в "Ля Вос" 28 января и представляющие анонимный обвинительный акт против старого руководства (Лаборде, Кампа и др.), виновного будто бы в "примирительном" отношении к троцкизму. Что именно за всем этим скрывалось, широкому общественному мнению

было тогда совершенно не ясно. Но для осведомленных и заинтересованных наблюдателей было несомненно, что готовится какой-то серьезный удар, если не против "троцкизма", то против Троцкого.

Сейчас совершенно очевидно, что переворот внутри Коммунистической партии тесно связан с данным из Москвы приказом о покушении. Вероятнее всего, ГПУ наткнулось на известное сопротивление среди руководителей компартии, которые привыкли к спокойной жизни и могли бояться очень неприятных политических и полицейских последствий покушения. Именно в этом лежит, очевидно, источник обвинения против них в "троцкизме". Кто возражает против покушения на Троцкого, тот..., очевидно, "троцкист".

Анонимная "комиссия чистки" отстранила от работы вождя партии Лаборде и с ним вместе Центральный Комитет, выбранный на предшествующем съезде. Кто дал комиссии чистки столь необъятные права? Откуда взялась сама комиссия? Она не могла, очевидно, возникнуть путем самопроизвольного зарождения. Ее создали лица, имевшие полномочия извне. У этих лиц были, очевидно, все основания скрывать свои имена.

Только 18 февраля, когда переворот уже был закончен и оставалось только санкционировать его, опубликован был состав новой комиссии чистки из одних мексиканцев, причем опять-таки не указано было, кто их назначил. Ко времени созыва съезда партии 21 марта все вопросы были уже решены, и делегатам оставалось только принести клятву в подчинении новому руководству, которое создано было без них и для целей, которые большинству из них были неизвестны.

Как видно из отчета о съезде в "Ля Вос де Мехико" (март 18, 1940 г.), прения по вопросу "La lucha contra el trotskismo y demas enemigos del pueblo"⁴⁹⁹ происходили не на открытом собрании съезда, как по другим вопросам порядка дня, а в закрытом заседании особой комиссии. Один этот факт свидетельствует, что новым руководителям необходимо было скрывать свои намерения даже от съезда собственной партии. Кто входил в секретную комиссию, мы не знаем. Но можно высказать гипотезу насчет того, кто руководил ею из-за кулис.

Съезд выбрал, вернее, пассивно одобрил "почетный президиум" в составе Димитрова, Мануильского, Куусинена, Тельмана, Карлоса Контрераса и других. Состав почетного президиума опубликован в брошюре Дионисио Енсина "¡Fuera el I imperialismo!" (Edicion popular, 500 1940 г., стр. 5). Димитров, Мануильский, Куусинен находятся в Москве, Тельман - в берлинской тюрьме, а Карлос Контрерас находится в Мексике. Его включение в почетный президиум не могло быть случайным. Контрерас ни в каком случае не принадлежит к числу так называемых международных "вождей", включение которых в почетный президиум имеет ритуальный характер. Имя его вполне получило печальную известность во время гражданской войны в Испании, где Контрерас, в качестве комиссара пятого полка, был одним из наиболее свирепых агентов ГПУ. Листер, Контрерас и третье лицо под кличкой "Эль Кампенсина" вели внутри республиканского лагеря свою собственную "гражданскую войну", физически истребляя противников

Сталина из числа анархистов, социалистов, поумистов и троцкистов. Факт этот может быть установлен на основании печати и допроса многочисленных испанских беженцев. Не будет поэтому слишком смелым предположить, что бывший комиссар пятого полка и член "почетного" президиума съезда являлся одним из важных рычагов в деле перемены руководства компартии в начале этого года. Такое предположение тем более обоснованно, что Контрерас проводил уже одну "антитроцкистскую" чистку в мексиканской компартии, именно, в 1929 г. Правда, г. Контрерас отрицает свою причастность к делу. Но почему в таком случае его выбрали в почетный президиум съезда, связанного с заговором?

Когда я в первые месяцы этого года наблюдал по печати за процессами в Коммунистической партии, я представлял себе положение далеко не с такой ясностью, как сейчас. Но для меня было несомненно и тогда, что за официальным экраном партии с его китайскими тенями скрывается движение реальных фигур. Реальными фигурами являются в этой игре агенты ГПУ. Вот почему я ждал покушения.

Почему г. Павон Флорес выдвигает против меня недостойные обвинения?

Подзащитные г. Флореса Давид Серрано и Луис Матеос Мартинес⁵⁰¹, отрицают свое участие в покушении. Г[осподин] Флорес не ограничивается, однако, защитой названных лиц; он пытается доказать, что я сам участвовал в покушении. Между "неучастием" его подсудимых и моим мнимым "участием" нет никакой причинной или логической связи. Выдвигая свое фантастическое обвинение против меня, г. Флорес действует не как судебный защитник, ибо он только вредит этим своим подзащитным, а как член ЦК Коммунистической партии. Я считаю поэтому необходимым указать на то, что г. Флорес играл активную роль в последнем повороте своей партии и был впервые введен в ЦК, как и его подзащитный Серрано, для усиления борьбы против "троцкизма".

Чтобы попасть в ЦК, г. Флоресу пришлось совершить поворот на 180 градусов. В компилятивной книжке, изданной в 1938 г., Флорес относит к числу классических произведений марксизма брошюру Хернана Лаборде "La Unidad a toda costa"⁵⁰² (М. Павон Флорес. Эль орадор популяр⁵⁰³, стр. 7). Но как только, по приказу из таинственного источника, брошюра Лаборде признана была "предательской", Павон Флорес в речи в театре Гидальго 9 марта немедленно причислил Лаборде к числу "врагов народа" ("Ля Вос де Мехико", No 301). Все это во имя усиления борьбы против Троцкого и "троцкизма"!

У меня нет доказательств того, что Д. Серрано и Д. Сикейрос своевременно посвятили г. Флореса в план покушения. Но несомненно, что в качестве члена ЦК г. Флорес многое знал и еще о большем догадывался. Сегодня члены ЦК компартии знают во всяком случае гораздо больше, чем знают полиция и суд. Г[осподин] Флорес знает правду. И если он высказывает ни на чем не основанное чудовищное подозрение против меня, то только потому, что он вынужден выполнять обязательства, возложенные на него последним съездом компартии.

Кого именно хотели убить покушавшиеся?

Труп Роберта Харта не только придал сразу трагический характер всему покушению; не только разрушил до основания подозрения следователей против самого Роберта Харта, но и показал, что, несмотря на финальную неудачу, в покушении не было никакой импровизации; все было обдуманно, взвешено, подготовлено заранее, даже могила и извесь для будущих жертв.

Я считаю ввиду этого безусловно необходимым выяснить в процессе следствия, как именно заговорщики решили между собою вопрос о моей жене и о моем внуке. Что они имели своей основной задачей убить меня, не требует доказательств. Вопрос о моей жене продолжает, однако, оставаться в тени. Между тем заговорщики не могли не обсуждать заранее, кого и как им придется убить, где и как им скрыть трупы, как замести следы и пр. Дело шло о покушении на предумышленное убийство определенных лиц, с неизбежным риском, разумеется, что попутно придется убить и других лиц, если они окажутся на пути к поставленной цели.

Заговорщики знали, что моя жена находилась в той же спальне, что и я. Если бы они ворвались сразу в спальню с револьверами в руках, они могли бы, может быть, ограничиться убийством меня одного. Но они рисковали при этом встретить с моей стороны вооруженный отпор. Чтобы свести для себя самих риск к минимуму, они решили предварительно действовать через двери и окна пулеметным огнем. При этом у них было столько же шансов убить мою жену, сколько и меня. Вернее, у них была уверенность, что они убьют нас обоих. Во время тщательного предварительного обсуждения своего образа действий они вынесли, следовательно, моей жене смертный приговор. Они сделали это не только по указанной выше технической причине, но и по политическим соображениям. В лице моей жены они справедливо видели моего товарища и сотрудника на всех этапах моей жизни и особенно в трудные часы. Они знали, что, оставшись жить, Наталия Седова выступит как грозная свидетельница против них и как политическая мстительница. Могущественное ГПУ справедливо боялось этой хрупкой женщины и потому постановило убить ее.

*

Вопрос о внуке представляется менее ясным. Покушавшиеся стреляли по кровати внука дважды. Один раз - сквозь дверь, причем пуля прошла над постелью по диагонали, совсем близко над телом мальчика. Этот выстрел не мог быть случайным, так как нападавшие хорошо знали размещение комнат и постелей. Ворвавшись в комнату внука, они не могли его не видеть, особенно при свете зажигательной бомбы. Мальчик вскочил на их глазах с постели и скрылся под кроватью. После этого один из нападавших выстрелил в кровать, пробил матрас и ранил палец на ноге мальчика. Был ли этот второй выстрел по внуку только плодом паники одного из нападавших или же у них было решено покончить также и с мальчиком? Это второе предположение может показаться невероятным. Однако в дни московских процессов резолюции, продиктованные ГПУ, требовали истребления не только меня и моих сыновей, но и всего нашего

"отродья". Такой образ действий, хоть и кажется чудовищным, но вполне отвечает натуре и методам Сталина.

ГПУ в течение ряда лет доводило до самоубийства или убивало близких мне людей, чтобы таким образом сломить меня. Наиболее тяжкие удары наносились мне в лице членов моей семьи, в том числе и моих внуков, которых отделяли от родителей и от меня. Четверо из пяти моих внуков исчезли бесследно. Свою зверскую мстительность Сталин мог распространить и на последнего внука, которому идет пятнадцатый год и который хорошо знает по собственному опыту историю нашей семьи. Я считаю поэтому необходимым выяснить во время судебного следствия, каково было решение заговорщиков также и относительно судьбы моего внука.

Л.Троцкий

Койоакан

7 июля 1940 г.

Заявление в "Ля Пренса"

В вашей уважаемой газете от 10 июля напечатано сообщение из города Остин, Техас, от 9 июля, гласящее, будто я заявил, что собираюсь выступить с разоблачениями перед комиссией Дайеса по вопросу о деятельности коммунистов и "весьма возможно, по поводу покушения, жертвой которого я недавно явился" и т. п. Заметка представляет собой чистейшее измышление с начала до конца. Никто от имени комиссии Дайеса не обращался ко мне ни из Остина, ни из других мест. Я никому не обещал давать показания перед комиссией Дайеса, ни по вопросу о покушении, ни по каким другим вопросам. Ваша газета стала жертвой злонамеренной мистификации. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что расследование источников мистификации без труда раскрыло бы руку агента ГПУ.

[Л.Д.Троцкий]

[После 10 июля 1940 г.]

Ложные подозрения против Роберта Шелдона Харта

Выяснение вопроса о действительной роли Р.Ш.Харта имеет значение не только потому, что недопустимо пятнать память человека, который пал жертвой преступления и не способен более защититься, но и потому, что от выяснения роли Харта зависит выяснение роли других лиц. Если Харт был сообщником, - а он им не был, - то возможно, что сообщниками были некоторые другие лица, связанные с моим домом. Вот почему я считаю необходимым еще раз выяснить здесь в сжатой форме ошибочность подозрений против Р.Ш.Харта.

*

1. Роберт Харт был членом секции Четвертого Интернационала в С[оединенных] Ш[татах] и работал в нью-йоркской организации больше года. Он никогда не предлагал своей кандидатуры для моей охраны: это обстоятельство я

проверил со всей точностью путем опросов всех лиц, связанных с выбором членов моей охраны (Д.Кеннон, Роза Карснер504, Фаррел Доббс505, Джо Хансен, Генри Шулц506). Предложение выехать в Мексику явилось для Р.Харта полной неожиданностью. Он получил это предложение от Розы Карснер в первой половине марта и принял его без колебаний. Агенты ГПУ, приступившие в Мексике к практическому осуществлению своего заговора в начале января, не могли знать, что Роза Карснер предложит в марте Роберту Харту выехать в Мексику. Не может быть, следовательно, ни малейшего сомнения в том, что план покушения выработывался без малейшего расчета на участие Р.Харта, который прибыл в мой дом только 7 апреля.

2. То обстоятельство, что ворота были открыты будто бы "добровольно", легло в основание всех подозрений об участии Р.Харта в заговоре. На самом деле вопрос в том, кто и как открыл ворота, до сих пор остается, насколько я знаю, совершенно невыясненным507. Гипотетически можно выдвинуть несколько возможностей.

а) два-три заговорщика могли пробраться во двор через три больших отверстия в стене, против библиотеки, обезоружить Харта и открыть ворота;

б) заговорщики могли при помощи своих лестниц перелезть через забор после того, как они связали внешнюю охрану;

в) заговорщики могли обмануть Харта своей полицейской формой, как они обманули внешнюю охрану.

Происходя из богатой семьи и не привыкши преодолевать трудности жизни, молодой Роберт Харт не был по натуре осторожным человеком. Он однажды при мне в первую или вторую неделю своего пребывания у нас в доме передал ключ от ворот одному из каменщиков, работавших в доме. Я тогда же сделал ему замечание: "Если вы будете так поступать с ключом, то в случае нападения вы окажетесь первой его жертвой". Я не думал тогда, что в моих словах заключалось зловещее пророчество. Правило гласило, что ночью открывать ворота нельзя. Но это правило не вошло в плоть и кровь Харта. Заговорщики могли сказать ему, что прибыли со срочным сообщением из хефатуры полиции508. Слегка приоткрыв дверь, Р.Харт действительно увидел полицейских и доверчиво открыл им ворота.

3. Исчезновение Роберта Харта утром 24 мая укрепило следственные власти в подозрении о его участии в покушении. Но я тогда уже, в первые часы после покушения, считал подозрение ошибочным. Так, в "Универсаль" от 25 мая напечатан следующий диалог:

1. Вопрос: [...]

2. Ответ: [...]509

Во время бесед с представителями следствия я настаивал на том, чтобы искать труп Р.Харта в канале, в Педрегале510 и пр. Но мои слова встречали скептическое отношение.

4. В ближайшие дни подозрения против Р.Харта усилились. У меня было впечатление, что эти подозрения разжигаются искусственно. Нетрудно было догадаться, что кампания против Р.Харта исходила из тех же самых источников,

которые выдвинули теорию "самопокушения". Уверенность в том, что Р.Харт - соучастник покушения (или "авто-покушения"), распространилась на всю печать. В "Эксельсиор" и в "Универсаль" от 26 мая читаем: (№ 3, № 4) [...]511

Основой подозрения является, следовательно, тот факт, что Харта не находят ни живым, ни мертвым. Запомним себе это!

5. Полицейский Франциско Рамирес Диас, № 3727, показал в самом начале следствия и продолжает сейчас поддерживать то же показание, именно, что Роберт (Боб) Шелдон (цитата А) [...]512

Одного этого показания достаточно, чтобы разрушить полностью версию о том, что Харт был участником покушения. Можно ли хоть на минуту вообразить, что два участника держат за руки третьего "участника" для того, чтобы он шел с ними "добровольно"? Если бы Боб был участником, то он, очевидно, должен был бы помогать нападавшим, руководить ими, вести их, указывать им. Вместо этого оказывается, что двое нападавших отвлекаются от нападения, чтобы за руки вывести Харта из дома.

Показание Ф.Р.Диаса тем более убедительно, что оно раскрывает саму механику допроса. Подвергался ли Шелдон насилию? Нет! Шел ли с ними добровольно? Да. "Аунке, - прибавляет Диас, - когидо де лос брасос пор дос сухетос"513. Если мексиканские полицейские, знающие хорошо обстановку, не сумели в первый момент отличить нападавших террористов от полицейских, то можно ли требовать такого различия от Роберта Харта, которые провел в стране всего полтора месяца и не знал испанского языка? Нападавшие обезоружили его, схватили под руки и приказали следовать за ними. "Сопротивляться" у него не было никакой возможности, и у нападавших не было никакой необходимости производить над ним какое-либо дополнительное насилие.

Верно ли, что Роберт Харт сам правил одним из двух автомобилей, захваченных в нашем доме? Факт этот, если он даже верен, сам по себе решительно ничего не доказывает. Безоружный Роберт Харт был в руках вооруженных противников в полицейской форме. Эти "полицейские" утверждали, что город в их руках. За спиной Р.Харт слышал стрельбу. Помочь друзьям он не мог. От него требовали, чтобы он сел у руля автомобиля и правил по указанию тех, которые захватили его в плен. У него не оставалось выбора. Всякий другой вынужден был бы поступить на его месте так же.

7. 26 мая газеты сообщали: (цитата № 6, стр. 4) [...]514

Эта наклейка на чемодане послужила поводом для новых подозрений; явно: Роберт Харт прибыл из Москвы; явно: он агент ГПУ. Я тогда же указал на полную неосновательность такого предположения: агент ГПУ никогда не прибыл бы в мой дом с наклейкой на чемодане из Москвы. На самом деле, как уже ранее известно было, со слов Харта другим членам охраны, Роберт купил чемодан из вторых рук с целым рядом наклеек. Сам он в Москве никогда не был. То же самое подтвердил и его отец.

8. 29 мая в качестве улики против Роберта Харта выдвигается "пижама". Один из покушавшихся носил светлый и яркий костюм, который некоторым свидетелям казался пижамой. Отсюда сделан был вывод: так как никто из

покушавшихся не мог прибыть в пижаме, то, очевидно, Роберт, дожидаясь своих соучастников, прилег заснуть; момент покушения застиг его в пижаме. Нелепость этого предположения не требует доказательств. Р.Харт дежурил во дворе ночью и был тепло одет. Человек, готовящийся совершить рискованное покушение, не облачается в пижаму и не ложится спать. Полицейский Франциско Рамирес Диас, видевший, как уводили Роберта под руки, ничего не говорит о пижаме. Тем не менее 30 мая пресса характеризует уже Роберта Харта как "интеллектуального и морального руководителя покушения" (стр. 11).

9. Из неизвестных источников получено сообщение, будто в комнате Роберта Харта в Нью-Йорке нашли портрет Сталина. Это свидетельство было проверено и оказалось ложным. Опровергающая телеграмма из Нью-Йорка была мною передана властям. Тем не менее фантастическое сообщение о портрете Сталина, даже с горячим "посвящением", повторялось в печати несколько раз без малейшего основания. Из какого источника исходило это злостное измышление?

10. Допустим, однако, для полноты анализа, что Роберт Харт действительно был агентом ГПУ. Это значило бы, что агент ГПУ попал в мой дом совершенно случайно для ГПУ, не по собственной инициативе, а по приглашению моих американских друзей, притом в такой момент, когда подготовка покушения в Мексике была уже в полном ходу. Совершенно очевидно, что появление в моем доме агента ГПУ должно было полностью изменить весь план покушения. К чему двадцать-тридцать человек с митральезами, бомбами, электрической пилой, веревочными лестницами и пр., когда один агент ГПУ, живущий в моем доме и пользующийся полным моим доверием, имел возможность в любое время ночью проникнуть в мою спальню, дверь которой никогда не запиралась, убить меня кинжалом и уехать на автомобиле без всяких затруднений? Если он опасался, что его одного для такого предприятия недостаточно, он мог в любое время ночи, во время своего дежурства, впустить через ворота одного-двух сообщников: этого было бы вполне достаточно, чтобы разрешить задачу без шума и исчезнуть бесследно. Это простое соображение полностью опровергает гипотезу о Роберте Харте как агенте ГПУ.

11. Чтобы выпутаться из этого противоречия, выдвинута была новая гипотеза: Роберт Харт прибыл в Мексику в качестве моего сторонника, но заговорщикам удалось "подкупить" его во время его семинедельного пребывания в моем доме. Это предположение относится к числу наиболее легкомысленных и фантастических.

а) Роберт Харт происходил из богатой семьи и жил отдельно от семьи только потому, что политически расходился с семьей. Денежный подкуп в этих условиях представляется совершенно невероятным.

б) Какие гарантии могли быть у заговорщиков, что неизвестный им Роберт Харт, взяв деньги, не выдаст их накануне покушения, войдя в соглашение со мною и с полицией? Можно ли хотя бы на минуту допустить, что ГПУ доверило судьбу столь ответственного предприятия незнакомому молодому человеку, которого удалось "купить"? Такое предположение полностью противоречит всем

правилам и традициям ГПУ, которое подбирает и проверяет сотрудников с чрезвычайной тщательностью.

в) Наконец, если бы покушавшиеся действительно "купили" Роберта Харта, то тем самым отпала бы необходимость производить ночное нападение, связывать полицейских, стрелять из пулеметов и пр. Если "подкупленный" Роберт Харт не решался сам убить намеченную жертву, то он мог открыть ворота для одного или двух сообщников, которые могли совершить свою операцию бесшумно.

12. 30 мая у меня была конференция с представителями прессы. "Эксельсиор" дал об этом следующее сообщение: [...]515, стр. 13

Борьба продолжалась по той же линии: искать ли Роберта Харта в Нью-Йорке или его труп в Мексике?

13. Отец Роберта, прибывший тем временем в Мексику, предложил премию за указание местонахождения сына. Розыски не давали, однако, результата. Мать Роберта заболела. Отец вылетел в Нью-Йорк. Это послужило основанием для новых подозрений. В прессе 12 июня находим уже категорическое заявление о том, что Роберт Шелдон находится в Соединенных Штатах. В "Эксельсиор" от 12 июня читаем: [...]516 (стр. 16).

Опять-таки подозрения против Р.Харта опираются на уверенность в том, что он жив и здоров, но скрывается.

14. 19 июня в прессе появляется сообщение о важных признаниях одного из покушавшихся, именно, Нестора Санчеса Хернандеса, который в очень неопределенных словах пытается изобразить Р.Харта участником покушения. Показания Нестора Хернандеса, как они переданы в газетах, в этой своей части не заслуживают ни малейшего доверия. Хернандес до дня своего ареста, а может быть и в тюрьме, читал газеты, знал о подозрениях полиции против Харта и был, естественно, заинтересован в том, чтобы поддержать эти подозрения, особенно если он знал о той судьбе, которая была уготована Харту. В своих признаниях он, несомненно, скрывал наиболее отягчающие обстоятельства, стремясь придать покушению как можно более невинный вид.

15. В показаниях Нестора Хернандеса говорится, что Сикейрос ждал определенного момента, глядя на свои часы, прежде чем дать сигнал нападения, - и объясняется это тем, что Сикейрос приурочивал нападение к дежурству Р.Харта. Это сообщение, очень важное на первый взгляд, произвело, видимо, большое впечатление на следственные власти. Однако это сообщение совершенно ложно. Дежурство Р.Харта продолжалось с часу ночи до 4-х часов утра. Нападение произошло около четырех часов, т. е. как раз тогда, когда Роберт должен был смениться. Только потому, что часы Отто Шюслера отставали, он не спустился своевременно из башни во двор. Это лучшее доказательство того, что нападавшие вовсе не считались с дежурством Роберта Шелдона. Нестор Хернандес говорит неправду или, в лучшем случае, путает под влиянием газетных сообщений.

16. 24 июня полиция находит труп Харта. Все гипотезы насчет того, что он скрылся в Соединенные Штаты, оказались разрушены. Предположение, что Харт был не участником покушения, а его жертвой, подтвердилось полностью. Тем не

менее предвзятая гипотеза оказалась сильнее неопровержимого факта. В газетах стали появляться новые "улики" против Харта, одна фантастичнее другой. Если раньше доказательством его сообщничества считалось то, что он "жив и здоров", то теперь уликой против него стало то, что он убит!

17. Мариано Херера Васкес (стр. 27) показывает, что в своем убежище в Десиерто де лос Леонес Роберт Харт пользовался будто бы "полной свободой". Если бы это было так, это означало бы, что другие участники покушения относились к нему с абсолютным доверием. Если Р.Харт собирался выдать своих "сообщников", почему он не воспользовался "полной свободой" и не скрылся? А если он не собирался выдавать своих сообщников, почему и зачем они убили его? Из этого противоречия выбраться нельзя. Все попытки объяснения этого противоречия поражают своей натянутостью и искусственностью. Гораздо проще и вернее предположить, что Мариано Васкес, сам замешанный в покушении и, возможно, в убийстве Харта, дает ложные показания по тем же мотивам, что и Нестор Санчес Хернандес.

18. Желая избежать лишнего убийства, покушавшиеся могли захватить Шелдона в плен, держать его дня два-три в лесу с целью выяснить, в какую сторону повернется следствие. Если бы видные участники покушения были захвачены немедленно, у преступников не было бы никакого основания убивать Роберта Харта и тем еще более отягощать свою вину. Но когда по истечении двух дней никто из авторов покушения не был задержан, а заинтересованной печатью пущена была в оборот клевета о самопокушении, и внимание следствия было отвлечено в эту сторону, тогда участники покушения должны были прийти к выводу, что единственным опасным свидетелем является их пленник Роберт Харт. Вот почему они пришли к решению убить его.

19. Ко всему сказанному надо присоединить соображения психологического характера. Я лично за семь недель сталкивался с Робертом Хартом сравнительно мало, так как был очень занят неотложной работой и откладывал более близкое знакомство с ним до более свободного времени. Зато моя жена встречалась с ним часто и вынесла о нем впечатление, как о человеке, который относился ко мне и к ней с большой преданностью и даже нежностью. Когда в его присутствии кто-либо из молодых или она сама вспоминали какой-либо эпизод нашего прошлого, он всегда слушал с волнением, с "горящими глазами", по выражению жены. Накануне ночи покушения он болел расстройством желудка. Жена дала ему грелку и необходимые советы. По ее словам, он относился к ней, как к матери.

Есть еще одно обстоятельство, которое может показаться мелким, но имеет на самом деле глубокую убедительную силу. В дни, непосредственно предшествующие покушению, Роберт купил четырех маленьких птичек, переделал для них и выкрасил старую клетку; затем открыл, что двое из птичек одного и того же пола и отправился в город для того, чтобы сменить самца на самку. Эта работа поглощала его свободное время почти целиком, так что я не раз позволял себе шутки над его увлечением. Молодой человек, который готовится совершить грандиозное преступление, не мог бы быть способен отдавать с таким увлечением свое время столь невинной забаве!

Я не имею в своих руках всех материалов следствия, которые сейчас несомненно обогатились многими ценными данными. Но приведенные выше соображения дают мне право утверждать с уверенностью, что тщательный анализ данных следствия может только обнаружить полную несостоятельность подозрений против Роберта Харта.

*

Почему, однако, гипотеза об участии Роберта в покушении оставалась все время такой живучей и даже продолжала держаться после того, как найден был его труп? Причины те же, по которым была создана и держалась гипотеза об автопокушении. В сталинских штабах надо искать источник того, почему подозрения, не имеющие за себя ни фактических, ни логических, ни психологических данных, держались с таким упорством, возрождались снова, меняли форму, но продолжали сбивать с правильного пути следствие.

В двух своих печатных заявлениях коммунистическая партия Мексики утверждала, что покушение приобретает особенно "подозрительный" характер ввиду "доказанного" участия в нем Роберта Харта. Мы имеем здесь еще один пример классического правила ГПУ: возлагать на жертву ответственность или часть ответственности за свои собственные преступления!

Абсурдная гипотеза автопокушения прошла через две стадии. Первоначально агенты ГПУ через посредство своих органов "Ля Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро" изображали дело так, что я сам при содействии своих сотрудников организовал авто-покушение. Когда, однако, было установлено, что в покушении участвовали Д.Сикейрос, Нестор Хернандес, Луис Ареналь и ряд других лиц, тесно связанных с "Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро", теория авто-покушения претерпела изменение: теперь пришлось признать, что покушение было организовано "кем-то" извне, но... с ведома самого Троцкого. Как мы слышали на суде от г. Павона Флореса, члена ЦК сталинской партии, я был будто бы предупрежден о покушении Робертом Хартом и не нашел ничего лучшего, как молча спрятаться в "жилой" подвал. В своем заявлении от 7 июля я уже показал полную бессмысленность этой злонамеренной инсинуации. Но господам защитникам ГПУ не остается сегодня ничего другого, как спасать обломки теории авто-покушения при помощи клеветы против Роберта Харта.

Л.Троцкий

15 июля 1940 г.

Койоакан

Г[осподин] Павон Флорес как адвокат ГПУ

Как во время моего допроса 2 июля в суде, так и во время судебной визитации 19 июля, господа защитники Давида Серрано Матео Мартинес и др. стремились внушить ту мысль, что в комнате, где были брошены зажигательные бомбы, не было архивов, и даже, что их не было вообще в доме. Г[осподин] Павон Флорес и его коллега являются защитниками лиц, которые заявляют, что

никакого участия в покушении они не принимали. С этой точки зрения вопрос об архивах не представляет, казалось бы, для обвиняемых интереса: кто не принимал участия в покушении, тот не может отвечать за попытку уничтожить мои архивы. Однако г. П.Флорес и его коллега делают повторные усилия доказать, что покушения уничтожить архивы вообще не было. Почему защитники придают столь исключительное значение вопросу об архивах? Покушавшиеся убили Роберта Харта, пытались убить меня, мою жену и моего внука, связали полицейских и пр. Эти преступления, казалось бы, неизмеримо существеннее попытки уничтожить частное собрание документов. Откуда же это исключительное внимание ко второстепенной частности? Загадочный интерес г. П.Флореса к моим архивам объясняется попросту тем, что попытка сжечь их является не единственной, правда, но крайне важной уликой против Сталина. Никакая другая организация в мире, кроме ГПУ, не может иметь интереса в уничтожении моих бумаг. Наоборот, ГПУ доказало свой интерес тем, что, преодолевая огромные технические затруднения, похитило 65 кг моих бумаг в Париже 7 ноября 1936 г. Мои архивы, давшие возможность Международной комиссии под председательством Джона Дьюи полностью разоблачить московские судебные подлоги, продолжают и сейчас служить для разоблачения преступлений Сталина.

Если бы г. Флорес признал очевидность, именно, что покушение организовано ГПУ, для его подзащитных это признание являлось бы в случае доказательства их вины важным смягчающим обстоятельством: могущественная государственная организация располагает почти неограниченными идейными и материальными средствами, чтобы сломить волю отдельных членов Коминтерна и подчинить их своим преступным целям. Но г. Флорес заинтересован не в судьбе своих подзащитных, а в вопросе о ГПУ и о репутации Сталина. Явно компрометируя своих подзащитных, г. Флорес борется против очевидности, именно против признания руководящей роли ГПУ в преступлении 24 мая. Служа Сталину и защищая его, г. П.Флорес вынужден клеветать на противников Сталина. Только политическая и моральная зависимость г. П.Флореса от ГПУ позволяет понять его роль в процессе, его недостойные инсинуации и его грубые выпады против меня.

В своем заявлении от 7 июля я указал на то, что г. П.Флорес не случайно был включен в ЦК компартии, который за два месяца до покушения был выбран с целью усиления борьбы против Троцкого и троцкизма. Г[осподин] Павон Флорес поправил меня во время судебной визитации в том смысле, что в первый раз он был избран в Центральный Комитет не на последнем съезде, в марте 1940 г., а за год до него. Эта поправка ничего не меняет по существу в моих заключениях, наоборот, усиливает их. Г[осподин] Павон Флорес мирно и покорно работал в течение 1939 г. под руководством Лаборде, которого он покрывал славословиями. Когда же ГПУ в интересах затеваемого покушения сочло необходимым пересмотреть состав Центрального Комитета, г. Павон Флорес выдержал испытание ГПУ, внезапно открыв в своем вчерашнем вожде Лаборде "предателя" и "врага народа", и оказался поэтому включен в новый Центральный Комитет. Под революционной "верностью" г. Павон Флорес понимает верность

"хозяину", т. е. ГПУ. Под "изменой" г. Павон Флорес понимает неподчинение ГПУ и борьбу с его преступлениями. Немудрено, если он называет меня "изменником" в моем собственном доме.

В своем знаменитом "Завещании" Ленин назвал две основные черты личности Сталина: грубость и нелояльность. Эти черты стали чертами целой школы. Грубость стала наглостью, нелояльность - вероломством. В качестве воспитанника этой школы г. П.Флорес представляет тип, прямо противоположный типу революционера.

Я отдаю себе ясный отчет в том, что в распоряжении суда нет юридических средств, чтобы приостановить поток возмутительных инсинуаций со стороны г. П.Флореса, который свою службу ГПУ прикрывает ролью защитника. Я оставляю поэтому за собою право предать гласности все свои заявления по поводу недостойных действий г. Павона Флореса.

Л.Троцкий

26 июля 1940 г.

Койоакан

Г-ну судье

Имею честь приложить при сем два номера еженедельника "Ной" 517, NoNo 85 и 86 за 1938 г., с моей статьей, посвященной памяти моего покойного сына Льва Седова. Статья заключает в себе ряд фактов, касающихся истории нашей семьи и преследований, которым она подвергалась со стороны ГПУ, и может поэтому облегчить понимание условий, которые подготовили покушение 24 мая, а также бросить свет на особую роль, которую играли и играют в этом деле такие издания, как "Ля Вос де Мехико", "Популяр" и "Футуро" со своей кампанией клеветы против меня лично и против членов моей семьи. По изложенным обстоятельствам приобщение этой статьи к материалам судебного следствия представляется мне необходимым.

[Л.Д.Троцкий]

26 июля 1940 г.

Койоакан

Издателю "Гералд Трибюн"

Милостивый государь:

В No от 25 июля Вашей газеты напечатано сообщение Вашего корреспондента Жака О Брайена из Мексико о том, что некий Сезарь Орtiz, "редактор по иностранным делам" мексиканской газеты "Популяр", сделал 60-ти американским учителям, посетившим Мексику, сообщение относительно моего "заговора" совместно с генералом Хуан Андреу Альмазаном с целью произведения фашистского переворота в Мексике, а затем и в Соединенных Штатах в случае моего допущения в Вашу страну. Г[осподин] Сезарь Орtiz прибавил, что мексиканские власти "расследуют" мой заговор, ведущийся при денежной помощи

Гитлера и Муссолини, т. е. германского и итальянского союзников Сталина.

Ваши читатели, не сомневаюсь в этом, достаточно разумны, чтобы открыть источник этой грязной, грубой и нелепой фальсификации. Источник называется тремя буквами: ГПУ.

Я не знаю ничего о г. Сезаре Ортизе, но допускаю, что он действительно существует и руководит тем, что называется "внешней политикой" "Популяр". Я снова подтвердил 2 июля перед мексиканским судом, что эта газета является официозом ГПУ, что во всех вопросах, интересующих Сталина, она поддерживает политику ГПУ; что она неизменно защищает все преступления ГПУ и пропагандирует все фальсификации и клеветы, которые ГПУ распространяет против врагов Сталина; что, если после длительной защиты Гитлера "Эль Популяр" снова защищает "демократию", то это делается по специальному приказанию ГПУ во имя временных интересов Сталина.

Так как участники покушения, в частности убийства Роберта Шелдона Харта, являются агентами ГПУ и членами Коминтерна; так как моральное участие руководителей "Эль Популяр" в подготовке покушения 24 мая и в попытках замести следы выясняется мною перед судебным следствием со всей необходимой точностью и подробностью; так как "друзья" ГПУ и руководители "Эль Популяр" оказываются в этой истории жестоко скомпрометированы, то со стороны секретной полиции Сталина, ее агентов и "друзей", в том числе, очевидно, и со стороны незнакомого мне г. Сезаря Ортиза, делаются скандальные попытки с целью запутать судебное следствие и терроризировать меня, чтобы добиться приостановки моих разоблачений, губительных для преступной деятельности ГПУ на американском континенте. Эти попытки тщетны! Я доведу свою работу до конца.

Чтобы придать настоящему опровержению необходимую полноту, прибавлю:

а) Я не имел и не имею ни прямого, ни косвенного отношения ко внутренней политике Мексики, в частности и в особенности к последней избирательной кампании.

б) Я не имею чести знать генерала Х.А.Альмазана, не состоял и не состою с ним ни в прямых, ни в косвенных отношениях, как и вообще ни с кем из руководящих политиков ни одного из политических лагерей Мексики.

в) У меня нет и не может быть никаких побуждений чинить какие бы то ни было затруднения правительству единственной страны, которая оказала мне гостеприимство.

г) Сообщение Вашего корреспондента представляет собою не изолированный факт, а часть кампании, которая ведется против меня непрерывно и систематически под руководством ГПУ и на его средства.

д) Я сохраняю за собой право привлечь г. Сезаря Ортиза к суду за злонамеренную клевету в интересах ГПУ.

Л.Троцкий

27 июля 1940 г.

Койоакан

[Заявление]

Сегодня, 2 августа, в "Националь", вторая секция, под кричащим заголовком почти через всю страницу "Троцкий и Диего, акусадос"518, дается отчет о новом показании арестованного Давида Серрано Андонеги, будто я давал деньги Давиду Сикейросу на какой-то журнал. Всякий серьезный человек понимает, что это показание представляет собою чистейший вымысел. Поразительна, однако, реклама, которой "Эль Националь" считает нужным окружить этот недостойный вздор из "Акусадо"519! Казалось бы, право обвинять принадлежит государственным учреждениям Мексики. Но по мнению редакции "Националь", я превращен в "обвиняемого" одним из преступников, организовавших покушение.

Редакция "Эль Националь" не в первый раз позволяет себе заведомо нелояльное истолкование событий, связанных с покушением 24 мая. В интересах самозащиты от фальшивых обвинений и недобросовестных обвинителей я вынужден передать общественному мнению свое письмо мексиканским властям по поводу одного из крайних тенденциозных актов редакции "Эль Националь"519. Мое письмо получает новую актуальность ввиду комбинированных попыток г. Давида Серрано и его защитника г. Павона Флореса оживить труп авто-покушения. Предупреждаю этих господ, как и их покровителей, что они снова разобьют себе носы: ГПУ в Мексике не вездесуще.

[Л.Д.Троцкий]

2 августа 1940 г.

[Письмо директору газеты "Эль Националь"]

Г-ну директору "Эль Националь"

В Вашей газете от 3 августа Вы пишете, что моя "агресивидад"521 против "Эль Националь" является необоснованной. Не думаю, чтобы законную самооборону против ложных обвинений, притом в вопросе исключительной важности, можно было бы называть "агресивидад". Позволяю себе напомнить Вам три случая из многих, когда "Эль Националь" занимал явно пристрастную позицию, враждебную не по отношению к нападавшим, а по отношению ко мне.

Первое сообщение о покушении в "El Nacional" от 25 мая появилось под заглавием "Театральное покушение". Какие основания были у "Эль Националь" для такого утверждения?

27 мая "Эль Националь" напечатал заведомо ложную заметку, исходящую из подозрительных источников, под заглавием "Г[осподин] Троцкий себе противоречит". Эта заметка ввела в заблуждение следствие и причинила мне и моим друзьям целый ряд тяжелых часов.

Фантастическое и глупое показание Давида Серрано относительно денег, которые я будто бы давал Сикейросу, напечатано в "El Nacional" под сенсационным и тенденциозным заголовком. Такой заголовок, вполне совпадавший с намерениями Д.Серрано, мог быть внушен только предвзятым и враждебным отношением ко мне.

"Эль Насиональ" занимает исключительное положение в мексиканской прессе в качестве официоза правящей партии и правительства. Я не могу поэтому не чувствовать с двойной силой тех несправедливых сообщений и суждений обо мне, которые печатает "Эль Насиональ".

Появление подобных инсинуаций обо мне в "Эль Популяр" или в "Ля Вос де Мехико" не удивляет меня, ибо эти издания являются официозами ГПУ. Но я не раз спрашивал себя с изумлением, каким образом сообщения того же типа находят себе доступ на страницы "Эль Насиональ". Единственный ответ, который я давал себе, состоит в том, что в составе редакции имеется сотрудник, злоупотребляющий доверием директора и выполняющий секретные поручения ГПУ. В какой мере это предположение верно, Вам легче проверить, чем мне.

Я не нуждаюсь в напоминании о том, что Мексика оказала мне великодушное гостеприимство. Но Мексика не есть та или другая газета. Я пользуюсь гостеприимством мексиканского народа и мексиканского правительства. Никто не имеет права утверждать, что я злоупотребил доверием того и другого. Правительство генерала Карденаса никогда не требовало от меня, чтобы я покорно сносил оскорбления и инсинуации по моему адресу. Такого рода вероломное "гостеприимство" мне было оказано бывшим правительством Норвегии, которое в момент московских процессов потребовало от меня, чтобы я не отвечал на обвинения, ибо Москва, чтобы зажать мне рот, грозила Норвегии экономическим бойкотом. Я с негодованием отверг требование норвежского правительства, заявив, что предпочитаю сесть в тюрьму. Из норвежской тюрьмы освободил меня генерал Карденас, руководимый своим безошибочным нравственным чутьем.

Я делал десятки попыток установить с редакцией "Эль Насиональ" нормальные и корректные отношения, но наталкивался до сих пор только на глухую враждебность. Каковы причины, я не знаю. Не настаиваю на печатании этого письма. Буду рад, если оно поможет устранить в дальнейшем лишние трения и конфликты.

Последняя речь Молотова⁵²² подтверждает, что Кремль остается сателлитом Берлина и Рима. Коммунистические вожди разных стран успокаивали свои партии обещанием того, что Москва не сегодня-завтра повернет в сторону "демократий". Речь Молотова опровергает эти обещания. Пять лет антифашистских народных фронтов окончательно разоблачаются как шарлатанство. Внешняя политика Москвы определяется факторами силы, а не политическими принципами.

Правда, Молотов пытается прикрыть нынешнюю политику Кремля антиимпериалистической фразеологией. Но фальшь ее бьет в глаза. Молотов обличает Англию за то, что она не хочет отдать свои колонии. Но он молчал о том, что Германия и Италия хотят захватить их. Он говорил об империализме Японии и Соединенных Штатов, но не нашел ни слова осуждения для разбойничьего похода Гитлера и для шакальской политики Муссолини. Более того: он впервые подчеркнул, что советско-германский пакт обеспечил Гитлеру развязанные руки.

[Л.Д.Троцкий]
[3 августа 1940 г.]

Приложение

Материалы к книге о В.И.Ленине

Предисловие⁵²³

Эта книга - исследование. Одни вопросы пришлось освещать впервые, другие - в разрез с упрочившимися взглядами. Автор не забывал, однако, что он пишет книгу для всех. Он убрал леса, оставив лишь стены. Там, где ему приходилось разъяснять, почему он избрал один путь, а не другой, он старался сделать читателя участником исследования, не возлагая в то же время на его плечи слишком тяжелой ноши. Автор надеется, что его книгу можно будет читать, не насилуя своего внимания.

Официальная история и биография ставит себе задачей уменьшить значение предшественников Ленина, не только группы "Освобождение труда", но и Маркса с Энгельсом; преувеличить противоречия, отделявшие Ленина от других революционных марксистов; преуменьшить роль и значение последних; замазать противоречия в развитии самого большевизма; и, наконец, как увенчание этой благочестивой работы, включить в круг благодати даже родственников Ленина при помощи фантастической биографии отца, ложной характеристики брата и пр.

Исключением является вдова Ленина Крупская, которая слишком долго была под непосредственным его влиянием, чтобы безмолвно склоняться перед официальными фабрикациями общественного мнения; делая огромные уступки официальной легенде, Крупская все же пытается удержаться в границах, указываемых наиболее неоспоримыми фактами, и периодически попадает поэтому под тяжеловесные удары официальной историографии.

В воспоминаниях Крупской, как и других наиболее добросовестных мемуаристов, не все сказано и не все сказано правильно: есть множество сознательных умолчаний и не меньше односторонних подчеркиваний, продиктованных соображениями сегодняшнего дня. Не трудно было бы показать, что Крупская далеко заходит на пути политического и морального оппортунизма. Далекое, но недостаточно. Умалчиваний и односторонностей правящей группе недостаточно; от нее требуют активного творчества в духе официальной легенды. Отсюда жестокий разнос ее воспоминаний.

Можно установить закон: чем позже написаны воспоминания, тем большую дань они отдают официальной легенде. Даже в работах Елизаровой⁵²⁴, наиболее

добросовестной бытописательницы семьи Ульяновых, можно, сопоставляя разные варианты, написанные по одному и тому же поводу в разные сроки, установить без труда крайне поучительные наслоения.

Таким образом, на протяжении этого труда нам не раз придется освобождать Ленина из плена преданных воспоминаний и восторженных характеристик, гораздо более характерных для почитателей, чем для почитаемого.

В Советской России литература, живопись и скульптура создают особый условный образ Ленина, освобожденный от "слабостей", т. е. от тех черт, которые делали его живым человеком.

Как поток обтачивает камень, превращая его в гольш, так монополярная и монотонная работа официальной мысли обтачивает, закругляет, полирует образ Ленина, делая из него каменного идола.

Так как наиболее простые объяснения, особенно если их повторять в миллионах экземпляров - а таковы тиражи Советов и Коминтерна - легче всего усваиваются, то приходится констатировать - здесь автор выступает уже в качестве свидетеля, - что во всеобщий обиход вошли наименее доброкачественные сведения о духовном формировании Ленина.

Предшественников у Ленина не было или они отодвинуты в глубокую тень. Вместе с тем идейная жизнь самого Ленина перестает быть процессом развития. В ней нет этапов, кризисов, переломов, ошибок и исправлений. Жизнь Ленина состоит в автоматическом изложении и применении "основных положений большевизма".

Эпигонство означает приостановку идейного роста. Эпигонская историография распространяет застой и на прошлое. Раз появившись на свет, ленинизм оставался неизменным и равным самому себе.

Показания живых сотрудников и соратников Ленина приспособляются к официальному стилю и дают все более профильтрованную односторонним отбором свидетельства. Можно проследить на новых изданиях одной и той же книги о Ленине, как изменяется и преобразуется текст, опускаются одни факты, присовокупляются другие. Приспособление, имевшее первоначально насильственный характер, т. е. достигавшееся при помощи строгих директив цензуры, стало почти автоматическим. Хочется сказать, что искусственный отбор в области идей сменился естественным, что, конечно, не исключает ни сознательных умолчаний, сокрытия фактов и документов и прямых измышлений тенденциозного характера.

В этой книге нет ни одного утверждения, которое не опиралось бы на строго проверенные факты. Автор не питает большого уважения к биографической школе Э. Людвиг, Моруа и пр., которые отрывают лицо от среды и с тем большей свободой заполняют пустоту психологическими конструкциями. Эта биография правдива. Она разрушает легенды, но не создает их. Автору хочется надеяться, что образ героя этой книги выступит перед читателями более живым и более значительным, чем из казенной литературы. Но так как эта книга опрокидывает попутно вымыслы немогущего бюрократического воображения, то она

будет запрещена в СССР.

Такая судьба постигла нашу "Историю русской революции". Никто не решился обвинить ее в искажениях или хотя бы в неточностях. Она целиком посвящена историческому объяснению и тем самым политическому оправданию Октябрьского переворота. Но так как книга заботится о фактах, а не о казенных легендах, то первая марксистская история двух революций 1917 года запрещена в СССР.

Некоторые не по разуму усердные молодые профессора пытались вступить в полемику с книгой, недоступной советскому читателю. Но так как их попытки только ухудшали дело, то бюрократия притопнула на них ногою. Не имея возможности построить свою собственную историю - песок измышлений и легенд рассыпается под пальцами строителей, - бюрократия оставляет читателей без истории революции, как и без сколько-нибудь серьезной биографии Ленина.

Эти люди могут даже сказать, что я умаляю Ленина. Несомненно: если эти люди возвеличивают Ленина до себя, то я умалаю его до действительных исторических размеров.

Если некоторые главы покажутся читателю бедны психологическим движением, слишком протокольными, то вина не всегда должна ложиться на автора. Слишком часто нам не хватало данных, а мы ничего не конструировали: нет ничего отвратительнее, на наш взгляд, романтизированных биографий, которые чаще всего бывают плохо замаскированным автобиографированием самого биографа. О Ленине написано слишком много. Сам он почти ничего не писал о себе. За одним-двумя исключениями совсем не осталось писем, в которых бы он раскрывал себя. А другим нелегко было раскрыть его. Даже наиболее близкое к нему лицо Н.К.Крупская в своих воспоминаниях больше комментирует слова и дела Ленина, чем говорит о нем самом.

Можно было бы ограничиться простым изложением фактов, отношений и идей, как их на основании критического изучения представляет себе автор, оставляя вовсе в стороне те показания и оценки, которые ему представляются ложными и ошибочными. Во всех случаях, где наличный материал говорил сам за себя, автор так и поступал, т. е. отказывался от критического производства других взглядов, чтобы не загромождать изложение полемикой. Но в ряде случаев автор оказывался вынужден предъявлять читателям не только свои выводы, но и тот путь, каким он к ним пришел. Нельзя забывать, что от событий жизни, которая здесь описана, прошло еще немного времени; биографические материалы крайне обильны - обильнее, может быть, чем в каком-либо другом историческом случае, - и эти материалы еще окрашены страстями и пристрастиями не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня. Если бы мы просто предъявляли читателю нашу версию, как бы не замечая других, наше изложение могло бы казаться субъективным и произвольным и во всяком случае не закрывало на будущее пути критически отвергнутым нами версиям. Вот почему мы вынуждены были в известных случаях производить проверку воспоминаний, свидетельств и заключений на глазах читателей.

Сказанное относится прежде всего к фактической стороне биографии

Ленина, к событиям в его личной и политической жизни в собственном смысле слова. Что касается его теорий и идей, то их освещение было уже совершенно неотделимо от рассеяния вымыслов и мифов, которые фабрикуются в массовом масштабе не только врагами, но и так называемыми учениками. Читатель сможет убедиться, что мы свели полемику к минимуму, строго необходимому для критического изложения. Те вопросы, которые требовали более обстоятельного полемического изложения, мы вывели в особые приложения, дабы не обременять основного текста. [...]525

Из черновых набросков к книге "Ленин"

Можно ли было создать государство, в котором система Советов сочеталась бы с системой демократически-бюрократического господства буржуазии? Такой опыт был сделан в разных странах. В России коалиционный состав правительства должен был "примирить" два исключавших друг друга государства - по крайней мере до Учредительного собрания. В Германии сделана была теоретическая попытка примирить их. Гильфердинг предлагал одно время (как все это далеко позади!) включить Советы в демократическую конституцию. Он называл это комбинированным государством.

Гильфердинг хотел примирить власть буржуазии с властью пролетариата, как Бисмарк сочетал слегка ограниченную власть юнкерства⁵²⁶ с дробью власти буржуазии. Задача Бисмарка в известных условиях и на известный период казалась разрешенной, ибо благодаря мощному экономическому ребру страны юнкерство приспособило свои аппетиты к капиталистическому меню, а буржуазия, делавшая прекрасные дела, передоверяла юнкерству защиту общих интересов внутри и извне. Постольку здесь, собственно, уже не было двоевластия, поскольку каждый из друго-врагов отказывался от единовластия, т. е. от восстановления или построения всего общества по образу и подобию своему. Но пролетариат, доведший свою революционную борьбу до создания Советов, тем самым подошел вплотную к разрыву с буржуазным государством. Ввести Советы в демократическую конституцию это то же, что ввести вооруженное восстание в организацию вооруженных сил страны.

Гильфердинг хотел стать для буржуазии в отношении пролетарского государства тем, чем Бисмарк стал для юнкерства.

*

В борьбе буржуазии с дворянством, превращавшейся в их сотрудничество, распределение долей паев власти менялось в зависимости от изменений в экономике, в политике, в международной обстановке. Даже в пределах истории гогенцоллернской Германии соотношение сил юнкерства, монархии и буржуазии с их прямой долей в государстве значительно менялось. Но государство оставалось все же тем, каким его строил Бисмарк: комбинированной формой господства землевладения и капитала под руководством монархического юнкерства, опирающегося на армию.

Прусско-германский господствующий режим от войны до войны, от Бисмарка до Эберта, был неуклюжей и крайне неэкономной постройкой со смесью всех стилей готики с берлинским модернизмом, обилием мертвых пространств, ненужными коридорами и закоулками, нелепыми башнями и, наконец, королевской и императорской уборными там, где следовало ждать столовой. Прусские государственоведы находили в этой архитектуре великие принципы, подобно тому, как петух басни умудрился найти жемчужное зерно в навозе. На самом деле бисмарковская архитектура имела своей задачей не осуществлять какие-либо общие принципы, а практически легализовать, т. е. ввести в рамки монархической конституции, и систему двоевластия юнкерства и буржуазии, чувствовавших себя [...]527 перед возрастающей угрозой со стороны пролетариата. Именно эта угроза помешала немецкой буржуазии, несмотря на быстрый рост ее могущества, выхолостить и приручить монархию по британскому образцу. После войны и поражения это привело к тому, что буржуазия оказалась вынуждена уступить монархию волнам революции в качестве умиловительной жертвы. Но едва буржуазия оторвалась от монархии, угрожавшей увлечь ее за собой в пучину, как старое монархическое государство без династий оказалось противопоставленным Советам рабочих и солдатских депутатов. Это было новое двоевластие, гораздо более страшное по своим возможным последствиям. Под руководством социал-демократии это двоевластие, в противоположность ходу развития в России, было ликвидировано в пользу единовластия буржуазии.

Но, может быть, демократическое государство и является растворением двоевластия во власти "всех"? Так учит расхожая теория демократии, причем сейчас, в период упадка демократии, эта теория признана впервые социал-демократическими эпигонами марксистской школы, которая безжалостно вскрывала классовую сущность демократии в эпоху ее расцвета.

Всякое двоевластие стремится превратиться в единовластие -- в ту или другую сторону. Никогда старый господствующий класс не отказывался добровольно от той доли власти, которую он сохранил. Никогда новый класс не отказывался от той доли власти, которую он приобрел, и никогда он не удовлетворялся этой долей власти. Оба борющихся класса всегда испытывают режим двоевластия, как насилие над ними, как угрозу. У каждого такое чувство, точно он одной ногой в воде, а другой на суше. Демократия в этих условиях означает не примирение противоречия, а, наоборот, облегчение катастрофической развязки. Каждая из полувластей будет стремиться использовать свободы до конца, чтобы превратить демократию в прикрытое своего господства, корни которого не в голосованиях, столь изменчивых в революционную эпоху, а в материальных учреждениях (армия, полиция, муниципалитеты, Советы и пр.). Оба борющихся за власть класса будут с такой силой и до тех пор натягивать на себя простыню демократии, пока не разорвут ее. Этот разрыв или прорыв демократической оболочки окажется только одним из эпизодов в борьбе, исход которой определится факторами гораздо более глубокого значения. История всех буржуазных революций, начиная с английской революции XVII века, подтверждает закон о подчиненной, отнюдь не

регулирующей; не командующей, а чисто служебной; не верховной; а чисто эпизодической роли демократии во все те моменты, когда решается вопрос: кому быть хозяином в этом доме. Те случаи, которые как бы противоречат этому закону (Германия, 1919), на самом деле лучше всего подтверждают его методом от обратного. Для того, чтобы буржуазный режим мог возродиться в форме демократии, нужно было обессилить путем обмана, измены, кровавой расправы, обескровить и растоптать опорные базы нового классового режима. В этом состояла историческая функция социал-демократии.

Демократия есть не растворение классового двоевластия, а одна из форм единовластия. Эта форма может существовать лишь в тех случаях, когда антагонистический класс еще слишком слаб для самостоятельных претензий на власть или когда он временно настолько ослаблен, предан, обворован, разочарован, подавлен, что господствующий класс может надеяться на длительную передышку. В первом случае мы имеем классическую демократию молодого буржуазного общества; во втором -- подкрашенную, подмалеванную, со вставными зубами, с накладным шиньоном, демократию империалистического распада. Но если молодая, полнокровная демократия никогда не была самодовлеющей силой и никогда не могла подняться над борьбой разных фракций третьего сословия, то мыслимо ли думать, что упадочная демократия нынешней эпохи сможет регулировать до конца борьбу между буржуазией и пролетариатом?

*

Чтобы устранить возможные недоразумения, отметим тут же, что нынешняя парламентская монархия и палата лордов в Англии, хотя и возникли из двоевластия между буржуазией и феодальными классами, но превратились под ударами ряда конфликтов в государственные рудименты, и из самостоятельных или полусамостоятельных органов, противостоящих буржуазии классов, преобразовались в предохранительные клапаны при органах самой буржуазии. Королевская власть Георга V⁵²⁸ не только по силе, но и по классовому содержанию отделена пропастью от королевской власти Стюартов⁵²⁹. Эту пропасть вырыли революции. Было бы, однако, ошибочно недооценивать или просто игнорировать значение монархии в Англии, Бельгии, Италии, Испании и пр. Социальные рудименты гораздо гибче анатомических и в отличие от последних обладают способностью к возрождению, хотя и с новым содержанием и для новых целей. При революционном обострении классовых противоречий в Англии, -- а только слепой может не видеть, что все ее нынешнее развитие ведет в эту сторону, -- монархия и палата лордов, при все возрастающей неустойчивости равновесия палаты общин, могут получить серьезное значение последнего редюита⁵³⁰ господствующих классов. Это произойдет в тот период, когда противоречия пролетариата и буржуазии в целом найдут себе грозное выражение в формировании нового двоевластия.

Система конституционной монархии, как и система двух палат, выросли вовсе не из юридических схем разделения власти, не из комбинации абстрактных принципов консерватизма и прогресса, как все еще учат педантские учебники, а

из стремления преодолеть двоевластие его имущих классов, не прибегая к силе и не подвергая риску вызвать демонов, с которыми не так легко справиться.

Бывают, следовательно, исторические периоды, когда государственная власть оказывается как бы поделенной или, вернее, расколота между двумя классами: то между феодалами и буржуазией; то между крупной буржуазией и мелкой; то, наконец, между буржуазией и пролетариатом. И в том, и в другом случае мы имеем перед собой явление двоевластия или, по крайней мере, его элементы. Но есть огромная разница между характером двоевластия дворянства и буржуазии, с одной стороны, буржуазии и пролетариата, с другой. В первом случае двоевластие означает не только борьбу, но и сотрудничество. Оно становится тем теснее, чем больше оба претендента на власть чувствуют опасность со стороны третьего. Юнкерски-буржуазное двоевластие опирается на обоих своих помостах на систему частной собственности и, озабоченное ее охраной, может обнаружить, как, например, в довоенной Германии, значительную крепость и устойчивость.

Совсем иначе обстоит [дело] с двоевластием буржуазии и пролетариата. Такой режим возможен только при чрезвычайном обострении борьбы этих двух классов, которая ведется из-за самых основ частной собственности. Двоевластие буржуазии и пролетариата может быть поэтому лишь переходным кратковременем и чисто революционным состоянием.

*

Русский капитализм, как думают либералы, погиб от войны. На самом деле война явилась неизбежной неотвратимой попыткой выбраться из невыносимых экономических и политических противоречий, а разгром русских армий явился результатом отсталости русского капитализма. Таким образом, крушение русского капитализма явилось не результатом войны -- история знает много войн, в которых капиталистические страны терпели поражение, не переставая от того оставаться капиталистическими, -- крушение русского капитализма явилось результатом не внешнего толчка, а внутренних органических причин, именно запоздалости развития и, в зависимости от этого, особой структуры русского капитализма, которому приходилось искать себе путей в условиях империалистического мирового капитализма. Если бы русский капитализм не был слабейшим звеном мировой хозяйственной цепи, которая в силу перенапряжения разорвалась на этом слабейшем своем звене, то никакая война не опрокинула [бы] его. Крымская война ускорила падение крепостного права только потому, что оно исторически пережило себя; в поражениях Крымской войны лишь с особой яркостью обнаружилась несостоятельность, слабость, неогражденность режима, опирающегося на крепостное право.

Разумеется, государство может потерпеть поражение и не вследствие своей отсталости, а вследствие материального перевеса сил на стороне противников, стоящих примерно на том же уровне развития. Из такого поражения могут вытечь: контрибуция, уплата территорий и пр., но вовсе не крушение социального режима, если этот последний в силу внутренних (национальных и

мировых) причин не подлежит ликвидации (не обречен на слом).

Никакому всемогущему военному штабу не удавалось еще навязать даже дикарям или кочевникам новый экономический строй, если для него не было предпосылок в их собственном хозяйстве. С другой стороны, разгром наполеоновских армий и реставрация Бурбонов отнюдь не привели к реставрации крепостного права, цехов и прочих отношений средневековья. Несмотря на все контрреформы Бурбонов, капиталистические отношения продолжали развиваться. Каким же образом и почему военная победа империализма над СССР могла бы привести к реставрации капиталистического рабства?

В истории бывает не раз, что победитель усваивал себе экономические и культурные навыки побежденного, если последний стоял на более высокой ступени. Это значит, что, какой бы ни был эмпирический исход войны, в историческом смысле победа остается за более высокой культурой.

Если мы эти основные и незыблемые положения марксизма применим к судьбе СССР, то несостоятельность теории "социализма в отдельной стране" раскроется до конца. Суть этой теории формулируется одной фразой: если нам не помешает интервенция, то мы построим социалистическое общество в СССР.

В каком же смысле может помешать интервенция? Она может замедлить рост социалистического общества, но ни в коем случае не привести к рецидиву капитализма, если социализм действительно функционировал в национальных границах СССР. В этом весь вопрос. Сталинцы утверждают, что фундамент социалистического общества заложен непоколебимо, более того, что само новое общество будет достроено в течение второй пятилетки. И в то же время признают, что война может вернуть страну к капитализму, т. е. опрокинуть уже обеспеченный будто бы фундамент социалистического общества. Здесь вопиющее противоречие всей этой теоретической конструкции. И в отношении социалистического общества, как в отношении капиталистического, война может играть роль ускорителя или замедлителя, но ни в каком случае не может привести к ликвидации жизненного и прогрессивного экономического режима, фундамент которого заложен в повседневной жизни многомиллионных масс. Ставя судьбу социалистического режима в зависимость от исхода отдельной войны, сталинцы бессознательно признают, что новый строй экономически еще не обеспечен -- не потому, что он не обнаружил своих преимуществ над капитализмом, не потому, что он явился преждевременным, а потому, что он по самой сути дела может быть обеспечен лишь в интернациональном масштабе.

Своим указанием на возможность победы социализма первоначально в отдельной стране Ленин лишь перефразировал положение "Коммунистического манифеста": "Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией".

*

Нельзя ли, однако, придти к выводу:

1) Что нынешний уровень развития промышленности во всем мире ослабляет, а не усиливает техническую зависимость одной страны от другой;

2) Что те экономические преимущества международного обмена, которые еще остаются, более или менее уравновешиваются потерями на транспорте и пр.;

3) Что именно факт подрыва основ (т. е. исторических данных основ) мирового разделения труда создает основную предпосылку нынешнего кризиса (который не является просто усиленным циклическим кризисом);

4) Что теория социализма в отдельной стране -- тоже разновидность автаркической теории -- имеет известное основание в технике, отводящей разделение труда на второе место?

Вопрос о реализации продукта и внешний рынок.

Вопрос о построении социализма и международной революции.

В чем аналогия?

Теория реализации есть абстрактная теория. Она разрешает вопрос о пропорциональном капиталистическом производстве безотносительно к государственным границам. И она доказывает, что развитие капитализма возможно и в национальных границах. Но до какого предела? Это вопрос конкретный, исторический.

Теория построения социалистического общества есть теория реализации, перенесенная на обобществленные средства производства в плановое хозяйство. Такая теория игнорирует государственные границы. Она может относиться и к отдельному государству. Развитие социалистического хозяйства мыслимо и в национальных рамках. Но до какого предела? Это вопрос конкретный, исторический.

Полемика по поводу значения внутреннего и внешнего рынка должна была повториться через тридцать лет в более высокой исторической плоскости, именно как полемика по вопросу о социализме в отдельной стране.

Вопрос о возможности развития капитализма в отсталой России был поставлен народничеством в виде вопроса о реализации. Где взять рынок для капиталистической продукции? Марксисты отвечали: капитализм сам себе создает внутренний рынок, превращая продукты в противопоставленные друг другу товары. Вопрос реализации, т. е. беспрепятственной купли-продажи всех нужных товаров, есть вопрос пропорциональности различных отраслей общественного труда и их продуктов, прежде всего средств производства и предметов потребления. Пропорциональность регулируется через спрос и предложение. Этот общий анализ относится одинаково к капитализму в рамках нации, как и к мировому капитализму как целому. Теоретический анализ реализации товаров не знает различия между внутренним и внешним рынком.

Тем не менее это различие существует как исторический факт. Развитие капитализма совершается не в безвоздушном пространстве, а в исторической среде. Под влиянием развития производительных сил или, если взять вопрос в сфере обращения, под влиянием потребности в реализации продуктов шла борьба со средневековым партикуляризмом ради создания национального государства; борьба за колонии, за мировую гегемонию, т. е. за подчинение мирового рынка. Абстрактная возможность развития национально-замкнутого капитализма совершенно не совпадает с конкретной действительностью. Теория реализации

помогает понять ход капиталистического развития, но ни в коем случае не исчерпывает его.

Проблема социалистического хозяйства -- на достаточно высоком уровне производительных сил -- есть проблема хозяйственной пропорциональности в ее прозрачно чистом виде, а не под покровом реализации, т. е. беспрепятственной купли-продажи товаров. Чисто теоретически схему пропорциональности можно мыслить в рамках отдельного государства, как и в пределах планеты. В этом абстрактно-теоретическом смысле "социализм в отдельной стране" мыслим так же, как и "капитализм в отдельной стране". Но и здесь абстрактная возможность вовсе не совпадает с исторической действительностью и еще менее исчерпывает ее.

Народники считали, что за отсутствием внешних рынков капитализм в России вообще не имеет никакого будущего. Либеральные экономисты вместе с либеральными "марксистами" считали, что русский капитализм может и будет развиваться без конца. Историческая действительность показала, что на основе внутреннего рынка, создававшегося разложением крестьянства и кустарной промышленности, русский капитализм достиг значительной высоты; но что задолго до того, как он сравнился с передовыми странами Запада, он оказался вовлечен в борьбу за внешние рынки, причем в качестве "слабейшего звена" первым же пал жертвой этой борьбы.

До 1914 года почти все русские марксисты, а затем одни меньшевики считали, что отсталая Россия не может даже и вступить на путь социалистического развития без предварительной победы "международной" пролетарской революции. С осени 1924 года советская бюрократия, ослепленная первыми успехами государственного хозяйства, создала теорию построения законченного социалистического общества в отдельной стране. Историческая действительность показала, что социалистическое продвижение вперед способно достигнуть значительных успехов в рамках отдельного государства, особенно с большими территориями и естественными богатствами.

*

В чем разница с капитализмом?

Потребление и производство (при капитализме и социализме).

*

"...Террористическая борьба, -- писал Плеханов в 1884 г., -- при всей своей бесспорной важности, не имеет решительно ничего общего с социалистической революцией". ("Наши разногласия"531).

*

Красин и его бомба величиной с грецкий орех...532

Под покровом реакции

Режим Александра III проходил через свою кульминацию. Изданный в 1889 г. закон о земских начальниках⁵³³ восстанавливал административную и судебную власть местных дворян над крестьянами. Подобно дореформенным помещикам, новые начальники получили право подвергать по личному усмотрению мужика не только аресту, но и порке. Земская контрреформа 1890 года⁵³⁴ окончательно отдавала местное самоуправление в руки дворянства. Правда, уже земское положение 1864 года⁵³⁵ достаточно обеспечивало господство помещиков над самоуправлением при помощи земельного ценза. Но так как земля уплывала из рук благородного сословия, то имущественный ценз пришлось подкрепить сословным. Бюрократия забирала силу, какую она имела лишь при блаженной памяти дедушке Николае Палкине⁵³⁶. Революционная пропаганда, встречавшаяся все реже, каралась теперь, правда, менее сурово, чем при "царе-освободителе", обычно несколькими годами тюрьмы или ссылки; каторга или повешение сохранялись только против террористов. Зато для ссылки стали избирать особо гиблые места. Зверские расправы над пленными революционерами за всякие проявления протеста встречали личное одобрение царя. В марте 1889 года 35 ссыльных, запершихся в одном из домов Якутска, подверглись массовому обстрелу: шесть оказались убитыми, девять ранеными, трое были казнены, остальные сосланы на каторгу. В ноябре того же года каторжанка Сигида, подвергнутая за оскорбление начальника тюрьмы 100 ударам розги, умерла через день; 30 каторжан приняли в ответ яд; 5 скончались немедленно. Но так велика стала разобщенность революционных кружков, тонувших в океане безразличия, что кровавые расправы не только не вызывали активного отпора, но и оставались в течение долгого времени неизвестными. Вряд ли, например, слух о трагедиях в Якутске и на Каре дошел раньше, чем через год до Владимира Ульянова, проживавшего в то время в Самаре.

После разгрома университетов наступила самая низкая точка в настроениях учащейся молодежи. Не было ни одной попытки ответить на правительственные насилия террором. Дело 1 марта 1887 года⁵³⁷ осталось последней конвульсией народовольческого периода. "Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей, - писал за границей Плеханов, - напоминает мне мужество древних стоиков..."⁵³⁸ Их безвременная гибель способна была лишь оттенить бессилие и дряхлость окружающего их общества... Их мужество есть мужество отчаяния".

1888 год был самым черным годом этого мрачного периода. "Покушение 1887 года, - пишет петербургский студент Бруснев⁵³⁹, - подавило всякие проблески студенческого свободомыслия... Все боялись друг друга и каждый всех вообще". "Общественная реакция достигла своего крайнего предела, - вспоминает московский студент Мицкевич⁵⁴⁰, - Ни до этого, ни после не было такого глухого года... В Москве я не видел ни одного нелегального издания". Предательства, измены, отречения потянулись гнусной чередой. Вождь и теоретик "Народной Воли"⁵⁴¹ Лев Тихомиров⁵⁴², который за пять лет перед тем проповедывал захват власти для немедленной социалистической революции, объявил себя в начале 1888 г. сторонником царского самодержавия и выпустил в эмиграции памфлет "Почему я перестал быть революционером". Настроение

безнадежности толкало сотни и тысячи бывших отщепенцев к слиянию - теперь уже не с народом, а с имущими классами и бюрократией. Предсмертная строфа Надсона⁵⁴³: "Нет, я больше не верю в ваш идеал", - прозвучала, как признание целого поколения. Менее эластичные вешались и стрелялись. Чехов писал писателю Григоровичу⁵⁴⁴ по поводу самоубийств среди молодежи: "С одной стороны,.. страстная жажда жизни и правды, мечта о широкой, как степь, деятельности..; с другой - необъятная равнина, суровый климат, серый суровый народ со своей тяжелой, холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество... Русская жизнь бьет русского человека... на подобие тысячепудового камня"⁵⁴⁵.

В самом начале этого окутанного туманами реакции десятилетия произошло, однако, крупнейшее политическое событие: родилась русская социал-демократия. Первые годы она прозябала, правда, почти исключительно в Женеве и Цюрихе и казалась беспочвенной эмигрантской сектой, сторонников которой можно перечесть по пальцам двух рук. Знакомство с ее родословной покажет нам, однако, что социал-демократия представляла собой органический продукт развития России и что Владимир Ульянов не случайно слил с начала 90-х годов свою жизнь с жизнью этой партии.

От Ипполита Мышкина⁵⁴⁶, главного обвиняемого по процессу 193-х⁵⁴⁷, мы слышали, что революционные выступления интеллигенции являлись выражением - правильнее было бы сказать косвенным отражением - волнений крестьянства. Действительно, если бы в старой России не было революционного по своему характеру крестьянского вопроса, порождавшего периодически то голодовки и эпидемии, то стихийные бунты, не существовало бы на свете и революционной интеллигенции с ее героизмом и утопическими программами. Царская страна была беременна революцией, социальную основу которой составляло противоречие между пережитками феодализма и потребностями капиталистического развития; заговоры и покушения интеллигенции были лишь первыми родовыми потугами буржуазной революции. Но если ближайшей ее задачей являлось освобождение крестьянства, то ее решающей силой должен был стать пролетариат. И уже на первых шагах революционной истории России можно установить непосредственную и явную зависимость революционных действий интеллигенции от волнений промышленных рабочих.

Общее возбуждение в стране, вызванное крестьянской реформой 1861 года⁵⁴⁸, сказалось в городах рабочими стачками, которые подтверждали недовольство "народа" и придавали духу первым революционным кружкам. Год рождения Ленина был отмечен первыми большими забастовками в Петербурге. Не будем искать в этом совпадении мистических знамений. Но какую своеобразную окраску получают в этой связи слова Маркса в воззвании к членам русской секции I Интернационала в том же 1870 г.: "Ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века"⁵⁴⁹. Ко второй половине 70-х годов в революционное движение были уже вовлечены сотни рабочих. Правда, согласно господствовавшей теории, сами они старались смотреть на себя, как на временно оторвавшихся от сохи общинников. Но откликаясь активно на

крестьянофильскую проповедь, к которой сами крестьяне оставались глухи, передовые рабочие давали ей то истолкование, которое, отвечая их собственному социальному положению, пугало нередко опекунов из интеллигенции. Блудные сыны народничества создавали в городах, на Севере и на Юге, первые пролетарские организации, выдвигали требования свободы стачек, союзов, собраний, созыва народного представительства и налагали печать своего влияния на стихийные волнения промышленных рабочих.

Петербургские стачки 1878-1879 годов, которые, по свидетельству очевидца и участника событий Плеханова, "стали событием дня, -- ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящий Петербург", сильно подняли температуру революционных кругов и непосредственно предшествовали переходу народников на путь террористической борьбы. В свою очередь народовольцы в поисках боевого резерва занимались между делом пропагандой среди рабочих. Революционные движения двух социальных этажей, интеллигентского и пролетарского, хотя и развивались в тесной связи, но обнаруживали каждое свою особую логику. Когда сама "Народная Воля" уже оказалась полностью разгромлена, созданные ее членами рабочие кружки продолжали существовать, особенно в провинции. Но идеи народничества, хоть и преломлявшиеся рабочими на свой лад, долго еще препятствовали им выйти на правильную дорогу.

Марксистская борьба с самобытными взглядами затруднялась, в частности, тем, что сами народники отнюдь не неприязненно относились к Марксу. Силой великого теоретического недоразумения, имевшего свои исторические корни, они искренно считали его в числе своих учителей. Русский перевод "Капитала", начатый Бакуниным и продолженный народником Даниэльсоном⁵⁵⁰, появился в 1872 г., встретил горячий прием в радикальных кругах и сейчас же разошелся в количестве 3000 экземпляров. Второе издание не было допущено цензурой. Внешний успех книги объяснялся, однако, внутренним неуспехом доктрины. Научное расчленение системы капитализма воспринималось интеллигенцией, - бакунистами и лавристами⁵⁵¹ одинаково, - как разоблачение грехов Западной Европы и как предостережение против ложного пути. Исполнительный Комитет "Народной Воли" писал Марксу в 1880 г.: "Гражданин! Интеллигентный и прогрессивный класс в России... принял с восторгом появление ваших научных трудов. В них именем науки признаны лучшие принципы русской жизни". Марксу не трудно было разгадать *qui pro quo*⁵⁵²: русские революционеры нашли в "Капитале" не то, что в нем было, т.е. научный анализ капиталистической системы, а нравственное осуждение эксплуатации и тем самым научное освещение "лучших принципов русской жизни": общины и артели. Сам Маркс видел в поземельной общине не социалистический "принцип", а историческую систему закрепощения крестьян и материальную основу царизма. Он не щадил сарказмов против Герцена, которому, как и многим другим, раскрыл глаза на "русский коммунизм" некий прусский путешественник, консервативный барон Гакстхаузен⁵⁵³. Книга последнего появилась на русском языке за два года до "Капитала", причем "интеллигентный и прогрессивный класс в России" упорно

примирял Маркса с Гакстхаузенем. Не мудрено: сочетание социалистической цели с идеализацией основ крепостничества и составляло ведь теоретическую систему народничества.

В 1879 году "Земля и Воля"⁵⁵⁴ распалась, как мы помним, на две организации: "Народную Волю", которая выражала демократически политическую тенденцию и захватила в свои ряды наиболее боевые элементы предшествующего движения, и "Черный Передел"⁵⁵⁵, который стремился охранять чисто народнические принципы крестьянского социалистического переворота. Противясь политической борьбе, которая навязывалась всем ходом движения, "Черный Передел" терял всякую притягательную силу. "Организации не везло с первых же дней ее возникновения", - жалуется один из ее основателей, Дейч, в своих воспоминаниях. Лучшие рабочие, как Халтурин⁵⁵⁶, шли к народовольцам. Туда же тянула учащаяся молодежь. Еще хуже обстояло дело с крестьянством: "Там у нас решительно ничего не было". "Черный Передел" не сыграл никакой революционной роли. Зато ему суждено было стать мостом между народническим движением и социал-демократией.

Руководители организации - Плеханов, Засулич, Дейч, Аксельрод - оказались вынуждены в течение 1880-1881 гг. один за другим эмигрировать за границу. Как раз эти наиболее упорные народники, не желавшие раствориться в борьбе за либеральную конституцию, должны были с особенным рвением искать ту часть народа, за которую можно было бы уцепиться. Их собственный опыт, вопреки их намерениям, обнаружил с несомненностью, что только промышленные рабочие восприимчивы к пропаганде социализма. Одновременно с этим сама народническая литература, как художественная так и исследовательская, успела, наперекор своей тенденции, достаточно расшатать априорные представления о гармоничности "народного производства", которое на поверку оказалось варварской стадией капитализма. Оставалось "только" сделать необходимые выводы. Но эта работа означала целую идеологическую революцию. Честь пересмотра традиционных воззрений и намечения нового пути принадлежит неоспоримо вождю чернопредельцев Георгию Валентиновичу Плеханову. Мы встретимся с ним еще не раз как с учителем, потом старшим сотрудником, наконец, непримиримым противником Ленина.

Россия вступила уже на путь капиталистического развития, и не интеллигенции свернуть ее с этого пути. Буржуазные отношения будут приходить во все большее противоречие с самодержавием и в то же время порождать новые силы для борьбы с ним. Завоевание политической свободы является необходимым условием дальнейшей борьбы пролетариата за социализм. Русские рабочие должны поддержать либеральное общество и интеллигенцию в их домогательствах конституции и крестьянство в его восстании против пережитков крепостничества. В свою очередь, революционная интеллигенция, если она хочет приобрести могущественного союзника, должна теоретически стать на почву марксизма и отдать свои силы пропаганде в среде рабочих.

Таковы были в главных своих чертах новая революционная концепция. Сейчас она кажется цепью общих мест. В 1883 году она прозвучала, как дерзкий

вызов самым священным предрассудкам. Положение новаторов до чрезвычайности осложнялось тем обстоятельством, что, выступая в качестве теоретических провозвестников пролетариата, они вынуждены были на первых порах непосредственно обращаться к тому социальному слою, к какому принадлежали сами. Между пионерами марксизма и пробуждавшимися рабочими стояло традиционное средостение интеллигенции. Старые воззрения были в ней еще настолько прочны, что Плеханов с товарищами решили даже избежать самого имени социал-демократии, назвавшись группой "Освобождение труда".

Так возникла в маленькой Швейцарии ячейка будущей большой партии, русской социал-демократии, из среды которой вышел впоследствии большевизм, создатель республики советов. Мир устроен так непредусмотрительно, что при зарождении больших исторических событий герольды не трубят в трубы и небесные светила не посылают знамений. Возникновение русского марксизма казалось первые восемь - десять лет мало заметным эпизодом.

Опасаясь оттолкнуть немногочисленную левую интеллигенцию, группа "Освобождение труда" в течение нескольких лет не прикасалась к догме террора. Ошибку народовольцев она видела лишь в том, что их террористическая деятельность не дополнялась "созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России". Плеханов стремился, и не без основания, противопоставить террористов, как политиков, классическому народничеству, отвергавшему политическую борьбу. "Народная Воля", - так писал он в 1883 г., - не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма". Но уступки в пользу террора не действовали и теоретические увещания не встречали отклика.

Упадок революционного движения во вторую половину восьмидесятых годов распространился на все течения и, порождая умственную косность, препятствовал сколько-нибудь широкому распространению марксистских идей. Чем больше интеллигенция в целом покидала поле битвы, тем упрямее единицы, сохранившие верность революции, держались за освященные героическим прошлым традиции. Облегчить усвоение марксистских идей могла бы революционная борьба европейского пролетариата. Но восьмидесятые годы были и на Западе годами реакции. Во Франции еще не зажили раны Коммуны. Немецких рабочих Бисмарк загнал в подполье. Британский тред-юнионизм был насквозь проникнут консервативным самодовольством. Под влиянием временных причин, о которых мы еще упомянем ниже, стачечное движение в самой России тоже затихло. Немудрено, если группа Плеханова оказалась совершенно изолированной. Ее обвиняли в искусственном возбуждении классовой розни вместо необходимого союза всех "живых сил" против абсолютизма.

Составленная Александром Ульяновым наспех, между выделкой азотной кислоты и начинкой пуль стрихнином, программа Террористической Фракции объявляла, правда, разногласия с социал-демократами "очень несущественными", но только для того, чтобы тут же выдвинуть свои надежды на "непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму", минуя капиталистическую стадию развития, и признать "большое самостоятельное значение интеллигенции", ее

способность к "немедленному ведению политической борьбы с правительством". Практически группа Александра Ульянова стояла дальше от рабочих, чем террористы предшествующего поколения.

Связи группы "Освобождение труда" с Россией носили случайный и ненадежный характер. "Об основании в 1883 году плехановской группы "Освобождение труда", - вспоминает Мицкевич, - до нас доходили только смутные слухи". Во враждебных кругах эмиграции не без удовольствия рассказывали, как в Одессе группа радикалов подвергла торжественному сожжению плехановские "Наши разногласия", и эти слухи встречали доверие, ибо хорошо отвечали настроениям, если не фактам. Малочисленные сторонники группы в среде заграничной русской молодежи далеко уступали революционерам предшествующего десятилетия по кругозору и личному мужеству; иные именовали себя марксистами в надежде, что это освобождает их от революционных обязательств. Плеханов, никого не щадивший для острого словца, называл этих сомнительных единомышленников "инвалидами, никогда не побывавшими на поле сражения". К началу девяностых годов вожди группы успели окончательно разочароваться в своих надеждах на завоевание интеллигенции. Ее невосприимчивость к идеям марксизма Аксельрод объяснял ее буржуазным перерождением. Правильное в общем историческом масштабе и подтвержденное в дальнейшем ходом событий объяснение это слишком забегало вперед: русской интеллигенции предстояло еще пройти через полосу почти повального увлечения марксизмом, и это время было уже совсем близко.

Не дожидаясь теоретического признания, капитализм совершал тем временем под покровом реакции свою революционизирующую работу. Последствия крепостнических и капиталистических мероприятий правительства никак не хотели укладываться в гармоническую систему. Несмотря на щедрую денежную поддержку государства, земельное дворянство быстро разорялось. За три десятилетия после реформы правящее сословие выпустило из рук свыше 35% своей земли, причем именно царствование Александр III, эпоха дворянской реставрации, явилось эпохой дворянского разорения по преимуществу. Обезземеливалось главным образом, конечно, мелкое и среднее дворянство. Что касается промышленности, прибыли которой под защитой высоких пошлин достигали 60%, то она неизменно шла в гору, особенно к концу десятилетия. Так, несмотря на дворянские контрреформы, совершалось капиталистическое преобразование национального хозяйства. Затягивая туже и туже узлы средневековья, особенно в деревне, правительственная политика содействовала, с другой стороны, росту тех сил города, которые были призваны разрубить эти узлы. Реакционное царствование Александра III стало теплицей русской революции.

В общую картину 80-х годов, данную в одной из предшествующих глав, необходимо теперь внести весьма существенную поправку: политическая протестация охватывала разные слои образованного общества, - либеральных земцев, радикальную интеллигенцию, революционные кружки; но в то же время под покровом реакции совершалось в глубинах нации пробуждение промышленных

рабочих, шли бурные стачки, иногда разгромы фабрик и заводов, столкновения с полицией, еще без ясных революционных задач, но уже с революционными жертвами. Вместе с требовательностью вспыхивала солидарность, в массе просыпалась личность, кое-где выдвигались местные вожди. В историю русского пролетариата восьмидесятые годы вписаны, как начало восхождения.

Стаечная волна, открывшаяся уже в последние годы царствования Александра II, но достигшая высшей точки в 1884 - 1886 годах, вынуждала печать разных оттенков с тревогой признать зарождение в России особого "рабочего вопроса". Царская администрация, надо ей отдать справедливость, значительно раньше, чем левая интеллигенция, поняла революционное значение пролетариата. Секретные официальные документы уже с конца семидесятых годов начинают выделять промышленных рабочих в качестве весьма ненадежного класса, тогда как народническая публицистика все еще продолжает растворять пролетариат в крестьянстве.

Одновременно с жестокими репрессиями против стачечников начинает с 1882 г. быстро развиваться фабричное законодательство: запрещение работы малолетних, учреждение фабричной инспекции, начатки урегулирования работы женщин и подростков. Закон 3 июня 1886 г., последовавший непосредственно за крупными текстильными забастовками, установил обязательство хозяев расплачиваться деньгами в определенные сроки и вообще пробил первую брешь в стене патриархального произвола. Так, самодовольно регистрируя капитуляцию всех оппозиционных группировок образованного общества, царское правительство увидело себя само вынужденным совершить первую капитуляцию перед пробуждающимся рабочим колашом. Без правильной оценки этого факта нельзя понять всей дальнейшей истории России, до октябрьской революции включительно.

Несмотря на продолжение и даже обострение аграрного кризиса, промышленная депрессия, вопреки всем народническим теориям, уступает к концу 80-х годов место подъему. Число рабочих быстро растет. Новые фабричные законы и особенно низкие цены на предметы потребления улучшают положение рабочих, привыкших к деревенской нищете. Стачки временно затихают. Именно в этот промежуток времени революционное движение падает до самой низкой точки за предшествующие тридцать лет. Так конкретное изучение политических зигзагов русской интеллигенции представляет крайне поучительную главу социологии: свободная "критическая мысль" оказывается на каждом шагу зависимой от непознанных ею материальных причин. Если бы пушинке, которую каждое дуновение относит в сторону, свойственно было сознание, она считала бы себя самым свободным существом в мире!

В стачечном движении начала 80-х годов руководящую роль играли рабочие, воспитанные революционным движением предшествующего десятилетия. В свою очередь стачки дали толчок наиболее отзывчивым рабочим нового поколения. Правда, мистические искания проникли в те дни и в рабочую среду. Но если для интеллигенции толстовство означало отход от активной борьбы, то для рабочих оно нередко являлось первой, смутной еще формой протеста против социальной

несправедливости. Так, одни и те же идеи выполняют нередко противоположные функции в разных социальных слоях. Отголоски бакунизма, народовольческие традиции, первые лозунги марксизма сочетаются у передовых рабочих с собственным опытом стачек и неизбежно принимают окраску классовой борьбы. Как раз в 1887 г. Лев Толстой предавался горестным размышлениям по поводу результатов революционной борьбы за последние 20 лет. "Сколько истинного желания добра, готовности к жертвам потрачено нашей молодой интеллигенцией на то, чтобы установить правду... И что сделано? Ничего. Хуже, чем ничего". Великий художник ошибался в политике и на этот раз. Загубленные душевные силы интеллигенции ушли глубже в почву, чтобы прорости вскоре первыми ростками массового сознания.

Покинутые своими вчерашними руководителями, рабочие кружки продолжали самостоятельно искать свой путь. Они много читали, доискивались в старых и новых журналах статей о жизни западноевропейских рабочих, примеривали вычитанное к себе. Один из первых рабочих-марксистов Шелгунов⁵⁵⁷ вспоминает, что в 1887 - 1888 годах, т.е. в самое проклятое время, "рабочие кружки развиваются больше и больше... Передовые рабочие... выискивали у старьевщиков книги и закупали их". К старьевщикам эти книги попали несомненно от разочарованной интеллигенции. Том "Капитала" у букинистов расценивался в 40 - 50 рублей. И все же петербургские рабочие умудрялись добывать эту заветную книгу. "Мне самому, - пишет Шелгунов, - приходилось разрывать "Капитал" по частям, по главам, чтобы читать одновременно в четырех - пяти кружках". Рабочий Моисеенко⁵⁵⁸, организатор крупнейшей текстильной стачки, штудировал с товарищами по ссылке "Капитал" и произведения Лассаля. Зерно не падало на камень.

В адресе, поднесенном старому публицисту Шелгунову⁵⁵⁹ (его, конечно, не надо смешивать с названным выше однофамильцем - рабочим) незадолго до его смерти в 1891 году, группа петербургских рабочих благодарила его особенно за то, что своими статьями о борьбе пролетариата во Франции и Англии он указал правильный путь русским рабочим. Статьи Шелгунова писались для интеллигенции. В руках рабочих они послужили источником выводов, шедших дальше мыслей автора. Потрясенный визитом рабочей делегации, старик унес в могилу образ пробуждающейся силы. Самый замечательный из беллетристов-народников Г.И. Успенский⁵⁶⁰ прежде чем сойти с ума успел узнать, что передовые рабочие ценят и любят его, и публично поздравил русских писателей с "новым грядущим читателем". Рабочие ораторы на тайной петербургской маевке в 1891 году с благодарностью вспоминали о предшествующей борьбе интеллигенции и вместе с тем недвусмысленно выражали свое намерение заменить ее. "Нынешняя молодежь..., - говорил один из них - ... не думает о народе. Эта молодежь не что иное, как паразитический элемент общества". Народ лучше поймет рабочих-пропагандистов, "потому что мы ближе стоим к нему, чем интеллигенция".

Однако на переломе двух десятилетий новые веяния стали пробиваться и в среде интеллигенции, хоть и очень медленно. Студенты приходили в

соприкосновение с рабочими и заражались от них бодростью. Стали появляться социал-демократы, чаще всего очень молодые люди, у которых ломался голос и с ним вместе уважение к старым авторитетам. Один из тогдашних молодых казанцев Григорьев вспоминает: "В 1888 году все настойчивее и настойчивее среди молодежи начал появляться в Казани интерес к имени Маркса". В центре первых казанских марксистских кружков становится выдающийся молодой революционер Федосеев⁵⁶¹. С зимы 1888 - 1889 гг., по словам Бруснева, в Петербурге "заметно возрос интерес к книгам по общественным и политическим вопросам. Появился спрос на нелегальную литературу". По иному стали читаться газеты. "Русские Ведомости"⁵⁶², лейб-орган земского либерализма, давали в те годы обширные корреспонденции из Берлина, с большими выдержками из речей Бебеля и других социал-демократических вождей. Либеральная газета хотела этим сказать царю и его советникам, что свобода не опасна: германский император продолжает прочно сидеть на троне, собственность и порядок прочно ограждены. Но революционные студенты вычитывали из этих речей иное. Пропагандисты мечтали воспитать из рабочих русских Бебелей. Новые идеи были завезены студентами-поляками: рабочее движение в Польше развернулось раньше, чем в России. По словам Бруснева, который в ближайшие месяцы становится в центре социал-демократической группировки в Петербурге, в кружках студентов-технологов уже в 1889 г. преобладало марксистское течение: будущим инженерам, готовившимся на службу к капитализму, было особенно трудно поддерживать в себе веру в самобытные пути России. Технологи повели довольно деятельную пропаганду в рабочих кружках. Оживление распространилось одновременно и на старые, замершие группировки. Вернувшиеся из ссылки народолюбцы пытались, пока еще безрезультатно, возродить террористическую партию.

Леонид Красин, вместе со своим братом Германом⁵⁶³, появившиеся в это время на петербургской арене из далекой Сибири, не без юмора описывал впоследствии свои марксистские дебюты. "Недостаток эрудиции восполнялся юношеской горячностью и здоровыми голосами... К концу 1889 г. боевые качества нашего кружка считались прочно установившимися". Леониду было в это время 19 лет! Мицкевич наблюдал и в московской студенческой жизни перелом настроения: не было прежней безнадежности, появилось больше кружков саморазвития, вырос интерес к изучению Маркса. Весной 1890 года разразились после трехлетнего перерыва крупные студенческие беспорядки. В результате брата Красины, студенты-технологи, оказались высланы из Петербурга в Нижний Новгород. Из их уст Мицкевич, попавший туда же, впервые услышал живую проповедь марксизма и набросился на "Наши разногласия" Плеханова. "Новый мир открылся передо мной: найден был ключ к пониманию окружающей действительности". Прочитанный после этого "Манифест коммунистической партии" произвел на Мицкевича громадное впечатление: "Я понял основы великой историко-философской теории Маркса. Я стал марксистом и уже на всю жизнь". Тем временем Леонид Красин получил право вернуться в столицу и повел там пропаганду среди ткачей. Невзорова⁵⁶⁴, курсистка начала 90-х годов,

рассказывает, каким откровением для молодежи явились в свое время первые издания группы "Освобождение труда". "Я до сих пор помню потрясающее впечатление от "Коммунистического Манифеста" Маркса и Энгельса". Красин, Мицкевич, Невзорова и их друзья - это все подрастающие кадры будущего большевизма.

Новые настроения в русской интеллигенции питались также и событиями на Западе, где рабочее движение выходило из упадка. Знаменитая стачка английских докеров под руководством будущего ренегата Джона Бернса⁵⁶⁵ прокладывала дорогу новому, боевому тред-юнионизму. Во Франции рабочие оправлялись от катастрофы, зазвучала проповедь марксистов Геда и Лафарга. Осенью 1889 года состоялся в Париже учредительный конгресс нового Интернационала. Плеханов выступил на конгрессе со своим пророческим заявлением: "Русская революция победит только как рабочая революция, - другого выхода нет и быть не может". Слова эти, прозвучавшие в зале конгресса почти незаметно, будили в России отголосок в сердцах нескольких революционных поколений. Наконец, в Германии на выборах 1890 года нелегальная социал-демократия собрала почти полтора миллиона голосов: исключительный закон против социалистов⁵⁶⁶, продержавшийся двенадцать лет, провалился со срамом.

Как наивна вера в самопроизвольное зарождение идей! Нужен был целый ряд объективных, материальных условий, притом в известной последовательности, в определенном сочетании, чтоб марксизм получил доступ в головы русских революционеров. Капитализм должен был сделать серьезные успехи; интеллигенция должна была исчерпать все другие пути до конца, - бакунизм, лавризм, пропаганду в крестьянстве, поселения в деревне, террор, мирное культурничество, толстовство; рабочие должны были выступить со стачками; социал-демократическое движение на Западе должно было принять более активный характер; наконец грандиозная голодная катастрофа 1891 года⁵⁶⁷ должна была вскрыть все язвы народного хозяйства России, - тогда и только тогда идеи марксизма, нашедшие теоретическую формулировку почти столетия тому назад и возвещавшиеся Плехановым для России с 1883 года, начали, наконец, находить признание на русской почве. Однако, и это еще не все. Получив вскоре массовое распространение в среде интеллигенции, они тут же подвергались деформации, в соответствии с социальной природой этого слоя. Только с появлением сознательного пролетарского авангарда русский марксизм стал, наконец, прочно на ноги. Значит ли это, что идеи несущественны или бессильны? Нет, это значит лишь, что идеи социально обусловлены; прежде чем стать причиной фактов и событий, они должны стать их последствием. Еще точнее: идея не стоит над фактом, как высшая инстанция, ибо сама идея есть факт, входящий необходимым звеном в цепь других фактов.

Личное развитие Владимира Ульянова совершалось в тесной связи с эволюцией революционной интеллигенции и формированием тонкой прослойки передовых рабочих. Биография здесь органически сливается с историей. Субъективная последовательность духовного формирования совпадает с

объективной последовательностью нарастания революционного кризиса страны. Одновременно с возникновением первых марксистских кадров и первых социал-демократических кружков готовится и зреет под покровом реакции будущий вождь революционного народа.

Самарский период

На осень семья переселялась в город, где вместе с Елизаровыми занимала верхнюю половину двухэтажного деревянного дома из 6 - 7 комнат. Так Самара стала основной резиденцией Ульяновых почти на четыре с половиной года. В жизни Ленина сложился особый самарский период. Позже, в середине девяностых годов Самара, не без влияния Ленина, стала своего рода марксистской столицей Поволжья. Необходимо хоть слегка приглядеться к физиономии этого города.

Административная история Самары немногим отличается от истории Симбирска: та же борьба с кочевниками, та же эпоха закладки "города", т.е. деревянных укреплений, та же борьба с Разиным⁵⁶⁸ и Пугачевым⁵⁶⁹. Но социальная физиономия Самары весьма отлична. Симбирск сложился как прочное дворянское гнездо. Дальше ушедшая в степь Самара стала расти значительно позже, уже после отмены крепостного права как центр хлебной торговли. Хоть главная улица города и носила имя Дворянской, но лишь из подражания. На самом деле крепостное право почти не успело захватить самарских степей, город лишен был предков и традиций. Не имел он и университета, как Казань, следовательно ни ученого сословия, ни студенчества. Тем увереннее хозяйничали здесь скотоводы, хлеборобы, торговцы зерном, мукомолы, крепкие пионеры аграрного капитализма. Относясь безразлично не только к эстетике, но и к личному комфорту, они не заводили барских усадеб с колоннами, парками и гипсовыми нимфами. Им нужны были пристани, амбары, мельницы, лабазы, кованые ворота, тяжелые замки. Их занимали не охотничьи собаки, а сторожевые. Только крепко разбогатев, они строили себе большие каменные дома.

Вокруг хлебной волжской буржуазии, ее пристаней и складов ютился бродячий и полубродячий люд. Исконные обитатели самарских слободок пытались когда-то, по примеру немцев-меннонитов⁵⁷⁰ в Сарепте, разводить прибыльную горчицу; да не хватило у русского человека ни умения, ни терпения. От неудавшихся горчичных насаждений остались у самарских мещан лишь горечь разочарования да ироническое прозвище горчичников. Под сердитую руку, особенно с хмельных глаз, обитатели самарских слободок совместно с бурлаками причиняли начальству великие беспокойства. Но бунты их были беспросветны, как и вся их незадачливая жизнь.

Старик Шелгунов, тот самый, которому петербургские рабочие подносили впоследствии адрес, дал в 1887 г. интересные описания Самары, города пионеров: "Рядом с палаццами тянутся или пустыри, или заборы, или торчат трубы сгоревших лет пятнадцать тому назад домов, которым уже никогда не отстроиться, как никогда не поправиться зарвавшемуся и разорившемуся пионеру. Еще дальше, за заборами и пустырями и мельчающими домами окраин,

тянутся слободки, где тесно жмутся друг к другу трех и двухоконные лачуги. Это деревня, оставившая степь и поселившаяся в городе, чтобы работать на пионера..."

Промышленности, а значит и промышленных рабочих, в Самаре почти не было. А так как не было в ней и университетской заразы, то Самара числилась в списке тех не внушающих опасений городов, где власти разрешали задерживаться отбывшим сибирскую ссылку революционерам и куда высылали подчас неблагонадежный элемент из столиц и университетских центров под надзор полиции. Эта кочевая братия, носившая до начала девяностых годов сплошь народническую окраску, группировала вокруг себя местную левую молодежь. Не только земцы и купцы, но даже подчас и чиновники позволяли себе безнаказанно либеральничать в губернии, где не было ни дворянского засилия, ни студенческих и рабочих волнений. Темные бунты портового люда в книгу политики никем не заносились. В среде поднадзорных всегда можно было найти толковых и честных земских служащих, управляющих, секретарей и репетиторов, хоть по закону многие из этих занятий требовали официальной благонадежности. По данным самарской полиции, и Владимир Ульянов занимался в 1889 году частными уроками. На мелкие поблажки неблагонадежному элементу администрация Самары глядела сквозь пальцы.

Бывшие ссыльные и поднадзорные, тяготевшие к ним кружки гимназистов, семинаристов, учениц земской фельдшерской школы, наконец, прибывавшие на лето студенты составляли, так сказать, губернский авангард. От этого мирка тянулись нити к либералам из земской, адвокатской, купеческой и чиновничьей среды. Обе группы питались либерально-народническими "Русскими ведомостями": солидное крыло интересовалось, главным образом, умеренно-вкрадчивыми передовицами и земским отделом; радикальная молодежь зачитывалась заграничными корреспонденциями. Из ежемесячников левый фланг жадно поглощал каждую свежую книжку "Русского богатства"⁵⁷¹, особенно статьи талантливого народнического публициста Михайловского⁵⁷², неутомимого проповедника "субъективной социологии". Более солидная публика предпочитала "Вестник Европы"⁵⁷³ или "Русскую мысль"⁵⁷⁴, органы затаившегося конституционализма. За пределы интеллигенции пропаганда в Самаре совсем не выходила. Культурный уровень немногочисленных рабочих был крайне низок. Отдельные железнодорожники примыкали, правда, к народническим кружкам, но не с целью пропаганды в рабочей среде, а для повышения собственного культурного уровня.

Поднадзорные без опасения посещали семью Ульяновых, у которой, в свою очередь, отпали постепенно основания избегать общения с врагами царя и отечестве. Вдова действительного статского советника соприкоснулась с тем миром, о котором она вряд ли когда-нибудь задумывалась при жизни мужа. Ее общество составляли ныне не губернские чиновники с женами, а старые русские радикалы, отщепенцы, прошедшие годы в тюрьме и ссылке, вспоминавшие о своих друзьях, погибших в террористических актах, при вооруженных сопротивлениях или на каторге; словом, люди того мира, в который ушел Саша, чтобы не вернуться. У них были на многое непривычные взгляды, не всегда были на

высоте их манеры, некоторые из них отличались странностями, усвоенными в долгие годы принудительного одиночества, но это были не плохие люди, наоборот, Марья Александровна должна была убеждаться, что это хорошие люди: бескорыстные, верные в дружбе, смелые. К ним нельзя было не относиться приязненно, и в то же время нельзя было не опасаться их: не увлекут ли они на роковой путь и другого сына.

Из проживавших в Самаре под надзором полиции революционеров выделялись Долгов⁵⁷⁵, участник знаменитого нечаевского дела⁵⁷⁶, и чета Ливановых: муж привлекался по процессу 193-х, жена - по одесскому делу Ковальского⁵⁷⁷, который пытался оказать вооруженное сопротивление при аресте. Беседы с этими людьми, особенно с Ливановыми, которых Елизарова называет "типичными народовольцами, очень цельными и идейными", стали для Владимира настоящей практической академией революции. Он с жадностью набрасывался на их рассказы, ставил вопросы за вопросами, вдаваясь во все новые детали, чтобы оживить в своем воображении ход прошлой борьбы. Большая революционная эпоха, еще не изученная тогда и почти не записанная, к тому же отрезанная от нового поколения полосой реакции, вставала перед Владимиром в живых человеческих образах. Этот юноша обладал редчайшим из даров: он умел слушать. Все интересовало его, что касалось революционной борьбы: идеи, люди, приемы конспирации, подпольная техника, фальшивые паспорта, тюремный режим, судебные процессы, условия ссылки и побегов.

Одним из очагов радикальной земской интеллигенции в Самаре был дом мирового судьи Самойлова. Сюда заходил частенько Елизаров⁵⁷⁸, которому однажды пришла в голову счастливая мысль привести к Самойловым своего шурина. Это посещение позволило Самойлову-сыну спустя много лет восстановить образ молодого Ульянова несколькими очень яркими штрихами. "Когда я вышел поздороваться с гостями, - рассказывает Самойлов, - внимание мое сразу остановилось на новой фигуре: у стола сидел в свободной позе очень худой молодой человек с ярким румянцем на скулах несколько калмыцкого лица, с редкими и, очевидно, не знавшими еще ножниц усами и бородкой, отливавшими слегка медью, и смешливым взглядом живых темных глаз. Он говорил немного, но происходило это, по-видимому, вовсе не от того, чтобы он себя чувствовал неловко в незнакомой обстановке: нет, было совершенно ясно, что это обстоятельство его нисколько не тяготит. И наоборот, я сразу как-то отчетливо отметил в своем сознании, что М.Т.Елизаров, обычно державшийся у нас совсем своим человеком, на этот раз как будто не то что стесняется нового гостя, а немного робеет, что ли, перед ним. Разговор был какой-то незначительный и касался, как помню, студенческого движения в Казани, в результате которого Владимир Ильич (это был он) вынужден был оставить Казанский университет... По-видимому, он не склонен был принимать своей судьбы в трагическом аспекте... Среди разговора он, закруглив какой-то вывод, по-видимому показавшийся ему удачным, неожиданно засмеялся обрывистым, коротким - совсем русским смешком. И было ясно, что родилась ядреная, острая мысль, которую он перед этим искал. Этот смешок, здоровый и

не без лукавства, подчеркнутый лукавыми же морщинками в уголках глаз, остался у меня в памяти. Все засмеялись, но он уже сидел спокойным и опять вслушивался в общий разговор, внимательным и немного смешливым взглядом фиксируя собеседников". По уходе гостя хозяин дома, экспансивный по натуре, резюмировал впечатление возбужденными словами: "Что за умница!" И восклицание отца навсегда слилось в памяти сына с образом молодого Ленина, с его иронической игрой глаз, с его коротким "русским" смешком. "Что за умница!" Этот выхваченный меткой памятью эскиз вознаграждает нас за тысячи страниц патетического бессилия, затопляющего большинство воспоминаний.

Удивляют несколько слова: "очень худой молодой человек". И другой самарец, Семенов, называет Владимира "щупленьким". В детстве Володя прозывался Кубышкой. На гимназических карточках он выглядит крепышом. Самарец Клеменц⁵⁷⁹ пишет о нем: "Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, с свежим, румяным лицом". Так же рисует его, правда, тремя годами позже, близкий к Владимиру Лалаянц⁵⁸⁰: "Невысокого роста, но очень крепко и основательно сложенный". Это описание гораздо больше отвечает тому, что мы знаем о Владимире в те годы: большой ходок, охотник, мастер плавать и кататься на коньках, гимнаст на реке и сверх всего этого любитель срываться на высоких нотах. Возможно и то, что, прибыв в Самару исхудавшим подростком, он окреп затем на степном приволье.

Совершенно несомненно, что именно в самарский период Владимир Ульянов стал марксистом и социал-демократом. Но самарский период длился почти четыре с половиной года. Как укладывается в этих широких рамках эволюция юноши? Официальные биографы раз и навсегда избавлены от затруднений спасительной теорией, согласно которой Ленин был революционером по наследству и марксистом от рождения. Но это все же не так. У нас нет, правда, документальных доказательств того, что Владимир придерживался в первые самарские годы народовольческих взглядов; но данные позднейших лет вряд ли оставляют на этот счет место каким-либо сомнениям. Мы услышим позже безупречные свидетельства Лалаянца, Кржижановского⁵⁸¹ и других о том, что Владимир в 1893-1895 гг., т.е. когда он был уже законченным марксистом, придерживался по вопросу о терроре необычных в социал-демократической среде взглядов, которые всеми расценивались как пережиток предшествующего периода в его развитии. Но если бы даже этого яркого подтверждения от *a posteriori*⁵⁸² и не оказалось налицо, то мы все равно должны были бы спросить: могло ли такого периода не быть?

Политическая тень Александра в течение ряда лет неотступно следовала за Владимиром по пятам. "Это уж не брат ли того Ульянова?" - писал на полях официального документа высокий бюрократ. В этом же аспекте видели его все окружающие. "Брат повешенного Ульянова", - говорила о нем с уважением радикальная молодежь. *Le mort saisit le vif*⁵⁸³! Сам Владимир никогда не упоминал о своем брате, если его не вынуждали прямым вопросом, и ни разу не назвал его позже в печати, хотя поводов было немало. Но именно эта сдержанность вернее всего свидетельствовала о том, какой глубокой раной

вошла в его сознание гибель Александра. Для разрыва с народовольческой традицией Владимиру нужны были неизмеримо более убедительные и веские мотивы, чем всякому другому.

Длительное упорство его террористических симпатий, бросающее ретроспективный свет на окрашенный народовольчеством период в его развитии, имело, однако, не только личные корни. Владимир эволюционировал с целым поколением, с целой эпохой. Даже первые работы группы "Освобождение труда", если допустить, что Владимир уже успел свести с ними знакомство, не ставили перед ним ребром вопроса о разрыве со знаменем старшего брата. Развертывая перспективу капиталистического развития России, Плеханов еще не противопоставлял будущую социал-демократию "Народной Воле", а лишь требовал от народovolьцев усвоения марксизма. Незадолго перед тем группа "Освобождение труда" сделала практическую попытку объединиться с заграничным представительством "Народной Воли". Если так дело обстояло, правда, лишь в начале десятилетия, в эмиграции, где действовали боевые теоретики обоих направлений, то в самой России размежевание между народovolьцами и социал-демократами представлялось и в конце 80-х годов еще очень зыбким и неясным. Аксельрод совершенно правильно отмечает в своих воспоминаниях, что "основная линия водораздела между народovolьцами и социал-демократами проходила в конце 80-х годов не по линии: марксизм - народничество, а по линии: непосредственная политическая борьба, что тогда было синонимом террора, или пропаганда". В тех случаях, когда марксисты признавали террор, линия водораздела стиралась вовсе. Так Александр, который успел прочитать "Наши разногласия", считал, что практических расхождений между народovolьцами и социал-демократами нет и что Плеханов напрасно придал своей работе против Тихомирова полемический характер. В заговоре 1 марта 1887 г. представители обоих оттенков мысли действовали под народovolьческим знаменем.

Сближение двух тенденций, которым предстояло позднее непримиримо разойтись, имело на самом деле иллюзорный характер и объяснялось их слабостью и политическими сумерками эпохи. Но именно в этих сумерках Владимир приступил к теоретическому изучению марксизма. Одновременно он ознакомился по рассказам "стариков" с практикой недавней борьбы, в которую дело Александра входило заключительным звеном. В Самаре, где рабочее движение не существовало еще и в зародыше, группировки в среде интеллигенции возникали с запозданием и развивались замедленным темпом. Социал-демократов еще не было вовсе. В этих условиях Владимир мог далеко продвинуться в изучении марксистских классиков, не будучи, однако, вынуждаем к окончательному выбору между социал-демократией и народovolьчеством. Стремление к ясности и законченности составляло, неоспоримо, важнейшую пружину его воли, как и его интеллекта. Но не менее важной чертой его было чувство ответственности. Судьба Александра сразу перенесла мысли о "борьбе за свободу" из сферы розовых юношеских мечтаний в царство суровой действительности. Сделать выбор означало при этих условиях: изучить, понять,

проверить, убедиться. Это требовало времени.

В числе первых приятелей Владимира на самарской почве мы встречаем его ровесника Скляренко⁵⁸⁴. Исключенный из шестого класса гимназии и арестованный в 1887 г., он успел просидеть год в петербургских "Крестах" и после возвращения в Самару возобновил пропаганду в среде молодежи. Главным образом его усилиями создана была полулегальная, полунелегальная библиотечка для самообразования. Из старых ежемесячников вырезались по особому пропагандистскому каталогу наиболее поучительные статьи, причем первую и последнюю страницы приходилось нередко переписывать от руки. Сборники таких статей переплетались и вместе с сотней - двумя избранных книг, большей частью изъятых, составляли БСГ (библиотеку самарских гимназистов), к которой Владимиру не раз приходилось прибегать в самарские годы. Вместе со своим другом Семеновым Скляренко издавал на гектографе литературу в народовольческом духе, который вообще господствовал в их окружении. Если бы Ульянов считал себя социал-демократом уже в первые два года своего пребывания в Самаре, у него со Скляренко, Семеновым и их друзьями шли бы ожесточенные прения, которые в случае упорства противников неизбежно и очень скоро привели бы к разрыву. Но ничего этого не было, личные отношения не нарушались. С другой стороны, приятельские связи с молодыми народовольцами не повели к участию Владимира в их подпольной работе. Революционные затеи зеленых юношей после истории с Александром не могли импонировать ему. Он хотел прежде всего учиться и скоро увлек на этот путь Скляренко и Семенова.

В Самаре предстояло провести четыре зимы. Владимир рос и менялся за эти годы, постепенно сдвигаясь на социал-демократическую колею. Но менялись и те, которые наблюдали его и испытывали на себе его влияние. Грани между отдельными этапами стерлись в памяти. Результаты эволюции, определившиеся в 1898 году, распространяются ныне обычно на весь самарский период. Особенно ясно это видно на воспоминаниях старшей сестры. Владимир, по ее словам, "все ожесточеннее" спорил со стариками-народовольцами по поводу их основных воззрений. Так оно несомненно и было. Но с какого момента начались споры и когда приняли "ожесточенный" характер? Мало вообще разбиравшаяся тогда в принципиальных вопросах Анна как раз ко времени переселения в Самару вышла замуж за Елизарова, и, хотя обе семьи жили в одном доме, молодая чета естественно отделилась от остальных. Первые два самарские годы в жизни Владимира почти совершенно выпадают на памяти старшей сестры.

Можно без труда поверить, что архаические воззрения самарских "стариков" не способны были дать удовлетворения сверлящему вглубь молодому уму. Владимир мог и должен был вести споры со стариками уже и в первые годы, не потому что нашел истину, а потому что искал ее. Но лишь значительно позже, к концу самарского периода, эти споры превратились в конфликт двух направлений. Замечательно, что сама Елизарова в поисках живой иллюстрации самарских диспутов называет в качестве противника поднадзорного Водовозова⁵⁸⁵. Но споры с этим безнадежным эклектиком, не причислявшим себя ни к народникам, ни к марксистам, относились уже к зиме 1891 - 1892 года,

следовательно к концу третьего года пребывания Владимира в Самаре.

Один из самарцев рассказывает, правда, как во время прогулки радикальной молодежи на лодках, видимо, летом или осенью 1890 г., Ульянов разбил в пух и прах идеалистическую теорию морали, развитую неким Бухгольцем, и противопоставил ей классовую концепцию. Этот эпизод изображает ритм развития Владимира несколько более ускоренным, чем представляется на основании прочих данных. Но замечательно, что сам Бухголец, родившийся в России немецкий социал-демократ, опровергает в интересующем нас пункте приведенный только что рассказ. "На тех собраниях, на которых мы были вместе, - пишет он, - В.И. Ульянов, насколько я могу вспомнить, не проявлял чем-либо выделяющейся активности и во всяком случае не развивал марксистских взглядов". Ценность этого свидетельства совершенно неоспорима. Можно ли сомневаться, что Ульянов не держал бы своего светильника под спудом, будь светильник уже возжен? Если он не развивал марксистских взглядов, то потому что еще не выработал их.

В октябре 1889 г., уже переехав в Самару, Владимир посылает "его сиятельству господину министру народного просвещения" новое, в высшей степени внушительное по тону прошение. В течение двух лет, прошедших по окончании курса гимназии, он, Владимир Ульянов, имел "полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности, найти занятие человеку, не получившему специального образования". Между тем, нижеподписавшийся крайне нуждается в занятии, которое дало бы ему возможность "поддержать своим трудом семью, состоящую из престарелой матери и малолетних брата и сестры". Он просит на этот раз не о доступе в университет, а о праве держать окончательный экзамен экстерном. Делянов⁵⁸⁶ написал карандашом на прошении: "Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек". Явное дело, департамент полиции не мог быть более благосклонного мнения о просителе, чем министр просвещения. Так, "скверный человек" получил от "хорошего, милого человека" новый отказ.

Дверь официальной науки, казалось, захлопнулась пред Владимиром навсегда. В конце концов это, вероятно, немного изменило бы в его дальнейшей судьбе. Но в те дни вопрос об университетском дипломе представлялся гораздо значительнее и самому Владимиру и особенно матери. Мария Александровна выехала в мае 1890 г. в Петербург хлопотать за будущее Володи, как три года тому назад она хлопотала за жизнь Саши. "Мучительно больно, - писала она, - смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы..." И чтобы еще ближе подобраться к сердцу министра, мать пугала его тем, что бесцельное существование сына "почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве". По совести говоря, Владимир весьма мало походил на кандидата в самоубийцы. Но на войне, - а мать вела войну за сына, - не обойтись без военных хитростей. Делянов не лишен был, видно, сентиментальной струны: хоть он и не вернул "скверного человека" в университет, но разрешил ему на сей раз держать окончательные экзамены по предметам юридического факультета при одном из императорских

университетов. Самарское полицейское управление официально известило об этой милости вдове действительного статского советника Марию Ульянову. На просьбу Владимира разрешить держать экзамены в Петербурге был снова получен удовлетворительный ответ. Помимо ходатайств матери помогло несомненно и то обстоятельство, что за два с половиной года, протекшие со времени его исключения, Владимир ни в чем подозрительном замечен не был. Семья выходила, казалось, из-под опалы.

С конца августа полицейские перья Самары и Казани отмечают в ряде рапортов поездку Владимира Ульянова через Казань в Петербург за справками относительно порядка сдачи экзаменов. Шесть дней Владимир провел в Казани. Кого разыскал он там из прежних друзей? Рапорт казанского полицмейстера не дает на этот счет никаких указаний. Почти два месяца Владимир проводит в Петербурге: даты устанавливаются рапортами самарского пристава. Но больше мы почти ничего не знаем. Между тем Владимир наверняка не терял своего времени даром. Главной его заботой было обеспечить всесторонне свою подготовку к экзаменам. Он не собирался держать испытания на авось, проваливаться, брать ходы обратно. Ему необходимо было все элементы предстоящей задачи привести заранее в полную ясность: объем каждого предмета, учебники, требования профессоров. Значительная часть проведенного в Петербурге времени ушла несомненно на занятия в Публичной библиотеке⁵⁸⁷. Нужно было делать выписки, составлять конспекты, чтобы не покупать слишком дорогих книг. Через сестру Ольгу⁵⁸⁸, учившуюся в Петербурге, Владимир познакомился с будущим своим антагонистом Водовозовым, товарищем Александра по университету, прибывшим из ссылки для сдачи государственных экзаменов, и при его помощи проник в помещение, где около 400 студентов подвергались испытаниям. Владимир замешался в этой толпе и, по словам Водовозова, "просидел несколько часов, прислушиваясь и присматриваясь". Эта предварительная разведка арены и условий будущего экзаменационного боя в высшей степени характерна для молодого Ленина. Он ничего не любил предоставлять на волю случая, что можно было хоть сколько-нибудь предусмотреть и подготовить заранее.

Но у Владимира было еще одно немаловажное дело в Петербурге. Именно в эту свою поездку он по связям раздобыл, наконец, у преподавателя технологического института Явейна⁵⁸⁹ книгу Энгельса "Переворот, совершенный г. Дюрингом в науке"⁵⁹⁰. Если счастливый собственник, как можно думать, не решался отпустить запретную книгу в далекую провинцию, тогда Владимиру пришлось с большим напряжением изучать замечательный научно-философский памфлет в течение своего короткого пребывания в столице. Не исключено, однако, что после беседы с настойчивым юношей, молодой профессор сдался, и "Анти-Дюринг" переселился с Невы на Волгу. Во всяком случае Владимир впервые взял эту книгу в руки не ранее осени 1890 года. Радек, рассказывающий этот эпизод со ссылкой на самого Ленина, прибавляет: "Долго еще ему не удавалось добыть изданных за границей сочинений Плеханова". Если слово "долго" означает здесь хотя бы несколько месяцев, то и то окажется, что с произведениями группы "Освобождение труда" Владимир познакомился не ранее

начала 1891 года. Запомним эти даты. Хотя свидетельства Радека вообще не могут претендовать на точность, но в данном случае они, помимо убедительности внешних черт рассказа, находят опору в общей эволюции Владимира, какой она вырисовывается из других обстоятельств.

В начале ноября самарский пристав уже доносит полицмейстеру о прибытии из поездки Владимира Ульянова. Пристав и на этот раз, видимо, не заметил "ничего подозрительного". Между тем вернувшийся из Петербурга кандидат в преступники привез если не под черепом, то в чемодане взрывчатый груз материалистической диалектики. Однако, ждать в ближайшее время взрывов не было основания. На первом плане стояли сейчас не марксизм и не революция. Нужно было вырвать из рук императорского университета диплом. Предстояла гигантская зубрежка.

Поистине, беспокойство Ильи Николаевича⁵⁹¹ насчет того, что Владимир не выработает в себе трудоспособности, оказалось напрасным. Одна из поднадзорных, "якобинка" Яснева⁵⁹², прибывшая в Самару весной 1891 года, вспоминает: "Такой настойчивости, такого упорства в себе, какие были у Владимира Ильича уже в то время, я никогда ни у кого не видала". Владимир выходил только к чаю и ужину, говорил весьма мало. В его комнату редко кто входил из домашних. Своим образом жизни он должен был теперь напоминать Александра. Его рабочий кабинет в деревне оставался в саду, в глубине липовой аллеи.

Каждый день в один и тот же утренний час уходил он туда со своим запасом юридических книг и не возвращался в дом до 3 часов. "Выйдешь звать его к обеду, - говорит бывшая прислуга, - а он с книгой". Что он не терял времени, свидетельствовала та плотная тропинка, которую он протоптал подле своей скамьи, повторяя прочитанное или заученное. После обеда он в виде отдыха читал по-немецки Энгельса "Положение рабочего класса в Англии"⁵⁹³ или другую марксистскую литературу. Немецкий язык он изучал попутно, не для языка, а для марксизма, следовательно, с тем большим успехом. Прогулка, купание и вечерний чай предшествовали последней части трудового дня, уже за лампой на крыльце. Владимир слишком напряженно работал, чтобы кому-либо из старших или младших могло прийти в голову потревожить его в часы занятий. Да он, конечно, не постеснялся бы и теперь, как в гимназические годы, сказать кому угодно: "Осчастливьте своим отсутствием". Зато в часы отдыха, за обеденным столом, на купании, он был шумлив, болтлив, смешлив, весел заражающей веселостью. Каждый фибр мозга и тела в нем брал реванш за долгие часы римского или церковного права. Этот юноша так же напряженно и страстно отдыхал, как и работал.

Сколько времени затратил он на подготовку? Полтора года, отвечает Елизарова. От нее же мы знаем, что Владимир "засел за зубрежку" лишь после того, как ему разрешили сдать экзамен экстерном. Да и трудно допустить, что он стал бы изучать полицейское, церковное или хотя бы римское право для собственного удовольствия или на авось. Но в таком случае подготовка не охватывает и полутора лет. От министерской "амнистии" до начала экзаменов

протекло менее одиннадцати месяцев, до конца экзаменов - полтора года. Сама Елизарова в другой статье говорит об одном годе. Студенты университета трагично на ту же работу четыре года!

Экзамены пришлось держать в два приема: весной, в апреле и мае, и осенью, в сентябре и ноябре. Владимир приехал в Петербург в марте, за неделю до экзаменов, вооруженный письменной работой по уголовному праву. Весьма вероятно, что запасная неделя была предназначена на ознакомление со студенческими изданиями лекций. В планировании собственной работы Ульянов был тейлористом до Тейлора⁵⁹⁴. Испытательная комиссия под председательством популярного в то время профессора истории русского права Сергеевича⁵⁹⁵ включала цвет профессуры юридического факультета. Чужака, которого экзаменаторы видели впервые, допрашивали с пристрастием. Но скоро недоверие должно было уступить место признанию. Экстерн Ульянов оказался подготовлен на славу.

Перечень экзаменационных тем звучит, как ироническая интродукция ко всей последующей деятельности адвоката угнетенных, прокурора угнетателей. По истории русского права Владимиру Ульянову попался вопрос о "несвободных", о холопах всяких категорий; по государственному праву - о сословных учреждениях, куда входили данные по истории дворянских установлений и по организации крестьянского самоуправления. Поставив экзаменуемому по этим предметам высший балл, императорский университет удостоверял, что прежде чем приняться за ликвидацию "несвободных" состояний, холопства и сословного варварства, Владимир Ульянов добросовестно подготовился к своей будущей профессии.

Из политической экономии ему пришлось весной же отвечать о заработной плате и ее формах; по энциклопедии и истории философии права - о взглядах Платона на законы. Излагал ли Ульянов своим экзаменаторам трудовую теорию стоимости и материалистическую концепцию права, в противовес всем видам эксплуататорского платонизма, мы, к сожалению, не знаем. Во всяком случае, если он и гладил официальную науку против шерсти, то со всей необходимой осторожностью. Комиссия отметила: "весьма удовлетворительно", что означало высший балл. Большая часть экзаменов падала, однако, на осень.

В первое воскресенье мая небольшой отряд петербургских рабочих, человек 70, впервые праздновал в этом году пролетарский праздник тайным загородным собранием и речами, которые вскоре были напечатаны на гектографе, а позже опубликованы за границей. Социал-демократическая пропаганда, в центре которой стоял молодой технолог Бруснев, успела достигнуть уже значительных результатов. Находившийся во время маевки в Петербурге Владимир, видимо, ничего не знал об этом знаменательном событии. Революционных связей у него не было, и вряд ли он их искал. В течение ближайших двух лет ему предстояло еще догонять петербургских марксистов, чтобы затем сразу оказаться впереди их.

В разгар весенних экзаменов на семью пал новый удар. Жертвой его стала Ольга, та самая сестра, которая росла и развивалась вместе с Владимиром и

аккомпанировала ему на рояле, когда он пел о прелестных глазках. С осени прошлого года Ольга с большим успехом училась на высших женских курсах в Петербурге. Воспоминания рисуют эту девушку самыми привлекательными чертами. Окончив пятнадцати с половиной лет гимназию, по примеру братьев, с золотой медалью, она занималась музыкой, английским и шведским языками и много читала. Подруга Ольги по курсам З. Невзорова, впоследствии жена инженера Кржижановского, советского электрификатора, пишет в своих воспоминаниях: "Ольга Ульянова была не совсем обычный тип курсистки того времени: маленький, черный жучок, скромный и незаметный, на первый взгляд, - но умница, одаренная, с какой-то тихой сосредоточенной силой воли и упорством в достижении намеченного. Глубокая и серьезная, несмотря на свои 19 лет, и чудесный товарищ". "У нее, как и у Саши, - пишет Елизарова, - в характере преобладающим чувством было чувство долга". Ольга любила Сашу больше, чем остальных братьев и сестер. С Владимиром, несмотря на близость возраста и условий развития, нравственной близости у нее не было. Но Ольга очень прислушивалась к нему, высоко ценя его мнение.

Во время весеннего пребывания Владимира в Петербурге Ольга заболела брюшным тифом. Меж двух экзаменов Владимиру пришлось отвезти сестру в больницу и, как оказалось потом, в очень плохую. По телеграфному вызову сына Мария Александровна тотчас же прибыла в Петербург, но только для того, чтоб потерять здесь второе дитя. Ольга умерла 8 мая, в тот самый день, в какой четыре года тому назад был повешен Александр. И как тогда, в Симбирске, Владимиру пришлось проходить через испытания на аттестат зрелости непосредственно после казни старшего брата, так теперь ему пришлось сдавать университетские экзамены в дни смертельной болезни младшей сестры. По-видимому, сейчас после ее похорон Владимир посетил университетского товарища Александра Сергея Ольденбурга⁵⁹⁶, будущего академика-ориенталиста, который в отличие от всех других вспоминает своего собеседника мрачным и молчаливым, без единой улыбки. Первые самые тяжелые дни Владимир оставался с матерью в Петербурге; вдвоем совершили они затем скорбный путь в Самару. И снова все дивились мужеству матери, ее выдержке, ее неутомимой заботе об оставшихся детях.

Свыше трех летних месяцев утапывал Владимир свою тропинку в глубине липовой аллеи. В сентябре он явился в столицу во всеоружии. По уголовному праву он с честью отвечал о защите в уголовном процессе и о краже документов. По догме римского права на его долю пришлось вопросы о недозволенных действиях и о влиянии времени на происхождение и прекращение прав: две небезыинтересные темы для человека, которому предстояло производить недозволенные действия довольно крупного масштаба и прекращать немаловажные права. С полным успехом отвечал Ульянов о "науке полиции", служащей "к обеспечению условий нравственного и материального благосостояния народа". Не менее завидные познания проявил экзаменующийся в области организации православной церкви и истории ее законодательства. По международному праву на его долю пришелся вопрос о нейтралитете и о блокаде.

Пригодились ли ему эти познания через 28 лет, когда Клемансо и Ллойд-Джордж на попытку Советов вырваться из войны ответили блокадой, этот вопрос можно оставить открытым. Для диплома первой степени нужно было иметь больше половины высших баллов ("весьма удовлетворительно"); у Владимира высшие баллы были по всем тринадцати предметам. Можно было втайне похвалить себя и засмеяться про себя коротким "русским" смешком.

За месяц до окончания экзаменов, в октябре 1891 г., отклонено было третье по счету ходатайство Владимира Ульянова о выдаче ему паспорта для выезда за границу. Какую цель могла преследовать эта поездка? Владимир разыскивал и изучал все основные произведения марксистской литературы. Многого несомненно не хватало ему, особенно по части периодической социал-демократической печати. Мысль поработать после сдачи экзаменов на свободе, в книгохранилищах Берлина, не могла не завлекать его. Из Берлина не трудно проехать в Цюрих и Женеву, познакомиться с группой "Освобождение труда", изучить все ее издания, выяснить спорные вопросы. Этих мотивов слишком достаточно. Но департамент полиции судил иначе. И, выразившись крепко по адресу высоких властей, Владимир не стал дожидаться в столице решения испытательной комиссии: сомневаться в результате основания не было. И действительно, 15 ноября, в тот самый день, когда самарский пристав секретно доносил полицмейстеру о возвращении в Самару состоящего под негласным надзором Владимира Ульянова, юридическая испытательная комиссия Санкт-Петербургского императорского университета присудила тому же лицу диплом первой степени. За год - полтора в самарской глубинке, без всякой помощи со стороны профессоров или старших товарищей, Владимир не только выполнил ту работу, на которую другие тратили четыре года жизни, но и выполнил ее лучше других: он оказался первым из 134 студентов и экстернов выпуска. Такому результату, отмечает сестра, "многие удивлялись". Не мудрено! В этом великольном подвиге привлекает, помимо прочего, элемент умственного атлетизма. Хорошо "сбалансировано": лучше нельзя!

Голодный год. Адвокатура

Лето 1891 года выдалось жаркое и засушливое, солнце выжгло посевы и травы в двадцати губерниях с населением в 30 миллионов душ. Когда Владимир вернулся с осенних экзаменов, Самарская губерния, пострадавшая больше других, корчилась в муках голода. Правда, вся история крестьянской России есть история периодических неурожаев и массовых эпидемий. Но голод 1891-1892 года выделился из ряда вон не только своими размерами, но и тем влиянием, какое он оказал на политическое развитие общества. Позже, оглядываясь назад, реакционеры с умилением вспоминали о несокрушимости устоев при Александре III, который ломал своей тяжелой рукой подковы, и вменяли дальнейшие потрясения в вину слабому Николаю II. На самом деле последние три года царствования "незабвенного родителя" знаменовали уже начало новой эпохи, непосредственно подготовлявшей революцию 1905 года.

Опасность подкралась оттуда, где покоились источники силы: со стороны

деревни. Положение главной массы крестьянства за тридцать лет, прошедших после отмены крепостного права, сильно ухудшилось. В многоземельной Самарской губернии свыше 40% крестьян имели голодные наделы. Истощенная и плохо обработанная земля оставалась открыта действию всех враждебных стихий. Форсированное развитие промышленности при восстановлении полукрепостнического режима в деревне привело, наряду с быстрым ростом кулачества, к ужасающему оскудению крестьянских масс. Строились заводы и железные дороги, установилось бюджетное равновесие, в подвалах Государственного банка накоплялась золотая наличность, внешнее могущество казалось незыблемым. Как вдруг, непосредственно вслед за этими успехами, мужик повалился навзничь и завопил голосом голодной агонии.

Застигнутое врасплох правительство пыталось сперва отрицать голод, именуя его недородом, затем растерялось и впервые после 1881 года чуть распустило вожжи. Мрачный ореол несокрушимости, окружавший режим Александра III, начал рассеиваться. Бедствие встряхнуло застоявшуюся общественную мысль. Свежее дуновение прошло по стране. Известная часть имущих классов и широкие круги интеллигенции оказались охвачены порывом: прийти на помощь деревне, дать хлеба голодным, лекарства тифозным. Земства и либеральная пресса били тревогу. Повсюду шел сбор пожертвований. Лев Толстой стал открывать столовые. Сотни интеллигентов снова двинулись в народ, на этот раз с более скромными целями, чем в 70-х годах. Власти не без основания считали, однако, что под филантропическим движением скрывается неблагонадежная тенденция: мирная форма помощи являлась путем наименьшего сопротивления для тех оппозиционных настроений, которые накопились за годы нового царствования.

Революционеры не могли встать на этот путь. Для них задача состояла не в простом смягчении последствий социального бедствия, а в устранении его причин. Десять - пятнадцать лет перед тем также точно смотрела на дело народническая интеллигенция, в противовес либералам и филантропам. Но революционный дух отлетел от народников; пробуждаясь теперь от длительной спячки, они рады были слиться с либералами в общем "служении народу". Прежде еще чем под действием катастрофы развернулась в рядах интеллигенции острая борьба по вопросу о перспективах дальнейшего развития страны, немногочисленные марксисты оказались противопоставлены широким кругам образованного "общества" по жгучему вопросу: что делать сейчас? Тридцать с лишком лет спустя уже знакомый нам Водовозов рассказывал в эмигрантской печати: "Самое крупное, глубокое разногласие, на котором мы столкнулись с Владимиром Ульяновым, был вопрос об отношении к голоду 1891-1892 гг." В то время, как самарское общество дружно откликнулось на призыв о помощи, "один Владимир Ульянов со своей семьей и кружком, вторившими ему, занял иную позицию". Ульянов, оказываясь, радовался голоду, как прогрессивному фактору: "Разрушая крестьянское хозяйство,.. голод создает пролетариат и содействует индустриализации края". Воспоминания Водовозова в этой их части воспроизводят не столько взгляды Ульянова, сколько их кривое отражение в

сознании либералов и народников. Слишком нелепа сама по себе мысль, будто разорение и вымирание крестьян способны содействовать индустриализации страны. Разоренные превращались в пауперов, а не в пролетариат; голод питал паразитарные, а не прогрессивные тенденции хозяйства. Но самой своей тенденциозностью рассказ Водовозова недурно передает горячую атмосферу старых препирательств.

Обычные в то время обвинения против марксистов в том, что они глядят на народное бедствие сквозь очки доктрины, характеризовало лишь низкий теоретический уровень дебатов. По существу дела все силы и группировки заняли политические позиции: правительство, которое в интересах своего престижа отрицало или преуменьшало голод; либералы, которые, разоблачая голод, стремились в то же время доказать своей "положительной работой", что они были бы наилучшими сотрудниками для царя, если бы он дал им хоть крупицу власти; народники, которые, устремляясь в столовые и тифозные бараки, надеялись найти мирный и легальный путь для завоевания симпатий народа. Марксисты выступали, конечно, не против помощи голодающим, а против иллюзий, будто ложкой филантропии можно вычерпать море нужды. Если революционер займет в легальных комитетах и столовых место, принадлежащее по праву земцу или чиновнику, кто же займет место революционера в подполье? Из опубликованных позже министерских циркуляров и предписаний неоспоримо явствует, что правительство расширяло ассигнования в пользу голодающих только из страха перед революционным возбуждением: так что и с точки зрения непосредственной помощи революционная политика оказывалась гораздо более действительной, чем нейтральная филантропия.

В эмиграции не только марксист Аксельрод учил в то время, что "для социалиста... действительная борьба с голодом возможна лишь на почве борьбы с самодержавием", но и старый моралист революции Лавров провозглашал в печати: "Да, единственное "доброе дело", для нас возможное, есть дело не филантропическое, но революционное". Однако в центре голодающей губернии, в атмосфере всеобщего увлечения столовыми было гораздо труднее проявлять революционную непримиримость, чем в эмиграции, оторванной в те годы от России. Ульянову пришлось впервые и притом совершенно самостоятельно занимать позицию по жгучему политическому вопросу. К местному комитету помощи он не примкнул. Мало того: "На собраниях и сходках... вел систематическую и решительную пропаганду против комитета". Надо прибавить: не против его практической деятельности, а против его иллюзий. Водовозов выступал оппонентом. За Ульяновым стояло "очень небольшое меньшинство, но это меньшинство твердо держалось на своих позициях". Водовозов не отвоёвывал из них ни одного; наоборот, такие случаи, когда Ульянову удавалось перетянуть противников на свою сторону, были: "в небольшом количестве, но были".

Схватки с народниками должны были именно в этот период принять характер борьбы двух расходящихся направлений. Не случайно фигура Водовозова всплывает в памяти Елизаровой, когда она, не называя дат, говорит о

самарских диспутах: они начались именно с конца 1891 года. Голодная катастрофа стала таким образом важной вехой в политическом развитии Владимира. К этому времени он несомненно ознакомился уже с работами Плеханова: в конце этого года или начале следующего он, как свидетельствует Водовозов, с большим уважением отзывался о "Наших разногласиях". Если у него оставались еще какие-либо сомнения насчет экономического развития России и революционного пути, они должны были в свете катастрофы рассеяться окончательно. Иными словами: из теоретического марксиста Владимир Ульянов окончательно становился революционером-социал-демократом.

По Водовозову, вся семья стояла в вопросе о помощи голодающим на позиции Владимира. Между тем от младшей сестры мы узнаем, что Анна в 1892 году, когда голод привел за собой холеру, "положила немало трудов на помощь больным лекарствами и указаниями". И уж, конечно, не Владимир ей перечил в этом. Рассказ Ясневой также не вполне совпадает с рассказом Водовозова. "Из всей самарской ссылки, - пишет она, - только Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых". Выходит, что никакого кружка единомышленников у Владимира в это время еще не было. Этому не трудно поверить. Социал-демократическая пропаганда еще не начиналась для него. Приступить к ней нельзя было иначе, как размежевавшись с представителями старой веры и болотными элементами. "Вначале мирные, наши споры, - говорит Водовозов, - постепенно стали принимать очень резкий характер".

Политическая проверка разногласий не замедлила. Либералам так и не удалось втереться в доверие правительства: наоборот, оно очень скоро, и не вполне обосновательно, обвинило самарское земство в покупке недоброкачественного зерна для голодающих. Народники не сблизилась с народом. Крестьяне не верили горожанам. От образованных они никогда не видели ничего, кроме зла. Раз голодных кормят, значит царь приказал, и наверное господа обкрадывают. Когда по следам голода открылась холерная эпидемия и больные массами умирали в бараках, где их самоотверженно лечили врачи и студенты, крестьяне решили, что господа травят народ, чтобы очистить для себя побольше земли. Прошла волна холерных бунтов с убийствами врачей, студентов, фельдшерниц. Тогда власти "заступились" за интеллигенцию вооруженной силой. Голодный год подвел таким образом итоги и культурнической работе в деревне. В Симбирской губернии, которую Илья Николаевич Ульянов неутомимо просвещал в течение шестнадцати лет, холерные бунты разлились особенно широко, целые села подвергались после этого порке, через десятого, были смертные случаи под розгами. Русский крестьянин начал доверчивее прислушиваться к социалистам лишь тогда, когда к нему пришел из города свой брат, рабочий, владевший в селе наделом, и стал объяснять, на чьей стороне правда. Но для этого нужно было завоевать предварительно на сторону социализма городского рабочего.

В год голода и холеры еще один принципиальный конфликт содействовал размежеванию политических группировок. Водовозов предлагал послать сочувственный адрес уволенному за "либерализм" губернатору одной из волжских

губерний, некоему Косичу. Владимир резко восстал против мещанского сентиментализма, всегда готового прослезиться перед проблеском "человечности" у представителя господствующих классов. Этот эпизод, кстати сказать, лишний раз показывает, как нелепо пытаться проводить линию политической преемственности от директора народных училищ Ильи Николаевича Ульянова, который, в отличие от Косича, даже и за либерализм никогда не увольнялся, к его насквозь непримиримому сыну, которого не мог растрогать самый гуманный из губернаторов. Водовозов, видимо, потерпел поражение, и адрес не был послан.

Своего молодого антагониста Водовозов, по собственному рассказу, стал называть Маратом⁵⁹⁷, конечно, за его спиной. Кличка не лишена меткости, если только она не придумана задним числом. Недавние друзья, а сегодняшние противники смотрели на Владимира, по словам старшей сестры, "как на очень способного, но слишком самонадеянного юношу". Тот, кто вчера еще казался лишь "братом Александра Ульянова", становился сегодня самим собой и показывал когти. Владимир не только не приспособлял свою позицию к политическому складу противников, а, наоборот, придавал ей как можно более крайний, непримиримый, режущий, колющий характер. Он испытывал при этом двойную радость: и от внутренней уверенности в себе, и от выражения негодования на лицах оппонентов. "Глубокая вера в свою правоту сквозила, по признанию Водовозова, из всех его речей". И от того он казался вдвойне невыносимым. "Вся эта более солидная публика была, - по словам Елизаровой, - немало шокирована большой дерзостью, проявляемой в спорах этим юношей, но часто пасовала перед ним". Чего ему особенно не хотели простить, так это уничижающего тона, в каком он стал отзываться о самых высоких авторитетах народничества. Однако все это были лишь первые цветочки, ягодки будут еще впереди.

"На чьей стороне была победа, - скромно резюмирует свои споры с Ульяновым Водовозов, - сказать трудно". На самом деле не нужно было даже дожидаться октябрьской революции, чтобы разгадать эту загадку. Когда голод повторился через семь лет, политических иллюзий было уже неизмеримо меньше, интеллигенция, успевшая найти иную дорогу, не шла в деревню. Весьма умеренный либеральный журнал "Русская мысль" писал тогда, что все, возвращавшиеся из голодающих районов, крайне неудовлетворены собственной работой, видя в ней "жалкий паллиатив", тогда как нужны "общие меры". Понадобилось немного политического опыта, и даже смиренные конституционалисты оказались вынуждены переводить на либеральный язык обрывки тех мыслей, которые несколько лет тому назад звучали святотатством.

Но Владимиру приходилось подумать о собственной участи, о так называемом завтрашнем дне. Диплом был завоеван. Надо было его использовать. Владимир вступил в адвокатуру, собираясь сделать из нее свою профессию. "Ведь средства, кроме пенсии матери и проживаемого понемногу хутора в Алакаевке, - вспоминает Елизарова, - у Владимира Ильича не было". Патроном своим он выбрал того самого адвоката, с которым, еще живя в Казани, сражался

в шахматы по переписке. Хардин был незаурядной фигурой не только как адвокат и шахматный стратег, о котором с уважением отзывался тогдашний король русских шахматистов Чигорин⁵⁹⁸, - но и как провинциальный общественный деятель. Став в 28 лет председателем губернской земской управы, он был вскоре, как неблагонадежный, устранен "по высочайшему повелению" в 24 часа. Такой чести удостоивались немногие! По словам Н. Самойлова, который дал столь яркое описание своего первого знакомства с Владимиром, Хардин и в зрелые годы сохранил симпатии к радикалам и сумел не отшатнуться враждебно от марксистской идеологии. Владимир, по словам Елизаровой, уважал Хардина, как очень умного человека. Как шахматиста, он еще в Казани оценил его "чертовскую силу" и стал постоянным участником еженедельных состязаний в доме своего патрона.

Запись в присяжные поверенные прошла, впрочем, не без трений. Самарскому окружному суду нужно было свидетельство о политической благонадежности Ульянова; петербургский университет, выдавший диплом, не мог выдать нужное свидетельство, ибо не знал Ульянова как студента. В конце концов суд, по настоянию самого Владимира, обратился непосредственно в департамент полиции, который великодушно сообщил, что "не имеет препяствий". После пятимесячной волокиты Владимир получил, наконец, в июле 1892 г. свидетельство на право ведения судебных дел.

В качестве защитника он выступал всего навсего по десяти уголовным делам, в семи случаях по назначению, в трех - по соглашению. Все маленькие дела маленьких людей, безнадежные дела, и все были им проиграны. Защищать приходилось крестьян, сельских рабочих, полунищих мещан, главным образом за мелкое воровство, совершенное в крайней нужде. Обвинялись: несколько мужичков, которые скопом совершили кражу трехсот рублей у богатого односельчанина; несколько батраков, которые пытались унести хлеб из амбара, но были застигнуты на месте преступления; доведенный до полной нищеты крестьянин, который совершил четыре мелких кражи; еще один обвиняемый такого же типа; и еще несколько сельских рабочих, которые "со взломом" украли вещей на сумму в 160 рублей. Преступления все настолько немудреные, что разбирательство длилось по каждому делу 1,5 - 2 часа, секретарь не утруждал себя протоколом, ограничиваясь стереотипной отметкой: после обвинительной речи товарища прокурора выступал защитник Ульянов. Только два 13-летних мальчика, участвовавших в кражах при старших, оказались оправданы из внимания к возрасту, а не к доводам защиты; все остальные обвиняемые были признаны виновными и осуждены. Было у Ульянова еще дело о самарском мещанине Гусеве, который избил кнутом жену. После короткого судебного следствия, на котором выступала потерпевшая, защитник Ульянов отказался ходатайствовать о смягчении наказания подсудимому. По этому делу, по всем таким делам, он всю жизнь чувствовал себя беспощадным прокурором.

В трех случаях, тоже достаточно заурядных, Ульянов выступал защитником по приглашению подсудимых. Группа крестьян и мещан привлекалась за кражу рельс и чугунного колеса у самарской купчихи. Все были признаны виновными.

Молодой крестьянин обвинялся в ослушании и оскорблении отца. Отложенное по ходатайству защиты дело до слушания не дошло: сын выдал отцу письменное обязательство в беспрекословном повиновении, и стороны на том помирились. Наконец, в последний раз Ульянову пришлось выступать защитником начальника станции от обвинения в небрежности, результатом которой явилось столкновение пустых товарных вагонов. Защита и здесь не помогла, подсудимый был признан виновным. Таковы судебные дела помощника присяжного поверенного Ульянова. Серые и безнадежные дела, как сера и безнадежна была жизнь тех классов, которые поставляли подсудимых. Молодой защитник, - можно ли в этом сомневаться? - зорко приглядывался к каждому делу и к каждому подсудимому. Но им нельзя было помочь в розницу. Помочь им можно было только оптом. А для этого нужна была иная трибуна, не трибуна самарского окружного суда.

Одно только судебное дело Ульянов выиграл; но - поистине перст судьбы! - он выступал в нем не защитником, в обвинителем. Летом 1892 г. Владимир вместе с Елизаровым собирались из Сызрани на левый берег Волги в деревню Бестужевку, где вел хозяйство брат Елизарова. Купец Арефьев, арендовавший переправу через Волгу, рассматривал реку как свой феодал: каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его нагонял пароходик Арефьева и насильственно отвозил всех обратно. Так случилось и на этот раз. Угрозы привлечь к суду за самоуправство не помогли. Пришлось подчиниться силе. Владимир записал имена и фамилии участников и свидетелей. Дело разбиралось у земского начальника под Сызранью, верст за сто от Самары. По ходатайству Арефьева земский отложил слушание дела. То же повторилось и в следующий раз. Купец решил, видимо, взять своего обвинителя измором. Третий срок разбора пришелся уже на зиму. Владимиру предстояли бессонная ночь в вагоне, утомительные ожидания на вокзалах и в камере земского начальника. Мария Александровна уговаривала сына не ехать. Но Владимир остался непреклонен: дело начато, надо довести его до конца. В третий раз земскому начальнику не удалось уклониться: под напором молодого юриста он оказался вынужден приговорить именитого купца к месяцу тюрьмы. Не трудно представить, какая музыка играла в душе победителя, когда он возвращался в Самару!

Опыт с адвокатурой не удавался, как ранее опыт с сельским хозяйством. Совсем не потому, что Владимиру не хватало для этих профессий соответственных качеств. У него были настойчивость, практический глаз, внимание к мелочам, способность распознавать людей и ставить их на нужное место, наконец, любовь к природе, - из него вышел бы первостепенный сельский хозяин. Его способность разобратся в запутанной обстановке, выделить главные нити, оценить сильные и слабые стороны противника, мобилизовать лучшие доводы в защиту своего тезиса, обнаруживалась уже и в молодые годы. Хардин не сомневался, что его помощник мог бы стать "выдающимся цивилистом". Но как раз в течение 1892 года, когда Владимир вступил на адвокатское поприще, его теоретические и революционные интересы, подогреваемые голодной катастрофой и политическим оживлением в стране, становились со дня на день напряженнее и требовательнее.

Правда, подготовка к мелким судебным делам, при всей добросовестности молодого адвоката, почти не отрывала его от занятий марксизмом. Но не могла же его адвокатская карьера и в дальнейшем ограничиваться делами о краже чугунного колеса преступной артелью из трех мещан и двух крестьян! В книге судеб записано было, что Владимиру Ульянову двум богам не служить. Надо было выбирать. И он сделал выбор без затруднения. Едва начавшись в марте, короткая серия его судебных выступлений обрывается в декабре. Правда, он и на 1893 год берет в суде свидетельство на право ведения дел, но этот документ ему нужен уже исключительно как легальное прикрытие деятельности, направленной против основных законов Российской Империи.

Вехи развития

Восстановим важнейшие биографические вехи молодого Ленина на фоне политического развития страны. Глухое Поволжье. Еще живо поколение вчерашних рабовладельцев и рабов. Отбито наступление "Народной Воли". Политический тупик восьмидесятых годов. В патриархальной и дружной чиновничьей семье Владимир растет, учится, умнеет без забот и потрясений. Голос критики пробуждается в нем лишь к концу гимназического курса, после смерти отца, и направляется на первых порах против учебного начальства и церкви. Неожиданная гибель старшего брата раскрывает Владимиру глаза на вопросы политики. Участие в студенческой манифестации - первая реплика на казнь Александра. Искушение отомстить за брата его же собственным методом должно было стать в те дни особенно острым. Но наступает самая глухая пора, 1888 год, когда о терроре нельзя было и помыслить. Реакция не только спасает Владимира физически, но и толкает его на путь теоретического углубления.

Годы революционного ученичества. Владимир приступает в Казани к чтению "Капитала". Усвоение теории трудовой стоимости не означает для него разрыва с народовольческой традицией: Саша тоже был сторонником Маркса. Сперва в Казани, затем в Самаре Владимир соприкасается с революционерами старшего поколения, главным образом народовольцами, как внимательный ученик, правда, предрасположенный к критике и проверке, но не как противник. Если, несмотря на свои революционные настроения, достаточно проявившиеся и в выборе знакомств и в направлении умственных интересов, он не примыкал в те годы ни к какой политической группе, то это безошибочно показывает, что он не имел еще политического credo⁵⁹⁹, хотя бы и юношеского, а лишь искал его. Но поиски исходили тем не менее от народовольческой традиции, которая оставила заметный след и на дальнейшем его развитии. Став уже боевым марксистом, Владимир продолжал в течение нескольких лет хранить сочувственное отношение к индивидуальному террору, которое резко отличало его от других молодых социал-демократов и представляло несомненный рудимент того периода, когда марксистские идеи еще амальгамировались в его сознании с народовольческими симпатиями.

С весны 1890 года по осень 1891 года Владимир почти полностью поглощен подготовкой к экзаменам. Напряженные занятия юридическими науками как бы

извне врезались в процесс выработки его миросозерцания. Полного перерыва, разумеется, не было. В часы отдыха Владимир читал марксистских классиков, встречался с приятелями, обменивался мнениями. Да и на юридической схоластике он, методом от обратного, проверял и укреплял свои материалистические воззрения. Но эта критическая работа совершалась все же лишь попутно. Неразрешенные вопросы и сомнения приходилось откладывать до более свободных часов. Владимир не спешил определиться. Косвенное, но интересное подтверждение: в начале 1891 года две самарские "якобинки" еще не теряли надежды привлечь Ульянова в свои ряды, следовательно, не видели в нем законченной политической фигуры.

Конец 1891 года приносит Владимиру диплом и тем ставит его на распутье. Судебная трибуна не могла не привлекать его. По словам сестры, он серьезно думал в ту пору о профессии адвоката, "которая могла доставлять в будущем средства к существованию". Однако политическое оживление в стране, как и ход собственного развития, ставили его лицом к лицу с другими задачами, которые требовали его целиком. Колебания длились недолго. Адвокатуре пришлось посторониться перед политикой и превратиться в ее временное прикрытие.

Полуторолетняя юридическая горячка отодвинула первый этап революционного ученичества далеко назад и сделала мысль более независимой от вчерашнего дня, стоявшего под знаком Саши: так создались условия для смелой ликвидации переходного периода. Зима голодного года должна была быть временем подведения окончательного баланса. Постепенность духовного развития не исключает скачков, раз они подготовлены предшествующими накоплениями сознания.

Оформление революционной личности Владимира отчасти отражало, отчасти опережало перелом в теоретических симпатиях провинциальной левой интеллигенции. Марксистским учением стали усиленно интересоваться в кружках самарской молодежи, начиная с 1891 года, т.е. как раз с голодной катастрофы. Немало нашлось тогда охотников овладеть первым томом "Капитала", но большинство, по словам Семенова, "ломало зубы" на первой главе. Пошли разговоры о тайнах диалектики. В городском саду на берегу Волги на особой "марксистской" скамье горячо дебатировалась гегелевская триада.

Самарская интеллигенция старшего поколения пришла в возбуждение. Обе ее группы, умеренная и радикальная, мирно уживающиеся между собой в сфере привычных идей и отдававшие дань уважения Марксу, которого они, впрочем, не знали, встретили первых русских социал-демократов как злополучное недоразумение. Наиболее искренно возмущались бывшие ссыльные, которые привозили на Волгу традиционные воззрения, хорошо сохранившиеся в суровом климате Сибири.

Политическая трещина легко превращается в непоправимую щель. Владимир уже не щадил сарказма по поводу народнических жалоб: марксисты-де "не любят мужика", "радуются разорению деревни" и пр. Он скоро научился презирать подменивание анализа действительности нравоучениями и сентиментальными причитаниями. Литературные слезы, ничего не принося мужику, застилали глаза

интеллигенции и мешали ей видеть открывающийся путь. Все более непримиримые столкновения с народниками и культурниками разбили постепенно радикальную интеллигенцию Самары на два воюющих лагеря и резко окрасили личные отношения. Немудрено, если последние полтора года, когда Владимир вышел из тени на свет, окрасили собой воспоминания современников о самарском периоде в целом. Молодого Ленина, каким он в мае 1889 года прибыл в Алакаевку в качестве будущего сельского хозяина и каким он покидал Самару осенью 1893 года, изображают одним и тем же революционером-марксистом, выключая из жизни его то, что составляло ее основной элемент: движение.

П. Лепешинский⁶⁰⁰, приближаясь на этот раз к действительности, пишет о самарской подготовке Ленина: "Есть основание думать, что уже в 1891 году он сформировал в общих чертах свое марксистское мирозерцание". "В вопросах политической экономии и истории, - подтверждает Водовозов, - его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-немецки, французски и английски, уже тогда хорошо знал "Капитал" и обширную марксистскую литературу (немецкую)... Он заявлял себя убежденным марксистом..." Этого багажа хватило бы, может быть, на дюжину других, но строгий к себе юноша считал себя неподготовленным к революционной работе, и не без основания: в той цепи, которая сочетает доктрину с действием, ему еще не хватало важных соединительных звеньев. Факты и здесь говорят за себя: если бы Владимир чувствовал себя во всеоружии уже в 1891 году, он не мог бы оставаться еще целые два года в Самаре.

Старшая сестра утверждает, правда, что Владимира удерживала в семье забота о матери, которая, после смерти Ольги, как бы заново завоевала детей сочетанием мужества и нежности. Но это объяснение явно недостаточно. Ольга умерла в мае 1891 г., а Владимир оторвался от семьи лишь в августе 1893 года, два с лишним года спустя. Из внимания к матери он мог отодвинуть революционные обязанности на недели или месяцы, пока новая рана оставалась еще слишком свежа, но не на годы. В его отношении к людям, не исключая и матери, не было пассивного сентиментализма. Его жизнь в Самаре практически ничего не давала семье. Если у Владимира хватило выдержки оставаться столь долго в стороне от большой арены, то только потому, что его ученические годы еще не закончились.

Наряду с основными трудами Маркса и Энгельса и изданиями немецкой социал-демократии, на его рабочем столе все больше места занимают отныне русские статистические сборники. Начинаются первые самостоятельные работы по освещению русской действительности. Из предметов изучения исторический материализм и теория трудовой ценности становятся теперь для Владимира орудиями политической ориентировки. Он изучает Россию как арену борьбы и распределение на ней главных борющихся сил.

Для определения важнейшей вехи в эволюции Владимира Ульянова мы имеем одно совершенно неоценимое показание, на которое, однако, в виду его противоречия с легендой, официальные биографы обычно закрывают глаза. В партийной анкете 1921 года сам Ленин началом своей революционной

деятельности пометил: "1892-1893. Самара. Нелегальные кружки социал-демократии". Из этой даты безукоризненного по точности свидетеля вытекают два вывода: Владимир не принимал участия в политической работе народовольческих кружков, иначе он указал бы этот период в своей анкете; Владимир окончательно стал социал-демократом лишь в 1892 году, иначе он ранее приступил бы к социал-демократической пропаганде. Споры и сомнения разрешаются, таким образом, окончательно. В целях беспристрастия укажем, что один из советских исследователей, стоящий по должности во главе мавзолейной историографии, - мы имеем в виду Адоратского⁶⁰¹, нынешнего директора института Маркса - Энгельса - Ленина⁶⁰², - приходит в интересующем нас вопросе к тому же приблизительно выводу, что и мы. "Последние годы в Самаре, 1892-1893, - пишет он со всей необходимой осторожностью, - Ленин был уже марксистом, хотя известные остатки народовольчества сохранялись еще (особое отношение к террору)". Теперь мы можем окончательно распрощаться с забавной легендой, согласно которой Владимир, "потерев лоб", осудил террор в мае 1887 г., в день получения вести о казни Александра.

Намеченные выше этапы политического формирования юного Ленина находят несколько, может быть, неожиданное, но очень живое подтверждение в его шахматной биографии. Зимой 1889-1890 г. Владимир, по рассказу младшего брата, "больше, чем когда-либо увлекался шахматами". Исключенный студент, которого не допускали ни в один из университетов, потенциальный революционер, без программы и руководства, он искал в шахматах выхода беспокойному напору внутренних сил. Следующий полуторагодовой период был заполнен подготовкой к экзаменам, - шахматы отошли на второй план. Они опять заняли видное место, когда после получения диплома Владимир колебался в выборе поприща, мало занимался судебными делами, зато в лице патрона нашел первоклассного партнера. Еще год-полтора подготовки - и молодой марксист почувствовал себя вооруженным для борьбы. "Начиная с 1893 г., Владимир Ильич все реже и реже играет в шахматы". Показаниям Дмитрия⁶⁰³ в этом вопросе можно доверять без опасения: сам горячий любитель, он внимательным глазом следил за шахматными увлечениями старшего брата.

*

В Казани Владимир в поисках аудитории пробовал делиться первыми вычитанными у Маркса идеями со старшей сестрой. Попытка не получила развития, и Анна скоро утратила след научных занятий брата. Мы не знаем, когда он овладел первым томом "Капитала". Во всяком случае не во время короткого пребывания в Казани. Ленин поражал впоследствии способностью читать быстро, схватывая самое существенное налету. Но это качество он выработал в себе умением, когда нужно, читать очень медленно. Начиная в каждой новой области с закладки прочного фундамента, он работал, как добросовестный каменщик. Способность по несколько раз перечитывать нужную и значительную книгу или главу он сохранил до конца жизни. Он и ценил по настоящему только те книги, которые необходимо перечитывать.

Никто, к сожалению, не рассказал, как Ленин проходил школу Маркса. Сохранились лишь кое-какие внешние впечатления, да и то очень скудные. "По целым дням, - пишет Яснева, - он высиживал за Марксом, составлял конспекты, делал выписки, заметки. Трудно его тогда было оторвать от работы". Его конспекты "Капитала" не дошли до нас. Только опираясь на его рабочие тетради позднейших лет можно отчасти восстановить работу молодого атлета над Марксом. Уже свои гимназические сочинения Владимир неизменно начинал с законченного плана, чтобы затем постепенно облечь его доводами и цитатами. В этом творческом приеме выражалось то качество, которое Фердинанд Лассаль метко назвал физической силой мысли. В изучении, если это не механическое зубуривание, тоже заключен творческий акт, но обратного типа. Конспектирование чужой книги есть обнажение ее логического скелета из-под доказательств, иллюстраций и отклонений. Владимир продвигался на трудном пути со свирепым и радостным напряжением, составлял конспект каждой прочитанной главы, иногда страницы, продумывая и проверяя логическую структуру, диалектические переходы, термины. Овладевая результатом, он ассимилировал метод. Он поднимался по ступеням чужой системы, как бы воздвигая ее заново. Все оседало крепко в этой на диво слаженной голове с мощным куполом черепа. От русской политико-экономической терминологии, усвоенной или выработанной им в самарский период, Ленин уже не отклонялся в течение всей остальной жизни. И не из упорства только, - хотя интеллектуальное упорство было ему в высшей степени свойственно, - а потому что уже в ранние годы он делал выбор со строгим расчетом, продумывая каждый термин со всех сторон, пока тот не срастался в его сознании с целым циклом понятий. Первый и второй тома "Капитала" были основными учебниками Владимира в Алакаевке и Самаре; третий том тогда еще не выходил: старик Энгельс лишь приводил в порядок черновики Маркса. Владимир так хорошо изучил "Капитал", что умел при каждом новом обращении к этой книге открывать в ней новые мысли. Уже в самарский период он научился, по собственному позднему выражению, "советоваться" с Марксом.

Перед книгами учителя дерзость и насмешливость сами собой покидали этот алчущий ум, который был в высшей степени способен к пафосу признательности. Следить за развитием мысли Маркса, испытывать на себе ее несокрушимый напор, открывать под вводными фразами или примечаниями боковые галереи выводов, убеждаться каждый раз в меткости и глубине сарказма и благодарно склоняться перед беспощадным к самому себе гением стало для него не только потребностью, но и наслаждением. Маркс не имел лучшего читателя, более внимательного и созвучного, лучшего ученика, более пронизательного, более благодарного.

"Марксизм у него был не убеждением, а религией", - пишет Водовозов. - В нем ... чувствовалась та степень убежденности, которая... несовместима с действительно научным знанием". Научна лишь та социология, которая оставляет филистеру неприкосновенным его право колебаться. Правда, Ульянов, по признанию Водовозова, "очень интересовался возражениями против марксизма,

изучал и вдумывался", но все это "не с целью поисков истины", а лишь затем, чтобы вскрыть в возражениях ошибку, в существовании которой он был заранее убежден". В этой характеристике верно одно: Ульянов овладел марксизмом, как выводом предшествующего развития человеческой мысли; он не хотел с достигнутой высшей ступени спускаться на низшую; он с неукротимой энергией оборонял то, что продумал и ежедневно проверял; и он относился с предвзятым недоверием к попыткам самодовольных неучей и начитанных посредственностей заменить марксизм другой более портативной теорией.

В области технологии или медицины отсталость, диллетантизм и знахарство пользуются заслуженным презрением. В области социологии они сплошь да рядом выдают себя за свободу научного духа. Для кого теория лишь забава ума, тот легко переходит от одного откровения к другому, или, еще чаще, удовлетворяется крошкой из всех откровений. Неизмеримо требовательнее, строже и устойчивее тот, для кого теория - руководство к действию. Салонный скептик может безнаказанно потешаться над медициной. Хирург не может жить в атмосфере научных колебаний. Чем необходимее революционеру теоретическая опора для действия, тем непримиримее он охраняет ее. Владимир Ульянов презирал диллетантизм и ненавидел знахарство. В марксизме выше всего ценил дисциплинирующую власть метода.

В 1893 году появились последние книги В. Воронцова (В.В.)⁶⁰⁴ и Н. Даниэльсона (Николай-он). Оба народнических экономиста с завидным упорством доказывали невозможность буржуазного развития России как раз в то время, когда русский капитализм готовился взять особенно бурный разбег. Вряд ли тогдашние вылинявшие народники читали запоздалые откровения своих теоретиков с таким вниманием, как молодой самарский марксист. Знакомство с противниками нужно было Ульянову не для одних литературных опровержений. Он искал прежде всего внутреннюю уверенность для борьбы. Правда, он изучал действительность полемически, направляя ныне все выводы против пережившего себя народничества; но никому чистая полемика не была так чужда, как будущему автору 27 томов полемических произведений. Ему нужно было знать жизнь, как она есть.

Чем ближе подходил Владимир к проблемам русской революции, тем больше он учился у Плеханова и тем большим уважением проникался к проделанной им критической работе. Новейшие фальсификаторы истории большевизма пишут о "самозарождении марксизма на русской почве, вне прямого воздействия заграничной группы и Плеханова" (Пресняков)⁶⁰⁵, - надо бы прибавить и самого Маркса, эмигранта *par excellence*, - и делают Ленина основоположником этого доморощенного, истинно русского "марксизма", из которого должны были впоследствии развернуться теория и практика "социализма в отдельной стране".

Учение о самозарождении марксизма, как непосредственного "отражения" капиталистического развития России, есть само по себе злейшая карикатура на марксизм. Экономические процессы отражаются не в "чистом" сознании, во всем его натуральном невежестве, а в сознании историческом, обогащенном всеми завоеваниями человеческого прошлого. Классовая борьба капиталистического

общества могла привести в середине XIX столетия к марксизму только благодаря тому, что нашла уже в готовом виде диалектический метод, как завершение классической философии в Германии, политическую экономию Адама Смита и Давида Рикардо в Англии, революционные и социалистические доктрины Франции, взошедшие на дрожжах великой революции. Интернациональный характер марксизма заложен, таким образом, уже в самых источниках его происхождения. Развития кулачества на Волге и металлургии на Урале было совершенно недостаточно для того, чтобы самостоятельно прийти к тому же научному результату. Группа "Освобождение труда" не случайно возникла за границей: русский марксизм появился на свет не как автоматический продукт русского капитализма, наряду со свекловичным сахаром и линючим ситцем (для которых тоже, впрочем, приходилось ввозить машины), а как сложное сочетание всего предшествующего опыта русской революционной борьбы с возникшей на Западе теорией научного социализма. На заложенный Плехановым фундамент встало марксистское поколение 90-х годов.

Чтоб оценить исторический вклад Ленина, поистине нет надобности изображать дело так, будто ему с молодых лет пришлось поднимать своим плугом девственную ниву. "Обобщающих работ, - пишет Елизарова, вслед за Каменевым и другими, - почти не было: надо было изучать первоисточники и строить на основании их свои выводы. За эту большую и непочатую работу взялся в Самаре Владимир Ильич". Ничем нельзя больше оскорбить научную добросовестность Ленина, как игнорированием работы его предшественников и учителей. Неверно, будто в начале девяностых годов русский марксизм не имел обобщающих работ. Издания группы "Освобождение труда" представляли уже сжатую энциклопедию нового направления. После шести лет блестящей и героической борьбы с предрассудками русской интеллигенции Плеханов провозгласил в 1889 году на международном социалистическом конгрессе в Париже606: "Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может". Эти слова заключали в себе самое важное обобщение всей предшествующей эпохи, и на этом "эмигрантском" обобщении воспитывался на Волге Владимир Ульянов.

Водовозов вспоминает: "О Плеханове Ленин говорил с глубоким сочувствием, главным образом, о "наших разногласиях". Сочувствие должно было иметь очень яркое выражение, если Водовозов мог удержать его в памяти свыше тридцати лет. Главная сила "Наших разногласий" в том, что вопросы революционной политики трактуются в этой книге в неразрывной связи с материалистической концепцией истории и с анализом хозяйственного развития России. Первые самарские выступления Ульянова против народников крепко ассоциируются, таким образом, с его горячим отзывом о работе основоположника русской социал-демократии. После Маркса и Энгельса Владимир больше всего обязан был Плеханову.

В конце 1922 г. Ленин писал мимоходом о начале 90-х годов: "марксизм, как направление стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой

"Освобождения труда"⁶⁰⁷. В этих строках, резюмирующих историю развития целого поколения, заключена частица автобиографии самого Ленина: начав с марксистского направления, как экономической и исторической доктрины, он под влиянием идей группы "Освобождение труда", сильно опередившей развитие русской интеллигенции, стал социал-демократом. Только нищие духом могут воображать, будто они возвеличивают Ленина, приписывая его физическому отцу, действительному статскому советнику Ульянову, революционные взгляды, которых он никогда не питал, и в то же время умаляя революционную роль эмигранта Плеханова, в котором сам Ленин видел своего духовного отца.

В Казани, в Самаре, в Алакаевке Владимир чувствовал себя прежде всего учеником. Но как великие художники уже в юности обнаруживают самостоятельность своей кисти, даже когда копируют картины старых мастеров, так Владимир Ульянов в свое ученичество вносил такую силу пытливости и инициативы, что трудно провести разграничительную грань между усвоением чужого и его самостоятельной разработкой. В последний год самарской подготовки эта грань стирается окончательно: ученик становится исследователем.

Спор с народниками естественно перенесся в область оценки конкретных процессов: продолжает ли в России развиваться капитализм или нет? Таблицы фабричных труб и промышленных рабочих получили тенденциозное значение, как и таблицы крестьянского расслоения. Чтобы определить динамику, надо было сравнивать сегодняшние цифры со вчерашними. Так, экономическая статистика стала наукой наук. Колонки цифр таили в себе разгадку судьбы России, ее интеллигенции и ее революции. Конские переписи, периодически производившиеся военным ведомством, призваны были дать ответ на вопрос о том, кто сильнее: Маркс или русская община?

Статистический аппарат первых работ Плеханова не мог быть богат: земская статистика, единственно ценная для изучения экономики деревни, развилась лишь в течение 80-х годов; к тому же издания ее были мало доступны эмигранту, почти начисто отрезанному в те годы от России. Однако же общее направление научной обработки статистических данных было указано Плехановым совершенно правильно. По его пути пошли первые статистики новой школы. Американский профессор И.А. Гурвич⁶⁰⁸, выходец из России, опубликовал в 1888 и 1892 г. два исследования о русской деревне, которые Владимир Ульянов высоко ценил и на которых он учился. Сам он никогда не упускал случая отметить с признательностью работы своих предшественников.

В последние год - полтора самарской жизни статистические сборники занимали почетный угол на рабочем столе Владимира. Большая его работа о развитии русского капитализма⁶⁰⁹ появилась лишь в 1899 году. Но ей предшествовало значительное число подготовительных этюдов теоретического и статистического характера, работа над которыми началась еще в Самаре. Уже по одним записям самарской библиотеки, случайно сохранившимся за 1893 год, можно видеть, что Владимир не оставил без внимания ни одного издания, прикосновенного к его теме, шло ли дело об официальных статистических

сборниках или об экономических исследованиях народников. Большинство книг и статей он конспектировал, важнейшие реферировал ближайшим товарищам.

Первая дошедшая до нас литературная работа Владимира Ульянова, написанная в последние месяцы пребывания в Самаре, резюмирует вышедшую незадолго до того книгу бывшего правительственного чиновника Постникова¹⁰ о крестьянском хозяйстве на юге России. Посвященная статистической иллюстрации расслоения крестьянства и пролетаризации слабейших его слоев - эти процессы успели особенно продвинуться на Юге, - статья обнаруживает в молодом авторе замечательное умение обращаться со статистическими данными, открывая за деталями картину целого. Легальный журнал, для которого осторожная и сухая по тону работа предназначалась, отверг ее, надо полагать, из-за ее марксистской тенденции, несмотря на воздержание автора от открытой полемики с народничеством. Копия статьи, переданная студенту Мицкевичу, была отобрана у него при обыске и хранилась в жандармских архивах, где открыта в 1923 г. и напечатана через тридцать лет после написания. Этой работой и открывается ныне Собрание сочинений Ленина¹¹.

Готовился ли он теперь стать писателем, отказавшись от мыслей об адвокатуре? Вряд ли писательство рисовалось ему в виде самостоятельной жизненной цели. Правда, он был убежденным "доктринером", т.е. с молодых лет понимал, что как светил небесных нельзя наблюдать без телескопа, а бактерий без микроскопа, так на общественную жизнь надо уметь глядеть через стекла доктрин. Но он умел в другом порядке глядеть на доктрину через осколки действительности. Он умел наблюдать, выспрашивать, слушать, подсматривать жизнь и живых людей. И он выполнял эту сложную работу так же естественно, как дышал. Может быть, еще и не вполне сознательно, но он готовился не в теории, не в писатели, а в вожди.

Начиная с Казани, он проходил школу у революционеров старшего поколения, поднадзорных и бывших ссыльных. Среди них было немало простаков, остановившихся в развитии и не мудрствовавших лукаво. Но они видели, слышали, пережили то, чего не знало новое поколение, и это делало их, в своем роде, значительными. Яковинка Яснева, сама лет на 9 старше Владимира, пишет: "Я, помню, удивлялась, с каким вниманием и как серьезно Владимир Ильич слушал незатейливые, а иногда и курьезные воспоминания В.Ю. Виттен", старой народоволки, жены Ливанова. Другие, скользя по поверхности, замечали только курьезное, а Владимир, отметая шелуху, отбирал зерна. Он как бы вел одновременно две беседы: одну, открытую, которая зависела не только от него, но и от собеседника, и в которую входило по необходимости много лишнего; и другую, подспудную, гораздо более значительную, которой руководил он один. А зрачки косо поставленных глаз вспыхивали, отражая ту и другую.

Как бы вразрез с Ясневой, Семенов рассказывает: "Владимир Ильич был знаком с Ливановыми, но на их собраниях не бывал и с большим вниманием выслушивал наши рассказы о брюзжании стариков". Мнимое противоречие разъясняется тем, что рассказ Семенова относится к более позднему - на год, примерно - времени. Владимир посещал стариков, пока было чему учиться у них.

Бесцельно спорить, повторяя одни и те же доводы и раздражаясь, было не в его характере. Почувствовав главу личных отношений законченной, он твердо поставил точку. Для такого образа действий требовалась выдержка, много выдержки; недостатка в ней у Владимира не было. Но, перестав бывать у Ливановых, он не переставал интересоваться тем, что творится в противном лагере: война требует разведки, а Владимир уже вел войну с народниками. С большим вниманием он выслушивал рассказы, вернее отчеты тех своих единомышленников, которые менее экономно обращались с собственным временем. 22-летний юноша уже обнаруживает здесь перед нами в сфере личных отношений те черты своей маневренной гибкости, которые проходят затем через всю его политическую жизнь.

Не менее замечателен для духовного облика юного Ленина - широкий захват наблюдений. Радикальные интеллигенты в подавляющем большинстве своем жили жизнью кружков, за пределами которых начинался чуждый им мир. На глазах у Владимира не было шор. Его интересы отличались крайней экстенсивностью, сохраняя в то же время способность высшей концентрации. Он изучал действительность везде, где находил ее. Теперь он переносил свое внимание от народников к народу. Самарская губерния была сплошь крестьянской. Пять летних сезонов Ульяновы провели в Алакаевке. Начинать с пропаганды среди крестьян Владимир не стал бы, даже если бы положение поднадзорного не парализовало его в степной глуши. Тем внимательнее приглядывался он к деревне, проверяя теоретические выкладки на живом материале.

Личные связи его с мужиками после короткого хозяйственного опыта были, правда, эпизодичны и недостаточны; но он умел направлять в нужную сторону внимание друзей и использовать чужие наблюдения. Близко стоявший к нему Складенко служил письмоводителем у мирового судьи Самойлова, который до пришествия земских начальников был полностью погружен в мужицкие тяжбы. Елизаров происходил из самарских крестьян и сохранил связи с односельчанами. Подвергать допросу Складенко, выстукивать самого мирового судью, ездить с шурином в его родную Бестужевку, часами разговаривать с хитрым и самодовольным кулаком, старшим братом Елизарова, - какой неисчерпаемый учебник политической экономии и социальной психологии! Владимир на лету подхватывал оброненное словцо, вкрадчиво подталкивал рассказчика, чутко слушал, сверлил глазами, посмеивался, иногда по-отцовски хохотал, откидываясь назад. Кулаку лестно было объясняться с образованной личностью, с молодым адвокатом, с сыном его превосходительства, хотя и не всегда, пожалуй, ясно было, чему смеется этот веселый собеседник за чашкой горячего чая.

Владимир явно унаследовал от отца способность легко разговаривать с людьми разных социальных категорий и уровней. Без скуки и насилия над собой, часто без предвзятой цели, в силу своей неукротимой пытливости и почти безошибочной интуиции, он умел из каждого случайного собеседника извлечь то, что нужно было ему самому. Оттого он так весело слушал там, где другие скучали, и никто из окружавших не догадывался, что за картавой болтовней

скрывается большая подсознательная работа: собираются и сортируются впечатления, кладовые памяти заполняются неоценимым фактическим материалом, мелкие факты служат для проверки больших обобщений. Так исчезали перегородки между книгой и жизнью, и Владимир уже в это время начинал пользоваться марксизмом, как плотник - пилой и топором. [...]612

Примечания

1 Примечание к книге: Isaaks H.K. The Tragedy of the Chinese Revolution. - New York, 1938.

2 Провизорный - предварительный, временный.

3 Клио - в древнегреческой мифологии муза, покровительница истории. Изображалась с грифелем и папирусным свитком или со шкатулкой для свитков.

4 Сталактиты - минеральные образования, свисающие в виде сосулек, бахромы и т. п. с потолка верхней части пещер и других подземных полостей. Сталагмиты - минеральные образования, поднимающиеся в виде столбов, сосулек и т. п. со дна пещер.

5 Руссо Жан-Жак (1712-1778) - французский философ. Осуждал официальную церковь и религиозную нетерпимость, трактовал частную собственность как причину социального неравенства, идеализировал "естественное состояние" человечества. Идеи Руссо оказали влияние на общественную мысль многих стран.

6 Бентам Иеремия (1748-1832) - британский философ. Родоначальник философского утилитаризма, считающего пользу основой нравственности и критерием всех человеческих поступков.

7 Макдоналд Дуайт (1906 - ?) - член Социалистической рабочей партии США в 1939-1940 гг. Был главным редактором журнала "Partisan Review". Затем член Рабочей партии, анархист, левый либерал.

8 "Partisan Review" ("Партийное обозрение") - американский левый журнал. Вначале находился под влиянием компартии, затем постепенно перешел к критике сталинизма и в конце концов отказался от марксистских взглядов.

9 Имеется в виду штат Нью-Йорк.

10 Натурализм - направление в литературе и искусстве последней трети XIX в., исходящее из представлений о полной предопределенности судьбы, воли, духовного мира человека социальной средой, бытом, наследственностью, физиологией. Натуралисты стремились беспристрастно воспроизводить реальность.

11 Символизм - направление в литературе и искусстве конца XIX - начала XX в. Строилось на основе художественного выражения посредством символов - многозначно-иносказательных образов, идей, находившихся за пределами чувственного восприятия.

12 Футуризм - направление в литературе и искусстве начала XX в. Стремясь создать искусство "будущего", футуристы куобтивировали урбанизм (эстертику большого города), переплетение документальной литературы и фантастики, пытались сохдать новый язык.

13 Кубизм - модернистское течение в изобразительном искусстве начала XX в. Кубисты сводили к минимуму изобразительные задачи искусства и выдвигали на первый план формальные эксперименты - конструирование объемных форм плоскости, разложение сложных форм на простые и т. п.

14 Экспрессионизм - направление в литературе и искусстве начала XX в., провозглашавшее единственной реальностью субъективный духовный мир человека, а его выражение - главной целью литературы и искусства.

15 Агностицизм - философское учение, отрицающее втвозможность познания объективного мира. Возникло в античное время, разрабатывалось Д.Юмом и И.Кантом.

16 "De Internationale" - журнал Революционной социалистической рабочей партии Бельгии.

17 Письмо Троцкого Снивлиту от 2 декабря 1937 г. см.: Writing of Leon Trotsky (1937-38). - New York, 1976. - P. 81-83. Письмо опубликовано под заголовком "Будущее голландской секции".

18 Письмо Троцкого Жану Хейженоорту (Вану) по поводу позиции Ж.Вареекена по вопросу о войне было опубликовано на ряде языков, в том числе в США в издании Социалистической рабочей партии "Internal Bulletin", No 3 (июнь 1938 г.).

19 Association International de travailleurs (AIT) - Интернациональная рабочая ассоциация - международное объединение анархо-синдикалистских профсоюзных и политических организаций.

20 Гарсия Оливер (1901 - ?) - испанский анархистский лидер. Сотрудничал с колммунистами. Был министром юстиции в пправительстве Л.Кабальеро.

21 В конце 1937 - первой половине 1938 г. в мировой печати активно обсуждался вопрос о Кронштадтском восстании в марте 1921 г., его характере, причинах и жестоком подавлении. В дискуссии участвовали социал-демократы, бывшие сторонники Троцкого, анархисты, русские эмигранты - меньшевики, эсеры и кадеты. Высказывалось мнение о непосредственной виновности Троцкого в подавлении восстания. Троцкий посвятил этой дискуссии статью "Шумиха вокруг Кронштадта" (15 января 1938 г. - Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 66-67. - С. 22-26) и "Еще о подавлении Кронштадта" (6 июля 1938 г. - Writing of Leon Trotsky (1937-38). - P. 376-378).

22 Махно Нестор Иванович (1889-1934) - один из участников гражданской войны в Украине в 1918-1921 гг. Анархист. Вел военные действия против германских войск и Деникина на стороне советской власти. Организовал

высокоманевренные конные отряды. В 1920 г. против Махно были направлены части Красной Армии. Его силы были разгромлены. Он бежал за границу. Был убит в эмиграции.

23 В середине февраля 1938 г. Троцкий несколько дней нелегально проживал в доме правительственного чиновника, друга Д.Риверы Антонио Гидальго в Ломас де Чапультепеке, уважаемом районе г. Мехико. Это было предпринято в связи с опасениями покушения на его жизнь. Троцкий возвратился в Койоакан, где оставалась Н.И.Седова, после поступления известия о смерти Л.Л.Седова.

24 Cache-nez (фр.) - кашне, шарф.

25 Речь идет о Спигел Раэ (Дунаевской Рае) - секретаре Троцкого в Мексике.

26 Речь идет о Хансене Джозефе (1910-1979) - американском стороннике Троцкого, его секретаре и охраннике с сентября 1937 г. В феврале 1938 г. Хансен возвратился в США с заданием установить связь с членами компартии. Автор книги: Hansen J. Leo Trotsky: The Man and His Work. - New York, 1969.

27 По всей видимости, имеется в виду Сильвия Агелофф (сестра сотрудницы Троцкого Рут Агелофф) и ее любовник, фигурировавший под именем Жана Морнара. На самом деле это был Рамон Меркадер (1914-1978) - испанский коммунист, член террористической группы, организованной советскими спецслужбами для убийства Троцкого. Группой руководили его мать Каридад Меркадер и агент ОГПУ Наум Эйтингон. В литературе господствует мнение, что Меркадер появился в доме Троцкого значительно позже. Но, судя по данному письму, это произошло уже в начале 1938 г. Будущему убийце удалось втереться в доверие к Троцкому и 19 августа 1940 г. нанести ему смертельный удар ледорубом (Троцкий умер 20 августа). Меркадер 20 лет отсидел в мексиканской тюрьме, так и не выдав тех, кто организовал убийство. За свой "подвиг" он был удостоен звания героя Советского Союза. После освобождения жил в Чехословакии, с 1964 г. в СССР. Работал в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под именем Р.И.Лопеса. В середине 70-х годов по приглашению Ф.Кастро уехал на Кубу. Похоронен в Москве.

28 Имеется в виду статья "Шумиха вокруг Кронштадта", упомянутая выше. Троцкий отрицал личное участие в подавлении Кронштадтского восстания и писал, что он "не помнит", находился ли он в Петрограде во время восстания. Факты же свидетельствуют, что он прибыл в Петроград 5 марта и находился в городе несколько дней. Именно по его приказу М.Н.Тухачевский был назначен командующим 7 армией, которой было поручено подавление восстания. Троцкий приказал подавить восстание, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

29 Видимо, имеется в виду дом Губерта Геринга в городе Такско в Мексике, который был предоставлен в пользование Троцкого. Г.Геринг - американский профессор, специалист по Латинской Америке. Поддерживал дружеские отношения с Троцким, многократно посещал его и привозил к Троцкому на беседы своих студентов.

30 Видимо, идет речь о В.Кривицком.

31 Скорее всего речь идет о работе "Их моральи наша" (Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 68-69. - С. 6-19).

32 Г. - Антонио Гидальго.

33 О ком идет речь, установить не удалось.

34 Ав. Londres (авенида Лондрес) - улица, на которой в 1937-1939 гг. проживал Троцкий в доме Д.Риверы. В марте 1939 г. после разрыва с Риверой Троцкий переехал в дом на авенида Виена.

35 Мичоакан - штат на юго-западе Мексики. Центр г. Морелия.

36 Телеграмма Зборовского и Эстрин Троцкому о смерти Л.Л.Седова была получена после того, как он уже узнал о происшедшем из вечерних мексиканских газет от 16 февраля 1938 г.

37-38 Экспозе (от фр. exposit) - доклад, изложение, заявление.

39 Обсерватор (от англ. Observer) - наблюдатель.

40 Кларт - французский сторонник Троцкого, член Интернационального Секретариата IV Интернационала.

41 С. И. (Secretariat Internationale) - Интернациональный Секретариат IV Интернационала, находившегося в стадии формирования.

42 Бойтель Жоаннес (псевдоним Бардина Алексиса) (1905 - ?) - французский сторонник Троцкого, один из лидеров Интернациональной рабочей партии.

43 Брош, Жерар, Про - члены конкурировавших между собой групп сторонников Троцкого во Франции.

44 Так в тексте.

45 Partie ouvrier internationaliste (POI) - Интернационалистская рабочая партия Франции - французская секция IV Интернационала. Основана в конце 1938 г. В феврале 1939 г. часть членов ПОИ перешла в Рабочую и крестьянскую социалистическую партию, основанную в июле 1938 г. М.Пивером.

46 Субвенция (от англ. Subvention) - субсидия.

47 Видимо, имеется в виду письмо, адресованное Интернациональному Секретариату IV Интернационала (HU.NL, bMS Russ 13, T-8056).

48 По всей видимости, Б. - Бармин, В. - В.Кривицкий, Дама - вдова И.Порецкого В.Порецкая.

49 О ком идет речь, установить не удалось.

50 Енукидзе Амель Софронович (1877-1937) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1898 г. С 1918 г. секретарь Президиума ВЦИК, в 1922-1935 гг. секретарь Президиума ВЦИК. Был снят с ответственных постов. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

51 "Партийное строительство" - журнал ЦК ВКП(б). Выходил в 1929-1946 гг. (до него с 1919 г. издавались "Известия ЦК РКП(б) - ВКП(б)"). С 1946 г. вместо "Партийного строительства" стал выходить журнал "Партийная жизнь".

52 О чем идет речь, установить не удалось.

53 Грассе Бернар (1881-1955) - французский издатель. В 1907 г. основал издательскую фирму. Речь идет о договоре относительно издания литературы IV Интернационала.

54 Имеется в виду Международный институт социальной истории в Амстердаме. Основан в 1935 г. Институт хранит в своем архиве фонды многих международных и национальных рабочих и социалистических организаций и деятелей.

55 Имеется в виду, очевидно, обвиняемый на первом московском судебном фарсе (1936) Е.С.Гольцман.

56 Видимо, речь идет о Г.Е.Пушине, директоре Горьковского завода удобрений, арестованном в связи с происшедшим на этом заводе взрывом в конце 1935 г. Фамилия Пушина упоминалась на судебном фарсе в августе 1936 г.

57 Имеется в виду Г.Л.Пятаков.

58 Это письмо было написано до получения письма Зборовского и Эстрин от 17 февраля 193 г. (см. выше, с.)

59 Имеется в виду статья Троцкого "Лев Седров - сын, друг, борец" (Бюллетень оппозиции. - 1938. - № 64. - С. 2-8).

60 Лаборде Хернан (1896-1955) - мексиканский коммунистический деятель, генеральный секретарь компартии во второй половине 30-х годов. В 1940 г. был изгнан из компартии в результате "чистки", последовавшей за неудачным налетом на дом Троцкого 24 мая 1940 г.

61 Имеется в виду брошюра: Мартов Л. Спасители или упразднители? - Париж, 1911.

62 Лойола Игнатий (1491? - 1556) - основатель ордена иезуитов. Разработал организационные и моральные принципы ордена (строгая централизация, абсолютный авторитет главы, тотальный шпионаж, допустимость любого преступления во имя "славы божией").

63 Компанис Луис и Хавер (1883-1940) - испанский политический деятель, лидер каталонской партии "Эль Герра" ("Борьба"). Глава провинциального правительства Каталонии в 1933-1938 гг.

64 Метаксас Иоаннис (1871-1941) - греческий государственный деятель, премьер-министр с 1936 г. Во внешней политике ориентировался на Германию.

65 Содом и Гоморра - в библейской мифологии города у устья реки Иордан или на западном побережье Мертвого моря, жители которых погрязли в распутстве и были испепелены огнем, посланным с небес. В переносном смысле - беспорядок, разврат.

66 Кафр (от арабского слова кафир - неверный) - наименование, данное в XVIII в. бурами народу банту. В переносном смысле кафр - исповедующий ошибочные, ложные взгляды.

67 Телеграмма была направлена, по-видитому, в редакцию "Бюллетеня оппозиции".

68 Речь идет о провокационном судебном процессе по делу так называемого право-троцкистского блока 2-13 марта 1938 г. Почти все подсудимые, в том числе Бухарин, Рыков, Крестинский, Ягода, были приговорены к смертной казни и сразу же расстреляны. Х.Г.Раковский был осужден на 20 лет тюремного заключения, к длительным срокам заключения были приговорены также Д.Д.Плетнев и С.А.Бессонов.

69 Дата не проставлена.

70 Алкснис Яков Иванович (1897-1938) - советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935). В 1926-1931 гг. заместитель начальника, в 1931-1937 гг. начальник Военновоздушных сил Красной Армии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

71 Гамарник Ян Борисович (1894-1937) - советский партийный и военный деятель. Социал-демократ с 1916 г. С 1923 г. председатель Дальневосточного крайисполкома и секретарь крайкома партии. С 1929 г. начальник Политического управления Красной Армии. С 1930 г. заместитель наркома обороны СССР. Покончил самоубийством во время "большого террора" в ожидании неизбежного ареста.

72 Троцкий послал телеграмму состоявшемуся 9 марта 1938 г. в Нью-Йорке, в Хотел-центре, митингу, созванному Американским обществом защиты Л.Троцкого. Митинг протестовал против третьего московского шоу-процесса. Выступали С.Ла Фоллет, К.Треска, В.Волф, М.Шахтман, Д.Новак, Э.Лайонс.

73 Письмо было направлено в редакцию американского бюллетеня "The Socialist Appeal" и опубликовано в нем 19 марта 1938 г.

74 Freda Kirchoway, Editor, "The Nation", 20 Vesey Street, New York City, New York (англ.) - Фреде Кирчвей, издателю "The Nation", ул. Виси No 20, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Кирчвей Фреда (1893-1936) - редактор журнала "The Nation". Кирчвей обратилась к Троцкому с просьбой написать статью о его философских взглядах.

75 Mrs. (англ.) - миссис (обращение к замужней женщине).

76 Фемида - в древнегреческой мифологии богиня правосудия. Изображалась с повязкой на глазах (символ беспристрастия), рогом изобилия и весами в руках.

77 В No 65 "Бюллетеня оппозиции" за апрель 1938 г. были опубликованы статьи Троцкого "Новые невозвращенцы", "Итоги процесса", "Роль Генриха Ягоды", "Случай с профессором Плетневым", "Поправки и примечания к показаниям подсудимых", "Правда о 'заговоре' на жизнь Ленина в 1918 году".

78 Речь идет о книге советского дипломата-невозвращенца А.Г.Бармина (1899-1987) "Мемуары советского дипломата". Книга была опубликована на английском языке в 1938 г. (переиздана в 1973 г.). В 1997 г. издана в Москве на русском языке под неадекватным названием "Соколы Троцкого".

79 Д. - "Дама". Имеется в виду вдова И.Порецкого Е.Порецкая.

80 Уолтер Дюранти, несмотря на англосаксонскую "душу", участвует в московских подлогах в строго плановом порядке, рядом с судьями, прокурором, обвинителями и вообще людьми с "русской душой". Между тем Дюранти не был даже поставлен перед необходимостью ежедневно выбирать между жизнью и смертью. Его коллега г. Гаролд Дени, человек с заведомо американской душой, хотя и небольшого размера, очень скоро приспособился к атмосфере тоталитарного режима и, поставленный перед необходимостью выбирать между тощей правдой и жирным бутербродом, без колебаний встал на сторону бутерброда и Вышинского. Время от времени Дени выезжает за границу и пишет

оттуда статьи об СССР "без цензуры", полностью продиктованные ГПУ. Такого рода субъекты являются источником вдохновения для "либерального" общественного мнения. - Примеч. автора. Дели Гералд - американский журналист. В ряде репортажей с московских судебных фарсов излагал доводы советских спецслужб как объективную истинцу.

81 Питт Уильям Младший (1759-1806) - премьер-министр Великобритании в 1783-1801 и 1804-1806 гг., лидер новых тори. Один из главных организаторов коалиции европейских государств против революции во Франции, а затем империи Наполеона I

82 Каин - в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, земледelec. Убил из зависти своего брата пастуха Авеля. Был проклят Богом.

83 Речь идет о статье "Товарищ Лева" за подписью "П.Т." в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 64. - С. 10-11.

84 Речь идет о воспоминаниях "Прощай, Лев Седов" в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 64. - С. 11-12. Как видно из текста, автором была Е.Порецкая.

85 Вендетта (от итальянского vendetta - мщение) - обычай кровной мести на островах Сицилия, Сардиния и Корсика, сохранившийся и в XX в.

86 Временная программа IV Интернационала "Агония капитализма и задачи IV Интернационала" была подготовлена Троцким в апреле 1938 г. и утверждена учредительной конференцией IV Интернационала 2 сентября того же года. См., Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 66-67. - С. 1-18.

87 Камиль - один из псевдонимов Р.Клемента.

88 Книга Троцкого "Сталин" не была завершена. Первый том с предисловием, не завершенным автором, состоявший из его черновых материалов, вышел в 1941 г. в ньюйоркском издательстве "Harper and Brothers" в переводе Ч.Маламута. Второй том был составлен по черновикам Троцкого, хранящимся в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета, Ю.Фельштинским. Им же опубликованы оба тома на русском языке (Троцкий Л. Сталин. Тт.1-2. - М., 1996).

89 Имеется в виду книга: Barbusse H. Staline: Un monde nouveau vu travers un home. - Paris, 1935. Русский перевод: Барбюсс А. Сталин - М., 1936).

90 Статья В.Сержа о Л.Л.Седове в связи с его смертью была опубликована в бюллетене французских революционных синдикалистов "Rvolution proltrienne" 25 февраля 1938 г.

91 "Rvolution proltrienne" ("Пролетарская революция") - бюллетень, издававшийся группой профсоюзных деятелей Франции под редакцией П.Монатта, исключенных в середине 20-х годов из компартии за "синдикалистские взгляды". В бюллетене выражались симпатии к Троцкому и возглавляемому им движению.

92 Прудон Пьер Жозеф (1809-1865) - французский социалист, теоретик анархизма. Проповедовал мирное преобразование общества путем реформы кредита и обращения.

93 Доклад Троцкого "Д.И.Менделеев и марксизм" был прочитан на IV

Менделеевском съезде 17 сентября 1925 г. (см.: Троцкий Л. Сочинения. - Серия VI. - Т. 21. - М., 1927. - С. 268-288). Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907) - русский химик. Автор "Основ химии" (тт., 1869-1871) - первого стройного изложения неорганической химии. Профессор Петербургского университета. Уходил в отставку в знак протеста против притеснений студенчества. Создатель периодической системы элементов. С 1893 г. руководил Палатой мер и вксов.

94 Чемберлен Невилл (1869-1940) - британский государственный деятель, консерватор. С 1922 г. многократно входил в правительство. Премьер-министр в 1937-1940 гг. Был одним из главных организаторов политики умиротворения гитлеровской Германии в 1938-1939 гг.

95 Работа Троцкого "Их мораль и наша" была опубликована в "Бюеллетене оппозиции". - 1939. - No 68-69. - С. 6-19.

96 Имеется в виду учредительная конференция IV Интернационала 3 сентября 1938 г. в Париже в квартире А.Росмера. Участвовали 30 делегатов из 11 стран.

97 Аббиат Ролан (другой псевдоним Росси Франсуа, настоящие фамилия, имя и отчество Правдин Владимир Сергеевич) (1904-?) - агент ОГПУ, затем НКВД с начала 30-х годов. Один из убийц И.Порецкого. С 1938 г. жил в США.

98 Мартиньи Шарль (1900-?) - агент советской разведки. Один из убийц И.Порецкого. Версия о том, что в феврале 1937 г. Аббиат и (июли) Мартиньи побывали в Мексике, не подтвердилась. В 1943 г. Мартиньи был заочно приговорен в оккупированном немцами Париже к смертной казни. Судьба неизвестна.

99 Сведений о Пятигорском обнаружить не удалось. Его имя отсутствует в примечаниях к сочинениям Л.Д.Троцкого.

100 Congress of Industrial Organizations (CIO) - Конгресс производственных профсоюзов - профсоюзное объединение, созданное в США в 1935 г. В 1955 г. слилось с Американской федерацией труда, образовав Американскую федерацию труда - Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП).

101 Так в тексте. Нарушение логики связано, очевидно, с пропущенной частью текста.

102 Речь идет о подготовленной Троцким временной программе IV Интернационала.

103 Имеется в виду книга "Au pays du grand mensonge". - Paris, 1938 ("Великая фальшивка"). Вскоре книга была издана на английском языке: Ciliga A. The Russian Enigma. - London, 1940 ("Русская загадка").

104 Вопрос о классовом характере СССР мы можем здесь оставить в стороне. Нас интересует вопрос о политике по отношению к рабочему государству вообще, или к колониальной стране, борющейся за свою независимость. Что касается классовой природы СССР, то мы можем мимоходом порекомендовать ультра-левым посмотреть на себя в зеркало книги А.Цилиги "Au pays du grand mensonge". Ультра-левый автор, совершенно лишенный

марксистской школы, довел свою мысль до конца, т. е. до либерально-анархической абстракции. - Примеч. автора.

105 Тезисы Интернационального Секретариата о войне нам обнаружить не удалось.

106 Госпожа Симон Вейль пишет даже, что наша позиция та же, какую была позиция Плеханова в 1914-1918 гг. С. Вейль имеет, конечно, право ничего не понимать. Но не следовало бы все же злоупотреблять этим правом. - Примеч. автора. Вейль Симона (1909-1943) - французская общественная деятельница. Сотрудничала с радикалами и социалистами. Во время ватерой мировой войны увлеклась мистицизмом. Находясь в Великобритании, довела себя джо смерти голоданием.

107 Шверник Николай Михайлович (1888-1957) - советский государственный деятель. Социаол-демократ с 1905 г. С 1923 г. нарком рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. В 1925-1927 гг. секретарь Ленинградского, в 1927-1928 гг. Уральского обкома ВКП(б). С 19320 г. первый секретарь ВЦСПС. С 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1953 г. председатель ВЦСПС. С 1956 г. председатель Комиссии партийного контроля.

108 Книга Ч.Маламута в каталоге Библиотеки Конгресса США нами не обнаружена. Видимо, она написана не была.

109 Статья Троцкого "Трагический урок" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1937. - № 60-61. - С. 4-5.

110 Имеется в виду Национаольная рабочая организация Голландии - небольшая левая профсоюзная организация, руководимая Г.Сенивлитом.

111 24-26 июля 1936 г. в Париже состоялась международная конференция Лиги коммунистов-интернационалистов, которая переименовала ее в Движение за IV Интернационал. Конференция утвердила написанные Троцким резолюции "Четвертый Интернационал и Советский Союз" и "Новый революционный подъем и задачи Четвертого Интернационала", а также "Обращение к общественному мнению рабочих всего мира" (см.: Writings of Leon Trotsky (1935-36). - New York, 1977. - P. 332-340, 341-344, 354-360).

112 Эйфель Рауль (настоящие фамилия и имя Киргоф Пауль) (1900-1972) - член группы немецких коммунистов-интернационалистов, созданной в эмиграции во Франции. Группа выступала против вступления сторонников Троцкого во Французскую социалистическую партию. В 1936 г. Эйфель эмигрировал в США, где организовал свю группу, которая вскоре распалась.

113 Аркомед С.Т. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе с 80-х годов по 1903 г. Часть 1. - Женева, 1910. В 1923 г. книга была переиздана в Москве. Псевдоним автора расшифровать не удалось.

114 Эльза - псевдоним Порецкой Елизаветы (1900-1978) - жены советского разведчика И.Порецкого. Е.Порецкая - автор книги воспоминаний: Poretsky E. Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Frieds. - Ann Arbor, 1969.

115 Молчанов Георгий Андреевич (1897-1937) - сотрудник советских спецслужб. Начальник управления ОГПУ по Ивановской области (1926-1930).

Затем начальник секретно-политического отдела ОГПУ (с 1934 г. НКВД), ведущего борьбу против "контрреволюции и шпионажа". Комиссар госбезопасности 2 ранга (1935). В 1936-1937 гг. нарком внутренних дел Белоруссии. Арестован и расстрелян без суда.

116 Статья под заголовком "Вокруг процесса 21-го" за подписью "Бр." Была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 66-67. - С. 28-29.

117 Каган Абе (1860-1951) - американский социалист, издатель ньюйоркской газеты "Форвард".

118 "Красная новь" - ежемесячный литературно-художественный и общественно-публицистический журнал. Выходил в 1921-1932 гг. в Москве.

119 Юпитер - в древнеримской мифологии верховный бог, Минерва - богиня, покровительствующая ремеслам и искусству, а с III в. до н.э. и богиня войны и государственной мудрости. Согласно мифу, Минерва воцникла внезапно из головы Юпитера.

120 Союз коммунистов - организация, созданная в 1847 г. Марксом и Энгельсом на основе реорганизованного ими Союза справедливых. Программой стал "Манифест Коммунистической партии" Маркса и Энгельса (1848). Союз коммунистов прекратил существование после Кельнского судебного процесса над коммунистами, организованного правительством Пруссии в 1852 г.

121 "Капитал" - основной труд К.Маркса, в котором представлена марксистская концепция развития и гибели капитализма. Том 1 был опубликован в 1867 г., остальные тома были подготовлены к печати Ф.Энгельсом после смерти Маркса (т. 2 вышел в 1885, т. 3 - в 1894 г.). Позже, в 1905-1910 гг., К.Каутским был опубликован т. 4 "Теории прибавочной стоимости".

122 Данный текст представляет собой приветствие Диего Риверы учредительной конференции IV Интернационала, написанное Троцким. Обращает на себя внимание дословное совпадение некоторых фрагментов этого документа со следующим за ним текстом, подписанным Троцким.

123 В марте 1903 г. в Тифлисе забастовки не было. Видимо, имеется в виду Батумские стачка и демонстрация в январе-марте 1902 г. Скорее всего автор материала в газете "Известия" (или же автор картины) просто перепутал города.

124 Толстой Алексей Николаевич (1882-1945) - русский писатель. Автор романов, повестей, рассказов. В повести "Хлеб" и отчасти в других произведениях выступил апологетом культа Сталина.

125 "La Flèche" ("Стрела") - французская газета.

126 Стецкий Александр Иванович (1896-1938) - советский партийный деятель. Социал-демократ с 1915 г. С 1930 г. заведовал агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б). Арестован и расстрелян во время "большого террора".

127 "Workers Age" ("Век рабочих") - газета, издававшаяся группой американских коммунистов под редакцией Д.Ловстона в 1929-1941 гг.

128 Процесс меньшевиков 1931 г. - провокационный судебный процесс по делу так называемого "Союзного бюро" меньшевиков, которое на самом деле не

существовало. В числе подсудимых были Суханов, Громан и другие бывшие деятели меньшевистской партии, находившиеся в 20-х - начале 30-х годов на советской службе. Они были приговорены к различным срокам тюремного заключения и почти все расстреляны во время "большого террора".

129 Майский (настоящая фамилия Ляховецкий) Иван Михайлович (1884-1975) - советский дипломат и историк, академик (1946). До начала 20-х годов меньшевик, с 1921 г. большевик. В 1929-1932 гг. полпред в Финляндии, в 1932-1943 гг. полпред, а затем посол в Великобритании, в 1943-1946 гг. заместитель наркома иностранных дел. В 1952-1953 гг. находился в заключении. Автор трудов по истории рабочего движения, истории Испании, обширных, более или менее достоверных мемуаров дипломата.

130 Трайнин Илья Павлович (1886-1949) - советский юрист, академик (1939). Автор многих трудов по государственному праву.

131 "The New International" ("Новый Интернационал") - журнал Социалистической рабочей партии США. Издавался с 1934 г. В 1940 г. оказался в руках М.Шахтмана и других деятелей, отколовшихся от СРП. Был переименован в "International Socialist Review" ("Международное социалистическое обозрение"). Группа сторонников Троцкого продолжала издавать журнал под названием "The New International" до 1958 г.

132 "Большевик" - журнал ЦК ВКП(б). Выходил с 1924 г. В 1952 г. был переименован в "Коммунист". Прекратил выход в 1991 г.

133 Сара Вебер (Джекобс), являвшаяся секретарем Троцкого в Турции и Франции, а также в 1938 г., а затем в 1939 г. в течение нескольких месяцев в Койоакане. Авторство письма установлено по содержанию.

134 Видимо, имеется в виду газета "La lutte ouvrier".

135 Под этим названием статью в "Бюллетене оппозиции" обнаружить не удалось. Видимо, речь идет о статье "Продолжает ли еще советское правительство следовать принципам, установленным 20 лет тому назад?" - Бюллетень оппозиции. - 1938. № 66-67. - С. 19-21.

136 Иремашвили Иосиф (1878-1944) - грузинский социал-демократ. Соученик Сталина по духовной семинарии. С 1921 г. проживал в Германии. После прихода к власти нацистов поддержал Гитлера. Автор книги "Stalin und Tragedie Georgians". - Berlin, 1931. В том же году книга была издана в Нью-Йорке. Книга была использована Троцким при подготовке работы о Стаине.

137 Речь идет о представительстве на учредительной конференции IV Интернационала.

138 Имеются в виду многочисленные заявления Сталина, что социал-демократия и фашизм являются близнецами, что социал-демократия представляет собой социал-фашизм, что наибольшую опасность для рабочего движения представляют левые социал-демократические группы.

139 Речь идет о статье Троцкого "Обезглавление Красной Армии". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - № 56-57. - С. 1-7.

140 Речь идет о статье "Сталин и его сообщники осуждены". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - 68-69. - С. 1-2.

141 Требование было выполнено. Начиная с No 68-69, после статей, опубликованных в "Бюллетене оппозиции", дословно следовал текст, предложенный Троцким.

142 Hoover Institution Archive, V.I.Nicolaevsky Collection, box 92.

143 Статья Троцкого "Мексика и британский империализм" была опубликована в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 70. - С. 8-10.

144 Речь идет о предстоявшей учредительной конференции IV Интернационала.

145 Имеется в виду статья Е.Порецкой "Людвиг". - Бюллетень оппозиции. - 1938. - No 68-69. - С. 20-24.

146 Речь идет, очевидно, об одной из многочисленных советских брошюр с прославлением "векликого вождя и учителя".

147 Таров Арбен (1898-1942) - армянский социал-демократ, большевик с 1917 г., участник гражданской войны в России. В 1927 г. исключен из ВКП(б) за участие в объединенной оппозиции и сослан. В 1931 г. арестован и приговорен к трехлетнему заключению. После освобождения сослан в Среднюю Азию, откуда бежал в Иран. После пребывания в заключении в Иране был депортирован во Францию. Поддерживал связь с Троцким. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления. Был арестован и казнен нацистами.

148 Columbia University, Bakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

149 Речь идет о захвате крупной суммы денег большевистскими боевиками, совершившими нападение на казачий конвой, сопровождавший экипаж, перевозивший 241 тыс. рублей, 12 июня 1907 г. В гл. 5 книги "Сталин" Троцкий подробно осветил участие Сталина в этой экспроприации и его отношение к подобноного рода бандитским действиям.

150 Апенас Ола - норвежский журналист, сотрудник газеты "Aftenposten" (Осло).

151 Многочисленные аресты советских дипломатов в 1937-1938 гг. заставили Троцкого предположить, что в Москве готовится открытый судебный фарс, на этот раз над членами советского дипломатического корпуса. В "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 68-69. - С. 5-6 была помещена статья Троцкого "Предстоящий процесс дипломатов". Однако этот процесс не состоялся. Дипломаты были расстреляны без суда.

152 Якубочич - советский дипломат. Работал секретарем советского полпредства в Берлине. В середине 30-х годов полпред в Норвегии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

153 Юренев (настоящая фамилия Кротовский) Константин Константинович (1888-1938) - советский дипломат. Социал-демократ с 1905 г. С 1921 г. полпред в Бухаре, Латвии, Чехословакии, Италии, Иране, Австрии, Японии. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

154 Геккер Анатолий Ильич (1888-1938) - советский военный деятель. Большевик с 1917 г. Командовал армиями на фронтах гражданской войны. В 20-30-х годах военный атташе в Китае и Турции, затем работал в НКВД.

Арестован и расстрелян во время "большого террора".

155 Пунтервольд Михаэль - адвокат Троцкого в Норвегии. Реальной юридической помощи Троцкому не оказывал.

156 Not Guilty. Harper and Brother, New York, 1938. - Примеч. автора.

157 "El Martelo" ("Молот") - американский просоюзный журнал на итальянском языке.

158 Троцкий неточен. Восстание германских моряков началось в Киле 7 ноября, а 28 октября 1918 г. 4-5 ноября восстание распространилось на другие порты и города Германии. Начали формироваться Советы рабочих и солдат. 9 ноября император Вильгельм II вынужден был отречься от престола. В Германии началась революция, получившая название Ноябрьской.

159 Дело Сакко и Ванцетти - судебное дело участников рабочего движения Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти в США на основе обвинения в убийстве (1920). Несмотря на международную кампанию протеста, оба они в 1927 г. были казнены.

160 Муни Том (1883-1942) - руководитель профсоюза литейщиков в г. Сан Франциско (США) в 1912-1916 гг. В 1917 г. приговорен к смертной казни. Под влиянием протестов казнь была заменена пожизненным заключением. Освобожден в 1939 г.

161 "Vida" ("Жизнь") - журнал, издававшийся учительской организацией в г. Мичоакан в Мексике.

162 Пацкуаро (Паскаро) - город в Мексике. Летом 1938 г. совместно с Д.Риверой Троцкий совершил поездку по Мексике, посетив Паскаро, Хикилиан, Гвадалахару, Морелию и другие города.

163 Клемент Рудольф (? - 1938) - один из помощников Троцкого во время его пребывания во Франции. Являлся затем сотрудником Л.Л.Седова. Был похищен и убит в Париже накануне учредительной конференции IV Интернационала.

164 Вольф Эрвин (псевдоним Браун Никола (? - 1937) - чешский сторонник Троцкого. Был его секретарем в Норвегии. Участвовал в гражданской войне в Испании. Был захвачен агентами НКВД и убит.

165 Лига социалистической молодежи США была создана Социалистической рабочей партией в 1937 г. Существовала до 1940 г., когда большинство ее членов во время раскола СРП присоединились к группе М.Шахтмана.

166 Илоты - земледельческая часть населения в древней Спарте, являвшаяся собственностью государства.

167 Седилью Сатурнино (? - 1939) - мексиканский генерал. Занимал пост министра сельского хозяйства. В мае 1938 г. пытался организовать правый государственный переворот. Ушел в подполье и был убит правительственными войсками в январе 1939 г.

168 Виаллареаль Антонио - мексиканский генерал, активный участник революции 1910 г. Во второй половине 30-х годов находился на правом крыле политического спектра.

169 См. выше, с.

170 Ороско Хосе Клементе (1883-1949) - мексиканский живописец. Один из

создателей национальной школы монументальной живописи. Автор росписей в Мехико, Гвадалахаре и других городах страны, а также в США.

171 Доктор Атль - псевдоним Мурильо Герардо (1875-1964) - мексиканского художника, учителя Д.Риверы. В начале своей деятельности Мурильо был революционером с анархическими наклонностями. Во второй половине 30-х годов симпатизировал фашистской Италии и нацистской Германии.

172 Черновик Л.Д.[Троцкого]. Поправки и дополнения внесены во французский текст. 25 июля 1938 г. - Примеч. в оригинале документа.

173 В тексте явная описка. Что хотел сказать Троцкий, точно установить не удалось. Скорее всего должно быть: "от прогрессирующей буржуазной реакции".

174 Текст публикуемого манифеста был написан совместно Троцким и видным французским писателем-сюрреалистом Андре Бретоном, посетившим Мексику весной-летом 1938 г. и многократно встречавшимся с Троцким. Манифест был опубликован за подписями Бретона и Д.Риверы.

175 Цитата отсутствует.

176 Международный конгресс против войны и фашизма состоялся в Мехико 12 сентября 1938 г. На конгрессе преобладали настроения народного фронта., поддержки СССР и его сталинского руководства и в то же время осуждения агрессии Германии. Делегаты Мексики, Пуэрто-Рико и Перу выступили с заявлениями о том, что правительства западноевропейских держав несут свою долю ответственности за развязывание войны.

177 Политика "добраго соседа" - официально провозглашенная политика президента США Ф.Рузвельта в отношении латиноамериканских стран. В рамках этой политики в 1934 г. был отменен договор с Кубой относительно поправки Платта к конституции этой страны (она предоставляла США право содержать свои вооруженные силы на территории Кубы). Рузвельт принял участие в панамериканской конференции в декабре 1936 г., на которой сформулировал программу мира для Латинской Америки, включая подписание латиноамериканскими странами пакта о нейтралитете.

178 Columbia University, Bakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

179 См.: Сталин И. Соч. - Т. 4. - С. 351-363.

180 Ответы Д.Риверы были подготовлены Троцким. Речь идет о конгрессе профсоюзов стран Латинской Америки в Мехико 6-8 сентября 1938 г.

181 В документах Троцкого нередко встречаются выражения "индо-американские страны", "индо-американские народы" и т. п. для обозначения стран и народов Латинской Америки.

182 Браудер Эрл (1891-1973) - деятель коммунистического движения США. В 1930-1945 гг. генеральный секретарь компартии. В 1945-1946 гг., после роспуска компартии, осуществленного по его инициативе, одобренной Москвой, председатель Коммунистической политической ассоциации США. В связи с восстановлением компартии в 1946 г. был объявлен предателем и исключен из нее.

183 Ответы были даны во время встречи Троцкого с голливудскими актерами

Глэдис Ллойд Робинсон и ее мужем Эдуардом Робинсоном. Г.Робинсон опубликовала ответы в журнале "Rob Wagner's Script", заявив, что ответы были даны именно на ее вопросы. Э.Робинсон в своих воспоминаниях счел, что его жена преувеоличила свою роль в беседе с Троцким.

184 Имеются в виду мероприятия "нового курса" Ф.Рузвельта.

185 Хейг Франк (1876-1956) - американский политический деятель, демократ. В 1917-1947 гг. мэр г. Джерси Сити, штат Нью-Джерси. Известен коррупцией своей администрации и полицейскими насилиями, в частности во второй половине 30-х годов направленными против профсоюзных организаций.

186 "Clave" ("Ключ") - журнал сторонников Троцкого. Выходил в г. Мехико с 1938 г. В журнале печатались многочисленные статьи Троцкого без подписи, а также подписанные псевдонимами и вымышленными инициалами.

187 Подготовленное Троцким заявление редакции "Clave" в рукописи не сохранилось. Поэтому его русский текст хранится в архиве в переводе с испанского.

188 Confederacin de Trabajadores de Mxico (СТМ) - Мексиканская конфедерация рабочих. Образована в 1936 г. Председателем был Ломбардо Толедано. Во второй половине 30-х годов фактически находилась под руководством сталинистской компартии.

189 "El Popular" ("Народ") - газета Мексиканской конфедерации рабочих. Главным редактором был Ломбардо Толедано.

190 Письмо было направлено руководству Социалистической рабочей партии США.

191 Имеются в виду Латиноамериканский конгресс профсоюзов и Международный конгресс против войны и фашизма, состоявшиеся в Мехико в сентябре 1938 г.

192 Васкес Вела (1894-1963) - мексиканский юрист и политический деятель. Занимал различные правительственные посты. В 1935-1940 гг. являлся министром просвещения.

193 Хансен - один из псевдонимов Троцкого.

194 "Liberty" ("Свобода") - американский общественно-политический журнал. Был близок к "желтой прессе" Херста.

195 Слова Сталина "Жить стало лучше, жить стало веселее" были произнесены на Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.

196 Речь идет о восстановлении института военных комиссаров в советских вооруженных силах в 1937 г., ликвидированного в 1925-1928 гг. Институт комиссаров был вновь отменен в 1940 г. (были введены должности заместителей командиров по политической части), опять восстановлен в июне 1941 г. и окончательно ликвидирован в октябре 1942 г., когда было введено полное единоначалие.

197 Мехлис Лев Захарович (1889-1953) - советский государственный деятель. В 20-е годы секретарь Сталина, затем работал в редакции газеты "Правда". В 1937-1940 гг. начальник Главного политического управления Красной Армии. В 1940-1950 гг. нарком, затем министр госконтроля СССР. Во

время второй мировой войны был членом военных советов ряда фронтов, проявив военную некомпетентность и чрезвычайную жестокость.

198 Речь идет о втором заявлении Троцкого судебному следователю, рассматривавшему обстоятельства смерти Л.Л.Седова (от 24 августа 1938 г.). Заявление было опубликовано в "Бюллетене оппозиции". - 1938. - № 40. - С. 13-15. С первым заявлением Троцкий обратился 19 июля.

199 Речь идет о клинике в Париже, где был прооперирован и скончался Л.Л.Седов.

200 Тальгеймер - хирург, оперировавший Л.Л.Седова.

201 Мартен - девичья фамилия Ж.Молинье. Под этой фамилией Л.Л.Седов был помещен в клинику.

202 Мечников Илья Ильич (1845-1916) - российский биолог, один из основоположников сравнительной патологии и иммунологии. Почетный член Петербургской академии наук (1902).

203 On ne peut temporiser, il faut agir (фр.) - Нельзя выжидать, надо действовать.

204 Интервью было дано корреспонденту кубинской газеты "El Pais" ("Нация") Э.П.Поррасу.

205 Антильские острова - архипелаг в Вест-Индии. Делятся на Большие Антильские острова (Куба, Гаити, Ямайка, Пуэрто-Рико) и Малые Антильские острова (Виргинские, Наветренные, Подветренные, Тринидад, Тобаго и Барбадос). Крупнейший остров Куба.

206 Фосса Матео (1905-1973) - аргентинский профсоюзный деятель, сторонник Троцкого. В середине 1938 г. был направлен руководимым им Комитетом за профсоюзную свободу на конгресс профсоюзов Латинской Америки в Мехико, но был изгнан как троцкист.

207 Троцкий сравнивает Толедано с Гитлером.

208 После избрания генерала Карденаса президентом Мексики в 1934 г. его правительство начало экспроприацию земли крупных собственников. Земля передавалась крестьянским коллективам (эхидо). 23 ноября 1936 г. был издан закон о национализации частной собственности в случае общественной или социальной необходимости. 1 ноября 1937 г. были национализированы земли, принадлежавшие нефтяной компании Стандарт-Ойл и некоторым другим корпорациям. 18 марта 1938 г. правительство конфисковало собственность американских и британских нефтяных компаний общей стоимостью в 450 млн долларов. В ноябре 1938 г. между США и Мексикой было достигнуто соглашение о компенсации за конфискованную землю. Однако вопрос о возмещениях за нефть решен не был.

209 Апризм - реформистское течение в Перу. Получило название по наименованию партии Американский народно-революционный альянс (АПРА), созданной в 1924 г. Айя де ла Торре. Партия провозглашала антиимпериалистические лозунги.

210 Имеется в виду режим Ж.Варгаса.

211 Варгас Жетулиу Дорнелис (1883-1954) - президент и глава

правительства Бразилии в 1930-1945 гг., президент в 1951-1954 гг. В 1937 г. установил режим "нового государства", считая образцом фашистскую Италию. В 1945 г. основал реформистскую Тралбалистскую (Рабочую) партию. Содействовал развитию государственного сектора промышленности и проводил социальные реформы.

212 Речь идет о "Бюллетене оппозиции". - 1938. - No 68-69. Названный документ см. с. 31-32.

213 Троцкий, видимо, забыл., что редакция "Бюллетеня оппозиции" дословно выполнила его требование, содержащееся в письме М.Зборовскому от 4 июля 1938 г. (см. данный том, с.).

214 Видимо, имеется в виду учредительная конференция IV Интернационала.

215 По всей видимости, Троцкий имел в виду цикл областных конференций большевистских комитетов (южную, кавказскую и северную), состоявшихся в сентябре-декабре 1904 г. На конференциях было избрано Бюро комитетов большинства, которое начало подготовку большевиков к III съезду РСДРП.

216 Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) - советский государственный деятель. Занимал различные посты в административных и партийных органах Грузии и Закавказской Федерации. С 1938 г. нарком внутренних дел СССР, с 1946 г. член Политбюро ЦК ВКП(б). Один из ближайших приспешников Сталина. Под его авторством был написан доклад, затем изданный отдельной книгой, "К истории большевистских организаций в Закавказье" (1935), содержащий грубейшие исторические фальсификации с целью прославления Сталина. После смерти Сталина недолгое время был в числе правившей четверки (вместе с Маленковым, Молотовым и Хрущевым), но в ходе борьбы за власть был арестован, обвинен в государственной измене, приговорен к смертной казни и расстрелян.

217 Левин Лев Григорьевич (1870-1938) - врач Кремлевской больницы, профессор. В 1937 г. арестован. На судебном фарсе по делу правотроцкистского блока обвинен в убийстве Куйбышева, сына Горького Максима Пешкова и в соучастии в убийстве Менжинского. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

218 От французского слова matraque - тяжелая дубинка, полицейская дубинка.

219 Уншлихт Иосиф Станиславович (1879-1938) - советский государственный деятель. Социал-демократ с 1900 г. В 1919 г. нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР. С 1921 г. заместитель председателя ВЧК (затем ОГПУ). В 1925-1930 гг. заместитель наркома по военным и морским делам СССР. В 1933-1935 гг. начальник главного управления гражданского воздушного флота. Арестован и расстрелян во время "большого террора".

220 Шашевский Артур Карлович (1890-1937) - советский разведчик. В 1936-1937 гг. был торговым представителем СССР в Испании. Был вызван в Москву, арестован и расстрелян без суда.

221 Брун (настоящие фамилия и имя Уманский Берхтольд) (? - 1937) - сотрудник НКВД. Участвовал в "следствиях" перед судебными фарсами. Расстрелян без суда.

222 Вальтер - сотрудник НКВД. Видимо, псевдоним.

- 223 Рудзут - сотрудник НКВД. Видимо, псевдоним.
- 224 Фридман (псевдоним Максимов) Макс (? - 1937) - сотрудник НКВД. Был арестован в 1936 г. По сведениям И.Порецкого, отказался дать признательные показания о "сотрудничестве" с Зиновьевым и Каменевым. Был расстрелян без суда.
- 225 Фейхтвангер Лион (1884-1958) - немецкий писатель. В 1933-1945 гг. жил в эмиграции. Автор романов и других произведений по историческим сюжетам и о современном мире. В книге "Москва, 1937" оправдывал власть Сталина и "большой террор" в СССР.
- 226 Текст эпиграммы (а не частушки) следующий:
Стоит Фейхтвангер у дверей
С внимательнейшим видом.
Смотрите, как бы сей еврей
Не оказался Жидом!
- 227 В. - Вальтер Кривицкий.
- 228 Слуцкий Абрам Аронович (1898-1938) - сотрудник советских спецслужб. С 1919 г. на работе в ВЧК. С 1935 г. начальник Иностранного отдела НКВД. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). В феврале 1938 г. был отравлен цианистым калием в собственном кабинете. Смерть была представлена как, якобы, последовавшая от сердечного приступа.
- 229 Имеется в виду Е.Порецкая.
- 230 Речь идет о фотоаппарате марки "Лейка"
- 231 Ироническое сопоставление Ломбардо Толедано с Ричардом I Львиное Сердце (1157-1199) - английским королем с 1189 г., участником многих походов, который был убит во время войны против Франции.
- 232 Троцкий написал "золотые рубашки", имея в виду "коричневорубашечников" - германских нацистских штурмовиков, основным элементом формы которых были рубашки коричневого цвета.
- 233 Васконселос Хосе (1882-1959) - мексиканский историк, философ и социолог консервативного направления. В 1921-1923 гг. министр народного образования. Во второй половине 30-х годов поддерживал правого деятеля генерала Седильо.
- 234 Кинофильм "Ленин в Октябре" был выпущен в 1937 г. к 20-летию Октябрьского переворота. Премьера состоялась 7 ноября 1937 г. в Большом театре в присутствии Сталина. Режиссер М.Ромм. Сценарий А.Каплера. Фильм фальсифицировал события 1917 г., полностью соответствуя тем инсинуациям, которые вскоре, в 1938 г., будут выражены в "Кратком курсе истории ВКП(б)". Тем не менее после первой демонстрации фильм был снят с экрана для переделки в соответствии с указаниями Сталина, который в целом фильм одобрил.
- 235 Видимо, оба документа были написаны Троцким, хотя рукописи в его архиве не сохранились.
- 236 "La Voz de Mxico" ("Голос Мексики") - официальная газета компартии Мексики с 1938 г.
- 237 Троцкий имел в виду сентаво - мелкую мексиканскую монету, равную

1/100 песо.

238 Речь идет о Конфедерации трудящихся Латинской Америки - объединении профсоюзов, существовавшем в 1938-1963 гг. Председателем был Ломбардо Толедано.

239 Confederatin General de Trabajadores (CGT) - Всеобщая конфедерация трудящихся Мексики. Была образована в 1921 г. Во второй половине 30-х годов была оттеснена на второй план Мексиканской конфедерацией рабочих.

240 "Casa del Pueblo" ("Дело народа") - профсоюз пекарей Мексики. Стоял на левых позициях.

241 Confederatin Regional Obrera Mexicana (KROM) - Региональная конфедерация рабочих Мексики. Была образована в 1918 г. в качестве умеренного профсоюзного объединения. Являлась членом Амстердамского Интернационала профсоюзов.

242 Имеется в виду соглашение Великобритании, Франции, Италии и Германии, подписанное в Мюнхене 30 сентября 1938 г., о передаче Германии Судетской области Чехословакии.

243 "Futuro" ("Будущее") - журнал Мексиканской федерации рабочих. Находился под контролем Ломбардо Толедано.

244 Андерсен Ханс Кристиан (1805-1875) - датский писатель. Автор сказок, основанных на фольклоре, прописанных лиризмом и юмором. В сказке "Новое платье короля", в которой король представлен голым, высмеивались корысть, карьеризм и самодовольство сильных мира сего.

245 Предисловие Троцкого к книге см. данный том, с.

246 Columbia University, Vakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

247 Мюнхенское соглашение - соглашение, подписанное 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н.Чемберленом, премьер-министром Франции Э.Даладье, А.Гитлером и Б.Муссолини о передаче Германии Судетской области Чехословакии. Соглашение предопределило захват всей Чехословакии Германией в марте 1939 г. (Словакия была объявлена независимым государством, ставшим сателлитом Германии).

248 Имеется в виду захват Австрии нацистской Германией ("аншлюсс") 11-12 марта 1938 г. Австрия была объявлена составной частью Германии. Независимость Австрии была восстановлена в апреле 1945 г. и узаконена Государственным договором 1955 г., запрещающим "аншлюсс".

249 Эпп Франц Ксавьер (1868-1947) - германский генерал. Был одним из руководителей подавления Баварской Советской республики в 1919 г. В 1919-1923 гг. один из руководителей нацистских штурмовых отрядов. Губернатор Баварии в 1933-1945 гг. Краткое время являлся также министром колоний рейха. Осужден как военный преступник.

250 Пригц Коноэ Фумимаро (1891-1945) - премьер-министр Японии в 1937-1941 гг. и министр иностранных дел в 1938 г.

251 Из стихотворения А.С.Пушкина "Герой" (1830). В оригинале: "Тьмы низких истин мне дороже..."

252 Это издание обнаружить не удалось.

253 Троцкий ошибся. Речь идет о судебном процессе не над женой генерала Миллера, а над женой генерала Скоблина певице Надежде Плевицкой, который состоялся в Париже в конце 1938 г. Она была признана виновной в соучастии в похищении советскими агентами генерала Миллера и приговорена к 20 годам заключения. Умерла в тюрьме.

254 Айиа де ла Торре - вождь сильной, нелегальной оппозиционной партии в Перу, имеющей влияние на отдельные группы интеллигенции в нескольких странах Латинской Америки. - Примеч. автора. Айиа де ла Торре Виктор Рауль (1895-1979) - один из организаторов (1924) и лидер Перуанской народной партии (до 1945 г. называлась Американским народно-революционным альянсом - АПРА).

255 "Claridad" ("Ясность") - аргентинский журнал демократического направления. Выходит с 1928 г. по настоящее время.

256 Имеется в виду установление режима "нового государства" президентом Бразилии Ж.Варгасом в 1937 г.

257 Текст был написан Троцким и направлен в журнал "The New Internationalist" за подписью Д.Риверы.

258 Родригес Абелардо (1889-1957) - мексиканский военный и политический деятель, бригадный генерал. Занимал ряд военных и государственных постов. Выдвигал свою кандидатуру на пост президента. Получил незначительное количество голосов.

259 Беяс Артес - дворец изящных искусств в г. Мехико.

260 Цитата отсутствует. Далее также следуют многочисленные пропуски цитат и названий газет.

261 "Daily News" ("Ежедневные новости") - ньюйоркская газета. Выходит с 1920 г. по настоящее время.

262 Информационное агентство США под таким наименованием неизвестно.

263 Установить, в какой именно печатный орган было послано письмо, не удалось.

264 Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872-1916) - фаворит царя Николая II и его жены Александры Федоровны. Происходил из крестьян Тобольской губернии. В качестве "провидца" и "целителя" оказывал мощное влияние на царскую семью, вмешиваясь в государственные дела. Был убит монархистами.

265 Имеется в виду Государственная Дума России.

266 Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870-1920) - один из лидеров Союза русского народа, крайне правый депутат II, III и IV Государственных Дум России. Принимал участие в убийстве Распутина. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в борьбе против власти большевиков.

267 Юсупов Феликс Феликсович (1887-1967) - русский князь. Организатор и участник убийства Распутина. После 1917 г. эмигрировал. Умер в Париже.

268 Дмитрий Павлович - великий князь. Принимал участие в убийстве Распутина.

269 Троцкий сознательно искажает истину, ибо ему было отлично известно,

что Екатеринбургский совет принял решение о казни царя и его семьи по распоряжению Ленина и Свердлова.

270 Максимилиан Фердинанд Жозеф (1832-1867) - император Мексики с 1862 г. после частичного завоевания страны Францией. После вывода из Мексики войск Наполеона III по требованию США в 1867 г. мексиканская армия под командованием Хуареса разгромила войска Максимилиана, который вслед за этим был расстрелян.

271 А.Цилига активно сотрудничал во французской прессе. В свою очередь французские газеты и журналы проявляли к нему повышенный интерес как к лицу, испытавшему на себе большевистский террор. Статья о Цилиге в журнале "Correspondence" была одной из таких публикаций, в которых преобладали произвол и прямой вымысел.

272 В 1921 г. во время Кронштадтского восстания город носил название Петроград.

273 Приезд Троцкого в Петроград и издание им после этого приказов о жестоком подавлении Кронштадтского восстания подтверждаются многими документами. См. примеч. 28.

274 Одно слово неразборчиво.

275 Тревиньо Родриго Гарсиа - деятель Конфедерации рабочих Мексики. Руководил группой, выступившей за разрыв со сталинистами. Автор нескольких книг о социально-политическом положении Мексики. В данном случае имеется в виду его брошюра: "El Pacto de Munich y la Tercera Internacional. - Mxico, 1938 ("Мюнхенское соглашение и Третий Интернационал").

276 Имеется в виду брошюра В.И.Ленина "Империализм, как высшая стадия капитализма" - Соч. - Изд. 5-е. - Т. 27. - С. 299-426.

277 Кабрера Луис - мексиканский адвокат правой политической ориентации. Был связан с нефтяными компаниями и крупными земельными собственниками. Выступил с правовым анализом и осуждением московских судебных фарсов в статье "Кровавый круг", опубликованной в газете "El Universal" 25 января 1937 г.

278 Де ла Фуэнте Фернандо (1889-1965) - мексиканский адвокат. Занимал различные посты в судебных органах Мексики. С 1940 по 1952 г. был членом Верховного суда (с перерывом).

279 Л.Амаго - псевдоним Л.Д.Троцкого.

280 Аллен Генри Джеймс (1868-1950) - американский государственный деятель. Был губернатором штата Канзас, затем сенатором от Республиканской партии. Возглавлял кампанию против правительства Мексики в связи с экспроприацией им собственности иностранных нефтяных объединений.

281 The Committee on Cultural Relations with Latin America (англ.) - Комитет культурных отношений с Латинской Америкой - американская общественная организация, созданная и возглавлявшаяся профессором Губертом Герингом. Встреча Троцкого с членами комитета состоялась 27 июня 1938 г.

282 Ньюйоркская торговая палата - объединение частных хозяйственных организаций. Основана в 1768 г.

- 283 Маннинг Уильям (1866-1949) - епископ Нью-Йорка в 1921-1946 гг.
- 284 Галисия Лучиано - лидер Интернациональной коммунистической лиги, объединявшей мексиканских сторонников Троцкого. Образовалась в 1930 г. В начале 30-х годов Галисия распустил организацию, затем восстановил ее. В 1939 г. порвал с IV Интернационалом, но позже вновь присоединился к нему.
- 285 Делегация Социалистической рабочей партии США была направлена в Мексику в конце 1938 г. для расследования положения дел в Интернациональной коммунистической лиге. В делегацию входили Д.Кеннон, М.Шахтман и В.Р.Дунне. Перед прибытием делегации Галисия ушел в отставку.
- 286 Фрейлиграт Фердинанд (1810-1876) - немецкий поэт. Член Союза коммунистов. Автор произведений романтической и революционной лирики.
- 287 SOS (Save Our Souls - англ.) - Спасите наши души - сигнал тревоги, призыва к спасению.
- 288 Кофлин Чарлз (-) - американский католический священник. В 20-е годы начал радиопроповеди в Детройте. В конце 20-х - начале 30-х годов стал одним из правых экстремистов. Руководил Национальным союзом за социальную справедливость, выражал восторг нацистской Германией, в частности политикой антисемитизма.
- 289 Шумяцкий Борис Захарович (1886-1938) - советский государственный деятель. В 1917 г. был председателем Исполкома Советов Сибири. В 1920 г. председатель Совета министров Дальневосточной республики. С 1921 г. на дипломатической работе. С 1930 г. председатель Совкино. С 1933 г. начальник главного управления кинопромышленности. Автор книги: Туруханка: Очерки из жизни ссыльных Туруханского края 1908-1916 гг. - М., 1925. Арестован и расстрелян во время "большого террора".
- 290 Речь идет о статье Троцкого "ас решения близится: К положению во Франции". - Бюллетень оппозиции. - 1939. - № 74. - С. 4-10.
- 291 Александрова Вера (1895-1966) - дочь царского генерала Мордвинова. Жена русского меньшевика С.М.Шварца. Член меньшевистской партии. С 1922 г. в эмиграции. Жила в Германии, Франции, с 1940 г. в США. Сотрудничала в журнале "Социалистический вестник", где публиковала рецензии и литературоведческие статьи. После второй мировой войны была редактором журнала "Америка" на русском языке. Работала в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке.
- 292 Граззет - французское издательство.
- 293 Воп-тиг - в данном случае доверенность на право совершения определенных действий.
- 294 Напомним, что Паульсен - псевдоним Л.Эстрин
- 295 По всей видимости, речь идет о Гуверовском институте войны, революции и мира, которому Троцкий рекомендовал на работу Б.И.Николаевского.
- 296 Имеется в виду статья Троцкого "Час решения близится: К положению во Франции".
- 297 Рамирес Джулио - во второй половине 30-х - начале 40-х годов один из руководителей Всеобщей конфедерации мексиканских рабочих.
- 298 Имеется в виду опубликованная в печати телеграмма члена Палаты

представителей Конгресса США Мэттиса, который участвовал в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

299 Предвыборная кампания по выборам президента Мексики продолжалась более полутора лет. Борьба шла между рядом кандидатов. Вопреки ожиданиям, Д.Ривера поддержал не Л.Карденаса, а генерала Франсиско Мухика, министра общественных работ в правительстве Карденаса. Кандидатом правых был генерал Хуан Альмазан. Выборы состоялись 7 июля 1940 г. Президентом был избран кандидат центристских партий и организаций Авила Камачо.

300 Parti Socialiste Ouvrier et Paysan (PSOP) - Рабочая и крестьянская социалистическая партия Франции, основанная в июле 1938 г. М.Пивером после выхода его группы из Социалистической партии. Прекратила существование в начале второй мировой войны.

301 Устрикары и ставикары - лица, замешанные в аферах А.Устрика и С.Ставиского. Афера Устрика упоминалась в т. 2 данного издания. Сергей Ставиский был французским финансистом, скончавшимся в январе 1934 г. при странных обстоятельствах. При расследовании его смерти были обнаружены документы, свидетельствующие о финансовых махинациях, в которых были замешаны многие правительственные и полицейские чины. Скандал был использован правыми экстремистскими силами, организовавшими антиправительственную демонстрацию 6 февраля 1934 г.

302 Контрмэтр - одно из низших званий в масонской ложе.

303 Имеется в виду издававшийся в Париже в 1844 г., а не в 1843 г., "Deutsche-Franzsische Jahrbcher" ("Немецко-французский ежегодник"). Журнал выходил под редакцией К.Маркса и А.Руге. Удалось выпустить один сдвоенный номер.

304 "Neue Rheinische Zeitung" ("Новая Рейнская газета") - ежедневная газета. Выпускалась К.Марксом в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. Пропагандировала революционное объединение Германии в форме демократической республики. Прекратила выход из-за правительственных репрессий.

305 "Trinchera Aprista" ("Траншея апристов") - журнал движения АПРА в Перу.

306 См. данный том, с.

307 Леон Гильермо Вегас - перуанский журналист, сотрудничавший также в газете "El Popular" (Мексика).

308 Бенавидес Оскар Раймундо (1876-1945) - президент Перу в 1933-1939 гг.

309 "New Deal" (англ.) - "Новый курс" - система мероприятий правительства президента Ф.Рузвельта в США в 1933-1938 гг. с целью ликвидации последствий экономического кризиса 1929-1933 гг. и смягчения социально-экономических противоречий. Включал меры государственного регулирования промышленности и сельского хозяйства, а также финансовой системы, предусматривал реформы в социальной области.

310 Льюис Джон (1880-1969) - американский профсоюзный деятель. Председатель объединенного профсоюза шахтеров США в 1920-1969 гг. В 20-е -

первой половине 30-х годов руководителем меньшинства в Американской федерации труда, выступавшего за производственное построение профсоюзов. В 1935-1940 гг. председатель Конгресса производственных профсоюзов.

311 Барселона была занята войсками генерала Франко 26 января 1939 г. После этого была захвачена вся Каталония. Остатки правительственных войск перешли французскую границу и были интернированы на территории Франции. Взятие Барселоны предшествовало победе Франко в гражданской войне, завершившейся 28 марта 1939 г. сдачей республиканцами Мадрида.

312 Редакционная статья "Slave" была написана Троцким.

313 По совету Троцкого О.Рюле подготовил книгу "The Living Thought of Karl Marx" ("Живая мысль Карла Маркса"), которую в 1939 г. опубликовал в Нью-Йорке, а в 1940 г. в Лондоне. Данный текст является первой частью предисловия к этой книге. Вторую часть предисловия, написанную в апреле 1939 г., см. в данном томе, с.

314 Смит Адам (1723-1790) - британский экономист и философ, один из основателей классической политической экономии. Разработал важнейшие категории трудовой теории стоимости. Провел деление буржуазного общества на классы капиталистов, земельных собственников и рабочих.

315 Рикардо Дэвид (1772-1823) - британский экономист, один из основателей классической политической экономии. Стронник трудовой теории стоимости.

316 Рокфеллеры - финансовая группа США. Сложилась в конце XIX в. Основатель Джон Рокфеллер-старший (1839-1937). Ядро группы - финансовая компания "Стандард-Ойл (Нью-Джерси)" (с 1973 г. "Эксон"). Финансовый центр "Чайз Манхеттен банк". Сферы влияния - нефтяная, электронная промышленность, металлургия, химия, страхование.

317 Каммингс Гомер (1870-1956) - генеральный прокурор (министр юстиции) США в 1933-1939 гг.

318 Токвиль Алексис (1805-1859) - французский историк и социолог, лидер консервативной Партии порядка, министр иностранных дел (1849). В сочинении "О демократии в Америке" (1835) поддержал необходимость буржуазно-демократических преобразований. Автор трудов по истории французской революции XVIII в.

319 Джексон Роберт (1892-1954) - американский юрист. Во второй половине 30-х годов генеральный прокурор (министр юстиции) США. В 1941-1954 гг. член Верховного суда. В 1945-1946 гг. главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками.

320 Лундберг Фердинанд - американский экономист, автор сенсационной книги "American Sixty Families" ("Шестьдесят семейств Америки") (1937), в которой доказывал, что Соединенными Штатами правит капиталистическая олигархия.

321 Зомарт Вернер (1863-1941) - германский экономист, историк, социолог. Связывал развитие капитализма с раскрытием его духа - стремлением к наживе, свойственном человеку. Один из авторов теории организованного

капитализма.

322 Калиостро Алессандро (настоящие фамилия и имя Бальзамо Джузеппе) (1743-1795) - итальянский авантюрист и мистик, выдававший себя за графа. Был связан с масонами. Жил во многих странах, в том числе в России. В 1791 г. был приговорен в Италии к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Каолиостро - герой множества художественных произведений.

323 Казанова Джованни Джакомо (1725-1798) - итальянский писатель. Автор фантастических романов и "Мемуаров" (тт. 1-12, 1791-1798) на французском языке, запечатлевших нравы современников, авантюрные и любовные приключения автора.

324 Черные рубашки - форма боевых отрядов Итальянской фашистской партии.

325 Ньютон Исаак (1643-1727) - британский математик, механик, астроном и физик, создатель классической физики. Член (1672) и президент (с 1703) Лондонского королевского общества. Совершил ряд крупнейших физических открытий. Разработал дифференциальное и интегральное исчисления.

326 Так в тексте.

327 Имеется в виду аграрный кризис, продолжавшийся более продолжительное время, чем кризис в других сферах экономики.

328 Биллион - миллиард (влияние англ.).

329 Речь идет о мероприятиях "нового курса" правительства Ф.Рузвельта в США в области сельского хозяйства согласно "Акта о реконструкции сельского хозяйства" (AAA), утвержденного 12 мая 1933 г. Закон предусматривал компенсации фермерам за сокращение посевов и другие меры, направленные на преодоление относительного сельскохозяйственного перепроизводства.

330 Par excellence (лат.) - лучший в своем роде.

331 Муниципалитеты в качестве органов местной власти для США не характерны.

332 Икес Гаролд (1874-1952) - американский государственный деятель, министр внутренних дел в правительстве Ф.Рузвельта (с 1933 г.) и Трумэна (до 1946 г.).

333 Рузвельт Теодор (1858-1919) - 26-й президент США (1901-1909) от Республиканской партии. Возглавил кампанию против трестов. Проводил политику "большой дубинки" в отношении стран Латинской Америки (оккупация Кубы в 1906-1909 гг., захват зоны Панамского канала).

334 "Бурбоны 60 семейств" - выражение, основанное на книге Ф.Лундсберга "Шестьдесят семейств Америки".

335 Морганы - финансовая группа в США. Сформировалась в конце XIX в. Сферы влияния - банки, обрабатывающая промышленность, железнодорожный транспорт, страховое дело и др.

336 Меллоны - финансовая группа в США. Сложилась в конце XIX в. Интересы сосредоточены в электротехнической, нефтяной, алюминиевой промышленности и банковском деле.

337 Вандербидты - семья американских миллиардеров. Основана Корнелиусом

Вандербилтом (1794-1877). Положили начало интенсивному железнодорожному строительству в США. В XX в. Вандербилты расширили свое влияние на различные отрасли тяжелой промышленности.

338 Гугенхеймы - семья американских миллиардеров-промышленников. Основана Мейером Гугенхеймом (1825-1905), создавшим ряд металлургических предприятий. В XX в. Гугенхеймы расширили свои интересы на другие отрасли промышленности.

339 Кортес Эрнан (1485-1547) - испанский конкистадор (завоеватель). В 1504-1519 гг. служил на Кубе. В 1519-1521 гг. возглавлял поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. В 1522-1528 гг. губернатор, в 1529-1540 гг. генерал-губернатор Новой Испании (Мексики).

340 Плеоназм - употребление слов, излишних для смысловой полноты высказывания или для стилистической выразительности (например, "самый наибольший").

341 Мерфи Франк (1893-1949) - губернатор штата Мичиган (США). Во второй половине 30-х годов заместитель генерального прокурора (министра юстиции) США. В 1940-1949 гг. член Верховного суда США.

342 Дуглас Льюис (1894 - ?) - директор бюджетного управления США в 1933 г. Ушел в отставку в знак протеста против "нового курса" Ф.Рузвельта.

343 Милликен Роберт Эндрус (1868-1953) - американский физик. Измерил заряд электрона и совершил ряд других открытий. Лауреат Нобелевской премии (1923).

344 "Порвалась связь времен" - цитата из трагедии У.Шекспира "Гамлет".

345 Речь идет о традиционном послании президента Ф.Рузвельта Конгрессу США "О положении страны". С такими посланиями президенты выступают в начале каждого года на совместных торжественных заседаниях обеих палат Конгресса.

346 Точнее следовало бы перевести "Национальный обзор потенциальной производственной способности".

347 Кризис в основном окончился в 1933 г.

348 Логарифмы - показатели степени, позволяющие заменить более сложные математические действия элементарными. Открыты в начале XVIII в.

349 Уоллес Генри Эгард (1886-1965) - американский государственный деятель. В 1933-1940 гг. министр сельского хозяйства, в 1941-1945 гг. вице-президент, в 1945-1946 гг. министр торговли. Был снят со своего поста президентом Трумэном в связи с политическими разногласиями. В 1948 г. кандидат на пост президента от Прогрессивной партии. После провала на выборах отошел от политической деятельности.

350 Делионисты (точнее - дейолионисты, от английского слова daily - ежедневный) - группа американских социалистов в конце XIX в., которая проповедовала идеи повседневной помощи трудящимся и создания в результате этого нового общества.

351 Стэнли Шерман - член Социалистической рабочей партии США до 1940 г. Его статья называлась "Согласится ли Индия на федерализацию?"

352 Текст представляет собой вторую часть предисловия к книге О.Рюле

"Живая мысль Карла Маркса". Первую часть см. в данном томе, с.

353 Хайдарабад - княжество, а затем (до 1956 г.) штат Индии. В 1798-1947 гг. княжество находилось в зависимости от британской колониальной администрации.

354 Речь идет о захвате Италией Албании 7 апреля 1939 г. Итальянские войска вторглись в Албанию. Король Зогу бежал. 12 апреля спешно созванная албанская Конституционная ассамблея провозгласила "персональную унию" с Италией и короля Виктора-Иммануила своим королем.

355 Статью Троцкого "Капитуляция Сталина" см.: Бюллетень оппозиции. - 1939. - № 75-76. - С. 3-4.

356 15 марта 1939 г. Гитлер объявил о "независимости" Словакии и Карпатской Украины и о превращении Чехии в "протекторат Богемия и Моравия". Немецкие войска в этот же день вторглись в Прагу. 16 марта Словакия объявила о том, что она находится под "покровительством" Германии.

357 Одновременно с захватом Чехии и превращением Словакии в самостоятельное государство под "покровительством" Германии Карпатская Украина, входившая в состав Чехословакии, была передана Германией Венгрии.

358 Статья была опубликована в качестве редакционной в майском номере журнала "Slave" за 1939 г.

359 Речь идет о железнодорожном крушении в Мексике в марте 1939 г.

360 В бюллетене "Fourth International" (1946, август) статья опубликована под заголовком "Национализируемая промышленность и рабочее управление".

361 В статье пропуск. Очевидно, пропущено слово "которые".

362 "Juin 36" - французская левая газета. Выходила в течение короткого времени в конце 30-х годов.

363 "La lutte ouvrière" ("Рабочая борьба") - газета бельгийской секции IV Интернационала.

364 Имеется в виду публикуемая ниже статья (с.)

365 Sret nationale (Национальная безопасность) - дирекция полиции министерства внутренних дел Франции. С 1966 г. называется Национальная полиция.

366 Имеется в виду резолюция X съезда РКП(б) (март 1921 г.) о единстве партии, защищавшая в ней фракции и оппозиционные группировки.

367 "Masses" ("Массы") - французский журнал левого направления. Выходил в течение короткого времени во второй половине 30-х годов.

368 Номер пропущен.

369 Имеется в виду Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ).

370 См.: Троцкий Л. Наши политические задачи. - Женева, 1904.

371 Во избежание недоразумений отметим: масонство в разных странах в разные периоды играло разную психологическую роль. Но мы имеем в виду современную Францию с ее гниющим капитализмом и гниющей демократией:

современное французское масонство выполняет насквозь реакционную функцию. - Примеч. автора.

372 Мимеограф (ротатор) - аппарат для размножения машинописного или рукописного текста небольшим тиражом.

373 На самом деле масонство возникло в начале XVIII в. в Великобритании.

374 Герен Даниэль - французский сторонник Троцкого. В 1939 г., будучи членом Рабочей и крестьянской социалистической партии, возглавляемой М.Пивером, обратился к Троцкому с критическим письмом. Ответ Троцкого "Центризм и IV Интернационал" был опубликован в "Бюллетене оппозиции". - 1939. - No 75-76. - С. 12-17.

375 Формоза - японское наименование острова Тайвань.

376 Для Индии опыт китайской революции 1925 - 1927 гг. имеет самое непосредственное значение. От всей души рекомендую индусским революционерам прекрасную книгу Гарольда Ойзакса "Трагедия Китая". - Примеч. автора.

377 Имеется в виду партия Индийский национальный конгресс, основанная в 1885 г. Эта партия от лояльной оппозиции британскому колониальному режиму перешла в 20-х годах XX в. к активной борьбе за независимость. После завоевания независимости (1947) до 1977 г. стояла у власти. Остается одной из основных политических сил страны по настоящее время.

378 Jean Malaquais. Les Javanais. - Editions Denoel. - Paris (фр.) - Жан Малакэ. Явайцы. Роман. Издательство "Деноэль", Париж.

379 По воспоминаниям очевидцев, в период своего пребывания в советских властных структурах Троцкий читал французские романы и на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б), когда его не интересовали обсуждавшиеся вопросы.

380 Метеки - в древней Греции рабы, отпущенные на волю. Были лично свободными, но не имели политических прав.

381 Не ясно, у кого путаница: у Троцкого или автора романа, но в английском языке спряжения глаголов не существует (есть правильные и неправильные глаголы).

382 Моран Поль (1888-1976) - французский писатель и дипломат, автор многочисленных романов и путевых очерков.

383 Томбукту (Тимбукту) - город в Мали, на реке Нигер. В XIII-XV вв. Был экономическим и культурным центром государства Мали, в XV-XVI вв. государства Сонгаи. В 1591 г. завоеван марроканцами, в 1893 г. - французами.

384 Предисловие подготовлено к изданию на украинском языке книги Троцкого "Украинский вопрос", выпущенной в Париже в 1939 г. на французском языке. Украинское издание опубликовать не удалось.

385 Имеется в виду нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., означавшее начало второй мировой войны.

386 Имеется в виду заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении. Об одновременном подписании дополнительного секретного протокола о разделе Восточной Европы Троцкий, разумеется, не имел

понятия.

387 Очевидно, речь идет о докладе В.М.Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. о ратификации советско-германского договора о ненападении.

388 Закон о нейтралитете США был принят в 1935 г. Он предусматривал полное запрещение продажи всех видов оружия, а также других форм поставок оружия любым воюющим странам.

389 Буш Ноэл (1906 - ?) - американский журналист, сотрудник журнала "Life" ("Жизнь").

390 Речь идет о статье Троцкого "Сталин", опубликованной в американском журнале "Life" 2 октября 1939 г.

391 Письмо Ленина Сталину о разрыве личных взаимоотношений в связи с грубостью Сталина по отношению к Н.К.Крупской см.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С. 606-607.

392 Об этом эпизоде впервые написал Троцкий в очерке "Сверх-Борджиа в Кремле" (январь 1939 г.). По воспоминаниям Троцкого, в феврале 1923 г. Сталин на встрече членов Политбюро ЦК РКП(б) (участвовали Сталин, Троцкий, Зиновьев и Каменев) сообщил, что Ленин попросил передать ему яд. Далее этого разговора дело не пошло, но Троцкий дает понять, что Сталин и без решения политбюро мог способствовать самоубийству или организовать убийство Ленина (Троцкий Л. Портреты революционеров. - Venson, Vermont, 1988. - Составитель Ю.Фельштинский. - С. 92-106).

393 Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1872-1941) - врач-терапевт, профессор Московского университета с 1911 г. До 1917 г. был членом партии кадетов, затем отошел от политической деятельности. В 1932-1937 гг. директор Научно-исследовательского института функциональной диагностики и экспериментальной терапии. В 1937 г. арестован. На судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока" в марте 1938 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения. Скончался в тюрьме.

394 Казаков Игнатий Николаевич (1870-1938) - врач, профессор. Был арестован в 1937 г. и на судебном фарсе по делу "правотроцкистского блока" обвинен в убийстве советских руководителей. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

395 Вторая статья Троцкого о Сталине, датированная 13 октября 1939 г., в журнале "Life" опубликована не была. Она была обнародована лишь в наше время под названием "Сверх-Борджиа в Кремле" (см. примеч. 392).

396 L.T[rotsky] to Malamuth. October 14, 1939 (англ.) - Л.Т[роцкий] Маламуту, 14 октября 1939 г.

397 Речь идет о статье Троцкого "Сверх-Борджиа в Кремле". Письмо Маламуту по поводу этой статьи от 17 ноября 1939 г. см.: Троцкий Л. Портреты революционеров. - С. 109-111.

398 Речь идет о книге: The Plot Against the Soviet Union and World Peace. - Moscow, 1938 ("Заговор против Советского Союза и всеобщего мира"), изданной под редакцией Б.Н.Пономарева, в то время сотрудника аппарата

генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г.Димитрова.

399 Императивный мандат - поручение организации своему делегату голосовать строго определенным образом.

400 Черные сотни (черносотенцы) - члены погромно-монархических организаций "Союз русского народа", "Союз Михаила Архангела" и других в 1905-1917 гг. Они организовывали вооруженные отряды (иногда под названием "черные сотни") для борьбы против рабочего движения и организации погромов еврейского населения.

401 Комиссия Дайеса - комиссия Палаты представителей Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности.. Председателем комиссии был Дайес Мартин (1901-1972) - член Палаты представителей от штата Техас. Комиссия была создана в 1939 г. ? В 1974 г. была переименована в комиссию по внутренней безопасности.

402 Речь идет об оппозиции в Социалистической рабочей партии США во главе с М.Шахтманом, М.Аберном и другими, которая выступила за отказ от лозунга защиты СССР в условиях, когда Советский Союз соучаствовал в агрессии гитлеровской Германии в Европе в 1940 г. Шахтман и его сторонники порвали с СРП и образовали Рабочую партию.

403 Речь идет о статье "Мелкобуржуазная оппозиция в Социалистической рабочей партии Соединенных Штатов", опубликованной в "Бюллетене оппозиции". - 1940. - 82-83. - С. 12-22.

404 Осенью 1939 г. правительство СССР предъявило Финляндии ряд требований, близких к тем, которые были приняты в конце сентября - начале октября Литвой, Латвией и Эстонией. Помимо предоставления военных баз и других требований СССР требовал уступки ему Карельского перешейка с г. Виипури. 26 ноября правительство Финляндии отвергло эти требования. 30 ноября СССР начал агрессию против Финляндии. "Зимняя война" продолжалась до марта 1940 г. 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций за агрессивные действия. Согласно условиям мирного договора, подписанного в Москве, Финляндия передала СССР Карельский перешеек с г. Виипури (Выборгом), а также военную базу на острове Ханко.

405 Имеется в виду "The Socialist Appeal".

406 Columbia University, Bakhmetiev Archive, Ch.Malamuth Collection.

407 Речь идет о главах книги Троцкого "Сталин".

408 Бернам (точнее Бернхам) Джеймс (1903-1981) - американский сторонник Троцкого, один из лидеров Социалистической рабочей партии. Профессор философии. В 1940 г. порвал с партией вместе с другими членами группы Шахтмана. После второй мировой войны активно и доказательно разоблачал тоталитаризм в СССР. Автор ряда исследовательских трудов. Широко известна его работа "The Managerial Revolution" ("Номенклатурная революция"), выдержавшая ряд изданий. Бернхам был одним из редакторов правого журнала "The National Review"

409 Имеется в виду упоминавшаяся выше статья Троцкого "Мелкобуржуазная оппозиция в Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов".

410 Логика Аристотеля - формальная логика, основанная на силлогистике - учении о дедукции, в котором рассматриваются утверждения в форме силлогизмов - двух посылок, из которых следует заключение.

411 Логика Гегеля - диалектическая логика, основанная на разработанном Гегелем учении о противоречии как внутреннем источнике развития, восхождения от абстрактного к конкретному в форме триады, снятия или отрицания отрицания (тезис, антитезис, синтез противоположностей).

412 Силлогизм - рассуждение, в котором две посылки объединяются общим термином, обеспечивающим "замыкание" в заключении.

413 Евангелие Святого Иоанна - одно из канонических (внесенных в состав Нового Завета) Евангелий - раннехристианских сочинений о "земной жизни" Иисуса Христа (известны также новозаветные Евангелия от Марка, Матфея и Луки).

414 Речь идет о журнале "The Forth International".

415 Неокантианство - течение в философии второй половины XIX - начала XX в. Сторонники течения пытались возродить философию И.Канта, развивая и дополняя ее своими выводами. Неокантианцы отказались от кантовской "вещи в себе", ввели представление об априорном (внеопытном) характере знания.

416 Утилитаризм - философский принцип оценки явления с точки зрения его полезности. Получил наибольшее распространение в Великобритании в XIX в.

417 Струве Петр Бернгардович (1870-1944) - русский экономист, философ, историк. Теоретик "легального марксизма", затем один из лидеров кадетов. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал.

418 Булгаков Сергей Николаевич (1871-1944) - русский экономист и философ. В начале своей научной деятельности марксист, затем теолог, теоретик богословия. С 1923 г. в эмиграции. Жил в Париже.

419 Категорический императив - центральное понятие этики И.Канта, формальные правила поведения людей независимо от происхождения, положения, обстоятельств. Категорический императив требует всегда поступать в соответствии с принципом, который мог бы стать всеобщим нравственным законом.

420 "Национальное правительство" Великобритании было образовано 27 октября 1931 г. под председательством Рамзея Макдоналда. В него вошли отколовшиеся от традиционных партий группы национал-лейбористов, национал-либералов и национал-консерваторов. В 1935 г. после парламентских выборов было образовано коалиционное правительство во главе с консерватором Стенли Болдуином.

421 "Экономизм" - течение в российской социал-демократии конца XIX - начала XX в. "Экономисты" считали политическую борьбу делом либеральной буржуазии и призывали рабочее движение сосредоточить свои усилия на экономической борьбе. Издавали газету "Рабочая мысль" и журнал "Рабочее дело".

422 Аберн Мартин (1898-1949) - американский коммунист. Был исключен из компартии за сочувствие объединенной оппозиции в ВКП(б). Один из основателей

организации американских сторонников Троцкого, один из лидеров Социалистической рабочей партии. В 1940 г. вместе с М.Шахтманом порвал с ней и участвовал в основании Рабочей партии.

423 Речь идет о брошюре Бернхама, Шахтмана, Аберна и других авторов (1939), в которой они выступили с критикой курса Д.Кеннона в руководстве Социалистической рабочей партии США, доказывая, что СССР не является более рабочим государством, что в его защиту выступать не следует.

424 Бюффон Жорж Луи Леклерк (1797-1788) - французский естествоиспытатель. Автор "Естественной истории" в 36 томах (1749-1788). Высказывал представления о развитии земного шара, едином строении органического мира, изменчивости видов под влиянием условий среды.

425 Лайонс Юджин (1898 - ?) - американский журналист. Работал в СССР в 30-е годы. Автор книги "Assignment in Utopia" ("Предназначение утопии") (1937).

426 "Harper's Magazine" ("Журнал Харпера") - американский литературно-художественный и публицистический журнал. Выходит с 1847 г. по настоящее время.

427 "Modern Monthly" ("Современный ежемесячник") - американский левый публицистический журнал. Издавался В.Ф.Калвертоном в 1923-1940 гг. Затем был преобразован в "Modern Quarterly" ("Современный ежеквартальник").

428 "Common Sense" ("Здравый смысл") - американский либеральный ежемесячник. Выходил в 1932-1946 гг.

429 Абсентизм - неучастие. Обычно имеется в виду уклонение избирателей от участия в голосовании.

430 Речь идет о вступлении советских войск в Литву, Латвию и Эстонию летом 1940 г. СССР предъявил прибалтийским странам ультиматум с требованиями отставки правительств, предания суду ряда должностных лиц и размещения в этих странах неограниченных контингентов советских войск. 15 июня советские войска оккупировали страны Балтии. Одновременно в Ковно, Риге и Таллинне местными коммунистами были спровоцированы беспорядки, которые были объявлены "народными революциями". По команде из Москвы были проведены сфальсифицированные выборы в парламенты, которые привели к власти коммунистов. 21 июля эти парламенты обратились с просьбой о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. "Просьбы" были удовлетворены и в составе СССР появились три новые союзные республики.

431 Бронкс - район Нью-Йорка. Является в основном жилым районом с небольшим числом промышленных предприятий.

432 Троцкий имеет в виду Еврейскую социалистическую рабочую партию Польши.

433 Польская социалистическая партия (ППС) была основана в 1893 г. В 1906 г. раскололась на ППС-революционную фракцию и ППС-левицу. В 1919 г. была восстановлена единая ППС.

434 Гельсингфорс - шведское название города Хельсинки.

435 Речь идет о сообщении, опубликованном в советской прессе 1 декабря

1939 г., на следующий день после начала советской агрессии против Финляндии, о том, что в местечке Териоки, на территории Финляндии, якобы образовано правительство Демократической Финляндской Республики во главе с Отто Куусиненом. Была опубликована программа марионеточного правительства (если оно вообще существовало), но после того, как советские войска встретили на территории Финляндии непредусмотренное упорное сопротивление, это "правительство" в прессе более не упоминалось.

436 Маннергейм Карл Густав (1867-1951) - финский военный и государственный деятель. Фельдмаршал (1933). Служил в российской армии до 1917 г. Затем генерал финской армии. В 1944-1946 гг. президент Финляндии.

437 Спектор Морис (1898-1968) - деятель канадского коммунистического движения, один из основателей компартии. С 20-х годов жил в США. Был одним из лидеров Социалистической рабочей партии. Порвал с ней в 1939 г.

438 Имеется в виду упомянутая выше статья Л.Д.Троцкого "Мелкобуржуазная оппозиция в Рабочей социалистической партии Соединенных Штатов" или же его статья "От царапины - к опасности гангрены" (Бюллетень оппозиции. - 1940. - No 82-83. - С. 22-32).

439 Форд Джеймс - деятель компартии США. Был кандидатом партии на пост вице-президента в 1932, 1936 и 1940 гг.

440 В октябре 1939 г. комиссия по расследованию антиамериканской деятельности Палаты представителей Конгресса США (комиссия Дайеса) пригласила Троцкого выступить на заседаниях комиссии в качестве свидетеля. Троцкий принял предложение. В том же месяце член Политического комитета Социалистической рабочей партии США Джеймс Бернхам выступил с заявлением, в котором призвал Троцкого отказаться от сотрудничества с этой комиссией и обратился к руководству своей партии с предложением о публичной критике этой акции Троцкого. Политический комитет, однако, поддержал Троцкого на том основании, что его выступление будет иметь пропагандистскую ценность. Выступление не состоялось.

441 Имеется в виду Палата представителей - низшая палата Конгресса США, избираемая по пропорциональному признаку.

442 Видимо, речь идет о книге Троцкого "La guerre imperialiste et la revolution proletarienne" (Paris, 1940).

443 Куртис и Браун - литературное агентство в Нью-Йорке.

444 Речь идет о конференции Социалистической рабочей партии США 5-9 апреля 1940 г., на которой произошел раскол. Группа М.Шахтмана покинула СРП и основала Рабочую партию.

445 "Истинный социализм" ("немецкий социализм") - социалистическое течение в Германии в 1844-1847 гг. Основные представители К.Грюн и М.Гесс. Течение идеализировало докапиталистические порядки, считало возможным приход к социализму, минуя капиталистическую стадию.

446 Уолл-стрит - улица в Нью-Йорке, где расположены фондовая биржа и правления крупнейших банков. Считается символом американской финансовой системы.

447 Белый Дом - резиденция президента США в г. Вашингтоне. Считается символом исполнительной власти США.

448 26 сентября 1939 г. правительство Э.Даладье во Франции издало декрет о запрещении компартии. Затем были изданы распоряжения о конфискации ее имущества, смещении мэров-коммунистов и роспуске муниципальных советов, в которых они составляли большинство. Часть депутатов-коммунистов была арестована, другие перешли на нелегальное положение. В январе 1940 г. был утвержден закон об исключении коммунистов из парламента. В марте 1940 г. состоялся суд над депутатами-коммунистами, которые были приговорены к пятилетнему тюремному заключению.

449 The Case of Leon Trotsky, Harper, New York, 1937; Not Guilty. Harper, New York, 1938. - Примеч. автора.

450 Имеется в виду книга В.Кривицкого "In Stalin Secret Service" ("На секретной службе Сталина"). - New York, 1939.

451 Partido de la Revolucin Mxicana (PRM) - Партия мексиканской революции - правящая партия Мексики во второй половине 30-х годов.

452 Нуньез Хосе Мануэль - начальник полиции Мексики в 1940 г.

453 24 мая 1940 г. группа коммунистических террористов под непосредственным руководством Д.А.Сикейроса и советского агента И.Р.Григулевича совершила бандитский налет на дом, в котором проживал Троцкий с семьей и помощниками. Троцкий и его жена Н.И.Седова не пострадали. Был легко ранен внук Троцкого Всеволод Волков. Налетчики захватили секретаря и охранника Троцкого Роберта Шелдона Харта, так как именно он открыл ворота знакомому ему Григулевичу и легко мог его опознать. Через некоторое время Харт был убит (его труп был обнаружен 25 июня).

454 "El National" ("Нация") - ежедневная мексиканская газета. Была близка к правительственным кругам.

455 "El Machete" ("Мачете") - газета компартии Мексики, переименованная в 1938 г. в "La Voz de Mxico" ("Голос Мексики"). Мачете - длинный нож для уборки сахарного тростника и прорубания троп в зарослях.

456 Сикейрос Давидо Альваро (1898-1974) - мексиканский живописец, коммунист. Один из создателей школы монументальной живописи. Участник гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Один из организаторов и непосредственный руководитель нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г. в соответствии с планом советских спецслужб.

457 Серрано Давидо Андонегью - мексиканский коммунист, член ЦК компартии. Участвовал в гражданской войне в Испании.

458 Пухоль А. - участник налета на дом Троцкого 24 мая 1940 г.

459 Секретарио де организасион (секретарь организации) - текст, написанный кириллицей по-испански.

460 Салазар Леандро Санчес - полковник, руководитель тайной полиции Мексики. Осуществлял общее руководство расследованием нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г. Позже написал книгу об убийстве Троцкого: "Murder in Mxico" (London, 1950).

461 Харт Роберт Шелдон (? - 1940) - американский сторонник Троцкого. В 1940 г. был его секретарем и охранником. Похищен во время налета на дом Троцкого и затем убит.

462 См. выше, с.

463 "El Universal" ("Всеобщая") - мексиканская газета. Выходит с 1848 г. по настоящее время.

464 "Excelsior" ("Совершенство") - мексиканская газета. Выходит с 1917 г. по настоящее время.

465 "La Prensa" ("Пресса") - мексиканская газета. Выходила в 1913-1957 гг.

466 Шюсслер Гертруда - жена Отто Шюслера, секретаря и охранника Троцкого. Помогала Троцкому по хозяйству в Барбизоне (Франция).

467 Заметка в измененном виде, со ссылкой на анонимного "коллегу", попала также в "Пренсу". Отмечу мимоходом, что и в ряде других случаев таинственный сталинский источник по какому-то каналу пропускал тенденциозные сведения в эту газету. Но опубликование заметки в "Пренса" не могло, разумеется, иметь и сотой доли того значения, как ее опубликование в "Насиональ". - Примеч. автора.

468 Пятый полк в Испании - полк испанской республиканской армии во время гражданской войны 1936-1939 гг., организованный и руководимый коммунистами. Использовался в основном для жестокого подавления внутренних антиправительственных выступлений.

469 Листер Энрике (1907-1995) - испанский коммунист. В 1936 г. был основателем, а затем командиром Пятого полка. В 1939 г. эмигрировал в СССР. С 1946 г. член Политбюро компартии. В 60-70-е годы вел борьбу против руководства компартии со сталинистских позиций.

470 Контрерас Карлос (настоящие фамилия и имя Видали Витторио) (1900-1983) - итальянский коммунист. Представитель Коминтерна в Испании во время гражданской войны. Один из организаторов резни левого крыла республиканцев и сторонников Троцкого.

471 Campesino (исп.) - крестьянин. Таков был псевдоним руководителя контрразведки в Пятом полку испанской правительственной армии во время гражданской войны. Настоящая фамилия неизвестна.

472 Одно слово пропущено. Имеется в виду "благоприятные".

473 Кампа Валентин (1904 -?) - заместитель генерального секретаря компартии Мексики во второй половине 30-х годов, ответственный за работу в профсоюзах. Смещен со своего поста вместе с генеральным секретарем Лаборде после неудачного покушения на жизнь Троцкого 24 мая 1940 г.

474 Правильно не Геррано, а Герро Висенте - заместитель генерального секретаря компартии Мексики во второй половине 30-х годов, ответственный за работу с крестьянством. Смещен со своих постов летом 1940 г.

475 Судя по имеющимся источникам, лицо по имени Лобато в руководство компартии Мексики не входило. Видимо, допущена ошибка.

476 Gobernacion (исп.) - правительство. Имеется в виду секретарь

министерства внутренних дел Мексики.

477 Альмазан Хуан Андреа (1891-1965) - мексиканский генерал, участник революции 1910 г. Кандидат на пост президента от правых сил в 1940 г.

477a Quid prodest? (лат.) - кому выгодно?

478 Глазман Михаил Семенович (? - 1924) - секретарь и стенограф Троцкого, когда он был наркомом по военным и морским делам. Участник оппозиции 1923 г. В 1924 г. исключен из ВКП(б). Покончил самоубийством.

479 Бутов Георгий (? - 1928) - секретарь Троцкого в качестве наркома по военным и морским делам. Был арестован за отказ подписать фальшивые обвинения против Троцкого. Скончался в результате голодовки в тюрьме.

480 Бассольс Нарсисо (1897-1959) - мексиканский юрист, профессор. Несколько раз входил в правительство. Был послом в ряден стран.

481 Mr. Jesse S. Harte, 1450 Broadway, New York City, N.Y. (англ.) - М-ру Джессу С. Харту, 1450 Бродвей, город Нью-Йорк, [штат] Нью-Йорк. Харт Д.С. - отец Роберта Харта.

482 Хансен Джозеф, Робинс Гаролд, Корнел Чарлз, Купер Джек, Шлюссер Отто, О'Рупке Уолтер - американские сторонники Троцкого, работавшие в 1940 г. его секретарями и охранниками. Робинс и Корнел остались у Троцкого после того, как они в качестве делегатов Социалистической рабочей партии США провели 1-15 июня 1940 г. дискуссию с Троцким по современным политическим и экономическим проблемам.

483 Теллез Игнацио Гарсиа (1897 - ?) - мексиканский государственный деятель. Занимал ряд правительственных постов. В 1937-1938 гг. секретарь президента, в 1938-1940 гг. секретарь правительства.

484 Речь идет о Гуверовском институте войны, революции и мира, основанном в г. Пало-Алто (Калифорния, США) Гербертом Гувером (позже президентом США) в 1919 г. При институте имеется обширный архив, включающий ряд фондов российских общественно-политических организаций и деятелей.

485 Архив Троцкого был продан Гарвардскому университету в июле 1940 г. в соответствии с договором, подписанным в Койоакане. Гарвардскому университету передавались документры, возникшие до конца 1936 г. Предусматривалось, что передаваемая переписка Троцкого не будет открыта для исследователей и публикации в течение 40 лет. После гибели Троцкого его вдова Н.И.Седова передала в Гарвардский университет документы с 1937 г. на депозитарное хранение (в 1946 г. был подписан протокол о их продаже). В 1953 г. Седова передала университету партию документов, которые ей удалось собрать после гибели мужа. В 1980 г. архив Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета был полностью открыт для исследователей.

486 Текст договора отсутствует.

487 Вийасеньор Виктор Мануэль (1904-1981) - мексиканский политический деятель. В 1936-1940 гг. директор газеты "Эль Футуро". Краткое время (1948-1949) был генеральным секретарем Народной партии. Занимал различные государственные посты.

488 Каррильо Алехандро (1908 -?) - мексиканский военный и политический

деятель, публицист. В 30-е годы директор газеты "Эль Популар".

489 "Ля сигнификацион де троцкизмo" ("Значение троцкизма") - заголовок, написанный кириллицей на испанском языке.

490 Цитаты отсутствуют.

491 Ареналь Луис - участник налета на дом Троцкого 24 мая 1940 г. Сестра Ареналья Анжелика была женой Сикейроса. Она также участвовала в налете.

492 Цитата отсутствует.

493 "Эот Перфиль де Мес" ("Профили месяца") - раздел газеты "Эль Футуро", переданный кириллицей на испанском языке.

494 Цитата отсутствует.

495 Имеется в виду художник.

496 Речь идет о разрыве Троцкого с Риверой в 1939 г. в связи с их разногласиями по вопросам профсоюзного движения, классовой природы СССР и предстоящими президентскими выборами в Мексике, а также стремлением Риверы играть более активную руководящую роль в IV Интернационале. После разрыва Троцкий покинул дом Риверы и переехал в другой дом на авенида Виена в Койоакане.

497 Цитата отсутствует.

498 Речь идет о протоколе допроса Троцкого мексиканскими полицейскими властями, ведшим следствие по делу о покушении 24 мая 1940 г. В допросе участвовал адвокат нападавших член ЦК компартии Мексики Павон Флорес.

499 "La lucha contra el trotskismo y demostenemigos del pueblo" (исп.) - "Борьба против троцкизма и других врагов народа".

500 "Fuera el imperialismo!" Esition popular (исп.) - "Долой империализм!" Народное издательство.

501 Мартинес Луис Матео - участник подготовки нападения на дом Троцкого 24 мая 1940 г., снабдивший его участников полицейской формой.

502 "La unidad a toda casta" (исп.) - "Единство во что бы то ни стало".

503 "Эль орадор популяр" (испанский текст, написанный кириллицей) - "Народный оратор".

504 Карснер Роза (1889-1968) - американская коммунистка, затем сторонница Троцкого. Гражданская жена Д.Кеннона.

505 Доббс Фаррел (1907 - ?) - американский профсоюзный деятель, во второй половине 30-х годов секретарь профсоюза швейников в г. Минеаполис. С 1940 г. секретарь Социалистической рабочей партии, с 1953 г. национальный секретарь СРП. Автор нескольких книг по истории профсоюзного движения в США и Социалистической рабочей партии.

506 Шульц Генри - американский сторонник Троцкого. Участвовал в подборе добровольцев для охраны Троцкого из числа членов Социалистической рабочей партии.

507 Как явствует из новых материалов, ворота были действительно открыты Р.Хартом, к которому с улицы обратился тайный советский агент И.Григулевич (кличка "Юзек"), являвшийся одним из главных организаторов покушения 24 мая.

Григулевич перед этим смог установить доверительные отношения с Хартом и не вызвал у него подозрений (Чернявский Г. Иосиф Григулевич. - ученый и убийца. - В кн.: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. - Харьков: Око, 2003. - С. 228-239.

508 Хефатура полиции - отделение полиции (испанское слово *jefatura*).

509 Вопрос и ответ отсутствуют.

510 Педрешаль - водохранилище в г. Мехико.

511 Цитата отсутствует.

512 Цитата отсутствует.

513 Цитата на испанском языке, написанная кириллицей. Передана с ошибками. Правильно: "Aunque cogido de nosotros esta sujeto" ("Его взяли под руки и крепко держали").

514 Цитата отсутствует.

515 Цитата отсутствует.

516 Цитата отсутствует.

517 "Ноу" ("Сегодня") - мексиканский еженедельник. Выходил в конце 30-х годов под редакцией Франсиско Заморы, основателя газеты "Эль Универсаль", участника комиссии Д.Дьюи.

518 Ecosado (исп.) - обвиняемый в суде.

519 Так в тексте. Имеется в виду "об обвиняемых".

520 См. следующий документ.

521 Aggressividad (исп.) - агрессивность.

522 Имеется в виду доклад В.М.Молотова "Внешняя политика СССР" на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г.

523 Черновик незаконченного предисловия к начатой, но оставшейся лишь только в набросках отдельных разделов биографии В.И.,Ленина.

524 Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864-1935) - сестра Ленина. Участвовала в социал-демократическом движении. В 1918-1921 гг. работала в Наркомпросе РСФСР. Участвовала в создании Института В.И.Ленина.

525 На этом текст предисловия обрывается.

526 Юнкерство - сословие крупных германских землевладельцев, пользовавшихся почти неограниченной властью в своих имениях. Цитаделью юнкерства была Восточная Пруссия. После второй мировой войны в Восточной Германии юнкерские хозяйства были конфискованы государством. В Западной Германии они преобразовались в крупнотоварные хозяйства.

527 В тексте пропуск. Имеется в виду "в опасности".

528 Георг V (1865-1936) - британский король с 1910 г.

529 Стюарты - королевская династия в Шотландии (1371-1714) и Англии (1603-1649, 1660-1714).

530 Reduit (фр.) - неполный, уменьшенный. В данном случае употребляется в смысле "ослабленная позиция", "последний редут".

531 Книга Г.В.Плеханова "Наши разногласия", написанная в 1885 г., содержала полемику с революционным народничеством.

532 В конце 1905 г. Л.Б.Красин возглавил Боевую техническую группу при

ЦК РСДРП, которая, в частности, наладила производство самодельных бомб. Созданный им запал для этих бомб был, по мнению военных специалистов, новинкой в мировой военной технике. Красин мечтал создать бомбу величиной с орех.

533 Закон 1889 г. о земских начальниках вводил в России должность земского начальника из дворян. Земский начальник контролировал деятельность органов крестьянского общественного самоуправления и являлся первой судебной инстанцией для крестьян.

534 Земская контрреформа 1890 г. состояла в создании губернских присутствий по земским делам, что значительно усилило контроль министерства внутренних дел и губернаторов над земскими учреждениями.

535 Земское положение 1864 г. (земская реформа) создавало выборные органы местного самоуправления - земства. К 1914 г. земства действовали в 43 губерниях России. Распорядительными органами были губернские и уездные земские собрания, депутаты которых (гласные) избирались по трем куриям (землевладельцев, собственников городской недвижимости и представителей сельских обществ). Исполнительными органами были губернские и уездные земские управы. Земства действовали под контролем властей. Они ведали народным образованием, здравоохранением, строительством дорог, содействовали развитию крестьянских хозяйств и кустарных промыслов. Земства были ликвидированы большевистскими властями в 1918 г.

536 Николай Палкин (Николай I) (1796-1855) - российский император с 1825 г. Преследовал свободомыслие, выступал как "жандарм Европы", разгромил Польское восстание 1830-1831 гг. и революцию в Венгрии 1848-1849 гг.

537 Имеется в виду дело о подготовке покушения 1 марта 1887 г. на Александра III. Покушение готовилось "Террористической фракцией" "Народной Воли". В подготовке участвовал брат В.И.Ленина Александр Ульянов, приговоренный к смертной казни и повешенный в Шлиссельбургской крепости.

538 Древние стоики - сторонники стоицизма - направления в философии (Зенон, Клеандр и другие в Древней Греции, Сенека, Эпикур, Марк Аврелий в Древнем Риме). Стоики проповедовали учение о мире как живом организме, пронизанном творческим первоначалом. Стоицизм уравнивал всех людей перед лицом "мирового закона".

539 Бруснев Михаил Иванович (1864-1937) - российский социал-демократ, инженер. В 1889-1892 гг. руководил марксистской группой в Петербурге. С 1907 г. не участвовал в политической деятельности.

540 Мицкевич Сергей Иванович (1869-1944) - российский социал-демократ с 1891 г. Врач. В 1924-1934 гг. директор Музея Революции СССР. Автор апологетических работ по истории российского революционного движения.

541 "Народная Воля" - революционная подпольная организация, основанная в 1879 г. Ставила цели уничтожения самодержавия, созыва Учредительного Собрания, введения демократических свобод, передачи земли крестьянам. Лидерами были А.И.Желябов, А.Д.Михайлов, С.Л.Перовская и др. Печатный орган "Народная воля" (1879-1885). Организация прекратила существование в

результате массовых репрессий после убийства царя Александра II в 1881 г.

542 Тихомиров Лев Александрович (1852-1923) - российский революционер--народник. Редактор ряда народнических изданий. С 1882 г. председатель Исполкома "Народной Воли" за границей. Позже отошел от политической деятельности. В 1888 г. возвратился в Россию и был помилован. Стал монархистом.

543 Надсон Семен Яковлевич (1862-1888 - русский поэт. Автор лирических и гражданских стихотворений.

544 Григорович Дмитрий Васильевич (1829-1899) -русский писатель. Автор повестей и романов антикрепостнического содержания, насыщенных богатым этнографическим материалом.

545 Цитируемое письмо см.: Чехов А.П. Соч. - Т. 14. М., 1949. - С. 33.
Письмо датировано 5 февраля 1888 г.

546 Мышкин Ипполит Николаевич (1848-1885) - российский революционный народник. В 1875 г. пытался освободить Н.Г.Чернышевского из сибирской ссылки. Выступил со смелой речью на судебном процессе 193-х в 1878 г. Был приговорен к 10 годам каторги. В 1884 г. переведен в Шлиссельбургскую крепость. Расстрелян за протест против тюремного режима.

547 Процесс 193-х 18 октября 1877 - 23 января 1878 г. в Петербурге - политический процесс над революционными народниками - участниками "хождения в народ" (было арестовано около 4 тыс. человек). 28 подсудимых были приговорены к каторге, 90 оправданы (из них 80 сосланы в административном порядке), остальные приговорены к ссылке.

548 Реформа 1861 г. - отмена крепостного права в России. Она была проведена на основе "Положения 19 февраля 1861 г." Реформа предоставляла крестьянам личную свободу, свои наделы крестьяне должны были выкупать. До выкупа крестьяне назывались временнообязанными и продолжали нести оброк или барщину. Реформа создала условия для развития капитализма, но сохранила ряд феодальных пережитков.

549 См.: Marx K., Engels F. Werke. - Bd. 16. - Berlin, 1968. - S. 408.

550 Даниельсон Николай Францевич (псевдоним Н. -он) (1844-1918) - русский экономист. Перевел на русский язык "Капитал" К.Маркса. Автор трудов по экономике крестьянского хозяйства.

551 Лавристы - сторонники взглядов Лаврова Петра Лавровича (1823-1900) - русского философа и социолога, одного из идеологов народничества. С 1870 г. Лавров находился в эмиграции. В 1873-1876 гг. он издавал журнал "Вперед!", в 1883-1886 гг. - журнал "Вестник `Народной Воли"."

552 Qui pro quo (лат.) - оценка по заслугам, "око за око".

553 Гакстхаузен Август (1792-1866) - прусский чиновник, экономист. В 1843 г. путешествовал по России. Его труд об основах русского аграрного строя и крестьянской общине оказал влияние на русскую общественную мысль XIX в.

554 "Земля и Воля" - революционная народническая организация, основанная в Петербурге в 1876 г. Руководители М.А.Натансон, А.Д.Михайлов,

А.Д.Оболенцев, Г.В.Плеханов и др. Организация ставила задачи подготовки крестьянской революции, национализации земли, замены государства федерацией общин. Основные направления деятельности: поселения "в народе", пропаганда. Издавала газету "Земля и воля". В 1879 г. раскололась на "Народную Волю" и "Черный Передел".

555 "Черный Передел" - революционная народническая организация в 1879-1882 гг. Руководители Г.В.Плеханов, Л.Г.Дейч, В.И.Засулич и др. С 1880 г. лидеры находились в эмиграции. В 1883 г. они основали марксистскую группу "Освобождение труда".

556 Халтурин Степан Николаевич (1856-1882) - российский революционер. Организатор "Северного союза русских рабочих". С 1881 г. член Исполкома "Народной Воли". По приговору суда повешен в Одессе за участие в убийстве военного прокурора В.С.Стрельникова.

557 Шелгунов Василий Андреевич (1867-1939) - российский революционер, участник социал-демократического движения с 1886 г. После Октябрьского переворота 1917 г., хотя он и был членом большевистской партии, в политической жизни не участвовал.

558 Моисеенко Петр Анисимович (1852-1923) - русский революционер, член "Северного союза русских рабочих". Организатор Морозовской стачки 1885 г.

559 Шелгунов Никола́й Васи́льевич (1824-1891) - русский публицист, литературный критик, революционер. Сотрудник, а затем редактор журнала "Дело". Автор нескольких революционных прокламаций 60-х годов XIX в.

560 Успенский Глеб Иванович (1843-1902) - русский писатель революционно-народнического направления. Автор повестей и рассказов о жизни городской бедноты и развитии капиталистических отношений в деревне.

561 Федосеев Николай Евграфович (1871-1898) - русский марксист. Организатор социал-демократических кружков в Поволжье. Умер в ссылке.

562 "Русские ведомости" - газета, выходившая в 1863-1918 гг. Являлась органом либеральной интеллигенции, пропагандировала экономические и политические реформы. С 1905 г. издавалась кадетами. Была закрыта большевистскими властями.

563 Красин Герман Борисович (1871 - ?) - младший брат Л.Б.Красина, участник социал-демократического движения в России в конце XIX в., инженер.

564 Невзорова (по мужу Кржижановская) Зинаида Павловна (1869-1948) - жена Г.М.Кржижановского. Участница революционного движения в России. С 1918 г. работала в Наркомпрооесе РСФСР, затем в Академии коммунистического воспитания.

565 Бернс Джон (1858-1943) - деятель британского рабочего движения. Один из руководителей лондонской стачки докеров (1889). В 1892 г. избран в парламент. В 1905-1914 гг. министр местного самоуправления, в 1914 г. министр торговли.

566 Исключительный закон против социалистов в Германии действовал в 1878-1890 гг. Были распущены социалистические рабочие организации, подвергалась преследованиям социал-демократическая печать. Закон не был

продлен рейстагом в условиях подъема стачечного движения и роста числа голосов за социал-демократических кандидатов на выборах в рейхстаг.

567 Имеются в виду неурожай и голод 1891-1892 гг., которые привели к высокой смертности и крестьянским бунтам во многих губерниях. Правительство вынуждено было сократить налоги и выкупные платежи, взимаемые с крестьян.

568 Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630-1671) - руководитель крестьянской войны 1670-1671 гг., донской казак. В ходе войны проявил себя способным военачальником. Был выдан казацкими старшинами правительству. Казнен в Москве.

569 Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742-1775) - руководитель крестьянской войны 1773-1775 гг., донской казак. Поднял восстание яицких казаков, проявив военные и организаторские способности. В 1774 г. выдан властям заговорщиками. Казнен в Москве.

570 Меннониты - протестантская секта в Германии, США, Канаде, Нидерландах. Основана в 30-40-х годах XIX в. Меннониты проповедовали смирение, отказ от насилия, веру во "второе пришествие" Христа.

571 "Русское богатство" - ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Выходил в Москве в 1876-1918 гг. С 1880 г. издавался писателями народнического направления. С середины 90-х годов был центром либерального народничества. Был закрыт большевистскими властями.

572 Михайловский Николай Константинович (1842-1904) - русский социолог, народник. В конце 70-х годов был близок к "Народной Воле". Позже активно выступал с критикой марксизма.

573 "Вестник Европы" - ежемесячный литературно-политический и научный журнал. Выходил в 1866-1918 гг. Носил либеральный характер. Был закрыт большевистскими властями.

574 "Русская мысль" - ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Выходил в 1880-1919 гг. Проповедовал славянофильские взгляды. Со второй половины 80-х годов носил умеренно-либеральный характер. После 1905 г. издавался кадетами. Был закрыт большевистскими властями.

575 Долгов Николай - народник-террорист, участник организации "Народная расправа" С.Г.Нечаева.

576 Нечаев Сергей Геннадиевич (1847-1882) - участник российского революционного движения. Организатор тайного общества "Народная расправа". Автор "Катехизиса революционера", оправдывавшего любые, самые отвратительные методы деятельности. Применял мистификации и провокации. Сущность "нечаевского дела" состояла в том, что в 1869 г. он убил по подозрению в предательстве студента И.И.Иванова и скрылся за границу. В 1872 г. был выдан швейцарскими властями России. В 1873 г. приговорен к 20 годам каторги. Умер в заключении.

577 Ковальский Иван Мартынович (1850-1878) - российский народник. Участвовал в "хождении в народ", был организатором революционного кружка в Одессе. В 1878 г. при попытке ареста вместе с другими членами кружка оказал властям сопротивление. По приговору суда был расстрелян в Одессе.

578 Елизаров Марк Тимофеевич (1863-1919) - социал-демократ с 1897 г. В 1917-1918 гг. являлся наркомом путей сообщения РСФСР, в 1918 г. главный комиссар по делам страхования. Муж сестры Ленина А.И.Елизаровой-Ульяновой.

579 Клеменц Дмитрий Александрович (1848-1914) - русский народник. Один из организаторов "хождения в народ". В 1881 г. был сослан в Сибирь. В ссылке вел исследовательскую работу в области археологии и этнографии.

580 Лалаянц Исаак Христофорович (1870-1933) - российский социал-демократ с 1888 г. Член ЦК РСДРП в 1905-1906 гг. С 1914 г. отошел от партийной работы. С 1922 г. служил в Наркомпросе РСФСР.

581 Кржижановский Глеб Максимилианович (1872-1959) - советский государственный деятель, академик (1929). Социал-демократ с 1893 г. Один из участников Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". В 1920 г. председатель Комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО). Позже был председателем Госплана РСФСР. С 1930 г. руководитель Энергетического института Академии Наук СССР.

582 *A posteriori* (лат.) - результат, основанный на наблюдении и опыте.

583 *La mort saisit le vit* (фр. - Мертвый хватает живого).

584 Скляренко Адександр Павлович (1870-1916) - российский социал-демократ с 1893 г. Участник кружка Ленина в Самаре и революции 1905-1907 гг.

585 Водовозов Василий Васильевич (1864-1933) - российский публицист, юрист и экономист. Автор работ по социально-экономической и политической истории. В 1926 г. эмигрировал.

586 Делянов Иван Давидович (1818-1897) - граф, российский государственный деятель. С 1882 г. министр просвещения. Проводил контрреформы, в частности связанные с усилением церковного влияния в школе, а также с ограничением допуска в гимназии детей представителей низших сословий.

587 Публичная библиотека в Петербурге - старейшая российская общедоступная библиотечка. Основана в 1795 г., открыта в 1814 г. Является крупнейшим собранием русских книг и периодики XIX в. Носит имя М.Е.Салтыкова-Щедрина.

588 Ульянова Ольга Ильинична (1872-1891) - младшая сестра Ленина. В 1891 г. была студенткой Бестужевских высших женских курсов в Петербурге. Умерла от брюшного тифа.

589 Явейн Л.Ю. - профессор Петербургского технологического института. Не будучи марксистом, интересовался работами Маркса и Энгельса. Был лично знаком с Энгельсом.

590 Книга Энгельса "Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом" (1878) содержала критику взглядов немецкого философа и эономиста Дюринга и изложение основ марксистского учения.

591 Ульянов Илья Николаевич (1831-1886) - отец Ленина. Инспектор (с 1869), директор (с 1874) народных училищ.

592 Яснева (точнее Голубева-Яснева) Мария Петровна (1861-1936) -

участница революционного движения в России. Народница, затем социал-демократка (с 1901 г.). После Октябрьского переворота 1917 г. работала в Петроградской ЧК, в 1920-1928 гг. в ЦК РКП(б) - ВКП(б).

593 Книга Энгельса "Положение рабочего класса в Англии: По собственным наблюдениям и достоверным источникам" (1845) содержала анализ промышленного переворота в Англии, формирования промышленного пролетариата, содержала вывод о непримиримости интересов рабочих и капиталистов.

594 Система Тейлора - система организации производства с целью максимального повышения производительности труда. Была предложена американским инженером Ф.У.Тейлором (1856-1915).

595 Сергеевич Василий Иванович (1832-1910) - русский юрист, профессор Московского (с 1871) и Петербургского (с 1872) университетов. Автор трудов по истории права.

596 Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) - советский востоковед. Член Петербургской академии наук (1900), затем советский академик. Один из основателей российской индологической школы. Автор трудов по фольклору, этнографии, искусству.

597 Марат Жан Поль (1743-1793) - один из руководителей якобинцев во время Французской революции 1789-1799 гг. Издавал газету "Друг народа", в которой разоблачал контрреволюцию. Был убит Шарлоттой Корде, являвшейся сторонницей монархистов.

598 Чигорин Михаил Иванович (1850-1908) - русский шахматист. Чемпион России (1899-1906). Автор ряда трудов по теории шахмат.

599 Credo (лат.) - верую. Имеет два значения: символ веры (в католической церкви) и убеждения, взгляды, основы мировоззрения.

600 Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868-1944) - участник российского революционного движения с 1898 г. Один из организаторов и руководителей Истпарта (1921-1924). В 1925-1927 гг. председатель ЦК Международной организации помощи революционерам. С 1927 г. директор Исторического музея, затем директор Музея революции СССР.

601 Адоратский Владимир Викторович (1878-1945) - советский историк, академик (1932). В 1931-1939 гг. директор Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Автор догматических трудов по истории марксизма.

602 Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) был образован в 1931 г. путем объединения Института Маркса и Энгельса с Институтом Ленина. В 1953-1956 гг. носил название Института Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. С 1956 г. назывался Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ликвидирован в 1991 г.

603 Ульянов Дмитрий Ильич (1874-1943) - врач, младший брат Ленина. Участвовал в российском социал-демократическом движении. С 1921 г. работал в Наркомздраве РСФСР, в 1925-1930 гг. в Коммунистическом университете им. Свердлова. Затем был на научно-организационной работе.

604 Воронцов Василци Павлович (псевдоним В.В.) (1847-1918) - российский экономист, социолог и публицист, один из идеологов народничества в 80-90-х

годах XIX в. Критиковал взгляды марксистов, полемизировал с Плехановым и Лениным.

605 Пресняков Александр Евгеньевич (1870-1929) - российский историк. Автор трудов по истории древнего российского государства и права, землевладения на русском Севере, политической истории и истории рабочего движения в XIX в.

606 Международный социалистический конгресс в Париже в 1889 г. был учредительным конгрессом II Интернационала.

607 В заметке "Несколько слов о Н.Е.Федосееве" сказано: "Вскоре после этого (ареста Федосеева в 1889 г.) марксизм как направление стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, ранее провозглашенному в Западной Европе группой "Освобождение труда" (Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 45. - С. 324).

608 Гурвич И.А. (1860-1924) - русский народник, экономист. В 1880 г. был арестован и в 1881 г. сослан в Сибирь. В ссылке провел исследование переселения крестьян. В 1889 г. эмигрировал в США. Участвовал в профсоюзном движении. В 1892 г. издал книгу "Экономическое положение русской деревни".

609 См.: Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 3. - С. 13-636.

610 Постников Владимир Ефимович (1844-1908) - русский экономист-статистик. В сочинении "Южнорусское крестьянское хозяйство" (1891) исследовал процесс разложения крестьянства.

611 Имеется в виду работа "Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни". - Ленин В.И. Соч. - Изд. 5-е. - Т. 1. - С. 1-66.

612 На этом рукопись обрывается.

Указатель имен

Аббиаг Р.

Абеленда О.К.

Аберн М.

Авксентьев Н.Д.

Агелофф Р.

Агелофф С.

Адоратский В.Н.

Айзекс Г.

Аксельрод П.Б.

Александрова В.

Алснис Я.Е.

Аллен Г.Д.

Альмазан Х.А.

Альфонтс XIII

Андерсен Г.Х.
Андонегги Д.С.
Антонов-Овсеенко В.А.
Апенес О.
Ареналь А.
Ареналь Л.
Арефьев
Аристотель
Аркомед
Атль - см. Мурильо Г.
Барбюс А.
Бармин А.Г.
Бассольс Н.
Бебель А.
Бенавидес О.Р.
Бентам И.
Бердяев Н.А.
Бернс Д.
Бюрнхам Д.
Бернштейн Э.
Беседовский Г.З.
Бессонов С.А.
Блок Х.
Блюмкин Я.Г.
Боатель Х.
Борджиа
Брандлер Г.
Браудер Э.
Бретон А.
Британ И.
Броквей Ф.
Брош
Брун
Бруснев М.И.
Булгаков С.Н.
Бурбоны
Бутов Г.
Бухарин Н.И.
Буш Н.
Бэйли П.
Бюффон Ж.Л.Л.
Вальтер
Вальхер Я.
Ван - см. Хейженоорт Ж.

Вандербильт К.
Вандербильты
Ванцетти Б.
Ванцлер Д.
Варгас Ж.Д.
Васкес В.
Васкес М.Х.
Васконселос Х.
Вебер С.
Венас Л.Г.
Вейль С.
Вендели де
Вареекен Ж.
Вийасеньор В.М.
Виктор-Иммануил
Виллареаль
Вильгельм II
Вильсон В.
Водовозов В.В.
Волков В.
Волф В.
Вольф Э.
Воронцов В.П.
Ворошилов К.Е.
Вышинский А.Я.
Гекстхаузен А.
Галисиа Л.
Галифакс Э.Ф.В.
Гамарник Я.Б.
Ганди М.К.
Гансен
Гарсиа О.
Гегель Г.Ф.В.
Гед Ж.
Геккер А.И.
Гелд В.
Генлейн К.
Георг V
Герен Д.
Геринг Герман
Геринг Губерт
Герро (Герреро) В.
Герцен А.И.
Гесс М.

Гесс Р.
Гидальго А.
Гитлер А.
Глазман М.С.
Голдман А.
Гольдштейн М.Л.
Гольцман Е.С.
Горький М.
Госсе
Гоц А.Р.
Грассе
Григорьев
Григорович Д.В.
Григулевич И.Р.
Грилевич А.
Грин У.
Громан В.Г.
Грюн К.
Гувер Г.
Гугенхейм М.
Гугенхеймы
Гурвич И.А.
Гусев
Давидсон
Дайес М.
Даладье Э.
Дан Ф.И.
Даниельсон Н.Ф.
Дарвин Ч.
Дейч Л.Г.
Делянов И.Д.
Дени Г.
Дерябин П.
Джекобс С. см. Вебер С.
Джексон Р.
Джексон Э.
Джеффнерсон Т.
Димитров Г.
Дмитрий Павлович
Доббс Ф.
Долгов Н.
Дорио Ж.
Дрейфус А.
Дробнис Я.Н.

Дуглас Л.
Дунаевская Р.
Дунне В.Р.
Дуррути Д.Б.В.
Дьюи Д.
Дюкло Ж.
Дюранти У.
Ежов Н.И.
Елизаров М.Т.
Елизарова-Ульянова М.И.
Енко К.
Енко Т.
Енукидзе А.С.
Ериколов В.
Ефрон С.
Жакмотт Ж.
Желябов А.И.
Жид А.
Жирмунский
Жорес Ж.
Жуо Л.
Замора Ф.
Засулич В.И.
Зборовский М.
Зенон
Зиновьев Г.Е.
Зогу А.
Зобмарт В.
Иванов И.И.
Икес Г.
Имам
Иремашвили И.
Истмен М.
Кабальеро А.
Кабрера Л.
Каган А.
Казаков И.Н.
Казанова Д.Д.
Казас
Казим-Бек
Калиостро А.
Кало Ф.
Камачо А.
Каменев Л.Б.

Каменев С.С.
Камиль см. Клемент Р.
Каммингс Г.
Кампа В.
Кампезино
Кампо Л.Д. дель
Кант И.
Каплер А.Я.
Карденас Л.
Карильо А.
Карснер Р.
Каутский К.
Кашен М.
Кеннон Д.
Керенский А.Ф.
Керзон Л.А.
Кирчвей Ф.
Кларт
Клаузевиц К.
Клеандр
Клемансо Ж.
Клемент Р.
Клеменц Д.А.
Ковальский И.М.
Компанис
Коноэ Ф.
Контрерас К. см. Видали В.
Корнел Ч.
Кортес Э.
Кофлин Ч.
Кр.
Красин Г.Б.
Красин Л.Б.
Крестинский Н.И.
Кржижановский Г.М.
Кривицкий В.Г.
Кромвель О.
Крупская Н.К.
Куйбышев В.В.
Купер Д.
Куусинен О.В.
Лаборде Х.
Лавров П.Л. ?
Лайонс Э. (Ю?)

Ллалаянц И.Х.
Лассаль Ф.
Лафарг П.
Лафоллет С.
Левин Л.Г.
Лесуаль (Лезуаль?) Л.
Лейбовиси
Ленин В.И.
Леон Г.
Лепешинский П.Н.
Либкнехт К.
Ливанов
Линколн А.
Листер Э.
Литвинов М.М.
Ллойд-Джордж Д.
Лобато
Ловстон Д.
Лойола И.
Ломбардо Толедано В.
Лопес Р.И. см. Меркадер Р.
Лундберг Ф.
Льюис Д.
Людвиг Э.
Людвиг см. Порецкий И.М.
Люксембург Р.
Макдоналд Д.
Макс
Максимилиан
Макстон
Майский И.М.
Малакэ Ж.
Маламуд Ч.
Маленков Г.М.
Маннергейм К.Г.
Маннинг У.
Мануильский Д.З.
Маран Ж.П.
Марк Аврелий
Маркс Ж.
Маркс К.
Мартиньи Ш.
Мартен Ж. см. Молинье Ж.
Мартинес Л.М.

Мартов Ю.О.
Маслов А.
Масте А.Д.
Махно Н.И.
Меллоны
Менделеев Д.И.
Мендес Л.
Меринг Ф.
Меркадер К.
Меркадер Р.
Мерсье
Мерфи Ф.
Метаксас И.
Мехи Ф.Г.
Мехлис Л.Г.
Мечников И.И.
Миллер Е.К.
Милликен Р.
Милюков П.Н.
Михайлов А.Д.
Михайловский Н.К.
Мицкевич С.И.
Моисеенко П.А.
Молинье А.
Молинье Ж.
Молинье Р.
Молотов В.М.
Молчанов Г.А.
Монатт П.
Монтань А.
Моран П.
Морганы
Моруа А.
Мрачковский С.В.
Муни Т.
Мурильо Г.
Муссолини Б.
Мухика Ф.
Мышкин И.Н.
Мэттис
Навилль Д.
Надсон С.Я.
Нанжо С.
Натансон М.А.

Невзорова З.П.
Негрин Х.
Нерон
Нечаев С.Г.
Николаевский Б.И.
Николай I
Николай II
Нин А.
Новак Д.
Норкин
Носке Г.
Нуньез Х.М.
Ньютон И.
Оболенцев А.Д.
О'Брайен Ж.
Олер
Оливер Г.
Ольденбург С.Ф.
Орджоникидзе Г.К.
Ороско Х.К.
Ортиз С.
О'Рурке У.
Паульсен см. Эстрин Л.
Перовская С.Л.
Пивер М.
Питт У.
Плевицкая Н.
Плетнев Д.Д.
Плеханов Г.В.
Познанский И.
Пономарев Б.Н.
Порецкая Е.
Порецкий И.М.
Поррас Э.П.
Постников В.Е.
Потресов А.Е.
Пресняков А.Е.
Прието И.
Про
Прудон А.Ж.
Пугачев Е.И.
Пунтервольд М.
Пуришкевич В.М.
Пухоль А.

Пятаков Г.Л.
Пятигоррский
Радек К.Б.
Разин С.Т.
Раковский Х.Г.
Рамирес
Рамирес-и-Рамирес Е.
Распутин Г.Е.
Райсс см. Порецкий И.М.
Ривера Д.
Рид Д.
Ридер
Рикардо Д.
Ричард I
Робинс Г.
Робинсон Г.Л.
Робинсон Э.
Родригес А.
Рокфеллер Д.
Рокфеллеры
Роллан Р.
Ромм В.
Ромм М.И.
Росмер А.
Росмер М.
Росс Э.
Ротшильд М.А.
Ротшильды
Руге А.
Рудзут
Рузвельт Г.
Рузвельт Ф.Д.
Рус Ж.
Руссо Ж.Ж.
Рыков А.И.
Рюле О.
Сакко Н.
Салазар Л.С.
Сальгадо А.Г.
Самойлов
Сантос Ф.
Седильо С.
Седов Л.Л.
Седов С.Л.

Седова Н.И.
Семенов
Сенека
Сергиевич В.И.
Серж В.
Сермукс Н.
Серрано Д.А.
Сикейрос Д.А.
Симков
Скляренко А.П.
Ситрин У.
Скоблин
Слуцкий А.А.
Смиренский Д.
Смирнов И.Н.
Смит А.
Снивлит Г.
Силоневичи
Солнцев Ю.
Спектор М.
Спигел Р. см. Дунаевская Р.
Ставиский С.
Сталин И.В.
Сташевский А.К.
Стецкий А.И.
Столберг Б.
Струве П.Б.
Стэнли Ш.
Стюарты
Суварин Б.
Сунь Ятсен
Суханов Н.Н.
Тальгеймер
Таров А.
Тейлор Ф.У.
Теллез И.Г.
Тельман Э.
Тимошкин
Тихомиров Л.А.
Токвиль А.
Толстой А.Н.
Толстой Л.Н.
Томас В.
Торез М.

Торре Айа де ла
Трайнин И.П.
Тревильо Р.Г.
Треска К.
Трояновский А.А.
Тухачевский М.Н.
Ульянов А.И.
Ульянов Д.И.
Ульянов И.Н.
Ульянова О.И.
Ульяновы
Уоллес Г.Э.
Уншлихт И.С.
Успенский Г.И.
Устрик А.
Федосеев Н.Е.
Фейхтвангер Л.
Фельштинский Ю.Г.
Филд А.
Фишер Л.
Флорес П.
Форд Г.
Форд Д.
Форды
Фосса М.
Франкель Я.
Франко Ф.
Фрейлиграт Ф.
Фридман М.
Фуенте Ф. де да
Халтурин С.Н.
Хансен Д.
Харт Д.С.
Харт Р.Ш.
Хейг Ф.
Хейженоорт Ж.
Хернандес Н.С.
Херст У.
Хрущев Н.С.
Хуарес
Хук С.
Цветаева М.И.
Церетели И.Г.
Цилига А.

Чан Кайши
Чемберлен Д.
Чемберлен Н.
Чербинич
Чернов В.И.
Чергышевский Н.Г.
Чернявский Г.И.
Чехов А.П.
Чигорин М.И.
Шахтман М.
Шверник Н.М.
Шейдеман Ф.
Шекспир У.
Шелгунов В.Н.
Шелгунов Н.В.
Шмераль Б.
Шнайдер Р.
Шнейдер
Шпильбах Г.
Шуц Г.
Шумяцкий Б.З.
Шюсслер Г.
Шюсслер О.
Эберт Ф.
Эйтингон Н.
Эйфель Р.
Эллер
Эльза см. Порецкая Е.
Энгельс Ф.
Эпикур
Эпп Ф.К.
Эррио Э.
Эстрин Л.
Этли К.
Этьен см. Зборовский М.
Юренев К.К.
Юсупов Ф.Ф.
Явейн Л.Ю.
Ягода Г.Г.
Якубович
Яснева М.П.
Vagley Т.Н.
Varbusse Н. см. Барбюс А.
Campesino см. Кампезино

Ciliga A. см. Цилига А.
Daladier E. см. Даладье Э.
Deriabin P. см. Дерябин П.
Hart J.S. см. Харт Д.С.
Isaaks H.R. см. Айзекс Г.
Kirchway F. см. Кирчвей Ф.
MacDonald D. см. Макдоналд Д.
Malamuth Ch. см. Маламут Ч.
Malaquais J. см. Малакэ Ж.
Pomper Ph.
Poretsky E. см. Порецкая Е.
Vareeken G. см. Вареекен Ж.

Указатель географических названий

Абиссиния
Австрия
Алакаевка
Алжир
Америка
Америка Латинская
Амстердам
Англия см. Великобритания
Антильские острова
Атлантический океан
Африка Экваториальная
Балтия
Барбадос
Барбизон
Барселона
Батуми
Белоруссия
Белоруссия Западная
Бельгия
Берлин
Биробиджан
Богемия см. Чехия

Болгария
Большие Антильские острова
Бразилия
Брюссель
Бухара
Буэнос-Айрес
Варшава
Великобритания
Венгрия
Вест-Индия
Виипури см. Выборг
Виргинские острова
Волга
Выборг
Гаити
Гвадалахара
Гельсингфорс см. Хельсинки
Германия
Греция Древняя
Дальний Восток
Детройт
Джерси Сити
Европа
Европа Западная
Екатеринбург
Женева
Ивановская область
Ивер
Индия
Индо-Америка см. Латинская Америка
Индокитай
Иран
Испания
Италия
Казань
Калифорния
Канзас
Карельский перешеек
Кельн
Киль
Китай
Койоакан
Константинополь
Корсика

Кронштадт
Куба
Латвия
Ленинград
Литва
Литовско-Белорусская ССР
Лондон
Мали
Малые Антильские острова
Мексика
Мексико
Мичоакан
Монако
Морелия
Москва
Наветренные острова
Нанко
Нигер
Нижний Новгород
Новая Зеландия
Новая Испания см. Мексика
Норвегия
Нью-Джерси
Нью-Йорк
Осло
Остин
Пало-Алто
Парагвай
Париж
Паскаро
Перу
Петербург см. Ленинград
Поволжье
Подветренные острова
Польша
Прага
Прибалтика см. Балтия
Принкипо
Пруссия Восточная
Пуэрто-Рико
Реймс
Рим Древний
Россия
Саарская область

Сайгон
Самара
Сардиния
Сен-Дени
Сибирь
Симбирск
Симбирская губерния
Сицилия
Словакия
Советский Союз см. СССР
Сонгаи
Средняя Азия
СССР
Судетская область
Судеты см. Судетская область
США
Сызрань
Тайвань
Таксако
Териоки
Тимбукту
Тифлис
Тобаго
Тобольск
Токио
Тринидад
Трир
Турция
Украина
Украина Западная
Украина Карпатская
Урал
Финляндия
Формоза см. Тайвань
Франция
Хайдарабад
Хикилпан
Царицын
Чехия
Чехословакия
Швейцария
Эстония
Югославия
Якутск

Ямайка

Япония

New York см. Нью-Йорк

St. Denis см. Сен-Дени